

АЛЬФРЕД БРЕМ

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

Москва

2004

А. Брэм. Жизнь животных. М., 2004. Знаменитый ученый, создатель Берлинского аквариума и директор Гамбургского зоопарка, побывал в Европе, Африке, Западной Сибири и других удивительных уголках мира. Записи, сделанные во время этих путешествий, легли в основу многотомной «Жизни животных». Тексты сопровождаются оригинальными гравюрами из немецких изданий. Всего более 2000 иллюстраций.

Написанные в интересной и доступной форме, истории бытования и выживания отдельных видов животных быстро завоевали популярность как в Германии, так и в других странах. В России книги Брема неоднократно переиздавались как в виде единого труда, так и отдельными томами, на них выросло не одно поколение.

Общий взгляд на жизнь животных

Основатель классической зоологии и наиболее значительный представитель ее в классической древности, Аристотель, разделял известных ему животных на группы: группу живородящих четвероногих, которая соответствует современной группе млекопитающих, за исключением китообразных; группу птиц; группу четвероногих, кладущих яйца; группу пресмыкающихся и земноводных; группу китообразных и рыб. К этим пяти группам животных, «имеющих кровь», в которой мы без труда узнаем позвоночных современной зоологии, он прибавляет четыре группы животных, «лишенных крови». Аристотель не устанавливает двух главных групп, что было совершено в начале нашего столетия Ламарком, который противопоставил друг другу «позвоночных» и «беспозвоночных». Но, конечно, выделенные Аристотелем группы животных, «лишенных крови» соответствуют, беспозвоночным. Эти группы следующие: мягкотелые, к которым он причислял лишь головоногих; мягкоскорлупые, соответствующие ракообразным; насекомые, к которым причислялись также пауки, многоножки и черви; безногие скорлуповатые, именно: одно- и двустворчатые моллюски и морские ежи.

Лишь в XVIII столетии данная Аристотелем группировка животных была значительно улучшена Карлом Линнеем*, который, проводя точную и определенную научную терминологию, в первый раз разделил все животное царство на последовательные группы высшего и низшего значения и, что было особенно важно, ввел для важнейшей из этих групп — вида — двойное обозначение. Из видов слагаются роды, из родов — семейства, из семейств — отряды; наконец, отряды соединяются в классы. Линней различал шесть классов: млекопитающие, птицы, амфибии, рыбы, насекомые и черви.

** Шведский ученый Карл Линней жил в XVIII в. и создал первую упорядоченную научную систему живого мира, которая лежит в основе всех современных систем. Книга Брема написана во второй половине XIX в.*

Начиная с Жоржа Кювье, мы постепенно пришли к нынешним главным отделам животного царства. Кювье, опираясь на свои необыкновенные познания относительно внутреннего строения животных, разделил царство животных на основании особенностей нервной системы и относительного положения главных органов на четыре типа, отличающихся между собой «планом строения». Он различал позвоночных, мягкотелых, суставчатых и лучистых животных. Преемники Кювье, исправляя и улучшая его классификацию путем разделения и соединения групп, входящих в состав четырех типов Кювье, пришли к установлению большего числа высших групп животного царства, которых соответственно новейшим воззрениям называют стволами животного царства. Мы будем различать девять групп животного царства*: позвоночные, оболочники, моллюски, моллюскообразные, суставчатоногие черви иглокожие, кишечнополостные и простейшие.

** Число важнейших групп животного царства (их называют типами) постоянно увеличивается, по мере того как ученые глубже познают особенности строения и происхождения различных организмов. Некоторые группы животных были описаны в результате сенсационных находок, например в глубоководных океанических желобах (об их существовании Брем и его современники знать не могли). Истинные родственные связи других были обнаружены в результате исследования эмбриональных стадий развития. Всего в современной системе животного мира признается существование около двадцати самостоятельных типов.*

Начнем с беглого взгляда на общие признаки так называемых позвоночных животных**.

*** Современное название типа хордовые Chordata. Хорда (спинная струна) соединительнотканый тяж, характерна для всех представителей типа, по крайней мере — на личиночной стадии. Вполне сформированный позвоночник же есть далеко не у всех.*

Все позвоночные отличаются прежде всего внутренним хрящевым или костяным осевым скелетом, на спинной стороне которого залегает главная масса нервной системы; органы пищеварения и дыхания, сердце, мочевые и половые органы лежат на брюшной стороне осевого скелета. По направлению этого осевого скелета на теле позвоночных животных замечается расчленение на ряд последовательных частей. Кроме того, органы расположены таким образом, что все тело распадается на две симметричные половины; симметрия эта, однако, часто нарушается. Ни у одного позвоночного число парных конечностей не превышает четырех, однако не у всех позвоночных достигается или сохраняется это число. Кровь позвоночных, обращающаяся в замкнутой сети сосудов, за исключением бесцветной крови ланцетника, красного цвета, зависящего от кровяных телец, плавающих в жидкой части крови. Органы дыхания все равно, состоят они из жабр или легких, всегда связаны с передним отделом кишечника.

Среди позвоночных мы будем, согласно господствующим воззрениям, различать пять классов: млекопитающих птиц, пресмыкающихся, земноводных и рыб.

Прежде казалось, что млекопитающие образуют наиболее резко ограниченный класс позвоночных животных. В настоящее время едва ли можно высказать о них такое мнение. Еще недавно смотрели на обладание молочными железами, служащими для первого питания детенышей, как на самый важный и отсутствующий у всех остальных животных признак млекопитающих. Однако, по Гегенбауеру, молочные железы однопроходных выделяют не настоящее молоко, а потообразную питательную жидкость. Тщательные исследования обнаружили, что у однопроходных эти железы представляют измененные потовые, а не сальные железы, как у остальных млекопитающих. Отличительным признаком млекопитающих могло бы служить наличие у них настоящих волос, однако волосы есть не у всех млекопитающих.

Теплая кровь, кроме млекопитающих, свойственна так же и птицам; то же относится и к легким, как исключительному органу дыхания. Двойной суставный бугорок на затылочной кости кроме млекопитающих есть также и у земноводных. Даже рождение живых детенышей встречается не у всех млекопитающих, так как однопроходные кладут яйца с твердой пергаментобразной скорлупой, и у ехидны эти яйца довольно долгое время насиживаются в кожной сумке. Напротив, полная грудобрюшная преграда, отделяющая грудную полость от брюшной, представляет действительно отличительный признак млекопитающих.

Череп у всех млекопитающих отделен от позвоночного столба и состоит из костей, которые соединены между собой довольно однообразно; верхняя челюсть сращена с черепом и находящиеся в ней и в нижней челюсти зубы, как ни различны они по строению и расположению, всегда сидят в отдельных ячейках. Шея образуется по большей части семью позвонками; длина шеи от числа позвонков не зависит, семь позвонков и у жирафа, и у кролика. Поэтому в противоположность птицам шея млекопитающих является построенной совершенно однообразно; у птиц же вместе с длиной шеи значительно увеличивается и число позвонков. Грудная часть позвоночного столба образована из 10-24 позвонков, поясничная — из 2-9, крестцовая — из 1-9 и хвост — из 4-46. Ребра и зачаточные ребра встречаются, правда, и на других позвонках, однако обыкновенно под ребрами подразумевают только сидящие на грудных позвонках плоские и изогнутые кости, которые соединяются с грудной костью или прямо, или посредством хрящей, и таким образом ограничивают грудную полость. Число их точно соответствует числу грудных позвонков; но число истинных ребер, достигающих грудной кости, по отношению к числу так называемых ложных ребер, которые соединены с грудной костью посредством хрящей, подлежит многим колебаниям.

Конечности млекопитающих обнаруживают величайшие различия уже на скелете — так, задняя пара у некоторых китообразных отсутствует вовсе или по крайней мере до такой степени недоразвита, что представляет собой лишь незначительные остатки. Также и на передних конечностях, особенно плечевой пояс и кисть обнаруживают существенные отклонения; ключица может быть очень сильной или вовсе отсутствовать; число пальцев изменяется от пяти до одного, смотря по тому, рука ли это, лапа, копыто или лапа. Развитие костей ног не менее разнообразно.

Скелет млекопитающих приводится в движение мускулами или мышцами. Эти мускулы, которые мы в обыденной жизни называем мясом, прикреплены к костям и передвигают их в различных направлениях. Я не хочу обременять читателей подробными описаниями их строения, сюда, строго говоря, не относящимися. Ограничусь замечанием, что мускулы стоят в полном согласии с особенностями скелета и образом жизни животного, а эти особенности, по крайней мере отчасти, тесно связаны с внешним видом животного. Вследствие этого у одного животного какой-то мускул отсутствует, у другого он особенно развит. Например, у кита нет настоящих шейных мускулов, а у обезьян они почти так же развиты, как у человека. Те млекопитающие, которые лазают, копают, порхают или хватают, обладают сильными грудными мускулами для сгибания рук; те, которые бегают, имеют сильные мускулы бедра и голени; те, которые пользуются хвостом, как пятой конечностью, имеют сильные хвостовые мускулы; лицевые мускулы весьма сильно развиты у всех хищников. Одним словом, каждое животное представляет соответствующее его образу жизни строение мышц.

По-разному устроены внутренние части тела млекопитающих. Органы пищеварения, как ни сходны они между собой в общем, довольно разнообразны в своих частностях. Рот всегда снабжен мясистыми губами*, обладающими тонко развитым осязанием.

** Предполагают, что мягкие губы развились в связи с питанием материнским молоком.*

Высшей степени развития зубы достигают лишь у млекопитающих и имеют решающее значение для их образа жизни, а также и для их научной классификации и определения. Строение зу-

бов всегда находится в полном соответствии с родом пищи животного. За ртом следует пищевод, который никогда не представляет зобообразного расширения, как у птиц. Желудок, в который переходит пищевод, — это более или менее тонкостенный мешок, простой или имеющий до трех перегородок. Совершенно своеобразно устроен он у тех животных, которые после пастьбы еще раз пережевывают пищу во время отдыха и лишь тогда отправляют ее в ту часть, где она переваривается, минуя первые отделы желудка, служащие для ее сохранения. Об относящихся к кишечнику железах, каковыми являются печень, слюнные железы, поджелудочная железа и почки, здесь не место распространяться; достаточно упомянуть, что только у млекопитающих моча отдельно изливается наружу и что в окружности заднепроходного отверстия часто встречаются железы, выделяющие своеобразные, обыкновенно сильно пахучие или даже вонючие вещества.

Сосуды мало отклоняются от общего типа: сердце и кровеносные сосуды у всех млекопитающих устроены почти одинаково, хотя и здесь замечаются колебания. Сердце имеет два желудочка и два предсердия; артерии отличаются упругими стенками, вены снабжены клапанами; всасывающие (лимфатические) сосуды во многих местах соединяются между собой и открываются одним главным протоком в большую полую вену.

Грудная полость замкнута грудобрюшной перегородкой; легкие свободно висят в ней и не связаны с особыми воздушными мешками. Дыхательное горло** разделяется на две ветви и имеет одну гортань, которая находится в его верхней части и образована у разных видов из различного числа хрящей.

* * *В научной литературе называется трахеей, а ветви — бронхами.*

В связи с гортанью находятся у некоторых млекопитающих своеобразные голосовые мешки. Голосовых связок нет только у китов.

Мозг и нервы имеют различное строение; мозг полностью наполняет полость черепа, но эта полость часто бывает очень мала, и масса мозга в таком случае крайне незначительна*. Ни у какого другого млекопитающего головной мозг в такой степени не преобладает над спинным, как у человека, и ни у кого большой мозг не развит так, как у него. В этом проявляется превосходство человека над всеми остальными животными. У некоторых низших млекопитающих большой мозг гладок и лишен бороздок; у многих высших он, напротив, достигает необыкновенного развития и имеет в таком случае известные своеобразные извилины.

* *В последнее время показано, что для сохранения одинакового «интеллектуального уровня» при увеличении размеров тела размер мозга увеличивается пропорционально площади поверхности тела, а не его объему, как полагали раньше; однако и при этом пропорция не вполне строгая.*

Органы чувств представляют большое сходство в своем строении; лишь у китов встречаются отклонения от общего типа. Носовые раковины по величине и протяжению стоят в соответствии с развитием чувства обоняния; их очень сложная нижняя часть, однако, не связана в такой степени с обонянием, как верхняя, на которой разветвляется обонятельный нерв. У всех млекопитающих, кроме китов, ноздри окружены костями и хрящами, которые обуславливают форму конца морды. У китов ноздри сливаются в одно отверстие; у них есть еще, правда, нос, но, без всякого сомнения, с очень несовершенным обонянием.

Органы слуха у млекопитающих по большей части совершенны; ухо имеет три полукружных канала и у земных животных — часто очень большую улитку. Зрение не до такой степени преобладает над другими чувствами, как у птиц; всегда парные глаза относительно малы и не обладают внутренней произвольной подвижностью, как глаза птиц. Мигательная перепонка почти у всех сильно недоразвита; веки развиты, часто с ресницами; зрачок круглый или вытянутый вертикально, а иногда продольно. У некоторых млекопитающих, например у слепого крота, глаза покрыты наружной кожей. Мускулы, двигающие глазное яблоко, сложнее и многочисленнее, чем у человека. Вкус гораздо совершеннее, чем у птиц, как можно заключить по мясистому, богатому нервами языку. Язык в высшей степени разнообразен по форме, строению и подвижности; может быть широким и плоским, малоподвижным или длинным и узким, даже червеобразным и вытяжным; иногда со складками по сторонам, иногда усажен роговыми шипами, как язык льва и всех кошек вообще. Под языком иногда находится небольшой придаточный язык.

Кожа млекопитающих чаще всего покрыта волосами, между которыми следует различать ость и подшерсток, шерсть и щетину, однако в качестве покрова тела встречаются чешуи и иглы, роговые щиты и накожные наросты; некоторые места тела покрыты голой кожей. Вообще покровы в высшей степени разнообразны, хотя все они должны рассматриваться лишь как различные формы одного и того же вещества. Такое же разнообразие обнаруживается и в роговых наростах на кон-

цах пальцев, которые бывают плоскими и тонкими, округленными и толстыми, прямыми или согнутыми, тупыми или острыми и, смотря по своей форме, называются ногтями, когтями или копытами.

Этих общих замечаний достаточно для нашего поверхностного рассмотрения тела млекопитающих. Тот, кто хочет подробнее ознакомиться с этим, найдет достаточно руководств и учебников, которые могут в понятной форме дать ему больше сведений. Наша цель заключается в том, чтобы познакомить читателя с деятельностью тела и души животных, с жизнью всего животного мира, и эту цель мы будем прежде всего иметь в виду.

Жизнь всех членов этого класса дает нам богатый материал для поучения и развлечения*.

** Вполне возможно, что Брем, будучи сторонником эволюционной теории, активно укорежнявшейся в то время в научном мышлении, сознательно вводит в коллективный портрет млекопитающих черты, характерные для городского обывателя того времени и, таким образом, роднящие их с человеком.*

Млекопитающие не так беззаботны, как птицы: они гораздо осмотрительнее и тяжеловеснее, чем пернатые обитатели поднебесья. Им недостает веселой живости и неистощимой жизнерадостности птиц; зато они обнаруживают известную склонность к комфорту и к жажде материальных наслаждений. Но по способности к движению не могут сравняться с птицами. Лишь немногие из млекопитающих любят бесцельные движения взад и вперед ради удовольствия, которые так свойственны птицам. Они имеют более серьезный нрав и избегают бесполезного растрачивания сил. Лишь в детстве и в то время, когда всемогущая любовь снова делает их похожими на детей, они бывают склонны к веселой игре и вполне предаются удовольствию движения. Иное видим мы у птиц. Здесь двигаться — значит жить, и жить — значит двигаться. Птица всегда неспокойна и готова превращать ночь в день, чтобы дать полное удовлетворение своей бесконечной живости. Ее маленькое сердце бьется быстрее, ее кровь скорее движется по сосудам, ее члены кажутся более гибкими и стройными, чем у млекопитающих. Большинство млекопитающих лишь тогда чувствуют себя вполне счастливыми, когда улягутся по возможности удобнее и могут предаться, если не сну, то по крайней мере полудремоте. Лежащая на спине собака, спящая на мягкой подушке кошка и особенно пережевывающий жвачку бык могут служить наглядными примерами моих слов. Подобное «сладкое бездействие» с открытыми глазами встречается между птицами разве что у наевшихся до одурения грифов.

Нельзя, конечно, сказать, что способность к движению у млекопитающих незначительна: они ходят, бегают, прыгают, лазают, летают, плавают и ныряют. Но значительная масса тела, тяжеловесность налагает оковы и быстрота их всегда менее значительна, чем у жителей воздуха. Даже наземные птицы, страус или казуар состязаются в беге с быстроногим конем или проворной антилопой. Если же млекопитающие пытаются подражать пернатым в движении, то беспомощность их тогда особенно ясно выказывается: летучая мышь есть лишь карикатура на птицу.

Млекопитающие ходят на двух или на четырех ногах. Один только человек обладает прямоходящим туловищем. Ни одна обезьяна не ходит, держась прямо, как человек; кенгуру, которые перемещаются исключительно с помощью задних ног, не ходят, а прыгают, то есть передвигаются одновременным движением обеих задних ног, и тушканчики, которые передвигают ноги поочередно, не ходят прямо. Все остальные земные животные ходят на четырех ногах и при этом передвигают одновременно или почти одновременно правую переднюю и левую заднюю ногу и наоборот. Исключение составляют слон, бегемот, верблюд, жираф и некоторые антилопы: они попеременно передвигают то обе левые, то обе правые ноги. К подобному роду ходьбы, иноходи, могут быть приучены воспитанием и наши домашние однокопытные. Быстрота движения животных так различна, что общая оценка кажется здесь невыполнимой; притом она измерена точно лишь у лошади. На свободной, ровной дороге самые быстрые скаковые лошади делают по нескольку километров со средней скоростью около 15 м в секунду. Подобная быстрота редко встречается у млекопитающих на свободе. Но как незначительна эта быстрота в сравнении с быстротой полета птиц! Даже медленная ворона могла бы состязаться с беговой лошадей, почтовый голубь скоро обгоняет ее, так как при коротких полетах перемещается за то же время на расстояние в полтора раза больше. Старые голуби гамбургского общества почтовых голубей «Курьер» пролетали от Парижа до Гамбурга за 13,5 часа, в одну секунду по 15,4 метра! расстояние от Франкфурта-на-Одере до Гамбурга за 4,25 часа, по 22,13 метра в секунду! от Лемферде до Гамбурга за 2 часа 38 минут 40 секунд, 22,36 метра в секунду! А если благородный сокол приведет в движение свои мощные, неутомимые крылья для серьезной охоты или стриж — для любовных хороводов, то как ничтожна покажется тогда быстрота благородного коня и даже движение локомотивов, быстрота которых достигает не более 30 метров в

секунду, в действительности же некоторые из быстрееших поездов проходят на свободном пути лишь от 23 до 29 метров в секунду!

Прыганье млекопитающих происходит весьма различным образом. Все звери, которые передвигаются прыжками, как, например, кенгуру и тушканчики, сообщают своему телу движение вперед быстрым вытягиванием согнутых задних конечностей и делают прыжки вместо шагов. Те, которые прыгают, лишь когда нападают или желают преодолеть препятствие, отталкиваются от земли сильным движением всех четырех ног, хотя при этом главная роль все-таки выпадает на долю задних ног. Хвост определяет и регулирует направление прыжка; поэтому почти у всех прыгунов этот орган хорошо развит, у обезьяны так же, как у тушканчика, у кошки, как у кенгуру. В исключительных случаях, например у некоторых обезьян, роль руля играют вместо хвоста задние конечности. Сила прыжка очень значительна. Обезьяна может достать прыжком ветвь, находящуюся на 5 метров выше ее; некоторые виды могут делать еще большие прыжки. Белка безопасно прыгает вниз с высоты в 20 и более метров; олень перескакивает через стену в 2,5 метра высотой, лев может перепрыгнуть через стену в 3 метра; серна — через расщелину такой же ширины; антилопа подпрыгивает вверх на высоту, вероятно, около 2 метров. Прыганье кенгуру почти так же быстро, как бег собаки, тушканчика никогда не догонит бегущий человек.

Замечательно и разнообразно лазание млекопитающих. Мы встречаем между теми, вся жизнь которых протекает на деревьях, отличных акробатов и фигляров. Не только четыре ноги, руки или лапы, но так же и хвост, играют при этом деятельную роль. Хвост принимает на себя своеобразную роль, он служит органом прикрепления и привешивания тела. Все обезьяны Старого Света лазают, хватаясь за скалы, сучья и ветви четырьмя руками, причем передние конечности сгибаются, а задние выпрямляются, но движение это возможно и в обратном виде. Совершенно иначе лазают многие обезьяны Америки. Они ленивее, осторожнее и медлительнее, чем их отважные родичи в Старом Свете; поэтому и движения их другие. Конечно, они пользуются при лазании руками, но держатся на ветвях с помощью хвоста. Конец хвоста, снабженный сильными мускулами, так крепко обвивается вокруг какой-нибудь ветви или сучка, что одним этим тело достаточно укрепляется и животное получает возможность свободно пользоваться всеми четырьмя конечностями. Этот хвост протягивается вперед, чтобы найти точку опоры, по нему обезьяна вскарабкивается вверх, как по крепко привязанной веревке*.

** Интересно, что у некоторых американских обезьян на конце хвоста есть лишняя волос подушечка, напоминающая подушечки пальцев. Однако роль хвоста при лазании этих приматов Бремом явно преувеличена.*

Гораздо более неуклюже лазают ленивцы. Их ноги, правда, снабжены сильными когтями, но они употребляют их не столько для того, чтобы цепляться за кору, сколько для обхватывания ветвей и сучьев. Движение по скалам и по крутым склонам гор составляет особый вид лазания, который далеко не безопасен.

Впрочем, и в лазании птицы едва ли уступят млекопитающим. Белка, конечно, скачет вверх по стволу быстрее, чем дятел, но никоим образом не может так же ловко и изящно спускаться по стволу вниз головой, как поползень, с которым могут состязаться в этом отношении лишь ящерицы. Обезьяны, кошки, белки и некоторые куницеобразные спускаются, правда, таким же образом; но они при этом не лазают, а скользят и, начав движение, не могут удержаться на одном месте, если этому не помогут особые благоприятные обстоятельства.

Порхание млекопитающих, которое часто неправильно называли «летанием», представляет нам другой род движения, свойственный этому классу. Конечно, и в нем можно заметить некоторую грацию, как и при других движениях, но оно всегда остается только в зачатке и никогда не достигает законченности. У летяг и летучих сумчатых мы видим начало этого искусства. Они пользуются кожей, натянутой между их лапами лишь в качестве парашюта, когда хотят спрыгнуть с высоты вниз; подняться на воздух с помощью движения этой кожи они не в состоянии. Точно так же не способны на большее и маки. Одни только настоящие летучие мыши обладают способностью двигаться в воздухе с помощью летательной перепонки, которая натянута между их конечностями, и особенно между непомерно удлиненными пальцами. Это происходит так: они ударяют по воздуху растянутой летательной перепонкой и таким образом поднимаются и передвигаются вперед. Повидимому, их так называемое летание происходит очень легко. Они делают такие быстрые и крутые повороты, что только хороший стрелок может попасть в них влет, быстро проскальзывают порхающим движением на некоторое расстояние вперед, поднимаются и опускаются ловко и быстро. Хотя поверхность органа летания млекопитающего при взмахе несколько и уменьшается, но сопротивле-

ние все же остается ощутительным и снова толкает животное несколько вниз; взмах крыла вниз поднимает летучую мышь, а взмах вверх опускает ее вниз: поэтому она порхает, а не летает*.

** Следует заметить, что летательный аппарат рукокрылых, по меньшей мере, не уступает в совершенстве птичьему. Полет рукокрылых более маневрен, чем в среднем у птиц. Однако такая конструкция крыла накладывает, по-видимому, большие, чем у птиц, размерные ограничения. Поэтому, видимо, рукокрылые не достигли такого разнообразия, как птицы.*

Совершенно иное представляет собой полет птицы! Это самое совершенное и самое величественное из всех движений. И какое в нем разнообразие! Иногда полет имеет вид спокойного парения, иногда он происходит с быстротой стрелы; птица на лету то тихо колышется, то сильно качается, то играет, то незаметно скользит по воздуху; вдруг устремляется вперед по прямой линии и беззаботно порхает. Иногда полет имеет вид торопливого путешествия, иногда увеселительной прогулки; случается, что крылья с шумом пересекают воздух, бывает, что не слышно никакого звука, даже самого тихого. Для полета иногда нужны сильные удары крыльев, иногда крылья вовсе не двигаются. Птица то поднимается на высоту, о которой человек может только грезить, то приближается к воде так близко, что волны смачивают крылья пеной. Полет может быть бесконечно разнообразен, но всегда он остается своеобразным и не может быть назван иначе, как полетом. Только органы летания птиц называем мы крыльями**;

крыльями наделяет мысль художника душу, свободную от земных оков; летательная кожа летучей мыши, напротив того, присваивается дьяволу. Конечно, ночной образ жизни летучих мышей дал первый повод к вышеназванному уподоблению, но он, во всяком случае, очень характерен. Несомненна истина: только птица есть существо, свободное от земли; млекопитающее, даже с крыльями, остается привязанным к праху.

** * Как уже отмечалось, полет летучих мышей ни в коей мере не уступает полету птиц. Передние конечности летучих мышей, с помощью которых полет и осуществляется, мы с полным правом можем назвать крыльями так же, как и крылья птиц и ископаемых птерозавров.*

Многим млекопитающим дарована способность жить в воде, плавать и нырять в глубину. Лишь очень немногие млекопитающие не могут держаться на поверхности воды; сюда относятся некоторые обезьяны, например человекообразные и павианы, которые могут утонуть, упавши в воду; это я знаю из опыта. Все остальные млекопитающие тонут, по крайней мере не сразу. Мартышки плавают и ныряют превосходно, летучие мыши долго держатся на волнах; хищные, грызуны, почти все копытные плавают хорошо; один вид сумчатых живет исключительно в воде, а остальные, вероятно, тоже плавают порядочно. Но настоящими водяными млекопитающими следует считать лишь китообразных, морских коров, тюленей.

Интересно и вместе с тем поучительно рассмотреть органы движения, с помощью которых животные осуществляют плавание. Мы можем для этого взглянуть сначала на случайных пловцов. Нога, снабженная копытами, — наиболее несовершенный орган для плавания, но между копытными мы встретим отличных пловцов, а бегемот — настоящее водяное животное. Рука в этом отношении стоит выше копыта, но требует для плавания, как и для других движений, известную долю искусства. Гораздо легче движение в воде для животных, имеющих лапы. Часто встречающееся соединение пальцев между собой посредством перепонки превращает лапу в более широкое весло, и весло это тем совершеннее, чем шире кожа между пальцами. Впрочем, перепонка не является непременным условием искусного плавания, ибо водяная землеройка плавает, несомненно, так же хорошо, как и утконос, хотя у нее вместо широкой утиной ноги только пальцы, окаймленные жесткими волосками.

Тюлени стоят посередине между животными, снабженными лапами, и настоящими «рыбообразными» млекопитающими. В действительности их лапы — это уже плавники, ибо пальцы покрыты кожей, соединяющей их, и только когти остаются видными снаружи. У китов нет и этого признака; пальцы тесно и неподвижно связаны между собой посредством хрящей ткани, лишь ласт остается подвижным; задние конечности отсутствуют, а хвост расширяется горизонтально в настоящий плавник: таким образом, кит являет нечто среднее между млекопитающим и рыбой. Такие различия в форме и в расположении органов движения изменяют и способы плавания. Копытные и животные, имеющие лапы, плавая, ударяют ими вниз, как бы ходят в воде и таким образом подвигаются вперед; ластоногие и рыбообразные передвигаются, пользуясь ластами как веслами, т.е. заносят их сквозь воду тонким краем вперед и затем ударяют по воде широкой стороной или же сильно двигают хвостовым плавником в стороны, вверх и вниз, подобно тому, как лодочник передвигает свое судно по волнам одним веслом, укрепляя его на корме и делая им движение то вправо, то влево, но

всегда широкой стороной весла. Животные, имеющие лапы с плавательными перепонками, складывают их, передвигаясь вперед, и расширяют при обратном движении: они гребут, как птицы.

По наблюдениям китобоев, быстрота плавания китов может почти соперничать с быстротой бега некоторых животных; ибо раненый северный кит, по Скоресби, погружается так быстро, что если бы он мог продолжать это движение с той же скоростью, то прошел бы в час расстояние в 12 морских миль, или более 22 километров, это около 6 метров в 1 секунду. Большие киты самых различных видов проплывают, по Пехуель-Леше, расстояния в 6-10 километров, а полным ходом — 18-25 километров в час, что составляет до 7 метров в секунду. А дельфины, карлики среди китов, часто передвигаются еще быстрее, ибо они плавают стадами, весело играя и прыгая вокруг быстрого парохода.

Рефлекторные движения внутренних органов у млекопитающих медленнее, чем у птиц. Сердце бьется медленнее и обмен воздуха в легких происходит не так часто, как у птиц такой же величины. Соответственно этому и температура крови приблизительно на 2 градуса ниже. Для водяных животных эта относительная медлительность процессов дыхания и кровообращения представляет большие выгоды; она позволяет им дольше оставаться под водой, чем птицам. Раненый северный кит, по словам Скоресби, может оставаться под водой до 40 минут, прежде чем потребность в дыхании выгонит его наверх. Кашалоты, которые, по наблюдениям Пехуель-Леше, ныряют глубже других видов китообразных, остаются под водой от 20 до 40 минут, а если они испуганы или ранены гарпуном, то даже вдвое больше. Ни одна птица не может выдержать такого продолжительного пребывания под водой. По крайней мере я замечал, что чистики уже через 3 минуты после ныряния снова показывались на поверхности воды, чтобы набрать в легкие воздух. Говорят, правда, самец гаги может оставаться под водой до 7 минут; но я никогда не наблюдал этого. Во всяком случае, можно считать твердо установленным, что все птицы, которые пробыли под водой более 4 минут, поднимаются очень утомленными и мгновенно задыхаются, если их удержать под водой еще некоторое время. Пехуель-Леше говорит, что бегемоты в спокойном состоянии остаются под водой около 2-3 минут, а преследуемые или раненые — самое большое 7-8 минут. В виде справки следует сообщить, что человек может оставаться под водой не более 70 секунд*. Эти данные основываются на наблюдениях, сделанных английскими учеными над водолазами во время ловли жемчуга на Цейлоне.

** Как теперь известно, при определенной тренировке человек может находиться под водой до трех-, трех с половиной минут, уступая таким образом только тюленям и некоторым китообразным.*

Совершенно своеобразна и вместе с тем поразительна замедленность дыхания некоторых млекопитающих во время зимней спячки. Так, сурок, который, по наблюдениям Мангили, летом во время бодрствования в течение двух дней дышит 72 000 раз, а во время зимнего сна в течение шести месяцев он дышит лишь 71 000 раз и, следовательно, потребляет в это время одну девятую часть того количества воздуха, которое потребно для его жизни во время бодрствования.

Голос животного находится в тесной связи с органами дыхания. Если мы и в этом отношении станем сравнивать млекопитающих с птицами, то нам тотчас бросится в глаза незначительная сила и малое разнообразие голосов почти всех млекопитающих. Человек — единственное млекопитающее, обладающее более совершенным голосом, чем птицы; его голос стоит так высоко над головами всех птиц и других животных, что признак этот считали одним из главных при выделении человека в отдельный класс. Членораздельная речь является, конечно, необыкновенно большим преимуществом человека и в значительной мере подтверждает вышеприведенное мнение. Он один может петь лучше самых голосистых птиц и своим голосом не оскорбляет нежный слух, как большинство млекопитающих. Люди, которые резко кричат во время гнева или стрекочут как сороки во время болтовни, составляют исключение, и для характеристики этого голоса мы обыкновенно и сравниваем их с животными. Все прочие млекопитающие должны считаться созданиями, лишенными звучного голоса и способности пения, существами, чуждыми царству звуков, и очень часто даже оскорбляющими ухо человека безобразием своего голоса.

О пищеварении и отправлениях кишечного канала мы не будем много говорить. Пищеварение у млекопитающих совершается очень хорошо, но все-таки не так быстро, как у птиц, а у животных, впадающих в зимнюю спячку, может прерываться на целые месяцы.

Пока мы занимались чисто телесной деятельностью млекопитающих, мы должны были признавать, что птицы обладают во многом большими преимуществами по сравнению с млекопитающими животными. Иначе представляется дело, если станем рассматривать душевные способности животных. Органы чувств у рыб, пресмыкающихся и земноводных развиты очень ничтожно и даже у

птиц довольно ограниченно; напротив, в классе млекопитающих внешние чувства достигают самой высокой степени развития. В этом отношении они стоят гораздо выше птиц. У птиц хорошо развито только зрение, у млекопитающих — все внешние чувства. Птицы видят лучше, чем млекопитающие, так как их большой глаз благодаря внутренней подвижности отлично может приспособляться к различным расстояниям; но по развитию и деятельности других чувств они стоят далеко позади млекопитающих. У всех млекопитающих более или менее обнаруживается та всесторонность в развитии, которая в человеке достигает полного проявления, и потому млекопитающие по всей справедливости стоят во главе всего животного царства.

Осязание можно считать тем чувством, которое наименее бросается в глаза, а между тем как хорошо развито осязание у млекопитающих! Огромный кит от незначительного прикосновения к его коже немедленно ныряет; слон тотчас же замечает муху, которая садится на его толстую кожу; быку легкое царапанье между рогами причиняет чувство приятного щекотания; спящую собаку пробуждает самое тихое поглаживание. Правда, у млекопитающих осязание оказывается более слабым, чем у человека, можно сказать, по сравнению с ним они лишены этого чувства*.

** Вне всякого сомнения, чувство осязания у человека развито не сильнее, чем у других млекопитающих. Достаточно вспомнить, что некоторые звери способны охотиться в полной темноте (карликовый тушканчик) или в мутной непрозрачной воде (выхухоль), руководствуясь в основном этим чувством. Брем стоит на антропоцентрической позиции, распространенной в науке в его время, в этом и многих других случаях противопоставляя человека остальным животным.*

У человека кожа обладает таким тонким осязанием, что чувствует даже легчайшее движение воздуха. Но все-таки осязание у животных развито. Осязательная способность гораздо больше в усах; снабженные ими животные осязают почти так же хорошо, как насекомые. Наша домашняя кошка, крыса и мышь очень наглядно показывают, как полезны им усы: кажется, что они лишь обнюхивают предмет; на самом деле они его ощупывают усами, а уже потом распознают посредством обоняния. У всех ночных млекопитающих усы играют очень важную роль при ночных скитаниях, они заменяют во многих отношениях более благородные чувства — зрение и обоняние. Но какого совершенства может достигать чувство осязания знает всякий из моих читателей по своей собственной руке, достигающей высшего совершенства у художника или слепого. Рука — самый совершенный из органов осязания; она если не заменяет вполне зрение, то все-таки во многих случаях успешно играет его роль.

Чувство вкуса существует, строго говоря, в настоящем своем виде только у млекопитающих. Конечно, в слабой степени оно существует и у птиц, и у остальных позвоночных, так как один род пищи они предпочитают другому. Однако это чувство лишь у немногих птиц, например у попугаев и пластинчатоклювых, получает отдельный орган — язык, который позволяет различать вкус благодаря своей эластичности, допускающей деятельность нервов; между тем, у значительного большинства жвачных язык является настолько отверделым и недоразвитым, что совершенно не может способствовать процессу восприятия вкусовых ощущений. Иное находим мы у других млекопитающих. Здесь способность языка различать вкус замечается постоянно. Но и по отношению к вкусу человек ясно обнаруживает свое высокое развитие: довольно часто встречаются люди, которым это чувство доставляет не только приятные ощущения, но и заменяет многие душевные удовольствия, а для настоящего обжоры вся жизнь сосредоточивается в ощущении вкуса.

Чувство обоняния достигает у млекопитающих также высокой степени развития. Сравнительный обзор различных классов животных учит нас, что уже у низших животных обоняние одно из наиболее выраженных чувств: я напому лишь насекомых, которые роями слетаются на запах цветов или издали приманиваются к падали и кучам навоза, а также на большом расстоянии различают своеобразный запах своих самок. У пресмыкающихся и земноводных, напротив, обоняние так плохо, что они не в состоянии отыскать что-либо с помощью него, хотя некоторые наблюдатели и утверждают, что змеи находят своих самок с помощью этого чувства. Между птицами мы находим многих, которые обладают хорошим чутьем, хотя рассказы, будто грифы и вороны чувствуют падалю и другие пахучие вещества на расстоянии нескольких миль, вероятно, основаны на ошибочных и недостаточных наблюдениях. В этих случаях они руководятся зрением. Иначе обстоит дело у млекопитающих. Здесь много животных, у которых обоняние достигло поистине изумительного развития. Собака чутьем безошибочно различает среди тысячи человеческих следов следы своего господина, оставленные несколько часов тому назад; или следует за дичью по ее запаху, причем запах этот она отличает от сотни других. Хотя запах не может быть сильным, он происходит от газа,

выделившегося от мгновенного прикосновения сапога хозяина или ноги животного к почве. Ясно представить себе эту степень чутья собаки просто невозможно!

Также немислимо для нас то развитие обоняния, которое мы называем «верхним чутьем». Заяц чует спрятавшегося охотника, стоящего с наветренной стороны на расстоянии 30 шагов. Это не кажется нам таким удивительным, потому что даже наши носы, довольно сильно притупленные воздухом комнат и всевозможными сильными ароматами, могут различать своеобразные запахи домашних животных за 10-12 шагов, а запах кабана на более значительном расстоянии. Но каким образом северный олень чует человека даже на расстоянии 500 шагов, это непостижимо, и я не поверил бы этому, если бы не знал этого из собственного опыта. Африканский слон чует следы человека, оставленные за несколько часов в открытой местности в степи, заросшей кустарником. Нижнее и верхнее чутье для нас одинаково удивительны, потому что мы сами не можем даже приблизительно достигнуть ни той, ни другой высоты развития обоняния. Замечательно, что все животные, обладающие хорошим верхним или нижним чутьем, имеют влажные носы.

В заключение я считаю нужным привести тот факт, что благоухания, приятно щекочущие малочувствительные носы, для всех животных с тонким обонянием оказываются неприятными: собака с таким же отвращением отворачивается от одеколona, как и от сероводородного газа. Лишь животные с плохим обонянием любят сильные запахи и приходят в неистовство от них, как кошка от валерианы; животные с хорошим чутьем тщательно избегают всех газов, возбуждающих нервы, даже боятся их, так как сильные запахи причиняют им боль, что, впрочем, случается и с людьми, стоящими на низшей ступени образования, так называемыми дикарями.

Чувство слуха достигает у млекопитающих такого развития, как ни в каком другом классе животных. Самое совершенное ухо птицы всегда стоит гораздо ниже, чем ухо млекопитающего. Птицы отлично слышат, это уже вытекает из их музыкальных дарований: они развлекают и одушевляют друг друга своими прекрасными песнями, и ухо их довольно чутко ко всяким звукам. Но замечательно, что лучшие певуны обладают наименее развитым ухом, между тем, для птиц с тонким слухом, каковы, например, все совы, пение певчих птиц кажется очень неприятным. Почти то же замечается и у млекопитающих. Здесь наружное, а еще более внутреннее строение уха показывает степень совершенства слуха; но эта способность может сделаться столь тонкой, что звуки, кажущиеся благозвучными более тупым или привычным ушам, становятся для чуткого животного резкими и неприятными. У человека чувство слуха, как и чувство обоняния, развито хуже, чем у млекопитающих; но это несколько не вредит его положению среди природы: равномерное развитие всех чувств значительно возвышает его над всеми животными.

Впрочем, о действительной остроте слуха у млекопитающих нельзя сказать ничего определенного. Мы в состоянии только говорить об относительной остроте чувства, высота его развития не допускает измерения. Несомненно, очень многие млекопитающие слышат шумы, которые мы не в состоянии различать; но насколько это простирается, не знаем. Достоверно известно, что кошка и сова слышат шум, производимый бегущей мышью, но мы не в состоянии определить, на каком расстоянии они могут отличать тихие шаги от шороха ветра. Ушан слышит, вероятно, шум от полета маленьких бабочек, о движении которых мы не в состоянии составить какое-нибудь понятие с помощью слуха; степная лисица слышит, может быть, даже ползание жука по песку на порядочном расстоянии; олень улавливает шум шагов охотника на расстоянии 75, а может быть, и 150 метров, но все эти данные недостаточно определены и не дают нам основания для точного измерения.

Зрения у млекопитающих никогда не достигает такой остроты, как обоняние и слух. Относительно зрения все млекопитающие стоят ниже птиц, это я уже упоминал, но до какой степени — трудно сказать. Известно, что млекопитающие даже вблизи не скоро узнают присутствие врага, особенно, если он не движется. Можно с некоторой достоверностью сказать, что из дневных млекопитающих едва ли какое-нибудь превосходит человека по развитию глаз и остроте зрения; по крайней мере, я не знаю наблюдений, которые противоречили бы этому. Иначе у ночных животных, они обладают или очень развитыми, или недоразвитыми глазами. Настоящие хищники, бесспорно, имеют самое острое зрение; их глаза так восприимчивы к действию света, что обыкновенный дневной свет становится для многих крайне неприятным. Глаз хищного животного обладает значительной внутренней подвижностью, но подвижность эта не зависит от воли, как у птиц, а произвольна и стоит в точном соответствии с большей или меньшей яркостью света. Наша домашняя кошка ясно показывает, как действует свет на ее глаз: днем глаз так закрывается, что зрачок превращается в тонкую линию, между тем, по мере наступления темноты зрачок расширяется. Кошка подтверждает таким образом мнение, что только не особенно хорошо развитый орган может выносить более сильные раздражения. Можно считать правилом, что все млекопитающие с круглым зрачком дневные

животные или обладают днем и ночью приблизительно одинаково острым зрением, между тем как животные, зрачок которых щелеобразен, могут проявлять полную остроту зрения лишь с наступлением сумерек.

Замечательным кажется встречающееся у млекопитающих недоразвитие глаз, которое может обуславливать полную слепоту, как у слепыша. За этим исключением глаза существуют, насколько известно до сих пор, у всех млекопитающих: наш крот, которого довольно часто смешивали с его слепым собратом, обладает глазами, способными к зрению.

Глаз млекопитающих мы должны рассматривать еще с одной точки зрения: как орган, указывающий на душевное состояние животного. У низших классов он не обладает выражением и не может являться зеркалом души. Мы находим, правда, коварными глаза змеи, злобными — глаза крокодила, у некоторых птиц считаем глаза кроткими, у других строгими, серьезными, мужественными; но только, за немногими исключениями, мы вкладываем в эти выражения собственные наши впечатления. Лишь живой глаз сокола или орла говорит нам об их внутреннем мире. У млекопитающих глаза всегда имеют особое выражение. Здесь мы действительно можем говорить о «выражении лица», а в нем глаза принимают самое большое участие. Поэтому эпитеты: «тупой глаз коровы», «прекрасный глаз жирафы», «кроткий глаз газели», «преданный взгляд собаки», «глупый взор овцы» — совершенно верны, так как у всех этих животных глаза действительно служат верным зеркалом души. Душевные состояния животного выражаются глазами, они заменяют отсутствующую речь. Боль и удовольствие, огорчение и веселье, страх и легкомыслие, забота и радостное настроение, ненависть и любовь, отвращение и доброжелательность находят в глазах немого, но красноречивого выразителя: душа проявляется тут внешним образом.

От внешнего зеркала души перейдем теперь к рассмотрению душевных проявлений у животных. Нам очень трудно наблюдать душевные проявления животных, потому что при этом мы невольно приписываем им свои собственные душевные способности.

Млекопитающие обладают памятью, некоторой долей рассудительности. Они способны различать предметы, имеют представления о времени, месте, о цвете и звуках; узнают ранее виденное, наблюдают и, в известной степени, даже рассуждают. Млекопитающие пользуются приобретенным опытом; узнают опасность и придумывают средства, чтобы избежать его; у них есть симпатии и антипатии к известным лицам и предметам, замечается в сильной степени любовь к детенышам и любовь самцов и самок друг к другу, а зачастую — расположение к дружбе, ненависть к врагам и противникам. У этих животных иногда можно наблюдать проявления благодарности, верности, почтения к одним и пренебрежение к другим, радость и печаль, гнев и кротость, хитрость и понятливость. Умное животное рассчитывает, обдумывает, взвешивает, прежде чем действовать; в возбужденном состоянии оно иногда сознательно рискует свободой и жизнью. У животных этих можно подчас заметить готовность жертвовать собой для общего блага, заботу о больных, поддержку слабым. Случается, что млекопитающие делятся с голодными пищей. Они умеет преодолевать желания и страсти и учатся владеть собой, а следовательно, выказывают свободу и силу воли. Они в течение многих лет помнят прошедшее и думают о будущем, собирают и хранят запасы пищи для последующего времени. Различные эти душевные способности определяют характер животного. Млекопитающие могут быть мужественными или боязливыми, храбрыми или трусливыми, отважными или пугливыми, честными или склонными к воровству, иметь открытый или хитрый характер, могут быть прямодушными или коварными, гордыми или скромными, доверчивыми или недоверчивыми, послушными или упрямыми, услужливыми или властолюбивыми, миролюбивыми или задиристыми, веселыми или печальными, склонными к забавам или угрюмыми, общительными или необщительными, дружелюбными к другим или враждебно настроенными против всего света и прочее, и прочее.

Область распространения млекопитающих очень обширна, она простирается на все моря, материки и значительные острова земного шара. Лишь острова, лежащие в открытом море, которые никогда не стояли в связи с материком, не имеют свойственных им млекопитающих. Однако круг распространения отдельных видов млекопитающих ограничен. Лишь море доставляет своим обитателям большую свободу движения и перемены места, но все же не в такой степени, как воздух птицам.

На материках круг распространения млекопитающих гораздо более тесный, чем в море. Многие виды имеют весьма маленькое отечество. Все страны Земли по отношению к населяющим их животным поделены на известные области, и эти области названы зоогеографическими. Каждая из зоогеографических областей имеет своих, одной ей свойственных животных.

Число всех известных видов млекопитающих достигает более двух тысяч*. Из этого числа около 150 видов принадлежат Европе (до 60 — исключительно ей); около 240 живут в Африке, 350 — в Азии, 400 — в Америке и до 140 — в Австралии.

* *Сейчас ученым известно около 4 тысяч млекопитающих. Наиболее разнообразны грызуны (более 1500 видов), рукокрылые (около 900 видов) и насекомоядные (около 400 видов). В Европе (не считая Кавказа) живет около 210-220 видов млекопитающих.*

Телесные и душевные дарования определяют образ жизни млекопитающего на данной ему родине. Каждый живет соответственно своей организации и пользуется теми органами, которыми располагает. Млекопитающие более привязаны к определенной местности, чем подвижные птицы, но зато они умеют лучше и многостороннее пользоваться этой местностью.

Млекопитающие представляют в основном обитателей суши, в воде мы находим лишь менее развитые, неуклюжие и массивные формы; на суше, напротив того, наиболее развитые и благородные. Величайшие земные млекопитающие — карлики по сравнению с китами.

Можно сказать, что образ жизни животного зависит от величины и строения его тела. Понятно, что рыбообразные или ластоногие млекопитающие плавают, а животные с органами, служащими для порхания, летают; понятно и то, что обезьяна, белка и кошка лазают, крот роет, а многие однокопытные жвачные бегают по земле. Но образ жизни зависит еще и от местопребывания животного.

В этом отношении можно сказать следующее: обезьяны Старого Света живут на деревьях и скалах, обезьяны Нового Света и полуобезьяны — исключительно на деревьях; летучие мыши носятся по воздуху, а спят на деревьях, в дуплах, в расщелинах скал и стен; насекомоядные живут по большей части на земле, некоторые под землей или на деревьях. Хищники обитают в воде, на земле, на деревьях и скалах, лишь немногие из них ведут подземный образ жизни. Сумчатые живут на земле, в воде, в норах и на деревьях; грызуны есть всюду, кроме моря, но большей частью они живут в норах; неполнозубые обитают на земле, в норах и на деревьях; копытные — на земле, некоторые — в болотах и даже в воде; ластоногие и киты — обитатели воды.

Каждому наблюдателю должно броситься в глаза, что местожительство животного легко узнается по его внешности. Связь между местом жительства и млекопитающим обнаруживается нередко в характерных для каждого животного внешних признаках, а особенно очень резко и определенно в его окраске. Можно считать общим правилом, что млекопитающие обладают окраской, которая более или менее соответствует преобладающей окраске его местообитания. Чрезвычайная выгода, которую животное из этого извлекает, становится ясной, если мы подумаем о том, что хищное животное должно по возможности незаметно подкрадываться к своей добыче, а слабое животное должно по возможности лучше прятаться от хищника. Одноцветная окраска указывает на замкнутое, определенное местопребывание животного: чисто-желтые животные — всегда жители пустыни, чисто-белые, почти без исключения, — снежные животные. Но все же многие млекопитающие ежегодно меняют свою одежду.

Наши северные млекопитающие линяют все без исключения и, в сущности, однообразным способом. Когда прошло холодное время года и весна действительно наступила, то разрыхляются корни волос меха, который животное носило до этого времени, и выпадает ость и подшерсток. Одновременно с этим начинают расти новые волосы ости, довольно быстро вырастают и проникают сквозь войлокообразную ткань старого сброшенного меха, который, если он был обилен, еще значительное время остается висеть на теле, в виде клочковатых кусков, и лишь постепенно выцарапывается, стирается и сдувается; скоро после того начинают подрастать волосы подшерстка, развитие которого происходит в более позднее время года. Поэтому летняя одежда млекопитающих, живущих на крайнем севере и в высоких горах, состоит преимущественно из волос ости, между тем как в зимней одежде преобладают волосы подшерстка, а волосы ости с началом холодного времени года и вовсе выпадают.

Громадное большинство млекопитающих — общественные животные, поэтому они собираются вместе с представителями своего вида и с животными, ведущими одинаковый с ними образ жизни, в малые и большие стада. Никогда эти стада не бывают так многочисленны, как стаи птиц, которые достигают, как известно, громадного числа, иногда до миллиона. У млекопитающих лишь при известных обстоятельствах встречаются общества из нескольких тысяч единиц*.

* *Незадолго до выхода работ Брем а. в начале — середине XIX века, на равнинах Африки и Северной Америки паслись стада копытных, насчитывавшие сотни тысяч, а, возможно, и миллионы особей. Однако безжалостная охота европейцев очень быстро уничтожила эти скопления и даже привела к полному исчезновению некоторых видов зверей. В настоящее время са-*

мые большие скопления млекопитающих (не считая человека) образуют летучие мыши. В Бразильских пещерах на юге США живет колония небольших летучих мышей бразильских складчатогубов (*Tadarida brasiliensis*) численностью более 8 миллионов особей.

Еще более их объединяет нужда: перед огненной линией горящей степи даже явные враги отступают вместе. В больших стадах наиболее сильное и умное животное получает первенство и добивается безусловного послушания. Среди жвачных чести этой удостоиваются старые, бездетные самки; у других животных, например у обезьян, вожаками становятся самцы, и притом лишь после упорной битвы между соперниками, из которой вожак выходит победителем, внушая всеобщий страх: здесь дело решает грубая сила, там — опытность или добрая воля. Избранный или по крайней мере признанный вожак берет на себя заботу о безопасности всего стада и защищает слабых членов его иногда с самопожертвованием. Некоторые млекопитающие живут отшельниками. Старые угрюмые и злые самцы обыкновенно изгоняются из стада и оттого делаются еще более угрюмыми, а иногда и бешеными. Но есть млекопитающие, которые ведут отшельническую жизнь и с каждым встречным пришельцем тотчас начинают жаркую битву. При этом нередко случается, что победитель съедает побежденного; как известно, и у некоторых племен людей встречается это ужасное явление.

Большая часть млекопитающих бодрствует днем и спит ночью; однако почти во всех отрядах существуют дневные и ночные животные.

Некоторые виды не имеют определенного времени для сна, а отдыхают и бодрствуют, как им вздумается: таковы морские животные или звери далекого севера. Среди обезьян существуют несколько видов, ведущих ночную жизнь; летучие мыши, напротив, спят почти весь день, и лишь немногие появляются из своих убежищ, пока солнце еще на небе; среди насекомоядных и плотоядных, грызунов, копытных и жвачных есть очень много ночных животных, причем некоторые беззащитные виды стали таковыми лишь из страха перед преследованием. Сильные и быстродвигающиеся животные, а также живущие на деревьях — большей частью дневные, так как менее опасаются преследований. Было бы, однако, слишком смело утверждать, что все ночные животные трусливее, слабее, глупее и неповоротливее дневных, ибо стоит только подумать о кошках, куницах, оленях и других, которые бодрствуют и днем, и ночью, чтобы убедиться в противоположном. За общее правило, однако, можно принять, что более беззащитные животные, для которых их местожительство не предоставляет достаточной охраны, — чаще всего деятельны по ночам.

Во время бодрствования большая часть млекопитающих занимается исключительно отысканием пищи. Эта пища может быть в высшей степени разнообразной. Известно, что все млекопитающие или растительноядные, или хищники, пожирающие других животных. Животные, питающиеся растительной пищей, едят или целые растения, например: траву, репейники, мох, лишайники, или отдельные части растений: цветы, листья, плоды, зерна, семена, орехи, ветви, сучья, шипы и кору. Хищные животные питаются другими млекопитающими, а также птицами пресмыкающимися, земноводными, рыбами, насекомыми, раками, червями и мягкотелыми; одни едят добычу, умерщвленную ими самими, другие любят падаль; иные не щадят даже себе подобных животных.

Млекопитающие едят много, однако относительно веса менее, чем птицы. Это полностью согласуется с их не такой значительной живостью. После еды они ищут покоя и при этом впадают или в полудремоту, или в настоящий сон. Лишь немногие обнаруживают склонность к играм и бесполезному движению; правда, детеныши умеют своей веселостью расшевелить снисходительных стариков. При хорошей и обильной пище шерсть млекопитающих становится гладкой и лоснящейся, и в клетчатке, и около органов, лежащих в полости тела, отлагается много жира, который служит для поддержания жизни во время голодания. У некоторых растительноядных и насекомоядных животных пища в течение зимы совершенно иссякает. Неспособные к переселению в более теплые и более богатые страны, они неизбежно погибли бы, если бы природа не позаботилась о них весьма замечательным образом. Эти млекопитающие являются настоящими детьми природы, которая охраняет их; в течение долгого времени они не нуждаются в пище извне, а медленно расходуют, впадая в сон, сходный со смертью, накопленный ими жир, т.е. погружаются в зимнюю спячку.

Когда осень почти оканчивается и наступает зима, животные удаляются в свои искусственные, очень теплые убежища, свертываются и скоро впадают в похожее на сон оцепенение. Биение сердца замедляется, и дыхание соответственно этому необыкновенно ослабляется или прерывается; теплота тела уменьшается; члены становятся негибкими и холодными; желудок и кишечник опорожняются и сжимаются; тело теряет чувствительность. Но только мелкие млекопитающие впадают в настоящую зимнюю спячку; более крупные, такие как медведь, спят по временам, хотя и целыми

днями, а вероятно, даже и неделями, но в течение зимы все-таки принимают пищу, но в небольшом количестве.

Некоторые млекопитающие зимой предпринимают путешествия, чтобы улучшить свое положение; однако среди них не бывает, как у птиц, настоящих переселений*.

* *Некоторые копытные, например голубые гну (Connochaetes taurinus) в Африке, совершают сезонные миграции в несколько сот километров. Настоящие миграции совершают и некоторые летучие мыши, выкармливающие детенышей в области умеренного климата, а к зиме улетающие на 1500-2000 километров к югу. Примером таких рукокрылых могут служить вечерницы (Nyctalus) и нетопыри (Pipistrellus) в Восточной Европе и волосатохвосты (Lasiurus) в Северной Америке.*

Случается, правда, что они оставляют одну страну и перебираются в другую; но путь, проходимый ими, никогда не бывает так длинен, чтобы его можно было сравнивать с перелетом птиц. Мучимые недостатком пищи лемминги, эти живые и привлекательные обитатели северных гор и равнин, собираются вместе большими массами и странствуют сообща, спускаются с возвышенностей и пытаются даже проложить путь через морские рукава, но при этом почти непременно гибнут. Южноафриканские антилопы, северные олени и бизоны, тюлени и киты приступают по той же причине к еще более отдаленным странствованиям; даже некоторые летучие мыши делают ограниченные перелеты; но все эти путешествия стоят бесконечно позади перелетов птиц.

Жизнь млекопитающих гораздо однообразнее, чем жизнь подвижных обитателей воздуха. Лишь виды, отличающиеся большим развитием умственных способностей, стараются внести в это однообразие некоторые перемены, поддерживая каким-нибудь образом сношения друг с другом; у менее развитых день разделяется между едой и сном, сном и едой. Время течки всегда несколько изменяет образ жизни. У большей части млекопитающих этот период связан с известной частью года: или с весной, или с осенью, иногда и с зимой, смотря по длительности беременности у животного. Детеныши рождаются чаще всего весной, которая предоставляет для новорожденных и для кормящих самок более обильную пищу. В период течки млекопитающие становятся совершенно иными, чем в другое время: самцы, которые ранее не обращают внимания на самок, собираются около них и выказывают большое возбуждение, душевное и телесное. Вместе с влечением к самкам растет ревность и ненависть к соперникам: жаркие битвы завязываются между ними, и эти битвы сопровождаются громким криком; даже в душе самого боязливого млекопитающего возбуждаются мужество и жажда боя. Заяц, который олицетворяет трусость, дерется в это время с таким же остервенением, как и лев, хотя и дает своему сопернику лишь сильные оплеухи передними лапами; пугливый олень становится смелым и даже опасным для человека; быки обнаруживают невыразимое бешенство; хищники же кажутся более кротко настроенными по отношению ко всем посторонним существам, чем прежде: их занимает преимущественно любовь.

Большой частью достаточно однократного совокупления во время течки, чтобы оплодотворить все яички, необходимые для одного помета, хотя число детенышей может колебаться в весьма значительных пределах. Более 24 детенышей сразу не рождает ни одно млекопитающее, уже 14 или 16 редко появляются на свет одновременно. Все большие млекопитающие рожают детенышей в меньшем числе и реже, чем мелкие. У крупных животных беременность продолжается более шести месяцев, они рожают на свет чаще всего одного детеныша; у мелких плод вынашивается в течение трех недель после оплодотворения. Из млекопитающих только однопроходные кладут яйца.

Новорожденные представляют весьма различную степень развития. У сумчатых они вынашиваются и развиваются лишь после рождения в кожистой складке на брюхе; вышедшие из яйца детеныши однопроходных малы и не сформированы. Большая часть хищников рождаются слепыми и открывают глаза через неделю или две. Но многие млекопитающие появляются на свет очень развитыми и уже спустя несколько часов в состоянии следовать за матерью. Другие, хотя и являются на свет зрячими, но такими беспомощными, что мать должна носить их с собой целыми неделями; мы видим, что дети обезьян и летучих мышей долгое время висят на матери, крепко уцепившись за нее всеми четырьмя конечностями.

Каждая мать необыкновенно привязана к своим детенышам и, подвергая опасности свою собственную жизнь, защищает их против всякого врага, даже против отца. Самец чаще всего не заботится о детях, напротив, становится иногда опасен, так как пожирает детенышей, если может до них добраться. Редко принимает он косвенное участие в уходе и воспитании своих потомков, но бывает, что защищает, если семье грозит опасность. Тем больше делает мать: она одна кормит, чистит, водит, наказывает — короче, воспитывает своих детенышей. Она кормит их своим молоком, охотится для них, лижет и чистит, прячет в убежище и снова уводит домой, играет с ними, учит до-

бывать пищу, держит в повиновении с помощью наказаний, храбро сражается с каждым, кто только осмелится напасть на них. Любовь делает ее изобретательной, дружелюбной, кроткой, веселой по отношению к своему потомству и вспыльчивой, бешеной, злой и сердитой к окружающим. Она живет лишь для своих детей и заботится только о них и, пока они всецело поглощают ее внимание, она в значительной степени теряет интерес к окружающему. Даже самое угрюмое животное приобретает во время материнских забот ребяческий характер и склонность к играм, если этого желает ее детище. Без преувеличения утверждаю, что у самки в глазах можно прочесть любовь и нежность, гордость и радость матери: стоит только наблюдать собаку, кошку, лошадь, козу в обществе своих чад; ни одна человеческая мать не может более гордиться своим ребенком.

Время необходимое каждому млекопитающему для полного взросления, различно и зависит от его величины. Человек требует наибольшего времени для своего развития, даже слон вырастает скорее его. Вероятно, лишь величайшие морские млекопитающие достигают более преклонного возраста, чем человек. Продолжительность жизни млекопитающего увеличивается или уменьшается соответственно времени, которое необходимо для его полного взросления. Млекопитающих средней величины, достигших десятилетнего возраста, уже можно считать старыми животными; у других старость наступает, вероятно, лишь после 20 лет; во всяком случае, тридцатилетний возраст, в котором человек, как известно, достигает только полного развития, редок между млекопитающими. Старость проявляется точно так же, как у человека, уменьшением сил, поседением волос, выпадением и стиранием зубов, а также и в уменьшении известных украшений: так, у старых оленей развиваются менее значительные рога, чем у животных во цвете сил, у хищников зубы и когти тупеют, у старых слонов часто ломаются бивни или они становятся гнилыми и получают трещины. Мы не в состоянии решить, наступает ли смерть у животных, живущих на свободе, вследствие болезни или только от дряхлости. Больные прячутся обыкновенно в самые укромные уголки; раненые или изувеченные животные у видов, живущих обществами, покидаются товарищами, даже изгоняются ими; они оканчивают свое существование в одиночестве. Мы имеем право предполагать, что животные умирают различным образом, молодыми или старыми, и что в этом отношении они разделяют судьбу человека. Встречаются повальные болезни, которые ужасным образом свирепствуют среди животных этого класса; например мыши, которые иногда размножаются до невероятной степени, погибают в течение нескольких недель в такой массе, что их маленькие трупы, разлагаясь, заражают воздух. Подобные явления наблюдались и у более крупных видов в лесах и на полях Европы, а также и в далеких пустынях.

Животное стоит непосредственно под властью природы. Смотря по местности и внешним обстоятельствам, оно живет в изобилии или терпит нужду, мерзнет, голодает, томится или внезапно погибает. Нужда гонит его из привычных мест часто в далекие странствования, пока оно наконец не падает в истощении и не околевает. С ним случаются несчастья, в которых оно само виновато: переломы костей, потеря зрения или органов защиты, что случается от неверного шага, неудачного прыжка, в битве с соперниками. В суровые, снежные зимы, во время продолжительных засух млекопитающие умирают голодной смертью, иногда погибают от огня и дыма во время степных и лесных пожаров. Их застигают наводнения, и животные, выбившись из сил, тонут в воде; они гибнут в бурю и в сильную стужу, увлекаются за сползающими с высот снежными лавинами, убиваются падающими с гор камнями, раздавливаются падающими деревьями и погибают от удара молнии. А сколько их кончает жизнь под зубами и когтями хищников и уничтожается ловушками, петлями, ядом и выстрелами человека?

Человек подчинил себе и сделал полезными большое число животных, даже таких, которые не разделяют с ним его жилища; они используются для переноски тяжестей, для езды в экипажах и верхом, для войны и охоты, для почтовой и пастушеской службы, для фиглярства и забавы. Мясо, молоко, сало и жир млекопитающих служат ему пищей. Одни животные доставляют людям мех для одежды, шкуру на кожу, шерсть на пряжу и ткани, другие — рога, слоновую кость, зубы, китовый ус, в конечном счете помет — для удобрения полей. Столько пользы не приносит никакой другой класс животного царства; потому-то и можно сказать, что удобная жизнь, к которой мы привыкли, без млекопитающих была бы совершенно невозможна. Мы видим, как тесно связан человек с этими животными, на которых он наложил свое ярмо.

Отряд однопроходные

Справедливо считают однопроходных представителями особого отряда и даже подкласса млекопитающих*.

** Отдельный подкласс яйцекладущих млекопитающих, или первозверей (Prototheria), в современной фауне представлен только отрядом однопроходных, известным начиная с раннего мела. Однопроходные обитают только в Австралии и на прилегающих островах.*

Что однопроходные действительно кормят детенышей молоком, это уже давно установлено вне всякого сомнения; но лишь точные исследования Гегенбаура познакомили нас с истинной природой их молочных желез. Прежде долгое время их не замечали и потому уже в начале этого столетия были уверены в справедливости указания сделанного исследователем, впервые открывшим утконоса, именно, что утконос кладет яйца; позднее указание это сочли за басню. Но 2 сентября 1884 года Гааке сообщил королевскому Южно-Австралийскому обществу в Аделаиде, что за несколько недель до того он нашел в большой, неизвестной до того времени сумке живой ехидны-самки яйцо, которое он и показал на заседании. В тот же самый день в Монреале была прочитана телеграмма, сообщавшая собравшимся там членам Британской ассоциации, что другой исследователь, работавший в то время в Австралии, Кальдуэлль убедился, что однопроходные кладут яйца. Гегенбаур доказал в 1886 году, что железы, доставляющие пищу вышедшим из яиц детенышам однопроходных, по своему строению не соответствуют, как у других млекопитающих, салным железам, а представляют измененные потовые железы. Если к этому прибавить, что утконос имеет в течение значительного периода своей жизни хотя и настоящие зубы, но сильно отличающиеся от зубов всех других ныне живущих млекопитающих, как открыл Томас лишь в 1888 году, и что, в противоположность всем другим теплокровным животным, температура крови однопроходных не превышает 28 градусов Цельсия**, то не покажется странным, если мы отделим их в качестве второго главного отдела класса млекопитающих от первого, к которому мы должны отнести, в качестве настоящих млекопитающих, сумчатых и высших млекопитающих, позвоночных.

** * Температура тела утконоса в среднем 32,2 градуса Цельсия, ехидны 31,1 градуса. У представителей отряда еще несовершенны механизмы терморегуляции, и температура может колебаться в пределах 25-36 градусов.*

С остальными млекопитающим однопроходные сходны прежде всего по своим наружным покровам: у утконоса мех, а у ехидны иглы; в остальном они и по внешнему виду существенно отличаются от других известных форм этого класса. Роговой клюв, напоминающий клюв плавающих птиц, заменяет у них морду; выводные протоки кишечника, мочевых и половых органов открываются вместе в так называемую клоаку. Это образование мы встречаем опять у птиц, которых однопроходные напоминают, кроме яиц с большим желтком, также присутствием дужки, образованной от сросшихся между собой ключиц, и тем, что правый яичник у них отчасти недоразвит. Если таким образом нельзя не заметить родства их с птицами, а также с пресмыкающимися и земноводными, то с сумчатыми их связывает наличие в тазе сумчатых костей.

Однопроходные — небольшие млекопитающие с плотным, несколько сплюснутым сверху вниз телом, очень короткими ногами, клювообразными челюстями, одетыми сухой кожей, маленькими глазами, коротким хвостом, расставленными кнаружи ногами с большими когтями; у самца на пятке замечается полая шпора, которая стоит в связи с особой железой. Наружной ушной раковины нет вовсе; зубы, существующие лишь у утконоса, состоят из плоских блюдцеобразных пластинок, снабженных на краю бугорками или выемками, которые прилегают к челюстям. На черепе многие швы срастаются очень рано; также вполне окостеневают и реберные хрящи. Слюнные железы велики, желудок простой, слепая кишка очень коротка. Настоящей матки нет, так как яйцеводы открываются в клоаку*.

** Желудок одн опроходных лишен пищеварительных желез и служит только для хранения пищи, подобно зобу птиц. Строение конечностей очень сходно с таковым рептилии, ноги при ходьбе находятся не под телом, как у других зверей, а сильно расставлены в стороны, как у крокодилов или ящериц.*

Кроме костей одной вымершей ехидны нашли зубы ископаемых животных, которые представляют сходство с зубами утконоса; в настоящее время этот своеобразный отряд ограничивается двумя семействами — ехидн и утконосов.

Семейство ехидновые

Семейство ехидн, состоящее из двух родов, каждый с одним видом, отличается неуклюжим телом, покрытым мехом, который на большей части тела перемешан с иглами; клюв цилиндрический, совершенно беззубый, расщепленный лишь на переднем конце; хвост короткий, зачаточный; пальцы свободные, не вполне подвижные; язык длинный, тонкий, червеобразный, может далеко высовываться изо рта, как и у других животных, питающихся муравьями. По внешнему виду ехидны гораздо более отличаются от утконоса, чем по внутреннему строению**.

** * Считается, что предки ехидн были водными и гораздо больше походили на утконоса. Современные отличия ехидн связаны с их вторично наземным образом жизни и своеобразной пищевой специализацией общественными насекомыми.*

Немецкое название ехидн — «муравьиный еж», очень характерно для них. Короткая шея постепенно переходит в плотное, несколько приплюснутое неуклюжее тело, а на другом конце — в продолговато-округлую, относительно маленькую голову, от которой резко отграничен вытянутый в длину, тонкий, трубчатый клюв. Сверху он выпуклый, снизу плоский; довольно широк при основании, к концу суживается и тупо оканчивается. На самом кончике его находится очень маленькая и узкая ротовая щель. Верхняя челюсть немного длиннее нижней; маленькие яйцевидные ноздри расположены почти на конце верхней челюсти, там, где покрывающая его голая кожа становится мягче и допускает некоторую подвижность морды. Маленькие глаза лежат глубоко по сторонам головы и характеризуются тем, что кроме век снабжены и мигательной перепонкой. Наружных ушных раковин не видно и следа; слуховой проход лежит далеко сзади и скрыт под иглистым покровом тела; он замечательно широк, но имеет форму щели, так как прикрыт складкой кожи, которую животное, прислушиваясь, может приподнимать; в других же случаях щетинки, окружающие наружное отверстие, могут совершенно закрывать его. Конечности относительно коротки, сильные, толстые, несколько неуклюжи и приблизительно равной длины. Задние ноги отодвинуты далеко назад и вывернуты кнаружи, передние прямые. Пальцы малоподвижны и вооружены длинными, широкими и крепкими, пригодными для рытья когтями, которые особенно развиты на передних ногах. На пятках задних ног у самца находятся крепкие, остроконечные, полые внутри роговые шпоры, которые стоят в связи с особой железой. Такое строение шпор подало повод к мнению, будто бы они служат самым страшным оружием животного и что через них, как через зуб змеи, изливается яд*.

** Действительно, секрет железы, имеющейся в районе колена как у ехидн, так и у утконоса ядовит и даже смертелен для животных мелких и средних размеров. У утконоса он опасен даже для человека. Поскольку железа есть только у самцов (и у некоторых самок ехидн), логично предположить, что это турнирное оружие, но брачных турниров однопроходных пока никто не видел. Так что, вероятно, в настоящее время железа и шпора представляют собой атавизм.*

Зачаточный хвост сильно притуплён на конце. Язык может высовываться далеко за челюсти, и покрыт липкой слизью, которая помогает при захватывании пищи; эта слизь выделяется большими слюнными железами. Зубов нет и следа; но на нёбе стоят поперечные ряды мелких, жестких, остроконечных, направленных назад, роговых шипов, которые, вместе с шипами на языке, заменяют зубы. Обе млечных железы имеют множество выводных отверстий и лежат по бокам брюха самки в неглубоких ямках. Эти ямки, по словам Гааке, по крайней мере у ехидны, незадолго до кладки яйца лежат в боковых складках высиживательной сумки, которая образуется лишь для принятия и насиживания яйца; позднее она заключает детеныша и, по мере его роста, сильно увеличивается в объеме, а после выхода детеныша снова сглаживается. Сумка открывается спереди. Р. фон Ленденфельд нашел, что во время насиживания яйца, температура высиживательной сумки становится выше, чем в остальном теле.

Родина ехидн простирается от Новой Гвинеи по Австралии и до Тасмании.

Австралийская ехидна (*Tachyglossus aculeatus*)***, отличается прежде всего пятипальными ногами.

** * Ранее в качестве отдельного вида выделяют еще тасманийскую ехидну.*

Все пальцы снабжены когтями; когти передних ног широки, мало согнуты и направлены вперед; коготь на большом пальце меньше, чем на остальных; когти на задних ногах тоньше, согнуты кнаружи и очень различной длины: коготь большого пальца короток, туп и округлен, а коготь второго, часто также и третьего пальца гораздо длиннее когтей четвертого и пятого. Клюв длиной равен приблизительно остальной части головы; он прямой или слегка согнут вверх. Родина ехидны — Австралия, Новая Гвинея и Тасмания.

Австралийская ехидна предпочитает гористые местности равнинам и достигает иногда до 1000 метров над уровнем моря. Сухие леса, в которых она может выкапывать себе логовища и норы под корнями деревьев, особенно нравятся ей. Здесь она прячется днем, а ночью выходит и, нюхая по сторонам и роясь, отправляется за добычей*.

** Впечатление, что ехидны предпочитают сухие открытые пространства — ошибочно, просто здесь они более заметны. Напротив, животные тяготеют к сырым тенистым местам, более богатым всевозможными беспозвоночными. Не является ехидна и строго ночным животным, во многих районах ей свойственна дневная активность. В горы ехидны поднимаются до*

высоты 2500 метров над уровнем моря. В южных и горных районах Австралии, на острове Тасмания для ехидн характерна зимняя спячка, продолжительностью иногда до 4 месяцев.

Движения ее живы, особенно при рытье, в котором она очень искусна. Ходит она тихо, нагибая при этом голову и туловище к земле; при рытье ехидна одновременно приводит в движение все четыре ноги и, подобно броненосцам, может просто погружаться в землю на глазах зрителя. В сумерки не очень легко заметить это животное, похожее цветом на землю; его и находят поэтому только случайно, когда оно, по обыкновению, беспокойно перебегает с одного места на другое. При этом ехидна исследует каждую ямку, каждую щель, и лишь только почует что-нибудь съедобное, то мгновенно приводит в движение свои сильные ноги, чтобы расширить себе вход. Насекомые и черви, а особенно муравьи и термиты составляют по преимуществу ее пищу. Их она отыскивает с помощью очень чувствительного кончика носа, который, кажется, более пригоден для осязания, чем для обоняния. Ест она так же, как и другие животные, питающиеся муравьями, высовывая свой червеобразный язык и быстро втягивая его обратно, когда он покроется муравьями; так же как они, ехидна примешивает к этой пище много песка или пыли, а иногда и сухого дерева, так что желудок ее всегда наполнен ими. Иногда в нем находят и траву.

Если схватить ехидну, то она мгновенно свертывается в шар, и ее очень трудно в этом случае удержать, так как острые иглы при энергическом свертывании наносят обыкновенно чувствительные раны. Свернувшуюся ехидну нелегко унести; лучше всего схватить ее за задние ноги, тогда можно не обращать внимания на все ее усилия и движения. Если она успела вырыть ямку известной глубины, то вытащить ее оттуда чрезвычайно трудно.

Австралийская ехидна (*Tachyglossus aculeatus*)

Она растопыривается, как броненосцы, и так крепко упирается о стенки своими иглами, что как бы прилипает к ним. Сильные когти ног при этом, понятно, тоже пускаются в дело, чтобы укрепиться, насколько возможно. Заявления туземцев, будто бы самец может поранить своего врага шпорой задней ноги и излить через нее в рану ядовитую жидкость, судя по всем опытам, должно считать басней. Ехидна-самец вовсе и не пытается пользоваться для защиты своей шпорой, да и вообще едва ли думает о том, чтобы защищаться. Против четвероногих врагов ехидна защищается, как еж, свертываясь клубком, а если успевает, то с возможной быстротой зарывается в землю. Тем не менее, сумчатый волк овладевает ею и съедает с кожей и шипами.

Голос, который издает это странное существо, если его сильно беспокоят, состоит из слабого хрюканья. Из чувств выше всего стоят слух и зрение; остальные очень тупы*.

* Очевидная ошибка Брема зрение развито слабее других чувств, а вот слух, обоняние и осязание — очень тонкие.

Подробное описание жизни этого животного на свободе дал в 1881 году сын Беннета, который в сопровождении одного туземца по имени Джонни отыскивал много ехидн, чтобы исследовать

их размножение. «Моя первая экскурсия с Джонни, — говорит он, — выяснила существование многочисленных препятствий, мешающих выполнению моего плана. Мы видели много следов, но не видели ни одного животного. Почва была разрыта, как будто бы в ней рылось большое число сви-ней; это делают ехидны своим клювом, чтобы отыскивать насекомых под опавшей листвой. Они обра-щаются затем к сваленным гнилым деревьям, совершенно освобождают их от коры, выцарапыва-ют червоточину и поедают насекомых, именно мелких жуков, муравьев и один вид сочных белых червей. Много мелких сухих деревьев было выворочено с корнями ехиднами во время отыскивания пищи. Они особенно жадны до термитов, которые устраивают глиняные холмики около 18 дюймов вышиной. Этими холмиками они овладевают, строго придерживаясь определенного плана. Сначала окапывают гнездо кругом, выгребают землю, делают щель в месте соприкосновения гнезда с почвой, проглатывают все, что им попадает на пути, наконец проделывают в середине дыру и опоражни-вают все гнездо, не оставляя ни одного существа, которое могло бы рассказать об их посещениях. Муравьев-солдат они не трогают; их гнезда находились около самых построек термитов, но остава-лись нетронутыми. На больших сахарных муравьев, которые нагромождают песчаные холмики око-ло 16 дюймов вышиной и 4 фута в диаметре, они нападают, причем сначала ложатся, высунув язык, на холмик и втягивают в рот тех муравьев, которые на него попадают; в этом положении они часто остаются в продолжение нескольких часов. При этом в их желудок, без сомнения, попадает песок. Затем они прорывают ход с одной стороны к другой и находят там лакомую пищу, которую и по-едают. Днем бродят мало и начинают свои поиски часа за два до заката солнца. Слышат ехидны очень хорошо, так что приходится двигаться чрезвычайно осторожно и медленно, чтобы не встре-вожить их; при малейшем шорохе листа они приседают к земле и начинают тотчас же закапывать-ся. Они делают это ногами, причем всовывают в ямку все тело и выгребают землю себе на спину. Быстрота, с которой они выполняют это, почти невероятна, и после исчезновения животного выры-той земли заметно мало. Обыкновенно они не роют далеко вперед; я видел это только раз, когда ехидну посадили в ящик без дна: она исчезла под ящиком в землю и вышла наружу на расстоянии 10 футов по другую сторону стенки».

Гааке неоднократно держал в Австралии иглистых ехидн и произвел опыты над их размно-жением.

"Что касается до размножения ехидны, то до моего открытия не было известно ничего отно-сительно временно образующейся и заключающей в себе яйцо выводковой сумки на брюхе самки. В начале августа 1884 года я достал парочку иглистых ехидн с острова Кенгуру. Несколько недель спустя я прочел замечание Гегенбаура относительно давно уже описанных Овенем полулунных складочек на брюхе самки, при основании которых открываются протоки млечных желез. Гегенбаур тщетно искал эти углубления на своем экземпляре, сохраненном в спирту; я решился поэтому поискать их у живого животного. Я велел слуге держать мою ехидну в воздухе за заднюю ногу и стал ощупывать брюхо животного. Я не нашел здесь двух описанных и изображенных Овенем складок, но зато нашел большую сумку, достаточно широкую, чтобы вместить мужские часы. Это и была вы-водковая сумка, образующаяся до кладки и служащая для помещения яйца; позднее она расширя-ется по мере роста детеныша и снова исчезает после того, как он перестает сосать. В качестве по-следних следов ее остаются, по-видимому, боковые складки, в которых лежат отверстия млечных желез. Только зоолог может понять, до какой степени я был ошеломлен, когда вытащил из сумки яйцо! Первое замеченное яйцо млекопитающего, которое можно было показать ученому обществу! Оно находится теперь вместе с чучелом матери и положенной в спирт выводковой сумкой ее в музее в Аделаиде. Неожиданная находка до такой степени смутила меня, что я сделал глупость, возмож-ную лишь при таких необычайных обстоятельствах, именно сильно сжал яйцо между указательным и большим пальцем и произвел на нем таким образом трещину. К сожалению, его жидкое содержи-мое за время поимки и содержания в неволе матери, начало уже разлагаться. Длина эллиптическо-го яйца равнялась 15, ширина 13 мм; скорлупа была жестка и пергаментобразна, как у яиц мно-гих пресмыкающихся».

"Особенное значение в истории размножения ехидны имеет своеобразная, образующаяся лишь на время выводковая сумка, резко отличающаяся от сумки сумчатого животного. Эта сумка стала известна так поздно потому, что она исчезает после периода размножения, а также исчезает у экземпляров, сохраненных в спирту без особых предосторожностей, и у чучел. Что она, благодаря росту детеныша, расширяется по крайней мере до величины кулака, я наблюдал позднее на одном экземпляре в музее Аделаиды. Я не мог произвести дальнейших наблюдений вследствие отъезда из Австралии». По Ленденфельду, в выводковой сумке во время насиживания яйца развивается более высокая температура, чем в остальном теле. О совокуплении, кладке яйца и продолжительности на-

сиживания не известно ничего. Довольно твердо установлен лишь тот факт, что ехидна кладет обыкновенно только одно яйцо*.

* *Спаривание ехидн происходит в середине зимы (там, где ехидны впадают в зимнюю спячку — в конце зимы). Кладка яиц (от 1 до 3) приурочена к концу августа началу сентября. Вылупление происходит через 7—10 дней «насиживания» в сумке, детеныш остается в сумке еще 6-8 недель. Половой зрелости ехидны достигают через год, некоторые доживают до 30 лет.*

Некоторые австралийцы зажаривают ехидну в шкуре, как цыгане нашего ежа, и едят; европейцы тоже уверяют, что приготовленная таким образом ехидна представляет превосходное кушанье; в Новой Гвинее, как наблюдал Гааке на реке Стрикланд, ее иглы употребляют в качестве наконечников для стрел. Этим и ограничивается та незначительная польза, которую это животное может приносить человеку.

Проехидна волосатая (*Zaglossus bruijii*). Этот вид от предыдущего отличается числом пальцев — на всех ногах лишь по три пальца. Первый и пятый палец не развиты; иногда встречаются животные с пятью передними и четырьмя задними пальцами. Длина когтей задних ног уменьшается постепенно изнутри кнаружи. Согнутый книзу клюв почти вдвое длиннее остальной части головы. Животное длиной около 0,5 м; голова, тело и конечности густо покрыты грубой шерстью равномерно темно-бурого или черного цвета с небольшой примесью гладких щетин или вовсе без них; в ней скрыты лишь немногочисленные, короткие, по большей части совершенно белые, иногда только бурые при основании иглы.

Проехидна известна до настоящего времени лишь из северо-западной части Новой Гвинеи; об ее образе жизни нет никаких сведений**.

** *Этот вид во времена Брема назывался ехидной шерстистой. Она является очень редким и скрытным зверем. Внесена в Международную Красную книгу. Основное отличие от ехидны высокие колоннообразные ноги, длинный «клюв» и крупные размеры (рост до 80 см и масса до 10 кг). Очень велики вариации окраски, длины и густоты игл меха этого зверька.*

Семейство утконосовые

Утконос (*Ornithorhynchus anatinus*) служит единственным известным представителем второго семейства из отряда однопроходных. Мы обязаны Беннету-старшему первым хорошим описанием этого поистине чудесного существа, которое долгое время после того, как было открыто, приводило в изумление, как исследователей, так и людей неученых. Внешний вид и образ жизни этого животного оказались настолько странными, что Беннет поехал в Австралию с единственной целью познакомиться с ним. До того времени в Европу доходили о нем лишь неопределенные известия. Знали только, что утконос живет в воде и служит предметом ревностной охоты туземцев, так как доставляет вкусное жаркое, и что он кладет яйца; последнее считали басней, пока Кальдуэлль в 1884 году не сообщил, что нашел яйца этого животного. «Новоголландцы, — рассказывает один из старых авторов, — сидят на берегу, вооруженные маленькими копьями, и выжидают, пока это животное вынырнет. Улучшив удобное мгновение, они очень ловко бросают копьё в эту дичь и очень искусно ловят ее. Часто туземец сидит целый час в засаде, прежде чем попытается бросить копьё в утконоса; но зато всегда верным ударом пронзает тело».

Утконос (*Ornithorhynchus anatinus*)

Беннет ездил в Австралию в первый раз в 1832 году, затем еще раз в 1858 и сообщил добытые результаты сначала в одном ученом английском журнале, а затем подробно изложил их в особом сочинении. Позднее сведения об образе жизни утконоса сообщили Беннет-сын и Ленденфельд.

Область распространения его ограничивается, насколько известно до настоящего времени, южной частью Австралийских колоний, Викторией, Новым Южным Уэльсом и Квинслендом на севере до 18 градуса южной широты. Его находят также в Тасмании; в западной части Австралии его, по-видимому, нет.

Утконос несколько больше ехидны, длина его около 60 см, из которых около 14 см приходится на хвост. Самец значительно больше самки. Приплюснутое тело похоже несколько на тело бобра или выдры. Ноги очень короткие, все лапы пятипалые и снабжены плавательной перепонкой. На передних ногах, которые обладают наибольшей мышечной силой и служат как для плавания, так и для рытья, плавательная перепонка продолжается несколько далее когтей; она очень гибка, растяжима и отодвигается назад, когда животное роет. Все пальцы очень сильные, тупы и превосходно приспособлены для рытья. Два средних длиннее остальных. Коротки задние ноги выворочены назад и напоминают задние ноги тюленя; они действуют главным образом по направлению назад и кнаружи. Первый палец их очень короткий; все когти загнуты назад, они длиннее и острее, чем на передних ногах, но плавательная перепонка соединяет лишь основания пальцев. У самца несколько выше пальцев сидит обращенная внутрь, остроконечная и подвижная шпора, которая может довольно заметно поворачиваться. Хвост плоский, широкий и резко усеченный на конце, где сидят длинные волосы. У более старых животных он снизу совершенно голый или по крайней мере покрыт только редкими, грубыми волосами; у молодых же он покрыт шерстью, так что волосы на нижней стороне хвоста стираются, вероятно, лишь с течением времени. Голова довольно плоская, маленькая и настолько резко отличается своим широким утиным клювом от головы других млекопитающих, что ставит утконоса особняком. Обе челюсти вытянуты и сплошь одеты роговой кожей, которая продолжается назад в виде своеобразной оторочки. Челюсти имеют у взрослого животного

лишь по четыре роговых зуба. Передние зубы длинные, узкие и острые, между тем как задние, ко- ренные, — широкие и плоские. Вместо этих роговых зубов молодой утконос, не достигший трети или половины величины взрослого животного, имеет восемь настоящих зубов, похожих на плоские, неправильно округленные блюдечки и усаженных по краю крупными и мелкими бугорками. Эти лишь недавно открытые настоящие зубы напоминают зубы мелких млекопитающих юрского перио- да. После того как они совершенно сотрутся и выпадут, их заменяют вышеописанные образования, состоящие из ороговевшей слизистой оболочки полости рта. Ноздри лежат на верхней стороне клю- ва около конца, а маленькие глаза — высоко на голове; ушные отверстия, которые могут закры- ваться, расположены близко от наружного угла глаза. Складка, продолжающаяся в виде оторочки над передней частью головы и над горлом, приносит животному большую пользу, защищая мех во время отыскивания пищи от ила и глаза от земли во время рытья. Язык мясист, но усажен роговы- ми зубцами и утолщается сзади в виде своеобразного желвака, который совершенно замыкает рот. Таким образом клюв служит превосходным ситом, которое позволяет животному исследовать воду, отделять съедобное от несъедобного и сохранять съедобное в объемистых защечных мешках, про- стиравшихся по бокам головы, чтобы затем, не торопясь, пережевать пищу.

Мех утконоса состоит из густых, грубых волос ости темно-бурого цвета с серебристо-белым оттенком; под ними лежит очень мягкий сероватый подшерсток, похожий на подшерсток тюленя и морского бобра. На горле, груди и нижней стороне тела мех и волосы гораздо тоньше и шелковис- тее. Общий цвет ости рыжий или черно-бурый, на нижней стороне грязный, серовато-белый, на подбородке у основания ног, на задней части брюха и у заднепроходного отверстия часто матовый, каштаново-бурый; узкое кольцо вокруг глаза белое или желтоватое. Верхняя сторона окрашена то светлее, то темнее. Ноги рыжевато-бурые; клюв сверху черного цвета, снизу желтого и черного. Молодые животные отличаются от старых красивыми, тонкими, серебристо-белыми волосами на нижней стороне хвоста и над самыми лапами. Мех, особенно мокрый, издает своеобразный рыбный запах, обуславливаемый, вероятно, маслянистым выделением. Австралийцы, несмотря на этот про- тивный запах, едят очень охотно мясо этого животного*.

** Одно время утконосов усиленно промышляли из-за ценного меха, во многих районах они исчезли или стали редкими. В настоящее время вид охраняется, и численность его возросла.*

Утконос живет охотнее всего на тихих берегах рек, поросших многочисленными водяными растениями и затененных лиственными деревьями. Здесь он устраивает себе около берега более или менее искусно сделанное жилище. Первая нора, которую видел Беннет, находилась в крутом берегу между травой у самой реки. Извилистый ход, длиной около 6 м, открывался в обширное котловид- ное логовище, которое, как и ход, было выстлано сухими водяными растениями. Но обыкновенно каждое жилище имеет по два входа; один под поверхностью воды, другой около 30 см над ней. Ино- гда случается, что вход удален от воды метра на полтора. Нора поднимается косвенно снизу вверх, так что во время разлива вода редко проникает в логовище. Животное, по-видимому, соображается с высотой уровня воды и соответственно этому удлиняет нору иногда до 15 м длины.

Утконосов можно видеть в реках Австралии во всякое время, но чаще всего в весенние и летние месяцы, Неизвестно точно, существует ли у них зимний сон**.

*** Зимний сон у утконосов отсутствует слишком высок уровень метаболизма. Количество съеденной за сутки пищи может достигать веса самого утконоса.*

Они сумеречные животные, хотя оставляют на короткое время свои убежища и днем, от- правляясь за пищей. Если вода очень чиста, то можно следить глазами за движениями утконоса, который то ныряет, то снова появляется на поверхности. Кто хочет наблюдать за животным, тот должен оставаться совершенно неподвижным, так как ни одно движение не ускользает от его ост- рого зрения, ни малейший шум — от его тонкого слуха. Утконос редко остается на поверхности долее 1 или 2 минут, затем ныряет и снова появляется на небольшом расстоянии. Как наблюдал Беннет за утконосами, содержащимися в неволе, это животное охотно держится у берега над самым илом и ползает между корнями и листьями водяных растений, которые служат главным местопре- быванием насекомых. Пищу, которую утконос при этом собирает, преимущественно мелких водя- ных насекомых и моллюсков, он прячет сначала в защечные мешки и затем съедает на покое***.

**** В поисках пищи утконос способен оставаться под водой до 5 мин. При обследовании дна и камней глаза и ушные отверстия плотно закрыты и зверек целиком полагается на чрез- вычайно чувствительную мягкую кожу «клюва». Помимо миллионов осязательных рецепторов, представляющих собой простые полусферические пупырышки, клюв усеян и другими органами — железами, выделяющими разные типы слизи для смазки а также электрическими микроско- пическими «розочками». Клювом утконос чувствует в воде постоянное электрическое поле на-*

пряженностью в 0,0002 В/см и переменное поле частотой до 300 Герц. Воспринимаемая электрические сигналы разных частот, испускаемые рыбами, ракообразными, моллюсками, червями, утконос находит пищу на расстоянии даже в мутной воде, при близких контактах, используется и осязание.

По приказанию Беннета, были раскопаны много жилищ утконосов, и потому он имел возможность наблюдать несколько этих животных в неволе. «Я велел, — говорит он, — разрыть одно жилище, несмотря на все отговорки ленивого туземца, который положительно не мог понять, зачем я хочу иметь утконосов, когда имею в избытке быков и овец. Вход или преддверие жилища были широки по сравнению со следующим участком норы; последняя становилась все уже по мере того, как мы подвигались далее вперед, пока, наконец, ход не сузился до толщины животного. Мы проследили его на расстоянии 3 м. Вдруг из земли показалась голова утконоса, как будто бы его только что разбудили, и он спустился посмотреть, чего нам нужно. Однако, по-видимому, он пришел к убеждению, что наша шумная работа не клонится к его благу, так как он поспешно устремился обратно. Но когда он повернулся задом, его схватили за заднюю ногу и вытащили из норы. Он, казалось, был очень встревожен и удивлен этим; по крайней мере от страха, конечно, он тотчас выпустил свои очень неприятно пахнущие испражнения, нельзя сказать, чтобы к нашему удовольствию. Животное не издавало никакого звука и не пыталось защищаться, но, стараясь убежать, немного оцарапало задними ногами мою руку. Его маленькие, светлые глаза блестели; ушные отверстия то расширялись, то суживались, как будто бы он хотел уловить каждый звук; сердце его сильно билось от страха. Через несколько минут утконос, по-видимому, покорился своей судьбе, хотя время от времени пытался еще убежать. Я не решился схватить его за шкуру; мех так рыхл, что кажется, будто животное заключено в толстый меховой мешок. Мы посадили пойманную нами взрослую самку в бочку, наполненную травой, речным илом, водой и т. д. Она скребла повсюду, стараясь убежать, но видя, что все усилия ее тщетны, успокоилась, свернулась и, по-видимому, заснула. Ночью она была очень беспокойна и опять скребла передними лапами, точно желая вырыть себе нору. Утром я нашел ее крепко уснувшей; при этом она подвернула под себя хвост, подогнула голову и клюв под грудь и свернулась клубком. Когда я нарушил ее дремоту, она заворчала, почти как щенок, но тише и, пожалуй, благозвучнее. Целый день она оставалась почти спокойной, ночью же опять пыталась убежать и издавала продолжительное ворчание. Все соседи-европейцы, которые так часто видели это животное мертвым, были рады, что им, наконец, представился случай наблюдать его живым; я думаю, что это вообще был первый случай, когда европеец поймал живого утконоса и исследовал его жилище».

В новую поездку Беннету удалось найти гнездо с тремя детенышами, которые были уже покрыты шерстью, и наблюдать их некоторое время. «Когда мы нашли гнездо с детенышами, — говорит Беннет, — и посадили их на землю, они, хотя и стали бегать вокруг, но не делали таких страшных усилий спастись бегством, как старые. Туземцы, у которых при виде этих жирных молодых животных потекли слюнки изо рта, говорили, что этим детенышам было уже 8 месяцев, и прибавляли, что старые утконосы только вначале кормят молодых молоком, а потом насекомыми, мелкими моллюсками и илом. В своем помещении эти молодые животные принимали во время сна самые различные положения. Один свертывался, как собака, и плотно прикрывал клюв хвостом, другой лежал на спине, вытянув ноги, третий на боку или свернувшись клубком, как еж. Если им надоедало одно положение, они укладывались иначе, но охотнее всего свертывались клубком, причем клали передние лапы под клюв, сгибали голову к хвосту, скрещивали задние лапы над клювом и поднимали вверх хвост. Хотя они и были покрыты густым мехом, но все же любили тепло. Они позволяли мне дотрагиваться до шкуры, но не до клюва — новое доказательство его чувствительности.

"Детенышам я мог спокойно предоставлять бегать по комнате, но старое животное так упорно старалось прорыть стену, что я был принужден запереть его. Там оно спокойно лежало весь день, но ночью возобновило попытки освободиться. Если я мешал утконосам спать, то всегда поднималось общее ворчание.

Маленькое семейство моих утконосов прожило еще некоторое время, и я мог наблюдать его привычки. Зверькам, по-видимому, часто снилось, что они плавают, так как их передние лапы часто делали соответствующие движения. Если я сажал их днем на землю, то они отыскивали темное местечко для отдыха и там скоро засыпали, свернувшись клубком; однако они предпочитали свое обыкновенное место отдыха всякому другому. Случалось также и совершенно обратное: они оставляли из каприза ту постель, на которой спали целые дни, и залезали за какой-нибудь ящик или вообще в темное место. Если они спали крепко, то их можно было трогать, и они не просыпались.

Сначала я был склонен считать их ночными животными; но скоро убедился, что образ жизни их очень неправилен; они оставляли места отдыха в самое различное время, как днем, так и ночью; с наступлением темноты, впрочем, становились живее и подвижнее. Я мог прийти лишь к одному несомненному выводу, что они в одинаковой степени и дневные, и ночные животные, хотя и предпочитают прохладу и сумерки жаре и яркому свету полудня. Это можно сказать не только о молодых утконосах, но также и о старых. Иногда они спали целый день и оживлялись ночью, иногда наоборот. Часто один спал, а другой бегал. Иногда самец сначала оставлял гнездо, а самка продолжала спать. Набегавшись и наевшись всласть, он свертывался в клубок и располагался спать. Тогда наступала очередь самки; в другой раз они появлялись оба вместе. Раз вечером, когда оба бегали, самка издала писк, как будто бы звала своего товарища, который спрятался где-то в комнате за мебелью. Он тотчас ответил подобным же звуком, и самка побежала к тому месту, откуда послышался ответ.

Было крайне забавно видеть, как эти странные животные зевали или потягивались. Они вытягивали при этом передние лапы и растягивали, насколько возможно, плавательную перепонку. Хотя это было совершенно естественно, но все же казалось крайне смешным, так как мы не привыкли видеть, чтобы утка зевала. Я часто удивлялся, каким образом они попадали на книжный шкаф или на другую какую-нибудь мебель. Наконец я увидел, как они прижимались спиной к стене, упирались ногами в шкаф и таким образом быстро взбирались вверх благодаря своим сильным спинным мускулам и острым когтям. Я кормил их хлебом, размоченным в воде, круто сваренным яйцом и очень мелко изрубленным мясом. Молоко они, по-видимому, не предпочитали воде.

Вскоре после моего прибытия в Сидней животные, к моему большому огорчению, стали худеть, и их мех потерял свой красивый, блестящий вид. Они ели мало, но еще бодро бегали по комнате; однако если им приходилось промокнуть, то мех сбивался в виде войлока и не высыхал уже так скоро, как прежде. Все в них указывало на то, что они нездоровы, и их вид мог возбуждать лишь сострадание. 29 января умерла самка, 2 февраля самец. Я продержал их лишь около 5 недель».

Из дальнейших наблюдений, сделанных Беннетом, мы узнаем, что утконос не может долго оставаться живым в воде. Когда одного из них посадили только на 15 минут в глубокую воду, так что он не мог найти мелкого места, то вынули его уже совершенно истомленным, еле живым.

Неудачная попытка Беннета привезти утконоса живым в Европу не испугала его. Он заказал особую клетку и во второй раз поехал в Австралию за утконосами. Но и на этот раз усилия его не увенчались успехом. Зато он пополнил свои наблюдения. Так он узнал, что семенные железки самца припухают, как у птиц, перед временем спаривания и достигают величины голубинового яйца, между тем как в другое время имеют величину маленьких горошин.

Утконос кладет несколько яиц* с мягкой скорлупой, в которых зародыши, согласно открытию Кальдуэлла, находятся на той же стадии развития, как в курином яйце, после 36 часов насиживания.

** Обычно в кладке утконоса 2 яйца, но может быть и одно, и три. Брачный период начинается в конце зимы, спустя месяц после спаривания происходит кладка яиц. Самка в течение 9-10 дней высидивает яйца, свернувшись вокруг кладки. Детеныши вылупляются всего 2,5 см в длину. Самка, лежа на спине, помещает их себе на брюхо, где они питаются молоком. Позже, в дополнение к молоку, самка приносит детенышам беспозвоночных в защитных мешках. Лишь к 4 месяцам молодые утконосы окончательно прозревают, приобретают полный меховой покров, способность к терморегуляции и могут покинуть нору. В это время они почти догоняют размерами взрослых, достигая 33 см длины. Половозрелы в возрасте одного года, продолжительность жизни невелика — 10 лет.*

Насиживание яиц происходит в гнезде. Детеныши, выходящие из яиц, малы, голы, слепы и беспомощны, как у ехидны и сумчатых. Клювы их коротки. В описанном выше гнезде Беннет-младший нашел двух молодых животных, которым было, вероятно, около одного месяца. Они лежали, свернувшись клубком, и прикрывали хвостом прижатый к брюху или спине клюв, а передней ногою — хвост. Детеныши имели в длину 5 см, были круглы и хорошо упитанны, серого цвета, голы и блестяли, как бархат; глаза их были еще не вполне открыты. Маленькие животные отдыхали охотнее всего на спине и клали клюв на одну из передних ног, вытягивая другую. Если их беспокоили, то они шипели или пищали.

В зоологическом саду в Мельбурне утконосов в последнее время держали в неволе; в Европу до настоящего времени не привезли ни одного живым.

Отряд сумчатые

В классе млекопитающих отряд сумчатых более других может привлечь наше внимание. Мы соединяем под названием сумчатых значительное число разнообразных семейств млекопитающих, которые, за исключением сумки, способа размножения и половых органов, имеют между собою очень мало общего. Их скорее можно было бы считать отрядами особого подкласса млекопитающих*.

** Внутри класса млекопитающих сумчатые и плацентарные составляют подкласс звери (Theria), противопоставляемый подклассу первозверей (Prototheria).*

При изучении относящихся сюда животных возникает мысль, что мы имеем дело с группой, которая особенно процветала в то время, когда на земле жили еще огромные неуклюжие амфибии, летучие ящерицы и морские чудовища вроде ихтиозавра. Очень веские доводы заставляют предполагать, что сумчатые представляют собой лишь немного измененных потомков млекопитающих прошедших геологических периодов. Более подробное изучение сумчатых и сравнение их с другими млекопитающими выясняют, что внешний вид их очень разнообразен и они часто напоминают представителей других отрядов; но не менее бросается в глаза и то, что их организация более несовершенная по сравнению с теми животными, на которых они похожи. Если не обращать внимания на сумку, то сумчатый волк по внешнему виду, несомненно, имеет сходство с собакой, сумчатая куница — с виверрой, сумчатая мышь — с землеройкой, вомбат — с грызуном, точно так же как сумчатая белка похожа на летучую белку, а кенгуру имеет, по-видимому, голову жвачного. Однако зубная система и внутреннее строение этих сумчатых обнаруживают коренные отличия от сравниваемых с ними представителей высших отрядов, и это не позволяет соединять их.

Если сравнить сумчатое животное с хищным или грызуном, то даже для самого непроницательного глаза становится ясным, что оно во всех отношениях менее развито и менее совершенно, чем похожий на него хищник или грызун. Эта отсталость сумчатого проявляется или в форме всего тела, или в строении отдельных органов, или в зубной системе. Нашему глазу, привыкшему к другим формам животных, всегда чего-то недостает при рассматривании сумчатого. Их зубная система по сравнению с зубными системами соответствующих хищников и грызунов оказывается более несовершенной и скудной. Челюсти хищного сумчатого снабжены достаточным числом зубов, и порядок их такой же, как у хищников. Но они менее развиты, или расположены неправильно, или намного тупее, иногда хуже по цвету, менее белы и чисты, чем зубы настоящего хищника позднейшего времени. Таким образом, мы вполне основательно можем принять, что имеем дело с несовершенными, еще недостаточно развитыми существами*.

** Сумчатые эволюционировали на сравнительно ограниченном пространстве трех южных континентов. В «тепличных» условиях у сумчатых не было необходимости в постоянном усложнении поведенческих реакций и навыков. Мозг же сумчатых практически не претерпел изменений, остался небольшим и просто устроенным. В этом причина подчеркиваемой Брем ом «примитивности», «тупости» современных сумчатых. Когда «настоящие звери» вторглись на южные материки во время позднекаинозойского обмена фаун. сумчатые не удержали позиций и существуют сейчас в качестве реликтов лишь там, куда не проникли занимающие соответствующую нишу плацентарные.*

Вообще о строении тела сумчатых общего можно сказать очень мало. Различные представители этого отряда более отличаются друг от друга, чем представители любого другого отряда. Можно указать некоторые общие особенности скелета. Череп по большей части конусообразно удлинен; мозговая коробка по сравнению с лицевой частью и с носовой полостью меньше, чем у животных, о которых мы уже говорили; отдельные кости не срастаются так рано и тесно, как у тех. Позвоночный столб состоит обыкновенно из 7 шейных позвонков, 12-15 позвонков, несущих ребра, 4-6 поясничных, 2-7 крестцовых и различного числа хвостовых, так как хвост то совершенно не виден снаружи или недоразвит, то достигает чрезвычайно больших размеров. Ключица, за исключением немногих видов, всегда существует; строение передних и задних конечностей, напротив, очень разнообразно. Мозг отличается незначительным развитием: полушария большого мозга почти совершенно плоски, что не говорит в пользу сумчатых и объясняет достаточно незначительную степень развития их умственных способностей. Желудок у видов, питающихся мясом, насекомыми и плодами, простой и округленный, у других заметно удлинен; кишка тоже может представлять очень разнообразное строение. Зубы сумчатых лишь в одном отношении сходны с зубами более развитых млекопитающих: они частью подлежат смене. Во всем остальном они отличаются очень существенно. Особенно отличается большинство сумчатых значительным числом зубов. Клыки, очень большие у питающихся мясом, мало развиты у животных, питающихся растениями, а у многих и вовсе отсутствуют. Число резцов обыкновенно неодинаково в обеих челюстях; ложнокоренные с двумя

корнями; истинно коренные остробугорчаты или снабжены складками эмали различной формы. У всех представителей отряда одинаковое строение половых органов и присутствие костей сумок. У самки они укрепляют брюшную стенку и защищают детенышей, находящихся в сумке, от давления брюшных внутренностей матери. В сумке находятся сосцы молочных желез, к которым присасываются детеныши, рождающиеся недоношенными. Сумка может представлять настоящий карман или быть недоразвитой, образуя две кожистые складки, или даже быть в зачаточном состоянии. Детеныши появляются на свет в таком состоянии, как ни у одного высшего млекопитающего. Они малы, голы, слепы и имеют лишь зачаточные конечности. После рождения присасываются к одному из сосцов, которые обыкновенно имеют вид длинной конической бородавки и скоро заметно вырастают. Затем они быстро развиваются, оставляют по временам сосок и вылезают из сумки.

От дня зачатия до того, как детеныш может высовывать голову из сумки, проходит у опоссумов около 7 месяцев; с этого времени до того, как он в первый раз оставляет сумку, еще около 9 недель, и столько же времени молодой кенгуру живет затем частью в сумке, частью вне. Число детенышей может быть очень значительно*.

** Размер детенышей, при рождении не превышает 0,5-3 см. В одном помете может быть от одного до 25 (рекорд среди млекопитающих!) новорожденных.*

Как было уже замечено, сумчатые в настоящее время населяют Австралию и некоторые прилегающие острова, а также Южную и Северную Америку. В Америке находятся лишь представители одного семейства, главным образом в южной ее части**.

** * Разнообразие жизненных форм сумчатых в Южной Америке на протяжении большей части кайнозоя почти не уступало таковому в Австралии. Помимо доживших до наших дней опоссумов и ценостов здесь жили крупные хищники и мелкие растительноядные аналоги грызунов. Большинство сумчатых континента не пережили вторжения плацентарных; но когда воссоздалась сухопутная связь между Северной и Южной Америкой, то некоторые опоссумы, вновь колонизировали Северную и Центральную Америку.*

Различные виды сумчатых и в образе жизни представляют мало общего: одни из них хищники, другие питаются растениями; многие живут на земле, другие на деревьях, некоторые по временам даже в воде; большая часть — ночные животные, некоторые, однако, деятельны и днем. Из хищных многие ловко бегают и лазают, из питающихся растениями некоторые быстры и выносливы в беге. Однако нельзя не заметить, что даже самые совершенные из сумчатых далеко не достигают подвижности более развитых млекопитающих. Кенгуру уступает оленю или антилопе, а вомбат даже самому неуклюжему грызуну. То же относится и к душевным способностям сумчатых; и в этом отношении их нельзя сравнивать с другими зверями. Одни лишь внешние чувства стоят у них, быть может, на той ступени, как у остальных млекопитающих; понятливость их, напротив, всегда ничтожна. Каждое сумчатое по сравнению с приблизительно соответствующим ему высшим млекопитающим является существом глупым, не поддающимся ни обучению, ни воспитанию. Нельзя воспитать из сумчатого волка собаку, имеющую чуть ли не человеческий разум. Несовершенство, грубость и неуклюжесть сумчатых особенно ясно обнаруживается в их нравах и привычках.

Пища сумчатых в высшей степени разнообразна. Все виды, которые соответствуют хищникам, преследуют других животных, поедают моллюсков, рыб и другую добычу, выбрасываемую морем, или падаль наземных животных; меньшие виды охотятся за птицами, насекомыми и червями. Растительноядные питаются плодами, листьями, травами и корнями, которые они срывают или ошипывают. Хищные сумчатые иногда приносят вред и досаждают, преследуя стада, забираясь ночью в курятники и производя другие неприятности. Европейцы истребляют сумчатых так быстро, как только возможно, без какой-нибудь определенной цели, а лишь удовлетворяя необузданную страсть к охоте. При этом в дело идут мясо и шкура лишь немногих видов, а остальные ни к чему не нужны.

Семейство опоссумовые

Опоссумовые, или двуутробки*, представляют сумчатых, которые достигают самое большое величины домашней кошки, но часто не превышают по величине мышь.

** Ранее опоссумов называли двуутробками, имея в виду сумку в качестве «второй утробы». Однако в самых различных литературных источниках до 30-х годов XX в. двуутробками нередко называли и мелких австралийских сумчатых, внешне сходных с опоссумами. Неудачно и другое старое название опоссумов сумчатые крысы: сейчас так называют несколько родов австралийских хищных сумчатых.*

Тело плотное, голова имеет более или менее заостренную морду. Хвост по большей части длинный, голый на конце и служит для хватания, иногда хвост короткий и более или менее покрыт волосами**.

* * *Далеко не всегда хвост у опоссумов хватательный. У некоторых, преимущественно наземных видов к холодному (или сухому) сезону основание хвоста утолщается из-за отложенной жира. Это запас питательных веществ на малокормный период.*

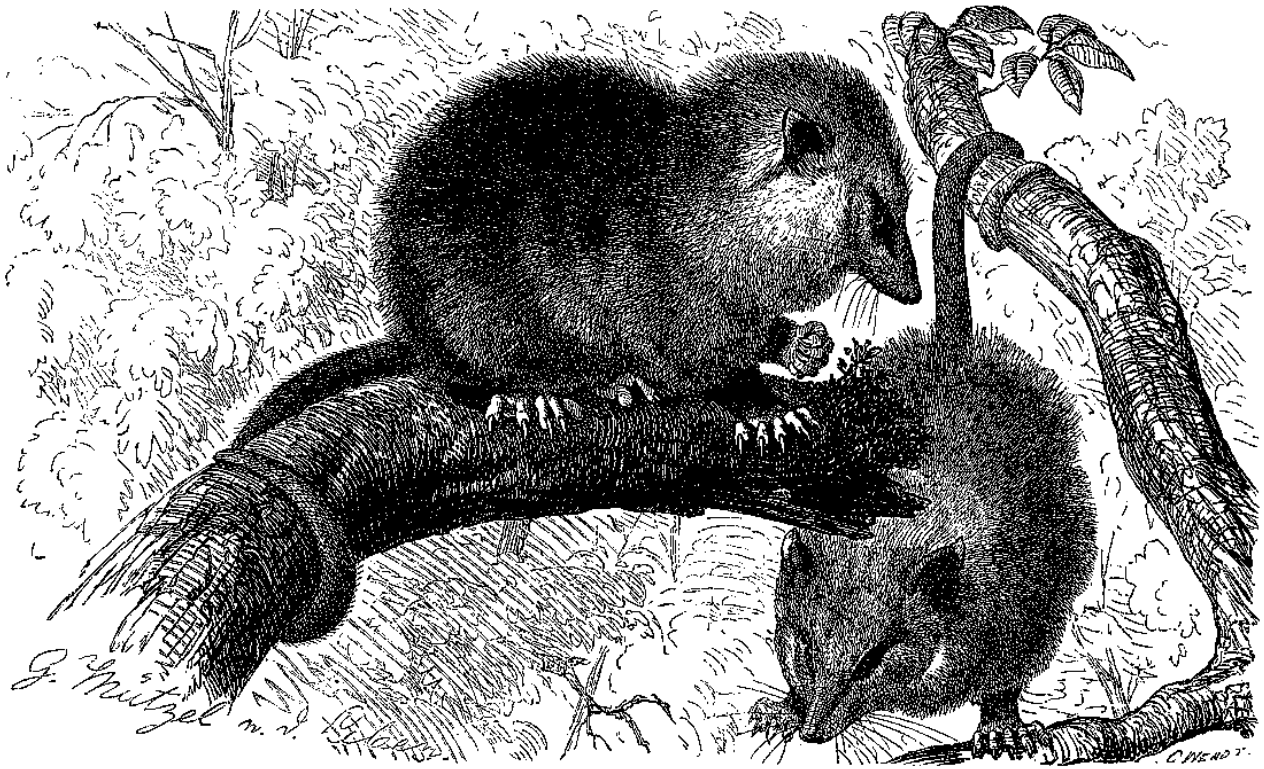
Задние ноги несколько длиннее передних, лапы пятипалые, у одного рода пальцы соединены плавательными перепонками, большой палец задних ног может противопоставляться остальным. Самки некоторых видов не имеют сумки, у других она существует и открыта чаще сзади, чем спереди. В строении зубов ясно выражен характер хищного животного. Клыки развиты довольно сильно, четыре настоящих коренных зуба каждой челюсти снабжены более или менее остроконечными зубцами с режущим краем, три ложнокоренных зуба также с остроконечными зубцами. Резцы, которых в верхней челюсти с каждой стороны по пять, в нижней по четыре, то меньше, то больше, то тупее, то острее. Оба средних резца в верхней челюсти по большей части длиннее других.

Почти все опоссумовые живут в лесах или в густом кустарнике и селятся в дуплах деревьев, под землю и норах, в густой траве и кустарнике. Один вид населяет берега мелких рек и ручьев, превосходно плавает и прячется в подземных норах. Все они ночные животные и ведут одинокую, бродячую жизнь и только в течение времени спаривания держатся вместе со своими самками. Походка их на ровном месте довольно медленна и не тверда; ступают они всей ступней, большая часть их, однако, может, хотя и не без труда, лазать на деревья, привешиваться с помощью хвоста, превратившегося в орган хватания, и целые часы оставаться в таком положении. Из чувств лучше всего, кажется, развито обоняние. Душевные способности очень незначительны, хотя нельзя отрицать у них известной хитрости; они умеют избегать всякого рода ловушек. Пища их состоит из мелких млекопитающих, птиц и их яиц, а также из мелких земноводных, насекомых, личинок и червей; в случае нужды они едят плоды. Виды, живущие в воде и плавающие, едят главным образом рыбу. Более крупные сухопутные виды проникают в жилище человека и душат всех более слабых животных, до которых только могут добраться, упитываются их кровью и просто пьянеют от нее. Их голос состоит из своеобразно шипящих звуков; они издают его только тогда, когда их бьют. В случае преследования никогда не защищаются, а обыкновенно притворяются мертвыми, если не могут спрятаться. В страхе они издают сильный противный запах вроде чесночного.

Над двуутробками хорошие естествоиспытатели производили тщательные наблюдения, и многое, что мы знаем о размножении сумчатых животных вообще, и в частности о развитии их детенышей, основывается на данных, сообщенных этими исследователями*. По словам Бурмейстера, их ловят в Бразилии с помощью водки, которую выставляют в удобном месте. Они пьют и до такой степени пьянеют, что их легко тогда можно поймать. Мясо едят только местные жители; мех их никуда не годен, но волосы находят применение.

* *Беременность большинства опоссумов 12-13 дней, в год многие самки приносят по 2-3 помета. В помете обычно 4-11 детенышей, но бывает и до 25. Количество сосков у самки может достигать 25-27, расположены они в несколько рядов или в виде полукольца. Лактация длится 70-100 дней, половозрелость наступает в 6-8 месяцев, живут до 8 лет.*

Из двуутробок наиболее известен **обыкновенный опоссум** (*Didelphis marsupialis*). Он не отличается ни окраской, ни какими-либо привлекательными чертами характера и справедливо считается крайне противным созданием. Длина тела опоссума более 47 см, длина хвоста около 43 см. Тело мало вытянуто и довольно неуклюже, шея коротка и толста, голова длинная с плоским лбом, постепенно переходит в длинную заостренную морду; ноги короткие, пальцы свободны и почти одинаковой длины; задние ноги снабжены большим пальцем, который может противопоставляться остальным; довольно толстый, круглый и заостренный на конце хвост покрыт волосами только у корня, а отсюда до конца голый и окружен тонкими рядами чешуек, между которыми лишь местами выступает несколько коротких волос. Самка имеет настоящую сумку.

Обыкновенный опоссум (*Didelphis marsupialis*)

Основной цвет колеблется от белого до черного во всех степенях смешения. Америка от североамериканских Соединенных Штатов до Чили и Южной Бразилии составляет родину опоссума. В средних частях этой обширной области он всюду встречается часто и вовсе не на радость людям. Местопребыванием ему служат леса и кустарники, и чем они гуще, тем охотнее держится в них опоссум.

"Мне кажется, — говорит Одюбон, — что я вижу еще, как одно из этих животных медленно и осторожно пробирается по тающему снегу, обнюхивая почву, не найдется ли чего съедобного. Вот оно натолкнулось на свежий след курицы или зайца, поднимает морду вверх и нюхает по сторонам. Наконец опоссум решается и торопливо бежит по избранной дороге со скоростью хорошего ходока. Вот он ищет чего-то и, кажется, не решается, какого направления ему держаться. Предмет его преследования сделал сильный прыжок или петлю прежде, чем опоссум нашел его след. Зверь поднимается на задние лапы, стоит несколько мгновений в таком положении, озирается, снова обнюхивает землю и пускается рысью дальше. Но вот он решительно останавливается у корней старого дерева. Обходит кругом мощного ствола по покрытым снегом корням и находит между ними отверстие, в которое тотчас и проскальзывает. Проходит несколько минут, и он появляется обратно, таща в зубах уже мертвую земляную белку, и начинает взбираться на дерево. Медленно карабкается вверх. Первая развилина ветви, по-видимому, не удовлетворяет его: он полагает, что слишком открыт здесь для взглядов какого-нибудь страшного врага, и потому поднимается выше, пока не скроется в более густых ветвях, переплетенных диким виноградом. Здесь опоссум спокойно садится, обвивает хвостом ветвь и раздирает острыми зубами несчастную белку, все время держа ее передними лапами.

Наступили веселые весенние дни, почки лопаются, но опоссум все еще должен терпеть голод, он совершенно истощен. Посещает берега прудов и бывает рад, если увидит молодую лягушку, которая доставляет ему сносный обед. Понемногу прорастает клюква и крапива, и он с удовольствием ест молодые побеги. Утренний крик дикого индюка ласкает слух хитрого существа; опоссум очень хорошо знает, что скоро услышит и индейку и выследит ее до гнезда: там он рассчитывает с наслаждением пить яйца. Во время своих скитаний по лесу: то по земле, то по вершинам деревьев, он слышит пение петуха, и восхищение овладевает им при воспоминании о сочной добыче, которой он лакомился в прошлое лето на соседнем дворе. Туда-то голодный плут направляет свои стопы, и если обстоятельства благоприятствуют этому, то прокрадывается в курятник». Опоссум, как показывает все его строение, животное древесное, на земле он передвигается, напротив, довольно медленно и беспомощно. При ходьбе ступает всей ступней. Движения его вялы, и даже бег не быстр, хотя и состоит из ряда прыжков, похожих на иноходь*. По деревьям животное лазает, напротив, с большой уверенностью и довольно бойко. При этом ему помогают цепкий хвост и большие пальцы зад-

них ног, он может обхватывать ими ветви и крепко держаться за них. Нередко опоссум вешается на хвосте и остается в этом положении целые часы. Неуклюжее сложение мешает ему, правда, лазать с такой же быстротой и ловкостью, как могут лазать грызуны; однако на деревьях он в достаточной степени защищен от врагов.

** Тем не менее при беге он может разбивать скорость до 7 км в час. Кроме того, опоссум неплохо плавает. В настоящее время считается, что это скорее наземное, чем древесное, животное.*

Из его чувств особенно развито обоняние; говорят о способностях опоссума выслеживать добычу. Он чувствителен к свету, который его ослепляет, и потому тщательно прячется от него. Этого достаточно, чтобы признать, что и зрение должно быть у опоссума довольно хорошо развито. Но другие чувства стоят, несомненно, на очень низкой ступени развития.

В больших, темных лесах опоссум, крадучись, бродит и днем, и ночью, хотя предпочитает темноту. Но там, где он боится опасности, и даже там, где ему досаждают дневной свет, он появляется лишь ночью, а целый день спит в норах или дуплах деревьев. Лишь во время спаривания живет вместе с самкой; в остальное же время живет одиноко, подобно всем близкородственным ему животным.

Он не имеет определенного жилища, а пользуется любым укромным уголком, который находит по окончании своих ночных скитаний при наступлении утра. Если счастье особенно благоприятствует ему и он находит нору, в которой живет какой-либо слабый грызун, то, конечно, это ему на руку; в таком случае первоначальный обитатель такого жилья должен сделаться его жертвой. Он поедает, как мы можем заимствовать из описания, данного Одюбоном, всех мелких млекопитающих и птиц, которых только может добыть, а также яйца, различных земноводных, более крупных насекомых, их личинок и даже червей, но в случае недостатка животной пищи довольствуется семенами и съедобными кореньями. Там, где может, свирепствует с кровожадностью, не поддающейся описанию. В курятниках он часто умерщвляет всех обитателей и в таком случае высасывает только их кровь, не трогая мяса. Это питье крови, как говорят, опьяняет его, как наших куниц, так что нередко его находят утром спящим между мертвыми птицами. В других случаях, во время удовлетворения своей кровожадности, он становится слеп и глух, забывая всякую опасность и, не прекращая убийства, без сопротивления позволяет собакам задушить себя или разозленному фермеру убить.

Впрочем, убить опоссума нелегко, так как он живуч и в случае крайности умеет спастись, притворяясь мертвым*.

** Опоссум эффективно притворяется мертвым. Он подает на бок, тело как бы деревенеет, глаза стекленеют. язык свешивается из полураскрытой пасти. Нередко при этом опоссум пускает слюну, испражняется и выделяет тошнотворную зеленоватую субстанцию. Удивленный хищник, как правило, перестает интересоваться зверьком, думая, что это падаль, и опоссум, улучив момент, скрывается.*

На основании наблюдений над опоссумом в неволе установлено с достаточной достоверностью, что самка рождает детенышей приблизительно после 14-дневной беременности или, лучше сказать, переносит их из своего тела в сумку**.

*** Детеныши сами добираются до сумки, руководствуясь в выборе дороги обонянием. Поскольку сумка открывается вперед, детенышам приходится преодолевать 4-5 см по брюху матери. Обычно на это уходит 2 минуты, но далеко не все проходят дистанцию целиком. Упавших с брюха детенышей самка не замечает, и они обречены на гибель.*

Число детенышей колеблется между 4 и 16. Вначале они еще совершенно бесформенны и очень малы, приблизительно с горошину; глаз и ушей нет, даже ротовая щель не явственна, хотя она, конечно, должна быть достаточно развита, чтобы служить соединительным звеном между детенышем и матерью. Рот развивается гораздо раньше, чем все остальные части тела; позднее развиваются до некоторой степени глаза и уши. Приблизительно через 14 дней открывается сумка, которую мать может произвольно суживать и расширять с помощью особых кожных мускулов; а приблизительно через 50 дней детеныши уже совершенно развиты. Они в это время величиной с мышь, покрыты волосами на всем теле и открывают глаза. По прошествии 60 дней кормления в сумке вес их возрастает более чем в сто раз по сравнению с первоначальным. Мать ни в коем случае не позволяет открывать сумку, чтобы рассмотреть детенышей. Она выдерживает всякое мучение, но не подчиняется этому требованию. Лишь достигнув величины крысы, детеныши оставляют сумку, но остаются еще при матери, умея уже бегать, предоставляют ей добывать пищу и заботиться о них.

Вследствие вреда, который опоссум причиняет домашним птицам, если проникает на ферму, его всюду ненавидят и беспощадно преследуют. Туземцы особенно ревностные враги этого живот-

ного; они убивают его, где и когда только можно, и лучше других умеют извлекать из него пользу. Мясо животного несъедобно для европейца благодаря крайне противному запаху, похожему на чесночный, который зависит от выделений двух желез, расположенных по сторонам прямой кишки; но неграм оно очень нравится и вознаграждает его за труд ловли.

Поведение опоссума в неволе едва ли может доставить удовольствие наблюдателю. Я могу утверждать на основании своих наблюдений, что это животное еще скучнее, чем другие хищные сумчатые. Опоссум лежит, свернувшись, целый день без движения в своей клетке, и, только если его дразнить, то от него можно добиться лишь одного движения: он открывает пасть, насколько может, и держит ее открытой все время, пока перед ним стоят, точно ему вставили в рот распорку. Того ума, который Одюбон приписывает опоссуму, живущему на свободе, не видно и следа. Он вял, ленив, сонлив и кажется отвратительно глупым: этими словами лучше всего можно охарактеризовать его поведение в неволе.

Шкура опоссума идет на выделку и продается под названием «кенгуру»; по Ломеру, в настоящее время в торговлю поступает около 600 000 штук. Цена шкуры устанавливается, смотря по красоте и спросу, зависящему от моды, в 0,5—2,5 марки.

Филандер (*Philander opossum*)*. Тело длиной в 24 см, а хвост в 32 см. Густые, мягкие и шерстистые волосы грязного желтовато- или рыжевато-серого цвета, снизу желтого. Бледно-серое лицо имеет бурую полосу посередине и пятна вокруг глаз; задняя половина хвоста кажется белой.

Филандер (*Philander opossum*)

* Филандер, или четырехглазый опоссум, назван так за круглые светлые пятна над глазами, хорошо выраженные у особей темной окраски. У более светлых особей пятна сливаются в поля, разделенные черной полосой.

Филандер распространен довольно широко, быть может, по всему жаркому поясу Америки и встречается в большом числе в лесах Бразилии, охотнее всего поблизости болот, которые доставляют ему раков и крабов. Он живет почти исключительно на деревьях и спускается на землю только тогда, когда хочет охотиться внизу. Совершенно голый, цепкий хвост облегчает ему лазанье; во всяком положении, в каком случается его видеть, он всегда держится им и, собираясь отдохнуть, прежде всего обвивает свой длинный крысиный хвост два раза вокруг ближайшей ветви и таким образом обеспечивает себя от падения. На земле он ходит медленно и плохо, но тем не менее может справляться с мелкими млекопитающими, земноводными и насекомыми, а также раками, любимой пищей. На деревьях он охотится за птицами и отыскивает их гнезда, но ест, подобно опоссуму и другим родичам, и плоды. Он тоже посещает, как говорят, птичьи дворы и производит там среди кур и голубей большие опустошения.

Плавун, водяной опоссум (*Chironectes minimus*), от родичей отличается по строению ног. Передние и задние ноги с голыми подошвами и снабжены пятью пальцами; задние заметно больше передних, соединены плавательной перепонкой и вооружены большими, длинными, серповидными когтями. Пальцы передних ног вооружены лишь слабыми, маленькими и короткими когтями, которые так прикреплены к концам пальцев, что при ходьбе не касаются земли. Большой палец удлинен; позади него находится еще твердый отросток, похожий на шестой палец и происходящий от удлинения гороховидной кости. Очень длинный хвост покрыт лишь у корня короткими и густыми волосами, остальная часть его одета ромбическими чешуйками. Голова относительно мала, морда длинна и заострена, мех мягок. Самка снабжена полной сумкой**. Строение зубов плавунa почти такое же, как у других двуутробок.

** *Выводковая сумка у самки хорошо развита и открывается назад. Самка плавает вместе с находящимися в сумке детенышами, как они дышат в сомкнутом от попадания воды кожаном мешке неясно. Самцы плавунa единственные среди опоссумов, у которых, как и у самок, есть небольшая сумка. В ней они прячут мошонку, когда находятся в воде.*

Плавун, водяной опоссум (*Chironectes minimus*)

По общему виду животное это похоже на крысу. Уши довольно велики, яйцеобразно округлены, кожисты и голы, глаза малы. Благодаря большим защечным мешкам лицо кажется толще, чем оно есть в действительности. Вытянутое, цилиндрическое, скорее приземистое, чем стройное, тело покоится на коротких ногах с широкими ступнями; передние ноги имеют свободные, очень длинные и тонкие пальцы, между тем как задние представляют сильно развитые плавательные ноги. Хвост почти такой же длины, как тело, и может обвиваться, хотя и не употребляется в качестве органа хватания. Мягкий, гладкий, прилегающий мех, состоящий из более редких и длинных волос ости и густого подшерстка, окрашен на спине в прекрасный пепельно-серый цвет и резко отграничен от белой нижней стороны тела. На сером фоне спины видно шесть черных широких поперечных полос: первая тянется по лицу, вторая по темени, третья по передним ногам, четвертая по спине, пятая по поясице, шестая по крестцу. Вдоль средней линии спины пробегает темная полоска от одной поперечной полосы до другой. Уши и хвост черные, лапы сверху светло-бурые, подошвы темно-бурые. У взрослых животных тело длиной около 40 см, хвост почти такой же длины. Плавун распростра-

нен по большей части южноамериканской области. Он встречается от Гватемалы до Южной Бразилии, но, по-видимому, попадается везде редко или по крайней мере его трудно добыть; поэтому его до сих пор можно найти лишь в очень немногих зоологических коллекциях. Наттерер, который 17 лет собирал коллекции в Бразилии, получил животное всего три раза, и то лишь случайно. Нечего удивляться поэтому, что мы почти ничего не знаем еще о его образе жизни. Известно, что он держится главным образом в лесах, по берегам маленьких рек и ручьев и, подобно большинству водных млекопитающих прячется преимущественно в норах по берегу или плавает в реке; благодаря этому он обыкновенно ускользает от наблюдения. Говорят, что он выходит за пищей и днем и ночью, плавает с величайшей легкостью и может быстро и ловко двигаться также на суше. Пища его состоит, как утверждают, из мелких рыб или других маленьких водных животных и из рыбьей икры; однако большие защечные мешки указывают, конечно, на то, что плавун не пренебрегает также и растительными веществами*.

** Доказательств питания растительным кормом нет и сейчас.*

Говорят, что, наполнив эти запасные вместилыща пищей, животное возвращается на сушу, чтобы там заняться едою. Самка рождает около 5 детенышей, вынашивает их в сумке, затем уже довольно рано ведет их в воду и долгое время обучает здесь плаванию, нырянию и добыванию пищи.

Редко случается удачно выстрелить в животное, когда оно показывается на середине реки. Обыкновенно тех немногих, которых удается добыть, находят, вынимая верши, расставленные для ловли рыбы, в которых они запутываются и задыхаются.

Семейство хищные сумчатые

(Dasyuridae)**

*** Семейство хищные сумчатые возможно, самое примитивное в отряде сумчатых. Насчитывает около 50 видов, распространенных в Австралии, Тасмании, на Новой Гвинее и прилегающих мелких островах. Внешний вид, размеры и повадки очень разнообразны. Все без исключения плотоядны, мелкие формы питаются насекомыми. Активны преимущественно ночью, некоторые виды ведут древесный образ жизни. Выводковая сумка может быть плохо развита или отсутствовать вовсе. Беременность 8-30 дней, в помете 3-10 детенышей, молодые остаются в сумке примерно 150 дней. Половозрелы к 6-12 месяцам, живут 7-12 лет.*

Сумчатые сони, или кистехвостые сумчатые крысы (Phascogale), представляют собой мелких хищных сумчатых, более или менее похожих на землероек. Длина тела этих животных незначительна, хвост умеренной длины. Плотное тело покоится на коротких ногах с маленькими пятипалыми лапами, которые, за исключением большого пальца задних ног, лишены когтя, вооружены крючковатыми, остроконечными когтями. Голова заострена, глаза и уши довольно большие. В зубной системе бросаются в глаза сильно развитые верхние резцы; тонкие клыки бывают лишь умеренной величины, остроконечные ложнокоренные зубы напоминают по своим бугоркам зубы насекомоядных.

Сумчатые сони населяют Австралию и Папуасские острова, живут на деревьях и питаются почти исключительно насекомыми. Их образ жизни и привычки еще недостаточно исследованы, и потому мы можем рассмотреть их лишь бегло.

Большая сумчатая крыса, или тафа (Phascogale tapoatafa). По величине она равна приблизительно нашей белке; длина тела 24 см, длина хвоста — 22,5 см. Длинный, мягкий, волнистый, довольно редкий мех на верхней стороне тела серого цвета, на нижних частях — белого или желтовато-белого; середина лба и темени темнее, все другие волосы с черными кончиками; пальцы белые. Хвост на протяжении первой четверти длины покрыт гладко прилегающими волосами, похожими на волосы тела. На протяжении следующей четверти он покрыт более короткими волосами, сверху светлого, снизу бурого цвета; вторая половина хвоста покрыта длинными, пушистыми, темными волосами.

Тафа — маленькое красивое и, казалось бы, безопасное создание, неспособное причинить вред; но едва ли какое-либо другое животное может до такой степени противоречить своим характером первому впечатлению, которое оно производит, как это хищное сумчатое, составляющее одно из величайших бедствий для колонистов. Дикий, кровожадный и смелый хищник просто пьянеет от крови умерщвленных им животных и во время своих хищнических набегов ловко проникает в жилища людей. Незначительная величина и маленькая голова позволяют тафе пролезать через самые маленькие отверстия, и если ей удастся проникнуть в помещение, где живут домашние животные, то она свирепствует здесь совершенно невероятным образом. От этого назойливого создания не защищает ни стена, ни ров, ни изгородь. Она пролезает через самую узкую щель, перепрыгивает че-

рез стену или изгородь, всюду находит доступ, снизу и сверху, с той или другой стороны. К счастью для колонистов, у тафы нет таких резцов, как у наших крыс, и достаточно хорошей двери, чтобы удерживать ее. Но каждый хозяин должен самым тщательным образом запирают курятники и голубятни, если хочет сохранить своих птиц. Если бы тафа была величиной с сумчатого волка и сохранила свою кровожадность, то она сделала бы необитаемыми целые страны и, безусловно, была бы самым страшным из всех хищных животных.

Колонисты утверждают единогласно, что непрерывное преследование, которому подвергается тафа как со стороны белых, так и туземцев, нельзя объяснить исключительно ее хищностью и кровожадностью, этому содействует также особая ненависть к ней, обуславливаемая совершенно иной причиной. Тафа при нападении на нее защищается, говорят, с такой яростью и наносит при этом такие болезненные и даже опасные раны, что уже одно появление ее возбуждает в человеке жажду мщения.

Обыкновенно тафа только ночью оставляет свое убежище и бродит, отыскивая добычу. Однако довольно часто случается видеть, что она бежит и днем, причем свет, по-видимому, не мешает ей. Она обладает большой подвижностью и ловкостью, главным образом на ветвях деревьев. Здесь проводит большую часть жизни и с быстротой и гибкостью белки прыгает и шмыгает с ветви на ветвь, с одного дерева на другое. Длинный хвост приносит при этом пользу в качестве прекрасного руля или балансира. Тафа находит обыкновенно приют в дуплах деревьев*; здесь выкармливает своих детенышей. Она широко распространена в Австралии, где часто встречается как на равнине, так и в горах; этим отличается от большинства других австралийских животных которые ограничиваются обыкновенно поясом определенной высоты.

* Гнездо из листьев и веточек устраивает не только в дуплах, но и в развилках веток, даже на земле.

Второй вид — **желтоногая сумчатая мышь** (*Antechinus flavipes*), животное, которое достигает в длину около 13 см и имеет хвост длиною в 8 см.

Желтоногая сумчатая мышь (*Antechinus flavipes*)

Довольно обильный и мягкий мех у основания темно-серого цвета, снаружи он черноватый с желтыми крапинками, на боках — рыжеватый или охристо-желтый, снизу светло-желтого цвета; подбородок, грудь и брюхо белые или желтые; хвост светлый, местами испещренный более темными крапинками. Белобрюхие экземпляры обитают в западной и северной частях Австралии, желтобрюхие — в восточной.

Мы должны упомянуть еще об одном маленьком хищном сумчатом зверьке, который живо напоминает тушканчика, поэтому мы будем называть его **сумчатым тушканчиком** (*Antechinomys*

laniger). Он отличается маленькой, стройной фигурой, очень большими ушами, очень длинным хвостом, снабженным кистью и необыкновенно удлинненными задними ногами, пальцы которых приблизительно равной длины. Преобладающий цвет длинной, тонкой и мягкой шерсти сверху неопределенно-серый, который на боках и снизу становится светлее. Вся длина животного несколько более 20 см, длина хвоста не менее 12 см. Судя по виду задних ног, похожих на задние ноги тушканчиков, можно сказать а priori, что сумчатый тушканчик передвигается преимущественно прыжками. Креффт действительно убедился в этом факте на основании собственных наблюдений. Родина этого животного — южный Квинсленд и Новый Южный Уэльс. Питается оно, конечно, насекомыми**.

** *Нередко охотится на ящериц и мелких грызунов, в неволе сумчатые тушканчики медленно нападали на подсаженных мышей.*

Сумчатые куницы, среди которых в 1888 г. различали пять видов, составляют особый род. По общему виду они занимают приблизительно середину между лисицами и куницами, не представляя, однако, ни с теми, ни с другими сходства, которое бросалось бы в глаза. Тело тонкое и вытянутое, шея довольно длинна, голова впереди заострена. Зубная система такая же, как у сумчатого дьявола. Хвост длинный, висячий и равномерно пушистый; ноги низкие и средней толщины, задние ноги несколько длиннее передних и отличаются отсутствием большого пальца; пальцы свободны и вооружены крепкими, серпообразными, остроконечными когтями*.

* *Рисунок из издания Брема неточен — там, где обитает этот вид, часто совсем нет древесной растительности.*

Один из наиболее известных видов этого рода — **крапчатая сумчатая куница** (*Dasyurus viverrinus*), или **кволл**, имеет чало-бурый цвет, снизу белый. Вся верхняя часть тела покрыта неправильной формы пятнами, которые на голове мельче, чем на спине и боках. Несколько заостренные уши умеренной величины с короткими черными волосами. Конец морды красно-мясного цвета. У взрослого животного длина тела достигает 40 см, хвоста 30 см, высота тела у загривка 15 см. Представители этого вида распространены по Новому Южному Уэльсу, Виктории, Южной Австралии и Тасмании.

Крапчатая сумчатая куница (*Dasyurus viverrinus*)

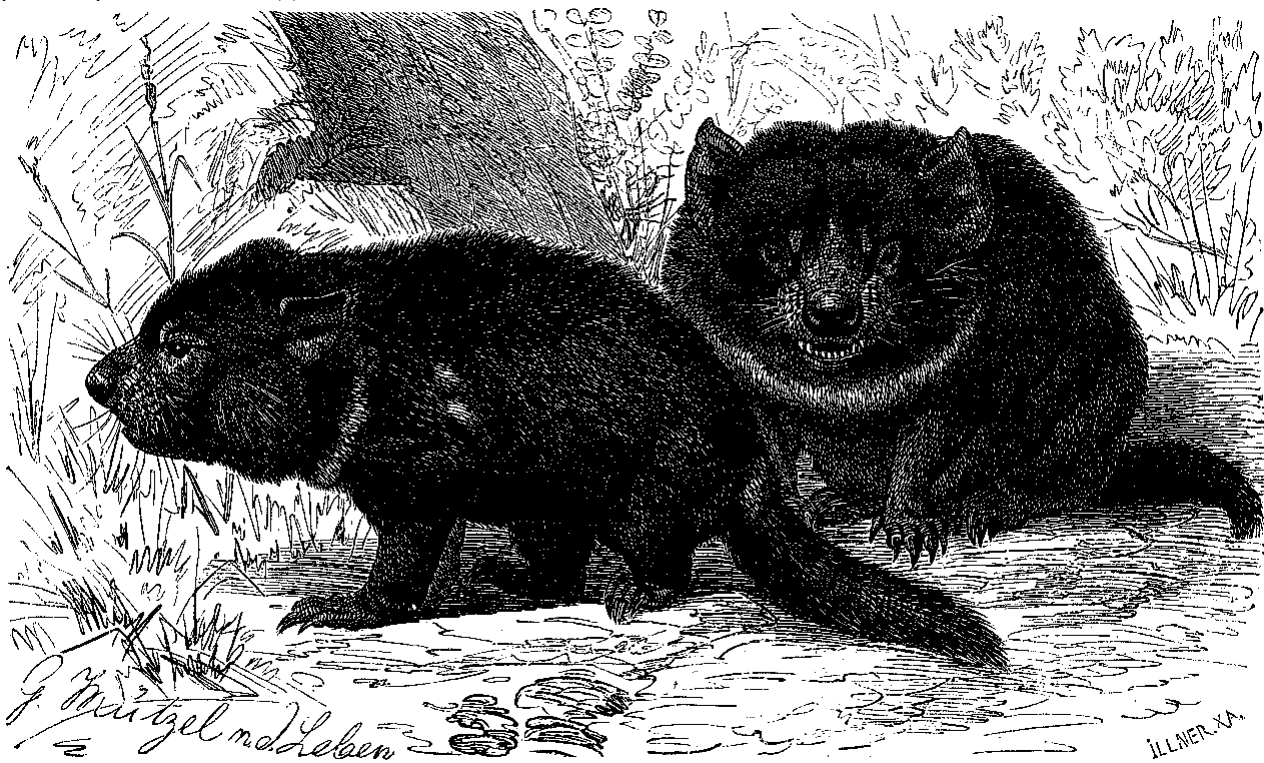
Любимое местопребывание крапчатой сумчатой куницы составляют леса на берегах моря. Здесь она прячется днем в подземных логовищах, под корнями деревьев и под камнями или в дуплах деревьев. После наступления ночи бродит в поисках пищи, уходя часто на далекие расстояния. Ест главным образом мертвых животных, выброшенных морем, но охотится также в лесу за мелкими млекопитающими или гнездящимися на земле птицами; не пренебрегает и насекомыми. Она посещает также курятники и беспощадно душит захваченных ею птиц, а также крадет мясо и жир из жилищ человека. Походка крадущаяся и осторожная, но движения быстры и ловки; однако она лазает плохо и поэтому охотнее всего держится на земле, хотя иногда и поднимается по наклонным стволам деревьев. Число детенышей колеблется между 4 и 6*.

* *В неволе известен случай рождения 24 детенышей. Возможно, в природе самки нередко приносят большой помет, но, поскольку сосков всего 6-8, выживают лишь детеныши, сумевшие раньше других добраться до сосков.*

Сумчатую куницу преследуют с такою же ненавистью, как и вышеназванных хищных сумчатых. Ее ловят часто в железные капканы, куда кладут в качестве приманки какое-нибудь мясо. Для содержания в неволе она мало пригодна, это одно из самых скучных существ, каких только я знаю. Ее нельзя назвать ни злой, ни добродушной, ни живой, ни спокойной: она просто скучна.

Ум ее, по-видимому, очень ограничен. Куница никогда не выказывает привязанности или любви к своему хозяину и никогда не становится ручной. Если приблизиться к ее клетке, она уходит в угол, прячет спину и, насколько может, разевает рот. Хотя эта поза и имеет угрожающий вид, на самом деле вовсе не страшна: если еще более приблизиться к ней, она не отважится на решительное противодействие. Когда куница возбуждена, то издает хрипкое сопение, которое едва ли можно назвать фырканьем; она не думает защищаться каким-нибудь иным способом, например зубами. Света боится так же, как и другие представители этого семейства, и потому всегда удаляется днем в самый темный угол своей клетки. Так как куница нечувствительна к влиянию погоды и довольствуется всякой животной пищей, то ее можно содержать без особого труда. Сырое или вареное мясо всякого рода составляет для нее вполне пригодную пищу. Она не проявляет такой жадности, как остальные хищные сумчатые. Данный ей кусок мяса схватывает с поспешностью, отрывает кусочек, подпрыгивая, бросает его вверх, ловит и проглатывает. Окончив обед, садится на задние лапы, быстро трет передние лапы одну о другую и вытирает ими свою влажную морду или чистит все тело, так как она очень чистоплотна.

Сумчатый дьявол (*Sarcophilus harrisi*) производит крайне отталкивающее и противное впечатление. Он составляет также особый род. Животное получило такое многозначительное название благодаря своей невероятной дикости и неприручаемости. Все наблюдатели единогласно говорят, что едва ли можно представить себе более неприятное, более задорное, отчаянное и бешеное существо, чем этот сумчатый дьявол; его дурное расположение духа и злоба никогда не прекращаются, и гнев вспыхивает ярким пламенем по самому незначительному поводу. В неволе, даже при самом тщательном уходе, он не теряет своих качеств и никогда не полюбит и не будет узнавать человека, который кормит его и ходит за ним.

Сумчатый дьявол (*Sarcophilus harrisi*)

Напротив, с безрассудной яростью нападает на своего сторожа, как и на всякое другое существо, которое осмелится к нему приблизиться. Сумчатый дьявол или спит в самом темном углу клетки, или щелкает своими страшными зубами и бешено огрызается, если думает, что может достать того, кто к нему приближается. В этих взрывах злобы, по-видимому, только и проявляется духовная деятельность, к которой он способен.

Внешний вид сумчатого дьявола следующий: сложение плотное, голова очень велика, неуклюжа, толста, с широкой мордой. Уши короткие, снаружи покрыты волосами, внутри голые и складчатые. Глаза маленькие, зрачки круглые. Нос голый, губы усажены многочисленными боро-

давками. Хвост короткий, конической формы, очень толст у корня и быстро утончается; низкие, несколько кривые ноги приблизительно равной длины. В зубной системе одним ложнокоренным зубом меньше, чем у сумчатого волка. мех состоит из коротких нигде не удлиняющихся мягких волос; волнисто закрученные волосы усов толсты, щетинисты и коротки, пучок щетинок на щеках чрезвычайно длинен. Голова покрыта редкими черными волосами, так что между ними просвечивает красноватая кожа. На груди сумчатого дьявола находятся белый галстучек и два белых пятна; остальное тело покрыто черным, как сажа, мехом*. Вся длина животного около одного метра, из которых на хвост приходится около 30 см.

** Белые пятна на черном фоне шерсти, очевидно, служат маркерами для индивидуального распознавания особей, их расположение и размеры сильно варьируют. Помимо пятен на груди белые метины могут быть по бокам тела и на крестце.*

Вначале сумчатый дьявол доставлял поселенцам в Тасмании много хлопот, так как сильно препятствовал разведению домашней птицы. Он проникал, как куница, в курятник и свирепствовал здесь с такой кровожадностью, какую может проявлять кроме него только куница. Поэтому с самого начала его возненавидели и стали преследовать самым беспощадным образом, тем более что находили его мясо вкусным или по крайней мере съедобным. Ставили всякого рода ловушки и устраивали большие охоты. Благодаря этому он очень скоро научился бояться человека и удалился в самые густые и недоступные горные леса. Во многих местностях он уже истреблен и даже там, где еще встречается, его замечают теперь довольно редко*.

** Основную роль в сокращении ареала сумчатого дьявола сыграло проникновение на австралийский материк крупного плацентарного хищника собаки динго. Сумчатый дьявол за короткое время исчез с материка и сохранился только на Тасмании, куда динго не проник.*

Это настоящее ночное животное; он в такой же степени боится дневного света, как сумчатый волк или наши совы. Свет, по-видимому, действительно причиняет ему боль. За содержащимися в неволе животными наблюдали: когда их выносили на свет, они тотчас торопливо и испуганно старались найти самое темное место в клетке, корчились, отворачивались и старались защитить глаза от крайне неприятного действия света с помощью постоянных движений мигательной перепонки. Пока солнце находится еще на небе, сумчатый дьявол прячется в самых темных и глубоких норах, в расщелинах скал, под корнями деревьев и здесь впадает в глубокий сон, похожий на смерть; тогда его не может разбудить даже шум охоты. После наступления ночи он оставляет логовище и бродит, ища добычи. При этом он оказывается относительно быстрым и проворным в своих движениях и выносливым на бегу; но все-таки по ловкости и гибкости стоит бесконечно позади виверр и куниц, с которыми хотели его сравнивать. Его осанка и некоторые привычки напоминают медведя. При ходьбе он ступает всей ступней, при сидении опирается, как собака, на заднюю часть.

Со своей обычной яростью он нападает на всех животных, которые ему только попадаются. Отыскивает добычу как между позвоночными, так и между беспозвоночными; из того, что дает ему эта скудная, надо сознаться, страна или море, он не брезгует ничем, так как его прожорливость не уступает его ярости. Во время своих хищнических походов дьявол издает звуки, которые представляют собой нечто среднее между звонким лаем и ворчанием. Его прожорливость часто служит причиной гибели. Он идет, не задумываясь, в любую ловушку и берет всякую приманку, состоит ли она из кусочка мяса какого-либо позвоночного или из другого низшего животного. Труднее, говорят, охотиться за ним с собаками: видя опасность, он в драке проявляет необычайную храбрость и защищается до конца против каждого, даже более сильного противника. Большая сила челюстей, страшные зубы, бешеная ярость и бесстрашие часто позволяют ему победоносно отражать нападение собаки. И действительно, едва ли найдется такая охотничья собака, которая вступила бы с ним в бой.

В неволе дьявол остается всегда верным себе, через год он так же бешен и яростен, как и в первый день заточения. Без малейшего повода бросается иногда на жерди своей клетки и наносит кругом удары лапами, как будто бы хочет растерзать на месте всякого, кто к нему приблизится. В неволе ест любую пищу; довольно продолжительное время его можно кормить одними только костями, которые он легко раздробляет крепкими зубами.

Число детенышей, как говорят, колеблется от 3 до 5. Утверждают, что самка долго носит их с собой. Больше ничего о размножении не известно*. Мясо, как говорят, по вкусу похоже на телятину.

** Сумка дьявола представляет собой серповидную складку кожи, открывается назад. Спаривание происходит в начале осени, детеныши рождаются в начале зимы. Четверо новоро-*

жденных имеют длину всего по 12 мм. В 15 недель они покидают соски матери, но остаются в сумке весь период лактации 4—5 месяцев.

Семейство сумчатые муравьеды

Сумчатый муравьед или намбат (*Murgipescobius fasciatus*), его называют также «мурашеед»**, служит единственным представителем семейства.

* * *Намбат в прошлом был широко распространен по всей южной части Австралии, в настоящее время встречается лишь на крайнем юго-западе материка. Естественный ареал, видимо, связан с наличием термитов, которые не только служат пищей, но и содействуют образованию дупел, используемых в качестве убежища. Включен в международную Красную книгу как вид, находящийся под угрозой исчезновения.*

Тело его длинно, голова заострена, задние ноги четырехпалые, передние пятипалые; задние ноги несколько длиннее передних, подошвы не покрыты волосами, пальцы разделены. Хвост висячий, длинный и косматый. Самка не имеет сумки. На груди находится замечательная и очень сложная железа, открывающаяся несколькими протоками и свойственная обоим полам. Зубная система животного чрезвычайно богата. Число зубов больше, чем у какого-либо другого млекопитающего, за исключением армадилла и некоторых китообразных. У муравьеда не менее 50-54 зубов. С обеих сторон в верхней челюсти находятся по 4 резца, по 1 клыку, по 3 ложнокоренных зуба, по 5 истинно коренных; в нижней челюсти — по 3-4 резца, по 1 клыку, по 3 ложнокоренных зуба и по 5-6 истинно коренных. Язык длинный, тонкий, к концу сужен, отличается совершенно гладкой поверхностью и может вытягиваться.

Мурашеда можно по справедливости считать одним из самых красивых и привлекательных по виду сумчатых. По величине он равен приблизительно нашей обыкновенной белке. Длина тела около 25 см, длина хвоста около 18 см. Тело покрыто густым мехом, голова коротка, хвост, напротив, длинен, покрыт косматыми волосами черного цвета. Под длинной, довольно жесткой остью лежит густой, короткий подшерсток, по бокам верхней губы торчат усы, под глазами щетинистые волосы. Окраска очень своеобразна. Охристо-желтый цвет передней и верхней части тела кажется светлее от примеси белых волос; он постепенно переходит в густой черный цвет, который покрывает большую часть задней половины тела, но прерывается белыми или рыжеватыми поперечными полосками. Вся нижняя часть желтовато-белая, пах бледный чало-желтый, ноги с наружной стороны бледные буровато-желтые, с внутренней стороны — белые. На голове черные волосы в смеси с чало-желтыми и некоторым количеством белых производят буроватую окраску. Верхняя сторона хвоста представляет грубую смесь бледно-желтого и черного цвета; нижняя сторона его окрашена ярким ржаво-рыжим цветом. Нос, губы и когти черного цвета. Подшерсток беловато-серый.

Сумчатый муравьед (*Myrmecobius fasciatus*)

Несмотря на такое резкое разграничение цветов, животное производит приятное впечатление, которое еще более увеличивается, если приходится видеть его в живом виде. Оно так же подвижно, как и вышеописанные виды. Если оно обращается в бегство, то довольно быстро движется мелкими прыжками, причем держит хвост совершенно так же, как наша белка. Бежит муравьед не особенно скоро, но его ловкость и хитрость с избытком вознаграждают недостаток быстроты. В лесу, не тронутым еще рукой человека, его любимом местопребывании, он легко может спрятаться или в дупле дерева, или под корнями, или же в расщелине скалы; такие убежища муравьеда умеет найти даже во время самого энергичного преследования; он скрывается в них с большою ловкостью, и извлечь его оттуда очень трудно. Даже дым, который коварный человек обыкновенно употребляет для того, чтобы выгнать из норы спрятавшееся животное, не производит, говорят, на муравьеда желаемого действия; во всяком случае, человек гораздо раньше устает от возни при выкуривании, чем дым, затрудняющий дыхание и отравляющий воздух, начнет действовать на муравьеда. Главная пища муравьеда указана уже в самом названии. Его находят преимущественно в таких лесных местностях, где встречаются во множестве муравьи. Он, совершенно как муравьед, всовывает язык в кишаскую кучу муравьев и затем, когда масса разозленных насекомых вцепится в него, челюстями быстро втягивает его обратно в рот. Говорят, что, кроме того, он ест других насекомых, иногда смолу, выступающую на ветвях эвкалиптов, и даже траву.

Число детенышей колеблется, говорят, от 5 до 8*.

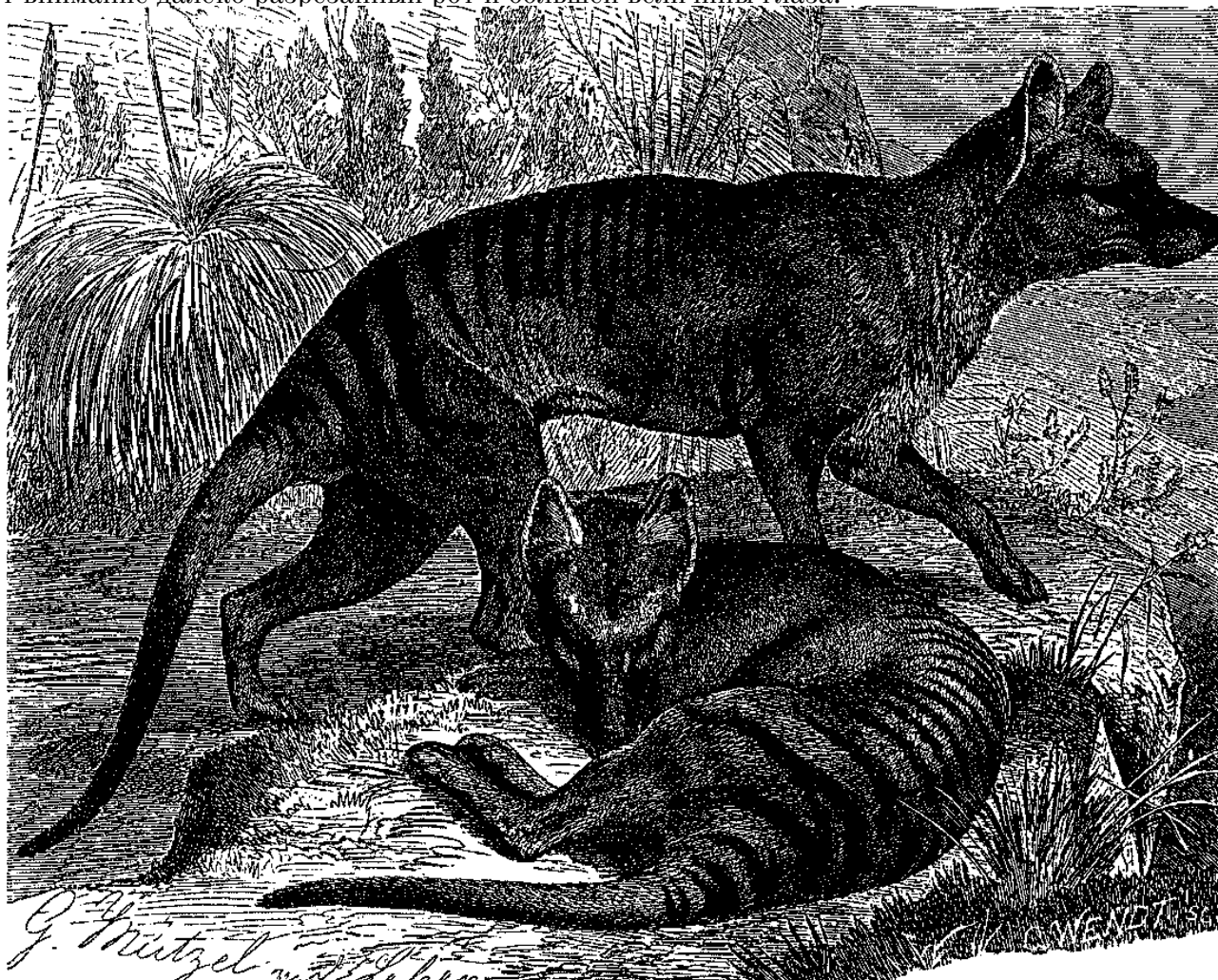
* Самка приносит лишь 4 детенышей.

Семейство сумчатые волки

Сумчатый, или тасманийский, волк, тилацин (*Thylacinus cynocephalus*), единственный ныне живущий представитель особого рода, не без основания носит свое имя; он в самом деле похож на дикую собаку*. Его вытянутое тело, форма головы, сильно отделенная от остальной головы морда, стоячие уши, злые глаза, а также поднятый кверху хвост напоминают собаку, только конечности относительно коротки, и зубы существенно отличаются. В каждой половине верхней челюсти находится по 4, в нижней по 3 резца, кроме того, вверху и внизу по 1 клыку, 3 ложнокоренных и 4 истинных зуба; всего, следовательно, 46 зубов.

* Сумчатый волк удивительный пример морфологической конвергенции сумчатых и плацентарных млекопитающих.

Сумчатый волк — самое крупное из всех плотоядных сумчатых. Длина его тела более 1 м, длина хвоста 50 см, старые самцы, как уверяют, становятся еще заметно больше, достигая общей длины около 1,9 м. Короткий, пушистый мех серо-бурого цвета, на спине с 12—14 черными поперечными полосами. Волосы на спине при основании темно-бурые, а перед темным концом желтовато-бурые; волосы на брюхе бледно-бурые у корня и буровато-белые на конце. Голова светлая, область глаз беловатая; у переднего угла глаза находится темное пятно, а над глазом полоска. Когти бурые. Сзади на спине волосы удлиняются и достигают на бедрах наибольшей длины. Мех не очень тонкий, но короткий и несколько курчавый. Хвост лишь у корня покрыт мягкими волосами, а на остальном протяжении жесткими. Выражение лица у животного совершенно иное, чем у собаки, привлекают внимание далеко разрезанный рот и большей величины глаза.

Сумчатый волк (*Thylacinus cynocephalus*)

Сумчатый волк живет в Тасмании. В первое время европейской колонизации он попадался очень часто, причинял много хлопот и убытка скотоводам, так как прилежно посещал стада овец и птичьи дворы. Позднее огнестрельное оружие все более и более отгоняло его, и теперь он оттеснен внутрь острова. Здесь в некоторых гористых местностях он все еще водится в довольно значительном количестве, чаще всего на высоте около 1000 м над уровнем моря*.

** Со времен Брема ситуация изменилась настолько, что о сумчатом волке приходится сейчас говорить в прошедшем времени — видимо, он полностью вымер в 60-70-х годах XX века.*

Расщелины скал в темных, почти недоступных для человека ущельях, естественные или вырытые им самые глубокие норы составляют его дневное убежище; отсюда он предпринимает свои хищнические набеги.

Сумчатый волк — ночное животное и очень боится яркого света. Чрезвычайную чувствительность его глаз к дневному свету доказывают непрерывные движения мигательной перепонки; ни одна сова не старается тщательнее защитить глаз от резкого света, чем он. Вероятно, благодаря этой чувствительности к свету днем он неповоротлив и неловок, ночью же, напротив, бодр, энергичен и часто даже смел и опасен; не боится борьбы и часто выходит из нее победителем, так как единственными опасными врагами его могут быть только собаки. Если он и не самый дикий из всех

хищных сумчатых, то во всяком случае превосходит своих родичей силой и смелостью и уже поэтому заслуживает свое название. Он приносит столько же вреда, как и его северный тезка.

Пища сумчатого волка состоит из мелких животных, которых он может добыть и одолеть; при этом он уничтожает как позвоночных, так и беспозвоночных, начиная от насекомых и моллюсков. Там, где горы доходят до морского берега и где переселенцы не утвердились еще прочно, он бродит ночью по берегу, нюхает по сторонам и отыскивает всевозможных животных, выброшенных волнами. Двустворчатые и другие моллюски, которых попадает очень много, составляют главную его пищу, если только счастье не улыбнется и море не приготовит ему пир, выбросив на берег полусгнившую рыбу или тюленя. Но сумчатый волк предпринимает и более трудные охоты. На богатых травой равнинах и в низменностях, поросших кустами, он преследует быстрого кенгуру**, а в реках и прудах — утконоса, несмотря на его умение плавать и нырять. Если он очень голоден, то не пренебрегает никакой пищей и не боится даже острых игл, покрывающих ехидну.

* * *Обычно хищник загонял свою добычу в результате долгого изматывающего преследования. Есть наблюдения, что на близкой дистанции, в броске, сумчатый волк достигал кенгуру, скача, как и они, только на задних лапах.*

Животное это ловят в ловушки, если оно в своих разбойничьих экскурсиях появляется около деревень, или травят его собаками. От последних он умеет хорошо защищаться и выказывает при этом храбрость и свирепость, вовсе не соответствующие его незначительной величине. В крайнем случае он дерется поистине отчаянно, и с ним нелегко справиться целой стае собак.

О жизни сумчатого волка в неволе мало что можно рассказать. Глупый и тупой, как все его родичи, он едва ли может возбудить участие к себе. Только что пойманные, говорят, ведут себя сначала очень упрямо и непокорно, с ловкостью кошки лазают по своей клетке и по балкам дома и делают прыжки вышиною в 2-3 м. При продолжительной жизни в неволе уменьшается как их подвижность, так и дикость по отношению к человеку; однако они никогда не дружат со своим сторожем, едва могут узнавать его и отличать от других людей, относятся к нему совершенно равнодушно и разве при виде предлагаемого мяса до некоторой степени оживляются. Их ясный темно-бурый глаз тупо смотрит на наблюдателя и вовсе не имеет того выражения, какое имеет глаз настоящего хищника.

Семейство бандикутовые

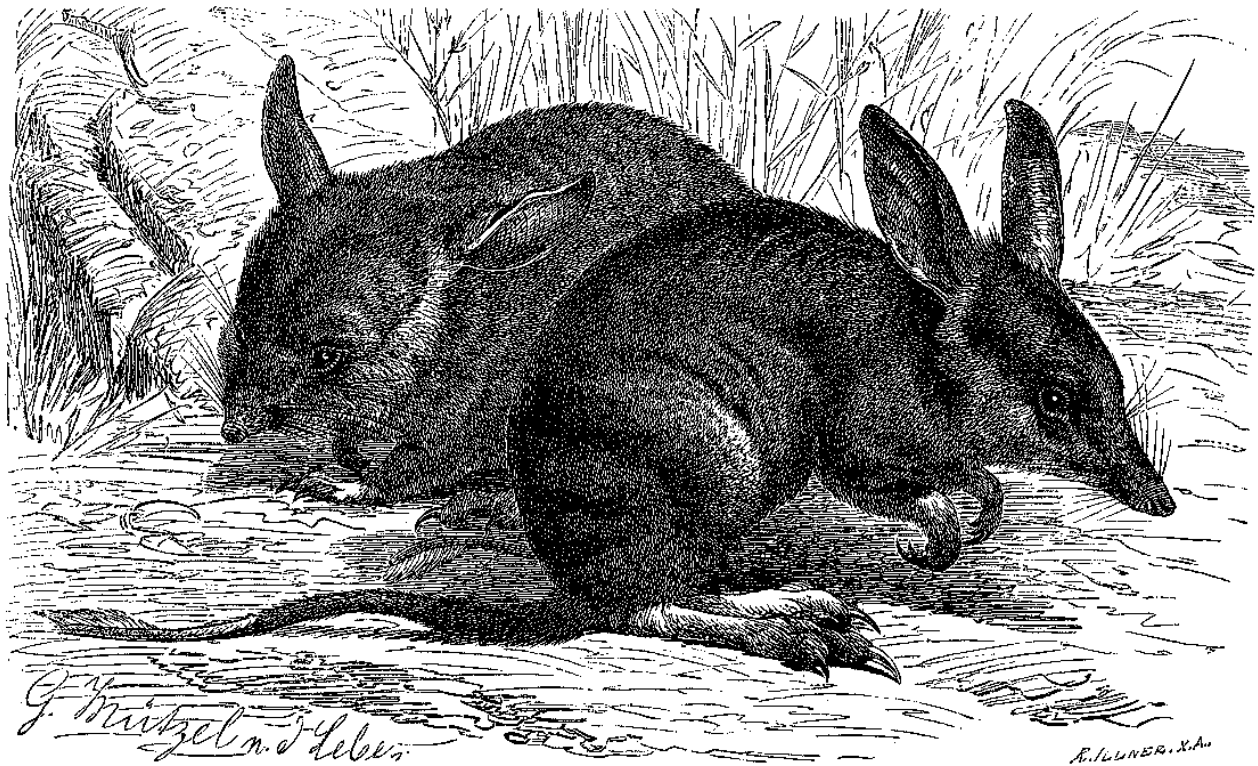
Даже не специалист легко может отличить представителей семейства бандикут, или сумчатых барсуков. Значительно удлиненные задние ноги и своеобразное строение пальцев этих животных составляют признаки, которые должны броситься в глаза каждому. Из пяти пальцев передних ног лишь два или три средних велики, свободны и снабжены большими серпообразными когтями. Второй и третий палец задних ног сращены между собой до ногтей; большого пальца нет или он недоразвит, четвертый палец очень длинен. Тело в общем плотное; голова и особенно морда заострена; хвост очень короткий и покрыт редкими волосами, лишь у отдельных видов он длинен и пушист; уши у одних животных умеренные, у некоторых видов замечательно велики. Сумка открыта у самки сзади. Зубная система состоит из четырех или пяти верхних и трех нижних резцов, одного клыка, трех ложнокоренных и четырех истинных коренных зубов в каждой челюсти.

Сумчатые барсуки живут в Австралии и Новой Гвинее в норах, которые они выкапывают себе в земле и в которые прячутся с величайшей поспешностью при малейшей опасности. Иногда они встречаются поблизости от плантаций или человеческих поселений, обыкновенно же держатся вдали от человека — заклятого врага всех животных.

Большинство видов живет обществами и ведет исключительно ночной образ жизни. Их движения довольно быстры и своеобразны: походка состоит из ряда то более коротких, то более широких не то прыжков, не то шагов. Пищей служат им главным образом растения, особенно сочные корни и клубни; однако они поедают также насекомых и червей.

Все сумчатые барсуки робкие и пугливые, крайне добродушные, безобидные и миролюбивые животные, которые на свободе пугаются каждой опасности и стараются убежать от человека. В неволе они без сопротивления подчиняются своей участи и уже в короткое время становятся ручными и доверчивыми. В этом заключается единственная польза, которую они могут приносить человеку, так как ни один вид не употребляется в пищу и не дает шкуры, которая шла бы в дело. Вред, приносимый ими, заключается, как говорят, в том, что они роются на полях и иногда причиняют опустошения на плантациях.

Длинноносый бандикут (*Perameles nasitta*)* — животное своеобразного внешнего вида, которое почти настолько же похоже на кролика, как и на землеройку.

Кроличий бандикут (*Macrotis lagotis*)

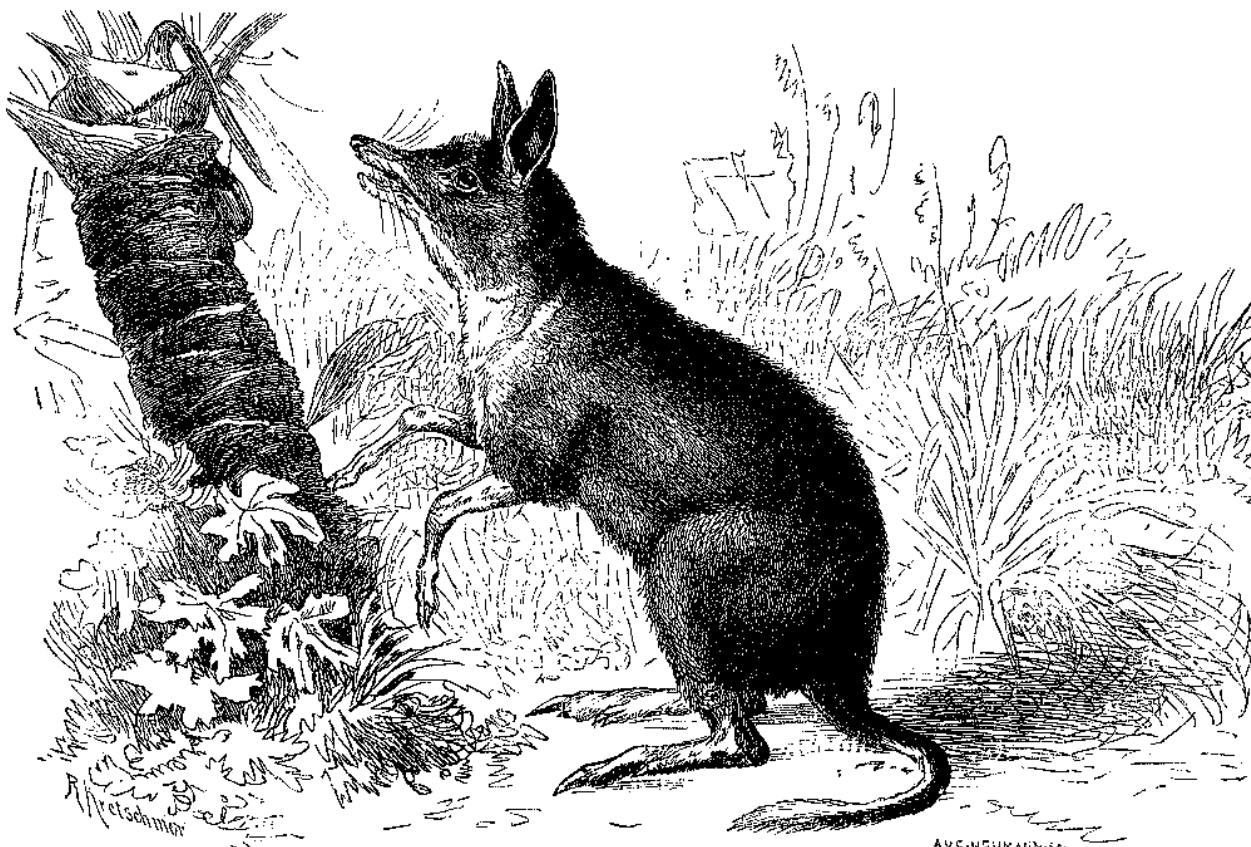
* Брем рассказывает о длинноносом бандикуте, а на рисунке изображен кроличий бандикут, или обыкновенный билби (*Macrotis lagotis*), — представитель отдельного семейства *Thylacomyidae*. Билби заметно крупнее длинноносого бандикута, с более длинными ушами и замечательным черно-белым хвостом, несущим на конце кисточку и своеобразный «коготь». Внесен в Красную книгу МСОП.

Оно справедливо носит свое название в том отношении, что обладает очень длинной мордой. Верхняя часть ее удлинена, и кончик носа далеко выдается над нижней губой. Уши покрыты очень короткими волосами, внизу широки, глаза малы. Вытянутое тело снабжено висящим, покрытым короткой шерстью хвостом средней длины и покоится на довольно толстых ногах, при этом задние ноги почти вдвое длиннее передних. На передней паре ног внутренние и наружные пальцы намечены лишь в виде бородавок и так скрыты под волосами, что их трудно найти. Остальные три пальца, которыми животное ступает, имеют большие, серпообразно согнутые когти. Не густой, но довольно длинный, рыхлый и жесткий, даже почти щетинистый мех состоит из редких и коротких волос подшерстка и более длинных волос ости. Сверху он испещрен буроватыми чало-желтыми и черными крапинками, что обуславливается главным образом двойной окраской отдельных волос, которые внизу серого цвета и постепенно переходят в черный, но часто с буроватыми чало-желтыми кончиками. Хвост сверху черно-бурый, снизу светло-каштаново-бурый. Уши покрыты по краям буроватыми волосами, но голая кожа всюду просвечивает. Взрослое животное длиной более 50 см вместе с хвостом, который равняется полным 12 см; высота у загривка около 10 см.

Длинноносый бандикут живет в возвышенных, более прохладных горных областях восточной Австралии, особенно в горах Нового Южного Уэльса. Его нет на жарких равнинах этой части света, но он, однако, часто спускается к морскому берегу. В местах обитания прорывает под землей длинные ходы, частью для добывания пищи, частью чтобы устроить себе жилище. Сеть дорожек в виде бороздок, ведущих от одной норы к другой, покрывает нередко обширные равнины. Упомянутые норы особенно многочисленны под кустами. Длинные и крепкие когти дают возможность бандикуту вырывать эти полу под земные ходы и норы; а так как именно корни и клубни составляют, по-видимому, его главную пищу, то он, подобно кроту, должен постоянно рыть новые ходы, чтобы поддерживать свою жизнь. Длинный хобот тоже служит ему для рытья. Кроме корней он поедает червей и насекомых, но, пока может иметь растительную пищу, он, кажется, предпочитает ее всякой другой. Иногда причиняет довольно значительные опустошения на картофельных полях и в амбарах с зерновым хлебом и почти так же неприятен этим, как мыши и крысы. К счастью, у него нет таких резцов, как у этих вредных животных, и потому земледелец при известной предусмотрительности может избавиться от нежелательных посещений; надо заботиться о том, чтобы фундамент таких амбаров глубоко входил в землю, чтобы бандикут не мог подрывать под них.

Своеобразные движения этого животного представляют нечто среднее между бегом и прыжками и должны более всего походить на движения кролика, так как бандикут ступает поочередно передними и задними ногами, а, следовательно, не движется, подобно кенгуру, исключительно на задних ногах. Голос его можно слышать лишь тогда, когда его ранят; он состоит из резких свистящих звуков, которые живо напоминают писк крыс. Переселенцы смотрят, по-видимому, на него и его родичей с таким же отвращением, как мы на только что упомянутых грызунов, и преследуют всех бандикутов, когда и как только могут. Самка рождает, говорят, более одного раза в год 3-6 детенышей и долгое время носит их в своей открытой сзади сумке.

Свиноногий бандикут (*Chaeropus ecaudatus*) живо напоминает слоноземлеройку. Довольно тонкое тело покоится на очень тонких и длинных ногах, причем задние значительно длиннее передних. Морда острая; уши очень длинные, хвост средней длины покрыт редкими волосами и снабжен незначительным гребнем. На передних ногах находится лишь по два развитых коротких пальца одинаковой длины с короткими, но крепкими когтями; первого и пятого пальца здесь вовсе нет, четвертый недоразвит; задние ноги имеют лишь по одному развитому пальцу, четвертому, к которому прилегают недоразвитые остальные. На основании этого замечательного строения ног животному дали и его научное название, которое значит «свиноногий», хотя при внимательном рассмотрении сходство его ноги с ногой свиньи только кажущееся. Видовое название тоже было дано при особенных обстоятельствах. Томас Митчелль, открывший это животное, вытащил первый и единственный экземпляр, добытый им живым, из древесного дупла, куда он спрятался; Митчелль был не менее удивлен, чем туземцы, которые говорили, что никогда не видели такого существа. Больше всего бросилось естествоиспытателю в глаза отсутствие хвоста, и потому он дал животному видовое название *ecaudatus* (бесхвостый). Но позднее все присланные в Европу экземпляры имели хвосты, и поэтому выяснилось, что первый экземпляр этого вида, попавший в руки исследователей, лишился хвоста благодаря несчастному случаю.

Свиноногий бандикут (*Chaeropus ecaudatus*)

Животное достигает приблизительно величины маленького кролика; длина его около 35 см, из которых 10 см приходится на хвост. Длинный, рыхлый, мягкий мех на спине буро-серого цвета, снизу белого или желтовато-белого. Хвост сверху черный, на конце и на нижней стороне буровато-белый; большие уши покрыты ржаво-желтыми, а их кончики черными волосами. Передние лапы беловатые, задние бледно-рыжие, их большой палец грязно-белый.

Насколько известно, до настоящего времени свиноногий бандикут населяет почти всю Австралию, может быть, за исключением крайнего севера, востока и северо-востока*. Главным местопребыванием его служат равнины, поросшие жесткой, режущей травой. В общем он живет, как и

сумчатые барсуки, но делает себе довольно искусно гнездо из сухой травы и листьев, так хорошо скрытое под густым кустарником, что даже опытный охотник с трудом может отыскать его. Пища состоит, говорят, из различных растительных веществ и насекомых. Более точных сведений об их образе жизни до настоящего времени не имеется.

* *Ныне находится под угрозой исчезновения, если еще не вымер. Внесен в Красную книгу МСОП. Последний раз этого небольшого бандикута видели в 1920 г. в полупустыне Центральной Австралии. Причинами вымирания считают выпас скота и интродукцию хищников лисги. Биология вида не изучена, известно, что в помете — 2 детеныша.*

Семейство кускусовые

(Phalangeridae)**

* * *Австралийских представителей семейства нередко называют поссумами (и даже опоссумами), однако, чтобы избежать путаницы с американскими сумчатыми, предпочтительнее название «кускусы».*

Семейство лазающих сумчатых — кускусовые достигают величины не более крупной куницы. Они снабжены обыкновенно длинным хватательным хвостом, морда их коротка и широка. Желудок простой и богат железами, слепая кишка чрезвычайно длинна. Зубы велики и хорошо развиты. Кускусовые живут также в Австралии и на близлежащих островах.

Все они живут на деревьях и поэтому встречаются только в лесах; лишь в исключительных случаях некоторые спускаются на землю, обыкновенно же всю жизнь проводят на верхушках деревьев. Почти все виды спят большую часть дня, а если и пробуждаются от голода, то лишь на короткое время. При наступлении темноты они выходят из своих убежищ за пищей, которая состоит главным образом из плодов, листьев и почек. Некоторые едят, правда, также птиц, яйца и насекомых, но другие едят только молодые листья и побеги или роются в земле, отыскивая корни; здесь они устраивают себе, как говорят, подземные жилища, в которых спят в течение холодного времени. По своим движениям кускусовые существенно отличаются друг от друга. Они медленны и крайне осторожны и потому двигаются, крадучись; другие отличаются живостью и проворством.

Все умеют отлично лазать, некоторые делают широкие прыжки. Цепкий хвост и встречающаяся у многих летательная перепонка указывают уже на эти способности. При ходьбе они ступают всей подошвой, при лазании стараются по возможности обезопасить себя от падения. Большая часть живет обществами или держится вместе парами. Они рожают 3-4 детенышей*.

* *В одном помете — 1-2 детеныша, в году бывает два помета. Сумка у кускусов хорошо развита и открывается вперед.*

Это кроткие, безобидные, пугливые существа. Если их преследуют, то некоторые привешиваются на ветви хвостом и долгое время остаются в таком положении без движения, очевидно, стараясь спрятаться. В неволе некоторые обнаруживают известную привязанность к своему сторожу, но большая часть едва научается узнавать его. При хорошем уходе почти все долго выживают в неволе. Кормление их не представляет никаких затруднений.

Пятнистый кускус (*Phalanger maculatus*), один из красивейших видов этого рода, достигает во взрослом состоянии общей длины в 1,1 м, из которых около 48 см приходится на хвост. Тело одето густым, волнистым, шерстистым, мягким, как шелк, мехом. Цвет его бывает разным. По большей части белый с желтоватым или сероватым налетом мех верхней стороны тела разрисован большими яркими ржаво-рыжими, темно-бурыми или черными пятнами, которые расплываются на наружной стороне ног, нижняя сторона всегда без пятен и чисто-белого цвета, ноги ржавого цвета. Лоб у старых животных ярко-желтый, у более молодых ржаво-желтый; уши чисто-белого цвета, а голые места красноватого; белый хвост лишь в исключительных случаях имеет несколько пятен.

Пятнистый кускус (*Phalanger maculatus*)

Пятнистый кускус населяет острова к востоку от Целебеса до Новой Гвинеи и северной части Австралии; на самом Целебесе, группе Гилоло, южных Молуккских островах и архипелаге Бисмарка существование его еще не доказано с достоверностью. Мы обязаны первыми сведениями о жизни этого животного голландцу Валентину. Он рассказывает, что на Амбоине кукусовая ласка, или кусу, как ее называют малайцы, представляет одну из самых странных форм. «Голова имеет большое сходство с головой крысы или лисицы. Мех тонок и густ, как у кошки, но более волнист, рыжего и серого цвета, почти как у зайца. Некоторые рыжеваты, некоторые белы, самки по большей части серы. Большие виды очень злы и опасны; если они сидят на дереве и кто-нибудь схватит их за хвост, то могут утащить человека вверх и затем сбросить его оттуда. Они защищаются острыми когтями лап, которые снизу голы, почти как рука ребенка; они пользуются ими, как обезьяны; зубами, напротив, не защищаются, хотя они у них очень острые. Конец хвоста обнажен и загнут;

зверьки так крепко держатся им за ветви, что их можно оторвать лишь с большим трудом. На Молуккских островах кускусы живут не в норах, а в лесах, особенно там, где есть семена деревьев. На Цераме и Буру их больше, чем на Амбоине. так как здесь они боятся людей, которые ловят их оригинальным способом и употребляют в пищу; для туземцев они представляют лакомый кусок и в жареном виде похожи по вкусу на кроликов. Но голландцы не едят их. Надо пристально смотреть на повисшее на хвосте животное, тогда оно из страха расслабляет хвост и падает с дерева. Но лишь некоторые люди обладают способностью взглядом заставить падать кускусов с деревьев. Животные прыгают с дерева на дерево, как белки, и погибают при этом хвост крючком. Они цепляются им за ветви, чтобы тем легче добраться до плодов, которыми питаются. Кускусы поедают зеленые листья, наружную скорлупу некоторых орехов, пизанги и другие сочные плоды. При этом садятся, как белки. Если они ходят по земле и их застанут врасплох, то в одно мгновение взбираются на деревья. Если их испугать, то они от страха мочатся. Между задними ногами находится сумка, где сохраняются 2-4 детеныша, которые так крепко висят на сосках, что при отрывании их идет кровь*.

** Абсолютно верное наблюдение. Губы детенышей многих сумчатых временно срастаются с соском, а сам он приобретает во рту грибовидную форму, так что оторвать сосущего детеныша от матери без членовредительства невозможно.*

Почти каждая самка, которую находят, имеет в мешке детенышей; они, должно быть, постоянно беременны».

Более новые сведения сообщили Лессон и Гарно, которые встретили родственный вид в Новом Мекленбурге. «Туземцы ежедневно приносили на судно множество этих животных живыми. Они ломали им ноги и всовывали в рот кусок дерева, вероятно, чтобы помешать кусаться. По рассказам туземцев, кускусы выдают себя вонью; их очаровывают пристальным взглядом и ловят, когда они, утомленные, распусают хвост и упадут на землю. Туземцы необыкновенно любят их жирное мясо, откармливают пойманных зверьков и пекут их с кожей и шерстью на углях. Из зубов готовят ожерелья, пояса и украшения для оружия, часто длиною в сажень и более».

Куа и Гэмар замечают, что пятнистый кускус очень походит на американских ленивцев. По их словам, он так же туп и проводит большую часть жизни в темноте. Если ему мешает свет, то прячет голову между ногами и переменяет положение лишь тогда, когда захочет есть; при всей своей тупости он обнаруживает, однако, большую жадность. В лесах все известные виды питаются пряными плодами; в неволе они едят, если им недостает растительной пищи, и сырое мясо*.

** Все кускусы в основном питаются зелеными листьями, подобно ленивцам. Этот грубый малокалорийный корм они способны переваривать благодаря колониям бактерий, живущих в объемистом желудке и слепых кишках. Сочные плоды стоят в питании на втором месте. Из кормов животного происхождения кускусы потребляют насекомых, птичьи яйца, птенцов.*

Их поведение в клетке или в комнате так же мало привлекательно, как и внешний вид. Они ленивы и смиренны, сонливы и угрюмы, едят жадно и пьют очень много. С себе подобными обращаются дурно, часто с ворчанием и пронзительным криком наносят удары, фыркают, как кошки, шипят и дразнят друг друга. Днем их большие карминно-красные глаза, зрачок которых сокращается до степени узкой щели, имеют своеобразное глупое и вялое выражение; ночью они светятся, как у других ночных животных; в это время они во многих отношениях напоминают лори. Если они не едят и не спят, то лижут себе лапы или хвост; других способов проводить время кускусы, по-видимому, не знают. Животное это лишь на Амбоине называется «кускус», в Австралии его называют «тебун», на Ару «вангал»; очень вероятно, что оно носит особое название на каждом острове.

Непонятно, отчего пойманные зверьки крайне редко привозятся живыми в Европу, хотя жители Молуккских островов и островов Ару ведут деятельную торговлю животными, чтобы выменивать на них европейские товары.

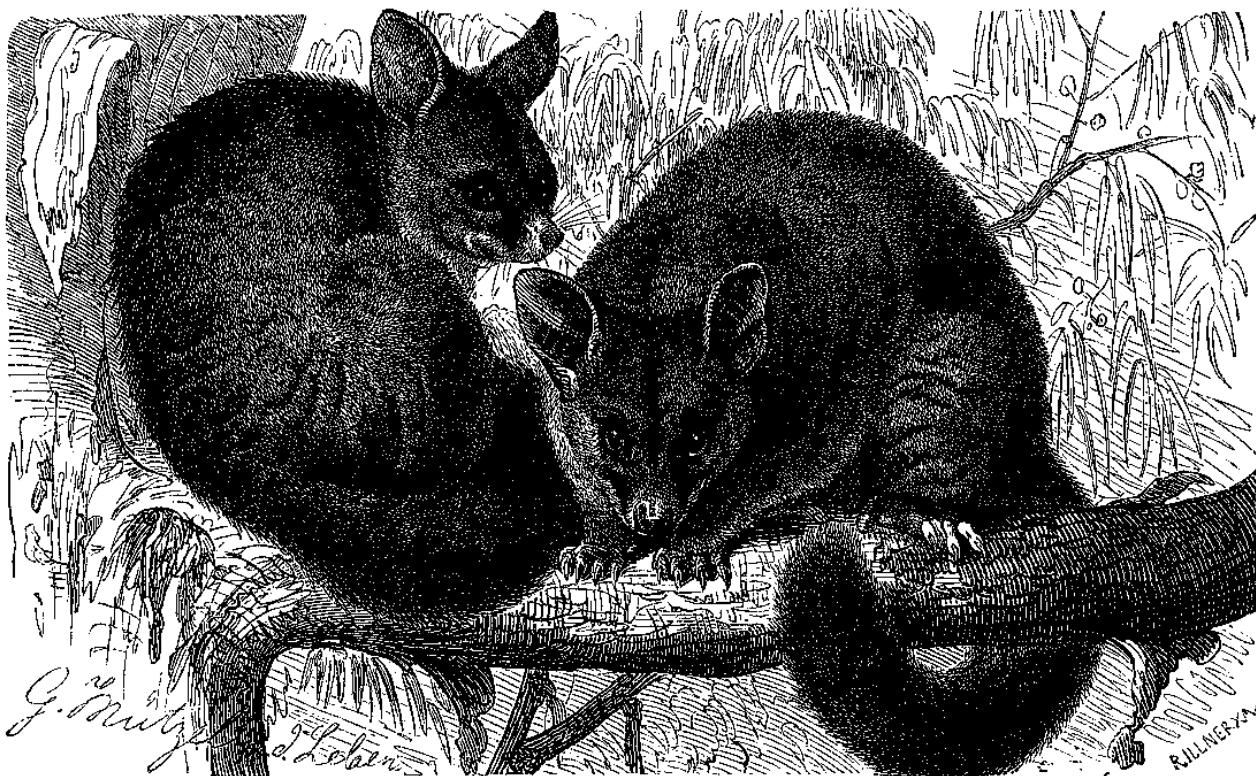
Гораздо чаще попадают к нам кузу, близкородственные кускусам лазающие сумчатые, с такими же зубами. Они отличаются по внешнему виду округленным зрачком, довольно большими ушами, гладкой шерстью и хвостом, покрытым волосами до самого кончика.

Один из наиболее известных видов этого рода, **лисий кузу** (*Trichosurus viderpula*)* — животное, которое, по-видимому, соединяет изящное строение нашей белки с внешним видом лисицы.

** Лисий кузу, или, как его называют в Австралии, «щёткохвостый поссум».*

Длина тела равняется 60 см, длина хвоста 45 см. Тело вытянутое, шея короткая и тонкая, голова удлинённая, морда короткая и заостренная, верхняя губа глубоко расщеплена. Из других признаков этого животного надо указать: стоячие заостренные уши средней величины; расположенные по бокам головы глаза с продолговатым зрачком; голые подошвы; плоские ногти на боль-

ших пальцах задних ног и сильно сжатые, серпообразные когти на остальных пальцах ног; неполная, состоящая лишь из невысокой кожной складки сумка у самки; наконец, густой и мягкий мех, состоящий из шелковистого подшерстка и довольно короткой жесткой ости. Цвет верхней стороны буровато-серый с рыжевато-чалым оттенком, который местами заметно преобладает; нижняя сторона тела светлая орехово-желтая; нижняя часть шеи и груди по большей части ржаво-рыжие; спина, хвост и усы черные, голые внутри уши покрыты с наружной стороны светлыми, орехово-желтыми, на внутреннем краю черно-бурыми волосами. Молодые животные светлого пепельно-серого цвета, смешанного с черным, снизу они окрашены, как и старые особи. Кроме того, встречается много индивидуальных отклонений.

Лисий кузу (*Trichosurus vulpecula*)

Лисий кузу живет в Австралии и Тасмании и представляет одно из самых обыкновенных сумчатых животных Австралии*.

** В наше время лисий кузу стал еще более многочисленным и является самым обычным и распространенным сумчатым Австралии. Он охотно поселяется рядом с жилищем человека и освоил даже крупные города. Эти зверьки не боятся людей, будучи всеядными, находят себе пропитание, на помойках и свалках. Некоторый урон в городах им наносят кошки и собаки.*

Подобно родичам, он живет исключительно в лесах на деревьях и ведет чисто ночной образ жизни; появляется из своего убежища лишь через 1-2 часа после заката солнца. Хотя он отлично умеет лазать по деревьям и тело его превосходно приспособлено для такого движения, тем не менее кузу — ленивое и медлительное создание по сравнению с другими животными сходного строения, особенно с белками. Цепкий хвост играет важную роль при лазании; лисий кузу не делает ни одного движения, предварительно не укрепившись прочно с помощью этого необходимого для него органа. На земле он, говорят, еще медлительнее, чем на деревьях. Пища его состоит по большей части из растительных веществ; однако он никогда не пренебрегает маленькой птицей или другим слабым позвоночным. Свою добычу этот хищник-любитель сначала долго мучит, как куница, трет и переворачивает ее в передних лапах и наконец подносит ко рту, острыми зубами открывает череп и выедаст сначала мозг; лишь после того принимается за остальное. Каким образом кузу ловит животных на свободе, не удалось наблюдать. Его медлительность, говорят, так велика, что без особенного затруднения кузу может поймать человек, несколько опытный в лазании. Как скоро кузу замечает опасность, то повисает на ветви с помощью хвоста и, чтобы его не заметили, долго остается неподвижным в таком положении; благодаря этому он довольно часто ускользает от взглядов преследователей. Если кузу найдут, то он почти не старается избежать грозящей опасности».

Самка рождает лишь двух детенышей и долгое время носит их в сумке, а позднее на спине, пока молодые не вырастут настолько, чтобы обходиться без материнского попечения. В новейшее время живые кузу часто привозятся в Европу. Большая часть зоологических садов имеет по не-

сколько экземпляров. Приручают их без труда. Находящиеся в неволе звери кротки и миролюбивы, не пытаются кусаться, но так глупы, безучастны и ленивы, что доставляют мало удовольствия.

Туземцы ревностно преследуют это животное и считают его мясо, несмотря на издаваемый им крайне противный запах, за лакомый кусок и умеют также различным образом употреблять в дело его шкуру. Накидку, приготовленную из меха кузу, они носят с таким же удовольствием, как мы соболью или кунью шубу. Действительно, мягкий волокнистый мех представляет пушной товар, очень ценимый даже колонистами; о нем знатоки высказались с большим одобрением. Поэтому нет ничего невероятного, что мех кузу войдет в употребление. Это предположение, как пишет нам г. Ломер, начинает оправдываться: шкуры поступают в торговлю под названием «австралийский опоссум»; в шестидесятых годах их поступало ежегодно 30 тысяч штук, в настоящее время около 2 миллионов штук. Конечно, эти шкуры принадлежат не только кузу, но и некоторым другим австралийским сумчатым. Смотря по величине, красоте и цвету, цена колеблется от 60 пфеннигов до 10 марок за штуку.

Семейство карликовые кукусы

Карликовый летучий кукус, или поссум (*Acrobates pygmaeus*)*, справедливо считается представителем особого рода.

** Это единственный представитель семейства, имеющий летательную перепонку и способный планировать.*

Широкая летательная перепонка доходит до основания кисти; хвост перообразный, усажен волосами в два ряда; уши покрыты редкими волосами. Это миловидное животное по величине равняется приблизительно нашей домашней мыши, и если сидит на ветви, приложив к телу растяжимую летательную перепонку, то до такой степени похож на этого изящного и тем не менее так сильно ненавидимого грызуна, что их можно спутать.

Вся длина летучего кукуса равняется приблизительно 14,5 см, из которых немного более половины приходится на хвост, остальные на тело. Короткий, мягкий мех сверху серо-бурого, снизу желтовато-белого цвета; глаза окружены черными кольцами; уши спереди темные, сзади беловатые. Оба преобладающие цвета тела резко разграничены. При сидении летательная перепонка прилегает складками к телу и служит, таким образом, своеобразным украшением. Нежный, белый цвет на нижнем краю перепонки можно сравнить с изящной кружевной оборкой накидки, лежащей на плечах животного.

Карликовый летучий кукус (*Acrobates pygmaeus*)

Летучий кукус, водящийся в восточной Австралии от Квинсленда до Виктории, питается, подобно его родичам, листьями, плодами, почками и другими неясными частями растений, но не

пренебрегает и маленькими насекомыми, если случайно найдет их. По живости и подвижности он едва ли уступает своим родичам, а по способности перепрыгивать или перелетать на большие расстояния с помощью растянутой летательной перепонки у него мало соперников. Говорят, что туземцы и поселенцы, живущие поблизости от Порт-Джаксон, очень любят это маленькое животное и часто держат его ручным в клетках; однако пока нет еще более точных сведений ни о жизни и поведении в неволе, ни о жизни на свободе, ни о размножении и воспитании детенышей этого красивого создания*.

** Эти посумы держатся в эвкалиптовых лесах группами до 16 особей. Самка приносит 2-4 детенышей.*

Семейство сумчатые летяги

(Petauridae)**

** * Во времена Брема всех представителей семейства относили к кукусовым.*

Сахарный летающий посум, или карликовая сумчатая летяга (*Petaurus breviceps*). По виду и по величине это животное похоже на нашу белку. Вытянутое и тонкое тело благодаря летательной перепонке, натянутой между ногами, кажется необыкновенно широким; шея коротка и довольно толста, плоская голова оканчивается короткой, несколько заостренной мордой; хвост очень длинный, округленный, висящий и мохнатый. Стоячие уши длинные, но тупо заострены; глаза велики и выдаются в виде полушарий. мех очень густой, чрезвычайно тонкий и мягкий; летательная перепонка покрыта волосами, и только уши голы на внутренней стороне, на наружной же стороне покрыты волосами, по крайней мере у основания. Вся верхняя сторона тела пепельно-серого цвета; летательная перепонка снаружи окаймлена темным орехово-бурым и белым цветом; нижняя сторона — белая со слабо-желтоватым оттенком, к краю же буроватая. Ржаво-бурая полоска тянется через глаза и пробегает к ушам, другая полоска впереди ржаво-бурая, на лбу яркая каштаново-бурая полоса проходит по спинке носа, по лбу и по средней линии спины. Хвост у корня светлого пепельно-серого цвета, на конце черного. Вся длина животного достигает 46 см, из которых несколько более половины приходится на хвост*.

** Длина тела с хвостом у сахарного посума не превышает 30 см.*

Сахарный посум встречается от Квинсленда до Виктории. Это настоящее древесное животное, которое, подобно большинству родичей, бодрствует ночью. Днем прячется в самой густой чаще деревьев, где отыскивает или дупло, или развилину, и, свернувшись в клубок, предается сну; с наступлением сумерек начинается его деятельность. Тогда он с ловкостью белки лазает по деревьям, притом всегда снизу вверх, так как сверху вниз он прыгает, расправив свою летательную перепонку. Днем нельзя признать в нем животное, которое наблюдали ночью. Он кажется скорее каким-то безжизненным существом, чем проворным обитателем деревьев. Посум спит, боясь света, лишь иногда только просыпается, чтобы съесть что-нибудь; шатаясь, неуверенно передвигает ноги и боязливо избегает лучей ненавистного света. Совершенно иным является он в одну из ясных, волшебных лунных ночей своей родины. С изумлением следишь теперь за движениями сахарного посума. Они становятся так же легки, проворны и ловки, как движения самой шаловливой обезьяны, самой проворной белки. Лишь на земле посум кажется неуклюжим, движения его шатающимися, шаг неверным; но на землю, к которой он относится почти враждебно, посум спускается лишь в крайней нужде, например, если деревья так далеко отстоят одно от другого, что даже летательная перепонка не позволяет перепрыгнуть через разделяющий их промежуток. Он может делать чрезвычайно длинные прыжки и при этом произвольно изменять направление. Если имеет возможность прыгнуть с высоты в 10 м, то способен достигнуть дерева, отстоящего от него на 20-30 м*.

** Длина прыжка может составлять и 50 м. Есть сведения, что на лету зверьки могут ловить насекомых. Еще одно необычное умение способность приносить материал для гнезда в дупло при помощи хвоста.*

Вообще сахарный посум очень хорошенькое животное, если и не совсем безобидное, то все же легко приручаемое, ночью к тому же чрезвычайно живое, бодрое и забавное, но, к сожалению, всегда несколько боязливое. Человек, искусно лазающий, легко может поймать его во время сна, особенно если для этой охоты соединяются вместе несколько человек. Свет до такой степени ослепляет его, что, даже если он и захочет воспользоваться своим искусством летать, то не попадет на намеченную ветвь и вместо дерева полетит на землю, где человек очень скоро нагонит его. Посума нередко можно найти в домах колонистов, которые ухаживают за ним с большой заботливостью. Ум его незначителен, но он до некоторой степени вознаграждает недостаток умственных способностей своей шаловливостью и веселостью, кротостью и изяществом. По клетке непрерывно прыгает в течение всей ночи и при этом часто принимает самые удивительные позы. Сахарный посум без

большого труда привыкает ко всякому корму, хотя плоды, почки и насекомые всегда остаются его любимой пищей, потому что эти вещества соответствуют его естественной пище. Особенно охотно он ест мед эвкалиптов: насекомые, наверное, тоже составляют значительную часть его пищи. В Лондонском зоологическом саду наблюдали, что они очень охотно поедали мертвых воробьев и куски мяса, которые им бросали, и потому полагают, что посумы ночью без шума подкрадываются, подобно лори, к спящим птицам и другим мелким животным и умерщвляют их. В некоторых местностях они приносят значительный вред персикам и апельсинам.

Общительность сильно развита у сахарного посума. В лесах всегда попадаются по нескольку животных этого вида вместе, хотя кажется, что они не особенно дружелюбно и с любовью обращаются друг с другом.

О размножении сахарного посума, по-видимому, неизвестно еще ничего, по крайней мере ни в одном из знакомых мне сочинений я не нашел никаких достоверных сведений по этому вопросу**.

*** Сумка хорошо развита, сосков 4, беременность длится около 3 недель. В помете 1-3 (обычно 2) детеныша. Молодые становятся самостоятельными с 4 месяцев.*

Семейство кенгуровые

(Macropodidae) *

** В это обширное семейство входят около 60 видов, объединенных в 16-20 родов. 5 родов с 9 видами мелких кенгуру иногда выделяют в отдельное семейство крысиных кенгуру, или потору (Potonidae). Ближайшими родственниками кенгуру среди других сумчатых являются кукусы.*

Семейство кенгуровые включает как гигантов, так и животных величиной с кролика, но все они имеют крайне странный вид. У кенгуру наиболее развита задняя часть тела благодаря замечательно большим задним конечностям. В противоположность им голова и грудь необыкновенно малы. Передвигаются они почти исключительно при помощи задней части тела, и этим объясняется ее развитие. Кенгуру может лишь в очень незначительной степени пользоваться слабыми передними ногами при ходьбе и для схватывания пищи**, между тем очень удлиненные задние ноги и сильно развитый хвост позволяют ему двигаться скачками.

** * При медленном передвижении кенгуру всегда используют передние конечности — они опираются на них и затем выбрасывают вперед задние ноги (аналогичным образом передвигаются зайцы). Мелкие кенгуру вообще редко прыгают только на одних задних лапах.*

Задние ноги и хвост этих животных, безусловно, самые особенные во всем животном мире. Ноги имеют толстое бедро, удлиненную голень, непропорционально удлиненную плюсну и толстые, длинные пальцы, из которых четвертый снабжен большим копытообразным ногтем. На задних конечностях лишь четыре пальца, так как недостает большого. Хвост относительно толще и длиннее, чем у всякого другого млекопитающего, и крайне мускулист. По сравнению с задними конечностями передние представляются недоразвитыми хватательными органами, но это вовсе не значит, что они недоразвиты и в смысле подвижности. Они имеют по пять пальцев, снабженных круглыми и одинаково развитыми ногтями, и служат им в качестве рук. Форма головы — нечто среднее между головой оленя и зайца.

Родина кенгуру — Австралия и прилегающие к ней острова; обширные, богатые травой равнины внутри этой части света составляют их любимое местопребывание. Одни виды предпочитают местности, покрытые кустарником, другие — травянистые равнины с редкими деревьями, третьи селятся в горах. А есть такие виды, которые избрали для своего местопребывания непроницаемые чащи: протаптывают там себе тропинки, обламывая ветви, или живут на деревьях. Большая часть видов ведет дневной образ жизни; но среди мелких животных есть ночные, которые днем прячутся в небольших углублениях, расщелинах скал, куда регулярно возвращаются после выхода за пищей. В большинстве областей Австралии, заселенных европейцами, кенгуру вытеснены. «Уже теперь, — рассказывал как-то старый бушмен (анонимный, но надежный наблюдатель), — на расстоянии 30 миль вокруг Мельбурна едва ли можно увидеть хотя бы одного кенгуру. Животные истреблены там бесцельным и беспорядочным преследованием со стороны поселенцев. Они сохраняются обыкновенно везде, где европеец не поселился еще прочно. Я встречал их в Порт-Филипп в таком большом числе, что вместе со своими товарищами по путешествию мог в течение двухлетнего пребывания там убить более 2000 штук. Поверхность этой страны чрезвычайно благоприятствует им. Большие, сплошные леса сменяются широкими равнинами; такие-то местности и доставляют кенгуру все необходимое для жизни. Может быть, они еще многочисленнее внутри страны; мне по крайней мере кажется вероятным, что они оттуда распространяются в прибрежные районы.

Их любимые пастбища богатые травой равнины, окруженные лесами, заросшими кустарником, или расположенные вокруг лесов. Летом они предпочитают влажные местности, зимой — сухие. Без воды они, по-видимому, могут долго обходиться; по крайней мере я часто находил их поселения, которые отстоят от воды на целые мили, и при этом не наблюдал, чтобы они ночью регулярно приходили в определенные места на водопой. Напротив, мне бросилось в глаза, что они охотно держатся поблизости пасущегося рогатого скота. Каждое стадо имеет одно пастбище или несколько, с хорошо протоптанными тропинками между ними. Число животных в стаде различно. Я часто видел стада по 100 штук, но большей частью по 50. Мелкие виды обыкновенно объединяются в небольшие группы; я их видел штук по двенадцать вместе, очень часто и поодиночке. Одно стадо никогда не разделяется и не смешивается с другими. Во главе каждого стоит старый самец, за которым остальные члены следуют без рассуждения, точно так же, как овцы за вожаком — бараном. Рано утром и вечером в сумерки кенгуру пасутся, а днем, если чувствуют себя в безопасности, отдыхают несколько часов. В это время за ними очень интересно наблюдать: одни медленно бродят по жесткой траве, другие играют между собой, третьи лежат на боку в полусне.

До времени спаривания каждое стадо живет в мире. Но любовь возбуждает, и самцы тогда часто вступают в серьезные битвы между собой*. После спаривания самые старые животные обыкновенно отделяются от стада и ведут одинокую жизнь в более густом лесу».

** Поднявшись на «цыпочки» и стараясь казаться как можно выше, они боксируют передними лапами, а временами, опираясь на хвост, награждают друг друга мощными ударами задних ног в живот. Сила удара когтистой задней ноги очень велика. Используя этот прием, кенгуру порой успешно обороняются от собак, могут покалечить и близко подошедшего человека. От собак кенгуру нередко спасаются в воде — используя разницу в росте, они хватают собаку передними лапами и стараются утопить.*

Кенгуру, безусловно, принадлежат к самым замечательным из млекопитающих. В них все достойно удивления: движения и отдых, способ добывания пищи, размножение, развитие и духовная жизнь. Походка кенгуру, которую можно наблюдать, когда они пасутся, представляет неуклюжее, беспомощное ковлянье. Животное опирается на передние конечности и двигает вперед задние ноги между передними. При этом оно должно опираться сзади на хвост, иначе не могло бы так высоко поднять длинные задние ноги, чтобы передвинуть их. Но кенгуру обыкновенно сидит на задних ногах и хвосте, даже когда щиплет траву, а передние конечности при этом свешивает. Когда он срывает растение, то встает. При этом опирается на подошвы ног и на плотно прижатый к земле хвост; благодаря чему тело твердо и удобно покоится, как на треножнике. Наполовину насытившись, кенгуру ложится на землю, далеко вытянув задние ноги. Если ему в этом положении захочется есть, то задняя часть тела остается спокойно лежать, а туловище он подпирает короткими передними конечностями. Во время сна более мелкие виды принимают такое же положение, как заяц на лежке: они садятся, плотно прижавшись к земле, на все четыре лапы и на подогнутый под тело хвост. Это положение позволяет им в любое мгновение пуститься в бегство. Самый ничтожный шорох испугивает отдыхающего кенгуру, особенно старых самцов, которые быстро поднимаются, чтобы осмотреться; при этом они становятся на кончики пальцев и опираются на конец хвоста.

Если кенгуру замечает что-нибудь подозрительное, то он прежде всего думает о бегстве и при этом проявляет всю свою подвижность. Он прыгает, как и всегда при скором беге, исключительно при помощи задних ног, но делает прыжки, которые по своей длине превосходят прыжки всех остальных животных. Передние ноги плотно прикладывает к груди, хвост вытягивает прямо назад, отталкивается, напрягая изо всей силы мощные мускулы своих длинных, тонких и упругих задних ног, подлетает вверх и как стрела описывает по воздуху пологую дугу. Некоторые виды держат тело во время прыжка горизонтально, другие приподнимают его; уши в этом случае закинуты назад, на загривок, между тем как при спокойном беге они подняты. Если животное не испугано, то делает лишь маленькие прыжки, самое большее длиной 3 м; но когда встревожено, то удваивает и утраивает усилия. Кенгуру прыгает правой ногой немного прежде, чем левой, как отделяясь от земли, так и опускаясь, притом ставит правую ногу несколько впереди. При каждом прыжке тяжелый хвост делает размахи вверх и вниз и тем энергичнее, чем больше прыжки. Всякого рода повороты кенгуру выполняет с помощью 2-3 маленьких прыжков, не управляя, по-видимому, при этом хвостом. Он всегда ступает лишь на пальцы и никогда не падает на передние ноги. Различные виды неодинаково держат передние ноги: одни отставляют их от тела, другие более прижимают и скрещивают. Прыжки непосредственно следуют один за другим, и каждый равняется по крайней мере 3 м, а у более крупных видов нередко и 6-10 м в длину при высоте в 2-3 м*.

** Рекордная длина прыжка крупных видов 13,5 м, высота — 3,3 м, скорость бега — 45 км/ч.*

Понятно, что нужна превосходная собака, чтобы преследовать кенгуру, и действительно мало таких охотничьих собак, которые в состоянии выполнить это. В местности, заросшей кустарником, преследование очень скоро приходится прекратить, так как убегающий кенгуру легко перепрыгивает через попадающиеся кусты, между тем как собака должна обходить их. На неровной почве он движется медленнее; особенно ему трудно спускаться со склона, так как при сильном прыжке он здесь легко может кувырнуться через голову. Животное может бежать в продолжение нескольких часов, не уставая.

Из внешних чувств у кенгуру лучше всего развит слух: по крайней мере у животных в неволе постоянно замечается движение ушами, как у нашего благородного оленя. Зрение слабее, а обоняние, вероятно, развито довольно плохо. Некоторые наблюдатели рассказывают тем не менее, что кенгуру отлично видят, слышат и чувят. Это в высшей степени глупые животные; даже овца в умственном отношении стоит гораздо выше их. Все необыкновенное сбивает их с толку, так как им недостает способности быстро действовать в соответствии с обстоятельствами. Кенгуру, живущий на свободе, если ему грозит опасность, бросается бежать, причем едва может остановиться и иногда делает такие прыжки, при которых неминуемо должен сломать крепкие кости своих ног.

Большие виды редко рожают более одного детеныша. Несмотря на значительную величину некоторых кенгуру, беременность самок длится изумительно короткое время. У исполинского кенгуру, например, лишь 39 дней. По истечении этого времени детеныш рождается, как у всех млекопитающих. Мать берет его ртом, раскрывает передними конечностями сумку и плотно прикладывает невзрачное существо к одному из сосков*.

** Это характерное заблуждение времен Брема. Самка никак не помогает новорожденному добраться до сумки, правда, иногда вылизывает шерсть на его пути, как бы обозначая дорожку из слюны.*

Через 12 часов после рождения молодой кенгуру этого вида имеет в длину несколько более 3 см. Он совершенно не развит, мягок и похож на червя; его глаза закрыты, уши и ноздри едва намечены, нет еще даже зачатка конечностей, кожа просвечивает насквозь. Между детенышем и матерью не существует, по-видимому, ни малейшего сходства. Передние конечности, например, у малыша на треть длиннее задних. Он висит на соске без заметного движения, сильно сжавшись, загнув короткий хвост вверх между задними ногами. Когда он прикрепляется к соску, то сосок значительно разбухает и большие губы детеныша плотно обхватывают его. Насколько известно, молодой кенгуру вовсе не сосет, а молоко без всякого усилия с его стороны из соска прямо брызжет ему в рот. Почти восемь месяцев он проводит и питается исключительно в сумке. Однако уже тогда время от времени высовывает голову из нее, но самостоятельно двигаться не в состоянии. Жофруа Сент-Илер открыл мускул, который лежит над выменем и выжимает, или по крайней мере может выжимать молоко в рот еще бессильного детеныша, но указание это не подтверждено.

Из новейших наблюдений следует, что кенгуру растет очень быстро, особенно начиная с того времени, когда покрывается волосами. Он может тогда поднимать свои длинные уши, которые до того висят по бокам головы. С этого времени он очень часто высовывается, если мать сидит спокойно. Выставляет голову, озирается во все стороны, передними лапами роется в сене и понемногу начинает уже есть траву. Мать все еще проявляет чрезвычайную заботливость по отношению к детенышу, но не так тревожится, как прежде. Сначала она лишь с величайшим неудовольствием допускает какие-либо попытки людей, желающих посмотреть или потрогать детеныша в сумке. Точно так же, как к человеку, относится она в это время и к самцу, который постоянно приближается, чтобы видеть своего потомка. Она отвечает на навязчивое приставание тем, что отворачивается или сердито и хрипло ворчит, а иногда даже защищается ударами. С того времени, когда детеныш начинает высовывать голову из сумки, она менее старательно прячет его. Детеныш и сам крайне боязлив и при малейшей опасности прячется в сумку. Здесь он не всегда сидит в одном положении, а принимает всевозможные позы. Случается видеть, как он выглядывает из сумки, высунув голову, нередко высовывает задние ноги и хвост; иногда видны лишь задние ноги, а голова спрятана. Очень привлекательное зрелище представляет мать, когда она загоняет выглядывающего из сумки детеныша; если он не слушается, делает ему легкий удар лапами. Через некоторое время детеныш начинает по временам покидать свое убежище и бежит рядом с матерью на свободе, но еще долго в случае опасности прячется снова в сумку. Он сильными прыжками приближается к матери, которая сидит спокойно на задних ногах, и бросается, не останавливаясь ни на мгновение, вниз головой в полуоткрытую сумку, поворачивается и выглядывает из ее отверстия.

Путешественники по Австралии рассказывают, что кенгуру-матери в случае большой опасности и тем более когда их ранит охотник, оригинальным образом освобождаются от своих детенышей. Если они видят, что не в состоянии бежать далее вместе с ним, то быстро вынимают его из сумки, сажают на землю и бегут дальше, постоянно оглядываясь, пока могут, на преследователей. Они охотно жертвуют детенышем для своего спасения, но редко достигают цели, так как разгоряченные преследователи обращают главное внимание на мать и проносятся мимо детеныша*.

** Как правило, оказывается «выкинутым» из сумки уже подросший, вполне самостоятельный детеныш, не питающийся молоком и имеющий все шансы на выживание. С появлением нового детеныша мать постепенно отучает предыдущего от пребывания в сумке из опасения повредить младшего. Однако при внезапной тревоге подросший детеныш «по привычке» ныряет в сумку матери, которой уже не по силам быстро бежать с такой ношей. Таким образом, от старшего избавляются, чтобы сохранить жизнь матери и младшего беспомощного детеныша.*

Пища кенгуру растительная; они предпочитают траву и листья деревьев, поедают корни, кору и почки, плоды различных растений. Любимую пищу их составляет особая трава, которую так и называют — «трава кенгуру», она служит верным признаком местопребывания этого животного. Некоторые естествоиспытатели полагали, что кенгуру пережевывают жвачку; однако, несмотря на тщательное наблюдение, я не мог подтвердить это ни у одного кенгуру. Они, правда, часто подолгу жуют какое-нибудь растение, но не отрывают проглоченную пищу.

Кенгуру составляют на родине самую важную дичь, и поэтому за ними страстно охотятся и хищные животные, и люди, как туземцы, так и белые. Черные умеют так незаметно подкрасться к пасущемуся стаду и так ловко обойти его, что по крайней мере несколько кенгуру становятся их добычей. На больших охотах часть охотников ложится в засаду, а другие гонят на них дичь, причем сначала подкрадываются как можно ближе к пасущимся стадам, а затем вскакивают с криком. Испуганные животные поворачивают в ту сторону, которая кажется им безопасной, и, таким образом, почти наверняка попадают в руки спрятавшихся охотников. Кроме того, австралийцы умеют устраивать всякого рода петли и силки и очень искусно расставляют их. Гораздо большие опустошения производят белые. Они употребляют для того всевозможные средства: ловят петлями, отстреливают с помощью огнестрельного оружия, травят собаками, притом только из кровожадности, просто чтобы убить; убитых же оставляют гнить в лесу. «Вот почему, — пишет анонимный автор, — кенгуру уже истреблены в окрестностях всех более значительных городов и поселений. Если эта дикая охота будет продолжаться таким же образом, то скоро они и внутри страны будут принадлежать к числу наиболее редких млекопитающих. Я не могу признать, чтобы они приносили вред на обширных, поросших травой равнинах. Поблизости от селений они, правда, становятся надоедливее, чем наши зайцы и кролики; но это не оправдывает их преследование. Они перескакивают ночью через изгороди и поедают растения на полях, но несколько пугал достаточно, чтобы удержать их. Я склонен думать, что те, кто таким безрассудным образом преследует кенгуру, не в состоянии понимать значения животных. Я не хочу отвергать, что шкура и мясо кенгуру менее ценны, чем шкура и мясо нашего оленя, но все же и то и другое вовсе не настолько лишено ценности, как кажется австралийцам. Многие считают мясо кенгуру немного лучше, чем падаль, не берут его даром, даже в таких местах, где за бычачье и баранье мясо платят сравнительно дорого; за шкуру торговцы дают не более 1,5 шиллинга или марки. Но я на основании собственного опыта могу уверить, что мясо вовсе не дурно, а шкура ни в чем не уступает телячьей и притом тоньше ее. Уверяют, будто бы мясо кенгуру не питательно; но я считаю это положительно неверным. Я и мой старый спутник питались мясом кенгуру все время, пока были в лесу, и выполняли свою работу так же хорошо, как и другие. «Берегите муку и старайтесь добыть кенгуру», — говорят обыкновенно бушмены, если мука приходит к концу. Я не хочу оспаривать, что мясо это лишь второстепенного качества, так как оно сухо и безвкусно, очень кровянисто, темного цвета и не так приятно, как баранина; но я утверждаю, что им не следует пренебрегать, а хвост, в частности, дает превосходный суп».

Все виды кенгуру без особых затруднений привыкают к неволе, без труда прокармливаются сеном, зеленым кормом, листьями, репой, зернами, хлебом и тому подобной пищей, не требуют зимой особенно теплого хлева и при надлежащем уходе довольно легко размножаются. Хотя они любят тепло и охотно греются и нежатся на солнце, им не вредит, однако, и довольно суровая, зимняя стужа и снег, если только они имеют сухое и защищенное от ветра местечко, куда могут спрятаться. Благодаря этой невзыскательности и нечувствительности к влиянию погоды кенгуру в настоящее время представляют самое обыкновенное явление во всех зоологических садах и ежегодно выращиваются в большом числе. Тем не менее они едва ли могут когда-нибудь оправдать те надежды, которые на них возлагались. На мой взгляд, лишь очень немногие из них годятся для переселения к

нам в большие охотничьи районы. Я не говорю уже о том, что они, предоставленные самим себе, едва ли могут выжить в нашем климате*, но польза от них слишком незначительна, для того чтобы можно было рекомендовать их для замены нашей исчезающей дичи.

* *Помимо естественной области распространения охватывающей Австралию, Тасманию, Новую Гвинею и прилегающие острова, ряд видов был акклиматизирован в некоторых районах Европы, Северной Америки, Новой Зеландии, отличающихся мягкими, слабо морозными зимами с неглубоким снежным покровом.*

Напротив, в менее обширных, огороженных и охраняемых парках, где они не могут принести вреда, кенгуру служат хорошим украшением.

Несколько лет тому назад барон Филипп фон Безелагер сделал опыт по разведению кенгуру Беннета в Германии, а именно в Рейнской провинции, в лесу около Геймерцгейма, на территории величиной в 500 гектаров. Сюда в 1887 году было пущено сначала пять кенгуру: два самца и три самки. Они очень хорошо выдержали зиму на свободе, несмотря на глубокий снег и холод, доходивший до минус 22,5 градуса. Питались они сначала тем, что могли найти в лесу, так как лишь позднее нашли места, где был приготовлен для них корм; здесь они охотнее всего ели репу, жадно поглощали овсяные снопы, а позднее предпочитали каштаны всякому другому корму.

Восточный серый, или исполинский, кенгуру (*Macropus giganteus*)** принадлежит к самым крупным видам семейства.

* * *Этот вид уступает размерами лишь гигантскому рыжему кенгуру, живущему в засушливых местностях Центральной Австралии. Всего несколько тысяч лет назад на материке вымерли формы, достигавшие в положении «сидя» на задних лапах 2,2 м и веса предположительно в 350 кг.*

Очень старые самцы в сидячем положении имеют почти такой же рост, как человек; длина их до 3 м, из которых около 90 см приходится на хвост; вес колеблется между 100 и 150 кг. Самка в среднем на треть меньше самца. мех плотный, густой, гладкий и мягкий, похожий несколько на овечий; цвет его неопределенно-бурый, смешанный с серым. Передние конечности, голени и плюсны белого или серовато-белого цвета, пальцы задних ног темные. Голова того же цвета, как спина, с темными полосами по бокам. Наружная сторона ушей у западноавстралийских экземпляров*** обыкновенно светлее головы, у животных с востока этого материка большей частью темнее. Хвост буроватый, к концу становится постепенно темнее, конец его черный.

* * * *Западные серые кенгуру выделены в отдельный вид *M. fuliginosus*.*

Кук открыл этот вид кенгуру в 1770 году на берегу Нового Южного Уэльса и назвал его бумером, так называют животное и туземцы. Исполинский кенгуру живет во всей Австралии и Тасмании. водится на поросших травой равнинах или в редких лесах, состоящих из кустов, какие часто встречаются в Австралии. В кустарники он удаляется преимущественно летом, чтобы защищать себя от горячего полуденного солнца. В настоящее время благодаря непрерывному преследованию кенгуру далеко оттеснен внутрь страны, да и здесь начинает попадаться реже. Он живет стадами, но не так общителен, как полагали сначала, принимая за одно стадо соединение различных семейств вместе. обыкновенно случается видеть лишь по три или четыре кенгуру вместе, но, собственно говоря, ни один из них не заботится о другом и каждый идет своей дорогой. На хорошем пастбище собирается большее число животных; но они снова разбредаются, когда в данной местности не находят более корма. Прежде думали, что самцов должно считать вожаками стада, вероятно, потому, что они казались пригодными для этого по своей значительной величине. Но и это предположение оказалось неверным. Все наблюдатели согласны между собою в том, что и самец исполинского кенгуру в высшей степени робок и пуглив и лишь редко позволяет человеку приблизиться к нему.

Гульд, который написал превосходное сочинение о млекопитающих Австралии, говорит о бегущих исполинских кенгуру следующее: «Я с особенным удовольствием вспоминаю о прекрасном бумере, который внезапно был поднят собаками на открытой равнине и затем бросился бежать. Сначала он вытянул шею, чтобы оглянуться на преследователей и посмотреть, с какой стороны ему открыт путь; но затем помчался вперед, не промедлив ни одного мгновения, и дал нам возможность наблюдать самую безумную скачку, какую только можно себе представить. С быстротой птицы, в один прием проскакал он 14 английских миль; так как перед ним не было никаких преград, то я несколько не сомневался в том, что беглец уйдет от нас. Но, к его несчастью, он попал на косу, вдававшуюся в море приблизительно на 2 мили. Здесь путь ему был отрезан, и он принужден был искать спасения вплавь. Морской рукав, который отделял его от материка, был приблизительно шириной в 2 мили, и свежий ветерок гнал волны прямо против кенгуру. Ему оставалось только два

выхода: или вступить в битву с собаками, или искать спасения в море. Потеряв голову, он бросился в волны и мужественно поплыл через рукав, хотя волны наполовину захлестывали его. Под конец кенгуру все же был вынужден повернуться назад и, утомленный, обессиленный, стал жертвой преследователей. Расстояние, которое он промчался во время бегства, если считать различные повороты, не могло быть менее 18 миль, и, кроме того, он проплыл еще добрых две мили. Я не в состоянии определить время, в какое он проскакал это пространство, но полагаю, что прошло около двух часов до того времени, когда он достиг конца упомянутой косы. Но там он прыгал еще так же быстро, как и вначале».

К тому, что уже сообщено относительно жизни этого животного, я ничего не могу прибавить; над этим видом было сделано больше всего наблюдений. В настоящее время у нас в неволе гораздо реже можно увидеть исполинского кенгуру, чем прежде. При хорошем уходе некоторые кенгуру живут в Европе 10-25 лет.

Более мелкие виды кенгуру местные жители называют **валлаби**. Красивейшие среди них – **падемелоны, или филандеры**.

Красношей филандер (*Thylogale thetis*)* едва достигает трети роста исполинского кенгуру, длина равняется 1,1 м, из которых 45 см приходится на хвост.

* *Филандеры распространены на юго-востоке Австралии. Ведут ночной образ жизни, держатся поодиночке, проделывают туннели в густых зарослях. При опасности подают сигнал, топая задней лапой по земле.*

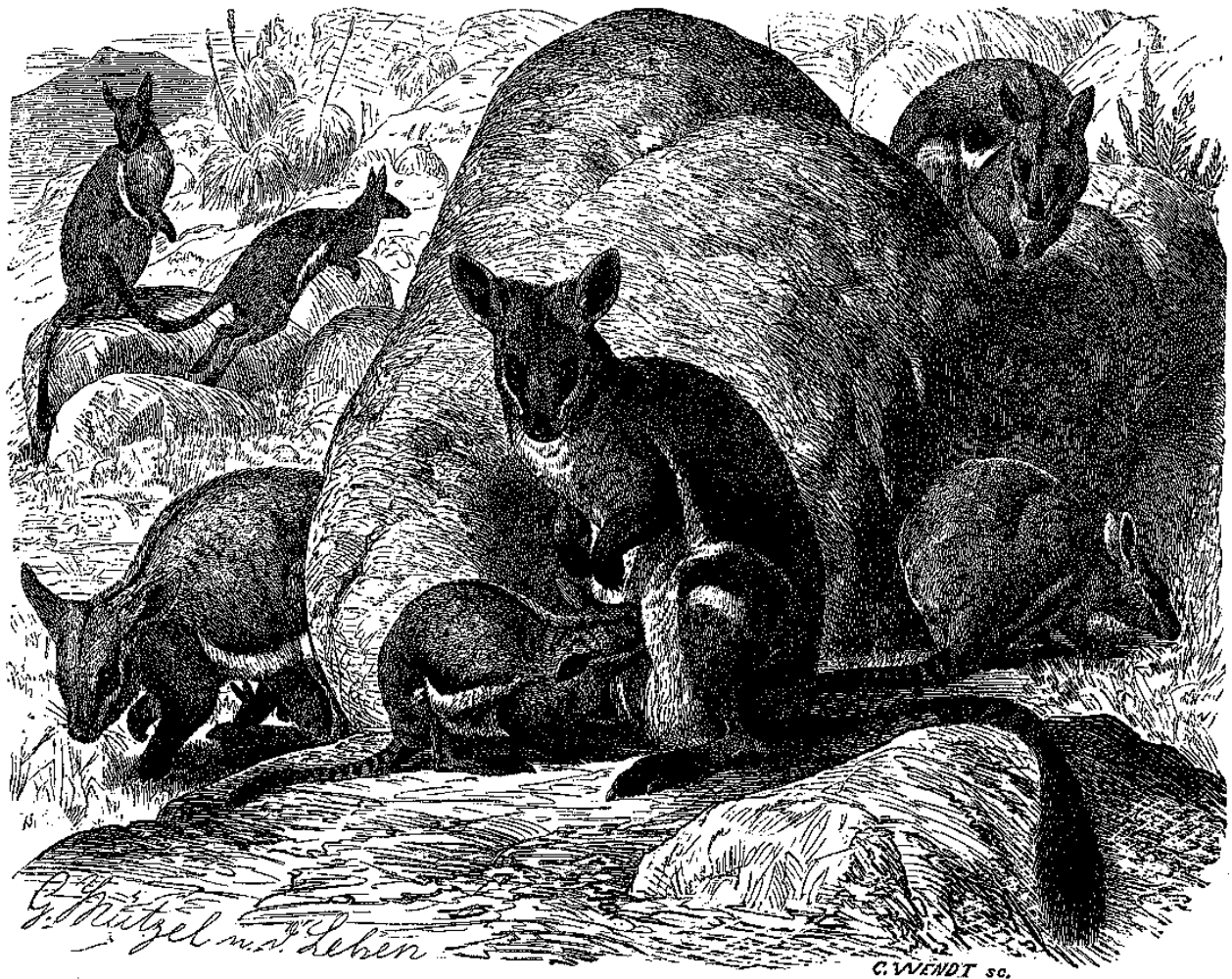
Шерсть длинная и мягкая, цвет спины буро-серый, на затылке переходящий в ржаво-рыжий; брюхо белое или желтовато-белое; бока рыжеватые. Задние ноги равномерно бурого цвета, передние серого; хвост, покрытый короткими, жесткими волосами, сверху серый, снизу буровато-белый.

Филандер населяет богатые кустарником местности Южного Квинсленда, Нового Южного Уэльса и Виктории и живет здесь поодиночке или маленькими стадами. Ради его нежного, в высшей степени вкусного мяса, которое похоже на мясо нашего зайца, за ним ревностно охотятся как туземцы, так и колонисты. По образу жизни он сходен со своими родичами. Мне бросилось в глаза, что содержащиеся в неволе филандеры во время прыжков довольно сильно размахивают передними ногами и отставляют их в стороны от тела, между тем как другие виды прижимают их. По этой особенности филандера можно отличить с первого взгляда от других очень похожих на него видов. Парочка, которую я держал, вела себя, как и большинство прыгающих сумчатых, прекрасно по отношению друг к другу, но не с родственными видами.

В горах живут горные кенгуру, прыгающие сумчатые средней величины, несколько отличающиеся от длинноногих кенгуру зубной системой, короткими главными когтями задних ног и хвостом одинаковой толщины в передней и задней части, имеющим на конце кисть.

Кистехвостый скалистый кенгуру (*Petrogale penicillata*) достигает вместе с хвостом 1,25 м. Бока беловато-бурые, спина черная, брюхо бурое или желтоватое, грудь и подбородок белые, щеки серовато-белые с неясной темной полоской, края темных ушей желтые, ноги и хвост черные.

Равный ему по величине **кольцехвостый, скалистый, желтоногий кенгуру** (*Petrogale xanthopus*) бледного рыжевато-бурого цвета, смешанного с серым. Плюсны желтого цвета, хвост с желтыми и черно-бурыми кольцами.

Кольцехвостый, скалистый, кенгуру (*Petrogale xanthopus*)

Горы южной Австралии населены значительным числом скалистых кенгуру; однако их не часто случается заметить, так как эти животные ночные, они крайне редко появляются раньше солнечного заката из темных пещер и расщелин между скалами. Проворство, с которым это животное лазает по скалистым стенам, вполне могло бы сделать честь обезьяне. Умение лазать гораздо более защищает его от преследования человеком и другими врагами, чем остальных родичей. Охота за скалистыми кенгуру требует большого опыта от охотника, да и то она успешна лишь в том случае, если удастся выследить тропинку, которой твердо держится эта дичь.

Туземцы доходят по хорошо заметному следу до самой расщелины, в которой животное прячется днем, и там убивают его; но для такой охоты нужно удивительное терпение дикаря, европеец благоразумно отказывается от нее. Более опасный враг, чем человек, для этих животных динго, так как он довольно часто живет в тех пещерах, куда прячется днем скалистый кенгуру. Однако и динго удается овладеть этими осторожными животными лишь при неожиданном нападении; если кенгуру замечает врага, то несколькими прыжками ставит себя вне всякой опасности. Его ловкость позволяет ему без труда достигать самых высоких и недоступных мест. Притом, по уверениям туземцев, скалистый кенгуру живет преимущественно в таких расщелинах, которые имеют по нескольку выходов. Раненные, они обыкновенно недоступны для охотника, так как прячутся в какую-нибудь пещеру и там умирают.

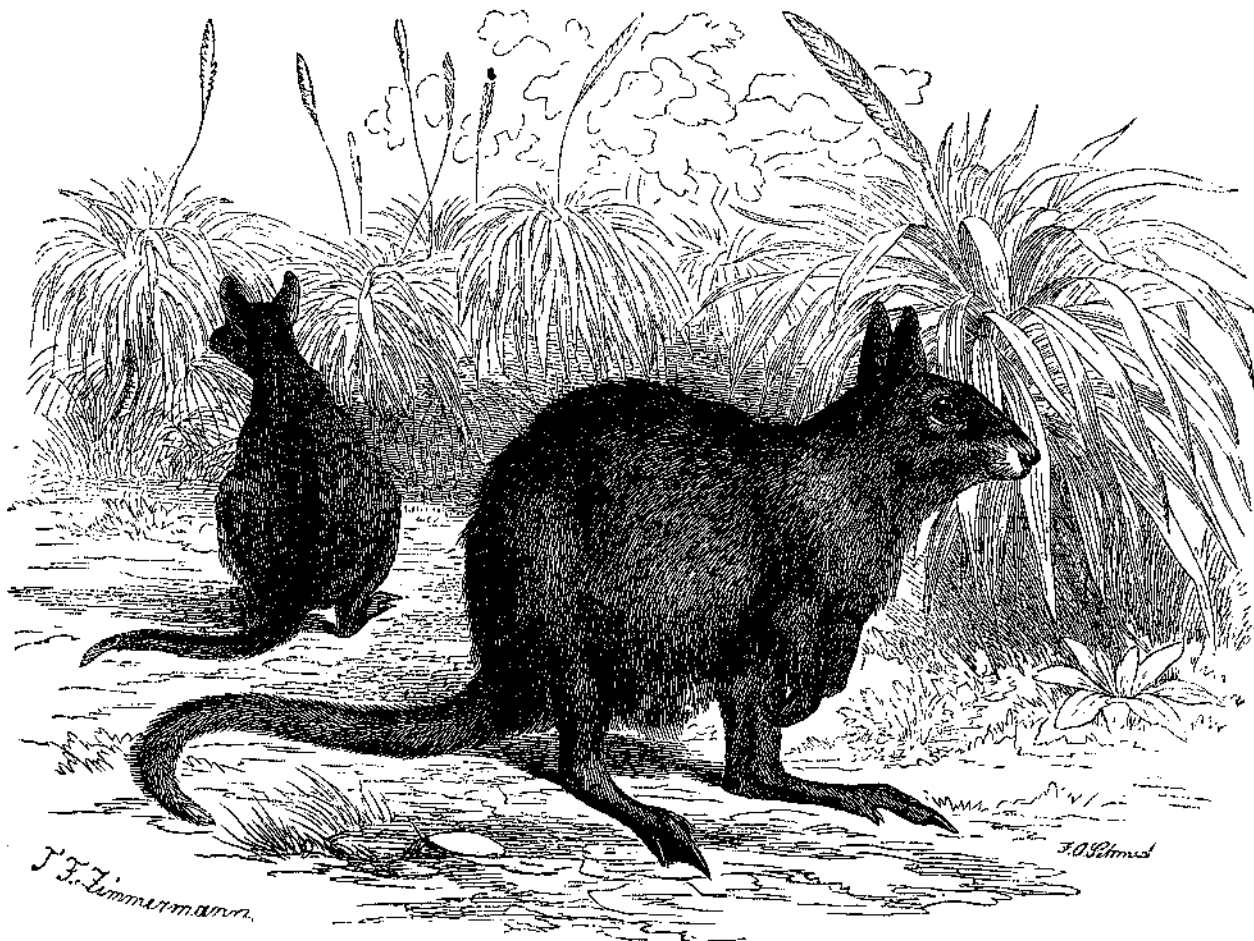
В последнее время скалистых кистехвостых и кольцехвостых кенгуру не раз привозили к нам живыми, и теперь можно видеть их во многих зоологических садах. По своему нраву они, кроме любви к лазанию, ничем не отличаются от своих родичей. При хорошем уходе размножаются в неволе так же легко, как их родичи.

Длинноухий, или обыкновенный заячий, кенгуру (*Lagorchestes leporides*)* называется так потому, что по характеру и окраске он сильно напоминает зайца.

* Заячьи кенгуру держатся в травянистых степях и саваннах поодиночке, могут прыгать на 2-3 м. В отличие от большинства кенгуру самки у них заметно крупнее самцов.

Длина его 60 см, из которых около 35 см приходится на хвост. Тело вытянуто, ноги и когти тонки, маленькие передние лапы вооружены острыми узенькими когтями. Морда покрыта бархати-

стыми волосами, уши заострены на концах, изнутри покрыты длинными, белыми волосами, а снаружи короткими черными и белыми. Остальной мех представляет то трудное для описания смешение цветов, которое мы встречаем на шкуре зайца. Волоса на верхней стороне у корня черные, потом рыжевато-бурые, затем ржаво-белые и, наконец, черные. Грудь и брюхо окрашены в серый и ржаво-белый цвет, на каждой голени находится темное пятно; ноги серые с крапинками, волосы на морде черные и белые.

Длинноухий заячий кенгуру (*Lagorchestes leporides*)

Заячий кенгуру населяет большую часть внутренней Австралии и сильно напоминает по своему образу жизни нашего зайца. Подобно последнему, это животное ночное, которое днем прячется в глубоко вырытом логовище и тогда, прежде чем подняться, он близко подпускает к себе охотника и собак в надежде, что сходство шкурки с почвой защитит его. Действительно, он часто обманывает собак и, даже убегая от них, употребляет различные хитрости, делая, подобно нашему зайцу, неожиданные петли и поворачивая как можно скорее назад. Однако наблюдение, сделанное Гульдом, заслуживает упоминания. «На одной из равнин южной Австралии, — рассказывает он, — я охотился за одним заячьим кенгуру с двумя проворными собаками. Пробежав около четверти мили, он вдруг повернулся и побежал обратно по направлению ко мне. Собаки следовали за ним по пятам. Я стоял совершенно неподвижно, и животное подбежало ко мне на расстояние 6 м прежде, чем заметило меня. К моему большому изумлению, оно не повернуло ни направо, ни налево, а одним сильным прыжком перескочило через мою голову. Я был не в состоянии выстрелить ему вслед».

Искусство лазания среди прыгающих сумчатых достигает своей высшей степени развития у четырех видов древесных кенгуру из Новой Гвинеи и Северного Квинсленда*.

* *Древесные кенгуру могут делать прыжок до 9 метров длиной, по горизонтальным ветвям скачут на задних ногах. Хвост у них не цепкий и используется лишь как балансир. Подошвы лап очень шероховатые, для лучшего сцепления с корой. Вниз по стволам спускаются хвостом вперед.*

Большие и сильные передние конечности, которые только немного меньше задних, составляют очень характерный отличительный признак этого рода. Верхние резцы почти одинаковой величины; клыки гораздо меньше резцов. Когти четвертого и пятого задних пальцев согнуты, так же, как и когти на пальцах передних конечностей, а не прямые конусообразные, как у остальных родов.

Медвежий кенгуру (*Dendrolagus ursinus*) Новой Гвинеи — довольно большое животное, длиной в 1,25 м, из которых несколько более половины приходится на хвост; тело у него короткое и толстое, голова короткая. мех состоит из жестких, черных, у основания буроватых волос; кончики ушей, морда и брюхо — бурые; щеки желтоватые; кольцо вокруг глаз темнее.

Медвежий кенгуру (*Dendrolagus ursinus*)

Все наблюдатели согласны с тем, что нельзя представить себе более странного явления, как древолаз, который весело движется по ветвям и проделывает почти все фокусы гимнастического искусства, какие проделывают и другие лазящие млекопитающие. С величайшей ловкостью животное взбирается по стволам деревьев, с уверенностью белки поднимается и опускается по ним. Но тем не менее оно кажется там, в вышине, не на месте. Каждый наблюдатель бывает просто озадачен, когда это черное длинноногое существо неожиданно вспрыгивает с земли на дерево и движется по качающимся ветвям. Как и можно было ожидать, судя по местожительству, медвежий кенгуру питается преимущественно листьями, почками и побегами деревьев, вероятно, ест также и плоды. Его редко приходится видеть в неволе; я видел лишь одного. Он жил в Роттердамском зоологическом саду. К сожалению, мои попытки приобрести его не увенчались успехом. Как пишет мне Розенберг, он долгое время держал медвежьего кенгуру вместе с одним его родичем. «Оба вида скоро становятся ручными, легко привыкают к своему хозяину и не показывают ни малейшего страха перед собаками. Мои пленники бегали быстро повторяющимися прыжками на задних ногах. Когда они лазали, то обхватывали передними конечностями ствол или ветвь, но делали это несколько неуклюже. Я кормил их растительной пищей, зрелыми пизангами, которые они, сидя на задних ногах, подносили ко рту и ели по-обезьяньи, только более неловко. Медвежий кенгуру хорошо известен всем папуасам в Новой Гвинее под названием ниаай; они часто ловят его и нередко доставляют живым в Тернате».

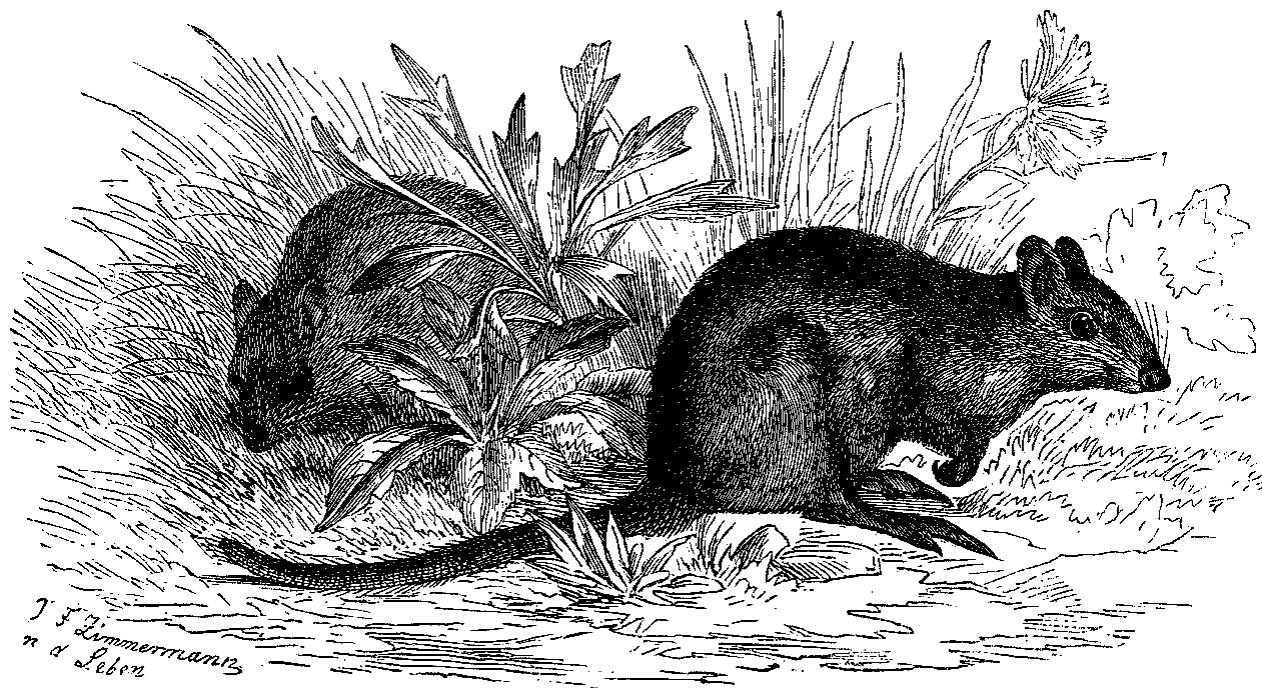
Кистехвостый кенгуру (*Bettongia lesueui*) — животное величиной с кролика, с очень короткими круглыми ушами и довольно длинным мехом. Цвет верхней стороны серо-бурый с черными и белыми крапинками, нижней — грязно-белый или желтоватый. Этот вид отличается гребнем длинных, черных, косматых волос на последней трети хвоста; вся длина его 67 см, из которых на хвост приходится 31 см. Родина — весь материк Австралии, за исключением самых северных областей.

Об образе жизни и поведении его Гульд сообщал приблизительно следующее. «Подобно остальным видам того же рода он вырывает себе в земле углубление и помещает в нем сделанное из

травы толстостенное гнездо, которое по внешнему виду настолько соответствует окружающей обстановке, что необходимо очень внимательно искать его, чтобы заметить. Место для него выбирается между кустиками травы или около куста. Днем одно животное или пара их лежат в таком гнезде совершенно скрытые от глаз наблюдателя, так как они всегда тщательно закрывают отверстие, образовавшееся в гнезде при влезании в него. Туземцев это, впрочем, не может обмануть. Они замечают почти каждое гнездо и убивают затем его обитателей ударом палицы. Замечателен способ, которым эти маленькие кенгуру притаскивают жесткую траву для своего гнезда. Они пользуются для этого своим хвостом, который очень удобен для охватывания. Животное берет им пучок травы и тащит его в определенное место; можно представить себе, какой странный и забавный вид оно имеет при этом. В неволе они тоже притаскивают таким же образом материалы к своему логовищу; по крайней мере так поступали несколько экземпляров, которых держал граф Дерби в парке для животных в Носли, по возможности стараясь удовлетворять всем их потребностям.

В Австралии эти сумчатые живут на сухих равнинах и холмах, поросших редкими деревьями и кустами. Хотя они и не держатся стадами, но все же объединяются вместе в довольно большом числе. За пищей выходят лишь после наступления ночи, едят траву и корни, которые благодаря своей ловкости они выкапывают из земли без особенного затруднения. Охотник узнает их присутствие по норкам, вырытым под кустами. Если их потревожить днем, то они с изумительной быстротой спешат к какой-нибудь щели в земле или скале или к дуплу в дереве, которые могут защитить их, и обыкновенно с успехом укрываются».

Трехпалый крысиный потору, или настоящая кенгуровая крыса (*Potorous tridactylus*), отличается удлинённой головой, короткими ногами и крысиным хвостом. Длина тела 40 см, длина хвоста 25 см. Тело коротко и приземисто, шея толста, хвост длинный, плоский, покрыт довольно ясными кольцами и чешуйками и, кроме того, редкими, короткими и жесткими волосами, частью голый. Длинный, рыхлый, слабо блестящий мех сверху темно-бурого цвета с примесью черного и бледно-бурого, на нижней стороне грязно- или желтовато-белого. Волосы имеют темные основания, а на верхней стороне тела также черные кончики; между ними примесь более коротких волосков с желтыми кончиками. Хвост у корня и сверху буроватый, вдоль боков и снизу черного цвета.

Трехпалый крысиный потору (*Potorous tridactylus*)

Новый Южный Уэльс, Виктория, Южная Австралия и Тасмания составляют родину крысиного потору; у Порт-Джаксона он прежде был очень обыкновенен. Потору любят местности, поросшие редкими кустами, и избегают открытых пастбищ. Они выкапывают между кустами травы углубления в земле, тщательно выстилают их сухой травой и сеном и спят в них обыкновенно по несколько штук вместе целый день. Эти по-настоящему ночные животные выходят пастись лишь к закату солнца. Логовище устроено так же искусно, как и у родичей этого животного.

Своими движениями крысиный кенгуру существенно отличается от других видов. По моим собственным наблюдениям, он бежит совершенно иначе и гораздо легче, скорее как тушканчик. Этот бег короткими шагами, как можно назвать движения потору, необыкновенно быстр и вместе с

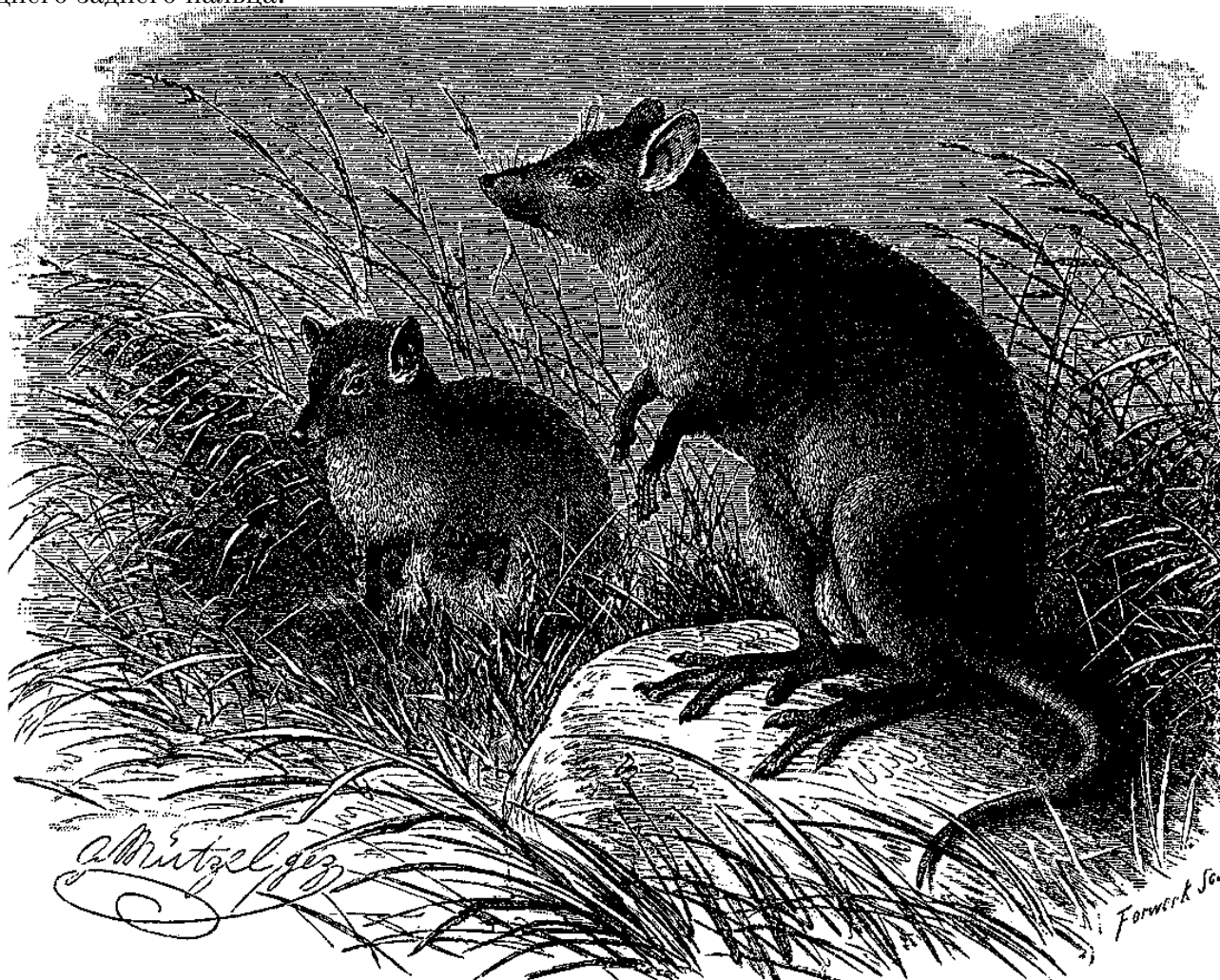
тем позволяет животному обнаруживать большую ловкость, чем это могут сделатьдвигающиеся скачками кенгуру. Крысиный потору быстр, проворен, жив и по земле скользит, как тень. Опытная собака ловит его без особого труда; но неопытный охотник тщетно будет стараться отыскать его, если тот уже оставил логовище. В гнезде его легко может поймать и человек, так как он спит довольно крепко и подпускает очень близко своего злейшего врага. По отношению к пище потору отличается от описанных до сих пор его родичей. Он роется, отыскивая главным образом клубни и корни, и поэтому причиняет иногда ощутительный вред полям.

С тех пор как существуют зоологические сады, крысиный кенгуру нередко попадает живым в Европу. Он отлично выживает при очень простой пище и не требует никакой особенной защиты.

Мускусный кенгуру, или мускусная кенгуровая крыса (*Hypsiprymnodon moschatus*)*, заслуживает особого внимания, так как тесно связывает прыгающих сумчатых с лазающими.

** Самый мелкий представитель кенгуру.*

Он маленького роста, похож на крысу, длиной около 41 см, из которых 16 приходится на голый чешуйчатый хвост, утончающийся к концу. Круглые уши велики, тонки и голы; задние ноги немного длиннее передних. Задние ноги снабжены длинным большим пальцем, который может противопоставляться остальным, и представляют, следовательно, настоящие хватательные ноги или задние руки. Остальные пальцы задних ног снабжены когтями равной величины, а на большом пальце когтя нет; когти передних ног малы и тонки. мех густой и бархатистый, на темном фоне покрыт ржавыми оранжево-серыми крапинками, больше всего на спине, менее на брюхе; на голове и конечностях крапинки едва заметны. Ноги и ступни бурого цвета; последние голы до верхней стороны среднего заднего пальца.

Мускусный кенгуру (*Hypsiprymnodon moschatus*)

Об этом животном, которое водится в Квинсленде, Рамзай пишет: «Я встретил это в высшей степени замечательное и странное сумчатое животное в первый раз в январе 1874 года во время посещения реки Гербарта, где оно населяет влажные местности, густо поросшие кустарником по берегам рек и по склонам прибрежных гор этой области. Животное попадается вовсе не редко, но благодаря своему скрытому образу жизни и густым лесным зарослям в тех местах, где оно водится, его всегда трудно добыть. По образу жизни его можно считать за дневное животное; движения в

спокойном состоянии довольно изящны; оно ходит почти таким же образом, как потору, на которых оно очень похоже.

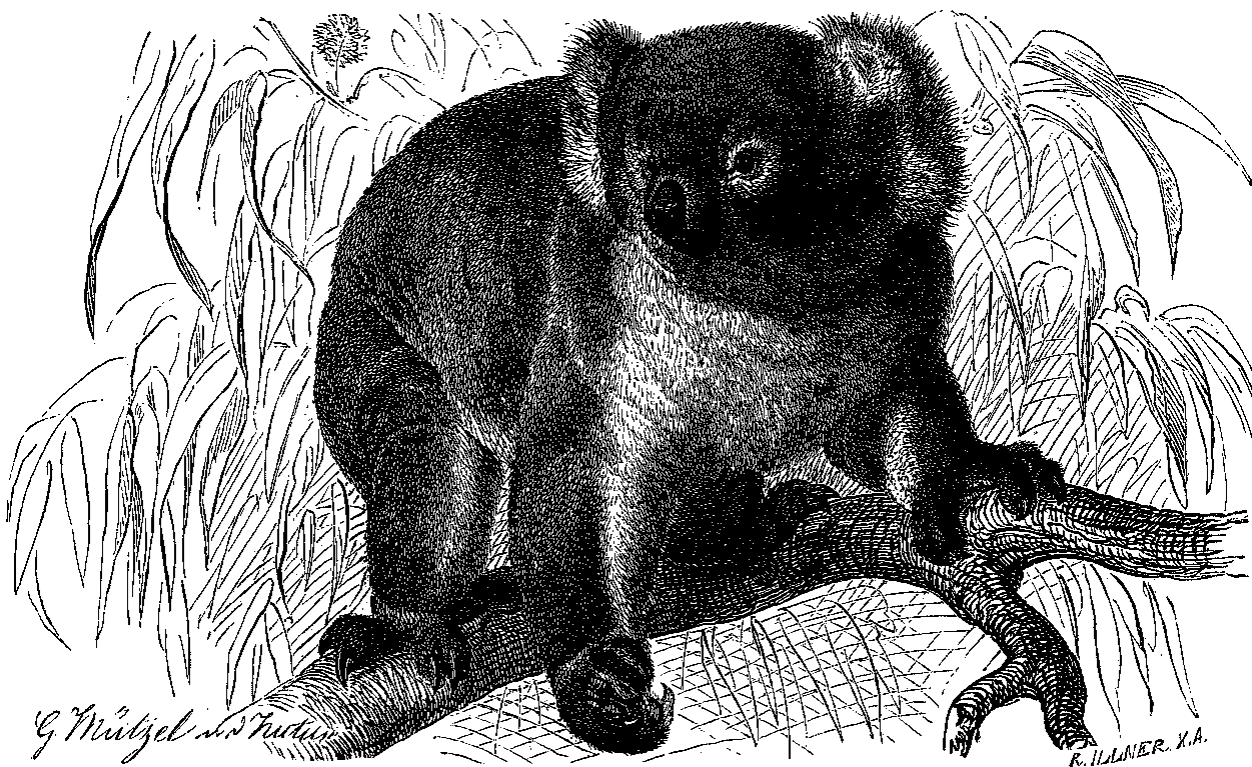
Пищу добывает себе, роясь в растительных остатках на лесной почве, где находит насекомых, червей и клубни растений; часто ест пальмовые ягоды, сидя на задних ногах и держа ягоды в передних лапах, или иногда копает землю, как сумчатые барсуки. Редко встречаются они более одного или двух вместе, если их не сопровождают детеныши. В марте 1874 года я получил от Бробента самку с двумя детенышами в сумке, которые были очень малы и походили на молодых сумчатых барсуков. В том же месяце был застрелен полувзрослый детеныш вместе с самцом и самкой. Животные, очевидно, рожают детенышей в дождливое время года, которое продолжается от февраля до мая».

Семейство коаловые

(Phascolarctidae)*

* Ранее коала включали в семейство кустусовых.

Семейство, состоящее из одного только рода и вида, знакомит нас с одним из самых замечательных сумчатых — **коала, или сумчатым медведем** (*Phaseolarctos cinereus*). Бесхвостое тело сложено плотно, голова толстая, с короткой мордой, рот снабжен защечными мешками, уши большие и покрыты густыми волосами; передние и задние лапы пятипалые. Первый и второй пальцы передних лап противопоставляются трем остальным. Задние лапы имеют лишенный когтя большой палец, остальные пальцы с острыми, длинными и согнутыми когтями**.

Коала (*Phaseolarctos cinereus*)

* * *Хватка лап коала (особенно задних) необычайно сильна для зверька таких размеров.*

В зубной системе бросаются в глаза неравные верхние резцы, маленькие клыки и бугорчатые коренные зубы; резцов в верхней челюсти по три, в нижней лишь по одному; ложнокоренных по одному, настоящих коренных по четыре в каждой челюсти; клыки имеются лишь в верхней челюсти. Название «сумчатый медведь» очень подходит к этому животному; действительно, коала и по общему виду, и по походке, и по всей осанке имеет большое сходство с молодым медведем. Длина его достигает 60 см, высота у загривка около половины этой величины*.

* *Длина коала 60-80 см. масса — 5-16 кг, самцы несколько крупнее самок.*

Толстая голова с далеко расставленными ушами, покрытыми взъерошенными волосами, с маленькими глазами и широкой, тупой мордой. мех очень длинный и густой, несколько косматый, но при этом тонкий, мягкий и волокнистый; лицо вдоль переносицы и от носа до глаз почти голое**; зато волосы на наружной и внутренней стороне ушей очень густы. Цвет спины рыжевато-пепельно-серый, брюха желтовато-белый, наружной стороны ушей — черно-серый.

** * Лишь нос и область вокруг губ у коала оставляют впечатление голых, но на самом деле покрыты короткой бархатистой шерстью. Нос выглядит, темной кожаной нашивкой на морде, и, вероятно, его поверхность служит для терморегуляции.*

Родина сумчатого медведя — восточная Австралия от Квинсленда до Виктории. Но часто он не встречается и потому известен довольно мало. Самец и самка держатся парами; они медленно передвигаются по высочайшим деревьям, благодаря чему получили название «австралийский ленивец». Недостаток быстроты с избытком вознаграждается невероятной осмотрительностью и уверенностью, которые он проявляет при лазании, что позволяет ему проходить даже по самым концам ветвей.

Лишь в исключительных случаях медведь оставляет верхушки деревьев и опускается на землю, где передвигается еще медленнее, ленивее и беспомощнее, чем на ветвях, и перебирается на другое дерево в поисках новой пищи. Это животное полуночное, по крайней мере самую светлую и жаркую часть дня он проводит во сне, глубоко запрятавшись в верхушки каучукового дерева, которое составляет его любимое местопребывание.

К вечеру он начинает есть. Спокойно, невидимый для других существ, населяющих эти чащи, не торопясь поедает молодые листья и побеги деревьев, держа их передними лапами и обкусывая резцами. В сумерки иногда спускается и на землю и роется здесь, отыскивая корни*.

** Корнями, коала не питаются, но иногда едят землю, чтобы восполнить дефицит минеральных веществ.*

Сумчатого медведя называют чрезвычайно добродушным и мирным животным, которое не легко привести в возбужденное состояние. Он молчаливо занимается своим делом. Крайне редко удается слышать его голос, глухой лай, который переходит в резкий пронзительный крик лишь в том случае, если он очень голоден или когда его настойчиво дразнят**.

** * Коала издают довольно много звуков, особенно во время брачных игр. Это «детский плач», ворчание, рычание, пронзительные крики и др.*

В случае сильного гнева иногда принимает угрожающую позу. Но едва ли можно у него предположить серьезное намерение кусаться или царапаться***.

** * * При внешней беспомощности коала могут постоять за себя — укусить, нанести раны острыми когтями. Известны случаи, когда они успешно противостояли даже динго.*

Поймать коала, при его тупости, не представляет большого труда, и он безропотно покоряется своей судьбе. В неволе очень скоро становится ручным, замечательно быстро начинает узнавать своего хозяина и даже в известной степени привязывается к нему. Его кормят листьями, кореньями. Еду он подносит ко рту передними лапами, причем садится при этом на заднюю часть тела, между тем в других случаях садится как собака.

Насколько известно, самка рождает только одного детеныша. Она таскает его, пока он растет, в сумке, а затем еще долгое время на спине или на плечах и обращается с ним с большой заботливостью и любовью. Детеныш крепко прицепляется к материнской шее и безучастно посматривает на окружающий мир в то время, когда мать с осторожностью, заслуживающей уважения, лазает по деревьям.

Европейцам коала известен лишь с 1803 года; туземцы называют его «горибун» и считают ценной дичью. Ради мяса они преследуют его. Охотясь за коала, влезают на стволы высотой более 20 метров, загоняют животное на самую верхнюю ветвь и сбрасывают его оттуда своим товарищам или убивают там же палицей.

Семейство вомбатовые

Вомбаты — это сумчатые животные, похожие на грызунов. В настоящее время известны три вида вомбатов, которые сходны между собой по внешнему виду и характеру. Сложение их чрезвычайно нескладное, тело тяжелое и толстое, шея короткая, голова неуклюжая, хвост маленький, в виде почти голого зачатка; конечности короткие, кривые. Пальцы лап сращены между собой и имеют длинные, крепкие, серповидные когти, которых нет лишь на больших пальцах задних ног; ступни широкие и голые. Очень своеобразна зубная система: в каждой половине челюсти по одному переднему широкому резцу, по одному ложнокоренному и по четыре длинных, кривых коренных зуба****.

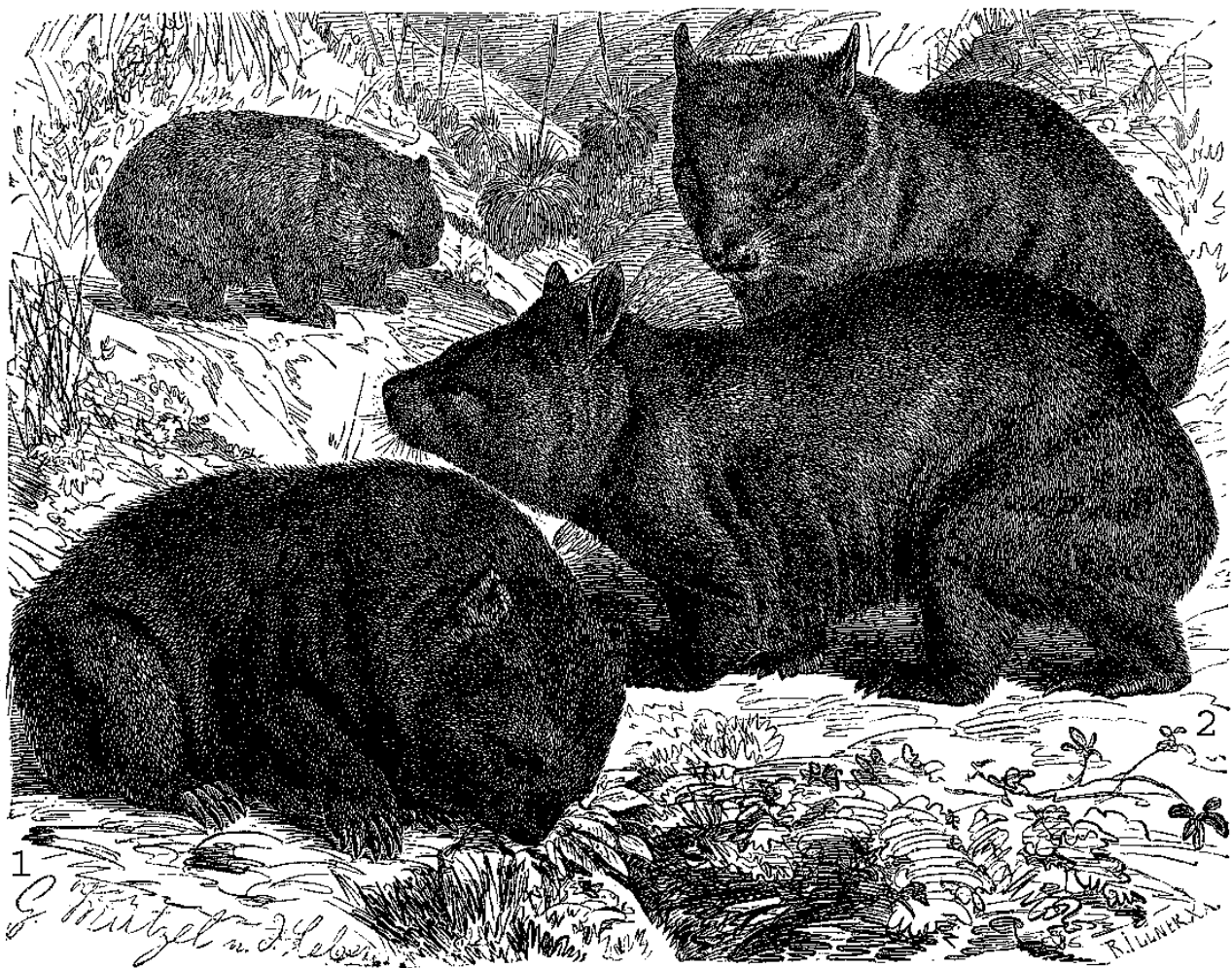
** * * * Зубная система вомбатов в наибольшей из всех современных сумчатых степени сходна с зубной системой грызунов: постоянно растущие бескорневые и стачивающиеся коренные резцы, покрытые эмалью только спереди. Имеются у вомбатов и щечные мешки.*

Крестцовая кость состоит из 4 позвонков, а хвост из 12-16. Из внутренних органов отметим присутствие слепой кишки с червеобразным отростком.

Короткошерстный, или голоносый, wombat (*Vombatus ursimidis*)* достигает в длину 95 см и имеет короткие и округленные уши. Цвет крапчатый, серо-бурый, обусловлен тем, что волосы у корня темно-бурого цвета, на кончике серебристо-белого, местами черные.

* Обитает на о. Тасмания и по всей юго-восточной части Австралии.

Длинношерстный, или шерстоносый, wombat (*Lasiurhirsus latifrons*). Размеры короткошерстных и длинношерстных wombatов схожи — длина 70-120 см, масса до 35 кг. Сходен и образ жизни. Достигает в длину не менее 1 м. Волосы мягче и преимущественно светлого мышино-серого цвета. Отдельные вкрапления более темных чало-бурых или рыжевато-бурых волос придают меху рыжеватый отлив. Пятно над глазом, шея, грудь и внутренняя сторона передних конечностей белого цвета. Большие выдающиеся уши оканчиваются довольно острыми кончиками.

1 — Короткошерстный wombat (*Vombatus ursimidis*), 2 — Длинношерстный wombat (*Lasiurhirsus latifrons*)

Все виды живут в густых лесах, вырывают здесь широкие норы и очень глубокие ходы в земле и проводят в них весь день во сне**.

* * Ландшафты, в которых живут womбаты, разнообразны: леса, горы, степи, саванны. Норы бывают очень сложные, многоуровневые, длиной более 30 м, но с одним входом. Копают womбаты очень быстро, передними лапами, задними отбрасывают грунт, резцами перекусывают корни. В процессе рытья womбаты способны валить крупные деревья.

Только с наступлением ночи wombat выбирается наружу и отправляется своей неровной походкой искать пищу. Питается он преимущественно одной жесткой, похожей на ситник травой, покрывающей большие пространства, но не брезгует другими травами, ест и корни, которые добывает, сильно разрывая землю. Все виды этого рода ведут, по-видимому, одинаковый образ жизни, и сказанное об одном относится ко всем остальным***.

* * * Вне брачного сезона womбаты ведут одиночный образ жизни. Единственный детеныш рождается поздней осенью и проводит в сумке (открывающейся назад) до середины лета. В неволе womбаты доживали до 26 лет.

Движения womбата медленные, но твердые и сильные. Такое тупое и равнодушное существо, как он, нелегко вывести из спокойного состояния. Он прямо и безостановочно идет своим путем, не останавливаясь ни перед каким препятствием. Туземцы рассказывают, что во время ночных скита-

ний вомбат часто скатывается, как камень, в канавы, но не сбивается с пути, а продолжает бежать по сухому дну в том же направлении, как и раньше, пока не выберется где-нибудь снова наверх; он продолжает свой путь с таким равнодушием, как будто бы с ним ничего не случилось. Судя по тем животным, которых я наблюдал в неволе, эти рассказы не кажутся такими невероятными, как можно было бы подумать. Действительно, трудно чем-нибудь возбудить вомбата, хотя при известных обстоятельствах его можно и рассердить. Несомненно одно, это такой упрямец, какого едва ли можно еще найти, если только не назвать это качество более благородным именем — настойчивостью. Все, что он задумал, старается выполнить, не обращая внимания на трудности. Австралийские переселенцы говорят, что вомбат крайне миролюбив, спокойно, без раздражения позволяет себя поднять и унести; но если в его упрямую голову придет мысль об обороне, то становится серьезным противником, тогда он бешено и опасно кусается без разбора направо и налево. Я могу подтвердить эти данные.

Как и большая часть австралийских животных, вомбат отлично выживает в неволе. При хорошем уходе и надлежащей пище он, по-видимому, чувствует себя очень хорошо и становится почти ручным, настолько привыкает к человеку, что ему можно позволить бегать на свободе по дому. Его равнодушие позволяет свыкнуться с неволей, по крайней мере ему никогда не приходит мысль убежать. В Тасмании, говорят, вомбат, как собака, бегаёт между хижинами рыбаков. Однако не следует думать, что он может подружиться со своим хозяином. К человеку он относится так же равнодушно, как и к остальному миру. Если сыт, то каждое место для него хорошо.

Это вялое, ко всему безучастное существо легко можно прокормить зеленым кормом, морковью, репой, плодами, семенами и хлебными зёрнами; когда же дают немного молока, то это доставляет ему особенное наслаждение. В Австралии считают мясо вомбата вкусным, употребляют в дело даже его шкуру, но у нас ни то, ни другое не находят ценным.

Семейство хоботноголовые кукусы

Семейство состоит только из одного рода и вида — **хоботноголового кукуса** (*Tarsipes spenserae*). Его называют «пятоход». Стройный зверек длиной до 16 см, из которых 9 см приходится на покрытый редкой шерстью цепкий хвост, характеризуется очень длинным и тонким хоботом, длинным вытягивающимся языком, отсутствием слепой кишки и недоразвитыми настоящими коренными зубами. Когти недоразвиты, за исключением копеек двух сросшихся между собой пальцев, следующих за большим пальцем задних ног. Шерсть коротка, груба и жестка, на спине она серого цвета с тремя продольными черными или бурыми полосами, на боках бледно-ржавая, на брюхе желтовато-белая, на ногах серая, на ступнях белая.

Хоботноголовый куккус (*Tarsipes spenserae*)

Этот замечательный зверек живет в западной Австралии и занимает обособленное положение по отношению к другим представителям того же семейства*; из плотоядных сумчатых он похож лишь на мурашьеда, который тоже отличается маленькими зубами и вытяжным языком и тоже живет в западной Австралии.

** Во времена Брема хоботноголового куккуса считали членом семейства куккусовых.*

Оригинальности строения тела животного соответствует образ жизни, главную пищу его составляют насекомые, а также нектар цветов. Супруга сэра Джорджа Грэя пишет о куккусе: «Мы некоторое время имели двух таких зверьков; первый экземпляр, посланный домой, умер, как я опасаясь, от голода, так как мне сказали, что они питаются корнями и орехами. Но я нашла, что это ошибка, пяткоходы — плотоядные животные. По крайней мере второй экземпляр, который у нас был, ел моль и мух. Он обыкновенно хватал моль и тому подобных животных за оба крыла и держал

обеими передними лапами; съедал только тело, а крылья бросал. Никогда я не видела, чтобы он пил. Обыкновенно пяткоход спал днем, свернувшись в клубок, а ночью становился очень бодрым и лазал по ветвям деревьев; охотно повисал с помощью хвоста на маленькой ветви и вдруг перепрыгивал на другую». Джилберт тоже указывал на жадность, с которой эти животные ловят и поедают мух, и затем продолжает: «Пища, которую ему давали, состояла из размягченного, сильно подслащенного сахаром хлеба, в который он всовывал язык точно так же, как это делают птицы медососы, когда хотят высосать нектар из венчика цветка. Джонсон Друммонд застал пару этих животных в то время, когда они сосали нектар из цветов; он внимательно наблюдал и ясно видел, как они всовывали в цветы свои длинные языки, совершенно как упомянутые птицы». Насколько велика в питании доля насекомых — неизвестно. Образ жизни и особенности размножения зверька плохо изучены. Имеется 4 соска, сумка сильно редуцирована. Анальное и мочеполовое отверстия открываются в общую клоаку. Хоботноголовые кускусы ведут ночной образ жизни, день проводят в гнездах птиц и дуплах.

Отряд неполнозубые

Время процветания млекопитающих, составляющих отряд, к описанию которого мы приступаем, прошло. В первобытные времена в Бразилии жили неполнозубые величиной с носорога и даже еще крупнее; в настоящее же время самые крупные представители этого отряда ростом с большого волка. Среди вымерших видов существуют соединительные звенья между семействами, представители которых встречаются и в наши дни; теперь же эти семейства кажутся вовсе не родственными. Многих из ныне живущих неполнозубых ожидает та же участь, что и их предков: они должны скоро исчезнуть с лица земли, и дни их сочтены.

Семейство муравьедовые

(Myrmecophagidae)* *

* * Семейство муравьедовые объединяет 4 вида из 3 родов. Ныне это обитатели Западного полушария, но ископаемые останки муравьедов находили и в Европе. Некогда существовали исполинские муравьеды, в два раза превосходящие размерами нынешнего гигантского муравьеда.

Муравьеды имеют лишь незначительное внешнее сходство с ленивцами. Тело их вытянуто, голова и особенно морда сильно удлинены; хвост достигает почти половины длины тела. Густой взъерошенный мех покрывает тело и особенно верхнюю его часть; задние конечности тонки и слабее передних. Как передние, так и задние ноги имеют по пяти пальцев, которые, однако, не все вооружены когтями. Ротовое отверстие очень узко, а язык длинен, тонок, округлен и червеобразен. Уши и глаза очень малы. Еще удивительнее строение черепа. Благодаря удлинению лицевой части морда длинная, трубкообразная, межчелюстная кость очень мала, согнута и соединена с верхней челюстью лишь хрящом. От зубов нет и следа. 15-18 спинных позвонков снабжены ребрами, кроме того, мы замечаем 2-6 поясничных, 4-6 крестцовых и 29-40 хвостовых. Ребра так широки, что их края покрывают друг друга, и все промежутки между костями исчезают. Ключица у двух видов муравьедов недоразвита, а у одного вида, наоборот, очень развита; кости передних конечностей крайне толсты. Особые мускулы управляют очень длинным, круглым языком, усаженным острыми, похожими на роговые выросты, мелкими шипами. Чрезвычайно развитые слюнные железы постоянно выделяют липкую слизь, которая покрывает язык**. Сердце относительно мало. Артерии образуют в бедрах чудные сети.

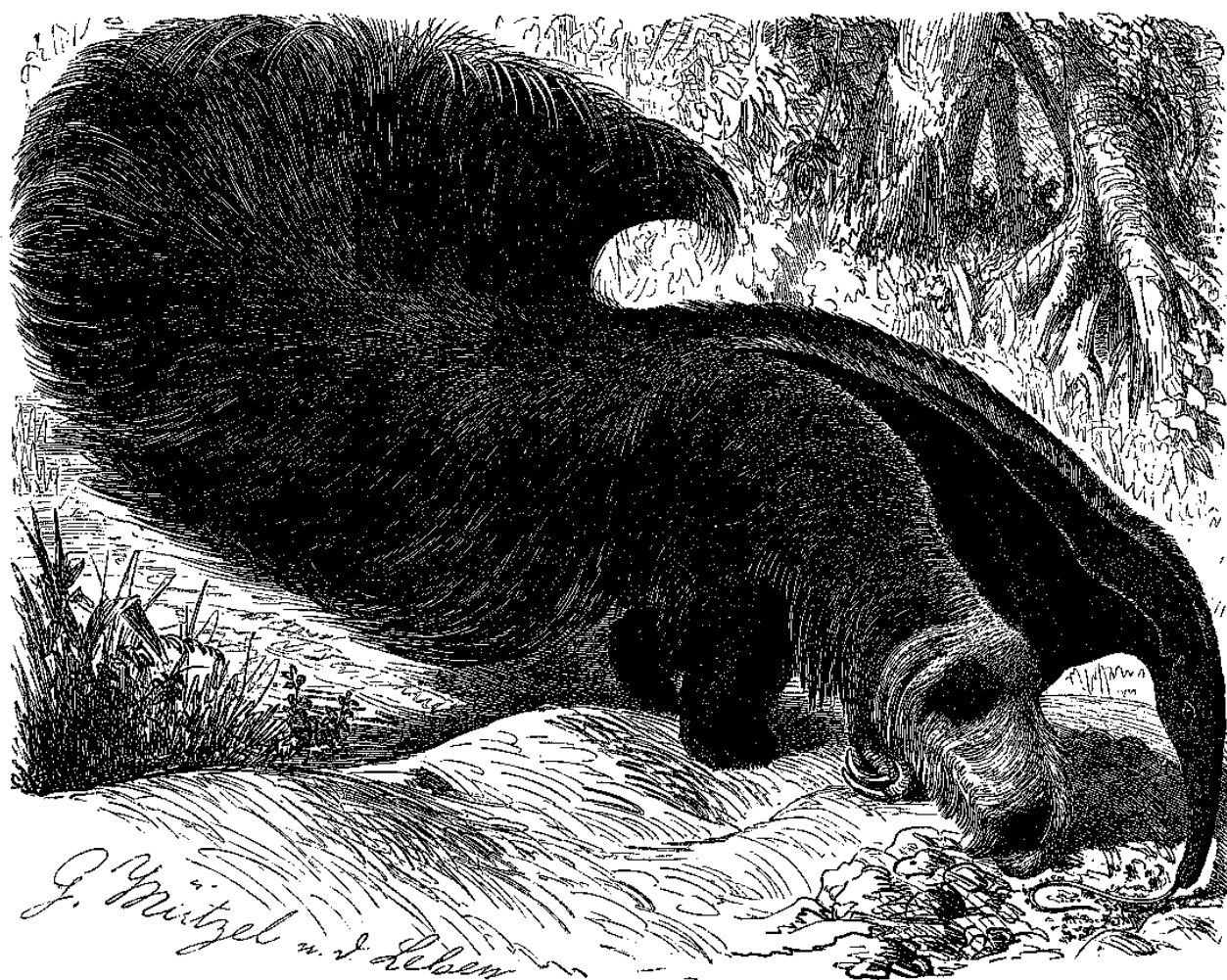
* * Парные слюнные железы, каждая размером с голову живо/инога, достигают груди и функционируют только во время кормежки, выжимая в рот огромное количество липкой слюны, в которой вязнут муравьи.

Гигантский, или трехпалый, муравьед (Myrmecophagatridactyla). Мех этого очень странного животного состоит из густых, упругих, жестких на ощупь щетинистых волос. Короткие на голове, они удлиняются на затылке и тянутся вдоль спинного хребта, где образуют гриву длиной до 24 см, а на хвосте их длина колеблется между 26 и 40 см, между тем как на остальном теле, на лапах длина волос лишь 8-11 см. Конец морды, губы, веки и подошвы лап лишены волос. Волосистой покров головы пепельно серого цвета в смеси с черным. Почти того же цвета затылок, спина и частью бока тела, передние лапы и хвост. Горло, шея, грудь, брюхо, задние лапы и нижняя сторона хвоста черно-бурые. Диагональная полоса, проходящая по телу от груди к крестцу, черного цвета с бледно-серым окаймлением, в начале широкая (13-15 см), затем суживается. Черная поперечная полоса покрывает конец передней лапы. Пальцы передних лап и голые части тела черного цвета. В молодости муравьеды вообще светлее, чем в зрелом возрасте. Длина взрослого муравьеда равняется 1,3 м, длина хвоста без волос 68 см, а с волосами по крайней мере 95 см, часто несколько больше. Та-

ким образом, общая длина животного достигает 2,3 м, но иногда попадаются старые самцы еще большей величины. Вес гигантского муравьеда до 40 кг*.

* Обычно не более 18-25 кг.

"Внешний вид животного, — говорит Ренггер, — крайне некрасив. Его голова напоминает форму длинного, тонкого, несколько согнутого вниз конуса и оканчивается маленькой тупой мордой. Обе челюсти одинаковой длины, нижняя мало подвижна, ротовая щель маленькая, в нее может войти самое большое толстый большой палец мужчины, ноздри в форме полумесяца, глаза малы и глубоко посажены, уши тоже небольшие, немного более 2,5 см шириной и такой же длины, на верхушке закруглены. Шея благодаря длинным волосам кажется толще, чем задняя часть головы; тело велико, неуклюже и несколько сжато с боков; конечности короткие, передние широки и очень мускулисты. Передние лапы снабжены четырьмя пальцами с толстыми когтями. Коготь на первом, или внутреннем, пальце длиной 4,5 см, почти прямой, на втором 1 см длиной, согнут и остер на внутреннем крае. На третьем пальце коготь имеет 6,5 см длины и ту же форму, что и на предыдущем пальце, но остер на обоих краях. Наконец, на четвертом пальце коготь по величине и форме равен первому. При ходьбе и в состоянии покоя животное прикладывает этот коготь к подошве лапы, как палец к руке, сложенной в кулак, причем ступает не плоской стороной ступни, а наружным краем ее, где под самым наружным пальцем находится большая мозоль. Когда муравьед выпрямляет пальцы, то угол, образованный между когтями и подошвой лапы, едва больше прямого. На ступне заметны несколько маленьких, а у заднего ее края одна большая мозоль. Задние конечности пятипалые, и они не такие сильные, как передние. Когти на задних лапах имеют в длину лишь 1-2 см, несколько сжаты с боков, слабо согнуты и направлены вперед. Животное ступает всей подошвой задних лап. Длинный хвост сжат с боков и имеет вид настоящего знамени. Язык, толщина которого не более 0,9 см, напоминает по форме длинный, постепенно заостряющийся конус и состоит из двух мускулов и двух тел, похожих на железы, которые расположены у основания языка. Язык может вытягиваться в длину на 50 см.

Гигантский муравьед (*Mirmecophaga tridactyla*)

Муравьед не часто встречается в Парагвае. В основном он населяет безлюдные или по крайней мере мало посещаемые поляны в северной части страны. У него нет ни определенного логови-

ща, ни вообще постоянного местопребывания. Он бродит днем по равнинам и спит там, где его застигнет ночь. Однако для этого он старается найти место, где трава очень высока или где есть хотя бы несколько кустов. Животные держатся поодиночке или парами, обычно самка и детеныш. Двигается муравьед медленным шагом, а если его преследуют — неуклюжим галопом, впрочем, достаточно медленно, так что человек легко может догнать его*.

** Гигантский муравьед довольно много ходит, причем иноходью; на коротких дистанциях может обогнать человека. При ходьбе опирается на запястья и внешние части лап, подогнув пальцы, чтобы не тупить длинные когти. Может хорошо плавать.*

Пища его состоит исключительно из термитов, муравьев и их личинок. Чтобы добыть их, он разгребает и разрывает когтями передних лап постройки и земляные кучи, служащие жилищем этим насекомым, затем вытягивает свой длинный язык, всовывая его между сбегающими со всех сторон насекомыми, и снова втягивает в рот уже покрытый ими язык. Так он проделывает до тех пор, пока не насытится или пока не перестанут показываться муравьи или термиты**.

** * За ночь муравьед съедает около 30 тыс. муравьев.*

Время сокоупления и продолжительность беременности самки мне неизвестны***.

** * * Беременность длится 190 дней, единственный детеныш весом около 1.7 кг, по наблюдениям в Парагвае, рождается весной. Самостоятельным муравьед становится с двухлетнего возраста.*

Она рождает весной одного детеныша и некоторое время носит его с собой на спине. Детеныш сосет, как говорят, несколько месяцев и, хотя уже умеет питаться насекомыми, все же не оставляет матери, пока та не забеременеет снова. У него еще недостает силы разрывать кучи термитов самому, поэтому он пользуется помощью матери.» Из органов чувств у него лучше всего развито обоняние; затем следуют слух и зрение. Единственный звук, издаваемый им, и то лишь в гневе, напоминает ворчание. В целом это тихое, смирное животное, которое не способно причинить какой-либо вред человеку или другим животным, кроме того случая, когда его сильно раздражат. На открытом поле муравьеда можно гнать перед собой на большие расстояния без сопротивления с его стороны. Если его бьют, то он садится, как замечает Азара, на седалищные кости и задние лапы, а передние расставляет по направлению к своему врагу, чтобы схватить его когтями.

"Мясо и шкура животного употребляются лишь дикими индейцами; однако в Парагвае некоторые деревенские жители кладут шкуру муравьеда под простыню, считая ее надежным средством против ломоты в пояснице. Редко кто-либо охотится за этим муравьедом. Если случайно встретишь муравьеда на равнине, то его легко убить палкой, нанеся ему несколько ударов по голове. Этих животных людям следовало бы скорее защищать, чем преследовать. Они совсем не вредят, а, напротив, приносят большую пользу, уменьшая количество термитов и муравьев, которые в некоторых местностях в Парагвае до такой степени размножились, что там невозможно устраивать плантации. Ягуар и пума единственные враги муравьеда, не считая человека*. Рассказы обитателей Парагвая о битвах, которые якобы происходят между муравьедами и ягуарами, опроверг уже Азара».

** На взрослых муравьедов даже такие крупные хищники, как пума и ягуар, нападают редко.*

От других естествоиспытателей мы узнаем, что муравьед, кроме Парагвая, населяет почти всю остальную восточную часть Южной Америки. Он распространен от реки Ла-Платы до Карибского моря**.

** * Этот вид распространен в Центральной и Южной Америке от Гондураса до севера Аргентины. Тропическим лесам предпочитает полуоткрытые и открытые ландшафты льяносы, пампы, саванны, редколесья. Численность везде мала и продолжает снижаться, из некоторых регионов исчез совсем. Включен в Красную книгу МСОП.*

Говорят, что передвигается муравьед, опустив голову и обнюхивая землю. Хвост при этом он держит совершенно вытянутым, а гриву подымает высоко вверх, так что кажется гораздо больше, чем он есть в действительности. Кроме муравьев и термитов современные наблюдатели находили в его желудке также много земли и частиц дерева, которые животное проглатывает вместе с муравьями. Отсюда вывели поспешное заключение, что муравьед поедает и растительные вещества. Другие естествоиспытатели объясняют наличие в желудке частиц дерева и земли тем, что они служат ему для облегчения пищеварения. То, что муравьед кроме главной своей пищи поедает также охотно мокриц и многоножек, если они не слишком велики, не подлежит ни малейшему сомнению. Муравьед часто подолгу следит за червями, а потом расщепляет на куски гнилые стволы своими крепкими когтями. Относительно размножения мы знаем также, что детеныш следует за матерью целый год и более, и она в случае опасности защищает его сильными ударами сжатых в кулак передних

лап. Пока молодой самец не в состоянии взламывать сам постройки термитов, самка, говорят, заботится о нем.

Несколько замечательных сведений о муравьеде дает Бэте. Он получил убитого муравьеда; странное животное было зажарено, его мясо оказалось превосходным и до некоторой степени напоминало мясо гуся. Жители Карипе не притронулись к нему, так как, по их словам, у них не принято есть муравьедов. Позднее охотник, снабжавший Бэтса мясом, лишился собаки — муравьед смертельно ранил ее когтями. Из этого указания следует, что рассказы о способности муравьеда защищаться вовсе не лишены основания. С раздраженным муравьедом шутить опасно. Чуди испытал это на себе: раненый, сбитый с ног муравьед вскочил, встал на задние ноги и схватил его своими необыкновенно сильными передними конечностями. Каплер, наблюдавший это животное в Суринаме, подтверждает, что оно взламывает постройки термитов, и прибавляет, что находил в его желудке даже мелких жуков. Он также подтверждает, что это животное, доведенное до крайности, умеет обороняться, и рассказывает, как досталось от него одному белому управляющему плантацией, который, встретив муравьеда, решил убить его своим длинным садовым ножом. Управляющий погнался за убегающим животным и нанес ему лишь один легкий удар, после чего муравьед повернулся к своему преследователю, схватил его и держал так крепко, что всякая борьба была тщетной. Человек и муравьед катались по земле, но схваченный не мог освободиться, и лишь после того, как на его отчаянные крики прибежали люди, животное выпустило своего противника и ушло. Управляющий был так жестоко изуродован, что его пришлось тотчас же отправить в больницу в Парамарибо, где выздоровление его затянулось на месяцы.

В последнее время пойманные муравьеды не раз привозились в Европу и при надлежащем уходе жили годы*. Я видал их в зоологических садах в Лондоне и Берлине.

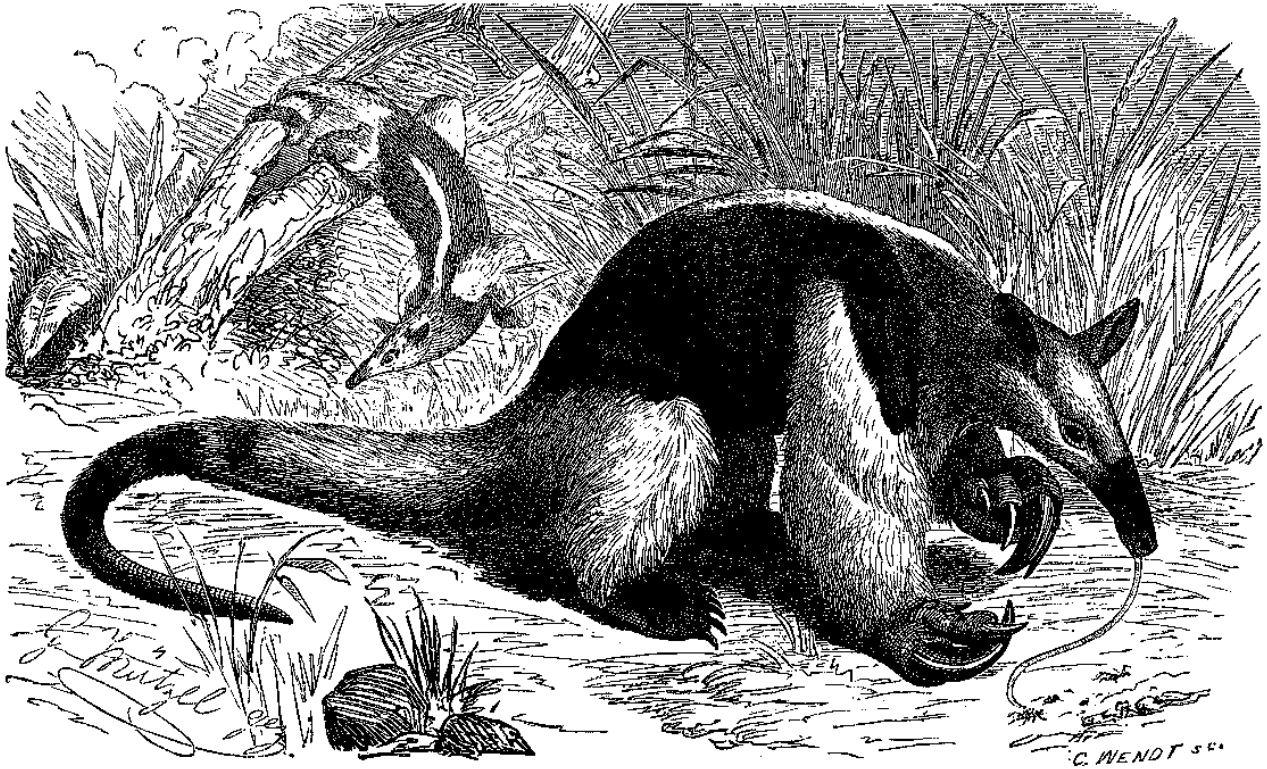
** Продолжительность жизни гигантского муравьеда в неволе достигает 14 лет. Основным секретом содержания его в неволе является правильно подобранный рацион.*

Тамандуа, или четырехпалый муравьед (*Tamandua tetradactyla*)** из всех муравьедов, которые живут на деревьях, наиболее сходен с описанным сородичем, но тем не менее считается представителем особого рода, так как у него на передних лапах по 4, а на задних по 5 пальцев и длинный хвост его служит ему для хватания.

** * Тамандуа ведет преимущественно ночной, полудревесный образ жизни. В Южной Америке распространен до южной Бразилии и Боливии, а в Центральной Америке от юга Мексики до тихоокеанского побережья Колумбии, его замещает близкий вид — мексиканский тамандуа (*T. mexicana*). В зависимости от ландшафта тамандуа проводит на деревьях от 10 до 50% своего времени. В целом обычен, в некоторых местах плотность достигает 3 животных на 1 кв. км.*

Животное встречается приблизительно в тех же странах, что и гигантский муравьед, но доходит до Перу. Длина его равняется примерно 100 см, из которых около 60 см приходится на туловище. Средняя высота его 30-35 см***.

** * * Средний вес тамандуа 4-8 кг.*

Тамандуа (*Tamandua tetradactyla*)

Тамандуа едва достигает половины величины гигантского муравьеда и представляет большое сходство с ним, кроме хвоста. Голова тамандуа не так вытянута и не оканчивается такой длинной мордой, как у муравьеда. Верхняя челюсть длиннее нижней, шея велика, тело широко, уши яйцеобразны и отстоят от головы, ноги похожи на ноги гигантского муравьеда, когти передних ног 2,5 и 5 см длиной, согнуты по длине и сжаты с боков, когти задних ног короче, равной длины и мало согнуты. Толстый, мускулистый хвост, способный обвиваться, к концу утончается. Прямые, упругие, жесткие на ощупь, блестящие щетинистые волосы покрывают подшерсток, который едва уступает по жесткости им и отличается лишь слабой курчавостью. Те и другие почти одинаковой длины. На голове они коротки, на остальном теле около 8 см длиной. На верхнем конце лопатки волосы топорщатся, перед лопаткой они направлены вперед, а позади ее — назад. Цвет шерсти на голове, за исключением черного кольца вокруг глаза, на затылке, спине до крестца, на шее, груди, передних конечностях от середины плеча и на задних от коленного сочленения, а также на задних частях — беловато-желтый; черная полоса тянется от шеи назад по плечам и бокам тела и так быстро увеличивается в ширину, что на боках и бедрах задних ног составляет уже преобладающий цвет*.

* Стандартная окраска тамандуа удивительно напоминает темный жилет, надетый на светлую рубашку.

Окраска обуславливается, впрочем, лишь кончиками волос, так как корни их светлого серовато-желтого цвета. Конец морды, губы, веки и подошвы ног голы и черного цвета, уши и хвост покрыты лишь редкими волосами. Молодые животные беловато-желтого цвета и лишь на втором и третьем году постепенно принимают цвет взрослых. Но и у этих последних встречаются отклонения: отсутствует иногда черное кольцо вокруг глаз, беловато-желтый цвет заменяется на сероватый или рыжевато-желтый и т.д.**

** Редкая чисто кремовая цветовая вариация чаще всего встречается в местах обитания четырехпалого муравьеда и мексиканского тамандуа, всегда одетого в «жилет». Различия в окраске позволяют отличить этих животных.

До настоящего времени мы мало что знали о жизни этого замечательного существа. В Парагвае и Бразилии тамандуа живет в уединенных лесистых местностях, охотно селится на опушке лесов и в кустарниках, иногда встречается поблизости человеческих жилищ. Он держится не только на земле. Тамандуа ловко поднимается на деревья, хотя, как и ленивцы, делает это довольно медленно. При этом он держится хвостом за ветку, даже если сидит. Походка его, хотя и несколько быстрее, чем у муравьеда, но все же очень медленна. Вообще его должно считать вялым и тупым животным. Для сна он ложится на брюхо, прикрепляется хвостом, прикладывает морду к груди и совершенно закрывает ее обеими передними конечностями. Пища его, как и у гигантского муравье-

да, состоит преимущественно из муравьев, и притом главным образом из таких, которые живут на деревьях. Принц фон Вид нашел в его желудке лишь термитов, муравьев и их куколок, но полагает, что он может питаться и медом. В съеденной им пище находили также землю и кусочки дерева. Голос тамандуа случается слышать очень редко. Самка рождает, говорят, весной одного детеныша и долго носит его с собой на спине*.

* *Беременность длится 150-160 дней. В помете 1 детеныш.*

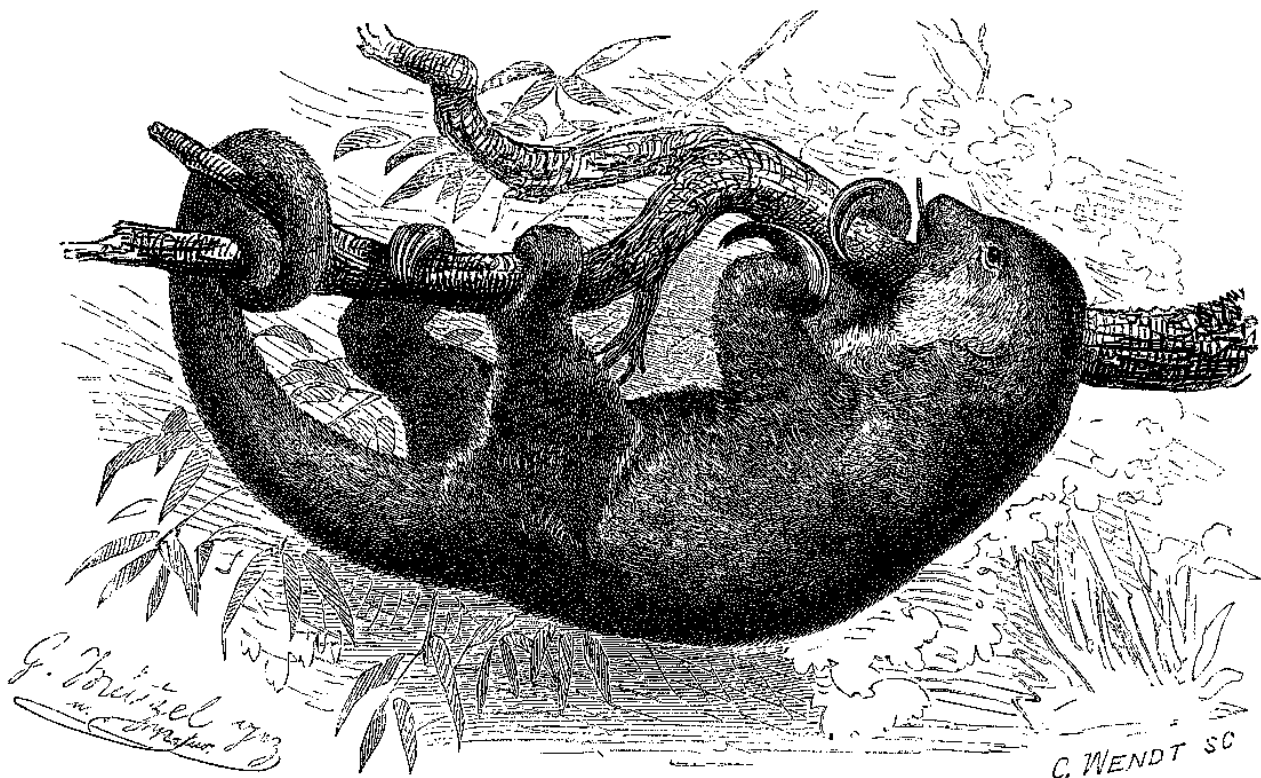
"Тамандуа, — сообщает Гензель, — я нашел лишь на опушке девственного леса. В самом лесу он мне не попадался, точно так же я не встречал его и на саваннах. Некоторые из собранных мной экземпляров были застрелены на высоких деревьях. От врага этот муравьед старается всегда убежать, хотя и без особенной поспешности**.

* * *Основным врагом тамандуа, как и других некрупных древесных животных, является орел гарпия. Муравьеда сравнительно легко обнаружить по тому шуму, который он производит, разрушая древесное гнездо термитов или муравьев, и по дождю мусора, который при этом сыплется вниз.*

Если его догонит человек или собака, то он поднимается на задние лапы, словно медведь, и с ворчанием ожидает противника, но никогда не обхватывает его. Передние лапы его, кроме больших согнутых и острых когтей, имеют еще очень развитые, крепкие, как рог, утолщения на ладонях. С быстротой молнии схватывает он противника когтями, прижимая его в то же время к ладоням. Я видел, как один еще не взрослый тамандуа расправился с двумя большими собаками, схватив одну за нос, другую за верхнюю губу. Он держал их таким образом, стоя на задних лапах. Обычно в таких случаях охотник обыкновенно перерезает храброму животному сухожилия сочленения передней лапы, чтобы заставить его выпустить собаку. Бесмысленная страсть бразильцев к убийству очень вредит этому безобидному и полезному животному. Для бразильца невозможно, увидев тамандуа, не сойти с лошади и не разрубить ему голову своим большим ножом, а затем оставить труп на съедение грифам. Он делает это хотя бы для того, чтобы испытать тяжесть и остроту своего ножа.» Этих муравьедов тоже несколько раз привозили в Европу, а именно в Лондон.

Тамандуа, особенно в раздраженном состоянии, распространяет очень своеобразный сильный запах, похожий на мускусный, который пропитывает мясо этого животного и делает его несъедобным для европейцев. Тем не менее его едят индейцы и негры, которые, чтобы добыть это жаркое, ставят в лесах ловушки. Португальские и бразильские охотники готовят себе из крепкой кожи тамандуа чехлы от дождя для оружейных замков.

Карликовый, или двупалый, муравьед (Cyclopes didactylus)*** — представитель последнего рода этого семейства. Животное величиной с белку имеет приблизительно 40 см в длину, из которых на цепкий хвост приходится 18 см.

Карликовый муравьед (Cyclopes didactylus)

** * * Карликовый двупалый муравьед обитает в тропических лесах от Мексики до Боливии и Бразилии. Самый мелкий вид семейства весит 400 г.*

На передних лапах по четыре пальца из которых лишь два, второй и третий, вооружены большими когтями, на задних по пяти пальцев. Мех мягкий, как шелк, сверху рыжего цвета, снизу серого. Отдельные волосы внизу серо-бурые, вверху черные, на конце желто-бурые. Наблюдались отклонения в цвете. По внутреннему строению тела этот род существенно отличается от своих сородичей*.

** Задние ноги карликового муравьеда имеют особое «сочленение» в подошве, позволяющее трем пальцам поворачиваться назад, под подошву, обеспечивая цепкий захват. Морда лишь слегка удлинена и изогнута концом вниз, рот и глаза довольно крупные.*

Хотя карликовый муравьед сложен довольно неуклюже, все таки его можно назвать красивым животным благодаря его изящному меху. Область распространения этого муравьеда ограничена. Его находили до настоящего времени лишь в северной Бразилии, Гвиане и Перу, следовательно, в странах, лежащих между 10-м градусом южной и 6-м градусом северной широты. В горах он иногда поднимается на высоту до 600 м над уровнем моря. Встречается редко. Живет в самых густых лесах и благодаря своей незначительной величине легко избегает встречи с охотником. Как и остальные его сородичи, карликовый муравьед живет поодиночке, и разве во время спаривания вместе с самкой. Это ночное животное целый день спит на ветвях деревьев. Движения его неуклюжи, медленны и размеренны. Однако лазает он ловко, хотя и осторожно, и всегда с помощью хвоста. Муравьи, термиты, пчелы, осы и их личинки составляют пищу муравьеда. Возможно, он поедает и других мелких насекомых, которые живут на деревьях. Поймав более крупную добычу, муравьед садится, словно белка, на задние лапы и подносит ее ко рту, держа в когтях передних конечностей. В случае опасности он старается по мере возможности защищаться, но его слабые силы не позволяют ему оградить себя даже от мелких врагов. Например, он не может справиться с совами средней величины.

О размножении карликового муравьеда нам ничего не известно**.

*** Сведения о его размножении скудны и сейчас.*

Говорят, что индейцы убивают его ради мяса. Бэте наблюдал короткое время одного карликового муравьеда. Зверек был найден индейцем в древесном дупле, где он неподвижно висел, прицепившись к дереву всеми четырьмя конечностями. Пока его не дразнили, он оставался в одном и том же положении, привесившись, как ленивец. Когда его рассердили, муравьед, крепко держась хвостом и задними конечностями за дерево, стал по кошачьи защищаться передними лапами*.

** Если муравьеда потревожить, то он, крепко уцепившись за ветку хвостом и задними лапами, поднимает передние над головой и делает резкие выпады корпусом, рассекая воздух когтями.*

Ночью он оставался в том же положении, в котором Бэте наблюдал его утром. На другой день его унесли на дерево в сад, но на следующую ночь муравьед исчез.

Семейство ленивцевые

Ленивцы — это весьма тупые и ленивые существа, производящие поистине жалкое впечатление. Передние конечности их значительно длиннее задних. Лапы вооружены большими серповидными когтями. Шея относительно длинна и поддерживает короткую круглую голову, похожую на обезьяню, с маленьким ртом, жесткими малоподвижными губами, маленькими глазами и небольшими ушными раковинами, которые вполне скрыты в мехе. Хвост представляет собой едва заметный зачаток. Волосистой покров в старости длинный и грубый, как жесткое сено, и растет в направлении, обратном тому, которое встречается у других животных, т.е. от нижней части тела вверх**.

** * Направленные таким образом густые и жесткие волосы защищают животных от тропических ливней.*

У ленивцев, живущих на свободе, волосы зеленого цвета из-за водоросли, которая покрывает их. Строение позвоночника у него очень странное. Вместо 7 позвонков, из которых обыкновенно состоит шея, у некоторых ленивцев 6 шейных позвонков, у других 9, а в виде исключения и 10***.

** * * У двупалых ленивцев 6-7, редко 8 шейных позвонков. У трехпалых ленивцев, как правило, 8-9 (и даже 10) позвонков, их шея заметно длиннее, голова может поворачиваться на 270 градусов.*

Число позвонков, снабженных ребрами, варьируется от 14 до 24. Зубная система состоит из 5 цилиндрических коренных зубов в каждом ряду. Первый зуб иногда имеет вид клыка; в нижней челюсти по большей части находится 4 зуба, а точнее, лишь остатки зубов****.

* * * * Лишенные эмали (и потому темно-бурые) зубы растут всю жизнь, постепенно снашиваясь сверху. У трехпалых ленивцев бывает до 20 зубов.

Желудок продолговатой серповидной формы и разделен на правую и левую половину, между которыми вдается пищевод; правая, меньшая часть, трижды кишкообразно извита, левая разделена толстыми мускулообразными складками на три отдельных камеры. Сердце, печень и селезенка замечательно малы. Плечевые и бедренные артерии делятся, образуя так называемые чудные сети. Дыхательное горло тоже необыкновенного строения, так как достигает иногда замечательной длины и делает изгибы в грудной полости. Мозг небольшой с весьма малым количеством извилин, что указывает на незначительные умственные способности ленивцев. Образ жизни всех этих животных почти одинаков, поэтому остановлюсь на описании двух наиболее известных видов этого семейства.

Более совершенными я считаю двупалых ленивцев. У них довольно большая плосколобая и тупорылая голова, относительно короткая шея, тонкое туловище без видимого снаружи хвоста, длинные тонкие конечности, из которых передние вооружены двумя, задние тремя сжатыми серповидными когтями, гладкая мягкая шерсть без подшерстка, 18 зубов и 6-7 шейных позвонков.

Унау, или двупалый ленивец (*Choloepus didactylus*), из Гвианы и Суринама достигает в длину приблизительно 70 см. Длинная шерсть направлена от груди и брюха к спине и образует здесь завитки. На голове волосы короче и направлены назад. На лице, голове и затылке волосяной покров серовато-оливкового цвета; на спине, где волосы направлены навстречу друг другу, он темнее, чем на нижней стороне; на груди, руках и плечах, а также голених — оливково-бурого цвета. Голая морда буроватого цвета, лишенные волос подошвы передних и задних конечностей красного цвета, когти голубовато-серого. Радужная оболочка не очень большого глаза бурого цвета.

Трехпалые ленивцы (*Bradypus*) плотного телосложения, голова небольшая с усеченной наискось мордой, с твердыми губами и маленьким ртом, шея очень длинна, хвост, сплюснутый с боков, заметно выдается вперед, конечности довольно коротки и толсты, и обе пары их вооружены тремя очень сильно сжатыми с боков серповидными когтями. Волосы на голове с пробором и направлены вниз, а в остальных местах снизу вверх, подошвы лап покрыты волосами.

Ай, или трехпалый ленивец (*Bradypus tridactylus*), из Бразилии достигает общей длины в 52 см, из которых 4 см приходится на хвост. Меха состоит из тонких, коротких и густых волос подшерстка, по которым лучше всего определять истинную окраску животного, и длинных, в высушенном состоянии жестких, довольно гладких, похожих на сено волос ости. По обеим сторонам спины от плеч до области хвоста тянется широкая продольная полоса буроватого цвета. Остальной мех бледного рыжеватого-серого цвета, на брюхе серебристо-серый. Если срезать длинные волосы на спине до лежащего под ними подшерстка, то выступит истинный цвет животного, и тогда станут заметны черно-бурая продольная полоса, пробегающая вдоль спины, и две белых полосы по бокам. Все три полосы резко ограничены, однако из-за длинных волос точно определить границы этих цветов невозможно*. Над глазами по направлению к вискам пробегает широкая белая полоска. Глаза окружены черно-бурым кольцом, и такая же полоса тянется вниз от висков. Когти желтоватого или буровато-желтого цвета.

Трехпалый ленивец (*Bradypus tridactylus*)

** У самцов трехпалых ленивцев (*B. tridactylus*) и бурогорлых ленивцев (*B. variegatus*) между лопаток находится короткошерстное оранжевое пятно, пересеченное бурой полосой, идущей вдоль хребта. В этом, месте, вероятно, расположена кожная пахучая железа. Удивительно, что Брем нигде не упоминает об этом пятне. Приходится предполагать, что лично Брему попадались лишь самки либо ошейниковые ленивцы (*B. torquatus*), оба пола которого лишены этого пятна.*

Ленивцы водятся только в Южной Америке. Большие леса на влажных низменностях, где растительный мир столь разнообразен, являются основным местом их обитания. Чем пустынее и тенистее лес, тем более привлекает он этих удивительных созданий. Будучи настоящими древесными животными, как обезьяна и белка, они в отличие от последних с трудом перебираются ползком с ветви на ветвь. Пространство, которое свободно преодолевают легкие и резвые обезьяны, воспринимая это как увеселительную прогулку, для ленивца становится дальним путешествием. Соединившись иногда в небольшую семью, эти ленивые существа ведут скучную тихую жизнь и медленно странствуют с ветви на ветвь. Они весьма неловко передвигаются по земле, чего нельзя сказать про их поведение на деревьях. Их длинные руки позволяют им далеко хвататься за ветви, а благодаря сильным когтям они могут без труда удерживаться на деревьях. Лазают ленивцы, впрочем, совершенно иначе, чем все остальные животные, живущие на деревьях: для них правилом служит то, что для других является исключением. Свешиваясь телом вниз, они протягивают к ветвям свои длинные руки, крепко вцепляются в них когтями и, не торопясь, передвигаются с ветви на ветвь, с сука на сук. Однако они кажутся ленивее, чем это есть на самом деле.

Будучи ночными животными, ленивцы проводят без движения целый день, но уже в сумерки становятся бодрее, а ночью странствуют хотя и медленно, но не лениво. Питаются исключительно почками, молодыми побегами и плодами, а в обильной росе, которую слизывают с листьев, находят достаточную замену недостающей им воды. Они, бесспорно, проявляют вялость и при добывании, и при принятии пищи. Ленивцы невзыскательны, довольствуются малым и способны целые дни и даже недели, как утверждают некоторые, терпеть голод и жажду без вреда для себя. Они не оставляют дерева, пока оно доставляет им пищу; и только когда начинают ощущать недостаток в еде, решаются предпринять путешествие. Медленно передвигаясь, отыскивают они место, где ветви других деревьев соединяются с ветвями их дерева, и по этому мосту, цепляясь за сучья, перебираются на соседнее дерево.

Прежде утверждали, что ленивцы предпочитают одни виды деревьев другим, но сейчас отказались от этого мнения, так как узнали на основании наблюдений, что им годятся всякие деревья. Впрочем, несмотря на незначительную способность добывать пищу, они могли бы быть более разборчивыми. Растительный мир их родины так велик, что они без особого труда могли бы отыскать себе пищу по вкусу*.

** У каждого трехпалого ленивца свой ассортимент, состоящий в среднем из 25-30 видов растений. Под этот ограниченный набор и приспособлено пищеварение: набор микроорганизмов настолько специализирован, что резко сменить рацион оказывается невозможным. Вероятно, микрофлора передается от матери к детенышу. По этим причинам трехпалые ленивцы не выживают в неволе. Они умирают от голода, не успев приспособиться к непривычному ассортименту. Двупалые ленивцы менее привередливы в еде, само питание более разнообразно и не подвержено индивидуальным «вкусам» Помимо листьев они охотно едят плоды.*

Роскошная кайма леса, которая тянется вдоль тропических рек и, не прерываясь, глубоко вдается во внутренность страны, состоит большей частью из видов деревьев, верхушки которых самыми разнообразными способами переплетаются между собой и позволяют ленивцам передвигаться с места на место, никогда не касаясь земли. Ленивцам, чтобы нормально питаться, достаточно совсем небольшое пространство, так как в этих благословенных странах прирост растительности гораздо значительнее той убыли листьев, которая производится этими животными.

С помощью своих длинных передних конечностей ленивцы притягивают к себе более удаленные ветви и обрывают с них когтями листья и плоды, затем подносят пищу ко рту. Длинная шея позволяет им ощипывать листья, между которыми им приходится пролезать. Говорят, что на деревьях, густо покрытых листьями, они сильно наедаются, а в дождливое время года много пьют воды. Впрочем, это не противоречит медленной деятельности их органов. Чем выше развито животное, тем равномернее совершаются все отправления его тела; чем ниже оно стоит, тем менее зависит оно от того, что мы называем жизненными потребностями. Таким образом, ленивцы могут без ущерба для себя и недостаток в пище терпеть, и пользоваться избытком единственного наслаждения, которое им известно, именно — еды. Они, которые обыкновенно довольствуются лишь росой с

листьев, в дождливое время года, по словам индейцев, относительно быстро спускаются с деревьев, чтобы приблизиться к реке и утолить жажду.

На земле эти жалкие существа чувствуют себя чужими. При ходьбе они с таким трудом волочат свое тело, что всегда возбуждают в зрителе сострадание. Его можно сравнить с медленной сухопутной черепахой, когда он пытается переместить свою неуклюжую массу тела. Широко расставив конечности, опираясь на локти и медленно переставляя лапы широкими круговыми движениями, ленивец очень тихо подвигается вперед; брюхо при этом почти касается по земле, а голова и шея медленно покачиваются из стороны в сторону и как будто бы поддерживают равновесие этого крайне беспомощного зверька. Пальцы ног во время ходьбы поднимаются вверх, а когти загибаются внутрь; вследствие этого лапа касается почвы наружным краем и притом почти исключительно мякотью большого пальца. Ясно, что такое движение должно совершаться неторопливо. На земле ленивец хорошо сознает свое беспомощное положение. Если его случайно застать в то время, когда он идет, или посадить пойманного на ровное место, то он вытягивает кверху свою маленькую голову на длинной шее, несколько приподнимает переднюю часть тела и медленно, как бы механически делает движение лапой, словно желая схватить врага своими мощными когтями. Беспомощность и неторопливость придают ему своеобразный, несчастный вид. Трудно предположить, чтобы это существо, ковляющее таким жалким образом, было способно спастись из воды, если попадет в нее вследствие какого-нибудь несчастного случая. А между тем ленивец сносно плавает, причем движется гораздо быстрее, чем при лазании, держит голову высоко над водой, довольно легко рассекает волны и действительно достигает суши. Бэте и Уоллес видели, как один ленивец переплывал через реку шириной около 300 м*.

** Поскольку ленивцы часто живут в сезонно затопляемых лесах или просто на деревьях по берегам водоемов, умение плавать является для них важным условием для выживания.*

Из этого следует, что название «ленивец», как ни правильно оно по существу, относится, однако, лишь к движениям этого животного при ходьбе. На деревьях его движения вовсе не так медлительны, как думали прежде. Замечательна изумительная точность, с которой он выполняет движения при лазании. Ленивец в состоянии висеть, уцепившись всего лишь одной лапой за ветку, причем он не только может удерживать свое тело на одной конечности, но и поднимать ее вверх к месту прикрепления. Тем не менее ленивец старается всегда найти надежные точки опоры для всех четырех конечностей и почти боится отнять от опоры одну из лап, прежде чем найдет для нее другую точку прикрепления**.

** * Они способны висеть на ветке только на двух лапах. Особая подвижность голеностопных суставов и суставов запястья позволяет им поворачивать лапу более чем на 250 градусов и фиксировать ее на ветке в любом положении.*

Чрезвычайно трудно оторвать ленивца от ветви, за которую он уцепился. Во время сна и отдыха ленивец принимает свою обычную позу. Он ставит все четыре лапы одну подле другой, выгибает тело почти шарообразно и наклоняет голову к груди, однако к телу ее не прислоняет. В таком положении ленивец висит весь день на одном месте, не уставая. Лишь в исключительных случаях он старается схватиться передними лапами за более высокую ветвь, приподнимает переднюю часть тела и опирается, может быть, спиной о другую ветвь. Насколько это животное нечувствительно к голоду и жажде, настолько же оно оказывается чувствительным к сырости и связанной с нею прохладе. При самом слабом дожде он старается как можно поспешнее укрыться под густым сводом листьев и даже делает в это время отчаянные усилия, не соответствующие его прозвищу. В дождливое время ленивец часто по целым дням печально висит на одном месте, испытывая, наверно, крайне неприятное ощущение от стекающей по нему воды***.

** * * На самом деле капли скатываются по шерсти, и зверь не намокает.*

Крайне редко, обыкновенно только вечером или рано-рано утром, или же когда ленивец встревожен, можно услышать его голос. Он не громок и состоит из жалобных, продолжительных, высоких, коротких и резких звуков; некоторые наблюдатели передают его с помощью часто повторяемого звука «и». Однако современные ученые никогда не слышали, чтобы ленивец издавал звук «ай», который послужил поводом к французскому названию этого животного, или, как тоже уверяли прежние наблюдатели, то высокие, то низкие звуки. Днем можно слышать разве глубокие вздохи ленивца; на земле он не кричит, даже если его дразнят*.

** Обычно молчаливые, ленивцы издают ноздрями высокий свист при охране территории, поиске брачного партнера, общении между самкой и детенышем.*

Из сказанного следует, что все органы чувств у ленивца одинаково развиты. Глаза его так слабы и невыразительны, как ни у какого другого млекопитающего. О том, что у него не отличный

слух, можно судить уже по незначительной величине и скрытому положению ушных раковин. О его неразвитом осязании тоже известно. Относительно обоняния мы не можем сказать ничего, и лишь вкус мог бы считаться до некоторой степени развитым. Душевные способности ленивцев также стоят на низшей ступени. Эти животные не отличаются понятливостью, они тупы, глупы и равнодушны. Ленивцев называют безобидными, но на самом деле они просто не способны к душевным проявлениям. У них, как говорят путешественники, нет сильных порывов страстей, они не знают страха, но не обладают и мужеством и, по-видимому, не испытывают ни радости, ни печали. Эти сообщения, по моим наблюдениям, не вполне верны. Большинство наблюдателей обыкновенно забывают, что ленивцы — ночные животные, о способностях которых нельзя судить, основываясь на наблюдениях, сделанных днем. Название «ленивец» относится больше к спящему животному; во время бодрствования оно движется медленно, но вовсе не лениво. Его мало развитый мозг, конечно, не способствует проявлению значительных душевных качеств. Однако нельзя сказать, чтобы ленивец вовсе не понимал окружающей обстановки и господствующих в ней условий, чтобы он не проявлял любви, ненависти, не выказывал дружбы к себе подобным или вражды к другим животным, чтобы он был не способен примениться к изменившимся обстоятельствам**.

** * У ленивцев замедлены большинство физиологических процессов в организме. Речь идет не только о пищеварении. Они делают не больше 6—7 вдохов в минуту. Температура тела низка и меняется в зависимости от колебаний температуры среды в амплитуде 24-35 градусов.*

Ленивцы рожают одного детеныша. Он является на свет сплошь покрытый волосами и даже уже со значительно развитыми пальцами и когтями и тотчас после рождения вцепляется этими когтями в длинные волосы матери, обвивая лапами ее шею. Мать носит его таким образом всюду с собой. Сначала она, по-видимому, относится к детенышу с большой нежностью, но материнская любовь скоро остывает, и глупая самка не заботится более о нем, не кормит и не чистит его и не оказывает ему другие услуги. Она равнодушно позволяет оторвать его от своей груди и лишь незначительное время обнаруживает известное беспокойство, как будто бы потеряла что-то особенно важное. Самка узнает свое детище лишь тогда, когда оно коснется ее или она его. Крик же его она как будто не слышит***.

** * * У трехпалых ленивцев беременность длится 5-6 месяцев, у двупалых — 11. Детеныш рождается крупный — 25 см.*

Часто случается, что самка дня два голодает или по крайней мере не заботится о пище. Несмотря на это, она непрерывно кормит молоком своего детеныша, который прицепляется к ней так же крепко, как она к ветви дерева. Обо всем этом сообщают путешественники, передавая, быть может, рассказы индейцев, но насколько это верно — большой вопрос. С тех пор как я начал держать у себя ленивцев и наблюдать за ними, я пришел к совершенно иным взглядам.

Нельзя сказать, чтобы у этих беспомощных созданий было много недоброжелателей. Благодаря жизни на деревьях они избегают самых опасных для них врагов — млекопитающих. Кроме того, их мех в общем совершенно похож по цвету на сучья, на которых они неподвижно висят, как плоды на дереве, так что нужен привычный соколиный глаз индейца, чтобы отыскать спящего ленивца. Впрочем, эти животные не так уж безоружны, как может показаться на первый взгляд. На дереве до них, естественно, трудно добраться, а если ленивцев застать врасплох на земле и попытаться поймать их, то они довольно быстро опрокидываются на спину и схватывают нападающего когтями; сила их рук, во всяком случае, очень значительна. Даже сильному человеку трудно освободиться от обхватившего его ленивца или оторвать это животное от ветви дерева, к которой оно прицепилось. Если не отцеплять одну ногу за другой и не держать их, то это и вовсе не удастся*.

** Ленивцы могут неплохо защищаться ударами когтей, о чем говорят шрамы на шкурах хищников. Опасность представляют также длинные клыкообразные зубы двупалых ленивцев. Сами ленивцы малочувствительны к боли и обладают удивительной способностью исцеляться даже от серьезных ран. Широкие ребра с дополнительными сочленениями в какой-то степени защищают грудную клетку и внутренние органы от когтей хищников. Благодаря своему положению «под веткой» ленивец оказывается труднодоступен для хищных зверей типа оцелота или тайры. Однако ни положение, ни неподвижность, ни маскировка не спасают его от главного врага — лесного орла гарпии. Ленивцы составляют до трети ее рациона. Серьезную угрозу для ленивцев представляют крупные удавы.*

Польза, которую приносят ленивцы, чрезвычайно ничтожна. В некоторых местностях индейцы и негры едят их мясо, неприятный запах и вкус которого противны европейцам. Из очень жесткой, крепкой и прочной кожи этих животных делают покрышки для седел и мешки. Вреда эти животные не могут причинить. Они тоже стоят в списке животных, приближающихся к оконча-

тельному истреблению. Ленивцы могут обитать лишь в самых отдаленных лесах, и, пока топор все далее и далее проникающего европейца щадит еще величественные деревья, доставляющие им кров и пищу, до тех пор они будут пользоваться жизнью. Нас не должно удивлять, что об этих странных животных распространялось много поверий и сказок. Первые рассказы о них принадлежат Овидию, который говорит приблизительно следующее: «Perico ligero самое ленивое животное, какое можно видеть на свете. Он так неуклюж и нетороплив, что ему нужен целый день, чтобы пройти лишь 50 шагов. Первые христиане, увидевшие его, помнили, что в Испании негров обыкновенно называют в насмешку «белыми Иванами», и потому дали ленивцам в шутку название «проворные собачки». Это одно из самых удивительных животных. Взрослое животное длиной две пяди и немногим менее в толщину. У него четыре тонких ноги, пальцы которых срослись между собой, как у птиц. Ни когти, ни лапы не устроены так, чтобы они могли поддерживать тяжелое тело, и потому брюхо почти волочится по земле. Шея вытянута прямо вверх, такой же толщины, как пест ступки; голова почти не отличается от нее, лицо круглое, похоже на лицо совы и окружено волосами, так что оно лишь немного больше в длину, чем в ширину, глаза малы и круглы, ноздри — как у обезьян, рот маленький. Ленивец двигает шею то в одну, то в другую сторону, как будто чему-нибудь удивляется. Его единственное желание и удовольствие заключаются в том, чтобы вешаться на деревьях или на чем-нибудь, где он может лазать; и потому его часто можно видеть на деревьях, по которым он медленно взбирается. Его голос очень отличается от голосов других животных. Поет ленивец всегда только ночью, издавая время от времени каждый раз по шесть звуков, сначала один выше другого, а затем все тише и тише: ла, ла, соль, фа, ми, ре, до. Потом кричит шесть раз — ха, ха, ха, ха, ха, ха. Пропев раз, он некоторое время ждет и снова повторяет то же. Я считаю его ночным животным. Иногда христиане ловят ленивца и приносят его домой, где он по обыкновению медленно ползает, и его нельзя ни угрозами, ни толчками принудить двигаться быстрее. Если животное находит дерево, то влезает тотчас же на самые высокие ветви и остается там 10, 12 и даже 20 дней; что оно ест, неизвестно. Я держал его дома, и, по моему наблюдению, оно, должно быть, питается воздухом. Того же мнения придерживаются и многие другие наблюдатели, так как никто не видел, чтобы ленивец что-нибудь ел. Он по большей части поворачивает голову и рот в ту сторону, откуда дует ветер; отсюда следует, что воздух, должно быть, очень приятен ему. Ленивец не кусается, да и не может кусаться, так как рот его очень мал; он также не ядовит. Вообще же я никогда не встречал ранее столь глупого и бесполезного животного, как он».

Многое из того, что сообщает рассказчик, совершенно верно. Преувеличения встречаются позднее, например, у Стедмана. Он говорит, что ленивцу требуется два дня, чтобы добраться до вершины дерева средней величины, и что он не оставляет дерева, пока находит на нем какую-нибудь еду. По пути наверх ленивец поедает будто бы столько, сколько ему нужно, чтобы совершить свое путешествие, но, добравшись до вершины, он совершенно объедает ее. Так он поступает, чтобы не умереть с голоду, когда вернется на нижние ветви в поисках другого дерева. Если бы ленивец объел нижнюю часть вершины, то, естественно, должен был бы погибнуть от трудностей, связанных с путешествием на другие деревья. Некоторые утверждают также, что ленивец свертывается клубком и падает с дерева будто бы для того, чтобы избавить себя от труда двигать членами. Принц фон Вид первый сообщил ясные и свободные от предрассудков наблюдения; после него нам давали сведения главным образом Куа и Гэмар и, наконец, Шомбургк*.

** Несмотря на кажущуюся беспомощность и примитивность, ленивцы считаются одними из самых преуспевающих животных американских тропиков и практически не имеют конкурентов в своей экологической нише. Поскольку ленивцы хорошо замаскированы, скрытны, а днем почти неподвижны, то они, как недавно установили ученые, являются самыми многочисленными обитателями дождевых лесов — на 1 га приходится по 6-7 особей одного вида.*

Семейство броненосцевые

Броненосцы, как и ленивцы, являются представителями некогда обширного семейства. По сравнению с некоторыми из их первобытных сородичей они всего лишь карлики. Глиптодонт, или гигантский броненосец, достигал величины носорога, другие представители этого семейства по крайней мере размеров быка, между тем как в настоящее время длина броненосцев равняется самое большее 1,5 м, а без хвоста 1 м*.

** Вымершие глиптодонты составляли отдельное семейство Glyptodontidae, родственное броненосцевым. Некоторые глиптодонты достигали 3,3 м в длину и 1,5 м в высоту (самая высокая точка была в крестив); весили они около 2 т. Главными отличиями глиптодонтов от броненосцев являлись куполообразный спинной панцирь, лишенный подвижных блоков и весив-*

ший порой до 0,5 т, тупые копытообразные когти и уплощенные перетирающие зубы. Питались глиптодонты исключительно вегетарианской пищей.

Все броненосцы — неуклюжие создания с вытянутой мордой, большими свиными ушами, толстым хвостом и короткими ногами с очень большими когтями, которые служат им для копания. Свое немецкое название («поясные животные») броненосцы получили по своеобразному строению панциря, на спине которого лежат пластинки в виде неполных поясов. Именно этим расположением щитков он и отличается от чешуйчатого покрова других млекопитающих. Средние пояса состоят из продолговатых четырехугольных пластинок, тогда как плечевой и крестцовый щиты образованы от поперечных рядов четырехугольных или шестиугольных пластинок, между которыми находятся мелкие неправильные щитки. Теменной панцирь тоже состоит из щитков, по большей части пяти- или шестиугольных. Нижняя сторона тела покрыта грубыми или мягкими щетинистыми волосами; у многих видов отдельные волосы растут повсюду между щетинками.

Внутреннее строение тела представляет некоторые особенности. Ребра, число которых колеблется между 10 и 12, чрезвычайно широки и у некоторых видов касаются друг друга. В позвоночнике шейные позвонки, за исключением первого и второго, часто срастаются. Замечательна толщина костей конечностей и пальцев. Ни в одном семействе число зубов не колеблется так сильно, как у броненосцев. У некоторых видов оно так велико, что название отряда можно соотнести с ними условно, памятуя, что предчелюстные кости всегда лишены зубов. До сих пор едва ли было возможным определить с достаточной достоверностью, сколько зубов у броненосцев, так как их число значительно колеблется даже у одного и того же вида. Одно можно утверждать, что зубов никогда не бывает меньше 8 в каждом ряду, их число может доходить до 26 в нижней и до 24 в верхней челюсти, благодаря чему общее количество зубов варьирует от 96 до 100. Впрочем, говорить о недостатке зубов нельзя, так как они, собственно, потеряли всякое значение для броненосцев и давно уже перестали быть настоящими зубами. Зубы имеют форму валиков, сжатых с боков, и лишь у молочных есть корни. Они покрыты тонким слоем эмали. Начиная с первого и до среднего, зубы увеличиваются, а затем постепенно уменьшаются; но и это расположение не может считаться правилом. Челюсти необыкновенно слабы. Зубы одной челюсти вдаются в промежутки зубов другой, но животное не в состоянии крепко кусать или жевать. Язык похож на червеобразный язык муравьедов, но не может так далеко высовываться изо рта и гораздо короче, чем у них, трехгранно заострен и усажен маленькими грибовидными или нитевидными сосочками. Чрезвычайно большие слюнные железы находятся на нижней челюсти и покрывают язык постоянно липкой слизью. Желудок простой. Артерии образуют местами чудные сети, но не в таких размерах, как у ленивцев. Обыкновенно бывает две, реже четыре млечных железы.

Все броненосцы — обитатели Южной Америки и встречаются на севере до Мексики*.

** Броненосцы наиболее распространенное семейство ксенартров. В Южной Америке они достигают Патагонии и южного Чили, в Северной девятипоясный броненосец расселился (с конца XIX в.) к северу от Рио-Гранде и является сейчас обычным видом в Техасе и большинстве южных штатов США. Поскольку броненосцы не впадают в зимнюю спячку, их продвижение в умеренные широты ограничено линией устойчивых отрицательных температур и замерзания водоемов в зимний период.*

Они живут на поросших скудной растительностью песчаных равнинах, на полях, а также на опушках лесов, не проникая, однако, внутрь их. Лишь во время спаривания можно видеть по несколько представителей одного вида вместе; в остальное время года каждый броненосец живет сам по себе, ни мало не заботясь об остальных существах, за исключением тех, которые служат ему пищей. Днем броненосцы обычно прячутся в норы; у большинства из них они не особенно длинны. Один вид ведет подземный образ жизни, как крот. Остальные охотнее всего вырывают норы у основания больших муравейников и термитовых куч; причину этого легко понять, так как пища броненосцев состоит преимущественно из насекомых и их личинок, а особенно муравьев. Червей и слизняков они тоже поедают при случае; не избегают и падали; некоторые охотно едят также растительную пищу.

С наступлением темноты броненосцы появляются перед своими глубокими подземными жилищами и некоторое время бродят вокруг, неторопливо передвигаясь с места на место. Настоящее царство их — ровная рыхлая почва; здесь они чувствуют себя как дома. Насколько медленными и вялыми кажутся эти животные при ходьбе, настолько же они быстры и ловки, когда надо зарыться в землю. Потревоженные броненосцы спасаются лишь тем, что быстро зарываются в землю. Они действительно так мастерски роют норы, что погружаются в землю буквально на глазах наблюдателя. Чрезвычайная незащитность сделала бы их жертвой врагов, если бы они не обладали столь чу-

десным свойством. Один вид может свертываться в шар, как наш еж, но делает это лишь в самом крайнем случае, предпочитая все-таки зарыться и спрятаться в землю. В воде эти столь неуклюжие на вид животные двигаются весьма успешно. Гензель говорит, что они очень хорошо плавают, быстро гребя, как крот**.

* * *Ноздри броненосца во время копания в земле смыкаются, и до 6 минут он может не дышать. Благодаря большому удельному весу и умению надолго задерживать дыхание броненосцы в состоянии форсировать небольшие реки даже пешком по дну.*

Броненосцы — безобидные и мирные создания, без каких-либо выдающихся душевных способностей. Тот, кто видел их однажды, уже после непродолжительного наблюдения должен был бы прийти к заключению, что такими равнодушными, глупыми и скучными созданиями много заниматься не стоит. Они или тупо лежат на одном месте, или скребут и роют, чтобы выкопать себе логовище в земле. Голос их напоминает невыразительное ворчание.

Численность броненосцев уменьшается, им грозит полное истребление. Размножение их незначительно. Некоторые виды рожают, правда, до девяти детенышей, но растут они настолько медленно и к тому же так беззащитны, что нечего надеяться на увеличение их числа*.

* *Низкий уровень высшей нервной деятельности, замедленный обмен веществ, низкая температура тела — 34-35 градусов вовсе не являются факторами угрожающими существованию броненосцев. Напротив, хорошая защита от врагов в сочетании с отсутствием узкой специализации в питании привели к тому, что многие виды броненосцев процветают. Главными врагами броненосцев являются человек и домашняя собака.*

Семейство делят на 8 родов по особенностям зубной системы, внутренних и половых органов, по числу пальцев, строению когтей и количеству поясов панциря.

Щетинистый броненосец (*Chaetophractus villosus*) водится в пампасах Буэнос-Айреса. Он самый некрасивый и неуклюжий из всех своих сородичей. Голова широкая, сверху плоская, с тупой мордой, глаза маленькие, уши воронкообразные и покрыты красной сетчатой кожей, шея короткая и толстая, тело широкое и как бы сплюснуто сверху вниз. Короткие, толстые, пятипалые конечности вооружены большими когтями. Верхняя часть головы покрыта группой неправильных шестиугольных щитков; панцирь над каждым глазом как бы немного вырезан. На затылке находится 9 стоящих рядом продолговатых четырехугольных щитков, на передней части спины по бокам 7ч посередине 5 рядов неправильных шестиугольных пластинок. За этим плечевым панцирем следуют 6 подвижных поясов из продолговатых четырехугольных щитков, а затем крестцовый, или бедренный, панцирь, состоящий из 10 рядов продолговатых четырехугольных щитков. Эти последние тесно прилегают друг к другу; последний из них посередине заднего края имеет маленькую вырезку. Хвост у основания покрыт панцирем из 5 отдельных колец, состоящих из четырехугольных щитков, остальную часть его покрывают неправильные шестиугольные чешуи. Наконец, под каждым глазом находятся связанные между собой вертикальные ряды щитков, имеющие в длину 5-7 см, а на шее — два таких же поперечных ряда, но не связанных между собой. Верхняя сторона лап и передняя сторона передних конечностей тоже покрыты неправильными шестиугольными чешуями. Остальную часть тела покрывает толстая морщинистая кожа, на которой находится большое число плоских бородавок. У заднего края головного щита, плечевого панциря, спинных поясов, отдельных рядов щитов крестцового панциря и хвостовых колец находится по несколько жестких пластинок. Нередко встречаются броненосцы, у которых вместо 6 подвижных спинных поясов 7, а в крестцовом панцире вместо 10 рядов щитов 11. Длина животного равняется 50 см, длина хвоста 24 см, высота загривка также 24 см**.

** *Длина тела не превышает 28 см, а хвоста — 10 см.*

Шестипоясный броненосец (*Euphractus sexcinctus****) похож на вышеописанного. Длина его, включая хвост, имеющий в длину 20 см, равна 56-60 см.

* * * *Широко распространен в саваннах к востоку от Анд. Весит около 5 кг. Самка приносит по два детеныша дважды в году.*

Позади ушей у него находится полоса, состоящая из 8 щитов; между плечевым и крестцовым панцирем 6 широких поясов****. Панцирь буровато-желтый, на верхней стороне более темный, кожа бледного буровато-желтого цвета.

* * * * *От 6 до 9 подвижных поясов.*

Броненосцы не живут подолгу на одном месте, а часто переменяют логовище. Оно представляет собой выкопанную ими нору в виде галереи длиной в 1-2 м. При входе нора круглая, и в зависимости от величины животного диаметр ее колеблется от 20 до 60 см. К концу нора расширяется и оканчивается котлообразно, так что животное может свободно поворачиваться в глубине норы. На-

правление хода различное. Сначала он идет вниз под углом, равным приблизительно 45 градусам, затем поворачивает и идет то прямо, т.е. горизонтально, то изгибается в ту или другую сторону. В таких норах броненосцы проводят все время, свободное от добывания пищи. В безлюдных местностях они выходят из норы и днем, если небо покрыто тучами и им не мешает яркий солнечный свет. В населенных местах животные не оставляют своих жилищ до наступления сумерек, но затем бродят целую ночь. Для них, по-видимому, довольно безразлично, найдут ли они обратный путь к своей норе или нет; если они заблудятся, то без затруднения выроют себе новую*.

** У всех броненосцев есть индивидуальные участки, границы которых они помечают запаховыми метками. Размер участков даже у одного вида может быть различным и составлять от 1 до 15 га.*

Азара говорит, что броненосцы устраивают свои жилища главным образом под муравейниками и жилищами термитов. Это очень удобно для них, так как они могут собирать свою основную пищу и днем. Броненосцы подрывают снизу муравейники и съедают их обитателей, и нора, таким образом, оказывается им не нужной. Теперь ничто не может удерживать их в старой норе, и они до некоторой степени принуждены выкопать себе новую. Кроме муравьев и термитов пища их состоит главным образом из жуков и их личинок, гусениц, кузнечиков и земляных червей. Ренггер заметил, что один броненосец выкапывал зарывшихся в землю навозных жуков и жадно отыскивал и поедал вылезавших дождевых червей. Но он не согласен с мнением Азары, будто бы от преследований броненосцев страдают маленькие птицы, гнездящиеся на земле, а также ящерицы, жабы и змеи. Ренггер полагает, что броненосцы отыскивают падаль лишь затем, чтобы поесть находящихся там насекомых. Он также сообщает, что броненосцы, несомненно, едят растительную пищу: он нашел ее в желудке убитых им животных.

Обыкновенно все броненосцы движутся медленным шагом; самое быстрое движение, на которое они способны, — это несколько более скорая рысь. При этом они передвигаются настолько быстро, что человек не может догнать их. Делать прыжки или быстро и ловко поворачиваться им невозможно*.

** На самом деле многие броненосцы со сравнительно легким и тонким панцирем (например, девятипоясные) довольно маневренны и могут высоко подпрыгивать. При быстром движении броненосцы ходят преимущественно на задних лапах, лишь касаясь земли загнутыми когтями передних и не перенося на них тяжести тела. Поддерживать горизонтальное положение при этом броненосцам помогает хвост-балансир.*

Скакать они не могут вследствие своей неуклюжести, а скоро поворачиваться мешает тесно прилегающий панцирь. Поэтому они, ускоряя до крайности свой бег, могут плестись рысью лишь по прямому направлению или делая очень большую дугу, и были бы совершенно беззащитны, если бы не умели прибегать к иным уловкам. Недостаток проворства вознаграждается у них большой мышечной силой. Она проявляется у них в скорости, с которой они зарываются в почву, и притом в таких местах, где кирка с трудом входит в землю, например у подножия холмиков, построенных термитами. Взрослому броненосцу, почуявшему близость врага, достаточно трех минут, чтобы выкопать ход, значительно превосходящий по длине его тело. При рытье броненосцы царапают землю когтями передних конечностей и отбрасывают разрыхленную землю назад задними лапами. Как только они зарылись более чем на длину тела, то даже самый сильный человек не в состоянии вытащить их обратно из норы за хвост. Норы их никогда не бывают шире, чем это нужно для того, чтобы проникнуть в них, поэтому животному стоит лишь несколько согнуть спину, и края поясов сверху, а острые когти снизу оказывают такое сопротивление, что человеку становится не под силу вытащить животное из норы. Броненосцы часто освобождаются уже тогда, когда их удается вырвать из норы, внезапно сгибаясь и снова расправляясь, как пружина. Гензель подтверждает эти сообщения и прибавляет, что пойманный броненосец нарочно притворяется покорным, но лишь только почувствует, что рука не так крепко держит его, как тотчас же старается освободиться.

В зависимости от времени оплодотворения самка рождает или зимой, или весной. Несмотря на незначительное число сосков, у нее бывает 4-6 детенышей. В течение нескольких недель мать заботливо прячет их в своей норе. У детенышей трудно различить пол, и потому бразильцы думают, что все детеныши одного помета — или самцы, или самки**.

*** Абсолютно верное наблюдение. Весь помет (от 2 до 12, но чаще 4 детеныша) развивается из одной делящейся яйцеклетки и фактически представляет собой однояйцевых (однополых) близнецов. Беременность продолжительная вследствие присутствия латентной стадии задержки имплантации яйцеклетки после ее оплодотворения. Новорожденные довольно развиты, у них открытые глаза и мягкий розовый панцирь, который вскоре твердеет. Через не-*

сколько часов после рождения детеныши способны ходить. Выводок остается с матерью несколько месяцев. Половозрелость наступает у самок в 2 года, у самцов нередко позже, окончательных размеров зверьки достигают лишь к 4 годам.

Вероятно, время кормления детенышей молоком продолжается недолго, так как скоро их можно видеть бегущими по полям. Как только они немного подрастут, каждый направляется своим путем, и самка уже не заботится более о своем потомстве. Вообще броненосцы встречаются поодиночке, кроме разве того случая, когда в норе помещается мать с еще сосущими детенышами.

За броненосцем обыкновенно охотятся при лунном свете. Охотник вооружается толстой палкой из твердого дерева, которая на конце заострена или оканчивается утолщением, и отыскивает животных с помощью нескольких собак. Если броненосец замечает собак заблаговременно, то тотчас же убегает в свою нору или вырывает себе новую. Это он делает гораздо охотнее, чем отыскивает убежище в чужом жилище. Если же собаки настигнут зверька, прежде чем тот залезет в нору, то он погиб. Они не могут схватить его зубами, поэтому крепко держат мордой и лапами, пока не подоспеет охотник, который и убивает его ударом по голове. Опытные собаки, по словам Гензеля, стараются перевернуть носом убегающего броненосца на спину, чтобы иметь возможность схватить его за нижнюю часть тела. И если у них это получается, то буквально в мгновение ока разрывают зверька, только панцирь хрустит на их зубах, точно они давят яичную скорлупу. В норе броненосец всегда уходит от собак, даже если нора не глубока. Собаки тщетно пытаются настичь его: броненосец зарывается быстрее, чем могут следовать за ним более крупные собаки. Схваченный собаками, он и не пытается защищаться, хотя, повидимому, мог бы нанести им значительные повреждения когтями.

Броненосцы роют такое количество нор, что бывает довольно трудно отличить обитаемое жилище от брошенного. Однако опытные индейцы по некоторым признакам умеют распознавать жилые норы. К ним обычно ведет своеобразный след — маленький неглубокий желобок от хвоста, который животное волочит за собой, а перед норой находится помет ее обитателя; броненосцы никогда не испражняются внутри своего жилища. Наконец, во всех норах, в которых находится зверек, кишит множество moskitov, конечно, собирающихся сюда затем, чтобы высасывать у беззащитного броненосца кровь из непокрытых частей тела. Этих примет вполне достаточно для опытных охотников.

Все броненосцы — существа, ненавистные местным жителям, так как из-за них происходят различные несчастные случаи. Эти животные сильно досаждают смелым наездникам степей, которые проводят на лошади большую часть своей жизни. Лошадь, мчащаяся галопом, случайно попав ногой в нору, может разбиться вместе с всадником. Поэтому все владельцы ферм преследуют бедных броненосцев самым безжалостным образом. Кроме людей им досаждают крупные виды кошек и бразильский волк. Однако, по-видимому, все эти враги причиняют им не очень много вреда, так как в тех местах, где человек оставляет их в покое, они всегда встречаются в большом количестве.

В Парагвае броненосцев редко можно встретить в жилищах людей. Они слишком скучны, а из-за своей склонности к рытью едва ли могут понравиться хозяину дома. Днем зверьки совершенно спокойно держатся в углу своей клетки, втягивают конечности под панцирь и наклоняют к земле острую морду, но, как сообщает Гааке, любят также спать лежа на спине, вытянув все четыре лапы вверх, причем часто делают ими судорожные движения. С наступлением ночи они становятся подвижными, бегают, едят приготовленную для них пищу и время от времени пытаются вырыть когтями дыру. Если их выпустить на двор, то они в ближайшую же ночь, а чаще всего на следующий день зарываются в землю и живут затем, как на воле, т.е. показываются лишь ночью и через каждые 3 или 4 дня вырывают себе новую нору. По их действиям никогда не скажешь, что они обладают значительным умом. Людей, по-видимому, броненосцы едва отличают от других существ, с которыми живут; однако они привыкают к тому, чтобы человек трогал и носил их, между тем стараются убежать от собак и кошек. Из чувств у них выше всего стоит обоняние, слух развит слабее, а глаза их совершенно не приспособлены к яркому солнечному свету, да и в сумерки пригодны лишь для рассматривания предметов, находящихся очень близко.

Броненосцы, которых часто привозят в Европу, и в некоторых зоологических садах запирают в клетку вместе с обезьянами, питаются в неволе червями, насекомыми, личинками и сырым или вареным мясом, которое им дают маленькими кусочками, так как они не могут откусить от большого куска. Зверьки хватают пищу губами или языком. При надлежащем уходе они подолгу живут в клетках и волей или неволей служат обезьянам в качестве верховых животных и товарищей по играм, терпеливо переносят все лишения, привыкают к прогулкам днем и даже приступают к размножению. Детеныши, рожденные в Лондонском зоологическом саду, появились на свет слепыми*.

* Глаза у новорожденных открытые.

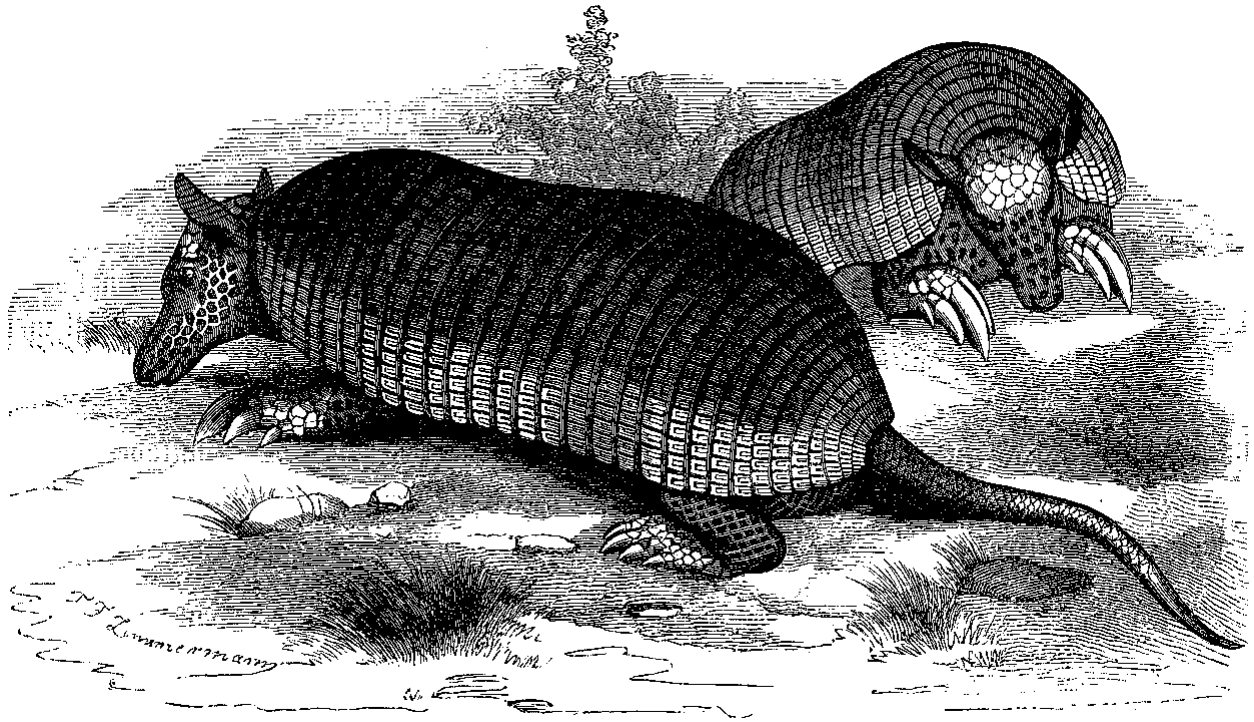
Росли они чрезвычайно быстро; один из них в течение 10 недель прибавил в весе почти 1,5 кг, а в длину 25 см. В Кельнском зоологическом саду одна самка два раза рождала по 2 детеныша.

При обильной пище животные становятся такими жирными, что все их тело кажется как бы завернутым в сало. Индейцы страстно любят мясо всех броненосцев, европейцы же едят мясо лишь двух видов. Как говорит Каплер, мясо теряет свойственный ему мускусный запах, если его положить на ночь в соленую воду с лимонным соком. Ренггер уверяет, что жареное и приправленное испанским перцем мясо броненосца представляет одно из самых приятных кушаний. Все остальные путешественники согласны с этим. «Мясо броненосца, — сообщает Гензель, — это лакомство; оно нежно и бело, как куриное, а обильный жир по вкусу напоминает жир почек теленка». Приготавливается оно, по Чуди, крайне простым способом. Животному вспарывают брюхо, вынимают внутренности, натирают солью, перцем и другими пряностями и жарят на углях в панцире, пока он не опалится довольно сильно; тогда панцирь легко отстает от готового мяса. Вероятно, из-за несколько странного вида животного бразильцы не часто едят его; негры же, наоборот, очень любят и потому ревностно охотятся за всеми броненосцами. Индейцы в Парагвае делают из панциря маленькие корзинки, ботокуды из снятого хвостового панциря — говорные трубы; прежде куски панциря шли на изготовление гитар.

Трехпоясный броненосец (*Tolypeutes tricinctus*). Он еще мало известен. Первое описание его было сделано, вероятно, по чучелу, составленному из отдельных частей различных животных. Однако уже Азара дал настолько ясное описание, что более нельзя сомневаться в существовании этого животного. Он говорит, что этот броненосец не встречается в Парагвае, а попадает лишь под 36 градусом южной широты. «Некоторые называют его «болита» (шар), так как он единственный из всех броненосцев, кто прячет голову, хвост и четыре лапы, когда испугается; при этом он образует из своего тела шар, который можно катать в любом направлении без того, чтобы он развернулся*.

* В роде трехпоясных броненосцев — два вида, и оба умеют сворачиваться в шар. Видимо, Брем смешивает их. Из-за толстого панциря они более неуклюжи, чем другие броненосцы. Питаются муравьями и термитами. Ныне трехпоясный броненосец (*T. tricinctus*), обитающий в центральной Бразилии, почти вымер. Он занесен в Красную книгу МСОП. Близкий ему вид шаровидный броненосец (*T. matacus*) обитает в саваннах и лесах южной Бразилии, Боливии, Парагвая и Аргентины. Отличается числом пальцев на передних ногах и оранжево-желтым цветом панциря.

Развернуть этот шар можно лишь с большим усилием. Охотники убивают это животное, с силой бросая его на землю. Я видел лишь одного, которого мне подарили, но он был так слаб и болен, что умер уже на следующий день. Зверек постоянно находился в скорченном положении, почти в виде шара, и неуклюже бегал, не вытягивая тела, едва поднимал при этом лапы и ступал вместо подошв концами больших пальцев (следовательно, концами когтей), хвост держал в таком положении, что тот почти касался земли. Передние и задние конечности у него гораздо слабее, чем у других броненосцев, и когти не особенно приспособлены для рытья. Поэтому я сомневаюсь, чтобы он выкапывал себе норы; если он действительно живет в норах, то они, вероятно, выкопаны другими представителями той же группы. Я расспрашивал об этом, и все утверждали, что он всегда встречается на поверхности земли. Распрямить тело зверька против его воли, как я часто делал это с другими животными, чтобы измерить их, просто невозможно. Длина от конца морды до конца хвоста равняется 45 см, а хвост 7 см; внизу у конца он или круглой, или конической формы, у основания же сплюснут и широк. Пластинки у него тоже не такие, как у остальных броненосцев, а похожи более на крупные зерна и сильно выдаются; лобная броня сверху гораздо толще, чем у других видов, и состоит из рядов щитов и неправильных кусков. Уши хотя и имеют 2,5 см длины, но не достигают верхушки лобного панциря, который значительно выдается над головой. Плечевой щит 6,5 см шириной; животное может покрывать и защищать им не только глаза, но и большую часть головы (вероятно, когда свертывается). Каждый из трех спинных поясов зверька имеет длину 1,7 см, но они суживаются по направлению к бокам; крестцовый щит шириной в 15 см. Все отдельные пластинки щитов и поясов неправильны, шероховаты, бугорчатые, и каждая из них в свою очередь состоит из множества более мелких неправильных кусочков. Цвет животного свинцово-серый, блестящий или буроватый, кожа между полосами беловатая, а на нижней стороне темная. Здесь едва попадаются щитки, но на наружной стороне конечностей и на боках, где соединяются пояса, их много. Там заметны и мускулы, стягивающие щиты, чтобы образовать из них шар. Одни лапы лишены пластинок, хотя на них и находятся отдельные щитки».

Трехпоясный броненосец (*Tolypeutes tricinctus*)

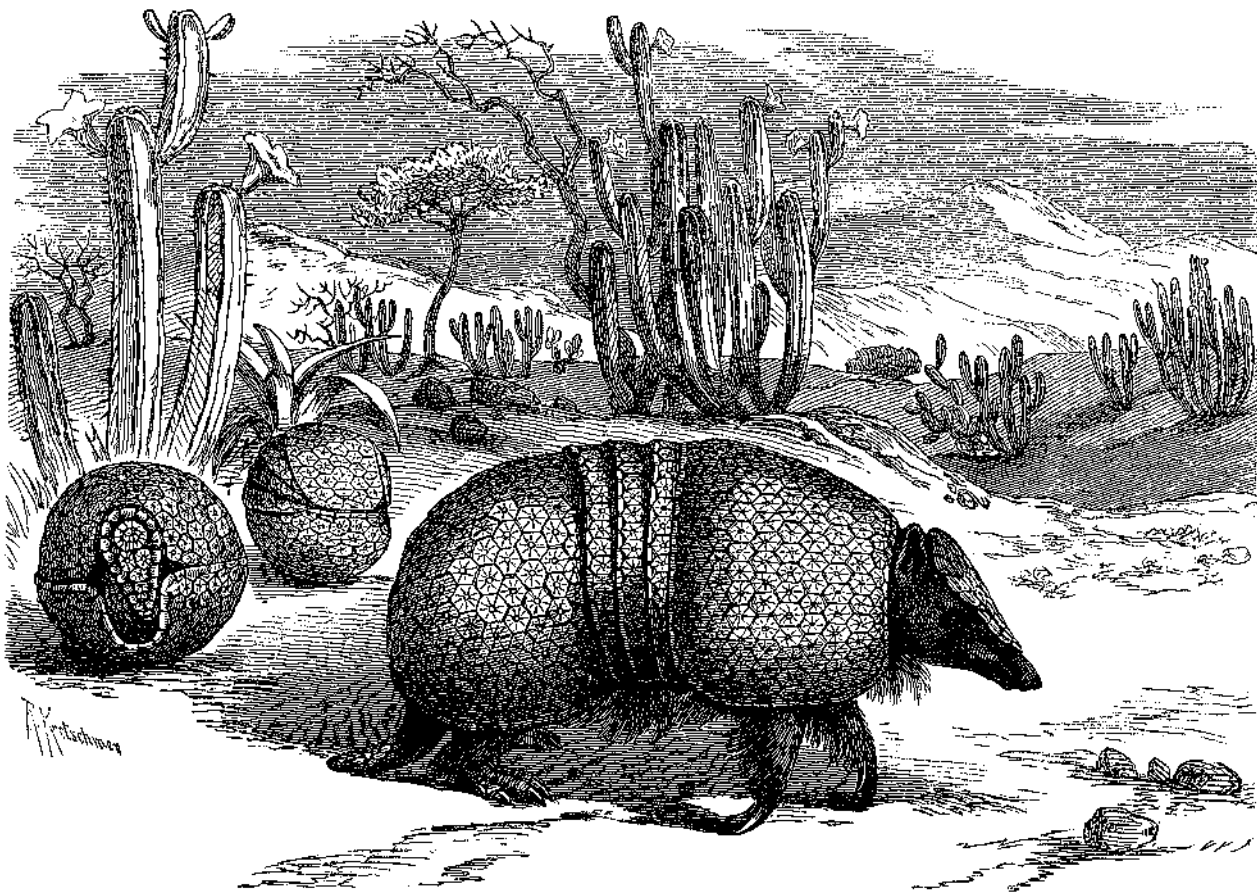
Другие путешественники, рассказывая об этом броненосце, указывают, что собаки нападают на него с большой яростью, так как они не в состоянии разгрызть его панцирь, и тщетно пытаются унести свернувшееся животное. Большой гладкий шар выскальзывает у них из зубов, и мячик катится по земле, не терпя от этого никакого вреда. Это в высшей степени озлобляет собак, они снова яростно нападают на броненосца, но их усилия тщетны. Геринг получил живого зверька из Сан-Луиса в западной Аргентине, его настоящей родины, или по крайней мере из той страны, где это животное встречается чаще всего. Там трехпоясный броненосец живет, что подтверждает и Азара, на открытых равнинах. Геринг не смог выяснить, обитает ли зверек в вырытых им самим норах. Туземцы при случае берут его во время ловли других броненосцев, которые, как было замечено, составляют любимую их пищу. Они убивают и этого зверька, если хотят съесть. Но так как броненосец привлекательное создание, то они обыкновенно щадят его и держат в неволе. Дети любят играть с ним, катают его туда и сюда или заставляют бегать по доске, забавляясь стуком, который он производит благодаря своей странной поступи. Геринга часто посещали туземцы и просили показать своего пленника. Хотя это животное еще недолго пробыло в неволе, однако оказалось с первого мгновения доверчивым и без колебания брало из рук предлагаемый ему корм. Оно ело всякие плоды и листья, особенно персики, тыкву и салат, правда, лишь тогда, когда пищу держали перед ним. Из-за того, что ротовое отверстие у него чрезвычайно мало, пищу приходилось резать на тонкие кусочки, которые зверек ел очень изящно. Спал броненосец как ночью, так и днем. При этом он вытягивал конечности прямо перед собой, подбирал задние лапы и, ложась на них и на брюхо, нагибал голову и прятал ее между передними конечностями. Спина при всяком положении оставалась сильно выгнутой: животное было не в состоянии совершенно распрямиться. Хотя оно абсолютно спокойно ело и бегало в присутствии нескольких лиц, но мгновенно свертывалось, если его трогали, а если на него давили, то свертывалось так сильно, что принимало почти шарообразную форму. Если зверька оставляли в покое, то он постепенно распрямлялся и продолжал свою прогулку. Если шар клали на ладонь спиной вниз, то зверек медленно развертывался и вытягивал все четыре конечности прямо вверх, дергал иногда головой и передними лапами, но не делал никаких усилий, чтобы освободиться. Если его трогали за грудь, то он начинал двигать передними конечностями; ощупывать голову зверек позволял, не выказывая сопротивления.

Животное это казалось необыкновенно красивым, и каждое его движение, несмотря на странность, было поистине привлекательно. Ходьба на концах когтей, согнутых и имеющих около 3 см в длину, представляла нечто поразительное. Она всегда вызывала удивление зрителей. Если броненосца отпустить на свободу, то он старался как можно поспешнее убежать; но если его начинали преследовать, то он свертывался в шар. Если этот шар катали по земле, то он оставался плотно замкнутым, но лишь только движение прекращалось, то животное развертывалось и убегало. Собаки выказывали против броненосца не больше озлобления, чем против других броненосцев.

Гигантский броненосец (*Priodontes gigantens*, или *P. maximus*)* живет в лесистых местностях Бразилии и Гвианы.

* *Гигантский броненосец самый крупный представитель американских неполнозубых, по крайней мере по весу. Это редкий вид распространен в восточной части Южной Америки, чаще встречается у воды. Внесен в Красную книгу МСОП.*

Принц фон Вид везде слышал о нем, но никак не мог увидеть его. Он полагает, что этот броненосец распространен на большей части Бразилии, а может быть, встречается и во всей Южной Америке. В больших первобытных лесах охотники часто находили под корнями старых деревьев его норы и жилища, по ширине которых можно было составить заключение о величине животного. Туземные охотники уверяли, что он ростом с большую свинью, и его хвосты, которые принц нашел у животных, казалось, подтверждали эти рассказы. Он обнаружил у них также говорные трубы, которые назывались «хвосты тату», длиной до 36 см и шириной у основания 8 см. Азара замечает, что гигантский броненосец очень редок в Парагвае и не имеет особого имени. «Его встречают, — говорит он, — лишь в огромных лесах северной части нашей страны. Если один из поденщиков, работающих в местности, где водится гигантский броненосец, умирает и его приходится из-за удаленности кладбищ хоронить тут же, то необходимо выкладывать могилу толстыми стволами в два ряда, иначе гигантский броненосец выкопает и растерзает труп, как скоро запах приведет его к могиле. Я сам видел гигантского броненосца лишь однажды, и то случайно. В одном деревенском доме я расспрашивал о животных, обитающих в этих окрестностях, и узнал от одного старика, что за несколько ночей перед тем его работники нашли недалеко от леса большое животное, которого испугались лошади. Один из парней сошел с лошади и при свете полной луны опознал броненосца, который рылся в земле. Он поднял его за хвост, обвязал его вокруг тела двумя арканами и потащил домой.

Гигантский броненосец (*Priodontes maximus*)

Но там женщины со страху стали кричать и успокоились лишь тогда, когда ловец убил свою добычу. На следующий день явились соседи, чтобы посмотреть на замечательное создание. Тело его разрезали на куски, кто-то взял щит, чтобы сделать из него дно скрипки или гитары, кто-то когти. Услышав это, я попытался достать что мог и нашел, что птицы и черви съели почти все мясо, а голова и хвост совершенно сгнили, однако я видел кусок панциря, точнее, плечевой и крестцовый щиты и другие лежащие между ними щиты, на которых, правда, многие пластинки утратили блеск. По этим остаткам я и набросал свое описание». Вот все, что мог сообщить Азара.

Из исследований, сделанных позднее, выяснилось, что длина тела гигантского броненосца достигает 1 м и более, длина хвоста равняется приблизительно половине этой длины. По Каплеру, вес его достигает 45 кг**.

* * *Вес гигантского броненосца достигает 60 кг.*

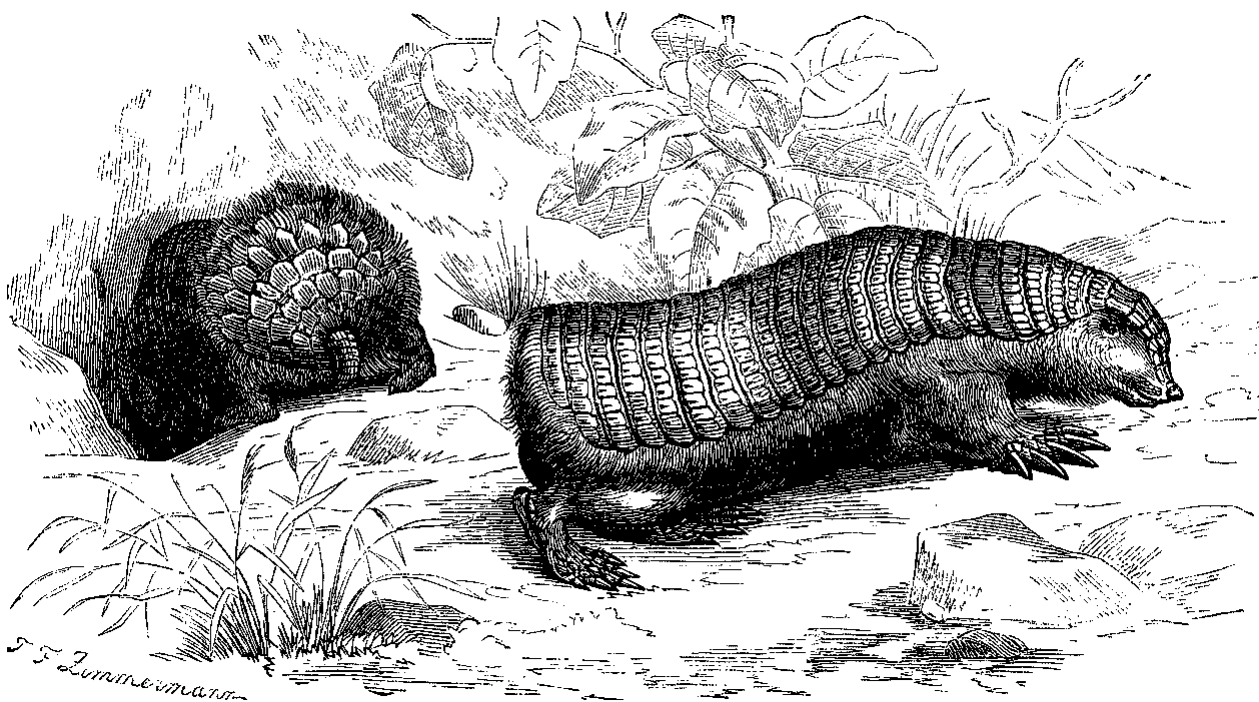
Лоб и череп покрыты очень неправильными костяными таблицами. Плечевой панцирь состоит из 10 поперечных рядов, между которыми сзади по бокам вставляется еще один ряд; подвижных поясов 12-13, крестцовый панцирь состоит из 16-17 рядов. Щиты квадратные или прямоугольные, также пяти- и шестиугольные, задние ряды крестцового панциря неправильны; хвост покрыт четырехугольными и неправильными костяными пластинками. Всюду между щитками торчат короткие щетинки. Небольшие широкие уши покрыты круглыми костяными бородавочками. Цвет тела, за исключением беловатой головы, хвоста и боковой полосы, черный. Короткие неподвижные пальцы вооружены крепкими когтями. Средний коготь пятипалых передних лап необыкновенно велик*, пальцы задних ног снабжены, напротив, широкими, плоскими, почти копытообразными когтями.

* *Очевидно, благодаря огромной силе и мощному когтю на передних лапах этот броненосец может сокрушать самые прочные термитники. Как и гигантский муравьед, он способен подниматься на задние лапы и даже короткое время ходить таким образом.*

Шейные позвонки частью срастаются так, что на первый взгляд кажется, что их только пять. Позвонки имеют высокие, широкие, соприкасающиеся между собою остистые отростки, служащие опорой для тяжелого панциря; 12 крестцовых позвонков сливаются с подвздошными и сядищными костями, 12 ребер очень широки; грудная кость состоит из 6 кусков. Плечо сильно повернуто вокруг продольной оси. Однако самое замечательное у гигантского броненосца — это его зубы. В верхнем ряду по 24-26 зубов, в нижнем по 22-24, правда, некоторые из них выпадают; во всяком случае, зубная система состоит из 90-100 зубов. В передней половине рядов они представляют собой лишь тонкие пластинки и только сзади становятся постепенно толще и принимают яйцеобразную, круглую или цилиндрическую форму. Некоторые из передних зубных пластинок срослись, кажется, из двух зубов. По составу они похожи на зубы остальных броненосцев. На что нужна гигантскому броненосцу эта масса зубов, совершенно необъяснимо, так как, насколько известно, его пища ничем не отличается от пищи других видов.

"В его желудке, — пишет Каплер, — я находил всегда лишь личинок жуков, гусениц и червей. Животное имеет такой сильный мускусный запах, что индейцы не едят его. Если его преследуют, то оно старается тотчас же забраться в свою нору, откуда его приходится выкапывать. Но броненосец, постоянно фыркая, так быстро роет дальше, что человек, вооруженный лопатой, едва может угнаться за ним».

В 1824 г. недалеко от Мендосы (западная Аргентина) американец Гарлан открыл замечательного представителя этого семейства **плащеносного броненосца** (*Maniophorus tmcatatus*)**, к величайшему удивлению местных жителей, которые едва ли знали о его существовании.

Плащеносный броненосец (*Chlamyphorus truncatus*)

** * Это самый мелкий представитель всех неполнозубых, он весит всего 90 г. Вместе со вторым, чуть более крупным видом иногда выделяется в особое подсемейство. Образ жизни этого скрытного зверька, обитающего в сухой пампе и песчаных полупустынях западной Аргентины, практически не изучен. Относится к редким животным, включен в Красную книгу МСОП.*

Долгое время были известны лишь два экземпляра, хранившиеся в Филадельфийском и Лондонском музеях, которые ученые исследовали самым тщательным образом. Позднее удалось получить другие экземпляры, что позволило дать полное описание внутреннего строения и внешнего вида животного. Плащеносный броненосец по праву считается представителем особого рода, но отличается от остальных перечисленных броненосцев более своим панцирем, нежели внутренним строением тела. Фитцингер на основе собственных исследований приводит следующее описание этого животного: «Чилийский плащеносный броненосец, которого одни естествоиспытатели называют щитоносным кротом, а другие броненосной мышью, благодаря своему кожистому роговому панцирю, покрывающему его тело, принадлежит к самым замечательным созданиям во всем животном мире. Это странное существо по сравнению с другими броненосцами и даже самыми мелкими из известных до сих пор видов животных является настоящим карликом, напоминающим по форме своего тела и еще более по образу жизни кротов. Голова броненосца, которая, по-видимому, отлично приспособлена для рытья, весьма мала. Задняя половина ее широка, передняя заострена и оканчивается довольно короткой тупой мордой с хрящевым, почти похожим на свиной пяточком, с маленькими округленными ноздрями, на внутреннем крае которых усажены очень короткие жесткие волосы. Ноздри могут закрываться находящимися там же маленькими бугорками. Глаза малы и скрыты под свешивающимися над ними щетинками. Уши расположены близко от глаз и не имеют наружной ушной раковины: узкий слуховой проход окружен лишь приподнятым краем кожи, он также прикрыт волосами. Ротовая щель мала, намного не доходит до глаз и окружена твердыми, жесткими и вздутыми губами. На поверхности довольно длинного мясистого языка конической формы расположены мелкие бородавочки. Строение зубов очень простое. Резцов и клыков нет; коренные зубы, которых всегда по восьми в верхней и в нижней челюсти, окружены слоем эмали. Они не имеют корней, жевательная поверхность у них плоская, за исключением передних зубов, которые несколько заострены. Зубы с первого до четвертого постепенно возрастают по величине, а начиная с четвертого и до последнего, снова уменьшаются.

Шея коротка и толста, тело, напротив, длинное, шире всего сзади, уже в плечах и несколько втянуто посередине на боках. Передняя половина тела гораздо сильнее задней. Лапы короткие; передние конечности очень толсты, неуклюжи и имеют почти такое же строение, как у крота; задние лапы гораздо слабее передних, стопа их узка и длинна. Обе пары конечностей пятипалые; лишь не вполне подвижные пальцы передних лап соединены между собой до основания когтей; на задних лапах пальцы свободны. На передних конечностях второй палец длиннее других, наружный самый короткий и снабжен у основания роговой пластинкой, служащей броненосцу для рытья. На задних лапах длиннее всех третий палец, а наружный, как и на передних лапах, самый короткий. Все пальцы снабжены тупоконечными когтями. С помощью больших и крепких когтей передних конечностей броненосец копает землю. Все когти длинные, сильно сжаты с боков, слабо согнуты и остры с наружного края. Начиная со второго, они постепенно увеличиваются в ширине. Самый широкий — наружный, он почти лопатообразной формы, и у него острый, режущий наружный край. Когти задних лап значительно меньше, они почти прямые и плоские. Хвост, прикрепленный к выемке нижнего края панциря, покрывающего заднюю часть тела, круто сгибается вниз и направляется вдоль нижней стороны тела между задними лапами, так что совершенно прилегает к брюху. Короткий, не гибкий и почти неподвижный, у основания он толще, затем постепенно суживается и сплющивается, но к концу вдруг расширяется в продолговатую сплюснутую пластинку, которая имеет извилистый край и почти лопатообразную форму.

Вся верхняя часть тела покрыта кожистым роговым панцирем, состоящим из щитков. Панцирь довольно толст и менее гибок, чем кожа. Он начинается на голове, тянется по всей спине до задней части и вертикально спускается, так что животное кажется как бы усеченным и точно изуродованным. Этот панцирь, состоящий из прямоугольных ромбоидальных или неправильных щитков, которые по большей части расположены правильными поперечными рядами, или поясами, во все не соединен крепко на всем протяжении с кожей тела, как у броненосцев. Он лишь прилегает к ней, будучи прикреплен по средней линии к остистым отросткам позвоночника посредством кожи. На голове панцирь крепится с помощью двух щитов к обоим полушаровидным возвышениям лобной кости. Поэтому он отстает на боках и может быть приподнят. Напротив, на передней части головы

он крепко соединен с костями, а также и на заднем конце, где образует усеченную поверхность. Неподвижная часть головного панциря включает 5 поперечных рядов щитков, число которых в двух передних поясах равняется 4, а в трех задних — 5. Спинной панцирь, передние пояса которого покрывают затылок, состоит из 24 по большей части правильных поперечных рядов. Два из них, лежащих ближе всего к голове, состоят из 7-8 неправильных и похожих на бугорки щитков различной величины, между тем как остальные ряды заключают совершенно правильные прямоугольные щитки, число которых от 15 или 17 доходит до 24, а в трех последних рядах уменьшается до 22. Все эти поперечные ряды так соединены между собой приросшей кожей, которая загибается под щитки, что передний край каждого ряда лежит под задним краем предыдущего. Хотя промежутки не особенно велики, однако они обуславливают значительную степень подвижности отдельных поясов. Это позволяет сделать вывод, что животное способно свертывать свое тело в шар. Наконец, совершенно неподвижный, соединенный с хвостом лишь кожей панцирь задней части тела состоит из 5-6 расположенных полукругом рядов щитков частью прямоугольной, частью ромбoidalной формы. Первый, или верхний, из этих рядов заключает 20, последний же только 6 щитков. Весь панцирь, как на верхней стороне, так и на нижней, лишен волос и совершенно гладок, лишь на нижних краях его находятся многочисленные и довольно длинные шелковистые волосы. Напротив, кожа животного везде и даже под панцирем, за исключением, пожалуй, хвоста, подошв, конца морды и подбородка, покрыта довольно густыми, тонкими и мягкими, почти шелковистыми волосами, которые гораздо длиннее, чем у кротов, но вовсе не так густы, как у них. Длиннее всего волосы на боках и ногах, короче и реже на тыльной стороне ступней, где они выступают между роговыми бородавчатыми возвышениями. Хвост покрыт кожей, которая на верхней стороне довольно гладка и имеет 14-16 почти щитообразных поперечных валиков, между тем как на нижней стороне усажена многочисленными бородавчатыми возвышениями. Оба соска лежат на груди. Цвет панциря, как и волос, желтовато-белый, на нижней стороне тела несколько светлее. Глаза черные. Длина тела 13 см, хвоста 3,5 см, высота у загривка 5 см».

В зоологических сочинениях об образе жизни этого броненосца мы находим лишь следующее. Животное это обитает на песчаных равнинах и вырывает, совершенно как наш европейский крот, длинные ходы под землей, очень редко выходит на поверхность и, вероятно, почти всю жизнь проводит под землей. Оно, как говорят, с величайшей быстротой роет норы и бегаёт под землей, на поверхности же, напротив, движется медленно и неловко.

Питается, по-видимому, насекомыми и червями, может быть, даже нежными корнями. О размножении известно только, что животное мало плодовито. Туземцы уверяют, что самка носит своих детенышей под панцирем.

Ясно, что сведения эти недостаточны и что многие из них представляют лишь предположения.

О размножении, как сказано, не известно почти ничего. Животное ловят всегда случайно, преимущественно при выкапывании оросительных рвов, которые проводят там, где хотят устроить поля. Несколько раз зверек попадался при ловле других броненосцев. В последнее время спрос на плащеносных броненосцев возрос. Однако добыть их, должно быть, очень трудно, так как Геринг, который прожил в Аргентине 7 месяцев, несмотря на все старания и самые заманчивые обещания, не смог заполучить ни одного живого или недавно убитого зверька. Пойманных животных не убивают, и они живут столько, сколько проживут, а затем их сохраняют как большую достопримечательность. Южане вообще любят держать животных в неволе, которые кажутся им замечательными, не заботясь, однако, об уходе за ними. Так как они не умеют сдирать и набивать шкуры животных, то плащеносных броненосцев у них встречаешь в виде мумий.

Отряд насекомоядные

(Insectivora)**

* * По современным данным, в отряде насекомоядных насчитывается около 400 видов, объединенных в 6 семейств. Этот отряд — третий по объему в классе млекопитающих после грызунов и рукокрылых.

Отличительный признак насекомоядных вытянутая голова, обычно с удлинённой наподобие хобота мордочкой. У этих маленьких стопоходящих животных туловище короткое, передние конечности устроены правильно, хвост у некоторых видов короткий, задние лапы зачастую длинные, некоторые органы чувств высоко развиты, другие же совсем слабо. Наружный покров их тела бывает различным. У одних животных оно может быть покрыто мягкой шелковистой шерстью, у других иглами. Зубная система представлена тремя видами зубов, но передние зубы по количеству и форме у разных семейств существенно отличаются. Так, у одних клыки достигают удивительной величи-

ны, у других же они меньше резцов, и только коренные зубы тем похожи между собой, что передние имеют по одному зубцу, а задние многозубчаты. Череп в большинстве случаев вытянут наподобие конуса, глазная впадина только у немногих замкнута, скуловые дуги у некоторых мало развиты. Ключица всегда хорошо развита; грудная кость чаще всего плоская, но у некоторых родов снабжена выдающимся гребнем. Число позвонков и ребер значительно колеблется. На лапах большей частью по пяти пальцев, но развитие их, как равно и запястья, весьма различно. Среди мускулов заслуживает упоминания особенно развитая у некоторых видов подкожная свертывающая мышца. Мозг почти такой же, как у рукокрылых, и соответственно мал; свободные от извилин полушария большого мозга оставляют мозжечок непокрытым. Строение мозга обуславливает душевные способности животных и образ их жизни.

Животных отряда насекомоядных можно отнести к тупоумным, угрюмым, недоверчивым, трусливым и злым существам, любящим уединение. Большинство живет, копаясь и роаясь под землей или по крайней мере в глубоко скрытых норах, но некоторые обитают в воде и на деревьях. Благодаря своей изумительной деятельности они значительно препятствуют размножению вредных насекомых, червей, улиток, а также наносят вред разным мелким грызунам. Таким образом, все насекомоядные в высшей степени полезны, но их услуги способны оценить разве только одни натуралисты. Большинство же людей ненавидят их. Темная ночь не нравится никому из добрых людей, свидетельствует старинная поговорка. Действительно, все, что бродит и ползает во тьме ночной, возбуждает в народе чувство отвращения.

Фохт говорит: «Достаточно взглянуть на открытую пасть насекомоядного, чтобы убедиться, что эти животные могут быть только плотоядными. Обе челюсти у них плотно усажены заостренными зубами; кинжалоподобные лезвия зубов то выступают вместо клыков, то торчат позади над плоскими коронками коренных зубов. Острые пирамиды, похожие на зубцы пилы, перемешиваются с другими зубами, которые отчасти можно сравнить со складными клинками английских перочинных ножей. Все устройство зубной системы указывает на то, что она предназначена для поедания даже таких жесткокрылых насекомых, как жуки. Если Саварэн, знаменитый французский гастроном, говорил про людей: «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу тебе, кто ты таков», то про млекопитающих и подавно можно сказать: «Покажи мне твои зубы, и я скажу тебе, что ты ешь и к каким животным относишься». Насекомоядное не жует и не растирает пищи зубами, оно только кусает ими и раздробляет пищу; поэтому венчики их зубов сверху не стираются, а, напротив, оттачиваются вследствие бокового трения зубов один о другой. Стоит только взять на себя труд сравнить зубную систему маленького грызуна, например крысы, с зубами крота, как тотчас же заметишь резкие отличительные признаки как тех, так и других. Зубная система землеройки, увеличенная соразмерно росту льва, представляла бы действительно страшное разрушительное орудие».

Я не думаю, что можно было ту пользу, которую приносят эти животные человеку, обрисовать в более коротких и ясных словах, чем это сделал Фохт. Впрочем, не он один указывал на эту пользу; до него многие другие естествоиспытатели говорили об этом. Но бороться с укоренившимся в людях предрассудком, к сожалению, очень трудно и приходится признавать, что человек зачастую не умеет ценить того, что приносит ему большую пользу. Маленьких землекопателей преследуют как только могут за их некрасивую внешность, за их образ жизни и при этом совершенно забывают их прямое назначение и оказываемые ими услуги. Конечно, тот, кто познакомится с их жизнью поближе, станет рассуждать иначе; он найдет в маленьких животных так много интересного и привлекательного, что скоро забудет их некрасивую наружность и станет относиться к ним с искренним участием, оказывая всевозможное покровительство и защиту.

Большинство насекомоядных подвержено зимней спячке*.

** В спячку залегают лишь немногие из наиболее крупных видов ежи, да и то не все. Мелкие насекомоядные землеройки не питаются растительной пищей и не впадают в спячку. Высочайший уровень метаболизма не позволяет зверькам обходиться без пищи дольше нескольких часов.*

Если б природа не позаботилась о них таким образом, многие из них погибли бы. Ведь с наступлением холодов жизнь всех низших животных прекращается, и тысячи созданий, предназначенных для питания нашим хищникам, погружаются или в вечный, или по крайней мере во временный сон. Враги насекомых, как известно, странствовать, подобно птицам, не могут, поэтому они должны каким-либо образом подчиниться этим условиям. В холодное время года насекомоядные удаляются в скрытые убежища или устраивают себе их сами и впадают в глубокую зимнюю спячку, которая прекращает временно почти все внешние проявления жизни, сохраняя этим до нового пробуждения жизненную деятельность тела. В спячку, впрочем, погружаются только мелкие виды на-

секомоядных, то есть те, которые наравне с животной пищей употребляют также и растительную, тогда как самые ярые из насекомоядных занимаются своим промыслом зимой так же успешно, как и летом. Под снегом, под землей или в водной глубине, куда не проникает убийственный мороз, деятельность кипит и зимой, грабежи и убийства продолжаются по-прежнему; то же самое, разумеется, бывает и в тех странах, где царит вечное лето или если и бывает зима, то без жестоких морозов.

Насекомоядные водятся преимущественно в умеренных странах северного полушария и совершенно отсутствуют в Южной Америке, равно как и в Австралии*.

* *Насекомоядные широко распространены не только в умеренных зонах, но и в тропиках, включая острова и архипелаги, где большинство млекопитающих отсутствуют.*

Обильные водой сырые лесистые местности, рощи, поля и сады представляют для них наиболее излюбленные места обитания, которые они едва ли когда-нибудь покидают. Здесь они занимаются охотой, большинство из них ночью, но некоторые также и днем.

Насекомоядные являются в высшей степени прожорливыми существами. Замечено, что некоторые из них нападают на животных, значительно превосходящих их по величине, и таким образом несколько не уступают в этом кошкам и собакам. Размножение их совпадает с весенними месяцами той местности, где они живут; число детенышей колеблется между 1 и 16.

Некоторые виды насекомоядных человек употребляет в пищу, другие служат ему для истребления мышей. Этим и ограничивается непосредственная польза этих животных, в общем, как уже было сказано, мало ценимая людьми.

Семейство щелезубые

(Solenodontidae)**

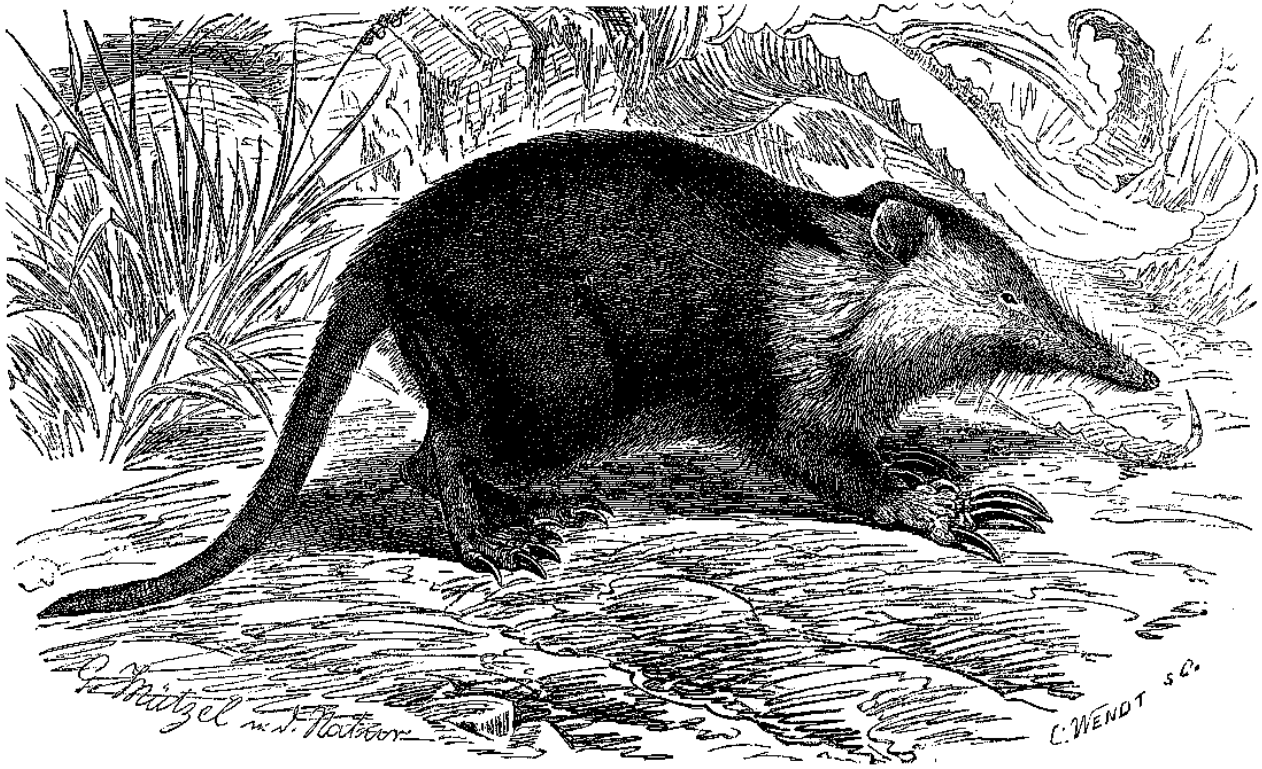
* * *Щелезубые реликтовое семейство, состоящее всего из одного рода и двух видов. Своё название зверьки получили из-за борозды на передней поверхности второго нижнего зуба. Сейчас это единственные насекомоядные, живущие на Антильских островах.*

Кубинский щелезуб (*Solenodon cubensis*). Туловище почти 60 см в длину***, хвост приблизительно равняется 30 см.

* * * *Длина тела не превышает 40 см. Веса щелезубы около 1 кг.*

Голова, стороны шеи и брюхо окрашены в грязноватый охристо-желтый цвет, остальные части тела в черный, а хвост в синевато-черный. Длинные волосы на спине у корня желтые, а на концах черные, некоторые же из них или совсем желтые, или совсем черные. Родиной животного надо считать Кубу.

Подобно настоящим землеройкам, это животное ведет преимущественно ночной образ жизни и имеет обыкновение спать днем в каком-нибудь хорошо скрытом убежище. В некоторых горных местностях щелезуб весьма обыкновенен. Когда охотники преследуют его, зверек прежде всего прячет голову в надежде, что его не обнаружат, и остается спокойно лежать, так что можно подойти и схватить его за хвост.

Кубинский щелезуб (*Solenodon cubanus*)

В неволе щелезуб охотно принимает пищу, но так как плохо пережевывает ее, то мясо ему нужно давать мелко нарезанными кусочками, чтобы он не подавился. Чистота является необходимым условием его благополучия. Щелезуб охотно идет в воду и чувствует там себя, по-видимому, хорошо, тем более что ему представляется при этом возможность без всяких затруднений утолить жажду, тогда как при питье на земле ему сильно мешает длинный конец хобота. Его резкий голос напоминает то хрюканье свиньи, то крик птицы; по временам животное кричит, как молодой сыч. Щелезуб легко раздражается и тогда весьма своеобразно взъерошивает шерсть. Идущая мимо курица или какое-нибудь другое маленькое животное в высшей степени волнуют его, и он старается схватить их. Пойманную добычу щелезуб, как ястреб, разрывает своими длинными, кривыми когтями. Время от времени из его кожи выделяется красноватая, маслянистая, зловонная жидкость*.

* *Кожные специфические железы в подмышках и паху щелезуда вырабатывают маслянистый секрет зеленого цвета с сильным козлиным запахом.*

Семейство тенрековые

Щетинистыми ежами, или тенреками, называют насекомоядных животных, обитающих на Мадагаскаре, из-за их поразительного сходства с ежами. Как по своему внешнему виду, так и по количеству зубов тенреки имеют друг с другом мало общего. Туловище у них вытянутое, голова длинная, хобот особенно удлинен. Глаза маленькие, уши средней величины, хвоста иногда вовсе нет, а если есть, то бывает очень длинным и голым. Ноги короткие, пятипалые, вооружены сильными когтями. Волосной покров тела состоит частью из колючей щетины, частью из жестких волос. Черепу недостает глазных дуг; берцовые кости разъединены; позвоночный столб состоит из 7 шейных позвонков, 14-15 поддерживающих ребра, 4-7 не имеющих ребер, 3-5 крестцовых и 9-23 хвостовых позвонков.

Об образе жизни щетинистых ежей можно сказать весьма немногое, и то в общих словах, так как сведения имеются только о немногих видах.

Обыкновенный тенрек (*Tenrec ecaudatus*). У него особенно замечательна голова с острокопечной мордой. Уши небольшие округлые и с выемкой сзади, глаза маленькие. Шея короткая и тоньше туловища; пятипалые конечности средней высоты, только задние немного длиннее передних; когти средней величины. Все тело довольно густо покрыто иглами, щетиной и волосами, которые как бы переходят одни в другие. Только на затылке и по сторонам шеи находятся настоящие, хотя и не очень жесткие, скорее гибкие иглы приблизительно 1 см в длину. Дальше на боках иглы становятся длиннее, а вместе с тем тоньше, мягче и гибче. На спине преобладает щетина; ею же покрыта и задняя часть животного*.

* *В середине спины у молодых тенреков находятся специализированные иглы примерно 4 см длиной, направленные вперед. Действием подкожной мускулатуры животные заставляют*

их вибрировать и производить гудение частотой от 2 до 20 Гц, Взрослые зверьки утрачивают эту способность.

Конечности и вся нижняя часть тела поросли волосами, а на голой остроконечной морде торчат длинные усы. Конец морды и уши — голые, лапы покрыты весьма короткими волосами. Иглы, щетина и волосы имеют светло-желтую окраску, которая бывает то светлее, то темнее. В середине волос всегда замечаются черно-бурые кольца, которых на спине больше, чем на боках. Морда бурая, конечности рыжие, усы темно-бурые. У молодых животных по бурому фону шерсти расходятся желтые продольные полосы, которые с возрастом исчезают. Длина взрослого животного достигает приблизительно 27 см.

Обыкновенный тенрек (*Tetnyx caudatus*)

Тенрек первоначально водился только на Мадагаскаре, но теперь его можно найти и на острове св. Маврикия, а также на Майотте и других Коморских островах, где он предпочитает гористые местности, богатые кустарником, папоротником и мхом. Тенрек выкапывает в земле норы и ходы, которые служат ему гнездом. Это пугливое, робкое существо большую часть дня проводит в норе; на свет выходит только после захода солнца и никогда не удаляется на значительное расстояние от своего жилища. Его можно видеть только весной и летом, то есть после первого дождя и до наступления засухи. Во время сильной засухи он забирается в самую глубокую котловину своего жилища и спит там с апреля до ноября так же, как наш еж зимой*.

** Во время спячки температура тела у тенреков понижается до 24-35 градусов, дыхание замедляется до 30 вдохов в минуту.*

Туземцы думают, что сильные удары грома, возвещающие о первом дожде, выводят тенрека из оцепенения, и потому связывают его появление с наступлением весны. Весьма понятно, что весна самое благоприятное для тенрека время года: он получает новое одеяние и имеет возможность отрастить круглое брюшко, жир которого должен поддерживать его силы в голодное время года.

Как только первый дождь освежит истощенную зноем почву и пробудит тропическую весну, тенрек снова появляется на поверхности земли. Он бродит своей медлительной походкой с низко опущенной головой, поводя остроконечным носом во все стороны в поисках пищи, которая в большинстве случаев состоит из насекомых, червей, улиток, ящериц и различных плодов. К воде он, кажется, чувствует особенную любовь, охотно спускается по ночам к топким болотам и с наслаждением валяется там, как свинья в грязи. Неловкость и неповоротливость тенрека легко отдают его во власть врагов, тем более что природа не наделила его теми средствами для защиты, какие есть у настоящих ежей. Его единственное, и притом весьма слабое, орудие заключается в чрезвычайно неприятном мускусном запахе, который он распространяет постоянно, усиливая его до невыносимо-

сти в минуты тревоги и испуга. Даже самое неуклюжее млекопитающее в состоянии поймать и одолеть тенрека. Хищные птицы усердно преследуют его, равно как и люди, которые с увлечением охотятся на зверька не только в период его бодрствования, но и во время зимней спячки или, вернее, летнего оцепенения. Поллен говорит, что место спячки животного узнают по маленькому бурговку над норой, но, кроме того, пользуются специально обученными для этого собаками, которые ловко выслеживают норы и выкапывают животных. Во время мясоеда на рынках острова св. Маврикия можно видеть торговцев с живыми, заколотыми и приготовленными тенреками. Горные жители стекаются по праздникам в город исключительно с целью запастись столь драгоценным для них мясом. Такие беспрестанные преследования, вероятно, скоро бы окончательно стерли щетинистого ежа с лица земли, если бы он не был столь плодовитым: за один помёт самка тенрека рождает необыкновенно многочисленное потомство: 12-16 детенышей**.

** * У тенреков бывает до 21 детеныша в одном помёте, что является рекордом плодовитости среди млекопитающих. У беременных самок находили до 32 эмбрионов, из которых, однако, выживали далеко не все. Период размножения начинается вскоре после окончания спячки.*

Маленькие тенреки уже через несколько месяцев достигают 7 см длины и скоро становятся способными самостоятельно добывать себе пищу. «Материнская любовь самки поистине замечательна, — говорит Поллен. — Она ретиво защищает своих детенышей от каждого врага и скорее сама погибнет в борьбе, чем бросит маленьких».

В неволе тенрек питается сырым мясом, вареным рисом и бананами. Днём он спит, ночью же, напротив, очень бодр. Когда его кладут на землю, он тотчас же принимается рыться в ней рыльцем и, подобно свинье, охотно валяется в грязи.

Семейство ежевые

(Erinaceidae)*

** Одно из древнейших семейств насекомоядных, да и вообще млекопитающих. В настоящее время включает 5-8 родов и около 20 видов.*

Ежи — столь характерные животные, что для полного ознакомления с ними вполне достаточно самого краткого описания. Главными отличительными признаками, свойственными всем видам этого семейства, являются зубная система, состоящая из 36 зубов, и иглистая шкура. Все ежи имеют короткое туловище, не особенно длинную, на конце морды оттянутую наподобие хобота голову с небольшими глазами и довольно длинными ушами; короткие и толстые ноги с неуклюжими ступнями, из которых передние имеют всегда пять, а задние иногда четыре пальца; короткий хвост и жесткий мех, состоящий на спине из коротких игл, а на животе из волос. Еж резко отличается от других родственных ему видов зубной системой. В широкой межчелюстной кости наверху с каждой стороны торчат по 3 резца; затем следуют наверху 7, внизу 5 коренных зубов, из которых 5 последних вверху и соответствующие им 4 внизу — многозубчатые, а остальные — однозубчатые; клыки не отличаются от резцов. На коротком и сжатом, со всех сторон замкнутом черепе скуловая дуга вполне развита. Заслуживает особого упоминания подкожная мышца, которая способствует свертыванию ежа в клубок, обхватывая своими различными частями почти все тело животного**.

** * Ежи могут также произвольно взъерошивать и опускать колючки мелкими мышцами, надвигать на лоб колючий «капюшон».*

Это семейство распространено по всей Европе, Африке и Азии. Леса, луга, поля, сады и обширные степи служат главным местопребыванием ежей***.

** * * На севере Европы ежи распространены до границы леса и тундр, но их нет на большей части Сибири. Встречаются они по всей Африке и в Азии (к югу от таежной зоны), но отсутствуют в Японии, на Цейлоне и Мадагаскаре. В России — 5 видов ежей.*

Здесь они устраивают свои жилища в густых кустарниках, под изгородями, в дуплистых деревьях, под корнями, в расщелинах скал, в покинутых норах других животных и в подобных местах или же сами выкапывают себе неглубокие норы. Большую часть года живут одиночно или парами и ведут вполне ночной образ жизни. Только после захода солнца они приободряются от своей дневной дремоты и уходят на поиски пищи, которая у большинства состоит из растений и животных, а у некоторых исключительно из животных. Плоды, овощи, сочные корни, семена, маленькие млекопитающие, птицы, земноводные, насекомые, личинки, слизни, дождевые черви и т. д. составляют их пищу. В виде исключения некоторые из ежей отваживаются нападать на больших животных, преследуют, например, различных куриных птиц или молодых зайцев.

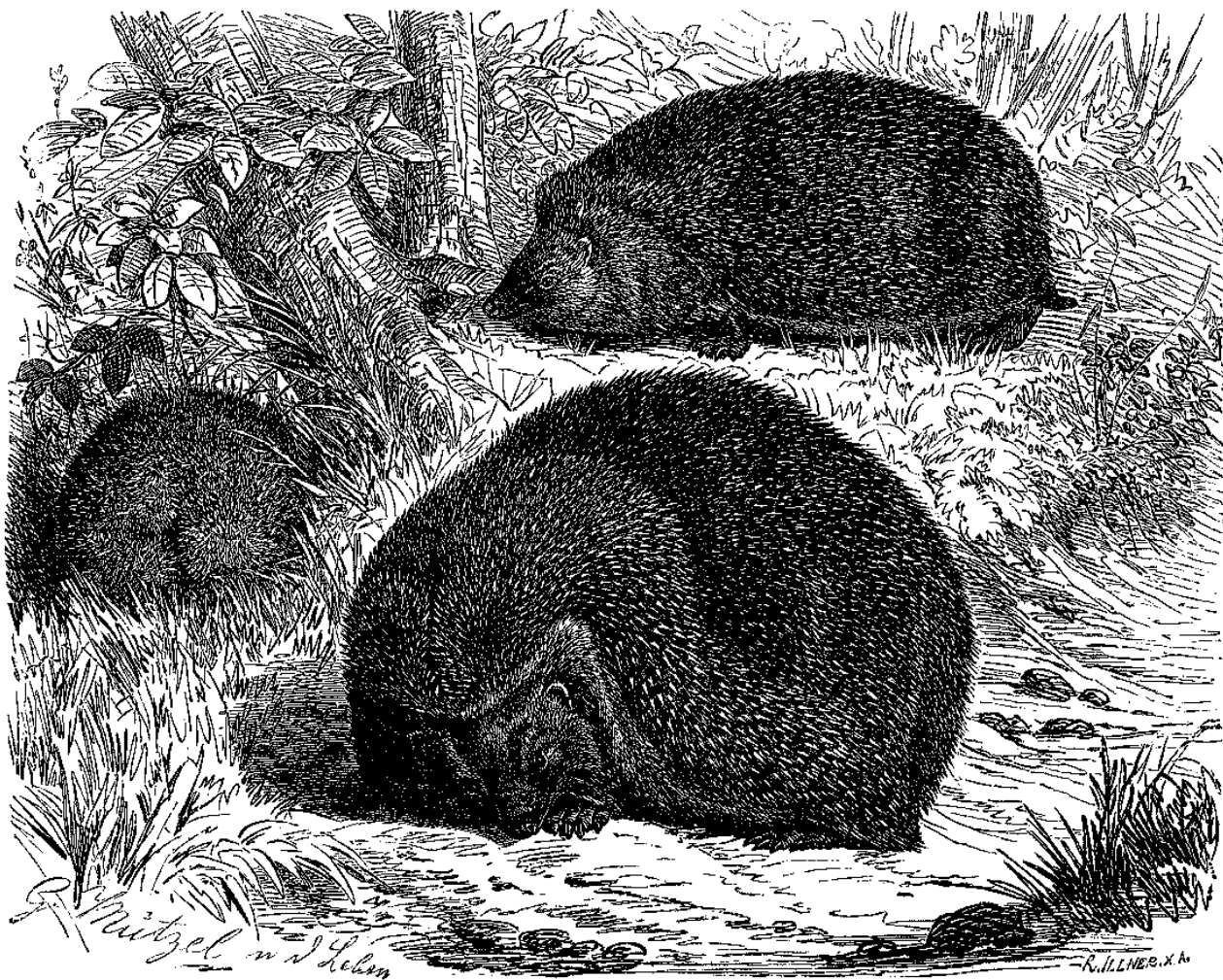
Ежи — неповоротливые, неуклюжие, ленивые животные, прикованные к земле; при ходьбе они ступают всей ступней. Среди органов чувств на первом месте у них обоняние; слух также довольно тонок, тогда как зрение и вкус развиты довольно слабо, а осязание, кажется, совсем отсут-

ствует. Душевные способности ежей имеют низкую степень развития. Они боязливы, трусливы и глупы, но довольно добродушны или, вернее, просто равнодушны к условиям своей жизни и по этой причине приручаются очень легко. Самки мечут 3-8 слепых детенышей, неясно заботятся о них и при защите выказывают положительное мужество, которое вообще у них отсутствует. Большинство ежей владеет способностью при малейшей опасности свертываться в клубок, чтобы таким образом защитить свои мягкие части от нападения. В таком же положении они и спят. Те, которые живут в северных странах, проводят холодное время года в непрерывной спячке; живущие же в экваториальных странах спят во время засухи.

Непосредственная польза, которую ежи приносят человеку, ничтожна; по крайней мере до сих пор не умеют извлекать выгоды из убитого ежа. Зато довольно значительны косвенные услуги, оказываемые ими истреблением множества вредных животных. Вследствие этого вместо того презрения, какое мы уделяем им, они заслуживают нашего полнейшего участия и постоянного покровительства.

Обыкновенный, или европейский, ёж (*Erinaceus europaeus*)* не требует пространного описания.

** Наряду с обыкновенным, или европейским, ежом в Германии широко распространен близкий вид восточноевропейский ёж, отличающийся лишь мелкими деталями сложения и окраски. Во времена Брема эти виды не разделялись, и приведенные им сведения в равной мере могут относиться к обоим.*

Европейский ёж (*Erinaceus europaeus*)

Все его туловище очень сжато, толсто и коротко; рыльце остrokонечное, ротовая щель большая; уши широкие; черные глаза малы. Волоса на шее и брюхе светло-рыжие, желтовато-серые или беловато-серые; иглы желтоватые, в середине и на концах темно-бурые; по поверхности их прорезываются тонкие продольные борозды числом 24-25, между которыми возвышаются выпуклые кромки. Внутренняя часть иглы представляет канал, наполненный большими клеточками. Длина животного достигает 25-30 см, хвост 2,5 см; высота в затылке примерно 12-15 см. Самка отличается от самца меньшей величиной и более остrokонечной мордой, причем туловище ее толще, чем у самца, и окраска волос сероватая; кроме того, лоб самки не так низко усажен иглами, вследствие

чего голова ее кажется несколько длиннее. Область распространения ежа простирается на всю Европу, за исключением самых холодных стран, а также и на большую часть северной Азии: его находят в Сирии, в западной и юго-восточной Сибири*.

** Европейский еж распространен на восток только до западно-центральных областей России, на большей части России. Балканах, Кавказе, Турции, Палестине, Западной Сибири его замещает восточно-европейский еж. Юг Восточной Сибири (Забайкалье), Монголию, часть Китая населяет даурский еж. Дальний Восток, Маньчжурию и Корею амурский ёж.*

Внешний вид его свидетельствует, что ему живется там привольно, потому что он достигает там, как и в Крыму, значительно большей величины, чем в Германии. В европейских Альпах встречается до пояса горной сосны, а поодиночке попадает иногда на высотах до 2000 метров над уровнем моря; на Кавказе подымается еще на 1000 метров выше. Еж живет как на низких равнинах, так и в гористых местностях, в лесах, лугах, полях, садах, встречается во всей Германии, хотя, впрочем, в довольно умеренном количестве. Гораздо многочисленнее он в России, где его, по видимому, особенно щадят не только люди, но и его главнейшие враги из царства животных — лисица и филин, которым здесь предоставляется такое изобилие другой пищи, что ежа они могут оставить в покое. Лиственный лес с густым кустарником или подгнившие в корнях дуплистые деревья, живые изгороди в садах, кучи навоза или хвороста, дыры в стенах, короче сказать, все места, могущие доставить ему убежище, привлекают его к себе, и можно с полной уверенностью рассчитывать найти здесь ежа из года в год.

Еж — забавный чудаков и добрый, смиренный товарищ, который честно и скромно проводит свою жизнь среди трудов и забот. Мало пригодный для общества, он держится почти всегда особняком или в крайнем случае со своей самкой. Каждый из них одиноко трудится над устройством удобного жилища, под густыми кустарниками, под кучами хвороста или в терновнике. Это довольно просторное гнездо, состоящее из листьев, соломы и сена; оно закладывается где-нибудь в яме или под густыми ветвями. Если же готовой ямы не найдется, то ёж сам с большим трудом выкапывает нору и выстилает ее. Такая нора не превышает 30 см в глубину и снабжена двумя выходами, из которых один обращен обыкновенно на юг, а другой на север. Иногда, впрочем, при сильном северном или южном ветре ёж, подобно белке, перемещает эти выходы. В высокой ржи делает обыкновенно только большое гнездо. Жилище самки почти всегда бывает тут же, поблизости, в том же самом саду. Случается также, что оба ежа, и самец и самка, ложатся в теплое время года в одно гнездо; бывают такие нежные ежи, что совсем не расстаются со своими милыми и живут все время в одном месте*.

** Факт длительного совместного проживания двух ежей маловероятен. Ёж территориальное животное, причем, постоянный участок самца (50 га) в пять раз превышает участок самки.*

Если на ходу колючий рыцарь услышит какой-нибудь подозрительный звук, он тотчас останавливается, пригнувшись и прислушивается, при этом можно убедиться, что из всех чувств у него самым острым является обоняние, особенно по сравнению со зрением. Нередко случается на охоте, что ёж бежит к охотнику прямо в ноги, затем вдруг обернется, обнюхает и поспешно удирает, если не найдет более выгодным тотчас употребить в дело свое оборонительное и наступательное орудие, то есть свернуться в клубок. Тогда животное теряет свой прежний вид и превращается в яйцевидную кучу, в совершенно круглый комок, который с одной стороны имеет небольшое углубление. Углубление это ведет к брюху, и в нем ёж прячет тесно прижатые одно к другому морду, четыре лапки и коротенький хвостик. Между иглами воздух имеет беспрепятственный доступ к телу животного, благодаря чему дыхание его нисколько не задерживается, и он может долго оставаться в таком положении. Такое свертывание не стоит ему никакого усилия, потому что подкожные мышцы, обуславливающие это движение, развиты у ежа, как ни у какого другого животного, и действуют одновременно с такой силой, что даже вооруженный толстыми рукавицами человек бывает не в состоянии разжать свернувшегося в клубок ежа. Впрочем, такому намерению немалое препятствие оказывают и колючие иглы.

Во время спокойного движения колючее одеяние животного выглядит красивым и гладким, потому что тысячи игл уложены в порядке в виде черепиц; но как только еж принимает форму клубка, иглы подымаются, топорщатся во все стороны и превращают его в страшный колючий шар. Несмотря на это, опытному человеку нетрудно и такого взъерошенного ежа унести в руках; для этого шар кладут в такое положение, какое животное принимает во время ходьбы, и тихонько проводят рукой по иглам спереди назад; после этого иглы укладываются в порядке, и тогда ежа свободно можно взять в руки.

Когда его выследит один из его главных врагов — собака или лисица, он поспешно свертывается в клубок и остается в этом положении, что бы с ним ни делали. По злобному лаю или ворчанию преследователей он соображает, что они пристают к нему со злым намерением и принимает меры предосторожности, оставаясь под прикрытием своего природного щита. Конечно, есть средства заставить ежа моментально развернуться; для этого стоит только облить его водой или бросить в воду, и этим пользуется не только хитрая Лиса-Патрикеевна, но также и некоторые собаки. Такое же действие производит на ежа табачный дым, пущенный ему в нос между иглами, так как его чувствительному органу дым кажется чем-то ужасным; зверек буквально одурманивается им: он сразу вытягивается, подымает вверх нос и, шатаясь, делает несколько нетвердых шагов, пока струя чистого свежего воздуха не приведет его снова в себя*.

** Вполне естественная реакция зверька на дым. Во время лесных пожаров оставаться в неподвижности, свернувшись в клубок, глупо, даже небыстрый аллюр, на который способен ёж, может привести к спасению. По современным данным, табачный дым, напротив, приятен для ежей.*

Свертывание служит ежу единственным средством защиты против всевозможных опасностей, которым он подвергается. Даже в тех случаях, когда он, например, оступится, что при его неловкости случается нередко, и свалится через высокий плетень или же скатится с крутизны, и тогда он моментально свертывается и летит вниз по скату или по стене, не причиняя себе ни малейшего вреда. Бывали случаи, что ёж падал с насыпи более чем в шесть метров высоты без всяких вредных последствий для себя.

Ежа отнюдь нельзя считать за неловкого и неуклюжего охотника; он отлично знает разные охотничьи уловки. Главным образом пища ежа состоит из насекомых, почему его и можно причислить к полезным животным. Но такая малопитательная пища не вполне удовлетворяет его, вследствие чего он объявляет войну и другим животным. Ни одно из маленьких млекопитающих или птиц не застраховано от его нападений; среди же низших животных он хозяйничает самым ужасным образом. Кроме несметного количества кузнечиков, сверчков, тараканов, майских и навозных жуков, других жуков всевозможных видов и их личинок ёж пожирает дождевых червей, слизней, лесных или полевых мышей, маленьких птиц и даже птенцов больших пород. Трудно поверить, чтобы он в самом деле в состоянии был ловить маленьких проворных мышей; но он отлично понимает охотничье искусство и мастерски справляется с такой, по-видимому, невероятной задачей. Я наблюдал ежа однажды за ловлей мышей и крайне удивлялся его хитрости. Весной, шныряя по низкой ржи, он вдруг остановился перед мышиной норой, обнюхал вокруг, медленно обошел со всех сторон и, наконец, уверенно попал в то место, где проложена мышинная нора. В этом случае рыльце его было как нельзя кстати. С крайней торопливостью он разрыл землю в том месте, где прошла мышь, и очень скоро догнал ее, о чем свидетельствовали писк мыши и самодовольное ворчание ежа, доказывавшее, что жертва схвачена охотником. Этот случай познакомил меня с охотой ежей за мышами в поле; но как они умудряются ловить их в амбарах и сараях, это я узнал впервые гораздо позже, от моего друга Альбрехта. Бегаая однажды по комнате, ёж, воспитывавшийся у этого наблюдателя, вдруг заметил дерзкую мышь, которая отважилась выйти из своей норы. С невероятной быстротой, не утрачивая, впрочем, своей обычной неловкости, ёж напал на дерзновенную и схватил ее, прежде чем она успела убежать. «Это поразительное в столь неуклюжем животном движение лихого удалства, которое мне не раз приходилось наблюдать в еже и после, — пишет мой друг, — возбуждало во мне всякий раз искренний смех; оно до такой степени своеобразно, что не поддается никакому сравнению; это было нечто вроде пущенной из лука стрелы, которую ветер гнал то вправо, то влево и все-таки донес до верной цели».

Гораздо важнее этих хищнических набегов бывают бои ежа со змеями. Тут он выказывает храбрость, которую трудно предполагать в нем. Ленц сделал прекрасные наблюдения над этим. «Двадцать четвертого августа, — сообщает он, — я посадил самку ежа в большой ящик, в котором она через два дня принесла шестерых детенышей, снабженных маленькими иглами; тут она стала заботиться о них с истинно материнской нежностью. Для испытания ее аппетита я давал ей очень разнообразную пищу и нашел, что она ела с большим удовольствием жуков, дождевых червей, лягушек, даже жаб — последних, впрочем, не особенно охотно, — медяниц и кольчатых ужей; любимым же ее кушаньем были мыши; плоды она ела только тогда, когда не было никакой животной пищи. Однажды я в продолжение двух дней нарочно ничего другого не давал ей, кроме плодов, она ела так мало, что двое из ее детенышей умерли с голоду, от недостатка в молоке. Большое мужество показывал мой ёж по отношению к опасным животным. Однажды я впустил к нему в ящик восемь сильных хомяков, животных, как известно, очень злых, с которыми шутить нельзя. Едва он почуял

новых гостей, как гневно взъерошил свои иглы и, пригнув нос к земле, бросился на ближайшего врага. При этом издавал звуки, похожие на барабанный бой, точно подзадоривая себя к битве, и его взъерошенные на голове иглы грозно вздымались, как бы образуя боевой шлем, годный как для обороны, так и для наступления. Как только хомяк подступал к ежу с намерением укусить его, он колотился в кровь об его иглы и получал столько ударов колючим панцирем в бока и столько укусов в ноги, что погиб бы неизбежно, если бы я его не отнял. Покончив с одним, колючий герой напустился на других врагов и стал расправляться с ними не менее энергично, так что и тех мне пришлось спасти от расвирепевшего ежа.

Но перейдем к самому существенному и опишем, как наш герой справляется с гадюками. Удивляясь его подвигам, мы должны сознаться, что у нас не хватило бы в данном случае мужества подражать ему. 30 августа я впустил большую гадюку в ящик ежа, занятого в то время кормлением своих детенышей. Предварительно я имел случай убедиться, что у этой гадюки не было недостатка в яде, так как за два дня перед этим она быстро умертвила мышь. Еж очень скоро заметил ее присутствие (руководствуясь, по обыкновению, не зрением, а, как всегда, обонянием), поднялся со своего ложа, бесстрашно обошел вокруг, обнюхал ее с головы до хвоста, так как она лежала вытянувшись, и в особенности внимательно обозрел ее пасть. Змея начала шипеть и несколько раз ужалила ежа в морду и губы. Как бы издеваясь над ее бессилием, зверек спокойно облизал себе тут же, не отходя, раны, причем получил сильный укус в высунутый язык. Не смутившись и этим, он продолжал обнюхивать разъяренную и не перестававшую кусаться змею и даже дотрагивался до нее языком, но не кусал. Наконец, быстро схватил голову змеи, раздробил ее зубами, несмотря на сопротивление, вместе с ее ядовитыми зубами и железами и съел полтуловища. Покончив с гадюкой, он снова залег к детенышам и стал продолжать прерванное кормление. Вечером он съел остальную часть змеи и маленькую новорожденную гадюку. На следующий день он опять съел трех новорожденных гадюк и, как ни в чем не бывало, чувствовал себя отлично, как и его детеныши; на ранах же не было видно ни опухолей, ни малейших болячек.

Первого сентября ёж вторично выступил в бой. Как и в тот раз, он приблизился к гадюке, обнюхал ее и получил несколько укусов в морду, щетину и иглы. В то время, как он обнюхивал, гадюка, которая до сих пор напрасно трудилась над ним и только изрядно искололась об его иглы, наконец опомнилась и задумала дать тягу. Она поползла вокруг ящика, но еж не оставил ее и продолжал следовать за ней, несмотря на то, что она жестоко кусала его всякий раз, как только он приближался к ее голове. Наконец он загнал ее в самый угол ящика, где лежали его детеныши; не видя возможности двигаться дальше, змея широко разинула пасть с оскаленными ядовитыми зубами. Еж, однако, не отступил; тогда она бросилась на него и так сильно ухватила за верхнюю губу, что сама повисла на ней. Еж стряхнул гадюку; она уползла, но он продолжал двигаться за ней и при этом получил несколько новых укусов. Эта борьба продолжалась добрых 12 минут; я насчитал у ежа до десяти укусов, которые он получил в морду, и двадцать, которые попали в щетину или не достигли цели. Пасть гадюки, исколотая иглами, была вся в крови. Наконец ёж схватил ее голову зубами, но она вырвалась и уползла. Я поднял ее за хвост и схватил позади головы; она тотчас же раскрыла пасть, чтобы меня укусить, и этим доказала, что ее ядовитые зубы были еще в целости. Когда я снова бросил змею в ящик, ёж немедленно схватил зубами ее голову, размозил и, не торопясь, съел гадюку, не обращая внимания на ее извивы и извороты. После этого он поспешил к своим детенышам и тотчас же принялся кормить их молоком. Самка и детеныши оставались здоровыми: ни на ком из них не обнаружилось никаких дурных последствий. С тех пор ёж часто сражался с подобным же успехом и всегда прежде раздроблял гадюке голову, тогда как у безвредных змей он этого не делал. Остатки после еды он уносил в гнездо и съедал их впоследствии».

Эти наблюдения, без сомнения, замечательны во всех отношениях. По физиологическим законам трудно допустить, чтобы теплокровное животное так спокойно переносило ядовитые укусы, которые других небольших млекопитающих неминуемо приводят к смерти. Нужно только принять во внимание, что укус гадюки умерщвляет даже таких животных, которые по крайней мере в тридцать раз больше и тяжелее ежа, а стало быть, должны быть и гораздо выносливее его. Но наш колючий герой кажется действительно неуязвимым, потому что ест не только ядовитых змей, яд которых, как известно, причиняет вред лишь при непосредственном введении в кровь, но также и животных, которые отравляют организм через желудок, как, например, шпанских мух. Всем известно, что уже одно прикосновение этих насекомых вызывает на коже сильное воспаление, между тем ёж безнаказанно для себя поедает и их, тогда как у всякого другого животного подобная пища вызвала бы неизбежную смерть*.

** Устойчивость ежей к разнообразным ядам удивительна. По сравнению с морскими свинками такого же размера ежи переносят дозы яда гадюк или ос, большие в 35-45 раз. Смертельная для одного ежа доза мышьяка может убить 25 человек.*

Незначительный вред, причиняемый ежом, не может быть принят в расчет в виду приносимой этим животным пользы, тем более что вред этот вовсе не очень убедительно доказан. Говорят, что ёж страстно любит куриные яйца и не только умеет искусно находить их, но также в высшей степени ловко и ест, ни капли не теряя их содержимого; некоторые видели, как он осторожно кладет яйцо на землю, держит его передними лапами, прокусывает маленькое отверстие в скорлупе и затем осторожно вылизывает содержимое. Кроме того, птицеводы обвиняют ежа в том, что он при удобном случае забирается в курятники и наносит вред домашней птице; один из них уверяет даже, что поймал однажды ежа, который в одну ночь задушил 15 кур, а одну из них, должно быть, съел**.

** * Сведения о нападении ежей на кур — типичные байки. Не может справиться еж и с куриным яйцом — разрез его рта слишком узок для диаметра яйца, и ежу затруднительно прокусить скорлупу зубами.*

Доводы в справедливости этого обвинения вовсе не доказательны; хотя владелец птичника, поставивший после такого разграбления около курятника капканы, и нашел в них на следующее утро трех ежей. Не подлежит никакому сомнению, что виновницей хищнического поступка была куница, а не ежи, которые попали в ловушку по своей неловкости во время охоты за мышами. Что наш колючий рыцарь при удобном случае не откажется съесть цыпленка или даже взрослую курицу, этого, конечно, нельзя отрицать, как и того, что он в состоянии задушить кролика или какое-нибудь другое маленькое животное и с удовольствием пользуется такой добычей.

Время спаривания ежа продолжается с конца марта до начала июня***.

** * * Брачный сезон продолжается до начала сентября, и в районах с мягким климатом ежиха успевает вырастить два выводка в год.*

В этот период, находясь вместе со своей самкой, ёж испытывает крайнее возбуждение; он не только играет с ней, но и постоянно издает звуки, которые можно слышать от него исключительно во время сильного волнения. Глухое урчание, хриплый визг, звучное щелканье, а затем очень часто равномерно повторяемый звук, напоминающий пыхтение отдаленного локомотива, служат выразителями хорошего расположения духа ежа, тогда как своеобразная трель, похожая на барабанный бой, вроде тех звуков, какие издает барсук, выражает дурное настроение, злость или испуг. Все эти звуки слышатся большей частью во время спаривания, потому что ежу тоже нужно как-нибудь привлечь к себе самку. Незванные соперники всегда готовы проникнуть в его владения, особенно если милая не держится в строгих границах подобающей ей верности.

Спустя семь недель после спаривания самка мечет 3-6, в редких случаях 8 слепых детенышей в особую для родов устроенном, прекрасном, просторном и хорошо выстланном гнезде, под густой изгородью, кучами листьев и мха или в ржаном поле. Новорожденные ежики имеют в длину около 6,5 см*, выглядят вначале белыми и являются почти совсем голыми, так как иглы вырастают только впоследствии.

** Новорожденные ежата весят 10-25 г. Несмотря на наличие пяти пар спецов, ежихе редко удается выкормить больше 5 малышей. Если самку побеспокоить в первые двое суток после родов, она может даже съесть собственный выводок. Через 2 месяца ежата весят уже около 250 г.*

Вокруг морды у новорожденных бывает щетина, остальные же части тела не покрыты волосами. Глаза и уши закрыты. Уже по прошествии первых суток иглы вырастают на 9 мм; вначале они совсем белые, спустя месяц молодой еж принимает такую же окраску, как и взрослые. Тогда он может есть уже самостоятельно, хотя все еще продолжает сосать. Только будучи совсем взрослым, ёж достигает способности свертываться в клубок и натягивать на голову кожу до морды. Мать заблаговременно начинает носить в гнездо дождевых червей, слизней, а также опавшие плоды в пищу своим детенышам, а впоследствии берет с собой по вечерам на прогулку и свое потомство. На свободе самка по отношению к детенышам бывает гораздо нежнее, чем в неволе. В первый год жизни молодые ежи не способны к размножению; но на второй уже спариваются и живут совместно со своими самками до зимы, когда каждый отдельно устраивает для себя нору. К осени молодые ежи вырастают уже настолько, что могут самостоятельно находить пропитание; еще до наступления морозов каждый успевает отрастить сытое брюшко и подобно старым ежам начинает хлопотать об устройстве зимнего помещения.

Зимнее логово сверху представляет собой большую беспорядочную кучу, состоящую из соломы, сена, листьев и мха, и очень тщательно выстланно внутри. С наступлением первого сильного мороза ёж глубоко зарывается в своем гнезде и проводит все холодное зимнее время в непрерывной спячке. Нечувствительность, вообще свойственная этому животному, даже и в период его оживленной деятельности, достигает в это время своей высшей степени; только если его очень растеребить, он пробудится на минуту, пошатается из стороны в сторону и затем снова моментально заснет мертвым сном**.

** * При первых заморозках обмен веществ у ежа замедляется, а температура тела падает до 10 градусов, пульс снижается до 20 ударов в минуту. Пробудившиеся от спячки весной ежи обычно весят не более 350 г (осенний вес бывает 700-950 г).*

Зимняя спячка продолжается обыкновенно до марта. При благоприятных обстоятельствах еж на свободе может прожить от 8-10 лет.

Чтобы приручить ежа, нужно только взять его и отнести в подходящее помещение; здесь он скоро привыкает и в самое короткое время теряет к человеку всякий страх. Пищу берет без церемонии и сам отыскивает ее в доме, во дворе или еще чаще в амбарах и сараях. Чуди, правда, сомневается, чтобы ёж мог быть пригоден для ловли мышей. У него был ёж, который ел из одной плошки с мышами, но это еще ничего не доказывает. Напротив, многочисленные наблюдения подтвердили, что ёж очень искусный ловец мышей. Во многих местностях ими обзаводятся исключительно с этою целью и держат в таких кладовых, куда кошек пускать нельзя. Я также держал в клетке ежей, которые по целым дням оставались с мышами и ели вместе с ними размоченную в молоке булку; но кончалось всегда тем, что ежи съедали своих товарищей. Ёж также пригоден для истребления неслыханных насекомых, в особенности мерзких тараканов, к чему он прикладывает большое усердие. Если с ним обращаться хоть мало-мальски хорошо и позаботиться насчет его помещения в темном и укромном местечке, то неволя вовсе не бывает для него тягостна*.

** Большой проблемой для всех ежей является бесчисленное количество блох, вшей, клещей, власоедов, находящих убежище между иголками. Чтобы избавиться от них, ежи и используют сильно пахнущие вещества, нередко катаются на падали, натираются луковой шелухой, ядовитой кожей жаб, «купаются» в муравейниках и даже нанизывают на иголки окурки. Легенда про ежа, несущего на спине в нору яблоки, в качестве запасов на зиму, видимо, имеет реальное основание. Нанизывая на колючки дикие яблочки, ежи выводят паразитов их кислым соком. Известна необычная форма поведения ежей натирание шерсти и иголок большим количеством пенной слюны. Возможно, это половое поведение, но есть версия, что в слюне также содержатся отпугивающие или едкие вещества.*

"Еж, — рассказывает Вуд, — живший несколько лет в нашем доме, должен был вести кочевую жизнь, так как все наши знакомые брали его к себе для истребления тараканов, и он перекочевывал из одного дома в другой. Зверек наш был удивительно ручным и выходил из ящика даже среди ясного, светлого дня, чтобы получить свою порцию булки с молоком. Нередко он предпринимал по саду прогулки, причем совал свой нос в каждую дыру, в каждую щелку и перевертывал по дороге каждый упавший листок, чтобы сыскать себе корм. Как только он слышал посторонние шаги, тотчас же свертывался в клубок и оставался несколько минут в таком положении, пока кажущаяся опасность не проходила. Нас он скоро перестал бояться и спокойно бегал в нашем присутствии».

Содержащийся в доме ёж часто надоедает своим шумом по ночам. Его неуклюжесть сказывается на каждом шагу и при каждом движении; в нем и следа нет той поразительной ловкости, какою отличаются кошки. Кроме того, ёж довольно неопрятен и неприятен своим мускусным запахом. Зато своими потешными выходками он способен развеселить всякого. Ёж легко привыкает к самой разнообразной пище, а также и к различным напиткам; особенно он любит молоко, но не отвергает также и спиртных напитков, которые вызывают его на разные курьезные выходки. Балль рассказывает о содержавшемся у него ежее разные забавные вещи, между прочим, и то, что он не раз напивался пьяным. Хозяин попотчевал ежа однажды водкой, и тот выпил так много, что совершенно опьянел. «Мой колючий друг, — говорит Балль, — вел себя совершенно так же, как пьяный человек; он потерял сознание, и его темные, обыкновенно столь невинные глазки получили какой-то сомнительный блеск, одним словом — такое же выражение, какое замечается у всех пьяных; он потешно спотыкался, не замечал нас, шатался, падал то на одну, то на другую сторону и держал себя так, будто хотел сказать: «Уйдите все с дороги, сегодня мне нужен простор!» Беспомощность его все более и более усиливалась, он пошатывался, спотыкался и наконец так опьянел, что с ним можно было делать все, что угодно: мы могли вертеть его во все стороны, раскрывать ему рот, тереть за иглы, и он не шевелился. Спустился 12 часов ёж уже снова был на ногах, но прежней дикости как

не бывало: мы могли подходить к нему совсем близко, и его иглы при этом нимало не топорщились и оставались в замечательном порядке.

Кроме невежественных злых людей еж имеет много других врагов. Собаки ненавидят его до глубины души, выражая это постоянным яростным лаем. Если им приходится натолкнуться на ежа, они выходят из себя, срывая злобу на колючем зверьке. Тот остается в оборонительном положении все время, пока собака занимается им, и предоставляет ей до крови исколоть нос об иглы. Злоба собаки основана, вероятно, большей частью на ее беспомощности в борьбе с этим колючим героем: ее бесит то, что она решительно ничем не может повредить своему врагу и, нападая на него, скорее причиняет боль самой себе. Многие охотничьи собаки не обращают даже внимания на иглы ежа, когда хотят сорвать на нем всю свою ненависть. У одного из моих приятелей была легавая собака, которая всех попадавшихся ей ежей без всяких околичностей загрызала до смерти. Когда в старости зубы ее сделались тупыми, она не могла уже больше совершать таких геройских подвигов молодости; но ненависть ее к ежам нимало не ослабла. Если ей случалось встретить этого зверька, она брала его в пасть, несла на мост и оттуда прямо бросала в воду. Лисица, как уверяют, усердно преследует ежа и гнусным лукавством заставляет его развертываться: она медленно подкатывает колючий шар передними ногами к воде и сталкивает его туда или повертывает на спину и опрыскивает своей вонючей мочой; бедный зверек с отчаяния развертывается, в тот же момент хитрая пройдоха хватается за нос и умерщвляет. Много ежей погибает таким образом, особенно в молодости. Кроме лисицы у ежей есть еще более опасный враг филин. Когти и клюв филина настолько длинны и не чувствительны, что он легко может схватить ими ежа за его колючее одеяние. Помимо всего этого еще масса ежей делается жертвами зимних морозов. Неопытные детеныши, побуждаемые голодом, отваживаются иногда позднюю осенью, ночью, выходить из своих нор и замерзают от холодных утренников; многие погибают также во время зимы в самом гнезде, если оно не защищено как следует от бури и непогоды. Бывает иногда, что за зиму в садах или рощах вымирает все население ежей*.

** Основным врагом ежа на сегодняшний день стая автомобиль. В районах с хорошо развитой дорожной сетью под колесами ежегодно гибнет до четверти популяции ежей. Особенно страдают молодые звери, более активно исследующие окрестности в поисках постоянного участка. К дорогам и обочинам ежей привлекает также возможность полакомиться падалью остатками сбитых животных. Еще одна причина повышенной смертности ежей применение пестицидов в сельском хозяйстве.*

Еж и после смерти своей приносит человеку пользу; по крайней мере в некоторых местностях мясо его едят, правда, только цыгане и прочий кочующий народ, но все-таки оно съедобно, любители изобрели даже особенный способ его приготовления. Настоящие мастера кулинарного искусства обмазывают ежа толстым слоем месива из липкой глины и в этой оболочке кладут его в огонь, наблюдая, чтоб он не пригорел, и для этого поворачивая его время от времени со стороны в сторону; как только слой глины станет сухим и твердым, жаркое снимают с огня, дают ему немного остынуть и затем отколупывают оболочку, вместе с которой отходят и иглы, приставшие к глине. При таком способе приготовления весь сок остается в жарком, и получается превосходное кушанье, по словам тех, кто его ест. В былые времена в Испании немало поедали ежей, особенно во время поста. У древних еж имел свое место и в медицине: его кровь, внутренности и даже помет употреблялись на приготовление разных лекарств; кроме того, его сжигали целиком, и пепел животного имел такое же употребление, как и собачий. И теперь еще жир ежа считается целебным средством. Колючую кожу этого зверька древние римляне употребляли для ворсования шерстяных сукон и поэтому вели ежовыми шкурами оживленную торговлю, которая доставляла такой значительный доход, что для урегулирования ее потребовалось особое постановление сената. Кроме того, колючая шкура употреблялась в качестве гребня для чесания льна. Некоторые сельские хозяева и по сей час пользуются ежовой шкурою, когда нужно отнять от матери теленка; для этого к носу сосуна привязывают кусочек колючей ежовой шкуры и этим заставляют мать отвадить питомца, становящегося ей уже тягостным, и приучить его к другой пище. Кроме всего этого некоторые шапочники готовят из натуральной ежовой шкуры особого рода колючие головные уборы.

Семейство землеройковые

(Soricidae)*

** Землеройковые, самое обширное семейство отряда насекомоядных, объединяет свыше 20 родов и порядка 300 видов. Землеройки самые мелкие насекомоядные, крупнейшие из них достигают длины тела 18 см, хвоста — 12 см, массы — до 35 г. Большинство землероек — наземные зверьки, но есть и полуводные, и роющие формы.*

Землеройки между насекомоядными занимают такое же место, как куницы между хищными. Подобно им, они обладают всеми свойствами, необходимыми для настоящей разбойничьей жизни; везде, где бы ни жили, они устраиваются как дома и проявляют храбрость, кровожадность, свирепость, совсем не соответствующие их незначительной величине.

Землеройки вместе с летучими мышами могут считаться самыми маленькими из всех млекопитающих: сложены они очень пропорционально и своим наружным видом напоминают крыс и мышей. Туловище у них тонкое, голова длинная, морда вытянутая, зубная система очень полная и состоит из необыкновенно острых зубов; с каждой стороны челюстей у землероек по 2-3 резца, иногда с зазубринами, 3-5 ложнокоренных и 3-4 настоящих коренных с четырьмя или пятью зубцами. Собственно клыков у них нет. 12-14 позвонков поддерживают ребра, 6-8 не имеют ребер, 3-5 составляют крестцовую кость и 14-28 — хвост. По сторонам туловища или у корня хвоста замечаются особенные железы. Тело покрыто мягкими бархатистыми волосами, губы, лапы и хвост — жесткими волосками, щеки — длинными усами, края ступни — крепкой щетиной, резко отделяющейся от голых ступней.

В настоящее время землеройки распространены по всему Старому Свету и по Северной Америке; в Австралии и в Южной Америке их вовсе нет*.

** В Южную Америку уже в плейстоценовое время проникли 4-5 видов землероек. Они распространены на юг до Эквадора, южных частей Колумбии и Венесуэлы. В России обитает не менее 24 видов семейства.*

Они охотно живут как на равнинах, так и на возвышенных местностях, встречаются даже в предгорьях Альп и в Альпах, но предпочитают все-таки густые леса и кустарники, луга и долины, сады и дома. Большинство отдадут предпочтение сырым местностям, некоторые живут прямо в воде. Многие ведут подземную жизнь, выкапывают норы и ходы или же пользуются готовыми, предварительно выгнав оттуда, добром или насилием, законного владельца. Почти все землеройки стремятся к темноте или прячутся в тень и избегают засухи, жары и света; они так чувствительны к подобным влияниям, что часто погибают от солнечных лучей. Движения их необыкновенно ловки, проворны и при желании могут быть чрезвычайно разнообразны. Бегающие землеройки шныряют повсюду с быстротой молнии; плавающие не уступают в быстроте ни одному другому сухопутному млекопитающему.

Среди органов чувств у землероек обоняние, по-видимому, занимает первое место; за ним следует слух; зрение же более или менее слабо. Их душевные способности стоят невысоко; но все-таки нельзя отрицать в землеройках известной степени понятливости. Они чрезвычайно хищны и кровожадны и действительно представляют собой страшный бич для маленьких животных, тогда как перед большими они благоразумно отступают. Даже при самом незначительном шуме большинство из них разбегаются по своим норам и хорошо делают, так как они совершенно беззащитны против сильных животных**.

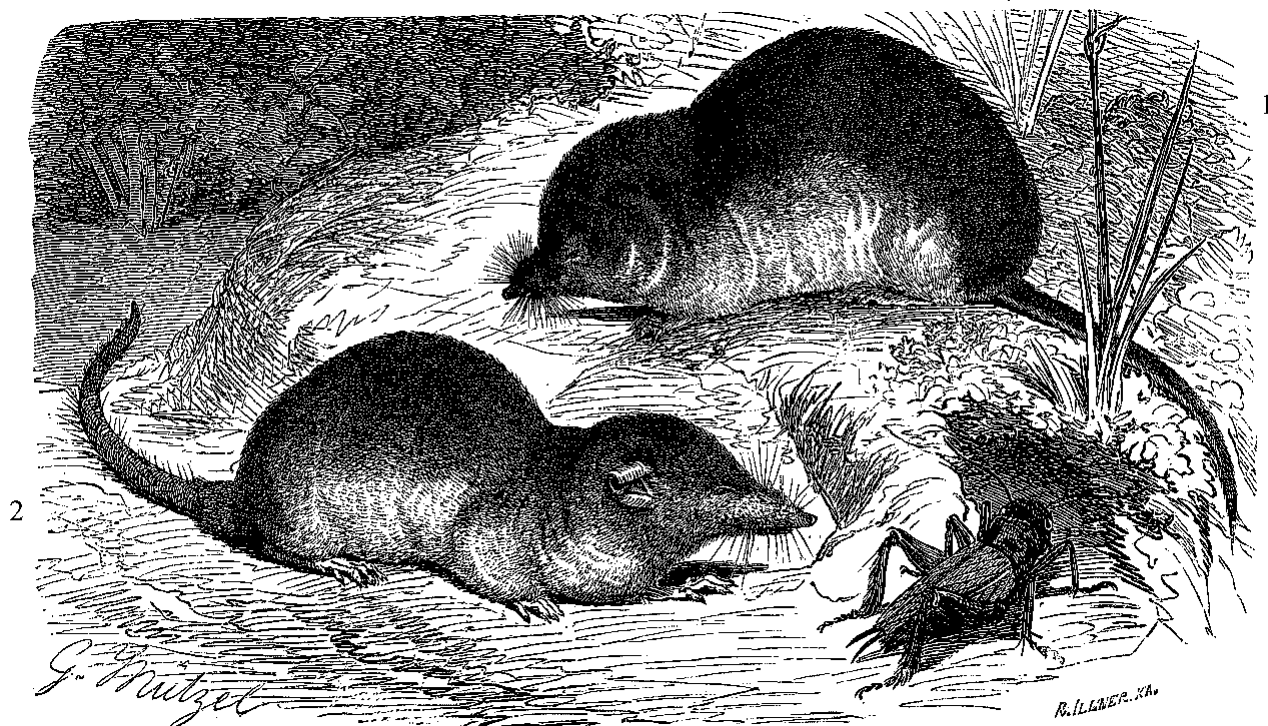
** * Землеройка может дать мощный, несоразмерный росту отпор многим хищникам. Кроме того, высокое верещание (частично в ультразвуковом диапазоне), издаваемое зверьками, очень раздражает тонкий слух большинства некрупных хищных зверей, и они предпочитают не связываться с землеройками. Однако основное отпугивающее средство землероек — запах.*

С нашей точки зрения, мы должны рассматривать большинство землероек не только как невинных, безвредных животных, но признавать за ними даже известную пользу, так как они оказывают нам значительные услуги истреблением вредных насекомых. Пищу себе землеройки достают преимущественно из животного царства; добычей их бывают насекомые и личинки, черви, моллюски, маленькие птицы. Они прожорливы и ежедневно поедают количество пищи, равное их собственному весу. Ни один вид землероек не может долго переносить голода; поэтому они не подвержены зимней спячке, а при всякой мало-мальски теплой погоде выходят из своих нор и шныряют даже по покрытой снегом земле и отыскивают себе пищу в защищенных от холода местах, как, например, в человеческих жилищах. Голос всех землероек состоит из тонких, щебечущих или визжащих и свистящих звуков; в страхе они испускают жалобные стоны; при опасности все без исключения распространяют более или менее сильный мускусный запах, который хотя и не защищает их от нападения врагов, тем не менее не многим приходится по вкусу. Так, например, собаки, кошки и куницы не дотрагиваются до убитых землероек и никогда не едят их; между тем как большинство птиц, у которых органы обоняния и вкуса развиты слабее, не отказываются от этого кушанья.

Большую часть землероек можно считать плодовитыми животными, так как они мечут от 4 до 10 детенышей; последние рождаются обыкновенно голыми и с закрытыми глазами, но развиваются очень быстро и уже через месяц бывают в состоянии заниматься самостоятельным промыслом.

Человек не может извлекать из этих животных непосредственной пользы; только один вид землероек доставляет годный к употреблению мех и хвосты, которые благодаря их сильному мускусному запаху являются средством против моли; мясо же их нигде не едят. Но зато косвенные услуги, оказываемые землеройками, очень значительны; они были оценены еще древними египтянами, это можно видеть из того, что один вид в древности бальзамировали и клали в гробы вместе с покойниками.

Обыкновенная бурозубка (*Sorex araneus*) принадлежит к наиболее известным в Германии животным.

1 — Обыкновенная бурозубка (*Sorex araneus*) 2 — Длиннохвостая белозубка (*Crocidura russula*)

По величине она немного меньше домашней мыши: ее длина едва достигает 11 см, из которых 4,5 см приходится на хвост. Окраска тонкого шелковистого меха колеблется между ярким красно-бурым и блестящим черным цветами; бока окрашены всегда светлее спины, нижняя часть тела серовато-белая с буроватым налетом, губы беловатые, длинные усы черные, лапы буроватые, хвост сверху темно-бурый, снизу буровато-желтый. По меняющейся окраске установили много различий, которые одними принимаются за виды, другими — за разновидности. Бурозубка водится в Германии, Швейцарии, Англии, Франции, Италии, Венгрии и Галиции, вероятно, также и в России; она живет и в высоких, и в низких местностях; в горах, долинах, на полях, в садах, по соседству с деревнями и даже в самых деревнях и обыкновенно держится поблизости от воды. Зимой заходит в дома или по крайней мере в сараи и амбары. В Германии — это самый обыкновенный вид. Бурозубка особенно любит ютиться в подземных норах и потому охотно забирается в кротовые ходы или в покинутые мышиные норы, если не удастся отыскать естественных щелей и расселин в скалах. В мягкой почве она сама своим хоботом и слабыми передними лапами выкапывает ходы, которые прокладывает обыкновенно очень поверхностно под землей*.

* Несмотря на название, землеройки не делают собственных нор в почве, предпочитают занимать чужие. Могут прокладывать ходы в рыхлой лесной подстилке, гнезда делают, как правило, на поверхности земли.

Как и большинство видов этого семейства, бурозубка вполне ночное животное, которое днем очень неохотно оставляет свое подземное помещение. Она никогда не выходит во время полуденного жара, так как солнечные лучи вызывают в ней, по-видимому, в высшей степени тягостные ощущения; по крайней мере некоторые наблюдатели допускают, что многие землеройки, которых находили мертвыми по дорогам и канавам, были жертвами солнечных лучей; яркий свет ослеплял их, так что они не могли найти входа в свою нору и погибали от этого.

Бурозубка постоянно в работе: она вечно вертит во все стороны своим хоботом, отыскивая пищу, и если найдет добычу, которую в силах одолеть, то не выпустит уже от себя; она ест даже своих собственных детенышей или мертвых собратьев. «Я часто, — говорит Ленц, — держал в

ящиках землероек. Мухами, мучными и дождевыми червями и чем-нибудь подобным их никогда нельзя было накормить досыта. Я должен был каждой из них давать ежедневно по целой убитой мыши, по землеройке или же по птичке, равной с ними величины. Как ни были они малы, но ежедневно могли съесть целую мышь, оставляя от нее только кожу да кости. Таким образом мне удавалось откормить их очень жирными; но если оставить их хоть немного поголодать, то они быстро умирают. Я пробовал также не давать им никакого другого корма, кроме хлеба, репы, груш, конопля, мака, репного и канареечного семени; но они скорее умирали с голоду, чем дотрагивались до этой пищи. Если им давали жирный пирог, то они ели его только из-за жира; когда же им попадалась пойманная в ловушке землеройка или мышь, они моментально набрасывались на еду. При хорошем уходе землеройка выдерживает в неволе целые месяцы».

Движения бурозубки в высшей степени проворны и ловки; она бегаёт по земле, прыгает довольно далеко, может взлезать по наклонным деревьям и, в случае нужды, умеет довольно сносно плавать. Голос ее состоит из резкого, тонко щебечущего, почти свистящего, но тихого звука, какой издают и все остальные виды семейства. Между органами чувств выше всего, без сомнения, стоит обоняние. Часто случается, что пойманные живыми землеройки, которым предоставляют свободу, снова возвращаются в ловушку только потому, что их притягивает туда оставленный ими запах. Землеройка, кажется, никогда не руководится своим зрением; слух ее тоже, должно быть, довольно слаб; зато тонкий нос совершенно заменяет ей эти оба органа чувств.

Немного можно встретить животных, которые так необщительны и необходимы с себе подобными, как землеройки; только крот может сравняться с ними в этом отношении. Еще не случалось, чтобы разного пола животные уживались, помимо времени спаривания, в мире друг с другом: одна землеройка непременно съест другую, если только сумеет овладеть ею. Часто приходится видеть этих двух хищниц до того увлеченными дракой, что их можно смело схватить руками; в борьбе они сваливаются в клубок и катаются в таком виде по земле, крепко вцепившись друг в друга зубами, с яростью, достойной злейшего бульдога. Счастье, что землеройки не имеют львиного роста: они опустошили бы всю землю и наконец сами умерли бы с голоду. Беременная землеройка устраивает себе гнездо из мха, травы, листьев и стеблей растений, всего охотнее в стенах или под пустыми корнями деревьев; в нем несколько боковых ходов и мягкая подстилка; здесь она между маем и июлем мечет 5-10 детенышей, которые рождаются голыми, слепыми и с закрытыми ушами. Вначале мать кормит их с большою нежностью, но скоро ее любовь остывает, и детеныши вынуждены сами идти на промысел и самостоятельно добывать себе пищу*.

** Еще до распада выводка (на 22-25-й день после родов) самка может начать новый цикл размножения. Лишь в редких случаях бурозубки доживают до 2 лет.*

При этом, как выше замечено, исчезают всякие родственные отношения: каждая землеройка уже с детства приучена к мясу, берет его, где только предоставляет случай, и не остановится даже перед трупами родных братьев и сестер.

Замечательно, что только немногие животные едят землероек. Кошки умерщвляют их, вероятно, потому, что принимают за обыкновенных мышей; но только загрызают насмерть, а никогда не съедают. Также и куницы, по-видимому, брезгуют ими. Только некоторые хищные птицы, аисты и гадюки без размышления, даже с удовольствием пожирают их. Во всяком случае отвращение, которое питают к землеройкам все млекопитающие, одаренные чутким обонянием, имеет свое основание в скверном запахе, свойственном этим животным. Этот сильный мускусный запах исходит из двух отделительных желез, которые лежат по бокам тела, ближе к передним, чем к задним ногам; он до такой степени силен, что сообщается всем предметам, до которых касается землеройка.

Весьма возможно, что разные суеверные взгляды, от которых приходится страдать землеройкам во многих местностях Европы, основаны на этом отвратительном запахе. Повсюду в Англии, например, этого безвредного животного боятся более, чем ядовитой змеи. Все отлично понимают, что такое маленькое животное не может причинить ни малейшего вреда своими тонкими мелкими зубами, но все-таки приписывают ее укусу ядовитое свойство. Даже одно прикосновение землеройки считается верным предвестником какой-нибудь беды, животное или человек, которые «поражены землеройками», необходимо должны в скором времени заболеть, если вовремя не прибегнут к одному радикальному средству. Это целебное средство, которое может помочь против болезни, полученной от землеройки, заключается в ветвях «землероечного ясеня», то есть обыкновенного дерева, которое очень простыми приемами превращалось в целебное. Для этого ловили землеройку и с радостными криками победы несли ее к ясеню, на долю которого выпадала честь защищать род человеческий от такого маленького хищного зверька. В стволе ясеня просверливали большое отвер-

стие, впускали туда землеройку и затем накрепко закупоривали дыру плотной пробкой; с этого момента ясень получал целебную силу.

До какой степени было распространено и принималось на веру это глупейшее суеверие, можно видеть из «Истории четвероногих животных и змей» Топселя, появившейся в Лондоне в 1658 году. Старый шутник-зоолог говорит в своей книге о землеройке приблизительно следующее: «Это хищное животное, хотя и прикидывается нежным и кротким, но кусает глубоко и смертельно отравляет при малейшем прикосновении. Будучи свирепым существом, она всякому старается вредить, и нет такого создания, которое бы было любимо ею или могло ее любить, так как все животные только боятся ее. Кошки охотятся за ней и умерщвляют ее, но никогда не едят, потому что если бы такое желание пришло им, то они немедленно погибли бы. Если землеройка случайно попадет в колею, оставленную на дороге колесом, то должна расстаться с жизнью, так как выйти оттуда она уже не может. Это подтверждают Марцелиус Никандер и Плиний; причину же этого поясняет Филее, который говорит, что в колее землеройка так измучивается и теряется, как будто бы ее приковали там цепями. Поэтому-то древние прописывали землю из такой колеей как противоядие от укуса землеройкой. Впрочем, есть еще много средств для лечения ядовитых укусов, эти средства помогают вместе с тем и от других болезней. Землеройку, которая случайно попадет в колею и там умрет, сжигают, толкут в ступе, затем смешивают с пылью и с гусиным жиром; приготовленная таким образом мазь помогает против всяких воспалений. Кроме того, если убитую землеройку повесить таким образом, чтобы она не касалась земли, то труп ее помогает против всяких нарывов и волдырей, стоит только троекратно коснуться им больных мест. Равным образом землеройка исцеляет нарывы и всякие воспаления, если, найдя ее труп, обернуть его в полотняную, шерстяную или другую материю. Мазь, приготовленная из сожженного и истолченного в порошок хвоста землеройки, служит отличным средством против укуса бешеными собаками и пр.». После всех этих описаний целебных свойств зверька мне ничего больше не остается говорить.

Домовая землеройка, или длиннохвостая (обыкновенная) белозубка (*Crocidura russula*).

Зверек в 11,5 см общей длины, из которых 7 см составляют длину тела, а 4,5 см идут на хвост; в Германии — это один из обыкновенных видов. Волосы его меха на верхней стороне имеют буро-серую, в молодости же черновато-серую окраску, а на нижней — без резких ограничений более светло-серую; на губах и на ногах волосы буровато-белые, на верхней стороне хвоста — светло-буросерые, на нижней — серовато-белые. Зубная система состоит из 28 зубов.

Из северной Африки домовая землеройка распространяется по южной, западной и средней Европе до севера России, встречается также в центральной Азии и в северо-восточной Сибири.

Напротив того, в Англии, Дании, Скандинавии и Голландии ее нет. По Блазиусу, она некоторым образом привязана к полям и садам, по крайней мере предпочитает их лесу и рощам, где по временам попадает. Ни один из ее родичей не привыкает так легко к окружающим людям, ни один не входит так свободно в дома, особенно в амбары и сараи. Она охотно водворяется в погребах и кладовых, прельщаясь их темными уголками, доставляющими спокойное убежище. На свободе охотится как в ранние, так и в поздние часы на маленьких животных всех видов, начиная с небольших млекопитающих и кончая червями; в домах лакомится мясом, салом и маслом. Ее обычаи и привычки совершенно такие же, как и у бурозубки*.

* *Характерная черта поведения выводка белозубок — передвижение цепочкой вслед за матерью. держась зубами за хвост идущего впереди. У других землероек эта особенность менее выражена.*

На свободе она мечет летом (а в теплых помещениях и в осенние, и даже в зимние месяцы) 5-10 голых и слепых детенышей в скрытом, довольно тщательно и мягко выстланном гнезде.

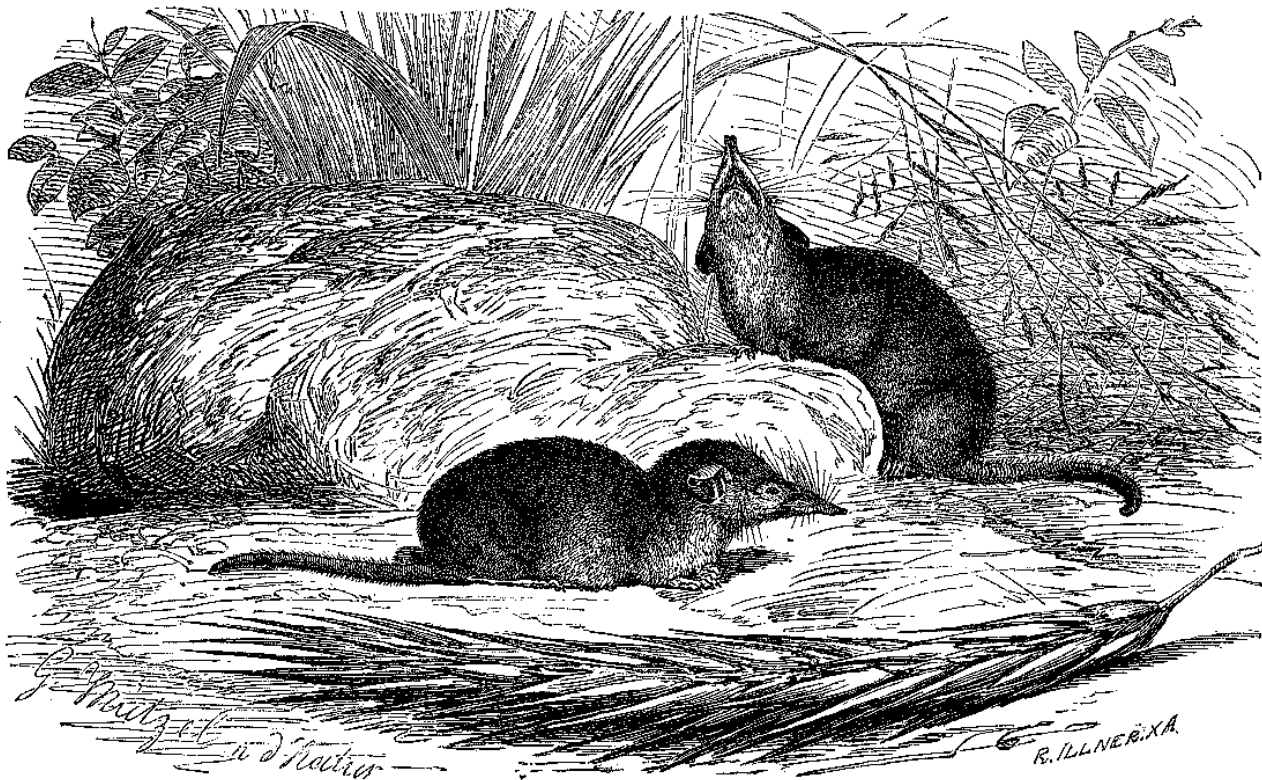
По прошествии приблизительно шести недель детеныши достигают роста родителей, приобретают самостоятельность и промышляют почти так же успешно, как и взрослые. Несмотря на страсть к лакомствам, белозубка может считаться полезным животным, которое значительно искупает свои небольшие проступки массой услуг по ловле всевозможных паразитов; на основании этого она заслуживает от нас пощады и покровительства.

Малая белозубка (*Crocidura suaveolem*) вместе с одним из видов летучих мышей самое маленькое из всех известных до сих пор млекопитающих.

Общая длина ее едва достигает 6,5 см, из которых 2,5 см приходятся на хвост. Окраска шелковисто-мягкого меха светло-буроватая или красновато-серая, хвост сверху буроватый; снизу светлее, хобот и лапы мясного цвета, ноги покрыты беловатыми волосками. Старые животные бывают светлее и более ржавого цвета, молодые темнее и более серого. Замечательны в этом животном особенно большие ушные раковины.

Малая белозубка встречается почти во всех странах, омываемых Средиземным и Черным морями; ее находили на севере Африки, в южной Франции, в Италии и в Крыму*.

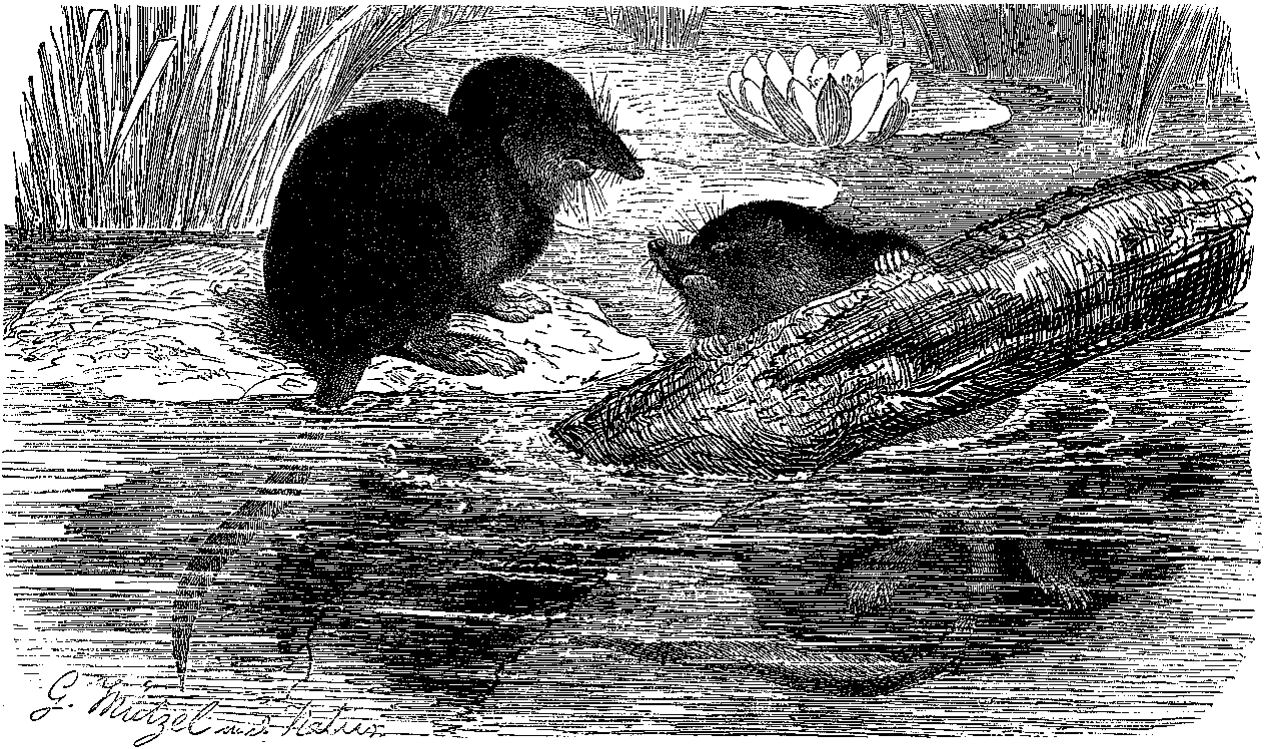
* Малая белозубка распространена по всей лесостепной, степной и пустынной зоне Евразии до Палестины, Ирана, Дальнего Востока, Китая, а также в Северной Африке.

Малая белозубка (*Crocidura suaveolens*)

По образу жизни она напоминает своих родичей. Для местопребывания выбирает охотнее всего сады поблизости от деревень, но попадает также в строениях и жилищах. Она гораздо нежнее и чувствительнее к холоду, чем наши северные виды, поэтому борется с зимними холодами, прячась от них в особенно теплые жилища.

Обыкновенная кутора, или водяная землеройка (*Neomys fodiens*), отличается большим разнообразием в окраске, принадлежит к крупнейшим видам встречающихся у нас землероек. Общая длина ее достигает 11,8 см, из которых 5,3 см приходится на хвост. Тонкий, густой и мягкий мех на спине обыкновенно черный, зимой более блестящий, чем летом, на животе серо-белый или беловатый, иногда чистый, иногда покрыт серо-черными пятнами. Волосы меха настолько густы, что представляют сплошную массу и не пропускают до кожи ни одной капли воды. Плавательные щетинки на лапах, смотря по возрасту и времени года, бывают то длиннее, то короче. Когда они оттопырены, то становятся такими широкими, что выдаются с каждой стороны ног подобно зубцам гребешка, а когда сложены, то так плотно прилегают к ступням, что их трудно заметить. Они служат животному прекрасными веслами и оказывают ему большие услуги. По желанию могут развертываться и снова свертываться, а во время бега так плотно сжимаются, что нимало не страдают от трения**.

Обыкновенная кутора (*Neomys fodiens*)

* * При плавании зверек гребет лапами, а хвост, сжатый с боков и имеющий на нижней стороне киль из удлиненных жестких волос, выполняет роль руля.

Как кажется, водяная землеройка распространена почти по всей Европе и в части Азии***, где в благоприятных местностях ее можно всюду встретить.

* * * Населяет околотоводные лесные биотопы Европы (кроме Испании), Казахстана, Западной и Южной Сибири, Дальнего Востока.

Северная граница ее распространения достигает Англии и Остзейского края, южной Испании и Италии. В горах поднимается на значительную высоту; в Альпах, например, почти до 2000 метров над уровнем моря. Она предпочитает воды гористых местностей, особенно такие, в которых при больших морозах встречаются незамерзающие источники, необходимые ей зимой, чтобы входить в воду и выходить из нее. Самыми излюбленными местами являются источники горных лесистых местностей, имеющие чистую воду и песчаную почву, и сады или луга в окрестностях. Также охотно она водится в прудах с чистой водой и покрытых ряской. Иногда попадает здесь в громадном количестве. Часто селится в деревнях, особенно близ мельниц; но местопребывание ее вовсе не связано исключительно с водой; она также охотно бегаёт по лугам, прилегающим к ручьям, проползает под стога сена, забирается в амбары и сараи и даже во внутренности домов; иногда попадает в поля, находящиеся очень далеко от воды. В рыхлой почве поблизости воды она сама выкапывает себе ходы, однако охотнее пользуется норами мышей и кротов, находящихся по соседству. Важным условием ее жилища являются выходы, которых должно быть несколько: один ведет в воду, другой на поверхность воды, остальные имеют выход на сушу. Нора служит зверьку местом сна и убежища, в котором он может укрыться от преследования врагов. В шумных местах водяная землеройка проводит обыкновенно весь день в жилище; там же, где ей нечего бояться, бодрствует и проявляет свою деятельность и днем, особенно весной, в пору любви. Она редко плавает вдоль берега, так как больше любит переплывать ручьи от одного берега к другому; когда же ей приходится держать путь вдоль ручья, то она предпочитает бежать под берегом или по дну ручья, под водой.

Водяная землеройка чрезвычайно живое и умное животное, представляющее для наблюдателя большой интерес. Ее движения быстры и уверенны, ловки и неумимы. Она отлично плавает, ныряет и обладает способностью держаться на воде без всякого движения, высовываясь то одной головой, то всей верхней частью туловища. Когда она плывет, ее туловище кажется широким, плоским и как бы покрытым сплошным слоем блестяще-белых маленьких жемчужин; это явление происходит от пузырьков воздуха, собирающихся между густыми волосами шерсти: воздушный слой, окружающий все тело, и способствует тому, что мех животного всегда бывает сухим.

Спрятавшись у какого-нибудь пруда, где бы землеройки пользовались покоем, можно отлично наблюдать их деятельную жизнь. Уже незадолго до восхода солнца или сейчас же после него

можно видеть, как они выходят из своих нор и пускаются плавать в пруду; часто останавливаются, ложатся плашмя на воду или высовываются из нее половиной своего туловища, так что становится видным их белое горло. Плывая, они так сильно работают задними ногами, что по сильному движению воды можно было бы ожидать гораздо большее животное. Во время отдыха не перестают озира- раться во все стороны и, как только почуют опасность, с быстротой стрелы снова ныряют в воду. Впрочем, маленькая водолазка не любит долго оставаться под водой; она очень скоро снова показывается на поверхности. Здесь ее настоящая сфера деятельности; в продолжение целого дня ее можно видеть в беспрестанной суете в уединенных тихих местах. Она плавает не только близ берегов, но также и посредине пруда, перерезывая его с одной стороны на другую; время от времени она отдыхает на пне свешивающегося над водой дерева или на плывущем полене, иногда развлекается, прыгая из воды за пролетающим мимо насекомым, и затем снова ныряет вниз головой; при этом мех ее всегда остается гладким и сухим, так как капли воды стекают с него*.

** Из-за «шубы» пузырьков в непромокаемом меху кутора ныряет с заметным трудом (ее удельный вес заметно легче воды), предпочитает плавать на поверхности, под водой может находиться 5—20 сек.*

Во время болезни утрачивается это свойство меха: волосы промокают и сырость проникает до кожи; тогда водяной землеройке часто приходит скорый конец.

Всего полнее проявляется жизнь красивого животного в пору любви и спаривания, совпадающую обыкновенно с апрелем и маем.

Самец преследует самку при непрерывном крике, который звучит почти как «зи-зи-зи», и, когда зверьков много, крики сливаются в одно общее жужжание. Самка выплывает из своего убежища, подымает вверх над водой голову и грудь и озирается во все стороны. Самец, находящийся в поисках предмета своих страстных вожделений, тоже показывается на зеркальной поверхности воды и, завидев милую, стремительно бросается к ней. Но самка еще не расположена принимать его ласки; она хотя и допускает самца подплыть к ней совсем близко, но, как только он достигнет ее, неожиданно ныряет и бесследно пропадает на дне пруда; пробежав здесь довольно значительное расстояние, она снова появляется на поверхности, но уже совсем в другом месте. Самец выслеживает ее и через минуту уже опять возле милой; он уверен, что цель достигнута, однако самка не из доступных: она вторично исчезает и снова показывается где-нибудь в отдалении. Таким образом заигрывание это продолжается с четверть часа, пока самка наконец не сдается на упорные преследования самца. При этом ни один из влюбленных не упускает случая словить какое-нибудь из пролетающих мимо насекомых или вообще схватить что-нибудь съедобное, а во время своих любовных походов они облазят все ходы на берегу. В одном из них самка устраивается на время родов, избрав себе для этого маленькую нору, хорошо выстланную мхом и сеном. Здесь около середины мая она родит 6-10 детенышей, которые в первые дни своего появления на свет выглядят очень странными и нисколько не похожими на взрослых землероек: они рождаются голыми, так что цвет тела ярко сквозит через кожу, и тупой носик их особенно комично выдается на маленькой мордочке; но скоро они вырастают, приобретают мало-помалу внешний вид своих родителей и рано начинают вести самостоятельный образ жизни, охотясь под руководством матери и прокладывая в траве поблизости от главного входа норы новые узкие тропинки.

Относительно своего роста водяная землеройка действительно страшный хищник; она пожирает не только насекомых всех видов, особенно тех, которые живут в воде, но и червей, мелких моллюсков, раков, а также и земноводных, рыб, птиц и маленьких млекопитающих. Мышь, забравшаяся в их нору, должна считаться погибшей; неосторожная трясогузка, рано вылетевшая из гнезда и беспечно устремившаяся на зеленый бережок, схватывается беспощадно и с такой же свирепостью, с какой рысь набрасывается на козулю; лягушка, беззаботно прыгающая вблизи одного из входов, схватывается за задние ноги и тащится, несмотря на жалобный писк, в нору, где и погибает весьма скоро; гольцы и пескари загоняются в маленькие бухты и здесь ловятся особенным образом: землеройка мутит воду и сторожит вход в бухту; как только одна из маленьких рыбок захочет проплыть мимо, она бросается на нее и ловко схватывает, оправдывая, как нельзя лучше поговорку — в мутной воде рыбу ловит. Землеройка отваживается нападать не только на маленьких животных, но и на таких, вес которых превосходит ее собственный по крайней мере в 60 раз; можно сказать, что среди хищников не найдется другого животного, которое решилось бы нападать на такую несо- размерно большую добычу и так умело осиливать ее*.

** Кутора всегда поедает пищу на суше. Она имеет менее интенсивный обмен веществ, чем мелкие землеройки, она менее прожорлива (вес съеденного корма примерно равен весу зверька), может обходиться без пищи около 57 часов.*

Враги у водяных землероек почти те же самые, что и у всех землероек; днем обыкновенно с ними не приключается никаких бед; ночью же, когда они спуют по берегу, часто становятся добычей сов и кошек; но последние только убивают их и бросают по причине мускусного запаха. Исследователь, желающий собирать водяных землероек, должен поэтому обходить берега прудов по утрам; в короткое время он наверно соберет столько трупов, сколько ему нужно.

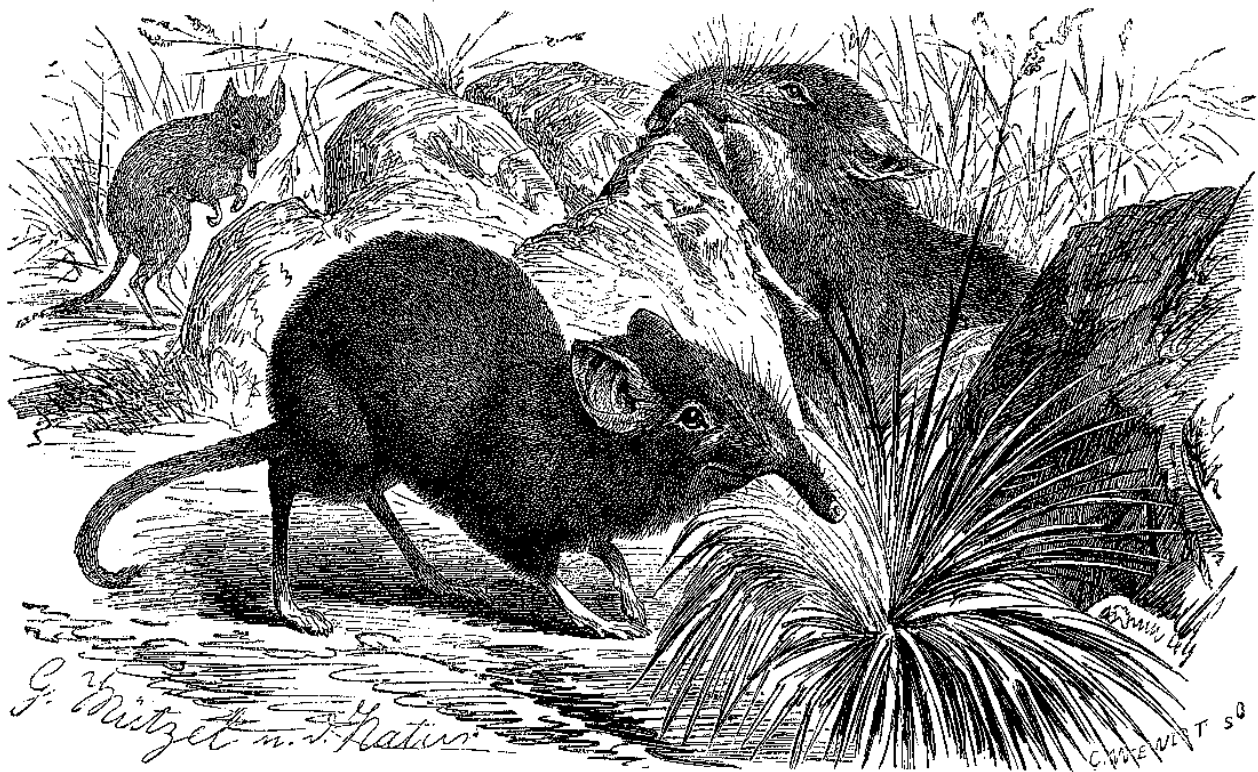
Семейство прыгунчиковые

Короткоухий прыгунчик (*Macroscelides proboscideus*)** характеризуется полной зубной системой и пятипалыми конечностями.

* * *Короткоухий прыгунчик, представитель монотипичного рода, является самым мелким зверьком отряда. Сложением очень напоминает тушканчика, при быстрых прыжках передвигается только на длинных задних лапах, при медленном передвижении использует и передние. Питается в основном муравьями и термитами.*

В длину 25 см, из них на хвост приходится 11,5 см, а на хобот почти 2 см. Окраска шерсти на спине то красновато-бурая, то бледно-серая. На животе и лапах более или менее белая. Через ржаво-бурый с красновато-черным концом хобот по направлению ко лбу идет рыже-бурая полоса; уши внутри белые.

Короткоухий прыгунчик по образу жизни вполне напоминает остальных прыгунчиков. Все они без исключения живут в Африке, особенно в южной и восточной ее частях, т.е. в наиболее раскаленных солнцем и бесплодных местностях. Эти зверьки предпочитают скалистые горы, находя здесь убежище в глубоких, недоступных норах под камнями, в расселинах скал и логовищах других животных, куда прячутся при всякой кажущейся опасности, которую готовы видеть в малейшей безделице. Это — дневные, даже скорее солнечные животные, чувствующие себя лучше всего в полуденный зной, когда с наибольшим усердием предаются своей охоте.

Короткоухий прыгунчик (*Macroscelides proboscideus*)

Пища их состоит главным образом из насекомых, которых они искусно ловят или вытаскивают из трещин и расселин в камнях. Если хорошо спрятаться, то можно наблюдать их суетливую работу, но малейшее движение пугает зверьков и заставляет моментально скрываться в норах, откуда они долго после того не решаются вновь показаться. Наконец, один за другим прыгунчики выходят и начинают проворно прыгать кругом. Они то приглядываются и прислушиваются, то гонятся друг за другом или за пролетающими мимо насекомыми, то роются и нюхают между камнями, засовывая свой тонкий хоботообразный нос в каждый уголок, в каждую щель и расселину. Зверек любит присаживаться на раскаленный камень, где с восторгом предается солнечным лучам. Нередко двое прыгунчиков затевают веселую возню; может быть, это нежная парочка, живущая вместе. О размножении короткоухих прыгунчиков до сих пор ничего не известно, равно как не сделано никаких наблюдений над живущими в неволе зверьками.

Семейство кротовые

Кроты распространены в большей части Европы, Азии, южной Африки и Северной Америки. Число их видов не особенно велико, но все же найдется, по всей вероятности, еще много, неизвестных натуралистам*.

* *Кроты отсутствуют на большей части тропической Азии и в Африке. В Австралии кротов замещает сумчатый крот единственный вид семейства сумчатых (Notatyctidae). В России — 7 видов кротов, включая выхухоль.*

Все кроты так замечательно сложены, что узнать их нетрудно с первого раза. Сжатое, цилиндрической формы туловище переходит без всяких признаков шеи прямо в маленькую удлинённую голову, которая заостряется в хобот; глаза и наружные уши очень слабо развиты и их едва можно различить. Туловище покоится на четырех коротких ногах, из которых передние представляют колоссальные орудия для копания, тогда как задние тонки, вытянуты и похожи на крысиные; хвост, если бывает, то очень короткий или же совершенно отсутствует**.

* * *Брем дает представление только о настоящих кротах (род Talpa). В семействе кротовых есть и наземные примитивные формы, сходные обликом, размерами и образом жизни скорее с землеройками, есть полуроящие полуводные формы (звездорыл), наконец, полуводные формы (выхухоль).*

Зубная система состоит из 36-44 зубов. Череп очень вытянутый и плоский; глазная впадина цельна; скуловые дуги развиты, отдельные кости головы замечательно тонки. В позвоночном столбе, который кроме шейных позвонков состоит из 10-20 поддерживающих ребра, 3-5 не имеющих ребер, 3-5 крестцовых и 6-11 хвостовых, поражает сращение многих шейных позвонков. Строение и положение передних ног обуславливают крепость верхней части грудной клетки, какой нет ни у какого другого животного соответствующих размеров. Лопатка у крота самая узкая и длинная, а ключица — самая толстая и длинная во всем классе; плечо необыкновенно широко, а предплечье крепкое и короткое. Запястье имеет десять косточек. Сразу видно, что исполинские передние конечности предназначены исключительно для копания; это самые лучшие лопаты, какие только можно себе представить. К таким костям прилегают также крепкие мышцы, отчего и зависит сила передней части тела крота.

Все кроты любят селиться в ровных плодородных местностях, но присутствуют и в горах. Естественно, что луга, поля, сады, рощи и долины предпочитают сухим неплодородным скатам холмов или песчаным местам. Только в виде исключения появляются они на берегах рек, озер, и еще реже можно встретить крота на морских берегах. Все виды ведут подземную жизнь: они роют ходы в земле, выбрасывая при этом на поверхность целые кучи, как в сухой, рыхлой или песчаной почве, так и в сыром мягком грунте. Многие виды устраивают себе протяженные и очень сложные жилища. Как дети мрака, они без мучительных ощущений не могут выносить света; потому очень редко выходят добровольно на поверхность земли и даже в глубине ее деятельны больше ночью, чем днем. Само строение тела изгоняет кротов с земной поверхности; они не могут ни прыгать, ни лазать и даже едва ходят, хотя многие из них довольно скоро передвигаются по земле, пуская при этом в ход больше ступни задних ног и внутренние края передних. Зато изумительны та скорость, с которой бегают кроты в своих подземных владениях, и то проворство, с которым они копают. Они умеют также отлично плавать, хотя это искусство применяют лишь в случае крайней необходимости. Широкие лапы представляют собою превосходные весла, а сильные предплечья после трудной работы в земле действуют в воде без особого напряжения.

Из органов чувств особенно развиты у крота обоняние, слух и осязание, тогда как зрение очень слабо. Голос крота состоит из шипящих и визжащих звуков. Душевные способности весьма слабы, хотя и не в такой степени, как обыкновенно склонны думать; однако все же дурные качества перевешивают хорошие: все кроты в высшей степени неуживчивые, вздорные, сварливые, хищнические и кровожадные существа, которые в жестокости превосходят даже тигров, будучи способны пожирать своего же брата крота, если он попадет под руку.

Пища кротов исключительно животная; растительной они не употребляют. Различные живущие под землею насекомые, а также черви, мокрицы составляют главные составные части их пищи. Кроме того, они при всякой возможности едят маленьких млекопитающих, птиц, лягушек и слизней. Прожорливость кротов столь же велика, как и их подвижность, они могут только весьма недолгое время находиться без пищи, поэтому и не подвергаются зимней спячке. На этом основании они очень полезны как истребители насекомых; с другой же стороны, их постоянное рытье земли досаждают человеку.

Один или два раза в год самка крота мечет 3-5 детенышей и тщательно заботится о них. Кротята вырастают довольно скоро и остаются около своей матери приблизительно 1-2 месяца; затем они становятся самостоятельными и начинают свои земляные работы*.

* *Беременность у европейского крота длится 40 дней, в выводке бывает до 9 детенышей (обычно 5). Через месяц они догоняют размерами взрослых и становятся самостоятельными, еще через 5 месяцев — половозрелыми.*

В неволе кротов можно держать только при самом тщательном попечении, так как их громадную прожорливость почти невозможно удовлетворить.

По свойству зубной системы, по устройству рыльца и по отсутствию или присутствию более или менее длинного хвоста кротов разделяют на несколько родов и видов; но все они настолько похожи один на другого, что мы рассмотрим внимательно лишь один вид — обыкновенного крота, так как образ жизни этого вида вполне достаточно характеризует свойства всех других.

Обыкновенного или восточно- европейского, крота (*Talpa europaea*), встречающегося только в Европе и Азии, можно описать немногими словами благодаря его характерным внешним признакам. Длина туловища достигает 15 см, самое же большее 17 см, включая сюда и 2,5 см, идущих на хвост; высота в затылке около 5 см. Зубная система состоит из 44 зубов. Коротенькие ноги поставлены по отношению к цилиндрическому туловищу довольно горизонтально; очень широкие, рукообразные лапы имеют ладонь, обращенную постоянно наружу, а не внутрь, как у других животных. Между короткими пальцами с широкими, сильно сплюснутыми и тупо обрезанными когтями самый длинный — средний, наружные же постепенно укорачиваются и почти соединены один с другим перепонкой, даже почти сращены. На маленьких и коротких задних ногах пальцы разъединены, а когти заострены и слабы. Глаза, величиной почти с маковое зернышко, лежат посредине между концом рыльца и ушами и совершенно закрыты волосами головы, но имеют веки и могут произвольно выдвигаться вперед или втягиваться назад и при случае быть полезными. Маленькие уши не имеют наружных раковин; они окружены лишь коротким кожистым выступом, который также спрятан под волосами и служит для открывания и замыкания слухового канала. Равномерно черные волосы повсюду очень густы, коротки, мягки и шелковисты; блестящие усы и надглазные щетины тоже коротки и очень тонки. За исключением лап, ступней, кончика рыльца и хвоста, мех покрывает все туловище; шерсть отличается своим блеском, имеющим то буроватый, то голубоватый или даже беловатый отлив*.

Обыкновенный (европейский) крот (*Talpa europaea*)

* *Густой бархатистый мех фактически состоит из одного подшерстка, стоящего вертикально. Такой мех позволяет кроту с одинаковой легкостью передвигаться в узких ходах как*

головой, так и хвостом вперед. Из-за трения о земляные стенки мех быстро изнашивается, поэтому у кротов бывает 3-4 линьки в году.

Голые части — мясного цвета. Глаза представляют собой черные, маленькие, блестящие бисеринки, так что в них невозможно различить зрачка от радужной оболочки. Самка сложена более стройно, чем самец, и молодые животные окрашены несколько серее старых. Это единственные различия, существующие между полами и возрастами. Есть однако разновидности, у которых пепельно-серое одеяние молодости остается на всю жизнь или такие, у которых на брюхе по пепельно-серой основной окраске проходят широкие серо-желтые продольные полосы; встречаются также черные кроты с белыми пятнами, и, как редкость, попадаются желтые и белые экземпляры.

Область распространения крота проходит через Европу и северную Африку и через Азию к Алтаю и даже к Японии. На Скандинавском полуострове крот поднимается до Доврефельда, в Англии — до средней Шотландии, а в России — до средних областей Северной Двины. На Оркнейских и Шетландских островах, на большей части Гебридских островов и в Ирландии он отсутствует. В Азии доходит до Амура, а на юге до Кавказа; в Альпах поднимается до 2000 метров*.

** Брем смешивает области распространения нескольких видов кротов, в том числе сибирского, кавказского, малого, крупнозубого, японского и даже дальневосточных мoger. Европейский крот распространен на восток только до Иртыша и Оби, на юг — до зоны степей.*

Он везде очень обыкновенен и размножается чрезвычайно быстро там, где его не преследуют.

О своем местопребывании крот дает знать по земляным кучам, которые он постоянно выбрасывает, чтобы иметь возможность существовать. Эти кучи верно указывают направление и протяжение того участка, на котором крот охотится**.

*** Роя поверхностные охотничьи ходы в рыхлой почве, крот обычно не делает выбросов на поверхность, утрамбовывая грунт в стенки хода. Лишь начиная с глубины 10 см крот вынужден выбрасывать землю наружу. За день крот в среднем прорывает 20 м новых подземных ходов.*

При необыкновенной прожорливости он постоянно должен расширять район своей охоты и поэтому непрерывно занят работой по устройству подземных владений. Без усталости выкапывает горизонтальные ходы на незначительной глубине под землей и, чтобы удалить взрытую землю, выбрасывает на поверхность всем известные кучи. «Из всех наших подземных животных, пишет Блазиус, обыкновенный, всюду распространенный крот старательнее всех работает над устройством затейливых жилищ и ходов. Ему приходится заботиться не только об удовлетворении своего прожорливого аппетита, но и об обеспечении безопасности против нападений многочисленных врагов. Всего искуснее и тщательнее строится гнездо, или логовище. Обыкновенно оно находится в наиболее укромном, трудно доступном месте, под корнями деревьев, под стенами и в большинстве случаев несколько отдалено от обыденного участка для охоты. Этот участок ежедневно расширяется, разнообразно разветвляясь и скрещиваясь своими переходами. С ним гнездо соединено длинным, в большинстве случаев довольно прямым переходом. В периоде размножения кроме этих ходов крот устраивает еще и другие. Настоящая нора зверька обозначается на поверхности особенно большой кучей выброшенной земли; нора внутри состоит из овального чуланчика, имеющего более 8 см ширины, служащего спальней, и из двух круговых галерей; большая галерея устроена на одной высоте с чуланчиком и окружает его приблизительно на расстоянии 16-25 см, а меньшая проходит немного выше чуланчика и параллельно с первой. Стены чуланчика и прилегающие к гнезду ходы отделаны очень плотно, хорошо утрамбованы и тщательно сглажены. Само гнездо мягко устлано травой и листьями в большинстве случаев молодых злачных растений, мхом, соломой, навозом или нежными корнями; все это кроты большей частью приносят с поверхности земли. Если зверьку угрожает опасность сверху, то он отодвигает мягкую подстилку в сторону и уходит вниз; если же опасность надвигается снизу или с боков, то он спасается в соединительных ходах, ведущих в меньшую круговую галерею.

Нора во всяком случае представляет кроту безопасное убежище для сна и отдыха, и потому в ней он проводит все свое свободное от охоты время. Жилище это лежит на глубине 30-60 см от поверхности земли. Главная галерея шире туловища крота, так что животное скоро и удобно может двигаться по ней взад и вперед; здесь стены хорошо утрамбованы, поэтому очень тверды и крепки. С поверхности главную галерею нельзя заметить, как другие ходы, по выброшенной земле, потому что, работая над ней, крот всю вырытую землю придавливает к сторонам прохода. Эта галерея служит для возможно быстрого и удобного сообщения с обыденным местом охоты; ею нередко пользуются и другие подземные жители, как, например, землеройки, мыши и жабы, которые, однако, очень

боятся встретиться здесь с кротом. Снаружи галерею можно заметить только по тому, что растения засыхают над ней и почва немного оседает в этом месте. Такая галерея нередко бывает в 30-50 метров длины.

Место охоты крота, как уже сказано, отстоит большей частью далеко от его жилища и изо дня в день, зимой и летом раскапывается и обшаривается по всем направлениям*.

* Действительно, ходы крота делятся на две группы — глубокие основные и поверхностные кормовые. Сеть туннелей иногда тянется на 4 км по прямой, общая длина ходов — десятки километров. Подсчитано, что длина кротовых туннелей на площади 200 га составляла 87 км, объем выброшенной земли достигал 204 т.

Здесь ходы роются только для временного пользования и потому не отличаются особенной прочностью; земля вследствие этого местами выбрасывается наружу в виде куч и тем делает заметным направление ходов. Кроты ходят на охоту обыкновенно три раза в день: рано утром, в полдень и вечером; таким образом ежедневно им приходится шесть раз пробегать взад и вперед по главной галерее все пространство до норы. В этом случае стоит только найти направление галереи, чтобы наверняка поймать крота в течение немногих часов».

Внутренность жилища не имеет непосредственного сообщения с наружным воздухом, тем не менее он проникает туда в достаточном количестве между скважинами взрытой земли и доставляет животному необходимое количество кислорода. Кроме воздуха кроту нужна еще вода для питья; поэтому он постепенно устраивает себе отдельные ходы, которые ведут к ближайшим лужам и ручьям, а если таковых нет поблизости, то выкапывает специальные шахты, куда собирается дождевая вода. Один старый охотник на кротов часто находил в нижней части глубоких ходов вертикальные отверстия, которые служили кроту колодцем для питья. «Многие из этих отверстий, — описывает он, — бывают значительной глубины. С виду они казались сухими и, только когда я бросил туда горсть земли, убедился, что в них вода. Крот свободно может опускаться и подыматься по этим колодцам. Во время сырой погоды они до краев наполняются водой; есть, впрочем, такие, что и в сухую погоду бывают с водой, это зависит от свойств грунта. До какой степени крот имеет необходимость в воде, можно судить по тому, что в сухую погоду в проходе, ведущем к луже или к колодцу, можно всегда поймать довольно много кротов».

Рытье не представляет для крота никакого труда. С помощью своих сильных затылочных мышц и мощных передних конечностей, которыми он держится на определенном месте, крот сверлит рыхлую почву рылом, разгребает ее передними лапами по сторонам и с необыкновенной быстротой отбрасывает назад. Его уши благодаря способности замыкаться защищены от засорения песком и землей. Взрытую землю крот оставляет позади себя в прорытом проходе до тех пор, пока ее не накопится столько, что она станет ему мешать; тогда он сбрасывает землю на поверхность мордой, при этом наверху образуется слой рыхлой земли в 12-15 см толщины. В легком грунте крот роет с поразительной быстротой.

Вообще движения крота быстрее, чем это можно предположить; не только по подземным ходам, но также и на поверхности земли, где он совсем уже не в своей сфере, крот бежит относительно быстро, так что человек едва может его догнать. Под землей же, по ходам, передвигается со скоростью лошадиной рыси. Я уже упоминал, что в воде он чувствует себя как дома, и известны примеры, когда крот переплывал не только широкие реки, но даже и морские проливы.

Главная пища крота состоит из дождевых червей и личинок насекомых, живущих под землей. Для своей охоты за дождевыми червями он и прокапывает длинные ходы, в чем легко можно убедиться, если воткнуть палку во взрыхленную землю и ею пошевеливать из стороны в сторону. Черви знают, что главным нарушителем их покоя бывает крот, и поэтому, как только они ощущают движение в земле, хотя бы и палкой, тотчас же поспешно выползают со всех сторон из земли, пытаясь найти спасение на поверхности, так как думают, что сотрясение это производится роющим кротом. Кроме этих червей и личинок крот ест майских и навозных жуков, медведок и всех прочих насекомых, которых в состоянии раздобыть, а также улиток и мокриц, которые особенно, кажется, нравятся ему. Необыкновенно тонкое обоняние помогает ему находить насекомых, он следует за ними то на большую, то на меньшую глубину, смотря по тому, опускаются они или подымаются. Крот охотится, однако, не только под землей, а приносит пищу и с ее поверхности, иногда и из воды. Землеройка или полевка, лягушка или ящерица, медяница и уж, которые случайно забредут в кротовое жилище, делают его жертвами. «Я наблюдал на свободе, — говорит Блазиус, — как крот, перехитрив лягушку, тащит ее за задние лапы к себе в нору, причем несчастная жертва громко и жалобно квакает». Ленц утверждает, что крот таким же образом поступает и со змеями. Голод

крота неутолим. Ему необходимо ежедневно такое количество пищи, которое равнялось бы массе его собственного тела, он не выдерживает без еды и полусуток*.

** Вследствие интенсивного обмена веществ крот погибает после 10-12 часов голодания и вынужден часто принимать пищу. Непродолжительные (до 4 часов) периоды сна крота несколько раз в сутки сменяются активной кормежкой.*

В остроте чувств крота очень легко можно убедиться на пойманных животных. Я посадил одного крота в ящик, который был покрыт слоем земли почти в 16 см толщины. Он тотчас же ушел в глубину. Тогда я притоптал землю и положил в угол кусочки мелко нарезанного сырого мяса; через несколько же минут земля в этом месте приподнялась, из-под нее просунулась тонкая подвижная мордочка, и мясо было съедено. Обоняние дает кроту возможность находить пищу, не видя и не дотрагиваясь до нее, и успешно руководит им в его путешествиях по крайне запутанным подземным ходам. Все кротоловы знают, как деятелен у них этот орган, и поэтому, когда ставят ловушки, берут в руки убитого крота и натирают им куски дерна и капканы.

Остроконечный, крайне подвижный нос служит ему вместе с тем и органом осязания. Это особенно видно, когда крот случайно выходит на поверхность земли и старательно ищет место, благоприятное для быстрого рытья. Он торопливо шныряет там и сям и исследует почву, прежде чем употребит в дело свои могучие копательные орудия. Даже во время самого копания его нос постоянно впереди. Слух у крота превосходный. Вероятно, он служит ему главным образом для предупреждения об опасности; крот верно различает не только самое тихое сотрясение земли, но и каждый подозрительный шум и спешит тогда как можно скорее убраться. То, что вкус стоит позади этих двух чувств, видно из разнообразия его пищи и из прожорливости, с которой он ест. Крот не пробует на вкус ту или другую добычу, а сразу принимается есть, доказывая этим, что для него все одинаково съедобно. Однако все же нельзя отрицать у крота наличие вкуса, хотя развитие его и стоит на очень низкой ступени.

Уже из сказанного видно, что крот относительно своей величины действительно страшный хищник. Этому соответствуют и его душевные способности: он жесток, необыкновенно свиреп, кровожаден, зол, мстителен и не живет в мире ни с одним существом, кроме своей самки, да и с той только во время спаривания и пока детеныши малы. В остальное время он не выносит вблизи себя ни одного живого существа и менее всего сожителя по норе, даже одной породы. В случае, если такие сильнейшие враги, как ласка или гадюка, заберутся в его подземные галереи с намерением поохотиться, то он неизбежно будет побежден, если натолкнется на этих непрошенных гостей; но с равными себе по силе или с более слабыми животными сражается не на живот, а на смерть. Никогда еще ни один крот не уживался с себе подобным, будь этот другой одного с ним пола или нет. Два крота, встретившись во всякое, кроме спаривания, время, тут же сразу начинают борьбу, которая в большинстве случаев ведет к смерти одного из них, а иногда даже и обоих. Понятно, что свирепее дерутся между собой кроты одинакового пола, и исход такой драки предрешен: слабейший бывает тотчас же съеден. Поэтому ясно, что крот живет в своем жилище исключительно один и сам для себя, полновластным хозяином, наслаждаясь работой, едой, сном и отдыхом.

Иная жизнь начинается в пору любви. В это время жаждущие любви самцы и самки часто оставляют по ночам свои норы и рыскают в поисках чертогов других кротов, чтобы напроситься к ним в гости. Доказано, что гораздо чаще случается встретиться двум самцам, ищущим любви, чем самцу с самкой. Как только соперники сойдутся, начинается жестокая борьба. Наконец, после немалых драк самец находит самку и тогда все свои старания направляет на то, чтобы силой или добровольно склонить ее к любви. Он вместе со своей милой направляется в свое или в ее жилище и пролагает новые ходы, которые напоминают обыкновенные охотничьи, хотя и предназначаются для другой цели, для того, чтобы спрятать самку и спасти ее от посягательств других искателей. Устроив свою дрожайшую половину в безопасном убежище, крот возвращается к сопернику, если таковой имеется. Оба расширяют проход, в котором встретились, для места сражения и затем начинают драться не на жизнь, а на смерть. Тем временем заключенная самка старается освободиться и, прорывая новые ходы, уходит все далее и далее; победитель гонится за ней и возвращает на место; здесь тоже не обходится без борьбы; однако оба угрюмых отшельника мало-помалу привыкают друг к другу. Они сообща начинают работать над устройством проходов для обеспечения безопасности и для добывания пищи. Самка устраивает своим будущим детенышам гнездо обыкновенно там, где скрещиваются несколько подземных туннелей, чтобы в случае опасности иметь как можно больше выходов для бегства. Гнездо представляет собой простой чуланчик, мягко выстланный нежными, в большинстве случаев пережеванными растениями: листьями, травой, мхом, соломой, навозом и другим подобным материалом. Гнездо отстоит обыкновенно на довольно большом расстоянии от преж-

ней норы крота и сообщается с ней круговой галереей. После почти четырехнедельной беременности самка рождает в этом гнезде 3-5 слепых детенышей, которых можно считать самыми беспомощными из всех млекопитающих*.

** Конечно, за исключением детенышей сумчатых.*

Они вначале голы и слепы и величиной почти с боб, но уже в раннем детстве обнаруживают такую же ненасытность, как и их родители, и поэтому вырастают очень скоро.

Мать с большим усердием выращивает своих детенышей и не боится никакой опасности, когда дело идет об их спасении. Если ее случайно выкопают вместе с детенышами из земли, во время, например, пахоты, то она тащит их в ближайшую нору или в кучу мха, навоза и листьев и прячет там. Самец, впрочем, тоже принимает участие в воспитании малышей. Он приносит им дождевых червей и других насекомых, а во время наводнения добросовестно разделяет беду вместе с самкой и спешит перенести во рту детенышей в более безопасное место. По прошествии пяти недель кротята достигают почти половины настоящего роста, но все еще лежат в гнезде и ожидают, пока мать или отец принесут им корм, на который они с жадностью набрасываются*.

** Самец крота, за исключением периода спаривания, ведет строго одиночный, территориальный образ жизни. Он не принимает никакого участия в выращивании выводка и при случае может съесть собственных детенышей.*

Если отнять у них мать, то, мучимые голодом, они сами пробираются в круговую галерею, вероятно, с намерением найти там мать; не встретив никакого препятствия, выбирают на поверхность земли, где играют и возятся друг с другом. Первые попытки малышей рыть землю бывают очень неудачны: они без толку разгребают ее, не умея отбрасывать, и потому только чуть-чуть уходят в глубину. Искусству копать ходы и откидывать землю они выучатся с возрастом и к следующей весне обыкновенно уже освоят его. Все лето, с апреля и до августа, можно встретить маленьких кротят, но из этого не следует, что самка мечет два раза в году; а объясняется тем, что спаривание, а следовательно, и рождение детенышей происходит в различное время.

Крот не подвержен зимней спячке, как многие другие насекомоядные, а летом и зимой находится в постоянной деятельности; он почти непрерывно гоняется за дождевыми червями и насекомыми, следуя за ними то в глубину, то на поверхность земли. Нередко можно видеть, как крот выбрасывает кучи из-под свежеснеженного снега и совершает большие переходы в мерзлой почве под рыхлым снегом. Некоторые кротоловы рассказывают, что эти зверьки устраивают себе на зиму хозяйственные запасы из большого количества дождевых червей, которых они предварительно настолько калечат, что те не в состоянии убежать, но оставляют все-таки живыми; говорят также, что в суровые зимы эти кладовые набиты полнее, чем в теплые. Впрочем, Ф. Даль советует проверить эти сообщения новыми наблюдениями.

Могут спросить, каким образом делались наблюдения над животными, ведущими такой замкнутый образ жизни. На это я отвечу, что большинству сведений мы обязаны опытным кротоловам, которые познакомили нас с особенностями животного и были нашими первыми учителями. Кроме того, многое мы узнали из наблюдений над пойманными кротами, каждое сведение хранилось, как научный факт. Таким образом получилась довольно ясная картина жизни крота. Я приведу здесь один пример, чтобы показать приемы, употреблявшиеся при наблюдении над кротами. Лекур хотел исследовать скорость движений крота по его подземным ходам и применил при этом весьма верный и вместе с тем забавный способ: он воткнул в главной круговой галерее целый ряд соломинок таким образом, чтобы бегущий крот мог задеть их. На верхушках этих соломинок он укрепил маленькие бумажные значки и затем звуком рожка вспугнул находящегося в охотничьем участке крота, который и бросился в галерею. Как только крот дотрагивался до соломинок, значки тотчас же отпадали, и с помощью этого наблюдатель мог верно исследовать скорость бега крота на известном расстоянии. С устройством жилища можно ознакомиться очень легко, так как для этого его надо просто выкопать; способ рытья наблюдался на пойманных кротах. Площадки для боя между двумя кротами-соперниками открыты тоже весьма просто: услышав под землей воинственный шум, быстро раскапывали это место и находили дерущихся животных. В таком роде продолжались и дальнейшие исследования.

Нельзя отрицать, что крот приносит большую пользу, уничтожая дождевых червей, медведок, сверчков, личинок майского жука и других вредных насекомых, и поэтому он останется всегда одним из самых благодетельных млекопитающих во всех местах. На лугах, в лиственных лесах, на хлебных полях и огородах крот является желанным гостем, которому следует оказывать покровительство; в других же местах от него масса неприятностей. Конечно, крот не должен быть терпим в садах, так как здесь он приносит существенный вред, раскапывая почву, при этом вредит корням

выращиваемых растений. Немало хлопот доставляют искусственные насыпи, которые крот устраивает для защиты от наводнений. Известно много средств для вывода кротов, но лучше всего поручить это дело старому, опытному кротоводу, которого можно найти в каждой деревне; такие люди гораздо лучше знают, как это делается. Тем не менее я приведу здесь одно средство, так как оно мало еще кому известно и весьма действенно. Если необходимо защитить сад или какое-нибудь другое охраняемое место от нашествия кротов, то нужно только закопать в землю вокруг всей территории сантиметров на 60 в глубину разных осколков: толченых черепков, стекол и других острых предметов. Такая преграда удержит всякого крота; начиная рыть землю, он наткнется на осколки, ранит ими морду и очень скоро от этого погибает.

Кроме человека крот имеет еще много других врагов. Хорьки, горностаи, совы, соколы, сарычи, вороны и аисты подстерегают его у земляных куч, а маленькая ласка преследует его даже в ходах, там он, как уже сказано выше, нередко падает жертвой гадюки. Пинчеры считают за особенное удовольствие подстеречь роющегося крота, затем неожиданным ударом выбросить его на поверхность и здесь загрызть. Только лисицы, куницы, ежи и вышепоименованные птицы едят кротов, другие же враги лишь умерщвляют их и бросают.

В Германии убитого крота почти никак не употребляют. Его шкура идет только на подбивку трубок для дутья или на выделку кошелев; а в России из нее выделывают маленькие мешочки, которые продаются повсюду, даже в Китае*.

** Широко использовать красивый и прочный мех кротов начали лишь с конца прошлого века. В настоящее время среди всех пушных зверей России крот занимает шестое место по массовости заготовок (в Европейской части и на Урале — первое место). В мире ежегодно заготавливается до 20 млн. шкурок кротов.*

Крот не раз служил предметом разных баснословных рассказов. Древние приписывали его жиру, крови, внутренностям, даже шкуре чудесную целебную силу. Еще и по настоящее время во многих местностях существует поверие, что можно вылечиться от перемежающейся лихорадки, если дать кроту умереть на своей ладони, и что после этого рука приобретает чудодейственное свойство, помогает во всех болезнях, для чего достаточно только возложить эту руку на больное место.

Пиренейская выхухоль (*Galemys pyrenaicus*)*.

** Населяет быстротекущие прозрачные горные реки. Редкий вид с ограниченным ареалом в горах Пиренейского п-ова и юга Франции, включен в Красную книгу МСОП, выхухоль никогда не была объектом пушного промысла.*

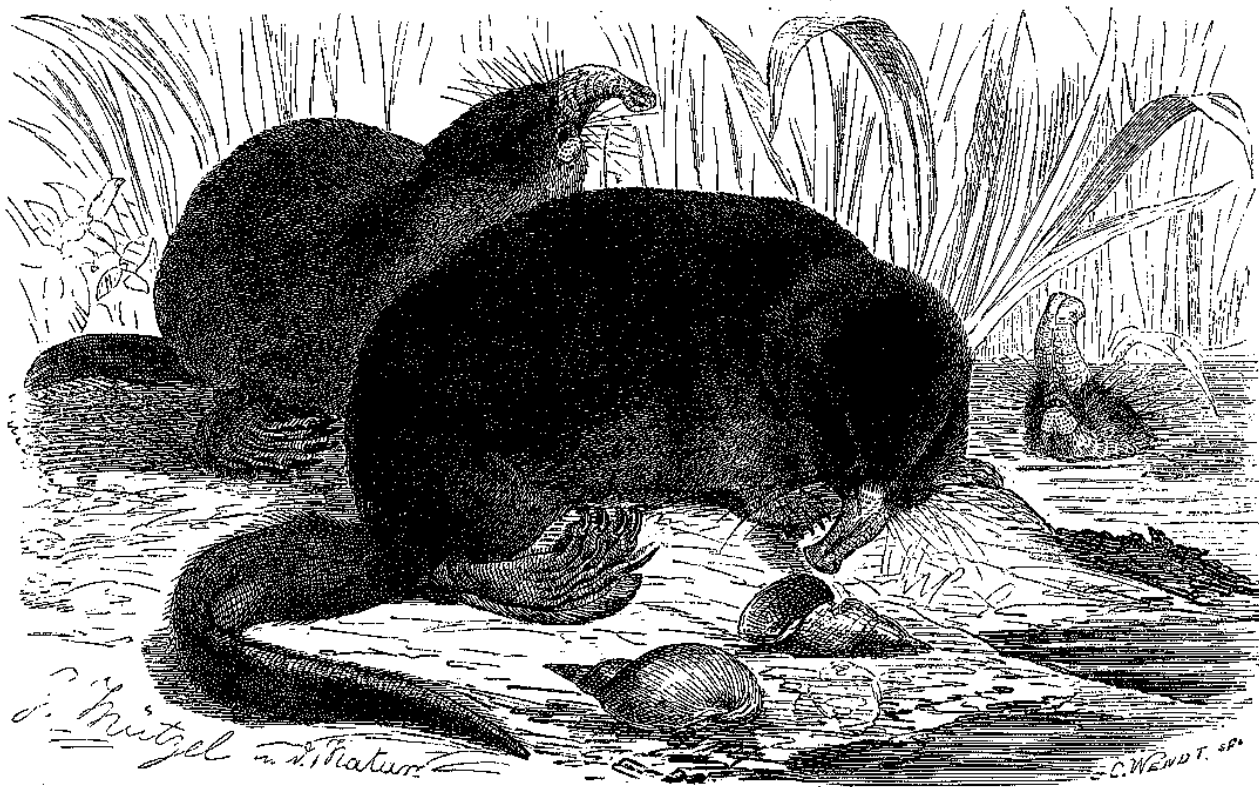
Представляет собой животное в 25 см общей длины, из которых почти половина приходится на хвост; окраска меха сверху каштаново-бурая, по бокам буро-серая, на брюхе серебристо-серая, по сторонам хобота беловатая; хвост темно-бурый с белыми волосками; передние лапы покрыты буроватыми волосами, задние — голые и чешуйчатые.

Вначале думали, что этот вид водится только на Пиренеях; но Граэлльс и мой брат нашли его также в Сьерра-де-Гредос, из чего следует предположить, что он водится по всему северу Испании.

Русская выхухоль (*Desmana moschata*).

Отличается от испанских родичей своей величиной, общая длина достигает 42 см, из которых туловище имеет 25 см, а хвост 17 см. Глаза малы, слуховые отверстия густо покрыты волосами, ноздри замыкаются бородавкой, ступни голые, сверху покрыты тонкой чешуей, внизу сетчатые, на наружных краях усажены плавательными щетинами. Мех, состоящий из очень гладких волос ости и крайне мягкого подшерстка, сверху красновато-бурый, снизу беловато-пепельно-серый и серебристо- блестящий.

Выхухоль живет на юго-востоке Европы и главным образом по речным системам Волги и Дона. Ее жизнь тесно связана с водой и только при крайней необходимости она предпринимает небольшие путешествия из одного ручья к другому. Повсюду, где выхухоли водятся, их много.

Русская выхухоль (*Desmana moschata*)

Жизнь выхухоли очень своеобразна и похожа отчасти на жизнь речной выдры. Она проводит наполовину под землей, наполовину в воде. Больше всего выхухоль любит стоячие или медленно текущие воды с высокими берегами, в которых она легко может выкапывать ходы*.

* Наиболее специализированный к полуводному образу жизни представитель кротовых между пальцами передних и задних ног имеется перепонка, по краям лап проходит гребень из жестких волос. В отличие от кутюры главным двигателем в воде у выхухоли является сжатый с боков хвост. Русская выхухоль, прежде широко распространенная в бассейнах Волги, Дона, Днепра, Урала, ныне стала редким видом. Внесена в Красные книги МСОП и России. В настоящее время охраняется в заповедниках и заказниках, успешно акклиматизирована на юге Западной Сибири. Попытки разведения зверька в неволе оказались мало результативными.

Здесь ее находят поодиночке или парами в большом количестве. Ходы начинаются у кромки берега под поверхностью воды и тянутся по берегу косо вверх, простираясь иногда в длину на 6 и более метров; этот ход ведет в котловину, лежащую обыкновенно на 1,5-2 м над поверхностью воды и непременно над высокой водой, так что гнездо это всегда бывает сухим. Отдушины кверху нет; несмотря на это, рассказы о том, что выхухоль иногда задыхается зимою в своей норе, надо считать пустыми баснями.

Как отличный пловец и водолаз, выхухоль большую часть жизни проводит в воде и только в том случае выходит на поверхность, когда наводнение выгоняет ее из подземных ходов; но даже и тогда она удаляется лишь на небольшое расстояние от воды. В воде проводит и день, и ночь, и зиму, и лето, даже когда лед покрывает реки, она продолжает кормиться в воде и, только наевшись досыта и утомившись, возвращается в свою нору, вход в которую лежит всегда так низко, что даже самый толстый лед не может его закрыть. Пища выхухоли состоит из пиявок, червей, водяных слизней, комаров, водяных пауков, личинок разных насекомых; рыбаки, правда, говорят, что она ест корни и листья айры, но основанием к этому предположению послужило лишь то обстоятельство, что она особенно часто охотится именно в таких местах, где есть это растение.

Насколько неуклюжа и неповоротлива кажется выхухоль внешне, настолько ловка и проворна на самом деле. Едва пройдет лед, можно видеть, как она бежит под водой в прибрежном тростнике и кустарнике, поворачиваясь во все стороны, отыскивая червей быстрыми движениями хобота и часто показываясь на поверхности, чтобы перевести дух. В ясную погоду она играет в воде и греется на солнышке на берегу. Хоботом ворочает во все стороны, ощупывая им каждый предмет. Поймать выхухоль можно довольно легко, особенно весной и во время спаривания, когда животные играют друг с другом. Если тянуть по воде большую сеть, то в ней непременно запутаются несколько выхухолей. При этом, конечно, следует соблюдать осторожность и тянуть сеть на небольшом

пространстве, чтобы пойманные животные, которым сети мешают двигаться, не задохнулись под водой. В вершах и сетях, расставляемых рыбаками, часто оказываются погибшие таким образом выхухоли. Осенью против них предпринимается настоящая охота, потому что к этому времени детеныши вырастают и добыча становится обильной. О размножении и количестве детенышей у выхухолей до сих пор не известно ничего верного; но кажется, что их нарождается довольно много, по крайней мере об этом свидетельствуют 8 сосцов, имеющих у самки*.

* *Русская выхухоль способна к размножению круглый год, но основной брачный период приходится на конец весны начало лета.*

Как многочисленны должны быть выхухоли, видно из того, что мех, употребляемый на опушки шапок и домашнего платья, стоит на наши деньги всего несколько копеек.

У выхухоли, по-видимому, немного врагов как между млекопитающими, так и между птицами; но большие хищные рыбы, например щуки, преследуют ее очень усердно. Злодейки выдают потом себя мускусным запахом, которым до того пропитываются, что становятся совершенно негодными для еды. Человек преследует это красивое животное ради его меха, который так похож на мех бобра и ондатры, что Линней на основании этого причислил выхухоль под именем мускусного бобра к отряду грызунов.

Отряд шерстокрылы

Шерстокрылы имеют отдельные отличительные признаки полуобезьян, летучих мышей и насекомых, но их нельзя причислить ни к одному из этих отрядов. Неопределенность их положения в систематике ставила многих натуралистов в большое затруднение. Линней причисляет их к полуобезьянам, Кювье — к летучим мышам, Жофруа — к хищным животным, Окен — к сумчатым и, наконец, Петере — к насекомоядным, отряд которых и заканчивается этим семейством. А по исследованиям Леха шерстокрылы должны образовать собою отдельный отряд. По своей организации они стоят ниже всех поименованных родственными им отрядов. Вследствие неопределенности этого подразделения, животные имеют массу названий: крылатые обезьяны, летучие маки, летучие кошки, удивительные летучие мыши и т.д.

Семейство шерстокрыловые

Шерстокрылы представляют собой животных величиной с кошку. Туловище стройное, не очень большие конечности соединены широкой толстой кожей, с обеих сторон покрытой волосами. Все пять пальцев снабжены выдвигаемыми когтями, и среди них нет большого пальца, который бы располагался отдельно от других. Короткий хвост заключен в летательной коже. Голова относительно мала, морда очень удлинена, глаза средней величины; покрытые волосами уши малы*.

* *У шерстокрыла прекрасно развито зрение. Глаза большие и зоркие, как и подобает ночному животному, обитающему в трехмерном мире переплетающихся стволов, веток, лиан. Похоже, что неплохо развит и слух, а обоняние, судя по большим обонятельным долям мозга, должно быть просто отменным.*

Летательная кожа не имеет значения летательной перепонки; это лишь парашют, который дает возможность телу медленно и плавно опускаться при высоких прыжках, и таким образом не представляет ничего общего с летательной перепонкой летучих мышей. Она является продолжением той кожи, которая покрывает тело, начинается на шее, соединяется с передними конечностями, облекает их до самой кисти, отсюда идет к задним лапам и заканчивается на самом конце хвоста. Таким образом все конечности заключены в ней. На каждой груди по два сосца**.

** *У шерстокрылов имеется единственная пара подмышечных сосков.*

Зубная система состоит из 34 зубов: 2 резца сверху, 4 внизу, по 1 клыку, по 2 ложнокоренных и по 4 бугорчатых зуба с каждой стороны челюстей; резцы нижней челюсти зазубрены наподобие гребня, имеют 8-10 зубцов и наклонены вперед*; верхние же резцы имеют лопастные коронки.

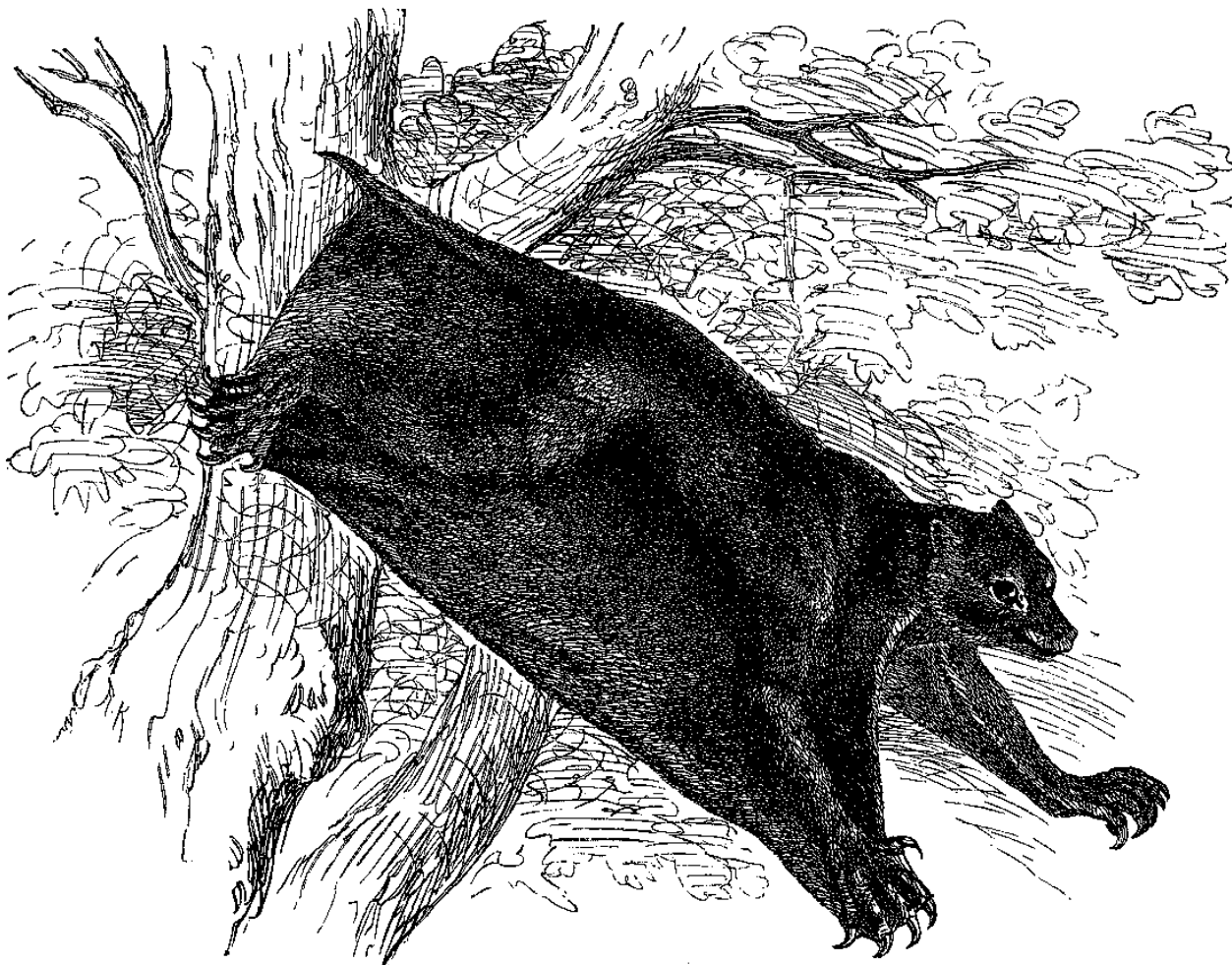
* *Эта зубная гребенка используется шерстокрылом для соскабливания мякоти листьев при питании и для ухода за шерстью.*

Череп вытянут, внизу плоский и широкий, в области морды очень тонкий; скуловые дуги замкнутые; позвоночный столб кроме шейных позвонков имеет 10 спинных, 9 поясничных, 4 крестцовых и 18 хвостовых.

Филиппинский шерстокрыл (*Cynosephalus volam*) достигает в длину 60 см, из которых 11-12 см идут на хвост; спина его густо обросла волосами, на передних конечностях гораздо меньше волос, а плечи и бока туловища совсем голы. Мех имеет сверху буро-рыжую окраску, а снизу немного темнее; в молодости он окрашен иначе: сверху буровато-серый, по бокам темно-бурый; с годами конечности и летательная кожа меха покрываются светлыми пятнами. Область распростране-

ния, считая все разновидности принадлежащими одному виду, занимает Зондские, Молуккские и Филиппинские острова и через Малайский полуостров простирается до Тенассерима.

Помимо Бонциуса, который первый упоминает о шерстокрыле, еще многие путешественники говорили о нем; но ни один из них, насколько мне известно, не дал обстоятельного описания этого животного. Многие, что рассказывается о нем, несомненно относятся к крыланам; другие же данные так недостаточны, что о них не стоит и упоминать. Только Юнгхун дает дельные сведения. «Мы услышали вдруг крик, но такой странный и ужасный, что сочли его за крик ребенка или стон погибающего. Время от времени он таким раздрающим диссонансом оглашал воздух тихой ночи, что туземцы, преисполненные суеверного страха, прекратили свой веселый говор и боязливо сомкнулись около огня в тесный кружок. Объяснение этих таинственных звуков скоро, впрочем, нашлось: предполагавшийся злой дух представился нашим взорам, медленно пронесшись над нашими головами. Это был шерстокрыл, который, перелетая с одного дерева на другое, издавал время от времени такие неприятные, стонущие звуки».

Филиппинский шерстокрыл (*Syncephalus volans*)

Днем шерстокрыл, живущий уединенно в высоких горных лесах Явы, сидит так тихо на ветвях деревьев, между моховыми зарослями, что его почти невозможно заметить. Острые когти дают ему возможность ловко и уверенно лазать по деревьям, тогда как по земле он ползает весьма неуклюже. Ощипывая плоды и разыскивая насекомых, быстро лезет наверх, до самой верхушки дерева, и затем спускается по косому направлению к верхушке другого дерева, сильно напоминая, по словам фон Розенберга, бумажного змея. В то время как животное ползает или ходит, его летательная кожа собирается в складки и укладывается на теле, так что несколько не мешает его движениям; если же шерстокрыл хочет воспользоваться ею как парашютом, то он взбирается на кончик сука, соскакивает оттуда сильным прыжком, расправляет все свои конечности и медленно парит сверху вниз, перелетая таким образом пространство иногда в 60 метров. Шерстокрыл никогда не поднимается над высотой, с которой начинает свой прыжок, но всегда опускается вниз по сильно наклонному направлению*.

* Шерстокрылы лучшие планеры из всех позвоночных животных. Площадь перепонки у них наиболее велика по сравнению с весом тела. Расстояния в 20-30 м шерстокрылы преодолева-

ет, почти не теряя высоты. В полете зверек может неплохо маневрировать, изменяя площадь и угол наклона отдельных частей перепонки.

"Однажды в сумерки, — рассказывает Валлас, — я видел на Суматре шерстокрыла; он быстро лез наверх по стволу дерева и затем, разрезав поперек воздух, скользнул на другое дерево; отсюда он спустился ближе к земле, чтобы тотчас же снова полезть вверх по другому дереву. Я измерил шагами расстояние от одного дерева до другого и нашел, что животное спрыгнуло с вершины дерева вышиной приблизительно в 14 м, на расстояние 70 метров. Отсюда ясно, что оно имеет способность самостоятельно держаться на воздухе, так как иначе у него не было бы смелости делать такие большие прыжки. Шерстокрыл неповоротлив в своих движениях, по крайней мере днем он поднимается на деревья короткими прыжками с частыми остановками, как будто желает отдохнуть». Днем он висит, по словам этого исследователя, прицепившись к стволу дерева, под защитой своей шкуры, которая по окраске — оливковой или бурой с беловатыми крапинами и пятнами — близко подходит к цвету древесной коры. Свой цепкий хвост употребляет, вероятно, для поиска пищи, которая главным образом состоит из листьев. «Говорят, — прибавляет Валлас, — что шерстокрыл рождает на свет только одного** детеныша, и мои собственные наблюдения подтверждают это; однажды я застрелил самку с очень маленьким, нежным, голым, сморщенным, слепым существом, которое висело на ее груди, напоминая молодых сумчатых животных».

* * *Период беременности длится 60 дней, самок с единственным детенышем встречали только весной. Детеныш рождается совершенно недоразвитым, как у сумчатых, первое время завернут в перепонку самки. Подростка мать оставляет в гнезде во время кормежки, но предпочитает носить на себе, жертвуя способностью к планированию.*

Этим ограничиваются наши сведения о жизни шерстокрыла. Прибавлю, что туземцы усердно преследуют это животное не только ради его мяса — противного для европейского вкуса, но главным образом ради меха, который по качеству не уступает меху шиншиллы и ценится довольно высоко.

Отряд рукокрылые

Не успеет еще солнце закатиться, как у нас начинается своеобразная деятельность крылатых существ, принадлежащих к одной из самых замечательных групп млекопитающих. Из всех скважин, дырок и щелей выползает тьма летучих мышей, которые робко скрывались днем, как бы не смея показываться при солнечном свете, и теперь готовятся к ночному полету. Чем больше сгущаются сумерки, тем больше появляется этих темных существ; ночной мрак делает их бодрыми, и они уверенно носятся по воздуху*.

* *Из-за скрытного ночного образа жизни рукокрылые и сейчас продолжают оставаться наименее изученной группой млекопитающих. Целый ряд форм рукокрылых известны по единичным, порой далеко отстоящим друг от друга точкам находок, нет сведений ни об их истинном ареале, ни об образе жизни. Ежегодно открывают не менее десятка новых видов.*

Чем ближе подвигаемся мы к теплому поясу, тем многочисленнее становится число рукокрылых и тем более разнообразия мы замечаем во внешнем виде животных. Юг можно считать родиной большинства этих млекопитающих. Уже в Италии, Греции и Испании очень много летучих мышей. Здесь по мере приближения вечера не сотнями, а тысячами выползают они из каждого старого здания, из каждой пещеры, слетаются на простор, подобно большому войску, совершающему выступление, и уже в сумерках весь горизонт буквально заполняется ими. Поистине изумительна необычайная численность рукокрылых в жарких странах. Весьма привлекательно и интересно провести вечер у ворот какого-нибудь большого города на востоке. Пробуждающиеся тогда летучие мыши в полном смысле слова тучами заволакивают небо. Скоро теряешь счет им, потому что со всех сторон и по всем направлениям стремятся скученные массы этих темных созданий. Они живут и движутся везде: в садах, рощах и лесах, перелетают между деревьями, проносятся над полями на более или менее значительной высоте, кишат над улицами города, во дворах и даже влетают в комнаты. Сотни их исчезают и заменяются новыми сотнями, и вас постоянно окружают стаи этих летающих существ.

"Вечерний ландшафт на Цейлоне, — говорит Теннент, — немыслим без множества летучих мышей. Массами живут они в каждой пещере, в каждом подземном ходе, в водосточных трубах высоких улиц, в крепостных галереях, под крышами домов, в развалинах храмов и строений. С закатом солнца они покидают свои дневные убежища, чтобы начать охоту за насекомыми; когда стемнеет и зажженные свечи манят в комнаты ночных бабочек, тогда, в погоне за ними, летят в дома и летучие мыши и при свете ламп хватают свою добычу». В Средней и Южной Америке рукокрылые живут повсюду и невероятно размножились, представляя при этом и разнообразие видов. «Они на-

селяют, — говорит принц фон Вид, — дремучие первобытные леса, живут в густых зарослях, в дуплах, скалах и истребляют бесчисленное множество насекомых. Путешественники, быстро объезжающие эти края, не могут составить себе и приблизительного понятия о разнообразии этих животных, нахождение и изучение которых сопряжено с большими трудностями». «Идя по лесу днем, — говорит Бэте, — всегда приходится спугнуть несколько летучих мышей, висящих на деревьях, а ночью можно наблюдать их в состоянии напряженного оживления как в первобытных лесах, так и по берегам ручьев и рек».

То же самое можно сказать и об Африке: здесь мы находим множество больших и малых видов этих млекопитающих, живущих при таких же условиях по берегу моря, в саваннах, во внутренних лесах и даже в пустыне.

Рукокрылые имеют коренастое телосложение, короткую шею и толстую, продолговатую голову с большой ротовой щелью. По общему строению они скорее всего напоминают обезьян* и, подобно им, снабжены двумя грудными сосцами; но во всем другом отличаются от названных животных.

* Многие ученые считают рукокрылых довольно близкими родственниками приматов. Согласно другой точке зрения, рукокрылые прямые потомки насекомоядных.

Их передние конечности превращены в летательные органы и потому необыкновенно увеличены, тогда как туловище по сравнению с ними незначительной величины. От этого они с виду кажутся довольно большими, а в действительности их следует причислить к самым маленьким млекопитающим**.

* * Летучая мышь-бабочка (*Craseonycteris thonglongyai*) оспаривает у карликовой белозубки титул самого мелкого зверька на свете: при размахе крыльев около 15 см вес взрослого животного достигает 3 г.

Внутренние части тела представляют много замечательного. Скелет состоит из довольно тонких, но крепких костей. Череп делится на очень нежную собственно черепную часть и еще более нежную часть — лицевую; все отдельные кости срастаются между собою без видимых швов; обе половины межчелюстной кости разделены или срослись и прикреплены к небу. Позвонки — широкие и короткие, ребра — длинные, широкие и сильно загнутые, тазовые кости тонкие и вытянутые, а ключицы и лопатки, напротив, толстые и крепкие. Главным отличительным признаком рукокрылых является строение передних конечностей. Плечо, предплечье и пальцы чрезвычайно удлинены, в особенности последние три пальца, которые по длине превосходят плечевую часть руки. Благодаря этому удлинению пальцы оказываются превосходно приспособленными к расширению натянутой между ними летательной перепонки, но зато почти вовсе непригодными для какого-либо другого употребления. Один только большой палец, не принимающий никакого участия при летании, сохраняет еще сходство с пальцами других млекопитающих: обыкновенно он короткий, состоит из двух суставов и с острым когтем, палец этот заменяет животному всю руку, когда оно ползает или удерживается в висячем положении. Бедренная кость гораздо короче и слабее плечевой, кости ног развиты заметно слабее соответствующих костей рук. Строение ног довольно правильное: ступня имеет пять пальцев, снабженных когтями. Но только и у нее есть своя особенность: от пятки выступает свойственная только одним летучим мышам кость, так называемая шпора, служащая для натягивания летательной перепонки между хвостом и ногой. Таким образом, строение скелета рукокрылых напоминает, с одной стороны, скелет птиц, а с другой — скелет допотопных летучих ящериц. Из мускулов заслуживают внимания очень сильные грудные мускулы; кроме того, есть еще один, совершенно отсутствующий у других млекопитающих мускул, приросший одним концом к черепу, а другим к руке и помогающий расправлять крыло. Строение зубов сходно со строением зубов у насекомоядных; мы находим у рукокрылых все три рода зубов; что же касается числа зубов и их формы, то в этом отношении замечается большое разнообразие. Можно отметить еще сильные жевательные мускулы, свободный язык, защечные мешки, морщинистый мешкообразный желудок и длинный кишечник без слепой кишки.

Из всех признаков летучих мышей наиболее замечательным является кожный покров, потому что он обуславливает не только всю форму тела, но и выражение морды, а вместе с этим служит причиной того, что физиономии некоторых летучих мышей имеют вид определенно чудовищный*.

* Кожные и хрящевые выросты и другие причудливые образования на морде играют важную роль при эхолокации зверьков, концентрируя, рассеивая или «видоизменяя» звуковые сигналы при их «отправлении» и «приеме».

Сильное развитие накожных образований на ушах и на носу придает лицу необычайный характер. «Ни в какой другой группе животных, — говорит Блазиус, — не можем мы указать подоб-

ного развития кожистых наростов. Они играют важную роль при образовании ушей и носа, летательная перепонка также представляет чрезвычайно сильное развитие той же кожи. Уши у всех рукокрылых несоразмерно велики. Длина их у некоторых видов превосходит длину тела; а в ширину оба уха иногда развиваются до того, что срастаются в одну сплошную замкнутую ушную раковину. У многих видов места, примыкающие к ноздрям и носовому гребню, выглядят столь странным образом из-за разрастания кожи, что получаются физиономии, не имеющие себе подобных. Не только развитие летательной перепонки, но и все прочие кожные образования ушей и носа оказываются у летучих мышей с такими особенностями, по которым они резко отличаются от прочих животных и от которых безусловно зависят их движения и весь их образ жизни».

Кожа рукокрылых, а в особенности летательная перепонка, заслуживает более детального рассмотрения. Летательная перепонка натянута между пальцами передних конечностей, плечом, предплечьем, боками тела, задними конечностями, а иногда и хвостом. Она содержит особый эластичный слой кожи и два слоя мускульных волокон, лежащих посередине. Животное смазывает свою летательную перепонку липкой, маслянистой, сильно пахнущей жидкостью. Эта мазь выделяется железами, которые находятся на лице между ноздрями и глазами и имеют один или даже несколько выводных каналов. Животное смазывает летательную перепонку всякий раз после пробуждения и непосредственно перед летанием, и таким образом она постоянно жирна и гибка.

Очень своеобразно у рукокрылых строение волос. Здесь не может быть речи ни об ости, ни о подшерстке: отдельные волоски соединяют в себе назначение обоих. У корня каждый волосок тонкий и расщеплен. Надо заметить, что строение волос у разных видов различно.

Внешние органы чувства у летучих мышей превосходно развиты, но не у всех родов и видов одинаково. По всей вероятности, чувство вкуса у них стоит на самой низкой ступени; но и его нельзя считать совсем неразвитым, судя по строению языка, мягкости губ и обилию нервов. Если спящим и даже наполовину околоченным летучим мышам в открытый рот влить каплю воды, они сейчас же ее проглатывают. Но если дать им каплю водки, чернил или другой какой-нибудь невкусной жидкости, то все это неминуемо будет выплюнуто. Не менее развит у них и орган зрения. Сравнительно с величиной тела глаз небольшой, но зрачок способен значительно расширяться. Некоторые виды имеют особенно маленькие глаза, они, как указывает Кох, так запрятаны в густых волосах лица, что никак не могут соответствовать своему назначению. Подобных животных с маленькими глазами видят иногда летающими даже днем, тогда как настоящие ночные рукокрылые имеют открытые глаза*.

** Крохотные глаза особенно характерны для представителей только одного, но наиболее крупного семейства летучих мышей гладконосых летучих мышей. Связь размеров глазного яблока с приверженностью строго ночному или сумеречному образу жизни отсутствует.*

Но глаза могут и бездействовать, однако животное не терпит от этого заметного ущерба. Чувство зрения у них подкрепляется обонянием, слухом и осязанием. Много раз пробовали ослеплять летучих мышей, заклеивая им глаза кусочками английского пластыря. После этого, невзирая на слепоту, они летали по комнате так же искусно, как прежде, и прекрасно умели избегать всяких препятствий, например протянутых по разным направлениям нитей. Органом осязания, кажется, служит летательная перепонка; к этому заключению приходят, по-видимому, все наблюдения. Но еще более совершенными оказываются обоняние и слух. Нос у всех настоящих рукокрылых представляет высокую степень целесообразного развития. Мало того что ноздри сами по себе очень открытые и при посредстве особых мускулов они то расширяются, то суживаются и могут совсем закрыться; но здесь имеются еще большие листовидные придатки, которые служат для усиления обоняния. При повреждении листовидных придатков способность летать у животных ухудшается, а при особенно тяжелых случаях окончательно утрачивается*.

** Дистанционное обоняние лучше развито у плодоядных и нектароядных рукокрылых по вполне понятным причинам они еще издали могут определять полностью раскрывшиеся цветы и наиболее зрелые плоды. Повреждение же кожных отростков на морде прежде всего отрицательно влияет на возможности эхолокации, а не на ориентирование при помощи обоняния.*

Превосходно устроенное ухо состоит из очень большой, часто достигающей угла рта, ушной раковины, снабженной лопастями и вырезками и чрезвычайно подвижной. Над ушным отверстием находится особая ушная крышка, так называемый козелок; это большой, подвижный, различно устроенный клапан, который при шуме и тонах более сильных, чем те, какие летучая мышь может вынести, запирает ей ухо и этим избавляет ее от мучительных ощущений; тот же самый придаток, когда это нужно, делает животное способным улавливать даже самый слабый звук. Не подлежит сомнению, что летучая мышь на далеком расстоянии слышит летающее насекомое и направляется к

нему, главным образом руководствуясь своим тонким слухом. Если отрезать листовидный придаток или ушную лопасть и козелок, то все рукокрылые начинают летать неправильно и везде натываются на разные препятствия**.

** * Лишь в 1938 г. Д. Гриффин из Гарвардского университета доказал что летучие мыши ориентируются при помощи ультразвуковой эхолокации, хотя такие предположения высказывались еще в начале века.*

"Когда летучая мышь, — замечает Альтум, — очень внимательна, то ухо у нее приподнято и остается в неподвижном положении растопыренным, а у родов с большими ушами даже несколько наклоненным вперед для восприятия впечатлений, причиняемых жужжанием насекомого или дуновением ветра. Когда же она находится в состоянии глубочайшего покоя, то внешний край уха складывается, и оно плотно прижимается к голове сзади и снаружи. Если же она не очень возбуждена, но и не чувствует себя совершенно покойной, то и ухо у нее принимает какое-либо среднее положение. По-видимому, летучие мыши восприимчивы только к свистящим тонам, подобным их собственному крику или жужжанию насекомых, и невосприимчивы к другого рода звукам, например к треску, громкому разговору, крику и пр. Если в ящик, покрытый стеклом, поместить вместе с комаром карликовую летучую мышь или ушана, то, как только комар начинает летать, животное приходит в сильнейшее беспокойство, расширяет ухо, ловит ртом вокруг себя: ясно, что оно руководствуется не столько зрением, сколько слухом. Даже может показаться, что жужжание насекомого животное чувствует сильнее и вернее при посредстве своей ушной кожицы, чем самого уха».

Понятливость летающих животных отнюдь не ничтожна, как это можно было бы предположить. Мозг у них большой и имеет извилины; это уже указывает на то, что душевные способности довольно хорошо развиты. Все рукокрылые отличаются хорошей памятью, а иные из них даже и некоторой долей сообразительности. После летания они всегда возвращаются в свои логовища, а на время зимней спячки избирают наиболее подходящие места.

Очень хорошо знают они своих недругов и умеют избавляться от них хитростью; в свою очередь умеют перехитрить маленьких животных, которых преследуют сами. При хорошем обращении летучие мыши делаются ручными и преданными своему хозяину, это подтверждают наблюдения многих ученых и любителей. Некоторые исследователи приучили этих животных принимать пищу из рук или доставать ее из стаканов, и они, раз поняв, в чем дело, исполняли это. Мой брат так приручил к себе ушана, что он следовал за ним по всем комнатам и, как только брат предлагал ему муху, мгновенно садился к нему на руку и поедал добычу. Большие рукокрылые, содержащиеся в неволе, бывают очень милы, делаются ручными и оказываются очень толковыми.

"От формы летательной перепонки, — говорит Блазиус, зависит способность летать и характер летательных движений. Такого большого разнообразия в этом отношении не встречается даже у птиц. Породы с длинными, стройными крыльями летают быстро и ловко, как ласточки; а те, у которых крылья широкие и короткие, своим полетом напоминают беспомощные летательные попытки кур. О форме крыла можно довольно точно судить по отношению длины пятого пальца к длине третьего или к длине целой летательной перепонки, Длина летательной перепонки захватывает кроме длины третьего пальца длину предплечья и плеча; ширина летательной перепонки приблизительно равняется длине пятого пальца.

Нетрудно по высоте полета, роду движений и величине животного отличить на лету всякий вид и нельзя ошибиться, если по устройству крыла судить о летательной способности. Не такое полное соответствие наблюдается между величиною ушей и слабой летательной способностью, между малыми ушами и сильным полетом; но следует, однако, признать, что европейские породы, снабженные самыми большими ушами, летают медленно, а быстрее из них имеют уши самые маленькие*.

** На самом деле прямой зависимости между размерами ушей и скоростью полета рукокрылых нет. Короткокрылые «порхающие» формы более маневренны, обычно они охотятся под пологом леса или в кронах на «штучную» добычу, не обязательно летающую, чаще сидящую на листьях. Как правило, эти летучие мыши имеют более удлиненные и узкие челюсти для лучшего схватывания отдельных небольших насекомых. Скоростные летуны с длинными узкими крыльями охотятся над кронами или открытыми пространствами. Они предпочитают искать скопления мелких летающих насекомых, чтобы за один бросок поймать несколько объектов, либо прицельно охотятся на крупных жуков и бабочек.*

Такое же отношение к летанию имеют форма и твердость наружного уха. Лучше летающие имеют короткую ушную раковину с плотной кожей, а у плохо летающих, наоборот, она вытянута в длину и состоит из тонкой кожи. Это имеет значение относительно целых групп.

Процесс летания для рукокрылых весьма облегчается их телосложением. Сильные грудные мускулы, легкая и сплюснутая нижняя часть туловища, верхние конечности, своей длиной почти в три раза превосходящие длину тела, натянутая между пальцами и всеми частями конечностей, лишенная перьев летательная перепонка — все эти условия способствуют летанию.

Чтобы как можно скорее развернуть летательную перепонку, все рукокрылые во время покоя прицепляются когтями задних конечностей к какому-нибудь возвышенному предмету и свешиваются головой вниз. Прежде чем взлететь, они выпрямляют голову, поднимают руку, широко раздвигают пальцы и кисть руки, втягивают поджатый во время сна хвост вместе со шпорами на ноге, перестают держаться когтями и тотчас же начинают быстро и без перерыва взмахивать по воздуху руками. Кожа хвоста служит им рулем, хотя далеко не таким совершенным, как хвост у птиц. Такой способ движения обуславливает совершенно особенное направление полета, которое Коленати очень удачно сравнивает с ломаной линией.

С земли поднимаются рукокрылые не так легко; помогают они себе в этом случае тем, что, расширив сначала руки и летательную перепонку и подобрав под себя ноги, несколько выпрямляют тело, делают один или несколько скачков вверх и затем сильными взмахами крыльев стараются подняться на воздух.

Впрочем, руки рукокрылых служат не только для летания, а и для ходьбы по земле. Походка у всех пород хотя и не такая плохая, как можно было бы предположить заранее, но все же она является жалким ковыляньем. Ловких движений и поворотов, которыми отличается их полет, при хождении они не способны делать. Однако некоторые виды рукокрылых бегают почти так же скоро, как крысы. При лазании они цепляются острым когтем большого пальца или всей рукой за стену или дерево и попеременно перемещают задние конечности. Задние конечности у животных слабы, тем не менее они имеют достаточно силы, чтобы выдерживать тяжесть тела не только в течение целого дня, но и во все время зимнего сна, продолжающегося часто более четырех месяцев. Кроме того, животные искусно пользуются пальцами и когтями ног для удаления различных паразитов, а также и для приведения в порядок своих волос на спине, очень ловко умеют ими счищать с себя грязь и каждой конечностью достигают почти середины линии между плеч, расчесывая, чистя и приводя в порядок волосы».

Голос всех известных летучих мышей почти одинаков; различие состоит, насколько простираются наши наблюдения, только в том, что у отдельных видов он звучит сильнее или слабее, выше или глубже. Мелкие виды издают дрожащий звук, который походит на звук «кри-кри-кри»; такими же звуками летучие собаки выражают свой гнев и всякое иное беспокойство*.

** Большинство звуков, издаваемых летучими мышами, являются ультразвуками, т.е. находятся выше порога слышимости человека. Человек воспринимает частоты в интервале примерно от 20 до 20 тыс. герц. Летучие мыши издают и воспринимают звуки частотой до 150 тыс. герц. Тонкий свербящий писк, или серии высоких щелчков, которые слышит человек от летучих мышей, обычно не является лоцирующим сигналом.*

Независимо от высоты или глубины тона эти голоса производят неприятное ощущение.

Все рукокрылые днем спят, а ночью охотятся. Большая часть начинает летать при наступлении сумерек и еще задолго до восхода солнца удаляется в свои убежища; некоторые виды, однако, появляются гораздо ранее, а иные около 3-5 часов пополудни уже весело носятся в воздухе, не смотря на самый яркий солнечный свет.

Каждый вид рукокрылых имеет особые места охоты в лесах, садах, аллеях и улицах, над медленно текущими или стоячими водами; в открытом поле они летают реже по той простой причине, что здесь им не за кем охотиться. В более богатых странах юга рукокрылые живут вблизи маисовых и рисовых полей, потому что последние дают убежище множеству насекомых, представляющих для них хорошую добычу. Мелкие виды обыкновенно вращаются на малых участках, имеющих каких-нибудь тысячу шагов в диаметре. Более крупные захватывают больший район, чтобы облететь его, требуется более получаса. О больших южных породах, так называемых летающих собаках, известно, что они без передышек пролетают многие мили, перебираются с одного острова на соседние, удаленные на несколько миль, а оттуда на материк и обратно, посещая при этом в поисках пищи другие острова. Летающие собаки, живущие не только в Ост-Индии, но и вдоль всего берега восточной Африки и на соседних островах, например на Мадагаскаре, без сомнения, должны были перелететь находящиеся между обеими частями света моря и проливы, отделяющие материк от островов».

"На охоте, — продолжает Альтум, — летучие мыши следуют определенному плану: какую-нибудь улицу или аллею они облетят взад и вперед, обыщут угол, кружась между зданий, исследу-

ют внутри и снаружи чердак. Они будут летать над поверхностью воды, пока не убедятся, что долее искать здесь нечего: тогда они избирают новую местность, хотя по прошествии некоторого времени нередко возвращаются на прежнее место. Величина охотничьих участков обыкновенно находится в точном соотношении с величиной самих охотников. Когда летучие мыши утомляются, они подвешиваются на некоторое время и, отдохнув, снова летят. Различные виды как бы распределили между собой время летания: самые ранние летают в вечерние сумерки, другие до и после утренних сумерек, а некоторые только в полночные часы.

Днем рукокрылые прячутся в самых разнообразных местах. Дуплистые деревья, пустые дома, расщелины в утесах и пещеры служат им пристанищами для сна. В тропических странах многие виды висят открыто на ветвях деревьев, если только эти ветви образуют достаточно густую крону. В первобытных лесах Африки я находил множество настоящих рукокрылых висящими в нежной листве мимоз. В Нижней Гвинее Пехуэль-Леше видел ночных собак, сотнями отдохавших среди сухих листьев веерных пальм по берегу моря; в лесах Южной Америки Бэте встречал некоторые виды под широкими листьями геликонии и других растений, любящих тенистую местность. Летучие собаки не всегда ищут деревья с лиственным кровом, обещающим им тень, охотно висят на совершенно обнаженных сучьях, не боясь солнечных лучей, от которых они защищают только глаза, скрывая лицо в летательной перепонке.

Однако большинство летучих мышей предпочитают скрываться, одни под корой деревьев и в их дуплах, другие под крышами между дранц и черепиц, третьи в пещерах, иные под сводами обрушившихся или мало посещаемых зданий, многие прячутся в глубоких колодцах, шахтах, штольнях и других подобных местах. Во всех странах и климатах природные пещеры в скалах оказываются любимейшим местопребыванием рукокрылых. В пещерах одни виды ищут для себя узкие щели и трещины, куда втискиваются порознь или обществами; а листоносые, которых можно считать основными обитателями пещер, висят почти всегда открыто, хотя отчасти и в высоких недоступных сводах этих пещер. В странах, где нет природных пещер, летучие мыши пользуются старыми рудниками, подвалами, склепами и катакомбами, и эти подземные жилища заселяются тем гуще, чем они древнее и уединеннее и чем менее беспокойств имеют там животные. Число летучих мышей в природных пещерах и в сходных с ними искусственных сооружениях невероятно велико. В Зигене в княжеской усыпальнице я насчитал их более 1000 штук, и все же это были далеко не все животные, жившие под этим сводом*.

* *Колония бразильских складчатогубов (Tadarida brasiliensis) в Браккенской пещере на юге США в некоторые годы насчитывала до 20 млн. зверьков, в Базарденской пещере в Туркменистане насчитывается около 40 тыс. длиннокрылое.*

Многие виды рукокрылых живут между собой согласно. Некоторые образуют многочисленные общества, вместе охотятся и отдыхают. Совсем без ссор и драк дело, конечно, не обходится: лакомый кусочек или удобный уголок для сна может подать достаточный повод к раздору. Но зато здоровые животные стараются поддерживать больных и оказывать им посильную помощь, и так поступают не только сильные летучие собаки, но и меньшие рукокрылые, например листоносые. Однако представители различных видов ненавидят и даже пожирают друг друга; так, например, вампиры, рассказывает Коленати, нападают на ушанов и сосут из них кровь, а те пожирают за это своих неприятелей. Пищу летучих мышей составляют плоды, насекомые, в некоторых случаях другие позвоночные животные и кровь, которую они высасывают из более крупных животных. Один врач в бразильском поселении Блуменау рассказывал Гензелю следующий случай. Он наблюдал, как однажды вечером в открытое окно его комнаты влетела большая летучая мышь, бросилась на ласточку, собиравшуюся строить себе здесь гнездо и потому ночевавшую в комнате, и загрызла ее. О некоторых ост-индских рукокрылых рассказывают, что они ловят лягушек и загрызают их; в земле Гереро на таких местах, где отдыхают летучие мыши, Пехуэль-Леше находил свежие остатки ящериц, маленьких птиц и даже других летучих мышей. Словом, хищнических наклонностей, в обыкновенном значении этого слова, у рукокрылых отрицать нельзя**.

* * *Крупные американские листоносы и ложные вампиры Старого и Нового Света действительно являются настоящими хищниками. Эти самые большие представители подотряда летучих мышей охотятся на мелких птиц, ящериц, грызунов и других позвоночных. Некоторые виды копыеносов специализируются в охоте на древесных и наземных лягушек, отдавая предпочтение самым крупным. Австралийский ложный вампир нападает на мелких летучих мышей.*

Живущие в Европе виды этого отряда, настоящие летучие мыши, поедают главным образом насекомых: ночных бабочек, жуков, мух и комаров, и, выйдя утром после теплой летней ночи в сад,

конечно, очень часто приходится видеть обглоданные крылья и другие остатки их пиршеств. Аппетит у них необычайный; крупнейшие свободно съедают дюжину майских жуков, а меньшие — штук 60 мух и все-таки не чувствуют себя сытыми. Поймав более крупных насекомых, они прижимают их головой к груди и затем медленно пожирают; мелких насекомых глотают целиком. Чем живее движения рукокрылых, тем более требуется для них пищи, и по этой уже причине они являются очень полезными для нас животными, заслуживающими величайшей пощады. Этого нельзя сказать о тех летучих мышах, которые сосут кровь и могут причинять этим большой вред, а также о тех видах, которые, питаясь плодами, опустошают целые фруктовые плантации, виноградники. «В Южной Америке, — сообщает Гензель, — есть даже между настоящими летучими мышами такие, которые питаются сочными плодами; но мне ни разу не удалось поймать таких животных, я даже не видел, как они уничтожают плоды. В Рио-де-Жанейро, однако, мне рассказывал один немецкий купец, занимающийся естествознанием и заслуживающий, как кажется, полного доверия, что он с большим трудом защищал в своем саду деревья с сочными плодами от летучих мышей. В Порто-Алгре у одного немецкого ремесленника перед окном стояло дикое фиговое дерево, приносящее плоды величиной не больше обыкновенного ореха. По словам этого человека, во время созревания плодов к дереву слетается бесчисленное множество летучих мышей, которые поедают фиги». Исследованиями Бэтса подтверждено, что и в других тропических странах, как и в Бразилии, существуют пожиратели плодов среди гладконосых и листоносых рукокрылых*.

** Еще один источник питания, особенно важный именно для рукокрылых Западного полушария, цветочный нектар.*

Все рукокрылые садятся около воды и пьют очень много**. Вообще у водоемов они чаще встречаются еще и потому, что здесь в обилии попадают насекомые.

** * Пьют рукокрылые обычно в полете, смачивая шерсть на груди и потом вылизывая капли. Некоторые летучие мыши настолько ловки, что подбирают упавших на поверхность воды насекомых, но не ртом, а задними лапами. Небольшое семейство зайцегубых, или рыбадных, летучих мышей из тропиков Америки специализировано к питанию рыбой. Ультразвуковой радар этих рукокрылых способен лоцировать добычу в поверхностном слое воды.*

Пищеварение у рукокрылых происходит весьма быстро, поэтому в их убежищах скоро накапливаются большие массы испражнений, распространяющих такой нестерпимый запах, что целые здания словно зачумляются этими животными.

Особенного внимания заслуживает наблюдение, сделанное Гейглином: в Африке летучие мыши ради пищи сопутствуют стадам. «В земле Богосов, — замечает этот исследователь, — ведется очень большое скотоводство, и стада, находя в более отдаленных местностях лучшие пастбища и лучшие водопой, по целым месяцам не возвращаются к жилищам своих хозяев. При нашем прибытии в Кеерен весь рогатый скот, сопровождаемый мириадами мух, пасся в глубоких долинах Барки, и одновременно с ними появились насекомоядные летучие мыши в несметном количестве. В ночь под первое октября мы разбили палатки на высоком плоскогорье вблизи загона для скота. Так как в это время стада находились в другой части гор, то мы заметили только одну или двух летучих мышей. Но через день сюда вернулись стада, и в тот же самый вечер число летучих мышей значительно увеличилось». Довольно высокая температура для всех рукокрылых составляет необходимое условие; она оживляет насекомых, да и сами летающие животные не выносят стужи. В Германии очень немногие летучие мыши подвергают себя действию солнечных лучей, вылетая в послеобеденное время; в тропических же странах эти животные часто располагаются на залитых палящими лучами местах, и это делают не только летучие собаки, которые, не нуждаясь в тени, дремлют на ветвях деревьев, почти утративших свои листья, но и гладконосые и листоносые рукокрылые. Так, Шомбургк упоминает об одном вампире, который днем подвешивается спать на стволах прибрежных деревьев, поднимающихся на два-три метра, но не в тени, а на солнечной стороне, чтобы быть совершенно освещенным солнечными лучами. «Еще в большем количестве, — говорит он, — встречал я их на выдающихся над рекой утесах. Если мы приближались к таким местам, то животные вылетали из своих убежищ. Полетав вдоль берега несколько раз взад и вперед, они снова располагались на прежних местах». То, что летучие мыши могут выдерживать высокую температуру, доказывают многие из наших видов, которые летом проводят день под крышами домов и церквей, невзирая на господствующий здесь сильный жар. Скопление огромной массы летучих мышей, выделяющей большое количество тепла, служит еще одним доказательством вышесказанного. Суровая погода, дождь, ветер удерживают большинство видов в их убежищах; хотя некоторые летают и по холодным вечерам, но очень недолго и как можно скорее стараются вернуться к месту обычного сна. При этом имеет значение и то обстоятельство, что в суровую погоду охота бесполезна, потому что насекомые

тоже скрываются, к тому же сильный ветер затрудняет летательные движения летучих мышей, и только длиннокрылые виды могут до некоторой степени сопротивляться сильным течениям воздуха.

С наступлением стужи все рукокрылые, живущие в умеренных странах, впадают в более или менее глубокий зимний сон, большая или меньшая продолжительность которого соответствует суровости или мягкости климата их родины*.

** Многие виды рукокрылых умеренных широт (вечерницы, нетопыри, двуцветные кожаны и др.) являются, подобно птицам, перелетными, т.е. совершают правильные сезонные миграции. Впасть в зимнюю спячку способно лишь небольшое число видов из двух семейств — гладконосых и подковоносов. Спячка нормально проходит при амплитуде температур от 0 до минус 10 градусов. Нередко во время спячки зверьки покрываются каплями конденсирующейся воды и даже ледяной корочкой. Если во время зимнего сна согреть зверька, через 10-15 мин. он переходит в активное состояние.*

Когда начинается холодное время, животные отыскивают наиболее защищенное от влияний непогоды пристанище: в пещерах, погребах, под теплыми крышами, на чердаках и в других местах. Наименее чувствительные к стуже рукокрылые иногда прерывают зимний сон, пробуждаются и летают в своих защищенных убежищах, по-видимому, не столько ради добычи, сколько для того, чтобы подвигаться. Некоторые летучие мыши вылетают даже на открытый воздух и порхают некоторое время над покрытой снегом землей. Летом рукокрылые предпочитают небольшие углубления поблизости от входа или живут в открытых расселинах. Напротив, зимой они прячутся дальше в более просторные пещеры, уединяясь в самые задние части, куда не проникает мороз. Только немногие виды на время зимнего сна не меняют местожительства и остаются в своих обычных щелях.

"Положение тела, в котором летучие мыши спят зимой, бывает самым разным для отдельных групп и семейств; самое простое и обычное положение для зимнего сна принимают они, подвешиваясь когтями задних конечностей и прижимая крылья к бокам. При этом многие висят свободно под потолком или сводом, другие прикрепляются к стенам, а некоторые пользуются также и передними конечностями, как опорой. Среди живущих в теплых странах есть виды, которые для продолжительного ежедневного отдыха распускают крылья, чтобы прочнее утвердиться. Большая часть листоносых принимают такое странное положение, что, проходя мимо них, можно подумать, что видишь перед собой не животное, а гриб. Они совершенно завертываются в летательные перепонки и висят свободно на задних конечностях; перепонка бедер закидывается на спину, верхние части рук образуют на спине клин и лежат плотно одна возле другой; летательная перепонка боков и пальцев покрывает тело таким образом, что концы пальцев направляются кверху, а большой палец служит для замыкания; высовывается один нос, но и тот прячется во время крепкого зимнего сна.

Есть летучие мыши, которые зимуют многочисленными обществами. Животные висят плотно, располагаясь рядами или различной формы группами по несколько сотен штук*.

** Столь «тесная» зимовка вызвана, конечно, не недостатком места, а необходимостью поддерживать особый микроклимат вокруг зверьков.*

Некоторые покрывают все стены на чердаках или плоскости внутри дуплистых деревьев, где особи висят одна возле другой отдельно. Некоторые летучие мыши проводят зиму в одиночку и никогда не спят совместно.

У животных, достигших полного развития, любовная пора наступает осенью, перед началом зимнего сна**.

*** Спаривание летучих мышей умеренных широт имеет два пика — осенью и весной, однако при осеннем спаривании сперма самцов задерживается в половых путях самок и оплодотворения не происходит до весны. У многих тропических рукокрылых бывает два брачных периода и два приплода.*

Особи различного пола, говорит Кох, приманивают друг друга своеобразным призывным звуком, который существенно отличается от сердитого чавканья, издаваемого ими, когда их тревожат. Во время спаривания самцы гоняются за самками, задирают их, кувыркаются с ними в воздухе и проделывают всякого рода фокусы; впрочем, эти игры не у всех родов летучих мышей предшествуют спариванию.

Только весной рождаются детеныши. Самка во время родов, по словам Блазиуса и Коленати, держится в висячем положении при помощи острых когтей обоих больших пальцев рук, подгибает хвост к брюху вместе с перепонкой и таким образом устраивает что-то вроде мешка, в который и падает новорожденный. Тотчас после рождения мать перегрызает пуповину и облизывает детеныша, затем детеныш крепко прицепляется к груди матери и начинает сосать.

Все рукокрылые животные во время летания носят своих детенышей с собой, притом довольно долгое время, даже когда маленькие животные уже сами могут хорошо летать и по временам оставлять грудь матери. Это я наблюдал сам у летучих мышей, которых встречал в всячем положении на деревьях в первобытных лесах Африки. В шесть-восемь недель детеныши достигают полного роста; осенью и зимой их можно узнать по более сплюснутой голове, коротким конечностям и более темной окраске шерсти. Этим они отличаются от старых животных.

"Суеверный человек, — говорит Кох, — клеветает на это безобидное животное, и многие чувствуют к нему отвращение вместо того, чтобы ради собственной же пользы заботиться о нем и защищать его. Несправедливо утверждают, будто летучие мыши пожирают сало в кладовых, потому что летучие мыши вовсе не едят сала. В действительности же сало пожирают мыши и крысы; при приближении человека они убегают в свои норы, между тем как безобидные летучие мыши и днем и зимой спокойно остаются там, где совершена кража. Более того, основательный наблюдатель легко может убедиться, что летучая мышь не только не пожирает сала, но и сохраняет его, уничтожая ветчинных кожеедов и их личинок. Общераспространенное мнение, будто летучие мыши могут вцепиться в волосы, так что их нельзя отцепить, также лишено всякого основания. По собственной воле летучая мышь никогда не опускается на голову человека. Но случается иногда какой-нибудь несчастной летучей мыши влететь в комнату, где находятся люди; присутствующие устраивают настоящую облаву, машут и бьют ее платками; бедное, испуганное, искалеченное животное падает, хватается за всякий подвернувшийся предмет и при этом, конечно, случайно может упасть на голову дамы, куафюра который как бы нарочно оказывается наиболее удобной для того, чтобы можно было крепко в нее вцепиться. Подобного рода случаи и могли, конечно, послужить поводом к необоснованному мнению. Летучих мышей считают спутниками злых духов*.

** Почти у всех народов Земли летучие мыши олицетворяют темные потусторонние силы и становятся жертвами людских предрассудков. Справедливости ради следует сказать, что многие рукокрылые действительно имеют непривычную, причудливую внешность, которая нередко отражается даже в научных названиях систематических групп летучих мышей: мешкокрылы, футлярхвосты, присосконоги, воронкоухи, свиноносы, трезубценосы, гцелеморды, цветкоморды, складчатогубы, мопсы и др.*

Один молодой образованный испанец с полной уверенностью утверждал, будто он слышал, что летучие мыши выкрикивают проклятия, если их раздражить зажженной лучиной.

"Пребывание летучих мышей в темных местах, устройство тела, как у мыши, удивительные летательные перепонки, вызывающее страх выражение морды и неприятно пронзительный голос придают всему ее существу нечто таинственное, что сознавали уже и древние. Между тем злых духов рисовали, да и теперь еще рисуют, с крыльями летучей мыши. Подобно тому как дракон, этот страшный фантастический зверь, имеет крылья летучей мыши, так и теперь еще сатана изображается с крыльями рукокрылого.

Подобного рода изображения естественно действуют на детский ум и на склонный к суевериям ум необразованного народа и возбуждают отвращение и ненависть к животным, имеющим все права на то, чтобы их щадили и берегли. Вот почему обязанность всех сведущих людей — возвысить свой голос в пользу этих оклеветанных животных. При одной мысли о том, какую великую пользу приносят эти животные, в наших глазах утрачивает всякое значение многое из свойственной им неприглядности, и стоит только провести прекрасный теплый летний вечер на открытом воздухе, чтобы понять, что летучие мыши своим ловким полетом вносят приятное оживление в тихий ландшафт.

Польза, которую приносит человеку большая часть многочисленных животных этого отряда, далеко превышает вред, какой они причиняют. Множество вредных насекомых летает именно ночью и таким образом попадает на глаза своим врагам. Необыкновенная прожорливость, свойственная всем рукокрылым, служит причиной истребления насекомых в громадных размерах. Чтобы составить хотя бы поверхностное представление об этом, достаточно исследовать пристанище летучих мышей. «Здесь высотой в фунт, — говорит Кох, — лежит масса испражнений летучих мышей, и исследование показывает, что отдельные комочки состоят из частей многих и различных насекомых. В одном кубическом сантиметре кала летучей мыши мы нашли 41 голень различных больших и малых насекомых, а в старых руинах, в церковных колокольнях и подобных местах лежит, наверное, более одного кубического метра кала, и кучи его, без сомнения, должны заключать в себе до полутора миллиона насекомых. Конечно, такие огромные кучи не могли образоваться в течение одного лета и представляют извержение многих летучих мышей"*.

** Подсчитано, что 40 тыс. длиннокрылое из Бахарденской пещеры за ночь съедают около 150 кг корма, что составляет около 1,5 млн. насекомых среднего размера.*

Но днем, во время сна, летучая мышь извергает только небольшую часть кала, обыкновенно же она испражняется во время полета. Пришлось бы составить длинный список, если бы захотели перечислить всех тех бабочек, мух и разного рода насекомых, которыми питаются летучие мыши. Но ограничимся замечанием, что летучие мыши истребляют именно вредных насекомых, поскольку полезные насекомые летают большей частью днем, поэтому и не становятся их добычей. На вред, приносимый немногими летучими мышами, так как они питаются плодами, не стоит обращать внимания. Равным образом и кровососы не так вредны, как обыкновенно о том рассказывают. По новейшим и вполне достоверным сведениям, летучие мыши, сосущие кровь, никогда не причиняют гибель большим животным или людям, даже и в том случае, если они несколько ночей подряд сосут кровь из их тела**; что же касается рукокрылых, питающихся плодами, то они водятся в таких местностях, где природа доставляет столь обильную пищу, что употребление ими плодов становится заметным для человека только в том случае, когда он с особенною заботливостью выращивает их в садах; но и в этом случае плоды легко могут быть защищены от крыланов с помощью сетки и т. п.

** * Хотя от нападения вампиров в некоторых местах действительно очень страдает скот и из-за этого скотоводство оказывается нерентабельным, главная угроза в другом. Вампиры представляют опасность прежде всего как переносчики вируса бешенства. Однако сокращение численности многих рукокрылых связано прежде всего с сокращением площади некоторых местообитаний (прежде всего тропических лесов, где рукокрылые наиболее разнообразны), а также с исчезновением естественных убежищ (вырубка старых дуплистых деревьев, постепенная смена архитектуры в населенных пунктах, при которой исчезают чердаки и другие укромные места).*

Таким образом, мы считаем себя вправе причислить весь этот отряд животных к числу самых полезных существ.

Древние смотрели на летучих мышей еще с большим отвращением, чем наши невежественные мужчины и наши жеманные женщины; даже египтяне, эти замечательные исследователи природы, их не любили, почему и избегали изображать на своих памятниках. «Изображения их, — замечает Дюмихен, — крайне редко и в весьма ограниченном числе встречается на стенах храмов. Кроме иероглифического имени Сетахем при отдельных изображениях летучих мышей встречается в надписях еще слово Таки, из чего мы можем вывести то верное заключение, что египтяне различали несколько видов летучих мышей».

До последнего времени летучих мышей, само собою разумеется, причисляли к птицам, хотя еще Геснер указывал на то, что летучая мышь представляет собою нечто среднее между птицей и мышью, следовательно, она справедливо названа летучею мышью и не может быть причислена ни к птицам, ни к мышам.

Приводимые Геснером разного рода верные и неверные наблюдения древних над летучими мышами в высшей степени любопытны.

"Саламандра и летучая мышь, — говорит Геснер, — родят детенышей без послета и не в коже, без сомнения, потому что детеныши рождаются собственно из яиц, чего не бывает у мышей, полёвок и у других подобных животных. Албертус говорит, что эта птица (летучая мышь), равно как и удод, зимою предаётся спячке. Африкан и Зороастр говорят, что летучих мышей можно прогнать дымом зажженного сена. Дерево клен, по-латыни *Platanus*, летучим мышам очень противно, и если повесить его листья у окон и дверей, то ни одна летучая мышь в дом не влетит; так пишут Африкан и Плиний. Аист — большой враг летучей мыши; так как сия последняя только через прикосновение портит яйца аиста, если он не закроет их листьями клена, которые противны летучей мыши; это утверждают Элиан, Пилес и Зороастр. В Италии есть ядовитый вид муравьев, которым очень противно сердце летучей мыши. Поэтому если совы хотят прогнать от своих детенышей этих муравьев, то они кладут в гнездо сердце летучей мыши; так учит *Oppian*. Орус говорит, что если положить кал летучей мыши на муравейник, то ни один муравей к этому месту не приблизится. Если вечером, когда стемнеет, держать перед собою блестящий, острый меч, то летучие мыши бросаются на него так, что прокалывают сами себя и падают на землю. Если саранча опустошает какую-нибудь местность, то следует на верхушку деревьев привязать несколько летучих мышей; тогда саранча пролетает мимо, как утверждает Демокрит в своем сочинении «*Geoponica*». Когда летучие мыши против своего обыкновения много и часто летают, то это означает, что на следующий день будет хорошая и теплая погода».

Число ископаемых видов летучих мышей очень невелико. В янтаре найдены волосы, а в некоторых известняках отпечатки костей рукокрылых*.

* *Зубы рукокрылых найдены еще в отложениях палеоцена. Из раннего эоцена известен полный скелет летучей мыши *Icaronycteris*, отличающийся от современных лишь несколькими примитивными особенностями. Большинство современных семейств известны в ископаемом состоянии начиная с позднего эоцена раннего олигоцена.*

Необыкновенно большое разнообразие форм при кажущемся сходстве очень затрудняет разделение и определение рукокрылых даже для специалистов. Мы считаем долгом познакомить наших читателей только с наиболее характерными формами.

Семейство крылановые

(Pteropodidae)*

* *Семейство насчитывает 165-170 видов, объединенных в 42 рода. Размеры крыланов от сравнительно мелких (15 г) до наиболее крупных среди рукокрылых (900 г).*

Все принадлежащие к этому семейству рукокрылые водятся исключительно в жарких странах: в южной Азии и на ее островах, в средней и южной Африке, Австралии и Океании. На животных из-за их величины уже с древнейших времен смотрели как на истинных чудовищ. Этим безвредных и добродушных млекопитающих называли отвратительными гарпиями и страшными вампирами; к их числу относили и то воображаемое ужасное существо, которое опускалось на спящих людей и высасывало у них из сердца кровь; в них видели души осужденных на вечное проклятие и полагали, что укус крылана может превратить невинного человека в проклятого. Словом, закосное суеверие с истинным удовольствием занималось этими животными, которые ни в чем ином не повинны, разве только в том, что имеют несколько странный внешний вид, и в их отряде есть несколько маленьких и довольно безвредных видов, которые действительно сосут кровь**.

* * *Речь идет о семействе вампиров, из подотряда летучих мышей, не имеющих отношения к крыланам.*

И в настоящее время есть немало невежественных людей, которые склонны видеть в этих животных отвратительных вампиров; поэтому естественная история обязана и самых суеверных людей познакомить подробнее с плодящими летучими лисицами. Они имеют почти такое же устройство, как и другие летучие мыши, но отличаются более значительной величиной и сходством головы с головой собаки или лисицы, вследствие чего и называют их летучими собаками или летучими лисицами***.

* * * *Большинство крыланов действительно сходны с собаками и лисицами конфигурацией морды, большими выразительными глазами, постановкой острых ушей. А голова африканского молотоголового крылана. по-латыни метко названного *monstrosus* (монстр), представляет собой злую карикатуру на лошадь или лося.*

Летательная перепонка, а в зависимости от нее устройство рук и ног сходны с устройством этих частей тела и у других летучих мышей. Кроме большого пальца они имеют коготь на указательном пальце. На носу нет кожистого нароста, и уши не имеют клапана. По этим признакам крыланы легко могут быть отличены от остальных летучих мышей.

В зубном ряду по четыре резца и по одному клыку в каждой челюсти, пять коренных зубов в верхней и шесть коренных зубов в нижней челюсти. Все коренные зубы имеют, по крайней мере у старых животных, плоские коронки и небольшие продольные борозды. У одного вида нет нижних резцов.

Летучие собаки охотнее всего живут в темных лесах и днем в несметном количестве висят рядами на ветках деревьев, покрывши голову и тело крыльями.

Их находят в дуплистых деревьях иногда в количестве многих сотен штук. В мрачных первобытных лесах они летают и днем; но настоящая жизнь, как и вообще жизнь всех рукокрылых животных, начинается только с наступлением сумерек. Острое зрение и чуткое обоняние дают им возможность находить деревья с сочными зрелыми плодами; к ним они подлетают поодиночке; но скоро собираются большой стаей и могут объесть подобное дерево дочиства. В виноградниках нередко появляются в значительном количестве и причиняют большой убыток, потому что выбирают только зрелые и сладкие ягоды. Временами предпринимают далекие путешествия, перелетают с острова на остров, а иногда и через довольно широкие морские проливы. По словам Стерндаля, однажды поймали летучую лисицу на пароходе на расстоянии от суши по крайней мере в сто английских миль, конечно, в весьма истощенном состоянии.

Плоды летучие собаки более высасывают, чем пожирают; волокнистое вещество выплевывают. Они предпочитают сладкие душистые плоды, любимую их пищу составляют бананы, фиги, а также вкусные ягоды, иногда виноград.

Когда удается забраться в плодовой сад, они едят всю ночь и производят при этом такой шум, что их слышно на далеком расстоянии. Выстрелами и подобными средствами рукокрылых нельзя прогнать, потому что, вспугнув в одном месте, они перелетают на другое и продолжают свое пиршество.

Днем очень боязливы и обращаются в бегство всякий раз, как только заметят что-нибудь подозрительное. Хищная птица приводит их в ужас, а сильный удар грома — в настоящее отчаяние. В испуге крыланы падают на землю, бросаются в разные стороны с изумительной скоростью, цепляются за всякие предметы, проворно взбираются даже на лошадей и людей, распускают крылья, делают несколько взмахов и улетают, чтобы укрыться в каком-нибудь другом месте. Полет их быстр и силен, но не высок; однако в исключительных случаях они поднимаются на высоту свыше 100 метров. Крыланы могут взлетать только с возвышенных предметов, а не с земли. Но и на земле довольно ловки и бегают как крысы, хорошо взбираются по древесным стволам и ветвям до самой вершины. Они много кричат, даже и тогда, когда спокойно висят на дереве; крик этот похож на скрип и писк, а по временам шипят как гуси*.

** Голосовой репертуар крыланов очень богат, у некоторых видов насчитывается до 22 разновидностей криков. Большинство звуков издают в слышимом человеком диапазоне частот. Зрение и обоняние при ориентации в пространстве играют у крыланов гораздо большую роль, чем у летучих мышей.*

Самка рождает один раз в год одного или двух детенышей, которые крепко держатся за грудь матери; мать носит их на себе очень долго и очень их любит**.

** * Чтобы не упасть, детеныш держится за сосок матери 20 тонкими крючковидными молочными зубами, а за шерсть — когтями с зазубринами. Лишь спустя три недели самка начинает оставлять его на дневке с другими детенышами. Вернувшись с кормежки, самки узнают своих детенышей, окрикивая их и получая ответ. Довершает распознавание индивидуальный запах.*

В неволе, спустя незначительное время, животные становятся ручными, привыкают к лицам, которые за ними ухаживают, и проявляют даже некоторую привязанность к ним. Очень скоро берут пищу из рук и не пытаются при этом ни кусаться, ни царапаться.

Польза, которую приносят эти рукокрылые, гораздо меньше причиняемого ими вреда. Этот вред, однако, на их родине, столь богатой плодовыми деревьями, не имеет большого значения. Крыланов употребляют в пищу, и Гааке находит, что мясо это очень вкусно и похоже на мясо кроликов и куриц. В особенности хвалят мясо молодых животных, достигших пятимесячного возраста. Употребляют в дело даже мех*.

** Брем не упоминает два главных полезных дела крыланов — опыление цветов и разнос семян фруктовых деревьев.*

Весьма любопытно и поучительно познакомиться со взглядами различных народов на этих животных. Уже Геродот говорит о больших летучих мышах в Аравии, которые живут на растущем в болотах растении *casia*, причем прибавляет, что животные отличаются силой и страшно кричат. Люди, собирающие это растение, покрывают все тело и лицо до глаз, чтобы не видеть этих животных, и только тогда принимаются за жатву. «Впрочем, Плиний говорит, — добавляет Геснер, — что это все ложь и выдумана она только ради выгоды». Страбон рассказывает, что в Месопотамии, поблизости от Евфрата, водится чрезвычайное множество летучих мышей, которые отличаются большим ростом, их ловят и едят. Швед Кепинг упоминает, что летучие собаки появляются ночью целыми стадами, высасывают очень много пальмового сока, пьянеют от него и, как мертвые, падают на землю. Ему самому удалось поймать такую летучую собаку и прибить ее к стене гвоздями; но животное обгрызло гвозди и округлило их, точно напильником. Каждый невежественный европеец, а в особенности женщины, смотрят на летучих собак, как на отвратительных вампиров, и боятся их, словно чудовищ. Напротив, индусы считают их священными существами. Когда Гюгель, в бытность свою в Нурпуре, проходя вечером по улицам, увидел летающее животное, он выстрелил по нему из двустволки и подстрелил летучую мышь величиной с курицу. Почти в то же мгновение сбегалась толпа людей, подняла страшный крик и яростный вопль. Чтобы обезопасить себя от натиска толпы, он прислонился спиной к стене и выставил вперед ружье; но успокоить волнение смог только с помощью ложного уверения, будто принял животное за сову.

Наиболее известна **большая летучая лисица, калонг** (*Pteropus vanipyrus*)**

* * *Большая летучая лисица крупнейшее рукокрылое, весит до 900 г. (есть сведения, что до 1,6 кг).*

При длине тела в 40 см имеет размах крыльев в 1,5 метра. Окраска спины темно-бурая, на брюхе ржаво-черная, на голове и шее рыжевато-красная; летательная перепонка коричневого цвета.

Калонг живет на Яве, Суматре, Банде и Тиморе, как и все члены этого семейства, в больших лесах или в рощах из плодовых деревьев и здесь выбирает для своего спокойного пребывания ветви деревьев. Отдельные деревья бывают буквально увешаны сотнями и тысячами этих животных, которые, если их не беспокоить, предаются здесь дневному сну; но, если спугнуть, громадными стаями кружатся в воздухе. С наступлением вечера вся эта масса приходит в движение, и при этом каждый калонг летает на некотором расстоянии от другого; но случается, что большой стайей слетаются на одно какое-нибудь место. Так, Окслей рассказывает, что стая этих животных в течение многих часов пролетала над стоящим на якоре в Малаккском проливе кораблем. Логан видел миллионы калонгов в болотах на северном берегу Сингапура: вечером становилось совершенно темно от этой массы животных. Напротив, Гаскарл пишет мне: «Я никогда не замечал, чтобы калонг летал тесно скученными стаями, а постоянно видел в Батавии только отдельные экземпляры, впрочем, в значительном числе, направляющимися вечером большей частью к взморью». Под деревьями, которыми калонги пользуются как приютом для сна, находится масса их кала и распространяет столь сильный запах, что местонахождение животных часто можно определить при помощи обоняния.

В письме из Суматры Розенберг сообщает: «Калонг принадлежит к числу обычных животных и встречается как по берегу, так и внутри страны. Он живет большими стаями и при заходе солнца направляется с места ночлега к лесу, где имеется корм.

Большая летучая лисица, калонг (*Pteropus vampyrus*)

Во время пребывания в Лумуте мне каждый вечер приходилось наблюдать стаю этих животных, пролетающую на значительной высоте над небольшою крепостью по направлению с северо-запада на юго-восток и с восходом солнца возвращающуюся в противоположном направлении к острову Мазаллар: здесь был их приют. Когда я выстрелил по довольно низко летящей самке, с гру-

ди ее сорвался детеныш; но, прежде чем он упал на землю, мать, с быстротой молнии кинувшись за ним вниз, схватила его зубами, поднялась на воздух и улетела со спасенным, детенышем».

Пища калонгов состоит из самых различных плодов, в особенности из смоквы и манго, ради которых они массами нападают на плодовые сады на Яве, причем часто наносят значительный убыток. Впрочем, не довольствуются только растительной пищей, а преследуют различных насекомых и даже маленьких позвоночных животных. Так, например, Шорт, к немалому своему удивлению, недавно открыл, что они ловят рыбу. «Когда я жил в Конлевераме, — говорит он, — мое внимание привлек образовавшийся от недавно выпавшего дождя пруд; он был буквально наполнен мелкими рыбешками, которые играли в воде и часто показывались на ее поверхности. Это явление — внезапное появление рыб в пруду, по временам высыхавшем и снова наполнявшемся водой выпавшего дождя, не представляло для меня ничего нового; внимание мое было направлено на множество больших, тяжело летавших птиц, которые носились над водой, ногами схватывали то там, то сям рыбку и удалялись с добычей на деревья, чтобы там съесть ее. При более внимательном наблюдении я убедился, что предполагаемые птицы были калонги. За наступившей вечерней темнотой я мог их наблюдать только короткое время; на следующий вечер пришел к пруду часом раньше и заметил то же самое. Теперь я попросил моего спутника Уатсона зарядить ружье и выстрелить, чтобы достоверно убедиться, что это за животные. Уатсон застрелил двух или трех из числа охотившихся за рыбой, и таким образом было рассеяно всякое сомнение в том, что это были калонги. При посещении пруда в другое время я опять замечал то же самое»*.

** Этот рассказ можно было бы отнести к разряду «баек», если бы не дотошность и скептицизм наблюдателя. Возможно, иногда калонги, имея потребность в животном белке, разнообразят свой фруктовый стол таким способом. Известно, что крыланы в качестве дополнения ловят насекомых, а в неволе пристрастны к мясной пище. Но ловил и поедал рыбу скорее всего пальмовый крылан, а не калонг.*

В некоторых местах калонги подвергаются преследованию не столько вследствие причиняемого ими вреда, сколько ради мяса. При охоте за калонгом малаец пользуется сарбаканой, целится в крыло, как в наиболее чувствительную часть тела, оглушает животное и таким образом овладевает им; европейцы же с большим успехом пользуются огнестрельным оружием. Во время полета весьма легко стрелять по животным: крылья их теряют равновесие, как только дробинка перебьет косточку пальцев. Если стреляют по ним днем, в то время, когда они сонные висят на ветвях, то, стараясь улететь, калонги так беспорядочно скучиваются, что мешают друг другу. А подстреленные животные не в состоянии расправить свои крылья, но так крепко цепляются за ветви, что не падают, даже будучи смертельно ранеными**.

*** Чтобы подолгу висеть на ветке, не напрягая мышц, летучие лисицы используют специальный автоматический механизм — под тяжестью животного распрямляются конечности, при этом натягиваются сухожилия внутренней стороны стопы, и таким образом сгибаются пальцы. Эта система настолько эффективна, что даже мертвое животное остается висеть на ветке.*

«Я видел, — замечает Гаскарл, — что любители охоты стреляют в кучу тесно висящих калонгов. Но падают при этом только некоторые, остальные же не отлетают прочь, а подползают теснее друг к другу, крепко держась своими длинными крыльями». Ягорь, напротив, рассказывает, что стая калонгов при выстреле только частично остается висеть на дереве, многие животные поднимаются в воздух. Мясо калонга не везде и не многими европейцами употребляется в пищу. Уоллес замечает, что почти одни жители Батшиана в Зондском архипелаге употребляют в пищу летающих собак. «Эти отвратительные создания, — говорит он, считаются там лакомством, и потому их преследуют, когда в начале года они появляются в большом количестве на острове, чтобы здесь кормиться плодами. Днем во время сна они легко могут быть пойманы или убиты палками: затем их собирают в корзины и относят домой. Приготовление из них пищи требует особого умения, так как кожа и жир калонга имеют прогорклый запах, сильно похожий на запах лисицы. По этой причине их варят с обильным количеством пряных кореньев и приправ, и приготовленное таким образом мясо становится действительно вкусным, похожим на мясо хорошо прожаренного зайца». Они быстро привыкают к потере свободы, становятся ручными, и ухаживать за ними нетрудно. Калонги притворливы на свободе — выбирают только самые сочные плоды, но невзыскательными оказываются в неволе — едят любые фрукты, какие только им дают, но предпочитают мясо.

Рок привез во Францию самца калонга. В продолжение 109 дней он кормил его на корабле сначала бананами, после вареньем, затем рисом и в заключение свежим мясом. Мертвого попугая калонг сожрал с большой жадностью, а когда нашли гнездо крыс и дали ему крысят, он казался

весьма довольным. Наконец, его кормили рисом, водой и сладким хлебом. По прибытии в Гибралтар снова дали плодов, и он более уже не ел мяса. Ночью калонг становился резвым и пытался вылезти из клетки; днем держался спокойно и, подобно всем летучим мышам, подвешивался на одной ноге, закутавшись в крылья, в которые прятал даже голову. Он скоро привык к людям, которые за ним ухаживали. В особенности хорошо знал своего хозяина, позволял ему дотрагиваться до себя и гладить, не делая никакой попытки укусить. Точно так же он держал себя и по отношению к негри-танке, которая ухаживала за ним*.

* Крыланов в отличие от летучих мышей довольно просто содержать в вольерных условиях. В неволе многие из них доживали до 17-20 лет. В настоящее время в некоторых европейских и американских зоопарках созданы питомники, где успешно разводят крыланов. Благодаря усилиям знаменитого Джерсийского зоопарка два вида летучих лисиц были спасены от вымирания.

Семейство мышехвостовые

Наиболее известный вид **большой ланцетонос**, или **египетский свободнохвост** (*Rhiporota microphyllum*).

Это маленький длинноволосый, светло-серый зверек; 5,5 см длина тела, почти такой же длины и хвост; около 20 см размах крыльев; особенно бросается в глаза очень длинный и тонкий хвост, который состоит из 11 позвонков и далеко выдается за летательную перепонку бедра. Вероятно, ланцетонос был известен уже старому Геснеру, по крайней мере его описание относится к этому виду. «В большой каменной четырехугольной постройке (пирамиде) в Египте мы находили много летучих мышей, тем непохожих на наших, что у них есть длинный хвост вроде мышиного, который далеко выдается за крылья; сами же крылья не длиннее, чем у наших летучих мышей. Рождают они одного, иногда двух детенышей, матери привешиваются к камням кривыми когтями, а детеныши присасываются к груди матери, у которой есть два соска, как у женщины, по описанию Беллениуса». Ланцетонос живет в громадном количестве в Египте, преимущественно в старых, покинутых памятниках, в искусственных и естественных пещерах. Я находил их в громадном количестве в большой крокодиловой пещере в Монсалуте, которая служила в древности местом погребения священных пресмыкающихся.

Большой ланцетонос, или египетский свободнохвост (*Rhinoroma microphyllum*)

Под одним из больших сводов этой пещеры они висели в таком огромном количестве, что черный потолок казался от них серым. На полу лежал слой испражнений в несколько дюймов толщины, и вонь от них заражала всю длинную пещеру. Когда мы вошли с огнем в этот спальный покой, то воздух огласился оглушающим шумом и нас окружила масса спугнутых животных, которые стремились найти другое убежище. Шум от их полета раздавался далеко по всей пещере и был похож на шум отдаленной грозы. Несколько раз они тушили у нас г. веч и. При каждом взмахе палкой мы сбивали одну, а то двух или трех летучих мышей; с перебитыми крыльями они с писком ползали по земле, стараясь где-нибудь спастись. Пойманные кусались смело и довольно чувствительно.

В вечерние сумерки эта летучая мышь часто появляется на Ниле, но еще чаще на залитых водой местах и ловит насекомых, летающих над поверхностью воды. Впрочем, она распространяется далеко по Нилу и часто встречается в Донголе.

Семейство подковоносые

(*Rhinolophidae*)*

* Семейство включает единственный род, примерно с 70 видами. Сложная конфигурация кожных выростов на морде всех представителей семейства позволяет различать виды и свидетельствует о тонкости эхолокации. Подковоносы летают с закрытым ртом и производят ультразвуковые сигналы через ноздри. Большинство видов строго ночные рукокрылые. Подковоносы распространены по всем тропикам и субтропикам восточного полушария, заходя на север до Японии, Британских островов, побережья Балтики, горных систем Крыма, Кавказа, Средней Азии. В России небольшие колонии (от десятков до 500 зверьков) подковоносов четырех видов существуют на Кавказе и в Предкавказье.

У подковоносов вполне развитой носовой нарост состоит из трех частей: подковы, продольного гребня** и ланцета.

* * Этот гребень обычно называют «седлом».

Подкова начинается на верхушке мордочки, окружает лежащие на переносице в глубокой кожистой складке ноздри и оканчивается боковыми ветвями у самых глаз. Продолговатый гребень возвышается в середине подковы, сзади ноздрей и имеет впереди расширенную поперечную поверхность, а сзади седлообразное углубление, где он и оканчивается выдающимся вперед острием. Стоящий поперек лба кожистый ланцет возвышается между глаз под задним краем ветвей подковы и имеет с каждой стороны выдающейся средней линии по три углубления, отделенных одно от другого поперечными перепонками. Ухо гораздо проще, кожистого развитого козелка нет. Подковоносы имеют широкие и довольно короткие летательные перепонки, поэтому они тяжело машут крыльями и полет их менее ловок, чем у других видов.

Один из обыкновенных видов подковоносов — это **малый подковонос** (*Rhinolophus hipposideros*); он принадлежит к самым маленьким из наших летучих мышей. Все тело длиной в 6 см, а размах крыльев около 22 см. Шерсть светлая, беловато-серая, сверху несколько темнее, чем снизу. Малый подковонос распространен на севере далее других листоносов. В Европе он встречается, по словам Коха, от берегов Северного и Балтийского морей до Средиземного моря и от крайнего Запада Европы до Кавказа; в Германии местами его совсем нет, а местами водится в большом количестве.

К климату и переменам погоды этот подковонос менее чувствителен, чем его сородичи, но не охотно вылетает в холодную, сырую погоду; для дневного отдыха всегда находит защищенные места, поэтому забирается далеко в глубину рудников и пещер. Зимняя спячка длится довольно долго, впрочем, смотря по обстоятельствам, его можно видеть и с первыми летучими мышами, рано вылетающими из своих убежищ, и с теми, которые вылетают поздно; есть и такие, которые поздно засыпают и рано вылетают. Это различие во времени начала и окончания зимней спячки, кажется, обусловливается не возрастом, а скорее полом животных; Кох находил в спячке очень рано осенью большей частью самцов, а поздней весной — самок; некоторые экземпляры подковоносов прерывают зимнюю спячку, другие — нет.

Летом малые подковоносы живут преимущественно в подземных пещерах, в старых развалившихся ледниках, в рудниках и в нежилых строениях. И летом, и зимой собираются стаями, но не такими громадными массами, как другие летучие мыши, и каждое животное висит отдельно, а не скучившись. В состоянии покоя висят на задних ногах и заворачиваются слегка в летательную перепонку; во время зимней спячки так плотно заворачиваются, что его можно принять скорее за гриб, чем за летучую мышь. В светлый летний день, когда подковонос спит, без сетки его нелегко пой-

мать, потому что при приближении человека он быстро просыпается и улетает. Во время бодрствования поминутно вертит головой то в ту, то в другую сторону, обнюхивая все вокруг, лижет себя, приглаживается, ловит в своей шерсти паразитов.

Малый подковонос — самая живая, миловидная и занимательная из наших летучих мышей, хотя летает не очень ловко, довольно медленно и невысоко над землей. Неволи, к сожалению, не выносит; как большинство видов этого семейства, очень раздражителен, возбуждается, когда его дразнят или трогают; из-за раздражения начинает течь кровь из носа, и животное зачастую умирает.

Главная пища подковоноса — насекомые, не покрытые жесткой кожей: мелкие ночные бабочки, мухи и т. п.

Еще чаще встречается **большой подковонос** (*Rhinolophus ferrumequinum*). Длина его тела достигает 5,5 см, хвоста — 3,5 см, размах крыльев — 33 см. Носовой нарост очень велик; ухо также довольно большое; волосы густые и длинные; цвет самцов сверху пепельно-серый с беловатыми корнями волос, снизу — светло-серый; у самок сверху — светло-красновато-бурый, а снизу красновато-серый. Подковоносы водятся большей частью в средней и южной Европе, их находят в Азии на Ливанских горах. В горах летом они поднимаются до высоты 2000 метров.

Большой подковонос (*Rhinolophus ferrumequinum*)

Живут охотно группами; иногда соединяются с родственными видами. Для зимней спячки и дневного сна выбирают обычные места, как и все другие летучие мыши*.

* Из за жесткого костного каркаса поясов конечностей подковоносы с трудом передвигаются по горизонтальным поверхностям, поэтому спят в убежищах с широкими входами, в которые можно влететь и сразу повиснуть на потолке.

Весной большой подковонос вылетает рано, зимой вылетает только изредка и поздно вечером.

Полет его из-за широких, но коротких крыльев не отличается ловкостью; он никогда не поднимается особенно высоко.

Семейство американские листоносы

(Rhinolophidae)**

* * Свое название получили из-за характерного выроста в виде листка на носу, сильно варьирующего по форме и размеру у разных видов.

Между многочисленными видами этой группы особого внимания заслуживает самый большой из всех кровососов Южной Америки – **ложный вампир** (*Vampyrum spectrum*)***.

* * * *Ложный вампир самый крупный рукокрылый западного полушария. Латинское название этой летучей мыши переводится как «вампир-привидение».*

Длина его тела достигает 16 см, а размах крыльев, по Бэтсу, 70 см. «Голова, — говорит Бурмейстер, — толстая и длинная с вытянутой мордочкой. Уши торчат кверху и большей величины, чем у многих видов, продолговатые, яйцевидно-круглые и без большой вырезки на наружном крае; узкий, острый козелок имеет у основания зубец; носовой лист, сравнительно с величиной животного, мал и узок, посередине его идет возвышение, стебелек довольно широкий, не отделенный вырезкой от острозубчатой и гладкой, без бородавок, окраины носа. Верхняя губа гладкая, на нижней две большие голые бородавки. Мягкий и нежный мех на спине темно-каштановый; летательные перепонки, как и все голые части тела, бурого цвета». Вампир живет в северной Бразилии и Гвиане в девственных лесах, а также в старых зданиях****.

* * * *Ареал ложного вампира охватывает территорию от юга Мексики до южного Перу и центральной Бразилии, а также остров Тринидад.*

"Ничего не может быть отвратительнее, — говорит Бэте, — вида этого создания, особенно если рассматривать его спереди. Большие, кожистые, стоящие широко по сторонам головы уши; прямостоящий, вроде копья, носовой нарост; сверкающие и блестящие черные глаза — все это, соединенное в одно целое, напоминает сказочных домовых. Неудивительно, что народная фантазия наделила это отталкивающее создание сверхъестественными свойствами. Но вампир — одна из самых неопасных летучих мышей, и безвредность его хорошо знакома всем прибрежным жителям Амазонской реки». По древнейшим и новым описаниям достоверных исследователей эта летучая мышь, хотя и представлена в таком страшном виде, относится к листоносам, но не к кровососам; по ночам усердно охотится за насекомыми и, кроме того, питается плодами*.

* *Немалую роль в питании ложных вампиров играют мелкие позвоночные.*

"Во время светлых лунных ночей, — говорит Уатертон, — я часто видел, как упырь подлетал к деревьям со спелыми плодами и сосал их. Из леса он приносил по временам к нам на двор круглый плод величиной с мускатный орех, походивший на плод дикой гуаявы, а когда цвело местное ореховое дерево, носился вокруг него. В одну светлую лунную ночь я видел несколько летучих мышей, которые летали около вершины этого дерева, и заметил, что цветки по временам падали в воду. Это происходило, конечно, не без причины, потому что все упавшие цветы, исследованные мною, оказались свежими и неповрежденными. Из этого я заключил, что их срывали листоносы для того, чтобы съесть завязывающийся плод или насекомых, которые так часто сидят в цветках"***.

* * *В этом и следующем рассказах, приводимых Бремом, речь, очевидно, идет не о ложных вампирах, а о других видах листоносов.*

Бэте подтверждает наблюдения Уатертона. «Я нашел два различных вида вампиров — один черноватого, другой красноватого цвета и убедился, что оба питаются преимущественно плодами. Здание церкви в Эга служило главным пребыванием обоих видов, я их видел каждый вечер, сидя перед дверью моего дома: они стаями вылетали из церкви через большое открытое окно позади алтаря. Я слышал их писк прежде, чем они разлетались по лесу.

Ложный (большой) вампир (*Vampyrum spectrum*)

Иногда они залетали даже в дома. Первого из них, которого я увидел в комнате, когда он кружился под потолком, я принял за исчезнувшего перед тем голубя моего соседа. Я вскрывал желудки многих из этих листоносов и находил, что они содержали множество мякоти и семян различных плодов, перемешанных с остатками насекомых. Туземцы утверждают, что они воруют в садах зрелые плоды каюса и гуаявы. Но при сравнении вынутых из желудка семян с зернами разводимых в Эга деревьев я нашел, что этого не может быть, и мне кажется вероятнее, что упыри только в лесах находят пищу, а к утру возвращаются в деревни, потому что они здесь в строениях имеют более надежное место для отдыха, чем на дворе».

Семейство вампировые (Desmodontidae)*

** Семейство включает три рода настоящих вампиров, или десмодов, довольно крупных рукокрылых, распространенных от юга Техаса до центральных районов Чили и Аргентины. На островах Карибского моря вампиры отсутствуют (есть только на Тринидаде). В горах встречаются до высоты 2100 м, ландшафтные зоны для них не очень важны — живут от пустынь до тропических лесов. Во времена Брема вампиров причисляли к семейству американских листоносов, чем и объясняется периодическая подмена названия «вампир» на «листонос».*

Вампиры распространены в большом количестве во всех странах, расположенных в жарком и умеренных поясах. Некоторые скрываются в чаще больших лесов, в дуплистых деревьях, на старых пнях и между широкими листьями пальм и других крупнолистных растений; большинство прячутся на день в пещерах, в обломках развалившихся зданий, под темными сводами, а также между стропилами крыш.

Известные виды этого семейства живут отдельно, некоторые, в особенности обитающие в пещерах, скапливаются в громадные стаи. С наступлением сумерек просыпаются и часто летают всю ночь. Иные летают низко и быстро, другие — высоко и медленно.

Самые древние из известных описаний я нахожу у моего любимого старого Геснера. «В Дариене в Новом Свете ночью испанцев мучили летучие мыши; они кусали их во время сна так, что те исходили кровью и многих наутро находили мертвыми. Также это животное, найдя под открытым небом курицу или петуха, захватывает зубами за гребень и убивает, пишет Петр Мартир. Во мно-

гих местностях испанцы встречали летучих мышей величиной не меньше голубя-турмана, которые с наступлением ночи нападали на них, кусали ядовитыми зубами и совсем оглушали, так что те едва имели силы бежать от них. Таких же летучих мышей, не меньшей величины, в громадном количестве находили на острове Ураба — одном из самых больших островов Нового Света, где эти животные причиняли такой же вред, как испытали и вышеописанные испанцы. Анцизус, когда я его спросил о ядовитых укусах, рассказал, что однажды летом, во время жары, его укусила летучая мышь в ногу, но это повредило ему не больше, чем укус неядовитого животного. Другие говорят, что хотя укус и ядовит, но если больное место смочить морской водой, то через час все пройдет».

Точнее сообщает об этом испанец Азара, называющий кровососа «Morderor», то есть кусатель. «Иногда, — говорит он, они кусают спящих кур в гребень или в бородки и высасывают из них кровь, вследствие чего куры околевают, в особенности когда раны воспаляются, что случается почти всегда. Вампиры также кусают лошадей, ослов, мулов и коров — чаще всего в бока, плечи или в шею, потому что в этих местах им легче удержаться. Кусают они и людей; я сам убедился в этом, потому что четыре раза был укушен в пальцы, когда спал под открытым небом или в открытых строениях. Я вовсе не чувствовал ран, нанесенных мне; раны были круглыми или продолговато-круглыми но такой незначительной глубины, что едва проникали через кожу, и отличались от других ран вздутыми краями. По моему вычислению количество крови, вытекшей из раны, равнялось двум с половиной унциям. У лошадей и у других животных это количество должно быть больше и доходит до 3 унций, притом я полагаю, что уже вследствие толстой шкуры кровососы должны наносить этим животным более значительные и глубокие раны. Кровь выходит не из артерий, потому что рана до них не доходит, а только из сосудов кожи, без сомнения, вампиры вытягивают ее высасыванием или лаканием. Хотя мои раны и болели несколько дней, но во всяком случае были так незначительны, что я не считал нужным употреблять против них какое-нибудь средство, тем более что они не мешали мне ходить. Так как эти животные вовсе не столь опасны и сосут кровь лишь в те ночи, когда им не удастся отыскать другой пищи, то нечего их бояться и от них прятаться. Рассказывают, будто бы они обмахивают крыльями как веером то место своей жертвы, где хотят сосать, для того, чтобы животное ничего не чувствовало». Все остальные народные поверья о вампире Азара опровергает самым решительным образом.

"Когда жгучая дневная жара сменяется в тропических странах прохладой не менее длинной ночи, — описывает Гумбольдт, — то рогатый скот и лошади не могут все-таки насладиться отдыхом. Чудовищные летучие мыши, подобно вампирам, во время сна высасывают у них кровь, крепко прицепившись к ним на спину, где потом образуются гнойные раны, на которые садятся комары, оводы и множество других жалящих насекомых». В описании своих путешествий этот же натуралист еще несколько раз возвращается к кровососам, которых он сам наблюдал. «Огромные летучие мыши, по всей вероятности, из семейства листоносов, летали по обыкновению добрую половину ночи над нашими гамаками; так и казалось каждую минуту, что они хотят вцепиться кому-нибудь в лицо». В другом месте он говорит: «Скоро после этого страшные летучие мыши, летавшие над нашими гамаками, укусили, или, как выражаются туземцы, ужалили нашего большого дога за морду. У них длинные хвосты, как у молоссов; но я думаю, что это были листоносы*»; их язык усажен сочками и служит орудием сосания; они могут его сильно сунуть.

* *Настоящие вампиры практически лишены хвоста и имеют глубоко вырезанную перепонку между задними ногами.*

Рана была небольшая и круглая; собака жалобно выла, но не от боли, — она испугалась летучих мышей, когда они летали над нами. Подобные случаи бывают гораздо реже, чем обыкновенно в этой стране думают. Хотя мы были в тех местностях, где вампиры встречаются очень часто, и много ночей проводили под открытым небом, но никогда они нас не кусали. Кроме того, ранка совсем не опасна, а боль от нее так незначительна, что просыпаются уже тогда, когда летучая мышь сделала свое дело».

Ренгор прибавляет к наблюдениям Азары следующее: «Я исследовал более сотни ран у мулов, лошадей и быков и не мог составить себе ясного понятия о том, каким образом вампиры производят их. Воронкообразная рана имеет около четверти дюйма ширины, иногда несколько более, и от одной до двух линий глубины. Рана никогда не проникает через всю кожу до мускулов; на ней вовсе не заметно следа зубов, как при обыкновенных укусах; напротив того, края раны сильно разрыхлены и распухшие. Поэтому я не думаю, чтобы эти раны у крупного скота возникли посредством укусов, тем более что в таком случае каждое спящее животное непременно бы проснулось и прогнало врага. Можно предположить, что вампир делает сначала кожу нечувствительной посредством сосания губами, подобно тому как это делается, когда ставят банки, и затем, когда она уже

вздует, прокусывает зубами небольшое отверстие. В это отверстие, как мне кажется, вампир потом всовывает вытягивающийся, приспособленный для сосания язык, вследствие чего и образуется воронкообразное углубление. Из устройства крыльев очевидно, что летучая мышь не может в одно время и сосать и махать крыльями. Летательная перепонка соединена с ногами до самой ступни, следовательно, для животного невозможно держаться ногами и в то же время двигать ими, чтобы махать крыльями; ему бы тогда пришлось сосать на лету. Я по крайней мере видел, что когда летучие мыши садились на лошадей, то складывали при этом крылья. Для того чтобы легче держаться, они выбирают на теле животного места, покрытые волосами и не очень выпуклые, например, у лошади — шею, загривок и круп, а у мулов — шею и загривок, у быка — лопатку и складки шеи. Раны эти не опасны; но так как иногда в одну и ту же ночь несколько вампиров сосут кровь из одного животного, и это иногда повторяется несколько ночей кряду, то скотина ослабевает от потери крови, тем более что кроме крови, высосанной вампиром, ее потом вытечет от 2 до 3 унций (около 60-90 граммов) из каждой раны. Нередко также мясные мухи кладут свои яйца в образовавшуюся таким образом рану, отчего она превращается в большую опухоль. О том, что листоносы сосут также и людей, я не могу привести другого примера, кроме того, что рассказывает о себе сам Азара».

"Известные, часто описываемые кровососы, — говорит Бурмейстер, — которым без основания приписали столько дурного, распространены в Бразилии почти повсеместно и едва ли не ежедневно выказывают свое присутствие, кусая верховых и вьючных животных. Они, впрочем, редко приносят настоящий вред или убытки, так как количество крови, высасываемое ими у животных, очень незначительно. Укусы их чаще всего замечаются в холодное время года, когда летучим мышам трудно добыть насекомых, и постоянно на определенных местах, именно там, где волосы животного расходятся во все стороны и летучая мышь легко может проникнуть до голой кожи. Большую часть укусов я находил на загривке, в особенности у тех животных, у которых были на этих местах раны от хомута и сбруи. Второе любимое место вампиров — это впадина на бедре, около тазовых костей, где волосы расходятся; кусают они также ноги внизу, но очень редко делают укусы под шеей. На голове, на носу и на губах раны встречаются только в исключительных случаях. Пока животное не спит, оно не подпустит к себе летучей мыши; топая ногами, двигая головой, оно всегда прогонит вьющегося около него врага; вампир может спокойно сосать только спящих животных. Рассказ о том, что листоносы при этом машут крыльями, следует считать басней. Иногда конюхи, осматривающие лошадей, даже схватывают сосущих их летучих мышей: до того эти кровососы бывают увлечены своим делом, что не обращают ни на что внимание. Об укусах людей я не имею точных наблюдений, так как мне не случалось видеть человека, укушенного ими. Трудно с точностью сказать, каким образом кусает летучая мышь. Известно только, что она садится с полураспущенными крыльями, раздвигает слегка волосы, крепко прижимает к коже бородавчатый подбородок и начинает сосать. Рана имеет вид маленькой, неглубокой ямочки, совершенно не похожей на раны, нанесенные острым орудием. Я думаю, что отверстие делается заметным только тогда, когда летучая мышь уже несколько всосала кожу и прокусила или откусила часть ее двумя острыми верхними резцами, но не клыками, которые для этого вовсе не годятся. Крови после укуса много не вытекает. Узкая высохшая полоска крови — вот все, что замечается впоследствии. О случаях смерти животных от потери крови я никогда не слышал. Они, без сомнения, несколько ослабевают от часто повторяющихся укусов, в особенности потому, что в холодное время года нигде не найти обильного корма; но умирают такие животные только в том случае, когда хозяин слишком обременит их тяжелым вьюком, так что, по всей вероятности, животное околело бы и без потери крови».

К этому рассказу лучше всего присоединить обстоятельные сообщения Гензеля, показания которого заслуживают доверия, хотя иногда он исходит от ложных предположений. «В Бразилии, говорит он, — часто можно видеть на лошадях и мулах раны, причиненные летучими мышами, высасывающими кровь. В Риоде-Жанейро, где вследствие жары все конюшни оставляются открытыми, чтобы отогнать этих летучих мышей, вынуждены ночью ставить лампы и вывешивать полотна в виде флагов, которые развеваются ветром. Мне самому часто случалось видеть и находить бесчисленные раны несомненно такого же характера на моих верховых и вьючных животных; эти раны отнюдь не походят на раны от укуса хищного зверя, у которого мелкие резцы, но большие и острые клыки, так что на укушенном месте остаются четыре дырочки — следы четырех клыков. От укуса хищным животным не бывает зияющей раны, а кровотечение происходит только в том случае, если клыки проникли глубоко и повредили крупные сосуды. Если укусит какой-нибудь небольшой хищник, например ласка, то крови вытекает очень мало и рана скоро затягивается. Но раны лошадей и мулов, укушенных вампирами, совсем иного характера, они представляют маленькую яйцевидную поверхность, которая слабо углублена и очертанием походит на чечевицу. Порез не перпендикуля-

рен к поверхности укушенного места, как в ранах, сделанных клыками, а идет почти параллельно коже. Такую рану можно получить следующим образом: приподнять щипчиками кожу немного вверх и затем срезать ее ножом, проводя им как бритвой во время бритья. Подобный укус или порез всегда сопровождается потерей частички кожи и сильным продолжительным кровоизлиянием, так как при этом перерезывается много сосудов. У лошадей, укушенных вампирами ночью или вечером, нередко и на следующее утро еще стекает кровь узкой струйкой с шеи на землю или с плеча по передним ногам. Такие раны могут быть причинены только большими, острыми, лопатообразными резцами, а подобную зубную систему мы находим только у десмодов и у ланцетоносов. Я убежден, что только эти две группы летучих мышей сосут кровь, а все рассказы о других летучих мышах, высасывающих кровь, основаны на ошибке или на недоразумении».

"Вместе с десмодами, — продолжает Гензель, — встречаются в Бразилии и другие листоносы; однако раны, наблюдаемые на тамошних лошадях, всегда такие же, как вышеописанные. На рогатом скоте я никогда не замечал укусов, так как кожа у них слишком толста и крепка; но за отсутствием лошадей кровососы накидываются и на них.

Мне кажется совершенно невероятным, чтобы из одной и той же раны могли сосать кровь несколько кровососов, один после другого, потому что они оставляют свое убежище почти в одно время, кроме того, потребность в пище у них одинаково велика. В Америке, где лошадь не принадлежит к числу местных видов, кровососы первоначально имели другой источник питания. Такие животные, как олени, тапиры, водосвинки и другие, защищены от нападения кровососов, потому что живут в непроницаемой чаще лесов или в воде, а обезьяны спасаются от них благодаря своей живости и ловкости. Так что чаще всего вампиры ловят мелких теплокровных животных — мышей, птиц и высасывают у них кровь, а только в исключительных случаях нападают на лошадей или мулов. Доказательством того, что вампиры не употребляют в пищу насекомых, а исключительно питаются кровью, могут служить недоразвитые коренные зубы, совершенно не приспособленные к жеванию*.

** Червеобразный желудок вампиров не способен переваривать ничего, кроме крови.*

Кроме того, при вскрытии их внутренности находят наполненными черной, смолистой кашицей, образовавшейся от переваренной крови. Испражнения также черны и тягуче-жидкие. С началом сумерек летучие мыши покидают свои убежища в самой глубине темных пещер или в щелях скал, но не вылетают на открытый воздух тотчас же, а сначала собираются вблизи входа пещеры на удобном месте, где ожидают наступления темноты и, между прочим, выпускают жидкие испражнения. Поэтому почва в таких пещерах покрыта толстым слоем массы вроде дегтя, со своеобразным запахом, свойственным летучим мышам; в посещенной мною пещере слой этот достигал фута глубины. Большая собака, вошедшая туда, возвратилась как будто в черных сапогах».

У меня относительно этого предмета мнение иное, чем у Гензеля. Его предположение, что питание кровью содействует образованию жидких испражнений, — неверно, в чем легко можно убедиться на каждой кошке или собаке, если их намеренно кормить кровью. Мне кажется, что жидкие испражнения происходят от плодов, которые листоносы высасывают в значительном количестве.

Кроме упомянутых Геснером испанцев и известного Азары некоторые другие путешественники также были укушены кровососами, например Бете, проживший в Бразилии 11 лет. Во время своего пребывания в Карапе он жил в комнате, необитаемой уже несколько месяцев и стены которой имели во многих местах отверстия. «Первую ночь, — рассказывает он, — я спал крепко и не замечал ничего необыкновенного; на вторую — около полуночи был разбужен шумом, который производила крыльями огромная стая летучих мышей, летавших взад и вперед по комнате. Они потушили лампу, и когда я ее опять зажег, то увидел, что вся комната была ими наполнена и казалась черной от множества кружившихся в ней летучих мышей. Несколько минут я их прогонял палкой, и они исчезли через отверстие в крыше между черепицами. Но, как только все успокоилось, вернулись назад и опять затушили огонь. Я больше не обращал на них никакого внимания и лег спать. На следующую ночь несколько этих животных залезли в мой гамак; тех из них, которые вскарабкались на меня, я схватил и бросил о стену. На рассвете нашел на своих ногах рану, несомненно причиненную летучей мышью. Это, наконец, мне так надоело, что я принялся вместе с неграми их прогонять и убил массу висевших на стропилах. Негры взобрались на крышу и оттуда притащили сотню летучих мышей с детенышами. Кроме этого раза мне больше не приходилось выдерживать нападения летучих мышей. Тот факт, что они высасывают кровь** у спящих людей, признан несомненным; но люди, действительно укушенные ими, встречаются редко.

** * Найдя подходящее место для укуса, зверек острыми, как бритва, передними резцами срезает кусочек кожи и углубляет ранку языком, смачивая слюной, содержащей анальгетики обезболивающие вещества и антикоагулянты вещества, препятствующие свертыванию крови. Вампиры не сосут кровь из раны, а лизут и лакают кровь, сбегающую из ранки вниз по поверхности тела.*

Негры считают, что вампир — единственный вид, который нападает на людей. Те летучие мыши, которых я ловил, когда они на меня лезли, были нетопыри, и поэтому я склонен думать, что сосанием крови занимаются различные виды этих животных». Таких обстоятельных отчетов не имеется из Африки и Индии; некоторые путешественники упоминают мимоходом и очень кратко, что кровососы Старого Света, поймав мелких животных, сначала высасывают у них кровь, а потом пожирают, но это не особенно существенные наблюдения. Во всяком случае, в этих странах ни люди, ни крупные животные не страдают от кровососов.

Один из представителей этого семейства, о котором уже много раз упоминалось, получил название **обыкновенный вампир, или десмод** (*Desmodus rufus*)*.

** Это самый крупный (длина тела до 9 см) и наиболее известный представитель семейства. Большинство нападений на крупный скот и человека принадлежит ему. Крупным птицам они наносят укусы в нижнюю часть голени, или вокруг клоаки. Если птица просыпается и начинает прохаживаться, незаметно семенят за ней, уловив момент, прикладываются к ране, Десмоды — строго ночные рукокрылые, летают низко, издают локационные звуки малой мощности. Собираются в пещерах, дуплах, иных укрытиях скоплениями по несколько тысяч особей. Сезонности в размножении нет, беременность длится 90-120 дней, в году бывает 2 помета. Детенышей самка оставляет на месте дневки.*

Эта летучая мышь сверху темно-бурого цвета, только верхушки и основания волос беловатые; снизу шерсть гораздо светлее, блестящего серебристого цвета. Носовой нарост, ушная раковина, руки и ноги кажутся мясного красного цвета и покрыты редкими волосами. Летательные перепонки почти такого же цвета, как и спина. Длина тела достигает 6,5 см, размах крыльев — 37 см.

Этот вид, по словам Бурмейстера, часто встречается в пещерах Минас Гераес. Днем висит под потолком небольшими группами, легко приходит в беспокойство при виде света. Подобно листоносам в тесном смысле, питается кровью, что подтверждает и форма зубов — резцов и коренных. Наблюдения Бурмейстера очень существенно пополняет Гензель. «Эти летучие мыши, говорит он, — живут большими группами в пещерах между скалами, иногда встречаются в больших дуплистых деревьях. Во время ловли они кусали моих собак за нос и меня самого за пальцы; я рассматривал эти раны и нашел, что они совсем похожи на те, которые я видел у лошадей, покусанных кровососами. Животное кусает с быстротой молнии: кажется, что оно только коснулось кожи, а между тем видно, что уже кусочек ее откушен. Поэтому они не могут впиваться зубами, как это делают другие листоносы, которые, когда их поймают, приходят в такую ярость, что хватаются зубами за что попало и так висят довольно долго. Еще много есть неизвестного в образе жизни этого кровососа, так как число ран, наблюдаемых от его укусов на лошадях и мулах, — слишком незначительно по сравнению с количеством этих летучих мышей. В немецких колониях Санта-Круц в песчаниковой горе есть пещера, где живут эти листоносы; я насчитал их там штук 200. Поблизости этой пещеры было огороженное место, на котором дни и ночи паслись лошади и рогатый скот ближайших поселенцев. Я часто туда ходил, но никогда не замечал на животных очень большого количества ран от укусов кровососов. Если бы все те летучие мыши, что жили в пещере, нападали на них, то здесь держать их было бы невозможно».

Семейство обыкновенных летучих мышей

Самый малый представитель этой группы и вообще самая малая из летучих только 6,7 см, причем на хвост надо отнять 3,1 см, размах мышей в Европе — **нетопырь-карлик** (*Pipistrellus pipistrellus*).

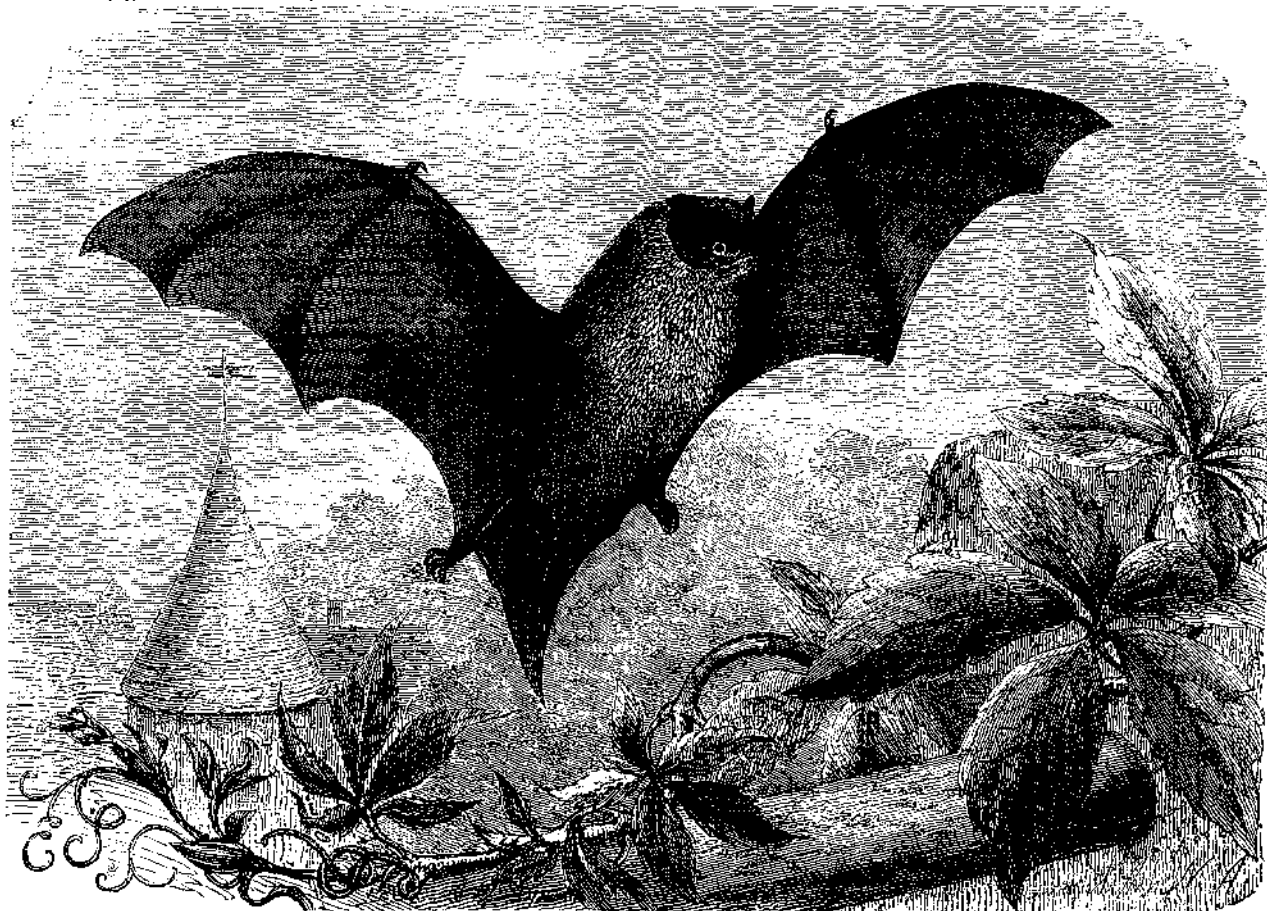
Общая длина его тела крыльев 17-18 см. Цвет шерсти непостоянный, на верхней стороне туловища желтовато-ржаво-бурый; двуцветные волосы у корня темнее, на концах светлее. Толстокожие уши и летательные перепонки имеют темно-коричневую, почти черную окраску.

Нетопырь-карлик живет почти во всей Европе и в большей части северной и средней Азии; область его распространения занимает пространство от Скандинавии и Испании до Японии; в России и Скандинавии его находят, по словам Блазиуса, до 60 градуса северной широты.

Он встречается в Англии, Франции, Германии, Венгрии, Испании, Сицилии и Греции, но чаще всего в средней Европе, особенно в Германии, где считается самым обыкновенным видом. В гористых местностях поднимается до верхней границы пояса лесов, в Альпах почти до высоты

2000 метров; живет даже на близких к материку островах. В Германии нет ни одного города, ни одной деревни, даже почти ни одного двора, где бы его не было. Днем его можно найти в углах под крышами, в расселинах каменных стен, в трещинах балок, под сводами арок, в дуплах или под корой деревьев, под досками, в густых ветвях, в плуше и в других подобных местах. В замке Вейльбург, по словам Коха, эта летучая мышь заползает даже в стеклянные фонари коридоров, а также в ходы, сделанные в старых дубах личинками жука-оленья, одним словом, она пользуется всяким доступным для нее местом. Для летнего дневного сна и для зимней спячки выбирает такие же места, но вообще неразборчива на этот счет, потому что лучше, чем все другие родичи, переносит неблагоприятную погоду. Нетопырь-карлик позже всех других живущих в Германии летучих мышей начинает зимнюю спячку и раньше всех прекращает ее, часто во время зимы пробуждается и охотится не только в защищенных местах, но и на открытых; всегда живет обществами*.

** Нетопыря карлика можно легко распознать по голосу во время осенних брачных игр. Он издает чистые металлические звуки, переходящие в длинную трель, очень отличающиеся от стрекота других нетопырей.*

Нетопырь-карлик (*Pipistrellis pipistrellis*)

Во время зимней спячки нетопыри часто скучиваются по несколько сотен и тысяч, образуя большие клубки; соединяются даже с родственными видами. Смотря по времени года, они вылетают на охоту раньше или позднее.

Полет нетопыря-карлика очень ловок, но, конечно, соответствует его малой величине; высота полета, по наблюдению Альтума, различна; иногда он низко летает над небольшими прудами, чаще порхает между стволами деревьев, а в хорошие вечера подымается на высоту от 15-20 метров. В городах, где он тоже нередко встречается, не поднимается выше второго этажа. Мало летает над серединой улиц, а ближе к зданиям, подымаясь то выше, то ниже; над высокими крышами совсем не летает. В деревнях его можно видеть у каждого дома или недалеко от него; на дворах больших хозяйств он обшаривает все углы и закоулки, забирается в открытые чердаки и конюшни; любит залетать в открытые освещенные комнаты, и при случае в несколько минут может набраться в комнату 20-30 летучих мышей. «Выдаются вечера, конечно, случайно, — говорит Альтум, — что они в большом количестве залетают в комнаты в разные дома; меня однажды известили из трех мест, что накануне вечером к ним в освещенные комнаты налетело множество нетопырей-карликов». Но они никогда не залетают в низкие маленькие комнаты, а всегда в большие; избегают пустых площадей без деревьев и только мимоходом проносятся над ними.

В мае самка мечет двух, редко одного детеныша, которые в конце июня или в начале июля настолько вырастают, что летают вместе с матерью, но все еще и помимо величины отличаются от старых. Последние делают на лету разнообразные, ловкие извивы, а молодые, по словам Альтума, шурша и шелестя крыльями, не особенно ловкими взмахами летят более или менее прямо, так что их полет очень похож на полет дневных бабочек.

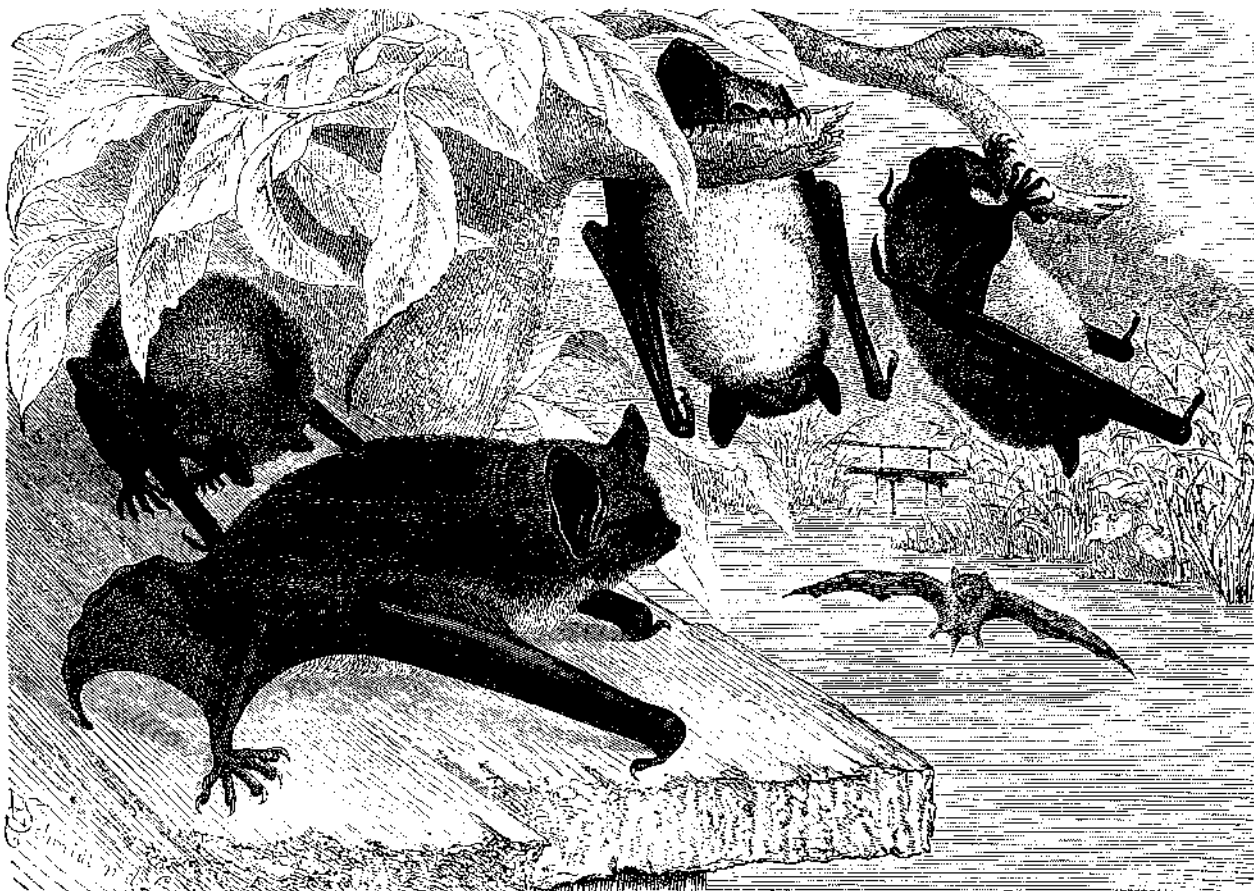
Нетопырь-карлика можно до известной степени приручить; он довольно хорошо выносит неволю, пьет молоко, ловит пущенных к нему насекомых, ест и мертвых, даже мясо — сырое и вареное.

Нетопырь-карлик больше всех других рукокрылых страдает от всевозможных врагов. Остатки его находят в погадках дневных и ночных хищных птиц; Кох говорит, что он составляет любимую пищу обыкновенной пустельги, которая его преследует, предпочитая всякой другой пище. Также уничтожают его хорьки, куница, горностай, ласка и даже мыши, которые забираются зимой в его убежище, нападают и пожирают. Но самый ужасный враг этого в высшей степени полезного животного, которое живет вблизи наших домов и истребляет моль, комаров, мух и других вредных насекомых, это, к сожалению, человек — в своем безумии необразованный, грубый, беспечный невежда, не ценящий своих лучших друзей и уничтожающий сотнями этих безвредных и благодетельных созданий.

Один из обыкновеннейших видов этой группы — **водяная летучая мышь, или водяная ночница** (*Myotis daubentoni*).

При размахе крыльев от 23-24 см общая длина тела 8,5 см, из которых 4,7 см составляют длину туловища, а 3,8 см длину хвоста. Ее легко отличить от других летучих мышей такой же величины по коротким ушам с удлинненным узким козелком и по отсутствию шпорцев; сверху она красновато-серо-бурого цвета; а снизу грязно-белого. Тонкокожистые летательные перепонки и уши серо-бурые, последние у основания несколько светлее. Шерсть двуцветная: у основания черная, а концы волос светло-серо-бурые, снизу — белые. Водяная летучая мышь живет почти во всей Европе и, кажется, в части Азии; встречается в Германии, Швеции, Финляндии, по всей западной Франции, в Венгрии, Сицилии, Сардинии, средней России и на Урале*.

** Ночницы единственный космополитически распространенный род летучих мышей.*

Водяная ночница (*Myotis daubentoni*)

В гористых странах поднимается довольно высоко, на Гарце — на 600, а на Альпах — на 1200 метров над уровнем моря. В богатых водой местностях она встречается часто и местами даже

в громадном количестве; появляется весной уже в начале марта, а засыпает в конце октября. Для зимней спячки выбирает себе дуплистые деревья, своды, ямы, трещины в скалах и разрушенные здания, но больше любит забираться в темные углы в известковых пещерах, старых штольнях, где или висит свободно, или заползает в тесные щели. Повсюду, где она часто встречается, живет обществами и только в безводных гористых местностях — поодиночке. На охоту за добычей вылетает, как только начинает смеркаться, иногда отлетает на расстояние в четверть часа от своего убежища к воде и быстро летает над ней. Альтум говорит, что около Мюнстера она представляет обыкновенное явление везде, где есть вода, все равно стоячая или текучая, но только не заросшая очень высокими растениями; недалеко от Берлина, где она также представляет очень обыкновенное явление, водится в громадном количестве. «Большие пруды, — говорит Альтум, — с нависшими над ними деревьями, окруженные садами и развалившимися каменными стенами, составляют любимейшее ее местопребывание. Полет ее очень быстр и ловок*; она летает, когда наступят уже сумерки, преимущественно над местами, где темнее от деревьев или от каких-нибудь строений, и представляется каким-то светло-серым призраком над темной поверхностью воды; очень низко проносятся над водой, ловя насекомых.

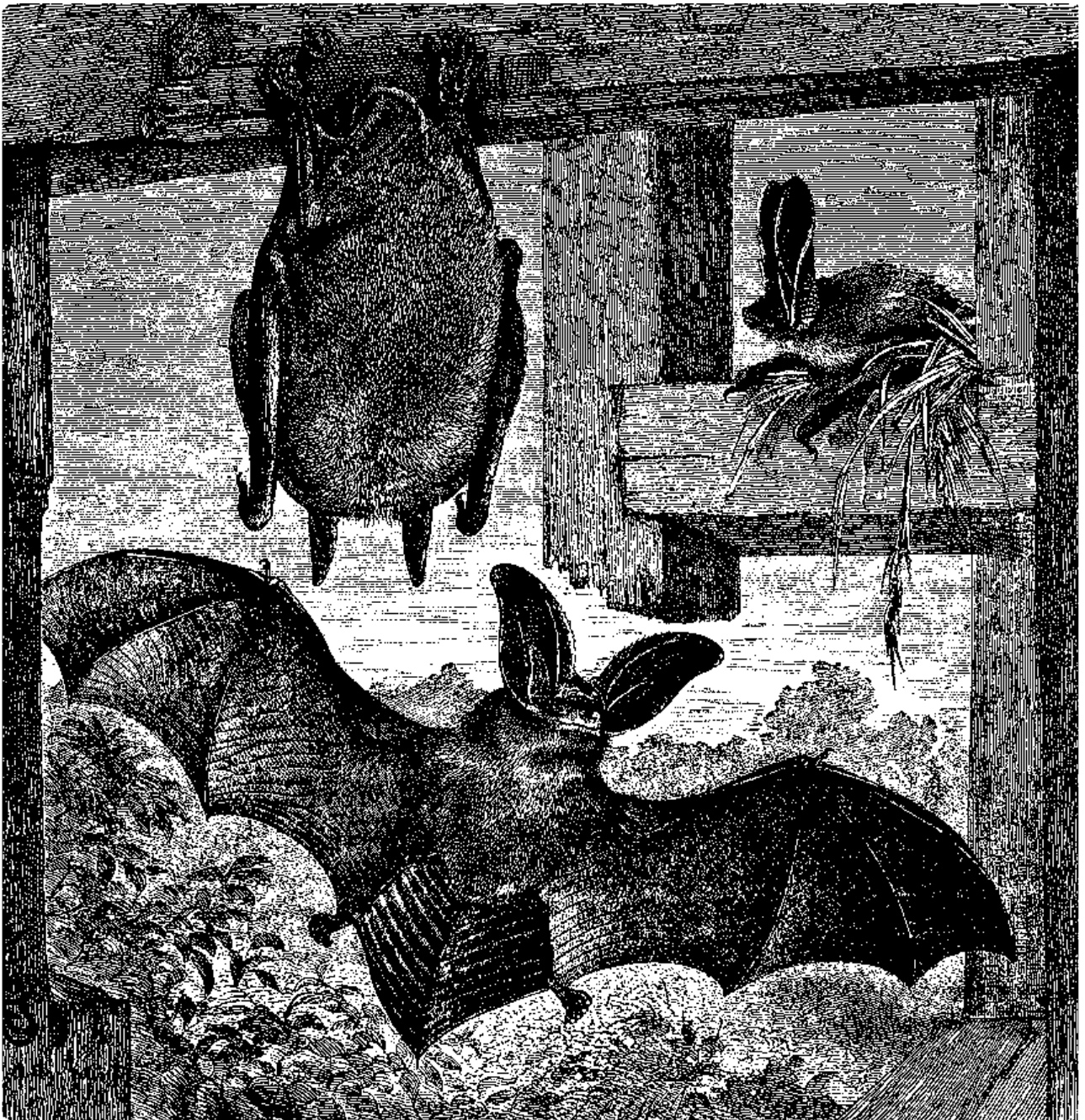
** Полет водяной ночницы довольно медленный.*

Если встречает мосты, то залетает под них даже и в том случае, если там проплывают лодки с людьми. В этом отношении она походит на летучую мышь-карлицу, которая тоже решается залетать под проездные ворота или даже в комнаты, где ищет укромного уголка, но больше пяти минут не остается на одном месте и опять перелетает на прежнее». Утомленная охотой, эта летучая мышь привешивается для временного отдыха к ветвям деревьев, растущим у воды, или к стенам каменных зданий, где часто можно наблюдать целые ряды этих летучих мышей.

Ушан обыкновенный (*Plecotus auritus*) при размахе крыльев в 24 см имеет длину тела только 8,4 см; из них еще около 4 см приходится на хвост. Уши очень длинные по сравнению с величиной всего тела, а именно 3,3 см. мех довольно длинный, разных оттенков — сверху серо-бурый, с нижней стороны несколько светлее; у молодых животных темнее, чем у старых. Летательные перепонки тонки, нежны и гладки, светло-серо-бурого цвета; у самого тела они покрыты редкими и чрезвычайно тонкими волосками. Особенно замечательны равняющиеся почти длине туловища уши, имеющие от 22-24 поперечных складок, а сзади правильно закругленный изгиб. Козелок достигает почти половины длины уха, к концу суживается и заметно отгибается кнаружи; он, как и само ухо, состоит из крайне нежной и тонкой кожицы.

Ушан встречается во всей Европе, за исключением тех стран, которые лежат за 60 градусом северной широты*.

** На Кольском п-ове обыкновенные ушаны встречаются севернее Полярного круга, почти доходят до него в Западной Сибири и Якутии. Все виды ушанов являются неперелетными рукокрылыми, на зиму впадают в спячку.*

Ушан обыкновенный (*Plecotus auritus*)

Кроме того, его наблюдали в северной Африке, западной Азии и Ост-Индии. Он нигде не считается редкостью, а в северной и средней Германии — один из обыкновеннейших видов; живет всегда отдельно или небольшими группами. Повсюду держится недалеко от человеческих жилищ, летом привешивается иногда для сна на оконных ставнях, в дуплах деревьев, зимой забирается в ледники, под своды, в известковые пещеры. В городах, говорит Альтум, он выбирает незастроенные места — площади, обсаженные деревьями и кустами, иногда попадает в беседки и строения, стоящие в саду. В гористых странах, например на Гарце или на Альпах, ушаны не поднимаются выше лесной полосы. Летом их чаще всего можно видеть летающими на лесных прогалинах и проселках, в садах и аллеях. Редко поднимаются они выше 15 метров, обыкновенно летают гораздо ниже, хлопают крыльями и летят медленно, впрочем, могут и разнообразить свои движения. «Он любит летать, — говорит Альтум, — около плодовых деревьев: подобно бражникам, отыскивает свою пищу в цветущих растениях, причем временами останавливается неподвижно в воздухе, словит паука или моль и опять продолжает летать». Во время полета сгибает свои громадные уши, очень подвижные из-за бесчисленных поперечных складок, и наклоняет их дугообразно вперед книзу, так что тогда торчат вверх только острые, длинные козелки. Когда ушан висит, то чаще всего складывает уши назад под крылья. Во время зимней спячки, по словам Коха, он висит на открытом месте, реже в расщелинах и обыкновенно поблизости от входа в убежище; может выносить довольно значительный холод. Несмотря на то что ушаны нечувствительны к холоду, они очень рано забираются в свое убежище, уже с октября, и зимняя спячка длится до марта. В конце июня или в нача-

ле июля самка приносит детенышей. Питается ушан преимущественно насекомыми, которых ловит на лету и, по наблюдению Альтума, хватает их также с листьев; это последнее, впрочем, оспаривается другими наблюдениями**.

* * Ушаны часто собирают насекомых, сидящих на субстрате, даже хватают их, садясь на землю. Взмахивая короткими широкими крыльями, могут зависать на одном месте, что облегчает им сбор корма. В отличие от ночниц и вечерниц на охоту вылетают в полной темноте. В период размножения самки держатся колониями до 200 особей, самцы поодиночке.

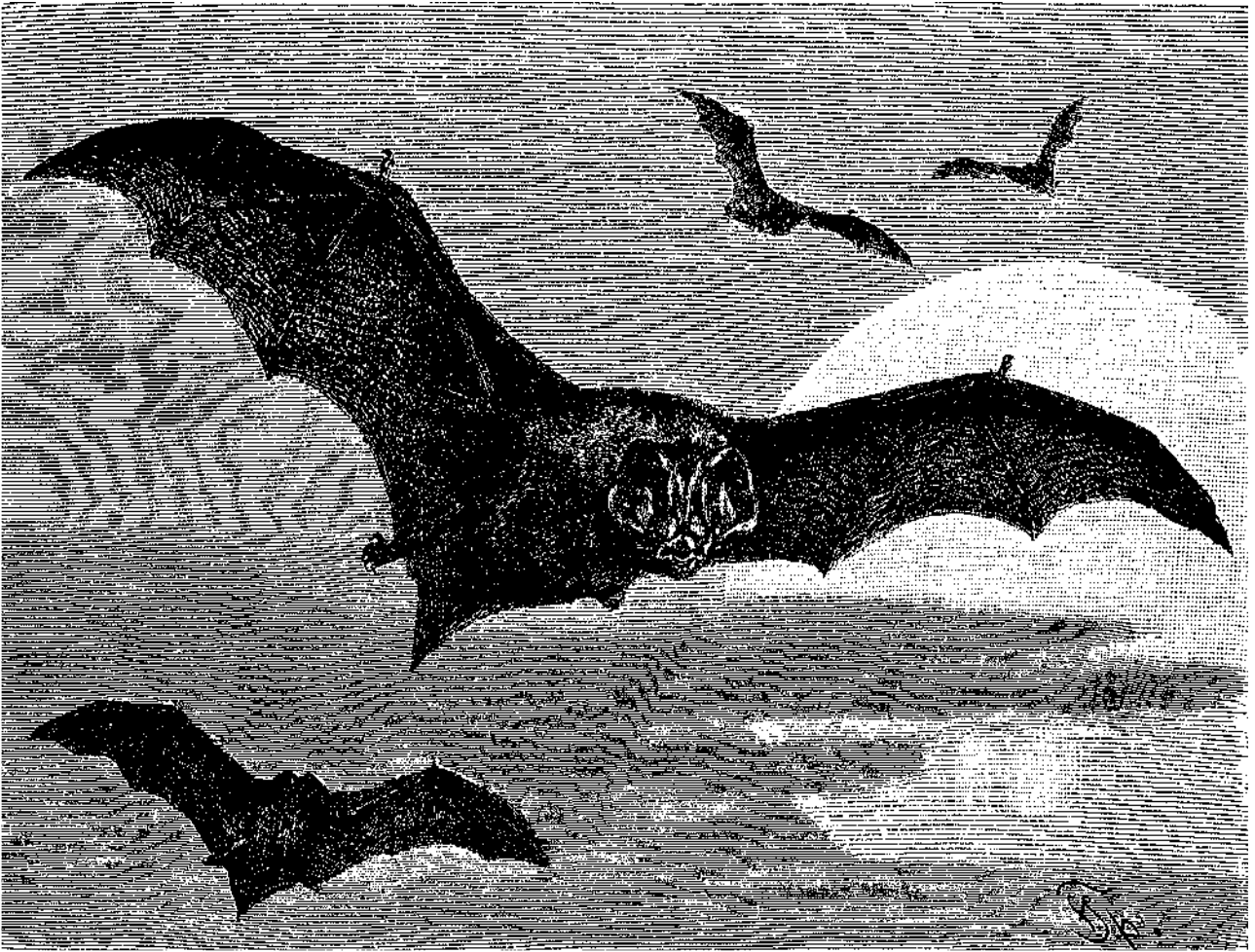
Ушанов, подобно большей части летучих мышей, очень мучают всевозможные паразиты; кроме того, им часто грозит опасность со стороны куниц, хорьков, некоторых дневных хищных птиц, сов, а иногда также и кошек. Хищные звери подкрадываются к ним днем, а совы ловят ночью, когда они вылетают за добычей, — в то время даже и мелкие, ловкие ночные хищные птицы без труда хватают их на лету.

Ушаны дольше всех других рукокрылых выдерживают неволю: при тщательном уходе могут жить в ней несколько месяцев и даже лет. Вследствие этого их выбирают чаще, чем других летучих мышей, для наблюдений над условиями жизни рукокрылых. Их можно до известной степени приручить. Фабер в продолжение многих недель производил наблюдения над жившим у него ушаном. Обыкновенно в сумерки ушан был очень подвижен, летал часто и в продолжение дня, а в середине ночи отдыхал. Он легко и долго носился по комнате, по большей части держа крылья спокойно, впрочем, мог на лету опускать и расправлять их. Чтобы миновать какое-нибудь препятствие, он описывал дугу, быстро опускался на землю и без труда опять подымался на воздух. По стенам лазал замечательно ловко при помощи больших пальцев передних конечностей. Длинные уши его были в постоянном движении: он то приподнимал их, как лошадь, при малейшем шуме, то отгибал назад, наподобие рогов у молодых баранов, когда слышал продолжительный и сильный шум. В спокойном состоянии постоянно складывал уши, часто вертел головой, облизывал себя языком и нюхал во все стороны носом. Как все летучие мыши, этот ушан сильно страдал от всевозможных паразитов и часто чесал голову и все тело когтями. В холодную погоду сидел смирно. Как только заходило солнце, он начинал двигаться — бегал по клетке взад и вперед. Прожорливость его даже в неволе была чрезвычайно велика. Если к нему пускали мух, то он сейчас же начинал за ними охотиться, чтобы насытиться, ему нужно было от 60-70 таких насекомых. Он переваривал почти так же быстро, как и пожирал, и еще во время еды наполнял клетку своими черными испражнениями. Добычу замечал не глазами, а с помощью тонкого слуха и обоняния. Как только мимо него пролетали мухи, ушан тотчас их замечал, обнюхивал вокруг, наострив уши, останавливался перед мухой и затем с распушенными крыльями бросался на нее; чтобы поймать добычу, старался вогнать ее под крылья и потом схватывал наклоненной вперед мордой. Он быстро пережевывал пищу и проглатывал ее с помощью языка, причем ловко выплевывал твердые части, которые были ему не по вкусу, например ноги и крылья. Мертвых насекомых он ел только в случае сильного голода, но если только его добыча шевелилась, то всегда быстро бросался на нее. После окончания еды свертывался и сидел спокойно.

Европейская широкоушка (*Barbastella barbastella*). Длина 9 см, хвост 5 см, а размах крыльев 26 см. мех на верхней стороне темно-бурого цвета, а на нижней — светлее, серо-бурого; волосы у корня черные, на конце имеют бледно-коричневую окраску; толстокожие летательные перепонки и уши бурого цвета.

"Этот вид хорошо известен, — говорит Блазиус, — в Англии, Франции, Италии, Германии, Швеции и в Крыму. Я наблюдал его в Венгрии, в средней России* и в Альпах, где он поднимается до самых высоких пастушеских хижин, встречается на Сен-Готарде, а также на Гарце — до высших обитаемых пунктов».

* Оба вида широкоушек, европейская и азиатская (*B. leucomelas*), обитают в России только на Кавказе.

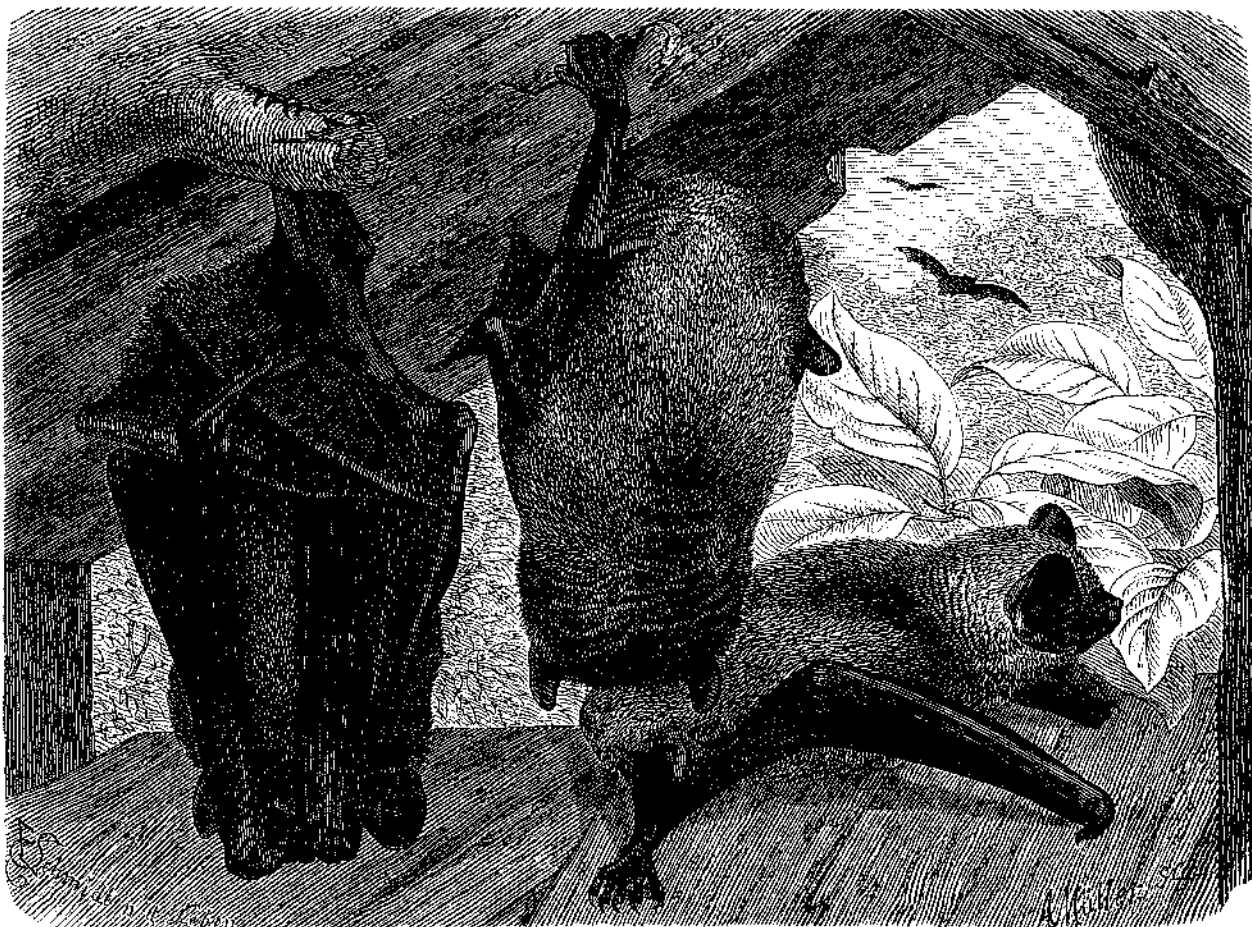
Европейская широкоушка (*Barbastella barbastella*)

По словам Коха, она особенно любит гористые страны и большие леса, никогда не живет обществами и во время зимней спячки только изредка привешивается вдвоем или втроем; широкоушки очень миролюбивого нрава и не дерутся между собою и с другими летучими мышами. Для дневного отдыха они прячутся преимущественно в расселины каменных стен, реже привешиваются к открытым темным местам на скалах или под сводами. Кенатило считает, что они тоже переключиваются, потому что в тех местах, где летом встречались в большом количестве, зимой их можно редко видеть. Зимняя спячка, по Коху, начинается почти зимой в ноябре; сон не крепок, легко прерывается и оканчивается очень рано, с наступлением первых теплых дней в начале марта или даже в конце февраля. При продолжительном холоде они, конечно, дольше остаются в своем убежище, но уже не в бессознательном состоянии, как во время спячки. Чаще всего забираются под арки, в ледники, подвалы, рудники и пещеры, а в известняковые пещеры только в случае крайности, когда поблизости нет ничего лучшего. Во время спячки висят, держась задними ногами, головой вниз, предпочтительно на стенах, в которые упираются передними ногами, а не на потолке. Самцы висят отдельно, самки забираются в щели. В своем убежище широкоушка не забирается далеко вглубь, а обыкновенно помещается у входа, так что до нее доходит и свет, и холод. Кох во многих местах находил висящих широкоушек, окруженных со всех сторон ледяными сосульками. В хорошую погоду они иногда летают по убежищу, ловят бабочек, которые тоже там зимуют.

Летом широкоушка вылетает на волю при наступлении сумерек во всякую погоду, не боится ни дождя, ни ветра, держится тогда возле лесных опушек, в тенистых садах, реже возле домов и охотится преимущественно за мелкими бабочками; летает очень высоко и скоро, делает разнообразные извивы и быстрые повороты. По словам Альтума, она может быстро взлетать на высоту 10 метров и также опуститься до 3 метров над почвой, чтобы обыскать кусты; в городе держится не выше крыш домов. Рано весной производит на свет двух детенышей, которые уже осенью настолько вырастают, что делаются похожими на взрослых.

Из туземных видов широкоушка самая смиренная, не злая, мало кусается, лучше всех выдерживает неволю, если только у нее нет недостатка в живых насекомых. Даже старые животные быстро приручаются и привыкают к тому, кто за ними ухаживает; через несколько дней уже перестают бояться людей и до известной степени становятся ручными.

Представитель этой группы **рыжая вечерница** (*Nyctalus noctula*) — один из самых крупных европейских видов. Длина вечерницы 11 см, причем 4 см приходится на хвост; размах крыльев — 37 см; сверху и снизу одноцветной красновато-бурой окраски, молодые — темнее; толстокожие уши и летательные перепонки темно-бурого цвета.

Рыжая вечерница (*Nyctalus noctula*)

Встречается от Англии и Северной Германии по всей Европе, даже в северо-восточной и южной Азии, следовательно, распространена по большей части Старого Света*; предпочитает плоскогорья и широкие долины гористым и высоколежащим странам и поэтому только в области своего распространения попадает часто.

** В России этот вид распространен от зоны смешанных лесов на юг до границ, на восток до Алтая. Местами обычен. На зиму большинство зверьков улетает на юг. Предпочитает широколиственные леса с дуплистыми деревьями. Иногда образует небольшие колонии (до 100 особей) на чердаках, в развалинах.*

Для дневного отдыха, по наблюдениям Коха, забирается чаще всего в трещины на деревьях, в дырки, вырубленные дятлами, в конюшни, нежилые лесные домики и в дупла деревьев, где ее местопребывание легко заметить по тому, что вход в дупло гладкий и жирный, а также по особенному неприятному запаху. Такие же места выбирают эти летучие мыши и для зимней спячки, но предпочитают здания: чердаки церквей, старые необитаемые замки, где они собираются сотнями, привешиваются друг к другу наподобие черепицы на крыше и висят так громадными клубками в том случае, если не совершают перелета. Коленати наблюдал, как на Дунае они летели на запад целыми тысячами, а Кох говорит, что в гористых частях южной Германии осенью они исчезают и появляются опять только в середине лета. «Зимой мы никогда не находили у себя этих летучих мышей, хотя годами следили за ними с помощью угольчиков и лесников, между тем в июле и августе эти легко заметные по своему полету животные в тех же странах представляют вовсе не редкое явление». Но в других местах Германии, даже на севере, их находили и зимой. Они в это время собираются более или менее группами, соединяются с родственными видами, хотя их отнюдь нельзя назвать миролюбивыми. Зимняя спячка начинается довольно рано и продолжается непрерывно до поздней весны; это явление стоит в некотором противоречии с их нечувствительностью к холоду и суровой погоде. Размножение также совершается в поздние весенние месяцы; самка мечет двух детенышей, которые и к началу зимней спячки еще отличаются от взрослых животных.

Из всех здешних летучих мышей рыжая вечерница самая сильная, летает выше всех и вечером появляется первой*.

* *Рыжая вечерница* один из лучших летунов среди рукокрылых, сочетает скорость с маневренностью. На полной скорости она подлетает к дуплу, мгновенно сложив длинные узкие крылья, проскакивает внутрь, резко тормозит и повисает на стенке или потолке дупла. Поэтому в отличие от кожанов и нетопырей, заползающих в убежище, предпочитает круглые, а не щелевидные дупла. На охоту вечерницы обычно вылетают через 20-30 минут после захода солнца, но с наступлением полной темноты возвращаются. Второй вылет перед рассветом. Нередко в ясные вечера кормятся, летая на высоте 40-70 м и даже выше. Вечерницы специализированы в питании крупными летающими насекомыми.

Нередко ее можно видеть за несколько часов до заката солнца и, если можно так выразиться, довольно часто в борьбе с хищными птицами. Однако с помощью быстрых извивов она очень ловко умеет избавиться почти от всех нападений, часто даже ловкий сокол-чеглок, умеющий ловить и ласточек, не в состоянии догнать вечерницу. Из всех летучих мышей ее можно назвать самой увертливой. «Быстрыми, отчасти дрожащими взмахами крыльев, говорит Альтум, — проносится она невероятно скоро между вершинами самых высоких деревьев, уклоняясь то в ту, то в другую сторону, и крупными извивами преследует насекомых; иногда она несется некоторое время, не делая взмахов, иногда быстро опускается вниз или еще быстрее поднимается вверх». Питается всевозможными насекомыми, поэтому считается одним из полезнейших наших млекопитающих. Хотя рыжие вечерницы меньше других летучих мышей страдают от врагов, но все же в погадках сипухи попадаются их черепа. Опаснейшим врагом является зима; Альтум утверждает, что он чаще всех других видов находил вечерниц замерзшими.

Отряд приматы

(Primates)*

* *Отряд приматов (Primates «первенствующие»)* объединяет почти 200 видов, включая человека. Приматы естественным образом распадаются на два подотряда полуобезьян и обезьян, представители которых заметно различаются внешним обликом, уровнем высшей нервной деятельности, экологией, многими другими чертами.

Из древних народов, по-видимому, только индийцы и египтяне питали некоторую симпатию к обезьянам. Древние египтяне высекали их изображения из прочного порфира и придавали своим богам часто внешний вид обезьян; древние индийцы точно так, как их нынешние потомки, строили для обезьян особые дома и храмы. Царь Соломон, по библейскому сказанию, выписывал обезьян из Офира. Римляне держали их для удовольствия в своих домах, а также изучали по их трупам внутреннее строение человеческого тела; их забавляла смешная переимчивость этих животных, и они для забавы заставляли обезьян бороться с дикими зверями в цирке. Впрочем, гордые римляне никогда не приравнивали обезьян к себе и считали их вполне зверями точно так, как и Соломон. Арабы смотрят на дело иначе: они видят в обезьянах потомков нечестивых людей, для которых нет ничего ни святого, ни достойного уважения, которым чуждо понятие о добре и зле, которые не сближаются ни с какими другими существами, созданными Господом Богом и которые прокляты с того дня, когда они, по суду Всевышнего, превращены из людей в обезьян. Существа эти осуждены Аллахом на вечные времена носить в себе отвратительное соединение человеческого подобию и бесовской внешности. Мы, европейцы, склонны видеть в обезьянах карикатуру на человека, а не существ, имеющих сходство с нами по строению своего тела. Более привлекательными нам кажутся те обезьяны, которые менее всего похожи на нас, между тем как те виды, у которых сходство с человеком выражено сильнее, нам почти всегда противны. Нерасположение наше к этим существам основывается не только на их наружном виде, но и на душевных свойствах их. Нас одинаково поражает как сходство обезьян с человеком, так и отличие их от нас. Достаточно бросить один взгляд на скелеты человека и обезьяны, чтобы заметить в них очень существенные различия, однако при внимательном изучении различия эти вовсе не так поразительны, как кажется с первого раза. Во всяком случае совершенно несправедливо считать обезьян существами, обиженными природой, как это легкомысленно делают некоторые писатели.

Величина обезьян очень разнообразна: горилла ростом с большого человека, игрунка не больше белки*.

* *Длина тела приматов от 8,5 см (мышинный лемур, долгопяты) до 180 см (горилла), масса соответственно — от 45 г до 300 кг.*

Мышиный лемур (*Mikrocebus minimis*)

И строение их тела довольно разнообразно. В общих чертах обезьян можно разделить на три группы: человекообразные, собакоподобные и векшеподобные, что в большинстве случаев лучше характеризует их фигуру, чем длинные описания. Одни из них массивны, другие — стройны, третьи — неуклюжи, а некоторые очень грациозны. Конечности у обезьян бывают короткими и мускулистыми или же тонкими и длинными. У большинства приматов длинные хвосты, но у некоторых хвост короткий, а есть и вовсе бесхвостые обезьяны. Точно так же разнообразен и волосяной покров: у одних обезьян жидкие и короткие волосы, у других, напротив, шерсть густая и длинная, так что образует настоящий мех. Цвет шерсти чаще всего темный, но встречаются обезьяны, чей волосяной покров местами ярко окрашен. Голые места на теле иногда бывают также окрашены чрезвычайно ярко. Между обезьянами встречаются и альбиносы. В Сиаме, в Стране белого слона, где вообще альбиносы в моде, белые обезьяны чтятся весьма высоко.

Несмотря на внешнее разнообразие обезьян, внутреннее строение их тела довольно однообразно. В скелете их отмечается от 12 до 16 грудных позвонков, от 4-9 поясничных, от 2-5 крестцовых и от 3-33 хвостовых. Ключица всегда сильно развита; кости предплечья не срастаются и очень подвижны; кости запястья удлинены, а суставы пальцев иногда довольно коротки; на задних конечностях очень сильно развит большой палец, который, как у человеческой руки, может быть противопоставлен всем другим пальцам. Череп бывает довольно разнообразной формы в зависимости от развития лицевой и мозговой части; глаза расположены спереди и лежат во впадинах, окруженных сильно выдающимися костями; скуловые же дуги мало выдаются. Зубная система у обезьян полная: на каждой стороне челюсти, как верхней, так и нижней, замечается по два резца, по одному развитому клыку, по два или по три ложнокоренных и по три настоящих коренных зуба, с плоскобугорчатыми верхушками. Одним словом, зубы обезьян мало чем отличаются от зубов человека**.

* * *Наиболее заметным внешним отличием обезьяньей зубной системы от человеческой являются выдающиеся крупные клыки и диастемы — промежутки в зубном ряде, куда эти клыки входят при сомкнутых челюстях.*

Среди мускулов особенно замечательны мускулы руки, так как они представляют не столь сложную систему мышц, как на руке человека. Устройство гортани таково, что оно не позволяет обезьянам разнообразить звуки в такой мере, как это делает человек. Пузыреобразные раздутия дыхательного горла у некоторых обезьян способствуют образованию резких и воющих звуков. У некоторых видов обезьян отмечено развитие защечных мешков, т.е. особых расширений внутренних стенок рта, которые соединены с полостью рта особым отверстием и служат для временного сохранения пищи. У мартышек и павианов защечные мешки развиты сильнее, чем у других обезьян. Эти мешки спускаются ниже челюсти, у человекообразных и у обезьян Нового Света их вовсе нет.

Обезьян часто называют четырехрукими и противопоставляют двуруким, т.е. человеку, имея в виду строение их передних и задних конечностей. Без всякого сомнения, обезьяны значительно отличаются от человека по строению рук и ног, но различие это с анатомической точки зрения не особенно велико. Если сравнить руки и ноги человека с руками и ногами обезьяны, то оказывается, что они устроены по одному и тому же типу. Большой палец, противоположный другим пальцам, встречается у человека только на руках, у игрунковых — только на задних конечностях, а у прочих обезьян — и на передних и на задних конечностях*.

* *У ряда форм, освоивших брахиацию передвижение путем попеременного подвешивания на конечностях, — большой палец на руках может быть сильно редуцирован или отсутствовать совсем. Таковы коаты, колобусы, гиббоны, некоторые другие древесные обезьяны.*

Было бы несправедливо отрицать различие между строением ног человека и задних конечностей обезьян, но разделять их на этом основании не следует.

Окен, сравнивая обезьяну с человеком, пишет следующее: «Обезьяны похожи на человека во всем безнравственном и дурном: они злы, лицемерны, коварны, непристойны и вороваты. Они, правда, научаются многим штукам, но непослушны и любят прерывать свои занятия какой-нибудь совершенно неожиданной проказой. Обезьянам нельзя приписать ни одной добродетели, и человеку они не приносят никакой пользы. Случается, что они стерегут дом, охраняют имущество, прислуживают, но все это делают до тех пор, пока им не взбрет на ум какое-либо дурачество. Как в нравственном, так и в физическом отношении они представляют собой лишь худшую сторону человека».

Нельзя отрицать, что описание это почти верно. Однако надо признать у обезьян и хорошие качества. Судить о нравственных свойствах всего отряда довольно трудно, потому что многочисленные семейства и роды значительно отличаются друг от друга. Весьма справедливо, что обезьяны злы, коварны, гневны, мстительны чувственны сварливы, раздражительны — одним словом, подвержены многим аффектам. Но не следует упускать из виду их понятливость, веселость, кроткий нрав, ласковость и доверчивость к человеку, их умение придумывать себе занятия, их забавную серьезность, храбрость и постоянное попечение о благе своих товарищей; их мужество при защите общества от сильнейших врагов. Но больше всего в них развита любовь к своим детенышам; они часто переносят эту любовь на слабых собратьев и детенышей других животных.

Умственное развитие приматов не так уж сильно превосходит умственные способности прочих млекопитающих, как думают обыкновенно. Безусловно, их удивительные руки дают обезьянам значительные преимущества перед другими животными, а их движения и действия кажутся более совершенными, чем это есть на самом деле. Обезьяны очень понятливы, и переимчивость, которой большинство из них обладает, помогает им легко обучиться некоторым довольно сложным действиям. Их следует отнести к числу самых умных животных. Они обладают прекрасной памятью и умеют пользоваться своим опытом. Обезьяны отлично понимают свою выгоду, обнаруживают замечательное искусство в притворстве и знают, как скрыть зловерные намерения, зреющие в их голове. Обезьяны умеют ловко избегать опасностей и очень удачно придумывают средства к защите. У них замечается довольно сильное развитие сердечных чувств: они способны любить и привязываться к другим существам, часто бывают благодарны и расположены к тем лицам, которые делают им добро. Павиан, живший у меня, всегда выказывал расположение ко мне, хотя легко сходилась и с другими лицами, но эта последняя дружба была не сильна, так как он часто кусал нового приятеля, заметив, что я приближаюсь к ним. Любовь их, однако, тоже непостоянна. Стоит только посмотреть на лицо обезьяны, как сразу убедишься в том, как часто меняется у нее состояние духа. Подвижность лица поразительна. На нем замечаются в быстрой последовательности самые разнообразные выражения: радость и печаль, доброта и гнев, похоть и спокойствие — одним словом, всевозможные аффекты и

страсти. При этом не следует забывать, что это быстрое изменение выражения лица несколько не мешает обезьянам в то же самое время прыгать, лазать и проделывать всевозможные гимнастические упражнения.

Замечательно, что всех обезьян, несмотря на их ум, можно легко обмануть. Страсть у них почти всегда одерживает победу над рассудительностью. Если они находятся в состоянии сильного возбуждения, то уже не замечают самой грубой западни и совершенно забывают про осторожность, увлекаясь желанием удовлетворить свою страсть. Замечание это относится и к самым умным обезьянам, но из этого нельзя вывести заключения о слабости их умственных способностей. Разве то же самое не случается иногда с людьми? Палеонтологические изыскания свидетельствуют, что в прежние времена распространение обезьян было более обширно, чем теперь. Ныне они живут только в жарких странах земного шара, так как им необходим теплый климат в течение всего года. Некоторые павианы поднимаются в горных странах на значительную высоту и там переносят довольно низкую температуру, но все другие обезьяны очень чувствительны к холоду*.

* *Тибетские (Macaca thibetana) и японские макаки (M. fuscata), горные резусы (M. assamensis) живут в областях Азии с умеренным климатом и достаточно суровой — морозной и снежной — зимой. Именно эти макаки считаются самыми холодоустойчивыми обезьянами.*

В каждой части света есть свои особые породы обезьян, и только один вид живет одновременно и в Африке, и в Азии**.

* * *Вероятно, Брем имеет в виду гамадрила (Papio hamathyas), однако он, как и другие павианы, африканская обезьяна, и заходит на юг Аравийского п-ова только краем ареала, в Австралии обезьян вовсе нет.*

В Европе встречается один вид обезьян, и то в небольшом количестве экземпляров: они живут на Гибралтарской скале под защитой английских орудий. Впрочем, Гибралтар не самая северная местность, где встречаются обезьяны: японская мартышка обитает на севере до 37 градуса северной широты***.

* * * *Японский макак распространен до северной оконечности о. Хонсю — до 41-го градуса с.ш.*

В Южном полушарии обезьяны достигают 35 градуса южной широты, и то только в Старом Свете. В Америке же область распространения обезьян простирается от 28 градуса северной широты до 29 градуса южной широты.

Область распространения каждого вида обезьян довольно ограничена, хотя можно заметить, что в отдаленных странах одной и той же части света встречаются породы обезьян, друг на друга очень похожие.

Большинство обезьян живет в лесах; только некоторые виды предпочитают скалистые горные местности. Строение тела этих животных так хорошо приспособлено к лазанью, что большие деревья составляют любимое место их пребывания; обезьяны, живущие на скалах, лазают на деревья только в случае крайней нужды.

Обезьяны, бесспорно, принадлежат к числу самых живых и подвижных млекопитающих животных. Выйдя на добычу, они не остаются ни минуты в покое; эта подвижность обуславливается, между прочим, и разнообразием их пищи. Обезьяны едят все съедобное, но главную часть их пищи составляют все-таки растительные вещества: плоды, луковицы, клубни, корни, семена, орехи, почки, листья и сочные стебли. От насекомых они также не отказываются, а яйца птиц и сами птенцы составляют для многих обезьян любимое лакомство. Во время своих поисков они постоянно что-нибудь рассматривают, хватают, срывают, обнюхивают и откусывают, а затем или съедают, или бросают. Обезьяны бегают, скачут, кувыркаются, в случае необходимости и плавают. Движения, проделываемые ими на ветвях деревьев, превосходят всякое описание. Только большие обезьяны и павианы немного неуклюжи, прочие же — настоящие акробаты. Прыжки длиной в 6-8 метров для них нипочем. С верхушки дерева они легко спрыгивают на конец ветки, лежащей на 10 метров ниже. Ветка эта от толчка сильно наклоняется, затем выпрямляется и дает обезьяне толчок вверх, и от этого толчка она, словно стрела, пронизывает воздух, действуя хвостом и ногами, как рулем. Вскочив таким образом благополучно на другое дерево, животное быстро пробирается дальше, искусно избегая самых страшных колючек. Вьющееся растение служит ему весьма удобной лестницей, древесный ствол — торной дорогой. Обезьяны лазают вперед и назад, вверх и вниз головой, по сучьям и под ними. Если обезьяна сорвется с верхушки дерева, она схватится на лету за ветку и будет спокойно ждать, пока та перестанет качаться. Тогда обезьяна вскарабкается по ней и ползет дальше. Если ветка обломится, обезьяна, падая, схватит другую. Не выдержит и эта — попа-

дется третья, а впрочем, и на землю упасть ей нипочем. Чего нельзя схватить руками, обезьяны хватают задними конечностями, а американские обезьяны — хвостом.

У обезьян Нового Света хвост, можно сказать, пятая, самая важная конечность: на нем они висят, качаются, им достается пища из расщелин и щелей; посредством него обезьяна влезает вверх на ветку; даже во время сна хвост не ослабляет своего сжатия.

Но легкость и грация в движениях обезьян заметны только при лазании. Даже крупные бесхвостые обезьяны Старого Света лазают прекрасно, хотя движения их при этом более похожи на движения человека, чем других обезьян. Походка же их более или менее тяжела и неуклюжа.

Мартышки и игрунки ходят лучше других, особенно мартышки, которые бегают так скоро, что собаке их трудно догнать; павианы же ковыляют при ходьбе самым забавным образом. Походка так называемых человекообразных обезьян отличается от человеческой. Человек при ходьбе касается земли всей ступней, обезьяны же опираются на согнутые пальцы передних рук и неуклюже подбрасывают туловище вперед, выкидывая задние конечности между передними, которые для этого несколько расставлены в стороны. Движение это сходно с походкой человека на костылях. При этом обезьяна опирается на сжатые кулаки передних конечностей* и на внешний край ступни задних, средние пальцы которых часто подгибаются, а большой палец отставляется в сторону, чтобы служить опорой. Гиббоны, по-видимому, так ходить не могут.

** При ходьбе по земле человекообразные обезьяны не сжимают руки в кулаки, а просто подгибают две концевые фаланги пальцев, опираясь на предпоследние.*

Они при ходьбе часто опираются только на задние конечности, расставляя по возможности пальцы и откидывая большой палец до образования прямого угла со ступней. При этом расставленные передние конечности служат им балансиром и распрямляются по мере увеличения быстроты движения.

Почти все обезьяны могут недолгое время стоять и ходить на одних задних конечностях, но когда они теряют равновесие, то падают на выставленные передние конечности; при быстром же движении (особенно, когда их преследуют) все обезьяны бегают на четвереньках.

Некоторые виды обезьян превосходно плавают, другие, напротив, не умеют плавать и быстро тонут, попав в воду. К первым относятся мартышки, которые при мне быстро и спокойно переплывали Голубой Нил**.

*** Некоторые виды макаков и носач экологически связаны с побережьями и, очевидно, являются лучшими среди приматов пловцами (не считая человека).*

К последним, вероятно, павианы и ревуны. На наших глазах утонул один павиан, которого мы вздумали купать. Обезьяны, не умеющие плавать, боятся воды в высшей степени.

Конечности у обезьян очень сильные, и потому эти животные могут поднимать тяжести, которые человеку были бы не по силам. Живший у меня павиан мог висеть несколько минут на одной руке и легко приподнимать свое тучное тело. Общественная жизнь обезьян в высшей степени интересна для наблюдателя. Очень немногие виды приматов ведут одиночный образ жизни, большинство из них живут стаями***.

**** Основу стай приматов составляют семейные кланы, состоящие из нескольких поколений родственников. Неродственные, примкнувшие особи обычно находятся в стае в меньшинстве. Клан имеет общую территорию, на границах которой контактирует с другими кланами и одиночками, конфликтует с «соседями» «обменивается» членами. Внутри клана поддерживается строгая иерархия. Разросшийся клан может разделиться. Для многих обезьян характерны и небольшие семейные ячейки, состоящие из самца, самки и их детенышей. Среди полуобезьян есть виды, в норме ведущие одиночный образ жизни.*

Каждая стая выбирает себе определенную местность большего или меньшего размера. Выбор местожительства зависит от многих обстоятельств, однако, обилие пищи играет здесь главную роль. Рощи около человеческого жилья обезьяны занимают очень охотно. Они, как было сказано, не испытывают особого уважения к чужой собственности. Маисовые и сахарные плантации, огороды, бахчи, банановые рощи предпочитают всем другим.

Язык обезьян довольно богат. Они издают весьма разнообразные звуки для выражения своих чувств. Человек скоро учится понимать эти звуки. Особенно характерен побуждающий всю стаю к бегству крик ужаса у вождя; описать его достаточно трудно и почти невозможно подражать ему. Он состоит из ряда отрывистых, дрожащих и негармонических звуков, значение которых усиливается искажением лица обезьяны. Когда раздается этот громкий крик, вся стая обращается в бегство; матери созывают детенышей, которые мгновенно к ним прицепляются, и самки спешат с драго-

ценной ношей к ближайшему дереву или скале. Только когда успокоится вожак, стая снова собирается и возвращается обратно.

Наличие мужества у обезьян отрицать нельзя. Более крупные из них смело сражаются с хищными зверями и даже с человеком, хотя исход борьбы для обезьян predetermined. Даже мартышки, несмотря на свой небольшой рост, бросаются на неприятеля, когда рассержены или загнаны в тупик. Зубы больших обезьян, например павианов и человекообразных, являются страшным оружием, и потому эти животные могут смело начинать борьбу с врагами. Самки вступают в бой большей частью ради собственной защиты или защиты детенышей, однако они выказывают такое же мужество, как и самцы. С крупными павианами туземцы не начинают бой без ружья, а в борьбе с гориллою и огнестрельное оружие не всегда обеспечивает победу. Во всяком случае беспримерная ярость этих обезьян, увеличивающая их силу, чрезвычайно опасна, а ловкость их часто лишает противника возможности нанести им окончательный удар. Обезьяны защищаются руками и зубами: они бьют, царапают и кусают.

Самки приносят одного детеныша, редко двух; детеныш это существо весьма некрасивое, с конечностями, которые кажутся вдвое длиннее, чем у взрослых, и лицом, до того покрытым морщинами и складками, что оно более похоже на лицо старика, чем на физиономию ребенка. Но мать любит этого уродца очень нежно; она ухаживает за ним и ласкает его весьма трогательно, хотя в наших глазах эти ласки и баловство выглядят смешными. Вскоре после рождения детеныш учится вешаться матери на грудь, обнимая передними конечностями шею, а задними — бока; в этом положении он не мешает матери бегать и лазать и может спокойно сосать. Более взрослые детеныши вскакивают на плечи и спину родителей. Сначала детеныш довольно бесчувствен и безучастен, и в это время любовь матери проявляется сильнее всего. Она все время возится с малышом: то лижет его, то ищет у него насекомых, то прижимает малыша к себе, держит его перед собой, беспрестанно кладет к себе на грудь или качает, точно желая убаюкать. Плиний всерьез утверждает, что самки, преисполненные нежных чувств, часто душат своих детенышей в крепких объятиях, но в наше время этого никто не видел. Через какое-то время молодая обезьяна становится более самостоятельной и требует некоторой свободы, которую, впрочем, и получает. Мать спускает детеныша с рук и позволяет ему шалить и играть с другими обезьянками, но очень зорко присматривает за ним, повсюду сопровождает его и позволяет ему только то, что дозволить можно. При малейшей опасности она бросается к своему детенышу и особенным звуком приглашает его вскочить к себе на грудь. Непослушание наказывается щипками, пинками, а иногда пощечинами; впрочем, дело редко доходит до этого, потому что в послушании детеныши обезьян могут служить примером многим человеческим детям. Чаще всего приказание матери исполняется при первом ее звуке.

До сих пор еще с точностью не установлено, во сколько лет обезьяна мужает, но, само собой разумеется, что у крупных видов время это продолжительнее, чем у мелких. Мартышки и мелкие американские обезьяны делаются взрослыми, вероятно, на четвертом или пятом году жизни, павианы же на 9-13, а большая человекообразная обезьяна, надо полагать, еще позднее; по крайней мере выпадение молочных зубов у нее бывает почти в том же возрасте, что и у человека. На свободе обезьяны, кажется, редко подвергаются болезням: об эпидемиях между ними никто никогда не слышал*.

** Для обезьян, так же как и для других животных, характерны эпизоотии, приматы часто страдают от паразитов. Большинство болезней, свойственных человеку, характерны и для обезьян, инфекционные заболевания легко передаются от обезьян к человеку и обратно.*

Неизвестно также, как долго они живут, но следует предположить, что гориллы, орангутаны и шимпанзе живут почти так же долго, как люди, а может быть, и дольше**.

** * Человекообразные обезьяны доживали в неволе до 45-60 лет. В природе максимальный срок жизни меньше — 35-40 лет.*

У нас, в Европе, обезьянам живется плохо, и они, несмотря на все предосторожности, по большей части умирают от чахотки легких. Вид больной обезьяны в высшей степени жалок. Бедное животное, прежде столь веселое, сидит спокойно и с жалобным, умоляющим, почти человеческим взором смотрит на людей, которые за ним ухаживают. Чем ближе обезьяна к смерти, тем тише и покорнее она становится, все зверское в ней исчезает, а более благородные качества обнаруживаются яснее. Она весьма благодарна за всякую помощь, оказанную ей, во враче видит своего благодетеля, охотно принимает лекарства, позволяет даже хирургические операции, не защищаясь от них.

Как уже сказано, в жарких странах, где есть поселения и поля, обезьяны приносят больше вреда, чем пользы. Мясо некоторых обезьян употребляется в пищу. Меха шкуры выделывают, кожа идет на сумки и другие изделия. Но эта польза ничтожна в сравнении с огромным вредом, который

обезьяны причиняют в лесах, на полях и в садах, и потому удивляешься индусам, которые считают их священными существами, берегут и ухаживают за ними, точно на самом деле они полубоги.

В высшей степени интересно окончить общую статью об обезьянах историческим обзором отношения древних народов к этим животным. Нижеследующие страницы составлены моим приятелем Дюмихеном знаменитым исследователем старины, который был настолько любезен, что изложил здесь все, что стало известно об обезьянах в результате исследования памятников Древнего Египта.

"Стены древних египетских надгробных памятников, как известно, покрыты многими рисунками, относящимися к домашней жизни египтян. Между ними часто встречаются изображения домашних и диких животных. Мы видим, например, как хозяин, похороненный в могиле, осматривает свой стада, которые тянутся перед ним длинной вереницей. Встречаются также изображения ловли рыб и птиц, охоты на львов и газелей; иногда изображена борьба человека с крокодилами и бегемотами. Рядом с рисунками мы часто находим иероглифические надписи, содержащие большей частью очень удачные описания изображенных животных. Понятно, что эти древние надписи и рисунки имеют большую важность для исследователей, изучающих жизнь животных в долине Нила. Из обезьян, запечатленных на древних египетских памятниках, чаще всего встречаются гамадрилы и бабуины, а также два вида маргышек, которые и ныне живут в восточном Судане. Рисунки эти находятся на стенах могил древнего Мемфиса, на скальных гробницах Бени-Гасана, в Фивском некрополе, а также на стенах некоторых храмов. В большинстве случаев изображались самцы обезьян, так как они имели мифологическое значение. Очень красивы небольшие фигурки, изображающие сидящего гамадрила, высеченные из различных горных пород. Их можно встретить в египетских музеях различных городов Европы. Поскольку гамадрилы и бабуины в самом Египте не водятся, равно как оба вида маргышек не живут в нижней долине Нила, а между тем мы встречаем их на древних египетских памятниках, то из этого следует заключить, что между родиной этих животных и Египтом уже в древности установились торговые и другие отношения. Некоторые древние надписи нам указывают, что сношения эти происходили через судоходство по Красному морю. Следовательно, изображения обезьян на древних египетских памятниках доказывают, что уже очень давно, может быть три тысячи лет до Р. Х., существовало судоходство между Египтом и южным побережьем Красного моря*.

** Скорее всего во времена фараонов павианы и маргышки водились в нижнем течении Нила, как и многие другие животные (бегемоты, крокодилы, львы), ныне отсутствующие в Египте.*

Что касается первой из названных обезьян, а именно гамадрила, то в иероглифическом письме она носит название анъ, анинъ, ананъ, что в точном переводе означает подражающий, перемчивый, иногда, впрочем, ее обозначали словом утен. Оба этих названия относятся также и к другим обезьянам. По правилам древней египетской письменности к корню ан присоединяли различные другие добавочные придатки и таким образом получались различные слова, выражающие подражание, изображение и т.д. Фигура обезьяны в иероглифах присутствует, например, в словах: «изобразить», «подражать», «подражатель», «рисовать», «живописец», «описать», «писец», «письменная доска», «письмо». В позднейшую эпоху, во времена Птолемея, когда в иероглифах встречаются различные самовольные изменения, попадает иногда изображение сидящего гамадрила, который держит в правой руке перо из тростника, что обозначало: «писец», «писать», «письмо».

На стене одного из храмов в Египте, а именно храма в Теир эль-Бахери, на западе от Фив, находится замечательное изображение, относящееся к морскому походу в Аравию, предпринятому египтянами в XVII столетии до Р. Х. На одной из таблиц этого рисунка мы видим, как египетские корабли нагружают иноземной добычей. Рядом с таблицей помещена объяснительная надпись, содержащая подробную опись груза, так сказать накладную. В этой описи значится, что корабли нагружали большим количеством драгоценных произведений аравийской земли: благовонным деревом, грудами ладана, деревьями, дающими ладан (на таблице изображено, как каждое из этих деревьев, посаженное в огромную кадку, переносится на корабли шестью человеками), черным деревом, белой слоновой костью, золотом и серебром, драгоценным деревом ташет и корою кассир, благовонной смолой ахем, краской для лица под названием местем, обезьянами анан (гамадрилы) и кафу (бабуины), и зверями тазем (степные рыси), мехами пантер, женщинами и детьми.

Вполне художественное исполнение этих стальных изображений, особенно рисунки обеих обезьян, вполне убеждает нас, что это гамадрил (анан) и бабуин (кафу). Слово кафу вовсе не египетское, оно заимствовано, вероятно, из Индии, где на санскритском языке и малабарском наречии оно произносится как каш, что, очевидно, соответствует еврейскому слову коф. Слово это встреча-

ется в Библии при описании похода Соломона на Офир и, очевидно, обозначает бабуина, а не гамадрила, как до сих пор предполагали. Названия других обезьян, именно мартышек, я не считаю возможным привести с точностью, так как при их изображениях нет соответствующих надписей. Вероятно, что к ним относится одно из вышеприведенных названий, общих для всех обезьян. Исследователь иероглифов Горополлон, сочинения которого нам известны по греческому переводу некоего Филиппа, говорит о гамадриле, между прочим, следующее: «Египтяне изображали письмо гамадрилом, так как они полагали, что некоторые из этих животных сами имели понятие о письме, и потому египтяне считали, что эти обезьяны приходятся им сродни. Гамадрилов держали при храмах, и когда в храм приводили нового гамадрила, то жрец подавал ему табличку для письма, чернила и перо, чтобы гамадрил сделал на табличке надпись и этим доказал, что он принадлежит именно к той породе гамадрилов, которая имеет право содержаться при храмах. По той же причине гамадрил был посвящен Меркурию, покровителю всех наук».

В этих словах Горополлона есть доля правды. Исследования доказали, что к числу священных животных, которые содержались при храмах в Древнем Египте и после смерти подлежали бальзамированию, относился и гамадрил. Животное это было посвящено богу Тоту* (Гермесу), божеству луны, покровителю письма, счета и всякой науки, вот почему гамадрилы содержались при некоторых храмах, особенно в Гермополе.

** Наиболее известным символом бога Тота был священный ибис, навиган же одно время олицетворял собой ипостась бога смерти — Анубиса. Животные символы различных богов — со временем менялись. Во времена эллинизма Тота начали отождествлять с греческим богом Гермесом.*

Жрецы, заметив понятливость этого животного, без всякого сомнения, приучали гамадрилов к разным кунштюкам, между прочим, и умению чертить на табличках разные знаки, которые благочестивыми египтянами принимались за иероглифы, чем и объясняется, по всей вероятности, упомянутое изображение пишущего гамадрила. Горополлон далее рассказывает, что египтяне также обозначали месяц изображением гамадрила, так как они заметили удивительное влияние этого светила на означенное животное: «Во время новолуния самец гамадрила исполнен печали, прячется от людей и не хочет принимать пищи, между тем как у самки в это время всегда является кровотечение. Явления эти были так правильны, что гамадрилов держали при храмах для того, чтобы узнавать время, когда луна и солнце бывают в соединении.

И в этих показаниях есть правда. В астрономических росписях, помещаемых обыкновенно на сводах храмов, гамадрил всегда изображается в связи с луной. Его изображение иногда прямо обозначает месяц как светило; иногда он в прямостоячем положении, с приподнятыми руками, приветствует восходящую луну, а сидящий гамадрил обозначает собой равноденствие.

В то время как гамадрил приобрел мифологическое значение и даже играл определенную роль в храмах, другие три обезьяны — бабуин и два вида мартышек — были незаменимы в домашней обстановке египтян. Знатные египтяне забавлялись музыкой и танцами рабов, карликами, собаками и обезьянами; поэтому мы видим иногда на древних египетских памятниках обезьяну, привязанную на веревочке к креслу хозяина и забавляющую его своими прыжками и гри масам и. Часто встречаются также изображения одной из этих маленьких обезьян, которая лакомится фидами».

Подотряд полуобезьяны

Прежние естествоиспытатели считали животных, о которых идет речь, настоящими обезьянами и потому соединяли их в один отряд, мы же отделяем полуобезьян от настоящих обезьян и полагаем нужным образовать из них отдельный подотряд. На самом деле полуобезьяны, которых можно также назвать лемурувыми*, мало похожи на четырехруких. Строение их тела совершенно другое, а зубы не имеют почти никакого сходства с зубами обезьян.

** Лемуры лишь одно из семейств подотряда. Полуобезьяны отличаются от обезьян более примитивным небольшим мозгом с малым числом извилин, удлинённым лицевым отделом черепа, голой верхней губой.*

Описание общих признаков полуобезьян сделать довольно трудно. Рост, величина тела и конечностей, зубы и скелет у этих животных очень разнообразны. Величина тела колеблется между ростом большой кошки и крысы**.

*** Крупнейшая полуобезьяна — индри — достигает 71 см в длину (без хвоста) и массы 6 кг.*

У большинства видов туловище тонкое, у иных даже худощавое; у некоторых морда несколько похожа на морду собаки или лисицы, у других голова похожа на голову сони, летяги или совы. Задние конечности большей частью заметно длиннее передних; величина первых иногда

очень значительна. У некоторых животных этой группы ступня на задних конечностях довольно коротка, у других, напротив, длинна. Строение рук и ног довольно разнообразно. У большинства полуобезьян и кисти, и ступни похожи на руки. Пальцы на всех четырех конечностях сходны между собой; большой палец отделяется от других пальцев, и на всех них есть ногти, кроме второго, у которого виден коготь. Однако указанное строение конечностей встречается не у всех полуобезьян, заметны небольшие различия в длине, толщине, а также в расположении большого пальца***.

* * * *Указательный палец на руке нередко редуцирован у полуобезьян до маленького бугорка.*

Величина хвоста может быть разной: у многих он длиннее туловища, у иных очень короток, иногда даже не заметен, у некоторых хвост пушистый, у других почти голый. Большие глаза, хорошо развитые ушные раковины и густой мягкий мех, который только у немногих состоит из жестких волос, указывают на то, что полуобезьяны должны быть отнесены к сумеречным или ночным животным. Расположение, форма и число зубов более разнообразные, чем у обезьян. Череп отличается сильным округлением затылка, короткими, но узкими лобными костями и большими глазными впадинами, которые лежат близко друг к другу и окружены выдающимися костями. В хребтном столбе мы замечаем, кроме 7 шейных позвонков, 9 спинных, 9 или более поясничных, от 2 до 5 крестцовых и 8-30 хвостовых. В противоположность обезьянам полуобезьяны имеют соски не только на груди, но и на животе****.

* * * * *Помимо грудных, могут быть брюшные и даже плечевые соски. Местом обитания полуобезьян служит Африка, главным образом Мадагаскар и соседние острова, затем Индия и Зондские острова. Здесь они водятся чаще всего в густых лесах, богатых различными плодами.*

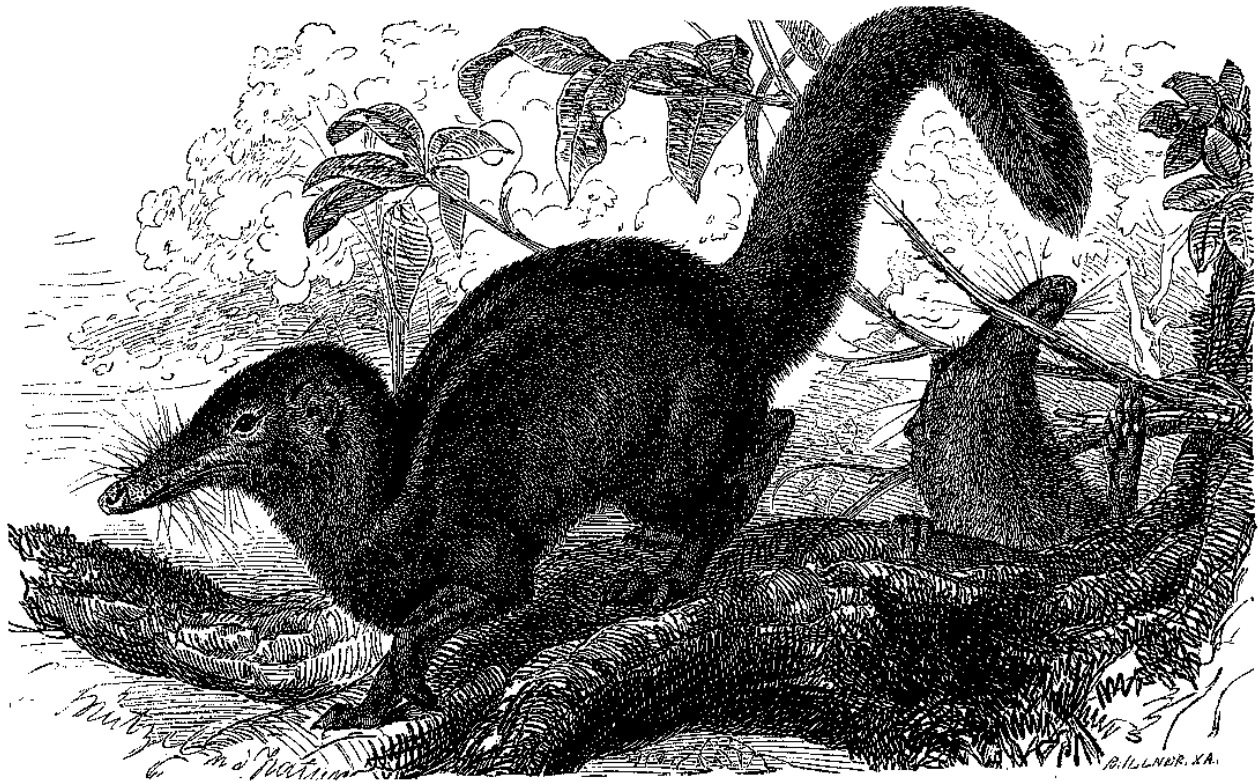
Все эти животные живут исключительно на деревьях, иные из них никогда не спускаются на землю. Некоторые полуобезьяны отличаются ловкостью и живостью движений на ветвях, у других движения тихие, обдуманые, как бы таинственные и малозаметные; только немногие из них двигаются днем, большинство же начинает свою деятельность только ночью, а утром засыпает. Одни питаются различными плодами, почками и молодыми листьями, другие — насекомыми, небольшими позвоночными, а также и растительными веществами. Животные эти не приносят заметного вреда, но и пользы от них мало. Несмотря на это, туземцы относятся к ним неравнодушно и считают некоторых из них животными священными и неприкосновенными, на других же смотрят как на существ опасных и могущих принести вред человеку. Туземцы не разрешают путешественникам и натуралистам охотиться за полуобезьянами, иногда даже мешают охоте и не позволяют делать наблюдения за этими животными. В этом следует видеть причину, почему в наших зверинцах и зоологических садах полуобезьяны встречаются редко, хотя в своем отечестве они довольно обыкновенны и живут иногда большими стадами. Поймать их живыми не особенно трудно, и уход за ними в неволе очень прост. Большинство видов переносят неволю гораздо лучше обезьян и при надлежащем уходе даже размножаются в клетках. Те из полуобезьян, которые отличаются живым нравом, понятливее других, они легко привыкают к людям, ухаживающим за ними.

Семейство тупайевые

Обыкновенная тупайа (*Tupaia glis*)*.

* *Большинство видов тупайи, кроме перьехвостой, трудноразличимы в природе и неволе, путает их и Брем. Он говорит о тупайе тана (*Tupaia tana*), приводит латынь обыкновенной тупайи (*T glis*), на рисунке же, похоже, изображена полосатая тупайя (*T dorsalis*). Все тупайи имеют мелкие размеры (длина тела 9-22 см, хвоста 10-22 см), удлинённые туловище, мордочку и короткие конечности. Окраска меха сильно варьирует даже среди особей одного вида.*

Для всех видов рода тупайи характерны пушистый, перистый хвост, большие выпуклые глаза, умеренно большие закругленные уши, зубная система, состоящая из 38 зубов, и тонкая кольцеобразная кость, замыкающая сзади глазные впадины. Обыкновенная тупайя отличается от прочих видов кроме своей величины еще длинным хвостом и окраской меха. У нее темно-бурый, переходящий в черный мех с рыжеватым оттенком на нижней стороне тела. На голове и на хвосте — вперемежку с серым. Горло красновато-серое; по затылку проходит серая поперечная полоска, а по спине — темно-бурая продольная полоса. Отдельные волосы на спине имеют серые и темно-бурые кольца. Впрочем, эта окраска в зависимости от места обитания тупайи сильно меняется и бывает светло-бурого и ржаво-бурого оттенков, что и привело к установлению многих разновидностей. По величине тупайя ближе всего стоит к нашей белке; длина ее туловища достигает почти 20 см, хвост такой же длины.

Полосатая тупайпа (*Tupaia dorsalis*)

Область распространения этого животного весьма обширна. Она охватывает приблизительно Борнео, Яву и Суматру, Малаккский полуостров вместе с Бирмой до Ассамы, южные склоны Гималаев до Непала, где тупайпа встречается на высоте 1000-2000 м над уровнем моря*.

* *Тупайи — эндемики Индо-Малайской области. В Гималаях отсутствуют, хотя в горы поднимаются до 2500 м.*

Столичка приобрел один экземпляр этого животного на острове Препарис, севернее Андаманских островов.

Об образе жизни тупайи нам известно не много. Знаем только, что она водится в лесах, бамбуковых рощах и кустарниках. В Бирме Мазон и Мак-Мастер видели ее даже у местного населения в домах. Блэнфорд говорит, что тупайи легко приручаются и совершенно доверчиво относятся к людям. Иногда добровольно заходят в жилища и поселяются там. Он сообщает дальше, ссылаясь на Кантиора, что тупайи едят свою пищу почти так же, как наши белки, и после еды, подобно последним, чистятся; что они любят также воду, причем не только ее пьют, но и купаются в ней. Затем упоминает о том, что тупайи питают склонность к дракам и преследуют всех себе подобных, имеющих дерзость проникнуть в их личные владения.

Тупайа проворное, бойкое животное и только немногим уступает в быстроте белке. Она отлично умеет пользоваться своими длинными загнутыми когтями и лазает чуть ли не с ловкостью обезьян. Ее пища состоит из насекомых и плодов, которые она собирает как на деревьях, так и на земле. Один родственник тупайе вид был приручен и приучен к молоку и хлебу, но его редко видели в спокойном состоянии: он вечно огрызался на всякого, кто подходил к нему. Большую часть пищи зверек добывал сам, и так как ему была предоставлена полная свобода и он бегал по всему помещению, то скоро дом очистился от насекомых. Несмотря на этот опыт, до сих пор еще не удалось перевезти в Европу живую тупайу**.

** *Тупайи легко содержатся в неволе, иногда доживая до 12 лет.*

Семейство лемуры

Римляне считали лемуров* воплощением душ умерших, из которых добрые охраняли семейство и дом в виде богов — ларов, а злые в виде скитающихся и лукавых привидений беспокоили бедных смертных; чтобы по возможности ублажить злых, римляне устраивали особые полночные пиршества.

* Слово *Летиг* на латыни обозначает усопшего предка, конечно, никаких полуобезьян римляне так не именовали. Первым из лемуров был описан катта, или кошачий. Описал его Карл Линней в 1758 г. Возможно, на выбор названия для зверька повлияла своеобразная расцветка мордочки катты, напоминающая череп.

Наука, обращая, как известно, внимание только на вполне ясные стороны жизни организмов и часто приходящая в затруднение при наименовании бесконечно разнообразных произведений природы, подразумевает под лемурами, правда, тоже ночных бродяг, но никак не бестелесных существ, а, напротив того, простых животных, которые имеют более или менее приятный вид и красивую наружность. Признаки эти относятся к типическим формам описываемого отряда, именно к семейству лемуриновых, которое включает самые разнообразные роды и виды.

Лемуры живут главным образом на Мадагаскаре и соседних с ним островах, встречаются также по всей средней Африке, от восточного до западного берега, и только некоторые виды обитают в Индии и на Зондских островах**.

** * Лемуры обитают только на Мадагаскаре. В настоящее время большинство видов стали редкими или находятся под угрозой исчезновения из-за вырубki лесов и охоты. Почти все виды внесены в Красную книгу МСОП.*

Все без исключения полуобезьяны живут в лесах, предпочитая дремучие леса, которые изобилуют плодами и насекомыми; соседства людей, хотя и не избегают, но и не ищут. Все они в большей или меньшей степени ночные животные и, как все виды этого отряда, днем забираются в темнейшую часть леса или в дупла и спят там скорчившись или обнявшись***.

** * * Большинство лемуров — дневные животные.*

Их позы при этом весьма своеобразны. Они или сидят на задних лапах, уцепившись руками за сук, низко опустив голову между притянутыми передними конечностями, обвив хвостом голову и плечи, или же свертываются, попарно обвив друг друга хвостами так тесно, что образуют собой шар. Если потревожить такой меховой клубок, то из него внезапно высовываются две головы и широко раскрытыми глазами смотрят на нарушителя их покоя.

Сон лемуриновых очень чуток, жужжание мухи или шорох от ползанья жука способен разбудить большую часть из них. Уши их тогда приподнимаются, и большие глаза сонно смотрят по сторонам, но только несколько мгновений, так как они чрезвычайно боятся дневного света. Их глаза очень чувствительны и переносят дневной свет труднее других млекопитающих. Днем они как бы мертвы и пробуждаются лишь с наступлением сумерек, но к находящимся в неволе этого вполне отнестись нельзя.

С наступлением сумерек они пробуждаются, чистят и приглаживают мех, громко и неприятно кричат и отправляются странствовать за добычей по своим воздушным владениям. Тогда-то и начинается столь необычная у каждого вида лемуров жизнь. Большинство из них, пробуждаясь, оглашают лес общим криком, который может привести новичка в ужас, потому что он необыкновенно громок и напоминает рычание опаснейших зверей, например львов. Этот общий рев означает, как у лемуров, так и у других животных, начало их ночного скитания. Лемуры обходят пространства, избранные ими для охоты или, точнее, для пастбища, и при этом выказывают такую подвижность, ловкость и проворство, которых никак не ожидаешь от них, вспоминая об их дневной сонливости. Они, может быть, даже превосходят обезьян в искусстве лазанья, прыганья и кривлянья. Кажется, что у них вырастают крылья — такие огромные прыжки делают они с одной ветки на другую, так быстро вбегают вверх по стволам или по толстым ветвям и так непрерывно двигаются самым различным образом. Шайка, состоящая обыкновенно из довольно значительного числа животных, достигает наконец фруктового дерева, и тут начинается настоящий грабеж. При этом они столь же проворны, как и раньше при беганье, лазанье и прыганье. Лемуры пожирают огромное количество плодов, но еще больше портят, и если бы эти обезьяны напали на плантацию, то причинили бы ей значительный вред. Но их родные леса так богаты всевозможными плодами, что у животных нет причин посягать на имущество человека.

Совершенную противоположность только что описанным родам и видам этого семейства являются собой другие лемуриновые, которые отличаются от них своим нравом и движениями. Украдкой и неслышными шагами прокрадываются они с ветки на ветку. Их большие круглые глаза светятся в сумерках, как огненные шары. Только по ним и можно догадаться об их присутствии. Благодаря темному цвету шерсти этих лемуров даже очень зоркому глазу нельзя заметить их ночью, а белая нижняя часть тела достаточно прикрывается сучьями, или же она принимается за проникший в чащу свет луны. Все их движения совершаются так обдуманно и тихо, что ни один звук не выдает прислушивающемуся человеку близкого присутствия живого существа. Горе беззаботно спящей птичке, на которую упадет этот огненный взгляд. Ни один индеец не крадется так тихо по военной тропе, как лемур к спящей добыче. Без малейшего шума, почти без видимого движения переставляет он лапы, неслышно приближаясь к своей добыче. Осторожно поднимает лапу и затем медленно протягивает ее к спящей птице. Тут он делает быстрое, почти неуловимое движение, и прежде чем

сонная птица успеет почуять близость страшного врага, она уже схвачена и задушена. Ни с чем не сравнить той жадности, с которой такое добродушное на вид четверорукое животное пожирает только что убитую добычу. Не уцелеют ни птенцы, ни яйца, если только он заметит ее гнездо. Вся ночная жизнь лемуридов проходит в хищничестве; кажется, что они решительно предпочитают мясную пищу растительной, хотя и не отказываются от последней.

Все виды лемуридов расчетливы и осторожны. Они лазают по деревьям медленно, но уверенно. Прежде чем выпустить ветку, животные всегда удостоверятся, будет ли для них другая достаточно надежной опорой. По земле они ходят плохо и скорее ползают, чем бегают.

Об их размножении мы знаем до сих пор очень мало, несмотря на то, что многие виды этого семейства размножались уже несколько раз в неволе. У них рождается по одному детенышу, который тотчас после рождения прицепляется к матери и носится ею до тех пор, пока не научится двигаться самостоятельно. У некоторых видов, по рассказам жителей Мадагаскара, как самка, так и самец принимают участие в уходе за детенышем, но это пока не подтверждается наблюдениями*.

** В помете у лемуридов могут быть и двойни, и тройни. Беременность обычно длится 4—5 месяцев, лактационный период 5—6 месяцев. Детеныш при рождении весит 50-70 г, он зрячий и покрыт мехом. Первое время он подвешивается к животу матери, затем перебирается на спину. В заботе о потомстве принимают участие все члены семейного клана.*

Эти животные чувствуют себя хорошо только при постоянно довольно высокой температуре; от холода они становятся вялыми и заболевают. В неволе лемуриды выказывают неудовольствие, когда им холодно или когда нарушают их сон. Если же они довольны, то многие из них мурлычут наподобие кошки.

За немногим исключением, лемуриды нельзя отнести к понятливым существам. Все они робки, трусливы, хотя храбро защищаются, когда их ловят. Привыкнув к людям, зверьки делают до некоторой степени доверчивы, выказывают кротость, миролюбие и добродушие, но редко теряют природную пугливость и приобретают смелость. Некоторые виды этого семейства, впрочем, переносят неволю довольно хорошо и, подчинившись человеку, даже приучаются оказывать ему услуги, например на охоте за другими зверями. Бесхвостые же виды, напротив того, не изменяют в неволе своего унылого характера, сердятся, когда их беспокоят и с трудом отличают ухаживающего за ними человека от других людей, к которым относятся всегда недоверчиво.

К тем видам, которые имеют одноцветный хвост и мохнатые уши, спрятанные в длинной шерсти, принадлежит вари (*Varecia variegatus*) — одно из крупных животных этого рода. Длина его туловища около 40 см, а хвоста около 50 см**.

*** Обитатель влажных лесов восточного побережья. Отличается от других лемуридов тем, что имеет 3, а не 2 пары сосков (в норме — 2—3 детеныша), хвост у него короче, а не длиннее тела. Имеется горловая пахучая железа. Семейная группа невелика — 3-8 особей, беременность — всего 3 месяца.*

Вари, лемур вари (*Varecia variegatus*)

Довольно густой мех, который особенно длинен на голове и по сторонам шеи, окрашен большими белыми и черными пятнами, причем у иных экземпляров преобладает белый цвет, а у иных — черный. Случается даже встречать животных почти совсем белых или почти совсем черных. У иных половина спины белая, а брюхо черное, у других цвета эти расположены в обратном порядке. Морда, хвост и передние конечности почти всегда черные; щеки и места около ушей чаще всего белые. Более точных указаний о цвете животных дать нельзя, добавим только, что обе половины тела окрашены всегда одинаково***.

* * * *Окраска шерсти вари необычайно широко варьирует географически и индивидуально.*

"До сих пор, — замечает Поллен, — вари находили в лесах внутренней части Мадагаскара, т.е. в местности, которая простирается между Тинтинге, Таматаве и Антананариву. Он живет большими стадами, которые питаются плодами. Вари — пугливое, дикое животное, голос у него сильный и потому слышен издали; завывание стада этих животных напоминает рев льва и звучит так страшно, что невольно вздрогнешь, когда первый раз услышишь его. Образ жизни вари, насколько известно, мало отличается от образа жизни сродных ему видов».

"В неволе, — пишет Гааке, — вари тише других лемуров; он не приближается к посетителям, не требует от них ласки, не выпрашивает лакомства; только молодые животные любят играть, но ручными делаются и старые. Вари может переносить довольно низкую температуру. Прекрасный самец, который жил в нашем саду, заболел чахоткой и перестал есть. Я объяснил его болезнь отчасти дурным воздухом того помещения, где он находился вместе с обезьянами, и хотя у нас была зима, я пересадил его в клетку на чистый воздух. Ночью термометр падал до 8 градусов ниже нуля, но вари очень хорошо переносил этот мороз. У него восстановился аппетит, и он с каждым днем ел все лучше и лучше, внимание его к окружающим предметам также возросло. Днем вари сидел или лазал по сухому дереву, которое было поставлено в клетке, а ночью спал на полу, на сене. К сожалению, болезнь была уже так сильна, что свежий воздух и увеличение питания не смогли спасти животное. Этот вари умер в довольно теплую погоду».

Из сходных видов упомянем сначала о **черном лемуре** (*Lemur macaco*)*, которого сакалавы называют «акумба».

* *Черный лемур обитает на севере Мадагаскара, образует несколько подвигов, отличающихся главным образом окраской самок. Может совершать прыжки до 8 м в длину. Семейные группы небольшие, возглавляются самкой. Активны рано утром и на закате.*

Животное это замечательно тем, что ясно доказывает, как резко могут отличаться самки от самцов у одного и того же вида. Самец, которому, собственно, и дано название черного лемура, весь окрашен в черный цвет, только у некоторых замечается красновато-бурый налет на сторонах тела и на конечностях, а в хвосте иногда встречаются несколько белых волос. Самку же Бартлет описал как отдельный вид и назвал белобородым маки. Она значительно отличается по цвету от самца. У нее преобладает ржаво-красный цвет, который бывает то светлее, то темнее, а на середине спины переходит иной раз в пурпурово-красный; щеки, ноги и хвост чаще всего белого цвета и только в виде исключения иногда рыжего. Верхняя часть головы у большинства экземпляров белого цвета, но часто с серым или черноватым налетом, который бывает хорошо заметен; большое черное пятно на задней части головы переходит порой в ржаво-красный цвет. Глаза у обоих полов буровато-оранжевого цвета. Величина животного мало отличается от величины других лемуров этого рода.

Черные лемуры, как самцы, так и самки, жили в неволе и были известны гораздо раньше, чем Поллен сообщил нам об их образе жизни на свободе. Я уже прежде знал, что черный лемур и белобородый маки принадлежат к одному и тому же виду, а наблюдения Поллена и других естествоиспытателей доказали это вполне достоверно.

Черный лемур (*Lemur macaco*)

Черный лемур живет в лесах, простирающихся между заливом Диего-Суарес и заливом Бомбедок, также в лесу Луку-Бе, на острове Носси-Бе, но держится почти всегда на высочайших деревьях самой непроницаемой чащи. Как и другие родственные ему виды, он живет небольшими стадами и по ночам странствует по лесу за добычей, по вечерам же все стадо издает страшный крик. Иногда, например при взгляде на какие-нибудь подозрительные предметы, крик прерывается особенного рода хрюканьем. Ловкость, которую выказывают черные лемуры при прыганье с одного дерева на другое, кажется невероятной. За ними трудно следить глазами и гораздо легче убить на лету птицу, чем черного лемура. Эти животные имеют обыкновение, когда за ними гонятся, падать с вершины дерева вниз и таким образом обманывать охотника, который полагает, что убил их, между тем как через некоторое время они снова влезает на деревья, находящиеся на довольно большом расстоянии. Вследствие этого охота за ними в высшей степени затруднительна. Те, которые пойманы молодыми, скоро делаются ручными и доверчивыми, садятся на плечо хозяина и приучаются ко всякой пище, которую им предлагают. В диком состоянии они питаются растительной пищей, чаще

всего бананами, но никогда не отказываются от мозга какой-нибудь птички, который они высасывают, раскусивши череп.

В некоторых местах Мадагаскара запрещено убивать или даже живыми держать у себя черных лемуров. Когда Поллен посещал остров Носси-Алия, то туземцы осматривали его багаж, чтобы узнать, не везет ли он с собой лемуров, которые, по их мнению, осквернили бы остров.

Я могу дополнить вышеизложенные сведения собственными наблюдениями. Среди прочих животных получил я раз также двух черных лемуров, самца и самку, которые жили вполне дружно и потому не были разделены: это были первые зверьки, за которыми мне пришлось ухаживать, и я мог со всей тщательностью провести наблюдения за ними. Прежде всего я узнал, что эти животные вовсе не так сильно любят мясо и насекомых, как до сих пор думали. Я предложил своим пленникам сырое и вареное мясо, мышей, воробьев и яйца. Зверьки ели все, не выказывая, однако, особого пристрастия к этой пище. Внутренность яйца они только лизали; воробьев хватили быстро, но без жадности; только мух глотали они с настоящей страстью, весьма искусно схватывая их. Я заметил, что плоды были для них самой любимой пищей. Лемуры охотно поедали все наши европейские плоды, а также вареный рис и картофель, иногда хлеб с молоком.

Для дополнения сведений об этих лемурах упомяну лишь еще о двух видах, которые нередко встречаются в зоологических садах. Первый из них — это **мангустовый лемур** (*Lemur mongoz*)*, его довольно часто привозят в Европу.

** Распространен в сухих тропических лесах на западе и севере Мадагаскара, населяет некоторые острова Коморского архипелага, где живет моногамными парами.*

Мангустовый лемур (*Lemur mongoz*)

По величине он мало отличается от других видов, длина его тела 95 см, из них половину занимает хвост. Верхняя часть тела темно-пепельного цвета, так как волосы имеют черные и белые колечки. Голова темно-серая, а на задней части спины и внешних частях бедер серый цвет переходит в светло-бурый. Под горлом идет белая полоса, которая в виде воротника доходит до ушей. Внутренняя часть конечностей также белая; живот светло-рыжий, морда черная, а глаза коричневые. И у этого вида были замечены различия в окрасе, но не столь значительные, как у предыдущего.

Другой замечательный вид — **катта, или кошачий лемур** (*Lemur catta*)*.

** К настоящему времени самый изученный вид полуобезьян. Это средних размеров лемур (вес до 2 кг).*

Кошачий лемур, или катта (*Lemur catta*)

Он отличается красотой формы и окраски, а также длинным хвостом, на котором заметны светлые кольца, и относительно большими глазами. По величине катта несколько меньше предыдущих видов. Длина его тела 35-40 см, а хвост около 50 см. У него плотный, мягкий и несколько волнистый мех серого цвета, который в одних местах переходит в пепельно-серый, а в других — в ржаво-красный. Морда, уши и брюхо беловатого цвета; морда и окружность глаз черного. Самцы от самок, по-видимому, цветом не отличаются.

По наблюдениям Поллена, катта водится только в лесах на юго-западе Мадагаскара, в других же частях острова замечен не был. Он живет, как и другие его сородичи, стадами и отличается от них разве только миловидностью и необыкновенной подвижностью**.

* * *Это дневное животное обитает в засушливых местах юго-западного Мадагаскара, населяет скалы, редколесья, саванны более половины времени проводит на земле.*

По Поллену, катта прыгает с дерева на дерево очень ловко и красиво и через известные промежутки издает крик, который вовсе не походит на крик других лемуров, а напоминает мяуканье нашей домашней кошки. Пойманный катта очень скоро привыкает к своему хозяину. Поллен рассказывал об одном молодом животном этого вида, принадлежавшем чиновнику на французском корвете, которое так хорошо знало своего хозяина, что легко узнавало его среди экипажа и пассажиров.

Полумаки отличаются от упомянутых выше форм тонким куницеобразным телом с довольно короткими и похожими между собой конечностями, а также хвостом, длина которого почти равна длине тела. Голова круглая с острой мордой, маленькими глазами и широкими, но очень короткими, почти совсем скрытыми в мехе ушами, которые густо покрыты снаружи и внутри волосами. Конечности снабжены тонкими пальцами, большой палец на руках короткий, а на ногах умеренной длины. Зубов — 36; они отличаются тем, что оба верхних средних резца стоят впереди наружных.

Шерстистый мех единственного известного до настоящего времени представителя этого рода — **серого лемура** (*Naralemur griseus*) оливково-буроватого цвета, который у одних экземпляров переходит в желтоватый, у других — в рыжий; обыкновенно цвет этот ярче всего по сторонам головы; нижняя часть тела более серого цвета, чем верхняя; брюхо ржаво-желтое, хвост чало-серый, глаза бурые. Тыльная сторона рук и ног покрыта до самых ногтей редкими волосами. Длина тела равняется 60-65 см, из которых 35 приходится на хвост.

Полумак, называемый мадагаскарцами северо-западной части острова «бокомбул», живет преимущественно в бамбуковых лесах.

Серый лемур (*Haplorhina griseus*)

Именно там, на расстоянии нескольких дней пути от морского берега, на берегах реки Амбасуана нашел его Поллен. «Туземцы, — говорит он, — так часто рассказывали мне об этом животном, что я не мог отказать себе в посещении этих лесов, чтобы наблюдать его лично. Когда я объявил проводникам свое намерение, то они представили тысячу причин, по которым мое путешествие было затруднительным. Они утверждали, что для белого человека опасно охотиться в бамбуковых лесах, что местопребывание животного находится слишком далеко, что по дороге я могу захворать, и т.п. Мне удалось уговорить их лишь после того, как я раздал им различные маленькие подарки.

После очень трудного пути в течение нескольких часов мы добрались до густого бамбукового леса, в котором мне удалось убить несколько этих животных. Охота на них действительно крайне трудна. Приходится ползти по земле, вытянувшись во весь рост, а острые листья бамбука беспре-

станно ранят охотника. Днем бокомбул спит на высочайших бамбуковых стволах согнув спину, спрятав голову между бедрами и положив хвост на спину. Хотя он ведет ночной образ жизни, тем не менее и днем замечает врагов, и очень часто ему удается избежать охотника. Его пища состоит из бамбуковых листьев; по крайней мере я нашел, что его желудок был набит ими. Ленивый и медлительный днем, он обнаруживал ночью невероятную деятельность и проворство. Его голос представляет собой слабое хрюканье, напоминающее хрюканье свиньи, но гораздо менее громкое. Повидимому, он рождает на свет детенышей в декабре или январе. Я держал одно из этих животных несколько месяцев в неволе и кормил его бананами, манго и вареным рисом, но убедился, что животное ело рис лишь при очень сильном голоде.

Семейство карликовые лемуры

(Cheirogaleidae)*

** Семейство карликовых лемуров включает 4 рода и видов мелких древесных ночных зверьков, ведущих крайне скрытный образ жизни. Внешним обликом, образом жизни, рационом, состоящим в основном из насекомых, эти эндемики Мадагаскара сходны с африканскими галаго и иногда сближаются с ними. Ранее карликовых лемуров относили к семейству лемуриновых. Название «кошачьи маки» не слишком к ним подходит, более употребительно название «крысиные маки».*

У карликовых лемуров глаза лучше развиты, чем уши. Тело их сжато, голова коротка, морда округлена, хвост немного длиннее тела, конечности вообще равномерно развиты, так как задние несущественно длиннее передних. Другими внешними отличиями этих маленьких животных являются большие глаза, средней величины уши, голые внутри и покрытые снаружи очень тонкими и редкими волосами; необыкновенно изящные конечности с короткими пальцами, а также нежный, мягкий, шелковистый и отчасти волнистый мех. Зубная система состоит из 4 резцов сверху и снизу, 1 клыка в каждой челюсти и 6 коренных зубов в верхней и 5 — в нижней челюсти. Верхние резцы имеют широкую двойную коронку, верхние коренные зубы — два наружных бугорка и один средний. Позвоночник состоит из 23 грудных позвонков, 7 поясничных, 8 крестцовых и 28 хвостовых.

Вильчатополосые лемуры (Phaner) — полуобезьяны, у которых в общем то же строение, что и у полумаков. Тело тонкое, голова невелика, с довольно острой мордой, передние конечности короткие, задние — средней величины, хвост длиннее тела. Глаза крупные, умеренно большие уши совершенно голы, мягкий мех, скудно покрывающий лицо и руки, несколько волнист. Хвост покрыт длинными густыми волосами. Верхние резцы разделены промежутком, но стоят в одном ряду.

Наиболее известный представитель этого рода, называемый **валуви, вильчатополосый лемур, фанер** (Phaner farcifer), по величине приблизительно равен полумакама: общая длина его тела равна 65-70 см, длина хвоста — 33-40 см. Преобладающая окраска верхней части тела светлого буровато-серого цвета, а нижней — резко ограниченного чало-серого цвета. Голова и шея имеют рыжеватый оттенок. На висках с обеих сторон начинается черная полоса, которая окружает глаза, оставляя на лбу светлый промежуток. На макушке полосы соединяются в одну. От них вдоль всей спины до хвоста тянется черная полоса. Хвост у основания серый, к концу черный; радужная оболочка глаза черная.

Вильчатополосый лемур, или фанер (*Phaner furcifer*)

Этот лемур, по словам Поллена, часто встречается в лесах западной части Мадагаскара, но, кажется, попадает местами и в восточных областях. «Лишь с наступлением ночи он оставляет то убежище, в котором проспал весь день. Убежищем ему чаще всего служат дупла деревьев с двумя отверстиями, иногда даже такие, в которых одновременно с ним живут пчелы. В этом случае он отделяет свое гнездо от насекомых кучей соломы и сухих листьев. Туземцы полагают, что он потому предпочитает общество пчел, что страстно любит мед. Я наблюдал ночью этих милостивых животных. Они гораздо бодрее и подвижнее, чем лемуры, и совершают чрезвычайно большие прыжки. Крик их, который они во время бодрствования издают почти непрерывно, резко звучит как «ка-ка-ка-ка», напоминая до некоторой степени крик цесарок».

Охота на валуви крайне трудна и требует большого напряжения. Поллен пространно рассказывает, как однажды вечером, при свете полной луны, он отправился с неохотно сопровождав-

шим его мадагаскарцем в глубину леса, наполненного ядовито кусающимися мошками. Остановившись на полянке, Поллен ждал целый час, пока не услышал крик животного над самой головой, но самого крикуна заметил лишь после продолжительных поисков. Наконец ему удалось убить валуви. В сущности Поллен описывает охоту на всех ночных животных, живущих на деревьях, окраска меха которых хорошо подходит к цвету ветвей. О жизни этого животного в неволе наш исследователь не сообщает ничего, и поэтому я не могу сказать, отличается ли валуви в каком-то отношении от родственных видов*.

* *Валуви — моногамы, но иногда у самца бывает две самки.*

Рыжий лемуру (*Microcebus rufus*). Длина тела равна 14-15 см, а длина хвоста — 16-17 см**.

* * *Рыжий лемуру ненамного крупнее мышинного лемура, уместающегося в человеческом кулаке, и очень сходен с ним внешнею и образом жизни.*

Сверху лемуру рыжевато-серого цвета, снизу белого. Обитает на Мадагаскаре, но о поведении его на воле мы знаем чрезвычайно мало, что объясняется незначительной величиной и ночным образом жизни животного. Родственный ему вид, описанный Полленом, живет в непроходимых лесах острова, днем прячется в гнезде, построенном им самим из соломы и сухих листьев, равном по величине гнезду белки; ночью же, как и все другие подобные животные, бродит в поисках пищи, которая, вероятно, больше состоит из насекомых, чем из плодов. Этим и ограничиваются пока наши сведения о нем.

Семейство индриевые

(Indridae)*

* *Крупные дневные полуобезьяны с яркой и пестрой окраской меха. Задние конечности длиннее передних, по земле они скачут боком, балансируя руками и выпрямившись вертикально. Учитывая почти человеческие пропорции зверьков, неудивительно, что местные жители — мальгашаи считают индри «лесным народом».*

"Индри! Индри! (Посмотри! Посмотри!)", — говорили туземцы путешествуящему естествоиспытателю Соннера, обращая его внимание на лемуру, который благодаря своему особому строению действительно возбудил их внимание. Но Соннера неверно понял восклицание местных жителей и назвал это животное «индри».

Хохлатый индри (*Propithecus diadema*). Длина тела — 75 см, причем длина хвоста составляет 4,5 см.

Шерсть шелковистая и мягкая, окраска ее очень красивая, хотя без ярких цветов. Черная голая морда и щеки, поросшие редкими серыми волосами, окружены широким венцом довольно длинных волос чалого цвета. Сзади венец этот окружен черными волосами; он обрамляет все лицо ото лба до горла, где обе полосы соединяются. На темени находится ярко-белое пятно, которое переходит на ушные раковины. На задней части головы и на шее его продолжают серовато-белые полосы. Внутренняя часть ушной раковины, затылок, плечи, спина до крестца, вся грудь и передняя часть ступней черного цвета, причем отдельные волосы у основания серые или серовато-черные. На задней части тела заметно белое пятно в виде удлиненного треугольника. Внутренние стороны передних конечностей и бедер так же белого цвета. Зад и хвост красновато-рыжего цвета. Кончик хвоста серый, предплечье и наружная часть бедер пепельно-серого цвета, наружная часть голени до середины ступни и вся покрытая шерстью ступня серого цвета**.

* * *Брем приводит размеры и окраску настоящего индри. Они необычайно изменчивы в окраске, представляющей собой сочетание кремовых, черных, серых и красно-коричневых тонов.*

Соннера, который дал первое описание хохлатого индри, рассказывает о нем следующее: «Индри двигается ловко и проворно, отлично прыгает с дерева на дерево и питается преимущественно плодами. Когда ест, то сидит на задних лапах, а передними держит пищу. Голос его похож на крик плачущего ребенка. По характеру своему хохлатый индри добродушен, кроток и легко приручается, почему туземцы южной части Мадагаскара часто держат его в домах и дрессируют к охоте, как собак. « Поллен сообщает нам об этом животном несколько больше, но, к сожалению, не собственные наблюдения, а то, что он слышал от туземцев.

Коротко хвостый индри, или бабако (*Indri indri*)

"До сих пор, — говорит этот натуралист, — хохлатый индри встречался только во внутренней части восточного Мадагаскара, точнее на северо-востоке этого острова; туземцы по крайней мере уверяли меня, что в других местах он не водится». Винсон, проходя через большой лес в Аланмазоатрао, два дня кряду был оглушаем криком этого индри. Он сообщает, что эти животные встречаются в здешних лесах в большом количестве, но заметить их в густой листве никак нельзя. Туземцы считают хохлатого индри сверхъестественным и священным существом, так как они думают, что их родители и предки после смерти превращаются в этих лемуров. На этом основании они глубоко верят, что деревья, на которых живут индри, содержат в себе самые лучшие лекарственные вещества от неизлечимых болезней, и потому срывают листья с того дерева, где сидел лемур, а затем в случае надобности употребляют их. Туземцы рассказывают также, что на это животное очень опасно нападать с копьями, потому что оно умеет схватывать их на лету и с большой точностью мечет ими обратно в охотника. Согласно другому рассказу туземцев, самка тотчас после рождения детеныша кидает его самцу, сидящему на некотором расстоянии на том же дереве. Тот в свою очередь бросает детеныша обратно самке и так до двенадцати раз. Если в процессе этого перебрасывания несчастный детеныш не свалится на землю, то мать принимает его и начинает кормить, если же он упадет, то родители не поднимают малыша, и он погибает. Само собой разумеется, что эти рассказы доказывают лишь то, что туземцы мало знакомы с образом жизни хохлатого индри.

"В некоторых местностях Мадагаскара, — говорит Поллен, — индри приучают к охоте за птицами, причем, как утверждают, он оказывает такие же услуги, какие хорошая собака. Хотя лемур питается преимущественно плодами, но не пренебрегает и маленькими птичками, очень ловко ловит их и лакомится их мозгом"*.

** Все индри питаются почти исключительно листьями. Дополнительным кормом служат кора и смола деревьев, некоторые плоды. Животную пищу не употребляют.*

Насколько известно, хохлатого индри никогда не привозили в Европу живым. Это тем более странно, что, как выше было сказано, животные эти встречаются на Мадагаскаре в неволе и содержание их, без сомнения, не представляет трудностей.

Семейство руконожковые

Более ста лет назад путешественник Соннера получил из леса на западном берегу Мадагаскара пару крайне странных животных, о существовании которых никому до того времени известно не было. Даже на противоположном берегу о них никто не знал. По крайней мере жившие там туземцы уверяли нашего естествоиспытателя, что этих двух животных, которых он держал при себе, они видели впервые. При виде их они громко вскрикивали, выражая свое удивление, и Соннера избрал этот возглас «ай-ай», чтобы назвать открытое им создание.

"Это четвероногое, — говорит Соннера, — представляет большое сходство с белкой, но отличается от нее несколькими существенными признаками. Оно похоже до некоторой степени также на черного лемура и обезьяну. На каждой ноге по пять пальцев; на передних конечностях они очень длинные и несколько согнуты, вследствие этого животное ходит весьма медленно. Пальцы снабжены кривыми ногтями**.

* * *На пальцах передних и задних конечностей руконожки ногти продолговатые, заостренные и имеют вид когтей. Лишь на большом пальце ступни развит широкий плоский ноготь. Когтевидные ногти позволяют зверьку лазить как белка или кошка, цепляясь за кору, а не обхватывая ветки пальцами, как большинство приматов. Когтелазанье особенно удобно при большом диаметре стволов и веток.*

Два последних сустава среднего пальца длинные, тонки и не покрыты волосами. Животное пользуется этим пальцем, чтобы доставать из трещин деревьев червей и проталкивать их в глотку. По-видимому, он служит ему еще затем, чтобы цепляться за ветви деревьев. На задних конечностях четыре пальца с кривыми когтями, пятый, или внутренний, — большой палец, он снабжен плоским ногтем, похожим на ноготь человека.

Ай-ай имеет в каждой челюсти по два резца, которые стоят очень близко друг к другу и похожи на клюв попугая; нижние гораздо больше верхних. У него большие, широкие и плоские уши; они черного цвета, гладки, блестящи и покрыты снаружи длинными волосами. Над глазами и носом, на щеках и подбородке у него находятся пучки длинных волос.

Все животное покрыто желтовато-белым пухом или нежными волосами, из которых торчат большие черные волосы. Передняя часть головы и шеи желтовато-белого цвета. Хвост плоский, мохнатый, покрыт длинными волосами. Хотя он и кажется совершенно черным, однако его волосы от корня до середины длины белого цвета. Ай-ай имеет в длину от головы до хвоста 18 дюймов 6 линий, а хвост его — 1,5 фута».

О том, где встречается и живет это животное, Соннера не сообщает ничего, о поведении его в неволе известно очень мало. «Это животное, — говорит он, — по-видимому, принадлежит к тем, которые роются в земле. Днем оно не видит; его глаз красноват и неподвижен, как у совы. Животное очень лениво, а потому и очень смирно. У меня были самец и самка, но оба прожили не более двух месяцев; я кормил их вареным рисом. Во время еды они пользовались двумя тонкими пальцами передних конечностей, как китайцы своими палочками. Были робки и пугливы, очень любили тепло, всегда сползались вместе, перед тем как улечься спать, ложились на бок и прятали голову между передними конечностями. Они лежали весь день неподвижно, и лишь продолжительным встряхиванием можно было заставить их двигаться».

До новейшего времени ай-ай, привезенный Соннера в Европу, оставался единственным экземпляром, а появившееся в 1782 году описание — единственным источником сведений о жизни этого редкого животного. Некоторые ученые были склонны считать его уже вымершим. Следующее известие об ай-ае ученый мир получил в 1841 году благодаря Де-Кастелю. Этому путешественнику удалось достать молодого ай-ая, и он решил подарить его Парижскому зоологическому музею. К несчастью, животное умерло, не доехав до Европы, но шкура и скелет его поступили в упомянутый музей. Благодаря этому было доказано, что это животное и ай-ай Соннера принадлежат к одному и тому же виду. До самого начала 60-х годов эти два экземпляра оставались единственными. Лишь в 1862 году лондонское зоологическое общество получило радостное известие, что две руконожки, как между тем называли это странное существо, пойманы на Мадагаскаре и находятся на пути в Европу для помещения их в зоологическом саду в Риджентс-Парке. Одна из них благополучно прибыла в Европу живой, другая по крайней мере в спирту. Несколько позднее было привезено еще несколько экземпляров, из которых Берлинский музей смог приобрести трех.

Лишь теперь у зоологов появилась возможность установить родственные отношения ай-ая и определить его место в системе. До этого времени взгляды ученых сильно расходились.

На основании этих исследований ученые пришли к выводу, что **руконожка** (*Daubentonia madagascariensis*) составляет не только особый род, но и особое семейство в отряде полуобезьян*.

* *Мадагаскарская руконожка (Daubentonia madagascariensis) не имеет близких родственников среди полуобезьян и составляет монотипичное семейство руконожковых (Daubentoniidae). Известен ископаемый вид руконожки, гораздо более крупный, чем современный. Масса современной руконожки достигает 2 кг.*

Руконожка (*Daubentonia madagascariensis*)

Ай-ай, или руконожка, имеет следующие внешние признаки: голова очень велика, шея коротка, туловище довольно толстое, хвост по длине приблизительно равен телу. Конечности почти равной длины. По отношению к величине головы глаза кажутся маленькими**, кожистые уши, напротив, большими.

* * Глаза имеют необычный для приматов вертикальный зрачок и хорошо развитую мигательную перепонку.

На руке и ноге особенно бросаются в глаза очень удлиненные пальцы. На руке утолщенный снизу большой палец толст и короток; указательный несколько тоньше; безымянный почти такой же толщины, как и большой; мизинец тоже очень толст, но третий палец недоразвит и кажется как бы ссохшимся. Плюсна умеренно развита, большой палец ноги средней длины и такого же строения, как большой палец руки, остальные пальцы ноги почти одинаковой длины и сходного строения. Морда рыжевато-серого цвета за исключением более темного кольца вокруг глаз и светлого пятна над ними. Взрослые экземпляры достигают длины в 1 м, причем 45 см приходится на расстояние от конца морды до начала хвоста и более 50 см — на хвост.

В течение короткого времени я наблюдал руконожку, которая жила несколько лет в Лондоне. К сожалению, я мог посвятить этому животному лишь один вечер. И даже этот единственный раз, когда я видел руконожку, убедил меня, что описание Соннера нуждается не только в дополнении, но и в исправлении. Поэтому я и хочу здесь кратко изложить мои ограниченные наблюдения.

Животное не имеет значительного сходства буквально ни с каким другим млекопитающим. В некоторых отношениях оно напоминает галаго, однако, едва ли какому-нибудь исследователю придет в голову объединить их в одно семейство.

Для зоолога, который видит это странное существо живым перед собой, не подлежит ни малейшему сомнению, что он имеет дело с абсолютно ночным животным. Ай-ай боится света более, чем все известные мне млекопитающие. Ночную обезьяну можно по крайней мере разбудить. Проснувшись, она ощупывает вокруг себя, с удивлением смотрит на мир, освещенный дневным светом, с участием прислушивается к жужжанию пролетающего мимо насекомого, даже чистится и лижется; ай-ай же днем, если его и удастся с большим трудом разбудить и заставить проснуться, кажется

совершенным автоматом. Машинально тащится он назад в свое темное место, свертывается клубком, закрывает морду густым хвостом, которым он, как обручем, окружает голову. В каждом движении, в каждом действии его чувствуется вялость и равнодушие в самой сильной степени. Лишь глубокой ночью, спустя долгое время после сумерек, ай-ай оживляется и выползает из своего темного убежища, видимо все еще опасаясь, чтобы какой-нибудь луч света не ослепил бы его. Свет свечи, который несколько не тревожит других ночных животных, заставляет его поспешно прятаться.

Движения его медленны и ленивы, хотя и в меньшей степени, чем это можно было бы ожидать. Если ему надо избежать беспокоящего его света, то ай-ай доказывает, что при известных обстоятельствах он может даже быть проворным. Походка его похожа на походку других ночных обезьян, с тем только различием, что она несравненно медленнее. При этом животное держит заднюю часть тела гораздо выше передней, опираясь на сильно расставленные и согнутые пальцы, мохнатый хвост располагает горизонтально, не волоча его по земле. Можно подумать, что животное дает себе достаточно времени для размышления. Я не имел случая наблюдать, как оно лазает, но и это движение совершается, говорят, так же медленно, как и ходьба.

Единственная пища, которую дают животному, состоит из молока с подмешанным в него вареным и растертым желтком. Ему достаточно маленького блюдца на целый день. Во время еды ай-ай пользуется обеими руками, он бросает ими жидкую пищу себе в рот. Мясной пищи он до сих пор упорно избегал; пытались ли приучить его к какой-нибудь другой пище, я не знаю.

Достойным внимания кажется мне еще одно наблюдение. Все ветви дерева, находящегося в клетке ай-ая, облуплены и искусаны им. Это указывает на способ употребления им своих резцов, что заставило естествоиспытателей причислить животное к грызунам. Я думаю, что из этого можно заключить, что на свободе он отыскивает пищу на засохших деревьях и действительно поедает насекомых, как указывает Соннера. Я предполагаю, что он обдирает кору деревьев своими превосходно приспособленными для этого резцами, открывая таким образом места, где прячутся некоторые насекомые и их личинки, а затем вытаскивает их из щелей и трещин своими длинными пальцами и съедает*.

** Сначала зверек определяет наличие личинки под корой или в древесине на слух (отсюда такие развитые и подвижные ушные раковины), затем прогрызает отверстие в древесине зубами либо отслаивает кору пальцами и извлекает личинку из отверстия, наколов ее на коготь тонкого среднего пальца, специально приспособленного для этой цели (все пальцы на руке сильно удлинены, но этот зрительно выглядит особенно длинным). При ходьбе руконожка загибает его внутрь, опасаясь повредить. На Мадагаскаре отсутствуют дятлы, и эту своеобразную экологическую нишу заняла руконожка.*

К этим наблюдениям, написанным в 1863 году, я хочу прибавить данные, позднее обнаруженные Полленом, так как они существенно пополняют наши сведения о жизни ай-ая на свободе. «Это животное, столь замечательное в научном отношении, — говорит наш сотоварищ, — живет предпочтительно в бамбуковых лесах внутри большого острова. По словам туземцев, оно такое редкое, что его удастся видеть лишь случайно. Живет поодиночке или парами, но никогда не стадами, появляется только ночью, а целый день спит в самых густых и непроходимых бамбуковых чащах среди лесов. Оно питается сердцевинной бамбукового или сахарного тростника, а также жуками и их личинками. Для того чтобы достать пищу, все равно состоит ли она из сердцевины бамбукового или сахарного тростника или из насекомых, ай-ай прогрызает своими сильными резцами отверстие в стволе растений, запускает в него тонкий средний палец и вытаскивает им растительное вещество или насекомых.

Насколько это животное сонливо днем, настолько же оно оживленно движется ночью. Оно ложится спать с восходом солнца, причем прячет голову между ногами и, кроме того, закутывает ее еще своим длинным хвостом. С наступлением ночи ай-ай выходит из своего сонного состояния, лазает вверх и вниз по деревьям и с ловкостью лемуровых прыгает с ветви на ветвь, тщательно исследуя при этом все отверстия, щели и дыры в поисках добычи. Но еще до начала утренней зари прячется обратно в лес. Его крики, громкое хрюканье часто случается слышать ночью**.

** Биология руконожки плохо изучена и сейчас. Зверьки ведут одиночный образ жизни, территориальны, издают громкие предостерегающие крики «ха-хай» через ноздри, с закрытым ртом. День проводят в гнездах на деревьях или в дуплах. В феврале-марте самка приносит единственного детеныша.*

Семейство лориевые (Lorisidae)**

** * Эти приматы характеризуются коротким хвостом, очень крупными глазами. Обладают цепкой хваткой пальцев, обусловленной особым строением сухожилий, подвижными суставами и густой сетью кровеносных сосудов, снабжающих мышцы конечностей дополнительным питанием.*

Между тем как все лемуры по крайней мере в известное время обнаруживают большую живость, деятельность и подвижность, лори отличается противоположными качествами. Они до некоторой степени представляют в своем семействе ленивцев, их и называют поэтому ленивыми обезьянами. К ним относятся маленькие довольно красивые полуобезьяны с тонким бесхвостым телом, большой круглой головой и тонкими стройными конечностями, задняя пара которых несколько длиннее передней. Морда острая, но короткая; очень большие глаза близко расположены, уши средней величины и покрыты волосами. На руках указательный палец очень укорочен, четвертый удлинён, а мизинец снабжен острым и длинным когтем***.

** * * Когтем снабжен не мизинец кисти, а указательный палец стопы.*

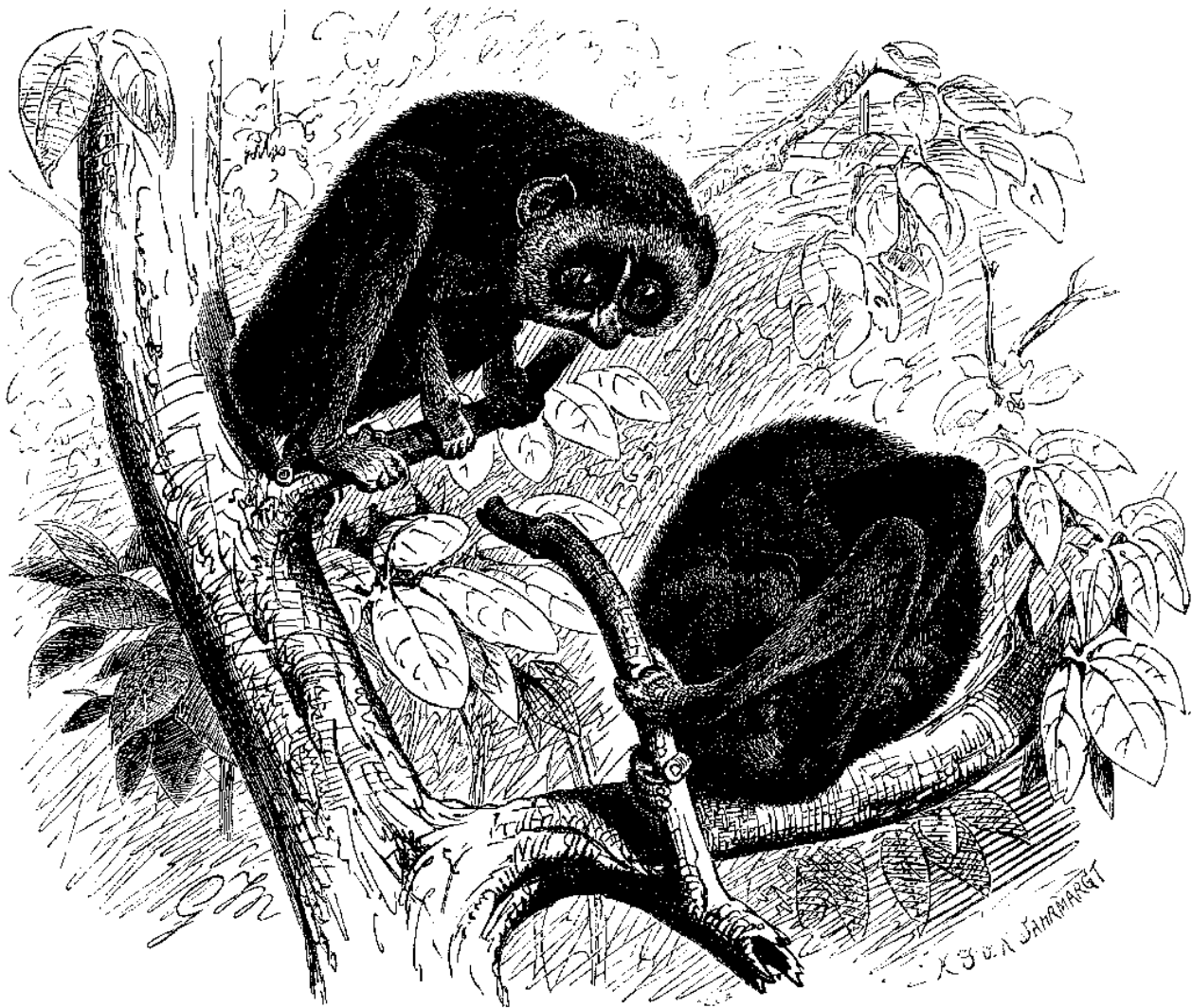
Самка имеет лишь две грудные железы, но каждая из них с двумя сосцами****.

***** У всех лориевых 2-3 пары молочных желез с сосками.*

Между зубами средние верхние резцы бросаются в глаза по своей величине, тогда как наружные совершенно недоразвиты; шесть нижних резцов, разных по ширине, стоят вертикально; клыки толсты, согнуты, но остры; оба ложных коренных зуба довольно велики и имеют по одному бугорку, настоящие коренные зубы четырехбугорчатые. Позвоночный столб, кроме шейных позвонков, состоит из 15-16 грудных с ребрами, 8-9 поясничных, 2-5 крестцовых и 8-9 хвостовых. Очень своеобразно кистевидное разветвление бедренной и подключичной артерии: обе разделяются на столько ветвей, сколько мускулов находится в соответствующей конечности.

Немногие виды этого семейства населяют Индию и прилежащие острова, но жизнь их на свободе почти неизвестна нам. Они замещают в южной Азии более подвижных лемуров, однако лишь по строению тела, а не по характеру. Крайне милостивый представитель этого семейства – **тонкий лори** (*Loris tardigradits*)* ростом всего лишь с белку.

** Самый изящный член семейства весит всего 340 г. В горных лесах он встречается до высоты 1800 м. При столкновениях со зверьками своего вида тонкие лори агрессивны, драки нередко кончаются серьезными увечьями.*

Тонкий лори (*Loris tardigradits*)

Длина его тела — 25 см. Туловище удлинненное, глаза большие, морда острая, конечности тонкие. Длинный, похожий на плющ бархатистый мех рыжевато-серого и желтовато-бурого цвета сверху и сероватого или бледно-желтого снизу. Глаза орехово-бурого цвета; обрамленные темным мехом, они резко выделяются на светлой части морды. Это милое существо, которое туземцы называют «тевангу», живет в лесах низменностей южной Индии, начиная от Годавари, и на Цейлоне. Днем оно спит в дуплах деревьев** и появляется лишь вечером. На воле его еще никто не наблюдал, хотя уже давно существуют рассказы о жизни этого лори на свободе.

** * Тонкие лори проводят день не в дуплах, а свернувшись в шар на ветке и спрятав голову между задними ногами.*

Тевено впервые упоминает о тонком лори. Он видел в конце 17 столетия несколько этих животных в Аурангабаде, в прежнем царстве Великого Могола. Им очень удивлялись, так как они отличались от настоящих обезьян особенно своей малой величиной. «Когда животных наблюдали, они часто становились на задние конечности, обнимали друг друга и при этом пристально смотрели на людей. Хозяин называл их дикими людьми».

Около середины прошлого столетия о тебангу рассказал Себа, при этом он дал превосходное изображение его. Себа называет это животное «цейлонский ленивец», но замечает, что оно носит это имя совершенно незаслуженно, так как тебангу что доказывается уже стройным телосложением животного — не лениво, не медлительно, а, напротив, очень проворно в ходьбе и крайне ловко и быстро во время лазанья. Тебангу питается плодами и семенами больших деревьев, которые самец собирает, пробует и передает потом самке; но и эта последняя тоже очень вежлива по отношению к самцу. Число детенышей иногда доходит до четырех***.

** * * У тонких лори бывает 2 помета в году, по 1—2 детеныша. Новорожденные покрыты шерстью, зрячие, питаются молоком около 3,5 месяца, покидают мать в возрасте около года, половозрелы в 1,5 года.*

Эти два старых сообщения, собственно, самые подробные из тех, которые мы имеем о тонком лори.

По словам Жердона, тонкий лори, по-видимому, малоизвестен на Малабарском берегу; напротив, он очень обыкновенен на восточном берегу, где представители этого вида иногда в большом количестве привозятся живыми на продажу в Мадрас. Местные знахари употребляют глаза этих животных на приготовление различных снадобий. Блэнфорд говорит, что тонкий лори очень любит сироп и мед.

К моему величайшему удивлению и радости, я нашел живого тонкого лори у одного содержания зверинца. Это нежное создание попало в Европу четыре года назад вместе с тремя другими и было продано упомянутому лицу одним из наших первых крупных торговцев зверями. Оно превосходно вынесло, таким образом, не только путешествие в Европу, но и жизнь в неволе в более холодной стране. Я приобрел это маленькое животное за высокую цену, чтобы наблюдать его, дать срисовать его живым и, конечно, заботливо ухаживать за ним.

Самой подвижной частью тела является голова, которую животное умеет поворачивать внезапно и с быстротой молнии, между тем как рукой или ногой оно редко производит такое же быстрое движение. Его глаза светятся в полумраке буквально как раскаленные уголья и производят своеобразное впечатление, так как посажены очень близко и отделены друг от друга лишь белым пятном. Уши несколько оттопыриваются, раковины их при этом вполне развернуты.

В раздражении тонкий лори издает резкое храпение, которое больше всего напоминает голос хомяка, но гораздо слабее его. Этим он проявляет высшую степень своего гнева. Раздражительность лори, впрочем, довольно незначительна, так как его трудно вывести из состояния покоя. На людей и животных, которые движутся или делают что-нибудь вне его клетки, он едва обращает внимание и лишь на собак вытаращивает глаза, как на совершенно чуждых ему существ. Даже если просунуть руку в его клетку, то он едва ли обратит на это внимание. Однако если потрогать лори, он издаст характерное храпение и попытается укусить. Легкое поглаживание, кажется, нравится ему; если лори тихонько чесать голову, то он закрывает глаза.

Главная пища тонкого лори состоит из размоченной в молоке булки. Овощей он избегает почти совсем, мяса и яиц тоже; на живых птиц до сих пор тоже не выказывал желания броситься. Насекомых, особенно мучных червей, лори ест чрезвычайно охотно, но он слишком неловок или ленив, чтобы брать их самому, и лишь тогда хватается их ртом, когда сторож держит лакомый кусочек прямо перед ним. Вероятно, его равнодушие к птицам обусловлено тем, что он отвык от них за долгие годы своей неволи.

Толстый лори, или куканг (*Nycticebus coucang*)*, более известен и распространен, чем его тонкий сородич.

** Самый крупный и широко распространенный из трех медленных лори. Населяет всю тропическую Юго-Восточную Азию к востоку от Брахмапутры, а также Большие Зондские острова. Средний и малый лори обитают только в некоторых районах Индокитая.*

Западной границей области распространения толстого лори должно считать приблизительно устье Брахмапутры и 89 градус восточной долготы, еще он встречается недалеко от Рангпура.

Толстый лори (*Nycticebus coucang*)

Его не видели на Гималаях, но он попадался в Ассаме и всех странах, лежащих к югу и юго-востоку от тех мест, а также на островах Суматра, Ява и Борнео. Этот лори больше и более плотного сложения, чем тонкий лори. Преобладающий цвет у него светлый или темный, пепельно- или серебристо-белый на верхней части тела, часто с красноватым оттенком, который книзу становится бледнее. Вдоль спины пробегает полоса более или менее густого каштаново-бурого цвета, которая или исчезает на темени, или оканчивается широким пятном, достигающим иногда до ушей, или продолжается в виде полосок до глаз. Глаза всегда окружены бурими кольцами, даже в том случае, когда никакие полоски не украшают лицо животного. Голые части носа и пятки мясного цвета. Длина тела равняется 32-37 см, длина хвоста — от 1,5 до 2 см.

Спящий толстый лори (*Nycticebus coucang*)

Толстый лори обитает в лесах, живет семьями. Днем спит в дуплах деревьев, а с наступлением сумерек становится бодрым и пускается отыскивать пищу. Европейцам едва ли приходилось видеть это животное на воле. Розенберг указывает только, что оно всю ночь бесшумно и медленно лазает по ветвям деревьев в поисках пищи, которая состоит из листьев и плодов; животное не пренебрегает, однако, птичьими яйцами и птенцами. Толстый лори, по его словам, больно кусается и чрезвычайно живуч; на Суматре он обыкновенен. Как сообщает Тиккель, этот лори довольно распространен в Тенассериме и Аракане, но его редко случается видеть, так как он живет в самых густых лесах и бродит лишь ночью. Добровольно толстый лори не покидает деревья. Если его посадить на землю и испугать, то он может бежать нетвердой шатающейся походкой. Самки рожают лишь од-

ного детеныша. В юго-восточной части Борнео толстый лори, по словам Бока, тоже весьма обыкновенен. «Куканга убить труднее, чем какое-либо из тех животных, которые мне попадались. Он очень живуч, и мучительно видеть его предсмертные страдания. Добыв на Суматре две шкуры этого лори, я решил не покупать их более. Под кожей этого лори находится толстый слой жира, издающий невыносимый запах», — говорит Бока.

Толстого лори часто приручали и много раз привозили живым в Европу. Ползает он так медленно, что в минуту едва ли проходит более 4 саженей. Очень редко ходит на задних лапах, разве что сделает шага два, вообще же всегда передвигается на четвереньках. Хорошо лазает, но и при этом его медлительность бросается в глаза. По-видимому, толстый лори крайне чувствителен к дневному свету, ночью же видит превосходно, и его глаза, которые днем лишены блеска, светятся в это время. Слух его так тонок, что он даже во сне слышит шорох приближающегося к нему насекомого и тотчас просыпается. Он умеет мастерски подкрадываться к насекомым и маленьким птицам и с быстротой молнии схватывать их. Голос его состоит из тихого свиста, который меняется в зависимости от того, выражает ли он удовольствие, боль, досаду или нетерпение; в гневе лори издает пронзительные звуки.

У туземцев Явы наш лори, может быть, вследствие его своеобразного нрава пользуется, говорят, дурной славой. Полагают, что его присутствие приносит несчастье, болезнь, смерть или дурную беду, и потому местные жители стараются избегать встречи с этим животным.

«В неволе лори смиренны, терпеливы и печальны. Целый день они спят, скорчившись и опираясь головой на сложенные руки. С наступлением ночи лори оживляются. Сначала они протирают себе глаза, делая это точь-в-точь как человек спросонья, потом осматриваются и начинают бродить. При этом они ловко передвигаются по натянутым для них веревкам. Лори очень охотно едят плоды и молоко, но особенно лакомы до птиц и насекомых. Если им показывали этих животных, то они подходили к ним крадучись, осторожными шагами, часто переходя через всю комнату точно так же, как человек, который крадется на цыпочках, чтобы застать другого врасплох. Приблизившись к своей добыче на расстояние около одного фута, они останавливались, приподнимались, подвигались еще ближе, тихонько протягивали руки и наконец с быстротой молнии бросались на добычу и душили ее в несколько мгновений».

До настоящего времени я видел и наблюдал лишь двух живых толстых лори; первого из них — в Амстердамском зоологическом саду и лишь днем. Он, однако, оказался вовсе не таким дружелюбным, как я ожидал.

Обыкновенный потто (*Perodicticus potto*)*.

* *Обыкновенный потто сходен размерами и массой с толстым лори, но имеет более однотонную окраску, менее крупные глаза и заметный хвост.*

У него тонкое тело, округлая голова с удлиненной мордочкой. Глаза средней величины, уши маленькие кожистые, задние и передние конечности почти равной длины, с большими кистями. Недоразвитый, но все же заметный, указательный палец без ногтя, остальные пальцы с плоскими ногтями, за исключением второго пальца на задней лапе. Большой, кривой и плоский коготь на этом пальце поднят вертикально. Хвост короткий. Зубная система состоит из 2 резцов, 1 клыка, 3 ложнокоренных и 3 настоящих коренных зубов в верхней и нижней челюстях; всего, следовательно, 36 зубов.

Короткошерстный мех сверху рыжеватого-серого цвета вперемежку с черным; на голове, руках и ногах более рыжеватого; в области плеч чало-серого. На нижней и внутренней стороне мех еще светлее; на хвосте серовато-рыжего цвета; волосы с черно-бурыми концами. Длина потто равна приблизительно 35 см, на хвост приходится 6 см.

Родина потто, насколько нам известно, западная Африка, однако распространен он не только в Верхней Гвинее и в Сьерра-Леоне, но, как показала экспедиция Гусфельдта в Лоанго, и в Нижней Гвинее, по крайней мере до Конго**.

* * *Потто встречается в поясе лесов Западной и Экваториальной Африки на восток до Кении включительно, В году у него — 2 помета по одному детенышу.*

Золотой, калабарский потто, или медвежий маки (*Arctocebus calaharemis*)*,** отличается от обыкновенного потто большими глазами и ушами, указательным пальцем, недоразвитым до такой степени, что он имеет вид бородавки, и едва заметным хвостом в виде короткого зачатка.

* * * *Наименее изученный член семейства, имеющий ограниченный ареал на западе Центральной Африки. Значительную часть времени зверек проводит подвесившись вниз головой под веткой.*

Число зубов то же, что и у обыкновенного потто. Однако последний верхний коренной зуб имеет три, а нижний пять бугорков. Густой, длинный, волнистый мех, более редкий и короткий на лице, буровато-серого цвета, на брюхе светло-серого, а на морде, передних и задних конечностях темно-бурой окраски. Длина золотого потто — 25-30 см. Он водится в западной Африке, в области устьев реки Нигера.

Калабарский потто, или медвежий маки (*Arctocebus calabarensis*)

Об образе жизни обоих животных мы знаем крайне мало, хотя обыкновенный потто был открыт уже в начале прошлого столетия, а золотой потто еще раньше, в 1680 году, и первого из них уже не раз привозили живым в Европу, а именно в Лондонский зоологический сад. Босман, открывший обыкновенного потто, говорит, что он неповоротлив, как ленивец, и поэтому туземцы в Гвинее называют его лентяем. Бойль, который позднее прислал один экземпляр этого потто в Европу, указывает, что он ведет уединенный образ жизни, показывается редко и только ночью, ест растения и, главным образом маниок. Молодой потто, которого держали в Чинчочо на берегу Лоанго, обыкновенно целый день спал, то лежа свернувшись, то висая в виде шара на палке или проволоочной решетке. При этом для него, по-видимому, было совершенно безразлично, имела ли его жердь вертикальное, наклонное или горизонтальное положение. Если его будили днем, то он иногда

пытался схватить предложенных ему насекомых. При этом потто делал прыжки, которые живо напоминали прыжки большой лягушки. Он скоро стал совершенно ручным, был добродушен, но скучен. Туземцы рассказывают, что в лесу потто по временам издает ночью ужасный крик и что во время войны с Ашанти этот самый крик не раз заставлял английских часовых поднимать тревогу.

Семейство галаговые

(Galigidae)*

* *Представители семейства — эндемики Африки к югу от Сахары и прилегающих к материке небольших островов.*

Галаго относятся к самым известным полуобезьянам, с жизнью и нравами которых нас познакомили уже прежние путешественники. Между тем как у одних низших приматов выше всего стоит зрение, у галаго главную роль играет слух, что заметно по очень большим кожистым ушам, которые напоминают уши некоторых летучих мышей**.

* * *Ушные раковины способны двигаться независимо друг от друга: необычайно подвижна шея, галаго легко поворачивают голову на 180 и более градусов. Эти особенности обеспечивают точную локацию добычи.*

Тело галаго можно назвать скорее тонким, чем плотным, но благодаря густому меху оно кажется толще, чем есть в действительности. Относительно большая голова отличается, кроме обыкновенно развитых голых ушей, большими близко посаженными глазами. Передние и задние конечности средней длины*** и хорошо развиты; указательный палец задней лапы, а у некоторых также средний палец на обеих конечностях снабжен когтеобразным ногтем, все остальные — плоскими ногтями****.

* * * *Задние конечности гораздо длиннее передних, что характерно для «прыгающих» животных.*

* * * * *Ногти на пальцах «когтистых» галаго (подвид *Eioticus*) заостренные, узкие и напоминают настоящие когти.*

Во рту заметны 4 больших, узких, долотообразных резца, расположенных на некотором расстоянии друг от друга. В верхней челюсти 6 больших, широких и длинных резцов. В нижней — 1 длинный гладкий клык, снабженный на наружной стороне бороздкой. В верхней челюсти — 3 ложных и 6 настоящих коренных зубов. В нижней челюсти — более короткий, но зато более крепкий клык, 2 ложнокоренных и 3 настоящих коренных зуба.

Все галаго — обитатели Африки и некоторых ее западных и восточных островов. Они должны считаться хищниками, которые лишь иногда едят плоды. Чтобы дать представление о них, я повторю здесь то, что вместе с Керстеном я говорил на основании его указаний и собственных наблюдений в книге о путешествии фон дер Деккена. «Галаго — ночные животные в буквальном смысле этого слова, существа, для которых месяц служит солнцем, создания, для которых половина дня проходит бесследно. Они более сонливые, чем сони. Весь день лежат, свернувшись клубком, в каком-нибудь укромном месте, а если им помешают отыскать такое убежище, то стараются защититься от ненавистного солнечного света, боязливо прячут голову и даже складывают уши, чтобы обезопасить себя от любого звука. Если по какой-либо причине они проснутся, то сначала бессознательно таращат глаза, затем постепенно приходят в себя и всем своим видом показывают, как неприятно было для них пробуждение. Совершенно другими становятся те же животные после захода солнца. Как скоро в лесу сгущаются сумерки, галаго просыпается, может быть, благодаря становящейся чувствительной для него вечерней прохладе. Он разворачивает свернутый над головой хвост, открывает глаза и расправляет кожистые уши, которые были свернуты или, точнее, смяты в виде крышки, хорошо запирающей слуховой аппарат. После этого животное покидает свое убежище, чистится, лижется и затем начинает бродить, как привидение. Оно ведет образ жизни хищника в полном смысле этого слова, у которого ненасытная жажда крови соединяется с жестокостью необыкновенной для четырехрукого животного. Дальнозоркий, как рысь, чуткий, как летучая мышь, с тонким обонянием лисицы, не очень умный, но весьма хитрый, галаго соединяет в себе проворство обезьяны и сони, отличается большой смелостью и является поистине одним из самых страшных врагов мелких животных, чем существенно отличается от большинства других семейств этого отряда»*.

* *В основном галаго питается крупными насекомыми. Птицы, их яйца, ящерицы, лягушки, плоды занимают значительно меньшее место в рационе. Характерно также питание цветами и ароматными смолами некоторых деревьев.*

В этих словах заключается почти все, что было известно до настоящего времени о жизни галаго на свободе; да и не легко было бы приобрести более подробные данные, так как наблюдения за

образом жизни этих животных в ночное время представляют большие трудности. У нас нет точных сведений о времени и способе их размножения; мы можем сказать лишь одно — галаго, как и почти все остальные полуобезьяны, рождает лишь одного детеныша**.

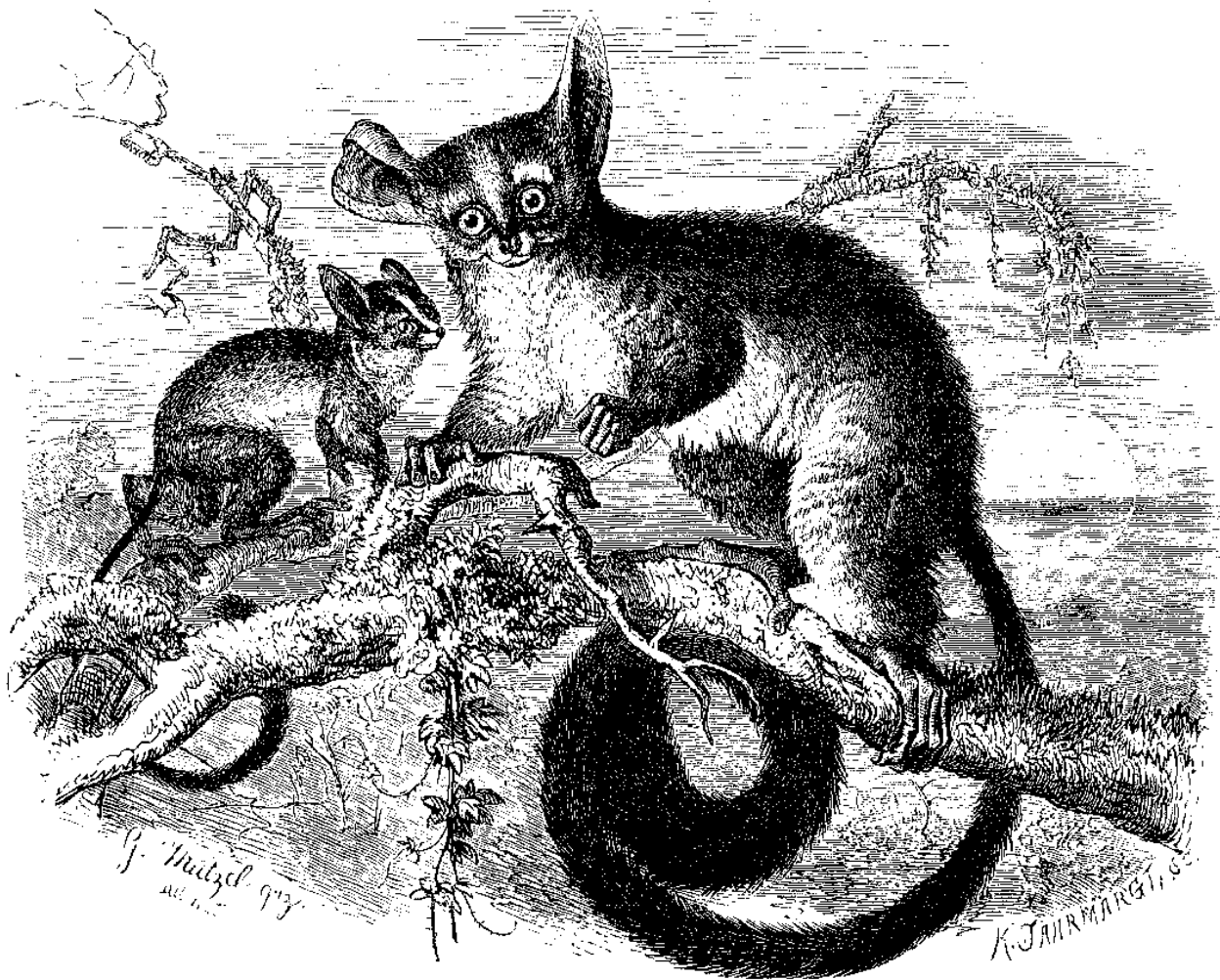
* * У галаго две пары сосков и число детенышей у них колеблется от 1 до 3. В году обычно бывают два помета.

В Занзибаре нередко предлагают на продажу пойманную самку галаго с детенышем. Последний висит, как это обыкновенно водится у обезьян, полуобезьян и летучих мышей, на груди и брюхе матери, вцепившись четырьмя лапами в ее густой мех. Малыш держится так крепко, что она может выполнять с ним все движения и его едва можно отделить от ее тела.

Из немногих видов галаго, величайший из которых почти равен взрослому кролику, а самый маленький вид едва превышает мышь, нам со времен Адансона хорошо известен **обыкновенный, или сенегальский, галаго** (*Galago senegalensis****).

* * * Наиболее широко распространенный вид семейства. Обитает к югу от Сахары, населяя леса различных типов и саванну. Вместе с тем практически отсутствует во влажных экваториальных лесах Центральной и Западной Африки, предпочитаемых большинством галаго. По ночам издает крики, похожие на плач младенца.

Это изящное создание величиной с белку, длина тела составляет 16-20 см, а хвоста — 23-25. Его короткий, но густой и мягкий, как шелк, мех булано-серого цвета сверху, на голове и спине рыжеватого, на внутренней стороне конечностей и на брюхе желтовато-белого цвета. Подобным образом окрашены виски и продольная полоска, начинающаяся между глазами и доходящая до конца носа. Уши мясного цвета, глаза бурого.

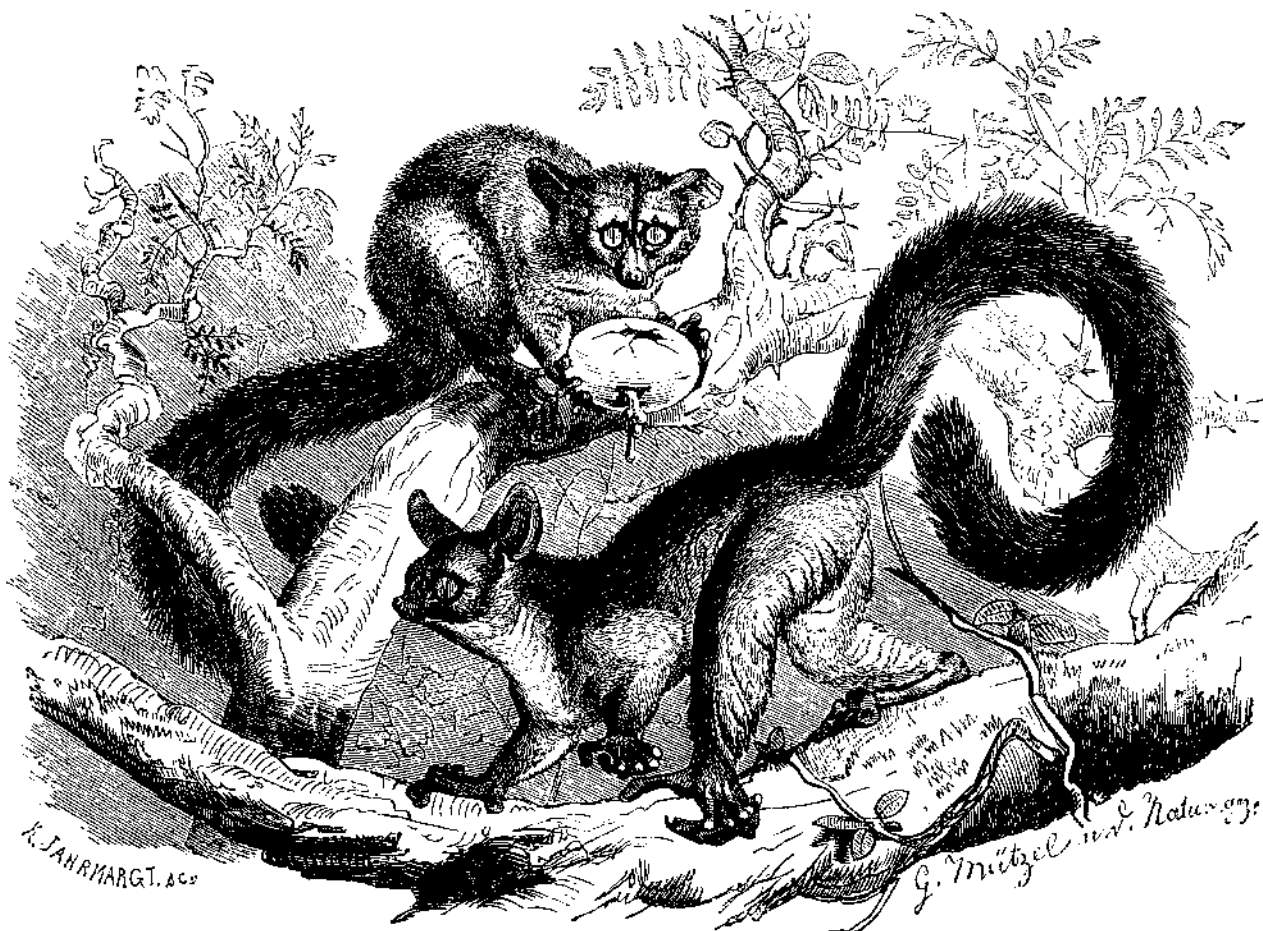
Обыкновенный, или сенегальский, галаго (*Galago senegalensis*)

Галаго водится в большей части Африки. Адансон открыл его в лесах на реках Сенегамбии, позднейшие путешественники наблюдали его в Южной Африке и Судане. Здесь находил его несколько раз и я, но всегда лишь к западу от Белого Нила, а именно в Кордофана. Туземцам он хорошо известен под именем «тендж». Они полагают, что он первоначально был обезьяной и так опустился лишь благодаря своей сонливости. Мы встречали тенджа лишь в мимозовых лесах, обыкновенно парами. Животные спали, сидя на толстых ветвях у самого ствола, но тотчас оживлялись,

заслышав наши шаги. Когда днем мы спугивали их, то они быстро и ловко начинали лазать по ветвям, но никогда не убегали, а всегда скоро спокойно и доверчиво снова усаживались на прежнее место и прислушивались, присматривались к нам сквозь густую листву. Они умели очень ловко двигаться между многочисленными острыми шипами мимоз, а также делать большие прыжки с одного дерева на другое. Ночью, как нам говорили, они быстро, но бесшумно занимаются охотой за насекомыми или по крайней мере собирают плоды, и глаза их горят тогда как огонь. Говорили также, что эти животные очень легко попадают в петли и что днем человек, умеющий хорошо лазать, может даже схватить их рукой. Ловцу нужно только хорошенько трясти ветвь, на которой сидит тендж, тогда животное, боясь упасть, крепко цепляется за нее и позволяет схватить себя. Я думаю, что этот способ охоты дает хорошие результаты. Я сам часто с успехом применял его во время ловли молодых белок.

Самый большой из всех известных до сих пор галаго, которого мы будем называть **толстохвостый галаго** (*Otolemur crassicaudatus*), размером почти с кролика. Длина его тела равна 30-32 см, длина хвоста — 40-42 см. Густой, волнистый мех, который особенно пушист на хвосте и лишь на спинной стороне конечностей укорачивается и прилегает к телу, рыже-бурого цвета на верхней части головы, серовато-рыжего на спине, серого или желтовато-белого на нижней части тела, буровато-рыжего на хвосте, черно-бурого на пальцах обеих пар конечностей. Каждый волос у основания голубовато- или черновато-серого цвета, на конце серебристо-серого с черными и бурными кольцами или же совершенно черный.

Область распространения этого галаго простирается на довольно большую часть восточной Африки, по крайней мере от Джубы до Мозамбика, но о жизни животного на воле мы почти ничего не знаем. В последнее время живые галаго попадают нередко в наши клетки, и я сам имел случай наблюдать их; из этих наблюдений следует, что толстохвостый галаго не отличается значительно по образу жизни от своих сородичей. Как и они, он является настоящим ночным животным, которое целый день спит, а ночью бодро и живо бродит и лишь утром на рассвете отправляется в свое гнездо. В течение дня галаго отдыхает, свернувшись в самом темном углу своей клетки. При этом он помещает голову между передними конечностями, крепко обвивает ее пушистым хвостом и схватывает сей последний обеими задними лапами, которые он вытягивает, насколько это возможно, вперед.

Толстохвостый галаго (*Otolemur crassicaudatus*)

Галаго так хорошо прячет голову, что, кроме ушей, которых он никогда не прикрывает, не видно ничего. Уши у него обыкновенно завернуты и кажутся обвислыми и измятыми. Приблизительно в 5 часов вечера животное просыпается, потягивается и осматривается, пристально глядя вокруг, причем то вытягивает, то снова прячет голову. Потом оно чистится и лишь после этого начинает лазать. Движения его всегда медленны и осмотрительны; шаги совершенно не слышны. При ходьбе пальцы широко растопыриваются, хвост волочится по земле. Галаго лазает медленно, но очень искусно, вверх и вниз головой, крепко привешивается передней или задней лапой и качается. Пища его состоит из размоченной в молоке булки, мяса и плодов. Винные ягоды и изюм он ест особенно охотно, жаден до насекомых, их личинок и куколок. Предлагаемую пищу берет ртом или руками; неизвестное ему обыкновенно сначала обнюхивает, потом ощупывает языком. На живых птиц галаго смотрит жадным, много говорящим взглядом. Он добродушен, и ему очень нравится, когда его слегка чешут пальцами, но если его берут в руки, то галаго кусается. Его наружность выражает понятливость, красивые, бурые, сильно выпуклые глаза смотрят умно. Днем зрачок сжат в виде маленькой узкой щели, ночью он значительно расширяется. Скоро после пробуждения животное издает оригинальный крик, который напоминает воркование голубей. Он начинается тихим глухим звуком «ду», затем усиливается и оканчивается более слабым мяукающим «дью». Весь крик звучит очень глухо, приблизительно как «ду-ту-ту-ту-туи-дью-дью».

Семейство долгопятовые

Большая, круглая, плотно сидящая на плечах голова с лягушачьим лицом, короткие передние и длинные задние конечности и более длинный, чем тело, хвост составляют внешние признаки, а странно устроенные зубы, похожие на зубы хищников, питающихся насекомыми, — главный внутренний признак одной полуобезьяны, которая уже с давних пор считается представителем особого рода, а в новейшее время с полным правом выделена в отдельное семейство. Вследствие необыкновенно удлиненных ступней этому семейству дали название долгопятов. Ранее этих странных животных различные исследователи относили то к тушканчиковым, то к сумчатым, то, наконец, к лемуриновым*.

** Многими морфологическими чертами долгопяты сходны с настоящими обезьянами, а не с полуобезьянами. В семействе — всего один род *Tarsius* с 3—5 трудноразличимыми видами. Семейство эндемично для Индо-Малайской области.*

Долгопят-привидение (*Tarsius spectrum*) представляет, если можно так выразиться, воспроизведение лягушки в классе млекопитающих. Его морда имеет очевидное сходство с головой древесной лягушки, и точно так же его передние и задние лапы некоторыми особенностями, которые мы опишем ниже, напоминают конечности упомянутого земноводного. Движения долгопята в известной степени сходны с движениями древесной лягушки. Его большая голова была бы шарообразной, если бы морда не выдавалась в виде короткого, довольно широкого конуса. Именно благодаря этому, а также необыкновенно большому по отношению к длине морды разрезу рта, оканчивающемуся под глазами, и толстым губам морда получает лягушачье выражение. Сходство это существенно увеличивается из-за чрезвычайно больших совиных глаз**.

** * Более крупный, чем у долгопятов, орган зрения относительно размеров тела из всех животных имеют только некоторые головоногие моллюски — кальмары, каракатицы.*

Они занимают большую часть лица, стоят довольно близко друг к другу и имеют в диаметре по меньшей мере 1,5 см. Менее своеобразными являются уши, так как такие уши встречаются и у других млекопитающих. Они похожи на большие широкие ложки, сидящие на короткой трубчатой рукоятке, и представляют собой узкую поверхность, оканчивающуюся острым краем, ограниченную изнутри началом ушной складки. Внутри ушной раковины четыре расположенных одна над другой поперечных дуги. Шея короткая и едва заметна. Тело шире всего сверху, так как плечи сильно выдаются. Спина кажется вдавленной, грудь уже спины. Передние конечности обращают на себя внимание своими небольшими размерами; плечевая часть очень коротка. По сравнению с передними конечностями кисти могут быть названы очень длинными. Средний палец длиннее других и втрое длиннее большого пальца, который в свою очередь значительно меньше мизинца. У долгопятов так же, как у некоторых галаго, на ладони и концах пальцев развиты большие утолщения в виде подушечек*.

** Долгопят может на одной лапе висеть на гладком вертикальном стекле.*

Бедрa довольно крепкие, голени, напротив, по сравнению с ними кажутся тонкими, а плюсны, покрытые редкими волосами до пятки, т.е. до начала пальцев, выглядят даже сухими как щепки**.

* * Именно удлиненная плюсна (*Tarshts*) обусловила латинское и русское названия зверька.

Задние лапы, за исключением строения ногтей второго и третьего пальцев, похожи на передние, с тем лишь различием, что большой палец задних конечностей может противопоставляться остальным пальцам в большей степени, чем большой палец передних конечностей.

Восточный долгопяд, или долгопят-привидение (*Tarsius spectrum*)

Утолщения на концах пальцев задней конечности значительно больше, чем на передней; притом не третий, а четвертый палец длиннее всех. Хвост круглый, к концу слегка утончается. Зубная система долгопята отличается от зубной системы остальных полуобезьян тем, что у него не узкие горизонтально вытянутые вперед нижние резцы, а вертикальные. Они напоминают резцы хищников питающихся насекомыми; ложнокоренные и настоящие коренные зубы относительно широкие, острые и бугорчатые. Резцов, по исследованиям Бурмейстера, в верхней челюсти 4, в нижней — 2. Кроме того, вверху с каждой стороны находится по 1 клык, по 2 тупобугорчатых ложнокоренных зуба и по 3 настоящих коренных; снизу по 1 клык, по 2 остробугорчатых, по 1 тупобугорчатому ложному и по 3 настоящих коренных зуба. Череп по своей форме совершенно соответствует шарообразному наружному виду головы и отличается от черепов остальных полуобезьян огромными глазными впадинами. Все кости тонки и нежны, свод черепа едва толще игральной карты, так что его легко прорезать ножом. В позвоночнике насчитывается 7 шейных позвонков, 13 или 14 спинных, 6 поясничных, 3 крестцовых и 31-33 хвостовых. Несколько волнистый, мягкий и густой мех покрывает голову, спину и наружную сторону конечностей, укорачивается на груди и брюхе, а на носу, ноздрях и верхнем крае рта становится настолько коротким, тонким и редким, что эти части кажутся почти голыми, хотя в действительности они покрыты волосами. На ушной раковине снаружи, особенно у основания и посередине, заметны короткие волоски, на внутренней поверхности раковины они крайне тонки и едва заметны, верхняя же часть раковины совершенно обнажена. Цвет меха буровато-серый с легким рыжим оттенком. На лбу, спине и верхней стороне бедер, на темени и затылке цвет темнее, на груди он переходит в беловатый. Волосы, покрывающие конец хвоста, желтоваты. Глаз, по словам Кёмминга, имеет бурую радужную оболочку, по Я гору, желтоватую. Взрослые экземпляры достигают в длину 40 см, из которых 23-24 см приходится на хвост.

Об образе жизни долгопята-привидения существуют рассказы Раффлеса, Кёмминга и Соломона Мюллера, к которым я могу прибавить несколько важных указаний Розенберга и Ягора. Область распространения его — Малайские острова. Однако это маленькое животное нигде не встречается часто*.

** Восточный долгопят обитает только на о. Сулавеси. Другие виды живут на Филиппинских о-вах, Суматре, Борнео с прилегающими островами. Недавно на Сулавеси открыты еще два узкоареальных вида.*

На материке он не известен. Большое количество его названий, а еще более басни, сложенные о нем, доказывают, что всем туземцам он кажется в высшей степени удивительным созданием. Местом пребывания долгопят-привидение избирает, по словам Розенберга, леса на равнинах. Днем он прячется в темных, влажных местах в густой листве или дуплах деревьев. По словам Кёмминга, этот долгопят живет между корнями больших бамбуковых деревьев в самых густых лесах. Самцов и самок обычно видят вместе, почему туземцы, поймав одно животное, стараются добыть и другое. По тому, как долгопят сидит и прыгает, он невольно напоминает, по словам Соломона Мюллера и Розенберга, который называет его самым милым существом, лягушку. Долгопят делает прыжки почти в метр**.

** * Долгопяты замещают в экваториальных лесах Малайского архипелага африканских галаго. Они еще более приспособлены к прыжкам с использованием толчка задними конечностями, обладают более цепкими пальцами. В длину прыгают на 2 м, в высоту — на 1,5 м. Они строго ночные полуобезьяны, день проводят, как правило, не в дуплах, а тесно прижавшись к вертикальной ветке в укромном месте. По-видимому, при охоте ориентируются больше при помощи зрения, чем слуха.*

Он так мало пуглив, что днем спрыгивает с высокого дерева или куста вниз на прохожего и позволяет схватить себя рукой. Его непропорционально большие, вытаращенные глаза, зрачок которых может быстро увеличиваться и уменьшаться в зависимости от количества падающих на него лучей света, приобрели ему среди туземцев репутацию животного, олицетворяющего собой нечистую силу. Его считают заколдованным животным и на основании учения о переселении душ признают душой злодея, обладающей волшебными силами. Туземцы Суматры так боятся его, что тотчас оставляют свои рисовые поля, завидев на дереве рядом с собой долгопята. По их мнению, в противном случае с ними или с их семействами может случиться несчастье. Басни эти касаются и пищи нашего животного. Еще Петер Камель в начале прошлого столетия говорил, что, по мнению туземцев, долгопят-привидение питается древесным углем, но что это ложь, так как он употребляет в пищу бананы и другие плоды. Ягор, который получил двух живых долгопятов, тоже слышал эти рассказы, но убедился из собственных опытов, что животное избегает растительной пищи и поедает главным образом насекомых, однако не всех, а по выбору. Кёмминг утверждает, что пища долгопята состоит из ящериц и что он предпочитает этих пресмыкающихся всякой другой добыче, однако, если очень голоден, питается еще мелкими раками и тараканами. Соломон Мюллер указывает, что долгопят употребляет кроме насекомых также различные плоды.

Относительно размножения долгопята-привидения Кёмминг сообщает следующее: «Я имел счастье, сам того не зная, приобрести беременную самку и потому был немало удивлен, увидев однажды утром, что она родила детеныша. Этот последний казался несколько слабым, но был очень похож на мать. Его глаза были открыты, тело уже покрыто волосами. Он постоянно сосал и держался между ногами матери и был так закрыт ею, что виднелся только его хвост. Силы детеныша быстро увеличивались, и уже на второй день он ползал по клетке, хотя еще с видимым напряжением. Однако он добирался до верхушек палок, из которых была сделана клетка. Если окружающие желали видеть детеныша в то время, как мать закрывала его, то достаточно было потревожить ее. Она при этом обыкновенно злилась, брала детеныша зубами, совершенно как кошка, и некоторое время таскала его таким образом. И в другие разы, когда ее не беспокоили, я видел, как она выходила из гнезда, держа детеныша в зубах. Последний очень вырос в течение трех недель»*.

** Размножаются долгопяты круглый год, ник бранного периода приходится на зиму (сухой сезон). Несмотря на 2 пары сосков, рожают только 1 детеныша.*

Подотряд обезьяны

Флора и фауна Южной Америки так резко отличаются от флоры и фауны жаркого пояса Старого Света, что это различие бросается в глаза с первого взгляда. Поэтому если счастливый случай даст нам возможность удовлетворить свою страсть к путешествиям и побывать в Южной Америке, то нам почти все там покажется волшебным и сказочным. Нас поразит прелесть новизны, а богатство природы заставит забыть о преимуществах нашего полушария.

То же самое можно сказать и о тех животных, к описанию которых мы теперь приступаем. Широконосые обезьяны* могут считаться, конечно, довольно замечательными существами, но красивыми их назвать нельзя, за редким исключением.

** Широконосые обезьяны надсемейство, объединяющее приматов Нового Света. От обезьян Старого Света помимо широкой перегородки между ноздрями, которые открываются в стороны, они отличаются рядом существенных признаков, большая часть из которых приведена Бремом.*

Они почти все беспомощнее, ленивее, скучнее и глупее обезьян Старого Света и значительно безобиднее, добродушнее и безвреднее последних; но потому именно они и не подходят под тип настоящих обезьян. С последними мы привыкли соединять качества, исключительно им свойственные, то есть веселость, резвость, нахальство, бесстыдство, одним словом, все их худые свойства. Мы уже привыкли видеть в этих удивительных существах свою карикатуру по наружности и чувствуем себя неудовлетворенными, если это карикатурное сходство не проявляется также и в душевных качествах.

Широконосые резко отличаются от своих сородичей на востоке как телосложением, так и зубной системой.

Тело их обыкновенно худощаво, члены стройны; хвост есть и почти всегда хорошо развит; он часто составляет как бы пятую руку, так как при помощи сильных мускулов, находящихся на конце его, способен сильно свертываться и, таким образом, представляет собой хватательный орган. Большой палец на передних конечностях не противопоставляется, а на задних противопоставляется остальным. Ногти плоски. Вместо 32 зубов челюсти снабжены 36 зубами; с каждой стороны по 6 коренных зубов. У широконосых никогда не бывает ни защечных мешков, ни седалищных наростов. Носовая перемычка широкая. Ни один из родов этого семейства не достигает значительного роста. Окраска шерсти у них довольно разнообразна, но никогда не бывает так пестра, как у обезьян Азии и Африки.

Отечеством широконосых служит исключительно Южная Америка. Северную границу его составляет 29 градус северной широты. Область их распространения на западе ограничивают Анды, на востоке — Атлантический океан, на юге она не простирается далее 25 градуса южной широты.

Все ширококоносые живут исключительно на деревьях и потому водятся преимущественно в девственных лесах. Сухим местностям они предпочитают болотистые и изобилующие водой. На землю спускаются только в крайнем случае и на водопой отправляются не так, как другие звери — пробираясь по вьющимся растениям и нависшим сучьям, они спускаются к воде и пьют, не покидая ветвей. Деревья снабжают их всем необходимым, так как пища их состоит из различных растений, а также из насекомых, пауков, птичьих яиц или птенцов и меда; только немногие из них опустошают иногда какую-нибудь плантацию. Большинство видов деятельны днем, но некоторые из них — сумеречные и ночные животные. Как те, так и другие проворны и ловки, но среди них есть несколько видов в высшей степени неповоротливых обезьян. Лазают они все превосходно, причем, как я уже указывал, отлично умеют пользоваться своим замечательным хвостом. Многим из них хвост заменяет собою все: они совершенно не могут жить без него. Благодаря своей неповоротливости обезьяны постоянно нуждаются в определенной поддержке своему телу, для чего им и служит цепкий хвост при всяких обстоятельствах. В каком бы положении обезьяна ни находилась, даже во время покоя, она обвивает хвостом какой-нибудь предмет, хотя бы один из ее собственных членов. Мускульная сила хвоста, значительно превосходящая силу остальных членов, и тонкая чувствительность, которой он обладает на конце, дают обезьянам возможность пользоваться этим замечательным даром природы при самых разнообразных условиях. В их жизни хвост во многих отношениях заменяет недостающее им проворство, как умственное, так и физическое, которым отличаются их заморские сородичи. Несмотря на все это, настоящие древолазы Старого Света, несомненно, превосходят их в прыганье и лазанье. Обезьяны Нового Света почти всегда ходят на четвереньках и отличаются более или менее неуклюжей, неуверенной и шаткой походкой.

В понятливости они значительно уступают обезьянам Старого Света. В общем это кроткие, добродушные и доверчивые существа, но в то же время они глупы, неловки и тяжелы на подъем*.

** Некоторое отставание в «умственном развитии» вообще характерно для животных, эволюционировавших на ограниченных территориях, в условиях менее жесткой конкуренции и наличия свободных экологических ниш. Это в полной мере относится к части южноамериканской териофауны, имеющей древние корни (в том числе широконосым обезьянам), фауне Австралии, Новой Зеландии, Мадагаскара, некоторых других изолированных районов Земли. Пара-*

доксально, но масса мозга широконосых обезьян по отношению к телу превышает тот же показатель узконосых обезьян, включая человека.

Некоторые из них любопытны, шаловливы и доверчивы, большинство же, напротив, угрюмы, упрямы, злы, коварны и задорны. Широконосые, как и обезьяны Старого Света, большие лакомки, так же жадны и вороваты. Хорошие же качества последних у них совершенно отсутствуют. Если бы мне пришлось выбирать между обезьянами Старого и Нового Света, то я не стал бы долго задумываться над тем, кому из них отдать предпочтение. На свободе эти обезьяны всегда дики и пугливы и не в состоянии отличить истинную опасность от воображаемой. Поэтому они бегут при всяком необыкновенном явлении и стараются как можно скорее скрыться в густой листве. Будучи ранены, обезьяны сильно кусают тех, кто их хочет схватить; в нормальном состоянии они защищаются только против слабых хищников. Это слабосильные и трусливые животные.

В плену широконосые вскоре начинают вести себя послушно и доверчиво, но в старости все-таки делаются злыми и задорными, хотя и не всегда.

Материнская любовь у них развита так же сильно, как и у обезьян Старого Света. Они рожают зараз одного или двух детенышей, любят и балуют их, ухаживают за ними и защищают их с такой заботливостью и сердечной теплотой, что в этом отношении нельзя не отнестись к ним с участием*.

* Четкой сезонности в размножении американских обезьян нет. Беременность у цепкохвостых длится полгода, у игрунок — 3,5-4 месяца. Первые в норме рожают одного детеныша, вторые — двойню (редко трех).

Человеку американские обезьяны не вредят, а если и вредят, то в незначительной степени. Родина их — просторный, большой, богатый лес; он кормит и снабжает их всем необходимым; они не нуждаются в человеке. Только немногие виды делают набеги на поля, лежащие вблизи лесов, причем опустошения, производимые ими, ничтожны по сравнению с теми убытками, которые наносят плантациям обезьяны Старого Света. Человек охотится на них ради мяса и шкуры. Многие путешественники бывали поставлены в необходимость смотреть на этих обезьян как на ценную дичь и готовить себе суп и жаркое из их мяса, и многие красавицы прячут и греют свои нежные руки в муфте из меха, который прежде покрывал тело обезьяны.

Для туземных жителей Америки обезьяны являются и высшей степени полезными животными, так как мясо их составляет значительную часть их рациона, почему за ними и охотятся ревностно. Обыкновенным оружием для этого служит лук, нередко, однако, пользуются сарбаканом и маленькими, но пропитанными ужаснейшим ядом стрелами. Хотя обезьяны и стараются вытащить эту маленькую стрелку из раны как можно скорее, но хитрый человек надрезает стрелку до половины, вследствие чего ядовитый кончик ее почти всегда ломается и остается в ране, а сила действия этого яда достаточно велика, чтобы лишить жизни и более крупное животное.

Семейство цепкохвостые

Из цепкохвостых мы на первом месте поставим ревунов**.

* * Ревуны — самые крупные из приматов Нового Света. Относительно «узконосы». Самцы достигают массы 9 кг, самки значительно легче. Половой диморфизм в размерах у ревунов наибольший среди широконосых обезьян.

Тело их плотно; голова высока, пирамидальной формы; морда выдается вперед; большой палец передней руки тонок. Густая шерсть, удлиняясь на подбородке, принимает форму бороды. Типическим признаком ревунов прежде всего служит пузыревидно вздутая подъязычная кость. Александр фон Гумбольдт был первым естествоиспытателем, исследовавшим этот орган анатомически. «У маленьких американских обезьян, — говорит он, — которые щебечут как воробьи, имеется простая тонкая подъязычная кость, у больших же обезьян язык поддерживается широким костяным барабаном. Верхняя часть гортани представляет большое сходство с нижней гортанью у птиц. Свойственный ревунам жалобный крик происходит, когда воздух с силой врывается в костяной барабан. Если принять в соображение большую величину этой костяной коробки, то не покажутся удивительными сила и объем голоса этих животных, которые с полным правом носят свое имя». Хвост ревунов очень длинен, с нижней стороны на конце обнажен, богат нервами и сосудами и снабжен сильными мышцами, благодаря чему служит орудием для хватания.

Область распространения ревунов очень обширна, они водятся почти во всех странах Южной Америки. Густые, высокие и сырые леса являются их излюбленным местопребыванием; на равнинах они живут только в тех местах, где отдельные группы деревьев образуют небольшие рощи и где поблизости находится вода. Сухих местностей они избегают совершенно, но встречаются в холодных полосах. Так, в южных странах Америки есть местности, в которых разность температур

зимой и летом, и без того ощутительная, еще больше увеличивается благодаря высоте их над уровнем моря*.

* *Ревуны поднимаются в горы выше 1500 м.*

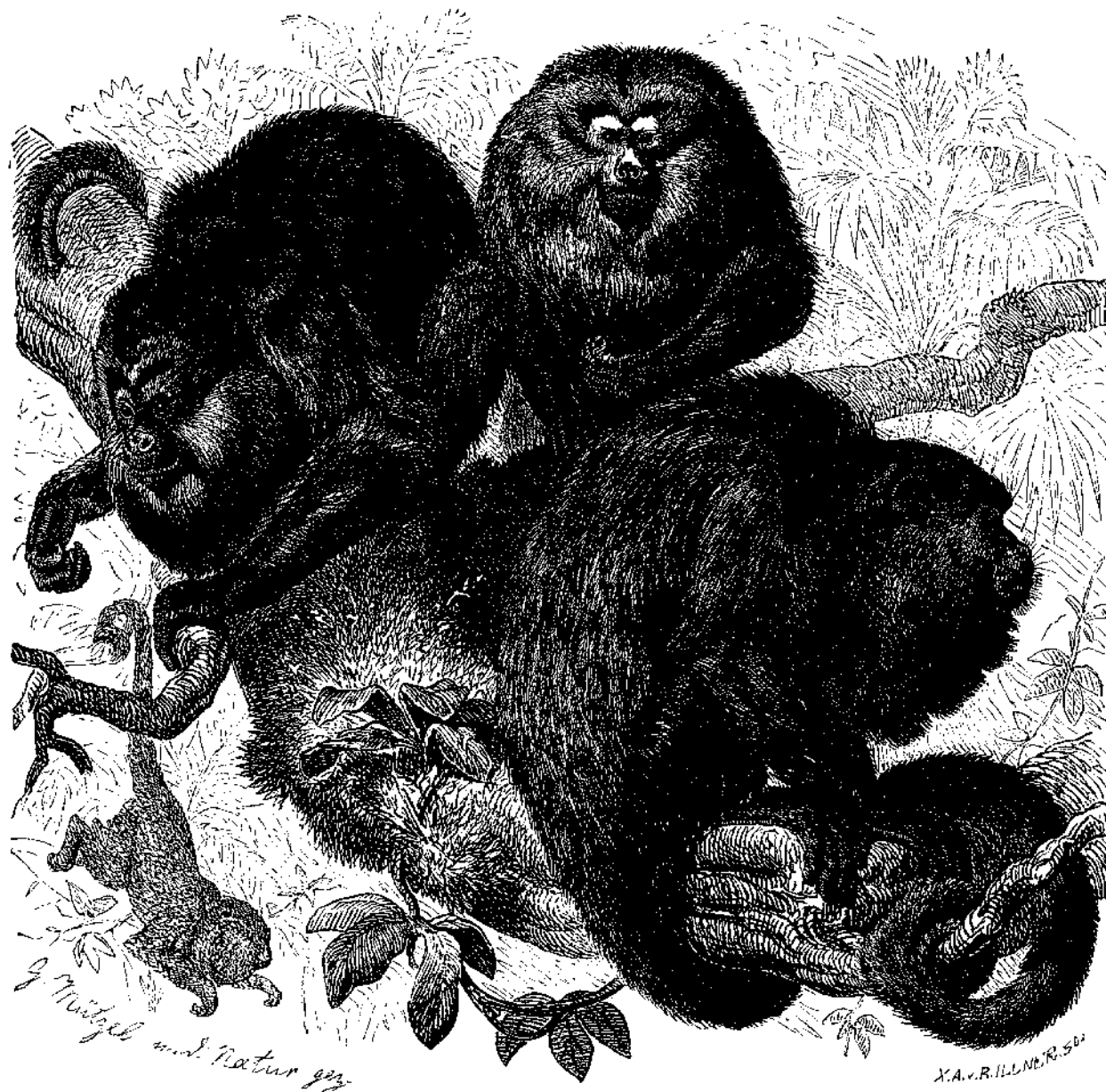
Там, как сообщает Гензель, зимой по ночам бывают довольно сильные морозы и к утру лес покрывается белым инеем; лужи так замерзают, что тяжелые мускусные утки переселенцев не проваливаются; и лед не ломается, даже если на него бросают камни величиной с кулак. «Такой холод, конечно, держится недолго, и ночной мороз скоро исчезает под теплыми лучами полуденного солнца. Холодные зимние дожди бывают чувствительнее этих морозов; при температуре, стоящей на точке замерзания, они льют в продолжение нескольких дней, изредка даже неделями и сопровождаются пронизывающим, холодным южным ветром. В то время как домашние животные, если их плохо кормят, погибают под влиянием таких перемен погоды, дикие животные чувствуют себя очень хорошо, и, как только погода прояснится и солнце вступит в свои права, голос ревуна раздастся снова, свидетельствуя о том, что состояние его здоровья ничем не потревожено. Если утром, после холодной ночи, при первых теплых лучах солнца взойти на какое-нибудь возвышенное место так, чтобы удобно было обозреть всю лесистую местность какой-нибудь горной долины, то даже невооруженным глазом то там то сям можно заметить красноватые точки — это старые самцы ревунов, которые, взобравшись на ветви дерева или на распорки двух ветвей, греют свои шкуры на солнце. Холоднее всего зимой бывает в Рио-Гранде-де-Сул, на плоской возвышенности Сьерры, где не растет больше ни одного апельсина и зимние холодные ветры, дующие из пампасов и Патагонии, очень чувствительны. Здесь нередко выпадает много снега, который не тает в продолжение нескольких дней. Впрочем, никогда не замечалось, чтобы холод заставлял ревуна покидать свое место обитания».

Описывая жизнь ревунов, мы основываемся на наблюдениях, собранных Александром Гумбольдтом, принцем Максом фон Вид, Ренггером, Шомбургком, Гензелем и Каплером. По мнению первых, описания их относятся к двум различным видам.

Рыжий ревуна (*Alouatta seniculus*) отличается рыжевато-бурой шерстью, которая посреди спины золотисто-желтого цвета. Волосы короткие, жесткие, в корне одноцветные; подшерстка не замечается. Длинной рыжий ревуна около 1,35 м, из коих 70 см приходится на долю хвоста. Самка меньше ростом и более темного цвета.

У **черного ревуна** (*Alouatta caraya*) волосы значительно длиннее, совершенно черные и только с боков несколько рыжеватые. У самки на брюхе шерсть желтовата. Длинной черный ревуна около 1,3 м, из коих на долю хвоста приходится половина.

Первый обитает на востоке почти всей Южной Америки, последний живет в Парагвае.

Черный реву́н (*Alouatta caraya*)

Ревун — одно из тех американских животных, с которыми путешественники были знакомы уже с самых древних времен. Знакомство это было, однако, всегда неполное, что и послужило поводом ко многим басням, слагаемым про него. Этим басням до сих пор еще верят белые и индейцы, которые сами не наблюдали ревунов. Мы, однако, оставим их в стороне и обратимся к сообщениям известных натуралистов.

"По приезде, — говорит очень опытный наблюдатель Шомбургк, — мне приходилось слышать при восходе и заходе солнца ужасный рев многочисленных ревунов, доносившийся до меня из дремучего леса. Во время охоты, однако, мне долго не удавалось самому выследить этих животных. Однажды утром, когда я, позавтракав, взял ружье и направился к лесу, из глубины его снова раздался этот дикий рев и возбудил во мне охотничью страсть. Я поспешил через чащу в том направлении, откуда слышался рев, и после больших усилий и продолжительных поисков достиг того места, где расположилось общество, не заметившее моего приближения. Оно сидело передо мной на высоком дереве и давало такой страшный концерт, что издали могло показаться, будто все лесные дикие звери вступили между собой в смертельный бой. Впрочем, нельзя было не заметить, что в этих звуках господствовало некоторое согласие. По временам общество, рассеявшееся по всему дереву, внезапно умолкало, как бы по данному знаку, затем так же неожиданно раздавался опять немusикальный голос одного из певцов и рев возобновлялся снова. Костяной мешок, который находится на подъязычной кости и который, отражая звуки, придает голосу необыкновенную силу, заметно двигался во время рева вверх и вниз. Звуки то напоминали хрюканье свиньи, то походили на рев ягуара, когда тот бросается на свою добычу, то снова переходили в страшное рычание этого хищника, когда, окруженный со всех сторон, он чувствует грозящую опасность. Однако это страшное

общество имело также и смешную сторону и было способно вызвать на мгновение улыбку на лице даже самого мрачного ипохондрика, если бы он увидел, с каким серьезным выражением лица эти длиннородые певцы смотрели друг на друга. Мне говорили, что у каждого стада есть свой запевала, который отличается от остального хора, состоящего из одних басов, не только своим высоким пронзительным голосом, но и более стройным, худощавым телом. Первое из этих сообщений я нашел вполне справедливым, но худощавого и стройного запевалы не видал; зато на ближайшем дереве я заметил двух молчаливых обезьян, которых принял за караульных. Если они действительно стояли на страже, то довольно плохо исполняли свою обязанность, так как я находился поблизости, не будучи замечен ими».

Этот интересный рассказ достаточно ясно доказывает нам, с какими своеобразными созданиями мы имеем дело. Можно утверждать не преувеличивая, что вся жизнь и деятельность их включает в себе ряд странностей и поэтому представляет богатый материал для наблюдений. С другой стороны, нужно признать, что индейцам простительно презирать и ненавидеть ревунов за их неприятную наружность и скучный нрав. Можно также оправдать все напрасные обвинения, высказанные в адрес ревуна, если подумать, до чего непривлекательны эти животные не только в неволе, но и на свободе и до чего однообразен их образ жизни.

В продолжение дня любимым местопребыванием ревунов служат самые высокие деревья в лесу. С наступлением сумерек они спускаются на более низкие деревья и, спрятавшись в их густой, переплетенной ползучими растениями листве, предаются сну. Медленно, почти ползком перелезают ревуны с одной ветви на другую, выбирая листья и почки, неторопливо срывая их рукой и медленно поднося их ко рту. Насытившись, они усаживаются на каком-нибудь суку и сидят здесь скорчившись, без движения. В таком положении обезьяны имеют вид дремлющих дряхлых стариков. Иногда они ложатся по длине ветки, спускают руки и ноги по обеим сторонам ее и держатся только хвостом. Что делает один, то делают и другие, медленно и бессмысленно подражая ему в движениях. Если один из взрослых самцов покинет дерево, на котором поместилось семейство, то остальные члены этого общества следуют за ним без оглядки.

"Поистине удивительно, — говорит Гумбольдт, — до чего однообразны движения этих обезьян. Каждый раз, когда ветви двух соседних деревьев находятся на некотором расстоянии друг от друга, самец, идущий во главе толпы, цепляется хвостом за ветку и, повиснув таким образом, раскачивается до тех пор, пока не ухватится за ветвь соседнего дерева. Все стадо, вслед за ним, в точности проделывает на том же месте такие же движения"*.

** Для ревунов характерна полубрахиация сравнительно небыстрое передвижение под ветками при помощи «рук» и хвоста. Могут совершать и прыжки до 3—4 м.*

Хвост у ревунов играет несомненно самую важную роль при движении. Какое бы положение ни приняли обезьяны, они цепляются им за что-нибудь, хватают им и притягивают к себе различные предметы. Они чувствуют необходимость пользоваться хвостом на каждом шагу, чтобы придать уверенности своим медленным движениям. Нельзя сказать, чтобы они лазали дурно: напротив, они даже очень ловки, но никогда не делают далеких, смелых прыжков, как другие обезьяны. Двигаясь вперед по какому-нибудь суку, они до тех пор не выпускают его из рук, пока хвост, которым они вертят во все стороны, не нащупает надежной точки опоры и не обовьется вокруг нее один или два раза. Слезая с дерева, они до тех пор держатся хвостом за ветку, которую собираются покинуть, пока не найдут руками новой точки опоры, а влезая на дерево, держатся хвостом за нижнюю ветку, пока руками и ногами крепко не ухватятся за верхнюю. Хвост сильнее рук, мускулы на конце его настолько сильны, что держат хвост постоянно свернутым, подобно часовой пружине. Ревун может повиснуть на конце своего хвоста, как на крючке, обернув им сучок только наполовину. Он может употреблять это орудие для всевозможных целей и, будучи лишен его, обречен на гибель. Хвост долгое время еще поддерживает тяжесть тела уже мертвого животного, и мускулы хвоста не всегда разгибаются под этой тяжестью. Азара рассказывает, что иногда находят уже полусгнивших ревунов, все еще крепко висящих на своем хвосте.

Не многим другим животным деревья служат таким исключительным местопребыванием, как ревунам. На землю обезьяны спускаются достаточно редко и делают это, вероятно, только тогда, когда не могут напиться, свесившись с низких ветвей. Гумбольдт говорит, что они не могут предпринять не только путешествий, но даже коротких прогулок по ровному месту, а Ренгер называет рассказ индейцев о том, будто бы ревуны иногда переплывают широкие реки, сказкой, выдуманной ими для иностранцев. «Ревуны до того боятся воды, — говорит он, — что если во время быстрого разлива реки они бываю застигнуты водой врасплох на каком-нибудь дереве и отрезаны ею от общения с другими деревьями, то скорее умрут с голоду, чем решатся переправиться до другого де-

рева вплавь. Однажды я встретил стадо обезьян, сидевшее на дереве, которое со всех сторон было окружено водой. Они до того исхудали и были так слабы, что едва могли двигаться. Они объели не только все листья и нижние побеги, но даже часть коры своего дерева. А между тем до ближайшего леса им понадобилось бы проплыть расстояние не более чем в 60 футов». Тот же естествоиспытатель уверяет, что никогда не видел ревунов в открытом поле и никогда не встречал следов их на земле. Если ревуна не преследуют, то он всегда держится в определенной области, имеющей в окружности не более мили. Семейство часто проводит целый день на одном и том же дереве. Поодиночке они встречаются редко. Члены семьи всегда держатся друг друга. Там, где их часто беспокоят, они гораздо более дики и исчезают уже при первом лае собаки. Когда они прячутся, то так ловко пользуются своими преимуществами, что иногда приходится долго и тщетно искать их, зная в то же время наверное, что они не могли оставить дерева. Охотнее всего ревуны забираются в густую листву вьющихся растений и сидят там без движения. С помощью подзорной трубы иногда можно различить в кусте орхидных растений черную морду ревуна, неподвижно уставившегося на охотника и не сводящего с него глаз, чтобы не упустить ни одного его движения. Однако цвет шкуры старых самцов обычно выдает их, так как она светится между листьями.

"Когда летом утренние лучи солнца разгонят свежесть ночи и туман, лежащий в долинах по откосам гор, тогда маленькое общество ревунов, которое провело ночь, сидя в куче, на ветвях густого дерева, расходится по сторонам. Прежде всего они отправляются отыскивать себе пищу. По утолении голода им остается до наступления душного и жаркого дня еще достаточное количество времени, чтобы предаться сообщая своему любимому удовольствию. Само собой разумеется, что у зверя с таким серьезным нравом, как у ревуна, забава лишена той шаловливости, которая характеризует забавы его сородичей. Вот общество подходит к исполинской смоковнице, густая листва которой защищает их от солнечных лучей, а мощные горизонтальные ветви приспособлены как нельзя лучше для прогулок. Глава семьи избирает себе одну из этих ветвей, остальные члены общества по своему усмотрению рассаживаются поблизости, и он, подняв хвост, начинает прогуливаться по ветви взад и вперед с серьезной важностью. Вскоре вожак издает слабый рев. Вначале это тихие, отрывистые звуки, как у льва, когда тот собирается испытать силу своих легких. Затем звуки, производимые, по-видимому, вдыхательными и выдыхательными движениями груди, делаются все сильнее и все чаще следуют друг за другом; слышно, как усиливается возбуждение певца. Наконец оно достигает высшего предела: промежутки между отдельными звуками становятся все меньше, постепенно исчезают, и звуки наконец сливаются в непрерывный рев. В это мгновение остальными, молчавшими до тех пор членами семейства, как женского, так и мужского пола, овладевает бесконечное одушевление: все они присоединяют свои голоса к голосу запевалы, и ужасный хор около десяти секунд раздается в тихом лесу. Рев оканчивается такими же отрывистыми звуками, какими был начат, но они не так продолжительны, как вначале».

"Голос ревунов, единственный в своем роде среди всего класса млекопитающих, не поражает, безусловно, своей силой, так как не может сравниться в этом отношении с ревом льва или оленя во время течки, но сила его громадна для такого маленького тела, которое обыкновенно бывает не больше крупной лисицы. Часто пытались описать голос ревуна. Однако кто не слышал его сам, тот не в состоянии будет составить себе о нем достаточно ясного представления».

По Ренгеру, ревуны чаще и громче всего кричат в теплое время года, притом как утром, так и вечером. В холодную или дождливую погоду их слышно редко, в ночное время их никогда не бывает слышно. Иногда они режут по целым часам почти без умолку. Гумбольдт нашел, что рев бывает слышен на расстоянии приблизительно полтора километра, а принц фон Вид полагает, что он слышен еще дальше; однако показание Гумбольдта основано на точном наблюдении, а не на приблизительном расчете*.

* *Хоровой рев стаи слышен в лесу на расстоянии 3 км.*

О рыжем ревуна, обитающем в Гвиане, Капплер говорит: «Он живет небольшими стадами, состоящими редко более чем из десяти штук, среди которых, однако, всегда находится старый самец, который занимает на деревьях более высокое место и управляет этим отвратительным концертом. Каждый раз, когда мне случалось совершенно близко наблюдать этих крикунов, на вершине дерева сидел старый самец, держась передними руками за какую-нибудь ветвь и обвив другую своим длинным хвостом, в то время как другие члены общества — самцы, самки и детеныши — помещались в различных положениях несколько ниже**.

** «Запевалой» является доминирующий самец, обычно наиболее крупный в стае. Группа ревунов обычно насчитывает 10-20 особей, редко — до 45. Взрослых самцов не более 2—4, стро-

гой иерархии в стае нет. Криками группа обозначает границы своей территории, достигающей 76 га.

Вдруг старый самец испускал ужасно хриплый крик вроде «роху! роху!» и, повторив его пять или шесть раз, поднимал неимоверно громкий рев; к нему присоединялись все остальные и ревели с такой силой, что можно было опасаться оглохнуть. Рев этот так силен, что в тихие ночи бывает слышен на расстоянии двух часов ходьбы. Не знаю, что побуждает кричать это животное. В колонии полагают, что оно ревет, когда начинается прилив, но это предположение ошибочно, так как обезьяны эти кричат во всякое время дня. Весьма вероятно, что на крик их имеют влияние какие-нибудь особенные явления в атмосфере. Ревун ленив и угрюм: он прыгает только, когда его преследуют, обыкновенно же лазает по деревьям с большой осмотрительностью, постоянно придерживаясь за что-нибудь хвостом. Будучи пойман молодым, ревун скоро приручается и делается очень доверчивым, играет даже с кошками и собаками, но большей частью остается угрюмым. Если человек, которого ревун любит, удалится на время, то он начинает не переставая издавать хриплые крики, которые в высшей степени неприятны. Ревуны обладают особым противным запахом, по которому легко узнать в лесу о близости их. Они производят на свет только одного детеныша. Главный враг их — хохлатый орел». Воздушное жилище ревуна в изобилии снабжает его всем необходимым и м. м. Благодаря разнообразию и богатству различных плодов, он никогда не терпит нужды в пище*.

* *Основа питания ревунов листья. Плоды, орехи, животная пища являются лишь дополнением.*

Кроме плодов он питается семенами, листьями, почками и различного рода цветами, а также, подобно другим обезьянам, вероятно, ест насекомых, яйца и беспомощных птенцов. Ревуны никогда не вредят плантациям, даже в тех случаях, когда проводят целые дни в их окрестностях; древесные листья они предпочитают маису и дыням.

В Южной Америке в июне или июле, иногда уже в конце мая или только в начале августа самка рождает одного детеныша. Гензель уверяет, что размножение ревунов не совпадает с каким-нибудь определенным временем года, так как новорожденных детенышей можно находить в продолжение всего года и в один и тот же день добыть как утробных зародышей, так и детенышей самого разного возраста**.

* * *Наибольшее число новорожденных приходится на сухой сезон (декабрь-май). В заботе о потомстве участвуют все самки и молодежь стаи.*

У ревунов, по-видимому, никогда не бывает более одного детеныша. В продолжение первой недели после рождения малышей, как и детеныши обезьян Старого Света, висит на брюхе матери, ухватившись за нее руками и ногами; впоследствии она носит его на спине. Самка не выражает ласками своих чувств, как это делают другие обезьяны; однако никогда, по крайней мере в первое время, не покидает своего любимца, хотя впоследствии, когда дитя подрастет, она иногда, обращаясь со страху в бегство, спешно сбрасывает его с себя или насильно сажает на ветку. Индейцы, видевшие это, утверждали, что самка ревунов вообще не любит своих детенышей и относится к ним равнодушно. Но принц фон Вид говорит положительно: «Опасность усиливает заботливость матери, которая, даже будучи смертельно ранена, не покидает своего детеныша».

"К врагам ревунов, — сообщает Гензель, — кроме человека нужно причислить, конечно, таких хищников, которые живут на деревьях, в особенности пуму, оцелота и главным образом гирару, лаящее животное, по строению тела похожее на росомаху*.

* *Имеется в виду тайра (Eira barbara) — крупный хищник из семейства куньих, сложением сходный не с росомахой, а скорее с гигантской кунницей.*

Я привез с собой череп гирары, убитой днем одним охотником в тот момент, когда она спускалась с дерева, таща крупного самца ревуна, уже наполовину задушенного ею. Внимание охотника привлек ужасный крик всего стада обезьян, и он поспел как раз вовремя, чтобы наказать хищника. Весьма вероятно, что самых опасных врагов ревуны встречают среди птиц. Большая белая хищная птица, которая, как говорят, попадает очень редко и летает только во мраке лесов (вероятно, гарпия), уносит молодых обезьян. Подобно ястребу, летящему над кустарником, мчит она над самыми вершинами деревьев, нападает с налету на беззаботное стадо обезьян и похищает детенышей со спин матерей**.

* * *Существует несколько родов и видов тропических лесных орлов, охотящихся на обезьян и других древесных млекопитающих. Они характеризуются пестрой криптической окраской, украшающим хохлом на голове, необычайно мощными лапами с сильно загнутыми когтями. Свои жертвы они выслеживают из засады, а затем срываются с места и сдергивают с ветки животное (для этого им достаточно уцепиться одним когтем). Благодаря длинному хво-*

сту и относительно коротким, закругленным крыльям их полет необычай но маневренный. Одним из крупнейших и известнейших орлов-обезьяноядов является гарпия.

Страх, который овладевает животными при этом неожиданном нападении, так велик, что они не только не защищаются, но даже забывают о бегстве и только с отчаянными воплями закрывают голову руками, как бы желая отстранить опасность».

В тех областях Южной Америки, по которым путешествовал Гензель, на ревунов охотятся с собаками.

"Ревун, — продолжает рассказывать Гензель, — очень живуч и не перестает бежать, получив тяжкие раны, от которых другие животные неминуемо должны были бы свалиться с дерева. Даже тогда, когда ревуны смертельно ранены и умирают, они нередко ускользают от охотника, особенно если в него попал заряд дроби».

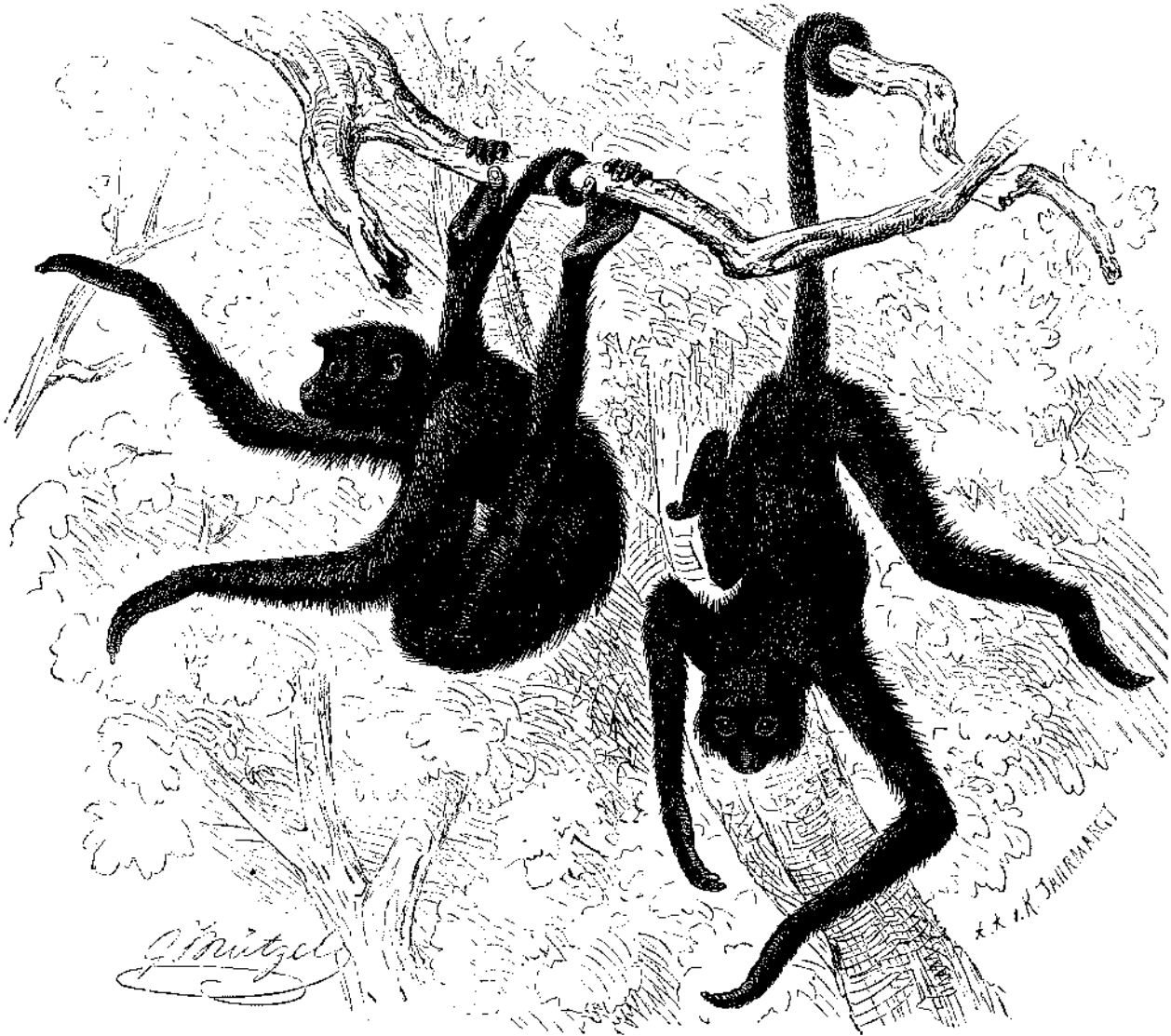
Впрочем, лучшие наши ружья не могут сравниться с ужасным и все-таки очень простым оружием индейцев — сарбаканом. Потому-то краснокожим гораздо легче убить ревуна, чем нам. Несмотря на неподражаемую ловкость, с которой индейцы владеют своим оружием, они, кроме того, еще охотно взбираются на соседнее дерево и с вершины его пускают смертельную стрелу в беззаботное стадо.

На большей части Парагвая за ревунами охотятся усердно. Меха их в большой цене, а мясо их — любимая пища индейцев. Один из президентов Парагвая велел однажды изготовить из меха черного ревуна более сотни гренадерских шапок. Кроме того, из его шкуры выделывают мешки, черпаки и пр. Путешественники, такие, как принц фон Вид, долгое время питались почти исключительно мясом ревуна. Уверяют, что оно очень вкусно и дает крепкий бульон. Но вид у него во всяком случае отвратительный в особенности когда индейцы, спалив обезьяне волосы или обварив ее, положат в горшок или посадят на вертел, чтобы жарить. Во многих странах Южной Америки европейцы не дотрагиваются до мяса обезьян и считают его самой скверной пищей; индейцы, напротив, большие до него охотники.

Приручением ревунов занимаются в редких случаях, так как воспитание их сопряжено с большими трудностями.

В Европу эти животные попадают очень редко. В Лондонском зоологическом саду несколько лет тому назад жил ревуны, пользовавшийся, по-видимому, прекрасным здоровьем; но голоса своего он не подавал и этим отличался от других ревунов, звучный голос которых описан выше. Другой экземпляр недавно попал живым в руки одного из наших крупных торговцев зверями, это дало Мютцелю возможность сравнить свое прекрасное изображение ревуна, первое верное из виданных мною до сих пор, с живым экземпляром.

Из цепкохвостых обезьян, живущих в Гвиане, особенно часто встречаются **черные коаты** (*Ateles paniscus*).

Черная коата (*Ateles paniscus*)

Длина их тела — около 1,35 м, на долю хвоста приходится более половины, высота плеча равна приблизительно 40 см. Грубая шерсть на плечах длиннее, на спине гуще, чем на брюхе. На лбу шерсть поднимается наподобие гребня; цвет черный, на лице слегка рыжеватый; кожа темного, а на ладонях рук совершенно черного цвета. Живые карие глаза придают их добродушному лицу чрезвычайно симпатичное выражение.

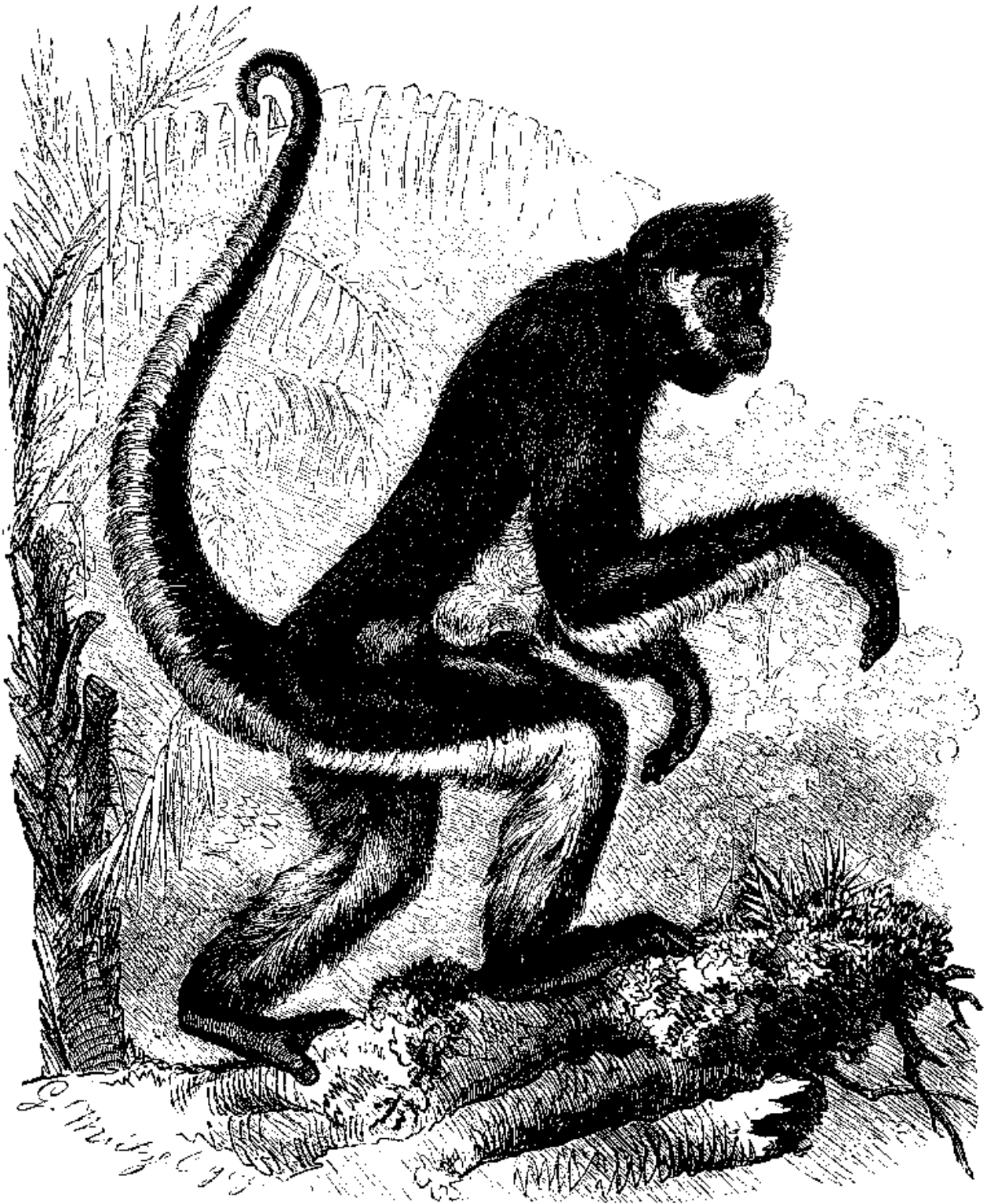
Собственно **паукообразная обезьяна** (*Brachyteles arachnoides*)*, с которой познакомил нас главным образом принц фон Вид, живет во внутренних частях Бразилии.

* *Единственный представитель рода Brachyteles обитает только в прибрежных лесах юго-восточной Бразилии.*

Длиной он около 1,4 м, обладает крепким сложением, маленькой головой, короткой шеей, длинными конечностями и покрыт густой, волнистой шерстью. Волосяной покров окрашен в чалый, а иногда в беловатый серо-желтый цвет; на внутренней стороне конечностей цвет шерсти обыкновенно светлее. Голое лицо в молодости черно-бурого, в старости темно-серого, но средняя часть его телесного цвета. Большой палец передней руки представляет собой короткий отросток без ногтя.

Бесспорно, самая красивая из всех цепкохвостых обезьян **светлолобая коата** (*Ateles belzebuth*) * открытая недавно младшим Бартлетом в восточной части Перу и названная в честь него.

* *Окраска может быть очень разнообразной, широко варьирует внутри каждого вида.*

Светлолобая коата (*Ateles belzebuth*)

Густой длинный и мягкий мех на всей верхней и наружной стороне имеет черную окраску. Полоса на лбу золотисто-желтая; бакенбарды белые; нижняя сторона тела и хвоста, внутренняя поверхность конечностей и наружная сторона голени задних ног буровато-желтой окраски, немного светлее, чем полоска на лбу, и испещрены местами отдельными черными волосами. Все голые части лица и рук черно-бурого цвета. Что касается величины, то, по-видимому, это великолепное создание одного рода с близкими ему видами, так как ни Грэй, ни Бартлет ничего не говорят об этом.

С жизнью коатов на свободе нас познакомили Гумбольдт, принц Макс фон Вид и Шомбургк. По большей части коаты попадают группами приблизительно из шести штук, реже поодиночке или парами, еще реже более значительными обществами.

Каждое из таких стад тихо и спокойно пробирается своим путем за пищей, не обращая внимание на других неопасных для них существ. Движения их по сравнению с жалким ковыляньем ревунов должно назвать быстрыми. Значительная длина конечностей способствует беганию и лаза-

ню. Они далеко хватаются своими длинными руками и потому без особенного напряжения быстро подвигаются вперед. Преследующий их не должен терять времени. На вершинах деревьев коаты обнаруживают замечательную ловкость. Они лазают уверенно и по временам делают небольшие прыжки; однако во время любых движений странным образом размахивают конечностями. Обыкновенно обезьяны протягивают вперед хвост, чтобы отыскать себе точку опоры, прежде чем оставить ветвь, на которой сидят. Иногда случается встречать целые общества, которые висят, зацепившись хвостами за ветку. Они представляют собой весьма интересное зрелище. Нередко видишь, как семейство обезьян сидит или лежит на ветвях, комфортабельно греясь на солнце, закинув назад голову, заложив руки за спину и подняв глаза к небу. На ровном месте эти обезьяны с трудом подвигаются вперед, как бы хромая. Впрочем, никто из европейских наблюдателей не видал коатов на земле*.

** По земле и толстым ветвям коаты могут ходить выпрямившись, балансируя руками и хвостом.*

Размножение у них, по-видимому, не связано с каким-либо определенным временем года; по крайней мере Шомбургк замечает, что в каждом обществе, которое он встречал, почти всегда находилось несколько детенышей, которых матери чаще носили на груди, чем на спине. О нежной привязанности самок к своим детенышам мне нет надобности говорить, об этом уже было сказано выше.

В богатых девственных лесах нетребовательные коаты, довольствующиеся листьями и плодами, не приносят никому вреда.

Тем не менее их ревностно преследуют. Португальцы охотятся за ними ради шкур, индейцы ради мяса, причем некоторые индейские племена предпочитают его всякой другой пище. Они охотятся за обезьянами большими группами и убивают их сотнями. Во время охоты индейцы тщательно осматривают верхушки деревьев, обращая внимание на малейшие признаки присутствия обезьян. Тихий по сравнению с ревом ревунов, но все же довольно громкий голос выдает наших животных уже на довольно значительном расстоянии. Как только безобидные лесные животные замечают своих злейших врагов, то есть людей, они обращаются в стремительное бегство, с боязливой поспешностью протягивая вперед свои длинные конечности и хватаясь за ветви хвостом, и таким образом быстро перемещаются вперед. Наиболее доверчивые из них пытаются испугать человека гримасами и громким криком. Говорят, что иногда, даже после того, как несколько обезьян убиты выстрелами, они, как бы обезумев, подчиняются своей судьбе и остаются на месте. Тяжело раненные, коаты часто еще долго висят на ветвях, пока наконец смерть не расслабит мускулы хвоста, и тогда тело шумно падает на землю.

Шомбургк называет этот вид обезьян безобразными и отвратительными и полагает, что именно благодаря их неприятной внешности индейцы и не приручают их. Если бы он хоть раз держал в неволе этих животных, о которых так худо отзывается, и познакомился бы с их безобидным добродушием, то, несмотря на непривлекательную внешность и странные, точно вывихнутые конечности этих животных, он полюбил бы их и уж во всяком случае переменил бы свое мнение. К сожалению, они и в настоящее время редко появляются в наших зоологических садах; правда, ежегодно несколько экземпляров привозятся в Европу, но наш климат по большей части скоро убивает их, даже при самом тщательном уходе и попечении*.

** Половозрелость у коат наступает в 4—5 лет. Продолжительность жизни в неволе достигает 33 лет.*

К цепкохвостым обезьянам Америки принадлежат также шерстистые обезьяны**.

*** Шерстистые обезьяны (Lagothrix, 2 вида) относятся к подсемейству наукообразных обезьян, но сильно отличаются от других его представителей. Довольно часто они кормятся на земле, образуют смешанные группы с другими обезьянами.*

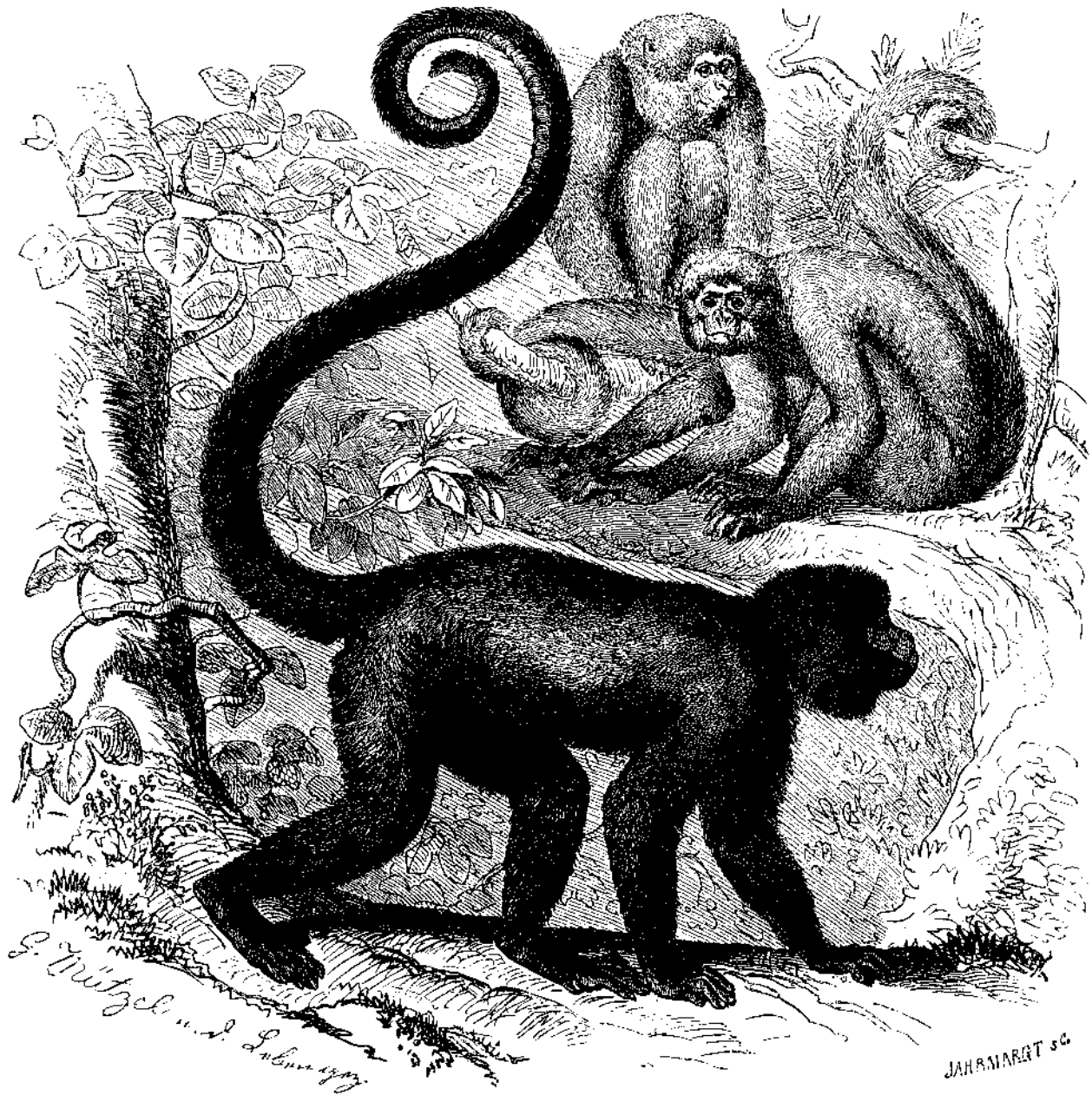
Они отличаются коренастой фигурой, большой круглой головой с короткими добродушными глазами и очень маленькими, как бы обрезанными ушами, покрытыми со всех сторон волосами, сильными и равномерно развитыми конечностями, пятипалыми передними и задними лапами и равным по длине телу, очень сильным хвостом. Ногти довольно сильно сжаты, но ноготь большого пальца плоский. Довольно длинные, мягкие, волнистые волосы, удлиненные на груди в виде гривы, покрывают тело. Эти обезьяны отличаются от своих сородичей коренастым сложением, бороздчатыми клыками и шерстистым мехом. Они населяют леса, расположенные вдоль Амазонки и Ориноко; живут обществами на деревьях. Добродушны, питаются плодами и издают негромкий глухой вой.

Шерстистая обезьяна Гумбольдта (Lagothrix lagothricha)*** по величине почти равняется ревуноу.

* * * Шерстистая обезьяна Гумбольдта, или барригудо, обитает только в Колумбии, желтохвостая (*L. flavicauda*) — по всей западной Амазонии. Какой вид описывает Брем — неясно.

Бете измерил длину тела самца, второго по величине из виденных им американских обезьян. Она составила 70 см, а длина хвоста — 68 см****.

* * * Пропорции хвоста и тела обратные: тело — 50-68 см, хвост — 60-72 см. Вес достигает 5-6 кг.

Шерстистая обезьяна Гумбольдта (*Lagothrix lagothericha*)

Живой полувзрослый самец, измеренный мною, имел в длину от конца носа до основания хвоста 51 см. Длина хвоста равнялась 60 см, верхней и нижней конечностей — 20 см, кисти и стопы — 11,5 см. Мягкие шерстистые волосы удлинены на хвосте и бедрах, а на груди образуют настоящую гриву. Середина брюха и паховая область почти обнажены. На голове волосы кажутся подстриженными, хотя они здесь только немного короче, чем на спине. На наружной стороне передних конечностей волосяной покров направлен снизу вверх, на внутренней — сверху вниз; на бедрах тоже сверху вниз. Лицо, тыльная сторона руки и ноги, ладони и пятки, голое место на конце хвоста буровато-черного цвета, глаза темно-коричневые, белки глаз нечистого белого цвета. мех на верхней части головы матово-черный, цвет шеи несколько светлее, середина брюха матово-черная, верхняя сторона темно-серая. По словам Чуди, шерстистая обезьяна живет в лесах стадами; однако иногда встречаются и отдельные экземпляры. «Если общество этих обезьян во время своих странствований избрало себе место для отдыха, то тотчас же раздается их однообразный, глухой вой, который, однако, не так неприятен и надоедлив, как вой ревунов. Каждая обезьяна

старается провести время по-своему: большая часть удобно усаживается на ветвях и греется на солнце, другие срывают плоды, третьи играют и ссорятся. Вообще мы не заметили, чтобы характер этих обезьян был смиренный, как пишет об этом Гумбольдт. Мы, напротив, нашли, что они более злы, дерзки и бесстыдны, чем все другие виды американских обезьян. Они так нахальны, что часто преследуют индейцев, которые несут плоды с плантаций, лежащих на опушке первобытных лесов, чтобы продать их в вышележащих долинах. Нередко обезьяны бросаются в них ветвями. Нам не раз приходилось быть очевидцами этих забавных битв и прекращать их выстрелом. Шерстистые обезьяны лазают медленнее, чем коаты; их движения неторопливы и даже несколько неуклюжи. Особенно это бросается в глаза, когда они висят на дереве, прицепившись к нему своим цепким хвостом, и долго покачиваются туда-сюда, прежде чем им удастся добраться до другой ветви. Подстреленные, они быстро падают на землю, вероятно, вследствие значительной тяжести их тела. Худощавые и более легкие обезьяны падают редко: в предсмертной агонии они судорожно цепляются хвостом за ветвь и даже после смерти остаются целые дни в этом положении. На земле обезьяна не пытается убежать, а старается прислониться спиной к дереву и яростно защищается руками и зубами, хотя, конечно, неравная борьба кончается не в ее пользу. Очень часто обезьяна, находясь в таком печальном положении, издает резкий крик, возможно зовет на помощь товарищей. Эти последи и тотчас нач и нают собираться на помощь к животному, находящемуся в беде. Но скоро раздается другой крик, совершенно отличный от первого, — короткий, громкий и более глухой, крик агонии. И все стадо, спешащее на помощь, мигом рассыпается, и каждая из обезьян ищет спасения в поспешном бегстве. Мясо обезьяны имеет неприятный вкус, сухо и волокнисто, однако иной раз в нужде оно казалось нам лакомством».

Бете замечает, что индейцы ревностно преследуют шерстистую обезьяну, так как мясо ее им кажется очень вкусным. «На основании слов нанятого мною охотника, — говорит он, — который долгое время прожил среди индейцев племени тукана, поблизости от Табатинга, я могу предположить, что вышеназванное племя индейцев, состоящее приблизительно из 200 человек, ежегодно убивает и съедает по крайней мере 2000 обезьян». Животное это весьма обыкновенно в лесах возвышенностей*.

** Шерстистые обезьяны встречаются в горах до 2000 м, и лишь поблизости селении они стали редкими: это объясняется тем, что за ними охотятся с давних пор.*

"Шерстистая обезьяна в неволе, — прибавляет Бете, — отличается серьезным нравом; она кротка и доверчива, как и цепкохвостые обезьяны. Благодаря этим качествам ее охотно покупают любители животных; ей недостает, однако, живучести цепкохвостых обезьян, и она редко выдерживает путешествие вниз по реке до Пары». Еще реже попадает она живой в Европу.

Сапажу** отличаются от цепкохвостых обезьян тем, что их хвост со всех сторон покрыт волосами, и хотя может обвиваться вокруг ветвей, но не является хватательным органом.

** * Род капуцинов, или сапажу (Sebus), объединяет 4 вида некрупных обезьян, пожалуй наиболее известных и популярных в Европе из приматов Нового Света со времен Великих географических открытий.*

Наиболее известный представитель рода сапажу — **обыкновенный, или белоплечий, белогрудый капуцин (Sebus carolinus)*****, или его еще называют «кайи».

** * * Вид, давший название всему роду. Распределение цветов в окраске его шерсти, напоминает униформу одного из монашеских орденов.*

Кайи на языке гуаранов означает «обитатель леса». Слово это было различным образом исковеркано европейцами, и в настоящее время оно менее употребительно, чем название «капуцин», которое, впрочем, необыкновенно удачно. Эта обезьяна известна нам уже лет двести и, должно быть, попадалась живой на глаза старику Линнею, так как, описывая ее образ жизни, он говорит следующее: «Ходит опираясь на сочленения, которые соединяют кисть с остальной конечностью, не прыгает; печальна и постоянно издает жалобные звуки, пугает врагов ужасным криком; часто чликает так же, как цикада, а рассерженная лает, как собачка; погибает хвост винтообразно, часто обвивает его вокруг шеи, пахнет мускусом». Капуцина должно причислить к более крупным видам этой группы, так как длина его тела достигает 45 см, а длина хвоста — 35 см. К нам попадают обыкновенно лишь экземпляры средней величины*.

** Длина тела капуцинов — 30-38 см, хвоста — 38-50 см, вес — 2-4 кг.*

Отличительным признаком этой обезьяны является голый уже с ранней юности, морщинистый или покрытый складками лоб светлого мясного цвета. Преобладающий цвет более или менее темно-бурый; покрытые редкими волосами виски, бакенбарды, горло, грудь и брюхо, а также плечи светло-бурого цвета. Родина этой обезьяны — южная часть Бразилии**.

**** Этот вид живет не в Бразилии, а в Колумбии, Венесуэле, Эквадоре.**

Так как и в настоящее время еще господствует неясность в разграничении видов, то нельзя определить какие из показан и й путешественников мы должны относить к тому или иному виду, поэтому можно набросать лишь общую картину этой группы. Таким образом, в нижеследующих строках я вовсе не имею в виду одного капуцина, хотя и называю его чаще других видов.

Область распространения капуцина простирается за Южный тропик и за Анды. Он обыкновенен везде от Багии до Колумбии и предпочитает те леса, в которых почва не поросла низким кустарником. Несравненно большую часть своей жизни капуцин проводит на деревьях; он оставляет их только тогда, когда хочет пить или посетить маисовое поле. Капуцин не имеет определенного местопребывания. Днем он переходит с дерева на дерево, отыскивая пищу, ночью отдыхает между перепутанными ветвями дерева. Обыкновенно капуцин встречается небольшими семьями из 5-10 обезьян, из которых большая часть — самки.

Изредка попадаются и одинокие старые самцы. Животное это трудно наблюдать, так как оно очень пугливо.

Капуцина часто ловят и приручают. Старые животные не привыкают к неволе: они становятся печальны, не принимают пищу, не делаются ручными и обыкновенно умирают через несколько недель; напротив, молодая обезьяна скоро забывает свободу, привязывается к человеку и, подобно многим другим представителям отряда, очень скоро привыкает есть и пить то же, что и человек. Капуцин, как и другие виды того же рода, отличается тихим нравом, который, по-видимому, плохо гармонирует с его проворством. Ложась спать, он свертывается клубком и закрывает лицо руками и хвостом. Спит он обычно ночью, а при большой жаре и в полдень; в течение остального дня он находится в постоянном движении.

Из органов чувств этого животного лучше всего развито осязание. Капуцин близорук, а ночью и вовсе не видит; слышит он плохо, так что к нему легко подкрасться. Еще слабее развито у него, по-видимому, обоняние. Каждый предмет, который обезьяна хочет обнюхать, она держит у самого носа и тем не менее часто ошибается, так как начинает есть то, что оказывается несъедобным. При сильном голоде и жажде она ест собственные испражнения и пьет свою мочу. Осязание заменяет ей до некоторой степени остальные слабо развитые чувства. Оно обнаруживается особенно на руках, в меньшей степени на ногах и вовсе не заметно в хвосте.

1 — Капуцин-фавн (*Cebus apella*) 2 — Обыкновенный капуцин (*Cebus carucinus*)

Звуки, издаваемые капуцином, меняются соответственно его настроению. Чаще всего приходится слышать тон, похожий на звук флейты, этот звук он издает, по-видимому, от скуки. Если же капуцин требует чего-нибудь, то он стонет. Удивление и смущение он выражает полусвистящим тоном. В гневе обезьяна несколько раз кричит глубоким и грубым голосом: «ху-ху!» В страхе или от боли пищит, при радостном возбуждении — хихикает. Этими различными тонами вожак сообщает своему стаду свои ощущения*, которые выражаются, впрочем, не только звуками, но и гримасами.

* Выделено не менее 10 звуковых сигналов, используемых этими обезьянами для общения с членами группы.

Например, когда капуцин смеется, он оттягивает назад углы рта и не издает при этом никакого звука. При плаче глаза его наполняются слезами, которые, однако, никогда не текут по щекам.

Эта обезьяна отличает мужчин от женщин; самцы любят больше женщин и девушек, самки — мужчин и мальчиков.

В неволе капуцины нередко спариваются и рожают детенышей. По-видимому, в этих условиях они более нежны к ним, чем на свободе. Матери целый день возятся со своим малышом, не дают никому из людей трогать его, показывают лишь тому, к кому относятся благосклонно, и при необходимости мужественно защищают его. В неволе обезьяна подвержена многим болезням, особенно насморку и кашлю, и, подобно своим сородичам из Старого Света, довольно часто заболевает чахоткой. Против обычных болезней обезьянам помогают врачебные средства, во всяком случае лекарства производят на них то же действие, как и на человека. По расчету Ренггера, предельный возраст капуцина равняется приблизительно 15 годам**.

* * Рекорд продолжительности жизни капуцина в неволе — 47 лет.

Одни только индейцы употребляют шкуру и мясо этого животного и потому охотятся за ним с луком и стрелами. Белые преследуют его разве в том случае, если оно слишком бесстыдно ведет себя на плантациях. Они охотно держат его в неволе. В Европу обезьян привозят постоянно, можно сказать, на каждом судне, капитан которого любит животных, а потому и цена им невелика. В общей клетке капуцин скоро приобретает себе известное положение. Тем не менее он явно уступает проворным и задорным мартышкам. Лишь тогда, когда сравниваешь его с ними, замечаешь, что его резвость и веселость совершенно иного рода, чем у шаловливых обезьян Старого Света, которые проделывают свои проказы с величайшей серьезностью и при каждом удобном случае проявляют исключительную дерзость. Напротив, капуцин обнаруживает боязнь и вост, даже почти беспомощность, а его постоянные жалобные крики только усиливают это впечатление. В обществе мартышек капуцин всегда является жертвой, над которой они потешаются сколько душе угодно. В обществе павианов он, видимо, чувствует себя гораздо лучше, так как его визг рано или поздно трогает сострадательную душу какой-нибудь самки павиана и побуждает ее вступить за беспомощного. Такую защиту капуцин принимает с большой благодарностью и позволяет лелеять и нянчить себя, как младенца, хотя бы он уже давно вышел из детского возраста*.

* Капуцины наиболее сообразительные и «интеллектуальные» среди широконосых приматов, поведением они гораздо больше напоминают мартышек, или макака, чем другие американские обезьяны. Для капуцинов весьма характерна орудийная деятельность используя камни, они раскалывают орехи. Большим успехом пользуются «абстракционистские полотна», нарисованные красками некоторыми из этих обезьян в неволе.

Саки** большей частью коренасты, длинная пушистая шерсть придает им весьма неуклюжий вид; конечности довольно толсты, а хвост покрыт густыми пушистыми волосами, которые удлиняются книзу. Волосы на верхней части головы разделены пробором, на щеках же и подбородке оканчиваются густой длинной бородой.

* * В подсемейство саки входят 3 рода с 7-12 видами. Это молчаливые обезьяны, живущие поодиночке и небольшими группами до 6 особей в наиболее труднодоступных лесах.

От прочих американских обезьян они отличаются еще устройством зубов: очень большие трехгранные клыки отделены промежутком от тесно сидящих, остроконечных и наклоненных вперед резцов.

Немногочисленные виды этого рода водятся исключительно в северной части Южной Америки. Здесь они живут в сухих высоких лесах, где нет кустарников, и держатся в стороне от других обезьян. По Чуди, это — ночные животные, деятельность которых начинается с закатом солнца и

оканчивается с его восходом. Днем обезьяны спят, и тогда за ними трудно охотиться, потому что они ни единым звуком не выдают своего присутствия. Но Шомбургк не соглашается с мнением Чуди по крайней мере касательно ночной жизни этих животных***.

*** Все саки ведут дневной образ жизни.

По его мнению, различные виды этих обезьян строго придерживаются определенных местностей; они держатся отдельно друг от друга, и некоторые выдают себя путешественникам своим голосом. «Везде, где по берегам растет густой лес, — говорит Шомбургк, — встречал я целые стада обезьян, сидящих на ветвях. Большинство из них были действительно милостивые саки. Длинные волосы, разделенные пробором, пышная борода и бакенбарды, пушистый хвост, похожий на лисий, и ласковый, умный взгляд придают этим зверькам чрезвычайно приятный и вместе с тем комичный вид. Это были первые саки, которых мне случилось встретить. Я, конечно, тотчас же выскочил на берег, чтобы поохотиться на них, и застрелил самца и самку. Но я почти раскаялся в своем выстреле, когда услышал жалобный, за душу хватающий крик самца, которого я только тяжело ранил. Этот жалобный крик похож на стон страдающего ребенка».

В небольших лесах верховьев рек Мараньон и Ориноко водится преимущественно самый обыкновенный вид этого рода — **черный, или чертов, саки**, кукию индейцев (*Chiropotes satanus*)*, величиной 55 см и почти с таким же длинным хвостом.

* Представитель рода краснопинных, или мохнатых, саки.

Совершенно круглая голова его покрыта как бы шапкой, образованной не очень длинными и густыми волосами, лучеобразно исходящими от темени. Спереди они разделены пробором. Щеки и подбородок опушены густой черной бородой. «Ни один щеголь в мире не мог бы держать своих волос в большем порядке, чем это красивое животное», — говорит Капpler.

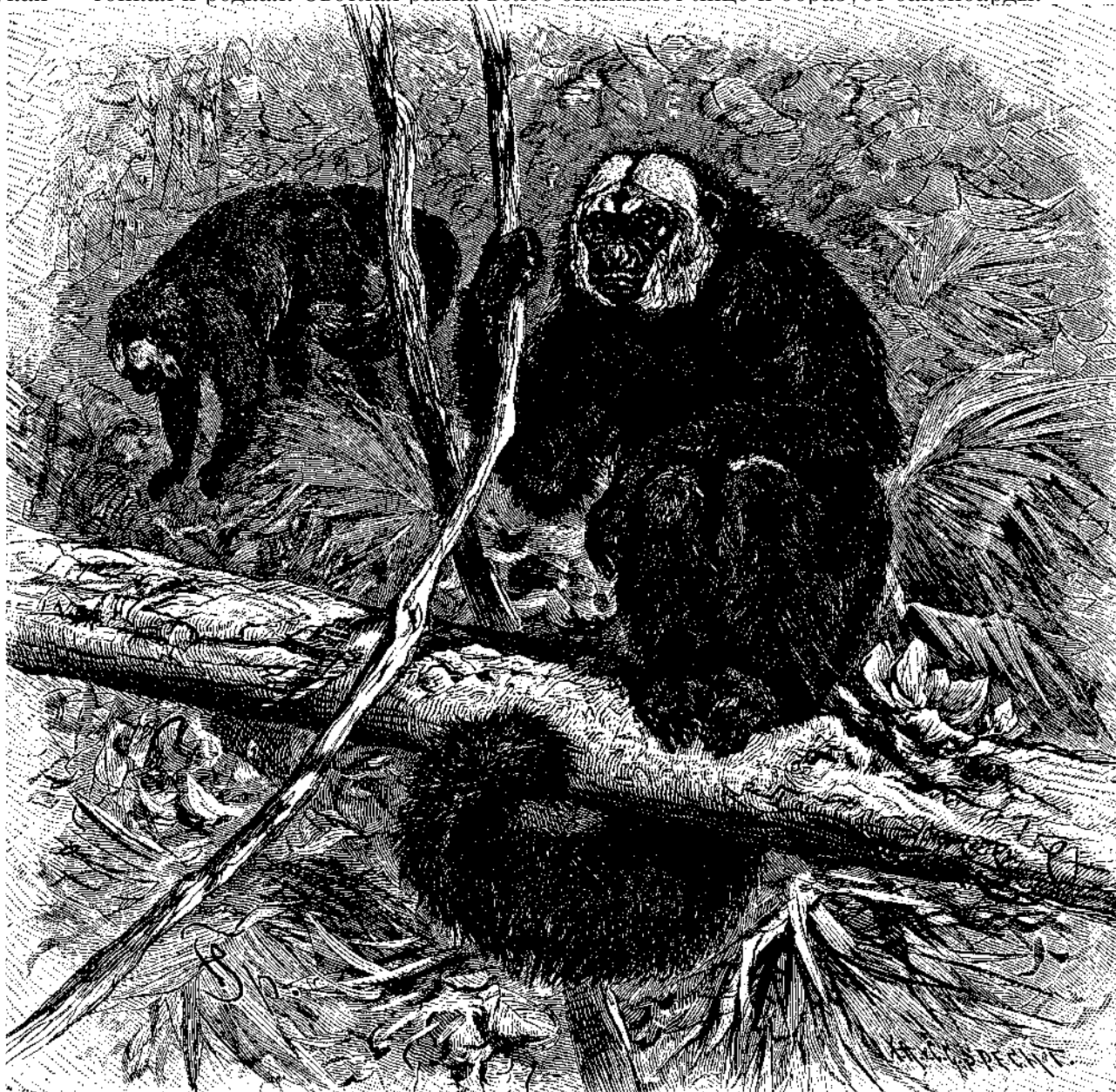

Чертов (черный) саки (*Chiropotes satanus*)

Верхняя часть тела обезьяны покрыта густой, но не длинной шерстью, нижняя едва покрыта волосами, хвост очень пушистый. У старых обезьян шерсть черная с бледно-желтой спиной, у молодых — буро-серая. Впрочем, в цвете встречаются отступления. Капpler говорит, что в Гвиане эту обезьяну зовут «шиу»; она живет небольшим семейством от 4 до 6 особей, не очень распространена и в неволе редко выживает.

Второй вид этой породы — **бледноголовый саки** (*Pithecia pithecia*).

Наружность его значительно меняется в зависимости от возраста. Вследствие этого он получил множество названий. У старых самцов шерсть почти везде черная, только на передних конечностях несколько светлее. Спереди, до самых бровей, голова покрыта короткой, светлой шерстью, которая на лбу разделена полоской черной кожи; на щеках длинные бакенбарды. Но шерсть бывает также желтоватого цвета, лицо же окаймляют ржаво-красные волосы. Черное лицо покрыто редкими волосами ржавого цвета. Уши, пятки, пальцы и ногти черные. У самок шерсть на верхних и наружных частях тела бурая, на нижних — ярко-рыжая; бакенбарды черные. Молодые обезьяны походят на мать. Шерсть по большей части длинная, жесткая, грубая и только на нижней части тела и руках — тонкая и редкая. Светлая рамка волос окаймляет лицо и образует бакенбарды.

Бледноголовый саки (*Pithecia pithecia*)

Бледный саки, которого также называют «ванаку», «ариги», водится неподалеку от Амазонки и в Гвиане и живет чаще в кустарниках, чем на высоких деревьях. Встречается обществами по 6-10 особей и на вид кажется довольно ленивым. Покрытое желтовато-белыми густыми волосами лицо имеет вид маски, на которой резко выступают черный нос и рот. По словам Лаборда, пища этого саки состоит из ягод, плодов и пчелиных сот. Самки приносят по одному детенышу и долгое время таскают его на спине. Это подтверждает и Капpler, который прибавляет, что бледный саки легко делается ручным, но всегда остается робким и грустным. Чертов саки живет в подчинении у цепкохвостых обезьян, которые нередко принуждают его слезать с высоких деревьев в кусты, отнимают у него добычу, а иногда и колотят. Говорят, что длинная борода мешает этой обезьяне пить воду обыкновенным способом, так что она подносит ее ко рту рукой. Только заметив, что за ней наблюдают, она решается пить прямо ртом.

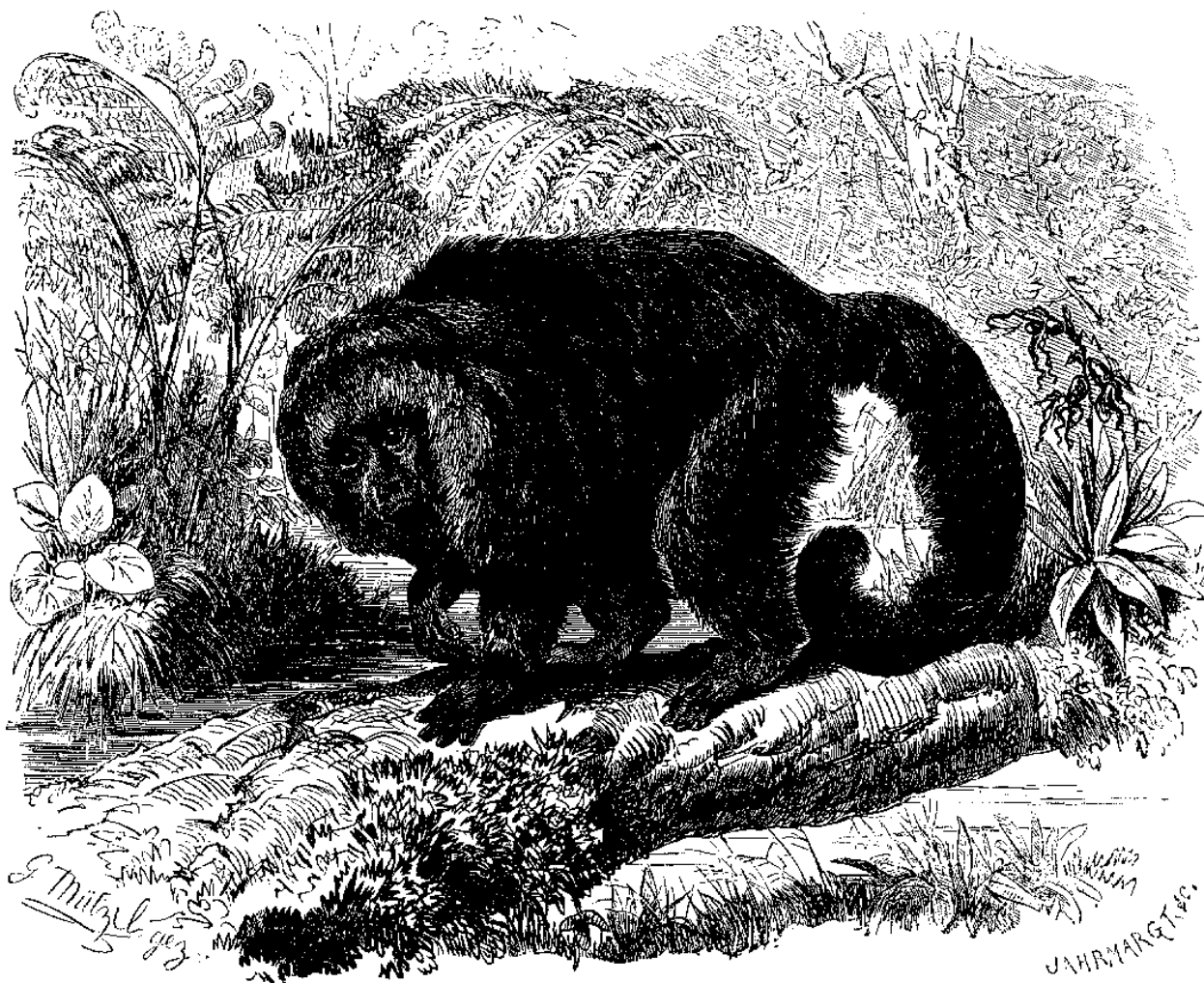
Чуди, напротив, уверяет, что она пьет воду так, как это делают все обезьяны, то есть опустившись на колени и сунув морду прямо в воду. Наш натуралист часто давал жившей у него обезьяне воду в кувшине с узким горлышком, так что она не могла сунуть в него морду, но и тогда обезьяна не пила из горсти, а поступала, как большая часть своих сородичей, которые, опустив в сосуд руку до половины, слизывают воду с руки.

По уверению Гумбольдта, чертов саки дик и в высшей степени раздражителен. Поэтому его трудно приручить, и в неволе всегда довольно зол. Свое неудовольствие он выражает при малейшем поводе, скаля зубы, гримасничая и сверкая глазами. При сильном гневе он подымается на задние конечности, трет конец бороды рукой и дико скачет вокруг предмета, возбудившего его злобу. Иногда он впадает в ярость и впивается зубами в подставленную ему палку с такой силой, что ее едва можно вырвать.

Редко удается привезти живую обезьяну этого вида в Европу. Только в Лондоне, зоологический сад которого снабжается лучше всех остальных садов вследствие любви англичан к путешествиям и собиранию животных, можно видеть живых чертовых саки. До 1883 года в Риджентс-Парке побывало только 18 обезьян рода саки.

Бете приводит описание близкого родственника чертова саки — **лисьехвостого, или мохнатого, саки** (*Pithecia hirsute*)*. Из его слов можно вывести заключение, что не все виды по своему нраву соответствуют описанию Гумбольдта. Мохнатый саки, или парауаку, достигает почти метра в длину, половину которой занимает хорошо развитый хвост. Он покрыт густой, длинной (почти 12 см) шерстью, которая спереди падает на гладкий лоб, закрывая отчасти лицо; на остальных частях тела мех его имеет большое сходство с мехом медведя. Черный с серыми крапинками мех принимает на голове ореховый, на груди красновато-бурый оттенок; на внутренней части бедер он переходит в красновато-бурый цвет. Щетинистые бакенбарды грязно-серного цвета, пятки желтовато-бурые, лицо, где нет волос, черное.

* Слабоизученный вид, нередко включаемый в предыдущий.

Лисьехвостый, или мохнатый, саки (*pithecia hirsuta*)

Списке обнаружил эту обезьяну в лесах Бразилии между реками Амазонка и Рио-Негро. Он рассказывает, что мохнатые саки утром и вечером выходят из своих лесов, собираются огромными обществами и наполняют тогда воздух пронзительным криком**.

* * *Крики саки похожи на громкий свист.*

Они чрезвычайно осторожны и проворны: при малейшем шуме все стадо пускается в бегство и скрывается в лесу, так что охотнику редко удается достать живьем хоть одну обезьяну***. Но, раз прирученные, они очень привязываются к своему хозяину.

* * * *Несмотря на плотное сложение, которое в сочетании с лохматой шерстью придает обезьянам вид «ходячих стогов», саки очень проворны, способны бегать по ветвям на задних конечностях.*

На севере Южной Америки водятся короткохвостые обезьяны. Они, кажется, не имеют большого распространения; образ жизни их на свободе малоизвестен. От Бетса мы получили некоторые более подробные сведения о них. От прежних наблюдателей мы знаем только, что короткохвостые обезьяны появляются небольшими стадами на берегах рек и во время своих странствований издают неприятные звуки. Кроме того, существуют описания некоторых исследователей, наблюдавших этих животных в неволе.

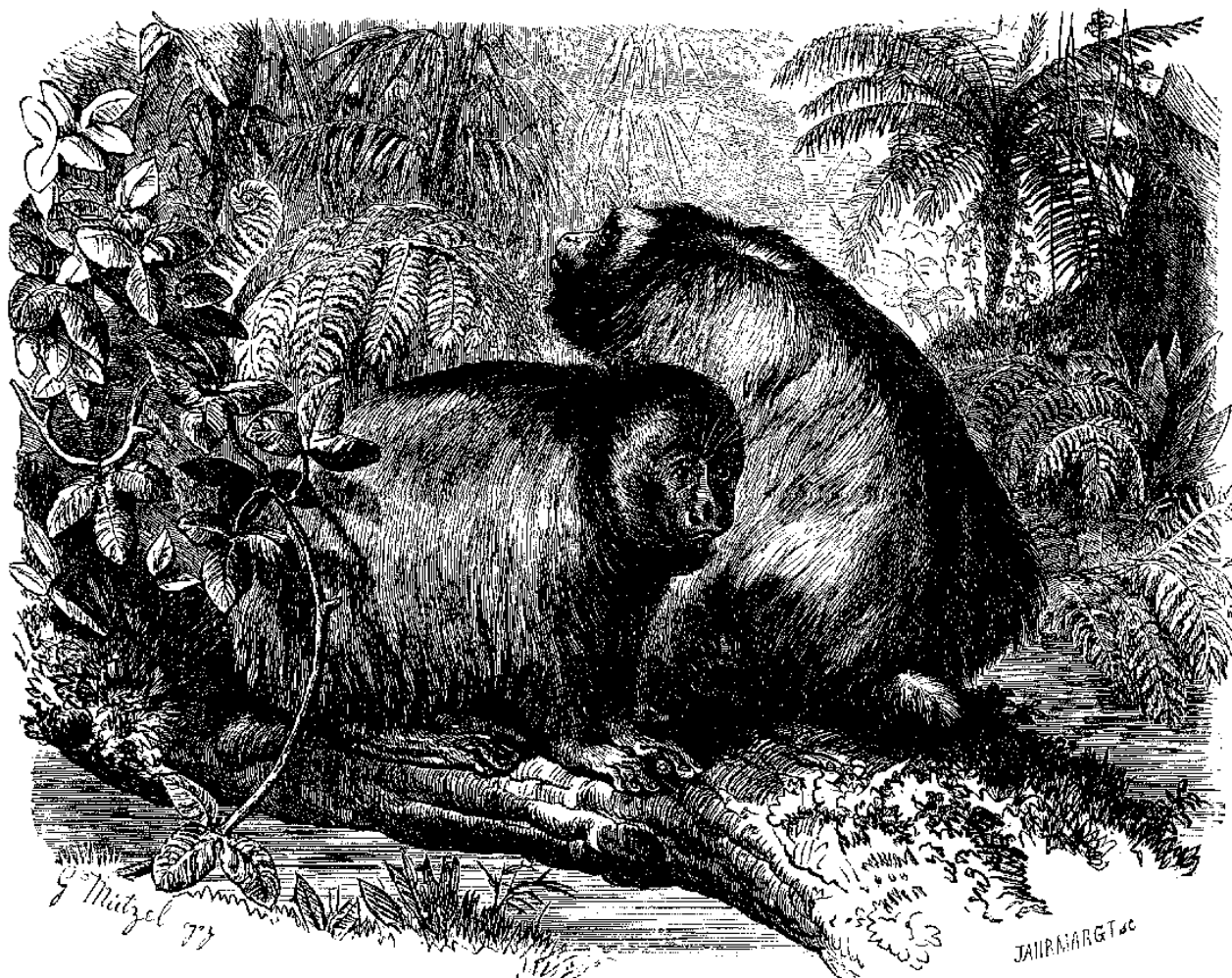
Гумбольдт первый описал нам обезьяну, носящую у туземцев название «некрасивая обезьяна». **Черноголовый уакари** (*Sacaia melanoccephalis*)* имеет в длину 65 см, из которых на хвост приходится 15 см.

* *Уакари, или какайо, — самые короткохвостые и широконосые среди приматов Нового Света*

Несколько косматая шерсть ее блестящего светло-коричневого цвета; на груди, животе и нижней стороне конечностей светлее; верхняя сторона рук и ног серо-бурая; на голове и хвосте шерсть большей частью черная. У отдельных экземпляров руки и кисти также черные, а светло-коричневый цвет на спине переходит на бедрах и в начале хвоста в ржаво-красный. Все голые части матово-черные; вокруг глаз орехово-бурое кольцо.

Другой вид этого рода — **лысый уакари** (*Sacaia calvits*) — отличается от черноголового еще более коротким хвостом в виде толстого отростка, более длинной шерстью на спине и более светлой окраской шерсти. Однообразный грязно-желтый или красноватый оттенок его меха переходит на спине в грязно-белый, на нижних частях туловища — в золотисто-желтый. У очень старых животных цвет шерсти еще более светлый, почти белый. От этого еще резче выделяется ярко-красный цвет лица с желтыми щетинистыми бровями и красновато-желтыми глазами. Кроме того, короткие, будто остриженные волосы головы, составляющие резкий контраст с длинной шерстью спины, придают всей наружности этой обезьяны своеобразный вид.

"В одно прекрасное утро 1855 года, — говорит Бете, увидел я на улицах города Эга несколько индейцев, несших на плечах большую клетку 4 метра длиной и 1 метр вышиной, сооруженную из лиан. Очевидно, они направлялись к пароходу. В клетке находилось до 12 обезьян самой странной наружности. Это были лысые уакари — обезьяны, живущие только в окрестностях Эги. Предводитель индейцев посылал их в качестве богатого подарка в Рио-де-Жанейро правительственному чиновнику. Обезьяны эти были пойманы с величайшей трудностью в лесах, в глубине страны, близ устья Уапуры, приблизительно в 50 километрах от Эги.

Лысый уакари (*saesajao calvus*)

Этот уакари живет в лесах, которые большую часть года залиты водой; поэтому короткий хвост уакари нельзя принять за признак его пребывания на ровной земле, как, например, у макак и павианов. Кажется, что уакари водится исключительно в упомянутых местностях, в особенности на одном острове близ главного устья Уапурь*.

** Уакари обитают только в Западной Амазонии.*

Тут можно видеть, как они ходят небольшими группами по верхушкам высоких деревьев и срывают плоды, составляющие их пищу. По словам охотников, движения их быстры и ловки, хотя обезьяны почти никогда не перепрыгивают, а предпочитают перебегать с дерева на дерево по крепким сучьям**.

*** Основной способ их путешествия в кронах — «четырёхрукая» брахиация.*

Матери несут своих детенышей на спине, подобно некоторым другим обезьянам Южной Америки.

Все жившие в неволе уакари были пойманы с помощью сарбаканов и стрел, намазанных слабым ядом. Подстреленные уакари бегут еще довольно долго по лесу, так что только опытный охотник может преследовать их. Между индейцами считается особенно ловким тот охотник, который, не отставая от раненой обезьяны, в состоянии подхватить ее на руки в ту минуту, когда, потеряв силы, она падает с дерева. Тогда обезьяне дают щепотку соли как противоядие и она обыкновенно приходит в себя.

Насколько редки лысые уакари, можно заключить уже из того, что для поимки 12 обезьян вышеупомянутый предводитель должен был выслать шесть своих самых ловких охотников, которые охотились целых три недели. Вольный охотник, которому удалось поймать такую обезьяну, требует за нее большую цену и всегда находит покупателей. Уакари — прекрасный подарок влиятельным особам.

Старые уакари, пойманные вышеописанным способом, навсегда остаются угрюмыми и грустными, отвергают всякую ласку и кусают тех, кто до них дотронется. Даже в своих лесах они почти никогда не издают звука, в неволе же совсем молчаливы. Если уход за ними не вполне достаточный,

они по прошествии нескольких недель делаются ко всему равнодушными, не принимают пищи и начинают хиреть. Многие из них умирают от болезни, которая имеет все признаки воспаления легких.

Привыкнув видеть уакари всегда угрюмыми, я был весьма удивлен, встретив однажды в доме одного знакомого необыкновенно веселую и обходительную обезьяну этого вида. Не успел я присесть, как она выбежала из соседней комнаты, взобралась по моим ногам на колени, где, усевшись поудобней, стала оглядываться кругом и с обыкновенными обезьяньими ужимками доверчиво поглядывала на меня. Это, впрочем, был молодой самец, которого взяли грудным у труп матери, растили среди детей хозяина и никогда не держали на привязи.

Уакари принадлежит к тому виду животных, которых бразильцы называют «смертными», то есть нежными и хилыми. Большое число животных этого вида, которых посылают из Эги, умирают, не достигнув Пары, и едва ли один экземпляр из дюжины доставляется живым в Рио-де-Жанейро. Очень может быть, что трудность их приручения связана с тем ограниченным пространством, на котором они водятся, и с климатическими особенностями этой местности. Во время моего путешествия вниз по реке на нашем судне, большой шхуне, находился прирученный старый уакари, который свободно расхаживал повсюду. По прибытии в Рио-Негро мы были принуждены целых четыре дня простоять перед таможней. Наш лоцман, однако, не бросил якорь, а прикрепил шхуну к дереву бушпритом. Однажды утром мы не нашли нашего уакари: он убежал в лес. Два человека были посланы за ним в погоню, но вернулись через несколько часов, не отыскав и следа беглеца. Мы уже потеряли надежду вернуть его себе, как вдруг он появился на опушке леса. Уакари подходил все ближе и ближе, он возвращался по той же дороге, по которой ушел, а именно по бушприту. Уакари занял свое обычное место на палубе. Он, очевидно, нашел, что леса Рио-Негро весьма не похожи на леса Уапур, и предпочел неволю свободной жизни в неудобной для него местности».

Этот интересный рассказ превосходного наблюдателя Бетса содержит, по-моему, самое лучшее описание короткохвостых обезьян, так как все остальные наблюдения, сообщенные другими натуралистами, дают довольно смутное представление о жизни этих животных. Гумбольдт, у которого долго жил лысый уакари, рассказывал про него, что он был прожорлив, тупоумен и труслив. В возбужденном состоянии раскрывал рот самым странным образом, делал ужасные гримасы или вдруг поднимал крик, похожий на громкий смех. Вообще он был чрезвычайно беспомощен, и когда хотел что-нибудь взять, то принимал очень странную позу: садился, совершенно согнувшись, на задние лапы и вытягивал перед собой руки. При виде крокодила или змеи приходил в ужас и дрожал всем телом. Однако эта характеристика едва ли может быть отнесена к этому виду.

Беличий саймири (Saitniri sciurem)*.

** Саймири составляют одно подсемейство с капуцинами. Для этих мелких обезьян характерно преобладание животной пищи в рационе. Нередко пищу разыскивают не в кронах, а спустившись на землю.*

Еще его называют «мертвая голова». Этот вид замечателен как своей миловидной фигурой, красивой и приятной для глаз окраской шерсти, так и грациозностью движений и веселостью. Его можно смело назвать одной из самых красивых обезьян Нового Света. Несколько страшное название «мертвая голова» в сущности не соответствует настоящему виду его головы. Название это дано вследствие самого поверхностного сходства, исчезающего при ближайшем сравнении. У стройного саймири очень длинный хвост. Его мягкая шерсть на спине красновато-черная; в глубокой старости она становится померанцевого цвета с серыми крапинками на конечностях, а на животе белая. Иногда преобладает серый цвет. Встречаются также обезьяны с черной как уголь головой, ярко-желтым телом с черными крапинками; конечности в таком случае золотисто-желтые. Общая длина 80 см, длина хвоста 50 см.

Беличий саймири (*Saimiri sciureus*)

Родиной этой милостивой обезьяны следует считать Гвиану**, где она водится преимущественно по берегам реки этой богатой страны.

* * Беличий саймири широко распространен по всей тропической Южной Америке, в Центральной Америке его замещает близкий вид рыжеспинный саймири (*S. oerstedii*).

По словам Шомбургка, саймири принадлежат к самым распространенным видам обезьян этой полосы. Подобно встречающемуся там капуцину, саймири живут многочисленными (по сто особей и более) стадами не в высоких лесах, а в кустарнике на окраинах лесов и поднимаются иногда до 600 метров над уровнем моря. Нередко соединяются они со стадами капуцинов. Саймири целый день в постоянном движении, а ночь проводят на вершинах пальм, которые служат им самым верным убежищем. Они очень пугливы, ночью не смеют шевельнуться, днем же обращаются в бегство при малейшей опасности, и тогда можно видеть, как все стадо тянется длинной вереницей по верхушкам деревьев. Впереди идет вожак, который благодаря проворству этих животных скоро приводит все стадо в безопасное место. Матери носят своих детенышей сначала на руках, а потом, когда они немного окрепнут, — на спине. Впрочем, детенышей можно видеть у матерей круглый год, из чего мы заключаем, что самки рожают в разное время года.

Все движения саймири удивительно грациозны. Они превосходно лазают и перепрыгивают с изумительной легкостью довольно большие пространства. В покое часто принимают позу сидящей собаки; во время сна опускают голову между ног, так что она касается земли. Хвост служит им большей частью как руль во время прыжков. Они, правда, обматывают им иногда какой-нибудь предмет, но не в состоянии удержаться на хвосте. Голос их состоит из свиста, повторенного несколько раз. Когда с ними случается что-нибудь неприятное, они начинают жалобно кричать и визжать. Утром и вечером часто слышатся подобные крики целого общества, и даже ночью раздаются визжание пугливых животных и пробуждает в лесу заснувшую жизнь. «Если спросить индейца, — говорит Гумбольдт, — почему лесные звери в известные ночные часы поднимают такой шум, он даст странный ответ: они празднуют полнолуние». Я же думаю, что причина этих звуков — завязавшаяся среди леса битва. Например, ягуары преследуют пекарей или тапиров, те ищут спасения в бегстве, при этом они так несутся, что вырывают с корнем растущие на дороге кусты. Чуткие и

пугливые обезьяны, испуганные этой охотой, вторят с деревьев крику больших животных, они бьют птиц, и скоро все население леса приходит в смятение.

Саймири принадлежит к самым трусливым животным, но во всех действиях своих он выказывает себя настоящей обезьяной. Правом он напоминает ребенка, на которого похож и лицом: м...то же выражение невинности, та же лукавая улыбка, тот же быстрый переход от радости к печали». Его лицо служит верным отражением внешних впечатлений и внутренних ощущений. В минуты испуга в его больших глазах показываются слезы; горе тоже выражается слезами. В неволе саймири жалуется и визжит по самому незначительному поводу. Чувствительность и раздражительность его одинаково велики, но он вовсе не своеволен, напротив, так добродушен, что невозможно на него сердиться. Саймири внимательно следит за всеми действиями своего господина. Когда ему что-то говорят, он пристально всматривается в лицо говорящего, следит глазами за каждым движением его губ, старается к нему приблизиться, садится на его плечо, дотрагивается до его зубов и языка, как будто старается угадать смысл непонятных ему звуков. Пищу саймири берет руками, а иногда и ртом.

Это животное всеми любимо за свой добрый нрав; его охотно держат в домах. Часто можно встретить саймири даже в хижинах диких племен. Потерю свободы переносит плохо, среди людей живет недолго. Однако же Капплер в течение 13 лет держал у себя на родине такую обезьянку.

Индейцы выбирают для охоты за саймири преимущественно холодные, дождливые дни. Мясо их не так вкусно, как у других обезьян, и, говорят, пахнет козлом; поэтому индейцы преследуют их не ради мяса, а для того, чтобы сделать ручными. «Пустив стрелы, пропитанные слабым раствором яда, в кучу таких обезьян, — говорит Гумбольдт, — можно поймать много живых детенышей. Молодой саймири даже при падении не выпускает шеи или плеча мертвой матери и, если сам не ранен, остается висеть на ее трупке. Большая часть из тех обезьян, которых мы встретили в хижинах индейцев, оторваны от тела матери. Взрослые животные легко вылечиваются от ран, но все же умирают, так и не привыкнув к неволе, поэтому их очень трудно доставить живыми к берегу моря. Как только с ними перейдут из лесной полосы в степь — они становятся печальными и унылыми. Нельзя приписать эту перемену незначительному увеличению тепла; она происходит скорее от усиления света, уменьшения сырости и от каких-нибудь изменений в составе воздуха на берегу моря». По этой причине саймири почти никогда не встречается у европейских торговцев зверями и в наших зоологических садах.

Мне удалось только два раза купить этих хорошеньких обезьянок, и жили они у меня довольно долго. При заботливом уходе они выдерживают в неволе до семи месяцев, и только холодное время года губит их. Гаакке сообщает, что в 1889 году в зоологический сад во Франкфурт привезли из Лондона четырех саймири. Они прибыли туда благополучно, но были вялыми и неповоротливыми и умерли через 2-3 недели.

Ацара был первый натуралист, познакомивший нас с одной из самых замечательных обезьян, о которой мы хотим поговорить. Несколько позже упоминает о том же животном Гумбольдт, затем Ренггер, Шомбургк и, наконец, Бете. Эта **мирикина**. или **ночная обезьяна** (*Motes trivirgetus*)*, составляет совершенно особый род обезьян.

* *Мирикина, дурукули единственная в мире ночная обезьяна и единственный ночной примат Нового Света. Обладает рядом общих черт с ночными полуобезьянами Восточного полушария: огромные глаза, подвижная шея, длинные, узкие стопы, позволяющие совершать «лягушачьи» прыжки в кронах, преимущественно животная диета. Хвост используется только в качестве балансира. Мирикина самый мелкий представитель семейства цепкохвостых обезьян — весит 500-1000 г.*

У нее маленькая круглая голова с большими совиными глазами; рыльце довольно большое, широкое, но мало выдающееся; отверстия ноздрей обращены вниз; уши маленькие.

Мирикииа, или ночная обезьяна (*Aotes trivirgatus*)

Тело длинное, покрыто мягкими волосами, довольно пушистый хвост длиннее туловища, ногти сжаты и загнуты крючком. Тонкое тело мирикины длиной 35 см, хвост — 50 см. Цвет шерсти

сверху серо-бурый с ржавым оттенком, оконечность хвоста черная. На темени три продольные черные параллельные полосы одинаковой ширины, а вдоль спины до основания хвоста идет широкая светлая желтовато-бурая полоса. Шерсть тонка и мягка на ощупь, и цвет ее одинаковый как у самца, так и у самки.

Мирикина водится преимущественно в жарких странах восточной части Южной Америки, но местопребывание ее ограничивается только некоторыми областями.

Ренггер уверяет, что мирикина обитает на правом берегу Парагвая до 25 градуса южной широты, а на левом берегу совсем не встречается. Жизнь ее на свободе малоизвестна. Она проводит время на деревьях или в дуплах, ночью ищет себе пищу, а днем возвращается в дупло, где и спит целый день. Люди этого натуралиста, отправившись однажды за дровами, нашли двух таких обезьянок, спящих в дупле. Вспугнутые животные пытались было убежать, но, ослепленные ярким дневным светом, не были в состоянии сделать ни верного прыжка, ни залезть на дерево. Поэтому с ними легко справились, хотя они пытались защищаться зубами. Логовище их состояло из листьев и было выложено древесным мхом, из чего можно заключить, что эти животные имеют постоянное жилище и возвращаются к нему ежедневно. Ренггер уверяет, что они встречаются всегда парами, а большими обществами не живут. Бэте же утверждает противное. «Эти обезьяны, — говорит он, — хотя и спят днем, но пробуждаются при малейшем шуме, так что люди, проходящие мимо избранного мирикинами для ночлега дерева, бывают поражены внезапным появлением целой группы полосатых мордочек, скрывавшихся до сих пор в дупле дерева. Именно такое гнездо было открыто однажды моим индийским «кумом», и от него получил я в подарок обезьянку». По свидетельству охотника, самка родит в наши летние месяцы по одному детенышу, носит его сначала на груди, потом на спине.

Молодую мирикину легко приручить, старые же остаются всегда дикими и кусаются. При заботливом уходе она переносит неволю легко, но нечистоплотность губит ее. Обыкновенно их держат в большой клетке. В течение дня мирикина скрывается в самом темном месте своего жилища и спит. При этом она сидит скорчившись и согнувшись, а лицо прячет между скрещенными руками. Если обезьянку разбудить, то ее следует все время ласкать и гладить, иначе она тотчас засыпает. При дневном свете мирикина ничего не видит и зрачки ее едва заметны. Когда из темноты внезапно выносишь обезьянку на свет, ей это не нравится; все ее телодвижения и жалобные крики показывают, какое болезненное впечатление производит на нее свет. Но с наступлением вечера она просыпается; зрачки увеличиваются по мере того, как уменьшается дневной свет, и наконец становятся так велики, что радужная оболочка почти исчезает. Глаза блестят, как глаза кошек и сов. Мирикина начинает расхаживать по клетке, отыскивая себе пищу. При этом движения ее легки, хотя не особенно грациозны, так как задние конечности длиннее передних. Но лазает она весьма искусно и ловко перепрыгивает с дерева на дерево. Из органов чувств лучше всего у нее развит, по-видимому, слух*.

** Несмотря на преимущественную ориентацию при помощи слуха, уши у мирикины (в отличие, например, от галаго) необыкновенно маленькие, они прижаты к голове и почти не видны в меху. Дословный перевод научного названия примата «безухая трехполосая».*

Малейший шум возбуждает ее внимание. Зрением пользуется она только ночью, так как дневной свет ее ослепляет, и она ничего не может видеть. Понятливость ее очень ограничена: хозяйина своего она не узнает, на зов не откликается и к ласкам его равнодушна. Даже для удовлетворения своих желаний она не прибегает к мерам, которые бы свидетельствовали о некоторой сообразительности ее. Ренггер заметил только сильную привязанность между самцом и самкой. Если из пойманной четы одна обезьяна умирает, другая не может пережить это и тоже умирает. Свободу ценят они больше всего и потому пользуются всяким удобным случаем, чтобы убежать, даже если пойманы молодыми и несколько лет уже живут в неволе.

Мнение Ренггера относительно понятливости мирикины не совсем верно. Очень может быть, что большая часть мирикин не знают своего хозяина и равнодушны к его ласкам, но исключения встречаются и тут: очень много зависит от возраста, в котором обезьяна попала в неволю, и от обращения с ней.

В Европу мирикин привозят редко и всегда поодиночке. Время от времени эту обезьянку можно встретить в том или другом зоологическом саду, но показывают ее только после настойчивого требования, так как днем она старается как можно лучше скрыться от глаз посетителей. Даже люди, особенно хорошо относящиеся к животным, не всегда ей приятны. Сонливость ее в течение дня заставляет забывать всю привлекательность ее нрава ночью. Я получил такую обезьянку в подарок и потому мог за ней наблюдать довольно продолжительное время.

Странный случай стал причиной ее смерти. После нескольких недель наблюдения я решил поместить ее в большую клетку. Но уже на вторую ночь после своего перемещения она сумела отворить дверь клетки и исчезла. Несмотря на самые тщательные поиски, мы нигде ее не нашли. Только спустя четыре недели мы нашли труп марикины в узкой щели стены. Она, очевидно, надеялась проложить себе там дорогу, но проход был слишком узок, и обезьянка, застряв, не могла двинуться ни взад ни вперед и таким образом погибла.

Семейство игрунковые

(Callithricidae)*

** Сравнительно компактная группа мелких изящных широконосых обезьян пестрой окраски с украшающими пучками шерсти.*

Игрунковые обезьяны отличаются от всех вышеупомянутых обезьян главным образом тем, что у них на всех пальцах, за исключением больших пальцев ног, узкие когти; а на больших пальцах ног широкие, черепицеобразные ногти. Кроме того, у них отмечаются следующие признаки: округленная голова с коротким, плоским лицом, маленькие глаза и большие, украшенные пучками волос уши, стройное тело, короткие конечности, цепкие передние конечности, большие пальцы которых не могут быть противопоставлены остальным, что возможно на задних конечностях, длинный пушистый хвост и шелковистая шерсть. Их руки превратились в настоящие лапы, и только ноги сохранили еще такое же строение, как у других обезьян. Как и у обезьян Старого Света, во рту у них 32 зуба. Клыки отличаются величиной и толщиной, верхние — притом трехгранной формы с проходящей снаружи и изнутри бороздкой. На скелете 13 грудных, 6 поясничных, 3 крестцовых и 21-31 хвостовой позвонок.

Область распространения игрунковых обезьян обнимает все северные страны Южной Америки и простирается на север до Мексики, на юге же едва ли переходит пределы Бразилии**.

*** На север игрунки распространены только до Панамы. В Бразилии, Гвиане и Перу встречается наибольшее число видов; в Мексике попадает, по имеющимся до сих пор сведениям, только два вида.*

Насколько эти виды сходны между собой по внешнему образу и окраске, настолько же различаются по существенным признакам. Области распространения различных игрунковых обезьян тесно соприкасаются, вследствие чего местопребывание каждого вида кажется очень ограниченным, и только в виде исключения какой-нибудь один вид распространяется на большое пространство. Как высоко встречаются они в горах, пока с точностью не определено; Шомбургк встречал их на высоте до 500 м над уровнем моря; без сомнения, в Андах они попадают еще выше.

Все игрунковые обезьяны живут исключительно на деревьях. Они населяют разнообразные и обширные леса своей родины и встречаются не только в высокоствольных, сырых, первобытных лесах морского берега или низменностей, но и в низких, кустарниковых лесах центральных частей. Обыкновенно они держатся в пустынных, необитаемых местах и только в виде исключения заходят в плантации и даже в города и селения, как это случается, например, в Перу. Они не сидят на задних ногах, подобно другим обезьянам, напротив, сидят обыкновенно на всех четырех лапах или же лежат, вытянувшись, на животе, причем их длинный, густо поросший волосами хвост свешивается вниз. Игрунки не любят лазать по тонким ветвям деревьев, но держатся, подобно белкам, больше на толстых сучьях, употребляя в дело при передвижении свои длинные когти. Игрунковые обезьяны не рискуют перепрыгивать с дерева на дерево, так как не в состоянии после прыжка укрепиться с достаточной силой и уверенностью. Никогда их не видели ходящими на двух ногах; при ходьбе ступают всеми ступнями задних конечностей и кистями передних; туловище они поднимают, только когда подносят что-нибудь ко рту, причем делают это совсем как белки.

Ни один из путешественников, сочинения которых мне известны, не описывает, как и где проводят ночь игрунковые обезьяны. Они не строят гнезд, подобных беличьим, вероятно, дупла деревьев служат им приютом на ночь. Я заключаю это из повадок обезьян, находящихся в неволе; они сразу начинают пользоваться ящиками, предложенными им для сна, в них прячутся часто и днем и при опасности всегда быстро там скрываются. По всей вероятности, на свободе в дуплах деревьев они сворачиваются в такие же общие клубки, какие образуют в неволе, где все члены общества тесно прижимаются друг к другу, взаимно прикрываясь хвостами*.

** Действительно, игрунки ночуют в дуплах, там же и рожают детенышей. Семья из 3-12 особей маркирует общий участок запаховыми метками. Семейная группа состоит из взрослой пары и их детей нескольких поколений. Молодые помогают ухаживать за детенышами, по мере взросления они изгоняются с территории и постепенно образуют новые семейные кланы. В семьях развита двойная система доминирования, отдельно для самок и самцов.*

Вскоре после восхода солнца они начинают свои рыскания, обходят при этом большую или меньшую часть леса; появляются, как говорит принц фон Вид, то тут то там и на некотором отдалении выдают свое присутствие охотнику или натуралисту коротким, одно- или двусложным свистом. Если при приближении врага стадо игрунков не успеет убежать, то оно скрывается за толстыми ветвями, время от времени пугливо выглядывая оттуда и следя за всеми движениями человека. Бэте считает этих обезьян очень любопытными. Поступки их обнаруживают мало обдуманности; они следуют сиюминутному внушению, и ради нового, возбуждающего их внимание предмета забывают о том, чем только что занимались. Такое непостоянство нрава этих обезьян проявляется также в выражениях удовольствия и неудовольствия, на которые они не скупаются; иногда они кажутся чрезвычайно довольными и одаривают ласками своих друзей; но вдруг оскалывают зубы, делаются пугливыми, точно им угрожают, или, рассердившись, скрежещут зубами и стараются укусить.

Пища обезьян состоит главным образом из разных плодов, семян, листочков и цветов растений; попутно они ревностно преследуют различных насекомых, пауков, предпочитая их другим животным, но не пренебрегая и мелкими позвоночными. Во всяком случае они более плотоядны, чем другие обезьяны, и наряду с растительной питаются и животной пищей*.

** Питаются игрунки в основном насекомыми, пауками, мелкими позвоночными, растительную пищу используют в качестве дополнения. Важное место в рационе занимают ароматные смолы и сок некоторых деревьев, игрунки добывают их, делая отверстия в коре зубами и время от времени «подновляя» их.*

На родине размножение игрунковых обезьян, кажется, нельзя приурочить к определенному времени, взрослых с детенышами можно видеть во все времена года. У самки, как у других обезьян, рождается обыкновенно один детеныш, но иногда два и даже три. Тогда она одного из них сажает на спину, другого — на грудь, а сосут они по очереди. По наблюдениям над обезьянами, находящимися в неволе, оба родителя облегчают друг другу тягость воспитания юнцов. Иногда самка предлагает самцу таскать некоторое время одного из детенышей, и, кажется, он исполняет это без сопротивления**. Молодые при рождении бывают не больше домашней мыши, однако уже покрыты волосами и, как все юные обезьяны, довольно развиты.

** * Большую часть времени детенышей носит на себе самец, посадив их на бедра. Самка забирает потомство на время кормления. Половозрелыми игрунки становятся в 14—16 месяцев, но обычно приступают к размножению гораздо позже, уже обзаведясь собственной территорией. В неволе некоторые виды доживали до 16 лет.*

На хищных птиц указывают как на самых злых врагов этих красивых созданий. От лазающих кошек они часто спасаются благодаря своей быстроте и ловкости, а также осторожному выбору мест для ночлега; но от орлов и соколов бегством им не спастись. Бесчисленное множество игрунков становится добычей этих опасных хищников; вся их жизнь изо дня в день есть в сущности борьба за существование. Человек преследует обезьян не столько из-за мяса или шкуры, сколько из-за возможности легкого их приручения. Хотя туземцы и питаются их мясом, но ставят его ниже мяса других обезьян; мех используют только в редких случаях: его обрабатывают для шапок или же для каких-нибудь опушек. Часто можно видеть пойманных игрунковых обезьян в хижинах индейцев или в жилищах южноамериканцев европейского происхождения. Овладевают молодыми и взрослыми обезьянами. Молодых отнимают от убитой матери, стреляя в них слегка отравленными стрелами, а потом вылечивают. Заманивают обезьян также в рыболовные верши, наполненные бананами или другими любимыми плодами. Верши прикрепляются на деревьях, которые животные постоянно посещают. Обезьяны лезут в вершу через узкое отверстие и неизбежно попадают во власть ловцов, так как не могут отыскать выход через направленные во внутрь остроконечные прутья, расположенные воронкообразно. По уверению принца фон Вида, таким образом часто ловят в одну вершу по нескольку обезьян. Если игрунковые попадают в такие нехитрые ловушки, то это не говорит в пользу их умственных способностей.

Последнее время семейство игрунковых разделили на несколько родов; отличия между ними ограничиваются, однако, внешними признаками; строение зубов, скелет и устройство внутренних частей тела почти одинаково у всех родов этого семейства.

Скажу несколько слов о серебристой игрунке (*Callithrix argentata*)*

** В роде собственно игрунок (*Callithrix*) насчитывают от 3 до 12 видов. Игрунки отличаются от тамаринов короткими нижними клыками, не выдающимися над зубным рядом. Характерны кисточки на ушах. Серебристая игрунка обитает на востоке Амазонии.*

Это животное, без сомнения, одна из самых красивых обезьянок, имеет всего 17-20 см длины, а хвост около 25 см. Длинная шелковистая шерсть серебристо-белого цвета, хвост матово-черный, а почти голое лицо мясного цвета.

"Маленькая серебристая обезьяна, — говорит Бете, — одна из самых редких американских обезьян и встречается, как кажется, только вблизи Каметы. В Камете я видал трех обезьянок этого вида на кокосовой плантации, и они издали очень походили на белых котят. По своим движениям и характеру они сходны с другими видами этого семейства. Впоследствии я имел случай наблюдать одну из этих обезьянок в неволе — это был очень пугливый и чувствительный зверек. Обладательница носила эту обезьянку всегда за пазухой и так любила ее, что не хотела продать ни за какие деньги. Обезьянка брала пищу у нее из губ и позволяла хозяйке себя ласкать и целовать, но никого чужого к себе не допускала; если кто-нибудь ее хотел тронуть, то она страшно пугалась, все тело дрожало от страха, зубы стучали и животное издавало дрожащие звуки. При этом черные глазки с любопытством и недоверчивостью обращались на того, кто к ней подходил».

Кондам и н расе казы вает, что губернатор города Пара ему подарил серебристую обезьянку, которая жила около года в неволе и перенесла путешествие в Европу, но околела перед самым приездом во французскую гавань. Привозили ли когда-нибудь этих обезьян в Европу живыми, я сказать не могу; в списке Лондонского зоологического сада, самого богатого животными, я эту обезьянку не нахожу.

Обыкновенная игрунка, или уистити (*Callithrix jacchus*)**, среднего роста, туловище 22-27 см, а хвост 30-35 см.

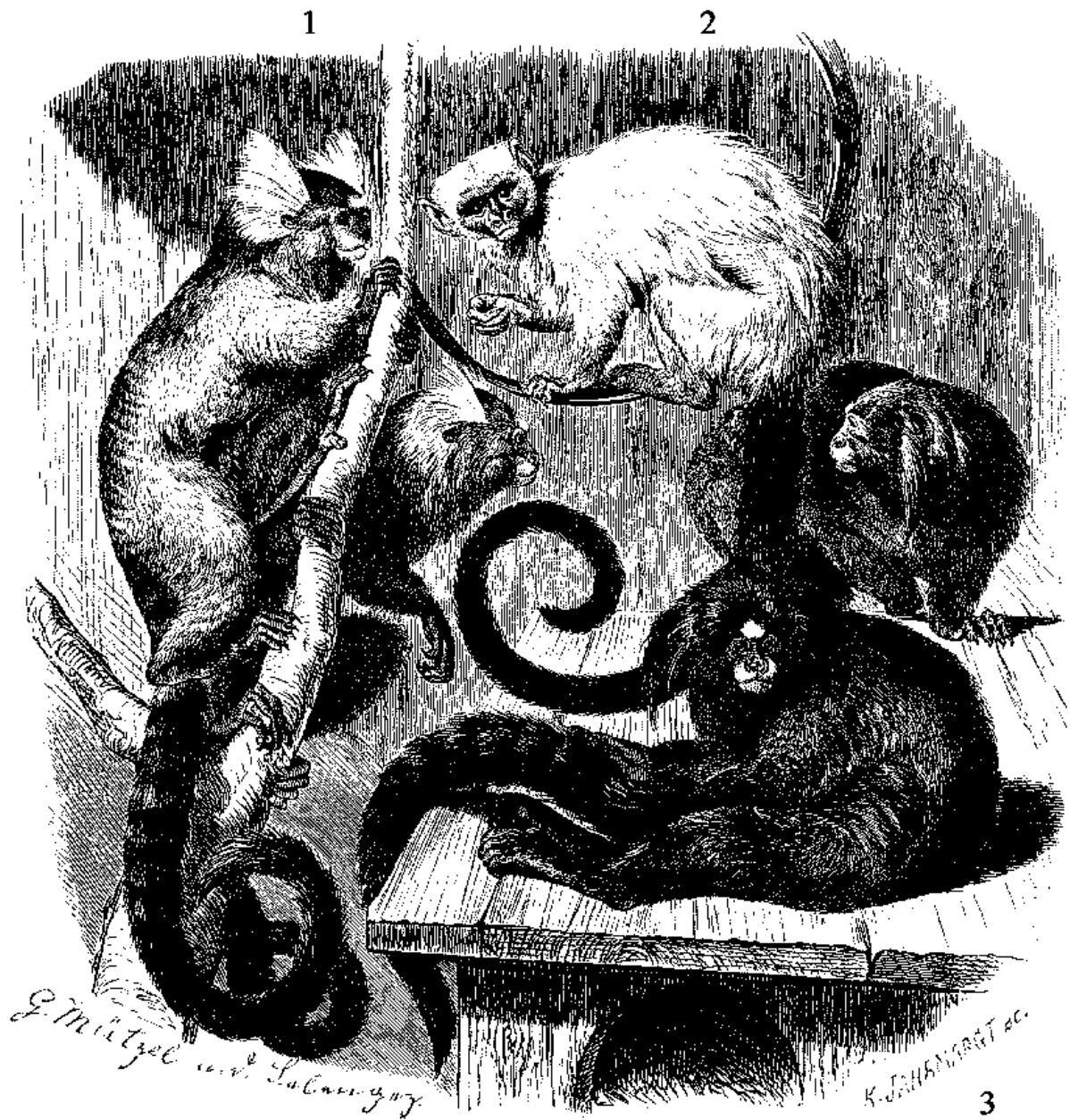
* * *Обыкновенная игрунка, уистити, обитает на северо-востоке Бразилии. Часто с ней в качестве подвида объединяют и следующий вид черноухую игрунку, живущую южнее.*

Она очень красива и покрыта длинной, мягкой шерстью. Цвет шерсти состоит из смешения черного, белого и ржаво-желтого. Смешение это происходит вследствие того, что волоски у основания черные, затем рыжеватые, потом опять черные с белым кончиком. На верхней части спины преобладает желтоватый цвет, а на нижней ее части заметны черные и белые поперечные волнистые линии. На животе и конечностях все волосы имеют белые кончики, отчего этот цвет здесь яснее выступает. Хвост черный, но на нем заметно около двадцати беловатых колечек, и кончик также белый. Треугольное белое пятно на лбу и чисто-белые пучки на ушах ясно выделяются на темно-бурой голове. Лицо темного телесного цвета и покрыто редкими беловатыми волосками.

Почти так же часто встречается **черноухая игрунка** (*Callithrix penicillata*), по величине похожая на предыдущую обезьянку, а по цвету темнее ее. Круглое пятно на лбу и лицо покрыты короткими волосами белого цвета; длинные пучки волос на ушах, голова, затылок и шея темно-бурые; волосы на шее длинные и образуют род воротника. Шерсть на прочих частях тела красновато-серая, так как волосы у основания темно-серые, в середине бледно-красные, а на конце белые; руки и ноги светло-серые, а иногда темно-бурые, колечки на хвосте попеременно серые и грязновато-белые.

Уистити встречается, по словам принца фон Вида, в окрестностях города Багии и заходит даже на плантации, которые расположены у опушки леса, где растет низкий кустарник; живет в лесах восточного берега Южной Америки между 14 и 17 градусами южной широты. Образ жизни тот же, что и у других игрунковых. Этих обезьянок можно встретить небольшими обществами от 3 до 8 штук на низких деревьях и кустах; они свистят и щебечут, как маленькие птички. Пища их состоит из различных плодов, например бананов, а также из насекомых и пауков. Днем эти зверьки в постоянном движении, а ночью сидят смирно и спят съевшись и покрыв голову своим хвостом. У самки рождается несколько детенышей, но почти всегда вырастает только один, которого она носит, как другие обезьяны.

Уистити попадают в Европу чаще других обезьянок этой группы. Их уже знали после открытия Америки, и с тех пор они встречаются уже в ручном состоянии. Кормят их плодами, зеленью, насекомыми, улитками и даже мясом, и они делаются скоро ручными, но привыкают только к тем, кто за ними ходит.

1 — Обыкновенная игрунка (*Callithrix jacckus*) 2 — Серебристая игрунка (*Callithrix argentata*) 3 — Черноухая игрунка (*Callithrix penicillata*)

Уистити уже много раз плодились в Европе и однажды даже в Петербурге при самых неудобных условиях: животных держали в холодную осень и весну в нетопленной комнате и не выпускали на свободу. Несмотря на это, в течение двух лет у них три раза рождались детеныши, которых они благополучно вырастили. Сведения эти сообщает известный естествоиспытатель Паллас.

Карликовая игрунка (*Cebuella ruggaеа*)* величиной в 16 см с такой же величины хвостом.

* *Карликовая игрунка — самая мелкая обезьяна в мире. Ее длина достигает 12-15 см, длина хвоста 17-23 см, вес 107-141 г. Живет на западе Амазонии.*

Шерсть ее сверху и по сторонам глинисто-желтого цвета с черными полосками; лапки красновато-желтые. Темные полосы идут от спины к бокам и на бедра; хвост имеет неясные кольца, состоящие из черных, красновато-желтых и белых волосков.

Это красивое животное открыли в Бразилии на берегу Амазонки, около Табатинга; Бете видел карликовую игрунку в окрестностях Сан-Пауло и об образе жизни ее ничего не сообщает.

От настоящих игрунковых обезьянок отличаются тамарины** только тем, что на голове и плечах большой гривы нет и хвост длиннее туловища; кроме того, у них большие перепончатые голые ушные раковины. Эти признаки точно так, как и небольшое различие в устройстве зубов, на которых основывали разделение этих обезьян на отдельные роды, следует считать не особенно важными.

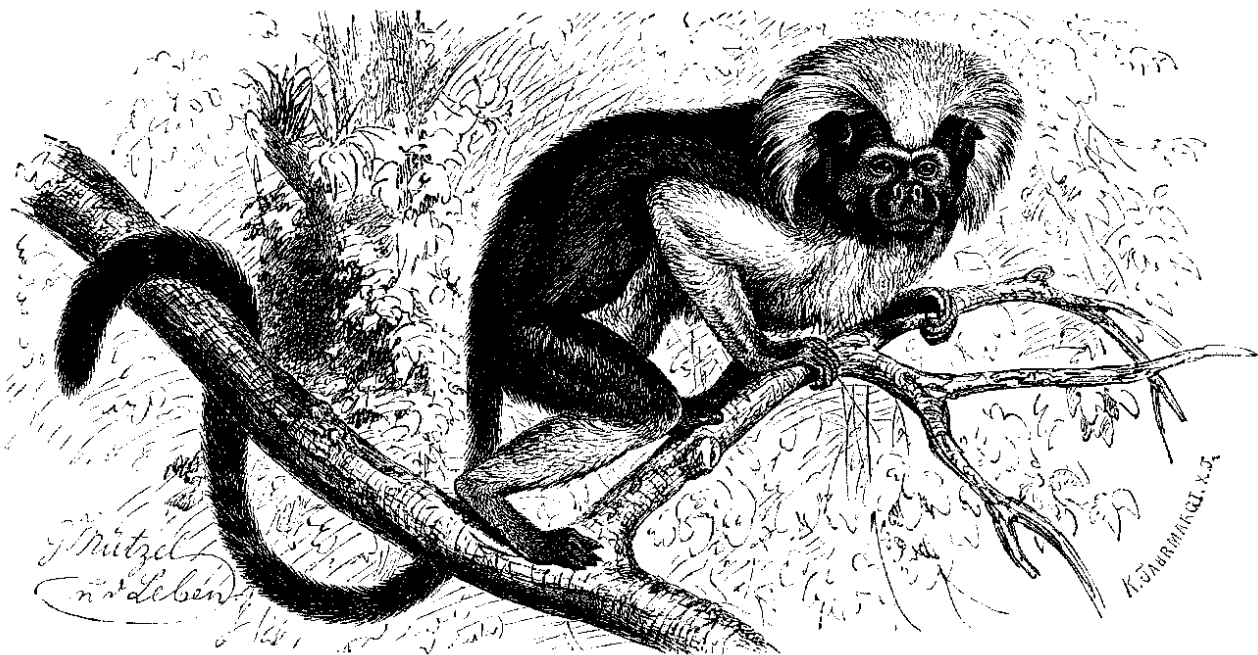
* * *Тамарины (Saguinus)* — наиболее обширный род игрунковых, включает около 15-20 видов, необычайно пестрой окраски и разнообразной внешности: лысые, украшенные хохолками, длинными белыми усами и т.п.

Обезьяну **эдилов тамарин, или пинче (Saguinus oedipus)** * * *, следует считать переходной формой от игрунковых, имеющих гриву, к таким, у которых ее нет.

* * * *Обитает на севере Колумбии.*

У этого животного на голове длинные волосы, которые падают на лоб и на затылок, но стороны лба ими не покрыты. Взрослые самцы достигают 16-18 см, а хвост у них длиной в 40—42 см; шерсть землисто-бурого цвета и состоит из волос, которые у основания серые, а на конце имеют три светло-бурых пятна. Нижняя часть тела, волосы на голове, руки и голени почти чистого белого цвета; хвост у основания каштаново-бурый, а на конце темно-бурый. Черное лицо с веселыми светло-бурыми глазами ярко выдается из-под белых волос и имеет особенное выражение вследствие сросшихся бровей и узкой бороды, окружающей рот; ладони и нижняя часть ступней окрашены в черный цвет.

Область распространения пинче ограничивается, кажется, лишь северо-западной частью Южной Америки. О жизни этой обезьяны на свободе еще подробных сведений нет, да и в неволе ее мало наблюдали, так как она редко попадала живой в руки европейцев.

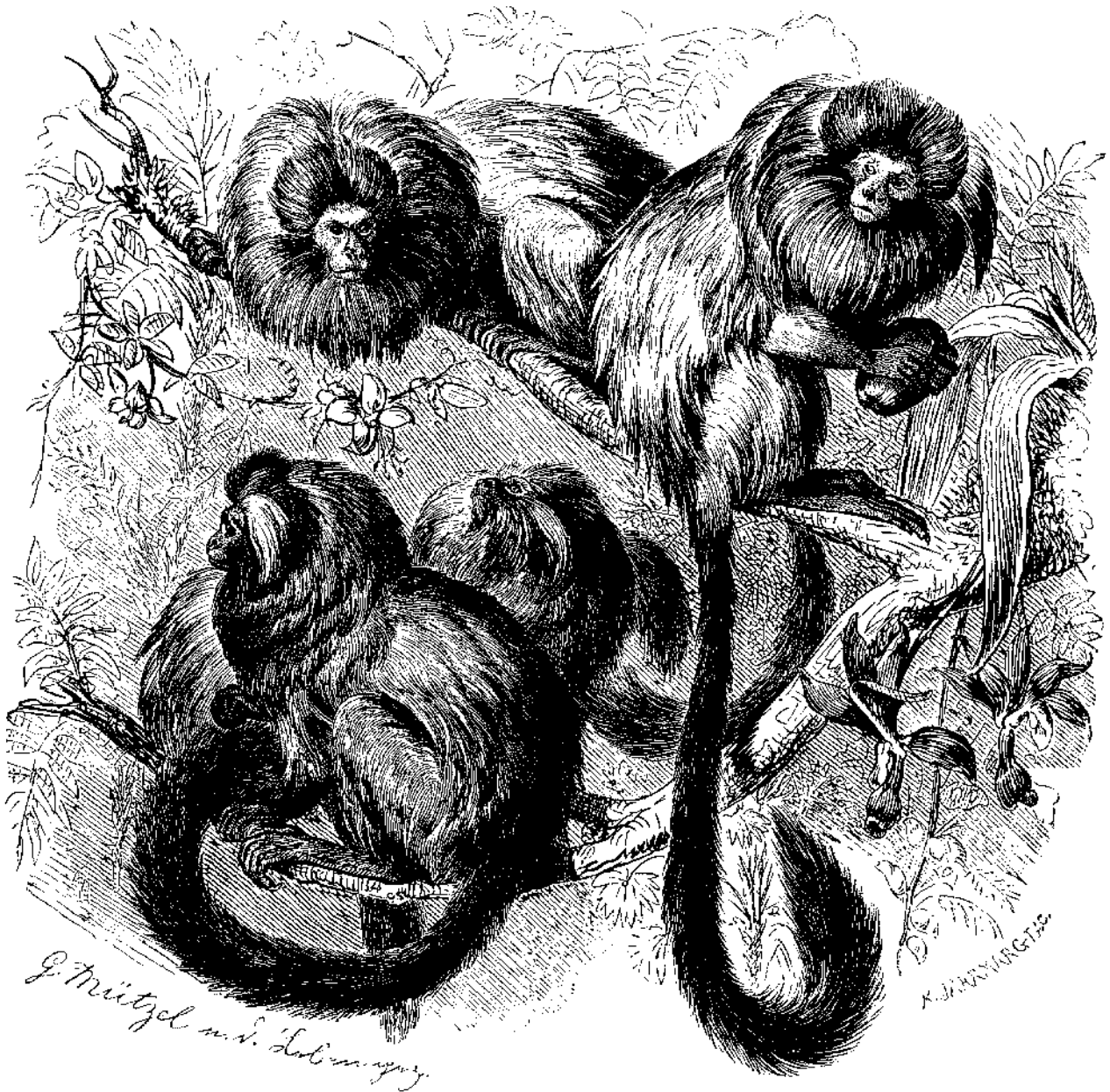
Эдилов тамарин (Saguinus Oedipus)

Однако известно, что по своему образу жизни пинче мало отличается от других видов игрунковых. Парочка этих обезьянок, которая жила несколько недель в Берлинском зоологическом саду, особенно поразила меня своим голосом, который удивительно похож на голос птицы: он состоит из продолжительных звуков, похожих на звук флейты, или из трелей, которые начинаются высоким звуком «ди-ди-ди», затем, понижаясь, переходят в «дре-дре-де» и оканчиваются коротким «гак-гак-гек». Мне не известно ни одного млекопитающего и даже ни одной игрунки, у которой голос был бы так паразитически сходен с голосом птицы.

Львиными игрунками называют те виды, которые имеют голое лицо и уши, довольно тонкий хвост, иногда с пучком волос на конце, по величине почти равный длине тела; только на шее, плечах и передних конечностях шерсть удлинена, на голове она образует более или менее длинную гриву.

Львиные игрунки, или розалии (Leontopithecids rosalia)*.

* *Самые крупные представители семейства: длина тела — до 50 см, хвоста — до 38,5 см, масса — до 1 кг. Название «львиные игрунки» не совсем точно, так как они ближе к роду тамаринов.*

Львиные игрушки, или розалии (*Leontopithecus rosalia*)

Розалия принадлежит к крупным видам этой группы, так как длина ее тела 25-30 см, а длина хвоста 30-40 см. Лицо голое, буровато-мясного цвета; большая ушная раковина окаймлена темно-бурыми волосами; щеки и лоб, который к темени оканчивается острым углом, покрыты тонкими, короткими, желто-бурыми волосами; руки, ноги сверху и снизу желтовато-бурые, на ногах желтый цвет преобладает. Грива разделена на темени пробором, покрытым короткими темно-бурыми волосами; эта грива очень длинная и имеет темно-бурю окраску. Другие части головы, горло, грудь и плечи темно-оранжевого цвета, остальное тело покрыто красновато-желтой шерстью с золотистым отливом. Основание хвоста у некоторых экземпляров такого же цвета, как и тело, затем появляются темные пятна, к концу хвост темнеет, а самый его кончик снова желтый; но пятен на хвосте может и не быть. Самка по окраске не отличается от самца**.

* * Популяции розалий имеют очень изменчивую окраску, сейчас выделяют 4 вида, все они включены в Международную Красную книгу.

"Это милое животное, — говорит принц фон Вид, — можно найти в больших лесах около Рио-де-Жанейро, Кабо-Фрио, Сан-Джоао и пр. Но далеко на север оно не заходит, по крайней мере на реке Паранахибо оно уже не встречается. Согласно этому, область распространения розалии очень незначительна и ограничивается лесами восточного берега Южной Америки от 22 до 23 градуса южной широты. По словам местных жителей, эта обезьянка нигде не встречается в большом количестве. Мы ее видели отдельными экземплярами или небольшими семьями на Сьерра-де-Инуа, в лесу около Сан-Джоао и в лесных местностях около Понта-Негру и Гурапина. Кажется, что она живет не только в высоких горных лесах, но и в кустах песчаных равнин; если испугается какого-нибудь необычного предмета, то прячется в листве верхушек деревьев. Пища ее состоит из плодов

и насекомых. У розалии родится по одному или по два детеныша, которых самка носит на спине или на груди до тех пор, пока они не сделаются настолько сильны, что могут за ней следовать. В ручном состоянии зверьки эти лучше других игрунковых переносят переезд через море в Европу, в остальном они по образу жизни совершенно сходны с прочими видами этой группы. Их очень любят за красоту, так как они похожи на маленьких львов. В возбужденном состоянии у них приподнимается грива вокруг лица, и тогда они особенно красивы».

В Европе ежегодно продается несколько пар этих хорошеньких животных, и всегда находятся покупатели, хотя цена их довольно высока. Но истинный любитель охотно платит высокую цену за этих красивых обезьянок. Их следует считать самыми приятными из всех видов игрунковых, по крайней мере из тех, которых привозят в Европу; они живут у нас дольше в неволе, может быть, вследствие того, что за ними лучше ухаживают, так как дорого за них платят. Уже Бюффон говорит, что одна розалия жила в Париже пять или шесть лет при самом обыкновенном уходе.

По образу жизни и привычкам розалия мало отличается от своих родичей и имеет одинаковые с ними приятные и неприятные черты характера. Как все игрунковые, она очень пуглива и недоверчива, раздражительна и вспыльчива; скоро узнает своего хозяина, предпочитает его другим лицам и более к нему доверчива, но никогда не показывает такой привязанности и такого расположения, как другие обезьяны, однако не может окончательно преодолеть боязливость и недоверчивость. Изредка, как, например, недавно в Антверпенском зоологическом саду, у них рождаются детеныши, но это редкое явление. Их кормят, как и другие виды, вареным рисом, плодами и хлебом, размоченным в молоке, но, кроме того, им непременно нужно давать и животную пищу, мясо, жуков, червей и пр., так как замечено, что это необходимо для их здоровья.

Семейство мартышковые

(Cercopithecidae)*

* *Самое обширное семейство узконосых обезьян, включает около 13 родов и свыше 80 видов. Зубная формула мартышковых такая же, как у человекообразных обезьян и человека.*

Тонкотелые обезьяны представляют, как показывает их название, тонких и стройных обезьян с длинными, тонкими конечностями и очень длинным хвостом, с маленькой высокой головой, голым лицом, укороченной мордой и небольшими защечными мешками**.

* * *Защечных мешков у тонкотелых обезьян нет.*

Седалищные наросты у них очень малы. На заднем коренном зубе нижней челюсти пять бугорков. Скелет их по тонкости костей напоминает скелет гиббонов. Пальцы рук длинные, но большой палец передних рук укорочен или недоразвит и не пригоден для хватания. Шерсть удивительно тонкая, цвет ее всегда приятный; на голове волосы значительно удлинены. Очень замечательно строение желудка: своими перетяжками и происходящим вследствие этого разделением на отделы он несколько напоминает желудок жвачных, а еще более — желудок кенгуру. По исследованиям Оуэна и других, он разделяется двумя перетяжками на три части, из которых средняя в свою очередь представляет двойной ряд подразделений * * *. Гортанный мешок различной величины существует у всех видов.

* * * *Зеленая листва занимает в рационе тонкотелых обезьян гораздо большее место, чем в рационе мартышковых, отсюда усложненное строение пищеварительной системы. развитая бактериальная микрофлора в кишечнике, желудок из нескольких камер. Вопреки названию некоторые тонкотелые обезьяны весьма «пузаты», поскольку им все время приходится набивать объемистый желудок столь грубым и малокалорийным кормом, как листва.*

Южная Азия, Цейлон и острова Зондского архипелага — родина тонкотелых обезьян. Здесь они живут более или менее многочисленными стадами в лесах, охотнее всего вблизи рек, а также около сел и плантаций, и так как их почти всюду щадят, то живется им необыкновенно хорошо. Чтобы в немногих словах дать общую картину их жизни на свободе, я, прежде чем описывать замечательные виды отдельно, дам общий очерк их жизни, основываясь на словах Теннента и Уэллеса.

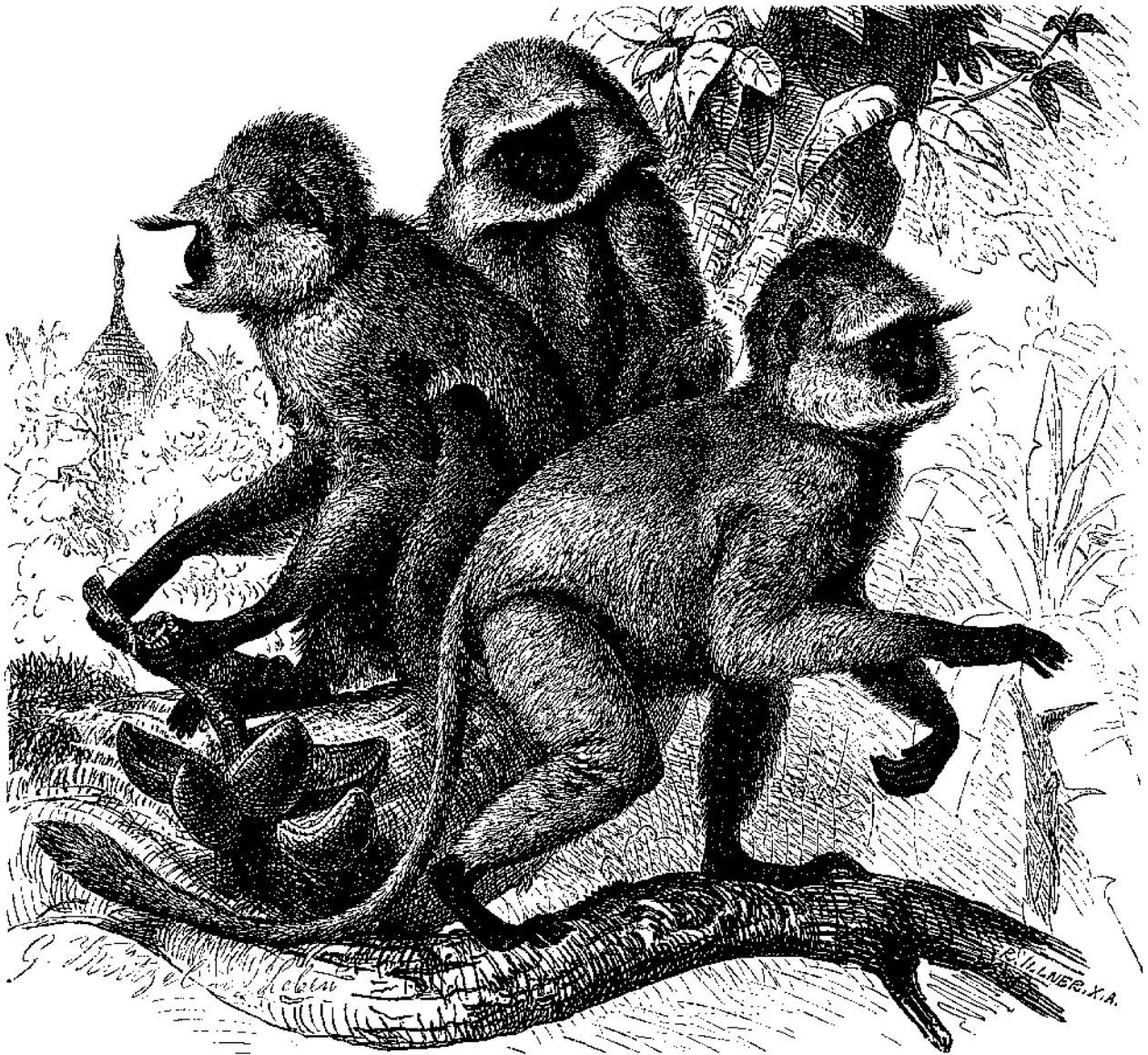
В родных лесах тонкотелые обезьяны обыкновенно встречаются обществами, состоящими из 20-30 особей; большей частью они заняты поиском плодов и почек. Крайне редко случается заметить их на земле, и то лишь в том случае, когда они отыскивают упавшие на землю любимые плоды. Туземцев они несколько не боятся и даже проявляют по отношению к ним величайшую беззаботность; напротив, увидев необычно одетого европейца, они несколько минут пристально смотрят на него и затем убегают как можно скорее. Точно так же возбуждает их любопытство и появление собаки; но при этом они не ограничиваются наблюдением за ее движениями, а выдают себя криком. Будучи испуганы, они часто прячутся в ветвях деревьев и делают это так искусно, что общество их, которое только что лакомилось на вершине пальмы, в самое короткое время становится невидимым.

Если же они не считают себя в безопасности, то обращаются в бегство и обнаруживают при этом такую быстроту, ловкость и умение прыгать, каких едва достигают другие представители этого семейства. Они делают громадные прыжки с ветвей одного дерева на нижележащие ветви другого, причем ветвь, на которую они перепрыгнули, низко пригибается от тяжести их тела и, разгибаясь, снова подбрасывает их вверх; кроме того, они обладают способностью менять направление движения во время самого прыжка, чтобы в случае надобности схватиться за более удобную ветвь и бежать дальше. По замечанию Уэллеса, очень интересно наблюдать, как за вожаком, отважившимся на прыжок, с большей или меньшей быстротой следуют и остальные мартышки. Нередко случается при этом, что одна или две обезьяны не могут решиться на прыжок, пока остальные не скроются из виду. Тогда они в совершенном отчаянии, из страха быть покинутыми, бросаются в воздух, ломают тонкие ветви и часто даже падают на землю. Там, где их не беспокоят, они становятся назойливыми, появляются на домах или около них и причиняют различным образом вред; случается даже, что они бывают опасными для детей. Теннент рассказывает, что ребенок одного европейского пастора, оставленный легкомысленной кормилицей перед домом без присмотра, подвергся нападению тонкотелых обезьян, и они так измучили и искусили его, что он от этого умер. Пища обезьян состоит из различных растений, плодов всякого рода, какие они только могут разгрызть, почек, листьев и цветов. Главную пищу, по словам Теннента, составляют бананы. Однако, по-видимому, они еще более любят некоторые цветы, например цветы красного гибискуса, и поедают их в необыкновенно большом количестве — полезное указание для тех, кто вздумал бы держать в неволе этих обезьян.

Сингалезцы говорят, что никто никогда не находил еще в лесу трупа такой обезьяны. «Кто увидел белую ворону, гнездо рисовой птицы, прямую кокосовую пальму или мертвую обезьяну, — говорят они, — тот может быть уверен, что будет жить вечно». Это народное поверье несомненно происходит из Индии, так как там одной из наиболее выдающихся тонкотелых обезьян воздают божеские почести. И все убеждены, что всякий, кто вздумал бы отдохнуть на могиле такой обезьяны или хотя бы на месте ее смерти, должен умереть и что даже погребенные кости ее могут принести несчастье. Поэтому каждый, кто собирается там строить дом, обращается к знахарям и удостоверяется с помощью их «искусства», что на месте, выбранном для дома, никогда не околевала обезьяна.

Из тонкотелых обезьян прежде всего заслуживает внимания **гульман, лангур или хануман** (*Semnopithecus entellus*), священная обезьяна индусов. Это самая обыкновенная обезьяна, встречающаяся в большей части Индостана, и область распространения ее все увеличивается, так как она не только пользуется защитой и покровительством человека, но в некоторые местности ее нарочно ввозят. Вся длина взрослого самца равняется, по Эллиоту, 1,57 м, а по Жердону, иногда даже 1,72 м, из которых по крайней мере 97 см попадают на необыкновенно длинный хвост с пучком волос на конце. Вес обезьяны 9-11 килограммов. Цвет меха желтовато-белый; цвет голых частей темно-фиолетовый. Лицо, кисти и ступни в тех местах, где они покрыты волосами, и жесткий хохол, свешивающийся над глазами, черного цвета, короткая борода желтоватого. Распространение этой обезьяны, так хорошо известной в Индостане, как это ни странно, до сих пор с точностью не определено. По словам Блэнфорда, ее нет в Пенджабе и Синде, она водится лишь к востоку от них, в южном Раджастане, в Гуджарате, Бомбее, в средних штатах, в юго-западном Бенгале и в Ориссе, может быть даже южнее Годавери. Гуттон утверждает, что священная обезьяна не водится к востоку от Хугли и к северу от Ганга и что экземпляры, которых видели в этих местностях, привезены людьми. Напротив, Блэнфорд уверяет категорически, что эта обезьяна встречается в А уде, а также и вообще у подножия Гималайских гор*.

** Гульман распространен по всему Индостану, обитает также на Цейлоне, по долинам рек проникает в южный Тибет, в Гималаях встречается до высот 4000 м.*

Гульман, лангур или хануман (*Semnopithecus entellus*)

Гульман занимает не последнее место среди бесчисленных божеств индусов и пользуется этой честью с незапамятных времен. Великан Раван, рассказывает древнеиндийская сага, похитил Ситу, супругу Шри-Рамы, и унес ее в свое жилище на остров Цейлон; но обезьяна освободила пленницу из неволи и отвела ее к супругу. С тех пор она приобрела славу героя. Много рассказывают о ее душевной силе и быстроте. Одним из самых ценных плодов — манго — люди также обязаны гульману, который украл его из сада великана. В наказание за кражу его приговорили к сожжению; кто приговорил, этого предание не указывает, но гульман погасил огонь и обжег себе при этом лицо и руки, которые так и остались черными. Таковы причины, заставившие браминов боготворить гульмана.

Уже много лет тому назад эту обезьяну наблюдали в ее отечестве, но именно поэтому мы позднее всего познакомились с ней. Полагали, что такое обыкновенное животное часто привозилось в Европу, а потому и не заботились о том, чтобы набить чучело гульмана и переслать в Европу. Кроме того, убить священное животное трудно или, вернее, опасно, так как одни только маратхи не почитают гульмана, а почти все остальные индийцы ухаживают за ним, охраняют и защищают его, как только могут. Европейец, осмелившийся напасть на неприкосновенное животное, должен опасаться за свою жизнь, если он единственный белый среди легко-возбуждающейся толпы туземцев. Обезьяна эта считается священной. Одно индийское царственное семейство считает себя потомками этой обезьяны, и члены его носят титул «Хвостатый Рама», так как родоначальник фамилии, говорят они, был снабжен этим, для людей бесполезным, придатком. Португальский вице-король Индии Константин де Браганца достал обезьяний зуб из сокровищ одного цейлонского князя и вскоре к нему явилось особое посольство от короля Пегу, предложившее ему около 250 тысяч рублей золотом за эту драгоценность. Такой большой суммы, конечно, никто никогда не предлагал за зуб; тем более кажется удивительным, что европейцы не приняли этого предложения. Вице-король собрал

своих советников, и они старались уговорить его принять эту значительную сумму; но один священнослужитель оказался против на том основании, что такой торг может укрепить туземцев в их суеверии; ревнителю благочестия удалось настоять на своем. В сущности это безразлично для нас, если бы таким образом не был уничтожен предмет, который мог иметь важное значение для истории индийской мифологии, а также и для естественной истории. По этому единственному зубу можно было бы определить, какой обезьяне он принадлежал. И в настоящее время почитание священного животного таково, как было прежде. Индийцы позволяют бесстыдным животным спокойно грабить сады и обворовывать дома, не предпринимая ничего против них, и очень недовольны теми, кто решается обидеть обезьян. Тавернье рассказывает, что молодой голландец, недавно приехавший из Европы, убил выстрелом из окна одну обезьяну и среди туземцев поднялось такое волнение, что их едва удалось успокоить. Они тотчас же отказались служить этому голландцу, так как были твердо уверены, что чужестранец и они вместе с ним должны погибнуть. Дювосель передает, что вначале ему было невозможно убить одну из этих обезьян, так как туземцы всегда мешали. Каждый раз, как только видели натуралиста с ружьем, они прогоняли обезьян, а один благочестивый брамин целый месяц стоял на страже в саду европейца, чтобы тотчас прогнать дорогих ему животных, лишь только чужестранец соберется охотиться за ними. Форбс уверяет, что в Дюбое число обезьян равняется числу людей. Обезьяны живут на крышах домов и совершенно невыносимы для чужестранца. Если житель города хочет отомстить за что-либо соседу, то он посыпает рисом и другим зерном крышу врага перед началом дождливого времени года, когда каждый домовладелец заботится о том, чтобы привести в порядок кровлю, чтобы она не протекала. Заметив рассыпанные зерна, обезьяны не только поедают то, что лежит сверху, но сдирают с крыши и черепицу, чтобы добраться до зерен, упавших в щели. Благодаря спешной работе в это время нельзя достать ни одного кровельщика, и таким образом внутренность дома остается открытой потокам дождя, которые и портят находящиеся в доме предметы.

Туземцы заботятся не только о здоровых, но и о больных обезьянах. Тавернье нашел в Ахмадабаде больницу, в которую помещали на излечение обезьян, быков, коров и т.д. Все балконы домов постоянно посыпаются для обезьян рисом, просом, финиками, плодами и сахарным тростником. Обезьяны так дерзки, что не только грабят сады, но в обеденное время проникают внутрь домов и берут пищу из рук людей. Миссионер Джон уверяет, что лишь благодаря постоянной бдительности он мог защитить от этих воров свое платье и другие вещи. Раз один факир перед палаткой Гюгеля созвал обезьян, но не дал им ничего поесть. Три самые старые обезьяны так злобно напали на него за это, что он едва мог отбиться от них палкой. Народ стоял при этом не на стороне факира, а на стороне обезьян и сильно ругал его за то, что он сначала обманул, а потом еще и поколотил священных животных. Очень вероятно, что почитание обезьян стоит в связи с верованием в переселение душ. Индийцы думают, что их души поселяются после смерти в тело этих обезьян.

Если оставить в стороне бесстыдство гульманов, то они красивые и привлекательные создания. Джон прямо говорит, что никогда не видел более красивых обезьян. Их дружелюбное отношение друг к другу, громадные прыжки пленяют каждого наблюдателя. С невероятным проворством они влезают с земли на вершины деревьев, снова кидаются оттуда вниз на землю, отламывая, точно шутя, толстые ветви, перепрыгивают на верхушки далеко стоящих деревьев и меньше чем в минуту переносятся, не касаясь земли, с одного конца сада на другой. Часто в несколько минут их собирается невероятное множество, потом вдруг исчезают, а минуты через две снова все на том же месте.

В молодости у обезьян круглая голова и они очень умны; гульманы хорошо умеют различать, что им вредно и что полезно, очень легко приручаются, но обнаруживают неудержимую страсть к воровству. С возрастом форма головы меняется, душевные способности слабеют. Голова становится более плоской, обезьяны приобретают более звериный вид, вместе с тем умственные способности падают, склонность к одиночеству уничтожает общительность, неуклюжая сила заменяет ловкость, так что старые обезьяны мало похожи на молодых.

Обыденное времяпрепровождение и общественная жизнь гульманов такие же, как и у других обезьян этой группы. В лесу, своем настоящем местожительстве, они составляют многочисленные стада под предводительством самца, одержавшего верх в упорных боях с соперниками*.

** Время от времени среди самцов гульманов вспыхивают сражения за право стать вожаком стаи. Новый вожак изгоняет из группы старого лидера (а также других самцов, ставших половозрелыми) и убивает всех детенышей от прежнего вожака. После потери потомства самки снова становятся готовыми к спариванию. Таким образом новый лидер закрепляет свое положение и обеспечивает наилучшие условия для своего потомства.*

Они странствуют по лесу, соседним полям и садам, грабя и истребляя больше, чем съедают, служа бичом для тех, кого обворовывают, и улаживая взоры благочестивых индусов и беспристрастных исследователей природы**.

* * *За стаями гульманов нередко следуют группы оленей аксисов, кабанов, которые подбирают за обезьянами надкусанные и брошенные вниз плоды.*

Их размножение в благоприятных местностях, то есть там, где они стоят под защитой глупого поверья, так значительно, что может возбуждать беспокойство; в высоко лежащих местностях Верхней Индии они, как это доказано, скоро вымирают, если их туда везти: свежий горный воздух для них вреден. Блайт рассказывает, что местами полувзрослые или побежденные самцы изгоняются из стада обезьяньим султаном, заботливо охраняющим свои права на гарем, и бывают вынуждены составлять особые стада; от туземцев он слышал, что борьбе и дракам между самцами нет конца. Говорят, что священная индийская смоковница представляет любимое жилище гульмана. Рассказывают, что под тем же деревом живут ядовитые змеи, с которыми обезьяны находятся в постоянной вражде. В этом нет основания сомневаться, но тем более нет причин не доверять следующей невинной сказке, которую многие принимают за чистую монету. Говорят, будто гульманы, найдя спящую змею, хватают ее за шею около головы, спускаются вместе с нею на землю и до тех пор бьют головой о камни, пока не раздробят ее, и тогда, радуясь удаче, бросают извивающееся и корчащееся животное своим детенышам на потеху. Уверяют также, что на этих обезьян не действуют некоторые растительные яды: доза стрихнина, которая умертвила бы всякое другое животное такой же величины, не производит на них никакого действия.

О подвижности гульманов Жердон говорит следующее: «Они скачут с изумительной ловкостью с ветви на ветвь и в случае необходимости делают поистине поразительные прыжки. Я видел, как они перепрыгивали с дерева на дерево через промежутки в 20 и 30 футов, причем пролетали наискось вниз футов от 40-50. На четвереньках они тоже бегают замечательно быстро, делая по земле проворные прыжки». При этом гульманы, как сообщает Блэндфорд, загибают свой длинный хвост на спину и вперед. По словам этого автора, они никогда не встречаются далеко от воды. «Их голос, — замечает он в другом месте, — громок и его часто можно слышать, особенно по утрам и вечерам. Два самых обыкновенных звука, издаваемых ими, — это звучный, радостный, почти благозвучный крик, известного рода радостное восклицание, с которым они кидаются между ветвями, и грубый гортанный звук, издаваемый при тревоге и раздражении. Этот последний хорошо известен охотникам на тигров, с которыми, то есть охотниками, обезьяны эти, по-видимому, находятся в постоянной дружбе. Безопасно укрывшись в воздушной высоте или переходя с дерева на дерево (если тигр крадется где-нибудь), обезьяна жестами и голосом указывает охотнику, где спрячется в кустах и траве хищник. Нельзя без удивления наблюдать, как эти обезьяны даже в самых отдаленных и диких местностях, видимо, считают людей своими друзьями или по крайней мере союзниками против тигра. Однако охотники ошибочно полагают, что грубый гортанный звук всегда указывает на присутствие тигра или леопарда, так как гульманы не менее часто издают его и в том случае, когда бывают чем-нибудь удивлены. Я слышал этот звук даже тогда, когда обезьяны замечали убегающего оленя, и полагаю, что они так же не приветствовали бы и внезапно появившегося человека». В общем Блэндфорд говорит, что гульман спокойнее, менее любопытен и дерзок, а также менее задорен, чем макаки. В неволе старые обезьяны становятся нередко угрюмыми и злыми.

Гульман обнаруживает большую привязанность к своим детенышам. Дювосель рассказывал, что он подстрелил одну самку этого вида и при этом стал свидетелем поистине трогательной сцены. Бедное животное, раненное около сердца, несло на себе детеныша, оно собрало все силы, взяло детеныша, повесило его на ветвь и упало вниз мертвое. «Эта черта, — прибавляет наш автор, — произвела на меня более сильное впечатление, чем все рассказы браминов, и на этот раз удовольствие добыть такое прекрасное животное не могло заглушить во мне сожаление, что пришлось убить существо, которое перед самой смертью проявляло такое внушающее уважение чувство».

К рассматриваемому роду принадлежат и другие замечательные виды. Очень красив **чубатый тонкотел** (*Presbytis eomate*)*, которого яванцы называют «буденг».

* *Распространен в западной части о. Ява.*

Шерсть взрослого животного блестящего черного цвета, бархатистая на лице и руках, шелковистая на спине. Нижняя сторона тела, покрытая более редкими волосами, чем верхняя, представляет буроватый оттенок. Голова покрыта своеобразной шапкой волос, которые свешиваются надо лбом и торчат по бокам головы, на висках. Новорожденные детеныши золотисто-желтого цвета, и только кончики волос на нижней части спины, на верхней стороне хвоста и хвостовой кисти темные**.

** * Резкие различия в окраске шерсти детенышей и взрослых особей вообще характерны для представителей подсемейства тонкотелых обезьян. Например, у светло-серого гульмана детеныш рождается угольно-черным, у черных коLOBусов младенцы белые.*

Но скоро черный цвет распространяется дальше, и через несколько месяцев руки, верхняя сторона головы и кисточки на хвосте становятся черными, затем шерсть детеныша все более и более начинает походить на шерсть взрослого животного. Вся длина этой красивой обезьяны достигает почти 1,5 метра, из которых хвост составляет более половины.

Чубатый тонкотел (*Presbytis comata*)

"Буденг, — говорит Горстфильд, — живет в большом числе в обширных лесах Явы. Его встречаешь большими обществами (до 50 особей) на вершинах деревьев. Интересно наблюдать такие стада на некотором расстоянии. При приближении человека они поднимают громкий крик и с ужасным шумом так неистово прыгают по ветвям, что часто отламывают толстые сухие ветви деревьев и бросают их в своих преследователей». Там и сям на Яве чубатые тонкотелы живут в полудиком состоянии пользуясь покровительством туземцев. «Я посетил, — рассказывает Ягор, — источники реки Прого, которая орошает провинцию Каду и впадает в Индийский океан. Прекрасный, чистый и очень многоводный источник вырывается из лавы, густо поросшей папоротниками; среди явайцев он пользуется большим почетом. Едва мы прибыли туда, как несколько буденгов спустились с деревьев и смело и доверчиво окружили нас. Мы накормили их маисом. Это поселение полуручных обезьян, по словам сопровождавшего меня старшины (это позднее не раз мне повторяли и другие туземцы), существует с древних времен, и число обезьян никогда не превышает пятнадцати. В этот день их было, правда, шестнадцать, так как одна старая самка имела детеныша, который висел у нее на брюхе и пугливо высовывал голову. Но как только детеныш вырастет, его принудят оставить общество, если он сам будет не в состоянии выгнать другое, более слабое животное. Эти обезьяны не терпят, чтобы их было более пятнадцати; так по крайней мере мне рассказывали все». Едва ли надо говорить, что указание туземцев было ложным. Как у большинства других обезьян, отдельных самцов прогоняют из стада, но едва ли это ведет к тому, чтобы число голов в стаде оставалось математически точно одним и тем же; этому противоречит и приведенное сообщение точного наблюдателя Горстфильда.

"Несмотря на почитание, которым обезьяны пользуются, туземцы все-таки охотятся за ними ради меха. На этих охотах, устраиваемых обыкновенно старшинами и происходящих под их руководством, животных убивают камнями из пращей и часто уничтожают в большом количестве. Туземцы умеют просто и хорошо выделывать шкуры обезьян и употребляют их в выделанном виде, как и европейцы, на чепраки и всякого рода военные украшения; особенно ценятся те шкуры, которые чисто-черного цвета и имеют длинные, шелковистые волосы».

В молодости чубатый тонкотел поедает нежные листья различных растений, в зрелом возрасте — дикие плоды, которые во множестве находятся в ненаселенных лесах его родины. Он, конечно, не отказывается и от животной пищи.

Один вид легко отличается от всех других обезьян по своему носу — это **носач, или кахау** (*Nasalis larvatus*) *.

* *Носач обитает только в прибрежных мангровых лесах о. Калимантан (Борнео). Другой вид рода — одноцветный симиас (N. concolor) — эндемик архипелага Ментавай, к западу от Суматры. Для носачей единственных из тонкотелых обезьян характерны крупные седалищные мозоли.*

Это странное существо совершенно похоже на тонкотелых обезьян; но выдающийся карикатурный человеческий нос, который подвижен, как хобот, и может вытягиваться вперед или втягиваться обратно, придает ему нечто в высшей степени своеобразное. Тело носача тонкое**, хвост очень длинен, конечности почти равной длины, защечных мешков нет.

* * *Стройное сложение характерно только для молодых особей, взрослые, особенно самцы, имеют бочкообразную грудную клетку и объемистый живот и весят до 24 кг.*

Нос крючкообразно свешивается вниз над верхней губой; в средней части он довольно широк, на конце заострен и сверху снабжен легкой продольной бороздкой; ноздри очень велики и притом могут значительно расширяться. У молодых животных этот орган, представляющий такое замечательное строение, еще мал и притуплен и лишь у старых животных достигает значительной величины. По словам Бокка, он, однако, свойствен лишь старым самцам, но не самкам***.

* * * *Огромный полый нос самца вторичнополовой признак, служит прекрасным резонатором. Он так велик, что при кормежке самцы отводят его в сторону рукой. Возможно, нос удлинился, а ноздри стали открываться вниз, а не вперед, когда предки этих обезьян перешли к жизни в затопляемых приливами лесах и возникла необходимость плавать и нырять.*

Шерсть у носача густая и мягкая; на темени волосы короткие и густые, по бокам лица и на затылке длиннее, вокруг шеи они образуют род воротника. На темени, затылке и в области плеч шерсть яркого буро-красного цвета, на спине и верхней части боков бледно-желтого, на груди и верхней части брюха светлого красновато-желтого; в крестцовой области находится пятно серовато-белого цвета. Голые внутренние поверхности рук пепельно-серые, седалищные мозоли серовато-черные. Таким образом, и эта обезьяна представляет очень яркую окраску. Взрослые самцы кахау

достигают величины 1,5 метра: тело их имеет в длину 0,7 метра, а хвост — немного более. Самки не достигают такого размера, но, как говорят, способны размножаться еще до окончания роста.

Кахау живет обществами на Борнео. О его жизни на воле мы знаем мало. Уэллес, имевший случай наблюдать нашу обезьяну в ее родных лесах, упоминает о ней лишь вскользь: «На берегах реки Симунион держалось очень много обезьян и между прочими замечательная носатая обезьяна, которая ростом с трехлетнего ребенка и имеет очень длинный хвост и мясистый нос, более длинный, чем у самого носатого человека». Вурмб пишет приблизительно следующее: по утрам и по вечерам многочисленные стада носачей собираются на деревьях и у берегов реки и поднимают вой, который звучит очень сходно со словом «кахау»; благодаря этому крику животное и получило свое название. Они очень быстры и ловки и очень хорошо прыгают и лазают. Их душевные свойства малоизвестны, однако утверждают, что эти животные очень злобны, дики и коварны и не годны для приручения. Говорят, что, застигнутые врасплох, они прячутся на деревьях, но очень мужественно защищаются против нападения. Заявления туземцев, будто кахау во время прыжков закрывают нос руками, чтобы защитить его от неприятных столкновений с ветвями, кажутся не более чем шуткой. Неизвестно, чем питается носатая обезьяна, но надо думать, что пища ее та же, что и у тонкотелых обезьян*.

* Они питаются жесткой листвой мангрового дерева и цветами пальмы *Nipa fruticans*.

Говорят, что даяки ревностно охотятся за этими обезьянами ради мяса, которое, по их словам, очень вкусно. «Носатые обезьяны, — пишет мне Гаскарль, — которых привезли в ботанический сад в Бейтензорх на Яве в 1841 и 1842 годах и которые там содержались некоторое время, очень скоро умерли; впрочем, у них не было хорошего помещения, где они могли бы свободно двигаться». Неизвестно, заключалась ли в этом единственная причина их смерти; во всяком случае данные Гаскарля доказывают, что можно некоторое время держать кахау в клетке.

То же подтверждает и Бокк в своих сообщениях о носачах: «Эти обезьяны живут в густых лесах по берегам рек, но никогда не встречаются большими стадами, а всегда по двое или трое и выбирают вершины высочайших деревьев. Их движения медленны, и их нелегко потревожить. Я вспоминаю, как однажды даяки указали мне трех носатых обезьян, которые, находясь вне выстрела, грелись на солнце на очень высоком дереве. Даяки нарочно шумели, но обезьяны не обращали на это внимания, пока я не выстрелил в них, после чего они двумя большими прыжками скрылись в густой листве». Он говорит, что обыкновенно эти обезьяны спокойно убегают, делая хорошо размеренные прыжки с ветви на ветвь, по крайней мере футов по 20 каждый. «Они питаются дикими плодами и листьями и достигают значительной величины, часто такой же, как орангутанг. Из всех обезьян, может быть за исключением орангутанга, их труднее всегда держать в неволе. Прежде всего их трудно приучить питаться рисом; кроме того, в неволе они, по-видимому, хиреют, хотя и от природы не очень подвижны. Обезьяны кажутся крайне печальными, и я часто видел, что они долго оставались в одном положении, без малейших движений; даже если их дразнили, они не делали никаких гримас и не обнаруживали признаков гнева. В Бейтензорхе господин Тейсманне показывал мне трех носатых обезьян, которых он держал более двух лет; долгое время он кормил их свежими листьями, но постепенно приучил и к рису».

Африканские родичи тонкотелых азиатских обезьян, толстотелые обезьяны представляют тоже животных, резко бросающихся в глаза и отличающихся своеобразной окраской, странными, но красивыми гривами и другими особенностями, происходящими вследствие сильного волосяного покрова*.

* Толстотелы, или колобусы (*Colobus*), род, насчитывающий 10 видов. Нередко выделяют группы черно-белых колобусов (собственно *Colobus*), черно-красных колобусов (*Piliocolobus*) и зеленых колобусов (*Procolobus*). Брем описывает некоторых представителей первой группы.

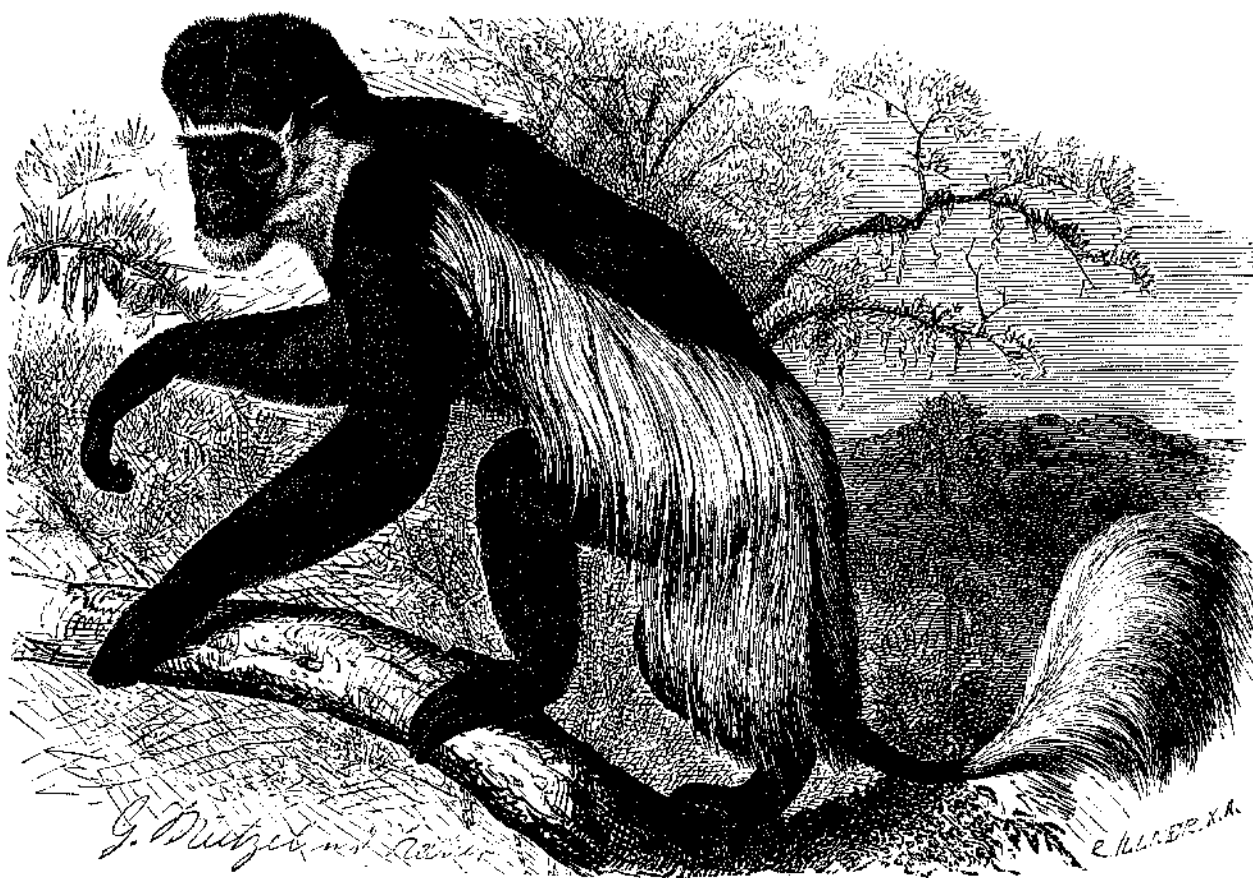
Точно так же, как Индия представляет более роскошную природу, чем сухая Африка, так и тонкотелые обезьяны светлее и ярче окрашены, чем толстотелые; я не хочу, впрочем, этим сказать, что последние менее красивы и приятны для нашего глаза. В общем отличительные признаки обеих групп очень незначительны. Толстотелые обезьяны отличаются от тонкотелых главным образом тем, что на передних руках у них кроме 4 развитых пальцев существует лишь зачаток большого пальца. Тело толстотелых обезьян все еще тонко и стройно, морда коротка, хвост очень длинен, тонкие конечности почти равные между собой по длине, защечных мешков нет.

Восточный колобус, или гвереча (*Colobus guereza*). На мой взгляд, это самая красивая из всех обезьян. Окраска ее чрезвычайно приятная, а мех так своеобразен и вместе с тем изящен, что едва ли можно сравнивать с ним мех какого-нибудь другого животного. Заслуга открытия этого удивительно красивого создания принадлежит известному немецкому путешественнику Рюппелю,

который нашел его во время путешествия по Абиссинии**, и его название, употребляемое в стране, ввел в науку.

* * Обитает не только в Эфиопии (Абиссинии), но и во многих районах Центральной Африки, как и предполагал Брем. Нередко название «гвереча» распространяют на всех колобу сов.

Обезьяна эта была известна и раньше; уже Хиоб Лудольф упоминал о ней в своем очень ценном сочинении об Эфиопии, но к весьма недостаточному описанию он приложил еще более недостаточный и даже неверный рисунок; благодаря этому для ученых было невозможно признать эту обезьяну за отдельный вид и изобразить ее. Другой путешественник, Сельт, упоминает тоже о гверече, но и он дает неверное описание и изображение, составленное на основании рисунка Лудольфа и обрывков шкуры гверечи, которые случайно достались ему. Рюппель видел живую гверечу и потому мог лучше всех описать ее на основании собственных наблюдений. Позднее эту обезьяну наблюдали и другие естествоиспытатели. Я сам нашел у одного туземца на нижнем течении Белого Нила шкуру гверечи, которая служила ему кисетом; от него я узнал, что далее на юге эта обезьяна вовсе не редкость. Гейглин тоже часто наблюдал ее в Абиссинии и на Белом Ниле и собрал достоверные сведения о том, что гвереча встречается и в других областях Средней Африки; отсюда можно вывести, что область распространения этого животного гораздо обширнее, чем мы обыкновенно принимаем.

Восточный колобус, или гвереча (*Colobus guereza*)

Гвереча поистине красивое животное. Тело ее прекрасного бархатисто-черного цвета, и на этом фоне великолепно выделяются белые части: полоска на лбу, виски, стороны шеи, подбородок, горло и пояс, а также кайма вокруг голых седалищных мозолей и конец хвоста. На каждом белом волосе находится много бурых колец, благодаря чему мех кажется серебристо-серым. Грива, которую по-моему можно назвать поясом, перехватывающим бока, свешивается по обе стороны тела, как богатый плащ бедуина, и чрезвычайно украшает животное. Волосы этой гривы очень мягкие и тонкие и имеют значительную длину. Черный мех нижней стороны тела просвечивает местами через эту роскошную оторочку. Чистый черный цвет резко выделяется на ослепительно белом фоне, а темный цвет рук и лица так хорошо согласуется с этой окраской, что наша обезьяна вполне могла бы заслужить премию красоты. Насколько одежда гверечи эксцентрична, если можно так выразиться, настолько изящно и привлекательно все животное. Длина туловища равняется 0,7 м, длина хвоста без кисти — 0,75 м.

Гвереча встречается, как сообщил мне Шимперт, начиная с 13 градуса северной широты во всей Абиссинии, чаще всего на высоте 2000-3000 м над уровнем моря. Здесь она живет маленькими обществами из 10-15 особей на высокоствольных деревьях, охотно селясь поблизости чистых горных текучих вод, часто около церквей, одиноко стоящих в тени священных деревьев. Один вид можжевельника, достигающий таких гигантских размеров, что наши ели и сосны показались бы перед ними карликами, по-видимому, особенно привлекает гверечу, благодаря своим ягодам, которые кажутся вкусными и нам. Гвереча в высшей степени ловкое животное, движения которого отличаются поистине удивительной смелостью и верностью. Там, где гверечу не преследуют, она, по словам Гейглина, не пуглива и мужественно лает и пищит, согнув по-кошачьи спину, на того, кто ее потревожит. Преследуемая гвереча показывается во всей своей красоте. Красиво и легко, смело и рассчитано прыгает это удивительно нарядное животное с ветви на ветвь или с высоты 15 метров вниз, а белый плащ обвеивает ее тело подобно тому, как развеивается вокруг всадника бурнус бедуина, летящего на арабской лошади*.

** Оторочка из длинных волос по бокам тела, пышная кисть на конце хвоста выполняют роль «парашютов», позволяя колобусам достигать столь впечатляющих результатов в прыжках.*

На землю гвереча спускается лишь в том случае, если преследователи настигают ее; в качестве настоящего древесного животного она находит все необходимое на своих любимых деревьях. Питается тем же, чем и прочие обезьяны, живущие на деревьях: почками, листьями, цветами, ягодами, плодами, насекомыми и т.п. В противоположность другим обезьянам гверечу туземцы считают безвредной главным образом потому, что она не трогает плантаций или по крайней мере никогда не производит в них больших опустошений. Возможно, что хорошему мнению о ней способствует и ее привычка селиться около церквей. Охота за гверечей представляет особые трудности. На высоких вершинах любимых деревьев она довольно обезопасена от коварных посягательств охотников. Выстрел дробью может, конечно, ранить это очень живучее животное, но лишь редко удается добыть его этим способом. Чтобы действовать наверняка, охотник должен браться за винтовку; но это оружие было до сих пор, да и теперь еще остается, для туземцев вещью, с которой они не умеют обращаться. Хорошо, что дело находится в таком положении: с винтовкой в привычной руке абиссинец, может быть, истребил бы уже эту обезьяну. В прежнее время за гверечей охотились ревностно. Считалось особенным отличием иметь щит, украшенный шкурой этой обезьяны. Щиты абиссинцев и других восточно-африканских народов продолговато-круглые и состоят из кожи антилоп или бегемотов; эту кожу покрывали спинной и боковой частью шкуры гверечи, так что грива служила украшением щита.

В Гондаре, столице Абиссинии, за такую шкуру платили талер — сумму, за которую можно было купить 5-6 жирных овец. В настоящее время это украшение сильно упало в цене; описанные выше щиты, к счастью, больше не употребляются: я говорю — к счастью, так как надеюсь, что благодаря этому прекрасное создание впредь не будет жертвой отвратительной страсти к истреблению, которую человек всюду проявляет.

Два вида этого рода называются **королевский колобус** (*Colobus polykomos*) и **черный колобус** (*Colobus satanas*)*.

** Ареал первого охватывает дождевые леса Западной Африки (но не о. Фернандо-По), второй помимо о. Фернандо-По (ныне — о. Биоко) обитает в Габоне и Экваториальной Гвинее.*

Первый вид, который справедливо носит название «медведеобразная обезьяна», отличается от гверечи отсутствием белой бороды, место которой занимает полоса длинных, клочковатых, грубых волос желтоватого цвета с примесью черного, а также более длинной шерстью на всем теле и белым хвостом. По величине и образу жизни он похож на гверечу, но живет в западной Африке и на острове Фернандо По. Туземцы часто предлагали Пехуель-Леше купить эту обезьяну; но так как предлагаемые экземпляры были уже слабы и болезненны, он их в Европу везти не решился.

Черный колобус, или сатана, также встречается чаще всего на Фернандо По; многие естествоиспытатели несправедливо считают его за разновидность предыдущей обезьяны.

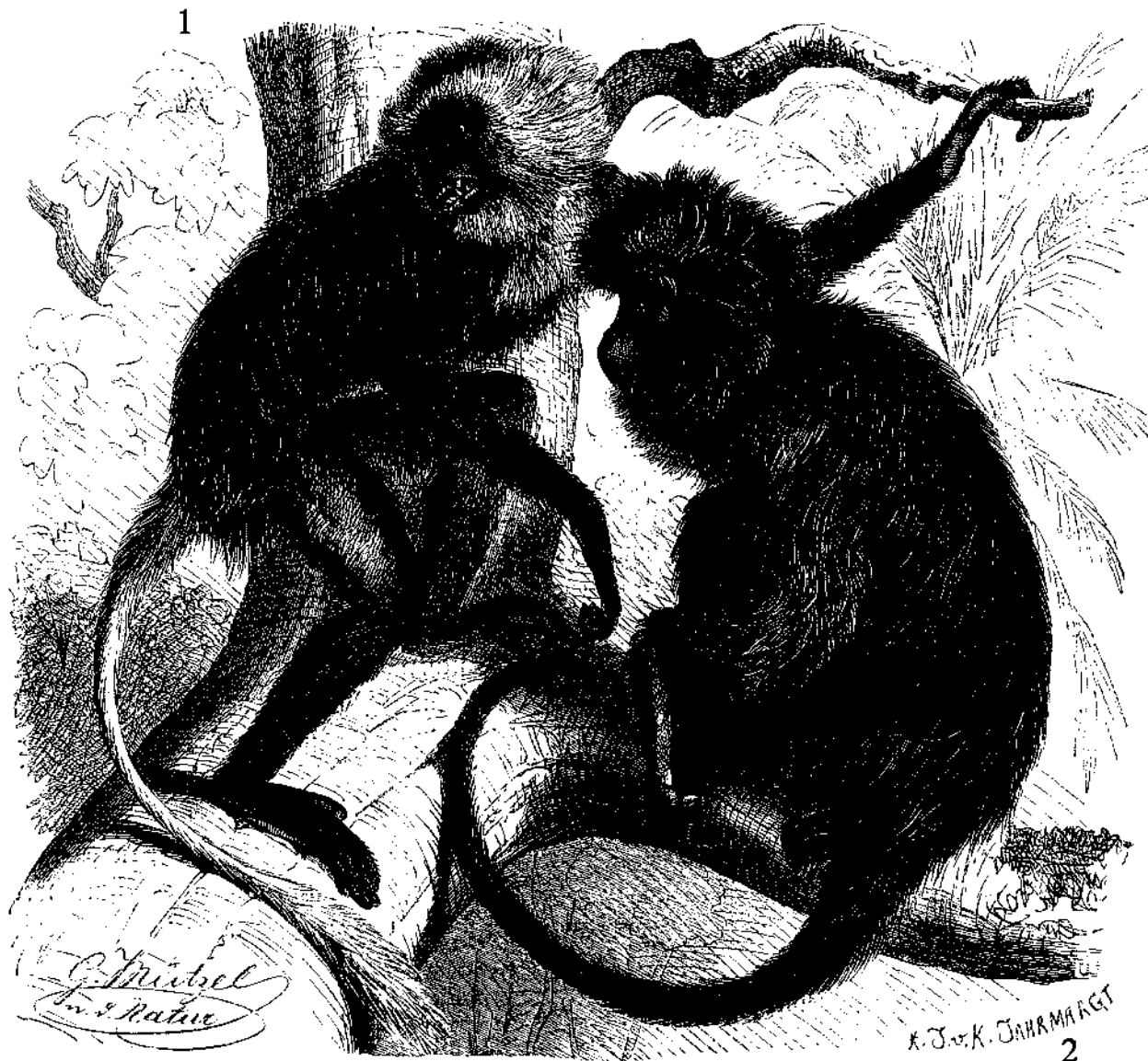
В Африке живут не только самые большие и умные, равно как самые безобразные обезьяны Старого Света, но и самые красивые, приятные и милые обезьяны. К последним, бесспорно, принадлежит большая группа четвероруких, известная у нас под общим именем мартышек**.

*** Очевидно, Брем называет мартышками всех древесных длиннохвостых обезьян Африки. В строгом смысле слова мартышки представители рода *Cercopithecus*, но некоторых мартышек иногда выделяют в самостоятельные роды.*

Мартышки чаще других обезьян встречаются в зоологических садах, даже в маленьких зверинцах, а иногда в виде домашних животных и у любителей.

Немцы их называют «морские кошки», и название это им дано еще в XVI столетии, когда их стали привозить из Гвинеи. Животные эти на кошек мало похожи и к морю никакого отношения не имеют. Встречаются в тропических странах Африки, но только на материке, а не на островах. В густых, дремучих лесах они обитают в большом количестве. Разные виды мартышек живут как на востоке, так и на западе Африки, а также в средней части материка; большая часть их привозится, однако, в Европу из западной Африки, а также из Абиссинии и верховьев Нила.

Мартышки отличаются красивой и стройной формой тела, тонкими конечностями, короткими руками с очень длинным большим пальцем, длинным хвостом без кисти на конце, большими защечными мешками и значительными седалищными наростами.

1 — Королевский колобус (Colobus polykomos) 2 — Черный колобус (Colobus satanas)

Цвет шерсти большей частью довольно яркий, а у некоторых видов представляет красивую пестроту. Известно до двадцати видов этих обезьян***.

* * * Описание образа жизни этих обезьян Брем дает, основываясь на наблюдениях хорошо знакомого ему широко распространенного вида зеленой мартышки (*Cercopithecus (Chlorocebus) aethiops*).

На Ниле мартышки встречаются начиная от 16 градуса северной широты, и как на западе, так и на востоке живут у самого берега моря. Они предпочитают сырые леса на берегах рек, а в сухих горных лесах встречаются реже; около полей селятся они очень охотно. В Африке можно с уверенностью рассчитывать найти мартышек там, где встречаются попугаи, и наоборот, где есть попугаи, там водятся и мартышки.

Мартышки принадлежат к числу самых живых, веселых и, как сказано выше, приятных обезьян. Они почти всегда живут большими стадами, и отдельные семейства встречаются очень редко. Весело встретить в лесу стадо этих животных: глядя на них, можно вдоволь налюбоваться на крики и драку, ссоры и примирения, беготню и лазанье, грабеж и воровство, гримасы и самые удивительные гимнастические упражнения. Стадо образует отдельное общество, не признающее за собой другой власти, кроме той, которая принадлежит избранному вожаку. Право это основано единственно на более острых зубах и сильнейших руках властелина. Мартышки не верят, чтобы существовала такая опасность, которой нельзя было бы избежать; во всяком положении они найдутся; нужды и недостатка пищи они не боятся и проводят жизнь в постоянной веселой суете. Основной чертой их характера следует считать соединение бесконечного легкомыслия с забавной серьезностью — свойства эти заметны во всех их поступках. Для них не существует недостижимой цели, слишком высокой вершины, недоступного сокровища, чужую собственность они не уважают. Поэтому неудивительно, что жители восточного Судана отзываются о них с безграничным презрением и негодованием, но для постороннего наблюдателя они все-таки очень забавны.

Шайку мартышек трудно не заметить в лесу; если даже не расслышишь крика вожака, то до уха путешественника легко донесется шум, производимый на деревьях прыгающими и бегающими обезьянами; а если и этого шума не уловишь, то можно увидеть животных, которые никогда не прячутся от людей, а спокойно сидят или скачут по веткам деревьев, а иногда ищут друг у друга блох и других паразитов. На землю они сходят только за пищей, большую же часть времени проводят на верхушках деревьев, переходя по веткам с одного на другое, причем не обращают внимания на иглы и колючки.

"В главных чертах, — пишет Пехуель-Леше, — мартышки ведут себя на свободе точно так же, как и у нас в зоологических садах, но некоторые черты их характера яснее выказываются на родине, и потому следует их отметить. Для наблюдения за мартышками удобнее всего леса западной Африки, где водятся несколько видов мартышек. Приближение стада этих обезьян узнаешь по шелесту зеленых ветвей и треску сломанных сухих сучьев, а также по легкому рычанию, часто прерываемому более громким голосом, обозначающим какую-нибудь ссору. Если стадо направляется к известной цели, то оно путешествует в большом порядке; при этом мартышки идут гуськом одна за другой, пробираясь по тем же веткам, по которым прошли предыдущие. Так как обезьяна ждет, чтобы тонкая ветка, по которой только что пробежала передняя обезьяна, пришла в спокойное состояние, то шествие происходит довольно медленно и одна обезьяна следует за другой на известном расстоянии, что облегчает наблюдателю возможность близко подкрасться к стаду.

Каждое стадо*, которое, по всем вероятностям, состоит из сильно размножившегося семейства, держится отдельно от других и находится под предводительством старого и опытного самца; самок я никогда в этой роли не видел.

** Обычно мартышки живут семейными группами по 6-30 особей, лишь изредка объединяясь в стаи до 200 животных. Семья может не иметь постоянного участка, а кочевать по «кольцевому маршруту» от одного плодоносящего дерева к другому. Нередко соединяются семейные группы разных видов мартышек, причем пищевая конкуренция бывает не очень велика из-за нюансов диеты каждого вида (скажем, более «листоядный» вид кооперируется с более «плодоядным»). С определенной выгодой для себя мартышки объединяются с птицами-носорогами, хорошо осведомленными о расположении и сроках плодоношения деревьев. На земле мартышки могут кормиться в компании с навианами, бородавочниками, лесными антилопами.*

Вожак очень заботится о благосостоянии своих подчиненных, он идет всегда впереди, во время стоянки садится на верхушку дерева и озирается кругом; к воде сходит первый и издает различные звуки для призыва или предупреждения своих спутников. Звуки эти очень разнообразные, и опытный охотник скоро научается распознавать их значение, но описать их чрезвычайно трудно. Наиболее резким можно считать звук, который я никогда не слышал у обезьян в плену и который, вероятно, издается только вожаком; это очень громкий крик, представляющий нечто среднее между чавканьем и лаем и напоминающий иногда звук раскупориваемой бутылки шампанского. Крик этот, вероятно, выражает полное довольство, так как он издается почти всегда вечером, иногда после заката солнца, когда сытое и усталое стадо отыскивало себе дерево для ночлега. Тогда можно видеть веселых скакунов спокойными: они сидят большей частью на сухих ветвях дерева и при лучах заходящего солнца почесывают друг друга или задумчиво смотрят с вышины на окружающую местность, как будто любясь ее красотой. Во время сна мартышки опираются о ствол дерева или толстый сучок, а также прислоняются друг к другу, так что образуют тесную кучу, что, конечно, делается для взаимного согревания. Когда утром довольно свежо, то обезьяны очень долго сохраняют

это положение и никак не решаются разойтись. Мне случалось по утрам находить сонные стада в подобной позе; животные сидели так тесно прижавшись друг к другу, что только по числу висящих хвостов можно было догадаться о количестве обезьян.

Мне несколько раз приходилось наблюдать такие исключительные собрания мартышек; туземцам явление это тоже знакомо, и они уверяют, что обезьяны в этих случаях собираются на сходку и о чем-то совещаются, причем отдельные стада собираются издалека; туземцы убеждены, что собрания эти происходят в известном порядке, как у людей. Иногда число обезьян бывает так велико, что они все не помещаются на одном дереве, а часть их садится на другие, близстоящие деревья. При обыкновенных обстоятельствах стада живут в лесу, каждое отдельно; если же два стада встретятся на каком-нибудь дереве с любимыми плодами, то начинаются ссоры с гневным криком и писком, а затем настоящая драка; при этом, однако, они не забывают во время прыжков и беготни, иногда висят в воздухе в самом опасном положении, срывать и пожирать вкусные плоды, из-за которых началась драка. Мартышки очень хорошо умеют пользоваться своим длинным хвостом во время бегства или нападения других обезьян: они плашмя прижимают хвост к сучку и таким образом на него опираются или для той же цели обвивают его крупной спиралью кругом ветви. Видно, что употребление хвоста очень важно для этих животных, чтобы крепко держаться на деревьях; однако цепким, как у американских обезьян, этот хвост назвать нельзя. Мартышки воды не боятся: на берегу моря они во время отлива ловят крабов и ищут раковины, причем волны часто окатывают их, так что животные стряхивают с себя капли, когда вылезут на корни растущих у самого берега деревьев. Жители Куйлу и Баниа единогласно утверждали, что мартышки плавают отлично и что целые стада этих обезьян иногда переплывают широкие реки. Этим можно объяснить, почему мы не нашли ни одной обезьяны на небольшом лесистом островке реки Куйлу, где за несколько недель перед тем находили их во множестве и удачно за ними охотились.

Кроме человека мартышки, кажется, признают своими врагами только леопардов и крокодилов. Мне случалось видеть отдельно сидящих мартышек, которые не пугались мимо летящих больших орлов. Но все наши ручные обезьяны, кроме молодого гориллы, который попал к нам из лесу еще очень неопытным детенышем, сильно боялись старой леопардовой шкуры, плохо набитой соломой и травой. К змеям мартышки относятся недоверчиво, но ужаса при виде их не выказывают, а собак вовсе не боятся; мы замечали даже обратное: когда наши храбрые овчарки получали корм и мартышки потихоньку приближались, чтобы участвовать в угощении, то собаки удалялись и издали смотрели, как дерзкие обезьяны выбирали себе самые лакомые кусочки: псы по опыту знали, что с проворными обезьянами им не справиться.

На берегах рек я часто наблюдал следующее: если мартышка висит на конце длинной и гибкой ветки, далеко выдающейся над водой, и другие обезьяны проберутся на ту же ветку, отчего конец ее спустится к самой поверхности воды, то крайняя мартышка вскакивает и спасается на вышележащую часть ветви; боязнь воды этого действия объяснить нельзя, скорее следует думать, что обезьяна опасается крокодила, который, конечно, охотно схватит обезьяну, попавшуюся ему под пасть».

Весело смотреть на толпу обезьян, отправляющихся на грабеж. Нахальство, которое при этом они выказывают, забавляло меня настолько же сильно, насколько оно возмущало жителей восточного Судана, где я наблюдал эти набеги. Шайка отправляется к засеянному полю под предводительством вожака; самки несут детенышей под брюхом, причем эти последние для предосторожности обвивают кончик своего хвоста кругом хвоста матери. Сначала шайка продвигается вперед осторожно, стараясь шествовать по ветвям деревьев. Старый вожак идет впереди, остальные следуют за ним шаг за шагом, переходя не только на то же дерево, но даже на ту же ветку, по которой прошел старший. Вожак часто влезает на верхушку дерева и оттуда внимательно обозревает окрестность; если все благополучно, то он успокаивает стадо особым мурлыканьем, в противном случае, громким криком предупреждает об опасности. Приблизившись к полю, обезьяны сходят с деревьев и большими прыжками спешат к желанному месту; здесь начинается самая усиленная деятельность. Прежде всего мартышки стараются как можно скорее обеспечить себя пищей. Большое количество кукурузных початков и колосьев дурро наскоро вылуциваются, и мартышки набивают зернами, насколько возможно, свои защечные мешки. Когда эти кладовые наполнены, то шайка несколько смиряется, но вместе с тем делается разборчивее и притязательнее относительно пищи. Мартышка, сломив початок или колосок, тщательно его обнюхивает, и если добыча, что часто случается, ей не нравится, то она ее немедленно бросает. Можно считать, что из десяти сломанных колосьев съедается только один; в большинстве случаев лакомка выбирает из целого початка только несколько зерен. А остальное тут же бросает — вот почему так ненавидят мартышек туземцы.

Если на поле все спокойно, то матери позволяют детенышам отойти от себя и поиграть с другими маленькими обезьянами; однако строгий надзор самок над детенышами не прекращается ни на минуту, и каждая мать внимательно следит глазами за своим чадом, зато забота о безопасности всего стада предоставлена одному вожаку. Этот последний, даже во время самой вкусной еды, встает иногда на ноги, как человек, и осматривает окрестность; тихое мурлыканье успокаивает стадо, если нет ничего подозрительного; в противном случае, издается громкий и дрожащий крик, который указывает на опасность. Тогда все стадо собирается в кучу, матери призывают детенышей и в несколько минут стадо готово к бегству; при этом, однако, все обезьяны спешат набрать столько корма, сколько могут унести с собой. Я несколько раз видал, как маргышки уносили с собой по пять больших кукурузных початков; при этом они брали два початка в правую переднюю руку и по одному в каждую из трех остальных, так что на ходу ступали початками кукурузы. При опасности им приходилось, конечно с кислой миной, расставаться с ношей, но последний початок обезьяна решалась бросить только в крайнем случае, когда враг слишком близко, так что для спасения необходимо живо действовать всеми четырьмя конечностями. Бегут они всегда к ближайшему дереву. Я заметил, что маргышки влезали на совершенно одинокие деревья, откуда им приходилось снова слезать, если я их преследовал. Но как только они попадают в настоящий лес, то могут считать себя в совершенной безопасности, так как лазают по деревьям не хуже гиббонов. Для них не существует никакого препятствия в лесу, их не останавливают ни страшные иглы, ни густой кустарник, ни далекое расстояние между деревьями. Большие прыжки совершаются с уверенностью, которая нас сильно поражает, потому что ни одно из наших европейских лазающих животных не способно к таким штукам. Они могут, действуя хвостом, как рулем, изменять направление скачка; промахнувшись на одной ветви, они хватаются за другую; с вершины бросаются вниз, на конец самой низшей ветви и, едва коснувшись ее, несутся дальше; с дерева скачут на землю; перескакивают с дерева на дерево, точно через ров; с быстротою стрелы поднимаются по стволам вверх и бегут все дальше и дальше. Вожак и тут постоянно впереди и своим выразительным мурлыканьем указывает стаду, как нужно бежать, тише или скорее. Обезьяны во время бегства никогда не обнаруживают страха и малодушия, напротив того, они выказывают при этом большое присутствие духа, так что можно без преувеличения сказать, что для них не существует опасности, которую бы они не могли избежать. Действительно, опасен для них только коварный человек со своим огнестрельным оружием; от хищных млекопитающих они спасаются легко, а в случае нужды умеют отразить и нападение хищной птицы.

Когда вожак убедится, что опасность миновала, он останавливается, быстро взбирается на верхушку дерева и, удостоверившись, что все обстоит благополучно, сзывая свое стадо успокоительными звуками. Обезьянам тогда предстоит важное занятие. Во время поспешного бегства они не могли охранять свою шкуру от колючек и шипов, которые вцеплялись в их мех и даже проникали через кожу; необходимо освободить друг друга от этих неприятных прицепков. Поэтому во время отдыха начинается тщательная чистка. Обезьяна ложится во всю длину на ветке, другая садится около нее и самым добросовестным образом исследует ее шкуру. Колючки и шипы вынимаются, и, кроме того, кожа очищается от паразитов; если таковые найдутся, обезьяны их жадно съедают. Но не всегда им удается хорошо вычистить свою шкуру: иногда колючки проникают в тело так глубоко, что другой обезьяне никак не удается их вытащить.

Закончив чистку, маргышки возвращаются назад на то же поле и продолжают грабеж. Таким образом, жители тех стран никак не могут избавиться от нашествия обезьян, которые вредят им хуже саранчи. Не имея огнестрельного оружия, туземцы принуждены ограничиваться тем, что постоянно выгоняют со своих полей обезьян; но это, как мы видели, мало помогает, так как обезьян невозможно остановить никакими предохранительными мерами. Грабители эти не страшатся даже заклинаний жрецов и заговоров колдунов, между тем как в других случаях средства эти, по мнению африканцев, помогают постоянно; поэтому жители северо-восточной Африки и считают обезьян богопротивными и отверженными существами. Один мудрый шейх из восточного Судана говорил мне: «Поверь мне, господин, что обезьяны действительно богопротивные существа, так как они никогда не преклоняются перед словом посланника Божия. Все Божий твари уважают пророка — Аллах, да ниспошлет ему мир! — одни обезьяны презирают его. Если кто напишет на табличке изречение из Корана и вывесит его на поле, чтобы предохранить свои плоды от вреда, наносимого слонами, бегемотами и обезьянами, тот может легко убедиться, что только слоны уважают этот священный знак. Слон — благородное животное, а обезьяна — создание, обращенное гневом Аллаха из человека в чудовище; это сын, внук и правнук нечистого, точно так, как бегемот есть гнусный облик колдуна-оборотня». В восточном Судане за маргышками не охотятся, но ловят их сетями,

под которые кладут лакомую приманку. Сеть опускают на обезьяну, когда она схватывает приманку, и животное так в ней запутывается, что не может освободиться, несмотря на свои яростные усилия. Мы, европейцы, стреляли их из ружей без труда, так как они обращаются в бегство только тогда, когда убьют нескольких обезьян; людей они боятся мало или вовсе не боятся. Я видел, что мартышки оставались совершенно спокойными, когда под деревьями, где они сидели, проходили пешеходы, всадники, мулы и верблюды, но при виде собаки они пугались и кричали. Обезьяны на свободе мало терпят от хищных млекопитающих — их спасает ловкость; разве леопарду иногда удается поймать какую-нибудь неосторожную обезьяну.

От хищных птиц мартышки защищаются сообща. Один из самых смелых хищников их отечества, бесспорно, хохлатый орлан*. В этом я убедился однажды сам.

** Как известно, орланы питаются рыбой. Главным охотником на мартышек в Африке является венценосный орел, однако трудно предположить, что эта огромная мощная птица не справилась с мартышкой (известны случаи успешной охоты этого орла даже на павианов и антилоп). Скорее всего Брем наблюдал кого-нибудь из более мелких хохлатых орлов.*

Охотясь в дремучем лесу, я услышал на дереве шелест, который производила эта хищная птица, и в ту же минуту раздались ужасные крики обезьян: орлан бросился на одну еще очень молодую, но уже самостоятельную обезьянку, схватил ее и хотел унести, чтобы спокойно съесть на стороне. Но это не удалось! Обезьяна, схваченная птицей, уцепилась всеми четырьмя конечностями за ветку с такой силой, что ее нельзя было оторвать, и при этом орала во всю мочь. За одну минуту собралось все стадо и орлан был окружен по крайней мере десятью обезьянами. С ужасными гримасами и отчаянными криками бросились они на птицу и схватили ее со всех сторон. Тут, очевидно, хищник перестал думать о добыче, а должен был позаботиться о собственном спасении, что было вовсе не так легко. Обезьяны крепко держали и, вероятно, задушили бы его, если бы птице не удалось наконец после многих усилий вырваться и улететь. В воздухе, однако, носилось много перьев из его хвоста и спины, что доказывало, что он не без труда освободился от мартышек. Следует думать, что этот орлан едва ли отважится вторично напасть на обезьян.

Из вышесказанного видно, что обезьяны мало боятся как хищных животных, так и человека. Но некоторые пресмыкающиеся и гады, особенно змеи, приводят их в ужас. Я забыл сказать, что обезьяны постоянно без всякой жалости разоряют птичьи гнезда и с жадностью пожирают не только яйца, но и птенцов. Однако, готовясь напасть на гнездо, устроенное в дупле, они действуют с большой осторожностью, так как знают, что змеи часто прячутся в подобных дуплах. Мне приходилось видеть, как обезьяны, нашедшие дупло, тщательно его исследовали: нет ли в нем змеи. Сначала обезьяна заглядывала внутрь дупла, насколько это возможно, затем внимательно прислушивалась, а если в дупле не слышалось ничего подозрительного, то осторожно запускала руку. Обезьяна никогда смело не засунет руки, а делает это очень медленно, осторожно, постоянно прислушиваясь и заглядывая в дыру, не покажется ли вдруг голова страшной для нее змеи*.

** Инстинктивный страх, испытываемый многими людьми при виде змеи, нередко объясняют атавистическим чувством, доставшимся человеку в наследство от обезьян. На самом деле неизвестно, насколько обезьяны страдают от укусов древесных змей. Интересно, что широконосые обезьяны змей, по-видимому, не боятся.*

У мартышек, живущих на свободе, размножение происходит, по-видимому, во всякое время года. Круглый год встречаются в каждом стаде еще сосущие детеныши и подростки, уже не нуждающиеся в попечении матери. В зоологических садах и зверинцах Европы мартышки размножаются также довольно легко, но не так часто, как павианы и макаки**.

*** Молодые мартышки становятся независимыми от матери в полгода, половозрелость же наступает у них на пятом году (у самок) либо на шестом-седьмом году (у самцов). В неволе мартышки жили до 24 лет. рекорд продолжительности жизни — 31 год — принадлежит мартышке-диане.*

Во время моего продолжительного пребывания в Африке я часто держал у себя ручных обезьян, и между ними много мартышек; поэтому могу по личному опыту говорить о душевных способностях этих животных, которых внимательно наблюдать можно почти исключительно только в неволе. Я положительно утверждаю, что каждая из обезьян отличается особенными, индивидуальными свойствами характера, и потому наблюдения над пленными обезьянами очень интересны и поучительны.

Одна из самых известных из них — это **мартышка-диана, или бородатая мартышка** (*Cercopithecus diana*). Довольно маленькая стройная мартышка, которую легко узнать по длинным бакенам и бороде. Большая часть ее тела темно-серая; спина и крестец пурпурово-коричневые;

нижние части тела белые, а задняя сторона бедер желтоватая. У самки бороды не бывает. Длина тела с хвостом один метр, но хвост занимает половину этой длины. Эта обезьяна, как и следующая, принадлежит к числу небольших и самых красивых мартышек.

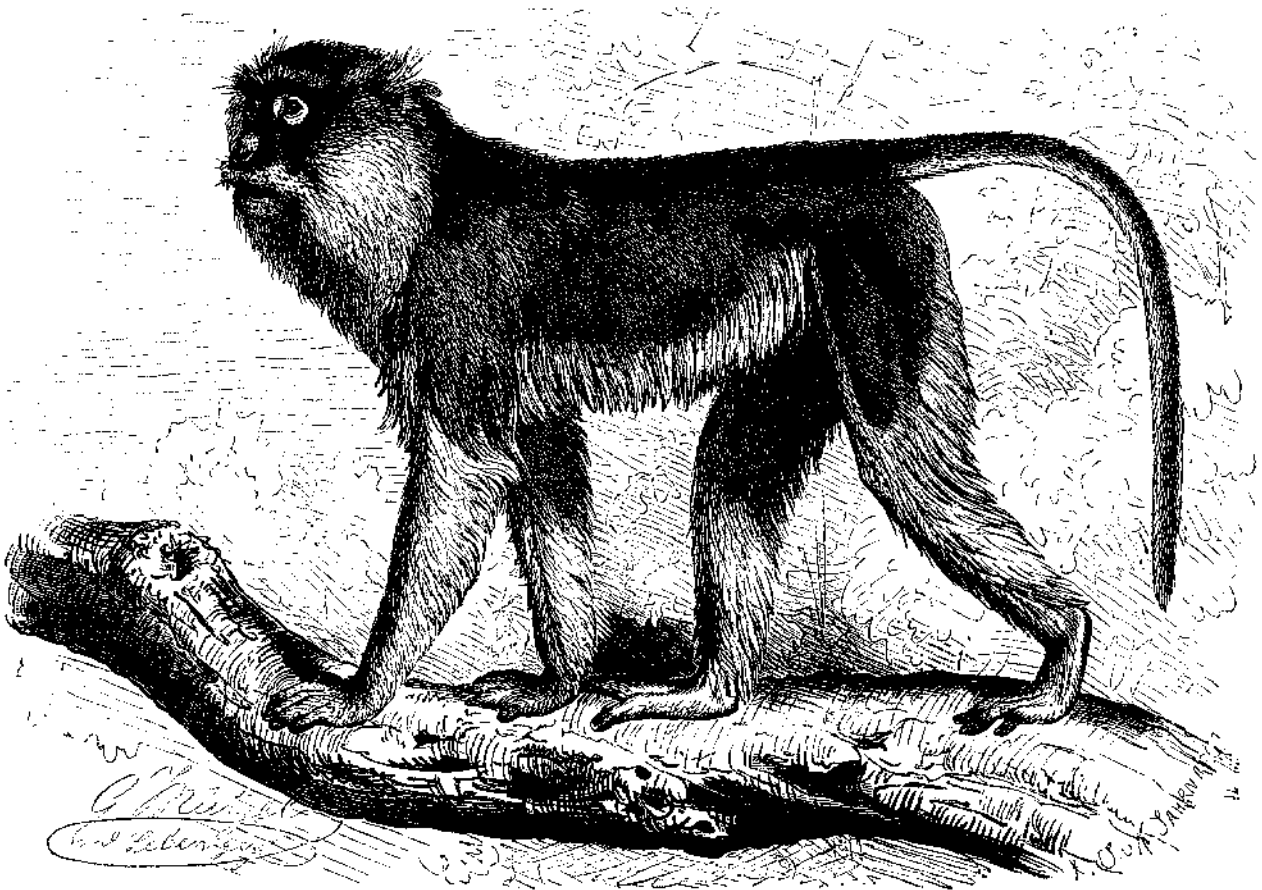

1 — Мартышка мона (Cercopithecus topa) 2 — Мартышка-диана (Cercopithecus diana)

На диану похожа мартышка мона (Cercopithecus topa), но у нее нет бороды. Лицо и конечности черного цвета; задняя часть головы, затылок и спина каштаново-бурого; верхняя часть головы темно-бурого, смешанного с зеленовато-желтым цветом; над глазами черная полоса, а над ней другая бледная полоса; борода желтовато-белая; шея, грудь, брюхо и внутренняя часть передних конечностей белого цвета. Длина туловища взрослого самца 55 см, а хвост 60 см. Диана и мона водятся в западной Африке. Не все мартышки так милы и приятны, как вышеописанные виды; неко-

торые из них ворчливы и неприветливы. По моим наблюдениям, **мартышка-гусар** (*Erythrocebus patas*) принадлежит к числу скучнейших и диких мартышек; другие наблюдатели, может быть, и могут сказать о нем что-нибудь хорошее. По росту она на половину или по крайней мере на треть больше предыдущих видов. Лицо у нее черное, нос беловатый, бакенбарды белые, на голове у нее темно-красное пятно с темным ободком, верхняя часть тела глянцевитого, ржаво-красного или золотисто-красного цвета; нижняя часть тела и внутренняя часть конечностей белые. Область распространения этой обезьяны простирается от западного берега Африки до Абиссинии. Я видел, сколько мне помнится, гусара только несколько раз в лесах Голубого Нила, южнее Сенаара; Гейглин и Гартманн встречали его чаще, преимущественно в небольших степных рощах или в высокой траве, цвет которой несколько соответствует окраске его шерсти*.

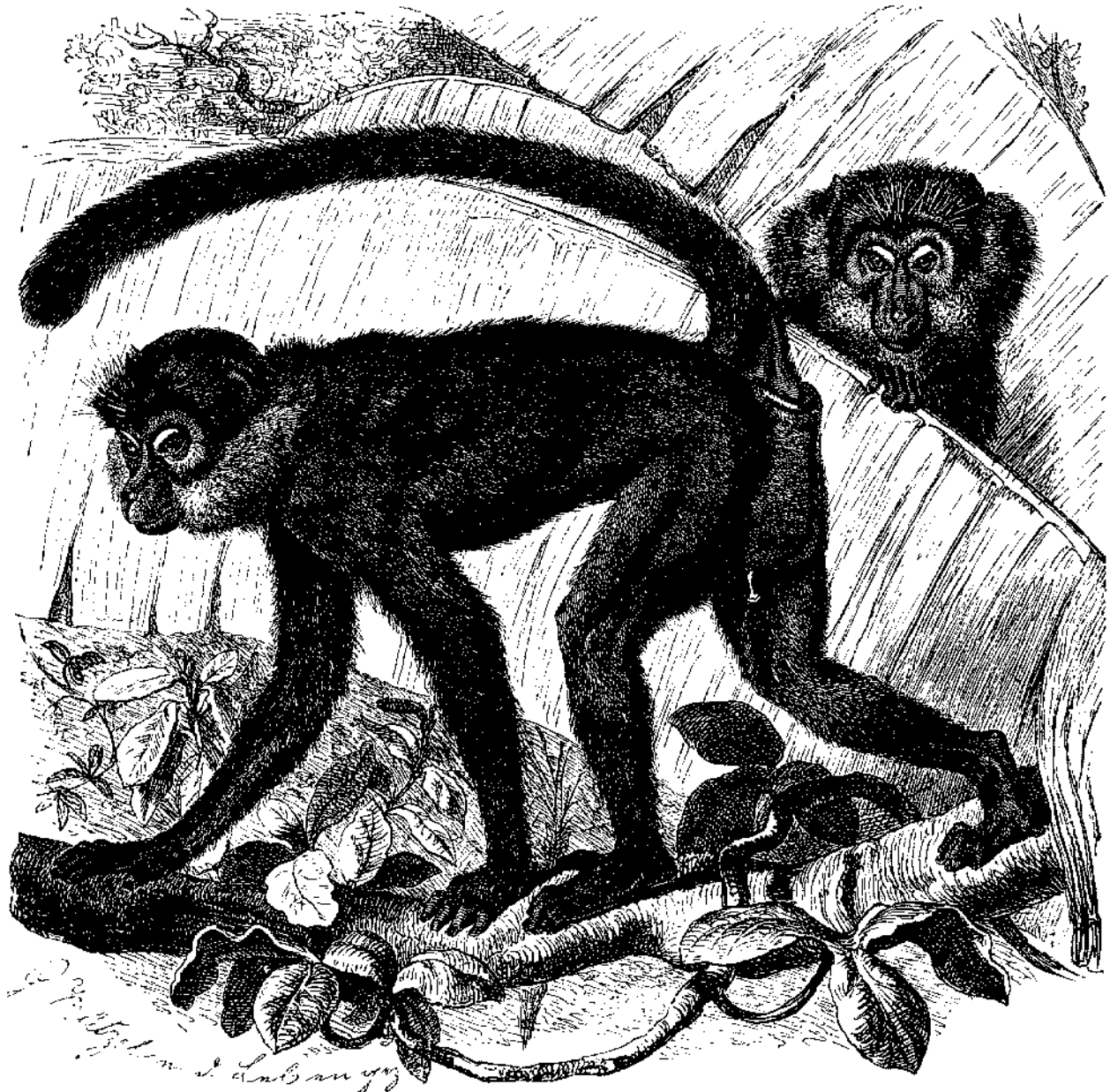
* Название «гусар» обезьяна получила за яркую «накидку» из удлиненных волос на плечах и тонкие закрученные «усы».

Мартышка-гусар (*Erythrocebus pittas*)

Выражение его лица ворчливо и очень нелюбезно, и поступки соответствуют этой внешности. Пока он молод, то все-таки несколько приветлив, в старости раздражительность его так усиливается, что сношения с ним делаются невозможными. Он относится недружелюбно ко всем другим существам, не исключая и прочих видов обезьян; во всех он видит врагов, все, по-видимому, ему надоедают, и самые невинные действия принимает он за обиды. Простой взгляд уже сердит его, а хохот приводит в сильную ярость. Тогда он широко открывает рот и показывает свои относительно большие зубы, а если окажется возможным, то больно кусает врагов. Ласковые слова на него не действуют, а побои не только не улучшают, но еще более портят его нрав. Насколько помнится, я ни разу не видел действительно ручного старого гусара, а встречал только сердитых и злых обезьян этого вида.

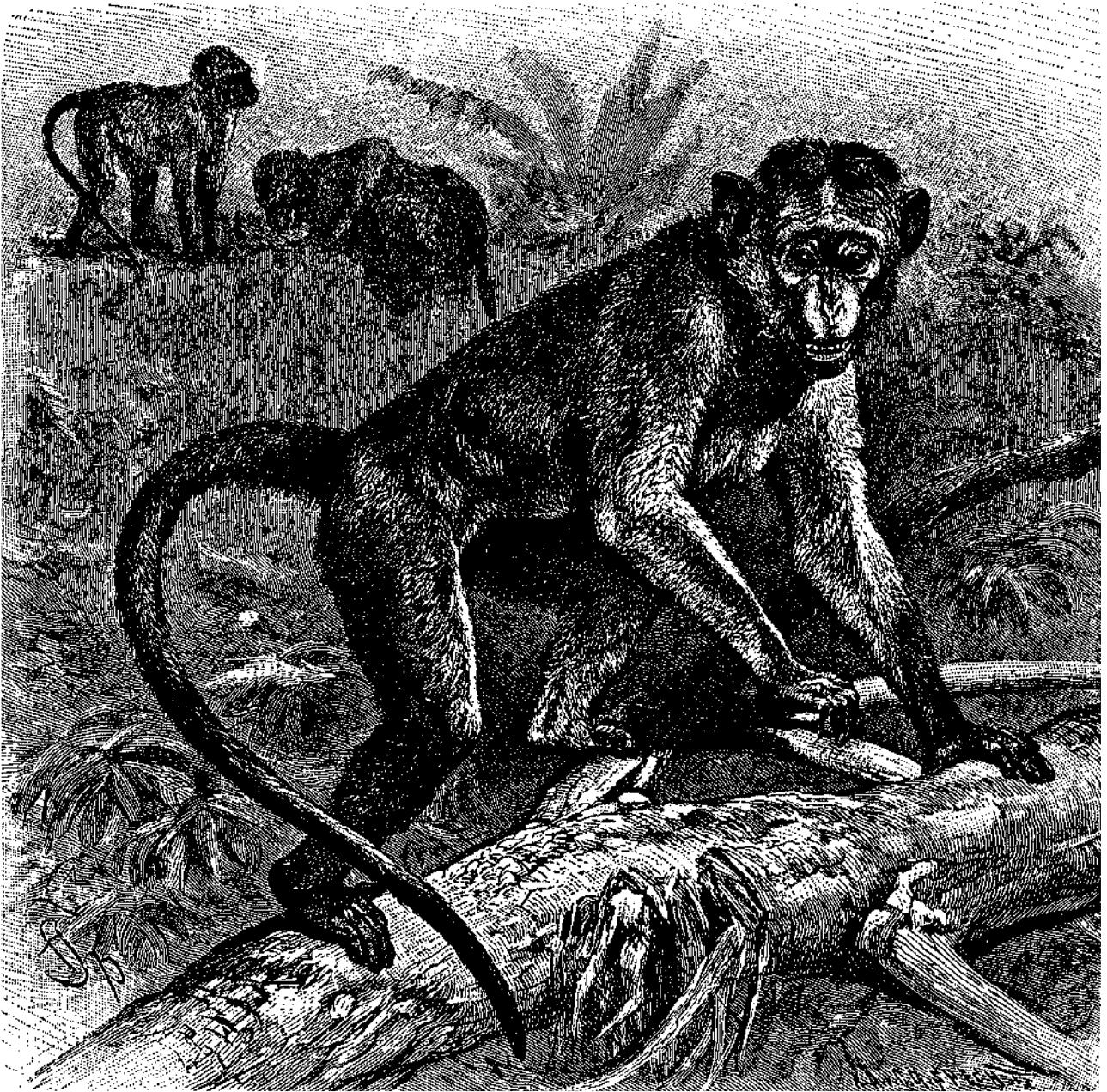
Бородатый, черный, мангабей (*Cercocebus aterrimus*) достигает довольно большой величины: туловище имеет 65 см длины, а хвост — 60 см; высота плеч — 40 см.

Бородатый (черный) мангабей (*Cercopithecus aterrimus*)

Верхняя часть тела окрашена в совершенно черный цвет, который на животе и на внутренних сторонах конечностей переходит в темно-серый. Лицо и руки также черные, а верхние веки почти чисто-белые. В последнее время его довольно часто привозят в Европу с западного берега Африки. По своему образу жизни он похож на других маргышек, но, как мне кажется, от них отличается более суровым и ворчливым нравом.

Не часто привозят в Европу цейлонского макака (*Macaca sinica*).

Цейлонский макак (*Macaca sinica*)

По величине он несколько меньше своих сродников: длина туловища редко больше 45 см. а хвост немного длиннее. Туловище довольно тонкое; плоская морда более вытянута, чем у макаков; волосы на голове расположены радиусообразно от темени; лоб почти голый; шерсть довольно короткая. Верхняя часть туловища блеклого зеленовато-серого цвета. Отдельные волосы серого цвета с черными и желтыми колечками. Нижняя часть тела беловатая. Руки и уши черноватого цвета.

Эта обезьяна живет, по Блэнфорду, в южной части Индостана на его западном берегу до Бомбея, а на восточном — только до Годавери. Индусы считают ее за священное животное и не только позволяют ей распоряжаться в их садах, но строят для этой обезьяны отдельные храмы и разводят плодовые сады чтобы высокопочитаемому ими животному жилось как можно лучше. Приписывают ли ему геройские подвиги, как гульману — это мне неизвестно. По нраву своему обезьяна — настоящий макак, точно так же непостоянна, как и другие животные этого рода. Расположение духа ее меняется каждую минуту без всякой видимой причины, так что никогда нельзя знать, чего она хочет; но веселость, живость, переи м ч и вость и понятливость этой обезьяны делают из нее весьма приятного товарища и заставляют забывать не только его шалости, но и внешнее безобразие.

По нраву и привычкам, по способу передвижения и вообще по образу жизни обезьяна мало или вовсе не отличается от других макаков. Ее гримасы и другие движения кажутся более смешными вследствие особенной ее внешности, главным образом из-за странного пучка волос, который закрывает верхнюю часть лба.

На острове Цейлон водится обезьяна, свойственная только этой местности, очень похожая на нашу обезьяну. Ее едва ли можно считать отдельным видом; эту обезьяну очень любят как туземцы, так и европейцы, там живущие. Заклинатели змей и другие фокусники научают ее танцевать и разным другим искусствам. Одевают ее в пеструю одежду и ходят с ней от селения к селению и от города к городу, снискивая этим пропитание. Теннет, который это рассказывает, прибавляет, что эта обезьяна легко привыкает к табачному дыму, что, по моему мнению, не представляет ничего удивительного, так как многие животные этого отряда очень любят табачный дым.

Макак-резус (*Macaca mulatta*), бундер у индийцев, считается, по мнению некоторых путешественников, в своем отечестве также священным животным. Блэнфорд, впрочем, недавно сообщил, что индийцы не считают эту обезьяну священной, но, однако, не охотятся за ней, и потому во многих местах резус точно так же назойлив, как и гультман; следует заметить, что при рассказах путешественников очень трудно добиться толку, о какой обезьяне идет речь.

"Вблизи Биндрабуна, обезьяньего леса, — говорит капитан Джонсон, — существует более сотни прекрасных садов, в которых разводятся всякие плодовые деревья исключительно для пользования бундеров, так как местные богачи считают своим долгом тратиться на содержание их. Когда я шел однажды по улице Биндрабуна, одна старая обезьяна следовала за мной по деревьям, затем внезапно соскочила вниз, стащила с меня чалму и убежала так далеко, что мой головной убор так и пропал. Другой раз я прожил более месяца в этом городе, на берегу реки, в большом доме, принадлежавшем богатому индийцу; в доме не было дверей, и поэтому обезьяны беспрепятственно входили в мою комнату и на наших глазах уносили со стола хлеб и другие вещи. Еще смелее они грабили нас, когда мы спали, и я часто прикидывался спящим, чтобы наблюдать за ними. Нельзя было не удивляться их хитрости и ловкости: им было нипочем делать прыжки в четыре или восемь метров с одного дома на другой, иногда с одним и даже двумя детенышами, прицепившимися к ним на животе, да еще, кроме того, с награбленным хлебом, сахаром и другими предметами.

Каждый индус охотно платит эту подать и показывает этим такую степень сострадания и милосердия, что хотя они и кажутся нам несколько смешными, но все-таки заслуживают подражания. Я не вижу также ничего нелепого в том, что они защищают своих любимых животных от иностранцев; напротив того, такая защита животных людьми заслуживает полного уважения. Без сомнения, индусы идут в этом уже слишком далеко. Иностранцам очень трудно жить в этой местности, не став в неприязненное отношение с обезьянами. Почти невозможно в тех местах развести сад или плантацию: избалованные индусами бездельники уничтожают и грабят их самым бессовестным образом. Поставленные для защиты сада сторожа не помогают: пока они гонят незваных гостей с одной стороны, те появляются уже с другой. Огни, чучела и тому подобное несколько не пугают обезьян, а за насилие, нанесенное им, можно поплатиться жизнью*.

* *Популяции у населенных пунктов состоят из более агрессивных и «предприимчивых» животных, «городские» обезьяны доминируют над «лесными» в смешанных группах.*

Туловище резуса достигает от 50 до 60 см длины, а хвост — 25 см. Он крепкого приземистого телосложения; верхняя часть тела покрыта густой, а нижняя — редкой шерстью. На шее, груди и брюхе кожа отстает от тела и образует складки. Шерсть сверху зеленоватого или сероватого цвета, который на конечностях и около хвоста имеет желтоватый оттенок. Нижняя часть тела белая; хвост сверху зеленоватый, снизу серый. Лицо, уши и кисти рук светлого медно-красного цвета. Седалищные наросты ярко-красные. У самки хвост обыкновенно опущен, а у самца загнут дугой кверху. Резус часто встречается в Индии, севернее Бомбея и Гуджарата на западе и от реки Годавари на востоке до Гималайских гор. В Кашемире он встречается, по Блэнфорду, до 2000 метров над поверхностью моря. Около Симлы эта обезьяна водится, вероятно, еще выше: в Непале и Сиккиме — в более низких местах; следует предполагать, что она живет и в Ассаме, и в Бирме**.

* * *Резус распространен от пустынь восточного Афганистана, через север Индии и Бирму до лесов Индокитая, Южного Китая, северного Таиланда, В Гималаях встречается до высоты 2500 м.*

"Я видел этих обезьян, — говорит Гуттон, — в феврале около Симлы, когда вся земля была покрыта снегом, преспокойно ночевавших на деревьях и не обращающих никакого внимания на холод. Вообще зима им не страшна, и мне даже показалось, что в местностях около Симлы зимой они встречаются чаще, чем в жаркое лето. Я их видел скачущих и играющих на хвойных деревьях, ветки которых были покрыты снегом, и встречал их на высоте до 3000 метров даже осенью, когда ночью бывали сильные морозы*.

* *Скорее всего Хуттон наблюдал другой вид макаков — горного резуса (*M. assamensis*).*

Однако в тех странах, где живет резус, замечали, что при приближении зимы он спускается с гор в равнины. В Бенгалии водится в густых бамбуковых рощах, особенно в таких, которые находятся на берегах ручьев. Обезьяна очень любит воду, прекрасно плавает и при преследовании, не задумываясь, бросается в реку и, нырнув на довольно большое расстояние, вплавь спасается от врага». Резусов встречают довольно большими стадами особенно вблизи воды. Его пища состоит из плодов, семян и насекомых. Он часто спускается на землю в поисках корма. Обезьяны живут очень недружно между собой, дерутся, кусаются и немилосердно кричат.

Резус — сердитая, раздражительная и задорная обезьяна, которая только в молодости несколько привязывается к тем, кто за ней ухаживает; во взрослом состоянии она не умеет уживаться ни с другими обезьянами, ни с людьми.

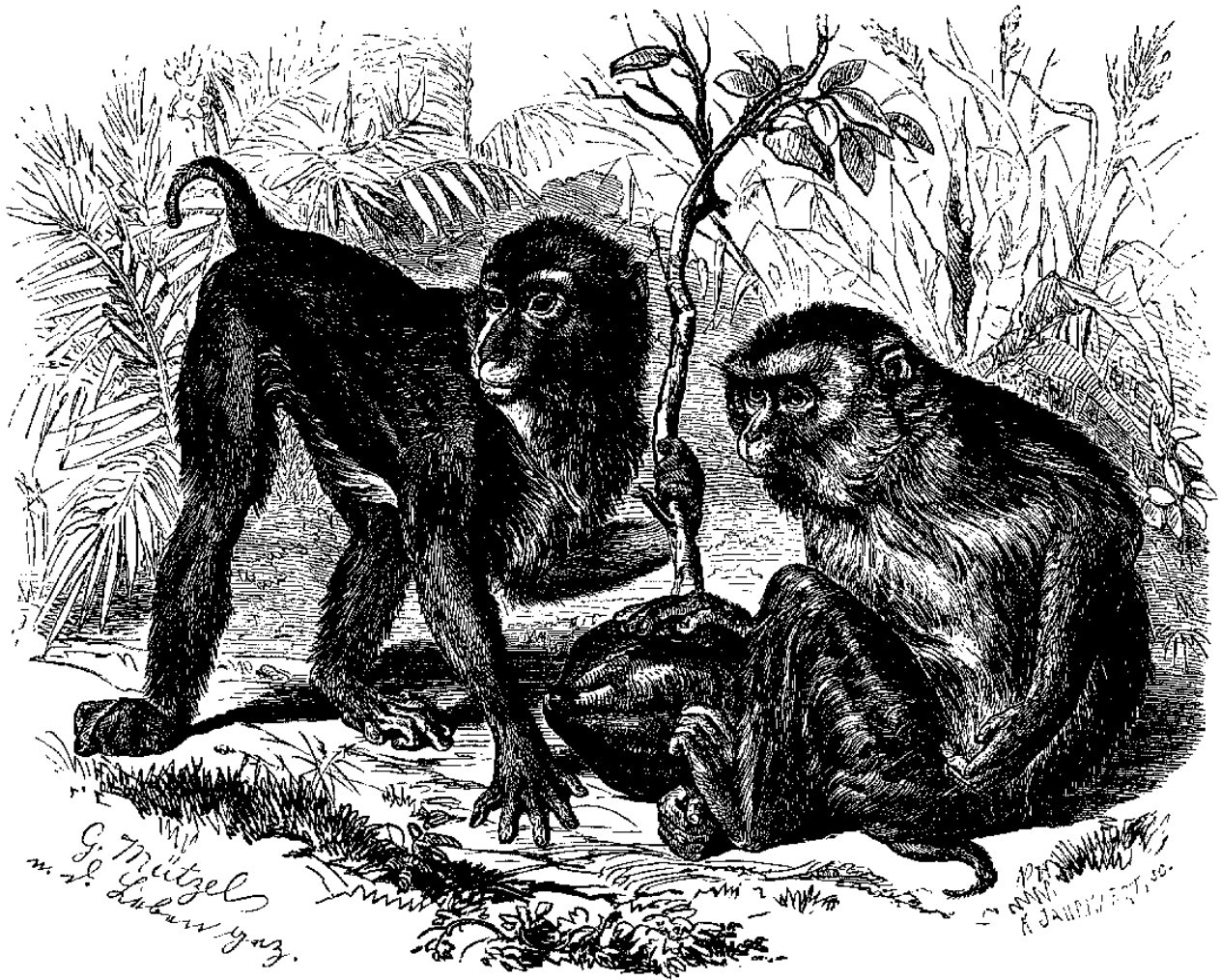
При хорошем уходе резус размножается в неволе, и это происходит довольно регулярно. В зоологическом саду Нилля живет семейство резусов, у самок которых ежегодно рождается по детенышу. Рождение происходит постоянно в мае и июне, а период беременности не определен с точностью**. Обезьяны остаются в летних помещениях под открытым небом до первого снега.

* * *Резус — классическое лабораторное животное, прославившееся тем, что на его примере впервые был показан резус-фактор крови. Эти макаки неоднократно летали в космос. Как и большинство макак, прекрасно приручается и привыкает к человеку, по сравнению с другими видами более вынослив и неприхотлив.*

Свинохвостый макак, или лапундер (*Macaca nemestrina*), отличается от других обезьян этой породы главным образом коротким, тонким хвостом и длинными конечностями. Название он получил по хвосту, который тем похож на свиной, что точно так же загнут закорючкой. Волосы на верхней части тела густые и длинные, на нижней — довольно редкие; цвет шерсти сверху темный оливково-бурый; каждый волосок имеет оливковые, зеленоватые, желтоватые и черные колечки, на плечевой части руки цвет шерсти бледно-желтый, на нижней части тела — желтоватый или светло-бурый, а на нижней стороне хвоста — светло-ржаво-бурый. Лицо, уши, руки и седалищные наросты грязно-мясного цвета, верхние веки беловатые, глаза коричневые. На темени волосы расположены лучистым образом. Высота спины этой обезьяны 50 см, длина туловища 60 см, а хвоста 15-20 см***.

* * * *Крупный макак с удлиненными челюстями. Самки весят 4,5 кг, массивные самцы — до 9 кг. Для самцов характерны треугольная черная «шапочка», светлые надбровья, пышные желтоватые бакенбарды, короткая борода.*

Лапундер живет в первобытных лесах Суматры, Борнео и южной Бирмы, на полуострове Малакка до Тенассерима, где, впрочем, он уже довольно редок; на деревьях обезьяна эта встречается реже, чем на земле и на скалах. Фейр говорит, что встречал лапундера в гористых местностях. Подробных описаний его жизни на свободе еще пока нет, по крайней мере они мне неизвестны; но можно с уверенностью сказать, что лапундер на своей родине довольно распространен, так как встречается довольно часто у торговцев зверями.

Свинохвостый макак, или лапундер (*Macaca nemestrina*)

Рассказывают, что малайцы, которые называют его «бру», держат его в ручном состоянии и приучают к разным услугам, например к срыванию кокосовых орехов с деревьев, причем, говорят, лапундер показывает не только большую ловкость, но и толковость, именно отличает спелые орехи от неспелых и сбрасывает вниз только спелые.

"Однажды, — рассказывает Бокк о своем пребывании на Суматре, — мне встретился малаец, который вел за собой большую обезьяну на веревке длиной по крайней мере в 50 футов. Я спросил малайца, не приучена ли обезьяна к каким-нибудь фокусам, и обещал дать несколько центов за представление; малаец сказал обезьяне несколько слов на своем языке, и та тотчас же полезла на близстоящее высокое кокосовое дерево. Здесь она ощупала и осмотрела несколько орехов, пока не нашла спелый, который сорвала и бросила вниз. Таким образом она исследовала множество орехов и бросала вниз все спелые, что продолжалось до тех пор, пока хозяин не дал знак, что довольно, и тогда она спустилась вниз. Мне потом сказали, что этот малаец ходит от одной деревни к другой и промышляет на пропитание, пользуясь искусством обезьяны срывать с деревьев спелые кокосовые орехи. Впоследствии я узнал, что обезьяны, приученные к этому делу, вовсе не редкость».

Несмотря на свою величину, лапундер очень ловок и подвижен, хотя в искусстве лазанья уступает гibbonам, мартышкам и некоторым мелким обезьянам. По природе он добродушен и, кажется, сохраняет это свойство даже в старости. Впрочем, я встречал многих взрослых лапундеров, с которыми нельзя было шутить; это были старые, угрюмые самцы.

Наиболее известный и важнейший вид макаков — **магот, или варварийский макак** (*Macaca sylvanus*), единственная обезьяна, встречающаяся в Европе на свободе*.

* *Единственный вид макаков, живущий за пределами Азии.*

Магот отличается стройным телосложением, длинными, тонкими конечностями, мехом, который на спине довольно густ, а на животе редок, и густыми бакенбардами. Морщинистое лицо, уши, руки и ноги телесного цвета, пятки бледно-красные, шерсть красновато-оливковая; волосы, составляющие ее, в основании темного цвета, а на конце красноватые. У старых животных волосы и на конце черные, отчего вся шерсть получает темную окраску. Нижняя часть тела и внутренняя сто-

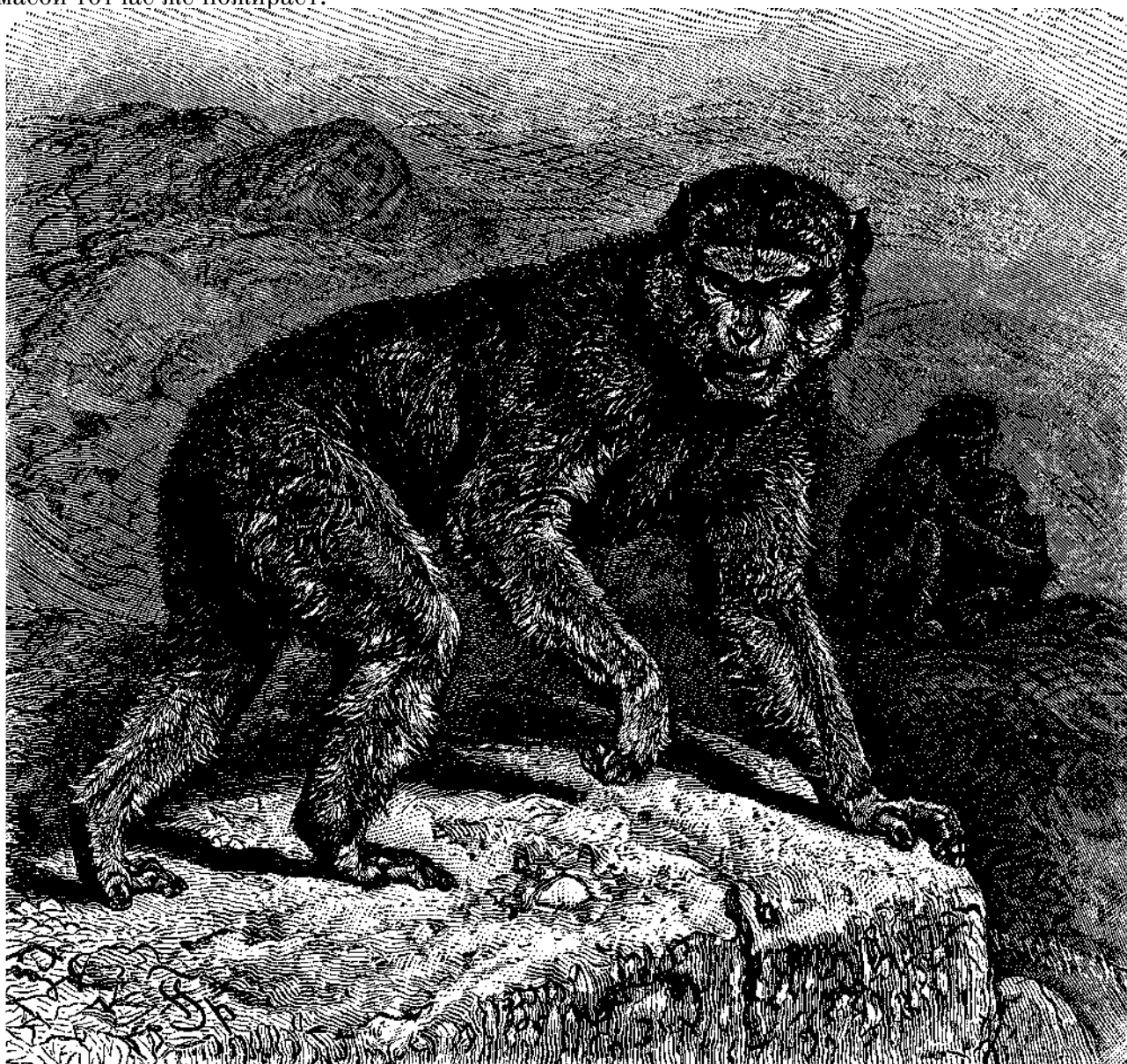
рона конечностей более светлого желтовато-серого или беловатого цвета. Длина тела около 55 см, а высота спины 45-50 см.

Не подлежит сомнению, что эта обезьяна была известна древним грекам и первая была привезена в Европу. Плиний про нее рассказывает, что она очень переимчива, научается играть в шашки, умеет отличить картину от действительности, любит, чтобы с ней занимались и размножается в домашнем состоянии. Из позднейших писателей Лев Африканский сообщал, что эта обезьяна живет в мавританских лесах и на горах около Бугира, что она не только руками и ногами, но и лицом похожа на человека и от природы удивительно понятлива и умна. Тот же писатель говорил, что магот питается травами и зернами, нападает целыми стадами на хлебные поля, ставит на краю их часовых, которые при опасности предостерегают других криком, и что тогда все стадо спасается бегством, прыгая большими скачками на деревья, причем и самки прыгают вместе с другими, держа детенышей на груди. «Обезьяны эти, — продолжает он, — очень понятливы, и их можно многому научить, а некоторые из них настоящие артисты, но они опасны тем, что очень раздражительны и кусаются». Со времен древних греков и римлян и до настоящего времени магот всегда пользовался со стороны людей большим вниманием. Обезьяна постоянно вместе с медведями и верблюдами встречалась у вожаков, которые в прежние времена ходили по деревням и забавляли народ своими представлениями. В последнее время обычай этот стал исчезать. Среди шарманщиков и фокусников магот пользовался всегда большим почетом не только из-за понятливости, но и вследствие особенности строения тела. Недавно мне объяснили, что для участия в представлениях очень важно, чтобы обезьяна или вовсе не имела хвоста, или имела бы хвост по возможности короткий и мягкий, потому что при одевании обезьян он создает большие затруднения. Вот почему у шарманщиков мандрил предпочитается всем павианам, а бундер и магот — макакам. «Его стройная фигура, — говорит Брукман, — значительно облегчает одевание; платье на нем всегда хорошо сидит; хвоста вовсе не видно, когда он появляется на сцене. Учится легко и хорошо помнит, чему научился; вследствие этого его предпочитают для представлений всем обезьянам. При хорошем уходе и разумном обращении магот даже в старости остается кротким и добродушным; если его колотят, то делается хитрым и злым». Рейхенбах говорит, что магот годится только для простых ролей. Вся его фигура указывает на хитрость, обдуманность и решительность характера. Широкое лицо выражает упорство, а широкая голова показывает добродушие. Маленькие глаза глядят лукаво, а низкий лоб — признак ограниченных умственных способностей. Вследствие этого фокусы его довольно однообразны: он одевается и раздевается, снимает шляпу, кланяется, ездит верхом на других животных, качается и ходит по канату, ловит брошенные орехи, ест и пьет из посуды. Брукман, знаток этого дела, не согласен с вышеизложенным мнением Рейхенбаха. Он удостоверяет, что между маготами встречаются самые лучшие артисты, которые достигают высшей степени искусства. Родина магота северозападная Африка, Марокко, Алжир и Тунис. Рюппель утверждает, что он часто встречается в оазисах, лежащих на западе от Египта и оттуда вывозится во множестве в Александрию и Каир. Но я не ручаюсь за верность этого сведения, так как встречал их в Египте в гораздо меньшем количестве, нежели виды, населяющие центральную Африку*.

** Естественный ареал маготов — горы Атласа в пределах Марокко и Алжира, в Тунисе, видимо, вымер, восточнее вряд ли встречался. Предпочитает хвойные и листопадные леса в скалистых ущельях или на холмах, встречается до высот 2000 м. Природная популяция оценивается в 30 тыс. особей. Как этот макак оказался в Северной Африке, так далеко от мест обитания других видов рода, — неясно. Возможно, до образования пояса пустынь макаки имели сплошной ареал от Пиренеев и Атласа, через Переднюю Азию и Иран до мест современного обитания в Азии.*

Насколько нам известно, он живет на своей родине большими стадами под предводительством старого, опытного самца. Магот очень умен и хитер, лукав, ловок, проворен и силен и при случае отлично умеет защищаться своими хорошо развитыми зубами. При каждом сильном возбуждении он так искажает лицо, как никакая другая обезьяна, быстро двигает по всем направлениям губами и громко стучит зубами. Лишь при сильном испуге он издает громкий, короткий крик; желание, радость, отвращение, досаду и злобу выражает гримасами и шелканьем зубов. Когда сердится, то быстро двигает вверх и вниз морщинистым лбом, вытягивает морду и так сжимает губы, что рот образует маленькое, круглое отверстие. На свободе магот живет в горных местностях, на скалистых утесах, но и на деревьях чувствует себя как дома. Говорят, что он, как павиан, пожирает насекомых и червей, почему постоянно перекачивает камни и иногда даже скатывает их с гор, что опасно, если производится с крутых косогоров. Скорпион, как утверждают, его любимая пища; он ловко вырывает ядовитое жало и затем лакомится им с большой жадностью. Но довольствуется и неболь-

шими насекомыми и червями, и чем мельче его добыча, тем прилежнее он охотится и тем жаднее ее съедает. Пойманное насекомое тщательно поднимает с земли, рассматривает и с одобрительной гримасой тотчас же пожирает.

Варварийский макак, ила магот (*Macaca sylvanus*)

Странно и даже не совсем понятно, почему у европейских торговцев зверями магот считается редкостью и только иногда несколько экземпляров этих обезьян предлагаются на продажу. По этой же причине он встречается в зоологических садах только в немногих экземплярах и, к великому огорчению всех странствующих артистов, его трудно достать для обезьяньих театров. Этих обезьян привозят нам обыкновенно из Марокко, но, кажется, ловлей, приручением и продажей их теперь занимаются гораздо меньше, чем прежде.

Магот — единственная обезьяна, встречающаяся до сих пор в диком состоянии в Европе. Во время моего пребывания на юге Испании (1856) я, к сожалению, не мог узнать ничего точного и обстоятельного о стаде обезьян, живущих на скалах Гибралтара. Как мне рассказывали, стадо это еще довольно многочисленно, но видеть его можно очень редко. Сами испанцы не могут определить: местного происхождения эти животные или были перевезены из Африки? Часто наблюдали в подзорную трубу за тем, как эти обезьяны, разыскивая пищу, передвигали камни и скатывали их с гор. В садах они появляются очень редко. Поэтому достойны внимания сведения об этих обезьянах, собранные А. Смитом на месте. Прежде всего он сообщает, что присутствие обезьян в Европе долго подлежало сомнению, принималось за глупую сказку и отрицалось даже одним капитаном корабля, часто бывавшим в Гибралтаре, так что, как уверяет Смит, он сам стал сомневаться в существовании обезьян в Европе. Но однажды, поднявшись на вершину скалы, где находилась мачта с флагом, чтобы полюбоваться великолепным видом, он узнал истину. Сторож, стоящий при флаге, случайно сообщил ему, что теперь обезьяны заняты переселением. Наш автор немедленно собрал тщательные

сведения, и благодаря ему мы узнали следующее: «Обезьяны живут на этой скале с незапамятных времен, но когда и как они перебрались через море — трудно определить. Предание мавров, будто у обезьян до сих пор существует под проливом подземный ход, соединяющий Гибралтар с Марокко, по которому они приходят и уходят, слишком уж сказочно. Верно только то, что обезьяны действительно живут на Гибралтаре, хотя численность их в последнее время сильно убавилась, несколько лет сряду встретились всего четыре обезьяны. Они показываются редко и с переменой ветра меняют местопребывание. По своей нежной натуре они боятся всякого изменения погоды, перемены западного ветра на восточный и наоборот, причем стараются от него защититься, притаившись за скалами. Они очень живы и охотнее всего избирают местом жительства утесистые обрывы, где они беспрепятственно завладевают многочисленными пещерами и расселинами, находящимися в рыхлых скалах. Должно быть им нетрудно добывать пищу, так как имеют сытый вид. Расселины скал покрыты роскошной растительностью, листья и плоды которой служат обезьянам пищей; но особенно они любят сладкие корни карликовой пальмы, растущей там в изобилии. Для разнообразия едят жуков и других насекомых. Говорят (за справедливость этого я не могу ручаться), что маготы иногда спускаются со скал и грабят городские сады, когда спелые плоды настолько прельщают их, что жадность преодолевает любовь к уединению. Их считают чрезвычайно трусливыми и говорят, что они при малейшем шорохе убегают. Рассказчик мой опроверг это и в доказательство своих слов указывал на некоторые скалы, с которых обезьяны еще утром того же дня смотрели на него, не пугаясь ни цвета его английского мундира, ни его строгого взгляда. Довольно долгое время они оставались на расстоянии 30 или 40 локтей от бруствера, к которому он прислонился, и потом спокойно удалились. Так как их никто не преследует, а, наоборот, ограждают от всякого беспокойства, то их уединение и редкое появление можно объяснить только прирожденной дикостью и робостью. Я не мог узнать, с которых пор оказывается им такое покровительство; вероятно, это началось с того времени, когда Гибралтар попал во владение англичан. С 1855 года квартирмейстер не только взял их под свою особенную защиту, но даже тщательно записывал каждое их появление и число экземпляров. По этой записи видно, что они появлялись в среднем один раз в каждые десять дней, иногда немного чаще; что летом, так же как и зимой, они переселялись всякий раз с целью избежать ветра; наконец, в 1856 году их было еще десять, но постепенно число особей уменьшилось до четырех. К сожалению, надо ожидать их полного исчезновения, так как эти четыре обезьяны принадлежат к одному полу. Неужели из многих английских офицеров в Гибралтаре не найдется ни одного, который взялся бы перевезти несколько обезьян с противоположного берберийского берега, что легко исполнить, так как сообщение между берегами происходит еженедельно довольно регулярно? Неужели никто не купит полдюжины этих животных, чтобы пустить их к сотоварищам на гибралтарские скалы? Тогда мы могли бы надеяться, что обезьяны опять расплодятся и в Европе не исчезнет этот вид млекопитающих».

Зеленая мартышка (*Cercopithecus aethiops*)

Год спустя Поссельт пишет об этих же обезьянах следующее: «При переезде из Кадиса в Гибралтар я осведомился об обезьянах, и англичанин, коренной житель Гибралтара, уверил меня, что их больше там нет. В городе мне сказали, что несколько штук обезьян без всякого сомнения

еще есть, и даже указали, что, вероятно, от трех до пятнадцати, но их трудно сосчитать, так как они живут в недоступных скалистых местах и очень пугливы. Без проводника я медленно поднялся по самой удобной дороге к высочайшей северной вершине скалы, к мачте, и, добравшись до двух третей высоты, отклонился влево, направляясь к северной вершине. Великолепный ландшафт так приковал мое внимание, что я совершенно забыл об обезьянах, как вдруг при последнем повороте дороги услышал своеобразный резкий звук, который я сначала принял за отдаленный собачий лай. Шагах в двухстах от меня стояла первая батарея с обращенными в сторону Испании грозными пушками. А по вымощенному брустверу этой батареи бежало, удаляясь от меня, какое-то животное величиной с шотландскую таксу; оно и производило этот звук. Я остановился и увидел, что это была обезьяна, которая, вероятно, стояла на страже, так как на краю стены, по направлению к Средиземному морю, лежали еще две другие, приятно потягиваясь на солнце. Шаг за шагом приближался я к интересной группе обезьян, которые, плотно прижавшись друг к другу, внимательно следили за мной. Приблизившись шагов на сто, я остановился и стал наблюдать за животными, которые, очевидно, перестали меня бояться. На тысячи ладов проявляли они свое довольство от согревания теплыми солнечными лучами, то обнимаясь, то приятно катаясь по стене. Иногда одна из обезьян влезала через казенную часть в пушку и вылезала из дула, затем снова возвращалась к товарищам. Словом, обезьянки расположились здесь как дома и решили насладиться чудным солнечным днем. Прежде их было очень много, а теперь всего три; они более не размножаются, потому что принадлежат к одному полу: или все самцы, или все самки, так что маленькая семейка скоро вымрет. Владельцы садов прежде расставляли ловушки, чтобы оберегать свои плоды от нападения прожорливых гостей, причинявших большие опустошения, но теперь эта предосторожность уже излишня. Покровительства могущественной Англии оказалось недостаточно, чтобы предохранить древних обитателей сильной крепости от гибели, и через несколько лет европейская фауна лишится одного интереснейшего вида».

Для успокоения всех друзей животных я могу сообщить, что опасения Поссельта не оправдались, и сведения его оказались неверными. Через посредство брата я обратился к самому коменданту Гибралтара с просьбой дать мне сведения об обезьянах и узнал следующее: «Число обезьян, населяющих скалы, в настоящее время простирается до одиннадцати; убедившись, что они без труда находят достаточное количество пищи, их теперь не кормят, а предоставляют самим себе. Сигнальный сторож, равно как и полицейские чиновники, следит за их безопасностью и запрещает гоняться за ними и причинять какой-либо вред. Сторож записывает сведения о них в особую книгу, и так как эти обезьяны всегда вместе, то он в точности знает их число, замечая прибавление и исчезновение отдельных особей. Когда и как попали они на скалы, не может никто сказать, хотя об этом ходят различные мнения. Шесть или семь лет тому назад их оставалось только три, но Вильям Кондрингтон, боясь, что они совершенно вымрут, привез из Тангера еще трех или четырех, и с тех пор они размножились».

К последнему времени число их более чем удвоилось. На запрос, посланный одному из офицеров английского гарнизона в Гибралтар, от капитана Е. С. Шифарда был получен следующий ответ. «Трудно определить с точностью, — пишет Шифард 18 марта 1889 года, количество находящихся налицо обезьян. Вчера только видел двенадцать, но прошлым летом приходилось встречать до двадцати пяти, и я думаю, можно смело сказать, что всего их штук около тридцати. В это время года обезьян не часто можно видеть, так как корм и вода не всегда изобилуют на вершинах скал, в летнюю жару недостаток пищи заставляет их спускаться ниже; тогда они причиняют садам значительный вред. Около июня или июля прошлого года у обезьян было не менее шести детенышей. Взрослые самцы довольно велики: они достигают полных трех футов длины, взрослые самки тоже довольно статны, но тоньше и не такого сильного и плотного сложения. Самый сильный самец держится в стороне от стада».

Эти наблюдения показывают, что отнюдь не надо опасаться уничтожения последней в диком виде живущей в Европе породы обезьян*.

* *Нынешняя гибралтарская популяция возникла от животных, завезенных сюда арабами уже в историческое время, и без искусственной поддержки вряд ли жизнеспособна.*

Павианы** принадлежат к самой замечательной, но не к самой привлекательной и приятной группе обезьян.

* * *К группе павианов, или собакоголовых обезьян, относятся три африканских рода: павианы, мандрилы и гелады. Это наиболее крупные и высокоразвитые представители семейства. В условиях постепенной аридизации климата Африки и распространения саванн и пустынь на месте лесов перешли к наземному образу жизни.*

Мы находим в ней самых безобразных, грубых, нахальных, следовательно, самых отвратительных членов всего отряда. Благородство и красота форм, замечаемые у других обезьян, здесь совершенно исчезли, а необузданность страстей подавила умственные способности.

Согласно Аристотелю, мы называем павианов «собакоголовые», потому что устройство их головы более походит на голову некрасивой собаки, чем на человеческую, с которой головы прочих обезьян имеют отдаленное сходство. Голову павиана можно с тем же правом назвать карикатурой собачьей головы, как голову гориллы — карикатурой человеческой. Но так как выдающаяся, подобно собачьей морде, часть лица павианов служит отличительным их признаком, то название, данное Аристотелем, остается до сих пор в своей силе. Собакоголовые, после человекообразных, самые большие обезьяны. Телосложением они коренасты; сила мускулов их изумительна. Тяжелая голова удлиняется в виде массивной, спереди обрубленной, ребристой или морщинистой морды с выдающимся носом. Зубы своими страшными клыками с острыми задними краями напоминают зубы хищных млекопитающих. Губы подвижны, уши малы, над глазами высокие дуги бровей; сами глаза, хитрые и коварные, отражают, как в зеркале, все существо этих обезьян. Конечности коротки и сильны, на руках по пять пальцев; хвост то короткий, то длинный, иногда весь покрыт волосами, иногда оканчивается только пучком волос. Защечные мешки очень велики. Седалищные наросты достигают ужасающих размеров и часто окрашены самыми яркими цветами. У некоторых видов волосы удлиняются на голове, шее и на плечах в виде густой гривы и имеют неопределенный оттенок, сходный с цветом земли или скал, например желтовато-серый или зеленовато-бурый. Собакоголовые живут в Африке, Аравии и Индии***; в отдельных местностях находят особенные виды, которые, впрочем, распространены во многих странах.

* * * *Все павианы живут в Африке к югу от Сахары, ареал одного вида заходит на юг Аравийского п-ва. В Азии есть формы, во времена Брема считавшиеся павианами, но являющиеся на самом деле макаками.*

Павианы большей частью живут в скалистых местностях, однако некоторые виды встречаются и в лесах. Они весьма ловко лазают по деревьям, чего, по наблюдениям за ними в безлесных местностях, нельзя и предположить. На горы взбираются от 3000 до 4000 метров выше уровня моря и даже доходят до снежной линии; однако они, по-видимому, предпочитают местности менее возвышенные: от 1000 до 2000 метров над уровнем моря. Самые древние путешественники уже упоминают о том, что настоящее отечество павианов — гористые местности. Так, Бартема Болонский, путешествовавший в 1503 году по Аравии, рассказывает, что, проезжая по дороге к Цибиту, он увидел на высокой горе более десяти тысяч этих обезьян, как видом, так и силой напоминающих львов. Поэтому он советует не пускаться по этому пути в одиночку, а собираться партиями до ста человек, чтобы быть в состоянии защищаться от них.

Пищу павианов составляют преимущественно луковицы, клубни, корни, ягоды, яйца и мелкие животные. Однако не надо думать, что эти отважные и ловкие обезьяны довольствуются одними мелкими животными: кровожадность побуждает их нападать и на больших. В восточной Африке, по словам Фишера, ловят не только кур, но подстерегают и маленьких антилоп*.

* *Павианы всеядны, но основу питания составляет все-таки растительная пища, преимущественно луковицы, корневища, трава. Из пищи животного происхождения главное место в рационе составляет саранча. Питаются павианы также падалью, пищевыми отбросами вблизи населенных пунктов. «Помоечные» популяции павианов заметно растут. В прибрежных районах серьезным подспорьем становятся крабы, рыба, лягушки, черепахи, моллюски. Павианы собиратели, охотой на сравнительно крупных животных они занимаются эпизодически, но благодаря слаженности коллектива такие охоты бывают достаточно результативны. Павианы добывают грызунов, зайцев, детенышей антилоп и даже своих дальних родственников галаго и мартышек. Могут напасть на стада овец и коз. За обладание ценной крупной дичью в стае павианов разыгрываются баталии, львиную долю получают доминантные особи.*

Посевам и виноградникам павианы приносят величайший вред. Уверяют даже, что они совершают набеги в обдуманном порядке. Кроме того, как говорят, уносят с собой большое количество плодов на вершины гор, где собирают запасы на черный день. Что они при грабежах выставляют часовых — не подлежит сомнению; однако надо считать преувеличенными рассказы, встречающиеся у Гесснера, что эти обезьяны, становясь одна за другой, образуют цепь для передачи из рук в руки сорванные плоды. Так же маловероятно, что павианы обирают огурцы, дыни и гранаты, которые только успеют сорвать, уносят их в безопасное место и там сваливают в кучи, из которых малопомалу таким же порядком таскают добычу на вершины гор. Часовые, которых действительно выставляют, должны всякий раз криком извещать своих товарищей о приближении человека; бдитель-

ность часовых обеспечивается тем, что в случае оплошности товарищи колотят их до полусмерти. Во всяком случае в населенных и бедных странах павианы — настоящий бич, приносящий жителям огромный вред.

Более всех остальных обезьян павианы своим внешним видом выказывают принадлежность к наземным животным. Строение тела привязывает их к земле. Походкой напоминают неуклюжую собаку; приподымаясь, они часто подпирают туловище одной рукой. Походка их, обыкновенно тихая и тяжелая, превращается, когда их преследуют, в удивительный галоп, сопровождаемый самыми странными телодвижениями. Эти движения отличаются каким-то нахальным бесстыдством; надо видеть, чтобы иметь о них понятие. Это какое-то качание из стороны в сторону всего туловища, а в особенности задней его части, при этом животные так выгибают хвост и так бесстыдно смотрят своими маленькими блестящими глазками, что один взгляд на них дает полное понятие об их наглости. Нрав обезьян вполне соответствует наружному виду. Пользуюсь словами Шейтлина для описания их: «Павианы все злы, свирепы, бесстыдны, сладострастны и коварны; их морда грубо напоминает морду собаки, лицевая часть безобразна, а задняя донельзя неприлична. Взгляд лукавый, душа злобная. Зато они понятливее мелких пород обезьян и выказывают много ума и хитрости. У них проявляется в высшей степени свойственная всем обезьянам способность к подражанию, посредством которой они могли бы делаться совсем похожими на людей, но никогда этого не достигают. Неприличие их превосходит всякое описание — женщинам и детям не следует позволять приближаться к ним. Но западни и опасности замечают легко и защищаются мужественно и упорно. Как ни дурны природные качества павианов, в юности их, однако, можно приручить и сделать послушными. Но к старости, когда ум и чувства притупляются, дурная природа берет свое: они опять делаются непослушными, скалят зубы, царапаются и кусаются. Воспитание не успело пустить глубокие корни. Говорят, что на свободе они умнее и развитее, в неволе более кротки и понятливы. Это семейство называют собакоголовыми. Хорошо бы им к собачьей голове прибавить и собачий нрав!» Не могу не согласиться с Шейтлином: нарисованная им картина совершенно верна. Душевные качества павианов представляют признаки, свойственные всем обезьянам, но у павианов они обращены в дурную сторону. Однако мы не можем им отказать и в некоторых хороших качествах: они чрезвычайно привязаны друг к другу и к своим детенышам, любят человека, который их воспитал и выходил, и стараются быть ему полезными; но безнравственность и порочность павианов совершенно затемняют их немногие хорошие стороны. Хитрость и коварство свойственны всем этим обезьянам; кроме того, они часто впадают в ярость. Гнев их вспыхивает мгновенно, как солома, но не так легко его потушить. Неосторожное слово, насмешливая улыбка, даже просто косой взгляд могут привести павиана в страшное бешенство, и тогда он забывает все, даже тех, кого прежде любил. Поэтому павианов надо считать опасными животными, так как их дикая натура легко может прорваться наружу, даже после долгого промежутка. Для врагов они положительно страшны.

Павианы большей частью убегают при приближении человека, но в случае необходимости вступают как с ним, так и с хищными зверями в бой, который может быть очень опасен. Леопард считается страшнейшим их врагом, однако он нападает больше на детенышей, так как не всегда может справиться со взрослыми павианами. С собаками павианы справляются легко, но, несмотря на это, охота на павианов составляет большое удовольствие «этим благородным животным. Собаки, леопарды и львы почти единственные опасные враги павианов*».

** Главный враг павианов — леопард, преследующий их на земле и на деревьях. Именно с сокращением числа леопардов связывают взрывной рост численности павианов в ряде районов Африки. Однако были и случаи, когда несколько самцов павианов расправлялись с леопардом, разрывая его в клочья. Реже павианы (особенно молодые) становятся жертвами львов, гепардов, гиеновых собак, пятнистых гиен, даже шакалов и крупных орлов. Непростые отношения сложились у павианов с шимпанзе, в местах совместного обитания между этими обезьянами вспыхивают стычки, практикуется кража и убийство детенышей друг друга. Конкурентные отношения, а впоследствии и отношения «хищник — жертва» возникли в свое время между павианами и предками человека — гоминидами.*

Однако, нужно думать, этим обезьянам часто плохо приходится от ядовитых змей. Ни один павиан не поднимет камня, не вступит в кусты, не удостоверившись сначала, что там не скрывается змея. Скорпионов эти умные животные не боятся; напротив того, они весьма искусно их ловят и вырывают ядовитое жало, не причинив себе вреда. После того съедают с таким же удовольствием, как пауков и раков.

Польза, приносимая павианами, весьма незначительна. Однако они способны к изучению разных штук; говорят, что в южной Африке их приучают к отыскиванию воды в пустыне; поэтому

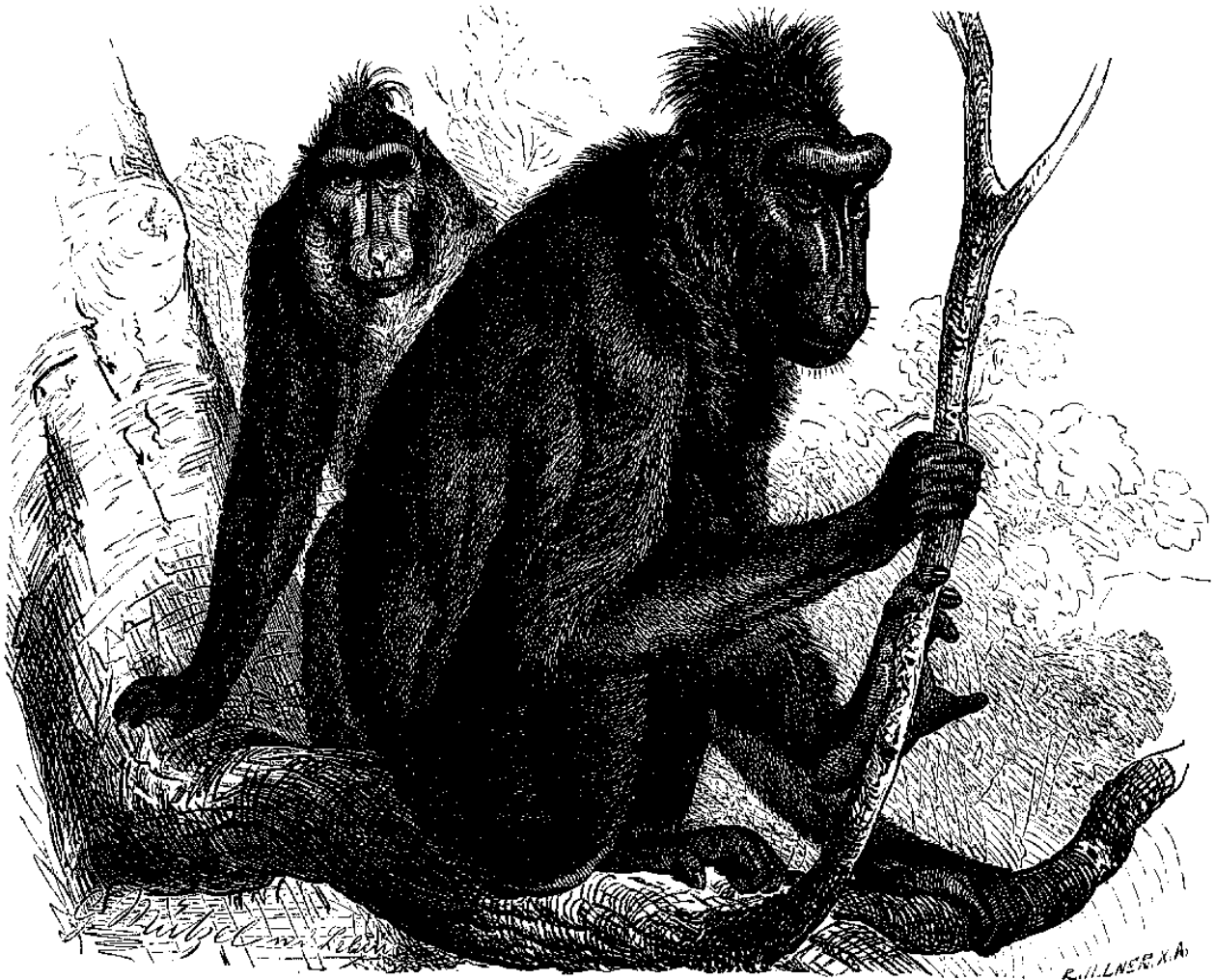
приручают и берут с собой в те безводные местности, где сами бушмены находят воду только в незначительном количестве. Когда запас воды подходит к концу, павиану дают съесть что-нибудь соленое, через несколько часов его привязывают к веревке и пускают бежать. Мучимое жаждой животное бросается то вправо, то влево, то вперед, то назад, обнюхивает воздух, вырывает из земли растения, начинает наконец рыть землю, указывая таким образом на скрытый источник, или решительно несется вперед к отдаленной еще воде. В сказаниях и рассказах арабов павианы играют выдающуюся роль. Историки лучше всего знают этих обезьян потому, что они водятся в Йемене и их привозят живыми в Египет и Сирию; к ним в особенности относится высказывание Магомета о том, что Аллах в гнев своем превратил их из людей в обезьян. Шах Кемаль-эдин Демири, умерший в 1495 году, написал большое сочинение о жизни животных. «Не по приказу высокого покровителя написана эта книга, — говорит он, — а потому, что люди слишком мало знают о животных». Он передает легенду о павианах, как истый правоверный, не позволяя себе ни малейшей критики. Город назывался Айла и был расположен у моря, а жители были евреи. Причиной превращения был грех, который совершили иудеи, занявшись в субботу рыбной ловлей и осквернив таким образом день Господень. Некоторые благочестивые и мудрые жители старались помешать святотатству, но, видя, что все увещания напрасны, оставили нечестивый город. Три дня спустя они вернулись, но нашли ворота запертыми. Перелезли через стену и увидели себя окруженными павианами, некоторые подошли к ним ближе и, ласкаясь, грустно и просительно на них смотрели; тогда им пришла мысль, что павианы, верно, их бывшие родственники. «Скажи мне, павиан, — спрашивали они, — не ты ли мой племянник Ибрагим, или Ахмед, или Мурза? И павианы поддакивали, грустно кивая головами. Таким образом стало известно, что над ними произнесен был страшный приговор». Шейх Демири, который в остальном весьма благоразумен, полагает, что этому рассказу должно поверить, хотя и можно доказать, что павианы существовали раньше евреев. После этого вступления он переходит к рассказу о самих животных и обрисовывает их чрезвычайно метко. «Эти животные, — говорит он, — очень схожи с людьми по своим свойствам и нравам: они смеются, радуются, садятся на задние лапы, чешутся ногтями, подают что-нибудь рукой, имеют суставчатые пальцы и ногти, как люди, и дружелюбно относятся к человеку. Обыкновенно ходят на четвереньках, но могут ходить и на задних лапах. На нижнем веке имеются ресницы, а это встречается только у людей. Упав в воду, они тонут, как люди, не умеющие плавать. Они живут постоянными парами и ревнуют своих самок — явления, которые свойственны только человеку. Самки носят своих детенышей у груди, как женщины. Не подлежит сомнению, что эти животные обладают свободной волей; иначе им было бы невозможно выучиться вещам, не свойственным их природе».

Мы начнем рассмотрение павианов с обезьяны, которую некоторые естествоиспытатели причисляют к павианам, другие к макакам.

Хохлатый макак, или хохлатый павиан (*Macaca nigra*)*, отличается от прочих собакоголовых совсем коротким хвостом и формой морды, которая широка, плоска и коротка, причем нос не выдается над верхней губой, как у павианов, и не достигает конца морды. Лицо и зад голы, остальные части тела покрыты длинной, мягкой шерстью, которая на голове еще удлиняется в виде довольно высокого хохла. Шерсть везде ровного черного цвета, как и покрытое бархатистой кожей лицо; седалище красное. Хохлатый павиан ростом меньше всех остальных видов этого роста; длина его тела 65 см, длина хвоста только 3 см.

* *Хохлатый макак обитает только на северном полуострове о. Сулавеси. Кроме него на этом острове живут еще 6 видов макаков, довольно близких хохлатому. Местные жители считают хохлатого макака священным предком своего племени.*

Родина черного макака — Целебес, и там он водится в довольно большом количестве. О его жизни на воле еще мало известно. Розенберг рассказывает о нем следующее: «Он встречается на горах, покрытых лесом, на высоте 1300 метров над уровнем моря; собираются они стадами в несколько сот голов, чтобы перекочевывать с одной местности в другую».

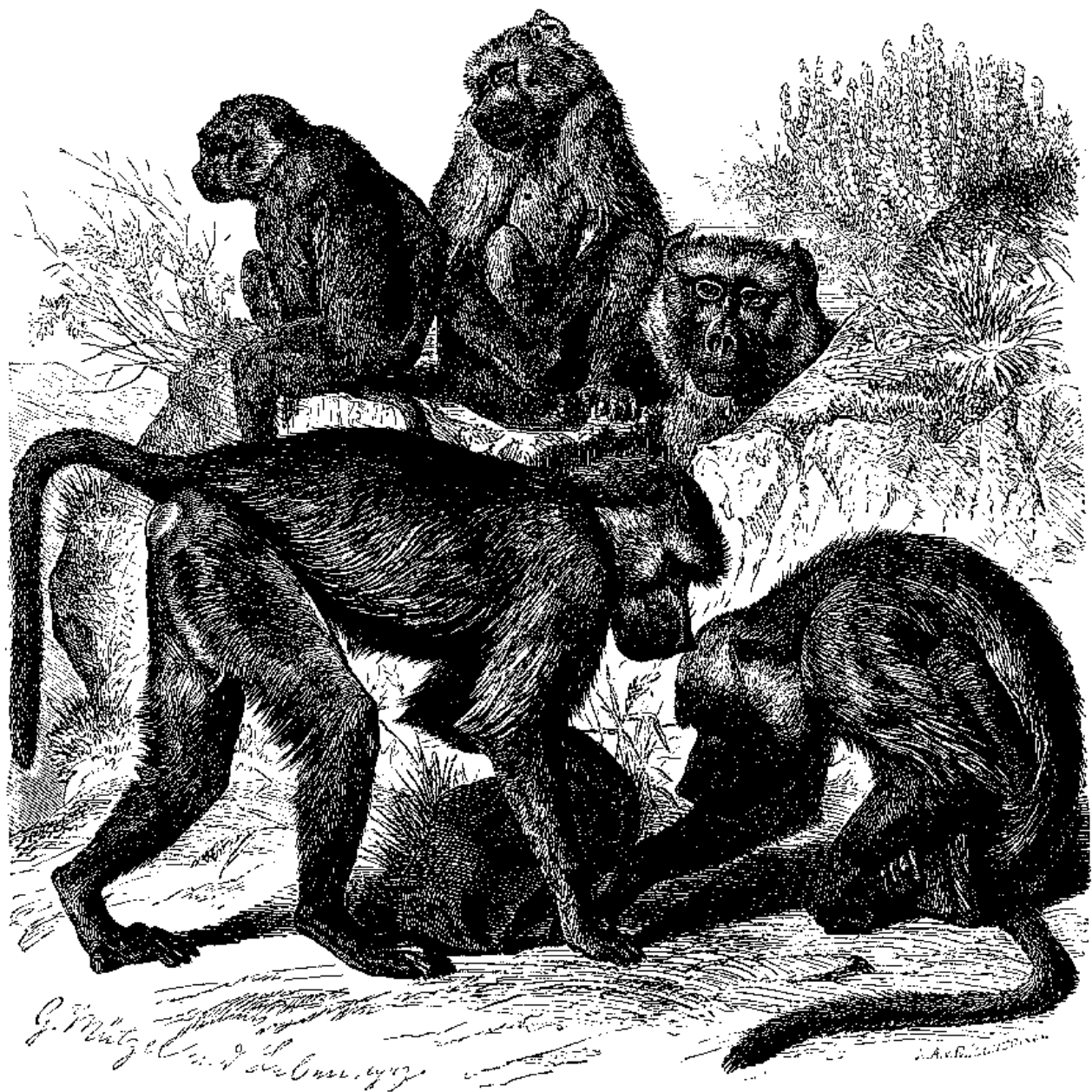
Хохлатый макак, или хохлатый павиан (*Macaca nigra*)

Один мой знакомый встретил во время служебной поездки такое кочующее стадо обезьян, перегородившее ему дорогу, по которой он ехал верхом, и ему стоило большого труда защититься от этих животных ударами кнута. Этот вид встречается еще на маленьком острове Бачан, находящемся к югу от Хальмахеры, величайшем из Молуккских островов; но туда он, вероятно, был занесен. Султан Молуккских островов помнит, что слышал еще в детстве, будто в правление его отца или деда на Бачан переселили пару этих обезьян. От этой пары и произошли все живущие там обезьяны, которые, впрочем, далеко не распространены по всему острову и на Галмагере еще не встречаются.

В последнее время их часто стали перевозить в Европу, где они подолгу живут в неволе. Хохлатый макак, которого я видел в Амстердамском зоологическом саду, казалось, чувствовал себя там прекрасно.

Для обезьяньего театра, по словам Брукмана, ни одна обезьяна не может сравниться с хохлатым макаком. Он учится всему легко, прекрасно помнит выученное и «работает» с величайшим удовольствием. Однако вследствие редкости и высокой цены этой обезьяны ее не часто можно встретить на сцене, тем более что она скоро начинает хиреть.

Между павианами в собственном смысле мне удалось особенно близко познакомиться с **бабуином** (*Papio cynocephalus*). К сожалению, я наблюдал за ним в неволе. С только что описанными породами обезьян смешать бабуина трудно, но нельзя отказать ему в сходстве с **чакмой**, **медвежим павианом** (*Papio ursinus*). Гладкий, ровный, нигде не удлиняющийся мех его сверху зеленоватый желто-оливковый; каждый волос попеременно с черными и желтыми колечками; внизу мех светлее; на щеках желтовато-белый. Лицо и уши черновато-серого цвета; верхние веки беловатые; руки буровато-серые, а глаза светло-коричневые. Взрослые самцы достигают 65-70 см вышины при длине в 1,5 метра, третью часть которой занимает относительно тонкий хвост. Чакма значительно больше, неуклюже и темнее цветом; сфинкс меньше, но сильнее и приземистее. На лице последнего бросается в глаза странное утолщение скул; мех его не зеленовато-желтый, а красно-бурый с зеленоватым оттенком.

Бабуин, или желтый павиан (*Papio cynocephalus*)

Бабуин живет почти там же, где гамадрил, но проникает дальше в глубь Африки. Он распространен в Абиссинии, Кордофани и средней Африке. Встречается тоже в большом количестве и еще дальше, к югу от озера Танганьика, до верхнего течения реки Луалаба.

О жизни на свободе нашей обезьяны Гартманн мог сообщить мне только следующее: «На плоскогорье Джебель-Гули бабуин живет в довольно большом количестве; он там питается луковичками, винными ягодами, тамариндами. Живет крайне приятно изо дня в день, пока появившийся в горах леопард не спугнет его или не растерзает. Туземцы мало обращают на него внимания; иногда, впрочем, ловят и приручают детенышей. Но бывают случаи, когда эти бабуины очень неприятны, а именно когда встречаются с молодыми туземными девушками у горных ручьев. Девушки жалуются, что бабуины набрасываются на них и совершают над ними разные насилия. Поэтому, когда молодые девушки идут за водой к источнику, их всегда сопровождают вооруженные молодые люди. Величайшее удовольствие доставляли нам наблюдения над этими обезьянами, которые рядами, одна за другой, перебирались через вершины Джебель-Гули и играли под деревьями, растущими на горах. При каждом отряде встречались самцы огромного роста. Охота за ними, впрочем, никогда нам не удавалась, так как при нашем приближении они своевременно спасались бегством».

О жизни на свободе бабуинов Ноок сообщает нам следующее (из наблюдений столь рано умершего Бема): «Они встречаются часто, как в степных рощах, так и в местностях около рек, до озера Танганьика, также в Уруа и Катанга. Детенышей, сидящих на спинах матерей, видел я преимущественно от марта до мая, но, по-видимому, самки рожают в разное время года. Большими стадами пробираются они по лесам и набрасываются во время жатвы на расположенные там и сям май-

совые и просяные поля, которым причиняют страшный вред. Они очень смелы и хитры. Когда сторожа выгоняют их из полей криками или бросанием в них копий, они только удаляются на небольшое расстояние и выжидают, пока опасность минует. Женщин вовсе не боятся, часто нападают на них и вырывают из рук пищу. Огнестрельное оружие знают отлично. От охотников спасаются не спеша, время от времени прыгая на невысокие деревья или прислоняясь к стволам деревьев для осмотра местности, сидят там на расстоянии ружейного выстрела, но тотчас же бегут дальше при виде направленного на них дула. Детеныши, даже довольно взрослые, остаются при убитой матери. Подстреленных животных старые самцы уводят и охраняют. Нападение собак бабуины часто отражают успешно; однако их все-таки травят и ловят собаками. Старые опытные самцы всегда составляют арьергард. Если стадо остановилось для отдыха на земле, эти самцы прохаживаются перед фронтом; если оно расположилось на верхушке дерева — эти часовые бесстрашно садятся для наблюдений на выдающийся сук. Бабуины кажутся тяжелыми и неуклюжими, но очень смело взбираются на высочайшие деревья, а при виде опасности с большим шумом соскакивают с них тяжелыми прыжками. Ночью они спят на высоких деревьях, однако часто переключиваются с места на место и в темные ночи. Звук голоса у старых самцов ниже и сильнее и походит на отрывистый лай; испуганное стадо кричит пронзительно. Короткое и грубое «о! о!» выражает удивление и недовольство; протяжное «о-о» — какое-нибудь желание.

В молодости они очень забавны и легко привыкают к людям, но среди них имеют своих любимцев, которым позволяют носить себя, к другим же относятся неприязненно. Их можно тоже, как собак, приучить к травле людей. Перед грозой или ливнем выказывают большое волнение, и вообще они легко пугаются и тогда доходят до иступления. Особенно характерно то конвульсивное подергивание, которое нападает на них не вследствие болезни, а когда они замечают, что за ними наблюдают. При встрече с европейцем обезьяны иногда, как бы движимые невидимой силой, со страхом подходят к нему, но, дотронувшись, мгновенно отскакивают с громким криком. Они охотно едят кузнечиков, а также мышей и т.д.» Что эти павианы нападают и на больших животных, уже сказано нами выше.

Своими движениями и фигурой бабуин напоминает остальных павианов, нравом же своим он выгодно от них отличается. Это умное животное; пойманное молодым, оно легко привыкает к человеку, без труда выучивается разным штукам и остается преданным своему хозяину, несмотря даже на дурное обращение. Самки более кротки и добродушны, самцы своими коварными и злыми шалостями иногда вредят даже своему хозяину, с которым самка всегда живет в большом ладу.

Чакма, или медвежий павиан (*Papio ursinus*)

Бабуина ловят в Судане, откуда перевозят вниз по Нилу в Египет и в Европу, но, должно быть, их привозят и из других мест, так как они часто встречаются в неволе.

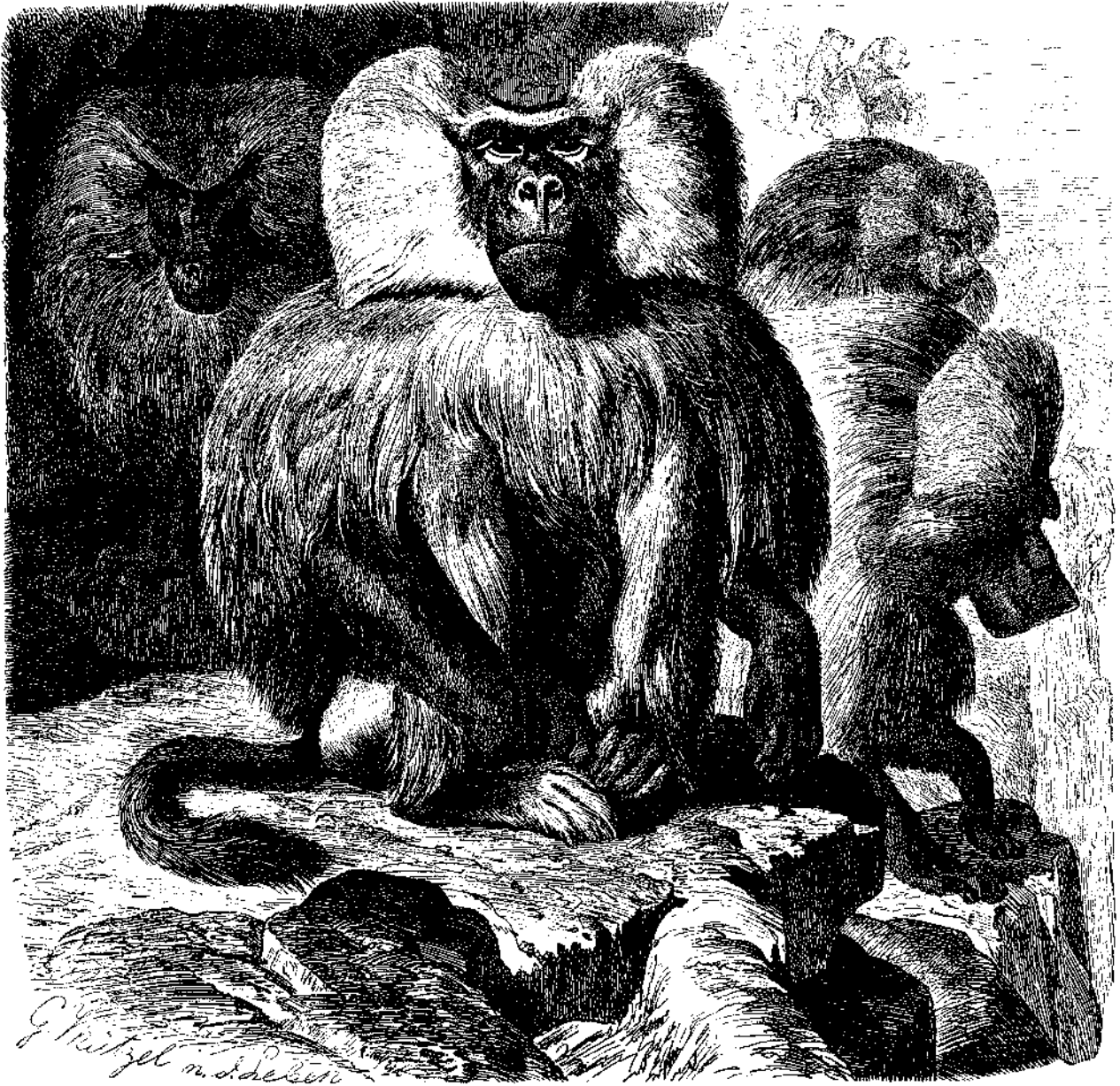
В Египте бабуин почти так же полезен фокусникам, как гамадрил, о котором мы будем говорить далее. В Европе он постоянный житель зоологических садов и зверинцев; встречается обыкновенно в обезьяньем театре, потому что его гибкий хвост прячется в одежде, а ум и добродушие делают способным ко всякой дрессировке. Мы уже видели, как легко он всему учится. Хорошо запоминает пройденное и охотно участвует в представлениях, и потому его можно причислить к лучшим деятелям обезьяньего театра.

Гамадрил, или плащеносный павиан (*Papio hamadryas*)*.

** Гамадрил житель скалистых ландшафтов Африканского Рога и Южной Аравии, некогда был распространен в Судане, Нубии, низовьях Нила. Вечером гамадрилы собираются на удобных для ночевки скалах скоплениями до 700 и более особей, днем объединенная стая рассыпается на мелкие семейные группы, которым легче разыскивать скудную пищу порознь. В группе только один взрослый самец и гарем из 10-60 самок с детенышами, остальные самцы образуют отдельные группы холостяков. В группе поддерживается жесткая иерархия между самками за право быть ближе к самцу, вожаку' же приходится постоянно отбивать атаки холостяков, стремящихся занять его место.*

Благодаря своей наружности, замечательному уму, а может быть и неприятным качествам, он особенно почитался древними египтянами. Трудно понять, почему этой обезьяне дано название древнегреческой лесной нимфы, тогда как в наружности ее весьма мало женственного. Достоверно известно, что название это дано было ей не древними народами.

О почитании, которым пользовался гамадрил в Египте, сообщил уже нам Дюмихен. Следы этого почитания видны до сих пор: жители степных внутренних районов Африки и большая часть абиссинцев стараются прической волос как можно более походить на гамадрила.

Гамадрил, или плащеносный павиан (*Papio hamadryas*)

Не подлежит, впрочем, сомнению, что они подражают скорее изображениям на памятниках, чем живым зверям. В настоящее время гамадрилу больше не поклоняются: вред, приносимый этой обезьяной, слишком велик, чтобы она могла возбудить к себе хорошее чувство в людях.

Теперь в Египте нет уже этих обезьян в диком состоянии; Проспер Альпинус, путешествовавший по Египту в 1580 году, удостоверял, что там нет обезьян, а их привозят из Аравии. «Они так талантливы, — продолжает он, — что им невозможно отказать в рассудке. Их без труда обучают всевозможным остроумным штукам, которыми они увеселяют публику. Таких дрессированных обезьян можно часто видеть в Каире, Александрии и других местностях. Туземцы особенно любят держать самцов, но трудно себе представить, как непристойны эти животные. Гамадрилы похожи на больших собак и преследуют на полях арабских женщин, которые принуждены красить лицо и даже тело шафраном, чтобы спастись от их нападений. Павианы думают тогда, что женщины больны, и они перестают им нравиться».

Относительно последнего предположения наш наблюдатель не совсем прав. Я сам часто замечал, что арабские женщины мажут себе лицо шафраном, но не для спасения от обезьян, а просто по той же причине, по какой наши дамы натирают свои щеки румянами.

Альварец, который почти в одно время с Альпинусом был в Африке, именно в Абиссинии, рассказывает, что видел целые стада этих павианов, и дает весьма верное описание их внешнего вида и нрава. «Они, — говорит он, — не оставят в покое ни одного камня. Если одной, двум или трем обезьянам не под силу сдвинуть камень с места, они садятся вокруг него в большом количестве, соединенными усилиями непременно перевертывают его и ищут под ним любимую пищу. Они тоже очень любят муравьев и, чтобы достать их, кладут руки ладонью вверх в муравейник; когда

рука покрывается муравьями, они быстро облизывают ее. Гамадрилы опустошают все сады и поля, если не защищать их. Впрочем, никогда не выступают на эти грабежи без лазутчиков, но, получив знак, что никакая опасность им не угрожает, врываются в сад или поле и опустошают их. Сначала ведут себя тихо и спокойно, и если глупому детенышу вздумается крикнуть, то он получает пощечину, но мало-помалу забывают всякую осторожность и громкими криками выражают радость по поводу удавшегося намерения. Они бы страшно размножились, если бы леопарды не уничтожали их детенышей в огромном количестве, несмотря на храбрую защиту матерей».

Между новейшими исследователями Эренберг дает нам довольно подробное описание этих обезьян, которых он встречал в Аравии и на абиссинском берегу в одиночку или целыми стадами. Еще позднее о них были сообщения Родатца и Бессиера. В первую свою поездку по Африке мне не случилось встречать гамадрилов на свободе. Зато во время моего, к сожалению, весьма короткого пребывания в Абиссинии (весной 1862 года) я часто их видел, так что могу привести о них собственные наблюдения.

Гамадрилы обитают в довольно большом количестве на прибрежных горах Абиссинии и южной Нубии до северной границы области тропических дождей. Чем богаче растительность на горах, тем охотнее там живут обезьяны. Вода поблизости тоже необходимое условие благосостояния стада этих животных. Довольно большими обществами они спускаются иногда на холмы Самхары или степной полосы морского побережья, но многие все-таки остаются в горах. Здесь каждое стадо занимает пространство земли от одной до трех миль в поперечнике. Гораздо реже встречаются маленькие общества этих обезьян: мне только раз случилось видеть группу в 15-20 штук; чаще встречались стада в 150 штук и более. Между ними находятся 10-15 взрослых самцов огромного роста; челюсти их вооружены зубами гораздо более длинными и крепкими, чем зубы леопардов. Взрослых самок бывает приблизительно вдвое больше. Остальная часть стада состоит из детенышей и полувзрослых обезьян. Старые самцы отличаются огромным ростом и длинной епанчой*.

** На самом деле гамадрил — некрупный павиан, длина тела самцов достигает 60-94 см, вес — 18 кг, самок соответственно — 50-65 см и 10 кг. Чакма и анубис бывают тяжелее почти вдвое.*

У убитого мною самца длина волос епанчи достигала до 27 см. У самок грива короче и все тело темнее, то есть оливкового цвета; детеныши походят на мать. Относительно окраски шерсти я должен заметить, что каждый волосок гривы имеет попеременные колечки зеленовато-бурого и желтого цвета, вследствие чего весь мех принимает весьма странный оттенок, несколько напоминающий цвет высохшей травы. На задних ногах и на голове, по бокам, волосы светлее, голое лицо грязно-мясного цвета, седалище ярко-красное. Чем старше павиан, тем светлее волосы его епанчи. Длина взрослых самцов — 0,9-1 м, от 20-25 см приходится на хвост, оканчивающийся пучком волос; высота тела до загривка — 50 см. При восходе солнца или в дождливые дни все общество можно застать на тех местах, где оно провело ночь, — в углублениях недоступных отвесных скал и под выдающимися карнизами. Павианы сидят, плотно подсевши друг к другу, молодые и слабые обезьяны в середине, как можно ближе прижавшись к матерям и к отцам. Утром, в хорошую погоду, все стадо подымается с места довольно рано и направляется медленно и спокойно вдоль отвесных скал; при этом они то сорвут растение, корень которого употребляется ими в пищу, то свернут с места камень, чтобы достать из-под него насекомых, улиток и червей, до которых павианы большие охотники. Когда завтрак окончен, они опять подымаются на вершину горного хребта. Самцы серьезно и важно садятся на камни спиной к ветру. Самки прохаживаются и присматривают за детенышами, которые весело играют или борются между собой. К вечеру все стадо направляется к ближайшей воде, чтобы напиться, потом идет опять на поиски пищи, после чего уже отыскивает удобный ночлег. Если место, выбранное для ночлега, удобно и им понравилось, то они возвращаются туда каждый вечер, конечно если только их не напугают преследованием. Ночлег около полей, засеянных просом, пользуется особым их расположением, и тогда хозяевам полей следует остерегаться, иначе дерзкие грабители появляются ежедневно, разоряют еще больше, чем поедают, и таким образом губят всю жатву. Едва ли подлежит сомнению, что они перекочевывают из разоренной ими местности в другую, где еще надеются найти пищу. Меня уверяли туземцы, что павианы не живут постоянно в одних и тех же местах, а появляются и исчезают по своему усмотрению.

Туземцев гамадрилы не боятся — они спокойно проходят мимо чернокожего человека и пьют из одного с ним ручья. Белый человек возбуждает в них некоторое опасение, хотя нельзя утверждать, чтобы гамадрилы всегда бежали от него. Павианы эти еще более, чем остальные обезьяны, умеют во всех случаях сохранять спокойствие, которое дает им возможность выйти из всякого опасного положения.

Однако дело принимает другой оборот, когда гамадрилы заметят приближение собак или леопарда. Тогда старые самцы подымают страшный рев и рычание, бьют одной рукой о скалу, скалят зубы и сверкающими глазами смотрят сверху на нарушителей спокойствия, очевидно готовые ринуться на них.

Первое общество гамадрилов, которое я видел, отдыхало после утренней прогулки. Оно сидело на гребне кряжа, довольно круто спускающегося в обе стороны. Я уже издали заметил высокие фигуры старых самцов, но принял их за обломки скал, с которыми эти животные имеют по цвету большое сходство. Но отрывистый, громкий лай, который можно передать звуком «кук», убедил меня в ошибке. Все головы повернулись в нашу сторону, только детеныши продолжали беззаботно играть и несколько самок не бросали своего любимого занятия и усердно «искали» в шерсти старого самца. Общество так и осталось бы в выжидательном положении, если бы с нами не было двух смелых и чутких борзых собак, которые были приучены отгонять гиен от наших жилищ и даже могли бороться с волками. Услышав возглас обезьян, собаки тотчас же залаяли; тогда все стадо поднялось на ноги, вероятно с намерением найти себе более безопасное убежище. Обезьяны, одна за другой, двинулись вдоль горного кряжа и скоро исчезли с наших глаз. Однако, обогнув долину, мы заметили вскоре обезьян, сидящих рядами и как бы прилепленных к совершенно отвесной скале; я до сих пор не могу себе объяснить, каким образом они могли удерживаться в таком положении. Вид этих спокойно сидящих животных был слишком заманчив, чтобы не возбудить в нас желания поохотиться. Жалость, возбуждаемая видом молодой беспомощной обезьяны, здесь не имела места. На гамадрилов мы не могли смотреть как на подобие человека, а только как на злых хищников, которых незачем падать. К сожалению, стена была так высока, что на меткость выстрелов надеяться было трудно. Мы решили по крайней мере спугнуть их. Звук первых выстрелов произвел между ними страшное смятение: стадо принялось мычать, реветь, лаять и кричать самым ужасным образом. Потом вся цепь пришла в движение и гамадрилы двинулись вдоль кряжа с такой уверенностью, как будто они шли по гладкому полу; между тем мы никак не могли понять, на что они ступают. Совершенно узкий карниз был для них удобной дорогой. Только в двух местах, где пришлось круто спуститься на три метра и потом подняться на ту же высоту, они ступали несколько медленнее и осторожнее. Мы сделали пять или шесть выстрелов, но целиться было трудно; кроме того, необычайность зрелища отняла у нас всякое самообладание. Однако наши выстрелы довели волнение обезьян до ужаса.

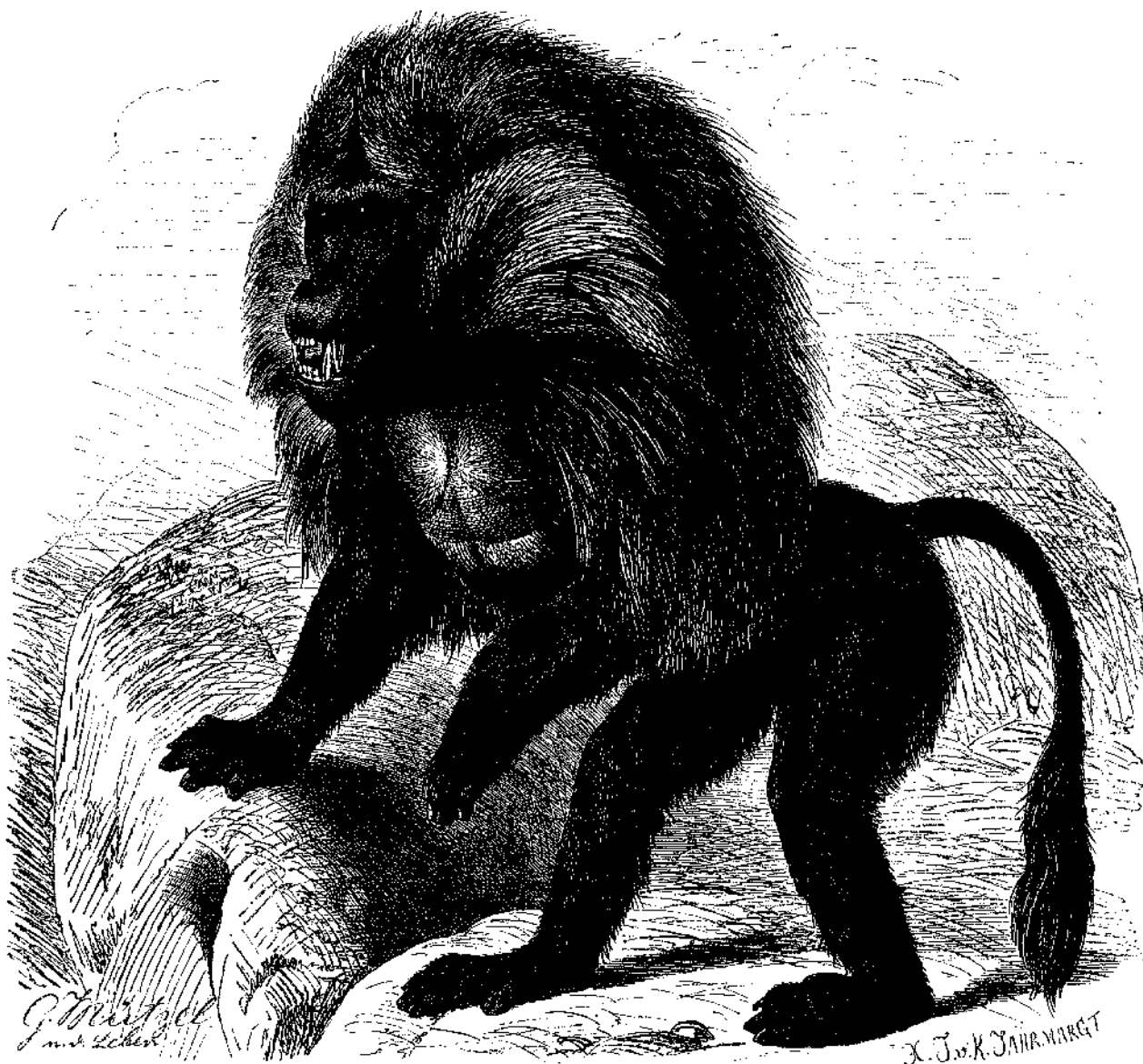
В Египте, а именно в Каире, можно часто видеть гамадрилов у фигляров и фокусников. Вероятно, они дают зрителям те же представления, которые видел когда-то Альпинус, точно так же, как с очковой змеей, прodelьваются все те же старинные фокусы. На больших площадях Каира, в особенности в праздничные дни, всегда можно встретить несколько вожаков обезьян и заклинателей змей. Но все эти представления ниже всякой посредственности, даже прямо-таки грубы и пошлы. Можно сказать, что хозяин обезьяны воспользовался ее понятливостью, чтобы дать в этих представлениях отвратительное изображение своего собственного безобразия. Нужно, впрочем, заметить, что фокусники держат преимущественно самок, потому что самцы становятся с годами слишком злыми и опасными. Их даже в Египте не позволено выводить без намордника, но и он не всегда помогает. Проезжая однажды по улицам Каира, я нечаянно толкнул ногой сидящего на дороге гамадрила. Несмотря на то что мой осел бежал галопом, гамадрил в ту же минуту схватил меня за ногу, сдернул чулок и башмак и оставил на ноге следы своей ловкости и злобы в виде нескольких довольно глубоких ран.

По соседству с гамадрилом живет другой павиан, носящий гриву, которого возвели недавно в представители особого рода, хотя от гамадрила он отличается только устройством ноздрей, которые расположены не на конце морды, а сбоку, а также обнаженными местами на груди и шее, более густой гривой, более длинной кистью на хвосте и незначительными особенностями в устройстве зубов.

Гелада (*Theropithecus gelada*)* — вел и кан между павианами и значительно больше гамадрила, с чем, впрочем, не согласен Рюппель, которому мы обязаны открытием этого вида.

* Эндемик гор северо-восточной Эфиопии. От павианов гелады отличаются помимо названных Бремом признаков слегка укороченной мордой, «курносый» носом, более длинным хвостом с кистью на конце и преимущественно вегетарианской диетой. По деревьям гелады не лазают, ночуют в пещерах и расщелинах. Существуют стаи по 300-670 особей, распадающиеся днем на группы-гаремы и холостяцкие группы. Доказывая свой высокий ранг, самец поднимает брови, демонстрируя светлые пятна на веках, и выворачивает верхнюю губу, закрывая ею нос и обнажая необычайно крупные клыки. Известны гибриды гелады и анубиса.

Между тем Шимперт, живший в Абиссинии, и Гейглин утверждают, что гелада достигает почти человеческого роста. От гамадрила геладу можно отличить с первого раза: густой мех на задней части шеи, затылке и спине удлиняется в виде епанчи; цвет тела темно-бурый, шерсть на горле, груди, животе и предплечьях черно-бурого цвета. Лицо черное. Голые места на передней части шеи и груди образуют два соединяющихся остриями треугольника и напоминают рисунок песочных часов; они окаймлены белыми и черными волосами. В отличие от гамадрила у гелады очень маленькие, совершенно отделенные друг от друга серовато-черные седалищные наросты.

Гелада (*Theropithecids gelada*)

По Рюппелю, гелада живет на высоких горных вершинах Сымен, самой возвышенной горной страны Абиссинии. Шимперт мне говорил, что гелады живут обыкновенно на высоте от 3000 до 4000 метров над уровнем моря**.

*** Гелады живут только на альпийских лугах и выходах скал от 1800 до 5000 м над уровнем моря. Характерны вертикальные сезонные кочевки.*

Здесь можно их видеть огромными стадами, а на нижней границе горной страны появляются они только небольшими группами от 100 до 200 штук. Обезьяны эти спускаются со скал, покрытых тернистым кустарником, только для грабежа. Их пищу составляют луковицы, которые они выкапывают из земли, орхидеи, лилии, злаки и всякого рода плоды, а также насекомые, черви, слизи и т.п. Они тоже нападают на поля, но всегда, как уверяют абиссинцы, в отсутствие сторожа. Хотя гелады не так нахальны и навязчивы, как гамадрилы, все же наносят большой вред полям, главным образом потому, что нападают всегда огромным числом. От людей стадо пускается в бегство, но все же благоразумнее держаться подальше от гелады, доведенной до бешенства, так как зубы ее так же страшны, как зубы гамадрила. С гамадрилами гелады живут во вражде.

Горы Сымен похожи на большие дома: сверху они спускаются отлого, как крыши, потом вдруг на сто и более метров обрываются круто или почти вертикально вниз. В этих стенах много

пещер, в которых ночуют обезьяны. Днем их можно видеть сидящими длинными рядами на карнизах и выступах обществами до 1000 особей. Это время их отдыха после прогулки за пищей. К самой подошве крутых скал они спускаются только для того, чтобы опустошить какое-нибудь поле. Во время подобных вылазок иногда встречаются с гамадрилами, и тогда обе армии вступают в ожесточенный бой. Вражда противников велика, как это можно видеть по тому остервенению, с которым они нападают друг на друга. Дело, впрочем, не доходит до серьезной битвы. Гелады и гамадрилы поднимают ужасный вой, рычат, режут и лают. С той и другой стороны выступает иногда по старому исполину, которые и набрасываются друг на друга. Они таскают один другого за гриву, служащую признаком возмужалости, иногда кусаются, но дело все-таки ограничивается главным образом криком и яростными взглядами.

Самых отвратительных из всех павианов, не без основания, отделили от остальных, так как они существенно отличаются от других видов этого рода, хотя строение тела их показывает родство с павианами. Голова их, особенно череп, необыкновенно велика, очень маленькие глаза стоят близко один к другому; надглазная дуга выдается ребром; по обеим сторонам носа проходит продольный с бороздками нарост, который при раздражении распухает. Конечности у них очень сильные, хвост имеет вид короткого, вверх торчащего обрубка; седалищные наросты проходят по всей задней части туловища. Волосной покров тоже особенный; шерсть удлиняется на задней части головы и на затылке; кроме того, по крайней мере у одного вида, замечается ярко окрашенная, остроконечная борода. Оба нижеописанных павиана живут в западной Африке и уже в продолжение 300 лет нередко перевозятся в Европу живыми.

На том же основании, на котором мы могли назвать гверцу самой красивой обезьяной, мы можем назвать **мандрила** (*Papio sphinx*) * безобразнейшим из всех обезьян.

** Считается самым ярко окрашенным млекопитающим мира.*

Мандрил (*Papio sphinx*)

В старости он делается поистине отвратительным зверем во всех отношениях и его нравственные качества совершенно соответствуют наружности. Тело у него очень сильное, можно сказать неуклюжее, голова безобразная, зубы страшные, шерсть очень жесткая и спутанная, окраска не покрытых шерстью частей тела в высшей степени яркая и отвратительная. Каждый отдельный волосок имеет оливковые и черные кольца, вследствие чего шерсть верхних частей приобретает темно-бурый цвет с оливковым оттенком, на груди волосы желтые, на брюхе белые, на боках светло-бурые, борода ярко-лимонного цвета, за ушами серовато-белые пятна. Руки и уши черные, нос и окружающие его части ярко-красного цвета, наросты на щеках василькового цвета с черными бородками, мошонка и зад ярко-красные, седалищные наросты красные и голубые. Старые самцы достигают длины одного метра и более, высота туловища до плеч — 60 см, а хвост не более 3-х см.

Сродный ему **дрил** (*Papio leucorphaens*) немного меньше ростом, шерсть у него сверху оливково-бурая, снизу и по бокам беловатая, бакены желтовато-чалые, лицо черное, руки и ноги медно-красные, седалищные наросты и мошонка красные. Длина взрослого дрила достигает 85-90 см, высота до плеч — 55-60 см, длина хвоста 8-9 см. Довольно странно, что мы не знаем ничего верного о жизни этих двух видов обезьян на свободе, между тем как в неволе они нам давно известны. Их родина — Гвинейский берег, и к нам в Европу они привозятся с Золотого Берега. Говорят, что обезьяны водятся стадами в горных лесах и живут частью на скалах, а частью на деревьях, но нередко покидают свои жилища, чтобы посещать и грабить ближние поселения. Рассказывают даже, что толпы их нападают на целые деревни и в отсутствие мужчин сильно обижают детей и женщин.

Туземцы, говорят, больше боятся мандрила, чем льва, никогда не вступают с ним в бой поодиночке, даже избегают лесов, где эти обезьяны живут, или собираются хорошо вооруженной толпой и совершают настоящие походы против этого врага. Сколько правды заключается в этих рассказах, решить трудно; во всяком случае нужно признать их преувеличенными и принимать на веру осторожно.

Дрил (*Papio leucorhæus*)

Раньше дрилы и мандрилы чаще попадали для продажи в Европу, чем теперь. Древним оба вида были неизвестны. «Это животное, — говорит старик Гесснер, — встречается довольно редко в индийских пустынях и лишь иногда привозится шарлатанами на базары и ярмарки. Оно имеет на ногах пальцы, как у человека, и когда ему грозят пальцем, то оборачивается к грозящему задом. Это животное ест яблоки, груши и другие плоды, а также хлеб и охотно пьет вино. Когда оно проголодается, то взбирается на деревья и стряхивает с них плоды. По характеру приветливо, особенно к женщинам, дружбу свою к которм вы ражает разл и ч н ы м образом». Приложенное к этому описанию изображение так удачно представляет мандрила в том положении, когда он поворачивается задом к человеку, что нельзя сомневаться в том, что это на самом деле мандрил.

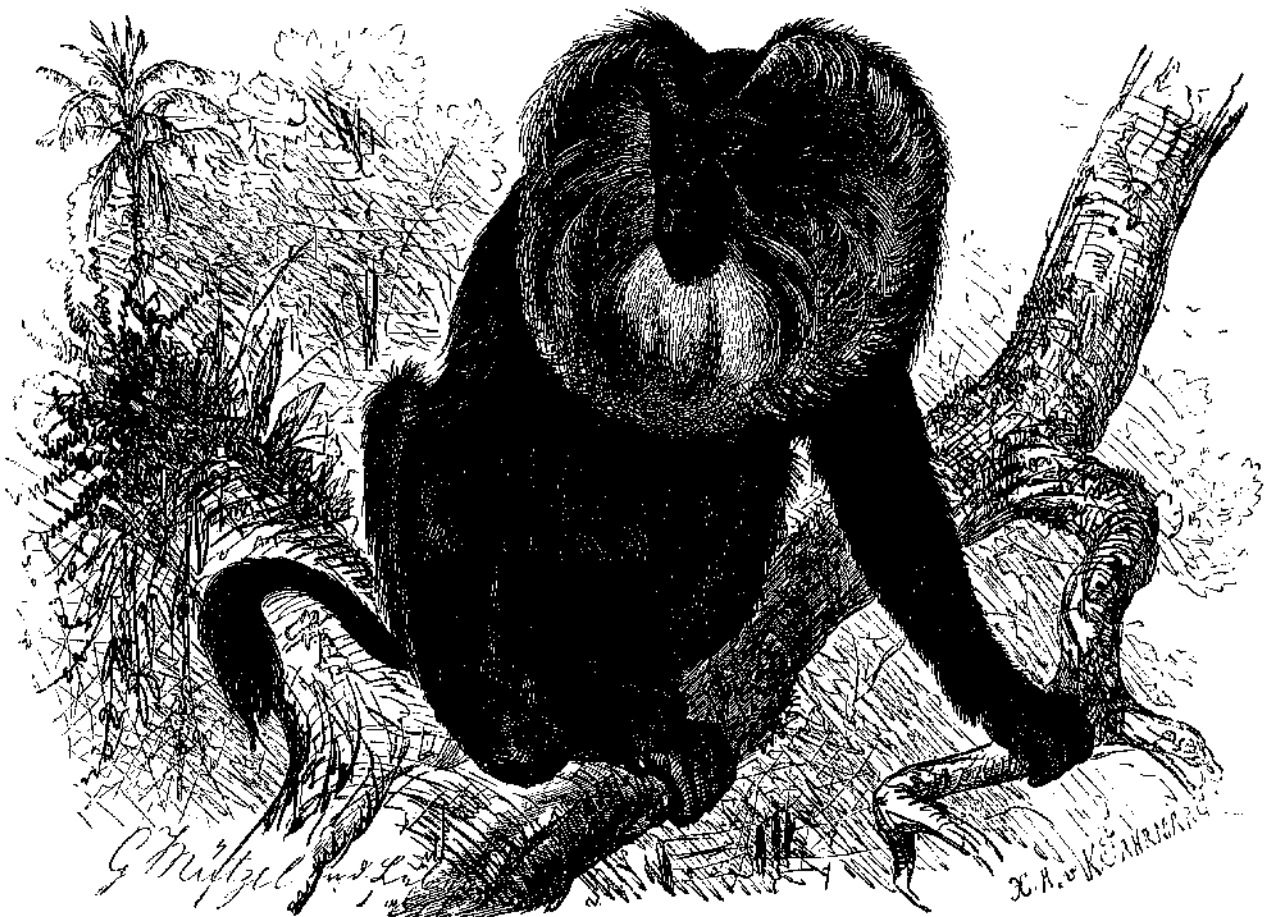
«Гнев других обезьян, — как выражается один английский писатель, — сравнительно с яростью мандрила все равно что легкий ветерок перед ужасным тропическим ураганом, который все уничтожает на своем пути».

Насколько сильно его бешенство, настолько велика и его непристойность, для описания которой не хватает слов. «Его крик, взгляд и голос, — говорит Кювье, — выражают полнейшее скотское бесстыдство. Свои грязные похоти он удовлетворяет самым бесстыдным образом. Кажется, природа хотела олицетворить в нем порок со всем его безобразием». Все, что казалось нам отвратительным в гамадриле и других павианах, покажется умеренным сравнительно с поведением мандрила. Его страстность не знает границ. Разгневанный, он впадает в такое раздражение, что все за-

бывает и бросается очертя голову на своего врага. Истинно демонический огонь загорается в глазах зверя, который кажется тогда одаренным сверхъестественной силой и злобой. В эту минуту у него одна мысль: разорвать в клочки врага и устранить со своей дороги всякое препятствие. Его тогда не пугает ни кнут, ни оружие. Нападение его обуславливается тогда не отвагою, а просто безумием; ни одного зверя сторожа же боятся так, как разъяренного мандрила. Лев и тигр — перед ним ягнята, потому что они все-таки держатся границ благоразумия, гамадрил же и другие павианы в сравнении с ним — младенцы. Половые побуждения у мандрила выражаются точно так же неистово, как и другие страсти. Гесснер справедливо замечает, что мандрил распространяет свою похоть не на одних самок своей породы. У мандрилов, живущих в неволе, замечена не только склонность к женщинам, но и ревность к мужчинам, которые ухаживают за знакомыми им женщинами. Они приходят в бешенство, когда видят, что мужчина ласкает или только делает вид, что ласкает предмет их страсти, и долго не прощают ему этого поступка. В зоологическом саду в Париже однажды очень удачно воспользовались ревностью этого животного, чтобы захватить разломавшего свою клетку и наделавшего много вреда мандрила. Все попытки изловить его оказались безуспешными, он успел уже ранить несколько сторожей, когда наконец одному из них пришла мысль завлечь обезьяну в клетку, воспользовавшись его собственной страстью. С задней стороны клетки была маленькая дверца; за ней встала дочь одного из сторожей так, чтобы обезьяна могла ее видеть; к ней подошел один сторож, обнял ее и сделал вид, что хочет ее поцеловать. Этого было довольно для влюбленного мандрила. Он в бешенстве кинулся на этого человека, конечно, с намерением разорвать его, но, чтобы достигнуть своей цели, должен был войти в клетку. Всякое благоразумие было забыто: ревнивая обезьяна без оглядки бросилась в отворенную дверь и через минуту очутилась за железной решеткой. Нельзя отрицать, что мандрила очень трудно воспитывать и что большинство вследствие своей раздражительности в неволе погибает, но бывают и исключения.

Один очень известный мандрил был артистом обезьяньего театра Брукмана. Он находился более 16 лет во владении своего хозяина и был приручен и выдрессирован, насколько это возможно для обезьяны. Перед посторонними он, конечно, делался вспыльчивым и раздражительным, но к своему хозяину относился вполне доверчиво и даже тогда, когда, давая волю своей ярости, он по обыкновению всех павианов тряс прутья своей клетки, как бы желая ее разломать, Брукман мог безнаказанно хватать его за ошейник, вытаскивать из клетки и заставлять показывать фокусы.

От других павианов довольно сильно отличается одна из самых красивых обезьян, которую часто причисляют к макакам, — это **львинохвостый макак, вандеру, или силен** (*Macaca silenus*). Отличительными признаками этой обезьяны служат: приземистое телосложение, длинная борода, окружающая все лицо, и не очень длинный хвост с пучком волос на конце. Длинная шерсть на верхней части тела блестящего черного цвета, а на нижней — светлая буровато-серая. Гривообразная борода белого цвета, а у молодых — сероватая; руки и ноги черные, а добродушные глаза имеют коричневый раек. Длина тела с хвостом не превышает одного метра; по измерению Бурдильона, два самца имели 87,5 и 80,9 см; две самки — 77 и 70 см, причем хвосты -25-38 см.

Львинохвостый макак, вандеру (*Macaca silenus*)

До сих пор ошибочно считали остров Цейлон отечеством силены*, но новые исследования показали, что он водится не только на Цейлоне, но и в Малабаре и живет там исключительно в дремучих лесах, находящихся на возвышенностях от 14 градуса северной широты до мыса Коморина. Их встречают стадами от 12 до 20 штук.

* На Цейлоне силен не водится, он живет только во влажных горных лесах Западных Гат хребта, идущего вдоль западного побережья Индостана, на высоте 600-1100 м над уровнем моря. Самый редкий вид макаков. в природе сохранилось не более 400 особей (почти столько же — в неволе). Занесен в Красную книгу МСОИ.

Гекел утверждает, что видал эту обезьяну гораздо севернее, около Бомбея, в пещерных храмах Карли. Теннет говорит, что все силены, доставленные из Цейлона в Европу, были привезены на этот остров с Индийского материка. Об образе жизни этого животного на свободе мы знаем очень мало. Силен питается почками и листьями и иногда приносит значительный вред садам. Тирбах рассказывает, что опустошения эти так значительны, что после набега сады представляют самый печальный вид: на кокосовых пальмах не остается ни одного плода, а земля под деревьями вся покрыта орехами, очень часто неспелыми, которые обезьяны не ели, а только обрывали и бросали вниз.

Малабарцы, однако, очень ценят эту обезьяну. Местные князья любят ее за серьезный нрав и понятливость. В их домах часто воспитывают молодых обезьян этого вида и приучают их к разным фокусам, которые они удивительно хорошо исполняют.

"Белобородая обезьяна, — говорит Нейдт, — очень похожа на старого индейца с большой седой бородой. Она живет большей частью в лесах и вреда не приносит. От других обезьян отличается тем, что не так зла и имеет более веселый нрав. Она, очевидно, осторожнее других обезьян, может долго употреблять стеклянную посуду, не разбивая ее; хорошо знает, когда провинилась, причем выказывает жестами свое сожаление об этом, а когда ее бьют, то у нее видны слезы на глазах».

Семейство гиббоновые

Ни в одной группе обезьян развитие передних конечностей не достигает такой степени, как у гиббонов, или длинноруких обезьян. Они с полным правом носят свое имя, ибо их необычайно вы-

тянутые руки достигают земли, когда животное держится вертикально. Одною этого признака было бы достаточно, чтобы отличать длинноруких обезьян от всех других родов этого отряда.

Гиббоны образуют довольно обширный род человекообразных обезьян*; известно около семи видов, которые должны быть причислены к этому роду.

* *Семейства гиббоновые (Hylobatidae) и человекообразные обезьяны (Hominidae) составляют особую группу Hominoidea, или выси их узконосых обезьян. Линии гиббонов и крупных человекообразных разделились около 10 млн лет назад.*

Все они азиаты и принадлежат исключительно Ост-Индии, а также ближайшим из Больших Зондских островов: Суматре, Яве и Борнео. Относящиеся сюда виды достигают довольно значительной величины, хотя ни один не превышает одного метра в высоту. Их тело, несмотря на сильную и выпуклую грудь, кажется очень тонким, так как паховая область утончена, как у борзой собаки; задние конечности значительно короче передних, длинные руки у некоторых видов отличаются еще тем, что указательный палец отчасти срастается со средним**.

* * *Пропорции ног и туловища у гиббонов сходны с человеческими. Указательный палец срастается со средним не на руках, а на ногах только у одного вида сиаманга.*

Голова мала и яйцевидной формы; лицо человекообразно; седалищные мозоли малы, а хвост незаметен. Тело гиббонов покрыто густым и мягким, как шелк, мехом, который бывает черного, бурого, буро-серого и соломенно-желтого цвета. Все гиббоны обладают чрезвычайно громким голосом и особенно охотно издают крики в утренние часы.

Сиаманг (*Hylobates syndactylus*) представляет собой самую большую из всех длинноруких обезьян; он отличается еще и тем, что его руки относительно менее длинны, чем у других видов. «Его вид, — говорит Дювосьель, — безобразен особенно потому, что его низкий лоб так недоразвит, что вместо него одни только бровные дуги, глаза глубоко сидят в орбитах, нос кажется широким и плоским, направленные в стороны ноздри очень велики; рот открывается почти до основания челюстей. Если притом вспомнить о большом голом гортанном мешке сиаманга, который свешивается на передней стороне шеи в виде грязного и отвислого зоба и надувается при крике, о кривых конечностях, обращенных внутрь, которые животное всегда держит согнутыми, о висках, вдавленных под выдающимися буграми, и о недоразвитом подбородке, то придется сказать себе, что наша обезьяна не принадлежит к самым прекрасным представителям своего отряда. Густой мех, покрывающий тело, совершенно черного цвета, состоит из длинных, мягких и блестящих волос; только брови красно-бурые. Волосы на предплечье направлены вверх, на плече — вниз, так что на локте они как бы взъерошены». Встречаются и альбиносы. Бокк однажды получил одного живого альбиноса этого вида. Взрослые самцы достигают одного метра в высоту, а размах рук их почти вдвое больше.

Сиаманг водится обыкновенно в лесах Суматры, опытные исследователи наблюдали его как в неволе, так и на свободе. Однако указание Гельферса, что сиаманг встречается даже в южном Тенассериме, так же как и указание Уэллеса, что он водится и на полуострове Малакка, поставлены под сомнение Блэнфордом*.

* *Помимо Суматры сиаманги действительно обитают на полуострове Малакка.*

Наиболее характерным представителем семейства является **хулок, или белобровый гиббон** (*Hylobates hoolok*), длиннорукая обезьяна, высотой около 0,9 м, без гортанного мешка и со свободными пальцами задних конечностей. Ее мех, кроме белой перевязки на лбу, угольно-черного цвета; детеныши черно-бурые; конечности, средняя линия вдоль спины пепельно-серого цвета. По Блэнфорду, однако, нередки и светлоокрашенные хулоки обоего пола — от буровато-черного до желтовато-серого цвета. Седалищные мозоли ясно заметны. Хулок живет в Индокитае и водится, по Блэнфорду, в лесистых горных местностях к югу от Ассама по всему Аракану, а по Андерсону, до Вартабона. Его распространение на востоке достоверно неизвестно; недалеко от Бхамо в долине Иравади он еще встречается**.

* * *Распространен в Бирме, Ассаме и на северо-западе Индокитая.*

Белорукий гиббон, или лар (*Hylobates lar*), приблизительно такой же величины, как хулок, черно-серого цвета, с красно-бурыми ягодицами, окаймленными белыми волосами; руки и ноги светлого цвета, лицо на голых частях черное, окаймлено ошейником беловатых волос. Общий цвет колеблется от черного до желтовато-белого; светлоокрашенные животные, как говорят, встречаются гораздо чаще, чем у хулока, а в некоторых местностях преобладают. Отечеством его надо считать полуостров Малакка*** и Тенассерим, где он живет до 1100 метров над уровнем моря. Тиккель утверждает, что лар встречается до северной границы Пегу, а Андерсон говорит, что он встречается даже в Аракане. Распространение лара на востоке неизвестно. Однако он живет, веро-

ятно, в Сиаме; Бокк, к сожалению, не называет виды гиббонов, которых он наблюдал стадами у Меконга.

* * * *Обитает по всему Индокитаю, Таиланду, Малакке, в китайской провинции Юньнань и на севере Суматры. В горы поднимается до 2400 м.*

Белорукий гиббон (*Hylobates lar*)

Наконец, **быстрый, или чернорукий гиббон (*Hylobates agilis*)**, по Кантору, встречается рядом с ларом и на полуострове Малакка. Имеет голое голубовато-черное лицо (у самки оно с буроватым оттенком) и длинный, густой мех, цвет которого на голове, брюхе и внутренней стороне рук и бедер черный, над плечами и к шее постепенно становится светлее, а в паху переходит в бледно-бурый, между тем как задняя часть до коленных сочленений окрашена в смесь белого и красноватого цвета.

Руки и ноги темно-бурые. Самка светлее, борода на щеках у нее менее длинная, чем у самца, хотя все еще довольно велика, так что голова больше в ширину; детеныши одноцветные — желтовато-белые.

Строение тела длинноруких обезьян предназначено для лазанья. Они обладают всем необходимым для быстрого, продолжительного и ловкого лазанья и прыганья. Объемистая грудь вмещает большие легкие, которые не утомляются, не отказываются служить, если быстрое движение взволнует кровь; сильные задние конечности доставляют необходимую силу толчка для больших прыж-

ков; длинные передние конечности дают животному возможность с большой уверенностью хвататься за ветви, которые должны служить новой точкой опоры, при более коротких руках легко было бы промахнуться. Насколько эти руки длинны, становится яснее всего при сравнении. Размах рук человека, как известно, равен его росту, а размах руки гиббона почти вдвое больше длины его тела; человек, стоящий прямо, едва касается опущенными руками колен, гibbon же — ступней. Понятно, что такие руки почти непригодны для хождения: они приспособлены лишь для лазанья. Поэтому хождение длинноруких обезьян есть жалкое ковылянье на задних ногах, тяжеловесное переваливание тела, которое удерживается в равновесии лишь вытянутыми руками; зато лазанье и прыганье по ветвям получается у этих животных легко и ловко. Для этих движений нет, по-видимому, границ, они как бы не зависят от закона тяжести. Гиббоны на земле медленны, неуклюжи, неловки, короче, — они чужие на земле; на ветвях представляют прямую противоположность — это настоящие птицы в образе обезьян*.

** Гиббоны в совершенстве освоили особый тип передвижения брахиацию, при которой основным «двигателем» служат руки. Пожалуй, из всех приматов они наиболее специализированы в быстром передвижении в кронах. Там они способны совершать прыжки до 15 м. Способ перемещения гиббонов, будь то в неволе или в природе, неизменно вызывает у наблюдателей чувство восхищения. Тем не менее, судя по застарелым переломам конечностей, найденным у 70% обезьян, искусство брахиации дается гиббонам непросто: случаются и падения с большой высоты.*

Если горилла — Геркулес среди обезьян, то гibbon можно сравнить с легким Меркурием; недаром же один из них — лар — назван в память возлюбленной Меркурия, прекрасной, но болтливой наяды Лары, которая своим неугомонным языком возбудила гнев Юпитера, но красотой заслужила любовь Меркурия и, благодаря этому избежала ада.

Лар живет стадами из 6-20 особей, молодые и старые обоего пола вместе. По своему характеру он похож на хулока, но, по Тиккелю, не так подвижен и ловок, как последний. Он пьет иначе, так же как сиаманг: зачерпывает воду рукой и подлизывает капли, стекающие с пальцев. Его крик, судя по описаниям, совершенно отличен от крика хулока. Лар до такой степени пользуется на ветвях деревьев исключительно передними конечностями, что всякие предметы, которые он желает унести с собой, держит задними конечностями, особенно награбленные плоды, которые, убегаая, перетаскивает в безопасное место.

Наиболее неуклюже двигается в соответствии со своим внешним видом сиаманг, он не только медленно ходит, но и лазает несколько неуверенно и лишь в прыганье обнаруживает свою ловкость. Но и остальные виды могут лишь с трудом передвигаться на земле. «В комнате или на ровном месте, — говорил Гарлан о хулоке, — они ходят на задних ногах и довольно хорошо удерживают равновесие, причем поднимают кисти рук даже выше головы, слегка сгибают руки в запястном и локтевом сочленениях и затем довольно быстро бегут, покачиваясь вправо и влево. Если их побуждать к более быстрому движению, то они опускают руки до земли и перемещаются быстрее, опираясь на них. Они более прыгают, чем бегут, но все время держатся довольно прямо¹. У остальных видов туловище кажется не только слишком длинным, но и слишком тяжелым для коротких и тонких бедер, и поэтому обезьяны эти наклоняются вперед и употребляют при ходьбе обе руки, как костыли. «Таким образом они движутся вперед толчками, подобно ковыляющему на костылях старику, который боится сильного напряжения». Совершенно противоположное впечатление производят они, когда лазают. Все наблюдатели единогласно удивляются тому искусству и той ловкости, которую обнаруживают длиннорукие обезьяны на ветвях.

С невероятной быстротой и уверенностью влезает быстрый гibbon, по Дювоселю, на бамбуковый ствол, вершину дерева или ветвь, раскачивается на ней несколько раз вверх и вниз или вперед и назад и потом с легкостью бросается, пользуясь упругостью качающейся ветви. Он пролетает, будто стрела или наклонно опускающаяся птица, расстояние в 12-13 метров несколько раз подряд. Можно предположить, что сознание своего недостижимого для других животных искусства доставляет ему большое удовольствие. Он прыгает без надобности через препятствия, которые легко бы мог обойти, изменяет во время прыжка направление и виснет на первой понравившейся ему ветви, подобно акробату, кувыркается и качается на ней, быстро поднимается, раскачивается вверх и вниз и снова бросается в воздух, с уверенностью стремясь к новой цели. Кажется, будто он обладает волшебными силами, может летать, не имея крыльев, больше живет в воздухе, чем на ветвях. На что нужна такому одаренному существу земля? Она чужда ему, как и он ей; земля доставляет ему только освежающее питье, и, утолив жажду, гibbon снова возвращается в свое воздушное царство. Здесь он дома; здесь он наслаждается покоем, миром, безопасностью; здесь он может пренебрегать врагами или убегать от них; здесь он может жить и наслаждаться своими легкими движениями.

Некоторые наблюдатели сравнивают движения живущих на свободе длинноруких обезьян с полетом ласточек. Тем более замечательно наблюдение Г. О. Форбса над сиамангом. Он говорит: «Я считаю неверным, что эти обезьяны прыгают с дерева на дерево на такие большие расстояния, как обыкновенно говорят. Мне случилось видеть, что при рубке леса вблизи одного села стадо сиамангов оказалось отрезанным от ближайших деревьев лишь расстоянием в 30 футов; при каждом ударе топора они в величайшем страхе лазали по дереву вверх и вниз и не отваживались перескочить через этот промежуток; когда дерево стало падать, они и тогда не решились спрыгнуть с него, а были им раздавлены при падении». Из этого, однако, нельзя еще заключать, что сиаманги не могут перенестись через расстояние в 12 метров, особенно наискось вниз; возможно, что они, перепуганные и сбитые с толку своим необыкновенным и опасным положением, и не думали о том, чтобы спастись обычным способом. Уэллес, правда, тоже говорит, что сиаманг движется гораздо медленнее других гиббонов и не любит «громких прыжков», но все же указывает, что и он «перебрасывается туда и сюда между далеко стоящими друг от друга деревьями».

Наблюдение за этими животными на свободе имеет свои трудности, так как почти все виды длинноруких обезьян избегают человека и лишь изредка приближаются к лесным полянам. «Они живут по большей части, — говорит Дювосель о сиамангах, — многочисленными стадами под предводительством вожака, которого, по уверению малайцев, невозможно ранить. Если их застать врасплох на земле, то можно поймать, так как или испуг приводит их в ошеломление, или они сами чувствуют свою слабость на земле и сознают невозможность бегства. Как бы ни было многочисленно стадо, оно всегда покидает раненого товарища, хотя бы дело шло о совершенно молодом. Мать, однако, схватывает детеныша, пытается бежать, падает иногда вместе с ним вниз, затем испускает громкий горестный крик и с раздутым гортанным мешком и угрожающе расставленными руками загораживает дорогу врагу. Но материнская любовь проявляется не только в момент опасности. Случалось иногда наблюдать интересное зрелище, когда матери приносили своих малюток к реке, мыли, несмотря на их крики, затем старательно вытирали и сушили, и вообще так заботились об их чистоте, что такого ухода можно пожелать и некоторым человеческим детям. Малайцы рассказывали Диарду, и он позднее сам подтвердил это собственным наблюдением, что еще неспособных к движению детенышей всегда носит и водит тот из родителей, который одного пола с детенышем: детенышей мужского пола — отец, женского — мать*.

** Гиббоны моногамы, живут небольшими семейными группами, состоящими из пары и их разновозрастных детенышей. Пара создается долго, молодой самец долго ухаживает за самкой из другой группы. Семья имеет территорию от 5 до 40 га, границы участка предохраняются от вторжения соседей криками и демонстративными позами. Одно из деревьев на участке служит местом постоянной ночевки. Гнезд гиббоны не строят, спят сидя на корточках на ветке у ствола, обхватив голову руками. Благодаря густой шерсти риск промокнуть под дождем невелик. Питаются плодами, листьями, побегами. Детеныш рождается обычно раз в 2—3 года. Беременность длится 200-225 дней. Самка оставляет детеныша в 2 года (обычно к этому времени появляется более младший), и отпрыск целиком переходит на попечение отца. Половозрелость наступает в 6-10 лет. Самки у гиббонов более инициативны и играют в семье роль вожака.*

О хулоках мы тоже имеем довольно подробные рассказы. Эти обезьяны, по Гарлану, держатся преимущественно на невысоких горах, так как они не выносят холода. Их пища состоит из плодов, однако они поедают и некоторые травы, нижние ветви деревьев и другие части растений; они разжевывают их, проглатывают сок, а разжеванную массу выбрасывают. Блэнфорд сообщает, что хулоки, как и все обезьяны, охотно пожирают насекомых, особенно пауков, а также яйца и, конечно, молодых птиц, а может быть и вообще всех птиц, каких только им удастся поймать. О быстром гиббоне рассказывают даже, что он умеет ловить птиц на лету. По Овену, который прожил почти два года на родине хулоков, эти обезьяны собираются в лесах в общества от 50 до 100 особей; старые самцы, по словам Блэнфорда, отделяются от стада и живут отдельно, что часто встречается у многих млекопитающих. Обыкновенно хулоков замечают на вершинах тех деревьев, плоды которых особенно любят, но иногда они выходят по тропинкам из густого леса на открытые поляны. Раз Овен неожиданно встретил стадо этих животных, которое весело забавлялось, но при его приближении тотчас подняло тревогу и убежало в бамбуковую чащу; другой раз он, проходя один по вновь проложенной дороге, вдруг увидел, что окружен большим стадом этих обезьян, которые казались изумленными и еще более рассерженными тем, что в их царство проникло какое-то странно одетое существо. При приближении человека хулоки вообще убегают с возможной поспешностью, почему увидеть их удается редко. Они, как сообщил мне Гаскерл, так же осторожны, как и любопытны, и

потому нередко показываются на опушке открытого пространства, вырубленного под пашню в тех местностях, где еще не напуганы охотниками; но коль скоро замечают, что за ними наблюдают или к ним приближаются, то мгновенно скрываются, и после того обезьян уже не так легко увидеть. Зато их голоса приходится слышать чаще. При восходе и закате солнца они поднимают такой ужасный крик, что можно оглохнуть, находясь вблизи, и не на шутку испугаться, если нет привычки к этой странной «музыке». Это ревуны Старого Света; они будят обитателей Малайских гор и вместе с тем досаждают горожанам, которым отравляют отдых на дачах. Говорят, что их крик можно слышать на расстоянии английской мили. Часто приходилось слышать и крик длинноруких обезьян, содержащихся в неволе, притом как обладающих гортанными мешками, так и тех, которые лишены этих придатков, усиливающих голос. Один опытный наблюдатель, Беннет, держал живого сиаманга и заметил, что если он был чем-нибудь возбужден, то вытягивал губы воронкой, наполнял воздухом свой гортанный мешок и затем кричал почти как индюк. Он одинаково кричал и при радостном, и при гневном возбуждении*.

** Гиббоны единственные млекопитающие, кроме человека, способные издавать чистые мелодичные звуки. Утреннее хоровое пение семьи гиббонов служит для маркировки территории и объединения членов группы. Инициатором «концерта» является самец. Другие члены семьи подхватывают «мелодию» голосами разной тональности. «Песни» некоторых видов насчитывают до 90 «колен», состоящих из нескольких сигналов разного тона и тембра. Вокализация гиббонов зависит от погоды, времени суток, индивидуальных особенностей и «настроения» певцов.*

Относительно душевных способностей длинноруких обезьян мнения наблюдателей различны. Дювосель очень дурно отзываясь о сиаманге: «Его медлительность, непристойность и тупоумие остаются неизменными. Правда, под властью человека он скоро становится настолько же кротким, насколько был прежде диким, и настолько же доверчивым, насколько прежде был пугливым, однако всегда остается более боязливым, чем другие виды; он никогда не привязывается к человеку так, как те, и его покорность является скорее следствием невыразимого равнодушия, чем приобретенного доверия. Он остается одинаковым как при хорошем, так и при дурном обращении; благодарность и ненависть, по-видимому, для него чужды. Его внешние чувства слабы. Если он рассматривает что-нибудь, то безучастно; если ощупывает, то машинально. Это существо, лишенное всяких способностей, если расположить животное царство по степени развития ума, то ему пришлось бы занять одно из самых последних мест. По большей части он сидит скорчившись, обхватив себя длинными руками и спрятав голову между бедер и отдыхает или спит. Лишь время от времени выходит из этого состояния и прерывает продолжительное молчание неприятным бессмысленным криком, не выражающим ни чувства, ни какой-либо потребности. Даже голод, кажется, не пробуждает его из природной сонливости. В неволе он равнодушно берет пищу, без жадности подносит ее ко рту и даже позволяет отнять ее. Пьет он таким способом, который соответствует остальным его ухваткам: погружает в воду пальцы и сосет висящие на них капли». Бокк тоже называет сиаманга «ленивым и глупым в неволе; он не обнаруживает забавной живости, свойственной другим обезьянам и, по-видимому, теряет при этом понятливость». Подобным наблюдениям над отдельными животными не следует, однако, придавать слишком общего значения, тем более что другие наблюдатели если и не говорят прямо противоположного, то все же отзываються о наших обезьянах гораздо благоклоннее.

Уэллес выставляет сиаманга в более благоприятном свете. «Я купил, — говорит он, — маленькую длиннорукую обезьяну этого вида, которую туземцы поймали и так крепко связали, что даже поранили ее. Сначала сиаманг был довольно дик и хотел кусаться, но когда мы развязали его и предоставили ему для гимнастических упражнений два шеста под навесом дома, а затем привязали его короткой веревкой к кольцу, свободно двигающемуся по шесту, чтобы он мог ходить и лазать вперед и назад, то он скоро успокоился, принял довольный вид и стал очень проворно прыгать туда и сюда. Сначала сиаманг выказывал ко мне антипатию, которую я старался устранить тем, что всегда сам кормил его. Но раз во время кормления он так сильно укусил меня, что я вышел из терпения и сильно ударил его. В этом мне пришлось раскаиваться, так как после этого он стал ко мне относиться еще хуже. Моему мальчику-малайцу он позволял играть с собой; этими играми, а также собственными упражнениями, легкостью и ловкостью прыжков он доставлял окружающим большое удовольствие. Когда я возвратился в Сингапур, сиаманг привлекал общее внимание. Ел он почти все виды фруктов и рис, и я надеялся, что его удастся перевезти в Англию. Но он умер перед самым отъездом**».

** В неволе гиббоны оказываются довольно смышлены и забавны, у них богатая мимика и голосовые сигналы. Способны использовать орудия палки, веревки. Эти нежные приматы подвержены инфекционным заболеваниям, хотя могут и играть в открытых вольерах при 15-градусном морозе. Отмечены случаи продолжительности их жизни в неволе до 31 года. Вместе с тем из-за трудностей в подборе пар разводить гиббонов крайне трудно. Нередко между кандидатами на образование семьи возникает несовместимость, и потомства получить не удастся. В природе сокращается ареал и численность большинства гиббонов из-за охоты и вырубки лесов.*

Рассказ этот имеет совершенно другой тон, чем рассказ Дювоселя, и притом согласуется с тем, что мы знаем об остальных длинноруких обезьянах. Один хулок, которого Гарлан держал живым пять месяцев, стал менее чем за месяц таким ручным, что гулял, держась одной рукой за руку хозяина, а другой — опираясь о землю. «На мой зов, — рассказывает Гарлан, — он приходил, садился около меня на стул, чтобы завтракать вместе со мной, и брал с тарелки яйца или крыло курицы, не пачкая скатерти. Он пил также кофе, шоколад, молоко, чай; хотя обыкновенно он пил, погружая в жидкость руку, но, чувствуя сильную жажду, брал сосуд в обе руки и пил из него, как люди. Его любимыми кушаньями были: вареный рис, размоченный в молоке хлеб, бананы, апельсины, сахар и т.п. Бананы он очень любил, но охотно ел и насекомых, отыскивал в доме пауков и ловко ловил правой рукой мух. Подобно индусам, которые избегают есть мясо из-за религиозных побуждений, этот гиббон, по-видимому, тоже питал к нему отвращение».

Вообще гиббонов редко приходится видеть в неволе даже на их родине. Они не могут выносить потерю свободы, страстно стремятся назад в свои леса, к быстрым движениям на свободе, становятся все тише и печальнее и наконец умирают.

Семейство человекообразные

(Hominidae)*

** Семейство человекообразных обезьян и людей (Hominidae), по последним представлениям, включает в себя 4 рода и 5 видов наиболее крупных современных приматов.*

Важнейшим из азиатских человекообразных обезьян является **орангутан** (*Pongo pygmaeus*)** От африканских человекообразных обезьян орангутан отличается чрезвычайно длинными руками, достигающими до ступней ног, и клинообразно или пирамидально заостренной на макушке головой с весьма выдающейся вперед мордой; он имеет только двенадцать пар ребер. Пока он молод, череп его в высшей степени походит на детский, но с возрастом звериный образ получает такое преобладание, что череп старой обезьяны очень мало напоминает череп молодой.

** * Малайцы убеждены, что орангутан («человек лесной») умеет говорить, но не хочет, поскольку боится, что его вернут из леса и обратят в раба человека. Нередко можно услышать слово «орангутанг», но добавление единственной буквы резко искажает смысл названия, означая «человек-должник». До недавнего времени в русском языке было принято написание через дефис — «оран-гутан», сейчас вполне допустимо и сокращенное — «оранг».*

Рост величайшего орангутана-самца, убитого Уэллесом, был при стоячем положении животного 1,35 м высоты, а длина распростертых рук достигала 2,4 м, ширина лица — 35 см, обхват тела доходил до 1,15 м. Туловище животного, на котором сильно выступает вперед живот, широкое в бедрах; шея короткая и покрыта впереди складками, так как животное обладает большим горловым мешком, который может надуваться; длинные конечности имеют длинные кисти и пальцы. Ногти плоские и на большом пальце задних конечностей их часто не бывает. Губы некрасивые, потому что не только покрыты морщинами, но сильно вздуты и выдаются вперед; нос совершенно плоский, и носовая перегородка выдается из-за ноздрей; глаза и уши малы, но сходны с соответствующими частями лица человека. В ряду страшных зубов сильно выступают вперед клыки, нижняя челюсть длиннее верхней. Шерсть на спине редкая и очень жидкая на груди, но длиннее и гуще по сторонам тела, где она растет длинными космами. Волосы на лице растут в виде бороды, на верхней губе, подбородке, на черепе и на предплечьях они топорщатся вверх, на остальных частях тела направлены вниз. Лицо и ладони голы, грудь и тыльная сторона пальцев почти совершенно голы. Обыкновенно цвет волос темно-ржавый, рыжий, на спине и груди темнее, на бороде светлее. Обнаженные части имеют синеватый или сероватый оттенок. Старые самцы отличаются от самок значительной величиной, густыми и длинными волосами, особенно обильными на бороде, и характерными кожистыми наростами на щеках, которые в виде полумесяца идут от глаз до ушей и до верхней челюсти, что, конечно, значительно обезображивает лица этих обезьян. Молодые животные не имеют бороды, но зато шерсть их гуще и темнее.

Некоторые естествоиспытатели вместе с жителями, которые по показанию С. Мюллера, называют даже самок и самцов различными именами, полагают, что существует несколько видов орангутана; другие считают, что различия между ними несущественны и зависят от возраста.

Орангутанг (*Pongo pygmaeus*)

Орангутан известен еще с древних времен. Уже Плиний сообщал, что на горах Индии водятся сатиры, «очень злые животные с человеческим лицом, которые ходят прямо или на четвереньках, и притом с такой быстротой, что поймать можно или очень старых, или больных». Рассказ его передавался из века в век и пополнялся новыми добавлениями каждого нового рассказчика. По-видимому, было почти забыто, что речь идет все-таки о животных, обезьяны в этих рассказах превращаются в диких людей. Всякого рода преувеличения исказили первоначальные сведения и помрачили истину. Врач Бонцус, живший в середине XVII столетия на Яве, первый снова заговорил об обезьянах на основании собственных наблюдений. Он говорит, что «сам несколько раз видел лесных людей, как самцов, так и самок. Ходят они довольно часто на задних ногах, и движения совершенно похожи на человеческие. Особенно удивительна была одна самка. Она стыдилась, когда ее рассматривали незнакомые люди, и не только лицо, но и все свои голые части прикрывала руками; она вздыхала, плакала и до того поступала по-человечески, что ей недоставало только дара слова, чтобы быть вполне человеком. Явайцы утверждают, что эти обезьяны могли бы хорошо говорить, если бы только захотели, но они не делают этого потому, что боятся, как бы не заставили их работать. Признавалось за верное, что эти лесные люди произошли от скрещивания обезьяны с индийскими женщинами».

Благодаря превосходным исследованиям Уэллеса мы имеем теперь о жизни орангутана на свободе такие подробные сведения, каких нет о других человекообразных обезьянах. Названный путешественник имел полную возможность изучить животное и сравнить сообщения местных жителей с собственными наблюдениями. К чести его предшественников, из которых многие, а именно Оуэн, Кессель и Брук, положили немало труда, чтобы очистить описание орангутана от басней и заблуждений, я должен сказать, что Уэллес хотя и передает только собственные наблюдения, но в существенном подтверждает сообщения предшественников.

"Известно, — говорит он, — что орангутан живет на Суматре и Борнео, и имеется достаточно оснований думать, что область его распространения ограничивается этими большими островами*.

** В настоящее время его ареал включает север о. Суматра (5-15 тыс. особей) и внутренние части о. Борнео (Калимантан) (80 тыс. особей). Все человекообразные обезьяны включены в Красную книгу Международного союза охраны природы, в различные конвенции, ограничивающие торговлю животными, однако ситуация с орангутаном наиболее драматична. Лишь 10-12% этих обезьян живут на охраняемых территориях, популяции фрагментированы, и между ними затруднен обмен. Размножающиеся группы в зоопарках и немногие реабилитационные центры по возвращению прирученных детенышей в природу пока не перекрывают ежегодного урона природным популяциям орангутанов.*

Впрочем, на первом встречают его гораздо реже. Орангутан водится в обширных местностях юго-западного морского берега, но живет исключительно в низменных и болотистых лесах. В Садонге его можно встретить только на ровных, богатых водой и поросших первобытным высоким лесом местностях. Над болотами возвышаются многие отдельно стоящие горы, обитаемые отчасти даяками, которые разводят здесь плодовые деревья. Эти сады служат для орангутанов завлекательной приманкой; они посещают их, чтобы поживиться плодами, но на ночь удаляются назад, в болотистый лес. Во всех местностях, где почва несколько возвышена и суха, орангутан не водится. Он встречается, например, в глубоких долинах реки Саравак, а у устья, где заметны приливы и отливы, его не видно, потому что нижняя часть долины Саравак болотиста, но не везде покрыта высоким лесом, а большей частью поросла низкими пальмами. Вблизи же города Саравак почва сухая и холмистая, и на ней небольшими участками растет первобытный лес и встречаются джунгли. Большая площадь непрерывного и равномерно высокого первобытного леса является условием для благоденствия нашей обезьяны. Такие леса для нее все равно что открытое поле, по ним она движется в каком угодно направлении с такой же легкостью, как индийцы путешествуют по степям, а арабы — по пустыням. Она переходит с вершины одного дерева на другое и никогда не спускается на землю. Высокие, сухие местности с прогалинами, поросшие низкими джунглями, конечно, являются вполне пригодными для человека, но не удобны для того своеобразного способа движений, каким пользуется наше животное: на таких местах оно может подвергнуться многим опасностям. Вероятно также, что в этой области встречаются плоды в большом разнообразии, потому что небольшие горы служат местным жителям садами и местом для насаждения растений, так что деревья горных стран могут с успехом произрастать среди болотистой равнины.

Видеть спокойное шествие орангутана через лес составляет редкое и поразительное зрелище. Он идет осторожно, в согнутом положении вследствие значительной длины рук и относитель-

ной короткости задних конечностей и двигается так же, как и все сродные ему обезьяны: ходит не на подошвах, а на кулаках. По-видимому, он всегда выбирает такие деревья, ветви которых сплетены с ветвями близстоящих. Протягивает длинную руку, если близко, хватая намеченные ветви обеими руками, пробует их крепость и затем осторожно перебирается на ближайший сук, по которому и продолжает идти. Он никогда не скачет и не прыгает, по-видимому, никогда также и не спешит, но тем не менее подвигается вперед так быстро, что бегущий по земле человек его не перегонит**.

** Орангутан медленный брахиатор, попеременно находящий точки опоры всеми четырьмя конечностями. К нему в наибольшей степени подходит определение «четверорукий». По земле орангутан ходит опираясь на внешние стороны полусжатых стоп и почти не использует опору на кулаки рук, что характерно для шимпанзе и горилл.*

В другом месте Уэллес замечает, что в продолжение часа орангутан свободно проходит пространство в 5-6 английских миль.

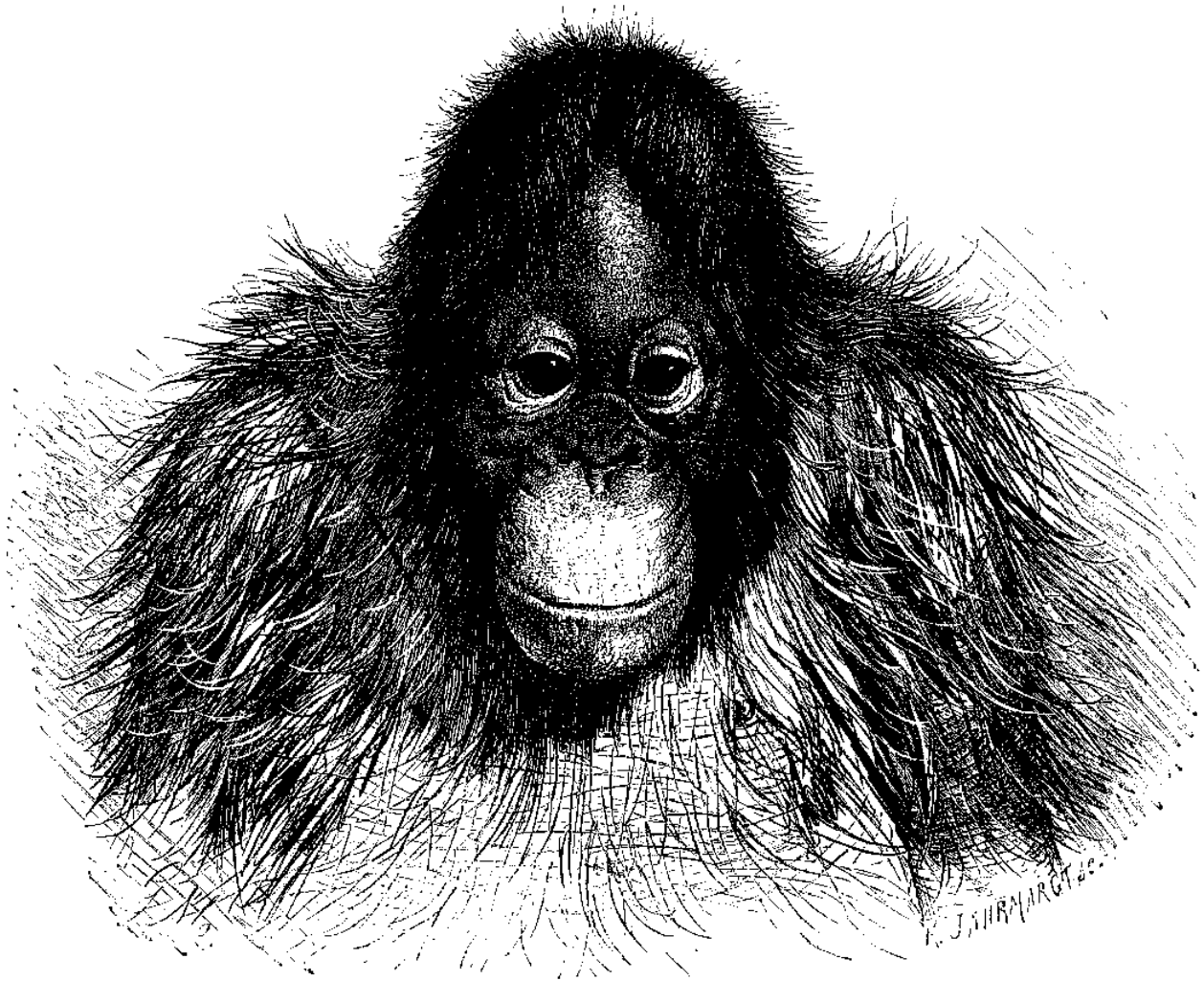
Длинные и сильные руки оказывают ему большую пользу, они дают возможность легко взбираться на самые высокие деревья, чтобы обрывать плоды и молодые листья с гибких ветвей, которые не могут выдержать его тяжести, также набирать листья и сучья, чтобы сделать себе гнездо.

Подобного рода гнездо орангутан устраивает почти каждую ночь для сна, но обыкновенно он складывает его на небольшом дереве не выше 5-15 м над землей, вероятно, потому, что здесь его меньше беспокоит ветер. Рассказывают, будто орангутан должен строить себе каждую ночь новое гнездо, но это представляется мне маловероятным, потому что в таком случае приходилось бы чаще встречать следы гнезд, чем это бывает на самом деле. Даяки говорят, что во время ненастья обезьяна укрывается листьями пандала и большими папоротниками. Это, может быть, и привело к предположению, что обезьяна строит себе на деревьях нечто вроде хижин**.

*** Орангутан каждый вечер строит новое гнездо, заламывая и укладывая ветки вокруг основной развилки и накрывая сооружение для мягкости лианами и листьями. Весь процесс занимает несколько минут.*

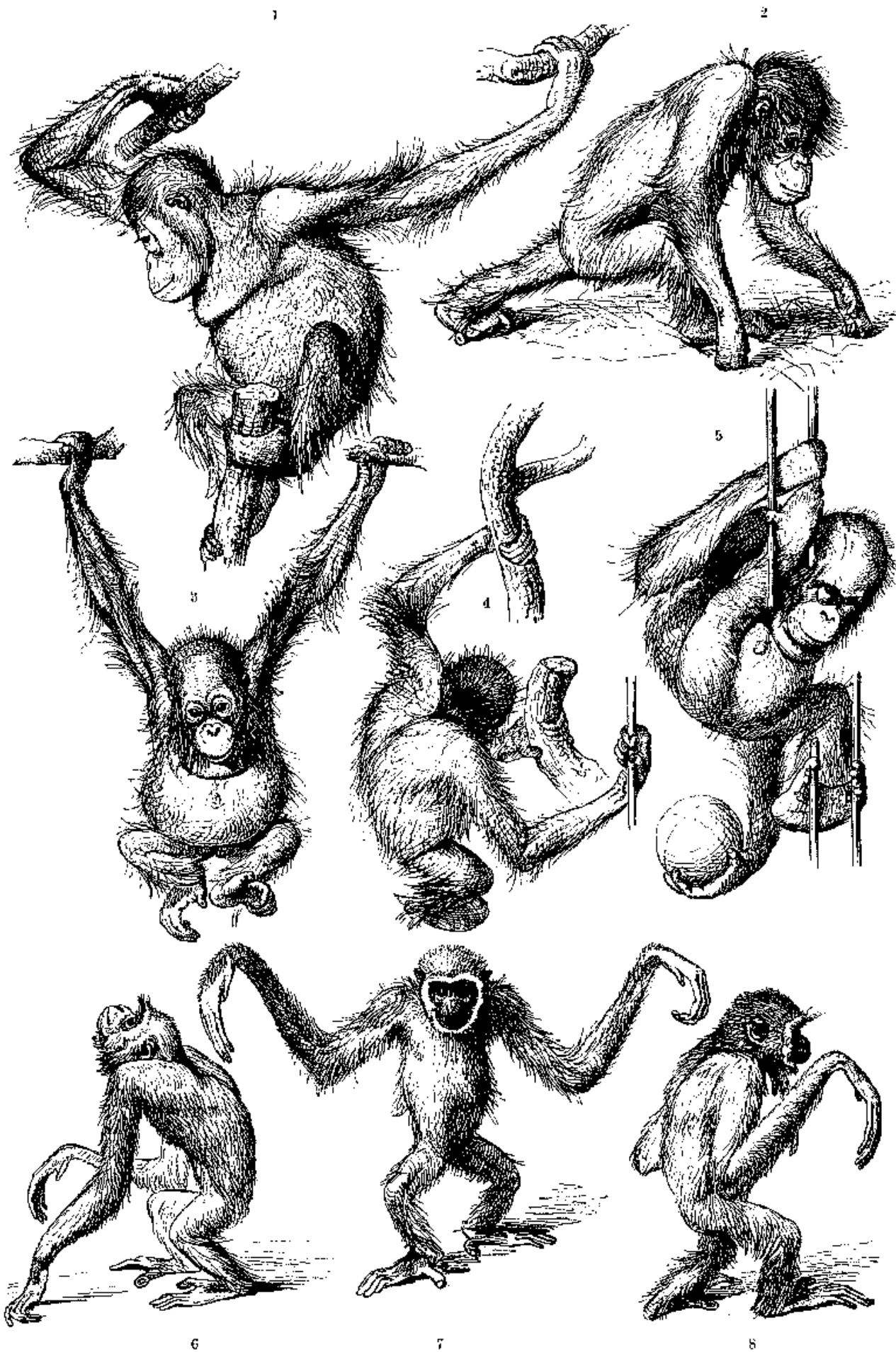
Орангутан оставляет свое ложе только тогда, когда солнце стоит уже высоко и роса на листьях успела высохнуть. Середину дня он употребляет на то, чтобы есть, но редко возвращается в течение двух дней к одному и тому же дереву. Насколько я мог убедиться на опыте, он питается почти исключительно плодами и иногда листьями, почками и молодыми побегами. Незрелые плоды предпочитает зрелым, ест также очень кислые или очень горькие; в особенности ему доставляет удовольствие большая мясистая красная семенная оболочка одного тамошнего плода. Только иногда он лакомится маленькими семенами больших плодов, но опустошает и разоряет кругом гораздо больше, так что под деревьями, на которых он ел, всегда находится масса остатков. В высшей степени любит дурианы и уничтожает этот драгоценный плод в большом количестве, но никогда не решается переходить просеки, чтобы добыть его. Орангутан крайне редко спускается на землю, вероятно, только тогда, когда, понуждаемый голодом, ищет на берегу сочные побеги или когда во время очень сухой погоды идет за водой, которую обыкновенно находит в достаточном количестве в углублениях листьев. Только однажды я видел двух полувзрослых орангутанов на земле в сухой норе. Они играли вместе, становились прямо и охватывали друг друга руками. Никогда обезьяна этой породы не стоит на задних лапах, разве только тогда, когда держится руками за ветви или когда на нее нападают и она собирается защищаться. Рисунки, на которых ее изображают ходящей с палкой, неверны и основаны на вымысле.

Человека орангутан, по-видимому, не очень боится. Те из обезьян этой породы, которых я наблюдал, смотрели на меня несколько минут широко раскрытыми глазами и затем медленно удалялись к соседнему дереву. Завидя одного из орангутанов, я часто должен был отойти за тысячу и более шагов, чтобы взять ружье, при возвращении почти всегда находил его на том же дереве или недалеко. Никогда не видел вместе двух совершенно взрослых животных, но почти всегда встречал самцов, равно как и самок, в сопровождении полувзрослых детенышей.

Орангутанг

Даяки рассказывают, что орангутан почти никогда не подвергается нападениям со стороны зверей в лесу, за исключением только весьма редких случаев. Все предводители даяков, проводившие жизнь в местах, где часто водится орангутан, уверяли меня, что никакое животное не обладает достаточной силой, чтобы его убить, и единственное существо, с которым он вступает в борьбу, — это крокодил. Когда орангутан не находит в джунглях достаточно плодов, то отправляется на берег реки за растущими около воды молодыми побегами и плодами. Здесь и случается, что крокодил старается схватить его, но орангутан прыгает на него, бьет руками и ногами, рвет на части и убивает. Рассказчик прибавлял при этом, что раз он сам был свидетелем такой борьбы, и уверял, что обезьяна всегда остается победителем. Другой предводитель рассказал мне следующее: «Орангутан не имеет врагов, потому что ни одно животное не осмеливается нападать на него, исключая крокодила и тигровую змею. Он убивает крокодила благодаря своей чрезмерной силе, причем становится на него, разрывает его челюсти и перегрызает горло. Если тигровая змея нападает на орангутана, он обхватывает ее руками, кусает и быстро убивает. Он очень силен. В джунглях нет другого животного, которое было бы столь же сильно, как он.

Орангутанг (1-5) Гиббон (6-8)

При исключительных обстоятельствах случается также, что орангутан вступает в борьбу и с человеком. Однажды пришли ко мне некоторые даяки, чтобы рассказать, что орангутан вчера чуть

не убил одного их товарища. В нескольких милях вниз по реке стоит хижина даяка, и ее жители заметили большого орангутана, который спокойно обрывал побеги пальмы на берегу. Его спугнули, и он бросился назад в джунгли, но толпа людей, вооруженных копьями и дубинами, пересекла ему дорогу. Передний отважился бросить свое копье в животное, но орангутан схватил противника руками, вонзил зубы в его руку около плеча и стал рвать на куски мясо выше локтя; не будь при этом других людей, человек был бы еще больше изуродован или даже совсем убит. Но спутники копьями и топорами забили насмерть разъяренное животное. Раненый долго был болен и никогда уже не мог вполне владеть своей рукой». В справедливости этого рассказа убедился и сам Уэллес: на следующий день он посетил место борьбы и отрезал голову убитого орангутана, чтобы присоединить ее к своей коллекции*.

** Описана вполне объяснимая реакция самозащиты, характерная для любой обезьяны и вовсе не свидетельствующая об исключительной свирепости орангутана. Важно, что во всех подобных случаях нападающей стороной является человек.*

Я позволю себе в дополнение к этому превосходному очерку жизни орангутана присовокупить некоторые прежние сведения. Первыми точными наблюдениями мы обязаны голландцу Фосмерну, который долгое время держал у себя самку. «Животное было добродушно и никогда не выказывало злобы или коварства. Можно было без всякого опасения класть ей в рот палец. Она имела вид несколько печальный и грустный, она любила человеческое общество без различия пола, но оказывала предпочтение тем людям, которые больше других занимались ею. Обезьяну посадили на цепь, что иногда повергало ее в отчаяние: она бросалась тогда на пол, жалобно кричала и рвала одеяло, которое ей давали. Выпущенная однажды на свободу, быстро влезла на стропила кровли и бегала по ним с такой быстротой, что четверо людей провозились целый час, пока поймали ее. При этом приключении она стащила бутылку малаги, откупила ее и поспешно выпила вино, а бутылку опять поставила на место. Она ела все, что ей давали, но предпочитала другой пище плоды и коренья. Охотно ела также вареное и жареное мясо или рыбу. За насекомыми не охотилась, а когда ей дали живого воробья, то очень испугалась, но все-таки загрызла его, выдернула несколько перьев, попробовала мясо и выкинула птицу вон. Сырые яйца пила с наслаждением. Лучшим лакомством, по-видимому, считала землянику. Обычным питьем ей служила вода, но она очень охотно пила также всякого рода вино, и в особенности малагу. После питья вытирала губы рукой и даже употребляла совершенно как человек зубочистку. Воровала чрезвычайно искусно, и так ловко крадала из карманов людей лакомства, что они и не замечали этого. Перед сном делала большие приготовления: поправляла сено на постели, встряхивала его хорошенько, клала особую связку сена под голову и затем покрывалась одеялом. Одна спать в комнате не любила, потому что вообще не выносила одиночества. Днем иногда дремала, но всегда недолго. Ей дали платье, которое она натягивала то на тело, то на голову, и притом не разбирая, холодно или жарко. Однажды при ней отперли ключом замок ее цепи, она смотрела на это с большим вниманием и затем взяла щепку, воткнула в замочное отверстие и принялась вертеть ее во все стороны. Раз дали ей котенка, она схватила его крепко и тщательно обнюхала, котенок оцарапал ей руку, тогда она отбросила его прочь, осмотрела царапину и с этих пор уже не хотела знаться с Васькой. Она умела очень ловко развязывать самые запутанные узлы руками или зубами, если они были слишком туго затянуты, и это доставляло ей такое большое удовольствие, что она всегда развязывала шнурки у башмаков тех людей, которые к ней подходили. В руках ее была необыкновенная сила, и она могла подымать ими большие тяжести. Задними конечностями пользовалась так же ловко, как и передними. Так, например, если случилось, что она не могла чего-нибудь достать передними, то ложилась на спину и приближала к себе предмет задними. Она кричала только тогда, когда ее оставляли одну. Сначала крик этот походил на вой собаки. Чахотка скоро положила конец ее жизни»*.

** В непривычном климате орангутаны очень подвержены инфекционным заболеваниям. Тем не менее именно орангу принадлежит рекорд продолжительности жизни млекопитающего в неволе — 60 лет. В природе оранги живут 35-40 лет.*

Другой прирученный орангутан, о котором рассказывает Джеффрис, содержал свою клетку очень чисто, мыл в ней пол тряпкой и водой и удалял всякого рода остатки еды и тому подобное. Он мыл себе лицо и руки, как человек. Третий орангутан отличался большой нежностью по отношению ко всем тем, кто дружелюбно с ним говорил, и совершенно по-человечески целовал своего господина и сторожа. С незнакомыми был очень робок, к знакомым же относился вполне доверчиво.

Я имел случай наблюдать многих живых орангутанов, но мне не случилось встретить ни одного, которого можно было бы сравнивать с шимпанзе одного и того же возраста. Всем им недоставало свойственной последним веселости и охоты к шуткам: они были, напротив того, в высшей сте-

пени серьезны, большей частью очень тихи и потому скучны. Каждое движение их было медленно, а выражение добродушных коричневых глаз печально. Таким образом, они представляли во многих отношениях противоположность шимпанзе.

Горилла (*Gorilla gorilla*) несколько меньше ростом, но значительно шире в плечах большого человека. По Окену, впервые давшему подробное описание гориллы, рост самца, как видно по шкарам, присланным Саважем и Дю-Шаллю, от подошвы до темени 1,65 м, ширина плеч 95 см, длина головы и туловища вместе 1,08 м, передних конечностей 1,08 м, длина задних конечностей до пятки 75 см, а до конца среднего пальца 1,5 м. Вероятно, есть гориллы-самцы и большего роста, так как фон Коппенфельс определил рост только что убитого гориллы в 1,9 м, и Гартманн также приводит более крупные цифры**.

* * *Горилла (Gorilla gorilla) является самым крупным современным приматом. Рост некоторых самцов в выпрямленном положении достигает почти 2 м, обхват грудной клетки - 175 см, масса — до 200 кг (в неволе иногда до 300 кг).*

Самки меньше ростом. Длинное крепкое туловище и такие же передние конечности, непомерной длины кисти и ступни, а также соединение средних пальцев рук и ног особой кожей — вот самые характерные признаки гориллы***.

* * * *Горилла лучше приспособлена к четвероногому передвижению по земле. Положение ее тела на четвереньках почти горизонтально.*

Линия, образующая очертание головы от сильно выдающихся надглазных дуг, вначале несколько вогнута, затем слегка выпукла, достигнув темени, поднимается вверх и круто спускается по направлению к затылку. Линия бровей благодаря толстой, покрывающей их коже и густым волосам выдается еще сильнее, вследствие чего небольшие темно-карие глаза более углубляются внутрь. Плоский нос вдавлен посередине и значительно расширен с боков, кончик его благодаря широким ноздрям, косо открывающимся вперед и кверху, заметно выдается. Расстояние между носом и глазами у различных горилл не одинаково, что придает каждому лицу, окаймленному взъерошенными волосами, своеобразное выражение. Морда широкая, толстые губы не так подвижны, как губы других человекообразных обезьян, походят больше на человеческие и также представляют замечательные различия у каждой особи*.

* *Верхняя губа гориллы очень коротка, малоподвижна и не похожа на губы человека, шимпанзе или орангутана.*

Короткий подбородок ушел бы внутрь, если бы вся нижняя часть лица не была выдвинута вперед. Уши, отодвинутые далеко назад и лежащие на одном уровне с глазами, сравнительно меньше ушей шимпанзе, но больше человеческих. С последними они сходны больше, чем уши какой-либо другой обезьяны, так как имеют хорошо развитую раковину и маленькую, однако висячую мочку. Короткая шея благодаря мощным мышцам, покрывающим остистые отростки позвонков, составляет с затылком и спиной прямую линию, поэтому шея от туловища отделяется только сбоку и спереди, так что голова кажется сидящей непосредственно на туловище. Само туловище отличается как своей необыкновенной шириной, так и несоразмерной длиной по отношению к туловищу человека. Мощная грудная клетка необычайно объемиста, ширина плеч почти непомерной величины, спина слегка согнута**, но так, что лопатки не выступают, брюхо равномерно выпукло.

* * *В отличие от «сутулых» шимпанзе спина самки гориллы абсолютно прямая, а у самца — сильно прогнута в пояснице.*

Конечности гориллы существенно отличаются от человеческих равномерной толщиной отдельных частей, обусловливаемой отсутствием толстых мускулов на плечевой части руки и икр на голенях. Сравнительно с другими человекообразными обезьянами у гориллы плечо относительно длиннее, вся же рука короче. Сравнительно с человеком у гориллы руки вовсе не так длинны, как это кажется на первый взгляд по причине короткости ног. Предплечье, незначительно утончаясь, переходит в короткую, широкую и толстую кисть, отличающуюся длинной ладонью, три средних пальца толстые, крепкие, как бы опухшие, соединены между собой до третьего сустава кожей, благодаря чему двигаться свободно могут самое большее два сустава, и снабжены ногтями, равными по величине человеческим, но маленькими для рук гориллы. Большой палец, как у всех человекообразных обезьян, слаб и почти наполовину короче каждого из остальных пальцев. При сравнении с другими сходными с ней обезьянами бедро гориллы оказывается развитым сильно, голень, напротив, короткая и слабая; ступня также короткая и широкая. Шерсть гладкая, довольно длинная и густая, слегка волнистая на затылке, плечах и бедрах. Лицо начиная от бровей до половины скул и подбородка, уши, кисти и ступни с боков и снизу, до места сращения пальцев, остаются голыми. Остальное тело покрыто шерстью довольно равномерно, гуще всего одеты ею темя, затылок, плечи,

верхние части рук, а также верхняя и нижняя часть ног, где шерсть иногда бывает длиной в 10 см и более. На груди и брюхе шерсть реже, у старых горилл посредине спины и внизу ее она бывает обыкновенно вытерта. Растет шерсть вообще по направлению спереди назад и сверху вниз, за исключением предплечья, где она растет по направлению снизу вверх. Все свободные от волос части тела темно-серого цвета, кожа, покрытая волосами, темно-бурого цвета, сама шерсть имеет различную окраску, трудно поддающуюся описанию. Преобладает темно-серый цвет, происходящий от смешения небольшого количества красноватых со множеством серых волос. Этот смешанный цвет принимает на темени и затылке более равномерный оттенок, и поэтому эти части выглядят красновато-серыми, даже рыжими. На спине преобладает серый цвет, на поверхности ног, обращенной внутрь, — коричневый. На задку находятся несколько грязновато-белых волос. Самец и самка отличаются друг от друга только ростом и формой головы, старые и молодые не имеют существенных отличий*.

** Цвет шерсти гориллы заметно варьирует от пола, возраста, подвидовой принадлежности животного. У западных горилл больше примеси серо-коричневых тонов, как правило, они имеют рыжеватую «шапочку». Восточные гориллы иссиня-черные. После 13 лет жизни короткая шерсть на спине и пояснице самцов стремительно седеет (у западного подвида — до бедер). Серебристо-серая или белесая спина становится признаком зрелости. Широко известна горилла-альбинос Снежок, пойманная в Экваториальной Гвинее и долго жившая в Барселонском зоопарке.*

Зубы очень велики, клыки развиты едва ли меньше, чем у хищных животных, задний коренной зуб нижней челюсти имеет три маленьких наружных и два внутренних бугорка, а также плоский бугорок сзади. Остов своей массивностью соответствует величине животного. На громадном черепе особенно бросается в глаза его задняя часть, узкая, длинная, сильно сдавленная с боков, сзади выступающая углом и малообъемная; теменной гребень большей частью сильно развит у самца, отсутствует редко, у самки же его никогда не бывает**.

** * К костяным гребням на черепе крепится мощная шейная и жевательная мускулатура, необычайно развитая у этих растительноядных животных.*

Не менее замечательны надглазные и скуловые отростки лобной кости, выдающиеся далеко вперед, а также исполинская нижняя челюсть. Грудная клетка необыкновенно обширна, а кости рук поражают могучим сложением. По Гексли и Гартманну, кости ступни не похожи на кости руки, а скорее похожи на остов настоящей хватательной ноги, снабженной длинным, толстым большим пальцем, оказывающим прекрасные услуги при лазанье.

Нельзя еще с точностью указать область распространения гориллы. Родиной ей, по видимому, служит лишь небольшая область западной Африки, а именно Нижняя Гвинея. До сих пор она встречалась в местностях, лежащих по берегу моря, приблизительно между экватором и 5 градусом южной широты, а также на западном склоне соседних гор. Так как горилла — обитатель лесов, то она, по всей вероятности, не встречается ни южнее, по направлению к реке Конго, ни в местностях, лежащих по другую сторону горной цепи, а, всего вероятнее, живет к северу от рек Огове и Габуна до Камеруна, в местностях, обильно орошаемых и потому покрытых густыми лесами. Она встречается, может быть, также и в Верхней Гвинее, в местностях, находящихся в тех же благоприятных условиях.

После Ганнона первые сведения о больших человекообразных обезьянах доставили Эдуард Лопец, мореплаватель и торговец, и Андрей Баттель, бывший солдат и мародер, жившие в конце XVI столетия в различных местах Нижней Гвинеи. Баттель рассказывает про настоящую гориллу, живущую по берегу около устья реки Лоанго, и впервые употребляет название «мпунгу», что развеивает всякие сомнения относительно достоверности его сообщений. Описывая бухту Умба и впадающую в нее реку, которую называет Банна (речь идет о Баниа), он говорит: «Леса до того кишат павианами, мартышками, обезьянами и попугаями, что все боятся путешествовать в них, больше всего при этом опасаются двух чудовищ, живущих в этих лесах и в высшей степени опасных. Самое большое из этих чудовищ африканцы называют «понго» (вернее, «мпунгу»), то, которое меньше, — «ензего» (вернее, «нзику»). Понго сложен как человек и лицом похож на него, его громадный рост и впалые глаза, защищенные пучками длинных волос, делают его похожим скорее на великана. Лицо, уши и руки лишены волос, тело, напротив, покрыто, хотя и не особенно густо, темными волосами. От человека он отличается исключительно своими ногами, не имеющими икр. Он всегда ходит на ногах и, бегая по земле, складывает руки на затылке. Спит на деревьях и строит себе навесы от дождя. Пища его состоит из плодов, которые находит в лесах, и орехов, мяса не ест никогда. Говорить не может, и разума у него не больше, чем у всякого животного. Если местным

жителям принужденным путешествовать в этих лесах, случается ночью развести огонь, то поутру, как только они оставят место ночлега, тотчас же появляются понго, садятся у огня и сидят, пока он не потухнет; они не понимают, что для поддержания его нужно подкладывать дрова. Они часто собираются в стада и убивают немало африканцев в лесу, нападают также на слонов, которые пасутся поблизости, и так сильно колотят их своими мощными кулаками, что те с ревом убегают. Этим понго никогда не удается поймать живыми, так как десять человек не в состоянии удержать одного из них; зато их детенышей часто убивают отравленными стрелами. Молодой понго так крепко прицепляется к телу матери, что африканцам, которым удается убить самку, достается и детеныш, не покидающий мать. Когда одно из этих чудовищ умирает, остальные покрывают его кучей веток и хвоста; таких куч в лесах встречается множество».

Несколько позже капитан одного корабля, который провел довольно долгое время на западном берегу Африки, упоминая о тех же обезьянах, указывает, однако, на три различных вида, добавляя, что самый большой из них называется «импунгу».

Лишь в 1846 году американскому миссионеру Вильсону удалось добыть череп этой обезьяны. Не было сомнения, что он принадлежит виду, еще не описанному. После долгих поисков был найден другой череп; остальные же части скелета надеялись раздобыть позже. Африканцы, вполне знакомые с нравом и привычками этого животного, давали весьма похожие показания относительно его роста и зверского нрава и обещали в короткий срок доставить полный скелет. Вильсону самому удалось увидеть убитую гориллу. По его уверению, невозможно, не видевши, составить себе верного понятия ни о ее безобразной внешности, ни о необыкновенной мышечной силе. Неудивительно, что африканцы, даже вооруженные, боятся встречи с ним. По их словам, обезьяна чрезвычайно зла и при встрече с одним человеком немедленно нападает на него. «Я сам, — уверяет Вильсон, — видел человека, которому одно из этих чудовищ почти совершенно откусило икру и который был бы разорван на части, если бы его вовремя не выручили товарищи». Уверяют, что гориллы вырывают из рук человека ружье и сплющивают его дуло между челюстями; действительно, если принять во внимание громадную силу челюстных мышц, то это никому не покажется невозможным.

Горилла (*Gorilla gorilla*)

Около того же времени Саваж, производя подобные исследования среди африканцев, собрал сведения об образе жизни этих обезьян и напечатал результаты своих исследований в «Бостонском вестнике естествознания» за 1847 год, не прибавив ничего нового к прежним описаниям, основанным на рассказах местных жителей. Сведения, доставленные Фордом в 1852 году, согласуются с предыдущими. Он имел случай наблюдать пойманную маленькую гориллу. «О зверском нраве горилл можно было ясно судить, наблюдая привезенного сюда детеныша. Его держали несколько месяцев и всеми силами старались приручить, но он был до того дик, что укусил меня». Следующие сведения доставлены Дю-Шаллью. Я бы воспользовался его сообщениями, если бы они не возбудили во мне при первом же чтении непреодолимого недоверия. Я вполне согласен с Ридом в том, что рассказы Дю-Шаллью представляют замечательную смесь истины с вымыслом, и присоединяюсь к мнению Рида, когда он говорит, что Дю-Шаллью написал про гориллу много верного, но ненового и немного нового, которое оказывается неверным.

Из всех сведений, доставленных прежними путешественниками, больше всего, по-видимому, можно положиться на сведения, добытые Ридом. «Путешествуя в стране горилл, — говорит он, — я осведомлялся в каждом селении, где останавливался на ночлег, о том, не окажется ли там африканца, которому случалось убить гориллу. Если на мое счастье таковой находился, его приводили ко мне, и я, через переводчика, расспрашивал о нравах и привычках этих обезьян. Подобному плану следовал я, находясь среди белингов на реке Муни, среди шикенов на реке Габун и среди коммов на Фернандовац. Те же вопросы я предлагал и невольникам, уроженцам Центральной Африки, которые находились при своих хозяевах в качестве охотников. Сравнив все полученные сведения, я удержал лишь то, что подтверждалось одинаковыми показаниями охотников этих трех различных районов Центральной Африки. В то время как шимпанзе живет вблизи небольших степей, горилла, по-видимому, любит полумрак густых лесов. Бегаёт на четвереньках, и самца можно встретить иногда одного, а иногда в сопровождении самки и детеныша. Он срывает с деревьев ветви и листья, находящиеся над землей, на доступной ему высоте. Иногда влезает на дерево, чтобы полакомиться плодами. Есть трава, растущая на сырой, покрытой кустарником почве, которую горилла любит до того, что можно почти наверное рассчитывать встретить ее в местности, где попадает это растение. По утрам и вечерам посещает плантации, поедает бананы, сахарный тростник и издает при этом жалобный крик. Ночлег устраивает на деревьях. Когда самка беременна, самец строит на высоте 5–8 метров над землей гнездо, то есть простое логовище из сухих прутьев и ветвей, которые натаскивает руками. Здесь самка производит на свет детеныша, после чего покидает гнездо. Во время течки самцы ведут борьбу за обладание самками. Свидетель, заслуживающий доверия, видел двух из них в бою, один был гораздо больше другого и убил меньшего. Из этого следует заключить, что гориллы, подобно другим зверям, ведущим борьбу за обладание самками, живут в многобрачии. Обыкновенный крик гориллы жалобен. В ярости издает резкий, хриплый лай, похожий на рев тигра.

Благодаря склонности африканцев все преувеличивать я вначале наслушался самых разнообразных рассказов про дикость гориллы. Однако когда расспросил настоящих охотников, то нашел, насколько мог судить, что они, как все отважные люди, скромны и скорее молчаливы, чем болтливы. То, что они сообщали о дикости этих обезьян, не совсем согласуется с рассказами Саважа и Форда. Они отрицают факт, что горилла, не будучи раздражена человеком, нападает на него. «Не трогайте ее, — говорят они, — и она вас не тронет». Если же неожиданно потревожить ее во время еды или сна, она круто оборачивается, устремляет пристальный взор на человека и испускает негодующий, жалобный крик. Если ружье охотника дает осечку или обезьяна будет только ранена, то случается, что она бросается в бегство; иногда, однако, с яростью во взоре, с отвисшей губой и приподнявшимся пучком волос на голове кидается на противника. Горилла, по-видимому, не отличается проворством, так как охотники зачастую убегают от нее. Нападает она всегда на четвереньках, хватает досадивший ей предмет, подносит ко рту и кусает его. Распространенный повсюду рассказ о том, что горилла в состоянии прокусить дуло ружья, не представляет ничего удивительного, так как всякое большое животное, имеющее крепкие челюсти, может сплющить зубами дешевые бирмингемские ружья. Я слышал с различных сторон, что горилла убивала людей, но всегда оказывалось, что рассказы эти основаны на преданиях. Охотник, служивший мне проводником, был однажды ранен гориллой. Рука его была совершенно искалечена, и на кисти еще виднелись следы зубов гориллы. Я попросил его с точностью представить мне, как нападает горилла. Я изображал охотника, он — гориллу. Он присел, а я сделал вид, что хочу стрелять в него. Тогда он на четве-

реньках подбежал ко мне, схватил мою руку у кисти, поднес ко рту, укусил ее и убежал. «Вот как сделала горилла со мной», — сказал он.

При содействии таких простых свидетелей лучше всего можно добиться истины среди африканцев. В общем леопарда считают за более свирепое и более опасное животное, чем гориллу. Но ведь, с другой стороны, и шимпанзе бросается на человека, когда тот нападает на него; то же делает и орангутан, так же поступают наконец все животные, начиная со слона и кончая насекомыми. Итак, я не имею никакого основания предположить, что горилла более свирепа и более склонна нападать на человека, нежели другие звери, которые, подобно нашей обезьяне, осмотрительны и трусливы и умеют пользоваться своим прекрасным чутьем и слухом, чтобы уйти от преследований человека*.

** Горилла гораздо менее агрессивна, чем шимпанзе. Для нее скорее характерна «демонстрация агрессии» громкий рев, гулкие барабанные удары кулаками по собственной груди, швыряние сучьев, внезапные наскоки с оскаленной пастью. Обычно противник убегает, но испуганный «чудовищем» человек, у которого не выдерживают нервы, может ранить животное копьем или пулей во время одной из ложных атак. Подранок же действительно становится смертельно опасным. Спровоцировать «настоящее» нападение самца гориллы может также пристальный взгляд «глаза в глаза», воспринимающийся приматами как вызов доминантному положению, либо неожиданное появление в непосредственной близости от самок или детенышей, что квалифицируется вожаком как угроза собственной семье. В остальном же огромная обезьяна удивительно миролюбива. Фактически, кроме человека, горилла не имеет врагов.*

В качестве скромного собирателя фактов я стремлюсь к одному — к истине. Показания мои отличаются от показаний моих предшественников, но я должен откровенно признаться, что как та, так и другая сторона одинаково правы. Все африканцы вообще склонны скорее к преувеличению, чем к умалению фактов. Я расспросил, может быть, большее число свидетелей, чем Вильсон, Саваж и Форд, вместе взятые, и был вдвое более осторожен при моих исследованиях; однако те имели передо мной большое преимущество в том, что знали язык местных жителей, а также лучше меня были знакомы с их нравами. Я не в состоянии определить относительную ценность наших сообщений уже по одному тому, что не знаю, от какого племени те путешественники получили свои сведения. То, что я могу утверждать по собственному наблюдению, состоит в следующем: я видел гнезда горилл и описал их, однако не могу сказать наверное, служат ли они им постоянной постелью или только временным логовищем. Я также неоднократно находил следы гориллы и потому вправе утверждать, что эта обезьяна обыкновенно ходит на четвереньках. Никогда не случилось мне находить сразу следов больше, чем от двух горилл. Я также делал наблюдения над молодым гориллой и молодым шимпанзе в плену и смею уверять, что оба оказались одинаково понятливы. Наконец, я могу утверждать, что горилла, по крайней мере иногда, бежит от человека, так как я находился достаточно близко, чтобы слышать, как одна из них убежала от меня.

Из множества рассказов, сообщенных мне про гориллу, я выпустил все, казавшиеся недостаточно правдоподобными. В одном из этих рассказов, например, говорится, что иногда семья горилл влезает на дерево и до отвалу наедается плодов, в то время как старший отец семейства остается у подножия дерева. «Если тебе удастся, — говорят африканцы, — подойти на достаточно близкое расстояние, чтобы убить гориллу, то ты можешь убить также остальную семью». Во втором рассказе говорится о том же, о чем говорится во всех рассказах про больших обезьян, а именно о том, что они уносят с собой женщин. Каждый, однако, будет вправе отнестись недоверчиво к этим рассказам, если, например, услышит, что обезьяны утащили женщину в лес и она жила там среди них в полудиком состоянии.

Винвуд Рид заключает свои сообщения замечанием, что он ничего не мог узнать о том, чем горилла резко отличается от шимпанзе по образу жизни. Оба строят гнезда, оба бегают на четвереньках, оба необщительны, но иногда собираются в стада и т.д. «Белый человек до сих пор не убивал еще ни гориллы, ни шимпанзе. Осторожность этих животных, неизвестность их местопребывания, зависть местных охотников — все это делает такого рода охоту предприятием чрезвычайно трудным»*.

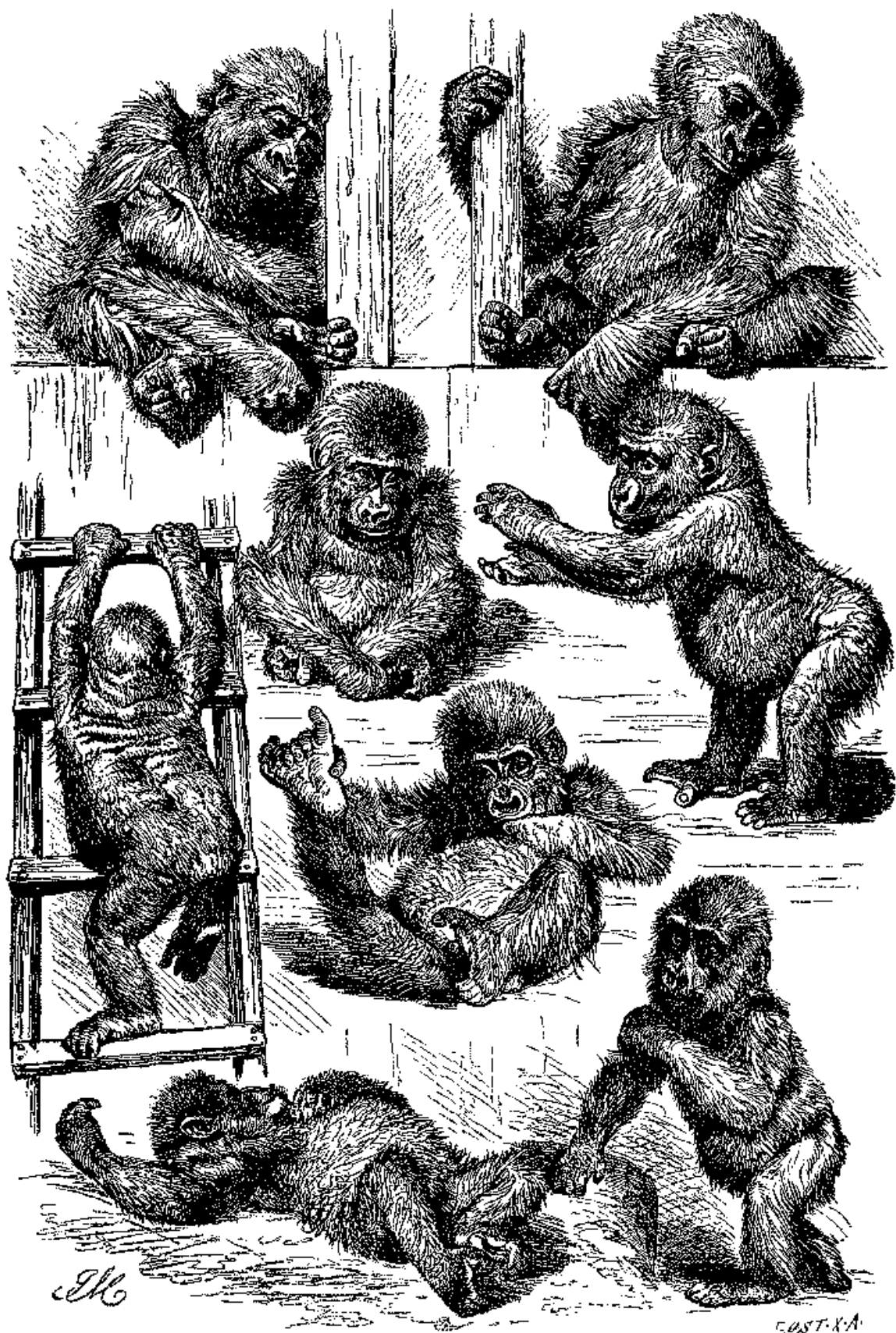
** Во времена Брема повседневная жизнь и социальная организация человекообразных обезьян были практически неизвестны либо сильно искажены рассказчиками.*

Со времени сообщений Рида, бесспорно самого добросовестного докладчика, наши сведения о горилле в значительной степени увеличились. Два раза удалось германским путешественникам, членам экспедиции Гюсфельда по реке Лоанго, сохранить в живых молодых горилл, которых и отправили в Европу в 1876 и 1883 годах; там прожили они довольно долгое время в Берлинском зоо-

парке, под наблюдением директора Гермеса, и таким образом дали возможность представителям науки внести ясность в некоторые вопросы. Далее Гуго фон Коппенфельс, страстный охотник, в продолжение последних десяти лет несколько раз предпринимал путешествия в страны, лежащие по рекам Габуну и Огове, чтобы ознакомиться на месте с этими замечательными животными.

Коппенфельс является пока единственным европейцем, который наблюдал в лесах и собственноручно убивал горилл. Он подтверждает многие из показаний, данных другими, в особенности Ридом, понаслышке, и пополняет их на основании личного опыта.

"Я утверждаю, хотя это и может показаться невероятным, что из африканцев, занимающихся охотой, может быть только одной трети случалось видеть гориллу в лесу. За исключением старых нелюдимых самцов, гориллы живут семейно и скитаются по лесам для отыскания пищи, потребляемой ими в громадном количестве; ведя бродячий образ жизни, они ночуют там, где их застанут наступившие сумерки. Каждый вечер они строят новое гнездо на высоте 5-6 метров на больших, здоровых деревьях толщиной немногим более 0,3 метра. Гнездо это, наподобие журавлиного, расположено на первом разветвлении более толстых сучьев и сложено из зеленых ветвей. Детеныши, если они еще нуждаются в тепле, а также их мать отдыхают в нем ночью, тогда как отец проводит ночь сидя, скорчившись у подножия ствола и прислонясь к нему спиной; таким образом он охраняет семью от нападения леопардов. В сухое время года, когда в глубине лесов начинает ощущаться недостаток в воде и пище, гориллы, как и другие обезьяны, совершают набеги на плантации и производят в них страшные опустошения. Хозяева плантаций выставляют стражу, которой в большинстве случаев удается прогнать горилл частыми выстрелами из ружей.

Горилла

Случается, однако, что старые гориллы-самцы, сознавая свою геркулесовскую силу, полагаясь на свое в высшей степени острое чутье и гонимые голодом, не обращают на это внимания и продолжают опустошения по ночам. В таких случаях люди, потерпевшие убытки, вынуждены подкараулить или выследить ненасытное животное и застрелить его. Сделать это, однако, удастся редко,

так как хитрый зверь сразу чувствует серьезное намерение преследователей и удаляется на некоторое время.

Если ее не трогать, горилла не нападает на человека и скорее даже избегает встречи с ним. Если, однако, внезапно потревожить ее, то она приподнимается на ноги, издает из глубины груди отрывистый, не то рычащий, не то хрюкающий рев, который передать невозможно, и громадными кулаками колотит себя по гигантской груди; при этом скрежещет зубами, лицо принимает самое свирепое выражение и волосы на лбу и на затылке шевелятся и становятся дыбом. Приведенная в бешенство старая горилла представляет ужасающий вид. Если не раздражать ее и вовремя отступить понемногу, пока ярость не достигла еще своих крайних пределов, то я не думаю, чтобы она решилась на нападение. Если же выстрелить и иметь несчастье только слегка ранить ее, то уверен, хотя сам и не испытал этого, что горилла бросится на стрелка, и горе ему, если у него нет сейчас же второй пули наготове! Бегство от нее невозможно, защититься другим оружием, кроме огнестрельного, совершенно бесполезно.

Горилла, сколько мне случалось замечать, питается растительной пищей. Однако молодые оказывают в плену особенное предпочтение животному корму, откуда можно заключить, что, живя в лесу, они не пренебрегают ни мясом, ни яйцами. Стоит раз только увидеть гориллу, чтобы не смешивать ее больше с шимпанзе. Помимо значительно большего роста, более коренастого сложения горилла отличается еще серым цветом волос, который в старости распространяется почти по всему телу. Цвет лица ее, однако, до старых лет остается черным; у шимпанзе он изменяется, смотря по разновидности и возрасту. Горилла отличается также чрезвычайным развитием всей мышечной системы своего удивительно массивного тела, не считая икр, которых лишены все обезьяны, и принимая в расчет ее большую ловкость, которая на первый взгляд кажется не очень большой.

Я, если можно позволить себе подобное сравнение, побился бы об заклад, что горилла выйдет победителем из борьбы с сильным медведем. Африканцы называют ее различным образом: в некоторых местностях «ндипина», в других — «нгуяла»*.

** Сведения Коппенфельса довольно фрагментарны, но в отличие от рассказов других путешественников объективны и весьма точны.*

В Рождество 1874 года фон Коппенфельс в первый раз убил гориллу. Он встал неподалеку от большого дерева кайя, плоды которого гориллы очень любят, и на нем нашел несколько плодов, недавно початых ими. «Около часа я ждал напрасно. Стало заметно смеркаться, москиты жалили меня очень больно, и я хотел было покинуть свой пост, как вдруг из-за акации послышался легкий треск. Выглянув из-за ствола, за которым стоял, заметил семью горилл, беззаботно занимавшихся собиранием плодов. Семья состояла из обоих родителей и двух различного возраста детенышей, старшему было лет шесть, младшему — год, если считать по признакам человеческого возраста. Трогательно было смотреть, с какой любовью мать заботилась о меньшом. Отец, напротив, не заботился ни о чем другом, кроме утоления собственного голода. Лучшие плоды были, по всей вероятности, съедены, и самка, с необыкновенной быстротой вскарабкавшись на дерево, стала стряхивать с него спелые. Тут горилла-самец, продолжая жевать, отправился напиться к близкому источнику. Я ни на одно мгновение не спускал с него глаз. При появлении этого животного я сильно испугался, вспомнив описания Дю-Шаллю и полные сказочных преувеличений рассказы африканцев. Волнение мое исчезло, когда самец, приблизившись к берегу ручья, вдруг стал обнаруживать беспокойство и, присев, начал всматриваться в сторону дерева, скрывавшего меня. Слишком поздно, однако, почувал он близкого врага, так как, вскинув ружье и приложившись, я уже следил за каждым его движением. Достаточно было нескольких мгновений, чтобы прицелиться в животное, неподвижно уставившее на меня свои глаза. Раздался выстрел. Не успел еще рассеяться дым, как я уже вложил в ствол ружья новый патрон и стал ждать нападения животного. Мой спутник, дрожа, стоял позади и держал второе ружье наготове. Нападения не последовало. Горилла-самец, сраженный насмерть, упал на лицо. Детеныши, испустив отрывистый крик, бросились в чащу, мать соскочила со значительной высоты с дерева на землю и последовала за ними».

Некоторое время спустя при случайной встрече фон Коппенфельс застрелил самую крупную гориллу из когда-либо убитых им. Он шел в сопровождении носильщиков по узкой лесной тропинке. «Вдруг позади меня раздался крик непосредственно шедшего за мной Галлоа, и с восклицанием: «Берегись, господин, большая горилла!» — эти трусы бросили свою ношу и убежали. Я был ошеломлен криком и только тогда, когда в стороне от меня раздалось глухое рычание, увидел шагах в пятнадцати приподнимающуюся огромную темную массу. Это была самая большая горилла, которую я когда-либо видел, и первая, которая не обратилась в бегство. Воспользуйся она моим смущением, и я бы погиб. Но я не нашел нужным продолжать это взаимное разглашение и поднял дву-

стволку. Тут грозный рев превратился в лай, удары в грудь посыпались чаще, всклокоченные волосы ее затряслись и встали дыбом на голове и мой страшный противник, казалось, готовился к нападению. Если бы я удалился осторожно и вовремя, то я уверен, что горилла не напала бы на меня, но не таково было мое намерение. Вполне овладев собой, я спокойно и уверенно стал целить ей в сердце. Раздался выстрел, животное подскочило и, завертевшись на месте, упало на лицо, раскинув руки. Падая, горилла ухватилась за лиану толщиной в 5 сантиметров, и сила ее была до того велика, что она вместе с лианой сорвала несколько сухих и зеленых сучьев. Весом она была по крайней мере 200 килограммов, длина тела — 1,9 метра».

Благодаря правдивым описаниям фон Коппенфельса и его сообщениям о нравах горилл, основанным исключительно на личных наблюдениях, мы получаем более верное представление об этом редком обитателе лесов и горилла теряет в наших глазах большую часть приписываемых ей ужасных качеств. Можно вполне присоединиться к мнению Р. Буртона, который здраво судит о вещах, касающихся Африки: «Горилла не более чем жалкая обезьяна, а не адское чудовище, получеловек, полузверь, как его описывали раньше».

Попытка перевезти в Европу живыми молодых горилл, которых африканцы иногда доставляют на берег, очень долго не удавалась. Животные умирали уже по дороге. Только раз, в 60-х годах XIX века, в Англию прибыла молодая горилла и короткое время находилась в руках укротителя зверей, который даже не знал, каким сокровищем обладает. Впервые это предприятие удалось с успехом германской экспедиции по реке Лоанго. Фалькенштейн, врач и зоолог экспедиции, получил благодаря счастливой случайности молодую гориллу, она была больна и должна была погибнуть, но из-за неустанных забот Фалькенштейна животное прожило сначала довольно долгое время в Африке, а затем в Берлинском зоопарке, где многие могли его изучать и любоваться им*.

** Как правило, во времена Брема в Европу привозили молодых животных, отнятых от матери и находящиеся в состоянии жестокого стресса, усугубляемого непривычной пищей, незнакомой обстановкой, иными климатическими условиями. Отсюда высокая смертность в неволе. Детеныши рождаются у самок с интервалом 3,5-4,5 года, они совершенно беспомощны, весят всего 1,5 кг. В общении с матерью, товарищами по играм, другими членами группы они до 11-12 лет «обучаются» быть настоящей гориллой. Гориллы становятся половозрелыми к 6-9 (самки) либо к 7-11 (самцы) годам, но в природе самцы получают возможность участвовать в размножении лишь в 14-20 лет. Продолжительность жизни в природе — около 30 лет, в неволе — до 47 лет.*

Эта горилла умерла 13 ноября 1877 года, прослужив предметом наблюдений в продолжение девяти месяцев в Африке, пятнадцати месяцев в Берлине и благополучно совершив довольно длинное путешествие в Англию. Вторая горилла была доставлена живой в Европу, а затем снова в Берлинский зоопарк через посредничество Пехуель-Леше, бывшего спутника Фалькенштейна, когда тот в начале 1883 года возвращался на родину после своей поездки в бассейн реки Конго. Она также была родом из окрестностей реки Лоанго и даже из той же области, что и первый зверь. Но она была меньше ростом и менее крепкого сложения, а потому и выказывала меньше резвости и подвижности как в Африке, так и в дороге. Она жила под надзором директора Гермеса четырнадцать месяцев в Берлине и умерла 16 марта от той же болезни, как и первая горилла.

Все дальнейшие попытки доставить горилл в Европу и сохранить их живыми до сих пор остались тщетными.

Шимпанзе (*Pan troglodytes*) может быть рассматриваема как представитель особенного вида.

Она значительно меньше, чем горилла, туловище гораздо короче, чем у нее, хотя и обладает таким же числом грудных и поясничных позвонков, как у гориллы.

"Старые шимпанзе-самцы, — говорит Гартманн, — достигают 1,3-1,7 м высоты. Старые самки редко бывают выше 1,3 м*.

** Половой диморфизм в облике и размерах у шимпанзе гораздо менее выражен, чем у оранга и гориллы. Рост выпрямившегося самца достигает 150-170 см, вес — 40-60 кг (в неволе — до 90 кг). Самки достигают роста 135 см и весят в среднем 30 кг (в неволе до 80 кг). Самцы отличаются более массивными челюстями и клыками, коренастым сложением, очень темным цветом кожи, небольшой бородкой. Даже некрупный шимпанзе гораздо сильнее человека.*

Экземпляры, содержащиеся у нас в зоологических садах и зверинцах, — большей частью молодые самки. Череп имеет форму приплюснутого шара. У самцов иногда не достигает развития высокий продольный гребень, переходящий за середину темени, и резкие поперечные затылочные бороды, характеризующие череп самца гориллы. Боковые линии черепа, даже у старых самцов шим-

панзе, редко соединяются для образования низкого гребня и простираются на короткое расстояние. Надглазные дуги, даже у старых шимпанзе, никогда не бывают так сильно вздуты, как у гориллы, — поэтому и не выдаются так резко вперед. Челюсти иных чрезвычайно выдаются, и зубы наклонены вперед, у других этого не замечается. Зубы шимпанзе редко достигают ширины и толщины зубов гориллы, длиной они всегда меньше. Область переднего носового отверстия на черепе шимпанзе обыкновенно более плоская и более вдавлена, чем на черепе гориллы. Кости туловища и конечностей стройнее, красивее и менее массивны, чем у гориллы. Несмотря на некоторые отличительные признаки, особенно в устройстве таза, можно сказать, что скелет шимпанзе очень близко подходит к человеческому.

Профиль шимпанзе более плоский, чем у гориллы, выражение гораздо более кроткое. Светло и добродушно смотрят большие глаза со светло-коричневой радужной оболочкой, умеренно прикрытые невысокими костями и надглазными дугами. Нос плоский, имеет неглубокую среднюю продольную борозду с мало выдающимся хрящом ноздрей, разделенных тонкой перегородкой. У гориллы, наоборот, нос выступает вперед, толстый и вздутый, с большими шишкообразными ноздревыми хрящами. Верхняя губа у шимпанзе длинная, дугообразно выпуклая и покрыта многими морщинами, идущими сверху вниз и поперек. Как и у гориллы, нижняя губа выдается из-под верхней. Обе губы необыкновенно подвижны и могут вытягиваться в форме хобота. Плечи старых шимпанзе-самцов широки; грудь и туловище имеют бочкообразную форму; грудь, хотя и мускулиста, но все-таки уже живота. Руки длинные, ниже колена, очень мускулистые, но не настолько сильные, как верхние конечности гориллы. Ручной кулак тонкий и короткий. Пальцы длинные, у старых обезьян очень толстые и сильные, морщинистые и до половины первого сустава соединены кожей. Средний палец самый длинный. Голени ног совсем без икр. На ступне большой палец отдален от остальных пальцев большой вырезкой, он длиннее и толще. Ступня вытянутая, морщинистая и плоская. Пятка, как и у гориллы, слабо развита. Ногти у обеих обезьян круглые, выпуклые, роговое вещество их коричневого и черного цвета.

Волосы шимпанзе прямые, непушистые или косматые, на темени большей частью разделены пробором. Они длинные на затылке, щеках, плечах, спине, на верхней и нижней части плеча, на верхней и нижней части бедра и короче на прочих частях тела. Преобладающий цвет темный, черный, у иных экземпляров с тусклым красно-бурым оттенком. У старых шимпанзе я находил концы волос на конечностях, окрашенные серым или рыжим цветом, что сообщает цвету этих частей либо серый, либо бледно-красный оттенок. Подбородок покрыт тонкими, короткими белыми волосами. Такие же волосы растут около ягодич, но они здесь длиннее и гуще*.

** Молодые шимпанзе отличаются розоватым или телесным цветом «лица», ушей, ступней и кистей, контрастирующим с довольно густой черной шерстью. С возрастом лицо темнеет, иногда покрывается веснушками, а волосы заметно редют и частично седеют. нередко на месте «пробора» на темени образуется лысина. Изредка встречали шимпанзе с каштановым и даже рыжим цветом шерсти.*

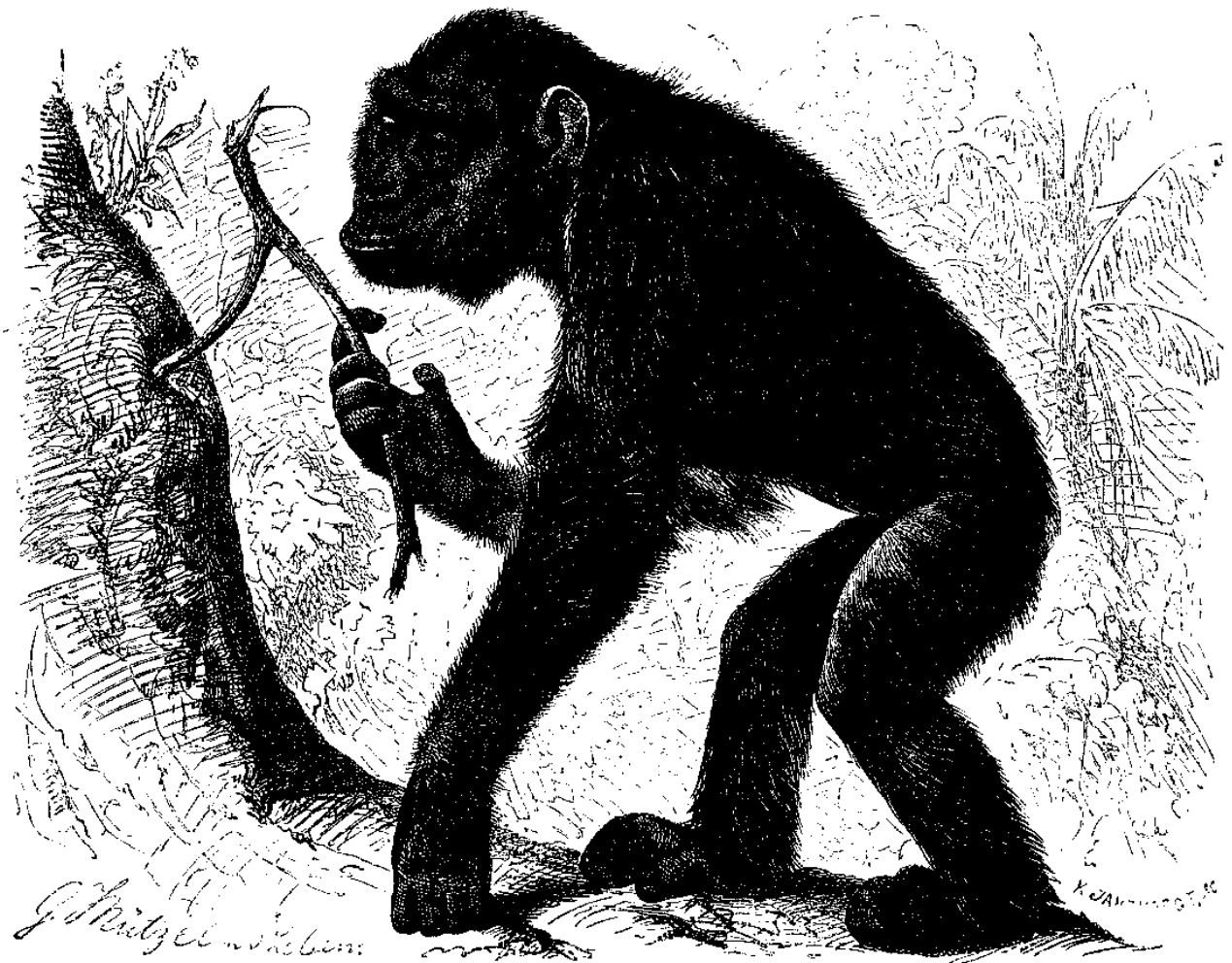
Шимпанзе ходят на всех четырех конечностях, причем пальцы рук они пригибают к ладоням и опираются на землю их тыльной поверхностью, покрытой от ходьбы мозолями. Ногами пользуются, или пригибая пальцы, или наступая всей ступней. Шимпанзе не может долго находиться в прямом положении и всегда ищет опору для рук или кладет их на несколько закинутую назад голову, чтобы таким образом сохранить равновесие.

Многие утверждают, что все шимпанзе похожи друг на друга, как две капли воды. Но так могут думать только неопытные наблюдатели. Каждый, кому приходилось внимательно всматриваться в физиономии многих животных этого вида, должен был заметить большое индивидуальное различие в физиономиях. Вот почему и старались разделить этих шимпанзе на несколько отдельных видов и точно установить характерные их признаки. Но все подобного рода мнимые виды обезьян не могли выдержать самой легкой критики**. Индивидуальные видоизменения в физиономии и в строении туловища весьма значительны у этого животного. Мне кажется, что, чем более в своей организации обезьяна приближается к человеку, тем сильнее сказываются и особенности индивидуума».

*** Обычно выделяют три подвида обыкновенного шимпанзе, отличающихся цветом лица, длиной и формой бородки, разной степенью склонности к облысению.*

В доказательство того, что шимпанзе были известны древним, указывают на известную мозаику, которая украшала храм Фортуны в Пренесте: здесь между многими другими животными земля по верхнему Нилу, по-видимому, представлены и человекообразные обезьяны. Молодой экземпляр шимпанзе в первой половине XVII столетия был живым привезен в Европу, анатомирован

Тулпиусом и Тизоном и описан Даппером. С этого времени животное неоднократно привозилось к нам, а в последнее время его можно встретить почти постоянно у торговцев зверями в Европе.

Шимпанзе (*Pan troglodytes*)

В прежнее время местом жительства шимпанзе считали исключительно Верхнюю и Нижнюю Гвинею с землями, примыкавшими к ней от Сьерра-Леоне до Конго. Здесь он водится в лесах, на берегах рек и в горах. Фон Коппенфельс охотился за ними у рек Габуна и Огове. Далее к югу, по удостоверению участвовавших в немецкой экспедиции на Лоанго, это животное встречается вблизи Конго, а во многих местностях весьма часто. Теперь мы знаем благодаря преимущественно немецким исследователям, что животное распространено далеко во внутренней части Африки до страны озер. Там оно так же часто встречается, как масляная пальма и серый попугай. Уже Гейглин пишет: «На густолиственных высоких деревьях вдоль реки в стране ньям-ньям живет парами и семьями обезьяна ростом с человека и дикого нрава. Она не боится нападать даже на преследующего ее охотника. Обезьяна устраивает себе большое гнездо на вершинах деревьев и прикрывает его плотной кровлей против дождя. Шерсть ее темно-оливковая, негустая, лицо голое, телесного цвета, а седалищная область белого цвета».

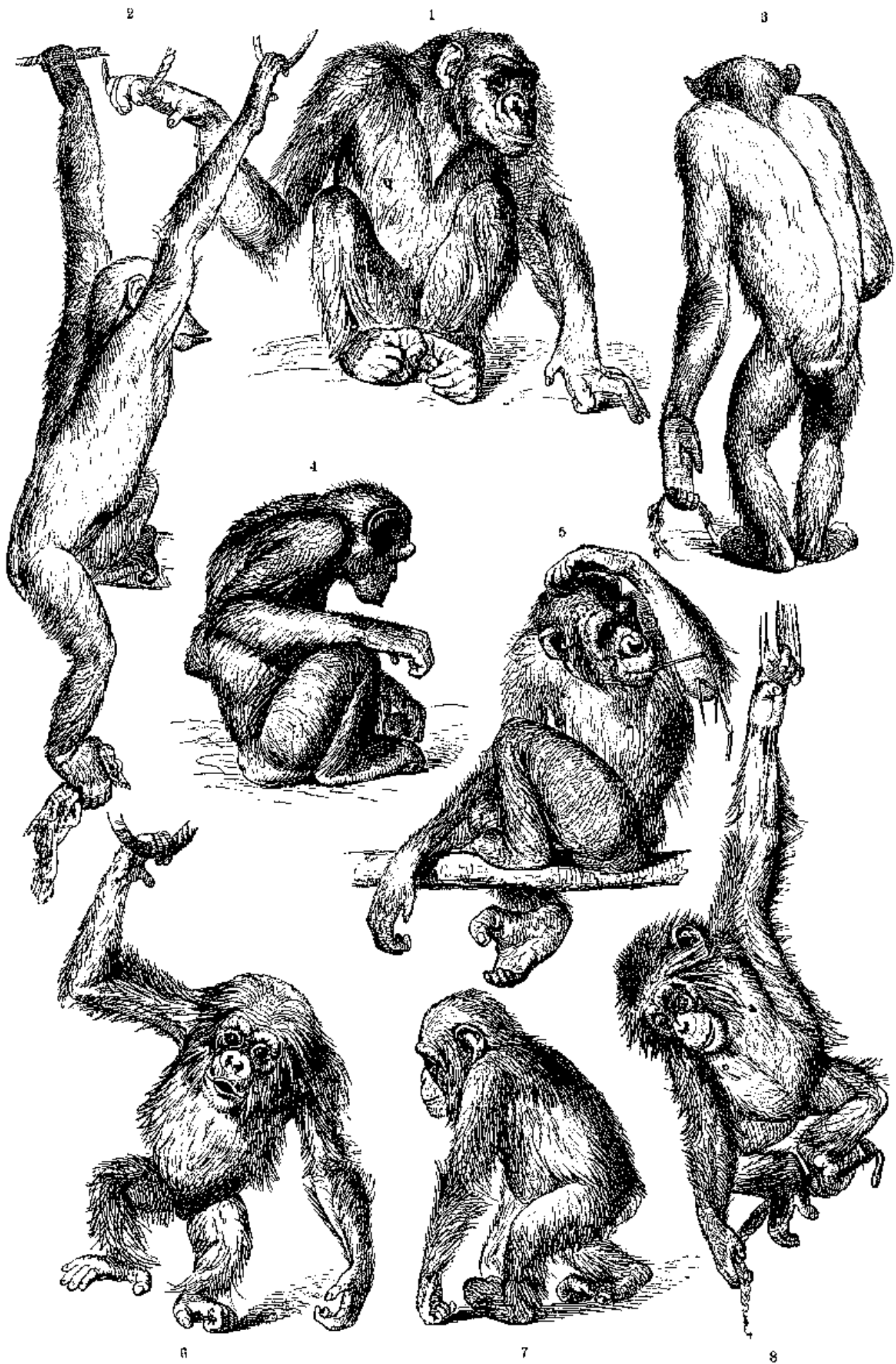
"Нельзя сказать, — пишет Саваж из Нижней Гвинеи, — чтобы шимпанзе жили обществами, так как редко их встречают в количестве более пяти и самое большее в количестве десяти штук. Основываясь на надежных сведениях, я могу утверждать, что они только случайно собираются в большом числе для игр. Один из доставлявших мне сведения уверял, что видел однажды не менее пятнадцати обезьян, которые, забавляясь, испускали ликующие крики, барабанили по старым деревьям. Они по возможности избегают находиться вблизи человеческого жилища. Свои собственные жилища, более похожие на гнезда, чем на хижины, строят на деревьях, но вообще не очень высоко от земли, из больших или малых ветвей, пригнутых книзу, переплетенных друг с другом и скрепленных сучьями или виллообразными ветками. Иногда находят гнездо недалеко от корня толстого, богатого листьями дерева, а именно в 8-12 метрах над землей. Впрочем, мне пришлось встретить и такое гнездо, которое было не ниже 13 метров. Постоянного местопребывания шимпанзе не имеют, они меняют его главным образом в зависимости от того, где находят питание, или по каким-либо другим причинам и обстоятельствам. Мы чаще всего встречали их на высоко расположенных мес-

тах, возможно, потому, что леса в низменностях, благоприятных для земледелия местных жителей, были вырублены. Редко приходится встречать более одного или двух гнезд на одном и том же дереве или даже около него. Однажды, впрочем, нашли пять таких гнезд». Гнезд, которые представляли бы особо искусные формы плетения, как описал их Дю-Шаллю, никто из других исследователей более не описывал.

В спокойном состоянии шимпанзе, живущий на свободе, принимает сидячее положение. Редко его видят стоящим или ходячим; как только он увидит, что его заметили, тотчас же становится на все четыре конечности и поспешно убегает от наблюдателя. Уже по строению шимпанзе можно догадаться, что он ловко лазают. Во время игр перескакивает на большое расстояние с одного дерева на другое и прыгает с удивительной ловкостью. Пища его, по всей вероятности, состоит из тех же растений и плодов, какими питается и горилла: плоды, орехи, листовые и цветочные почки, может быть также и корни. Нередко они обрывают бананы и другие плоды на деревьях, посаженных африканцами на маисовых полях, или в оставленных жителями деревнях, где растет папайя; по уничтожении ее снова переселяются на более или менее далекие расстояния. Шимпанзе обнаруживает большую понятливость и горячую любовь к своим детенышам. О времени и обстоятельствах, при которых происходит спаривание, роды и развитие детенышей, мне известно не много. Только из наблюдений над пойманными детенышами я знаю, что растут они гораздо медленнее, чем до сих пор считали*.

** Сезонности размножения у шимпанзе не отмечено. Самка приносит потомство раз в 3-4 года, единственный детеныш рождается после 8 месяцев беременности. До года мать носит его под брюхом, придерживая рукой, затем он перебирается на спину. С 2 лет уже почти не питается молоком и проводит большую часть времени в играх со сверстниками. Связь с матерью постепенно слабеет и прекращается к 10-13 годам. К этому же времени наступает половозрелость. Трехлетний шимпанзенок по уровню умственного развития сопоставим с человеческим ребенком того же возраста, по уровню физического развития обгоняет его.*

Смена зубов наступает не ранее четвертого года жизни и, вероятно, еще годом позднее. Шимпанзе, за которым я ухаживал в течение трех лет, был во всяком случае старше двух лет в то время, когда мне достался; у него нижние резцы сменились только перед смертью. Следовательно, смена зубов, предполагая верность моего наблюдения, должна быть отнесена только к шестому году жизни. Если бы, основываясь на этом, стали сблизать шимпанзе с человеком относительно постепенного роста, то ошибка была бы незначительна.

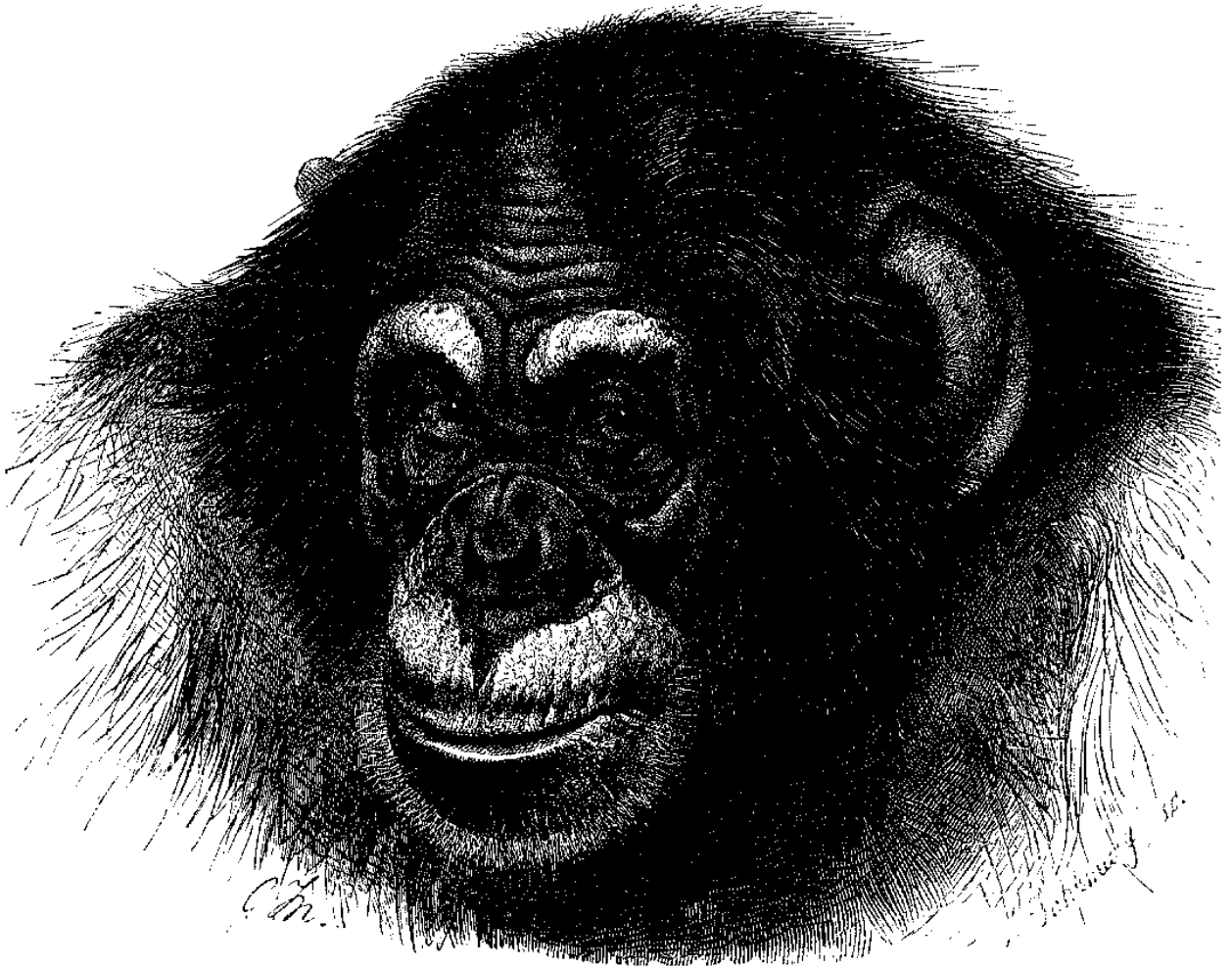
Шимпанзе

О шимпанзе в области Лоанго Пехуель-Леше сообщает следующие подробности: «В некоторых местностях, а именно в Киулу и при устье Баниа (Уимба), шимпанзе водятся в весьма значительном количестве, насколько можно судить о том по раздающемуся отовсюду их крику. Они живут вместе семействами и обществами. Их ужасный жалобный крик, яростный визг и вой, раздающиеся утром и вечером, а часто и ночью, заставляют просто ненавидеть это животное. Так как они оказываются истинными виртуозами в произведении раздражающих уши звуков, то можно безошибочно думать, что в этом диком шуме принимает участие множество обезьян: часто кажется, будто слышишь их более сотни. Кто же желает составить себе понятие о том, что в состоянии проделать семейство шимпанзе в музыкальном отношении, тому можно посоветовать провести денёк два в Киулу, на горе, и заметить, куда направляются стада мартышек. Достаточно изучив нрав этих неутомимых и смелых обезьян и на свободе, и на нашем дворе, я сильно подозреваю, что, очевидно, это они дразнят и мучают беспомощных шимпанзе до тех пор, пока первобытный лес не огласится их криком.

Обыкновенно шимпанзе можно встретить на земле в густых кустарниках и в местностях, где растут растения семейства музовых, на деревьях они взбираются только для обрывания плодов. На мягкой почве ясно отпечатываются их следы; они долго остаются там, где растёт амомум: здесь находят разбросанные скорлупы плодов».

Среди африканцев западной Африки существует предание, что шимпанзе некогда были членами их племени, но за дурные привычки изгнаны из человеческого общества и вследствие сильного упорства, с каким сохраняли дурные наклонности, постепенно низошли до своего настоящего состояния.

Случается, что шимпанзе один на один вступает в борьбу с человеком, чтобы защитить себя. Опасаясь быть пойманным, он выказывает сопротивление тем, что обхватывает руками противника, чтобы приблизить его к себе, и старается укусить. Саваж видел человека, ноги которого были сильно изранены этой обезьяной. «Сильное развитие клыков у шимпанзе как будто указывает на его способность употреблять мясную пищу. Но она обнаруживается только тогда, когда шимпанзе находится в прирученном состоянии. Сначала он отталкивает мясо, но потом мало-помалу приучается к нему, предпочитая даже другой пище. Следовательно, клыки, развивающиеся рано, служат только для защиты.

Шимпанзе

Когда шимпанзе приходится бороться с человеком, то он прежде всего старается его уку-
сить».

В противоречие с Саважем, но согласно с фон Коппенфельсом Фалькенштейн высказывает
мысль, что шимпанзе, как и горилла, даже на свободе охотно питается животной пищей. В сочи-
нии об экспедиции на Лоанго Фалькенштейн замечает: «Не следует, подчиняясь распро-
страненно-
му предрассудку, опасаться давать обезьянам мясную пищу. Имея возможность наблюдать обезьян
на свободе, мы видели, как они с истинной страстью не только гоняются за насекомыми, пауками и
саранчой, но и стараются поймать птиц и добывать яйца.

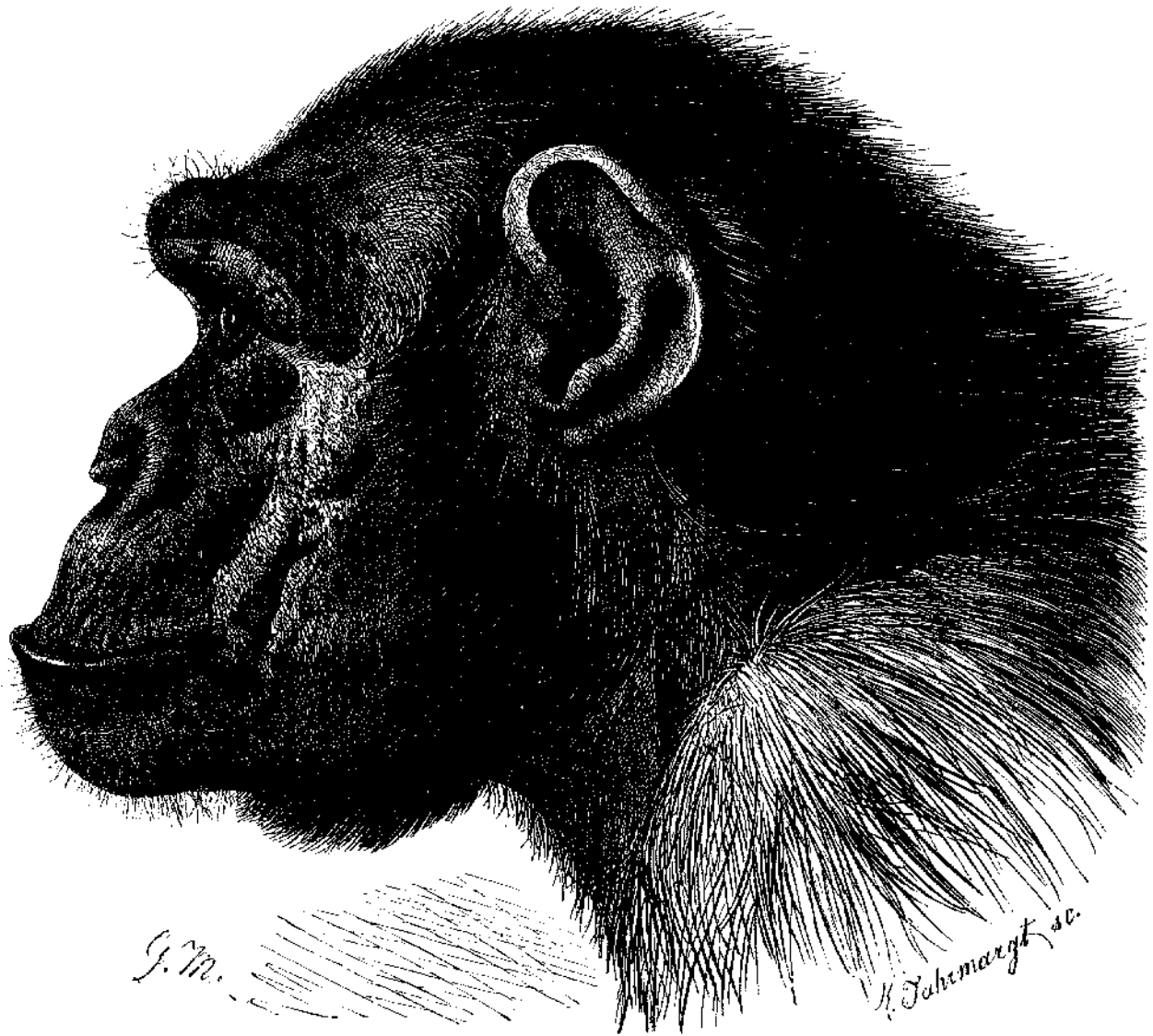

Шимпанзе

Крысы составляют для обезьян лакомый кусочек, который они энергично защищают от всяких покушений со стороны своих товарищей. Горилла также нуждается в мясной пище, которую и потребляет с большим удовольствием. В лесу, когда охота оказывается неудачной, шимпанзе часто бывает вынужден питаться плодами: по крайней мере в содержимом желудка двух больших убитых шимпанзе я нашел остатки только растительной пищи. Но я убежден, что это случайное обстоятельство и что в других случаях легко можно было бы привести доказательство употребления животной пищи».

Из всех видов человекообразных обезьян живыми к нам доставляют чаще всего шимпанзе, но к сожалению, они здесь выживают только два-три года, между тем как в Западной Африке, как уверяют, шимпанзе даже в неволе доживают до двадцати лет и становятся большими и сильными.

Большая часть работ, исполняемых шимпанзе, приходится на долю его рук; ими он ощупывает и хватает предметы, между тем как ногами пользуется только иногда, как орудием для схватывания. Руками шимпанзе вообще распоряжается так же, как и человек*, и отличается от него только тем, что отдельные пальцы рук его менее подвижны. Поэтому обыкновенно он схватывает что-либо при помощи большого пальца и всех остальных вместе. Однако более точные исследования показывают, что он умеет отдельно пользоваться указательным и средним пальцами. Наблюдателей всегда поражали «человеческие» черты поведения шимпанзе. Так, они любят обниматься, при встречах хлопают друг друга по плечу,жимают руки. Мимика этих обезьян почти полностью сходна с человеческой. На лице шимпанзе отражаются радость и горе, удивление и гнев, страх и другие чувства.

Шимпанзе

Рид рассказывает, что на его вопрос, ударяет ли себя горилла в грудь и производит ли шум, похожий на бой барабана, ему ответили, что она не производит никакого барабанного боя, а делает это шимпанзе.

Шимпанзе

Когда он выразил желание увидеть, как производится барабанный бой, то африканцы подвели его к дулистому дереву и сами показали, как шимпанзе ударами ног ухитряется извлекать зву-

ки, похожие на барабанный бой. И действительно, даже приученный шимпанзе делает то же самое, когда находится в веселом настроении или дает исход своему гневу и ярости: он не только бьет руками по полу, как делают это и другие обезьяны, но и ударяет ногами, в особенности по таким местам, где сильнее отдается звук, и этим производит шум, похожий на барабанный бой.

Эти описания я позволю себе заключить дружеским сообщением нашего известного иллюстратора животных Фр. Шпехта о шимпанзе, находящемся в зверинце Нилля, в Штутгарте. «Наш шимпанзе, — пишет Шпехт, — может смеяться настоящим образом, как человек. Это мне кажется тем более достойным замечания, что ни одно животное не обладает способностью выражать радость громким смехом. Насколько мне известно, об этом не упоминается ни в одном описании. Когда я брал этого милого зверька под руки, подбрасывал вверх и снова ловил, то, казалось, радости его не было конца, что он и выражал громким смехом. То же делал он и тогда, когда я щекотал его подушками или по пяткам. Однажды я захватил с собой в клетку кусок мела, лишь только уселся на стул, как он тотчас вскочил ко мне на колени, чтобы посмотреть, что произойдет далее. Я дал ему мел и, водя его рукой, нарисовал на стене клетки марабу и разные другие изображения. Он дал мне совершенно спокойно исполнить рисунок и смотрел с величайшим вниманием. Когда я отпустил его руку, он с быстротой молнии спрыгнул на пол, стал перед стеной и, к величайшей потехе зрителей, зачирикал фигуры с такой быстротой, что в короткое время ничего нельзя было различить. Из этого можно заключить, что он понял употребление мела.

В настоящее время Штутгартский зоологический сад владеет двумя шимпанзе, которые хорошо уживаются друг с другом. К самке, жившей там раньше, был присоединен самец. Ящик, в котором находился новоприбывший, на ночь был поставлен в просторную и теплую клетку самки. Когда самец вышел из своего устланного ватой помещения, оба на минуту поднялись на задние конечности и стояли в изумлении один перед другим, затем бросились друг к другу в объятия и стали сердечно целоваться, повторяя это несколько раз. Самка тотчас же приволокла свое одеяло, разостлала на полу, села на него и жестами приглашала самца расположиться так же удобно. Весьма трогательное зрелище представляют они и теперь среди других животных, когда садятся вместе, друг против друга, за стол во время обеда. Оба едят кашу ложкой и при этом не обнаруживают ни малейшей зависти из-за пищи. Когда ставился сосуд с напитком, самка, по усвоенной ею своеобразной привычке, осторожно приближала к себе бокал самца, отпивала из него и затем ставила его на свое место, как бы показывая этим, что муж не должен много пить. Оба этих животных также выражают свою радость во время игры сердечным смехом».

Отряд хищные

(Carnivora)*

** Отряд хищных включает около 270 ныне живущих видов. Согласно современным научным взглядам, в этот отряд входят также и тюлени, моржи и морские львы, ранее объединявшиеся под названием «ластоногие». Отряд хищных ученые разделяют на два подотряда: кошкотоподобные и собакоподобные.*

Едва ли какой-нибудь другой отряд млекопитающих представляет такое богатство форм, как хищные. Величина этих животных весьма различна — от очень большой до самой малой, и по устройству тела они также отличаются друг от друга. От огромного льва до маленькой ласки — сколько промежуточных ступеней, сколько различий во внешнем виде! Мы можем встретить здесь красиво окрашенную грациозную кошку, а рядом с ней — неуклюжую гиену; стройную, подвижную виверру с шелковистым, гладким мехом и большого мохнатого пса; тяжеловесного и неповоротливого медведя и быструю, увертливую куницу. Могут ли эти столь разные животные относиться к одному отряду? Можно ли их соединить вместе, если одни из них живут на земле, другие лазают по деревьям, третьи чувствуют себя как дома только в воде? Несмотря на различие во внешних признаках, у всех хищников много общего: одинаковый образ жизни, привычки, одинаковая пища и, как следствие, сходное строение конечностей, скелета и зубов.

Конечности хищников по своей длине и толщине строго соответствуют величине туловища; на этих конечностях бывает от четырех до пяти пальцев с более или менее развитыми — тупыми или острыми, втяжными или невтяжными — когтями. Все органы чувств высокоразвиты. Зубы животных в большинстве случаев достаточно большие, имеют острые бугорки или коническую, острую форму и сидят в челюстях плотно; при закрытом рте ряд нижних зубов помещается вплотную позади ряда верхних. Зубы образуют прекрасное режущее орудие, а хорошо развитые жевательные мускулы придают этому орудию большую силу. Желудок имеет вид простого мешка. Кишки никогда не бывают очень длинными, а иногда даже очень коротки, слепой отросток кишок мало развит. У заднего прохода встречаются иногда особые железы, которые выделяют сильно пахнущую жид-

кость, служащую для защиты от врагов, иногда для приманки добычи, а иногда они выделяют жирную массу, служащую для смазывания меха**.

** * Одна из важных функций этих желез меченые индивидуального охотничьего участка пахучими метками.*

Ниже мы перечислим основные внешние признаки хищников. Строение туловища этих животных весьма многообразно — от короткого и толстого у медведя, до длинного и тонкого у виверры; конечности почти всегда средней величины с четырьмя или пятью пальцами, снабженными когтями; голова большей частью округлая, кончик носа голый, глаза большие и зоркие, уши, как правило, стоячие, губы окружены усами, а иногда и бородой. Во рту как на верхней, так и на нижней челюсти имеются по шесть небольших резцов и по два длинных конусообразных клыка, служащих для схватывания добычи. Задние ложнокоренные зубы верхней челюсти и передние настоящие коренные нижней имеют трехзубчатую и сжатую с боков коронку: эти зубы служат главным образом для разрезания мяса; прочие ложнокоренные зубы также сжаты с боков, но имеют по одному зубцу, а некоторые настоящие коренные заканчиваются плоской верхушкой для растирания пищи*.

** Клыки служат не только для удержания, но зачастую и для умерщвления добычи. Форма коронки коренных зубов может сильно изменяться в зависимости от того, чем питается животное. Например, у медведей, всеядных животных, поедающих много растительной пищи, они никогда не образуют острых вершин или кромок и имеют уплощенную бугорчатую поверхность (так же как у свиней и обезьян).*

Внутреннее строение тела хищных имеет несколько более или менее ясно выраженных общих признаков. Скелет, несмотря на легкость и красоту формы, очень прочен. Череп удлиненный; та часть его, где находится мозг, почти одинаковой длины с мордой, так что ни одна из этих частей практически не преобладает над другой. Большие гребни и выдающиеся швы на черепе, а также очень выпуклые скуловые дуги служат основанием для сильных мускулов, которые, сокращаясь, приводят в движение нижнюю челюсть; глазные впадины достаточно велики; вздутые теменной кости, где помещается внутреннее ухо, очень заметно; носовые кости и хрящи также хорошо развиты, — все это говорит о хорошем развитии органов зрения, слуха и обоняния. Спинные и шейные позвонки имеют большие отростки; поясничные позвонки часто срастаются между собой; число хвостовых позвонков у разных видов хищных различно. Строение конечностей зависит от образа жизни животного, но всегда указывает на силу и подвижность этих частей тела.

Конечности хищника иногда бывают короткими и утолщенными; это свидетельствует о том, что животное хорошо разрывает землю и ведет подземный образ жизни. Иногда эти конечности очень длинные — такие животные отличные бегуны. У некоторых хищников пальцы соединены плавательной перепонкой — это признак водной жизни зверя. Когти иногда бывают втяжными, это защищает их при ходьбе от стирания, а будучи выпущены, они служат прекрасным орудием для схватывания и раздиранья добычи; у некоторых животных когти не втягиваются, и поэтому не столь остры; в этом случае они служат опорой для ноги, а также для копания земли и для лазания. Если говорить о зубах, то здесь главную роль играют очень длинные клыки и острые коренные, так называемые плотоядные зубы; они служат для схватывания и раздиранья добычи, а также для разрезания мяса. Нижняя челюсть приводится в движение посредством больших мускулов и толстых сухожилий, способствующих очень сильным и разнообразным движениям этой части черепа**.

** * Нижняя челюсть большинства хищников не способна к сложным движениям. Наоборот, очень крепкий челюстной сустав позволяет ей двигаться только в одной плоскости вверх-вниз. Боковые движения она может совершать только у некоторых всеядных хищников, поедающих много растительной пищи.*

Как уже говорилось выше, органы чувств развиты у этих животных прекрасно, но иногда, в виде исключения, один из них бывает мало развит, и тогда недостаток этот вознаграждается сильно развитыми прочими чувствами.

Вообще нельзя сказать, что у всех хищников одно какое-нибудь чувство всегда развито сильнее других; напротив, у одних сильнее развито обоняние, у других — зрение, у третьих — слух, а в иных случаях важную роль играет и осязание. В большинстве случаев наиболее острыми бывают два чувства: обоняние и слух, в более редких — слух и зрение.

Умственные способности хищных вполне соответствуют развитию органов чувств: в этом порядке можно встретить необыкновенно умных животных, и потому неудивительно, что они выказывают много хитрости и ловкости, которые необходимы для успешной охоты. Уверенность в собственной силе делает животных смелыми и предприимчивыми — эти качества у других животных ни-

когда не бывают так сильно развиты, как у хищников, но они в то же время служат причиной некоторых недостатков этих столь совершенных существ.

Место жительства и образ жизни животных непосредственно связаны с их нравом и строением тела. Хищные живут и властвуют повсюду: на земле и в воде точно так же, как и на верхушках деревьев; в горах, как и на равнинах; в лесу, как и в поле; на севере, как и на юге. Хищники делятся на дневных и ночных животных: некоторые ищут добычу при свете солнца, другие — в сумерках, третьи — темной ночью.

Одни хищники образуют общества, другие предпочитают одиночество, некоторые нападают на свою добычу открыто, но большинство подкарауливают ее, затаившись и не производя ни малейшего шума, затем нападают неожиданно, что дает им возможность схватывать животных, которые по размерам иногда больше самих хищников. В таких случаях хищники стараются спрятаться, чтобы не пугать преждевременно добычу своим появлением, и только немногие, сознавая свою слабость, ищут спасения в бегстве, если заметят что-либо подозрительное.

Все хищные питаются другими животными и лишь в виде исключения едят плоды, семена и другие растительные вещества. Обычно хищников делят на всеядных и плотоядных, но первое название не вполне справедливо, потому что всеядные все-таки предпочитают хороший кусок мяса всякой другой пище. Само собой разумеется, что по пище, или, точнее, по своей добыче, хищные отличаются друг от друга в соответствии со своим местом жительства, регионом, в котором они проживают, строением тела и образом жизни. Лишь немногие виды животного царства не подвергаются нападению и не служат добычей хищников. Самые большие и сильные представители этого отряда питаются главным образом млекопитающими, не пренебрегая, впрочем, и другими животными. Даже лев не питается исключительно одними млекопитающими, остальные кошки еще менее разборчивы; собаки же, главную пищу которых хотя и составляет мясо, вполне довольствуются и другой пищей. Среди виверр и куниц часто встречаются такие, которые едят исключительно рыбу или же, так же охотно, пресмыкающихся; медведей обыкновенно называют всеядными, и, действительно, они одинаково охотно питаются и растительной, и животной пищей. Для позвоночных животных хищные являются охотниками или, лучше сказать, врагами точно так же, как и для беспозвоночных. Хищники находят свою добычу на твердой земле, в воде, на ветвях деревьев, на севере, на юге, в высоких горах и под землей. Отдельные виды этого отряда сеют смерть повсюду, так как они этим живут; слабый должен служить добычей сильного, и ни одно животное не может спастись от нападения хищника.

Некоторые хищные млекопитающие живут, по общему мнению, парами, но некоторые кошки и куницы образуют пары лишь в определенное время года, соединяясь вместе для того, чтобы выкормить детенышей, защищать их и охранять, но во многих случаях отец смотрит на своих детенышей как на добычу, и матери приходится отгонять его от логовища, когда он случайно его найдет. В этих случаях мать является единственной воспитательницей. Число детенышей в одном помете бывает очень различно, но редко меньше двух. Почти всегда детеныши рождаются слепыми и первое время очень беспомощны, но потом развиваются, как правило, довольно быстро. Мать обстоятельно учит их ловить добычу и отыскивать соответствующий корм и защищает до тех пор, пока малыши не смогут жить самостоятельно. Лишь немногие хищники таскают своих детенышей на спине или держат их передними конечностями; большинство переносит их с места на место в зубах.

Человек живет почти со всеми хищными животными в открытой вражде, лишь немногих он сумел приручить и теперь пользуется их услугами. Большинство хищников считается, более или менее справедливо, опасными животными, и поэтому их безжалостно истребляют. Мясо и жир некоторых животных этого отряда употребляют в пищу, драгоценный мех других служит для одежды человека, и, имея в виду эту пользу, можно, конечно, извинить охоту на них. К сожалению, мы часто замечаем, что человек вследствие слепого стремления к уничтожению преследует не только безвредных, но даже и полезных хищных животных*.

** С позиций современной экологии, «вредных» животных не бывает, любое животное занимает свое место в природном сообществе. К сожалению, неумеренная охота привела к сокращению численности, а в ряде случаев — и к исчезновению некоторых хищников в Европе (да и во всем мире).*

Семейство волчи, или псовые

(Canidae)**

*** Семейство объединяет 16 современных родов и 36 видов. Псовые широко распространены в Евразии, Африке, Северной и Южной Америке, на Новую Гвинею и в Австралию проник-*

ли с человеком. За исключением одного вида, имеют более или менее узнаваемый «собачий» облик: сравнительно легкое сложение, длинные или средней длины ноги, заостренную морду.

Довольно строго ограниченное семейство плотоядных млекопитающих образуют псовые, или волчьи (Canidae). Семейство это имеет много своеобразных признаков как во внутреннем строении тела, так и в особенностях образа жизни и привычек. Туловище большей частью у них худощавое, голова маленькая, морда острая, нос тупой и выдающийся вперед, шея довольно слабая, ноги тонкие и высокие, с небольшими лапами, хвост довольно короток и часто покрыт длинными волосами. На передних лапах обычно бывает пять пальцев, на задних — всегда четыре; пальцы с большими, но тупыми и невтяжными когтями. Глаза у всех довольно большие и всегда широко открыты в отличие от кошачьих. Уши больше и острее, чем у кошек; сосцы на груди и животе многочисленнее. Зубная система собак очень полная: у них от 36 до 48 зубов.

Образ жизни собак показывает, что они могут питаться не только животной пищей, а из этого следует, что в этом отношении они довольно резко отличаются от кошек. В настоящее время собаки встречаются во всех населенных местах земного шара и почти везде довольно обыкновенны. Местом жительства им чаще всего служат уединенные, спокойные пустоши как на равнинах, так и на горах, большие леса, степи и чащобы. Некоторые виды постоянно странствуют и остаются на месте до тех пор, пока их детеныши не подрастут. Другие роют себе норы в земле или пользуются норами, вырытыми другими животными. Некоторые виды собак принадлежат к ночным животным, другие ведут полуночный образ жизни, третьи охотятся за добычей только днем. Некоторые из них почти столь же деятельны днем, как и ночью. Немногие собаки живут одиноко или парами, и даже те виды, у которых самец и самка живут в известное время года вместе, собираются при случае в большие стаи, так что можно утверждать, что все вообще собаки принадлежат к общественным животным*.

* Истинно общественными мы можем считать животных с выраженной иерархической организацией группы, т.е. с развитыми социальными отношениями. Среди псовых это в первую очередь волк (*Canis lupus*), красный волк (*Canis alpinus*) и гиеновая собака (*Lycaon pictus*).

Что касается способов передвижения, то здесь собаки мало уступают кошкам. Тупые когти не позволяют им лазать, и поэтому они больше кошек привязаны к земле. Кроме того, они не могут делать таких же высоких и длинных прыжков, как кошки, в других же отношениях они скорее превосходят кошек, нежели им уступают. Все собаки прекрасно бегают и при этом обнаруживают большую выносливость: они могут бежать быстро и очень долго. Все без исключения плавают, а некоторых из них можно даже назвать почти водными животными, так как они с большим искусством плавают и ныряют. При ходьбе собаки касаются земли лишь пальцами, так же как и кошки. Внешние чувства у собак развиты превосходно. Слух почти такой же хороший, как и у кошек, обоняние же достигает в высшей степени замечательного развития; что касается зрения, то можно с уверенностью сказать, что оно лучше кошачьего, потому что ночные животные из этого семейства видят в темноте не хуже кошек, а дневные в этом смысле даже превосходят их.

Еще более замечательны умственные способности собак. Низко стоящие виды выказывают значительную хитрость и коварство. Домашняя собака и дикая лисица совершенно с одинаковой обдуманностью приводят в исполнение заранее разработанные планы, результат которых они предварительно просчитывают с удивительной точностью. Эта понятливость и толковость самым тесным образом связала собак с человеком и поставила их в этом отношении выше всех других животных. Даже у тех видов, которые живут в природе, эти качества проявляются в большой осторожности и недоверчивости, которыми сопровождаются все их поступки. Только очень сильный голод иногда в состоянии победить эту недоверчивость, что заставляет их поступать не так, как они обычно поступают.

Пища их состоит преимущественно из животных веществ, чаще всего они питаются млекопитающими и птицами. Кроме того, собаки поедают пресмыкающихся, земноводных, рыб, моллюсков, раков, насекомых, а также мед, плоды и иногда даже почки, молодые побеги, корни, траву и мох. Некоторые из них очень прожорливы и убивают больше животных, чем могут съесть.

Плодовитость собак выше, чем кошек, и количество их детенышей иногда достигает самого большого числа, встречающегося у млекопитающих. В среднем они приносят от четырех до девяти щенят, но в исключительных случаях их число достигает 18 и даже 23. Иногда бывает, что отец или другой самец преследует молодое потомство с кровожадными намерениями и поедает их. Такие случаи наблюдаются, например, у волков и лисиц, которые часто не щадят себе подобных*. У большинства же хищников вся семья живет дружно и долго не расстается. Матери заботятся о своем потомстве с истинным самопожертвованием.

** Это происходит, когда самка, стоящая в иерархии выше, доминирующая, готовится принести потомство, а доступное подходящее логово занято более слабой, подчиненной самкой.*

Вследствие многочисленности особей некоторых видов собак вред, который они причиняют человеку, довольно значителен, и потому эти вредные животные повсюду неумолимо преследуются, зато мелкие виды этого семейства приносят даже определенную пользу, поедая вредных грызунов, падаль, а кроме того, их мех, кожа и зубы также идут в дело. Если же мы сравним вред и пользу, приносимые собаками, то едва ли можно сомневаться в том, что от них пользы больше, чем вреда, так как один из видов, а именно наша домашняя собака, оказывает человеку так много неисчислимых и немислимых услуг, что вред, причиняемый дикими видами, можно не принимать во внимание.

Волк (*Canis lupus*) похож на большую, высоконогую, худощавую собаку с хвостом, опущенным вниз, а не загнутым кверху. При более внимательном рассмотрении отличительными признаками волка оказываются следующие: худощавое туловище, брюхо подтянуто, ноги тонкие, хвост покрыт длинными волосами и висит до пяток. Морда кажется вытянутой и заостренной; широкий лоб спускается круто вниз, глаза расположены косо, уши всегда стоячие. Шерсть волка как по цвету, так и по длине волос довольно разнообразна, что зависит от климата той местности, где он живет. В северных странах у волка длинная, жесткая и густая шерсть; она всего длиннее на животе и на бедрах, хвост очень пушистый, шея и бока покрыты густой жесткой шерстью; в южных странах шерсть у волка значительно короче, но еще более жесткая. Цвет шерсти обыкновенно чалый или серо-желтый с примесью черных волос; на нижней части тела окрас этот светлее и переходит иногда в беловато-серый. Летом цвет животного принимает рыжеватый оттенок, а зимой — желтоватый; в северных странах преобладает белый оттенок, а в южных — черный. Лоб у волка серовато-белый, морда серовато-желтая с примесью черного, губы беловатые, щеки желтоватые, иногда с неясными черными полосками, густой подшерсток желтовато-серый.

Взрослый волк достигает 1,6 м в длину, из которых 45 см приходится на хвост; высота в холке — около 85 см. Крупные экземпляры весят 40, а иногда и 50 кг*. Волчица отличается от волка несколько более изящным телосложением, более острой мордой и тонким хвостом.

** Волк очень изменчив и в размерах, и в окраске. Окраска разных подвидов варьирует от почти чисто-белой и песчано-желтой до почти черной. Самые мелкие волки, с длиной тела около 1 м, длиной хвоста 23-36 см и весом 10-16 кг, живут в Аравии и Египте. Самые большие волки, с длиной тела более 1,5 м и весом более 40 кг (до 80), населяют север Канады и Аляску.*

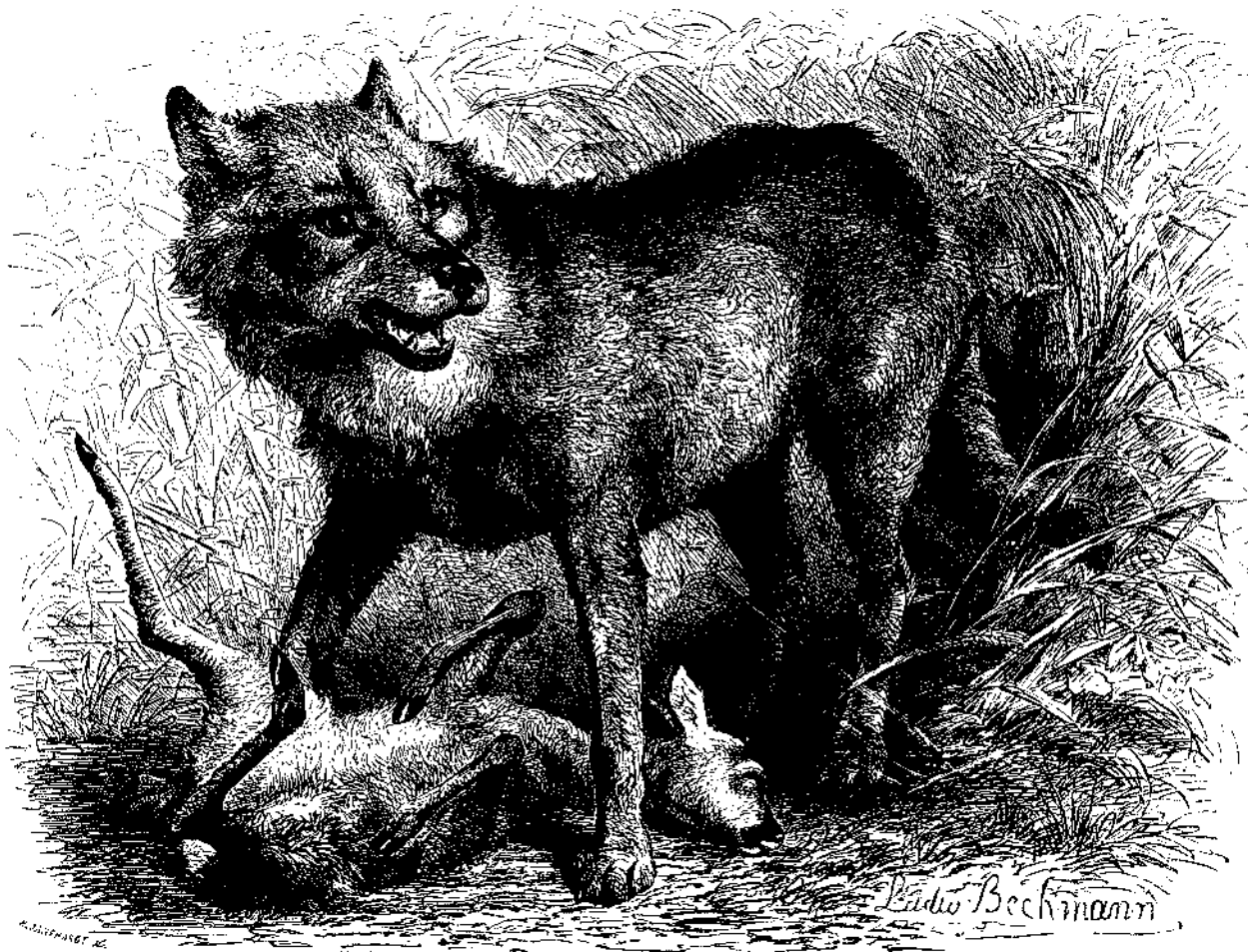
Волк и поныне еще очень распространен, хотя все-таки встречается реже, чем в прежние времена. Он живет почти по всей Европе, но в самых населенных местах этой части света уже исчез. В Германии, а также в Великобритании он совсем истреблен. На востоке Европы очень обыкновенен. В Исландии и на островах Средиземного моря его, кажется, никогда не было, а в северной Африке он встречается. Кроме того, волк распространен по всей северо-восточной и Средней Азии, в Афганистане, в Белуджистане до Инда, даже до Синда, а может быть, до верхнего Пенджаба. В Северной Америке его можно рассматривать как разновидность нашего волка; то же можно сказать и о мексиканском волке.

Древние знали волка очень хорошо. Многие греческие и римские писатели говорят о нем не только с отвращением, которое волк всегда возбуждал в них, но также и с затаенным страхом перед воображаемыми таинственными и колдовскими свойствами этого животного. В древнегерманских сагах волк считается животным, посвященным Водану, и к нему относятся скорее с почтением, чем с отвращением; отвращение появилось уже гораздо позднее, когда христианское вероисповедание уничтожило мифологические воззрения древних германцев. Тогда Водан превратился в «дикого охотника», а его волки — в собак; затем появилось сказание о волке-оборотне — чудовище, которое может принимать облик то волка, то человека, наводя ужас на суеверных людей. Еще до сих пор на Западе у малообразованных людей сохранилось предание об этом волке-оборотне, и простые люди могут вам поведать о средствах, с помощью которых можно обезвредить это чудовище или хотя бы отогнать его прочь.

Волк понемногу вытесняется из населенных мест, но даже и западная Европа еще не скоро от него избавится. В прошлом столетии этот опасный хищник встречался во всех лесах Германии, но и в наше время, по официальным данным, их убивают тысячами. В 1817 году в Пруссии было убито 1080 волков. В Померании их было убито в 1800 году 118 штук, в 1801 году 109, в 1802 году — 102, в 1803 году — 186, в 1804 году — 112, в 1805 году — 85, в 1806 году — 76, в 1807 году — 12, в 1808 году — 37, в 1809 году 43. После этого они стали встречаться реже, но при бегстве французской армии из России число их снова значительно увеличилось, так как трупы погибших солдат составляли их основную добычу. В Познани в 1814-1815 годах 28 детей было съе-

дено волками, а в 1820 году — еще 19 детей и взрослых. Ныне волки в Германии стали очень редки, но ежегодно из России, Франции и Бельгии некоторые из них прибегают в восточную и западную Пруссию, Познань, Рейнские провинции, а в холодные зимы — даже в Верхнюю Силезию, причем в благоприятных условиях животные эти забегают далеко внутрь страны. В течение одиннадцати лет (1871-1882 годы) в землях, принадлежащих Германскому союзу, было убито 459 волков, и еще в 1885-1886 годах их было убито: в Лотарингии — 32, в Эльзасе — 7, в Рейнской провинции — 2, в восточной Пруссии и Бранденбурге — по одному. В конце 1886 года в одной местности восточной Пруссии появилась довольно большая стая волков. В юго-восточной части Австрийской империи, а именно в Венгрии и принадлежащих ей славянских землях, приходится ежегодно устраивать большие охоты на волков и истреблять их разными средствами, но в лесистых и малонаселенных местностях их до сих пор очень много. Число волков, убиваемых ежегодно в России, в точности не известно, хотя в некоторых губерниях за убитых волков платят премии; в Швеции и Норвегии также не собирают точных сведений о числе убитых волков, хотя они в этих странах причиняют значительный вред.

Волк живет как на значительной высоте в горах, так и в низменностях и держится преимущественно в малонаселенных и спокойных пустошах, иногда в густых лесах, иногда в болотистых местностях, где много кустарника, а на юге — в степях. Он устраивает логовище в кустарнике, чаще на краю леса, нежели в глубине его, на сухих кочках в болотах, в камыше, на кукурузных полях, а в Испании даже на хлебных полях, часто вблизи деревень. Вообще он избегает человеческих поселений гораздо меньше, чем обыкновенно думают, но очень осторожен, прячется и не показывается до тех пор, пока сильный голод не заставит его отправиться за добычей. Когда у волков нет маленьких детенышей, они редко живут постоянно на одном месте. Большею частью животные уходят довольно далеко и покидают обжитые места на несколько дней или недель, чтобы снова сюда вернуться, когда найдут добычу. Весной и летом волк живет одиноко или попарно, осенью — целой семьей, зимой же хищники эти собираются иногда в стаи, величина которых зависит от условий той местности, где они живут. Если волк и волчица образуют пару, то их союз практически никогда не распадается; весной же пары образуются обязательно; в больших стаях самцы преобладают.

Волк (*Canis lupus*)

Раз собравшись в большую стаю, волки держатся вместе, помогают друг другу при нападении на добычу и созывают других волков своим воем. Впрочем, волк предпринимает свои странст-

вования как в стаях, так и в одиночку, пробирается по горным кряжам, проходит большие степи, переходит от одного леса к другому и в результате появляется иногда в местностях, где уже несколько лет кряду волков не видели. Доказано, что во время этих странствований волки пробегают за одну ночь от 40 до 70 километров. Зимой довольно часто, а при глубоком снеге почти всегда стаи волков идут гуськом, причем каждое животное, как индейцы на военной тропе, следуют друг за другом, ступая по возможности в тот же самый след (это делают и рыси), так что даже и опытному охотнику трудно бывает узнать, из какого количества волков состоит стая. Утром какая-нибудь лесная чаща служит убежищем стае хищников; на следующую ночь путешествие продолжается, иногда же волки возвращаются назад. Весной после течки стаи разъединяются, и беременная волчица отыскивает, по показаниям заслуживающих доверия охотников, вместе с волком свое прежнее логовище, где она родит и воспитывает волчат. Подвижность и сила волка приводят к усиленному обмену веществ в его организме, а следовательно, ему требуется большее количество пищи, в результате чего этот хищник везде, где он появляется, истребляет множество доступных ему животных. Самую любимую добычу волка составляют довольно крупные домашние и дикие животные, как млекопитающие, так и птицы, но он довольствуется иногда и мелкими животными, ест даже насекомых, не пренебрегает, как говорят, и растительными веществами, например кукурузой, дынями, тыквами, огурцами, картофелем. Хотя вред, приносимый волком, довольно значителен, он все же был бы снесен, если бы волк по своей кровожадности не истреблял гораздо больше животных, чем ему требуется для насыщения*. Из-за этого он считается бичом для пастухов и охотников и вообще врагом всех оседлых людей.

** Такого свойства, как «кровожадность», у животных вообще не бывает, его придумал человек. В природе волки убивают столько добычи, сколько им необходимо для еды. Мнение о кровожадности волка возникло в связи с тем, что эти звери, оказавшись в овчарне или в стаде овец, действительно могут убить их довольно много. Домашние овцы настолько неспособны на адекватное оборонное поведение, что с «точки зрения» хищника все являются больными. Следует заметить, что охранные (не пастушеские) собаки, попав в стадо овец, тоже могут многих загрызть — срабатывает природная «программа».*

Летом волк не приносит столько вреда, как зимой, так как летом в лесу кроме травоядных он находит много другой пищи: ловит лисиц, ежей, мышей, разных пресмыкающихся и ест некоторые растительные вещества; в это время он нападает разве что на мелкий домашний скот, который без должного надзора пасется вблизи его места жительства. Дичи истребляет он очень много: загрызает лосей, оленей, косуль, уничтожает зайцев своего района — и, если этой дичи много, редко нападает на крупный домашний скот. Иногда волк довольно долго охотится на мелких животных и, по словам Иславина, одолевает целые сотни верст, преследуя странствующих пеструшек (*Lemmus porwegicus*); тогда он только ими и питается, а на обратном пути ест ящериц, ужей, лягушек и даже майских жуков. Падаль ест особенно охотно и в тех местах, где живет вместе с рысью, подбедает за ней все объедки. Осенью и зимой становится гораздо опаснее, так как постоянно бродит вокруг пасущихся еще стад и нападает как на крупный, так и на мелкий скот, однако остерегается взрослых лошадей, коров и свиней, когда они идут стадом, а волки еще не собрались в стаю. В начале зимы он все ближе и ближе подходит к деревням и городам, а в маленьких местечках охотится за собаками, которых очень любит и которые часто составляют в некоторых местах единственную его добычу. Без сомнения, при случае хватает и других животных, без колебания проникает в хлев, если хозяин оставил двери открытыми, иногда даже вскакивает туда через открытое окно или чердак и при этом немилосердно загрызает всех овец или коз, находящихся в хлеву. Подобные смелые набег совершает все-таки редко, но жители многих деревень в тех местах, где свирепствуют волки, ежегодно недосчитываются многих своих собак, да и охотники за волками часто теряют таким образом многих псов из своей своры. Когда волки бродят стаями, то нападают и на лошадей, и на коров, хотя те умеют защищаться. По словам Левиса, в России утверждают, что голодные стаи волков нападают на медведя и после продолжительного боя загрызают его. Наблюдения Кременца подтверждают, что волки иногда тревожат медведя в его зимнем логовище, преследуют раненых медведей и стараются захватить медвежат. Едва ли, однако, можно допустить, что в схватке с медведем волк всегда одерживает победу, но достоверно известно, что волк нападает на всех животных, с которыми надеется справиться. Однако везде он как можно дольше старается не вступать в схватку с человеком. Страшные рассказы, которые распространены о волке, и точно так же, как о тигре, бывают еще разукрашены фантазией досужих людей, почти все без исключения заключают в себе мало правды. Обезумевшая от голода стая волков при случае, конечно, может напасть на людей, даже взрослых и вооруженных; может случиться, что волки и загрызут, и сожрут при этом человека, но

во всяком случае опасность от волков в тех странах, где их много, вовсе не так велика, как часто ее себе представляют. Одинокий волк редко нападает на взрослого человека, даже вооруженного одной только дубиной; подобное поведение может быть вызвано лишь особыми обстоятельствами, например если волк бешеный или волчица опасается за своих детенышей*.

** Волки нападают на человека в крайних и очень редких случаях, например при сильном голоде, хотя трупы замерзших людей (или солдат, погибших во время войны) волки поедают. Наиболее опасны для человека волчьи стаи, ведомые одичавшей собакой, поскольку у нее заметно притуплён страх перед человеком.*

Во время поисков добычи волк выказывает такую же хитрость, как и лисица, от которой отличается главным образом нахальством. Он приближается к избранной жертве со всей возможной осторожностью, соблюдая, так сказать, все правила охоты; незаметно подкрадывается как можно ближе к животному, ловким прыжком хватает его за горло и валит на землю. На лесных тропинках он иногда по целым часам поджидает добычу, например оленя или косулю, а в степных местностях точно так же терпеливо подкарауливает скрывшегося в норку байбака. Он идет по следу зверя с безошибочной уверенностью. Когда волки охотятся стаями, то умеют очень хорошо распределять между собой обязанности: часть стаи гонится за добычей, а другая перерезает ей путь и загрызает. «Если волки, — пишет Левис, — встретят лисицу на равнине, то они стараются ее сейчас же окружить, а некоторые пускаются в погоню. Бедная лиса тогда пропала: ее скоро хватают и еще скорее разрывают на части и пожирают». Нападая на стадо, волки очень хитро стараются отвлечь от него собак, о чем знали уже древние народы. Геснер пишет: «Когда соберется много волков, а при стаде несколько собак и пастухов, то часть волков нападает на собак, а другая — на овец».

Как вреден бывает волк, видно из нижеследующих фактов. У кочевых народов и тех, которые занимаются главным образом скотоводством, не бывает врага хуже. В России волк ежегодно уничтожает до 180 тысяч голов крупного и в три раза больше мелкого скота**. Лазаревский утверждает, что вред, причиняемый волками домашнему скоту, определяется в 15 миллионов рублей. Кроме того, волки часто болеют бешенством, и тогда они одинаково опасны как людям, так и животным. Говорят, что бешеные волки в России всегда стараются укусить встречающихся людей в лицо.

*** Цифра эта, как и другие сведения о масштабе урона, наносимого волками, скорее всего преувеличена. В местностях, где волки не редкость, на них списывали домашних животных, погибших от самых разных причин, в том числе незаконно забитых или украденных пастухами или сторожами стада.*

Неудивительно, что столь опасные звери, особенно там, где они встречаются во множестве, наводят ужас не только на людей, но и на животных. Лошади становятся очень беспокойными, когда чувствуют волка, все прочие домашние животные, за исключением собак, обращаются в бегство, как только издали услышат приближение их главного врага. Для хороших же собак нет большего удовольствия, чем охота на волков, так как замечено, что собаки любят больше всего самую опасную охоту. Непонятна и вместе с тем удивительна эта ненависть между двумя столь близкородственными животными, такими, как волк и собака*.

** Во многих областях собаки чаще других домашних животных становятся добычей волков. Поэтому собаки, не приученные специально к охоте на волка, чаще всего прячутся при его появлении.*

Хорошая собака, когда следит за волком, забывает в своем охотничьем задоре все остальное и успокаивается только тогда, когда вцепится в своего врага. Во время схватки она не обращает внимания на раны и не смущается смертью своих товарищей. Уже при смерти, она все еще старается впиться в волка зубами. Не все собаки, однако, одинаково хорошо охотятся на волков; некоторые из них, почуяв волка, прячутся. При этом величина собак не имеет такого значения, как порода, наследственность и приобретенный навык. Очень часто маленькие псы оказываются более ожесточенными врагами этого хищника, чем большие, но недостаточно смелые собаки.

И другие домашние животные умеют защищаться от волка. «В южнорусских степях, — говорит Коль, — волки бродят около пасущихся там стад и табунов. К лошадям приближаются они очень осторожно, стараются схватить жеребят, которые отделились от других лошадей, иногда решаются напасть на одинокого коня, схватывают его за шею и таким образом валят. Когда прочие лошади увидят волка, они смело на него наступают, бьют передними копытами, если он тотчас не убежит, а жеребцы хватают его даже зубами. При этом часто волк бывает сразу убит, но случается, что он снова вскакивает, впивается зубами в горло нападающего коня и валит его на землю. Даже стая волков не в состоянии принудить к бегству табун лошадей, напротив того, они сами должны

опасаться быть окруженными и избитыми, если не спасутся бегством». В подобном незавидном положении оказывается наш серый приятель, если он вздумает полакомиться свининой в лесах Испании и Хорватии. Отдельную свинью он одолеть конечно может, но большое стадо этих животных, по сообщенным мне достоверным сведениям, совершенно не боится волков, которые даже боязливо его избегают. Храбрые кабаны смело защищают все стадо от волков и так основательно обрабатывают их своими клыками, что те забывают о своих намерениях и думают лишь о спасении шкуры. Если волк вовремя не убежит, то сердитые кабаны безжалостно его убивают и съедают его мясо с таким же удовольствием, с каким бы он сам попользовался добычей. Этим объясняется, что в тех лесах, где пасутся свиньи, почти никогда не бывает волков, и поэтому так же понятно, что если охотник со своими собаками оказывается по соседству от стада свиней, то его псы подвергаются такой же опасности, как и волки. Свиньи видят в чужих, незнакомых им собаках только близкого родственника ненавистного волка и потому яростно на них бросаются и даже в этом случае не щадят охотника, который спешит на помощь своим верным товарищам по охоте. Даже одинокие свиньи храбро защищаются, и волк одолевает их с большим трудом. Одни лишь овцы безропотно покоряются неизбежному року. «Если волк заметит, — пишет Коль, — что пастухи и собаки несколько отошли от стада, то он бросается на первую попавшуюся овцу и загрызает ее. Прочие же овцы убегают на 200-300 шагов, собираются там в кучу и своими глупыми глазами смотрят на волка, пока он еще раз к ним не приблизится и не схватит еще овцу. Тогда они опять убегают на несколько сот шагов и снова его поджидают». К стаду крупного рогатого скота волк обычно не отваживается подойти, так как оно дружно отражает нападение и старается забодать хищника рогами. Он пытается только загрызть оставших коров или телят и хватает их за горло так же, как лошадей; более слабые домашние животные обыкновенно делаются жертвами волка, если вовремя не найдут безопасного убежища, так как этот хищник настойчиво преследует их, куда бы они ни бежали, причем не боится даже воды.

Волку свойственны многие качества собаки: он точно так же силен и настойчив, внешние чувства у него точно так же хорошо развиты, кроме того, он весьма умен. В сказках и баснях волк изображается дураковатым существом, которое постоянно дает себя перехитрить и обмануть лисице, но этот образ вовсе не соответствует действительности, так как в хитрости, лукавстве, умении притворяться и осторожности волк несколько не уступает лисице и, скорее, во многом ее превосходит. В большинстве случаев он умеет прекрасно принаравливаться к обстоятельствам, свои поступки обдумывает и легко находит выход из затруднительного положения. Он старается обмануть свору собак, обнаруживая при этом большую осторожность и хитрость, и не теряет присутствия духа, даже когда за ним гонятся. Его зрение, слух и обоняние одинаково хорошо развиты. Утверждают, что он не только хорошо чует следы, но даже чувствует запах на большом расстоянии. Он очень хорошо различает следы разных животных, на которые случайно нападает во время своих странствований, и с большой уверенностью идет по тому следу, который избрал, не обращая внимания на остальные. Выслеживая добычу, он обычно проявляет большую осторожность, чтобы не попасть в какую-нибудь ловушку и не поплатиться жизнью*.

** Сейчас известно, что охота, особенно на крупную добычу, требует от хищника столь высокого напряжения всех сил, что любая, даже сравнительно легкая рана может повлиять на успешность ее исхода. Поэтому подавляющее большинство хищников действительно старается нападать лишь в случае, когда им самим ничего не угрожает. Это не «трусость», а необходимое условие их выживания.*

Он никогда не выходит из засады, пока не удостоверится в том, что ему ничто не угрожает. Он приближается к своей жертве бесшумно и относится недоверчиво ко всякой веревке, к каждому отверстию и вообще ко всем незнакомым предметам, предполагая в них западни или ловушки; поэтому он по возможности старается не входить во двор через открытые двери или ворота, если может пробраться туда каким-нибудь иным способом. Замечено, что он только в крайнем случае схватывает привязанных животных, боясь, что они выставлены как приманка в какую-нибудь ловушку.

Старый писатель Геснер передает следующими словами рассказ своего современника Геблера: «Отец Геблера питал особое пристрастие к охоте и приготовил несколько ям для того, чтобы ловить туда разную дичь. В одну из этих ям однажды ночью попало три живых существа: одним из них была старуха, которая вечером пробиралась из огорода, где крала капусту, репу и лук; кроме того, в той же яме оказались волк и лисица. Все трое сидели всю ночь очень смиренно — очевидно, от страха; даже у волка, самого сильного из них, был вид кроткого ягненка, и он никому не причинил вреда; старуха же, как самое разумное существо, от страха сделалась совсем бессильной и бледной и была скорее похожа на мертвую, чем на живую. Когда рано утром отец по своему обык-

новению пошел осматривать ямы и увидел эту странную картину, он очень испугался и заговорил со старухой, которая как будто ожила от человеческого голоса и немного пришла в себя. Как храбрый человек, отец вскочил в яму, заколол волка кинжалом, убил лисицу, на своих плечах по доставленной лестнице вытащил полумертвую старуху и отнес ее домой, очень удивляясь, что столь свирепое и прожорливое животное, как волк, не тронуло ночью ни старухи, ни лисицы». Совершенно иначе ведет себя волк, когда его мучает сильный голод; тогда он забывает всякую осторожность и становится не только смелым, но и нахальным. Для голодного волка больше не существует опасности; он ничего не боится и его ничем нельзя испугать.

У старых волчиц течка начинается в конце декабря и продолжается до середины января; у более молодых она начинается позже, в конце января, и продолжается до половины февраля. Возбужденные страстью самцы в это время грызутся между собой из-за любви самки. После 63-64 дней беременности, так же примерно, как у крупных пород собак, волчица мечет в уединенном месте леса от трех до девяти волчат, большей частью четыре-шесть. Волчица выбирает для своих щенят сухое лесистое место на болоте, куда люди и скот почти не имеют доступа; на юге Европы волчицы устраивают свое логово в специально выкопанных ямах, под корнями деревьев или в расширенных норах лисиц и барсуков. Волчата остаются слепыми необыкновенно долго, 21 день, растут сначала медленно, впоследствии очень быстро, ведут себя как молодые собаки, весело играют и дерутся между собой, как щенята, и их вой и лай слышны издалека. Волчица обращается с ними очень нежно, как хорошая сука, лижет и чистит их, очень долго кормит молоком, затем приносит им обильную пищу, соответствующую степени их развития, и старательно скрывает от посторонних глаз. Если семейству грозит какая-нибудь опасность, то волчица переносит в пасти поочередно своих детенышей в другое, более укромное место. Молодые волки растут до третьего года и тогда делаются способными к размножению. Вероятно, волки могут прожить 12-15 лет; многие из них умирают от голода, другие погибают от множества болезней, которым они подвержены точно так же, как и собаки.

"Вблизи своего гнезда, — пишет мне Каде, — волк никогда не охотится, именно поэтому молодые косули и волчата часто играют вместе на одной прогалине. Во время охоты за волками я часто сам убивал — и видел, как другие убивали, — на одних и тех же тропинках и молодых волков, и молодых косуль. Невозможно, чтобы эти последние, красивые животные, не знали о присутствии волков уже в конце июля». То, что волчица перетаскивает своих волчат в другое место, наблюдалось неоднократно, но многие утверждают, что и волк ей в этом помогает. Говорят, что волк иногда пожирает своих детенышей, но это, кажется, происходит только в исключительных случаях.

Не говоря о том, что волчице совершенно невозможно скрыть только что родившееся потомство от чуткого носа своего супруга и, следовательно, спасти детенышей от его зубов, я считаю своим долгом поставить вопрос: почему волки никогда не пожирают трупы убитых на охоте волков, с которых сняты шкуры?*

* *Известны случаи, когда волки охотно поедали погибших сородичей (например, убитых кабаном).*

Еще молодым человеком слышал я ужасно жалобный вой старых волков, нашедших трупы своих детенышей, убитых охотниками. Вой этот возбудил во мне такую жалость, что я проклинал жестокость охотников и никогда не подражал им. Сообщение это опровергается другими наблюдениями: молодые волки, мать которых убита, пропадают часто бесследно, и, по всей вероятности, могилами их становятся желудки старых волков. Если волчат не тревожат в их гнезде, то это следует приписать скорее бдительности матери, чем любви отца. Каде полагает, что отец участвует в добычании пищи для детенышей, но не подтверждает своего мнения никакими убедительными доказательствами, так что вопрос об этом следует считать еще не решенным. Только впоследствии, когда молодые волки подрастут, мать приводит их к старым волкам, и те принимают малышей в свое общество, отвечают всегда воем на их визг, обучают, предупреждают об опасности и жалобно воют, если волчата погибают.

Захваченные молодыми и хорошо воспитанные, волки становятся совсем ручными и выказывают большую привязанность к своему хозяину. Кювье рассказывает про одного волка, который был воспитан как собака и подарен новому хозяину уже взрослым зверем. Несколько недель кряду волк был безутешен, почти ничего не ел и относился совершенно равнодушно к своим сторожам. Наконец он почувствовал привязанность к тем из них, которые входили в его клетку и с ним занимались; по-видимому, волк забыл своего старого хозяина. Однако, когда хозяин вернулся в Париж после восемнадцатимесячного отсутствия, волк узнал его голос среди голосов многих других людей и, выпущенный на свободу, неистово выказывал свою радость. Затем его снова разлучили с хозяи-

ном, и, как и в первый раз, волк был очень печален. Три года спустя хозяин вновь вернулся в Париж. Это было вечером, и волк сидел в клетке, откуда не мог видеть, что происходит в соседнем помещении, но как только услышал голос своего хозяина, начал жалобно выть. Когда его выпустили из клетки, он бросился к своему другу, положил передние лапы на его плечи, начал лизать ему лицо и пытался кусать сторожей, которые хотели снова запереть его в клетку. Когда воспитатель удалился, волк захворал и отказывался от пищи. Выздоровление продолжалось очень медленно, и после этого чужому было всегда опасно к нему приближаться.

Мои собственные наблюдения над волками, которых я сам воспитывал или о которых слышал, подтверждают вышеприведенные рассказы. Один из волков Бреславского зоологического сада был таким же ручным, как собака; самым любезным образом он здоровался с директором этого учреждения Шлегелем, лизал ему руку, которую тот безбоязненно просовывал в клетку, и относился дружелюбно ко всем знакомым. Другой волк, который жил в этой же клетке, относился к Шлегелю очень странно: по его приказанию он высовывал хвост наружу, но ворчал и сердился, когда хвост трогали; при этом он лязгал зубами, но звук этот не походил на пистолетный выстрел, как желает убедить своих доверчивых читателей немецкий писатель Мариус. Гнев этого волка был притворный: он яростно бросался на товарища, когда того ласкал Шлегель, и демонстративно высовывал свой хвост из клетки, чтобы быть замеченным, из чего видно, что он скорее готов был перенести дерганье хвоста, чем остаться незамеченным. Можно с уверенностью сказать, что волк способен к воспитанию и легко становится ручным, если за ним ухаживают люди без предубеждений. Тот, кто умеет с ним обращаться, может из него сделать животное, очень близкое к домашней собаке. Но при этом необходимо иметь в виду, что к дикому животному в период воспитания следует относиться иначе, чем к домашнему, которое с незапамятных времен находится в зависимости от человека.

"Хотя волк, — пишет Геснер, — и приносит некоторую пользу, когда его убивают или ловят, но вред от живого волка для людей и скота гораздо больше этой пользы, и поэтому когда найдут его след, то все мужчины преследуют его до тех пор, пока не поймают или не убьют каким-нибудь способом — капканом, ловушками, ядом, огнестрельным оружием и т. п.". То, что Геснер коротко и просто сказал более трехсот лет назад, остается верным и до сих пор.

"С волками и медведями никто не должен заключать мира» — так гласит древний закон Карла Великого, переведен на немецкий язык в сборнике, называемом «Sachsenspiegel». Там же говорится: «Кто держит у себя злую собаку или ручного волка, оленя или медведя, тот должен платить за вред, причиняемый этими животными».

Для истребления волков годны все средства: порох и свинец, точно так же как и коварно отравленная приманка, силки и ловушки. Большинство волков умирают от стрихнина. Когда зимой пищи волкам не хватает, им приготавливают отравленную приманку*.

** Подобное отношение не могло не сказаться: популяции волка очень сильно пострадали, особенно в Западной Европе и Северной Америке, где ряд подвидов оказался под угрозой исчезновения. По-видимому, многочислен волк в настоящее время только в России и некоторых соседних странах.*

В густонаселенных странах для охоты на волков собирается обычно очень много народу. Целые волости иногда поднимаются, когда найдут след волка. Швейцарская хроника повествует: «Как только заметят волка, все должны подняться, и целая область должна участвовать в охоте на него до тех пор, пока его не убьют или не прогонят». Каждый человек, способный носить оружие, был обязан принимать участие в этой охоте, и большинство исполняли эту обязанность с большой готовностью. В больших лесах Польши, Познани, восточной Пруссии и Литвы прорублены ради охоты на волка широкие просеки и весь лес разделен таким образом на четырехугольники. На трех сторонах такого четырехугольника, где предполагают присутствие волка, становятся охотники с ружьями, а на четвертую сторону посылаются загонщики. Волк появляется обыкновенно довольно быстро, тотчас после первого шума, и, не торопясь, бежит к охотникам, где его встречают выстрелами. На такой охоте только отличные стрелки стреляют пулями, большинство же заряжают свои двустволки очень крупной дробью или картечью. Мне случилось раз в Кроации присутствовать на охоте за волками, и я должен сказать, что зрелище было великолепное, но результат довольно плохой. Созвав жителей многих деревень, собрали их около леса, где должна была проходить охота. Загонщиков набралось несколько сот, и они под предводительством лесничих того помещика, который устраивал охоту, были и расставлены вокруг леса огромной цепью, составлявшей около двух верст в длину. Против них на дороге была установлена цепь стрелков. Три выстрела послужили загонщикам сигналом для начала охоты, и сразу поднялся шум. Загонщики подвигались к нам с криками, они свистели в дудки и били в барабаны, что придавало охоте особую оригинальность —

казалось, целый полк идет на штурм. Вскоре я услышал шаги приближающегося ко мне животного, но это оказалась лисица, а не волк. Лишь один волк был убит, трое других прорвались сквозь цепь загонщиков, а четвертый был только ранен. Убитому волку связали лапы ивовыми прутьями, повесили на большую жердь и торжественно понесли в деревню.

Совершенно иначе охотятся жители русских степей. Они редко употребляют огнестрельное оружие. Там верхом гонятся за волком до тех пор, пока он не выбьется из сил, и тогда убивают. Уже через несколько часов он начинает уставать и на согнутых задних лапах возвращается к своим преследователям, которые слезают с лошадей и убивают его дубиной или суют ему в пасть какую-нибудь тряпку или старую шляпу, хватают за загривок, связывают и привозят живым домой. Коль рассказывает, что пастухи при табунах лошадей очень искусны в подобной охоте. Они бывают вооружены только палкой с железным набалдашником, которую очень ловко кидают в волка на всем скаку, при этом почти всегда попадают в цель, и волк часто валится от одного удара.

Лапландцы охотятся на волка очень оригинальным образом. Летом и среди зимы их северные олени часто подвергаются нападениям волков, и лапландцы почти ничего не могут с этим поделать; хотя у них есть ружья и они умеют с ними хорошо обращаться, но охота с ружьем им не так нравится, как та, которую мы сейчас опишем. Как только выпадет первый снег и на нем еще не успеет образоваться твердая корка, которая зимой выдерживает волка, лапландцы начинают готовиться к охоте. Единственным оружием им служит длинная палка, к концу которой приделан острый нож, так что орудие это похоже на копье. На ноги лапландцы надевают длинные лыжи, с помощью которых быстро двигаются по снегу. Тогда они отыскивают волка и преследуют его; он быстро бежать не может, так как до живота проваливается в снег и скоро устает, поэтому на лыжах его догнать нетрудно. Лапландцы все более и более к нему приближаются, и если преследование происходит в безлесной равнине, то волк погиб. Нож, привязанный к палке, обыкновенно покрывают роговыми ножнами, которые, однако, сидят так слабо, что падают от одного удара по шкуре волка; тогда на хищника начинают сыпаться удары острием ножа, пока он не протянет ноги. Большинство волчьих шкур, которые привозят из Норвегии, добыты лапландцами именно этим способом.

В Юрских горах кантона Ваад в Швейцарии существует, по словам Чуди, особое общество для волчьей охоты, которое имеет своих чиновников, заседания и особые суды. Трубный звук извещает об убиении волка; на деньги, полученные от продажи его шкуры, устраивается большой праздник, на котором не подчинившиеся приказу начальники пьют в наказание одну воду и опутываются соломенными цепями. Так как членом общества может стать только тот, кто присутствовал на трех удачных охотах на волков, то отцы часто берут с собой маленьких детей и держат их во время охоты на руках.

Волчьи шкуры пользуются большим спросом, из них, как известно, изготавливают ковры и полости*. Самые большие и лучшие волчьи меха добывают на Скандинавском полуострове, в северной России (в Сибири) и северном Китае, и за них в Германии платят 10-25 марок. Шкуры из других стран стоят гораздо дешевле, 3-8 марок. Из Сибири привозят ежегодно в Европу 20-25 тысяч шкур. Кроме того, многие правительства платят премию за убитого волка, не обращая внимания на то, застрелен он, отравлен или пойман в ловушку. Из кожи волка в некоторых странах шьют перчатки и барабаны. Мясо волка, которое не едят даже собаки, употребляется, однако, как говорят, в пищу калмыками и тунгусами.

** Истинная польза от волка состоит не в том, чтобы обеспечивать охотников шкурами. Волк — самый крупный хищник в европейских лесах, не считая медведя, и именно он обеспечивает регулирование численности крупных копытных и выбраковку из их стад больных или увечных особей. Из-за снижения численности волка во многих местах косули и лоси размножаются с такой скоростью, что уничтожают на больших площадях подлесок, а зимой погибают от бескормицы.*

В Испании, где шкура волка не имеет большой цены, охотники получают выгоду от убитого волка другим способом. Охотник кладет убитого волка на мула и отправляется с ним из села в село, сначала к владельцам больших стад; когда нужно, с волка сдирают шкуру и делают из нее чучело, которое показывают в каждой деревне, к немалому удовольствию молодого поколения. Владельцы больших стад платят иногда крупные суммы за убитого зверя, и, таким образом, может случиться, что охотник, при хороших условиях, за показ убитого волка получит довольно много денег.

Североамериканский волк* похож во всем на своего восточного родича: он так же силен, нахален и осторожен, как и восточный, и ведет себя вообще как наш волк.

* *Североамериканские волки относятся к тому же биологическому виду, что и евразийские. Они более разнообразны по окрасу меха и в среднем крупнее европейских сородичей. Кроме того, на юге США живет особый близкий вид — рыжий волк (*Canis rufus*), более мелкий и легче сложенный. Этот вид в настоящее время находится под угрозой исчезновения.*

По Ломеру, дороже всего ценятся волчьи шкуры из Лабрадора — черные, черно-бурые и чисто белые; они стоят в Германии 60-100 марок, обычные серые — 20-25 марок. Шкуры из области Гудзонова залива — 10-25 марок. Ежегодно продается от 10 до 15 тысяч шкур американского волка, но в это число входят и шкуры других видов волков.

Полосатый шакал (*Canis adustus*) ** ростом меньше волка и иначе окрашен. Туловище у него вытянутое, голова конусообразно заостренная, очень острая морда, с боков только немного или вовсе не сужена, поэтому немного похожа на лисью. Глаза со светло-бурым райком и продолговато-круглым зрачком поставлены косо. Уши расставлены далеко друг от друга, и длина их почти равняется трети всей головы; на конце они несколько закруглены; ноги очень высокие и тонкие. Не очень пушистый хвост, несмотря на высокие ноги, висит до земли. Шерсть состоит из длинных, жестких, довольно редких волос ости, которые совершенно закрывают тонкий подшерсток.

* * *Широко распространен в Африке южнее Сахары. Длина тела 65-81 см, длина хвоста 30-40 см. высота в плечах около 0,5 м, вес 7-14 кг. Он населяет саванны, кустарниковые заросли и опушки лесов, поднимаясь в горы до 2700 м.*

Зундеваль, первым описавший полосатого шакала, определяет длину его тела в 1,1 м, длину хвоста в 33 см и высоту в холке в 45 см; цифры эти почти соответствуют измерениям одной самки этого вида, которая жила у меня. Общий окрас шерсти буровато-светло-серая, по бокам тела проходит продольная светлая полоса, которая внизу окаймлена черным; по задним бедрам проходит наклонная черная полоса; лапы ярко-ржаво-рыжего цвета, но на передних лапах заметна поперечная темная полоса. Хвост у основания серый, по сторонам чалый, сверху и снизу черный, а кончик совершенно белый. Разные особи этого вида имеют разный окрас шерсти, а также различную ее густоту и длину и отличаются друг от друга даже общим строением тела.

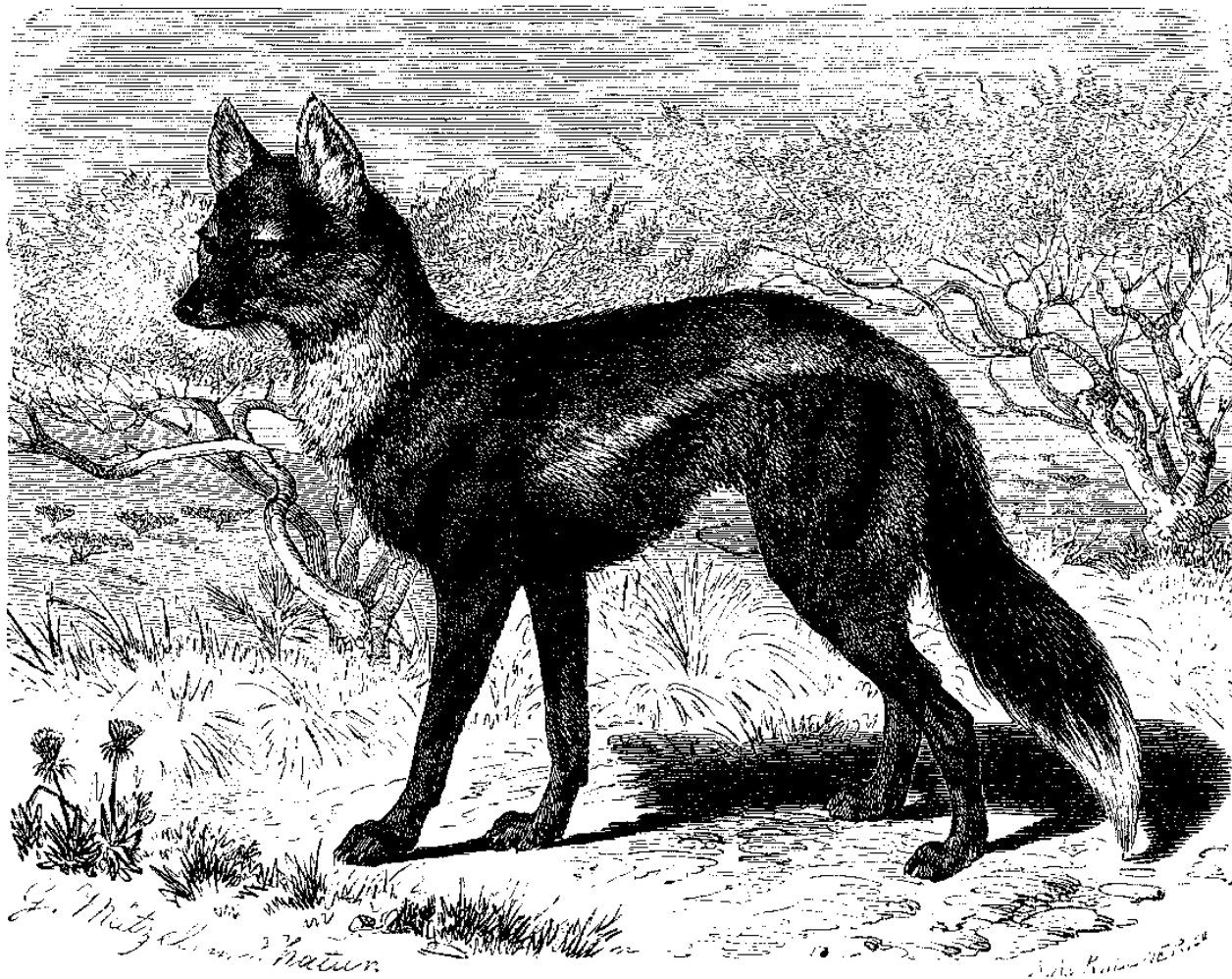
Полосатый шакал распространен почти по всей Африке до страны кафров на юге. Одну самку мне прислали из Занзибара, а другое похожее на нее животное живет в Лондонском зоологическом саду и получено с устья реки Огове в Нижней Гвинее. Очень похожий экземпляр привезен из окрестностей Лоанго в Берлинский зоологический сад, и там же живет теперь другой полосатый шакал, отличающийся от предыдущих.

Пехуель-Леше, который наблюдал это животное в Нижней Гвинее, особенно около Лоанго, как в диком, так и в прирученном состоянии, говорит о нем следующее: «Полосатый шакал больше и выше нашей лисицы, но имеет такое же хитрое выражение лица, как и она, хотя производит впечатление довольно добродушного животного. Трудно найти два экземпляра, которые были бы совершенно похожи по цвету и рисунку шерсти; детеныши по окрасу очень походят на нашу лисицу. Это очень живые и ловкие животные, на движения которых приятно смотреть. С 9 до 4 часов дня их редко видно; в другое же время их всегда можно встретить в саваннах, хотя и не слишком часто; они попадаются отдельно или парами, но никогда не встречаются в стаях.

Эти звери никогда не гонятся за крупными животными, но подкарауливают и хватают разных мелких зверьков, хотя, без всякого сомнения, при случае могут напасть и на большое, но больное или раненое животное. От голода, должно быть, они не страдают, так как не пренебрегают никакой пищей, вероятно, едят и падаль и с удовольствием гложут жирные плоды масличной пальмы.

Вечером и утром полосатые шакалы бродят по луговым степям своей характерной спокойной походкой и внимательно осматриваются кругом. От человека они не бегут сразу, а сначала с любопытством на него посматривают. Они приближаются и к жилищам, и домашние собаки с ними ссоры не заводят, а туземцы, которые называют их «мбулу», также оставляют их в покое. Если спугнуть полосатого шакала, то он сначала побежит, затем будет периодически останавливаться и спокойно ждать своего преследователя. Тогда вовсе не трудно застрелить его зарядом дроби, если не пожалеть это красивое и доверчивое животное. Протяжный и довольно пронзительный лай полосатого шакала слышен во всякое время года, утром и вечером. Он так громок, что вновь прибывший в эту местность человек непременно испугается, когда услышит его вблизи деревни или лагеря. Однажды, услышав жалобный крик, мы вовремя поспели на опушку леса, где бедное животное было уже схвачено огромной африканской змеей — питоном; мы освободили его выстрелом. Сначала он был очень удивлен, а затем с визгом убежал».

Жившие у меня полосатые шакалы были родом из Занзибара и из своей клетки с большим вниманием следили за всякими мелкими животными, которых они могли увидеть; летевшая мимо птичка или приближающаяся курица сильно их занимала.

Полосатый шакал (*Canis adustus*)

В другом отношении они по своему поведению мало отличались от других диких собак той же величины; они боялись людей и крупных животных, хотя при случае умели хорошо защищаться. Одна из самок сначала очень недоверчиво относилась к моим ласкам, но понемногу становилась все менее осторожной, а через несколько недель я вполне завоевал ее доверие. Она шла на мой зов и позволяла себя трогать; сначала, правда, подозрительно обнюхивала мою руку, так что приходилось соблюдать осторожность, но наконец я добился своего и мог ее безнаказанно гладить. Со своими сожителями по клетке она жила в мире, но близко их к себе не подпускала и решительно защищалась. Голоса ее я никогда не слышал. Мелких животных и птиц, например крыс и воробьев, она пожирала с жадностью, но так же охотно ела плоды: сливы, вишни, груши, а булку с молоком ела с особенным удовольствием. Самка эта была очень чувствительна к нашему северному климату; в холодные дни она лежала, свернувшись по-собачьи, без движения и неохотно вставала, когда ее звали, между тем как в другое время, услышав зов, сейчас же подходила к решетке. Активнее всего она была в теплые летние вечера.

Обыкновенный шакал (*Canis aureus*)* — это то животное, которое древние называли «фос» и «золотой волк», и, по всей вероятности, он под именем лисицы упоминается в Библии (Книга Судей, XV, 4) в истории о Самсоне, который посредством этих животных сжег жатву филистимлян.

* Обыкновенный, или золотистый, шакал населяет разнообразные (преимущественно сухие и открытые) местообитания Ближнего Востока, Балкан, Кавказа, Южной Азии и Африки на юг до Танзании. Длина тела 0,6-1 м, хвост 20-30 см. высота в плечах около 0,5 м, вес до 15 кг.

Название его происходит от персидского слова «сигал», которое турками переделано в «шикал», а русскими на Кавказе — в «чекалка». Животное это хорошо известно всем жителям Востока, и в народной литературе тех стран оно играет ту же роль, как у нас лисица.

Туловище шакала имеет 65-80 см в длину, хвост 22-30 см, высота в плечах 45-50 см. Туловище у него стройное, ноги высокие, морда острее, чем у волка, но тупее, чем у лисицы, пушистый хвост висит почти до земли. Уши короткие, достигают разве только четверти всей длины головы и расставлены далеко друг от друга; светло-бурые глаза имеют круглый зрачок; жесткая и не очень длинная шерсть довольно неопределенного окраса. Основной цвет серовато-желтый, который на спине и по бокам переходит в черный. Нижняя часть тела окрашена гораздо светлее верхней; конечности, шея и щеки имеют рыжевато-чалый цвет. Брюхо и горло желтовато-белого цвета, который на груди переходит постепенно в рыжевато-желтый, а на нижней части шеи — в серый. На плечах заметны неясные темные поперечные полосы. Вес шакала около 10 кг.

Родиной шакала следует считать Азию. Начиная от Индии, он встречается на всем западе и северо-западе этой части света: в Белуджистане, Афганистане, Персии, Закавказье, Малой Азии, Палестине, Аравии — и переходит в северную Африку. В Европе его находят в Турции, Греции и даже в некоторых местностях Далмации. Насколько далеко он распространен в Африке, еще пока не известно. В Индии и на Цейлоне* его можно встретить везде в лесистых и безлесных странах, на равнинах и высотах, а в Гималайских горах он поднимается на 1000 м над уровнем моря.

** Остров Шри-Ланка*

На восток от Индии становится более редким, но встречается еще в западной Бирме до Тенасерима, может быть, и на Малаккском полуострове. По описаниям Диарда можно почти предположить, что шакал живет и на острове Борнео**.

** * На Борнео (Калимантан) и другие Зондские острова шакал не проникает, из рода Canis там могут быть встречены только одичавшие домашние собаки.*

По образу жизни шакал занимает среднее место между волком и лисицей, но больше похож на первого. Днем он прячется, а вечером выходит на охоту и громким воем сзывает товарищей, с которыми вместе охотится. Он чаще встречается стаями, хотя иногда ищет добычу и в одиночку***.

** * * Стая шакалов этого и других видов обычно состоит из взрослой пары и подросших щенков прошлого помета.*

Его можно считать, может быть, самым нахальным и докучливым видом диких собак. Он все не боится человеческих поселений, смело врывается в деревни, даже сильно населенные города, на скотные дворы, в хлевы и хватает там, что найдет. Его нахальство раздражает не меньше, чем вой который он издает каждую ночь. В местах, где встречается это животное, слышится многоголосый, очень жалобный вой, который немного похож на вой собак, но по тонам своим более разнообразен. Во всяком случае, звуки эти вовсе не означают на самом деле жалобу зверя, так как шакалы воют и при обильной пище, например около крупной падали, но даже и тогда голос их бывает так жалобен и печален, что можно подумать, будто они неделю ничего не ели. Как только один из них подает голос, все другие шакалы начинают ему вторить, так что, находясь в каком-нибудь уединенном жилище, можно слышать самую удивительную музыку, потому что вой шакалов раздается со всех сторон и на различном расстоянии. Новичку этот вой кажется очень страшным, потому что бывает похож на крик о помощи или жалобный стон человека. Продолжительный ночной крик шакалов часто не дает заснуть человеку, которому приходится провести ночь в лесу или пустыне, поэтому можно не удивляться, что восточные жители ненавидят это животное и осыпают его самыми страшными проклятиями.

Шакалы, как уже говорилось, заслуживают ненависть людей и своими делами. Малую пользу, которую они приносят, нельзя и сравнить с причиняемым ими вредом. Они полезны только уничтожением падали и разных мелких вредных животных, например крыс; вред же они наносят нахальными нападениями на человеческое имущество. Они не только пожирают все съедобное, но также воруют всевозможные несъедобные вещи, забираются в дома, дворы, палатки, комнаты, конюшни и кухни и тащат оттуда все, что попадет; стремление к воровству у них развито так же сильно, как и прожорливость. На птичьем дворе они умерщвляют кур с кровожадностью куницы и хищничают с меньшей хитростью, но с большим нахальством, чем лисицы. При случае они нападают на одиноких коров*, загрызают ягнят и коз, гонятся за небольшими оленями и грабят плодовые сады и виноградники.

** Корова слишком велика в качестве жертвы шакалов (разве что она находится при смерти). Реально же группа шакалов способна убить новорожденного ягненка или детеныша газели, обычно же их добыча гораздо мельче.*

Стерндаль и Жердон уверяют, что шакалы в Индии вредят плантациям сахарного тростника и кукурузы; забираются они и на кофейные плантации и там съедают большое количество спелых ягод. Зерна кофе проходят непереваренными через их кишечник, и поэтому их усердно собирают,

так как говорят, что они дают лучший кофе — конечно, не потому, что эти зерна побывали в желудке шакала, а потому, что эти животные выбирали себе самые спелые ягоды. На морском берегу шакалы питаются мертвыми рыбами, моллюсками и прочими животными. Они следуют целыми стаями за крупными хищниками, чтобы лакомиться остатками их добычи; за караванами путешественников следят они по целым дням, во время остановок врываются в лагерь и тут воруют, что только возможно. Если шакалы встречаются человека, то разбегаются от него во все стороны, но тотчас опять соединяются и продолжают свое странствование. На Востоке говорят, что шакалы нападают и на людей — конечно, не на здоровых и взрослых, а в основном на детей и больных. По официальным сведениям, шакалами убито в Индии людей больше, чем волками, и даже, может быть, тиграми-людоедами. В трех провинциях этой страны за три года шакалы убили 527 человек, в одной лишь Бенгалии в 1882 году — 359 человек. Если эти цифры верны, то как велико должно быть во всей Индии количество людей, умерщвленных шакалами?*

** Жертвами шакалов, если приведенные цифры хотя сколько-нибудь соответствуют действительности, могли становиться умирающие от дряхлости, истощения или болезней люди, вовсе не способные оказать сопротивление хищникам. Данные, приводимые Бремом, скорее свидетельствуют не о кровожадности шакалов, а о том, какое количество умирающих людей было доступно зверям в Индии того времени. Вообще, в той же Индии шакалы приносили и приносят большую пользу, уничтожая в окрестностях городов огромное количество отбросов.*

В северных частях Цейлона, где на песчаной почве весьма скудно растут кустарник и небольшие группы деревьев, шакалы, по показаниям Теннента, очень обыкновенны. Они охотятся здесь всегда стаями под предводительством вожака и выказывают при этом большую храбрость.

Обыкновенный шакал (*Canis aureus*)

Они гоняются не только за зайцами и другими грызунами, но также и за крупными животными, например оленями. Если под вечер или с наступлением темноты они заметят, что заяц или другое животное спрячется в чащу кустарника, то они устраивают настоящую облаву. Шакалы окружают кустарник со всех сторон, не забывая занять все тропинки; вожак продолжительным воем дает сигнал к наступлению, товарищи ему вторят, и вот они все разом бросаются в чащу, чтобы выгнать животное на тропинку, где сидящие в засаде шакалы его и схватывают. Теннет говорит со слов лично наблюдавшего это, что первая забота шакалов, умертвивших какую-нибудь дичь, состо-

ит в том, чтобы ее оттащить куда-нибудь в кусты, откуда они сейчас же выходят, чтобы осмотреть окрестности и убедиться, что никакой другой крупный хищник не может отнять у них добычу. Если опасности не предвидится, то они возвращаются к убитому животному и куда-нибудь его утаскивают или пожирают на месте. Наблюдатель, сообщивший это Тенненту, уверяет, что шакалы применяют следующую хитрость, чтобы отвлечь внимание человека или крупного хищника: они схватывают какой-нибудь предмет в пасть и с ним убегают, как будто хотят спасти добычу от преследователей, а когда за ними гонятся, они бросают этот предмет и тайком возвращаются к настоящей добыче. Во всяком случае, шакалы у сингалезцев считаются олицетворением хитрости и коварства, и потому им посвящено множество басен и рассказов.

На черепе некоторых шакалов встречается иногда костяной нарост, который снаружи обозначен пучком длинных волос*; нарост этот называется шакальим рогом, и индусы, и сингалезцы приписывают ему чудодейственную силу.

** Видимо, имеется в виду какое-то болезненное образование, например, травматического происхождения.*

Говорят, что этот нарост можно найти только на черепе вожака и потому его нелегко достать, но у счастливого обладателя рога исполнятся все его желания; вообще этот рог самый лучший талисман, который сам собой возвращается к обладателю его, если тот вдруг его потеряет. Издревле существует предание, что шакал служит проводником и разведчиком тигру и льву, что он их предостерегает об опасности, ведет к жертве и в награду за это получает часть добычи. В Индии утверждают, что шакалы только в присутствии тигра или леопарда издают своеобразный крик, который в другое время никогда не слышен. Этот крик очень хорошо известен охотникам и действительно всегда обозначает близость тигра или леопарда, но гораздо правильнее считать его криком, предостерегающим других шакалов, так как голодный тигр или леопард, конечно, без колебаний может напасть и на шакала. Более добросовестные наблюдатели утверждают, что голодные шакалы не идут впереди тигра, а следуют за ним, чтобы воспользоваться остатками его добычи, но при этом старательно избегают слишком близкого контакта с опасным сотоварищем по охоте.

Сандерсону однажды посчастливилось наблюдать за шакалами. Он спрятался около убитой тигром скотины, чтобы подкараулить этого хищника, когда он вторично вернется к своей добыче, но до появления тигра он смог увидеть проделки трех шакалов. «Двое из них, — рассказывает Сандерсон, — еще до заката солнца бродили около мертвой скотины, и забавно было видеть, с какой преувеличенной осторожностью они приближались к лакомой добыче, хотя должны были знать, что тигра вблизи нет. Подойдя наконец к падали, они вдруг, как бы испугавшись, отскакивали назад — очевидно, с намерением спровоцировать тигра, если он находился поблизости. Наконец у них хватило смелости подойти к мертвой добыче. Один из шакалов стал жадно есть и шумно откусывать куски то с одной стороны, то с другой, а второй вовсе не ел, а стоял на часах. Вдруг карульщик весь съежился, взъерошил шерсть, опустил хвост и принял позицию защищающейся собаки, при этом маленькими шагами, ворча, продвигался вперед, как индюк. Я подумал, что приближается тигр, но оказалось, что это был третий шакал, которого его родичи не хотели допустить к своей добыче. Вновь пришедший, видя, что место занято, спокойно улегся в некотором отдалении и стал ожидать своей очереди. Между тем первый шакал уже целых полчаса обжирался, а его товарищ не съел еще ни одного куска; вдруг оба вскочили и стали пристально вглядываться в какое-то место около того дерева, на котором я сидел; после этого они стали издавать очень странное хрюканье, без устали скакали взад и вперед, но все время смотрели на то же самое место. Теперь я понял, что они увидели тигра; хотя мне ни разу не случалось присутствовать при такой встрече, но движения шакалов были так характерны, что иного значения им было дать невозможно. Я, понятно, был очень возбужден, так как не мог повернуться, чтобы осмотреть то место, откуда должен был появиться тигр. Внезапно шакалы прекратили свое ворчание и стали громко визжать, надеясь, без сомнения, разжалобить крупного хищника, а затем убежали, и я почти под собой услышал шаги тихо приближающегося тигра. Вскоре я увидел при свете яркой луны полосатую голову и плечи; тигр немного постоял на месте, а затем подошел к добыче и стал смотреть вслед шакалам. Я прицелился в него и выстрелил, не теряя времени; с громким яростным воем раненый тигр пробежал еще шагов восемьдесят, а затем в ночной тишине раздался характерный предсмертный стон убитого мной животного».

Течка у шакалов бывает весной и служит причиной очень громкого воя влюбленных самцов. По прошествии девяти недель самка шакала ценится пятью-восемью детенышами, которых она вскармливает в скрытом от людских взоров логовище. Мать храбро защищает своих щенят и точно так же, как волчица и лиса, обучает их своему ремеслу, а по прошествии двух-трех месяцев покида-

ет логово и отправляется странствовать. Молодые шакалы к этому времени перенимают уже все привычки старых: умеют отлично выть и воровать. В Индии число детенышей, как правило, не превышает четырех; мать их рождает в норе, а иногда в сухой яме под нависшим берегом.

Молодые шакалы приручаются гораздо легче, чем лисицы. Они привыкают к своему господину, следуют за ним, позволяют себя ласкать и даже требуют ласки, идут на зов, виляют хвостом, когда их гладят, — одним словом, ведут себя как домашние собаки*.

** По одной из теорий, домашняя собака происходит от шакала, а не от волка.*

Даже старые шакалы в неволе постепенно привыкают к человеку, хотя вначале и пробуют кусаться. Шакалы довольно легко размножаются и в неволе, а также без труда спариваются с подходящими по величине домашними собаками**.

*** Хотя, вопреки тому, что считалось ранее, между шакалом и собакой нет физиологических препятствий к спариванию, поведение их слишком различно. Чтобы в специальных экспериментах получить гибрид этих двух животных, их приходилось выращивать вместе, начиная с рождения. Кроме того, в отличие от собаки и волка самец-шакал бывает готов к спариванию очень недолгий промежуток времени в течение года. Таким образом, спонтанное появление гибридов собак с шакалами хотя и возможно, но случается, по-видимому, достаточно редко.*

Адаме видел в Индии домашних собак, которые очень походили на шакалов, и полагает, что они произошли от скрещивания шакалов с домашними псами; Блэнфорд считает также подобное скрещивание возможным. Мех малоазиатского шакала стоит недорого.

Шакалы подвержены самой страшной болезни собак, а именно бешенству.

Во внутренней и южной Африке живет один вид шакала, которого можно часто видеть в больших зоологических садах и музеях.

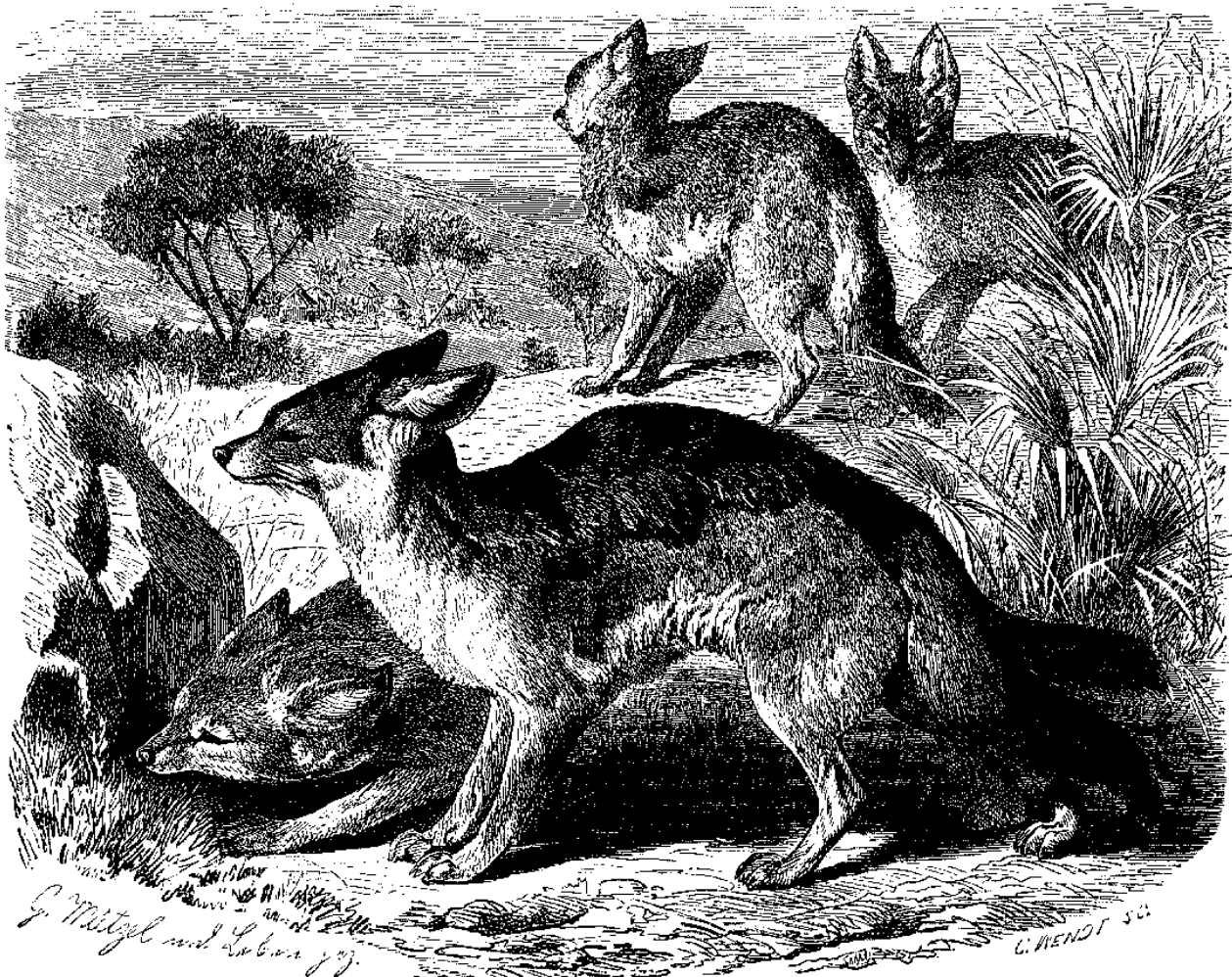
Чепрачный шакал (*Canis mesomelas*)* отличается от обыкновенного шакала тем, что ноги у него гораздо короче и голова очень напоминает голову лисицы, а уши имеют некоторое сходство с ушами фенека: они очень большие, у основания широкие и кверху заострены, так что образуют равносторонние, книзу несколько суженные треугольники; оба уха сидят совсем близко одно от другого. Большие коричневые глаза имеют круглый зрачок; хвост висит до земли. Мех густой и мягкий. Основной цвет желтовато- или рыжевато-серый, переходящий на нижней части тела в желтовато-белый. Вся спина покрыта как бы чепраком черного цвета, который сбоку резко отличается от прочего меха и посередине имеет белый поперечный рисунок. На шее этот чепрак окаймлен неясной белой полосой. По длине чепрачный шакал превосходит обыкновенного, а в высоту ниже его.

** Распространен по всей Африке южнее Сахары, населяя саванны и редколесья. Длина тела 68-73 см, длина хвоста 30-38 см, высота в плечах 30-48 см. Вес 7-13 кг, самцы в среднем на 1 кг тяжелее самок. Беременность — 60 дней, рождается 1-8 (обычно 4) детенышей. Они начинают выходить из убежища в возрасте 8-9 недель, а в 6 месяцев уже охотятся вместе со взрослыми. Чепрачный шакал более активный охотник, чем два других, и чаще нападает на достаточно крупных животных, в том числе овец. Еще один африканский вид рода *Canis*, о котором Брем не упоминает, — абиссинский волк, или эфиопский шакал (*Canis simensis*). Этот очень редкий красивый зверь, похожий на высоконогую рыжую лисицу, живет только в сухих высокогорьях Эфиопии, на высоте 3000-4000 м над уровнем моря. Хотя он крупнее шакалов (длина до 1 м, высота в плечах 60 см), его основная добыча — мышевидные грызуны. В настоящее время абиссинский волк находится под угрозой исчезновения: его численность не превышает 600 особей.*

По моим наблюдениям, область распространения этого шакала начинается от средней Нубии; отсюда она доходит до мыса Доброй Надежды по восточному берегу Африки, где, впрочем, в некоторых местах чепрачного шакала нет. Вся южная Африка и часть западного берега, по крайней мере до Массамеда, входят в область распространения этого животного. В других частях западной Африки и в Конго его до сих пор не замечали. Этот шакал встречается как в степях, так и в лесах, но чаще всего в гористых местностях. В южной Африке и Абиссинии он очень обыкновенен. На восточном берегу Красного моря находится узкая пустынная полоса, называемая Самхара; по ней проходит много оврагов, в которые в дождливое время с гор стекает вода; берега этих оврагов покрыты густым кустарником. Здесь всегда водится много шакалов, так как они находят в кустах богатую добычу, состоящую из зайцев и степных куропаток. Шакал чаще охотится ночью, но его можно видеть и днем, иногда даже вблизи деревень. Рано утром он появляется везде, как в кустарнике, так и в пустыне; в свое логовище он возвращается, только когда солнце уже довольно высоко. По ночам он забегает в деревни и на стоянки караванов, и даже огонь не может отпугнуть его, когда он совершает свои воровские нападения. Я часто видел его рыскающим между тюками и лежа-

щими верблюдами нашего лагеря, и однажды, когда наша барка стояла на берегу Нила, шакал пробрался ко мне по доске, соединяющей судно с берегом. Туземцы его ненавидят, так как он таскает все съедобное из их хижин, часто похищает домашних птиц и даже нападает на мелкий скот. Сомалийцы утверждают, что он объедает курдюки у их овец; в Судане в этом его не обвиняют, но говорят, что он усердно охотится за маленькими антилопами, мышами, сусликами и другими грызунами.

Пададь всегда привлекает его, и он, кажется, предпочитает эту пищу всякой другой. Буртон говорит, что сомалийцы считают лай чепрачного шакала предвестником восхода солнца и по нему предсказывают хорошую или плохую погоду; в Абиссинии и Судане не обращают внимания на эту музыку, хотя она там часто раздается. Я должен признаться, что вой шакалов меня никогда не беспокоил и даже служил мне развлечением во время бессонных ночей.

Чепрачный шакал (*Canis mesomelas*)

О размножении этого животного мы пока почти ничего не знаем. Мне рассказывали, что у них бывает от четырех до пяти детенышей, которые рождаются в начале дождливого сезона. В Африке никому не приходит в голову приручить это очень милое животное, и потому мы очень редко получаем из Капской колонии живые экземпляры этого шакала. Если заняться воспитанием этих животных, то они очень скоро становятся ручными. По природе своей чепрачный шакал добродушное, неприятельное животное, которое более склонно к приручению, чем лисица.

Во время линьки, которая происходит в сентябре, наш шакал некоторое время очень странно выглядел: его черный чепрак почти совсем вылез, но новые волосы выросли довольно быстро, и через четыре недели у него образовался новый, еще более красивый мех. Чепрачные шакалы довольно легко размножаются в клетках. Отличается ли у них продолжительность беременности от других волков, я сказать не могу. В южной Африке очень любят мягкий мех чепрачного шакала; шкурки его сшивают по 10-20 вместе в виде большого ковра (каросс), который охотно покупают туземцы, чтобы использовать в качестве покрывала для постели. При искусном подборе шкурок разного окраса ковры получаются очень красивыми.

Если мы теперь обратимся к американским шакалам, то прежде всего должны упомянуть о двух видах, отличающихся очень длинной головой, тонкой мордой и коротким хвостом.

Гривистый волк, или гуар (*Chrysocyon brachiurus*)* похож, по словам Бурмейстера, на нашего волка, но имеет более тонкое туловище, ноги у него выше, морда тоньше, грудь уже, хвост короче.

* *Гривистый волк не находится в очень тесном родстве с волками и шакалами и принадлежит к особому роду. Ноги гривистого волка самые длинные среди млекопитающих (по отношению к длине тела). Это позволяет зверю, населяющему преимущественно травянистые равнины, осматриваться поверх высокой травы. Челюсти гривистого волка слабые и не предназначены для умерщвления крупной добычи. Самое большое псовое Южной Америки питается мелкими грызунами, лягушками, ящерицами, крупными насекомыми, поедает птичьи яйца и птенцов, а также разнообразные фрукты.*

По словам Гензеля, туловище его кажется неестественно коротким, а ноги из-за удлинённых костей кисти и ступни кажутся длинными. мех у него также весьма своеобразный. На морде и на лапах, по описанию Бурмейстера, шерсть очень короткая, но длина волос постепенно увеличивается, и на затылке и спине они достигают наибольшей величины (около 13 см), образуя настоящую гриву, которая во время приступов гнева или при возбуждении взъерошивается. Грива эта ярко-коричневого цвета, к середине спины становится несколько темнее, а к животу — светлее и желтее. Морда бурого цвета, голый нос чёрный, верхняя часть головы светлее, уши снаружи рыжевато-бурые, а внутри желтовато-белые; на затылке заметно большое темно-бурое пятно, продолженное до спины; лапы спереди чёрные, а сзади бурые, ступни почти белые; хвост сверху красновато-бурый, а снизу желтоватый. Длина туловища и головы 1,25-1,3 м, хвост — 40 см, а высота в холке — 70 см.

До сих пор нам очень мало известно об образе жизни этого животного, которое и в музеях встречается довольно редко. Хотя гуар широко распространён в Южной Америке и поодиночке встречается во многих местностях Бразилии, Парагвая и Аргентинской республики, но из-за своей осторожности и боязливости держится далеко от человеческих жилищ, и потому его можно редко видеть и ещё реже — убить. Бурмейстер считает особым счастливым случаем, что во время его пребывания в Лагоасанте ему принесли убитого гуара, так что он смог его описать. Этот волк с некоторым любопытством смотрит на человека издали, но вскоре убегает от него и никогда не бывает навязчив; он лишь в редких случаях нападает на домашнюю скотину и никогда — на человека; питается небольшими млекопитающими и разными плодами. Гензель говорит, что он практически ничего не смог узнать об образе жизни этого животного, но чаще всего о нём слышал на плоскогорье Сьерра-Герал, где он нападает на стада овец и мог бы считаться вредным, если бы чаще встречался. По показаниям принца фон Вида, гуар днём прячется в мелких кустарниках степных местностей внутри страны; ночью же, а в ненаселённых местностях даже вечером он охотится за добычей и издаёт свой громкий, далеко слышимый вой. Вечером он рыщет в болотистых местах в поисках диких морских свинок, которые с такой быстротой мелькают в высокой траве, что ни одна охотничья собака не может их поймать, но гуар их легко догоняет. Высокие ноги дают ему возможность обзирать большое пространство и делать такие большие прыжки, что мелким животным от него спастись трудно.

Второй вид, свойственный Америке, **луговой волк**, иначе — **койот** (*Canis latrans*)**.

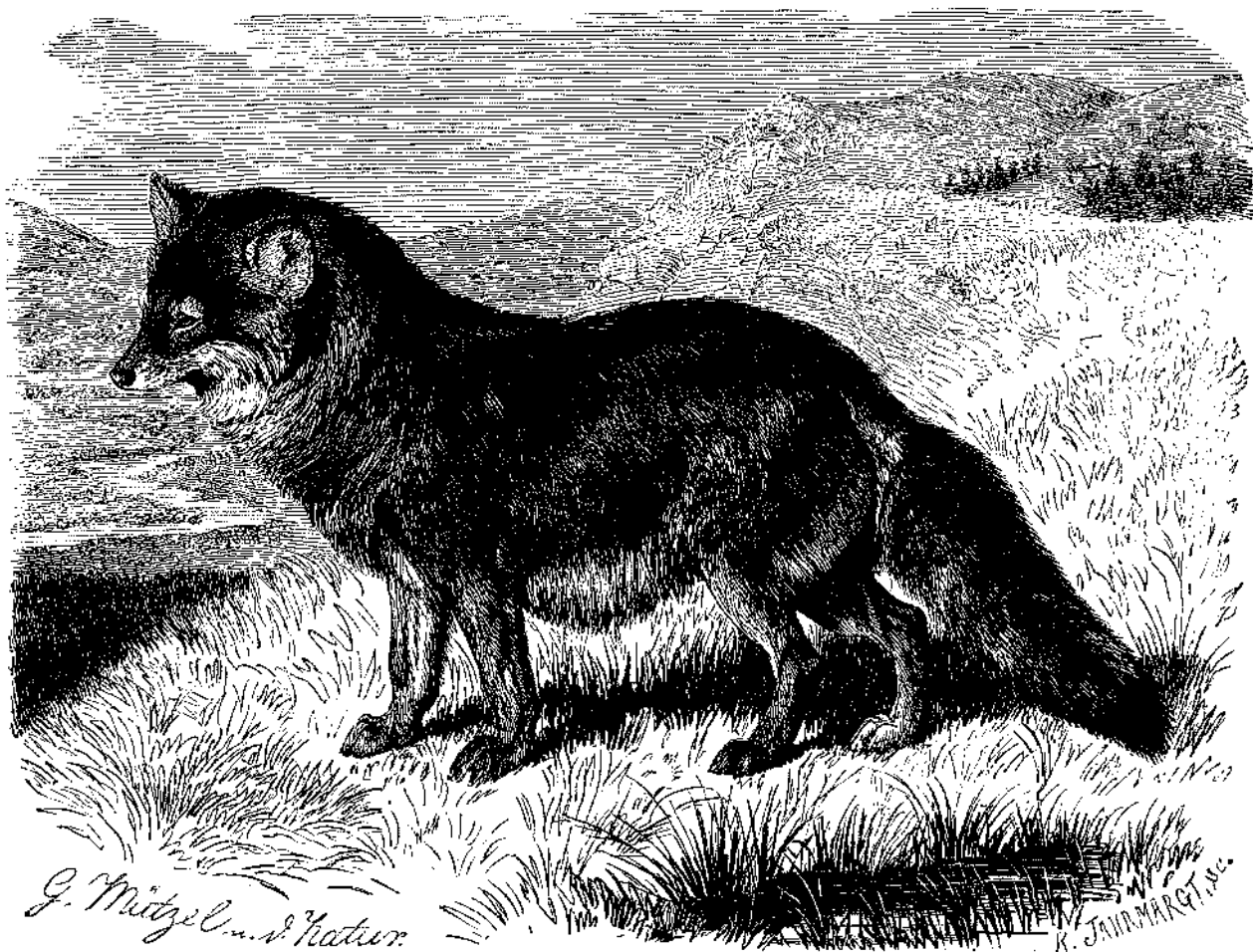
* * *Койот населяет Северную Америку от Аляски до Панамы. Он похож на некрупного волка с более легкой заостренной головой. Длина тела до 1 м, вес 7-20 кг. Самцы весят немного больше самок; животные из северных районов крупнее, чем из южных.*

Коренастое туловище его благодаря длинному густому меху кажется ещё толще. Шея короткая и толстая. Голова более вытянута, чем у волка, сверху широкая; морда острая. Уши довольно большие, снизу широкие, с незакругленными кончиками. Светло-бурые глаза имеют круглый зрачок. Шерсть грязного желтовато-серого цвета, переходящего на ушах и носу в ржаво-бурый, а на верхней части шеи и спины — в черноватый. Стороны шеи, лопатки, бедра и наружные стороны лап светло-рыжие или светло-желтые, а брюхо и задние стороны конечностей беловатого цвета, уши ржаво-бурого цвета. Края губ белые, окружность глаз буровато-серого цвета. Хвост у основания серовато-желтого цвета с примесью чёрных волос, а на конце совсем чёрный. Зимой шерсть на спине отрастает до 10 см. Встречаются некоторые видоизменения в цвете. Взрослые луговые волки достигают 1,4 м в длину, из них на долю хвоста приходится 40 см; высота в холке 55 см.

Луговой волк в Северной Америке встречается на обширной территории, а именно от реки Миссисипи на восток и от британских владений на север почти до Панамского перешейка; особенно часто он встречается около реки Миссури, в Калифорнии и Колумбии. Английские естествоиспытатели говорят, что он живет большими стаями и гоняется за крупными животными, а именно следует

за стадами бизонов, причем очень храбро нападает на больных, измученных или раненых быков. Принц фон Вид и Одюбон, напротив, утверждают, что он живет поодиночке или парами и по образу жизни не отличается от нашего волка*.

** По-видимому, в разных ситуациях охотничья тактика койота, как, впрочем, и волка, может сильно различаться. Основная его добыча это различные грызуны и зайцы, однако стая койотов, вероятно, может справиться с больным или раненым оленем или другим копытным сходного размера.*

Койот (*Canis latrans*)

Он хватает все, что может схватить, и по хитрости своей не уступает нашим волкам и лисицам. Ночью он забегает в индейские деревни, а зимой рыщет около жилищ даже днем, точно так же как волк в снежную зиму во время морозов. В апреле луговые волчицы живут в вырытых ими норах или в естественных пещерах, и там у них родится 6-10 детенышей. Течка бывает в январе и феврале, и в это время койоты, как и все собаки, сильно возбуждены. Тогда в прериях слышен их голос — своеобразный, в конце несколько протяжный лай. Многие индейские собаки по своему внешнему виду очень похожи на лугового волка, поэтому можно предположить, что они произошли от скрещивания лугового волка с собакой*.

** По одной из теорий, домашняя собака происходит от ныне вымершего волжского волка, которого можно считать евразийской разновидностью койота.*

"Волки, — говорит Тильман, встречаются везде в прериях, но луговой волк, или койот, попадает гораздо чаще, чем крупный серый волк. Днем койоты бегают поодиночке или попарно по прерии, около падали или раненого животного их собирается большое количество, а ночью целые стаи задают концерты около стоянок путешественников. Я не могу сказать, чтобы этот вой был очень неприятен; часто, лежа в палатке и слушая его, я находил в нем некоторое сходство с отдаленным пением, точно так, как крик диких гусей издали напоминает колокольный звон. Койот вместе с грифом истребляет падаль в пустыне, но сильно разложившиеся трупы он не ест. Самой верной добычей койота следует считать пристреленного или раненого в борьбе с товарищами бизона. Как только такой бизон падает, обессилев от ран, острые зубы койотов быстро довершают дело. Для человека койот так же безопасен, как и большой серый волк, но нахальство его так велико, что на стоянках в пустыне нужно хорошо прятать всякий кусок мяса и даже намазанные салом сапоги.

Только однажды днем я близко видел койота: он был так увлечен охотой за зайцем, что заметил меня только тогда, когда очутился почти под копытами моей лошади».

О жизни этого животного в неволе я могу сообщить из собственного опыта. Я некоторое время воспитывал лугового волка, который жил у меня в комнате и вел себя так же хорошо, как добродушная собака, но только со знакомыми. Он во всем походил на домашнюю собаку. При виде моего приятеля прыгал от радости, вилял хвостом и подходил, чтобы его поласкали; однако он никогда не лизал руки гладившего его, просто их обнюхивал. Когда его оставляли одного, он скучал и начинал жалобно выть.

Мех лугового волка находит такое же применение, как и шкуры других волков. По Ломеру, в зависимости от величины и качества шерсти за шкуру платят от 3 до 8 марок; следовательно, по цене этот мех равняется низшим сортам европейских волчьих шкур.

Виверровая, или енотовидная, собака (*Nyctereutes procyonoides*)**

* * *Енотовидная собака самое своеобразное евразийское псовое. Ее ближайший родственник южноамериканская саванная лисица. Длина тела енотовидной собаки 50-68 см, длина хвоста 13-25 см. Нормальный вес составляет 4-6 кг, но осенью может увеличиваться в полтора раза за счет накопленного жира. Енотовидная собака единственное псовое, которое проводит зиму в спячке.*

Удлиненное, сзади расширенное тело покоится на слабых низких ногах; голова короткая, узкая; морда острая; хвост очень короткий и пушистый; уши короткие, широкие, с закругленными верхушками и почти спрятаны в очень длинном мехе. Окрас шерсти напоминает скорее куницу, чем собаку, и довольно изменчив, то светлее, то темнее, но по плечам и передним ногам всегда проходит темно-бурая полоса; лапы того же цвета. Голова и стороны шеи обычно светло-чалого цвета, прочие части тела бурые. Щеки и края ушей бурого цвета. Нижняя часть тела светло-бурая; хвост, начиная с середины до конца, черно-бурый, а на шее и боках видны светлые желтовато-серые пятна. Каждый волос на этих пятнах у основания бурый, а на конце серовато-желтый. Подшерсток, по словам Радде, развит сильнее, чем у всех других собак, и поэтому мех этот имел бы большую ценность, если бы остевые волосы не были взъерошены, как у барсука, и разнообразие окраса не затрудняло бы составления цельного красивого меха из отдельных шкур*.

* *Мех енотовидной собаки известен под торговым названием «уссурийский енот». Этот зверь неплохо приручается и активно разводится на зверофермах (в 1940 — 1950-х гг. ее даже рекомендовали для разведения в пришкольных хозяйствах).*

Летом окрас шерсти заметно темнее, так как кончики волос после линьки не успевают еще выплести. Длина животного, включая хвост в 10 см, — 75-80 см, а высота в холке всего 20 см.

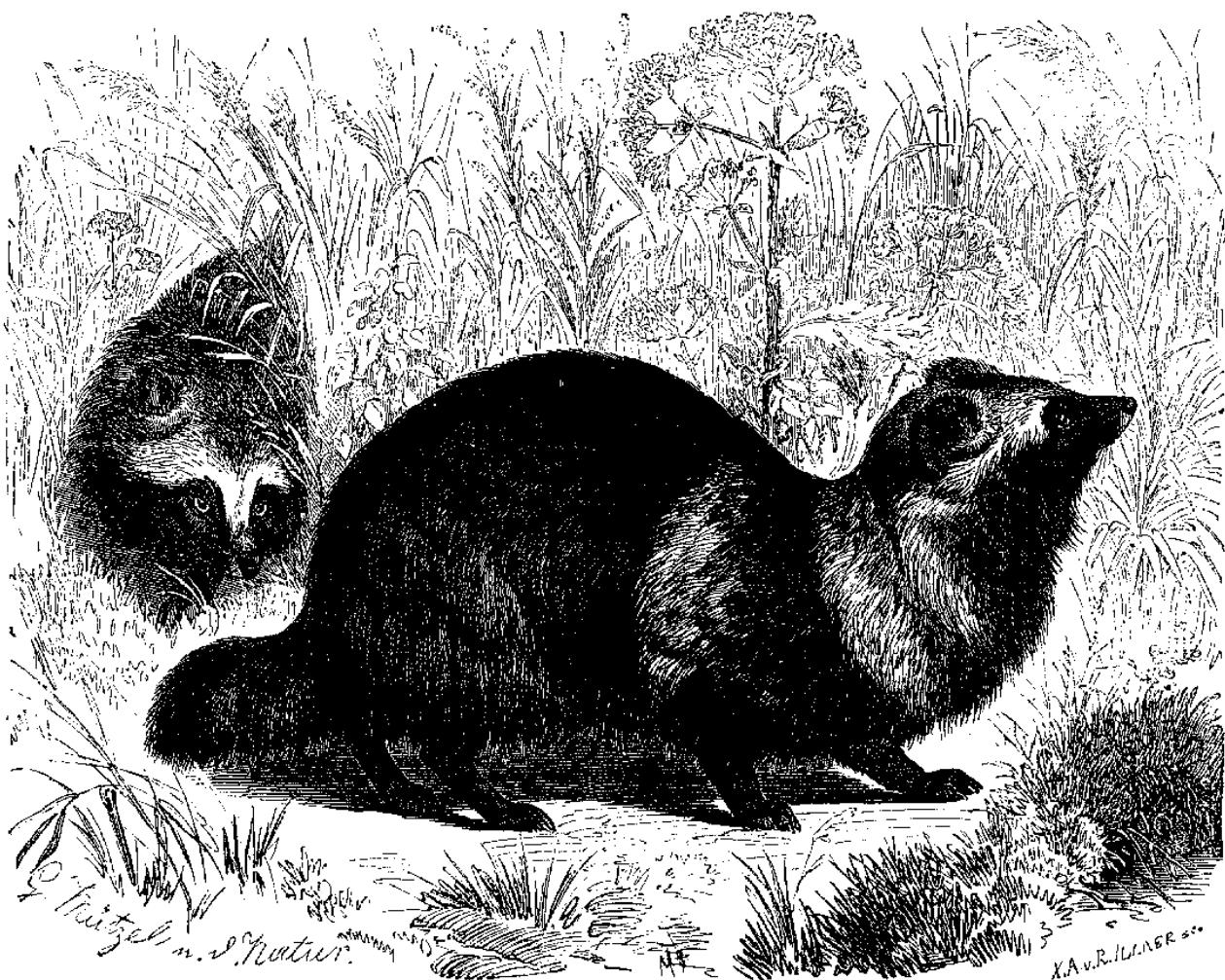
Грей описал виверровую собаку по шкуре, доставленной ему, вероятно, из Китая; Темминг два года спустя описал то же животное под названием «енотовая собака» по чучелам, привезенным Зибольдом из Японии. Теперь нам известно, что этот вид собак встречается не только в Японии и Китае от города Кантона до реки Амур, но, по всей вероятности, живет во всей умеренной полосе Восточной Азии, причем на северо-востоке доходит до 51 градуса северной широты**.

* * *Енотовидная собака распространена от среднего течения Амура до северного Вьетнама. Кроме того, она была акклиматизирована в европейской части России, где хорошо прижилась, и к настоящему времени расселилась во многие страны Европы и на Кавказ.*

В верхних частях бассейна Амура и его притоках виверровая собака встречается особенно часто, причем она предпочитает местности с богатыми рыбой реками и озерами и потому держится чаще всего в долинах рек. Однако Радде, который предоставил нам единственное хорошее описание образа жизни этого животного, встречал его на отлогих, покатых склонах Малого Хингана, покрытых редким лесом.

По наблюдениям, сделанным Радде над свободно живущими и пленными экземплярами, об образе жизни виверровой собаки мы можем сообщить следующее: так же как волк, шакал и корсак, собака эта не живет постоянно на одном месте, летом встречается повсюду, а зимой держится чаще всего около рек и ручьев. Днем она спит, свернувшись в клубок и спрятав голову и лапы в длинный мех. Логовище она устраивает в высоких камышах, которые покрывают берега речек, или в долинах, иногда для отдыха забирается в пустые норы лисиц и других животных, а ночью отправляется за добычей. Скорость во время бега развивает небольшую, и ее походка чем-то напоминает виверру. Точно так же как это животное, она сгибает спину дугой и внезапно отпрыгивает в сторону. Как и лисица, охотно ночью ходит по льду, старается держаться старого следа; шаги у нее маленькие, как и у лисицы; следы показывают, что она при ходьбе переваливается с боку на бок и чаще двигается прыжками, чем рысью. Обычно издаваемые ею звуки похожи на тихое мяуканье, а в гневе своеобразно.

разно ворчит, оканчивая этот звук протяжным жалобным визгом. Днем эта собака очень пуглива, а ночью храбро защищается при нападении даже очень сильных собак; она очень прожорлива, из-за чего легко попадает в ловушки и съедает отравленные приманки. Добычей ей чаще всего служат мыши и рыбы. Первых она преследует летом на равнинах и плоскогорьях, причем чаще всего для этой охоты собирается несколько виверровых собак — вероятно, целая семья; собаки разбегаются от одного пункта в разные стороны и, встретившись в другом месте, снова расходятся, чтобы продолжить охоту. Виверровая собака, как и лисица, очень охотно ловит рыбу и потому подолгу караулит ее на берегу рек и ручьев, и вообще она так любит рыбу, что, если может ее добыть, пренебрегает мясом всех прочих животных. Она съедает зараз от 8 до 10 рыб в ладонь величиной и, судя по всему, остается голодной: если ей предложить еще этот любимый корм, то она может съесть его в большом количестве. Живых рыб она сразу загрызает, раскусив им голову. Впрочем, виверровая собака ест и растительные вещества, например ягоды, плоды дикой яблони и, по уверению тунгусов, желуди: она более всеядна, чем прочие собаки. Зимой охотится только тогда, когда осенью не имела возможности хорошенько отъестся; если же достаточно нагуляла жира, то собирает себе запасы лесных яблок и залегает в пустой лисьей норе или другой яме на короткую зимнюю спячку; в этом отношении енотовидная собака больше походит на медведя, барсука и некоторых куниц, чем на собак. Радде находил ее зимой в горах очень редко и о зимней спячке этого животного узнал с некоторым удивлением от тунгусов, которые, как все народы, живущие охотой, очень наблюдательны, когда речь идет об образе жизни животных; тунгусы, кроме того, ему сообщили, что эта собака зимует только в таких норах, куда не проникает мороз.

Енотовидная собака (*Nyctereutes procyonoides*)

Резвые охотничьи собаки быстро догоняют это животное и справляются с ним без труда. Туземцы Сибири, китайцы и японцы едят его мясо, а из меха чаще всего делают шапки. Пойманные виверровые собаки легко привыкают к человеку, утрачивают свою дикость, но все-таки остаются очень недоверчивыми. Сначала они едят только тогда, когда на них не смотрят, но затем привыкают и начинают есть без опаски, особенно если им предлагают рыбу. После обильной еды они всегда долго спят. Эти животные очень чистоплотны.

Майконг (*Dusicyon thous*)*. Колонисты называют это животное саванновой собакой. Судя по виденному мной живому экземпляру, это животное похоже на шакала, имеет стройное тело, длинные ноги, короткую, широкую голову с тупой мордой; уши средней величины далеко отстоят одно от другого и наверху закруглены; глаза красно-бурого цвета, расположены несколько наклонно и имеют овальный зрачок; хвост висит почти до земли; длина тела 65 см, хвоста 28 см, а высота в холке 55 см. мех состоит из не очень длинных жестких волос, прикрывающих редкий подшерсток. Цвет шерсти почти везде рыжевато-серый, а на спине, иногда и на плечах темнее.

* *Майконг населяет редколесья, кустарниковые заросли и саванны Южной Америки. Питается различной животной и растительной пищей. Размножается круглогодично, рождаются 3-6 детенышей.*

Говорят, уже испанцы обнаружили майконга на Антильских островах, где его использовали в качестве домашнего животного. С тех пор он там истреблен, но, по показаниям Шомбургка, многие индейские племена Южной Америки и до сих пор держат его в полуручном состоянии. «Гористые местности, — говорит этот естествоиспытатель, — перерезанные лесистыми долинами, и берега рек в саваннах должно считать, по-видимому, любимым местопребыванием этого хитрого и умного животного.

Майконг (*Dusicyon thous*)

Оно там живет и собирается целыми стаями. В открытых местностях майконги выслеживают добычу в основном глазами, а не носом; в лесу — наоборот: там они, очевидно, бегут по следам добычи и сопровождают свою охоту громким лаем. Если стае удастся пробраться незамеченной в поселение, то от них спасутся разве лишь немногие куры и попугаи, спящие на деревьях и крышах. Хищники эти никогда не поедают добычу тут же, на месте, но всегда уносят ее в лес или в другой скрытый уголок. Индейцы уверяют, что майконги гоняются за маленькими оленями и за стадами водосвинок, причем хватают оставших животных. Индейцы дорожат майконгом потому, что от скрещивания его с домашней собакой происходят отличные охотничьи собаки*, которые по наружности больше походят на собак, чем на майконгов.

* *Это утверждение крайне сомнительно в связи с большой генетической удаленностью собаки и майконга.*

У них очень тонкое тело, уши стоячие, а по выносливости, ловкости и проворству при выслеживании и преследовании дичи они превосходят всех других собак. За таких ублюдков, дрессированных для охоты за оленями, водосвинками и тапирами, платят в колониях 10-12 талеров. Поэтому ручные майконги считаются у индейцев ценным имуществом. Однако это животное следует держать постоянно на привязи, так как его нельзя отучить от хищнических замашек. Если по небрежности хозяина майконг сумеет освободиться от веревки, он производит страшное смятение среди домашних птиц фермы. Индейцы кормят их вареным мясом, рыбой и плодами». Гензель сомневается в показаниях Шомбургка относительно того, что эти собаки происходят от скрещивания майконга и домашней собаки.

Другой представитель южноамериканских собак – **бразильская лисица** (*Dusicyon vetulus*)*.*.

* * *Бразильская лисица обитает только в саваннах юга Бразилии. Длина тела 58-64 см, вес до 4 кг. Отличительная черта этой лисицы — очень мелкие зубы. Она питается преимущественно крупными насекомыми, но нападает и на мелких позвоночных птиц и мышевидных грызунов.*

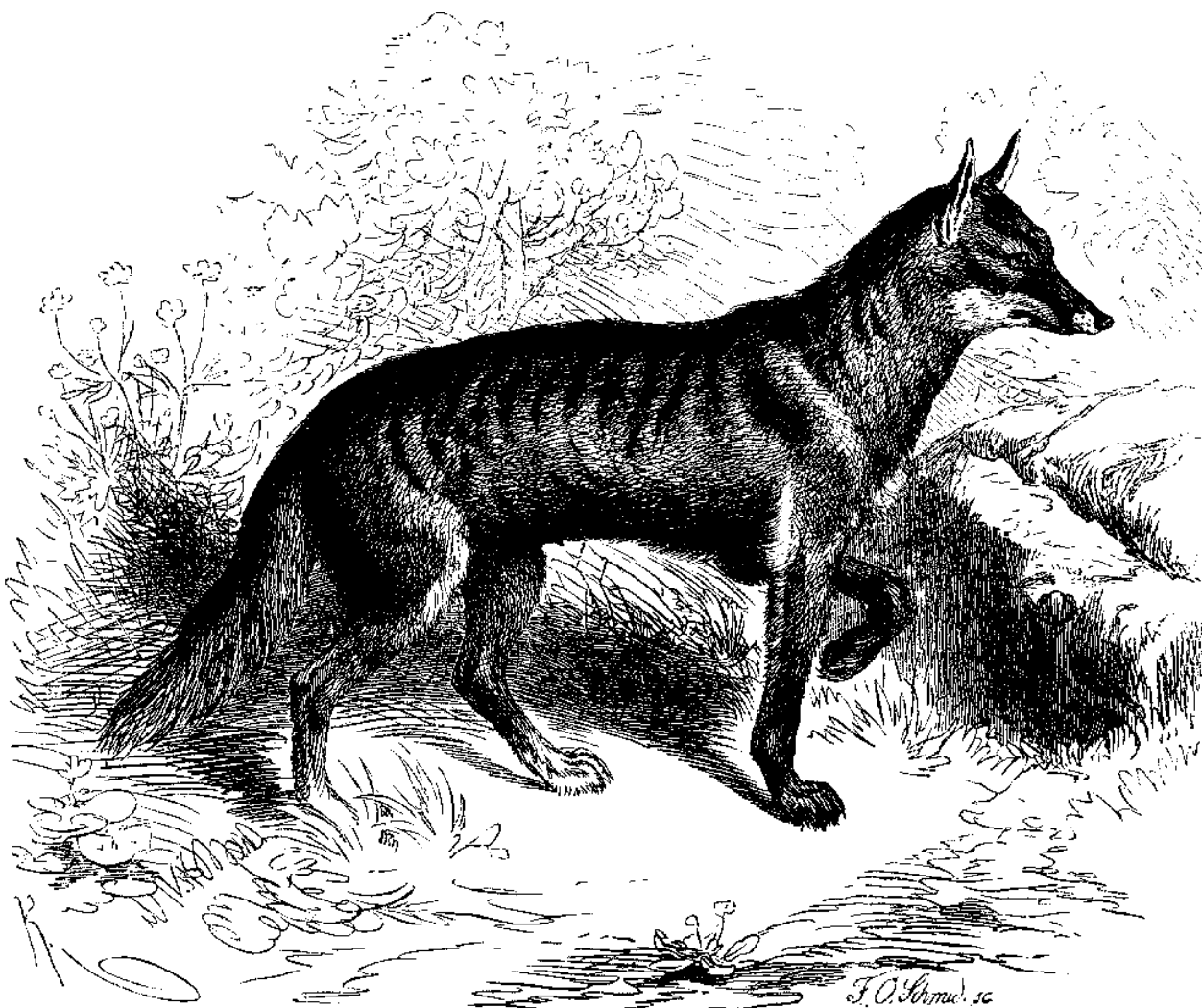
Длина тела — около 90-100 см, из которых 35 см приходится на довольно длинный хвост. Окрас шерсти очень разнообразен: затылок и спина обыкновенно черного цвета, темя и стороны головы серые, бока темно-серые, грудь и живот грязновато-желтые, лапы спереди бурые, а сзади черные, ступни бурые. На голове выделяются белое пятно на морде, светло-желтые кольца вокруг глаз, буровато-желтое пятно около ушей и такого же цвета пятно на горле. Длинные усы, черточка за глазами и все не покрытые волосами части тела черного цвета. Шерсть состоит из довольно мягкого подшерстка и слегка волнистых жестких волос ости, окрашенных так, что они образуют разноцветные кольца и обуславливают цвет различных частей тела своими темными или светлыми кончиками. Различные изменения в цвете и рисунке шерсти очень затрудняют определение этого вида, и до сих пор многие натуралисты склоняются к выводу, что существует несколько разновидностей этого животного.

Родина этой лисицы — вся Южная Америка, от Тихого до Атлантического океана и от экватора до южного конца Патагонии. Она встречается как в горах, так и на равнинах, но, кажется, предпочитает умеренные страны жарким. В Андах поднимается до 5 тысяч метров над уровнем моря. В Парагвае живет в мелком кустарнике и избегает появляться в больших лесах и на безлесных равнинах, хотя и заходит туда во время своих охотничьих странствований. Повсюду довольно обычна, держится знакомой местности, летом и зимой живет одна, зимой и весной попарно, целый день спит, а по вечерам ищет добычу, которая состоит из агути, пака, кроликов, молодых оленей, диких и домашних птиц. Говорят, что она следует за ягуаром и поедает за ним остатки; не пренебрегает лягушками и ящерицами, ловит раков и крабов и из-за своей многочисленности, хищничества и вороватости считается очень вредным животным*.

* *Судя по описанию, Брем смешивает этот вид с другими южноамериканскими лисами, в частности с широко распространенной к югу от Бразилии парагвайской лисицей (*Pseudalopex guttoscercus*) и андийской лисицей (*P. culpeatus*). Последняя самая крупная из южноамериканских лис, до 13 кг весом, и способна нападать даже на сравнительно крупных животных, в том числе овец (по крайней мере ягнят).*

Азара, Ренггер и Чуди предоставили нам оразильской лисицы, но лучшее описание принадлежит Ренггеру: «Мне случилось во время моих путешествий, ночуя под открытым небом, наблюдать иногда это животное при лунном свете. Если приходилось ночевать около хижины, где держали уток, то лисица осторожно приближалась, держась против ветра, чтобы издали почуять людей и собак. Тихими, едва слышными шагами кралась он вдоль забора или по траве, делая иногда большие обходы, пока не приближалась к уткам, затем внезапно бросалась на одну из них, схватывала ее за шею, так что она не могла и вскрикнуть, и быстро удалялась с добычей, высоко подняв морду, чтобы добыча не мешала при бегстве. Она поела свою жертву всегда в некотором отдалении, где чувствовала себя в безопасности, как это можно было видеть по оставшимся костям и перьям. Если во время набега она была испугана каким-нибудь шумом, то тотчас спасалась в самую густую чащу кустарника, но через некоторое время появлялась с другой стороны и возобновляла нападение. Случалось, что она пять или шесть раз появлялась около хижины, пока не улучала удобной минуты, чтобы поймать утку. Если охота не удавалась в одну ночь, то она являлась в следующую. Однажды я приказал сторожить несколько ночей подряд одну лисицу, утащившую у меня утку; она, однако, не показывалась, хотя каждое утро мы находили ее свежие следы поблизости. Но в первую же ночь, когда никто не сторожил, животное забралось в птичник. В лесу или на открытой местности лисица не так осторожна в преследовании добычи, так как здесь у нее меньше врагов и ей легко

догнать мелких млекопитающих, на которых не удастся напасть неожиданно. Преследуя добычу, она, как собака, опускает морду к земле, отыскивая след, и время от времени поднимает нос и обнюхивает воздух. Лисица часто посещает плантации во время созревания сахарного тростника не только из-за множества грызунов, живущих там, но и из-за самого тростника, который она грызет с удовольствием. Она ест только небольшую часть растения, находящуюся около корня и содержащую больше всего сладкого сока, но таким образом портит до десяти и более кустов, нанося этим значительный вред».

Бразильская лисица (*Dusicyon vetuius*)

В менее населенных местностях эта лисица становится иногда очень нахальной. Геринг мне рассказывал, что не раз видел это животное днем около птичьих дворов. У него отличная память, и он никогда не забывает тех мест, где однажды удачно поохотился. Если зверь побывал на птичьем дворе, то нужно его хорошенько сторожить, так как он будет возвращаться туда до тех пор, пока не утащит последнюю птицу. Там, где он чувствует себя в безопасности, рыщет как днем, так и ночью. Он очень искусно умеет находить тропинки даже на болотах. Тут он активно охотится за водяными и болотными птицами, а именно за утками, куликами, лысухами, причем ему всегда удается добыть или неопытного птенца, или даже взрослую птицу. Гаучо, которые его отлично знают, рассказывали Герингу, что этот зверь отправляется на болото тотчас после охотников, зная наверное, что найдет там несколько птиц, застреленных, но не найденных ими.

К одиноким всадникам лисица относится с большим любопытством: услышав лошадиный топот, она выходит из кустов, становится иногда на самой середине дороги и смело осматривает коня и всадника, причем подпускает их шагов на пятьдесят и даже ближе, прежде чем удалиться. Уходит не спеша, шаг за шагом, оглядываясь много раз на интересующее ее явление и как бы смеясь над всадником и его лошадью. Однако если ее начинают преследовать, она быстро убегает и мгновенно скрывается в густом кустарнике. «Зимой, во время течки, продолжает Ренггер, — самцы и самки отыскивают друг друга, и тогда часто вечером и ночью слышится их вой, который можно передать слогами «а-гуа-а», между тем как в другое время этот звук слышен только перед переменной погоды. Самка и самец устраивают себе общее логовище в кустарнике, под высокими корнями де-

ревьев, в оставленных норах броненосцев и в тому подобных местах, сами же никогда не роют себе норы. Весной южного полушария, то есть в октябре, самка приносит в этом логовище от трех до пяти детенышей, которых в первые месяцы редко оставляет одних. Самец в это время приносит им добычу. Когда детеныши уже могут есть сами, оба родителя уходят на охоту и вместе заботятся об их пропитании. В конце декабря уже можно встретить молодых лисиц, которые охотятся с матерью. В это время самец бросает свое семейство, а несколько позже и самка оставляет детенышей. В Парагвае часто берут очень молодых щенков и приручают; если воспитывать их с некоторым старанием, то они вскоре становятся вполне домашними животными. Я видел двоих таких детенышей, которые вели себя как собаки, но не были так же послушны. Неволья мало изменила их образ жизни: они спали большую часть дня, к вечеру просыпались, бегали некоторое время по дому, ища себе пищи, или играли с хозяином. С наступлением ночи они выбегали из дому и охотились, как дикие, в лесу и по полям или таскали кур и уток на соседних дворах, к утру же возвращались домой. Но и здесь домашние птицы не могли считать себя в безопасности: они загрызали их, если могли это сделать незаметно; когда за ними наблюдали, то они не только не трогали кур, но даже и не смотрели на них».

Шкура бразильской лисицы в дело употребляется редко, а мясо из-за противного запаха и вкуса никогда не служит пищей жителям Парагвая. Но из-за причиняемого ею вреда на нее часто охотятся, ловят в капканы, стреляют вечером, когда она приближается к жилищам, или травят собаками. Во время такой охоты прежде всего стараются выгнать ее из кустов, где она прячется, для того чтобы охотники на конях могли ее преследовать вместе с собакой. Сначала она бежит очень быстро, так что всадники почти теряют ее из виду, но через четверть часа начинает уставать, и тогда ее легко догнать. Она пробует защищаться от собак, но они всегда ее одолевают. Впрочем, выгнать зверя из кустов не очень легко, так как собаки в значительной степени уступают ему в искусстве пробираться сквозь перепутанные колючие ветви бромелии. В Перу землевладельцы платят за каждого убитого по овце. Поэтому индейцы усердно охотятся за этим зверем, и владельцы стад считают особенной честью украсить свои жилища возможно большим числом чучел. У лисицы нет, однако, других врагов, кроме человека. Тонкий слух и чрезвычайно хорошо развитое чутье защищают ее от любого нападения, а быстрота бега спасает от преследования.

Гиеновая собака, или пестрый волк (*Lycan pictus*)*, достигает величины 1,35-1,5 м, из которых 35-40 см приходится на хвост, высота в холке — 70—75 см, а вес животного составляет 30-35 кг, следовательно, по величине она равняется небольшому волку или крупной овчарке, а по виду своему больше напоминает последнюю.

* *Гиеновая собака — самое крупное псовое Африки. Длина тела 76-110 см, хвоста 30-41 см, высота в плечах до 78 см. Весит взрослая гиеновая собака до 36 кг. Череп гиеновой собаки мощный, с несколько укороченным лицевым отделом, широкими скулами и прочными, массивными челюстями, позволяющими разгрызать сравнительно большие кости.*

При всей стройности и легкости тела она, однако, производит впечатление сильного животного. Едва ли можно найти двух животных этого вида, шерсть которых имела бы совершенно одинаковую окраску: только на голове и на затылке похожий рисунок встречается достаточно часто. Окрас шерсти состоит из соединения белого, черного и буровато-желтого цветов. У одних преобладает белый цвет, у других — черный; эти цвета образуют основной фон, на котором ярко выделяются более темные или более светлые пятна. Пятна бывают очень неправильной формы, отличаясь также по размеру, и часто распространены по всему телу; белые и желтые пятна всегда окаймлены желтым. Морда до глаз всегда черная, и этот цвет продолжается длинными полосами между глазами и ушами по темени, затылку и спине. Уши черные, глаза бурого цвета. Основание хвоста буровато-желтого цвета, середина черная, а кончик белый с желтым.

Гиеновая собака может считаться замечательным и вместе с тем красивым животным. Голова ее похожа на небольшую, короткую и широкую собачью голову, у которой носовые каналы очень длинные, имеют широкие боковые полости, способствующие свободному поступлению воздуха. По числу и расположению позвонков это животное походит на других собак. Туловище его стройное, но довольно сильное; голова невелика; морда тупая; слух и зрение чрезвычайно развиты; уши большие, широкие и почти голые; большие глаза имеют круглый зрачок. Ноги не очень высокие; на сильных лапах спереди только четыре пальца, между тем как у других собак их бывает пять; хвост средней величины и не очень пушистый, а шерсть короткая, гладкая и весьма своеобразно окрашена.

Гиеновая собака (*Lycaon p ictus*)

Гиеновая собака живет в Африке, но область распространения ее в этой части света еще окончательно не определена. Она встречается в южной Африке; в восточной Африке Бем видел ее на востоке и на западе озера Танганьика; Рюппель нашел ее в Нубии; по словам Швейнфурта, она очень обыкновенна в стране Бонго; Нахтигаль говорит то же об окрестностях озера Чад, но севернее, кажется, она не встречается. В странах, лежащих на самом экваторе, например в Конго, похоже, ее нет совсем. По указаниям Цукелли можно заключить, что в конце XVII столетия эта собака встречалась во внутренней части береговой полосы, южнее реки Конго, но новейшие путешественники ее там не замечали, и даже тамошним туземцам она неизвестна. Ее встречали только в южной части Бенгуэлы, в немецких африканских юго-западных колониях, в области Нгами и в восточной части бассейна Замбези. Известия о ней доходят до нас, однако, очень редко, и это тем более странно, что гиеновая собака должна была бы обратить на себя внимание всех наблюдателей как из-за своей подвижности и крикливости, так и из-за окраса, который своей пестротой отличает ее от всех диких животных. В некоторых местностях гиеновая собака встречается постоянно, между тем как в соседних ее видят редко, что можно объяснить непоседливым образом жизни этой собаки, так как она следует за странствующими животными и собирается в стаи то в одном месте, то в другом. Она, без всякого сомнения, уходит из тех мест, где дичь становится редкой, и выгоняет многих животных из той местности, где встречается в большом количестве. Это настоящее степное животное, и по образу жизни и повадкам оно похоже на домашнюю собаку. Гиеновая собака отыскивает себе добычу и днем, и ночью и любит многочисленное общество себе подобных, поэтому часто встречается в стаях от 30 до 40 штук. В прежние времена она в большом количестве встречалась в Капской колонии, и многие путешественники о ней упоминают. При этом, конечно, встречаются различные преувеличения при описании ее образа жизни, и до сих пор нам очень трудно отделить в этих рассказах истину от вымысла. Католический монах Цукелли в своем «Описании путешествия миссионера в Конго», написанном в начале прошлого столетия, дает довольно подробные сведения о гиеновой собаке. «Не лишним будет упомянуть, — говорит он, — о том животном, которое питает

инстинктивную ненависть ко всем другим лесным животным и всех их преследует. Это особый вид диких собак, которые гоняются за дичью, но от наших волков сильно отличаются. Они скорее имеют свойства охотничьих собак и, по-видимому, природой предназначены к тому, чтобы прогонять других вредных животных. Если они находятся в каком-нибудь лесу, то путник может не бояться встретить здесь других хищных животных. Когда один из наших братьев собирался из Бамбы предпринять путешествие через пустыню, то он сначала спросил князя, не следует ли в этой местности опасаться нападения львов и пантер. Князь же ему ответил, что он может отправляться в путь без всякого опасения, так как несколько дней назад в этой местности видели много гиеновых собак, которые наверняка очистили территорию от всех больших хищников. Следовательно, они прогоняют диких зверей, хотя сами к ним принадлежат; к человеку же относятся дружелюбно и не наносят ему никакого вреда, поэтому их спокойно допускают в деревни и даже на дворы. Ненависть гиеновых собак к хищным зверям так велика, что они нападают даже на самых больших, например на львов и пантер, и побеждают их своей многочисленностью. Убитую днем добычу они вечером делят между собой, а если от нее что-нибудь останется, то тащат это в деревни, чтобы и людям от них что-нибудь досталось. Они продолжают свою деятельность в течение нескольких дней, пока совершенно не очистят данную местность от диких зверей; тогда они отправляются дальше и там продолжают свою охоту».

По этому описанию видно, что оно составлено много лет назад и наблюдения поэтому не очень точны. Кольбе уже иначе описывает этих животных, которых встречал в Капской колонии. Там их называют дикими собаками. Они часто забегают в готтентотские деревни и даже в дома европейцев, но на человека не нападают, зато причиняют большой вред стадам овец: если их вовремя не прогнать, они часто загрызают 60-100 овец, прокусывают им животы, съедают внутренности и затем убегают. Следующие наблюдения проводились уже более ста лет спустя. Бурчел видел это животное в южной Африке и привез даже живой экземпляр с собой в Англию. Этот наблюдатель называет животное охотничьей гиеной и подтверждает, что оно охотится днем стаями и лаем своим напоминает собак. Он говорит о смелости этой собаки, сравнивая ее с гиеной, которая рыщет только ночью, как трусливый вор. Рюппель из своего первого африканского путешествия привез в Европу семь гиеновых собак, которых поймал в пустыне Баюда в Нубии. Они известны там под именем «симр» и считаются очень вредными животными: говорили даже, что они нападают на человека, но обыкновенно они прячутся около источников, чтобы подкараулить антилоп и других небольших животных.

Гордон Кемминг также описывает гиеновых собак, живущих в южной Африке. Когда он однажды спрятался около ключа, чтобы подкараулить дичь, то увидел быстро бегущего окровавленного гну, за которым гнались четыре гиеновые собаки. Гну бросился в воду, обернулся и стал грозить собакам рогами. Все четыре собаки были покрыты кровью, глаза их блестели от кровожадности, и они собирались броситься на свою жертву, но Кемминг одним выстрелом из своей двустволки убил гну, а другим — одну из собак. Три остальные собаки не поняли, откуда раздался выстрел, и стали бегать кругами, осматривая и обнюхивая местность. Кемминг ранил еще одну собаку, и тогда все три убежали. «Эти собаки, — рассказывает он, — охотятся стаями до 60 штук и очень долго гонятся за добычей, благодаря чему загоняют до изнеможения и осиливают самую большую антилопу. На буйволов, однако, они нападать не осмеливаются и гонятся за животным до тех пор, пока оно больше бежать уже не может, валят его на землю и съедают в несколько минут. Человека они боятся меньше, чем другие хищные звери. Самки воспитывают своих детенышей в больших норах, которые они вырывают в пустынных местностях. Когда к этим норам приближается человек, мать убегает, не защищая своего потомства. Опустошения, которые они производят в стадах, очень значительны, так как собаки эти загрызают и калечат гораздо больше овец, чем им требуется для утоления голода. Они относятся к домашним собакам с большим презрением, смело ожидают их нападения, бросаются на них соединенными силами и обычно убивают своих противников. Домашние собаки со своей стороны так же враждебно к ним относятся и лают по целым часам, когда даже вдалеке слышат голоса диких собак». Если оставлять упряжных волов без присмотра, то гиеновые собаки при случае объедают им хвосты. «Утром, — рассказывает Бурчел, — прибыл Филипп с нашими волами, но так как он не был предупрежден и не обращал внимания на отдыхавших волов, то гиеновые собаки объели хвосты у трех из них; у одного они отъели только кончик, а у двух других хвосты были съедены целиком. Нужно иметь в виду, что потеря хвоста для волов довольно чувствительна, так как только посредством его они могут отгонять докучливых мух. Овцы и крупный рогатый скот очень страдают от нападений этих собак: первых гиеновые собаки хватают открыто, а на вторых бросаются из какой-нибудь засады».

По-видимому, племена, кочующие по степи Баюда, справедливо утверждают, что гиеновые собаки иногда нападают и на человека. По всей вероятности, смелость гиеновых собак зависит от местных условий так же, как и у других хищных зверей. Спек рассказывает о пестрой гиене, под именем которой он, очевидно, подразумевает гиеновую собаку: «По величине и внешнему виду она похожа на большого волка, имеет длинные уши, бегаёт быстро, охотится стаями и лает, как собака, из-за чего ее и называют «лесной собакой». Трое таких животных однажды выбежали из лесу и бросились с громким лаем на одного из наших служителей, но убежали обратно, когда увидели, что он собирается в них стрелять». Гейглин считает гиеновую собаку, несмотря на ее красивую окраску, скверным, вонючим и злым животным, которое кроме всего прочего наделено коварством и хитростью, и утверждает, что раненные животные этого вида смело нападают на человека.

Что бы ни говорили некоторые путешественники, гиеновую собаку следует все-таки считать привлекательным хищником. Должно быть, очень интересно наблюдать, как охотятся эти красивые, ловкие и громко лающие животные. Они выделяют из стада большую и сильную антилопу, которая, зная своих врагов, тут же поспешно обращается в бегство. Вся стая собак гонится за нею с лаем, воем, визгом — одним словом, производит очень много шума, который издали напоминает звон колокольчиков. Охота продолжается долго; антилопа из-за главной опасности забывает обо всех остальных. Не обращая внимания на людей, которых антилопа обычно избегает, она несется мимо них; вслед за ней, не отставая, спешит вся стая собак. Они бегут большими прыжками, галопом, все время сохраняя известный порядок. Когда устают передние собаки, их место занимают задние, которые берегли свои силы тем, что бежали кратчайшими путями. Таким образом собаки чередуются, пока продолжается охота. Наконец антилопа устает, и охота приближается к концу. Надеясь на свою силу, она оборачивается к врагам и грозит им рогами. Длинные острые рога описывают дуги на уровне земли. Случается, что одна или несколько собак при этом получают смертельные ранения, но в большинстве случаев через несколько минут антилопа лежит на земле, издавая последние стоны под острыми зубами собак; впрочем, иногда она вскакивает и пытается бежать. Тогда начинается новая травля, и гиеновые собаки с окровавленными мордами снова бегут за измученным животным. Их кровожадность как будто еще увеличивается после смерти жертвы; они большей частью поедают только внутренности животного, пренебрегая остальными частями тела. Бурчел однажды нашел только что убитую ими крупную, так называемую лосевую антилопу, которую собаки только выпотрошили; он воспользовался остальными частями тела этого животного для собственной кухни*.

** В большинстве мест гиеновые собаки охотятся стаями, в которой существует жесткая иерархия и, по-видимому, наиболее строгая организованность совместных действий из встречающихся у хищных животных. Это позволяет гиеновым собакам убивать животных более крупных, чем стая могла бы съесть за один раз. В первую очередь хищники выедают внутренности, более богатые разными питательными веществами, чем мясо как таковое. Под лосевой антилопой Бурчел имел в виду, вероятно, канну (*Taurotragus oryx*), очень крупную антилопу высотой в плечах более 1,5 м и весом около 1 т.*

Из описаний Селуса видно, что этот хищник не всегда охотится стаями, иногда он и в одиночку нападает на довольно крупных животных. Во время путешествия по стране Машуна Селус заметил на расстоянии примерно семисот шагов большую антилопу, которая паслась около кустов. Вдруг статное животное испугалось и бросилось бежать по степи прямо на Селуса и его спутников; за ней гналась на некотором расстоянии гиеновая собака. Могучая антилопа на минуту остановилась и посмотрела на своего в сравнении с ней небольшого врага. «Но, — продолжает этот писатель, — вместо того, чтобы вступить в борьбу, как я ожидал, она собрала все свои силы и обратилась в бегство, пронесаясь мимо нас. Гиеновая собака гналась за ней как гончая, вытянув в струнку свой пушистый хвост, и вскоре ее догнала. Подпрыгнув, она укусила антилопу в бок, но тотчас отскочила на несколько шагов. Получив укус, антилопа изменила направление и кинулась в нашу сторону, а от второго укуса, произведенного в то же самое место, еще больше приблизилась к нам, так что оба животных описали около нас почти полукруг, имеющий в радиусе около трехсот шагов. Когда собака в третий раз захотела укусить антилопу, заметила нас и остановилась; антилопа тоже остановилась, пробежав шагов сто. Оба животных после этого разбежались в разные стороны. Это был единственный случай, когда я видел, как гиеновая собака преследовала добычу, да еще такую, как взрослая крупная антилопа, которая умеет отлично защищаться при помощи сильных рогов. Если бы гиеновая собака нападала спереди, как гончая, то, наверное, была бы пронзена насквозь рогами антилопы. Не могу с уверенностью сказать, удалось ли бы хищнику разорвать бок у антилопы и выпотрошить внутренности, как, очевидно, он намеревался, но упоминаю об этом факте в дока-

зательство того, что гиеновая собака иногда в одиночку отваживается охотиться за очень крупным животным. Если учесть, что об индейских диких собаках рассказывают почти то же самое, можно предположить, что африканская гиеновая собака часто справляется с довольно крупной добычей».

При подробном рассмотрении живой гиеновой собаки сходство ее с гиеной почти совсем пропадает. Умное, веселое и хитрое выражение морды этого необыкновенно подвижного создания не имело ни малейшего сходства с выражением морды гиены; еще поразительнее было это различие, когда можно было сравнить легкие красивые движения этой собаки с движениями гиены, которые имеют совершенно другой характер. С первого взгляда можно было видеть, что гиеновую собаку следует считать как бы олицетворением светлого дня, между тем как гиена олицетворяет собой темную ночь. Позже я видел многих животных этого вида, и некоторые из них даже жили у меня. Характерными особенностями этого животного следует считать неудержимую живость нрава и постоянное стремление кусаться, может быть, без намерения принести вред, но только из желания дать выход необыкновенной живости характера. Когда гиеновая собака приходит в возбуждение, то каждая жилка у нее дрожит и напрягается. Ее невероятная подвижность сначала кажется результатом веселого характера, но вскоре обнаруживаются ее дикость, хищнические наклонности и стремление кусаться. Гранвил в своих известных юмористических очерках о различных животных заставляет волка говорить: «Тут лаем не поможешь, нужно укусить». Если бы он знал гиеновую собаку, то наверняка, приписал бы эти слова ей.

Следует еще заметить, что гиеновые собаки в неволе размножаются и, что особенно важно, приносят до десяти щенят за раз; по крайней мере, в одном зоологическом саду наблюдалось именно такое количество щенят. К сожалению, животные эти, как и многие другие привезенные из жарких стран, даже при очень внимательном уходе рано или поздно заболевают чахоткой, этой неизлечимой болезнью, которая уносит много жизней в зоологических садах, точно так же как и среди людей*.

** В зоопарках бремен Брема животных держали в тесных, душных, плохо вентилируемых клетках, как правило, на неподходящем корме. Неудивительно, что туберкулез («чахотка») был обычным явлением в таких зверинцах.*

Сайке описал **красного волка – колзуна** (*Cion alpinus*)*.

** Красный волк из-за наличия только 40 зубов был выделен в особое подсемейство. Теперь ученые приходят к выводу о его близости к настоящим собакам. Зверь размером с некрупного волка: длина тела до 110 см, хвоста до 0,5 м, высота в плечах 42-55 см. Вес 10-20 кг, самцы на 1—2 кг тяжелее самок. Распространен этот зверь от гор Южной Сибири и Центральной Азии до Индии, Малайи, островов Ява и Суматра.*

Это животное, по его словам, составляет особую группу волков, отличающуюся тем, что у них только 40 зубов. Область распространения животного странным образом совпадает с областью распространения тигра; величина его примерно соответствует величине не очень большой гончей собаки, общая длина тела около 1 м, собственно хвост имеет в длину 20 см, но из-за длинных волос кажется длиннее — от 35 до 37 см, высота в холке от 45 до 50 см. Шерсть почти на всем теле довольно короткая, только хвост покрыт длинными волосами; цвет шерсти буровато-рыжий или рыжеватого-серый; нижняя часть тела светлее, а морда, уши, лапы и кончик хвоста более темного цвета. Ходжсон определяет вес кобеля в 12,3 кг.

Описываемое животное живет в Индии, начиная от Гималайских гор и истоков Инда до Ассама, а также на Тибете, где его нашел Ходжсон; в Индии он чаще встречается в лесистых местностях.

Красный волк (*Cion atpinits*) (южные подвиды, Индостан)

Как настоящий житель лесов, колзун встречается чаще всего на обширных лесистых участках, а также в джунглях; но в северных высоколежащих областях своего распространения, где нет лесов, он довольствуется голыми пустынями и скалистыми местностями. Насколько известно, он нигде не встречается в очень большом количестве, и поскольку он очень беспокоит и разгоняет дичь, то долго в одном месте оставаться не может. Колзун гоняется за добычей стаями, причем число животных одной стаи прежде определялось в 50-60 особей, но, по новым исследованиям, редко доходит до 20, а чаще бывает от 2 до 15. Преследует он молча, лишь изредка издает звук, похожий на жалобный визг. Все наблюдатели согласны в том, что это животное охотится с большим искусством. Вильямсон, который часто наблюдал за его охотой, говорит, что при продолжительном преследовании ни одно животное не может от него спастись, и Сандерсон подтверждает это. По способу охоты колзун походит на вышеописанную гиеновую собаку. Как только стая выследила зверя, она гонится за ним безостановочно и очень долго, разделяясь иногда на несколько групп, чтобы загородить добыче дорогу. Говорят, что даже быстроногий олень становится их жертвой. Они не нападают спереди и не хватают за горло, а впиваются в бок, причем стараются прокусить мягкие части живота, и в результате быстро следующих один за другим укусов внутренности жертвы вываливаются, и преследуемое животное падает в изнеможении.

Так как колзуны довольно боязливы и избегают плотно населенных местностей, то они редко приносят вред домашним животным; однако Жердон, Мак-Мастер и Блэнфорд приводят случаи, что даже столь хорошо вооруженное животное, как домашний буйвол, иногда становится добычей этих волков. Чаще всего они гоняются за оленями, антилопами и свиньями, но, говорят, преследуют

также медведей, леопардов и тигров. Хотя эти сведения получены от туземцев, однако опытные охотники, такие, как Бальдвин, Стерндаль и Сандерсон, склонны думать, что это верно. Блэнфорд, напротив, полагает, что мнение о преследовании колзунами хищных зверей произошло оттого, что эти животные часто ссорятся с тиграми и леопардами из-за добычи и при этом происходят ожесточенные схватки, заканчивающиеся иногда смертью как жертвы, так и охотников. Едва ли можно верить туземцам, утверждающим, что эти дикие собаки пускают сильно пахнущую мочу на кустарники, чтобы оттуда выгнать добычу, или, обмочив мочой хвост, прыскают ею в глаза жертвы, чтобы ее ослепить.

Хотя колзун очень смел и хищен, однако о нападении его на человека еще ни разу не сообщалось. Сандерсон неоднократно наблюдал, как они преследуют добычу. Он пишет: «При преследовании колзуны руководствуются как зрением, так и обонянием, и настойчивость их так велика, что их охота редко бывает неудачна. Однажды утром два колзуна гнали оленя мимо моей палатки; один из них вернулся, увидев наш лагерь, но другой, который бежал рядом с оленем, еще два раза укусил его за нижнюю часть живота и только тогда убежал. Олень свалился после нескольких прыжков с вывалившимися наружу внутренностями. В другой раз я видел, как оленя преследовали три колзуна на полянке среди леса. Волки успели всего несколько раз вцепиться в бока жертвы, так как мы их отогнали, но олень также очень скоро свалился и был заколот одним из моих людей. У него была разорвана нижняя часть живота и на внутренней стороне задней ноги оторван кусок мяса около двух килограммов весом. Подобные раны могли бы быть нанесены и тигром. Размножение у этих волков происходит зимой, а продолжительность беременности точно неизвестна, но, по Блэнфорду, продолжается около двух месяцев. Самка мечет в январе или марте в яме или пещере шестерых, а иногда и более щенят, но Ходжсон утверждает, что среднее их число составляет от 2 до 4*. Этот натуралист сообщает, что однажды ему удалось до некоторой степени приручить молодого колзуна, но другие в продолжение нескольких лет оставались в неволе дикими и пугливыми. Из всех наблюдений видно, что эти собаки совсем не способны к приручению или оно удается лишь с большим трудом.

* *Беременность у красного волка (по данным наблюдению в Московском зоопарке) продолжается 60-62 дня. Детенышей обычно 4-6.*

Восточная граница области распространения только что описанного колзуна предположительно проходит в Бирме, в местностях между Ассамом и Тенассеримом.

Второй вид красных волков — южноазиатские дикие собаки, которые встречаются на Малаккском полуострове, на Суматре, Яве, а может быть, и на Борнео, — **малайская дикая собака, или адьяг** (*Суон alpinus*)**.

* * *В настоящее время красных волков из Индокитая, Малайи и с Зондских островов относят к тому же виду — Суон alpinus.*

Она меньше и слабее индийской и покрыта рыжевато-желтым или рыжевато-красным мехом, который на нижней стороне тела светлее. Кончик хвоста черный.

По образу жизни и способу преследования добычи адьяг, по-видимому, мало отличается от колзуна, только больших и сильных животных он, кажется, не преследует, хотя, по словам Форбеса, по крайней мере на Суматре и Яве о его способе охотиться рассказывают то же самое, что и о колзуне. По существующим сведениям, на только что названных островах он живет повсюду, начиная от морского берега и кончая местностями, лежащими на тысячу футов над уровнем моря. Юнгхун рассказывает, что на морском берегу адьяг охотится за весьма своеобразной добычей. «Когда я 14 мая 1846 года, — говорит он, — из кустарника, находящегося в местности Тандюнг-Содонг, вышел на песчаное побережье, то увидел перед собой точно поле битвы: тысячи скелетов огромных черепах, разбросанных на песке. Некоторые из них были уже выбелены солнцем и состояли из гладких костей, другие еще покрыты гниющими, смрадными внутренностями, третьи совсем свежи, со следами крови; но все эти скелеты лежали на спине. Очевидно, на этом месте адьяги нападали на черепах во время их перехода из моря к дюнам для кладки яиц. Адьяги собираются в стаи от 20 до 30 особей и принимаются грызть черепах во всех доступных местах покрытого панцирем тела, хватают их за голову, за ноги, у заднего прохода и умеют перевернуть совместными силами этих прыскающих, несмотря на их огромную величину. Тогда они начинают грызть их со всех сторон, срывают брюшной щит и едят внутренности, мясо и яйца, как в огромном корыте. Многие черепахи пытаются спастись от преследования этих волков и достигают моря, часто таща за собой крепко вцепившихся в них адьягов. Не всегда этим хищникам удается спокойно съесть свою добычу. Иногда случается, что королевский тигр, властелин лесов, ночью выходит из чащи, на минуту останавливается, гневным взором осматривает берег, тихо подкрадывается и, наконец, одним прыжком со

страшным ревом оказывается среди волков, которые мгновенно разбегаются и скрываются в лесу, издавая отрывистый крик, больше похожий на свист, чем на ворчанье. Для подобного рода охоты адьяги выбирают пустынную и мало посещаемую туземцами местность, но внимательный наблюдатель довольно легко отыскивает эти места благодаря большому числу кружащихся над ними хищных птиц».

Адьяг охотится и в населенных местностях, лежащих довольно высоко над уровнем моря. По показаниям Юнгхуна, который в 1844 году путешествовал по острову Ява, адьяги стаями от 10 до 12 штук появляются на обработанных высоких равнинах, расположенных на высоте до тысячи метров над уровнем моря, и там нападают на коз и даже на лошадей, которые ночью оставлены на пастбище или привязаны к дереву недалеко от деревень. Волки нападают на свою жертву сообща, хватают ее преимущественно за мягкие части живота около задних ног и таким образом заедают до смерти. По уверению яванцев, подобные нападения повторяются в какой-нибудь местности только через несколько лет, в течение которых об адьягах ничего не слышно, а это доказывает, что адьяги, как и другие виды волков, предпринимают очень дальние странствования. По наблюдениям Форбеса видно, что это животное в отличие от своего индийского родича при преследовании добычи лает. «Лай адьягов, — пишет этот натуралист, — слышен очень часто на Яве по ночам, но все мои старания наблюдать их во время охоты были напрасны; они так пугливы и осторожны, что очень трудно к ним подойти на расстояние выстрела, и я смог там получить только один и то плохой экземпляр».

Относительно приручения этого вида волков нет никаких сведений. В Амстердамском зоологическом саду я видел адьяга, привезенного с острова Ява, и пришел к выводу, что по внешнему виду это животное очень похоже на домашнюю собаку. Оно бегаёт, сидит и лежит совсем как собака, но с первого взгляда видно, что оно резко от нее отличается.

Третьим видом азиатских красных волков следует считать **горного волка** (*Cuon alpinus*)*, которого буряты называют «зубри», а тунгусы «джеркуль» и который водится в восточной и средней частях Азии.

** Горные красные волки из Средней Азии и Сибири относятся к тому же виду, что индийские и малайские. От своих более южных сородичей северный красный волк отличается более длинной и лохматой шерстью и менее яркой и контрастной окраской.*

Грей сравнивал черепа горного волка и колзуна и обнаружил между ними большое сходство, но Сьюлли указывает, что он отличается от колзуна более крупными верхними коренными зубами. Прекрасный экземпляр этого животного в Берлинском музее похож на очень большую мохнатую овчарку. У него широкая голова с тупой мордой, не очень большие глаза и средней величины уши, которые сверху округлены и густо обросли волосами как снаружи, так и внутри; ноги довольно толстые и сильные; хвост висит до земли, общая длина тела 1,3 м, из которых на хвост приходится 35 см, высота в холке 45 см. Шерсть у горного волка очень длинная и жесткая, подшерсток мягкий и густой. Хвост покрыт длинными мягкими волосами. Волосы на верхней части тела у основания имеют рыжевато-серый, в середине ржаво-красный, а на конце черный или белый цвет, что в сочетании дает бледно-рыжеватый окрас; нижняя часть тела, внутренние стороны конечностей и кончики лап бледно-чалого цвета. Хвост заметно темнее верхней части тела и имеет желтовато-серую окраску. Уши покрыты снаружи рыжими, а внутри белыми волосами.

О распространении и образе жизни этого животного довольно подробно повествует Радде. В некоторых горных местностях, в верхних частях восточных притоков Енисея горный волк встречается довольно часто, но за ним не охотятся регулярно ни буряты, ни русские охотники; причину этого следует искать не столько в низкой цене его грубого меха, сколько в страхе, который он вызывает. Он, по-видимому, в основном водится в малонаселенных горных местностях, которые служат пристанищем и оленям. На восток от среднего течения Оки, в охотничьем районе Карагашей, этот волк встречается еще стаями в 10-15 штук и охотится там за оленями, преимущественно за самками и молодыми.

Красный волк (*Canis alpinus*) (горные подвиды)

По течению реки Иркут горный волк встречается единичными экземплярами и там охотится за горными баранами. В верхних частях долины Иркута горный волк так разогнал оленей, что охота на них потеряла всякий смысл. В южных частях Яблоневого хребта, по показаниям Радде, его совсем не знают, но на Даурском плоскогорье он иногда встречается и известен под именем «джеркуль». В горах, окружающих нижнее течение Амура, он обыкновенен*.

* *Сейчас в России красный волк крайне редок: в малопосещаемых горных районах юга Алтая, Забайкалья и Приморья сохранилось не более 40-50 особей.*

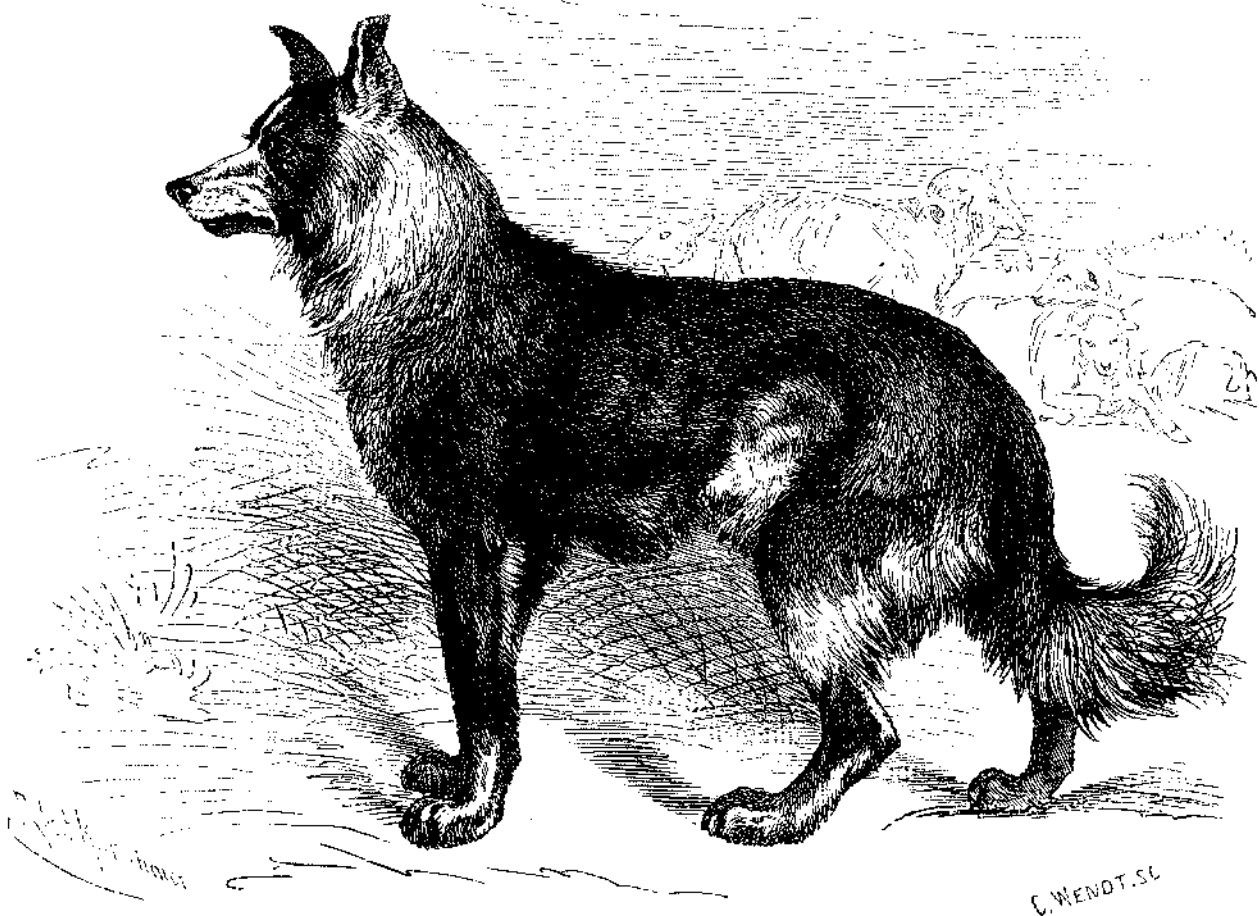
В Амурской области охотники боятся горного волка. Стаи этих животных окружают свою жертву и всегда убивают ее. Если охотник встретит этих животных в большом количестве, то ему не остается другого средства к спасению, как влезть на дерево. Эти животные часто загоняют оленей и горных баранов на край глубокой пропасти, куда они не решаются спрыгнуть; раненых животных они очень скоро догоняют и повергают на землю. Во время преследования горные волки издают звук, похожий на шипение и свист, и с такой жадностью бросаются на добычу, что подпускают тогда к себе охотников очень близко. Один тунгус, по словам Радде, из четырех горных волков, которые пожирали убитого ими оленя, застрелил одного за другим трех, причем оставшиеся в живых и не думали бросать свою добычу. Местные охотники считают их очень хитрыми и быстрыми животными. Во главе стаи всегда бегут несколько старых сильных самцов. Опытные охотничьи собаки отказываются от преследования этих волков и возвращаются со взъерошенной от страха шерстью к охотнику, точно так же, как они это делают, когда выследят тигра. Мясо этого животного не едят, и русские купцы его шкуру не покупают. От Радде требовали, правда, за подобную шкуру от 6 до 8 рублей, но только потому, что заметили, что он очень хотел получить цельную шкуру этого животного.

Домашние собаки (*Canis familiaris*). «Умом собаки держится мир» — так сказано в Вендидаде (Книга законов), древнейшей и достовернейшей части Зенд-Авесты, одной из самых древних книг человечества.

Для низшей ступени цивилизации человечества слова эти были (и являются еще и поныне) несомненной истиной. Дикий, грубый и необразованный человек немислим без собаки, но так же

трудно представить себе благовоспитанного и образованного человека, живущего в цивилизованных государствах, без этого животного. Человек и собака дополняют друг друга в сотнях и тысячах случаев и потому могут считаться самыми верными товарищами. Никакое другое животное на земном шаре не пользуется таким уважением, дружбой и любовью, какие издавна заслужила себе собака со стороны человека. Она так необходима для благосостояния человека, что сама как бы составляет часть человечества. «Собака, — говорит Кювье, — самое замечательное, совершенное и полезное из всех приобретений, какие когда-либо сделал человек. Все собаки сделались нашей собственностью, а каждая отдельная собака вполне принадлежит своему хозяину, человеку, сообразуется с его привычками, знает и защищает его имущество и остается ему верной до самой смерти. При этом следует иметь в виду, что эти качества собак зависят не от принуждения и боязни, а от бескорыстной любви и привязанности. Быстрота движений и тонкость обоняния сделали из собаки прекрасного помощника человека, и можно сказать, что ныне животное это необходимо для благоустройства человеческого общества. Собака есть единственное животное, которое вместе с человеком расселилось по всему земному шару. Хотя, по-видимому, собака известна каждому, но ее стоит описать подробнее, что мы и сделаем с особенным удовольствием.

Ее находят повсюду, где только поселился человек. Она встречается даже у самых жалких, диких и необразованных народов и стала их другом, товарищем и защитником.

Домашняя собака (*Canis familiaris*)

Но ни предание, ни исследование не могут нам дать до сих пор точных указаний о прародителях этого домашнего животного: мнения о происхождении домашней собаки до сих пор еще очень разноречивы. Нет ни одного животного, в отношении которого сделано было бы столько предположений и догадок, как о собаке. История происхождения собаки очень похожа на историю человека. Полное подчинение собаки человеку имело для нее такие последствия, какие мы не встречаем ни у какого другого животного. Жизнь собаки на Земле, так тесно связанная с жизнью человека, должна была вместе с ним подвергнуться столь разнообразным и взаимоисключающим местным условиям, что о первобытном ее состоянии, точно так же как о первобытном состоянии человека, могут существовать лишь довольно произвольные предположения. Впрочем, все это относится только к ее физическим свойствам, так как о душевных и умственных ее качествах все судят одинаково. По своему скелету, черепу и зубной системе собака, очевидно, принадлежит к волкам, однако ни по черепу, ни по зубам ее нельзя причислить ни к одному из ныне существующих видов волков, точно

так же, как нельзя найти резких различий между домашней собакой и ее дикими родичами. Наши европейские собаки по особенностям своего черепа занимают среднее положение между волками и шакалами, но особенности эти в высшей степени разнообразны у различных пород*.

** Происхождение домашней собаки до конца не установлено. Наиболее распространена версия происхождения от волка, однако некоторые исследователи выводят собак от шакала, гибрида волка с шакалом или койотоподобного вымершего волжского волка. Не исключено, что в домашней собаке присутствует кровь всех трех видов. Новейшие исследования показывают генетическую близость домашних собак и со своеобразным абиссинским волком. Возможно, одомашнивание собаки происходило неоднократно и независимо в нескольких разных регионах. Несмотря на это и на крайне высокое морфологическое разнообразие, все современные домашние собаки, вероятно, связаны общим происхождением и относятся к одному виду — *Canis familiaris*, собака домашняя.*

"Американцы уже имели домашних собак до того, как испанцы привезли туда европейскую породу. В Мексике испанцы нашли немых собак. А. Гумбольдт сообщает, что у индейцев в Йоуха и Хуанка собакам воздавали божеские почести, пока инка Пачакутек не заставил этих индейцев почитать в качестве божества солнце. Их жрецы во время жертвоприношений дули в собачьи черепа, а в древнейших перуанских могилах находили собачьи мумии. Чуди исследовал черепа этих мумий и считает, что они принадлежат особому виду собак, отличающемуся от европейских.

Весьма удивителен тот факт, что местные породы собак по строению черепа очень близки к волкам, но еще удивительнее, что одичавшие собаки даже по внешнему своему виду понемногу возвращаются к первобытным формам. Это относится не только к окраске, но и ко всему строению животного, например к ушам, которые постепенно становятся прямостоящими и остроконечными, а также и к свойству шерсти. Уже Оливье заметил, что собаки в окрестностях Константинополя очень похожи на шакалов. На юге и востоке России встречается большое количество полуодичавших собак, которые странствуют целыми стаями и по цвету шерсти и внешнему виду туловища и ушей сильно напоминают шакалов. Наблюдения Палласа, что собаки часто живут в дружбе с шакалами, становятся понятными при таком сходстве внешнего вида. Положительно доказано, что волк и собака между собой спариваются и производят живучих ублюдков. То же замечается при скрещивании собаки и шакала.

Вопрос о том, составляет ли собака самостоятельный и отдельный вид, как волк, шакал и лисица, трудно разрешим, и на него едва ли можно отвечать утвердительно. Ни одно дикое животное не имеет стольких различий в строении черепа, скелете и величине, как разные породы собак. Даже домашние животные, которых нужно считать отдельными видами и, только измененными приручением и подбором, например лошадь, осел, бык, коза и свинья, не представляют такого разнообразия форм. Однако еще менее справедливо было бы рассматривать разные породы собак в качестве отдельных видов. Несомненно, что нельзя считать ни один из известных нам диких видов этого рода прародителем домашней собаки, и точно так же едва ли можно предположить, что первобытная форма существует на земном шаре, но еще не открыта или не замечена натуралистами.

Поэтому, если хотят настаивать на решении вышеприведенного вопроса, приходится согласиться с мнением Палласа, что происхождение домашней собаки следует объяснить приручением и скрещиванием местных диких видов этого рода. Взгляд этот, конечно, как и всякий другой, относящийся к происхождению домашних животных, следует считать гипотезой, но в справедливости этого взгляда можно убедиться при сравнении черепов собак с черепами различных видов волка. Вышеизложенное предположение Палласа вполне объясняет беспрепятственное скрещивание домашней собаки с волком и шакалом. Гипотеза эта находит некоторое подтверждение в других фактах из животного и растительного царства, например в строении некоторых растений, происходящих от скрещивания сходных видов, а также в разнообразии некоторых пород куриных птиц. Сходство одичавших собак и дружба их с шакалами имеют здесь также большое значение. Мы знаем, что одичавшие лошади со временем начинают походить на диких. Козы, которые большую часть года скитаются по горам без всякого присмотра, как, например, в Далмации и в некоторых местностях Италии, приобретают сходство с дикими, так называемыми безоаровыми козами; пестрые кролики, выпущенные на свободу, через несколько лет рождают детенышей, которые по цвету ничем не отличаются от диких».

Тибетская собака

Дарвин приходит к тем же предположениям, что и Блазиус. «Некоторые зоологи, — говорит он, — полагают, что все породы домашних собак происходят от волка, шакала или какого-то неизвестного вымершего вида; другие думают, что собаки происходят от скрещивания многих ныне живущих и вымерших видов. По всей вероятности, нам никогда не удастся достоверно выяснить родословную наших домашних собак. Палеонтология не дает разъяснений по этому вопросу, что происходит, с одной стороны, от большого сходства черепов вымерших и живых шакалов и волков, с другой — от большого различия черепов ныне живущих пород собак. В пластах третичной формации найдены, кажется, черепа, которые больше похожи на собачьи, чем на волчьи, что, может быть, поддерживает мнение Блэнвилля, что домашнюю собаку следует считать потомком одного вымершего вида. Некоторые натуралисты высказывают предположение, что каждая из ныне существующих пород собак имела уже вымершего отдельного представителя; но это мнение в высшей степени невероятно. Если остановиться на последнем предположении, то трудно объяснить большое разнообразие пород и почти уродливый вид некоторых из них. Кроме того, тогда нужно предположить, что многие виды диких собак вымерли после того, как человек уже приручил домашнюю собаку, а подобное вымирание довольно крупных хищных животных маловероятно. Кстати, следует вспомнить, что еще в 1710 году на таком относительно маленьком острове, как Ирландия, волк еще не был истреблен.

Русская борзая

Причины, по которым многие писатели пришли к предположению, что домашние собаки происходят от нескольких различных диких видов, состоят, во-первых, в большом разнообразии внешнего вида отдельных пород, а во-вторых, в том, что уже в самые древние исторические времена существовало несколько разновидностей домашней собаки, которые между собой были мало сходны, но очень похожи на ныне существующие породы. Начиная от Рождества Христова и до XIV столетия осталось очень мало сведений о породах домашних собак, но нам известно, что в более древние времена уже существовало несколько пород домашних собак, причем, однако, невозможно с точностью определить их и сравнить с нынешними. На одном рисунке, изображающем виллу императора Антония, мы видим двух молодых борзых. На одном ассирийском памятнике, относящемся к VII веку до Рождества Христова, изображен очень большой дог, порода которого, по Раулинсону, и поныне там сохранилась. На египетских памятниках IV — XII династии, то есть от 3400 до 2100 года до Рождества Христова, как видно по прекрасным рисункам сочинений Лепсиуса и Розеллини, изображено несколько пород собак, из которых большинство также похоже на борзых. На более поздних памятниках мы находим собаку, похожую на гончую, с висячими ушами, но очень длинной спиной и острой мордой, а также маленькую собачку с кривыми ногами, которая напоминает наших такс. Самое древнее изображение собаки на египетских памятниках имеет очень странный вид: собака похожа на борзую, но с длинными острыми ушами и коротким крючковатым хвостом. Сходная с этой собакой разновидность живет и ныне в северной Африке — это арабская кабанья собака, которую Гаркурт считает очень древней, так сказать иероглифической породой, с которой охотился еще Хеопс; она несколько похожа на шотландскую мохнатую оленью собаку. Вместе с этой древнейшей породой жила в Египте еще другая собака, по наружности похожая на нынешнюю индийскую бродячую собаку. Из вышесказанного мы видим, что уже четыре или пять тысяч лет назад существовало несколько пород собак, а именно: борзые, гончие, доги, таксы и дворняжки, которые имели некоторое сходство с нынешними разновидностями. Однако у нас нет возможности с полной достоверностью доказать, что эти древние породы были вполне тождественны нынешним. До тех пор пока думали, что человек живет на земле около шести тысяч лет, это различие пород в столь раннее время могло служить доказательством того, что у каждой из них был свой отдельный прародитель, но так как теперь известно, что люди появились на земном шаре гораздо раньше, и, прини-

мая во внимание, что даже совсем необразованные народы имеют домашних собак, доказательство это в значительной мере потеряло свою силу*.

* *Одомашнивание собаки произошло, по-видимому, в позднем каменном веке, 10-15 тысяч лет назад, когда человек начал активно охотиться с помощью лука и метательных дротиков, результатом чего стало появление большого количества подранков. Древнейшая известная собака определенно считающаяся домашней, была похожа на примитивного шпица. Древнейшими породами считают грейхаунда и так называемую фараонову собаку; обе они были известны уже в Древнем Египте.*

Такса

Ручные собаки встречались в Европе гораздо раньше начала исторических времен. В датских кухонных остатках каменного периода нашли кости собаки, которая, по Стэнструпу, была уже, по всей вероятности, домашней. Во время бронзового периода люди имели более крупных собак, а в железном веке попадаются собаки еще гораздо крупнее. Жившая в конце каменного периода в Швейцарии домашняя собака средней величины, по мнению Рютимейера, отличалась как от волка, так и от шакала по своему черепу, а по некоторым признакам приближалась к нашим охотничьим и легавым собакам. Во время бронзового периода появилась большая собака, которая, судя по челюстям, походила на датскую. В одной древней пещере Шерлинг нашел останки двух пород собак, возраст которых невозможно было определить.

Из всего вышесказанного ясно, что можно с большой достоверностью сделать следующее предположение: человек в различных странах обратил в домашнее состояние различные виды диких собак. Довольно странно поэтому было бы считать, что по всему земному шару распространились потомки одного первоначально дикого вида собаки».

Новейшие изыскания показали, что время беременности собак, волков и шакалов почти одинаково; если и замечаются незначительные изменения в продолжительности беременности, то они большого значения не имеют, так как даже у домашних собак беременность бывает или дольше, или короче на три-четыре дня. Кювье полагал, что шакала не приручают из-за его противного запаха, но дикие народы к этому мало чувствительны, да и запах шакалов в различных странах бывает не одинаково силен, к тому же у домашних собак он также иногда очень неприятен. Жоффруа Сент-Илер кормил одну домашнюю собаку только сырым мясом и довел ее до того, что от нее воняло, как от шакала.

Померанский шпиц

Большинство фактов заставляет нас склониться в пользу предположения о происхождении домашних собак от многих диких видов. Трудно предположить, чтобы люди, распространившись по всей Земле, ограничились приручением лишь одного вида столь легко воспитываемых и столь полезных для него животных, как разные виды диких собак. Кроме того, не следует упускать из виду, что различие пород собак произошло уже очень давно и домашние собаки разных стран обнаруживают большое сходство с местными дикими видами.

Итак, можно сказать, что домашняя собака, по-видимому, есть искусственный продукт человека.

Прекрасным примером в пользу только что высказанного предположения, что домашние собаки могут вполне одичать, служит динго (*Canis familiaris*), живущий в диком состоянии в Австралии. Ввиду этого я сам сначала считал его особым видом диких собак, но ныне, при внимательном рассмотрении многих экземпляров этого животного, пришел к выводу, что это просто одичавшая домашняя собака. Подтверждением только что высказанного мнения может служить тот факт, что, за исключением некоторых рукокрылых и мелких грызунов, динго — единственное австралийское млекопитающее, не принадлежащее к отрядам сумчатых и птицевзверей. Когда и каким образом он одичал, нельзя определить с точностью, что, впрочем, не имеет большого значения для решения главного вопроса о происхождении этого животного. Внешний вид, или, как натуралисты выражаются *habitus*, динго, несомненно, указывает в нем домашнюю, а не дикую собаку.

Грейхаунд

Динго достигает величины овчарки среднего роста. Тело его довольно приземисто, голова большая и довольно толстая, морда на конце тупая и широкая, стоячие уши у основания широкие, а на конце закруглены, пушистый хвост свисает до пяток, конечности довольно короткие. Не очень густой, но и не очень редкий мех почти на всем теле одинаковой длины. Почти все экземпляры, которых я видел, были бледного желтовато-рыжего цвета, переходящего в более или менее серый и даже иногда в черный. Подбородок, горло, нижняя часть тела и хвост более светлого цвета, а спина темнее, так как здесь кончики волос черные. Хотя вышеуказанная окраска встречается чаще всего, но попадаются и совсем черные динго, а некоторые имеют белые лапы и т. д.

Еще ныне динго живет во всех густых лесах Австралии*, в ущельях, покрытых кустарником, в рощах, рассеянных по тамошним степям, и даже в самих степях. Он встречается на всей материке и везде довольно обыкновенен. Его там считают очень вредным животным для стад и потому усердно преследуют. В некоторых местностях, по показаниям Ленденфельда, платят по 20 марок премии за его убийство, а в Новом Южном Валлисе ежегодно употребляют, говорят, несколько бочек стрихнину для приготовления отравленных приманок.

** Динго обычно относят к тому же виду, что и домашнюю собаку, однако происхождение его до конца не выяснено. Вероятно, динго попал в Австралию с людьми около 5 тысяч лет назад, т.е. гораздо позже, чем собака была приручена человеком.*

Прежде чем колонисты начали регулярную охоту на этого врага их стад, они теряли вследствие хищничества динго очень много овец. Уверяют, что в одной большой овчарне в течение трех месяцев было похищено этими животными не менее 1200 овец.

Динго (*canis familiaris*)

Но самый страшный вред от динго заключается в том, что они наводят на овец панический страх: при появлении динго овцы, как безумные, бросаются бежать в пустыню, где становятся жертвами других динго или погибают от жажды. Взрослые коровы и быки, по показаниям Ленденфельда, не подвергаются нападениям динго, но отдельные телята часто делаются их жертвами. Они пожирают также кенгуру всех видов и разных других больших и мелких лесных животных. Динго нападают на всех туземных животных и боятся только домашних собак. С пастушьими и охотничьими собаками динго живут в вечной вражде и яростно преследуют друг друга. Когда несколько домашних собак увидят динго, они разом на него бросаются и рвут на куски, то же случается, если стае динго попадается одинокая домашняя собака.

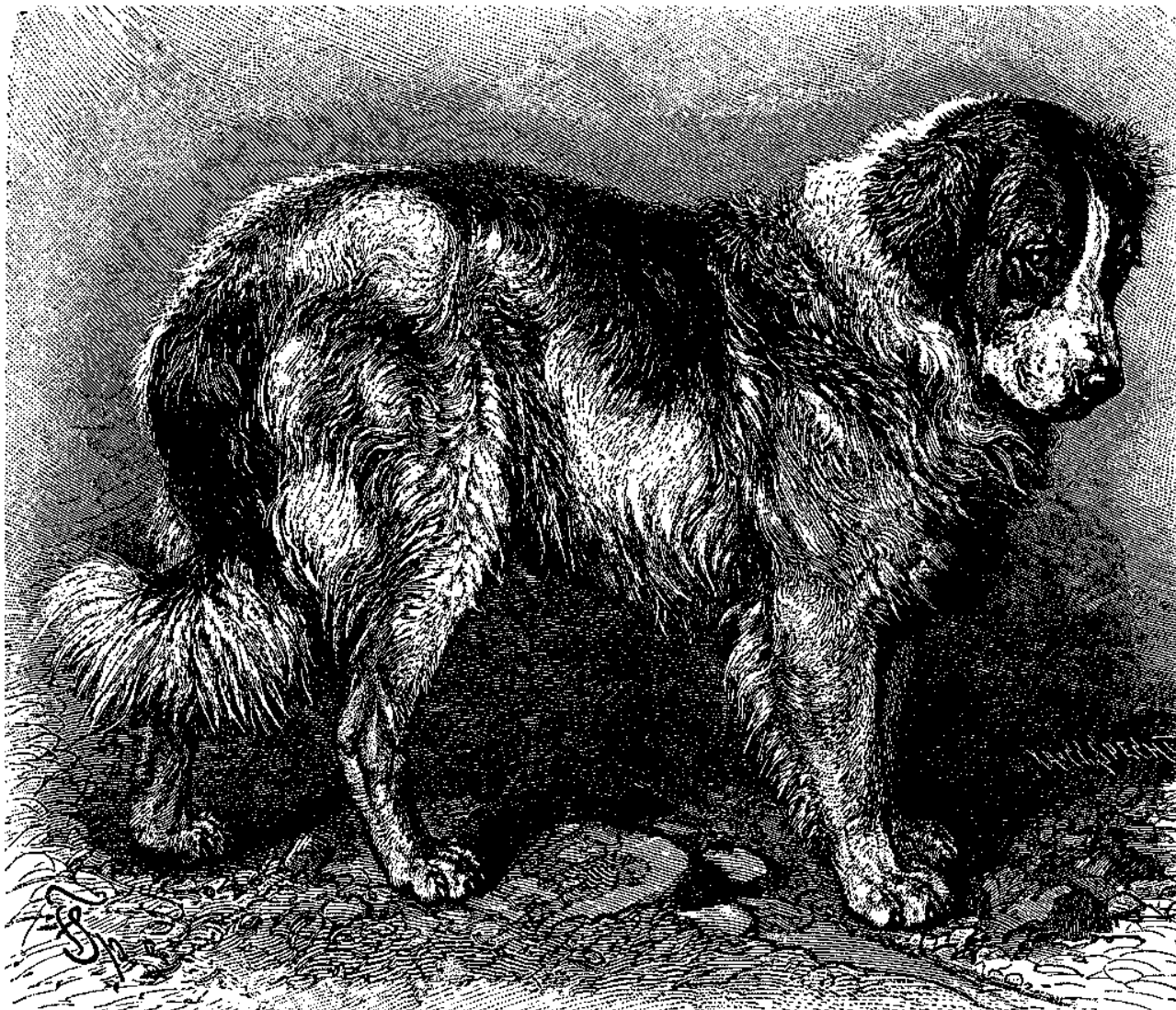
Самка динго приносит от 6 до 8 детенышей и держит их обыкновенно в норе или под корнями деревьев. В случае опасности она переносит своих щенят в более укромное место. Один колонист нашел целый помет динго в расщелине скалы; так как матери не было, то он отметил место с намерением в скором времени вернуться и уничтожить разом все семейство, но когда вернулся, то, к великой досаде, нашел нору пустой: мать почуяла, что посторонний приближался в ее отсутствие к гнезду, и утащила детенышей в другое место. Когда динго размножались в неволе, то можно было заметить, что как мать, так и детеныши ведут себя совершенно как домашние собаки. В Бреславльском зоологическом саду, где самка динго родила пятерых детенышей, из которых трое выросли и сделались совсем ручными, можно было оставить и кобеля в той же клетке, так как он не выказывал никаких дурных намерений в отношении щенят и их матери. Из пяти детенышей четверо были по цвету похожи на родителей, а пятый был совсем черный.

Лаигхаар

От человека динго обычно убегает, если вовремя заметит его. При бегстве он выказывает хитрость и лукавство лисицы и прекрасно умеет пользоваться разными средствами для спасения. Если его настигают и он видит, что убежать от врагов не может, то оборачивается и яростно защищается, однако и при этом старается, если только возможно, улизнуть.

Обыкновенно считают, что динго нельзя приручить. Но у туземцев Австралии встречаются динго, которые живут в полудомашнем состоянии. Многие динго, которых держали в неволе в Германии, оставались все время дикими и злыми; их волчья натура давала себя знать при всяком удобном случае, так что сторожа должны были с ними обращаться очень осторожно. Они относились недружелюбно и нетерпимо и к животным, которых к ним сажали. В Англии с трудом удалось вырвать из зубов динго несчастного осла, которого он успел схватить, а в Парижском зоологическом саду динго яростно прыгал на решетку клеток, где сидели медведи, ягуары и леопарды. Рожденный в Англии динго жил на свободе, но с ранней юности был боязлив и недоверчив; он прятался в темном углу комнаты, когда там были люди, причем одинаково относился как к знакомым, так и к незнакомым; если же он оставался один, то жалобно выл. Своего сторожа он, однако, приучился узнавать, но не проявлял к нему дружелюбия, присущего домашней собаке. Чужих он боялся, ворчал на них и часто исподтишка кусал проходящих мимо него. После такого нападения он прятался в углу клетки и оттуда смотрел на свою жертву злобно сверкающими глазами. Будучи в хорошем расположении духа, любил поразмяться, чтобы продемонстрировать свою ловкость и силу. К домашним собакам он относился крайне недружелюбно и никогда не выказывал ни малейшего желания с ними каким-либо способом сблизиться.

Сенбернар

По моему мнению, не следует придавать большого значения вышеприведенным фактам. Как уже часто приходилось повторять, поведение животного зависит от того, как с ним обращались в ранней юности. Динго, несомненно, умное животное, и приручить его можно, если не в первом, то во втором и третьем поколении. Если бы динго был хоть немного красивее, то этого хищника давно бы сделали домашним животным, чтобы использовать его прекрасное чутье на охоте*.

** Динго в полуприрученном состоянии сосуществует с отдельными племенами аборигенов, однако вполне ручное животное из него получается плохо. Помеси динго с домашними собаками, в частности с бордер-колли, дали современные породы австралийских пастушеских собак.*

Об умственных способностях собак можно написать целые книги, а коротко выразить это очень трудно. Лучшее описание собачьих нравов сделал Шейтлин, и потому я приведу здесь выписку из его сочинения: «Как ни значительно внешнее различие пород собак, но еще более разнообразны их умственные способности: некоторые породы вовсе не понятливы, другие научаются всему замечательно быстро. Иных приручить к себе очень легко, других трудно; что любят одни, то другие ненавидят. Пудель сам идет в воду, а шпиц любит сидеть дома. Дога легко натравить на человека, а пуделя к этому не приучишь. Только охотничьи собаки могут отыскивать след дичи. Одна медвежья собака хватает медведя между задними ногами; только хорошая такса, у которой туловище так вытянуто, что ей, казалось бы, нужна третья пара лап посередине, имеет столь короткие и кривые ноги, что может влезать в барсучьи норы, и исполняет это с таким же удовольствием, с каким собаки мясников загоняют домой телят и быков.

Ньюфаундленд

Ньюфаундлендская собака не боится волка, потому прекрасно сторожит стада и, кроме того, отлично плавает, ныряет и вытаскивает из воды людей. Мясицкая собака также вступает в борьбу с волком и хорошо оберегает стада, годится для охоты на диких кабанов и всякого другого большого зверя, понятлива и очень преданна своему хозяину, но сама в воду не идет, если ее к этому не принуждают. Ее употребляют часто для травли и этим сильно злоупотребляют, из-за чего она делается очень свирепой и особенно обижает телят, так как они не могут защищаться; в конце концов она превращается в лютого зверя. Она становится злой и кровожадной, начинает кусаться, пить кровь и обжираться внутренностями убитых животных. Борзая собака считается на редкость непонятливой, не податливой к воспитанию и не привязывающейся к своему господину, но она любит, чтобы ее ласкали даже незнакомые; однако эту собаку можно приучить к охоте за зайцами. Легавая собака годится только для известного рода охоты и этому легко обучается, и вообще нужно иметь в виду, что в собаке можно легко воспитать только те качества, к которым она имеет некоторую склонность от природы. Болонка и кингс-чарлс годятся только для того, чтобы спать на диванах в дамском будуаре или на коленях; они сидят всегда в комнате, ворчат на незнакомых, пьют из одного стакана и едят из одной тарелки со своей госпожой, которая их балует и целует. У охотничьей собаки особенно ценят хорошее чутье, понятливость и верную привязанность к своему господину. Сторожевые и пастушьи собаки точно так же понятливы и хорошо охраняют дом. Про шпица говорят, что он очень умен, понятлив, деятелен и ловок, любит кусаться и очень хороший сторож, а некоторые разновидности этой породы очень злы и коварны. Полярная собака преданна человеку, но хозяина своего не знает, не боится побоев, ненасытна, но при случае может долго переносить голод. Доги отличаются верностью, но не умны; они хорошие сторожа, храбро нападают на кабанов, львов, тигров и леопардов; они очень самоотверженны, слушаются не только слова, но даже взгляда своего господина, их легко приучить бросаться на людей, причем они не боятся трех, даже четырех человек и не обращают внимания на выстрелы и даже раны; с другими собаками они затевают страшные драки. Они очень сильны, могут повалить на землю даже самого сильного человека, могут и загрызть его или держать в лежачем положении до тех пор, пока придет хозяин; диких кабанов они удерживают на месте, хватая их за уши. Вообще это очень послушные собаки, и они умнее, чем обыкновенно думают*.

** Имеется в виду, скорее всего, мастиф, а не немецкий дог. которого у нас принято называть просто догом. Мясницкая собака порода, предшествующая нынешнему ротвейлеру. Под пуделем понимается большой (королевский) пудель, бывший во времена Брема действительно наиболее универсальной породой, могущей совмещать функции охранника, охотничьей собаки и собаки-компаньона; при правильном воспитании пудели сохраняют описанные положительные качества и по сей день.*

Душевные способности играют такую важную роль в жизни собаки, что физиономию ее трудно передать на рисунке, а тем более сделать из нее хорошее чучело.

Датский дог

У нее, без сомнения, самые совершенные умственные и душевные способности, какие только могут быть у животного. Ни про одно животное нельзя с такой достоверностью сказать, что у него недостает только речи, чтобы быть похожим на человека; ни про одно млекопитающее не существует столько разнообразных и многочисленных рассказов, доказывающих понятливость, память, известную долю рассудительности и воображения; чаще, чем другим животным, собаке приписывают и нравственные качества, а именно верность, нежную привязанность, благодарность, бдительность, любовь к хозяину, терпеливое отношение к шалостям его детей, яростную ненависть к его врагам. Вот почему собаку часто ставят в пример человеку. И чему только собака не может выучиться! Она танцует, играет на барабанах, ходит по канату, стоит на часах, защищает и берет крепости, стреляет из пистолета; она двигает вертел, таскает тележки, научается узнавать ноты, цифры, карты, бу-

квы, снимает шапку с головы человека, приносит туфли, пробует снимать сапоги, как слуга, отлично понимает мимику человека и научается еще многому другому.

Даже недостатки собаки приближают ее к человеку: точно так, как некоторые люди, она может быть лукава, завистлива, фальшива, сердита, скупа, легкомысленна и сварлива; она может быть склонна к воровству и одинаково ласкова ко всем, кто с ней хорошо обходится. Рыб, жуков и червяков нельзя ни хвалить, ни порицать, но к собаке мы не можем относиться столь равнодушно. Всякий понимает, что она может заслужить и награду, и наказание.

Гончая

Говоря о качествах собаки, употребляют те же выражения, что и о человеке. Вследствие всех этих качеств человек делает из собаки товарища в путешествии и домашней жизни и любимого друга; на ее любовь и привязанность человек отвечает такой же любовью и такой же привязанностью: ее сажают за стол, уделяют ей место на своей постели, внимательно ухаживают за ней и хорошо кормят, лечат ее, если она хворает, оплакивают ее смерть и даже ставят собакам надгробные памятники.

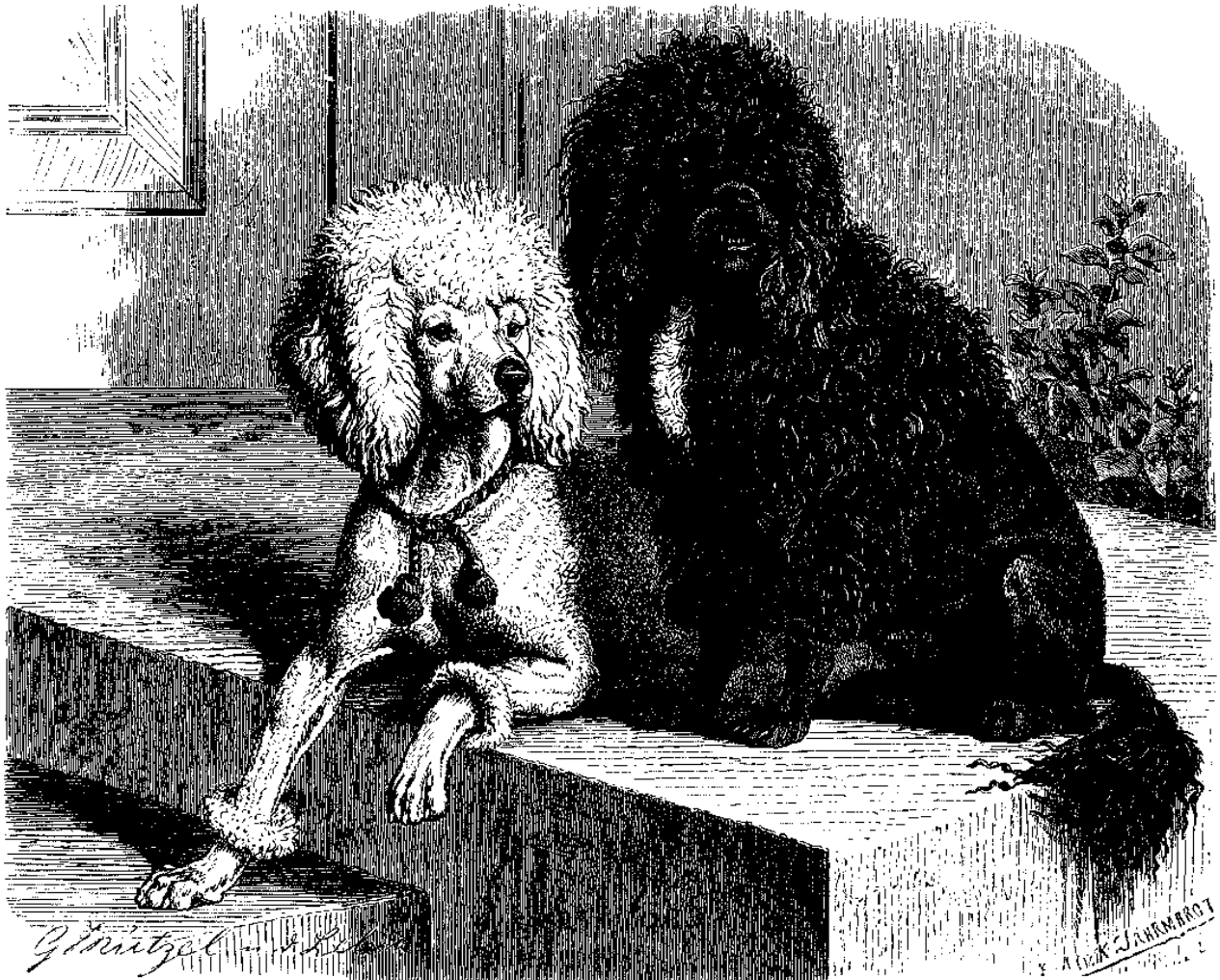

Лайка

Ни одна собака не похожа на другую как по внешним признакам, так и по душевным способностям: каждая из них имеет свои хорошие и дурные стороны. Качества эти до того разнообразны, что владельцы собак могут говорить бесконечно о необыкновенных свойствах и особенностях своих псов. Каждый старается доказать, что его собака самая умная. Случается, что рассказывают и про глупые выходки собак, но, во всяком случае, каждая из них дает материал к характеристике, а в некоторых случаях к целому жизнеописанию. Даже умирают собаки не все одинаково.

Только невнимательный человек не замечает природных и приобретенных качеств своей собаки. А как разнообразны характеры этих животных! Каждый пудель, например, имеет свои особенности и необъяснимые странности; он и без обучения уже своеобразен. Он научается многому самостоятельно, подражает человеку, напрашивается на обучение, любит играть, но часто капризничает: вобьет себе в голову ничему не учиться и представляется дураком, иногда скучает, иногда же его обуревают лихорадочная деятельность; он то любопытен, то равнодушен. Некоторые собаки не способны к ненависти, другие — к любви, некоторые легко прощают обиды, другие — нет; они могут помогать одна другой во время опасности или игры, спешить на помощь, испытывать сострадание, смеяться и плакать, проливая слезы, выражать радость своеобразным лаем, грустить о потерянном хозяине и при этом даже уморить себя голодом, не обращать внимания на раны, полученные при защите его, гораздо больше любить человека, чем других собак, и перед глазами хозяина воздерживаться от своих желаний и, когда нужно, молчать. Пудель может чувствовать стыд, прекрасно ориентируется во времени и пространстве, узнает знакомые голоса, звук колокольчика, шаги своего господина, его манеру звонить — короче говоря, это наполовину или даже на две трети человек. Он точно так же, как и человек, прекрасно пользуется как всеми органами своего тела, так и дарованными ему душевными способностями; но именно вследствие этого совершенства еще яснее мы видим то, чего ему недостает, чтобы сделаться вполне похожим на человека.

Мы должны признать, что среди собак встречаются различные характеры, которые не могут быть по произволу изменены человеком. Характер у шпица другой, чем у пуделя, и у мопса другие стремления и желания, чем у таксы. Мопс глуп, неповоротлив и флегматичен; мясницкая собака меланхолична, желчна и кровожадна; шпиц склонен к гневу и эгоизму и до самой смерти не забывает обид. Пудель всегда весел, для всех друг и приятный собеседник, верен, но легкомыслен, любит удовольствия, переимчив, как дитя, всегда склонен к шалостям и шуткам, это приятель всех людей, между тем как шпиц привязан только к своему дому. Мясницкая собака знает только своих зверей, такса больше всего любит лазать в норы, борзая же — бегать, а легавая — выслеживать куропаток, бульдог привязан только к своему господину.

Большой (королевский) пудель

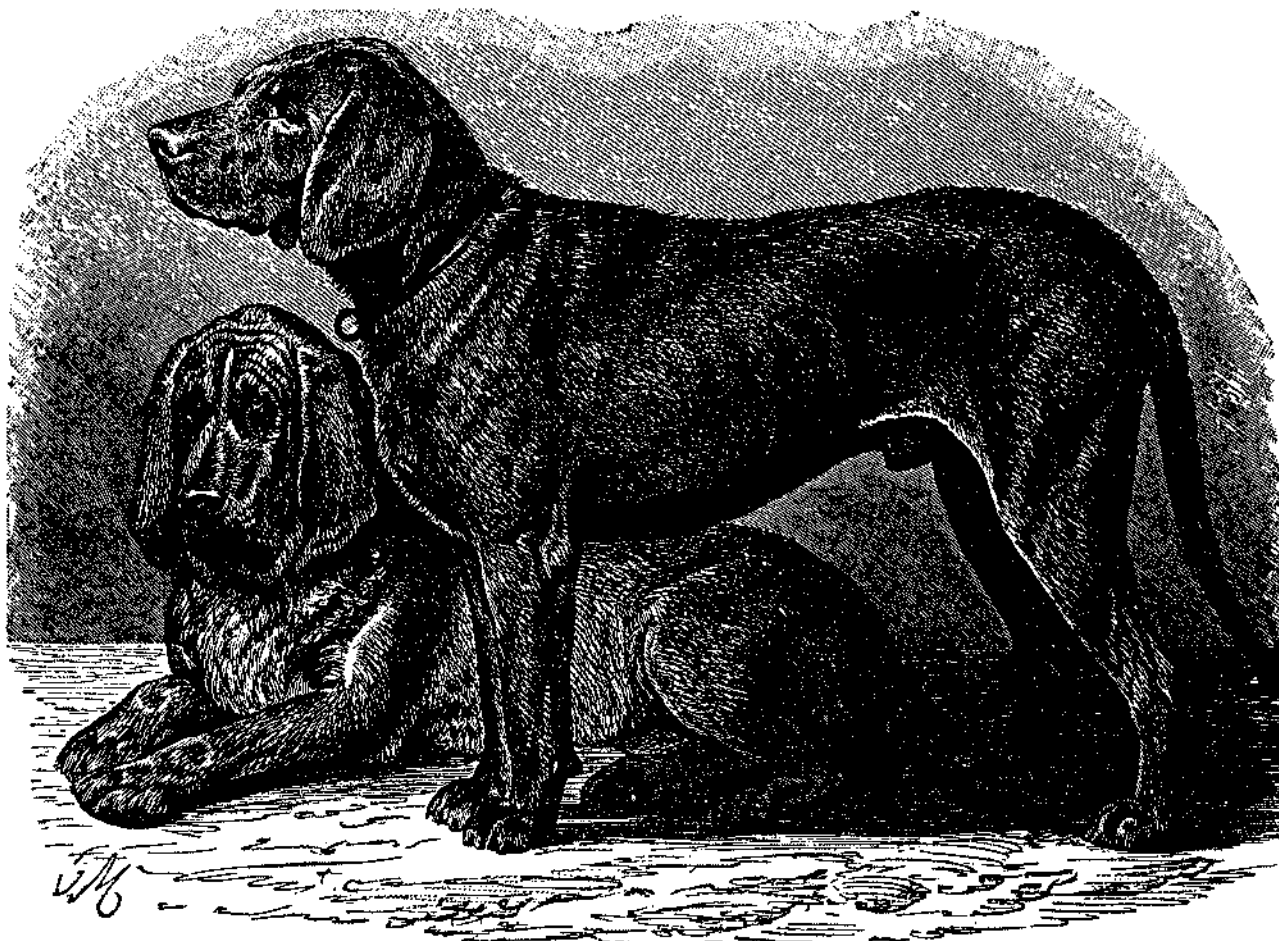
Один только пудель относится одинаково хорошо ко всему окружающему: он дружит со своей соперницей кошкой, со своим товарищем по дому — конем и с человеком, своим хозяином, любит дом, который сторожит, охотно бросается в воду, чтобы доставать оттуда брошенные вещи; ему нравится и пища, за которой он прыгает, чтобы ее схватить, и коляска, и телега, под которыми он прячется во время пути. Доги заменяют сторожей, солдат, даже убийц; они схватывают и загрызают людей. Борзые, гончие и легавые заменяют охотников, у них замечаются природные способности к этому. Как они легко привыкают к звуку рожка, как внимательны к каждому выстрелу и голосу псарей! Как хорошо они различают голос и движение дичи; как ловко легавая собака выучивается делать вовремя стойку и поднимать ту или другую лапу, в зависимости от дичи! Многому она научается от природы, и человек только улучшает эти ее врожденные способности. Пудель научается многому сам по себе; у него, очевидно, преобладают умственные способности, глупостей он никогда не делает, разве сам пожелает их совершить. У других собак больше инстинкта, а у него больше ума. Как бешено бежит гончая во время охоты, как она яростно заливается при виде спасающейся дичи! Как злобно бросается дог на врага, как коварно кружится мясницкая собака, высунув язык и искоса поглядывая на бегущих от нее телят! Как она грубо хватает их, когда они отходят в сторону, как равнодушна к их страданиям, которые как будто нравятся ей! Как неистово кидается легавая собака на убитую дичь, как бы желая ее задушить! Ни одного из этих дурных качеств мы не замечаем в пуделе, если только он не испорчен воспитанием, если его предоставили естественным наклонностям. Пудель от природы добр, и если в нем есть что-нибудь худое, то оно привито человеком».

Шнауцер

Можно было бы сказать еще многое о понятливости собаки и согласиться с Зороастром, который в собаке видит самое благородное и совершенное животное. Мы должны признать в собаке нашего лучшего друга и самого приятного товарища из всех животных; ведь мы действительно можем разговаривать с ней.

"Я знал собак, — говорит Ленц, — которые, по-видимому, понимали всякое слово своего господина: они по приказанию запирали и отпирали двери, придвигали стул, стол и скамейку, снимали с головы хозяина шляпу или приносили ее, отыскивали спрятанный носовой платок или шляпу одного из гостей среди многих других шляп. В высшей степени интересно наблюдать умную собаку. Как она смотрит и прислушивается, ожидая приказаний своего господина, как радуется, когда может исполнить их, какое грустное выражение появляется у нее, когда ее не берут на прогулку, как умно она оглядывается, когда забежала вперед и остановилась на перекрестке, не зная, куда следует идти дальше, как она счастлива, когда исполнит толково какое-нибудь поручение, и как ей стыдно, когда она сделает какую-нибудь глупость! Если собака совершит какую-нибудь проделку, за которую ей может достаться, и не знает, заметил ли это ее хозяин, то она часто ложится, зевает, прикидывается полуспящей и равнодушной, чтобы отвести от себя всякое подозрение, при этом, однако, время от времени бросает на хозяина боязливый взгляд. Собаки очень быстро начинают узнавать друзей дома, распознавать среди чужих тех, с кем нужно обращаться хорошо, и всегда плохо относятся к нищим. Интересно также наблюдать, как собака в угоду хозяину ищет трюфеля, которых она сама не любит, а также как она усердно тащит тележку и тем больше старается, чем больше хозяин ей помогает».

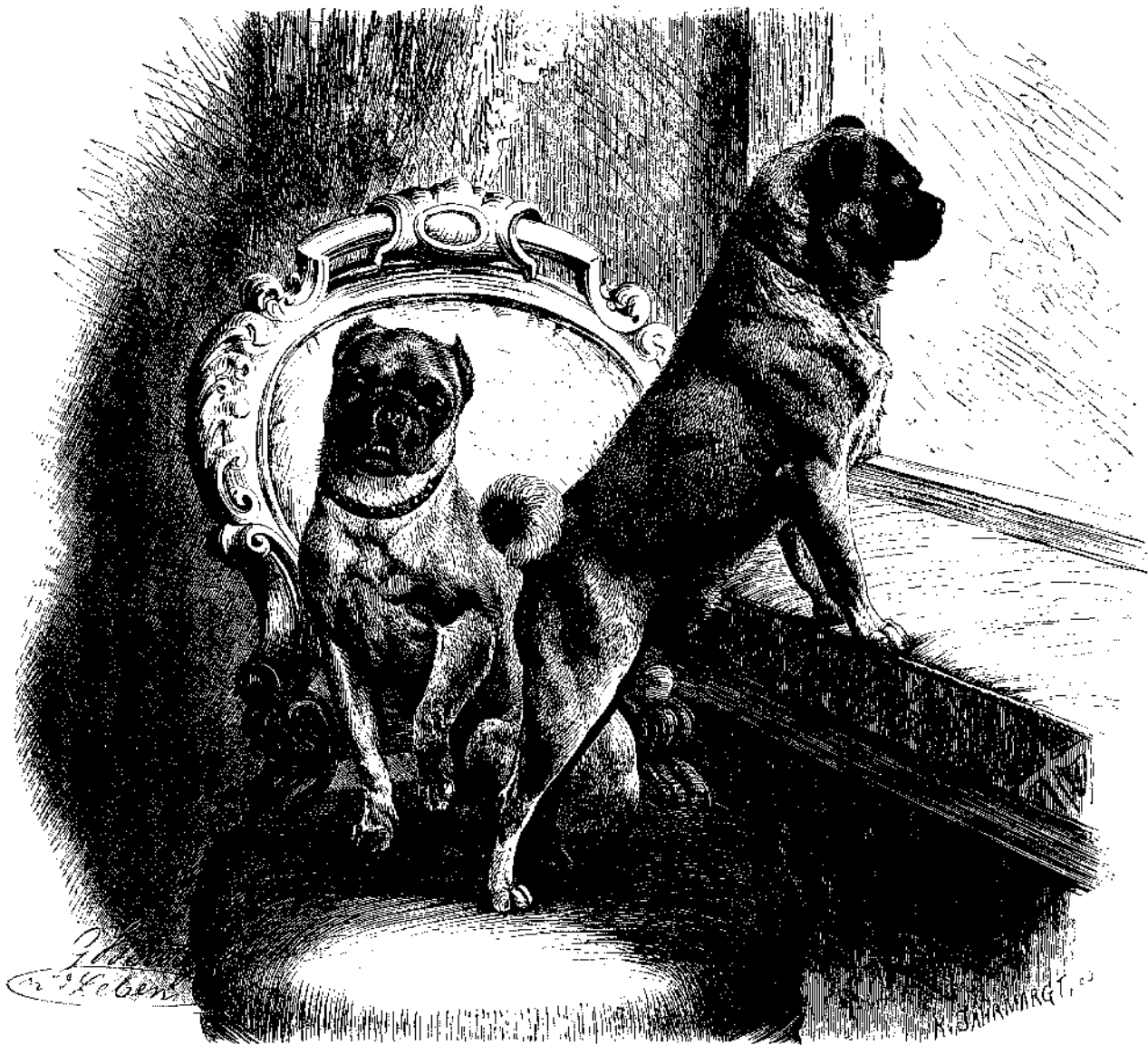

Кровяная гончая

Из всего вышесказанного следует, что породы собак настолько различны в душевном отношении, насколько не похожи друг на друга по внешнему виду. Основными чертами собачьего характера следует считать непоколебимую верность и привязанность к своему хозяину, полную преданность и абсолютное послушание, бдительность, кротость, услужливость и ласковое обращение. Однако ни одна собака не соединяет в себе все эти хорошие качества в полной степени: у одних яснее проявляется одно качество, у других — другое, причем воспитание играет гораздо большую роль, чем обычно думают. Только хорошие люди могут хорошо воспитывать собак. Они становятся верным отражением своих господ: чем дружелюбнее и внимательнее с ними обращаются, чем опрятнее и лучше содержат их, чем больше и толковее с ними занимаются, тем умнее и преданнее становятся они; напротив того, собака очень портится, если с ней худо обращаются*.

** Еще более собака портится, если с ней обращаются слишком хорошо. Неразумный хозяин, прощая собаке любое поведение, как бы ставит ее на место вожака в стае. Такая собака становится вовсе не управляемой и не подчиняется командам. Если в подобной ситуации оказывается крупная и сильная собака, то она может стать реально опасной для окружающих людей.*

Польза, приносимая собакой человеку, неисчислима. Значение этого домашнего животного для образованных народов известно нашим читателям из собственного опыта, но польза, приносимая ею диким и необразованным народам, может быть, еще больше. Мясо собаки едят жители островов Полинезии, а также многие африканские народы, тунгусы, китайцы, эскимосы и индейцы Северной Америки. В Китае можно часто видеть мясников, предлагающих на продажу собачье мясо; мясники эти всегда окружены стаями живых собак, которые на них яростно нападают.

Мопс

Особенно удобной для откармливания породой считается собака средней величины, плотного телосложения, несколько напоминающая нашего шпица; ее разводят на границах пустыни Гоби специально как съедобное животное. Несколько лет назад пара таких собак была привезена на собачью выставку в Лондон; ими очень восхищались, и герцог Норфолкский, говорят, купил их для развода за 500 гиней (около 5 тысяч рублей).

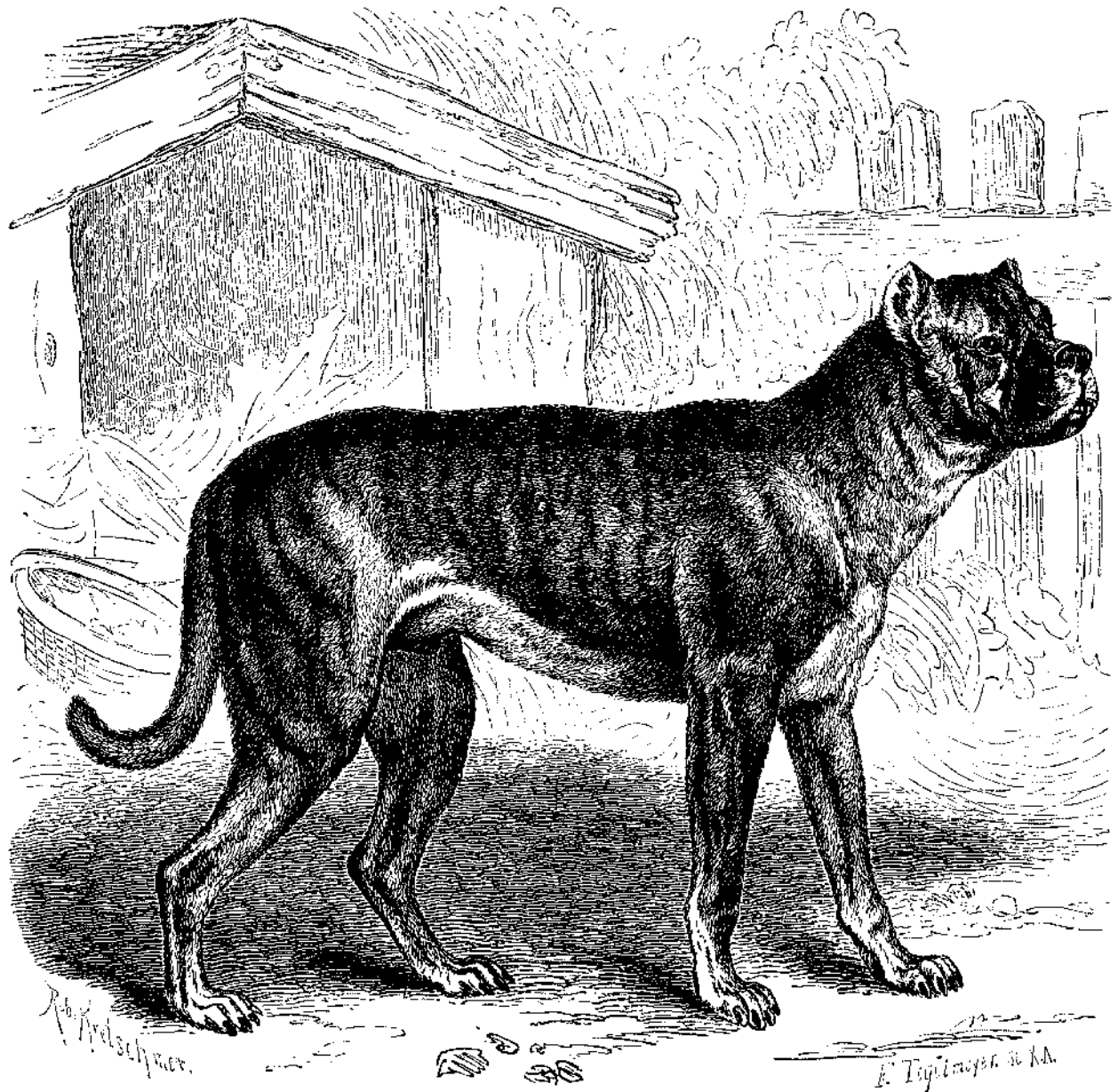
Но даже там, где собак едят постоянно или только случайно, она все-таки остается товарищем и помощником человека; даже у самых низко стоящих по образованию людей, которые не дают собакам и кличек, она приносит пользу. У диких народов тропических стран собака служит сторожем и спутником на охоте, а у северных народов, которые без собаки были бы совсем беспомощны, она возит санки по ледяным и снежным пустыням этих печальных стран или несет на спине багаж охотника. В северной Азии из собачьих шкур изготавливают одежду, и даже в Германии собачий мех идет на шапки, сумки и муфты. Из костей и сухожилий готовят клей; тонкая, но очень крепкая кожа в дубленном виде употребляется на башмаки, а выделанная как замша — на перчатки. Шерсть идет на набивку мебели. Собачий жир служит для смазывания машин, а прежде служил домашним средством против чахотки. Обученные специально, собаки принимали участие также и в боевых действиях, они выполняли роль не только аванпостных сторожей или быстроногих и малозаметных гонцов, но и, как настоящие ратники, сражались рядом с воинами.

Левретка

Когда испанцы подчинили себе страны Нового Света, то большие, так называемые кровяные собаки принимали активное участие в сражениях с туземцами, и многие из этих животных по своей храбрости и доблестным поступкам заслужили такую же похвалу, как и некоторые герои этих кровавых походов. Собаки эти, лучше сказать, их хозяева получали соответствующую часть добычи. Позднее и даже до новейшего времени, особенно в южных штатах Северной Америки, обучали кровяных собак отыскивать бежавших в леса черных рабов.

Уже с давнейших времен люди ценили пользу, приносимую собаками, но обращались с ними и любили их не везде одинаково. Сократ имел обыкновение клясться собакой; Александр Македонский был так опечален неожиданной смертью своей собаки, что в ее честь выстроил город с храмами; Гомер воспел Аргуса, пса Одиссея, самым трогательным образом; Плутарх восхваляет Меламписа, собаку коринфского купца, которая переплыла море, чтобы вернуться к своему господину; верный Филер увековечен надписью на греческих надгробных памятниках; у римских писателей говорится о собаке одного казненного преступника, которая с воем плыла по Тибру за трупом своего господина; Сотер, единственный оставшийся в живых пес из тех, которые защищали Коринф, получил от граждан этого города серебряный ошейник с надписью: «Защитник и спаситель Коринфа». Плиний ставит собак очень высоко и рассказывает о них много удивительного. Мы, например, узнаем от него, что колофонийцы вследствие своих беспрестанных войн содержали большие стаи собак и что эти собаки уже в самом начале битвы нападали на врагов и оказывались очень полезными. Когда Александр Македонский предпринял поход в Индию, то албанский царь подарил ему собаку огромного роста, которая очень понравилась Александру. Он хотел устроить поединок между этой собакой и медведями, кабанами или другими подобными животными, но собака лежала смиренно и не хотела бороться с ними. Александр подумал, что она ленива и робка, и велел ее убить.

Молосс

Когда об этом узнал албанский царь, то он прислал ему вторую собаку той же породы и велел сказать, чтобы Александр не давал этому псу бороться со слабыми животными, но лишь со львами и слонами и что если Александр и эту собаку велит убить, то подобной ему уже не достать. Александр натравил этого пса на льва и слона, и она загрызла их обоих*.

** Плиний, говоря о животных и их поведении, довольно вольно обращается с фактами. Многие его описания полны не только сомнительных, но и откровенно невозможных событий.*

Иустин рассказывает, что Кир в молодости был вскормлен собакой. Очень многие древние писатели восхваляют верность собак. Спартанцы жертвовали богу войны среди прочих животных также и собаку и молодых кормящих сук кормили мясом этой жертвы. Греки воздвигали собакам памятники, но слово «собака» считалось у них бранным. Древние египтяне использовали собак во время охоты и, как видно по изображениям на памятниках, очень их ценили. Евреи же считали собаку нечистым животным и презирали ее, что видно из многих мест Библии; почти так же относятся к собакам и нынешние арабы. Древние германцы, напротив, собак очень уважали. Когда римляне в 108 году до Рождества Христова победили кимвров, то они должны были выдержать жестокий бой с псами, охранявшими повозки этих германцев. Хороший пес в Германии ценился в 12 шиллингов, а конь — только в 6 шиллингов. Если у древних бургундцев кто-нибудь крал хорошую охотничью или борзую собаку, то он должен был всенародно поцеловать зад собаки или заплатить 7 шиллингов. Канарские острова получили название, по словам Плиния, от собак.

В высшей степени интересно передать все заимствованные от собак лечебные средства, о которых говорят древние писатели. Как целая собака, так и все составные части ее тела служили для врачебных целей.

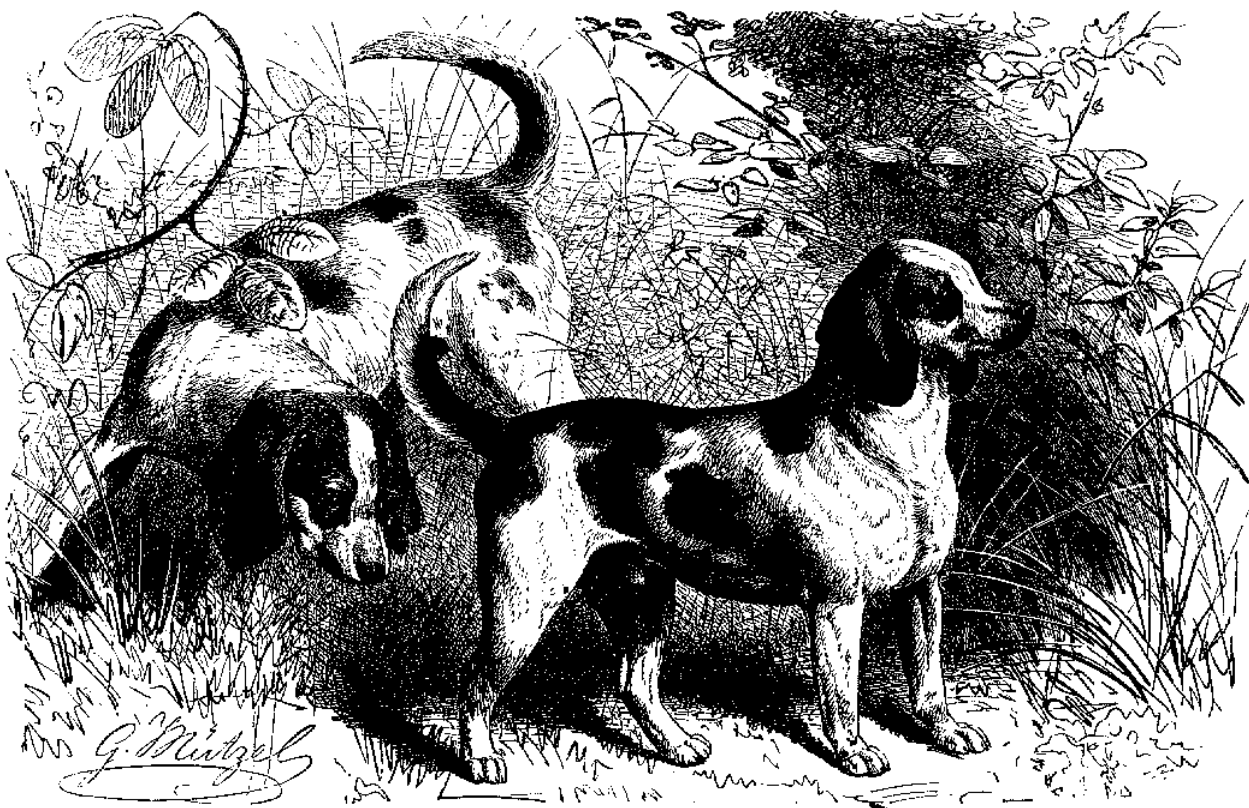
Пойнтер

Об употреблении собак в медицине много говорит Плиний, но кроме него об этом упоминают Секст, Гипократ, Гален, Фавентий, Марцелл, Бонтий, Эскулап и Амос. Если живую собаку положить на грудь больного, то от этого утихает боль в груди. Если вскрытую собаку привязать к голове женщины, страдающей меланхолией, то она освобождает ее от этой болезни. По словам Секста, припарка из разрезанной собаки оказывается очень полезной и при болезни селезенки. Если мясо кормящей собаки сварить с вином, миррой и разными пряностями, то подобное кушанье очень полезно при падучей болезни. Молодая охотничья собака помогает от болезни печени. Если женщина, имевшая уже детей, вдруг становится бесплодной, то ей стоит только досыта наесться собачьего мяса, чтобы избавиться от этого недуга. Употребление жилистого собачьего мяса предохраняет от укусов этих животных. Зола сожженной собаки — прекрасное средство против глазных болезней, а если ею потереть брови, то они окрашиваются в черный цвет. Соленое мясо бешеной собаки считалось хорошим средством против водобоязни*.

** В этом рецепте, возможно, есть некоторый смысл. По едая подобное «кушанье», древние, видимо, вводили в организм небольшое количество вируса бешенства, меньшее, чем требуется для заражения, и таким образом получали своеобразную прививку от болезней (излишне говорить, насколько опасен такой способ «прививки»). Собачья шерсть хорошо согревает, и этим пользуются по сей день. Все же остальные «рецепты» выглядят по меньшей мере фантастическими и приведены Бремом, вероятно, в качестве казуса.*

Пепел от сожженного черепа здоровой собаки уничтожает «дикое мясо», излечивает рак, предохраняет от водобоязни, уменьшает, если его принять с водой, боль в боку и всякого рода опухоли. Пепел черепа бешеной собаки полезен против желтухи и зубной боли. Кровь собаки употреблялась также во многих случаях: она очень полезна против чесотки и уничтожает кашель у лошадей; если ее пить в большом количестве, то она служит прекрасным противоядием. Собачий жир употребляется для уничтожения родимых пятен и угрей на лице; он излечивает также бесплодных женщин, но для этого надо собаку сварить целиком и снять жир с этого бульона; из жира молодых собак делали мазь против паралича, а смешанный с полынью, он считался средством от глухоты. Мозг собаки, намазанный на тряпку, очень полезен от переломов костей и употреблялся также при

болезнях глаз. Собачья селезенка хороша против воспалений селезенки и других болезней этого органа, причем лучше всего она действует, если вырезана из живой собаки. Употребление в пищу сырой собачьей печени считалось хорошим лекарством против водобоязни, но ее нужно вырезать из собаки того же пола, что и укушенный человек. Собачья кожа уменьшает потливость ног. Тройной ошейник из такой кожи предохраняет от жабы, а пояс из собачьей кожи уничтожает резь в животе. Шерсть собаки, завернутая в платок и приложенная к голове, помогает при головной боли, а также предохраняет от водобоязни и даже излечивает ее.

Домашняя собака

Желчь, смешанная с медом, служит хорошей мазью для глаз и помогает от лишаев, а если ее намазать пером, а не рукой, то она помогает от подагры. Пить собачье молоко очень полезно; смешанное с селитрой, оно служит лекарством против проказы, а смешанное с золой — помогает росту волос и полезно при трудных родах. Очищенная моча молодых собак умеряет слишком сильный рост волос. Собачьими клыками трут маленьким детям челюсти, чтобы у них легче прорезывались зубы. Если бросить левый верхний клык в огонь, то проходит зубная боль, как только дым от горящего зуба рассеется; превращенный в порошок и смешанный с солью, он также служит хорошим средством от зубной боли. Из кала приготавливают хороший пластырь против опухоли, который употребляется также против жабы и кровавого поноса. Возможно ли, впрочем, перечислить все лечебные средства, заимствованные от собак?! Многие из них и до сих пор употребляются деревенскими жителями.

Несмотря на все вышеизложенные достоинства домашних собак, я, однако, не берусь подробно описывать почти бесконечное количество их пород. обстоятельное знакомство со всеми этими породами, а особенно предположения об их происхождении не могут быть помещены в этом издании.

Лисицы имеют почти такие же зубы, как собаки и волки, но отличаются от них более длинным туловищем, удлинённой головой, очень острой мордой, немного вкось расположенными глазами с продолговатым зрачком; ноги у них короткие, а хвост очень длинный и пушистый. На черепе лисицы нет столь высоких гребней для прикрепления мускулов, как у собак, и надбровные возвышения лобной кости расположены почти вертикально, немного изогнуты и лежат в небольшом углублении. По образу жизни и привычкам лисицы имеют некоторое сходство с собаками, но во многом от них отличаются и потому должны быть описаны отдельно.

Обыкновенная лисица (*Vulpes vulpes*)*, без всякого сомнения, одно из самых известных диких млекопитающих, живущих у нас в Европе.

* Обыкновенная, или красная, лисица одно из наиболее обычных евразийских песовых. Длина тела 45-90 см, хвоста 30-55 см, вес 3-14 кг. Лисы Северной Америки и Центральной

Азии мельче европейских. Окраска крайне изменчива: в Европе в основном ярко- или палево-рыжая (отсюда происходит английское название), но может изменяться от песчано-желтой до серо-серебристой и темно-бурой.

Едва ли какое-нибудь животное, разве только шакал, может похвалиться такой известностью и даже дурной славой, как лиса, которую обыкновенно считают олицетворением лукавства, хитрости, коварства и даже некоторого удалства. О ней упоминается в пословицах и поговорках, народ про нее сочинил много сказок. Лучшие баснописцы описывают ее проделки в баснях, и великий немецкий поэт Гёте написал о ней целую поэму. Достояна ли действительно лисица этой славы, это другой вопрос. Пехуель-Леше говорит об этом следующее: «Образ лисицы, встречающийся в народных сказаниях и поэзии, резко отличается от действительности. Беспристрастный наблюдатель не может найти у этого животного в той сильной степени развитых понятийности, хитрости и находчивости, которые ей приписывает народная молва; у нее даже не замечается особенно хорошего развития внешних чувств. По моему мнению, лисица по своей сметливости мало отличается от других хищных зверей, например от волка; разве только можно признать, что это животное, которое подвергается постоянному преследованию, отлично умеет использовать местные условия, чтобы спастись от своих врагов, но и у других, не особенно умных животных замечается то же качество. Многие из них, даже такие, которые не принадлежат к числу хищных, научаются точно так же хитрить и увертываться, как и старые лисицы. Каждый опытный охотник, которому часто приходилось иметь дело с лисицами, очень хорошо знает, что далеко не все лисицы отличаются сметливостью и увертливостью и что даже не только среди молодых, но и среди старых лисиц встречаются иногда простоватые и даже просто глупые экземпляры. Следует только вспомнить, как другие преследуемые животные умеют избегать опасности и сколько при этом выказывают осторожности и искусства, — тогда мы должны будем отказаться от слишком высокого мнения о смывленности и хитрости нашей лисы. Я положительно не могу найти разницы между сметливостью обыкновенной лисицы и смывленностью других хищников при тех же условиях. Лисица представляет тип живущего на свободе хищника и хорошо знает свое ремесло, так как должна питаться мясом; она нахальна, но только тогда, когда голодна или должна кормить своих детенышей; во время опасности она не выказывает ни обдуманности, ни присутствия духа и почти всегда теряет голову. Лиса попадает даже несколько раз кряду в одни и те же ловушки, и вообще ее легко обмануть; она боится чучел и тряпок, которые расставляют или вешают в лесу во время облавы, и не решается мимо них пробежать, несмотря на крики погонщиков и выстрелы стрелков; она бежит по обычным тропинкам даже тогда, когда в нее на этих местах уже стреляли, и поэтому во время облавы всегда попадает под выстрелы, между тем как ей было бы гораздо легче прорвать цепь загонщиков. Если охотник стоит смирно, то лиса не сразу узнает о его присутствии, она очень долго не чует его, когда он приближается к ней с подветренной стороны, что, несомненно, указывает на слабое развитие у нее внешних чувств. Очевидно, что лиса басен и сказок и настоящая лисица — два совершенно разных животных; последняя ни в каком случае не может быть названа существом, наделенным хоть какими-то умственными способностями».

Лису так много раз описывали и изображали, что она известна всякому. Однако для тех, кто мало знаком с ней, необходимо сказать несколько слов о ее внешности. Длина тела достигает 1,4 м, из которых 50 см приходится на хвост; высота в холке 35, редко 38 см, вес тела 6,5-8 и только иногда достигает 9 кг.

Однако лисицы заметно отличаются одна от другой по цвету. Самый красивый рыжий мех у северных лисиц, но и они не все одинаковы. Чем дальше на юг, тем лисицы становятся мельче, слабее, и ярко-рыжий цвет постепенно исчезает.

Лисица живет в большинстве стран северного полушария: во всей Европе, северной Африке и западной и северной Азии; Афганистан, западный склон Гималайского хребта и Тибет следует также причислить сюда, так как встречающиеся там разновидности лисицы едва ли можно считать отдельными видами. В очень редких местах лисица вовсе не встречается, а во многих странах попадает очень часто. Доведенные до совершенства, ее хищнические способности позволяют ей жить в таких местах, где другие звери не смогли бы выжить, а ее хитрость и осторожность помогают в тех случаях, когда ее пытаются лишить привычных мест обитания. Так как волк — один из основных ее врагов, то лисицы никогда не размножаются очень сильно в тех местностях, где эти хищники господствуют, и по мере истребления волков, как правило, увеличивается число лисиц.

Устраивая свое логовище, лисица проявляет большую смекалку. Как правило, она роет глубокую нору с несколькими выходами, которая помещается под камнями, между корнями больших деревьев или в других удобных местах; в глубине норы лисица всегда выкапывает довольно просто-

рное углубление. Если лисица находит оставленную нору барсука, она поселяется в ней и даже живет с ним иногда в одной норе, несмотря на то что барсук, как известно, очень не любит общество других животных. Почти все большие лисьи норы выкопаны барсуком. Лисица любит такие норы, которые расположены на склоне холмов, так, чтобы ходы направлялись наклонно вниз и постепенно отдалялись от поверхности земли. На плоских равнинах углубление в норе бывает иногда расположено очень близко от поверхности земли.

Осенью и зимой, особенно в плоских местностях, лисица часто живет под кучей хвороста или под камнями, а иногда устраивает свое логовище в дупле старой ивы или просто в ямке под густыми кустами. Во время морозов, бурь, проливных дождей, а летом во время сильной жары лисица почти все время лежит в своей норе; она не покидает ее, разумеется, также и в тех случаях, когда у нее появляются детеныши. В хорошую же погоду она большей частью рыскает за добычей по окрестностям и засыпает там, где ее застала ночь. В теплых и пустынных странах, где мало леса, например в плодородной части Нижнего Египта, лисицы роют норы только для своих детенышей; в остальное же время они живут на поверхности земли под открытым небом.

Лисица охотнее всего отправляется за добычей по ночам, но в ненаселенных и спокойных местах охотится и днем. Во время длинных дней летних месяцев можно встретить в лесу лисицу с лисятами за несколько часов перед заходом солнца, а во время морозов и когда землю покрывает глубокий снег, она, по-видимому, спит только рано утром, так как уже с десяти часов утра рыскает по полям за добычей. Точно так же как собака, лисица очень любит тепло: в хорошую погоду она часто ложится на толстый ствол дерева или на камень, чтобы погреться на солнце и поспать часок-другой под его палящими лучами. С наступлением сумерек или даже в вечерние часы лисица отправляется за добычей. Она крадется бесшумно и осторожно, время от времени осматривается, обнюхивает воздух, старается как можно лучше прятаться и потому выбирает себе путь между кустами, камнями и в высокой траве. Она по возможности не покидает чащи леса и если бежит через полянку, то только в том случае, когда отдельные кустарники или большие камни дают ей возможность спрятаться и на открытом месте. Опытные охотники очень хорошо знают повадки лисицы и потому почти всегда угадывают, по каким тропинкам (лазам) она должна пробежать из одной части леса в другую, причем, однако, следует иметь в виду, что вечером она избирает себе другой путь, чем днем, и в солнечный день бывает осторожнее, чем при облачном небе.

Добыча лисицы состоит из всевозможных животных, начиная от молодой косули и кончая майским жуком, но чаще всего она поедает различных мышей, составляющих главную часть ее пищи. Она никого не щадит, усердно гоняется за зайцами и кроликами и даже нападает на маленьких косуль и оленей. Она не только съедает яйца и птенцов тех птиц, которые гнездятся на земле, но ухитряется иногда схватить и саму птицу, застав ее где-нибудь врасплох. Для того чтобы добраться до птиц, гнездящихся около воды, лисица переплывает на острова и ходит по топким болотам: известны случаи, когда она загрызала лебедей, сидящих на яйцах. Очень часто нападает она на домашних птиц, особенно в ночное время или около крестьянских домов, стоящих отдельно от других: если вблизи дома у нее есть удобное место, чтобы спрятаться, то она таскает кур даже днем. Особенно активно разбойничает лисица, которая должна прокормить своих детенышей. Мышами их досыта не накормишь, и потому лисица в это время охотится за более крупными животными. «Мой охотник, — пишет мне Гомейер, — убил однажды лисицу, которая тащила своим детенышам целый выводок почти взрослых чибисов, а у нее самой в желудке мы нашли только одну мышь. Сама мать питается почти исключительно одними мышами, а детенышам таскает более крупную дичь. В одной лисьей норе, где жили лисята, я нашел двух зайцев, только что убитую молодую косулю, дикую утку и утиное яйцо. Около норы валялось до двадцати заячьих скелетов».

Но такие излишества лисица-самец позволяет себе редко; напротив, он предпочитает всевозможную мелкую дичь и любит при этом некоторое разнообразие в пище. В больших садах и виноградниках лиса, наверно, является более частым гостем, чем обычно думают. Там она ловит кузнечиков, майских жуков и их личинок, дождевых червей или лакомится сладкими грушами, сливами, виноградом и другими ягодами. Она ловит в реках форель или неосторожного рака, а на морских побережьях ворует добычу у рыбаков, опустошая их сети, точно так же как в лесу — силки охотников. Летом ее обычный обед пополняется всевозможными видами насекомых: жуками, осами, личинками пчел, мухами и многими другими. Таким образом, лисица всегда имеет хороший стол, который оскудевает только тогда, когда глубокий снег чересчур затрудняет ей охоту. В это тяжелое время она рада всякому съедобному кусочку, вроде, например, заваливавшихся высохших костей или даже кусков полусгнившей кожи, не говоря уже о падали, которой она и в сытое-то время года не только не пренебрегает, но, как и многие собаки, ест с большим удовольствием. Кроме того, ли-

сица частенько забегает на стоянки дровосеков и в их бивуаки, чтобы подобрать остатки обеда. Если она не очень голодна, то, поймав добычу, не съедает ее сразу, а предварительно долго забавляется ею, пока наконец не задушит несчастную жертву.

Если б я вздумал рассказывать здесь обо всех хитростях и искусных проделках, к которым прибегает лисица во время своих охотничьих вылазок, то объем нашей книги пришлось бы значительно увеличить. Не только басни, но даже и естественная история приводит множество примеров лисьей хитрости, не утративших своего значения и в настоящее время, несмотря на всю кажущуюся их неправдоподобность. «Лисица — хитрое, злое, осторожное и вонючее животное, — говорит старик Геснер. — Она ловко хватает ежа и мочится ему на голову, отчего тот сразу задыхается. С зайцем она долго хитрит, чтобы вдоволь позабавиться над ним. Птиц же лисица обманывает следующим образом: растягивается на траве, притворяясь мертвой, а когда пернатые слетятся к ней, как к труп, она ловко и быстро схватывает их, словно клещами; поэтому она является заклятым врагом всех птиц. Маленьких рыбок ловит хвостом, который опускает для этого в воду; рыбки запутываются в его длинных волосах, и тогда лисица вытаскивает их на берег и отряхивает хвост, который прекрасно заменяет ей рыбацкие верши и тенета. Таким образом, хитрой куме везде живется привольно и сытно. Так же хитро она подступает и к сотам, чтобы выгнать оттуда пчел и поживиться сладким медом». Истории, подобные этим, рассказывают про лисицу и в настоящее время, и в большинстве случаев их принимают за чистую монету. Частицу правды, конечно, в них найти нетрудно. Известно, что лисица перехитрит хоть кого, и благодаря этому ей удается ловить таких животных, которые легко могли бы спастись от нее бегством, не говоря уже про неповоротливых и тяжелых на подъем зверей. «Что наш разбойник, — пишет далее Гомейер, — ловит старых птиц — не подлежит никакому сомнению; мне кажется даже весьма вероятным, что лисица применяет при этом те самые способы, которые были описаны в старину, а теперь почему-то считаются баснями. Когда лиса, желая погреться на солнышке, ложится растянувшись на лугу, к ней слетаются целые стаи ворон, которые суетятся и лезут к самой голове мертвого, по их мнению, животного. Неподвижно лежащая лиса подпустит их сколь возможно близко, затем вдруг смелым прыжком бросается на птиц, и один из каркунов непременно делается жертвой ловкой притворщицы. Однажды в мае, когда еще не было новорожденных воронят, мой отец услышал раздававшийся издали неистовый крик ворон и приписал его причину нападению какой-нибудь хищной птицы. Только подойдя ближе, он убедился, что возня происходила тут же, и вскоре мимо него прошмыгнула лисица с вороной во рту, преследуемая целой стаей каркавших сотоварищей несчастной жертвы. Стало ясно, что отчаянный крик, слышанный отцом, относился к тому моменту, когда лисица схватила одну из птиц».

Во время охотничьих походов лисица первым делом заботится о собственной безопасности. Всякая неизвестность возбуждает в ней подозрение, а уж если она чего-то опасается, то тогда лишь мучительный голод заставит ее сделать рискованный шаг*.

** То же можно сказать о подавляющем большинстве хищников, для которых собственная безопасность в настоящем является одним из залогов успешной охоты в будущем.*

Но в таком случае она проявляет прямо-таки бесстыдное нахальство. Среди белого дня появляется на каком-нибудь дворе, уносит на глазах людей курицу или гуся и вместе со своей добычей быстро убегает. Только вынужденная крайней необходимостью, она бросает захваченную добычу, да и то через некоторое время снова возвращается на двор, чтобы попытаться что-нибудь стащить. Подобное нахальство она выказывает иногда даже и при таких обстоятельствах, которые вынуждают ее спасаться бегством. Так, одна лисица, преследуемая собаками и выстрелами, из которых два уже просвистели над самой ее головой, на всем бегу схватила подвернувшегося хилого зайца и пронесла его довольно далеко. Другая, тоже во время травли, поднялась с окруженной охотниками поляны, схватила раненого зайца, задушила на глазах у всех, успела еще наскоро зарыть его в снег и проскользнула сквозь самый центр линии загонщиков и стрелков. Про третью рассказывает Крюкеберг: когда охотники загоняли ее из чащи к тому месту, где лежала другая, подстреленная и истекавшая кровью лисица, она тотчас же пустилась бежать по кровавому следу, нашла лежавшего сотоварища, придушила его, несмотря на шум погони, и так нахально стала на виду у всех терзать труп, что один из охотников успел подкрасться и тут же уложил ее метким выстрелом. «Однажды на стойке, — рассказывает Гомейер, — я услышал жалобные стоны зайца, незадолго перед тем виденного мной; я тотчас же поспешил на этот крик, пробираясь с возможной осторожностью, и вскоре заметил лисицу, душившую бедного зайца. Ее кровожадность была так велика, что я смог убить ее, прежде чем она увидела меня». Все эти примеры свидетельствуют о том, что пробудившаяся в лисице неудовлетворенная кровожадность или сильный голод способны

это, в общем осторожное, животное сделать и глухим, и слепым, не замечающим грозящей ему опасности, так как умными и расчетливыми подобные ее действия назвать нельзя.

Всевозможные проделки лисицы могут доставить постороннему наблюдателю большое удовольствие; зато люди, пострадавшие от ее хищнических набегов, не смогут помянуть ее добром, так как опыт показал, что этот зверь умерщвляет гораздо больше того, что может съесть, и, если б ему не оказывали серьезного сопротивления, он передумал бы на любом дворе всех птиц; притом это такой хищник, который не имеет ни малейшего понятия о правах собственности, а в борьбе за существование проявляет столько же энергии, сколько и человек, и всякое другое живое существо. Не берусь судить, относится ли к этой борьбе уничтожение себе подобных; во всяком случае, факты говорят о том, что лисица не прочь добить своего раненого собрата, и при этом не всегда ей может служить оправданием мучительный голод. Однажды знакомому Винкеля случилось застать лисицу в то время, как она поедала другую лисицу, прошедшей ночью попавшую в капкан; она с такой жадностью расправлялась с жертвой, что охотник легко смог подойти к ней и компенсировать себе убытки за разорванную шкуру первой лисы, убив хищника. Лесничий Мюллер был очевидцем того, как шестеро лисят сначала весело играли друг с другом, потом из-за чего-то поссорились и до крови искусали одного; раненый зверек собрался было бежать, но был в одно мгновение настигнут братьями, злодейски умерщвлен и тут же съеден. Такая же участь постигла одну молодую лисичку, которая была подстрелена; у нее хватило все-таки сил, чтобы дотащиться до своей норы; когда через некоторое время раскопали нору, то раненую там не нашли, так как братцы успели уже пообедать ею.

Лисица бежит быстро, неутомимо, ловко и в высшей степени искусно; она умеет ползать, неслышно скользить по земле, нестись во весь дух, скакать и при этом делать необыкновенно большие прыжки. Даже хорошие охотничьи собаки редко бывают в состоянии догнать ее. При быстром беге она держит свой хвост (по-охотничьи — трубу) навтыяжку, откинув его назад, при ходьбе же волочит его по земле. Когда лисица подстерегает добычу, то плотно прижимается брюхом к земле; когда же отдыхает, то нередко, подобно собаке, укладывается, свернувшись, на бок или даже на спину; очень часто она сидит совершенно как собака — на задних ногах и при этом забрасывает свой пушистый хвост к передним ногам. Воды она несколько не боится, напротив того, плавать очень легко и быстро; лазать она тоже мастерица: не раз видели лисицу, сидящую очень высоко на удобно расположенных ветвях дерева. «Мне известно много примеров, — замечает Гомейер, — когда лисица взбиралась на высокие деревья, не только вынуждаемая к тому преследованиями, но и по доброй воле; но для лазанья она избирает всегда такие деревья, которые были некогда сломаны бурей и теперь растут под углом примерно 45-50 градусов; иногда она лазает по кустам в 3-4 метра высотой, чтобы выкрадывать из гнезд птенцов». Фон Унруг сообщает об одной лисице, которую он видел сидящей на ветви крепкого дуба на высоте 15 метров от земли. Лисица издает отрывистый лай, который переходит в звонкий, высокий визг. Взрослые лисицы лают только перед грозой, в непогоду, при больших морозах и во время спаривания; маленькие же кричат и тявкают, когда голодны или им скучно. В гневе или при опасности лисица издает громкое ворчанье; болезненные стоны вырываются у нее только тогда, когда ее поразит пуля или когда выстрел раздробит ей кость; при всяком же другом ранении она упорно, стойчески молчит.

Лисицу нельзя причислить к общительным животным, и этим она отличается от волков. Хотя нередко можно встретить несколько лисиц в одной и той же роще, даже в общей норе, но в большинстве случаев их соединяет только местность, а вовсе не желание жить и действовать сообща. Иногда, особенно при недостатке пищи, случается, что лисицы охотятся целой стаей, но пока не известно, как они потом распределяют добычу. Обычно каждая лисица идет своей дорогой и о своем собрате беспокоится лишь в той мере, в какой это может принести выгоду лично ей. Даже в пору любви они живут вместе только до тех пор, пока продолжается страсть, и тотчас же после этого снова разлучаются. Чтобы выпроводить барсука, лисица не применяет каких-то особенных уловок и хитростей, и надо считать полнейшим вымыслом рассказ о том, что «когда барсук выходит из своей норы, лисица прокрадывается туда и пачкает отверстие входа своим калом, так что вернувшийся хозяин не только не входит в свою нору, но навсегда покидает ее, оставляя в полное распоряжение любительницы чужой собственности». Ловкая кумушка завладевает чужим жилищем вполне открыто и без всякого стеснения водворяется в барсучьей норе, отвоевывая себе свободный уголок и предоставляя своему угрюмому сожителю убираться вон, если ему придется не по вкусу ее соседство. О дружеском же, совместном сожительстве этих столь различных по характеру компаньонов и речи нет; скорее можно сказать, что все происходит противоположным образом. Так, однажды, по рассказам главного лесничего Гофмана, затравленная лисица скрылась в норе барсука, откуда ее надо

было выкопать. Поскольку наступила ночь, около норы развели огонь, а раскопку продолжили на другой день. После нескольких ударов нора была вскрыта, но вместо лисицы там нашли только ее голову, куски окровавленного меха и следы свежей крови, смешанной с песком. Хозяева норы, потревоженные в своей зимней спячке, варварски расправились с нарушителем их покоя и отстояли свое право собственности, сожрав дерзновенную, которая с перепугу не смогла найти выхода из норы.

Пора любви у лисиц наступает в середине февраля и продолжается всего несколько недель. В это время около одной самки собирается несколько самцов; они всюду следуют за ней по пятам и ухаживают за лисой, подобно собакам. В этот период запах их выделений становится особенно резким, и чаще обычного слышится их лай. Дело не обходится, конечно, без драк между соперниками; случается, что два самца до крови искупают друг друга из-за обладания самкой. Когда самка забеременеет, она покидает нору и поселяется в густом кустарнике, расположенном поблизости от выбранной для родового периода норы. В это время, по Бекману, она посещает и расширяет разные норы и наконец поселяется в такой местности, которая в последнее время меньше всего посещалась людьми и собаками. Расположена ли эта нора в укромном месте или лежит открыто — на это она не обращает внимания.

В случае если подходящей норы не найдется, лисица сама выкапывает ее или устраивает себе гнездо в дупле дерева, под кучей камней, хвороста или же прямо в кустарниковой чаще и мягко выстилает его шерстью. «Мне известны два случая, — сообщает обер-егермейстер фон Мейеринк, — когда лисица рожала в дуплах дубов. В главном лесничестве Гарте близ Науендорфа один лесничий вытащил из такого дуба семерых лисят вместе с их матерью. Дуб сверху подгнил, и дупло его в глубину имело не больше одного метра. Возвращаясь в одно майское утро с охоты, я сам видел в трехстах шагах от себя, как по дубу спокойно и медленно пробиралось что-то белое; я подбежал к дубу и увидел лисицу, которая тащила в зубах домашнего гуся; она как раз собиралась влезть на дубок в пять метров в высоту, пользуясь для этого сучками, отстоявшими один от другого приблизительно на полтора метра, но я успел приблизиться шагов на семьдесят и уже готовился спустить курок, как вдруг лисица выронила гуся, а сама быстрыми прыжками стала перескакивать с ветки на ветку и наконец скрылась из виду. Обсыпав место, где находился этот дуб, бумажными обрезками и порохом, я взял раненого гуся и понес его домой, чтобы собрать себе помощников. Через два часа я снова был на месте в сопровождении нескольких охотников, вооруженных топорами и лестницами; по моему приказанию они стали стучать топорами по дереву до тех пор, пока не выгнали наконец оттуда лисицу, которая тут же была убита; мы увидели, что это была самка, а сосцы ее указывали на то, что у нее были маленькие детеныши. Тогда охотники влезли на верх дерева и палкой стали исследовать дупло, оказавшееся в полтора метра глубиной. Оттуда тотчас же полезли маленькие лисята; мы выдолбили дерево снизу и таким образом достали весь выводок, состоявший из четырех детенышей одномесячного возраста». Изредка случается, как сообщает Шваб, что две самки рожают в одном общем гнезде.

Еще во время беременности самка начинает понемногу выщипывать себе волосы по всему брюху, от пупка до самого горла; она это делает с двоякой целью: во-первых и главным образом, для того, чтобы открыть сосцы для ожидаемого потомства, а во-вторых, чтобы выдерганные волосы употребить на теплую и мягкую подстилку будущим деткам. Роды происходят спустя девять недель, или 60—63 дня, после спаривания, обычно в конце апреля или в начале мая. Количество детенышей колеблется между 3 и 12; чаще всего в гнезде находят 4-7 лисят*. По исследованиям Пагенштехера, они появляются на свет слепыми и с закрытыми ушами; покрыты очень гладкой, короткой бурой шерсткой с желтоватыми и сероватыми на кончиках волосками; и имеют чалую, резко выделяющуюся на лбу полосу, белый кончик хвоста и маленькое, белое, неясное пятнышко на груди; выглядят они крайне неуклюжими, неповоротливыми и вначале развиваются очень медленно. Глаза у них открываются только через две недели, но зато к этому же времени прорезаются все зубы. Мать обходится с ними с большой нежностью, первые дни не оставляет их ни на минуту, а впоследствии если и уходит, то лишь в поздние сумерки и весьма ненадолго, предварительно приняв всевозможные меры, чтобы скрыть их присутствие.

** Беременность лисицы длится 49-56, чаще 51-53 дня, рождается от 1 до 13 (в среднем 5) детенышей. Детеныши покидают убежище в возрасте 8-10 недель, а в 10 месяцев становятся вполне взрослыми.*

Через месяц или полтора после своего рождения хорошенькие маленькие хищники, покрытые красновато-серой шерсткой, отваживаются в тихое время выходить из норы, чтобы погреться на солнышке и поиграть на просторе друг с дружкой или с матерью, всегда готовой к их усугам.

Мать в избытке приносит им пищу и уже с первых недель приучает к живности, заставляя есть и даже ловить мышей, птичек, лягушек и жуков. В это время лисица становится еще осторожнее: во всякой безделице она готова видеть опасность для своих детенышей и при малейшем шуме уводит их назад в нору, а если чует преследование, то тащит их в зубах в другую нору; даже в момент самой серьезной опасности она торопится схватить детеныша, чтобы донести его до безопасного места. Исследователю нередко удается наблюдать играющее семейство. Когда лисята немного подрастут, они любят в хорошую погоду утром и вечером лежать у входа в нору и поджидать здесь возвращения матери; если она задерживается, детки начинают лаять и этим, конечно, выдают охотникам свое присутствие. В конце июля юные лисички уже принимают участие в материнской охоте, а иногда и самостоятельно отправляются на ловлю зайчат, маленьких мышей, птичек или чего-нибудь другого, не пренебрегая и жуками. В конце июля детеныши совсем покидают нору и отправляются вместе с матерью на хлебные поля, которые сулят им богатую добычу и обеспечивают полнейшую безопасность. Когда жатва опустошит поля, они перебираются в густые кустарники, в степи, в тростниковые чащи и упражняются здесь уже в настоящих разбоях; поздней осенью они, наконец, окончательно отделяются от матери и начинают самостоятельную жизнь.

Пока жива самка, самец несколько не тревожится об участи своих детенышей, происхождение которых, принимая во внимание полигамию, господствующую в их роде, он не может приписать исключительно себе. В то время как самка всецело поглощена заботами о прокормлении своего многочисленного потомства и доходит до безрассудной наглости, нападаая среди белого дня на глазах взбешенного хозяина на мирно плавающих в пруду уток, вырывая из-под носа собаки куропатку или из-под самого дула охотничьего ружья преследуемого зайца или же выкрадывая в присутствии матери молодую косулю, — в это время самец преспокойно рыскает по лесам и полям и только тогда, по свидетельству Адольфа Мюллера, появляется у норы, когда устроенная там самкой бойня слишком уж соблазнительно дразнит его обоняние запахами лакомых яств, которые он без всякой церемонии крадет. Таким образом, о помощи его в хлопотливом деле воспитания детенышей и речи быть не может, если не считать игр с малышами, которые он иногда затевает, пребывая в хорошем расположении духа. Напротив, другие наблюдения, в достоверности которых нельзя сомневаться, указывают, что лисица-самец так же заботливо относится к осиротевшим детенышам, как и самка, и, услышав жалобный лай голодных лисят, заботливо приносит им пищу*.

** Лисица-самка спаривается во время течки иногда с несколькими самцами, но далее на период выращивания потомства устанавливает партнерские отношения с одним из них. Самец, по-видимому, принимает такое же участие в добывании пищи для потомства, но внутрь логова не допускается.*

Пойманные молодыми, лисички легко поддаются воспитанию, так как довольствуются обычным кормом щенят и охотно принимают покровительство добродушной суки, которая спокойно подпускает их к своим соскам. Если с ними часто заниматься, то они скоро приручаются и забавляют людей своей ловкостью и подвижностью. Охотники ненавидят лисицу и преследуют ее круглый год; она не знает отдыха, так как ей не приходится рассчитывать на пощаду. Ее убивают из ружья, ставят капканы, раскладывают отравленные приманки, выкапывают из скрытых нор и бьют дубинами, травят собаками — одним словом, стараются извести любыми способами. Все охотники почему-то считают, что лисица принадлежит к самым вредным животным земного шара и потому должна быть стерта с лица земли со всем своим потомством. Вследствие этого самый честный охотник не остановится ни перед какими средствами, как бы отвратительны они ни были в принципе, если дело идет об истреблении лисицы. С точки зрения охотников, для которых леса и поля представляют собой интерес исключительно благодаря находящейся там дичи, такое бесчеловечное преследование лисицы находит полное оправдание; с более же широкой точки зрения дело выглядит совсем по-другому. Так как леса и поля предназначены и поддерживаются не для одних косуль, зайцев, тетеревов, рябчиков, куропаток и фазанов, но служат различным более важным целям, то вследствие этого лесоводам и агрономам должно быть вменено в обязанность по мере возможности удалять в своих округах все, что способствует уменьшению их продуктивности и вообще приносит какой-нибудь вред. Никто, конечно, не станет серьезно утверждать, что один из названных видов дичи, населяющей наши поля и леса, мог бы приносить пользу; напротив, все они без исключения причисляются к вредным животным. Правда, этот вред можно извинить им, не обратив на него должного внимания, но отрицать его ни в коем случае нельзя. К тому же причиняемый лисицей ущерб весьма незначителен; несравненно выше следует ставить ее заслуги по истреблению мышей. Эти в высшей степени вредные грызуны служат, как уже раньше было замечено, ее главной пищей: она ловит их не только для питания, что ограничивалось бы лишь 20-30 штуками в день, вполне достаточными

ей на обед, но больше для своего удовольствия, причем до смерти загрызает их и бросает. Польза ее в этом случае неоспорима. Я бы слишком удалился от своего рассказа, если бы стал оправдывать лисицу во всех тех прегрешениях, в которых ее часто обвиняют, так как знаю очень хорошо, что она не щадит ни одного слабого существа, съедает многих полезных птиц, грабит их гнезда, душит домашних птиц, подобно кунице, и учиняет много других бесчинств, но все это вполне искупается приносимой ею пользой. В охотничьем районе она бывает действительно вредна, но в лесах, на нивах и полях приносит больше пользы, чем вреда; поэтому понятно, что охотник ненавидит ее и преследует, а сельский хозяин заступается за нее.

Охота на лисиц доставляет охотнику необыкновенное удовольствие. Чаще всего травят лисиц, делая на них облаву, или стреляют в них на стойке, приманивая подражанием голосу молодого зайца или мыши, или убивают в светлые лунные ночи из засады, выставляя в качестве приманки падаль. «Известно, — замечает Гомейер, — что в экипаже к ней можно подъехать настолько близко, что позволяет успешно натравить на нее борзых собак; но случаи, когда ее убивают прямо из саней, бывают очень редки и поэтому интересны. Лисицу объезжают сначала широкими, а потом все более и более сужающимися кругами; хитрый разбойник ложится наконец плашмя на землю и подпускает к себе на ружейный выстрел в надежде, что его не увидят. Мне лично удалось однажды убить лисицу при таких же обстоятельствах; она была уже ранена, но все-таки отлично могла бежать; я объехал ее в санях во второй раз; она легла тогда на землю и лежала так долго, что я мог зарядить ружье и убить ее». Охотятся также на лисицу в лесу с собаками, причем обходятся вообще без загонщиков, а на главные тропинки ставят хороших стрелков.

Живьем лисицу ловят всевозможного рода ловушками, но чаще всего — в железные капканы, быстро захлопывающиеся, как только зверь схватит висящий кусок приманки. Уже за несколько дней перед тем, как ставить капкан, нужно класть на определенное место приманку, чтобы приучить лисицу к этому. Если она в продолжение нескольких ночей брала приманку, то капкан можно ставить, вычистив его предварительно и смазав чем-нибудь, обладающим соблазнительным для лисиц запахом; у капкана кладут свежую приманку и старательно закрывают его, а рядом подвешивают куски приманки. «Невероятно, — говорит Винкель, — с какой осторожностью идет лисица к тому месту, где расставлены для нее ловушки. Я имел удовольствие быть свидетелем, как однажды в зимний морозный день ловили капканом лисицу. Только что начало смеркаться, когда голодная лисица прибежала к капкану. Старательно и не подозревая ничего дурного, брала она самые дальние куски приманки, удобно располагаясь для еды и помахивая хвостом. Но чем ближе подходила она к месту, где был капкан, тем становилась все осмотрительнее; прежде чем взять кусок, она долго размышляла и несколько раз обходила это место кругом. Когда она добралась до последнего куска, висящего у самого капкана, то сидела над ним по крайней мере минут десять, жадно пожирая его глазами, но не решаясь схватить, а затем несколько раз обежала вокруг капкана. Наконец, убедившись, по-видимому, что ей ничего не грозит, она снова подошла к капкану, протянула за куском переднюю лапу, но не смогла его достать. Снова остановка, в продолжение которой она, как и раньше, не сводя глаз, смотрела на оставшийся кусок. Наконец, как бы решившись, стремительно бросилась вперед, и в ту же секунду железное ожерелье охватило ее шею». Ко многим употребляющимся с древних времен средствам истребления лисиц недавно присоединился еще и яд. Им пропитывают падаль или куски мяса, которые разбрасывают для голодной лисицы в суровое зимнее время, и средство это в большинстве случаев дает отличные результаты. Бедная кумушка, измученная голодом, без всяких размышлений хватает кусок и тут же умирает от яда.

В Англии, по крайней мере в тех местностях, где удобно ездить верхом, не дозволено ловить, убивать или выкапывать лисицу из ее норы. Там уже с конца прошлого столетия травля лисиц сделалась национальным спортом, причем выслеживание и охота ведутся при участии особых породистых и выдрессированных собак*; во время травли намеченное поле объезжают вдоль и поперек, и если встретятся на пути препятствия, то их в зависимости от ловкости ездока и лошади или прямо берут, или объезжают. Задача травли — первому подскать к убитой лисице, причем победитель получает в качестве трофея хвост затравленного зверя. В прежние времена богатые помещики интересовались охотой гораздо больше, чем теперь, и поэтому не останавливались перед издержками, чтобы содержать большие, дорого стоящие, хорошо выдрессированные для охоты своры собак; в настоящее же время организацией этого дела занимаются не отдельные лица, а целые общества, которые и берут на себя все издержки по охоте. Вследствие этого своры собак значительно увеличились, но предоставленные в распоряжение охотничьего общества участки земли становятся год от году меньше.

* Эта порода собак так и называется фоксхаунды (лиси гончие).

Лучшим временем для травли лисиц считается зима, с ноября по февраль. В зависимости от ретивости собачьих свор поле обходят от трех до пяти раз каждую неделю, и участники охоты, как мужчины, так и женщины, собираются в назначенном месте, где выслежена лисица. Несмотря на все искусство охотников и умелое ведение дела, случаются иногда и неудачи на травле, но тем не менее главная цель охоты — удовольствие достигается решительно всегда: возбужденная быстрой ездой кавалькада весело несется по полям, и маленькие несчастья, случающиеся при этом, служат только поводом для шуток и веселья; серьезные же беды почти всегда предотвращаются. Не только у себя на родине, но и везде, где предоставляется возможность, даже, например, в Индии, англичане с большим или меньшим успехом вводят травлю лисиц. Занятие это распространено также в Америке и по всей Европе.

"Когда умирает лисица, то остается мех", — говорит старинная немецкая охотничья поговорка, которая и по настоящее время не утратила своего значения. Мех обыкновенной лисицы в Германии редко употребляется на шубы; он больше расходуется в Польше, России, Турции. Шкура немецкой лисицы, по Ломеру, ценится в 4-7 марок, и Германия ежегодно доставляет их больше 100 тысяч штук. Выше ценится мех северных, так называемых красных лисиц, которые славятся своей красотой; в Старом Свете такие шкурки стоят 15-20 марок, а в Новом — 8-15 марок. Крестовки, вероятно, ублюдки красной и черно-бурой лисиц, имеющие темно-рыжий мех с более или менее ясно отмеченным темным крестом на спине, стоят даже 30-50 марок, но выше всего цена лисиц, известных под именем черно-бурых; они стоят 500-1000 марок, а иногда и еще дороже. Лучшие меха доставляются из местностей, прилегающих к Гудзонову заливу, и из Лабрадора, самые же дешевые — из Сибири и с северного Кавказа.

Мы используем у лисицы только ее мех; предки же наши утилизировали все животное целиком, приписывая ему всякие целебные свойства. Я считаю совершенно бесполезным распространяться здесь еще раз о тех шарлатанствах, которые практиковались в XVII столетии; скажу только, что труп лисицы, по мнению знахарей того века, мог заменить все употребляющиеся в настоящее время лекарственные средства.

Кроме человека лисица имеет еще много других врагов. Не только волк ловит и съедает ее, но так же сильно ненавидят ее собаки и пользуются всяким случаем, чтобы растерзать. Замечательно, что беременных или кормящих лисиц часто щадят самцы собак, которые не преследуют их. Другие млекопитающие не могут вредить лисе; но среди птиц у нее много очень опасных врагов. Ястреб похищает маленьких лисят, холзан ловит даже взрослых лисиц, хотя иногда сам страдает от этого. Судя сообщает такой случай: «Одна лисица, пробегающая через глетчер, была с быстротой молнии схвачена холзаном и поднята высоко на воздух. Но скоро хищник как-то странно захлопал крыльями и скрылся за скалой. Наблюдавший поднялся вслед за ним и, к удивлению своему, увидел, как мимо него стремглав промчалась лисица, по другую же сторону он нашел умирающего орла с растерзанным горлом. Лисице удалось вытянуть шею, схватить своего похитителя за горло и перегрызть его. Весело побежала она от этого места, но, наверное, до конца своей жизни не могла забыть своего невольного воздушного путешествия». Среди других классов животных у лисицы нет врагов, которые были бы ей опасны, но зато есть такие, которые страшно ей надоедают, как, например, блохи. Говорят, будто она избавляется от них посредством хорошего купания, причем в рот себе берет пучок мха и сгоняет туда блох, а затем мох этот выбрасывает; но подобную басню надо считать полнейшим вымыслом.

Доказано, что лисица подвержена почти всем болезням, которыми хворают собаки, а также и самой страшной болезни — бешенству. Известны даже примеры, когда бешеная лисица среди белого дня явилась в деревню и кусала там всех, кто попадался ей по дороге.

Песец, или полярная лисица (*Lepus lagopus*)*, отличается короткими закругленными ушами, короткими ногами, у которых нижняя часть ступни, как и все остальное туловище, густо покрыта волосами, очень пушистым хвостом и, наконец, особенной окраской меха; песец значительно меньше нашей лисицы, имеет приблизительно 95 см в длину, из которых добрая треть приходится на хвост. Летом мех его бывает землисто-серого цвета, а зимой — чисто белоснежного; попадаются, впрочем, песцы и с темным мехом.

* Песец относится к особому роду, близкому к роду лисиц. Длина тела 45-67 см, хвоста 25-43 см. Весит взрослый песец от 1,5 до 9 кг. Эти лисы распространены в тундровой зоне Евразии и Америки и на островах между этими материками.

Гренландские эскимосы были совершенно правы, уверяя Броуна, что часто находят белых самок с голубоватыми и белыми детенышами. Доказательство того, что белые и голубые лисицы составляют особые разновидности, Ломер видит в том, что на Аляске, откуда ежегодно доставляется

почти четыре тысячи шкур голубых и почти столько же белых лисиц, голубые меха бывают почти на ширину ладони больше, и притом с более короткими и грубыми волосами, чем белые.

С берегов Гудзонова залива вывозят ежегодно 10—12 тысяч белых лисиц, но всего только 200 голубых. Во всяком случае, надо считать ошибочным то распространенное мнение, что песцы летом носят темное одеяние и их называют тогда голубыми лисицами, а зимой они превращаются в белых лисиц. Стоит только припомнить ласку и горностаю, из которых первая и зимой бывает рыжей, между тем как у второго вся шерсть становится белой, чтобы увидеть в них наглядный пример подобного же явления. Ошибочно также предположение Ньютона, что в Исландии водятся только голубые лисицы; равным образом не точны и сообщения Мальмгрена о том, что на Шпицбергене встречаются исключительно белые лисицы*.

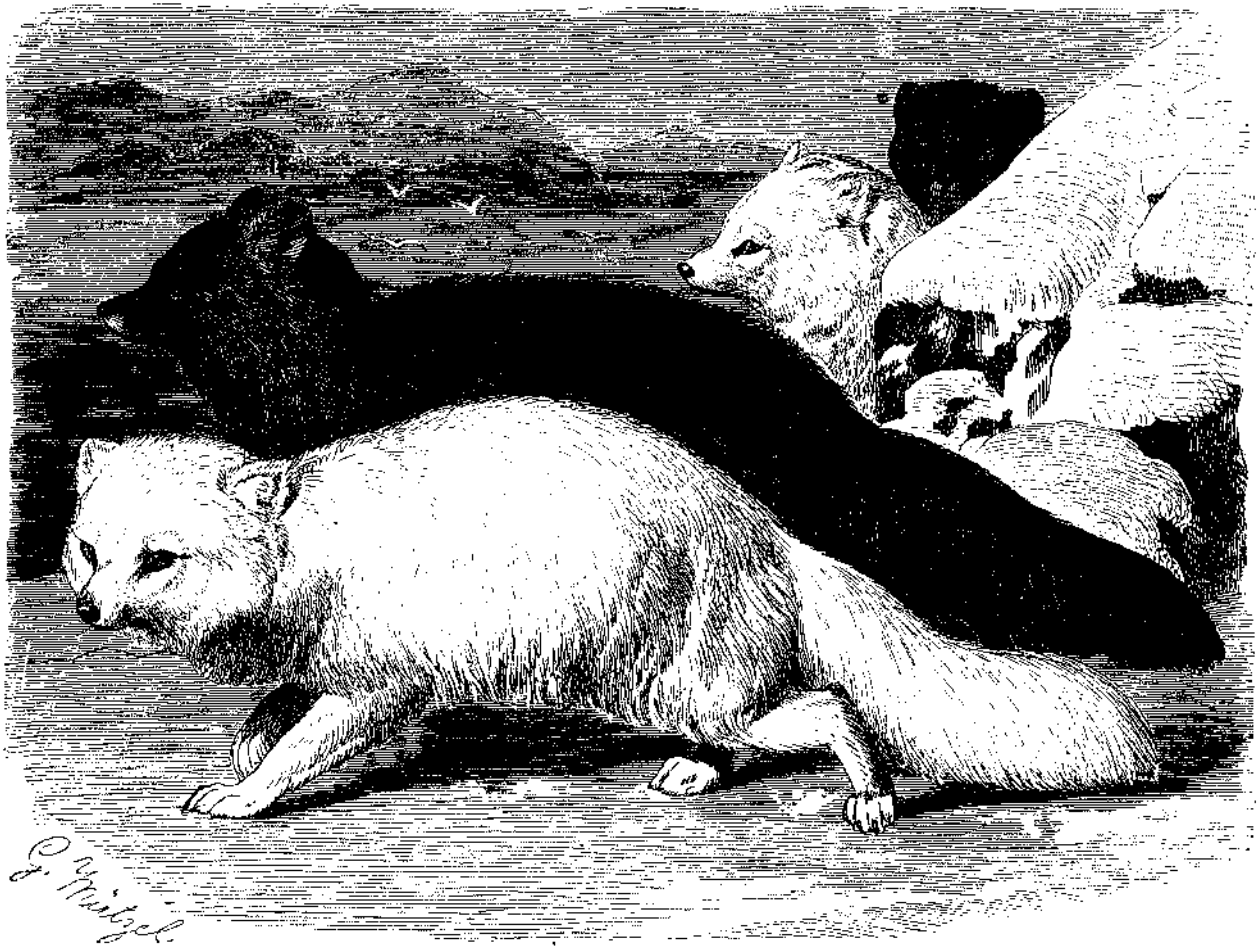
** Взаимоотношение белой и голубой цветовой форм песца на большей части ареала не вполне ясно. Однако на Камчатке и островах Беринга живут, по-видимому, особые подвиды песца, у которых белая форма отсутствует*.*

Меховщики, по словам Ломера, по-разному оценивают шкуры голубых и белых лисиц. Мех голубой лисицы ценится очень высоко: зимние шкурки оценивают в 100-200 марок, а летние — в 20-40 марок, тогда как за белых лисиц платят не более 15-25 марок и 3-4 марки**.

*** В настоящее время и песца, и красную лисицу успешно разводят на зверофермах, причем помимо природных окрасов выведено множество разнообразных цветовой форм, не встречающихся в природе. Все это заметно снизило значение пушного промысла.*

Как подсказывает само название, полярная лисица живет на Крайнем Севере как в Старом, так и в Новом Свете, встречается одинаково часто и на островах, и на материке. Предполагают, что она распространена по всей северной части земного шара и относят ее в разные полярные страны льдины; по крайней мере полярных лисиц часто видели плавающими в море на подобных естественных плотках или же находили в поражающем множестве, как единственных сухопутных млекопитающих, на островах Ледовитого океана, значительно удаленных от материка; поэтому можно допустить, что они когда-то были сюда перенесены на льдинах. По доброй воле песец неохотно заходит на юг дальше 60 градуса северной широты, и только в Сибири, в виде исключения, его можно встретить южнее этой широты. Во всех местах, где водится песец, он многочислен, но всего больше его на островах, откуда он не может так легко переселиться. Поэтому всем северным народам он знаком очень хорошо.

Только при ненастной погоде или когда ему грозит опасность, песец прячется в ущелья между скалами или в выкопанные им самим норы, откуда отваживается выходить только ночью, чтобы достать себе добычу; в тех же местах, где ему и днем не приходится прятаться от человека, он не дает себе труда выкапывать норы и пещеры, а просто прячется между камнями, кустами и в других каких-либо скрытых убежищах, откуда и подстерегает добычу. Это совсем неразборчивое в пище животное, довольствующееся всем, что ни попадет; впрочем, больше всего он любит охотиться за мышами, а стаи пеструшек способен преследовать на самые дальние расстояния, и его не могут остановить ни реки, ни морские проливы. Из пернатых он ловит белых куропаток, зуйков, вообще береговых и морских птиц и наносит особенно большой урон их выводкам. Кроме того, песец поглощает всех животных, которых выбрасывает море, к какому бы классу они ни принадлежали.

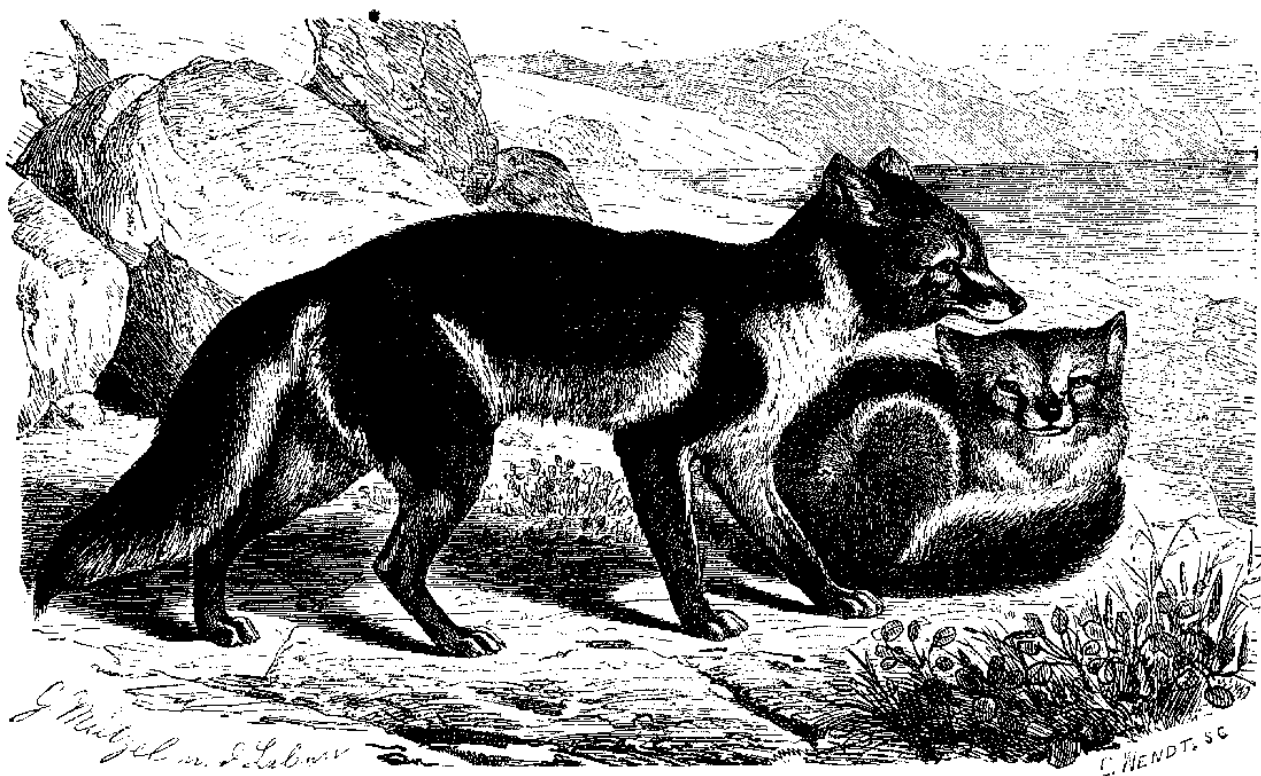
Песец, или полярная лисица (*Lepus lagopus*) Белая арктическая и голубая тихоокеанская формы

В случае нужды забирается в человеческие жилища и крадет там все, что в силах унести, даже совсем бесполезные для него вещи. Если у него появляется избыток пищи, то часть ее он зарывает в землю и по мере надобности выкапывает оттуда; таким же образом поступает и тогда, когда боится быть застигнутым людьми. Наполнив свои кладовые, он снова зарывает их и так гладко выравнивает мордой, что их почти невозможно заметить.

На Шпицбергене, по Ньютону, песец очень распространен. «Мы не только видели его много раз, — говорит упомянутый наблюдатель, — поблизости от скал, на которых гнездятся чистики, но и слышали так же часто его тывкающий лай. Это самый опасный враг всех птиц, населяющих остров, и страх к нему существенно влияет на выбор птицами места для высиживания яиц. Чем пробирается песец, когда морские птицы покидают Шпицберген и остается только белая куропатка, — это вопрос, который кажется мне одним из самых затруднительных для определенного ответа. Большая часть полярных лисиц живет на земле и одинаково активна как зимой, так и летом, но на Шпицбергене не растет никаких ягод, которые могли бы поддерживать питание песца, а в открытом море он тоже мало чем может поживиться. Таким образом, остается предположить, что он устраивает себе запасы. Возможно, что множество раковин, которые я нашел на морене одного глетчера, в скрытом углублении, составляли остатки подобного зимнего запаса песца». О песцах восточной Гренландии дают сообщения Копеланд и Пайер: «Полярная лисица, за редким исключением, не обладает той хитростью, которой так прославилась наша обыкновенная лисица, по крайней мере, на нашей памяти это животное оставило впечатление полнейшей безвредности, если не считать редких исключений. Для молодых уток, к которым песец питает большую слабость, он весьма опасный враг. Полярная лисица живет всем тем, что может достать, а зимой питается также моллюсками и другими морскими животными, которые выбрасываются на берег приливами и плавающими льдинами, разламывающимися у берегов. Летом пеструшки, по-видимому, составляют ее главную пищу. Европейский песец избегает человека, гренландский же, напротив, доверчиво и простодушно ищет его общества, так как всюду сумеет поживиться за его счет. Он первый спешит поздравить охотника с удачным ловом и тут же не преминет урвать кусочек в свою пользу. Он с удовольствием сопровождает человека на охоту и на почтительном отдалении бежит за его санями для того, чтобы потом, воспользовавшись его сном, исследовать результаты охоты и нагло стащить ночью с саней

окорок оленя. Зверек с умилением смотрит на затертое льдом судно, потому что там есть что украсть. Он настолько искусно овладел воровскими навыками и притом ведет себя так нахально, что от него бывает трудно отделаться. По целым часам иногда песец гложет что-нибудь около раскинутой палатки, а когда песцов несколько, то они ворчат друг на друга от зависти и злости; когда человеку это наконец надоест и он выходит из палатки с целью разогнать докучливых животных, они и не думают добром расходиться и даже, напротив, дерзко смотрят прямо в глаза человеку, злобно лают, когда в них стреляют, и лишь затем нехотя удаляются, и то медленно и с ропотом негодования. Случается, что, побуждаемые любопытством и каким-нибудь аппетитным запахом, песцы, несмотря на выстрелы, бегут за едущими санями по несколько миль. Направление и сила ветра при этом значительно влияют на поведение этих лисиц. Если погода тихая, безветренная, то они упорно будут следовать за человеком и, не страшась холода, выжидать, пока не представится случай чем-нибудь поживиться».

Песцов часто встречают целыми сообществами, но между ними, однако, нет большого согласия; напротив, в их компаниях часто происходят кровавые драки. Во время этих схваток один из песцов валит другого на землю, топчет его ногами и не выпускает до тех пор, пока вдоволь не натешится. При этом дерущиеся кричат, как кошки, и при возбужденном состоянии издают чистые, звонкие звуки.

Песец (*Alopex lagopus*) в летнем меху

Умственные способности песца вовсе не ничтожны, но при наблюдении за их образом жизни и нравами можно натолкнуться на такие противоречия, которые приводят в недоумение и заставляют задуматься над тем, как объяснить тот или другой поступок животного. С одной стороны, они хитры, пронырливы, ловки, несомненно, смышлены, с другой — поражают иногда такими бессмысленно-отважными выходками, каких не встретишь ни у какого животного. В этом я лично смог убедиться. Однажды вечером мы встретили одну из этих лисиц в Доврефьельде, в Норвегии, и семь раз стреляли по ней из ружья, но не попадали. Вместо того чтобы убежать, лисица продолжала следовать за нами, шла позади в продолжение двадцати минут, подобно тому как ходят за своими господами хорошо обученные собаки, и отстала от нас только тогда, когда кончились скалы. Ее не могли отогнать даже метко брошенные в нее камни, к которым она отнеслась так же равнодушно, как и к просвистевшим над ее головой пулям. Мой охотник рассказывал мне, что не раз ловил это животное прямо руками, потому что песец без всякого стеснения подбегал к нему и, с любопытством рассматривая, садился перед ним. Раз песцы съели у него оленью шкуру, под которой он лежал. Хижина его, стоявшая уединенно на горе, зимой часто подвергалась нападению этих животных, так что он должен был принять серьезные меры предосторожности, чтобы избавиться от этих назойливых гостей. Я упоминаю мельком об этих фактах главным образом для того, чтобы доказать, что песец всюду остается верен самому себе. Самое подробное и вместе с тем самое интересное описание живот-

ного еще в прошлом столетии сделано Стеллером: «На Беринговом острове из четвероногих животных, живущих на суше, попадают одни только песцы, занесенные сюда, без сомнения, плавающими льдинами; питаются они всем, что оставляет им море после приливов, и размножились здесь в несметном количестве. В продолжение нашего несчастного пребывания на острове я имел случай основательно изучить нрав этих животных, в наглости, хитрости и пронырливости значительно превосходящих обыкновенную лисицу. Они забирались в наши жилища и днем, и ночью и таскали оттуда все, что могли унести, даже совсем бесполезные для них вещи, как, например, ножи, палки, мешки, сапоги, чулки, шапки и т. п. Они с таким невероятным искусством умели откатывать бочки с мясом в несколько пудов и вытаскивать оттуда содержимое, что вначале нам и в голову не приходило считать их виновниками пропажи. Когда мы сдирали шкуру с какого-нибудь животного, то приходилось почти всегда убить двух-трех песцов, потому что они рвали мясо из наших рук. Как бы старательно мы ни зарывали что-нибудь и хотя бы при этом закладывали место камнями, песцы все-таки не только находили спрятанное, но даже сдвигали камни, наваливаясь на них плечами, как это делают люди, и всеми силами помогая друг другу. Если, желая припрятать от них, мы вешали какую-нибудь вещь высоко на столбе, то они подкапывали его, чтобы он упал, или же один из них, подобно обезьяне или кошке, влезал на столб и сбрасывал оттуда с необычайной ловкостью все, что там было. Они следили за всеми нашими поступками и всюду сопровождали нас, мешая нашим занятиям. Когда море выбрасывало какое-нибудь животное, они съедали его, прежде чем подходил кто-нибудь из людей, нанося нам этим большой ущерб. Если все сразу они не могли съесть, то остатки перетаскивали по частям на гору, там зарывали на наших глазах под камнями и бегали назад и вперед до тех пор, пока все не было перетаскано. При этом другие песцы стояли на страже и следили, чтобы не подошел кто-нибудь; если они издали замечали приближавшегося человека, то вся стая соединялась в кучу, и все вместе начинали рыть песок и закапывать в него какого-нибудь калана или морского кота до тех пор, пока и следа от животного не оставалось. Когда ночью мы спали в поле, они стаскивали с нас шапки и крали перчатки из-под изголовья, а также брововые шкуры и кожи, служившие нам одеялами и подстилками. Если мы ложились прямо на только что убитого калана, чтобы они у нас его не стащили, то это не удерживало песцов: они все-таки подходили и съедали из-под нас все мясо и внутренности убитого животного. Поэтому мы всегда спали с палками в руках, чтобы отогнать их и побить, когда они беспокоили нас.

Когда мы усаживались где-нибудь на дороге, песцы поджидали нас и в это время выделяли в нашем присутствии разные штуки, становясь при этом все более и более нахальными; пользуясь тем, что мы сидели спокойно, они подходили к нам так близко, что принимались грызть ремни, которыми были стянуты наши неуклюжие самодельные сапоги, а иногда добирались и до самих сапог. Если мы притворялись спящими, они обнюхивали нас, чтобы убедиться, живы мы или умерли; иногда мы нарочно задерживали дыхание, тогда они хватили нас за нос и готовы были укусить. Когда мы только приехали сюда и пока рыли могилы для наших покойников, песцы успели отъесть им носы и пальцы на ногах и руках; то же самое они намеревались сделать с больными и слабыми, так что мы едва успели отогнать их. Каждое утро мы видели, как эти бесстыдные животные бегали вокруг лежащих на берегу тюленей и морских котов и обнюхивали спящих, желая убедиться, мертвы ли они; если же находили среди них мертвого, тотчас же принимались рвать его, волоча из стороны в сторону. Так как тюлени часто душат во сне своих детенышей, то песцы, как бы зная это, каждое утро исследовали всех тюленей и, словно живодеры, вытаскивали мертвых детенышей».

Время спаривания полярных лисиц в зависимости от условий местности происходит немного позже, чем у красных лисиц, а именно в апреле или мае. Песцы спариваются, подобно кошкам, с большим шумом, что происходит днем и ночью, а испытывая ревность, свирепо кусаются, как собаки. В середине или в конце июня самка рождает в ущельях или расщелинах скал 9-10, а иногда даже 12 детенышей*. Гнезда свои самки больше всего любят устраивать на самом верху скалы или на обрыве утеса. Они необыкновенно, даже, можно сказать, чрезмерно любят своих детенышей и, желая спасти их от нападения, в сущности, вредят им, так как выдают их присутствие громким лаем, которым встречают всякого подходящего человека. Когда они заметят, что их нора обнаружена, они тотчас же переносят детенышей в зубах в какое-нибудь другое, более безопасное место.

** Спаривание песцов в разных частях ареала происходит с февраля по апрель, беременность длится 49-57 дней. Рождаются от 2 до 25 щенков (обычно 6-12).*

На песцов охотятся и ловят их всевозможными способами: стреляют, ставят сети и силки и устраивают даже капканы. Один из способов их ловли очень любопытен. В глубоком снегу песцы вырывают себе норы и пользуются ими как жилищами. Это бывает как раз в то время, когда их больше всего преследуют остяки и самоеды; их выкапывают широким заступом, сделанным из

оленьего рога, без лишних слов хватают за хвост и со всего маху бросают о землю головой, чтобы таким образом убить. Охотник сейчас же узнает, есть ли в снежной норе песец или нет: он прикладывает ухо к отверстию и начинает разгребать лопатой снег; от этого шума спящий песец пробуждается и обнаруживает свое присутствие зевотой и чиханьем. Помимо людей у песцов есть еще один опасный враг — белый медведь; кроме того, их преследуют морские орлы. Стеллер видел однажды, как морской орел схватил когтями песца, поднял его на воздух и затем бросил, чтобы раздробить о землю. Главную и почти исключительную цель лова лисиц составляет их мех, о ценности которого мы уже говорили. Путешественники полярных стран при необходимости ели мясо лисицы, но оно никоим образом не может считаться лакомым блюдом.

Из остальных видов лисиц я упомяну здесь только о таких, которые обладают какими-нибудь существенными отличиями или в образе жизни, или в окраске. К одному из самых маленьких видов лисиц принадлежит сосед нашей обыкновенной лисицы в Азии — **степная лисица, или корсак** (*Vulpes corsac*)**.

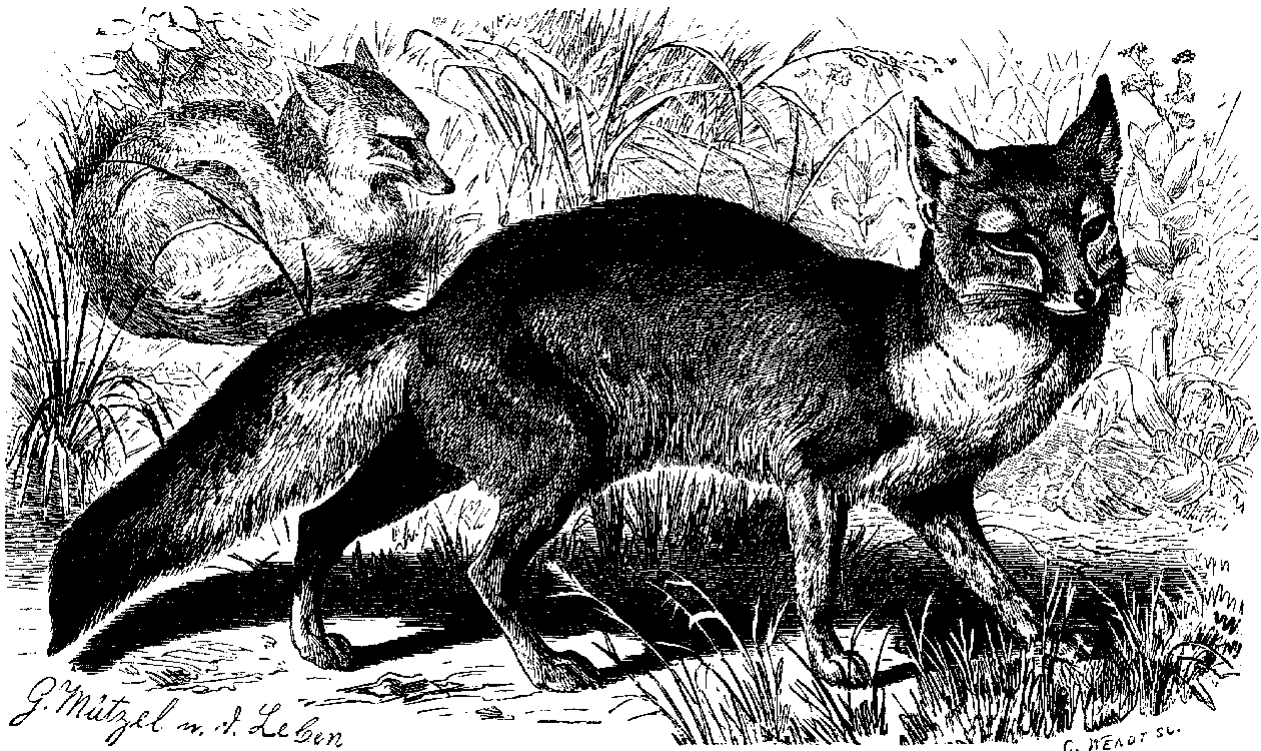
* * *Корсак распространен в степях Евразии от Нижнего Поволжья до Манчжурии и Тибета. Длина тела около 0,5 м, хвоста 25-35 см.*

По величине корсак значительно уступает нашей лисице, так как туловище его не превышает в длину 55-60 см, а хвост 35 см. По внешнему виду и характеру он очень похож на своего родича, только немного выше его и имеет более короткий хвост и кругловатые зрачки глаз. Окрас густого меха меняется в зависимости от времени года, хотя и в меньшей степени, чем у волка или лисицы. Вновь отрастающие летние волосы имеют рыжеватую окраску; по мере того как вырастают, они вместе с подшерстком образуют зимнюю шерсть с широким серебристо-белым кольцом перед более темными кончиками, что придает более рыжий или более чалый цвет общей окраске.

Область распространения корсака простирается от степей, окружающих Каспийское море, до Монголии; он держится исключительно в степных местностях; в лесах и в горах его вовсе нет. Зимой он ежегодно в значительном количестве уходит из северных областей, а с наступлением весны снова возвращается туда. Постоянного жилища не имеет, так как не выкапывает собственных нор, и в большинстве случаев ведет бродячий образ жизни; неприхотлив и спит под открытым небом или же в крайнем случае пользуется случайно обнаруженной норой байбака, предварительно немного ее расширив. В таких байбачьих норах часто можно встретить двух или даже нескольких корсаков, что говорит об их любви к общежитию в отличие от обыкновенной лисицы. Главную его пищу составляют зайцы и полевые мыши; кроме того, он ловит птиц, ящериц и лягушек и, вероятно, крупных насекомых, особенно саранчу. О его размножении у нас нет точных сведений*.

* *Половой зрелости корсаки достигают только на третьем году жизни. Спаривание происходит с января по март, беременность длится 50-60 дней. В помете от 2 до 11 щенков.*

Ради мягкого, густого, теплого и красивого меха за корсаком усердно охотятся, особенно киргизы. Кроме ловушек и силков, которые ставят перед выходом из нор, корсака травят собаками, выкуривая его из норы. По Радде, его выслеживают там, где живет байбак, и редко днем, потому что в это время он спит в покинутых сурками норах; легче всего его выследить по пороше и по следам дойти до его норы, где и ставят капкан.

Корсак (*Vulpes corsac*)

Старые корсаки, знакомые с этими страшными устройствами, увидев их, часто уходят назад в нору и только через 6-9 суток решаются показаться вновь, и то лишь под влиянием сильного голода; большей же частью они прячутся в норе, предпочитая умереть с голоду, чем попасться в ловушку. Трупы их выкапывают весной, после того как оттает промерзлая земля. Кроме собак татары пользуются на охоте за корсаком и хищными птицами — орлами и кречетами, которых они предварительно приручают. Разумеется, от этих пернатых хищников несчастный корсак улизнуть не может.

Одни эти народы доставляют ежегодно на рынок до 50 тысяч шкур корсака, не считая тех, которые они оставляют себе. В России мех корсака не пользуется особой популярностью, гораздо больше его идет в Китай, куда он доставляется через Кяхту.

Я долгое время держал у себя живого корсака и, кроме того, часто наблюдал пленных животных, но не замечал важного отличия в его образе жизни по сравнению с обыкновенной лисицей. При известных обстоятельствах он поступал если и не совсем так, как лисица, то все-таки очень схоже с ней. Корсак принадлежит к наиболее счастливым обитателям зоологического сада, быстро осваивается с отведенной ему клеткой, не боится ни летней жары, ни зимнего холода, с одинаковым равнодушием выдерживая как солнечное пекло, так и жестокие морозы. Со своими товарищами по плену он уживается не хуже и не лучше, чем лисица, иногда по целым месяцам живет с ними в дружбе, а то вдруг расщипывает, начнет ссориться, жестоко кусает их, зачастую до смерти, и после того съедает их без малейшего угрызения совести, особенно если очень голоден. Несмотря на это, размножается он в клетке без всяких препятствий, так как между разными полами все-таки преобладает мир; к детенышам относится любовно и нежно воспитывает их до тех пор, пока они благополучно не вырастут.

Немецкие колонии юго-западной Африки населяет **капская лисица, или кама** (*Vulpes chania*) *, которая часто питается страусиными яйцами и, по рассказам туземцев, может за один присест съесть целое яйцо этой огромной птицы.

* *Капская лисица населяет сухие равнины юга Африки. Длина тела — около 56 см, хвоста 33 см, вес до 4 кг. Пищу этой лисы составляют мелкие позвоночные (ящерицы и мыши) и различные насекомые.*

Но это мнение основывается скорее на уверенности туземцев в необыкновенном обжорстве животного, а не на их собственном опыте, так как известно, что такого яйца достаточно, чтобы насытить четырех человек. Нельзя поверить, чтобы лисичка, которая почти в половину меньше нашей обыкновенной лисы, могла съесть столько же, сколько четыре человека. Это маленькое животное не в состоянии нести страусиное яйцо, но все-таки с ним справляется: она, говорят, катит яйцо от гнезда до безопасного места и там вскрывает его очень остроумным образом. Зубы камы слишком

слабы, чтобы разгрызть толстую скорлупу, которая к тому же такая гладкая, что даже острые зубы скользят по ней. Поэтому кама открывает яйцо иным способом: она катит его с горки на камни, так что скорлупа разбивается, и лисичка спешит полакомиться его содержимым.

Когда горячее тропическое солнце склоняется к западу и многие животные, которые днем прятались, выходят из убежищ, чтобы насладиться вечерней свежестью, в пустыне можно встретить целые стаи прячущихся, но очень красивых животных, которые рыскают по степи в поисках пропитания. Я имею здесь в виду **фенеков** (*Fennecus zerdo*)** — красивых маленьких степных лисиц.

** * Фенек — самый мелкий представитель песчаных, отличающийся несоразмерно большими ушами. Длина тела 35-40 см, хвоста 17-30 см, вес около одного килограмма. Эта лисичка населяет пустыни Северной Африки и Аравии, причем может подолгу обходиться без воды. У фенека довольно сильно выражена социальность, в природе он живет группами примерно по 10 особей.*

Это животное характеризует пустыню еще лучше, чем газель. Представьте себе лисью мордочку, но маленькую и тонкую, с хитрым, лукавым выражением, как у обыкновенной лисицы, но на этой мордочке выделяются необыкновенно большие глаза, а по сторонам головы торчат такие огромные уши, которых нельзя встретить не только у лисиц, но и ни у какого другого животного собачьего семейства. Туловище покоится на тонких, красивых лапках и оканчивается длинным и очень пушистым хвостом. Животное это очень подвижно, и легко заметить, что все его внешние чувства очень хорошо развиты.

В сумерках в степи слышен иногда тихий визг, который трудно описать, а если очень повезет, можно и увидеть между песчаными холмами и скалами или в густой траве, как фенек подкрадывается к добыче; он ползет очень осторожно, прислушиваясь, оглядываясь и обнюхивая окрестности со всех сторон. Ничто не ускользает от внимания опытного маленького разбойника. Большие уши фенека услышали тихое шуршание кузнечика, который прячется в траве, и животное направляется туда более из любопытства, чем из жадности, так как кузнечик составляет для него жалкую добычу. Ловкая ящерица зашелестела, пробегая по песку; фенек и ее услышал, сразу бросился туда, чтобы узнать причину этого шума. Главная добыча фенека состоит, однако, из других животных, в первую очередь из птиц. Горе жаворонку, который случайно опустится на землю недалеко от тропинки, где крадется фенек! Он погиб, если хоть раз шевельнул крыльями, или, забывшись, вспомнил свою воздушную песню и издал несколько звуков! Горе и степному рябку: за ним фенек крадется особенно охотно! Ему не нужно гнаться за многими птицами: одного рябка достаточно, чтобы насытиться самому и даже накормить своих голодных детенышей.

Фенек — самая маленькая из всех лисиц; длина его тела вместе с хвостом не превышает 65 см, хвост бывает длиной около 20 см, а высота в плечах также около 20 см. Тело у него очень стройное, морда чрезвычайно острая, большие глаза имеют округлый зрачок, который окружен коричневым райком. Наиболее замечательной частью тела этого животного следует считать уши: они почти такой же длины, как голова, и ширина их равняется половине высоты. Уши эти придают животному совсем странный вид, и голова фенека отчасти напоминает голову летучей мыши. Внутренняя сторона ушей покрыта белыми волосами; волосы эти растут двумя пучками, расходящимися от ушного отверстия, и поднимаются кверху. На верхнем конце ушей, впрочем, волосы короче и реже. На маленькой мордочке торчат длинные щетинистые усы, которые также составляют отличный признак этого зверька. мех мягок и шелковист, а зимой вырастает густой подшерсток, который весной при линьке висит хлопьями на кустах и камнях, так как фенек в это время чешется об эти предметы, чтобы освободиться от излишнего подшерстка. Казалось бы, фенеку на его жаркой родине вовсе не нужен теплый мех, но зверек этот, по-видимому, очень чувствителен к холоду, и хорошая шуба ему зимой необходима. Верхняя часть тела фенека окрашена под цвет песка, брюшко белое, над глазами заметны два белых пятна, окаймленных темными полосками. Хвост, длинный и пушистый, желтого цвета, с черным пятном у основания и черным кончиком. У самки мех более светлый, соломенно-желтого цвета, а в старости у всех фенеков мех еще более светлеет.

Мавры называют его «церда», а арабы — «фенек»; под этим именем он известен и в Нильской долине. Он живет на всем севере Африки, но встречается только в пустынях, однако в тех местах, которые имеют характер низменностей, богаты водой и где есть степная растительность, пусть даже не очень богатая. В этих местностях фенек встречается довольно часто, но редко становится добычей охотников, так как очень осторожен и легко ускользает от них. В зоологических садах, зверинцах и даже в зоологических музеях он встречается довольно редко.

История происхождения фенека до последнего времени была изучена мало, и о нем рассказывали удивительные вещи. Говорили, например, что он живет не в норах, как лисицы, а на де-

ревьях, подобно кошкам; утверждали также, что питается не птицами, а больше финиками и другими плодами и пр. Рюпбель первый опроверг эти ошибочные мнения и описал фенека как настоящую лисицу, но описание это все-таки коротко и недостаточно обстоятельно. Очень хорошее и подробное описание фенека составлено специально для этого сочинения моим спутником по путешествию, Буври, который наблюдал фенека как на свободе, так и в неволе. Многие из вышесказанного уже заимствовано из этого описания; сообщаю здесь и остальное.

"Натура фенека ясно выражена своеобразным строением его тела: тонкие, стройные ноги говорят о его ловкости и быстроте. Он обладает тонким слухом и острым зрением, а морда у него такая хитрая и смышленная, что в характере этого животного трудно ошибиться. Можно смело сказать, что этот степной зверек — самый совершенный представитель рода лисиц.

Фенек, подобно лисице, устраивает себе норку под землей, охотнее всего в тех местах, где растет хвощевидная ковылка, которая характерна для скудной растительности пустынь. Предпочтение это происходит, вероятно, вследствие того, что почва около этого растения плотнее, и поэтому гораздо легче там можно устроить многочисленные ходы, которые ведут в главную нору фенека. Ходы эти обычно бывают почти горизонтальны, и котловина норы большей частью расположена неглубоко под землей. Нора, как правило, устлана пальмовыми волокнами, перьями и шерстью и отличается большой опрятностью. Фенек роет землю мастерски: передними лапами он так быстро скребет ее, что трудно уследить глазами за их движением. Эта ловкость часто спасает жизнь животному, так как при преследовании фенек быстро зарывается в землю, как броненосец или ящер. Однажды в сопровождении нескольких конных арабов я преследовал в пустыне фенека, который бежал очень недалеко от нас и вдруг исчез из наших глаз. Но я понял его уловку, на этот раз она ему не помогла: я слез с лошади, разрыл песок и вытащил оттуда живым озадаченное животное, к великой радости моих спутников.

Днем фенек спит в своей норе. При этом он сворачивается клубком и прячет узкую голову под пушистый хвост, только уши его торчат наружу. При малейшем шуме спящая лисица просыпается и вскакивает в испуге. Если ее застигнут врасплох, она начинает визжать, как маленькое дитя, и этим как бы доводит до сведения, что разбудивший сильно ее испугал. С закатом солнца фенек оставляет нору и отправляется первым делом на водопой; при этом заметили, что он никогда не идет прямо через песчаные дюны, но всегда отыскивает укромные тропки и пробирается украдкой, стараясь по возможности быть незаметным. Колодцы в низменных местах представляют собой, как правило, простые воронкообразные углубления, так как песчаная, смешанная с глиной почва не позволяет рыть отвесные ямы. Вокруг этих ям земля зачастую бывает влажная, и потому следы фенека отпечатываются здесь так ясно, что можно заметить своеобразное строение его тесно соединенных пальцев с выдающимися, особенно сильно выступающими на задних лапах когтями.

Маленькие птички составляют самую любимую его пищу, поэтому он не щадит ни одного гнезда, находятся в нем яйца или птенчики. Если же нет ни птиц, ни яиц, то он ест ящериц, жуков, стрекоз и даже не пренебрегает тушканчиками и песчанками, хотя поймать их ему едва ли легче, чем птицу. Я часто находил шерсть и другие остатки этих грызунов в норе фенека. При случае он посещает пальмовые рощи, где финики служат ему лакомством; вообще он никогда не пренебрегает плодами и даже поедает арбузы.

По словам туземцев, лисица рождает в марте трех-четырёх детенышей, которые появляются, как говорят, на свет слепыми, очень красивыми, покрытыми желтоватой шерстью. Судя по всему, мать любит маленькие прелестные существа так же нежно, как наша лисица свое потомство, Фенека ловят силками, сделанными из волос. Силки укрепляются при входе в его норы; иногда же его откапывают; но последний способ ловли часто не приносит удачи».

Далеким сородичем нашей обыкновенной лисицы является **серая лисица** (*Urocyon cinereoargenteus*)*.

* *Серая лисица широко распространена в Северной и Центральной Америке на юг до Венесуэлы. Длина тела 48-68 см, хвоста 28-45 см, вес до 7 кг. На островах возле побережья Калифорнии живет близкий вид — островная лисица (*U. littoralis*), более мелкая.*

Серая лисица отличается от обыкновенной более короткими ногами, соразмерно длинным хвостом и вообще более хрупким телосложением. Ее длина составляет приблизительно 1 м, из которого около 40 см приходится на хвост; высота в холке — около 30 см. Господствующий цвет ее шерсти серый со своеобразным налетом, зависящим от серебристо-серых и черных волос, образующих ее мех; такого же цвета лоб, темя, боковые части морды, затылок и вся верхняя сторона туловища. Отдельные волосы у корня белые, далее черные, конец опять белый. Щеки и горло желтовато-белого цвета, уши и бока шеи серовато-желтого, нижняя и внутренняя части туловища светлого

ржаво-желтого или желтовато-белого цвета, полоса на груди темнее, на передних лапах также по черной полоске, хвост сверху черный, снизу ржаво-красный, а на конце серый.

Серая лисица (*Urocyon cinereoargenteus*)

По словам Одюбона, серая лисица чаще встречается в южных, нежели в северных, штатах Северной Америки; севернее штата Мэн она, кажется, совсем не встречается. В Новой Англии и Канаде попадается редко, а в Пенсильвании и Нью-Джерси встречается почти так же часто, как и красная лисица; в южных штатах, исключая горы Виргинии, это единственный встречающийся вид лисиц; во Флориде, Миссисипи и Луизиане она встречается необыкновенно часто. На западе распространяется до Калифорнии. Довольно трудно точно определить, чем образ жизни серой лисицы отличается от образа жизни обыкновенной и ее родичей в самом узком смысле этого слова. Известные мне описания жизни этого животного, среди которых выше всех стоит описание Одюбона, походят на описание жизни нашей лисы. Серая лисица, говорят, не может бегать так быстро и долго, как наша, в остальном же она едва ли существенно отличается от своих сородичей. Она устраивает себе жилище в труднопроходимых и даже непроницаемых для больших хищных зверей чащах и в расселинах скал, где встречаются пещеры и трещины; область ее охоты составляют окрестности ее жилища от морского берега до дворов фермеров. Одюбон уверяет, будто она гораздо трусливее, чем наша лиса, пугается и пускается в бегство не только при виде собаки, но даже когда затрепчет ветка, и что совсем почти не слышно об ее нападениях на огороженные птичьи дворы или на стада овец. Однако он подчеркивает, что это животное на юге так же ненавидят и преследуют, как на севере красную лисицу. Серая лисица ловит, как и обыкновенная лиса, мышей и крыс, полевых и других грызунов, но она не пренебрегает и другой пищей. Одюбон наглядно изображает, как это животное подкрадывается, подобно прекрасной ищейке, пользуясь ветром, к выводку лесных перепелов и уносит одну из птиц. «В один холодный дождливый день нашего путешествия, — рассказывает он, — мы заметили серую лисицу, которая шла подобно легавой собаке. Сначала она кралась против ветра по высокой траве, потом вдруг остановилась и присела на задние лапы. Через мгновение она опять поднялась, тихо и осторожно поползла вперед, по временам нюхая воздух и поворачивая морду из стороны в сторону. Наконец она, казалось, наметила свою добычу и двинулась уже прямо, но все еще очень осторожно, временами крадучись по земле, порой исчезая из наших глаз, пока наконец мы ее опять не заметили, когда она остановилась. Уши ее были опущены; голова всего на несколько дюймов поднята от земли; в таком положении оставалась она около полуминуты и только после того прыгнула на добычу. Послышался шум улетающих перепелов и два-три жалобных крика, и вслед за тем показался разбойник, держа перепела в зубах. У нас было с собой ружье, и мы могли бы его убить, но к чему? Он нам показал, что не только принадлежит к семейству собак, но может охотиться, как прекрасная легавая собака; кроме того, он добыл себе пищу законным для него образом: для чего же его убивать?» Следует принять во внимание, что эта лисица, так же как

и другие виды, приносит больше пользы, истребляя вредных грызунов, чем вреда, поедая полезных нам животных. Кроме большой дичи, особенно позвоночных животных всех классов, серая лисица ловит насекомых, разрывает полусгнившие пни деревьев, чтобы достать оттуда личинок, а также ест всевозможные растительные вещества. Один фермер в штате Нью-Йорк обратил внимание Одюбона на маисовое поле, которому какие-то неизвестные животные причинили немалый вред тем, что съели зреющие початки. Оставшиеся следы показали, что это сделала серая лисица, и предположение это вскоре подтвердилось, когда там поймали трех таких лисиц.

В Каролине серая лисица рождает в последних числах марта или в начале апреля, в северных же штатах — немного позже. Детеныши остаются при матери около трех месяцев и расходятся, как только станут самостоятельными и смогут вести одинокую жизнь, как старые лисицы. Даже когда они совсем вырастут, их можно легко узнать по сравнительно меньшей осторожности: на охоте с собаками они только в крайней необходимости ищут спасения в бегстве, в большинстве же случаев влезает на деревья, тогда как наученные опытом старые лисицы часто успешно спасаются от своих смертельных врагов при помощи различных уловок и хитростей. Одюбон, как кажется, находит очень необычным, что лисица влезает на деревья, но мы не находим здесь ничего странного, так как и наша лиса проделывает подобные штуки. Для такого ловкого животного не составляет особого труда взобраться на дерево, которое обыкновенно имеет спускающиеся вниз ветви, боковые побеги, наросты и другие неровности; собака же, как более неловкое животное, не в состоянии этого сделать*.

** Серых лисиц иногда называют древесными лисами. Они действительно чаще и лучше прочих лисовых лазают по деревьям. Это, видимо, единственные собаки, которые стараются спастись на дереве от преследования. Залезают они туда и без провокации, например для того, чтобы осмотреться.*

Что касается охоты и других способов истребления серой лисицы, то они почти ничем не отличаются от способов, какими мы охотимся на нашу лисицу. В Америке применяют различные ловушки, чтобы захватить и убить этого плута, и травят этих лисиц так же усердно, как в Англии. Пойманные серые лисицы ведут себя как их европейские сородичи, но, говорят, они никогда не делаются вполне ручными и всегда стремятся обрести свободу.

Мех серой лисицы мало ценится вследствие его коротких и жестких волос и употребляется обычно на подбивку дорожных шуб. По словам Ломера, в год продается только 25 тысяч шкур; каждая из них стоит 4-6 марок.

Большеухая лисица (*Otocyon megalotis*)** характеризуется следующими признаками: тонкое строение тела, высокие ноги, хвост, составляющий почти половину длины всего тела, короткая голова с острой мордочкой, очень большие, бросающиеся в глаза уши яйцевидной формы, весьма значительное количество зубов, так как зубная система ее состоит из 48 зубов и имеет по 8 коренных на каждой челюсти, что представляет отклонение от зубных систем всех других хищных животных; на верхней челюсти у нее на два, а на нижней — на один зуб больше, чем у собаки.

*** Большеухая лисица стоит в семействе лисовых особняком и родственные ее связи с другими видами не известны. Длина тела 46-66 см, хвоста 23-34 см, вес 3—5 кг. Английское название этого зверя переводится как «лисица с ушами летучей мыши» из-за того, что ее огромные чувствительные уши при опасности складываются «веером» на «летучемышинный» манер. При помощи этих «локаторов» большеухая лисица на слух находит прячущихся под землей личинок крупных жуков — один из главных своих кормов.*

Однако такое количество зубов встречается не у всех лисиц: очень часто находят их черепа, у которых только семь коренных зубов наверху. Длина взрослой большеухой лисы достигает 85-90 см, из которых, наверное, одна треть приходится на хвост; высота в плечах — 35 см. Мех ее обычно бывает темного серовато-желтого цвета, имеющего зеленоватый оттенок; отдельные волосы у корня буроватые, в середине серовато-желтые, а на конце светло-желтые или темно-бурые; из смешения этих цветов происходит зеленоватый налет, который придает меху особую окраску. Впрочем, в окрасе большеухих лисиц замечаются различные отклонения.

Большеухая лисица водится в южной и, по исследованиям Кирка и Шпека, также в некоторых частях восточной Африки. О ее образе жизни и нраве очень мало известно. «Большеухая лисица, — говорит Фриш, — названа колонистами мыса Доброй Надежды «нья-шакалом» за ее жалобный, протяжный лай; в Сечуане ее называют «мотлози». Ее любимое местообитание составляют заросшие кустарником степи внутренней Африки на север от Оранжевой реки; в колониях и в верхнем Натале она тоже иногда встречается, однако в вышеназванных странах попадается гораздо чаще, чем здесь. Днем она спит, спрятавшись так же, как ее сородичи, в густом тернистом кустар-

нике или в разрытых трубкозубом постройках термитов, ночью же рыскает за добычей и иногда подходит, испуская жалобные крики, к лагерному огню. Она питается мелкими животными и остатками от добычи крупных хищников, но чаще всего ест саранчу, за которой следует вместе с дрохвами, воронами и мелкими соколами. Мясо этого животного на вид очень аппетитно, но имеет приторный вкус с запахом саранчи, и после еды остается противная отрыжка.

Большеухая лисица (*Otocyon megalotis*)

"Туземцы усердно охотятся за этой лисой, потому что с удовольствием едят ее мясо и ценят ее мех. Бечуаны делают из него оторочку колпакообразной шапки, причем эта оторочка спереди приподнята, а сзади опущена; эти шапки носят замужние женщины в отличие от девушек, которые ее носить не смеют. За большеухой лисицей охотятся чаще всего с собаками, которые выслеживают ее в норах и там загрызают; иногда ее откапывают живой. Лисицу редко стреляют, и она реже идет на приманку, чем гиена и чепрачный шакал. Менее хищный зверь, чем наша лиса, и более миролюбивый, чем другие дикие собаки такой же величины, она мало защищается, когда на нее нападают». Я слышал, что подстреленные лисицы также испускают жалобные стоны.

Пехуель-Леше встречал широконосую лисицу довольно часто и обычно ранним утром в высоко расположенных, покрытых кустарником степях земли Гереро. В высшей степени проворные и ловкие зверьки ходили обыкновенно парами, выскакивали вдруг совсем близко из-за куста и смотрели на человека, склонив голову набок, как бы доверчиво спрашивая о чем-то; нередко они стояли подняв переднюю лапу, как легавая собака. Побуждаемые любопытством или надеждой на то, что им что-нибудь перепадет от охотника, они следуют за ним иногда в продолжение полчаса или еще дольше, причем ведут себя очень забавно, делая вид, что идут своей дорогой и до охотника им дела нет. Идя ленивым шагом, уклоняясь то вправо, то влево, они сопровождают наблюдателя с удивительной настойчивостью и подходят к нему иногда через густую траву и кустарник на расстоянии половины ружейного выстрела. Потом они начинают выглядывать из своей засады или стоят неподалеку, потягиваясь или сгибаясь в дугу и встряхивая свой мех; при более долгой остановке они садятся, как собаки, и ждут, что будет дальше. Узкая мордочка обычно имеет хитрое выражение, что еще усиливается непрерывными движениями действительно гигантских ушей. Если спокойно подойти к животным, то они отступают, пятятся, сначала останавливаясь ненадолго, а затем только убегают, однако не особенно спеша. При виде сильных угрожающих движений платком или шляпой

останавливаются в изумлении или разбегаются; но если пойти дальше своей дорогой, то они опять вскоре начнут настойчиво преследовать охотника. Вообще достоверно, что большеухие лисицы в диком состоянии очень любят мед и сладкие плоды и, если фруктов достаточно, питаются ими гораздо чаще, чем насекомыми; но кроме того, они считаются большими ворами яиц. Большеухие лисицы уже много раз содержались в Лондонском зоологическом саду.

Семейство медвежьи

(Ursidae)*

** Семейство медвежьи включает всего 8-9 видов, объединенных в 4-6 родов. Распространены практически во всей Евразии и Северной Америке, один вид живет в Южной Америке; в Африке это семейство отсутствует (кроме небольшого района Атласских гор). Для этих животных характерны массивное сложение, широкий мощный череп, бугорчатые, а не режущие коренные зубы, лапы с широкими ступнями и крупными когтями; причем при ходьбе задняя лапа опирается не на пальцы, как у большинства хищников, а на всю стопу. Зубов 40 (у одного вида) или 42 (а не 36-40, как пишет Брем).*

Медведь такое оригинальное животное, что любой узнает его по первому взгляду.

У больших медведей туловище короткое и толстое, у маленьких — иногда стройное; голова овальная, несколько вытянутая, с заостренной, но в конце как бы обрубленной мордой; шея соразмерно короткая и толстая; уши короткие, а глаза сравнительно небольшие; ноги не очень длинные, ступни как передних, так и задних ног имеют по пять пальцев и снабжены длинными согнутыми неподвижными невтяжными когтями, концы которых вследствие этого бывают сильно притуплены. Ступни почти голые. Зубная система состоит из 36⁰ зубов; в верхней и нижней челюсти по шесть резцов, по четыре клыка, от двух до четырех ложнокоренных зубов или два ложнокоренных вверху и три внизу и, наконец, два коренных вверху и от двух до трех внизу. Верхняя часть черепа вытянута в длину и отличается очень сильно развитыми гребнями; шейные позвонки короткие и широкие, так же как и спинные; ребра прикрепляются к 14 или 15 позвонкам. Крестец состоит из 3-5, а хвост из 7-34 позвонков. Язык у медведей гладкий; желудок представляет собой простой мешок; толстая и тонкая кишка почти не отличаются одна от другой; слепая кишка отсутствует.

Медведи были известны уже в самые древние времена. В настоящее время они водятся по всей Европе, в Азии и Америке и в некоторых местах северо-западной Африки. Они обитают как в самых холодных, так и в самых жарких странах, как на высоких горах, так и на берегах Ледовитого океана. Почти все виды живут в густых, обширных лесах или горных местностях, большей частью уединенно. Одни виды предпочитают сырые, изобилующие водой местности: болота, берега рек, озер, морей, между тем как другие водятся в сухих местностях. Только один вид постоянно живет на берегу моря и почти никогда не углубляется внутрь страны. Медведи этого вида предпринимают далекие путешествия на больших льдинах, переплывают огромные пространства, даже Северный Ледовитый океан, и перебираются из одной части света в другую. Все остальные виды бродят по менее обширным пространствам. Большая часть медведей живет одиноко и только на время случки соединяется парами, но некоторые виды живут целыми обществами. Одни роют норы в земле или песке, где и устраивают берлоги; другие прячутся в дуплах деревьев или в горных пещерах. Почти все виды медведей — ночные животные: они выходят на добычу после заката солнца и большую часть дня спят в своих берлогах.

Хотя медведей можно в полном смысле слова назвать животными всеядными, однако они более всех остальных хищников способны питаться одной растительной пищей. Они едят не только плоды и ягоды, но и зерна хлебных растений в зрелом и незрелом виде, корни, сочные травы, почки деревьев и цветов и т. д. В юности питаются почти исключительно растительной пищей, но и в зрелом возрасте предпочитают в большинстве случаев эту пищу мясной. Вообще медведь ничем не брезгует и ест кроме вышеупомянутых растений и животных раков, улиток, червей, насекомых и их личинок, рыб, птиц и их яйца, млекопитающих и даже падаль, если она еще не очень тухлая. Появляясь вблизи человеческих жилищ, медведи могут причинить большой вред, особенно самые большие виды: мучимые голодом, они нападают даже на рогатый скот и производят большие опустошения среди домашних животных. Некоторые из них так смелы, что забираются в деревни. Для человека даже самые большие и сильные медведи только тогда опасны, когда их раздражат, испугают или ранят — одним словом, если чем-нибудь потревожат*.

** Это в общем случае правда, однако сила медведя, особенно крупного, очень велика; если он отпугнет или случайно заденет человека, то может его покалечить или убить.*

Движения медведей ошибочно называют неуклюжими и медленными. Большие медведи действительно двигаются обычно не особенно быстро и ловко, но зато они могут долго бежать; маленькие виды чрезвычайно быстры и проворны**.

* * *На небольшой дистанции бурый медведь способен развивать скорость до 40 км/час. По наблюдениям в природе, крупный бурый медведь легко догоняет более мелкого барibalа, который обычно спасается от своего сородича на дереве.*

Медведи при ходьбе опираются на всю ступню и осторожно ставят одну ногу перед другой, но стоит им чего-то испугаться, как они пускаются бежать быстрым галопом. В таких случаях даже самые большие медведи демонстрируют необычайную быстроту и ловкость. На задние лапы могут становиться даже самые неуклюжие медведи, и в таком положении, правда не особенно ловко и покачиваясь, делают они несколько шагов. Лазают почти все довольно хорошо, хотя из-за своего веса им это довольно трудно; по крайней мере, большие виды в старости почти совсем не могут влезать на деревья. Некоторые виды избегают воды, другие, напротив, отлично плавают, могут нырять очень глубоко и долго оставаться под водой. Полярного медведя можно часто встретить плывущим в море на далеком расстоянии от берега; в таких случаях остается лишь удивляться его выносливости и искусству. Большая сила медведей дает им возможность преодолевать все препятствия и очень помогает при хищнических набегах: они могут тащить за собой крупную скотину.

Из внешних чувств у медведя лучше всего развито обоняние; слух у них хороший, у некоторых даже тонкий; зрение и вкус не особенно развиты, осязание почти совсем не развито; однако у некоторых видов кончик морды служит органом осязания. Некоторые виды понятливы и умны и поддаются известной дрессировке. Их можно приручить, но они никогда не выказывают большой привязанности к своему хозяину. Кроме того, к старости дурные свойства их природы все больше выступают наружу: они становятся коварными, раздражительными и злыми, вследствие чего держать у себя в доме взрослых медведей всегда опасно*. Своё настроение медведь выражает различными интонациями голоса — глухим ворчаньем, фырканием или мурлыканьем, а иногда звуками, похожими на хрюканье, свист или даже лай.

* *Тем более опасно, что даже играющий медведь сравнительно небольшого размера может легко покалечить человека. «Дружеский», с точки зрения стокилограммового мишки, игривый шлепок лапой вполне способен сломать человеку ребра или предплечье.*

Все живущие на Севере большие виды медведей бродят только в течение лета, а с наступлением зимы удаляются в свою берлогу. Однако они вовсе не впадают в непробудный сон, а скорее дремлют в полусознательном состоянии, из которого тотчас же выходят, почуввав что-либо подозрительное**. Однако они почти никогда не выходят из берлоги и почти вовсе не едят. Достоинно внимания, что только живущие на суше медведи впадают в зимнюю спячку, между тем как белые медведи бродят даже в самую сильную стужу и только в самую страшную снежную метель спокойно ложатся на землю, предоставляя снегу засыпать их с головой.

* * *Зимняя спячка есть у трех видов медведей, живущих в областях с умеренным климатом: бурого, гималайского и барibalа. Перед спячкой медведи жиреют, увеличивая свой вес иногда более чем в полтора раза. Во время спячки они не питаются, температура их тела падает на 5-6А. Однако они периодически просыпаются, даже не будучи потревоженными, особенно в оттепели, и бодрствуют по нескольку часов, прежде чем снова заснуть.*

Беременная медведица удаляется в приготовленное ею заранее логовище и там родит от одного до шести детенышей, за которыми она ухаживает, которых кормит и защищает. Когда медвежата подрастают, становятся ласковыми, веселыми и игривыми зверьками.

Вред, причиняемый медведями, почти окупается приносимой ими пользой, тем более что они почти всегда живут в малонаселенных местностях, где не имеют возможности вредить людям. Шкуры почти всех видов идут в дело и ценятся как хорошие меха. Кроме того, их мясо едят, употребляют в дело кости, жилы и внутренности.

У самого известного вида медведей — **обыкновенного бурого медведя** (*Ursus arctos*)* мы замечаем большое разнообразие не только в окрасе и качестве шерсти, но и во внешнем виде и в форме черепа. Его обычно густая шерсть, которая на морде, животе и задней части ног длиннее, чем на остальном теле, может состоять из коротких или длинных, гладких или курчавых волос. Цвет ее переходит через все оттенки от черно-бурого до темно-рыжего или желто-бурого или от темно-серого и серебристо-серого до светло-рыжего; встречающийся у молодых животных белый ошейник сохраняется иногда до глубокой старости, иногда же появляется в старости вновь. Рыло бывает более или менее вытянуто, лоб иногда сплюснен, иногда — нет, туловище или очень коренастое, или несколько вытянуто; лапы длинные или короткие.

** Бурый медведь самый широко распространенный из медведей, населяет разнообразные лесные ландшафты, лесостепи, горные тундры и лесотундру и горные степи Европы, Ближнего Востока, Средней, Северной и Восточной Азии и Северной Америки. Он крайне разнообразен по размерам и окрасу. Самые мелкие его расы (населяющие юг Европы и Центральную Азию) не превышают по размеру крупную собаку, самые крупные (с Камчатки и Аляски) достигают высоты в плечах 1,5 м и веса 700 кг. Окрас варьирует от песчано-палевого до почти черного, но чаще, как и следует из названия, представляет оттенки коричневого.*

При 1-1,25 м в высоту в холке медведь достигает 2-2,2 м в длину, причем 8 см приходится на короткий хвост. Вес колеблется между 150-250 кг; впрочем, у больших и тучных он достигает 350 кг. В сытое время один только жир весит 50-100 кг; по уверению Кременца, в одном случае он весил более 140 кг.

Медведи распространены от Испании до Камчатки и от Лапландии и Сибири до Ливана и восточной части Гималаев. В Европе медведи населяют еще и поныне все высокие горы: Пиренеи, Альпы, Карпаты, Трансильванские Альпы, Балканские и Скандинавские горы, Кавказ и Урал, так же как и отроги этих гор и страны, к ним примыкающие; всю Россию, всю северную и среднюю Азию, за исключением голых степей, Сирию, Палестину, Персию, Афганистан, от Гималаев к востоку до Непала и, наконец, в Африке горы Атлас. Медведь часто встречается в России, Швеции, Норвегии, в Придунайских странах, в Турции, Греции; довольно часто — в горах Испании и Италии; почти не встречается в Швейцарии, Тироле, Франции и Австрии и, наконец, совершенно истреблен в Германии, Бельгии, Голландии, Дании и Великобритании. Единичные экземпляры появляются время от времени в горах Баварии, в Каринтии, Штирии, Моравии и, может быть, в Богемских горах**. Непременным условием жизни медведя служат высокие, сплошные и непроходимые или мало посещаемые людьми леса, изобилующие ягодами и другими плодами. От злейшего своего врага — человека он ищет спасения в логовищах, под корнями или в дуплах деревьев, горных пещерах, в темных непроходимых лесах и болотах с сухими островами.

** * Усиленная охота и уничтожение местобитаний привели к тому, что бурый медведь почти полностью исчез в большей части Европы, сохранившись там в виде маленьких изолированных популяций. Полностью исчез он в Атласских горах на северо-западе Африки, а также в Мексике, стал крайне редок в Тибете и некоторых других регионах.*

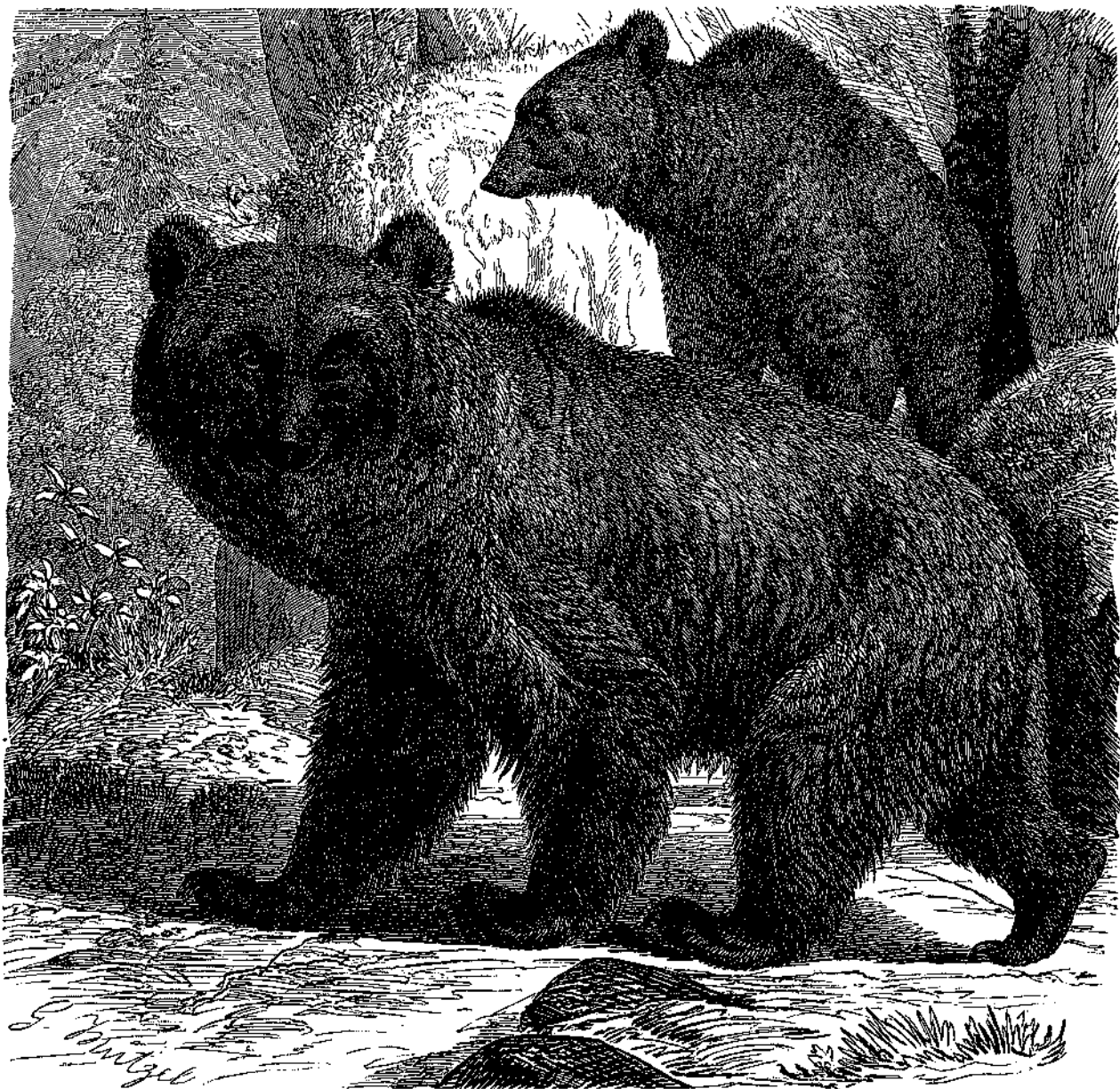
Медведь — самый неуклюжий и косолапый хищник Европы и, как большая часть его ближайших родичей, неловкое и глуповатое животное. Однако неловкость его движений больше кажущаяся, чем действительная. Он иноходец, следовательно, при ходьбе и беге становится одновременно то на обе правые, то на обе левые лапы, поэтому все время тяжело переваливается из стороны в сторону; при ускоренном беге пускается в очень быстрый галоп, легко догоняет человека и во многих случаях выказывает проворство и ловкость, которые в нем едва ли можно было подозревать. В гору бежит еще быстрее, чем на ровном месте, чему способствует длина его задних ног; с горы он может спускаться только медленно, так как иначе легко перекувыркнулся бы через голову. Кроме того, он отлично плавает и искусно лазает; впрочем, в старости, когда становится очень жирным и тяжелым, избегает лазания по деревьям, особенно если ствол их гладкий и не имеет сучьев. Огромная сила и крепкие когти облегчают медведю лазанье: он может влезть даже на очень крутые склоны скал. Из пяти чувств у него лучше всего развиты обоняние и слух; зрение, напротив, довольно плохое; вкус, кажется, очень хорошо развит.

Кременец представил нам многие наблюдения, касающиеся тонкости чувств медведя. По его словам, медведь слышит в лесу при тихой погоде шелканье курка на расстоянии 70 шагов, треск ломающегося под ногами хвороста в палец толщиной за 135 и довольно тихий свист за 60 шагов. Медведь, лежавший в зимней берлоге, выглянул из своего убежища при приближении охотников уже за 210 шагов, хотя к нему подходили очень осторожно, на лыжах и против ветра. Ручные медведи этого наблюдателя узнавали своего хозяина за 50-70 шагов; но на 80-100 шагов их зрения уже не хватало; хлеб, намазанный медом, чуяли они в траве за 30 шагов, а когда это лакомство было спрятано в кротовой норе — за 20 шагов.

О характере медведя издавна получают самые благоприятные отзывы. «Ни одно хищное животное, — говорит Чуди, — не бывает таким забавным, таким добродушно веселым и любезным, как наш добрый мишка. У него честный, открытый характер, без коварства и фальши. Способность лукавить и хитрить у него весьма мало развита. Всего того, что лисица старается достигнуть умом, орел — стремительностью, медведь добывается прямой, открытой силой. Он не подстерегает долго добычу, не старается обойти охотника или напасть на него сзади, не пускает тотчас в ход свои страшные зубы, которыми может все легко разгрызть, но старается задушить свою добычу сильны-

ми лапами и кусает только в крайнем случае, не выказывая при этом большой кровожадности, так как вообще, будучи довольно кроткого нрава, охотно поедает растительную пищу. Внешний вид его более благороден, внушает доверие и более дружелюбен, чем внешний вид волка. Он не пожирает трупы людей, не ест себе подобных, не бродит ночью по деревне в надежде схватить и утащить ребенка, но остается в лесу, где охотится, не принося вреда человеку. Бытует весьма неверное представление и относительно его предполагаемой медлительности: во время опасности он приходит в бешенство и становится очень ловок и подвижен».

Я не могу согласиться с этой характеристикой. Медведь может, конечно, казаться смешным, но он вовсе не добродушен и не любезен: храбрость демонстрирует только тогда, когда нет другого средства к спасению; он скуп одарен умственными способностями, довольно глуп, равнодушен и ленив. Его добродушие обуславливается скорее неумением добывать добычу, а смешным он кажется нам из-за своей наружности. Кошка смела, собака смыслена, медведь же глуп, груб и неуклюж. Его зубы приспособлены не только для поедания мясной пищи, поэтому он редко нападает на животных.

Бурый медведь (*Ursus arctos*)

Осторожный наблюдатель не должен упускать из виду, что не только отдельные экземпляры, но и большинство населяющих различные местности медведей могут обладать совершенно различными свойствами в зависимости от того, какие обстоятельства влияют на его нрав и образ жизни. Это подтверждается как отдельными случаями, так и многочисленными опытами. Недавно старший лесничий Кременц издал весьма поучительное сочинение, в котором описал плоды своих многолетних наблюдений над медведями, живущими в болотах около местечка Ракитно в Киевской губернии, причем он подчеркивает, что его наблюдения не могут служить полной характеристикой всех мед-

ведей, живущих в разных местностях. «Вообще, — говорит Кременец, — медведя нельзя назвать жестоким или кровожадным. Если бы он был кровожаден, то имел бы возможность демонстрировать это ежедневно то тем, то другим способом, и тогда при его необыкновенной физической силе пришлось бы, вероятно, принимать гораздо более энергичные меры для его преследования. Мне ни разу не случилось видеть, чтобы медведь во время своих странствований и встреч с человеком сам напал на него. Напротив того, в подобных случаях он спешит обратиться в бегство или, сознавая свою силу, не обращает внимания на жалкое существо и выражает свое неудовольствие при встрече с ним притворным наступлением, сопровождаемым отрывистыми ворчливыми звуками. По своей натуре медведь скорее добродушен, хотя ему все-таки вполне доверять нельзя; он особенно не любит, чтобы его дразнили или внезапно нарушали его покой. Одна из главных черт его характера — флегматичность. Он очень любит покой, и в его нападениях видны некоторая откровенность, прямота и рыцарство — свойства, не имеющие ничего общего с кровожадностью волка или коварством рыси. В нем даже замечаются проявления чувства юмора.

"Недоверчивость никогда не покидает медведя и всегда руководит всеми его поступками. Тот, кто наблюдал медведей на свободе, кто воспитывал их, долгое время занимался ими, тот не мог не заметить, какими подозрительными взглядами медведи следят за каждым движением и действием человека: с виду безучастное, животное, однако, недоверчиво сторожит каждый шаг человека и при малейшем его приближении отступает в сторону или назад. Я могу еще сообщить следующее: часто случается, что медведь идет по следу лесного сторожа, который отыскивает его берлогу, и только тогда возвращается в нее, когда убедится, что с этой стороны опасность миновала. Вследствие этой сильной недоверчивости невозможно предвидеть действия и поступки медведя; в ней заключается и невозможность полностью его приручить; поэтому на медвежьей охоте следует соблюдать величайшую осторожность. Частые встречи медведя с людьми (пришедшими в лес за ягодами или грибами, дровосеками и т. д.) почти всегда оканчиваются довольно миролюбиво: медведь довольствуется ворчанием или, в крайнем случае, когда его раздражат, несколькими не совсем нежными толчками и ударами лап. По большей части он обращается в бегство. Вообще мужества у медведя мало; только в затруднительных обстоятельствах, когда на охоте он загнан людьми и собаками, решается для своего спасения храбро напасть на человека, толкает его передними лапами в снег и наносит когтями незначительные раны. Замечено, что те медведи, которые зимой очень отощали, весной особенно смело нападают на домашний скот. Впрочем, я заметил, что эта склонность свойственна большей частью отдельным семействам медведей, а среди них у отдельных экземпляров передается потомству. Так, например, почти все медведи, живущие в Шитинской волости, отличаются большой свирепостью, в то время как в других местностях, несмотря на то что они ежегодно убивают несколько голов скота, эти хищники вообще гораздо более миролюбивы и менее кровожадны. Мне удалось в течение нескольких лет наблюдать жизнь медведей вышеупомянутого округа, и могу сказать, что единичные экземпляры этих животных отличались необычайной кровожадностью и усердно занимались хищничеством даже в те времена года, когда вовсе не страдали от недостатка в пище. Так, один медведь в июле 1871 года, пробираясь с юга на север этой области, зарезал в течение дня до 23 голов рогатого скота, а в августе того же года — еще 8 голов, причем не попользовался мясом ни одной из своих жертв».

Вот как описывает Стеллер в первой половине прошлого столетия образ жизни медведя на самой северной границе области его распространения: «На Камчатке медведи водятся в бесчисленном количестве; целыми стадами бродят они по пустыням. Не будь они там еще более, чем где-либо, смиренны и миролюбивы, они опустошили бы давно всю Камчатку. Весной медведи группами спускаются с гор от истоков рек, куда переселились осенью для добывания пищи и для зимовки. Они появляются у устьев рек, стоя на берегах, ловят рыбу, выбрасывают ее на берег и во время обильного лова съедают, подобно собакам, только головы. Если находят поставленную кем-нибудь сеть, то вытаскивают ее из воды и вынимают рыбу. К осени, когда рыба поднимается вверх по течению, они вместе с ней так же медленно поднимаются в горы. Если человек заметит медведя, то окликает его издали и уговаривает вступить с ним в дружбу. Женщины и девушки не боятся присутствия медведей, когда собирают на торфянике ягоды. Если медведь и нападет на них, то разве для ягод, которые он отнимает и съедает. Вообще, в тех местностях медведи нападают на людей только в тех случаях, когда их внезапно разбудят. Редко случается, чтобы медведь напал на охотника даже после выстрела. Они там так смелы, что вламываются в дома, как воры, и обшаривают все, что попадет-ся**».

** Всеядность медведя делает его не таким зависимым от собственного физического здоровья, как прочих хищников. Даже раненый или больной медведь может долгое время успешно*

прокармливать себя, дожидаясь восстановления физических сил. Эта особенность позволяет медведю быть менее осторожным и во время охоты, и при контакте с потенциальной опасностью, что в описании Брема трактуется как «открытость» и «благородство».

Зубная система медведя свидетельствует о том, что он животное всеядное, но его рацион состоит преимущественно из растительной пищи. Разными насекомыми, такими, как жуки, слизни, он тоже при случае любит полакомиться. Месяцами довольствуется подобной пищей, наедается, как рогатый скот, всходами ржи или сочной травой, ест зреющие злаки, почки, овощи, желуди, лесные ягоды, грибы; разрывает муравейники, лакомится как личинками, так и муравьями, кислота которых, кажется, особенно ему по вкусу; выскивает пчелиные ульи, которые предоставляют ему лакомую и особенно вкусную пищу. В Сибири и Туркестане, так же как и в других местностях, он для пчеловодов очень опасный гость. Кременец говорит, что медведь безошибочно умеет находить те ульи, в которых больше меда. Ульи, которые прикреплены к деревьям, он сбрасывает на землю и уносит на далекое расстояние, прежде чем начать лакомиться медом. Очень часто доступ к тем ульям, которые прикреплены к деревьям, для медведя весьма затруднителен, потому что опытные крестьяне стараются оголить ствол дерева на большую высоту и окружить его крепким частоколом, который медведь должен или разрушить, или перелезть через него с большим искусством. Пойманный с поличным, он поспешно убегает, скатывается по стволу на землю, а если ему мешает забор, перелезает через него, не причинив себе при этом большого вреда. Нападения пчел для него весьма чувствительны: он ревет от боли, катается по земле, старается лапами сорвать своих мучительниц; если же ему становится совсем плохо, бежит без оглядки. Однако рано или поздно возвращается назад, чтобы добыть любимое лакомство. В лесах гор Малого Хингана медведь перемещается в июне и июле, когда еще нет ягод, поваленные ветром деревья и ищет в их гниющей сердцевине жуков и личинок. По таким перевернутым стволам и разрытым муравейникам узнают о его присутствии. Только начинают поспевать ягоды, как он принимается за них, а также пригибает к земле молодые плодовые деревья и кустарники, чтобы достать их плоды. Когда хлеб, особенно овес и маис, начинает наливаться, медведь появляется на полях, садится на землю и в таком положении ползает туда и сюда, чтобы с большим удобством подносить ко рту колосья; таким образом в одну ночь он опустошает довольно большие пространства. В осенние месяцы отыскивает опавшие желуди или буковые орешки, а в сибирских лесах — кедровые орехи; по словам Радде, медведь влезает на кедровые деревья, отламывает их верхушки, чтобы достать наполненные орехами шишки. Он не прочь предпринять и большое путешествие в то время, когда зреют особенно любимые им лесные ягоды и плоды. «Кроме овощей и орехов, — говорит Кременец, медведи любят еще желуди. В урожайные годы они составляют его любимую еду, для добывания которой медведь пускается в дальние странствования. Случается нередко, что ко времени созревания желудей в дубравах появляются целые группы медведей. Однажды в октябре в Бобруйском уезде удалось выследить во время одной облавы в большом дубовом лесу до одиннадцати медведей, и, кроме того, не меньшее их число прорвало цепь. От желудей и хлебных зерен медведи становятся жирными, между тем как мясо, ягоды, овощи и овес мало прибавляют ему сала. Но любимое лакомство медведя все-таки мед, который он без усталости отыскивает осенью».

Пока у медведя растительная пища в изобилии, он довольствуется ею. Но, раз попробовав животной пищи, делается хищником в полном смысле этого слова. Добычу свою он высматривает и выслеживает, рогатый скот, как говорят, старается утомить преследованием, особенно когда тот пасется на высоких горах, загоняет его в пропасть, после чего осторожно сам спускается вслед за ним и наедается досыта. Успех увеличивает его смелость. На Урале медведь считается злейшим врагом лошадей. Извозчики и почтальоны отказываются иногда ехать ночью лесом, хотя почти не было случая, чтобы медведь нападал на запряженных в экипаж лошадей; те же лошади, которые пасутся на свободе в лесу, никогда не гарантированы от его нападений. Один знакомый охотник на медведей, Бекман, рассказывал мне, каким образом медведь нападает на свою добычу. Однажды несколько лошадей паслись в болотной чаще на виду у сидящего в засаде охотника. В это время появился медведь и стал осторожно подкрадываться к лошадям, пока они его не почували и не пустились поспешно в бегство. Медведь последовал за ними могучими прыжками, в удивительно короткое время настиг одну из лошадей, ударил ее одной лапой по затылку, другой схватил за морду, повалил на землю и растерзал ей грудь. Когда он увидел, что другая из бегущих лошадей хромотает и не может спастись, он, бросив свою добычу, побежал за второй жертвой, быстро настиг ее и убил точно так же. Обе лошади громко ржали.

Раз осмелившись, медведь подходит к хлевам, старается взломать дверь или, как это случается иногда в Скандинавии, разбирает крышу. Необыкновенная сила позволяет ему даже уносить с

собой больших животных. Несколько примеров этой страшной силы приводит Кременец. Один медведь в предсмертной схватке сломал сосновые колья от восьми до десяти сантиметров толщиной. Другой, взяв в передние лапы только что убитую и еще трепещущую корову и идя на задних лапах, перенес ее через ручей в лес. На сидевшего у огня полесовщика напал сзади неожиданно вышедший из зимнего логовища медведь и «раздробил ему сильным ударом передних лап череп, так что смерть последовала мгновенно». Наконец, четвертый медведь вытащил из ямы, в которую он свалился, еще живого взрослого лося, весившего 300 килограммов, и протащил его полкилометра по болоту*.

** Известен случай, когда медведь-гризли весом 360 кг убил и унес бизона весом 450 кг. Тупые зубы медведя — плохое орудие убийства, и убивает он жертву преимущественно передними лапами, действительно наделенными огромной силой. По окалечив добычу при помощи лап, медведь может пустить в ход и клыки, хватая животное за горло, как многие крупные хищники.*

Олени, косули и серны благодаря своей осторожности и быстроте бега довольно часто избегают медвежьих лап, но на севере Скандинавии он гоняется за лосем довольно усердно. Барсучьи норы иногда посещает и заглядывает в их отверстия. Бывает, что волки беспокоят медведя во время зимней спячки, преследуют подстреленных и даже осмеливаются нападать на медведицу, которая упорно и безуспешно защищает своих детенышей. Ни одного четвероногого животного медведь не ненавидит и не боится так, как собаку. «Лошади, — говорит Кременец, — в наших местах редко становятся добычей медведя, свиньи же, овцы и козы — почти никогда, хотя я не могу утверждать, что несколько случаев исчезновения домашних животных, приписываемых волку, не могли быть делом медведя. Из дичи медведь убивает только лосей, кабанов и косуль, преследует также тетеревов и рябчиков и не брезгует даже яйцами последних. Медведь подкрадывается к своей жертве или ожидает ее в углублении, в засаде, прикрытый низкорастущей сосной, молодым ельником или густым ивняком и хворостом. Если одна из его жертв, особенно отделившаяся от стада, приближается к нему, он необыкновенно быстро набрасывается на нее и сильным ударом по спине старается свалить с ног и одолеть, причем вонзает острые и длинные когти своих передних конечностей глубоко в тело, нередко отрывая вместе с кожей куски мяса, и одновременно убивает свою добычу, прокусывая ей горло. У большей части убитых медведем коров и быков, которых я осматривал, были раны на боках и на шее». С приближением зимы медведь готовится себе берлогу между скалами или в пещерах, а также в дуплах деревьев, или в лесной чаще, или на сухих кочках среди болот. Князь Василий Радзивилл сообщает как свидетель, что в Минской губернии в 1887-1888 годах медведь устроил берлогу даже на дереве. Медведь покоился среди сплетенных сучьев раздвоенного ствола великолепной ели на высоте одиннадцати метров над землей. Впрочем, это животное не в первый раз выбирало себе такое ложе: уже в начале предшествующей зимы оно поселилось на другом, более низком дереве, но, вспугнутое любопытными наблюдателями, покинуло его. Логовище свое медведица тщательно устилает мхом, листьями, травой и ветками и таким образом готовится красивое и удобное ложе. В Галицийских Карпатах медведица предпочитает располагаться на зиму в дуплах очень толстых стволов деревьев, если отверстие не слишком широко. Еще до первого снега убирает она зимнее жилище, очищая дупло от земли, гнили и других нечистот.

При наступлении морозов медведь забирается в убежище и погружается в зимнюю спячку. Время, когда медведь осенью залегает в берлогу, весьма различно и зависит от климата и состояния погоды. Медведица удаляется в берлогу уже в начале ноября, а медведь продолжает бродить еще в декабре (в чем я сам убедился в Кроации посредством рассматривания следов), не обращая внимания на снег и мороз. По уверению русских охотников на медведей, это животное, прежде чем залечь в зимнее убежище, тщательно обходит окрестности и, если заметит следы человеческих ног, тотчас перебирается на другое место. Зимой во время оттепели он даже в России выходит из берлоги, чтобы напиться или поесть. «В начале зимней спячки, — говорит Левис, — им, по-видимому, гораздо легче оставлять берлогу, чем посреди зимы. Не подлежит сомнению, что медведи в Лифляндии лежат зарывшись в снег в течение трех-четырех месяцев, не принимая никакой пищи, в результате чего желудок их оказывается совершенно пустым».

Если зима теплая, то спячка медведя продолжается недолго, а в более теплом климате он, вероятно, и не думает об устройстве зимнего убежища. Об этом можно судить по медведям, содержащимся в зоологических садах. Там они вовсе не спят и ведут себя зимой почти так же, как и летом, а в теплые зимы спят разве что немного дольше, чем летом. Ко времени рождения детенышей медведица бывает вполне бодра; на воле она спит до и после родов так же крепко, как и медведь, в неволе, как я убедился из собственных наблюдений, не ест в это время ничего. Так как летом и осе-

ню медведь обычно отлично питается, то ко времени зимней спячки бывает весьма жирен и этим жиром питается отчасти и в течение зимы. К весне он, как и все животные, подверженные зимней спячке, очень сильно худеет. Древние, которым это было известно, заметили, что лежащий медведь имеет обыкновение лизать свою лапу, и заключили из этого, что он высасывает из лапы жир. Этим сказкам верят и рассказывают их и по сие время. Совершенно справедливо, что медведь во время зимней спячки, когда на его ступнях линяет кожа, сосет их, причем ворчит и чмокает, что слышно и на дальнем расстоянии; вероятно, он это делает, чтобы ускорить линьку, а может быть, и облегчить боль.

О размножении медведей мы не имеем точных сведений, и это тем более удивительно, что данные животные относятся к тем хищникам, которых часто держат в неволе. Проведено, правда, довольно много наблюдений, касающихся спаривания, беременности и родов медведицы; но эти наблюдения почти все сделаны над животными, жившими в неволе. Впрочем, они настолько идентичны, что, вероятно, могут относиться и к медведям, живущим на свободе. Соположение происходит в мае или начале июня, так как половое возбуждение продолжается целый месяц. Линней определяет беременность в 112 дней, так как считает октябрь временем соположения. В действительности беременность продолжается по крайней мере шесть месяцев, вероятно, даже более*. Кнауэр нашел (в Карпатских горах) 11 марта в берлоге, обысканной им после смерти медведицы, двух медвежат величиной с кролика; он полагает, что им было пять-шесть недель. Медведица мечет большей частью от двух до трех детенышей, иногда одного или четырех, редко пять.

** Беременность у бурой медведицы продолжается 180-266 дней, детеныши (от 1 до 4, обычно 2) рождаются в январе—марте. Детеныши покидают убежище в пятимесячном возрасте. Медведица вновь спаривается только на второй-третий год после рождения медвежат.*

Наблюдения Кременца относятся не к одним только медведям, жившим в болотах Ракитно, хотя при большей области распространения этих животных могут случиться и отступления от общего правила.

По словам Кременца, течка у медведиц начинается в середине лета — с 15 июня по 15 августа. До настоящих битв между самцами дело, кажется, никогда не доходит, хотя к одной самке нередко сходятся по нескольку самцов. Однажды было замечено, что за одной медведицей следили три самца и самый юный и слабый из них был признан любимцем, по крайней мере он шел непосредственно за медведицей. По прекращении полового возбуждения самцы и самки расходятся в разные стороны, а медведица ходит опять с детенышами, которые и во время течки все-таки следуют за матерью на почтительном отдалении. Нельзя определить с достоверностью, достигает ли медведь половой зрелости раньше пяти-шестилетнего возраста, но Кременец по некоторым признакам считает, что это случается раньше. «Медведица родит обыкновенно между 1 декабря и 10 января; редко раньше, иногда немного позже. Из 31 случая родов 16 приходится на время от 1 декабря по 1 января: 13 — на время с 1 по 10 января, 2 — на время с 10 по 20 января. В первый раз медведица мечет от одного до двух детенышей, позже — до трех, а в последующие годы число детенышей колеблется между двумя и тремя и редко доходит до четырех. Зимой 1870/71 годов я сам нашел у убитой мной необыкновенно рослой медведицы пятерых медвежат, но это был второй в этой местности случай в течение 50 лет. Судя по зубам, матери было около 14 лет; она была чрезвычайно зла и поранила довольно серьезно несколько человек, прежде чем ее убили. Старые медведицы приносят меньшее число детенышей, доходят опять до одного, несколько лет вовсе не родят и в конце жизни совершенно прекращают деторождение».

Из своих наблюдений над убитыми медведицами я могу определить это время между 16-18 годами. Кременец, правда, не говорит определенно, что медведица родит ежегодно, но это само собой разумеется из многих его рассказов. Он пишет, между прочим: «Медведица, пока не беременна, живет совместно со своими годовалыми детенышами. Впрочем, я два раза наблюдал действительно редкий случай, когда мать прогнала двух годовалых медвежат, вероятно, вследствие новой беременности. В таких случаях она не терпит около себя старших медвежат, кусает и бьет их, пока они не оставят ту местность, где она живет. С этого времени детеныши становятся самостоятельными, не зависят больше ни от семьи, ни от матери и сами заботятся о своем пропитании».

Мать устраивает для своих детенышей настоящее гнездо; говорят, впрочем, что она их рождает иногда и в снегу. Если ее потомству грозит какая-нибудь опасность, она переносит медвежат в зубах на далекое расстояние. Достоинно внимания, что мать в случае опасности храбро защищает своих уже почти взрослых и сильных детенышей. Медведица с медвежатами считает себя полной властительницей всей той местности, которую избрала для своего местопребывания, и всякое посягательство на свои права встречает нападением на нарушителя. Некоторые медведицы наводят

ужас на всех, кому надо проходить по ее владениям, и ограждают даже дороги; смельчак, который пустился бы по этой местности без собаки, рисковал бы жизнью. Медвежата через четыре месяца уже настолько вырастают, что могут следовать за матерью; она учит их лазать по деревьям, находить пищу и вообще обучает всей медвежьей науке.

Покинутые матерью молодые медвежата, говорят, бродят в течение лета поблизости от старой берлоги, куда забираются в дурную погоду; если их не отгоняют старые медведи, они охотно сходятся с младшими братьями. Наблюдение русских крестьян, сообщенное нам впервые Эверсманом, проливает своеобразный свет на подобные слияния медвежьих семейств. Крестьяне эти имели случай видеть, что медведица поручает своим старшим детенышам присмотр за младшими, по этой причине двухлетние медвежата, гуляющие с матерью и братьями, называются «пестунами». Эверсман рассказывает следующее об одном медвежьем семействе, которое переправлялось через Каму: «Когда медведица перебралась уже на противоположный берег, то заметила, что пестун медленно крадется за ней, не обращая внимания на младших братьев, оставшихся на другой стороне реки; как только он приблизился, мать дала ему пощечину, после которой он, поняв в чем дело, тотчас повернул назад и вернулся к матери, держа в зубах одного из младших братьев. Мать наблюдала за ним, пока он вновь не переплыл реку за другим братцем, но, увидев, что пестун уронил свою ношу на самой середине реки, она бросилась в реку, опять побила его, после чего он поспешил исправить ошибку, и семейство спокойно продолжало свой путь». Среди русских крестьян и охотников ходят слухи, будто медведица к каждому младшему детенышу приставляет пестуна. В его обязанности входит присматривать за маленькими медвежатами, скрытыми в чаще, пока мать подстерегает добычу или насыщается убитым животным, которого не в силах утащить. Зимой пестун живет в ее берлоге и освобождается от своей обязанности только тогда, когда найдется на его место другой большой медвежонок. Поэтому можно при случае увидеть четырехлетнего пестуна при медвежьем семействе.

Пяти-шестимесячные медвежата чрезвычайно забавны. Они очень подвижны, но неуклюжи; поэтому понятно, что иногда они проделывают преуморительные штуки. Их детский нрав проявляется в каждом поступке. Они очень игривы, шаловливо лазают по деревьям, борются, как задорные мальчишки, прыгают в воду без всякой причины и повода, бегают взад и вперед и учиняют массу проказ. Своему сторожу они не выказывают особенной нежности, одинаково ласковы со всеми людьми и почти не отличают одного от другого. Кто их покормит — тот им и друг, кто их рассердит — тот враг, и они и обращаются с ним как с врагом. Медвежата раздражительны, как дети, любовь их приобретает легко, зато так же легко и утрачивается. Уже после шести месяцев они по характеру становятся похожими на старых медведей: делаются злыми и сварливыми, обижают слабейших животных, кусают и царапают даже своего хозяина, так что одни только побои могут укротить их. С годами медведи становятся еще свирепее, прожорливее, кровожаднее и опаснее. Их можно, конечно, воспитать, выучить каким-нибудь немудреным штукам, но доверять им вполне, как вообще всем глупым существам, невозможно: следует всегда опасаться их злобы и коварства, соединенных со страшной силой. Поэтому их можно еще держать в зоологических садах или водить на цепи для показывания различных фокусов, но никогда нельзя выдрессировать настолько, чтобы близкое сожителство с ними было безопасно для людей. Многие пытавшиеся воспитывать неукротимое и коварное животное испытали это на себе: некоторые из тех, кто производил подобные опыты, поплавились опасными ранами и даже жизнью.

Это мнение подтверждает и Кременец. «Никогда не дремлющее недоверие медведя, — говорит он, — делает его неспособным к искренней дружбе и любви к людям; приобрести его привязанность ласками — неосуществимая мечта».

Неизвестно еще наверняка, сколько лет длится рост медведя, но следует думать, что медвежонок к шести годам вырастает в настоящего медведя. По-видимому, медведи достигают довольно преклонных лет. Были случаи, что они выживали в неволе до 50 лет, а медведицы рожали 31 года от роду*.

** Эта цифра продолжительности жизни в неволе подтверждена и в современной литературе. Бурые медведи достигают половой зрелости в возрасте 4-6 лет, но продолжают расти и после этого, до 10—11 летнего возраста.*

Охота на медведя — вещь опасная, но страшные истории, которые прежде рассказывали опытные охотники, считаются теперь вымыслом. Хорошие собаки, перед которыми все медведи испытывают необыкновенный страх, остаются при всех обстоятельствах лучшими помощниками охотника. В юго-восточной Европе на медведя охотятся большей частью облавой в тот период, когда он нагуляет жир, засадой — реже и в исключительных случаях — до или во время зимней спяч-

ки; в России же для охоты предпочитают именно это последнее время. Так как медведь бежит от охотников, то после того, как опытные охотники определили место его нахождения, можно как на облаве, так и в засаде почти всегда рассчитывать на полный успех, конечно только в том случае, если известны его излюбленные тропинки. Хладнокровие и верная рука, хорошее пристреленное оружие — необходимые условия для удачной медвежьей охоты.

"Очень распространенное мнение, — пишет Кременец, — что медведи при нападении всегда поднимаются на задние лапы, вполне ошибочно; в таком случае его нападения легче было бы отразить. Я собственноручно убил 29 медведей, видел, как стреляли в 65 других животных этого рода, присутствовал при том, как медведи всех сортов и величин встречали охотников, и сам не раз подвергался их нападениям; но при мне только один медведь и одна медведица при нападении поднимались на задние лапы и таким образом шли некоторое расстояние навстречу своему врагу. Я не хочу утверждать, что это явление, которое так часто описывалось во многих охотничьих рассказах и прежних научных исследованиях, никогда не случается, но мне кажется, что эти случаи чрезвычайно редки. Нападение медведя всегда внезапно и быстро, причем он или старается коротким и сильным ударом передней лапы поразить противника, или, подбежав быстрой рысью к охотнику, вдруг резким движением поднимается на задние лапы и мощным толчком валит его на землю или же наносит сильный удар и сразу кусает, но если люди и собаки недалеко, то медведь никогда не остается долго около своей жертвы и старается убежать». В Гималаях медведь, по словам Блэнфорда, слывет вполне безвредным, ибо он сам никогда не нападает на людей, редко даже ранит, если ему случится защищаться. Кинлох, который убил там много медведей, на основании своего большого опыта вывел такое же заключение: он никогда не видел, чтобы медведь бросался на человека, и никогда об этом не слышал. По его словам, только совершенно загнанный медведь может, прорываясь сквозь цепь загонщиков, повалить человека, при случае даже ударить и укусить его, но все это с целью проложить себе путь к бегству. То, что он поднимается на задние лапы, чтобы обнять и задушить своего противника, следует считать басней.

Кроме обычной охоты на медведя его истребляют и разными другими способами в тех местностях, где он наносит большой вред. В Галиции и Семиградии ставят на его пути капканы, прикрепляют к ним цепь, а к ней посредством длинной крепкой веревки — большую колоду. Медведь ступает на капкан, тщетно старается от него освободиться или перегрызть цепь, в результате прикручивает себя к дереву, выбивается из сил и печально погибает. Охотник, который каждые два дня обходит медвежьих тропинки, узнает путь медведя по следу протасченного капкана, цепи и колоды. «Азиаты, — говорит Стеллер, — строят целое здание из бревен, которые лежат друг на друге и тотчас же валятся и убивают медведя, как только он ступит в ловушку. Они вырывают также ямы, в которых укрепляют острый гладкий обожженный кол, выступающий из земли на несколько футов, ямы же прикрывают травой».

Можно привести примеры и других остроумных ловушек для медведей. На землю кладут доски с торчащими вверх гвоздями и прикрывают их травой; медведь ступает ногой на гвоздь, начинает топтаться на месте, другие лапы также попадают на гвозди, и медведь ложится на спину, причем доски ему мешают видеть, и он делается легкой добычей охотника. Вешают также на дерево, где находится дупло с пчелами, тяжелую колоду; медведь борется с ней, подталкивая ее лапой, а она с размаху его бьет. Иногда устраивают ловушки из частокола в виде узкого кругового коридора, и медведь сам затворяет дверь, проходя вторично мимо нее. Все эти способы, однако, должны еще быть проверены достоверными очевидцами. В Норвегии, России, Испании против медведя выступают опытные, смелые люди, которые в сопровождении нескольких собак, вооруженные только вилами и ножом, борются с ним не на жизнь, а на смерть*.

* *Охота на медведя с так называемой рогатиной (подобие короткого копья с длинным лезвием и поперечной перекладиной) была широко распространена по всей России еще в начале нашего века. Охота эта была весьма опасной и требовала от охотника большой физической силы и определенных навыков.*

Выгода, приносимая медвежьей охотой, весьма значительна: мясо ценится довольно высоко; жир, который славится как хорошее средство от выпадения волос, тоже сбывается легко и дорого оплачивается; жир этот белый, не твердеет и не горкнет в закрытых сосудах; в свежем состоянии он имеет противный вкус, который исчезает, когда его сварят с луком. Мясо молодых медведей имеет нежный приятный вкус; жареные или копченые окорока взрослых жирных медведей считаются лакомством. Особенно ценятся гастрономами лапы, однако нужно прежде к ним привыкнуть, так как освобожденные от меха и приготовленные для жаркого они производят отвратительное впечатление своим необыкновенным сходством с огромной человеческой ногой. Медвежья голова слывет

также превосходным блюдом. Меха медведя оценивается в зависимости от его размера: шкура мелких пород почти ничего не стоит, мех же больших медведей, по словам Ломмера, стоит от 60 до 250 марок.

На Урале крестьянки приписывают когтям, а остяки — клыкам медведя таинственную силу. Медвежий охотник на Урале должен тщательно караулить шкуру убитого им зверя, иначе девушки выкрадут у него когти, так как, по поверью, коготь четвертого пальца правой передней ноги имеет необыкновенную чудодейственную силу: если девушке удастся тайно царапнуть им любимого парня, он страстно полюбит ее. Медвежий зуб служит остяку талисманом, спасающим его от болезней и опасности; он также имеет свойство изобличать обман и коварство. Не нужно поэтому удивляться, что многие народности, живущие в весьма отдаленных друг от друга местностях, убив медведя, устраивают празднество с пирушкой. Обитатели обширных болот Полесья кроме медвежьего меха очень высоко ценят желчь, которой приписывают целебную силу: говорят, что она помогает от лихорадки. Поэтому после счастливой охоты участники ее обильно угощаются водкой, к которой примешивают немного желчи убитого животного. В начале прошлого столетия немецкие князья считали особым удовольствием травить содержащихся в неволе медведей большими собаками. С этой только целью они держали несколько медведей в особых огороженных местах. «У Августа Сильного, — рассказывает Флемминг, — жили два медведя, и случилось, что один из них однажды убежал из сада в Августенбурге, схватил в мясной лавке целую четверть теленка и, когда жена мясника хотела его выгнать, растерзал ее и ее детей; тогда подросли люди и застрелили его самого». Предназначенного для травли медведя привозили на место охоты в ящике, который можно было издали, дернув за веревки, открыть сразу со всех сторон и таким образом мгновенно освободить медведя. Тогда выпускали на него больших, тяжелых собак; если им удавалось схватить медведя, то одному человеку уже нетрудно было справиться с ним. На дворе Дрезденского замка в 1630 году в течение недели были устроены три медвежьих травли. На двух первых семь медведей должны были бороться с собаками, на третьей — с большими кабанами, из которых пятеро остались на месте; из убитых медведей один весил восемь центнеров. Как правило, знатные господа сами убивали охотничьим ножом задержанного собаками зверя, но Август Сильный имел обыкновение отрубать ему голову.

И в настоящее время устраиваются иногда подобные травли. На мадридских аренах медведей заставляют бороться с быками, а в Париже еще в начале нынешнего столетия травили собаками сидящих на цепи медведей. Кобелл, которому удалось присутствовать при подобном зрелище, рассказывает, что медведь яростно отбивался от нападающих собак направо и налево своими могучими лапами, причем страшно ревел; когда же собаки разгорячились, он некоторых сгреб под себя и раздавил, других же отшвырнул в сторону, тяжело израненных*.

** К счастью, можно надеяться, что практика подобных бесчеловечных «развлечений» полностью осталась в прошлом.*

Римляне получали медведей преимущественно из Ливана, хотя рассказывают, что им случалось вывозить их из северной Африки и Ливии. Их рассказы о нравах медведей сильно смахивают на сказку. Аристотель описывает медведей, как и других животных, вернее всех. Плиний прибавляет от себя несколько басен; Опиан дает подробный отчет о славных медвежьих охотах армян на берегу Тигра; Юлий Капитолий описывает общественные игры в цирке, при которых он присутствовал, и сообщает, между прочим, что при Гордиане Первом на арену доставлено было до тысячи медведей в один день.

Ближайший и родственнейший бурого медведя следует признать живущего по всей северо-восточной Америке **гризли** (*Ursus arctos*)**, которого американцы в шутку прозвали Старым Ефремом. Строением тела и видом он похож на нашего медведя, но больше, тяжелее, неуклюже и сильнее его. Плечи, горло и брюхо покрыты темно-коричневыми, на концах более светлыми волосами, которые вообще на всем теле длиннее, пушистее и спутаннее, чем у бурого медведя; на голове же волосы более короткие и светлые. Радужная оболочка красновато-коричневая. Цвет меха переходит часто в железисто-серый или светло-бурый; в первом случае он часто отличается серебристым, а во втором — золотистым отливом, что зависит от того, имеют ли кончики серебристо-белый или желтоватый цвет.

*** Американские бурые медведи, известные под общим названием «гризли», относятся к тому же виду, что и их евразийские сородичи. Строго говоря, к этой группе рас бурого медведя следует причислять и популяции Камчатки и Приморья. Гризли весьма разнообразны по цвету шерсти и по размеру. Именно к ним относится крупнейший из бурых медведей — так называемый кодыак с одноименного острова у берегов Аляски.*

Американские охотники различают поэтому серого, бурого и коричневого медведя и считают последнего не только самым красивым, но и самым опасным из животных этого вида. От европейских медведей американский отличается коротким черепом, выпуклыми носовыми костями, широким, плоским лбом и короткими унтами. Хвост тоже короче, чем у нашего медведя, зато беловатые когти поразительной длины (13 см), они сильно изогнуты и слегка сужены к концам. Значительная величина гризли — один из отличительных признаков этого медведя: в то время как обыкновенный медведь только в исключительных случаях достигает 2,2 м в длину, величина гризли всегда составляет 2,3, а нередко 2,5 м в длину, и весит он до 450 кг. Область его распространения захватывает запад Северной Америки, южные части Соединенных Штатов от Скалистых гор, а на севере (Дакота) — начиная с Миссури. Чем ближе к западу, тем он встречается чаще, особенно в горах. Южнее появляется он еще в горных районах Мексики, по крайней мере до Ялиско, к северу доходит до полярного круга и даже еще севернее.

По образу жизни серый медведь очень сходен с нашим и также подвержен зимней спячке; только при ходьбе сильнее переваливается и покачивается, и все его движения более неуклюжи. Лишь в ранней молодости может влезать на деревья; в зрелом возрасте он уже не в состоянии заниматься подобными упражнениями. Зато с легкостью переплывает широкие потоки. Этот грозный хищник так силен, что может справиться с любым животным своей родины. В прежнее время его любили описывать как самое страшное и свирепое животное, говорили, что он не боится человека, напротив того, идет прямо на него, будь тот на лошади или пешком, вооружен или безоружен, обидел ли он его или не думал даже затрагивать. Рассказывают также, что он умеет притягивать к себе передними лапами туго натянутое лассо, как моряки тянут канат, даже в тех случаях, если сам попал в петлю или этим лассо привязана к колышку пасущаяся лошадь. У всех индейских племен владелец ожерелья из когтей и зубов медведя пользуется самым большим почетом. Только тот индеец имеет право носить подобное ожерелье, который добыл его сам, померившись силами с серым медведем. Еще рассказывают, что этот медведь, который, увидев человека, смело идет на него, тотчас бежит, если вдруг почует его запах в воздухе. В той же степени, в какой медведь боится человеческого запаха, другие животные пугаются его собственного. Домашние животные, почуяв его, мечутся в загоне или в хлеву, как будто к ним приближается лев или тигр. Они боятся даже трупа гризли и его шкуры.

Бурий медведь (гризли) (*Ursus arctos*)

В настоящее время доказано, что все эти сведения частью совершенно неверны, частью очень преувеличены. Их распространяли и им верили в то время, когда люди еще мало посещали запад Америки и когда, чтобы заинтересовать слушателей, непременно требовалось выдумать для Нового Света чудовище, которого можно было бы противопоставить самым страшным хищникам Старого Света. Из рассказов охотников об их приключениях выводилось общее правило; таким образом, гризли сделался пугалом Дальнего Запада. Конечно, бывали случаи, что люди погибали от серого медведя, как погибали и от нашего; раненные животные отчаянно защищались, а самки и сами нападали на людей, когда детенышам их грозила опасность; но из этого еще нельзя заключить, что американский медведь свирепее своего европейского родича или отважнее его; он скорее по нраву очень похож на него. Из всех серых медведей, с которыми приходилось сталкиваться Пехуель-Леше, ни один не выказал мужества, и даже раненный на охоте медведь не решился напасть на своего преследователя. Гораздо большее значение, чем все эти случайные наблюдения, имеют для нас результаты тридцатилетнего пребывания в американских пустынях знаменитого охотника генерала Марси.

"После всего того, что я слышал о сером медведе, я готов был видеть в нем одного из самых опасных и свирепых созданий в мире; я воображал поэтому, что человек, который его убивает, совершает героический подвиг. Я в этом был так твердо убежден, что никогда бы не решился стрелять в такого зверя, если бы встретился с ним один и пеший. Гризли, конечно, хозяин американских лесов и по силе, может быть, превосходит всех других хищных зверей, но мой взгляд на его мужество и свирепость значительно изменился с тех пор, как я приобрел опыт в охотничьем деле. Когда я в

1858 году однажды ехал по равнине между рукавами реки Платы, то неожиданно наткнулся на большую медведицу с двумя детенышами, которая на расстоянии целой мили от какого-либо леса спокойно лежала на открытой прерии. Так как мне впервые случилось встретиться одному с этим страшным зверем, да еще с маткой, имеющей детенышей, то весьма понятно, что я почувствовал некоторое беспокойство. Однако я все же решился напасть на зверя. Лошадь моя была вполне надежна. Проверив еще раз, в порядке ли сбруя и оружие, я приблизился к медведице на расстояние ста шагов; только тогда заметила она меня, высоко приподнялась на задние лапы и внимательно стала меня рассматривать. Я воспользовался этой минутой, чтобы выстрелить в нее, но промахнулся, после чего медведица пустилась в бегство вместе с детенышами. Я выстрелил ей вслед и попал в заднюю часть туловища, тогда она побежала еще быстрее и малодушно бросила детенышей. Когда я настиг медвежат, они стали жалобно выть, но медведица только оглядывалась время от времени, не делая никаких попыток прийти к ним на помощь. Я преследовал ее на лошади на протяжении нескольких английских миль, послал ей вдогонку четыре пули, после чего она наконец упала. Хотя я в продолжение этой погони несколько раз подъезжал к ней очень близко, она ни разу не подумала защищаться. Заботясь единственно о собственном спасении, она предоставила медвежат их судьбе. В трех других случаях я встретил гризли в горах, но ни один из них не пытался защищаться, и все старались только спастись. Во время одного путешествия между Новой Мексикой и штатом Юта мне случилось на отличной лошади гнаться несколько английских миль за огромным серым медведем, которого мне удалось загнать, как одичалого быка, по направлению к моим людям, так что он был убит уже в лагере. На основании моего настоящего опыта я могу сказать об этом сильно оклеветанном животном, что в первую минуту испуга при нападении на его берлогу он действительно в состоянии броситься на противника; точно так же я считаю возможным, что особенно свирепый зверь иногда нападает посреди прерий на пешехода и даже всадника, но подобные случаи вообще редки. Я, по крайней мере, разделяю со многими другими наблюдателями мнение, что американский серый медведь вовсе не так страшен, как его описывают. Я вполне убежден, что каждый медведь, который почует человека или увидит его издали, постарается вовремя убежать от него. Он имеет также обыкновение, когда хочет отдохнуть, запутывать свой след, делая обходы назад или в сторону, и улечься так, чтобы иметь возможность издали увидеть или почуять приближение своего преследователя"*.

** Американский бурый медведь легко привыкает к присутствию человека и при отсутствии беспокойства со стороны последнего приучается вовсе не обращать на него внимания. Однако огромные хищники во многих национальных парках еще в конце XIX в. стали привлекательным для туристов аттракционом. Прирученные не боятся людей и знающие, что рядом с человеком всегда можно найти корм, медведи становятся потенциально опасны. Сверх того, многие посетители парков подкармливают медведей (в нарушение паркового режима) и могут невольно спровоцировать нападение, что несколько раз случалось.*

Серый медведь питается растительной пищей, охотно ест ягоды, орехи, корни, но убивает также и животных; кроме того, он, говорят, с особым искусством ловит рыбу. На Аляске, где он водится в большом количестве по берегам рек и по пустынным равнинам, по болотам и горам, постоянно встречаются протоптанные медведями тропинки; направление и протяжение этих тропинок так искусно выбрано, что стоит по ним идти, если вы хотите найти ближайший путь между двумя точками на местности. «На крутых скалистых откосах западной береговой полосы пролива Кука, — пишет Эллиот, — можно иногда видеть целые группы в 20-30 штук этих неуклюжих животных, отыскивающих там ягоды и корни. Но их мех невысоко ценится, потому что он груб, неровен и редок. Из-за их свирепости за ними мало охотятся, исключая туземцев, которые выказывают им большое уважение и имеют обыкновение перед тем, как убить медведя, обращаться к нему с похвальной речью. Так как коренные жители боятся ходить по местам, где еще действуют вулканические силы, то окрестности кратеров, горячие источники, угасшие вулканы представляют для диких зверей, в особенности для медведей, самые безопасные убежища, так как они вполне уверены, что люди не станут их там беспокоить».

В молодости гризли приручается легко и, подобно нашему обыкновенному медведю, бывает, хоть на короткое время, кротким и веселым животным. Мех медвежонка, несмотря на длину и густоту, так нежен и красив, что придает маленькому животному весьма нарядный вид. Паллизер, который привез одного гризли в Европу, не мог нахвалиться своим пленником. Он ел, пил и играл с матросами, увеселял всех пассажиров, так что капитан корабля говорил впоследствии Паллизеру, что он был бы весьма рад иметь по медвежонку для каждого рейса. Этот же медвежонок удивительно привязался к маленькой антилопе, которую везли на том же корабле, и при случае защищал ее

самым рыцарским образом. Когда антилопу спустили с корабля и повели по улице, на нее набросился огромный бульдог и запустил в нее зубы, не обращая внимания на крики и удары сопровождавших ее людей. К счастью, той же дорогой шел Паллизер со своим медвежонком, который, увидев опасность, грозившую антилопе, вырвался из рук хозяина, мгновенно схватил врага своего друга за горло и так искусал и истребал его, что тот с жалобным воем бежал с поля битвы. Образ жизни и поведение гризли в неволе мало чем отличаются от нравов нашего медведя.

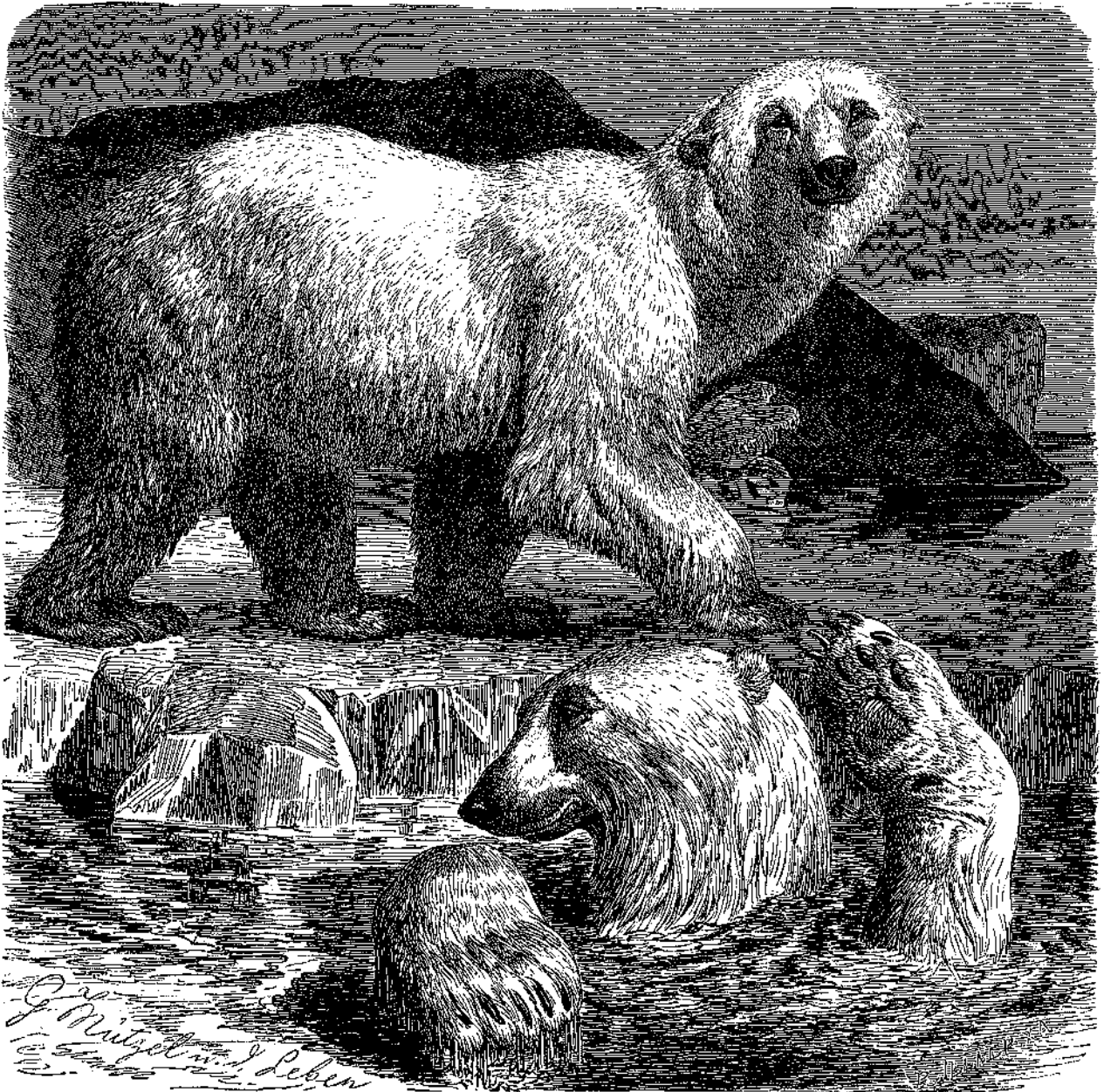
Полезьа от убитого гризли та же, что и от бурого: мех его, по словам Ломера, в зависимости от величины и красоты ценится до 250 марок.

Белый, или полярный, медведь (Ursus тагШтш)*.

** Белый медведь по своим размерам является, по-видимому, самым крупным современным наземным хищником, уступая только отдельным экземплярам кодыякского гризли. Длина тела составляет 2—2,5 м, взрослые самки весят 150-300 кг, самцы. — до 800 кг. По сравнению с бурым белый медведь относительно мелко- и узкоголовый. Упомянутые Бремом мореплаватели были не так уж далеки от истины: как теперь известно, белый медведь находится с бурым в большем родстве, чем какой-либо другой вид семейства.*

Первые мореплаватели, которые о нем рассказывали, думали, что это разновидность обыкновенных медведей, мех которых на холодном Севере принял свойственную этим странам белоснежную окраску; это заблуждение продолжалось недолго, потому что очень скоро были замечены существенные различия между бурым и белым медведями. Белый отличается от рассмотренных выше видов более вытянутым телом, длинной шеей и короткими, толстыми и сильными лапами, ступни которых гораздо длиннее и шире, чем у других медведей, а пальцы почти на половину своей длины соединены толстой плавательной перепонкой. Он гораздо больше всех других медведей, так как при высоте 1,3-1,4 м достигает 2,5-2,8 м в длину и 600 кг веса, а при ожирении и 800 кг. Росс взвесил одного медведя, который, потеряв 12 кг крови, все-таки весил 513 кг, а Лайон указывает на одного медведя весом 725 кг. Из 17 медведей, убитых в Беринговом проливе и в окружающих его местностях во время путешествия Пехуель-Леше, пять достигали вышеупомянутого наибольшего веса; жир одного большого медведя может весить до 180 кг.

Туловище белого медведя гораздо неуклюжее, но вместе с тем более вытянуто, шея значительно тоньше и длиннее, чем у обыкновенного медведя; голова удлинённая, сверху плоская и относительно узкая, задняя часть головы очень удлинена, лоб плоский, широкая морда спереди заостряется, уши короткие и наверху закруглены, ноздри широко раскрыты, отверстие пасти не так глубоко прорезано, как у бурого медведя.

Белый медведь (*Ursus maritimus*)

Пальцы на лапах заканчиваются средней величины толстыми и кривыми когтями; хвост очень короткий, толстый и тупой, едва виден из-под шерсти. Длинный, косматый и густой мех состоит из короткого подшерстка и гладких глянцевитых и довольно мягких волос, которые короче на голове, шее и спине и длиннее на задней части, брюхе, лапах и на нижних частях ступни. На губах и над глазами находится несколько щетин, на веках нет ресниц. За исключением темного кольца вокруг глаз, голого носа, краев губ и копей, белый медведь покрыт белоснежной одеждой, которая молодых серебристого цвета, а у старых из-за употребления жирной пищи приобретает желтый оттенок. Время года не влияет на цвет шерсти.

Белый медведь живет на Крайнем Севере земного шара, в настоящем ледяном поясе, и встречается только там, где вода большую часть года или совсем, или, по крайней мере, часто покрыта льдом. Предел области его распространения на Севере до сих пор еще не исследован; но как бы далеко ни проникал человек в этих негостеприимных местах, везде находил он белого медведя, который прекрасно освоился в этих безжизненных местностях, в то время как на юге, ниже 55 градуса северной широты, он попадает весьма редко. Он не принадлежит какому-нибудь одному из трех северных материков, но всем северным странам вообще. Белый медведь рыщет там по морю и по суше, не страшась никаких других существ и относясь равнодушно к ледящему холоду и страшным метелям и бурям; его не останавливает ни ледяная поверхность, покрывающая море, ни бурные волны Ледовитого океана, а в случае нужды снег служит ему покровом, защитой и берлогой. На восточном берегу Америки, близ Баффинова и Гудзонова заливов, в Гренландии и на Лабрадоре, на Шпицбергене и других островах можно видеть его на суше так же, как и на льдинах. В

Азии Новая Земля — главное его местопребывание; но также и в Сибири и даже на берегах Европы и Азии можно его найти, впрочем, только тогда, когда его пригонит сюда на льдине. Так появляется он в Лапландии и Исландии. В Америке его находят чаще всего там, где у человека нет возможности его преследовать. По рассказам эскимосов, его главных врагов, он появляется на суше только в редких случаях по ту сторону реки Маккензи, следовательно, он распространен больше на востоке, чем на западе. В более южные страны попадает против своей воли, если его занесут туда большие льдины. Часто видели белых медведей, плывущих на льдине далеко от берега, по морю, уже очистившемуся ото льда. Вообще они возвращаются летом на север к остающимся ледяным массам, на которых в основном живут полярные животные. Часто соединяются в стаи, в двенадцать и более голов. Скоресби утверждает, что однажды встретил у берегов Гренландии около ста белых медведей, из которых двадцать легко были убиты.

Движения белого медведя неуклюжи, но зато эти животные в высшей степени выносливы. Это видно по их плаванию, которым белый медведь овладел в совершенстве. Быстрота, с которой он движется в воде по целым часам равномерно и без погружения в воду, по словам Скоресби, равняется 4-5 километрам в час. Огромная масса его жира, если только он хорошо питается, оказывает ему большую услугу, так как она уравнивает вес его тела с весом воды. Поэтому он в продолжение одного дня проплывает необозримые водные пространства, и часто можно видеть его в открытом море далеко отпльвшим и от льдин и от берега*.

** Долгое время считали, что белый медведь бродяга, не привязанный ни к какому конкретному месту. Однако, хотя эти звери способны в поисках добычи проходить огромные расстояния, в том числе проплывая проливы между островами и ледяными полями, их популяции в целом сохраняют более или менее постоянное положение в пространстве.*

Он умеет нырять так же искусно, как и плавает на поверхности воды. Замечательно, что он вытаскивал из моря лососей, и уже даже поэтому нельзя не удивляться его способностям. Даже на суше он не так беспомощен и неловок, как это кажется с первого взгляда. Его обыкновенная походка медленна и осмотрительна, когда же он пускается в неуклюжую на вид рысь или галоп, то двигается по неровным льдинам или земле с поражающей быстротой и умеет при этом с большой осторожностью выбирать наиболее удобную дорогу. Его внешние чувства очень тонки, особенно зрение и обоняние. Когда он странствует по большим льдинам, то взбирается, по словам Скоресби, на высокие ледяные скалы и оттуда далеко замечает свою добычу. Мертвого кита или кусок сала, поджаренный на огне, он чует на очень большом расстоянии.

Пища белого медведя состоит из мяса почти всех тех животных, которые водятся в море и на бедных жизнью берегах его родины. Страшная сила, которой он превосходит всех других медведей, и упомянутая выше ловкость движений в воде позволяют ему легко добывать себе пропитание. Тюлени всех видов составляют главный предмет его охоты, и он достаточно хитер и ловок для того, чтобы поймать этих умных и проворных животных*.

** Белый медведь, по-видимому, единственный вид семейства, питающийся почти исключительно животной пищей.*

Если он издалека видит лежащего на суше тюленя, то бесшумно погружается в воду, подплывает к нему против ветра, приближается с величайшей осторожностью и внезапно выплывает прямо перед животным, которое становится его добычей. Тюлени в этих холодных странах стараются лежать ближе к отверстиям и расщелинам льдин, которые дают им возможность спастись в море. Эти отверстия медведь, плавающий под льдинами, находит с необыкновенным искусством, и тогда вдруг страшная голова опасного врага появляется перед беспомощным тюленем, так сказать, в его собственном доме или в единственном убежище, которое могло бы его спасти. Рыбами белый медведь тоже умеет поживиться, причем он ловит их или ныряя, или загоняя в расщелины между льдинами. На наземных животных он нападает только тогда, когда ему не хватает пищи. Северные олени, песцы и птицы также не гарантированы от его нападений. Осборн видел медведицу, которая переворачивала каменные глыбы, чтобы достать своим детенышам спрятавшихся в норы пеструшек, а Броун, так же как и Кюкенталь, заметили, что медведь поедает в большом количестве яйца гагары. Он добирается даже до недоступных гнезд морских птиц, чтобы во время прилива собирать дань яйцами и птенцами, причем обнаруживает большое искусство в лазании. Падаль ест он так же охотно, как и свежее мясо, но никогда не дотронется до трупа другого белого медведя. В морях, которые часто посещают охотники на тюленей и китоловы, белый медведь с удовольствием поедает лишённые шкуры и жира тела тюленей и китов. Но он не питается исключительно мясной пищей и, где только можно, ест и растения, особенно ягоды и мох, как хорошо известно тем, кому часто приходилось встречаться с белым медведем. Многие старые медведи летом или в тех местностях, где

много растительного корма, предпочитают питаться растительной пищей, что вполне доказывается содержимым их желудка.

Вполне вероятно, что большинство белых медведей не подвержено зимней спячке. Эти хищники не боятся даже сильных морозов, главное для них, чтобы море, около которого они живут, не было затянато льдом. Некоторые наблюдатели говорят, что старые самцы и молодые небеременные самки совсем не спят зимой, а постоянно переходят с места на место. Верно и то, что они, за исключением беременных самок, всю зиму охотятся. Вообще зимой эти животные живут на море, большей частью на краях льдин. Беременные медведицы выходят зимой на сушу, и детеныши у них рождаются в самое холодное время года. Вскоре после спаривания, которое происходит, говорят, в июле, медведица устраивает себе берлогу под скалами или под нависшими глыбами льда или же роет себе нору в снегу и целиком зарывается в него. При изобилии выпадающего там снега ей не приходится долго ждать, пока ее жилище покроется толстым и теплым покровом. Задолго до того как залечь в берлогу, она успевает нагулять себе достаточно жира, который и расходует всю зиму, потому что оставляет свою берлогу только тогда, когда весеннее солнце уже довольно высоко всходит на небе. К этому времени детеныши уже родились. Известно, что беременность продолжается от шести до семи месяцев, а число детенышей колеблется между одним и тремя, чаще всего их бывает два; более точные наблюдения, впрочем, пока не проводились*.

** Беременность у белого медведя длится 195-265 дней. Детеныши рождаются в ноябре-январе, в марте-стреле покидают родильную берлогу. С матерью детеныши остаются около двух лет. Каждая самка участвует в размножении раз в 2—4 года.*

По рассказам северных народов, новорожденные медвежата не больше, если не меньше, кроликов, но к концу марта или началу апреля они достигают уже роста маленького пуделя. Гораздо раньше, чем детеныши бурого медведя, начинают сопровождать свою мать. Она заботится о них самым нежным образом, кормит и защищает. Мать делит с ними все опасности даже тогда, когда они совсем вырастут; в самом раннем возрасте обучаются они всем искусствам: плавать и гоняться за рыбами. Эти маленькие симпатичные существа очень быстро привыкают плавать и нырять, но не забывают и о своих удобствах и отдыхают — например, даже тогда, когда станут довольно большими, — на спине своей матери.

Мореплаватели и китоловы рассказывали трогательные истории о самоотверженной материнской любви медведиц. «За медведицей, — рассказывает Скоресби, — у которой было двое детенышей, гнались несколько вооруженных матросов. Сначала, казалось, она хотела побудить детей к скорому бегу тем, что, забегая вперед, беспрестанно оглядывалась и старалась всеми своими движениями и особенным встревоженным тоном голоса сообщить об опасности; когда же она увидела, что ее враги близко, то погнала детей перед собой, толкая их изо всех сил, пока не спаслась вместе с ними». Другая медведица, поднятая людьми и собаками Кана, таскала своего медвежонка, прижав его головой к груди и держа зубами. Время от времени она поворачивалась и отгоняла от себя преследующих ее собак. Когда она была убита, медвежонок влез на ее труп и отбивался от собак, пока выстрел в голову не уложил его на месте, и только тогда он свалился вниз. Исследования новейшего времени подтверждают эти наблюдения; но что касается дикого нрава и свирепости белого медведя, которые прежде считались его отличительными свойствами, то здесь мнения несколько изменились.

Приводят массу примеров несчастных случаев с людьми и того, что многие китоловы платят жизнью за безумную смелость во время охоты на белых медведей. «Если медведя встречают на воде, — говорит Скоресби, — то можно на него с успехом напасть; когда же он находится на берегу или на снежном или гладком льду, по которому он на своих широких лапах может бегать так же быстро, как и человек, исход редко бывает счастливым. Впрочем, большая часть несчастных случаев — следствие неосторожности нападающих. Печальный факт случился с матросом одного корабля, затертого льдом в Девисовом проливе. Вероятно, привлеченный запахом съестных припасов, отважный медведь подошел совсем близко к кораблю. Экипаж был занят обедом, и даже вахтенные матросы ушли с палубы. Один смелый матрос случайно заметил медведя, вооружился дубиной и спрыгнул на лед, думая прославиться победой над незваным гостем. Но медведь мало обратил внимания на жалкое его оружие и, побуждаемый голодом, схватил своими страшными зубами врага за спину и понес его с такой быстротой, что успел далеко отбежать с матросом, раньше, чем товарищи несчастного бросились к нему на помощь». В другой раз один моряк, который хотел напасть на медведя с пикой, но под конец испугался, спасся от наступавшего животного тем, что по очереди бросил ему пику, перчатку и шапку, рассматривание которых так заняло медведя, что моряк тем временем успел догнать своих товарищей.

Подобные рассказы о действительных несчастьях или более-менее серьезных приключениях попадают часто в описания старых путешествий и очень редко в новых. Чтобы объяснить хоть в какой-то мере это бросающееся в глаза противоречие, можно предположить, что опасность встреч с белым медведем была весьма преувеличена или что свирепый нрав медведей значительно изменился вследствие более близкого знакомства с людьми. Во всяком случае, неверно представление о его свирепости, составленное из чересчур поспешных обобщений отдельных, часто не вполне ясно описанных несчастных случаев, при этом, как правило, не принимаются во внимание и другие стороны его характера. По мнению всех тех, кто в последние десятилетия наблюдал и охотился за ним, белый медведь вовсе не так опасен. Ламон, который на яхте принимал участие в охотничьих экспедициях на Крайний Север, пишет по этому поводу следующее: «Я считаю белого медведя самым сильным хищником на Земле; но, подобно всем остальным диким животным, он, за редкими исключениями, сам не нападает на человека, если только может от него уйти, и мне кажется, что рассказы о его свирепости и отважности, сообщенные нам прежними мореплавателями, основываются на гробом преувеличении, если не на вымысле»*.

** Несмотря на справедливость этого замечания, белый медведь представляет для находящихся вблизи него людей не меньшую опасность, чем бурый. Особенно опасен он стал там, где его прикармливают намеренно или просто оставляя в досягаемости пищевые отбросы, в результате чего зверь привык связывать образ человека с едой.*

Точно так же ведет себя этот зверь на далеком северо-западе, южнее и севернее Берингова пролива. Эллиот, один из немногих, кто достиг острова Святого Матфея и встречал сотни медведей, замечает по этому поводу: «В продолжение девятидневного исследования острова не было ни одного мгновения, чтобы мы не видели вокруг нас белых медведей. Оттого ли, что они были сыты, или потому, что летняя погода настраивала их так кротко, но мы не могли возбудить к враждебному нападению ни одного из этих животных. Они постоянно от нас бежали: самки, самцы, детеныши — все они, если только мы шли им навстречу, удирали по всем направлениям за холмы и как можно дальше. Убив с полдюжины их, мы оставили их в покое, потому что они были в периоде линьки и шкура их не имела никакой цены». Пехуель-Леше таким образом высказал свое окончательное мнение относительно нравов белых медведей на севере Тихого океана: «Где живут тюлени и моржи, там неизбежно есть и белые медведи. Нам доставляло всегда большое удовольствие следить за передвижениями этих хищников, как они среди неровностей ледяной поверхности показываются то тут, то там, то переплывают воду, то поднимаются на высоту, чтобы осмотреться, всегда рассчитывая, что простодушный тюлень позволит подкрасться к себе. Их находят вблизи берегов, а также и в открытом море на расстоянии древнего пути от берега, большей частью на льдинах. Неумоимо обходят они свое беспредельное царство, питаются всем, что могут достать и осилить, и не одним только мясом, но на земле также ягодами и травой. Насытившись, они забавляются разными играми и борются друг с другом на льду. На местах, где они играют, снег вытопан и смят, а склоны гор, кажется, служат им катками: широкие следы и клочки шерсти указывают, кто здесь возился.

Полярный медведь по своей громадной силе, величине и многосторонности хищнических способностей по праву может быть назван царем Ледовитого океана. Он обладает необыкновенной остротой чувств и при нападениях проявляет поразительную хитрость, но при близком знакомстве, как и все дикие звери, оказывается вовсе не таким страшным. С ним случилось то же, что с его сородичем — бурым медведем: рассказы о единичных страшных случаях набросили тень на весь вид. Он защищает свою шкуру, когда это действительно необходимо, но, если только можно, убегает от человека и, даже раздраженный и раненный, редко нападает на него. Но если его принуждают напасть, он действительно становится серьезным противником, в борьбе с которым только хладнокровие и надежное оружие помогут избежать опасности. Охота на воде, когда в лодке подъезжают к быстро плывущему и отлично ныряющему медведю, — это простая резня. Подстреленного медведя надо сейчас же поддержать, потому что нежные медведи поразительно быстро погружаются в воду. Я бы не хотел назвать белого медведя трусливым, он скорее осмотрителен и пуглив; вместе с тем он до глупости любопытен. Среди них может иногда появиться свирепый экземпляр, настоящий забияка или медведь, истерзанный собаками, который может иногда пересилить свой страх перед человеком и броситься на него; но большинство ужасных историй основываются на неверном понимании некоторых случаев. Медведи любопытны и большие лакомки; что-нибудь съестное побуждает их к исследованию. Тогда приближаются они к человеку, иногда даже поспешно подбегают прямо к нему. Кто не был охотником и не знает нрава медведя, может подумать, что он нападает; тот, кто бросается бежать, может и медведя побудить к преследованию; но серьезных опасностей на сто случаев едва бывает одна».

Животные с такими странными, забавными нравами не могут быть названы страшилищами Ледовитого океана и хищниками, опасными для человека; но я отнюдь не смею утверждать, что встречи и охота с печальным исходом никогда не случались и не случаются. Всегда, однако, можно сказать, что медведи ведут себя относительно добродушно — одним словом, по-медвежьи. Так, астроном Второй немецкой полярной экспедиции Берген двадцать лет назад убедился, к ужасу своему, что голодный медведь может кинуться на человека. Когда он шел к своим инструментам, медведь неожиданно схватил и поволок его. «Без четверти девять, — так описывает Берген свое приключение, — я вышел, чтобы наблюдать покрытие звезды планетой, которое должно было начаться почти в 9 часов, и заодно провести метеорологические наблюдения. Только я собрался идти назад, как пришел на льдину капитан Кольдовой. Мы поговорили несколько минут, после чего я пошел на землю, а он в каюту. Когда на обратном пути из обсерватории я дошел до термометра, то в пятидесяти шагах от корабля услышал какой-то шум и увидел идущего ко мне медведя; не было времени пустить в дело ружье, без которого мы никогда не выходили. Нападение было так внезапно и так быстро, что я до сих пор не могу сказать, как оно произошло: медведь или ударил меня лапами, или с разбегу наскочил на меня; оставшийся след (ушиб и шрам на левом ухе) заставляет предположить, что он меня ударил. Первое, что я почувствовал, было прикосновение зубов к коже моей головы, покрытой тонкой шапочкой, причем медведь старался, как он обыкновенно это делает с тюленями, взломать мой череп, на котором его зубы только скрипя скользили. Крики о помощи, поднятые мной, испугали медведя только на минуту, он убежал, но сейчас же возвратился и начал опять кусать мою голову. Крики мои были, однако, услышаны капитаном, который еще не успел исполнить своего намерения пойти спать; он поднялся на палубу, удостоверился в том, что это действительно крики о помощи, поднял на ноги весь экипаж и поспешил на льдину, чтобы помочь в беде товарищу. Медведя испугал поднявшийся шум, и он собрался бежать, чтобы унести в безопасное место свою жертву, которую он все еще держал за голову и которая бессильными толчками в медвежий бок старалась заставить выпустить ее. После выстрела, произведенного с намерением испугать медведя, зверь отпустил меня, отскочил шага на два, но потом снова схватил сначала за руку, затем за кисть правой руки, на которой была надета меховая перчатка. К счастью, эта заминка дала возможность преследователям сократить расстояние между нами и приблизиться к медведю. Зверь направился к суше, и ему удалось бы убежать со своей добычей, если бы он сумел взобраться на берег; но, подойдя к краю льдины, медведь двинулся параллельно берегу по острым, неровным, разбитым льдинам; при этом ему пришлось перейти на шаг, а преследователи в это время приближались к нему по гладкому полю. Протащив меня около трехсот шагов и чуть не задушив шалью, концы которой он крепко держал, медведь отпустил меня, и в ту же минуту Кольдовой наклонился надо мной со словами: «Слава Богу, он еще жив». В нескольких шагах стоял медведь, по-видимому раздумывая, что ему делать, пока пуля не показала ему, что давно пора было убираться. О преследовании никто не думал, так как прежде всего надо было доставить пострадавшего на берег; больше всего ран оказалось на голове, где кроме бесчисленных маленьких укусов кожу прорезали длинные, десять-пятнадцать сантиметров, шрамы, и при этом довольно глубокие. Остальные раны, которые были большей частью следствием ударов об острые края льдин, пока медведь тащил меня по неровной поверхности, были незначительны. Следует упомянуть, что я не чувствовал боли ни во время схватки, ни после, ни во время лечения моих ран, которое благодаря хорошему уходу и постоянному прикладыванию льда шло очень успешно».

За белым медведем охотятся ради его мяса, жира и меха всюду, где его встретят. Против него употребляют огнестрельное оружие, копыя и капканы; некоторые охотники, по словам Земана, прибегают к следующей хитрости. Они сгибают китовый ус шириной 10 сантиметров и длиной 60, обкладывают его тюленьим жиром и обжаривают; потом отыскивают медведя, раздражают его стрелами, бросают ему кусок жира и убегают. Медведь обнюхивает приманку, решает, что она съедобна, проглатывает, но тут его настигает смерть, потому что жир в теплом желудке тает, китовый ус выпрямляется и разрывает ему кишки. Но сомнительно, чтобы недоверчивые звери проглатывали целиком подобные подозрительные куски жира. Правда, они едят, когда их не тревожат, самые разные и удивительные вещи и имеют весьма неприятную привычку отыскивать и присваивать запасы, которые северные путешественники прячут в известных местах в этих ледяных пустынях, чтобы потом ими воспользоваться. Лучшей защитой от их нападений оказывается песок: сначала им засыпают кладовые, затем его обливают водой; она замерзает, и запасы, таким образом, покрываются толстым слоем льда. Деревянные избы медведи разрушают, каменные кучи разбрасывают, бочки, сундуки взламывают и уничтожают все, что плохо лежит и что только они могут проглотить. Кан рассказывает, что эти грабители кроме мяса и морских сухарей сожрали кофе, паруса и амери-

канский флаг и только с железным сундуком не смогли справиться. По словам Тобизена, медведи опустошили две бочки с соленой рыбой, оставленные в зимнем помещении. У одного белого медведя, которого убили охотники Мак-Клурса во время его экспедиции для спасения Франклина, желудок был наполнен изюмом, ветчиной, табаком и пластырями; угощение это он мог получить только при разграблении какого-нибудь амбара путешественников на далеком Севере. У немецких полярных путешественников белые медведи утащили астрономические приборы и железные крючки, съели у них, когда они путешествовали на санях, сахар, стеариновые свечи, разжевали каучуковые фляжки, пакеты с табаком и вытянули пробку из водочной бутылки; важный дневник они, к счастью, успели только схватить зубами в тот момент, когда шум был услышан и их прогнали.

Мясо и сало белого медведя охотно употребляются в пищу жителями Крайнего Севера. Даже европейцы-китоловы едят его мясо, очистив от жира, и находят его вкусным; но они же утверждают, что от употребления этого мяса люди часто хворают. Печенка белого медведя, говорят, очень вредна и многими считается ядовитой*.

** Печень да и мясо медведя настолько жирны, что употребление их в большом количестве не может не сказаться отрицательно на работе печени. Даже при использовании в пищу мяса бурого медведя случаются сильные кишечные расстройства. Надо полагать, что к белому медведю, для которого характерно постоянное наличие большого количества жира, это относится в еще большей степени.*

"Если матросы, — говорит Скоресби, — по неосторожности поедят печенки белого медведя, то почти всегда сейчас же заболевают и иногда даже умирают; на некоторых же она оказывает такое действие, что у них на всем теле трескается кожа». Кан также подтверждает это. Он велел приготовить себе печенку только что убитого белого медведя, хотя и слышал, что она ядовита; едва он попробовал ее, как серьезно заболел. По словам Пехуель-Леше, вскоре после употребления этой ядовитой печенки у человека начинаются сильные колики, рвота и понос; но не всякая печенка и не всякого человека приводит к болезням. От одного и того же куска один человек может просто насытиться, не испытав никаких дурных последствий, в то время как другой, едва попробовав ее, может серьезно заболеть. Поэтому следует посоветовать европейцам не есть печенку белого медведя. У матросов существует поверье, что от употребления мяса белого медведя, хотя оно и не вредно, люди рано седеют. Эскимосы придерживаются такого же мнения и тоже знают, что печенка вредна, поэтому кормят ею только своих собак. Сало употребляется ими и как топливо.

Мех этого животного превосходит по своей цене мех остальных медведей. По словам Ломера, за шкуру платят 200-500 марок, в зависимости от ее величины и красоты. В продажу поступает ежегодно от 1000 до 1200 шкур, которые употребляются на полости и ковры, а не на шубы*.

** В 70-х гг. XX в. цена за шкуру белого медведя составляла от 600 до 3000 долларов США. В результате охота значительно уменьшила популяции этого зверя, который теперь находится под охраной и включен в различные Красные книги.*

Охота на медведя, которую едва ли можно назвать опасной и особенно интересной, тем не менее представляет некоторые трудности для неопытных охотников, так как осторожный зверь постоянно отступает перед человеком, если не прямо бежит от него. Спутники Норденшельда сначала тщетно охотились на белого медведя, мясо и жир которого были необходимы для их выживания. Они без опаски подходили к медведям, но результатом этого было только то, что осмрительные животные быстро убегали. Наученные горьким опытом, они придумали другой способ охоты. «Как только показывался медведь и у нас было свободное время, — рассказывает Норденшельд, — все люди получали приказ спрятаться за палаткой или за санями. Вот приходит медведь, он сгорает от любопытства и хочет узнать, что за существа появились в его охотничьей области, не тюлени ли двигаются там? Он подбегает и, когда приблизится настолько, что может рассмотреть незнакомые предметы, получает ловко пущенную пулю».

Расставленные ловушки белый медведь умеет умно и удачно избегать. «Капитан одного китоловного судна, — рассказывает Скоресби, — которому очень хотелось достать медведя, не повредив его шкуры, попробовал поймать его в петлю, покрыв ее снегом, и в виде приманки положил кусок китового сала. Медведь скоро почуял запах жареного жира, увидел приманку, подошел, схватил ее зубами, но заметил, что нога его попала в лежащую петлю. Тогда он бросил мясо, осторожно другой лапой освободился от петли и медленно ушел со своей добычей. Съев спокойно первый кусок, он так же осторожно оттолкнул в сторону подозрительную веревку и во второй раз стащил приманку. Тогда петлю положили поглубже, а приманку — в углубление в самой середине петли. Медведь снова подошел, обнюхал все место кругом, разгреб лапами снег, в третий раз отодвинул петлю и, не раздумывая, еще раз завладел предложенным угощением».

Даже молодые медведи проявляют подобную осмотрительность и всеми возможными средствами стараются не попасться в ловушки, применяемые человеком.

Пойманные в ранней юности, белые медвежата делаются ручными и до известной степени дрессируются. Они позволяют своему хозяину посещать их в клетке, даже играют с ним, но неволя им не нравится. Что касается пищи, то здесь проблем не возникает. Молодым дают молоко и хлеб, взрослым — мясо, рыбу, а также хлеб, которого они съедают в день около трех килограммов. К старости медведи становятся раздражительными и вспыльчивыми. При хорошем уходе белого медведя можно держать в неволе несколько лет; известен пример, когда пойманный в молодости и воспитанный в средней Европе белый медведь прожил в неволе 22 года. В клетке он размножается реже, чем бурый медведь, и только тогда, когда ему создают необходимые удобства. В продолжение двадцати лет белые медведи Лондонского зоологического сада приносили детенышей три раза*.

** Известно несколько случаев, когда белые медведи жили в неволе более 30 лет. В зоопарке Детройта одна самка прожила более 38 лет, причем последнего медвежонка родила почти в 37-летнем возрасте.*

Медведь-губач (*Melursiis ursimisi*)** заметно отличается и наружностью, и образом жизни от всех настоящих медведей, поэтому его выделяют в особый род.

** * Медведь-губач населяет леса запада Индостана. Это средних размеров медведь длиной тела 140-180 см и весом до 150 кг. Его выделяют в особый род из-за видоизмененных губ и зубной системы, что связано с питанием преимущественно термитами.*

Отличительные признаки его: короткое, толстое туловище, низкие лапы, довольно большие ступни, вооруженные огромными серповидными когтями, вытянутая вперед тупая морда с большими губами, которые могут сильно вытягиваться, и длинная мохнатая шерсть, которая на затылке образует гриву и низко спускается по сторонам. Все эти признаки придают ему такую своеобразную внешность, что он по праву считается представителем самостоятельного рода. Насколько своеобразно это животное, видно из того, что сначала оно было описано под названием «медведеобразный ленивец», а в одном сочинении названо даже «безымянным животным». В Европе губач известен с конца прошлого столетия; в начале этого столетия его привезли сюда живым. Тут, разумеется, увидели, что это настоящий большой медведь, и, таким образом, он получил надлежащее место в систематике животных.

Длина тела губача достигает 1,8 м, причем на хвост приходится лишь 10 или 12 см; высота в холке 85 см; весит он около 145 кг. Это животное трудно не узнать. Низкая, широкая, с плоским лбом голова переходит в длинную, узкую и хоботообразную морду, имеющую на редкость своеобразный вид. Носовой хрящ расширяется в плоский подвижный пяточок, на конце которого находятся две ноздри, расположенные поперек и разделенные узкой перегородкой. Наружная оболочка ноздрей очень подвижна, а длинные вытягивающиеся вперед губы могут совершать разнообразные движения. Даже в состоянии покоя вытягиваются они гораздо дальше челюстей, при случае же могут так удлиняться, двигаться, складываться вместе, загибаться, что образуют трубку, которая в случае необходимости играет роль хобота. Длинный, узкий, плоский язык помогает манипулировать этой трубкой, и, таким образом, животное может не только схватывать различные предметы, но даже прямо их всасывать. Уши этого медведя тупо срезанные, прямостоящие и маленькие, вроде свиных, маленькие глазки расположены косо. Но вообще морда почти не видна, потому что хотя она и покрыта короткими волосами, но закрывается длинными взъерошенными волосами, спускающимися с темени. Этот волосяной покров скрывает хвост и переходит на некоторых частях туловища, особенно на шее и на затылке, в густую курчавую растрепанную гриву. В середине спины образуются, как правило, два очень больших торчащих вихра из спутанных волос, так что кажется, будто губач имеет горб. Вследствие этого вся передняя часть тела медведя выглядит весьма непривлекательно, особенно если прибавить к этому неуклюжее, тяжелое туловище и короткие толстые лапы. Даже ступни его совсем особенные; а необыкновенно длинные, острые, крючковатые когти делают это животное действительно похожим на ленивца.

Медведь-губач (*Meiursus ursinus*)

Цвет жестких волос глянцево-черный; морда кажется серой или грязно-белой; подковообразное пятно на груди тоже белое. Кроме того, пальцы имеют тоже очень светлую окраску. Когти обычно имеют цвет белого рога, но нижняя часть ступни черная.

Молодые губачи отличаются от старых более короткой гривой на голове и плечах и вследствие этого сильнее выступающими, относительно большими ушами; кроме того, у молодых морда обычно над глазами желто-бурая, а подкова на груди желтовато-белая.

Родина губача — весь Индостан, почти от отрогов Гималаев до южной оконечности полуострова, и Цейлон; на западе ареал его распространения ограничен Индом; встречается ли он на востоке дальше Бенгалии — еще не выяснено. Он любит холмистые местности и джунгли, и, хотя на него там регулярно охотятся, он все-таки до сих пор один из наиболее часто встречающихся крупных зверей Индии, который, однако, в некоторых местах уже совсем истреблен*.

** Численность медведя-губача в Индии и на Шри-Ланке составляет приблизительно 10000 особей.*

На Цейлоне он скрывается, как говорит Теннент, в самых густых лесах холмистых местностей северного и юго-западного побережий, а на больших высотах его можно увидеть так же редко, как и в сырых низменностях. В области Каретчи во время продолжительной засухи он был так обыкновенен, что женщинам пришлось отказаться от купания в реках, так как медведи появлялись перед ними не только на земле, но и в воде, впрочем, часто против воли, потому что, утоляя свою жажду, они сваливались в поток и вследствие своей неловкости не умели из него вылезти. В продолжение самых жарких часов дня губачи лежат в естественных или в вырытых ими пещерах, обычно между обломками скал в холмистых местностях и в ущельях, иногда же просто на траве под густым кустарником. Несмотря на густую темную шубу, они не так чувствительны к жаре, как о них говорят, потому что замечали медведей спящими под прямыми лучами полуденного солнца. В большинстве случаев губач проводит жаркие часы дня, особенно в период дождей, когда его беспокоят паразиты, в прохладном убежище и появляется только ночью; впрочем, их можно видеть и в утренние, и в вечерние часы**.

** * Хотя основная активность губача приходится на ночные часы, он может быть активен в любое время суток.*

Чаще всего они живут поодиночке или парами, а иногда самец ходит вместе с медведицей, у которой есть детеныши. Его внешние чувства, кроме обоняния, мало развиты; он видит и слышит так плохо, что нетрудно к нему подкрасться совсем близко. На наблюдателя он производит неизгладимое впечатление. «Благодаря длинной, косматой, жесткой шерсти, — пишет Блэнфорд, — и коротким передним ногам он — самое удивительное создание среди всех медведей, и его движения так же комичны, как и его внешний вид. Обычно он передвигается довольно быстрым шагом, когда же переходит на бег, то пускается в такой неуклюжий беспомощный галоп, что если он, спасая свою жизнь, бежит от охотника по прямому направлению, то создается впечатление, как будто его сзади подгоняют, а он кувыркается. Притом он лазает очень хорошо по скалам и нередко, когда испуган или подстрелен, скатывается с них свернувшись в клубок, как это делают другие медведи».

Губач питается в основном растениями и мелкими беспозвоночными животными, но, по словам Тиккеля, уничтожает при случае яйца птиц и птенцов. Наблюдатели сходятся во мнении, что он не нападает на больших животных, чтобы утолить голод, и только Сандерсон и Макмастер заметили один раз, что медведь потрошил маленького подстреленного оленя, а в другой раз убитого тигром быка. Медвежата, воспитанные в неволе, охотно едят сырое и вареное мясо. Различные корни и всевозможные плоды, так же как любимые ими мясистые цветы дерева муа (*Bassia lotifolia*), гнезда диких пчел, соты и мед, который они тоже очень любят, гусеницы, улитки, муравьи — все это составляет главную пищу губача. Длинные загнутые когти оказывают ему хорошую услугу при отыскании и разрывании скрытых корней или разорении муравейников*.

** Основную пищу губача составляют общественные насекомые, в первую очередь термиты, к добычанию которых и приспособлены его конечности и рот. Однако он поедает и других насекомых, мед, яйца птиц, не брезгует падалью, поедает и разнообразную растительную пищу.*

Даже крепкие постройки термитов он разрушает и производит страшные опустошения среди молодого поколения этих насекомых. Тут ему очень помогает способность с большой силой втягивать и выдувать воздух. «Когда он стоит на термитнике, — говорит Тиккель, — то скребет передними лапами до тех пор, пока не отроет середину. При этом он сильно выдувает пыль и землю и втягивает в свою пасть обитателей постройки таким могучим и громким вдохом, что его слышно на двести метров вокруг. Точно так же всасывает он жирных личинок, довольно глубоко сидящих в земле». Чтобы достать плоды и насекомых, он лазает на деревья и ловко умеет двигаться между ветками, но в общем он довольно тяжеловесный акробат. Сандерсон рассказывает также, что губач в некоторых областях с удовольствием влезает на финиковые пальмы и выцеживает из сосудов, висящих на них, пальмовый сок. Медведи карабкаются вверх по стволу дерева, поднимаясь на высоту 8-9 метров, где висят сосуды с соком, нагибают их лапами и выпивают содержимое. Им бы с удовольствием пожертвовали несколько литров этого напитка, если бы только они при своей неуклю-

жести не разбивали множества сосудов. Потерпевшие убыток люди единогласно утверждают, что эти похитители сока никогда не дают себе труда слезть вниз, а просто падают на землю, причем при этом часто бывают весьма навеселе.

Нижеследующие сообщения Теннента об образе жизни губача в новейшее время подтверждаются. «Один из моих друзей, — говорит Теннент, — шел лесом близ Яффеи и, услышав недовольное ворчание, заметил медведя, который, сидя на ветке, одной лапой совал в рот соты диких пчел, другой в то же время отгонял от своих губ и глазных впадин сильно рассерженных насекомых. Жители Бинтены, главное богатство которых составляют ульи, живут в постоянном страхе перед медведями-губачами, потому что те ничего не боятся и безжалостно опрокидывают ветхие жилища пасечников. Засеянным полям они тоже приносят значительный вред; на сахарных плантациях особенно нежеланные гости. В некоторых случаях губач бывает опасен и для больших млекопитающих и птиц, нападает даже на стада и на людей».

Не так страшны рассказы Жердона, Стерндаля, Сандерсона, Блэнфорда, Форзита и других, и их мнения кажутся достовернее, так как они тщательнее их проверяли. Официальные известия о людях, погибших от зверей в Индии, сообщают, что с 1878 по 1886 год в общей сложности было растерзано медведям и 95 7 человек, а 13 049 этих животных было убито, причем, конечно, виды медведей не обозначены. Сандерсон пишет: «Губачи не безопасны для невооруженных людей. Дровосеки и те, кому в силу необходимости часто случается бывать в лесу и джунглях, иногда становятся жертвами этих животных. Как и все дикие звери, они опаснее всего, когда встреча происходит неожиданно, потому что тогда они нападают от страха. При таких встречах, по всей вероятности, меньше несчастных случаев происходит при встрече человека с тиграми и пантерами, нежели с медведями, потому что первые обнаруживают большее присутствие духа и не так быстро теряют самообладание. Нападение испуганного медведя далеко не всегда свидетельствует о его агрессивных намерениях, потому что медведи, если их не трогать, настроены миролюбиво и, даже раненные и загнанные, не часто обнаруживают желание вступить в битву». Блэнфорд также называет губача трусливым, но способным защищаться и прибавляет, что чаще всего нападают самки, которые думают, что человек угрожает жизни их детенышей. По его словам, неудачно подстреленный медведь поспешно убегает, не думая о защите или мести. Очень распространенное мнение, что нападающий медведь становится на задние лапы, считается неосновательным, так же как и другое, что он обнимает противника и старается его задушить. Испуганный медведь поднимается иногда на задние лапы, но просто чтобы лучше рассмотреть противника, потом опять опускается вниз. Кто загораживает ему дорогу, того он по необходимости опрокидывает и ударяет лапой; в борьбе старается подмять противника под себя и может несколько раз сильно его укусить.*

** По современным сведениям, губачи не агрессивны и спокойно переносят присутствие человека. Однако губач обладает слабым зрением и слухом и в результате иногда подпускает человека слишком близко, а затем пугается. В этой ситуации он может напасть, чтобы открыть себе путь к бегству, или просто случайно ударить человека лапой. Скорее всего, случаи, описанные как нападение губача на человека, происходили именно в таких ситуациях.*

Зимой губачи не залегают в спячку. Время случки приходится обычно на июнь, иногда, как жетса, растягивается на несколько месяцев; продолжительность беременности наверняка не определена, но считается около семи месяцев. Детеныши рождаются в период с октября по февраль, большей частью в декабре и январе; обыкновенно их двое, изредка, по словам Сандерсона, трое. Макмастер говорит, что они открывают глаза только через 18 дней. Через два-три месяца они уже следуют за матерью, и новейшие исследования несомненно подтверждают, что она носит их на спине. Этот род передвижения сохраняется даже тогда, когда детеныши уже достаточно подросли и не умещаются вдвоем на спине матери: они попеременно сидят на спине или бегут рядом. Эллиот рассказывает, как одна преследуемая медведица пронесла своих детенышей три мили, пока не была убита. По Сандерсону, в высшей степени интересно наблюдать, как удобно сидящие на спине матери медвежата соскакивают там, где находится корм, а при первой опасности поспешно стараются снова взобраться на свое сиденье.

Охотятся на губача различными способами: выслеживают его, когда он, идя по утрам по росистой траве и низкому кустарнику, оставляет за собой ясный след; иногда прячутся около логовища и поджидают его возвращения с ночных странствований; наконец, окружают то пространство джунглей, где предполагают или наверное знают, что здесь есть медведь, устраивают настоящую облаву и подстреливают его, когда он выбежит из своего убежища. Некоторые охотники, чтобы придать большую привлекательность охоте, держат особые своры собак, которые бросаются на медведя и держат, пока охотник убивает его кинжалом. Слоны в такой охоте почти никогда не при-

мают участия, потому что они большей частью обнаруживают поразительный страх перед медведем; даже те, кто смело ожидают нападения тигра, готовы бежать сломя голову при виде этого черного зверя. В неволе часто наблюдали губачей как в Индии, так и в Европе. На его родине скоморохи и поводыри эксплуатируют ученых медведей, которые, как и наши мишки, проделывают разные фокусы. Люди водят его так же, как и наши поводыри медведей, и зарабатывают себе этим на скудное пропитание. В Европе, особенно в Англии, губачи живут довольно долгое время, иногда даже до 19 лет; в Индии он может прожить до 40 лет в неволе. Его кормят молоком, хлебом, овощами и мясом, причем заметили, что он предпочитает овощи и хлеб всякой другой пище.

Я часто видел губачей в зверинцах и зоологических садах. Пленники лежат обычно как собаки, на брюхе, и по целым часам занимаются облизыванием своих лап. Ко всему, что происходит вне их клетки, они кажутся глубоко равнодушными. Большой частью мне попадались звери добродушные, но очень тупоумные. Когда им дают пищу, они вытягивают губы трубкой и хватают корм почти так же, как это делают жвачные животные.

Убитый губач не имеет особой цены. Из всех рассказов о нем не видно, что делают с добычей; Форзит считает, что шкура его не стоит выделки, а мясо несъедобно. Невал сообщает только, что в его время сало употреблялось английскими дамами для роста волос. Индусы употребляют сало как лекарство против ревматизма.

Большая, или гигантская, панда (*Ailthropoda melanoleuca*)*. Панда меньше нашего бурого медведя и от морды до конца хвоста имеет длину 1,5 м. Ее широкие, закругленные, волосатые в нижней части ступни коротки и при ходьбе не полностью опираются на землю, как у больших медведей. Голова с короткой мордой немного шире, чем у остальных хищников; хвост очень короткий и едва виден. Из 40 зубов наверху расположено по четыре ложнокоренных и по два настоящих коренных, а внизу — по три ложнокоренных и по три настоящих коренных зуба. Панда покрыта густым мехом белого цвета, и лишь в отдельных местах у глазных впадин, около ушей, на передних конечностях до загривка, на задних ногах и на кончике хвоста — он переходит в черный.

** Во времена Брема этот зверь был известен как тибетский горный медведь. При внешнем сходстве с медведем анатомия гигантской панды столь необычна, что панду помещали то в семейство енотов, то в семейство медведей, то в свое особое семейство, И вопрос этот пока не решен. Возможно, гигантская панда живое ископаемое, родственник вымерших родичей медведей — агриотериев.*

О жизни гигантской панды на свободе почти ничего не известно. Она обитает в недоступных горных лесах восточного Тибета, откуда время от времени предпринимает опустошительные набеги в долины, чтобы добыть пищу, состоящую из бамбуковых кореньев и других растений*.

** Основная пища гигантской панды побеги бамбука. Одна панда съедает за день до 12,5 кг бамбука, включая побеги до 1,3 см толщиной. Кроме бамбука этот зверь ест другие растения, в основном различные луковичные, изредка ловит рыбу и пищух.*

Одним из представителей медведей в Азии может считаться **гималайский, или белогрудый, медведь** (*Ursus tibetanus*)**

*** Гималайский медведь населяет горные районы Азии от Ирана и Афганистана до Индокитая. Японии и Приморья.*

Туловище его относительно тонкое, голова оканчивается остроконечной мордой, лоб образует с носом почти прямую линию; уши круглые и большие, ноги средней длины, ступни короткие, пальцы снабжены короткими, но крепкими когтями. Цвет и качество меха подвержены значительным изменениям. Кювье, который первым описал открытое Дювоселем животное, сообщает, что мех этого медведя гладкий, за исключением мохнатой гривы на шее, и равномерно черный, исключая белую полосу на губе, белый воротник на груди и рыжеватые полосы по обеим сторонам морды. Белая полоса на груди имеет очертания, похожие на Y; она образует по обеим сторонам ключиц по косой полосе, в середине же опускается вниз, на грудь, в виде мыса или полоски. Вагнер видел однажды в зверинце живого медведя, у которого морда была бурого цвета. Этот зверь при высоте в холке 80 см достигает в длину 1,7-1,8 м, его масса до 120 кг.

Весьма возможно, что медведь, называемый японцами «кума» — полулунно-пятнистый, должен быть выделен из живущих на материке в отдельный вид; но до сих пор мы не имеем еще достаточно наблюдений, чтобы можно было безошибочно решить этот вопрос. Пойманные в Японии медведи, которых я видел, довольно значительно отличались от своих родичей, привезенных с материка. Но это различие не более заметно, чем между некоторыми разновидностями нашего обыкновенного медведя, о разнородности или однородности которых мнения тоже разделяются. Этот вид очень распространен. Вскоре после открытия Дювоселя Валлих нашел подобного же медведя в Не-

пале; Зибольд тоже сообщает в своем сочинении о фауне Японии, что кума часто встречается не только в Китае и Японии, но и в горных странах Азиатского материка и на южноазиатских островах; Радде встретил его в юго-восточной Сибири. Южная область его распространения охватывает, по словам Блэнфорда, не только Тибет, но и лесные пространства всего Гималайского хребта и горы до 4000 метров в высоту, горную страну Ассам и к западу часть Афганистана и Белуджистана до границы с Персией; водится он, может быть, также в Бенгалии и распространяется к юго-востоку до Пегу, где, по свидетельству Теобальда, он встречается довольно редко.

О жизни и нравах кумы сообщают нам Адаме, Кинлох, Радде и другие. На севере Индии и в Кашмирской долине кума живет преимущественно на опушках лесов и близ полей и виноградников, в юго-восточной Сибири, напротив, в самых густых лесах. Она отлично лазает и с большой легкостью взбирается на верхушки высочайших деревьев. Тунгусы даже уверяли Радде, что она вообще почти никогда не спускается на землю и что летом при помощи согнутых и сплетенных веток устраивает себе на деревьях что-то вроде беседок, зимой же спит сидя в дуплах деревьев. Радде несколько раз видел эти беседки, но некоторые туземцы уверяли его, что медведи строят их для забавы, а не для жилища*.

** Медведь хорошо и часто лазает по деревьям, однако большую часть времени он проводит на земле. Часто, сидя на развилке толстой ветки, медведь объедает листья. А чтобы ветки не мешали и за ними не надо было тянуться, зверь загребает их лапами и подминает под себя, придавливая седалищем. Так и возникают «беседки». На Дальнем Востоке устраивают зимовальные берлоги в дуплах больших деревьев. Такое расположение берлоги предохраняет спящего медведя от нападения тигра.*

На Гималаях подобная любовь к постройкам, кажется, вовсе не известна, но Адаме согласен с Радде в том, что кума лазает лучше всех животных этого семейства, потому что она влезает на высочайшие деревья, когда созревают орехи или тутовые ягоды. Кроме того, она весьма нежелательный посетитель маисовых полей и виноградников и часто производит в них такие опустошения, что землевладельцы принуждены сооружать сторожки, сидя в которых они громкими криками стараются напугать приближающихся медведей. Тунгусы рассказывали Радде, что кума труслива и неопасна, потому что у нее пасть неглубокая и она может только кусать, но не рвать добычу, как бурый медведь. Адаме, однако, слышал совершенно противоположное и уверяет, что жители горных стран Индии не без основания очень боятся кумы. Кинлох подтверждает эти сведения собственными наблюдениями в Гималаях и видит в этом животном опасного противника, который погубил уже многих европейцев и еще больше — туземцев. Однако нужно допустить, что только раненые или поставленные в затруднительное положение животные этого вида решаются на нападение; то же может случиться, если нечаянно нарушить их покой. Блэнфорд, напротив, считает куму самым кровожадным из индийских медведей, который не только нападает на мелкую дичь и оленей, но и, кроме того, убивает быков, лошадей и ест даже падаль; но все же преимущественно кума питается растениями, особенно кореньями и плодами, из которых, кажется, предпочитает желуди; говорят также, что она очень любит мед**. Относительно зимней спячки сведения довольно разноречивы; можно, однако, допустить, что кума погружается в зимнюю спячку не так регулярно, как это делает наш обыкновенный медведь.

*** На юге ареала медведи нападают и на крупных копытных и способны убить взрослого домашнего буйвола. Есть сведения о нападении и на людей.*

Во время своих ночных походов за добычей кума всегда бежит от человека. Как только почувствует его (а в этом отношении кума очень чутка), она останавливается обнюхивает воздух, обнаруживает сильное волнение, делает несколько шагов против ветра, поднимается на задние ноги и, убедившись в грозящей ей опасности, поворачивает назад, убегая со скоростью, которая показалась бы невероятной тому, кто видел куму только в клетке. Если во время спуска с крутизны она вдруг чего-нибудь испугается, то мгновенно свертывается клубком и скатывается с обрыва вниз, иногда преодолевая расстояние до трехсот метров, чему, как уверяет Адаме, он сам был свидетелем. Детеныши кумы, которых всегда бывает по два, рождаются весной и остаются в течение всего лета (а в Индии еще дольше) при матери. Мясо ее как у японцев, так и у тунгусов считается более вкусным, чем мясо бурого медведя.

Белогрудый (гималайский) медведь (*Ursus tibetanus*)

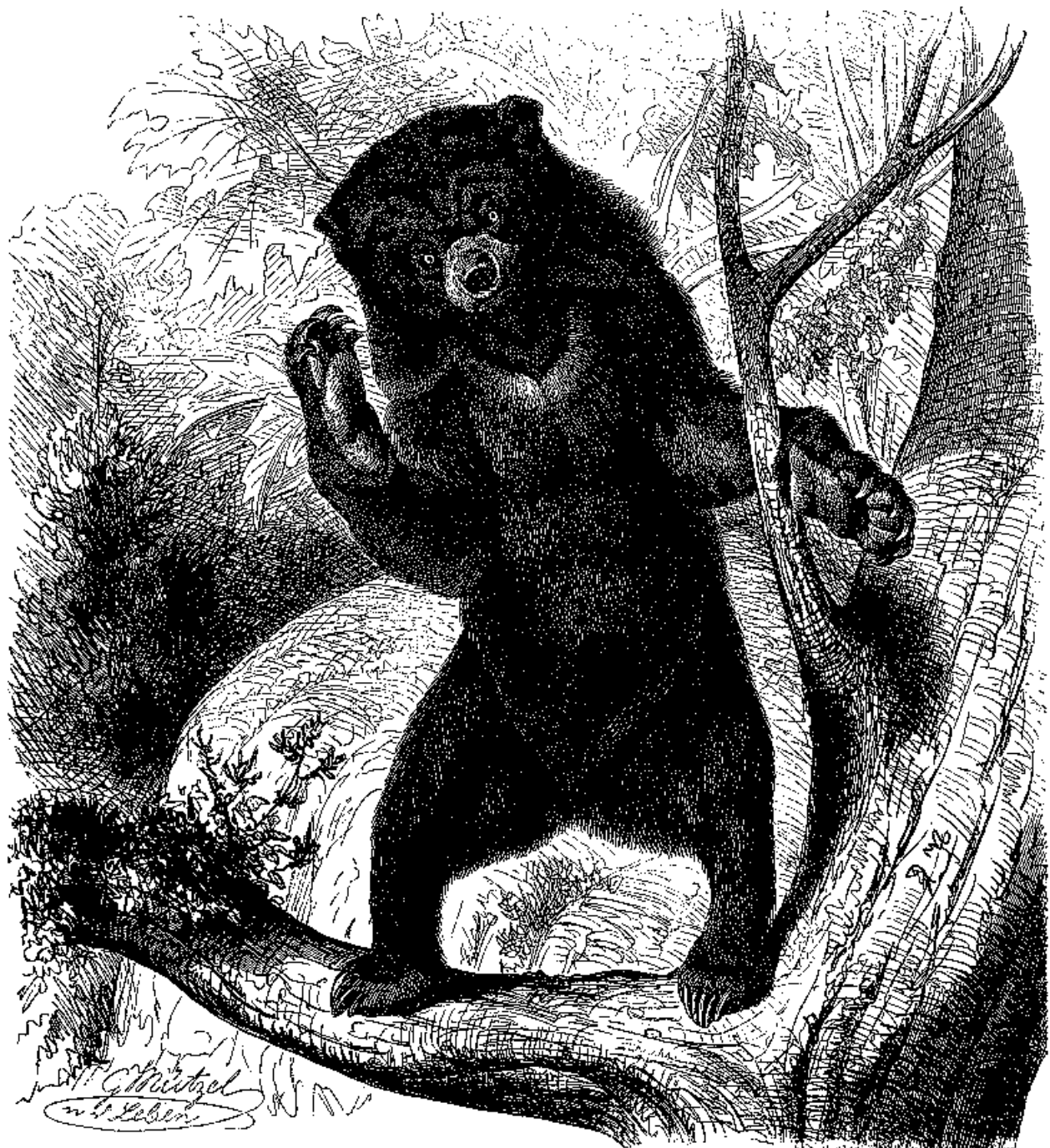
По сообщениям Шейбе, у айносов, в северной Японии, это животное пользуется большим почетом, если, впрочем, предположить, что живущий там медведь принадлежит к этому виду. «Айны, — говорит Шейбе, — вполне основательно высоко ценят этого медведя. Он для них самое драгоценное животное: снабжает их пищей на долгое время, доставляет им одежду, наконец, желчь его высоко ценится благодаря ее целебным свойствам. С другой стороны, ни один зверь не может причинить им столько вреда, как этот медведь, когда он, все разрушая по дороге и убивая домашний скот, врывается в их жилища. Поэтому неудивительно, что айны стараются умиловить медведя, величают его божеством и, убив его, считают своим долгом принести искупительную жертву. Она состоит в том, что череп убитого медведя они насаживают на так называемый «забор идолов», который находится перед каждой хижиной с восточной стороны. У этого «забора» поклоняются всем идолам, исключая бога огня и домового, которым приносят жертвы в самой хижине на определенном месте; с этого момента череп медведя становится священным предметом. По этому же поводу учреждено у айн празднество, называемое «Иомантэ». Это и есть то искупление, которое айны вместе с выкармливанием молодого медведя приносят всему медвежьему роду за убитого сородича. Шейбе описывает подробно, как ухаживают за этим избранным медвежонком, как его убивают с соблюдением определенных торжественных обрядов, причем много поют и пляшут, еще больше пьют и даже плачут, как сдирают шкуру, пьют его теплую кровь и съедают печень и мозг в сыром виде. Празднество оканчивается насаждением черепа на «забор идолов».

Во всех больших зоологических садах Европы можно найти куму, которая по своему нраву, свойствам и привычкам больше всего похожа на барибала.

От прочих видов этого семейства значительно отличается **малайский медведь, или бируанг** (*Helarctos malayamts*)*. Это животное с довольно длинным, но нескладным туловищем, толстой головой, широкой мордой, маленькими ушами, очень маленькими подслеповатыми глазками, несоразмерно большими лапами, длинными крепкими когтями и коротким мехом. Длина его достигает 1,4 м, высота у загривка 70 см. Короткий, но густой блестящий мех черного цвета, за исключением чало-желтых сторон морды и одного подковообразного или круглого пятна на груди, тоже желтого или рыжего цвета.

* *Малайский медведь самый мелкий из собственно медведей: длина тела менее 1,5 м, вес 25-65 кг. Распространен в лесах Юго-Восточной Азии от южного Китая до Зондских островов.*

Бируанг водится на Борнео, Яве, Суматре и на Малаккском полуострове и распространяется к северу через Тенассерим до Бирмы и через Аракан до Читтагонга. Его жизнь на свободе мало изучена. Во всяком случае, он лазает, может быть, искуснее всех своих сородичей и, кажется, столько же времени проводит на деревьях, как и на земле; питается он преимущественно растительными веществами и насекомыми, хотя, говорят, ест также млекопитающих и птиц**.

Малайский медведь, или бируанг (*Helarctos malayanus*)

* * Основная пища малайского медведя различные плоды, а также пчелиные личинки и мед. Пчелиные соты он добывает взламывая дупла огромными когтями передних лап. Кроме того, бируанг ест мелких млекопитающих и птиц размером с курицу.

По словам Марседена, он причиняет иногда большой вред кокосовым плантациям на Суматре, взлезает на кокосовые пальмы и съедает нежные побеги, но Розенберг в своем описании этого животного о подобных проделках бируанга не упоминает. Он пишет о нем следующее: «Бируанг проводит день в расщелинах скал и дуплах деревьев, иногда же делает себе на низких деревьях плоское гнездо из крестообразно расположенных прутьев. Бывали случаи, когда он, если его вынуждали, нападал на людей и убивал их». Вообще, на материке его не считают опасным, хотя он, как говорят, нападает иногда на людей. Стерндаль полагает, что на подобные нападения отваживаются только застигнутые врасплох матери, которые думают, что их детенышам грозит опасность. Ряд случаев, которые приводит Мазон как доказательство того, что малайский медведь опасен, по словам Блэнфорда, не подтвердились: злодеяния эти были совершены не малайским медведем, а кумой.

Говорят, что на родине бируанга нередко держат в неволе как забавного и доброго зверя, позволяют даже детям играть с ним и разрешают зверю свободно бегать по двору без присмотра.

Сердце, а в особенности желчь этого медведя высоко ценятся как лекарство; по словам Бока, китайские купцы дорого за них платят. На острове Борнео даяки из его меха шьют себе шапки.

Наиболее известным американским медведем следует считать **барибала, или черного медведя** (*Ursus americanus*). Это очень распространенное и относительно добродушное животное; по крайней мере, он гораздо безобиднее бурого медведя. Самая большая длина его — 2 м при высоте в плечах 1 м. От обыкновенного медведя он отличается преимущественно тем, что голова его уже, морда острее и постепенно суживается от лба к носу; ступни очень короткие; но главное его отличие заключается в качестве и цвете меха, состоящего из длинных, жестких, гладких волос, которые только на лбу и морде становятся короче. Блестящий черный цвет меха только по бокам морды переходит в тускло-желтый; такого же цвета пятна встречаются часто под глазами. Реже встречаются барибалы с белыми краями губ и белыми полосами на груди и темени. Медвежата бывают светло-серого цвета и только ко второму году облакаются в темную одежду родителей, но мех еще долго остается коротким и отрастает довольно медленно. Барибал водится по всей Северной Америке. Встречается в лесистых местностях от восточного побережья до границ Калифорнии и от дальнего севера до Мексики. В лесах находит он все необходимое для жизни; однако он меняет свое местожительство в зависимости от тех удобств, какие предоставляют ему известные местности в различные времена года. Так, весной он отыскивает пищу в богатых растительностью долинах больших рек и озер, а летом удаляется в глубину лесов, где находит в изобилии всевозможные лесные плоды; зимой он роет себе в местах, по возможности скрытых от глаз, удобную берлогу, в которую залегает на время или погружается в настоящую зимнюю спячку. Относительно зимней спячки существуют разные мнения. Одни натуралисты говорят, что лишь некоторые медведи удаляются на несколько недель в берлогу для спячки, а остальные бродят и зимой, переходя с одного места на другое, и даже перекочевывают из северных стран в южные; другие думают, что это случается только в более теплые зимы, между тем как в суровые все черные медведи погружаются в зимнюю спячку*.

** По-видимому, все барибалы погружаются на зиму в спячку, которая длится, начиная с октября. 74—126 дней. Спячка, впрочем, регулярно прерывается; во время этих прерывов сна звери выходят наружу. Это происходит, как правило, в оттепели и в южных районах случается чаще, чем в северных.*

Достоверно известно, что за барибалом охотятся чаще всего зимой и поднимают его из берлоги. Ричардсон говорит, что медведь обыкновенно выбирает место рядом с упавшим деревом, роет прямо около него углубление, в которое и ложится, едва только начинается метель; выпавший снег покрывает тогда и дерево, и медведя; но место логовища нетрудно обнаружить по небольшому отверстию, образовавшемуся от дыхания животного, и по большому количеству инея, окружающего это отверстие. Барибал даже летом устилает свое ложе сухими листьями и травой. Но это ложе очень трудно отыскать, так как оно устраивается в большинстве случаев в самых глухих лесных чащах, в расщелинах скал, низких пещерах или под деревьями, ветки которых спускаются до земли.

Несмотря на свой глупый, тяжелый и неуклюжий вид, барибал — чуткое, подвижное, сильное, ловкое и выносливое животное. Бег его такой быстрый, что ни один человек не может догнать его. Плавает он отлично и лазает мастерски. Во всяком случае, в движениях своих он показывает больше ловкости, чем бурый медведь, с которым он совершенно сходен всеми прочими свойствами. Он весьма редко нападает на человека, по большей части поспешно бежит при виде своего злейшего врага и, даже раненный, почти никогда не защищается; однако, доведенный до крайности, он может быть очень опасен.

Пища его преимущественно растительная: травы, листья, зрелые и незрелые злаки, ягоды и различные плоды. Однако он преследует домашний скот переселенцев и осмеливается нападать даже на самых сильных быков. Фермерам он приносит двоякий вред, уничтожая посевы и нападая на скот, поэтому к нему относятся точно так же, как к бурому, — преследуют без устали и истребляют всевозможными средствами, как только он осмелится показаться вблизи человеческого жилища.

О размножении барибала американские натуралисты еще не имеют, кажется, точных сведений. Ричардсон полагает, что беременность самки барибала продолжается примерно 15-16 недель, а Одюбон, судя по всему, списал у него это сведение, оба считают январь временем рождения детенышей. Число медвежат колеблется, по Ричардсону, между одним и пятью, а Одюбон ограничивает его двумя*.

** Барибалы, спариваются в первой половине лета. Однако оплодотворенные яйцеклетки как бы консервируются и начинают развиваться только осенью. В результате видимая беременность длится около 220 дней, реально же развитие эмбрионов продолжается всего 10 недель. Детеныши рождаются в январе-феврале, числом от 1 до 5 (обычно 2-3). Самка барибала участвует в размножении раз в 3-4 года.*

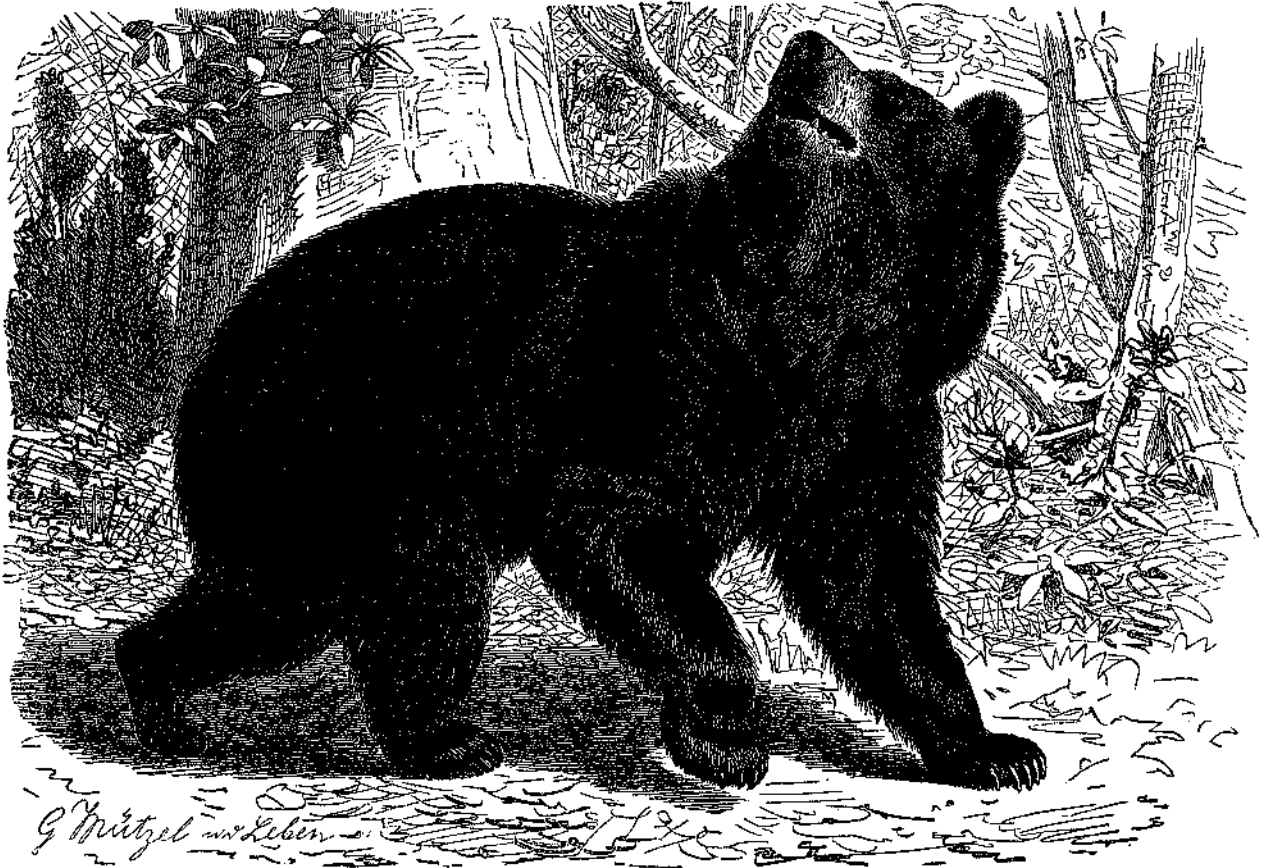
Охота на черного медведя производится различными способами. Многих ловят большими капканами, но большая часть погибает от огнестрельного оружия. Хорошие собаки оказывают большие услуги в этих случаях: они пугают медведя сильным лаем или загоняют на дерево и дают охотнику возможность спокойно прицелиться в него и уложить на месте. Одюбон весьма живо описывает подобную охоту, во время которой было убито несколько медведей, но погибло и несколько собак и даже были ранены некоторые охотники. Одни собаки не могут справиться с медведем: даже самые сильные из них нередко умирают от ударов его страшных лап**.

** * Основной враг барибала в природе — гризли, который довольно часто убивает и даже ест черных медведей. Спасаясь от гризли, барибал обычно собирается на дерево это его обычная оборонительная реакция.*

Во многих местах с успехом применяют самопалы, которые стреляют, лишь только медведь дотронется до приманки. По рекам и озерам гонятся иногда за медведями, когда они добровольно переплывают их или загнаны туда собаками.

Очень оригинальны некоторые способы охоты индейцев, но еще оригинальнее торжественные обряды, которыми они стараются умиловить дух умершего медведя, очень напоминающие религиозное поклонение. Александр Генри, который путешествовал по Северной Америке в областях, где охота на пушного зверя играет важную роль, рассказывает, как вели себя его хозяева по отношению к только что убитому ими медведю: «Тотчас после его смерти к нему подошли все индейцы, а во главе их «старуха мать», как мы ее звали. Она взяла голову зверя в свои руки, гладила и целовала ее и тысячу раз просила у медведя прощения за то, что его лишили жизни, и уверяла его, что преступление совершено не индейцем, а англичанином. Эта история, впрочем, не долго длилась. Скоро принялись за сдирание шкуры и дележ мяса. Каждый член семьи нагрузил себя какой-нибудь частью убитого зверя: кожей, мясом, жиром, и потом все общество направилось к жилищу. Войдя в дом, они украсили голову медведя серебряными браслетами и всеми блестящими украшениями, какие нашлись в семье. Потом положили голову на помост и под нос насыпали большое количество табака. На следующий день сделаны были все приготовления к пиру. Хижину почистили и вымели, голову медведя приподняли и покрыли платком, не бывшим еще в употреблении. Набили трубки, и индеец принялся усердно пускать табачный дым в ноздри медведя. Он упросил меня, как виновника его смерти, сделать то же, чтобы наверняка укротить его гнев. Я старался убедить моего доброго и ласкового хозяина, что в медведе ведь уже не было жизни, но слова мои были напрасны. Под конец мой хозяин произнес хвалебную речь, обращенную к убитому зверю, после которой все принялись есть мясо медведя».

Барибалы, которых я наблюдал, отличались от всех родичей незлобивостью и добродушием. Никогда не злоупотребляют они своей силой против сторожей; напротив того, вполне признают превосходство человека над собой и легко подчиняются его воле. Во всяком случае, они не только гораздо больше боятся сторожа, чем он их, но и еще питают непонятный страх ко всем прочим животным: когда мимо клетки жившего у меня барибала провели однажды небольшого слона, медведь так испугался, что поспешно вскарабкался на свое дерево, как бы надеясь найти там защиту.

Барibal, или черный медведь медведь (*Ursus americanus*)

Барибалы лазают по деревьям с необыкновенной легкостью и проворством. Испуганные чем-нибудь, они одним прыжком метра в два высотой вспрыгивают на первый сук гладкого дубового ствола и потом с величайшей быстротой и уверенностью достигают его верхушки. Одна старая медведица перепрыгнула даже через голову сторожа, который хотел загнать ее в другую клетку, и в одно мгновение очутилась на дереве. Целые семьи размещаются иногда по сучьям деревьев в различных, по-видимому, весьма неудобных позах. Некоторые даже спят на развилках деревьев. Голос барибала напоминает голос бурого медведя, но слабее и жалобнее. Рева в собственном смысле этого слова я от черного медведя никогда не слышал. Возбужденное состояние выражается у него, как и у европейского его родича, сопением и щелканьем челюстей. В гневе он пригибает голову к земле, выдвигает вперед губы, фыркает и нерешительно озирается по сторонам.

Мех барибала, по словам Номера, ценится от 60 до 250 немецких марок. Из него-то и шьют шубы, известные у меховщиков под названием медвежьих. Мех этот идет также на дорогие санные полости.

Семейство енотовые (Procyonidae)*

* Семейство енотовые включает 6-7 современных родов и 18—19 видов мелких и среднего размера хищных. Распространены преимущественно в Америке, при чем как в тропиках, так и в умеренных широтах, а также в Восточной Азии. Енотовые весьма разнообразны по внешнему облику. Общей чертой можно считать конечности, приспособленные как для ходьбы, так и для лазанья, и длинный гибкий хвост.

Какомицли североамериканский (*Basarisens astutits*) и **какомицли центральноамериканский** (*B. sumichrasti*)** — животные пальцеходящие, причем короткие когти, которыми снабжены все пять пальцев каждой ногич могут втягиваться на половину своей длины.

* * *Какомицли* некрупные зверьки, длиной тела 30-40 см. Более мелкий северный *какомицли* живет преимущественно в скалах, а также в лесных завалах и разрушенных постройках; более крупный южный населяет тропические леса.

Несмотря на то что *какомицли* известен больше двух столетий, мы все-таки только в новейшее время получили подробное описание его наружности и образа жизни. Лихтенштейн впервые описал его с научной точки зрения и дал ему название; американские же естествоиспытатели Черльсворт, Клерк, Бэрд и особенно Одюбон собирали наблюдения над его образом жизни и привычками. Взрослый самец достигает в длину около 95 см, из коих две пятых приходятся на долю

хвоста. По форме тела это животное напоминает небольшую лисицу. Какомицли, — говорит Бэрд, — кажется помесью лисицы с полоскуном. На первую он походит строением тела и хитрым взглядом, на второго полосатым хвостом. Туловище его стройнее туловища лисицы, но плотнее туловища ласки; форма его почти такая же, как у норки. Довольно мягкая шерсть его с примесью некоторого количества более длинных твердых волос почти такой же длины, как шерсть лисицы, голова остроконечной формы, голая морда длинная, глаза большие; снаружи голые, внутри покрытые короткими волосами острые уши торчат вверх. Шерсть на спине темного буровато-серого цвета с примесью черных волос; щеки и нижняя часть брюха желтовато-белые или ржаво-красные, глаза того же цвета и окружены темным кольцом; бока светлее. Вдоль шеи и ног идут несколько неясно обозначенных полос; хвост белый с восемью поперечными черными кольцами. Насколько теперь известно, какомицли живет в Мексике и Техасе, причем в Мексике обитает по расселинам скал и в покинутых строениях, а в Техасе селится в дуплах деревьев. В Мексике его можно часто встретить в самой столице, и Черльсворт даже полагает, что он никогда не устраивает своего логовища далеко от человеческого жилища, так как именно человек, заводя курятники, тем самым облегчает охоту этого хищника за добычей. Клерк указывает, что животное это живет в конюшнях и покинутых строениях, впрочем, говорит, ссылаясь на сведения, полученные от других наблюдателей, так как сам он встречал это животное по расселинам скал и на деревьях. Одюбон наблюдал его, повидимому, только на деревьях, а именно в местностях Техаса, имеющих вид парка, в которых почва поросла травой, но кое-где покрыта густым кустарником, среди которого поодиночке возвышаются старые, более высокие деревья. Многие из этих деревьев имеют дупла, и какомицли предпочитает те из них, дупла которых сверху защищены от дождя. Здесь он жи вет поод и ноч ке, стараясь держаться от человека на расстоянии, прячась в густом кустарнике*.

* *Брем имеет в виду прежде всего северного какомицли. Южный вид считается более древесным и по-видимому, реже спускается на землю.*

Клерк утверждает, что он нигде редко не встречается, но только не часто попадает на глаза по причине ночного образа жизни, который он ведет, из-за чего его редко удается убить, хотя землевладельцы тех стран, озлобленные против этого животного за совершаемые им грабежи, пользуются всевозможными средствами для его уничтожения. Какомицли сильно привязывается к избранному им дереву, редко оставляет свое дупло, пока его силой не выгонят оттуда, и вскоре возвращается обратно, когда минует опасность.

Североамериканский какомицли (*Bassariscus astutus*)

По наблюдениям Одюбона, он имеет странную привычку обгладывать кору дерева вокруг входа в свое дупло. Если охотник не видит под деревом щепок или обломков, то он может быть совершенно уверен, что животного уже нет в его прежнем жилище. Дупло внутри выстлано травой и мхом; тут же можно найти и скорлупу орехов, содержимое которых, без сомнения, было выедено какомицли, хотя главную пищу его составляют различные мелкие млекопитающие, птицы и насекомые.

Какомицли — живое, игривое и веселое существо, своими движениями и ужимками во многом напоминающее белку и вследствие этого получившее у мексиканцев название кошачья белка.

Если выгнать его из дупла, он, загибая хвост на спину, принимает совершенно те же грациозные положения, какие свойственны упомянутому грызуну, но не может садиться на задние лапы, как это делает белка. Лазают какомицли превосходно, но не может с такой уверенностью и ловкостью, как белка, перепрыгивать с сучка на сучок, а бежит, если испугать его, как можно дальше по одному сучку и пытается с его веток достигнуть другого, цепляясь за него когтями**. Иногда можно видеть, как он, расположившись на верхней части какого-нибудь сука, греется на солнце. Он лежит в таком случае, наполовину свернувшись, без 1344 Семейство енотовые движения и, по-видимому, спит; при малейшем признаке опасности, однако, он поспешно скрывается в свое дупло и снова появляется только после заката солнца. Одюбон полагает, что на одном и том же дереве живет всегда не больше одного экземпляра, и потому считает его животным необщительным; остальные наблюдатели, по-видимому, также подтверждают его мнение.

* * *Какомицли, по-видимому, один из наиболее хорошо лазающих хищников. Подвижность суставов задних лап, которые зверек может буквально выворачивать в положение, почти обратное нормальному, позволяет какомицли ловко бегать по стволам и веткам не только вверх, но и вниз. Известен случай, когда в опыте какомицли легко лазал вверх-вниз по шнуруку всего полсантиметра толщиной.*

О жизни этого животного в неволе мы имеем весьма скудные сведения; только Одюбон сообщает кое-какие подробности. «Несмотря на пугливость и необщительность какомицли, — говорит он, — его можно сделать довольно ручным, а если продержат некоторое время в клетке, то даже смело можно пустить его свободно бегать по всему дому. Он часто становится любимцем мексиканцев и, охотясь за мышами и крысами, приносит большую пользу. Мы видели ручного какомицли, который бегал на свободе по улицам небольшого мексиканского местечка, и слышали рассказ про другого, который был так миловиден, что даже индейцы приходили любоваться им».

В Европу, насколько мне известно, это животное попало живым только один раз, а именно в 1853 году.

Малая панда (*Ailnnts fitlgem*)*. От густого и мягкой меха тело ее кажется толще, чем оно есть на самом деле; покрытая длинными волосами голова очень широка и коротка, то же можно сказать и о морде; длинный хвост, покрытый густой и мягкой шерстью, очень пушист; уши малы и круглы, глаза тоже невелики; короткие ноги имеют волосатые ступни, которые только наполовину касаются земли, а короткие пальцы снабжены сильно загнутыми когтями.

* *Малая панда еще называется иногда кошачьим медведем. Длина тела 51-64 см, длина хвоста 28-48 см, вес до 6 кг.*

Всех зубов — 38. По величине панда примерно равняется большому домашнему коту: длина туловища — 50 см, хвоста — 35 и высота в плечах — 25 см. Шерсть густая, мягкая, гладкая и очень длинная, на верхней стороне окрашена в блестящий темно-красный цвет, переходящий на спине в светло-золотисто-желтый, так как здесь волосы имеют желтые кончики. Нижняя часть туловища и ноги, за исключением темно-каштановой полосы с наружной и передней стороны, глянцевито-черные, волосы на подбородке и щеках белые, а сзади ржаво-желтые, так же как лоб и темя; ржаво-красная полоса пробегает от глаз к углам рта и отделяет белую морду от щек; уши снаружи покрыты темно-красными, внутри длинными белыми волосами; хвост рыжий, с малозаметными более светлыми узкими кольцами.

Родина панды — юго-восточная часть Гималайских гор, где ее находят на высоте 2000-4000 м. К западу от Непала ее не встречали. О жизни на свободе этого красивого зверька мало известно. Панды живут парами или семействами в лесах, лазают по деревьям и уютятся в дуплах и ущельях, но часто спускаются на землю, чтобы отыскивать себе пищу**.

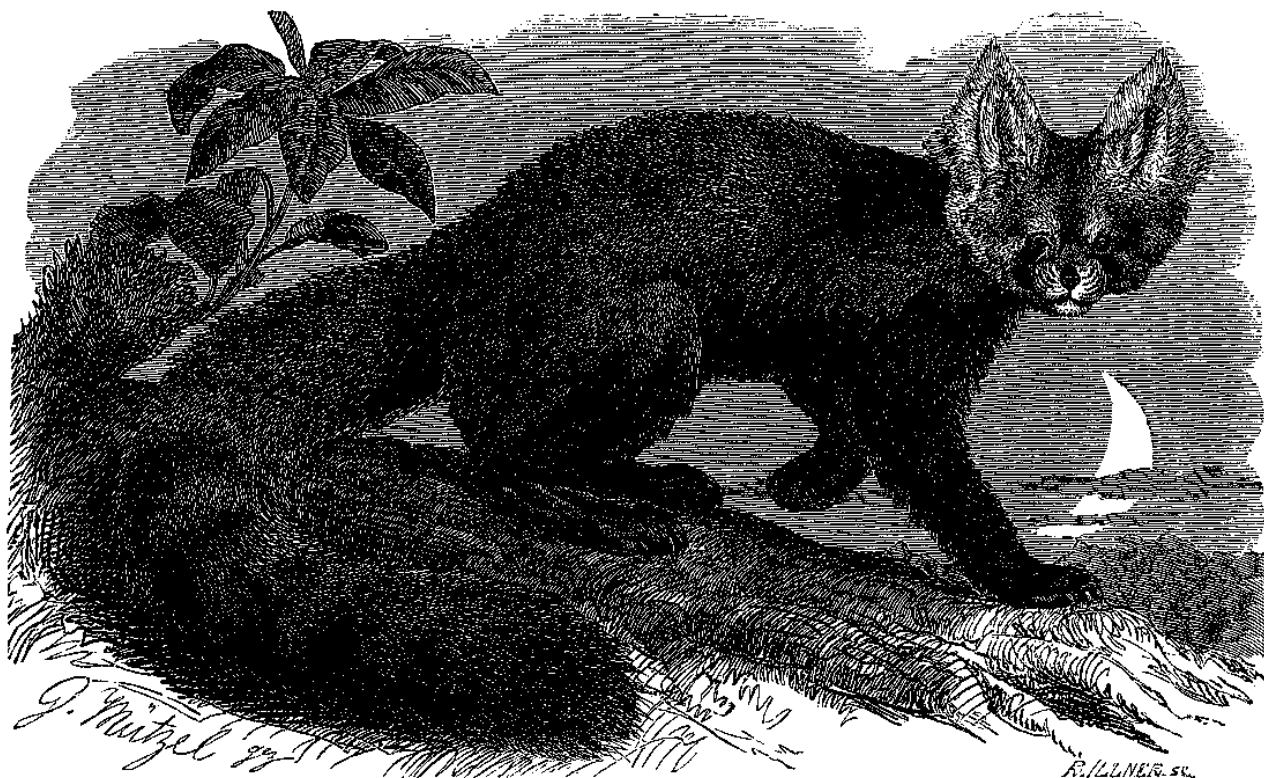
* * *Панды живут парами или группами, состоящими из взрослой самки и ее подросткового потомства. Панда ведет ночной образ жизни, днем спит в дупле, свернувшись и накрыв голову хвостом. Хотя зверь хорошо лазает, большую часть пищи (в основном растительной) он собирает на земле.*

Эта последняя, по словам Ходжсона и Блэнфорда, состоит почти исключительно из растений: плодов, кореньев, травы, желудей, бамбуковых ростков и т. д. При случае панда разоряет гнезда и, по словам Жердона, ест и насекомых. По земле панды двигаются медленно и неловко, зато лазают по деревьям отлично. Они не вполне ночные звери, но днем спят по целым часам, причем лежат свернувшись, окружив голову пушистым хвостом; иногда, впрочем, отдыхают они на ногах, засунув голову между передними лапами под грудь. По Бартлету, они пьют, как медведи, всасывая жидкость губами; по Ходжсону же, они лакают жидкость языком. Один знакомый Жердона заметил однажды двух панд на верхушке высокого дерева; они испускали такие ужасные крики, каких он

никогда еще не слышал. Обыкновенный их голос — короткий слабый крик, напоминающий птичье щебетание. Время течки и продолжительность беременности еще неизвестны; детеныши рождаются обычно весной*. Даже взрослые панды очень чувствительны к переменам погоды, совсем не переносят жары, но очень страдают и от холода.

* По данным, полученным в разных зоопарках, беременность малой панды продолжается от 90 до 145 дней. Детеныши рождаются в июне-июле. Детенышей в помете обычно 2, реже 1-4.

Панда была открыта Хардвиком, но описание ее он обнаружил слишком поздно. Симпсон первый привез в Лондон панду, оставшуюся в живых из трех, взятых в Индии, где животное под присмотром Бартлета прожило некоторое время. «По своему наружному виду, — пишет Андерсон, — панда похожа на полоскуна. Всякое движение напоминает медведя; она ходит (с прямо протянутым хвостом), садится на задние ноги, владеет передними лапами, лазает, злится и кричит совершенно как медведь».

Малая панда (*Ailuropus fulgens*)

По словам Симпсона, голос ее совершенно особенный. «Рассерженная панда, — говорит он, — поднимается на задние лапы совсем как медведь и испускает крик, который легко воспроизвести, если открыть рот и быстро выпускать воздух через нос».

Панду можно назвать травоядным животным; по крайней мере, Симпсону никогда не удалось заставить ее съесть мяса. Ходжсон несколько раз приносил в клетку панды кур, которых она в редких случаях убивала, но потом никогда не трогала. В неволе они едят листья и почки, плоды, а также траву, почки бамбука, сваренный на молоке рис и подслащенное сахаром молоко.

Панда по своему внешнему виду ближе всего подходит к кинкажу. Она сходна с ним и по своим движениям, походке, бегу, лазанью и по роду пищи. Кинкажу значительно превосходит ее своей подвижностью и кажется в умственном отношении более развитым. Все горные народы, по видимому, активно преследуют панду из-за ее красивого меха; может быть, они едят также и ее мясо, несмотря на сильный мускусный запах, который распространяет вокруг себя это животное при раздражении.

Енот-полоскун (*Procyon lotor*)* достигает 65 см в длину, длина хвоста 25 см, высота в плечах 30-35 см.

* Енот-полоскун животное, в первую очередь ассоциирующееся с понятием «енот». Зверь с небольшую собаку размером, весом 2-12 кг. Самки в среднем примерно на килограмм тяжелее самцов. Собственно полоскун распространен в Северной Америке от южной Канады до Панамы, а также акклиматизирован в Западной Европе и на Кавказе. На островах Карибского моря живет несколько близких видов, которые Брем не различает.

Мех желтовато-серого цвета, смешанного с черным, потому что остевые волосы у основания бурые, в середине желтовато-бурые и на конце черные, так что общая окраска в высшей степени оригинальна. Передние ноги, хохолки около ушей, которые с задней стороны окаймлены темно-коричневой полосой, морда и подбородок имеют одинаковую желтовато-белую окраску. От лба до кончика носа и вокруг глаз тянутся темно-бурые полосы. Над глазами до висков пробегает желтовато-белая полоса. Передние и задние лапы буровато-серые, длинные волосы голени и предплечья темно-бурого цвета. Серо-желтый хвост украшен черно-бурыми кольцами и таким же кончиком. Ни один из этих цветов особенно не выделяется, так что даже на небольшом расстоянии они сливаются в один общий трудноопределимый серый цвет, который очень хорошо подходит и к цвету древесной коры, и к цвету земли, поросшей свежей или сухой травой. Звери темного, особенно темно-бурого, цвета, мех которых больше всего ценится, попадают в очень ограниченном числе. Среди полоскунов редко встречаются экземпляры другого цвета, хотя все-таки попадают; так, в Британском музее находится белый енот, который по своему меху может соперничать с ослепительно белым горностаем.

Родина полоскуна — Северная Америка, как южная, так и северная ее части. В нынешнее время он стал гораздо реже попадаться в населенных местностях, чем прежде, вследствие непрерывного преследования, которому он подвергается; однако даже и там его не удалось окончательно вытеснить**. Внутри страны, в лесистых местностях, он водится пока еще в большом количестве. Леса, где встречается много рек, озер и ручьев, — его любимое местопребывание. Обыкновенно он начинает свою охоту при наступлении сумерек, а днем спит в дуплах или на толстых густолиственных сучьях; там, где ему некого бояться, он не имеет определенного времени для охоты, но странствует и днем, и ночью по своим обширным родным лесам.

* * *Зверек этот все еще многочислен во многих местах Канады и США. Там, где на него не охотятся, полоскун легко привыкает к человеку, поселяясь даже в парках и скверах больших городов и становясь частым гостем свалок и мусорных баков.*

Это веселое, красивое животное выказывает много живости и подвижности. Во время ходьбы равнодушно опускает голову, горбит спину, опускает хвост, плетется своей дорогой, переваливаясь с боку на бок; но как только оно сделает какое-нибудь важное для него открытие, например найдет след или заметит незащищенное животное, оно сразу преобразуется. Косматая шерсть сейчас же становится гладкой, широкие уши заостряются; оно высматривает, поднимается на задние лапы, прыгает и бежит легко и проворно или лезет на дерево с ловкостью, какую едва можно было у него предположить, причем лазают не только по наклонным, но даже и по вертикальным стволам и сучьям, снизу вверх так же, как и сверху вниз. Часто можно видеть, как полоскун, подобно ленивцу или обезьяне, пробегает по горизонтальным веткам, повиснув вниз туловищем, или перепрыгивает с безошибочной точностью с сучка на сучок, что доказывает его необыкновенное искусство в лазанье. На земле он чувствует себя также хорошо, может довольно быстро двигаться скачками, причем прыгает, приземляясь сразу на все четыре лапы. По умственному складу несколько походит на обезьян. Он весел, жив, любопытен, задира и способен ко всяким забавным выдумкам, но вместе с тем смел, когда это нужно, а при выслеживании добычи хитер, как лисица.

Енот ест все съедобное, но кажется лакомкой, который везде, где только можно, сумеет найти себе лучшее кушанье. Овощи всякого рода, каштаны, дикий виноград, маис, пока початки еще мягки, составляют его любимую пищу. Он, однако, преследует птиц и разоряет их гнезда, умеет ловко подкрасться к цыпленку и голубю, мастерски находит самое скрытое гнездо и лакомится тогда яйцами, которые он замечательно ловко умеет прокусить и выпить, не пролив ни капли. Нередко приходит в сады и дома только для того, чтобы украсть кур и опустошить их гнезда; вследствие этого он в немилости у фермеров. Удачно ловит рыб, крабов и черепах и ради этой лакомой пищи пускается в открытое море во время прилива. Гусеницы жуков для него лучшее лакомство; даже кузнечиков ловит с величайшей ловкостью. Он обыкновенно до еды опускает свою пищу в воду и там перетирает ее лапами, точно он ее моет*.

* *Полоскун обычно охотится на мелководье или с берега, выискивая на дне добычу при помощи своих крайне чувствительных пальцев. Найдя краба или рака, старательно ощупывает его, чтобы понять, что он нашел, а затем быстро перехватывает тонкими пальцами передних лап так, чтобы схватить членистоногое наиболее удобным и безопасным способом. При этом создается впечатление, что зверек моет добычу, откуда и возникло название «полоскун». Так же (особенно в неволе) зверек поступает и с другой пищей, вероятно, инстинктивно.*

Это он делает только тогда, когда не очень голоден; в последнем же случае требования желудка не позволяют ему предаваться этому любимому занятию, от которого он получил свое назва-

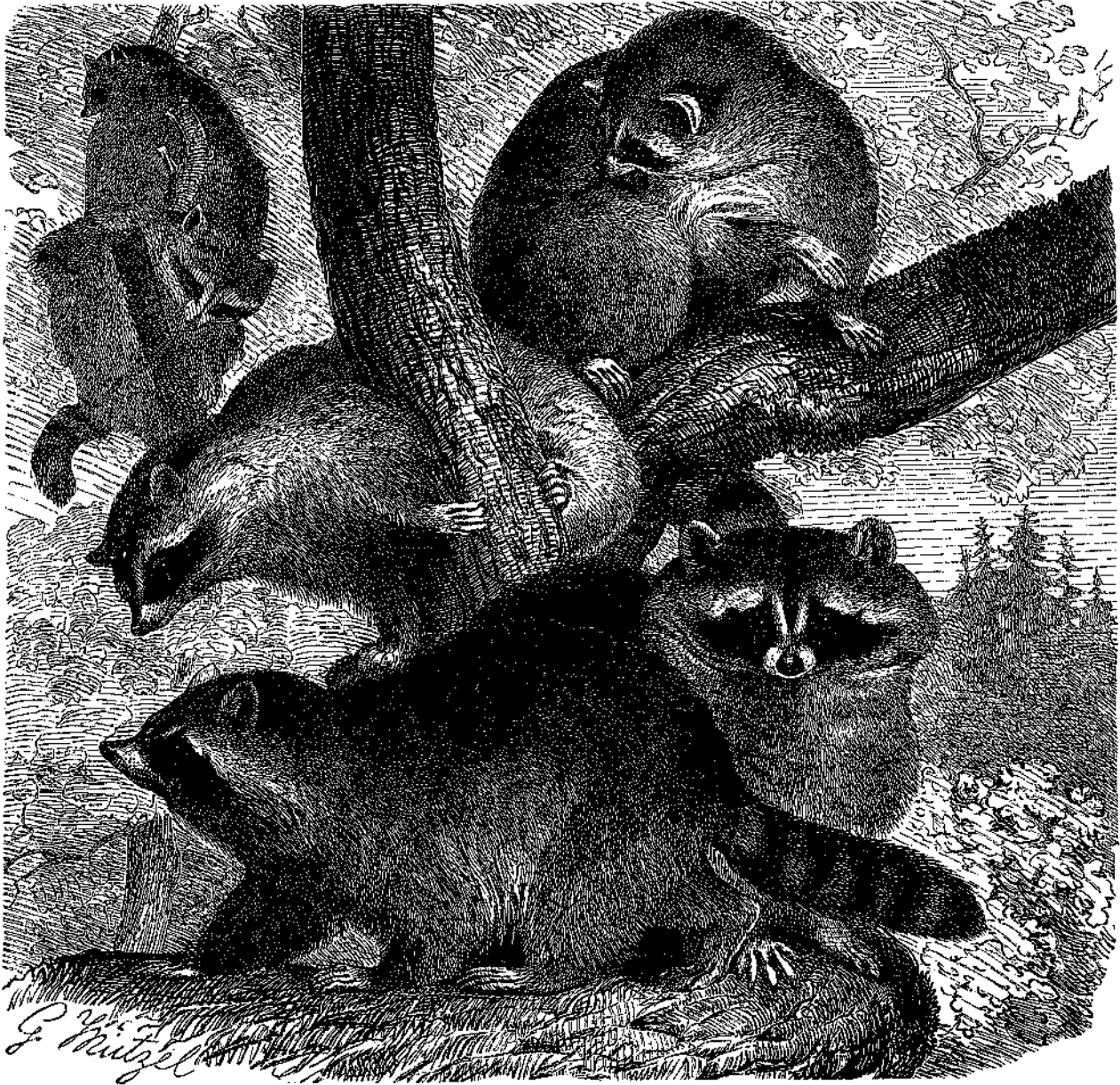
ние. Кроме того, он отправляется на промысел только в хорошую погоду; когда же ветрено или дождь, он по целым дням спокойно лежит в своем закрытом логовище без всякой пищи.

Беременность самки продолжается, по наблюдениям Гааке, 9-10 недель, и в мае в своем логовище, заботливо устроенном в дупле дерева, она рождает от 4 до 6 очень маленьких детенышей; дальнейшее из жизни новорожденных енотов мало известно**. В Берлинском зоологическом саду самка родила в 1871 году пятерых детенышей.

** * Детеныши у енота-полоскуна рождаются с апреля по июнь. Беременность длится обычно 63 дня. До 7—9 недель детеныши проводят в дупле дерева, затем самка переносит их в убежище на земле. Подросшие детеныши остаются с матерью до конца зимы.*

Она лежала, заботливо пряча их между лапами, целые недели на одном месте. Когда детеныши подросли и начали ползать, она ловила их цепкими передними лапами и снова прятала под себя. Наконец с потомством нельзя было уже справиться; оно не стало больше позволять обходиться с собой как с маленькими; детеныши ползали по ней, вскоре стали влезать на деревья, обрели все свойственные их роду привычки и делали это уже в возрасте трех месяцев совсем как взрослые. На шестом месяце их жизни они уже наполовину выросли, а через год были совсем взрослые.

За енотом охотятся не только ради его хорошего меха, но и просто из любви к охоте. Если его преследуют только для шкуры, то употребляют капканы и ловушки разного рода, с рыбой или кусочком мяса в виде приманки. Охоту на него устраивают другим способом. Американцы предаются этой охоте с истинной страстью, и это становится понятным, если прочитать описание ее. Во-первых, охота происходит не днем, а ночью, с помощью собак и при факельном освещении. Когда енот оставляет свое логовище и тихими, неслышными шагами скользит по хворосту, когда в лесу становится совсем тихо с наступлением ночи, тогда-то охотники и отправляются в путь. Хорошая опытная собака находит след, и вся свора набрасывается на проворно бегущего зверя, который с обезьяньей ловкостью взбирается на дерево и старается укрыться в его тенистых ветвях.

Енот-полоскун (*Procyon lotor*)

Вокруг него собираются в кружок собаки с лаем и воем; травленный зверь лежит наверху, уютно прижавшись к сучку, укрытый темным покровом ночи. Но тут приближаются охотники. Факелы бросают в кучу, прикрывают их хвостом, сосновыми шишками и щепками, и вдруг под деревом вспыхивает яркий огонь, волшебным светом озаряющий окрестности. Вот самый ловкий охотник поднимается на дерево и наверху, в ветвях, принимает на себя роль собаки. Человек и енот гонятся друг за другом на вершине дерева, пока наконец енот не вскакивает на колеблющуюся ветку в надежде перескочить на другое дерево. Его преследователь спешит за ним до тех пор, пока может, и вдруг начинает сильно трясти ветку. Его достойный сожаления соперник должен крепко держаться, чтобы не упасть на землю. Но это ни к чему не ведет. Все ближе и ближе подбирается к нему неприятель, все сильнее становятся усилия удержаться, но одно неверное движение, и он с шумом падает на землю. Торжествующий лай собак приветствует его падение, и охота продолжается с новой энергией. Полоскун делает еще две или три попытки спастись, снова влезает на дерево, но в конце концов становится добычей своих усердных четвероногих противников и под их зубами кончает свою жизнь.

Пойманный в молодых годах, полоскун обыкновенно очень легко приручается. Его доверчивость, веселость, свойственная ему суетливость, никогда не ослабевающая подвижность, так же как и забавный обезьяний нрав, нравятся людям. Прокормить его нетрудно: он ест все, что ему дают, — сырое или вареное мясо, птиц, яйца, рыбу, насекомых, иногда пауков, хлеб, сахар, патоку, мед, молоко, коренья, зерна и т. п. Даже в неволе этот чудак сохраняет свою привычку: все, что он ест, сначала пополощет в воде, потом потрет пищу лапами, хотя при этом он лишается некоторых вкусных вещей, например сахара. Хлеб долго мочит в воде, прежде чем съесть его. На мясо набрасыва-

ется с жадностью. Всякую твердую пищу подносит ко рту обеими передними лапами, так что вообще вертикальное положение на задних лапах не представляет для него никаких трудностей. При хорошем уходе он и в Европе довольно долго переносит неволю*.

* Известны случаи, когда полоскуны жили в природе до 13-16-летнего возраста (хотя обычная продолжительность жизни составляет, видимо, 5-6 лет), В неволе один енот дожил до 20 лет 7 месяцев.

Мясо убитого енота едят не только американские туземцы и негры, но даже и белые, а мех его пользуется большим спросом: енотовые шубы считаются самыми лучшими. Из длинных волос его делают кисточки, из подшерстка — шляпы, а из целых шкур изготавливают боа, которые дамы носят на шее. По словам Ломера, в последнее время поступает в продажу от 600-800 тысяч шкур ежегодно и ценятся они от 4 до 8 марок штука; красивые темно-бурые шкурки стоят еще дороже — от 12 до 25 марок.

Другой вид — **енот-крабод, или агуара** (*Procyon cancrivornis*)** — водится в Южной Америке, особенно на восточном ее побережье. Он немного выше своего сородича, серо-черного или желто-серого цвета, на нижней части туловища светлее, с пушистым хвостом, на котором заметны желтые кольца, и темной мордой; над глазами находится светлая полоска.

* * *Енот-крабод сменяет полоскуна и близкие виды на материковой части Южной Америки и крупных островах вблизи ее берегов. По размеру и внешнему виду он похож на полоскуна, отличаясь более короткой шерстью. Крабод чаще, чем его северный собрат, охотится не на пресных водоемах, а на морском побережье.*

По Каплеру, он часто встречается в Гвиане, а именно близ берегов, и ночью отправляется на охоту. Пищу его составляют птицы, яйца, ящерицы и плоды, но с особенным удовольствием, говорят, ловит он крабов на берегу моря и в прибрежных болотах. Подобно североамериканским полоскунам, он легко приручается, но имеет неприятный запах, который даже индейцев заставляет воздерживаться от употребления его мяса.

Других представителей семейства енотовых — носух легко отличить по вытянутому узкому туловищу, почти сходному с туловищем куницы, короткой шее, длинной остроконечной голове, пушистому длинному хвосту и коротким сильным ногам с широкими ступнями, голыми на нижней части. Главным отличительным признаком животного служит его нос. Он тянется в виде хобота гораздо дальше рта и окаймлен острыми выгнутыми краями. Уши короткие и закругленные, блестящие глаза довольно большие, пять пальцев, почти сросшихся между собой, вооружены длинными, острыми и малозагнутыми когтями; зубы такие же, как у полоскунов, только немного уже и выше.

Наиболее известный вид — **обыкновенная носуха, или коати** (*Nasita nasua*)*. Он распространен от севера Южной Америки до Парагвая.

* *Носуха, или коати, своеобразный енот с вытянутым подвижным носом. Длина тела 41-67 см, примерно такой же длины хвост. Вес до 6 кг. Самцы немного крупнее самок. Распространена носуха в Южной Америке к востоку от Анд, на юг до Аргентины.*

Общая его длина 100-105 см, из которых 45 приходится на хвост, а высота в плечах 27-30 см. Пушистый, длинный, но не косматый мех состоит из прямых, жестких и блестящих волос ости, удлинняющихся на хвосте, и короткого, немного курчавого подшерстка, который особенно густ на спине и на боках. Большие усы и длинные щетины находятся на губе и над глазами. Морда покрыта короткими волосами. Цвет шерсти, который на спине бывает ярко-рыжим или серовато-бурым, на нижней части тела переходит в желтоватый; лоб и затылок желтовато-серого цвета, губы белые, уши сзади черно-бурые, спереди серовато-желтые. Над каждым глазом находится по круглому белому пятну, другое — сбоку, у угла каждого глаза, и два, часто сливающихся между собой, под глазами; белая полоса проходит вдоль всего носа. На хвосте перемежаются желтовато-бурые и черно-бурые кольца.

Как на совсем особенный вид Гензель указывает, на основании исследования черепа, на **белоносою носуху** (*Nasita narica*)** Средней Америки. По величине она равна коати, напоминает его также и по цвету.

* * *Белоногая носуха очень похожа на коати, но отличается несколько более легким сложением и окраской. По верхней стороне носа проходит белая полоса (как и следует из названия), тогда как у коати нос темный. Брем в описании окраски коати смешивает признаки обоих видов. Белоногая носуха распространена от южных штатов США до северо-запада Перу. На мексиканском острове Козумель живет еще один вид носуха Нельсона. Некоторые исследователи все три вида объединяют в один — обыкновенная носуха, или коати.*

Мех кажется темнее или светлее, смотря по тому, закрыта или заметна светлая окраска кончиков волос. Отдельные волоски у корня рыжеватого или желтовато-бурые, в середине светлее или темнее, а на кончике — чалые или светло-бурые; отсюда получается более или менее яркое смешение цветов: бурого, светло-бурого и желто-бурого. Кольца вокруг глаз, полоса, начинающаяся над глазами и пробегающая до кончика носа, передняя часть морды наверху и внизу желтовато-белые. Шея и нагрудник немного темнее, остальные нижние части буроватые, ноги совсем бурые, уши внутри и на кончиках светло-желтые. У большей части этих носух преобладает светлая окраска; некоторые же кажутся совсем темными.

Азара, Гензелю, Ренггеру и принцу фон Виду обязаны мы подробным описанием образа жизни носух. По принцу фон Виду, общественные и одинокие коати отличаются друг от друга тем, что первые всегда живут и бродят в обществе от 8 до 20 штук, вторые же держатся одиноко в определенной местности и соединяются с другими только во время половых сношений. Одинокая носуха имеет несколько берлог и проводит ночь то в той, то в другой, пока не исколесит ту или другую часть леса; общественные же не имеют ни берлоги, ни определенной местности и ведут поистине цыганскую жизнь: днем рыскают по лесу и там, где застанет их ночь, залезают в дупла или под корни деревьев или укладываются в развилины двух сучьев и спят тут до самого утра. Стада этих носух бегают днем по лесу и при этом испускают постоянно особенно резкие, наполовину хрюкающие, наполовину свистящие звуки, которые можно услышать гораздо раньше, чем увидишь самих животных. Они всегда основательно обыскивают почву, покрытую листьями и хворостом, осматривают каждое отверстие, каждую щель, обнюхивают то ту, то другую дыру, но никогда не останавливаются долго на одном предмете. Одинокая носуха, напротив, плетется медленно, исследует каждый предмет в высшей степени обстоятельно и тратит на все свои действия достаточно много времени, потому что ей не приходится бояться конкуренции со стороны товарищей. Иногда все общество вдруг вздумает влезть на дерево, которое они наскоро обыскивают и столь же быстро оставляют и меняют на другое. Одинокая носуха очень ленива и чаще остается на земле. У общественных носух нет никакого согласия в поступках отдельных членов стада: каждый сам по себе и заботится о своих спутниках лишь в той мере, чтобы не отстать от стада, которое, кажется, ведут старые носухи.

Все эти сведения подтверждаются Гензелем, только он несколько иначе объясняет образ жизни этих животных. «Носуха, — говорит он, — так распространена в Бразилии, что я имел в своем распоряжении не менее 200 черепов. Из сравнения этих черепов, так же как и из неоднократных наблюдений над коати на воле, я убедился, что старые самцы, которых раньше принимали за особый вид, живут в одиночестве. В известном возрасте, когда длинные клыки начинают притупляться, они оставляют стадо, в котором до этого жили вместе с самками, и возвращаются туда только на время спаривания. Никто не видел одиноких самок; если же и встретится одинокая самка коати, то она или во время охоты отстала от всего стада, или просто охотник не заметил стада, находящегося тут же, поблизости. Германским переселенцам в девственных лесах Рио-Грандо-до-Сул, с особенной страстью охотящимся на коати, очень хорошо известны нравы этого зверя. Все они знают, что одинокие коати — это самцы общественных, и считают несомненным фактом то, что никогда не бывает одиноких самок. Носухи — дневные животные; ночью они спят, с утра же до вечера поглощены безостановочной деятельностью. Днем они, кажется, заняты вечными странствованиями, причем ни одного местечка не оставляют, не обыскав его. Их пища, без сомнения, состоит из всего съедобного в растительном и животном царстве. Охотно ходят они на поля, чтобы таскать маис, особенно пока зерна еще мягкие»*.

** Исследования социальной организации носух на острове Барро (Колорадо) показали, что стая состоит из нескольких взрослых самок и детенышей обоего пола в возрасте до двух лет (возраст достижения половой зрелости). Половозрелые самцы изгоняются из стаи взрослыми самками, иногда поддерживаемыми молодыми. После этого они ведут одиночный образ жизни и возвращаются в стаю только в период спаривания, но и в это время находятся в подчиненном положении по отношению к самкам. В отличие от носух в стае живущий в одиночку самец может быть активен в любое время суток.*

Они едят также всяких мелких животных; насекомые и их гусеницы, червяки и улитки служат им лакомством. Если они чуют червяка в земле или гусеницу жука в хворосте, они прикладывают все свои старания, чтобы завладеть им, скребут передними лапами, суют время от времени нос в разрытую ямку, как делают это собаки, когда находят на поле норки мышей, пока не достигнут своей цели. В шуме и свисте и ссорах проходит утро; если жарко в лесу, стада старается найти прохладное место для полуденного отдыха. Они находят удобное дерево или густой кустарник, и

каждая уютно усаживается на его ветвях и засыпает. После полудня опять возобновляются странствования, пока вечером не появляется новая забота — найти себе хороший ночлег. Если коати замечают врага, они дают об этом знать своим товарищам громким свистом и поспешно лезут на дерево; все остальные следуют их примеру, и мигом все общество располагается на ветвях. Если охотники полезут за ними на дерево или сильно будут бить по стволу топором, то носухи взбираются на концы ветвей, спрыгивают на землю и бегут со всех ног. Если же их никто не трогает, они спускаются с дерева вниз головой. При этом они расставляют задние лапы и плотно прижимаются ими к стволу. По веткам они лазают осторожно, а на прыжки с одного дерева на другое, как это делают обезьяны, они не отваживаются, хотя и могут это сделать, потому что в ловкости они не уступают обезьянам или кошкам. На земле движения их не так проворны, как на ветках деревьев. Здесь они ходят или шагом с вертикально поднятым хвостом, или делают короткие прыжки и при этом едва прикасаются передними частями ступней к земле. Только когда они стоят или сидят на задних лапах, ноги их опираются на всю ступню. Их бег кажется неуклюжим, но на самом деле это очень быстрый галоп. Они, кажется, боятся воды и влезают в нее только в самых крайних случаях; но они умеют и плавать настолько хорошо, чтобы переплыть речку, даже довольно быстро.

Из внешних чувств обоняние, несомненно, развито у них лучше всего, затем следует слух, а зрение, вкус и осязание сравнительно слабы. Ночью они видят совсем плохо, днем тоже не особенно хорошо; главным органом осязания служит почти единственно их хоботообразный нос.

Когда приходит время течки, то, по словам Гензеля, одинокие коати возвращаются к своему стаду, и между старыми самцами происходят самые отчаянные битвы. Своими громадными и острыми клыками они наносят друг другу значительные раны; победив противника, самец в качестве награды получает благосклонность самки. Ренггер говорит, что самка носухи, живущая на свободе, приносит в октябре от 3 до 5 детенышей в дупле или пещере, в густо заросшей кустарником яме или в другом убежище. Здесь прячет она свое потомство до тех пор, пока оно не сможет следовать за ней во всех ее странствованиях. Этому не долго дожидаться, потому что в стаде часто встречаются совсем молодые носухи, у которых едва прорезались резцы*.

** Готовящаяся родить самка носухи уходит из группы и устраивает гнездо на дереве. Детенышей рождается от 2 до 7. Они проводят в гнезде пять недель, после чего все семейство присоединяется к группе.*

В неволе носухи размножаются реже, чем можно ожидать по их образу жизни. Воспитанные мной самки только два раза рождали детенышей, которые, к сожалению, скоро издохли.

Носухи, у которых детеныши уже подросли, кормят их, по наблюдениям Гааке, стоя на широко расставленных ногах. Европейцы, живущие в Южной Америке и Мексике, охотятся за носухами главным образом ради удовольствия. Со сворой собак обходят они леса и отыскивают стада носух. При виде собак носухи с криком бросаются на ближайшие деревья и, испуганные лаем, легко становятся добычей охотника. Но нужен хороший выстрел, если охотник хочет завладеть ими, потому что, раненные, они остаются лежать на развилках сучьев и достать их оттуда очень трудно. Иногда гонимые носухи снова спрыгивают на землю и стараются спастись бегством или взобраться на другое дерево, но тут их легко догоняют собаки и убивают, несмотря на их сопротивление. Одна собака, конечно, не может справиться с носухой. Даже одинокий коати умеет хорошо пользоваться своими острыми зубами, храбро кидается на собаку, если она близко подходит, бешено кричит и сильно кусается. Каждый раз он дорого продает свою шкуру и изранит по крайней мере 5 или 6 собак, прежде чем даст себя одолеть. Мясо его употребляется в пищу не только туземцами, но и европейцами. «Молодые носухи, — говорит Гензель, — служат, если они жирны, отличным жарким, и даже мясо старых все-таки вкусно». Из шерсти индейцы выделывают маленькие сумочки.

Во всех странах, где водятся носухи, их очень часто держат в неволе. Соссюр говорит, что из всех довольно крупных четвероногих носухи — одни из тех, кого легче всего приручить. У индейцев ручные носухи — самое обычное явление. В Европу их привозят тоже очень часто. Воспитывать их нетрудно, даже когда они совсем маленькие. Их можно кормить молоком и плодами; впоследствии им дают мясо, которое они так же охотно едят вареным, как и сырым. Говядину, кажется, они предпочитают всякому другому мясу. Больших птиц и маленьких млекопитающих они не любят, хотя и от такой пищи не отказываются. Впрочем, они не кровожадны и охотно довольствуются растительной пищей. В отличие от других хищных животных они никогда не пробуют гоняться за домашней птицей и этим показывают, что на свободе они больше питаются растительной пищей и насекомыми, чем мясом позвоночных животных.

Кинкажу (*Potos flavus*)** имеет очень длинное, но неуклюжее туловище, которое стоит на низких ногах.

* * *Кинкажу один из немногих хищных с хватательным хвостом, которым он пользуется при лазанье. Это животное размером с крупную кошку, весом до 4 кг. Распространен в лесах от восточной Мексики до центральной Бразилии. Ведет древесный образ жизни.*

Голова замечательно мала, толста и с очень короткой мордой; глаза не слишком большие; пять пальцев, наполовину сросшихся, снабжены крепкими когтями; нижняя часть ступни голая. Хвост, более длинный, чем все туловище, имеет такое же цепкое строение, как у некоторых двуутробок и ревунов. Взрослые кинкажу в длину имеют 90 см, из которых 47 приходится на хвост, а высота в плечах 17 см. Очень густой, довольно длинный, немного курчавый, мягкий и блестящий, как бархат, мех на верхних и наружных сторонах светлого серовато-желтого цвета, со слабым рыжеватым отливом и черно-бурыми волнистыми полосами, которые особенно ясно выступают на голове и спине; отдельные же волосы у основания серые, в середине рыжевато-желтые и на конце черно-бурые. От затылка тянется широкая и резко обозначенная темная полоса по всей спине до корня хвоста. Нижняя часть тела красно-бурая, на брюхе светлее, наружные части ног черно-бурые. По середине брюха тоже пробегает темная ржаво-бурая полоса. Хвост у корня бурый, постепенно переходит в почти черный.

Теперь мы знаем, что кинкажу очень распространен. Он водится во всей северной Бразилии, в Перу и севернее до Мексики, так же как и в южной Луизиане и Флориде. Живет в девственных лесах, часто близ больших рек и обычно на деревьях. Ведет ночной образ жизни; днем спит в дуплах, ночью же очень подвижен и лазает замечательно ловко по верхушкам деревьев, ища себе пищи.

Кинкажу (*Potos flavus*)

Его цепкий хвост оказывает ему хорошую услугу. Кинкажу в искусстве лазанья едва уступает обезьянам. Все его движения в высшей степени спокойны и самоуверенны. Он может держаться за сучки и ветки задними ногами или цепким хвостом и так крепко зацепляется ими за дерево, что слезает с них всегда головой вниз. Когда он ходит, то ступает на всю ступню.

"Однажды ночью, — рассказывает Бете, — мы спали перед жилищем туземного семейства, которое поселилось посреди леса и не могло пустить нас в хижину вследствие праздника. Когда ночью стало совсем тихо, какой-то шум привлек мое внимание, и я увидел выходящее из леса общество стройных животных, которые при ярком блеске луны на безоблачном небе перескакивали с ветки на ветку легкими прыжками. Многие из них держались на пальмах, и скоро давка, писк, визг и падение плодов указали, чем они там занимались. Я принял сначала этих животных за ночных обезьян, но утром туземец, показав мне пойманного детеныша ночных гостей, убедил меня в том, что это

были кинкажу». Питаясь преимущественно растительной пищей, кинкажу не пренебрегает также и мелкими млекопитающими, птицами и их яйцами или насекомыми и их личинками. Мед он особенно любит и разоряет много диких пчелиных ульев. При их опустошении он пользуется своим замечательно длинным и вытяжным языком, который он может просунуть в самую узкую щель и достать им находящиеся там предметы; он просовывает язык через 1374 Семейство еотовые отверстие для вылета пчел глубоко в улей, разламывает им соты, а затем лакает мед.

О размножении этого странного животного мы почти ничего не знаем, но, судя по двум самкам, предполагают, что она приносит только двух детенышей. В неволе, насколько я знаю, они еще ни разу не размножились*.

** Сезон размножения кинкажу, вероятно, различен в разных частях ареала. Беременность длится 112-118 дней, самка рождает одного, реже двух детенышей. В возрасте семи недель детеныши научаются следовать за самкой и есть «взрослую» еду.*

Все, кто до сих пор наблюдал кинкажу, согласны в том, что он кроток и добродушен с людьми и легко делается доверчивым и ласковым; как собака, он охотно принимает ласки, знает голос своего хозяина и ищет его общества. Он требует от своего покровителя, чтобы тот играл с ним или разговаривал, и поэтому принадлежит к самым любимым домашним животным у туземцев Южной Америки. Даже в неволе он спит почти целый день. При этом закрывает все тело, и прежде всего голову, хвостом. Если ему положат пищу, он проснется, но бодрствует только до тех пор, пока ест. После заката солнца просыпается, делает несколько неверных шагов с высунутым от жажды языком, выискивает воду, пьет ее, чистится и делается веселым и забавным: прыгает, лазает, выкидывает разные штуки, играет со своим хозяином, издает тихий свист, который и есть его обыкновенный голос; но когда он рассержен, то ворчливо тявкает, как щенок. Часто сидит на задних ногах и ест, как обезьяна, с помощью передних лап и своим поведением представляет замечательное смешение привычек медведя, собаки, обезьяны и виверры. Своим цепким хвостом пользуется, как обезьяны, и притягивает им предметы, которые не может достать лапами. Очень чувствительный к свету, он даже в сумерки ищет темного места, и зрачок его стягивается в маленькую точку. Если глаза его раздражаются сильным светом, он выражает свое неудовольствие особенно беспокойными телодвижениями. Ест все, что ему предлагают: хлеб, мясо, овощи, вареный картофель, зелень, сахар, варенье, пьет молоко, кофе, воду, вино, даже водку, пьянеет от спиртных напитков и хворает от этого несколько дней. Иногда он ловит птиц. После сильных движений часто чихает по нескольку раз. В гневе шипит, как гусь, и громко кричит. Как он ни смирен, он все-таки страстно жаждет свободы. Старый кинкажу, который жил у Гумбольдта, убежал от него ночью в лес, по 1376 Семейство еотовые дороге задушил двух каменных куропаток, которые тоже принадлежали к коллекции животных Гумбольдта, и унес их с собой, как запас на будущее время. Каплер, который наблюдал кинкажу в Гвиане, говорит о нем: «Он питается главным образом плодами и в высшей степени смирен. От индейцев я получил маленького кинкажу, который бегал совершенно свободно. Никто не знал, где он проводит день. Но как только мы селись вечером за стол, появлялся Вава, как мы его звали, и начинал забавлять нас смешными ласками, причем он, между прочим, старался свой длинный язычок сунуть мне в рот, уши и нос. Он охотно ел зрелые бананы и другие фрукты. Когда дом запирали, Ваву пускали на улицу, и он влезал на хлебные, кокосовые пальмы и другие деревья, так как не любил сидеть на земле. Он жил у меня целый год, но внезапно умер».

Кинкажу нередко в последнее время привозили к нам живым, и я не раз имел случай наблюдать его. Во сне он лежит на боку, свернувшись, спиной к свету. Под вечер, всегда в один и тот же час, просыпается, потягивается, зевает и при этом далеко высовывает язык из пасти. Затем задумчиво и медленно некоторое время обходит свою клетку. Походка его особенная и совсем неуклюжая. Он так заворачивает внутрь свои кривые, как у таксы, ноги, что, переступая, часто заносит правую ногу за левую и обратно. Цепкий хвост он постоянно пускает в дело. Иногда он держится им и двумя задними лапами на сучке, в то время как тело вытянуто горизонтально. Он ест все съедобное, охотнее всего плоды, вареный картофель и вареный рис. Когда ему бросают маленьких птиц, он приближается к ним очень медленно, усердно обнюхивает, потом кусает и крепко держит пищу обеими передними лапами. Ест не спеша, можно даже сказать, лениво, разрывает и тербит пищу, откусывает, по-видимому с трудом, небольшие кусочки и медленно разжевывает их, прежде чем проглотить. Но он не кровожаден, хотя и не может отрешиться от своей хищнической природы.

Трудно найти более приятное домашнее животное, чем кинкажу. Он привязчив, как дитя. Ласки делают его счастливым. Он нежно прижимается к человеку, когда тот его гладит, и при этом у него, по-видимому, нет никакого коварства. Он бывает недоволен только тогда, когда вдруг тре-

вожат его сладкий сон. Если его будят голосом и дают время проснуться, то он и днем самое милое создание.

Семейство куньи

(Mustelidae)*

* Семейство куньи включает 23 современных рода и около 65 видов хищных, от мелких (в том числе самых мелких представителей отряда) до средних (до 45 кг). Куньи распространены по всей Евразии, Африке, Северной и Южной Америке, а с человеком попали и в Австралию и Новую Зеландию. Общим в облике куньих можно считать довольно вытянутое тело на относительно коротких ногах (хотя есть и исключения), череп (его лицевая часть) укорочен по сравнению с таковым псовых. Среди видов семейства есть как настоящие хищники, так и всеядные животные.

Семейство куньих богато родами и видами. Описание общих признаков этого семейства довольно затруднительно; общее строение тела, зубная система и устройство конечностей более разнообразны, чем у других плотоядных. Можно, однако, заметить, что все члены этого семейства среднего или малого роста; туловище у них вытянутое, конечности короткие, и на них имеется от 4 до 5 пальцев. Около заднего прохода встречаются железы, как у виверр, но они выделяют не благоухающие вещества, как у этих последних, а напротив того — к куньим относятся самые ужасные вонючки среди животных. Кожа обычно покрыта густой и тонкой шерстью, и потому в этом семействе мы находим самых дорогих пушных зверей.

Скелет у этих животных состоит из очень тонких костей. Грудная клетка окружена 11 или 12 парами ребер, на хребетном столбе, кроме того, имеются от 8 до 9 поясничных позвонков, три крестцовых и от 12 до 26 хвостовых. Лопатки очень широкие, а ключицы, как правило, не развиты. В зубной системе заметны большие острые клыки. Когти большей частью невтяжные.

Ныне куньи живут во всех частях света, за исключением Австралии, в любом климате и на различных высотах, на равнинах точно так же, как и на горах. Местом жительства служат им леса, скалистые участки, но также и ровные поля, сады и даже жилища человека. Большинство их живет на суше, но некоторые из них водные животные; живущие на суше, как правило, отлично лазают и умеют плавать. Многие роют ямки или норы в земле или пользуются норами, вырытыми другими животными. Некоторые устраивают логовища в дуплах деревьев, гнездах белок и некоторых птиц — короче говоря, животные этого семейства умеют устроить жилища в любых местах — от впадины между камнями до искусно устроенной норы, от подпола человеческого жилья до убежища между ветвями или корнями в глухом лесу. Чаще всего куньи имеют постоянные логовища, но некоторые скитаются с места на место в поисках пропитания. Некоторые из живущих на севере впадают в зимнюю спячку, прочие остаются деятельными целый год.

Почти все куньи весьма подвижные и ловкие создания. При ходьбе они опираются на всю ступню, при плавании помогают себе лапками и хвостом, при лазании очень ловко пользуются конечностями, несмотря на то, что когти у них не особенно острые, и могут взбираться на отвесные стволы деревьев и удерживаться в равновесии на тонких сучьях. Движения их находятся, само собой разумеется, в соответствии со строением тела. Чем выше ноги, тем смелее бывают прыжки, чем они короче, тем движение становится более скользким, хотя иногда очень быстрым, а при плавании оно чем-то напоминает движение рыбы. Из внешних чувств почти одинаково хорошо развиты обоняние, слух и зрение, впрочем, вкус и осязание также довольно хорошие. Умственные способности куньих вполне соответствуют хорошо развитым органам тела. Они весьма понятливы, умны, хитры, недоверчивы, осторожны, очень смелы, кровожадны и жестоки. но к детенышам своим относятся очень нежно. Некоторые любят общество себе подобных, другие живут одиноко или в известное время парами. Очень многие бывают деятельны и днем, и ночью, но большинство из них относятся, однако, к ночным животным. В густо населенных местностях они отправляются на добычу только после захода солнца. Питаются они преимущественно животными, например мелкими млекопитающими, птицами, их яйцами, лягушками и даже насекомыми.

Некоторые едят улиток, рыб, раков и моллюсков; иные не пренебрегают даже падалью, а в случае нужды питаются и растительными веществами, причем особенно любят сладкие, сочные плоды. Кровожадность их необыкновенно велика: они умерщвляют, если могут, гораздо больше животных, чем нужно для пропитания, и некоторые виды пьянеют от крови, которую высасывают из своих жертв*.

* Кровожадность, как и прочие человеческие пороки, не свойственна куньим и любым другим хищникам. Куньи не «опьяняют» себя кровью и не «высасывают» ее, однако многие из них настолько способные охотники, что могут убить жертву крупнее себя. С такой горой еды зверь

не справляется за один раз, ограничиваясь объеданием самого вкусного, а в следующий раз предпочитает убить свежую добычу.

Детеныши, число которых, насколько известно, колеблется между двумя и десятью, рождаются слепыми, и мать долго кормит их молоком и старательно оберегает от врагов, с большим мужеством защищает в случае опасности и перетаскивает из одного логовища в другое, если малышам грозит опасность. Детеныши, пойманные молодыми, могут сделаться совсем ручными и даже следуют за своим господином, как собаки, и ловят для него дичь и рыбу. Один из видов хорьковых уже очень давно живет в неволе и используется людьми для охоты на некоторых животных.

Вследствие своего хищничества и кровожадности многие из кунных приносят человеку довольно чувствительный вред, но в общем польза, которую они приносят или непосредственно своей шкурой, или посредством истребления вредных животных, гораздо больше приносимого ими вреда. К сожалению, только немногие признают пользу этих животных, и потому их уничтожают в большом количестве, что, несомненно, приносит людям ощутимый вред. Они заслуживают благодарности человека, истребляя вредных животных, и хотя нападают часто и на полезных домашних животных и птиц, но это случается почти всегда из-за небрежности хозяина, который не умеет хорошо оберегать свои курятники и голубятни. В этом случае странно жаловаться на хищничество куницы или хорька. Точно так же несправедливо упрекать хорька, горностаю и ласку в том, что они истребляют дичь в лесу, забывая при этом, что эти маленькие хищники уничтожают вредных грызунов. Безусловно вредными следует считать только тех куниц, которые поедают рыбу в реках и озерах**. Охотники имеют некоторое право жаловаться на куницу и белодушку, но владелец леса должен признать, что они приносят и некоторую пользу, так как истребляют вредных животных.

* * *Вредных животных в природе не бывает, и выдра приносит поеданием рыбы и раков не больше вреда, чем ласка истреблением мышей.*

Я не хочу, однако, осуждать охоту на многие виды кунных. Почти все эти животные имеют очень ценный мех, но мясом их почти никто не питается, кроме разве что монгольских охотников за куницами и соболями; впрочем, мясо выдры, по правилам католической церкви, считается постным кушаньем, и некоторые охотники считают вкусным жареного барсука. Как значительно число куниц, истребляемых ради их меха, можно видеть из статистических данных о торговле мехами. По показаниям Номера, в Европу завозится ежегодно около 3 миллионов шкурок различных куниц на сумму до 20 миллионов марок, не считая тех, которые американские и азиатские охотники оставляют для собственного употребления. Многие индейские и монгольские племена живут исключительно доходами от охоты за пушными зверями, среди которых куницы, как известно, занимают первое место. Тысячи европейцев живут также доходами от торговли мехами. Многие, прежде неизвестные обширные области ныне посещаются охотниками только ради добывания пушнины.

Лесная куница (*Maries martes*)* — красивое и грациозное хищное животное, туловище которого достигает 55 см в длину, а хвост 30 см.

* *Лесная куница населяет леса Европы, включая острова Средиземного моря, Кавказа и Западной Сибири, Длина тела 45-58 см, хвоста 16-28 см, вес около килограмма. На горле у лесной куницы желтое пятно различной формы, за что ее называют «жел/подушкой», в противоположность «белодушке» (каменной кунице).*

Мех с верхней стороны темно-бурый, у морды чалый, на лбу и на щеках светло-рыжий; бока и брюхо несколько желтоватые, лапки черно-бурые, а хвост темно-бурый; за ушами по затылку проходит узкая темная полоса. Между задними конечностями расположено светло-рыжее пятно, окруженное темной каемкой; от этого пятна иногда проходит светло-рыжая полоска до самого горла. Горло и нижняя часть шеи окрашены в красивый желтый цвет, сходный с цветом яичного желтка, что служит главным отличительным признаком этого вида. Густой, мягкий и блестящий мех состоит из довольно длинной и жесткой ости и короткого тонкого подшерстка, который на передней части тела светло-серый, а сзади и на боках желтоватого цвета. На верхней губе четыре ряда усовых щетин, и, кроме того, имеются отдельные щетинки около внутреннего угла глаз, на подбородке и на горле. Зимой окраска темнее, чем летом. Самка отличается от самца более бледной окраской спины и не столь ясным пятном на горле. У молодых животных горло и нижняя часть шеи окрашены светлее.

Область распространения куницы простирается на все лесистые области северного полушария Старого Света. В Европе мы ее находим в Скандинавии, России, Англии, Германии, Франции, Венгрии, Италии и Испании. В Азии она встречается до Алтая и истоков Енисея. В соответствии с этой большой областью распространения мех куницы изменяется в различных странах. Самые крупные куницы в Европе живут в Швеции, и мех их вдвое гуще и длиннее, чем у немецких куниц,

а окраска серее. Среди немецких куниц больше желтовато-бурых, чем темно-бурых; последние встречаются в Тироле, иногда их мех очень похож на мех американского соболя. Ломбардские куницы бледно-бурого или желто-бурого цвета. У пиринейских куниц тело большое и толстое, но шерсть тоже светлая; в Македонии и Фессалии они среднего роста, но темнее.

Лесная куница (*Martes martes*)

Куницы живут в лиственных и хвойных лесах, и чем гуще, темнее и уединеннее лесная чаща, тем больше там встречается куниц. Они живут исключительно на деревьях и лазают так хорошо, что ни одно хищное млекопитающее не может с ними в этом сравниться*.

** Куница вряд ли может считаться лучшим древолазом. Значительную, если не большую, часть добычи она находит на земле.*

Куница избирает себе логовищем дупла деревьев, покинутые гнезда диких голубей, хищных птиц и белок; гораздо реже прячется в расселинах скал. Весь день она обычно остается в своем логовище, к вечеру, часто еще до заката солнца, отправляется за добычей и гоняется за всеми животными, которых может одолеть. Из млекопитающих хватает даже довольно крупных, например зайцев и молодых косуль, но также и мелких, например мышей. Тихо подкрадывается к ним, внезапно бросается и быстро загрызает. Многие лесничие в Германии видели, как она нападала на молодых косуль. Лесничий Шааль наблюдал, как куница сидела на спине молодой косули, которая жалобно кричала и тем обратила на себя его внимание. Другой лесничий тоже описывает несколько подобных случаев. Впрочем, нападение на столь крупных животных составляет исключение; чаще всего она охотится на мелких грызунов, живущих на деревьях, — на белок и сонь, причем истребляет большое количество этих хорошеньких, но бесполезных и даже вредных зверьков. Само собой разумеется, что она не отказывается от нападения и на более крупных млекопитающих, если для этого предоставляется удобный случай. Зайца хватает в логовище или тогда, когда он ест, а водяную крысу преследует, как говорят, даже и в воде. Среди птиц куница производит такие же опустошения, как и среди млекопитающих. Все лесные птицы должны считать ее своим страшным врагом, особенно куропатки и тетерки. Тихо подкрадывается она к тому месту, где спит куропатка, и прежде чем та успеет оглянуться, куница уже бросается на нее, разгрызает череп или прокусывает шейные артерии, с наслаждением упиваясь вытекающей кровью. Она опустошает гнезда всех птиц, отыскивает гнезда диких пчел и ворует оттуда мед, ест также и плоды, например лесные ягоды, а если проберется в сад — то спелые груши, вишни и сливы. Когда пищи в лесу недостаточно, куница становится смелее и иногда даже приближается к человеческому жилью. Она проникает в курятники и голубятни и производит там такие же опустошения, как хорек или ласка.

Течка у куниц происходит в конце января или начале февраля. Наблюдатель, которому в это время, в лунную ночь, удастся в большом лесу видеть этих хищников, может заметить, что многие куницы неистово бегают и прыгают по ветвям одного дерева. Фыркают и ворчат, носятся друг за другом влюбленные самцы, и если они одинаково сильны, то случаются жаркие схватки из-за самки, которая с удовольствием наблюдает за этими поединками и отдается наконец сильнейшему*.

** Брем располагал ошибочными сведениями или принимал за половую активность какое-то другое поведение. Теперь известно, что у куницы оплодотворенная яйцеклетка не развивается сразу, а какое-то время находится как бы в «законсервированном» состоянии. Спаривание у куниц происходит в середине лета, а эмбрион начинает развиваться только в середине зимы. В результате видимое время беременности составляет 230-245 дней, хотя реально эмбрион развивается гораздо быстрее. В помете куницы обычно 3-5 детенышей, иногда — до 8.*

В конце марта или начале апреля у самки рожится от трех до четырех детенышей, которые лежат в гнезде, выстланном мягким мхом, в дупле дерева, реже в гнезде белки или сороки, иногда между камнями. Мать с большой самоотверженностью заботится о своем потомстве и, чтобы охранить его от опасности, никогда не удаляется далеко от гнезда. Уже по прошествии нескольких недель детеныши следуют за матерью в ее странствованиях по деревьям, ловко и весело прыгают по сучьям и обучаются под надзором матери всем необходимым телесным упражнениям. При малейшей опасности мать предупреждает детенышей и заставляет их прятаться в логовище. Детенышей, пойманных молодыми, кормят сначала молоком с белым хлебом, а затем мясом, яйцами, медом и плодами.

В наших зоологических садах куницы нередко размножаются, но обычно пожирают своих детенышей тотчас после их рождения, даже если им дают при этом очень обильную пищу. Случается, как, например, в Дрездене, что рожденные в клетке детеныши куницы благополучно вырастают, окруженные заботливым вниманием матери.

За куницей охотятся везде очень усердно, не столько для того, чтобы уничтожить вредного для дичи хищника, сколько из-за ее ценного меха. Легче всего за ней охотиться по пороше, когда следы зверя легко найти не только на земле, но и на сучьях деревьев. Иногда можно случайно наткнуться в лесу на куницу, которая часто лежит вытянувшись на ветви дерева. Если заметить ее 391 Семейство куньи вовремя, то куницу можно застрелить и даже успеть вторично зарядить ружье, если в первый раз промахнулся, так как она очень часто остается на месте после выстрела и смело разглядывает охотника. по-видимому, новые предметы настолько привлекают внимание зверя, что он и не думает о спасении бегством. Один заслуживающий доверия человек рассказал мне, что он в молодости вместе со своими товарищами убил куницу, сидевшую на дереве, бросаясь в нее камнями. Животное следило внимательно за мимо летящими камнями, но с места не двигалось, пока большой камень не попал ей в голову и она не свалилась с дерева.

На охоту за куницей надо брать очень злую собаку, которая смело хватается и крепко держит хищника, так как тот храбро бросается на своего противника, и потому плохая собака часто его боится. Куницы довольно легко попадают в капканы, которые ставят специально на нее и хорошо маскируют; ловят ее также и в другие ловушки. Приманкой обыкновенно служит кусок хлеба, который жарят в несоленом масле и меде вместе с ломтиком лука и затем посыпают камфарой. Некоторые охотники готовят другие приманки из сильно пахнущих веществ.

Мех куницы самый дорогой из всех мехов, получаемых от европейских животных и по своим достоинствам сравним разве что с мехом соболя. Ломер считает, что ежегодно в западной Европе продается около 1800 тысяч шкурок куницы, из которых три четверти добыты в Германии и других странах средней Европы. Самые красивые меха доставляются из Норвегии, затем из Шотландии, после этого из Италии, Швеции, северной Германии, Швейцарии, Баварии, Турции и Венгрии, причем порядок этих стран указывает на качество меха. Мех куницы ценится не только за его красоту, но и за легкость, и лет двадцать назад в Германии платили от 15 до 30 марок за шкурку; теперь же она стоит дешевле: 8-12 марок*.

** Хотя куницу добывали и продолжают добывать ради ее меха, она сравнительно многочисленна, особенно в Центральной России. Опыт искусственного разведения лесной куницы имел пока что ограниченный успех и не достиг промышленных масштабов.*

Каменная куница, или белодушка (Martes foina)**, отличается от лесной куницы меньшим ростом, более короткими ногами, удлиненной головой с короткой мордой, меньшими ушами, более коротким мехом, более светлой окраской шерсти и белым пятном на горле.

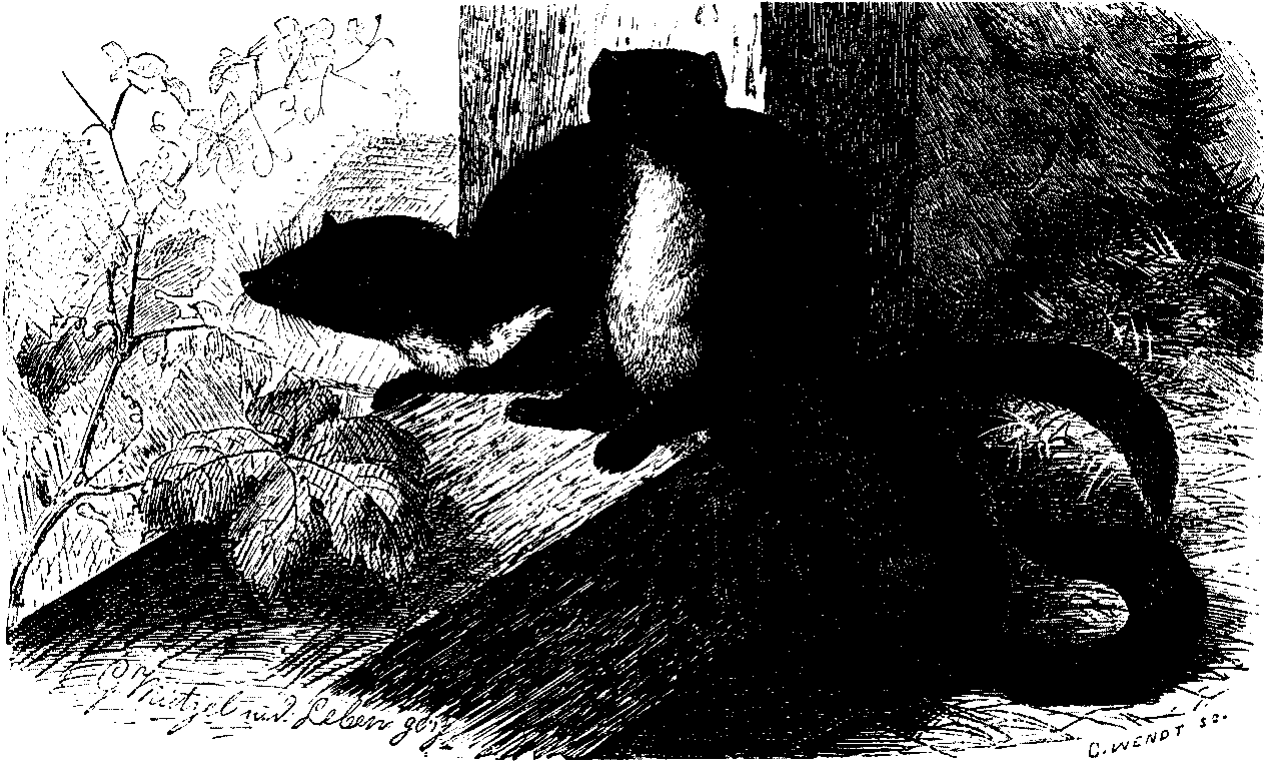
*** Каменная куница распространена от Средней Европы и Средиземноморья до Монголии и Гималаев. Она очень похожа на лесную куницу размерами и пропорциями (несколько более*

длиннохвостая), но менее связана с лесами, предпочитая открытые местообитания. Селится на скальниках, каменных россыпях и, иногда, в заброшенных каменных постройках.

Длина тела взрослого самца около 70 см, из которых более трети приходится на хвост. Мех серовато-бурого цвета, между остью которого просвечивает беловатый подшерсток. На лапах и хвосте мех темнее, а на концах лап темно-бурый. Пятно на горле, которое по форме и величине бывает довольно различно, но всегда меньше, чем у лесной куницы, состоит из чисто белых волос, у молодых же оно иногда окрашено в красновато-желтый цвет. Края ушей окаймлены короткими белыми волосами.

Белодушка встречается во всех тех странах, где живет и лесная куница. Область распространения ее простирается на всю среднюю Европу, Италию, за исключением Сардинии, Англию, Швецию, среднюю Россию до Урала, Крым и Кавказ, западную Азию, в особенности Палестину, Сирию и Малую Азию. Она встречается также в Афганистане и, кроме того, в области Гималайских гор, но там, по показаниям Скалли, не ниже 1600 метров над уровнем моря. На Альпах белодушка поднимается летом за пределы произрастания хвойных деревьев, но зимой спускается в долины. В Голландии она, по-видимому, совершенно истреблена, по крайней мере там она встречается очень редко. Она почти везде встречается там же, где и лесные куницы, и всегда близко подходит к жилищам людей; можно даже сказать, что деревни и города составляют ее любимое местопребывание. Она любит поселяться в одиноких сараях, конюшнях, беседках, разрушенных каменных стенах, кучах камней и между сложенными дровами, по соседству с деревнями, которым она приносит значительный вред, истребляя домашних птиц. «В лесу, — говорит Карл Мюллер, который обстоятельно наблюдал белодушку, — она охотнее всего прячется в дуплах деревьев, в сараях делает себе глубокую нору в сене или соломе, чаще всего около стены. Ходы ее образованы отчасти тем, что она прижимает в стороны сено и солому, а отчасти тем, что разгрызает их. Под сеном и соломой, обыкновенно в углу под балкой строения, белодушка устраивает для своего потомства гнездо, которое состоит из простого углубления и бывает иногда выстлано перьями, шерстью или льном, если она это может достать».

По образу жизни и привычкам белодушка мало отличается от куницы. Она точно так же подвижна, ловка и искусна во всевозможных движениях, так же смела, хитра и кровожадна; она умеет лазать вверх даже по гладким стволам деревьев, делает очень большие прыжки, хорошо плавает, ловко подкрадывается к добыче и часто протискивается в самые узкие щели. Зимой спит весь день в своем гнезде, если только ее не потревожат; летом даже днем выходит на охоту и посещает при этом далеко отстоящие от ее логовища сады и поля. «Она крадется с большой таинственностью, и если чем-нибудь испугана и в первую минуту не знает, куда ей скрыться, то начинает странно кивать головой, как старая баба, прячет голову в какое-нибудь углубление, быстро ее опять приподнимает и становится в оборонительную позицию, показывая белые зубы. Я заметил, что она в минуты испуга, как и лисица, закрывает глаза, как будто ожидая удара. Во время своих хищнических набегов она точно так же смела и предприимчива, как хитра и лукава. Она умеет забраться в самые высокие голубятни, применяя при этом очень хитрые приемы. Отверстия, в которое она может просунуть голову, достаточно ей для того, чтобы пролезть в него всем телом. На старых крышах поднимает она иногда черепицы, чтобы попасть в курятник или на чердак».

Каменная куница (*Maries foina*)

Белодушка питается тем же, чем и куница, но она вреднее ее, так как имеет больше возможностей истреблять животных, полезных человеку. Любым способом проникает она в курятник и там из-за своей кровожадности производит большие опустошения. Кроме того, она ест мышей, крыс, кроликов, всевозможных птиц, а когда охотится в лесу, то хватается белок, пресмыкающихся и лягушек. Яйца она считает большим лакомством и любит также разные плоды: вишни, сливы, груши, крыжовник, рябину и даже семена конопли. Дорогие сорта плодов стараются от нее оберегать, и как только заметят ее присутствие, ствол дерева намазывают крепким табачным раствором или каменноугольной смолой. Курятники и голубятни нужно крепко запирать, чтобы она туда не пробралась, и старательно затыкать даже небольшие отверстия, прогрызенные крысами. Она приносит вред не только тем, что умерщвляет птиц, но и тем, что спасшиеся от ее преследования куры и утки бывают так напуганы, что долго не хотят возвращаться в свой курятник. Ее кровожадность доходит иногда до полного иступления, и кровь ее жертв, кажется, действительно ее опьяняет. По словам Мюллера, белодушку находили иногда спящей в курятниках и голубятнях, где она загрызла много птиц. Впрочем, там, где возможно, она утаскивает с собой несколько трупов, чтобы запастись пищей на следующие дни.

Течка у каменной куницы начинается обычно тремя неделями позже, чем у лесной, большей частью в конце февраля*.

* У белодушки спаривание происходит летом, и оплодотворенная яйцеклетка останавливается в развитии примерно на 200 дней. Настоящая беременность продолжается всего месяца.

Тогда слышишь чаще, чем в другое время, на какой-нибудь крыше кошачье мяуканье этих зверьков, а также своеобразное ворчание и драку двух самцов. В это время белодушка издает более сильный запах мускуса; в комнате запах этот почти невыносим. По всей вероятности, он служит приманкой для других куниц. Случается довольно часто, что белодушка скрещивается с лесной куницей и производит ублюдков, которые хорошо выживают.

В апреле или мае самка родит от трех до пяти детенышей, которых искусно прячет от посторонних глаз, нежно любит и позднее хорошо обучает хищническому искусству. «Мать, — говорит Мюллер, — очень старательно показывает детям на своем примере разные приемы лазанья по стенам и деревьям. Я имел случай это часто наблюдать. В одном парке стояла каменная стена в пять метров высотой, которая примыкала к сараю, где жила белодушка с четырьмя детенышами. В сумерки старая куница выходила из сарая, внимательно осматривалась кругом, а затем шла осторожно вперед по стене, точно кошка; сделав несколько шагов, она останавливалась и садилась, повернувшись мордой к сараю. Через несколько секунд один из детенышей проходил по той же стене и садился около матери, за ним следовали поочередно второй, третий и четвертый. После небольшого

отдыха старая белодушка поднималась и в пять или шесть прыжков перескакивала довольно большое пространство на стене, а затем садилась и смотрела, как ее детеныши таким же способом до нее добирались. Вдруг мать исчезла со стены, и я услышал едва заметный шум от ее прыжка в сад. Детеныши, сидя на стене, вытягивали шеи и, очевидно, не знали, что предпринять. Наконец, пользуясь близстоящим тополем, они решили слезть вниз к матери. Как только они все собрались внизу, старая куница по кусту бузины снова взобралась на стену. Детеныши без всякого колебания последовали за ней, и было интересно наблюдать, как они сумели воспользоваться ближайшим путем, чтобы взобраться по кусту на стену. Тогда началась такая беготня и такие смелые прыжки, что игра маленьких котят показалась бы по сравнению с этим детской забавой. Ученики с каждой минутой становились все ловчее и смелее. Они лазали по деревьям вверх и вниз, рыскали по стене и крыше взад и вперед, следуя везде за матерью, и показывали во всех своих телодвижениях такое искусство, что становилось ясно, как должны птицы в саду опасаться этих хищников, когда они подрастут».

В неволе белодушка очень забавный зверек, так как отличается подвижностью и грациозностью движений; ни одну минуту не остается в покое, а постоянно бегаёт, лазает, прыгает по всем направлениям. Ловкость и быстроту движений этого животного трудно описать, и когда оно здорово, в хорошем расположении духа, то двигается с такой скоростью, что едва можно понять, где голова, где хвост. Однако самец белодушки издает довольно сильный неприятный запах. Запах этот многим кажется в высшей степени противным; кроме того, кровожадность белодушки делает ее довольно опасным животным, и потому почти всегда ее приходится запира́ть.

Только опытный охотник может убить или поймать белодушку. Хотя это животное любит ходить по известным тропинкам, но очень недоверчиво и часто умеет перехитрить даже искусного охотника. Малейшая перемена в обстановке тех мест, где белодушка любит пребывать, заставляет ее удаляться от своих обычных тропинок и логовищ на несколько недель, а иногда и месяцев. В Германии и средней Европе, по Ломеру, добывается ежегодно до 250 тысяч шкурок белодушки. Север Европы поставляет до 150 тысяч шкурок, и цена этого товара доходит до 4 миллионов марок. Самые красивые, большие и темные шкурки доставляют из Венгрии и Турции, они и ценятся гораздо дороже немецких. В семидесятых годах нашего столетия шкурка белодушки ценилась в 15 марок, теперь она стоит от 8 до 10 марок. Блэнфорд утверждает, что еще более красивые шкурки белодушки привозят из Туркестана и Афганистана*.

** Хотя каменную куницу и разводят в неволе, это носит ограниченный характер из-за сравнительно малой ценности ее меха.*

На куниц больше всего похож драгоценный **соболь** (*Martes zibellina*)**.

*** Соболь размером примерно с лесную куницу и несколько отличается от нее пропорциями тела, в частности более коротким хвостом. Он распространен в хвойных лесах от Скандинавии до Восточной Сибири и Кореи. В Японии и Южной Корее живет близкий вид японский соболь (*M. melampus*).*

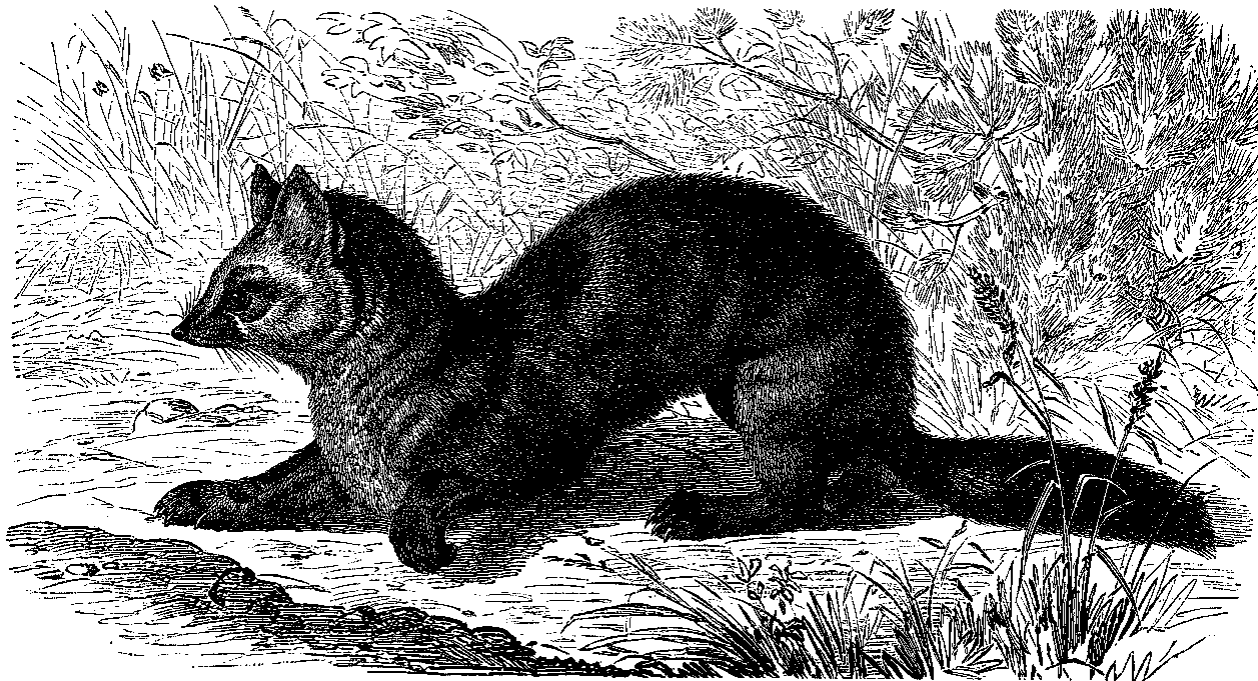
Он отличается от них конусообразной формой головы, большими ушами, высокими и довольно толстыми ногами, большими ступнями и глянцевитым шелковистым мехом. Мютцель, которому посчастливилось срисовать с природы этот столь редкий в наших зоологических садах вид куницы, говорит: «Туловище и конечности соболя по сравнению с теми же частями тела у других куниц более толсты и приземисты. Голова имеет конусообразную форму, с какой бы стороны на нее ни посмотреть. Вершину конуса образует нос; линия, идущая от носа ко лбу, почти прямая и поднимается довольно круто; это происходит вследствие того, что очень длинные волосы лба и висков торчат вперед и закрывают угол, который образуют уши с передней поверхностью головы. На щеках и нижней челюсти волосы также имеют значительную длину и направлены назад, что придает голове конусообразную форму. Уши соболя больше и острее, чем у всех других видов куницы, и поэтому голова этого животного имеет очень своеобразный облик. Конечности отличаются от конечностей других куниц длиной и толщиной, а ступни — величиной и шириной, так что по сравнению с более тонкими и нежными ступнями других куниц ступни соболя кажутся похожими на лапы медведя, а длина его конечностей вместе с приземистым телосложением, придает всей фигуре соболя совершенно особенный вид».

Мех считается тем красивее, чем он гуще и мягче, а особенно чем более заметна дымчато-бурая с синеватым оттенком окраска подшерстка. Из-за этой окраски сибирские торговцы мехом и ценят мех соболя***.

**** Мех соболя самый ценный из мехов мелких и средних куных. Российские меховщики различают 11 типов окраски меха, из которых наиболее ценным считается баргузинский с*

темной, почти черной окраской и очень пыльным блестящим мехом, далее по ценности следуют якутский и камчатский.

Чем желтее подшерсток и реже ость, тем шкурка менее ценна; чем темнее и однороднее по цвету ость и подшерсток, тем шкурка выше ценится. Самые лучшие шкурки соболя на спине черноватые, у морды черные с сединой, на щеках седые, шея и бока рыжевато-каштановые, а на нижней стороне горла довольно яркого оранжевого цвета, похожего на цвет яичного желтка; уши окаймлены серовато-белыми или светло-бурыми волосками. Желтоватый цвет горла, переходящий иногда в оранжевый, по словам Радде, бледнеет после смерти животного тем скорее, чем ярче это место было окрашено при жизни. У многих соболей на черной спине заметно много белых волос (седина), а морда, щеки, грудь и брюшко беловатые; у других мех на спине желтовато-бурый, брюшко же, а иногда шея и щеки белые и только ноги темнее; у иных же повсюду преобладает желтовато-бурая окраска, которая оказывается более темной только на ногах и на хвосте; наконец, изредка встречаются совсем белые соболи.

Соболь (*Martes zibellina*)

Соболь в прежнее время встречался от Урала до Берингова моря и от южной границы Сибири до 68 градуса северной широты; кроме того, он распространен по обширной территории северо-западной Америки. В настоящее время область его распространения ограничена. Постоянное преследование загнало его в самые густые горные леса северо-восточной Азии, а так как человек и там, даже с опасностью для жизни, его преследует, то он удаляется все дальше и дальше на восток и встречается все реже*.

** Промысел соболя носил массовый характер, что привело к резкому сокращению ареала, В начале XX в. ареал соболя представлял собой несколько изолированных участков, разбросанных по территории Сибири, Дальнего Востока и Монголии; в Северной Европе соболь полностью вымер. В 1920-50-е годы началась широкая реакклиматизация соболя, были созданы несколько заповедников для его охраны и налажено разведение в неволе. В результате численность соболя заметно возросла, и он вновь появился в некоторых местах своего прежнего распространения.*

"При завоевании Камчатки, — говорит Стеллер, — там было так много соболей, что камчадалам не составляло никакого труда платить ясак собольими шкурами; туземцы тогда смеялись над казаками, которые им давали ножик за соболя. Каждый туземец мог без особого напряжения добыть во время зимы 60-80 и даже более соболей. В то время было вывезено из этой страны огромное количество собольих шкурок, и купец мог посредством меновой торговли, особенно съестными припасами, легко заработать в 50 раз больше того, что истратил. Один чиновник, который ездил на Камчатку, вернулся в Якутск богатым человеком, заработав на торговле соболями 30 тысяч рублей». В это золотое время на Камчатке образовалось несколько обществ охотников за соболями, и с тех пор число этих животных значительно уменьшилось как там, так и в других местах восточной Азии. Преследование охотниками составляет главную причину уменьшения количества соболей, но

соболь странствует с места на место, причем, по мнению коренных жителей, он преследует белок, которые составляют его любимую добычу. Во время этих странствований соболь безбоязненно переплывает широкие реки, даже во время ледохода, хотя обычно он избегает воды. Любимым местопребыванием соболя считаются леса сибирского кедра, так как гигантские стволы этих деревьев предоставляют ему возможность устраивать удобные логовища, и потому еще, что в них живут многие животные, питающиеся кедровыми орешками и составляющие для соболя хорошую добычу; говорят, что он даже сам ест эти орешки*.

** В отличие от лесной куницы, соболь проводит большую часть времени на земле и по деревьям лазает неохотно. Основу его питания составляют мелкие млекопитающие и птицы, также он поедает в большом количестве различные ягоды и семена кедровой сосны.*

"Соболь, — говорит Радде, — несмотря на свою незначительную величину, самое быстрое и выносливое животное Восточной Сибири, а вследствие постоянного преследования человеком он стал и самым хитрым. У него, как у большинства других умных животных, очень заметно развита сообразительность вследствие того, что он постоянно должен бояться преследующих его охотников и потому имеет много возможностей упражнять силу и ловкость тела, а также и хитрость. Таким образом в Байкальских горах, где соболь прячется в расщелинах скал, гораздо труднее за ним охотиться с собаками, чем в горах Малого Хингана, где он избегает каменистых мест, а спасается всегда на деревьях. На Хингане, где его еще не так сильно преследуют, он охотится не только ночью, но даже и днем и спит только тогда, когда вполне насытится; в Байкальских же горах он очень осторожен и совершает свои набеги только по ночам. Охотнее всего отправляется он за добычей рано утром, до восхода солнца, и преимущественно на высоты, окружающие долины. След его немного больше, чем следы куниц, и, кроме того, он не так ясен, потому что по сторонам ступней растут длинные волосы. Когда он бежит, то правой передней лапой делает шаг больше, чем соответствующей левой». По своим движениям он больше всего похож на лесную куницу и точно так же, как и она, хорошо лазает и прыгает. Пища его состоит преимущественно из белок и других грызунов, а также из разных птиц. Он не пренебрегает и рыбами, по крайней мере идет на приманку, состоящую из рыбьего мяса. Говорят, что очень любит мед диких пчел. Кедровые орехи ест охотно, и Радде находил часто в желудке убитых им соболей эти семена. Соболи спариваются в январе, и самка родит два месяца спустя от трех до пяти детенышей)**.

** * Как и у куницы, у соболя спаривание происходит летом, в июне-июле, после чего оплодотворенная яйцеклетка останавливается в развитии до начала весны. Во времена Брема это не было известно, что и приводило к определенным трудностям при первых попытках разведения соболя в неволе.*

Сибирские охотники утверждают, что соболь иногда спаривается с куницей и что от этого скрещивания происходят ублюдки, называемые в Сибири «кидусами». Кидус имеет шерсть, как у соболя, но под горлом желтое пятно и хвост в него длиннее соболиного. Шкурка его дороже куньей, но дешевле соболиной.

Охота за соболями и ловля их составляют для многих коренных жителей Восточной Сибири главное занятие, и купцы проезжают многие тысячи верст для покупки этих драгоценных шкурок. В нынешнее время большинство соболей добывают в тайге между Леной и Великим океаном, и торговля его шкурками составляет самый значительный доход для тамошних жителей и русских поселенцев. Охота за соболями производится с начала октября до середины ноября или начала декабря. Охотники собираются в определенных местах небольшими группами и устраивают себе в лесу шалаши или землянки. Собаки, которых берут на охоту, должны везти сани. Охота на соболя ведется почти так же, как описывает ее Стеллер (начало XVIII столетия), с тем только различием, что теперь уже не употребляют лука и стрел. Ставят различного рода силки и ловушки, идут по следам соболя на лыжах, окружают его логовище сетями и убивают из винтовок. Наилучшими считаются те ловушки, в которые соболь попадает, не портя своей шкуры. Охотникам требуется несколько дней, чтобы расставить в нужных местах эти ловушки, а затем каждый день они осматривают их, причем очень часто случается, что вместо соболя в западню попала лисица или какой-нибудь другой менее ценный хищник. Случается, что несчастного охотника может застать буря в лесу, тогда ему приходится думать о спасении собственной жизни, и он бросает без присмотра расставленные ловушки. Из этого видно, что охота за сободем сопряжена с целым рядом трудностей. Когда охотники возвратятся, то часто оказывается, что добыча едва вознаградила их за расходы, не говоря уже о тех опасностях, с которыми им пришлось столкнуться.

В гористых местностях на юге озера Байкал охоту на соболя начинают еще в конце сентября, так как здесь, на высотах, у соболя раньше появляется его зимняя шерсть. В холодное время

года соболь неохотно идет в воду и переходит ручьи по поваленным через них деревьям. В середине этих деревьев охотники устраивают небольшие деревянные ворота и вешают на них волосяные силки, которые прикрепляются посредством волосяных бечевки к большим камням. Соболь, переходя через такой мостик, попадает, несмотря на свою осторожность, шеей в силок; желая освободиться, он сбивает камень и вместе с ним летит в воду, где и тонет. Кроме того, устраивают и другого рода западни, самопалы, а также охотятся на соболей с собаками.

О жизни соболей в неволе сведений еще до сих пор мало. Понятно, что в Сибири столь драгоценное животное ловят живым только по особому заказу, и из тех немногих соболей, которых приручают, лишь единицы попадают в зоологические сады западной Европы. Стеллер рассказывает, что у тобольского архиепископа жил ручной соболь, который пользовался абсолютной свободой, бегал по городу и даже хорошо помнил те дома, в которых ему давали чем-нибудь полакомиться. Он спал почти весь день, но ночью становился очень живым и веселым. Пищу съедал с большой жадностью, после чего пил воду, а затем так крепко засыпал, что несколько часов казался совсем бесчувственным; его можно было щипать и колоть, и он все равно не шевелился. Этот соболь был большим врагом всех других хищных зверей; как только он видел кошку, то становился на задние лапки и выказывал большую охоту с ней подраться. Известны и другие случаи приручения соболя, причем большей частью это были самки. Хотя эти животные очень красивы, но от них исходит довольно сильный и не всем приятный мускусный запах. Ручные соболи узнают своего хозяина, весело прыгают по клетке, когда довольны и здоровы, а в гневе рычат и ворчат, как молодые собаки*.

* *Рассказывают, что соболей психологически тяжелее всех прочих куньих держать на зверофермах, так как зверьки быстро становятся ручными и работники фермы к ним привязываются.*

В Сибири охотнику платят за шкурку соболя в зависимости от ее качества от 20-25 до 200 рублей серебром. В Германии цена их колеблется между 30 и 500 марками. Лучших соболей поставляют из Якутска и Охотска. Соболи с берегов Енисея, Лены и Амура ценятся не так высоко. По наблюдениям Ломера, из Сибири вывозят ежегодно до 100 тысяч шкурок соболей ценой в 4 миллиона марок.

На северо-востоке и на дальнем севере Америки соболя заменяет **американский соболь** (*Maries americana*)**, у которого туловище имеет в длину 45 см, а хвост — 15 см. Это животное ближе к лесной кунице, чем к соболю. Окраска меха более или менее равномерно бурая; пятно на груди желтое, а голова и уши серые или белые. Волосы значительно грубее, чем у соболя, и почти такие же, как у нашей лесной куницы.

* * *Американский соболь отличается более светлым мехом и мелкими размерами. Он распространен в таежной зоне и горных лесах Северной Америки от Аляски и Ньюфаундленда до центральной Калифорнии. Некоторые ученые считают его лишь подвидом соболя.*

Самые лучшие шкурки добываются в странах, лежащих по берегам Гудзонова залива, в областях бассейнов рек Большой и Малой Китовых и на Лабрадоре. По Ломеру, из этих стран ежегодно поступает на рынок 100 тысяч, а с Аляски — от 30 до 50 тысяч шкурок, и лучшие из них ценятся по 75 марок за каждую.

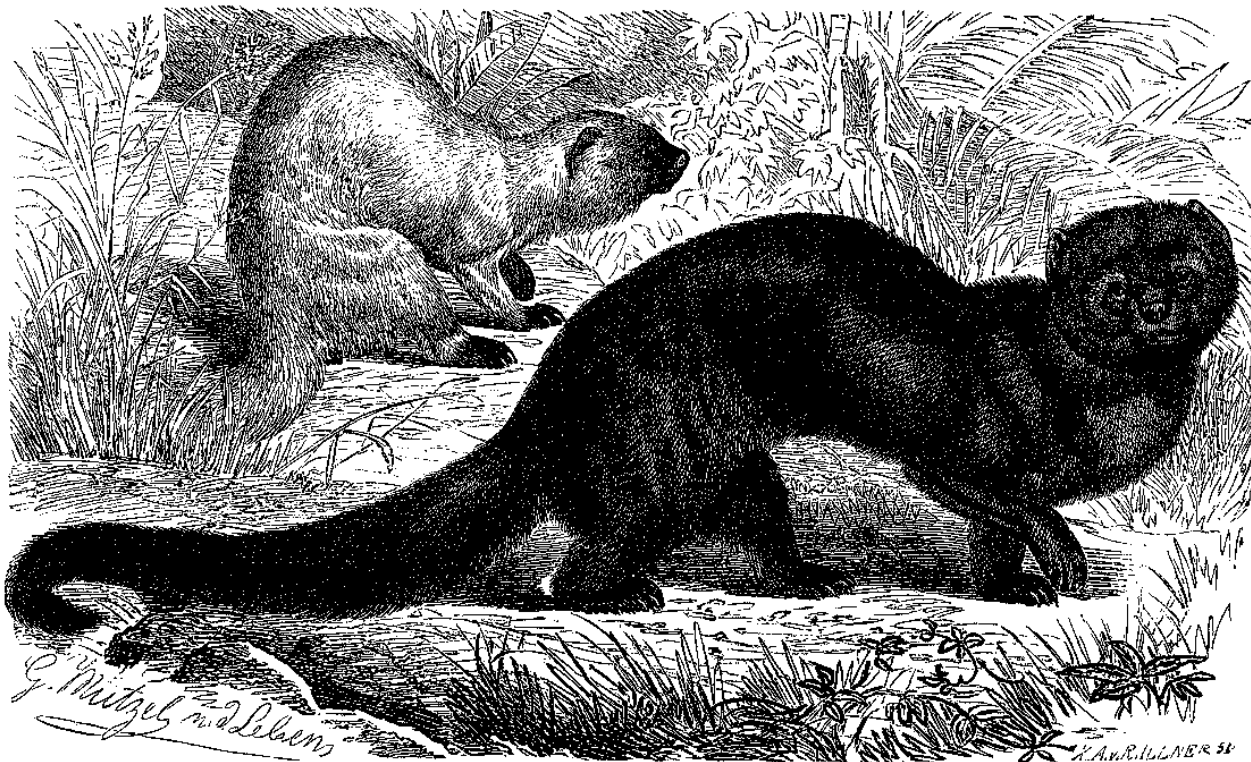
Тайра (*Eira Barbara*)*** достигает величины 1,1 м, из которых на хвост приходится около 45 см. Густая шерсть на туловище, на ногах и на хвосте буровато-черная, морда бледная буровато-серая, остальные части головы, затылка и бока шеи то пепельно-серые, то желтовато-серые, окраска уха переходит в слегка красновато-желтый цвет. На нижней стороне шеи находится большое желтое пятно. Оба пола друг от друга не отличаются; но отклонения в окраске встречаются, и именно окраска затылка бывает то светлее, то темнее, а пятно на шее иногда желтовато-белым. Со всем не редки и альбиносы.

* * * *Тайра близкий родич куниц, распространенный в Америке от южной Мексики до Аргентины. Длина тела 56-68 см, хвоста 37-47 см, вес 4-5 кг.*

Тайра распространена на большей части Южной Америки, от Британской Гвианы и Бразилии до Парагвая и еще южнее. Она вовсе не редка, а в некоторых местностях попадает даже часто. В лесных дебрях Бразилии, посещенных принцем фон Видом, она встречается повсюду и хорошо известна поселенцам. Мур утверждает, что на охоту она выходит группами в 15-20 штук; однако это сведение недостоверно, поскольку не подтверждено другими наблюдателями. Проживает тайра, по Ренггеру, на лугах, покрытых высокой травой, а также в густых лесах. При этом убежищем для нее в полях служат покинутые норы броненосцев, а в лесах — дуплистые деревья. Тайра — животное не ночное, так как на охоту она выходит лишь с первым проблеском утренней зари и бродит, особенно при облачном небе, до самого полудня. Время полуденной жары проводит в норе,

а с вечера и до самой ночи снова охотится. Она считается весьма вредным зверем, смело проникающим даже на территорию поселков.

Пищей для тайры служат все те небольшие беззащитные животные, которых только она в состоянии изловить. Молодые олени, агути, кролики, морские свинки и мыши составляют главную часть ее добычи; кроме того, в беслесных пространствах она преследует куриных и молодых нанду (американских страусов), а в лесах взбирается на деревья и разоряет птичьи гнезда. Для разграбления птичьих гнезд и для отыскания пчелиного меда тайра с большой ловкостью взбирается на самые высокие деревья. Вниз спускается всегда головой вперед и обнаруживает при этом такую ловкость, которой обладают лишь немногие из млекопитающих. Принц фон Вид свидетельствует: «Тайра бегаёт хотя и не особенно быстро, но в состоянии весьма долго преследовать животное, которое таким образом она доводит до изнеможения и тогда уже завладевает им. Так, между прочим, мне говорили, что видели, как тайра гнала косулю до тех пор, пока та не упала, и тогда принялась ее есть еще живой».

Тайра (*Eira barbara*)

По Гензелю, свои логовища, или гнезда, тайра по преимуществу устраивает под землей; по крайней мере, собаки Гензеля нашли однажды ее убежище под скалами. При этом «лишь после долгих усилий удалось — при посредничестве двух срубленных толстых деревьев, послуживших рычагами, — разворотить обломки скалы и под ними найти как старых тайр, так и двух молодых. Эти последние были еще слепы и, по-видимому, родились всего лишь несколько дней назад; своей наружностью и голосом они вполне походили на лисят, от которых их можно было отличить только при тщательном осмотре по несколько коротким ногам и длинным когтям на всех пяти пальцах».

В прирученном состоянии тайры встречаются довольно часто во всей Южной Америке. Шомбургк зачастую находил их в хижинах у индейцев; да и сам он, так же как и Ренггер, в течение долгого времени имели по ручной тайре, о которых оба этих наблюдателя сообщают следующее: тайр кормят молоком, мясом, рыбой, вареным мясом, зрелыми бананами — короче говоря, всем съедобным, и при этом они чувствуют себя превосходно. Когда им показывают пищу, они стремительно подпрыгивают к ней, хватают передними лапами и зубами и как можно дальше убегают с ней от своего надсмотрщика. Затем ложатся на брюхо и, придерживая мясо передними лапами, начинают есть его наподобие кошек, не отрывая кусков, а разжевывая мясо коренными зубами одной стороны. Если бросить им живую птицу, то в один прыжок они подминают ее под себя и затем перегрызают ей шею около головы. То же самое делают они с небольшими млекопитающими*.

* Тайры обыкновенно держатся поодиночке либо парами, реже небольшими семейными группами. Хорошо лазает, на деревьях устраивает жилье и спасается от врагов, а пищу добывает в основном на земле. Пищей служат преимущественно грызуны, но также зайцы, мелкие олени, птицы и их кладки, мед и фрукты.

Весьма любя кровь, они, умертвив животное, прежде обыкновенно нализываются его крови, а затем уже принимаются за мясо. Если их потревожить во время еды, они начинают яростно кусаться. Жидкость тайры лакают. Будучи весьма чистоплотны, они беспрерывно лизут и чистят свою глянцевиую черную шерсть. Рассерженные, испускают мускусный запах, который издает жидкость, выделяющаяся из специальных желез, находящихся в складке кожи под заднепроходным отверстием. Если хорошо обращаться с ними, то они легко привыкают к человеку, играют с ним, отзываются на его зов и, будучи на привязи, следуют за ним по всему дому наподобие кошки. При этом они оказываются весьма игривыми и любят лизать и шутя грызть руки хозяина, но часто в таких случаях могут весьма сильно укусить. Играя, они наподобие щенят урчат; проявляя нетерпение — отрывисто воют. Но несмотря на их любезности, тайры все-таки остаются весьма опасными врагами небольших животных, и, забыв все привитые им воспитанием навыки, с яростью набрасываются на свою жертву и душат ее. В неволе, находясь все время на привязи или в клетке, они настолько изменяют свой образ жизни, что спят всю ночь; но если позволить им жить в доме на свободе, то проводят время так же, как в диком состоянии: спят в часы полуночные и полуденные, а с раннего утра и до самого вечера охотятся за мышами и крысами, от которых и освобождают дом гораздо лучше, чем это делает кошка**.

* * *Тайра сравнительно легко приручается и с давних пор использовалась латиноамериканскими индейцами в качестве кошки.*

Только индейцы, для которых не существует дурного мяса, едят этих животных; для европейцев мясо тайр отвратительно. Индейцы употребляют также и ее шкуру, из которой готовят небольшие мешки или же вырезают ремешки, служащие для украшения; однако, несмотря на все это, они не особенно часто охотятся за тайрой. В случае же опасности тайра, спасаясь, прячется или в нору в земле, или в дуплистый ствол, или же взбирается на высокое дерево, с которого по ветвям перебирается на соседние деревья, и затем, на некотором отдалении, снова спускается на землю. Она не принадлежит к быстро бегающим животным и если на своем пути не встретит хотя бы одно из таких убежищ, то ее очень скоро настигают собаки и после короткой борьбы загрызают.

Ласка и ее ближайшие родичи имеют тело еще более тонкое и удлиненное, чем все остальные куницы; череп их больше сжат и к заду суживается; верхний же плотоядный зуб имеет несколько иную форму, чем у хорьков. Все относящиеся сюда виды охотнее всего живут на полях, в садах, углублениях почвы, расщелинах скал, под камнями и кучами дров и охотятся как днем, так и ночью. Хотя эти животные и самые небольшие из хищных, они обнаруживают такую отвагу и кровожадность, что могут служить истинным образцом для целого семейства.

Ласка (*Mustela nivalis*)* достигает длины 20 см, из которых 4,5 см приходится на короткий хвостик.

* *Ласка самое мелкое кунье, длиной около 15 см, не считая сравнительно короткого хвоста, и весом 100-200 граммов. Распространена во всей Европе и Сибири, в Средиземноморье, Малой, Центральной и Восточной Азии и Северной Америке. Для северной более мелкой формы характерна сезонная смена окраски с летней коричневой на зимнюю белую (Брем пишет о «беловато-бурых пятнах», но такой пегой ласка бывает только во время линьки).*

Чрезвычайно вытянутое туловище вследствие одинакового объема шеи и головы кажется еще тоньше, чем оно есть в действительности. Будучи почти повсеместно от головы до хвоста одинаковой толщины, оно только у взрослых несколько втянуто в области живота и немного заострено на конце морды. Ноги у ласки короткие и тонкие, на ступнях между мясистыми частями пальцев находятся волосы, а сами пальцы вооружены тонкими, коническими и весьма острыми когтями. Сравнительно короткий хвост постепенно заостряется от корня к концу. Широкие и закругленные уши направлены в стороны, косо лежащие глаза малы, но взор их весьма жив. Все тело покрыто не очень длинными волосами, и в несколько большем изобилии они находятся вблизи того места морды, где она начинает заостряться. Кроме того, у ласки имеются длинные усы и щетинки над глазами, а также несколько щетинообразных волосков ниже глаз. Окраска меха красновато-бурая; край верхней губы, вся нижняя сторона тела и внутренние стороны ног белые. С каждой стороны рта находится по небольшому кругловатому бурому пятну, и, кроме того, отдельные бурые пятнышки иногда встречаются и на светлом брюшке. От этой окраски мех в умеренных и южных странах существенно не уклоняется; напротив, в северных краях ласка, подобно горностаю, приобретает зимнее одеяние, состоящее из беловато-бурых пятен, но того красивого, черного кончика хвоста, который отличает горностаю, у нее не бывает.

Ласка встречается во всей Европе довольно часто, хотя, может быть, и не в столь большом количестве, как в северной Азии; при этом находит себе убежище на плоских равнинах и в гори-

стых областях; в местностях, лишенных кустарника и в лесах; в местах, густо населенных людьми, она встречается в не меньшем количестве, чем в областях, мало посещаемых человеком. Подходящее пристанище находит себе повсюду, так как умеет везде отыскать убежище, в котором с полной безопасностью укрывается от своих главных врагов. Она проживает в дуплах деревьев, под кучами камней, в развалинах, иногда под берегами, подмытыми водой, в норах крота, хомяка и крысы, а зимой в сараях и амбарах, на чердаках под кровлей, зачастую также и в городах. Там, где ее не беспокоят, ласка рыщет даже днем; там же, где ее преследуют, она выходит на охоту лишь ночью, а если днем, то уже с чрезвычайной осторожностью.

Ласка (*Milveta nivalis*)

Если осторожно и без шума подойти к тому месту, где она живет, то можно легко за ней наблюдать. Слышишь слабый шелест в траве и видишь маленькое бурое существо, которое, как только приметит человека, настораживается и поднимается на задние лапы для того, чтобы лучше его рассмотреть. Обычно это миниатюрное создание и не думает убежать; напротив, ласка храбро идет навстречу и даже принимает поистине вызывающую позу. Даже если подойти к ней совсем близко, то и тогда она оказывается настолько отважной, что приближается к возмутителю покоя с удивительным нахальством, как бы осведомляясь, зачем пожаловал сюда непрошенный гость.

Не раз случалось, что смелое создание даже нападало на человека и покидало его, выдержав прежде долгий бой. С такой отвагой соединяется у ласки и большое присутствие духа. Она почти всегда находит возможность извернуться и даже в когтях хищной птицы не считает себя пропавшей. Сильный и кровожадный ястреб, конечно, не тратит силы на расправу с таким по сравнению с ним слишком уж слабым карликом: нисколько не страшась, подхватывает он ласку длинными когтями с земли и пронзает ее ими или душит прежде, чем маленькая плутовка успеет опомниться; но более слабые хищники всегда должны быть осторожны, если им вздумается отведать ее мяса. Одному наблюдателю довелось видеть, как красный коршун стремглав бросился на землю, подхватил какое-то маленькое млекопитающее и поднялся с ним в воздух. Но вдруг птица стала метаться, в полете ее появилась неуверенность, и наконец пернатый хищник упал на землю мертвый. Удивленный зритель поспешил к месту его падения и увидел весело прошмыгнувшую оттуда ласку, которой удалось перекусить горло своему страшному врагу и таким образом избавиться от него*. Подобные наблюдения сделаны и относительно ворон, которые нападали на это небольшое животное, в результате расплачиваясь своей жизнью вместо того, чтобы полакомиться добычей.

** Даже не будучи зажатыми когтями, ласка едва ли может справиться со столь крупной птицей, как коршун.*

Понятно, что такое преисполненное отваги и бодрости создание должно быть поистине не страшным хищником, и на самом деле ласка таковым и оказывается. Она объявила войну всем не-

большим млекопитающим и производит среди них ужасные опустошения. Из млекопитающих ее добычу составляют домовые, полевые и лесные мыши, водяные и домовые крысы, кроты, молодые хомяки, зайцы и кролики; из класса птиц она истребляет молодых кур и голубей, жаворонков и других живущих на земле птиц, а также и таких, которые спят на деревьях; если попадутся ей гнезда этих птиц, то она опустошает и их. Из пресмыкающихся подкарауливает ящериц, медяниц и ужей, отваживается нападать даже на опасную гадюку, от нескольких укусов которой, однако, умирает. Кроме того, она поедает лягушек и рыб. И вообще ест всякое мясо, даже животных того вида, к которому принадлежит сама. Она любит полакомиться всевозможными насекомыми, умеет справиться с твердой скорлупой рака, когда при случае он ей попадет. Незначительная величина и невероятная ловкость значительно облегчают ей охоту. С полным правом можно сказать, что ни одно маленькое животное не может чувствовать себя в безопасности. Она чрезвычайно ловко бегаёт, хорошо лазает и плавает и умеет при помощи изворотов, совершаемых с быстротой молнии, а в случае необходимости и при посредстве больших прыжков ускользать от своих врагов или, напротив, оказываться у них на спине. В способности пролезать через самые узкие щели и дыры, а благодаря этому проникать в любые самые укромные места заключается ее главная сила. А отвага, страсть к убийству и кровожадность в дополнение к этому превращают маленькое животное в совершенного хищника. Утверждали даже, будто ласки охотятся сообща, чему, впрочем, нельзя удивляться, так как ласка действительно живет и сообществами, а в некоторых местностях соединяется в большие группы. Так, Пехуель-Леше наблюдал семерых ласок, вероятно составлявших одну семью, которые днем обыскивали поросшую кустарником межу, причем не особенно пугались проходящих мимо людей**. Маленьких животных ласка хватается за затылок или за голову, а большим норовит вцепиться в шею. В яйцах она умело проделывает одно или несколько отверстий и затем так высасывает их содержимое, что не теряет ни одной капли. Говорят, будто она уносит яйца: маленькие — держа в зубах, а большие — зажимая между подбородком и грудью. Мясо больших животных не трогает, а слизывает лишь их кровь, но мелких животных съедает целиком, и тех, которые попались в ее лапы, она уже не выпустит.

** * По-видимому, ласка одиночный хищник. Ее основная добыча мелкие мышевидные грызуны, к проникновению в норы, которых и приспособлено в первую очередь ее тело. Хотя она и нападает на других животных, это, вероятно, крайне редкое явление. Описания нападения ласок на животных крупнее молодого кролика могут относиться к другим, более крупным видам рода. Совместная охота нескольких ласок, вероятно, совершается семейной группой, состоящей из самки и подросших детенышей.*

Время спаривания приходится на март. В мае же или в июне, следовательно, после пятидневной беременности, самка родит пять-семь, иногда же только трех, а порой и до восьми слепых детенышей, причем роды большей частью совершаются или в дупле дерева, или в одной из норок животного, но всегда в скрытом от глаз местечке в гнездовидном логовище, устланном соломой, сеном и листьями*.

** При наличии подходящих температурных условий и обилии корма (в южных частях ареала или когда зверьки заселяют человеческие постройки) ласка способна размножаться круглогодично, принося по несколько пометов в год.*

Самка чрезвычайно любит своих детенышей, долго кормит их молоком, а затем в течение нескольких месяцев приучает к домовым, лесным и полевым мышам, которых приносит живыми. Если детенышей потревожить, то она в зубах переносит их в другое место. В случае опасности верная мать защищает своих детенышей с безграничным мужеством. Когда же прехорошенькие зверьки подрастут, то они часто играют днем со старыми, причем забавно и приятно смотреть, как озаряемое сверкающими солнечными лучами общество резвится по лугам, в особенности там, где много подземных ходов. Весело играется там зверькам, то из одной, то из другой норки показывается головка, маленькие блестящие глазки поглядывают во все стороны. Если все тихо и спокойно кругом, то один за другим вылезают зверьки из норы и начинают резвиться в зеленой траве. Братья и сестры задирают друг друга, кусают, гоняются один за другим и обнаруживают при этом всю свойственную им ловкость. Стоит притаившемуся наблюдателю в это время зашуметь, кашлянуть или ударить в ладоши, как полные ужаса стар и млад в мгновение ока скроются в норки. Однако вскоре опять появляются одна, другая, третья головка, наконец, все они вылезают на поверхность земли, озираются, убеждаются в безопасности, и вскоре все общество снова в сборе. Если теперь продолжать испугивать их, то вскоре можно заметить, что это помогает мало, так как маленькие отважные зверьки становятся все нахальнее и наконец совсем уже беззаботно начинают возиться на глазах наблюдателя.

При хорошем содержании ласка может прожить в неволе от четырех до шести лет; на свободе же она, по-видимому, достигает возраста восьми-десяти лет. К сожалению, эти маленькие, полезные создания часто преследуются несведущими людьми и истребляются просто из-за одного только избытка усердия. Там, где ее приманивают яйцами, маленькими птичками или мышами, ласку поймать весьма легко. Часто находят ее в крысоловках, в которые она попадает случайно. Однако вместо преследования это превосходное животное следовало бы всячески охранять из-за той пользы, которую оно приносит. Можно смело утверждать, что для охоты за мышами никакое другое животное не приспособлено столь превосходно, как ласка. В сравнении с приносимой ею пользой не стоит обращать внимания на вред, который ласка причиняет, когда случайно забирается в плохо затворенные курятник или голубятню. Впрочем, со всякого рода предрассудками бороться трудно. Невежественные люди не только не знакомы с нравами этого животного, но сочиняют про него басни. А среди них кое-где встречаются еще и такие басни, будто ласка родит своих детей изо рта, — мнение, которое своим возникновением, конечно, обязано тому, что часто видели, как самка переносит своих детей с одного места на другое в зубах, причем забывают, что ведь и кошка делает то же самое. Кроме того, верят, будто у всех животных, приходящих с ней в соприкосновение или укушенных ею, развиваются на соответственных местах злокачественные опухоли, и опасаются за коров, которые будто бы подвергаются укусам более, чем все другие домашние животные. По словам Вуттке, ласка в глазах суеверных людей — в высшей степени опасный зверь. Если она фыркнет на кого-нибудь, то у человека распухает лицо или он слепнет, возможна даже и смерть; слепоту или болезнь причиняет даже один взгляд зверька. Не рекомендуется ласку называть по имени, иначе она станет преследовать человека и сглазит его; поэтому следует сказать ей: «Прелестная крошка, да хранит тебя Бог!» Она портит также и корову, которая от этого заболевает и вместо молока дает кровь. Медленно замученная до смерти ласка излечивает нарывы; если выпустить и еще теплой выпить ее кровь избавишься от падучей болезни; вырванное еще у живой ласки и тотчас же съеденное сердце сообщает дар пророчества. О всяком другом вздоре, о котором рассказывает старый Геснер, я умолчу; судя по примерам, которые были приведены мной выше, достаточно сказать, что в прежние времена почти каждая часть тела животного играла известную роль в сокровищнице лекарств. Напротив, в других странах сельские жители полагают, что присутствие ласки на дворе приносит счастье дому и хозяйству, и ввиду тех добрых услуг, которые действительно оказывает этот маленький хищник, эти люди оказываются, во всяком случае, лучше знакомыми с истиной.

Горноста́й (*Mustela erminea*)* — это ближайший родич ласки обыкновенной, на которую он чрезвычайно похож по своему наружному виду и образу жизни, но которую, однако, значительно превосходит по величине. Общая длина горноста́я достигает 32 или 33 см, причем на хвост приходится от 5 до 6 см; на севере же он должен быть еще больше, чем в средней Европе. Верхняя часть спины и половина хвоста летом рыжевато-бурого цвета, а зимой белого; соответственно этому и остевые волосы шерсти на этих местах летом рыжевато-бурые, а зимой — белые, нижняя же часть постоянно окрашена в белый цвет с желтоватым оттенком; кончик хвоста всегда черный.

* *Горноста́й очень похож на ласку внешне, отличаясь более длинным хвостом с черным кончиком. Его распространение охватывает ту же область, что и у северной расы ласки (то есть Северную и Среднюю Европу, Сибирь, Японию и Северную Америку), от которой горноста́й отличается еще и большими размерами. В Средней Европе и в Англии горноста́й имеет постоянную окраску, в остальных местах линяет на зиму так же, как и ласка. В Северной Америке совместно с горноста́ем живет очень похожая на него пропорциями и размером длиннохвостая ласка (*M. frenata*). В меховой торговле этот вид и горноста́й не различаются, возможно, и Брем их не различает.*

Изменения в окраске горноста́я летом и зимой дали повод к появлению у естествоиспытателей различных мнений. Одни из них признают существование линьки и двоякого роста волос; напротив, другие, к которым отношусь и я, того мнения, что к зиме, и в особенности при наступлении сильных холодов, летние волосы просто выцветают*.

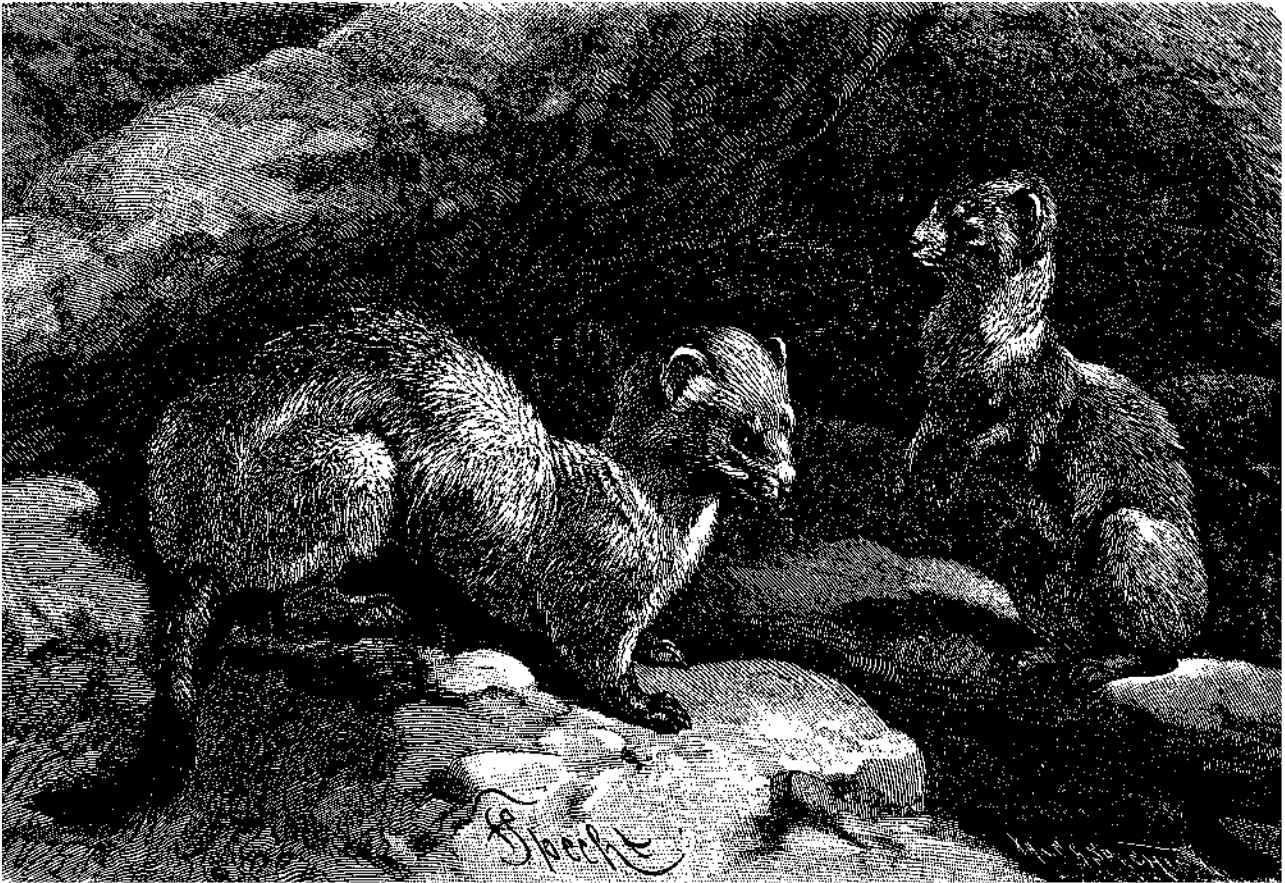
* *Вне всякого сомнения и горноста́й, и ласка линяют дважды в год, меняя летний мех на зимний и наоборот. Последующее описание «стремительного» изменения цвета горноста́я, скорее всего основано на недостоверных наблюдениях. Известны описания как раз обратных ситуаций, когда при поздней осени или ранней весне зверек оказывается «одет не по сезону».*

О выцветании летнего одеяния пока еще не существует таких данных, которые опирались бы на наблюдение над живым горноста́ем; однако мы знаем, что при известных обстоятельствах зимняя одежда может сменить летнюю весьма быстро. Нередко можно наблюдать, что горноста́й уже и в позднюю зиму все еще бегаёт одетый по-летнему; но вот вдруг наступили холода, и часто в течение

всего нескольких дней сменяется и его окраска. Это-то и побуждает меня признать с довольно большой достоверностью, что у горносталя изменяется цвет волос или, если угодно, он просто выцветает. У всех куньих для вырастания шерсти требуется значительное время, и оно совершается в сущности таким именно образом, который указан выше, поэтому едва ли можно допустить, что горносталя составляет исключение из общего правила и что в течение немногих дней он в состоянии одеться столь же густой шерстью, как и его родичи, которым для замены одного меха другим понадобились бы целые месяцы.

Горносталя живет в северных странах Старого Света на весьма обширных пространствах. Так, он водится во всей Европе, к северу от Пиренейский и от Балканских гор и, кроме того, в северной и Средней Азии до самых восточных границ Сибири. Равным образом он встречается в Малой Азии, Персии и в Афганистане; наблюдали его даже и на Гималаях: по крайней мере Хендерсон однажды застрелил горносталя в Кашмире. Во всех странах, где он водится, он не редок, а в Германии принадлежит к числу самых обыкновенных хищных животных.

Как и для ласки, для горносталя оказываются пригодными всякая область, почти всякое место; устроиться как можно уютнее он сумеет повсюду. Углубления в земле, стенах, трещины в них, норы кротов и хомяков, расселины в скалах, кучи камней, деревья, необитаемые здания и сотни других подобных укромных местечек служат ему убежищем и приютом в течение дня. Выбрав жилище, он большую часть дня проводит во сне; однако это не мешает горностаю нередко также прогуливаться при лучах солнца, причем он вовсе не прячется от человека. Но время его охоты начинается с сумерек. Уже перед наступлением вечера он оживляется и начинает бродить. Если в это время горносталя проходит через удобные для наблюдения места, то не понадобятся долгие поиски, чтобы открыть присутствие этого животного с умным и проницательным взором. Притаившись где-либо, можно легко стать свидетелем и его действий. С присущими ему нетерпением и любопытством, а быть может, также томимый голодом, горносталя прежде всего начинает обыск в непосредственной близости от своего логовища. Тут и обнаруживается все проворство, привычность и изящество его движений. То как угорь извивается он между камнями и кустарниками, то, присев, остается на мгновение неподвижным, причем середина его тела изгибается кверху дугой, которая гораздо выше, чем у кошки, то на мгновение приостанавливается перед норкой мыши, крота или просто расщелиной в земле и тщательно обнюхивает их. Даже не двигаясь с места, он ни на минуту не остается в покое: его глаза, уши и даже нос находятся в постоянном движении, а маленькая головка поворачивается во все стороны с быстротой молнии. С полным правом можно сказать про него, что он большой искусник и во всех телодвижениях. Он бегаёт и прыгает, превосходно лазает и быстро и уверенно переплывает большие водяные пространства.

Горноста́й (*Mustela erminea*)

С телесной ловкостью горноста́я вполне согласуются и свойства его характера. Он обладает такой же отвагой, как и родственная ему ласка, в то же время у него сильно развита склонность к хищничеству, соединенная с кровожадностью, свойственной всем куньим. Врага, могущего действительно вселить страх, горноста́й не знает, так как при известных обстоятельствах он с безрассудной смелостью кидается даже на человека. Трудно, конечно, поверить, что горноста́й может стать серьезным противником для взрослого человека, а между тем в действительности это так.

Горноста́й охотится и поедает почти всех мелких млекопитающих и птиц, которых он может захватить, а также нередко отваживается нападать и на животных, превосходящих его своей величиной. Мыши, кроты, хомяки, кролики, жаворонки, воробьи, голуби, куры, ласточки (которых он добывает из гнезд), змеи и ящерицы постоянно преследуются им, даже зайцы не застрахованы от него. Ленц однажды наблюдал, как пять горностаев готовились напасть около садового забора на больного зайца и пытались его задушить. Английские наблюдатели свидетельствуют, что отважное животное в состоянии осилить также и здорового зайца. Гоне, услышав однажды громкий жалобный крик зайца, поспешил к месту, откуда он раздавался, и увидел прихрамывающего зайца, которого, очевидно, что-то в высшей степени мучило. Это что-то при ближайшем рассмотрении оказалось горностаем, который впился зайцу в одну из сторон груди. Заяц протащил еще немного своего страшного врага и скрылся в поросли; вероятно, дальше он уже не пошел. Эти факты можно оспаривать, но тем не менее они несомненны.

При этом Белль, впервые сообщивший вышеприведенный пример, добавляет: «Заяц, преследуемый горностаем, не пользуется своими преимуществами. В несколько прыжков, как само собой понятно, он мог бы так же ускользнуть от горноста́я, как это удается ему при преследовании собакой или лисицей, но, по-видимому, он не обращает внимания на маленькое созданище и привольно продолжает прыгать, как будто горноста́я вовсе нет на свете, а между тем за такое равнодушие ему иногда приходится расплачиваться жизнью». Интереснее всего наблюдать, как горноста́й предается своей любимой охоте, когда овладевает он водяной крысой. Этот грызун преследуется хищником и на земле, и в воде. И как, по-видимому, ни казалась бы неблагоприятной для горноста́я вода — эта естественная стихия для водной крысы тем не менее горноста́й в конце концов все-таки умудряется dokonать грызуна. Вначале хищник обнюхивает все норы. Его тонкое обоняние явственно говорит ему, что одна или две крысы покоятся в норке. Убедившись в присутствии в норе крысы, горноста́й без всяких околичностей проникает внутрь, а крысе, естественно, не остается ничего другого, как броситься в воду, в надежде спрятаться в густом тростнике, но это не спасает ее от неутомимого

преследователя и самого злейшего ее врага. Выставив из воды голову и затылок, как обыкновенно это делает плывущая собака, несется горноста́й с ловкостью выдры по чуждой ему стихии и с большим упрямством преследует спасающуюся крысу. Если какая-нибудь случайность не поможет ей, то она погибла. Сноровка в лазании столь же мало оказывает ей помощь, как и умение прятаться. Хищник все время, как выражаются охотники, висит над ней, а его хищные зубы всегда опаснее, чем крепкие и острые резцы грызуна. Случается, что борьба заканчивается в воде, и тогда проворный зверек выплывает с добычей в зубах на берег, где на приволье и пожирает крысу. Вуд рассказывает, что несколько горностаев в состоянии уничтожить в течение немногих дней многочисленное поселение водяных крыс*.

** Основная добыча горноста́я — мелкие грызуны. Однако он нападает и на более крупных животных, таких, как молодые утки или кролики. Он часто селится на открытых местах, по берегам водоемов. В некоторых условиях он может стать фактически полуводным животным.*

Время спаривания горноста́я в наших местах (в средней Европе) приходится на март, а в мае или в июне самка приносит от пяти до восьми детенышей**. Для них мать обычно приготовляет мягкое ложе в какой-нибудь хорошо замаскированной норе крота или где-либо в другом, подобном укромном местечке. Детенышей своих мать очень нежно любит, кормит их молоком, ухаживает за ними и играет с ними до самой осени, так как от своей верной воспитательницы почти совершенно взрослые детеныши отделяются лишь около зимы. В случае угрожающей опасности заботливая мать переносит весь свой выводок в зубах в другое убежище и для этого переплывает даже воду. Когда молодые до известной степени подрастут, то мать совершает с ними прогулки, причем очень добросовестно образом обучает их всем хитростям своего мастерства. Маленькие зверьки в свою очередь столь переимчивы, что уже по истечении короткого срока ученья они не многим уступают старым в отваге, лукавстве, ловкости и страсти к убийству.

** * У горноста́я беременность имеет латентный период, когда оплодотворенная яйцеклетка не развивается. Поэтому спаривание происходит у горностаев в начале лета, а развиваться эмбрионы начинают лишь с наступлением весны, 7-10 месяцев спустя после оплодотворения. В помёте горноста́я обычно около 6 детенышей, но может быть от 3 до 18.*

Ловят горноста́я во всякого рода ловушки, и часто он случайно попадает и в крысоловки; если тогда приблизиться к нему, то можно услышать пронзительные трещащие звуки, а если его раздражать, то он бросается на обидчика с громким визгом; о своей боязни он заявляет только тихим фырканьем. Обыкновенно горноста́й, будучи пойман старым, живет не долго, так как он столь же раздражителен, как и ласка, не привыкает ни к клетке, ни к ухаживающему за ним лицу, отказывается от пищи или впадает в такое раздражение, что вследствие этого погибает. Я ловил много горностаев, заботливо ухаживал за ними, но не был в состоянии сохранить жизни ни одному из них. Напротив, взятый из гнезда горноста́й становится весьма ручным и доставляет своему воспитателю много удовольствия; при этом некоторые из этих экземпляров становились ручными до такой степени, что по собственной воле уходили и возвращались домой, а также следовали за своим господином наподобие собаки*.

** У всех кунных чрезвычайно силен так называемый импринтинг (запечатление), благодаря которому первый подвижный предмет, увиденный детенышем после прозрения, ассоциируется с матерью и пробуждает инстинкт следования за этим предметом. Если человек берет слепых детенышей, то велика вероятность, что подрастающие детеныши будут стараться неотступно следовать за своим «воспитателем».*

Мех горноста́я не дорог, но благодаря своей красоте все-таки ценится. Прежде его носили исключительно монархи, но ныне он сделался общим достоянием. По Ломеру, на рынок в год поступает около 400 тысяч горностаевых шкурок общей стоимостью в 300 тысяч марок; при этом самые лучшие идут из Барабинска и Ишима, а качеством пониже — с Енисея и Лены. По Радде, в юго-восточной Сибири за горноста́ем сильно стали охотиться лишь в недавнее время, причем с 1856 года за шкуру платят от 10 до 15 копеек серебром, между тем как раньше из-за незначительной ценности шкурки горноста́я вовсе не преследовали.

Хорь (*Mustela eversmanni*)** имеет туловище длиной от 40 до 42 см и хвост от 16 до 17 см.

** * Ерем смешивает два вида: степного светлого хоря (*Mustela eversmanni*) и лесного черного хоря (*M. putorius*). Черный хорь распространен по всей Европе до Урала. Окраска темная, черные вершины остевых волос скрывают более светлую коричневую подпушь.*

Лесной хорь (*Mustela putorius*)

Мех снизу одноцветно черно-бурый, а сверху и по бокам туловища более светлый, обыкновенно темный каштаново-бурый; светлее шерсть также сверху шеи и по сторонам туловища из-за желтоватого подшерстка, просвечивающего в особенности в этих областях тела. Через середину брюшка проходит не резко ограниченная рыжеватая полоса; подбородок и рыльце морды, за исключением темного носа, желтовато-бурого цвета. Над каждым глазом виднеется по одному не резко ограниченному желтовато-белому пятну, которые и сливаются с неясной полосой, начинающейся под ухом. По краям бурых ушей находится желтовато-бурая же кайма, а длинные усы черно-буры. От этой только что описанной окраски встречаются также и различные отклонения, которые давали даже повод рассматривать представляющих их животных как отдельные виды, и среди которых следует упомянуть об альбиносах или о вполне желто окрашенных хорьках. Самка отличается от самца преимущественно совершенной белизной всех тех мест, которые у самца окрашены в желтый цвет. Мех животного хотя и густ, но менее красив, чем мех лесной куницы. Хорек живет во всей умеренной полосе Европы и Азии, а случайно встречается также и в северном поясе. В нашей части света он, за исключением Лапландии и северной России, может быть встречен повсюду. В Азии он распространен к югу до Каспийского моря, а к востоку — через всю Сибирь до Камчатки. Так как хорьку пригодна любая местность, если только она снабжена пищей, он поэтому проживает и на равнинах, и в горах, в лесах и на полях, но чаще всего селится, однако, вблизи жилищ человека вообще и около больших крестьянских дворов в особенности. Вдали от человека хорек поселяется в дуплистых деревьях, в трещинах утесов, в покинутых лисьих норах и в других расщелинах земли, которые ему случайно попадутся; при нужде он вырывает себе нору и сам. В полях хорек устраивает себе жилье между высокими хлебными растениями, а также вблизи скал, между сваями, под частоколом, под мостами, в развалинах, между корнями больших деревьев и в густой изгороди; короче, он сумеет прижиться всюду, где только ему полюбит, избегая лишь излишней работы и по возможности пользуясь чужими трудами. Зимой в наших местах он подходит к селам и городам, охотясь здесь уже на чужой территории — соперничая с домашней кошкой и каменной куницей, а порой забираясь в курятники, голубятни, хлевы для кроликов и в другие места, где в таких случаях он проявляет во вред человеку такую деятельность, которая не только равняется, но и превосходит своей кровожадностью деятельность других видов этого семейства. Но, с другой стороны, он может быть также и полезен; в случае, если крестьяне хорошо оберегают своих кур, голубей и кроликов, так, что им не приходится бояться незваного гостя, он способен истребить несметное количество крыс и мышей, основательно очистить ближайшие окрестности от змей и потребует за это лишь те-

плое логовище в самом темном углу сеновала. Поэтому-то и существуют страны, где хорька любят так же, как в других местностях его ненавидят. В первом случае он пользуется даже некоторой охраной со стороны сельского хозяина и так высоко стоит в его мнении, что не считается виновным даже в том случае, когда следы крови в курятнике или в голубятне несомненно свидетельствуют о ночном посещении этих мест опасным хищником; при этом земледелец думает, что охраняемый и опекаемый им хорек не может оказаться настолько неблагоприятным, чтобы в ответ на гостеприимство отплатить разбойничьим нападением на домашнюю птицу: крестьянин полагает, что душителем его птиц был какой-нибудь другой хорек или какая-либо другая каменная куница, забежавшие к нему откуда-нибудь из других мест. Конечно, такие воззрения свидетельствуют о великодушии и снисходительности этого человека, но вовсе не о знакомстве с характером хорька, так как хорек, подобно Лисе Патрикеевне, не имеет вовсе никакого понятия о собственности и взирает на человека, как на добродушного чудака, который, разводя домашнюю птицу или кроликов, предоставляет ему иногда возможность полакомиться вкусной пищей*.

** Как и любое другое не домашнее животное, хорек не отождествляет домашнюю птицу с ее владельцем. Однако в ряде мест хорька не только привечали в домах, но и приручали. Взятые детенышами и выращенные хорьки делались вполне ручными и не хуже, а порой и лучше кошки оберегали дом от всевозможных мелких грызунов. От разводимых в таком качестве черных хорьков произошли домашние фуры, о которых речь пойдет ниже.*

Хорек, подобно кунице, пожирает всякое животное, которое может осилить. Он страшный враг всех кротов, полевых и домовых Мышей, крыс и хомяков, даже опасен и для ежа, а равным образом и для всех кур и уток. Лягушки же, по-видимому, составляют его любимое блюдо, так как часто он наваливает их массами и складывает дюжинами в своих логовищах. В случае нужды он довольствуется кузнечиками и улитками. Но хорек выходит также и на рыбную ловлю, причем он, выследив рыбу с берега ручья, озера или пруда, мгновенно бросается за ней, ныряет и схватывает свою добычу с большим проворством; говорят, будто зимой он достает рыбу даже из-под льда. Кроме этого он весьма охотно ест мед и плоды. Его кровожадность также велика, но все-таки меньше, чем у куниц. Обыкновенно он не умерщвляет всех птиц, забравшись в птичник, но, выбрав себе лучшую из них, тащит ее в свою норку; однако такую охоту он может повторить в течение ночи несколько раз. Более, чем другие виды куниц, хорек имеет привычку делать себе запасы, и потому не редки случаи, когда в его логовище находят порядочное количество мышей, птиц, яиц и лягушек.

В Восточной Сибири, по словам Радде, хорек меняет свой образ жизни. Он редко живет в густых лесах, но не избегает, как в Европе, также и поселений человека для своего излюбленного местопребывания. Где есть леса, там он предпочитает их опушки или же отыскивает покосы, которые, как известно, приманивают к себе полевых мышей и землероек; еще больше нравятся ему необитаемые и сухие степи, так как здесь он находит для себя в большом количестве свою главную дичь — байбаков, или степных сурков; на плоскогорьях же он ловит живущих там сусликов. Так, в Даурских степях, где его существование тесно связано с вышеупомянутыми байбаками, хорек ввиду долгой зимы, во время которой байбак спит, заготавливает себе на зиму пищу очень хитрым способом: осенью, когда земля еще не замерзла, хорек вырывает в ней глубокие ходы, направляя их к пустым еще в то время логовищам сурков, но не доводит эти ходы до самых логовищ, а останавливается от них на небольшом расстоянии; когда же впоследствии сурок устроится в своей норке, наглухо закопает все ходы к ней и предастся зимней спячке, то хорек прорывает оставленный им, как уже упомянуто, нетолстый пласт земли и, проникнув в логовище грызуна, загрызает его*.

** Несколько сомнительным выглядит это описание охоты на сурка. Скорее всего оно основано на том факте, что хорьки часто зимуют в сурчиных норах.*

Все движения хорька ловки, быстры и верно рассчитаны. Он умеет мастерски прокрадываться и совершать безошибочные прыжки, легко перебежать по самым тонким перекладинам, лазает, плавает, ныряет — короче говоря, умеет всякими средствами извлечь для себя пользу. При этом он оказывается лукавым, хитрым, осторожным предусмотрительным и недоверчивым, имеющим весьма острое зрение, а при опасности и мужественным, сердитым и зубастым — следовательно, животным, вполне способным к хищничеству в больших размерах. По примеру вонючки хорек в случае нужды защищается, выпрыскивая весьма вонючую жидкость, и этим часто отгоняет преследующих его собак. Его живучесть невероятно велика. Он спрыгивает без вреда для себя со значительной высоты, переносит почти равнодушно всевозможные боли и умирает только вследствие очень значительных ран.

Время спаривания хорьков приходится на март. Там, где хорьки часты, удается наблюдать или гоньбу по крышам самки и самца, или же борьбу двух соперничающих самцов. При этом все они громко кричат, крепко вцепляются зубами друг в друга и, составив один большой клубок, скатываются с крыш на землю, где на короткое время разъединяются и затем снова начинают свою возню.

Беременность продолжается два месяца, по истечении которых самка рождает где-нибудь в норе, а еще охотнее — в куче дров или хвороста от четырех до пяти, а иногда также и до шести детенышей**.

* * *Беременность у хорька продолжается 36-40 дней. Детенышей у черного хорька в среднем 4-6, реже от 2 до 12, у светлого хорька 8-11, иногда до 18.*

Мать их любит необычайно, очень нежно заботится о них и защищает от всякого врага; случается, что заслышав шум вблизи своего гнезда, она безбоязненно нападает и на человека. Период детства длится около шести недель, по истечении которых молодые выходят вместе со взрослыми уже на поиски добычи, а по прошествии трех месяцев они почти сравниваются по величине со взрослыми.

Молодых хорьков можно подкладывать для вскармливания кошкам, благодаря чему они быстро приручаются; однако это не сулит много радостей, так как врожденная кровожадность со временем все-таки скажется и у таких хорьков, и тогда они становятся опасными для всякого беззащитного домашнего животного.

Из-за значительного вреда, причиняемого хорьком, он почти повсеместно подвергается весьма энергичному преследованию. Для поимки его применяют всевозможные меры и ловушки. Однако там, где уж очень докучают мыши, было бы лучше оставить хорька в покое, а тот труд, который тратится на его поимку, с большей пользой можно было бы употребить на починку и плотное запираение курятников.

Мех у хорька теплый и прочный, но из-за своего поистине невыносимого запаха ценится значительно меньше, чем мог бы, если учитывать его густоту. Лишь в недавнее время он более или менее вошел в моду, и его без отвращения носят даже самые чувствительные дамы. По Ломеру, на продажу в Германии в настоящее время ежегодно попадает около 600 тысяч хорьковых шкур, которые в общей сложности оцениваются около двух миллионов марок. Лучшие меха доставляют из Голландии, с Баварского плоскогорья, из северной Германии и Дании, не столь хорошие из Венгрии и Польши и самого низкого качества — из России и Азии. В России в основном преобладают небольшие черноватые, а в Азии — желтоватые меха, ценность которых весьма незначительна. Большинство шкур в этих странах потребляется на месте, и лишь незначительное количество их вывозится также в Швецию и Финляндию. Из длинных волос на хвосте изготавливают кисти, а мясо совершенно.

Фуру (*Mustela putorius furo*)*, по современным воззрениям всех естествоиспытателей, представляет разновидность обыкновенного хорька, изменившуюся вследствие неволи и приручения.

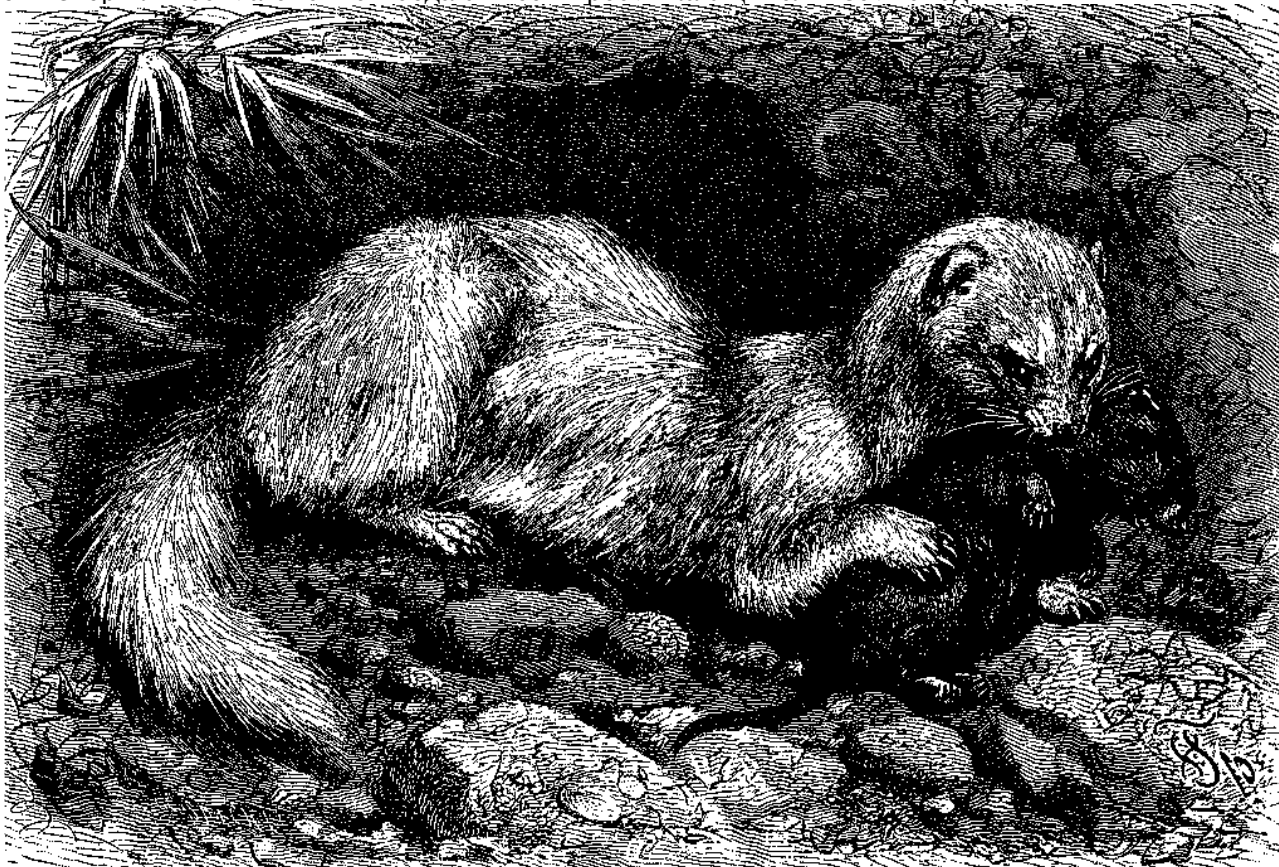
* *Фуру считается одомашненной (вероятно, в начале средних веков, а то и в античности) формой черного хоря. Использовался и используется в качестве истребителя домашних грызунов, для охоты на кроликов, просто домашнего любимца, а сейчас и в качестве пушного животного. Окраска, как правило, равномерно белая или светло-желтая.*

Фуру знают уже с древнейших времен, но лишь в прирученном состоянии. Аристотель упоминает о нем под именем «иктис», а Плиний — под именем «виверра». На Балеарских островах кролики однажды размножились до такой степени, что за помощью обратились к императору Августу. Он послал нескольких виверр, охотничьи подвиги которых были уже известны. Виверры эти пускались в норы к кроликам, выгоняли их оттуда наружу, где кроликов ловили в сети. Страбон повествует об этом случае еще обстоятельнее. «Из всех вредных животных, — рассказывает он, — в Испании водились только кролики, поедавшие коренья, зелень и семена. Эти животные до того размножились, что пришлось обратиться за помощью в Рим. Тогда, чтобы справиться с кроликами, стали изыскивать различные средства; однако самым лучшим оказалось пускать в их норы «африканских кошек» (под этим именем все древние естествоиспытатели разумеют куниц), которые с завязанными глазами выгоняли кроликов из их логовищ». Во времена арабов африканский хорек назывался уже «фуру», и, как свидетельствует Альберт Великий, в Испании его приручали и употребляли для тех же целей, что и ныне.

Фуру похож на обыкновенного хорька и видом, и величиной. Правда, он несколько меньше и слабее обыкновенного хорька, но то же самое наблюдается и у многих других животных, проживающих в неволе. Длина его тела достигает 45, а хвоста 13 см. Эти же размеры точь-в-точь соответствуют, с одной стороны, размерам обыкновенного хорька, с другой — и строение скелетов обо-

их этих животных существенно не отличается друг от друга. В Европе привыкли видеть хорька-альбиноса, то есть с беловатой или светло-желтой, а снизу несколько темной окраской шерсти и со светло-красными глазами. Лишь у немногих из этих животных шерсть темнее, и тогда они очень бывают похожи на обыкновенных хорьков. Некоторые естествоиспытатели утверждали, будто фуру — африканец по происхождению и будто по Европе он распространился из Африки, но подтвердить это мнение каким-либо наблюдением они не смогли. Таким образом, фуру встречается лишь в неволе и содержится нами единственно для охоты за кроликами; только англичане употребляют его для охоты за крысами, и те африканские хорьки, которых называют крысодавами, ценятся там дороже, чем те, которые могут быть употреблены для охоты за кроликами. Животных содержат в ящиках и в клетках, часто дают им свежего сена и соломы и предохраняют зимой от холода. Обыкновенно их кормят булкой или молоком, но они бывают значительно здоровее, если им дается не очень жесткое мясо недавно убитых животных.

По наблюдениям Ленца, их можно дешево прокормить лягушками, ящерицами и змеями, так как эти зверьки весьма охотно поедают всех пресмыкающихся и земноводных.

Фуру (*Mustela putorius furo*)

По своему нраву фуру схож с обыкновенным хорьком, которому, однако, уступает в проворстве; по кровожадности же и по склонности к хищничеству он не остается позади своего дикого брата. Даже будучи достаточно сыт, он как бешеный набрасывается на кроликов, голубей и кур, схватывает их за затылок и не отпускает до тех пор, пока жертва не перестанет шевелиться. Вытекающую из ран кровь лижет он с невыразимой жадностью, а головной мозг представляет для него, по-видимому, лакомое яство. На змей и других пресмыкающихся он нападает осторожнее, чем на других животных, и, очевидно, понимает опасность борьбы с гадюкой. По Ленцу, на ужей и медяниц он нападает с большой охотой, даже если раньше никогда не видел этих животных; несмотря на их усиленное сопротивление, он схватывает их, перегрызает хребет и съедает затем по хорошему куску мяса. Но к гадюке хорек приближается в высшей степени осторожно, причем пытается запустить свои зубы в середину тела этой сердитой змеи. Если же хорек был однажды укушен гадюкой, он, чтобы избежать ее ядовитых зубов, прибегает к всевозможным ухищрениям; несмотря на это, однако, порой он бывает настолько труслив, что совершенно отказывается вступать в борьбу и оставляет поле битвы за гадюкой. Укус гадюки не убивает фуру, но он от него хворает и лишается бодрости.

По-настоящему приручить фуру удастся редко; тем не менее известны примеры, когда некоторые из них следовали за своими хозяевами подобно собакам по пятам и их можно было оставлять без надзора на свободе*.

** Фуру хорошо приручается, и только в США около миллиона этих зверьков содержится в качестве домашних любимцев. Однако есть сообщения о не спровоцированных покусах хорьками детей (обычно, как и в случае с другими домашними животными, «неспровоцированность» таких нападений можно было бы подвергнуть сомнению), а также о случаях бешенства у фуру.*

Большая же часть африканских хорьков, раз ускользнув из своей клетки, умеет пользоваться добытой свободой: убегает в лес и поселяется в норке кролика, которая летом служит им убежищем. Они вскоре совершенно отвыкают от человека, но если не будут пойманы вторично, то погибают. По словам Болле, на Канарских островах хорек часто становится совсем диким**.

*** В Новой Зеландии и черный хорек, и фуру успешно одичали, образовав смешанную популяцию, представляющую смертельную опасность для ряда видов птиц аборигенной фауны.*

Самка после пятинедельной беременности, рождает в начале мая от пяти до восьми детенышей, которые в течение двух-трех недель остаются слепыми. Мать воспитывает их с величайшей заботой, а когда им минет приблизительно два месяца, то их можно уже отнять от матери и вскармливать отдельно.

В пищу детенышам, по словам Цейлера, у которого я заимствовал только что сказанное, утром дают белый хлеб с молоком, а вечером сырое мясо и раз или два в неделю по сырому яйцу; можно также ему давать, как и всем куницам, различные плоды, в особенности вишни, сливы и кусочки груш. После окончания спаривания самца следует отделить от самки, иначе он непременно съест только что родившихся детенышей; однако без всякого опасения можно в одном и том же ящике помещать по нескольку, по меньшей мере по две самки с детенышами. Не следует препятствовать своевременному спариванию африканского хорька, иначе и самец, и самка из-за подавления их естественного влечения почти всегда заболевают и могут даже умереть. Если же за зверьком ухаживать тщательно, то он может прожить, оставаясь в добром здравии, от шести до восьми лет.

Но как ни полезен хорек в борьбе с кроликами, однако доставляемая им польза ничтожна в сравнении со стоимостью его содержания. Поскольку охоту за кроликами можно проводить при помощи фуру только с октября по февраль, то в остальное время года приходится кормить его, не получая за это ни малейших услуг с его стороны; к тому же его можно выпускать только против полувзрослых или уже совсем взрослых кроликов, так как если в норке ему попадет молодой кролик, то он тотчас его умерщвляет, съедает, а затем обычно укладывается в его в теплое гнездо, оставаясь в нем сколько ему вздумается и заставляя все это время своего владельца поджидать его снаружи.

На охоту выходят утром, причем хорьков несут или в мягко устланной корзиночке, или в ящичке, или же при необходимости просто в охотничьей сумке. Затем отыскивают все ходы, ведущие к норке, и перед отверстием в каждой укрепляют тенета, имеющие в длину около одного метра и снабженные большим обручем; потом впускают в главный ход к норке хорька, а само отверстие этого хода тоже заставляют сетями. Кролик, как только увидит проникшего к нему врага, тотчас в испуге выбегает наружу, попадает в сеть и его убивают. Для того чтобы фуру сам не загрызал кроликов в норке, ему или надевают небольшой намордник, или подпиливают зубы, а для того, чтобы следить за его продвижением под землей, ему надевают на шею звонкий колокольчик. В прежние времена в Англии охотники бывали настолько жестоки, что этому бедному помощнику сшивали губы, перед тем как пустить его в норку; по счастью, ныне убедились, что той же самой цели можно достигнуть и посредством намордника. Затем, как только хорек покажется у выхода из норки, его следует тотчас же поймать, иначе, снова вернувшись в норку, он ляжет в ней отдыхать и может заставить прождать своего появления оттуда часто в течение нескольких часов. Весьма важно приучить его появляться на свист и зов. Но если он все-таки не выходит, то для поимки его вновь прибегают к всевозможным хитростям. Так, навязывают на гибкий прут кролика и вдвигают его в норку. Такому вызову, возбуждающему в хорьке присущую ему кровожадность, уже не может противостоять ни один африканский хорек; он крепко вцепляется зубами в кролика, и тогда его вместе с ним вытаскивают наружу.

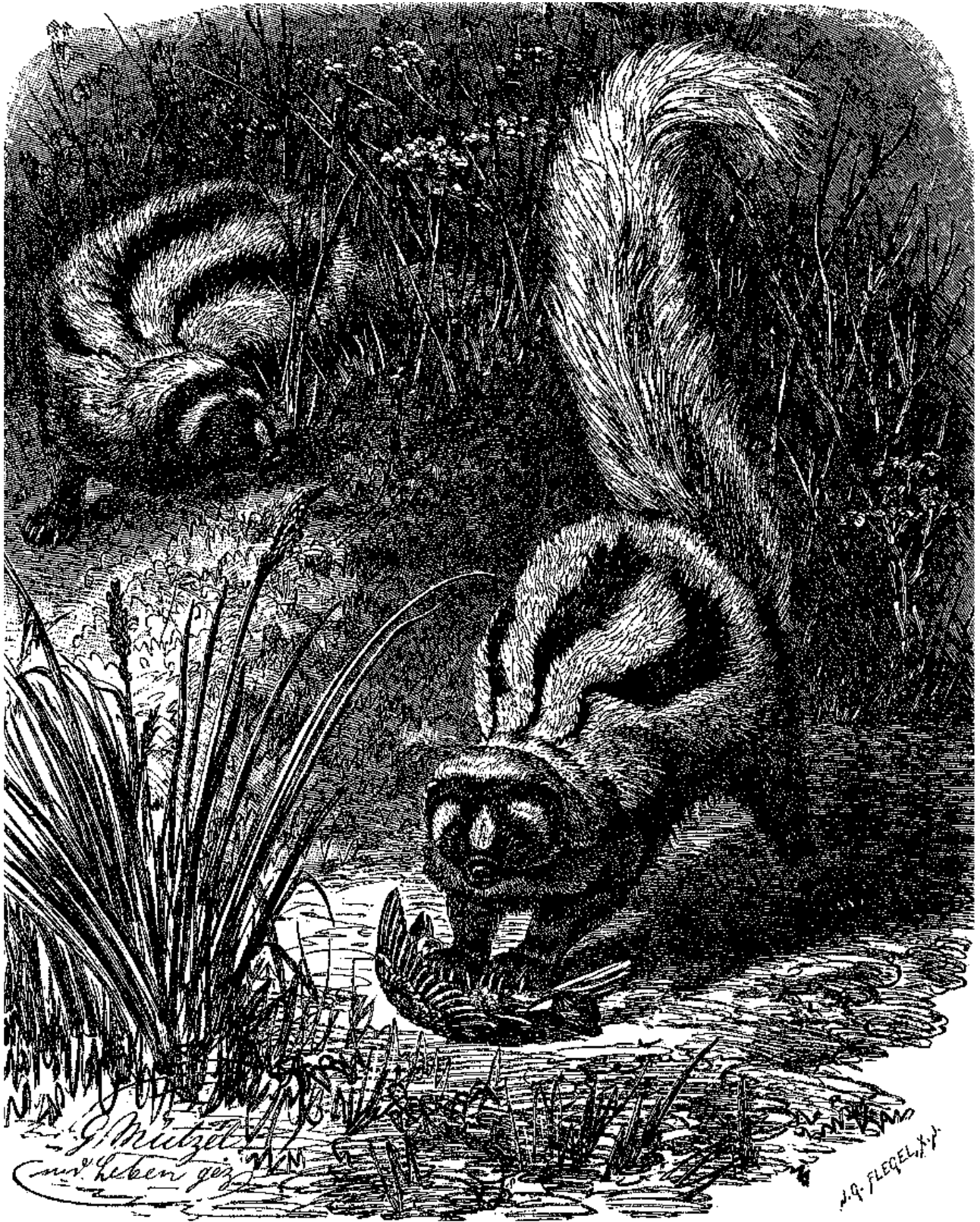
В Англии приучают фуру преследовать крыс и устраивать бои с этими кусающимися грызунами. Однако, по утверждению моего английского знакомого, если хорьки уже испытают на себе зубы крыс, то сравнительно редкие из них снова отваживаются охотиться за ними. Фуру, приученный только к охоте за кроликами, совершенно непригоден для охоты за крысами, так как убегает от них. Поэтому хорька-крысодава приучают к этой охоте особым способом. Ему предоставляют вначале возможность сражаться лишь с молодыми и слабыми крысами и таким образом исподволь подготавливают его к борьбе и победе. При этом у зверька пробуждается врожденная кровожадность; мужество маленького хищника все растет и растет, и наконец он приобретает такую сноровку в бо-

ях с этими грызунами, что совершает истинные чудеса. Обычно старые, опытные крысы, будучи атакованы, забиваются в угол и умеют оттуда как успешно нападать, так и наносить врагу опасные раны; но хорошо выдрессированный африканский хорек не страшится такого опытного противника: он все-таки сумеет улучшить подходящее мгновение и схватить коварного врага. Хороший хорек в состоянии на арене в два-три квадратных метра умертвить в течение часа до пятидесяти крыс.

Фуро и обыкновенный хорьки без особых затруднений спариваются друг с другом и производят ублюдков, которые весьма ценятся охотниками. Такие помеси больше походят на обыкновенного хорька, чем на фуру; от обыкновенного же они отличаются только более светлой окраской морды и горла. Глаза у них совсем черные, и поэтому взор их более выразителен, чем взор фуры. В них сочетаются лучшие качества обоих родителей, они, с одной стороны, значительно легче приручаются, не столь сильно воняют, как обыкновенный хорек, а с другой стороны, они сильнее, смелее и легче переносят холода, чем фура. Отвага их невероятна, так как они, как бешеные, бросаются на каждого врага, встреченного ими в норе. Но нередко они сердятся на своих хозяев и чувствительно их кусают. Помимо человека у хорька, по-видимому, мало врагов. Правда, хорошие охотничьи собаки с яростью набрасываются на него, как только получают такую возможность, и вскоре умерщвляют его, вторым врагом хорька может быть признана разве что лисица.

Зорилла, или африканский хорек (*Ictonyx Striatus*)*, животное, имеющее туловище длиной 35 см, а хвост — 25 см.

** Зорилла распространена по всей Африке от Мавритании и Судана до самого юга континента. Она живет обычно на земле, но при необходимости неплохо лазает и отлично плавает. Длина тела зверька 28-38 см, хвоста 20-30 см, весит зорилла от 400 грамм до почти полутора килограммов.*

Зорилла, или африканский хорек (*leponyx striatus*)

Туловище зориллы длинное, но не очень стройное, голова широкая, морда удлинена наподобие хобота; уши короткие, закругленные, глаза средней величины с долевой расщелиной зрачка, ноги короткие, и передние лапы вооружены сильными, довольно длинными, но тупыми когтями; хвост довольно длинный и пушистый, весь мех тоже густой и длинный. Его основная окраска блестяще-черная, испещренная белыми пятнами и полосами, рисунок которых более или менее изменяется у разных особей. Между глазами находится узкое белое пятно, другое идет от глаз к ушам; иногда оба сливаются вместе и образуют на лбу одну белую перевязь, которая проходит через всю морду к концу рыльца. Губы также часто окаймлены белым. Окраска верхней части туловища очень разнообразна, но имеет всегда один определенный рисунок. У некоторых через затылок проходит широкая белая поперечная перевязь, от которой отделяются четыре продольные полосы, идущие вдоль всей спины; они расширяются посредине туловища и разделяются тремя черными промежу-

точными полосами; обе наружные боковые полосы соединяются у корня хвоста и затем продолжаются по обеим сторонам хвоста в виде белых штрихов. У других весь затылок, загривок и даже верхняя часть спины — белые; в таких случаях именно от загривка начинаются темные полосы, продолжающиеся по сторонам хвоста, который бывает испещрен то пятнами, то продольными полосами. Зорилла распространена по всей Африке, переходит через Суэцкий перешеек в Малую Азию, появляется даже иногда у Константинополя, само собой разумеется, только с азиатской стороны*.

** В настоящее время зорилла вне Африки не встречается.*

Скалистые местности служат самым излюбленным ее местопребыванием. Здесь она живет или в ущельях или в норах, выкопанных ею самой под деревьями и кустарниками. Зорилла ведет образ жизни ночного животного, и потому видеть ее случается очень редко. Первые сведения об этом животном дает Колбе. Пища его состоит из мелких млекопитающих, а именно из мышей, мелких птиц и их яиц, из пресмыкающихся и насекомых. Для домашней птицы зорилла нередко бывает опасна, потому что, подобно куницам, прокрадывается в крестьянские дворы и умерщвляет птиц, как хорек.

По своим движениям она не похожа на куниц, так как менее ловка и скорее может быть названа неповоротливой. Лазать она не умеет, воды очень боится, хотя при необходимости плавает, и даже очень искусно. Своим отвратительным орудием она пользуется так же, как и вонючка. «Когда она находится на поле или на лугу, — говорит Колбе, — и заметит, что к ней приближается собака или хищный зверь с намерением схватить ее, то она прыскает на своих врагов такой ужасно вонючей жидкостью, что те спешат обтереть нос о землю или о дерево, чтобы хоть немного освободиться от вони. Если враг не устрашится с одного раза или подойдет еще другой, то она вторично прыскает на противника, извергая из себя зловоние, ничуть не слабее первого. Этим способом она храбро защищается от своих врагов. Если охотник возьмет в руки убитую зориллу, то к ним пристанет такая острая вонь, которую трудно отмыть даже мылом. Поэтому убитых животных никогда сразу не берут, а дают им некоторое время отлежаться на земле. Кому хоть раз приходилось столкнуться с этой ужасной вонью, тот в другой раз, наверное, подальше сойдет с дороги, если заметит зориллу, и трогать ее не станет».

У зориллы особенно невыносимая вонь исходит от самцов и преимущественно во время спаривания, вероятно, потому, что тогда они находятся в необыкновенно возбужденном состоянии. Можно также допустить, что самка находит приятным этот запах, который для нас так противен.

О размножении этого животного, к сожалению, нет точных сведений; известно лишь, что зорилла держится в южной Африке во многих домах голландских колонистов для истребления крыс и мышей*.

** Зорилла приносит потомство один раз в год, в сентябре-декабре. Однако если рано родившиеся детеныши погибнут, то самка успевает спариться еще раз. Беременность длится 36 дней. Рождаются 1-3 детеныша. Сомнительно, чтобы из этого зверька, ведущего одиночный образ жизни и агрессивного даже по отношению к сородичам, получался домашний любимец.*

В юго-восточной Европе, а оттуда к северу, проникая вплоть до Польши, рядом с хорьком, встречается и родственная ему **перевязка** (*Vormela peregusna*)**, которая ни в одной из названных областей, однако, не водится в большом количестве; по Блэнфорду, в некоторых частях западной Азии она весьма редка, но зато в Афганистане, особенно около Кандагара, обычна.

** * Перевязка распространена в степях и лесостепях юго-востока Европы, Ближнего Востока, Южной России и Центральной Азии. Длина тела 29-38 см, весьма пушистого хвоста — 15-22 см, вес 400-700 г. Перевязка отличается от хорька анатомически и поэтому выделена в особый род.*

Общая длина ее достигает 50 см, из которых 16 см приходится на хвост. Коротковолосая и жесткая шерсть на спине и по бокам бурая, усеянная беспорядочно расположенными желтыми пятнами; на голове, нижней части туловища и внутренней стороне ног — черная; в области горла располагаются ржаво-красные пятна; губы и полоса, направляющаяся от глаз кверху через темя, белые; уши около корня черновато-бурые, а кончики их ржаво-беловатые; окраска же сравнительно длинного хвоста около корня бурая и желтоватая, в середине бледно-желтоватая, а на конце черная. Образом своей жизни, которую подробно описал Хуттон, перевязка вполне похожа на других хорьковых. Мясо перевязки не годно к употреблению, им пренебрегают даже собаки.

Очень близка к хорьку норка***, от которого она отличается лишь более плоской головой, более сильно развитым бугорчатым зубом, укороченными ногами, плавательной перепонкой между пальцами, которая более явственно развита на задних лапах, несколько более длинным хвостом и

шерстью, которая напоминает выдру и состоит из густо и гладко прилегающих коротких волос, окрашенных и на верхней (хребетной), и на нижней (брюшной) сторонах в равномерный бурый цвет.

* * * *Норки Евразии — очень близкие родственники хорьков. Норки Америки не состоят в близком родстве ни с хорьками, ни с евразийскими норками.*

Кроме нашей европейской норки мы опишем также и норку американскую. Образ жизни обеих до новейшего времени был очень мало известен и даже ныне, по крайней мере что касается европейского вида, наблюдения весьма недостаточны. Значительным обогащением сведений о нашей норке я обязан любезности одного охотника из окрестностей Любека, а американская норка описана Одюбоном и принцем фон Видом.

Многие из естествоиспытателей считают американскую норку лишь разновидностью нашей норки, и на самом деле оба животных находятся в весьма близком родстве друг к другу. Однако в устройстве их тела существуют и такие различия которые оправдывают противоположный взгляд других естествоиспытателей, полагающих, что обе норки относятся к различным видам. Главными отличительными признаками американской норки могут считаться более короткая голова и более длинный хвост, чем у нашей норки. Число хвостовых позвонков у американской норки равняется 21, а у нашей — 19.

Европейская норка (*Mustela lutreola*)* достигает величины 50 см, из которых 14 приходится на хвост.

* *Европейская норка когда-то населяла большую часть Европы, Европейскую Россию, Кавказ и Западную Сибирь. Ныне она сохранилась лишь в небольшом числе мест в России и нескольких странах Европы. На грань полного исчезновения этого симпатичного зверька привели всевозможные гидротехнические работы, а также американская норка, акклиматизированная в Европе в XX веке, более сильная, чем ее европейская тезка, и занимающая ту же нишу в природном сообществе.*

Европейская норка (*Mustela lutreola*)

Ноги у нее короткие, туловище сдавленное, удлиненное, чем-то напоминающее выдру; что же касается головы, то у норки она длиннее, чем у выдры. Ступни, как у хорька, но между всеми пальцами, как уже замечено, находится соединяющая их перепонка. Глянцевитый мех состоит из густых и гладко прилегающих друг к другу, коротких, довольно жестких остистых волос бурого цвета, под которыми виднеется сероватый, весьма густой подшерсток. На середине спины, а всего больше на затылке и на задней части тела окраска меха темнеет; также и на хвосте волосы обычно темнее, чем на туловище. На нижней стороне туловища данная окраска переходит в серо-бурую. Маленькое, светло-желтое или беловатое пятнышко виднеется на горле; верхняя губа белая спереди, а нижняя — по всей длине.

Американская норка (*Neovison vison*) похожа по окраске на европейскую, но мех ее ценится значительно дороже, так как в нем подшерсток более развит, а сам мех мягче. Американская норка превосходит европейскую своей величиной. Что касается деталей окраски, то ее верхняя и нижняя стороны темно-бурого цвета, хвост черно-бурый, а заостренный конец подбородка белый.

В образе жизни, вероятно, оба животных сходятся по всем существенным признакам, и потому мне кажется целесообразным предпослать краткому описанию нрава и привычек нашей норки самое интересное из повествований названных выше писателей о норке американской.

По Одюбону, американская норка представляет собой такого хищника, который по своей деятельности и неутомимой страсти к истреблению больше всего приближается к горностаю; при этом как эта деятельность норки, так и ее хищничество в первую очередь касается птичников и утиных садков, где появление одного или двух этих животных тотчас обнаруживается из-за исчезновения нескольких цыплят и утят. Чтобы избавиться от вредного хищника, следует запастись терпением. Одюбон сам испытал это на одной американской норке, которая поселилась в каменной плотине небольшого прудка, находившегося подле самого дома этого естествоиспытателя. В прудке этом полоскались многочисленные домашние утки, и понятно, что благодаря этому он оказывался весьма привлекательным местом для охоты. Укромный уголок норка выбрала столь же умно, сколь и хитро: он находился близко от дома и еще ближе от того места, к которому спускались дворовые куры на водопой; кроме того, перед этой засадой лежали два больших осколка гранита, из-за которых норка и могла обзирать как двор, так и прудок. Здесь настороже пролеживала она ежедневно целыми часами и отсюда же среди бела дня утаскивала кур и уток, пока — правда, лишь после долгого выслеживания — наш натуралист не положил конец ее проделкам. В особенности часто находил Одюбон норку около Огайо, и здесь он подметил, что она может сделаться и полезной для человека, истребляя мышей и крыс. Конечно, рядом с этой охотой, служащей лишь к выгоде человека, она занимается и всякого рода браконьерством, а в том числе и рыболовством, она в состоянии иногда причинить величайшую досаду удильщику, в решительную минуту выскакивая из-под нависшего берега и конфискуя пойманную им рыбу. По наблюдениям нашего очевидца, американская норка плавает и ныряет с величайшей сноровкой и, подобно выдре, с успехом охотится за самыми быстро плавающими рыбами — за лососем и форелью. В крайних случаях норка, правда, довольствуется лягушкой или саламандрой, но когда ей предоставляется возможность выбора, она оказывается весьма большой лакомкой. Благодаря своему тонкому обонянию норка в состоянии преследовать добычу с уверенностью охотничьей собаки, и достоверные наблюдатели свидетельствуют, что она пользуется этой способностью при каждом удобном случае. В болоте норка преследует водяных крыс, болотных трясогузок, зябликов и уток; на берегу озер — зайцев; в море — устриц, а со дна рек достает раковины; короче, она умеет приспособиться ко всякому месту и всегда чем-либо воспользоваться*.

** Американская норка прежде всего полуводный хищник. Она отлично плавает и способна нырять на глубину 5-6 метров. Селится почти всегда по берегам водоемов, предпочитая берега с густой растительностью. Ее основная пища — водные грызуны, а так же рыба, моллюски, черви, членистоногие и мелкие птицы. На домашних уток норка, конечно, может напасть при случае, но вовсе не столь регулярно, как это описывает Брем. В Европейской части России это сейчас один из самых обычных и часто встречаемых хищников.*

Но вместе с тем норка предпочитает гнездиться по скалистым берегам, а нередко устраивает логовище в непосредственной близости от порогов и водопадов. Когда ее преследуют, она бросается в воду и ищет спасения в плавании и нырянии. По земле бегаёт довольно быстро, но все-таки вскоре ее настигает собака, и тогда ей приходится прибегнуть к лазанию. Испытывая страх, она распространяет, подобно хорьку, весьма противный запах.

В Северной Америке пора спаривания норки приходится на конец февраля или начало марта. В это время земля еще бывает большей частью под снегом, а потому, руководясь следами, оставляемыми на нем, можно увидеть, какую страшную возню они тогда поднимают. Возбужденные самцы ищут вдоль берегов рек самок, и случается, что, держась речных бассейнов, они целым стадом заходят в такие местности, где в иное время норки или редки или вовсе не появляются. Одюбону в одно только утро удалось застрелить шесть взрослых самцов, которые, несомненно, разыскивали самок. Этот же естествоиспытатель получил в течение одной недели большое число американских норок мужского пола и ни одной женского, вследствие чего он и высказывает мнение, что в пору спаривания самки укрываются в норах. Самка приносит пять или шесть детенышей, их находят или в углублениях под нависшим берегом, или на маленьких островках в болоте, а также и в дуплах де-

ревьев. Если взять норок из гнезда вскоре после рождения, то они быстро становятся ручными и делаются истинными баловнями человека.

Американская норка легко попадает в всякого рода западни, ее столь же часто ловят, как и подстреливают; но так как она весьма живуча, то и заряд на нее нужен хороший.

Принц фон Вид подтверждает описание Одюбона, но прибавляет, что американская норка иногда за один раз умерщвляет несколько куриц; зимой часто питается одними речными ракушками, вследствие чего вблизи ее жилища и находят много пустых раковин от них; в зимнюю стужу она зачастую приближается к человеческому жилью, ее там часто ловят или убивают; наконец американская норка, вытянувшись в длину, чрезвычайно умело и быстро плавает, но тем не менее она не может долго оставаться под водой и высовывает свой нос, чтобы вдохнуть воздуха.

Сведения о европейской норке гораздо менее полны. Вильдунген в 1799 году говорит, что норка весьма редка в Германии и поэтому многим завзятым охотникам она даже не известна; сам он уже давно стремился познакомиться с ней, и в этом ему повезло только благодаря неустанным заботам графа Меллина. Из наблюдений этого же естествоиспытателя: «По своей походке с дугообразно изогнутой кверху спиной, по своей расторопности и по способности пролезать в самые маленькие отверстия норка приближается к кунице. Подобно хорьку, она находится в непрерывном движении, вынюхивая и обшаривая все уголки и щелочки. Бегает плохо, не лазает также и по деревьям, но, подобно обыкновенной выдре, норка весьма искусна в плавании и может долго оставаться под водой. По-видимому, она чувствует себя слишком слабой, чтобы противостоять напору быстротекущих стремнин, так как вдоль больших рек встречается реже, чем по берегам проточных вод меньших размеров. Время спаривания приходится на февраль и март, а в апреле или в мае уже находят на возвышенных, сухих местах, в расщелинах земли, между корнями деревьев, а также и в норах, вырытых самой норкой, детенышей, рождающихся слепыми*.

** Европейская норка иногда использует для жилья норы водяной крысы, расширив их и съев прежнего владельца. Способность норки довольствоваться небольшими водоемами пока что ее спасала от ее американского собрата, не посягающего на ручьи и маленькие пруды. Однако специалисты признают крайне угрожаемое положение европейской норки по всему ее нынешнему ареалу.*

Норка любит жить в местах тихих и уединенных, обособленных. Она избегает человека и хитро умеет спастись от его преследования; тем не менее нередко посещает птичники, где, подобно хорьку или кунице, разбойничает, пока не передует всю птицу, если ее не спугнут; случается это, однако, только в отдельно стоящих жилищах рыбаков, и я никогда не слышал, чтобы норка забиралась с этой целью в села. Обычную ее пищу составляют рыбы, лягушки, раки и улитки; но, вероятно, добычей ее бывают также и молодые бекасы и водяные курочки. Высокая цена шкурки норки, сохраняющей свою красоту и летом, побуждает усиленно преследовать это животное, которое становится все реже и реже, и если бы на помощь к нему не пришли нынешние умеренные зимы, то, возможно, вскоре этот вид животных вполне был бы уничтожен, по крайней мере в Померании». Этими сведениями в сущности исчерпывается все, что мы до сих пор знаем о европейской норке. Опасение, будто норка совсем перевелась в Германии, которое теперь высказывается почти всеми охотниками, к счастью, лишено основания. Норка еще встречается в Германии повсюду, хотя везде она весьма редка и попадает только поодиночке. Настоящей ее родиной служит собственно восточная Европа, Финляндия, Польша, Литва и Россия. Здесь она встречается, и не особенно редко, от Балтийского моря до Урала и от Северной Двины до Черного моря. Живет она также в Бессарабии, Трансильвании и Галиции. В Моравии она принадлежит к весьма редким животным, но местами встречается и там; иногда норку ловят также в Силезии. В конце прошлого столетия видели ее изредка в Мекленбурге и в графстве Брандербургском.

"Норка любит топкие и поросшие кустарником окрестности озер и рек, где она, подобно хорьку, на кочке или на другом возвышении устраивает между ветвями корней ольховых деревьев свое жилище, которое чаще всего находится на самом коротком расстоянии от воды и бывает снабжено немногими выходами, обращенными в сторону воды. Особых ходов для выхода в случае опасности в каком-нибудь другом направлении или же к соседним кочкам у норки встретить нельзя. Потрясенная в своем логовище, норка тотчас как можно скорее стремится к воде и исчезает из глаз. Примечательно при этом бегстве то, что, пlying, она не гребет попеременно, как это делает хорек, но изгибается толчками, двигая передними и задними конечностями одновременно, и делает это с чрезвычайной скоростью. Подстрелить ее на воде удается редко, так как она подолгу остается под водой и появляется всегда на каком-нибудь отдаленном месте. Находясь в воде, даже в ограниченном пространстве, она застрахована от собаки. Следы от ее лап, а также и самые стежки столь

сходны со следами и стежками хорька, что даже опытный охотник легко может быть введен в заблуждение: при обычной походке норки на почве вовсе не отпечатывается та короткая плавательная перепонка, которая находится у нее между пальцами. Зимой норку следует искать там, где вода обычно долго не замерзает: в канавах с большим уклоном, около ручьев, над родниками, где в то же время встречается и хорек, который, как известно, неутомимо вылавливает лягушек также и из-под льда. Здесь-то иногда и случается увидеть норку, сидящую на льду около самого выхода из воды и всю вымазанную речным илом».

Рыбы и лягушки составляют, по-видимому, самую любимую ее пищу, хотя Клаудиус и полагает, что норка предпочитает всем другим лакомствам мясо млекопитающих и птиц и тогда только принимается за рыбу, когда не может раздобыть другого мяса. Правда, она не трогает рыбы, если ей в то же время предложить живыми мышью, птицу или ящерицу; но в этих случаях ее возбуждают только движения находящейся перед ней добычи, и она с большой сноровкой ловит их и душит. Но если предложить ей рыбу после того, как она умертвит свою жертву, то, как правило, она прежде всего берется за рыбу или в крайнем случае предпочтет ей лягушку.

В сравнении с численностью шкурок американской норки, которая под этим именем и попадает на рынок, количество шкурок европейской норки весьма незначительно: по Ломеру, два десятилетия назад ежегодно добывалось 55 тысяч шкурок европейской норки и 160 тысяч шкурок американской норки; теперь же добывание шкурок американской норки увеличилось более чем вдвое (так, в 1888 году оно равнялось 370 тысячам). Что же касается ценности, то в конце шестидесятых годов шкурка американской норки ценилась от 9 до 30 марок, а шкурка русской норки в среднем — от 3 до 6 марок; теперь же американская норка ценится от 4 до 10, а русская — от 1,5 до 4 марок. Цены иногда меняются весьма быстро. Различие между обеими шкурками значительно: шерсть американской норки тоньше и к тому же прочнее. Лучшие шкурки американской норки доставляют с восточных берегов Северной Америки, Новой Англии и Мэна*.

** Обе норки считаются хорошими пушными зверями, однако мех американской ценнее. Европейская норка занесена в Международную Красную книгу и официально не промышляется. Американскую норку промышляют по всему ареалу, как естественному, так и вторичному. На зверофермах разводят обеих норок, а также гибриды европейской норки с разными хорьками. Самыми ценными для разведения считаются американские норки, представляющие помесь наиболее крупной формы с Аляски и наиболее темноокрашенной с Лабрадора. Однако в условиях звероферм выведены формы норок с самыми разными цветами меха.*

Росомаха (*Gulo gulo*)**, одно из самых неуклюжих созданий семейства куньих, является представителем особого рода, имеющего следующие отличительные признаки: туловище мощное и короткое; хвост короткий и покрыт густой шерстью; спина дугообразно изогнута кверху; большая голова, морда удлиненная, но тупая на конце; ноги короткие и сильные, большие ступни с пятью пальцами вооружены острыми крючковатыми, короткими когтями.

*** Росомаха близка к куницам, но отличается гораздо большими размерами и массивностью (длина тела около метра, вес до 32 кг). Самки примерно на треть легче самцов. Это самое крупное из наземных куньих широко распространено в Северной Европе, Сибири и Северной Америке, предпочитая лесотундру и таежные леса.*

Череп сходен с черепом барсука, но несколько шире, короче и весьма выпуклый, так что лоб и спинка носа сильно выдаются вперед; зубная система весьма сильная. Росомаха имеет в длину от 95 см до 1 м, из которых от 12 до 15 см приходится на хвост; высота в плечах от 40 до 45 см. Волосы на морде короткие и тонкие, на ногах грубые и блестящие, на туловище — длинные и косматые; наконец, на бедрах, боковых полосах и на хвосте жесткие и весьма длинные. Темя и затылок черно-бурого цвета, но с примесью серых волос; спина, нижняя часть и ноги чисто черного цвета; светло-серое пятно находится между глазами и ушами, а светло-серая полоса, начиная с лопатки, проходит с каждой стороны вдоль всего туловища. Подшерсток серый, а на нижней стороне тела буроватый.

Росомаха живет на севере земного шара. Начиная с южной Норвегии и Финляндии, она водится во всей северной Азии и Северной Америке до Гренландии. Южная граница ее распространения в Европе прежде простиралась до меньших широт, чем ныне: в эпоху северного оленя она доходила до Альп. Эйхвальд утверждает, что росомаха и позже появлялась в литовских лесах; Бринкен наблюдал ее несколько десятилетий назад в Беловежской пуще, где она теперь уже не попадает; Бехштейн рассказывает о росомахе, которая была убита в Саксонии, а Циммерман — о другой, убитой в Брауншвейге. Однако на этих последних животных следует смотреть как на случайно попавших в Германию, так как нельзя допустить, что росомаха в столь поздние времена по-

стоянно живет так далеко на юге. В настоящее же время она встречается в Норвегии, Швеции, Лапландии, северной России (около Белого моря, Перми, во всей Сибири, на Камчатке) и в Северной Америке.

Прежние естествоиспытатели рассказывают про росомаху баснословные вещи. Михов говорит следующее: «В Литве и в Московии существует весьма прожорливое животное, называемое там росомахой. Оно величиной с собаку, с глазами, как у кошки, весьма сильными когтями, длинноволосым бурым телом и хвостом, как у лисицы, но короче. Если ей встретится мертвечина, то она ест ее до тех пор, пока живот не раздуется, как барабан; тогда она протискивается между двумя близко стоящими деревьями, чтобы освободиться от испражнений, возвращается к падали опять, наедается снова, опять выжимает из себя лишнее при посредстве деревьев и снова ест, пока не сожрет всей падали. По-видимому, она только и делает, что ест, пьет и затем опять ест». Таким же образом описывает росомаху и Геснер; но Олаус Магнус сообщает: «Мясо ее негодно к употреблению и только мех весьма пригоден, ценен и очень красиво отсвечивает, в особенности в том случае, когда искусственно соединен с мехами или материей других цветов. Только государи и великие мужи носят из него мантии, и это не только в Швеции, но и в Германии, где он из-за своей редкости ценится еще больше. Не особенно охотно коренные жители выпускают эти меха из своих стран, так как обычно они при посредстве этих мехов чествуют своих зимних гостей, находя, что ничего не может быть приятнее и красивее, как иметь возможность предложить своим друзьям постели из такого меха. Охотники пьют кровь этого животного, она же в смеси с теплой водой и медом подается также и на свадьбах. Жир помогает при гнилых язвах и т. д. Охотники изобрели много уловок, чтобы заманивать это хитрое животное. Они кладут в лесу падаль, когда она еще свежая. Росомаха тотчас же обнаруживает ее, наедается вволю, а когда, не без больших мучений, протискивается между деревьями, ее пронзают стрелой. Ставят и капканы, которые ее душат. Поймать росомаху при посредстве собак едва ли можно, так как вследствие ее острых когтей и зубов собаки опасаются ее больше, чем волка».

Стеллер опровергает вышеупомянутые невероятные басни, а Паллас дает верное описание образа жизни этого странного создания*.

** Авторы перечисленных невероятных описаний правы только в том, что росомаха действительно охотно ест падаль, выступая в северных широтах в роли гиены.*

Росомаха живет в гористых областях севера, предпочитая, например, оголенные высоты Скандинавских Альп необъятным лесам более низменных нагорий. Мри этом наиболее необитаемый пустырь служит любимым местом ее пребывания. Но определенных пристанищ у нее не существует, и она меняет убежища, в зависимости от обстоятельств, укрываясь там, куда приведет ее ночь, в любом месте, могущем служить ей убежищем, причем все равно, будет ли это лесная чаща или ущелье между скалами, покинутая лисицей нора или же какое-либо другое природное углубление. Будучи, подобно всем кунным, животным скорее ночным, чем дневным, она бродит по своей малообитаемой родине когда ей вздумается, показываясь и при солнечном свете, к чему ее помимо всех других обстоятельств вынуждает также, как известно, и длящееся месяцами так называемые белые ночи в самых северных частях той области, в которой она обитает. В южных пограничных областях Восточной Сибири, посещенных Радде, существование росомахи связано больше с существованием кабарги, чем северного оленя. Кабарга и росомаха чаще всего встречаются там, где на широко раскинувшихся бледно-желтых и серых, поросших лишаями пространствах альпийская флора еще скрашивает самую крайнюю границу произрастания древесных пород; впрочем, на высоте в среднем 1000 метров над уровнем моря оба животных, даже и в области роскошной растительности, встречаются лишь случайно, да и то в виде отдельных экземпляров.

Росомаха (*Gulo gulo*)

В восточной части Саянского хребта росомаха оказывается обычным обитателем гор, и именно таким, который, не имея определенного пристанища, постоянно бродит по тем местностям высоких горных кряжей, на которых встречаются стежки кабарги. При наличии подобных условий ее можно увидеть повсюду также на юге Сибири и точно таким же образом хотя и с применениями к местным особенностям — определяют условия расселения росомахи на севере Америки.

Зимой, которую росомаха проводит, не предаваясь спячке, она благодаря широким ступням может легко держаться на снегу, а так как этот зверь к тому же неразборчив в пище, то, никогда не испытывая сильного голода, живет привольно и беззаботно. Ее движения весьма своеобразны, и от всех известных мне животных она отличается своей походкой. Росомаха двигается большими прыжками, как бы прихрамывая и даже кувыркаясь. Несмотря на все эти неуклюжие телодвижения, она при необходимости передвигается настолько быстро, что легко может настигнуть мелких млекопитающих, а при продолжительном преследовании у нее хватает выносливости не отставать от утомленных больших животных. На снегу ее следы в соответствии с описанной походкой, обозначаются глубокими впадинами, которые она оставляет всеми четырьмя ногами. И в то время как преследуемая дичь увязает в снегу, своеобразная походка позволяет ей беспрепятственно двигаться вперед. Невзирая на свою неловкость, она умеет взбираться на низкие деревья, где, плотно прижавшись, лежит настороже, выжидая, пока под деревом пройдет ее добыча. Из пяти чувств больше всего развито у росомахи обоняние, однако достаточно остры зрение и слух.

Главную пищу росомахи составляют различные виды северных грызунов, а именно пеструшки, которых она истребляет в количестве, вызывающем удивление; так как в некоторые годы этих животных бывает весьма много, то росомахе едва ли приходится искать другую дичь. Следует она

также за волками и лисицами в их походах, в надежде пожи виться остаткам и добычи этих хищников. Наконец, в случае нужды росомаха нападает даже на крупных животных. Известно, что она осиливает не только оленя, но и лося. Тунберг сообщает, что росомаха умерщвляет коров, перегрызая им горло, а Левенгьелм, описывая свое путешествие в северные страны, упоминает о том вреде, который росомаха причиняет стадам овец. Остяки также сообщали Эрманну о том, что, вспрыгнув лося на загривок, росомаха загрызала его до смерти. Со всем этим вполне согласуются и показания Раде. В гористых местностях около Байкальского озера росомаха, часто приближающаяся к поселениям человека, считается бичом для молодого рогатого скота. Однако случившееся в 1855 году переселение оленей из Восточных Саянских гор к югу, в гористые местности около истоков Енисея, не повлияло на образ жизни росомахи; местные жители даже утверждали, будто она никогда не нападает на оленя, но питается исключительно кабаргой*.

** Пищу росомахи, помимо падали всех видов, составляют мелкие грызуны, птицы и их кладки, а также ягоды. Крупных животных росомаха обычно поедает уже в виде падали, умерших от болезней или убитых другими хищниками. Однако зимой она, пользуясь своей способностью бегать по насту не проваливаясь, довольно часто убивает северных оленей, горных баранов и даже лосей, изматывая их долгой погоней или загоняя в глубокий снег, откуда они не могут выбраться.*

Мой егерь, Эрик Свенсон, рассказывал мне, что в Скандинавии, особенно при глубоком снеге и ветре, росомаха тихо подкрадывается к белым куропаткам, преследует этих птиц в вырытых ими углублениях в снегу и легко их хватается. Охотники люто ненавидят росомаху. Мой спутник во время путешествия в Норвегию уверял меня, что каждый убитый олень, если его не завалить тщательно камнями, в отсутствие охотника будет объеден росомахой. Весьма часто таскает она из ловушек приманки или съедает попавшее в них животное. Так же поступает она в Сибири и в Америке. Значительные опустошения часто производит и в хижинах лапландцев. Когтями прокладывая себе путь через двери и крыши, она похищает сырое и сушеное мясо, сыр и другие продукты; разрывает хранящиеся кожи и, будучи очень голодна, съедает часть и их**. Зимой она все время, и днем и ночью, на ногах, а почувствовав усталость, вырывает в снегу яму, ложится в нее, позволяет занести себя снегом и таким образом уютно устраивается во вполне теплом логовище.

** * Сильные лапы и мощные челюсти росомахи до сих пор досаждают людям. Когда эта гигантская куница наведывается в зимовья охотников, лагеря геологических экспедиций, без особого труда проникнув в любые помещения, то расправляется с запасами консервов, разжевывая их вместе с банками. Скорбная участь ждет в этих ситуациях и заготовленные шкуры, а также изделия из них, не говоря уже о запасах мяса или мясных продуктов.*

Поймав мелкое животное, росомаха съедает его тут же, с кожей и с волосами, но большое животное она весьма тщательно зарывает и ест в несколько приемов. Самоеды утверждают, что она откапывает трупы людей и, следовательно, при случае питается и ими.

Росомаха, будучи ловким и хитрым хищником, конечно, не заслужила особенного почета у северных племен, которые за ней охотятся и где только возможно преследуют и убивают, хотя мехом ее пользуются и не везде. Впрочем, камчадалы ценят его весьма высоко и полагают, что более красивого меха не существует. При этом беловато-желтый мех, который у европейцев считается самым никчемным, камчадалы считают самым красивым, и они твердо убеждены, что бог неба, Булутчей, носит одеяние из меха росомахи. Их кокетливые женщины прикрепляют к своей голове, выше ушей, по два лоскутка величиной с ладонь росомашьей шкурки; поэтому, если камчадал хочет порадовать свою жену или возлюбленную, он покупает им такие лоскутки; цена же их одинакова со шкуркой бобра. Любовь к этим украшениям заходит так далеко, что те женщины, у которых их нет, носят окрашенные лоскутки из шкурки морской утки. Тем не менее, несмотря на такую значительную ценность шкурки, росомаха, по словам Стеллера, встречается на Камчатке часто, так как жители не умеют ее ловить и пользуются лишь теми экземплярами, которые случайно попадают в западни для лисиц.

Охотясь за росомахой, эскимос ложится ничком перед ее норой и ждет, пока она выйдет; затем вскакивает, затыкает отверстие в норе и спускает своих собак, которые, хотя и неохотно идут на такую дичь, но все-таки хватают зверя. Здесь подоспевает охотник, забрасывает хищнику на шею петлю и умерщвляет его. В Норвегии и в Лапландии охотятся уже с ружьем.

К росомахе, несмотря на ее незначительную величину, нельзя относиться презрительно, так как она, несмотря на свой большой рост, сильна, свирепа и упорно защищается. Уверяют, будто ее избегают даже медведи и волки; последние, впрочем, вообще не должны даже и касаться ее вследствие распространяемого ею зловония. На человека набрасывается она только в том случае, когда не

может ускользнуть. Обычно, увидев охотника, росомаха спасается бегством, а в случае преследования взбирается на дерево или на самую высокую вершину скалы, где враг не может ее настичь. Быстро бегающие собаки скоро догоняют росомаху на ровных безлесных местах, но отбивается она от них мужественно и с большим искусством. Одна собака не в состоянии осилить росомаху, а иногда даже нескольким собакам удается одержать над ней верх. При этом, если росомахе не удалось спастись от своего преследователя на дерево, она ложится на спину, хватая собаку острыми когтями, повергает ее на землю и до того истерзывает зубами, что собака часто околевает.

Спаривание у росомахи совершается осенью или зимой, а в Норвегии, по словам Эрика, в январе. Через четыре месяца беременности, как правило в мае, самка приносит двух-трех, а в редких случаях даже и четырех детенышей, помещая их в мягкое и теплое логовище, приготовленное ею или в дуплистом дереве, или в глубокой норе; для устройства такого логовища избирается или уединенное ущелье, овраг между горами, или самая непроходимая чаща леса*.

** Брем вновь повторяет ошибку с определением срока беременности у куньих. Спаривание у росомахи происходит в апреле-июле, латентная фаза беременности длится более полугода, активное развитие происходит в течение 30-40 дней. Детеныши рождаются в период между концом января и началом апреля. Вполне самостоятельными они становятся к осени, а через год достигают взрослого размера.*

Конечно, разыскать это логовище трудно; если удастся добыть детенышей росомахи еще маленькими, то приручить их можно без большого труда. Генберг выкормил одну росомаху молоком и мясом и до того приучил ее к себе, что она бегала за ним в поле как собака. Росомаха эта находилась в постоянном движении, весело играла с разными вещами, каталась по песку, зарывалась в землю и лазала по деревьям. Будучи всего трех месяцев от роду, она с успехом умела защищаться от нападающих на нее собак. Она никогда не объедалась, была добродушна, подпускала к себе свиней, с которыми делила трапезу, но никогда не водила дружбу с собакой; всегда держала себя в чистоте и совсем не испускала зловония, разве что за исключением случаев нападения на нее нескольких собак, которых она, вероятно, желала отпугнуть отделением своих вонючих желез. Обычно днем она спала, а ночью бродила. Лежать она предпочитала на вольном воздухе, а не в хлеву, и вообще любила тень и прохладу. Достигнув полугода, стала кусаться, но все-таки оставалась доверчивой к человеку и когда однажды сбежала было в лес, то впоследствии вскочила в сани одной старой служанки и позволила привезти себя домой. С возрастом она стала более свирепой и однажды устроила такую грызню с большой собакой, что из опасения за жизнь последней пришлось поспешить к ней на помощь. Уже будучи старой, росомаха все-таки еще играла со знакомыми людьми; но если не известный ей человек подставлял палку, то она скрежетала зубами и с яростью вцеплялась в нее когтями. По Ломеру, на рынок ежегодно попадает около 3500 шкурок росомахи, причем общая стоимость их доходит до 32 тысяч марок, а привозят их большей частью из Северной Америки. Однако ежегодно убивают и обдирают росомах гораздо больше, так как не одни только камчадалы, но также якуты и другие сибирские племена ценят их шкурки необычайно высоко и платят за них хорошие деньги. По Радде, все шкурки росомах, убиваемых в Восточной Сибири, остаются там же и уже на месте стоят по 4-5 рублей за штуку. Употребляют их азиатские народы, а также и поляки на тяжелые шубы, а американцы и французы, напротив, для полостей, для которых шкурки весьма пригодны вследствие разнообразной окраски и длины волоса.

Барсук (*Meles meles*)* достигает в длину 93 см, из которых 75 см приходится на голову и туловище, а 18 см на хвост. Высотой в холке барсук бывает до 30 см, а вес старых самцов по осени приближается к 20 кг.

** Барсук представляет тип всеядного куньего. Длина тела 55-90 см. хвоста 10-20 см. вес до 16 кг. Распространен по всей Европе, кроме севера, в Сибири, Центральной и Восточной Азии (на юг до южного Китая). Населяет самые разнообразные типы лиственных и смешанных лесов, а также открытые местообитания. Иногда барсука, населяющего Китай, Японию и Дальний Восток, выделяют в особый вид — амурский барсук (*M. amurensis*).*

Шерсть, покрывающая все тело с ушами включительно, довольно длинна, блестяща и жестка почти как щетина. Окраска шерсти на спине представляет смешение серовато-белого и черного цветов. Голова белая, но с обеих сторон морды начинается по черной полосе, которые, расширяясь кверху, проходят через глаза и опушенные белой шерстью уши, а затем постепенно исчезают на затылке. Самки отличаются от самцов меньшей величиной и шириной, а также и более светлой окраской, которая зависит от того, что беловатый подшерсток у них сильнее просвечивает. Барсуки совсем белого цвета весьма редки, но еще реже такие, у которых по белой основе рассеяны темные каштаново-бурые пятна.

Новорожденные барсуки имеют, по Дебнеру, в длину 15, а с хвостом 19 см. Шерсть их состоит из редких (на брюхе даже чрезвычайно редких), жестких, сравнительно толстых, похожих на щетину и плотно прилегающих друг к другу волос. Цвет этих волос вообще белый, и только на темноокрашенных местах к ним присоединяются более или менее серые и черные волосы. Те две черные полосы, которые у взрослого барсука проходят с каждой стороны головы, явственно заметны уже у детенышей, но имеют буроватый цвет; буроваты также как сами ступни, так и голени передних и задних конечностей.

Барсук является классическим примером эгоистичного, недоверчивого, упрямого и как бы самим собой недовольного создания. В этом согласны все наблюдатели, хотя они и не отрицают пользы, приносимой этим своеобразным животным. Барсук наиболее безвредное из больших европейских хищных животных, а между тем к нему питают вражду и его преследуют наподобие волка и лисицы, причем у него немного защитников даже среди охотников, которые, как известно, больше всего любят именно тех животных, за которыми всего ретивее охотятся. Барсука беспощадно бранят и осуждают, не подумав о том, что он по-своему живет честно и правдиво и ничего дурного не делает. Однако именно своеобразность его жизни и служит причиной худого о нем мнения. Без сомнения, барсук живет угрюмым отшельником, боится людей и животных; кроме того, отличается такой неповоротливостью и леностью, что трудно найти другого ему подобного, а эти качества, конечно, не могут привлечь к нему друзей. Впрочем, о себе я должен заявить, что не испытываю неприязни к барсуку: наблюдения над его жизнью и нравами доставляли мне большое удовольствие.

Короткое, толстое и крепкое туловище, толстая шея и длинная голова с рылообразно заостренной мордой, маленькие глаза и такие же маленькие, но заметные уши, голые ступни и сильные когти на передних лапах, короткий опушенный хвост и густая грубая шерсть, а также поперечная складка, ведущая в углубление, в котором около заднего прохода находятся железы, — суть признаки барсука. В зубной системе поражает мощность зубов, всего же зубов 36.

Барсук живет, за исключением острова Сардиния и севера Скандинавии, во всей Европе, а также в Азии, от Сирии (через Кавказ и Персию) до Японии и по Сибири до Лены. Проживает барсук уединенно в норах, которые он вырывает крепкими, закругленными когтями на солнечной стороне лесистых холмов, снабжает их четырьмя-восемью выходами и отдушинами для воздуха и самым уютным образом устраивается внутри. Главная часть жилья — углубление, в которое ведут несколько ходов, — настолько обширно, что может вместить как мягкую подстилку из мха, так впоследствии и детенышей вместе с самкой. Что же касается упомянутых ходов к норе, то барсук пользуется из них лишь немногими; остальные служат ему или как отдушины для воздуха, или как лазейки для бегства в случае крайней нужды*.

** Нора барсука может использоваться, если ее не разрушать, в течение многих десятилетий и даже столетий. Она обновляется и расширяется каждым следующим поколением барсуков, постепенно превращаясь в «барсучий городок». На поверхности этот комплекс дополняется хорошо проторенными дорожками к местам кормежки, площадками для игр, местами для испражнения. Одна семья барсуков может использовать по очереди несколько гнездовых камер. В тех местах, где на барсука не охотятся, он привыкает к человеку и даже выкапывает норы прямо под постройками.*

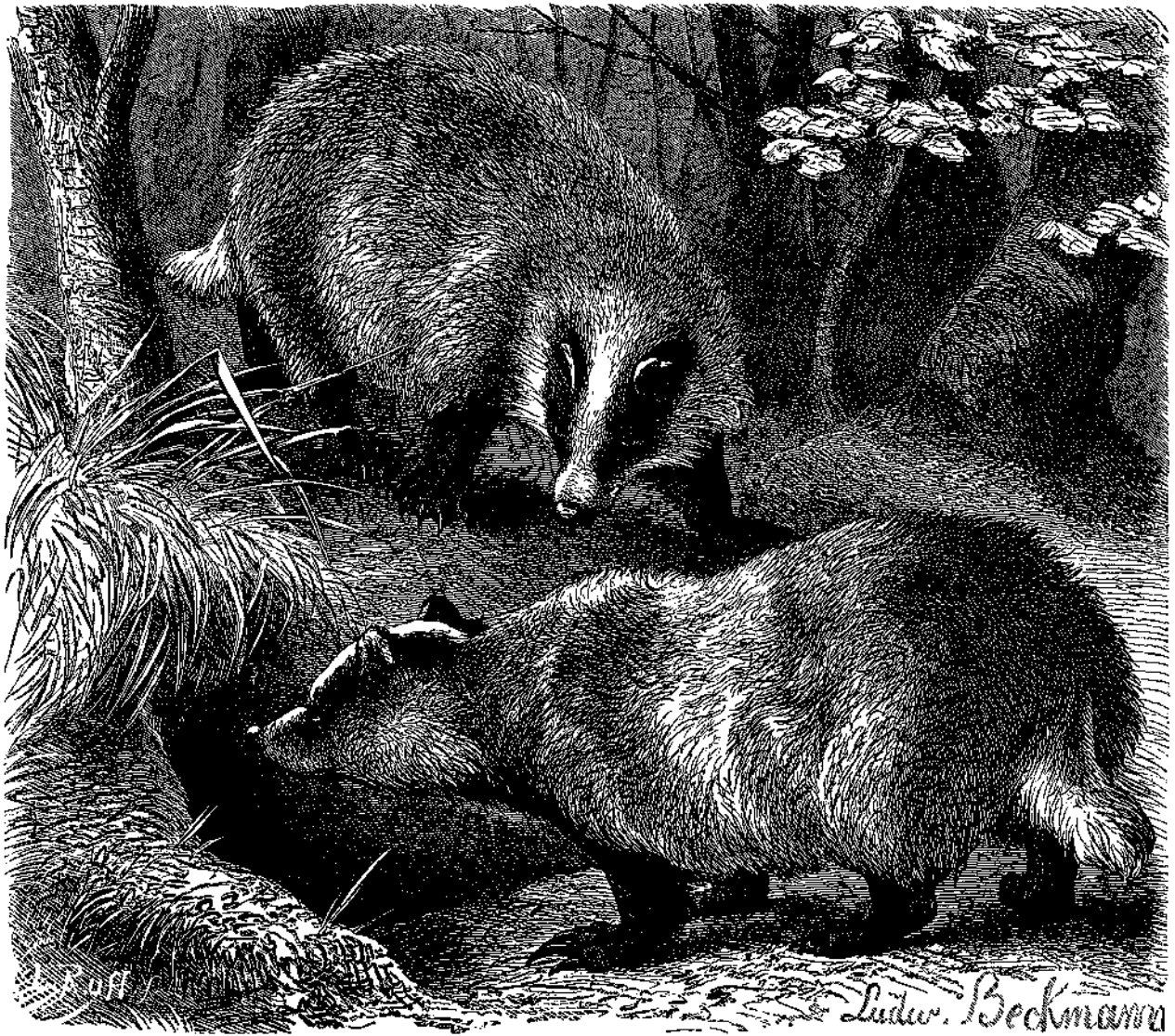
Повсюду в норе царит большая чистота и опрятность, и этим жильем барсука отличается почти от всех остальных подобных подземных убежищ млекопитающих. Свои норы барсук устраивает преимущественно по опушкам леса, недалеко от лугов или среди самих лугов по не покрытым лесом овражкам. Но вообще, какая бы ни была избрана местность этим отшельником для устройства своего жилья, она всегда самая тихая и самая уединенная, так как жизнь свою барсук любит проводить безмятежно и привольно, охраняя прежде всего свою независимость в самом широком смысле этого слова. Благодаря своей силе барсук очень легко и быстро выкапывает нору и так же, как другие роющие животные, может зарыться в землю в течение нескольких минут. В таких случаях он пользуется сильными, вооруженными крепкими когтями передними конечностями, а когда вырытая им земля начинает мешать работе, то барсук пускает в ход сначала задние лапы, которые отбрасывают землю с большой силой назад, а затем, при дальнейшем углублении в землю, выталкивает землю из норы всей задней частью своего тела, избавляясь таким способом от ее излишков.

Из всех животных, проводящих свою жизнь наполовину под землей, а также и тех, которые лишь спят в норах, именно барсук больше всего заботится о том, чтобы его логовище было просторным и безопасным. Ходы, ведущие из углубления норы, почти всегда имеют от 8 до 10 метров в длину, а их наружные отверстия находятся друг от друга на расстояниях часто вдвое больших. Непосредственно нора лежит обычно под землей на глубине полутора или двух метров, но если кру-

тизна, на которой заложена нора, значительна, то и котловина норы встречается на глубине пяти метров от поверхности земли. В таких случаях ходы, служащие для вентиляции, направляются к поверхности почти всегда вертикально. Если же барсуку удастся устроить нору в ущелье, то два условия его благополучия — безопасность и покой — будут еще более соблюдены. В своей норе барсук проводит большую часть жизни, он покидает свое логовище для отдаленных странствований только после того, как ночной мрак окутает землю. Правда, в весьма уединенных, тихих, лесистых местностях барсук летом выходит на прогулку и в поздние часы после обеда, и я сам однажды при ясном дневном свете встретил его вблизи скал на острове Рюгене, но такие дневные вылазки составляют исключение. Один из охранников, которому в течение долгого времени выпало счастье наблюдать барсука на свободе, сообщил о нем Чуди следующие данные: «Нора этого барсука была заложена на краю оврага, и выход из нее мы видели с противоположной стороны ложбины. Путь к норе сильно нахожен, но вновь выброшенная земля перед главным входом была так гладка и утоптана, как ток на овине, и потому нельзя было распознать: есть или нет в норе детеныши. Пользуясь благоприятным ветром, охотник подкрался к своему наблюдательному посту, и взору его предстал старый барсук, который хотя и сидел угрюмо, погруженный как бы в дремоту, но все-таки, по видимому, чувствовал себя вполне привольно под теплыми лучами солнца. Такое препровождение времени было, однако, не случайно, так как охотник видел барсука лежащим на солнце и в другие ясные дни, когда ему доводилось наблюдать за норой. Благодушествуя и ничего не делая, коротал барсук свое время. То, сидя, пристально осматривался он вокруг себя, то тщательно исследовал некоторые предметы, то, наподобие медведя, принимался раскачиваться на передних лапах из стороны в сторону. Столь приятный отдых по временам вдруг нарушался каким-нибудь кусающим насекомым, которого барсук с необыкновенной злобностью тотчас же подвергал казни при помощи зубов и когтей, а затем, расправившись со своим мучителем, растягивался на солнышке, выставляя кверху то широкую спину, то упитанное брюшко. Однако такое препровождение времени продолжалось недолго; вероятно, от безделья барсуку начинало что-то мерещиться: он вставал, водил носом по сторонам, принюхивался и хотя ничего не обнаруживал, но предосторожности ради направлялся к себе в нору. Иной раз он продолжал греться на солнце, затем рысью спускался вниз по долине, чтобы испражниться, и, согласно своей прославленной осторожности и чистоте, снова и по нескольку раз возвращался, чтобы уничтожить следы своего испражнения, дабы ничто не служило предательским указанием его присутствия*. Возвращаясь, барсук не торопился, иногда приостанавливался, но не разыскивал, однако, себе пищи; затем на короткое время опять предавался прежней лени, а когда наконец тени от деревьев мало-помалу начинали набегать на землю, он удалялся к себе в нору, вероятно, для того, чтобы вздремнуть перед предстоящей ночной деятельностью».

** Барсук вне норы может легко стать жертвой волка или леопарда, от которых убежать не способен, а поэтому его осторожность понятна.*

Барсук весьма своеобразно выходит из норы и возвращается в нее. В отличие от лисицы, которая сначала быстро выделает, а затем уже начинает озираться, барсук, по словам Адольфа Мюллера, дает знать внимательному охотнику о своем предстоящем появлении из-под земли глухим шумом, который он производит, приблизившись к выходу, встряхиванием с себя пыли. Затем очень осторожно высовывает из отверстия норы половину головы, с минуту прислушивается и принюхивается и снова скрывается. Только удостоверившись таким образом несколько раз в безопасности, барсук решается наконец показаться из норы целиком; выйдя же наружу, он прислушивается и обнюхивает вокруг себя воздух еще раз и только после этого отправляется обычной мелкой рысцой в путь.

Барсук (*Meles meles*)

Домой он возвращается, как правило, бегом, причем осенью, когда барсук нагуляет жир, бег его сопровождается пыхтением, которое слышно издали; медленно он возвращается при тихой погоде и полной уверенности в безопасности и, напротив, бежит чрезвычайно быстро, когда погода ветрена. На поиски пищи старые барсуки выходят всегда в одиночестве, и только молодые отправляются вместе с братьями.

Во время спаривания барсук живет вместе со своей самкой, но и то недолго; всю же остальную часть года проводит в одиночестве, не поддерживая дружбы ни со своей самкой, ни с каким-либо другим животным*. Правда, старые, большие норы барсуку нередко приходится делить с лисицей; но оба этих животных мало общаются друг с другом, и в таких случаях лисица обычно завладевает верхними ходами и логовищем, а барсук — нижними. Рассказы же о том, будто лисица, оставляя в норе свои испражнения, изгоняет оттуда барсука, согласно показаниям новейших наблюдателей, должны быть отнесены к басням охотников.

** По исследованиям в Англии, барсуки живут танами численностью до 12 особей. В других частях ареала взрослые самцы могут покидать колонии и жить отдельно.*

Движения барсука медленны и неуклюжи; на ходу он волочит ноги и переваливается; самый быстрый бег совершается так медленно, что хороший ходок в состоянии догнать барсука. Вообще барсук производит довольно своеобразное впечатление.

Пищей барсуку служат весной и летом преимущественно корни, всякого рода насекомые, улитки и дождевые черви, а при случае также молодые зайцы, птичьи яйца и птенцы. Дождевых червей барсук весьма искусно вытаскивает из-под земли посредством острых длинных когтей передних лап; точно так же поступает он и при отыскивании личинок как майских жуков, так и других вредных насекомых, проживающих в земле на нивах, лугах и полях. При добывании личинок барсук не вырывает воронкообразных ямок (глубиной от 3 до 5 см, а шириной — от 1,5 до 2,5 см), как это он делает при добывании дождевых червей, а взрыхляет всю поверхность почвы и перево-

рачивает комки земли. Иногда барсук разрывает, кроме того, гнезда шмелей и ос и с большим удовольствием ест изобилующие личинками медовые соты, не особенно заботясь об укулах обозленных собственников этих запасов меда: его жесткий мех, толстая кожа и находящийся под ней слой жира вполне предохраняют от укусов пчел. Улиток, а также, вероятно, гусениц, бабочек барсуки разыскивают и по деревьям, как в этом мог убедиться фон Бишофсгаузен. В один прекрасный летний день этот охотник, к немалому своему удивлению, увидел, как семья из пяти барсуков поспешно перебежала от одного дерева к другому, причем становились на задние лапы, и приподнявшись кверху, насколько доставали передние лапы, барсуки обыскивали каждый древесный ствол. Пехуель-Леше наблюдал однажды, как барсуки, в данном случае полувзрослые, подобным образом обыскивали сосны, находившиеся вблизи их норы, но так как при этом они только весело прыгали и царапали кору деревьев, то Пехуель-Леше предполагает, что барсуки просто играли.

Осенью барсук питается преимущественно не буковыми и дубовыми желудями, кореньями, как обычно думают, а упавшими с деревьев плодами, кроме того, морковью и свеклой, не пренебрегает он и мелкими млекопитающими, полевыми мышами, кротами, а также ящерицами, лягушками и змеями. При известных обстоятельствах барсук производит опустошения и в виноградниках, причем в таких случаях раздавливает лапами большие грозди винограда и буквально упивается их сладким содержимым. Весьма редко таскает он с ближайших к лесу крестьянских ферм молодых уток и гусей, так как, будучи чересчур недоверчивым и осторожным, отваживается на это только в том случае, если вполне уверен в своей безопасности. Нередко ест и падаль. Впрочем, барсук ест мало, кое-что натаскивает он себе на зиму в нору, если уж очень большой соблазн побудит его к этому, например поле моркови, находящееся вблизи норы. Заметного вреда барсук не причиняет; во всяком случае, не в такой мере, чтобы польза, которую он приносит ловлей и истреблением всевозможных вредных насекомых как в лесу, так и в поле, не вознаграждала бы нас с избытком. Вообще, из всех куницеобразных барсук самое полезное животное, и его можно скорее назвать охранителем леса, а вовсе не животным, причиняющим вред лесной фауне. Поэтому лесничий, стремящийся истребить барсука, грешит как против самого себя, так и против вверенного его попечению леса.

"Вместе с ежом, — замечает Адольф Мюллер, — безвредного барсука обвиняли в опустошении лесных посевов. Когда эти животные, ретиво разыскивающие личинок и гусениц в бороздах, засеянных буковыми или дубовыми семенами, попадались за таким занятием несведущим и поверхностным наблюдателям, то их тотчас же относили к категории вредных животных и старались всеми способами истребить. На самом деле барсук и еж уничтожали вредных личинок, майского жука и других насекомых, которые в основном там поселяются, а также мышей. Будьте справедливы, господа лесничие, и избавьтесь от предрассудков свойственных старым невежественным охотникам: еж и барсук заслуживают вашего полного покровительства, а не преследования! Ведь стоит только взглянуть на зубы барсука и ежа и сравнить их с зубами грызунов, чтобы перестать видеть и в том, и в другом любителей семян лиственных и хвойных лесных деревьев! Пищей барсуку служат и будут служить насекомые, и потому в связи с тем обстоятельством, что он также ловит и мышей, барсук оказывается одним из полезнейших животных в великом хозяйстве природы».

Однако в Азии барсук ведет себя уже далеко не так невинно, как в Европе. По словам Радде, «в Восточной Сибири барсук, по-видимому, гораздо бесстрашнее и кровожаднее, чем в Европе. При этом в более населенных местностях он остается исключительно ночным хищником, что не наблюдается, например, в Хинганских горах, где мы видели его днем четырнадцать раз. Здесь он довольствуется исключительно мышами и змеями, так как не имеет возможности беспокоить молодой рогатый скот, что, однако, повсеместно замечается в Забайкальской области. Так, в степях Даурии нападение барсука на телят — вещь самая обыкновенная. При этом более взрослые телята отделяются обычно лишь глубокими царапинами и рваными ранами, но слабых ему удается одолеть*. После поселения казаков на Амуре барсуки часто тревожили их стада на равнинах выше Хинганских гор».

* Барсук не догонит здорового теленка. Скорее всего, мнение о нападениях барсука на телят основано на том, что этот зверь не брезгует падалью.

К концу осени барсук бывает уже довольно упитан. В эту пору он начинает помышлять о наиболее уютном проведении зимнего времени и подготавливает все необходимое для зимней спячки. С этой целью он натаскивает в нору листья и настилат себе таким образом пышное, мягкое и теплое ложе. Затем, кормясь до наступления настоящих холодов еще тем, что наготовлено в норе про запас, барсук с наступлением стужи свертывается в клубок, ложится на брюхо, просовывает голову между передними лапами и погружается в спячку*.

** Обычное утверждение, будто барсук помещает голову между задними лапами и конец морды вкладывает в описанное выше углубление для зловонных желез неверно.*

Однако зимний сон барсука, так же как и медведя, часто прерывается. Так, если холода не постоянны или наступает оттепель, а также не очень холодные ночи, барсук просыпается и иногда ночной порой выходит из своего убежища, чтобы напиться. Вообще же при сравнительно теплой погоде барсук начинает оставлять нору уже в январе, самое позднее в феврале, причем откапывает для себя коренья или, если повезет, лакомится и мышью. Зимнее голодание отражается на нем настолько дурно, что, отправившись по осени в нору с круглым брюшком, барсук выходит из нее весной исхудалым, как щепка**.

** * За осень барсук сильно жиреет. Слой подкожного жира достигает 4-5 см толщины, вес увеличивается в два раза и более. Продолжительность зимнего сна в разных районах сильно различается (от 3 до 6-7 месяцев), на юге своего ареала барсук вовсе не впадает в спячку.*

Время спаривания у барсука приходится на октябрь, и только в виде исключения (по преимуществу у юных животных) оно запаздывает***.

** * * Время спаривания у барсука приходится на конец весны, некоторые самки (возможно, неуспешно спарившиеся весной) спариваются в начале лета. Латентный период беременности длится около 10 месяцев, активное развитие эмбрионов 6-8 недель.*

Так как беременность продолжается от 12 до 15 недель, то к концу февраля или к началу марта самка рождает от трех до пяти слепых детенышей, для которых она заботливо выстилает гнездышко мхом, листьями, папоротником и травой; все это она приволакивает к входу в нору, удерживая между задними ногами, и затем уже проталкивает, помогая себе головой и передними ногами, до котловины норы. То, что она проживает в собственной норе — понятно само собой, так как барсучья самка столь же отъявленная отшельница, как и барсук-самец. Детенышей своих самка очень любит. Откормив их молоком, она до тех пор таскает им в нору червей, коренья и мелких млекопитающих, пока они сами не становятся способными к добыванию пищи. Большого труда ей стоит поддерживать в норе ту образцовую чистоту, которой отличается барсук: невоспитанные детеныши, конечно, не в состоянии еще помогать ей в этом. Впрочем, она находит выход из положения: около котловины норы вырывает особое углубление, которое служит маленькому обществу местом для отправления их нужд, а также и для склада отбросов и остатков их корма.

Спустя три или четыре недели маленькие, весьма красивые зверьки выходят вместе со своей матерью наружу и греются на солнышке перед норой. При этом зверьки резвятся, доставляя счастливому зрителю большое наслаждение, тем более, что возможность наблюдать такое привлекательное зрелище случается очень редко. С матерью детеныши остаются до осени, а затем отделяются и начинают жить самостоятельно. При этом, конечно, они предпочитают селиться в старых, покинутых барсучьих норах; но в случае нужды сами вырывают себе норы. В редких случаях мать позволяет им вырывать убежище в ее норе. Тогда вместе с матерью молодые барсуки проводят и еще одну зиму. Но вообще на второй год молодые барсуки вырастают уже настолько, что становятся способными к размножению, а если пуля охотника не прекратит их дни, то жизнь зверьков может продлиться от десяти до двенадцати лет*.

** Наибольшая зафиксированная продолжительность жизни барсука (в неволе) — 16 лет 2 месяца.*

Барсукам ставят различного рода ловушки, откапывают их, выгоняют из нор посредством особенных, отличающихся острым тонким чутьем барсучьих собак (такс) и застреливают. Избежать угрожающей в вышеупомянутых случаях опасности барсук может лишь в том случае, если схоронится в своей норе так удачно, что даже собаки не смогут его отыскать, иначе вследствие своей неловкости и неуклюжести он будет пойман собакой. Поэтому, если барсука преследуют в его же норе, то обычно он пытается спастись тем, что с большой быстротой зарывается глубоко в землю и действительно довольно часто ускользает от отыскивающих его собак.

Барсуки, пойманные старыми, например при разрывании их нор, оказываются отвратительными животными, непригодными ни к какому воспитанию или приручению, ленивыми, недоверчивыми и злонаправленными. В течение дня они лежат неподвижно и появляются только ночью, скалят при всяком случае зубы и сильно кусают каждого, кто к ним приблизится. Ленцу был доставлен старый, жирный, вполне здоровый барсук, которого он и поместил в большой ящик. В нем барсук спокойно лежал все в одном и том же углу, не двигался, если его к этому не принуждали сильными толчками, и начинал бодрствовать только после десяти часов вечера.

Совершенно иначе держат себя барсуки, пойманные молодыми и подвергшиеся тщательному воспитанию. Они, в особенности если были вскормлены исключительно или по преимуществу расти-

тельной пищей, становятся ручными и до того привязываются к своему хозяину, что даже следуют за ним повсюду, а будучи выпущены из клетки, возвращаются в нее по его зову обратно.

Мясо убитого барсука слаще свиного, и некоторые охотники считают его большим лакомством. Непроницаемые для воды, крепкие и прочные шкурки, которых, по Ломеру, ежегодно доставляют на рынок в числе 55 тысяч штук стоимостью в 123 тысячи марок, употребляются на обивку сундуков и тому подобных вещей; из длинных волос, в особенности выдернутых из хвоста, изготовляют щетки и кисти; жир применяют как лекарственное средство или как осветительное вещество; некоторые же охотно едят его, намазывая на хлеб, и сравнивают с гусиным жиром**.

* * *Многие охотники и вообще таежники используют жир барсука для смазывания кожаных вещей. По утверждению очевидцев, он прекрасно предохраняет вещи от намокания и плесневения.*

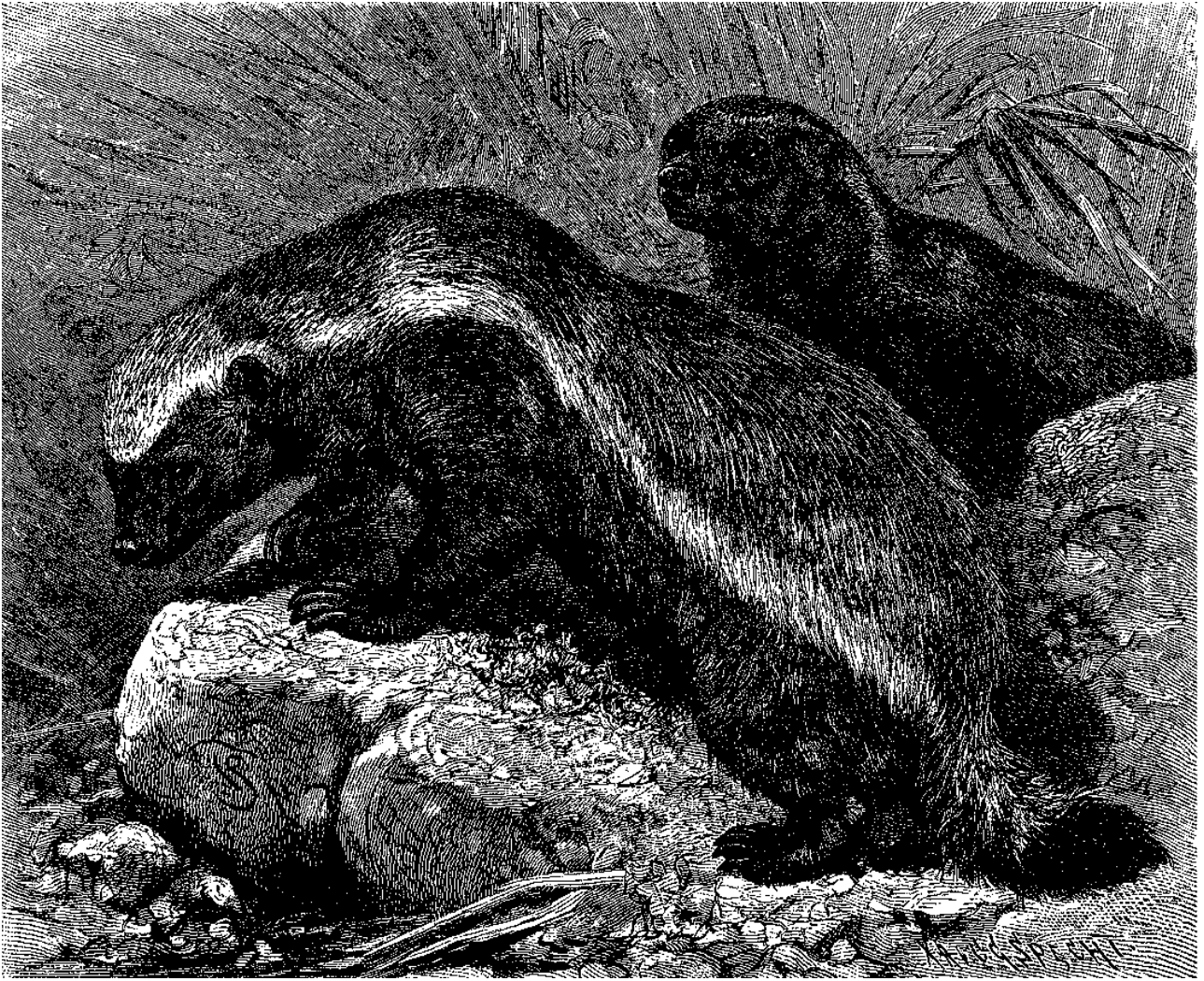
Медоеды, широкоспинные, короткомордые и короткохвостые животные, отличаются от других видов куньих зубной системой. У них всего 32 зуба. Тело более неуклюжее, чем у обыкновенного барсука и его ближайших родичей, сверху сплющено, спина широкая и плоская, морда длинная, маленькие уши немного выдаются из шерсти, глаза небольшие и сидят глубоко, ноги короткие и сильные, пятки голые, а пальцы на передних лапах снабжены длинными когтями, предназначенными для рытья.

Медоед, или ратель (*Mellivora* трети)*, будучи взрослым, достигает длины свыше 70 см, из которых на сравнительно длинный хвост приходится около 25 см. Волосы длинные и жесткие; лоб, темя, затылок, шея, спина, лопатки и хвост пепельного цвета; морда, щеки, уши, передняя поверхность шеи, грудь, брюхо и конечности серовато-черные, причем оба упомянутых рода окраски резко отделяются друг от друга.

* *Медоед отдаленно похож на барсука, хотя и не находится с ним в очень близком родстве. Длина тела 60-77 см, хвоста 20-30 см. Весят взрослые медоеды 7—13 кг. Медоед распространен по всей Африке, на Ближнем Востоке, в западной Индии и Средней Азии. Населяет разнообразные, но преимущественно сухие местообитания.*

Медоед проживает в норах под землей, которые роет сам, проявляя при этом большую сноровку. Медлительный и неловкий, он едва ли был бы в состоянии ускользнуть от своих врагов, если бы не обладал искусством, по крайней мере в рыхлой почве, почти мгновенно зарываться в землю, то есть столь быстро вырывать нору и укрываться под поверхностью земли, что преследователь не успевает его настигнуть. Медоед ведет ночной образ жизни и лишь редко хищничает днем. Во время наших охот в стране бушменов мы видели его дважды, и каждый раз хотя и под вечер, но все-таки до заката солнца. Ночью же, медленно бродя, он нападает на мелких млекопитающих, каковыми являются мыши, тушканчики и тому подобные, или на птиц, черепах, улиток и червей, выкапывает корни и луковицы, а при случае лакомится и плодами.

Но образ жизни медоеда главным образом определяется его страстной любовью к меду; он готов потратить сколько угодно времени, лишь бы найти пчел.

Медоед, или патель (*Mellivora capensis*)

В беслесных странах Африки пчелы наподобие шмелей и ос гнездятся главным образом в земле, во всякого рода углублениях и расщелинах. Такие-то гнезда для медоеда всего желательнее, и когда такое лакомство сыщется, поедает его с наслаждением. Конечно, пчелы защищаются и жалят его как только могут, но покрытая густыми волосами весьма толстая шкура медоеда представляет собой самый лучший щит, какой только можно найти против пчелиных укусов. Объясняется это тем, что кожа у него лежит на толстом слое жира, поэтому говорят, что в слое подкожного жира медоед мог бы свободно вращать свое туловище**. Против такого врага пчелы совершенно бессильны, а медоед, с ожесточением раскопав их ульи, наслаждается на приволье их драгоценным содержимым. О том, как он устраивает свои набеги на пчел, Шпарманн сообщает забавные вещи, которые, без всякого сомнения, основаны на рассказах готтентотов и голландских поселенцев и, конечно, не верны.

*** Шкура медоеда настолько прочна, что даже собака практически не может ее повредить. При этом она по всей поверхности тела подслонена жиром и свободно скользит по мышцам (иными словами, можно сказать, что у медоеда везде «шкурка»). Благодаря этому медоед, схваченный за спину или бок, легко изворачивается и кусает своего противника.*

"Пчелы, — повествует этот путешественник, — доставляют медоедам если не единственную, то все-таки самую главную пищу, и для отыскания их подземных гнезд медоед прибегает к большой хитрости: перед закатом солнца покидает он свою нору, в которой продремал целый день, и начинает бродить по окрестностям, чтобы, подобно льву, выследить свою добычу. Он садится на пригорке, защищает передней лапой глаза от низко опустившегося солнца и пристально следит за пчелами. Заметив, что некоторые из них летают в одном и том же направлении, медоед, прихрамывая, идет за ними, затем снова наблюдает за пчелами и наконец мало-помалу добирается до пчелиного гнезда, после чего и начинается борьба не на живот, а на смерть. Рассказывают, что медоеда так же, как и туземных жителей южной Африки, ведет к пчелиным гнездам птица, медовая кукушка (Indicator), у которой хватает ума, чтобы сообразить, что меда, этого лакомого блюда, хочется и человеку, и зверю. Будучи не в состоянии собственными силами овладеть пчелиной крепостью, птица эта находит выгоду для себя, указывая отысканные ею пчелиные ульи другим, более сильным суще-

ствам, чтобы после разрушения гнезда, поживиться и самой. Своим криком она обращает на себя внимание любителя меда, а затем начинает летать перед ним, время от времени присаживаясь, если медлительный обитатель земли бывает не в состоянии за нею поспеть. После такой остановки она снова летит вперед, а, приблизившись к гнезду, извещает об этом приветливым голоском и, наконец, опускается на сокрытое в земле сокровище. Во время разорения улья птичка остается в стороне и берет свою долю лишь после того, как удовлетворят свою алчность или человек, или медоед*. При нападениях разъяренных пчел превосходную помощь оказывает медоеду толщина его шкуры, которую не могут прокусить не только пчелы, но из-за которой даже собаки, по показаниям всех охотников, не в силах справиться с таким сравнительно слабым противником».

** Союз медоеда и птицы-медоуказчика удивительное явление. Специализированный на питании пчелиными личинками и сотами, медоуказчик приспособился разорять пчелиные гнезда, приводя к ним медоеда. То, что сейчас птица приводит к пчелам и человека — несомненно, вторичное явление.*

Впрочем, медоед кормится не на одном только медом, он любит также и более сытную пищу. Кармихель сообщает, что владельцы курятников смотрят на него, как на одно из самых вредных животных.

Уверяют, будто медоед живет с двумя или тремя самками и никогда не упускает их из виду. В период спаривания он, говорят, бывает до того свиреп и разъярен, что нападает даже на людей и тяжело ранит их. Вообще медоед не сдается без боя, если на него нападают. Пытаться схватить его живым — советовать нельзя, так как он умеет употребить в дело свои острые зубы. Однако, прежде чем начать кусаться, медоед пытается спастись, и с этой целью он или невероятно быстро зарывается в землю, если это позволяет свойство почвы, или же опрыскивает своего врага содержимым своих зловонных желез**.

** * В период спаривания самец становится крайне агрессивным. Ярко-контрастная черно-белая раскраска медоеда играет предупреждающую функцию. Его агрессивность в сочетании с резко пахнущим секретом околоанальных желез делают его непривлекательной добычей для хищников, раз с ним столкнувшись, а окраска служит им предупреждением в будущем.*

Говорят, будто медоед пускает в дело свои зубы только в крайних случаях. Если это верно, то причина такой сдержанности мне не понятна, так как зубная система у медоеда до того сильно развита, что он мог бы внушить к себе уважение каждому охотнику и каждой собаке и побудить их соблюдать осторожность. Зато в живучести этого животного я вполне убежден. Двух выстрелов, которые однажды вечером мой друг Фан-Аркель сделал по медоеду почти с двадцати шагов, было бы вполне достаточно, чтобы уложить льва: медоед же ушел как ни в чем не бывало. Заметим еще к слову, что когда на следующее утро мы отправились обыскивать кусты, то относительно следов зверя нам пришлось руководствоваться лишь нашим обонянием, ибо хотя прошедший ночью дождь и уменьшил зловоние от выпущенной зверем жидкости, но все-таки не уничтожил его полностью. Вонь же вообще была до того сильна, что только особое наше рвение к отыскыванию зверя заставляло переносить ее.

Индийский медоед (*Mellivora capensis*)* по образу жизни, говорят, похож на африканского, и он также весьма вредный посетитель птичьего двора. Кроме того, туземцы обвиняют его и в разрывании могил. За исключением Малабарского берега, а также Нижней Бенгалии, индийский медоед водится во всей западной и северо-западной Индии, от Бенгальского залива до подножия Гималаев. На Цейлоне же он не встречается.

** Индийский медоед относится к тому же виду, что и медоеды Африки и Ближнего Востока.*

Медоеды, пойманные молодыми, становятся ручными, а из-за своей неуклюжести и своеобразности движений очень забавны. Обыкновенно они весьма серьезно и неутомимо обходят в одном и том же направлении свою клетку и на одних и тех же определенных местах равнодушно кувыркаются. Если же совершить последнее вдруг позабудут, то останавливаются, возвращаются назад и конфузливо навестывают упущенное. Я наблюдал за содержащимися в неволе медоедами и выяснил, что если на них нападает охота сотни раз измерить шагами свои клетки, то столько же раз, идя друг за другом, они совершат точь-в-точь в одних и тех же местах свои в высшей степени комические кувыркания. Однако тот медоед, который проживал у меня, был гораздо скучнее, что, несомненно, объяснялось отсутствием у него общества. В общем же наши сведения о медоедах оставляют желать еще весьма многого. Представителями следующего рода являются вонючки*. Признаки вонючек следующие: тело приземистое, вместо хвоста лишь пенёчек, покрытый длинными волосами; голова весьма удлиненная, а морда вытянута в виде рыла; глаза маленькие; короткие и широкие

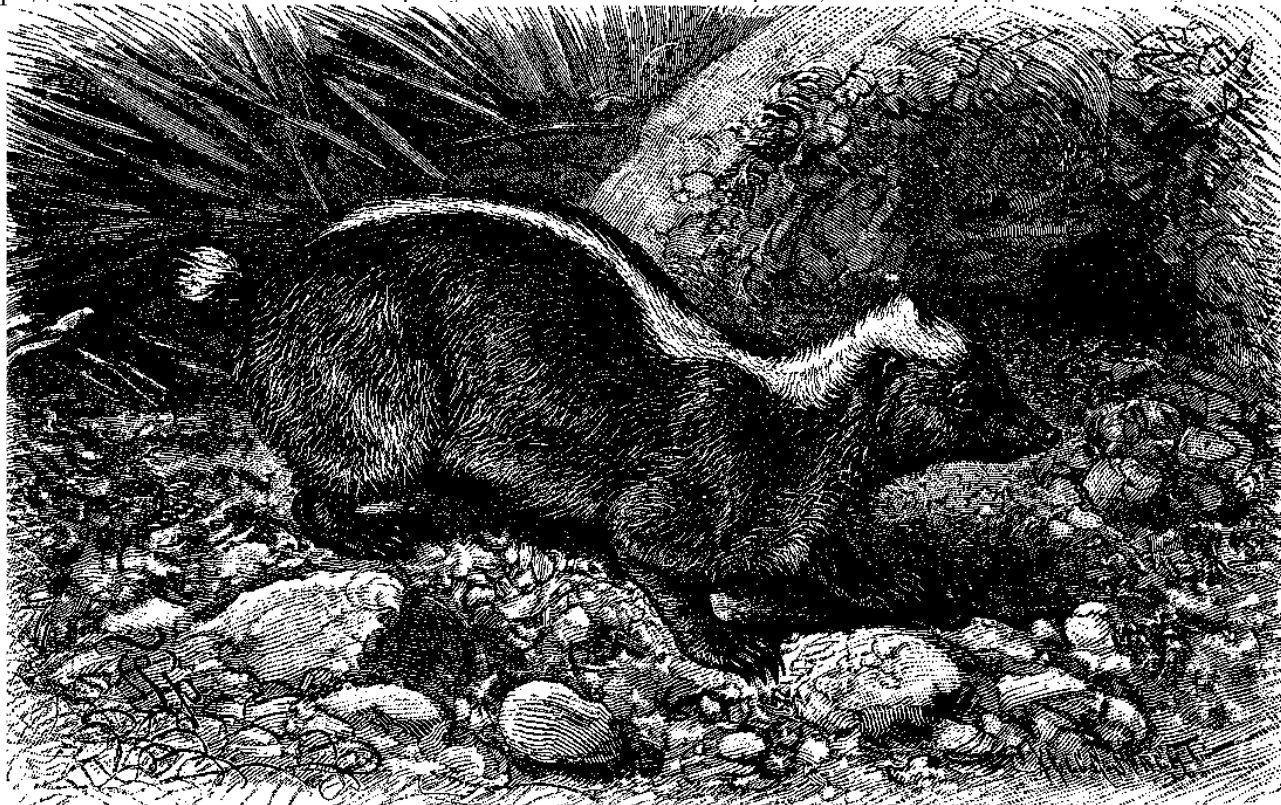
уши скрываются в волосах; низкие и сильные конечности снабжены умеренно большими ступнями, пальцы которых сращены вплоть до последних суставов и оканчиваются мощными когтями, приспособленными для рытья; передние лапы вдвое длиннее задних. Зубная система состоит из 34 зубов. В области заднепроходного отверстия железистого мешка нет, но около заднего прохода есть выделяющие зловонную жидкость железы, которые снабжены сильно развитой кольцеобразной мышцей, при помощи которой жидкость можно выпрыснуть.

* Этих животных в русскоязычной литературе принято называть «вонючие барсуки» (дословный перевод их английского названия).

Яванский вонючий барсук, или короткохвост (*Mydam javanetisis*) **, роста небольшого, в длину имеет 37 см, из которых около 2 см приходится на короткий хвостик.

* * Яванский вонючий барсук распространен на Больших Зондских островах. Длина тела 37-51 см. короткого хвоста 5—7 см. вес 1,4-3,6 кг. Окрашен этот барсук в черный цвет, за исключением белого загривка и узкой полосы на спине. Брем имеет в виду именно этот вид. хотя в описании окраски смешаны признаки двух видов. Палаванский барсук (*M. marcheii*) живет на Филиппинах и несколько мельче: длина тела 32-46 см, хвоста 1,5-4,5 см, вес до 2,5 кг. В материковой части тропической Азии вонючие барсуки не живут.

Густая, длинная шерсть окрашена в равномерный темно-коричневый цвет. Белая или желтовато-белая полоса проходит от темени по всему хребту до кончика хвоста. Нижняя сторона тела светлее верхней. мех состоит из шелковисто-мягкого подшерстка и жестких остевых волос, образующих по сторонам головы и затылка нечто вроде гривы. Бок, наблюдавший это животное преимущественно на Яве, прибавляет также, что вся лицевая часть головы до ушей лишена волос, а собственно морда окрашена под цвет тела. Короткохвост живет на Суматре, Яве и Борнео; существует ли он также на Малайском полуострове и на других частях материка — еще не выяснено. Стерндаль считает возможным присутствие его в Тенассериме, но Блэнфорд об этом не упоминает.

Яванский вонючий барсук, или короткохвост (*Mydaus javanensis*)

Горсфильд впервые познакомил нас с образом жизни этого своеобразного создания. Короткохвост закладывает свою нору с особенной предосторожностью и большим умением на незначительной глубине под поверхностью почвы. Если он отыщет место, защищенное длинными и крепкими древесными корнями, то именно между ними, под деревом, он и вырывает котловину норы, придавая ей правильную шарообразную форму диаметром в один метр. Отсюда к поверхности земли идут в разные стороны приблизительно до двух метров длиной, ходы, наружные отверстия которых, как правило, бывают прикрыты ветками или сухими листьями. В течение дня короткохвост остается в своей норе; при наступлении же ночи выходит на поиски всякого рода личинок и червей, особенно червей дождевых, которые в огромном количестве водятся в плодородном черноземе. Однако, выры-

вая из земли дождевых червей подобно свиньям рылом, короткохвост этим самым причиняет полям вред. По Боку, короткохвост приносит от трех до четырех детенышей. По Горсфильду, он встречается на Яве исключительно в высоких местах, не менее 2 тысяч метров над уровнем моря, и наблюдается в этих пределах столь же регулярно, как присущие этой местности растения. Все горные жители знают как его самого, так и его повадки; между тем в долинах он известен столь же мало, как и всякое чужестранное животное: так, в Батавии, Самаранге или Сурабайе о нем было бы напрасно и спрашивать. Однако наблюдения, сделанные в новейшее время, противоречат этим данным. Так, Форбес свидетельствует, что «пробывание короткохвоста вовсе не ограничивается, как это утверждали, только высотами; я встречал его также и на горах, и на плоскогорьях, не превышающих 500 футов над уровнем моря; в восточной же Яве он, должно быть, и не водится». Карл Бог тоже протестует против показаний Горсфильда и утверждает, что в юго-восточной части Борнео «короткохвост встречается столь же часто, как крыса, в местностях не выше 80 или 100 футов над уровнем моря. На Суматре же, прибавляет он, наибольшие высоты, на которых встречаются короткохвосты, не превышают более 1000 футов; но, однако, и здесь его находят лишь изредка».

Все движения короткохвоста медлительны, а потому туземцы зачастую его и ловят; они вообще не страшатся короткохвоста и даже едят его мясо, так как, по словам Форбеса, полагают, что если кто приучит себя к этому, то избавит себя от всех болезней*.

* *Местные Мишели Зондских островов, кроме мяса, использовали измельченную шкуру вонючего барсука. Смешанная с водой, она использовалась как внутреннее средство при лечении лихорадок и ревматизма.*

Горсфильду во время его наблюдений над короткохвостами туземцы приносили этих животных в таком множестве, что пришлось наконец отказываться от них. Этот же естествоиспытатель утверждает: «Мясо короткохвоста может быть весьма вкусно, если только животное быстро умертвить и если столь же быстро удалить зловонные железы, которые в таком случае не успевают еще испортить своим запахом остальное мясо. Что же касается жидкости, то, по рассказам моего и не дейца-охотника, короткохвост может исторгнуть ее из себя самое большее на расстоянии 60 см. Жидкость эта весьма тягуча, а сильное ее действие обуславливается чрезвычайной ее летучестью, так что, при некоторых условиях, она может испортить воздух в целой деревне; на близком же расстоянии ее запах в состоянии довести некоторых людей даже до обморока***».

* * *Собака, которой жидкость пахучих желез попала в нос, может умереть от удушья. При попадании в глаза тот же секрет вызывает временную слепоту.*

Юнгхун подтверждает эти данные, кроме того, прибавляет, что при благоприятном ветре запах едкой, напоминающей чеснок жидкости короткохвоста можно ощутить за полмили. Бок, однако, судит об этом запахе иначе и сравнивает его «с запахом перуанского гуано после добавления к нему азотной кислоты». Напротив, Форбес выражается о короткохвосте так: «Мои вечерние часы оказывались совершенно отравленными тем едким запахом, которым при своих прогулках в сумерки короткохвост, находясь даже и в самом лучшем настроении, заражает воздух по крайней мере на английскую милю вокруг. Пытаться прогнать животное было бы бесполезно, так как если потревожить короткохвоста, то он не прячется в свое убежище, как это некоторые утверждали, а, напротив, еще сильнее портит воздух своей ужасной вонью, которая целыми неделями сохраняется в платье, посуде и в съестных припасах».

"Короткохвост, — говорит Горсфильд, — нрава тихого и кроткого и, будучи пойман юным, может быть весьма легко приручен. Наблюдать его нрав я мог, держа при себе довольно долго короткохвоста, мной же и пойманного. Этот короткохвост сделался весьма скоро общительным, знал свое место и своего хозяина и никогда не приходил в столь сильный гнев, чтобы выделять свою зловонную жидкость».

Все животные из семейства кунных распространяют вокруг себя «благоухание»; но среди них мы выделяем американских вонючек — скунсов. Это вонючки в превосходной степени! А что значит настоящая вонючая железа, становится понятным из описаний того ужаса, который скунсы распространяют вокруг себя одним только своим появлением. Все отчеты американских путешественников и естествоиспытателей сходятся в том, что мы даже не в силах составить себе надлежащего понятия о действии, которое производит жидкость, отделяемая зловонными железами этих животных. Никакая лаборатория, никакая помойная яма, никакое место для вывоза падали — короче, никакой смрад на свете не может сравниться с тем, который распространяют столь красивые на вид вонючки-скунсы и который неделями и месяцами гнездится в вещах, пропитанных им. Назвать этот смрад «чумным» — справедливо, так как от всякого, кто имел несчастье близко соприкоснуться с какой-нибудь вонючкой, действительно будут бегать, как от зараженного чумой. Вследствие этого,

невзирая на свою незначительную величину, вонючек можно отнести к одним из главных врагов человека, так как стоит им только опрыскать кого-нибудь своей жидкостью, и этот злополучный человек на долгое время будет принужден покинуть общество себе подобных; из-за этой же жидкости может сделаться необитаемым целый дом, а в огромном магазине драгоценные вещи, пропитавшись этим запахом, могут прийти в негодность*.

* *Издаваемый куньими запах, действительно, один из самых резких (чувствуется за два с половиной километра) и, что важнее, один из наиболее плохо переносимых хищниками и человеком.*

Вонючки отличаются от остальных барсуков более удлиненным телом, длинным пушистым хвостом, большим вздутым носом, черным цветом окраски шерсти с белыми полосами на ней. Голова по сравнению с телом мала и заострена; нос чрезвычайно некрасив, не покрыт волосами и толст, как бы вздут; маленькие глаза обладают пронизывающей остротой зрения; уши малы и округлены; короткие ноги заканчиваются умеренно большими ступнями с пятью почти совершенно сросшимися друг с другом пальцами, имеющими довольно длинные, но вовсе не сильные слегка изогнутые когти; нижняя часть пяток, по крайней мере мясистая часть их, голая. Зубная система состоит из 32 или 34 зубов. Зловонные железы имеют значительную величину, открываются внутрь прямой кишки и снабжены особым сжимающим мускулом**.

* * *Железы полосатого скунса расположены возле анального отверстия и открываются наружу по бокам от него, а у пятнистого скунса — так, как описано у Брема. У полосатого скунса зловонная жидкость выпрыскивается на расстояние до 2-3 метров.*

Каждая железа, по Гензелю, представляет собой полость величиной с грецкий орех, стенка которой выстлана железистым слоем, а снаружи одета мышечной тканью. Полое пространство наполнено желтой, подобно маслу, жидкостью, которую при посредстве сжимающего мускула животное может выпрыскивать из заднепроходного отверстия в виде тонкой желтой струи, бьющей на несколько метров и вследствие своего быстрого распыления охватывающей большое пространство. У взрослых животных, а также и у самцов эта жидкость более пахуча, чем у молодых и у самок, и действие ее также усиливается во время течки.

Вонючек нельзя причислить к животным собственно лесным; встречаются они в местностях травянистых и заросших кустарником гораздо чаще, чем в обширных высокоствольных лесах. В течение дня они спят, укрывшись в дуплистых деревьях, в расселинах скал и в земляных норах, которые сами себе и вырывают; ночью они просыпаются и начинают оживленно разыскивать добычу. Их обычную пищу составляют черви, насекомые, земноводные, птицы и небольшие млекопитающие. Впрочем, едят они также ягоды и корни. К отделению своей смрадной, одуряющей жидкости они прибегают только в тех случаях, когда бывают раздражены или когда, подвергаясь преследованию, испытывают страх перед врагом. В случае опасности они удерживают на почтительном расстоянии даже самых кровожадных и самых хищных кошек и единственный их достойный противник — только весьма злобные собаки, которые самоотверженно накидываются на них даже и в том случае, когда подвергнутся опрыскиванию. Какого-либо значительного вреда человеку вонючки не причиняют, за исключением, конечно, того отвратительного запаха, который они распространяют и из-за которого поэтому их относят к самым ненавистным животным. Что касается числа видов вонючек, то вследствие уже достаточно известного непостоянства у них отличительных признаков, ныне не подлежит никакому сомнению, что вместо прежних многих видов всех вонючек можно объединить в небольшую группу. А так как образ жизни всех известных видов сходен, то для ознакомления с ними будет вполне достаточно описать один или два из них.

В большей части Южной Америки обитают свиноносые скунсы (*Coneratus*) — **аргентинский скуне** (*Coneratus castanei/s*), **южно-американский скуне** (*C. chinga*), **амазонский скуне** (*C. semistriatus*) и др. Этих вонючек бразильцы называют «сурильо»*.

* *Несколько видов свиноносых скунсов (*Coneratus*) распространены от юга США до Аргентины, Это самые крупные скунсы, с длиной тела 30-49 см и весом от 2 до 4'Л кг. Характерное отличие свиноносых скунсов — голый, вытянутый, широкий нос, заканчивающийся подборием скошенного книзу пяточка.*

Зубов у сурильо 32; длина тела равняется 40 см, а хвоста — 28 см. Цвет шерсти и рисунок его меха чрезвычайно изменчивы. В общем густые и длинные волосы коротки только на морде, а отсюда постепенно удлиняются и достигают длины на боках 3, на спине — 4, а на хвосте — 7 см. Цвет шерсти, по Гензелю, переходит от черно-серого и черно-бурого до блестяще-черного. Белые полосы начинаются на лбу и, отделяясь друг от друга на ширину пальца, продолжаются вплоть до корня хвоста; иногда промежуточного пространства нет почти вовсе, а сами полосы исчезают уже в

области последних ребер; в редких же случаях полосы совершенно отсутствуют, и тогда весь мех оказывается одноцветно-черным. Хвост на конце большей частью белый, или же черные и белые волосы так перемешаны друг с другом, что окраска производит впечатление серой; иногда же, а именно в случаях малого развития белых полос на спине, хвост становится совершенно черным. Гензель утверждает, что едва ли можно найти двух сурильо, которые были бы абсолютно одинаковы по цвету.

Амазонский скунс (*Conepatus semistriatus*)

Что же касается образа жизни сурильо, то, по словам Гензеля, он не отличается существенно от куниц. Живет сурильо по луговым пространствам южноамериканских степей и совершенно избегает густого первобытного леса; но тем не менее сурильо всегда оказывается связан с лесом, так как он встречается только в лесах, рассеянных по лугам. Здесь присутствие скунсов легко можно обнаружить по тем небольшим воронкообразным углублениям, которые это животное вырывает в почве, отыскивая навозных жуков. Эти же углубления похожи на ямки барсука, когда он отыскивает себе пищу в земле, но, впрочем, они шире барсучьих; несомненно, однако, что сурильо, как и барсук, вырывает эти ямки передними лапами, а не носом.

Вонючки днем спят в подземных норах, устраиваемых под обломками скал или под корнями деревьев. С наступлением же сумерек они выходят на поиски пищи, которая, по-видимому, состоит исключительно из навозных жуков; по крайней мере, я никогда ничего другого не находил у них в желудке**.

*** Хотя почвенные насекомые и составляют основу меню свиноносового скунса, он поедает также мелких грызунов, фрукты, ящериц и змей, В некоторых районах гремучие змеи, к яду которых он не чувствителен, могут составлять значительную часть его рациона.*

На севере Америки свиноносых скунсов заменяют два новых вида. Один из них – **полосатый скунс** (*Mephitis mephitis*)*, у которого 34 зуба, длина туловища 40 см, и почти столько же приходится на хвост. Основной цвет блестящего меха черный. От носа начинается цельная, узкая, белая полоса, которая, пройдя между глазами, расширяется на лбу в ромбовидное пятно; это пятно на шее сначала становится шире, а затем снова переходит в полосу, разделяющуюся, в свою очередь, на затылке на две широкие полосы, которые продолжаются до хвоста, где опять сливаются друг с

другом. На шее, в области лопаток, на наружной стороне конечностей, а реже также на груди и на брюхе выступают небольшие белые пятна. Через весь хвост проходят или две широкие белые продольные полосы, или же он оказывается пестрым вследствие неправильно смешивающихся белого и черного цветов.

* Два вида рода *Mephitis* — *полосатый скунс* (*M. mephitis*) и *капюшоный скунс* (*M. tas-gouga*), распространены в Северной Америке и на Панамском перешейке от Канады до Коста-Рики. Длина тела 28-38 см, хвоста 18-43 см. Вес от килограмма до двух с половиной.

Скунс очень известен тем, что самым беспощадным образом раздражает одно из самых чувствительных наших внешних чувств, а именно — обоняние. О нем говорят уже давно, и теперь еще он упоминается почти во всех описаниях путешествий. Область его распространения довольно обширна; чаще всего он встречается около Гудзонова залива, откуда и распространяется к югу. Держится же он там в местностях, лежащих высоко, например или в лесках и полосах кустарника, тянущихся вдоль берегов рек, или же в нагромождениях скал, в расщелинах и углублениях которых скунс и гнездится. Эта вонючка столь хорошо знает силу того органа защиты, которым обладает, что вовсе не пуглива и не малодушна. Все ее движения довольно медленны. Ни скакать, ни лазать она не в состоянии и только ходит, припрыгивая. При ходьбе она ступает всей ступней, выгибает спину и отклоняет хвост в сторону. Время от времени она разрывает землю или же обнюхивает ее вокруг себя в поисках чего-нибудь съедобного. Встретясь случайно с каким-либо животным, скунс спокойно останавливается, поднимает хвост, поворачивается задом и, если понадобится, выпрыскивает свою жидкость. Если это будут собаки, то, по словам Гензеля, скунс укладывает, наподобие сидящей белки, свой хвост вдоль спины, становится задом к нападающим собакам и с яростью производит странные движения задней частью тела. Собаки очень хорошо знают, какая опасность им угрожает, и большей частью держатся в почтительном отдалении. Только некоторые из них имеют настолько мужества, чтобы схватить и умертвить эту вонючку. В свою очередь и атакованный скунс никогда не выбрасывает свою смрадную жидкость зря, и пока собаки находятся от него в нескольких шагах, он ограничивается лишь одними угрозами.

Иногда вонючка, видимо ничем не раздраженная, нападает, может быть, потому, что сама ожидает нападения, но возможно также, что из-за простого задора. «Однажды вечером, когда мой сын, — рассказывает Зидгоф, — гулял на свежем воздухе, на него неожиданно набросилась вонючка и крепко вцепилась в его панталоны. Он с трудом стряхнул ее с себя и убил ударом ноги. Но когда он вернулся домой, от его платья, обрызганного ужасным животным, распространился такой резкий и отвратительный чесночный запах, что моментально весь дом заразился вонью, и одно знакомое семейство, бывшее у нас в то время в гостях, поспешно убежало домой, а у всех живущих в доме, которые не могли спастись бегством, началась рвота. Всякие курения и проветривания ни к чему не привели. Сапоги продолжали в тепле пахнуть по прошествии четырех месяцев, хотя их несколько раз окуривали дымом и мыли в хлорной воде. Этот несчастный случай произошел в декабре; животное тогда же было зарыто в саду, но даже и в августе следующего года можно было по запаху найти его могилу»*.

* Причиной нападения в описанном случае могло быть бешенство, одним из основных разносчиков которого полосатый скунс является в Северной Америке. В этом случае герою истории повезло.

Одубон также испытал на себе весь ужас зловония вонючки. «Этот маленький, милостивый и по внешнему виду совершенно невинный зверек, — говорит он, — в состоянии с первого раза обратиться в бегство самого отчаянного храбреца, так что тот с жалобным воплем удирает прочь. Я сам однажды испытал подобную неприятность, когда был еще маленьким школьником. Солнце только что зашло. Я не торопясь шел домой с некоторыми из своих товарищей. Вдруг мы заметили прехорошенького, совершенно незнакомого нам зверька, который добродушно обошел нас, приостановился и посмотрел так приятельски, как будто напрашивался к нам в компанию; животное выглядело таким невинным и привлекательным существом и так вызывающе держало на отлете свой пушистый хвост, словно приглашая взять за него и унести домой, что я не мог устоять от соблазна и в восторге поднял его к себе на руки; но вот красивенькая на вид тварь прыснула своей ужасной жидкостью прямо мне в нос, рот и глаза. Как громом пораженный, я выпустил из рук чудовище и, преисполненный смертельного ужаса, бросился бежать».

Однажды Фребель услышал позади себя шорох и, оглянувшись, заметил незнакомое ему животное; это была вонючка. Когда он приблизился к ней, она стала ворчать и топтать ногами, а как только он замахнулся на нее палкой, она моментально обрызгала его своей вонючей жидкостью все платье, лицо и волосы. Вне себя от ярости, он тут же убил животное и поспешил домой, но там на-

вел на всех такой ужас, что его не впустили в комнаты и, затворив двери, через окно подавали ему разные добрые советы. Ни вода, ни мыло, ни одеколон не могли заглушить отвратительной вони; наконец разложили костер, и несчастный зараженный путешественник, надев одолженное ему одним колонистом платье, должен был в продолжение нескольких часов окуривать себя с ног до головы; только это средство и помогло ему в беде.

Вонючки, живущие в Южной Америке, по качеству своей пахучей жидкости решительно ничем не отличаются от вонючек Северной Америки. Азара сообщает о сурильо, живущем в Парагвае, что он питается насекомыми, яйцами и птицами и тихо бродит как днем, так и ночью. Он никогда не убегает даже от людей. Как только он заметит, что его преследуют, то останавливается, ошетиливает шерсть, поднимает кверху хвост, выжидает, пока к нему подойдут ближе, внезапно оборачивается и пускает свой вонючий заряд. Даже после многократного мытья вонь остается еще настолько сильной, что заражает весь дом. Одну собаку, случайно обрызганную вонючкой, мыли и скребли песком в продолжение целой недели, и то, когда ее снова впустили в дом, вонь была еще настолько сильна, что ее невозможно было выносить. Азара полагает, что эту вонь можно почувствовать даже за пол английской мили.

"Запах вонючей жидкости, — говорит Гензель, — крайне резкий и пронзительный, но все-таки некоторые преувеличивают его силу, потому что он не безусловно невыносим. У многих людей действительно начиналась головная боль и рвота, когда вонючка поблизости от них опоражнивала свои подхвостные железы; но ни один зоолог не остановится перед этим, и будет охотиться за вонючкой, чтобы изучить это достойное внимания животное. Собаки, обрызганные этой жидкостью, тотчас начинают копать в земле и валяться по ней, чтобы удалить вонь, пропитавшую их мех. Особенно сильно впитывается этот запах в суконное платье, которое требует после этого продолжительного окуривания и усердной чистки. По всей вероятности, на удаление запаха влияет не столько дым, сколько жар огня, посредством которого испаряется жидкое вещество. Вонь, выделяемая железами вонючки, не поддается описанию, как и всякое обонятельное ощущение, но ее можно сравнить с вонью от хорька, с той только разницей, что она во много раз сильнее. В спокойном состоянии животное не издает запаха». Пехуель-Леше считает эту вонь не такой уж невыносимой и ужасной, какой ее обыкновенно представляют, и сравнивает ее с запахом смеси чеснока с сернистым углеродом.

Еще не решено положительно, брызгают ли вонючки друг на друга, а между тем вопрос этот очень интересно было бы исследовать. Наблюдения показывают, без сомнения, что собственный запах любого животного никогда не бывает ему противен, а, напротив, кажется даже приятным; несмотря на это, можно предположить, что самка иногда прогоняет от себя назойливого самца, пустив в него сильный заряд своей вонючей жидкости.

Шкура североамериканской вонючки имеет очень хороший мех, известный под названием «скупс»; нужно только при поимке и во время охоты на нее быть крайне осторожным и как можно быстрее убить животное, пока оно не заметило нападения и с испугу не опорожнило свои железы. В начале шестидесятых годов, по Ломеру, ежегодно поступало в продажу до 120 тысяч шкур этого животного, за которые платили 4-8 марок за штуку; в настоящее же время прибыль увеличилась почти в шесть раз, хотя цена шкурки осталась прежней*.

** Попытки акклиматизации скупса в Евразии, полностью провалившиеся из-за того, что по недомыслию исполнителей в природу выпускали зверьков с удаленными железами. Эти несчастные, лишенные своего главного оружия, становились жертвами первых же встречаемых хищников.*

Выдры** живут в реках и морях и распространены, за исключением Австралии и Крайнего Севера, почти во всех частях света. Одна только нужда заставляет их выходить из воды, да и то исключительно ради того, чтобы отыскать другие воды.

** * Выдры демонстрируют различные стадии освоения водной среды, от полуназемной безжоготной выдры до полностью водного, почти не выходящего на берег калана. От выдр или близких к ним водных куниц когда-то произошли тюлени.*

Они плавают и ныряют мастерски, могут долгое время оставаться под водой, бегают по земле, несмотря на свои короткие ноги, очень быстро, сильны, мужественны и отважны, разумны и способны к приручению, но почти везде живут во враждебных отношениях с человеком, так как причиняют большой вред, который далеко не искупается даже ценностью их великолепного меха.

В Европе живет только один вид этой группы, имеющий в длину 1,2 м, из которых 40-43 см приходится на хвост, это **речная выдра, или порешня** (*Lutra Intra*)***.

* * * *Речная выдра распространена по всей Европе, в Северной Африке и почти во всей Азии на юг до Шри-Ланки Суматры. Она населяет берега разнообразных внутренних водоемов, достаточного размера, чтобы обеспечить ей пропитание, а также морских заливов и фиордов. Длина тела 70-86 см, хвоста около полуметра, вес 5-6 кг.*

Голова этого животного продолговато-круглая, морда закругленная, глаза маленькие, но живые; очень короткое, округлое, закрывающееся кожистой складкой ухо почти все спрятано в мех; туловище довольно стройное, но плоское; хвост более или менее круглый, на конце сильно суженный; очень короткие ноги, пальцы которых соединены до самых ногтей плавательной перепонкой, опираются при ходьбе всей ступней. В довольно коротком и очень плоском черепе затылок необыкновенно сильный и развитый в ширину, лоб немного ниже темени, нос имеет чуть заметную покатысть. Зубная система состоит из 36 зубов. Кроме этого характерным признаком, отличающим данный вид, является голая, сетчатая, плоско бородавчатая кожа на кончике носа над обросшими волосами краями губ; по сторонам носа расположены продолговатые, дугообразные ноздри. Все туловище покрыто густой, но короткой шерстью, состоящей из жестких, блестящих верхних волос темно-бурой окраски; на нижней стороне окраска становится немного светлее и переходит под шеей и на боках головы в беловатый серо-бурый оттенок, между тем как мех, покрывающий край уха, выглядит светло-бурым; посредине нижней губы находится светлое едва заметное беловатое пятнышко; другие отдельные, неправильного очертания чисто белые или беловатые пятнышки рассыпаны по подбородку и между дугами нижней челюсти. Очень тонкие волосы подшерстка в корне светлого буро-серого цвета, а на концах темно-бурого. Большинство животных имеют скорее серовато-бурую, нежели темно-бурую, окраску, но попадаются и отклонения: так, однажды мне прислали шкуру речной выдры, на всей верхней части которой были довольно большие, круглые сероватые с желто-белым пятна.

Наша речная выдра живет по всей Европе и, кроме того, в большей части северной и Средней Азии; область ее распространения на востоке доходит до устья Амура, на юго-востоке — по крайней мере до северо-западной части Гималаев. Блэнфорд выражает сомнение в том, что и Индия является ее местожительством. В полярных странах наша речная выдра, по-видимому, не проникает далеко на север, хотя отдельные экземпляры ее попадаются еще в Лапландии; в Сибири она доходит только до Полярного круга. В Индии, Китае и Японии она заменяется родственными видами, а в Африке и Америке существует особый род выдр*. В средней и южной Европе она живет во всех водах, доставляющих ей питание, равно как и во всех реках и притоках, омывающих наиболее населенные местности; в Средней Азии она также избирает более благоприятные места.

* *В Японии, как и во всей Восточной Азии живет речная выдра. В Южной Азии (в частности, на Индостане) она сосуществует с гладкошерстной выдрой (*Lutrogale perspicillata*), которую, видимо, Брем и имеет в виду. В Африке живет пятнистогорлая выдра из особого рода, особый род выдр населяет и внутренние водоемы обеих Америк. Все эти рода, однако, близки, и многими учеными объединяются в один.*

Речная выдра предпочитает реки, берега которых на большом пространстве покрыты лесом. Здесь она живет в подземных ходах, которые расположены сообразно с ее вкусами и нравами. Выход находится всегда под водой, обыкновенно на глубине полуметра; отсюда по косому направлению поднимается проход почти в два метра длиной и ведет к просторной котловине, которая тщательно выстлана травой, так что всегда бывает сухой. Другой узкий проход ведет из котловины на поверхность берега и служит для вентиляции. Обычно речная выдра пользуется для жилья уже готовыми, размытыми водой в береге норами и пещерами, которые только удлиняет и расширяет, роя землю и разгрызая попадающиеся корни; в редких случаях она пользуется покинутыми лисьими и барсучьими норами, если те находятся недалеко от воды. Большой частью она владеет несколькими жилищами, если же случается, что река или озеро слишком изобилуют рыбой, то ей тогда нет никакой необходимости предпринимать дальние походы для перемены местожительства. Во время разлива, который затопляет и ее жилища, она спасается на близко растущих деревьях или в дупле и проводит здесь время в покое и отдыхе от своего постоянного занятия — ловли рыбы.

Насколько неприятна речная выдра рыбопромышленникам и любителям ужения, которым она причиняет много вреда, настолько же интересна она для исследователей. Ее жизнь так своеобразна, что требует особенного наблюдения и может заинтересовать всякого любителя природы. У речной выдры все достойно внимания, как ее образ жизни в воде, движения, добывание пищи, так и умственные способности. Она, безусловно, принадлежит к самым интересным животным нашей части света. Что выдра настоящее водное животное, в этом скоро можно убедиться, если наблюдать ее даже на земле. Ее походка из-за коротких ног производит впечатление ползающей, подобно змеи-

ной, но передвигается она достаточно быстро. По снежной насыпи и ледяной горке скатывается иногда довольно далеко, причем гладкая шерсть не тормозит ее движений, а сильный хвост помогает увеличить скорость. При ходьбе опускает вниз широкую голову, спину слегка выгибает, и в таком виде шмыгает по дороге. Речную выдру не следует считать неуклюжей: она совершает очень гибкие телодвижения даже на суше; легко поднимается на задние лапы, причем может находиться в таком положении, не нарушая равновесия, в течение нескольких минут. Она лазает по деревьям только в случае крайней нужды, причем может влезать по наклонно растущим деревьям, цепляясь за них довольно острыми когтями, да и то крайне неуклюже и неловко.

Совсем иначе движется она в воде, в своей привычной сфере, там она спасается при малейшей опасности, угрожающей ей на враждебной земле. Само строение тела помогает ей удивительно ловко и быстро плавать и нырять: широкое, змееподобное туловище, короткие ноги, пальцы которых снабжены длинной плавательной перепонкой, превращаются в хорошие весла, сильный и довольно длинный хвост, служит отличным рулем, а гладкий скользкий мех помогает ей преодолевать сопротивление воды*.

** По-видимому, выдра гребет лапа ми, если так можно выразиться, на малом ходу. Плывая быстро, она поджимает конечности к туловищу, она ими как бы рулит, а двигается преимущественно за счет изгибов тела и хвоста. Под водой выдра может оставаться до 6-8 минут.*

Для схватывания добычи ей служат острые зубы, которые никогда не выпускают того, что попало в рот, даже если добыча очень скользкая. В светлых волнах альпийских озер иногда можно наблюдать охоту выдры в воде. Она великолепно плавает, ловко и быстро поворачиваясь в любую сторону, так что рыбы, которых она преследует, должны прилагать большие усилия, чтобы избежать ее зубов, и если бы речной выдре не требовалось время от времени высовывать голову из воды, чтобы набрать воздуха, какой-нибудь рыбе было бы очень трудно спастись от ее преследований. Вода — это ее привычная стихия, и здесь ловкость и скорость помогают ей добывать пищу. Движения ее в воде изящны и грациозны; она совершает их без всякого напряжения, как бы играя.

Даже во время долгого пребывания в воде мех выдры остается гладким и сухим. Место, где она плавает, легко определить, потому что на поверхности воды появляются воздушные пузырьки, которые массами собираются вокруг меха. Зимой, когда реки замерзают, животное отыскивает во льду прорубь, спускается через нее под воду и снова возвращается на поверхность, чтобы вдохнуть воздух. Место, где есть прорубь, она отлично запоминает и в следующий раз идет туда уже без колебаний. Во время плавания она иногда находит и новые проруби. Отверстие во льду может быть не больше маленькой дырки, в которую выдра была бы в состоянии только просунуть нос, чтобы набрать воздуха; для нее этого совершенно достаточно, чтобы с успехом охотиться под замерзшей водой.

На свободе голос речной выдры слышится гораздо реже, чем в неволе, когда она легко поддается раздражению. В спокойном состоянии издает тихое хихиканье; когда голодна или раздражена, то испускает громкий крик, который звучит, как быстро и много раз подряд повторенный слог «гиррк»; этот крик так пронзителен, что режет уши; в гневе она громко визжит, а в порыве любви — свистит звучно и приятно.

Органы чувств у речной выдры очень развиты; она отлично видит, слышит и чует. Уже на расстоянии нескольких сот шагов чует приближение человека или собаки и успевает вовремя нырнуть в воду.

Непрерывные преследования, которым она подвергается, сделали ее очень трусливой и осторожной, а также и весьма хитрой, так что приходится иногда по целым дням подстерегать ее, и совершенно безуспешно. Зато иногда и днем ее можно застать врасплох на суше, когда она, например, лежит спокойно, растянувшись на старом пне и греясь на солнышке, забывшись до того, что не слышит шагов человека, который тут же может убить ее; но это бывает очень редко.

Обычно речная выдра выходит на рыбную ловлю лишь после заката солнца и занимается этим в продолжение всей ночи, но усерднее и успешнее — при ярком лунном свете. Во время такой охоты ей нередко случается приближаться к человеческому жилищу и забираться в города и селения, лежащие вдоль больших рек, и совершает свои набеги она так незаметно, что о ее присутствии и не подозревают.

Старые выдры живут, как правило, поодиночке, но самки долгое время не покидают своих детенышей или соединяются с другими самками, а во время спаривания и с самцами и охотятся тогда обществами*.

** Речные выдры живут одиночно, охраняя свой участок от взрослых выдр того же пола. Однако участок взрослого самца перекрывается с участками нескольких самок, в воспитании потомства которых он зачастую принимает участие. Детеныши остаются с матерью около года.*

Они плавают всегда против течения и нередко основательно обыскивают реку на протяжении нескольких миль от своих жилищ или на целую милю в окружности обходят все реки, речки и пруды, впадающие в главную реку или сообщающиеся с ней. Если во время охоты их застигает рассвет, они прячутся тогда на весь день в каком-нибудь поросшем тростником пруду, а с наступлением ночи продолжают свое путешествие. Во время странствований, попадая в большие пруды, без лишнего шума истребляют всю рыбу, в то время как владелец и не подозревает о таком опустошении*. Речная выдра отнюдь не приспособлена к дальним путешествиям, однако в необходимых случаях предпринимает далекие подходы по суше, чтобы попасть из местностей, бедных рыбой, в изобилующие ею реки.

** Хотя выдра и убивает больше рыбы, чем может съесть, рассказы о производимых ею опустошениях сильно преувеличены.*

В воде речная выдра представляет собой то, что на земле соединяют в себе лисица и рысь. В мелких водах она загоняет рыбу в бухты, чтобы затруднить ей выход и легче было поймать ее, или, хлопая по воде хвостом, выгоняет ее из береговых нор и из-под камней, так что рыба наверняка становится добычей хитрого зверя. Нередко подстерегает она добычу, сидя на сучках и камнях; заметив еще издали рыбу, тотчас ныряет в воду, гонится за ней на большое расстояние, и когда та в страхе начинает метаться, быстро схватывает. Когда две речные выдры преследуют лосося, тогда одна плывет выше, а другая ниже рыбы, и таким образом они гонят ее до тех пор, пока изнемогший лосось не в состоянии больше двигаться и ему не остается ничего другого, как только сдаться без сопротивления. Речная выдра, охотящаяся в более глубоких местах и без помощи другой выдры, нападает на большую рыбу врасплох, пользуясь особенностями ее зрения, не позволяющими рыбе хорошо видеть то, что находится ниже ее; выдра неожиданно появляется из глубины и сразу схватывает добычу за брюхо. Маленьких рыб она съедает во время плавания, при этом немного приподнимает голову над поверхностью воды; более крупных она тащит во рту на берег и съедает уже на суше. При этом она держит скользкую добычу между передними лапами и начинает есть с плечевой части, объедая со спины все мясо до самого хвоста; голову, хвост и остальные части оставляет. В реках, обильных рыбой, она становится еще большей лакомкой и съедает исключительно лучшие куски со спины. Таким образом, за день она может переловить много больших рыб, но съест от них только по маленькому кусочку филейчика. Прибрежные жители вовсе не преследуют таких лакомок, особенно если река и право рыбной ловли на ней принадлежат не им; напротив, речные выдры оказывают им большие услуги, как поставщики рыбы для их домашнего обихода; они каждое утро ходят на берег и подбирают объеденных выдрой рыб, чтобы использовать их для своих нужд.

При изобилии пищи выдра оказывается такой же кровожадной, как и другие куницы. Мои наблюдения над выдрой в неволе показали, что она готова умерщвлять постоянно, как только завидит в воде что-нибудь живое поблизости от себя, тотчас набрасывается на добычу и начинает преследовать ее, даже если в ту минуту занята самым лакомым обедом. Если ей случайно попадает целая стая мелкой рыбешки, она пытается нахватать их как можно больше, тащит их быстро на берег, убивает и оставляет на берегу, а сама снова бросается в воду, чтобы продолжить охоту.

Речная выдра питается также раками, лягушками, водяными крысами, мелкими, а иногда и большими птицами, хотя рыба, особенно форель, остается ее излюбленным кушаньем.

Вальтль, как рассказывает Иекель, отбил у выдры схваченную за хвост курицу, которую она собиралась утащить в свое жилище в воде под ольхой; бедная птица била крыльями и пыталась спастись, но выдра тащила ее до тех пор, пока не вырвала у своей жертвы хвост. В 1851 году окружной лесничий Шрек нашел в капкане, поставленном для выдр, случайно попавшую туда лысуху, которая за ночь была наполовину съедена выдрой; другая половина птицы оставалась прищемленной пружиной капкана; на следующее утро удалось поймать и выдру, которая, без сомнения, пришла за остатками вчерашнего ужина. Совершенно то же рассказывает как очевидец и Блэнфорд об индийской выдре. По его словам, выдры часто охотятся там обществами от пяти до шести штук, кровожадно умерщвляют больше того, что могут съесть, и хватают не только рыб, ракообразных и лягушек, но также яйца и водных птиц. Однажды он даже видел их усердствующими около маленького крокодила, хотя не берет на себя смелость утверждать, что они сами умертвили его. Мак-Мастер наблюдал однажды по крайней мере шестерых выдр, которые, образовав большой полукруг

радиусом около пятидесяти метров, охотились в озере, плавая, ныряя и снова появляясь на поверхности с пойманной рыбой, которую умерщвляли, но не съедали, а беспечно бросали.

Ест ли выдра на свободе растительную пищу, я не могу утверждать, хотя во время своих наблюдений над пленными экземплярами замечал, что они не пренебрегали ею. Воспитанные мной выдры с удовольствием ели морковь, а груши, сливы и вишни служили для них даже лакомством. Так как большая часть куниц охотно питается плодами, то можно предположить, что и речная выдра также не пренебрегает ими.

Определенного времени для спаривания выдра не имеет, так как в каждом месяце года у нее можно найти детенышей. Обыкновенно время спаривания совпадает с концом февраля и началом марта. Самец и самка приманивают друг друга сильным протяжным свистом и любовно играют между собой в воде; они преследуют друг друга, дразнят, заигрывают; самка жеманно убегает, тогда самец становится настойчивее в своих требованиях и заставляет побежденную самку сдаться. Спустя девять недель после спаривания (в Германии обыкновенно в мае) самка мечет двух-четыре слепых детенышей в безопасной норе, устроенной на берегу под старым деревом или крепкими корнями на мягкой и теплой травяной подстилке. Мать горячо любит своих малышей и нежно заботится о них, стараясь скрыть свое гнездо от посторонних глаз, зорко следя за тем, чтобы не оставлять вблизи норы ни следов своего разбоя, ни даже своих нечистот, которые могли бы выдать ее присутствие. Через девять-десять дней красивые зверьки открывают глазки, а по истечении восьми недель мать выводит их на рыбную ловлю*. Они остаются еще почти полгода под присмотром самки, в течение которого она обучает приемам, необходимым для их промысла. На третьем году они становятся настолько взрослыми, что способны уже к размножению.

** В России выдры спариваются обычно также в феврале-апреле, беременность продолжается 60-63 дня. Однако иногда детеныши рождаются и в конце лета. Прозревают они через 28-35 дней.*

Молодые выдры, взятые из гнезда и вскормленные молоком и хлебом, легко становятся ручными. Китайцы обучают один из видов речных выдр рыболовству; в Германии также неоднократно использовали этих животных для той же цели. В Индии рыбаки часто держали при себе прирученных выдр, которых заставляли загонять рыбу в расставленные сети.

Прирученная выдра — очень милостивое и добродушное животное. Своего хозяина она скоро научается узнавать и тогда следует за ним по пятам, как верная собака. Она охотнее ест молоко и растительную пищу, отказываясь от мясной, и может быть воспитана так, что совсем не станет касаться рыбы.

Выдру очень легко приучить к рыбной ловле. В таких случаях животному смолоду никогда не дают рыбного мяса, а кормят его исключительно молоком и хлебом. Когда оно достаточно подрастет, ему бросают грубо выделанную из кожи искусственную рыбу и стараются приучить выдру к тому, чтобы она стала играть с этим предметом; затем эту рыбу бросают в воду, а впоследствии заменяют ее настоящей, только мертвой рыбой. Если выдра станет приносить и ее, то тогда рыбу бросают в воду и выдру заставляют вытаскивать ее оттуда. Наконец, на заключительном этапе обучения приносят большую лохань с плескающейся в воде живой рыбой и пускают туда выдру. После этого животное можно уже смело посылать в большие пруды, озера и реки, а если продолжить обучение, то можно даже приучить животное ходить вместе с собакой и на другую охоту, причем оно отлично будет таскать убитую под водой дичь. Известны, кроме того, случаи, когда выдру использовали в качестве сторожа вместо собаки.

За речной выдрой во все времена безжалостно охотились из-за жестоких опустошений, которые она причиняла. Ее хитрость делает все роды охоты, применявшиеся к ней, утомительными или даже невозможными. Трудно застрелить выдру на стойке, потому что, почуввав приближение человека, она не выходит из своей норы. Зимой этот способ охоты бывает удачнее, особенно если животное подстерегают у прорубей. Чаще всего выдру ловят капканом, который ставят без всякой приманки перед выходом из норы, так, что вода покрывает его на пять сантиметров, а все железо капкана окутывают водорослями. Еще лучше, если такой капкан можно поставить прямо в реке или в проходе, которым пользуется выдра во время своей охоты для переправы из одного пруда в другой. В таком случае весь проход загораживают кольями, чтобы выдра не могла миновать его. В больших озерах и прудах на выдру охотятся с лодки, стреляя в нее в тот момент, когда она вынырнет, чтобы набрать воздуха.

Уже в древнейших законах об охоте строго предписывалось истребление речных выдр и каждому охотнику или ловцу оказывалось всякое содействие. В прежние века лов речных выдр, по Иекелю, причисляли к рыболовству, потому что злые хищники должны были доставаться тем, кто

от них больше всего терпел вреда. Были охотники, которые ловили исключительно выдр и считались мастерами своего дела, но все-таки их уважали меньше, чем охотников на других животных. За свой труд они получали весьма незначительные суммы, если не считать того, что имели право шкуру и мясо животного оставлять себе. Мясо прежде стоило в Баварии и Швабии довольно дорого и продавалось по гульдену за фунт, преимущественно в монастыри, где имело большой сбыт как излюбленная постная пища; впрочем, теперь покупатели дают за него не больше трети прежней стоимости, потому что мясо выдры волокнисто, трудно переваривается и вкусно только тогда, когда приготовлено с особыми приправами*.

** К сожалению, и здесь охота не могла не сказаться, и численность выдры повсеместно снизилась, к счастью, не до критического уровня.*

Выше всего в животном ценится мех, за который в настоящее время в Германии платят по 12-20 марок за шкурку. По Ломеру, в средней Европе ежегодно добывают около 12 тысяч шкур речной выдры, которые составляют выручку в 135 тысяч марок. Большой сбыт, однако, производится не на германском рынке, так как мех речной выдры предпочитают скорее северные народы, которые охотно покупают его и платят весьма высокую цену. Речные выдры и рыси считаются, по Раде, у всех монгольских народов драгоценными пушными зверями и стоят у них гораздо дороже, чем у европейских торговцев; за хорошую речную выдру монголы платят 20-25 рублей серебром. За мех американских выдр платят в Германии еще дороже, а именно по 30-100 марок за шкурку; оттуда вывозится в настоящее время почти 13 тысяч шкурок на сумму около 600 тысяч марок. Мех этот употребляют всюду на опушки шуб и зимнего платья, в южной Германии, кроме того, на шапки, которые носят как мужчины, так и женщины в Гессене, Баварии и Швабии; в северной Германии из него шьют меховые воротники и тому подобные вещи; в Китае он идет на опушки шапок и, наконец, на Камчатке его используют при хранении очень дорогих собольих мехов, так как он имеет свойство впитывать в себя всю влагу, благодаря чему собольи меха отлично сохраняются. Из волос хвоста готовят рисовальные кисти, а из тонких волос подшерстка выделываются отличные и прочные шляпы. Некоторые считают, что мех речной выдры, живущей в маленьких реках и ручьях, более высокого качества, чем мех тех выдр, которые водятся в больших реках и озерах; но это не совсем справедливо. Прежде люди использовали кровь, жир и некоторые внутренности животного, из которых готовились лекарственные снадобья.

Речная выдра была известна уже древним грекам и римлянам, хотя про ее образ жизни они много сочиняли басен. Думали, что она нападает на человека и, если ухватится за него своими страшными зубами, то не выпускает до тех пор, пока не услышит, как хрустнут его кости.

Чтобы дать полное представление об образе жизни выдр, я хочу описать словами принца фон Вида и Гензеля еще один вид – **лонтру, или гигантскую выдру** (*Pteromtra brasiliensis*)*.

** Гигантская выдра, относящаяся к особому роду и отличающаяся очень крупными размерами (длина тела до 1.4 метра, длина хвоста около метра, вес до 26 килограммов) и уплощенным хвостом. Эта выдра населяет крупные реки Южной Америки от Колумбии и Венесуэлы до северной Аргентины. Возможно, Брем путает эту выдру с более мелкими видами рода *Lontra*, например с длиннохвостой выдрой.*

Различие между нашей и бразильской речной выдрой весьма незначительно и заключается главным образом в строении головы и хвоста: голова по сравнению с нашей речной выдрой кажется более круглой и не так плоско сжатой, а хвост острый по краям и сильно сплюснутый. Зубная система не имеет никаких существенных отличий. Окраска прекрасного короткого меха шоколадно-бурого цвета, нижняя сторона немного светлее; нижняя челюсть выглядит желтоватой или белой, и вся нижняя часть шеи до груди покрыта продолговатыми, часто перемежающимися беловатыми пятнами. Видоизменения, впрочем, встречаются довольно часто. По сравнению с нашей речной выдрой лонтра кажется великаном: ее длина достигает 1,5-1,7 м, из которых на хвост приходится 55-63 см.

Гигантская выдра живет преимущественно в больших реках низких равнин, а среди них предпочитает спокойные боковые рукава рек; может также всходить на невысокие горы. «В мало посещаемых реках Бразилии, описывает принц фон Вид, — этих животных находят в больших количествах. Плавая по Бельмонте, Итабапуане, Ильосу и другими рекам, мы редко проходили без того, чтобы не увидеть появления целого общества речных выдр**».

*** Гигантские выдры более социальные, чем речные. В их популяциях есть и одиночные бродячие особи, основу же составляют группы по 4-8 выдр, иногда до 20. Эти группы образованы взрослой парой, где самец принимает такое же участие в устройстве норы и воспитании потомства, как и самка, нескольких полувзрослых детенышей и детенышей последнего помета.*

По своим привычкам они сходны с нашими европейскими выдрами, но в отличие от них это дневные животные, выходящие на промысел с наступлением утра и в сумерки отправляющиеся на покой. Когда подходит такая ватага, то уже издали слышатся громко свистящие, напоминающие мяуканье кошек звуки, сопровождаемые сильным фырканием и храпом; вода приходит в движение, и очень искусно плавающие животные часто высовывают голову, а иногда и часть туловища над поверхностью реки, неся в пасти рыбу, как будто хвастаясь своей добычей. Так поднимались они вверх по течению, охотясь за рыбой обществом, или предоставляли самому течению нести их. Когда навстречу им попадались лодки, они ныряли, выделывая разные штуки, хотя обыкновенно их приветствовали выстрелом из ружья».

"Если, — дополняет Гензель, — выехать в легкой ладье в тихие рукава реки Яку и или ее притоков, защищенные сенью нависших ветвей, и бесшумно скользить по реке, то можно заметить на некотором расстоянии от лодки появляющиеся время от времени темные точки, которые, соединившись обыкновенно вместе, переплывают реку. Еще издали охотник может увидеть длинную струю, которая образуется на воде в виде острого угла, на вершине которого можно различить высывающуюся время от времени из воды голову выдры. Когда же наконец лодка достигает этого места, голова сразу исчезает, и на водной поверхности водворяется безмолвная тишина, в редких случаях нарушаемая лишь криком зимородка. Но вдруг совершенно неожиданно около самой лодки раздается гневное фыркание, и справа, и слева, и спереди, и сзади нас поднимаются из воды головы больших животных, которые через минуту с быстротой молнии и по-прежнему фыркающая, снова ныряют в глубину. Напрасны всякие хлопоты со стороны охотников: прежде чем они прицелятся, желанная добыча ускользает, чтобы так же неожиданно вынырнуть где-нибудь с противоположной стороны; если удастся сделать выстрел, то раненое животное исчезает в глубине реки, чтобы никогда больше не показаться.

"Выдра питается, несмотря на свою тюленью природу, всем, что она в силах одолеть. Однажды она загрызла двуутробку, которая была поймана в капкане, и частью съела ее; другая выдра поймала невдалеке от дома в короткое время двух гусей, которые плавали в канаве, подкравшись к ним под водой и схватив добычу за брюхо. К собакам они чувствуют большое отвращение, и в местностях, в которых они еще не научились бояться людей, нередко нападают на собак, находящихся у охотников в лодках, сбившись при этом в стадо. Выдра легко одолевает преследующую ее в воде собаку"*.

** Питаются гигантские выдры, почти исключительно рыбой и крабами, хотя, несомненно, при желании они могут справиться и с уткой, и с попавшей в воду собакой.*

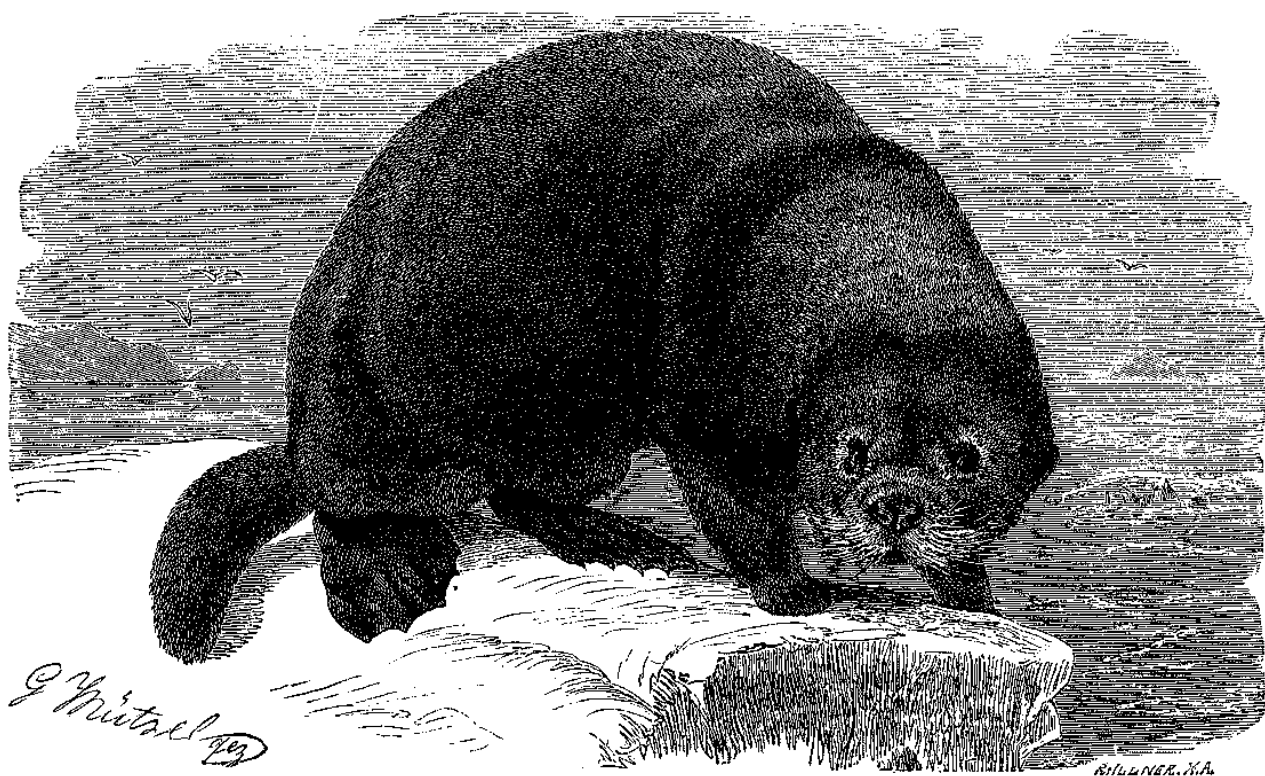
Как утверждает принц фон Вид, бразильская выдра также переходит по земле из одной реки в другую и в таких случаях попадает иногда в ловушку. Ее мех везде очень ценится и в некоторых местностях стоит даже дороже бобрового меха.

"Из шайки в пять голов, — продолжает Гензель, — мной и моими людьми были уже спугнуты четыре, прежде чем удалось изловить пятую. Места выходов этой выдры, соответствуя ее величине, представляют просторные голые площадки под густым нависшим бамбуковым тростником или под непроницаемым кустарником. На этих местах находят постоянно массу рыбьей чешуи». Наша речная выдра и многие ее родственные виды живут как на земле, так и в реках, иногда и в море, но один вид этой группы принадлежит исключительно морю — это **морская выдра, или калан** (*Enhydra lutris*), русские его называют «котик»***.

** * Калан самое крупное после гигантской выдры и (за счет более массивного сложения) самое тяжелое из куньих животных, до 45 кг. Населяет побережья северной части Тихого океана, от Японии до Калифорнии. причем в ряде мест практически независим от берега и даже детенышей рождает и выкармливает в воде. Название «котик» Брем применяет к калану неправильно, так как и в зоологии, и у меховщиков оно относится к другому зверю (морскому коту из семейства ушастых тюленей). Маркой «морской бобр» или «камчатский бобр» обозначался мех калана.*

Это представитель особого рода, который образует, может быть, соединительное звено между выдрами и тюленями. Голова его, правда, несколько сжата, но круглее, чем у пресноводных выдр; шея короткая и толстая, туловище цилиндрическое, хвост короткий, толстый, сплюснутый, клинообразно заострен и густо оброс волосами. Передняя пара ног уже немного отличается от ног речной выдры, а задняя имеет совершенно своеобразное строение. Передние ноги отличаются от ног речной выдры только своими укороченными пальцами, которые соединены мозолистой, снизу голой перепонкой и заканчиваются маленькими и слабыми когтями; задние же лапы представляют собой как бы плавники, похожие на ласты тюленей, от которых они отличаются тем, что наружные

пальцы длиннее внутренних. Задние лапы морской выдры в значительной степени напоминают лапы бобра, с той только разницей, что они покрыты сверху и снизу короткими густыми шелковистыми волосами. Меха состоит из длинных прямых волос ости темно-бурого цвета с белыми крапинами, происходящими от белых кончиков волос. Молодые животные имеют длинные, жесткие, белые или буровато-серые волосы, которые совершенно скрывают тонкий бурый подшерсток. Взрослые морские бобры достигают общей длины по крайней мере 1,5 м, из которых около 30 см приходится на хвост, и веса от 30 до 40 кг. Область распространения морской выдры ограничивается северной частью Тихого, или Великого, океана, приблизительно цепью Алеутских островов и островом Беринга. У американских берегов она спускается дальше к югу, нежели у азиатских, а именно, по Скамону, до 28 градуса северной широты, но и здесь также год от года становится более редкой. Лучшее описание морской выдры принадлежит Стеллеру, который в 1741 году потерпел вместе с Берингом кораблекрушение около острова Беринга и имел возможность наблюдать это животное.

Морская выдра, или калан (*Enhydra lutris*)

"Мех этого животного, — говорит Стеллер, — кожа которого неплотно прилегает к телу и во время бега колыхается во все стороны, настолько превосходит по длине, красоте и темному цвету мех речного бобра, что этот последний не может выдержать с ним ни малейшего сравнения. Лучшие меха продаются на Камчатке по 30 рублей, в Якутске — по 40 рублей, а на китайской границе при меновой торговле идут по 80-100 рублей за шкуру. Мясо его довольно съедобно и даже вкусно; у самок оно гораздо нежнее и, против закона природы, особенно жирным и вкусным бывает незадолго до и после времени спаривания. У молодых, питающихся еще молоком матери и называющихся вследствие своего плохого меха «медведками», мясо — жареное или вареное — может поспорить по вкусу с молодой бараниной. Самец, как все другие теплокровные морские животные, имеет в половом органе кость, а самка — два соска около половых органов.

По образу жизни калан так же интересен и приятен, как весел и забавен по нраву: к тому же это очень ласковое и влюбчивое животное. Когда он бежит, мех его блестит ярче самого черного бархата. Каланы предпочитают держаться семьями: самец лежит с самкой, тут же полувзрослые детеныши, или кошлаки, и маленькие сосуны-медведки. Самец ласкает самку, гладит ее, словно руками, передними лапами, часто ложится около нее, а та, шутя, отталкивает его от себя, как бы из притворной скромности, и занимается своими детенышами, как самая нежная мать. Любовь родителей к детенышам так велика, что ради них они готовы подвергнуться смертельной опасности, и если от них отнимут маленьких, то они громко рыдают, почти как дети. Тоска их бывает так велика, что они — как это мы видели на многих примерах — в 10-14 дней высыхают наподобие скелета, делаются больными, слабыми и не хотят уходить с берега. Самки каланов можно круглый год видеть с детенышами. Они рожают только по одному детенышу и всегда на суше*.

** На суше самки каланов рожают только в отсутствие беспокойства, в частности, со стороны человека, и затем сразу уносят детеныша в воду, где, пока он не научится плавать, держат его на груди (сами при этом плавают спиной вниз), а ныряя, оставляют на плавающих клубках водорослей. В большинстве мест самки каланов рожают в воде. Детенышей может родиться двое, но выживает, как правило, один. Если детеныши погибают, самка становится способна к внеочередному спариванию.*

Мальши рождаются зрячими и со всеми зубами. Самки носят их во рту, а в море — лежа на спине и обхватив их передними лапами, подобно тому как женщина держит в руках свое дитя. Они так же играют с ними, как любящие матери, подбрасывают вверх и ловят, как мяч, толкают в воду, чтобы они учились плавать, и берут опять к себе, когда те устают, и целуют, совершенно как люди. Как бы охотники ни преследовали самку в воде или на суше, она не выпустит изо рта детеныша, разве только в последней крайности или в минуту смерти, вследствие чего и погибает такая масса медвежков. Я нарочно отнимал у самок детенышей, чтобы посмотреть, что они станут делать; они принимались рыдать, как огорченный человек, и, подобно собаке, издали следовали за мной, когда я уносил маленьких; при этом матери звали их с тоскливым воплем. Когда детеныши тоже принимались визжать, я сажал их на землю; матери тотчас же подбегали к ним и брали их с собой, причем сосунов несли во рту, а взрослых гнали перед собой. Однажды я встретил самку, спавшую со своим детенышем. Когда я приблизился, она испуганно вскочила и стала будить детеныша, но так как тот спросонья не мог бежать, то она схватила его передними лапами и, как камень, бросила в море. Если им удастся счастливо избежать опасности, то они, достигнув моря, начинают так забавно надсмехаться над своими преследователями, что без улыбки на них нельзя смотреть: они то становятся в воде вертикально как человек, и прыгают в волнах, то приставляют передние лапы ко лбу, как будто защищая от солнца глаза, чтобы хорошенько разглядеть предмет, то ложатся на спину и гладят себе передними лапами живот, как это делают обезьяны, или бросают в воду маленьких и снова ловят их и т. п.

Если калана настигнуть и у него нет никакого выхода, он фыркает и шипит, как рассерженная кошка. Если его ударить, он ложится на бок, подгибает задние ноги, а передними закрывает глаза и таким образом готовится к смерти. Мертвым он лежит как человек, вытянувшись и крестообразно сложив на груди передние лапы.

Пища каланов состоит из морских раков, раковин, мелкой рыбы, реже из морской растительности или мяса крупных животных. Я не сомневаюсь, что если бы не остановились перед расходами, чтобы перевезти животных в Россию, то их можно было бы приручить, и даже, я так полагаю, они могли бы размножаться в прудах и реках. Я вывожу это заключение из того, что морская вода вовсе не составляет необходимости для каланов, так как они по нескольку дней жили на островах в маленьких реках*. Во всяком случае, это животное заслужило полное наше уважение, так как питало нас в продолжение целых шести месяцев, когда мы не имели никакой другой пищи, а больным, страдавшим цингой, служило даже лекарством.

** Сам по себе организм калана безразличен к солености соды. Однако в пресной воде в его мехе заводятся паразиты, в морской воде не живущие. Мех калана, не намокающий в воде его единственная защита от холода, и если он будет поврежден или загрязнен и намокнет, животное погибнет от переохлаждения. Та же судьба ждет и каланов, испачкавших шерсть в нефтепродуктах.*

Движения каланов необыкновенно грациозны и быстры. Они отлично плавают и очень резко бегают, и нет ничего красивее этого бархатистого блестяще-черного животного, когда оно бежит. При этом замечательно то, что животное бывает тем бодрее, умнее и проворнее, чем прекраснее у него мех. Совсем седые, по-видимому, очень старые каланы, необыкновенно умны, вследствие чего их крайне трудно ловить. Самые плохие, имеющие одноцветно-бурый мех, по большей части неповоротливы, сонливы и глупы, вечно лежат на льду или на скалах, ходят медленно и легко даются в руки, как будто понимают, что их не станут особенно усердно преследовать. Во время сна они лежат на земле, свернувшись, как собаки; выходя из воды, отряхиваются и чистятся передними лапами, как кошки. Они бегают очень быстро, но при этом описывают кривые линии.

В июле или августе каланы линяют, впрочем несильно, и становятся тогда несколько бурее. Лучшие меха поэтому получают в марте, апреле и мае; большая часть их идет в Китай. На Камчатке нет роскошнее наряда, чем шуба, сшитая из белого меха северного оленя и опушенная каланом. Несколько лет назад там все носили такие шубы; но с тех пор, как этот мех сильно вздорожал, они вышли из употребления; к тому же камчадалы считают теперь собачий мех гораздо красивее, теплее и прочнее.

Калан, которого по качеству его меха несправедливо причисляют к бобрам и потому называют камчатским бобром, есть в сущности настоящая выдра и от речной выдры отличается только тем, что живет в море, почти вдвое больше ее и по красоте меха напоминает бобра. Это, бесспорно, животное американского происхождения, а на азиатских берегах оно является лишь гостем и пришельцем. Он держится в так называемом Бобровом море между 56 и 50 градусами северной широты. Под такой же широтой мы встречали его и в Америке, как на островах, так и на материке, а ближе к матерiku под 60 градусом. Большая часть каланов попадает с берега одного материка на другой, приплывая на льдинах; мне самому случалось видеть, как любят эти животные лежать на льду, и, хотя из-за умеренной зимы льдины были тонкими, однако каланы, как спящие, так и бодрствующие, неслись на них по волнам и прибывались к какому-нибудь острову, откуда при отливе снова уходили в море.

Когда мы прибыли на остров Беринга, каланов там было немало. Во все времена года, хотя зимой чаще, чем летом, они выходят на берег, чтобы спать и отдыхать, а также и для игр. Во время морского отлива они лежат на камнях и на обсохших обломках скал; во время же прилива сидят на берегу в траве или в снегу, на расстоянии почти половины или даже целой версты от берега; впрочем, обычно располагаются поближе к нему. На Камчатке или на Курильских островах они редко выходят на сушу; из этого можно заключить, что на острове Беринга их никогда не беспокоили во время отдыха и игр*.

** Там, где охота на каланов велась наиболее интенсивно, например на некоторых из Алеутских островов, они вообще перестали посещать берег.*

Мы охотились на них следующим образом: как правило, вечером или ночью мы выходили по двое, по трое или по четыре человека с длинными, крепкими березовыми дубинами и шли к берегу против ветра, осторожно и внимательно озираясь по сторонам. Как только мы усматривали спящего калана, один из нас тихонько отделялся и подползал к животному на четвереньках; другие же тем временем преграждали ему дорогу к морю. Когда калан оказывался настолько близко к нам, что его можно было настичнуть одним прыжком, мы все разом кидались на него с намерением убить животное несколькими ударами по голове. Если же он удирал от нас, прежде чем мы успевали окружить его, то мы пускались вдогонку и загоняли от берега в глубь острова, так что наконец, как бы быстро и ловко ни бегало животное, оно утомлялось, и тогда его легко можно было убить. Когда мы нападали на целое стадо каланов, что случалось нередко, то каждый охотник выбирал животное, которое было к нему ближе, и дело шло еще успешнее. Вначале нам не нужно было напрягать свое усердие, хитрость и ловкость для удачной охоты, потому что весь берег кишел каланами и они лежали в полном спокойствии относительно своей участи. Но впоследствии они научились понимать наши намерения, так что выходили на берег с крайней осторожностью: прежде чем лечь на отдых, зорко осматривались, обнюхивали все вокруг и только тогда ложились, когда все обстояло благополучно, да и то успокаивались не сразу, а несколько раз снова вскакивали и вторично осматривали местность или же уходили назад в море. Там, где располагалось целое стадо, в разных местах были выставлены ими сторожевые животные. Нам также очень мешали песцы, которые насильственным образом будили каланов и не давали им сомкнуть глаз; вследствие этих причин нам постоянно приходилось отыскивать для охоты новые места, делать большие обходы, предпочитать темную ночь светлой и бурную погоду тихой, и все это для того, чтобы заполучить животное, которое служило единственной нашей пищей. Несмотря на все эти препятствия, с 6 сентября 1741 года по 17 августа 1742 года нами все-таки было убито и съедено 700 штук морских бобров, а шкуры их отвезены на Камчатку. Так как каланов часто убивали без всякой необходимости, просто ради их меха, а еще чаще — когда мех оказывался недостаточно черным — и совсем не пользовались убитым животным, а бросали его целиком в море, то это безбожное истребление привело к тому, что весной, когда все наши съестные припасы были съедены, мы на целые пятьдесят верст в окружности не могли найти ни одного животного. Конечно, можно бы было удовлетвориться и тюленями, но они были слишком хитры, чтобы отдаляться от берега, и приходилось считать за особенное счастье, если удавалось убить тюленя.

Курильцы отправляются весной в легких лодках, на которых находится по шесть гребцов, одному рулевому и одному стрелку, на десять и более верст в море. Заметив калана, они изо всех сил принимаются грести, чтобы его догнать, но животное, в свою очередь, не менее старательно удирает от них. Когда лодка уже довольно близко, рулевой и сидящие впереди стрелки пускают в калана стрелы. Если они и не попадают в цель, то все же вынуждают его нырнуть, и стрелкам остается только караулить, когда оно снова покажется на поверхности, чтобы выпустить в него новую стрелу. По поднимающимся пузырькам они вполне могут следить за направлением зверя, и рулевой

по этому следу гонит лодку. Охотник, стоящий на носу лодки, вылавливает из воды стрелы, работая при этом длинным шестом, на конце которого насажены наподобие щетки тонкие прутья. Если преследуемое животное самка с детенышем, то прежде всего задыхается и тонет именно малыш; тогда мать бросает его, чтобы иметь возможность спастись; детеныша ловят и кладут в лодку, где он нередко приходит в себя. Наконец и преследуемая мать или самец так утомляются, что совсем уже не в состоянии нырять; тогда охотники убивают животное или стрелой, или, когда оно оказывается поблизости, копьём. Если каланам случится попасть в сети, которыми их также ловят, они приходят в такое отчаяние, что начинают даже грызть друг друга. Иногда они сами себе откусывают ноги со злости или с отчаяния, что видят их запутавшимися в сетях.

Ничего нет ужаснее, как охотиться за каланами во время ледохода, когда за ними приходится гнаться по плывущим льдинам и убивать их дубинами. Обычно в это время бывают такая буря и метель, что едва можно держаться на ногах, и все же охотники не боятся даже ночью ходить на такую охоту. Они бесстрашно несутся по льду, который гонят бурные волны, и при этом то поднимаются так, будто стоят на высокой горе, то стремительно опускаются вниз, словно летят в пропасть. У каждого в руках нож или шест, а на ногах длинные лыжи с крючками из костей, чтобы не скользить по льду и не упасть, когда глыба поднимается. Шкуры с убитых животных сдираются тут же на льду, и в этом деле курильцы и камчадалы проявляют большую ловкость; в течение двух часов они часто обдирают по 30—40 штук.

Но случается, что льдину очень далеко отгоняет от берега; тогда охотнику приходится все бросать и искать себе спасения: тут его выручает умение плавать, причем он привязывает себя веревками к собаке, которая и тащит его к берегу. При благоприятной погоде они так далеко уходят по льду, что совершенно теряют берег из виду: но одного они никогда не оставляют без внимания — это морского прилива и отлива и всегда внимательно следят за тем, откуда дует ветер, с берега или с моря».

В настоящее время этот всюду старательно преследуемый драгоценный пушной зверь сделался не только редок, но и крайне боязлив, что страшно затрудняет его ловлю. Пехуель-Леше, который 25 лет назад наблюдал и случайно охотился за каланом на Алеутских островах Амурке и Сегуаме, рассказывает, что чуткое животное очень редко подпускает к себе на расстояние выстрела даже спокойно плывущее судно. Отправляясь охотиться на одной лодке, почти нечего и ожидать благоприятных результатов, потому что животное может оставаться под водой добрых четверть часа и когда снова появляется, то зачастую в совершенно противоположном, чем ожидалось, месте. В тихую погоду калан спокойно несется по водной поверхности, иногда в виде бесформенной кучи, которая вовсе не напоминает живое существо, иногда же лежа на спине с поднятым кверху носом, но держа свои плавникообразные задние ноги так высоко и в таком растопыренном виде, как будто хочет заменить ими парус. Иногда он делает большой прыжок в воздухе и, по-видимому, с особенным удовольствием шлепается опять в воду. Нередко, когда что-нибудь высматривает, он становится в воде торчком, так что голова выставляется на поверхности, как это можно часто наблюдать у тюленей, и, подобно тем, так же медленно и в том же стоячем положении снова погружается вместе с головой в воду. Если они собираются в стадо, что, впрочем, случается, кажется, редко, и куда-нибудь вместе направляются вплавь, то при этом удивляют не только быстрым плаванием, но и различными задорными прыжками, которые время от времени выделывают совершенно как дельфины.

Г. Эллиот, посетивший в прошлом десятилетии область жительства этих животных, утверждает, что пять шестых всех добытых в американских водах каланов были убиты восточнее первого из Алеутских островов — Унимака и южнее полуострова Аляски, на сравнительно небольшом пространстве. Главными местами охоты считаются островок Санак со множеством расположенных к югу от него скалистых островов и рифов. Санак — необитаемый остров. Те из жителей Алеутских островов, которые занимаются исключительно охотой на калана, переправляются на средства торговцев мехом в начале июня на остров Санак группами приблизительно в 50-60 человек на 20-30 байдарках, так называемых легких лодках, которые обычно могут поднять двух человек. Охотники остаются на Санаке около ста дней изолированные от всего мира, предоставленные всем случайным невзгодам, суровой погоде и всевозможным лишениям.

Некоторые охотники охотятся за животными и с суши, для чего торговцы мехами снабжают их прекрасными ружьями. При бурной погоде охотники рыщут по скалам с подветренной стороны и стараются пустить пулю в голову какой-нибудь выдре, которая показывается из воды по ту сторону буруна, в тихой полосе. Грохот воды, kloкочущая вокруг буруна пена мешают осторожному животному услышать шаги приближающегося человека, так что настойчивый стрелок может пускать в

него пулю за пулей, пока наконец не попадет в цель; после этого он садится и терпеливо ждет, когда ветер и волны принесут ему драгоценную добычу.

К западу от Уналашки, в особенности на Атту, самом западном из Алеутских островов, для ловли морских бобров употребляют особые большие сети (шесть метров длиной и два-три метра шириной), покрывают их водорослями, с которыми выдры очень любят играть. Попадая в сети и запутываясь в них, они до такой степени теряются, что даже не делают особых усилий, чтобы освободиться из этих относительно слабых оков. Ловцы, расставлявшие сети, наблюдают с берега за ходом дела и, как только замечают, что туда что-то попало, спешат захватить животных, которых сразу попадается по трое, а иногда даже по шесть штук в одни сети.

Эллиот, продолжая говорить о каланах, упоминает, что ему, несмотря на многократные попытки, еще ни разу не удалось воспитать и приручить молодых каланов. Они отказываются от всякой пищи и добровольно изводят себя голодной смертью. Все охотники в один голос утверждают, что самка калана никогда не рождает на суше, а лишь на плавающих водорослях и что детеныши рождаются зрячими. Первому из этих показаний противоречит описание Стеллера, которому, во всяком случае, можно довериться, хотя нет никакого основания не верить и охотникам, имевшим массы случаев делать абсолютно достоверные наблюдения. Скаммон, сообщая об образе жизни каланов у западноамериканских берегов, подтверждает сообщения Эллиота и говорит, что детеныши рождаются по одному, редко по два, на водорослях и во все времена года. По Скаммону, на западном берегу Соединенных Штатов каланов преследуют на лодках, причем белые ходят на них днем и с ружьями, а индейцы — ночью с копьями. На суше охота производится также с винтовками.

Двадцать пять лет назад, по Ломеру, на рынок ежегодно доставлялось до 1500 шкур морских выдр, составлявших выручку в 600 тысяч марок, причем цена отдельных шкур колебалась между 300-1500 марок. В настоящее же время сбыт доходит до 4000 шкур на сумму 2500 тысяч марок, и цена отдельной наилучшей шкуры поднялась до 2500 марок.

На торговом языке каланов принято называть «камчатским бобром».

Если охота на каланов будет прогрессировать и закон не примет меры по ограничению их отстрела, то можно почти наверняка утверждать, что со временем калан будет совершенно истреблен и, подобно морской корове, описанной Стеллером, будет причислен к животным, на нашей, так сказать, памяти уничтоженным на земном шаре*.

** Калан вследствие активного преследования повсеместно стал редок и находится под охраной государств, в водах которых обитает. Особенно редкой стала наиболее южная, калифорнийская раса калана. 589 Семейство куньи которую удалось спасти от исчезновения только специальными охранными мерами.*

Семейство виверровые (Viverridae)**

** * Виверровые не большие стройные животные, объединяют 35 родов, среди которых генеты, циветы, мангусты, бинтуронги, мунго, сурикаты и др. Характеризуются удлиненным туловищем, сравнительно короткими ногами, вытянутой мордой. В основном наземные животные, но многие хорошо лазают по деревьям и ведут полудревесный образ жизни. Из других хищных виверровые более всего родственны кошкам. Широко распространены в тропиках и субтропиках Старого Света: по всей Африке, включая Мадагаскар, в Южной Европе и во всей тропической Азии. Мангусты интродуцированы на Гавайи и острова Карибского моря.*

Представители семейства виверровых отличаются вытянутым в длину, тонким и округленным телом на коротких ногах, длинной тонкой шеей и вытянутой головой, а также почти всегда длинным, по большей части висячим хвостом. Глаза обыкновенно малы; уши то больше, то меньше, ноги четырех- или пятипалые, когти у многих втяжные. Около заднепроходного отверстия находятся две или несколько желез, выделяющих особые жидкости, редко пахнущие приятно. Иногда эти жидкости скопляются в особом железистом мешке. Одни виверровые похожи на наших куниц, которых они заменяют в южных странах Старого Света, другие напоминают кошек и даже медведей, и можно сказать, что представляют собой группу, близкую к первоначальной форме хищников. От куниц они отличаются главным образом тем, что зубы их с более острыми краями и более остроконечные и что в каждой половине челюсти находится по два настоящих коренных зуба. И те, и другие обладают настоящей зубной системой хищников с большими тонкими острыми клыками, мелкими резцами и зубчатыми, острыми ложнокоренными и настоящими коренными зубами. У виверра насчитывается 36 или 40 зубов: по шесть резцов сверху и снизу и по одному клыку, три или

четыре ложнокоренных и два настоящих коренных зуба в каждой половине челюсти. Череп вытянут, бровные гребни лобной кости сильно развиты, скуловые кости отстоят мало.

Виверр вовсе нет в Австралии, они живут в южной части Старого Света и, следовательно, главным образом в Африке и в южной Азии. В Европе три вида из этого семейства водятся исключительно в странах, прилежащих к Средиземному морю, лишь один вид в Испании. Виверры появились на земном шаре уже в первобытные времена*. В современном мире они, подобно куницам, отличаются большим разнообразием форм, и притом на гораздо меньшем пространстве, чем последние. Места, в которых они живут, так же разнообразны, как и они сами. Некоторые живут в бесплодных высоких сухих местностях, в пустынях, степях, в горах или в небольших лесах некоторых областей Африки, редко орошаемых дождем, и на азиатских плоскогорьях, другие предпочитают плодороднейшие низменности, особенно берега рек или чащи тростников, всем другим местам; одни приближаются к человеческим поселениям, другие боязливо прячутся во мраке самых густых лесов; одни живут на деревьях, другие держатся исключительно на земле. Расщелины скал и ущелья, дупла деревьев и норы в земле, выкопанные ими самими или занятые ими, густые кустарники составляют места, где они живут и отдыхают определенное время дня.

* *Виверры, появляются в геологической летописи в верхнем эоцене, то есть около 50 млн. лет назад. В своем облике они, как справедливо заметил Брем, сохранили черты наиболее древних хищных.*

Большей частью виверры — ночные животные, но многие появляются и днем, причем, за исключением утреннего времени, бродят и охотятся, пока солнце остается на небе, а после заката возвращаются в свои логовища. Лишь очень немногих можно назвать ленивыми, медлительными и несколько неповоротливыми; большая часть по быстроте и живости не уступает родственным хищникам. Некоторые роды известны как настоящие пальцеходящие животные, другие при ходьбе ступают на всю ступню; некоторые виды лазают, большинство живет лишь на земле. Ни одна виверра не живет преимущественно в воде. Дневная жизнь и предпочтение к жизни на земле отличают виверр от куниц, с которыми они во многих отношениях сходны; еще больше отличаются друг от друга обе группы по своему характеру. Куницы, как известно, беспокойные, непостоянные животные, которые, придя в движение, едва ли могут пробыть минуту в одном и том же положении или даже на одном месте; напротив, они беспрерывно бегают взад и вперед, лазают, плавают, делают, по-видимому, бесцельные движения, и все выполняют с почти неразумной торопливостью; виверры точно так же подвижны, многие из них по крайней мере так же ловки, но нрав их совершенно иной. Известная осмотрительность заметна в них при любых обстоятельствах. Несмотря на все проворство, их движения более равномерны и обдуманно, а потому и более привлекательны, чем движения куниц. Пальма первенства, если говорить об их подвижности, принадлежит генетам. Едва ли есть другие млекопитающие, которые бы с таким совершенством змееобразно скользили по земле, как мелкие стройные представители этой группы. Быстрота, с которой они прыгают на добычу, находится в странном противоречии с медленностью их обычной походки. Иначе движутся дневные животные этого семейства — мангусты. Ноги их короче, чем у всех родственных форм; тело при ходьбе почти прижимается к земле, а шерсть по бокам тела действительно касается ее, но они не крадутся, а торопливо бегут рысью и могут бежать иногда очень быстрым подпрыгивающим галопом. Они тоже неугомонны, но не легкомысленны, на своем пути исследуют все, но делают это с известной последовательностью: идут своим путем и мало уклоняются от принятого направления. Движения их скорее странны, чем привлекательны, и бросаются в глаза, так как у других млекопитающих ничего подобного не замечается. Впрочем, в случае надобности мангусты бывают весьма проворны, что вызывает крайнее удивление. Из чувств у всех виверровых, вероятно, стоит на первом месте обоняние. Они чуют, как собаки, обнюхивают каждый предмет, попадающийся им на пути, и знакомятся с помощью носа с тем, что им встречается. Второе место по остроте занимает зрение. Глаз у различных групп имеет различное строение: зрачок у одних круглый, у других — щелевидный. Слух, по-видимому, развит у различных групп примерно одинаково, но заметно слабее, чем оба вышеупомянутых чувства. Преобладает у них вкус над осязанием или нет — это пока неизвестно. Как осязание, так и чувствительность к холоду обнаруживают все, а кроме того, все они настоящие лакомки и очень любят всякого рода сладости.

Понятливость виверровых не следует недооценивать. Все виды этого семейства, которых я изучал на свободе или в неволе, обнаруживают много ума и способности к усвоению.

Среди виверровых лишь виверры и страннохвосты распространяют заметный мускусный запах. Упомянутые выше железы выделяют маслянистую или жирную, похожую на сало, и сильно пахнущую массу, которая поступает в железистый мешок, время от времени выпораживается от-

туда и, как кажется, находится в связи с половой деятельностью. Утверждали, что в замкнутых пространствах этот запах может становиться невыносимым и вызывать головную боль и тошноту; у тех животных, которых я держал, этого не наблюдал. Вонь, распространяемая куницами, гораздо невыносимее, чем запах, издаваемый виверрами. Клетка с несколькими экземплярами этих жиВОТНЫХ, стоящая на открытом воздухе, распространяет даже настоящее благоухание, так как пары мускуса здесь быстрее улетучиваются. Усиления и ослабления запаха я не наблюдал.

Как и у остальных хищников, число детенышей колеблется у виверровых довольно значительно, насколько известно — от одного до шести. Матери чрезвычайно нежно любят свое потомство, а у одного вида, а может быть и у других, отец принимает участие в деле воспитания. Детенышей вообще легко приручить, и они в этом случае бывают так же доверчивы и добродушны, как старые злы, дики и строптивы*.

** Виверры настоящие хищники, об этом не следует забывать и, глядя на их симпатичные мордочки, надо помнить о длинных клыках и острых втяжных когтях, которые вполне могут быть пущены в дело. Это тем более актуально, так как сейчас и в нашей стране виверры и мангусты понемногу протискиваются в списки домашних любимцев. Но если со взрослой и тем более дикой виверрой никому шутить не рекомендуется, взятые молодыми, они действительно вырастают на удивление ручными.*

Они хорошо выживают в неволе, и поэтому в некоторых странах их держат во множестве, чтобы легче было добыть их драгоценное выделение желез. Другие виды, специально обученные, хорошо ловят мышей и крыс. Пища всех видов в неволе состоит из сырого мяса, молока с хлебом и плодов. Последние они, подобно большинству хищников, за исключением кошек, поедают с большой жадностью, и эта пища очень полезна для их здоровья. В общем приносимая ими польза вполне перевешивает вред. На их родине грабежи, производимые ими, не наносят большого урона; тем более признается польза, которую они приносят истреблением вредных животных. Эта польза была причиной того, что в глубокой древности одно из этих животных было признано египтянами священным и пользовалось общим почитанием.

Мех и мясо в некоторых странах тоже идут в дело. В торговлю регулярно поступает небольшое количество шкур генеты; мясо, по словам Дорна, охотно едят негры на Принцевых островах, куда ввезена виверра.

Мангусты характеризуются следующими отличительными признаками: туловище их, равномерно опирающееся на низкие ноги, вытянуто и имеет цилиндрическую форму, голова маленькая или средней величины, морда заостренная, глаза довольно маленькие с круглыми или немного продолговатыми зрачками, уши короткие, закругленные, нос маленький, голый снизу, а в середине бороздчатый; как задние, так и передние ноги имеют по пять пальцев, хвост конический, мех жесткий, с длинными волосами. Зубная система состоит из 40 зубов, по большей части больших и крепких, с довольно развитыми, расположенными близко друг к другу бугорками.

Из всех мангустов особенного внимания заслуживает, по всей справедливости, **ихневмон, египетский мангуст, фараонова крыса** (*Herpestes ichneumon*)** как священное животное древних египтян, слава которого дошла и до нашего времени.

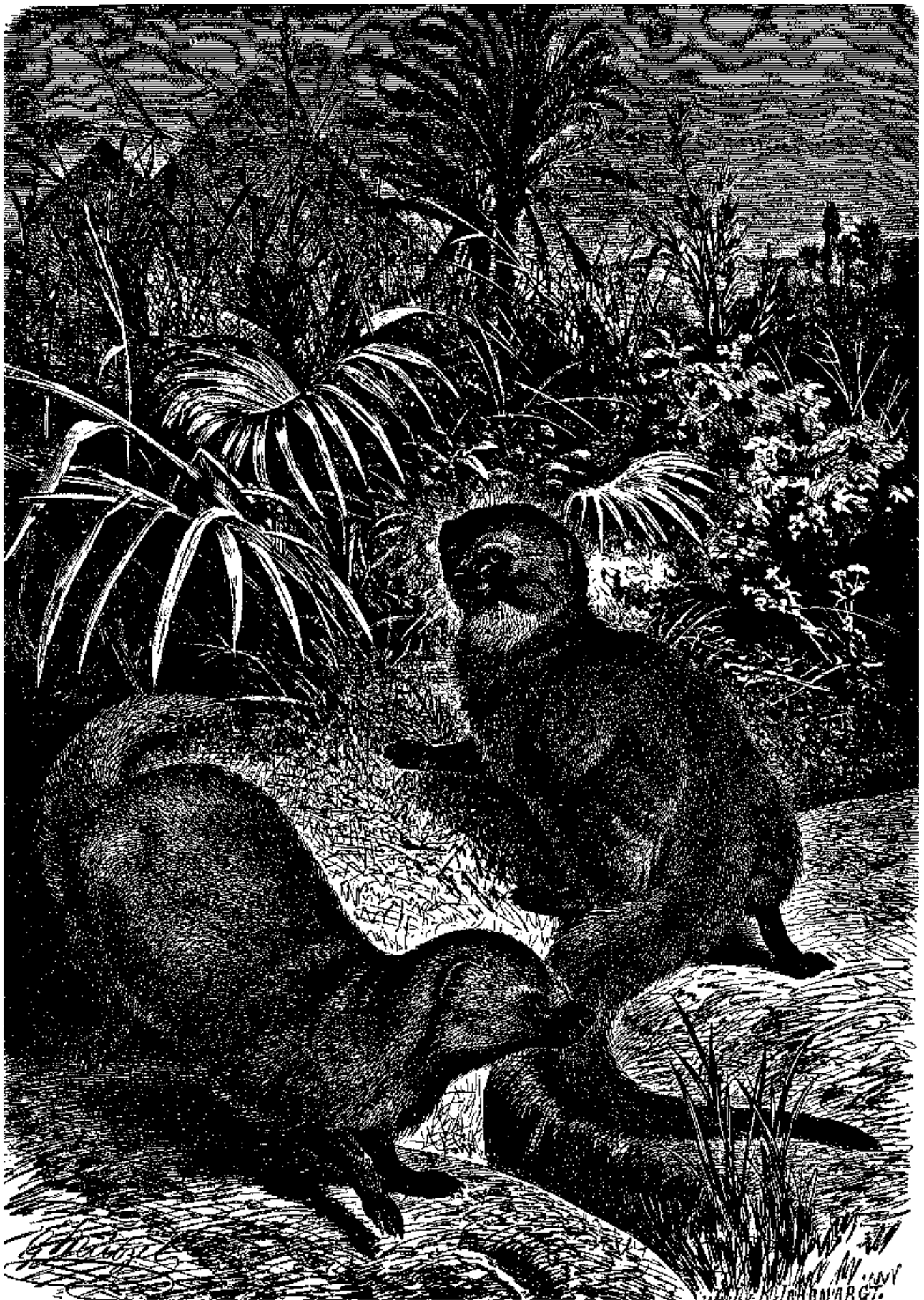
*** Ихневмон распространен в Испании и Португалии, на Ближнем Востоке и практически во всей Африке. Населяет разнообразные ландшафты от сухих кустарниковых зарослей до горных лесов.*

Уже Геродот говорит, что в каждом городе ихневмона бальзамировали и погребали в священных местах. Страбон сообщает, что это замечательное животное никогда не нападает на больших змей без того, чтобы не позвать на помощь несколько сотоварищей, и затем уже легко овладевает ядовитым гадом. Потому изображение его на священных иероглифах служит олицетворением слабого человека, который не может обходиться без посторонней помощи. Юлиан, напротив, уверяет, что ихневмон один выходит на охоту со змеями, прибегая при этом лишь к некоторой предосторожности: он вываливается в иле и затем высушивается на солнце, так что все туловище его покрывается непроницаемой для яда опасного соперника броней; морду свою он защищает, прикрываясь хвостом. Легенды об ихневмоне не ограничиваются этим и наделяют отважного бойца со змеями еще другими качествами, о чем и передает Плиний. Крокодил, наевшись досыта, имеет обыкновение покоиться где-нибудь на песчаной отмели, причем он страшно разевает свою огромную пасть, угрожая гибелью каждому, кто отважится приблизиться к нему. Исключения допускаются только в отношении одной маленькой птички, которая, не ведая страха, забирается в самую пасть крокодила и выклеивает пищу, завязшую в его зубах. Кроме птиц все другие животные страшатся грозного чудовища и не решаются приблизиться к нему. Один ихневмон поражает своей

храбростью: он осторожно подкрадывается к спящему крокодилу, отважно прыгает в его раскрытую пасть, прокусывает ему горло, растерзывает его сердце и, умертвив таким образом, открывает себе окровавленный путь к обратному беспрепятственному выходу из туловища страшилища. Одним этим ихневмон не удовлетворяется: он выискивает и выслеживает места, где ужасный гад в изобилии кладет свои яйца, и скребет тут до тех пор, пока ему не удастся докопаться до скрытого сокровища; тогда он набрасывается на него и, несмотря на бдительность матери, в одну минуту пожирает все гнездо, чем, конечно, оказывает неоценимые услуги человечеству*.

** Среди фантастических легенд вкралась и доля правды: ихневмон действительно причиняет много неприятностей крокодилам тем, что покушается на яйца и новорожденных крокодилов. Польза от этого человечеству сомнительна (особо странно это слышать от египтян, обожествлявших и крокодила тоже), а вот заботливая крокодил ица-мать не испытывает к мангусту никаких добрых чувств.*

Несомненно, что египтяне твердо верили этим легендам, которые и исходят собственно от них; но позднейшие естествоиспытатели сделали большую ошибку, приняв на веру эти сказочные повествования, так как на самом деле ихневмон далеко не обладает всеми приписываемыми ему качествами. Хотя точные исследования нрава и образа жизни ихневмона стали известны только в позднейшее время, тем не менее и прежде, уже несколько веков назад, многие путешественники высказывали свои сомнения относительно пользы, приносимой этим животным, чем и поколебали веру в различные легенды о нем.

Ихневмон, или египетский мангуст, или фараонова крыса (*Herpestes ichneumon*)

Взрослый ихневмон значительно превосходит ростом нашу домашнюю кошку; длина его туловища достигает 65 см, а хвост имеет по меньшей мере 45 см, но он кажется меньше, чем на самом деле, благодаря коротким ногам; только изредка можно встретить самца, у которого загривок был бы выше 20 см. Туловище ихневмона стройное, как у всех виверр, хотя не такое красивое, как у

генет, зато значительно более коренастое, чем у большинства видов этого рода, что подтверждается его весом: взрослый ихневмон весит 7, а иногда даже 9 килограммов**.

* * *Цифра явно ошибочная: даже более крупные мангусты из этого рода весят не более 4 кг.*

Ноги у него короткие, ступни голые и пальцы на ногах почти до половины соединены короткой перепонкой. Длинный хвост благодаря густым волосам, покрывающим его у корня, кажется очень толстым, как бы продолжением самого туловища, и заканчивается кисточкой; глазные впадины голые, вследствие чего еще больше выступают маленькие огненные глаза с круглыми зрачками. Уши короткие, широкие и округленные. Около заднего прохода находится плоский мешок с отверстием посередине. Особенно замечателен мех ихневмона: он состоит из густого подшерстка ржаво-желтого цвета и длинных волос ости почти в 6—7 см. Эти волосы черного цвета с желтовато-белыми кольцами, а на самых концах бледно-желтые. Из-за этого вся шкура получает зеленовато-серую окраску, которая вполне соответствует местопребыванию животного. На голове и на спине мех темнее, на боках и на брюхе более бледный; ноги и кисточка хвоста темновато-черные или совсем черные; встречаются, впрочем, и некоторые отличия.

Ихневмон распространен не только по всей северной Африке и Индостану, но, по Ноаку, который давно уже доказал его пребывание в западной Африке, в Лоанго и Конго, он водится во всей Африке, а также и на Мадагаскаре, куда мог быть завезен людьми. Не доказано еще только его пребывание в южной Испании и северной Азии. Животное это избирает для своего местожительства низменности; в Египте живет по густо поросшим берегам рек и в тростниках, окружающих поля. Здесь оно проводит дни и устраивает в тростниковой чаще узкие, но тщательно прочищенные тропинки, ведущие к глубоким, но не особенно просторным норам. В них самка плодится, принося весной или в первые летние месяцы двух-четырех детенышей, которые очень долго питаются молоком матери и еще дольше находятся на попечении обоих родителей*.

* *В Аравии ихневмоны спариваются в начале весны. В других частях ареала спаривание может происходить в другие сезоны и даже несколько раз в год. Беременность продолжается 60-83 дня. Если в семейной группе более одной взрослой самки, то они все могут принимать участие в воспитании детенышей. Детеныши становятся самостоятельными постепенно в промежутке между четырьмя месяцами и годом, когда они покидают родительскую семейную группу.*

Животное это во всех отношениях оправдывает свое название «ихневмон», что значит «сыщик». Своим нравом и душевными свойствами ихневмон напоминает родственных ему куниц: он обладает тем же неприятным запахом, такой же хитростью, кровожадностью и страстью к воровству. Ихневмон в высшей степени труслив, осторожен и подозрителен. Он никогда не отваживается выходить в открытое поле, а всегда пробирается по защищенным закоулкам, хотя рыщет довольно далеко по окрестностям. На промысел он выходит днем и пожирает все, что может добыть хитростью, начиная с зайца, курицы или гуся. Кроме этого он питается змеями, ящерицами, насекомыми, червями, а вероятно также, и плодами. Грабительские набеги ихневмона навлекают на него ненависть со стороны египетских крестьян, потому что он самым безжалостным образом разоряет курятники и голубятни, особенно куриные гнезда, которые курицы устраивают на воле, подобно лесным птицам. Действительной пользы ихневмон почти не приносит, если не считать той услуги, какую он оказывает истреблением змей.

Его походка привлекает особое внимание своей своеобразностью: животное как будто ползет по земле, потому что короткие ноги его совершенно закрываются длинной шерстью, которая не позволяет видеть их движений. В летние месяцы ихневмона редко встречают одного, а всегда в обществе своих родичей. Самец идет обычно впереди, за ним следует самка, а позади матери плетутся детеныши; при этом один член семьи держится так близко подле другого, что кажется, будто вся цепь животных составляет одно целое существо, которое можно сравнить с очень длинной змеей. Время от времени глава семьи останавливается и поднимает голову, чтобы удостовериться в безопасности, причем он неистово раздувает ноздри и сопит, как при сильной одышке. Когда он убедится, что бояться нечего, то идет дальше; при виде добычи начинает бесшумно извиваться между стеблями, как змея, чтобы как можно ближе подойти к ней, затем вдруг в один или два прыжка настигает даже вспорхнувшую птицу. Перед мышиной норой он способен караулить с замечательным терпением, выжидая и подкрадываясь к добыче с забавной осторожностью.

По всей вероятности, ихневмон обладает таким же прекрасным чутьем, как и лучшие собаки; это видно из того, что на охоте он руководствуется преимущественно чутьем. Если ему попадают яйца, то он выпивает их; у млекопитающих и у птиц высасывает обычно только кровь и съедает

мозг. Страсть его к хищничеству заставляет его умерщвлять больше животных, чем он может съесть**.

* * Многие хищники не доедают добычу, съев из нее лишь самые вкусные части, а предпочитают убить новую. Происходит это только в ситуации изобилия потенциальных жертв, когда хищнику почти или совсем не нужно их искать.

Много нелепого рассказывают о враждебных отношениях ихневмона с другими животными и, между прочим, говорят, что самые опасные враги его — лисицы, шакалы и особенно караульщик (варан), нильская ящерица. Но я могу уверить, что никогда ничего подобного не видел и не слышал. Самый главный его враг — человек; кроме него ему может вредить только Нил, когда затопляет излюбленные им места; в этом случае, впрочем, его выручает умение плавать, и он заблаговременно перебирается на высокие насыпи, соединяющие одну деревню с другой или огораживающие фарватер; здесь он и находит себе временное убежище в чаще высокого густого тростника.

Охота на ихневмона считается, по мнению египтян, благочестивым делом. Стоит только пойти в любую деревню и известить там о своем намерении поохотиться за «нимсом», как называют это животное арабы, тогда наверняка и старый, и малый поднимутся на помощь, радуясь возможности уничтожить вредного плута и мошенника. Все общество направляется тогда к тростниковой чаще; охотник останавливается там, а его помощники загоняют животное. Хищник тотчас же смекает в чем дело и при первой тревоге спешит укрыться в норе; но и там спасенья нет: арабы выгоняют его оттуда длинными палками, так что ему приходится искать защиты в другой тростниковой чаще. С чрезвычайной осторожностью крадется он между стеблями, прислушиваясь каждую минуту и чуть-ем стараясь соразмерить близость опасности; когда другого выхода нет, он решается проскользнуть по открытой поляне, чтобы спастись бегством, при этом съезживается как только может и ползком пробирается по траве, стараясь не выдать себя быстрыми движениями.

Все мангусты сходны друг с другом по телосложению, а в большинстве случаев и по образу жизни; таким образом вышеизложенное описание ихневмона могло бы быть вполне достаточным для нашей цели, если бы не требовалось некоторых подробностей об отдельных видах.

Второй после ихневмона и не менее известный вид — это **индийский мангуст** (*Herpestes edwardsi*)*.

* *Индийский мангуст распространен по всей Южной Азии от Месопотамии до Малакки и острова Тайвань, а также завезен в Италию и на остров Маврикий. Он мельче ихневмона (длина тела 68-74 см, длина хвоста 30—37 см) и отличается более пушистым хвостом без черной кисточки.*

Индийский мангуст гораздо меньше ихневмона; длина его туловища достигает 40-50 см, хвост немного короче. Длинный жесткий мех серого цвета; волосы на концах с широкими белыми кольцами, что и придает шерсти серебристый отлив и светло-серый оттенок; на голове и бедрах окраска темнеет, а на ногах она переходит в черный цвет; щеки и горло отливают в большей или меньшей степени рыжеватым цветом. Впрочем, отличительные признаки очень резко меняются у этого животного, что и привело к выделению многих видов и разновидностей.

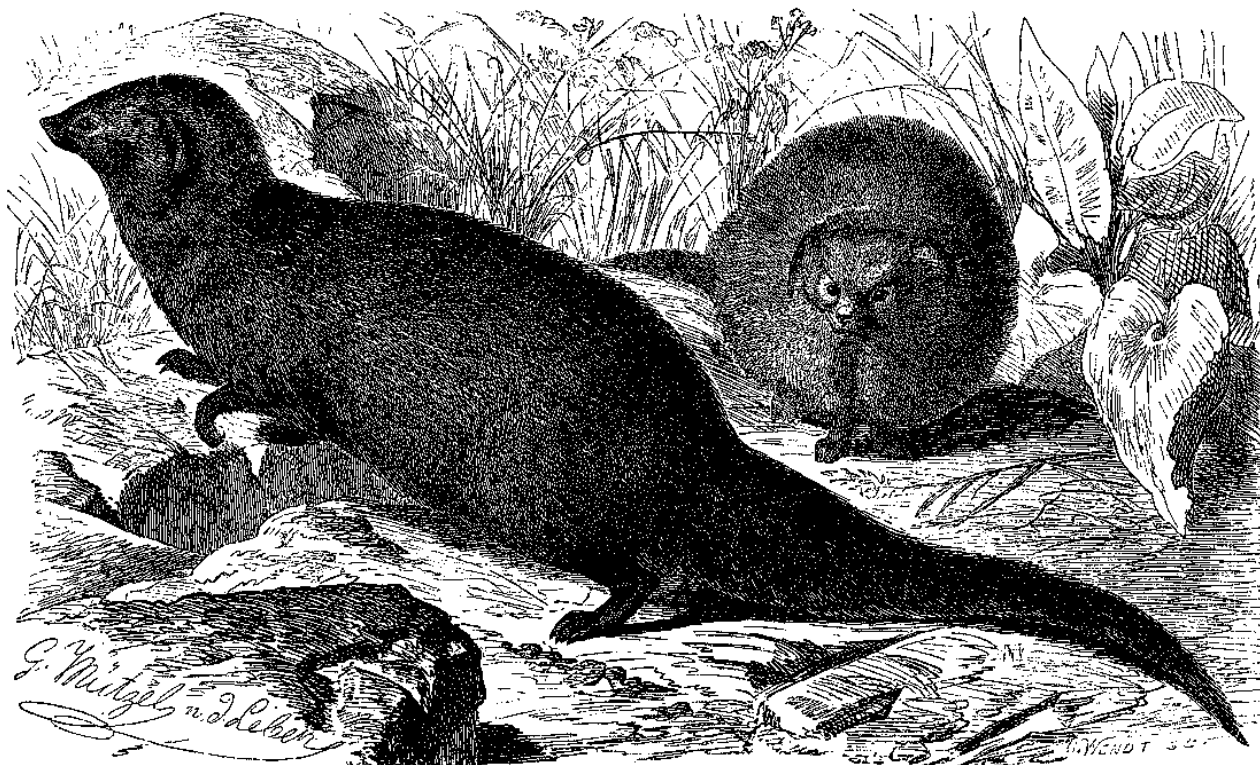
Область распространения проходит через весь Индостан к востоку, вероятно, до Ассама, а на запад — до Афганистана и Белуджистана; кроме того, он встречается и на Цейлоне. Водится ли мангуст на Малаккском полуострове, где Кантор приобрел один экземпляр его, это еще не выяснено**.

* * *Индийский мангуст живет на Малакке. Кроме того, там обитает близкий вид — *H. brachyurus*.*

Индийский мангуст не любит леса, он предпочитает кустарники, рощи, дубравы, плантации, берега, поросшие кустарником и тростником, каменистые покатоки и часто водворяется в домах, где нередко причиняет большой вред домашней птице и прочим мелким домашним животным. В выкопанных ими самими норах самки приносят по три-четыре детеныша. Индийский мангуст питается сладкими плодами, но предпочитает мясную пищу. Перебегая со скалы на скалу, с камня на камень, из ущелья в ущелье, он так основательно исследует местность, что едва ли от него ускользнет что-либо съедобное; иногда он залезает в самые узкие щели и вытаскивает оттуда мышей, крыс, ящериц, змей и тому подобных животных, пойманных в их норах и логовищах. При нападении на кур ему приходится действовать значительно осторожнее; тут уж он пускает в ход всю свою природную хитрость: он растягивается на земле и притворяется мертвым, чтобы обмануть глупую птицу, которая из любопытства приходит посмотреть на неизвестный предмет, как только она приблизится, он моментально оживает и в два-три прыжка настигает свою жертву. Эти рассказы путешественников

ственников вполне правдоподобны, потому что мне самому приходилось наблюдать то же у африканских мангустов.

Индийского мангуста хвалят и почитают за его победы над ядовитыми змеями. Несмотря на свою незначительную величину, он может одолеть даже очковую змею, одерживая победу над ней не столько своей силой, сколько ловкостью. Туземцы утверждают, что когда мангуста укусит ядовитая змея, он торопится отыскать особую траву или горький корень, известный под названием «мангусвайл», съедает это противоядие и, вылечившись, может снова продолжать схватку со змеей.

Индийский мангуст (*Herpestes edwardsi*)

Самые точные исследователи признают, что в этих рассказах есть доля правды и отравленный укусом змеи мангуст действительно убегает с поля сражения, чтобы отыскать целебный корень и нейтрализовать змеиный яд, после чего снова принимается за змею. Но Теннент говорит, что сингалезцы не верят рассказам европейцев о сознательном употреблении противоядия укушенным змеей мангустом; если во время схватки с очковой змеей, на которую он нападает так же легко, как и на родственных ему млекопитающих, животное поедает какую-то траву или корень, то это, по видимому, является совершенно случайностью. Блэнфорд считает историю о противоядии неосновательной. Если бы рассказы эти были верны, то почему тогда одни индийские мангусты имеют в своем распоряжении противоядие, тогда как другие бойцы, преследующие ядовитых змей, как, например секретарь и некоторые орлы, беззащитны против ядовитой змеи? Также надо принять во внимание, что если бы индийский мангуст знал такое верное средство против укуса змеи, то он напал бы на нее очертя голову, а не предпринимал бы всевозможных мер предосторожности, проявляя во время такой схватки свою удивительную ловкость и хитрость. Жердон и Стерндаль объясняют неуязвимость мангуста в борьбе со змеями свойством его шерсти; они утверждают, что густая щетинистая шерсть и толстая шкура делают зверя почти недостижимым для зубов змеи; если же змее удастся укусить его, то он умирает так же, как и всякое другое животное, хотя, по Блэнфорду, яд действует в его организме медленнее, чем у других млекопитающих одинакового с ним размера. Этот естествоиспытатель был свидетелем того, как мангуст без вреда для себя съедает голову змеи вместе с ядовитой железой. Не следует упускать из виду, что и другие хищники, как, например еж, хорек, барсук, по рассказам Ленца, также без вреда для себя переносят укусы обыкновенной гадюки и могут съесть ее голову вместе с ядовитыми железами*.

** Возможно, что у мангустов, как и у других зверей, часто поедающих змей, есть некоторая устойчивость к яду. В поедании змеи вместе с головой вообще нет ничего странного, так как токсины змеиного яда быстро разрушаются в пищеварительном тракте. Мангусты, в том числе и большой индийский, сравнительно часто едят различных мелких пресмыкающихся, в том числе змей. Однако нападения мангуста на кобру или сходную с ней по размеру змею, если и происходят, то крайне редко.*

В 1871 году на одном из заседаний Лондонского зоологического общества Склатер делал ученый доклад о мангусте по поводу возникшей переписки между ним и заместителем Сант-Люции. Последний прислал моему уважаемому другу и сотруднику запрос относительно истребления копьеголовой змеи, этого страшного бича Вест-Индских островов, причем просил доставить ему мангустов, секретарей или каких-либо других больших хищников для борьбы с этим местным врагом. Склатер ответил, что при существующих условиях он скорее всего может рекомендовать для этой цели мангуста, но при этом должен предупредить, что мангусты производят больше опустошений среди домашних птиц, нежели среди ядовитых змей, и что поэтому он советует лучше назначить большую премию за убийство змей, чем выписывать туда упомянутое животное. Впрочем, он немедленно переслал Де-Вё двух живых мангустов, чтобы тот провел над ними испытания относительно их способности бороться со змеями. Вскоре по получении животных Де-Вё устроил опытную схватку между отважным мангустом и опасной ядовитой змеей. Большую, более чем в полметра длиной, копьеголовую змею заключили в стеклянную банку и поставили перед выпущенным из клетки мангустом. При первом же взгляде на ядовитое пресмыкающееся мангуст проявил сильное возбуждение, весь оцетинился, хлопотливо бегал вокруг банки и всячески пытался раскрыть ее, теребя зубами и когтями тряпку, которой была закрыта посуда. Справившись с этой задачей, он выпустил змею, которая тотчас выползла из банки и, осмотревшись, быстро двинулась вперед. Мангуст бросился на нее и схватил ее зубами и когтями за шею, но змея, точно заранее приготовившись к такому нападению, ловко увильнула и, отскочив в сторону, в свою очередь напала на своего маленького врага; по-видимому, она успела укусить его, так как бедный мангуст жалобно взвизгнул и высоко подпрыгнул на месте, но в ту же минуту собрался с силами и снова вцепился змее в шею, на этот раз с удвоенной яростью. Последовала кратковременная борьба; положение змеи не позволяло ей еще раз употребить в дело свои зубы, но она все-таки успела вырваться из когтей и зубов мангуста и уползла от него на несколько шагов. Мангуст притворялся равнодушным и стал как бы без цели бродить около. Так прошло почти три минуты. Змея с трудом пошевелилась, хотела скрыться, не считая себя, очевидно, в безопасности, однако осталась лежать на месте. Тогда мангуст совершенно неожиданно снова наскочил на нее, схватил поперек туловища так, что она не шевельнулась, и поволок в свою клетку, дверца которой стояла открытой. Войдя к себе, он спокойно начал есть свою добычу, у которой прежде всего отъел голову. Клетку заперли, и зрители разошлись в полной уверенности, что храбрый победитель заплатит жизнью за свою прожорливость. По прошествии часа снова вернулись к клетке, открыли ее, и герой битвы вышел из нее совершенно здоровым, а от побежденной змеи оставался один только маленький кусочек хвоста: все остальное было съедено. Прошло еще две недели, а храбрый мангуст продолжал чувствовать себя таким же бодрым и веселым, как и прежде. Был ли он укушен и насколько сильно, этого сказать нельзя, так как мангуста не удалось исследовать. «Змея, над которой производили этот опыт, — так кончает Де-Вё свой доклад, — была еще полувзрослая, хотя уже достаточно сильная для того, чтобы наносить глубокие укусы, последствия которых могли бы убить человека в продолжение самого короткого времени»*. В семидесятых годах индийский мангуст был перевезен на Ямайку с целью истребления крыс, которые опустошали сахарные плантации; польза, оказанная этим животным, была определена в два миллиона марок.

** Можно предположить, что в данном опыте зверек был сильно голоден. Следует также заметить, что куфия, которая упомянута в рассказе, заметно мельче кобры. Впрочем, саму по себе возможность нападения мангустов на ядовитых змей (при отсутствии другой добычи) никто огульно не отрицает.*

Индийский мангуст лучше других пригоден для приручения, потому что он в высшей степени опрятен, чист, весел и относительно добродушен. Поэтому на родине его можно встретить во многих домах, как обычное домашнее животное. За оказываемое ему гостеприимство мангуст отплачивает массой услуг: подобно ихневмону, он в короткое время очищает дом от крыс и мышей. Как настоящий мангуст, мангуст деятелен только днем. Когда его в первый раз приносят в незнакомое жилище, он живо обегает весь дом, выищет все норы, щели и укромные уголки и при помощи своего тонкого чутья тотчас же разыщет грызунов. Он действует так энергично и усердно, что никогда не уходит без добычи.

Как уже сказано, мангуст — довольно добродушное животное, но при дурном расположении духа он, подобно злой собаке, оскаливает зубы решительно на каждого, кто к нему приблизится; впрочем, гнев его непродолжителен, и животное вскоре успокаивается. С человеком мангуст сходится очень быстро; в короткий промежуток времени он так привыкает к своему хозяину, что следует за ним повсюду, спит вместе с ним, ест из его рук и вообще ведет себя как домашнее животное.

У Стерндаля был мангуст, который в продолжение трех лет его пребывания в Индии служил ему постоянным спутником, причем выказывал послушание и верность, свойственные собакам. Пипе отлично знал, когда хозяин хотел застрелить для него птицу, следил, присев на задние ноги, за прицелом ружья и поспешно схватывал упавшую добычу. Будучи очень чистооплотным, он заботился даже об аккуратном содержании своих зубов и выковыривал из них когтями остатки пищи, что со стороны выглядело весьма забавным. Он был замечательно неустрашим, преследовал даже больших собак. Кроме того, Пипе умерщвлял массу змей. В возбужденном состоянии духа он так ощети́нился, что казался вдвое больше своей настоящей величины, но стоило только хозяину погрозыть ему пальцем, как разъяренный и любимый смирял свой гнев и успокаивался. Однажды он потерялся в густом кустарнике, и хозяин никак не мог разыскать его в тот день, но когда через несколько дней снова пошел в этот лес, то увидел своего Пипса на дереве, и животное так обрадовалось встрече с хозяином, что тотчас спрыгнуло с дерева и уже не отходило больше от него ни на шаг. Впоследствии Стрендаль взял его с собой в Англию, где мангуст вскоре сделался общим любимцем. Он умел проделывать много забавных штук: прыгал, кувыркался, садился на стул, надев на голову ермолку, изображал из себя солдата и слушался команды. Пипе умер от тоски: он не перенес временной разлуки со своим хозяином и добровольно заморил себя голодом.

Близкородственным видом индийского мангуста является **яванский мангуст** (*Herpestes javanicus*)*, но он гораздо меньше его и не превышает 55 см в длину, из которых на хвост приходится почти 20 см. Это симпатичное животное имеет темно-бурый мех с нежным золотистым крапом, так что выглядит как бы обсыпанным золотой пылью. На спине окраска темнеет, на голове переходит в рыжеватый цвет.

** Яванский мангуст распространен почти во всех тех же местах, где и большой индийский. Кроме того, он завезен на острова Карибского моря. Фиджи, Гавайи и на северо-восток Южной Америки. Он заметно мельче: длина тела 42-54 см, длина хвоста 22-25 см. но в целом внешне очень похож на большого индийского мангуста. Некоторые исследователи яванских мангустов с Индостана и из Аравии считают за особый вид малый индийский мангуст (*H. auropunctatus*).*

К замечательным видам этой группы принадлежит **полосатый мангуст** (*Mungos mungo***). Он представляет собой самое маленькое животное из всего семейства, но внешним своим видом, образом жизни и характером вполне напоминает своих родичей.

*** Этот вид отличается полосчатым рисунком на спине и боках. Это отнюдь не самый мелкий мангуст: длина его тела 30-45 см, длина хвоста до 29 см, вес 1-2 кг: карликовые мангусты почти вдвое мельче. Распространен в саваннах и сухих лесах Южной, Центральной и Восточной Африки, а в Западной Африке его сменяет близкий вид — гамбийский мангуст (*M. gambianus*).*

Длина его туловища достигает 40 см, а хвоста — 20 см, но я с точностью могу сказать, что видел животных большего размера, хотя и не измерял их длину. Основной цвет густого меха полосатого мангуста кажется бледно-серым, потому что отдельные волосы состоят из белых, черных и чалых колец. Мех полосатого мангуста состоит из правильно расположенных темных и светлых поперечных полос. Морда и нижняя часть туловища ржавого цвета, конец хвоста черный.

Полосатый мангуст, как кажется, водится в довольно большом количестве во всей восточной Африке, от мыса Доброй Надежды до Абиссинии, и по всему матерiku до западной Африки. Гейглин много раз наблюдал полосатого мангуста в сообществе с даманом. С сусликом он также, по видимому, в хороших отношениях, может быть, потому, что боится этого зубастого и сердитого зверька*. По всей вероятности, полосатый мангуст деятелен не ночью, а исключительно днем. Как змея, извивается он между камнями и неслышно скользит по земле. Сверкающие глаза красивого пролазы заставляют предполагать, что он так же кровожаден, как и его родичи. Его пища состоит из всевозможных мелких млекопитающих, из птиц, пресмыкающихся и насекомых, которых он может добыть, из яиц и плодов.

** Под сусликом имеется в виду какая-то из африканских земляных белок; настоящих сусликов в Африке нет. Полосатый мангуст питается преимущественно тем, что находит в лесной подстилке: личинками, жуками, многоножками, улитками, при случае ест птичьи яйца или маленьких ящериц. Поэтому не удивительно, что даманы и прочие животные крупнее мыши спокойно относятся к соседству полосатых мангустов.*

Гейглин высказывает предположение, что полосатый мангуст пускает в ход все свое хитроумие, чтобы заманить свою любимую дичь — степных куропаток, так часто встречающихся на его родине. «Наш разбойник, — говорит он, — больше предпочитает птиц, нежели млекопитающих.

Мне представлялся случай наблюдать, как два полосатых мангуста собирались схватить семейство степных куропаток, которое поселилось в низких кустарниках. Однажды мое внимание было привлечено возбужденным призывным криком этих птиц; захватив собак, я с возможной осторожностью подкрался к ним. Едва успел сделать шагов десять, как услышал рядом с собой призывный возглас самки, на него тотчас же откликнулся самец, а через минуту, словно эхо, раздался из дальнего куста совершенно такой же отклик, который исходил от мангуста, притаившегося в чаще. Другой мангуст засел в высокой траве, несколько поодаль, и вторил первому, удачно подражая голосу куропаток. Эта комедия продолжалась несколько минут, пока наконец самец, взбешенный посягательством на его гарем, не подошел слишком близко к моим собакам. Это спугнуло его, и он с криком вылетел из кустов, приглашая с собой всю стаю, а опростоволосившимся пролазам ничего больше не оставалось, как тоже убраться не солоно хлебавши**.

* * Франколин (вероятно, он упоминается под именем куропатки) слишком большая добыча для зверька, живущего не охотой, а, скорее, собирательством.

Рассказ Гейглина не подлежит никакому сомнению. Я сам слышал, как прирученный полосатый мангуст издавал по временам звуки, очень похожие на крик упомянутых степных куропаток. Что касается самой цели этого крика, в которой уважаемый наблюдатель видел предвзятое намерение обмануть простоватых птиц, то это остается еще не разъясненным вопросом.

Полосатый мангуст (*Mungos mungo*)

Ноак дает интересное описание образа жизни полосатого мангуста по наблюдениям, сделанным Р. Бемом в восточной Африке. «Этот симпатичный зверек особенно часто встречается в Угалле и вообще вблизи рек, где он избирает для своего местожительства оставленные муравьиные постройки. Полосатые мангустаны в высшей степени общительны и держатся вместе многочисленным обществом. Они выходят из своих нор на совместные прогулки, причем иногда их можно встретить проходящими через степи. Как осторожные создания, они все время держатся настороже и посылают от своего общества разведчиков, которые забегают вперед, чтобы осмотреть, все ли кругом благополучно. Если замечается что-нибудь подозрительное, то все общество, как по команде, улетывает в укромные места. Роясь в земле и отыскивая себе плоды и насекомых, мангустаны производят громкий шум, похожий на царапанье цесарок. Они всеядные животные, и в их неправильной формы, продолговатых комках кала всегда попадаются зерна. В плену, как правило, очень быстро приручаясь, они ничем не пренебрегают. Яйца и улиток они разбивают презабавным образом, схватывая их передними лапами и бросая о какой-нибудь твердый предмет. Солнечные лучи доставляют им наслаждение; согреваясь под ними, они блаженно потягиваются. Голос полосатых мангустанов в высшей степени своеобразен: они щебечут, издают трели и свистят, как птицы, или же выпускают

тихие протяжные звуки, а иногда громкий лай. В гневе и возбуждении они злобно тьякают и рычат. Хотя во время тревоги стараются глубоко зарыться в свои норы, тем не менее мангустов отнюдь нельзя назвать трусливыми, а, напротив того, скорее даже смелыми и неустрашимыми. Людей они имеют обыкновение рассматривать с некоторым любопытством, садясь на задние ноги; когда они находятся в своих норах, то к ним можно подойти совсем близко и они не убегают, а только гневно огрызаются на любопытного. Иногда в маленькой рожице можно встретить множество мангустовых нор, одна почти подле другой, жильцы которых живут друг с другом в полном согласии. Приближение человека всю колонию приводит в сильное смущение, и все входы в норы заполняются визжащими животными. Походка и движения полосатого мангуста очень грациозны, и животное всегда содержит себя в чистоте. Мясо его считается съедобным». Относительно голоса его Ноак прибавляет, что некоторые его звуки очень напоминают крик зуйка.

В западной Африке полосатого мангуста держат как домашнее животное на факториях, миссиях и иногда на почтовых пароходах. Он пользуется полной свободой и, раз пойманный, не стремится более убежать. Его веселый нрав делает его всеобщим любимцем; но сам он, подобно домашним кошкам, привязывается больше к дому, чем к людям, хотя нередко выказывает отдельным личностям большую преданность, всюду следует за ними, влезает им на колени, позволяет себя ласкать и гладить, причем выражает свое удовольствие разнообразным мурлыканьем. Когда ему дают яйца, он умеет сам разбивать их, действуя передними лапами, но чаще подбрасывая их задними ногами так, чтобы они ударялись о какой-нибудь твердый предмет. Полосатый мангуст так же легко приручается, как и другие виды.

Я хочу упомянуть о **мангусте-крабоеде, или урве** (*Herpestes urva*). По внешнему виду и по строению зубов урва существенно не отличается от остальных мангустов. Морда ее вытянута и заострена, туловище узкое и сильное. Пальцы на ногах соединены большими перепонками, причем внутренние пальцы на передних и на задних ногах сидят выше остальных. Подхвостные железы необыкновенно развиты. По общей окраске урва схожа с остальными мангустами; на верхней части тела мех смешанный темно-серый и буровато-серый; нижняя часть и ноги однообразного темно-бурого цвета; лапы часто бывают черные. По верхней части туловища пробегают иногда темные полосы, от глаза к плечу идет белая резко очерченная перевязь; такие же поперечные полосы проходят и по хвосту, который у корня опушен густыми волосами. По величине урва немного превосходит другие виды своего семейства: взрослый самец имеет в длину 80-90 см, из которых около 30 см приходится на хвост.

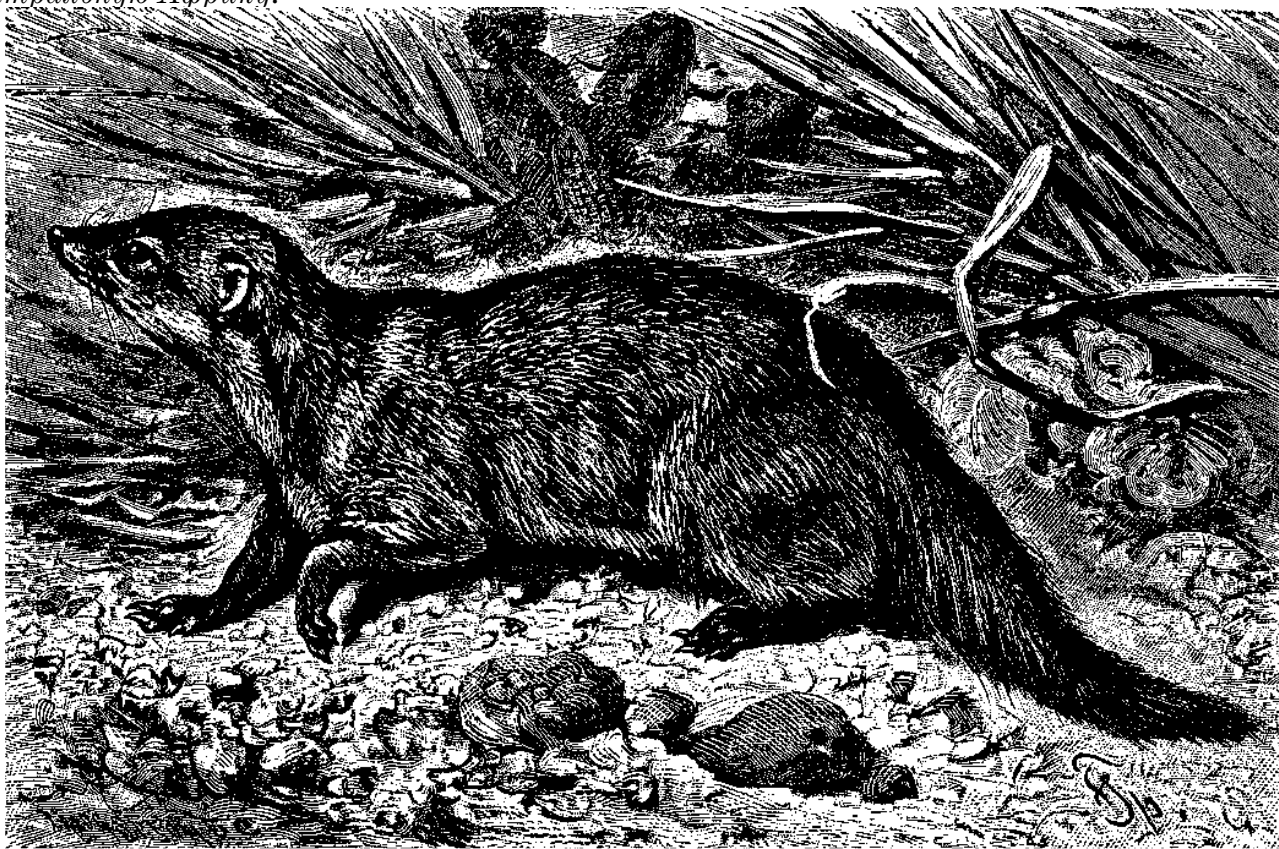

Мангуст-крабоед или урва (*Herpestes urva*)

Ходжсон открыл урву в болотистых долинах Непала. Область ее распространения ограничивается незначительными возвышенностями юго-восточной части Гималайского хребта, Ассамом, Араканом, Тенассеримом, Бирмой и югом Китая. По мнению Ходжсона, это животное может отчасти считаться водным, потому что оно питается преимущественно лягушками и крабами. Из двух величиной с вишню подхвостных желез урва выделяет вонючую жидкость, которую может прыскать назад. Подобно своим родичам гнездится в земляных норах.

Длинноносый кузиманзе (*Glossarchus obscurus*)* представляет ман густоподобное животное и живет в западной Африке, в особенности в Верхней Гвинее. По форме морды и по подхвостному мешку это животное походит на суриката, а по числу пальцев — на настоящего мангуста. Туловище у него плотное, круглая голова оканчивается острой мордой, хвост средней длины; ноги довольно высокие, на всех лапах имеется по пять пальцев; в верхней челюсти находится 2, в нижней 3 ложнокоренных зуба. Дальнейшими признаками этого животного служат маленькие круглые уши, глаза с круглым зрачком, снабженные третьим неполным веком, длинный язык и закрывающийся подхвостный мешок.

** Кузиманзе род мангустов, включающий четыре вида, населяющих Западную и отчасти Центральную Африку.*

Длинноносый кузиманзе (*Glossarchus obscurus*)

Длина кузиманзе равна приблизительно 55 см, из них около 20 см приходится на долю хвоста. Грубый мех однообразного бурого, на голове более светлого, спереди желтоватого цвета; шерсть его покрыта светлыми и темными кольцами.

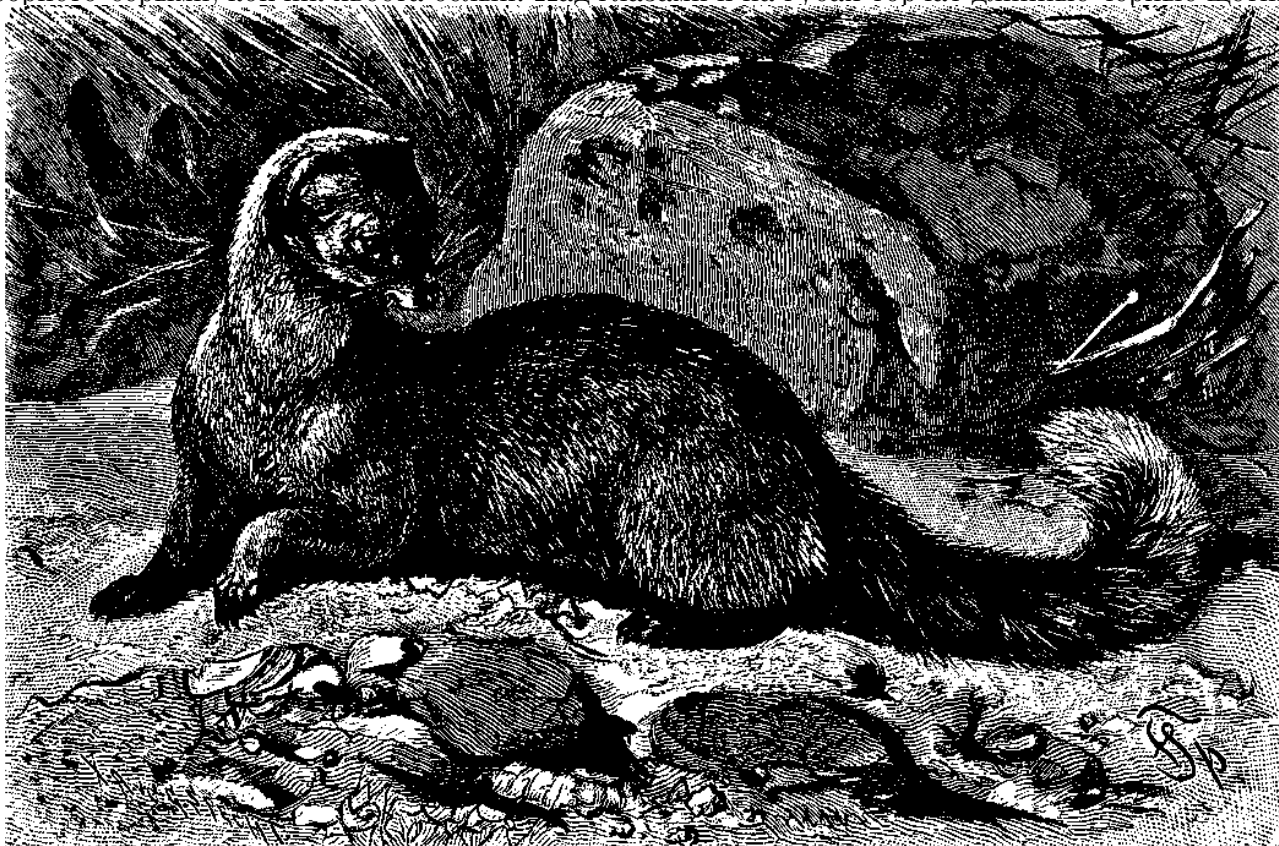
Путешественники умалчивают о жизни этого животного на воле. В Либерии, по Бюттикофферу, оно попадается довольно часто и носит название «ду».

Отыскивая жуков, личинок и червей, кузиманзе пробуравливает в земле круглые отверстия, которые очень часто можно найти на лесных дорогах. В плену он испускает странные звуки, похожие на ворчанье, подобно тому как это делает европейский полчок.

Своей походкой и торопливыми движениями он живо напоминает европейского ежа. Этих зверьков часто держат ручными в домах; я не знаю ни одного дикого животного, которое бы делалось до такой степени ручным и привязанным к человеку, как это. Они очень веселы и чистоплотны. Даже сделавшись домашними животными, они не могут отвыкнуть от врожденной склонности буравить своей мордочкой отверстия и буравят ею в щелях полов и между пальцами ног у босых людей. Они очень любят тепло и особенно охотно ложатся на ноги человеку, если он сядет где-нибудь или остановится. Они, по-видимому, больше дневные, чем ночные, животные. С недавних пор кузиманзе иногда привозят в Европу живыми. К мангустам относятся несколько животных,

главное отличие которых заключается в форме ног, так как на передних лапах у них пять пальцев, на задних — четыре, и подошвы ног отчасти покрыты волосами.

Желтый мангуст (*Cynictis penicillata*) — животное, редко встречающееся в наших музеях, достигает 70 см в длину, из которых около 30 см приходится на долю хвоста. Шерсть его гладкая, хвост пушистый. Довольно равномерный рыжевато-желтый или желто-бурый цвет принимает на голове и на ногах более темный, а на брюхе более светлый оттенок; рыжие волосы на хвосте перемешаны с серебристо-серыми: кончик хвоста белый. Над глазами и на губах торчат длинные черные щетины.

Желтый мангуст (*Cynictis penicillata*)

Он водится в песчаных местностях южной Африки, к северу от мыса Доброй Надежды, живет в земляных норах, питается мышами, птицами и насекомыми; нрав его дикий и драчливый, он хитер и ловок; за ним охотятся мало или вовсе не охотятся, и потому не нашлось еще наблюдателя, который сообщил бы нам подробные сведения о его нравах и образе жизни.

Африканская цивета (*Civettictis civetta*) ростом равняется приблизительно собаке средней величины, но больше похожа на кошку и по общему впечатлению стоит между куницей и кошкой. У нее выпуклая, широкая голова с несколько заостренной мордой, короткими, острыми ушами и косо прорезанными глазами с круглым зрачком. Тело вытянуто в длину и принадлежит к числу самых толстых во всем семействе; хвост средней длины или равен по длине приблизительно половине тела; ноги средней длины, и нижние стороны лап совершенно покрыты волосами. Не особенно длинный мех густой, грубый и довольно редкий; грива тянется вдоль по средней линии шеи и спины и заметна еще даже на хвосте; животное может ее приподнимать. На красивом пепельно-сером, иногда несколько желтоватом фоне выступают многочисленные круглые и угловатые черно-бурые пятна разной величины и расположенные у разных особей по-разному. Хвост, который еще у корня довольно густо усажен волосами, имеет около 6-7 черных колец и оканчивается черно-бурым кончиком. Тело животного имеет в длину около 70 см, хвост — 35 см, высота в холке — 30 см.

Африканская цивета (*Civettictis civetta*)

Родина циветы — Африка, и главным образом западная часть ее, а именно Верхняя и Нижняя Гвинея. Она встречается и в восточной Африке, но лишь отдельными экземплярами; по крайней мере она хорошо известна суданцам. В нынешней Германской восточной Африке она, суде по зоологическим заметкам Р. Бема, обработанным Ноаком, по-видимому, обыкновенна, но ее редко приходится видеть. Бем получил в середине января детеныша, родившегося за несколько дней до того, а в июне — детенышей, еще кормившихся молоком. В Гвинее цивета живет, говорят, на бесплодных плоскогорьях и горах, скудно поросших деревьями и кустами. Подобно большинству видов своего семейства, она скорее ночное, чем дневное, животное. Днем она спит, вечером выходит за добычей и отыскивает мелких млекопитающих и птиц, которых может одолеть, крадучись или застав их врасплох. Говорят, что яйца птиц составляют ее любимую пищу и в отыскивании гнезд она обнаруживает большое искусство и ради этой любимой пищи взбирается даже на деревья. В случае нужды она поедает и земноводных и даже плоды и корни. Это подтверждают и наблюдения экспедиции Гюссфельдта в Лоанго, из которых видно, что эти животные в области Конго очень обыкновенны, но их редко случается видеть.

В неволе их держат в особых хлевах или клетках и кормят мясом, и особенно птицами. Если они пойманы молодыми, то не только гораздо лучше переносят потерю свободы, чем пойманные старыми, но и становятся очень скоро ручными и доверчивыми. Пойманные старыми нелегко приручаются, навсегда остаются дикими и часто кусаются. Они очень раздражительны и, будучи рассержены, горбят спину, как кошки, поднимают дыбом гриву и издают хриплый звук, несколько похожий на ворчание собаки. Сильный запах мускуса, издаваемый циветами в неволе, делает их едва выносимыми для слабонервных людей. В парижском Ботаническом саду одну цивету держали пять лет. Она всегда издавала запах мускуса. Если ее дразнили и она сердилась, то у нее выпадали из мешка маленькие кусочки пахучей массы — цибет, но обычно она опорожнивала мешок лишь через 14-20 дней. На свободе животное для опорожнения мешка трется о деревья и камни; в клетке оно прижимает его к жердям. Благодаря этому мешку человек и обратил внимание на цивету. Прежде цибет служил лекарственным средством; в настоящее время он входит как существенная составная часть во многие благовония*.

** В некоторых частях Африка цивет содержат и сейчас в клетках. Один зверь продуцирует в неделю 3-4 грамма мускуса.*

Альпинус видел в Каире цивет в железных клетках у многих евреев. Им давали исключительно мясо, чтобы они выделяли по возможности больше цибета и тем приносили хороший доход. В его присутствии выдавливали цибет; говорили, что одна драхма этого вещества стоит 4 дуката. Для той же цели животное это держали в домах также в Лиссабоне, Неаполе, Риме, Мантуе, Венеции и Милане, а также в некоторых городах Германии и особенно в Голландии.

Для добывания цибета животное крепко привязывают веревкой к прутьям клетки, выворачивают пальцами мешок и выжимают содержимое желез через многочисленные выводные протоки, открывающиеся в сумку. Прилипающий к пальцам салообразный сок снимают ложкой и смачивают железистый мешок кокосовым молоком или молоком животных, чтобы успокоить боль, причиняемую животному при выдавливании. Как правило, цибет берут два раза в неделю и получают при этом весьма разные количества. В свежем состоянии он представляет белую пену, которая затем буреет и слегка теряет запах. Большая часть его поступает в продажу фальсифицированным, но и настоящий цибет должен подвергаться еще различной обработке, прежде чем станет годным к употреблению. Только что добытый цибет смешан с волосами, и запах его так силен, что, провозившись с ним даже короткое время, чувствуешь дурноту. Чтобы очистить, его намазывают на листья бетеля, вытаскивают попавшие в него тонкие волосы, обмывают его водой, затем лимонным соком и, наконец, сушат на солнце. Затем его помещают в оловянные или жестяные коробки и в таком виде пересылают заказчикам. Лучшим сортом считается цибет азиатской виверры и именно с Буру, одного из Моллукских островов. Яванский цибет считается лучше бенгальского и африканского. Однако все это зависит, конечно, лишь от того, до какой степени вещество это очищено. В настоящее время торговля цибетом значительно упала, так как цибету все больше предпочитают мускус. Как правило, у самцов удается взять меньше цибета, чем у самок, но зато он лучшего качества. Чекки уверяет, даже ссылаясь на слова тех, кто разводил их в Каффе, что только самцы доставляют ценный цибет, между тем как самки выделяют «довольно дурно пахнущую массу», почему их даже и не ловят, а выпускают, если они случайно попадают в сети. «Им отрезают, однако, когти, чтобы в другой раз узнать их по следам».

По словам Чекки, который жил в Каффе лет десять назад, там ежегодно ловят до 200 виверр, отыскивая их убежища по следам, обставляя его сетями и выгоняя обитателей шумом. Их продают на рынке за пластинки соли и стеклянные бусы стоимостью около 40 копеек за животное. Наибольшее количество цибета животные доставляют в период своего полного развития. Их содержат в просторных чистых хижинах, в таких узких прямоугольных клетках, чтобы они не могли в них повернуться. К передней стороне клетки приделано корыто для корма, в задней стороне находится отверстие, через которое сторожа могут, не боясь укусов, вынимать массу посредством деревянной, смазанной маслом лопатки. Постороннему неохотно разрешают вход в это помещение, боясь, чтобы его взгляд не помешал отделению цибета. Владелец должен заботиться об обильной и подходящей пище для животных; обычно им дают сырое или полусырое мясо, приготовленное с маслом, и муку, сваренную в мясном бульоне. Помещение отапливается с помощью жаровень, чтобы облегчить этим отделение желаемого вещества. Чекки говорит, что сто виверр съедают в четыре дня 6-7 быков. Промысел тем не менее оплачивается очень хорошо, так как одно животное дает через четыре дня по 80-100 граммов цибета, цена которого колеблется приблизительно от 1,8 до 6,7 марки, а бык обходится крупным землевладельцам Каффы не более 1,6-2,4 марки. Цибет очень легко гниет и портится при высокой температуре, поэтому его заботливо сохраняют в сухих и прохладных местах. Его хранят обычно в бычьих рогах и продают, смотря по спросу, обусловливаемому временем года, за одну-три пластинки соли ценой в 0,6-1,8 марки за «вокит», или вес талера, то есть 27 граммов. Каффа так богата цибетом, что повышения цены не наступает даже тогда, когда в один день покупают до ста килограммов. Главная масса вывозится на берег моря и на Восток. До настоящего времени тщетно старались объяснить себе пользу этого железистого отделения для животного. Что оно не пользуется цибетом таким же образом, как американская вонючка своим смрадным выделением, т.е. для устрашения врагов, это несомненно*. Возможно, оно служит приманкой для животных разного пола. Было бы важно узнать поточнее об образе жизни этого животного на свободе, но приходится признать, что все наблюдения и отчеты о путешествиях крайне бессодержательны в этом отношении, и можно справедливо удивляться, что и неученые так мало обратили внимания на столь замечательное и полезное животное. Сам я имел мало возможности наблюдать африканскую виверру.

* Выделения околоанальных желез виверр имеют, в первую очередь, функцию маркировки территории. Зверь трется седалищем о подходящую палку? или камень, оставляя запаховую метку, несущую информацию о том, что территория занята, и о ее хозяине. Собственно, так метят свои участки многие хищники. У мусанга и пагумы железы могут выполнять и защитную функцию: звери, подобно скунсу, брызгают мускусом во врага.

Почти то же самое, что можно сказать об африканской цивете, относится и к азиатской цивете (*Viverra zibetha*)**, которую долгое время считали разновидностью африканского вида.

* * *Азиатская цивета (Vivetra zibetha) распространена от Непала и восточной Индии до южного Китая и Малайи. Внешне сходна с африканской циветой, от которой отличается несколько более легким сложением и строением зубов. Длина тела 58-95 см, длина хвоста 30-48 см, вес до 11 кг. Как и ее африканский родич, азиатская цивета населяет и леса, и открытые пространства, если на них достаточно густой травяной или кустарниковый покров; ведет преимущественно наземный образ жизни.*

Однако она не только отличается от циветы окраской и рисунком шерсти, но и имеет различные отклонения во внешнем виде. Ее голова острее, тело тоньше, уши длиннее, чем у циветы, и волосы нигде не образуют гривы. Основной цвет темный буровато-желтый, на котором выступает большое число густо расположенных темно-рыжих пятен различной формы. На спине эти пятна сливаются в широкую черную полосу, на боках они не очень резки. Ноги буровато-рыжие, хвост имеет черный кончик и различное число более или менее резко ограниченных колец. У взрослого животного длина тела равняется 80 см, длина хвоста — 56 см, при высоте в холке 38 см; вес его равен 8-12 кг.

Азиатская виверра была широко распространена малайцами, которые называют ее «тангалонг», по фон Розенбергу, правильнее «тингалонг». Родина ее, по словам Блэнфорда, Бенгалия, Ассам, Бирма, южный Китай, Сиам и Малаккский полуостров. В Непале и Сиккиме она поднимается в Гималаях до значительной высоты, встречается, может быть, и в восточном Тибете, напротив, на юг и на запад она распространена немного далее Бенгалии, так как ее нет в средних провинциях Декана. Виверра, встречающаяся в западной части южной Индии, это, вероятно, другой вид (*Viverra civettina*) и, по словам Жердона, встречается и на Цейлоне. В Бенгалии цивета приносит в мае и июне 3-4 детенышей, которые, по словам Ходжсона, рождаются, вероятно, с открытыми глазами. Продолжительность беременности неизвестна.

Азиатская виверра живет вообще поодиночке, днем прячется в рощах, кустарнике и травянистых чащах, а ночью бродит, посещает нередко жилые места и крадет, особенно кур и уток. Вообще же она питается как плодами и различными корнями, так и насекомыми, лягушками, змеями, яйцами и всякими птицами и млекопитающими, которых может одолеть.

Из всех виверровых генеты отличаются очень вытянутым телом, голой продольной полоской на нижней стороне ступни, пятипалыми передними и задними ногами со втяжными когтями, длинным хвостом и средней величины ушами. В заднепроходной области находится неглубокий железистый мешок, который открывается наружу у края заднего прохода двумя отдельными выводными протоками. Многие очень сходные между собой виды населяют Азию и Африку, откуда один, по видимому, перешел и в Европу.

Самый известный вид **обыкновенная генета** (*Genetta genetta*)*, единственная виверра, встречающаяся в Европе, где кроме нее, из представителей этого семейства водятся еще два вида мангуста.

* *Обыкновенная генета распространена в Африке к югу от Сахары, в северной Африке, Аравии, а так же в Европе: в Испании, Франции. Португалии и на Балеарских островах. Размером с кошку: длина тела 40-55 см, хвост примерно такой же длины, вес около 2 кг. Самцы немного крупнее самок. Предпочитает открытые сухие местообитания, саванны и даже полупустыни, но с густым растительным покровом.*

Тело ее достигает в длину 50 см, хвост — 40 см, высота плеч — 15-17 см. Тело, покоящееся на очень коротких ногах, чрезвычайно стройно, голова мала, сзади широка и отличается длинной мордой и короткими, широкими, с тупыми кончиками ушами. Глаза с таким же зрачком, как у кошек, днем сужаются и принимают вид щели. Заднепроходная железа мала и выделяет лишь незначительное количество жирной жидкости, пахнущей мускусом. Основной цвет короткого, густого и гладкого меха светло-серый, переходящий в желтоватый; по бокам тела расположены четыре-пять продольных рядов пятен различной формы и черного цвета, редко смешанного с рыжевато-желтым, а на верхней стороне шеи — четыре непрерывные продольные полосы, направление которых сильно изменяется. Горло и нижняя часть шеи светло-серые; темно-бурая морда имеет светлую полосу над спинкой носа, пятно около глаза и маленькое пятно над глазом; конец верхней челюсти белого цвета. Хвост имеет семь или восемь белых колец и черный кончик.

Настоящей родиной этого крайне изящного, но при этом очень хищного и кровожадного, злого и смелого зверька следует считать горы Атласа и северной Африки. Однако он встречается также в Европе, главным образом в Испании и южной Франции. Уже в Испании генета встречается в удобных местах постоянно, хотя ее крайне редко удается увидеть. Она живет как на безлесных и лишенных деревьев горах, так и на лесистых, однако спускается и на равнины. Влажные места ря-

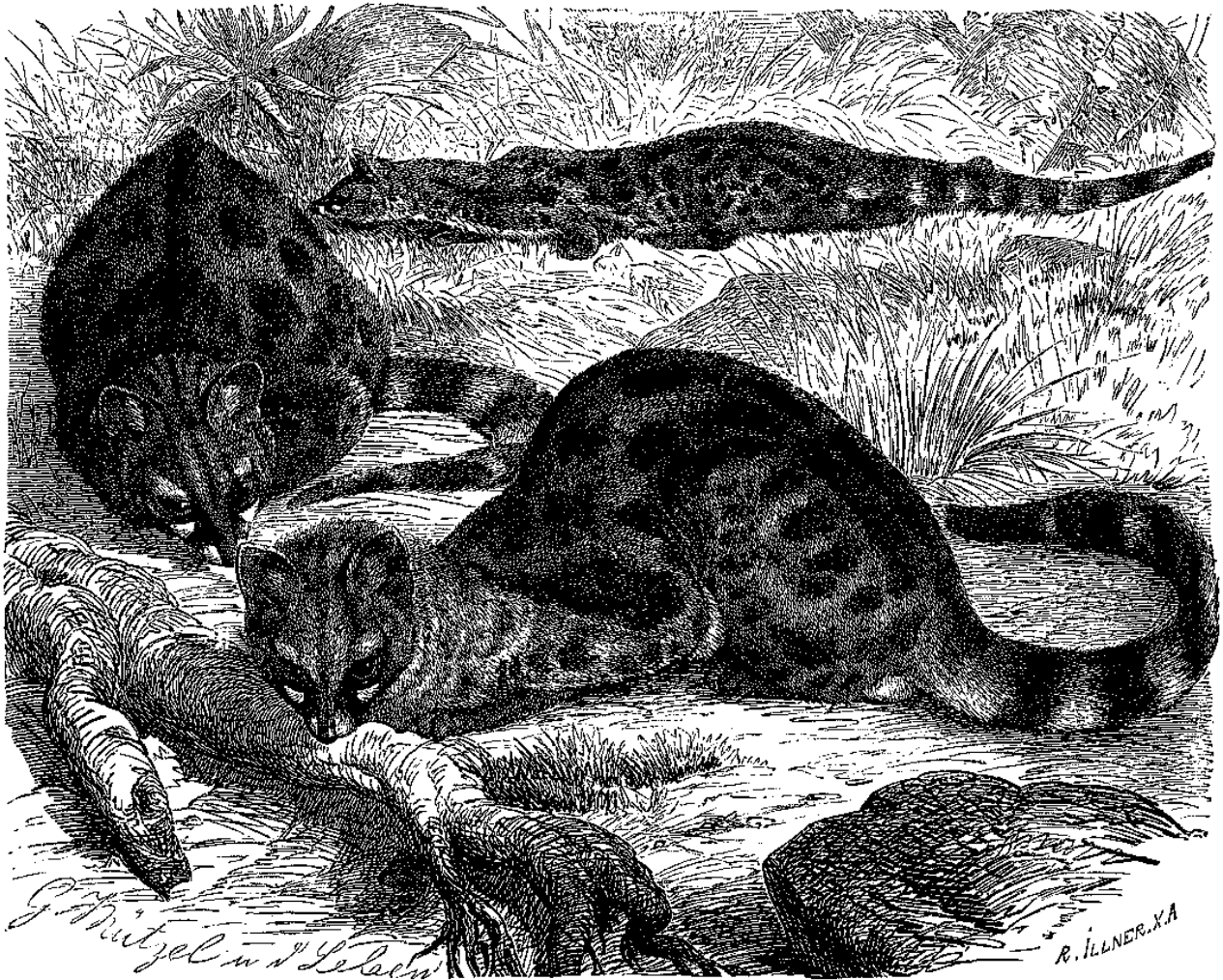
дом с источниками, местности. богатые кустарником, каменистые обрывы составляют ее любимое местопребывание. Здесь одинокий охотник иногда испугивает зверька и днем, но, как правило, благодаря сходству цвета ее меха с обломками скал и даже с голой землей она так быстро исчезает, что охотник не успевает выстрелить. Она извивается с ловкостью змеи между камнями, растениями, травой и кустами и в мгновение ока совершенно скрывается за ними.

Гораздо чаще можно встретить ее ночью, посещая ее любимые места. Лишь довольно поздно после заката солнца и, во всяком случае, после того, как сумерки вполне наступили, она появляется и неслышно скользит от камня к камню, от куста к кусту, старательно нюхая и прислушиваясь по всем направлениям, всегда готовая при малейшем признаке присутствия мелкого животного напасть на него и задушить. Мелкие грызуны, птицы и их яйца, а также насекомые составляют ее пищу, которую она умеет доставать из самых скрытых мест. Для плохо огороженных курятников и голубятен она так же опасна, как куница и хорек, но такие разбои с избытком компенсирует ревностной охотой за крысами и мышами, которые составляют главную часть ее пищи. Движения ее красивы и изящны, быстры и ловки. Я не знаю никакого другого млекопитающего, которое, подобно ей, умело бы двигаться с гибкостью змеи и с быстротой куницы. Ее удивительная подвижность вызывает восхищение. Кажется, будто у нее тысяча сочленений. При нападениях она неслышно скользит по земле, вытянув так свое узкое тело, что оно вместе с хвостом составляет одну прямую линию, и, расставив ноги насколько возможно, вдруг сильным прыжком бросается на добычу, хватая ее с неизменной верностью, душит, издавая довольное ворчание, и принимается за еду. Во время еды она поднимает шерсть дыбом, как будто ей постоянно приходится бояться потерять добычу. Она умеет также превосходно лазать и не теряется даже в воде.

О размножении ее на свободе не известно ничего*.

** По современным сведениям, генета приносит детенышей дважды в год, в середине-конце весны и в конце лета. Беременность 56-77 дней. Рождаются от 1 до 4, обычно 2-3 детеныша.*

В Марокко генету содержат в домах для тех же целей, что и нашу домашнюю кошку, — она истребляет крыс и мышей. Уверяют, что она с большим усердием и умением занимается этим делом и способна в короткое время очистить целый дом от крыс и мышей. Ее чистоплотность делает ее приятным сожителем, но запах мускуса, который она в короткое время передает всему дому, похоже, слишком силен для европейцев.

Пятнистая генета (*Genetta tigrina*)

Однако могут встречаться и исключения. О Чинчочо, прежней станции экспедиции Гюсфельдта в Лоанго, Пехуель-Леше рассказывает следующее: «Мы не раз держали виверр и генет. Первые очень непривлекательные животные, которым никогда нельзя вполне доверять и запах которых скоро становится крайне невыносимым; последние же делаются чрезвычайно ручными, знают свое имя и бегают даже среди бела дня, как собака, за своим хозяином и доставляют необыкновенно много удовольствий. Движения этого несоразмерно вытянутого в длину и длиннохвостого, но очень коротконогого животного с узкой головой, гладким серо-желтым мехом, украшенным матово-черными пятнами, так изящны и ловки, так определены и сильны и в то же время гибки, что никогда не устаешь смотреть на него, прыгает ли оно, делая волнообразные движения, или, невероятно вытянувшись, подкрадывается к чему-нибудь, как змея или ящерица. В нашем главном бараке поселилась одна полувзрослая генета и, по-видимому, в изобилии добывала себе для пропитания крыс, которые, к сожалению, в огромном количестве водились тут. Когда мы по вечерам сидели и болтали в общей комнате, она часто прибежала по нижней балке крыши, с любопытством смотрела на нас и затем смелым прыжком бросалась вниз на стол. Здесь она по своему обыкновению проворно скользила от одного к другому, издавая тихие звуки, позволяла короткое время гладить и дразнить себя и скоро исчезала так же, как и появлялась». Шкура генеты ценится за ее мех. После победы Карла Мартелла над сарацинами в 732 году при Туре было добыто много одежды с этим мехом; как рассказывает Пеннан, в это время был учрежден Орден Генетты, членом которого были первые из князей.

Древние, по-видимому, не знали этого животного; во всяком случае, очень сомнительно, подразумевал ли Оппиан именно его под названием «маленькая пятнистая пантера». Но Исидор Испальский и Альберт Великий упоминают о ней и рассказывают, что мех ее очень ценился уже в то время.

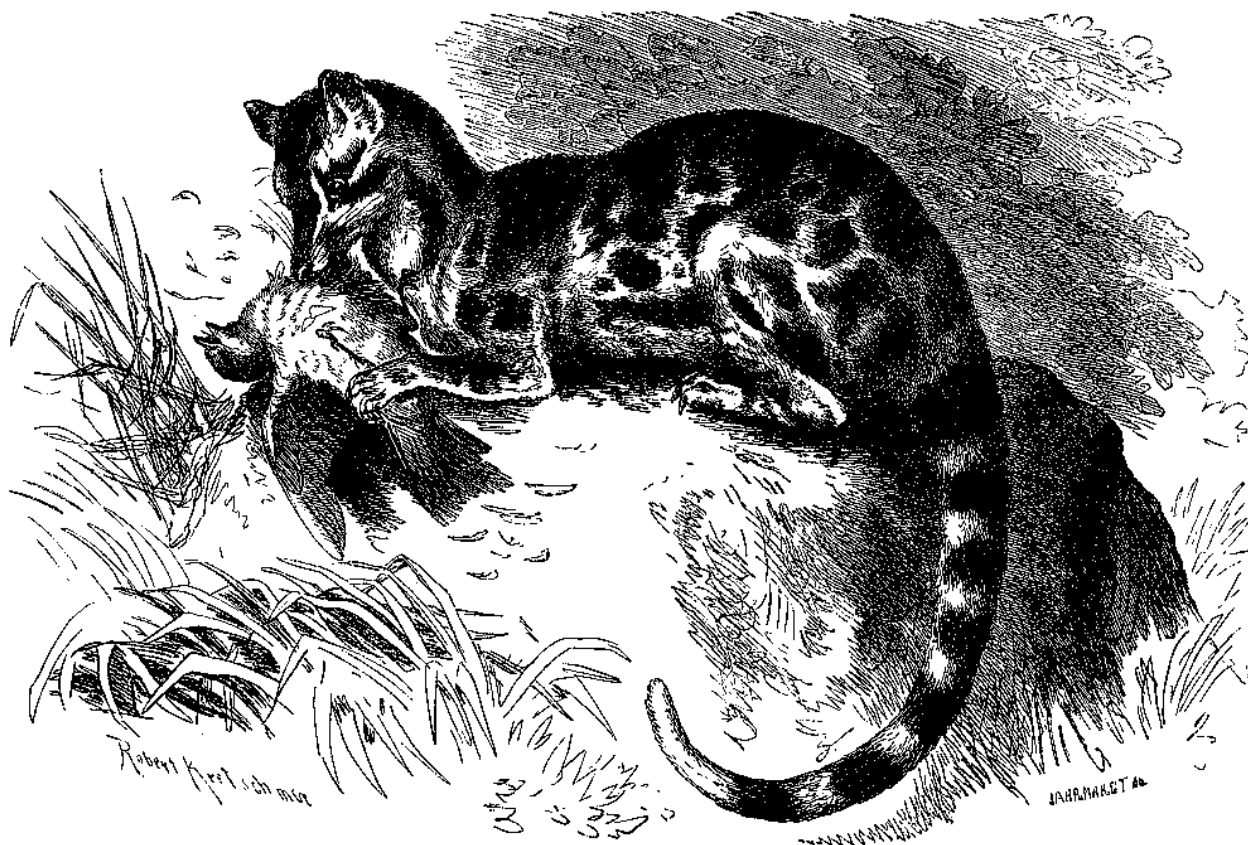
Из виверр Грэй выделяет **полосатого линзанга** (*Prionodon linsang*)* в качестве представителя особого рода, хотя это животное мало отклоняется от общего характера группы.

* *Полосатый линзанг* не крупная изящная виверра, распространенная в Таиланде, Малайе и на Больших Зондских островах. Длина тела 35-45 см, хвост немного короче, вес 600-800

г. Линзанг населяет тропические леса, где ведет полудревесный образ жизни. Часто селится в дуплах или сооружает гнезда из веточек и листьев. Питается мелкими позвоночными и насекомыми. Биология до сих пор изучена плохо.

Очень острая голова, необыкновенно вытянутое в длину тело на коротких ногах, хвост, почти равный по длине телу и лишенный гривы, гладко прилегающий мех — все это внешние признаки животного, зубная система которого состоит из 38 зубов, причем на верхней челюсти лишь один бугорчатый зуб, а все коренные зубы имеют очень острые бугорки. Длина тела равняется приблизительно 70 см, из которых 30-32 см приходится на хвост. Светло-серый или желтовато-белый цвет составляет основную окраску короткого и мягкого меха, на котором видны черно-бурые пятна и полосы; из них лишь одна полоса с каждой стороны, начинающаяся над глазом, проходящая по плечам и бокам тела и здесь разделяющаяся на пятна, и четыре поперечных полосы на спине до некоторой степени правильны; все же остальные пятна разбросаны в беспорядке. Ноги разрисованы темными пятнами, хвост имеет семь широких темных колец и светлый кончик.

Родиной линзанга Стерндаль называет Яву, Суматру, Малаккский полуостров и Сиам; напротив Блэнфорд ограничивает распространение его Явой, Борнео и, может быть, Суматрой. Описывая покрытые отдельными кустами травянистые равнины и горные склоны Явы, Юнгхун говорит о местопребывании и образе жизни этого животного на свободе следующее: «Если не боишься тигров и пойдешь в начале ночи насладиться прохладным вечерним воздухом и побродить между кустами, то иногда случается слышать испуганный крик бедной курицы или утки и видеть, как линзанг быстро бежит, держа добычу в кровавой пасти. Яванцы причисляют это изящное хищное животное к тиграм, повод к чему, без сомнения, дала пантерообразная шкура, беловатая с темными пятнами, и чрезвычайно тонкая вытянутая форма тела, шеи и хвоста. По-видимому, линзанг обыкновеннее в восточной части Явы, особенно у подножия гор, где разбросаны лишь отдельные маленькие деревушки, чем в западной части Явы. Он часто нападает на домашних птиц, но может быть опасен лишь курам и уткам».

Полосатый линзанг (*Prionodon linsang*)

Страннохвосты, или мусанги, полуто-походящие животные, задняя часть пятки голая и усеяна бородавками; хвост, от которого, по-видимому, и происходит их название, имеет у некоторых видов свойство закручиваться в кольца, но это свойство вовсе не поражает в такой степени, чтобы видеть в нем главный отличительный признак. Передние и задние ноги имеют по пять пальцев с более или менее выдвигаемыми когтями, которыми страннохвосты, подобно кошкам, пользуются при схватывании добычи и при обороне. Глазами своими, об устройстве которых говорилось выше, они тоже напоминают кошек. Железистый мешок заменяется у них голой продольной складкой у

заднего прохода, причем отдельные железы все-таки существуют. Зубная система состоит из 40 зубов.

Все виды страннохвостов живут в южной Азии и на прилежащих островах, преимущественно на Зондских. Как все ночные животные, они с заходом солнца выходят на грабеж, быстро шмыгают по лесам, отлично лазают, умеют ловко ловить птиц и гоняться за мелкими млекопитающими, которые служат им пищей. Впрочем, помимо этого они питаются растительной пищей, иногда даже предпочитают ее животной и вследствие этого совершают набеги на сады и плантации, не менее опустошительные, чем их грабительские нападения на птичьи дворы. Их ловят и часто доставляют живыми в Европу, где они, не требуя особого ухода, живут по нескольку лет и легко размножаются в клетках. Из-за их сонливости они большей частью находятся на свободе, и даже днем их не держат на цепи. Воючие выделения из желез делают их для многих крайне противными животными.

Среди страннохвостов **обыкновенный мусанг, пальмовая цивета** (*Paradoxitrus hermaphroditus*)*, по строению тела и окраске меха напоминает генету.

* *Мусанг одна из самых широко распространенных виверр в Азии. Мусанги всеядны, ведут полудревесный образ жизни.*

Обыкновенный мусанг (*Paradoxitrus hermaphroditus*)

Величиной своей она приближается к домашней кошке: длина туловища 45-55 см, хвост почти такой же длины; высота в холке 18 см. Туловище вытянуто, хотя довольно коренасто; ноги короткие и сильные; длинный хвост может закручиваться в разные стороны; уши средней величины; очень выпуклые глаза имеют карюю радужную оболочку и крайне подвижный зрачок, который может суживаться чуть не в волосок. Мех состоит из густого подшерстка и тонких волос ости. Основная окраска его буро-серая, почти черная, но оттенки ее меняются в зависимости от освещения. Большей частью спина не полосатая, но встречаются экземпляры, особенно из молодых, у которых вдоль позвоночника идут неясные темные полосы, образовавшиеся из слившихся между собой черных пятен. Голова, ноги и конец хвоста черные; под глазами, а часто и над ними, равно как и по обеим сторонам носа, идут белые, а иногда серые пятна. По Блэнфорду, эти внешние признаки часто меняются, что весьма затрудняет правильное подразделение этих животных на виды, из которых одни распространяются исключительно в западных частях, а другие в восточных.

Цивета водится на Цейлоне и в Индостане до подошвы Гималайского хребта, за исключением немногих областей, почти повсеместно, где есть леса; впрочем, встречается также и в степях, а равным образом и в поселках, где зачастую устраивает себе жилище где-нибудь под крышей или в

сараях. В лесу ведет образ жизни лесного животного и днем все время спит, приютившись на ветви или в дупле дерева, которое служит ей любимым гнездом; тут она большей частью и плодится, принося сразу по четыре-шесть детенышей. По Тиккелю, она дает знать о своем присутствии испражнениями, которые кладет на поваленные деревья. Как и все прочие члены этого семейства, цивета охотится по ночам за млекопитающими и птицами, таскает из гнезд яйца и птенцов, истребляет ящериц, змей и насекомых, но особенно любит плоды. Она наносит большой ущерб ананасовым плантациям и часто появляется незваным гостем на кофейных плантациях.

Будучи поймана молодой, пальмовая цивета легко приручается. Содержание ее, как и всех других страннохвостов, не составляет особого труда, так как она удовлетворяется всем, что ей дают: мясом, яйцами, булками, рисом и разными плодами.

Во всех странах, лежащих на восток от Бенгальского залива: в Бирме, Сиаме, на Малакском полуострове, на Суматре, Яве и Борнео пальмовая цивета заменяется другим подвигом — **малайским мусангом**. По Розенбергу, мусанг встречается также в Новой Гвинее, куда, однако, его, должно быть, завезли*.

* На Новой Гвинее мусанг не встречается, однако он завезен местными жителями на многие острова, в частности Тимор, Филиппинские, Сулавеси, где ранее не обитал, в качестве истребителя крыс и мышей.

Малайский мусанг (*Paradoxurus hermaplwoelitus*)

Ростом он немного меньше предыдущего вида страннохвостов и имеет более короткий и грубый мех. Длина его туловища — 42 см, хвост, по обыкновению, немного короче туловища. Окраска шерсти также сильно изменчива. Мне представлялись случаи видеть массу разновидностей. Юнгхун передает нам несколько рассказов о набегах этих животных на кофейные плантации Явы и об их образе жизни на свободе. Когда созревают плоды кофейного дерева, краснея своей яркой оболочкой, и наступает время сбора и сушки спелых ягод, то по дороге от кофейных плантаций, изрезанной по всем направлениям тропинками, «можно часто видеть своеобразные белые кучи испражнений животного, состоящие из слеplенных, но ничуть не поврежденных бобов кофейного дерева. Это кал мусангов, которых так ненавидят горные жители за их грабительские набеги на птичьи дворы; впрочем, мусанг не менее охотно питается и другими плодами, особенно от диких пальм; любимым же его местом пребывания во время созревания плодов служат кофейные плантации, где часто и ловят его яванцы.

Животное переваривает только мясистую сочную оболочку плода, а зерно выбрасывает вместе с калом, так что оно остается ниславо не поврежденным и так же хорошо идет в употребление, как и сорванное с дерева. Яванцы уверяют, что это наилучшие семена кофейного куста, вероятно, потому, что животное ест только самые хорошие, зрелые плоды*.

* Очень многие животные, питающиеся плодами, не повреждают семян и даже увеличивают их всхожесть и при этом уносят от родительского растения, обеспечивая расселение того или иного дерева. Некоторые деревья тропического леса уже не могут существовать и расселяться без таких добровольных «помощников» со стороны животных.

Кроме того, мусанг питается еще птицами и насекомыми, ловит много диких куриных птиц, высасывает яйца в гнездах и особенно падок до этого лакомства. Если поздно вечером пойти прогуляться по кофейной плантации, где понемногу наступает невозмутимая тишина, то можно иногда видеть, как мусанг прыгает между деревьями. Он веселого нрава, особенно в период безмятежной юности, проворен в своих движениях и легко приручается. В неволе мусанг довольствуется по целым неделям одними бананами и так быстро привыкает к дому, что его можно пускать бегать и без привязи».

Еще один вид виверровых, живущий в Китае и на Формозе и выделенный Грэм, имеет большие, но короткие треугольные плотоядные зубы и некоторые несущественные особенности в строении черепа. Мы назовем его **пагума, или гималайская цивета** (*Pagiima larvata*)*.*

* * *Гималайская цивета отличается от мусанга немного большими размерами (длина тела до 76 см, масса до 5 кг) и отсутствием пятен в окраске, а также зубами, более, чем у мусанга приспособленными для поедания мяса. Она распространена вовсе не только в Китае и на Тайване, но населяет леса от Западных Гималаев до Малайи, острова Хайнань и Больших Зондских островов. Человеком заселена в Японию, на остров Хонсю.*

По величине пагума не отличается от своих родичей. Окраска его густого роскошного меха на голове по большей части черная, но на щеках, нижней челюсти, на горле и на шее серая, а на верхней части туловища желтовато-серая. От голого кончика носа идет по лбу и затылку белая полоса, другая такая же расположена под глазами, а третья — над ними. Уши, кончик хвоста и ноги черные. В корне темно-серые, а сверху почти черные волосы меха имеют посередине темное кольцо и белый кончик. Впрочем, пагуму, как и других страннохвостов, нередко можно встретить самой разнообразной окраски.

По существующим до сих пор исследованиям, родиной пагумы нужно признать Китай и остров Формозу. Однако и там он водится в не особенно большом количестве, так как китайцы, называющие его «иу-мин-мао», что значит «кошка, имеющая лицо из драгоценного камня», очень редко могут предложить его естествоиспытателям не только в живом виде, но и убитым. Свинхое называет пагуму животным, любящим деревья, и замечает, что он отлично лазает. «Я держал, — говорит он, — одну из этих виверр на цепи под верандой в продолжение нескольких месяцев. Она предпочитала жареное мясо сырому, не особенно любила яйца и мелких птиц. Чучело змеи, напротив, возбуждало ее живейшее внимание: одним прыжком она вскочила на него, схватила и стала трясти. Когда я дал ей рака, она обнюхала его, вытерла себе морду, как это проделывают собаки, евшие падаль, однако не съела его. Пущенный на свободу пагума влезал на двери, стулья и столы, крепко держась передними ногами, а задними подталкиваясь вперед. Он бегал взад и вперед во всю длину своей цепи, вдруг поднимался на задние ноги и испускал крик, похожий на трель. Прохожих собак он отгонял от себя, показывая им зубы. В течение дня спал, большую же часть ночи бодрствовал. Жара для него была очень неприятна и возбуждала сильную одышку».

Животное, напоминающее речную выдру, — это **выдровая цивета, или мампалон** (*Cynogale bennetti*). Туловище этого достопримечательного существа короткое и толстое, голова длинная, морда довольно заостренная, ноги и хвост очень короткие, подошвы голые, на лапах по пять пальцев, наполовину соединенных между собой перепонкой и вооруженных выгнутыми когтями.

Выдровая цивета (*Synogale bennetti*)

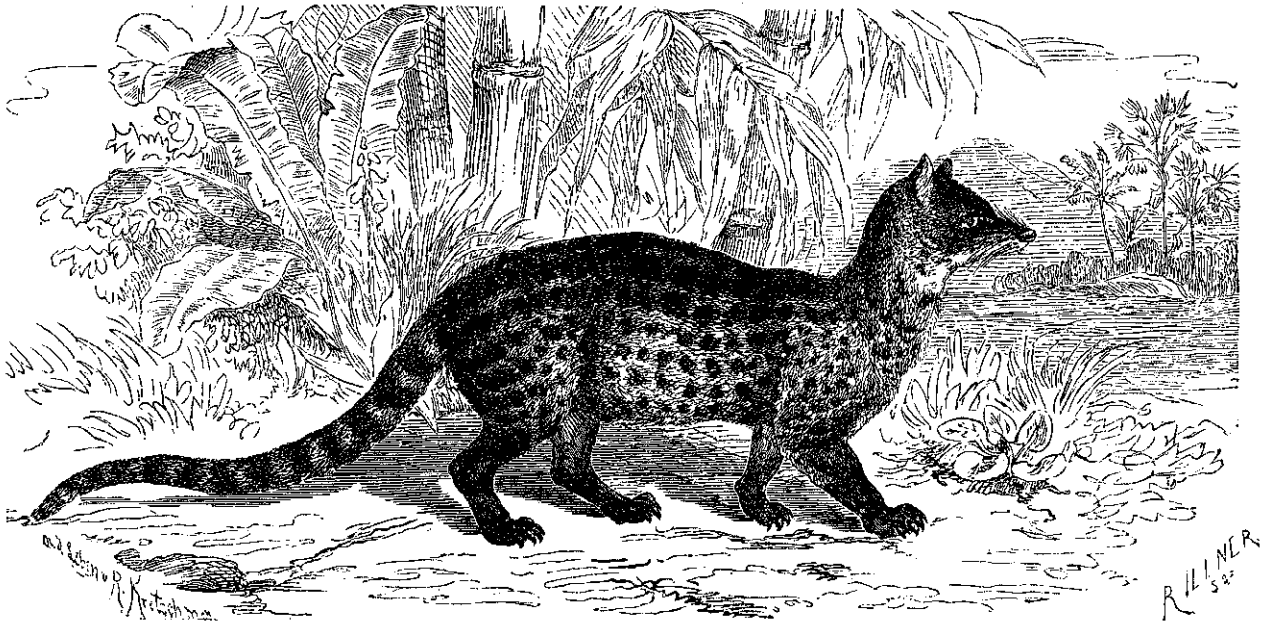
Особенно замечательны в этом животном большие усы, состоящие из длинных желтовато-белых щетин; снизу и сверху их растут более тонкие бурые волосы, а на щеках торчат еще два пучка длинных и крепких беловатых щетин. Устройством зубной системы, заключающей в себе 40 зубов, мампалон столь же близок к всеядным животным, сколь и к настоящим плотоядным. Окраска его меха желтовато-бурая, тонкие волосы ости в середине желтовато-белые или черные; на животе попадаются отдельные длинные волосы с белыми копнами, горло и нижняя губа черно-бурые, ноги темнее, глаза карие, подбородок и пятно над глазами желтовато-белые, нос черный. Сильно округленные уши покрыты снаружи маленькими, короткими, черными волосками. Длина туловища достигает 60-65 см, хвост — 15 см.

Это животное водится около рек и озер Малаккского полуострова, Суматры и Калимантана, но оно умеет — и притом довольно ловко — лазать по наклонным деревьям и по толстым сучьям; питается мампалон рыбой, птицами и плодами. Больше, кажется, ничего не известно об образе жизни этого вида виверр*.

* *Выдровая цивета живет в болотистых местах и по берегам лесных рек, отлично плавает, в том числе под водой.*

В новейшее время в зоологических садах часто можно видеть еще одну виверру — **рассу, или малую цивету** (*Viverricula indica*). Она значительно меньше, но с более длинным хвостом, чем животные, описанные выше; длина ее тела равняется 60 см, длина хвоста несколько менее, вес 2-3 кг. Ее отличает очень узкая голова с относительно большими ушами. Жесткий мех серо-бурого цвета с черным и испещрен рядами темных пятен; хвост с многочисленными кольцами.

Расса живет от подножия Гималаев по всей Индии, кроме местностей, прилегающих к Инду, и западной части Радшпутана; на Цейлоне, в Ассаме, Бирме, южном Китае, на Малаккском полуострове, Суматре, Яве и, вероятно, на других южноазиатских островах.

Расса, или малая цивета (*Viverricula indica*)

Она водится на Сокоторе, хотя сюда, вероятно, завезена, на Коморских островах и на Мадагаскаре. Живет в норах или между скалами, в чащах, иногда около человеческих жилищ и даже в них; говорят, ловко лазает по деревьям и бродит нередко и днем. По Ходжсону, она по большей части выходит на поиски пищи поодиночке, питается кроме различных плодов и корней мелкими млекопитающими и птицами, а также яйцами, лягушками, змеями и насекомыми. При случае похищает и домашних птиц, почему ее особенно не любят в южном Китае. Судя по различным рассказам, яванскую рассу нельзя совсем приручить; об индийской рассказывают прямо противоположное, и Желдон говорит, что держал у себя несколько совершенно ручных животных этого вида.

Расса приносит четыре-пять детенышей. На родине она пользуется большим почетом благодаря цибету, употребление которого очень популярно развито среди малайцев*.

* *Малая цивета населяет леса и открытые пространства; живет в норах, которые обычно выкапывает сама. Всеядна.*

Этим благовонным веществом в смеси с другими пахучими веществами не только душат платье, но и опрыскивают комнаты и постели; но этот запах невыносим для европейцев.

Рассу держат в клетках, кормят рисом и бананами или, для перемены, птицами и через определенное время собирают у нее цибет, как описано выше. До самого употребления цибет хранят в воде. Говорят, что после обильного кормления животного бананами он становится особенно благовонным.

Фосса (*Cryptoprocta ferox*) с кошками сходна по общему строению, виду морды и по довольно сильно вытягивающимся когтям; с виверрами вытянутой формой тела, низкими ногами, короткими яйцевидными ушами, длинными усами, заметно развитым железистым мешком около заднепроходного отверстия, голыми ступнями и другими признаками. Череп длиннее и уже, чем у кошек, нижняя челюсть тоньше, промежуток между клыками и коренными зубами верхней челюсти и первый коренной зуб больше, чем у кошек, в нижней челюсти четыре коренных зуба, а не три.

Фосса достигает 1,5 м общей длины, из которых на хвост приходится 68 см, но очень низкая, так как ноги имеют лишь 15 см в высоту. мех, состоящий из коротких, но густых и несколько жестких волос, которые на голове и ногах кажутся как бы подстриженными, красновато-желтого цвета, темнее на спине, так как здесь отдельные волосы покрыты бурыми и бледно-желтыми кольцами; на ушах снаружи и внутри находятся более светлые волосы; усы частью черного, частью белого цвета; радужная оболочка зеленовато-желтого цвета и похожа на радужную оболочку домашней кошки.

Родина фоссы — остров Мадагаскар**. Ее знают здесь повсюду, боятся до смешного, утверждают, что она нападает даже на человека, и рассказывают множество басен, в которых она играет значительную роль.

** *Эволюционируя в изоляции на Мадагаскаре, фоссы стали самым крупным хищником на этом острове, заняв в природном сообществе место кошек и сделавшись удивительно на них похожей.*

О жизни ее на свободе мы не имеем еще достаточно сведений, так как до сих пор ни один европеец хорошенько ее не наблюдал, и даже Поллен передал главным образом рассказы туземцев. По словам мадагаскарцев, фосса, кроме времени спаривания, живет поодиночке в лесах, усердно посещает дворы, чтобы красть кур, и настолько же отличается силой, насколько и кровожадностью. Обыкновенно она живет на земле, но иногда взбирается, как говорят, на деревья и ревностно охотится здесь за полуобезьянами, так как особенно любит мясо этих животных. Во время спаривания попадает, говорят, по четыре-восемь фосс вместе, которые в этом случае, по крайне сомнительным рассказам туземцев, без колебаний нападают на человека. Кроме того, говорят, что фосса гасит огонь, царапая землю лапами, что она, желая добыть кур, распространяет вокруг курятника ужасное зловоние, от которого куры погибают, и т. п. Во всяком случае, она представляет собой опасного врага домашних птиц, так как убитый Полленом самец, «хищник первого разряда», в короткое время утащил 1 индюка, 3 гусей и около 20 кур. По уверению огорченного хозяина упомянутых птиц, фосса не довольствуется такой добычей, а при случае нападает также на поросят и других домашних животных и умерщвляет их. Нечего удивляться, что мадагаскарцы жестоко ненавидят ее и по возможности истребляют и даже мучают перед смертью*.

** Фосса иногда нападает на домашних свиней и даже на телят зебу. На человека она может напасть, только будучи ранена. Фоссы стараются избегать контакта с человеком и приближаются к жилищам лишь в крайних случаях.*

Охота на нее не особенно трудна. Когда Поллен объявил нескольким мадагаскарским охотникам о своем желании убить фоссу, то они свели его до восхода луны в чащу, поблизости от незадолго до того ограбленного села, и приманили фоссу из ее убежища с помощью петуха, которого заставляли петь и клохтаться, дергая за веревку, привязанную к его ноге. Через полчаса, в течение которого петух кричал во всю глотку, вдали послышалось ворчание, похожее на собачье, и вскоре после того стали видны две тени, скользившие по траве. Подойдя несколько ближе, хищники остановились и стали прислушиваться, так что Поллену пришлось со своей стороны подползти к ним, чтобы приблизиться на выстрел.

О смешном страхе мадагаскарцев перед фоссой наш сотоварищ рассказывает забавную историю. Цудсе, туземец-охотник Поллена, встретил фоссу, которая при его появлении выразила фырканием свое удивление. Вместо того чтобы пойти на ненавистного врага, перепуганный охотник, дрожа всем телом, бросил ружье, влез на дерево и оставался на безопасных ветвях до тех пор, пока фосса не скрылась в ближайшем кусте. Туземцы едят мясо фоссы и очень ценят его за вкус.

Бинтуронг (*Arctictis binturong*), называемый англичанами «черной медвежьей кошкой»**, отличается тем, что из 40 зубов на каждой стороне верхней и нижней челюсти находится по четыре ложнокоренных и по два настоящих коренных зуба, из которых четыре верхних ложнокоренных обычно выпадают.

*** Бинтуронг отличается от прочих виверр длинной косматой шерстью и обычно медленными неторопливыми движениями. Это крупная виверра, с длиной тела до 96 см. более коротким хвостом и весом до 14 кг. Распространен от Непала до Индокитая и Зондских островов. Ведет полудревесный образ жизни.*

Длина его от 1,5 до 1,35 м, причем почти половину длины составляет очень длинный загибающийся хвост. Туловище у него плотное, голова толстая, морда удлинённая; ноги короткие и сильные, ступни с голой нижней частью и с пятью пальцами, снабженными довольно крепкими, немного втяжными когтями. Густой, довольно жесткий, волнистый мех покрывает тело. На коротких закругленных ушах волосы образуют кисточки, на туловище же, и особенно на хвосте, они также очень длинны, только конечности покрыты короткими волосами. Толстые белые усы окружают морду с обеих сторон лучистым венцом. Цвет шерсти матово-черный, на голове переходит в серый, а на конечностях — в буроватый; края ушей и брови имеют белый оттенок. Самки бывают, говорят, серыми, а детеныши — желтоватыми, потому что кончики черных волос имеют вышеназванные цвета.

Бинтуронг живет на Калимантане, Яве, Суматре, Малаккском полуострове, Тенассериме, Аракане, Ассаме и в Сиаме; встречается ли он в Гималайских горах, Непале и Бутане — еще достоверных сведений нет. О жизни его на свободе известно очень мало. Он ведет ночную жизнь, большей частью на деревьях, и движения его замедлены. По словам Блэнфорда, это животное всеядное, которое ест охотно как млекопитающих, птиц, рыб, червей и насекомых, так и плоды и другую растительную пищу. Его редко можно видеть, потому что он скрывается в густых лесах; его голос похож на громкий вой.

Бинтуронг (*Arctictis binturong*)

Дикий и угрюмый по природе, бинтуронг, пойманный в детстве, скоро делается ручным и даже кротким и веселым. Бок также сообщает, что это животное всеядное и что на Борнео оно встречается реже, чем на Суматре. На этом последнем острове его приручают и кормят преимущественно рисом и бананами; во время еды он сидит на задних лапах, а пищу держит передними.

Бинтуронга открыл Фаркгар, но впервые его описал Раффлес. Позднейшие наблюдатели посылали в Европу чучела, а некоторые любители зверей и торговцы привозили в последнее время и живых зверей в Европу. Я видел трех живых бинтуронгов и за одним ухаживал, причем заметил, что он тихое, кроткое и приятное животное, конечно, если с детства за ним хорошо ухаживали. Хотя он ведет ночной образ жизни, но и днем часто бывает бодр и деятелен. Движения его кажутся медленными и осторожными, при лазании он пользуется хвостом, который не очень цепкий, но все-таки помогает; животное крепко им держится, обвив сучья и ветки, потом разворачивает его, но не до конца, так что не оставляет точки опоры. Таким образом, петля все ближе и ближе опускается к концу хвоста. Наконец, когда хвост совсем соскальзывает с сучка, бинтуронг медленно лезет дальше и обертывает хвостом другой сучок. Голос его похож на мяуканье домашней кошки. Среди его внешних чувств первое место занимают обоняние и осязание; он долго обнюхивает каждый предмет и применяет усы как орган осязания. В его характере нет ни хищничества, ни кровожадности. Растительную пищу он предпочитает всякого рода животной и в клетке очень хорошо живет на простом растительном корме.

Суриката (*Suricata suricata*)* встречается в Африке от озера Чад до предгорий мыса Доброй Надежды.

** Суриката распространена преимущественно на юге Африки, где населяет открытые сухие местообитания. Этот некрупный, длиной 25-35 см (не считая хвоста, который на треть короче), зверек, по-видимому, наиболее социален среди всего семейства. Он живет в норах, им самим вырытых, сообществами по 10-15 зверьков. Каждое такое сообщество состоит из 2-3 семей, каждая семья, в свою очередь, — из взрослой пары и подрастающих молодых разного возраста.*

Голова с хоботообразным рылом, высокие ноги, четырехпалые лапы, хвост, равномерно по всей длине покрытый редкой шерстью, и, наконец, отсутствие первого ложнокоренного зуба — все это отличает суриката от сходных с нею мангустов. Ноги этого животного служат самой характерной его приметой: они вооружены длинными и крепкими когтями, которые, особенно на передних лапах, достигают такого развития, как ни у одного из членов этого семейства. С помощью этих когтей суриката легко выкапывает довольно глубокие ходы. У самки имеются два подхвостных железистых мешка.

Это маленькое животное на высоких ногах длиной 50—60 см, из коих почти половина приходится на хвост. Мех довольно грубый, серовато-бурого цвета с желтоватым оттенком; на этом фоне в задней части спины выделяются от восьми до десяти темных полос. На ногах шерсть светлее, серебристого цвета; губы, подбородок и щеки беловатые, кончик морды, кольцо вокруг глаз, уши и кончик хвоста черные. Глаза с большим круглым зрачком и коричневой или серебристо-серой радужной оболочкой.

Во время ходьбы суриката опирается на землю почти всей ступней, но тем не менее держится на прямых ногах. Прислушиваясь к чему-нибудь, она приподнимается на задние лапы и стоит торчком; иногда бывает, что она делает в этом положении несколько шагов вперед. Из внешних чувств больше всего, по-видимому, развито обоняние; слух у нее плохой, зрение неважное.

Пищу свою она ищет чутьем и потому то и дело, бегая взад и вперед, обнюхивает все углы и закоулки. Найдя какой-нибудь предмет, возбуждающий ее внимание, она хватается передними лапами, обнюхивает, несколько раз поворачивает, снова обнюхивает, подносит ко рту и съедает. Молоко, которое она очень любит, пьет, лакая, как и все жидкости. Бегая взад и вперед, суриката то и дело испускает тихий крик, похожий на «уй-уй».

Суриката (*Suricata suricata*)

Приручить сурикату, по-видимому, можно легко. Она быстро свыкается с окружающими ее условиями и в короткое время научается отличать среди людей своих доброжелателей от тех, кто относится к ней враждебно. Говорят, что суриката, будучи хорошо приручена и приучена к дому, оказывает здесь большие услуги, истребляя мышей, крыс и других вредных животных; в Африке она особенно полезна тем, что уничтожает змей и других пресмыкающихся. О жизни их на воле, к несчастью, еще ничего не известно. В наши зоологические сады попадают лишь редкие экземпляры.

Семейство гиеновые

(Hyenidae)*

** Семейство гиеновые (Hyaenidae) включает всего 4 вида, объединяемых в три рода. Все обладают характерным узнаваемым обликом. Гиены распространены в основном в Африке, но один вид заходит на Ближний Восток, в Индию и в Среднюю Азию. Станный облик и неправые чьи голоса гиен сделали их объектом огромного числа суеверий и легенд, которые к тому же были подхвачены древними и средневековыми авторами.*

Не многие из животных имеют такую фантастическую историю, как гиены. Еще древние исследователи рассказывали о них самые невероятные вещи, вроде, например, того, что собаки теряли голос и разум, как только тень гиены падала на них; уверяли, что эти хищники обладают свойством изумительно подражать голосу человека, чтобы приманить к себе жертвы, напасть на них врасплох и убить; думали еще, что одно и то же животное соединяет в себе оба пола и по желанию может оказываться то самцом, то самкой.

"Туловище гиены, — говорит Геснер, — имеет отвратительный вид: оно все покрыто синими пятнами; глаза такие же отвратительные, имеющие свойство беспрестанно менять свой цвет; затылок окостенелый, неподвижный, как у волка или льва; в голове же ее заключен драгоценный камень. Другие к этому описанию прибавляют еще то, что после смерти глаза ее превращаются в камни. Пищу себе эти хищники добывают, поглощая трупы других животных или людей, причем не удовлетворяются валяющейся падалью, а специально вырывают ее из могил. Гиены обладают великолепным зрением ночью, днем же ничего не видят. По желанию они умеют удачно подражать человеческому голосу и, как утверждает Аристотель, соединяют в одном существе два пола. Животное редко когда попадает в руки охотнику, так как знает одну уловку, которая парализует действия человека: преследуемая охотником, гиена быстрым движением делает поворот направо и старается попасть на его следы, оставленные на земле; если ей это удастся, то на охотника нападает глухота, общее расслабление и ему становится уже невозможно продолжать свои преследования. Кроме того, гиена обладает свойством гипнотизировать человека: стоит только ей провести несколько раз правой лапой над спящим человеком, как сон его делается уже беспробудным, и хищник может совершенно спокойно распорядиться своей жертвой». Интересно, что эти сказочные истории сохранились у всех народов, которым приходилось сводить знакомство с гиеной; но богаче всех фантастические представления об этих хищниках у арабов. Они, например, твердо верят, что если человек съест мозг гиены, то может сойти с ума; вследствие этого они стараются как можно глубже закапывать в землю голову убитой гиены, чтобы устранить для колдунов возможность завладеть мозгом хищника и при его помощи проделывать свои ужасные козни. Некоторые доходят в своем суеверии до того, что самих гиен считают оборотнями, которые днем разгуливают в образе человека, а на ночь превращаются в это безобразное хищное животное на погибель честным людям. Меня самого мой слуга-араб в убедительных сердечных словах предостерегал не стрелять в гиен, рассказывая ужасные вещи про силу и хитрость этих, как он искренне верил, злых духов.

"Это порченые люди, возвеличенные нечистой силой и проклятые Аллахом, — рассказывал мой слуга Али. — Они могут одним взглядом своих дьявольских глаз остановить кровообращение в жилах человека, прекратить биение сердца, иссушить внутренности и затмить разум. Один из наших правителей, Хуршид-паша (благослови его Бог за это!), приказал сжечь несколько деревень, в которых водились эти оборотни, но все-таки целая еще пропасть осталась их на белом свете, и во вред правоверным они страшно могущественны. Хотя Аллах и низвергает их в самую преисподнюю ада, тем не менее, пока они живы, правоверные лучше сделают, если сойдут с их дороги и будут молить Всевышнего, чтобы Он сохранил их от лютой злобы этих проклятых. Несчастный Хуршид-паша тоже поплатился за свои преследования: он умер преждевременной смертью, преследуемый мстостью злых духов. Верь мне: я сам однажды был в большой опасности, и меня спас только Всемогущий, открыв мое сердце доброму совету. Мне как-то вздумалось поохотиться с братом на этих исчадий ада; случай представился отличный: их собралось целое полчище справлять тризну на трупе верблюда. Но в то время, как я уже хотел стрелять, меня остановил голос сына одного мудрого шейха: «Прислушайтесь, правоверные, — говорил он, — к стону существ, которых вы принимаете за гиен. Похож ли он на обыкновенный голос животного? Конечно, нет! Не правда ли, он напоминает скорее вопль стонущего человека? Так верьте же мне, что те, кого вы принимаете за хищных зверей, не кто иные, как люди, великие грешники, осужденные за свои грехи на вечные стенания и жалобы. Слышите, как иногда эти голоса напоминают сатанинский хохот? Так знайте же, что тогда действительно в них смеется дьявол. Верьте, что эти злые духи породили на земле уже массу зла! Я знал одного молодого человека, который имел смелость убить гиену и за это на другой же день был превращен из мужчины в женщину. А с другим случилось еще хуже: как только он убил этого злого духа, кости его тотчас же высохли. Так оставьте их лучше, братья!» Мы вняли доброму совету, но я

целую ночь слышал вой этих ведьм, словно они ругались. (Да сохранит нас Бог от этих прислужников сатаны!) В самом деле, это были не звери, а настоящие ведьмы, исчадия ада и слуги дьявола. От страха у меня дрожали поджилки, коснел язык, темнело в глазах; преисполненный ужаса, я поспешил уйти в свой стан. Верь мне, что ты причинишь себе много зла, если покусишься на жизнь этих чудовищ, принимаемых тобой за обыкновенных зверей. Хотя они и жители ада и дети сатаны, хотя им никогда не будет ведомо счастье и радости земных обитателей, хотя они, при обладании почти столь же обширным гаремом, как у султана, никогда не изведают блаженств семейной жизни, хотя в удел им достанется вечная тьма ада и они никогда не увидят рая — тем не менее эти чудовища должны быть неприкосновенны для всякого правоверного, и тебе, как справедливому человеку, говорю, господин: слушайся моего предостережения!» Всякая сказка, всякое повествование облакаются в известные образы, выходящие из ряда обыденных представлений: в силу этого и животные, о которых рассказывают много чудовищного, должны обладать какими-нибудь исключительными особенностями во внешности. Это наглядным образом подтверждается на гиенах: они как будто и походят на собак, а между тем во всем отличаются от них; по внешнему своему виду они не только некрасивы, но даже отвратительны. Все гиены безобразны. Некоторые исследователи смотрят на них как на нечто среднее между собакой и кошкой, но мы не можем с этим согласиться, так как гиены имеют совершенно своеобразный вид. Туловище у них вытянутое, шея толстая, голова большая, морда некрасивая, но мощная; передние ноги кривые и короче задних*, вследствие чего спина имеет покатую форму; на всех конечностях по четыре пальца. Уши грубой формы и мало покрыты шерстью.

** Очевидная опечатка, так как характерным признаком гиен является большая длина передних ног по сравнению с задними. Характерная для гиен мощность шеи и ширина головы объясняется сильным развитием той мускулатуры, которая необходима для разгрызания костей и разрывания связок. Челюсти гиен обладают огромной силой.*

Глаза поставлены косо, вечно бегают, страшно блестят и имеют отталкивающее выражение. Толстая неподвижная шея, короткий пушистый хвост, длинная, лохматая, жесткая шерсть, которая на спинном хребте превращается в щетину, наконец, сам цвет этой шерсти темный, мрачный — все это, вместе взятое, производит неприятное впечатление. Притом все гиены принадлежат к ночным животным, обладают отвратительным голосом, которым издают или несносные дикие крики, или действительно какой-то адский хохот; они страшно прожорливы, жадны, распространяют скверный запах и ходят уродливой хромящей походкой — одним словом, в этом животном нет решительно ничего, что бы можно было назвать симпатичным**.

** * Гиены не лишены некоторого обаяния, заметить которое мешает лишь предвзятое отношение. Голос пятнистой гиены звучит в африканской ночи негромко и вполне благозвучно, в нем слышны извиняющиеся нотки, как будто зверь, заметивший что-то интересное в экспедиционном лагере и желающий подойти посмотреть, просит прощения за свою нескромность. Голос полосатой гиены, прозвучавший неожиданно и вблизи, может испугать, но в нем нет приписываемого ему неблагозвучия.*

Если проводить параллель между гиенами и другими животными, то можно найти еще некоторые особенности: так, например, устройство челюстей указывает на то, что гиены питаются исключительно мясной пищей; необыкновенное развитие зубов дает им возможность утилизировать несъедобные остатки пищи после других хищников и разгрызать самые крепкие кости. У собаки правильный ряд резцов образует сегмент круга; у гиены же зубы вытянуты в прямую линию и этим придают морде широкий, сплюснутый вид. Резцы у гиен замечательно развиты, клыки тупые, ложнокоренные зубы отличаются плоской коронкой, а коренные — чрезвычайной величиной. Всех зубов — 34. Череп поражает широкой тупой мордой, узкой мозговой коробкой и крепкими, выдающимися скулами и гребнями. Шейные позвонки до того толсты, что древние естествоиспытатели предполагали даже, что они представляют собой одно целое; ребра тоже очень широкие. Кроме того, гиены отличаются величиной своих жвачных мышц, громадными слюнными железами, языком, покрытым роговыми бородавками широким пищеприемным каналом и особенными железками у заднего прохода.

Область распространения гиен очень обширна; по всей вероятности, они водятся повсюду в Африке, за исключением западной экваториальной ее части, и по всей южной Азии до Бенгальского залива; восточнее же залива и на Цейлоне их нет. Это животное не любит жить в лесных дебрях, а предпочитает открытые гористые местности, поросшие травой и мелким кустарником, или же гладкие степи, даже пустыни. Днем редко можно встретить гиен, разве только случайно, когда их спугнут; они выходят на промысел по ночам после заката солнца, собираясь сначала поодиночке

или маленькими группами и оглашая воздух пронзительным воем. Стоит только раздаться одному такому крику, как на него тотчас же откликаются другие гиены, и в самое короткое время их соберется целая стая. Голос полосатой гиены очень неблагозвучен, но уж не так отвратителен, как о нем говорят; хриплые звуки чередуются с высоким визгом, пронзительно-крикливые — с глухим ворчанием. Зато вой пятнистой гиены действительно представляет собой адский хохот, какой пылкая фантазия приписывает дьяволу и его подземным собратьям. Кому в первый раз приходится слышать эти звуки, тот не может воздержаться от невольного содрогания, а беспристрастный наблюдатель тотчас же поймет, что в этом-то ужасном хохоте и кроется главное основание для всяких фантастических сказаний об этих животных. Вероятно, ревом своим гиены созывают друг друга на поиски добычи, а как только она обретена, эта адская музыка, кажется, тотчас же смолкает. В продолжение всей ночи гиены рыщут без устали; если они не промышляют себе добычи на полях и в степях, то, пренебрегая страхом к собакам и сторожам, проникают в деревни, даже в города, и только одно утро в состоянии снова загнать их в логовища.

В этих ночных странствованиях гиены руководствуются не только обонянием, но равным образом слухом и зрением. Они идут не только на падаль, на трупы животных и людей, но и на живые жертвы, выбирая их из стада овец, коз или рогатой скотины; с этою целью они пробираются к самым изгородям, всегда очень высоким и плотным, куда загоняют скот на ночь для защиты против хищных зверей. Как только они почуют добычу, тотчас затихают и как можно осторожнее (подкрадываясь они не умеют), поминутно озираясь по сторонам, подбегают мелкой рысью на самое близкое расстояние, не переставая прислушиваться, обнюхивать воздух, и готовые, по первому подозрительному звуку, снова удрать назад. Пятнистые гиены несколько смелее полосатых, но все-таки, если принимать во внимание их размеры, поразительно трусливы. Делая свои набеге при недостатке падали на живой скот, они ограничивают свой выбор теми животными, которые не могут оказать им сопротивление, поэтому большей частью нападают на слабосильных домашних животных. Но зато здесь они могут производить страшные опустошения. Из-за них Зелус потерял в южной Африке двух сильных ослов, от которых он нашел лишь одни черепа, а в другой раз за ночь гиены съели у него львицу, убитую им вечером. На здоровый, живой скот гиены посягают только тогда, когда не находят себе добычи среди падали или больных животных, оставших от стада.

Однако случается, что иногда они обращаются в настоящих гончих, преследуют по ночам антилоп, подминают под себя добычу, как это делают волки, душат ее и тут же пожирают*.

** Гиены устраивают загонные охоты на крупных копытных. И очень часто добытую на этих охотах жертву у гиен отбирает «царь зверей», особенно если является со всем своим прайдом. Между львами и пятнистыми гиенами существуют самые выраженные враждебные отношения, которые только можно наблюдать между двумя видами животных. И если современники Брема склонялись в своих суждениях в пользу льва, то современные зоологи, лучше изучившие жизнь саванны, чаще принимают сторону гиен.*

Швейнфурт видел в стране Ньям-Ньям, как пятнистая гиена, которые, кстати сказать, там очень редки, затравила бубала (*Acronotus саата*); но такие охоты, во всяком случае, могут списаться исключительно*.

** Хотя гиены и признанные поедатели трупов, но в основном падалью они питаются, когда ее много.*

Самое приятное для них — падаль; вокруг нее собирается всегда гиен видимо-невидимо. Это настоящие коршуны среди млекопитающих: прозорливость их безгранична; при этом они теряют всякое самообладание, не признают уступчивости и из-за лишнего куса заводят настоящую войну; тогда поднимается такой вой, скрежет зубовой и хохот, что суеверные люди в самом деле могут подумать, что сюда сбежались на шабаш все черти ада**.

** * В стаях гиен царит жесткая иерархия отношений и почти военная дисциплина. Поэтому настояц их драк возле добычи ни обычно не бывает, хотя старшие по рангу звери могут окриком или укусом напоминать младшим их место. Ерем противоречит сам себе, так как выше он уже писал, что возле добычи гиены молчаливы.*

Несмотря на ту пользу, которую, казалось бы, могут приносить гиены уничтожением падали, они все-таки должны считаться безусловно вредными животными, потому что убыток, наносимый ими истреблением домашнего скота, во всяком случае, превышает эту относительную пользу, которую могут приносить другие, более приятные работники из класса птиц и насекомых. Особенно гиены любят следовать длинной вереницей за караваном, идущим по степи или пустыне, словно чувствуют, что там они почти всегда могут найти себе жертву. В крайнем случае они удовлетворяются ка-

кими-нибудь остатками животного, иногда даже сухой кожей, и зачастую их можно встретить на деревенских дворах, роющимися в навозных ямах.

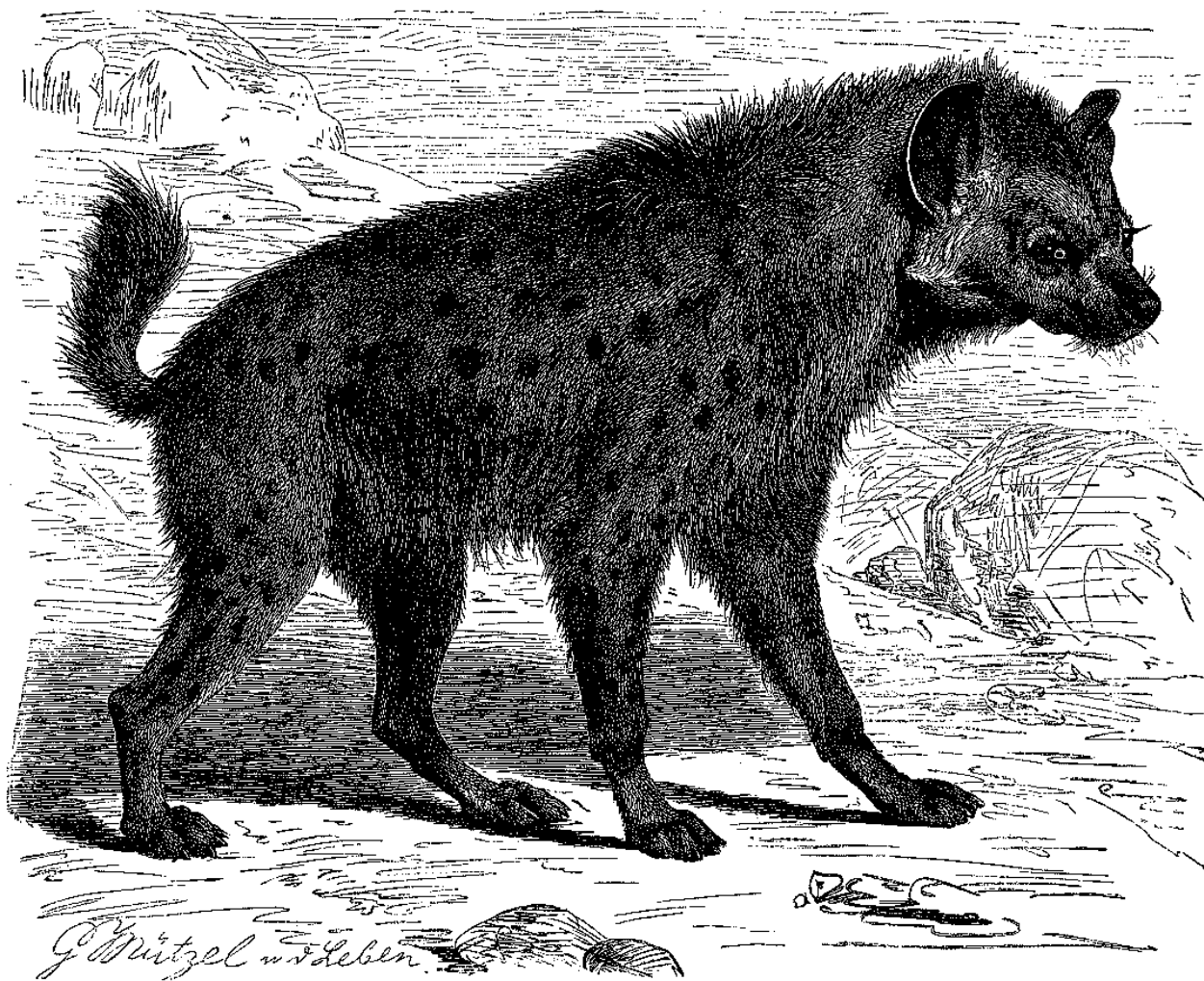
Не раз поднимался спор о том, безусловно ли гиена опасна для человека. О полосатой гиене в этом отношении нельзя высказать вполне определенного мнения; что касается пятнистой, то случаи нападения этих гиен на людей описывались как часто и столь достоверными людьми, что сомнения в их опасности для человека быть не может. Большой частью они посягают на жизнь детей, выкрадывая их из деревень; на взрослого они решаются нападать лишь тогда, когда видят, что он незащищен, например, болен, истомлен или спит. Бывают, впрочем, случаи, когда они нападают и на вооруженных людей. В некоторых частях Африки на них смотрят как на бич страны, в особенности там, где они водятся массами. Европейские поселенцы, а за ними и туземные жители стали устраивать облавы на гиен и применять всякие меры для истребления этих вредных хищников; на в их охотятся с ружьями или ставят капканы, западни и отравляют стрихнином. Если поймать очень юную гиену, то ее легко приручить, и иногда из нее можно воспитать доброе, привязанное к своему хозяину домашнее животное; они довольно скоро мирятся с неволей, отлично ее переносят, но под старость часто слепнут.

В настоящее время существует, насколько известно, четыре вида этого семейства: три собственно гиены, а четвертый — земляной волк, которого следует рассматривать как переходную ступень между гиенами и виверрами. 1689 Семейство гиеновые **Пятнистая гиена** (*Crocuta crocuta*)*** отличается величиной, крепким телосложением и пятнистой окраской от полосатой гиены и одноцветной бурой гиены. Основной цвет ее шерсти серовато-белый, иногда переходящий в чалый; по бокам и на бедрах расположены довольно мелкие темно-бурые пятна. Голова имеет бурую окраску, щеки и темя рыжеватые, хвост с бурыми кольцами, а на конце черный; ноги светлые. Окраска эта не очень постоянна: встречаются экземпляры темнее, а другие — светлее. Длина тела около 1,3 м; высота в плечах около 80 см, однако наблюдения показывают, что часто встречаются экземпляры более крупные.

* * * *Пятнистая гиена самая крупная из гиен. Длина тела 130-165 см, длина хвоста 25-33 см, высота в плечах до 90 см, вес 60-80 кг. Распространена по всей Африке к югу от Сахары (но заходит и на окраины пустыни); населяет преимущественно открытые местообитания, но может, придерживаясь расчисток и дорог, проникать и в горные леса. При наличии большого количества падали или отбросов (например, вблизи скотобоен) питается ими. Обычно же поедает самостоятельно добытых животных (крупных копытных). Живет, как правило, кланами, члены которых связаны родством и подчинены жесткой иерархии отношений. Самки всегда доминируют над самками.*

Пятнистая гиена живет в южной и восточной Африке, начиная от гор мыса Доброй Надежды до 17 градуса северной широты и почти совершенно вытесняет там, где она часто встречается, полосатую гиену. В Абиссинии и в восточном Судане она попадает вместе с полосатой гиеной, но к югу встречается уже в большем количестве и, наконец, в южной Африке окончательно вытесняет полосатую. В Абиссинии она очень обыкновенна и поднимается на горы до 4000 метров над уровнем моря. В западной Африке, на юге до реки Лоанге, она местами довольно обыкновенна, встречается еще около города Амбрица в Анголе и была замечена Пехуелем-Леше еще севернее, на гранитных холмах между Кинзембо и Музерра. Севернее этих местностей, особенно между Конго и Нигером, ее никто не видел. Бютнер на основании своих наблюдений полагает, что эти гиены в западных частях Конго не встречаются. Некоторые отдельные сообщения о том, что находили пятнистую гиену в Верхней Гвинее, кажется, происходят от смешения ее с полосатой. По образу жизни она не отличается от других гиен, но из-за своей величины и силы ее больше боятся, и все вышеприведенные сказания, где гиена описывается как оборотень и вредное чудовище, относятся больше всего к этому виду. Арабы называют ее «марафил». Многие путешественники единогласно утверждают, что эта гиена нападает на людей, особенно спящих и усталых. То же самое утверждают, по словам Рюппеля, абиссинцы. Он говорит об этих животных следующее: «Пятнистые гиены от природы очень трусливы, но делаются необыкновенно смелыми, когда их мучает голод. Тогда они даже днем входят в дома и уносят маленьких детей, если могут; на взрослых, однако, нападать не осмеливаются. Когда стада возвращаются вечером домой, то гиены часто бросаются быстрым прыжком на отставшую овцу, которую им удается почти всегда утащить, несмотря на преследование пастухов. Смелость эту можно отчасти объяснить тем, что здесь не держат при стадах собак. Туземцы поймали для нас нескольких взрослых гиен, заманив их в глубокие ямы, которые были вырыты на тропинке, окруженной колючим кустарником; ямы эти, конечно, были прикрыты ветвями, а за ними обыкновенно привязывали молодых коз, которые приманивали гиен своим блеянием. Однако

следует очень быстро убивать гиен, потому что они ловко копают землю и таким образом спасаются из ям». В тех африканских странах, где мне случалось побывать, пятнистая гиена всегда вела себя трусливо и убегала от человека.

Пятнистая гиена (*Crocuta crocuta*)

В Капской колонии этот вид гиен известен под названием «тигровый волк». Лихтенштейн в начале нашего столетия пишет о нем следующее: «Эта гиена на мысе Доброй Надежды встречается чаще всех других хищных зверей; ее находят даже в ущельях Столовой горы, так что фермы около Капштадта страдают от ее нападений. Зимой она живет в горах, а летом — в высохших степных местах, где в высокой осоке хватает зайцев, виверр и тушканчиков, которые приближаются к воде, чтобы напиться или поискать себе пищи. Землевладельцы окрестностей Капштадта почти ежегодно устраивают охоты на гиен. Там встречается много низких мест, заросших тростником и осокой; погонщики окружают такое место и с подветренной стороны во многих местах зажигают траву. Как только огонь заставит гиену покинуть свое убежище, расставленные кругом собаки яростно на нее кидаются; зрелище этой борьбы и составляет главное удовольствие охоты. Однако около городов гиены приносят больше пользы, чем вреда: они пожирают падаль и уменьшают число вороватых павлианов и вредных виверр. Очень редко приходится слышать, чтобы гиена в населенной местности унесла овцу, так как от природы она очень боязлива и не только не нападает на человека, но всегда бежит при его появлении. Гиена при ходьбе сгибает шею и низко опускает голову. Взгляд ее трусливый и злобный». Во времена Шпаррмана (1772 — 1776 годы) гиены заходили на юге Африки в города и съедали там на улицах все съедобные отбросы и мелкую падаль. Штрольман, описывая свое путешествие по южной Африке, рассказывает о гиенах разные ужасы. Ему говорили, что ночные нападения гиен стоили жизни многим детям и юношам, и его знакомые слышали о сорока случаях нападения гиен на людей в течение немногих месяцев. Шептон подтверждает эти рассказы и даже говорит, что ему пришлось лечить двух детей, которые были утащены и изуродованы гиенами, но которых все-таки удалось отнять у них. Это были десятилетний мальчик и восьмилетняя девочка. По мнению писателя, силки, ловушки и самопалы мало помогают против гиен, так как животные эти очень хитры и умеют избегать опасности.

Хотя вышеприведенные рассказы и следует считать несколько преувеличенными, но многое в них можно признать верным. Одно и то же животное показывает различный характер, смотря по обстоятельствам. «Голод не тетка» — говорит пословица, и он придает мужество даже трусам. Один из служителей Фритиша очень боялся гиен и из-за этого не решался проходить через густой кустарник; его страх имел некоторое основание: когда ему случилось раз ночью верхом ехать по степи, то гиены за ним гнались, и он смог их отогнать, только зажигая тряпки и даже куски своего одеяла. «Смелость этих животных, — пишет Фритиш, — ночью очень значительна; на взрослых людей действительно они нападают редко, но мне известно несколько случаев, когда они хватили детей и старались даже повалить лошадь». И по другим описаниям можно прийти к убеждению, что пятнистая гиена иногда очень смела и опасна. В Бенгуэле она несколько раз нападала на взрослых людей, которые могли защищаться, например, на путешественников и почтарей. Джемс недавно узнал, что в Сомали эта гиена настолько смела, что нападает на скот в присутствии пастуха; он сам был очевидцем, как гигантская пятнистая гиена вечером напала на верблюда в то время, когда путешественник со своими спутниками снимал с этого верблюда тюки. Почти в то же самое время Пауличке и фон Хардеггер жили в Хараре и пишут следующее о хищничестве гиен: «Пятнистая гиена представляет в Хараре настоящий бич. Эти животные, часто очень большого роста, живут в огромном количестве на склонах ближайших гор и ежедневно после захода солнца появляются в городе, нападают на скотину и людей и убили уже много тысяч жителей Харара. Гиена нападает чаще всего на нищих и детей, а также и на больных оспой, которых выносят на улицу, поэтому жители города и окрестностей были нам очень благодарны, что мы занялись довольно опасной охотой на этих ночных хищников и уничтожили несколько дюжин их. Охота за ними действительно довольно опасна и соединена с большими трудностями, потому что гиены выходят из своих убежищ только после наступления темноты, и потому в них можно стрелять лишь на близком расстоянии; кроме того, они очень живучи и яростно защищаются, когда ранены. Фон Хардеггер однажды вечером был в большой опасности, когда огромная раненая гиена бросилась на него; только смелый удар штыком спас жизнь моего друга, причем ему пришлось защищаться и от самца этой гиены, который приближался большими скачками; фон Хардеггер убил его кинжалом. Охотникам, во всяком случае, интересно узнать, что гиена, которую считают столь трусливым зверем, при случае может оказаться столь же опасным и нападающим на человека хищником, как лев и леопард».

В сочинении Ноака, в котором описываются собранные Бемом в восточной Африке млекопитающие и сообщаются наблюдения сего последнего, мы находим следующие сведения о пятнистой гиене. «Эти животные встречаются почти повсюду, а в Уго и Уньянембе особенно часто и ведут себя весьма различно в разных местах. В Уго они появлялись ночью целыми толпами вокруг нашего лагеря, чтобы пожирать околевших животных и даже трупы носильщиков, среди которых свирепствовала оспа, при этом они были так смелы, что совершенно безбоязненно шумели и бегали в кустах, неохотно удалялись от подходящего к ним человека, тотчас по уходе его возвращались к своей добыче, которую не оставляли даже тогда, когда кто-нибудь из нас прицеливался в них из ружья. В Таборе гиены подходили к веранде нашего дома, где мы часто спали, но их прогоняла небольшая местная собачка, которая была очень смела и бросалась на них с большим задором. Около реки У галла они таскали провизию от дверей наших палаток, и даже выстрелы не могли помешать им пожирать добычу. Напротив того, в других местах, например, около Какома, я, хорошо спрятавшись, подолгу напрасно караулил их у павшего быка или осла, который нарочно был притащен в удобное место для приманки их; между тем гиены держались очень близко от этого места, так как если я удалялся хотя бы на четверть часа, то они уже появлялись около падали. Гиены таскают павших животных с удивительной скоростью: они даже уносят такие большие трупы, как труп быка. Я видел, как они, в числе нескольких штук, без труда галопом уносили труп человека. Гиены оставляют в известных местах в большом количестве свои испражнения, которые в свежем виде темно-зеленого цвета, а затем делаются белыми. Во время своих ночных походов они придерживаются известных тропинок, но иногда меняют их на больших расстояниях. Они приближаются к деревьям только после наступления темноты, но их неприятный вой бывает слышен иногда еще перед заходом солнца, а в далеких лесах даже раньше. Один из наших людей застрелил днем около реки Вала гиену, которая для дневного сна избрала себе разрушенную хижину в покинутой деревне. В Таборе я видел мальчика, которого гиена утащила спящим, но бросила, когда он стал кричать. Туземцы считают их нечистыми животными и закрывают свои водоемы ветвями, чтобы гиены там не пили; между тем вой их им кажется смешным, у арабов же этот вой возбуждает суеверный страх».

Пятнистая гиена служит предметом очень многих басен и рассказов. Многие суданцы полагают, что колдуны принимают вид гиен, чтобы как можно больше навредить правоверным во время

их ночных странствований. Причину этого вымысла следует прежде всего искать в некрасивом внешнем виде животного и в его страшном вое, который похож на человеческий смех. Мы должны действительно признать, что внешний вид гиены очень безобразен, из всех хищных зверей у нее, несомненно, самая отталкивающая, неприятная наружность, при этом и душевные ее качества сильно способствуют тому, что все ее ненавидят.

Гиены редко размножаются в неволе. О самом спаривании и о времени беременности я никаких сведений не имею*. Пятнистая гиена в средней Африке ценится около начала сезона дождей, а севернее — весной; логовищем при этом ей служит земляная впадина, канава или пещера; щенят бывает от трех до четырех. Пока щенки малы и слабы, мать их любит нежно и храбро защищает от врагов; позднее, когда детеныши станут крепче, она, говорят, при опасности бежит сама и о них не заботится. Детеныши покрыты короткой, жесткой одноцветной темно-бурой шерстью, морда более светлая; пятен на шерсти тогда не заметно.

** Сезонности в размножении пятнистой гиены нет, но ник рождений детенышей приходится на сезон дождей. Беременность длится, по данным разных авторов, 98-111 дней. Детеныши (обычно двое) рождаются зрячими, но совершенно беспомощными. Однако к 10 дням они уже могут довольно быстро двигаться. Молоком они продолжают питаться до года, уже в основном перейдя на взрослую пищу.*

Бурая гиена (*Hyena brunnea*)** отличается главным образом от других видов длинными грубыми волосами, которые растут на спине и висят по сторонам тела.

** * Бурая гиена распространена в странах юга Африки. Меньше пятнистой гиены и не такого мойного сложения. Населяет разнообразные открытые местности и разреженные сухие леса. В настоящее время находится под угрозой исчезновения, сохранилась только на охраняемых территориях.*

Окраска шерсти темно-бурая, ноги беловатые с бурыми полосками, голова темно-бурая и серая, лоб черный с белыми и рыжими пятнышками. Длинные волосы на спине у основания серовато-белые, а остальная часть окрашена в черно-бурый цвет. Бурая гиена ростом гораздо меньше пятнистой и едва достигает величины полосатой гиены. Животное это живет в южной Африке, но, вероятно, только в западной, пустынной полосе, на север до Моссамедеса, а может быть, как земляной волк, и до Бенгуелы; встречается она в основном на самом берегу моря. Животное это, кажется, встречается везде в меньшем количестве, чем пятнистая гиена, но по образу жизни от нее мало отличается и питается главным образом падалью, может быть, той падалью, которая выбрасывается морем. Следует, впрочем, заметить, что в Китовой губе, где время от времени среди рыб начинается мор, так что огромные массы рыбы лежат по берегам, этой гиены не встречали, хотя шакалов там бывает множество.

Бурая гиена (*Hyena brunnea*)

Говорят, что бурая гиена хватается мелкий скот и делает это не только в случае крайней нужды, но всегда; поэтому ее ненавидят точно так же, как и других гиен. Но она осторожнее и хитрее прочих видов гиен, попадает только в одиночку, во всяком случае, не более 2-3 штук зараз. Последнее время эту гиену можно чаще видеть в зверинцах и зоологических садах.

Полосатая гиена (*Hyena hyaena*) нам известна лучше других, потому что ее часто привозят в Европу; ее можно видеть в каждом зверинце. Она живет ближе к Европе, встречается в большом количестве, вследствие чего стоит не дорого, и содержатели зверинцев ее охотно держат для того, чтобы развлекать посетителей. Так как это животное общеизвестно, то на описание ее не стоит тратить много слов. Шерсть ее жесткая, щетинистая и довольно длинная, бледного желтовато-серого цвета, с черными поперечными полосами; волосы гривы имеют черные кончики, передняя часть шеи также черная. Хвост иногда одноцветный, иногда полосатый. Голова толстая, а морда относительно тонкая, но на конце довольно тупая; стоячие уши очень велики и не покрыты волосами. Детеныши похожи на старых. Длина тела взрослой гиены около 1 м. Область распространения полосатой гиены гораздо больше, чем у других видов: она встречается по всей северной Африке, начиная от крайнего запада, в значительной части южной Африки, а затем в юго-западной Азии, начиная от Средиземного моря до Бенгальского залива. По Блэнфорду, гиена эта очень обыкновенна в северо-западной и средней Индии, попадает реже в нижней части Бенгалии и совершенно не встречается в восточных областях Индии и на Цейлоне. Ее также нет в значительной части экваториальной Африки; по крайней мере, в немецких колониях восточной Африки, в Конго и в

западных береговых областях до Нигера ее не встречали. Во внутренних областях Верхней Гвинеи она встречается. Область распространения ее в южной Африке, кажется, ограничивается западными областями на север от Оранжевой реки. Фритиш не мог доказать ее присутствия в восточных частях южной Африки, а, напротив того, Шинц видел ее в пустыне Калахари до Кунена. Далее на север Монтейро находил ее вместе с пятнистой гиеной во всей области Куанза, где, вероятно, находится граница ее распространения, начиная от юга к экватору. Как все гиены, она не любит лесных местностей, а предпочитает открытые равнины. Она менее вредна, чем другие виды гиен, и потому ее почти нигде не боятся. Во всех тех местах, где живет, встречается так много падали или по крайней мере костей, что голод редко принуждает ее к смелым нападениям на живых животных*.

* Самая широко распространенная гиена полосатая она населяет глинистые и каменистые пустыни и кустарниковые заросли Восточной и Северной Африки, Ближнего Востока, Индии и Средней Азии Гиены живут обычно парами. Питаются падалью, а также грызунами, ящерицами, черепаками, насекомыми поедает на бахчах арбузы и дыни.

Полосатая гиена (*Hyaena brunnea*)

Гиена эта очень труслива, но и она заходит иногда в деревни, а в Египте встречается поблизости от них. К падали, которую мы клали, чтобы привлечь туда грифов, ночью всегда подходили гиены и этим нам очень надоедали. Когда нам случалось ночевать под открытым небом, то они подкрадывались очень близко к нашему лагерю, так что мы могли стрелять в них, не вставая с мест. Во время поездки в Синайские горы мой друг Гейглин застрелил полосатую гиену со своей постели зарядом дроби, обычно употребляемой для куропаток. Несмотря на то что она всем надоедает, ее, однако, никто не боится, и она никогда не решается нападать на людей, даже на спящих. Не раскапывает она также могил, как о ней любят рассказывать содержатели зверинцев: случается это разве лишь тогда, когда труп едва прикрыт песком или землей. По образу жизни она похожа на пятнистую гиену, но никогда не встречается очень большими стаями. В Индии можно редко видеть больше двух гиен зараз, и они там точно так же питаются главным образом падалью, но таскают большие куски этой падали в свои логовища. При случае они хватают овец, коз, а также и собак. Жердон рассказывает, что однажды гиена утащила маленькую собачку одного офицера, но несколько солдат сейчас же отыскали логовище гиены, убили ее и таким образом спасли еще живую собачку. Адаме утверждает, что полосатая гиена таскает домашних кур. Молодые экземпляры считаются в Индии довольно способными к приручению; они понятливы и очень привязываются к своему хозяину.

Земляной волк (*Proteles cristatus*)*. Это пока малоизвестное животное по внешнему виду очень похоже на полосатую гиену; у него такая же тупая морда, высокие передние ноги, покатая спина с гривой и мохнатый хвост, но уши больше, чем у гиены, и на передних лапах есть короткий пятый палец, как у некоторых собак.

* *Земляной волк настолько своеобразен, что некоторые ученые склонны выделять его в особое семейство. Он немного напоминает полосатую гиену, но резко выделяется среди всех видов слабыми и тонкими челюстями и мелкими, редко сидящими в челюсти зубами, число которых не постоянно. Длина тела 55-80 см, длина хвоста 20-30 см. Широко распространен на открытых равнинах и в зарослях кустарников по большей части Африки южнее Сахары. Питается в основном термитами и личинками насекомых, реже поедает мелких грызунов, ящериц и кладки птиц.*

Земляной волк (*Proteles cristatus*)

Зубная система имеет некоторые особенности: коренные зубы отделены друг от друга большими промежутками и имеют небольшие, острые бугорки; некоторые из них выпадают, так что их не бывает больше четырех на верхней челюсти и трех на нижней. Резцы, как у настоящих гиен, образуют прямой и длинный ряд, отчего морда кажется очень широкой, между тем как задняя часть челюсти, где сидят коренные зубы, невелика и слаба. Только молочные зубы этого животного дают возможность точнее определить его место в системе; оказывается, что оно ближе всего стоит к гиенам. Строение прочих частей скелета похоже на строение как гиен, так и собак. Позвонки и кости конечностей еще тоньше и, если можно так выразиться, изящнее, чем у шакалов; но на этих костях заметны большие отростки для прикрепления мускулов, что приближает их к костям гиен, отличающихся своей толщиной и массивностью. Общая длина тела 1,1 м; хвост имеет 30 см. мех, который состоит из мягкого подшерстка и длинной щетинистой ости, бледно-желтоватого цвета с поперечными черными полосками на боках тела. Голова черная с желтоватыми пятнами, морда, подбородок и окружность глаз темно-бурые. Уши внутри желтовато-белые, а снаружи бурые. Нижняя часть тела желтовато-белого, а кончик хвоста черного цвета. От затылка по всей спине до основания хвоста волосы ости образуют гриву, которая продолжается на пушистом хвосте. Грива эта чер-

ного цвета с отдельными желтоватыми волосками. Боковые части морды покрыты короткими волосами, а усы очень длинные. Кончик и гребень носа голые.

Земляной волк живет в южной Африке, особенно в западной части ее до Бенгуелы, а может быть, и до Куанзо. О нем упоминают уже первые путешественники, но описан он был в первый раз Жоффрау Сент-Илером. Открыл его натуралист Лаланд, спутник которого Верро доставил нам самые подробные, хотя все-таки скудные сведения об образе жизни этого животного. Шпарман, по всей вероятности, описывает земляного волка под названием «серый шакал», как его называют голландские колонисты южной Африки. Левальян в стране Намаков самого животного не видел, но находил его шкуры, применяемые в качестве плащей. Его спутники, однако, утверждали, что волк ночью подходил к их лагерю, так как они умели отличать его голос от голосов полосатой гиены и шакала.

Согласно всем сообщениям, которые относятся к этому животному, можно заключить, что оно ведет ночной образ жизни, а днем прячется в норах, имеющих сходство с норами наших лисиц, но только гораздо более просторных, так как в одной норе живет несколько волков. Верро выгнал с помощью собаки из одной норы со многими входами трех земляных волков, которые были убиты его спутниками. Они выбежали с взъерошенными гривами и опущенными ушами и хвостами и хотели спастись бегством. Один из них старался снова спрятаться в нору и выказал при этом большую ловкость в разгребании земли папами. Исследование норы показало, что все выходы вели к помещению, которое, вероятно, и служило общим жилищем для всех волков. Вышеупомянутый наблюдатель говорит, что добыча этих зверей состоит главным образом из маленьких ягнят, но что время от времени они нападают на взрослую овцу, причем пожирают только ее жирный курдюк. Если это верно, то волк, конечно, может обходиться и без крупных зубов. Других сведений об образе жизни этого животного нет.

Несколько лет назад многие несколько земляных волков были доставлены живыми в Лондонский зоологический сад и там хорошо переносили неволю. Кормить их не представляло затруднений. О жизни их в неволе никаких сведений пока не имеется.

Семейство кошачьи

(Felidae)*

** Кошачьи действительно, как пишет Брем, представляют собой «самый совершенный тип хищников» иными словами наиболее специализированные представители отряда. Семейство включает 36 видов, группируемых в 10-12 родов (хотя разные систематики выделяют в семействе от 3 до 22 родов). Все виды имеют характерный «кошачий» облик, укороченную лицевую часть черепа и втяжные когти (за одним исключением). Распространены по всей Евразии, Африке и в обеих Америках, а домашняя кошка с человеком проникла практически повсюду, включая антарктические острова.*

Кошачьи (кошки) — самый совершенный тип хищников. Подобного соответствия между строением конечностей и туловища, подобной пропорциональности всех органов мы не встречаем ни у каких других хищных животных. Каждая отдельная часть тела кошек красива и грациозна, а потому и все животное вполне удовлетворяет нашему эстетическому чувству. Мы можем считать нашу домашнюю кошку типичным животным для всех кошек вообще, так как ни у какого другого семейства хищников не замечаем такого сходства общих признаков.

Видовые признаки кошек кажутся второстепенными в сравнении с теми особенностями, которые отличают друг от друга отдельные виды прочих семейств. Лев со своей гривой и рысь с мохнатыми ушами и коротким хвостом все-таки остаются кошками, точно так же, как и наш домашний кот или леопард. Даже гепард, который значительно отличается от других кошек, должен быть внимательно рассмотрен, прежде чем мы узнаем его настоящую природу.

Строение тела кошек можно считать общеизвестным: всякий достаточно знаком с их сильным и красивым туловищем, округленной головой, сидящей на довольно толстой шее, не очень длинными конечностями с утолщенными лапами, с длинным хвостом и мягким мехом, окрашенным в такой цвет, который соответствует окружающей местности. Кошки снабжены очень внушительными орудиями для защиты и нападения. Зубы у них ужасны: клыки имеют вид тонких, длинных, острых, на конце слегка согнутых конусов, которые гораздо длиннее других зубов и при укусе образуют глубокие, часто смертельные раны*.

** Клыки многих кошек стали орудием, в первую очередь, убийства, причем убийства быстро и эффективно, тогда как другие хищники клыками зачастую удерживают жертву при поимке. Поэтому клыки кошек относительно длиннее и тоньше по сравнению с клыками других хищных млекопитающих. Среди древних кошек было множество форм с совсем*

длинными клыками, из-за которых эти животные получили название саблезубых и полусаблезубых кошек. В настоящее время единственная полусаблезубая кошка дымчатый леопард (Neofelis).

Очень маленькие резцы почти незаметны рядом с этими большими клыками, и даже мощные, снабженные острыми треугольными зубцами и остриями коренные зубы, хорошо приспособленные для разрезания мяса и сухих жил, кажутся по сравнению с ними незначительными. Зубам вполне соответствует мясистый язык, замечательный тем, что поверхность его покрыта тонкими роговыми, загнутыми назад шипами, которые сидят на больших бородавках. Язык этот дополняет вооружение рта. Шипы кошачьего языка достаточно остры, чтобы при усиленном лизании оцарапать до крови нежную кожу; кроме того, язык дополняет действие зубов, которые по своему строению могут служить только для разрезания мяса на куски, но для раздавливания пищи вовсе не приспособлены. Зубы составляют, однако, не единственное оружие кошек: они могут очень удобно схватывать добычу и даже наносить смертельные раны своими страшными когтями.

Та часть ступни, которая касается земли, кажется у кошек очень короткой и округленной, вследствие того что последний сустав пальцев приподнят кверху; таким образом, при ходьбе последние суставы пальцев вовсе не касаются земли и предохраняют тем самым от притупления сидящие на них серповидные большие и очень острые когти. Во время покоя и при ходьбе эти суставы пальцев сохраняют свое приподнятое положение благодаря двум упругим сухим жилам, из которых одна прикреплена сверху, а другая сбоку суставов пальцев; в состоянии гнева и возбуждения сильный мускул, сухая жила которого прикрепляется к нижней стороне последнего сустава, опускает его, удлиняет ступню и превращает ее в страшное орудие, едва ли встречающееся у других животных. Такое строение ног служит причиной того, что на следах кошек никогда не заметно отпечатка когтей; тихая поступь кошек — следствие того, что нижняя сторона ступней снабжена мягкой подушкой, часто покрытой волосами.

Кошки принадлежат к числу сильных и очень ловких зверей. Каждое движение их указывает на силу и грациозное проворство. Между всеми видами этого семейства нет большого различия, как по физическим, так и по душевным свойствам, хотя некоторые виды и имеют известные преимущества перед другими и, наоборот, у иных известные качества выражены слабее, чем у прочих. Все кошки ходят отлично, но медленно, осторожно и почти неслышно; они быстро бегают и могут делать прыжки, длина которых в несколько раз превосходит длину их тела. Лишь весьма немногие из крупных видов не способны лазать по деревьям, большая же часть делает это очень искусно. Хотя кошки и не любят воды, но все же плавают хорошо, если к этому вынуждены*. Они умеют сжимать и свертывать свое красивое тело, чрезвычайно быстро действуют лапами и могут с большой ловкостью схватывать животное, даже бегущее; ко всему этому надо еще прибавить большую силу конечностей животных и их выносливость. Кошки крупных видов одним ударом своей ужасной лапы и напором при прыжке повергают на землю животное, которое ростом больше их самих, и могут перетаскивать на довольно значительные расстояния большие тяжести.

** Не умеет лазать по деревьям, по-видимому, только тигр, и очень плохо с этим справляются лев и гепард. Леопард, даже крупный, лазает отлично. Плавают все кошки неплохо, а некоторые виды, живущие в богатых водой местах, делают это часто и охотно и даже добывают в воде значительную часть своего пропитания.*

Среди чувств у кошек более всего развиты слух и зрение: слух, без всякого сомнения, играет самую важную роль во время их хищнических набегов. Кошки слышат малейший шум на большом расстоянии и прекрасно оценивают всякий звук: от их внимания не ускользают осторожные шаги добычи и тихое шуршание песка под ногами животных; даже невидимую жертву находят они посредством слуха**.

** * Рысь в опытах в Беловежской Пуще слышала милицейский свисток на километр дальше, чем собака. Та же рысь, хотя обычно и не демонстрировала особенной остроты зрения, однажды наблюдала за канюком с расстояния в 1 км.*

Зрение не так хорошо развито, но слабым его все-таки назвать нельзя. Глаз кошек, вероятно, далеко видеть не может, но вблизи они видят очень хорошо. Зрачок у большинства видов имеет круглую форму и в темноте, а также при возбуждении, значительно расширяется, но остается круглым; у мелких видов зрачок поперечно-продолговатый и также способен сильно расширяться (под влиянием яркого света он стягивается в узкую полоску, при раздражении же и в темноте становится почти совсем круглым). После зрения мы должны упомянуть об осязании, которое проявляется как в активном ощупывании, так и в тонком восприятии случайных ощущений. Для ощупывания служат главным образом длинные усы по сторонам рта, щетинки над глазами. Если отрезать у

кошки усы, то этим поставишь ее в самое неприятное положение: она делается, в полном смысле, беспомощною и теряет способность к деятельности или, по крайней мере, вызывает беспокойство и неуверенность в своих движениях, которые, однако, пропадают, когда усы снова отрастают. Лапы также очень хорошо приспособлены для осязания. Кошки весьма чувствительны ко всем внешним раздражениям и выказывают очевидное неудовольствие при неприятном ощущении и, напротив, большое удовольствие, если ощущение приятно. Когда тихонько гладят шерсть кошки, то этим всегда приводят ее в приятное расположение духа; если же шерсть намокнет или ее грубо ерошат, то кошка приходит в сильное озлобление. Обоняние и вкусовые ощущения стоят почти на одной ступени развития; можно даже предположить, что вкус несколько лучше развит, чем обоняние. Несмотря на шероховатый язык, большая часть кошек очень чувствительна к вкусовым ощущениям и более всего любит слегка соленые и сладкие вещества, особенно жидкости животного происхождения, как, например, кровь и молоко. Органы же обоняния могут быть возбуждены лишь сильно пахучими веществами. Странное пристрастие некоторых кошек к сильно пахучим растениям, например, валерьяне и кошачьей мяте, дает право предположить, что обоняние у них развито слабо, потому что животные, наделенные тонким обонянием, относятся с отвращением к подобным сильно пахучим веществам; кошки же набрасываются на эти растения как сумасшедшие и от их запаха впадают в сладостные конвульсии.

По своей понятливости кошки стоят ниже собак, но не так низко, как обыкновенно думают. Не следует забывать, что при сравнении душевных способностей двух семейств хищных — собачьих и кошачьих — мы почти всегда имеем в виду двух домашних животных, отношение которых к человеку совсем не одинаково. Собаку человек систематически воспитывает уже в течение многих тысячелетий, усердно ухаживает за ней, подвергает, большею частью, строгому искусственному отбору и приближает к себе более других животных. На кошку человек смотрит почти всегда с некоторым предубеждением, о воспитании особенно не заботится и предоставляет ее собственным инстинктам. Если же мы сравним два живущих в естественных условиях вида этих семейств, например, лисицу и рысь, то преимущество собак в понятливости почти вовсе исчезает, и сравнение скорее благоприятно для рыси; поэтому очень несправедливо считать кошек за животных, низко стоящих по умственному развитию; между тем это мнение часто высказывается, а еще чаще служит причиной некоторого пренебрежения к кошкам*.

** Социальность, заложившая основу для возможности одомашнивания, у, по крайней мере, ныне живущих кошек развита в среднем слабее, чем у псовых. Это, однако, ни в коей мере не свидетельствует об интеллектуальном уровне отдельных особей, взятых в отрыве от социума. Тут есть основания полагать, что кошки демонстрируют более развитый интеллект.*

Кошки встречаются во всех частях Старого Света и Америки; в Австралии их нет, если не считать одичалых домашних кошек. Они живут на равнинах и в горах, в сухих песчаных и в сырых низменных местностях, как в лесах, так и на полях. Некоторые поднимаются довольно высоко в горы и встречаются там на значительной высоте над уровнем моря, другие живут в поросших кустарником открытых степях и пустынях, третьи предпочитают сырые места на берегах рек и озер, заросших камышом. Но все-таки большую часть кошек следует считать лесными животными. Деревья доставляют им все необходимое для жизни; прежде всего кошки находят там удобные убежища, в которых могут прятаться для того, чтобы нападать на добычу и скрываться от врагов. Небольшие кошки используют в качестве убежищ дупла деревьев, трещины в скалах, оставленные логовища других млекопитающих; крупные виды прячутся в чаще кустарников. Хотя дикие кошки предпочитают те страны, где человек не успел еще сделаться полным властелином, многие из них отважно и дерзко приближаются к его жилищу, чтобы или напасть на него самого, или унести животное из его стада. Для этого они с наступлением темноты оставляют свое логовище и бродят вокруг, высматривая добычу, или же подкарауливают людей и животных близ дорог и тропинок. Лишь очень немногие нападают на добычу днем, но часто трусливо убегают, встретив сопротивление. Настоящая их жизнь начинается с наступлением темноты и оканчивается с рассветом.

Кошки питаются мясом самых разных позвоночных, но, несомненно, предпочитают млекопитающих. Некоторые виды чаще всего охотятся на птиц, другие, хотя и немногие, едят мясо пресмыкающихся, например, черепах; наконец, есть такие, которые не гнушаются и рыбной ловлей. Беспозвоночных животных кошки едят редко и только разве случайно съедят какого-нибудь рака или крупное насекомое. Все кошки питаются преимущественно той добычей, которую сами умертвили, и только весьма немногие едят падаль и то лишь в том случае, когда она осталась от их собственной добычи. Многие кошки отличаются большой кровожадностью, и некоторые виды, если только могут, питаются исключительно кровью*.

** Крупные кошки, убивая жертву, душат ее зубами за горло и могут так дожидаться ее окончательной гибели по 10-15 минут. Кошки не более «кровожадны», чем любые другие животные. Когда добычи много и она легко доступна, кошки предпочитают охотиться. Однако в другое время они не брезгают падалью, причем часто отбивают ее у других, более слабых, хищников.*

По способу нападения почти все кошки похожи друг на друга. В поисках добычи они обычно крадутся осторожными неслышными шагами, внимательно оглядываясь и чутко прислушиваясь ко всему окружающему; малейший шорох возбуждает их внимание. В согнутом положении, а то и ползком подбираются они к добыче, стараясь держаться под ветром, и, наконец, в один или несколько прыжков настигают свою жертву, схватывают ее своими страшными лапами за затылок или за бока, валят на землю и вонзают в нее несколько раз свои ужасные зубы; затем они немного раскрывают челюсти, но так, чтобы пойманное животное не могло уйти, внимательно смотрят на добычу и снова кусают до тех пор, пока в животном остается хоть искра жизни. Часто замечаем мы у кошек отвратительную привычку долго мучить свою жертву: они ослабляют хватку и часто даже позволяют животному пробежать небольшое расстояние, но в нужный момент снова его хватают, затем опять выпускают и продолжают эту жестокую игру до тех пор, пока жертва не падает, изнеможенная от ран. Даже крупные кошки опасаются нападать на тех животных, от которых ожидают ощутимого сопротивления, и идут на это только тогда, когда по опыту знают, что выйдут победителями из предстоящей борьбы*.

** Для кошек более, чем для каких-либо хищников, необходимо быть «в форме» — только это обеспечивает успех охоты. Поэтому не удивительно, что кошки опасаются нападать на животных, способных оказать сопротивление. Известен случай, когда нападение тигра на человека (впрочем, не охотившегося, а защищавшего свой участок) было остановлено перочинным ножом. Кошка, нападая на крупную жертву, так выкладывается физически, что жертве иногда удается вырваться. И только если животное серьезно ранено, кошка вновь начинает преследование. Именно это Брем и называет «игрой» с жертвой. Хотя в ряде случаев кошки действительно «играют», но только с совсем уж безобидной добычей и будучи сытыми либо обучая детенышей охоте.*

Даже лев, тигр и ягуар в первое время боятся человека и трусливо от него уходят, но когда увидят, насколько он слаб и беспомощен, то становятся страшными его врагами. Хотя почти все кошки отлично бегают, они обычно воздерживаются от продолжительного преследования добычи, если первое нападение их было неудачно. Кошки пожирают свою добычу на том месте, где ее словили, только тогда, когда чувствуют себя в полной безопасности; обычно же они тащат убитое или смертельно раненное животное в скрытое место и пожирают его там с полным спокойствием и наслаждением. Если местность изобилует добычей, кошки делают необыкновенными лакомками и съедают только лучшие части жертвы, остальное достается обитающим поблизости более мелким хищникам.

Самки производят на свет, как правило, нескольких котят и только редко одного; в большинстве случаев их бывает не более шести (у некоторых видов, говорят, и больше). Воспитывает детенышей мать, а отец заботится о них только в редких случаях. Кошка с котятами представляет собой чрезвычайно привлекательную картину; материнская нежность и любовь видны в каждом ее движении и в каждом звуке ее голоса, который делается необыкновенно мягким и ласковым. В семейном логовище наблюдателя поражает чистота, к которой с самого раннего возраста приучает мать своих детенышей; она беспрестанно их лижет, чистит, гладит, приводит логовище в порядок и не терпит около него никакой нечистоты. Она защищает детенышей от врагов с полным самоотвержением, и крупные кошки в это время делают в высшей степени опасными. У многих видов мать должна защищать своих детенышей и от отца, который их часто пожирает, особенно пока они еще слепы; вероятно, поэтому все самки кошек старательно заботятся о том, чтобы по возможности скрыть свое убежище. Когда детеныши несколько подрастут и станут похожими на настоящих кошек, самец их уже не трогает, и тогда начинается веселая жизнь котят, которые имеют явную склонность к забавам и разным играм. Природные способности кошек ясно выказываются в каждом движении котят: их детские игры состоят главным образом в подготовительных упражнениях к той серьезной охоте, которой они будут заниматься, когда станут взрослыми. Все, что двигается, привлекает их внимание, при малейшем шуме котятая настораживает уши. Сначала они больше всего играют с материнским хвостом: внимательно следя за его змеевидными движениями, котятая стараются своими маленькими лапками остановить движение хвоста или словить его кончик. Мать не только не сердится, но нарочно продолжает двигать хвостом, чтобы дать своему шаловливому по-

томству влечь наиграться. Несколько недель спустя можно уже видеть семейство кошек занятым более разнообразными играми, в которых мать принимает деятельное участие наравне с котятками, и это отмечается как у львиц, так и у домашних кошек. Часто вся семья свертывается как бы в один клубок, причем каждый член семьи ловит и кусает хвост другого. С возрастом игры делаются серьезнее: маленькие научаются понимать, что хвост — это часть их самих, и пытаются пробовать свои силы на чем-нибудь другом. Мать тогда приносит им небольших животных, полуживых или совсем живых, и выпускает на потеху котяткам, которые ревностно и терпеливо преследуют их и таким образом упражняются в хищническом ремесле, которым будут заниматься позже. Наконец, мать берет их с собой на охоту, и здесь они научаются владеть собой, внезапно нападать на добычу, одним словом, всем хитростям, которые необходимы для будущей хищнической жизни. Только когда котята всему научились и сделались совершенно самостоятельными, они отделяются от матери и затем довольно долго ведут одинокую, бродячую жизнь.

У кошек враждебные отношения со всеми прочими животными, и потому вред, ими приносимый, очень значителен. Но следует при этом иметь в виду, что все крупные виды этого семейства живут в странах, необычайно богатых добычей, и можно с определенной уверенностью утверждать, что, препятствуя излишнему размножению некоторых жвачных и грызунов, крупные кошки приносят пользу. Что касается мелких видов, то польза, ими приносимая, очевидно перевешивает причиняемый ими вред. Добыча их ограничивается мелкими млекопитающими и птицами, а особенно много истребляют они мелких вредных грызунов, которые сильно размножаются около человеческого жилья. Домашняя кошка сделалась для нас совершенно необходимой, но и мелкие дикие кошки приносят нам много пользы и довольно мало вреда. Кроме того, человек часто использует их мех, а кое-где даже ест их мясо. В Китае и часто в Африке мех некоторых кошек служит знаком известного общественного положения. Другие народы ценят этот мех более всего за его красоту, другими достоинствами он почти не обладает*.

** Охота на диких кошачьих всех размеров и по всему миру привела к тому, что кошки стали редкими повсеместно, а некоторые виды вплотную подошли к угрозе исчезновения. В настоящее время все кошки занесены в списки так называемой конвенции CITES, жестко регламентирующей на государственных уровнях торговлю редкими животными и их частями.*

Разделение кошек на роды и виды в высшей степени затруднительно, поскольку признаки, отличающие один род и вид от другого, незначительны.

Тигры — настоящие кошки, без гривы, с довольно большими бакенбардами и ярко выраженными поперечными полосами на мехе. Тигр — самая страшная из всех кошек, хищник, перед которым даже человек оказывается почти беспомощным существом. Ни одно хищное млекопитающее не соединяет так удачно обворожительную красоту с большой долей кровожадности, никто лучше не подтверждает старой басни о глупом мышонке, который видел в кошке красивое и любезное животное. Если степень опасности животного принять за масштаб его значения в природе, то тигра, без всякого сомнения, следовало бы поставить на первое место среди всех млекопитающих, поскольку ни одно живое существо не вело до сих пор борьбу с властелином земли так успешно, как тигр. Освоение человеком все новых территорий не только не вытеснило и не уничтожило тигра, подобно другим хищникам, а напротив, заставило его приблизиться к человеческому жилью, а в некоторых местах ему даже удалось потеснить человека*.

** Тигров всегда вынуждал к контакту с человеком захват людьми все новых и новых земель. Во многих странах обитания тигра ему фактически некуда уходит. Со времени написания Бремом книги как минимум две расы тигра перестали существовать, численность и область распространения остальных сократились в несколько раз.*

Тигр не покидает, подобно льву, населенные местности, чтобы благоразумно избежать опасности быть уничтоженным, но смело и с некоторым коварством идет навстречу этой опасности и явно объявляет себя врагом человека, врагом тем более опасным, что со смелостью он соединяет скрытность и нападает почти всегда неожиданно. Его свирепость и кровожадность, а также число съеденных им людей сильно преувеличивались, по крайней мере, описывались слишком яркими красками.

Тигр (*Panthera tigris*)**, представляет собой очень красивую кошку с прекрасно окрашенным мехом.

*** Тигр самый крупный ныне живущий представитель кошачьих. Длина тела 150-317 см, хвоста 60-115 см, масса до 390 кг. Разные расы тигра отличаются размерами и интенсивностью окраски. Королевскими тиграми в XIX в. называли расы, живущие на Индостане и со-*

предельных территориях южной Азии. Самая крупная форма тигра — амурский тигр распространена ныне только на Дальнем Востоке России и в соседних районах Китая и Кореи.

Он выше и стройнее, чем лев, но несколько не уступает ему в красоте и силе. Длина его тела от носа до кончика хвоста определяется весьма различно. Эллиот дает очень наглядный пример того, как отличаются измерения, сделанные разными наблюдателями: один из них определил величину тигра в 284 см, а два других указали длину того же тигра в 355 и даже 365,7 см. Сандерсон не убивал самцов, длина которых была бы больше 290 см, а длина убитых им самок не превышала 255 см. Блэнфорд убил двух взрослых самок, длина которых составляла 228,5 и 233,6 см. Рас дает более крупные цифры, а самую большую длину указывает Бересфорт: в среднем 320 см для самца и 294 см для самки; три тигра, убитые им в Раджпутане, где, говорят, они прежде были особенно велики, имели длину в 340, 345 и 375 см. Вполне возможно, что в некоторых местностях тигры достигают особенно больших размеров и среди них встречаются настоящие великаны, как, например, последний из указанных, который был убит Бересфортом в 1862 году, но приведенные цифры все-таки представляют исключения. Очевидно также, что иногда неверно измеряют длину тигра и совсем не измеряют отдельно длину туловища и длину хвоста, между тем как величина последнего весьма изменчива. Вследствие этого не очень большой тигр с длинным хвостом оказывается длиннее крупного тигра с коротким хвостом, так что о величине самого туловища дается неверное понятие. Жердон считает средней величиной 274-290 см и сомневается в том, чтобы когда-либо убивали тигров длиннее 310 см. Многие другие охотники и натуралисты согласны с ним. Таким образом, мы можем сказать, что общая длина взрослого самца колеблется между 260 и 300 см, а взрослая самка на 30-40 см короче. Хвост бывает длиной 80-95 см, высота в плечах 90-106 см. Вес двух самок был определен в 108,8 и 158,7 кг, а двух самцов в 163,3 и 172,4 кг.

Туловище тигра несколько тоньше, а голова круглее, чем у льва; хвост без кисточки на конце; шерсть довольно короткая и гладкая, а на щеках несколько удлиненная в виде бакенбардов. Самка ниже ростом и бакенбарды у нее короче. У тигров, обитающих в более северных странах, шерсть зимой гуще и длиннее, чем у тех, которые живут на жарких равнинах Индии. мех тигра очень красив: на светлом ржаво-желтом фоне ясно выделяются темные полосы, испещряющие мех на брюхе; на внутренних сторонах конечностей, под хвостом, на губах и на нижних частях щек мех почти белый, у северных тигров желтый цвет меха несколько темнее, чем у тех, которые живут в джунглях. От спины по бокам тянутся поперечные черные полосы довольно неправильного рисунка, причем расстояние между ними бывает различно у разных особей. Некоторые из этих полос делятся на части; сплошные полосы более темные. Хвост светлее туловища и также испещрен черными кольцами. Усы белые. Зрачки глаз круглые, раек желтовато-бурый. Детеныши окрашены точно так же, как взрослые особи, только желтый цвет их меха несколько светлее. У тигров встречаются различные видоизменения цвета, например, желтый цвет бывает темнее или светлее, а в редких случаях встречаются совсем черные тигры или белые с неясными черными полосами. Яванский тигр, как его называют в зоологических садах и зверинцах, меньше обыкновенного, имеет более плотное телосложение и отличается также более узкими, темными и очень частыми полосками на мехе; по Розенбергу, у яванского тигра основной цвет меха имеет менее буроватый оттенок, а хвост короче и тоньше*.

** Этого красивого тигра мы уже никогда не сможем лицезреть живьем: в 1972 г. этих кошек, когда-то населявших всю Яву, оставалось менее 10 особей, а в последние десятилетия нет никаких подтверждений о существовании живых яванских тигров.*

Казалось бы, столь ярко окрашенный хищник уже издали должен быть замечен тем животным, которых он преследует, но это предположение совершенно неверно. Выше я уже говорил, что общая окраска всех животных, особенно кошек, находится в тесной зависимости от их местообитания, и потому напомним только, что тигр живет главным образом среди тростников, крупных злаков и кустарников, где цвет животного сливается с окружающей средой. Даже опытные охотники часто не замечают тигра, лежащего совсем близко от них; несомненно, трудно заметить тигра и многим животным.

Область распространения тигра очень обширна, так как он обитает не только в жарких странах Азии, например, Индии, но и во многих других местах этой огромной части света, которая по величине гораздо больше Европы. Он встречается даже в юго-восточной Сибири. Северная граница области распространения тигра проходит севернее широты Берлина (следует заметить, что Сибирь имеет гораздо более холодный климат, чем европейские страны, лежащие на тех же широтах). Индию следует считать главным отечеством тигра; отсюда он распространяется на северо-восток через весь Китай до берегов Амура, а на запад через северный Афганистан в Персию до

южного берега Каспийского моря, где в заболоченных лесах он встречается довольно часто. Известия о том, что тигры встречаются в Закавказье, следует, по мнению А. Вальтера, считать неверными, так как его путают с леопардом*.

** Во времена Брема и даже позже долины рек в Иране, Афганистане, Закавказье и Средней Азии населяла особая форма тигра — туранский тигр. Еще в 1930 г. отдельные тигры жили на большей части указанной территории. К 1940-м годам он уцелел только в тугайных зарослях Таджикистана и Северного Ирана. Последний раз живого туранского тигра видели с самолета в 1957 г. Надежды на то, что тигр сохранился в труднодоступных районах Ирана, нет.*

Все животные имеют основание бояться тигра. Поэтому точно так же, как у нас галки и мелкие птицы криком встречают коршунов и сов, а певчие птицы в лесу своим громким щебетаньем выдают лисицу, вышедшую из норы, в тропических странах многие животные издают громкие звуки, когда почуют тигра. Они знакомы с ним и по опыту знают, какая опасность им угрожает, когда тигр выходит из своего логовища. Конечно, они пугаются и других хищников, а также вообще какого-нибудь необычайного явления, и беспокойство, проявляемое безвредными животными, не всегда следует считать признаком присутствия тигра. Однако беспокойство оленей, павлинов, других птиц, а особенно обезьян дает охотнику очень важные указания о приближении опасного зверя. Форзит и другие приводят многие примеры деятельного участия обезьян в охоте на тигров. Так, долго преследуемая тигрица, сожравшая уже много людей, непременно бы скрылась в скалистом ущелье, если бы бегавший по скалам старый гульман (один из видов обезьян) не указал охотнику ее убежища своим криком и жестами. «Во время другой охоты, — рассказывает Форзит, — я шел по следам убежавшего тигра по иссохшему руслу ручья и мог следить за ним только благодаря многочисленным гульманам, которые срывали плоды на близрастущих деревьях. Когда тигр пробежал мимо них, то они спасались на верхушках деревьев, шумно трясли ветвями и громко кричали, как бы ругая нарушителя спокойствия, и по всему этому легко было угадать, где находится тигр. Каждое стадо шумело, пока хищник был виден, а затем спокойно возвращалось на нижние ветви и лакомилось плодами как ни в чем не бывало, зато следующие обезьяны начинали шуметь и выдавали передвижение тигра. Основываясь на этих точных указаниях, на одном изгибе русла я пробежал кратчайшим путем и таким образом обогнал его. Он скоро показался, тихо и неуверенно пробираясь по дорожке с опущенным хвостом, точно его мучила совесть вследствие совершенных злодеяний; при этом он боязливо поглядывал вверх на обезьян, как бы прося их не выдавать его присутствия. Верно пущенная пуля оборвала его жизнь».

Голос тигра по силе не может сравниться с голосом льва, он даже не так далеко слышен, как мычание наших коров и быков, поэтому о «реве» тигра говорить нельзя. Обыкновенно он издает протяжный жалобный звук, который иногда довольно быстро повторяется и оканчивается тремя или четырьмя краткими звуками. Кроме того, он может издавать низкий горловой звук «а-о-ун». Когда тигр сильно удивлен или испуган, то громко вскрикивает «ху-аб» или «вау»; когда сердится, то глухо рычит, а при нападении на добычу издает крик ярости, похожий на сухой кашель. «Голос тигра, — пишет Форзит, — производит сильное впечатление в ночной тишине, он невольно вызывает представление о страшной силе».

Тигра нельзя считать храбрым зверем: он не только осторожен и робок, но даже труслив, хотя принадлежит к числу хитрых и коварных хищников. Когда тигру впервые приходится встречаться с человеком, он всегда бежит от него. Большинство тигров теряет присутствие духа от сильного шума и энергичных жестов, и, вероятно, ни один из них не может противостоять хладнокровному и решительному противнику. Но многие тигры убеждаются на опыте, что с человеком им не трудно справиться, и тогда они делаются очень опасными, так как подкарауливают беззащитных людей и неожиданно нападают на них; таким образом, тигры бывают в некоторых случаях не только смелыми, но даже нахальными. Некоторые местности становятся почти необитаемыми вследствие хищнических набегов тигров: утверждают, что пешие переходы от одной деревни к другой иногда возможны только в сопровождении нескольких смелых охотников и только с зажженными факелами, если путешествие происходит ночью. В окрестностях деревень и даже у самых хижин тигры хватают иногда людей среди белого дня и, случается, заставляют их покидать свои жилища. Чаще всего страдают от тигров люди, живущие одиноко в лесах или на полях, например, пастухи, дровосеки, земледельцы; особенно плохо приходится пастухам, которые должны защищать не только себя, но и стада. Почталыоны также часто делаются их добычей*.

** Ниже Бремом приводится довольно много сведений о тиграх-людоедах, не редки их описания и в другой литературе. Почти всегда причиной людоедства тигров бывает травма, не*

дающая зверю возможности нормально охотиться, или какая-либо иная причина крайней бескормизы. Даже и в этом случае, по свидетельствам очевидцев, тигр становится людоедом не всегда и не сразу. Зачастую первых людей он убивает случайно, когда они натыкаются на его дневку, и не ест. И лишь продолжающийся голод заставляет его отвесть незнакомой (и, наверное, с точки зрения тигра, дурно пахнущей) добычи.

В конце шестидесятых годов в Майсуре жил тигр-людоед, который приобрел печальную известность и наводил ужас на все окрестности, пока, наконец, счастливая пуля не положила конец его злодеяниям. Там же в 1873 году появилась тигрица с детенышем; она была менее опасна, однако за шесть месяцев съела одиннадцать человек. Сандерсон в течение нескольких недель преследовал этого хитрого зверя и, наконец, однажды вечером подкараулил и застрелил его у убитой им коровы. Форзит в начале шестидесятых годов застрелил нескольких тигров-людоедов в центральных районах Индии. Один из них совершенно парализовал движение по некоторым дорогам и вынудил жителей многих деревень бросить свои хижины. Люди осмеливались выходить в лес только большими вооруженными толпами, барабанным боем и криком отпугивая тигров. Это было в 1862 году, когда строившаяся железная дорога из Бомбея в Аллахабад долла именно до этой местности. Но работы должны были прекратиться, так как дровосеки не осмеливались более идти в лес, чтобы рубить гам деревья на шпалы. Этот тигр распространял свои набеги на район, имевший от 50 до 60 км в диаметре, и сожрал более ста человек до того, как Форзиту удалось его убить. В той же местности, по словам Фейрера, другой тигр похитил за три года 108 человек, пока не был убит скрытым в приманке самострельным ружейным стволом. Одна тигрица терроризировала жителей тринадцати деревень, вынудив их покинуть свои дома, не давала возможности заниматься сельскими работами на площади 1000 квадратных километров и очень хитро избегала всевозможных ловушек до тех пор, пока английскому охотнику не удалось ее застрелить. Другая тигрица была убита в 1869 году на берегах реки Годавари, после того как умертвила 127 человек.

Статистические данные о числе людей, ставших их жертвам и диких животных, свидетельствуют, что число жертв постоянно возрастает и в 1886 году достигло 24 841 случая, но по многим причинам следует сомневаться в справедливости этих цифр, потому что девять десятых смертных случаев приписывается ядовитым змеям, а лишь одна десятая приходится на долю хищных животных. Число людей, ставших жертвами тигров, ныне значительно сократилось. Официальные данные о числе людей, умерщвленных тиграми в 1877-1886 годах, и о количестве убитых тигров приведены в нижеследующей таблице.

1877 г. —	819 человек,	1579 тигров.
1878 г. —	816 человек,	1493 тигра.
1879 г. —	698 человек,	1412 тигров.
1880 г. —	872 человека,	1689 тигров.
1881 г. —	889 человек,	1557 тигров.
1882 г. —	895 человек,	1726 тигров.
1883 г. —	985 человек,	1825 тигров.
1884 г. —	831 человек,	2196 тигров.
1885 г. —	838 человек,	1855 тигров.
1886 г. —	928 человек,	1464 тигра.

Из таблицы видно, что в среднем тигров ежегодно убивается в два раза больше, чем они уничтожают людей, при этом не принимаются в расчет те тигры, которые были только ранены и, возможно, позднее умерли. К сожалению, не зафиксировано, сколько людей умирает впоследствии от ран, полученных на охоте за тиграми или при защите от них стад. Если же принять в расчет, что население тех областей Индии, где обитает тигр, в 1886 году достигало 200 миллионов человек, а по некоторым данным даже 250 миллионов, то вред, наносимый тиграми людям (менее 5 жертв на миллион людей), окажется очень незначительным. Кроме того, как уже выше сказано, эти данные никак нельзя считать безусловно верными*.

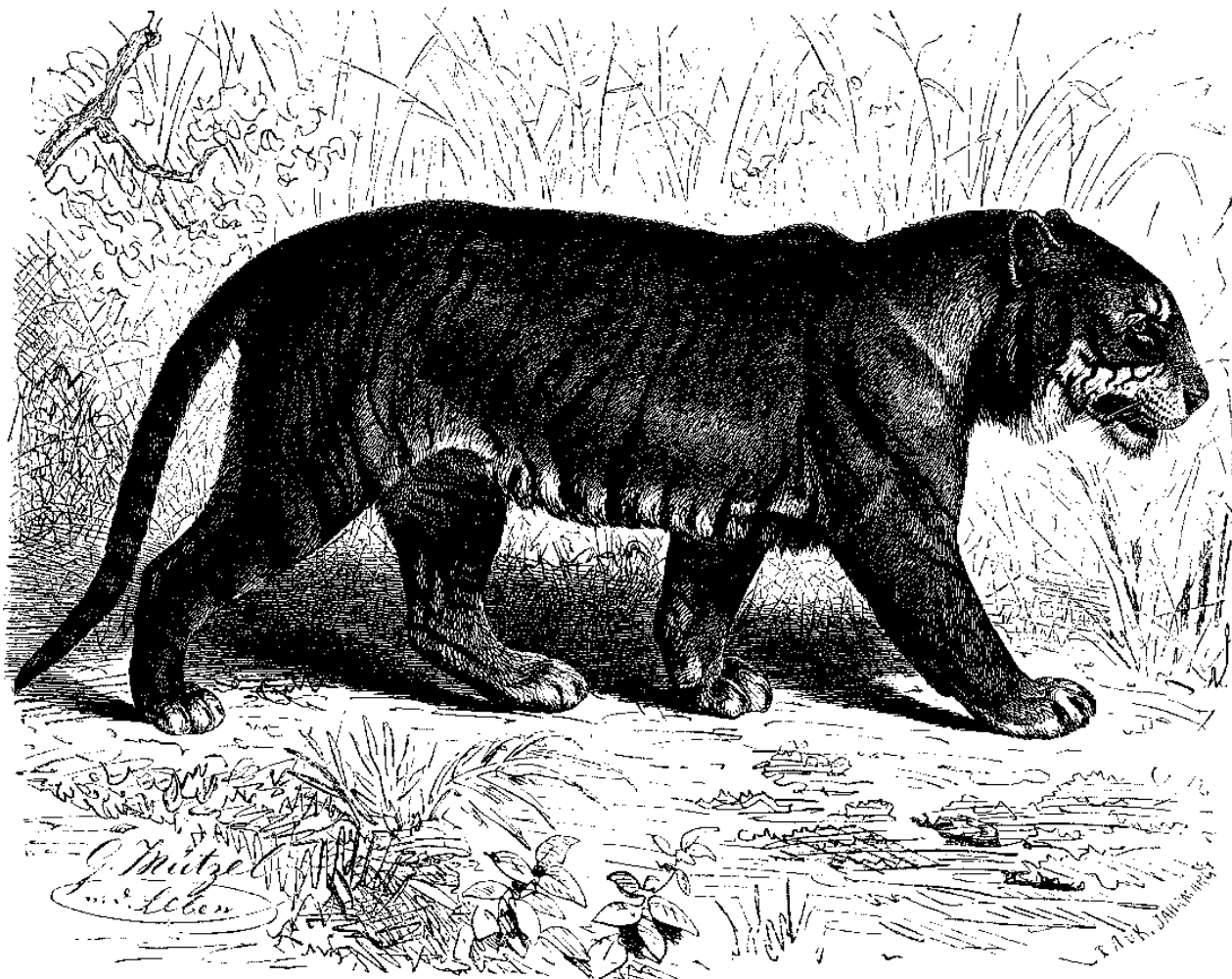
* *Ныне в Индии живет не более 3000 тигров, то есть столько, сколько убивали их в XIX в. охотники за два года.*

В виде общего заключения можно сказать: люди в такой же мере становятся жертвами тигров, как и других хищных животных, и происходит это большей частью только тогда, когда они сами на животных нападают. Некоторые тигры, однако, первыми нападают на людей, но число жертв в таких случаях, кстати, довольно редких, незначительно.

По некоторым сведениям, на Яве и Суматре только в 1862 году тигры загрызли до 300 человек, но знатоки тамошней жизни не верят этим сведениям. Ботаник Тейсманн, в течение сорока

лет исследовавший необитаемые районы голландской Ост-Индии, ни разу даже не встретился с тигром. Розенберг, который тридцать лет провел в этих местах, слышал только об одном человеке, умерщвленном тигром. Подобные же указания дает и Форбес. Многие путешественники по Индии также ни разу не видали дикого тигра. О том, что тигры вовсе не так обыкновенны, свидетельствуют и охотники. Один из них, Форзит, например, говорит: «По правде сказать, в Индии вовсе не опасно путешествовать по пустынной местности, за исключением разве что очень хорошо известной области, где совершает свои набеги тигр-людоед. Для успокоения робких путешественников могу я указать, что никогда ни один тигр не нападал на мою стоянку, хотя я странствовал с малым числом спутников, никаких особых мер предосторожности не предпринимал и часто, как выяснялось впоследствии, устраивал ночлег очень близко от логовища этого зверя». Блэнфорд, который двадцать лет кряду исследовал Индию, согласен с Форзитом и говорит, что из тигров для человека могут быть опасными только довольно редко встречающиеся людоеды, или тигрицы, защищающие своих детенышей, или же очень голодные тигры, которые не могут сами добыть пищу.

В свое время много говорили, да и ныне еще толкуют о страхе, который наводил тигр на жителей острова Сингапур. При занятии острова англичанами в 1819 году он был совершенно необитаем и тигров там не было. Появление их было замечено лишь в 1835 году. Сразу возникло предположение, что тигры должны были переплыть морской пролив шириной около двух километров. Скоро нашли доказательства справедливости этого предположения. Однажды утром в сетях, расставленных у берега острова, нашли запутавшуюся и едва живую тигрицу. Так как: сети были поставлены в несколько рядов, а тигрицу нашли в одной из сетей, расположенных далеко от берега, очевидно, что животное не могло туда попасть с острова, а приплыло с материка. Вскоре тигры стали умерщвлять в Сингапуре людей; число смертных случаев быстро росло. В шестидесятых годах число жертв, по некоторым известиям, доходило до 400 человек в год; по другим данным, тигры в среднем пожирали по одному человеку в день, преимущественно китайских рабочих на плантациях. Следует удивляться, как люди могли при таких обстоятельствах жить на острове вне города, ведь из ста человек один становился в то время жертвою тигров; еще более удивительно, что английские охотники не занялись истреблением этих тигров-людоедов, тем более, что не все тигры занимаются охотой на людей, и не могли же в Сингапуре собраться тигры-людоеды со всех окрестностей.

Тигр (*Panthera tigris*)

Но есть и более успокаивающие известия. Ботаник Кунце, который путешествовал по острову в 1875 году, многие из преувеличенных известий о вреде тигров называет баснями, так как, несмотря на все его старания, он не мог получить достоверных данных о страшных опустошениях, производимых тиграми. Поскольку в Европе ему верить не хотели, он обратился к немецкому консулу в Сингапуре Биберу с просьбой проверить распространившиеся сведения об огромном числе людей, съеденных тиграми в шестидесятых годах. Бибер ему отвечал: «По официальным данным, в течение четырех лет, с 1862 до 1866 год, полиция получала известия о том, что тигр съедал одного человека в шесть или восемь недель, то есть речь идет примерно о восьми смертных случаях в год. В малайской части города постоянно можно видеть двух или трех живых тигров, которые показываются за деньги, они были пойманы туземцами в ямы-западни. В последние десять лет тигры в Сингапуре стали очень редки; теперь (1878 год) их не более двух или трех на всем острове». Кунце кроме того указывает, что в газете, издающейся в Сингапуре, за весь 1879 год описаны только два случая смерти людей от нападений тигров. Эти известия, значительно отличающиеся от прежних, подтверждаются Гансом Мейером, который несколько раз посещал Сингапур в 1882 году. Таким образом, представление об ужасах, производимых тиграми в шестидесятых годах, было сильно преувеличено.

Следует иметь в виду, что из многих тигров только некоторые, так называемые людоеды, действительно опасны для человека, и нельзя зло, причиняемое немногими экземплярами, распространять на всех тигров. Но в любом случае это опасный зверь, недаром он всегда занимал важную роль в рассказах и преданиях местных жителей. В некоторых областях Индии тигр считается божеством, и жители, говоря о нем, употребляют различные описательные наименования, а по имени не называют. Народы восточной Сибири, по сообщениям Радде, имеют такие же воззрения и называют его «зверь-человек», дауры — «зверь-властелин», некоторые тунгусы говорят о нем только шепотом и называют его «лавун» — словом, непонятым для тигра и потому безвредным для человека. Тунгусы, подобно даурам и маньчжурам, полагают, что тигры с возрастом достигают высшего чина и требуют больших почестей и что есть тигры, которые по чинам равны губернаторам. У многих аборигенов Приамурья почитание тигра имеет религиозный характер: Радде слышал, что тигра называют «бурхан», что на местном языке означает «божество». Основанное на боязни почитание этого хищника составляет у южных тунгусов важную часть их религиозных воззрений, состоящих из смешения шаманства и буддизма. Живущие в горах Хинган орочи боятся не только самого тигра, но даже следов его, и когда найдут их, то кладут на следы половину своей охотничьей добычи, чтобы умилостивить животное-божество. Кто убьет тигра, говорят тунгусы, тот наверняка будет съеден другим тигром. Коренные жители острова Суматра убеждены, что тигр — это оборотень умершего человека и потому его нельзя убивать. В Индии имеют обыкновение устанавливать на тех местах, где тигр загрыз человека, высокий шест с цветной тряпкой наверху или складывать кучу камней, к которым каждый проходящий прибавляет по камню (последний обычай, впрочем, встречается и в других районах земного шара). Индийцы также видят в тигре оборотня и рассказывают, что души его жертв постоянно окружают его, охраняют от опасностей и указывают ему путь к новым жертвам. По Боку, некоторые жители Сиама охотно едят мясо тигра, думая, что оно придает силы. Сиамцы упрекали жившего среди них Бока в том, что он привлекает в их деревни тигров, так как случайно, во время его пребывания там, тигры подкрадывались к жилищам и нападали на домашних животных, собак, рогатый скот. Усы тигра в некоторых районах Индии считаются смертельным ядом и сжигаются сразу, как только его убьют, в других же местах, по показаниям Жердона, особенно в южной Индии, эти усы ценятся очень высоко, так как думают, что их обладатель получает неограниченную власть над женским полом*. У некоторых народов Индии было принято, по Блэнфорду, давать торжественные клятвы, стоя на тигровой шкуре.

** И усы, и лапы тигра, а также его череп и зубы используются в восточной медицине наравне с бесчисленными частями других животных с одной основной целью — увеличения мужской потенции. Тем не менее все эти ингредиенты снадобий стоят баснословные деньги, и даже введение самых строгих мер взыскания за убийство тигра не может спасти этих кошек в Китае и Корее.*

Некоторые индийские князья до сих пор запрещают в своих владениях тигровую охоту, считая ее царской забавой и предоставляя право на нее только самим себе, но в других местах, где много европейских поселений и англичане усиленно истребляют тигров, их почти совсем не осталось. В прежние времена индийские князья устраивали большие охоты на тигров, причем главную роль играли торжественная обстановка, наличие огромной свиты, шум и блеск лагерной жизни;

тигров же убивали очень мало. В XVII веке, по отчету иезуитского миссионера Вербье, китайский император однажды выступил на тигровую охоту с целым войском, окружил большое пространство и устроил огромных масштабов облаву. Было убито более тысячи оленей, много медведей, кабанов и шестьдесят тигров. В 1683 году китайский император отправился на охоту с 60 тысячами людей и 10 тысячами лошадей, но охота была не очень удачной. Мекерн описывает большую охоту, устроенную в Индии аудским набобом. У этого князя было целое войско пехоты и конницы, несколько пушек, более тысячи слонов и неисчислимое количество телег, верблюдов, вьючных лошадей и носильщиков. Его жены сидели в особых закрытых экипажах; в свите находились баядерки, певцы, шуты, фокусники, охотничьи гепарды, соколы, боевые петухи, соловьи и голуби. Было убито много разной дичи, но нашли только одного тигра, логовище которого было окружено двумястами слонов. Набоб приказал гнать его к тому месту, где сидел он сам на слоне в окружении воинов. Тигра сначала ранили, затем погнали к набобу, который его и убил. Карл фон Герц был на охоте на тигра, устроенной начальником индийского войска. В охоте участвовало до 40 слонов, из которых восемь было предназначено для охотников, а остальные играли роль загонщиков; на слонах, кроме вожаков, сидело по два или по три индуса. Всей процессии приходилось проезжать по зарослям бамбука и тростника высотой в пять-шесть метров. Убит был всего один тигр.

Индийские князья загоняют иногда тигра в сети. Для этого устраивают изгороди из высоких бамбуковых шестов, которые втыкают в землю на расстоянии 4-5 метров один от другого; между шестами натягиваются широкие, крепкие сети. Эта изгородь из сетей имеет в конце острый угол, в вершине которого устраивают из бревен высокий помост, на который становятся вооруженные винтовками охотники. Тигра загоняют в этот угол, где стрелки убивают зверя меткими выстрелами. Сети в низких местах имеют около 4 м вышины и лишь слабо прикреплены к шестам, так что когда тигр старается через них перепрыгнуть, они падают, а животное в них запутывается. Эта охота требует, впрочем, большого количества загонщиков, которых нельзя заменить, как это часто делают, слонами, так как эти последние очень часто, не замечая сетей, ломают изгородь и дают таким образом тигру возможность спастись. Чтобы загнать тигра в должное место, его пугают всевозможными средствами: стучат, стреляют, барабанят, зажигают огни, бросают зажженные факелы в тростник и с особенным успехом пускают большие ракеты, которые направляют совсем наклонно, чтобы они летели на небольшом расстоянии от земли. Если тигр оказывается в окруженном пространстве, то вскоре начинает спасаться бегством. Он, конечно, бежит в ту сторону, где нет шума и огня и скоро натывается на изгородь из сетей. Так как она слишком высока, чтобы через нее перепрыгнуть, и слишком упруга, чтобы ее прорвать, животное принуждено бежать вдоль сетей к тому месту, где охотники из своего безопасного убежища могут его застрелить, чем обычно и оканчивается охота. Этот способ охоты имеет, однако, крупный недостаток: он требует сложных приготовлений, большого количества людей и, следовательно, значительных расходов, а потому применяется редко и считается для охотников большим празднеством. Результаты такой охоты далеко не всегда соответствуют сложным приготовлениям: тигр иногда прячется, пропуская мимо себя загонщиков, и убегает в другую сторону, иногда же просто прорывает шумную, но в сущности безопасную цепь загонщиков.

Гораздо выгоднее охоты облавой охота в одиночку, когда какой-нибудь смельчак отправляется на тигра один или с немногими помощниками. Точно так же, как в Африке есть храбрые охотники на львов, в Индии встречаются специалисты по охоте на тигров. В местностях, поросших высокой и густой травой, охотники большей частью едут на слонах, поскольку, идя по земле, тигра очень часто и не увидишь. Фейрер сообщает, что при подобных условиях четыре охотника с 19 апреля по 1 мая 1855 года в Ауде (историческая область в Индии) убили без всякого вреда для себя одиннадцать тигров. Слоны, однако, стоят дорого, особенно хорошие охотники и чьи слоны, поэтому охотники часто обходятся без них, особенно в местах, где среди чащи встречаются незаросшие прогалины — там тигра легче заметить. Охотник взбирается еще засветло на дерево около полусъеденной добычи тигра и дожидается его возвращения к ней или приманивает зверя привязанной к дереву скотиной. Днем отыскивают следы тигра и его логовище, иногда окружают сетями целые рощи или загоняют зверя к известному месту (тигр предпочитает ходить по тропинкам, сухим руслам ручьев и другим открытым местам, чем продираться сквозь густой кустарник). Он довольно легко, как всякая другая дичь, позволяет загнать себя по известному направлению.

Местные жители хорошо знают образ жизни тигров и их любимые пристанища. Они не боятся даже в небольшом числе обыскивать лес и кусты, но при этом обычно держатся близко друг от друга. При подобных условиях очень редко случаются несчастия, потому что тигр почти никогда не решается броситься на толпу шумящих и кричащих людей. Насколько он выказывает смелости при

неожиданном нападении на свою жертву, настолько он труслив, когда ему самому грозит опасность. Стрелять в тигра почти совсем безопасно: он постоянно избегает борьбы с человеком и когда видит, что за ним гонятся, всегда, как настоящий трус, обращается в бегство. Как и лев, тигр опасен только когда ранен или загнан со всех сторон: в таком случае он, видя себя в безвыходном положении, иногда яростно бросается на врагов, не столько для того, чтобы отомстить за себя, сколько для того, чтобы прорваться на свободу или прогнать охотников. Если бы это было не так, то ни один охотник на тигров не мог бы обеспечить себя нужным для облавы числом загонщиков. Местные жители боятся только тигров-людоедов. С прочими тиграми индийцы живут, так сказать, в дружественных отношениях и наиболее известных из них называют даже собственными именами.

Стерндаль рассказывает, что в шестидесятых годах во многих центральных областях Индии на тигра смотрели, как на необходимую принадлежность известной местности. Если он устраивал логовище слишком близко от человеческих жилищ, случалось, что мальчишки бросали в него камнями. Стерндаль видел также, как пастух, у которого тигр схватил теленка, набросился на него с ругательствами и до тех пор колотил палкой, пока хищник не оставил еще живую добычу. Пастух вовсе не считал, что совершил геройский поступок, и когда его хвалили за храбрость, то удивленно спрашивал, неужели могли думать, что он добровольно отдаст разбойнику скотину из своего стада. Конечно, местные жители осмеливаются бесцеремонно обращаться только с таким тигром, характер которого они хорошо знают — не со всяким зверем можно это проделать.

Как было уже сказано, характеры у тигров довольно разнообразны, и, по словам хороших знатоков, в зависимости от их добычи тигров можно разделить на три главные группы: тигры, уничтожающие дичь, тигры, нападающие на скот, и тигры-людоеды. Тигры, преследующие дичь, избегают жилищ человека, так как настоящим их местообитанием следует считать безлюдное место, где они во всякое время могут спокойно рыскать по лесам, кустарникам и травяным чащам. В случае нужды тигр легко переселяется из одной местности в другую, следует за дичью, перемещающуюся в разные сезоны года с места на место; так что эти тигры встречаются в горах, на равнинах, а также в холмистых местностях. Для охотника такой тигр, конечно, часто бывает соперником, но для земледельца это добрый приятель, который играет роль почти домашнего животного, спасающего посевы, например, от оленей, диких свиней, которые сильно вредят земледельцу и от которых он не знает как избавиться. Тигры, гонящиеся за дичью, обычно меньше ростом и более ловки, чем другие, хотя среди них встречаются и очень крупные экземпляры. К этой группе относится наибольшее количество тигров; в жаркое и сухое время года они собираются у еще непересохших рек и озер.

Тигры, похищающие скот, поселяются обычно близ деревень и чаще всего выбирают себе добычу среди домашних животных: скот нередко выгоняют на пастбище или оставляют ночью бродить без надзора между хижин, но в большинстве случаев хозяева запирают его на ночь в хорошо огороженных хлевах, и потому тигры приучаются хватать добычу днем, большей частью в послеобеденное время. Если тигра не преследуют и не пугают, он живет постоянно близ известных деревень; в противном случае, он распространяет дальше свои набеги. В Майсуре (Индия), в одной местности площадью 800 квадратных километров, жили 8 тигров из тех, что убивают скот. Иногда тигры довольствуются козами, овцами, ослиами, а при случае хватают оленей, кабанов и другую дичь. Только старый, заживший и избалованный тигр довольствуется исключительно рогатым скотом; тогда он избирает себе удобную местность, где может найти достаточно мяса и воды. С жителями деревень такой тигр сосуществует на условиях взаимной снисходительности; через каждые три или четыре дня он регулярно убивает одну скотину. Пастухи, уже поднаторевшие в обращении с тиграми, часто спорят с ними из-за добычи и стараются их прогнать. Иногда и сильные быки удачно защищают стадо от нападений хищника. С другой стороны, тигры, которым иногда долго не удается зарезать скотину, при случае загрызают животных про запас, причем число жертв бывает 3-5 в один день. Сандерсон рассказывает, что однажды тигр загрыз за один раз четырнадцать коров и телят, которые, правда, были уже полуживыми из-за холода и ветра*.

** В основном тигры систематически нападают на домашний скот либо будучи ранеными или истощенными, либо при отсутствии другой, более естественной добычи.*

Но по количеству убиваемого тигром рогатого скота нельзя, конечно, судить в целом о приносимом им вреде. Индусы вообще не убивают рогатый скот, и потому в каждой деревне можно встретить большое число старых и больных животных, которые могут лишь распространять различные болезни и, собственно говоря, только и годятся, что на корм тигру. Здоровый молочный и рабочий скот поселяне тщательным образом оберегают и защищают от нападений хищников. Тигр приносит известную пользу и тем, что уничтожает и отгоняет диких травоядных животных, угро-

жающих полям опустошением. В некоторых местностях люди рискуют засеять поля только потому, что знают о существовании там тигров и леопардов. Поэтому земледельцы не бывают довольны, когда охотники убивают слишком много животных, питающихся дичью, которые для них служат как бы полевыми сторожами. Когда выстрелом Сандерсона был убит давно всем известный, весьма хитрый и чрезвычайно крупный тигр, истребитель скота, местные жители, окружившие его труп, с сожалением говорили: «Жаль его! Он никогда не приносил нам вреда».

Тигр-людоед большей частью не что иное, как прежний истребитель скота, вследствие частых столкновений с людьми, особенно с пастухами, потерявший к ним всякий страх. Людоедами бывают чаще самки, чем самцы, вероятно, потому, что они должны заботиться о своих детенышах; иногда же людоедом бывает раненый или несколько изувеченный тигр, который не может обычным способом себя прокармливать*.

** Кроме раны, нанесенной человеком, косвенным виновником появления тигра-людоеда может стать дикобраз. Иглы дикобраза, воткнувшиеся в лапу тигра в тот момент, когда хищник пытался схватить грызуна, проникают глубоко в мышцы и там застревают, вызывая воспалительные процессы и мешая зверю охотиться на привычную добычу. Однако и в этой ситуации охромевший тигр становится людоедом далеко не всегда и не сразу. Сейчас в некоторых местах Индии проводится работа по предотвращению людоедства со стороны тигров. В определенных местах леса устанавливают человеческие манекены, к которым подсоединен источник электрического тока. Схвативший такую приманку хищник получает удар током вследствие чего вырабатывается отрицательный рефлекс на соприкосновение с человеком.*

Так как на человека легче напасть и легче его осилить, чем домашнее или дикое животное, тигр, уже переставший бояться людей, нападает на них, когда уверен, что не подвергает себя опасности. Вследствие этого сложилось мнение, что он предпочитает человеческое мясо всякому другому. Но это предположение, как и то, что тигр-людоед обыкновенно очень худ, было опровергнуто противоположными доводами. У старых тигров шерсть становится светлее и полосы как бы выцветают, потому что в них появляется седина. Эти опасные хищники питаются не только человеческим мясом; они подкарауливают и всякую другую попадающуюся им добычу. Нрав и привычки подобных тигров весьма различны, и некоторые из них бывают особенно опасны. Внешние обстоятельства и, так сказать, происхождение и воспитание играют при этом, вероятно, главную роль, потому что детеныши, которых мать выкормила человеческим мясом и которые были свидетелями ее нападений, конечно, скорее других решатся наброситься на людей. Тигры становятся людоедами преимущественно в тех местностях, куда только в известное время года пригоняются стада, и где, по их уходе, тигры — истребители скота — бывают вынуждены вследствие недостатка пищи нападать на людей. Тигр-людоед не выказывает большей смелости, чем прочие тигры; он, правда, очень нахален, но трусливо убегает от вооруженных людей и нападает на одиноких и безоружных, которых прекрасно умеет распознавать. Охотиться на него весьма трудно, так как он вследствие своего образа жизни лучше других тигров знает привычки людей. «Этот страшный для робких и безоружных индийцев зверь, — пишет Сандерсон, — встречается теперь, к счастью, очень редко; об ужасных людоедах уже почти не слышно, и если они и появляются, то их очень скоро убивают. До появления в Индии многочисленных европейских охотников тигры, конечно, могли вынуждать жителей покидать ту или иную местность; еще и теперь можно найти в пустынных местах остатки деревень, которые были из-за тигров покинуты испуганными жителями. В Майсуре и окрестных областях о тиграх-людоедах теперь почти не слышно. В течение последних 15 лет (до 1879 года) там появился только один настоящий людоед, известный бенкипурский тигр; за его уничтожение правительство обещало выдать большую награду. Но между всеми застреленными и выдаваемыми за этого людоеда тиграми не могли узнать настоящего, хотя можно предположить, что он был убит местным охотником. Несчастные случаи прекратились сразу после того, как тот представил убитого тигра-самца со сломанной передней лапой. Однако поскольку нельзя было доказать, что именно этот тигр и есть разыскиваемый злодей, награда не была выплачена».

Сандерсон даже советует щадить тигров, хотя ничего не имеет против правильной охоты на них. Но он возражает тем, кто считает полезным истреблять их всеми способами, даже с помощью западни и яда. По его мнению, при существующих условиях с уничтожением тигров во многих странах уменьшится доход с земли, так как земледельцы не будут в состоянии защищаться от вреда, приносимого им дикими травоядными животными. «Тигр, — пишет он, — не причиняет значительного вреда; дикие свиньи и олени, а не тигры и барсы угрожают сельскому хозяйству, главному источнику существования местных жителей. С этими травоядными могут справиться только крупные хищники, которым сама природа предназначила такую добычу. Жаль, что тигра ныне пресле-

дуют и истребляют даже всякими не охотничьими способами, главным образом вследствие поднявшегося в Англии общего вопля о громадном вреде, им причиняемом, чему вовсе не следовало придавать значения. Всевозможным образом надо выслеживать и убивать каждого тигра-людоеда, а также и вреднейших истребителей скота, но обыкновенные тигры менее всего опасны и притом приносят известную пользу. Да отдалится от нас то время, когда все тигры будут уничтожены!» Как начальнику правительственной охоты на слонов, Сандерсону приходилось жить сообразно своей должности — в отдаленных районах между дикими зверями. Во время своих путешествий он ознакомился с различными областями Индии и поэтому более чем кто-либо может судить о тамошних обстоятельствах.

Форзит, Блэнфорд и другие говорят о тигре почти то же самое. Шервилл прямо говорит: «Бенгальский тигр в сущности безвредный и робкий зверь и делается только тогда злым и опасным, когда ранен. Он редко беспокоит людей, разве только тогда, когда раздражен ими, а людоеды почти не встречаются в Бенгалии, за исключением, может быть, болотистых лесов в дельте Ганги». Фейрер, который признает вред, причиняемый этим животным, прибавляет, что всевозможные несчастья во время охоты на тигров случаются не чаще, чем в Англии на травлях лисиц.

Из вышесказанного можно заключить, что о тигре следует судить иначе, чем это делали до сих пор. Это хищник, который во многих местностях (по крайней мере в Индии) приносит больше пользы, чем вреда, и только в редких случаях бывает тем страшилищем, каким ранее описывали всех тигров вообще.

Обычно говорят, что тигр, как и лев, охотится следующим образом. Определив расстояние, он прижимается к земле, а затем большим прыжком бросается на жертву. Однако это не совсем верно: главная сила его нападения заключается в неожиданности. Если он сумел незаметно подкрасться к добыче, то схватывает животное безо всякого прыжка; если добыча довольно далеко, он приближается к ней несколькими быстрыми скачками, если же жертва убегает, он за ней гонится, стараясь ранить задние ноги крупных животных сильными ударами передних лап; иногда, если это возможно, тигр пытается опередить добычу, пробираясь через чащу и еще раз бросаясь на нее сбоку. Следовательно, он не бросает, как другие кошки, ту добычу, которая в первый раз сумела от него спастись. Удары его лап редко бывают настолько сильными, что ломают большие кости. Часто думают, что раны, нанесенные тигром, очень тяжелы и трудно заживают, но Фейрер отрицает это, основываясь на собственном опыте врача и охотника. Больших зверей тигр убивает точно так, как лев, переламывая им шейные позвонки. По мнению Форзита и Бальдвина, он хватается за затылок, но чаще, по словам Сандерсона, Стерндаля, Блэнфорда и других, за горло, а затем уже лапами переламывает ему шею. Из нескольких сотен жертв только две имели раны на затылке, а у всех остальных было перегрызено горло; да тигру и трудно напасть сверху на больших, особенно на рогатых, животных*.

** Как и подавляющее большинство кошек, тигр хороший бегун только на очень короткой дистанции. Поэтому, охотясь, он старается начать погоню с как можно меньшего расстояния до жертвы, чтобы можно было догнать ее в несколько прыжков. Всегда ли тигр тропит раненую и вырвавшуюся жертву неизвестно, скорее, можно предположить обратное. Огромные лапы тигра с кривыми втяжными когтями вовсе не так тяжелы, как принято думать. Тигр не ломает шею жертвы (кстати, самую прочную и мускулистую часть большинства копытных), а лишь удерживает лапами с выпущенными когтями свою добычу, чтобы она не вырвалась. Убивает же тигр, как и другие крупные кошки, укусом в загривок (сравнительно некрупных животных) или чаще в горло, причем во втором случае держит, пока животное не задохнется (иногда до 10 мин.). Ударом лапы тигр может убить только каких-либо некрупных животных, типа детеныша оленя или зайца.*

Тигр обыкновенно при наступлении темноты тащит свою добычу в густые кусты; иногда, впрочем, он ее недалеко уносит. Сандерсон удостоверяет, как очевидец, что сильный тигр-самец пронес тяжелого быка через густой кустарник на расстояние 300 шагов. Когда ему не мешают, он наедается досыта и, по достоверным сведениям, может съесть зараз около 30 килограммов мяса. Он почти всегда начинает с задней части, только изредка с боков. Во время еды он не раз подходит к ближнему водопою и много пьет, причем иногда опускает голову в воду до самых глаз, чавкает и фыркает, как будто хочет хорошенько промыть себе пасть. После сытной еды тигр засыпает и долго наслаждается дремотой, происходящей от полного насыщения; он встает только чтобы напиться. Вечером следующего дня между 4 и 9 часами тигр обычно возвращается к своей добыче, чтобы снова поесть, если только найдет остатки ее: ими питаются многие мелкие хищники, которые при виде тигра поспешно убегают.

Существует много различных, иногда очень оригинальных, способов охоты на тигров. Устраивают различного рода ловушки, часто в виде глубоких ям, куда тигр проваливается. Прежде среди ям ставили острый деревянный кол, но с тех пор, как один несчастный европеец на прогулке провалился в такую яму и попал на кол, подобные ловушки были запрещены, по крайней мере в Сингапуре. На острове Ява, по словам Гаскарла, ловушка устраивается в виде высокого сруба с отверстием, которое запирается падающим затвором; в срубе привязывают живую козу, которая привлекает тигра своим бляньем. Когда хищник войдет в сруб и схватит привязанную козу, то дернет веревку, которая держит затвор, и тот падает. В Индии подобные ловушки представляют собой большую железную клетку. Европейцы пробовали устраивать большие стальные капканы, вроде тех, что употребляются для ловли лисиц, но в такие капканы тигры попадают редко. Сандерсон рассказывает, как неудачно был употреблен такой капкан для поимки известного тигра «Дона», который оказался гораздо хитрее, чем предполагали. Как искусно ни скрывали капкан, тигр всегда находил возможность спустить его пружину без вреда для себя, а живую козу, привязанную в виде приманки, брал в награду за свое искусство. Таким образом тигр истребил целое стадо коз, пока, наконец, не был убит выстрелом Сандерсона. На Суматре, по словам Форбса, аборигены прикрепляют острое копьё к длинной упругой жерди, которая натягивается веревкой; сооружение это помещается около отверстия в заборе, через которое должен пролезть тигр, чтобы приблизиться к приманке. Пробираясь сквозь отверстие, тигр задевает за веревку, натягивающую жердь, она выпрямляется и копьё прокалывает тигра насквозь. В Ассаме (Индия), по словам одного путешественника, подобная же ловушка устраивается около водопоя; но здесь употребляют в дело лук со стрелой, намазанной ядом, который даже при малейшей ране вызывает смерть. Европейцы и местные жители, знакомые с огнестрельным оружием, устраивают также ловушки с заряженными стволами, выстреливающими, когда тигр схватит приманку. Последнее время часто применяют стрихнин, которым отравляют положенное в виде приманки мясо, но, как говорят, сила яда теряется, если мясо начинает разлагаться*.

** Нельзя не отметить, что при прогулках по тропическому лесу разнообразные самострелы, вроде описанных Бремом, поставленные не обязательно на тигра, а и на других животных, представляют для человека едва ли не самую большую опасность.*

Выгода от охоты на тигров довольно значительна. Кроме правительственной награды, определенной за уничтожение зверя, охотник может выгодно продать его жир, который индусы считают хорошим средством от ревматизма и некоторых болезней рогатого скота; от одного тигра получают 4-6 литров жира. В некоторых местах мясо тигра употребляется в пищу, и путешественник Ягор утверждает, что оно довольно вкусно. После одной охоты на Яве тамошний князь подарил Ягору убитых зверей. «Так как шкуры тигров были во многих местах проколоты, — говорит Ягор, — я удовольствовался тем, что взял для моей коллекции из внутренностей животных многих глистов и велел себе изжарить несколько котлет из мяса тигра. Против ожиданий котлеты оказались вкусными и похожими на мясо быка; прочие гости не верили этому и не соглашались даже попробовать это блюдо, которое им казалось противным».

В юго-восточной Сибири, по словам Радде, мясо тигра дозволяется есть только охотникам, которые его убили, или пожилым, опытным людям. Женщин же, по крайней мере у тунгусов, совсем не допускают до этого пиршества. Охотники глубоко верят, что мясо тигра действует на людей благотворно, придает силу и смелость; то же самое думают и в Сиаме. В некоторых местах мясо тигра считается лекарством, но китайские врачи полагают, что кости тигра действуют сильнее, чем его мясо; больше всего ценятся коленные чашечки, затем следует передняя пара ребер. В других странах зубы и когти тигра, его жир и печень ценятся выше, чем мясо и кости. В Индии охотники украшают себя зубами тигров, служащими не только доказательством победы над ним, но и, как они полагают, средством защиты от нападений тигров. Азиатские и европейские дамы носят когти тигра, отделанные золотом и серебром, в виде украшений. Язык и печень тигра имеют большую ценность: индийские знахари готовят из них разные снадобья, которые продают верующим индусам, как самые действенные средства от болезней. Шкура тигра предохраняется от насекомых дубильными и другими веществами и отправляется большей частью в Европу или Китай. Богатые киргизы в прежние времена за нее дорого платили и делали из нее колчаны. В Европе шкура тигра имеет различную ценность, в зависимости от величины, красоты и целостности.

Кроме человека, у тигра, кажется, нет врагов, за исключением, может быть, индийской дикой собаки. Это быстрое и сильное животное обычно охотится днем, собравшись в стаи, и, по словам местных жителей, при случае преследует и тигра. Собаки гонятся за ним, окружают со всех сторон и самые смелые кусают его за задние ноги; так продолжается до тех пор, пока обессиленный и ус-

талый тигр не свалится и не бывает побежден большим количеством нападающих собак. Хотя эти рассказы и не могут считаться вполне достоверными, довольно вероятно, что стая диких собак может в конце концов победить тигра, причем, конечно, и многие собаки погибают*.

** Если не врагом, то достойным противником тигра является бурый медведь. Из схватки один на один (если по какому-то стечению обстоятельств до нее дойдет) медведь может выйти и победителем. Огромные амурские тигры иногда нападают на медведя вдвоем втроем. Известны случаи, когда тигр бывал убит старым опытным кабаном. Хотя кабан в таких случаях не является инициатором схватки, как зверь всеядный он может и подкрепиться за счет неудачливого охотника.*

До какого возраста может жить тигр на свободе — трудно узнать. Индусы думают, что возраст убитого тигра можно определить по числу лопастей его печени. Только Сандерсон дает кое-какие данные для решения этого вопроса. Крупный самец, которого он убил в Майсуре, был уже известен аборигенам в течение двадцати лет; он не имел никаких признаков старости — зубы были целы и не очень стертые, шерсть только начинала выцветать.

Время спаривания у тигра различно и зависит от климата его родины. На севере, говорят, спаривание происходит точно за три месяца до начала весны. В южных странах, по наблюдениям, сделанным в Индии, спаривание не связано с каким-нибудь временем года; рождение детенышей происходит в разные месяцы. Знатоки образа жизни тигров утверждают, что тигрица рождает не каждый год, а через два или три года; так, при матери находят или очень молодых, или взрослых детенышей, но никогда не замечали котят-погодков, что должно было встретиться, если бы тигрица рожала ежегодно. Во время спаривания голос тигров слышен чаще, чем в другое время; часто несколько самцов собирается около одной тигрицы, много самцов погибает в борьбе друг с другом во время течки у самок, которые погибают редко. Причина в том, что самки более осторожны, чем самцы. Через 100 или 105 дней после спаривания тигрица родит двух-трех, иногда и четырех, а в редких случаях пять и даже шесть детенышей, причем устраивает свое логовище в непроходимой чаще кустарников или высоких трав*.

** У амурского тигра, несмотря на обитание в области с выраженной сезонностью климата, определенных сроков размножения нет. Беременность продолжается 98-112 дней. Детеныши при рождении имеют длину тела до 40 см и массу до 1 кг (обычно немного меньше). У амурского тигра детеныши остаются с матерью 2-3 года, достигая к концу этого времени 100-150 кг веса; соответственно, тигрица вновь спаривается по истечении этого периода, то есть когда тигрята становятся вполне самостоятельными.*

Новорожденные тигрята вдвое меньше домашней кошки и, как все котята, очень милы. В первые недели тигрица оставляет своих детенышей очень ненадолго, только чтобы утолить сильный голод, но когда они немного подрастут, делает более продолжительные вылазки.

Сандерсон пишет об индийском тигре: «Местные жители говорят, что мать кормит сначала своих детенышей полупереваренным мясом, которое она отрыгивает, возвратившись из охотничьих набегов. Через шесть недель детеныши уже начинают переходить вместе с матерью от одного логовища к другому, но на охоту она их еще не берет, а приводит иногда к убитой добыче, если не приходится идти слишком далеко. Уже в раннем возрасте тигрята очень умны и умеют прятаться и даже защищаться, если их застанут одних. Двое молодых тигров, которые родились в ноябре 1875 года и жили недалеко от моей станции в Майсуре, в июне следующего года стали охотиться самостоятельно, но жили еще при матери. Им было пока трудно самим умертвить даже слабую старую скотину, и они терзали ее ужасным образом. При этом следует заметить, что они не смогли бы справиться и с этой скотиной, если бы она не была привязана. В одном случае несомненные следы указывали, что мать сидела вблизи и наблюдала, как один из ее детенышей загрызал привязанного быка. Я застрелил обоих молодых тигров около убитой добычи, к которой они возвратились, чтобы вторично поесть мяса: убитая 29 июля 1876 г. молодая самка имела 190,5 см длины и весила 53,5 кг, а молодой самец, убитый 25 ноября того же года, имел 211 см длины; взвесить я его, к сожалению, не смог».

Спаривание у тигров происходит не очень шумно, оно сопровождается обычно глухим рычанием и ворчанием. С новорожденными детенышами мать обращается очень нежно. Молодые тигрята рождаются совсем слепыми или с чуть прорезавшимися глазами, но растут быстро и скоро начинают играть совершенно по-кошачьи со своей матерью.

Азиатские властители уже давно владели искусством приручать тигров и даже пользоваться ими во время охоты. Марко Поло пишет: «У татарского хана в завоеванном им городе Камбалу много леопардов и рысей, с которыми он охотится; у него есть и львы, которые больше вавилонских

львов, имеют красивый мех с белыми, черными и рыжими полосами и могут быть употребляемы для охоты на диких кабанов, буйволов, диких ослов, медведей, оленей, ланей и других животных. В высшей степени удивительно наблюдать, как такой лев бросается на добычу и с какой быстротой и силой он нападает. Хан возит их в клетках на колесах и в каждой клетке находится маленькая собачка, к которой лев привыкает. Помещают же их в клетках потому, что львы слишком яростно бросаются на дичь, когда ее почуют, так что невозможно их удерживать. К дичи их следует подвозить против ветра: иначе животные чуют льва издали и от него бегут».

И в наши дни индийские князья для забавы устраивают побоища между пойманными тиграми и другими сильными животными, например, слонами и буйволами. Ташар видел такое побоище в Сиаме. На площадь, окруженную высоким частоколом, вывели трех слонов, головы которых были покрыты чем-то вроде панциря. Тигр уже находился в ограде и его удерживали двумя веревками. Он был не из крупных и, когда увидел слонов, хотел убежать, но тотчас же получил несколько чувствительных ударов хоботом по спине, так что упал на бок и некоторое время лежал как мертвый. Он, однако, вскочил, когда его отвязали, заревел и вцепился в хобот одного слона; тот приподнял тигра кверху и так сильно ударил его бивнями, что тигр полетел высоко вверх, тяжело упал и более не осмеливался нападать, а стал карабкаться на частокол, чтобы убежать из ограды. На него направили тогда всех трех слонов, которые так сильно били тигра, что он снова упал как мертвый, и после этого уже только старался спастись от своих врагов. Побоище тогда приказали кончить, но было очевидно, что слоны могли бы легко убить тигра.

Бои между буйволами, тиграми или другими хищными зверями и людьми, вооруженными копьями, принадлежат к любимым удовольствиям южноазиатских князей, особенно на острове Ява. Э. Мартене и Ягор описывают почти одинаковыми словами подобное побоище. «Князь вместе с резидентом и всеми присутствующими европейцами отправились в павильон, чтобы посмотреть на бой между королевским тигром и буйволом. Цилиндрическая клетка в 6 метров высотой служила помещением для буйвола, украшенного венками. Тигр помещался по соседству в клетке меньших размеров. Когда отворили дверцу, соединяющую эту последнюю клетку с клеткою буйвола, все зрители напряженно стали ждать появления тигра, однако он не выходил и его пришлось выгонять, довольно долго пугая зажженными факелами. Наконец, он выполз в большую клетку, но вовсе не выказывал желания начать борьбу*.

** Можно только высказать надежду, что подобные варварские, изуверские «увеселения» остались в прошлом.*

Тигр бегал вдоль ограды и, очевидно, трусил. Буйвол, который некоторое время равнодушно на него поглядывал, вдруг бросился на зверя и ударил его рогами; тигр со страху полез по бамбуковой ограде вверх, его оттуда прогнали, обливая кипятком, прыская ему в морду отваром перца и нанося удары копьями. Обоих животных всячески дразнили люди, сидящие на верхней части клетки; наконец, тигр кинулся на буйвола, вцепился зубами в его правое ухо, а передней лапой захватил за затылок. Буйвол громко ревел, тщетно старался освободиться от тигра и несколько раз прижимал его к земле. В конце концов тигр упал и получил несколько таких сильных ударов рогами, что лежал как мертвый; буйвол стал его обнюхивать и, когда тигр пытался снова укунить его, так ударил зверя рогами, что тот растянулся во весь рост и лежал неподвижно. Зрители были недовольны исходом боя и старались различными средствами раздражить животных, но старания эти были напрасны, пришлось открыть дверь тигровой клетки, и тигр, испуганный горящими факелами, поспешно удался в свое логовище.

В пять часов пополудни на площади перед домом князя было снова устроено побоище, которое на местном языке называется «ромпок». Большая четырехугольная площадь была окружена несколькими рядами воинов, вооруженных копьями (их было около двух тысяч человек). В середине четырехугольника стояли две небольшие клетки, окруженные соломой, и третья, побольше, напоминающая крышу. В каждой из маленьких клеток находилось по тигру. За копыносцами стояла огромная толпа зрителей. По данному знаку зажгли солому, окружавшую одну из клеток, но тигр долго не выходил. Это был тот же несчастный зверь, который утром так сильно пострадал во время борьбы с буйволом. Уже боялись, что тигр в клетке сгорел или задохнулся, но наконец он показался, выползая из клетки задом. Когда он вылез и оглянулся, то так испугался, что полез обратно в горящую клетку и долго там скрывался, пока огонь не заставил его вторично выскочить. Не трогаясь с места, тигр стал осматриваться и искать какое-нибудь другое убежище. Тогда люди, скрывавшиеся под высокою крышею, из отверстия которой торчали копья, подвинулись вместе со своим помещением вперед и вынудили зверя подняться. Так как тигры охотнее всего бегут против направления ветра, то соответствующая сторона была окружена большим числом людей, но тигр в

этом случае поступил против своего обыкновения и в отчаянии бросился на ту сторону ограды, где людей было меньше. Но здесь его очень скоро убили несколькими ударами копий. После этого была зажжена солома у второй клетки. Второй тигр выказал больше храбрости: одним прыжком выскочил он из клетки, осмотрел своих врагов и постарался прорваться с подветренной стороны. Прогнанный оттуда, он повторил свою попытку подальше, но тут же был заколот, причем люди, возбужденные этим зрелищем, совершенно напрасно кололи копьями уже мертвого тигра».

Мартене дополняет вышеприведенное описание Ягора еще тем, что люди, которые отворяют клетку тигра, бывают вооружены только одними кинжалами. «Обычай требует, чтобы люди, отворившие клетку, удалялись от нее тихими шагами, не оглядываясь; никогда не случалось, чтобы они подвергались нападению тигра». Ганс Мейер подтверждает это, что, впрочем, совершенно понятно, так как хищный зверь, уже усмиренный неволей и напуганный большим количеством вооруженных людей, вовсе не выказывает желаний начать борьбу.

Древние познакомились с тигром довольно поздно. В Библии о нем не упоминается, и греки о нем почти ничего не знали. Неарх, полководец Александра Македонского, видел тигровую шкуру, но самого зверя не видал, а от индусов узнал, что величиной он с крупную лошадь и превосходит все другие существа своей силой и быстротой. Только Страбон говорит о тигре несколько подробнее. Римлянам он был вовсе не известен до Пунических войн; когда же они распространили свое владычество в Азии, парфяне доставляли им тигров. Плиний пишет, что Скавр первый показывал римлянам тигра в клетке в 743 году от основания Рима, то есть в 10 году до новой эры. Император Клавдий уже имел четырех тигров, и начиная с этого времени они довольно часто появляются в Риме; Гелиогабал запрягал их в свою колесницу, когда изображал Вакха, а при императоре Авите, в 455 году, за один вечер в цирке было убито пять тигров, чего прежде никогда не случалось.

Тигр, как и лев, не имеет близкородственных видов; наиболее сходное с ним животное — пещерный тигр, обитавший в средней Европе, давно вымер*.

** Более правильное название — пещерный лев, так как населявшая Евразию в прошлом огромная кошка была более родственна льву. Из современных кошек ближайший родственник тигра, несомненно, лев, с которым у тигра очень большое анатомическое сходство и с которым он успешно гибридизуется в неволе.*

Дымчатый леопард (*Neofelis nebulosa*)** гораздо меньше тигра.

** * Дымчатый леопард — одна из самых красивых кошек. Среди анатомических особенностей необычайно длинные верхние клыки, из-за которых дымчатого леопарда считают единственной современной полусаблезубой кошкой.*

Он похож на тигра своим удлинённым туловищем на коротких, но сильных лапах, маленькой, очень короткой головой с округленными ушами и рисунком своего длинного и мягкого меха, но с первого взгляда отличается от него более короткими лапами и хвостом, длина которого равняется длине тела. Основной цвет его меха довольно неопределенный: иногда он бывает пепельно-серым или буровато-серым, но часто переходит в серовато-белый с желтоватым или красноватым отливом; нижняя часть тела чаще всего бледно-рыжая. Голова, конечности и живот покрыты черными округленными и искривленными пятнами и полосами. По сторонам шеи тянутся три неправильные, продольные, темные полосы; вдоль спины тянутся также две подобные же полосы, а по сторонам головы замечаются несколько узеньких полосок; над плечами и бедрами и по бокам тела расположены неправильные черные пятна с угловатыми очертаниями: подобные пятна встречаются и на хвосте. Длина туловища около одного метра; хвост — от 74 до 92 см. Старый самец общей длиной 170 см весил 20,2 кг. Область распространения этого животного довольно обширна и включает весь юго-восток Азии и Большие Зондские острова. Дымчатый леопард встречается преимущественно в горных лесистых районах Индии (в Ассаме), Бирмы, Сиаме, полуострова Малакки, на островах Суматра, Ява и Борнео. В юго-восточной части Гималайских гор, в Сиккиме и Бутане, по свидетельству Жердона, эта кошка поднимается до высоты 3000 метров над уровнем моря, но Блэнфорд полагает, что выше 2000 метров она не встречается. На острове Формоза встречается ее разновидность с более коротким хвостом.

До последнего времени дымчатый леопард был очень редок в зоологических садах и музеях, да и теперь там можно увидеть лишь его единичные экземпляры.

Дымчатый леопард (*Neofelis nebulosa*)

О его жизни на свободе известно, пожалуй, только то, что рассказывают о нем туземцы. Жители Суматры уверяют, что это животное не свирепо и питается только мелкими млекопитающими и птицами. К последним следует отнести и домашних кур, которых дымчатый леопард истребляет в большом количестве. Малайское его название указывает на то, что он живет большей частью на деревьях и, по-видимому, там спит и охотится, очень ловко лазая по сучьям и стволам. В Гималайских горах он нападает, как говорят, на овец, коз, свиней и собак.

По всем рассказам видно, что дымчатый леопард добродушен, насколько может быть добродушна кошка. Несмотря на свою величину и силу, которые делают его похожим на настоящего леопарда, животное отличается необычайно кротким нравом.

В Лондонском зоологическом саду жил прекрасный, здоровый дымчатый леопард, совершенно ручной и добродушный; сторож с дымчатым леопардом обращался как с домашней кошкой. В этом отношении с ним можно сравнить только гепарда. На толстом сучке дерева, которое находилось в его клетке, он любил лежать, принимая иногда самые странные и, казалось бы, неудобные положения.

Бок говорит, что на острове Борнео мех дымчатого леопарда высоко ценится даяками как боевое украшение. Они делают в шкуре отверстие около шеи и просовывают в него голову, так что большая часть шкуры висит сзади в виде плаща. Иногда шкуру разрезают и делают из нее ковры, а также круглые шапки, которые надеваются даяками на голову во время военных действий, а в большинстве случаев висят сзади и служат подушкой для сиденья. Зубы и когти употребляются как талисманы и украшения для ушей.

Мраморная кошка (*Pardofelis marmorata*)*, похожа на дымчатого леопарда, только намного меньше, и также очень красива. Она больше домашней кошки: общая длина тела доходит до 100-106 см, из которых 35-40 см приходится на хвост. Ее мягкий и густой мех имеет буровато-желтую светло-желтую или красновато-бурюю основную окраску. Нижняя часть тела светлее и иногда даже белая. От лба через голову, затылок и спину тянутся продольные черные полосы, которые спереди и сзади состоят из отдельных пятен и только на затылке составляют сплошную полосу.

* *Мраморная кошка несколько напоминает дымчатого леопарда, но отличается меньшими размерами и массивностью и, конечно, меньшей длиной тыков. Длина тела 46-60 см, длина хвоста 45-54 см.*

Мраморная кошка обитает в горных лесистых районах юго-восточной Азии, в восточных предгорьях Гималаев, Ассаме (Индия), Бирме, на полуострове Малакка, островах Суматра, Ява и, может быть, на Борнео; в Непале, кажется, она не встречается. О ее жизни на свободе ничего не известно, но, вероятно, она живет на деревьях, как и дымчатый леопард. В неволе встречается редко.

Мраморная кошка (*Pardofelis marmorata*)

Из кошек Старого Света нам более всего известна **дикая кошка** (*Felis silvestris*), так как только она одна еще не вполне истреблена в Европе. Очень долго думали, что наша домашняя кошка происходит от этого дикого вида, и до сих пор некоторые натуралисты придерживаются подобного мнения, хотя исследования показали, что оно неверно. Дикая кошка по росту почти равна лисичке, следовательно, значительно больше домашней кошки. От последней она отличается более густым мехом, большим количеством усов, диким взглядом, и крупными сильными зубами; голова у дикой кошки толще, туловище короче, а хвост более пушист и также короче, чем у домашней кошки; кроме того, хвост у дикой кошки по всей длине одной толщины и на конце как бы обрублен, а у домашней он к концу постепенно утончается. Отличительными признаками дикой кошки считаются также желтовато-белые пятна на горле и темные или черные пятки. Дикая кошка весит от 8-9 кг, общая длина тела у нее 100-120 см, из которых 30-35 см занимает хвост, высота в плечах 35-42 см. Некоторые коты бывают еще крупнее. Например, лесничий Хаузиус застрелил в октябре 1888 года около Зангерхаузена кота, который весил 75 кг при длине 128 см. В той же местности, но

позднее, был убит кот, который зимой, при глубоком снеге, очень сильно похудел, но был совершенно здоров и мог быстро убегать от охотника; по данным лесничего, который его застрелил, он весил всего 3,25 кг.

Мех у дикой кошки длинный и густой, у самца бледно-серый, иногда темно-серый, у самки желтовато-серый; морда рыжевато-желтая, нос телесного цвета, уши снаружи ржаво-серые, внутри желтовато-белые. Ото лба идут назад три параллельные черные полосы, которые, несколько загибаясь, проходят между ушами; две средние полосы скоро соединяются вместе и образуют одну полосу, которая тянется посередине спины и продолжается даже на верхней части хвоста. От этой полосы по бокам расходятся не очень ясные поперечные полосы темного цвета, которые тянутся к брюху. Брюшко желтоватое с несколькими черными пятнами, на лапах заметны черные поперечные полосы, около пальцев более желтого цвета; внутренняя сторона задних лап также желтоватая и без пятен, пятки, как уже сказано выше, темные, на хвосте заметно три или четыре черных кольца, которые у основания темнее хвоста. Глаза желтые.

Дикая кошка до сих пор еще живет по всей Европе, за исключением самых северных стран — Скандинавских и северной части России*.

** Дикая, или, как ее чаще называют, лесная кошка, населяет леса Западной и средней Европы, на восток до Украины и Молдовы, Кавказа и Малой Азии. Размером и пропорциями очень похожа на крупную домашнюю кошку, с которой скрещивается. В местах одичания домашней кошки (например, в Англии и на Кавказе) могут возникать гибридные популяции, иногда с трудом отличающиеся от чистокровных лесных кошек.*

В Германии она держится в одиночку и обитает во всех гористых и лесистых районах, от Шварцвальда до Рудных гор. Встречается и на равнинах, в тех местах, где лес еще не вполне истреблен. Число диких кошек, вероятно, гораздо больше, чем обычно полагают. Часто дикая кошка встречается на юге, особенно на юго-востоке Европы; в лесистых предгорьях Альп живет повсюду и в большем количестве, чем в самих Альпах; в Боснии, Сербии, Хорватии, южной Венгрии, Румынии, да, вероятно, на всем Балканском полуострове она считается самым обычным хищником. В Испании дикая кошка также довольно обыкновенна, в лесах Франции она встречается не реже, чем в Германии; даже в Великобритании ее не удалось полностью истребить. Можно с некоторой долей достоверности утверждать, что область ее распространения не заходит далеко за пределы Европы. Ее находили в Закавказье, но в других азиатских районах она, кажется, не встречается. Большие высокоствольные леса, преимущественно хвойные, составляют любимое местопребывание дикой кошки**.

** * Как раз хвойные леса лесная кошка не населяет. Она предпочитает леса широколиственные, дубово-грабовые или буковые, но может селиться в смешанных лиственных лесах, зарослях кустарников, а иногда селится и в тростниковых плавнях.*

Она предпочитает лесистые местности, где есть скалы, так как там ей легче прятаться. Она устраивает логовище в ямах, где до того жили лисицы и барсуки, а также в дуплах толстых деревьев; за недостатком таких мест поселяется на сухих прогалинах болот, в заброшенных каменоломнях. Дикая кошка возвращается ночью в свое логовище только в холодное время года, а постоянно живет в нем только тогда, когда у нее есть детеныши; летом странствует с места на место, чтобы по возможности избавиться от сильно надоедающих ей блох, и проводит ночь где попало, но чаще в дуплах деревьев. Как часто еще встречается этот опасный хищник в Германии, можно видеть из следующих данных: зимою 1884-1885 года в Эльзасе и Лотарингии были застрелены 152 дикие кошки, в Пруссии в 1885-1886 году - 606 кошек.

Когда детеныши еще малы, дикие кошки живут парами, а во всякое другое время их можно встретить только поодиночке. Котята довольно скоро отстают от матери и начинают охотиться самостоятельно. Обер-егермейстер фон Мейеринк пишет: «Я не помню, чтоб когда-нибудь видали двух диких кошек вместе; эти кошки предпринимают, особенно когда они беременны, очень большие путешествия. Около Нейгальденслебена дикие кошки встречаются очень редко, но мне известно два случая, когда их видали в этих местах весной. Оба раза в следующую затем зиму в соседних лесах было убито по четыре кошки, которых прежде там никто не видел. Это были, очевидно, выросшие котята тех кошек, которые были замечены весной».

Во время странствований дикие кошки почти всегда завладевают лисьими и барсучьими норами; днем они обычно там спят, а ночью рыщут за добычей, причем их труднее заметить, чем лисицу, которую часто обвиняют в опустошениях, произведенных дикой кошкой.

Зимой кошки часто оставляют леса и иногда живут близ одиноко стоящих человеческих жилищ. Ленц утверждает, что в Венгрии дикие кошки живут зимой по преимуществу в нежилых деревенских строениях.

С наступлением сумерек дикая кошка отправляется на охоту; она очень опасна для мелких и даже средних по своим размерам животных, так как очень чутка, осторожна и хитра, крадется незаметно и терпеливо выжидает удобного момента для нападения. По мнению одного немецкого охотника, ни одно животное не превосходит дикую кошку в зоркости глаз, которые ночью горят, как пылающие угли, в чуткости обоняния и в умении подкрадываться к добыче; я же со своей стороны прибавлю, что она превосходно выслеживает животных и отлично умеет их схватывать, делая прыжки. С хитростью, свойственной всем кошкам, подкрадывается она к спящей в гнезде птице и к зайцу, заснувшему в своем логовище, подкарауливает кролика, выходящего из норы, вероятно, хватая и белок в дуплах деревьев. На крупных животных она нападает, вскакивая им на спину и перегрызая шейные артерии. Если прыжок был неудачен, то она не преследует животное дальше, а охотнее отыскивает себе новую добычу; в этом отношении она поступает как все кошки. К счастью для охотников, ее обычную добычу составляют мыши и мелкие птицы, на более крупных животных она нападает только в крайнем случае. Есть данные, что она загрызала молодых косуль и оленей. Около озер и лесных ручьев дикая кошка подкарауливает водяных птиц и очень искусно умеет выхватывать из воды рыбу. Особенно вредна она в тех рощах и парках, где сохраняется дичь для охоты, преимущественно там, где содержатся фазаны. Иногда дикие кошки появляются в птичниках и голубятнях деревень, особенно тех, что расположены возле леса; в мае 1863 года в герцогстве Нассау крестьянка убила старого дикого кота с тупыми зубами и когтями, который, однако, задушил много кур в ее птичнике*.

** Основная пища дикой кошки мышевидные грызуны и гнездящиеся на земле птицы (в частности, разнообразные утки), ест она также рыб, водных моллюсков, раков и крупных насекомых. Самая крупная добыча для лесной кошки заяц-русак, но и на него она, скорее всего, нападает нечасто. Нападение лесной кошки на косуль и молодых оленей представляется крайне сомнительным. А вот птичьи дворы кошка посещает в тех местах, где она еще многочисленна, с достойной порицания регулярностью.*

Дикая кошка, несмотря на свою небольшую величину, очень опасный хищник и так же кровожадна, как большинство других кошек. Охотники ее сильно ненавидят и прилежно преследуют, не обращая внимания на пользу, которую она приносит, уничтожая множество мышей. Как много может она истребить этих опасных грызунов, видно из показаний Чуди, утверждающего, что в желудке убитой дикой кошки были найдены остатки 26 мышей. В остатках, которые собирали около логовища диких кошек, можно найти кости и волосы куниц, хорьков, горностаев, ласок, хомяков, крыс, водяных, полевых и лесных мышей, реже белок и птиц. Из этого видно, что мелкие млекопитающие составляют главную добычу диких кошек, а так как среди них большую долю составляют мыши, встает вопрос, действительно ли вред, причиняемый этим хищником, больше приносимой им пользы. Дикая кошка, конечно, истребляет много дичи, и потому охотники едва ли будут ее защитниками, но сельские хозяева и лесничие должны бы считать ее полезным зверем. Зеллебор защищает дикую кошку, доказывая ее пользу, с ним трудно не согласиться. Обобщив все вышесказанное, можно прийти к следующему заключению: дикая кошка вредит только в некоторых случаях, но пользу приносит постоянно: она истребляет больше вредных животных, чем полезных, и поэтому нет никакой причины безоглядно ее уничтожать.

Дикие кошки спариваются в феврале, котята рождаются в апреле. Беременность продолжается 9 недель. В тех районах, где дикие кошки еще многочисленны, крики спаривающихся кошек и шумные драки самцов между собой точно так же невыносимы, как и страшный ночной визг наших домашних кошек**.

*** Хотя обычно период спаривания у лесной кошки приходится на январь-март, самка в некоторых случаях может приносить по 2-3 помёта в год, особенно если какой-либо помёт погибает.*

Дикая кошка родит пять или шесть котят, которые очень похожи на домашних и также рождаются слепыми. Когда они перестают сосать, мать заботливо кормит их мышами и другими грызунами, кротами и маленькими птичками. Через какое-то время котята начинают лазать по деревьям, ветви которых впоследствии будут служить им местом для игр и убежищем в случае опасности. Если котята увидят врага, они чаще всего прижимаются к толстой ветке и тихо лежат там, надеясь на то, что их не заметят. Действительно, цвет их меха так хорошо подходит к цвету древесной коры, что только очень опытный глаз может обнаружить присутствие зверька. Так же делают взрослые

дикие кошки, особенно летом, когда верхушки деревьев затемнены листвой. Даже если охотник уверен, что кошка на дереве, когда собака, почуяв ее, лает внизу, то и тогда ему приходится тщательно осматривать дерево со всех сторон, чтобы заметить спрятавшееся животное.

Дикая кошка по своей природе не может считаться смелым животным и большей частью осторожно и даже трусливо убегает от врагов, если не поставлена в безвыходное положение или не ранена. Мать даже не защищает своих котят и часто покидает их при приближении человека.

Охота на диких кошек практикуется в Германии повсюду: охотники в них видят только животных, наносящих ущерб запасам дичи. Чаще всего загоняют их посредством облавы. Мейринк говорит, что дикую кошку довольно легко загнать на облаве и она приближается к стрелку скорее, чем лисица. «Я сам раз застрелил крупную кошку в Гарце при облаве на всякую дичь: был сильный мороз, и я издали слышал, как она приближается, шелестя упавшими листьями и иногда останавливаясь и оглядываясь на загонщиков, как лисица». Зимой по пороше ее находят по следам, загоняют в гнездо или на дерево, удерживают на месте с помощью собаки и затем убивают метким выстрелом. Охотники приманивают ее, подражая пisku мыши или щебетанию птицы. Охота на зверька, однако, не всегда бывает удачна. Говорят, что дикую кошку можно приманить некоторыми зажаренными в жире растениями, например ягодами паслена, татарским просом, кошачьей травой и фиалковым корнем; она так сильно бывает привлечена запахом этих трав, что не замечает приближающегося охотника, и тогда ее легко застрелить. В Венгрии ее загоняют собаками к гнезду или в дупло на дереве, которое потом срубают, чтобы добыть животное.

Зеллебор говорит, что труднее всего добыть из дупла спрятавшуюся туда дикую кошку живую: «Два или три смелых человека надевают на руки толстые перчатки, а кроме того еще заворачивают их в тряпки; но и при таких предосторожностях они с трудом захватывают дикую кошку и суют ее в мешок». Признаюсь, что не верю возможности захватить таким образом этого зверя, так как, по свидетельству опытных людей, с дикой взрослой кошкой шутить нельзя. Винкель советует охотнику быть очень осторожным, не жалеть второго выстрела, если первый не был смертельным, и подходить к кошке только тогда, когда она больше не шевелится. Раненые дикие кошки бывают очень опасны.

"Берегись дикой кошки, — говорит Чуди, — и хорошенько прицеливайся в нее! Если она только ранена, то бросается на охотника с выгнутой спиной и поднятым хвостом; фыркая и рыча, как дикий зверь, готовится она к защите и смело прыгает на человека; она так глубоко вонзает свои острые когти в тело, особенно в грудь, что ее трудно оторвать, и раны эти трудно заживают. Она так мало боится собак, что, когда собака приближается к ней одна, кошка иногда добровольно спускается с дерева, чтобы с ней подраться, и борьба тогда бывает страшная; кошка яростно царапается когтями, стараясь попасть в глаза собаки, и защищается с большим остервенением до тех пор, пока в ней есть хоть искра жизни; она ужасно живуча».

По свидетельству некоторых охотников и ков, бывали случаи, когда человек в борьбе с дикой кошкой получал очень опасные, иногда даже смертельные раны*.

** Это возможно только в одном случае — если кошка занесла с когтями в раны грязь, что привело к сепсису (заражению крови). Но подобная опасность подстерегает, в принципе, и человека, копающегося на своей грядке в огороде. Конечно, дикая кошка агрессивное и для своего роста сильное животное. Но необходимо напомнить, что опытные звероловы в Сибири ловили руками живьем рысей и молодых тигров, явно превосходивших по силе европейского дикого кота.*

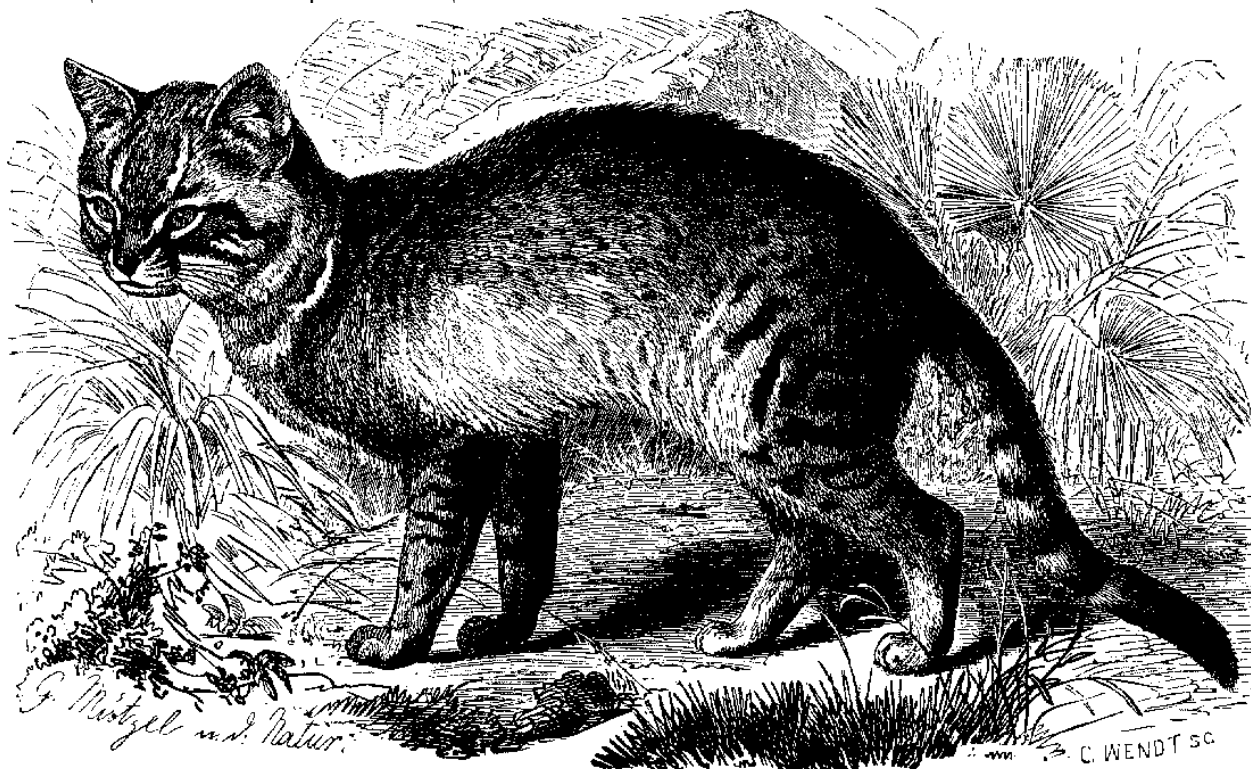
Следует отличать настоящих диких кошек от одичалых домашних. Последних довольно часто можно встретить в лесах средней Европы, но своими размерами они никогда не достигают величины диких кошек, хотя крупнее домашних. Они так же смелы и вредоносны, как и дикие кошки, и, если размножились в лесу уже не одно поколение, то по цвету шерсти становятся похожими на свою африканскую прародительницу, буланую кошку, а также на дикого кота, в зависимости от того, каким был первоначальный цвет домашней кошки, от которой они произошли, черный, белый или пестрый.

Родоначальником нашей домашней кошки можно считать буланую, или **степную кошку** (*Felis libyca*)**

*** Степная кошка, североафриканскую разновидность которой иногда называют буланой кошкой, распространена в сухих степях и полупустынях Южной Азии и практически всей Африки. Степная кошка очень похожа на лесную, отличаясь несколько меньшими размерами и окраской, обычно пятнистой, а не полосатой. Степная кошка — прямой предок кошки домашней (*Felis catus*). Одомашнивание это произошло, по-видимому, в долине Нила, где ежегодные разливы вынуждали кошек собираться на островках и пережидать половодье в тесных сообще-*

ствах. Возможно, это сделало степную кошку с Нила более терпимой к себе подобным и другим существам, что и предопределило возможность одомашнивания.

Рюпшель открыл ее в Нубии, в западной части долины Нила, у Амбукола, в пустынной местности, где наряду со скалистыми участками встречаются роскошные кустарники. Позднейшие исследователи, впрочем, находили ее по всему Судану, в Абиссинии, в глубине Африки и даже в Палестине. Длина ее туловища 50 см, хвоста — немного более 25 см. Эти размеры несколько отличаются от размеров нашей домашней кошки, но все-таки очень к ним близки. И по облику буланая кошка весьма походит на некоторые разновидности домашней. Ее мех на верхней части туловища имеет бледно-желтую или булано-серую окраску; на загривке и по спинному хребту он рыжее, по бокам светлее, на брюхе совсем беловатый. По всему туловищу проходят темные, узкие, волнообразные поперечные полосы, которые на ногах выступают яснее; на верхней части головы и на затылке заметны восемь узких продольных полос. В некоторых местах туловища мех пестрит мелким черным крапом. Хвост сверху булано-желтый, снизу белый; завершается он тремя широкими черными кольцами и совсем черным концом.

Степная кошка (*Felis libyca*)

Мумии и изображения кошек, обнаруженные при археологических раскопках в Фивах и других древнеегипетских городах, более всего соответствуют этому виду и заставляют предполагать, что именно буланую кошку древние египтяне держали как домашнюю. Очень может быть, что из южной Нубии в Египет ее занесли священнослужители. Позже она, по-видимому, распространилась в Аравию и Сирию, а затем, через Грецию и Италию, до западной и северной Европы. Дальнейшему ее распространению могли помочь европейские путешественники.

Эти предположения были подтверждены наблюдениями, сделанными во время моей последней охотничьей поездки в Абиссинию. Домашние кошки йеменцев и арабов западного побережья Красного моря не только имеют одинаковую с булаными кошками окраску меха, но и отличаются такой же стройностью и худобой. Хотя положение домашней кошки там совсем иное, чем у нас, так как хозяева несколько не заботятся о ней и предоставляют ей самой искать себе пропитание, вряд ли будет справедливым считать последнее обстоятельство причиной ее худощавости: в тех странах нет недостатка в пище для хищников. Я полагаю, что кошка северо-восточной Африки лучше других сохранила свой первоначальный облик. Обычная окраска африканской кошки более всего схожа с окраской ее предполагаемой прародительницы.

Черты сходства особенно сильно проявились, когда Денитц сравнил череп домашней кошки с черепом буланой кошки, привезенной Швейнфуртом из центральной Африки. Буланая кошка, как обнаружилось, отличается от домашней лишь тонкостью костей, что составляет отличительный признак диких животных. Во всяком случае по строению черепа наша дикая кошка отличается от домашней кошки, а буланая кошка — нет*.

** Многие виды мелких кошек способны в неволе скрещиваться, давая плодовитые гибриды. Не исключено, что современная домашняя кошка несет в себе кровь не только степной кошки (что представляется несомненным), но и других диких кошек, например, заметно более крупного камышового кота.*

Для упрочения мнения, что буланая кошка — прародительница нашей домашней кошки, чрезвычайно важны наблюдения, сделанные Швейнфуртом в центральной Африке. По его сообщениям, буланая кошка встречается там чаще, чем в каком-либо другом исследованном районе Африки, так что можно предполагать, что самый центр внутренней Африки и есть главная область распространения этого животного. Местные жители не держат домашней кошки как таковой, но они обзаводятся пойманными булаными кошками; их держат на привязи поблизости от жилья, и за короткое время они настолько приручаются, что сами не бегут от жилья и весьма скоро привыкают к ловле мышей. «Кошка, пишет Эберс в романе «Дочь египетского царя», — считалась самым священным из всех почитавшихся египтянами животных. Она была неприкосновенной святыней, тогда как другие животные почитались только относительно». Геродот сообщает, что когда в Египте случался пожар, то прежде всего заботились о том, чтобы спасти кошек, а затем уже отправлялись тушить огонь. Смерть же кошки отмечалась особого рода трауром — обрезанием волос. Если кто-нибудь намеренно или даже нечаянно убивал кошку, его, как убийцу, приговаривали к смертной казни. Диодор был свидетелем, как одного несчастного римского гражданина, позволившего себе убить кошку, египтяне лишили жизни, несмотря на то что правительство, из страха перед могущественными римлянами, принимало все меры, чтобы успокоить народ. Трупы кошек искусно бальзамировали и с почетом погребали. Из всех мумий животных чаще всего находили мумии кошек, тщательно обернутые в полотняную пелену.

В восточной части дельты Нила, в городе Бубастис, находился храм богини Пахт или Баэт (ее изображали в виде женщины с кошачьей головой), куда обыкновенно свозили для погребения трупы кошек. Их мумии попадают и в других местах, но особенно часто близ Серапеума. По Геродоту, богиня Пахт была тождественна с греческой Артемидой и называлась Бубастийскою. По Стефану Византийскому, кошка, по-египетски «бубастос», по большей части была известна под названием «мау-ми». Богиня Пахт почиталась как покровительница детей и помощница рожениц. Надпись на храме в Дендрах подтверждает, что богине Пахт приписывались некоторые божественные черты Астарты, Венеры и Урании. Эти верования были заимствованы египтянами от финикийцев. Если у древних египтян кошка почиталась как божество, у древних германцев она (точнее, дикая кошка, главным образом рысь) считалась прислужницей богини любви Фрейи, возившей по облакам ее колесницу. Впоследствии она превратилась в мистическое существо и по настоящее время еще внушает некоторый суеверный страх. По Вуттке, кошка владеет даром чародейства и предвещания. Трехцветная кошка, согласно народному поверью, предохраняет дом от пожара и других несчастий, а людей — от лихорадки; сама же она в огне не горит и потому простым народом в Германии называется «огненной кошкой». Того, кто утопит или убьет ее, постигнет несчастье. Кошка притягивает к себе болезни; труп ее, зарытый у порога дома, приносит проклятие. Кошачье мясо полезно против чахотки, и, напротив, если кому случится проглотить кошачий волос, тот заболит ею, а если это приключится с ребенком, тот больше не будет расти. Черные кошки служат колдунам для гаданья и средством становиться невидимками. Кроме того, их почитают как охранителей полей и садов и как целителей от падучей болезни и грудной жабы; особенно славятся чародейственной силой черные коты. Достигнув семи- или девятилетнего возраста, черные кошки сами становятся колдунами; в Вальпургиеву ночь они ходят на сборища ведьм или стерегут входы в подземные пещеры.

С кошкой связаны разные приметы: например, когда она умывается или выгибает горбом спину, это предвещает приход гостей; если она проводит лапой по ушам, значит, придут важные особы; если кошка тянется, то придет кто-нибудь с палкой; на ком во время умывания кошка останавливает свой взор, тот должен ожидать в тот день побоев. Когда кошка мяукает перед домом, это предвещает беду, ссору, иногда даже смерть; если кошки дерутся между собой в ночь на пятницу, значит, в доме непременно поссорятся; если перед венчанием кошка сядет на алтарь, брак будет несчастлив. Появление на улице белой кошки, мяукающей под окном, предвещает, что через два часа в доме будет покойник. В некоторых местностях, впрочем, иначе толкуют эти приметы и на грациозное животное смотрят более миролюбиво. Например, в южной Германии и в Прирейнских районах считается, что кошки покровительствуют любви и обеспечивают счастливое супружество.

Исследования позволяют предполагать, что кошка впервые была приручена древними египтянами, а не индийцами и не северными народами. По крайней мере первые сведения о ней дают

нам египетские памятники, описания, рисунки и мумии, тогда как в истории других народов мы никаких сведений о кошках не находим. В местах погребения находили мумии не только домашней кошки, но и болотной рыси. Это доказывает, что в период процветания древнеегипетского царства практиковалась ловля дикой кошки с целью ее последующего приручения. До Геродота мы не встречаем у древних египтян названия кошки, а позднее она только мельком упоминается у греческих и латинских писателей. Это свидетельствует о том, что распространение кошки из Египта шло весьма медленно. Сначала, по-видимому, она распространилась более на восток: известно, например, что это животное было любимцем пророка Магомета. До X века оно было почти неизвестно в северной Европе. В Валлийском своде законов есть, между прочим, постановление Ховелла Да, или Ховелла Лебона, умершего в середине X века, в котором определяется стоимость домашней кошки, а равно и наказания за жестокое обращение с ней. Цена молодой кошки, не поймавшей еще ни одной мыши, была вдвое меньше цены опытной кошки. Покупатель имел право требовать, чтобы глаза, уши и когти животного не были повреждены, чтобы она умела ловить мышей и, если это самка, чтобы знала, как воспитывать котят. Если купленная кошка оказывалась с изъяном, покупатель мог потребовать с продавца треть цены обратно. Тот, кто воровал или убивал кошку в княжеском амбаре, должен был искупить свое преступление, пожертвовав овцу или барана, или же дать столько мер пшеницы, сколько нужно, чтобы засыпать кошку, повешенную за хвост над самой землей.

Этот закон свидетельствует о ценности домашней кошки в те времена и доказывает, что дикая кошка не может считаться родоначальницей домашней. В Англии тогда было такое изобилие диких кошек, что не представляло ни малейшего труда ловить и приручать их в каком угодно количестве. Впрочем, самостоятельность пород дикой и домашней кошек подтверждается, как уже отмечалось, непосредственным сравнением обоих животных. Нынешняя домашняя кошка остается такой же, какой была в древности, и она, несомненно, состоит в самом близком родстве с буланой кошкой, которую приручили древние египтяне, большие любители животных. Прирученная дикая кошка могла попасть в Египет только из Европы или из Малой Азии, но в то время в Европе никто еще не пытался приручать разных животных; буланую же кошку древние египтяне имели в своем отечестве и, при своей острой наблюдательности, убедились, что из нее можно сделать превосходного друга дома. Этим и исчерпывается вопрос о происхождении домашней кошки.

В настоящее время кошка водится во всех странах, где люди ведут оседлый образ жизни, за исключением лишь Крайнего Севера и, согласно Чуди, высочайшего пояса Андов. В Европе она встречается повсюду; в Америке кошка распространилась вскоре после ее открытия европейцами, в Азии и в Австралии она довольно обычное явление; лишь в Африке, особенно во внутренних ее районах, она попадает гораздо реже. По распространению кошки можно судить о степени развития народа. Чем развитее народ, чем определеннее оседлость его образа жизни, тем более распространена кошка. Более всего она ценится в Европе и пользуется лучшим уходом у немцев, англичан и французов. В Индии, Китае и Японии, а также на острове Ява она причисляется к обычным домашним животным. В Китае, как сообщает Гук, по сужению ее зрачков определяют время дня. В Египте кошка, как любимица пророка, пользуется особым уважением и принимает участие в торжественных процессиях, а в Каире кошки даже содержатся на общественный счет; в их пользу составляются завещания и оставляется капитал, проценты с которого служат источником их пропитания. По Гензелю, в Южной Америке кошка встречается преимущественно в городах, где, как и во Франции, существует обычай держать их при магазинах для ловли крыс, а иногда просто для украшения. В Новой Зеландии кошка одичала. Наблюдения показывают, что больше всего кошки распространены там, где люди умеют получать от них известного рода пользу для себя. Некоторые народы Азии, например, маньчжуры, ведут довольно обширную торговлю кошками. У народов, обитающих в южной части восточной Сибири, занимающихся скотоводством и охотой, кошка, вероятно, до сих пор еще не привилась. В 1858 годах из деревень, лежащих в истоках реки Амур, она попала в селения по среднему течению реки, между тем как в селениях в устье Амура она водится уже с 1853 года. Зимой года ее еще не было в горах Малого Хингана, но в северной их части она скоро уже начала появляться. В Гренландии кошки были разведены датчанами, привезшими их сюда со своей родины. С португальцами кошка попала в их владения на юго-западе Африки, откуда местными жителями была перевезена в Конго и с этих пор развелась во всех факториях на западном побережье Африки. В настоящее время и в восточной Африке кошка распространяется все дальше в глубь континента. Расширяя мало-помалу область своего распространения, кошка начала пользоваться правами гражданства повсюду и стала живым свидетельством человеческого прогресса, оседлости и развивающейся цивилизации. Собака — животное всесветное и всеобщее, в самом широком значении этого слова; кошка же по преимуществу животное домашнее. Собака отвоевала

себе место и в переносном шатре кочевника, и в прочном доме оседлого жителя, тогда как кошка привязалась только к дому и таким образом вошла в быт цивилизованного человека.

Тем не менее кошка сохраняет до некоторой степени свою самостоятельность и во многих случаях подчиняется человеку лишь настолько, насколько находит эту зависимость выгодной для себя. Чем больше человек занимается ею, тем сильнее она привязывается к семейству, а чем меньше он стесняет ее свободу, предоставляя самой себе, тем прочнее она привязывается к дому, в котором выросла. Степень приручения и привязанности кошки к домашним зависит всецело от человека. Нередко случается, что кошка, предоставленная самой себе, убегает на лето в леса, где, при известных обстоятельствах, может совершенно одичать. Но в большинстве случаев на зиму она снова возвращается в прежнее жилище, да притом не одна, а вместе с котятками, которых успела произвести на свет во время летнего скитания по лесам*.

** Всеветно распространившись с человеком, кошка во многих местах начала дичать (включая некоторые арктические и антарктические острова). Там, где она сталкивается с местными дикими кошками и другими хищниками сходного размера, ее одичание не заходит слишком далеко, она все равно остается в населенных пунктах, предоставляющих ей защиту от диких сородичей. В местностях, где дикие кошки жили ранее, а позже были истреблены, домашняя кошка, вероятно, способна занять их место в экосистеме. Действительной неприятностью является одичание кошки в местах, где диких кошек никогда не было, например, в Австралии. Здесь кошки, сталкиваясь с животными, не умеющими избегать этой новой опасности, могут нанести опустошение среди аборигенной фауны. В этих ситуациях необходимы самые жесткие меры контроля за бывшими домашними любимцами.*

Наша **домашняя кошка** (*Felis catus*) является типичным представителем семейства кошек, к тому же вполне доступным для наблюдения. Это чрезвычайно красивое чистоплотное, миловидное и приятное животное. Каждое движение кошки обнаруживает много грации и ловкости, часто достойных удивления. Ее походка в высшей степени плавна; при ходьбе она подбирает когти и ступает своими бархатистыми лапками так осторожно, что при этом не производит ни малейшего шума. При каждом своем шаге проявляет свойственную ей подвижность, соединенную с изяществом и легкостью; только в тех случаях, когда ее преследует другое животное или испугают чем-нибудь, она изменяет свою плавную походку на бег, который сопровождается частыми скачками, способствующими быстрому передвижению. Благодаря ловкости, а также разумному пользованию всякой лазейкой и умению взбираться на высоту, ей почти всегда удается спастись от преследования. Она легко и ловко лазают по деревьям и по мягким или негладким вертикальным поверхностям, удерживаясь на них своими цепкими когтями; по открытому полю она бежит так медленно, что любая собака легко может ее догнать. Особенную ловкость кошка выказывает в своих прыжках. Она может упасть как угодно, но почти тотчас же встанет на ноги. Кошка умеет и плавать, но она пользуется этой способностью только в крайних случаях, когда, например, ей приходится спастись. Добровольно же в воду она никогда не идет и боится даже дождя. Гаакке знал, однако, одну кошку, которая прыгала в пруд для ловли золотых рыбок*. Кошка, подобно собаке, сидит на задней части туловища и опирается на передние лапы; когда спит, свертывается и ложится на бок, при этом любит спать на мягкой и теплой подстилке.

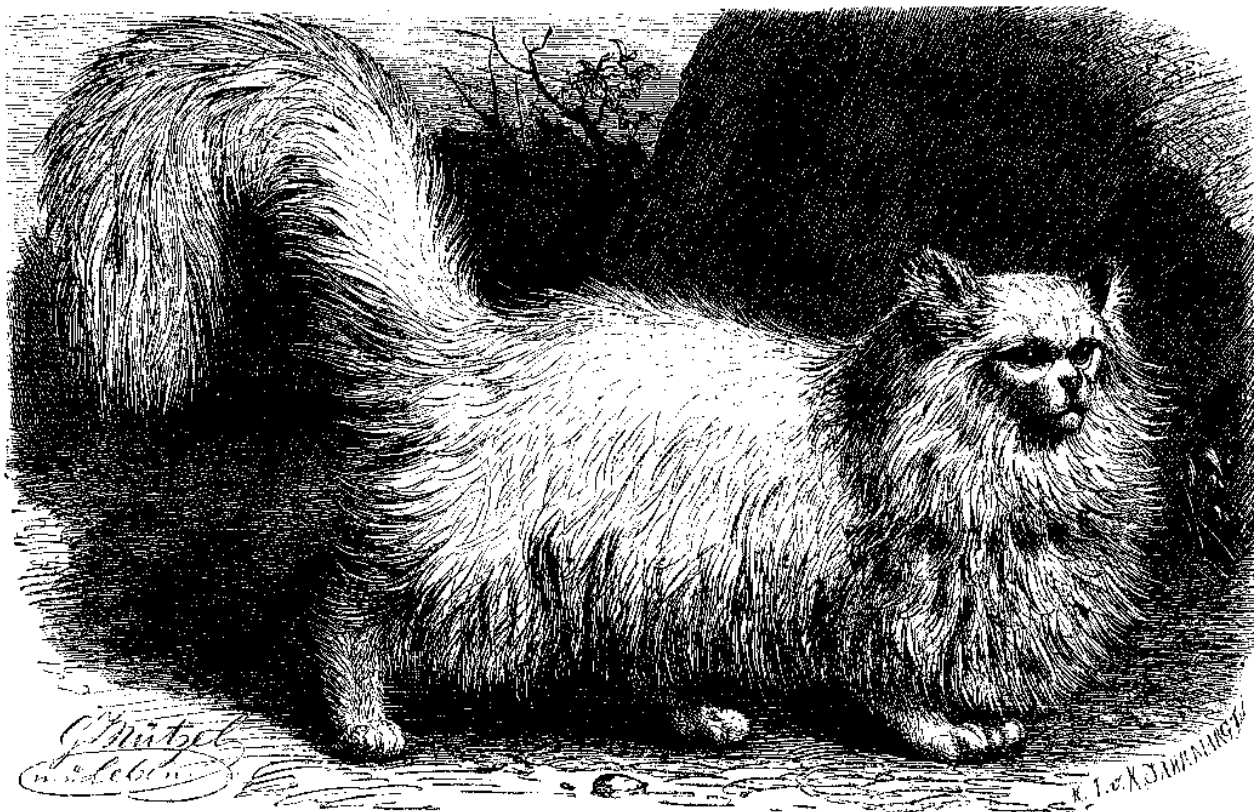
** Вопреки распространенному мнению, довольно многочисленны домашние кошки, любящие играть с водой (например, ловить носом капли из водопроводного крана), хотя кошек, которые добровольно влезали бы в воду целиком, видимо, действительно немного. Они более часты в местностях, богатых речками и протоками, где кошкам в погоне за добычей или просто в ежедневных странствиях волей-неволей приходится преодолевать водные преграды.*

Из внешних чувств у кошки лучше всего развиты слух, осязание и зрение. Слабее всего у нее обоняние.

Слух у кошек замечательно тонкий. Ленц рассказывает, как однажды, сидя с кошкой на дворе, он был удивлен поразительным проявлением слуха у этого животного; кошка крепко спала у него на коленях, но вдруг порывисто вскочила и бросилась в кусты; оказалось, что через двор по гладкой дорожке, от одного куста к другому перебежал мышонок, причем человеку нельзя было уловить ни малейшего шороха; Ленц измерил расстояние, на котором кошка услышала мышь, и оно составило целых 14 метров.

Душевные свойства кошки в большинстве случаев оценены весьма ошибочно. Ее считают неверным, фальшивым и лукавым животным и полагают, что ей никак не следует доверяться. С ранней молодости я всегда с любовью относился к кошкам и много занимался ими, так что во взгляде на душевные свойства их вполне схожусь с Шейтлином, который с полным пониманием дела дает

верную оценку нрава этого милого животного. «Кошка, — говорит он, — богато одаренное существо. Превосходство ее над другими животными сказывается уже в самом строении тела. Это маленький хорошенький львенок или тигр в миниатюре. Все в ней соразмерно, ни одна часть туловища не бросается в глаза непомерностью своих форм. Малейшая неправильность портила бы общее впечатление; все в ней вполне закончено и округлено. Красивее всего форма головы, что можно видеть и на черепе: ни одно животное не имеет такой красивой головы, как кошка. Весь скелет прекрасен и своими формами свидетельствует о необыкновенной легкости и приспособленности к грациозным мягким движениям. Кошка изгибается не по ломаной линии и не под острым углом, а едва уловимыми для глаз поворотами; кажется, будто она вовсе не имеет костей, а сделана из какою то мягкого материала. Душевные ее способности также высоки и вполне соответствуют строению тела.

Домашняя кошка (*Felis catus*)

Обратим теперь внимание на главные особенности кошки. Прежде всего нас поражает ее ловкость: и дух, и тело одинаково подвижны, будто отлиты из монолита. Как ловко успевает она перевернуться в воздухе, чтобы встать на лапы, когда падает спиной вниз даже с высоты всего нескольких футов! Как искусно держится на самых узких карнизах и ветвях дерева даже в тех случаях, когда их сильно трясут! Ее любовь к чистоплотности следует причислить как к телесным, так и к душевным качествам; она постоянно лижется и чистит себя. Все волоски ее шерсти, от головы до кончика хвоста, должны лежать в совершенном порядке; чтобы пригладить волосы на голове, она облизывает лапки и проводит ими по голове; даже самый кончик хвоста не оставляет она неумытым. Нечистоты свои она прячет, зарывая в ямки, которые выкапывает собственными лапками. Кошка обладает высшим телесным развитием, которое по крепости нервов и отсутствию головокружения соответствует силе ее душевных качеств. Она умеет различать цвета и звуки, способна узнавать человека по одежде и голосу; когда ее зовут, откликается на зов. Кошка обладает замечательной памятью на места и постоянно пользуется этой способностью. Она вечно скитается по ближайшим к дому окрестностям, по всем домам, комнатам, погребам, лазает по крышам, дровяным сараям и сеновалам. Это в полном смысле слова животное места, так как привязывается оно больше к дому, чем к его обитателям. При переездах кошка не следует за хозяином, а остается на старом месте; если же ее увезут силой, она снова возвращается в прежний дом. Замечательно, что если даже ее занести куда-нибудь далеко от дома в завязанном мешке, она и тогда сумеет отыскать свой дом или свою родину.

Встречаясь со своими «кровными врагами» — собаками, кошка проявляет необыкновенную смелость, несмотря на все несоответствие сил и размеров. Как только она увидит собаку, тотчас же грозно выгибает спину дугой; глаза ее загораются гневным огнем, в них сверкают отвага и нена-

висть. Она начинает фыркать и искать спасения в побеге, для чего носится по комнате, вскакивает на карнизы, на печку или просто бросается к дверям. Но если при ней котят, и собака подошла довольно близко, кошка бесстрашно бросается на врага, вскакивает ему прямо на голову и беспощадно расцарапывает глаза и всю морду. Нередко кошка не бежит от собаки, а мужественно ожидает нападения врага, вооружившись поднятой лапой с выпущенными когтями. Пока у нее спина свободна, она совершенно покойна; целостность своих боков может отстаивать ударами лап, которыми орудует как руками. Случается, что она выдерживает осаду пяти и более собак и все-таки не сдается. Она могла бы одним прыжком перескочить через них, но умное животное сознает, что в таком случае погибнет, так как собаки непременно догонят ее. Если собакам надоест держать кошку в осаде и они уйдут, не тронув ее, она все еще остается сидеть в прежнем выжидательном положении, готовая выдержать еще хоть десять нападений.

Со смелостью в кошке совмещаются неустрашимость и присутствие духа. Ее нельзя, как собаку или лошадь, сильно испугать чем-нибудь, можно лишь слегка спугнуть. Те животные более благоразумны, кошка же более смела; ее ничем нельзя ни озадачить, ни удивить. Много говорят по поводу ее лукавства и хитрости — и говорят совершенно справедливо; хитрая кошка тихонько подкрадывается к мышинной норе, вся съеживается и терпеливо поджидает добычу, только сильным блеском глаз выдавая волнение; вот мышь уже вышла наполовину из своей норки, но кошка не шелохнется, выжидая более удобный для нападения момент. Она полная хозяйка над собой и, как все хитрые существа, редко попадает впросак. Чувство гордости, тщеславие развиты у кошки в весьма слабой степени; она существо не общительное, а скорее замкнутое, победам своим не радуется, но зато и не стыдится поражения. Когда она сознает за собой какую-нибудь вину, то боится лишь наказания.

Очень любят распространяться насчет лести, коварства и даже мстительности кошек, а между тем, кошка может так же сильно любить, как и ненавидеть. Если она кого-нибудь полюбит, то выражает это своеобразными ласками: прижимается своими щеками или боками к своему любимцу, всячески ластится, приходит к нему на постель, ложится по возможности ближе и начинает его лизать. Конечно, некоторым кошкам не всегда можно доверяться: они могут кусаться и царапаться тогда, когда этого совсем не ожидаешь, но в большинстве случаев это является проявлением их личной обороны**.

** Некоторые на первый взгляд, немотивированные случаи агрессии спокойной перед этим кошки могут объясняться легкой электризуемостью ее шерсти. В результате продолжительного поглаживания в шерсти кошки накапливается статический заряд, что ей самой, по видимому, не нравится. Как бы кошка ни относилась к хозяину (зачастую она к нему действительно привязана сильнее, чем обыкновенно думают), потирания боками головы означают вполне определенную вещь — железами, расположенными в области скул, кошка метит очередной предмет (в данном случае человека) как «свой», принадлежащий ее территории.*

Спаривание кошек происходит обычно два раза в год: в конце февраля или в начале марта и в начале июня. 55 дней спустя после спаривания у кошки рождаются 5-6 котят, которые появляются на свет совершенно слепыми и начинают видеть только на девятый день. Они рождаются обыкновенно в конце апреля — начале мая или в начале августа. Ко времени появления детенышей мать всегда заранее выбирает какое-нибудь укромное местечко, где скрывает своих котят возможно дольше, особенно опасаясь котов, которые, найдя детенышей, зачастую съедают их.

Маленькие котят чрезвычайно симпатичные существа. Любовь матери к ним замечательна. Еще до их рождения мать prepares гнездышко и стоит ей. лишь почувать опасность для своих новорожденных, как она моментально переносит их на другое место; при этом очень нежно берет их своими губами за шиворот и несет так осторожно, что детеныши едва чувствуют прикосновение. В период кормления кошка отлучается от них только для того, чтобы себе и им добыть пищи. Все кошки с течением времени научаются совершенствоваться в воспитании котят.

Когда к кормящей кошке подходит чужая собака или какая-нибудь другая кошка, она с яростью поднимается на нарушителя спокойствия и даже самого хозяина дома неохотно подпускает к маленьким котяткам. В то же время она выказывает большое участие к другим животным: известно много случаев, когда кошки вскармливали своим молоком щенят, маленьких лисичек, кроликов, зайчат, белок и даже мышей; я сам еще мальчиком производил над моей кошкой подобные опыты, и они вполне подтвердили эту особенность. Никакое другое животное не проявляет так очевидно материнские чувства, как кошка. Опровергать это или объяснить многочисленные примеры случайными причинами может только тот, кто чужд понимания душевных свойств этого животного.

Ни одна женщина-мать не может отдаваться уходу за своими малютками с большей нежностью и беззаветностью, чем кошка. В каждом ее движении, в звуке голоса, во всех поступках видна искренность, заботливость, горячая любовь и внимание не только к потребностям, но и к капризам своих детенышей. Пока котята слабы и вполне беспомощны, мать целиком сосредоточивается на физическом уходе за ними.

Потребность в играх проявляется у котят очень рано и, со своей стороны, мать не только не подавляет ее, но всячески старается поддерживать. Подобно тому, как женщина-мать из любви к малюткам сама становится ребенком и готова играть с ними с утра до вечера, так и кошка резвится и забавляется со своими котятами не меньше их самих*.

* «Игры» эти имеют весьма большое практическое значение: во время них котята, кроме общей физической тренировки, получают навыки выслеживания, ловли и умерщвления добычи. Кошка, помимо предоставления собственного хвоста в качестве «тренажера», приносит все более и более живую добычу (начиная с вполне мертвой и кончая лишь слегка оглушенной) и заставляет котят ее ловить и убивать. При существовании в человеческом социуме инстинкты кошки, связанные с обучением котят, могут странным образом смещаться, заставляя зверя приносить задушенных ночью мышей, например, в хозяйскую кровать.

Думают обычно, что кошку нельзя воспитать, но такое мнение ошибочно. При хорошем и разумном обращении с ней она проявляет столько же привязанности к человеку, сколько и ума. Бывают кошки, — я сам знал таких, — которые переезжают со своими хозяевами с квартиры на квартиру и им в голову не приходит возвращаться на старое жилье; в этом случае привязанность к человеку проявляется сильнее привычки к месту. Некоторые кошки, завидев еще издали своего хозяина, бегут к нему навстречу, лапаются, приветливо мурлычут и всячески стараются выказать ему свое расположение. Они отлично распознают своих среди чужих. Кошки способны поддерживать дружбу и с другими животными.

Домашняя кошка (*Felis catus*)

Вопреки сложившейся пословице, встречается много примеров теснейшей дружбы между кошками и собаками. Об одной кошке рассказывают, что она очень любила, когда ее друг, собака, таскала ее в зубах по комнатам; о других кошках известно, что они во время собачьих драк нередко

заступались за своего друга, собаку, употребляя при этом все свои кошачьи силы и увертки, и точно так же их самих защищали друзья-собаки во время кошачьих драк.

Некоторые кошки проявляют замечательные доказательства своего ума. Иные любители птиц умеют так воспитать кошек, что те не наносят пернатым любимцам своих хозяев ни малейшего вреда. Один кот очень осторожно приносил со двора домой трясогузку, вылетавшую из комнаты на свободу. Такой же случай был в деревне на моей родине; там кошка одного любителя птиц возвратила ему, к его великой радости, пропадавшую из дома на несколько дней красношейку, которую кошка не только узнала, но и постаралась поймать, чтобы доставить удовольствие своему горевавшему хозяину. Принимая во внимание эти факты, можно считать достоверным и следующий рассказ: одна кошка прекрасно ладит с канарейкой своего хозяина и охотно позволяла птичке садиться себе на спину и играть с собой. Однажды хозяин видит, что кошка с бешенством бросается на канарейку, схватывает ее зубами и ворча вскакивает на бюро, не выпуская птицу изо рта. Подняли крик, чтобы спасти канарейку, и в это время заметили другую чужую кошку, которая пробралась в комнату; тогда все стало ясно: кошка желала спасти своего пернатого друга от когтей и зубов пришлого гостя, которому, она знала, нельзя доверять*.

** Сравнительно легко, по свидетельствам очевидцев, кошка научается не трогать любую живность на определенной территории, например, в пределах квартиры. Кошки, в детстве пережившие сильное психическое потрясение или физическую травму, иногда буквально «зацикливаются» на своего хозяина и оказываются чрезвычайно хорошо обучаемыми.*

Есть еще немало и других доказательств ума и понятливости этого прекрасного животного.

Из всего вышесказанного можно без колебаний вывести заключение, что кошка вполне заслуживает дружбы человека и что со временем ложные и неблагоприятные суждения о ней совершенно исчезнут. К тому же у нас не умеют ценить ту несомненную пользу, которую приносит кошка. Кто никогда не жил в старых домах, где господствуют мыши, тот, конечно, и не поймет, что значит хорошая кошка. Но кому случалось не один год страдать от этих докучливых грызунов и убедиться, насколько человек бессилен в борьбе с ними, тот сумеет оценить пользу кошки и поставить это домашнее животное в ряду необходимых сожителей человека, заслуживающих не только пощады и уход, но даже благодарность и любовь. Достаточно только держать кошку, чтобы наглые, но трусливые мыши убрались из дома, так как они отлично знают остроту кошачьих зубов, которых им не миновать, если они вовремя не уберутся.

Главным объектом охоты кошки служат мыши, как домашние, так и полевые; к крысам они иногда не решаются подступиться, но это только в редких случаях, когда крыса слишком уж велика. За землеройками кошки гоняются только смолоду, но и тогда не едят их, так как острый запах мускуса, издаваемый этими животными, им противен. Помимо мышей, кошки истребляют некоторых вредных насекомых, а также земноводных и пресмыкающихся: майских жуков, стрекоз, ящериц, лягушек и змей. Во время своей охоты кошка проявляет и терпение, и ловкость. Бывают, впрочем, случаи, когда хищные наклонности кошки делают из нее весьма неприятное животное: она гоняется на свободе не только за птицами, зайцами и ранеными куропатками, но и не брезгает отборным кушаньем, вроде цыплят домашних кур, и даже ловит рыбу. Кухаркам нередко приходится воевать с этими грабителями и видеть в них своих первых врагов. Однако следует оговориться, что польза, приносимая кошкой, гораздо значительнее того вреда, от которого пренебрежительная хозяйка всегда может уберечься.

В Голландии, Бельгии и горах Шварцвальд (Германия) кошек разводят ради их меха. По Вейнланду, шварцвальдские крестьяне держат преимущественно одноцветных черных и серых (синих) кошек; они убивают их зимой и продают шкуры, обычно неокрашенные, разъезжающим торговцам. Даже мясо кошек находит сбыт и некоторым оно очень нравится своим вкусом. «Кошачье филе, — сообщает мой дорогой друг Альберт Жоффруа Сент-Илер, описывая свой обед во время осады Парижа русскими войсками, — был превосходен. Это белое мясо имеет приятный вид, нежно на вкус и напоминает отчасти холодную телятину». Таким образом даже в этом отношении кошка может быть полезной.

После всего вышесказанного можно только похвалить животное, к которому так часто относятся несправедливо.

Достаточно одного взгляда на тело льва (*Panthera leo*)* и на выражение его «лица», чтобы вполне согласиться с воззрением всех древних народов, которые знали это животное. Лев царь четвероногих хищников властелин млекопитающих; таково мнение и древних, а отчасти и нынешних народов.

* *Лев — самая крупная после тигра современная кошка, до 240 см длиной (не считая хвоста в 60-90 см), весом до 227 кг. Львы обладают наиболее выраженным среди кошек половым диморфизмом: самки заметно мельче самцов и лишены гривы. Когда-то лев населял огромную территорию от Южной Африки до Закавказья и Восточной Индии. Ныне львы полностью истреблены, в Северной Африке и в Малой Азии, а менее ста лет назад вымерли в Иране и на большей части Индии, сохранившись там всего в одном заповеднике. Хотя современных львов долгое время подразделяли на несколько разных видов, сейчас их всех (и африканских, и азиатских) объединяют в один вид.*

Львов легко отличить от всех остальных кошек. Главнейшие признаки заключаются в крепком сложении сильного туловища, покрытого короткой, гладко стелющейся одноцветной шерстью, в широкой морде со сравнительно небольшими глазами, в царской мантии, которою окружены плечи самцов, и в пучке волос, украшающем конец хвоста. Туловище льва короче, чем у других кошек, живот подтянут и все тело поэтому кажется очень мощным, но не неуклюжим. На конце хвоста имеется спрятанный в пучке волос роговой ноготь, на который обратил внимание уже Аристотель. Глаза имеют круглый зрачок, усы расположены в 6-8 рядов. Грива льва, более всего отличающая самца от самки, придает ему гордый и царственный вид.

Эта грива, при полном своем развитии покрывающая шею и переднюю часть груди, представляет так много видоизменений, что по ней, справедливо или несправедливо, различают несколько разновидностей львов. Трудно сказать, имеются ли для такого деления достаточные основания. Ниже я приведу краткое описание различных львов и тогда читатель сам решит для себя этот вопрос.

Прежде всего обратим наше внимание на **варварийского льва**. Ведь именно он еще в древнейшие времена получил прозвище царя зверей за свое мужество, смелость, силу и мощь, за геройский нрав, благородство и великодушие, за серьезность и спокойствие. Сила, самоуверенность, спокойное мужество и уверенность в победе светятся в его взгляде. Все в нем свидетельствует о благородстве; каждое движение рассчитано и исполнено достоинства; тело и душевные качества находятся в полной гармонии**.

* * *Во льве царского только его грива. «Царь зверей», будучи существом социальным, сам практически не охотится, предоставляя это делать львицам, зато чужую добычу, как самый сильный африканский хищник, присваивает, не задумываясь.*

Варварийский лев, как и другие львы, отличается сильным, плотным туловищем, передняя часть тела сильнее задней, благодаря широкой груди и подтянутому животу. Массивная, почти четырехугольная, голова оканчивается широкой и тупой мордой; уши закруглены, глаза средней величины, но живые и полные огня; конечности приземисты и необычайно крепки, лапы больше, чем у всех других кошек, как абсолютно, так, быть может, и относительно; длинный хвост оканчивается коротким когтем, прикрытым пушистой кистью. Гладкая, короткая шерсть яркого красно-желтого или бледно-бурого цвета покрывает «лицо», спину, бока, ноги и хвост; там и сям попадаются волосы с черными концами или совершенно черные. Голова и шея покрыты густой и могучей гривой, которая состоит из длинных, прямых волос, спускающихся космами и доходящих спереди до пасти, а сзади почти до половины спины и боков. Живот также во всю длину покрыт густорастущими прямыми волосами; даже на локтях и на передней стороне бедер растут пучки волос. В гриве, имеющей в основном бледно-чалый цвет на голове и шее, замечается множество черно-бурых волос, которые особенно изобильно встречаются по сторонам затылка; черно-бурые волосы, смешанные с бледно-желтым и, находятся также на животе, локтях, бедрах и кисти хвоста. Все это описание относится к взрослому самцу, высота которого с загривком достигает 80-100 см при 1,6-1,9 м длины туловища и 75-90 см длины хвоста. Таким образом, общая длина животного от носа до конца хвоста составляет около 2,4-2,8 метров.

Длина новорожденных львов — около 33 см, но у них нет ни гривы, ни кисти на хвосте. Львята покрыты волнистыми сероватыми волосами; на голове, ногах, боках, спине и на хвосте имеются черные пятна и полосы, напоминающие окраску леопарда. Уже в первые годы этот леопардовый узор бледнеет; впрочем, у самок следы его сохраняются еще в течение нескольких лет, особенно на ногах и нижней части туловища; признаки возмужалости появляются на третьем году. Львица всегда более или менее походит на молодое животное, от самца она отличается отсутствием гривы; волосы на передней части тела такой же длины, как и на задней (иногда лишь несколько длиннее). Варварийский лев встречается исключительно в странах, прилегающих к горам Атлас*.

* *Во времена Брема варварийский подвид льва еще обитал в Атласских горах. Последний раз этого льва видели в 1922 г. и с тех пор о нем сведений нет.*

Сенегальский лев отличается от барбарийского хорошо развитой на передней части тела гривой, которая почти совсем отсутствует на нижней части тела. **Капский лев**** и, по-видимому, **абиссинский** поражают своей значительной величиной и имеют черную гриву. Селус встречал южноафриканских львов длиной до 305 см; взвешенный им сильный, но худой самец имел 170,5 кг веса. **Персидский лев** с гривой, смешанной из бурых и черных волос, встречается от Персии до Индии; мы еще мало знаем о нем, так что не можем сказать с уверенностью, с кем у него больше сходства: с сенегальским львом или же с иногда безгривым сородичем из Гуджарата в Индии.

* * *Капский подвид льва из Южной Африки полностью уничтожен человеком к 1865 г.*

Область распространения сенегальского льва и часто причисляемого к нему, не без основания, капского льва охватывает почти всю центральную и южную Африку, от западного до восточного побережья, приблизительно от 20 градуса северной широты до Капской провинции; впрочем, в экваториальных областях западной Африки, приблизительно от реки Конго до реки Нигер, его пока не наблюдали. В бассейне Нила он не заходит севернее 17 градуса широты. На Голубом и Белом Ниле и в лесных местностях Абиссинии сенегальский лев — обыкновенное, а во многих степных районах центральной, средней и южной Африки частое явление.

Лев (*Panthera leo*)

Одно время полагали, что известный уже древним **гуджаратский лев** (жители Гуджарата называют его «унтия-бах», или «верблюжий тигр») меньше своих сородичей и лишен гривы. Однако это утверждение, приводимое Сми, не подтвердилось. Весь он, кроме темного пучка на хвосте, скрывающего маленький роговой коготь, и ушей, отличающихся у наружного основания более или менее черным оттенком, окрашен в бледный красно-желтый или желто-бурый цвет. Волосы гривы у взрослого самца нередко имеют темные концы. По Блэнфорду, общая длина самца достигает 269 см, самки — 243 см, без пучка на хвосте. Самец длиной в 268 см имел в загривке значительную высоту — 106 см. Несомненно, встречаются как более крупные, так и меньшие особи обоих полов. Уже Раис указал на то, что предполагаемое отсутствие гривы нельзя считать отличительным признаком, так как сам он в Гуджарате убивал густогривых львов. Он готов признать, что грива у них менее густа, чем у некоторых африканских львов, от которых он, впрочем, не склонен отличать индийских. Можно допустить, что это украшение достигает у индийского льва такого же разнообразного развития, как и у африканского. По словам Кинга, в центральной Индии в бассейне реки Джамны постоянно встречаются густогривые львы.

Несколько десятилетий тому назад лев был распространен от бассейна реки Инд через центральную Индию до бассейна реки Ганги, и еще в шестидесятых годах XIX века два льва были убиты западнее Аллахабада. См и встречал их в Гуджарате, особенно в чаще леса по берегам рек, где в

течение месяца было убито 11 львов. Теперь это животное почти совсем истреблено и встречается изредка в наиболее отдаленных и недоступных местностях Раджпутаны. Если его не отделять от других львов, то и на западе нельзя определить границу его распространения: он попадает в прибрежных областях Белуджистана, а также, более часто, в южной Персии и на Месопотамской низменности*.

** К настоящему времени азиатский лев находится под угрозой исчезновения; в природе сохранилось около 180 этих львов в национальном парке Гир в Индии.*

Здесь излишне решать вопрос о том, составляют ли упомянутые львы — барбарийские, сенегальские и гуджаратские — разновидности одного и того же вида или их следует признать отдельными видами. Главное — это то, что образ их жизни в сущности одинаков.

Тысячелетия прошли с тех времен, когда для борьбы на арене можно было собрать 600 львов. С тех пор царь зверей все далее и далее отступал от местностей, освоенных властелином земли. Геродот рассказывает, что во время одного из походов Ксеркса в Македонию ночью на нагруженных поклажей верблюдов, к удивлению воинов, напали львы. Раньше никто не подозревал присутствия здесь хищников. Аристотель считал реки Ресс и Ахелой границей обитания львов в Европе и утверждал, что в Европе львы нигде, кроме Греции, не встречаются. Нельзя установить, когда именно были они истреблены в нашей части света, но, вероятно, с тех пор прошло более тысячелетия. О том, что в древности в Сирии и Палестине жили львы, мы знаем из Библии, но о времени их истребления в Святой Земле у нас нет сведений. Во всяком случае, было время, когда львы были повсеместно распространены от мыса Доброй Надежды через всю Африку и южную Азию до Индии.

Повсеместно этому опасному врагу скота приходилось претерпевать одно и то же: человек вступал с ним в бой и настойчиво оттеснял его, пока, наконец, не истреблял.

Лев не населяет сплошных девственных лесов, а как в горах, так и на равнинах предпочитает открытые местности: травянистые луга с перелесками из кустарников, скудные степи с колючими кустами и пустынные местности. В Судане он охотно выбирает для своего логовища плоское углубление в каком-нибудь защищенном месте, а в южной Африке прячется в кустарниках; он любит также высокие камыши, опоясывающие русла временно текущих рек, а за неимением камышей довольствуется густыми зарослями терновника; здесь он отдыхает один или несколько дней, смотря по тому, богата ли местность дичью или нет, спокойна или опасна. Во время странствований он остается лежать там, где застанет его утро*.

** Львы живут и в первичных лесах, предпочитая, однако, держаться вблизи расчисток или полян. По-видимому, в лесу они чаще ведут одиночный образ жизни, чем на открытой местности.*

В общем привычки льва сходны с привычками других кошек, но во многом он значительно отличается от них. Он ленивее других видов этого семейства и особенно не любит больших переходов; напротив, он старается устроиться как можно надежнее и удобнее. По известиям Селуса, южноафриканский лев предпочитает насыщаться дичью, убитой охотником, чем самому умерщвлять ее. В восточном Судане, например, постоянно следует за кочевниками, куда бы они ни направлялись. Он перебирается вслед за ними в степи и возвращается обратно в лес; взирает на кочевников, как на подданных, обложенных податью, и в самом деле взимает с них самую тяжелую дань. Жизнь ведет ночную. Днем его редко встретишь, только случайно в лесу, да и то разве тогда, когда его систематически преследуют с собаками и выгоняют из логовища. Как я узнал, однако, во время моего последнего путешествия в Абиссинию, все же случается увидеть его и днем, крадущимся в чаще леса или же сидящим тихо на возвышенном месте, откуда он, может быть, старается выследить животных в своем охотничьем районе. Это выслеживание, замеченное уже Левальном и подтвержденное позднейшими путешественниками, считалось мало вероятным, но мы сами убедились в этом (то же свойственно и пантере).

Мне самому пришлось убедиться в том, что рев льва не есть предостережение для животных, подвергающихся опасности его нападения. Напротив, я принужден был склониться к мнению, что рычание имеет целью встревожить животных, побудить их к бегству и этим доставить добычу если не самому ревущему льву, то хотя бы охотящемуся совместно с ним льву — «напарнику». В южной Африке после рева от львов не ждут нападения, так как они имеют привычку возвышать свой могучий голос лишь тогда, когда насытились или же когда их спугнули. Охотящиеся львы там или совсем тихи или только временами издают сердитое «ворчание», которое, даже если оно исходит из близлежащего места, все же кажется далеким. Должно ли это ворчание тревожить дичь или оно имеет другое назначение, остается нерешенным.

Я имею полное основание думать, что на севере лев преднамеренно ревет при виде загона, чтобы побудить находящийся там скот бессознательно ринуться за ограду**.

** * Львы охотятся группой, причем функции загонщиков и собственно охотников строго распределены. В этом случае, возможно, львы-загонщики и могут реветь, создавая панику среди животных и побуждая их бежать к засаде. Но скорее всего львы в большинстве случаев (а особенно одиночки) режут, сообщая, что их потревожили или что участок занят. Вообще же у львов, как животных социальных, должна быть довольно богатая звуковая коммуникация.*

С заходом солнца кочевник загоняет свои стада в безопасную серибу (так называется ограда из густопереплетенных колючих ветвей мимозы высотой до 3 м и толщиной около 1 м). Это самая надежная защита для скота, которую он в состоянии устроить. Стая сторожевых собак охраняет серибу. Становится все тише и спокойнее; шум умолкает; над станом опускается ночь. Жены и дети владельца стада улеглись спать в одной из палаток. Мужья исполнили последние обязанности и также направляются к ночлегу. На соседних деревьях африканские козодои затягивают свою ночную песню или летают, распутив в воздухе пышный хвост; они часто и охотно приближаются к серибу и шмыгают, как духи, вокруг спящего стада. Ничто больше не нарушает тишины и покоя. Даже чуткие собаки, успокоенные всеобщей тишиной, замолкают.

Вдруг точно земля начинает дрожать: это неподалеку заревел лев! Теперь он оправдывает свое арабское название «эссед», то есть «возбуждающий тревогу», так как в серибу обнаруживаются сильнейшее смятение и величайшая тревога. Овцы как безумные бросаются к терновому плетню, козы громко блеют, коровы со стоном ужаса собираются в беспорядочную кучу, верблюд старается разорвать свою привязь, чтобы убежать, а храбрые собаки, побеждавшие леопардов и гиен, громко и жалобно завывают и с визгом ищут защиты у своих хозяев. Мощным скачком перепрыгивает могучий хищник терновую стену, чтобы избрать себе жертву. От удара его страшных лап падает молодой бык; сильные зубы ломают шейные позвонки не могущего сопротивляться животного. Глухо рыча, лежит хищник на своей добыче, глаза ярко сверкают торжеством победы; хвостом он с силой хлещет воздух. На мгновение лев освобождает умирающее животное и снова схватывает его своими все разламывающими зубами, пока оно не перестает шевелиться. Теперь ему надо возвращаться назад через изгородь, а покидать свою жертву он не хочет. Чтобы с добычей в пасти совершить обратный прыжок, необходима вся его страшная сила. Но это ему удается: я видел серибу высотой в рост человека, через которую перепрыгнул лев с двухлетним волом в пасти; я заметил пролом, произведенный тяжелой ношей на вершине забора, а на другой стороне видел углубление, оставленное в песке падением вола, прежде чем лев потащил его дальше! Надо, впрочем, заметить, что рогатый скот в тех странах не так тяжел, как у нас. Часто с полной отчетливостью можно видеть на песке борозду от протасченного животного до того места, на котором оно было растерзано.

Понятно, что все животные, знающие этого хищника, приходят в ужас, как только услышат его рев. Но не следует думать, что рев льва слышен в пустыне во всякое время. Обыкновенно он издает протяжный звук, напоминающий мяуканье исполинской кошки, и глухое ворчание или рычание, при испуге же — короткий звук, подобный кашлю. По-настоящему лев ревет настолько редко, что некоторым путешественникам, побывавшим в местах, где он обитает, совсем не удавалось его услышать. Рев — отличительная черта льва, можно сказать, выражение его силы: это рычание — единственное в своем роде, силой звука оно превосходит голоса всех других существ, за исключением, по словам Пехуеля-Леше, разве что самца гиппопотама. Так же судит об этом Селус: «Нет ничего более величественного и вместе с тем более возбуждающего страх, чем рев нескольких львов, охотящихся вместе, конечно, если он раздастся невдалеке. Рев льва не поддается описанию. Арабы метко называют его «раад», то есть «гром гремит». Кажется, что он исходит из глубины груди и точно хочет разорвать ее. Трудно определить, откуда он раздается, потому что лев ревет по направлению к земле и звук разносится по ней действительно подобно грому. Самый рев состоит из чрезвычайно могучих звуков, средних между О и У. Он обычно начинается тремя или четырьмя протяжными звуками, похожими на стон, потом все быстрее и быстрее раздаются короткие звуки; к концу они опять повторяются медленнее и все более ослабевают, так что последние, собственно, больше походят на рычание**.

** По впечатлению Дж. Даррела, рев льва напоминает сперва медленные, а затем все убыстряющиеся звуки движения пилы, по очень гулкому бревну. Рев этот, по-видимому, носит функцию маркировки территории.*

Невозможно описать впечатления, производимого голосом «царя зверей» на его «подданных». Воющая гиена хоть на несколько мгновений умолкает; леопард перестает рычать; обезьяны начинают громко визжать и полные страха взбираются на самые верхушки деревьев; антилопы в

бешеном бегстве пробиваются сквозь чащу; среди блеющего стада водворяется мертвая тишина; навьюченный верблюд дрожит, перестает повиноваться оклику своего погонщика, сбрасывает ношу и седока и ищет спасения в поспешном бегстве; лошадь становится на дыбы, сопит, раздувает ноздри и опрокидывается назад; не приученная к охоте собака с визгом ищет защиты у своего хозяина.

И даже человек, у которого впервые среди ночи в девственном лесу раздается в ушах этот звук, даже он спросит себя, достаточно ли у него геройства, чтобы выступить против животного, издающего такой страшный рев?*** То же чувство страха, которое вызывается ревом льва, овладевает всеми зверями, когда они узнают о его присутствии благодаря другим своим внешним чувствам, даже когда просто чуют его запах: ведь близость льва равносильна смерти.**

* * *По впечатлению автора этого примечания, рев льва у человека, не слышавшего его ранее, вызывает в первую очередь удивление, так как не ассоциируется ни с каким знакомым животным. Обезьяны (бабуины), сидящие на деревьях, продолжают кормиться как ни в чем не бывало. По многочисленным киносъемкам львиных охот видно, что принцип ненападения на сильного противника действует и в львином прайде, поэтому вполне, здоровые и находящиеся в хорошей форме копытные вовсе не впадают в панику, а отбегают на безопасное расстояние и останавливаются, вполне уверенные в своей безопасности.*

Североафриканский лев, если это возможно, поселяется близ деревни, на которую и направляет свои набеги. Он пренеприятный сосед и прогнать его не так-то легко, тем более, что при своих нападениях он обнаруживает значительную хитрость. «Когда лев по старости уже не может охотиться за дичью, — рассказывает Ливингстон, — то он вторгается в деревню за козами, и, если по дороге ему попадаются женщина или ребенок, они также становятся его добычей. Львы, которые нападают на людей, всегда стары и если какой-нибудь из этих опасных хищников уже один раз пробрался в деревню и утащил козу, местные жители говорят: «Зубы его притупились; вскоре он умертвит и человека». Я также думаю, что в деревни заходят только старые опытные львы, но, по моему мнению, зубы их бывают совсем исправны. Довольно часто человек делается единственной добычей льва, а если последний хоть раз победил в себе присущий ему страх перед людским поселением и по опыту знает, как легко именно здесь найти добычу, то он становится все более дерзким и смелым; тогда он поселяется как можно ближе к деревне и отсюда совершает свои набеги до тех пор, пока человек это терпит. По достоверным сообщениям, некоторые львы становятся настолько смелы, что показываются у деревни днем; порой их не сдерживают и сторожевые огни. Против этого показания говорит твердая уверенность всех жителей северо-восточной Африки, с которыми у меня были сношения, в том, что огонь является самым верным охранительным средством против нападений льва. Они не знают случая, когда бы хищник напал на лагерь, защищаемый заботливо поддерживаемыми сторожевыми огнями. Совершенно другое рассказывают они о леопардах; впрочем, южноафриканский лев, как говорят, также не всегда боится огня.

Совершенно иначе, чем с домашними животными, поступает лев при нападении на диких зверей. Он знает, что они чуют его на значительно большем расстоянии и достаточно быстроноги, чтоб убежать. Поэтому он подстерегает их или чрезвычайно осторожно подкрадывается к ним в сообществе с другими львами, против ветра, и притом не только в ночное время, но и при солнечном свете. Но все же такие дневные охоты составляют исключение из общего правила. Обычно лев дожидается по крайней мере сумерек, прежде чем приняться за охоту. Подобно другим кошкам, он поджидает дичь близ наиболее посещаемых перекрестков. Так, например, львы отыскивают степные водопой, к которым животные пустыни приходят утолять жажду.

Когда спадет дневной жар и наступит прохладная ночь, грациозная антилопа, кроткокая жирафа, полосатая зебра и могучий буйвол спешат к водопою. Осторожно приближаются они к источнику или луже, зная, насколько опасны для них эти места. Беспреданно нюхая воздух и прислушиваясь, зорко вглядываясь в ночную тьму, ведет передовая антилопа свое стадо. Ни одного шага не сделает она, не убедившись, что все тихо и спокойно. Антилопы большей частью достаточно хитры и потому идут к водопою против ветра, что позволяет передовой антилопе часто вовремя чуют врага. Она останавливается, прислушивается, вглядывается, внюхивается — и вдруг бросается назад, обращаясь в поспешное бегство. Другие следуют за ней; далеко закидывают они свои тонкие копыта, высоко подсакивают, подобно пружинам, ноги животных. Они мчатся через кусты и высокую траву и находят спасение. Так же приближается к водопою умная зебра, так подходит и жирафа: но горе им, если они пренебрегут этой предосторожностью! Горе жирафе, если она подходит по ветру к луже, заросшей кустами; горе ей, если из-за страстного желания освежить горячий, засохший язык она хоть на мгновение забудет об осторожности! По Ливингстону, лев обычно хватается за добычу за шею, иногда в пах, с которого охотнее всего начинает жрать. «Иногда встре-

чаютя остатки антилопы, которую он вполне выпотрошил». Селус подтверждает, что лев прежде всего разрывает задние части туловища своей жертвы и начинает поедать ее с внутренностей и благородных органов; он наблюдал также, что иногда лев складывает эти части в кучу и покрывает ее землей, без сомнения, для того, чтобы сохранить мясо до следующей ночи и скрыть его от грифов, которые, наверное, явятся днем.

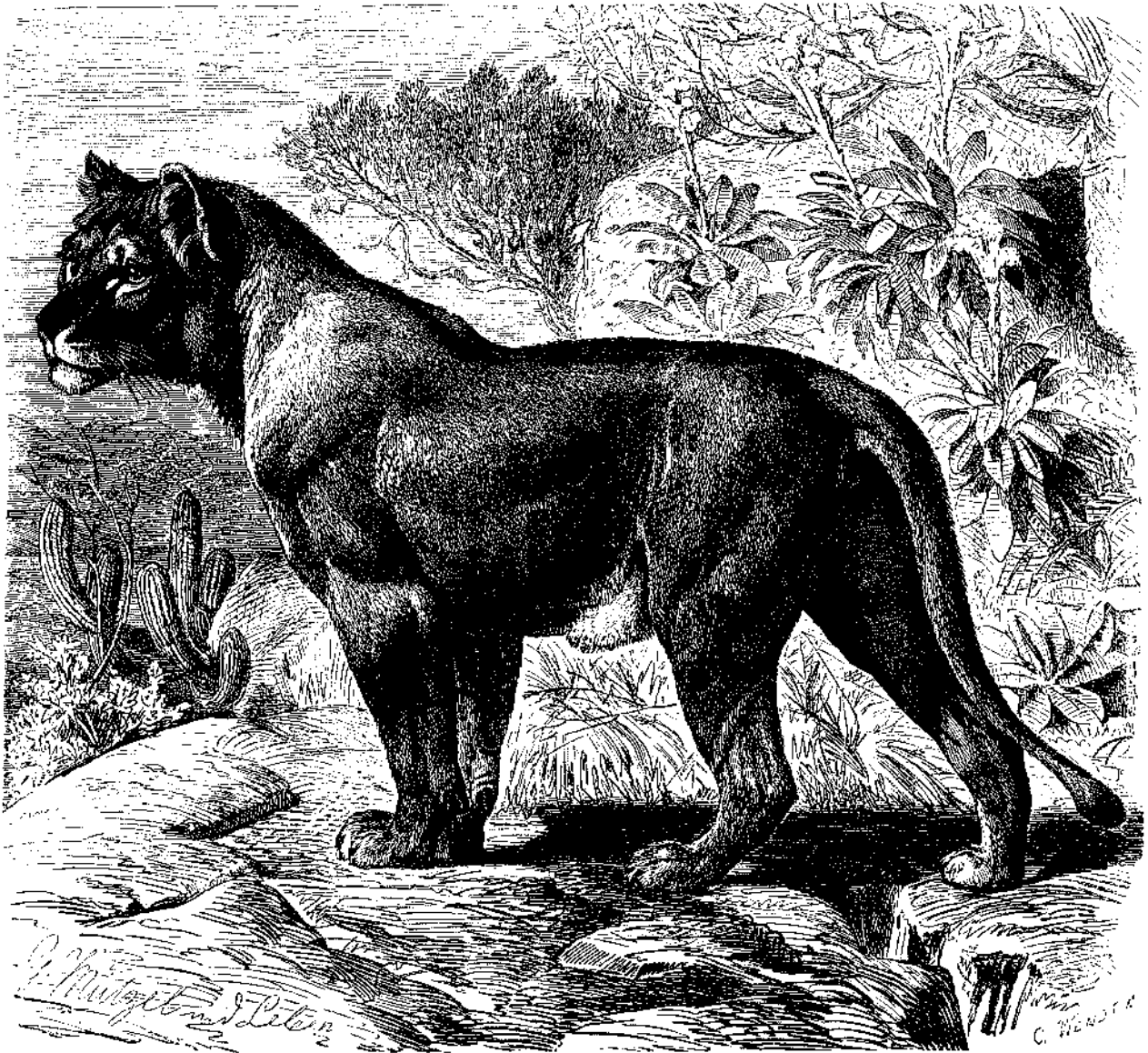
О способе львиной охоты Ливингстон говорит: «По моим сведениям, лев самым разнообразным способом нападает на зверей. Я видел лошадь, молодого слона и двух антилоп, которые все были умерщвлены укусом в горло; я же видел лошадь и несколько зебр, умерщвленных укусами в затылок. Буйвол, как мне кажется, он одолевает посредством перелома шейных позвонков; достигает он этого, вспрыгнув на плечи жертвы, причем лапой хватает ее за морду и, притягивая к себе, круто поворачивает затылок. Я видел и убивал много буйволов, которые вовремя успели освободиться ото льва, но у которых затылок и плечи были ужасно покусаны». Блэнфорд не отвечает на вопрос о том, умерщвляет ли таким способом индийский лев более крупных зверей; он видел, как львица схватила верблюда за горло и в продолжение многих минут держала таким образом, не пытаясь скрутить ему затылок*.

** По-видимому, чаще всего лев убивает крупную жертву, именно душа ее зубами за горло.*

Лев предпочитает крупных животных мелким, но не пренебрегает и последними. Утверждают, что временами он довольствуется даже саранчой. По Ливингстону, лев, становясь слабым и старым, начинает охотиться за мышами и другими мелкими грызунами. Конечно, это редкое исключение: строение его тела совсем не приспособлено для добывания такой мелкой дичи. Охотится лев преимущественно за крупной добычей: чаще всего он появляется там, где много диких травоядных и крупного рогатого скота. Главной пищей ему служат домашние млекопитающие, зебры, антилопы, дикие кабаны. «В южной Африке, — замечает Мор, — лев попадается только в тех местностях, где водится крупная дичь, где встречаются буйволы и крупные виды антилоп. Слонов и носорогов он никогда не трогает, на кафрского буйвола нападает не без успеха, Я убедился в этом, осмотрев старого быка, которого убил 15 июля 1870 г. Незадолго до этого лев напал на этого степного великана и страшно изувечил его. Оба уха его были буквально изодраны в клочки, а на шее и затылке находились страшные раны от когтей хищника; один из огромных рогов был сломан и из него сочилась кровь. И все же старый боец отбил его ото льва».

На человека лев нападает очень редко. В Судане, но крайней мере в некоторых местностях, часто встречаются львы, но почти неизвестны случаи, когда бы они съели человека. Там люди чаще становятся жертвами крокодилов и даже гиен, чем львов. В южной Африке, напротив, известно довольно много случаев, когда львы, несмотря на сторожевые костры, пробирались за ограду загонов для похищения домашних животных и уносили даже людей, сидящих около огня. Вероятно, к этому их побуждает крайний голод. Селус рассказывает о страшной львице, которая несмотря на огонь, сторожей и выстрелы трижды в продолжение ночи нападала на лагерь. В первый раз она схватила лошадь, а потом двух туземцев, сидевших у огня, но в конце концов была убита. «Голодный лев — черт, — говорят в южной Африке. Когда он голоден, все равно, силен или стар и слаб, лев и днем, и ночью может нападать на людей. А когда из опыта убедится, что к человеку легко подкрасться и схватить его, тогда он чаще начинает стремиться к такой удобной добыче. Впрочем, настоящими людоедами львы становятся редко, так как большинство южноафриканских аборигенов не из тех людей которые долго станут терпеть нападения льва. Если какой-нибудь лев попытается кормиться из их стада, то воинственные аборигены выслеживают его и убивают или изгоняют из своей местности. По словам Кера, в районе Чибинга (южнее реки Замбези) ежегодно около 10 человек становятся жертвами львов, особенно в дождливое время года, когда люди работают на плантациях и тут же спят.

И кто обстоятельнее не описал южноафриканского льва, чем Селус: «Мне всегда казалось, что слово «величественный» совсем не подходит к дикому льву, потому что днем у него всегда неуверенное и пугливое выражение, которое несовместимо с понятием о величии.

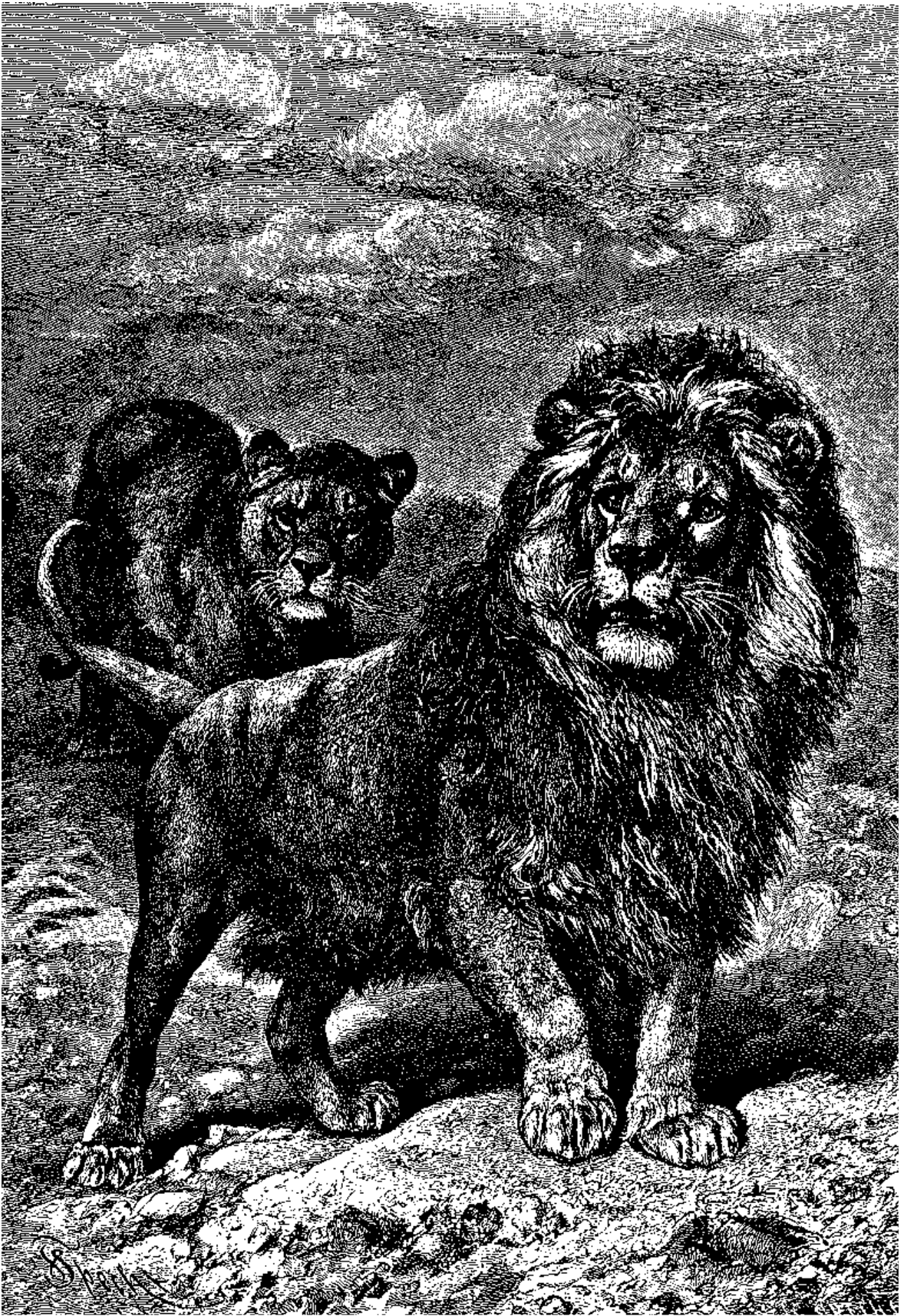
Лев (*Panthera leo*)

Чтобы соответствовать такому определению, он должен был бы держать высоко гордую голову. А это он делает редко. Когда лев идет, он опускает голову низко, ниже линии спины и только, если замечает близость человека, иногда поднимает ее, окидывает взглядом нарушителя своего покоя, потом обычно снова опускает ее и, ворча, убегает. Но ни одно животное не имеет более грозного вида, чем лев, поставленный в безвыходное положение: пасть его открыта, глаза сверкают, голова глубоко опущена между плечами; он издает непрерывающееся глухое рычание и хвостом хлещет себя по бокам; и даже тогда в облике его нет ничего величественного. Если лев два или три раза подряд подбрасывает хвост вертикально вверх — берегитесь: это почти всегда служит признаком скорого нападения. При встрече днем львы почти всегда отступают перед человеком, даже в том случае, когда люди мешают им насыщаться только что убитым животным. Если же их рассердят или ранят, то следует ждать нападения. Судя по моим наблюдениям, приобретенным опытом, львы все-таки более других южноафриканских зверей склонны к нападению на человека. Так как они значительно лучше умеют скрываться и быстрее нападать, чем слоны, буйволы и носороги, то, по моему, они гораздо опаснее этих зверей. Без сомнения, подобно людям и животным, львы также имеют различный нрав и потому было бы ошибочно предполагать, что поступок одного льва будет повторен и следующим. Никто не имеет права называть льва трусливым зверем только на том основании, что два или три экземпляра, которых охотник застрелил, не обнаружили мужества в борьбе. Если больше несчастных случаев с людьми происходит от столкновений с буйволами, чем со львами, то причина не в том, что первые опаснее последних, а объясняется тем, что их гораздо больше, так что в семидесятых годах на охоте один лев приходился на 50 буйволов».

"Если преследовать льва с собаками, то для человека почти нет опасности, потому что все внимание льва привлекает окружающая его шумная стая собак, а не приближающийся злейший враг, человек. Иногда случается, впрочем, что он хватается охотника, находящегося среди собак.

Охотник верхом часто может спастись благодаря скорости своего коня; я не думаю, чтобы лев мог догнать хорошую лошадь — это удастся ему разве в лесной чаще или в глубоком сыпучем песке. Для пешего охотника без собак наименее опасно первое столкновение; опасность возрастает при выслеживании уже раненого льва, особенно в высокой траве или в лесной чаще, потому что трудно найти другого зверя такой величины, который умел бы так хорошо скрываться за самым незначительным прикрытием и с быстротой молнии бросаться на врага. Я никогда не видел, чтобы лев делал прыжок; мне всегда казалось, что он, подобно собаке, приближается тяжеловатым галопом, причем удивительно быстро продвигается вперед. Далее, я никогда не наблюдал, чтобы лев уносил на себе добычу; по моим наблюдениям, все львы, без исключения, имеют привычку схватывать труп за затылок и тащить его по земле. Так поступают они даже с мелкими антилопами, и я не думаю, чтоб южноафриканский лев, как это рассказывают про североафриканского, в состоянии был унести такое тяжелое животное, как вола, не говоря уже о том, чтобы, держа его в пасти, перепрыгнуть через ограду». Это мнение, подтверждаемое другими опытными охотниками, достойно внимания, тем более, что южноафриканский лев крупнее североафриканского.

Селус сообщает, что, по его сведениям, мясо льва довольно вкусно; подобно телятине, оно беловатого цвета и лишено какого-либо отталкивающего запаха. Живучесть льва, по крайней мере южноафриканского, самого видного из всех, невелика; в этом отношении он уступает даже большинству антилоп. Он умирает гораздо быстрее последних, если в его сердце или легкие проникает небольшая свинцовая пуля из винтовки калибра в 4,5 линии (приблизительно 9,5 мм), которую опытные охотники в Индии считают лучшим ружьем против тигров.

Лев (*Panthera leo*)

Внешний образ льва внушает почтение, его могучая сила, отважная смелость издавна признавались людьми и вызывали у них удивление. И если это удивление часто оказывалось преувеличенным и приписывало льву качества, которыми он в действительности не обладает, оно все же было небезосновательным. В числе качеств, приписываемых льву самими лучшими естествоиспытате-

лями, видное место занимает благородство. Кто близко знаком со львом и как я многие годы ежедневно встречался с ним в неволе, тот наверняка испытает то же, что и я. Он станет любить и уважать его, как только может человек любить зверя. Ниже я расскажу о моем любимом звере, пойманной львице, которая доставила мне немало приятных и веселых часов.

Время, когда лев сблизается с львицей, очень различно в разных местностях, потому что время рождения детенышей совпадает с весной. Во время течки за одной львицей часто следуют 10-12 львов и между ними происходит много битв и ссор. Но как только львица избрала себе супруга, остальные удаляются, и пара живет в полном согласии. Хотя течка у львицы не имеет столь бурного характера, как у других крупных кошек, случка у львов повторяется много раз. Львица сластолюбивее самца. Это она подходит к суровому супругу с ласками и нежностями и как будто приглашает его; он спокойно лежит напротив, пристально устремив на нее глаза, и поднимается только тогда, когда она приближается к нему. Не обходится и без некоторого рычания и фырканья львицы; однако она не неистовствует так бешено, как другие крупные кошки, не раздает, подобно им, ударов лапой. Через 15-16 недель, или 100-108 дней, после случки львица рождает 1-6, но чаще 2-3 детенышей. Они появляются на свет с открытыми глазами и по величине похожи на полу-взрослую кошку. Для родов мать подыскивает место в чаще, как можно ближе к водопою, чтобы не ходить далеко за добычей. Лев помогает ей добывать пищу и, в случае надобности защищает ее и детенышей*.

** Менее всего взрослый лев-самец, видимо, согласен жертвовать собой ради львят. Будучи плохим охотником, он после спаривания с самкой, продолжающегося в общей сложности несколько дней, возвращается к прайду и продолжает выполнять свою основную функцию: защищать территорию прайда от других львов и вообще от других хищников. Львица же находит укромное место, в которое старается не пускать никого, и более всего — отца семейства. Он знакомится с львятами, когда те уже способны следовать за матерью. Если за время беременности в прайде случилась смена власти и доминирующее положение занял новый самец, он без зазрения совести тут же убивает львят от предыдущего доминанта. Львица, потеряв выводок, вскоре вновь приходит в состояние течки, и лев, таким образом, получает возможность скорее и лучше сохранить свои гены в потомстве.*

Львица обычно проявляет к детенышам большую нежность и трудно представить себе более привлекательное зрелище, чем львицу со львятами. Маленькие прелестные зверьки играют друг с другом, как шаловливые котята, а мать строго, хотя и с бесконечным удовольствием смотрит на эти детские игры.

В первое время молодые львята довольно беспомощны. Только на втором месяце своей жизни они научаются ходить, а свои детские игры начинают еще позже. Вначале они мяукают совсем как кошки, позже голос их становится сильнее и полнее. В играх они неповоротливы и неуклюжи; но со временем появляется и ловкость. Через шесть месяцев мать перестает кормить их молоком, но они еще раньше начинают сопровождать мать, а иногда и обоих родителей в набегах, но только на незначительные расстояния. К концу первого года они достигают величины большой собаки. Вначале половое различие никак не проявляется, но скоро обнаруживается разница между самцом и самкой, выражающаяся в более крепких и мощных формах самца. К третьему году у самца начинает пробиваться грива; но только на шестом или седьмом году оба пола достигают полного развития и окончательной окраски. Такое медленное взросление определяет возраст, до которого они доживают. Известны случаи, когда даже в неволе львы жили 70 лет, хотя при самом хорошем уходе они там довольно скоро дряхлеют и теряют значительную часть своей красоты.

При разумном уходе пойманные молодыми львы становятся ручными.

Как уже было замечено, при хорошем питании лев выдерживает неволю много лет. Он нуждается ежедневно в 4 кг хорошего мяса. При таких условиях он чувствует себя хорошо и становится видным и упитанным.

Никто не станет удивляться тому, что африканцы всеми средствами стараются истребить львов. Все же страх их перед львом не так велик, как это представляется. Могучий хищник даже там, где он водится, встречается отнюдь не ежедневно. Он не вторгается беспрестанно в загоны, а старается отыскать себе пропитание в пустыне; некоторым племенам он своей охотой даже полезен. Бушмены часто обязаны ему вкусной пищей. Рано утром они обыскивают местность, где он охотится, и там им часто попадаются значительные остатки дичи, которую лев убил ночью. Они даже решаются согнать хищника с его добычи, чтобы для них осталось как можно больше.

Но и жители северной Африки мало жалуются на ущерб, приносимый львами. Правда, их хищнические подвиги всех волнуют и широко обсуждаются, но без особого негодования по поводу

потери скота. Люди относятся к этому скорее как к злему року, как к чему-то неизбежному. У поселенцев европейского происхождения, конечно, другие понятия о ценности имущества, чем у беззаботных африканцев. По вычислению Жюль Жерара, в 1855 году в провинции Константина 30 львов причинили убытков только истреблением домашних животных на 170000 франков: следовательно, каждый лев «употребляет» для своего пропитания скота приблизительно на 5660 франков. С 1856 по 1857 год, по сообщению того же охотника, в окрестностях города Бона жило 60 львов, которые съели 10000 голов мелкого и крупного скота. Дальше в глубь страны вред, приносимый ими, гораздо меньше, потому что скотоводство, которое составляет единственное занятие жителей, ведется в гораздо больших размерах, чем в странах, где преобладает земледелие. Все же вред и там довольно ощутим, и бедный скотовод иногда приходит в отчаяние от разорения, причиняемого львами*.

** Как и все крупные хищники, лев ест сравнительно мало и может довольно долго голодать без особого вреда. В природе, где львы при всем желании убивают ровно столько, сколько им необходимо для еды, это составляет 2—3 жертвы в неделю на прайд.*

В горах Атлас на льва охотятся различными способами. Если он обитает по соседству со становищем бедуинов и его присутствие делается слишком тягостным, то все мужчины, способные носить оружие, окружают кустарники, в которых скрывается их враг, и пытаются криками и выстрелами выгнать его оттуда. Когда он наконец показывается, в него направляют такую массу пуль, что лев обычно мгновенно падает, сраженный наповал, хотя иногда и успевает изувечить или умертвить нескольких своих преследователей. Львов также убивают, подкарауливая около приманки. Арабы выкапывают яму, плотно закрывают ее сверху, так что открытыми остаются только отверстия для ружей, и кладут недалеко от ямы только что убитого кабана или же влезают на деревья и стреляют оттуда. Кроме того, арабы ловят львов в ямах глубиной 10 м и шириной 5 м. Как только лев попадает в яму, со всех сторон сбегаются люди и поднимают страшный шум. Каждый кричит и бросает вниз камни. Особенно шумят женщины и дети. В конце концов мужчины стреляют в льва. Когда он лежит уже совсем неподвижно, они отваживаются спуститься вниз и привязывают к его ногам веревку, с помощью которой поднимают труп наверх с немалым трудом, так как вес взрослого льва-самца доходит до 200 килограммов. Каждому мальчику, чтобы он стал мужественным, дают съесть по кусочку сердца. Из волос гривы готовятся амулеты, так как верят, что подобные волосы предохраняют от львиных зубов.

Мало найдется животных, о которых бы издавна сочинялось, да и до сих пор сочиняется столько побасенок, сколько о львах. Известия о них дошли с самой седой старины. На египетских памятниках лев изображен в различных положениях. Это доказывает, что древние египтяне хорошо его знали и верно определяли его место среди других зверей. Дюмихен, который был так добр и написал нижеследующее для «Жизни животных»: «В древнеегипетском языке одно и то же слово служило для обозначения льва и кошки. Идеограмма, изображающая это слово в египетских письменах, выговаривалась «маау» (слово, в котором нельзя не заметить звукоподражательной основы). Имеет ли эта идеограмма в рукописях то или другое из двух значений, решается определительным рисунком, то есть изображением, которое ставилось вслед за упомянутой идеограммой, в нашем случае изображением льва или кошки. Кроме «маау», встречаются еще слова «ар» и «там», последнее преимущественно для обозначения солнечного божества, почитавшегося под видом льва — защитника ворот востока. Не подлежит сомнению, что древние египтяне отводили льву первое место среди хищных зверей, так как слово «маау» употреблялось ими и для обозначения всех хищников. Так, в папирусе Гарриса значится: «О владыка богов! Соблаговоли защитить меня от диких хищных зверей (маау-у), крокодилов в реке и всех жалящих змей».

"Почти на всех древнеегипетских памятниках, даже тех, которые насчитывают по крайней мере 4000 лет, как, например, на гробницах при пирамидах, между рисунками, украшающими стены в храмах и усыпальницах, нередко попадаются изображения диких и прирученных львов. Достойно внимания, что здесь встречается не только африканский, но и азиатский лев (последний изображался или в виде дани, приводимой азиатскими племенами, или в качестве объекта охоты царей во время походов в Азию). Древнейшее известное мне изображение львиной охоты находится в одной из гробниц; найденные там рисунки, без сомнения, относятся к наиболее удачным произведениям древнеегипетского искусства, а изображения животных поражают даже зоологов. Владелец гробницы, называемой в рукописях Пта-Хотеп, был знатным сановником периода царствования Таткара Асса, Танхереса пятой Манефонской династии. Это, вероятно, то же лицо, которому принадлежат сочиненные в царствование названного царя и снискавшие славу мудрые изречения об

обхождении с людьми. Как видно из рисунков, он умел обращаться и с животными, а также знал, как охотиться на них.

В Библии львы упоминаются часто, и евреи давали им много разных названий. Греки и римляне очень обстоятельно рассказывают о царственном животном и сообщают при этом массу сказок. Кости льва будто бы так тверды, что ими можно высекать огонь; лев презирает мелких животных, щадит женщин; сильная и жестокая львица может родить за всю свою жизнь лишь одного детеныша, потому что он своими острыми когтями разрывает матку; то же происходит и у гадюки. Аристотель знает, что львица рождает много раз, что молодые львята очень малы и начинают ходить только на втором месяце. Он знает даже, что есть два вида львов: более короткие, с вьющейся гривой, и более длинные, с густой гривой, сильнее первых. Плиний говорит, что новорожденные львята представляют собой бесформенный кусок мяса, величиной не более ласки, что они через два месяца едва двигаются и только после шестого месяца начинают ходить. Они будто бы пьют очень редко, едят через день и могут по три дня обходиться без пищи, все проглатывают целиком и потом вытаскивают когтями из пасти то, что желудок не может вместить, чтобы в случае надобности иметь возможность спастись бегством. Из всех хищных животных только лев «милостив» к просящим, щадит падающих перед ним ниц и изливает свой гнев больше на мужчин, чем на женщин, на детей же только при сильнейшем голоде.

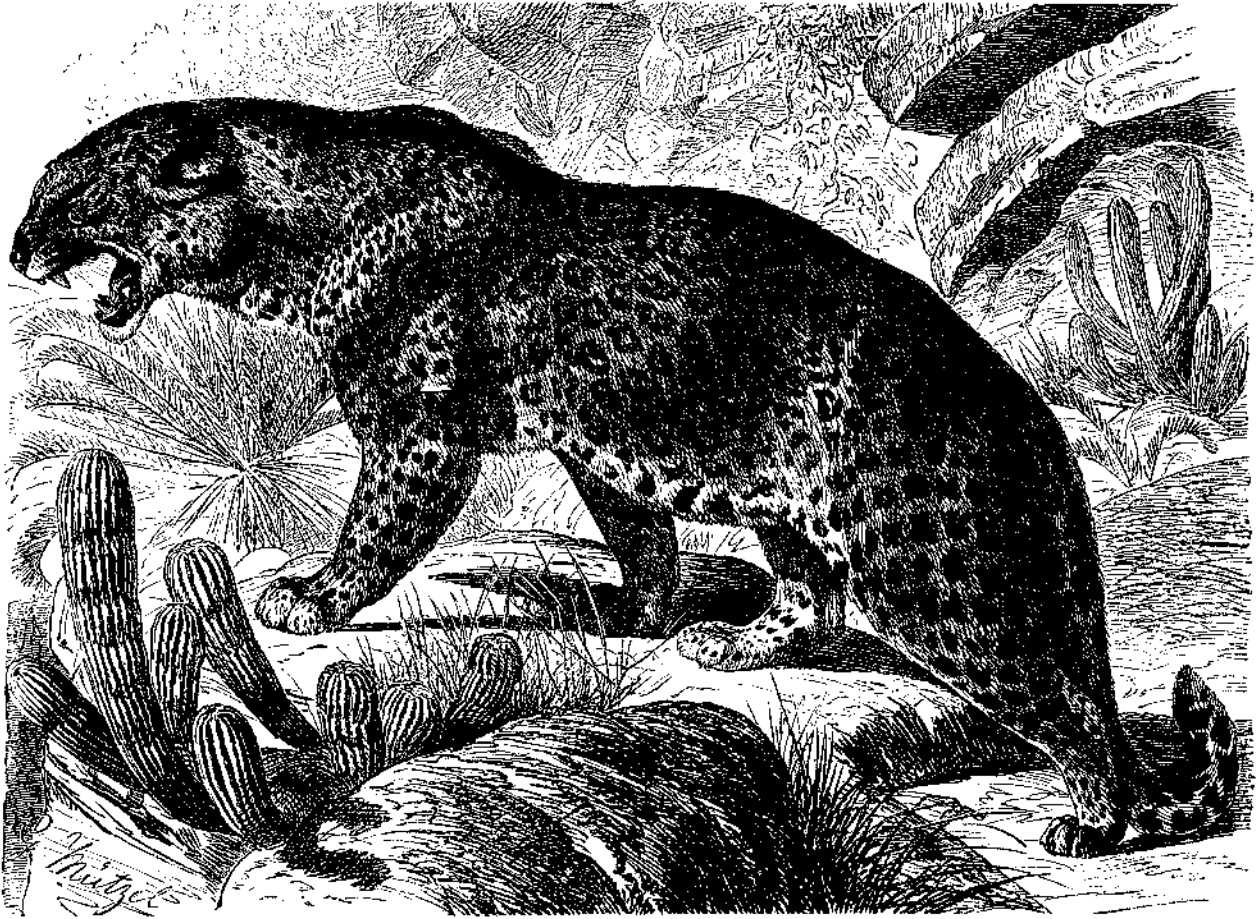
Первую борьбу львов устроил эдил Сцевола, вторую — диктатор Сулла, у которого было уже 100 львов, Помпеи же заставил сражаться 600, а Юлий Цезарь — не менее 400 львов. Ловля их была тяжелым делом и производилась большей частью с помощью ям. При Клавдии пастух случайно нашел легкий способ поимки льва; он накинул на голову зверя свою одежду, и лев был так озадачен, что спокойно позволил поймать себя. Позже способ этот часто применялся в цирке. Марк Антоний после Фарсальской битвы ехал по городу с одной актрисой в колеснице, запряженной львами. Ганог, известный карфагенянин, первый стал собственноручно управлять колесницей, в которую были запряжены прирученные львы. Однако из-за этого его изгнали из отечества (подумали, что человек, властвующий над львами, Наверное, захочет властвовать и над людьми). Император Адриан приказал в один день убить в цирке 100 львов, а при Марке Аврелии 100 львов было убито стрелами. В результате численность львов так уменьшилась, что отдельным лицам было запрещено на них охотиться, дабы сохранить их в достаточном количестве для игр. Но настоящее истребление львов началось позднее, с изобретением огнестрельного оружия.

Уже со времен Аристотеля и Плиния среди исследователей существует разногласие относительно систематического определения трех кошек Старого Света, объединенных общим названием пантер: леопарда, пантеры и зондской пантеры; их то считали разновидностями одного и того же животного, то особыми видами.

Леопард (*Pantherpardus*)* имеет следующие признаки: общая длина составляет 170-200 см, из которых на хвост приходится 60-80 см.

** Леопард, барс, пантера — очень крупная (среди современных четвертая по размеру) кошка. Длина тела 120-170 см, длинный хвост около 1 метра. Распространен по всей Африке, в Западной Азии на север до Кавказа и Туркмении, во всей Южной и на большей части Восточной Азии. Населяет весьма разнообразные местообитания, от сухих предгорий Средней Азии до влажных тропических лесов Западной Африки и Зондских островов.*

Голова велика и округла, морда мало выдается, шея очень короткая, тело сильное, вся фигура плотная; ноги средней вышины и умеренно толсты, лапы не особенно велики. Основной бледный красновато-желтый цвет темнеет на спине и переходит в области горла и передней части груди в светло- или бело-желтый, на нижней и внутренней стороне конечностей — в желтовато-белый, но весь окрас кажется относительно темным, так как пятна малы и расположены довольно густо. Вообще же «лицо», темя, затылок, стороны головы и шеи, плечи, плечевая часть передних конечностей и предплечья, бедра и ноги на наружной стороне, горло и передняя часть груди густо покрыты черными сплошными, круглыми или кругловатыми пятнами, величина которых колеблется от величины горошины до величины грецкого ореха.

Леопард (*Panthera pardus*)

Некоторые пятна образуют как бы кольца, темные пятна окружают маленькое срединное поле, что наблюдается на всех пятнах верхней части спины, боков тела и верхней части хвоста у его основания. Хвост при основании очень неправильно разрисован вытянутыми в длину кольцеобразными и сплошными пятнами, потом же лишь этими последними; на конце хвост снизу почти чисто-белого цвета. Наконец, на нижней и внутренней стороне конечностей мы замечаем простые или двойные сплошные пятна. Ухо снаружи черновато-серого цвета, на конце его большое беловатое пятно; глаз имеет зеленовато-желтую радужную оболочку и круглый зрачок. Ни животные разного пола, ни взрослые и молодые животные, ставшие самостоятельными, не отличаются существенно друг от друга; но есть более темные и даже черные экземпляры. Леопард блестящего буро-черного цвета, который лишь при солнечном свете кажется пятнистым, называется в Абиссинии «гезела» и ревностно преследуется ради своей ценной шкуры*.

** У леопарда есть сильная изменчивость окраски, как географическая, так и индивидуальная. Обычный рисунок шкуры представляет собой узор из черных кольцевидных пятен на желтом, коричневом или рыжевatom фоне. Но иногда часть пятен может сличаться, образуя сначала очень крупные размытые пятна, затем, у некоторых особей, рисунок в виде широких неправильных полос или мраморных разводов. Попадают особи совершенно черные. Причем неверно говорят, что даже у такого леопарда на ярком свету становятся заметны пятна — попадают особи глянцевито-черные, безо всякого видимого рисунка. В разных популяциях черные леопарды могут быть как исключительной редкостью, так и составлять большинство особей.*

Пантере приписываются следующие признаки: общая длина 200-240 см, из которых около 82-96 см приходится на хвост. Голова умеренной величины, продолговато-округлая морда выдается довольно сильно, шея короткая, тело вытянутое, сильные ноги относительно очень толстые, лапы крупные. Основной светлый охристо-желтый цвет переходит на спине в темный красновато-желтый, на нижней стороне тела и внутренней стороне конечностей в желтовато-белый, как у леопарда, но выступает гораздо резче, так как рисунок, состоящий из пятен, здесь совершенно другой. Кроме головы, затылка, боков шеи, горла и верхней части груди, на которой несколько пятен тоже сливаются в две или три полосы, лишь предплечья и голени покрыты сплошными пятнами, по большей части состоящими из двух или трех слившихся отдельных пятен, между тем как плечи и

бедро, а также спина и бока усажены окаймленными или кольцевидными пятнами. Все кольцевые пятна, или розетки, отличаются от таких же пятен леопарда своей значительной величиною. По средней линии спины тянутся два параллельных ряда розеток, а около них — два почти параллельных; первые состоят по большей части из замкнутых, последние из частично разорванных полулунных пятен, мелких по сравнению с пятнами на боках, розетки на боках расположены, как у леопарда, в ряды, довольно правильно тянущиеся косо сверху и спереди вниз и назад. На верхней стороне хвоста до середины его преобладает рисунок, состоящий из больших, как на спине, розеток, нижняя сторона покрыта здесь более светлыми полулунными пятнами; вторая половина хвоста имеет сверху широкие черные полукольца, разделенные узкими светлыми полосками, а снизу одноцветные белые полукольца. Желтовато-белая или чисто-белая нижняя и внутренняя сторона конечностей покрыта большими продолговато-округлыми редкими черными пятнами. Окраска и рисунок уха такие же, как у леопарда; радужная оболочка обыкновенно желтого цвета.

По мнению некоторых, **зондскую, или длиннохвостую пантеру***, обитающую на островах Суматра и Ява, не следует, строго говоря, смешивать с леопардом и собственно пантерой.

** Приводимые Бремом разновидности леопардов составляют один биологический вид — Panthera pardus. в пределах которого ученые выделяют около 25 подвидов (географических рас). Различия между собственно леопардом и пантерой, приводимые в книге Брема, представляют собой индивидуальную изменчивость леопарда.*

Отличительными признаками ее, по сравнению с обоими родственными видами, считаются: маленькая длинная голова, удлинённая шея, очень вытянутое тело, длинный, почти равный телу хвост, низкие сильные ноги, снабженные крепкими когтями, и, наконец, особый рисунок пятен. Как сплошные пятна, так и розетки гораздо меньше, темнее и расположены чаще, чем у родственных форм. мех получает, благодаря этому, синевато-черный отблеск, который резко выступает, если смотреть на мех по шерсти. Основной цвет темный охристо-желтый, цвет полей буровато-желтый, цвет нижней и внутренней стороны конечностей серовато- или желтовато-белый. Край уха густого черного цвета. Радужная оболочка зеленовато-желтая.

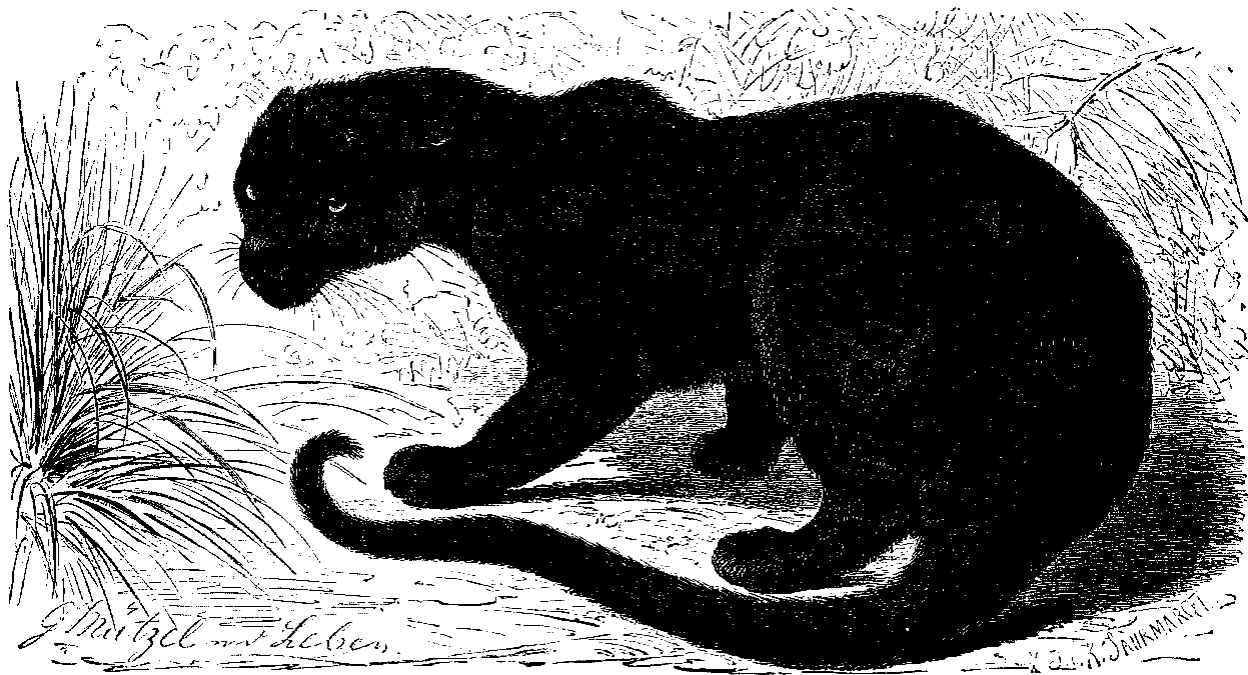
Так называемая **черная пантера, или черный леопард**, представляет собой не что иное, как более черные экземпляры того же животного. Как справедливо замечают Рейнвальд и Куль и как известно, по словам Розенберга, каждому яванцу, этих пантер находят в одном помете с желтыми, причем, как на Зондских островах, так и на материке. По Сандерсону и Блэнфорду, эти черные экземпляры, представляющие по окраске совершенно черную кошку (пятна у них можно различить лишь при известном освещении), более обыкновенны на Малаккском полуострове и в южной Индии, особенно в Траванкуре и Майсуре, чем в более северных областях. По словам Сандерсона, они живут исключительно в больших густых лесах, между тем как светлее окрашенные представители того же вида встречаются повсюду. В настоящее время можно встретить черных пантер почти во всех зоологических садах, и в некоторых их успешно разводят. Если спариваются черные экземпляры с черными же, потомство представляет такую же окраску*.

** Как сейчас известно, совершенно черная окраска зависит от переизбытка в организме темного пигмента — меланина, а его выработка зависит, в свою очередь, от гормонального статуса животного. Иными словами, черные и желтые леопарды, даже будучи кровными родственниками, могут обладать разными характерами разным темпераментом и, соответственно, разной приспособляемостью к одним и тем же условиям. Соответственно, если даже у самки леопарда будет рождаться поровну желтых и черных котят, в одних местностях лучше будут выживать одни, а в других другие.*

Охотники и торговцы довольно уверенно отличают по внешним признакам и образу жизни леопарда, как более мелкое и плотнее сложенное животное, от пантеры, которая крупнее и тоньше сложена. Ведь умеют же отличить легкую лошадь от тяжелой или, как в Индии, коренастого тигра горных местностей от худощавого тигра равнин. Но следует иметь в виду, что тут речь идет о крайних пределах отклонений; в систематике это разделение не признается, так как резкого различия между видами провести нельзя. Пантера и леопард составляют в систематике лишь один вид. Величина, форма головы, плотное или тонкое сложение, длина хвоста, его длина и густота шерсти на нем, пятнистость и основная окраска меха бывают у этих животных очень различны, а желтоватые или красноватые, а также светло- или темно-бурые и совершенно черные экземпляры, мех которых кажется пятнистым лишь при известном освещении, встречаются в разных местностях, значительно удаленных друг от друга. Попадают и альбиносы. Различия в величине во многих случаях должны быть отнесены к различию возраста, места обитания и способа питания. Во всяком случае, знатоки умеют сразу отличать африканские шкуры от азиатских.

Следовательно, можно считать леопарда и пантеру разными животными или не делать между ними различия, как кому более нравится. Можно также называть африканский «вариант» леопардом, а азиатский пантерой, хотя в северной Африке леопарды называются пантерами, а в Индии и на близлежащих к ней территориях, например, на Цейлоне, различают обе разновидности, водящиеся рядом. По своим повадкам и образу жизни они сходны между собою, различия в величине и силе незначительны. Некоторые из этих кошек предпочитают более мелкую дичь и более мелких домашних животных, другие нападают также на крупную дичь и крупный скот, а также на людей и по «хищности» ближе всего стоят к тигру, а в Индии во многих случаях считаются даже более опасными.

Область распространения этого животного очень велика: она охватывает всю Африку и всю южную Азию. На западе заходит далее на север, чем область распространения тигра, напротив, на востоке проходит намного южнее. Пантера распространена в Персии, а также на Малоазиатском и примыкающем к нему Армянском нагорьях, вплоть до Кавказских гор.

Леопард (черная пантера, меланист) (*Panthera pardus*)

Хотя в настоящее время на Кавказе пантера уже сильно истреблена, но все еще встречается в южном Дагестане и северном Азербайджане. На западном склоне Кавказа, спускающемся к Черному морю, пантера, как говорят, распространена еще далее на север (по некоторым данным, до Анапы); однако до настоящего времени нельзя указать здесь с достоверностью самого северного пункта ее распространения*.

** Еще в начале XX в. леопард был распространен на Кавказе до Осетии и верховий рек бассейна Кубани, хотя населял только горные районы и в приморской области Западного Кавказа не жил. Около 40 лет назад леопарды были сравнительно обычны в ряде районов Армении и Азербайджана. Во всех этих местах были истреблены в результате неконтролируемой охоты. Попытка найти живого леопарда на Кавказе в 1978 г. результата не дала. Анатолийский подвид леопарда, живший в Закавказье, сохранился в Туркмени, Малой Азии и Иране в количестве едва ли более 50 особей.*

В Средней Азии область ее распространения ограничена средним течением Амударьи, а также окраинами туркменских пустынь, примыкающих к этой реке. Во всяком случае в Туркмении пантера обычна лишь в Копетдаге и по коротким долинам рек, у истока которых и можно провести северную границу распространения пантеры. Между тем как во всем русском Туркестане, в районах нижнего течения Амударьи и у Аральского моря, а также в западной части Бухарского эмирата ее, вероятно, нет; нельзя также быть уверенным, встречается ли она в юго-восточной части Бухарского эмирата. Сведения скудны и разноречивы; верхнее течение Амударьи, по-видимому, и служит границей. В британской Индии, по словам Блэнфорда, пантеры нет в Пенджабе и в некоторых частях Синда; не встречается она и в предгорьях восточных Гималаев.

Леопардов можно назвать молчаливыми животными, так как редко случается слышать их громкий голос. Иногда они издают в пустыне грубый крик, повторяющийся 3-4 раза, а если они испуганы, раздражены или нападают, то резко издают в виде сухого кашля тот же самый хриплый

крик, смешанный с не поддающимся описанию дребезжащим ворчанием, похожим на ворчание бешеной собаки. Голос их во всяком случае не громче, чем голос собаки средней величины.

Леопард, или пантера, самая красивая из всех кошек на земном шаре. Правда, мы видим во льве царя зверей, тигр считается самым опасным видом этой семьи хищников, мех оцелота красивее всех окрашен, но по гармонии строения тела, красоте рисунка на мехе, силе и ловкости, мужеству и изяществу движений они, как и все остальные кошки, стоят позади леопарда, который как бы соединяет в себе все телесные и «душевные» достоинства отдельных видов кошек. Его бархатная лапа соперничает по своей мягкости с лапой домашнего кота, но она скрывает очень острые когти; зубы его гораздо сильнее, чем зубы льва. Красивый и гибкий, сильный, и ловкий, смелый и хитрый, он представляет собой идеально развитого хищника.

«Одежда леопарда» на первый взгляд может показаться слишком пестрой для хищника, который, чтобы овладеть добычей, должен подстергать ее, прятаться и подкрадываться. Однако достаточно поверхностного взгляда на те местности, где это животное водится, чтобы понять несправедливость подобного мнения. Кто хорошо знаком с местами обитания леопарда, тот знает, как естественно сливается с окружающей растительностью и камнями это пестрое существо, становящееся незаметным даже на близком расстоянии. Леопард встречается всюду, где есть непрерывные густые леса, причем иногда в относительно большом количестве. Он не любит травянистых равнин, хотя нередко обитает и в степи, а в населенных местностях часто залегает на полях, плантациях или в прилегающих зарослях кустарника. Весьма охотно удаляется в горы, на склонах которых, поросших густой растительностью, находит не только удобные убежища, но и обильную добычу. В Абиссинии даже в поясе высот от 2000 до 3000 метров над уровнем моря леопард чувствует себя великолепно. Нередко он селится поблизости от человеческого жилья но при любых обстоятельствах хитрый хищник выбирает себе такие места, где может наилучшим образом укрыться от постоянных взоров.

Несмотря на свою не слишком значительную величину, леопард оказывается одним из самых страшных врагов всех животных и даже человека, которого он, однако, избегает по мере возможности. Благодаря ловкости своих движений и хитрости, которая ему присуща в большей степени, чем другим кошкам, он умеет завладеть даже самой быстрой и осторожной дичью. В лазании леопард лишь немного уступает другим кошкам. На дереве он прячется почти так же часто, как и в кустарнике. Если его преследуют, он всегда взбирается на дерево. В случае надобности леопард переплывает довольно широкие реки. Лишь при движении он обнаруживает всю свою красоту. Каждое движение так гибко, так пластично, ловко и проворно, что можно только любоваться животным, когда удастся его наблюдать. В его движениях нельзя заметить ничего, указывающего на напряжение. Тело изгибается и поворачивается во всех направлениях, а нога ступает так тихо, будто бы несет самое легкое тело. Каждый изгиб изящен, округлен и мягок, одним словом, бегущий или подкрадывающийся леопард доставляет истинное наслаждение взору каждого и может быть сравним в этом отношении разве только с одним гораздо меньшим хищником — генеттой*.

** Леопард, действительно, единственная из крупных кошек, хорошо лазающая по деревьям. По сообщениям очевидцев, он обладает непропорционально большой, по сравнению с другими кошками, силой. Леопард может довольно долго нести в зубах добычу, почти равную ему по весу, так, чтобы она не касалась земли. Кучеренко в книге «Тигр» сообщает, что амурский леопард способен, держа в зубах убитую кабаргу и даже косулю, прыгать на 13 м в длину или запрыгивать на дерево на трехметровую высоту.*

К сожалению, «душевный образ» леопарда не соответствует его телесной красоте, по крайней мере, по человеческим понятиям. Леопард хитер, зол, дик, кровожаден, мстителен и вовсе не робок. В Африке его называют иногда, как и ягуара в Америке, просто тигром, обозначая этим его кровожадность. И действительно, это, без сомнения, самый опасный вид семейства кошек Старого Света. Он умерщвляет все существа, которые может одолеть, все равно, велики ли они или малы, могут ли защищаться или без сопротивления становятся добычей. Антилопы, шакалы и мелкий скот составляют его главную пищу; но он лазает также по деревьям за обезьянами, по скалам за даманами, бросается на дроф и цесарок, а также на других птиц, включая самых мелких, и, без сомнения, не избегает земноводных. Всякое животное годится ему, но он глотает также, по наблюдениям Пехуеля-Леше, жирные плоды масличной пальмы. Павианов преследует постоянно и препятствует опасному их размножению, что очень заметно по большому количеству этих обезьян на тех высотах, куда он не доходит**.

*** Для леопарда охота, особенно на крупную дичь, такое же утомительное занятие, требующее выкладки всех физических и душевных сил, как и для любого крупного хищника. По-*

этому бессмысленно обвинять его в кровожадности. Леопард, благодаря своим способностям, гораздо чаще нападает на различных обезьян, в частности, на бабуинов, чем другие кошки. Поэтому бабуины боятся леопарда и, увидев, реагируют на него гораздо более бурно, чем на льва.

Если стада находятся в загоне, то леопард при случае устраивает, как говорят, настоящую бойню и в одну ночь может умертвить дюжину и более овец. Поэтому владельцы скота боятся его гораздо больше, чем других хищников, которые по большей части довольствуются одной тушей. За курами он охотится постоянно. В южной Африке полагают, что леопард предпочитает коз овцам. «Фермер, — говорит Фритиш, — бывает доволен, когда его пастух пасет вместе с его овцами несколько собственных коз, так как леопард, вероятнее всего, схватит коз и пощадит овец». Это объясняется, конечно, главным образом тем, что козы, особенно при дальних переходах, устают гораздо скорее, чем овцы, и таким образом легче достаются хищнику.

Смелость и хищность леопарда сочетаются с величайшей дерзостью. Нагло и бесстыдно он проникает в село, город и даже в обитаемые хижины.

Леопард дал и мне поразительное доказательство своей отваги и кровожадности. Мы ехали верхом в предобеденное время через часть Богосских гор. Вдруг услышали над собой всегда возбуждающий к охоте рев больших павианов и решили испробовать на них свои ружья. Наши люди остались внизу в долине, чтобы держать мулов; а мы медленно взобрались вверх по обрыву горы, выбрали довольно удобное место и открыли огонь по обезьянам. Они сидели довольно высоко и иные выстрелы не попадали в цель; некоторые оказались, однако, удачными: жертвы или падали вниз, или, раненые, искали спасения в бегстве. Мы увидели, как один очень старый гамадрил, раненный в шею, хромя, неверной походкой спустился с утеса и прошел мимо нас, направляясь к долине, где мы рассчитывали найти его уже мертвым.

Вдруг среди обезьян началось страшное смятение, а несколько секунд спустя раздался бешеный шум внизу в долине. Все павианы-самцы наклонялись вниз с края утеса, хрюкали, ворчали, ревели и яростно били руками по земле. Глаза всех были устремлены вниз, все стадо бегало взад и вперед; некоторые особенно свирепые самцы стали спускаться по обрыву скалы. Мы думали уже, что на нас будет произведено нападение, и поторопились зарядить ружья. В это время наше внимание привлек шум внизу. Мы услышали лай, крики наших людей и наконец различили слова: «На помощь! На помощь! Леопард!» Всмотревшись вниз, мы действительно заметили хищника, спешащего прямо к нашим людям, но вдруг занявшегося каким-то предметом, который был нам не виден. Затем внизу раздалось два выстрела и все стихло, лишь продолжали лаять собаки.

Все это совершилось так быстро, что мы все еще не знали, в чем дело. Спустившись в долину, нашли своих людей, застывших в самых различных позах и неотрывно смотревших на куст, где, как они говорили, сидел леопард. Я осторожно приблизился к кусту, но, как ни напрягал зрение, не мог заметить животное. Тогда один из людей указал рукой на определенное место и наконец совсем близко перед собою я увидел лежащего леопарда. Он был мертв. Шагах в десяти далее по направлению к долине лежал мертвый гамадрил.

В городах и селах, расположенных близ леса, леопард беспрестанно совершает набеги в дома, похищает на глазах людей какое-нибудь животное и утаскивает его, причем крики людей не сбивают его с толку и не заставляют бросить добычу. Всякое домашнее животное годно ему; с особенной охотой он хватает собак, хотя они и храбро защищаются. Во многих местностях Африки жители вынуждены строить для своих домашних животных крепкие строения из бревен и толстых кольев, способные ночью защитить животных от леопарда.

Если леопарду кажется, что его детенышам грозит опасность, если на него напали или ранили, он иногда бросается на противника, как бешеный. Камминг рассказывает, что, когда один из его друзей ранил пантеру, она мгновенно бросилась на него, сбита с ног и ужасно истерзала; к счастью, ему удалось спастись, так как и сама пантера тут же околела от полученной раны. То же самое случилось с молодым Эриксоном, известным южноафриканским охотником, когда он в первый раз выстрелил в леопарда. Слуга пастора Стелла был, как мне сообщили, умерщвлен леопардом, в которого он выстрелил. Известны также случаи, когда хищник нападал на людей, даже не будучи ничем раздражен. Колъбе расе казы вает, что на бургомистра Капштадта неожиданно бросился леопард; человеку удалось, правда, после упорной борьбы, одолеть животное, но потом он долго страдал от ран. В Абиссинии ежегодно происходят несчастные случаи; леопарды нападают даже на взрослых вооруженных людей и умерщвляют их; еще чаще они хватают детей.

И в западной Африке леопард тоже иногда угрожает людям. Пехуель-Леше рассказал о двух случаях, происшедших на берегу Лоанго в середине семидесятых годов XIX века. В рыбацкой деревне леопард пробрался сквозь камышовую стену хижины и напал на спавшую девушку. Девушка,

достаточно сильная, стала обороняться от хищника, которого спугнул поднявшийся в деревне шум. Девушка, однако, оказалась жестоко исцарапанной. В другой раз леопард явился под вечер в Юмба на двор фактории и схватил мальчика-аборигена, занимавшегося на веранде жилого дома чисткой ножей. На хищника набросилась храбрая собака, и леопард оставил человека в покое, зато схватил собаку и убежал с ней в ближний лес. Мальчик на следующий день умер от ран. На памяти людей в этой обширной береговой полосе это были единственные случаи неспровоцированных нападений на людей. Туземцы не сомневались в том, что имели дело с оборотнями. Случай в Юмба сделал эту местность небезопасной для людей. Однажды среди бела дня леопард прошел по открытому месту перед факторией в 50 шагах от управляющего, разговаривавшего с толпой шумевших туземцев. Засады, подкарауливание, охота с загонщиками — все было одинаково безуспешно, между тем как дерзкий хищник объявлялся то на одном, то на другом берегу широкой реки Банья и постоянно похищал овец, коз, собак, кур. Лишь два года спустя одному англичанину удалось убить крупной дробью страшного хищника, когда он днем, преследуя нескольких овец, забежал во двор дома. Вообще же в Лоанго и прилежащих областях не особенно боятся леопардов: мужчины, женщины, дети бесстрашно ходят по лесам и чащам, где обитают эти животные. О леопардах-людоедах в Африке и вовсе не слышно.

Не то мы видим в Индии. По данным официальных учреждений, в последнее десятилетие (до 1886 г.) в этой стране леопарды ежегодно убивали от 194 до 300 человек, а всего за это время загрызли 2368 человек. В тот же период ежегодно истреблялось от 3047 до 5466 леопардов. Сколько несчастных случаев произошло из-за нападений раздраженных или раненых животных об этом слишком мало сведений. Блэнфорд пишет, что леопарды иногда научаются пожирать людей и тогда становятся даже более страшными хищниками, чем тигры с такими же привычками*.

** Леопард, в отличие от тигра, может стать людоедом, не будучи раненым или больным. Иногда это происходит от того, что зверь долго питается человеческими трупами, например, во время эпидемии или воинов, когда туземцы не успевают справлять похоронные обряды. После этого леопард воспринимает человека как вполне естественную добычу. Любопытство и сравнительно малая осторожность леопарда позволяют ему приближаться к человеческому жилью без особых на то причин, а единожды удачно поохотившийся в деревне леопард далее включает ее в свою охотничью территорию. Возможно, сравнительная легкость, с которой барс подходит к человеку, связана с тем, что обезьяны во многих местах составляют привычный рацион этой кошки. Необходимо отметить, что нападения леопарда на человека, несмотря на сказанное явление уникально редкое и в разных районах происходят с разной частотой (как и в случае с тигром чаще в перенаселенных людьми местностях).*

По словам Стерндаля и Форсита, в конце пятидесятых годов население центральных районов особенно страдало от пантер. Форсит рассказывает о пантере, которая в 1858 году загрызла в Сеони около 100 человек, пока не была убита. Она прокрадывалась в дома, где душила в постелях спящих, взбиралась на деревья и постройки, откуда бросалась на людей, стороживших поля. Если ее прогоняли на одном краю деревни, она появлялась на другом и во время суматохи обязательно находила себе жертву. Другой свидетель приводит еще более грустные данные. Стерндаль рассказывает о леопарде-людоеде, который свирепствовал в течение трех лет в области протяженностью до 30 километров. Там зверь умертвил более 200 человек, однажды даже трех в одну ночь. Повидимому, он часто умерщвлял людей из одной страсти к убийству, так как много раз находили его жертвы совершенно нетронутыми, только с перекушенным горлом. Леопард был, однако, необычайно труслив, и его можно было отогнать от жертвы криками сбежавшихся людей.

С этим животным связаны сказки об оборотнях. Рассказывают, что два странника, муж и жена, возвращались как-то домой после паломничества в Бенарес. На пути им встретилась большая пантера, сильно напугавшая женщину. Муж ободрил ее уверением, что несет с собою порошок, приняв который он может превратиться в любое животное. Передав жене часть порошка (с его помощью он смог бы снова сделаться человеком), другую часть порошка муж проглотил, превратившись в пантеру, которая и прогнала настоящего зверя, встретившегося на дороге. Но когда он возвратился, чтобы снова принять свой прежний вид, жена испугалась и уронила в грязь остаток волшебного средства. Мужу пришлось навсегда остаться пантерой. В ярости он сначала растерзал жену, а потом стал страшным людоедом.

Несмотря на некоторую противоречивость данных, мы можем вместе с Блэнфордом согласиться с тем, что в некоторых областях Индии пантеры иногда действительно становятся настоящими людоедами. Нередко бывает так, что при определенных обстоятельствах эти животные случайно могут отвесть человеческого мяса. Приведенные выше случаи относятся ко времени крова-

вого военного восстания, когда благодаря обилию человеческих трупов хищники привыкли к человеческому мясу. Недаром говорят, что и тигры-людоеды больше всего свирепствовали именно в это время.

Согласно Тенненту, на Цейлоне пантеры тоже занимаются охотой на людей. Однако эти данные недостаточно точны, так как не дают права заключить с уверенностью, что животные действительно вели образ жизни настоящих людоедов. Несчастные случаи происходят с людьми повсюду, где водятся хищники. Леопард еще и потому считается более опасным, чем тигр, которого, однако, многие любят представить самым страшным животным, что он более смел и дерзок, не боится человека и так же охотно хватается ребенка или взрослого человека, как и домашнее животное. Никто в Индии не назовет пантеру безвредной, а тигра, умерщвляющего только дичь и похищающего скот, индийцы считают безвредным зверем.

Блэнфорд говорит, что пантера охотнее всего хватается шакалов и собак; Сандерсон называет лишь собак. Вообще же она нападает на всех и пожирает все, что попадется: рогатый скот, лошадей, ослов, овец, коз, свиней, антилоп, обезьян, павлинов, кур и всяких мелких животных, включая мышей и ящериц; не брезгует она и падалью. Известны случаи, когда пантера нападала на лошадей близ лагеря путешественников и охотников, но не приводится ни одного случая, когда бы она похищала людей, сопровождавших этих лошадей. Добычу свою пантера старается унести и спрятать; Форсит уверяет, что иногда она затаскивает добычу на деревья и сохраняет ее в развилках ветвей; сам он нашел раз в таком положении труп только что унесенного ребенка. Блэнфорд также говорит: «То, что пантеры не съедают, они часто прячут на деревьях».

Пантеры обитают как в больших лесах и на их опушках, так и в местах, поросших кустарником и даже в застроенных местностях близ человеческого жилья. Все леопарды любят отдельные скалистые вершины, которые, особенно в центральной Индии, усеяны глыбами и обломками камней и служат превосходными убежищами. По-видимому, такие убежища сильно привлекают пантер, и Форсит рассказывает, что один индийский охотник в течение года убил из засады на одном из холмов 52 пантеры (это говорит об обилии пантер). Из таких разбойничьих «замков» звери выходят, по Сандерсону, под вечер и обходят свой охотничий район, ища запоздалого или возвращающегося домой вразброд скота, на который и нападают. При этом они часто сталкиваются с местными жителями и нередко в деревнях или на прилегающих к ним плантациях среди шума и суматохи люди убивают какую-нибудь пантеру. Однако многим достаются раны от когтей и зубов зверя; случаются и более серьезные несчастия.

Охотиться на пантер труднее, чем на тигров. Хотя пантеры гораздо многочисленнее, они не имеют такой сильной потребности в воде, не связаны с определенной местностью и потому их гораздо сложнее найти. Тем более, что они обладают изумительной способностью всюду прятаться. К тому же более смелые и ловкие противники, чем тигры. Они иногда кидаются на слонов, нападают и на загонщиков, с крайним ожесточением несколько раз кряду бросаются навстречу преследователям; мать упрямо защищает своих детенышей даже при таких обстоятельствах, когда тигрица оставила бы их на произвол судьбы; она нападает, не будучи вызвана на это.

Сандерсон тоже считает пантеру более раздражительной, мужественной и гораздо более решительной в своих нападениях, чем тигр. Во время охоты на тигров ни ему, ни кому-нибудь из загонщиков и помощников ни разу не пришлось пострадать, между тем как во время более редко устраивавшихся охот на пантер два раза сильно пострадало по несколько людей. Раз пантера-самец, которую они выслеживали на скалистом холме, где она пряталась, неожиданно бросилась на них, в одно мгновение очень опасно искусала и изранила когтями двух туземцев и была застрелена Сандерсоном в последнее мгновение, когда она бросилась на него самого. Другая пантера, которую хотели поймать в сеть, кинулась на только что выставленные тенета, опрокинула их, прыгнула на стоящего рядом сторожа, разорвала ему левую руку и исчезла, прежде чем кто-нибудь мог помочь ему. За нею погнались и нашли ее спрятавшейся в кустах и снова окружили сетями; но она упорно не хотела покинуть чащу, несмотря на бросаемые палки и камни. Преследователи были слишком раздражены, чтобы терпеливо ждать: Сандерсон, сопровождаемый плотно сомкнувшейся толпой своих спутников, вооруженных копьями, вступил в окруженное сетями пространство и направился в кусты. Как мы знаем, тигр всегда отступает перед такой фалангой; но эта пантера вдруг выскочила из своего убежища, с быстротой молнии набросилась на человека, третьего слева от Сандерсона, изранила его когтями, сделала то же самое со стоявшими около него и позади него, прорвалась через середину толпы и исчезла прежде, чем копые или пуля коснулись ее. Таким образом, одна и та же пантера в один день изранила четырех своих преследователей и спаслась сама, оставшись невредимой.

В местах обитания леопарда, или пантеры, против него ведут непримиримую войну. Способы охоты крайне различны, так как огнестрельное оружие применяется не всюду; вообще же это единственное оружие, гарантирующее жизнь охотника и в то же время обещающее ему успех. В Индии местные охотники сажают козленка или собаку в яму, прикрытую плетнем, и располагаются поблизости, в возможно более безопасном месте, откуда и убивают из ружья подкрадывающегося хищника. Но чтобы приманить его, надо заставить приманку кричать. Для этого укрепляют крючок в ухе козленка или собаки и дергают его с помощью шнура, вызывая таким образом жалобные крики. При этом у кроткого индуса не проявляется никакого чувства жалости. У кого есть хорошие собаки и кто умеет охотиться на хищника днем, тому нечего бояться его ни в Азии, ни в Африке. Собаки, которые, правда, сами подвергаются при этом величайшей опасности, отвлекают зверя и дают охотнику время не торопясь послать в пеструю шкуру хороший заряд крупной дроби или верную пулю.

Так как леопард (пантера) отважнее и кровожаднее тигра, его легче перехитрить; при этом употребляются все способы ловли, которые были уже приведены при описании льва и тигра. В Абиссинии патер Филиппики поймал 25 леопардов в ловушки, устроенные по образцу мышеловок. В самом заднем отделении ловушки в качестве приманки помещалась курица или молодая коза. Рано или поздно кровожадность хищника брала верх над осторожностью, и зверь оказывался в «тюрьме». На следующее утро патер спокойно и безопасно убивал его выстрелом.

Раз в такую ловушку попался и лев, но для него не была еще отлита пуля. В гневе он одним ударом лапы разбил дверь ловушки и убежал. Такую же ловушку применяют и в южной Африке.

От убитого леопарда пользы никакой, кроме пестрой шкуры, которая употребляется в Европе на чепраки и украшение комнат. В Судане эти шкуры высоко ценятся и притом более неграми, которые видят в них символ победоносности. Среди народов банту шкура леопарда тоже пользуется почетом и сановники любят украшать себя не только его когтями, но и лобными повязками, сделанными из шкуры леопарда; у многих племен шкура считается королевским украшением, которое не подобает носить простому человеку. Восточноафриканские старейшины обычно насаживают головы убитых леопардов на шесты около главных ворот деревни.

Время спаривания леопарда приходится на месяцы, предшествующие весне в тех странах, где он обитает. В это время часто собираются в одно место несколько самцов; они отвратительно кричат наподобие влюбленных кошек, но гораздо громче и более низкими голосами, и свирепо дерутся между собою. Как известно из наблюдений над животными, содержащимися в неволе, самка после приблизительно 90-дневной беременности рождает 3-5 слепых детенышей, которые открывают глаза на десятый день. Продолжительность беременности у леопардов, живущих на свободе, точно неизвестна. Блэнфорд полагает, что у пантеры беременность продолжается не менее 15 недель*.

** Беременность у леопардов продолжается 90-105 дней. В России спаривание происходит в декабре-январе, котята рождаются в марте-апреле, изредка в мае.*

В Индии детеныши, обычно их бывает 2-4, рождаются в феврале-марте. Спустя некоторое время они превращаются в привлекательные, очень игривые создания. Как кошки, они весело играют друг с другом и с матерью, которая нежно любит и мужественно защищает их. На свободе она прячет свое потомство в пещере скалы, под корнями большого дерева, в густых кустарниках. Как только детеныши достигают размеров крупной кошки, они начинают сопровождать мать в ее ночных походах за добычей и скоро научаются добывать пропитание самостоятельно. Мать, кормящая своим молоком детенышей, обычно становится бичом для всей области. Она грабит и умерщвляет особенно активно, но становится более осторожной, чем когда-либо, поэтому лишь в редких случаях ее или детенышей удается поймать. Впрочем, леопарды причиняют много вреда уже в период спаривания, когда собирается одновременно по 6-8 особей, хотя, как говорят, пока леопарды заняты любовью, они менее кровожадны.

Лишь самая незначительная часть пойманных леопардов, молодых или старых, привозится в Европу, однако эта красивая кошка нередко в зоологических садах и зверинцах. При надлежащем уходе леопард долго выносит неволю. Ему требуются, как всем кошкам, теплая и чистая клетка и ежедневно чуть более одного килограмма хорошего мяса; в остальном он очень невзыскателен.

Во время моего пребывания в Африке я долго держал в неволе леопарда-самца, но никогда не мог добиться того, чтобы между мной и им установились сносные отношения» Как только я приближался к клетке, он выражал свое неудовольствие оскалом и щелканьем зубов, а также хриплым фырканьем; если же я подходил хоть на дюйм ближе обыкновенного, то мог быть уверен, что он постарается ударить меня лапой и притом в тот момент, когда я менее всего ожидал этого.

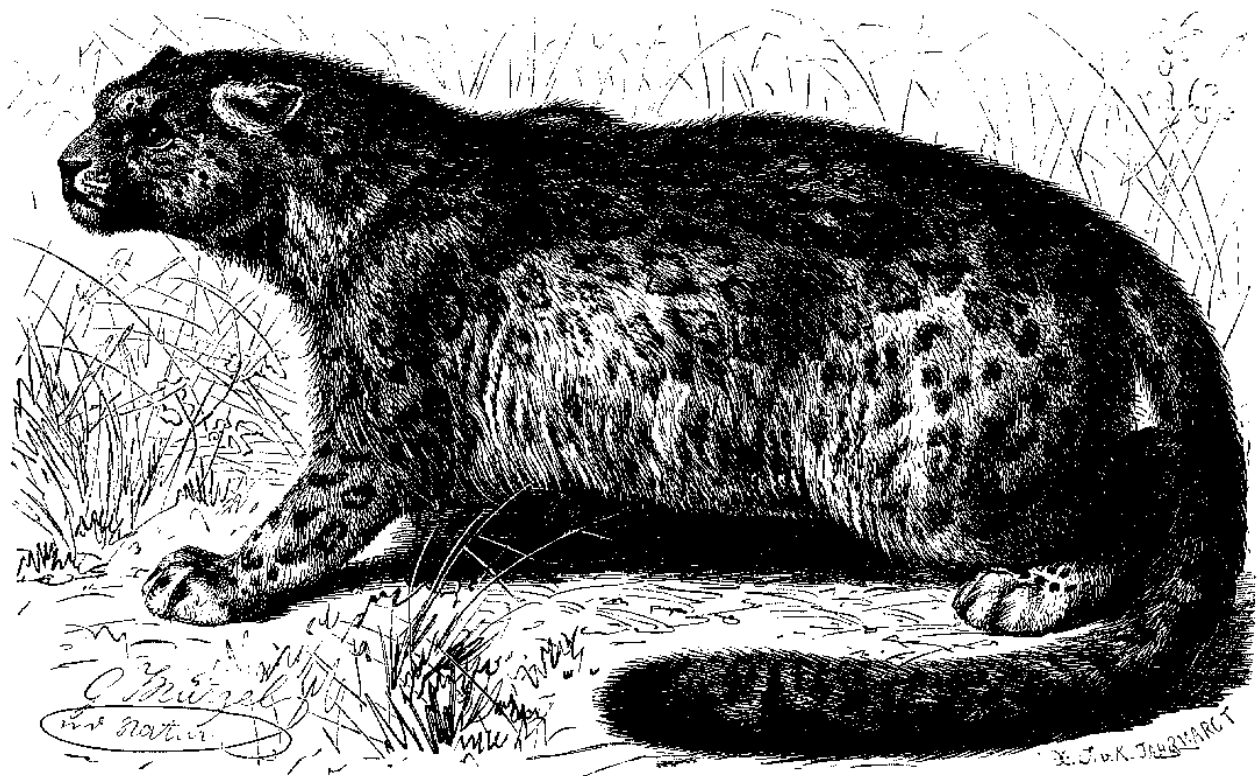
Тем не менее леопарда тоже можно приручить, как и льва и тигра, хотя за более продолжительный период.

Изображение леопарда часто встречается на египетских памятниках. «Древнейшее известное мне изображение, — сообщил мне Дюмихен, — находится в гробнице Птах-Хотеп на таблице, вырезанной внутри пирамиды, о которой я уже упоминал, говоря о льве, и относится к третьему тысячелетию до начала нашего летосчисления. Среди рисунков и надписей этой гробницы на одной стене, во втором ряду сверху, виден леопард в клетке, которую несут люди. В гробнице номарха Нехера в Бени-Хассане на одной стороне стены изображена великолепная охотничья сцена. Среди представленных на ней животных, в которых Нехер и его сын Нехт вонзают свои стрелы, мы видим и леопарда. Напротив, в храме с террасами в Деир эль-Баххери, построенном во время владычества Тутмоса в XVII веке до нашей эры, мы видим несколько очень удачных изображений пантеры. Кроткий характер животного подчеркивается тем, что его ведут на веревке. Шкура леопарда, укрепленная на левом плече, служила особым знаком высокого духовного звания; но и богиня Сафех, «владычица письма и покровительница библиотек», как ее называют в надписях, носит обычно шкуру леопарда. Среди рисунков и надписей на различных памятниках часто можно видеть большие кучи шкур, полученные в виде дани из южных стран, названных «шкурами леопардов юга». Наконец, в исторических текстах, излагающих подвиги царя, нередко упоминается, что его величество приходил в чрезвычайную ярость «подобно леопарду».

У древних римлян леопарды и пантеры часто использовались в публично устраиваемых звериных боях. В те времена пантера была в Малой Азии гораздо более обычна, чем теперь. Целий писал Цицерону, который был наместником Сицилии: «Если я в своих боях не показываю целых стад леопардов, то вина падет на тебя». Скавр I во время пребывания в должности эдила прислал в цирк 150 этих животных; позже Помпеи прислал 410, а Август — 420 особей. По древнему решению сената было запрещено привозить в Италию «африканских зверей», но трибун Ауфидий добился позволения поставлять их для представлений в цирке. Это случилось в 670 году после основания Рима. Название «леопард» (полагали, что животное представляет собой помесь льва с пантерой) впервые употребил в конце III века историк Юлий Капитолий. Плиний рассказывает, что леопарды приманивают всех четвероногих животных своим запахом, но отпугивают их своей гадкой головой; поэтому они прячутся, чтобы ловить животных, привлеченных их запахом. В другом месте он говорит, что львы, леопарды и все другие подобные звери имеют шероховатые, как напильник, языки и лизаньем могут стереть кожу человека. Даже прирученные, эти звери приходят в ярость, когда увидят кровь. Греки называли леопарда «Pardalis»; о нем несколько раз говорит Аристотель. Он рассказывает, что у животного четыре соска, оно имеет пятнистую шкуру, встречается лишь в Азии, не попадается в Европе. Самки, как следует из его слов, храбрее самцов. Леопарды умеют вылечивать себя сами, если отравятся травой Pardalianches; им помогают найденные человеческие испражнения. Травой этой травятся, по его мнению, также львы; охотники, чтобы животное не уходило далеко, вешают на дерево человеческие испражнения. Оппан различает два вида опасных Pardalis: больших (пантеры) и менее крупных (леопарды), которые, однако, не уступают первым в силе. Согласно мифологии, это животное было кормилицей Вакха и потому любит вино.

Ирбис, или снежный леопард (*Uncia uncia*)*, по размерам едва ли уступает пантере. Общая длина его тела — около 220 см, длина хвоста — 90 см, высота плеч — 60 см. Основной цвет меха беловато-серый с светло-желтоватым оттенком, обычно более темный на спине и белый на нижней стороне. Отчетливо обрисованные черные пятна на голове небольшие и сплошные; на шее большие и кольцеобразные; на теле они расширяются, образуя крапчатые кольца с темной серединой. Вдоль спины тянется темная полоса, которая без перерыва продолжается и по хвосту, покрытому матово-черными пятнами. На нижней стороне тела находятся сплошные пятна. Короткие тупые уши при основании и на конце черного цвета, посередине же — белого; расположенные четырьмя рядами усы частично белые, частично черные.

* *Ирбис, или, как его называют в русской литературе, снежный барс (что приводит к путанице с настоящим барсом) лишь несколько мельче леопарда. Длина тела, более плотно сложенного, 103-130 см. Длина хвоста около метра. Ирбисы населяют горные системы Азии от Гиндукуша до Монголии, зимой иногда спускаясь в лесной пояс, но в остальное время держатся в долинах альпийского пояса, на скальниках и в остепненных участках. До недавнего времени ирбиса считали близким родичем леопарда и других больших кошек, однако теперь многие ученые полагают, что из всех кошачьих эта необычная горная кошка состоит в наибольшем родстве с гепардом.*

Снежный барс, ирбис (*Uncia uncia*)

Уже по его «одежде» можно понять, что ирбис живет в более холодном климате, чем леопард. Его родина — Средняя Азия (до Сибири). «Он заменяет, — сообщает А. Вальтер, — пантеру в горах Туркестана, населяет Алтай и южносибирские плоскогорья и распространен в юго-восточной части Бухарского эмирата, на Памире, в Кашмире и далее на восток по всему Тибету». Жердон указывает, что ирбис живет во внутренних районах Азии на высотах от 3000 до 6000 м. В Гималаях он распространен больше в тибетской, чем индийской части гор. Встречается ирбис в высокогорных долинах Инда и Сатледжа и, по словам Скулли, зимою спускается ниже 3000 м (до 2000 м), «Ирбис, — замечает Радде, — очень редок даже в тех областях юго-восточной Сибири, где часто встречается тигр. Во время моего путешествия по восточной части Саянского хребта, в Байкальских горах и Забайкалье мне ничего не удалось узнать о нем, точно так же как и во время двукратного проезда через район верхнего течения Амура. Лишь от бирарских тунгусов я получил достоверные сведения об ирбисе, которые позволяют причислить его к весьма редким представителям фауны Малого Хингана. Он, кажется, чаще встречается в Западной Сибири, так как, по сообщению Лессинга, показывается поодиночке даже в окрестностях Красноярска, а в южном Алтае даже нередок. Бирарские тунгусы указывали Лессингу на покрытые высокой травой, похожие на степи равнины около реки Сунгари как на местность, где обитает ирбис. Им было известно, что животное охотно взбирается на деревья и с них бросается на добычу, как рысь; но вместе с тем они обращали внимание на длинный хвост, как на отличие ирбиса от рыси. Они приводили некоторые примеры его хитрости. Его боятся гораздо меньше, чем тигра, и уверяют, что несколько хороших собак загоняют его на дерево». В Гималаях ирбис питается дикими овцами, дикими козами, грызунами, птицами, похищает также мелких домашних животных и нападает, как говорят, даже на лошадей; но, по словам Блэнфорда, никто не слышал, чтобы он нападал на людей*.

* *Ирбис сильный и быстрый хищник, питающийся преимущественно крупными копытными.*

Он распространен в малонаселенных местах, возможно, поэтому мало известен даже в тех областях, которые населяет.

Этим и ограничиваются сведения о жизни ирбиса на воле. О его поведении в неволе мне ничего неизвестно. По достоверным сведениям, два живых ирбиса были привезены в 1871 году в Московский зоологический сад, но, насколько мне известно, над ними не производилось там наблюдений, и они скоро умерли*.

* *К счастью, ирбис хорошо переносит неволю и успешно размножается в ряде зоопарков, в частности, в Московском.*

Крапчатая кошка, или кошка-рыболов (*Prionailurus viverrinus*)** достигает размеров нашей дикой кошки. Длину самца, весившего 7,7 кг, Блэнфорд определил в 105 см, из которых 29 см приходилось на хвост, высоту плеч в 38 см. По Жердону же, общая длина достигает 118 см, а иногда и более, длина хвоста — 32 см, высота плеч — 40 см. мех грубый, без блеска. Основной цвет — трудно определимый желтовато-серый, который приближается то более к сероватому, то к буроватому, смотря по тому, насколько сильно развита окраска средней части волос (при основании они темно-серые, посредине желтоватые, на конце буроватые или черноватые. Нижняя сторона светлее. Животное испещрено крапинами вытянутой формы, различающимися у разных животных по величине, резкости контура и отчетливости. Хвост опоясан 8-9 кольцами, снизу прерванными. Глаз, имеющий круглый зрачок, бронзово-желтого цвета.

* *Кошка-рыболов распространена в тропической Азии. Привержена к околоводным биотопам. Она охотно плавает и даже ныряет в погоне за добычей, в первую очередь рыбой.*

Область распространения крапчатой кошки охватывает Цейлон, в южной Индии Малабарский берег, на севере Индо-Гангскую равнину (а также Ориссу), лежащую у подножия Гималаев, на запад она тянется до Непала, далее охватывает всю Бирму, южный Китай и Малаккский полуостров. По словам Свингое, крапчатая кошка встречается также на острове Формоза.

Кошка-рыболов (*Prionailurus viverrinus*)

О том, водится ли она на Больших Зондских островах, ничего неизвестно. О жизни ее на воле сведения мало, однако известно, что эта кошка предпочитает влажные чащи у берегов рек, заболоченные местности близ устьев, где она, в противоположность большинству кошек, может питаться водными животными, особенно рыбой. По словам Буханана Гамильтона, она пожирает даже пресноводных моллюсков; Ходжсон получил экземпляр кошки, съевшей большую змею. Но Блэнфорд полагает, совершенно основательно, что она, подобно другим ее родичам, охотно будет есть и млекопитающих, и птиц, каких может поймать. Кошка похищает также, судя по различным рассказам, собак, овец, отваживается нападать даже на молодых телят, а на Малабарском берегу она, по словам Бэкера, даже несколько раз утаскивала из селений маленьких детей*.

* *Трудно представить, чтобы кошка весом в 7 кг могла напасть даже на небольшую собаку, а уж тем более утаскивать детей и телят, как минимум в полтора два раза тяжелее ее.*

Крапчатая кошка в неволе считается обычно диким, злобным и не приручаемым животным. Блейт, напротив, придерживается мнения, что ее нетрудно приручить. Однако крапчатые кошки, содержащиеся в Лондонском зоологическом саду, держали себя настороженно и недружелюбно, и общаться с ними было так же трудно, как и с другими дикими кошками (от этих последних они отличались еще крайне сильным запахом, который делал уход за ними очень неприятным).

В большей части Азии встречается пятнистая **карликовая, или бенгальская, кошка** (*Prionailurus bengalensis*)**.

** *Бенгальская кошка распространена по всей Южной и Восточной Азии, кроме Шри-Ланки и островов Рюкю, на юг до Филиппин и Зондских островов, на север до Приамурья. Ее*

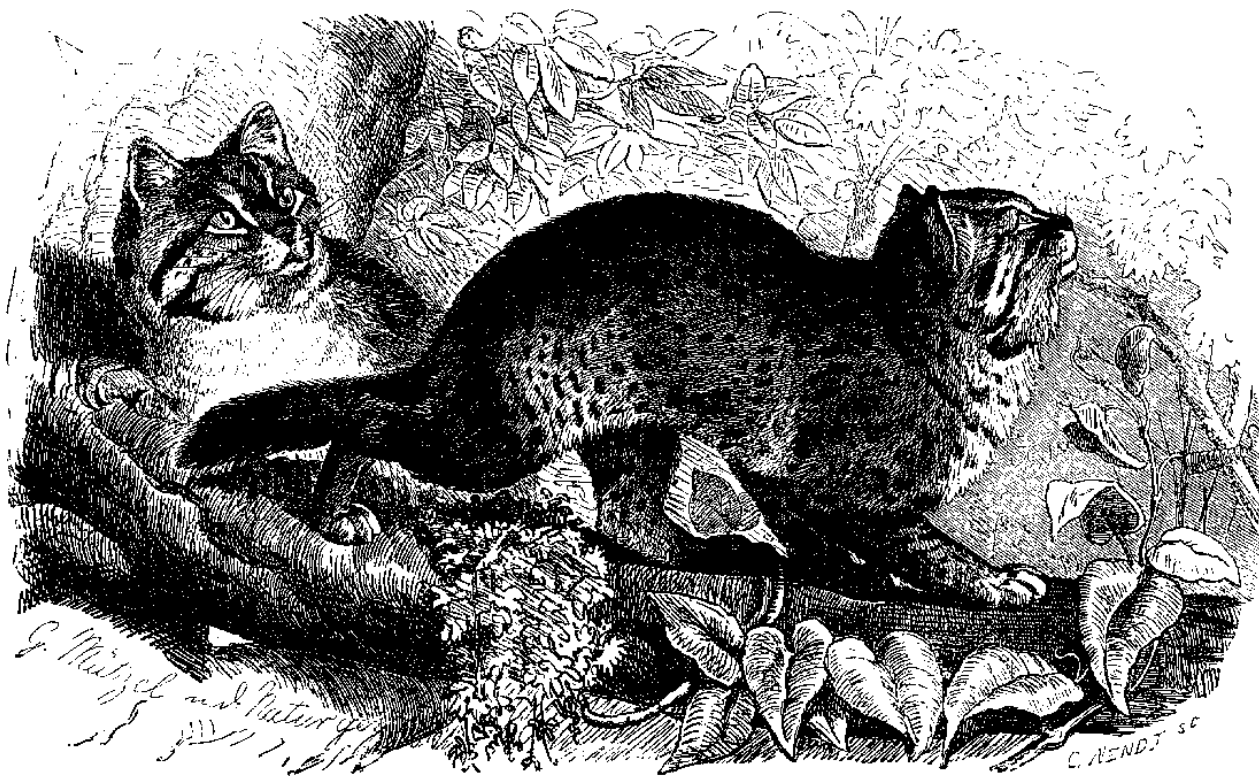
крупный северо-восточный подвид известен под названием «амурский лесной кот». Размеры для мелких кошек: длина тела 50-54 см, хвост такой же длины или несколько короче. Амурская раса крупнее, до 85 см, более короткохвостая. Вес 3-7 кг. Населяет разнообразные местобитания, предпочитая различные леса. Там, где на них не охотятся, могут селиться рядом с человеком.

Величиной она приблизительно с нашу домашнюю кошку, но часто бывает меньше ее, хотя и выше. По Жердону, вся длина ее равна 88-96 см, из которых 28-30 см приходится на хвост; по Тиккелю, экземпляр, убитый в Бирме, имел общую длину 65 см, при длине хвоста 24 см. Блэнфорд говорит: «По некоторым измерениям длина хвоста составляет более половины длины тела; однако часто хвост короче, не более трети длины тела и головы». Основной цвет сверху светлый буроватосерый, с переходом в серый; снизу тело белое, сверху ржавые темно-бурые пятна, снизу чернотемные пятна.

Как размеры, так и окраска животного бывают очень разнообразными, а так как и область распространения его чрезвычайно обширна, то, как пишет Блейт, «существуют бесконечные разновидности этой красивой маленькой кошки и по ним можно устанавливать сколько угодно видов, пока не надоест». Этим и объясняется многочисленность названий кошки.

Исследованиями Шренка и Радде, по-видимому, твердо установлено, что область распространения карликовой кошки простирается гораздо дальше, чем считали до сих пор. Прежде знали, что животное водится в Индии и на Зондских островах; предполагали его наличие и в Японии, но вышеназванные исследователи к этим кошкам причислили вид, найденный в Амурской области, и китайскую дикую кошку.

О жизни карликовой кошки на свободе до сих пор известно мало. По словам Блэнфорда, она обычна в Гималаях к западу от Симлы, в нижней Бенгалии, Ассаме, Бирме, на Малаккском полуострове, в южном Китае, на островах Суматра, Ява, Борнео и на Филиппинах, реже в южном Индостане. Жердон и Стерндаль указывают, что она водится также на Цейлоне, хотя знатоки природы острова не приводят ее в числе представителей местной фауны. Розенберг упоминает, что он достал живую карликовую кошку на Суматре. По словам Юнгхуна, она очень часто встречается во многих лесах Явы, живет на поросших мхом ветвях деревьев на высоте 20-30 метров и почти никогда не спускается на землю. «Она превосходит всех других животных в быстроте лазания и прыгания, питается главным образом птицами, которых ловит в родных лесах, и часто попадает живой в руки яванцев при рубке деревьев».

Бенгальская кошка (*Prionailurus bengalensis*)

Говорят, что она принадлежит к числу самых диких и кровожадных видов кошек. Тот факт, что одна дикая кошка из Амурской области, называемая «куэрук», была застигнута и убита в овчарне, где она задушила ягненка, говорит в пользу выше приведенного мнения. Эллиот говорит

тоже, что, кроме кур, она нападает на зайцев и даже на мелких оленей, а Мэк-Мэстер рассказывает, что видел, как карликовая кошка благополучно утащила курицу почти такой же величины, как она сама, хотя ее преследователи кричали и кидали в нее различными предметами.

Сервал (*Leptailurus serval*) имеет худощавое телосложение, но высок, голова его удлинена, сжата с боков и кажется особенно высокой благодаря замечательно большим ушам, широким при основании и яйцеобразно закругленным на концах; хвост его средней длины и не простирается дальше пяток; глаза малы и заметно косо направлены; зрачок продолговато-округлый; шерсть довольно длинная, густая и грубая. Достигает при высоте в 50 см в загривке общей длины 1,35 метра, из которых около 30-35 см приходится на хвост. Желтовато-серый мех бывает то светлее, то темнее, с небольшими темными пятнами. Горло и верхняя часть груди у некоторых экземпляров лишены пятен, у других разрисованы поперечными полосками. Хвост при основании имеет продольные пятна, к концу же он у одних экземпляров покрыт тремя или четырьмя кольцами, у других этих колец от шести до восьми; вообще же рисунок представляет различные отклонения.

Хотя сервал и очень хорошо известен голландским поселенцам в южной Африке под именем «кустарниковая кошка», у нас нет еще точного описания его образа жизни. Мы знаем, что он не только довольно часто встречается в южной Африке, но также распространен в западной и восточной части материка. Вероятно, он обитает на всех степных и пустынных территориях Африки; например, он встречается в Алжире, а также, по Пехуель-Леше, в западной части области Конго и далее к югу в Анголе и Германской юго-западной Африке; к северу он распространен по крайней мере до Юмбы, а по Бюттикоферу также и в Либерии, по Бему — в восточной Африке*.

* *Сервал населяет кустарниковые заросли и саванны по всей Африке к югу от Сахары.*

В непосредственной близости от Капштадта его более не встречают, но он водится в лесах и на покрытых кустарником горах внутри южной Африки. По Гейглину, у верхнего Белого Нила сервал обитает также в скалистых местностях, где расщелины и пещеры служат ему днем хорошим убежищем. Он преследует и душит зайцев, молодых антилоп, ягнят, а особенно птиц. Ночью сервал часто заходит во дворы, забирается в плохо охраняемые курятники, которые может сильно опустошить. Днем он спит где-нибудь в укрытии. Лишь при наступлении сумерек начинает свои разбойничьи странствования. При этом сервал выказывает себя настоящей кошкой, пускает в дело всякие хитрости, чтобы подкрасться к добыче и овладеть ею посредством внезапных прыжков**.

* * *Длинноногий, легко сложенный сервал хорошо прыгает и часто хватает птиц вроде франколины уже в воздухе. Птицы и мелкие грызуны — его основная добыча, и едва ли он часто нападает на что-то более крупное. В местностях, где на него не охотятся, сервал часто показывается и днем, даже вблизи поселков и деревень.*

За ним трудно охотиться, так как днем он прячется в укромных местах; однако сервал часто попадает в ловушки. Сервалы, пойманные молодыми, при надлежащем обращении скоро становятся ручными; напротив, будучи пойманными старыми, они долго сохраняют, по словам Керстена, неукротимость, как безумные бесятся в клетке, фыркают и шипят, заметив человека, и всегда готовы в удобный момент нанести хорошо рассчитанный удар.

Мясо этого животного в восточной Африке не едят только магометане, а все языческие племена охотно употребляют в пищу. Шкура сервала поступает в продажу под названием «африканской тигровой кошки» и идет на ковры и половики, но по своей грубости не выдерживает сравнения со шкурами других кошек и поэтому ценится низко.

Самым замечательным видом одноцветных американских кошек следует признать **кугуара**, или **пуму** (*Puma concolor*)*.

* *Пума — одна из самых крупных кошек Америки. Длина тела до 180 см, хвост вдвое короче. Вес до 80 кг. Разные расы пумы могут довольно сильно различаться по размерам. Пума очень широко распространена в обеих Америках, от Канады до Патагонии, населяя широчайший спектр местообитаний, от горных сухих лесов, кустарников и прибрежных дюн до дождевого тропического леса. Во многих местах прежнего ареала пума из-за усиленной охоты стала очень редкой или вовсе исчезла (например, на востоке Канады и в восточных штатах США).*

Северные американцы называют его пантерой, а гаучо — львом. Длина туловища этого животного 1,2 м, хвоста 65 см, высота в загривке 65 см. Густая, короткая и мягкая шерсть несколько гуще на животе, чем на спине. мех в общем темного желтовато-красного цвета, на спине темнее всего; на животе мех красновато-белый; на внутренней стороне конечностей и на груди светлее, на шее белый; на внутренней стороне ушей — белый, а на внешней — черный, в середине ушей — переходный красноватый цвет. Голова серая, кончик хвоста темный. Различия в цвете между самцами и самками отсутствуют, а между детенышами и старыми особями они весьма заметны. Окраска

старых пум не всюду одинакова: на юге они светлее, почти серебристо-серые, в Мексике и Соединенных Штатах Америки — чаще темно-рыжие и даже буровато-серые.

Кугуар распространен очень широко. Он встречается не только во всей Южной Америке, от Патагонии до Новой Гренады, но и за Панамским перешейком, в США и даже в Канаде. В некоторых местностях популяции животного большие; в других районах этот вид почти исчез уже с конца XVIII столетия, когда Азара дал нам первое полное описание его. Кугуар выбирает себе местообитание в зависимости от характера местности. В лесистых странах он предпочитает лес открытому полю; больше всего любит опушки лесов и покрытые высокой травой равнины, хотя последние посещает, кажется, только для добывания пищи; по крайней мере, он тотчас бросается в лес, когда замечает за собой погоню. Однако кугуар часто встречается в пампасах вокруг Буэнос-Айреса, где нет лесов, и прячется там весьма искусно в траве. По-видимому, он не любит берегов рек и вообще местностей, часто заливаемых водой. Как многие хищники, кугуар не имеет постоянного местопребывания. Днем спит на деревьях, в кустах или в высокой траве; вечером и ночью отправляется за добычей. Во время своих набегов он в одну ночь пробегает огромные пространства, так что охотник редко может его подкараулить на том месте, где он накануне умертвил какое-нибудь животное. Все движения кугуара легки и сильны; говорят, что он делает прыжки в шесть метров и даже более. Глаза его большие и спокойные, взгляд вовсе не свиреп. Ночью и в сумерках он видит лучше, чем днем, но незаметно, чтобы и солнечный свет слишком ослеплял его. Обоняние у него слабое, но слух превосходный. Только в крайней нужде выказывает он смелость, вообще же убегает от человека и собак. Гензель говорит, что когда совсем нет добычи и продолжительный голод доводит его почти до иступления, кугуар иногда нападает на человека.

Обычной добычей ему служат мелкие слабые млекопитающие: лани, ягнята и жеребята (последние когда они уже отделены от матери). Даже проворные обезьяны и быстроногие американские страусы становятся объектами его нападений, потому что он так же легко перепрыгивает с дерева на дерево, как носится по земле. Ренгер наблюдал однажды его охоту на обезьян. Свист нескольких капуцинов обратил внимание естествоиспытателя, и он схватил свое ружье в надежде застрелить хотя бы одну обезьяну. Вдруг все стадо подняло пронзительный крик и кинулось в его сторону; со свойственным им проворством животные перепрыгивали с ветки на ветку, с дерева на дерево, причем выражали свой ужас жалобными криками и особенно тем, что беспрестанно испражнялись. Тогда Ренгер заметил, что их преследует кугуар, который с невероятной ловкостью пробирался среди сучьев, обвитых вьющимися растениями; соскользнув с ветви, когда она начинала под ним гнуться, кугуар верным прыжком достигал ближайшей ветви.

Когда кугуар хватает свою жертву, он прежде всего перегрызает ей горло и вылизывает кровь. Мелких животных он съедает целиком; у крупных съедает он только часть, обыкновенно переднюю, а остальное зарывает, по наблюдениям Азары, в песок или покрывает травой. Насытившись, он выбирает удобное место для ночлега, но редко около своей добычи, а чаще всего удаляется от этого места на полмили и более. На следующую ночь, если ему не удастся добыть другой пищи, он возвращается к зарытым остаткам вчерашнего обеда; если же встретится другая добыча, он не трогает больше падали. Кугуар часто не довольствуется одной жертвой, поэтому владельцы больших стад считают его своим злейшим врагом.

Пума (*Puma concolor*)

Кугуар никогда не уносит свою добычу далеко от того места, где убил ее. Он редко нападает на крупных животных, таких как лошади, мулы, волы и коровы. Даже собак не трогает, хотя часто крадется близ самых жилищ. Реки переплывает он только в редких случаях, хотя плавает весьма искусно*.

** Рацион пумы во многих местах не ограничивается новорожденными ягнятами. Нападает эта кошка и на тапиров, а во многих местах питается преимущественно белохвостыми и чернохвостыми оленями (размером с европейскую косулю). Однако многие авторы утверждают, что пума практически никогда не нападает на домашних животных, равно как и на людей. По-видимому, эта кошка предпочитает довольствоваться знакомой добычей и до крайнего случая воздерживаться от «кулинарных экспериментов». Правильно замечание Брема о том, что пума почти всегда ест только слабых животных. Справедливости ради, то же можно сказать почти обо всех хищниках.*

О размножении пум мы до новейшего времени почти не имели никаких сведений. От натуралистов, наблюдавших в Америке этих животных, мы знаем, что во время течки самки и самцы, жившие до тех пор раздельно, сближаются. Самка после трехмесячной беременности родит 2-3 слепых детенышей, с пятнистой шерстью, которых она прячет в траве. В скором времени она берет их с собой на охоту и через сравнительно короткое время совсем бросает. Этим ограничивались наши сведения. Над жившими у меня в неволе животными я успел сделать следующие наблюдения. Как у почти всех больших кошек, за которыми долгое время был правильный уход, течка у кугуаров наступает правильно, два раза в год, зимой и летом.

Родившиеся после 96-дневной беременности детеныши действительно прелестны и очень отличаются по виду от своих родителей. Общая длина от 25-30 см; длина туловища — 15-18 см. Преобладающий цвет их мягкой шерсти — серовато-бурый; на спине он темнее, а на животе переходит в светло-серый; по всей наружной стороне идут продолговатые, долевые и поперечные пятна черного цвета. Хвост покрыт чередующимися белыми и черными полосками; шея серовато-черная; внутренняя часть ног покрыта светло-серыми пятнами и полосками.

Родившая несколько раз самка пумы — нежная мать, как и большая часть кошек, но новорожденных детенышей она часто закусывает до смерти и даже съедает. Известно, впрочем, что так же поступают многие другие хищники, пока не выяснят своих материнских обязанностей*. Молодые пумы открывают глаза на девятый или десятый день и вскоре после того начинают двигаться живее. Вначале они очень неловки, шатаются и спотыкаются при хождении, падают навзничь и неуклюже подползают к матери. Но очень скоро все меняется. Уже по прошествии 5-6 недель они начинают играть между собой и с матерью или, по крайней мере, с ее хвостом. На 10-12-й неделе начинают бледнеть пятна, и после первой линьки они становятся похожими на родителей. Вместе с этим детеныши делаются самостоятельными и более или менее искусными хищниками.

** Материнское доведение многих хищников, и в частности, всех кошек, формируется как на основе врожденных рефлексов, так и жизненного опыта. Поэтому молодые кошки всех видов часто тем или иным способом теряют первый помет (не сразу догадываются, что котят надо кормить или просто случайно задавливают во сне). «Теория» заботы о потомстве заложена в кошачьих генах, а «практику» кошка постигает на первом неудачном опыте.*

Вследствие кровожадности кугуара и причиняемого им значительного вреда его везде весьма усердно истребляют. Охоту на него едва ли можно назвать опасной, так как при известной осторожности можно оградить себя даже от нападения раненой пумы. В северной части штата Нью-Йорк Пехуель-Леше однажды убил крупной дробью пуму, пробиравшуюся мимо него среди кустарников. Обычно, при виде людей животное спасается бегством и, отлично умея прятаться, скоро исчезает из виду. В лесу его очень трудно догнать, потому что, выгнанное из засады собаками, оно тотчас влезает на деревья и продолжает свой путь уже среди листвы. Гаучо, эти смелые наездники пампасов Ла-Платы, находят особое удовольствие в охоте на кугуара. Они травят его своими огромными собаками в открытом поле или, преследуя на быстрых лошадях, метко набрасывают ему на шею аркан, после чего гонят лошадей галопом и тащат кугуара за собой, пока не задушат. В Северной Америке кугуаров загоняют с помощью собак на деревья и потом подстреливают. Ловят их также в западни.

Среди услышанных мной охотничьих рассказов о пуме один особенно ярко характеризует это животное. Английский путешественник, охотившийся в пампасах Южной Америки на диких уток, подползал к ним однажды, вооруженный только легким охотничьим ружьем; он завернул себе голову и часть туловища обычной национальной одеждой тех мест — пончо, чтоб не быть замеченным среди травы. Внезапно он услышал короткий, хриплый рев и почувствовал что-то прикоснове-

ние. Сбросив поспешно с себя пончо, он, к немалому своему удивлению, увидел перед собою кугуара. Но и тот был не менее озадачен и, поглядев на охотника несколько мгновений, отступил на десять шагов, немного постоял и потом пустился бежать огромными прыжками.

В аргентинских провинциях Сан-Луис и Мендоса Геринг видал на оградах, за которые загоняют на ночь скот, много голов убитых пум, воткнутых на колья. Ему объяснили, что эти трофеи демонстративно выставлены для того, чтобы помешать другим пумам навеваться на пастбища, подобно тому, как в прежние времена имели обыкновение выставлять головы преступников перед воротами города, где они получили должное возмездие за свои преступные деяния. Владельцы голов пумы очень ими дорожили и не позволили Герингу снять ни одной с кола, суеверно считая, будто пума непременно нападет на стадо, не защищенное головой одного из ее собратьев.

Старый кугуар, будучи пойманным, отказывается иногда от пищи и добровольно умирает голодной смертью; молодые же, напротив, очень скоро становятся ручными. Геринг, который несколько лет путешествовал по местностям, где водятся кугуары, сообщает нам, что на воле они издают очень громкие звуки. Он пишет: «Присутствие пумы очень заметно, и я живо припоминаю те ночи, которые проводил в Кордильерах, к востоку от Мендосы, когда десяток пум подымали в разных сторонах такой рев, что мы с трудом могли заснуть».

Мех пумы в Парагвае не нашел широкого применения, но на севере Америки он употребляется на ковры. В некоторых местностях едят мясо пумы, которое, по словам Дарвина, очень вкусно и похоже на телячье, а плантаторы штата Каролина считают его даже лакомством.

Ягуарунди (*Herpailurus yagouaroundi*)*, стройное, тонкое животное, которое своим вытянутым телом и длинным хвостом несколько напоминает куницу.

** Ягуарунди — своеобразная кошка, похожая, если можно так выразиться, на длинную пуму. Тело вытянуто, а конечности, по сравнению с прочими кошками, укорочены. Длина тела 55-67 см, длина хвоста 33-66 см. Ягуарунди распространена от южных штатов США до северной Патагонии в Аргентине, населяя леса и густые кустарники возле воды. Хорошо плавают. Рацион составляют птицы и мелкие млекопитающие.*

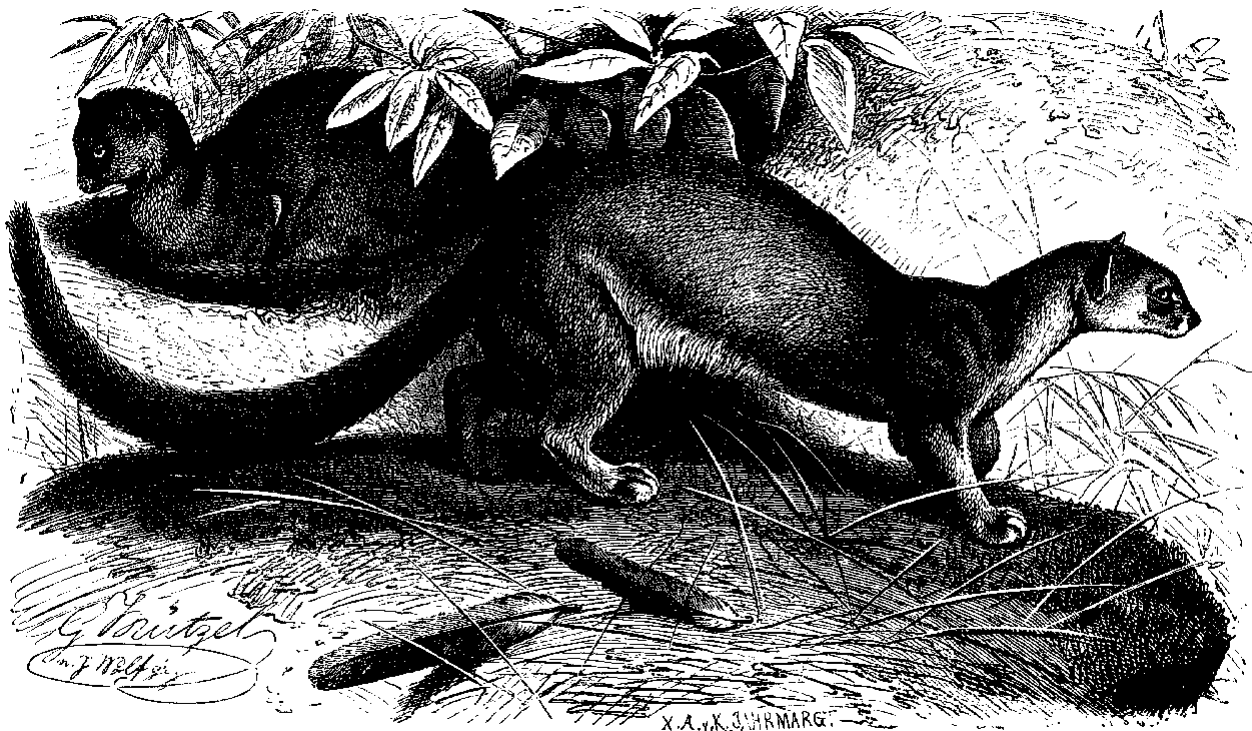
Голова маленькая, глаза довольно большие, уши округленные, мех короткий и густой, темного серовато-бурого цвета; отдельные волосы у основания хвоста и немного ниже его бурого кончика — черные, вследствие чего ягуарунди кажется то светлее, то темнее. Когда животное находится в спокойном состоянии, шерсть его лежит гладко и кажется темнее; когда же он раздражен, шерсть поднимается, становятся видны более светлые корни волос, и шерсть кажется светлее. Лапы и губы сероватые, усы бурые. Самка всегда светлее самца. Длина туловища ягуарунди не более 55 см, хвоста 32 см, высота в плечах 34 см.

Ягуарунди обитает в Южной Америке от Парагвая до Панамы, а может быть и дальше, как утверждает Штоль, до южной Гватемалы, где он называется «гато-де-монте». В Парагвае, где его наблюдал Ренгер, он живет в лесах, но больше любит их опушки и густой кустарник, чем высокий лес. На открытом поле никогда не встречается. За добычей выходит утром и вечером, редко днем; в слишком бурную погоду не оставляет своего убежища и выжидает более благоприятного времени. Главную его пищу составляют птицы, а также молодые некрупные млекопитающие: мыши, агуты, кролики, а может быть, и молодые олени, которые в Южной Америке едва достигают величины наших косуль. Впрочем, большую часть своей пищи ягуарунди добывает на скотных дворах, почему часто бродит около жилищ. Ренгер не только наблюдал за его разбойничьими набегами, но даже дал ему раз случай поохотиться в его присутствии. Ренгер привязал к длинной веревке курицу неподалеку от изгороди из бромелий, за которой скрывался ягуарунди. Немного погодя он заметил, как из-за кустарника то там, то сям стала показываться голова хищника, который осторожно осматривался кругом. Потом зверь стал незаметно приближаться к курице, прильнув к земле; он крался так осторожно, что едва шевелил траву. Приблизившись к жертве на шесть или восемь шагов, он вдруг сжался и прыгнул на курицу, схватил ее зубами за голову и понес к кустам. Куриные породы птиц, по-видимому, составляют его любимую добычу, и Ренгер уверяет, что он хватается птиц, когда те спят, даже с деревьев. Но ягуарунди никогда не убивает больше одного животного за раз. Если добыча слишком незначительна и не насытила его, он вторично отправляется на охоту и добывает себе новую жертву, пока не насытится окончательно.

Ягуарунди живут обычно парами, на определенной территории, откуда и производят недалекие набеги. Иногда несколько пар живут вместе, что не в обычае у других диких кошек: собаки Ренгера выгнали один раз шесть взрослых ягуарунди из небольших зарослей кустарников*.

** Скорее всего, самку с подростками, уже достигшими самостоятельности, но еще остававшимися при матери (что обычно у многих кошек).*

Во время случки, в ноябре и декабре, сходятся несколько самцов, и тогда можно слышать, как они между собой дерутся, визжат и пищат среди тернистого кустарника. Около девяти или десяти недель после случки самка родит двух-трех детенышей в логовище среди густого кустарника или во рву, обросшем кустами, а иногда в дупле дерева. Мать никогда не отходит далеко от своих детенышей. По мере того как они подрастают, она снабжает их птицами и мелкими грызунами, пока они сами не научатся охотиться. Но при близкой опасности она трусливо покидает своих детенышей и никогда не осмеливается защищать их от людей или собак. Ягуарунди никогда не нападет на людей, так что охота на него не представляет опасности. Его подстреливают из ружей или ловят в западни, а иногда охотятся на него с собаками, которым он оказывает сопротивление только в крайнем случае. Обычно зверь старается скрыться от преследователей среди мелкого колючего леса, но настигаемый бросается на деревья или в воду, чтобы спастись вплавь.

Ягуарунди (*Herpailurus yagouarundi*)

Ренгер держал у себя в неволе нескольких ягуарунди, которых приручили еще малышами. Они были совсем ручными и вели себя, как самая кроткая домашняя кошка, но страсть к охоте была в них так сильна, что Ренгер не решался свободно пускать их бегать по своему дому. Он держал их в клетке или привязывал на веревку, которую они никогда не пытались перегрызть. Они позволяли себя гладить, играли рукой, которую им протягивали. Как только им давали свободу, они тотчас же начинали гоняться за домашними птицами по двору и схватывали первую попавшуюся курицу или утку. Даже будучи на привязи, они старались поймать близко подошедших к ним птиц и для этой цели коварно прятались за что-нибудь. Никакими наказаниями нельзя было отучить их от грабежа или заставить выпустить уже схваченную добычу.

Свое название **ягуар** (*Panthera onca*) получил от индейцев гуарани, которые называют его «ягуаретте», то есть собачье тело*.

* Ягуар самая большая и тяжелая из американских кошек. По сложению он похож на тигра. Длина тела 150-180 или даже 240 см, длина хвоста 43-66 см, вес до 136 кг. Прежде ягуар населял все тропические и субтропические леса обеих Америк, ныне исчез в США и на большей части Мексики и Аргентины.

Ягуар распространен на большой территории, от Буэнос-Айреса и Парагвая через всю Южную Америку до самой Мексики и юго-западной части США. Он живет на лесистых берегах больших рек и ручьев, на опушках лесов, близ болот и вообще в болотистых, покрытых высокой травой и тростником местностях. В открытом поле или в глубине больших лесов он показывается редко, и только в тех случаях, когда перекочевывает из одной местности в другую. Там, где его застанет солнце, он ложится в густую траву или в чащобу леса и проводит там день. Подобно тигру, любит царапать когтями мягкую кору. Каплер уверяет, что ягуар встречается довольно часто и в Гвиане. Он выходит на добычу в утренние или вечерние сумерки или в светлые, лунные ночи, но никогда не охотится среди дня или в темные ночи. Все крупные позвоночные животные, которых ягуар может

осилить, служат ему пищей. Во всех отношениях это опасный разбойник. Как ни тяжела, по-видимому, его походка, он может, в случае нужды, двигаться весьма ловко и быстро. Сила его, в сопоставлении с ростом, очень велика и может сравниться только с силой льва или тигра. Органы чувств хорошо развиты: зрение острое, слух превосходный, однако обоняние, как почти у всех кошек, не особенно острое; тем не менее животное чует добычу на довольно большом расстоянии. Таким образом, ягуар «снабжен» всем необходимым, что нужно опасному хищнику. Впрочем, зверь не разборчив в пище. Азара находил в его помете иглы ежа, Ренгер в его желудке — части крыс и агути, из чего можно заключить, что ягуар охотится и на мелких животных. Кроме того, в камышах он ловко подкрадывается к болотным птицам, а из воды весьма искусно таскает рыб. Ягуар не падает, как утверждает Пепшиг, даже кайманов. Бэйтс во время охоты нашел свежий след ягуара, ведущий к воде, который был, очевидно, только что вспугнут. Вскоре он услышал шелест в кустах, где скрылся хищник, а в нескольких шагах дальше нашел голову, переднюю часть и шкуру аллигатора; остатки эти были еще теплыми, и вокруг виднелись следы ягуара. Не подлежало сомнению, что аллигатор был им растерзан**. «Ягуар, — говорит А. Гумбольдт, — жесточайший враг морской черепахи и преследует ее по берегу, где она кладет свои яйца. Он нападает на нее в песке и, чтобы удобнее было ее есть, переворачивает на спину. Черепахи уже не могут сами перевернуться, а так как ягуар переворачивает их гораздо больше, чем может съесть за одну ночь, его трудами часто пользуются индейцы. Нельзя при этом не удивляться ловкости, с которой хищник отделяет двойной панцирь черепахи: связки мускулов будто подрезаны хирургическими инструментами».

** * Ягуар, как и тигр, любит воду и охотно в нее идет, плавает же, наверное, лучше и чаще прочих крупных кошек. Отчасти это связано с тем, что большая часть его ареала лежит в Амазонии краю рек и ручьев, которые хищник волей-неволей должен переходить или переплывать. Такое обилие воды определяет и специфику рациона ягуара: хотя он нападает на любых средних и крупных млекопитающих, от иглошерстной крысы до тапира, он более других крупных кошачьих ест всякую водную фауну: разнообразных рыб, околоводных птиц, кайманов, водных черепах.*

"Опытному охотнику, — говорит Ренгер, — нетрудно наблюдать за ягуаром, особенно около рек. Можно видеть, как он подкрадывается к берегу, где подстерегает преимущественно водосвинок и выдр. Время от времени он останавливается и внимательно осматривается. Но я никогда не замечал, чтобы он, руководствуясь чутьем, выслеживал дичь на земле. Нельзя не удивляться той осторожности и терпению, с которыми он крадется к замеченной водосвинке. Он извивается по земле, как змея, останавливается на минуту, чтоб лучше заметить место, где находится жертва, делает часто большие обходы, чтоб напасть с той стороны, с которой его труднее заметить. Когда ему, наконец, удастся подойти незамеченным к жертве, он одним, редко двумя прыжками набрасывается на добычу, прижимает ее к земле, прокусывает ей горло и уносит еще трепещущее в предсмертных судорогах животное в чашу.

По треску сухого дерева под его ногами о присутствии ягуара часто узнают рыбаки, расположившиеся на ночлег у берега, водосвинки же, почувшавшие его приближение, с громким криком бросаются в воду. Утверждают, впрочем, что ягуары иногда бросаются в воду вслед за намеченной жертвой и вылавливают ее в самый момент исчезновения под водой. Когда ягуар подкрадывается к какому-нибудь животному, его внимание так поглощено этим занятием, что он не замечает ничего вокруг, не слышит даже сильного шума. Если он не может подойти незамеченным к добыче, то лежит настороже в кустах. Положением тела он тогда походит на кошку, подкарауливающую мышь: тело сжато, глаза неподвижно устремлены на будущую жертву и только вытянутый хвост медленно двигается туда-сюда. Но ягуар не всегда преследует добычу: часто прячется он среди камышей на болотах или на берегах небольших рек и спокойно ждет, когда животные придут на водопой».

Ягуар очень опасен для крупного рогатого скота, а также лошадей, мулов, особенно для молодняка. На волов и быков он нападает редко, только в крайней нужде, но те мужественно идут на хищника и обращают его большей частью в бегство. Даже коровы успешно защищают от ягуара своих телят, однако при этом часто бывают сами тяжело ранены. Лошади и мулы легко делаются его добычей, если подходят близко к лесу».

Ягуар хватается свою добычу в воде так же легко, как и на суше; на деревьях он не охотится, хотя довольно ловко влезает на них, спасаясь от преследования.

Ходит много басен о способах, которые ягуар использует, чтобы поймать рыбу. Так, например, говорят, что он приманивает ее пеной своей слюны или ударяя хвостом об воду. «Очень опытный охотник, — говорит Ренгер, — которому я обязан многими хорошими советами и наблюдениями, сообщил мне по этому предмету более точные сведения, которые впоследствии я сам проверил

на собственном опыте. Когда я однажды в жаркий летний вечер возвращался в лодке с охоты на уток, сопровождавший меня индеец заметил ягуара на берегу реки. Мы подплыли к тому месту и спрятались, чтобы понаблюдать за ним. Он сидел, свернувшись на выступе берега, где течение было сильнее, около того места, где обыкновенно водится хищная рыба, которую туземцы называют «дорадо». Зверь пристально смотрел на воду, нагибаясь время от времени вперед, будто высматривал что-то на дне. Четверть часа спустя я увидел, как он быстро опустил лапу в воду и выбросил оттуда на берег большую рыбу. Таким образом я убедился, что он ловит рыбу тем же способом, как и домашняя кошка».

Небольших животных ягуар съедает тотчас же с кожей и костями; но у лошадей, оленей и тому подобных крупных животных он объедает только мягкие части, не выказывая пристрастия ни к каким из них в особенности, только до внутренностей не дотрагивается. Насытившись, он возвращается в лес, но удаляется не более как на четверть часа ходьбы от того места, где ел, и там засыпает. Вечером или на другой день утром возвращается к убитому животному и обгладывает его вторично, оставляя остатки коршунам.

Ягуар, по словам Ренгера, никогда не возвращается больше одного раза к убитой им добыче; до падали он вообще никогда не дотрагивается. Впрочем, последнее подлежит сомнению: вряд ли он в этом отношении отличается от других кошек. Вообще он предпочитает не возвращаться к убитой добыче. Если ягуар словил какое-нибудь животное вдали от леса, то уносит его с собой в чашу. Свою добычу он, случается, переносит и через реку. Однажды ягуар убил лошадь, неподалеку от жилища Азара, и волок ее сначала шагов шестьдесят по полю, а потом перетащил через быструю реку на противоположный берег. Ягуар никогда не убивает более одного животного зараз, чем отличается от других видов крупных кошек.

Ягуар, еще мало знакомый с людьми, почтительно уступает им при встрече дорогу или с любопытством следит за ними издали. «Нередко случалось нам, — говорит Ренгер, — наткнуться во время нашего путешествия по пустынным местам северного Парагвая на одного или нескольких ягуаров, которые тотчас убегали от нас в лес или останавливались на опушке и хладнокровно наблюдали за нами издали*».

** Надо полагать, то же относилось ко всем крупным кошкам до тех пор, пока человек не стал самым часто встречающимся существом на их территориях. Эту мысль подтверждают и следующие далее слова рассказчика. Можно провести аналогию со множеством случаев, когда тигр или ирбис с интересом следил за человеком с близкого расстояния или шел по следам, вовсе не пытаясь нападать. Амурские тигры, судя по многим сообщениям в печати, часто выходят к дороге и с любопытством смотрят на проезжающие автомобили.*

Не было случая, чтобы среди необитаемых лесов ягуары растерзали бы человека, но те из зверей, которые живут в населенных местностях или у судоходных рек, быстро утрачивают свою робость перед людьми и нападают на них. Ходят слухи, что ягуары иногда ночью осмеливаются влезать на пришвартованные к берегу суда и таскают оттуда мясо или собак и даже смертельно ранят матросов; но, как правило, люди расплачиваются жизнью только за свою неосторожность. Например, нападения хищников на рыбаков, которые при противном ветре выходят на берег варить себе ужин, почти не имеют никогда кровавого исхода, потому что рыбаки при малейшем подозрительном шорохе тотчас устремляются на спасительное судно. Они предоставляют ягуару жарящееся на огне мясо, которым он и довольствуется. Достоверно также, что он совсем не боится огня. Гумбольдт утверждает то же самое: «Мы заметили, к своему удивлению, — говорит он, — что ягуары совсем не боялись нашего огня. Они переплывали рукав реки, отделявший нас от берега, и утром мы слышали их рев на близком расстоянии». Далее он сообщает, что однажды ягуар выхватил из самой середины лагеря всеми любимую собаку и уволок ее. Собака, которая вечером слышала рев ягуара, забила под гамак своего господина, но утром все-таки исчезла.

Знаменитый «рев» ягуара вовсе не кажется особенно страшным. Может быть, прежние путешественники приняли другие голоса за его крик или эти звуки среди неведомой дикой природы показались им величественнее, чем были в действительности. Пеппиг говорит, правда, «о страшном, громком «реве», который раздается в лесах в тихие ночи», но, конечно, происхождение этого рева должно быть проверено; тот же натуралист говорит, что когда ягуар крадется вокруг стана или жилища, то издает «только короткое отрывистое ворчание». Более поздние путешественники ничего не сообщают о реве. Аппун говорит о крике ягуара, как о похожем на «кошачье мяуканье». Пехуель-Леше напрасно старался услышать нечто похожее на «рев» ягуара; Закс слышал ночью из лагеря у Ориноко «тихий кошачий визг, громкий вой» и «глухие, сердитые звуки на близком расстоянии». «Мои спутники, — говорит он, — проснулись, а индеец пробормотал равнодушно «тигр

близко» и принялся разжигать огонь». У К. фон Штейнена встречается следующая фраза: «Ночью кричал ягуар, с противоположного берега раздавались довольно жалобные звуки, похожие на мяуканье кошки или кваканье лягушки». Почти все натуралисты, к которым обращались с письменными запросами, отрицают способность ягуара «реветь». «Даже там, где ягуаров было много, — пишет Геринг, — мне случилось слышать их крики только один раз, когда они бродили вокруг нашего лагеря; звуки были отрывистые и тихие и далеко не походили на рев». Азара утверждает, что когда ягуар набредает ночью на спящий лагерь, он прежде всего убивает негров, а потом европейцев; но Ренгер с этим не соглашается. Ягуар никогда не убивает больше одного человека сразу, если ему не приходится защищаться. Достоверно, что на негров он нападает чаще, чем на белых, причем вполне можно допустить, что первых он встречает, конечно, чаще, чем вторых. Рассказывают, что, когда люди случайно днем натыкались на ягуара, им удавалось испугать его громкими и дружными криками, и это показание кажется нам правдоподобным, насколько позволяют судить наблюдения над другими кошками.

Пеппиг говорит, что на равнине Майнаса года не проходило без человеческих жертв. Ягуары появлялись среди белого дня в населенных местностях и похищали собак, которые составляют их любимую пищу*.

** Почему-то собаки чаще других домашних животных становятся жертвами крупных кошек. Поэтому местные наученные горьким опытом псы в местах обитания леопарда или кого-то из его родни при появлении гигантской кошки прячутся первыми. Отчасти это связано с тем, что в природе волк, например, является естественным врагом леопарда.*

Особенно худой славой пользовалась дорога через густые леса между Сапуозой и Мойомамбой: на ней в течение 30 лет было растерзано до 20 индейцев, которых посылали пешими с каким-нибудь поручением. Один из индейцев Шомбургка всю жизнь носил на груди следы зубов ягуара, который бросился на него, когда он был еще мальчиком; хищник схватил его за грудь и поволок в лес, но потом бросил, когда мать мальчика выбежала ему на помощь с охотничьим ножом. В девственных лесах у подножья перуанских Анд ягуар живет, по свидетельству Чуди, преимущественно близ деревень; он всю ночь бродит вокруг них и похищает то собаку, то свинью, а иногда и человека. Он не только не боится людей, но сам нападает на одиноких путников и, мучимый голодом, среди белого дня проникает в лесные деревни. Но Каплер, который жил в Гвинее почти 45 лет, говорит: «До сих пор был только один случай, когда ягуар напал на человека и загрыз его, хотя на плантациях он часто нападал на рогатый скот или свиней». Из всего вышесказанного можно заключить, что ягуар не во всех местностях одинаково опасен для человека, что он питается, как и тигр, исключительно животными, похищает преимущественно домашний скот и только в редких случаях лакомится человеческим мясом. Ягуар остается в одной и той же местности до тех пор, пока находит в ней достаточно пищи и его не очень беспокоят. Когда же пищевые «ресурсы» истощаются или люди слишком усердно его преследуют, он удаляется в другое место. Странствует он обычно ночью, причем не боится пробегать по населенным местностям; даже самые широкие реки не служат для него препятствием, так как он отличный пловец.

Можно подумать, что плывущего ягуара легко убить, однако он и в воде опасен. Только очень умелые лодочники решаются нападать на него. Если зверь заметит преследование или окажется раненым, то часто сам нападает на людей, сидящих в лодке. Вот что рассказывает Ренгер: «В 1819 году, вскоре после моего прибытия в Асунсьон, я был свидетелем одной охоты с происшествием, которое, к счастью, имело комический исход. Ягуар плыл с противоположного берега реки. Три иностранных матроса, несмотря на предостережение парагвайца, схватили ружье, бросились в лодку и поплыли навстречу ягуару. Приблизившись на расстояние одного или двух метров, передний матрос выстрелил и ранил ягуара. Не успели матросы опомниться, как ягуар ухватился за борт лодки и вскочил в нее, несмотря на удары веслами и прикладом. Тогда матросам ничего не оставалось, как броситься самим в воду и пуститься вплавь к берегу. Ягуар же улегся в лодке и преспокойно поплыл вниз по реке. Заметив за собой погоню других охотников, зверь спрыгнул в воду и спасся на ближайшем берегу».

"Во время разливов рек ягуары уходят с островов и лесистых берегов и приближаются к населенным местностям, где причиняют людям и скоту много вреда. Во время больших наводнений нередко можно видеть ягуара в деревнях или городах, расположенных на высоком берегу реки. Один ягуар был убит в Вилла-Реале в 1819 году, другой — в столице Парагвая в 1820 году, наконец, в том же году в Вилла-дель-Пилар было убито два ягуара. Когда мы в 1825 году прибыли во время большого наводнения в Сантафенам, там рассказывали, что несколькими днями раньше один францисканский монах, пришедший в церковь служить раннюю обедню, был растерзан ягуаром у

самой двери ризницы. Впрочем, такие несчастья случаются редко. В городах лай собак и толпы людей пугают ягуара и он старается скрыться. Раны, причиняемые хищником, всегда очень опасны и не столько из-за их глубины, сколько из-за того, что зубы и когти зверя не очень остры, поэтому, кусая и царапая, он давит и рвет плоть. В теплых странах последствием подобных увечий, особенно при недостатке медицинской помощи, обычно бывает местный или общий паралич**.

** Следствием царапин, нанесенных когтями ягуара, учитывая теплый влажный климат Амазонии, может стать в первую очередь заражение крови.*

Большую часть года ягуар живет один, как утверждает Ренгер; только в августе и сентябре, когда настает время случки, самки и самцы сходятся. «Если во время случки сойдутся одна самка и несколько самцов, то между ними происходит борьба, в результате которой слабейшие удаляются. Самец и самка остаются вместе не более 4-5 недель, затем опять расходятся. Как долго продолжается беременность самки — определенно сказать не могу. Если судить по времени, которое проходит между случкой и появлением на свет детенышей, она, вероятно, длится три-три с половиной месяца**.

*** Беременность у ягуара, как и у других больших кошек, длится 93-105 дней.*

Самка мечет двух, редко трех детенышей. Это происходит в самой непроницаемой чащобе леса или в яме возле вырванного с корнем дерева. Мать никогда не отходит далеко от своих детенышей в первые дни их жизни и при малейшей опасности перетаскивает их в зубах на другое место. Материнское чувство в ней развито очень сильно, она с яростью защищает своих детенышей и преследует похитителя целыми часами. После шести недель маленькие ягуары уже всюду сопутствуют матери. Первое время они еще прячутся в чаще, пока мать охотится, но скоро сами начинают подстерегать добычу. Когда они достигают размеров обыкновенной охотничьей собаки, мать бросает их, но некоторое время они еще ходят за ней». Окраской молодые ягуары отличаются от родителей, но уже с седьмого месяца они становятся целиком похожими на них.

В клетках наших зоологических садов и зверинцев ягуар ведет себя так же, как и леопард. Наблюдения в различных зоологических садах позволили мне предположить, что ягуар трудно приручается и дрессируется. Однако опытейший укротитель зверей Крейцберг успешно опроверг это мнение. Именно самые дикие ягуары становятся наиболее понятливыми учениками в руках искусного дрессировщика, но прежде всего им надо дать почувствовать, что они в укротителе нашли себе господина, сопротивляться воле которого бесполезно. В неволе ягуар размножается не только в зверинцах, но и у торговцев зверями. От скрещивания ягуара с леопардом и пантерой происходят сильные, способные к продолжению рода животные.

Из-за вреда, который ягуары наносят человеку, их сильно преследуют и истребляют. В Южной Америке индейцы употребляют против него стрелы, пропитанные страшным ядом урари. Гораздо более опасный способ охоты на ягуара следующий: охотник, завернув левую руку в овечью шкуру и вооружившись обоюдоострым ножом или кинжалом длиной около двух футов, отправляется в сопровождении двух-трех собак по следу ягуара, который не робеет перед небольшим числом собак. Охотник близко подходит к зверю и старается его раздражить голосом и жестами. Ягуар мгновенно вскакивает, как медведь, на задние лапы и с широко разинутой пастью набрасывается на охотника. Тот протягивает к передним лапам животного свою обмотанную шкурой руку и, нагнувшись немного вправо, вонзает ему в левый бок нож. Раненый ягуар, которому трудно сохранить равновесие, падает на землю, и собаки тотчас же на него набрасываются. Если первая рана не смертельна, ягуар легко освобождается от собак и снова нападает на своего противника, а тот вторично ударяет его кинжалом. Ренгер знал одного, который таким образом убил до ста ягуаров. Он был страстным охотником, однако в 1821 году на одной такой охоте заплатил жизнью за свою смелость. Герингу рассказывали о гаучо, получившем прозвище истребителя тигров. Этот смельчак тоже убил кинжалом большое число ягуаров.

По уверению Ренгера, в Парагвае на ягуара охотятся следующим образом. Хороший стрелок в сопровождении двух человек, вооруженных один пикой, а другой вилой в пять футов длины, выходит с 6-10 собаками на охоту. Как только охотники заметят ягуара, они становятся все в ряд, стрелок в середине. Этот последний старается ранить зверя выстрелом в грудь или в голову. После удачного выстрела собаки нападают на своего врага и придавливают его к земле, где с ним уже легко справиться. Если же выстрел был неудачный или ягуар оказался только легко раненым, он сам нападает на противников. Как только он поднимется на задние лапы, один из охотников приставляет ему к груди вилу, другой ударяет копьем в бок, но тотчас же вытаскивает оружие из раны и готовится нанести второй удар. Во время борьбы собаки стараются повалить зверя, дергая его за хвост; только самые сильные и злобные псы решаются нападать сбоку. При такой охоте

жизнь даже самых смелых и опытных людей подвергается большой опасности, ведь борьба происходит обычно в чаще леса, и самое незначительное препятствие может помешать нанести зверю верный удар.

Парагвайцы, впрочем, иногда охотятся на ягуара верхом, вооруженные только лассо: они ловко набрасывают ему петлю на шею, после чего скачут галопом, волоча животное за собой, пока не задуют; часто это делают с помощью второго лассо, которое тянут в противоположную сторону. Ягуаров также подстерегают и бьют из засады или ловят в западни, ставят самопалы у тех мест, где он оставил часть добычи.

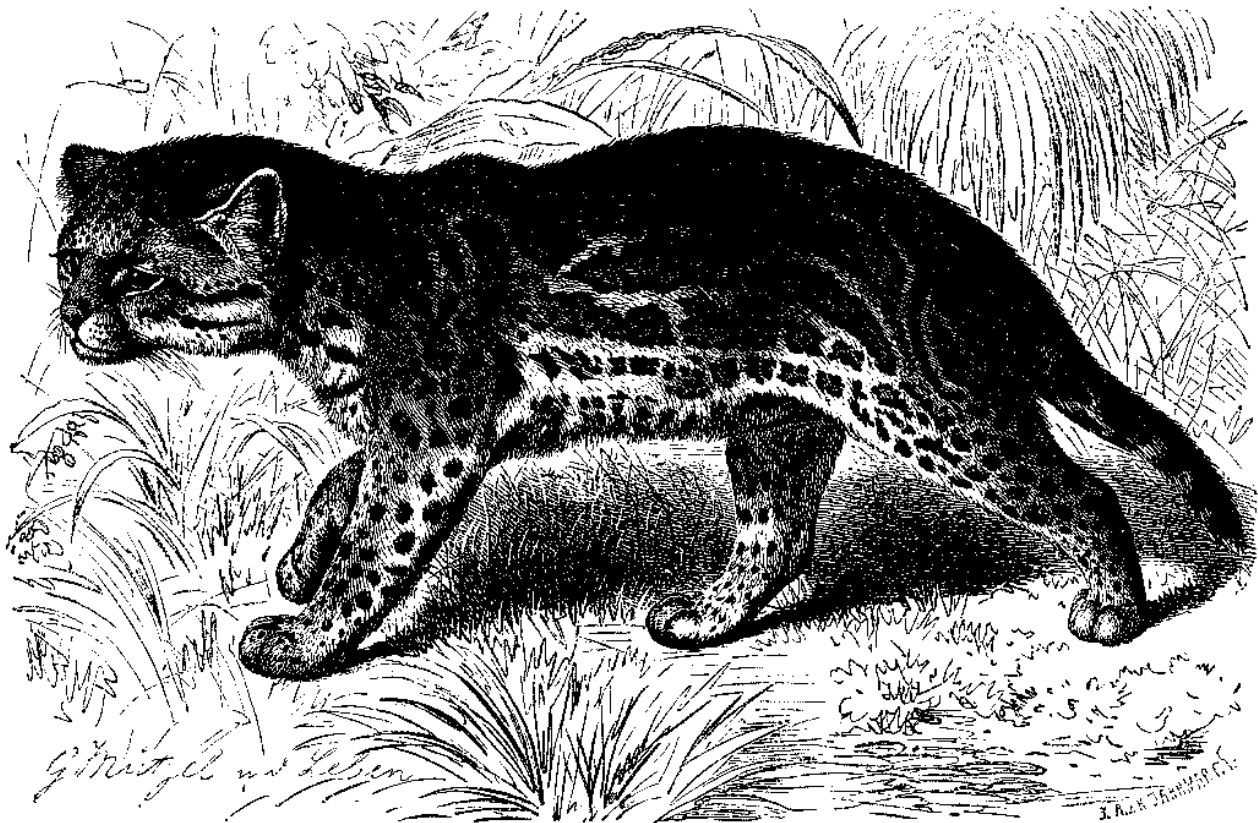
Мех ягуара не особенно ценится в Южной Америке; он употребляется только на ковры и тому подобные вещи. Мясо ягуара, которое ел фон Штейнен, оказалось жестким; но о мясе другого им убитого ягуара он отзывался следующим образом: «Мясо ягуара жирно, как свинина. К котлетам из него отличной приправой послужила бы красная капуста». Некоторые части тела ягуара употребляются как лекарство. Так, например, полагают, что его жир помогает от глистов, а сожженные когти — против зубной боли. Кроме того, дикие племена натирают себе тело его жиром, воображая, что благодаря этому станут такими же сильными и мужественными, как он. Мясо особенно опасных ягуаров, ищущих себе жертву близ деревень и постоянно угрожающих людям нападением, никогда не употребляют в пищу; индейцы убеждены, что это не настоящие звери, а заколдованные существа или оборотни умерших порочных людей.

Оцелот (*Leopardus pardalis*)* имеет длину 1 м 30 см, из них 40-45 см хвост. Вышина в плечах — 50 см.

** Оцелот распространен примерно там же, где и ягуар, населяя тропические и субтропические леса от юга США до северной Аргентины. Размер средний: длина тела до 1 м, длина хвоста 30-45 см. Эта кошка оказалась более счастливой, чем ягуар, и, несмотря на красивый мех, в некоторых местах еще сравнительно обычна. Рацион включает различных мелких млекопитающих, птиц, ящериц и рыбу.*

Своими размерами животное походит на рысь, но та гораздо выше. Туловище оцелота довольно широкое, голова большая, заостренный книзу хвост не очень длинен, уши короткие, широкие, округленные; зрачки продолговатой формы, мех густой, блестящий, пестрого красивого рисунка. Основной цвет шерсти буровато-серый или красноватый желто-серый; на животе желтовато-белый. По спине проходит много продольных полос (большой частью четыре) и целый ряд узких черных пятен, среди них несколько крупных. По бокам выгнутые продольные полосы, которые тянутся от плеч к заду и ярче окрашены, чем остальные, но с черными краями, а иногда даже и с черными точками посередине. Нижняя часть туловища и ноги в пятнах, на хвосте переходящих в кольца. Впрочем, эта окраска очень варьирует. Самки отличаются от самцов менее яркими красками пятен и кругообразно расположенными точками на плечах и поясице. Каплер к этим признакам прибавляет голубовато-серый цвет глаз и мясного цвета нос.

Оцелот широко распространен. Он живет как в южных областях Северной Америки, так и в Южной Америке вплоть до Перу, Боливии и Парагвая, чаще в густых, безлюдных лесах, скалистых и болотистых местах, нежели около населенных местностей, хотя попадает и в последних. В чистом поле его никогда не находят. В некоторых местностях он попадает очень часто, но, кажется, постоянного места обитания не имеет. Целый день он спит в самых темных уголках леса, среди непроходимой чащи деревьев или кустарника, иногда в дуплах. На охоту выходит в утренние и вечерние сумерки, и особенно ночью, как светлой и звездной, так и бурной и темной. Последняя ему даже благоприятнее, потому что тогда, не замеченный собаками, он пробирается к крестьянским дворам и душит домашних птиц.

Оцелот (*Leopardus pardalis*)

В темные ночи хозяевам приходится хорошенько запирать курятники. В естественных условиях оцелот питается птицами, которых он ловит или на деревьях, или на земле в их гнездах, а также маленькими млекопитающими, молодыми оленями, свиньями, крысами, агути, мышами и др. Он гоняется по деревьям за обезьянами.

"Так как эта кошка выходит на добычу только ночью, — говорит Ренгер, — то я и не мог ни разу наблюдать, как она охотится. Но, кажется, она странствует на большие расстояния. Я часто по целым часам шел по ее следам в девственных лесах. Гораздо реже можно напасть на остатки ее еды; большей частью они состоят из перьев птиц. Я не считаю ее кровожадной и думаю, что она убивает столько животных, сколько ей нужно, чтобы насытиться. Это подтверждают и наблюдения за захваченными в неволю оцелотами, которых я держал у себя. Оцелот хорошо лазает и, когда его преследуют, перепрыгивает с дерева на дерево, если они стоят близко, хотя в лазанье он и не обладает той легкостью, какая есть у пумы. В воду бросается только в случае необходимости, например, если наводнением его отрезало от твердой земли и ему нужно достигнуть берега; тем не менее он отличный пловец. Оцелоты живут парами на определенной территории. Охотник может быть уверен, что, спугнув одного, он вскоре поблизости встретит другого оцелота. Но больше одной пары в одном лесу никогда не встречается. Самка и самец не выходят на охоту вместе, каждый охотится сам по себе. Сходятся они в период с октября по январь; сколько времени длится беременность — неизвестно. Число детенышей редко бывает более двух*. Мать прячет их в дуплах или в чаще леса и, как только они могут есть обычную пищу, носит им мелких млекопитающих и птиц».

* Самка оцелота котится с сентября по январь. Беременность длится около 70 дней. В помете обычно два котенка, но может быть до четырех.

Вред, который наносит оцелот человеку, незначителен: он слишком боится людей и собак, чтобы приближаться к населенным местностям. Лишь жилища, расположенные около леса, посещаются им от случая к случаю, но и тогда он ограничивается одной или двумя утками или курами, которых затаскивает в ближний кустарник и тут же съедает. Когда ему удастся первый «набег», он обычно возвращается на прежнее место в следующие ночи, пока его не поймают или не спугнут. В Парагвае на него охотятся с собаками или ловят в западни. Он очень пуглив и видит охотника в лунные ночи раньше, чем тот заметит его. От преследующих его собак он поспешно спасается на деревьях, где прячется в листве. Подстреленный оцелот защищается от собак когтями и может быть опасен для человека. Легче всего он ловится в западни, рядом с которыми оставляют клетку с курицей или куском мяса в виде приманки.

Молодых оцелотов часто ловят и приручают. Обычно детеныши выдают свое местопребывание мяуканьем и поэтому их довольно легко найти даже без помощи собак. Их вскармливают молоком и потом кормят вареным мясом; от одной растительной пищи они заболевают. Если их кормить только сырым мясом, они делаются больше и красивее, чем когда питаются только вареным мясом. Даже старые оцелоты становятся со временем ручными, хотя только до известной степени.

В наших зоологических садах оцелот не играет выдающейся роли. Он ленив и смотрит на белый свет, по-видимому, с неизменным равнодушием довольствуется любым помещением и требует только, чтобы последнее было чисто и тепло и чтобы ему не было недостатка в пище и питье. Большинство оцелотов, привезенных в Европу, будучи уже в прирученном состоянии, соответствовало вышеописанному образцу. Я не встречал оцелотов, пойманных старыми и приходящих в ярость, подобно леопардам.

От оцелота отличаются американские кошки. **Тигровая кошка, онцилла** (*Leopardus pardinoides*)*, величиной с нашу домашнюю кошку. Длина ее туловища достигает 50, а хвоста 30 см. Ее мягкая шкурка имеет на боках бледно-желтую окраску, а снизу, как у большей части кошек, белую. По щекам пробегают две темные полосы, две другие идут от угла глаз к затылку. От затылка шесть полос идут дальше и переходят в широкие пятна. На горле два черных пятна, по груди проходят широкие полукруги. Посреди спины идет сплошная полоса, а по сторонам ее несколько рядов сплошных пятен, из которых многие обведены более светлой тенью. Лапы и нижняя часть туловища в пятнах, уши черные с белыми пятнами. Хвост более пушистый к концу, нежели у корня.

Онцилла, тигровая кошка (*Leopardus pardinoides*)

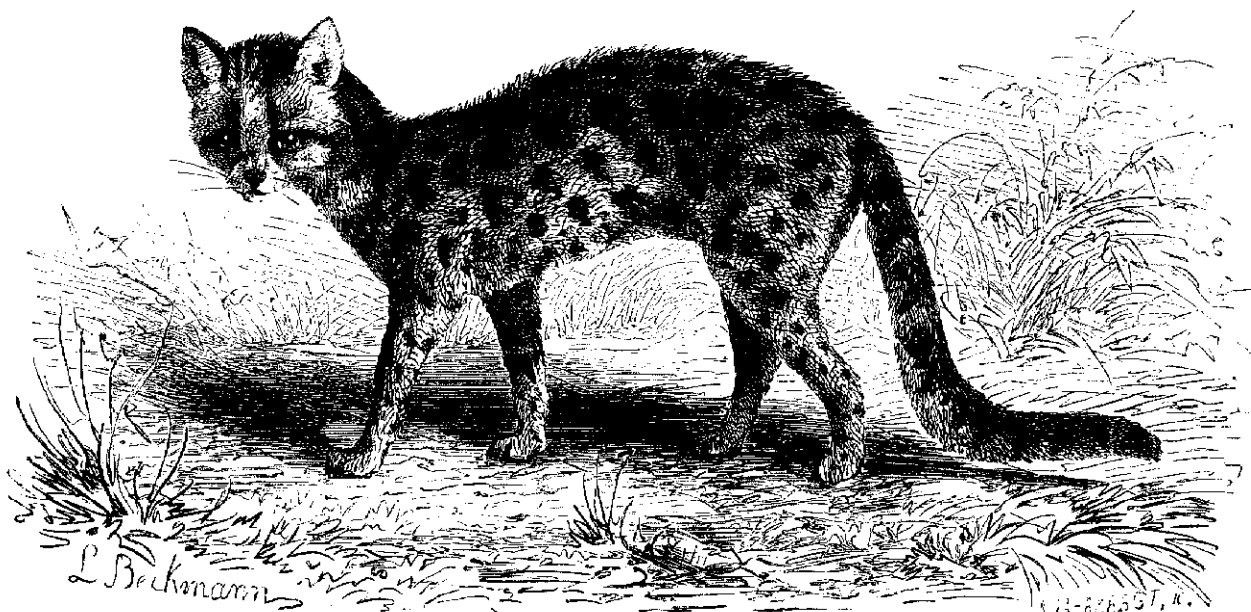
* *Тигровая кошка, или онцилла — родственница оцелота, в целом похожа на него, но немного уступает ему в размерах. Распространена в тропических лесах от Коста-Рики до Северной Аргентины. Биология изучена плохо. Вероятно, ведет полудревесный образ жизни; активна в сумерках.*

По образу жизни эта кошка почти во всем сходна с оцелотом. Пойманная в молодости и хорошо воспитанная, она делается чрезвычайно понятливым и преданным животным; пойманная в старости, ведет себя сначала очень дико и буйно, но через некоторое время достигает известной степени прирученности.

Чаще вышеописанных видов этого семейства попадаетеся в бразильских лесах **длиннохвостая кошка** (*Leopardus wiedii*). По размерам она схожа с крупной домашней кошкой, только лапы у нее сильнее. Общая длина туловища достигает 90-100 см, из которых 30-35 см составляет хвост.

Она отличается маленькой головой, большими глазами, округленными книзу и заостренными кверху, наподобие ланцета, ушами и сильно загнутыми беловатыми когтями. Основной цвет ее шерсти рыжевато-серый, на боках светлее, снизу белый. По всему телу проходят продольными рядами серо-бурые или темно-бурые пятна; отдельные пятна окружены более светлой тенью. По верхней части туловища идут пять продольных рядов, на лбу две черные полосы и между ними точки, по бокам головы две темные продольные полосы, под горлом темная поперечная полоса. Нижняя часть лап бурая. «Эта кошка, — говорит принц фон Вид, — живет во всех исследованных мною странах. Ее тонкое тело, пестрый мех делают ее одним из красивейших представителей кошачьего семейства. Мои охотники находили ее в разных местах, поэтому я могу сказать, что она живет почти во всех девственных лесах Бразилии. У бразильцев она носит название «пятнистая дикая кошка», часто они убивают ее ради красивого меха. Особенно легко она взбегаёт на деревья по вьющимся растениям, разыскивая там разных животных, каких только успевают схватить. Для лесных птиц и домашних кур она очень опасна и часто подходит к жилищам, чтобы похитить птицу. Своё логовище устраивает в дуплах, в ущельях скал или пещерах и там, подобно нашей дикой кошке, производит на свет своих детенышей».

"Обыкновенно ее ловят в западни. Я изловил таким образом в больших девственных лесах Му кури за 14 дней трех таких кошек. В четвертую, сидевшую на дереве, выстрелил один из моих охотников. Он хотел ее схватить, но она убежала, так как была только легко ранена. Собака, найдя такую кошку, моментально загоняет ее на дерево, и тогда зверька легко подстрелить. Только случай может помочь охотнику заполучить это красивое животное, так как оно быстро двигается по деревьям не только днем, но и ночью, и поэтому его трудно выследить».

Длиннохвостая кошка (*Leopardus wiedii*)

В последнее время американских длиннохвостых кошек стали изредка привозить в Европу*.

* На большей части своего ареала длиннохвостая кошка стала редкой, а в ряде стран оказалась под угрозой исчезновения.

Из тех, которых я видел, ни одна не привыкла к людям; все они, напротив, были злобными, бешеными созданиями, шипели и фыркали, когда к ним подходили, сердито ворчали и выразительно били хвостом о землю, а если кто-то приближался на шаг ближе, подбегали к решетке и становились в оборонительную позу, как почти всегда делают дикие кошки в дурном расположении духа.

Пампаская кошка (*Oncifelis colocolo*) от всех других кошек отличается самыми яркими продольными полосами. По серовато-серебристому меху выступают темные или бледные ржаво-бурые полосы, которые разбегаются по всему туловищу сверху и спереди, вниз и назад и повторяются на груди и шее в виде поясов, а на ногах в виде колец. Уши снаружи светло-бурые, по краям темно-бурые, а в середине грязновато-белого цвета. Хвост такого же цвета, как спина, и к концу имеет 4-6 темных колец. На ногах проходят 6-7 ржаво-красных полос по желтоватому фону; на нижней части туловища по бледно-желтоватому фону тянутся неправильные светло-бурые полосы. Благодаря цвету и красоте рисунка меха пампаская кошка принадлежит к самым красивым видам семейства кошачьих. Большие самцы достигают 120-130 см длины, из которых 30 см составляет хвост. Высота в плечах 30-35 см.

Пампасская кошка (*Oncifelis colocolo*)

Пампасская кошка обитает в пампасах Южной Америки и в Патагонии вплоть до Магелланова пролива; особенно часто встречается она на берегах Рио-Негро. Добычей ей служат небольшие грызуны, которых в пампасах очень много*. Ее все считают безвредным животным, приносящим даже пользу. О жизни ее в неволе я ничего сообщить не могу. В европейские зоологические сады она попадает очень редко.

* Пампасская кошка охотится в основном на земле (на грызунов и гнездящихся на земле птиц), на деревьях забирается редко.

Камышовый кот, хаус, или болотная рысь (*Felis chaus*), «кошка джунглей», как ее называли английские натуралисты, достигает в длину 90 см, из которых 22-37 см приходится на хвост; высота в плечах — 35-40 см, вес 6-9 кг. Довольно богатый мех имеет разнообразную основную окраску, от желто-серой до серо-бурой. Рисунок состоит из темных поперечных полос, которые отчетливее выступают на передней стороне шеи, на боках и ногах. Хвост сверху украшен 6-9 темными полукольцами и на конце черный. Уши снаружи серо-желтые, внутри рыжевато-желтые, ноги буро-рыжеватые, их нижняя сторона светло-бурого цвета. Глаза зеленовато-желтые. У некоторых животных полосы очень неясны и даже совсем пропадают, особенно в зрелом возрасте. В Индии иногда встречаются совершенно черные особи.

Болотная рысь широко распространена. Она живет в большей части Африки, особенно южной и восточной в Нубии (на северо-востоке Судана), Египте, в южной и западной Азии, Персии, Сирии, в районах вокруг Каспийского моря, в Индии и от Гималаев до Цейлона, на востоке вплоть до Бирмы. В Гималаях она поднимается до высоты 2500 м, а может быть и выше (местные особи имеют более густой и длинный мех). Она была хорошо известна древним египтянам, ее даже бальзамировали, как и домашнюю кошку, помещая ее трупы в священных местах.

Я несколько раз встречал болотную рысь в долине Нила. В Египте она не представляет редкости, ее только нечасто удается заметить. В этой стране почти нет значительных лесов, в которых могло бы прятаться хищное животное, поэтому ему приходится искать другое убежище. Обширные хлебные поля, раскинувшиеся на местах, заливаемых Нилом в половодье, и не подвергающиеся искусственному орошению, служат главным ее убежищем. Кроме того, болотная рысь живет на больших равнинах, покрытых более или менее густой, высокой, режущей осокой; наконец, желанным местом обитания для нее являются сухие места среди камышей, а также и тростниковые чащи, которые тянутся по берегам каналов и окаймляют поля. Те же самые условия она предпочитает в Индии*.

** Излюбленными местами обитания хауса в Южной России являются камышовые плавни в дельтах рек и по берегам степных озер. Прекрасно плавают и часто ловят свою добычу (различных мелких позвоночных) прямо в воде.*

Болотная рысь охотится за добычей и днем и ночью. Она дерзко приближается к деревьям, причем особенно привлекают ее большие сады. Чтобы заметить болотную рысь или по крайней мере ее следы, нет надобности долго бродить. Если внимательно осматривать окраины хлебных полей, межи и дороги, ведущие через них, то ее можно видеть довольно часто. Она, как настоящая кошка, тихо и неслышно крадется между растениями, которые обычно почти совсем скрывают ее, время от времени останавливается и прислушивается. По-видимому, она, во всяком случае днем, более руководится слухом, чем зрением, так как уши ее даже при величайшем покое находятся в постоянном движении. Малейший шум тотчас изменяет их положение: болотная рысь поднимает голову, ее уши коротким быстрым движением направляются в сторону шума, все тело прижимается к земле и как бы исчезает в траве, и животное, как змея, ползет к своей добыче, которая по большей части бывает поймана. Иногда случается видеть, как из осоки, в которой, кажется, нет ни одного живого существа, сильным прыжком выскакивает вверх какое-то животное и в следующее мгновение снова исчезает: это болотная рысь сделала воздушный прыжок за какой-нибудь птицей, которую спугнула. Добыча ее состоит преимущественно из мышей и крыс, затем из мелких наземных и тростниковых птиц, а именно из степных кур, жаворонков, ржанок, камышевок и других. В садах она крадет у крестьян кур и голубей, на полях подкрадывается к зайцам, а на окраинах пустыни — к тушканчикам. На более крупных животных она, как говорят, не нападает никогда; человека, по-видимому, тоже боязливо избегает. Тем не менее арабы боятся ее, как очень злого животного, и этот страх передался европейцам. Мой слуга не осмелился выстрелить в прекрасную болотную рысь, которую он спугнул в хлебах. Раненая и доведенная до крайности болотная рысь умеет хорошо защищаться. Это испытал на себе, между прочим, один из слуг Дюмихена, который дал по болотной рыси два неточно направленных выстрела, а затем хотел схватить раненое животное. Это последнее вовсе не стало ждать приближения врага, а прямо бросилось на него, крепко вцепилось когтями и так издрало ему руку, что плохому стрелку пришлось целые месяцы страдать вследствие неудачной охоты.

В Индии кошка джунглей считается злобной и опасной, вроде нашей дикой кошки; полагают, что приручить ее можно лишь в исключительных случаях. Раненые зверьки не раз нападали на стрелявших. По-видимому, эти хищники в то же время очень дерзки, так как известны случаи, когда кошки джунглей утаскивали на глазах охотников только что застреленных ими павлинов*.

** В России хаусы пользуются «услугами» охотников, подбирая в камышах подстреленных, но не найденных уток; на промысле ондатры таскают попавшихся хаусов из капканов.*

И в Индии болотные рыси любят населенные местности, где производят большие опустошения среди домашних птиц, умерщвляя их из одной кровожадности. В Индии кошка джунглей мечет, говорят, два раза в год по 3-4 детеныша**.

*** В России камышовый кот размножается один раз в году.*

Пойманные болотные рыси редки в наших зоологических садах: я видел их не более пяти штук. Они ведут себя, как и другие дикие кошки, злобно и бешено, если попадают в неволю старыми или если с ними дурно обращаются, и, напротив, спокойно и добродушно, если они попали под власть человека детенышами и воспитывались с любовью.

Обыкновенная рысь (*Lynx lynx****) встречается часто.

**** Рысь наиболее обычная дикая кошка в нашей стране и самая «северная» представительница семейства. Длина тела рыси до 108 см (у крупных самцов), короткий хвост всего 20-30 см, вес 8-20 кг. Рысь населяет преимущественно лесные биотопы, но самые различные: от сухих широколиственных лесов в субтропиках Кавказа до горной сибирской тайги. Распространена по всей северной Евразии, везде, где есть достаточно обширные лесные массивы.*

Лишь в копенгагенском музее я узнал, какой величины может достигать рысь, так как в немецких коллекциях были животные лишь средних размеров. Вполне взрослая рысь, по крайней мере, такой же величины, как те леопарды, которых приходится видеть в наших зверинцах; она только несколько короче и ноги ее длиннее. Длина тела не менее 1 м, а может достигать и 1,3 м, длина хвоста 15-20 см, вышина у загривка до 75 см. Самец рыси может достигать веса в 30 и даже, как мне говорили в Норвегии, 45 кг. Животное отличается чрезвычайно сильным, плотным сложением, сильными ногами, мощными лапами, напоминающими лапы тигра или леопарда; все это уже с первого взгляда указывает на большую силу рыси. Уши довольно длинны, заострены и оканчиваются кисточкообразным пучком черных, густых, торчащих волос длиной в 4 см. На толстой верхней губе

находится несколько рядов жестких и длинных усов. Густой мягкий мех одевает тело и удлиняется на морде в виде бороды, которая свешивается двумя концами по обе стороны головы и вместе с ушными кисточками придает «лицу» рыси своеобразный вид. Цвет меха сверху рыжевато-серый, перемешанный с беловатым; на голове, шее, спине и боках мех густо усажен рыже-бурыми или серо-бурыми пятнами; нижняя сторона тела, внутренняя сторона ног, передняя часть шеи, губы и круги вокруг глаз белого цвета. Морда рыжеватая, ухо внутри покрыто белыми волосами, на наружной стороне — черными и бурыми. Хвост по всей длине равномерно и одинаково густо усажен волосами; конец его, занимающий почти половину всей длины, черного цвета. Летом мех короче и более рыжеватый, зимой длиннее и скорее светло-серого цвета. Самка, по-видимому, отличается обычно от самца более рыжим цветом и менее ясными пятнами; новорожденные детеныши беловатые. Глаза бронзово-желтого цвета с круглым зрачком.

Рысь была известна древним, но в Риме ее показывали гораздо реже, чем льва или леопарда, так как уже в то время было очень трудно добыть ее живой. Та, которую показывали во времена Помпея, была привезена из Галлии. О жизни рыси на свободе, по-видимому, ничего не знали и потому с ней связано много суеверий. «Нет ни одного животного, — говорит старый Геснер, передавая рассказы древних, — которое имело бы такое же острое зрение, как рысь: по словам поэтов, она проникает своим взглядом сквозь непрозрачные предметы, как, например, стены, дерево, камень и тому подобное. Напротив, если держать перед ней блестящий предмет (зеркало), то она начинает чувствовать ненависть к своему лицу и умирает от этого». В мифологии древних германцев рысь играла приблизительно такую же роль, как кошка; вероятно, именно она, а не кошка, должна считаться животным богини Фрейи, которое везет ее колесницу.

Еще в средние века рысь обитала постоянно во всех больших лесах Германии, вызывая общую ненависть и упорное преследование. В конце XV столетия она, по словам Шмитта, считалась в Померании самым вредным хищником. «Так как рысь, — говорится в одном старом узаконении, — всего вреднее, то ее должно прилежно преследовать в зимнее время, ловить сетями и стрелять». С тех пор число рысей в Германии постоянно уменьшалось и в настоящее время это животное можно считать истребленным.

Современная область распространения этого хищника начинается с Карпат; отсюда она простирается на восток и на север, в Россию и Скандинавию*.

** В Финляндии рысь истреблена и там теперь встречаются особи случайно заходящие из соседних областей России. В России, к счастью, эта красивая кошка все еще сравнительно обычна даже в густонаселенных ооластях.*

Здесь она встречается вплоть до северной границы сплошных лесов. Рысь населяет всю восточную Сибирь, где местность гориста и покрыта лесом, и часть Азии, вплоть до Туркестана и Гималаев, где она встречается, в частности, в долине верхнего Инда. Тибетскую рысь, которая живет не в лесах, а в скалах, Блейт считал особым видом, главным образом на основании более чалого цвета и некоторых отличий меха; Блэнфорд, напротив, считает такое выделение ее в особый вид безосновательным.

Условием для постоянного пребывания этого хищника являются обширные сплошные леса, богатые чащами и вообще труднодоступными местами и населенные разнообразной дичью. По словам Нолькена, которому мы обязаны лучшим описанием образа жизни рыси, это животное показывается в редких лесах лишь в исключительных случаях, и именно зимой, чтобы охотиться в таком лесу за зайцами. В противоположность волку, который из года в год ведет бродячую жизнь, рысь часто подолгу держится одной и той же области, обходит ее во всех направлениях, в одну ночь уходит за целые мили, нередко без всякого страха держась проезжих дорог, осмеливаясь приближаться к деревням и даже посещать одиноко лежащие дворы, но через несколько дней возвращается обратно в свою область, чтобы снова исследовать ее.

Обыкновенно рысь, подобно своим родичам, живет поодиночке; там, где она встречается чаще, как, например, в Лифляндии, бывает «распределена» так, что на область в 25 квадратных километров приходится приблизительно по четыре или пять особей.

По строению тела и душевным качествам рысь, по-видимому, не уступает никакой другой кошке. Необыкновенно сильное туловище при высоких ногах и превосходно развитые органы чувств показывают, что этот хищник прекрасно вооружен. Рысь очень вынослива при ходьбе, она движется лишь шагом или кошачьей рысью, но никогда не прыжками, пока ее не принуждает к этому необходимость, но в случае надобности делает поистине изумительные прыжки; она довольно хорошо лазает и, кажется, легко плавает. Из ее чувств, несомненно, выше всего стоит слух, и кисточка на ее ушах может поэтому считаться вполне заслуженным украшением. Едва ли хуже слуха

зрение, хотя новейшие наблюдения и не подтвердили ранее сложившееся мнение о необыкновенной зоркости рыси. Напротив, обоняние, как и у всех кошек, слабое: по крайней мере, рысь не может чують на значительных расстояниях и, наверное, не может отыскать какую-либо дичь с помощью одного лишь обоняния*.

** Существуют свидетельства /кропления рысью мелких копытных. Однако это, несомненно, уникально редкие события. Обычно рысь охотится «по-кошачьи», бросаясь на жертву из засады и в случае неудачи почти не преследуя ее.*

Она обладает развитыми вкусовыми ощущениями, о чем говорит выказываемая ею любовь к лакомству. Что касается чувства осязания, то рыси, находящиеся в неволе, довольно ясно демонстрируют, что они в этом отношении не уступают своим родичам из семейства кошачьих. Чувство осязания проявляется в тонкой чувствительности при каждом движении, а также и при отыскивании и поедании уже найденной и умерщвленной добычи. Усы на морде просто необходимы рыси, как и другим кошкам; она непременно ощупывает ими все, с чем ей приходится иметь дело. Духовные качества этого хищника всегда ставились высоко. «Рысь вообще хищное животное, подобное волку, но гораздо хитрее», — говорит старый Геснер. И, по-видимому, он совершенно прав, так как и все новейшие исследователи описывают ее как чрезвычайно осторожное, осмотрительное и хитрое животное, которое никогда не теряет присутствия духа и из всякого положения старается и умеет извлечь выгоду.

Прежние наблюдатели сравнивали голос рыси с воем собаки, но эта характеристика совсем неверна. Я слышал лишь крик рысей в неволе и должен сказать, что их голос очень трудно поддается описанию. Он громок, криклив, высок и отдаленно сходен с голосом влюбленных кошек. «Я много раз, — говорит Оскар фон Левис, — слышал крик не только моей ручной рыси, но и диких рысей ночью в уединенных лесах. Но никогда нельзя было найти в голосе рыси хотя бы отдаленное сходство с голосом собаки. Крик рыси представляет собой скорее звук, сопровождающийся как бы плачем и ревом; он начинается высокой нотой и оканчивается глухо и низко; по звуку он более похож на рев медведя. Причиной крика у моих ручных и свободно бегавших рысей были голод и скука. Ворчание и фырканье, при которых животные высоко выгибали спину, были всегда знаком ярости и готовности защищаться. Тихое, тонкое, кошачье, бесконечно тоскливое мяуканье моя рысь издавала, алчно и кровожадно наблюдая за голубями и курами или гибкими движениями подкрадываясь к дичи. Продолжительное мурлыканье и ворчание, издаваемые в то время, когда животное чувствовало себя хорошо (если, например, его гладили рукой), были такие же, как у домашней кошки, только более грубые и резкие».

Рысь (*Lynx lynx*)

По словам Нолькена, рысь — чисто ночной хищник; с наступлением дня она прячется и, если ей не помешают, то лежит до наступления темноты, чем существенно отличается от волка, который по большей части снова начинает бродить уже около полудня. Для своего логовища она выбирает расщелину скалы или лесную чащу, иногда и большую яму, даже нору лисицы или барсука. Когда она хочет спрятаться или лечь, то обыкновенно подходит по какой-нибудь дороге к выбранной чаще и бросается в лес несколькими широкими прыжками. Если дорога проходит около самой лесной чащи, рысь иногда так далеко прыгает в нее, что снаружи вовсе не видно ее следов. Всегда она выбирает самые густые леса, например, чащу молодого хвойного леса, не особенно заботясь о происходящем вокруг движении. На основе наблюдений за поведением рыси на свободе и в неволе можно заключить, что она весь день по возможности лежит на одном месте. Она полуспит, как домашняя кошка, которая тоже обыкновенно дремлет целые часы кряду, но тем не менее замечает все, что делается вокруг нее. Тонкие чувства защищают рысь и во время такой дремоты от какого-либо неожиданного нападения. Я не раз убеждался на примере рыси, которую держал, что чувство слуха у нее было обостренным даже в то время, когда она казалась погруженной в самый глубокий сон. Малейший шорох заставлял ее поворачиваться в ту сторону, откуда слышался подозрительный шум, а закрытые глаза тотчас же открывались, если шум становился сильнее.

С наступлением сумерек рысь делается бодрой. Днем она кажется неподвижной, как изваяние; с наступлением вечера она сама жизнь и движение, но пускается на поиск добычи лишь ночью, часто останавливается и прислушивается, как кошка, которой надо перейти через открытое место, кажущееся ей небезопасным. По мере возможности рысь держится своего прежнего пути. Зимой

она, по-видимому, делает так постоянно и именно ступает самым точным образом на свой старый след. Смешать ее следы со следами другого зверя может разве что человек, вовсе не знающий этого животного; след рыси велик, но не соответствует ее несоразмерно большим лапам: он больше, чем след волка, замечательно кругл и, так как нет отпечатка когтей, спереди туп; шаг относительно короток. Таким образом, следы тянутся полосой, которую легко узнает каждый, кто хоть раз видел следы рыси. Переходя с места на место и возвращаясь обратно, рысь ступает на старые следы; так же обычно поступают и несколько рысей, выходящих на охоту вместе.

Благодаря оригинальному сложению рыси, каждое ее движение кажется странным, в известном смысле даже неуклюжим. Мы привыкли видеть, что кошка — невысокое длиннохвостое млекопитающее и что движения ее соответствуют коротким ногам, то есть равномерны, не отрывисты, мягки и потому мало заметны. Рысь двигается иначе. Она, видимо, ступает твердо и шагает широко по сравнению с другими кошками. И хотя ей недостает отваги родичей, она вовсе не уступает им в ловкости, искусно лазает и превосходит всех других в быстроте и продолжительности движений, хотя вовсе не принадлежит к самым лучшим бегунам. На какие движения она способна, можно яснее всего видеть на свежевыпавшем снегу, там, где она бросалась на добычу*.

** Рысь — неплохой бегун на короткую дистанцию. Поэтому она довольно часто начинает охоту с расстояния до жертвы в 9-10 прыжков. Если атака сразу не удалась, кошка пробегает еще некоторое расстояние, делая с десяток коротких прыжков, но затем останавливается и бросает преследование.*

В довольно подробном отчете об охоте, когда была убита в горах Гарц последняя рысь, сказано: «Самое замечательное было то, как рысь в ночь на 17 марта поймала зайца; это было совершенно ясно видно по следам. Заяц сидел на опушке молодой еловой чащи, примыкавшей к большой поляне. Рысь подкралась к нему из чащи, вероятно, с подветренной стороны, но заяц, должно быть, рано заметил это и с возможной быстротой побежал по поляне. Рысь настигла его девятью громадными прыжками, футов по 13 в среднем. Хищник, следовательно, гнался за дичью как собака, и, как видно было по следам, зайцу не помогли прыжки в бок — его обыкновенное средство спасения. От бедняги нашли лишь задние лапки». Чтобы рысь несколькими прыжками преследовала дичь — это вообще редкое исключение. При всех нападениях, которые проследил Фрауенфельд, хищник не преследовал добычу, а тотчас же после неудачного прыжка спокойно шел дальше, как будто бы ничего не случилось. Нолькен, которому не раз удавалось находить места, где рысь подкрадывалась и откуда она бросалась на добычу, тоже никогда не наблюдал, чтобы она делала более трех или четырех широких прыжков; он говорит, что рысь никогда не преследует ускользнувшую от нее добычу.

Добычей рыси может служить, по-видимому, каждое животное, которое она способна каким-либо образом осилить. От мельчайших млекопитающих и птиц до косули или глухаря и дрофы едва ли какое-либо живое существо застраховано от ее нападений (на оленей, лосей и кабанов решаются нападать лишь очень сильные рыси). Крупную дичь рысь решительно предпочитает мелкой; так, например, мышей она, по-видимому, не ловит: по крайней мере, Нолькен никогда не замечал, следуя ее однообразный прямой след, чтобы она обращала внимание на мышей. Тем не менее я полагаю, что и мышонок, пересекающий ей дорогу, не спасется от нее. Чтобы испытать ловкость рысей, я часто бросал особям, которых держал, живых воробьев, крыс и мышей, но ни разу не наблюдал, чтобы какое-нибудь из этих мелких животных могло ускользнуть от когтей хищника**.

** * Рысь охотится на разных млекопитающих и птиц, предпочитая более крупных (до известных пределов). На равнинах рысь питается в основном зайцами, но если появляется возможность охотиться на копытных средней величины, рысь быстро переключается на этот источник корма.*

На севере, где благородных оленей мало, а мелкой дичи много, рысь приносит относительно мало вреда; напротив, в странах умеренного пояса она становится одинаково ненавистной и охотнику, и пастуху, так как душит гораздо больше животных, чем ей нужно для еды. Она лишь слизывает с добычи кровь и поедает самые лакомые кусочки, оставляя остальное волкам и лисицам. Здесь она крайне редко возвращается к падали, между тем как в бедной дичью Лифляндии она, по словам Нолькена, очень охотно ест ее и даже предпочитает на некоторое время залечь близ нее, оставив другую охоту*.

** Рысь менее других кошек склонна есть падаль. Убив косулю или северного оленя, рысь может питаться ими в течение полутора недель, если они раньше не протухнут. Однако она не мастер прятать остатки своей трапезы, и они часто становятся добычей «нахлебников»: колонков, лис и т. д. Росомаха, взяв на себя роль «северной гиены», часто следует за рысью и от-*

гоняет ее от только начатой добычи. Из-за этого рысь там, где охота для нее не представляет трудностей, убивает копытных почти ежедневно.

Скотоводству в Лифляндии она причиняет мало вреда, хотя надо иметь в виду, что весь скот там загоняют перед вечером и поэтому она не имеет возможности похитить добычу из стад. Совершенно иное замечается в местностях, богатых дичью и стадами. В швейцарских Альпах рысь, по словам Шинца, подстерегает барсуков, сурков, зайцев, кроликов и мышей, подкрадывается в лесах к косулям, на скалах к сернам, ловит глухарей, рябчиков и горных тетеревов и хищнически забирается в стада овец, коз и телят. Богатый косулями парк может быть опустошен рысью, которая умеет долго укрываться от мстительного свинца охотника; в самых многочисленных стадах овец и коз она истребляет более одной десятой. Рысь, которая была поймана лесничим Виммером в Лихтенбергском лесу около Розенбаха, питалась преимущественно косулями и зайцами, но также нападала на серн и однажды ночью растерзала семь овец, в чем сначала подозревали медведя**.

* * *Не исключено, что цифры сильно завышены, и к тому же рыси приписаны чужие грехи, чтобы оправдать охоту именно на нее.*

Истину установил охотник, основываясь на виде нанесенных ран. Как-то рысь растерзала восемь овец, но даже не тронула их мяса. Такие случаи нередки. Согласно Бехштейну, одна рысь умертвила за ночь тридцать овец; по Шинцу, другая за короткое время умертвила до сорока овец; по Чуди, третья, которая свирепствовала в горах Сунтали летом 1814 года, загрызла более 160 овец и коз. Нечего удивляться поэтому, что охотник и пастух одинаково стремятся как можно скорее поймать или убить рысь.

О размножении этого хищника не имеется достаточных данных. Говорят, что рыси обоего пола собираются вместе в январе — феврале, причем несколько самцов часто с громким криком сражаются из-за самки. Через десять недель после спаривания самка рождает двух, самое большее трех детенышей в глубоко скрытом логовище — расширенной барсучьей или лисьей норе, под нависшей скалой, между удобными корнями дерева и в тому подобных скрытых местах. Некоторое время детеныши бывают слепыми, а когда вырастут, мать кормит их мышами и мелкими птицами, учит охотиться и вообще готовит их к последующей хищнической жизни.

Содержащиеся в неволе рыси безусловно могут быть причислены к самым привлекательным кошкам. Я несколько раз держал рысей, однажды даже нашу и канадскую рысь вместе, наблюдал несколько других в различных зоологических садах и поэтому могу говорить на основании собственного опыта. По сравнению с другими представителями семейства кошачьих рыси кажутся угрюмыми, упрямыми и ленивыми; они лежат, как отлитые из меди статуи, почти без движения, половину дня на одном и том же месте. Каждое действие они выполняют с серьезным достоинством, разумным размышлением и железным спокойствием. Никогда они не позволяют себе, подобно другим кошкам, с жадностью прыгать за добычей, напротив, они спокойно и пристально смотрят на брошенный им кусок мяса, медленно приближаются к нему, схватывают его с быстротой молнии, учащенно и сильно виляют при этом своим коротким хвостом и едят, по-видимому, так же умеренно и спокойно, как благовоспитанный человек, не больше и не меньше, чем им нужно, и с пренебрежением отворачиваются от остатков.

Не только вследствие большого вреда, который рысь причиняет в охотничьих парках или на пастбищах Альп, но и ради удовольствия, которое получает истинный охотник, на рысь охотятся всюду, где она встречается. На севере каждую зиму на нее устраивается массовая охота. Охотятся четырьмя способами: с помощью капканов, снабженных хорошей приманкой; подражая голосу дичи — косуль и т.п.; путем облавы и, наконец, с помощью гончих. Расстановка капканов мало эффективна, так как рысь хотя и твердо держится известного ей удобного пути, но проходит слишком большое расстояние, чтобы можно было рассчитывать на верный успех; при этом она очень осторожно избегает ловушек, нередко достает из капкана приманку, не попадаясь, как правило, сама. Пойманная рысь впадает в беспрецедентную ярость, даже в настоящее бешенство. «Тем, кто ловит в капкан живых рысей, — говорит Кобель, — часто случалось быть свидетелями их ярости, особенно если в капкан попадала лишь одна передняя лапа. По большей части рысь, стремясь освободиться, обрывает себе когти на свободной лапе и ломает клыки. Вернее могла бы привести к цели приманка путем подражания голосу животных, за которыми рысь охотится (косули, зайца или кролика), хотя на севере, по словам Нолькена, этот способ никогда не применяют.

Об охотах облавой столь же подробно, сколь и дельно, рассказывает Нолькен. «По большей части, — говорит он, — рысь легко окружить; однако иногда это представляет некоторые затруднения. Во время самого загона приходится действовать совершенно иначе, чем при охоте на лисицу. Лишь немногих животных можно так легко гнать, как лисицу; напротив, нет животного, кото-

рое было бы труднее гнать, чем рысь. Это обуславливается совершенно различным характером обоих животных. Рысь пугливый и осторожный хищник, но она в высокой степени обладает спокойствием и рассудительным присутствием духа, свойственными всем кошкам. Она избегает человека, но не боится шума. Поэтому-то часто устраивает свое логовище около самой проезжей дороги. Необходимо, следовательно, проходить по самой чаще: идя лишь по редкому лесу, ее вряд ли вспугнешь. Но надо иметь много загонщиков, иначе игра в прятки может тянуться без конца, и если кого-нибудь трудно увидеть, то это именно рысь. Стрелки должны быть особенно внимательны в то время, когда загонщики уже почти прошли: если рысь выйдет, то появится по большей части как можно позднее. Она идет по чаще почти всегда шагом, бесшумно скользя, как кошка, и очень легко и с быстротою молнии поворачивая назад».

Охота с гончей привлекательнее и вернее, чем охота с загонщиками. Для этого необходима хорошая, по возможности сильная и быстрая собака, годная для охоты на зайца; если к тому же она обладает свойством какое-то время гнать молча, то удовлетворяет всем требованиям охоты на рысь. Важнее всего, однако, быстрота; с медленной ищейкой тут ничего не поделаешь. Рысь умеет делать петли, возвращаться назад, прыгать в сторону; она взбегаёт по стволам наполовину упавших деревьев вдоль всего дерева и оттуда сильным прыжком бросается в сторону, в кусты, употребляет бесконечное множество других хитростей, чтобы обмануть собаку. По отношению к медлительному псу ей это в большинстве случаев удается, даже если сама и не идет особенно быстро. Она быстро бежит вообще лишь в том случае, если быстрая собака следует за ней по пятам и сильно беспокоит ее; имея дело с медлительной собакой, она вовсе не торопится, так как хорошо сознает свое превосходство в скорости. Лишь резвая собака может заставить ее покинуть чащу. Если слышно, что собака лает на месте, то охотникам следует поспешно приблизиться, осторожно подкрадываясь, чтобы не спугнуть рысь, остановившуюся на земле. Если рысь взобралась на дерево, то прежде всего ловят собаку и лишь затем стреляют, чтобы не дать собаке схватить еще, быть может, живого врага и подвергнуться таким образом большой опасности». По наблюдению одного из слуг вышеупомянутого превосходного охотника, рысь, защищаясь от собак, бросается на спину, пускает в дело все четыре лапы с большой ловкостью и часто с полным успехом*.

** Одиночная собака может получить от рыси непреодолимый отпор и даже быть сразу убитой. Для того чтобы успешно взять рысь, ей должны быть противопоставлены 3—5 хорошо обученных собак.*

Обыкновенно рысь боязливо избегает столкновений с человеком; но если она ранена или загнана в узкое место, то храбро и отчаянно нападает на него и становится при этом вовсе не ничтожным противником. «В последних числах февраля, — рассказывает швед Аберг, — я нашел следы рыси. Так как эта местность часто посещалась волками, я надел на собаку попонку, усеянную гвоздями. После 2-3-часовой охоты рысь устала и остановилась недалеко от березы, где собака и лаяла на нее, пока я не подошел и не выстрелил, однако не совсем удачно. Выстрелить из другого ствола было невозможно, так как рысь одним прыжком бросилась на собаку. Началась жестокая борьба, которую я постарался прекратить своим вмешательством. Это удалось мне настолько, что рысь оставила собаку, но зато вцепилась когтями мне в поясницу. Когти ее показались мне очень острыми и неприятными, я сильно рванулся, стараясь оторвать от себя зверя, но вместо этого упал лицом в снег. Животное, не желавшее выпускать своей добычи, очутилось на мне; но собака спасла меня от незваного гостя и продолжала драться до тех пор, пока рысь, наконец, не сдалась. Собака сильно пострадала и, если бы попона не защищала ее грудь и шею, наверное, не вышла бы из этой битвы живой».

Шкура рыси принадлежит к числу ценных сортов меха; самыми красивыми и большими считаются шкуры скандинавских рысей. Сибирь ежегодно доставляет около 15 000 шкур, Европейская Россия и Скандинавия — около 9000. Шкуры восточносибирских рысей (особенно светлые), по словам Радде, идут исключительно в Китай; большой спрос на них существует у пограничных народов Монголии.

Мясо рыси всюду считалось и считается вкусной дичью. В конце XVI века граф Георг Эрнст фон Хеннеберг, по словам Ландау, послал двух рысей, убитых его охотниками, в Кассель ландграфу Вильгельму. «Мы посылаем их Вашей милости, — пишет он, — хорошо сохранными и надеемся, что они, благодаря продолжающейся еще зиме, могут быть доставлены Вашей милости свежими. Дружески просим Вашу милость благосклонно принять их и скушать на здоровье вместе с супругой Вашей и молодыми господами и желаем, чтобы Вы нашли их вкусными». Кобель, из книги которого я заимствую эти данные, замечает, что еще во время Венского конгресса 1814-1815 годов часто подавалось на стол жаркое из рыси, а в 1819 году было отдано приказание поймать рысь для ба-

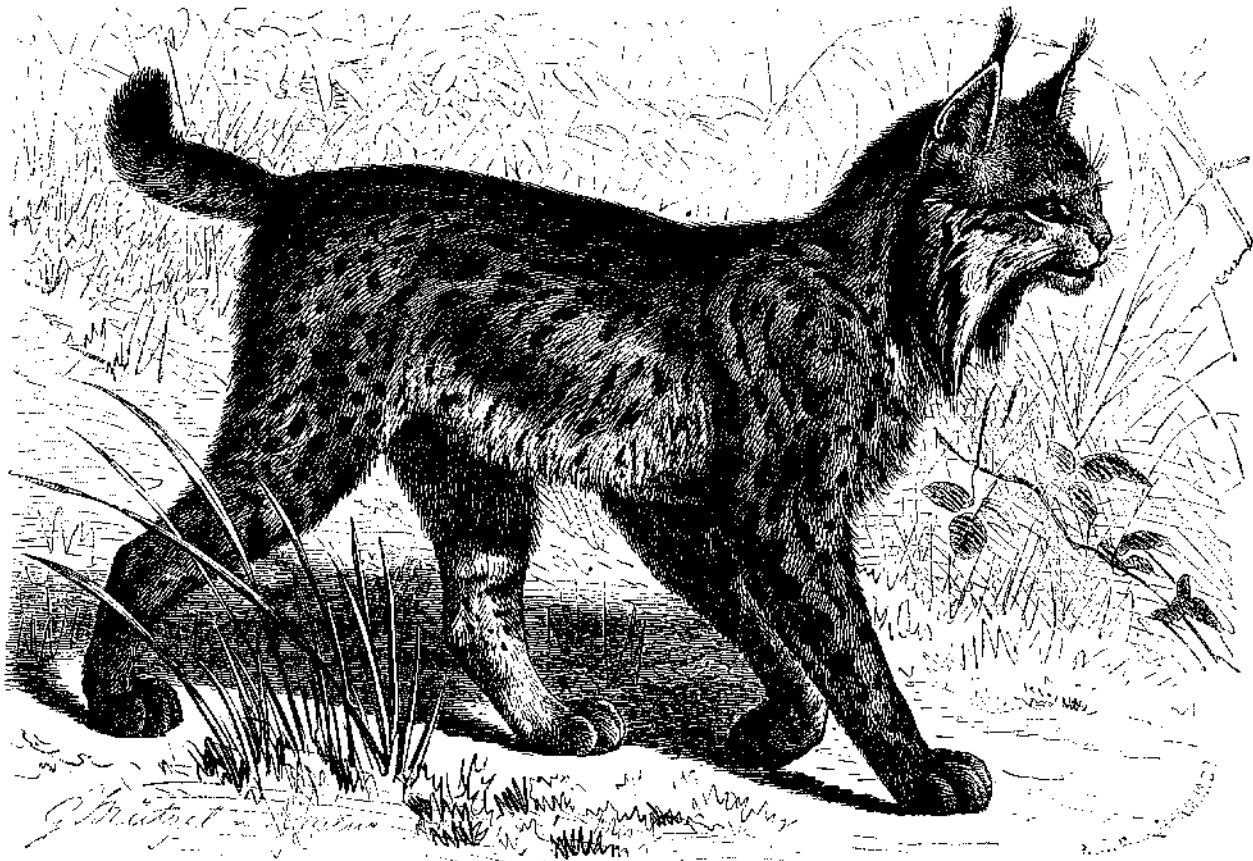
варского короля, так как эта дичь должна была служить ему средством против головокружения. «В Лифляндии тоже, — пишет мне Оскар фон Левис, мясо рыси охотно едят и даже высоко ценят многие, не только из рабочих классов, но и из высшего общества. Оно нежное и светлого цвета, похоже на лучшую телятину и не пахнет слишком сильно дичиной; его можно сравнить с мясом глухаря. Жители берегов Амура, а также все посещающие их монгольские и маньчжурские купцы считают его, по словам Радде, особенно вкусным, и даже женщинам позволено есть его, в противоположность мясу тигра».

В южной Европе рысь заменяется несколько меньшим ее родичем, **леопардовой, или пиренейской рысью** (*Lynx pardimts*)*. Прекрасный самец, убитый моим братом Рейнгольдом, врачом при посольстве в Мадриде, был длиной не менее 1 м, причем 15 см приходилось на хвост. Основной цвет довольно яркий рыжевато-серый; рисунок состоит из черных полос и рядов пятен. По общей окраске леопардовая рысь более похожа на сервала, чем на нашу рысь.

** Пиренейская рысь почти не уступает обычной рыси в размерах и отличается несколько более легким сложением и короткой шерстью. Населяет покрытые кустарниками и сухими лесами горы в Португалии и Южной Испании.*

До настоящего времени не могли еще достаточно точно определить область распространения леопардовой рыси. По указаниям некоторых наблюдателей, она охватывает всю южную Европу и, следовательно, заключает в себе три южных полуострова. Особенно часто встречается это животное на Пиренейском полуострове. «Здесь, — пишет мне мой брат, — оно встречается всюду, где есть сплошные леса, особенно часто там, где розмарин и кусты вечнозеленого дуба образуют чащи, в которых рысь, оставаясь по возможности невидимой и неслышной, может заниматься своей охотой. По моим наблюдениям, она чаще всего встречается в Эстремадуре, в горах, отделяющих Старую Кастилию от Новой, следовательно, на Сьерра-де-Гата, Беньяо-де-Франсиа, Сьерра-де-Гвияга, Сьерра-де-Гредос и Сьерра-де-Гвадаррама, далее в Арагоне, в южных Пиренеях и их отрогах, в Астурии; но она обитает также и в южной Испании, например, в Сьерра-Неваде и Сьерра-Морене и в виде отдельных экземпляров попадает даже в малонаселенных горах Мурсии и Валенсии. Леопардовая рысь встречается близ самого Мадрида и других городов. Поблизости от столицы она поселилась в королевском саду Прадо, ухоженном охотничьем парке, и простирает свои разбойничьи набеги нередко до самого города. В Эскуриале она посещает сады монастыря, хотя благодаря высокой стене может прокрадываться сюда лишь через сточные трубы и потому иногда попадает в поставленные здесь капканы»*.

** На большей части ареала рысь исчезла полностью; к настоящему времени сохранилось не более 1 000 этих кошек. Охраняются законом в местах обитания.*

Пиренейская рысь (*Lynx pardinus*)

"По своему поведению леопардовая рысь представляет, по-видимому, точную копию своего северного сородича. Она точно так же умеет отлично прятаться и при малейшей опасности прокрадывается, столь тщательно прячась, что неопытному наблюдателю или охотнику лишь редко может представиться случай видеть ее. Благоприятные обстоятельства, в которых она живет, позволяют ей пребывать непосредственно вблизи людей. Главная пища ее состоит из диких кроликов, которыми Испания, как известно, богаче любой другой страны Европы, и лишь крайне редко она нападает на мелких домашних животных. Не приходится также слышать жалоб на то, что она причиняет заметный вред более крупной дичи. Пока в местности, где она обитает, есть кролики, она охотится на них и не заботится о другой добыче. Опустошив уже «освоенную» ею область, рысь направляется в другую, богатую кроликами.

"В начале марта самка леопардовой рыси мечет 3-4 детенышей, обычно в труднодоступной глубокой расщелине скалы. Если это логовище откроет или близ него появится человек, мать переносит детенышей в другое скрытое место. Охотники, которые находили рысят, опасаясь столкновения с матерью, не решались тотчас же брать их. Когда они возвращались затем на это место, логовище оказывалось пустым. Детеныши, ставшие самостоятельными и научившиеся охотиться, остаются при матери до осени и, вероятно, отделяются от нее лишь при ближайшей течке.

Большую часть леопардовых рысей подстреливают во время облав, отдельных рысей убивают случайно в ходе охоты на кроликов, других приманивают, подражая крику кролика; последний способ, как правило, дает хорошие результаты. На облавах охотник должен с напряженным вниманием следить за появлением хищника. Рысь показывается вскоре после начала гона перед линией стрелков, но и здесь умеет превосходно прятаться. Открытых мест и больших дорог она всегда избегает и скорее рискнет проскользнуть возле самого охотника, чем хоть на мгновение покажется на открытом месте. Превосходный слух все время доставляет ей точные сведения о состоянии облавы, и потому стрелков, не умеющий стоять тихо и без движения, тщетно будет ждать ее. Еще занимательнее приманивание рысей, для чего служит дудка, которая издает звуки, очень напоминающие кролика. Охотник отправляется в кроличий садок, где он подозревает присутствие рыси, выбирает здесь скалистое или густо обросшее кустами место и замечает время, когда у крестьян бывает сиеста, а потому на большом пространстве царит тишина. Хорошо спрятавшись за камнями или в кустах, он начинает время от времени дудеть; если поблизости находится рысь, то приманка почти всегда имеет успех. Уже после первого звука хищник выходит из логовища и приближается, непрерывно двигая ушами и глазами и беззвучно крадучись, чтобы схватить предполагаемую добычу.

Мясо рыси во всей Испании считается большим лакомством, причем не исключительно среди простонародья, а и среди образованных классов. Оно белого цвета и, как говорят, похоже по вкусу на телятину. Я никогда не мог решиться отведать его. Шкура рыси в большом ходу и употребляется преимущественно для шитья курток и шапок, которые особенно часто носят лица, принимающие участие в бое быков, кучера омнибусов, цыгане и другие люди, занимающиеся лошадьми. В один Мадрид ежегодно доставляется около 200-300 шкур леопардовых рысей, убитых в ближних горах».

Степная рысь, или каракал (*Lynx caracal*)*, — прекрасное животное, длина тела которого равняется 65-75 см, длина хвоста 25 см, высота плеч 40 — 45 см.

** Каракал — красивая кошка, сходная с настоящими рысями пропорциями тела и формой ушей. Длина тела 65-85 см, высота в холке до полуметра. Каракал населяет пустыни и сухие саванны. Распространен в Средней Азии, на Ближнем Востоке и почти по всей Африке. Питается зайцами, грызунами и птицами, последних в прыжке часто хватая на лету. В Азии каракалы стали крайне редкими животными и нуждаются во всемерной охране.*

От других рысей каракал отличается тонким телом, высокими ногами, длинными, узкими, заостренными ушами, которые, как у всех северных представителей рода, снабжены большими кисточками, и плотно прилегающей шерстью. Каракал — настоящее дитя степи и пустыни, он хорошо приспособлен к их условиям. Фигура у него худощавее и тоньше, чем у его северных сородичей, ноги выше, что позволяет ему особенно быстро бегать, уши относительно большие и приспособлены к тому, чтобы прислушиваться на далеких расстояниях. Цвет его шерсти — цвет пустыни, темно- или светло-серовато-желтый, без пятен; лишь на горле и на брюхе он приближается к беловатому и прерывается большим черным пятном на верхней губе, а также черными полосами, которые тянутся от края носа к глазу. В зависимости от местности, где живет каракал, его окраска бывает то темнее, то светлее, вероятно, соответственно цвету почвы, так что можно встретить у него все оттенки от буланого до буровато-рыжего. Гармония окраски с окружающей средой обнаруживается у него столь же отчетливо, как у всех других кошек. Каракал имеет на шкурке пятна, лишь позднее он их лишается полностью. Пятнистое животное, крадущееся по одноцветной песчаной почве пустыни, в светлую ночь легче могло бы быть замечено.

Каракал (*Lynx caracal*)

Область распространения каракала велика. Он населяет всю Африку, а также южные страны Азии, включая Индию, притом преимущественно районы пустынь и степей; лесов он избегает совершенно. В Индии он, по словам Блэнфорда, нигде часто не встречается и вовсе не водится на Малабарском берегу, в Бенгалии и в восточных Гималаях. О жизни его на свободе мы знаем еще очень мало. Шпарман утверждает, что каракал ночью подкрадывается к птицам, а днем стаями охотится на более крупных животных, но оба сообщения лишены всякого основания. Как уверяли меня жители южной Нубии, эта «кошка пустыни» живет поодиночке и довольствуется охотой на мелких млекопитающих и птиц, но подстерегает также, подобно индийским каракалам, и более мелких антилоп, которым без особого труда перекусывает шейные артерии. По словам Тристрама, в оазисах северной Сахары каракал нежелательный посетитель курятников, где он производит большие опустошения. По мнению всех охотников восточного Судана, каракал — крайне злобное существо*.

** Подобно рыси, каракал быстрый бегун на короткой дистанции, где он может догнать даже зайца-песчаника, но долго бежать он не может. Поэтому, как и прочие кошки, скрадывает добычу, сидя в засаде. Активен преимущественно в сумерках и ночью, днем же прячется в тени под кустами или скалами.*

С учетом его небольших размеров каракала можно назвать самым сердитым и неукротимым видом этого рода семейства. Я часто наблюдал его в неволе, но никогда не мог найти в нем привлекательной стороны. Стоит только подойти к клетке, в которой он лежит, по-видимому, спокойно, чтобы тут же возбудить его гнев. Он сердито вскакивает и с фырканием бросается на зрителя, как бы желая разорвать его своими острыми когтями, или же ложится на землю в самом заднем углу своей тюрьмы, прижимает свои длинные уши, оттягивает губы, фыркает и ворчит без конца. При этом его сверкающие глаза с такой бешеной злобой смотрят на человека, что нельзя винить древних за то, что они приписывали этим глазам даже волшебную силу. Несмотря на злобность характера, каракал все-таки поддается приручению. Приручали ли его древние египтяне, которые прекрасно изображали его на своих памятниках и бальзамировали, остается под вопросом, но из различных рассказов древних путешественников следует, что, по-видимому, некоторые азиатские народы издавна дрессировали для охоты наряду с гепардом и каракала. «У татарского царя есть, говорят, леопарды и рыси, которых он использует для охоты, пишет Геснер, повторяя, вероятно, данные Марко Поло. И поныне в Индии, где каракала считают вполне приручаемым, его дрессируют для ловли мелких оленей, антилоп, лисиц, зайцев, павлинов, журавлей и более мелких птиц. Некоторые индийские князья держали каракалов в довольно большом числе для охотничьих целей, так как они во многих отношениях считаются более пригодными для этого, чем гепарды. Любимое удовольствие в некоторых районах Индии заключается, по словам Блейта, в том, чтобы биться об заклад, сколько птиц могут задушить каракалы за очень короткое время. Их выпускают на стаю голубей, сидящих на земле, и самый проворный каракал успевает задушить часто до дюжины голубей. Тот, чья добыча больше всего, — победитель, и его хозяин получает приз.

На мысе Доброй Надежды еще в XVIII столетии высоко ценили шкуру каракала, так как приписывали ей целебные свойства против ломоты в конечностях и подагры. Такие шкуры за хорошую цену продавались и в Европе. В настоящее время этот товар почти совершенно исчез с нашего рынка.

"В некоторых частях североамериканских штатов Мэн и Нью-Гэмпшир, — рассказывает Одюбон, — есть пространства, которые прежде были покрыты большими деревьями, но, опустошенные впоследствии огнем, представляют ныне крайне печальный вид. Насколько хватает глаз, видишь во всех направлениях высокие, почерневшие, прямые стволы. Ветви, наполовину обгоревшие и обуглившиеся, наполовину сгнившие и истлевшие, покрывают землю. Между этими остатками и возник новый растительный мир; природа снова начала заменять уничтоженное и на некоторых пространствах образовался густой подлесок. Тот, кто вступает в такой лес, с трудом пролагает себе путь: здесь нужно то перелезть через стволы, то проползти под ними или идти по одному из упавших, чтобы избежать встречающихся препятствий. В таких лесах охотнику, внимание которого привлекали до сих пор лишь дикие индейки и другие птицы, случается видеть, как большое млекопитающее медленно и неслышно движется, стараясь спрятаться от неприятного нарушителя тишины. Сведущий человек узнает в нем рысь, которая достаточно хитра для того, чтобы с возможной поспешностью отступить перед своим опаснейшим врагом. Случается, что животное, лежа на толстой ветви, закрытое густой листвой, пропускает охотника мимо себя, не делая ни одного движения и вообще ничем не обнаруживая своего присутствия. Внимательно устремив на врага глаза и уши,

оно замечает каждый его шаг, как бы оценивает каждое его действие и ни малейшее движение не выдает напряженного внимания хитрого хищника¹¹.

Тот вид, который изображает нам писатель-художник — не что иное, как **канадская рысь** (*Lynx canadensis*)*, один из важнейших пушных зверей Америки. Вполне взрослый самец достигает общей длины 1,15 м, из которых около 13 см приходится на хвост, при высоте плеч около 55 см; следовательно, канадская рысь несколько меньше нашей рыси. мех длиннее и гуще, чем у европейского вида, борода и кисточки на ушах более развиты, отдельные волосы мягки и на конце окрашены иначе, чем при основании. Буроватый с серебристо-серым цвет — преобладающая окраска; пятна почти незаметны на спине, а на боках отмечены слабо. Нос мясного цвета. Летом шерсть имеет более рыжеватый оттенок, зимой более серебристо-белый.

** Канадская рысь заменяет обычную рысь в таежных лесах Канады и севера США. Она очень похожа по размеру и пропорциям на своего азиатского сородича и ведет сходный образ жизни. Некоторые ученые считают ее лишь расой обыкновенной рыси.*

Область распространения канадской рыси охватывает север Америки, на юг простирается до Великих озер, на запад до Скалистых гор. Живет она в лесистых краях. Образ жизни такой же, как у нашей рыси. По описанию Ричардсона, полярная рысь отличается трусостью и не отваживается нападать на более крупных млекопитающих, а охотится лишь за зайцами и мелкими грызунами или птицами.

Канадская рысь (*Lynx canadensis*)

От человека и собак она всегда бежит; если ее остановят, то она ошетиливается при нападении, как все кошки, грозно фыркает, но ее легко тем не менее победить, даже убить палкой. Благодаря тому что она не очень опасна, за нею усиленно охотятся. Одюбон, который подробнее описывает животное, считает данные Ричардсона отчасти ошибочными. Он описывает эту рысь как сильное, хорошо «вооруженное» животное, которое умеет защищаться. Один экземпляр, который я держал в неволе, подтверждает его взгляд: со зверьком не приходилось шутить.

Канадская рысь вместе с обитающей в Америке **рыжей рысью** (*Lynx rufus*) — самые полезные дикие кошки, так как их шкуры используются во многих случаях. Уже в сороковых годах XIX века, по словам Ломера, в Европу ежегодно привозилось от 30 до 40 тысяч шкур. Так как за несколько последних лет рысь меха снова вошли в моду и для охоты были открыты новые места, то ввоз поднялся до 86 900 (в 1888 г.) штук. Мясо рыси в Америке едят; однако Одюбон говорит, что для него хороший кусок заднего окорока бизона гораздо вкуснее, чем мясо рыси, как бы оно ни было приготовлено.

Вслед за рысьями поговорим об **охотничьих леопардах**, или **гепардах** (*Acinopus jubatus*). У них кошачья голова, кошачий длинный хвост, а тело собачье; собачьими кажутся и длинные ноги, лапы которых лишь до известной степени можно сравнить с лапами кошек. Существует, правда, аппарат для втягивания и выпуска когтей, но эти мускулы так малы и слабы, что когти почти всегда торчат наружу и потому притуплены от трения, как у собак. Зубы в общем сходны с зубами других кошек, но клыки сжаты с боков, как у собак.

Современное состояние наших сведений не дает еще нам права решить, можно ли гепардов разделить на несколько видов. Некоторые исследователи принимают без колебания, что африканские и азиатские охотничьи леопарды принадлежат к одному виду; другие выделяют и различают виды. Решение этих спорных вопросов не имеет для нас никакого значения, так как образ жизни, нравы и привычки всех охотничьих леопардов в главных чертах, по-видимому, одни и те же*.

* *Все виды ныне сведены в один вид — Acinopus jubatus. В некоторых популяциях гепардов у одной самки могут рождаться сразу и обычные, пятнистые, и полосатые котята.*

Гепард очень худощав, ноги гораздо выше, чем у настоящих кошек, голова мала и скорее вытянута, как у собак, чем округлена, как у кошек; уши широки и невелики, глаза отличаются круглым зрачком, мех довольно длинен и взъерошен, особенно на спине; основной цвет меха — очень светлый желтовато-серый; на этом фоне находятся черные и бурые пятна, которые на спине тесно сближены и даже почти сливаются между собой, продолжаясь на брюхе и даже отчасти покрывая хвост, ближе к концу его соединяясь между собой в кольца. Длина тела достигает, по Жердону, 137 см, длина хвоста 76 см, высота в загривке 76-84 см.

Гепард водится во всей юго-западной Азии и в Африке**.

* * *Гепард распространен в пустынях и сухих саваннах Средней Азии, Ближнего Востока и всей Африки. В настоящее время азиатский гепард практически исчез. В ряде мест Африки гепарды относительно обычны.*

"Охотничий леопард, — пишет А. Вальтер, — обыкновенен в Персии и Туркестане. Постоянной северо-западной границей его распространения служит восточный берег Каспийского моря и северная часть плато Устюрт, между Аральским и Каспийским морями. Горы и леса северо-западной Персии преграждают ему доступ в Закавказье». Он встречается на большей части полуострова Индостан, но, по словам Блэнфорда, не севернее Ганги; наверное, он не встречается также на Малабарском берегу; по Сандерсону, его почти не знают уже в Майсуре***.

* * * *В Индии гепарды исчезли уже в XIX в. Последние сообщения о встречах гепардов в Туркмении относятся к 1960-м годам.*

Гепард — степное животное, которое должно добывать себе пищу более быстротой, чем силой. На вид это нечто среднее между собакой и кошкой. Движения гепарда существенно отличаются от движений кошек. Правда, он умеет ползти, плотно прижавшись к земле и согнув длинные ноги, но и это он делает скорее по-лисы или по-волчьи, чем по-кошачьи. По сравнению с кошкой гепард ступает твердо и делает большие шаги. Если он ускоряет свое движение, то бежит как борзая собака; ее он напоминает и тогда, когда делает большие прыжки, так как он не только совершает несколько прыжков и затем останавливается, но иногда передвигается прыжками на значительном расстоянии. Одной способностью, свойственной большинству кошек, он не обладает вовсе: гепард не в состоянии лазать и если ему надо добраться до высокого предмета, то ему приходится ограничиваться одним, правда, очень большим, прыжком. Умеет ли он также плавать, на это нет указаний ни у одного наблюдателя. Голос его тоже совершенно своеобразен. Гепард подолгу мурлыкает, как домашняя кошка, только несколько грубее и глубже; в раздражении он фыркает, как и его сородичи, так же свирепо щелкает зубами и издает при этом глухое ворчание; кроме того, он издает еще своеобразные жалобные звуки, которые Блейт сравнивает с бляением козы.

Пища охотничьего леопарда состоит главным образом из небольших жвачных животных, которые водятся на его родине; ими он умеет овладевать очень ловко. Любимейшую его добычу составляют антилопы; леопард и встречается чаще всего поблизости от тех мест, которые они предпо-

читают. Обычно он живет между скал на невысоких холмах. Знатоки утверждают, что на не очень больших расстояниях леопард — самое быстрое из всех млекопитающих*.

** На короткой дистанции гепард развивает скорость до 112 км/час (иногда указывается даже цифра 148 км/час), однако такой темп он может держать не более нескольких сотен метров. Охота для гепарда — более трудное дело, чем для других крупных кошек. Тонкие длинные ноги его плохо приспособлены для удержания крупной добычи, а короткие клыки не дают возможности быстро задушить жертву, которая, даже схваченная за горло, имеет еще шанс вырваться или нанести гепарду травму. Поэтому гепард очень придирчив в выборе потенциальной жертвы. Если атака не удалась, гепард долго приходит в себя от пережитого напряжения, прежде чем вновь начать охоту. Такова истинная цена «охотничьего искусства» гепарда, по край/ней мере, когда он охотится в одиночку.*

Но он пользуется и хитростью, чтобы добраться до своей добычи. Заметив стадо пасущихся антилоп или оленей, гепард прижимается к земле и ползет, как змея, беззвучно, но быстро, чтобы жертва не успела его заметить. При этом никогда не подкрадывается с наветренной стороны, лежит тихо и без движения, как только вожак стада поднимает голову, чтобы осмотреться. Подкравшись как можно ближе, выбирает животное, стоящее удобнее всего, и с бешеной быстротой устремляется на него, гонится за бегущим, ударами лапы по ногам сбивает его на землю и хватает за горло. Если он может подкрасться лишь на расстояние хорошего ружейного выстрела, то и тогда, полагаясь на свою быстроту, не колеблясь преследует бегущую жертву. Зоолог Мэк Мастер как очевидец рассказывает, что один гепард, который мог незаметно приблизиться к антилопе лишь на 200 шагов, тем не менее догнал и свалил ее на протяжении менее 500 шагов. Тот же зоолог и Бальдвин рассказывают на основании собственного опыта, что охотничий леопард, вначале быстрый как стрела, скоро устает при более продолжительном беге, и лошадь быстро догоняет его. Он старается тогда спрятаться и лишь редко оказывает серьезное сопротивление, когда всадники колют его с седла копытами.

Прирожденная хитрость и способность к охоте побудили человека к попытке воспользоваться охотничьим искусством этого животного. С помощью примитивной дрессировки охотничий леопард стал прекрасным охотничьим животным, которое едва ли уступает благородному соколу. Во всей Ост-Индии его считают прекрасным помощником на охоте. Персидский шах получает охотничьих леопардов из Аравии и держит их в особом доме. Иозеф Барбаро видел в 1474 году у князя Армении 100 охотничьих леопардов. В Европе тоже использовали гепарда для охоты. Доктор Конрат Геснер слышал от кого-то следующее: «Король Франции держал леопардов двух родов, которые отличались лишь величиной. Большой был величиной с теленка, несколько ниже, но зато длиннее; меньший же имел размеры собаки. Иногда, когда король хотел потешиться, сторож брал на охоту меньшего леопарда. Привязав его на цепь, он сажал его на подушке, сзади на лошадь. Затем леопарда спускали с цепи и пускали перед ним зайца, которого он тотчас ловил, делая несколько больших прыжков, и разрывал на части. Когда же охотник или сторож снова хотели привязать леопарда, приходилось подходить к нему задом, чтобы леопард не мог видеть лица человека, предлагать ему кусочек мяса, просовывая его между ногами, и этим задабривать зверя; потом его привязывали на цепь, гладили, отводили, к лошади, на которую он сам без труда вспрыгивал и занимал свое место». Что это описание может относиться лишь к гепарду, не подлежит никакому сомнению. Австрийский государь Леопольд I, император Священной Римской империи, получил в подарок от турецкого султана двух дрессированных гепардов, с которыми часто охотился. Монгольские ханы часто брали с собой на большую охоту до 1000 гепардов. Еще и теперь некоторые князья в Индии содержат этих животных. Особые люди занимаются их дрессировкой и их использование на охоте предполагает присутствие очень опытных охотников, которые занимают приблизительно такое же почетное положение, как наши прежние сокольничьи. Можно представить, как дорого обходится это охотничье удовольствие.

Гейглин подтверждает свидетельства старых путешественников, что гепарда в прежние времена дрессировали для охоты и в Абиссинии, а Гартман указывает на точность известного изображения алжирского бедуина с ручным гепардом, которого он собирает спустить на пасущееся вдали стадо газелей. Фондер-Деккен уверял меня, что видел у арабов северной Сахары ручных и обученных охотничьих леопардов. В северо-восточной Африке, по наблюдениям моим и других путешественников, это животное в настоящее время больше не используется для охоты.

В Индии гепарду перед охотой завязывают глаза, сажают на привязь из тонкой веревки, помещают на легкую двухколесную телегу. Затем отправляются в те места, где водятся олени или антилопы и стараются, насколько возможно, приблизиться к какому-нибудь стаду. Обычно даже са-

мые пугливые животные телегу подпускают гораздо ближе, чем пешеходов, поэтому к стаду можно подъехать шагов за 200 или 300. Как только охотники достаточно приблизились, они снимают с глаз гепарда повязку и выразительными жестами и тихим подуськиванием обращают внимание зверя на добычу. Едва животное ее завидит, как в нем просыпается инстинкт к охоте и во всей полноте обнаруживается его естественная хитрость. Изящно, невидимо и неслышно выползает гепард из телеги, осторожно крадется к стаду, пока оно не обращается в бегство или он сам не будет уверен в успешности охоты. Если нападение удастся, гепард хватается добычу за горло и валит на землю. Хозяин подбегает, перерезает добыче горло, собирает вытекающую кровь в деревянный сосуд, дает ее гепарду и снова завязывает ему глаза. Впрочем, по наблюдениям Винья и Гамильтона, не все гепарды подкрадываются к добыче; некоторые сразу гонятся за ней, принаравливая свои движения к движениям преследуемого животного, подобно ему идут рысью или галопом, пока не решатся наконец напасть. Более 500 шагов гепард, видимо, и не гонится; обычно он пробегает лишь половину этого расстояния, а повалив добычу, останавливается и в крайнем возбуждении несколько минут ходит взад и вперед, после чего прислужник снова забирает его.

Не всегда удается заполучить намеченную добычу. Когда принц Уэльский в 1875-1876 годах объезжал Индию, ему, конечно, предоставили лучших охотничьих леопардов, но охоты тем не менее были не всегда удачны. Два гепарда, спущенные из телеги, правда, поймали по антилопе, но третий, которого подвели к стаду на 60 шагов, прекратил гон после напрасного преследования самца антилопы на расстоянии 500 шагов. Рюппель, один из спутников принца, так описывает казусы на королевской охоте. «Один гепард, спущенный на антилопу, вместо нее погнался за собакой. Собака обернулась, и гепард обратился в бегство. Рысь (вероятно, каракал) была натравлена на лисицу, но эта последняя выказала храбрость и собралась дать отпор рыси, однако в конце концов рысь и лисица посмотрели друг на друга и мирно разошлись. Даже выпущенных зайцев рыси не всегда хотели преследовать; напротив, соколы по всем правилам искусства убивали каждого зайца, на которых их выпускали».

Должно казаться очень странным, что крайне мало известно о жизни на свободе этой кошки, которую так часто приручают; даже о ее размножении почти ничего неизвестно. Я напрасно расспрашивал об этом кочевников в Африке; эти люди, которые отлично знают гепардов, могли сказать мне только, что их ловят силками и, несмотря на первоначальную дикость, в короткое время приручают. Стерндаль рассказывает несколько больше о гепардах Индии. По его словам, детеныши, за исключением черной полоски на носу, чисто-серого цвета; однако можно ясно заметить будущие крапины, удалив верхние волосы. Он говорит далее, и все его товарищи по профессии согласны с ним, что для охоты никогда не дрессируют детенышей, а ловят для этого лишь взрослых животных, так как, по мнению индийцев, детеныши лишь при полной свободе и под руководством старых гепардов могут стать хорошими охотничьими животными*.

** Сроки размножения гепарда в природе не известны, возможно, различны в разных местах. Беременность 84-95 дней, детенышей в помете 2—4. Новорожденные котята не имеют пятнистого рисунка, на спине у них шерсть длиннее, чем на других частях тела, и имеет серебристо-белый цвет. Подросшие детеныши до 2-3 лет остаются с матерью, да и позже долгое время могут держаться и охотиться вместе.*

Наблюдения Жердона, во всяком случае, не противоречат этому. Он удачно обучил охоте на добытых для этой цели антилопах своего воспитанного с юности, очень ручного гепарда, который скоро стал своевольно нападать на овец и ослов, причем часто терпел неудачи. Гепард хотя и гнался за ними и догонял убежавшую добычу, не относился к охоте «серьезно», не всегда сваливал преследуемое животное и некрепко держал добычу. Может быть, его и удалось бы приучить к этому, но хозяину пришлось прекратить воспитание, так как он должен был уехать по служебным делам.

По словам туземцев, гепард наедается лишь раз в три дня, но до отвала, и прячется тогда в своем логовище, чтобы спать и переваривать пищу. На третий день он отправляется к определенному дереву, куда приходят и другие животные того же вида, чтобы здесь играть, царапать кору и точить когти. В этом рассказе должна заключаться известная доля правды, так как около таких хорошо известных деревьев его и ловят способом, который Стерндаль описывает со слов очевидца. Английский охотник сопровождал туземцев к известному дереву. Здесь, шагов на 12 вокруг было укреплено на земле на деревянных гвоздях множество петель, какие употребляются для ловли антилоп. Затем охотники спрятались за своего рода плетнем из ветвей, поставленным в 80 шагах, и стали внимательно караулить. Когда солнце стало садиться, на расстоянии около 500 шагов показали четыре гепарда — два больших и два меньше, вероятно, одно семейство; они гонялись друг за другом, играли. Скоро подбежали к дереву; большие гепарды находились далеко впереди и тот-

час запутались лапами в петлях. Охотники подбежали, бросили попоны на головы пойманных, связали им ноги и надели кожаные покрывала на головы, причем один неловкий туземец был сильно укушен в руку. Самка оказалась гораздо непокорнее самца. Пойманных отвезли в деревню на подъяхавших телегах, запряженных быками. Здесь воспитание их началось с того, что женщины и дети изо дня в день, смеясь и болтая, находились около них, чтобы прежде всего приучить их к человеческому голосу. Приблизительно через 6 месяцев подготовки они становятся годны для охоты и покупаются любителями за хорошую плату. Их никогда не держат в клетках, а всегда, как собак, на привязи.

В наших зоологических садах и зверинцах гепард редко живет долгое время**. Он, правда, не более требователен к пище, чем другие представители того же семейства, равные ему по ее личине, но нежнее и менее вынослив. При суровой погоде он очень страдает, не менее терзает его и пребывание в тесной клетке. Тепло и возможность свободно двигаться — необходимые условия его благополучия; но в зоопарках и зверинцах соблюдать их трудно. При неблагоприятных условиях гепард по большей части скоро хиреет. Насколько мне известно, он еще не размножался в неволе в Европе; в Индии, по-видимому, этого тоже не случилось.

* * *В настоящее время гепарды в большом числе живут во множестве зоопарков и сафари-парков по всему миру и успешно в них размножаются.*

Отряд ластоногие

(Pinnipedia)*

* *Ныне большинство исследователей под названием «ластоногие» понимают лишь совокупность приспособленных к водному образу жизни хищных млекопитающих. У них деградировал шерстный покров, конечности превратились в ласты, развился толстый подкожный слой жира, сходным образом видоизменились и коренные зубы, утратив способность разрезать.*

Ластоногие являются представителями морских животных, которых натуралисты относят к млекопитающим. У них в наличии все четыре конечности, которые хотя и влачатся по земле, но отделены от туловища, и в ступнях ясно видны пальцы. У большей части тюленей пальцы свободно двигаются и соединены между собой плавательной перепонкой; лишь у немногих они неподвижны и покрыты кожей. Несколько своеобразными являются только задние конечности: у них все пальцы одинаковы**.

* * *Одычно у ластоногих на задних конечностях первый и пятый пальцы длиннее и заметно толще трех, расположенных между ними.*

Строение тела ластоногих может сравниться со строением тела некоторых хищных животных, например медведя и речной выдры; этим и оправдывается то, что некоторые натуралисты присоединяют ластоногих к хищным.

Относительно маленькая голова ластоногих довольно ясно выступает из шеи и напоминает голову речной выдры или медведя, хотя при более точном сравнении ясно видны ее особенности. Мозговая часть черепа широкая и плоская, лицевая часть короткая и спереди широко закруглена, пасть глубоко прорезана, верхняя губа усажена крепкими, упругими щетинками, которые очень отличаются от усов хищных животных, нос с косо расположенными, щелевидными ноздрями, которые закрываются клапанами; глаза большие, довольно плоские и снабжены мигательной перепонкой, лоб большой; закрывающееся наружное ухо до определенной степени развито только у некоторых семейств, у большей части ластоногих наружной ушной раковины нет. Короткая и толстая шея непосредственно переходит в цилиндрическое, суживающееся книзу туловище; хвост имеет вид маленького отростка. Толстая и твердая кожа покрыта большей частью длинными жесткими волосами, которые на верху шеи удлиняются в виде гривы; иногда под волосами замечается густой подшерсток. Преобладающий цвет шерсти зеленовато-серый с желтоватым или красноватым оттенком, а местами расположенные темные волосы создают мраморный рисунок; впрочем, бывают и одноцветные и пегие ластоногие***.

* * * *У некоторых тюленей к разным участкам кожи подходит разное число сосудов. Там, где их больше, шкура высыхает быстрее и кажется более светлой. Из-за этого на шкуре даже одноцветно окрашенного тюленя, когда он выходит из воды, виден как бы мраморный рисунок.*

Зубы и внутреннее устройство тела, несмотря на сходство с теми же частями тела хищных животных, имеют совершенно особое строение. Тюлени схватывают и удерживают пищу зубами. Резцы в основном маленькие, верхних больше, чем нижних, крайние верхние резцы часто удлинены вроде клыков, клыки выдаются меньше, нежели у хищных животных. Между коренными зубами различить ложнокоренные от настоящих трудно, все они конусообразные или плоские и сжаты с

боков. Обмен зубов происходит во время утробной жизни, так как детеныши рождаются очень развитыми. Череп имеет глубокую впадину перед лобными костями, вследствие чего выпуклая мозговая часть черепа резко переходит в почти такую же выпуклую лицевую. Позвоночный столб напоминает хребет хищных; шейные позвонки заметно отделены один от другого и снабжены очень развитыми отростками. 14-15 позвонков составляют грудную часть, 5—6 — поясничную, 2-7 сросшихся позвонков — крестец, наконец, 9-15 — хвостовую часть. Ключиц нет. Кости конечностей коротки, кости предплечья и голени разделены, кисти и ступни имеют правильное строение, а пальцы у различных родов бывают разной длины. Относительно развитый мозг имеет многочисленные извилины, расположенные, как у хищных. Желудок простой, удлинённый в виде кишки; слепая кишка очень коротка. Кровеносные сосуды со своими сетчатыми сплетениями, как в конечностях, так и под позвоночным столбом, представляют много особенностей. Число сосцов до 2—4. Ластоногие распространены по всем морям земного шара, имеют своих представителей как на крайнем юге, так и на севере и даже попадаются во внутренних соленых озерах Азии, в которые они заходят по рекам; часть ластоногих осталась в них после отделения этих внутренних морей от океанов*.

** Единственный соленый внутренний водоем, в котором живут ластоногие, — это Каспийское море. Кроме него есть всего три внутренних водоема (все пресные), в которых живут тюлени: Байкал, Ладожское озеро и озеро Сайма в Финляндии.*

На севере живет наибольшее число видов, а на юге — самые необыкновенные из них. Они любят близость берега, и многие по временам предпринимают путешествия по суше от одного залива в другой и часто поднимаются вверх по течению рек. На земле они находятся только в особых случаях, во время спаривания и когда малы, настоящим их местожительством остается все-таки вода.

На земле ластоногие кажутся беспомощными животными, в воде двигаются с чрезвычайной легкостью. С трудом взбираются они на плавающие льдины или на твердую землю, чтобы погреться на солнце; при первой же опасности устремляются как можно скорее в привычную для них морскую глубину. Плавают и ныряют животные с большим искусством. По твердой земле многие виды двигаются своеобразным, только им свойственным образом. Когда тюлень на твердой земле передвигается с одного места на другое, он бросается на грудь, выгибает туловище горбом, как кошка, упирается на задние конечности и быстро вытягивает вперед туловище. Таким образом, поочередно опираясь то на переднюю, то на заднюю части туловища, выгибая и вытягивая его, они довольно быстро передвигаются. Передние конечности при этом не играют никакой роли: они используются, когда животное взбирается на гору, а также очень ловко употребляются для того, чтобы чиститься, чесаться, приглаживаться или чтобы держать, прижимать детеныша к груди.

Все ластоногие в высшей степени общественные животные; их никогда не видно поодиночке. Чем уединеннее местность, тем многочисленнее их стада или семейства. Человек, очевидно, самый страшный и самый кровожадный враг безоружных обитателей вод. Те немногие хищные животные, например белый медведь, нападающий преимущественно на мелкие виды, и жадный хищный кит, нападающий на более крупных ластоногих, для них менее опасны, нежели властитель земли. Этим и объясняется, что над ластоногими можно делать наблюдения только там, где они удалены от человека или находятся под особым его покровительством.

Чем старше животное, тем оно ленивее. Детеныши — живые, игривые и веселые существа, старые же, наоборот, ворчливые и до безобразия ленивые создания; из-за беспомощности на твердой земле они кажутся еще более ленивыми, чем есть на самом деле. Если им угрожает опасность, они поспешно и быстро уходят в воду; если опасность появляется внезапно, то от страха и ужаса начинают вздыхать, дрожать и делать напрасные усилия, чтобы убежать от беды. Но когда надо встать на защиту самки с детенышами, то некоторые самцы проявляют большое мужество. В самых уединенных и пустынных местах ластоногие до того равнодушны к посетителям, что позволяют им ходить вокруг себя; но раз ознакомившись с человеком — губителем жи вотного царства, он и делаются осторожнее.

Из внешних чувств у ластоногих преимущественно развит слух, несмотря на отсутствующую или очень маленькую ушную раковину, и гораздо меньше развиты зрение и обоняние. Голос состоит из хриплых звуков, похожих то на лай собаки, то на мычание теленка, то на рев быка.

Каждое семейство ластоногих составляет отдельное общество. Самец соединяется с несколькими самками, и некоторые из этих морских султанов имеют гарем в несколько дюжин рабынь. Каждый тюлень бьется не на жизнь, а на смерть за свою самку; впрочем, толстая кожа и слой жира под ней служат лучшим щитом для обоих рыцарей против ударов зубами и когтями, которыми они

друг друга наделяют в пылу боя*. Через 6-12 месяцев после случки самка приносит одного, редко двух детенышей.

** Это относится в первую очередь к ушастым тюленям (морским львам и морским котикам), из настоящих тюленей лишь очень немногие образуют такие гаремы и охраняют их от других самцов.*

Взрослые и молодые тюлени с одинаковой нежностью любят друг друга, и мать, жертвуя собственной жизнью, защищает свое потомство от всякой опасности. Отец, забавляясь их веселыми играми, выражает свое удовольствие приятным ворчаньем, и так как строение тела не позволяет ему принять более деятельное участие в игре, он следит глазами за катающимися по земле и кувыркающимися детенышами**.

*** Обычно самец морского льва или котика вовсе не обращает внимания на детенышей, гораздо больше озабоченный поведением и местонахождением самок из его гарема. Этим на Командорских островах пользуются песцы, утаскивая детенышей котика, в то время как ревнивый самец не дает самке броситься в погоню. У тюленей же самец вовсе не видит своего потомства или не выделяет его среди других детенышей.*

Месяца через два они развиваются настолько, что могут быть отучены от молока. Они растут быстро: уже по истечении трех месяцев детеныши гренландского тюленя достигают половины величины своей матери. От двух до шести лет они делаются взрослыми, а вот после 25 лет у них наступает старческий возраст.

Пищу ластоногих составляет большей частью рыба, ракообразные и моллюски. Некоторые крупные виды бывают опасны и для морских птиц, и даже для других тюленей.

Всякая охота на тюленя есть безжалостная бойня, именно бойня, резня, а не благородная охота. Молодые и старые, большие и маленькие истребляются без разбора. Вследствие этого многие виды значительно истреблены, а некоторые почти совершенно исчезли. От стад, которые покрывали в прошлом столетии пустынные острова, теперь остались только жалкие остатки. Ворвань и сало, зубы и кожа ластоногих — ценные предметы, чем и объясняется рвение людей к их преследованию.

В неволе многие животные становятся ручными, а некоторые почти превращаются в домашних животных. Они уходят, ловят в море рыбу и добровольно возвращаются назад в жилище своего хозяина, умеют его узнавать и следуют за ним как собаки. Некоторых можно выдрессировать для рыбной ловли.

Ластоногие распределяются естественным образом на три семейства. Прежде всего это тюлени, у которых нет ушной раковины и которые не могут ходить на задних конечностях; вследствие этого они более других приспособлены к жизни в воде. Противоположность им составляют более совершенные ушастые тюлени, или нерпухи, имеющие ушные раковины и задние конечности, способные к ходьбе. Середину между ними занимают моржи.

Семейство ушастые тюлени

(Otariidae)*

** Семейство водных хищных, включающее 7 родов и 14 видов. От других ластоногих отличаются наличием рудиментарной ушной раковины и способностью передвигаться по суше с опорой на лапы. Распространены в арктических, умеренных и тропических водах Тихого океана; в Индийском и Атлантическом океанах только в южной части. Самцы отличаются от самок гораздо большей массивностью сложения и примерно вдвое большими размерами. В период размножения у всех видов вполне взрослые самцы собирают гаремы из большого числа самок, которые ревностно охраняют (в связи с чем в период спаривания практически не питаются). Многие виды — объект промысла.*

Ушастые тюлени, или нерпухи, отличаются от своих родичей следующими признаками: зубная система состоит из одного большого резца, похожего на клык, и двух маленьких внутренних резцов, одного клыка и пяти или шести коренных зубов с каждой стороны верхней челюсти; двух резцов, одного клыка и пяти коренных зубов с каждой стороны нижней челюсти. В костях черепа сильно развит задний отросток глазной впадины. Наружное ухо имеет небольшую, но хорошо развитую раковину. Конечности выступают из туловища и ясно отделяются от него; плавательная перепонка сильно развита и удлиняется за пальцами в виде лопастей; нижняя часть пятки голая и разделена продольными бороздками. Пальцы задних конечностей почти равной длины, пальцы передних конечностей уменьшаются постепенно к наружной стороне. Между двумя лапами огромная разница в росте, так как самцы почти вдвое длиннее и в три или четыре раза тяжелее самок.

Все известные виды этого семейства схожи между собой и ведут одинаковый образ жизни. Они водятся преимущественно в Тихом океане, поэтому их можно встретить как в вечных льдах

Берингова пролива, так и на материке и островах Южного полюса, как в умеренных поясах, так и под отвесными лучами полуденного солнца. Иногда они совершают длительные путешествия, иногда годами живут в одном и том же месте*. Этих животных везде ожесточенно преследуют, а в некоторых районах их даже почти истребили жадные люди, которые ради меха, мяса и жира уже целые столетия охотятся за ними, убивают и уничтожают.

** Лишь некоторые виды склонны совершить миграции, сравнительно короткие. Многие виды привязаны к конкретным островам или архипелагам, воды которых никогда не покидают.*

Сивуч (*Eumetopias jubatus*)**, был известен еще во времена Стеллера.

*** Сивуч крупнейший представитель ушастых тюленей. Длина взрослых самцов превышает 3 м, а вес — 1 т. Самки втрое меньше. Распространены в северной части Тихого океана, на побережьях Берингова и Охотского морей. Юг области размножения находится на Сахалине, но отдельные особи встречаются и южнее. В Америке распространены южнее: размножающиеся группы есть вплоть до южной части Калифорнии. Крупные самцы могут нападать на молодых тюленей и каланов.*

Самец сивуча достигает при длине в 4 метра около 3 метров в обхвате; говорят, что встречаются великаны в 5 метров длины, но это еще не доказано верными измерениями. Средний вес, по словам Эллиота, достигает 600 кг. Самки гораздо меньше, не больше 3 метров длины и редко достигают до 200 кг веса. Глаза велики и выразительны, когда животное чем-нибудь взволновано. Ухо цилиндрическое, суживается у основания острым углом и покрыто короткими тонкими волосами. На верхней губе до 30-40 гибких белых или желтовато-белых щетин, некоторые достигают 45 см длины. Конечности больше приспособлены к движению в воде, чем на суше, покрыты грубой, шероховатой кожей, между тем как все туловище покрыто ровными, короткими, жесткими и блестящими волосами. Окраска меха взрослых особей весьма разнообразна: на одной и той же скале можно видеть черных самцов, красновато-бурых, темно- и светло-серых; в одном и том же стаде встречаются экземпляры со светлыми и темными лапами, темными пятнами на туловище, так же как и серые с более темной шеей и светло-серой головой. Самки окрашены однообразнее, большей частью они светло-бурые; детеныши в ранней юности аспидного или темно-серого цвета, который в конце первого года переходит в ореховый цвет.

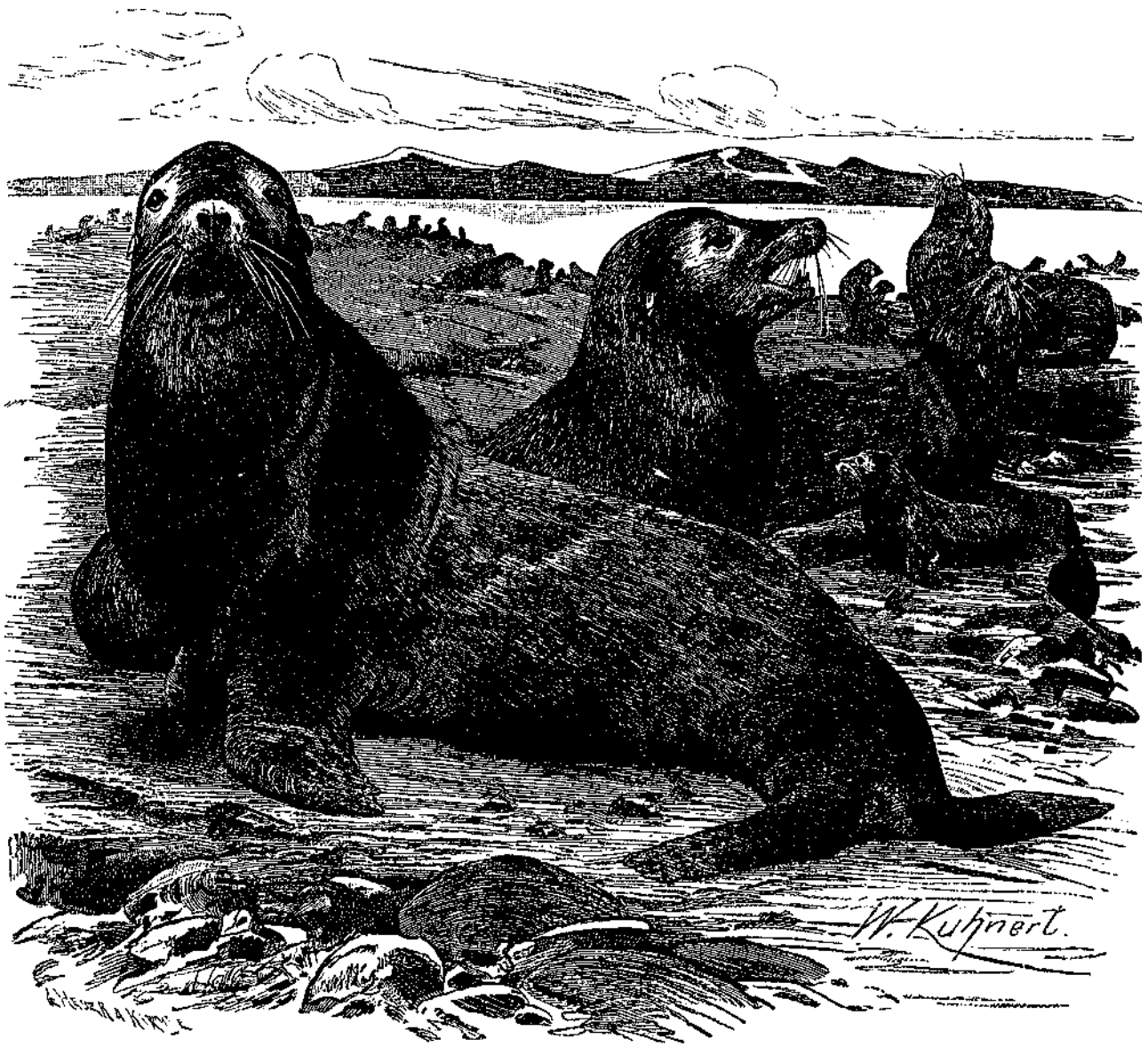
Сивуч (*Eumetopias jubatus*)

Сивуч распространен в северной части Тихого океана, в восточной его части встречаются до экватора. Места, где они собираются для спаривания, называемые лежбищами, обыкновенно расположены между 53 и 57 градусами северной широты в Америке, Евразии и на большей части островов этой полосы. Здесь они появляются регулярно из года в год тысячами, выходят на берег и родят детенышей. Вне этой полосы, гораздо южнее, например при въезде в гавань Сан-Франциско

и дальше на юг, в некоторых местах южной Калифорнии и на ближних островах встречаются менее значительные лежбища. Впрочем, из тех животных, которые встречаются близ Калифорнии, настоящих сивучей немного, большая часть принадлежит к другому виду — **калифорнийскому морскому льву** (*Zalophus californianus*)*.

** Калифорнийский морской лев обитает в калифорнийских водах вместе с сивучом. Отличается гораздо более легким сложением и меньшим размером. Кроме Калифорнии живет вдоль побережья США и Мексики, на Галапагосских островах; особая раса жила в Японии и Корее и была полностью истреблена несколько десятилетий назад. Питается преимущественно головоногими моллюсками и мелкой рыбой.*

"Чрезвычайно широкая и пыльная дорога, — пишет Финч, — ведет нас по пустынным дюнам, бедно заросшим растительностью, песок которых находится в безостановочном движении. Через три четверти часа мы подъезжаем к построенной на скалистом берегу Тихого океана гостинице — это любимое место прогулок жителей Сан-Франциско. Еще издали слышится шум могучего прибоя, и до приближающегося путешественника доносятся странные звуки, напоминающие лай, которые все более усиливаются, чем ближе мы подъезжаем к гостинице. Если идти по направлению этого лая, то на трех конусообразных скалах, отстоящих не более как на 150 шагов от берега, можно заметить движение. Около 60 морских чудовищ расположились на береговых утесах группами по 15 штук или поодиночке. В расщелинах скал или на узких карнизах лежат они, удобно протянувшись, под начальством старого могучего самца, известного всем жителям Сан-Франциско под именем Бен Бутлер. Расположившись на самой высокой точке скалы, этот Бен Бутлер время от времени поднимает голову, сильно раздувает толстую шею и испускает низкий громкий лай, к которому тотчас же присоединяются не только более слабые и высокие голоса его сородичей, но и крик бесчисленных чаек, и карканье бакланов, сидящих рядами на выступах и отдельных вершинах; тут же слышатся и густые басовые ноты пеликанов, помет которых длинными белыми полосами выделяется на темном фоне скал. Даже самый равнодушный посетитель остановится на долгое время, чтобы посмотреть на этих удивительных животных. Пораженный необычайным зрелищем, он наблюдает, как неуклюжие и неповоротливые гиганты влезают на самые вершины скал. Конечно, делают они это медленно, но так искусно извивают длинные туловища, так сильно подпирают их при подъеме на гору растопыренными задними конечностями, что цель все же достигается. В спокойном состоянии животные напоминают гигантских темных слизней; иногда во время сна свертываются на манер собак, уткнувшись мордой в брюхо. Часто можно видеть, как они соскальзывают в море с вершины скал и, подобно дельфинам, предаются среди волн самым разнообразным играм: опрокидываются навзничь, выпрыгивают из воды, играют между собой, ныряют, изгибаются в прыжке то в глубину, то над поверхностью воды и делают вид, что яростно сражаются, хотя на самом деле эти битвы происходят только для забавы. Точно так же только для вида они нападают друг на друга на суше: злобно разевают страшные пасти, кусаются, рычат, как будто собираются начать борьбу, но скоро опять укладываются рядом и даже иногда облизывают сосед соседа. Целыми часами можно наблюдать за постоянно меняющимися картинками и всегда заметить что-нибудь новое, еще не виданное».

Калифорнийский морской лев (*Zalophus californianus*)

"Иначе вели себя животные того же вида на величественных пограничных скалах при въезде в бухту Сан-Франциско, мимо которых я проезжал с капитаном Скаммоном на борту американского военного корабля «Вианда». На южной стороне своеобразных скалистых берегов этих островов увидели мы стадо до 50 и более тюленей, которые предусмотрительно удалились туда, где прибой ударял с большей силой. Там лежали они, плотно прижавшись друг к другу, обдаваемые белой пеной морских волн; охотиться за ними было очень трудно, но пули наших винтовок все же долетали до них. Несмотря на большое расстояние, мы стали стрелять по направлению к ревущей толпе и произвели волшебное действие: почти в ту же минуту все животные бросились в море, и в продолжение нескольких часов нижняя часть скалы оставалась пустой. Только гораздо позднее увидели мы с помощью подзорной трубы, как спугнутые нами тюлени вернулись на прежнее место отдыха. Заметная разница в поведении животных становится понятной, когда знаешь, что здесь, при въезде в бухту Сан-Франциско, они живут совершенно свободно, между тем как на скалах близ вышеупомянутой гостиницы находятся под покровительством штата Сан-Франциско, и их нельзя ни убивать, ни ловить. Они ценят эту заботу и спокойно позволяют наблюдать за своей жизнью любознательным посетителям"*.

** На подобных запретных местах зрители Калифорнии и ныне могут наблюдать сивучей, морских львов, а также каланов и тюленей. В остальных частях побережья всех этих животных нещадно истребляли.*

Стеллеру обязаны мы первым точным описанием образа жизни сивучей. Дальнейшие сведения мы получили от Коцебу и фон Врангеля, через посредство Скаммона и Эллиота. По словам Скаммона, ни один из многочисленных видов морских животных североамериканского берега Тихого океана не заслуживает большего внимания, чем сивуч. Даже морской котик, мех которого высоко ценится торговцами, не представляет такого интереса. Котики появляются только в определенное

время года на своих лежбищах на пустынных островах, а потом исчезают без следа; сивучи даже после того, как прошел срок их пребывания на суше, по крайней мере часть из них, остаются около лежбищ. Но в очень большом количестве собираются они только во время спаривания, которое происходит на различных широтах в различное время: на берегах Калифорнии — между маем и августом; на берегах Аляски — между июнем и октябрём. В это время самка производит на свет детенышей, которых воспитывает вместе с самцом; последний делит с самкой все заботы о детенышах, охраняет их и учит своим примером, как они должны вести себя на узкой береговой полосе, представляющей то скалистую, изрытую расщелинами поверхность, то болотистый или песчаный грунт; тут же детеныши обучаются, каким образом нырять, плавать, двигаться во время морского прилива**.

** * По современным данным, детеныши у сивучей рождаются во всех частях ареала в мае-июле, основная масса в середине июня. Воспитывает детеныша только самка, самец занят охраной своей территории и своего гарема. Его участие в воспитании потомков заключается в том, что он может устроить трепку особенно надоедающему детенышу. В отличие от большинства лаастоногих детеныши сивучей умеют плавать от рождения, хотя до достижения определенного возраста избегают входить в воду.*

Первоначально молодые сивучи боятся воды, но вскоре весело носятся по волнам, а когда приходит время покидать берег, они уже настолько осваиваются с водой, что могут вместе с родителями остальное время года провести в открытом море. Из многочисленного стада очень немногие экземпляры остаются на излюбленном ими месте и уже не покидают его никогда. Во время полового возбуждения сивучи, а в особенности самцы, почти не принимают пищи; самки покидают время от времени лежбище для добывания пропитания, но не решаются отойти от детенышей на далекое расстояние. Не подлежит сомнению, что сивуч долгое время может жить без всякой пищи; наблюдениями за пойманными животными удостоверено, что они в течение целого месяца ничего не ели и, несмотря на то, казались совершенно здоровыми. Говорят, что животные разного пола и возраста не только голодают целыми неделями, но переживают при этом страшные трудности без всякого ущерба для здоровья.

В начале ежегодных сборищ на суше вернувшиеся на старое место и вновь прибывшие животные очень дики и пугливы; но когда на берегах, утесах и скалах уже появились самки, их поведение меняется: с этого времени начинается борьба самцов из-за самок. Бои продолжаются иногда целыми днями, останавливаются только вследствие совершенного изнеможения борющихся и возобновляются вновь, когда они немного отдышатся. Конец битвы наступает только тогда, когда оба противника одинаково ослабели, или один из них бежит с поля сражения, или когда обоих изгоняет третий, напавший на них со свежими силами; окончательно побежденный печально крадется на другое место. Обыкновенно стадом управляет только один самец; но может случиться, что их окажется два на одной и той же скале; тогда дело, конечно, не обходится без вызывающего рева и незначительных битв*.

** Толстый слой сала на шее сивуча защищает его от зубов противников. Надо сказать, что во время драк самцы вовсе не в шутку полощут друг друга клыками, оставляя раны в несколько сантиметров глубиной и до полуметра длиной, которые, впрочем, быстро заруб и овываются.*

Насколько мог заметить Скаммон, оба пола не чувствуют слишком большой склонности друг к другу. Только самки с нежностью относятся к своему потомству, что, впрочем, не мешает им без колебания покинуть его и уплыть в море в случаях внезапного нападения. Со своей стороны маленькие сивучи — самые упрямые и шаловливые зверьки, каких только можно вообразить, и постоянно показывают себя с самой неприятной стороны в те редкие минуты, когда просыпаются от почти непробудного сна. Несколько раз замечено, что в тех случаях, когда одна из маток отказывается кормить своего детеныша, десятки других самок оспаривают честь заменить ее. По уверению туземцев, самка морского льва только детенышей мужского пола кормит более года, чем и объясняется гораздо большая величина самцов по сравнению с самками**.

** * Самка сивуча кормит детеныша (независимо от пола) молоком вплоть до рождения нового потомства, т. е. полный год. В редких случаях, когда самка почему-то не родила в какой-то сезон, кормление предыдущего детеныша может продолжаться и на второй год, и даже на третий. На разницу размеров самцов и самок это, разумеется, не влияет.*

С окончанием полового возбуждения, которое у сивучей калифорнийских берегов продолжается почти четыре месяца, большая часть многочисленных стад уходит в открытое море и переплывает его во всех направлениях, охотясь за морскими животными и рыбой. Только меньшая часть

может найти пищу в достаточном количестве около берегов. Рыбы, мягкотелые и ракообразные, так же как и водяные птицы, составляют обыкновенную пищу этих ластоногих, которые, впрочем, никогда не упускают случая проглотить несколько булыжников или маленьких камней до 500 граммов весом. По наблюдениям Скаммона, сивучи употребляют особенную хитрость, чтобы поймать морскую птицу: они, увидев чайку, опускаются на большую глубину, затем подплывают под водой ближе к ней и осторожно высовывают на поверхность воды кончик носа; тут, вероятно с помощью усов, устраивают круговое движение воды с намерением обратить внимание летающей чайки.

Последняя, думая, что имеет дело с каким-нибудь небольшим морским животным, кидается вниз, чтобы поймать его, и минуту спустя бывает уже схвачена сивучом и увлечена под воду, где он ее рвет на куски и проглатывает. Эллиот же, который наблюдал в течение четырех лет этих животных на Прибыловых островах, никогда не видал, чтоб сивучи гонялись за птицами, хотя они постоянно плавают вместе с водяными птицами, которые не выказывают перед ними никакого страха.

Несколько десятков лет тому назад у берегов Калифорнии истреблялось столько сивучей, что можно было наполнить тысячи бочек ворванью, вытопленной из их жира. Количество истребляемых животных было просто баснословно, причем надо принять во внимание, что в течение одной охоты большей частью попадались только мелкие животные; редко убивали сивучей таких больших размеров, чтоб из сала трех-четырех вытапливалась целая бочка ворвани. Вследствие заметной убыли этих драгоценных животных в настоящее время убивают преимущественно самцов, и не копьями, а огнестрельным оружием. Направленная в огромное туловище зверя пуля редко имеет желаемое действие, поэтому стреляют всегда в голову, причем целятся в ухо. С дубинами и копьями гоняются за ними там, где поверхность морского берега позволяет загнать животных от берега вглубь, что при их пугливости не представляет особенного труда. После такой бойни у убитых сивучей вырывают щетины усов, снимают кожу и срезают толстый слой подкожного жира, который потом на корабле разрезают на маленькие четырехугольные кусочки и топят. Сначала мех бросали, потом открыли, что он годится на приготовление клея и таким образом приносит выгоду, как и жир.

В то время как европеец охотится за сивучом из-за его жира и шкуры, это животное снабжает жителей Аляски, Алеутских и Прибыловых островов не только пищей, но и необходимым сырьем. Главное место обитания морских львов на острове Св. Павла — северо-восточная оконечность; к этому месту направляются туземцы в надежде на счастливую охоту. Сивучи очень чутки, лежат обыкновенно у самой воды, и застигнуть их врасплох очень трудно. Эллиот рассказывает, что в лунные ночи, когда несущиеся по небу облака поминутно застилают свет месяца и ветер дует с суши, опытные охотники крадутся один за другим вдоль берега; они передвигаются на руках и ногах, чтобы сторожевые морские звери при мелькающем свете приняли их за себе подобных. Убедившись, что им удалось отрезать целое стадо от моря, охотники в один миг вскакивают на ноги со страшным шумом, кричат, стучат, стреляют из ружей, пускают ракеты и этим стараются согнать дальше в глубь суши животных. Тюлени, которые лежали лицом к морю, поспешно бросаются в воду: эти для охотников потеряны безвозвратно. Тех же, которые лежали лицом к суше, охотники гонят и окружают «тряпочной оградой»: на расстоянии 3—6 метров друг от друга ставят колья и соединяют их веревками, на которые вешают разное тряпье. Эта легкая преграда совершенно достаточна, чтобы отрезать животным бегство. В продолжение двух или трех недель, смотря по погоде, охотники продолжают оцеплять и загонять животных на сушу, окружая каждое стадо оградой, пока число пойманных зверей не достигнет 200-300 штук. После этого начинается гоньба — это значит, что сивучей самих принуждают добираться до того места, где их должны убить. В сырое и холодное время пленники проходят расстояние в 11 английских миль за 5-6 дней, в теплое же и сухое им для этого требуется 2 или 3 недели, а иногда и более. При гоньбе пускаются в ход всевозможные средства для устрашения: кричат, стреляют, стучат, шумят, машут платками и флагами; в новейшее время с успехом употребляются и обыкновенные синие зонтики, которые быстро открывают и закрывают перед упирающимися животными. Так как молодые сивучи и тщедушные самки подвигаются быстрее, чем старые, жирные самцы, то караван тянется на большое расстояние, и бывает очень трудно заставить измученных и озлобленных животных подвигаться вперед. Но зонтик в опытных руках всегда оказывает свое действие; даже самый разъяренный старый самец бежит от него. Если дорогой встретится озеро, то пользуются водным путем, чтобы быстрее проплыть несколько английских миль всего пути. По мере приближения тюленей к берегу их опять заключают в ограду, пока не подойдут последние из них. Тогда все стадо гонят в воду, где с помощью двух-трех лодок с людьми заставляют плыть в образцовом порядке; таким образом, менее чем за 20 минут оно переплывает все водное пространство. Нужно сказать, как это ни покажется странным, что ни одно животное не осмеливается вырваться и уплыть на середину озера. Потом идет трудный путь опять по суше, еще

через два-три небольших озера, и наконец странный караван достигает места назначения. Тут выносят оружие: ружья и пики. Даже самые отважные охотники не решаются выступить с одним копьём против старых самцов — это было бы слишком опасным предприятием. Прежде всего убивают самцов выстрелами в голову, а уж потом самок и детенышей верными ударами копья в самое сердце. Из этой добычи почти все идет в дело: мясо и жир употребляются в пищу, жилы — на нитки и тесемки, из шкур делают легкие челноки, из кишок — прекрасные непромокаемые одежды. Даже длинные гибкие щетины усов тщательно сберегаются; китайцы дорого за них платят и чистят ими, между прочим, трубки для курения опиума.

По словам Эллиота, у которого мы заимствовали это описание, остров Св. Павла вследствие особенностей береговой линии необыкновенно удобен для подобного рода охоты; к нему приплывают ежегодно 10-12 тысяч сивучей. Не так удобен в этом отношении соседний с ним остров Св. Георгия. Эллиот слышал от тамошних жителей, что в начале нынешнего столетия к острову приплывали сотни тысяч этих животных; но так как вследствие неудобного берега охота за ними была почти невозможна и к тому же сивучи отгоняли от земли более ценных морских котиков, то жители острова старались самих сивучей отогнать от берега. Усилия жителей увенчались успехом, и мало-помалу сивучи потеряли привычку приплывать к острову Св. Георгия, уступая место морским котикам, ценность которых выше и охота за которыми представляет меньше трудностей.

У берегов Сибири, Камчатки и Сахалина этих нерпук и сходные с ними виды ловят иным образом. Все бухты и реки северной азиатской береговой полосы от июня до сентября изобилуют лососями, которые в это время поднимаются в реки для метания икры; следом за ними появляются и нерпухи всех видов. Чтобы их поймать, перегораживают в известных местах реки и заливы редкими сетями, сквозь которые могут проскочить рыбы, но не тюлени, которые в них запутываются и издыхают на глубине или бывают убиты подоспевшими жителями. Таким образом, в разных местностях области распространения за этими животными охотятся различными способами; но ни один из них не угрожает сивучам таким совершенным уничтожением, как способ европейцев, которые и в этом опередили остальные народы.

Сивучи легко уживаются в неволе, если пойманы молодыми; со временем они испытывают необыкновенную привязанность к своему сторожу*.

** Из-за огромных размеров сивучей приручают реже, чем калифорнийских морских львов. Но они приручаются не хуже и успешно дрессируются в цирках и дельфинариях (в частности, в Московском дельфинарии).*

Северный морской котик (*Callorhinus ursinus*)** по величине уступает сивучам; длина самых больших самцов не превышает 2-2,5 метра от кончика морды до оконечности хвоста; самки редко достигают более половины этой длины; самцы весят 200-250 кг, самки 50-60 кг.

*** Северный морской котик распространен примерно там же, где и сивуч, по тихоокеанским берегам Азии и Америки на юг до Японского моря и Калифорнии, соответственно. Взрослый самец до 213 см длиной и 270 кг весом; самки в полтора раза короче и вчетверо легче. Больше других северных ушастых тюленей проводит в открытом море, подходя к берегам в основном в сезон размножения. Изредка заходит в реки. Питается рыбой.*

Туловище его хотя толстое, но очень длинное, голова длиннее и острее, чем у других ластоногих, шея короткая, но заметно выделяется из туловища, хвост короткий и острый, пасть довольно маленькая, ноздри в виде щелей, глаза очень большие, темные и выразительные; на верхней губе торчат около 20 жестких щетин 16 см длины. Передние конечности имеют форму плавников и покрыты упругой, гладкой черной кожей, которая в конце очень удлиняется и расширяется, так что все пять пальцев, из которых три вооружены ногтями, оканчиваются лоскутом кожи, по крайней мере в 10 см длины. Шерсть, которая на шее и передней части туловища заметно удлиняется, а на спине несколько короче, очень густа и состоит из не слишком жестких волос и необыкновенно мягкого и нежного подшерстка. Основной цвет ее темно-бурый, который у некоторых особей переходит в черно-бурый; на голове, шее и передней части туловища шерсть имеет как бы белую седину вследствие белых кончиков волос; на внутренней и нижней частях туловища она светлее. Старые самки отличаются от самцов почти постоянно серебристым оттенком. Молодые котики серебристого цвета, потому что волосы имеют светлые кончики.

Первое описание этих животных, столь прекрасно составленное еще Стеллером, в последнее время обогатилось многими новыми исследованиями.

Из сообщений старых моряков, хорошо изучивших морских котиков, известно, что они регулярно появляются на островах и шхерах единственно с целью размножения; остальное время года проводят исключительно в открытом море, где предпринимают далекие путешествия. Многолетними

наблюдениями доказано, что эти животные постоянно возвращаются к тем же самым известным им местам на суше, так называемым лежбищам. Когда настает время размножения, то первыми на берегу появляются старые самцы (секачи), посланные, по-видимому, в качестве разведчиков. За ними мало-помалу следуют и все остальные. С высоких мест отдельных южных островов, по словам Скаммона, наблюдали, что они приплывают к берегу огромными обществами; очевидно, они путешествуют вместе и только на берегу разделяются на отдельные стада. При выборе мест действуют с большой осторожностью, особенно, вероятно, с тех пор, как убедились в необходимости защищаться от нападения и злейшего своего врага — человека. Котики выбирают маленькие острова или на больших островах такие береговые полосы, где особенно силен прибой, а на островах размещаются по возможности на малодоступных скалах, едва возвышающихся над самой высокой линией прилива. Каждый старый самец из года в год возвращается к одному месту, пока может удержать его за собой. Туземцы Прибыловых островов уверяли Брианта, что они 17 лет подряд замечали возвращение на скалу острова Св. Павла одного и того же секача; узнавали его по отсутствию переднего лапы. Эллиот сообщает об этом несколько другие сведения. Жители острова Св. Павла уверяли его, что только в течение трех лет наблюдали возвращение старого самца если не на ту же скалу, то по крайней мере в ее окрестности. Его узнавали по недостающему заднему лапу. Эллиот поджидал его на четвертый год, но он уже не появился. Чтобы решить этот вопрос, были сделаны доказательные опыты: нескольким самцам подрезали уши. Отмеченных таким образом животных на следующий год нашли в разных местах острова. Этим было доказано, что животные возвращаются в ту же местность, но не на старое свое лежбище*.

** Котики-самцы, прибыв на лежбища, начинают делить и защищать свои участки. Чем лучше участок, тем больше на него придет самок, тем больше с их приходом будет гарем данного самца. Поэтому молодые и неопытные в битвах самцы держатся на малоудобных местах по краям лежбища, туда же оттесняются и старые звери, ставшие слишком слабыми для драк. Поэтому неудивительно, если сильный и опытный самец по несколько лет успешно занимает один участок, а другой, взрослая или, наоборот, старея, год от года перемещается по лежбищу.*

По наблюдениям Брианта, молодые, не достигшие 6 лет самцы (полусекачи) не осмеливаются днем высаживаться на берег; поэтому они почти все время пребывания морских котиков на суше плавают около берегов взад и вперед и разве только ночью, украдкой, пристаю к берегу, чтобы хоть немного выспаться. Единственное исключение из этого правила может найти место только там, где для жилья на суше избрана очень длинная полоса морского берега, тогда между различными принадлежащими к одному стаду семействами остаются незанятые места, по которым позволяют свободно двигаться полусекачам.

Жизнь этих животных во время пребывания на суше проходит следующим образом. Около половины апреля у островов появляется несколько старых самцов, которые в течение 2-3 дней плавают около берегов, осмеливаются влезать и на берег, где осторожно обнюхивая воздух, исследуют знакомые места*.

** На островах Прибылова самцы приходят на лежбища в начале июня, а самки — в середине.*

Если исследование удовлетворительно, они 2-3 дня спустя решаются влезть на более высокие места и ложатся там с приподнятой вверх головой, прислушиваясь и осматриваясь кругом. Туземные жители острова Св. Павла, которые хорошо изучили нравы и привычки этих зверей, стараются не попадаться им на глаза в это время и не шуметь, особенно когда ветер дует в сторону животных, тушат даже огонь, чтобы не возбудить недоверия соглядатаев. Секачи исчезают в скором времени; несколько дней спустя опять появляются самцы в небольшом количестве, как взрослые, так и молодые. Первые устраиваются на избранных местах, выталкивают молодых с берега и заставляют их или оставаться в воде, или селиться на незанятых еще местах острова. Каждый старый самец захватывает пространство около 25 квадратных метров, место для сна и отдыха как для себя самого, так и для своих самок, которых бывает в среднем от десяти до пятнадцати, а на лучших местах от сорока до сорока пяти. Каждый день прибывают все новые и новые самцы: молодые в меньшем, старые в большем количестве. По мере того как они прибывают, следующим все труднее и труднее пробраться к удобным местам, так как каждое семейство крепко держится своего места и уступает только силе. Здесь ничье право не признается, прибывшие последними должны довольствоваться малым или добиваться лучшего места силой.

Северный морской котик (*Callorhimis ursinus*)

Около 15 июня все самцы уже в сборе и все удобные места заняты. Секачи поджидают прибытия самок. Последние прибывают до половины июля, сначала тоже в небольшом числе, а впоследствии все в большем количестве, когда уже все удобные места заняты и даже переполнены. Многие самки вначале имеют, повидимому, желание соединиться с известным им самцом. По крайней мере еще в море они влезают на отдаленные утесы, чтобы оттуда оглядеть места стоянок, издают призывный крик и прислушиваются, не отзовется ли знакомый голос. Если этого не случится, они меняют место и повторяют тот же прием, пока наконец один из плавающих молодых самцов (холостяк, по выражению туземцев) не подплывет к ней и не заставит ее, иногда против воли, пристать к берегу острова. Как только самка попала на берег, к ней приближается один из близлежащих самцов, издает звук, похожий на квохтанье наседки, и старается, нежно кивая и ласкаясь к вновь прибывшей подруге, стать между ней и морем, чтоб она не могла ускользнуть от него. Как только ему это удалось, поведение его меняется совершенно; вместо ласки самка испытывает грубое насилие: грозное рычание заставляет ее присоединиться к гарему строгого властелина. Каждый самец повторяет этот прием, пока все места в его гареме не будут заняты. Этим, впрочем, не оканчивается его трудная работа, так, другие самцы постоянно нарушают его права, пользуясь всякой удобной минутой, чтоб увести самку. Происходит это весьма просто: сосед-самец схватывает зубами одну из самок, протаскивает ее через головы остальных, как кошка мышь, и водворяет в собственный гарем. Расположившиеся рядом другие самцы поступают точно так же, и таким образом ловля и увлечение самок продолжаются до тех пор, пока все места не будут заняты. Нередко случается, что два самца спорят за обладание самкой; случается также, что два соперника в одно и то же время нападают на одну самку, и если не растерзают ее окончательно на куски, то во всяком случае нанесут тяжелые раны. Когда наконец все гаремы наполнены, самцы расхаживают с самодовольным видом, обзревая свои семьи, ворчат на самок, которые теснятся или мешают другим, и свирепо отстраняют всякого докучливого посетителя. Подобный надзор продолжается в течение всего времени пребывания на суше.

Два или три дня по прибытии на сушу каждая самка мечет по одному, редко по два детеныша. Молодой морской котик появляется на свет, как все тюлени, чрезвычайно развитым, с открытыми глазами; длина его при рождении 35 см, вес 1,5-2 кг. Наружностью он вначале совершенно непохож на взрослых морских котиков: шерсть его, состоящая из необыкновенно мягкого и курчавого подшерстка и таких же длинных волос, черного цвета*; только к концу пребывания на суше молодые котики принимают ту же окраску, как и взрослые.

** За это жители Дальнего Востока называют их «черненькими».*

В первое время самка почти не оставляет детенышей ни на минуту, позднее она на более продолжительное время уплывает в море для добывания пищи. Пока мать на суше, детеныши постоянно следуют за ней при малейшем ее передвижении; по словам Эллиота, они первые 4-6 недель совершенно не способны к плаванию и неминуемо тонут, если случайно попадут в воду. После 6 недель они начинают мало-помалу довольно неловко плавать, стараясь подражать движениям матери, но первое время всегда спешат выкарабкаться из воды, на берег*. Со временем осмеливаются на более далекие путешествия и наконец к половине сентября становятся совсем искусными пловцами. К этому времени они уже очень подросли, весят 14-16 кг и начинают линять. На Прибыловых островах линька оканчивается около 20 октября.

** Детеныши морского котика способны плавать от рождения, но добровольно не входят в воду примерно до месячного возраста. Мать непрерывно находится с детенышем только первую неделю его жизни, затем начинает уходить в море кормиться, возвращаясь к «черненькому» дважды в неделю. Таким образом, большую часть времени молодые котики предоставлены самим себе и плаванию не обучаются ни от матери, ни от самца, который их большей частью просто игнорирует. В 3—4 месяца они становятся самостоятельными и покидают мать навсегда.*

Эллиот подробно описал тот порядок, с которым все эти удивительные происшествя ежегодно совершаются на вышеупомянутых островах. Первые старые самцы появляются в начале мая; они не выказывают ни страха, ни недоверчивости при высадке на берег. Другие следуют за ними; но они, за малыми исключениями, не моложе 6 лет. Самцы ведут между собой борьбу за лучшие места, какими обыкновенно считаются ближайšie к морю; это продолжается до 10 или 12 июня, когда все пространство лежбищ оказывается разделенным по праву сильного. Тогда начинают прибывать самки, от 12-15 июня небольшими группами, позднее в большем количестве, наконец, с 23-25 июня целыми толпами, так что гаремы скоро переполнены. К 8 или 10 июля прибыли все. Детеныши являются на свет большей частью между 10 и 15 июля и никак не позже первых чисел августа. Самки никогда не рожают раньше трех лет; беременность продолжается почти 12 месяцев**.

*** У котиков и других ушастых тюленей оплодотворенная яйцеклетка останавливается в развитии на 3-4 месяца, таким образом, истинный срок развития эмбриона составляет 8—9 месяцев.*

Так как случки начинаются почти тотчас после рождения детенышей, то половое возбуждение прекращается уже к началу августа: старые султаны покидают свои места и своих до той поры так ревниво оберегаемых самок; исхудалые и слабые, они спешат в море. С их уходом нарушается порядок, который до той поры господствовал среди животных. Детеныши, матки, полусекачи, которые не смели показываться все это время, свободно переходят с места на место. Животные располагаются теперь на пространстве в три, четыре раза большем, чем прежде; новорожденные тюлени выделяются из толпы и собираются большими стадами. С 8-9 августа молодые начинают по собственному побуждению учиться плавать, и к 15-20 сентября все уже вполне постигли это искусство. С половины сентября господствует на всех лежбищах свободное и беспорядочное движение: животные приходят, уходят, отдыхают и забавляются. Пребыванию их на суше приходит конец; они уплывают и целых 8 месяцев остаются опять в море. В последних числах октября или во всяком случае не позднее первых чисел ноября, по окончании линьки, все морские котики старше 5 или 6 лет оставляют остров; молодые и новорожденные следуют их примеру, хотя многие еще не покидают места рождения в течение 2-3 недель. В конце ноября почти все исчезают. На острове остаются только сотни две трупов, разбросанных по разным местам, и отдельные экземпляры, которые бывают видны до 12 января.

Но мы должны еще выделить две группы из этих ежегодных сборищ: прежде всего назовем небольшую группу, состоящую из старых секачей, изувеченных во время стычек, изгнанных со своих мест или вовсе не добившихся места. Они соединяются группами и поселяются на пустынных береговых полосах, где, сердитые и угрюмые, проводят все время на суше. Подобные привалы раненых и обиженных самцов моряки весьма остроумно и метко называли «госпиталями». Другая отдельная группа гораздо многочисленнее и важнее для промышленников; она состоит из несовершеннолетних, холостых самцов (полусекачей и холостяков), которых старые самцы из ревности не терпят около своих гаремов, почему они селятся на свободных берегах островов. Эти молодые животные собираются в огромном количестве и, не связанные никакими семейными узами, свободно плавают и играют в морских волнах. Они самые искусные пловцы среди котиков. На земле они так доверчивы, что люди спокойно могут проходить среди них, не вызывая ни паники, ни даже волне-

ния. Поэтому становится понятным, каким образом охотникам удается отделить от стада любое число экземпляров и направить их по своему усмотрению, так как именно эти холостяки и составляют ту добычу, которую люди гонят к местам бойни и убивают ради ценности их меха.

За свой превосходный мех морской котик ценится выше всех своих сородичей. Туземцы убивают их, конечно, и ради мяса, которое составляет значительную часть их питания; европейцы тоже находят мясо морских котиков вкусным. Жители Прибыловых островов вообще питаются преимущественно мясом различных ластоногих и потому во время пребывания сивучей и морских котиков на суше делают запасы на целый год. Пока вышеупомянутые животные живут на суше, мясо только что убитых частью съедается тут же; но на зиму отделяется необходимый запас. Незадолго до отплытия нерпук в море убивают их в наибольшем количестве; мясо или сушат, или морозят всю тушу. Из жира морских котиков вытапливают ворвань, но в незначительном количестве, это второстепенная статья дохода. Главнейший доход с давних пор доставляют шкурки молодых котиков. Но при добыче их поступали так недальновидно и бессмысленно, что истребили за несколько десятков лет огромное количество животных; несколько островов, где они появлялись в прежние времена, совершенно теперь опустели. На Прибыловых островах на них охотились так беспощадно, что уже в начале нынешнего столетия русское правительство издало особые законы, чтобы положить преграду такому варварству. В 1803 году добыли в Уналашке до 800 тысяч шкур, большая часть которых была выброшена в воду и сожжена, так как не было возможности их отделать. А в 1816 году на Прибыловых островах добыли только десятую часть вышеупомянутого количества. Чтобы их не истребить окончательно, следует ежегодно добывать не более 200 тысяч. При этом около 100 тысяч котиков на островах Прибылова, а остальные 100 тысяч на острове Беринга, островах Охотского моря, на берегах Калифорнии и на других, посещаемых ими местах*.

** С 1969 по 1975 год на островах Прибылова добывали ежегодно по 34 000 котиков, с 1976 по 1983 г. — по 25000. В 1983 г. правительство США запретило промысел котика в связи с неуклонным снижением численности и внесло его в список охраняемых морских млекопитающих.*

Эллиот после тщательной проверки всех отчетов о морских котиках, бывавших ежегодно на островах Прибылова в середине прошлого столетия, дает нам следующие цифры: на острове Св. Павла в лежбищах перебивало 3 миллиона 300 тысяч старых самцов, самок и детенышей; на острове Св. Георгия 163 тысячи 420. К этому надо добавить около 1 миллиона 500 тысяч полусекачей и холостяков. Следовательно, на этих двух островах круглым числом ежегодно селится до 4 миллионов 700 тысяч морских котиков. Из этого огромного числа убивают около 100 тысяч животных, по большей части малолетних. При таких порядках нельзя опасаться окончательного истребления этих животных, и если промышленники не перейдут за эти строго определенные пределы эксплуатации, то по крайней мере острова Прибылова сохранят этот выгодный промысел надолго**.

*** К моменту прекращения промысла в 1983 г. популяция на островах Прибылова насчитывала 815 000 животных, т. е. почти вшестеро меньше, чем было во времена Брема. И это, если учесть, что после 1950-х годов действовали строгие квоты промысла, «разумно» определяющие количество и состав добываемых животных.*

Чтобы захватить живьем морских котиков, употребляют тот же способ, какой описан при ловле сивучей. Только охота за ними легче, так как морские коты гораздо доверчивее и смиреннее первых; кроме того, охотятся преимущественно не за старыми и сильными, а за молодыми самцами, которые доставляют лучшие шкуры.

Снятые шкуры относят в солеварни и там укладывают для соления в четырехугольные ящики, мездрой вверх. 30-40 дней спустя их вынимают из ящиков, очищают от соли, складывают мездрой вверх, обсыпают свежим слоем соли и отправляют на корабль. Общество «Аляска» приобрело от Соединенных Штатов монополию торговли котиковыми шкурами с обязательством не убивать в Американских владениях более 100 тысяч морских котиков; кроме того, оно арендует право звериной ловли на азиатской стороне Тихого океана. Хотя эта монополия незаконна и против Конституции Соединенных Штатов, однако Общество продолжает, по словам Ломера, доставлять из одних Американских владений ежегодно до 100 тысяч лучших по достоинству шкур ценой 6-8 миллионов марок; другие 100 тысяч шкур гораздо худшего достоинства ценностью около 4 миллионов марок, доставляются на рынок как вышеупомянутым Обществом, так и свободными промышленниками из других местностей. Шкуры морских котиков составляют самый ценный товар торговли мехами. Отделка их производится почти исключительно в Англии. Чтобы освободить мех от длинных, жестких волос его, их на целые месяцы закапывают в ямы, пока корни волос не ослабеют настолько, что их легко можно удалить посредством машины. После этой операции остается чрезвычайно тонкий и

мягкий подшерсток, который своей прочностью и красотой превосходит лучший бархат; будучи выкрашены в темно-каштановый цвет, эти шкурки поступают в продажу и употребляются на дамские шубки, шапки и муфты.

В южных морях морского котика заменяет другая нерпуха, **южный морской лев** (*Otaria jibbata*)*. Он характеризуется короткими ушами и гривой, которая, впрочем, бывает только у старых самцов и покрывает спину не очень длинными волосами без подшерстка.

* *Южный морской лев населяет побережье Южной Америки от тропических до умеренных областей, не заходя на юг далее Фолклендских островов. Взрослый самец достигает 2,5 м длины и 200-350 кг веса, самка примерно вдвое мельче. Диета состоит из рыбы и головоногих моллюсков, крупные самцы могут нападать на молодых морских котиков. В Южном полушарии обитает много других ушастых тюленей (собственно, большая часть семейства). Крупные австралийский и новозеландский морские львы населяют воды Западной Австралии и Новой Зеландии соответственно. Эти два вида сходны размерами и пропорциями тела с южным морским львом. По всему Южному полушарию, населяя различные острова и побережья Австралии, Южной Африки и Южной Америки, обитают или 8 видов южных морских котиков, очень сходных с северным морским котиком и калифорнийским морским львом (с последним они живут совместно в Южной Калифорнии и на Галапагосских островах).*

Взрослые самцы достигают от кончика носа до кончика хвоста 2 метров длины; гладкая вообще шерсть этой нерпухи удлиняется с верхушки головы до половины спины в виде довольно широкой, но относительно короткой гривы, а на подбородке в виде бороды, между тем как на груди она короче. Верхняя часть лица около ноздрей желто-бурого цвета, щеки темно-бурые, морда черная, спина желтовато-серая, живот желтовато-бурый; голые лапы черные. Самки отличаются более темной окраской. Самцы в первый год жизни светлее самок, у которых в том же возрасте спина имеет темно-серую, а брюхо светло-желтую окраску; молодые животные покрыты мягким подшерстком. Кроме цвета шерсти, самки отличаются от самцов значительно меньшим ростом, который достигает немного больше половины величины самцов, и соразмерно меньшими конечностями; вес же их несоразмерно мал.

Область распространения морского льва — южная оконечность Южной Америки со всеми близлежащими группами островов и тянется к югу, до той части Южного Полярного материка, которая носит название Грегемсленда. Особенно в большом количестве встречаются они, как мы уже знаем от Форстера, на Огненной Земле и на Фолклендских островах. Их образ жизни, нравы и привычки существенно не отличаются от нравов их северных сородичей. Они точно так же предпринимают далекие странствования к избранным местам размножения, точно так же проводят на известных островах несколько месяцев, в течение которых родят детенышей и выхаживают их на суше в первые недели жизни; тут же происходит случка, а позднее линька, по окончании которой они опять переплывают далекое море. Форстер нашел на скалистых утесах множество лежбищ морских львов; он наблюдал их битвы из-за самок, нежность и ласку, с которыми члены одного семейства относятся друг к другу; он убедился на собственном опыте, что эти животные так же безобидны, как и другие нерпухи.

На Фолклендских островах также охотятся и на морских львов, но их не преследуют так беспощадно, как других нерпук. Это основывается единственно на том, что эти тюлени приносят гораздо меньшую пользу, чем другие. Они доставляют довольно неважный мех и незначительное количество жира и потому едва оплачивают издержки, которые всегда причиняет европейцам охота на тюленей. Жители Огненной Земли, напротив, считают их выгодными для охоты животными. По словам Филиппи, в Чили употребляют мех морских львов для устройства там своеобразных береговых плотов. Леконт первый привез живого морского льва в Европу. Старый моряк, охотясь на тюленей, так изучил и полюбил этих животных, что захотел попробовать содержать их в неволе и, если возможно, приручить. К его удивлению, и то и другое удалось гораздо лучше, чем он ожидал. Без сомнения, он потерял многих из пойманных нерпук, но те, что остались живы, сделались до такой степени ручными, что скоро между воспитателем и воспитанниками образовались настоящие дружеские отношения. Животные научились понимать своего хозяина, выказывали ему необыкновенную привязанность, слушались его слова и даже дали себя научить различным штукам, которые менее всего можно было ожидать от таких неуклюжих на вид созданий. Наш моряк решил выставить своего ручного морского льва напоказ в различных городах, но его легко уговорили отдать животное в Лондонский зоологический сад и самому принять там должность сторожа. Построили большой и глубокий бассейн с каменной стеной посередине, похожей на остров, соединили и то и другое с хлевом и позволили Леконту давать для забавы посетителей представления по образцу со-

держателей зверинцев. Морской лев и его воспитатель приобрели вскоре заслуженную известность и привлекли тысячи посетителей. Хотя я и не сочувствую представлениям подобного рода в учреждениях, которые должны служить главным образом науке, но меня Леконт если не помирил с этим, то по крайней мере поразил: я до тех пор никогда не видал подобных отношений между человеком и ластоногим. Сначала я не мог решить, кто из них более привлекателен для посетителей сада, во всяком случае я понял, что тюлень без Леконта не обладал бы и половиною той притягательной силы, которую он имел вместе со своим хозяином. Оба вполне понимали друг друга и, казалось, питали взаимную привязанность; можно предположить, что любовь со стороны тюленя была искренней, но и поцелуи Леконта, которые он запечатлевал на грубых устах животного, были так горячи, как будто они относились к любимому человеку. Морской лев делал все то, что ему приказывал Леконт, который всегда принимал во внимание особенности животного. Во время представлений интерес морского льва состоял единственно в том, чтобы получить кусок пищи. Его номер заключался в том, чтобы подняться из-под воды, достигнуть острова посередине бассейна, перекатиться через узкую доску, забраться на колени к своему воспитателю, взять с его губ действительно находящийся там или воображаемый кусок и, наконец, быстрым скачком прыгнуть в воду, чтобы поймать брошенную в водоем рыбку. Но искусство, с которым он это проделывал, поражало не только простого обывателя, но и ученого и опытного натуралиста.

Должен сказать, что морские львы и своими душевными способностями, и внешним видом производят на меня очень хорошее впечатление. Выражение морды так же приятно, как и у тюленя. Если можно допустить, что глаза — зеркало души, то их большие подвижные глаза со зрачками, которые, по наблюдениям Муриеса, способны необыкновенно расширяться и сокращаться, указывают на способность понимать, и поведение животных не противоречит этому впечатлению.

Я наблюдал тюленей и видел много таких, которых фокусники возили и показывали как образцы прирученных животных, но, сколько помню, ни одного из них нельзя было сравнить с морским львом Леконта. Описываемый мною ластоногий был таким ручным, каким только может быть на свободе родившееся млекопитающее. Сторож мог с ним проделывать все, что угодно, он не сердился ни на что и не выражал противодействия, напротив, охотно выполнял все фокусы, которые требовал от него его повелитель, и выказывал при этом невероятную сообразительность. Покорностью и готовностью исполнить малейшее желание своего друга он напоминал скорее дрессированную собаку, чем ластоногого. Несомненно было, что морской лев вполне понимает отдельные слова и приказания своего сторожа и действует, сообразуясь со смыслом сказанного. Он понимал, когда к нему обращались со словами, по зову приближался к своему господину и выполнял разные приказания, по команде влезал к нему на колени, губами прикасался к его губам; бросался на спину, скалил зубы, показывал передние и задние лапы, ни разу, по-видимому, не поняв ложно желание своего повелителя. Эти «фокусы» он покорно выполнял во всякое время, несмотря на то, что в течение дня ему приходилось более десяти раз проделывать одно и то же, что, конечно, не соответствовало его любви к покою. За это каждый раз получал какое-нибудь лакомство, большей частью кусочек рыбы, но он всегда был хорошо накормлен и ни в каком случае не голодал, а смотрел на данную рыбку как на награду, заслуженную за исполненную работу.

Способность Леконта обращаться с животным была так же поразительна, как и понятливость морского льва. Он знал превосходно своего питомца; читал, так сказать, в глазах малейшее его желание, обращался с ним с особенной нежностью, никогда не обманывал его и действовал очень обдуманно, чтобы не переутомить своего питомца. Таким образом, обе стороны представляли поразительное зрелище и морской лев стал самой редкой приманкой среди животных богатого зоологического сада. Через несколько лет это драгоценное животное околело. Своими достоинствами оно приобрело такую любовь посетителей, что Леконт был послан на Фолклендские острова с той единственной целью, чтобы приобрести там других ластоногих того же вида.

Семейство моржовые

Второе семейство этого отряда состоит из одного рода и вида — **моржа** (*Odobenus rosmarus*)*, самого огромного из всех ластоногих.

** Моржи имеют в анатомии черты сходства с ушастыми тюленями и также происходят от примитивного медведеобразного предка. У моржа огромный массивный череп, очень мало напоминающий череп других хищных, равно наземных и водных. Основная пища моржа — двустворчатые моллюски. Их он откапывает из донного грунта или отрывает от скалы огромными бивнями, представляющими собой переразвитые верхние клыки. Прочие зубы, предназначенные в первую очередь для раздавливания раковин, имеют вид толстых коротких колышков с тупой вершиной. Взрослый морж достигает 2,7-3,6 м длины и иногда более 1,5 т веса. Самки*

несколько мельче и не столь массивны. Распространены моржи в морях Северного Ледовитого океана и прилегающих водах.

В зрелом возрасте этот зверь достигает длины 4,25 метра, в редких случаях 5 метров, при толщине 2,5-3 метра, иногда 4 метра, при весе до 2000 кг. Эти измерения относятся к животным, встречающимся в Беринговом море и еще севернее. Один из самых больших моржей, убитых во время второго путешествия Копеланда к Северному полюсу, был длиной 3,7 м и имел 3 м в объеме. Вес свежей кожи взрослого моржа Кюкенталь и А. Вальтер определяют в 230 кг; но попадаются шкуры и тяжелее, в 300 кг. Как и у тюленей, длинное, вытянутое туловище моржей толще всего в середине, книзу оно суживается, но не так сильно, как у других тюленей. Из этого мощного туловища выступают конечности, как большие лопасти, но, однако, у них можно различить локтевой и коленный суставы. Каждая конечность имеет 5 пальцев с короткими тупыми когтями. Хвост представляет незначительную кожистую лопасть. Но главный отличительный признак моржа — в относительно маленькой, круглой голове, с двумя выступающими из верхней челюсти клыками. Морда у него очень короткая, широкая и тупая, верхняя губа мясиста и слишком вытянута; нижняя же губа, напротив, вспухшая. По обеим сторонам морды сидят поперечными рядами округленные, сплюсненные, роговые, щетинистые усы, причем задние длиннее передних. Самые большие из них бывают толщиной в воронье перо и длиной в 10 см; число их доходит иногда до нескольких сотен. Ноздри имеют форму полумесяца; широко расставленные глаза малы, блестящи и защищены выступающими вперед веками. Уши, лишенные наружной ушной раковины, лежат далеко позади. Замечательна его зубная система. В передней части рта два могучих клыка, выступающие далеко вперед, вытесняют шесть передних зубов, которые встречаются только у очень молодых моржей. Эти клыки бывают иногда длиной до 80 см, иногда даже и до 90, весят они в среднем от 2,5-3 до 3,5 кг; но попадались изредка зубы и в 7, и в 8 кг. Уже с первых дней жизни моржа нижние резцы выпадают, а за ними и верхние до самых крайних, и только клыки продолжают развиваться; в нижней челюсти первый невыпадающий зуб также считается клыком, так как строением он отличается от прочих коренных зубов. У молодого моржа с каждой стороны верхней челюсти по четыре ложнокоренных зуба и по одному настоящему коренному. Задние зубы выпадают довольно рано, так что у очень старых моржей рядом с большим клыком бывает только три коренных зуба. Нижняя челюсть молодого моржа содержит с каждой стороны по четыре ложнокоренных зуба, из которых самый последний так же рано исчезает. Искривленные немного клыки бывают сначала пусты и только по мере приближения к старости наполняются до самого корня.

Позвоночный столб моржа состоит из 7 подвижных шейных позвонков, 14 спинных, 6 поясных, 4 крестцовых и 18 хвостовых; 9 настоящих и 5 ложных ребер замыкают грудную клетку. Лопатки очень узкие, но плечевые и бедренные кости сильны и коротки. Самка имеет 4 сосца. В паху кожа голая, очень толстая, часто покрыта рубцами или от ран, полученных во время борьбы моржей между собой или с белым медведем, или от царапин, прорванных об острые края льдин. Преобладающий цвет старых и молодых моржей более или менее бурый, схожий с цветом дубленой кожи, хотя у старых животных бурый цвет отчасти переходит в серый. По словам Броуна, исследовавшего моржей обою пола и всех возрастов, самцы и самки похожи друг на друга, а детеныши похожи на родителей. Впрочем, кто-то утверждал, что самки не имеют клыков, и действительно такие самки попадались, но Броун видел и таких самок, у которых клыки были развиты. Клыки самки хотя и тоньше, но часто длиннее и красивее притупленных клыков самцов. Также прежде говорили, что морда, нижняя сторона пятки и ладони у детенышей покрыты волосами, которые с годами исчезают; но это было опровергнуто исследованиями Броуна*.

** Тем не менее участки тела детеныша моржа покрыты короткой, плохо заметной шерстью, которая в основном исчезает в годовалом возрасте, но местами сохраняется всю жизнь.*

Мы уже целые столетия знаем моржа по картинкам и описаниям, но мало знакомы с живыми животными этого вида и с их образом жизни. Старые рисунки, доставленные Геснером, Олаусом Магнусом, Мартенсом и Бюффеном, являются порождением фантазии, или на них изображены жалкие высохшие шкуры. Правда, некоторые рисунки, например, морского коня, морской коровы Геснера и изображение чудовищной свиньи Северного моря Олауса Магнуса поистине забавные произведения. Но все-таки есть очень хорошие изображения моржа, сделанные с натуры Гесселем и изданные еще в 1613 году. Этим рисункам соответствуют и описания старейших повествователей, которые касаются тех же далеких времен. Уже Альбертус Магнус дает нам приправленное множеством легенд и сказок описание моржа. Он говорит, что в северных морях живет огромный слон-кит с опущенными вниз клыками, длиной в 2-3 фута, которыми он цепляется, взбираясь на скалы, и действует во время боя. Рыбаки подходят к спящему животному, отделяют у хвоста шкуру

от жира, продевают туда канат, привязывают его к скале и потом бросают в тюленя камнями. Морж, стараясь убежать, пятится назад, сдирает с себя шкуру через голову и морду и оставляет ее, а сам бросается в море, где его, однако, скоро находят ослабевшим и полуживым. Из его кожи выделываются ремни, которые постоянно продаются на рынке в Кельне. Олаус Магнус рассказывает, что при помощи клыков морж взлезает на вершины скал, а оттуда, как по горке, скатывается в море, если только внезапно не заснет там. Один Дронтгеймский епископ велел посолить голову моржа и послал ее в 1520 году папе Льву X в Рим. Старый Геснер видел эту голову в Страсбурге и сделал довольно верное ее описание. Один русский и барон Герберштейн, который в начале XVI столетия был австрийским посланником в Москве, тоже сделали интересное описание моржа. Они указывают, например, что этих животных преследуют за их клыки и что из этих клыков турки, татары и русские выделывают драгоценные рукоятки для шпаг и кинжалов. Мартене из Гамбурга, видевший в конце XVII столетия моржа в Ледовитом океане, составил о нем хорошее и подробное повествование, с тех пор стали все чаще встречаться подобные описания, и наше знакомство с этим животным начало пополняться точными сведениями об образе жизни и охоте на моржа. Этим мы прежде всего обязаны Скоресби, Куку, Парри, Кану, Броуну, Скаммону, Эллиоту, Норденшильду, путешественникам к Северному полюсу и китоловам.

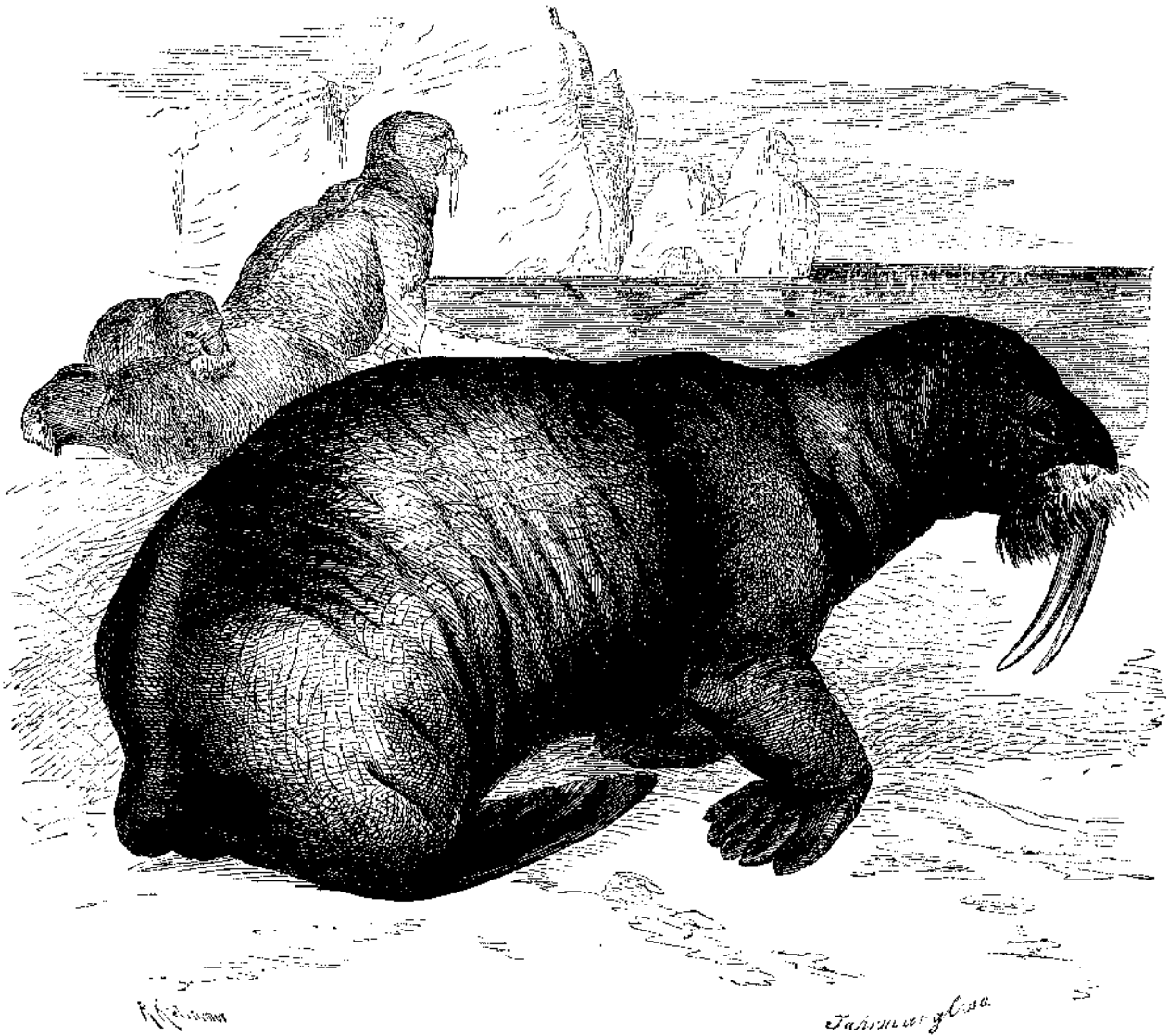
Моржа, как и многих других зверей, люди понемногу загнали далеко к Северному полюсу, и теперь он может жить только там, куда китоловы и охотники попадают лишь изредка, и то с большими затруднениями. А в далекие времена это животное встречалось около Шотландии, о чем говорят находки вещей и украшений, сделанных древними бриттами из клыков моржа. Шотландский историк Гектор Боэтиус (Воесе) указывает, что морж еще в конце XV столетия был постоянным обитателем или посетителем шотландских берегов. В позднейших рассказах вспоминают лишь о нечаянно забредших моржах, замеченных у берегов Норвегии или Великобритании*.

** В историческое время моржи южнее Норвегии постоянно не жили, однако отдельные особи встречались заметно южнее, вплоть до побережья Испании. Однако вряд ли можно предположить, что моржи в обозримом прошлом были обычны в водах Шотландии.*

Брун считает возможным, что несколько баснословных «морских коней» и «морских коров», виденных по временам рыбаками у заливаемых морским прибоем северо-западных берегов Шотландии, были моржи. Они и теперь иногда показываются там, а в 1817, 1825 и даже в 1857 годах их убивали у берегов Гебридских и Оркнейских островов. Для такого ловкого пловца, как морж, морское путешествие от Шпицбергена к Финмаркену, Исландии, Ферерским островам и Великобритании не представляло бы большого затруднения, если бы он из-за пищи не был связан с берегом более, чем другие тюлени. Он только в редких случаях переходит настоящую границу области своего распространения. Поэтому в большой степени из-за нелюбви к странствованиям в тех местах, где моржи были истреблены, они исчезли навсегда. В настоящее время область распространения моржей делится не только на восточную и западную части, но обнимает и различные, далеко разбросанные местности. Можно сказать, что он водится во всех морях, расположенных вокруг Северного полярного круга, но не везде там попадает. Его встречают в продолжение всего года в северных частях восточной и западной Гренландии, в Баффиновом заливе, в проливах и бухтах до самого Берингова пролива, который соединяет восточный и западный круг его распространения; точно так же он, наверное, встречается около Новой Земли и Шпицбергена и вдоль всего северного берега Сибири. В Беринговом проливе и Беринговом море морж встречается относительно часто. Почти до половины нынешнего столетия он нередко бывал у Алеутских островов, но дальше на юг не распространялся; теперь он едва ли попадает у этих островов, но в мелких, а потому опасных для китоловов водах Бристольского залива его еще можно найти. У северной стороны полуострова Аляски он обыкновенен. Г. Эллиот считает, что там моржей едва ли можно истребить*.

** Опыт человечества показывает, что возможно. И хотя тихоокеанская раса моржа еще не столь редка, чтобы попасть на страницы Красных книг, без надлежащей охраны это вполне может произойти.*

Несколько десятков лет тому назад их встречали в вышеуказанных местах еще в значительном количестве, даже, по уверению китоловов, стадами в несколько тысяч; теперь же только при благоприятных обстоятельствах находят на одном месте несколько сотен. Еще не так давно моржи принадлежали к самым многочисленным животным Шпицбергена, за которыми охотились из-за ворвани, но понемногу они и там сделались редкими, хотя Кюкенталь и А. Вальтер в благоприятное лето 1889 года видели их часто, а с восточной стороны острова даже по несколько сотен на одном месте.

Морж (*Odobenus rosmarus*)

У Медвежьего острова больше чем два столетия тому назад моржи попадались в таком количестве, что в один день их убивали до 1000; еще в начале нынешнего столетия каждый китолов мог убить там за один охотничий сезон 500-700 голов. Теперь они там почти не появляются. В южной части западного берега Новой Земли они бывают очень редки; восточную сторону, напротив, еще часто посещают.

Моржа нужно считать береговым жителем, который избегает открытого моря и очень редко предпринимает путешествия. Все китоловы знают, что находятся близко от земли или льдины, если в тумане видят моржей или слышат их рев; опыт их научил, что моржи не переходят границы твердого или прибитого к берегу острова льда. По мнению Броуна, это животное переходит с одного своего лежбища на другое, появляется в одно время года здесь, в другое там. Но иногда морж решается и на более дальние странствования. Так, Джеймс Мак-Байн видел в Баффиновом заливе бесчисленные стада, которые плыли по той же дороге, какой двигались несколько дней до них гренландские киты. В продолжение нескольких часов они проплывали мимо, тысяча за тысячей, не отдыхая, не принимая пищи, все время в одном направлении, стремясь к выходу через Ланкастерский пролив. Через несколько дней ни одного из них уже не было видно.

Первое впечатление, производимое моржом на человека, неблагоприятное. Самые древние мореплаватели и нынешние моряки и путешественники находят его отталкивающим и безобразным. Немецкие северные путешественники говорят, что если к какому-нибудь животному и подходит название «чудовище», так это к моржу, к его наружности, страшному голосу и вообще всему его неприятному существу. Уже древний наблюдатель Мартене, на которого моржи, очевидно, произвели большое впечатление, дает нам верное изображение их образа жизни. «Они лежат, — говорит он, — на льдине, распластавшись, как тюлени, в большом количестве и страшно режут. Они спят, храпя, не только на льдинах, но и в воде, так что их много раз принимали за мертвых. Эти храбрые животные защищают друг друга до самой смерти; когда люди из шлюпок бьют, колют и рубят их, то

одни моржи ныряют в воду около шлюпок и своими большими зубами пробивают в них дыры, другие без всякого страха плывут прямо на шлюпки и, подойдя к ним, подымаются из воды до половины туловища"*.

* *Природа наградила моржа мощным оружием — бивнями. При помощи бивней раненые или испуганные моржи не раз топили лодки зверодобытчиков и байдары эскимосов.*

Как ни коротко это повествование старого морехода, оно отлично обрисовывает моржа. Ни один из позднейших повествователей не противоречит Мартенсу, и даже лучшие наблюдатели мало что могут добавить. Жизнь моржа, кажется, должна быть очень однообразной уже и по той причине, что добывание пищи для него представляет меньше труда и берет меньше времени, чем у других тюленей. В коротких словах об их образе жизни в продолжение дня и года можно сказать следующее.

В зависимости от свойства морского берега на нем собираются более или менее многочисленные общества этих животных. Взрослые живут отдельными стадами; самцы соединяются с себе подобными, а самки живут с сосунами. Одна льдина, как говорят немецкие северные мореплаватели, служит часто пристанищем двадцати и более моржам. Их темные туловища плотно прилегают друг к другу, головы из-за длинных зубов наклонены набок или покоятся на спине соседа: «...так они обыкновенно проводят среди сна большую часть своего существования, скучая от дрящегося месяцами созерцания солнца и от однообразного шума морского прилива». Нередко встречается стадо моржей, расположившееся на плывущей льдине, видимо нисколько не беспокоясь о направлении своего путешествия. Среди сидящих на ней моржей один стоит настороже и, увидев опасность, будит других могучим голосом, а, по словам Скаммона, в случае нужды и легким ударом клыков, при этом все стадо или обращается в бегство, или готовится к обороне. Там, где моржи еще не знают людей, незнакомое судно едва привлекает внимание сторожа или всего стада; даже выстрел не тревожит их, так как они привыкли к треску в северных морях, где лед на далеком расстоянии ломается с шумом, подобным громовому удару. Во всяком случае нас не должно удивлять, что они иногда неделями не двигаются с места. Путешественники и китоловы единодушно утверждают, что моржи храбро защищаются, если их беспокоят.

На земле морж двигается тяжело и неловко, но еще ходит, а не ползает, одновременно передвигая накрест лежащие лапы, причем отличается от других тюленей тем, что в передних конечностях ставит вперед пальцы, а в задних — пятки. Забираясь на крутые льдины он, должно быть, прибегает к помощи клыков, цепляясь ими за расселины и щели, тащит свое тяжелое туловище, затем опять вытягивает шею вперед и продолжает так передвигаться, пока не достигнет желаемого места*.

* *Само научное название моржа *Odobenus* означает «ходящий на зубах».*

Плавают он, подобно всем своим сородичам, быстро и проворно, ныряет на значительную глубину и в состоянии пробыть под водой, наверное, несколько минут. При плавании морж проявляет почти неистощимую выносливость и способен перегнать всякую весельную лодку. Голос его похож то на мычание коровы, то на грубый лай собаки, а во время гнева переходит в настоящий рев. Во время случки голоса моржей слышны так далеко, что капитан Кук и его люди ночью и в тумане определяли по ним близость берега и всегда могли предотвратить столкновение судна со льдиной.

Об умственных способностях моржа трудно составить понятие по имеющимся до сих пор наблюдениям, но, конечно, следует допустить, что морж не глупее других тюленей. Об остроте его внешних чувств Пехуель-Леше говорит: «Зрение его плохо, слух гораздо лучше, но особенно хорошо развито обоняние, так как он чует человека при благоприятных обстоятельствах по меньшей мере за несколько сот шагов, если еще не дальше; поэтому тот, кто хочет к нему подкрасться, должен следить за направлением ветра». Как ни бывает равнодушен морж к первой встрече с человеком, все же скоро приобретает некоторый опыт, изменяет свое поведение и храбро и толково приступает к борьбе с повелителем земли. Среди его качеств следует выделить не только присущее всем тюленям любопытство, но и необыкновенное для ластоногого мужество. Тот смертельный страх, который овладевает гигантскими морскими слонами при встрече с их страшнейшим врагом — человеком, неизвестен моржам; они всегда готовы сопротивляться даже вооруженным людям, и смерть товарища только еще более разжигает их дикую ярость. Между собой они так же сильно дерутся, как с врагами, но только во время течки, которая обыкновенно выпадает на последние весенние месяцы. В это время самцы рычат и буйствуют каждый час дня, нападают друг на друга и наносят противникам зубами глубокие раны на шкуре. После двенадцатимесячной беременности самка производит на свет единственного детеныша* и вся отдается ему с преданной материнской

любовью, самоотверженно заботится о его пище и воспитании и защищает со всем мужеством и озлоблением, на которые только способны эти животные.

** Спаривание у моржей происходит зимой, обычно в январе. Оплодотворенная яйцеклетка отстает в развитии до июня — июля, после чего собственно развитие зародыша занимает еще 10-11 месяцев. Таким образом, беременность заканчивается к апрелю следующего после спаривания года и ее общая продолжительность составляет 15-16 месяцев.*

Завидев опасность, она хватается детеныша передними лапами и толкает в море, там сажает себе на спину, чтобы лучше охранять и, презирая смерть, борется с врагом. Детеныш привязывается к матери с искренней нежностью и даже не покидает ее, когда ее убьют. Кто убьет детеныша, тот подвергается ярому сопротивлению и непримиримой жажде мести со стороны матери. Даже если целое стадо моржей-самок обращено в бегство, матери с ревом выплывают из глубины, плывут за качающимися на волнах убитыми детенышами, хватают их и исчезают с ними под водой. Если убивают отделившуюся от стада матку с детенышем, то последний без всякого сопротивления отдается в руки врагов, он ни за что не решится покинуть мать. Капитан Вильяме, старый опытный китолов, убил однажды моржа-самку и на лодке тащил его четыре километра до судна. Детеныш плыл все время за лодкой и, когда добыча была втащена на борт, делал большие усилия, чтобы тоже попасть туда. Когда ему набросили петлю и втащили на лодку, он подполз к убитой матери, взобрался к ней на спину и оставался там, пока его не заставили броситься в море. Но и тогда он оставался поблизости от судна, громко оплакивая потерю своей матери.

Как показали исследования Мальмгрена и Броуна, морж питается исключительно животной пищей. Многие из старых повествователей утверждали, что его главную пищу составляют водоросли, потому что в желудке убитых моржей находили их остатки или принимали что-то за них. Но это мнение уже опровергает Фабрициус, который указывает на раковины как на главную пищу моржа. Мальмгрен и Броун подтверждают наблюдения последнего; оба находили в желудке исследованных ими животных главным образом двухстворчатую раковину (*Mya trimcata*) которая покрывает в Ледовитом океане все мели и рифы, и камнеточивую ракушку (*Saxicava rugosa*) и заключили, что моржи употребляют свои сильные зубы на то, чтобы отрывать эти раковины от скал и выкапывать их из ила. По их мнению, морж схватывает оторванную от скалы раковину губами и языком, раздавливает ее коренными зубами, вынимает моллюска из раковины и проглатывает его. При этом он глотает не только низших морских животных, но и приставшие к ним водоросли и другие морские растения, а также, как и многие тюлени, песок и мелкие камни, чем и объясняется заблуждение прежних исследователей.

Для народов крайнего севера, особенно для эскимосов, морж имеет такое же огромное значение, как и тюлень. Нередко случается, что из-за сильного замерзания берегов невозможна добыча животных, тогда эти бедные люди голодают и даже погибают. Охота на моржей и для хорошо вооруженных европейцев вовсе не безопасное предприятие.

Моржи, расположившиеся на берегу или на льдинах, менее опасны, в воде же они проявляют всю свою ловкость и силу. Старые охотники и путешественники по северу много рассказывают о раздражительности и мстительности моржей. Случается, что эти смелые и бесстрашные животные нападают без всякого повода на людей и принуждают таким образом моряков вступать в битву. «Моржи, — говорит Скоресби, — животные бесстрашные. На лодку, которая к ним приближается, они смотрят с любопытством, но не со страхом. Охота на них на воде не всегда бывает безопасна. Нападение на одного моржа часто привлекает многих других к защите. В таких случаях они окружают лодку, проламывают клыками ее доски, поднимаются иногда, если это им удастся, до самых бортов, угрожая перевернуть лодку. Тут самое лучшее средство защититься — это бросать морской песок в глаза разъяренных животных, что заставляет их удалиться, тогда как употребляемые в таких случаях винтовки часто совсем бесполезны».

Вид этих разъяренных морских животных не только удивляет, но и пугает. Неповоротливые шеи мешают им быстро оборачиваться, но необыкновенная подвижность глаз заменяет этот недостаток; они ими так злобно вращают, что их взгляд наводит страх. Броун, на показания которого можно положиться, подтверждает вышесказанное: «Однажды я сам находился в лодке, из которой была брошена острога в единственного моржа, спавшего на льдине. В то же мгновение он нырнул в воду, потом вынырнул и, несмотря на нашу оборону копьями, топорами и винтовками, вонзил свои зубы в края лодки, так что нам не оставалось сделать ничего лучшего, как обрубить веревку гарпуна, и мы были счастливы, что спаслись, перебравшись на ту самую льдину, которую только что оставил морж».

К счастью, животное было настолько великодушно, что нас более не преследовало, но нехотя удалилось, ворча и унося с собой воткнутые в его бок острогу и веревку». Ламону также случалось участвовать в подобных битвах. Наши путешественники на Северный полюс прибавляют к этим описаниям еще новые рассказы. Однажды с величайшими усилиями и трудом удалось им спасти одну из их лодок от полного разрушения моржами; другая лодка, спасаясь бегством от целого стада этих животных, достигла берега какого-то острова, но в скором времени была тут осаждена теми же моржами*. «Чем больше наблюдаешь этих животных, тем все более стараешься не иметь с ними дела в их стихии, на воде, если только к этому не принуждает недостаток припасов. Во всяком случае можно посоветовать при поездках на лодке запастись в достаточном количестве оружием, чтобы предохранить себя от подобных нападений».

** Эти рассказы уже представляются выдумкой, так как, насколько бы морж ни был агрессивен, будучи раненым, стадо моржей, тем более в неродной стихии, вряд ли будет совершать враждебные действия по отношению к кому бы то ни было.*

По мнению Пехуель-Леше, неверно думать, что охотникам часто приходится выдерживать такие битвы с моржами; на такие битвы надо смотреть как на исключение, нежели как на правило. Часто неуклюжая погоня этих животных принимается за угрозу с их стороны, тогда как она на самом деле совершенно невинного свойства. Моржи очень любопытны и нередко, подобно бегемотам в Африке, сопровождают лодку на большом расстоянии, причем они часто, пыхтя и хрюкая, высовываются из воды в непосредственной ее близости, высоко поднимаются над поверхностью и смотрят своими страшными глазами на сидящих в лодке людей. В тихую погоду и при зеркальной поверхности моря можно наблюдать за животными с полным спокойствием, зрелище это представляется в высшей степени привлекательным; при дурной погоде и во время морского волнения движения этих спутников лодок делаются резче, и они часто очень быстро и неожиданно начинают выскакивать из воды; но никогда тому, кто хорошо знаком с жизнью северных животных, не приходит в голову считать подобную встречу опасным нападением. Опытный китолов или охотник совершенно иначе судит о подобных происшествиях, нежели тот, кто вовсе не занимается охотой. Моржи скорее находят удовольствие в том, чтобы следовать за лодкой, рассматривать докучливых незнакомцев, и нисколько не думают наносить им какой-нибудь вред; совсем другое дело, если защищается подстреленный или раненый острогой морж. Норденшильд подтверждает этот взгляд: «Общественность и любопытство, кажется, главные чувства в характере моржей. Я имел случай наблюдать за этими их свойствами, когда плыл в один тихий, прекрасный, северный летний день по гладкому, как зеркало, морю, усеянному плавающими льдинами, среди порядочного стада этих животных. Часть их мирно плыла за лодкой, издавая время от времени хрюканье, другие подплывали совсем близко, высовывались высоко из воды, чтобы посмотреть на незнакомцев; наконец, третьи лежали на плавающих льдинах, так плотно сжавшись, что погружали их в воду до краев». Очень часто охотники с одной и той же лодки поражают гарпунами сразу нескольких моржей, раненые моржи тащат лодку за собой и не защищаются даже тогда, когда их добивают копьями и ружьями. Опасность, однако, появляется в том случае, когда пораженные острогами животные не все плывут в одном известном направлении, а если одно из них уклонится в сторону, тогда лодка может быть опрокинута веревкой; чтобы предупредить эту случайность, следует отрезать веревку, если силы животного еще не истрачены. Морж, раненый или напавший убитый копьем или пулей, пущенной в голову, погружается в воду и безвозвратно пропадает для ловца. Поэтому главная задача охотника — в том, чтобы сначала загарпунить его и взять на веревку. При этом случается, что одно животное бросается на своих преследователей, как это испытали Кюкенталь и А. Вальтер прошлым летом около Шпицбергена: разъяренный морж пробил клыками стенку лодки и боковую доску стоявшего тут же ящика, но больше никакого вреда не сделал. Вышеупомянутые наблюдатели, впрочем, того мнения, что к защите склонны только молодые, задорные самцы.

Если моржей застигают спящими на льдине, то охотники в последнюю минуту вынимают весла, бесшумно причаливают и выходят на льдину в тылу у животных. Едва один из моржей заметит неприятеля, как тотчас же поднимает голову вверх, будит остальных, и все стадо, толкая перед собой детенышей, неудержимо стремится к краю льдины и бросается в море вниз головой. Эту минуту и следует уловить охотникам для того, чтобы пустить в дело свои копья и ружья. Нападение будет удачным, если охотники убьют большое число животных, лежащих ближе всего к воде, и туши убитых заградят остальным путь к бегству. При таких обстоятельствах может произойти крупная резня моржей, добыча бывает чрезвычайно богатая, если отрезанное от воды стадо многочисленно.

Так же как европейцы, охотятся эскимосы и другие туземцы крайнего севера, привыкшие владеть огнестрельным оружием; существенно другим образом охотятся те из них, которые и до нынешних дней остались верны обычаям своих отцов. Как рассказывает Кин, эскимосы нападают на моржа и в воде, и на льду. В первом случае они стараются подойти к нему на лодке как можно ближе; если морж ныряет, то они быстро плывут в его сторону; если он плывет над поверхностью воды, то они выжидают благоприятную минуту и бросают в него гарпун. Раненый морж тотчас же погружается в воду; тогда охотник вбивает в лед обитый железом кол и крепко привязывает к нему веревку от гарпуна. Животное яростно бьется, пока не ослабеет, и тогда его можно добить ударами колья. По словам Годмана, эти храбрые охотники в разгаре лета стараются подкрасться хитростью к спящему на льдине стаду. Для этого они отправляются сначала на другую льдину поменьше, прикрепляют к ней лодки и затем стараются подойти к стаду на своем ледяном плоту. Дойдя благополучно до места, каждый охотник намечает себе по уговору одного или двух моржей из стада, и все остроги в один миг взлетают со свистом на воздух. Задетые ими моржи бросаются тотчас в воду и стараются уплыть, но их задерживают веревки острога, и животные тем скорее ослабевают, чем больших усилий им стоит тащить за собой ледяной плот охотников, к которому прикрепляются все веревки. Охотники выжидают в своих лодках момента, когда моржи выбьются из сил, и в удобную минуту приближаются и убивают их копьями. В Беринговом море, на северном берегу полуострова Аляски, туземцы стараются обойти расположившихся на земле животных и, вооруженные копьями и тяжелыми топорами, бросаются на них со страшным криком, надеясь их так напугать, чтоб они бросились внутрь полуострова. В таком случае охота всегда бывает прибыльна. Она бывает неудачна, если хоть одному моржу удастся прорвать линию охотников, тогда остальные бросаются за вожаком и скрываются в морских волнах. Впрочем, и Эллиот говорит, что туземцы, которые занимаются ловлей моржей на берегах и островах Берингова пролива и моря, не считают охоту на воде особенно опасной. Они преследуют зверя в легких лодках из шкур, бьют его острогой, дают ему помучиться, пока он не ослабеет, и затем убивают копьем.

Из всего этого можно заключить, что моржи защищаются не всегда, а делают это только некоторые из них, и то случайно.

Кроме человека у моржа есть еще враги, от которых ему приходится страдать. Эскимосы и китоловы утверждают, что таким врагом является белый медведь, который опасен не только для детенышей, но и для взрослых. Броун ни разу не видел битв между этими животными, поэтому считает себя вправе думать, что рассказы о них следует отнести к басням, хотя окончательно не опровергает их верности*.

** В битве с моржом-самцом один на один или тем более с целой группой агрессивно настроенных моржей белый медведь проигрывает и отступает. Но обычно моржи не столь «храбры», как пишет Брем, и при опасности стараются поскорее укрыться в море. Медведь пользуется этим, незаметно выходя из моря чуть в стороне от лежбища, и затем пугает моржей ревом и внезапным своим появлением. Стадо бросается к воде в полном беспорядке, и почти всегда один или несколько молодых моржей оказываются задавлены сородичами. Эти жертвы паники и составляют добычу медведя.*

Скаммон подтверждает показания северных жителей. Он рассказывает еще об одном враге, о хищном ките, который, может быть, еще опаснее для молодых моржей, хотя гоняется за ними только в открытом море. При его появлении мать сажает детеныша на спину и ищет спасения на толстой льдине, но не всегда успевает выполнить свое намерение, так как злодей раньше, чем она доплывет до льдины, ныряет и дает ей такой сильный толчок в брюхо, что детеныш сваливается со спины, и кит его в один миг схватывает. Но, вероятно, гораздо неприятнее белого медведя и хищного кита бывают для моржа маленькие, похожие на огромную вошь, паразиты. По наблюдениям Броуна, один вид гнездится у корней усов, другой — по всему телу, и оба так мучают моржа, что он в отчаянии то прыгает со льдины в воду, то опять взбирается на нее, сильно рычит, вертится или катается, стараясь стряхнуть с себя несносных паразитов. После того как Броун долгое время наблюдал за подобным поведением этих неуклюжих животных, показалась целая стая чеканов на покинутом ими месте и начала усердно что-то собирать. Это привлекло его внимание, он пошел на льдину и нашел там множество вышеупомянутых паразитов, которых моржи сумели с себя благополучно стряхнуть.

Хотя по своему самостоятельному и раздражительному нраву морж не кажется склонным вступать в дружеские сношения с человеком, но все же молодые моржи, бывшие в неволе, делались такими же ручными, как и другие тюлени. Пойманные моржи, несмотря на недостаточно для них приспособленный уход на корабле, несколько раз были доставляемы в Европу, а именно в Норвегию

и Англию. О первом морже говорят в 1608 году Вельден и Беннет: «Двенадцатого июля мы приняли на борт двух молодых живых моржей, самца и самку. Самка околела раньше, чем достигла Англии; самец, наоборот, прожил около 10 недель. 20 августа мы прибыли в Лондон и доставили нашего живого моржа ко двору, где король и многие знатные особы рассматривали его с большим удивлением, так как до тех пор еще никогда не видали подобного зверя живым в Англии. Вскоре после того он заболел и умер. Насколько поразительна наружность этого животного, настолько замечательны его понятливость и охота чему-нибудь научиться, в этом мы часто убеждались». Другие моржи были доставлены живыми в прошлом столетии, а в нынешнем двое в 1853 и 1857 годах были привезены в Англию и Норвегию, одного моржа показывали в 1884 году в разных местностях Германии. Европейцы употребляют кожу, жир и зубы моржа. Кожу дубят, жир вываривают, а зубы отделяют, как слоновую кость. По словам Норденшильда, в Тромзе при расчете между судовладельцами и китоловами оценка взрослого моржа в 1868 году поднималась до 88 марок, а в 1871 году только до 50 марок. По словам Вестендарпа, клыки моржа имеют различную цену в зависимости от величины; 1 килограмм клыков у больших моржей оплачивается 7 марками, у меньших — 5,5 марки. Раньше, по словам того же наблюдателя, ежегодно в продажу поступало до 30 000 кг моржовых клыков, но такой значительный подвоз их скоро уменьшился, а с 1880 года и совсем прекратился. Но все же цены на эти клыки за последние два десятилетия едва ли изменились. Грубое, волокнистое, пропитанное ворванью мясо моржа употребляется в пищу европейцами только в случае крайней нужды, но язык его считается вкусным. Иначе оценивают моржа народы крайнего севера; они извлекают пользу из каждой его части. Из кожи делают ремни, канаты и рыбные сети, покрывают ею свои летние жилища; из костей изготавливают всевозможные орудия; из жил — нитки; мясо служит им любимой пищей, жир они кладут в кушанья и жгут; таким образом, ни одна часть этого животного у них не пропадает даром.

Семейство тюленевые

(Phocidae)*

** Тюлени семейство водных хищных, по-видимому родственных куньим, в первую очередь выдрам. Характерные признаки отсутствие наружного уха и задние конечности, направленные назад, не сгибающиеся в пяточном суставе и не используемые для движения по суше. Позвоночник чрезвычайно гибкий: тюлени единственные млекопитающие, способные прижать затылок к крестцу. Распространены преимущественно в холодных и умеренных морях обоих полушарий, два вида живут исключительно во внутренних водоемах (байкальская и каспийская нерпы), один род (тюлени-монахи) распространен в субтропических и тропических водах Северного полушария.*

Все тюленевые отличаются короткими конечностями; ступни и плавательные перепонки у них покрыты волосами. Пальцы передних конечностей уменьшаются от внутреннего края к наружному, средний палец задних конечностей укороченный. Зубы состоят из резцов, четырех клыков, четырех ложнокоренных и одного настоящего коренного на каждой стороне верхней и нижней челюсти.

Тело покрыто густыми, более или менее длинными, но никогда не переходящими в гриву волосами ости, под которыми изредка бывает небольшой подшерсток. Цвет шерсти мелкопятнистый, и только у немногих тюленей шерсть одноцветная или покрыта большими пятнами.

Еще древние народы знали тюленей. Геснер добавляет к сведениям о животных, дошедших с тех времен, рассказы о тюленях из средних веков: «Тюлень причисляется к китам, иногда достигает значительной величины, имеет легкие и отверстия, через которые втягивает воздух, а конечности у него такие же, как и у китов; он не может жить без воды и без земли. Конечно, он обходится довольно долго без воды, но пищу свою достает все-таки в воде, пребывает больше в воде, нежели на суше, и потому справедливо причисляется к водным животным. Тюлень спит и производит детенышей на суше, на берегу. Спит крепче, чем другие звери, с храпом, происходящим от мокроты, находящейся у него в легких. К вечеру взбирается на берег и на скалы для сна, иногда поднимается и среди белого дня. Когда его убивают, он кричит голосом, похожим на рев быка, но, говорят, имеет еще другой, собственный, голос. Тюлень — всеядное животное, ест в воде и на суше рыбу, мясо, траву и все, что может достать, не щадит и людей. Охотясь за рыбами, не удаляется слишком далеко от берега и очень скоро возвращается к нему; он больно кусается и гоняется за целыми стадами рыб, чтобы ими завладеть.

Это животное сильно привязано к своим детенышам, пока они молоды, заботится о них и носит на себе, поэтому молодых и старых тюленей охотники ловят большей частью вместе. Филострат пишет, что Дамис видел на острове Агит тюленя, пойманного рыбаками, который так оплакивал

одного из своих детенышей, родившегося мертвым в неволе, что три дня ничего не ел, хотя тюлень и слывет за самое обжорливое животное. Аристотель пишет, что в том месте, где эта «рыба» поселяется, она ведет борьбу со всеми другими «рыбами», самец — с самцом, самка — с самкой, детеныши — с детенышами, до тех пор, пока часть их не будет убита или куда-нибудь прогнана. Тогда это место делается достоянием победителей, они его не покидают, а, напротив, остаются в месте своего поселения. К человеку проявляют такую склонность, что легко делаются ручными, их можно приучить как к доброму, так и к злему обращению; они приветствуют человека голосом и даже выражением своей морды, а когда их называют по имени, то отвечают криком.

Это животное заключает в себе много полезного; его «жвачка» (содержимое желудка), как лекарство, помогает от падучей болезни, и так как он понимает, что из-за этого его преследуют, то сам выбрасывает ее с досады. Его кожа, говорят, предохраняет от грома, молнии и града, вследствие чего моряки покрывают ею верхние части мачт. Палладий, земледelec, пишет, что кожей тюленя обносят поля и виноградники или вешают ее посредине на шесте, чтобы сберечь поля от града и других невзгод. Его мех имеет чудесное свойство: если надеть такую шкуру, то волосы ее во время грозы, урагана и бури на море становятся дыбом, но когда все успокоится, они опять ложатся гладко; все это было подтверждено недавно некоторыми заслуживающими доверия людьми на острове, называемом Гиспаньола.

Тюлень боится всех земных животных, особенно медведя, который его преследует. Точно так же в воде ему приходится опасаться большого кита, называемого Ziphius. Поймать тюленя непросто, он бросает на нападающих задними конечностями много песка, засыпает им глаза, наносит раны. Если тюленя перехватить сетью, то он разгрызает самую крепкую сеть; убить его тоже нелегко благодаря толстому слою жира и твердой коже, которую трудно пробить стрелой или огнестрельным оружием. Поэтому рыбаки, едва увидев тюленя в сетях, тащат его, не мешкая, на берег и бьют веслами и дубинами по вискам, его легче всего убить, ударив в это место. В основном на тюленей охотятся из-за их шкуры и «жвачки» молодых животных. Некоторые племена, называемые массагетами, одеваются в их шкуры. В Скифии эти шкуры употребляют для тележной упряжи и для сумок, а жир — для смазывания и приготовления кожи. Тюлени — из породы китов, поэтому мясо их неудобоваримо.

Сало тюленей вылечивает у людей и у скота коросту, опухоли, уничтожает плешь на голове; кроме того, им пользуются против слабости матки у женщин, чем оно особенно славится. От подагры употребляется зола и жир тюленя. Его печень, легкие, селезенка и содержимое желудка детенышей, смешанные с кровью, помогают от падучей болезни, бешенства, головокружения, удара и других болезней мозга. Частица «жвачки» из его желудка, величиной с горошину, вылечивает от четырехдневной лихорадки, от жабы и других болезней. Запах жженных костей ускоряет роды. Желчь употребляется при глазных болезнях. Опясываться его кожей полезно для почек и бедер; сделанные из кожи башмаки изгоняют подагру. Тюлень очень крепко спит, поэтому его правый ласт, положенный под голову человека, усыпляет"*.

** Все описания античных авторов относятся к крупному средиземноморскому тюленю-монаху единственному виду тюленей, известному древним грекам. Этот тюлень до 2,5 м длиной был распространен в Средиземном и Черном морях и на Атлантическом побережье Африки. Ныне этот вид крайне редок, сохранилось лишь несколько маленьких популяций.*

Если мы попробуем создать образ тюленя, очистив его по возможности от всех басен и ложных сведений, то нам придется сказать об этом заслуживающем внимания животном следующее.

Тюлени более распространены, чем остальные ластоногие, они населяют не только океаны, но и большие внутренние озера, которые соединяются с океанами посредством рек или были их частью в давно прошедшие времена, например озеро Байкал и Каспийское море**.

*** Наличие нерпы в Каспии можно объяснить обитанием видов этого рода в прошлые эпохи в море, существовавшем на месте нынешнего Каспийского и Черного. Происхождение байкальской нерпы остается неясным. Ученые признают ее родство с широко распространенной кольчатой нерпой, но как бы ее предки смогли попасть в Байкал — представить трудно (для этого им пришлось бы проплыть несколько тысяч километров от Ледовитого океана вверх по рекам). По одной из теорий, оба этих тюленя наиболее древние в своем роду и представляют собой реликт фауны Сарматско-Понтического морского бассейна.*

Тюлени обитают во всех поясах земного шара, но особенно многочисленны в холодном поясе, за Северным полярным кругом встречается значительное число их видов. От нерпук они отличаются тем, что более связаны с берегом. Только немногие решаются удаляться от твердой земли на значительное расстояние; большая часть отыскивает необитаемые морские берега и живет там, в

воде и на земле. Если встретить в море тюленя, то можно довольно точно определить, что находишься не более чем в тридцати милях от берега. В некоторых местах обитания это сильно преследуемое животное еще очень многочисленно, хотя надо признать, что число его постепенно убывает.

По своему образу жизни тюлени сходны с нерпухами. Но по земле двигаются особенно, не ходят, а ползают. Только в воде не отстают от них по своей замечательной подвижности: плавают и ныряют мастерски. Работая передними лапами, как рыба плавниками, они то сдвигают оба задних лапа, выталкивая этим собравшуюся между ними воду и таким образом подвигаясь вперед, то размахивают ими в стороны. Им решительно все равно, лежат они на брюхе или на спине, двигаются под водой или по поверхности воды. Они прорезают воду со скоростью хищной рыбы, переворачиваются в ней с быстротой молнии. Тюлени в состоянии простоять на месте, сколько им захочется. Для этого они притягивают передние лапы плотно к туловищу, изгибаются так, что нижняя часть туловища находится в отвесном, а голова и верхняя часть его — в горизонтальном положении, и стоят около получаса так, держа голову наполовину выше поверхности воды. Большие пространства они переплывают с большой скоростью, очень часто на спине или на боку. Играя, они описывают круги, выпрыгивают то тут, то там из воды всем туловищем. Гоняются, поддразнивают друг друга или возятся, как сумасшедшие, совсем одни в воде: кружатся, вертятся, беснуются и вообще ведут себя в высшей степени странно, нередко до того забываются, что ловкий охотник или ловец подкрадывается к ним на расстояние, которое дает возможность бросить в них острогу и убить.

Они могут опускаться на значительную глубину и оставаться под водой довольно долго, но вовсе не так продолжительно, как утверждают некоторые. Они поднимаются каждую минуту на поверхность, чтобы вдохнуть воздуха. По моим собственным наблюдениям с часами в руках, они поднимаются из воды через каждые 15-25 секунд и дышат 5-8 секунд на поверхности. Допустим, что преследуемые тюлени могут выдержать под водой втрое или вчетверо больше времени, но ни в каком случае они не в состоянии провести там целые полчаса, как это несколько раз утверждалось и чему верили. Фабрициус, который очень подробно описывает попадавших ему в Гренландии тюленей, также не думает, чтобы этот зверь мог оставаться под водой более 7 минут.

Броун, который ездил в Гренландию единственно для наблюдения за морскими животными, считает, что тюлень может провести под водой самое большее 15 минут, а в среднем не дольше 8 минут. На мой взгляд, даже 15 минут слишком много. Наблюдать за двигающимся тюленем очень трудно. Нырнув, он проплывает под водой большие расстояния, и если торопится, то появляется на поверхности на одно мгновение для того, чтобы набрать воздуха, причем большей частью высовывает только кончик носа, так что его очень легко проглядеть и тем самым сделать ошибку в наблюдениях. Бывшие на моем попечении пойманные тюлени никогда не оставались в воде более 5-6 минут. Тюлени спят в воде, но не в глубоких местах. Посредством нескольких ударов лапами они поднимаются время от времени на поверхность с закрытыми глазами, чтобы набрать воздуха, затем опять спускаются на дно. При этом все движения их кажутся бессознательными. Они могут спать и лежа на поверхности воды*.

** Некоторые виды тюленей могут, повидимому, обходиться без воздуха и дольше 15 мин. Рекордсменом является живущий в Антарктиде тюлень Уэдделла, который, с одной стороны, ныряет за кормом глубже прочих тюленей, до 600 м, а с другой стороны, вынужден проплывать под обширными ледяными полями, пока не найдет полынью для дыхания. Все ли тюлени способны спать, лежа на дне, не вполне известно. Во всяком случае такой тюлень, по 8-10 мин. лежащий неподвижно под водой кверху животом, заставляет заподозрить, что он утонул.*

Уоллес сделал очень верное, подтвержденное Броуном и проверенное мною наблюдение, что тюлень нередко спит с одинаковыми перерывами: бодрствует в продолжение трех минут и на такой же срок опять погружается в сон.

Хотя тюлени и живут неделями на море и могут совершать все свои дела в воде, все же они охотно отдыхают на берегу, спят там и греются на солнце. Перемещаются по берегу с большим трудом. Тюлень поднимается сперва на передних конечностях и бросается вперед всем туловищем, затем сгибает передние конечности, ложится на грудь, горбит спину и подвигает вперед заднюю часть туловища, упирается ею в землю, бросается опять вперед и проделывает то же, что и раньше, так что передвигает свое тело наподобие змеи.

Лежащий на суше тюлень представляет собой олицетворение лени. Он любит лежать на берегу неподвижно, особенно когда греет солнце. Поворачивает к солнцу то спину, то брюхо, то правый, то левый бок, открывает глаза или с наслаждением закрывает их, мигает или смотрит неподвижно вдаль, открывает только иногда затягивающиеся клапанами ушные отверстия и ноздри, а часто вообще не обнаруживает никакого другого движения, кроме дыхания. Так он может лежать

часами, равнодушный ко всему внешнему миру, погруженный в себя, ленивый и беспечный. Всякая помеха этому приятному состоянию глубоко ненавистна тюленю, и, только если ему очень плохо придется, он начинает шевелиться. На скалах часто завязывается жаркий спор между тюленями из-за лучших мест: сильнейший сбрасывает вниз более слабого только для того, чтобы удобнее расположиться и вытянуться.

На севере эти животные охотно отдыхают на льдинах, спокойно растянувшись. Благодаря очень плотной коже и толстому слою жира они могут часами лежать на них. Температура поверхности кожи тюленя едва превышает температуру окружающего воздуха, поэтому на льду никогда не остается углублений в тех местах, где лежали тюлени, что должно непременно случиться, если бы тело их выделяло тепло. Но если тюлень и в состоянии противостоять влиянию мороза без видимого вреда для себя, он, однако, чувствует холод и не особенно любит его, а предпочитает тепло и, как было сказано, с удовольствием греется на солнце.

Во время зимы, которая в северных странах затягивает льдом большие пространства моря, каждый тюлень, взобравшись на льдину, проделывает во льду одно или несколько отверстий и в продолжение зимы, часто лазая через них под лед, препятствует их замерзанию. Есть предположения, что тюлень проделывает эти отверстия при помощи своего теплого носа. Но этот нос, хотя и теплее льда, настолько холоден, что мало может растопить образующийся в продолжение всей зимы на отверстиях лед, не помогает этому и выдыхаемый животным теплый воздух. Кроме того, нос слишком слаб и слишком чувствителен, чтобы с его помощью тюлень мог разломать лед. Поэтому только данное нами объяснение и остается возможным*.

** Тюлени делают дыхательные отверстия (продухи), процарапывая молодой лед когтями передних лап. В последствии каждый тюлень оберегает свой продух, проталивая дыханием корочку льда сразу, как только она начнет образовываться. Инстинкт делать продухи столь силен, что в неволе молодые нерпы, когда им в бассейн бросали лист пенопласта, процарапывали в нем когтями дырку- и далее дышали через нее. Голос тюленя иногда походит на хриплый лай, иногда на плач; во время гнева он ворчит, как собака; во время спаривания, говорят, издает громкий рев.*

Еще древние указывали на тюленя как на богато одаренного природой зверя. Внешние чувства его, кажется, хорошо развиты. Нос и уши запираются клапанами и имеют снаружи вид то треугольных, то круглых отверстий, иногда же просто узких щелей. Ноздри при каждом вдохе открываются, затем закрываются до следующего вдоха, даже если животное находится на земле. Уши только в воде остаются закрытыми. Большой, мало выпуклый глаз наполняет темно-коричневая радужная оболочка: белок глаза виден очень редко. Зрачок не круглый и не продолговатый, а имеет вид четырехугольной звезды. Мне кажется, что это заметил только один Фабрициус, другие натуралисты или проглядели это свойство глаз тюленя, или считают его невероятным, во всяком случае я нашел это указание только у одного вышеназванного натуралиста. Это особенное устройство глаза можно разглядеть при хорошем освещении и на очень близком расстоянии. Весьма вероятно, что подобное устройство делает животных способными видеть не только на различных глубинах, а также днем и ночью приблизительно одинаково хорошо. Заслуживает внимания умное выражение глаз тюленя. Замечательно и то, что они, как и другие ластоногие, при возбуждении, а особенно при ощущении боли, проливают слезы.

По степени развития после зрения на второе место мы ставим слух. Несмотря на небольшую величину наружного ушного отверстия, тюлень довольно ясно воспринимает звуки. Как это было известно еще древним, он любит музыку и пение; новейшие наблюдатели указывают, что зверь с большим вниманием прислушивается к громким звукам. Броун утверждает, что часто видел, как тюлени высовывали головы из воды, внимательно прислушиваясь к пению матросов во время поднятия якоря, а Белль упоминает о том, что их привлекает колокольный звон. Может быть, такое расположение к звукам соединяется у этих животных с любопытством; во всяком случае такое поведение кажется поразительным и заслуживающим упоминания. Там, где они уже освоились, их привлекает на поверхность свисток и стук о борт лодки.

Об остроте остальных внешних чувств тюленей мы узнаем из многих фактов. Хотя нос и служит ему более для дыхания, нежели для обоняния, но последнее можно назвать хорошим, так как замечали, что тюлени, желая предохранить себя от опасности, старательно обнюхивают вызывающие подозрение места. Вкус они выказывают разумным выбором пищи, а осязание обнаруживают при малейшем прикосновении к их коже, которое никогда не проходит для них бесследно.

Дать определенное понятие об умственных способностях тюленя трудно; что они умны, не подлежит никакому сомнению; но все же иногда кажутся такими глупыми и неловкими, что могут

вести в заблуждение. Смелые в необитаемых местностях, они ведут себя с большой осторожностью там, где встречаются своего худшего врага — человека. Верно то, что молодые тюлени слушаются предостережений старших. Пойманные, они скоро привыкают к своим сторожам, а некоторые делаются ручными, знают данное им имя, выходят по приказу из бассейна, принимают рыбу из рук хозяина.

Особенную нежность испытывают тюлени, как и все ластоногие, к своим детенышам. Они играют с ними, мужественно защищают их даже от сильнейших врагов. Наученные горьким опытом, избегают людей, и особенно охотников, но все же в минуты большой опасности остаются при своих детенышах и разделяют их участь. Видели, как тюлени в таких случаях хватили детенышей передними лапами, прижимали крепко к груди и старались перетаскать как можно скорее в воду*.

** Сомнительно хотя бы потому, что тюлень на суше ничего держать лапами не может.*

В зависимости от климата того места, где живут тюлени, время их случки бывает в разные месяцы. В Северном полушарии она происходит осенью, в южных странах — между апрелем и июнем**.

*** Спаривание тюленей, по-видимому, происходит летом или весной (для Северного полушария это обычно апрель июль, для Южного соответственно — ноябрь-декабрь), после или незадолго до окончания кормления молоком предыдущего детеныша. У гренландского тюленя спаривание происходит в начале весны, в марте, и сопровождается драками между самцами. Вероятно, описание Брема относится именно к этому виду.*

Старые самцы в это время очень возбуждены, ссорятся между собой и не думают ни о чем, кроме любви. Говорят, что это чувство полностью овладевает ими и заставляет забыть присущую им робость. Их ревность так же сильна, как и любовь. Тому, кто умеет подражать их хрюканью и реву, легко приманить к себе самок. «С одним своим товарищем по охоте, — рассказывает Шиллинг, — я нашел однажды на одном пустынном острове от 10 до 12 хрюкающих и кричащих тюленей, которые собрались сюда для спаривания. Когда мы причалили к берегу, они, против своего обыкновения, очень лениво полезли в воду, и я чуть не подумал, что это совсем особого вида звери. Мы решили подкараулить тюленей и с этой целью вырыли себе в песке углубление. Едва наша лодка отъехала шагов на 500, как из воды снова показались все тюлени; с видимым удовольствием и любопытством они прислушивались к звукам, которые издавали мы, старательно подражая их хрюканью, и стали приближаться к берегу острова. Когда мы начали издавать более высокие и слабые звуки, которыми обыкновенно перекликаются самцы, крупные самки первыми вползли на берег и стали приближаться к нашему пристанищу, хотя уже должны были видеть наши головы. Мы выбрали себе по тюленю, прицелились и выстрелили зараз; когда пороховой дым рассеялся, каждый из нас увидел перед собой убитым того тюленя, в которого он целился. Но остальные, которые вышли на берег, будто оцепенели. Мы могли бы пустить еще по два выстрела в оставшихся тюленей. Только, когда мы вскочили на ноги, жизнь вернулась к этим как молнией пораженным животным».

Приблизительно через девять с половиной месяцев после случки, в мае, июне или июле самка приносит одного, редко двух детенышей на пустынном, необитаемом острове, чаще на песчаном месте морского берега, в пещерах, иногда на скалах или ледяных полях. Детеныши появляются на свет развитыми. Они покрыты густым нежным белым мехом, который мешает им плавать, но скоро он заменяется гладко прилегающими и твердыми волосами. До этого времени самки остаются на суше с детенышами.

На далеком севере молодые тюлени сбрасывают свой теплый покров, в котором появляются на свет, гораздо позже, чем тюлени, живущие на юге, и потому вначале не могут плавать и тем более нырять*.

** Белый детский мех. из-за которого детенышей некоторых тюленей называют «бельками», держится разное время у разных видов тюленей. У кольчатой нерпы он сходит через 10-20 дней после рождения, у гренландского тюленя через 20-28 дней, у обыкновенного тюленя детский мех сходит еще когда детеныш находится в матке, и тюлененок рождается уже серым и вполне способным плавать. Самки остаются по неделям на берегу со своими детенышами, приучая их понемногу к воде и обучая плавать. Для этого они водят их в маленькие и узкие проруби, образующиеся между льдинами, и только когда они сбросят свой теплый покров, пускают в открытое море. К этому времени детеныши достигают уже значительной величины и способны, сами добывать пищу. Под руководством матери они осваиваются с ловлей различных животных и в очень короткий срок усваивают образ жизни всех тюленей.*

Весьма вероятно, что молодые тюлени вначале не едят рыбы, а питаются исключительно раками и другими низшими морскими животными, которыми не брезгуют и взрослые тюлени. По исследованиям Броуна, тюлени, встречающиеся в гренландских водах, питаются в разное время года различными морскими животными. В летние месяцы ракообразные, наполняющие северные моря, многочисленны криветками, а также моллюски, морские звезды составляют основную пищу тюленей, а в другое время года они преимущественно охотятся за рыбой. Выбор рыбы, которой они питаются, делает честь их вкусу. Во многих странах рыбаки обвиняют тюленей в хищничестве и прожорливости, так как они едят рыб, пойманных на удочки, особенно лососей, если у них большой выбор, съедают самые лакомые куски. Известные охотники за тюленями в северных морях отец и сын Альтманы исследовали до 500 желудков этих животных и находили там крабов и криветок, а также камбалу. По исследованиям Неринга, кажется сомнительным, чтобы вред, наносимый рыбной ловле тюленями, был так велик, что мог бы оправдать необходимость их истребления. Пойманные тюлени едят и речную рыбу, но если их кормить исключительно ею, они не долго живут в неволе, тогда как, питаясь морской рыбой, могут продлить свою жизнь на многие годы. Из-за питания одной рыбой у них разводятся глисты, и они нередко умирают от разрушения внутренностей этими паразитами. По наблюдениям Броуна, тюлени иногда хватают плавающих птиц; Эллиот не мог в том удостовериться и склонен отрицать этот факт, который, однако, подтверждается наблюдениями фон Штейнена. В желудке одного морского леопарда, пойманного около берегов Южной Георгии, фон Штейнен нашел двух маленьких буревестников, служивших блестящим доказательством необыкновенной ловкости морского леопарда в искусстве плавать и нырять. По моим наблюдениям, тюлени в неволе не едят птиц, даже отталкивают от себя их мясо, с которого снята кожа, с таким же отвращением, как и мясо наших домашних млекопитающих. Как все питающиеся рыбой животные, они требуют поразительное количество пищи в зрелом возрасте, по крайней мере 5 кг рыбы в день, но и после такого обеда они готовы проглотить приблизительно такое же количество.

Для северных народов тюлени самые важные из всех животных. Гренландцы только ими и живут, используя каждую часть их тела. Даже мы, европейцы, умеем ценить гладкий, красивый, непромокаемый мех, ворвань и мясо. Неудивительно поэтому, что тюленей усердно преследуют во всех морях. Во время охоты огнестрельное оружие употребляется редко, а в открытом море даже совсем не применяется, так как убитый тюлень сразу идет ко дну, как свинец. Другое дело, если охотятся на животных, лежащих на морском берегу.

Иногда удается, по словам Шиллинга, на маленькой лодке при слабом ветре незаметно подъехать на парусах к сидящим на камнях животным. Другой практикуемый способ охоты основывается на сильном любопытстве этих животных. Охотники пробираются на места, где тюлени любят отдыхать, ложатся на землю, а когда животные показываются из воды, начинают проделывать всякие штуки: кивают головой, бьют ногами, переключивая их, быстро ползают взад и вперед. Это чрезвычайно смешное для зрителей поведение никогда не остается без должного действия: высунувшиеся из воды животные приближаются, подходят к берегу и могут быть убиты скрывшимися невдалеке стрелками.

Во время продолжительных морозов охота на льду обильна, но всегда опасна. Если открытые места Балтийского моря и замерзают, то тюлени делают отверстия во льду, чтобы через них лазать на льдины и там спать. Каждый тюлень обыкновенно делает одно, а иногда и несколько таких отверстий для своего собственного употребления. К этим прорубям ночью осторожно прокрадываются охотники в валенках, чтобы заглушить звук шагов.

На восточном берегу Швеции охотятся при помощи остроги, реже с ружьем. Морские охотники приучают собак выслеживать на льду тюленей и находиться при них, пока не придет хозяева. На Фарерских островах охотятся главным образом зимой, когда тюлени остаются на суше со своими детенышами.

Из всех народов гренландцы, кажется, искуснее всех умеют не только ловить, но и пользоваться своей добычей. «Гренландцы, говорит Фабрициус, — большие мастера легко и красиво управлять веслами, так что шум их едва слышен. Когда тюлень показывается из воды, охотники сначала следят за его движениями, чтобы понять, какой способ нападения следует употребить. Если зверь спокоен, они стараются догнать его. При этом следят, чтобы движения весел и лодки не производили сильного шума, так как это может напугать тюленя. Многие так наловчились, что могут незаметно подойти бортом к самому тюленю. Если же зверь настороженно оглядывается по сторонам, надо наклониться или лечь на дно, выдавая себя за нечто мертвое, плывущее по воде. Если он нырнет раньше, чем ловец успеет подъехать к нему на расстояние брошенной остроги, то нужно следить за принятым тюленем направлением, передвигаться медленно вперед к тому месту, где он

опять появится. Когда наконец подъедут к тюленю довольно близко, в него бросают острогу, и веревка, к которой привязана острога, натягивается и начинает разматываться. Когда ловец видит, что попал в животное, он тотчас должен выбросить из лодки пузырь, привязанный к концу веревки, потому что, когда вся веревка разматается, тюлень может сильно рвануться, потащить лодку за собой и опрокинуть ее. Вот по каким причинам ловцы часто погибают во время этой охоты. Если же охотник успеет освободиться от пузыря, то наибольшая опасность для него миновала. Однако встречаются тюлени, которые могут броситься на тонкую, сделанную из шкур лодку и прокусить ее, тогда гренландец находится в большой опасности.

Когда тюлень с острогой в теле тащит пузырь, ловцы едут вслед за ним и добивают зверя копьями; копы не имеют крюков и выскальзывают из раны. Эти многочисленные раны и таскание за собой большого, наполненного воздухом пузыря утомляют тюленя. Тогда к ослабевшему зверю подъезжают совсем близко и наносят последний смертельный удар кулаком в нос, а если бывает нужно, то доканчивают охотничьим ножом. После этого тушу надо дотащить до дома. На ней затыкают все раны деревянными пробками, чтобы не терять крови, а между шкурой и мясом вдувают воздух, чтобы туша лучше плыла по поверхности воды. Если это туша маленького тюленя, то ее кладут на заднюю часть лодки, привязав к ней около пупка небольшой пузырь, чтобы она могла плыть, если свалится в воду. Тушу большого тюленя тащат за лодкой, прикрепив к ней огромный пузырь. Если ловец убил несколько тюленей, то они прикрепляются один к другому; таким образом счастливый ловец может притащить домой 4-5 тюленей».

Все тюлени необыкновенно живучи, их можно уложить на месте, если только попасть пулей в середину мозга или в сердце. Кроме человека врагом тюленя является очень ловкий хищник — кит. Гонимые прожорливым чудовищем, они стараются как можно скорее достигнуть маленького пролива и спешат выйти на берег, забывая при этом свой страх перед людьми. Белый медведь также неустанно преследует их. Для молодых тюленей опасны и большие хищные рыбы*.

** Касатка иногда, преследуя тюленей (а чаще — морских львов), буквально выбрасывается на берег, стараясь схватить настью ускользающую добычу. Белый медведь подстерегает тюленей возле продухов и, дождавшись, резко вонзает в добычу когти передней лапы и выдергивает тюленя на лед (следует учесть, что продух в самом узком месте обычно уже тела тюленя, так что несчастный при такой процедуре погибает мгновенно). Из крупных рыб опасны для ластоногих в первую очередь тигровая и большая белая акулы, но обе чаще сталкиваются с морскими львами, нежели с настоящими тюленями. На детенышей тюленей могут нападать лисы и песцы.*

Северные народы употребляют в дело всю тушу тюленя; не только ворвань и шкуру, но и мясо. Кровь животного, смешанная с морской водой, варится, как суп, а замороженная служит лакомством. Кровь хранят и на черный день, скатав ее после кипячения в шарики и высушив на солнце. Кишки тоже идут в пищу или, с большим трудом промытые и выглаженные, используются для изготовления окон, одежды и занавесей. Особенно высоко ценится шитая из тюленьей шкуры верхняя одежда, потому что она считается совершенно непромокаемой. Ребра служат орудиями для распорки меха или из них изготавливают гвозди; лопатки употребляются вместо заступов, из сухих жил делают нитки и т.д. Шкура, ворвань и мясо все же составляют главную прибыль, получаемую гренландцами от охоты за тюленями. Шкуры, из которых изготавливают одежду, особенно такие, которые идут на нижнее платье, имеют на крайнем севере высокую цену; по словам Броуна, нельзя порадовать молодую гренландку лучшим подарком, чем подарить ей шкуру тюленя. «Точно так, как европейский молодой человек подносит своей возлюбленной драгоценные камни и украшения, не менее нежный гренландец в замершем фиорде приносит своей невесте охотничью добычу в виде шкуры тюленя». Даже у рыбаков Оркнейских островов эти шкуры, употребляемые главным образом на куртки, имеют свою цену. Мясо тюленей из-за темного цвета и грубого вкуса не нравится немцам, но шведы считают его вкусным, и всеми северными народами оно употребляется в пищу так же охотно, как и мясо их немногочисленных домашних животных, и решительно предпочитается рыбной пище. Только печень выбрасывают в некоторых местностях, приписывая ей ядовитые свойства, которых она в действительности не имеет. Наконец, из сала готовят очень хорошую жидкую ворвань, которая может приносить больше выгоды, чем шкура и мясо, вместе взятые.

Торговцы мехами отличают два рода шкур ластоногих: «меховые» и «волосяные»; к волосяным принадлежат шкуры только что рассмотренных нами тюленей. По словам Номера, ежегодно привозится от полумиллиона до миллиона тюленьих шкур ценою от 2-4 миллионов марок. Шкуры окрашиваются или употребляются некрашеными для обшивки сундуков, ранцев и т.п., а также для приготовления кожи.

Обыкновенный тюлень (*Phoca vitulina*)*, образ жизни которого послужил основанием для вышеизложенного описания, живет во всех северных морях.

* *Обыкновенный тюлень распространен в большинстве холодных и умеренных морей Северного полушария, иногда заходит в крупные реки. Длина тела самцов — до 1,9 м, масса — до 150 кг. самка на треть короче и втрое легче. Питается в основном рыбой, поедая те виды, которые наиболее массовые в данный момент. Судя по приводимому описанию, Брем смешивает этот вид с кольчатой нерпой, акибой (*Pithispida*), которая иногда живет во внутренних водоемах (в озерах Сайма и Ладожском, но не в Онежском).*

Длина взрослого животного колеблется между 1,6 и 1,9 метра, причем самки обыкновенно бывают больше самцов. Голова у тюленя яйцеобразная, морда короткая, глаза большие, темные и с умным выражением. Ухо обозначается только маленьким треугольным возвышением; верхняя губа толстая, очень подвижная и усажена волнистыми щетинистыми усами; шея короткая и толстая. Туловище плавно утончается от плеч к хвосту. Передние конечности очень короткие, задние — широкие и хорошо развитые, хвост, как и у других ластоногих, очень короток. Волосяной наружный покров состоит из твердых и блестящих волос и очень редкого подшерстка.

Обыкновенно, цвет шерсти желто-серый с коричневыми или почти черными пятнами по всей верхней части туловища. На голове пятна маленькие, круглые и частые, на спине большие, неправильной формы и реже расположены.

Обыкновенный тюлень распространен по всей северной части Атлантического океана, а также в Ледовитом океане. Он встречается в Средиземном море, куда проникает через Гибралтарский пролив. Живет на всех берегах Атлантического океана в Европе: в Испании, Франции, Бельгии, Голландии, Германии, Великобритании, Скандинавии, Исландии, также и в Балтийском море, в Ботническом и Финском заливах, встречается и в Белом море. По некоторым указаниям, водится на берегах восточной Сибири и Берингова пролива. Наверное, живет на Шпицбергене, на обоих берегах Гренландии, кроме того, был замечен в Баффиновом море, в Девисовом и Гудзоновом заливах и странствует вдоль североамериканского восточного побережья до Калифорнии и далее к югу, доходя нередко до Мексиканского залива, случается, что заходит и к северным берегам Южной Америки. Из моря он нередко попадает в реки и потому часто встречается внутри материков, например на берегах Невы, Свири, Ладожского и Онежского морей. На севере совершает длительные путешествия от одного моря к другому.

Близка к нашему обыкновенному тюленю **каспийская нерпа** (*Phoca caspica*)* которая живет, как показывает ее название, в Каспийском море, совершенно отрезанном от океана.

* *Каспийская нерпа населяет Каспийское море и изредка заходит в реки Урал и Волгу. Она мельче обыкновенной нерпы, не более 1,5 м длиной, в целом же весьма на нее похожа.*

Гренландский тюлень, или лысун (*Pagophilus groenlandica*)* *.

* * *Гренландский тюлень, выделяемый иногда в особый род, отличается от нерп в первую очередь резкой разницей в окраске самца и самки (самец светлый с черной мордой и черными «крыльями» на боках, самка серая с мелким черным крапом). Длина тела около 2 м, вес до 164 кг, самец и самка по размеру не отличаются. Распространен в морях Северной Атлантики, держится у границы плавучих льдов, на которых и размножается.*

Лысун отличается от обыкновенного тюленя тем, что голова у него длиннее и уже, с плоским лбом и вытянутым рылом, а также отличается строением передних конечностей, которые у него короче. Он едва достигает величины обыкновенного тюленя, причем длина самцов в редких случаях равна 1,9 метра, обыкновенно ниже этой меры. Густой, короткий, плотно прилегающий и блестящий мех почти не имеет подшерстка. У старых самцов преобладающий цвет верхней части туловища буро-серый, иногда он переходит в светло-желтый, иногда в красновато-бурый. Грудь и брюхо как бы линялого, ржаво-серебристого цвета. Ясно выделяется передняя часть морды, включая лоб, щеки и рыло, которая бывает шоколадного или почти черно-бурого цвета. На спине более или менее ярко обозначенный темный рисунок в форме продолговатой подковы или лиры. Этот рисунок, послуживший англичанам и немцам основанием для названия этого тюленя «седлистый», начинается у задней части затылка, расходится по бокам и спине, спускается вдоль боков до задних бедер и отсюда поворачивает внутрь, где соединяются оба заостренных конца. У одних тюленей это седло узко, как лента, у других оно расширяется или соединяется посередине с более или менее резко обозначающейся поперечной полосой.

Самки меньше самцов и разительно отличаются от них цветом, их даже рассматривали и описывали как особый вид. Мех у самок тусклый, изжелта-белый или палевый, который на спине темнеет почти до красно-бурого то с красным, то с синим и даже темно-серым отливом. Нижняя

часть туловища имеет ту же окраску, как и у самцов, но на спине нет рисунка лиры: иногда видно только несколько яйцеобразных темных пятен. Белоснежный меховой покров молодых лысунов в продолжение нескольких лет принимает понемногу наружный вид меха их родителей.

Область распространения лысуна — высокие градусы северной широты. Южная граница их пребывания едва ли может перейти за 67 градус северной широты*.

* *Лысун не встречается в Тихом океане, его распространение на запад ограничено устьем реки Маккензи, а на восток — островом Новая Земля.*

Лысунов встречали у берегов Лапландии и Норвегии и даже Великобритании и Германии, но, вероятно, они были прибиты течением, к северу отсюда они встречаются везде в Ледовитом океане. Может быть, через Берингов пролив они попадают в северную часть Тихого океана.

В противоположность обыкновенному тюленю лысуны избегают берега и почти исключительно пребывают на льдинах. Здесь их можно видеть в необыкновенно большом количестве; они сотнями и тысячами заселяют огромные ледяные поля, покрывающие зимой большую часть их родного моря. Когда рождаются детеныши, то лысуны выбирают толстые льдины, чтобы по возможности оградить от опасности беспомощных маленьких тюленей.

Лысуну приходится скитаться для выбора пристанища; летом, когда лед тает, он перебирается дальше на север, зимой, когда лед снова образуется, перекочевывает на юг. Точно так же лысун странствует в западном и восточном направлениях. Он покидает берега Гренландии два раза в год. Первый раз отправляется в странствование в марте и возвращается назад в мае, очень исхудалым. В новое странствование отправляется в июле и возвращается в сентябре, чтобы перезимовать у гренландских берегов. Еще не удалось определить настоящие причины их странствований. Скорее всего эти путешествия зависят от присутствия в водах тех морских животных, которых они употребляют в пищу. Некоторые мореплаватели видели тюленей в открытом море плывущими бесчисленными стадами в одном направлении.

Рождение детенышей совпадает с весенними месяцами, между серединой марта и апреля, смотря по тому, была зима сурова или умеренна.

Как раз к этому времени они собираются на отдельных льдинах огромными стадами, приводящими в изумление даже опытных охотников. После того как самки выберут подходящие льдины, они мечут детенышей и скоро опять спариваются с самцами, которые затем их покидают. Сначала лысуны-самцы плавают у берегов льдины, но мало-помалу они исчезают и направляются в неизвестные страны. Беременность самки продолжается 11 месяцев. По сведениям Броуна, самка рождает одного, но нередко и двух детенышей. Некоторые опытные ловцы утверждают, что она приносит трех за один раз. Однако это кажется невероятным, ошибку наблюдателя можно объяснить тем, что одна и та же самка кормила нескольких осиротелых детенышей. Подобно своим сородичам, детеныши лысуна рождаются очень развитыми и тотчас делаются хорошенькими и милыми зверьками. Их первый белый детский покров не уступает по белизне чистому снегу северных широт, он скоро переходит в чудный желтый цвет, который, к сожалению, остается тоже недолго. Маленькие лысуны в первые дни своей жизни очень беспомощны. Они все время, лежа на покрытой снегом льдине, сосут мать или спят, причем белый мех скрывает их от глаз врагов. Матери обходятся с ними с величайшею нежностью и мужественно защищают от охотников, которые преследуют их именно в этом возрасте. Если детенышей не постигнет несчастье, они скоро вырастают и заменяют свой детский покров другим, пятнистым и пестрым, который дал повод сравнить их с зайцами и назвать «морские зайцы». Как только они приобретают этот мех, мать ведет их в воду и учит плавать. В течение первого лета мех детенышей опять меняется, на спине он переходит в темно-синий, а на груди и брюхе в темно-серебристый. В этом виде они у гренландцев называются «аглекток». Следующий обмен меха еще более приближает молодых тюленей к взрослым, лысуны приобретают его на третьем, а по мнению некоторых наблюдателей, даже на четвертом и на пятом году жизни. Хотя этот тюлень и походит по своим привычкам на других сородичей, все же он отличается от них в некотором отношении, а именно своими движениями. Его движения в воде отличаются поразительной быстротой и ловкостью, в особенности часто следующими друг за другом прыжками, причем лысун выкидывает все туловище из воды, чем и оправдывает данное моряками название «прыгун». Ньютон думает, что появляющиеся время от времени рассказы о гигантских морских змеях, будто бы виденных моряками, следует отнести к этим животным.

Как уже было замечено, стада тюленей, встречающиеся в открытом море, почти всегда плывут, выстроившись в прямую линию один за другим, и все следуют за вожаком.

Гренландский тюлень, или лысун (*Pagophilus groenlandica*)

Если последний, как часто это случается, перевернется или сделает прыжок в воздухе, выбросившись выше поверхности воды, остальные, дойдя до того же места, повторяют то же самое. Мысль о морской змее неотступно преследовала Ньютона всякий раз, как он видел плывущих таким образом лысунов, и ему казалось чрезвычайно понятным, что более склонный к фантазии наблюдатель был уверен, что видел в движущейся перед глазами змеинообразной линии пресловутое морское чудовище. Эта игривость и удивительная подвижность «прыгуна» и позволяют отличать его на всяком расстоянии от сородичей. Его умственные способности стоят приблизительно на одной ступени с обыкновенным тюленем, так по крайней мере можно заключить по поведению как живущих на свободе, так и пленных лысунов.

Для гренландцев он имеет особенное значение. Взрослый самец весит, по словам Броуна, 115 кг, из которых 50 идут на мех и жир, 45-48 кг — на мясо, остальное — на кости, кровь и внутренности. Мех и кожа его не ценятся в Гренландии так высоко, как у обыкновенного тюленя, и даже мясо его уступает мясу последнего; но все же ловля лысуна благодаря ворвани приносит довольно хорошую прибыль. В датских поселениях в Гренландии ежегодно убивают около 36 тысяч лысунов, в остальной части Ледовитого океана, может быть, и вдвое больше, но во всяком случае не так много, чтобы можно было опасаться полного исчезновения этих животных.

Хохлач (*Cystophora cristate*)*. Это одно из самых больших ластоногих Ледовитого океана.

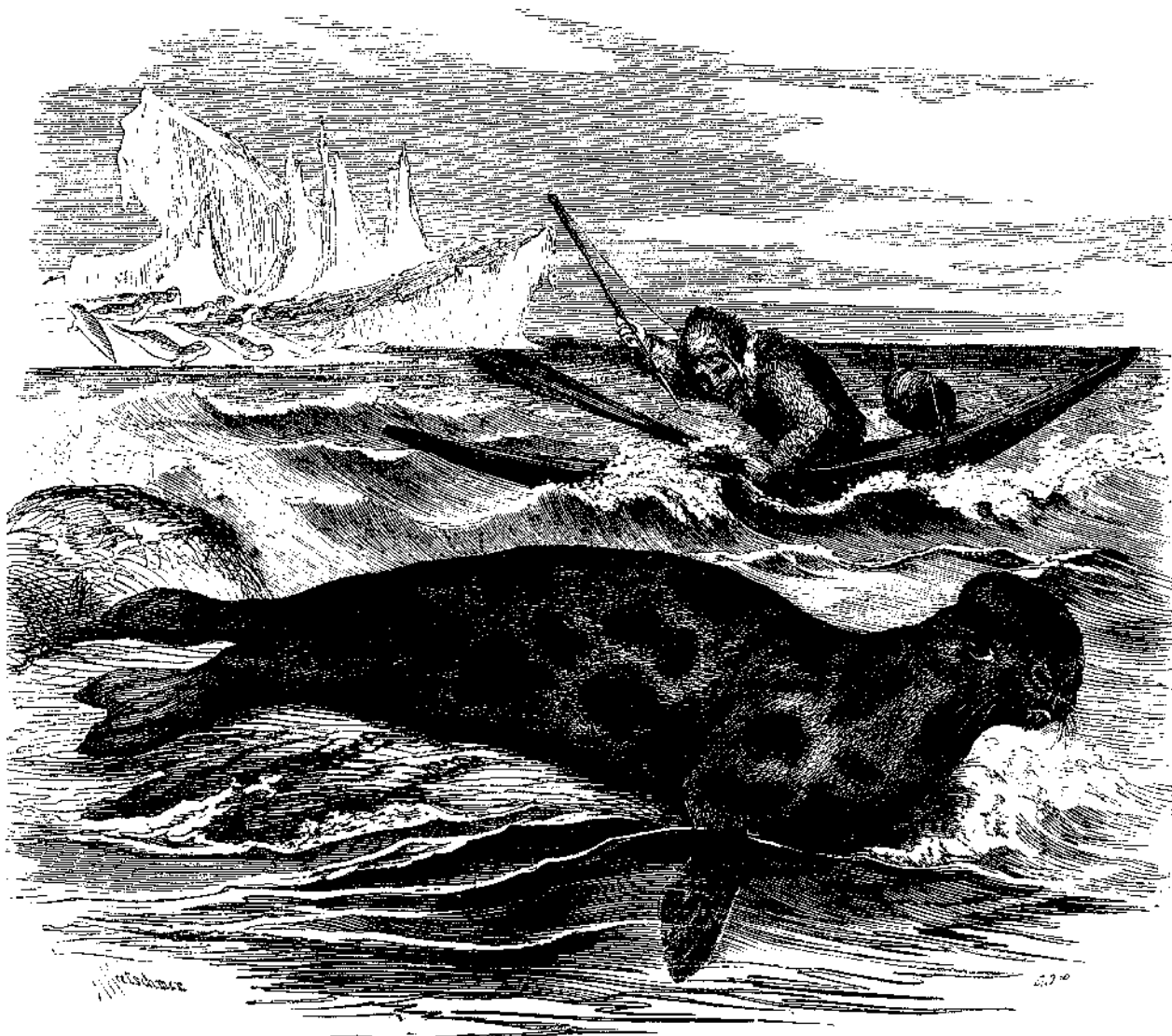
прежде всего отличающееся кожаным пузырем, который покрывает нос, всю морду и большую часть верха головы.

* *Своеобразный крупный тюлень, распространенный, как и гренландский, в полярных водах Северной Атлантики и соседних частях Ледовитого океана. Длина крупных самцов до 3 м (обычно меньше), масса до 400 кг, самка немного мельче. Держится вдали от берегов, вдоль края плавучих льдов, и еще более, чем лысун, привержен высоким широтам. Питается рыбой, головоногими и плавающими ракообразными, за добычей может нырять на несколько сот метров.*

Тюлень наполняет его воздухом и опорожняет. Наполненный воздухом кожаный мешок имеет 25 см в длину и 20 см в высоту и выглядит надвинутой на лоб шапкой; пустой же может быть сравнен с рубцом, разделяющим нос на две части. Голова у хохлача большая, рыло тупое, туловище устроено, как у других ластоногих, так же как и конечности, хвост широкий и короткий. Самцы и самки имеют одинаковый наружный покров, состоящий из длинных, стоячих волос и толстого, пу-

шистого подшерстка. мех этот сверху темно-бурого или черного цвета с разными по размеру круглыми или яйцеобразными пятнами более темного цвета, снизу же он темно-серый или ржаво-серебристый и без пятен. Голова и ласты темнее остального туловища; прикрытое пузырьком место головы обыкновенно бывает одного цвета с темными пятнами меха. Взрослые самцы достигают длины 2,3-2,5 метра, длина же самки, у которой не бывает пузыря, далеко не доходит до этой меры.

Среди ластоногих Северного Ледовитого океана хохлач, кажется, населяет не столь большую область и нигде не попадаетея массами. По словам Фабрициуса, подтвержденным Броуном, он чаще всего водится вблизи Гренландии и Ньюфаундленда, на западном берегу Исландии реже, дальше на юге он только иногда появляется как нечаянно забредший гость. У Новой Земли его никогда не видали. У берегов Гренландии встречается главным образом вблизи больших льдин, которые чаще, чем земля, служат ему пристанищем для сна и отдыха. Он тоже предпринимает странствования, которые удаляют его от берегов и заводят в самые северные части Ледовитого океана; поэтому его видно только в известное время года на привычных местах. В Гренландии хохлач появляется в начале апреля и остается до конца июня или начала июля, линяет, мечет детенышей и воспитывает их, чтобы они могли следовать за взрослыми в дальнейшее странствование; вероятно, опять совокупляется и снова предпринимает путешествие к северу. От сентября до марта часто встречается в Девисовом проливе и Баффиновом заливе; затем отправляется к югу, а в июле многие возвращаются назад.

Хохлач (*Cystophora cristata*)

По единодушным рассказам различных наблюдателей, хохлач самый мужественный и самый смелый из всех тюленей, вследствие чего охота на него небезопасна. Броун называет его львом северных морей, который делит свое владычество над полярными водами только с могучим моржом. Лежа на льдине, хохлач производит впечатление тупого и равнодушного к внешнему миру животного, бессмысленно устремляющего вдаль большие черные глаза. Он первым ни на кого не нападет, но если его задеть, легко раздражается. Вместо того чтобы бежать при виде приближающегося

охотника, он надувает свой кожаный мешок, храпит, как разъяренный бык, и старается, насколько может, защититься от наступающего противника. Еще опаснее такой встречи на льдине бывает охота на лодках, потому что задетый острой тюлень нередко бросается на лодку и кусает сидящего в ней человека. По этой причине только самые опытные гренландские охотники осмеливаются нападать на него в каяке, легкой охотничьей лодке. Вообще ловцы предпочитают найти его лежбище на льду и убить пулей в голову, едва хохлач успеет принять оборонительное положение.

Как и у всех ластоногих, между самцами происходят во время течки жестокие битвы. С громким ревом, который при тихой погоде далеко слышен, надув свои мешки, нападают ревнивые самцы друг на друга и наносят один другому часто большие и довольно глубокие раны, впрочем едва ли опасные. Во время этих битв хохлачи постоянно отстаивают свои владения, они не любят общества своих сородичей, и только в редких случаях их можно видеть вместе с лысунами. О продолжительности беременности самок я не нахожу никаких указаний и потому, ссылаясь на слова Фабрициуса, могу только сказать, что самка в апреле мечет одного, в редких случаях двух детенышей, которые, по исследованиям Броуна, появляются на свет в белом одеянии*.

** Беременность хохлача длится 11 месяцев, из которых 3,5-4 месяца приходятся на задержку развития оплодотворенной яйцеклетки. Детеныш в помете один; он рождается покрытый грубым серым мехом, поскольку белую детскую шерстку сбрасывает еще в утробе матери. Мать усиленно кормит свое чадо 2—3 недели, детеныш сильно жиреет, после чего покидает его. Детеныш еще две недели лежит на льдине, расходуя накопленный жир, затем линяет и в гордом одиночестве самостоятельно отправляется в воду.*

В Гренландии и вообще на севере из хохлачей извлекают ту же пользу, как и из их родичей. Но их бьют гораздо меньше, чем других тюленей, в датских поселениях Гренландии едва ли больше 2000-3000 штук ежегодно.

Дампьер, первый из путешественников в начале прошлого столетия, познакомил нас с **южным морским слонем** (*Mirounga leonine*)**; позже Аурон, Пернетти, Молина, Перон и, наконец, Скаммон и фон Штейнен описывали более или менее подробно этого великана, так что мы имеем о нем довольно точные сведения.

*** Южный морской слон самый крупный из тюленей (и самый крупный представитель хищных млекопитающих). Длина взрослого самца может достигать 6,5 м, а вес -3,5 т. Самки вдвое короче и в шесть раз легче (не тяжелее 900 кг, что все равно превосходит вес любых других тюленей). Южный морской слон распространен в полярных и умеренных морях Южного полушария, но более обычен у берегов Южной Америки. Брем смет ивает этот вид с северным морским слонем (*M. angustirostris*), распространенным у берегов Мексики и Калифорнии. Этот последний был одно время так близок к полному уничтожению, что Брем говорит о морских слонах Калифорнии в прошедшем времени. Однако после запрета охоты численность северного морского слона стала быстро возрастать, и он оказался вне опасности вымирания.*

Этот вид отличается коротким вытянутым хоботом, в который переходит нос самца. Число и порядок зубов те же, что и у хохлача.

Морской слон известен у некоторых моряков еще под названием «морской волк». Внешним видом он сходен с остальными тюленями, но превосходит их величиной. Его длина, впрочем значительно преувеличенная различными мореплавателями и охотниками, по словам Скаммона, у берегов Калифорнии доходит до 6-7 метров, хотя в большинстве случаев он достигает только 5 метров. Самка имеет приблизительно только половину этого роста и лишь 1/3 веса, который у самцов бывает более 3000 кг. Фон Штейнен в Южной Георгии определил среднюю длину самца в 5 метров, а самки в 3 метра.

Голова у морского слона большая, широкая и вытянутая, морда не очень длинная, довольно широкая, несколько суживающаяся на конце и как бы обрубленная. Верхняя губа усажена шестью рядами крепких щетин длиной до 15 см. Глаза относительно большие, круглые, выпученные, веки без ресниц, но на бровной дуге заметно от 8 до 10 щетинистых волос, которые заменяют брови. Необыкновенно маленькое ухо, расположенное на небольшом расстоянии от глаза и ниже его, представляет лишь круглое отверстие, которое даже не защищено складкой кожи. Наконец, нос у самца и самки различный. Этот орган у самки не представляет ничего необыкновенного, у самца он удлиняется в хобот почти на 40 см. В спокойном состоянии хобот представлен множеством поперечных складок, свешивается дугообразно и оканчивается обращенными ноздрями. Раздутый, он увеличивается вдвое и стоит прямо, так что все складки исчезают и ноздри видны на плоской передней стороне носа. Относительно длинная, но толстая шея переходит без заметного выступа в туловище. Передние конечности не особенно длинны, но все же очень сильны и крепки; из пяти пальцев, со-

единенных между собою плавательной перепонкой, средний палец короче второго, самого длинного. Очень сильные и довольно длинные задние конечности тоже о пяти пальцах, соединенных перепонками, имеют вид глубоко вырезанного весла. Хвост, как и у большинства тюленей, короткий и заостренный. мех состоит исключительно из коротких, толстых, жестких и блестящих, но не гладко прилегающих волос, цвет которых меняется не только по возрастам и полам, но и по временам года. У самцов непосредственно после линьки преобладает синевато-серый цвет, при этом спина всегда темнее брюшной части. У самок мех сверху темного оливково-бурого цвета, по бокам желтовато-бурого, снизу светло-желтого. Молодые тюлени в первый год сверху темные, с боков светлые, серебристо-серые, снизу желтовато-белые.

Область распространения морского слона — все южные океаны, начиная приблизительно от 50 градуса южной широты, и, может быть, даже переходит Южный полярный круг. Прежде он встречался у южных краин Америки и лежащих около них островов. У островов Хуан-Фернандес и у южных берегов Чили его видели еще тридцать лет тому назад. Кроме того, встречали на Новой Зеландии, Тасмании и на других островах, лежащих в тех широтах. Но теперь в большинстве этих местностей он совсем или почти истреблен, или появляется так редко и нерегулярно, что совсем не стоит там за ним охотиться. Даже и в нынешних ограниченных областях распространения: на островах Кергелен, Южная Георгия, и, может быть, на островах Крозе он появляется в количестве, едва заслуживающем внимания. Это животное еще в середине нынешнего столетия попадалось в большом количестве в одном месте Северного полушария, а именно в Тихом океане у Калифорнийского берега, между 24 и 38 градусами северной широты, следовательно и около Сан-Франциско. Но из-за настойчивого преследования они стали появляться очень нерегулярно, постоянно меняли свое местожительство, и количество их быстро уменьшилось. Два десятилетия тому назад они уже были у берегов Северной Америки редким явлением, а теперь, вероятно, почти исчезли; только иногда, может быть, появляются на безлюдных местах.

Своим образом жизни морской слон напоминает морского котика и морского льва. Он тоже ежегодно предпринимает путешествия в южную область своего распространения; большие и слабые остаются на месте, а здоровые странствуют. В Патагонию морские слоны прибывают в сентябре и октябре, часто даже и в июне целыми стадами и в конце декабря уходят на юг. На берегу Калифорнии проводят почти весь год, но главным образом от февраля до июня. Предпочитают песчаную и каменистую местность, а также заходят и в пресные воды. Из целой массы отделяются семейства, состоящие из 2-5 членов; их постоянно можно видеть тесно прижавшимися друг к другу и обыкновенно спящими в камыше или в тине. В большую жару они, как это видел Скаммон в Калифорнии, прохлаждаются тем, что зарываются в мокрый песок и бросают его передними лапами на верхнюю часть туловища; иногда бывают больше похожи на кучи земли, нежели на живые существа.

Их движения на земле очень беспомощны. Чтобы двигаться вперед, они поступают как тюлени, изгибаются и вытягиваются попеременно, откидываясь то вперед, то назад. Если морской слон очень жирен, то при движении назад туловище его колышется и напоминает наполненный студнем пузырь. Пройдя с трудом небольшое расстояние, он должен отдохнуть; но, несмотря на то, морские слоны взбираются в Калифорнии на дюны в 5-10 метров и достигают даже мест, расположенных на высоте 20 метров над уровнем моря и с очень неровной поверхностью.

Южный морской слон (*Mirounga leonina*)

Об этом тюлене в Южной Георгии фон Штейнен говорит: «Морской слон, поработав вытянутыми передними конечностями, чувствует чрезвычайное утомление; после 3-4 толчков вперед эта студнеобразная, жирная масса отдыхает и затем со стоном тащится дальше, оставляя за собой на песчаной почве широкий и глубокий след. Неудивительно после того, что по всему его туловищу заметно множество ссадин. В воде они плавают почти на поверхности с большой ловкостью, эти чудовища представляют очень даже привлекательное зрелище, когда с высоко поднятой головой высматривают место на берегу». Настойчивость и терпение заменяют этому тюленю недостаток проворства. Выйдя из моря, он с трудом доползает до границы морского прилива, отдыхает здесь, иногда спит, затем вновь пускается в путь и, кажется, никогда не бывает доволен своим местопребыванием. В воде он выглядит совсем другим. Морские слоны плавают и ныряют отлично, делают быстрые обороты, спокойно спят на волнах, отдаваясь на волю течению, гоняются усердно и ловко за добычей, состоящей большей частью из головоногих и рыб. Иногда глотают водоросли и камни. Форстер нашел в желудке морского слона 12 круглых камней, каждый величиной в два кулака, и таких тяжелых, что он не мог понять, как стенки желудка могли выдержать такую тяжесть*.

* *Морской слон один из лучших ныряльщиков, погружающийся за добычей на несколько сотен метров.*

На земле морской слон видит хорошо только вблизи. Слух у него очень плохой; осязание притуплено благодаря толстому слою жира под кожей; обоняние тоже не должно быть очень тонко и остро. Он представляет собой ленивого, тупоумного зверя, который только изредка позволяет кому-нибудь нарушить свой покой. Его называют кротким и обходительным, потому что никто не видел, чтобы он нападал на других животных или на человека. Маленькие виды тюленей и спокойно купающиеся люди могут безопасно проплывать между морскими слонами. Пернетти уверяет, что его матросы садились на них верхом, как на лошадей, и понуждали к скорой езде ударами ножей.

Время течки, которое продолжается от сентября до февраля, придает жизни этим животным. Яростно борются самцы из-за самок, хотя количество последних и больше. Среди своеобразного хрюканья и переливающихся звуков с длинно вздутыми хоботами и с широко разинутыми пастьми кидаются борцы один на другого. Раны, впрочем, скоро заживают, и редко один из воюющих делается жертвой боя. Старые самцы бывают покрыты рубцами, на тысячу едва ли найдется один с неразорванным зубами мехом. Самки, видимо, безучастно смотрят на бой и беспрекословно следуют за победителем в море, где он ласками приобретает полное расположение своего гарема**.

** *В гареме северного морского слона до 10-12 самок, у южного их число доходит до 100 (а по некоторым данным, до 300). Самец, окруженный таким количеством поклонниц, полностью отдается оказанию им внимания и охране гарема, в связи с чем не ест и почти не спит*

все время гона. Когда же пора любви проходит, заметно похудевший тюлень буквально падает от усталости и несколько суток отсыпается, прежде чем пойти кормиться.

Рождение детенышей происходит через десять месяцев после случки, обыкновенно в июле или августе. В Калифорнии, по словам Скаммона, потомство появляется уже в июне; в Патагонии — в начале ноября. Этих больших созданий, длиной в 1,3-1,5 метра и весом в 40 кг, мать кормит и оберегает около восьми недель. В этот промежуток времени вся семья остается на берегу, не принимая никакой пищи, линяет, причем самка и детеныши линяют раньше самцов. Через 8 дней сосуны увеличиваются в длину уже на один метр и вес их удваивается; через 14 дней прорезываются первые зубы, а через 4 месяца пополняется вся зубная система. Детеныши крепнут и полнеют, а старшие тюлени, питающиеся в это время только собственным жиром, наоборот, худеют. На седьмой или восьмой неделе их жизни детенышей ведут в море. Все стадо медленно удаляется от берега и с каждым днем все дальше и дальше уплывает в море. Там они остаются для новой случки и затем опять пускаются в путь. На третьем году жизни у самцов развивается хобот; с этого времени животное мало увеличивается в длину, но зато растет в ширину. На двадцатом — двадцать пятом году жизни тюлень переходит к старческому возрасту, моряки утверждают, что никогда не ловили морских слонов старше тридцати лет***.

** * * Цифры завышены. Самцы морских слонов могут доживать до 20 лет, но обычная продолжительность жизни не превышает 12 лет.*

Человек преследует морского слона везде, где только его находит. Прежде эти тюлени были в полной безопасности на пустынных островах; но приблизительно с начала нынешнего столетия, с тех пор как европейские охотники стали их преследовать, количество этих беззащитных животных быстро уменьшается. «В полдень, — пишет Кореаль, — я высадившись на берег в сопровождении 40 человек. Мы окружили морских слонов и в полчаса убили 40 штук. Люди Мортимера за восемь дней добыли 1200 морских слонов, но могли убить несколько тысяч, если бы хотели продолжить резню». Все указания относятся к охотам, которые происходили в начале нашего столетия; в настоящее время число этих животных уменьшилось и приходится довольствоваться гораздо более скромной добычей. По словам Скаммона, ловля морского слона на берегах Калифорнии уже два десятилетия тому назад едва ли приносила прибыль. Чтобы рассчитывать на верную добычу, следует отыскивать уединенные острова у южной границы области их распространения и оставаться там месяцы и даже годы. Берега этих необитаемых островов считаются самыми удобными для ловли. Они окружены разбитыми, отчасти спрятанными под водой скалами, которые очень затрудняют высадку на берег, не позволяют даже маленьким судам безопасно стать около них на якорь. Яростный прибой во всякое время года бушует вокруг ледяных, окруженных скалами берегов. Недаром Кук назвал Кергелен «безутешным» островом; но еще более заслуживает это название остров Нерд. На Кергелене есть по крайней мере гавани, в которые могут зайти суда; у острова Нерд, самого прибыльного для охоты, судно, высадившее ловцов, должно быть так оснащено, чтобы в состоянии выдержать самые ужасные бури. Корабль, доставляющий к месту назначения завербованных охотников, обыкновенно снабжается двойным набором снастей и еще сопровождается судном меньшего размера, играющим роль тендера. При прибытии на острова судно укрепляют на тяжелых якорях, снимают все паруса, даже реп прячут в трюме и делают другие необходимые приготовления. Только тогда часть людей выходит на берег, чтобы начать охоту. В жалких лачугах, со стенами из разбитого камня и крышами из растянутых парусов, проводят эти люди недели и месяцы в бурю и дождь, мороз и снег, выжидая прибытия морских слонов, затем бьют их сколько могут, тут же потрошат, нагружают бочки салом и ждут благоприятного дня, чтобы перевезти эти бочки на корабль. В большинстве случаев даже по окончании срока пребывания морских слонов на берегу часть ловцов остается, чтобы продолжать охоту зимой.

На этих отдаленных островах охота еще дает сносный доход, который, впрочем, значительно колеблется из года в год. Так, на двух островах группы Крозе в 1866 году было поймано почти 2000, а через год только 346 морских слонов.

Для охоты за морскими слонами употребляются тяжелые дубины и крепкие, длинные, спереди расширяющиеся наподобие лопатки, острые копыя. Вооруженные кольями и ружьями большого калибра, люди стараются занять место между находящимся на берегу стадом и водой, затем производят как можно больше шума криком, стрельбой и другими звуками, медленно подвигаясь, потрясая ружьями, дубинами и копыями. Стадо, испугавшись необычайного шума, пятится назад. Нередко случается, что какой-нибудь из самцов начинает обороняться. Тогда ему пускают пулю в череп, прикончив тут же на месте. Или всовывают в пасть острое копые, заставляя опуститься на заднюю часть туловища. Потом двое людей с крепкими дубинами бросаются на него и бьют частыми удара-

ми по голове, пока не оглушат или не отнимут жизнь. Покончив со всеми воинственными самцами, охотники общими усилиями устремляются на стадо. Смерть товарищей внушает такой ужас тюленям, что они, обезумев от страха, лезут, перекатываются друг через друга, шатаются из стороны в сторону, когда невозможно спастись бегством. По уверению Скаммона, в Калифорнии при таких обстоятельствах они бросались друг на друга и буквально душили тех, которым пришлось лежать под ними. После бойни с животных снимают жир. Острым ножом распарывают кожу вдоль верхней части туловища и отворачивают ее, затем срезают слой жира толщиной в 2-18 см. Срезав верхний слой, зверя переворачивают и продолжают делать то же самое. Жир режут на большие куски длиной 40 см и шириной 20 см; в каждом куске делают дыру, через которую их связывают вместе крепкой веревкой. Различные связки жира соединяют, привязывают к крепкому канату и тащат к судну, где их режут на мелкие куски и вываривают в особых котлах, чтобы получить ворвань, ценимую как смазочный материал даже выше ворвани моржей. Черное, жирное, почти несъедобное мясо этих животных имеет мало цены, но сердце матросы едят охотно, а печень очень нравится этим неизбалованным людям, хотя употребление ее в пищу вызывает, говорят, непреодолимую сонливость в продолжение нескольких часов. Соленый язык тюленя является настоящим лакомством.

Свежий жир считается у моряков отличным целебным средством, и, зная, что получаемые тюленями раны скоро заживают, люди стали употреблять его как средство против порезов. Кожа животного с короткими, жесткими волосами — прекрасный материал для обивки сундуков и для сбруи. Она была бы еще прочнее, если бы не многочисленные места с бесчисленными рубцами. Но мясо и кожа едва ли заслуживают внимания по сравнению с ценностью жира. Жир взрослого морского слона может принести порядочный доход: по словам Скаммона, в Калифорнии от одного очень толстого и жирного самца в 5,5 метра длины получилось 210 галлонов (954 литра) ворвани. Морские слоны недолго еще будут населять землю. Они не могут даже скрыться от человека в недоступных частях моря, как киты, поэтому обречены выжидать, пока последний из них не падет жертвой самого страшного и ненасытного хищника на земле — человека*.

** При описанных темпах истребления только приверженность морских слонов самым негостеприимным берегам и, вероятно, высокая выживаемость потомства позволили сохраниться этим замечательным животным. Эти гиганты составили счастливое исключение: для их спасения потребовалось всего лишь прекратить охоту на них. Другие животные, подвергнутые такому истреблению, еще многие десятилетия балансируют на краю гибели, морские же слоны выкарабкались... пока.*

Отряд китообразные

(Cetacea)*

** Китообразные отряд млекопитающих, в наибольшей степени приспособленных к водному образу жизни. В ходе эволюции китообразные полностью утратили задний пояс конечностей (остался только рудимент таза, не соединенный с позвоночником). Тело приобрело вполне рыбообразную форму, передние конечности превратились в ласты, на хвосте, выполняющем функцию основного движителя, развились боковые лопасти. Зубы утратили структуры, свойственные другим млекопитающим, приобрели одинаковую коническую форму, предназначенную только для удержания добычи, либо исчезли совсем. Почти полностью утратилась шерсть и ее производные, в качестве теплоизолятора развился мощный слой подкожного жира. В качестве основного способа ориентации в пространстве развилась эхолокация. Наружные ноздри сместились на верхнюю часть головы. В систематическом отношении китообразные относятся к группе копытных животных. Они происходят от наземных всеядных хищников, бывших предками также и парнокопытных (свиней, оленей, быков и т. д.).*

Киты — животные, живущие исключительно в воде, и устройство их тела приспособлено для подобной жизни. Ластоногие проводят по меньшей мере треть своей жизни на земле, они там рождаются и отправляются на сушу, когда хотят погреться на солнце или спать; сирены имеют возможность иногда выползать на берег, китообразные же проводят всю жизнь в море. Уже огромная величина указывает на место их обитания, так как подобные гиганты могут легко двигаться только в воде, и одно лишь бесконечно богатое море может дать им необходимое пропитание. Киты разделяют, однако, с прочими млекопитающими главнейшие отличительные признаки: кровь у них теплая, дышат они легкими и кормят своих детенышей молоком. Все необразованные люди, точно так как и все народы, стоящие на низшей ступени развития, причисляли и ныне еще причисляют китов к рыбам, и лишь точное исследование устройства их тела и образа жизни указало на то место в системе животного царства, которое они должны занимать.

Тело китообразных массивно и неуклюже, без всякого разделения на части. Часто безобразно большая и в большинстве случаев не вполне симметричная голова постепенно переходит в туловище, которое к задней части тела понемногу суживается и оканчивается хвостовым плавником (плесом). Задних конечностей, которые, за исключением сирен, встречаются у всех млекопитающих, у китов вовсе нет, передние превратились в настоящие плавники. Часто встречающийся жировой плавник, сидящий на спине этих животных, еще более увеличивает их сходство с рыбами. Прочими отличительными признаками китообразных служат: сильно расщепленный рот, не окаймленный губами, в котором мы замечаем или необыкновенно большое количество зубов, или особые нёбные роговые пластинки, а также отсутствие мигательной перепонки на глазах и положение сосков назад тела, около половых органов; тонкая, гладкая на ощупь, жирная и бархатистая кожа, на которой только в виде исключения на некоторых местах встречаются щетинообразные волосы. Кожа эта большей частью темного цвета, и под ней между клеточками нижнего слоя кожи отлагается необыкновенно толстый слой жира.

По внутреннему устройству органов киты также отличаются от прочих млекопитающих. Кости скелета замечательны своим губчатым строением и так проникнуты жидким жиром, что от него едва ли могут быть вполне освобождены, поэтому, как их ни белить, они все-таки сохраняют желтый цвет и жирны на ощупь; зато в костях не встречается внутренней, так называемой мозговой полости. Огромный череп редко находится в соответствии с величиной тела; кости на нем очень странно передвинуты, соединены между собой не швами, а лишь мягкими частями; некоторые из них очень мало развиты, другие необыкновенно увеличены, так что сравнение черепа китообразных с черепом других млекопитающих представляет немало затруднений.

В позвоночнике особенно замечательна шейная часть. Мы встречаем здесь еще обыкновенное число позвонков, но они принимают вид тонких кружков и вследствие малой подвижности иногда так срастаются, что только по отверстиям для выхода нервов можно убедиться, что их действительно семь. Срастаются между собой большей частью передние позвонки, но изредка случается, что срастаются шесть, а иногда и все семь. Кроме шейных позвонков, киты имеют 11-14 спинных, 10-24 поясничных и 22-24 хвостовых позвонка. Так как таза нет и он обозначен лишь двумя мало развитыми подвздошными костями, то не существует и крестца, состоящего у других млекопитающих из нескольких сросшихся позвонков. Все вообще позвонки отличаются значительной простотой отростков. Число настоящих ребер очень невелико: усатые киты имеют лишь одну пару их, а более шести, кажется, не встречается ни у одного животного этого отряда. Ложных ребер всегда больше, чем настоящих*. Грудная кость у зубатых китов состоит из многих друг за другом лежащих, иногда срастающихся костей, а у усатых китов представляет собой одну кость, которая иногда продырявлена или имеет на переднем крае глубокую вырезку.

** Имеются в виду ребра, сочлененные с грудиной (настоящие) и не сочлененные (ложные). По происхождению и те, и другие одинаковы.*

Зубная система китообразных не только отличается от зубной системы всех других млекопитающих, но бывает различна даже у обеих главных групп этого отряда. У всех китов, по исследованиям Каруса, в желобках челюстей под слизистой оболочкой существуют в раннем возрасте зародыши зубов, но они развиваются в настоящие зубы только у зубатых китов и уже не сменяются во время жизни, как у многих млекопитающих. У усатых китов зародыши зубов пропадают, а вместо них развиваются на верхней челюсти и на нёбе совершенно своеобразные органы. В поперечных складках вырастают роговые пластинки, которые свешиваются далеко вниз; из них наружные, прикрепленные к верхней челюсти, самые длинные, а прикрепленные к нёбу — самые короткие; это и есть так называемый китовый ус**.

** * Китовый ус представляет собой сросшиеся в роговые пластины волосы, растущие на редуцированной верхней губе, подвернутой у беззубых китов внутрь рта.*

Кроме того, можно еще заметить следующее. Язык имеет значительную величину, слюнных желез не бывает, пищевод ведет в желудок, который разделен на 4-5 и даже 7 отдельных мешков, но эти отделения не соединены непосредственно, как у жвачных, с пищеводом, а расположены в выходной части желудка и соединены между собой несколькими отверстиями, имеющими вид воронок. Желчного пузыря не бывает, а почки имеют несколько лопастей. Семенные железы лежат внутри тела, а матка у китообразных двурогая.

Органы дыхания устроены очень своеобразно. Нос совершенно потерял значение органа обоняния и служит исключительно для прохода воздуха. Носовые отверстия (дыхало) находятся на самой выдающейся части черепа, от них идет вертикальный проход в носовую полость, а из нее в верхнюю часть дыхательного горла, которая, по описанию Каруса, имеет вид конуса и далеко выда-

ется вперед в глотке. Дыхательное горло не приспособлено к образованию звуков, но зато может в короткое время принять большое количество воздуха. Само дыхательное горло очень широкое, а легкие имеют значительный объем, и все бронхи соединены между собой так, что легкое может наполняться воздухом через каждую из них. Существуют и другие вспомогательные средства для того, чтобы усилить деятельность легких, например, легочная артерия и легочная вена имеют большие расширения, куда может быть собрано значительное количество очищенной и неочищенной крови.

Мышцы имеют простое строение, величина их соответствует величине животного, и они необыкновенно сильны. Количество нервной массы очень незначительно; у кита массой 5000 кг, имевшего 6 м длины, мозг весил менее 2 кг, то есть не более чем у человека, масса которого редко достигает 100 кг*.

** Размер мозга животного пропорционален поверхности его тела. Поэтому чем животное крупнее, тем меньше относительный размер его мозга. Мозг кита в этом случае оказывается даже больше, чем можно было бы ожидать у такого крупного животного, и соответствует очень высоким интеллектуальным возможностям (примерно на уровне собаки или обезьяны).*

Все органы внешних чувств очень слабо развиты: глаза необыкновенно малы, а уши снаружи едва видны, как будто только обозначены. Из этого, однако, не следует заключать, что зрение и слух совсем плохо развиты. Все киты доказывают, что они видят хорошо не только вблизи, но даже издали, а также легко воспринимают посредством слуха различного рода звуки**.

*** Главный же орган чувств китов (о котором Брем еще не мог знать) — сонар, или звуковой локатор. Издавая очень высокочастотные звуковые колебания (ультразвук), киты воспринимают их отражение от разного рода предметов, и потому очень точно могут определять не только расстояние до предмета, но и его форму и плотность.*

Обоняние у них почти всегда очень плохое. О вкусе мы не можем сказать ничего, а осязание, как видно, в известной степени развито.

Можно с уверенностью сказать, что вышеописанное строение тела хорошо приспособлено к водной жизни китов. Горизонтально лежащий хвостовой плавник (плес) очень удобен для того, чтобы подниматься и опускаться в воде, и дает таким образом животным возможность находить добычу на различных глубинах. Гладкость кожи облегчает движение этих огромных существ, толстый слой жира уменьшает их вес, заменяет внешний волосяной покров и правильнее распределяет то сильное давление столба воды, которому подвергается кит, когда он опускается в глубину моря. Огромные легкие дают возможность долго оставаться под водой, а расширения артерий сохраняют значительное количество очищенной крови, которая необходима в тех случаях, когда животное по какой-либо причине долго лишено возможности набрать количество воздуха, необходимое для окисления крови*.

** Главный резервуар кислорода у кита, помимо огромных легких, это мышцы, в которых содержится очень большое количество удерживающего кислород белка — миоглобина. Однако лишь немногие киты могут нырять на большие глубины и на долгое время. У подавляющего большинства китообразных время пребывания под водой не превышает 3-5 минут, то есть отметки, достижимой при определенной тренировке и человеком.*

Вследствие всего этого киты могут считаться настоящими обитателями открытого моря. Большинство из них избегает по возможности берегов, так как близость их может повредить китам. Только некоторые дельфины живут в пресной воде, другие заходят в реки, но редко далее чем замечен прилив. Все другие китообразные живут только в соленой воде, но предпринимают более или менее регулярно короткие или дальние странствования по морям.

Все киты двигаются с большой легкостью, мастерски плавают, без заметного напряжения, а некоторые с удивительной быстротой; они выказывают иногда такую необыкновенную силу своего огромного плеса, что, несмотря на страшную тяжесть тела, выскакивают из воды и делают над поверхностью ее большие прыжки. Они держатся чаще всего около поверхности воды и, может быть, спускаются на большую глубину только тогда, когда ранены. Верхний слой воды служит обычным их местопребыванием, так как для дыхания они должны высовывать из воды голову и часть спины. Дыхание их происходит следующим образом. Поднявшийся кит прежде всего с большим шумом выбрасывает воду, которая попала в неплотно закрытые ноздри, и это выбрасывание происходит с такой силой, что вода разделяется на множество мелких брызг, которые достигают 5—6 м вышины. Эти фонтаны удобнее всего сравнить со струей пара, выходящего через узкое отверстие из котла, и сопение животного напоминает шум, производимый этим паром. Фонтаны вовсе не состоят исключительно из воды, хотя многие рисовальщики изображают таким образом китов, и даже

натуралисты считают такие фонтаны возможными. Тотчас после выдыхания животное быстро втягивает в себя воздух, производя при этом заметный стонущий звук, оно часто вдыхает воздух, 3, 4 и 5 раз в минуту, но фонтан виден только при первом выдыхании, хотя в холодную погоду и во время других выдыханий заметен выходящий пар.

Ноздри расположены у китов так удобно, что при поднятии на поверхность воды они прежде всего выходят на воздух, так что китам дышать так же удобно, как и другим животным. Спокойно плывущий большой кит часто остается 5-15 минут, иногда и дольше, на самой поверхности воды, причем спокойно и равномерно дышит, пока хорошенько не насытится. После этого обыкновенно он ныряет вглубь, причем задняя часть тела и плес поднимаются над поверхностью воды (кит «кувыркается»), и остается там 10-20 минут, иногда и более. Преследуемые большие киты могут оставаться под водой до 30-50 минут. Один кашалот, раненный острой, оставался, по наблюдениям Пехуеля-Леше, под водой почти час, а другой даже 80 минут, причем спустился на глубину 1300 м. Недавно Кюкенталь удостоверился, что раненый деглинг (высоколобый клюворыл), то есть относительно небольшой кит, который вытянул всего 300 м бечевы, оставался под водой 45 минут*.

** В обоих случаях речь идет именно о рекордных ныряльщиках среди китообразных.*

В этих случаях употребляется в дело запас окисленной крови, накопившейся в расширениях артерий. В конце концов животное, однако, должно выказать свою принадлежность к млекопитающим, и кит поднимается на поверхность воды, чтобы не задохнуться. По наблюдениям китоловов, кит, лишенный возможности возобновить воздух в легких, задыхается, как и всякий другой зверь, и даже довольно скоро. Кит, однажды запутавшийся в веревке, которой притянули к кораблю другого только что убитого кита, задохнулся по прошествии нескольких минут. Хотя киты дышат атмосферным воздухом, они очень скоро околевают, когда попадают на сушу.

Много раз спорили о том, есть у китов голос или нет. Вопрос этот, как и следует ожидать, по теории должен быть решен в положительном смысле, так как у китов существуют голосовые связки, и нет причин, почему бы они не могли исполнять своего назначения. Кроме того, существуют несколько наблюдений относительно голоса китов. Во время большой опасности, при сильной боли от ран, а также когда они бывают выброшены на берег, киты иногда громко кричат. По удостоверению всех свидетелей, которые об этом повествуют, звуки, испускаемые в этих случаях китами, невозможно сравнить с криком какого-нибудь другого животного. Пехуель-Леше пишет следующее: «Сопение больших китов слышно издали; его можно сравнить с шумом, производимым паром, который потихоньку выпускают из локомотива, но сопение это еще протяжнее и, смотря по виду животного, может быть изображено буквами так: у-у-фф, ур-р-р-ф или блур-р. Иногда слышатся при этом своеобразный стон или дрожащие звуки, как при громком сопении; особенно сильных и страшных звуков я, однако, никогда не слышал, даже у сильно возбужденных, раненых и нападающих китов. От многих опытных людей я, правда, слышал, что некоторые большие усатые киты в раздраженном состоянии издают сильный рев, но другие столь же опытные и не менее достоверные свидетели полагают с большой уверенностью, что и эти киты не имеют голоса; с последними я должен согласиться. Очень может быть, что некоторые наблюдатели приняли за рев особенно громкое выдыхание раненых китов***».

*** Рев и крики раненых китов — это именно крики раненого животного, не несущие никакой информации. По причинам, указанным выше, Брем и его современники не могли знать о голосах китов. Лишь век спустя ученые установили, что киты и дельфины переговариваются на ультразвуке (который человек слышать не может) и обладают чрезвычайной богатой звуковой коммуникацией (некоторые исследователи даже склонны называть звуки китообразных «языком»).*

Все киты питаются животными и, вероятно, только случайно проглатывают вместе с ними и растения; по крайней мере, подлежит более точному исследованию вопрос о том, питается ли действительно, как утверждают, полосатик водорослями, которые часто в большом количестве находят в его желудке, и правда ли, что дельфин проглатывает плоды, упавшие в реку. Добычей им служат большие и маленькие морские животные всевозможных сортов: самые крупные виды питаются самыми мелкими морскими животными, и наоборот, самые мелкие киты принадлежат к числу самых ярых хищников. Все зубатые киты могут считаться хищными животными в полном смысле этого слова, и многие из них не щадят даже мелких особей своего собственного вида*; усатые же киты довольствуются маленькими животными: мелкой рыбешкой, раками, моллюсками без раковин, медузами и т.п. Можно себе представить, какую невероятную массу пищи требуют эти морские гиганты: один усатый кит пожирает, вероятно, ежедневно миллионы, даже миллиарды мелких животных.

** Пищей большинства зубатых китов служат рыба или головоногие моллюски. Несколько видов дельфинов, которых можно с полным правом считать хищниками, нападают на других китообразных, но не на представителей своего вида!*

О времени размножения еще недостает точных сведений. Детеныши, может быть, рождаются во всякое время года, но, вероятно, чаще всего в конце лета. По-видимому, в это время стада разбиваются на пары, которые живут некоторое время вместе. Перед спариванием самец выражает свое возбуждение хлопаньем по воде огромными ластами, производя этим при тихой погоде страшный шум. Очень часто он ложится на спину, иногда становится вертикально, головой вниз, сильно волнуя воду широким плесом; случается даже, что он всем своим гигантским телом подпрыгивает над поверхностью воды, снова ныряет в глубину, опять появляется на поверхности и проделывает разные другие движения, чтобы понравиться самке**.

** * Брем описывает «игры» кита-горбача. Однако до сих пор остается невыясненным, зачем горбач проделывает все эти трюки. Известно только, что к размножению они прямого отношения не имеют. Вообще же у китов самец не принимает участия в воспитании потомства, а у многих видов самцы и самки держатся разными стадами.*

Как долго продолжается беременность, еще неизвестно, предполагают, что самки носят от 6 до 10 месяцев, но доказать это очень трудно. У небольших китов цифры эти близки к истинным, но у больших китов беременность может длиться и 21, и 22 месяца, а может быть, и от 9 до 10. Новорожденный, очень развитой детеныш, имеет $1/3$ - $1/4$ длины тела своей матери.

О самом процессе родов мы не имеем никаких указаний; особенно же мало нам известно о том, как мать научает детеныша сосать и как она ему дает понять, где и каким образом искать необходимую ему пищу. Другие водные млекопитающие рождаются на суше, где они могут свободно дышать; если же они рождаются на воде, как у сирен, то мать прижимает детеныша к груди ластами и, вероятно, держит его во время сосания над водой. Новорожденные же киты должны соответственно своему телосложению тотчас после появления на свет жить так же, как и взрослые, и потому, чтобы не задохнуться, часто высовываются из воды. Из этого уже следует, что для поддержания жизни они должны рождаться очень развитыми; несмотря на это, они требуют заботливого ухода и долгого кормления молоком***.

** * * Детеныши у китов рождаются всегда хвостом вперед (редкий для млекопитающих случай). Как только детеныш полностью оказывается снаружи, другая самка, присутствующая при родах («тетушка»), выталкивает его рылом на поверхность, давая таким образом сделать первый вдох. Позже мать и «тетушка» вдвоем поддерживают малыша, пока он не окрепнет достаточно для самостоятельного плавания.*

Прежние наблюдатели утверждали, что кормящая самка плавает, продолжая путь, и тащит за собой детеныша, висящего на соске; Скаммон же, напротив, определенно говорит, что самка во время кормления ложится боком на воду, выставляя почти всю заднюю часть тела над поверхностью, словом, принимает положение, при котором детенышу было бы удобно сосать. Положение и форма сосков очень удобны для детеныша; концом морды он схватывает большие и переполненные молоком соски, время от времени показываясь над водой для дыхания. Небольшие виды китов сосут, по-видимому, не так долго, как большие, которые, вероятно, требуют около года, чтобы перейти к обыкновенной пище.

Во время кормления мать заботится о детеныше с большой нежностью, ради него подвергается всем опасностям, которые угрожают его жизни, и пока жива, никогда не покидает его. Растут молодые киты очень медленно, усатые едва ли сами способны к размножению раньше двадцати лет. Никто не знает, как долго продолжается жизнь кита. Предполагают, что старческий возраст выражается тем, что туловище и голова принимают серый оттенок, а белое брюхо желтеет, жир делается тверже и дает меньше ворвани, а сухожилия окостеневают; никто, однако, не может указать, сколько нужно времени, чтобы произошли все эти перемены.

И у китов есть враги, особенно в первое время их жизни. Многие акулы, а также косатка охотятся за молодыми китами, нападают даже на взрослых и, умертвив их, целыми днями питаются трупом гигантской добычи. Но человек для китов еще опаснее всех морских чудовищ: он уже более тысячи лет охотится за многими видами этого отряда и некоторых успел почти истребить.

Вначале человек, вероятно, довольствовался теми китами, которых море само ему доставляло, то есть такими, которые были выброшены бурями на берег. Только впоследствии он задумал начать борьбу с этими морскими гигантами. Говорят, что баски первыми в XIV и XV столетиях стали снаряжать особые суда для ловли китов. В первое время они довольствовались тем, что отыскивали полосатиков, которые приплывали в Бискайский залив, но уже в 1372 году ездили к северу и там

нашли богатую добычу. Около 1450 года бордоские судовладельцы также уже снаряжали корабли, чтобы охотиться за китами в восточной части Ледовитого океана. Междоусобные войны сильно затруднили мореплавание и торговлю басков, а последовавшее в 1633 году нападение испанцев на их страну навсегда прекратило китовую ловлю этого народа; однако большие успехи их возбудили алчность других береговых народов, и уже в XVI столетии английские, а вскоре голландские китоловные суда показались в морях вокруг Гренландии. Рассказывают, что переселившиеся баскские рыбаки научили англичан и голландцев искусству китовой ловли. Город Гуль в первый раз снарядил корабли для китовой ловли в 1598 году; в 1611 году образовалось в Амстердаме общество китоловов, которое направляло свои корабли к Шпицбергену и Новой Земле.

Ловля эта в скором времени стала вестись в большом размере. Уже 60 лет спустя из голландских гаваней в один год вышло 133 китоловных судна, но наибольший разгар китоловного промысла наступил позднее. В 1676-1722 годах голландцы отправили 5886 китоловных кораблей и словили в это время 32 907 китов. Еще в конце прошлого столетия этот прибыльный промысел велся в большом размере. Фридрих Великий в 1768 году приказал снарядить несколько китоловных кораблей, а англичане в это время уже посылали ежегодно 222 корабля. Скоро американцы стали самыми усердными китоловами. По исчислениям, сделанным Скаммоном, с 1835 по 1872 год, то есть в течение 38 лет, 19 943 корабля занимались китовым промыслом и добыли 3 671 772 бочки спермацета и 6 533 014 бочек ворвани. Скаммон вычислил, что для этого ежегодно убивали 3865 кашалотов и 2875 усатых китов. К этим числам следует еще прибавить по одной пятой для раненых и найденных китов, так что общая сумма всех истребленных животных в течение 38 лет должна быть исчислена по крайней мере в 292 714 штук.

Хотя во время китовой ловли и случаются иногда несчастья, охота на китов не может считаться опасной, если не принимать во внимание опасностей, происходящих от плавания по полярным морям, переполненным плавучими льдами. Китоловные суда, впрочем, иногда погибают в большом числе. В 1819 году из 63 кораблей погибло 10, в 1821 году из 79-11, в 1830 году из 80 кораблей 21 корабль; американцы потеряли на севере Берингова пролива в 1871 году 33 судна, а в 1876 году еще 12 кораблей. К счастью, при таких кораблекрушениях люди редко погибают, так как Полярное море почти всегда спокойно, и экипаж имеет время спастись на другие корабли. Но китовый промысел не только труден и опасен, он представляет всегда рискованное предприятие, так что китоловы его очень метко сравнивают с лотереей. «Насколько китовый промысел зависит от случайностей, — говорит Гартвиг, — можно видеть из следующих официальных данных. В 1718 году 108 голландских кораблей, отправившихся в Гренландское море, словили 1291 кита, ценность которых простиралась до 12 миллионов марок; в следующем же году 137 кораблей добыли лишь 22 кита. Вследствие этой неудачи в последующий затем год снарядили только 117 кораблей, которые добыли 631 кита и таким образом вознаградили отчасти судовладельцев за потери предыдущего года». Что при таком бестолковом и ничем не ограниченном преследовании число китов даже на самых прибыльных местах должно уменьшиться, само собой разумеется. Линдеман в своей книге о полярных рыбных промыслах немецких гаваней приводит ясные доказательства уменьшения прибыли китоловного промысла не только у немцев, но и у всех других морских наций*.

** Даже охота с ручным гарпуном с баркасов и парусных кораблей подорвала численность многих стад китов вплоть до полного их исчезновения. Так, незадолго до выхода труда Брема прекратил свое существование атлантический серый кит. Однако той бойни, которая развернулась против китов в XX веке, когда в дело были пущены десятки тысяч непотопляемых моторных судов-китобоев и гарпунные пушки, стреляющие разрывным гарпуном, Брем не смог бы себе даже представить. Истреблялись нещадно почти все виды китообразных, зачастую без реального коммерческого оправдания даже на текущий момент. Когда в 1970-х годах была подписана рядом стран Конвенция об охране китообразных, некоторые их виды оказались под угрозой исчезновения. Несмотря на это, несколько стран (в первую очередь СССР, Норвегия и Япония) отказались от подписания Конвенции. СССР вел промысел китов до тех пор, пока он полностью не перестал приносить доходы.*

Несколько десятилетий тому назад снаряжали китоловные корабли для продолжительного путешествия, и они гонялись преимущественно за тремя самыми большими видами китов: гренландским китом, кашалотом и большим полосатиком. Ловля кита происходит обыкновенно следующим образом. Когда корабль прибывает в море, где можно найти китов, он крейсирует туда и сюда, причем на мачте обыкновенно два матроса зорко смотрят во все стороны. Их возглас «Там виден фонтан!» приводит весь экипаж в сильное возбуждение. «По внешнему виду замеченного животного, — говорит Пехуель-Леше, — по его фонтанам, по форме спинного и хвостового плавников

опытные люди тотчас узнают, принадлежит ли животное к числу тех китов, ловля которых особенно прибыльна, и вообще стоит ли гоняться за китом. Когда это решено, то по приказанию капитана лодки, которых обыкновенно большое китоловное судно имеет четыре, спускаются на воду. Эти лодки, длиной 7-9 м и шириной около 2 м, легки, но хорошо выстроены, без киля и с обоих концов заострены для того, чтобы одинаково легко двигаться назад и вперед и быстро поворачиваться. На носу, около гарпунщика, приготовлено необходимое оружие, состоящее обыкновенно из 4 гарпунов, многих копий, очень тяжелого ружья, которое заряжается цилиндрическими разрывными пулями, короткой острой лопаты для вырезывания жира, топора и большого ножа. В корме, часть которой прикрыта небольшой палубой, спрятаны компас, ковшик и бочонок, в котором находится запас корабельных сухарей, фонарь, свечи и спички, для того чтобы предохранить их от сырости; другой бочонок с пресной водой лежит обыкновенно посередине лодки.

Важнейшей частью снаряжения лодки следует считать веревку около 350 саженой длины и толщиной в большой палец, которая должна быть приготовлена из самой лучшей пеньки. Веревка эта самым тщательным образом спирально расположена в двух плоских чанах, стоящих ближе к корме между скамьями для гребцов. Перед охотой ее еще раз внимательно осматривают, так как если она при ловле запутается, то может произойти большое несчастье. Лежащие в обоих чанах веревки сплетаются и образуют один длинный трос; в мелких водах берут лишь один чан с веревкой. Веревка идет сначала назад и задевается за большую кнопку из твердого дерева, которая находится на самой корме, на правой стороне от рулевого, оттуда она направляется посередине лодки между гребцами к носу, где проходит через небольшой медный блок. Из левого чана вытаскивают веревку в 5 или 8 саженой и к ней прикрепляют оба гарпуна, которые опытный гарпунщик тотчас по приближении к киту в него бросает; чтобы удобнее схватить их, гарпунщик кладет эти остроги на особый низкий станок с уключинами. Экипаж каждой лодки состоит из 6 человек: рулевого, который сидит на корме и управляет лодкой посредством длинного рулевого весла, могущего одним ударом повернуть ее на четверть круга; гарпунщик, который также снабжен рулевым веслом и помогает направлять судно, пока не готовится к нападению, и, наконец, четырех гребцов. Все эти люди должны быть очень опытны, хорошо приучены к взаимному содействию и точно знать свои места. Они должны работать без излишней команды, как бы по чутью, и сообща действовать быстро и верно даже во время большой опасности: лодка их должна походить на живое существо. Они смотрят за своей лодкой с очень тщательной заботливостью, и в этом они правы, так как ей поручают свою жизнь в борьбе с волнами и бурями, а также с гигантской добычей, за которой гонятся.

Хороший гарпунщик должен уметь верно кинуть острогу на расстояние 4—5 саженой. В большинстве же случаев к киту подплывают гораздо ближе, иногда даже лодка касается его, так что гарпун не бросают, а просто втыкают в его тело. Подобное смелое нападение, конечно, вернее всего ведет к гибели кита, но очень опасно. Как только остроги воткнуты, лодку сильно гонят назад, и это самый опасный момент: никогда нельзя ручаться, что раненый кит случайно или нарочно своим огромным плеском не опрокинет лодку снизу или не ударит по ней сверху. В глубоком море кит большей частью ныряет отвесно вниз, а в мелком быстро плывет вперед на небольшой глубине; в обоих случаях веревка быстро развивается, обходит кнопку на корме и, туго натянутая, проходит между гребцами и со страшной быстротой тянется за плывущим китом; случается, что в одну минуту выходит 100-150 саженой. Тогда нужно быть осторожным. Кто нечаянно схватится за веревку, тот потерян. Лодка быстро движется вперед. Рулевой и гарпунщик меняются местами, так как если гарпунщику предоставлено нанести первый удар киту, то рулевому принадлежит честь его убить. Само собой разумеется, что нельзя и думать об удержании ныряющего кита; кит погрузил бы лодку в воду так же легко, как рыба, попавшаяся на удочку, тянет за собой поплавок. Если животное ныряет слишком глубоко, то поспешно зовут соседнюю лодку и как можно скорее привязывают новую веревку к той, которая уже спущена; если этого не успеют сделать, то киту дозволяют вытянуть конец веревки и свободно с ней плавать. Очень редко удается снова схватить эту спущенную веревку, для чего гребут по тому направлению, куда ушел кит, и стараются захватить плывущий конец.

В большинстве случаев хватает, однако, веревки одной лодки; кит обыкновенно ныряет на глубину 100-200 саженой и там лежит не двигаясь. Если веревка уже более туго не натягивается, то ее соединенными усилиями всех матросов тянут вверх, чтобы побудить добычу подняться на поверхность воды. Если это не нравится капризному киту, то все старания вытащить его на поверхность остаются напрасными, и он спускается еще глубже. Борьба эта, смотря по величине животного, продолжается 10-20 или 30 минут, в редких случаях вдвое дольше, пока наконец кит не почувствует недостатка в воздухе и сам не поднимется наверх. Направление веревки указывает пример-

но то место, где он выплывет, и там старается подойти к нему другая лодка, чтобы бросить в него вторую острогу. Если это удастся, то добыча может считаться верной. Вторично раненый кит тогда или сам нападает на преследователей, или быстро плывет по поверхности воды, так как недостаток воздуха не позволяет ему снова нырнуть. Затем начинается бешеная гоньба, причем отпускают лишь небольшое количество веревки, в несколько раз превосходящее длину лодки. Пыхтя и фырякая, несется темное чудовище по волнам, которые с пеной перед ним расступаются и иногда поднимаются вверх белыми брызгами, когда оно неистово ударяет плесом по воде, чтобы избавиться от преследователей. За ним несутся две или три лодки со смелыми ловцами; лодки эти часто исчезают в пене и брызгах, при бешеной езде как бы опускаются вглубь, но бесстрашно несутся вперед среди безграничного океана, не обращая внимания на наступающую ночь. Неподготовленный зритель, наверное, счел бы эти лодки за морское привидение. Наконец усталый кит останавливается и в беспомощной ярости начинает валяться по волнам, махая во все стороны страшным хвостом. Тогда лодки осторожно приближаются, тщательно избегая хвоста животного, и люди стараются убить кита выстрелом из большого ружья или втыкая копьё позади плавников, причем тонкое орудие погружается в тело животного до 2 м. Если он снова ныряет или спасается вплавь, то гоньба повторяется, пока наконец не покончат с ним или не отрежут веревки, если борьба окажется людям не под силу. Если разрывная пуля или копьё достигли легких, то кит через ноздри выдувает кровь или, как выражаются моряки, «выкидывает красный флаг»; в этом случае он умирает довольно скоро, но во время агонии страшно бьется, и лодки в это время осторожно держатся в некотором отдалении.

Такая охота от первого удара острогой до смерти кита продолжается 1-2 часа, но время это бывает более или менее продолжительно, смотря по преследуемому животному. В редких случаях кит умирает от ран, нанесенных острогами, и тогда охота продолжается только 15 минут, но может случиться, что она длится несколько часов сряду; она может быть совершенно безопасна для людей, но может оканчиваться очень печально для них; случается, что сам кит нападает на лодки, которые должны от него спасаться; иногда кит разбивает лодки, и люди при этом погибают. При охоте на больших китов, где мне пришлось присутствовать, удалось ранить острогой 23 кита. Из этих больших китов было захвачено 14, а 9 спаслись следующим образом: один кашалот при нырянии сразу вытянул 350 сажень веревки и ушел так далеко, что его больше уже не видали; второй разбил приблизившуюся лодку и также исчез; при гоньбе за третьим кашалотом пришлось после долгого преследования отрезать веревку, так как начиналась буря и охоту невозможно было продолжать. Точно так же пришлось обрезать веревку при преследовании трех гренландских китов, потому что они забрались на плавучий лед, куда за ними лодки не могли следовать; четвертый гренландский кит удрал вместе с веревкой, разбив преследовавшую его лодку, и, наконец, два кита освободились тем, что гарпуны выскочили из тела. Во время охоты были совсем разбиты две лодки, а три более или менее повреждены. Два человека были убиты китами ударами хвоста, один гарпунщик был захвачен веревкой и утонул, один из гребцов был также выброшен из лодки веревкой, но выплыл и был спасен.

Если корабль не может скоро приблизиться к убитому киту, то труп его лодки тянут на буксире. Привязывают к тонкому месту, около хвоста, крепкую цепь, затем прикрепляют ее к правому борту корабля так, чтобы кит лежал на боку и голова его была направлена к корме. К главной мачте прикрепляют две большие тали, ходовые концы которых прикрепляются к шпилью. К борту корабля приделывается помост, имеющий вид рамы, который горизонтально висит над китом и на котором стоят люди, вырезающие жир острыми лопатами, насаженными на длинные ручки. Другая таль прикрепляется к концу лапты, который так отрезается, что за ним тянется полоса сала 1,3-1,9 м ширины; подтянув эту полосу сала под марс, накладывают на нее на высоте палубы вторые тали и над ними перерезают полосу, а отрезанную часть спускают на первых таях в жилую палубу, между тем как тали снова приподнимают полосу сала до марса. Поднимание сала — работа очень тяжелая и подвигается очень медленно; сильные тали понемногу отрывают от мяса полосы сала, отрезанные лопатами; это происходит вроде того, как очищают яблоко от кожуры или отвертывают первый лист у сигары. При этом тело кита должно медленно оборачиваться около продольной оси. В самом начале один из матросов спускается на веревках на тело кита и ударами топора отделяет у усатых китов верхнюю челюсть, а у кашалота нижнюю; их притягивают на палубу и отрезают китовый ус у гренландского кита, а у кашалота выламывают зубы, которые часто заменяют слоновую кость. У кашалота разрубают огромную голову на две части, для того чтобы выпустить из нее спермацет.

Обработка кита продолжается 4-8 часов, смотря по сорту и величине его, а также по погоде; когда все ценные части вырезаны, то цепь развязывается и бесформенный скелет с мясом спускается на произвол судьбы*.

** От огромного кашалота шло в дело процентов двадцать двадцать пять его массы. От кита-полосатика и того меньше, остальное же вываливалось в море. Сто лет спустя (хотя официально считалось, что кит используется целиком: кости — на изготовление клея, мясо — для собачьих консервов и белковой подкормки) в погоне за прибылью от китов брали еще меньше, чем во времена Брема, вываливая в море едва освежеванные туши.*

Под первой палубой огромные полосы жира разрезаются на тонкие продолговатые куски короткими лопатами и затем выбрасываются снова на палубу, где ручной машиной, которая двигает валеk с острыми ножами, жир нарезается на мелкие полоски; затем их бросают в большие железные котлы, вделанные в особые печи, находящиеся на палубе. Очаги этих печей для безопасности окружены вместилищами, наполненными водой. Сначала печи эти растапливаются дровами, а потом их топят кусками кожи, оставшимися от растопленного жира; этого горючего материала хватает для обработки жира всего кита. Полученная ворвань выливается сначала в плоский чан для охлаждения, а затем в бочки. «Одетые в самую плохую одежду, — описывает Пехуель-Леше, — наполовину голые, обмазанные ворванью и сажей, матросы весело справляют свою работу около печей, причем прыгают, танцуют и махают по воздуху своими орудиями. Тогда на корабле господствует оживленная деятельность. Особенно величественно это зрелище ночью, когда палуба освещается кусками китовой кожи, вынутыми из котла и подвешенными довольно высоко в проволочной корзине. Пылающее пламя освещает черные клубы дыма, всю палубу, мачты с их парусами и даже небольшую часть моря около корабля. Днем можно издали заметить китоловное судно, занятое вытопкой жира, по черным клубам дыма, которые видны гораздо раньше, чем сам корабль».

Кроме больших кораблей, которые снаряжены для 30-50 месяцев плавания по океану, отправляют также небольшие суда для 5-18 месяцев плавания в известном море; эти последние предназначаются большей частью для ловли небольших китов, особенно полосатиков и дельфинов. Из немецких и шотландских гаваней недавно начали отправлять пароходы в Ледовитый океан на одно лето; они привозят в гавань китовый жир в сыром виде и топят его уже дома. Кроме того, жители тех берегов, около которых в известное время года появляются киты, ставят на возвышенных местах людей, высматривающих приближение животных, и тогда прямо с берега высылаются лодки для ловли кита. Подобная береговая ловля производится уже в течение многих десятков лет очень регулярно и в больших размерах в северной части Норвегии. До 60-х годов полосатиков почти никогда не преследовали, потому что они дают небольшую добычу и очень резвы и опасны своими быстрыми движениями. Уже давно старались изобрести такие огнестрельные орудия, снаряды которых не только ранят, но сразу убивают кита, так как орудия эти дали бы возможность с успехом преследовать всевозможных китов, даже тех, за которыми прежде не гонялись. В 1867 году Кордесу из Бремергхафена удалось устроить небольшое орудие, стрелявшее острогой; Рейхтен старался ввести это новое орудие у американских китоловов, а Фойн начал в Норвегии с пользой употреблять гарпунную пушку при ловле полосатиков. Предприятие это казалось выгодным, и в 1882 году, когда кончился срок привилегии Фойна, на северном берегу Норвегии образовалось общество, которое не только производит охоту на всевозможные виды китов, но перерабатывает чудовищные остатки, именно мясо и кости, в искусственное удобрение.

Об этом способе ловли Кюкенталь, по устным сообщениям капитана Горна, повествует следующее: «Начиная от Тромсё на север вдоль берегов Финмаркена и России расположено множество китоловных станций, из которых самая восточная находится на острове Еретик, в устье губы Уры. На каждой станции находится завод для вытопки ворвани и обработки остатков. Около фабрики расположено несколько жилых строений и сараев, а в распоряжении станции состоят один или два небольших парохода, которые служат для китовой ловли. На этих пароходах вместо бушприта находится платформа, на которой стоит гарпунное орудие. Снаряд его состоит из тяжелого чугунного гарпуна, который тянет за собой веревку трехдюймовой толщины; ею в случае удачи притягивают потом кита к кораблю. Гарпун, кроме того, содержит в рукоятке заряд с взрывчатым веществом; если вследствие движения раненого кита веревка туго натянется, то разбивается стеклянный пузырек, находящийся около взрывчатого вещества; жидкость из этого пузырька воспламеняет заряд, отчего происходит взрыв, который чаще всего убивает кита. Если взрыва не произойдет, то раненого кита убивают прежним способом: посредством копья. Труп убитого животного, который большею частью плывет на поверхности моря, привязывается цепью к кораблю и на буксире тащится до завода, где его обрабатывают». По данным Кока, в 1885 году на 23 станциях 36 пароходами было

словлено 1398 китов; в 1886 году на 22 станциях 39 пароходами было добыто 954 кита; в 1887 году на 21 станции 32 пароходами — 854 кита и в 1888 году на 21 станции 35 пароходами — 717 китов. «Такая беспощадная ловля, — говорит Кюкенталь, — должна, очевидно, сильно уменьшить число китов, поэтому норвежское правительство издало закон, запрещающий ловлю в продолжение нескольких месяцев в году, и, кроме того, оно позволяет убивать китов только на расстоянии не ближе двух миль от берега. За неисполнение этих правил назначен штраф в 3 тысячи крон; русское правительство издало подобное же постановление». Кюкенталь прибавляет, что в этих водах ловятся четыре вида полосатиков.

Подотряд зубатые киты

Киты разделяются на две группы, которые с полным правом могут быть названы подотрядами: зубатые киты и усатые киты. У зубатых на обеих челюстях, а иногда только на одной, находятся зубы, которые, раз выросши, уже не заменяются новыми; у некоторых видов, впрочем, зубы эти в молодости выпадают. Признак этот совершенно достаточен для того, чтобы их отличать от усатых китов.

Семейство речные дельфины

Уже в 1819 году А. Гумбольдт издал свои наблюдения об одном дельфине, встречающемся в пресных водах Южной Америки, но подробно это животное не описал. Демаре в следующем году получил это животное из Лиссабонского музея и составил его описание, но довольно короткое и неполное. Более подробные сведения обнародовали в 1831 году немецкие натуралисты Спикс и Марциус; однако вполне научное описание было составлено французом Д'Орбиньи.

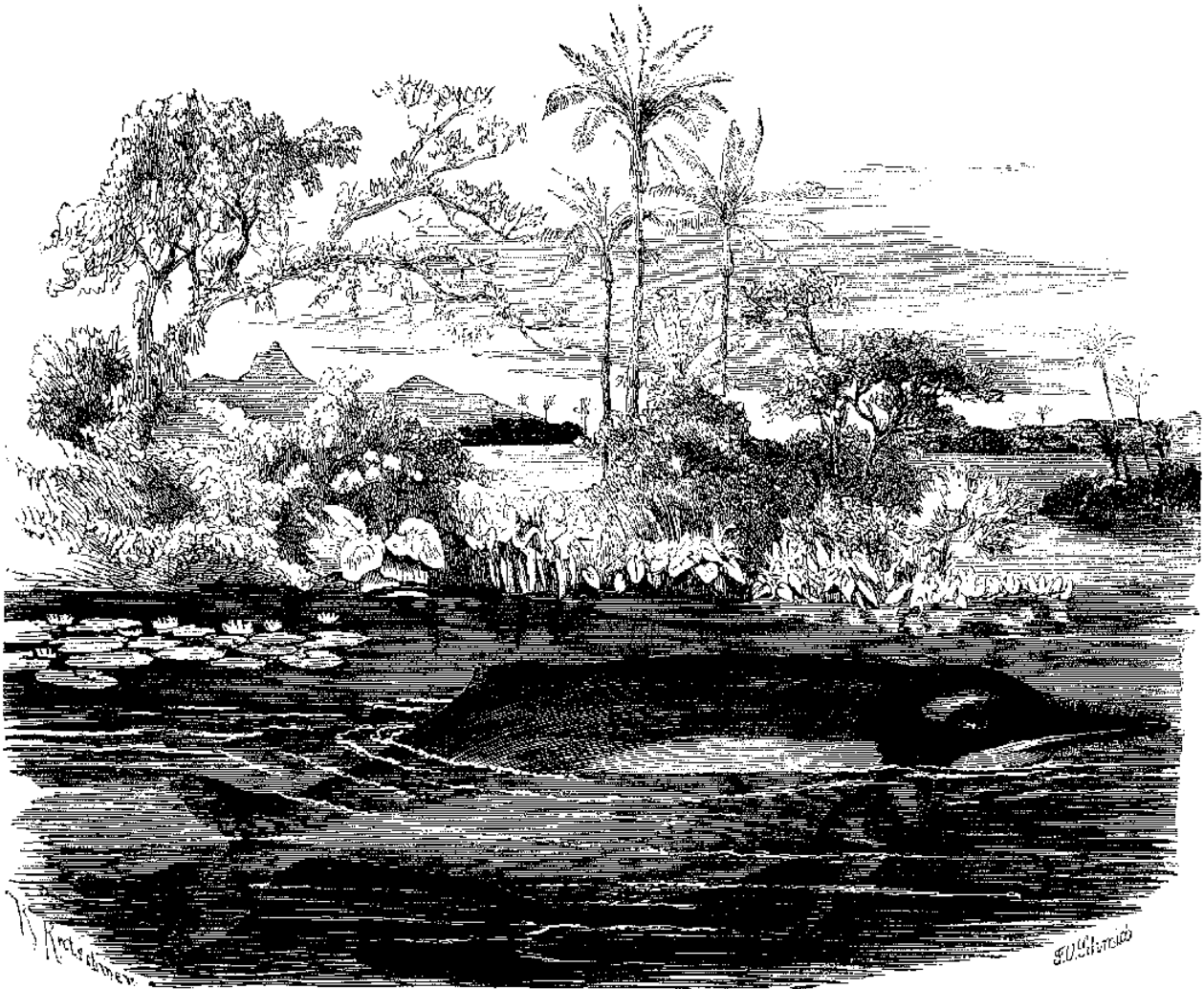
Этому натуралисту, который путешествовал по Перу, скоро после Спикса и Марциуса удалось поймать само животное; еще незнакомый с работами вышеупомянутых немецких натуралистов, он, к своему большому удивлению, узнал, что в пресных водах материка, на расстоянии 500 миль от Атлантического океана, живет большая «рыба», причем он из описания догадался, что дело идет о дельфине. К сожалению, индейцы вовсе не умели владеть гарпуном и потому не могли добыть ему это животное. Наконец на границе с Бразилией, около военного поста Принчипе Добейера, ему словили это животное солдаты, которые занимались этой охотой, таким образом он получил возможность срисовать и подробно описать этого дельфина.

Иния, или амазонский речной дельфин (*Inia geoffiencis*)*, служит представителем особого рода.

** Иния сравнительно крупный представитель пресноводных китообразных, достигает иногда 3 метров длины (обычно несколько меньше) и 70 кг веса. Населяет реки бассейна Амазонки и Рио-Негро, а также бассейн реки Ориноко. Это настоящий пресноводный кит, никогда не покидающий рек. Он медлителен и редко плавает со скоростью более 10 км/ч. В мутной воде иния ориентируется с помощью эхолокации и осязания (благодаря коротким щетинкам, покрывающим вытянутое рыло), однако видит неплохо. Питается мелкой рыбой.*

Он отличается узкой, круглой, на конце тупой и покрытой щетинами мордой, которая очень похожа на клюв; в каждой челюсти находится 66 или 68 острых зубов с большими и загнутыми назад коронками. Туловище у него довольно стройное, ласты на конце вырезаны и имеют полулунную форму, хвостовой плавник не разделен на лопасти, а жировой плавник на спине очень низок. Длина туловища колеблется между 2 и 3 м; у животного 2 м длины спинной плавник имеет около 40 см длины и не более 5 см вышины; ласты имеют 41 см длины и 16 см ширины, а хвостовой плавник 47 см ширины. Самка, говорят, бывает вдвое меньше. Верхняя сторона тела у инии окрашена в бледно-голубой цвет, а нижняя — в красновато-розовый цвет; встречаются, однако, изменения в окраске, например, видели совсем красноватых или совсем черноватых животных. В последнее время старались даже различить несколько видов этих дельфинов.

Насколько до сих пор известно, описываемое животное живет во всех пресных водах Южной Америки между 10 и 17 градусами южной широты. В Амазонской реке и ее притоках, а также в Ориноко оно встречается довольно часто. По своим движениям иния, говорят, сильно отличается от морских дельфинов; она плавает не так быстро и вообще более медленна, для дыхания на поверхность воды она поднимается очень часто и встречается лишь небольшими обществами.

Иния, или амазонский дельфин (*Inia geoffrensis*)

Гумбольдт, впрочем, не подтверждает последнего наблюдения, а говорит, что он их встречал в одном месте в большом количестве. «В воздухе совсем стихло, — говорит он, — и на поверхности реки показались довольно большие китообразные животные, похожие на дельфинов наших морей; они плавали многочисленными рядами и играли на поверхности воды»*.

* Возможно, Гумбольдт видел гвианских соталлий, так как инии редко образуют группы более 5-6 особей.

Крокодилы, по природе своей ленивые и медленные, казалось, боялись этих шумных и подвижных животных; мы видели, что они уходили под воду, когда к ним приближались дельфины. Удивительно, что китообразные встречаются так далеко от океана; их здесь видят во всякое время года, и ничто не заставляет предполагать, что они в известное время поднимаются вверх по рекам, как лососи». Шомбургк наблюдал речных дельфинов, которых он принимал также за иний, в Гвиане. Они появлялись в особенно большом количестве во время тропических дождей и вскоре после них, когда все реки были еще переполнены водой. «Нередко можно было сразу видеть шесть или восемь животных, которые плавали парами; иногда они стремительно плыли около поверхности воды, иногда же правильно поднимались и опускались, причем каждый высывал из воды не только свою острую морду, но и большую часть туловища. Как только голова показывалась над водой, они выпускали проглоченную воду в виде мелкого дождя из ноздрей, что придавало большую красоту реке, окруженной тропическими лесами; при этом они издавали довольно громкий шум, несколько похожий на фыркание лошадей»*.

* Следует отметить заблуждение, согласно которому китообразные якобы выбрасывают через ноздри фонтаном проглоченную воду. У китов и дельфинов пищеварительный и дыхательный тракты разделены более, чем у других, млекопитающих, и вода изо рта просто не может попасть им в ноздри.

От Бэтса мы узнаем, что в Амазонке встречаются по крайней мере три вида дельфинов и что эти китообразные везде довольно многочисленны, а в некоторых местах встречаются даже в удивительно большом количестве. «На широких местах этой реки, — говорит Бэте, — от устья вверх по

течению, на расстоянии 1500 английских миль, беспрестанно слышишь, особенно ночью, как эти дельфины плещутся, дуют и сопят, и эти звуки в значительной степени способствуют тому, что в душе путешественника является такое же чувство одиночества и отчужденности от всего мира, какое бывает, когда путешествуешь по морю». От других наблюдателей мы узнаем, что иния почти всегда держится на поверхности воды и довольно часто высовывает из нее длинную клювовидную морду, проглатывая пойманную добычу над водой. Пища ее состоит главным образом из маленьких рыб, но говорят, что она ест также и некоторые плоды, которые падают в реку со стоящих на берегу деревьев. Инии держатся охотнее всего там, где вода чиста и глубока, а также и около устьев притоков, очевидно, потому, что в этих местах больше всего бывает рыбы**.

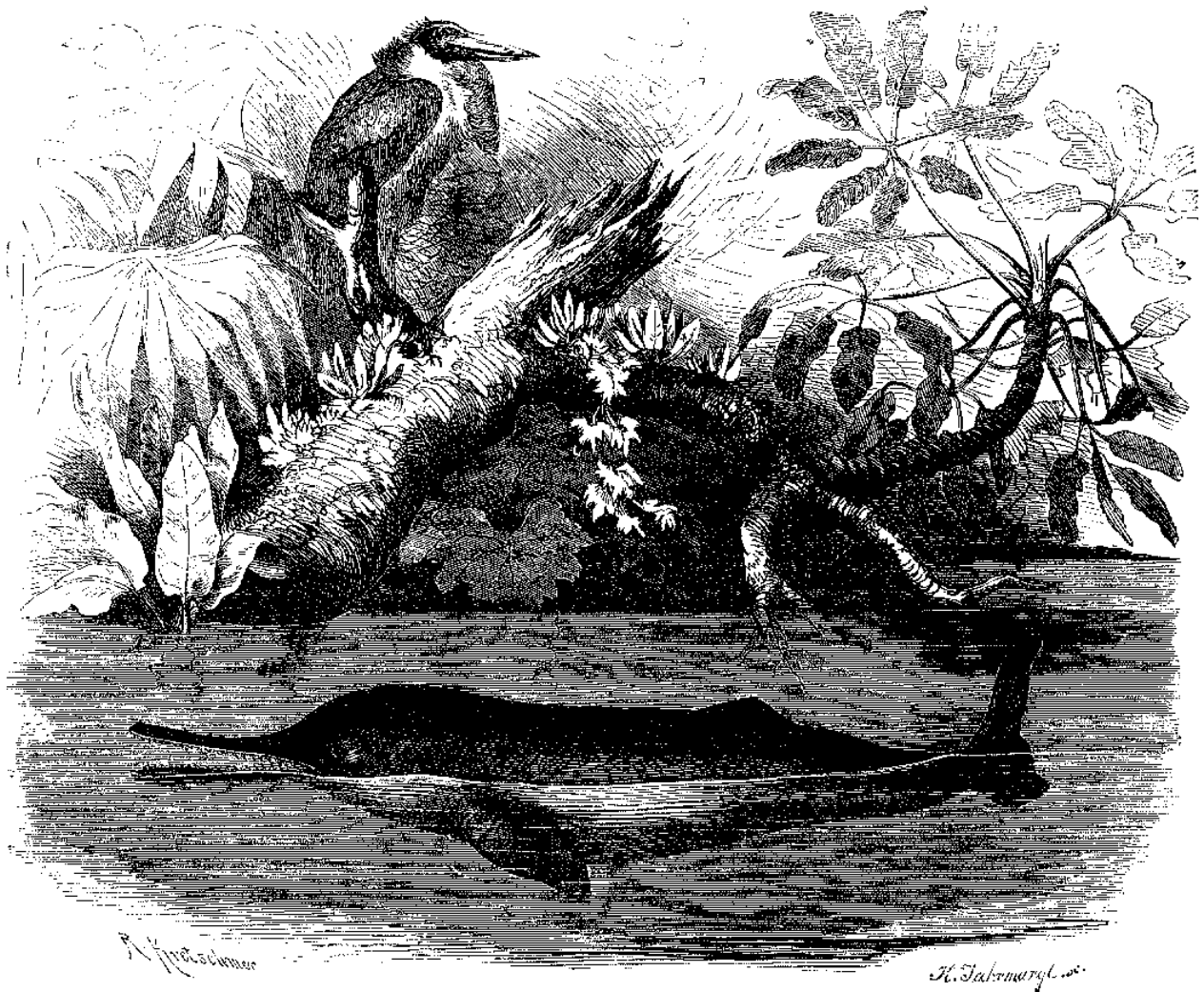
* * *Кроме рыбы иния ест разных донных рачков и моллюсков, которых выкапывает из ила длинным «клювом» и затем раздавливает на крупных прочных зубах. Плоды она не ест и может проглатывать лишь случайно.*

О времени спаривания и продолжительности беременности еще ничего не известно. Самка, которую наблюдал Д'Орбиньи, за шесть часов до своей смерти родила детеныша, который имел всего один фут длины. Кроме того, известно, что мать точно так же заботится о своем детеныше, как и другие дельфины.

Туземцы инию не преследуют. Мясо ее, говорят, очень твердо, жира мало, а кожа годится разве только для щитов; поэтому охота за нею невыгодна. Однако инию щадят не столько потому, что от нее мало пользы, а скорее вследствие особых воззрений на нее самое и на образ ее жизни. По словам Бэтса, про это животное ходят у туземцев различные таинственные рассказы. В глазах многих прибрежных жителей иния есть злая водяная волшебница, которая иногда появляется в образе прекрасной женщины с длинными вьющимися волосами и завлекает неопытных молодых людей, для того чтобы погубить их. В таком виде она часто появляется даже на улицах города Эг, и многие люди ею увлекались и следовали за ней до берега реки; волшебница тогда с громким победным криком обнимала их и вместе со своей жертвой исчезала в волнах. Никто поэтому не станет нарочно убивать речного дельфина, и, хотя жир его вполне пригоден для горения в лампах, никто не станет пользоваться таким светильником, так как, по общему мнению, вместо того чтобы светить, он производит слепоту или вредит другим образом. Бэте несколько лет сряду напрасно уговаривал индейцев поймать для него инию и наконец, воспользовавшись большой нуждой одного бедняка, уговорил его заняться этой охотой. Но бедный рыбак потом горько раскаивался в этом поступке и суеверно утверждал, что после этой охоты счастье его совсем оставило.

Под именем *Platanista* Плиний описывает дельфина, который живет в Ганге и, по его словам, достигает 7 м длины. Подобное животное действительно существует, но оно ростом гораздо меньше, чем утверждает знаменитый древний натуралист, именно не более 2 м длины. Дельфин этот отличается от других видов очень стройным туловищем, полулунным и разделенным на две лопасти спинным плавником, несколько приподнятой кверху длинной, тонкой, клювовидной мордой, которая на конце почти такой же ширины, как у основания; на верхней челюсти заметен гребень, который окружает длинные, узкие, стоящие рядом ноздри. Дельфин этот называется **судук, гангский дельфин** (*Platanista gangetica*). На челюстях у него замечаются до 30-32 больших конических и острых зубов, загнутых немного назад; передние из них самые длинные и тонкие. Спинной плавник обозначен только небольшой складкой кожи, кожа сверху серовато-черная, а снизу серовато-белая. Жердон уверяет, что довольно часто встречаются животные, испещренные мелкими серыми пятнами, а Андерсон заметил, что самцы меньше ростом, но толще самок и имеют также более короткий клюв.

Это удивительное животное, которое не может, однако, считаться единственным представителем дельфинов, живущих в реках Юго-Восточной Азии, встречается не только в Ганге и ее притоках, но также в Брахмапутре и в Инде. В нижнем течении Ганги его чаще всего видно в холодное время года; предполагают, что в жаркое время он поднимается вверх по реке.

Гаи́гский дельфин (*Platanisto gangetica*)

Кантор предполагал, что он уходил в море, но это не подтвердилось. Стерндаль полагает, что он всегда живет в пресной воде и что только летом во время дождей его не так легко заметить, потому что вода делается мутной. Андерсон, который целых 10 дней держал сусука в неволе, говорит, что ему нужно очень мало времени для дыхания; он поднимается на поверхность через каждые 30-45 секунд, но только на одно мгновение. Само собой разумеется, что животное может оставаться и дольше под водой. Пища состоит главным образом из рыб и раков; иногда у него в желудке находят зерна риса и остатки насекомых, но эти вещества, по словам Андерсона, получаются из съеденных дельфином рыб. Предполагают, что беременность продолжается от 8 до 9 месяцев; детеныш бывает один, редко два*; они рождаются от апреля до июня и вначале, говорят, прицепляются мордой к спинному плавнику матери.

** Достоверных сведений о рождении у сусука двоен нет, и это вряд ли происходит.*

Мясо его едят в некоторых областях Индии, особенно охотно женщины, так как пища эта, как уверяют там, способствует деторождению. Жидкая ворвань идет на смазку кожи и вообще высоко ценится, так как представляет собою хорошую мазь против боли в конечностях и отекаания их. Мужчины натираются ею, чтобы сделаться сильнее.

Семейство дельфиновые (Delphinidae)*

** Характерными чертами семейства являются конические зубы и хвостовой плавник с заметной вырезкой посередине.*

Из многих разнообразных видов этого семейства мы займемся прежде всего страшной косаткой, которая уже с древних времен известна прожорливостью. Наиболее бросающимся в глаза признаком этого вида является очень длинный и узкий спинной плавник, который довольно справедливо сравнивается с косой или саблей. Туловище довольно толстое, голова короткая, лоб покатый, морда довольно широкая, короткая и тупая и не отделена резко от лобной части. Верхняя челюсть идет горизонтально от глаз, страшная зубная система состоит из немногих, но очень больших и острых зубов.

Косатка (*Oreinnis orca*)* ** * достигает иногда 9 м длины, но чаще бывает меньше ростом, так что средней ее длиной следует считать 5-6 м.

* * * *Косатка крупнейший представитель семейства. Распространена почти всесветно от Арктики до Антарктики, избегая только замерзающих приполярных морей. Основная пища рыба. Однако этот зверь нередко охотится на разнообразных морских млекопитающих (тюленей, моржей, дельфинов), а в Антарктике схватывает и пингвинов. Иногда стая косаток атакует кита-полосатика и изматывает укусами, пока гигант не погибнет.*

Ласты имеют более 60 см длины при 15 см ширины, плес 1,5 м ширины и спинной плавник достигает почти такой же вышины. Голова в сравнении с величиной тела мала, лоб сверху плоский, спереди слабо выпуклый и довольно круто спускается к широкой короткой морде. Пасть лежит довольно низко; маленькие продолговатые глаза сидят тотчас за углом рта и только немного выше его; очень маленькое ушное отверстие находится за глазами, почти в середине между ними и ластами, полулунное дыхало расположено за глазами на верхней части морды; шея незаметна; туловище веретенообразно округлено, спинная его часть мало выпукла, а на животе и на боках выпуклость эта более заметна. Хвост, длина которого равняется почти трети тела, около плавника сильно сжат с боков, а наверху и внизу заострен в виде кия. Ласты, сравнительно с длиной тела, коротки и широки, они расположены довольно низко на первой четверти длины тела, у основания сужены и на конце округлены. Спинной плавник очень высок, имеет форму косы, кончик которой часто наклонен в сторону, и расположен за первой третью длины тела. Большой хвостовой плавник разделен на две лопасти, посередине глубоко вырезан и оканчивается острыми костями. Кожа совершенно гладкая и блестящая, а окраска ее довольно изменчива. Большая часть верхней стороны более или менее густого черного цвета, нижняя, за исключением кончиков морды и хвоста, почти чистого белого цвета; оба цвета довольно резко разграничены, но у различных видов распространение их неодинаково. За глазами замечается обыкновенно продолговатое белое пятно. За спинным плавником находится полулунное грязно-голубоватое или пурпуровое пятно, имеющее, если посмотреть сверху, форму полумесяца, с кончиками, обращенными вперед; пятно это, однако, иногда вовсе незаметно. Иногда встречаются экземпляры, окрашенные гораздо светлее, светло-бурые и даже желтовато-белые.

Косатки, по-видимому, в прежние времена были более распространены, чем теперь. Римские писатели говорят об их присутствии в Средиземном море. Плиний рассказывает, что в царствование Тиберия на берега Италии были выкинуты морем около 300 штук китов, «похожих на слонов и баранов, у которых белые пятна были похожи на рога». Элиен к этому прибавляет, что кит, похожий на барана, имеет на лбу белую перевязь, которая формой похожа на диадему македонского царя. Подобные киты, по его словам, часто встречаются около Корсики и Сардинии.

В новейшее время о присутствии косатки в Средиземном море ничего не слышно. Она водится в северных частях Атлантического и Тихого океанов, а также в Ледовитом, однако заходит довольно регулярно к берегам Англии, Франции и Германии. В противоположность другим китам косатка появляется в более южных морях не в зимние, а в летние месяцы, именно в мае, и исчезая поздно осенью. По словам Тилезиуса, в северных морях косатки встречаются стаями, правильно расположенными в ряды, точно отряд солдат; каждый ряд состоит из пяти животных, которые плывут вместе, причем головы и хвосты опущены в воду, а спинные плавники, как сабли, торчат над поверхностью. Стаи эти плывут очень быстро и зорко осматривают море для отыскания добычи; Пехуель-Леше утверждает, что стаи состоят не менее чем из 4 и не более чем из 10 штук. Нигде косатки не встречаются в очень большом числе, но попадают и в открытом океане, и около берегов; они заходят иногда в большие заливы и даже в устья рек. Если их видишь плавающими при сильном волнении моря, то издали кажется, что им очень трудно удержать в равновесии длинный спинной плавник, так как величина его как бы вовсе не соответствует их стройному телосложению; но впечатление это оказывается неверным при ближайшем рассмотрении. «Когда видишь, — говорит Пехуель-Леше, — как эти разбойники своеобразно плывут по волнующемуся морю, и, грациозно двигаясь по воде, то высоко приподнимаются на волны, то низко между ними опускаются, невольно вспомнишь красивый полет ласточек по воздуху, причем сравнение это еще более подтверждается одинаковым расположением цветов у обоих животных: спина черная, брюшко белое. Во всяком случае, между всеми китами косаткам за красоту следует отдать пальму первенства. Они обыкновенно очень долго остаются под водой, а затем около пяти минут пребывают на поверхности и выпускают от 3 до 10 раз непродолжительные, низкие и тонкие фонтаны. Однако верхняя часть туловища и голова не остаются все время высунутыми из воды, а после каждого выдыхания они округленно изгибаются, ныряют, оставаясь, однако, очень близко от поверхности воды, снова на

мгновение появляются, чтобы вдохнуть, и продолжают двигаться так до тех пор, пока надышатся, и тогда, наклонно спускаясь, уходят в глубину»).

Косатки охотятся не только за маленькими рыбами, но нападают также и на морских гигантов, так как они не только самые большие, но и самые хищные и прожорливые из всех дельфинов. Уже Плиний говорит о них: «Этот кит неистовствует, как разбойник; иногда он прячется в тени больших кораблей, которые стоят на якоре, и караулит тех людей, которым придет охота купаться, иногда же он высовывает голову из воды и смотрит, нет ли где рыбацких челноков; увидев, он к ним подплывает и опрокидывает их»*.

** Несмотря на разбойные нападения на тюленей и китов, косатка ни разу не была достоверно замечена в нападении на человека. Напротив, гигантский дельфин очень неплохо приручается.*

Последующие наблюдатели только дополняют описание древних. Ронделе замечает, что косатка преследует гренландского кита и кусает его до тех пор, пока он не закричит, как разъяренный бык. «Поэтому рыбаки, которые направляются к Новому Свету, просят тамошних варваров никоим образом не беспокоить косаток, так как с их помощью рыбакам легче осилить китов, тюленей и других морских животных, так как косатки заставляют этих животных из глубины моря приближаться к берегу, где рыболовам легче их убивать стрелами и копьями». По словам Андерсона, этих дельфинов в Новой Англии называют «убийцы китов». Понтоппидан описывает косатку: «Десяток или более этих животных впиваются зубами в бока большого кита, висят на нем иногда более часа и не раньше отстают от него, как оторвавши от него кусок жира длиной в локоть. Во время их нападения кит жалобно ревет и подпрыгивает иногда на целую сажень над водой, причем видно, что и в живот его впились неумолимые хищники. Случается, что косатки так обгрызают свою жертву, что она почти совсем лишается кожи и жира. Рыбаки находят тогда плавающими в море большие куски сала, так как косатки его не едят, а находят лишь удовольствие в мучениях кита»**.

** * Как и любые хищники, косатки охотятся не ради удовольствия, а ради еды и добывают столько, сколько им необходимо. В случае обилия рыбы они питаются ею и китообразных не трогают. По некоторым сведениям, китоловы в ряде мест охотились на китов с помощью диких косаток, которые вскоре осознали, что от подобной совместной охоты выгода есть и им, и охотню принимали в ней участие.*

"Животное это, — подтверждает добросовестный натуралист Стеллер, — отъявленный враг гренландского кита и постоянно за ним гоняется. Если кит скрывается в заливе около берега, то косатки подкарауливают его, собираются в большом количестве и, окружив со всех сторон, точно пленного, ведут в открытое море, причем слышно страшное пыхтение и стон; там они ныряют под кита и кусают его своими страшными зубами. Выброшенные на берег мертвые киты совершенно истерзаны косатками, но от них ничего не съедено, что доказывает прирожденную вражду косаток с китами». Из описания Стеллера видно, что прежде считали спинной плавник за главное оружие косатки при нападении. «Мнение это, — продолжает Стеллер, — однако, совершенно ложно, потому что этот плавник, хотя и бывает в 2 локтя вышины и оканчивается тонким острием, так что издали в море кажется острым рогом или костью, однако на самом деле совсем мягок, состоит из одного жира и не заключает в себе никакой кости, которая могла бы кого-нибудь поранить». Стеллер подтверждает вышеупомянутое указание Плиния. «Все те, — говорит он, — которые в море ловят рыбу, чрезвычайно боятся этого животного, так как оно часто опрокидывает лодки, если к нему приблизиться или ранить его стрелой. Поэтому при встрече его задабривают подачками и заговаривают особыми заклинаниями, чтобы оно не делало вреда рыбакам и относилось к ним дружелюбно».

Ни один из вышеупомянутых рассказов не заключает в себе, по-видимому, чего-либо сказочного или слишком преувеличенного; каждый из наблюдателей говорит правду, однако ни один из них не высказывает ее во всей полноте. Во всяком случае, косатка вполне заслуживает краткой характеристики, высказанной о ней Линнеем: «Это тиран и мучитель китов и тюленей». Она не только равняется, но даже превосходит кровожадностью всех акул и других морских хищников. Где бы она ни показалась, становится страшилищем всех существ, за которыми охотится, и все животные удаляются, если только могут, из тех вод, где она появляется. Прожорливость часто заставляет косатку приближаться к берегу, причем особенно часто она появляется в устьях рек, кишаших рыбами, но при преследовании крупной добычи часто уходит в открытое море и остается там по целым дням и даже по целым неделям. По замечаниям Брауна, там, где встречаются гренландские киты, белухи и тюлени, всегда можно найти и косатку. Белухи и тюлени, увидев своего страшного врага, в смертельном страхе бросаются к берегу, причем белуха часто погибает, так как легче делается добычей косатки, да и тюлени редко от нее спасаются. Все китоловы сильно досаждают при виде это-

го кита, потому что его присутствие служит верным признаком того, что гренландского кита в этих водах не встретишь; чтобы спастись от их преследования, большой кит часто прячется в узкие места между льдинами. «В 1827 году, — рассказывает Гольбель, — я был свидетелем кровавой битвы, где главными деятелями оказались эти хищники. Большое стадо белух было загнано в небольшой залив по соседству с Божьей гаванью в Гренландии кровожадными врагами своими, которые так окружили стадо, что ни одна из белух не могла найти выхода в открытое море. Здесь косатки буквально рвали несчастных белух на куски. Они умертвили гораздо больше этих животных, чем могли съесть, так что гренландцы, которые сами воспользовались этим случаем, чтобы напасть на белух, кроме своей добычи еще собрали много животных, умерщвленных косатками». Эшрихт вынул из желудка косатки, имеющей 5 м длины, остатки 13 морских свинок и 14 тюленей; в глотке ее застрял пятнадцатый тюлень, который задушил хищника. Скаммон также нашел у убитой косатки желудок, переполненный молодыми тюленями, и заметил, что даже большие сивучи избегают встречи с нею, и в случае присутствия косаток в воде ластоногие эти благоразумно остаются на берегу. С такой же яростью нападает косатка и на гренландского кита. «В море часто плавают куски китового уса, — пишет Браун, — которые, по всей вероятности, оторваны у китов косатками; это, должно быть, и подало повод к рассказу, что эти хищные дельфины особенно любят язык большого кита и потому прежде всего набрасываются на его пасть». Верно ли последнее предположение, остается еще открытым вопросом, но повествование о нападениях косатки на гренландского кита, кажется, вполне достоверно. Три или четыре этих чудовища, не задумываясь, нападают на самого крупного беззубого кита, и сей последний так запуган их появлением, что как бы лишается силы и почти не старается защищаться от них.

"Нападение этих морских волков на морского кита, — говорит Скаммон, — очень напоминает оленя, затравленного стаей собак. Некоторые косатки повисают на голове кита, другие впиваются ему в брюхо, третьи хватают его за губы или даже рвут ему язык, когда он открывает свою огромную пасть. Весной 1858 года я был свидетелем такого нападения трех косаток на самку полосатика с детенышем. Детеныш ростом был уже в три раза больше косатки и целый час бился с тремя своими врагами. Жестокие звери бросались поочередно то на самку, то на детеныша и наконец умертвили последнего, который пошел ко дну на глубине около 5 саженей. Самка во время битвы тоже в значительной степени обессилела, так как у нее оказались глубокие раны на груди и на губах. Как только детеныш был убит, то косатки ныряли ко дну, отрывали от его тела большие куски мяса и появлялись снова на поверхности воды, чтобы их там пожрать; пока они таким образом насыщались, испуганная мать успела спастись, но при плавании оставляла за собой длинный кровавый след». По показаниям вышеупомянутого опытного моряка, часто случалось, что косатки собирались около кита, раненного острогой, и, несмотря на старания китоловов, утаскивали обессилевшего кита под воду. После столь многих и согласных между собой показаний едва ли можно сомневаться в справедливости этих рассказов*.

** Современные видеосъемки подтверждают справедливость этих описаний. Удивительное дело: огромный дельфин, устраивающий в морях кровавые битвы, позволяет ветеринару сверлить и пломбировать ему зубы или разрешает ручнй канарейке сидеть на кончике своего языка.*

Однако следует принять во внимание и мнение Пехуель-Леше, который замечает, что ненависть всех моряков к косаткам бывает причиной многих преувеличений в рассказах. Впрочем, экипаж того корабля, на котором ездил Пехуель-Леше, видел раз мертвого гренландского кита, у которого были отъедены левая губа и большая часть языка; других ран на теле замечено не было. «Несколько дней сряду перед этим мы встречали много косаток и потому имеем полное право предполагать, что раны нанесены ими***.

** * Не исключено, что поводом для многих рассказов послужили киты, умершие своей смертью и уже после этого объеденные косатками. Гурманы-косатки, если пицца вдоволь и ее не трудно добыть, действительно не едят сало, а выедают мясистый и нежирный язык.*

По всей вероятности, эти страшные животные не щадят никаких других китов, за исключением кашалота. Для чаек и других хищных морских птиц косатки являются желанными помощниками, так как при битвах их с другими животными всегда кое-что остается и на долю птиц. По наблюдениям Скаммона, чайки очень хорошо умеют отличать косаток от других дельфинов и, летя по воздуху, по возможности следуют за ними иногда на очень большие расстояния в надежде поживиться чем-нибудь от их добычи.

О размножении этих хищных дельфинов у нас пока нет никаких сведений; неизвестно даже, когда у них рождаются детеныши***.

* * * *Продолжительность беременности у косаток составляет около 16 месяцев. Основная масса детенышей рождается в первой половине лета. Новорожденная косатка имеет в длину 2,1-2,7 м.*

Хотя, по замечанию Стеллера, у косаток почти вовсе нет мяса, а все тело наполнено жидким жиром, за ними нигде правильно не охотятся. Это объясняется, по мнению Скаммона, во-первых, тем, что за этим животным очень трудно гоняться вследствие его быстрых и неправильных движений, а во-вторых, незначительностью выгоды от этой добычи, так как все-таки ворvani от него добывается мало. Иногда косаток, однако, убивают, если они заходят в реки: известны три примера, когда косаток ловили в Темзе. Бэнкс, который был свидетелем одной из таких охот, рассказывает, что косатка, раненная тремя гарпунами, еще имела настолько силы, что два раза протащила лодку от Блэкуэля до Гринича и один раз даже до Дептфорда. Уже сильно раненная, косатка эта плыла по реке против течения со скоростью 8 морских миль в час и долго сохраняла свои силы, хотя получала новую рану всякий раз, как появлялась на поверхности воды. О другой косатке, которая была выброшена на берег, рассказывают, что рыбакам стоило большого труда убить ее длинными ножами и баграми. Перед смертью она выражала свои страдания громким хрипом и стоном. Подробное описание этого животного было сделано только в 1841 году. Около голландской деревни Вик-оп-Зе была выброшена на берег косатка — самка, имевшая 5 м длины, и один местный хороший натуралист имел возможность ее подробно наблюдать. Когда он увидел эту косатку в первый раз, то она еще сохраняла свою своеобразную окраску. Черный цвет верхней части тела был настолько глянцевым, что отражал все цвета радуги, а белый цвет живота по чистоте и блеску походил на самый лучший фарфор. Но уже через несколько дней кожа совершенно потеряла свою естественную окраску и понемногу стала отставать от тела, и через неделю животное было совершенно обезображено наступившим гниением. Тогда только его стали продавать с аукциона; нашлось много желающих участвовать в торге, и один рыбак получил за труп 140 гульденов. Бедный человек, однако, оказался в сильном начете, так как получил только 40 гульденов за добытую ворвань и почти столько же за скелет, который ныне служит украшением богатого Лейденского музея.

Косатка — настолько знаменитый и замечательный дельфин, что все народы, имевшие возможность наблюдать ее, дали ей особые прозвища, которые в большинстве случаев обозначают понятия убийцы и разбойника. Американцы называют ее Killer, англичане — Thrasher, норвежцы — Speckhugger, Hvalhund и Springer, шведы — Oraga, датчане — Ornswin, португальцы и испанцы — Orsa; русские же, напротив того, сравнивают этого дельфина с ласточкой и потому дали название «косатка».

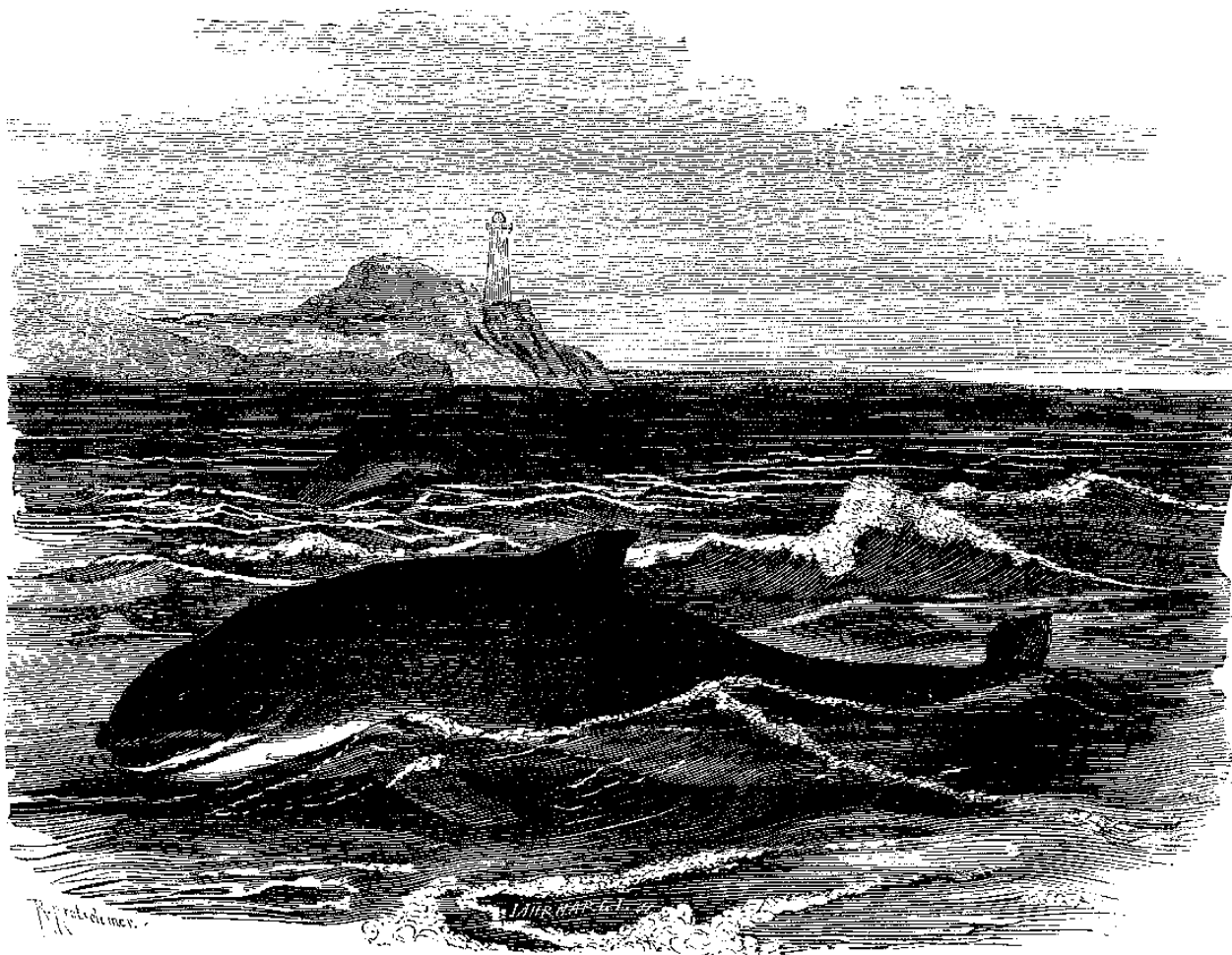
Самым обыкновенным дельфином европейских морей следует считать морскую свинью, отличительные признаки которой состоят в следующем: туловище короткое, толстое и веретенообразное, лоб отлогий; широкий у основания и треугольный спинной плавник довольно низок и находится почти на середине спины. Зубная система состоит из многочисленных прямых, сжатых с боков и острых зубов, коронка которых на конце несколько расширяется.

Обыкновенная морская свинья (*Phocoena phocoena*)*. Дельфин этот достигает 1,5-2 м длины, в редких случаях даже 3 м и веса не более 500 кг.

* *Обыкновенная морская свинья, называемая в России азовкой, и еще пять близких видов в настоящее время выведены большинством ученых из состава дельфиновых и представляют особое семейство морских свиней. Их всех отличает широкое вальковатое туловище и округло-притуплённая морда, уплощенные в форме лопаточки зубы и ряды мелких роговых бугорков на спине, которые считаются остатками рогового панциря, бывшего у предков китов. Морская свинья распространена в морях всего Северного полушария, предпочитая прибрежные воды и внутренние моря, иногда заходит в крупные реки (в России, например, в Кубань и Дон). Питается рыбой, преимущественно донными видами.*

Голова у него небольшая, морда широкая, короткая и округленная, глаза расположены позади угла челюсти и имеют продолговатую форму; радужная оболочка его желтовато-бурого цвета и имеет вид треугольника, обращенного вершиной вниз; уши расположены недалеко за глазами и имеют очень небольшие отверстия; дыхалы имеют широкий полулунный вид и расположены на верхушке головы между глазами. Туловище, спереди округленное, а в задней части несколько сжато с боков и с острым краем наверху, а внизу немного сплющено. Хвост занимает почти треть длины тела, несколько сжат с боков, сверху имеет немного острый, а снизу довольно округленный вид; плавник его имеет сзади вырезку в виде тупого угла и разделен на две лопасти. Ласты прикреплены в конце первой четверти длины тела, расположены довольно низко и имеют удлиненную яйцевидную форму; они заметно сужены у основания, а на конце заострены. Спинной плавник спереди и наверх-

ху несколько закруглен, а сзади слабо вогнут. Совершенно голая кожа мягкая, гладкая и блестящая, сверху темно-бурого или черного цвета с зеленоватым или фиолетовым отливом, снизу белого цвета, причем это белое пятно начинается узким острием около нижней челюсти; затем сильно расширяется и оканчивается у начала хвостового плавника. Ласты окрашены в более или менее темно-бурый цвет. Зубная система состоит из 20-25 зубов на каждой половине челюсти, так что в общем их бывает от 80 до 100.

Обыкновенная морская свинья (*Phocoena phocoena*)

Морских свиней можно видеть при всякой поездке через Северное море; они попадают в большом числе около устьев западноевропейских рек, в которые они очень часто заходят довольно далеко во внутренность страны; они много раз попадались в Рейне и Эльбе, и их убивали около Парижа и Лондона. По словам Коллингвуда, ее каждый год видят в Темзе около Гринича и Дептфорда и точно так же в нижнем течении Эльбы в окрестностях Гамбурга. При случае она очень далеко заходит в широкие реки и по целым месяцам живет в пресной воде, если только водяное пространство довольно просторно. По достоверным сведениям, ее встречали в Эльбе выше Магдебурга и по целым неделям наблюдали в нижнем течении Рейна. В реке Варегам в Дорзетшире, по словам Бея, однажды зимой видали двух морских свиней, а в другой раз — трех.

Родиной морской свињи следует считать весь север Атлантического океана, от Гренландии до севера Африки, включая сюда и Балтийское море. По-видимому, и этот дельфин летом направляется к северу, а зимой к югу. Весной морская свинья следует за стаями сельдей и нападает на них с такой жадностью, что часто бывает очень неприятна рыбакам. Прожорство этого животного вошло даже в пословицу; оно переваривает пищу очень быстро и требует ее в чрезвычайно большом количестве. Рыбаки ненавидят ее, потому что она мешает при рыбной ловле и иногда приносит действительный вред. Без труда разрывает тонкие сети, которыми ловят сельдей, и пожирает всю рыбу, находящуюся в них. Более толстые сети часто бывают опасны и для нее самой, так как она в них запутывается и задыхается.

Как видно из только что сказанного, морскую свињу следует причислить к тем немногим китам, которые решительно предпочитают близость берегов открытому морю. Она больше всего любит охотиться в больших и малых проливах, заливах и фиордах и держится, как правильно замечает Скаммон, охотнее всего в тех частях моря, где мутная речная вода смешивается с морской; в по-

добные места морская свинья беспрестанно вновь возвращается. Она любит общество, как и все дельфины, но в очень большие стаи собирается редко; чаще всего ее можно встретить небольшими стадами от 2-8 штук. Плавает морская свинья прекрасно, рассекает волны с большой силой и удивительной быстротой и может делать прыжки над поверхностью воды, однако в этом отношении не так подвижна, как другие дельфины; по крайней мере она не так часто, как ее родичи, играет около поверхности воды, что очень любят другие дельфины. Она имеет обыкновение плыть более или менее близко от поверхности воды, на минуту высовываться, чтобы подышать, а затем нырять снова в глубину, опускаясь головой почти вертикально вниз. При этом она так сильно горбит свою спину, что принимает почти шарообразную форму, и если она несколько раз сряду появляется над водой, то кажется, будто она кувыркается. Уже древние заметили, что морская свинья особенно сильно играет на воде перед бурей или во время нее: она тогда валяется, по-видимому, с особенным удовольствием по высоко поднимающимся волнам, кувыркается и делается очень игривой. Она не боится даже тех мест, где бывает сильный прибой волн к скалам, напротив того, особенно любит посещать эти места и очень хорошо умеет предохранить себя от опасности быть выброшенной на берег, что часто случается с другими видами китов. Пока не было пароходов, морских свинок было гораздо легче наблюдать, чем теперь. Она следует и за пароходами, но не приближается к ним так близко и безбоязненно, как к бесшумно двигающимся парусным судам. Обыкновенные купеческие корабли морские свиньи сопровождают постоянно, пока они на значительное расстояние не удалятся от берега. Ночью морские свиньи часто собираются большими обществами около кораблей, стоящих на рейде или в гавани, и совершенно безбоязненно играют вблизи этих судов.

Морские свиньи спариваются летом, от июня до августа включительно. В это время они сильно возбуждены, с быстротой стрелы носятся по волнам, яростно преследуют друг друга и отыскивают самок. Тогда они пренебрегают всякими опасностями, бросаются, как безумные, на мелкие берега, стучатся головой о корабли и часто погибают тем или другим способом. После беременности, продолжающейся 9 или 10 месяцев, самки рожают одного или двух детенышей, которые очень малы: имеют лишь 50 см длины и 5 кг веса*.

** На самом деле детеныш у китообразных очень крупный. У морской свиньи он достигает длины 63-86 см, то есть почти половины длины матери.*

Мать относится к детенышам так же заботливо, как и другие киты, водит их повсюду с собой, защищает от опасностей и кормит молоком целый год, так как только через 12 месяцев молодые морские свиньи достигают возмужалости. Обильное молоко самок имеет соленый вкус и сильно пахнет морской рыбой. Кроме селедок, которые в известное время года составляют почти исключительную пищу морских свинок, они поедают также макрелей, лососей, разных других рыб, а также водоросли; по крайней мере последние очень часто находятся в желудке этих китов**.

*** Морские свиньи не едят водорослей, но в мутной воде устьев рек могут их случайно проглатывать.*

По-видимому, они не едят мертвых животных и кусков мяса; Пехуель-Леше несколько раз пробовал их кормить кусками мяса с корабля, но они никогда не хватали этих кусков.

По причине своего хищничества морская свинья везде считается врагом человека, и ее усердно преследуют, тем более что мясо и жир ее имеют некоторую ценность. В тех местах, где в известное время года появляются стаи сельдей, в море опускают толстые сети с большими петлями, сквозь которые сельди свободно могут проскользнуть, но которые задерживают морских свинок. В Исландии рыбаки ставят свои сети в начале спаривания, во время которого морская свинья не замечает ничего окружающего, так что приморские жители утверждают, что она делается слепой. Кое-где стреляют в них из ружей, но больше для того, чтобы показать свое искусство в стрельбе, чем ради выгоды подобного рода охоты. В прежние времена мясо их очень ценилось. Уже древние римляне умели делать из него вкусные колбасы; в позднейшее время повара так хорошо его готовили, например, в Англии, что мясо это появлялось на столе самого короля и знатных вельмож. Ныне его едят только бедные жители морских берегов и моряки, когда у них чувствуется недостаток в другом мясе; все, однако, пренебрегают им, если есть только возможность найти что-нибудь вкуснее. Мясо старых животных при варке делается очень черным, жестким и мочалистым, а также сохраняет вкус ворвани, поэтому оно трудно переваривается; мясо молодых животных, напротив того, говорят, довольно мягко и вкусно. В соленом и копченом виде оно кое-где употребляется в пищу неприветливыми жителями севера. Ворвань, получаемая от морской свиньи, имеет, говорят, хороший вкус и очень ценится; гренландцы в ней жарят свои кушанья и пьют ее с удовольствием в чистом виде. Кожу, наконец, дубят, и она употребляется на разные изделия.

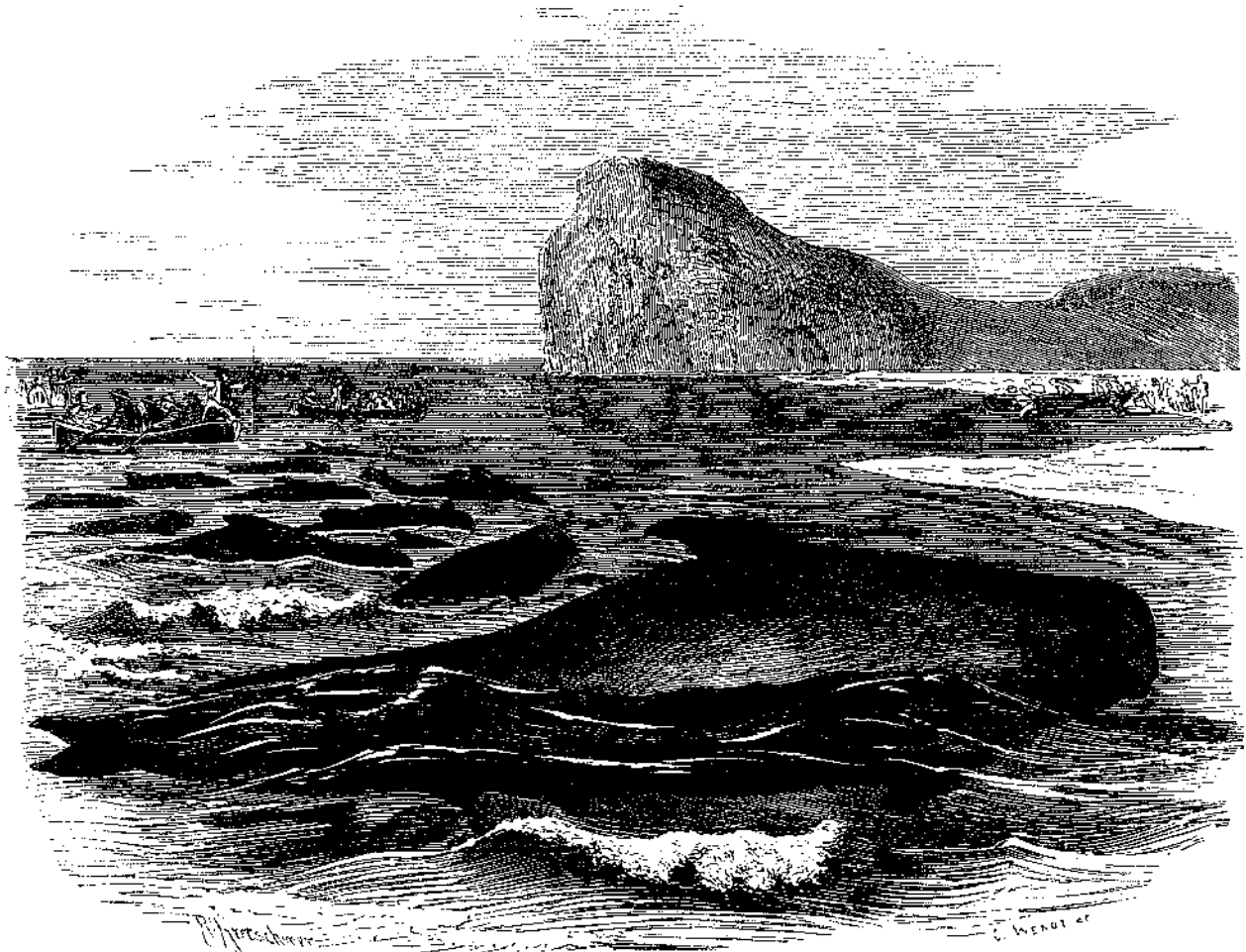
Северные окраины материков представляют собой негостеприимные и бедные страны. Люди там не могут получить достаточного пропитания от земли. Земледелия почти не существует, и хлеб приходится привозить из далеких, более богатых южных стран. Однако природа не так жестоко-сердна к северным жителям, как можно было бы подумать. То, чего недостает на земле, доставляет им море; оно представляет известным образом ниву северных жителей; оно заменяет сокровищницы и амбары, одним словом, доставляет им главное пропитание. Ни в какой другой части земного шара человек так исключительно не связан с морем, как на далеком севере; нигде не появляется такая страшная нужда, когда море по каким-либо причинам делается недоступным. Северные жители живут главным образом двумя занятиями — ловлей рыб и птиц. Там каждый занимается этим и потому разделяет горести и радости, труды и заботы, которые связаны с этими промыслами.

Между всеми дарами, которые море предлагает северным жителям, ни одни не достигают такой важности как китообразное животное, о котором мы сейчас будем говорить.

Обыкновенная гринда, или шароголовый дельфин (*Globicephalus melaena*), главные признаки которого состоят в следующем; голова шарообразная, сверху как бы распухшая, ласты прикреплены очень низко и имеют вид серпов, спинной плавник возвышается на середине тела, и межчелюстные кости очень широки и покрывают собою верхнечелюстные. Не только формой головы, но и строением всего тела гринда отличается от прежде описанных и последующих дельфинов. Туловище не веретенообразно, как у других видов, а сжато с боков, спина представляет собой, начиная от головы до начала хвостового плавника, почти прямую линию, которая круто спускается вниз к хвосту; брюхо, особенно в передней части, очень выпукло; боковые линии тела имеют форму отлогих дуг, сближающихся около хвоста. Довольно высокий спинной плавник у основания широк, передняя сторона его внизу почти прямая, а наверху загибается назад дугой, задняя его сторона имеет довольно глубокую вырезку. Ласты прикреплены близко около головы, у основания очень сужены, наружный край их образует правильную дугу, концы заострены, задняя сторона образует сначала округленный выступ, а затем серпообразно выгнута к концу ласта, который таким образом приобретает форму короткой косы. Довольно большой двухсторонний хвостовой плавник снаружи округлен, а сзади имеет посередине глубокую вырезку. Маленькие глаза лежат над углом рта; полулунное дыхало расположено на одной восьмой части длины тела, считая спереди. Рот представляет собою щель, расположенную наискось, спереди назад; на каждой челюсти, в довольно больших промежутках, сидят от 12-14 больших и толстых конусообразных зубов, острые кончики которых направлены назад и внутрь; зубы эти увеличиваются по длине и толщине спереди назад, и при закрытых челюстях верхние зубы приходятся в промежутках между нижними. Зубы эти, однако, выдаются из челюстей немногим больше одного сантиметра и, по-видимому, не очень прочны, так как не только легко стираются, но у взрослых животных часто совсем выпадают. Голая, гладкая и блестящая кожа сверху чисто-черного цвета, а снизу серовато-черного, но на горле почти всегда бывает широкое белое сердцевидное пятно, кончик которого направлен назад; иногда у некоторых экземпляров пятно это превращается в узкую полоску, которая тянется по животу почти до заднего прохода. Очень старые самцы достигают 6-7 м длины, но большинство на 1-1,5 м меньше. У гринд, достигающих 6 м длины, окружность тела в самом толстом месте бывает до 3 м, длина ласта — 1,6 м, ширина ласта — 50 см, высота спинного плавника — 1,3 м, ширина хвостового — 1,8 м*.

* *Обыкновенная гринда хорошо отличается от прочих дельфинов огромной жировой подушкой на лбу, придающей голове зверя сферическую форму, и сильно смещенным вперед низким спинным плавником.*

Хотя почти ежегодно гринда выбрасывается на берег на каком-нибудь северном острове, однако об образе жизни и привычках его в открытом море мы имеем до сих пор лишь очень неполные сведения. Настоящей родиной его следует считать Северный Ледовитый океан и северную часть Тихого океана.

Обыкновенная гринда (*Globicephalus melaena*)

Из Ледовитого океана он часто спускается в северную часть Атлантического, даже до широты Гибралтарского пролива, но не следует по определенным заранее путям, как другие киты. В Тихом океане распределение его несколько иное: по словам Скаммона, гринда там встречается по преимуществу в тех местах, где водится кашалот; нередко гринды собираются большими стадами вблизи берегов как в северных, так и в южных частях Тихого океана. Более чем другие родичи, гринда любит жить обществами, а иногда и большими стадами, состоящими из 10-20, а иногда и до 1000 штук; вожаками таких стад служат, по-видимому, старые опытные самцы, за которыми другие животные следуют с таким же равнодушием и тупоумием, как овцы за бараном-вожаком, что часто ведет их к гибели. По словам Пехуель-Леше, они плавают наподобие других дельфинов, как бы кувыркаясь после всякого вдыхания; они появляются на поверхности воды от 8-10 раз сряду на короткое время, выпуская при этом с сильным шумом тонкий фонтан около 1 м вышины. Когда они плавают очень быстро, то так высовываются из воды, что видна вся голова и даже большая часть туловища. При хорошей погоде, когда море совсем гладкое, особенно в более южных морях, гринды собираются иногда большим стадом, которое в полном беспорядке, без всякого движения лежит на воде, причем животные держат голову постоянно над водой и предаются полному покою. В иных случаях можно встретить животных этого вида, которые стоят в воде почти в вертикальном положении, выставив над поверхностью почти всю голову. По ловкости в плавании гринды не уступают большим дельфинам, но, по-видимому, не так любят играть и возиться, как эти последние. «Я только раз, — замечает Пехуель-Леше, — видал их играющими и прыгающими, именно во время сильной бури. Мы легли на дрейф, чтобы выждать бурю, и вдруг увидели около самого корабля тесную стаю в несколько сот гринд, которые с большой поспешностью плыли против волн, смело бросааясь поперек их, пронизывая волны своим телом и смешно кувыркаясь на другой стороне. Они, казалось, хотели друг друга перещеголять смелостью своих прыжков и странностью своих телодвижений; ни на минуту не останавливаясь, они быстро плыли вперед и скоро скрылись из наших глаз».

Пища гринд состоит главным образом из каракатиц, но в желудке убитых находили также и мелкие виды трески, селедок, других маленьких рыб, мягкотелых и других подобных животных. О

времени спаривания этих дельфинов еще нет точных сведений, и кажется, что спаривание происходит не в определенные месяцы, а случается во всякое время года*.

** Спаривание у гринд происходит, вероятно, в летние месяцы. Беременность длится около года, примерно столько же времени самка кормит детеныша молоком.*

В северных морях большинство детенышей рождается, вероятно, в конце лета, так как в поздние осенние месяцы и в январе чаще всего встречаются кормящие самки с сосунами. Однако для Тихого океана наблюдение это оказывается неверным. А в Южном океане среди зимы можно видеть лишь полувзрослых детенышей. Мать любит свое детище точно так же горячо, как и другие самки китов, и дает ему сосать молоко даже тогда, когда она выброшена на мелкое место и гибель ее неминуема.

Никакое китообразное не выбрасывается на берег так часто и в таком большом количестве, как гринда; можно с некоторой уверенностью сказать, что эти животные гораздо чаще умирают на суше, чем в воде. Не проходит почти ни одного года, чтобы где-нибудь не было выброшено на берег большее или меньшее количество этих дельфинов**.

*** Гринды довольно часто выбрасываются целыми стадами, иногда помногу десятков или даже сотен животных. Связана ли эта массовость со стремлением еще остающихся в воде животных помочь тем, которые оказались на мели, или же какие-то внешние факторы, нарушают работу сонара — главного «навигационного прибора» дельфинов, остается неясным.*

На Шетландских островах в 1779 году попало на берег целое стадо из 200 штук, а в 1805 году из 300; в одном заливе на острове Исландии, который известен большим количеством гринд и потому называется китовым фиордом, в 1809 и 1810 годах было поймано без всякого труда 1100 штук этих китов. Седьмого января 1812 года на северных берегах Бретани было выброшено волнами 70 штук. По всей вероятности, большинство случаев этого рода вовсе и не доходит до всеобщего сведения.

Не косатки, как прежде думали, а гринды напугали рыбаков Кильской бухты, появившись там совершенно нечаянно в большом количестве 24 ноября 1861 года. «Когда стало светло, — говорит Мебиус, который описал этот случай, — можно было видеть, что большая часть внутренности бухты была наполнена этими китами. Они плыли рядами от 4-6 штук и прямо направлялись в гавань. За ними следовало парусное судно с несколькими рыбаками, которые рано утром выехали на взморье, чтобы стрелять чаек. Черные саблевидные спинные плавники этих китов высоко поднимались из воды, когда они высовывали спину, а затем голову, чтобы подышать. После каждого дыхания они ныряли под воду. Черные тела их то поднимались, то опускались в воде и производили этим довольно заметное волнение. Когда они дышали над поверхностью воды, то было слышно довольно сильное пыхтение, а когда они выдыхали воздух из легких, то выпускали фонтан высотой в один-полтора метра. Чем ближе эти гиганты приближались к городу Килью, тем больше лодок собиралось за ними, так как с обоих берегов моряки, рыбаки и любопытные спешили принять участие в необыкновенной охоте. Рыбаки задумали их загнать в самое узкое и мелкое место бухты, чтобы они там попали на мель. Действительно, им и удалось отрезать часть стада, около 30 штук, и загнать в гавань; остальная часть стада, более 100 штук, вовремя успела спастись. Загнанные киты были уже около стоящих на якоре кораблей, когда совершенно неожиданно две лодки отчалили от берега и прямо направились на стадо. Киты так испугались, что быстро повернули назад, подбросили одну лодку так, что она чуть не перевернулась, и бросились к выходу из гавани, плывя между лодками и под ними. Тогда стали стрелять и бросать остроги в спасающихся китов, из которых один выпрыгнул из воды на высоту 8-10 метров; таким образом удалось загнать трех китов в мелкую воду. Однако из них два все-таки сумели спастись, и только один застрял в иле на самом конце бухты. Его убили после многих ударов остроги и топора по голове, и он околел, издавая громкое сопение, которое напоминало рев медведя, а из пасти и из ран потекла горячая кровь».

Если бы кильские рыбаки были столь же опытни в китоловном промысле, как северные их собратья, то добыча их, несомненно, была бы гораздо обильнее. На всех северных островах уже с древнейших времен привыкли загонять на берег гринд, появляющихся недалеко от земли. Уже в древней рукописи «Konigsspiegel», хотя довольно туманно, говорится об этой ловле. «Сельдяной кит, или рыбий кит, — говорится там, — загоняет селедок и других рыб в большом количестве из открытого моря к берегам и, таким образом, не только не вредит человеку, но даже приносит ему большую пользу, как будто он Богом для этого и создан. Он гонит рыбу перед собой до тех пор, пока рыбаки с благодарностью и приличным образом собирают дары, которые провидение им посылает из моря. Если же при этом происходят ссоры и драки и кровь животных течет в море, то кит уводит

всю стаю рыб, которых он пригнал, обратно и, таким образом, отнимает у жителей островов необходимую для них добычу».

В открытом море за гриндами охотятся только в виде исключения. Китоловы, которые надеются на лучшую добычу, не спускают лодок, чтобы ловить этого кита, и только в случае большой неудачи корабли начинают заниматься этой охотой. Гринду убивают острогами точно так, как и других китов, но каждая лодка гонится за отдельным китом, и они помогают друг другу только тем, что стараются разогнать китов в разные стороны. Обыкновенно гринда при виде своих врагов вызывает такой же бестолковый страх, как и около берегов, начинает медленно плавать то туда, то сюда, так что люди всегда найдут время удачно бросить в него острогу. Очень часто гринда умирает от первого удара, а если нет, то его добивают копьями. Только в редких случаях бывает, что этот кит бросается на лодку и старается ее опрокинуть.

Ни один кит и даже ни одно морское животное не занимали так древних писателей и ученых, как дельфин; он послужил темой для всевозможных басен и поэтических описаний. Предание говорит, что дельфины спасли греческого поэта Ориона, которого разбойники выбросили с корабля в море, и, очарованные его песнями, привезли невредимым к мысу Тенарскому. Плиний приводит привлекательный рассказ о мальчике, который частым кормлением так приручил к себе дельфина и приобрел его любовь, что он несколько лет сряду ежедневно перевозил его через залив в Пуццоли, где мальчик посещал школу, и точно так же ежедневно привозил его домой. «Когда мальчик умер, — говорит этот писатель, — то дельфин все-таки ежедневно появлялся на определенном месте и так скучал о потере своего любимца, что скоро околел». Рассказывают еще басню о том, что в древности дельфины помогали людям при ловле морских рыб, загоняя их целыми стаями в сети, и за это содействие получали в вознаграждение часть добычи и куски хлеба, намоченные в вине*.

** Вряд ли дельфинов может заинтересовать хлеб, намоченный в вине. Однако некоторые народности Северной Африки до сих пор практикуют совместную охоту с дельфинами, расставляя сети в местах, куда морские звери загоняют косяки рыбы.*

Когда один карийский царь велел в гавани привязать на цепь пойманного дельфина, то появилась целая стая других дельфинов, и они так ясно выражали просьбу об освобождении товарища, что царь не мог устоять и велел его отпустить. Плиний совершенно серьезно утверждает, что молодые дельфины плавают в сопровождении и старого, который им служит руководителем и дядькой. Говорят, что видели дельфинов, которые уносили мертвого товарища, чтобы его не съели хищные рыбы**.

*** Детеныш дельфина долго держится рядом с матерью. Пока он совсем мал, мать и одна из взрослых самок стада поддерживают его, помогая плыть. Точно так же дельфины поддерживают раненого собрата под дыхало над поверхностью воды, и стараются унести его от места ранения. Если причина слабости раненого всего лишь временный шок, эта мера спасает ему жизнь. В противном случае дельфины держат его на поверхности, пока он не погибнет.*

Старый писатель Геснер не только считает все вышеприведенные рассказы за несомненные истины, но даже пополняет их, благодаря своей начитанности, и не забывает рассказать о высоких достоинствах дельфина. «Дельфина совершенно верно считают и почитают как короля и властелина морей, так как это самое быстрое, сильное и хитрое морское животное, почему французский король по имени его назвал провинцию (Dauphin), и многие другие князья и регенты поместили это животное в свои гербы, а его изображение часто встречается на золотых и серебряных монетах, картинах и знаменах. Старший сын французского короля получает название «Dauphin» и в своем гербе имеет изображение дельфина; это же животное изображено на многих монетах римских императоров, например Августа, Тиберия, Домициана, Вителлия, а также на многих греческих. На монете императора Тита Веспасиана изображен якорь с опрокинутым дельфином, что должно означать, смотря по обстоятельствам, быстроту и медлительность, действие и бездействие. Дельфин, впрочем, служил также эмблемой моря, власти над водой, привязанности к маленьким детям, горячности чувств, любви и т.д.».

Обыкновенный дельфин, или дельфин-белобочка (*Delphinus delphis*)* имеет в среднем около 2 м длины, спинной плавник 30 см длины, а ласты 55-60 см длины и 15-18 см ширины.

** Распространен почти во всех теплых и умеренных морских водах Земного шара. Это некрупный дельфин длиной обычно менее 2 м. Дельфиний «клюв» хорошо выражен, узкий и длинный. Питаются преимущественно рыбой, а также кальмарами и плавающими ракообразными. Держатся стадами в несколько сотен или даже тысяч голов.*

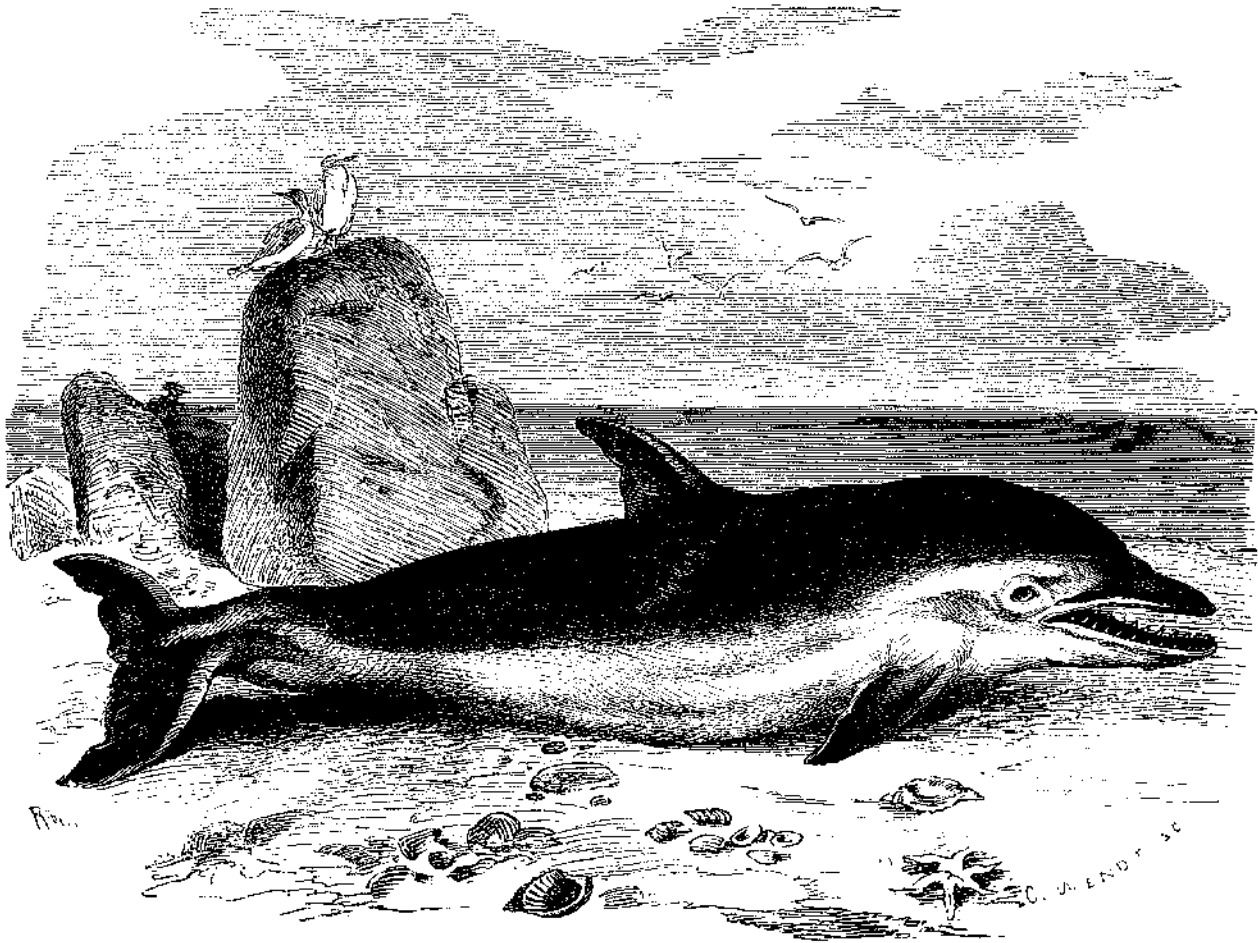
Относительно маленькая голова занимает приблизительно четвертую часть длины всего тела, лоб слегка выпуклый и отделяется от не очень длинной, совершенно прямой и вытянутой морды

поперечной бороздкой и находящимся за нею валиком; морда имеет вид клюва и сплющена как сверху, так и снизу. Продолговатые глаза лежат на небольшом расстоянии за углом рта и имеют сердцевидный зрачок. Уши расположены за глазами, а дыхало между ними. Веретенообразное туловище скорее сжато, чем вытянуто, передняя часть его круглая, а задняя слабо сжата с боков. Спинной плавник узкий, высокий и на конце острый; передний край его выпуклый, а задний довольно глубоко вырезан, так что несколько похож на серп. Ласты прикреплены около первой трети туловища и несколько длиннее и уже спинного плавника; хвостовой плавник разделен на две тупые лопасти и в середине немного вырезан. Кожа необыкновенно гладкая и представляет не только глянцевою, но почти зеркальную поверхность; сверху она зеленовато-бурого или зеленовато-черного цвета, а снизу чисто-белого, причем граница между обоими цветами представляет собою извилистую линию; по сторонам на белом кое-где видны серые или черноватые пятна. Число зубов бывает далеко не всегда одинаково. Обыкновенно их насчитывают до 42-50 в каждой половине челюсти, но случалось, на каждой стороне вверху и внизу было по 53 зуба, так что в общем число зубов доходило до 212**.

** * В длинных челюстях белобочки может сидеть по 58-65 зубов в каждом ряду, тогда общее их число достигает почти 250.*

Зубы сидят на одинаковом расстоянии, так что верхние при закрытии челюстей приходятся между нижними; они довольно длинные, конические, на конце очень острые и немного загнуты снаружи внутрь; средние в каждой челюсти самые длинные, а передние и задние делаются постепенно и довольно заметно все меньше и меньше.

Родиной этого известного животного, которое так забавляет моряков и путешественников, можно считать все моря Северного полушария. По своим движениям и образу жизни дельфин оказывается еще более склонным к разным играм, чем другие его родичи. Иногда он рыщет по волнам в открытом море далеко от берега, иногда же поднимается в реки вверх по течению. Стада дельфинов приближаются к кораблям, возятся около них, пока не отправятся далее, беспрестанно ныряют и снова поднимаются, выставляют на минуту верхушку головы над поверхностью моря, выпускают с шумом свои фонтаны и снова исчезают в глубине. Они плавают так быстро, что не только легко следуют за самым быстрым пароходом, но в это время еще делают разные фокусы, кувыркаются, валяются по воде и кружатся около судна, не отставая от него ни на минуту. Иногда один из них вдруг выскакивает совсем из воды и затем падает вперед вниз головой, не производя при падении почти никакого шума.

Дельфин-белобочка (*Delph'mus delphis*)

Они образуют стаи от 10 до 100 штук, а иногда и более. Пехуель-Леше в тропических морях видал стада дельфинов в несколько тысяч штук. Основной чертой их характера является общность, но причиной этого явления следует считать скорее общий интерес, а не взаимную привязанность. Древние, конечно, останавливались на последнем предположении и восхваляли взаимную любовь и привязанность дельфинов. Геснер говорит: «Дельфины выказывают удивительную любовь не только друг к другу, но также к своим детенышам, родителям, мертвым товарищам, всем вообще китам и людям. Особенная любовь их к детенышам выказывается в том, что самец и самка, раз спарившись, остаются вместе до смерти и бывают иногда окружены многочисленным семейством. Родители воспитывают своих детей, кормят их, иногда носят на своем клюве, сопровождают их повсюду и учат охотиться*».

** У большинства видов дельфинов самки стараются вовсе не подпускать самцов к группе, в которой находятся детеныши. В период спаривания крупные самцы беззастенчиво отгоняют более мелких, даже если те принадлежат к другому виду, и спариваются с самками как собственного, так и других видов (явление, редкое в природе). От таких спариваний могут рождаться жизнеспособные звери. Это регулярно происходит в условиях неволи, но насколько часто случается в природе — неизвестно.*

Когда они собираются в стаи для битвы, то детенышей оставляют за собой, а если плывут спокойно, то перед собой; за детенышами следуют самки, а сзади плывут взрослые самцы, которые их защищают и не оставляют даже в минуту опасности. Если молодого дельфина ударят багром и тащат к берегу, то родители за ним следуют, чтобы его спасти, так что мать тогда легко убить или словить вместе с ее детенышами. Когда же родители сделаются слабыми и бессильными, то молодые их кормят и помогают при плавании».

Зубы дельфина ясно показывают, что он принадлежит к числу самых больших морских хищников; говорят, что он даже нападает на раненых товарищей. Пища его состоит из рыб, раков, головоногих и других морских животных. Он любит охотиться за сардинками и селедками, а на летучих рыб нападает с особенной жадностью. После 10-месячной беременности самка рождает детеныша до 50-60 см длины и выказывает относительно него довольно долго большую нежность. Предполагают, что детеныши вполне вырастают только через 10 лет, зато, по уверению одного древнего греческого писателя, дельфин может жить до 130 лет. С другой стороны, рыбаки, которые

при ловле дельфинов делали им надрезы на хвостовом плавнике, полагают, что они живут не более 25-30 лет**.

* * *Продолжительность жизни дельфина- белобочки составляет около 30 лет. Половозрелым обыкновенный дельфин становится на третий год жизни, афалина — на шестой год.*

Самым злым врагом дельфина следует считать не человека, а хищную косатку, так как человек преследует дельфина только тогда, когда не может добыть себе другого свежего мяса. Еще ныне человек в известной степени щадит дельфина. Однако в некоторых местах и теперь рыбаки окружают своими лодками стадо дельфинов, как это делали еще древние греки, пугают их внезапным криком и стараются загнать к берегу, где животные в страхе попадают на мель. Перед смертью животное издает довольно громкий вздох, похожий на стон. Китоловы, которые нуждаются в свежем мясе, также иногда убивают одного из дельфинов, которые, по обыкновению, играют около корабля. «Весь экипаж, — рассказывает Пехуель-Леше, — собирается на носу корабля и начинает свистеть на разные лады, что образует страшную какофонию; но говорят, что дельфин любит музыку и из-за этого свиста еще больше приближается к судну. К одной из реи приделывают блок и через него пускают веревку, к концу которой приделан гарпун. Гарпунщик отправляется на рею, а 20 или 30 рук держат конец веревки. Несколько штук дельфинов плывут мимо корабля, гарпунщик несколько секунд следит за ними глазами, а затем, сильно размахнувшись, бросает гарпун в спину одного из животных. «Сидит!» — кричит он сверху, и люди, держащие другой конец веревки, быстро тащат ее назад, так что дельфин в одно мгновение оказывается около борта. Ему накидывают петлю на спинной плавник, и бедное животное скоро лежит мертвым на палубе. Его товарищи, конечно, исчезли, так как никак не ожидали такой неблагодарности со стороны людей. Однако на расстоянии одной мили от корабля они снова выплывают и продолжают свое странствование как ни в чем не бывало. Может быть, они скоро приблизятся к другому кораблю и начнут играть около него».

В прежнее время почти все береговые жители ели мясо дельфинов, особенно в католических землях, так как дельфина считали там рыбой и ели даже в пост. Англичане и французы умели очень искусно готовить мясо этого животного, так что кушанья из него выходили довольно вкусными. Теперь же почти везде перестали есть это мясо. У древних римлян дельфин играл довольно важную роль в медицине: печень считалась хорошим средством против перемежающейся лихорадки, а печеночный жир служил лекарством от опухоли; дымом зажженного жира лечили боли в нижней части живота. Сжигали целых дельфинов, золу смешивали с медом и эту мазь употребляли против разных болезней.

Семейство нарваловые

Белуха (*Delphinapterus leucas*) у жителей Курильских островов называется «печуга»*.

* *Белуха средних размеров зубатый кит. Окраска молодых зверей темно-бурая или черноватая, взрослых — чисто-белая. Своеобразны зубы белухи — они крупные по сравнению с зубами дельфинов и наклонены вперед. Верхние и нижние зубы трутся друг о друга и за счет этого на них образуются режущие кромки. Таким образом, белуха единственное китообразное, способное откусывать куски от добычи. Питаются в основном крупной стайной рыбой. Распространены во всех северных морях у берегов Евразии и Америки, иногда заходят далеко в крупные реки (например, в Амур).*

Она достигает 4-6 м длины, ласты имеет 60 см длины и около 30 см ширины; большой хвостовой плавник достигает одного метра ширины. Круглая голова относительно невелика, лоб очень выпуклый, маленькие глаза сидят на некотором расстоянии за углом рта, а полулунное дыхало расположено на передней части лба. Туловище довольно тонкое; двухлопастный хвостовой плавник имеет сзади вырезку; кожа на теле гладкая. У старых животных кожа желтовато-белого цвета, у молодых же буровато- или голубовато-серая; впоследствии на ней появляются светлые пятна, которые все далее распространяются, и таким образом понемногу появляется окраска, свойственная взрослым животным.

Область распространения белухи обнимает все моря около Северного полюса, но далеко на юг не простирается. На берегах Гренландии ее можно видеть только в зимние месяцы, так как самое позднее в июне она покидает берега южнее 72 градуса, чтобы направиться в Баффинов залив и к западным берегам Девисова пролива; в октябре можно ее встретить направляющейся к западу, а зимой большей частью в обществе нарвалов она плавает поблизости ледяных полей; только в октябре появляется она, по словам Гольбея, часто стаями в несколько тысяч штук около 69 градуса, в начале декабря — около 64 градуса и несколько позднее — около 63 градуса. Она держится во всех заливах южной Гренландии в продолжение всей зимы, но уже в апреле и начале мая медленно начинает подвигаться на север. В редких случаях она появляется в более южных морях, однако

уже несколько раз заходила к берегам средней Европы. Так, в 1793 году две молодые белухи около 2 м длины были найдены на песке в одном из заливов Шотландии, а в 1815 году довольно взрослая белуха жила около 3 месяцев в Эдинбургском заливе, причем приплывала в залив вместе с приливом и уходила в открытое море вместе с отливом; она очень привыкла к своей обстановке, так что жители Эдинбурга нарочно выезжали в залив, чтобы посмотреть на нее. К сожалению, с этим северным гостем там очень худо поступили: рыбаки, может быть и довольно основательно, утверждали, что белуха уничтожает лососей в заливе, и потому стали ее очень усердно преследовать. Благодаря своей быстроте и ловкости белуха долго спасалась, но наконец была убита метким выстрелом. Убитое животное, однако, к счастью, не пропало для науки: хорошие натуралисты анатомировали его и составили такое подробное описание внутренних его органов, какое не существует ни для какого другого морского животного.

По уверениям гренландцев, белуха редко далеко уходит от берега и может считаться, точно так как и морская свинья, прибрежным животным. Случается, что она поднимается вверх по рекам на большое расстояние от устья, и потому ее видали иногда в глубине материка; так, например, Даль говорит о белухе, которая была поймана в 1863 году на расстоянии 700 английских миль от моря в одной реке в Северной Америке*. Белуха питается маленькими рыбами, раками и головоногими; кроме того, в ее желудке постоянно находят песок, что дало повод гренландцам в виде шутки утверждать, что белуха не может плавать без балласта.

** Вслед за идущим на нерест лососем белухи поднимаются по реке Амур на 2000 км от устья.*

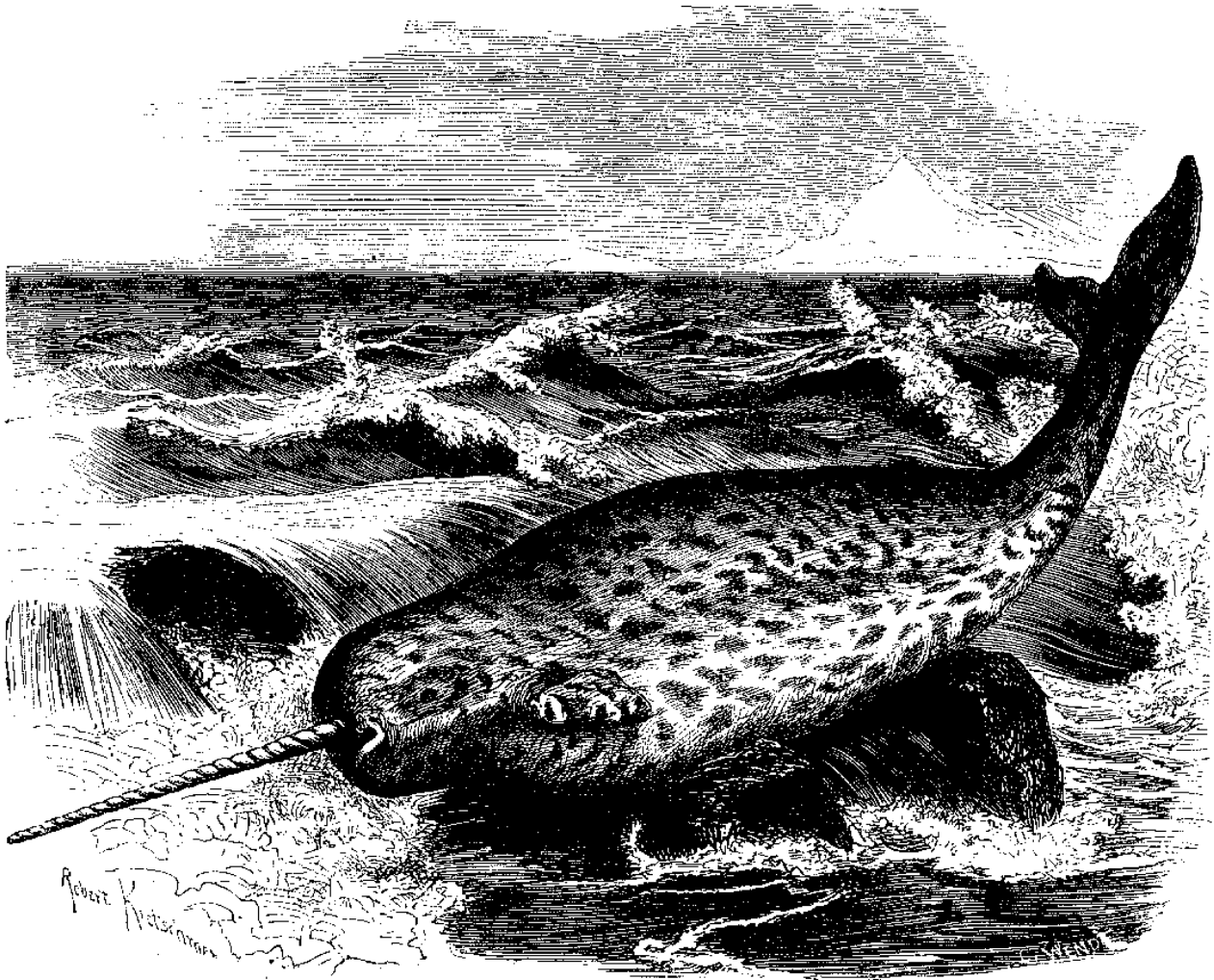
По своим движениям и привычкам белуха во многих отношениях отличается от буйных котов, а также и от морских свинок. Почти никогда не встречается она поодиночке, но постоянно обществами, которые иногда бывают чрезвычайно многочисленны. Вид такого стада, по словам Фабера, представляет собой великолепное зрелище, так как белоснежные животные, поднимаясь на поверхность воды для дыхания, иногда высовываются до половины своего туловища. По наблюдениям Скаммона, в этих стадах, состоящих как из самцов, так и из самок, всегда заметны отдельные группы из 2-3 экземпляров, вероятно, отец, мать и детеныш. Гонясь за рыбами, держащимися на дне, например, камбалами, белуха очень часто попадает в мелкие места; в этих случаях она сохраняет спокойствие духа и не бьется так, как это делают при подобных обстоятельствах другие киты, что часто ведет их к гибели. В начале и конце ее пребывания на поверхности воды для дыхания слышатся звуки, которые, по словам Скаммона, похожи на слабое мычание быка*; Браун же утверждает, что звуки эти переходят иногда в настоящий свист, похожий на пение птицы, почему моряки называют белуху «морская канарейка».

** Отсюда происходит выражение «реветь белугой»: оно связано именно со звуками, издаваемыми белым китом, а не с молчаливой осетровой рыбой.*

Китоловы встречают белуху с радостью, так как они считают ее предвестником большого гренландского кита и часто плывут в сопровождении стад этих животных, ничем не беспокоя их. При этом белуха подплывает к самим кораблям, качается на водах поблизости их, но остается все-таки пугливой и удаляется при малейшем шуме. Хотя животное это и имеет довольно большую ценность, китоловы, однако, за ним не охотятся, так как вследствие своей быстроты и ловкости белуха в открытом море почти всегда уходит от преследования, так что охота за нею тянется слишком долго, чтобы быть выгодной для европейцев. Северные инородцы относятся к ней иначе: для них белуха из-за жира и мяса считается самым важным из китообразных животных. Браун считает, что в Гренландии ежегодно убивают около 500 белух и единорогов, причем первых гораздо в большем числе, чем вторых. Большинство их ловят с помощью сетей, которые устанавливаются при входе в фиорды и бухты, а также и в проливах между островами. Точно так же ловят белух и норвежские китоловы около Шпицбергена и Новой Земли. Инородцы северной и восточной Сибири подобным же образом охотятся за этим животным и очень радуются появлению их, так как вместе с ними появляется в мелких бухтах и устьях рек множество рыб, которые ищут места для нереста, например, дорша, треска, камбала и лосось. Некоторые народности считают этого кита в известной степени священным животным: так, самоеды втыкают черепа белух на шесты в виде жертвы своим богам, а прочие части словленного животного употребляют в пищу. Почти все северные народы единогласно утверждают, что мясо и жир белухи представляют собою приятное кушанье, и старый путешественник Стеллер с этим соглашается. Ласты и хвостовой плавник считаются за особые лакомства, если хорошо приготовлены. Кожу белух сушат, дубят и употребляют на разные изделия, например, на Камчатке из нее делают ремни, которые высоко ценятся по своей мягкости и прочности.

Нарвал, или единорог (*Monodon monoceros*), отличается от других зубастых китов. Его выделяют в особый род. Зубная система его отличается особенно двумя резцами, из которых один, большую часть левый, развивается в огромный бивень, имеющий 2-3 метров длины; бивни эти выдаются из челюсти в горизонтальном направлении, относительно довольно тонки, внутри пустые и свернуты винтом справа налево. У самок бивни эти развиваются только в виде исключения и бывают гораздо меньше. Кроме того, на верхней челюсти заметны два небольших передних зуба и по одному коренному; но зубы эти бывают большей частью только у молодых животных; на нижней челюсти зубов никогда не бывает. Череп развит несимметрично, второй шейный позвонок срастается с третьим и четвертым, а иногда с пятым и шестым; позвоночник состоит, кроме того, из 12 спинных, 9 поясничных и 24—26 хвостовых позвонков; грудная кость спереди и сзади имеет вырезки, а посередине — отверстие; лопатки короткие и широкие; плечевая кость на верхнем конце очень утолщена, внизу плоская и срослась с предплечьем, кисть состоит из 7 костей запястья и 5 пальцев, имеющих 3, 4 и 5 суставов.

Цилиндрическая, спереди округленная голова занимает седьмую часть удлинённого веретенообразного тела; очень короткая, широкая и толстая морда с правой стороны несколько скошена, не отделяется от плоского лба и спереди срезана почти отвесно. Глаза сидят довольно далеко по сторонам головы, немного выше рта, а очень маленькие уши расположены около 15 см за ними; полулунное дыхало находится на середине лба, между глазами. От дыхала идет короткая общая трубка к двум воздушным мешкам, которые находятся под ноздрями, довольно широки и внутри одеты темно-серой кожей; мешки эти соединяются с дыхательным горлом и могут быть сверху закрыты клапанами. Настоящего спинного плавника нет, и он обозначен только складкой кожи. Ласты сидят на конце первой пятой части тела; они короткие, спереди толще, чем сзади; очень большой хвостовой плавник разделен на две лопасти и сзади имеет посередине глубокую вырезку. Окраска очень глянцеви́той, мягкой, бархатистой кожи довольно разнообразна, смотря по возрасту и полу. У самцов на белой или желтовато-белой основной окраске замечаются многочисленные, неправильной формы, но большей частью удлинённые, довольно большие темно-бурые пятна, которые гуще всего сидят на спине, а на животе очень редки, на голове же эти пятна почти сливаются. У самок пятна меньше, но сидят гуще, чем у самцов; молодые животные гораздо темнее старых. Встречаются и тогда единороги совсем белые, желтовато-белые и серовато-белые без пятен. Длина животного доходит до 6 м, но чаще бывает от 4-5 м, ласт длиной в 30-40 см, ширина хвостового плавника 1-1,3 м.

Нарвал, единорог (*Monodon monoceros*)

Неудивительно, что наши предки рассказывали об единорогах разные баснословные истории. Столь поразительное животное, без сомнения, должно возбуждать удивление людей, а, до тех пор пока наука не скажет своего трезвого и дельного слова, фантазия досужих людей может сильно разыгрываться. Особенно баснословные предположения относились к зубу единорога. Уже Страбон говорит о морском единороге, который очень большого роста и вместе с китом встречается у берегов Испании. Альберт Великий рассказывает довольно много об этом животном и называет его рыбой, у которой на лбу сидит рог; этим рогом животное может проткнуть других рыб и даже корабли, но оно так медленно в своих движениях, что от него легко спастись. Рошфор первый дает хорошее изображение нарвала и первый же приводит рассказ о том, что этот кит пользуется своим зубом для борьбы с другими китами и что он им также разбивает лед, отчего очень часто встречаются животные с обломанными зубами. Фабрициус первый сомневается в том, что нарвал протыкает камбал и других рыб, которыми он питается, своим зубом, а затем поднимает зуб кверху, чтобы добыча понемногу скользила до рта, где он схватывает ее языком. Скоресби наконец соглашается с мнением, что бивень единорога служит ему необходимым орудием для разламывания льда. Мы со своей стороны думаем, что бивень единорога нужно считать одним из тех многочисленных орудий для защиты и нападения, которым снабжены самцы многих животных. Если бы этот зуб был необходим для ловли и добычи или для какой-нибудь другой настоящей надобности, то трудно было бы объяснить, как самки обходятся без него*.

** Функция бивней нарвала и по сегодняшний день не до конца ясна. Наиболее вероятно предположение, что бивень служит вторичным половым признаком, подобно рогам многих копытных, а также применяется для пробивания отдушины во льду, через которую затем дышит все стадо, включая детенышей и беззубых самок.*

Единорог должен считаться жителем северных морей и чаще всего встречается между 70 и 80 градусами северной широты. Он очень обыкновенен в Девисовом проливе и Баффиновом заливе, в Ледовитом океане между Гренландией и Исландией, около Новой Земли и на северных берегах Сибири; его редко можно встретить южнее полярного круга: на берегах Великобритании, насколько мне известно, в последние столетия были выброшены на берег только 4 нарвала; у немецких бере-

гов видали и убили двух единорогов в 1736 году. На родине он почти всегда встречается многочисленными стадами, так как любит общество не менее других китов. «Во время их странствований, — говорит Браун, я видал стада в несколько тысяч экземпляров. Тесными рядами, зуб около зуба и хвост около хвоста, точно полк кавалерии, направлялись они к северу, правильно приподнимаясь и опускаясь, причем путь их извивался волнообразно. Подобные стада не всегда состоят из особей одного и того же пола, как утверждает Скоресби, но в них вперемешку встречаются самцы и самки»*.

** Интересно, что крупные стада нарвалов состоят из животных разного пола и возраста, а мелкие группы (от нескольких особей до нескольких десятков нарвалов) либо только из взрослых самцов, либо из самок с детенышами. Во времена Брема встречались стада по несколько тысяч голов, однако охота сократила их численность, и теперь стадо более чем из ста особей — большая редкость.*

Относительно своих странствований и выбора местожительства единороги ближе всего подходят к белухам, но, может быть, больше, чем эти последние, должны быть названы полярными животными, так как направляются на юг только с наступлением самых сильных зимних морозов и возвращаются на север, как только лед начинает таять. Когда льды понемногу затягивают поверхность воды и, таким образом, уменьшают пространство, где они могут ловить добычу, то нарвалы большей частью вместе с белухами собираются в тех местах, которые остаются незамерзшими даже в самые сильные морозы, и при дыхании на поверхности воды образуют такую густую толпу, что старый писатель Фабрициус удивляется, как они искусно маневрируют, чтобы не ранить друг друга своими бивнями. На подобного рода наблюдениях основывается, вероятно, и в последнее время высказанное предположение, что животные эти разбивают лед своими бивнями, между тем как вернее предположить, что подобные небольшие полыньи именно потому и не замерзают зимой, что такое большое количество крупных животных в них беспрестанно толкутся и колышут воду. По описаниям новейших мореплавателей это китообразное животное представляет собой подвижное и веселое создание, которое привлекает взоры наблюдателя быстротой своих движений и беспрестанным появлением на поверхности воды и нырянием. Они вовсе не заводят битв с другими китами, как сочиняли древние, и живут между собою довольно мирно до тех пор, пока не вмешается в дело любовь и не возбудит гнев двух самцов. Что подобное действительно встречается и что битвы между двумя самцами бывают действительно серьезные, можно с достоверностью предположить по тому, что редко убивают старого нарвала с неповрежденным зубом и что часто наблюдали такие случаи, где не только бивни были обломаны, но в пустых ячейках их торчали кончики чужих зубов. О размножении единорогов до сих пор известно очень мало: Браун один сообщает, что самка рождает лишь одного детеныша*.

** Известно, что определенного сезона размножения нет. Самка после 14—15 месяцев беременности рождает одного детеныша, которого затем кормит молоком примерно 20 месяцев. Таким образом, самка нарвала спаривается раз в 2-3 года.*

Пищей единорогов служат рыбы, голые моллюски и голотурии. Скоресби находил в желудке их камбал, которые были в три раза шире их глотки, и удивлялся, как животное может своим беззубым ртом удержать такую большую добычу и проглотить ее; он поэтому предполагает, что нарвал прежде протыкает камбалу своим зубом и проглатывает уже мертвую. Почтенный натуралист, однако, снова забывает бедную самку, которая также должна питаться. Вероятно, единорог ловит свою добычу на ходу и так ее сжимает своей пастью, что ее оказывается возможно проглотить; живущие в неволе тюлени имеют также обыкновение свертывать камбалу так, как кухарки свертывают блины в трубочку, и таким образом готовят эту широкую добычу к проглатыванию.

Много опасностей и врагов угрожает жизни единорога, и не от какого кита не находят так часто остатков, как от них. Зима наступает в полярных морях иногда удивительно скоро и внезапно покрывает ледяным покровом поверхность воды, что в высшей степени затрудняет жизнь всем морским животным, дышащим атмосферным воздухом; таким образом погибают сотни и тысячи этих китообразных, и море впоследствии выбрасывает их трупы или скелеты на берег. Единорога мучат маленькие паразиты, и на него нападают крупные враги. Небольшие червеобразные паразиты встречаются в огромном количестве не только во внутренностях, но и в полости рта, за небом; они жадно впиваются в кожу, причиняют злокачественные воспаления и затрудняют единорогу принятие пищи. Наконец, и человек усердно их преследует. Этой охотой, впрочем, занимаются больше северные инородцы, а не приезжие китоловы, так как быстрота и ловкость этого животного затрудняют ловлю его, которая делается легкою только в тех неоольших полыньях, где единороги собираются в большом количестве для дыхания. В открытом море иногда бьют их острой, но ловля, од-

нако, незначительна, так как она не особенно выгодна для европейцев и американцев. Мясо и жир одинаково высоко ценятся. Первое очень вкусно, особенно если хорошо приготовлено. Все датчанки, живущие в Гренландии, подают это мясо на стол вареным или жареным и покрытым желе, которое приготовлено из жирной кожи нарвала, причем убеждены, что это кушанье понравится даже чужому избалованному гостю. Туземцы Гренландии едят это мясо вареным и сушеным, а кожу и жир в сыром виде; жир, кроме того, жгут в лампах; из сухожилий готовят нитки, из глотки делают пузыри, которые употребляются при рыбной ловле, и даже кишки идут в дело.

В прежние времена за бивни единорога платили необыкновенно большие деньги. Им приписывали разные волшебные свойства и умели ими пользоваться гораздо разнообразнее, чем мы, которые видим в этих зубах только вещество, несколько похожее на слоновую кость. Еще полтора столетия тому назад в Европе было мало бивней единорогов, и те, которые привозились изредка мореплавателями, очень легко продавались. Их считали за рог библейского единорога, и потому англичане украшали таким зубом лоб баснословного единорога, изображенного на их гербе. Фитцингер пишет: «Императоры и короли приказывали из этих зубов готовить себе трости, которые были украшены искусной резьбой; их носили за королями в торжественных случаях, как нечто особенно драгоценное. Из подобных зубов готовились и епископские посохи. Еще в XVI столетии в Байрейтском архиве сохраняли 4 подобных зуба, как необыкновенную редкость. Два байрейтских маркграфа получили один из этих зубов от императора Карла V в уплату значительного долга, а за самый большой из них в 1559 году венецианцы предлагали огромную сумму в 30 тысяч цехинов, но предложение их было отвергнуто. Третий употреблялся как лекарство, но только для лиц княжеского семейства, и его считали столь драгоценным, что когда приходилось отрезать ломтик, то при этом присутствовали уполномоченные от обоих владетельных князей. Бивень единорога, который висел на золотой цепи в музее саксонского курфюрста в Дрездене, ценили в 100 тысяч талеров».

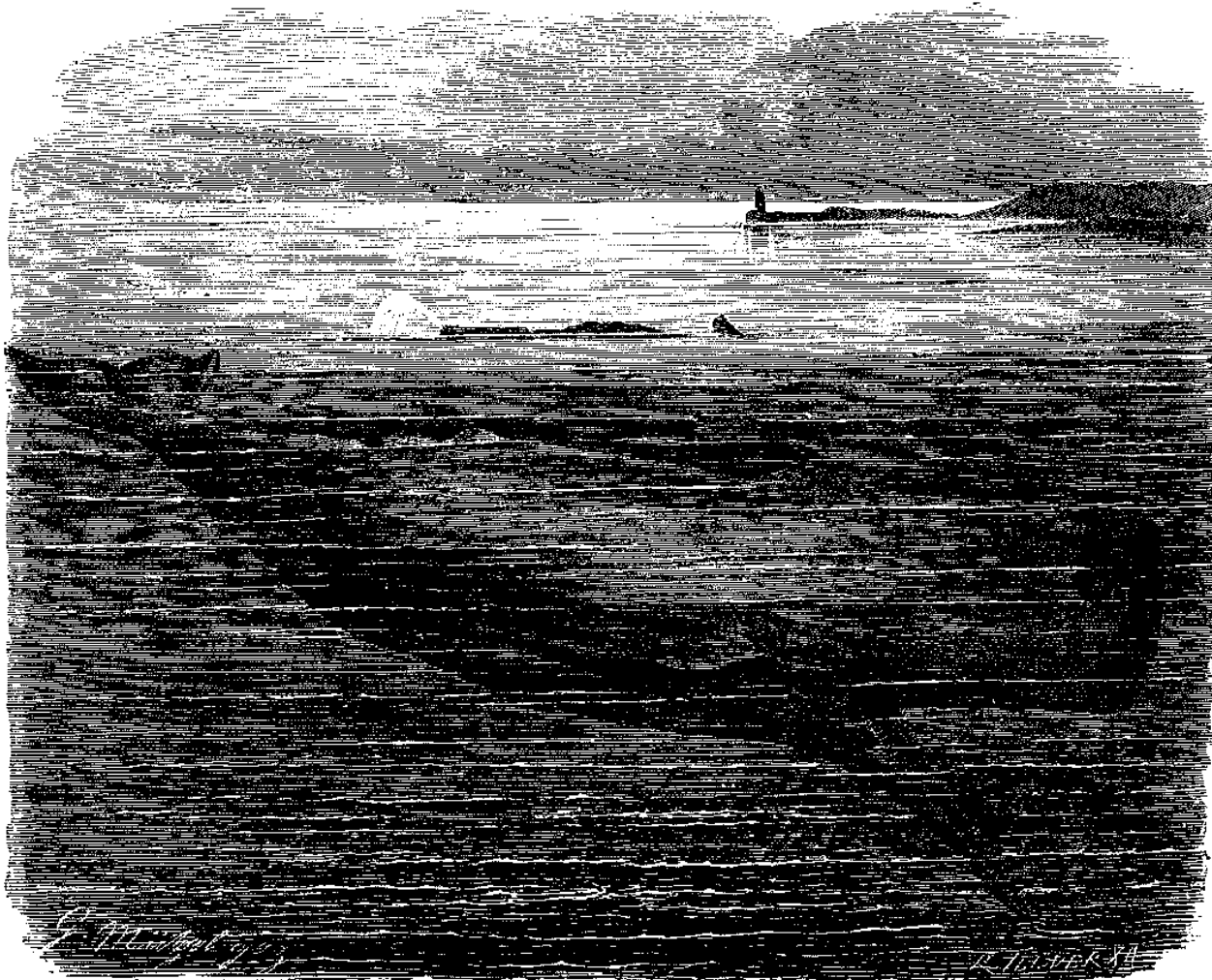
С увеличением мореплавания зубы эти все более и более теряли цену. Гренландское торговое общество в начале XVIII столетия послало много подобных зубов в Москву, предлагая их купить русскому царю, но врач царя отсоветовал их покупать, сказавши, что это не рога настоящих единорогов, а зубы большой рыбы. Посланный должен был вернуться в Копенгаген, не продавши ни одного бивня, и там над ним очень смеялись и бранили его. Чем более убеждались в том, что зубы эти вовсе не рога баснословного единорога, тем более переставали верить в их чудесную силу; но еще в конце прошлого столетия куски этих зубов находились во всех аптеках, и некоторые врачи прописывали жженую кость единорога. В нынешнее время, по Вестендарпу, один килограмм бивня величиной в 1 м стоит около 12 марок, а каждый килограмм бивня в 2 м и больше — 18 марок.

Семейство кашалотовые

Представителем семейства зубатых китов является **кашалот** (*Physeter catodon*), называемый гренландцами «кегутилик». Кашалот, несомненно, самый неуклюжий и безобразный вид этого отряда китообразных; он отличается необыкновенно массивной головой, у которой морда сильно раздута и спереди как бы обрублена; у него только одно дыхало, расположенное не совсем симметрично на левой стороне головы. Нижняя челюсть кашалота состоит из двух половин, очень близко стоящих друг к другу и образующих спереди чрезвычайно острый угол; на нижней челюсти мы замечаем один ряд конусообразных, почти одинаковой величины зубов; на верхней челюсти заметны только недоразвитые зубы. Грэй очень определенно различает два вида кашалотов, из которых каждый, по его мнению, служит представителем особого подсемейства. Однако следует еще решить вопрос, постоянны ли отличительные признаки, приводимые Грэм, и не принадлежат ли они к числу случайных. Опытные китоловы считают, что все кашалоты принадлежат к одному виду, но полагают, что различные местные условия и количество пищи имеют влияние не только на величину этого кита, но и на строение некоторых частей тела. Исследование этих животных встречает почти непреодолимые трудности и мешает, как правильно замечает Пеппиг, составить себе верное понятие о его внешнем виде. «Хорошенько рассмотреть это животное можно только тогда, когда оно бывает выкинуто волнами на берег; однако и в этом случае тело его не сохраняет настоящей формы, и рисовальщик не может его верно срисовать, потому что чудовищно большое тело сжимается от собственной тяжести и, кроме того, вдавливается в лесок. Спокойно лежащих на воде кашалотов может видеть только китолов, и то при счастливом случае; но при виде такой богатой добычи ему, конечно, не до рисования. Этим можно объяснить, что до сих пор не существует вполне безукоризненного рисунка кашалота, составленного опытным глазом наблюдателя-специалиста, а без подобного рисунка зоологам очень трудно устранить всякие недоразумения, касающиеся этого животного».

По длине тела кашалот уступает только немногим беззубым китам; по некоторым наблюдениям, длина старых самцов доходит до 30 м, но, вероятно, правильнее определить эту длину средним числом в 20-23 м, пока еще не сделаны точные измерения*.

* Эти размеры, очевидно, завышены: обычно длина кашалота-самца чуть менее 20 метров, а самки — около 10.

Кашалот (*Physeter catodon*)

Окружность тела достигает 9-12 м, а ширина огромного плеса до 5 м. Все эти измерения относятся к самцам, потому что самки всегда гораздо меньше и не достигают даже половины этой длины. Ласты в сравнении с длиной тела удивительно малы: у самого большого животного они бывают не длиннее 2 м при 1 м ширины.

Огромная голова кашалота похожа на безобразную колоду и по ширине и высоте не отличается от туловища, которое незаметно с нею соединяется. Если рассматривать туловище спереди в поперечном разрезе, то середина спины несколько вогнута; бока сначала идут почти отвесно, но к животу очень сильно расширяются, а на нижней стороне живота образуется как бы киль, очень тупой на передней трети тела, а затем к хвосту все более и более заостряющийся. На последней трети спины возвышается низкий горбовидный и как бы раздутый жировой плавник, который не может двигаться, спереди возвышается постепенно, а сзади как бы обрезан. Короткие, широкие и толстые ласты прикреплены тотчас за глазами; на верхней поверхности их заметны пять продольных складок, соответствующих пальцам, а на нижней стороне они совсем гладки. Хвостовой плавник не имеет сзади большой вырезки и потому не разделен на две лопасти; у молодых экземпляров задний край его имеет складки, а у старых он гладкий, и задний край образует почти прямую линию**.

** Хвостовой плавник кашалотов отчетливо разделен на две лопасти глубокой срединной вырезкой.

От спинного плавника до хвоста вдоль спины расположено несколько возвышений, имеющих вид небольших горбов. Дыхало расположено не на лбу, как у других китов, а около верхнего края морды; оно лежит не на самой середине, а немного налево и имеет вид щели, искривленной в виде французского S, до 20-30 см длины. Пасть очень широка и раскрывается почти до глаз. Нижняя челюсть гораздо короче и уже верхней, которая при закрытом рте ее обхватывает; на верхней челю-

сти замечаются также конусообразные зубы без корней, из которых многие потом выпадают, а другие почти не выдаются из десен. Зубов нижней челюсти гораздо больше, их бывает до 39-52; на одной стороне часто больше, чем на другой. У молодых животных кончики зубов острые, впоследствии они притупляются, а у очень старых животных они состоят из пустого эмалевого конуса, полость которого наполнена костяным веществом. Голова поражает своей огромной массой и тем, что к морде она вовсе не суживается, череп же замечателен своей несимметричностью. На голове под слоем жира, имеющего несколько сантиметров толщины, находится слой сухих жил, закрывающий собой полость, разделенную пополам поперечной перегородкой со многими отверстиями. Вся эта полость наполнена прозрачной маслянистой жидкостью — спермацетом, который, кроме того, находится в длинной трубке, идущей от головы к хвосту, и в небольших мешочках, рассеянных в мясе и жире*.

* *Кашалотовые семейство зубатых китов, включающее три современных вида. Кроме собственно кашалота в семейство входят когия, или карликовый кашалот, и малая когия. Всех кашалотовых характеризует наличие спермацетового мешка в лобной части головы, который выдается вперед за края челюстей, прочных зубов в нижней челюсти и слабых, быстро выпадающих — в верхней.*

В шее срastaются шесть позвонков. Лопатка довольно узкая, плечевая кость коротка и толста и срastается с еще более коротким предплечьем. Мясо кашалота твердое, крупноволокнистое и перерезано многими толстыми и крепкими сухожилиями. Поверх мяса лежит слой жира различной толщины. Кожа голая, почти совершенно гладкая и блестящая; сверху она темно-бурого, иногда почти черного цвета, а живот, хвост и нижняя челюсть окрашены светлее; у очень старых китов светлая окраска распространяется и на голову. Язык всей нижней поверхностью сросся с нижней челюстью, желудок разделен на четыре части, кишки в 15 раз длиннее туловища, дыхательное горло разделено на три главные ветви. Кроме того, еще замечательно строение мочевого пузыря, который наполнен темной, маслянистой, оранжевого цвета жидкостью. В этой жидкости плавают иногда шарообразные твердые комки до 8-30 см в диаметре и до 6-10 кг веса; по всей вероятности, это болезненный продукт, сходный с мочевыми камнями других животных. Комки эти и представляют драгоценное вещество — амбру, имеющую большое применение в парфюмерном искусстве.

Кашалот водится почти во всех морях, за исключением Ледовитого океана и соседних с ним морей. Кашалот, по крайней мере в прежнее время, когда он был многочисленнее, нередко встречался и в северных широтах и до сих пор иногда там попадает. По-видимому, он точно так же хорошо себя чувствует в умеренном и холодном поясе, как и в тропических морях, под палящими лучами солнца. Однако в большом количестве кашалот встречается только в теплых морях, а в холодных попадают лишь отдельно странствующие или отставшие от стада животные. По мнению Пехуель Леше, настоящей родиной кашалота следует считать моря между 40 градусом северной широты и таким же градусом южной широты; отсюда он, следуя по теплым течениям, заходит иногда как на север, так и на юг до 50 градуса, а иногда и дальше. Те экземпляры, которые иногда попадались около 55 и 60 градуса северной и южной широты или еще дальше от экватора, следует считать заблудившимися животными; стада кашалотов в этих широтах не встречал еще ни один опытный китолов, на слова которого можно положиться. Около южной оконечности Африки кашалотов никогда не встречали, а около южной оконечности Америки они попадались нередко. По словам Брауна, он в высшей степени редко встречается в Девисовом проливе и Баффиновом заливе. «Как было прежде, мне неизвестно, — говорит этот натуралист, — но ныне китоловы Девисова пролива знают кашалота только по имени, и многие из них улыбаются, когда спрашивают их о присутствии этого кита в тамошних водах. Даже между эскимосами я нашел только некоторых, которые кое-что знали о кашалоте от третьих лиц, и, несмотря на очень тщательные расспросы, я мог узнать только об одном случае, именно в новейшее время, в 1857 году, что кашалот был убит около берегов Гренландии».

Кашалоты, подобно дельфинам, плавают тесными кучками или стадами; количество экземпляров этих стад бывает очень различно, но они всегда держатся глубоких мест. Они охотно плавают около крутых берегов и старательно избегают губительных для них мелей, хотя изредка и там показываются. Китоловы рассказывают, что каждое стадо имеет предводителя, старого большого самца, который ведет всю толпу самок и молодых, из которых состоит прочая часть стада, и защищает их от нападения враждебных животных. Старые самцы появляются иногда в одиночестве или собираются в небольшие общества. Большое стадо состоит обыкновенно из 20-30 животных; но в известное время собираются несколько стад вместе и тогда странствуют в числе нескольких сотен. Скаммон подтверждает в главных чертах эти сведения. По его наблюдениям, чаще всего видишь стада в

15-20 штук, а иногда и более сотни, и хотя самцы большую часть года встречаются поодиночке, однако бывают случаи, что эти чудовища собираются вместе и образуют довольно большие общества. Вожаками в стадах бывают по очереди несколько старых самцов, что необходимо вследствие того, что самки, когда у них есть детеныши, только о них и заботятся и ни на что другое не обращают внимания. Молодые самцы иногда образуют отдельные стада и не разлучаются до полной возмужалости.

Относительно скорости движения кашалот мало уступает другим быстро плавающим китам. Даже при спокойном плавании он проходит 3—6 морских миль в час, а при возбуждении так быстро прорезает волны, что оставляет за собой пенящийся след, как пароход. Его можно издали узнать по его движениям. Когда он плавает спокойно, то бесшумно движется под поверхностью воды; когда же он торопится, то так сильно машет хвостом вверх и вниз, что голова его то поднимается над поверхностью воды, то глубоко опускается вниз. Нередко становится он в воде отвесно, высоко выставляя или голову, или хвостовой плавник, чем отличается от большинства других китов. Случается даже, что он с большой силой выбрасывается над поверхностью воды, повторяет это два, три раза сряду, а затем надолго уходит в глубину. Если его долго преследуют или беспокоят, то он также становится вертикально в воде, выставляя голову, чтобы оглядеться кругом, или ложится горизонтально на воду и переворачивается с боку на бок. Когда он играет, то приподнимает то один, то другой плавник и сильно бьет ими по воде или так сильно хлопает по волнам своим плесом, что шум слышен очень далеко; при этом над поверхностью воды поднимаются высокие пенные волны, которые в светлые дни видны на расстоянии до 10 морских миль и служат китоловам указанием на присутствие кашалотов. Обыкновенно подобного рода усиленные движения чудовища приписывают его стараниям освободиться от мучащих его паразитов; но на кашалотах редко встречаются те животные паразиты, которые в столь огромном количестве живут на коже других китов, и потому следует предположить, что он исполняет подобные гимнастические упражнения для мочиона или ради удовольствия.

При отсутствии ветра кашалоты лежат иногда совершенно неподвижно на воде и качаются на волнах, иногда же становятся вертикально, очень смешно выставляя свои головы на воздух. В последнем случае издали кажется, что видишь перед собой торчащие из воды толстые бревна или горлышки чудовищно больших бутылок. Вышеупомянутый натуралист точно так, как и Скаммон, утверждает, что ни один кит не двигается и не дышит столь правильно, как кашалот. Когда он выныривает, то выпускает не очень высокий, обыкновенно не выше одного метра, фонтан, который, однако, очень толст и раскидист; фонтан этот наклонен вперед и несколько налево и с мачты корабля виден на расстоянии от 3 до 5 морских миль. Если кашалот торопится, то дышит лишь в течение 2-4 секунд и при этом громко пыхтит; если же он спокоен, то остается на поверхности воды вдвое и втрое дольше. Число вдохов зависит от величины животного, но каждое вдыхание, если его не беспокоят, происходит всякий раз одинаковое число секунд над поверхностью воды, и промежутки между вдохами, во время которых он остается в глубине, также одинаковы. Самки и детеныши обоих полов остаются под водой гораздо меньше, чем старые самцы; последние выдувают свои фонтаны в течение 10-15 минут, повторяя это 40, 60 и даже 70 раз сряду; после того они как бы куврыкаются, выставляют над водой свой плес и, достигнув отвесного направления, глубоко ныряют в воду, где остаются до следующего вдоха 20, 40, а иногда и 50 минут. Когда Скаммон в 1853 году находился на китоловном судне, то около Черепашьих островов в Тихом океане был убит большой кашалот, за которым гнались с 11 часов утра до 4 часов пополудни; в это время он правильно брызгал 55 раз при каждом появлении на поверхности воды и затем каждый раз оставался 55 минут под водой, при преследовании он плыл как под водой, так и на поверхности ее со скоростью 3 морских миль в час. Небольшие и молодые кашалоты не выказывают такой правильности при дыхании и нырянии, брызгают не так много раз подряд и чаще ныряют. По наблюдениям Скаммона, маленькие кашалоты остаются над водой лишь четвертую или пятую часть того времени, какое употребляют на это большие, выдыхают от 30 до 40 раз, и под водой остаются не дольше 20-30 минут. Опытные китоловы уверяют, что они по слуху могут отличить кашалота от других китов, так как его выдыхание производит совершенно своеобразный шум, который нельзя спутать с шумом, производимым другими морскими животными.

Между внешними чувствами осязание, по-видимому, занимает первое место: в коже находится множество нервных сосочков, и она способна воспринимать самое незначительное прикосновение. Зрение не очень плохо, и слух, вероятно, довольно развит, так как кашалот слышит даже негромкие звуки. Китоловы знают это очень хорошо и при тихой погоде избегают всякого шума, если желают подстеречь свою добычу. По своему характеру кашалот более похож на дельфинов, чем на

беззубых китов, но избегает близости человека гораздо тщательнее, чем общительный дельфин. Если кашалота преследуют или на него нападают, то вместо страха у него иногда появляется такая страсть к борьбе, которую мы не замечаем ни у одного из китов. Часто наблюдали, что небольшая стая дельфинов может обратить в поспешное бегство огромное стадо кашалотов; по опыту также известно, что старые самцы при приближении корабля стараются как можно скорее спастись бегством. Случалось, что целое стадо так сильно пугалось приближения врага, что, как бы обезумев, оставалось на месте, двигаясь бестолково и неловко, и давало таким образом возможность людям убить несколько штук зараз. Китоловы говорят, что подобный беспорядок и страх случается тогда, когда ранена сначала самка; если же ранен вожак, то все стадо обращается в бегство. По наблюдениям Скаммона, самки выказывают большую привязанность друг к другу; они собираются около раненой подруги, окружают шлюпку и долго остаются около умирающей, хотя очень часто это ведет к гибели некоторых из них*.

** Как и у других зубатых китов, у кашалота развита взаимовыручка, когда члены стада пытаются поддерживать на плаву раненого товарища. Природа, к сожалению, не подготовила кашалотов к встрече с человеком, и их естественное поведение часто обращается им же во вред.*

Между молодыми самцами этой привязанности не замечается; они оставляют товарища, раненного острогой.

Кашалот питается разными видами и головоногих, причем, конечно, проглатывает и маленьких рыб, которые очутятся в его широкой пасти, но специально за ними он не охотится. Мореплаватели прежних времен рассказывали, что кашалот нападает на акул, тюленей, дельфинов и даже на беззубых китов, но новейшие наблюдатели ничего подобного не замечали. С другой стороны, утверждают, что он не пренебрегает и растительной пищей, например, проглатывает плоды, занесенные реками в открытое море. Так как он долее других китов может оставаться под водой, то ему легко исследовать различные пещеры и углубления морского дна, недоступные его родичам, поэтому едва ли он когда-нибудь испытывает недостаток в пище. В точности мы еще не знаем, каким образом он схватывает добычу, но опытные наблюдатели полагают, что он это делает так: спустившись в глубину, он открывает свою очень подвижную нижнюю челюсть настолько, что она образует с туловищем почти прямой угол; подвигаясь медленно вперед, он ею, как сетью, захватывает попадающихся животных, раздробляет их зубами и глотает. Скаммон подтверждает это предположение, при этом очень верно замечает, что в высшей степени трудно себе представить, каким образом такое громадное животное добывает себе то изумительно большое количество пищи, которое ему необходимо для насыщения. При этом следует, однако, иметь в виду, что между головоногими встречаются столь громадные животные, что для полного насыщения достаточно и одного из них*.

** Большие скопления кальмаров, достойные внимания кашалота, большую часть времени держатся на глубине в несколько сотен метров. Там же обитают гигантские кальмары архитектуры, длина которых хоть и преувеличена различными авторами, но может превышать (считая длинные щупальца) 10 м. То, как кашалоты в кромешной темноте отыскивают добычу, стало ясно, когда открыли, что китообразные пользуются ультразвуком. В погоне за кальмарами кашалот способен нырять на глубину до 1 км, глубже всех прочих китообразных, и оставаться под водой до 1 часа.*

Матери с сосунами встречаются во всякое время года. Беннет же, который подробнее других говорит о детенышах, утверждает, что сосуны в марте, апреле, октябре и ноябре не встречаются; это, однако, не доказывает, что в указанные месяцы детеныши вовсе не рождаются. После 10-месячной (?) беременности самки рожают одного и редко двух детенышей**. Новорожденные кашалоты в четыре раза меньше матери и тотчас после появления на свет начинают весело плавать около матери. Для кормления мать ложится на бок, и детеныш схватывает сосок не кончиком, а углом рта.

** * Самка кашалота рождает одного детеныша: продолжительность беременности точно не известна, разные авторы указывают сроки от 10 до 17 месяцев.*

Охотиться за кашалотами начали уже с древних времен, но особенно усердно китоловы стали преследовать его с конца XVII столетия по примеру американцев. С начала нынешнего столетия главным местом ловли кашалотов служит южная часть Тихого океана, и делом этим почти исключительно занимаются англичане и североамериканцы. В период с 1820 по 1830 год английскими китоловами было добыто 45 933 бочки спермацета, следовательно, средним числом в год 4600 бочек; в 1831 и 1832 годах добыча увеличилась до 7605 и 7165. Но в последние десятилетия добыча спермацета значительно уменьшилась: в пятидесятых годах американцы ежегодно добывали

от 73 до 103 тысяч бочек ворвани, а в семидесятых и восьмидесятых годах только половину этого количества. От большого кашалота-самца получается до 80-120 бочек ворвани, и цена животного, смотря по очень колеблющимся ценам ворвани, бывает от 9 до 20 тысяч марок; самки гораздо меньше ростом и стоят менее половины этой цены.

Охота на кашалота сопряжена с большими опасностями, чем ловля других китов. Беззубые киты только в виде исключения пытаются нанести вред своим преследователям, между тем как кашалот при нападении на него защищается, храбро устремляется на противников и как оружием пользуется не только своим хвостом, но даже своими страшными зубами. Что он действительно защищается зубами, доказано многочисленными наблюдениями: например, случалось убивать старых самцов с совершенно изуродованной нижней челюстью, которая, очевидно, была повреждена в битве с другим кашалотом или каким-нибудь другим, может быть, неизвестным морским чудовищем. Кроме того, китоловы знают по собственному опыту, что защищающийся кашалот не только наносит лодкам удары своей головой или мощным хвостом, но прямо схватывает их пастью и легко разламывает зубами. Наблюдения показали, что он может раздвинуть свою зубастую нижнюю челюсть так, что она образует с головой почти прямой угол, а также легко двигает ею из стороны в сторону. Когда в него попадает гарпун, то он иногда неподвижно остается на месте, как бы парализованный, и дает, таким образом, возможность китоловам быстро удалиться; но в большинстве случаев он отчаянно защищает свою жизнь, не ищет спасения в бегстве, но мстит за нанесенные раны с большим ожесточением. Все опытные моряки рассказывают случаи несчастий, происшедших от столкновения с кашалотом; многие из этих рассказов, вероятно, преувеличены, некоторые даже просто выдуманы, но значительное число несчастных случаев вполне достоверно и официально доказано. Мы приведем для примера некоторые подобные столкновения.

В 1807 году на берегах Массачусетса кашалот напал на корабль «Нантукет» и так его разбил, что судно пришло в полную негодность. В 1820 году шлюпки корабля «Эссекс» гнались за стадом кашалотов, между тем как корабль следовал за ними с полуопущенными парусами. Вдруг недалеко от него появился огромный кашалот-самец, который направился к кораблю и как бы случайно ударил его головой в бок. При этом ударе корабль был довольно сильно поврежден, но и кит, по видимому, сильно ушибся, потому что он стал неистово валяться по воде, но затем поправился и удалился от корабля. Экипаж полагал, что он уже избавился от чудовища, и стал усиленно выкачивать воду, так как следствием столкновения оказалась значительная пробоина, но скоро с ужасом увидели, что кашалот остановился на расстоянии ста саженей, обернулся и яростно снова бросился на корабль: он ударил его в нос и так разбил его, что корабль тотчас начал тонуть. Экипаж среди океана должен был спасаться на своих шлюпках; две из них плавали 93 и 97 дней по морю и были наконец спасены другими кораблями, причем в каждой шлюпке остались живыми только 2 и 3 человека, которые долго питались трупами своих умерших товарищей; прочие шлюпки пропали*.

** Этот эпизод, в соединении с несколькими другими рассказами, положен Мелвилл в основу романа о Моби Дике. Образ белого кита был навеян рассказами о реальном самце-кашалоте, хорошо известном морякам по широкой белесой полосе на голове. Этого кашалота добыли только после нескольких лет попыток, причем в его спине были найдены вросшие в кожу остатки 14 гарпунов. Несмотря на наличие документальных подтверждений гибели судов от нападения кашалота, это явление исключительно редкое, и многие без вести пропавшие корабли напрасно внесены в список жертв китов.*

Другое американское китоловное судно, бриг «Анна Александр», в 1851 году около берегов Перу было также сильно повреждено кашалотом и пошло ко дну. В том же году другое китоловное судно, «Цитизен», не подверглось той же участи только потому, что вследствие сильного ветра могло быстро повернуть в сторону, так что кашалот только мимоходом задел его. Четыре месяца после гибели корабля «Анна Александр» экипаж барки «Ревекка» напал на огромного кашалота, которого убили довольно легко без приключений. В его теле нашли два гарпуна с надписью «Анна Александр»; голова кита была сильно повреждена, из огромных ран торчали куски досок корабельной обшивки.

Рассказывают даже случаи нападения кашалотов на корабли, которые вовсе не беспокоили кита. Так случилось с английским кораблем «Ватерлоо», нагруженным южными плодами. Трудно перечислить все те корабли, которые были разбиты этими морскими гигантами, так как часто весь экипаж при этом погибал. Пехуель-Леше рассказывает следующий случай. «16 декабря 1867 года один из офицеров барки «Осцеола» ранил острой кашалота, но шлюпка его была тотчас разбита китом, другой офицер поспешил на помощь, но и его шлюпка подверглась той же участи; третья шлюпка занялась спасением плавающих в море людей, а четвертая приблизилась к киту, который

схватил ее зубами и совершенно раздробил. Тогда были спущены две запасные лодки, но кашалот так яростно напал, что они должны были искать спасение на корабле. Тогда чудовище бросилось на сам корабль, но нанесло ему только удар боком в нос, так что, хотя он был очень сильно потрясен и потерял несколько досок, но все-таки остался годным к плаванию. Кит также получил значительные повреждения от столкновения и от нескольких пущенных в него разрывных пуль; поэтому он перестал так яростно нападать. К вечеру оба противника как бы заключили перемирие, но оставались на поле сражения. Утром экипаж снова напал на кашалота, который значительно ослабел и тащил за собой веревку с остатками разломанной лодки. Наконец его удалось убить. Но подобные приключения оканчиваются не всегда так благополучно; многие пропавшие без вести корабли, вероятно, уничтожены кашалотами, так что никто из экипажа не спасся и не мог дать знать о несчастье. Некоторые старые самцы приобрели у китоловов печальную известность своей способностью разбивать корабли и расщеплять зубами шлюпки, например, огромный кашалот, живший в морях около Новой Зеландии и потому получивший от моряков прозвище Новозеландский Том. Он, говорят, не позволял ни одной шлюпке приблизиться к себе, шел им навстречу и разбивал, если они не успевали вовремя спастись. Но на корабли он не нападал. Об этом Томе у китоловов существуют многие сказания и даже песни; в спине его торчит множество гарпунов, так что он имеет вид ежа. Достоверно известно о нем следующее приключение. Корабль «Адонис» и некоторые другие хотели в пятидесятых годах завладеть им соединенными силами, но кашалот в короткое время разгрыз и разбил 9 шлюпок и убил 4 людей, так что прочие должны были отказаться от преследования. Во всяком случае, кашалота следует считать за самого храброго и свирепого из всех китов; это, без сомнения, самое страшное морское чудовище».

Выгоды от ловли кашалота довольно значительны, но едва ли вознаграждают за те опасности, которым подвергаются при этом китоловы. Кроме сала, из которого получается очень хорошая ворвань, кашалот доставляет еще спермацет и амбру. Спермацет, который получается из полостей на голове, в свежем состоянии жидок, прозрачен и почти бесцветен, но на холоде застывает и получает тогда белый цвет. Чем больше его очищают, тем он делается крепче и суше, так что наконец получает вид мелкозернистой массы, состоящей из тонких листочков, имеющих блеск перламутра. Его употребляют для некоторых мазей и делают из него также свечи, которые считаются самыми лучшими*.

** До недавних пор истребление кашалотов находило оправдание именно в добыче спермацета, шедшего на смазочные материалы высшего качества, необходимые для некоторых отраслей промышленности. По крайней мере двадцать лет назад еще не было адекватной замены спермацету.*

Еще более драгоценный продукт представляет собой амбра, о которой уже с древних времен существует много баснословных рассказов. Это легкая, мягкая, воскообразная масса, окрашенная в различный цвет; на ощупь она жирна, имеет приятный запах, от теплоты размягчается, в кипящей воде обращается в маслообразную жидкость, а при сильной жаре испаряется. Ее чаще всего употребляют для благовонных курений или примешивают к эфирным маслам и мылу. Уже древние римляне и арабы высоко ценили амбру и знали употребление ее, а у греков она была известна как успокаивающее медицинское средство, которое употребляли против судорог; еще до конца прошлого столетия амбру держали в аптеках в качестве лекарства. Очень долго происхождение амбры было вполне загадочно. Древние греки справедливо считали ее испражнениями какого-то животного, но впоследствии явились другие предположения. То ее считали за помет баснословной птицы, питающейся исключительно благовонными травами, то за морское растение, похожее на губку, то за смолу, то наконец за видоизменившуюся морскую пену. Бойльстаун первый в 1724 году узнал, от какого животного получается это драгоценное вещество. Рассказывают, что некоторые счастливые китоловы находили во внутренностях больших самцов комки амбры в 25 кг веса, и прежде полагали, что в мочевом пузыре кашалота находили даже комки в 70 и 75 кг. Еще чаще, чем из внутренностей кашалота, амбру находят плавающей на поверхности моря. Несомненно, что действительно находили куски в 90 кг веса. Кроме вышеупомянутых продуктов зубы кашалота также находят применение. Они внутри желтоваты, как сообщает Вестендарп, но состоят из очень плотного и прочного вещества, поэтому из них часто делают пуговицы и игральные марки; один килограмм зубов стоит до 5-8 марок**.

*** Заметное снижение численности кашалота по всему его ареалу потребовало принятия охранных мер. Кашалот включен в Конвенцию о международной торговле животными, и к концу 1980-х годов прекращен промысел этих китов в Антарктике и в северной части Тихого океана.*

Подотряд усатые киты

(Mysticeti)*

* *Беззубые (усатые) киты подотряд китообразных, включающий лишённые зубов виды, питающиеся преимущественно планктоном. Свою пищу усатые киты отцеживают, пропуская воду через цедильный аппарат. Последний состоит из свисающих с верхней губы роговых пластинок, образованных сросшимися волосами и несущих по краю густую щётку, в которой и застревают планктон. Подотряд состоит из трех семейств (гладкие киты, серые киты и полосатики), включающих 3, 1 и 6 видов соответственно.*

Небогатый видами подотряд беззубых (усатых) китов отличается тем, что у относящихся сюда животных зубов нет, а на верхней челюсти и нёбе вырастают особые роговые пластинки. Прочими признаками могут служить: очень большая широкая голова, отдельные продольные дыхалы, узкая глотка. Легче всего, однако, их распознать по присутствию роговых пластинок во рту. Они вовсе не заменяют зубов и не похожи на них ни по происхождению, ни по способу прикрепления к челюсти. У очень молодых китов находили в челюстях небольшие костяные тельца, которые можно считать зачатками зубов; позже вырастающие роговые пластинки появляются не на челюстях, а на нёбе и не соединены непосредственно с костями головы. Их поперечное положение на верхнем своде полости рта напоминает нёбные зубы рыб. Эти пластинки состоят из рогового, а не костяного вещества, очевидно, кожного происхождения, и имеют вид трехгранных, реже четырехгранных призм, у которых можно различить наружное и внутреннее вещество. Первое состоит из тонких, друг на друге лежащих роговых листочков, а последнее, то есть внутреннее вещество, образуется параллельными трубочками, которые на конце пластинки расщепляются на множество грубых щетинок. Искривленные роговые листочки соединяют пластинки около их корней, сидящих в богатом кровеносными сосудами слое кожи, который имеет до 2 см толщины; слой этот и служит для питания пластинок. Они имеют треугольную форму и висят вертикально с нёба по сторонам срединного продольного кия, образованного покрытым лишь слизистой оболочкой сошником. Самые длинные из этих пластинок, которых насчитывают от 250 до 400, находятся посередине каждой челюсти; самые короткие на конце морды и сзади, около места прикрепления нижней челюсти, причем от середины к краям величина их уменьшается постепенно. Впереди пластинки сидят очень тесно друг около друга, сзади промежутки между ними увеличиваются. Если смотреть на этот аппарат сбоку, то он походит на гигантский гребень, отдельные зубцы которого имеют довольно гладкую и выпуклую поверхность. Если же рассматривать его спереди, то он похож на свод, с потолка которого по сторонам находящегося посередине кия висит множество длинных гибких волокон. Когда кит закрывает рот, то нижняя челюсть помещает в себе весь роговой аппарат верхней челюсти; пластинки касаются, если не везде, то по крайней мере по краям языка и совершенно отделяют нёбную полость от окружающей воды; таким образом пластинки эти образуют как бы сито, останавливающее даже самых маленьких и скользких животных, которыми эти киты питаются.

Беззубые киты — громадные животные с очень большой головой, широко расщепленным ртом, двойными дыхалами, скрытым ушным отверстием и очень маленькими глазами. Позвоночник их состоит из 7 шейных, 14-15 грудных, 11-15 крестцовых и 21 и более хвостовых позвонков. Одна лишь пара ребер соединяется с грудной костью, все прочие должны считаться ложными. Челюсти имеют громадную величину сравнительно с очень небольшой мозговой частью черепа; они согнуты большими дугами и спереди вытянуты в виде клюва. Лопатки очень широки, а передние конечности устроены различным образом, но большого пальца в большинстве случаев нет. Огромный язык по краям прирос к коже рта и неподвижен. Отверстие пищевода очень узко, а желудок разделен на три части. Взрослые киты достигают до 20-30 м длины и весят от 20 до 150 тыс. кг*.

* *Подотряд включает в основном крупные формы, в том числе крупнейшие виды китообразных. Рекордные размеры синего кита, известные науке, составляют 33 метра длины и 198 тонн веса (масса 35 слонов). Однако средняя длина и тем более масса большей части видов уступает таковым кашалота.*

Это самые большие животные из ныне живущих на земле. У большого кита масса тела соответствует примерно 30-35 слонам или 150-170 быкам; из жира такого чудовища получается иногда до 300 гектолитров ворвани (более 600 сорокаведерных бочек).

Беззубые киты живут большей частью одиноко; они соединяются в стаи, вероятно, только случайно, когда на одном месте находится много корма. Большинство из них живут в Ледовитом океане и только иногда выходят из бухт, образованных ледяными полями; другие странствуют в более южные моря**.

* * Серые киты и гладкие киты живут только в относительно холодных водах (первые только в северном полушарии, вторые — в обоих). Полосатикки, напротив, широко распространены в тропических и субтропических морях, но заходят и в воды Арктики и Антарктики (обычно в летнее время). Усатые киты обычно держатся поодиночке или парами, но некоторые виды, например серый кит, могут образовывать небольшие стада.

Как уже выше сказано, они не всегда живут в одном месте, а довольно правильно переселяются. Несмотря на свою необыкновенную массивность, они двигаются в воде быстро и ловко; большинство из них прорезают волны со скоростью парохода. Если их не тревожат, то они чаще всего плавают около поверхности воды, иногда ложатся на воду то на спину, то на бок, валяются, становятся вертикально и играют иным способом; случается, что они выдвигаются из воды наполовину, а иногда даже совсем из нее выпрыгивают. Когда море спокойно, то киты иногда спят, покачиваясь на волнах.

Пища этих самых больших животных состоит из мелких рыб и маленьких незначительных моллюсков, головоногих, медуз и червей, из которых многие едва заметны простым глазом; но они зараз проглатывают миллионы этих существ. Кит плывет, широко раскрыв свою огромную пасть, наполняет всю полость рта водой и животными, в ней живущими, и когда его чувствительный язык покажет ему на присутствие большого числа их, то он закрывает ловушку. Пластинки усов стоят перпендикулярно и образуют собой сито, которое при закрытом рте пропускает воду, но останавливает всех находящихся в ней животных. Незначительное движение огромного едва подвижного языка проталкивает студнеобразное вещество через пищевод в желудок. Ловушка снова раскрывается, и кит плывет далее по волнам. Маленькая рыбка, которая случайно попадет в эту живую вершу, конечно, тоже проглатывается, а также и водоросли, попавшие в рот.

По своим душевным качествам беззубые киты похожи на описанных уже нами сирен. Из внешних чувств у них лучше всего развиты зрение, слух и осязание. По понятливости эти киты, кажется, стоят ниже зубастых. Все беззубые киты пугливы, робки и легко обращаются в бегство, поэтому они живут в мире со всеми остальными морскими животными. Когда на них нападают, то иногда пробуждается свойственная всем животным смелость, которая в некоторых случаях переходит в сильное раздражение; они тогда защищаются отчаянно и нередко с успехом, но в большинстве случаев они наносят своим врагам мало вреда. Главным орудием защиты служит у них плес, о страшной силе которого можно получить понятие, если вспомнить, что посредством его кит подвигает вперед свое огромное туловище по волнам со скоростью парохода. Один удар китового хвоста достаточен, чтобы разбить в щепки большую лодку или подбросить ее на воздух; подобным же ударом убиваются сразу большие животные и, конечно, также и человек*.

* Нет подтвержденных свидетельств того, что усатые киты, даже спасая свою жизнь, нападают на человека или лодки. Гибель лодок и людей в них может стать следствием случайного удара хвостом бьющегося в агонии гиганта.

О размножении беззубых китов мы знаем еще мало, разве только то, что самки рожают одного, редко двух очень больших детенышей, имеющих при рождении $1/3$ - $1/4$ длины матери; они долго кормят их молоком, очень к ним привязаны, защищают их с большим мужеством, часто поддерживают их, прижимая к себе одним ластом, и водят с собой, пока детеныш не сделается вполне взрослым**.

* * Когда детеныш не кормится, он обычно располагается над матерью, что облегчает ему и доступ к воздуху, и движение вперед.

Беззубые киты, вероятно, растут очень скоро, но все же проходит много лет, пока они не достигнут своего настоящего роста.

Семейство настоящие, или гладкие, киты

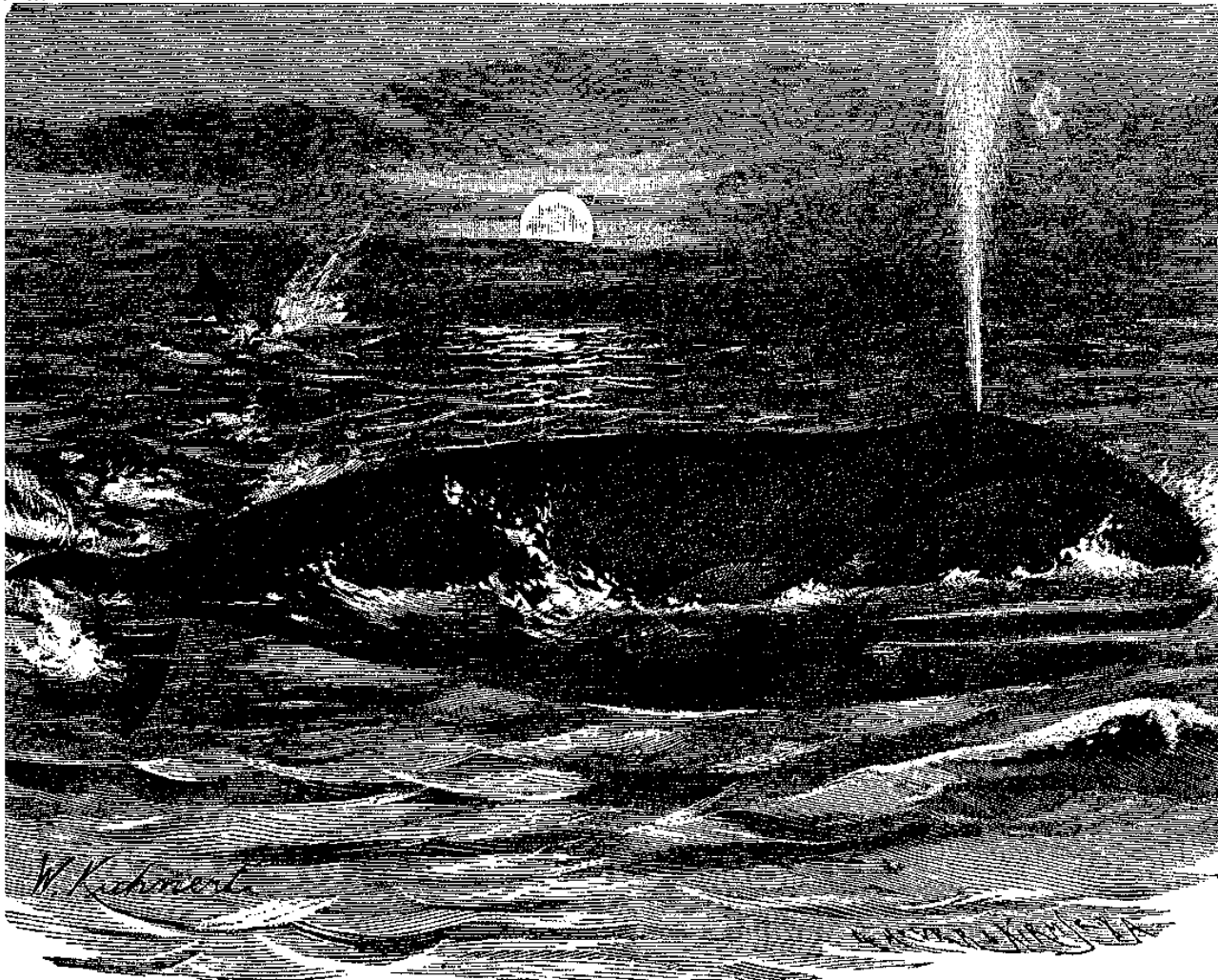
(Balaenidae)***

* * * Настоящие, или гладкие, киты — семейство усатых китов, включающее три вида из трех же родов. У двух видов нет спинного плавника, откуда и происходит название «гладкие».

Гладкие киты неуклюжее и массивнее всех китов; у них нет спинного плавника и бороздок на нижней части тела, ласты у них широкие, на конце как бы обрубленные, пластинки во рту длинные и узкие, шейные позвонки по большей части сросшиеся, лопатки ромбической формы, и длина их больше ширины.

Представителем этого семейства следует считать наиболее известного **гренландского кита** (*Balaena mysticetus*), неуклюжее создание, у которого все части тела кажутся непропорциональными. Присущее людям стремление преувеличивать все странное и удивительное имело большое влия-

ние на описание этого издавна известного животного. Существуют однако и хорошие описания этого кита. Уже мореходы, которые ловили этого кита 300-400 лет тому назад, говорят лишь о китах, имевших не более 20 м длины, а Скоресби, который присутствовал при ловле 320 китов, не нашел между ними ни одного, длина которого превосходила 12 м; Пехуель-Леше дает следующие размеры кита, убитого в Ледовитом океане севернее Берингова пролива: длина тела 16,4 м, ширина хвоста — 6,7 м, длина самых больших роговых пластинок — 3,25 м. Однако нельзя отрицать, что иногда ловили китов и больших размеров; а теперь таких китов находят в отдаленных частях океана.

Гренландский кит (*Balaena mysticetus*)

Карл Гизеке рассказывает о ките, пойманном в 1813 году, который имел 20,4 м длины, и в начале нынешнего столетия около Шпицбергена убили кита, который примерно был такой же величины и роговые пластинки которого имели до 5 м длины. Браун также утверждает, что после описания Скоресби длину китов обыкновенно убавляют и приводит измерения, сделанные Годсиром, чтобы найти настоящие размеры китов: самка, которая была убита в Девисовом проливе, от морды до развилины хвоста имела 19,8 м; окружность тела за лапами — 9,1 м, длина головы до сочленения нижней челюсти — 6,4 м, длина лапа — 2,4 м, наибольшая ширина лапа — 1,2 м, ширина хвоста — 7,3 м, длина самой большой пластинки во рту — 5 м. Этот кит, однако, не может считаться самым большим китом: капитан А. Дейхарст, очень опытный и добросовестный китолов, сообщил Брауну, что в 1849 году ему удалось убить кита, имевшего 24,4 м длины, хвост которого имел 8,8 м ширины. Во всяком случае, кит 18 м длины представляет собой удивительное и даже страшное чудовище. Массивная голова занимает, как видно из вышеприведенных измерений, около одной трети длины всего тела; в пасти может поместиться средней величины шлюпка со своим экипажем, так как длина пасти до 5-6 м, а ширина — до 2,5-3 м. В сравнении с другими животными этого отряда гренландский кит более массивен и толст, туловище короткое, толстое и круглое, к хвосту оно сильно сужается, на середине головы, около того места, где находятся дыхалы, замечается небольшое возвышение, а внизу около горла — незначительное углубление; глаза, величиной едва превосходящие глаза быка, расположены тотчас за сочленением нижней челюсти; уши, отверстия которых не шире толщины гусиного пера, находятся немного позади глаз; дыхалы имеют вид

двух узких щелей около 45 см длины и формой напоминают латинскую букву S; они находятся на расстоянии 3 м от конца морды на самой возвышенной части головы. Ласты этого кита относительно довольно широки, толсты, на передней части едва выпуклы, а на задней части сильно вогнуты и на верхней и нижней стороне имеют по короткому округленному килю; они прикрепляются тотчас за глазами, примерно на середине тела. Во рту находят до 300-360 роговых пластинок (китоловы говорят, что число их равняется числу дней в году); самые большие из них могут иметь до 5 м длины и весить до 3-3,5 кг*.

** Гренландский кит самый большой вид семейства, до 21 метра длиной. Огромная голова составляет до 1/3 длины тела. Верхняя челюсть очень сильно выгнута, откуда происходит другое английское название этого кита «дугоголовый». Пластины цедильного аппарата достигают 3-4,5 метра длины, черного цвета. Распространен в полярных морях Северного полушария.*

Язык мягкий и всей своей нижней поверхностью прирос к челюсти. Кожа везде голая, за исключением нескольких толстых щетин на конце обеих челюстей и несколько более тонких на сторонах головы и между дыхалами, где они очень коротки, сидят в два или три ряда и часто бывают совсем стерты. Верхняя кожа, покрывающая тело, относительно говоря, довольно тонкая, крепкая, мягкая, как бархат, и похожа на сапожную кожу, пропитанную маслом. Под ней лежит слой жира, имеющий до 20-45 см толщины. Окраска тела чрезвычайно изменчива; верхняя часть головы, по словам Брауна, окрашена в серовато-белый, как бы молочный цвет, который на конце морды переходит в черное пятно, имеющее около 15 см ширины. Остальная часть спины почти одноцветна, именно темно-синяя, причем старые киты темнее, а молодые светлее. У старых китов темный цвет туловища распространяется и на челюсти, между тем как у молодых там замечают неправильные белые пятна. За глазами и сочленениями нижней челюсти замечаются обыкновенно два светлых пятна; подобное же маленькое пятно находится на веках, а у начала хвоста также видно несколько неправильных белых пятнышек. Видоизменения этой окраски встречаются, как выше сказано, довольно часто: киты бывают пегие и однообразно желтовато-белые, как слонобая кость. Самки обыкновенно больше и жирнее самцов. Оба вымени их, которые по величине примерно равняются вымени коровы, окружены белыми пятнами.

Гренландский кит живет в северных частях Атлантического и Тихого океанов, а также в Ледовитом, но определенного местопребывания не имеет. Присутствие и странствование этого кита, очевидно, в сильной степени зависят от состояния льда в различные времена года. Все точные наблюдатели полагают, что гренландский кит всегда держится вблизи льда, добровольно никогда далеко от льдин не уходит и направляется к северу, когда лед начинает таять, а к югу — когда вода снова замерзает. Он так любит близость льда, что тотчас оставляет местность, где лед растаял, и очень часто плавает под ледяными полями: так, его иногда встречали в полыньях, образованных приливом и отливом среди огромных ледяных полей, где он, очевидно, показывается над поверхностью воды, чтобы подышать.

Гренландский кит любит жить обществами. Чаще всего его встречают небольшими стаями, до 3-4 штук, но во время своих дальних странствований киты собираются иногда в довольно большие стада. Браун узнал от Мак-Бэна, что лет пятьдесят тому назад было замечено необыкновенно большое стадо китов южнее Понтбая. Соединившись в стаи, по несколько сот штук, животные эти плыли к северу, а через несколько дней по тому же пути за ними следовали огромные стада моржей. Опытные китоловы утверждают, что в стадах встречаются лишь киты примерно одного и того же возраста, так что старые соединяются отдельно от молодых. Как долго держатся эти киты стадами и в какое время расходятся, неизвестно.

Движения этих животных медленными и неуклюжими назвать нельзя. «Несмотря на массивность туловища, — говорит Скоресби, — кит может двигаться быстро и ловко, в 5 или 6 секунд он может скрыться от своих преследователей; однако эта большая быстрота продолжается только несколько минут. Иногда он с такой силой ударяется о поверхность воды, что совершенно из нее выскакивает, иногда же становится головой вниз, поднимает хвост на воздух и бьет им по воде с ужасной силой. Шум от этого плескания при тихой погоде слышится на большое расстояние, и волнение воды распространяется очень далеко. Когда он ранен гарпуном, то в первые минуты с ужасной быстротой, как стрела, направляется в глубину, так что иногда ломает себе челюсть, ударяясь о дно в мелком месте»*.

** Гренландский кит, испугавшись, уходит под воду вертикально, вскинув в воздух хвост, хотя ныряльщик он неважный и глубоко не ныряет. Обычно он плавает со скоростью 4 мили в*

час (около 7 км/ч — скорость быстрой ходьбы взрослого человека), а при опасности ускоряется до 9 миль в час. По сравнению со скоростью дельфинов и полосатиков это, конечно, немного.

По Брауну, последнее замечается главным образом у молодых китов, потому что старые обыкновенно спокойнее и ленивее; однако каждый из них может проплывать довольно большие расстояния очень быстро. Когда кит ничем не встревожен, то он приближается к поверхности воды через 10-15 минут, остается там до 1-3 минут, чтобы подышать, и под конец до 4-6 раз сильно втягивает в себя воздух. Оба фонтана его соединяются почти в один, и высота их часто доходит до 4 м, так что они видны издали. Скоресби говорит, что гренландский кит, когда ищет себе пищу, то остается под водой до 15-20 минут; если же он ранен, то может там оставаться полчаса, а иногда даже целый час; однако тот кит, который пробыл в воде более 40 минут, поднимается на поверхность в сильном изнеможении. Скаммон приводит только один случай, когда старый раненый кит, который, вероятно, нырнул до самого дна, так как голова его потом была вся покрыта илом, оставался под водой час и двадцать минут и вынырнул на поверхность еще живым, но очень ослабевшим.

О душевных способностях гренландского кита многого сказать нельзя. Из внешних чувств довольно развиты только зрение и осязание, однако предполагают, что и другие внешние чувства довольно хорошо действуют, когда кит находится под водой, и оказываются очень слабыми только тогда, когда он на воздухе. Говорят, что кит узнает о присутствии других китов на удивительно большом расстоянии, но над водой глаза его видят очень недалеко*.

** Звук, в том числе и ультразвук, которым пользуются для общения киты, распространяется в воде несоизмеримо дальше, чем в воздухе. Не исключено, что киты могут «переговариваться», находясь за километры или даже за десятки километров друг от друга. Следует помнить, что у кита нет никаких образований для улавливания звука в воздухе, поскольку в воде звуковые колебания свободно распространяются сквозь его тело. Поэтому кит оказывается глухим к звукам в воздушной среде, тогда как под водой он обладает тонким слухом.*

Слух его на воздухе так слаб, что онч по наблюдениям Скоресби, не слышит громкого крика на расстоянии длины корабля; когда же он плывет под водой, то пускается в бегство от незначительного плеска весел и какого-нибудь шума на корабле. Между его душевными способностями следует упомянуть о привязанности его к другим китам и замечательно сильно развитой любви самок к своим детенышам. О других проявлениях понятливости наблюдатели почти не упоминают, все-таки можно заметить, что опыт делает умнее даже эти неуклюжие создания. Насколько известно, никто никогда не слышал, чтобы гренландский кит «ревел», однако трудно согласиться со Скоресби, который утверждает, что он не может издавать никакого звука.

При хорошей погоде многие наблюдали кита и во время его сна. Он тогда, как труп, лежит не шевелясь на поверхности воды, причем верхушка головы находится над водою; он тогда дышит спокойно, не выпуская фонтанов, и удерживается в равновесии тихим движением плавников. Пища его состоит главным образом из мелких ракообразных животных, особенно рацепоногих, а также из мягкотелых, по преимуществу крылоногих, которые в таком большом количестве встречаются в море, что окрашивают некоторые места его поверхности в оливковый цвет. Трудно предположить, чтобы он глотал крупных рыб, и вероятно, он проглатывает лишь тех небольших рыб, которые случайно попадут в его огромную пасть. Количество мелких морских животных, которые необходимы киту, чтобы насытиться, не поддается никакому вычислению. Помёт его окрашен в красный цвет.

О размножении гренландского кита еще нет подробных и обстоятельных наблюдений. По согласным между собой указаниям Скоресби и Брауна, спаривание происходит в июне, июле и августе. Оба пола выказывают тогда сильное возбуждение и предаются всем тем играм и движениям, которые при подобных обстоятельствах свойственны другим китам. Браун, точно так как и Скоресби, определяет продолжительность беременности в 10 месяцев и очень определенно отвергает мнение, что самка рождает лишь через два года, хотя не отрицает трудности проверить наблюдениями это предположение. Обыкновенно родится только один детеныш и только в редких случаях — два. Рождение детенышей происходит в марте или апреле**.

*** До сих пор трудно добавить подробности о размножении гренландского кита. Детеныш рождается где-то между февралем и маем, после 9-10 месяцев беременности, и затем самка кормит его молоком около года.*

Детеныш долго кормится молоком, может быть, даже целый год; он сосет так, как выше описано: самка ложится немножко на бок, чтобы детеныш мог удобно схватить сосок. По словам Скаммона, величина новорожденных детенышей бывает очень различна: средним числом величина его определяется до 3-5 м. Растет он чрезвычайно быстро, так что еще во время сосания длина его достигает 6 м при окружности в 4 м, причем вес доходит до 6000 кг. По единокласному уверению всех

наблюдателей, мать очень сильно привязана к своему детенышу. Маленьких китов, которые еще не понимают опасности, ловят очень легко, главным образом для того, чтобы приманить мать: она всегда приходит на помощь к своему раненому детенышу, вместе с ним поднимается на поверхность воды, чтобы подышать, гонит его перед собой, чтобы он уплыл, старается помочь ему, обхватывая его одним из ластов, и очень редко оставляет его, пока он жив; тогда бывает очень опасно приблизиться к самке. Из боязни за жизнь своего детеныша она забывает все предосторожности, смело бросается на преследователей и остается около маленького кита даже тогда, когда сама ранена несколькими гарпунами.

Убитый кит составляет очень ценную добычу. По наблюдениям Пехуель-Леше, киты отличаются между собой не только по росту, но также и по количеству жира: у китов одинакового роста слой жира бывает различной величины. Кроме того, жир бывает различного качества и в иных случаях дает гораздо меньше ворвани, чем можно было бы ожидать по объему. По наблюдениям этого натуралиста, гренландский кит дает средним числом 12-15 тысяч литров ворвани, и до 1000 кг китового уса. Самое большое количество ворвани, по сведениям, собранным Пехуель-Леше, дал гренландский кит, убитый в 1867 году в Беринговом море капитаном шхуны «Тамерлан Инслов», именно 36 тысяч литров. Смотри по очень изменяющимся ценам ворвани и китового уса, прибыль от убитого кита может при наилучших условиях достигать 20 тысяч марок, но особенно большой кит может дать вдвое больше. Цена китового уса составляет большую часть этой прибыли, так как никакой другой вид китов не дает китового уса такого прекрасного качества, как гренландский кит. Мясо этого кита нельзя считать совсем несъедобным. Французские корабельные повара, по Брауну, умеют его хорошо готовить, а северные народы едят его без колебания и даже лакомятся жиром. Вдали от людей гренландский кит достигает, вероятно, глубокой старости. Мертвые киты, которые иногда попадают китоловам, большей частью умерли от ран, нанесенных острогами, но часто убивают китов, у которых железо от прежних гарпунов глубоко сидит в жире, и, по видимому, особого беспокойства животному не доставляет. Кроме человека на кита нападает тоявко страшная косатка. Этих животных сильно беспокоят различные паразиты, которые поселяются на их теле, особенно из класса ракообразных, так называемая китовая вошь; рак из отряда плосконогих встречается на спине у кита в количестве многих сотен тысяч и так разъедает его кожу, что животное кажется пораженным серьезной болезнью. Желудники (*Balanus*) живут также в большом количестве у него на коже; около них произрастают многие водоросли, так что кит часто носит с собой целый мир мелких морских животных и растений.

Хотя нельзя отрицать, что число гренландских китов значительно уменьшилось в последнее время, трудно, однако, предположить, чтобы животные эти скоро были совсем истреблены. Негостеприимная родина китов представляет между своими ледяными полями так много убежищ, совершенно недоступных кораблям, что животные эти пока еще застрахованы от полного истребления их человеком*.

* *К настоящему времени численность возросла примерно до 3,5 тысяч, но вид продолжает оставаться под угрозой исчезновения.*

Семейство полосатиковые

(*Balaenopteridae*)**

* * *Полосатики семейство усатых китов, включающее шесть видов из двух родов.*

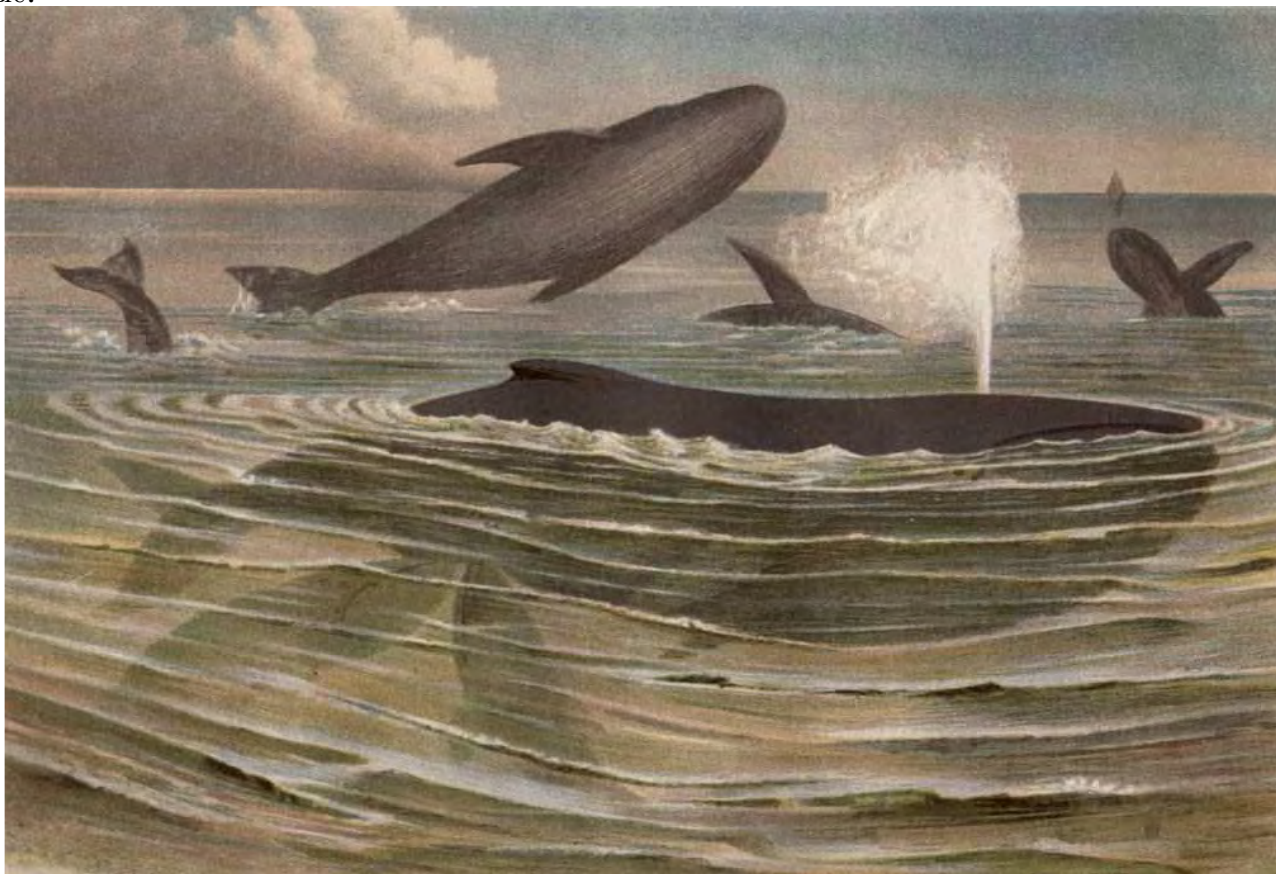
Полосатики отличаются глубокими продольными бороздками, которые находятся на горле, шее, груди и части живота; бороздки эти лежат друг около друга, а иногда одна за другой и идут почти параллельно. Полосатики — животные, относительно стройные, имеют всегда заметный спинной плавник, ласты у них длинные ланцетовидные, а роговые пластинки во рту короткие, но широкие. Шейные позвонки не всегда срастаются; каменистые части височной кости имеют яйцевидную форму, и ширина лопатки больше ее длины.

Длиннорукий полосатик, или горбач (*Megaptera novaeangliae****) может считаться представителем особого рода, отличающегося очень длинными лапами, длина которых достигает одной пятой или даже четверти длины всего тела.

* * * *Горбач отличается от других полосатиков более коротким телом, меньшим числом складок на горле и очень длинными, до четверти длины тела, грудными плавниками.*

Этот распространенный, во всех океанах встречающийся кит имеет до 15 м длины, ласты при одном метре ширины бывают длиной 3-4 м, ширина плеса доходит до 4 м. Это один из массивных и неуклюжих видов этого семейства. Сравнительно с другими полосатиками он довольно безобразен: туловище его толстое и короткое, спина едва выпукла, а нижняя сторона тела, напротив, значительно выпукла, начиная от нижней челюсти; передняя часть туловища очень вздута, а зад-

няя к хвосту значительно утончена, нижняя челюсть заметно длиннее и шире верхней, ласты необыкновенно длинны, а плес большой и широкий. На последней четверти спины находится различного вида жировой плавник, который китоловы называют горбом; спереди на середине подбородка находится нарост в виде бугра, а около крестца, в том месте, где туловище делается тоньше, примерно в середине между горбом и хвостовым плавником, замечается бугорчатое возвышение, а на темени неправильно округленные шишки, имеющие около 10 см длины при 2-3 см ширины. На горле и груди замечаются до 18-26 складок, имеющих до 10-15 см ширины; они заходят за ласты, могут получить еще большее распространение и, как предполагают, служат животному для того, чтобы оно могло по желанию в большей или меньшей степени расширять свою пасть. Окраска довольно гладкой кожи бывает очень разнообразна. Спинная часть тела чаще всего однообразно черная, а брюшная сторона и ласты беловатого цвета с мраморным рисунком; некоторые киты сверху черные, снизу чисто-белые, другие совсем черные, снизу белые, а ласты и хвостовой плавник пепельно-серые.

Горбач (*Megaptera novaeangliae*) (на заднем плане выпрыгивает из воды). Полосатик (*Balaenoptera*) (на переднем плане)

Ласты и плес значительно разнятся по величине и форме; у иных ласты очень длинны, узки и на конце острые, у других относительно широки и коротки, а у третьих принимают среднюю форму. Хвостовой плавник имеет иногда полукруглую форму, с узкими острыми концами, иногда он широк и сзади как бы обрублен; спинной плавник, вышеупомянутые возвышения и складки на нижней стороне тела значительно разнятся у различных экземпляров.

Немногие киты встречаются морякам и китоловам чаще горбача в большом числе и во всех широтах, начиная от экватора до ледовитых океанов как севера, так и юга; его можно встретить и в открытом море, и вблизи берега, во всех больших заливах и широких проливах, причем замечено, что он ежегодно правильно странствует от полюсов к экватору. В заливе Монтерей в Верхней Калифорнии длиннорукие полосатики встречаются в наибольшем числе в октябре и ноябре, и только немногие из них остаются там от апреля до декабря, так как большие стаи их весной переселяются к северу и остаются там до сентября и только начиная с этого месяца снова направляются на юг. На берегах Гренландии, по словам Брауна, его находят только летом, а на западных берегах Америки и Африки он встречается во все времена года, но не во все месяцы в одних и тех же местах. Появление горбача, впрочем, бывает довольно неправильно, и движения его точно так же не всегда одинаковы. Он редко плывет прямо, по известному направлению, то там, то здесь останавливается на более или менее продолжительное время и часто изменяет направление своего пути. Иногда его

замечают в многочисленных обществах, занимающих огромное пространство моря, которое только можно осмотреть с верхушки мачты; иногда же он встречается (на переднем плане) поодиночке, но ведет себя так, как будто окружен сотней товарищей, то есть играет и плещется, как животные, плывущие стаями. Характерными признаками для него служат: обыкновение сильно горбить спину и показывать то один, то другой ласт, а также неправильность направления при плавании. Даже тогда, когда он плывет под водой, то бросается туда и сюда по сторонам и опускается и поднимается в воде точно так, как птица летает по воздуху. Когда он в спокойном состоянии опорожняет и снова наполняет воздухом свои огромные легкие, то выпускает от 6 до 10 раз сряду, а иногда от 15-20 раз двойные фонтаны, которые бывают то слабы, то очень сильны, иногда 1,5-2 м вышины, иногда же достигают 6 м. Пища его состоит из мелких рыб и ракообразных животных*.

** Горбач питается в основном стайными рыбами, кальмарами и крылоногими моллюсками, но есть сведения о нападении на пингвинов. В некоторых местах горбачи охотятся своеобразным способом. Кит подплывает снизу под косяк рыбы и начинает описывать круги, постепенно выдыхая воздух из легких. Цепочки пузырьков пугают рыб, и те оказываются как бы в ограде из воздуха, которую не решаются пересечь. Приближаясь к поверхности, кит суживает круги, заставляя рыб сбиться тесной кучей, которую затем разом захватывает пастью.*

Игривость горбачей еще увеличивается во время спаривания. Оба пола ласкают друг друга очень странным и забавным образом; они хлопают друг друга ластами, и хотя эти удары должны считаться нежностями, но так сильны, что звук их при тихой погоде слышен за версту. После этого они валяются с одного бока на другой, слегка трут друг друга ластами, поднимаются над поверхностью воды и даже иногда выпрыгивают из нее и делают многие другие движения, которые гораздо легче можно наблюдать, чем описать словами. Продолжительность беременности в точности неизвестна, но предполагают, что она не продолжается более 12 месяцев. Новорожденный детеныш имеет от четырех до четырех с половиной метров длины и точно так же вскармливается, как и у других китов, причем мать выказывает к нему сильную привязанность, воспитывает и защищает его, подобно другим самкам китообразных**.

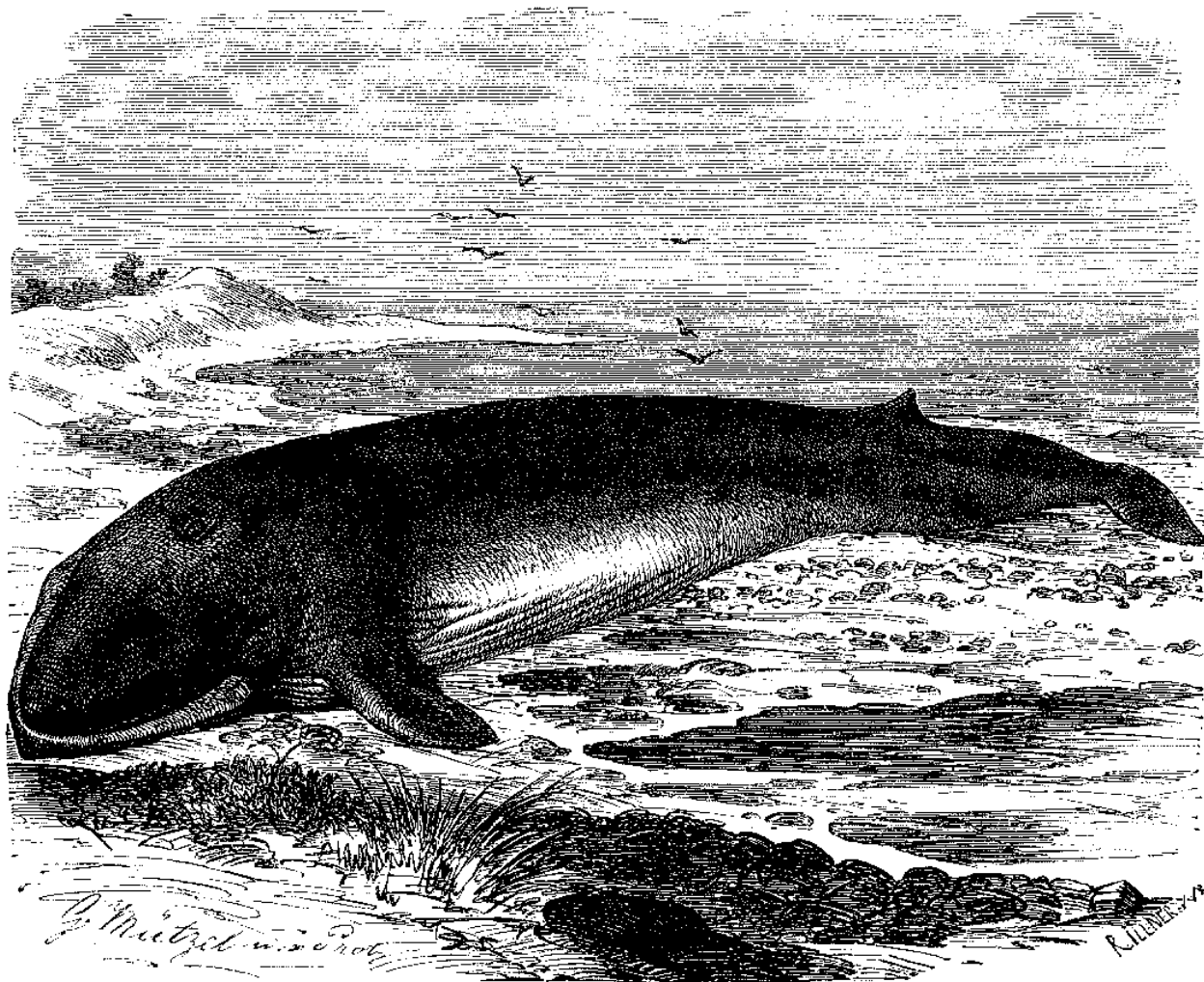
*** Горбачи спариваются круглогодично, но в основном в зимние месяцы. Беременность 10-11 месяцев.*

Хотя выгоду от ловли горбача нельзя назвать незначительной, но в этом отношении она стоит гораздо ниже той, которая получается от ловли кашалота и гренландского кита, главным образом потому, что жир дает гораздо меньше ворвани, чем можно ожидать по объему. Китолов Валкер, по сообщению Брауна, за неимением лучшей добычи, словил в заливе Диско 15 полосатиков и получил от них столько жира, что, по расчету, должен был бы вытопить из него до 70 бочек ворвани, на самом же деле он добыл лишь 18 бочек. Поэтому горбача ловят только тогда, по крайней мере около Гренландии, когда никакой другой добычи не предвидится. Несколько лет сряду около Фридрихсгафена в южной Гренландии ежегодно убивали несколько горбачей, а далее на севере на них не обращали внимания. Когда Браун жил в гавани Эгедесмюнде, то он сам видел, как большие полосатики спокойно появлялись в заливе и удалялись из него, так как никто из тамошних рыбаков и не думал их беспокоить. По словам Скаммона, за этим китом довольно правильно охотятся вдоль американских и африканских берегов Атлантического океана. Убитый кит идет ко дну; если это случится не на слишком глубоком месте и лодка не может там остаться, то место, где лежит кит, обозначают буйком и едут за помощью, чтобы вытащить его соединенными силами. На северных берегах Скандинавского полуострова за горбачом охотятся вышеописанным способом, преследуя его на пароходах и стреляя в него гарпунным оружием; цена этого кита, по Кюкенталю, равняется приблизительно 2500 марок. С тех пор как бывшие русские владения принадлежат Соединенным Штатам, американцы большей частью ездят к Аляске, чтобы охотиться за этим полосатиком. Однако и заливы Магдалина, Китовые и Монтерей, которые прежде считались лучшими местами для охоты, и теперь еще доставляют хорошую добычу. Индейцы и эскимосы также убивают полосатика, несмотря на свое плохое оружие.

Настоящий полосатик, финвал (*Balaenoptera physalus*)*, один из наиболее стройных китов, может достигать 25 м длины.

Длина ластов достигает 1/10, а ширина их 1/50 длины тела.

** Финвал второй по величине представитель полосатиков и китообразных вообще: длина самцов достигает 26,8 метров, самок — 27,3 метра. Тело очень прогонистое, стройное и обтекаемое. Распространены в водах всех океанов, от экватора до границы, плавучих льдов, но в полярных водах живут только летом, совершая ежегодные миграции. Живут маленькими группами или поодиночке, однако при обилии пищи могут собираться вместе в большом количестве.*

Финвал (*Balaenoptera physalus*)

Самую большую свою толщину туловище имеет тотчас за ластами, к голове сужается лишь немного, а к хвосту очень значительно; к хвостовой части тело так сильно сжато с боков, что высота его в два раза превосходит толщину. На большей части хвостового плавника посередине заметен киль. Ласты плоские, спереди выпуклые, а сзади вогнутые, вертикально стоящий и имеющий не более 60 см высоты спинной плавник серповидной формы. Глаза лежат немного выше и сзади углов рта, очень маленькие ушные отверстия находятся между глазами и ластами; дыхалы имеют вид двух согнутых косых щелей, разделены узкой перегородкой и окружены возвышенным вальком. На передней части головы, как на верхней, так и нижней челюсти, расположено несколько коротких щетинистых волос, далеко отстоящих один от другого, на подбородке, кроме того, есть ямка с пучком щетин. Прочая часть тела совершенно голая, сверху густого черного цвета, снизу белого цвета, как фарфор; бороздки на нижней части тела — синевато-черные. Эти бороздки начинаются у края нижней челюсти и оттуда тянутся вдоль нижней части тела до пупка, то есть далее половины живота. Средние из них самые длинные, а наружные самые короткие. Они похожи на надрезы, сделанные ножом, имеют очень острые края до 1-2 см глубины и отстоят друг от друга на расстоянии около 4 см; они, однако, не продолжают таким образом на всем протяжении, но некоторые из них оканчиваются, а в промежутках начинаются другие, которые идут в том же направлении; нигде, однако, эти бороздки не скрещиваются и всегда отделены друг от друга гладкой поверхностью кожи. Беззубые челюсти имеют с каждой стороны до 350-375 роговых пластинок, которые спереди стоят очень тесно, а сзади имеют более широкие промежутки. Края верхней челюсти внизу немного загнуты наружу, а сзади поднимаются в виде дуг к глазам. Нижняя челюсть менее выгнута, так что обе челюсти неплотно закрываются. Нижняя губа служит для полного закрытия рта и совершенно прикрывает концы роговых пластинок.

Местопробыванием этого полосатика служит северная часть Атлантического океана и граничащий с ним Ледовитый океан. Особенно часто встречается он около Медвежьих островов, Новой Земли и Шпицбергена, но и около Нордкапа довольно обыкновенен. По наблюдениям Брауна, полосатик не поднимается на севере выше широты южной оконечности Гренландии. В начале осени

он переселяется в более южные моря и потому встречается также в умеренном и даже в жарком поясе. Уверяют, что он даже попадаетеся иногда в южных полярных морях.

По внешнему виду уже можно догадаться, что полосатик двигается быстро и ловко; его считают одним из самых скоро плавающих китов. При спокойном плавании он держится прямого направления и, по моим наблюдениям, для дыхания поднимается довольно часто на поверхность воды, средним числом через каждые девяносто секунд. Шум от выдыхания я уже слышал на расстоянии одной морской мили. Шум этот очень короток и силен, а двойные фонтаны достигают четырех метров вышины. Большой полосатик очень часто появляется вблизи парусных судов, плавает кругом них и иногда по целым часам следует за ними. Часто он ложится на воду боком и бьет ластами по волнам, вертится и валяется, бросается на спину, ныряет и вообще весело играет; случается даже, что он ударом огромного хвоста выбрасывает свое громадное туловище из воды*.

** На бок же финвал ложится, возможно, чтобы было удобнее захватывать скопление пищи у поверх ности воды.*

Пища полосатика состоит главным образом из небольших рыб, которых он целыми стаями загоняет к берегу или льдине и ловит в большом количестве широкой пастью. При этом, вероятно, ему оказывают большие услуги бороздки на нижней части тела, так как они дают возможность еще шире раскрывать пасть. Хотя некоторые естествоиспытатели и сомневаются в этом, однако следует допустить, что это верно, так как другие натуралисты подтвердили это своими наблюдениями. Когда полосатик находит богатую добычу, то он несколько дней сряду, а иногда и по неделям остается на том же месте, что, например, случается, по словам Брауна, в Гренландии, где он во время нереста рыбы долго остается на тресковых мелях около Рисколя, Голстенборка и в других местностях южной Гренландии, причем съедает невероятно большое количество разных видов трески. Демулен говорит, что в его желудке было найдено до 600 штук доршей, а Браун уверяет, что число проглоченных рыб доходит иногда до 800 штук. Если принять даже, что каждая рыба весит лишь один килограмм, то окажется, что 1200-1600 человек могли бы насытиться одним приемом пищи этого громадного животного. Большой полосатик вместе с двумя близкими видами, полярным и малым полосатиками, преследуют доршей и сельдей далеко на юг, попадают в европейские моря и собираются иногда в стаи, которые некоторое время охотятся сообща. Кроме рыб полосатик проглатывает голых моллюсков и других морских животных, а вместе с ними иногда такое большое количество водорослей, что некоторые наблюдатели полагали, что он преимущественно ими питается. Вследствие охоты за стаями рыб, плывущих к берегам, большой полосатик чаще других китов встречается около опасных для него берегов, например, его часто можно видеть в норвежских фиордах и других узких морских заливах, а потому он чаще других выбрасывается волнами на берег.

Беременные самки бывают по крайней мере 20 м длины. О времени спаривания ничего не известно, но беременность продолжается более 12 месяцев. О числе детенышей известия довольно разноречивы; большинство наблюдателей говорят лишь об одном детеныше, другие же утверждают, что их иногда бывает два. Мать относится очень нежно к своему детенышу, который при рождении имеет уже до 4-5 м длины; при опасности она по возможности защищает его. Яростно бросается она на лодку своих преследователей, бьет во все стороны хвостом и плавниками и не боится ран, когда дело идет о защите дорогого детища.

Охота за большим полосатиком довольно трудна вследствие быстроты и внезапности его движений, да при том она гораздо менее выгодна, чем охота за гренландским китом. Сравнительно с последним китоловы считают этого полосатика за очень плохую добычу. Браун рассказывает, что китоловы, встретившие в Девисовом проливе плывущий труп этого кита, осмотрели его, приняв за гренландского, но, убедившись в своей ошибке, бросили его без внимания. При осмотре оказалось, что не они первые видели этот труп, так как на его боках были вырезаны названия многих других кораблей, которые, следовательно, также пренебрегали им. Иначе бывает там, где охоту можно вести с берега и воспользоваться всеми частями убитого кита, как это случается на северных берегах Норвегии. В нынешнее время, по Кюкенталю, большое животное этого вида ценится около 2500 марок, причем короткие роговые пластинки имеют ценности лишь на 200 марок.

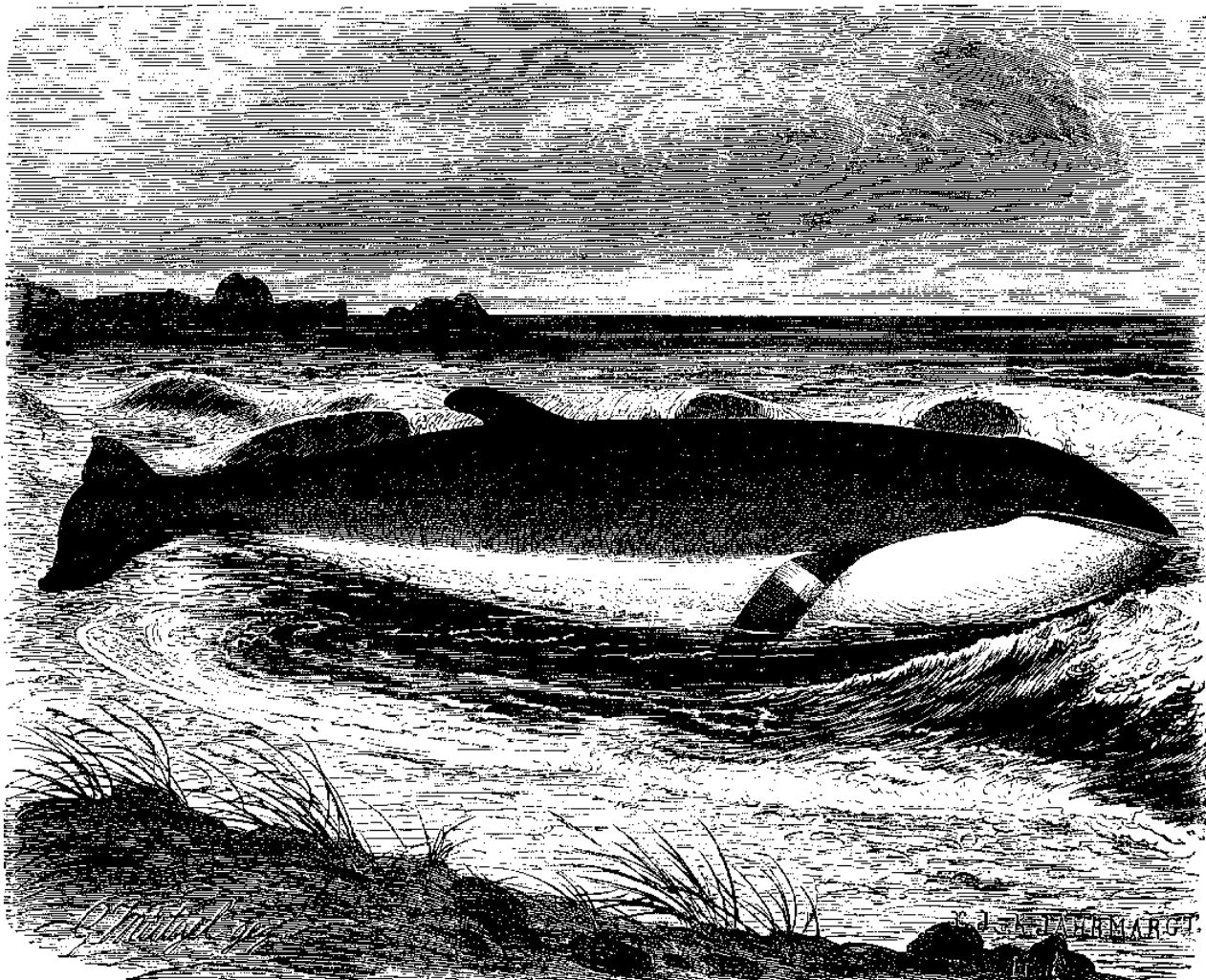
У норвежского купца и естествоиспытателя Нордви в Вадзе я видел скелет большого полосатика, который в Варангер-фьорде попал между шкерами в такое узкое место, что скалы окружали его со всех сторон, так что животное не могло двинуться ни вперед, ни назад и в таком положении околело. Раз случилось, что молодой полосатик весной 1874 года, вероятно преследуя сельдей, попал в Балтийское море и долгое время блуждал около южных берегов его. Во многих местах он пугал рыбаков и наконец 23 августа, к своему несчастью, попал в Данцигскую гавань, где тогда стояли три немецких военных корабля. Морские офицеры сильно обрадовались возможности заняться

столь интересной охотой. Прежде всего схватили ружья и приветствовали неопытного пришельца целым дождем конических пуль; кит вследствие этого хотел уйти из негостеприимной гавани, но моряки бросились в шлюпки и стали его преследовать, осыпая пулями при каждом появлении на поверхности воды. Как впоследствии оказалось, в мягкие части головы до черепа проникло 75 пуль, но ни одна из них костей не пробила. Киту этому, наверное, удалось бы спастись, если бы один из офицеров не вонзил свою шпагу в нижнюю часть живота и не разрезал при этом одну из артерий; кит наконец околел от потери крови.

Малый полосатик (*Balaenoptera acutirostrata*)*

** Самый мелкий в семействе. Распространен повсеместно в океанах, благодаря небольшим размерам часто заходит в заливы и внутренние моря. Держится парами или поодиночке, но в местах, богатых кормом, может собираться до 100 китов.*

Это самый маленький из беззубых китов, длина которого редко превышает 10 м. Скаммон измерил самку этого вида, длина которой равнялась 8,2 м, длина ласта 1,25 м, ширина ласта 35 см и ширина хвостового плавника 2,3 м.

Малый полосатик (*Balaenoptera acutirostrata*)

Туловище у него очень стройное и действительно немного напоминает внешнюю форму щуки; спинная линия лишь немного выпуклая, за исключением возвышения около дыхал и спинного плавника; брюшная линия образует несколько более крутую дугу; голова сильно сужена около морды; ротовое отверстие очень велико и расположено несколько косо спереди назад; маленькие глаза сидят несколько сзади и выше угла челюсти; очень маленькое ухо лежит тотчас за глазом; дыхалы, которые образуют две щели, спереди расширены и находятся посередине головы перед и между глазами. Ласты сидят почти посередине толщины тела в конце первой трети длины туловища; они длинные и острые, спереди почти прямые, а сзади, начиная от очень тонкого сочленения, немного вогнуты; спинной плавник, высота которого около 25 см, наклонен назад и имеет вид толстого серпа; хвостовой плавник довольно длинный и на заднем крае мало вырезан, киль на хвосте довольно плоский. Верхняя сторона кожи малого полосатика совершенно гладкая, а на брюшной стороне замечается большое количество, до 60-70, параллельных узких и мелких бороздок, которые расположены очень близко одна к другой, начинаются, как обыкновенно, у нижней челюсти и продолжают-

ся почти по всей брюшной поверхности. Верхняя часть тела темно-серого, почти черного шиферного цвета, брюшная сторона красновато-белого цвета, лапы сверху темные, снизу белые, как брюхо, и имеют посередине белую поперечную полосу. У некоторых экземпляров замечается несколько щетин на конце верхней и нижней челюстей, но часто их и не бывает.

Область распространения малого полосатика простирается на все моря, расположенные кругом Северного полюса. Зимой кит этот переселяется на юг и тогда появляется как около европейских, так и у американских и восточно-азиатских берегов; на Скандинавском полуострове он встречается около западных берегов, но около Нордкапа не водится. В Девисовом проливе и Баффинском заливе его видно, по словам Брауна, только летом, но не зимой, когда даже на юге Гренландии он встречается очень редко. Далекие странствования этого кита лучше всего доказываются тем, что его выбрасывает на берег чаще других китов, а именно на северных и западных берегах Европы. По дороге он останавливается более продолжительное или короткое время, смотря по желанию, в местах, богатых кормом; иногда остается целое лето около норвежских берегов, входит в заливы и даже в устья больших рек, а весной возвращается снова на север; подобным образом проплывает большую часть Тихого океана. По своим движениям он очень похож на большого полосатика. Обыкновенно встречается поодиночке, иногда парами и только изредка большими обществами; чаще всего плывет близко от поверхности воды, время от времени ныряет, а иногда играет на воде, как другие киты. Когда он появляется на поверхности, чтобы дышать, то выбрасывает быстро и без шума тонкие и низкие фонтаны, подобно тому, как это делают молодые большие полосатики; он вдыхает воздух несколько раз, а затем уходит под воду на продолжительное время. Во время своих странствований он не только посещает различные заливы, но бесстрашно появляется около кораблей и ныряет поблизости их по нескольку раз. В полярных морях держится вблизи ледяных полей, часто проплывает под ними большие пространства и появляется только кое-где в полынье или трещине, чтобы подышать, причем высовывается так сильно, что можно видеть большую часть его головы. Он питается, как все его родичи, главным образом маленькими и средней величины рыбами, может быть, также головоногими моллюсками и преследует добычу с такой жадностью, что во время охоты попадает на совсем мелкие места, откуда обратно выбраться не может, и там погибает. О времени размножения и беременности еще нет никаких сведений, но предполагают, что самка бывает беременна до 11-12 месяцев и новорожденный детеныш имеет около 2,5 м длины. Скаммон нашел в октябре в исследованной им самке почти доношенного зародыша, который был длиной не более 2 м.

У берегов Америки, как западных и северных, так и восточных, за малым полосатиком не охотятся, по крайней мере регулярно; около северных и западных берегов Европы ловят его только тогда, когда он подходит очень близко к берегу. Говорят, что рыбаки в Норвегии, Исландии и на Фарерских островах, когда заметят около берега этого полосатика, то окружают его на лодках и громкими криками так пугают, что он бросается к берегу и попадает в мелкое место, где легко на него напасть и убить.

Отряд сирены

(Sirenia)*

** Сирены особый отряд млекопитающих, подобно китам, полностью перешедший к водному образу жизни. Их ближайшие наземные родичи — слоны и даманы. В строении черепа сирены сохранили довольно много черт сходства с примитивными даманами и хоботными, хотя остальное их тело претерпело значительные изменения. Все сирены растительноядные и поедают как водоросли, так и высшие водные растения. С легендарными морскими девами этих созданий могли бы объединить только молочные железы, расположенные на груди между передними лапами (как и у хоботных).*

Жестоко бы ошибся тот, кто при названии сирен вспомнил бы о сказочных существах древнего мира — полуженщинах и полурыбах, которые живут в хрустальной глубине моря и своим чудным пением, огненным взором, киванием головы, играми и ласками завлекают бедного смертного с целью погубить его. Натуралисты в этом случае показали лишь свою любовь к поэтическим названиям, но о древнем сказании вовсе не думали. Название сирен соответствует описываемым нами животным примерно таким же образом, как имя греческой нимфы Гамадриады — уродливому и разве только в глазах натуралиста красивому павиану (гамадрилу).

Сирены образуют отдельный отряд. По внутреннему строению тела они скорее всего походят на копытных животных и могут считаться особой группой копытных, которые приспособились к постоянной жизни в воде. Многие натуралисты причисляли их к китам, составляя из сирен отдель-

ное семейство этих животных; но описываемый нами отряд так сильно отличается от китов, что отделить его оказалось вполне целесообразным.

Отличительными признаками сирен могут служить: маленькая, от туловища ясно отделенная голова с толстогубой мордой, щетинистыми губами, ноздрями, расположенными на конце морды; своеобразно устроенное неуклюжее туловище, покрытое редкими щетинистыми волосами и, наконец, особое строение зубной системы. Мы замечаем у них только две передние конечности, которые имеют вид настоящих лап. Кожа, прикрывающая все тело, покрывает и пальцы настолько, что суставы их не могут двигаться отдельно. Только следы ногтей, замечаемые на концах этих лап, указывают на существование отдельных пальцев. Хвост, который заменяет собой задние конечности.

оканчивается плесом, как у китов. Необходима большая доля фантазии, чтобы даже издали принять этих животных за сказочных сирен: тело этих неуклюжих и массивных животных только тем и похоже на тело красивой женщины, что соски находятся на груди между лапами, а млечные железы имеют более выпуклую форму, чем у прочих млекопитающих.

Отряд этот состоит из трех семейств, из которых одно, морская корова, или капустница, более уже не встречается в числе современных животных. Семейства так сильно отличаются друг от друга по своим зубам, что мы считаем более удобным говорить о зубной системе при описании отдельных животных.

Внешние признаки живущих еще видов сирен те же, как у всего отряда. Относительно скелета и внутренностей можно заметить следующее: череп довольно короткий, сзади несколько выпуклый; наиболее узкое место приходится около задней части лобной кости, скуловая дуга очень массивная, от височной кости отделяется очень широкий скуловой отросток; небольшие лобные кости образуют передней своей частью границу носового отверстия, и у переднего края их лежат маленькие носовые кости; межчелюстные кости у дюгоней сильно вздуты, так как в них сидят большие резцы, имеющие вид бивней, у ламантинов же эти кости не очень длинные. Зубы замечаются на обеих челюстях. Кроме семи шейных позвонков, позвоночный столб состоит из спинных, поясничных и хвостовых позвонков; крестцовых совсем нет; позвонки снабжены очень простыми отростками. Грудная кость составлена из нескольких друг за другом лежащих частей. Треугольные лопатки на внутреннем переднем углу закруглены, с довольно хорошо развитым гребнем, так что они похожи на лопатки других млекопитающих. Передние конечности довольно хорошо развиты, пальцы подвижны и состоят лишь из трех суставов*.

** Сирены, по крайней мере ламантины, очень активно пользуются передними конечностями: ходят на них по дну водоемов, подтягивают к себе и удерживают различные предметы, держат детеныша во время кормления и при опасности. Из других черт скелета следует сказать о его большой массивности и плотности тяжелые кости, прежде всего ребра, выполняют функцию балласта, уменьшая плавучесть сирен и облегчая им ныряние.*

Местожительством сирен служат болотистые берега и морские бухты жарких стран, устья рек и отмели. Животные эти только редко встречаются в умеренном поясе, но точных сведений мы об этом не имеем, так как их трудно наблюдать.

Однако нам известно, что сирены меняют свое местопребывание и иногда предпринимают большие странствования, именно поднимаются далеко вверх по течению рек в глубь страны и доходят иногда до озер, которые соединены с большими реками. Их встречают или парами, или небольшими обществами и предполагают, что пары эти, то есть самец и самка, живут постоянно вместе и никогда не расходятся. Сирены гораздо более водные животные, чем лаастоногие; они только в редких случаях выдвигают переднюю часть своего массивного туловища на берег, выше поверхности воды. Они далеко не так ловко плавают и ныряют, как другие водные млекопитающие; хотя они двигаются в воде довольно быстро, но избегают глубоких мест, вероятно, потому, что не могут хорошо спускаться в глубину и подниматься из нее. На суше они передвигаются лишь с величайшим трудом; лапы их слишком слабы, чтобы двигать по суше объемистое туловище, тем более что оно не имеет гибкости туловища лаастоногих. Пищей сирен служат водоросли, морские и встречающиеся в реках, на мелких местах; это единственные водные млекопитающие, которые кормятся исключительно растительной пищей. Они срывают растения своими толстыми губами и в большом количестве проглатывают их в широкий пищевод, подобно бегемотам.

Как все прозорливые создания, сирены представляют собой ленивых и тупоумных животных с мало развитыми внешними чувствами. Их называют мирными и безвредными существами, но под этим следует подразумевать, что жизнь их проходит только в еде и сне. Они не пугливы, но и не смелы, живут в мире с другими животными и вообще заботятся единственно только о своей пище.

Понятливость их очень ограничена, однако вовсе отрицать ее присутствия нельзя. Оба пола друг к другу очень привязаны, оберегают и защищают один другого, а матери ухаживают за своими детенышами заботливо и с большой любовью; говорят, что когда мать кормит детеныша, то придерживает его, подобно женщине, одним из ластов и нежно прижимает маленького к своему толстому туловищу. При опасности и боли у них из глаз текут слезы, однако было бы ошибочно из этого заключать об особой чувствительности их: слезы сирен не имеют большого значения, и их вовсе нельзя сравнивать с притворными слезами сказочных сирен. Голос этих животных также вовсе не похож на чудное пение морских русалок, а состоит из слабого и глухого стога. При дыхании их слышится сильное сопение. Следует заметить, что эти неуклюжие создания не только переносят неволю, но даже могут быть в довольно значительной степени приручены.

Мясо и жир их, а также кожа и зубы находят применение, но какой-либо другой пользы сирены не приносят.

Семейство ламантиновые

У ламантинов* хвостовой плавник округлен, толстое туловище немного похоже на рыбу и покрыто очень редкими, короткими волосами, которые сидят чаще только на морде и здесь имеют форму довольно длинных щетин. На пальцах округленных передних ластов заметны четыре плоских ногтя.

** Ламантины семейство сирен с тремя видами. Отличаются округлым хвостовым плавником и расщепленной верхней губой. Плавают сравнительно медленно и избегают открытого моря, предпочитая закрытые заливы, эстуарии рек и озера. Живут в Южной Америке и в западной Африке.*

Резцы встречаются только у молодых животных; они скоро выпадают, так что у взрослых мы находим лишь одни коренные зубы. Их бывает на каждой стороне челюсти до 7-8, но число это непостоянно, потому что у ламантинов зубы меняются, как у слонов; когда передние совсем сотрутся, то сзади вырастают новые, так что число зубов может изменяться до 7-50. Местожительством обоих американских видов этого семейства служит берег Атлантического океана от 25 градуса северной до 19 градуса южной широты, а также и устья сюда впадающих рек. Африканский вид (*M. senegalensis*) живет в озере Чад и в больших и маленьких реках, которые впадают в Атлантический океан между 20 градусом северной и 10 градусом южной широты; указания о нахождении этого животного в южной Африке, вероятно, основаны на ошибке.

Американский ламантин (*Trichechus manatus*)* вид, известный более других, имеет 3 м длины и весит 300 кг, а по Каплеру, даже 400 кг; туземцы, однако, утверждают, что видали ламантинов гораздо большего роста, в 5 и даже 6 м длины.

** Американский ламантин распространен в проливах, лагунах, мелких прибрежных водах Карибского моря и Мексиканского залива и во впадающих туда крупных реках. Отличается наличием маленьких копытцев на пальцах. Длина тела до 210 см.*

Тело покрыто почти голой кожей, на которой сидят короткие, щетинистые волоса, отстоящие друг от друга приблизительно на 2 см. Все тело окрашено довольно однообразно голубовато-серым цветом, который на спине и на боках немного темнее, чем внизу. Волосы имеют желтоватый цвет.

Первыми обстоятельными сведениями об этом животном мы обязаны А. Гумбольдту. У вскрытого им ламантина, имевшего около 3 м длины и пойманного в Карричане на нижнем течении Ориноко, он нашел следующее: верхняя губа у него очень выдается вперед, покрыта нежной кожей и, очевидно, служит для ощупывания близлежащих предметов, а полость рта, которая у только что убитого животного очень теплая, имеет в высшей степени своеобразное строение. Язык почти неподвижен; на каждой челюсти находится мясистая шишка, а против нее в другой челюсти — углубление, одетое очень жесткой кожей: при закрытии челюстей шишка хорошо помещается в этом углублении. Если вскрыть животное со спины, то удивляешься длине и ширине его легких: они имеют более одного метра длины, состоят из чрезвычайно больших отдельных пузырьков и вообще похожи на огромные плавательные пузыри, в которых может поместиться очень много воздуха. Желудок разделен на несколько отделений, а кишки имеют более 30 м длины.

От этого ламантина другой американский вид, **бразильский ламантин** (*Trichechus innguis*)* отличается более узким и тонкокостным черепом.

** Бразильский ламантин отличается отсутствием копытцев и белым пятном на груди. Он распространен в бассейне Амазонки, но не в Ориноко.*

Этот вид достоверно найден в верхних частях течения Амазонской реки и Ориноко; может быть, он встречается и в небольших береговых реках Бразилии на юг до реки Св. Матфея, где находили ламантинов, но вид их с точностью не мог быть определен.

Ламантины живут на восточном берегу Флориды, на берегах Больших и Малых Антильских островов, в реке Св. Магдалины и на восточном берегу Южной Америки и в реках ее на юг до мыса Норда, но по преимуществу в Суринаме. А. Гумбольдт заметил, что в море ламантины любят держаться в тех местах, где находятся источники пресной воды; они поднимаются высоко по течению рек, а во время наводнений проникают в озера и болота. «Вечером, — рассказывает Гумбольдт, — мы прибыли к устью Каньо-дель-Манати (река ламантинов), названная так вследствие большого количества ламантинов, которые ежегодно там ловятся. Вода там покрыта очень вонючим помётом этих животных. Ниже водопадов в Ориноко, в реках Мета и Апуре они очень обыкновенны».

Образ жизни ламантина почти такой же, как и у других сирен. Некоторые путешественники утверждают, что он иногда выходит из воды и пасется на земле, но уже в прошедшем столетии другие наблюдатели самым определенным образом отрицали это. Он ест только ту траву, которая растет в воде. Так как все южные реки в мелких местах покрыты богатой растительностью, то корма ему хватает вдоволь, и он не должен далеко плавать, чтобы его искать. Он пожирает так много травы, что его желудок и кишки буквально набиты пищей; наевшись, он ложится так, что морда его немножко выдается из воды, так что он не должен подниматься выше, чтобы дышать, и в этом положении спит несколько часов сряду днем. Во время его бодрствования он высовывает голову из воды только тогда, когда дышит, что, впрочем, происходит очень часто, несмотря на большой объем легких; вот почему, вероятно, он держится по преимуществу в мелких местах рек. Время спаривания, по-видимому, еще неизвестно, и о размножении нет точных сведений**.

** * Ламантин ежедневно поедает количество растений, равное десятой части его собственной массы. Самка раз в 2-5 лет рождает одного, редко двух детенышей после примерно 13-месячной беременности.*

Некоторые говорят, что у самки рождается два детеныша, другие же упоминают лишь про одного. Все превозносят любовь матери к своему детенышу. Везде, где встречается ламантин, за ним охотятся очень усердно. Мясо его очень вкусно, но считается нездоровым: от него, говорят, делается лихорадка. По словам Гумбольдта, оно более похоже на свинину, чем на говядину; соленое и высушенное на солнце, оно сохраняется в течение года. Уже Гонзало Овиедо хвалил мясо ламантина и рассказывает, что в 1531 году он привез его в Испанию и им угощал даже при дворе. «Оно всем так понравилось, — говорит он, — что его считали за говядину, привезенную из Англии». Многие индейцы считают мясо ламантина за самое вкусное кушанье и потому очень усердно за ним охотятся. Другие племена, напротив, полагают, что те люди, которые едят это мясо, непременно умирают, и так ненавидят это животное, что когда Бонплан анатомировал одно из них, то все туземцы спрятались, чтобы их не заставили дотронуться до этого, по их понятию, поганого мяса.

Охота на ламантинов довольно проста. На челноке приближаются к тому месту, где пасутся эти животные, и ждут, пока одно из них не высунется из воды, чтобы подышать; тогда в него пускают стрелы, к которым на бечевке привязаны небольшие деревяшки, указывающие потом путь этого животного, или его бьют острогой, вытаскивают в лодку и уже там режут ножом. Чтобы втащить среди реки тяжелое животное в лодку, употребляют следующий прием: наполняют лодку на две трети водою, подводят ее под ламантина, а затем вычерпывают воду ковшом, сделанным из тыквы. Легче всего убивают это животное в конце наводнения, во время которого они держатся в озерах и болотах; когда вода начинает сбывать, то ламантинов часто находят почти на суше. Когда иезуиты-миссионеры заведовали поселениями на нижнем течении Ориноко, то они вместе с индейцами ежегодно приходили к устью реки, ниже впадения Апуре, и организовывали большие охоты на ламантинов в пользу своих приходов. Жир его, который жгут в лампадах церквей, а также употребляют и для кушаний, вовсе не имеет противного запаха, свойственного ворвани китов и жиру некоторых других млекопитающих. Толстую кожу разрезают на ремни, из которых делают бичи и употребляют так же как веревки, но они могут быть пригодны только в сухом месте, так как в воде они гниют.

Уже у старых писателей мы находим указания, что ламантина можно сделать ручным.

Мартир, путешественник, который умер в первой четверти шестнадцатого столетия, рассказывает, что Кацик на острове Сан-Доминго держал в небольшом озере «молодую рыбу, которую называют Манато» и приказал ее кормить ежедневно хлебом из кукурузной муки. «Ламантин постепенно сделался совсем ручным, приплывал, когда его звали, ел хлеб из рук и позволял себя гладить; он несколько раз перевозил на своей спине людей с одного берега на другой, куда им было нужно.

Эта добродушная и ручная рыба долго жила в озере, к великому удовольствию всех людей. Из всех частей острова приходили посмотреть, как она по зову приближалась к берегу и перевозила людей на своей спине. Но однажды случился страшный ливень; в озеро натекло много воды, которая стала выливаться в море; она унесла Манате, которого больше и не видали». Гэмар, который, очевидно, рассказывает ту же историю, прибавляет, что Манато жил 26 лет в озере Гуайнабо и под конец был ростом с дельфина.

Сообщение новейших писателей подтверждает вероятность вышесказанного. Каплер занимался в Суринаме приручением молодого ламантина и о нем писал Розенбергу следующее: «Когда я получил это животное, то велел сделать плотину на небольшом ручейке, впадающем в реку, на расстоянии около 100 м от устья его, и в образовавшийся пруд поместил моего питомца. Он сначала не принимал никакой пищи, но пил молоко, которое, однако, приходилось вливать ему почти силой в рот. Когда он досыта напивался молока, то тряс головой, и мы ему впихивали в рот куски спелых бананов. Его кормили два раза в сутки, в 5 часов утра и в 5 часов вечера, и каждый раз давали по пол-литра молока и до 6-8 маленьких бананов. Кормление продолжалось иногда до трех четвертей часа, так как ламантин часто уплывал, несколько минут играл в воде, возвращался к берегу, а затем опять уходил. Впоследствии он сделался очень ручным, но выказывал мало понятливости и, очевидно, имел слабое зрение и слух. Когда я появлялся у его пруда и входил в воду, то он всегда приплывал, обнюхивал мои ноги, и когда я садился, то влезал ко мне на колени. К сожалению, животное это околело после 17-месячной неволи на пароходе, который должен был свезти его в Англию».

В 1864 году Латимер, австрийский консул в Порто-Рико, держал пару живых ламантинов в большом, хорошо законопаченном ящике, который имел по сторонам закрытые досками помещения; он потом послал животных в Англию, но с ними случилось то же, что с ламантином Каплера. Наконец узнали мы от Кунингама, что с 1867 года два ламантина живут в пруде одного общественного сада в Рио-де-Жанейро, где вместе с ними помещаются кайманы и некоторые водные птицы. В 1870 году ламантины эти имели 1,5 м длины и, по-видимому, чувствовали себя вполне хорошо в своем узком помещении*.

** В неволе продолжительность жизни обыкновенного ламантина достигает 29 лет.*

Семейство дюгоневые

Китайцы и арабы уже несколько столетий тому назад знали другого представителя отряда сирен, о котором мы, европейцы, до начала нынешнего столетия получали лишь изредка очень неполные сведения, именно о **дюгоне** (*Dugong dugon*)**.

** * Дюгонь отличается от ламантинов большими размерами и двулопастным, как у китов, хвостовым плавником. Обычно размер дюгоня не превышает 3 метра (самки несколько мельче самцов), но отдельные особи могут достигать 5,8 метра длины. Распространены в прибрежных водах Индийского (включая Красное море и Персидский залив) и западной части Тихого океанов. Чаще, чем ламантины, встречаются в море и реже — в реках.*

Возможно, что Мегасфен и Элиан имели в виду это животное, когда говорили о живущих в Индийском море существах, имеющих сходство с женщиной, и не подлежит сомнению, что «морская дева», которую анатомировал португальский врач Боскец, и «морские люди», и «женщины», о которых много рассказывает голландец Валентин, были дюгоны; однако эти описания так неточны, что они ни на сколько не подвинули вперед сведений об этих сиренах. Французы Диар и Дювосель, которые исследовали этих животных, впервые нам дали хорошее описание их. Куа и Гэмар первые срисовали дюгоня, а Рюппель, нашедши их в Красном море, доставил первое подробное описание их образа жизни.

Дюгонь достигает длины 3-5 м. Короткая и толстая шея непосредственно переходит в туловище, которое равномерно округлено, от шеи до середины утолщается, а затем делается постепенно тоньше к хвосту. Передние лапы находятся недалеко от ушных отверстий, ближе к нижней части туловища, и не очень длинные, но широки; передний край их округлен, задний заострен, пальцы совсем незаметны и о присутствии их можно узнать лишь на ощупь; ногтей нет и следа. Хвост образует плоский горизонтальный плес, имеющий форму полумесяца. На короткой толстой морде особенно выдается, по словам Ключингера, плоская верхняя губа, которая сзади более отвисает, чем спереди, и под которой находится толстый мясистый валек. Валек этот сзади соединяется со своеобразной роговой пластинкой, покрывающей межчелюстную кость; подобная же роговая пластинка замечается и на нижней челюсти.

Нижняя губа также образует мясистый валек, сзади резко притупленный. Ноздри, сидящие на верхней части морды, расположены очень близко одна от другой и состоят из двух серпообраз-

ных щелей; глаза невелики, яйцевидной формы, очень выпуклы, черного цвета; глаза лежат в косой щели, у которой на верхнем крае замечаются ресницы, сидящие полукругом. Век не бывает, но есть мигательная перепонка, и кроме того, глаза могут закрываться сжатием окружающей их кожи. Уши обозначены лишь маленькими круглыми отверстиями.

Верхняя часть тела покрыта гладкой и блестящей кожей, имеющей серовато-синий свинцовый цвет, принимающий на голове и вдоль спины желтовато-зеленый оттенок; на нижней части тела кожа морщиниста, покрыта рубцами и имеет голубовато-мясной цвет с редкими продолговатыми пятнами. На всем теле замечаются короткие, тонкие, но довольно крепкие щетины, которые на верхней губе имеют вид игл. Ласты совершенно голые, а на хвосте заметны только следы волос. Зубная система состоит из резцов и коренных зубов, которые корней не имеют и к старости часто выпадают. Резцы у самки короткие и тупые, а у самца гораздо больше и трехгранной, долотообразной формы; коренных зубов бывает в каждом ряду по 5, и величина их уменьшается спереди назад. Клыков совсем не бывает, но у самца вырастают два длинных резца, достигающих 20-25 см длины при 2 см толщины; они имеют вид бивней, но 7/9 их длины покрыты мясистыми деснами.

Дюгонь, кажется, встречается во всех частях Индийского океана и соединенных с ним морей. Его довольно часто находят около южных берегов Китая, во всех морях, окружающих Зондские острова; к северу он распространен до половины Красного моря, где все прибрежные жители его хорошо знают. Если спросить тамошних моряков о дюгоне, то все они могут дать более или менее подробное описание этого очень заметного животного. Его там называют «водяная верблюдица». На востоке он живет на берегах Новой Гвинеи и Квенсленда, на юге — до Моретонской бухты.

Если принять во внимание все известные, хотя довольно скудные, сведения об этом животном, то можно вывести заключение, что дюгонь встречается преимущественно в море и только изредка в пресной воде речных устьев, но никогда не заходит в реки; он держится близ берегов, а в море заходит лишь до границы растительности на его дне. Любимым местопребыванием этого зверя можно считать мелкие бухты, где солнце свободно проникает до дна моря и потому растительность там особенно роскошно развивается. На берег он, вероятно, никогда не выходит; если иногда и находили дюгоней на суше, то следует предположить, что они были занесены приливом и вследствие своей неповоротливости и лености не могли вернуться в свою стихию, а предпочли дожидаться следующего прилива. В мелких местах дюгонь поднимается приблизительно каждую минуту на поверхность воды, высовывает нос, а иногда и верхнюю часть тела, вдыхает свежий воздух, а затем тихо и спокойно погружается снова в воду. По словам рыбаков, дюгоны живут парами и только изредка небольшими семьями, однако это относится скорее к животным, живущим в Аравийском заливе, так как в других частях Индийского океана их иногда встречали большими стадами. Ключингер мне сообщает, что, по словам арабских рыбаков, дюгоны встречаются в Арабском море по крайней мере парами, а иногда до 10 штук вместе. Все наблюдатели говорят, что движения дюгоня крайне медленны и тяжелы, но сила хвоста его весьма значительна. Случалось иногда видеть дюгоня, который, лениво лежа на дне моря, отрывал своими твердыми толстыми губами водоросли, растущие на склонах и на дне. Эти растения составляют главную часть пищи, и если на известном месте их достаточно, то он, вероятно, и держится там долгое время; когда же одно из этих морских пастбищ опустошено, то дюгонь медленно переселяется в другое место, где опять остается, пока находит там водоросли. Очень может быть, что сильные бури, свирепствующие в известное время в Индийском океане, имеют влияние на перекочевки дюгоня: сильное волнение заставляет его искать тихих заливов и проливов, где он может спокойно лежать. Влияние бурь на странствования этих животных доказывается тем, что они иногда встречаются в таких местах, где в тихую погоду их никогда не видно. В южных частях Красного моря на берегах Нубии и Абиссинии их можно встретить во всякие времена года, а далее на север они заходят только в зимние месяцы.

Душевные способности дюгоня вполне соответствуют неподвижности и неуклюжести его тела. Внешние чувства у него развиты слабо, и один только Ключингер приписывает дюгону некоторую понятливость. Голос его состоит из пыхтения или глухого стога, который у молодых животных более резок. Только во время спаривания у этих тупоумных животных заметно некоторое возбуждение; говорят даже, что самцы сильно дерутся из-за самок и так при этом забываются, что ничего кругом не замечают, почему охотники считают это время самым лучшим для ловли. Рассказывают, что оба пола защищают друг друга во время опасности. Несколько раз наблюдали, что самец заботливо плыл за раненой самкой и старался защитить ее от преследователей ударами своего сильного хвоста. Если убить одно из спаренных животных в отсутствие другого, то оставшееся в живых долго плавает на привычных местах, осматривает в окрестностях все излюбленные пастбища и удаляется только тогда, когда заметит, что все поиски напрасны.

Клюнцингер о размножении этих животных узнал от рыбаков следующее: спаривание и рождение детенышей бывает зимой, из чего видно, что беременность продолжается около года.

Детеныш при рождении имеет около метра длины и сосет по крайней мере в течение года, причем мать его прижимает ластом к груди. Позднее он залезает иногда на спину матери, чтобы отдохнуть на спокойном месте. Мать выказывает нежнейшую любовь к своему детенышу, никогда не оставляет его и подвергается из-за него смертельной опасности. По прошествии года детеныш отлучается от молока и начинает самостоятельную жизнь. Ключингер, впрочем, не ручается за достоверность всех этих сведений. Во время спаривания и рождения детенышей за дюгоном усердно охотятся, так как прибыль от него довольно значительна. Натуралистам, однако, нелегко добыть этих животных, так как только немногие рыбаки имеют достаточно опытности и ловкости, чтобы совладать с этим крупным и сильным животным; большинство из них вовсе не занимаются этой охотой. Днем можно видеть спокойно пасущегося дюгоня только случайно; ночью же его легче заметить по волнению почти всегда светящегося моря. В том месте, где поднимается дюгонь, замечают большей частью три фонтана светящихся брызги, которые, вероятно, соответствуют поднятию головы, середины спины и плеса этого животного. Опытные рыбаки по этим брызгам отыскивают дюгоня. «Когда я путешествовал по Красному морю, — пишет Ключингер, — многие меня просили прислать в Европу дюгоней, но никто из туземцев не мог мне ничего сообщить об этих животных. Когда я наконец им показал плохое изображение его, то они узнали в нем дюгоня, но утверждали, что он встречается весьма редко. Так как требования из Европы о доставке этих животных делались все более и более настоятельными, то я стал задавать больше вопросов туземцам и назначил довольно высокую цену за поимку дюгоня. Только по прошествии нескольких месяцев, зимой, приплыла барка, на которой находился дюгонь в 3 м длины. Он был уже мертвый, но довольно свежий, с целой кожей и волосами. Через несколько дней привезли другого дюгоня, затем третьего, четвертого и еще других; некоторых из них привозили на барках, других сухим путем на верблюдах, иногда все животное, иногда только шкуру, снятую бедуинами, и однажды у меня на дворе были распялены целые четыре кожи этих животных. Богатство добычи объяснялось тем, что бедуины, вследствие высокой цены, бросили все свои другие занятия и исключительно занялись охотой на дюгоня. Животных этих ловят толстыми сетями, когда они ночью приходят пастись в бухты и проливы коралловых рифов. Бедуины подкарауливают их в этих местах и бросают тогда на них сети. При этом следует соблюдать большую осторожность, так как дюгоны очень пугливы и хитры, и поэтому только немногие рыбаки умеют с ними справиться. Когда зверь чувствует себя пойманным, то страшно бьется, причем более и более запутывается в сеть; его тащат на сушу и тем убивают или долго держат под водой, пока он не захлебнется». В южной части Красного моря дюгоня убивают, как и в Малайском архипелаге, гарпунами. Охотой этой занимаются успешнее всего ночью, так как во время тишины легче услышать на большом расстоянии пыхтение животного*.

** А также и, потому, что дюгоны активны в основном по ночам.*

По словам Рэффлса, охотники стараются прежде всего попасть в плес, так как, ранив этот орган, отнимают у животного всю его силу.

Малайцы и абиссинцы едят мясо дюгоня; но, впрочем, не считают его лакомством и говорят, что его следует сначала несколько дней вялить на солнце, сильно посолить, а затем долго варить. Только при таком приготовлении оно делается съедобным, иначе оно нездорово и даже может быть причиной многих болезней. Мясо молодых животных ценится гораздо выше, так как оно очень нежно и не так жирно. Европейцам мясо это почти всегда противно из-за его сладковатого вкуса, да и арабы едят его не везде, хотя по другим причинам, а именно они справедливо сомневаются, принадлежит ли действительно это животное к рыбам и не поганое ли оно. Свободные от предрассудков люди ценят жир этого животного гораздо выше, чем мясо, а вполне взрослое животное может доставить до 30 кг этого жира. Толстая кожа дюгоня, которой, как утверждают некоторые ученые, была обита скиния Завета у евреев, по словам Рюппеля, не дубится, а ее на абиссинском побережье просто сушат на воздухе, а затем вырезают из нее сандалии. Но так как кожа эта сохраняет внутри себя сырость, то сандалии из нее годятся только при сухой погоде; если они попадут в воду, то кожа разбухает и размягчается. В прежние времена выше мяса и кожи ценились зубы дюгоня, и из них делали четки, которым приписывали чудесные свойства.

Семейство морские коровы

"На всех берегах острова, особенно там, где ручьи впадают в море и где собирается большое количество морских растений, встречается очень часто целыми стадами во всякое время года животное, называемое русскими «морская корова». Вследствие того что морские выдры стали все более и более редки и приходилось их привозить с северной стороны острова, у нас не стало хватать

мяса для пищи, и мы начали обдумывать средства завладеть этим животным и воспользоваться его мясом для приготовления кушанья. Поэтому 21 мая я привязал большой, нарочно для этого сделанный, железный крючок к толстой веревке и попробовал зацепить им морскую корову, чтобы вытащить ее на берег; опыт этот, однако, не удался, так как кожа была слишком тверда, а крючок недостаточно остр. Крючок изменяли различным образом и сделали несколько других опытов, которые, однако, ни к чему не привели, и морские коровы часто уплывали в море с крючком и веревкой. Наконец нужда нас заставила приготовиться к охоте с острогой. Для этого в конце июня исправили элбот, который осенью был очень поврежден ударами о скалы, посадили на него гарпунщика, рулевого и четырех гребцов; первому дали острогу с очень длинной веревкой, приготовленной как для ловли китов, а другой конец веревки отправили на берег, где его держали все остальные сорок человек нашего экипажа. После этих приготовлений элбот потихоньку подплыл к морским коровам, которые без всяких опасений целыми стадами паслись на подводных лугах у берега. Как только гарпунщик бросал в одно из этих животных свою острогу, люди, оставшиеся на берегу, постепенно тащили его к берегу, а сидящие в элботе подплывали к морской корове и измучивали ее различными движениями, а затем ударами больших ножей и штыков, причем кровь фонтанами выходила из ран; таким образом волокли это животное во время прилива на берег. Как только вода сбывала и животное оставалось на суше, из него вырезали мясо и жир большими кусками и с большой радостью несли их к нашим жилищам, где мясо сохраняли в больших кадках, а жир вешали на высокие козлы. В скором времени у нас было такое обилие этой пищи, что мы могли спокойно и беспрепятственно продолжать постройку нового судна, которое должно было служить нам средством к спасению».

Этими словами начинает часто упоминаемый нами натуралист Стеллер отчет о своем десятимесячном невольном пребывании на еще вовсе не известном Беринговом острове в 1741 году. Он говорит здесь об одном из самых удивительных млекопитающих, которое теперь совершенно истреблено и вымерло, именно о так называемой **капустнице, или морской (стеллеровой) корове** (*Hydrodamalis gigas*)*.

** Стеллерова корова самая большая сирена, дожившая до современности. Ее длина достигала 7-10 метров, а масса 4 тонн. Внешне похожая на огромного дюгоня, стеллерова корова отличалась полным отсутствием у взрослого животного зубов, отсутствием фаланг пальцев на передних конечностях и толстой бугристой кожей, непохожей на гладкую кожу других сирен. Морские коровы в доисторические времена были распространены по побережьям северной части Тихого океана, от Калифорнии до Аляски и от Японии до Камчатки. Однако в историческое время сохранялась единственная популяция в водах Командорских островов, которые стеллеровы коровы, будучи слабыми пловцами, не могли покинуть. Питались преимущественно бурьми водорослями («морской капустой»).*

Привлеченные отчетом русской экспедиции, в которой участвовал Стеллер и которая сулила большие выгоды, множество китоловов и смелых авантюристов отправились в Берингово море и устроили такую страшную бойню этих беспомощных животных, что морские коровы скоро исчезли с лица земли. Впоследствии напрасно старались найти хоть одно животное этого вида. Каждому кораблю, отправлявшемуся в Берингово море, давали инструкцию собирать сведения о морских коровах, но ни один из них не привез никаких известий. В 1768 году экспедиция под начальством Попова убила, говорят, последнюю капустницу, и Брагин, ездивший туда в 1772 году, о них уже не упоминает. Норденшильд, который посетил Берингов остров в 1879 году, другого мнения: он спрашивал многих старых людей и узнал, что капустниц убивали еще в 1779 и 1780 годах, а видали несколько десятков лет спустя; поэтому он предполагает, что животное это исчезло лишь в 1854 году. Во всяком случае, остатки этого удивительного животного вовсе не так редки, как прежде предполагали, так как Норденшильд мог собрать так много костей капустницы, что наполнил ими двадцать один ящик; между ними было три целых черепа и несколько немного поврежденных.

Стеллер считал капустницу за ламантина, открытого Гернандецем, но из его описания явствует, что морская корова значительно отличается от других известных видов сирен. Вместо зубов у нее на челюстях были четыре роговые жевательные пластинки, которые были прикреплены к коже десен. Уже этот отличительный признак хорошо характеризует вышеназванное животное.

"Самые большие из этих животных, — продолжает Стеллер, — имели 4-5 сажень длины и в самом широком месте в середине туловища 3,5 сажени в окружности. Передняя часть туловища этого животного напоминает тюленя, а задняя до хвоста — рыбу. Череп имеет некоторое сходство с черепом лошади, а когда он покрыт мясом и кожей, то имеет сходство с головой буйвола, причем сходство это особенно заметно в губах. Во рту вместо зубов у него на каждой стороне по две широкие, продолговатые гладкие кости, из которых одна прикреплена наверху на небе, а другая к ниж-

ней челюсти. Обе пластинки покрыты многими бороздками и выдающимися ребрами, расположенными в виде углов, и этими пластинками животное разжевывает морские растения, служащие обыкновенно ему пищей. Губы покрыты многими толстыми щетинами, из которых прикрепленные к нижней челюсти бывают толщиной со стержень пера курицы и своей внутренней пустотой очень наглядно представляют в увеличенном виде строение волос. Глаза этого огромного животного не больше глаз овцы и век не имеют; ушные отверстия до того малы и спрятаны, что их вовсе нельзя заметить между множеством морщин и впадин кожи; только если снять кожу, то ушное отверстие выделяется своими черными, как бы полированными краями, и оно так мало, что в нем едва помещается горошина. Наружного уха нет и следа. Голова соединена с туловищем короткой, малозаметной шеей. На груди выделяются передние конечности странного вида и соски. Конечности состоят из двух суставов, и конец их имеет некоторое сходство с копытом лошади; на нижней стороне их замечается как бы грубая щетка из коротких и густых щетин. Передними конечностями, на которых не видно ни пальцев, ни костей, капустница загребает воду при плавании и отрывает водоросли от каменистого грунта. Под ластами находятся млечные железы с черными морщинистыми сосками, имеющими два дюйма длины; на конце их видно бесчисленное количество отверстий млечных каналов. Если их подавить, то выходит большое количество молока, которое слаще и жирнее молока сухопутных животных, но в остальном очень на него похоже. Спина этих животных похожа на спину быка, бока и живот округлены, причем брюхо так наполнено кишками, что при малейшей ране они вылезают с большим шумом. Задняя часть тела животного внезапно очень суживается; хвост около плеса, который заменяет задние конечности, еще тоньше; однако и в этом тонком месте он имеет около двух футов в поперечнике. Кроме хвостового плавника у животного других на спине нет, чем оно отличается от больших китов. Плес у него лежит плашмя, как у китов и у дельфинов.

"Эти животные живут, как рогатый скот, целыми стадами в море. Самец и самка плывут рядом и перед собой подгоняют детеныша. На берегах они занимаются исключительно отыскиванием пищи. Спина и половина туловища постоянно находятся над поверхностью воды. Они жрут, как и травоядные животные, тихо подвигаясь вперед, отрывают морскую траву своими ластами и постоянно жуют. Строение желудка их, однако, показало мне, что они жвачки не пережевывают, как я сначала предполагал. Во время еды они постоянно двигают головой, как быки, и через несколько минут высовывают голову из воды, вдыхают свежий воздух, храпя и фыркая, как лошади. Когда вода сбывает при отливе, морские коровы уходят в море, а с приливом снова возвращаются и подходят так близко к берегу, что мы могли доходить до них и бить их палками. Случалось, что эти животные окружали раненого товарища, стараясь не подпускать к берегу, другие пробовали опрокинуть элбот, иногда ложились на бок и старались вынуть из тела острогу, что им несколько раз и удавалось. Мы не без удивления заметили, что один самец два дня сряду приплывал к своей самке, лежавшей мертвой на берегу, как бы желая осведомиться о том, что с ней делается. Однако, несмотря на то что многие были убиты, животные все-таки возвращались к тому же берегу. Спаривание происходит в июне после многих заигрываний.

Когда морские коровы хотят отдохнуть, то ложатся на спину в каком-нибудь тихом заливе и тогда несутся по волнам, как деревянные колоды. Во все времена года на всем Беринговом острове можно встретить огромные стада капустниц, так что жители восточного берега Камчатки ежегодно в изобилии запасаются их мясом и жиром. Кожа морской коровы состоит из двух слоев: верхнего — черного или темно-бурого цвета в дюйм толщиной и почти такого твердого, как мягкое дерево; около головы она вся покрыта рытвинами, морщинами и дырками. Слой этот состоит из множества отвесных волокон, лежащих плотно между собой, как в лучистом гипсе. Этот наружный слой, легко отстающий от кожи, состоит, по моему мнению, из плотно стоящих видоизмененных волос, что я замечал также у китов. Нижний слой кожи белого цвета, имеет толщину бычачьей шкуры и очень крепок. Под этими двумя слоями кожи лежит на всем теле животного слой жира в четыре пальца толщиной, а затем уже мясо. Вес животного вместе с кожей, салом, костями и внутренностями, я полагаю, не менее 1200 пудов или 480 центнеров. Сало не мягко и не маслянисто, напротив, крепко, зернисто и бело как снег; когда оно пролежит несколько дней на солнце, то получает приятный желтый цвет хорошего голландского масла. В кушанье оно вкуснее лучшего говяжьего жира; топленое по виду и цвету похоже на хорошее оливковое масло, а по вкусу — на миндальное. Мы его пили чашками, не чувствуя никакого отвращения. Хвост состоит почти исключительно из жира, который еще вкуснее, чем на других частях тела. Сало молодых животных похоже на сало молодых поросят, а мясо их — на лучшую телятину. При варке оно сильно разбухает и занимает почти вдвое больше места, чем прежде, причем поспекает через полчаса. Мясо взрослых животных нельзя

отличить от говядины; оно обладает замечательным свойством не портиться даже в самые жаркие летние месяцы, если лежит две недели и более на воздухе; оно не воняет даже тогда, когда мясные мухи его изгадят так сильно, что оно кишит червями. Мясо это гораздо краснее мяса других животных; оно точно пропитано селитрой. Мы очень скоро на себе испытали, как оно здорово, так как все почувствовали себя крепче и сильнее. Особенно заметно было полезное влияние этой пищи на матросах, страдавших от цинги и еще не вполне поправившихся. Мясом морских коров мы запаслись и для обратного путешествия и без него были бы поставлены в большое затруднение относительно нашего продовольствия*.

** Кроме Стеллера ни один натуралист живьем это животное увидеть не успел. Стеллеровы коровы фактически спасли жизнь экспедиции Беринга (хотя и не ему самому), экспедиция же своими собранными данными обрекла их на полное истребление. Справедливости ради следует отметить, что сам Стеллер предвидел такой исход и писал (или собирался писать) императрице просьбу о наложении запрета на истребление морской коровы, так как это животное вполне могло бы быть одомашнено и в таком виде принесло бы гораздо больше пользы.*

Меня сильно удивляло, что до моего путешествия в Берингово море я на Камчатке ничего не слышал о морской корове, несмотря на то что я расспрашивал старательно о всех животных. На обратном пути я, однако, узнал, что это животное водится повсеместно от Кронцкокого мыса до залива Авачи, и иногда на берегу находят мертвых морских коров, выброшенных морем; камчадалы за недостатком другого имени называют ее «капустница».

Отряд хоботные

(Prodoscidae)*

** Хоботные отряд копытных млекопитающих, включающий ныне всего 2—3 вида из двух родов. Хоботные близки к дамам и сиренам и исторически происходят из Африки. Современные хоботные — слоны — самые крупные из ныне живущих наземных зверей. Их отличает в первую очередь сросшаяся с носом вытянутая мускулистая верхняя губа, образовавшая хобот — орган, который слоны с успехом используют в качестве руки. Еще одна уникальная черта устройства коренных зубов, приспособленных для измельчения грубого растительного корма.*

Хоботные животные представляют собой группу, клонящуюся к упадку, последних представителей прежде многочисленного отряда млекопитающих; они служат живыми свидетелями прежних времен мироздания, дошедшими до нас представителями минувших дней нашей планеты.

Из видов этого отряда, населявших Землю, до наших дней дожили лишь два, но именно они-то, очевидно, связывают настоящее время с первобытным миром; к их семейству принадлежали те гиганты, хорошо уцелевшие трупы которых сохранили нам в течение тысячелетий сибирские льды.

Наши слоны отличаются длинным подвижным хоботом и зубами, а именно бивнями, которые считают за видоизмененные резцы. Тело коротко и толсто, шея очень коротка, голова кругла и вздута благодаря полостям в верхних костях черепа; довольно высокие столбообразные ноги имеют по пять соединенных между собою пальцев и плоские роговые подошвы.

Важнейшим органом слона служит хобот — продолжение носа, отличающийся подвижностью, чувствительностью, с пальцеобразным отростком на конце. Он служит одновременно органом обоняния, осязания и хватания. Хобот состоит из кольчатых и продольных мускулов, распределенных, по Кювье, в 40 тысяч отдельных пучков, позволяющих ему не только всячески изгибаться, но и вытягиваться и сокращаться. Во рту он заменяет недостающую верхнюю губу, а для самого животного он так важен, что жизнь слона без него была бы невозможна. Строение тела не позволяет слону опускать голову до земли, и животному было бы поэтому трудно питаться, если бы этот удивительный орган не служил ему сразу в качестве губы, пальца, кисти руки и всей руки. Этот хобот прикрепляется к лобным, верхнечелюстным, носовым и межчелюстным костям плоской лицевой поверхности черепа; сверху он округлен, снизу сплюснен и постепенно суживается от корня к концу.

Все остальные органы, даже органы чувств, слона менее замечательны. Глаза малы, с флегматичным, но добродушным выражением, уши и, напротив, очень велики и похожи на лоскуты кожи. Пальцы так тесно заключены в общую кожу, что отдельное движение каждого из них невозможно. Они покрыты, правда, маленькими, но крепкими, широкими и плоскими, ногтеобразными копытами, которые одевают лишь концы пальцев. У азиатского слона на передних ногах по пять, на задних по четыре таких копыта, у африканского — спереди по четыре, сзади по три. Нередко случается, что одного из копыт недостает, так как оно выпало и совершенно вытесано благодаря быстрому росту остальных. Хвост средней длины довольно круглый, доходит до коленного сочленения и оканчивается кистью из очень густых, жестких, похожих на проволоку щетин.

Очень замечательны зубы. В верхней челюсти у слона два чрезвычайно развитых бивня, но нет ни резцов, ни клыков, а обыкновенно лишь по одному большому коренному зубу в каждой челюсти. Этот зуб состоит из довольно значительного числа отдельных пластинок эмали, которые связаны между собой особым соединительным веществом. Они образуют на жевательной поверхности у азиатского слона лентообразные, у африканского — ромбовидные фигуры. Когда коренной зуб благодаря жеванию настолько сотрется, что не может более нести свою службу, то позади него образуется новый, который постепенно подвигается вперед и вступает в деятельность, прежде чем выпадет остаток предыдущего. Наблюдали, что такая смена зубов происходит 6 раз в течение жизни, и потому можно сказать, что у животного бывает до 24 коренных зубов. Бивни, которые не меняются, растут непрерывно и потому могут достигать значительной длины и изумительного веса.

Кроме числа копыт, формы головы и расположения эмалевых пластинок в коренных зубах азиатские и африканские слоны различаются еще и тем, что у первых, несмотря на большой череп, уши относительно малы и бивни тонки, а у вторых уши очень велики и бивни очень толсты. Кроме того, большая часть самок первого вида вовсе не имеет бивней, и немногие имеют лишь зачаточные, у второго вида, напротив, большая часть самок имеет довольно большие бивни, хотя вообще меньше.

чем у самцов. Впрочем, и многие самцы азиатских слонов лишены бивней; на Цейлоне это встречается особенно часто: по словам Бекера, лишь один экземпляр из 300 доставляет слоновую кость. На материке эти беззубые самцы, называемые «мукназ», встречаются не так часто, а приблизительно в отношении 1:10. Из хорошо вооруженных некоторые теряют свое оружие благодаря несчастному случаю; у других же иногда развивается лишь один зуб: если это правый зуб, то такое животное, по Сандерсону, называется по имени бога мудрости «гунеш», и индусы воздают ему божеские почести. Однозубые экземпляры вовсе не редки и между африканскими слонами-самками, тогда как между самцами они встречаются лишь в виде исключения. Иногда в Африке приходится слышать рассказы о слонах с двойными или тройными бивнями; Бэнс рассказывает даже об одном убитом в 1856 году к югу от Замбези слоне, у которого было 9 вполне развитых бивней — 5 в правой, 4 в левой челюсти. Они были расположены один за другим и частью прямы, частью загнуты вниз или назад; две самые крупные пары весили приблизительно по 30 кг каждая, остальные были гораздо меньше*.

** Подобные явления в природе называются атавизмами. У предков слона в каждой половине челюсти было по три резца (из современных млекопитающих четыре резца бывает только у сумчатых), два из которых впоследствии исчезли. Но, возможно, в какой-то ситуации закладки этих зубов, существующие у эмбриона слона, не исчезают, а прорезаются, образуя зубы, хотя вид слона с шестью бивнями должен быть довольно странным.*

Смотря по областям, в которых водятся слоны, бивни по форме, строению, а также по цвету имеют особенности, которые выражены настолько резко, что знатоки слоновой кости могут, исследуя нагроможденные зубы, определять с достаточной уверенностью, из какой страны происходят любые экземпляры.

Длиннейшие из известных бивней ныне живущих видов слона происходят из Африки, и именно из области озер. Вестендарп имеет зуб из средней Африки длиной в 2,94 м, а из северной части Бекер привез зуб, имеющий, по Стерндалю, даже 3,27 м длины. Эти зубы, однако, тонки и относительно легки: так, первый из них весит лишь 44 кг. В прежние время попадались, говорят, зубы весом в 120-130 кг и более, однако это мало вероятно, судя по величине находящихся в собраниях утвари и художественных произведений, сделанных из слоновой кости. Понятно, что громадные зубы должны становиться тем реже, чем быстрее вывозится из Африки старая слоновая кость и чем ревностнее охотятся за слонами.

"Хорошо выросшие клыки, — пишет Вестендарп, — обыкновенно длиной до 2 м, редко 2,5 м и при этом весом 30-50 кг, в исключительных случаях 75-90 кг. Самый тяжелый из зубов, привезенных в последнее время в Европу, был куплен на Восточном берегу фирмой «Гейнрих Мейер». Длина его равнялась 2,6 м, вес 94 кг**.

*** Самый большой известный бивень африканского слона достигал 3,5 м длины и массы 107 кг. Обычно же они гораздо меньше.*

Как относительно величины слонов, так и относительно величины слоновых зубов часто встречаются неверные сведения даже в специальных сочинениях. Так, например, в описании древних предметов, сделанных из слоновой кости, находящихся в Британском музее, говорится, что зубы слонов в прежние время должны были быть гораздо больше, так как в настоящее время не встречается более пластинок в 40,6 см длиной и 14,5 см шириной, которые использовались тогда для

выполнения некоторых работ. Это заявление неверно, так как пластинки такого рода и в настоящее время не представляют еще ничего необыкновенного и ежегодно доставляются в большом количестве. Упомянутый выше зуб, весивший 94 кг, мог бы даже дать пластинки в 20 см ширины и 76 см длины. Самая тяжелая, совершенно безукоризненная пара зубов была выменена в Тете, на Замбези, в 1882 году; она весила 144,5 кг, каждый зуб был длиной 2,27 м, и наибольший обхват по середине зуба равнялся 0,6 м. Самая красивая и длинная пара слоновьих зубов, которая когда-либо попадала в Европу, находится в моем собрании; она весит 101 кг, имеет 2,57 м в длину, совершенно свободна от недостатков, происходит из Уганды и включает в себе слоновой кости на сумму 3775 марок. Вообще пары зубов значительной величины всегда представляют в торговле замечательную редкость, так как бивни одного и того же слона обыкновенно не поступают в обмен вместе. Этому способствует прежде всего то обстоятельство, что оба зуба одного животного не остаются собственностью счастливого охотника, так как на основании господствующего во многих областях Африки охотничьего права тот зуб, которым убитый слон касается земли, должен быть отдан «господину земли», то есть старшине местного племени.

Бивни азиатского слона гораздо меньше, чем у африканского, и лишь редко достигают длины более 1,6 м и до 20 кг веса. Однако в виде исключения встречаются экземпляры, которые не слишком уступают по длине бивней африканским слонам. Наибольший известный зуб принадлежит слону, у которого был один лишь этот здоровый зуб, а другой был испорчен и сломан; слон этот был убит в 1863 году сэром Виктором Бруком и Дугласом Гамильтоном в восточном Майсуре. Здоровый зуб имел в длину 2,4 м, наибольший обхват почти в 0,43 м и вес 40,8 кг; он выдавался наружу из головы на 1,75 м. Левый большой зуб был сломан на расстоянии 35 см от черепа, остаток имел еще в длину 0,99 м, наибольший обхват в 0,5 м и вес 22,2 кг. Свежий зуб теряет вообще при высушивании, смотря по обстоятельствам, приблизительно до одной десятой и даже девятой части своего первоначального веса.

Семейство слоновые

Азиатский, или индийский, слон (*Elephas maximus*)*, на которого мы обыкновенно смотрим как на прообраз этого рода и семейства, есть большое, толстое, неуклюжее животное с массивной, широколобой головой, короткой шеей, сильным телом и колоннообразными ногами.

** Индийский слон распространен по всей материковой части Юго-Восточной Азии и на больших островах; впрочем, в большинстве мест дикие слоны истреблены человеком и от прежнего ареала осталась кучка разрозненных участков. Длина тела 5,5-6,5 м, высота в плечах до 3 м, максимальный вес до 5 т. Его спина несколько выгнута вверх на уровне лопаток, а к крестцу несколько понижается. Уши небольшие и по форме напоминают контур полуострова Индостан. Живет преимущественно в лесах, а также в высококочевных саваннах.*

Его голова, которую он держит почти вертикально, существенно содействует усилению подавляющего впечатления, производимого гигантским животным на зрителя. Она мощного сложения и, при всей простоте своих форм, хорошо развита. Она высока, коротка и широка, лицевая линия ее почти пряма, темя увенчано двумя высокими буграми, сильно выдающимися вперед, которые составляют самую высокую точку тела животного и спереди связаны при основании валикообразным возвышением. Высоко на голове сидит ухо средней величины и неправильной четырехугольной формы, удлиненное внизу в несколько вытянутый кончик; верхний край спереди и на внутренней стороне заворочен, а повислый конец загнут назад. Маленькие глаза лежат довольно глубоко в орбитах, защищены толстыми веками, усаженными толстыми черными ресницами, и окружены многочисленными кольцеобразными складками кожи; зрачок их очень мал и кругл.

Изрезанные складками углы широкого рта лежат недалеко от глаз, снизу и сзади от них, в глубокой ямке, образованной очень сильными жевательными мускулами и корнями бивней; нижняя губа довольно подвижна, часто свешивается вниз и спереди образует острый кончик. Между глазами, простираясь вверх до лба, лежит место прикрепления почти вальковатого хобота, который к концу лишь немного и постепенно становится тоньше; в вытянутом состоянии он достигает земли, и потому животное должно обыкновенно держать его свернутым. Передняя часть его округлена, каждая из сторон несколько сжата, задняя часть, ограниченная с обеих сторон выдающимся валиком, в верхней четверти длины плоская.

Индийский слон (*Elephas maximus*)

Спереди хобот снабжен отличным хватательным органом — ясно отделенным, коническим, пальцеобразным отростком, а на самом конце его находятся ноздри. Бивни выходят из верхней челюсти, делая сильный изгиб. Шея коротка, к голове несколько приподнята и отчетливо отделена от нее.

Размеры слона по большей части преувеличивают и часто определяют неверно. По старому охотничьему правилу двойной обхват ноги равен высоте плеч животного, причем допускается ошибка в 3-5 см. У самых больших самцов вся длина — от конца хобота до конца хвоста — равняется приблизительно 7 м, из которых около 2 м приходится на хобот и до 1,5 м на хвост; а высота у загривка доходит до 3 м. Более крупных экземпляров трудно найти, а имеющих более 3,5 м в высоту и вовсе не встречается. Сандерсон (который в течение половины человеческой жизни заведовал ловлей слонов в Индии и потому, несомненно, может считаться специалистом, достойным доверия) измерил самых крупных из сотен слонов и определил их высоту в плечах: у двух самых крупных самцов она равнялась 3 и 2,95 м, а у двух самых крупных самок — 2,57 и 2,52 м. И в прежние времена эти животные не были больше; по крайней мере Корзе в конце прошлого столетия не нашел ни одного, который был бы более 3 м, и из 150 штук лишь некоторые из самых крупных самцов достигали 2,9 м высоты в плечах. Совершенно особняком стоит одно указание Стерндаля, относящееся к новейшему времени: 3,22 м. Вес крупных животных может равняться 4000 кг и даже больше.

Животные светлого цвета или хотя бы лишь испещренные светлыми пятнами, так называемые белые слоны, встречаются очень редко. В рассказах об Индии лишь изредка упоминается о таких экземплярах. Сандерсон видел лишь двух; один из них был со светло-голубыми глазами. В Сиаме, где высоко ценят всех альбиносов, полагая, что они повелители животных того же вида, где белый слон, как самое сильное из животных, считается священным и даже один из титулов короля есть «господин белого слона», — и там, несмотря на все усилия, могли добыть, по-видимому, лишь экземпляры, окрашенные немного светлее обыкновенного, а настоящего альбиноса не имели вовсе. Когда Бок в 1881 году жил в Бангкоке, ему показывали там двух таких животных, «которые были светлее остальных и имели на ушах пару белых пятен. Различие в цвете было едва заметно». Но именно в это время был, как говорили, пойман в горной стране действительно белый слон, которого везли к королю. В объявленный день его прибытия весь город находился в праздничном возбуждении, и встреча была обставлена чрезвычайно роскошно. Наш наблюдатель сошел к реке, чтобы тоже посмотреть, как будут выгружать священное животное, и следующим образом описывает торжественную встречу и героя праздника: «В это мгновение музыканты заиграли национальный гимн;

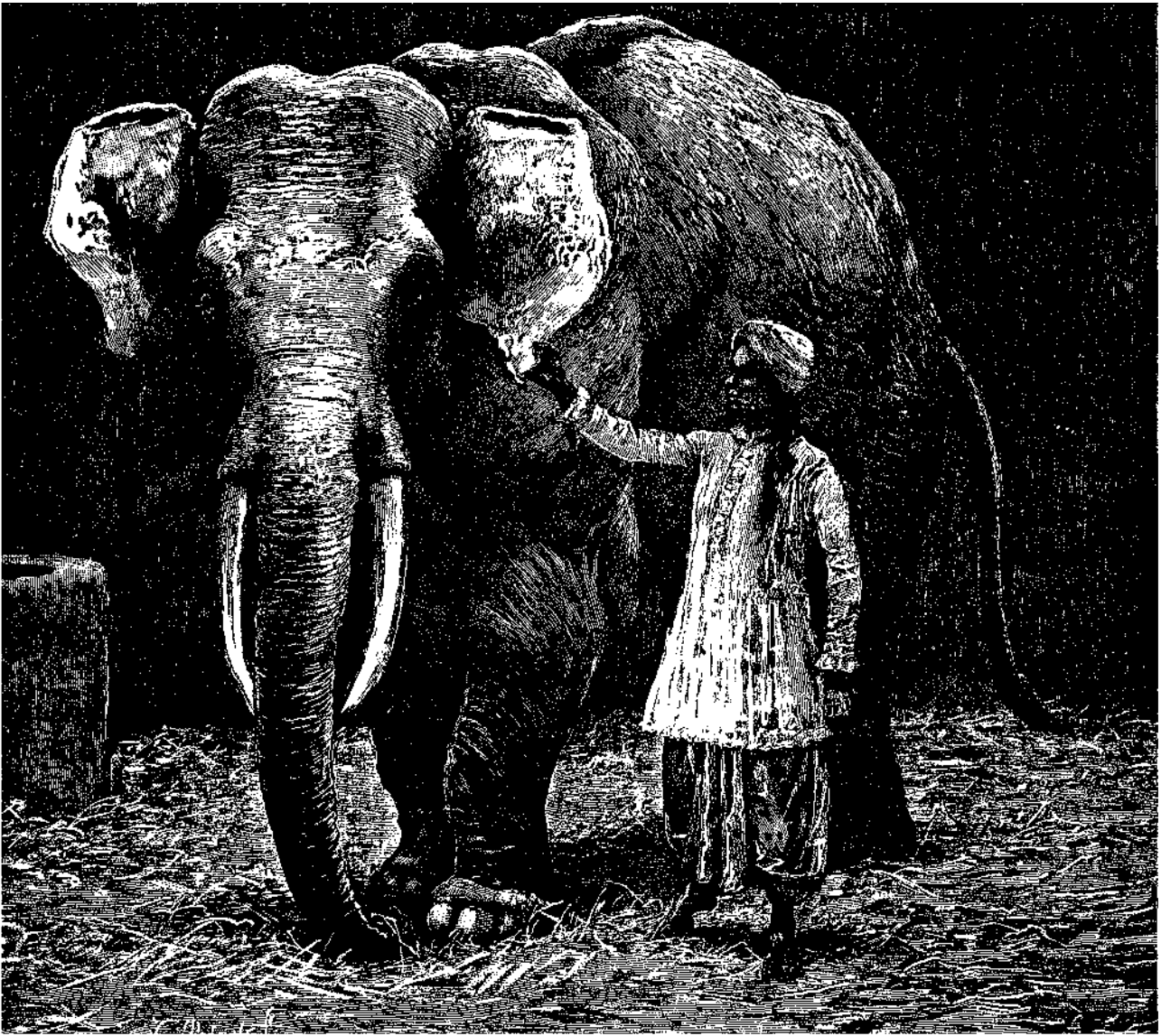
мы отошли в сторону, чтобы пропустить процессию мимо себя. За трубачами шел отряд сиамских музыкантов, одетых с головы до ног в алые одежды, с тамтамами, раковинами и другими неблагозвучными инструментами. Затем государственные слоны, три самых больших впереди с золотыми чепраками, которые в противоположность их матовой коже сверкали и блестели на солнце; на спине у них были богато украшенные и позолоченные носилки. Затем несколько лейб-гвардейцев короля, герольды, камергеры и другие чиновники, потом Его Величество, которого несли на богато позолоченном и выложенном перламутром великолепном стуле, на котором он сидел скрестив ноги, защищенный от палящих лучей солнца большим позолоченным зонтиком. За Его Величеством следовали пажи и слуги с блестящими золотыми сосудами для бетеля, вазами для чая и подарками для народа и особенно духовенства в честь счастливого события. Затем явился окруженный принцами и должностными лицами дядя короля и министр северной части Сиама и Лао, на плечах которого лежало все бремя приготовлений к приему белого слона. Наконец явился герой дня, сам белый слон в обществе трех других, так называемых белых слонов, по сравнению с которыми он, конечно, вполне заслуживает почетное место. Меня могли бы, правда, считать слепым в отношении цветов, если бы я назвал его белым; но он действительно был совершенный альбинос: все его тело казалось бледным красновато-бурым, на спине находилось несколько действительно белых волос. Радужная оболочка глаз, цвет которой считается хорошим признаком альбиноса, была бледно-желтого цвета. Он смотрел очень мирно; карнак вел его, а не ехал на нем верхом; его душевное спокойствие составляло резкую противоположность общему возбуждению: он как будто чувствовал свою важность.

Удивительное животное было отведено в специально построенное помещение, где оставалось около двух месяцев, чтобы наконец, хорошо подготовившись и освободившись от всех злых духов, занять место в королевском дворце. Его сначала привязывали веревкой за заднюю ногу к белому столбу на возвышенном помосте и повесили около него красную доску со следующей золотой надписью в буквальном переводе: «Слон прекрасного цвета; волосы, копыта и глаза белы. Совершенство формы со всеми знаками действительной принадлежности к высокому семейству. Цвет кожи — цвет лотоса. Потомок ангела браминов. Приобретен в собственность могуществом и славой короля для служения ему. Подобен кристаллу высочайшей цены. Принадлежность к высочайшему семейству слонов из всех существующих. Источник силы привлечения дождя. Он так редок, как чистейший кристалл высочайшей ценности на свете». Дядя короля, Тшау-Фа-Маха-Мала, заказал иностранцу сделать красками изображение священного животного, но, осмотрев готовое произведение художника, он остался недоволен цветом, который показался ему слишком темным, так как слон должен ведь был быть белым. Он просил Бока еще раз осмотреть животное, и оказалось, что теперь кожа животного благодаря усердной обработке тамариндовой водой приняла действительно более светлый тон, чем ее естественный; тем не менее она все еще казалась не белого цвета, а лишь цвета светлой кожи. И, однако, этот слон был самым белым, какой был пойман на памяти людей, и на основании этого можно было заключить, что не следует принимать буквально за истину старые рассказы сиамских летописей, которые говорят о белых слонах».

В Индии, по словам Сандерсона, слон вырастает до 25 лет, хотя своей полной силы он достигает лишь в 35 лет. Самец становится способным к размножению приблизительно на 20-м году. Самки рожают первого детеныша приблизительно в возрасте 16 лет, а потом производят детенышей приблизительно через 2,5 года; продолжительность беременности определяется в 18-22 месяца и, как говорят, короче для детеныша женского пола, чем для мужского. Несколько раз наблюдались двойни. Новорожденные детеныши бывают вышиной в плечах 90 см и на второй день весят в среднем 90 кг; в течение 6 месяцев они питаются исключительно молоком, затем понемногу начинают есть нежную траву, но тем не менее питаются еще несколько месяцев преимущественно молоком. Большинство детенышей рождается в сентябре, октябре, ноябре, и лишь в виде исключения некоторые рождаются в другие месяцы*.

** Половая зрелость у индийского слона наступает в 9-12 лет. Сезонности размножения нет, равно как и регулярности для каждой отдельной самки. Одна слониха приносит потомство в среднем 4 раза в жизни.*

Легко понять, что размножение этих гигантов незначительно. Состояние течки узнается у слона прежде всего по тому, что две железы около ушей выделяют в большом количестве вонючую жидкость, между тем как виски в то же время опухают. Само животное очень возбуждено; даже ручное становится часто страшно свирепым по отношению к своим вожакам, к которым вообще относится превосходно.

Азиатский слон (*Elephas maximus*)

В Индии это состояние называют «муст». Как только замечают его приближение, то стараются всячески стеречь животное и делать его безвредным, чтобы избежать несчастных случаев. Даже привыкшие к нему лица, которые ходят за ним, избегают приближения к слону, ставшему теперь до некоторой степени безумным, и кормят и поят его на большом расстоянии. Впрочем, по Сандерсону, вовсе не все слоны, одержимые мустом, становятся злыми и буйными, а часто лишь сонными и равнодушными к окружающему. Это состояние длится от нескольких недель до нескольких месяцев и почти исключительно замечается у самцов; однако упомянутый автор замечал его дважды и у недавно пойманных самок, но полагает, что у действительно ручных самок оно еще не замечалось. Сандерсон сомневается, составляют ли муст и течка одно и то же явление, так как он четыре раза имел случай наблюдать совокупление слонов — два раза у дико живущих и два раза у прирученных, и ни в одном из этих случаев у самцов не было и признака состояния «муст».

Первая смена зубов происходит на втором году жизни, вторая — на шестом, третья — на девятом. Поздние зубы остаются дольше*.

** Как уже было замечено, щечные зубы слонов представляют собой фактически одну генерацию, состоящую из трех ложно коренных и трех коренных зубов. Ложнокоренные зубы один за другим сменяются к 15 годам, и тогда начинает функционировать первый истинно коренной зуб.*

Животное это водится в большей части лесистых областей юго-восточной Азии: в Индостане от подножия Гималаев, где оно встречается от Дехра-Дун (к востоку от реки Джумны) до Бутана, далее в Ассаме, Бирме, Сиаме, на Малаккском полуострове и, в меньшем числе, на трех ближайших больших островах: Цейлоне, Суматре и Борнео. В некоторых местностях слон уже истреблен или по крайней мере стал очень редок, вообще же в пределах указанной области он живет еще во всех более значительных и обширных лесах, как в горах, так и на равнинах. Принадлежат ли слоны, водящиеся на Цейлоне, Суматре и Борнео, к одному виду со слонами материка или в самом деле со-

ставляют особый вид, как уверяет нас старый зоолог Шлегель, опираясь на сравнение скелетов материкового и островного слонов, — этот вопрос мы оставляем нерешенным.

Африканского слона (*Loxodonta africana*)** должно отличать от азиатского.

* * *Африканский слон представляет собой особый род, который по сравнению с индийским слоном сохранил более древние черты. У американского слона более длинное тело и как бы провислая спина, середина которой ниже крестца. На хоботе два хватательных отростка, выше и ниже ноздрей. Африканские слоны населяют всю Африку к югу от Сахары, однако единственный в прошлом ареал теперь разорван на отдельные участки.*

Он превосходит величиною своего азиатского родича. Тело его короче, но выше, чем у его родича; плоская голова с тонким хоботом, большими бивнями и огромными ушами, выпуклая линия спины, узкая грудь и некрасивые ноги представляют совокупность признаков, которые ясно отличают его от азиатского слона. На голове лоб, начиная от носовых костей, отступает назад, образует лишь слабо выдающуюся верхушку и снова плоско опускается за теменными костями к затылку. Все возвышения и ямки головы более плоски, чем у азиатского слона; края глаз мало выступают, и глаз почти совершенно наполняет орбиту; нижняя челюсть относительно слаба, и жевательные мускулы мало заметны; хобот, прикрепляясь ко лбу, не образует выпуклости и толстого корня, а быстро утоньшается.

Хобот спереди округлен, с боков несколько сжат, сзади плоский. Оконечность хобота окружена лишь незаметным валиком. Очень широкому пальцу, едва заслуживающему это имя, соответствует подобная же вытянутая часть заднего края отверстия; оба нароста могут плотно прикладываться друг к другу своими краями и так запирать хобот, что остающимся видимым отверстием окажется лишь поперечная щель.

Носовая перегородка глубоко отступает, и продолговатые, прямые ноздри лежат поэтому тоже в бокаловидном углублении. Короткая, округленная нижняя губа не свешивается, а обыкновенно подтянута. Глаза малы и щелевидны; радужная оболочка светлого красновато-желто-бурого цвета. Высоко на голове сидят на толстых корнях громадные уши, которые не только покрывают весь затылок, но и простираются еще за лопатку. Складки и щели сетеобразно изборожденной кожи представляют собой более грубое строение, чем у азиатского слона. За исключением редкого ряда волос на шее и загривке, редких черно-бурых волос длиной до 15 см, свешивающихся с груди и брюха, отдельных волос вокруг глаз и на нижней губе и кисти на хвосте, похожие на проволоку волосы которой могут достигать длины 40 см и более, волос вовсе нет. Цвет кожи густой аспидного лубовато-серый, затемняется приставшей грязью и пылью и переходит в некрасивый желтовато-бурый.

У одного самца, убитого Джоном Кирком в области Замбези, длина от конца хобота до темени равнялась 2,75 м, длина изогнутой спинной линии отсюда до места прикрепления хвоста 4,2 м, длина хвоста 1,3 м, вся длина.

следовательно, около 8 м при высоте плеч 3,14 м. Несмотря на то, каждый из бивней весил лишь 15 кг, а следовательно, это животное вовсе не достигло еще старости.

Область распространения африканского слона значительно сократилась в течение нашего столетия, и именно с юга, и в настоящее время простирается приблизительно от широты озера Чад на севере до широты озера Нгами на юге. Точных границ установить нельзя, так как слоны не только предпринимают далекие странствования, но и меняют на время области, в которых живут, исчезают из некоторых местностей на годы и десятки лет и точно также неожиданно появляются в других.

Оба вида слонов были хорошо известны древним и уже давно привозились довольно часто живыми в Европу. «Древние египтяне, — говорит Дюмихен, — знали не только африканский вид, но и слонов далекой Индии и высоко ценили и тех и других. Ценные бивни этих гигантов животного царства составляли во все времена египетского владычества главную составную часть ежегодной дани, которую должны были платить фараону жалкие жители Куша и живущие еще южнее негры, а также находившиеся под властью Египта народы Азии».

По отношению к тому, что древние египтяне знали азиатского слона, особенно важна надпись, найденная Эберсом в одной верхнеегипетской гробнице, а именно в Курнахе, на западной стороне Фив. Гробница, как видно из находящихся на ней царских имен, относится к XVII столетию до Рождества Христова, и умерший, по имени Аменемхем, который имел честь сопровождать царя-героя Тутмосиса Третьего в его азиатских военных походах, рассказывает на стенах своей гробницы о некоторых выдающихся происшествиях из этого похода. Надпись гласит: «Я снова ви-

дел совершенный подвиг владетеля Египта в стране Ниниве, где он на охоте убил 120 слонов для слоновой кости».

О любви египетских царей к опасным охотам рассказывает многое в надписях. Как у древних египтян, так и у других народов древности слон и слоновая кость обозначались одинаковыми словами. Геродот первый подразумевает под словом «Elephas» действительно само животное. Ктезий, придворный врач Артаксеркса Второго, был первым из греков, описавшим слона на основании собственного изучения. Он видел в Вавилоне живого слона, который, должно быть, был привезен туда из Индии; он первый распространил и сказку о том, что у слона нет сочленений в ногах, что он не может ни ложиться, ни вставать и потому должен спать стоя. Насколько известно из истории, Дарий первый употребил слонов для военных целей, и именно против Александра Великого*.

** Азиатские слоны использовались в военных целях правителями государств Азии. вероятно, с момента одомашнивания.*

Из добытых этим последним слонов Аристотель видел некоторых и мог довольно точно описать это животное. Начиная с этого времени слоны часто упоминаются в истории. Почти 300 лет сряду они употреблялись даже в Европе в бесконечных войнах, которые различные народы вели из-за всемирного господства, пока наконец римляне не вышли победителями из этих битв. Но рядом с индийскими слонами употреблялись и африканские, и именно карфагеняне умели дрессировать этих животных и пользоваться ими во время войны, хотя позднее считали африканских слонов неспособными к приручению**.

*** Дикая африканские слоны (и саваннские, и лесные) в целом менее агрессивны, чем дикие индийские, и приручению поддаются по меньшей мере не хуже. Гаинидал вел на Рим армию, включавшую именно африканских слонов. Хорошую приручаемость последних подтвердили и опыты XX в., проводившиеся в Заире и в ЮАР. Легенда о том, что африканский слон не приручается, связана с отсутствием необходимости и желания его приручения у коренных жителей Африки.*

Римляне употребляли своих слонов главным образом для битв в цирках, и их должно считать виновниками того, что слоны были истреблены к северу от Атласа. До какой степени дрессировали африканских слонов, видно из того, что римляне научали их в цирках рисовать грифелем буквы, подниматься и опускаться по косо натянутой веревке, носить вчетвером на носилках пятого, который изображал больного, танцевать в такт, есть за великолепно накрытым столом из золотой и серебряной посуды с полным соблюдением утонченности и приличия и т.п. Но насколько часто древние имели возможность наблюдать слонов живыми, настолько же неправильны дошедшие с того времени до нас описания. В настоящее время имеется ряд превосходных описаний обоих видов и потому можно составить подробную и верную картину жизни этого животного.

В указанных странах слонов находят в каждом значительном лесу. Чем он богаче водою, чем более он похож на настоящий первобытный лес, тем чаще встречаются в нем слоны. Но было бы заблуждением думать, что они попадают лишь в таких лесах. Утверждали, что это огромное млекопитающее боится холода и высоких гор, но добросовестные наблюдения опровергают это самым определенным образом. На Цейлоне именно холмистые гористые местности составляют его любимое местопребывание. То же относится и к африканским слонам.

Ни на высоких или средней высоты горах, ни на равнинах слон не держится постоянно в лесах, напротив, он меняет местопребывание не только на местности, но и смотря по обстоятельствам и в короткое время переселяется часто чрезвычайно далеко. Так, в большей части Африки его целые месяцы встречают лишь в открытой степи, если только там есть деревья и кусты, созревающие плоды которых привлекают его, или же его находят в болотах, тростник которых составляет самое высокое растение во всей окрестности. Выбранное им местопребывание должно всегда удовлетворять одному условию: в нем не должно быть недостатка в воде*.

** Слоны живут даже в песчаной пустыне Калахари (правда, только в окраинных, заросших кустарником частях), где совершают длинные и многотрудные переходы от водоема к водоему.*

От одного стока к другому, от водоема к ближайшему лесу ведут тропинки, и каждый пруд служит местом отдыха и освежения, так как слоны постоянно пользуются ими, чтобы охлаждать и очищать кожу купанием или по крайней мере обрызгиванием водой. «Не только до полудня и с наступлением темноты, — говорит Гейглин, — но даже в ясную погоду после полудня мы встречали в уединенных местах слонов, которые часто, стоя глубоко в воде или даже лежа, мугили и грязнили воду пометом и обрызгивали ею себя».

Как ни обыкновенны слоны внутри Африки, но иногда бывает трудно найти их местопребывание в данное время, так как они ведут кочевой образ жизни. При переходах они обыкновенно держатся определенных тропинок или пролагают себе новые, все равно, идут ли они через леса или болота, через крутые горы или узкие ущелья. Препятствий для них, по-видимому, вовсе не существует: они переплывают реки и озера, без труда пробираются через самый густой первобытный лес, взбираются на крутые, каменистые и скалистые высоты, проделывая на твердой почве настоящие дороги, так как они идут не только тесной толпой, но обыкновенно выстраиваются в длинные ряды гуськом и потому оставляют относительно узкие тропинки.

Вожак стада идет спокойно через лес, не обращая внимания на подлесок, который он мнет своими широкими ногами, не заботясь также о ветвях деревьев. На открытых песчаных или же пыльных лесных полянах стадо слонов, по-видимому, обыкновенно делает остановку, чтобы поваляться в песке, как это делают куры. На таких местах я наблюдал глубокие ямы, соответствующие величине слона, которые отчетливо показывали, что мощные животные здесь барахтались. Слоны всегда разыскивают для своих дорог самые удобные горные проходы, которые только можно найти на обширном пространстве. По некоторым из этих проходов они ходят так постоянно и с таких давних пор, что даже стерли своими ногами и совершенно отшлифовали твердый камень.

Слон только кажется неуклюжим, в действительности же он очень ловок. Обыкновенно он ходит спокойным ровным шагом, как верблюд или жираф, причем проходит по 4-6 км в час, но этот спокойный шаг может быть настолько ускорен, что слон пробегает по 15-20 км, по-видимому не очень торопясь. Если не слишком жарко, то, подгоняемый вожаком, слон короткое время может бежать так быстро, что в час пробежал бы 20-25 км, если бы мог это выдержать долго. Сильно испуганные или подстреленные животные непрерывно идут, не останавливаясь, на расстоянии 60-70 км и более. Часто случается, что животные, внезапно заметив вблизи врага, очень поспешно, но без шума удаляются.

Старое поверье, будто бы слон не может ложиться, самым основательным образом опровергается на каждом экземпляре, который мы видим в зверинце. Конечно, наш гигант не всегда спит лежа, а часто и стоя; но если он хочет расположиться удобно, то с такою же легкостью, с какою он и вообще движется, он ложится и встает со своего ложа. Не менее легко это неуклюжее животное плавает, поэтому оно с истинным удовольствием бросается в воду и по желанию погружается в глубину. Если слон захочет, он переплывает широкие и быстрые реки, плывет иногда и совершенно под водою, причем выставляет над поверхностью воды только конец хобота*.

** Слоны иногда переходят вброд водоемы, если только глубина позволяет выставлять конец хобота над водой. У плывущего слона над поверхностью видна и часть головы. Хотя обычно слоны долго не плавают, стараясь при всяком случае идти по дну, но известен случай, когда эти гиганты переплывали озеро Виктория, проплыв более 30 км.*

Переплывая через воду, матери обыкновенно поддерживают своих совершенно маленьких детенышей хоботом. Взрослые плавают, быть может, лучше, чем какое-либо другое земное млекопитающее; 79 прирученных слонов, которых Сандерсон посылал в другую часть страны, должны были перейти нижний Ганг, который разделен на множество рукавов; раз они плыли целых 6 часов, не касаясь почвы, отдохнули короткое время на песчаной мели и затем снова проплыли без остановки 3 часа. При этом ни один не погиб и ни один не отстал из-за утомления.

Хобот служит для слона превосходным орудием, пригодным для различного употребления, но он употребляется реже всего или вовсе не употребляется таким образом, как бывает часто изображено на рисунках, например, в случае нападения для схватывания врага, или при подъеме больших тяжестей, или при корчевке больших деревьев. Лишь в исключительных случаях он наносит хоботом удар или схватывает им человека. Хобот — очень чувствительная часть тела; поэтому при всех столкновениях и грубых или опасных действиях животное тщательно оберегает его и для этой цели возможно тесно свертывает. На основании многочисленных наблюдений Сандерсон прямо уверяет, что индийский слон идет на противника, всегда тесно свернув хобот; относительно африканского Селус сообщает нам следующее: «Я никогда не видал, чтобы слон нападал, подняв хобот. Хобот главным образом употребляется для того, чтобы схватывать пищу, набирать воду и отправлять то и другое в рот, а также для того, чтобы обнюхивать и ощупывать предметы*.

** Слон может использовать хобот как оружие, но в относительно безопасных для самого хобота ситуациях. Для этого конец органа свертывается спиралью, внутри которой оказываются наиболее чувствительные части, и ударяет противника как бы «тыльной», верхней стороной хобота. Удар такого «кулака» способен отбросить в сторону и даже убить человека.*

Если слон повредил себе хобот, то, желая утолить жажду, он должен войти глубоко в воду и пить так, как обыкновенно пьют животные; здоровым же хоботом он всасывает воду и выпускает ее себе в рот. Он отламывает хоботом ветви, а также ломает и тонкие деревца, но для более толстых пускает в дело ногу и давит ею, а чтобы сдвинуть что-нибудь, пользуется, кроме того, еще и частью головы ниже глаз, где прикрепляется хобот. Если, служа человеку, он должен поднимать большие тяжести, то берет прикрепленную к тяжести веревку в рот и в то же время кладет ее на один из бивней, если они у него есть. Поэтому слоны, вооруженные бивнями, как верно наблюдал и сообщал уже Мельхиор, более производительные работники, чем беззубые слоны или самки. Бивни употребляются, кроме того, для различных действий, но всегда, как и хобот, с большой осторожностью и уж во всяком случае не в качестве рычага, чтобы катать каменные глыбы или вырывать корни деревьев. Они служат слону главным образом в качестве оружия для защиты и для нападения, а в других случаях животное по возможности щадит их, так как они относительно легко ломаются. Самцы с поврежденными бивнями или, по крайней мере, одним отчасти или совершенно сломанным встречаются всюду. Мерсер прислал Теннету конец слоновьего зуба, диаметр которого равнялся 12 см, а вес — 12 кг и который был обломан в битве с другим слоном.

Душевные способности слона соответствуют вышеупомянутым качествам его. Зрение, кажется, не особенно развито; по крайней мере все охотники держатся того мнения, что поле зрения животного очень ограничено. Но тем лучше развито обоняние и слух, а вкус и осязание, как можно легко убедиться на слонах, содержащихся в неволе, по крайней мере не слишком слабы. О тонкости слуха этого животного могут рассказать все охотники. Самого незначительного звука достаточно, чтобы возбудить внимание слона; треска маленькой ветки довольно, чтобы нарушить его покой. Обоняние превосходно развито и позволяет животным чують на чрезвычайно больших расстояниях; ни один охотник не в состоянии приблизиться к ним на близкое расстояние с наветренной стороны. Сандерсон наблюдал, что прирученные слоны при благоприятном ветре чуют своих родичей в пустынной местности на расстоянии около трех английских миль. Осязание сосредоточено преимущественно в хоботе, а пальцеобразный придаток на конце его по тонкости осязания соперничает с привычным пальцем слепого.

Голос у слона сильный, и звуки, которыми он выражает свои чувства, разнообразны. Удовольствие он проявляет очень тихим ворчанием или бормотанием, исходящим из горла, или слабым продолжительным писком, исходящим из хобота; страх он обнаруживает сильным ревом из самой глубины груди, внезапный испуг — коротким резким трубным звуком из хобота; если он в ярости, ранен или чем-либо озабочен, то издает непрерывные глубокие и громкие горловые звуки; при нападении он, напротив, пронзительно трубит, причем под словом «трубит» должно подразумевать, однако, лишь звучный визг хоботом.

Каждое стадо слонов представляет большое семейство, и, наоборот, каждое семейство составляет отдельное стадо. Число членов семьи может быть различным: стадо от 10, 15, 20 голов может возрастать до нескольких сотен. Андерсон видел у озера Нгами стадо из 50 голов, Барт у озера Чад — стадо из 96, Вальберг в стране Каффров — стадо из 200 голов. Отдельные путешественники говорят о 400, 500 и даже 800 слонах, которых они видели вместе. Так, Гейглин уверяет, что встретил стадо, которое, по его мнению, должно было состоять по крайней мере из 5000 зверей, а Кирк утверждает, что встретил раз на Замбези стадо из 800 слонов. В таком изумительно большом количестве они, конечно, встречаются лишь очень редко. В Индии, по словам Сандерсона, стада обыкновенно состоят из 30-50 голов, однако вовсе не редко встречаются и вдвое более многочисленные. Если они держатся в местностях, бедных пищей, то часто разделяются на более мелкие стада по 10-20 голов, которые удаляются друг от друга на несколько английских миль. При этом матери с детенышами и составляют передовой отряд, а самцы, вооруженные бивнями, идут как попало сзади. Если же стадо обращается в бегство, то этот порядок совершенно изменяется: самцы, которых ничто не задерживает, проходят вперед и бегут впереди, между тем как матери, заботясь о детенышах, следуют за ними как могут. Из одной местности в другую слоны идут обыкновенно гуськом; где они останавливаются, там они рассеиваются, чтобы искать корм. С 10 или 11 до 3 часов днем и ночью они обыкновенно отдыхают и спят, причем многие из них ложатся. В более холодную, дождливую погоду они остаются весь день в движении и вообще охотно оставляют мокрые леса и чащи и уходят на открытое место. Если рождается детеныш, то стадо, по крайней мере в Индии, остается два дня около матери; по прошествии этого времени детеныш может странствовать вместе с остальными и с помощью матери перебирается даже через трудные холмистые страны и широкие, водные бассейны.

Некоторые животные одного стада, по-видимому, особенно привязаны друг к другу, по крайней мере они почти всегда вместе; даже между прирученными слонами случаи такой дружбы очень обыкновенны. Хотя вожаком и передовым животным стада бывает всегда одна из самок, однако настоящим властелином стада всегда бывает сильнее всего вооруженный самец. Все самки и другие самцы боятся его из-за его бивней, так что его влияние растет вместе с величиной его оружия. Ни один слабее вооруженный слон не осмеливается ему противиться. Прирученные слоны обоего пола тоже отступают перед сильно вооруженными товарищами, хотя бивни в неволе по большей части обрезаны, то есть отпилены до известной длины. Ручные самцы очень хорошо годятся для того, чтобы сделать послушными недавно пойманных диких слонов, так как сильный самец может в короткое время запугать даже самых буйных; в том случае, если их бивни укорочены, к ним прикрепляют часто стальные острия, с помощью которых они могут бороться с любым противником.

Одинокий слон, который более не ходит с себе подобными, встречается очень редко и вовсе не бывает постоянно злобным существом. Однако он часто становится деятельным грабителем плантаций и, ознакомившись с безвредными хитростями сторожей, он перестает бояться обычных средств, которыми пугают слонов. Некоторые из этих одиночек становятся, правда, опасными для человека, который неожиданно потревожит их или внезапно застанет врасплох; они, как и многие другие хорошо вооруженные животные, нападают на людей до известной степени под впечатлением первого испуга. Таков был, например, слон, называемый Мандла-Рог, который жил в середине семидесятых годов недалеко от Джабалпура, в центральных провинциях Индии, и умертвил очень многих людей, пока двум английским офицерам не удалось застрелить его. Другого самца, который только начинал становиться бешеным, убил Сандерсон, знавший его уже целые годы и именно не как одиночку, а как неразлучного товарища другого слона. Кинлох рассказывает о бешеных слонах, встречавшихся в лесах у подножия Гималаев, что самые опасные из них, подобно тиграм-людоедам, по временам даже совершенно прекращали сообщение по некоторым дорогам, так как нападали на всех прохожих.

Душевные способности слонов слишком преувеличены теми, кто наблюдал их в прирученном состоянии, а не на свободе. Да и большая часть рассказов об уме и сообразительности прирученных слонов, которые беспрестанно повторяются, как, например, о портном, который раз вместо того, чтобы по обыкновению дать слону сладостей, уколол его иглою и из-за этого был потом облит вместе со своею работой грязной водой, когда слон возвратился с реки, или рассказ о слоне, который приподнял колесо орудия, чтобы оно не раздавило упавшего солдата, и другие истории представляют скорее красивую выдумку, чем действительно наблюдавшиеся случаи. Слон в диком состоянии, несомненно, обнаруживает больше простоты, чем ума, а дрессированный, по-видимому поступающий по своим соображениям, в действительности делает лишь то, что указывает ему вожак. Едва ли между конем и всадником существует более тесная связь, чем между слоном и вожаком на его спине. Самая выдающаяся черта в характере дрессированного слона есть именно его послушание, и он выполняет многое по самому легкому знаку всадника, влияние которого вовсе и не заметно тому, кто не посвящен в искусство дрессировки. Это привело к недоразумениям, которых не избежал и Теннет; описывая поведение ручных слонов при ловле диких родичей на Цейлоне, он говорит между прочим: «Прирученные слоны обнаружили полнейшее понимание всего происшедшего — как цели, к которой стремились, так и средств достичь ее. Они предусмотрительно замечали затруднение или опасность и «без приказа» старались предотвратить их». Вот до чего доходят в своих размышлениях те, кто знает слонов лишь поверхностно! Я видел за работой самых отборных из дрессированных слонов, словленных в Майсуре и Бенгалии; я сам пользовался ими при самых разнообразных обстоятельствах и тем не менее могу уверить, что я не нашел ни одного, который выказал бы себя способным справиться без помощи человека с каким-нибудь непредвиденным случаем*.

** Экспериментами показано, что слон не умеет считать и распознает предметы только индивидуально. Но слоны, по-видимому, обладают высокой способностью к экстраполяции (сопоставлению действия и ожидаемого результата), не уступающей, а может быть, и превышающей таковую других копытных.*

Лучшие качества слона — послушание, кротость и терпение. В этом отношении его не превосходит ни одно домашнее животное даже при самых неприятных обстоятельствах: если ему приходится ждать под палящими лучами солнца или переносить хирургическую операцию, он редко проявляет какую-либо раздражительность. Никогда не отказывается сделать что-либо, если его правильно обучают, кроме разве того случая, когда им овладевает страх. Слон, как дикий, так и ручной, чрезмерно боязлив, и страх у него очень легко вызывается чем-нибудь непривычным. Тем

не менее многие могут сделаться очень мужественными, если искусно развить эти задатки; это доказывает поведение некоторых слонов на охоте за тиграми».

Выходя по ночам на пастбище, слоны иногда посещают и засеянные поля, и в таком случае стадо может причинить большой вред. Но уже самого нехитрого чучела или самой легкой изгороди бывает, говорят, достаточно, чтобы не допустить этих толстокожих на поля. В Индии, где земледельцы, живущие в местностях, покрытых джунглями, устраивают поля отдельно на выжженных местах, выставляют сторожей и стараются прогнать случайно попавших туда слонов шумом и факелами, которые готовятся из бамбуковых щепок. Сторожа часто бывают настолько смелы, что подходят довольно близко к непрошеным гостям, но и грабители упрямы и часто врываются на соседнюю плантацию, если их прогоняют с первой. В иные ночи полевые сторожа данной местности вовсе не имеют покоя, так как отовсюду постоянно врываются на плантации слоны из джунглей и наедаются на ходу. Некоторые опытные животные довольно равнодушно относятся при этом к шуму и размахиванию факелами и не так легко отступают перед угрожающими им людьми, как более боязливое большинство стада. Так, Сандерсон рассказывает об одном старом самце, который был истинным бичом сел в одной местности в Майсуре, так как регулярно налагал контрибуцию на их рисовые поля: «Однажды утром лакомка, возвращаясь с недозволенного пастбища, был замечен возле самого местечка Морлей. Высыпавшие жители подняли такой сильный шум, что даже этот закоренелый злодей был сбит с толку и во время бегства попал в болото. Там он завяз, и в него стали кидать камнями и дубинами. Но когда люди заметили, что слон беспомощно застрял, то они осмелились приблизиться с пучками соломы, побросали их на заднюю часть слона и подожгли кучу. Пока они обсуждали, как окончательно истребить врага, он собрал последние силы и выбрался из огня и болота. Хотя он был довольно сильно обожжен, однако остался живым и еще несколько лет мстил жителям села за жестокость, упорно продолжая опустошать их разбросанные полосы посевов. Индусы рассказывают также, что некоторые из самых смелых грабителей подпускают сторожей с факелами близко к себе, затем посредством хобота, извлекают воду из глотки и гасят ею факелы. Эти и другие данные основаны, однако, на неточном наблюдении или просто выдуманы.

Слон тоже принадлежит, к сожалению, к тем животным, которые близятся к гибели. Его преследуют не для того, чтобы отомстить за причиняемый им вред, а лишь из любви к охоте или ради драгоценной слоновой кости и потому издавна ведут против него истребительную войну. Слона беспощадно преследовали в Индии и преследуют еще в Африке. В Индии и на Цейлоне из одной только страсти к охоте стреляли и беззубых или слабовооруженных самцов, даже беззубых самок и детенышей; быть может, еще чаще ловили их в ямы, где они нередко получали такие повреждения, что оказывались непригодными для работы. В Африке охотятся ради слоновой кости за обоими полами, которые оба имеют бивни, и притом как туземцы, так и европейские охотники-промышленники. К сожалению, и эти последние не всегда щадят слонов, а часто убивают и без пользы. Так, десять лет назад несколько боэров в северной части нынешних немецких владений в юго-западной Африке в один день перестреляли целое стадо: 105 самцов, самок, детенышей. Животные эти живучи, и выстрелы из обыкновенных ружей ведут разве к тому, что раненые слоны погибают позднее от потери крови или нагноения ран. В открытой местности, как, например, в южной Африке, где на хорошо обученной лошади можно двигаться на любом расстоянии от слона, обыкновенно употребляют для охоты английское военное ружье и быстро посылают из него пулю за пулей, пока животное не свалится. Там же, где муха цеце не позволяет пользоваться лошадьми, особенно в местностях лесистых или богатых кустарником, охотятся пешком и употребляют очень тяжелые ружья с гладким стволом или тяжелые двустволки, по большей части 8-линейного калибра, из которых стреляют зарядом в 20 г пороха и круглыми пулями в 60 г весом. Длинные свинцовые пули со стальным наконечником или разрывные пули у опытных охотников вышли из употребления как неудобные ухищрения. Так как в чаще к добыче подкрадываются совершенно близко и стреляют по большей части на расстоянии 30 шагов, то даже не особенно искусному стрелку нетрудно попасть в часть тела, которую наиболее легко ранить, если возможно, в место величиною с ладонь, лежащее между ухом и глазом. В таком случае при очень сильном заряде нередко одной пули бывает достаточно, чтобы свалить самого громадного слона. Так как движения животных и без того не очень быстры и особенно в жаркие дни постоянно замедляются и, кроме того, стада, на которые нападают сразу с нескольких сторон, легко приходят в смятение, то люди, которые хорошо бегают, особенно в местности, заросшей кустами, могут всегда снова приблизиться к стаду и убить еще несколько штук. Селус в южной Африке не раз убивал таким образом, следуя бегом за убегающим стадом, пересекая ему путь, прячась и так далее, до 5 слонов в один день и из одного стада. Он собственно ручно убил в 1873 году в местности между реками Гвай и Замбези за четыре месяца 42 слона; его

товарищ Г. Вед убил в Африке наибольшее число слонов — 50 голов, а их туземные охотники — еще 40 штук, и притом лишь отборных, у которых были самые крупные бивни.

Такие охоты, правда, так трудны, что лишь самые закаленные люди могут переносить их, но опасность для охотника не так велика, как это может казаться. Случается, конечно, что раздраженные слоны бросаются на своих губителей. И некоторые из последних действительно испускали дух под ногами лесных гигантов, но трем четвертям из тех, которые подвергались нападению, удавалось спастись, даже когда они находились уже, так сказать, между ногами животных. Быстро и решительно бросается иногда взбешенное животное на нападающего, но редко преследует его далеко, а довольствуется тем, что обращает его в бегство и удерживает за собой поле битвы. Несмотря на такую умеренность, всякий по мере возможности старается не довести дело до нападения со стороны слона; действительно, раздраженный слон помимо своей массы, под которой дрожит земля, производит неизгладимое впечатление на человека. Свернув хобот, несколько приподняв уши, размахивая хвостом, он с диким ревом бросается на врага; передняя часть его как бы вырастает, во всяком случае кажется больше и выше, чем когда-либо, на задних ногах появляются длинные болтающиеся складки кожи, огромная масса быстро и неудержимо движется вперед; гневное сопение смешивается с криками ярости, о которых ухо, никогда не слышавшее таких звуков, не может получить и представления. Если при этом рассерженный великан догонит своего противника, то последний неминуемо погибнет и подвергнется справедливой мести, от которой его по большей части не могут спасти товарищи.

Истребление индийского слона произойдет еще не скоро*.

** В природе осталось во всей Южной Азии не более 48 тыс. слонов, и вполне вероятно, что эта цифра сильно завышена. Во многих местах азиатский слон исчез полностью, во всех остальных оказался под угрозой исчезновения. Если ранее основную опасность представляла охота, то ныне это уничтожение местообитаний дикого слона. Впечатление об обилии диких слонов на тех или иных участках уже во времена Брема было связано с тем, что животные скучиваются в сохранившихся пригодных местообитаниях, оттесняемые наступающей цивилизацией.*

Число слонов, которых ловят ежегодно дозволенными законом средствами, очень незначительно, и не подлежит никакому сомнению, что в настоящее время пустынные местности, которые предоставили этим толстокожим, настолько обильно населены ими, как только можно пожелать. Я изучил записи относительно ловли слонов в последние 45 лет в Бенгалии и нашел, что теперешние результаты лова не дают права делать заключение об уменьшении числа животных в тех областях, где охота возможна. Мы можем лишь поздравить себя, что такое полезное и безобидное животное, как азиатский слон, не подверглось такой печальной участи, как его африканский родич, который быстро приближается к истреблению». В докладе, сделанном позднее в Симле, Сандерсон приводит еще, что в течение трех лет, с 1880 по 1883 год, в северо-восточной Бенгалии, в охотничьей области Дакка, было поймано 503 слона, и притом на участке длиной лишь 65 км, а шириною вдвое меньше. Кроме того, во время приготовлений к облаве стад видели еще около 1000 слонов. Напротив, с 1868 по 1875 год в той же области ежегодно добывали в среднем лишь по 59 голов. Самому Сандерсону удалось в 1887 году поймать сразу 140 слонов; это самый значительный результат ловли, какого когда-либо достигали в Индии. На основании этого легко понять, как много слонов водится еще в некоторых ее областях.

В Африке туземцы и теперь, как в незапамятные времена, жестоко и беспощадно охотятся за этими громадными животными. Уже Страбон упоминает, что живущие в степях Атбары «элефантофаги» (слоноеды) перерубают этим гигантским животным мечом ахиллесову жилу, чтобы овладеть ими; номады, бродящие по упомянутым степям, и ныне еще поступают точно так же. Они садятся на лошадь голые, чтобы им по возможности ничего не мешало, преследуют стадо слонов, стараются разбить его, гонятся так быстро, как только могут бежать их лошади, за отбившимся от стада слонем, бежит ли он в гору или с горы, через ущелья, леса, колючие кустарники или по высокой степной траве, утомляют его, нападают на него с копьем и этим отвлекают его внимание от товарища, который наносит сзади удар, рассекающий ахиллесову жилу. Бекер, который долгое время охотился в обществе этих людей, полагает, что нельзя найти слов, чтобы описать ловкость и мужество этих охотников, прекрасно владеющих мечом. Выстрел, сделанный ими в слона, заставил животное лишь с большей поспешностью устремиться к чаще. «Но в то же мгновение, — рассказывает он, — охотники с мечами бросились, как борзые собаки на травле, по песчаной равнине, отрезали слону отступление и выступили против него с мечом в руке. Бешеное животное тотчас же встретило врага, который с безрассудною храбростью принял за дело. Вместо того чтобы завлечь слона

убегающим от него всадником, как поступают обыкновенно, все охотники с мечами мгновенно соскочили с лошадей и пешком в глубоком песке напали на громадное животное. С точки зрения охотника, нет более великолепного и безумно опасного зрелища, чем такой бой, который мог бы поспорить с любым боем гладиаторов. Слон был в высшей степени бешенства и, казалось, знал, что охотники стараются подойти к нему сзади; поэтому он с большой ловкостью избегал открыть свой тыл, причем с чрезвычайной быстротою поворачивался во все стороны, как на оси, и, опустив голову, выступал против одного противника за другим, издавая в то же время бешеный рев и вздымая хоботом облака пыли. Охотники увертывались с проворством обезьян, хотя глубокий песок помогал слону и настолько мешал им, что только с чрезвычайными усилиями они могли избежать нападения животного. Лишь благодаря решительности и мужеству всех троих они по очереди спасали друг друга, причем, как только слон нападал на одну из них, двое других забегали сбоку и тем принуждали противника повернуться к ним». Они занимают слона таким образом до тех пор, пока одному из них не удастся ударом меча перерубить ахиллесово сухожилие задней ноги слона и тем сделать его неспособным к битве.

И в юго-восточной Африке, по ту сторону Замбези, а именно в стране Машуна, охотились таким же образом, пока туда не проникло хорошее огнестрельное оружие. Вместо меча туземцы, по словам Селуса, пользовались топором с широким лезвием и поодиночке подкрадывались к слонам, которых старались застать спящими и парализовать мощным ударом по задней ноге. Они употребляли также ассагаи с лезвием длиною в локоть и шириною в кисть руки, с короткой толстой рукояткой, которые они вонзали слонам сверху между лопаток; для этой цели охотники взбирались на удобные деревья, под которыми должны были проходить слоны пасущегося стада. Негры области верхнего Нила устраивают на тропинках, ведущих к водопою, глубокие ямы, которые книзу суживаются конусом, и на дне ямы вбивают иногда толстый остроконечный кол. Ямы эти покрываются очень тщательно сверху, чтобы осторожный слон по возможности не заметил их, и, чтобы придать этой дороге вид более безопасный, бросают собранный помет слонов на тонкую покрывку, которая предательски скрывает яму, а также и на тропинку; при этом они стараются сделать с помощью засек так, чтобы слоны почти не могли избежать этой дороги. Где позволяет местность, такие ямы выкапывают в узких долинах; тогда охотники сгоняют слонов с обширного пространства так, чтобы они должны были проходить по опасной долине и падать в ямы, которые они легко могут не заметить во время поспешного бегства.

Туземцы южной Индии охотились прежде за слонами с особого рода огнестрельным оружием, называемым «джинджалл» и похожим на маленькую поворотную пушку. У двух из них, принадлежащих Сандерсону, стволы весят 18,5 кг и стреляют почти полуфунтовым снарядом. На охоте два человека несли повешенный на шесте ствол, третий тащил подставку, имеющую вид треножника, а четвертый, руководивший охотой, выслеживал, где остановились слоны, выбирал место для установки смертоносного орудия, направлял его и стрелял. Воспламенение пороха производилось посредством фитиля, который давал стрелявшему несколько секунд для того, чтобы поспешно убежать оттуда, так как орудие, по большей части слишком сильно заряженное, при выстреле обыкновенно с большой силой опрокидывалось назад и подвергало людей почти такой же опасности, как и животное, в которое стреляли. Обыкновенно в выбранное животное стреляли на расстоянии 30-40 шагов, и оно по большей части умирало в самое короткое время от тяжелой раны, причиненной большой пулей.

Ловкие охотники убивали, говорят, из такого джиджалла иногда по 5 и 6 слонов в день.

Гораздо привлекательнее и человечнее, чем всякая охота, — овладевать живыми дикими слонами, чтобы приручить их и заставить служить человеку. Индусы — мастера в этом искусстве. У них есть настоящий цех слоновых ловцов, в котором ремесло передается по наследству от отца к сыну. Искусство, хитрость, осторожность и смелость, с которыми эти люди занимаются своим ремеслом, поистине достойны удивления. Они уходят вдвоем в лес и ловят одного из слонов, составляющих семейство.

Лучшие ловцы слонов на Цейлоне, называемые «паники», идут по следам слона, как хорошая собака по следам оленя; незаметные для глаза европейца следы составляют для них как бы четко написанные листы понятной рукописи. Люди эти мужественны и сообразительны; они умеют вести слона, как им угодно, по желанию приводят его в страх и ярость. Единственное оружие их состоит из крепкой и растяжимой петли из кожи оленя или буйвола, которую они, если выходят на ловлю поодиночке, бросают на ногу намеченного ими слона. Для этого они неслышными шагами следуют за ним, когда он идет, и в удобный момент связывают его или даже, если он стоит спокойно, накладывают петлю на обе ноги. Как ухитряются они незаметно подкрасться к пугливому жи-

вотному, это было и остается загадкой. Европейец не может следовать за этими людьми в таких экскурсиях, так как он испортил бы все дело, и должен поэтому довольствоваться рассказами*.

** По заслуживающим доверия сообщениям, индийцы ловили слонов либо в ямы, либо в построенные из бревен ловушки.*

Сандерсон описывает и другие способы лова, которые употребляются преимущественно на материке. В ямы слонов ловят лишь туземцы на свой страх; большая часть животных при этом погибает, так как падение сопровождается вывихами и переломами костей или внутренними повреждениями. Другой, тоже очень грубый способ ловли заключается в том, что подвезжают на ручных слонах к стаду диких, преследуют бегущих, не разбирая дороги, бросают большие петли на голову настигнутому слону и силою принуждают его сдать в плен. Производительнее заманивание самых больших самцов, которые и так охотно держатся в стороне от стад, посредством дрессированных самок. Если откроют местопребывание такого самца, то погонщики слонов, прикрывшись по возможности попонами, выезжают туда на 4-5 надежных самках и ведут их так, что они кажутся свободными животными. Расхаживая взад и вперед, поедая корм, они постепенно приближаются к дикому слону, если этот последний не идет к ним навстречу или, чуя людей, опрорхметью убегает прочь. Но этот случай, по-видимому, встречается нечасто. Если дикий слон присоединяется к обществу ручных самок, то они под руководством вожаков все дальше и дальше увлекают его; но так как иногда проходит несколько дней и ночей, прежде чем удастся действительно овладеть обманутой жертвою, то в отдалении следуют запасные люди, которые через каждые 12 часов сменяют вожаков самок, отводя их незаметно поодиночке в сторону. Куда ни повернется самец, за ним всюду следуют дрессированные животные и стараются всячески утомить его, пока он не предастся беззаботно крепкому сну. Этого только и ждут вожаки. Между тем как ручные самки плотно окружают жертву, двое людей стараются крепко обвязать самцу веревками задние ноги и если поблизости есть дерево, то привязать к нему. Если это удалось, то самок удаляют, и один из ловцов хлопает связанного во сне гиганта по бедру и иронически советует ему не терять присутствия духа. Проснувшийся в испуге старается спастись и разорвать путы, а если не привязан к дереву, то и убегает, ковыляя связанными ногами. Перехитрившие его, не торопясь, следуют за ним, пока он совершенно не выбьется из сил, избегают попасться ему под бивни, которые он теперь без колебаний пустил бы в ход, и навязывают ему новые путы. Дня через два вожаки, навязав ему один повод на шею, а другой на заднюю ногу, отводят его общими усилиями вместе с ручными слонами в то место, где его окончательно укротят и приучат к службе.

Гораздо интереснее и выгоднее, чем этот способ охоты, тот, который имеет целью завладеть целыми стадами слонов. Для этой цели обыкновенно ожидают начала сухого времени года и затем отправляются с несколькими сотнями опытных туземцев и возможно большим числом ручных слонов в ту местность, где обнаружено присутствие многочисленного стада диких слонов. Это стадо без шума окружают сначала цепью загонщиков, расставленных парами, смотря по природе местности, на расстоянии 60-100 шагов друг от друга, причем вся цепь занимает от 5 до 10 километров. На опыте убедились, что таким образом оцепленное стадо слонов может уйти лишь благодаря грубой оплошности загонщиков. В несколько часов люди, соблюдая полную тишину, устраивают вдоль всего кольца слабую изгородь из расщепленного бамбука, а для себя делают щиты из ветвей; ночью зажигают огни. Если окружен очень большой участок, обильный пищей и водою, то слоны обыкновенно причиняют некоторое беспокойство лишь в течение первых ночей, а если они тем не менее приближаются к изгороди, то их прогоняют назад факелами, выстрелами и криком. Слонов продолжают держать оцепленными таким образом в течение 4-10 дней, то есть до тех пор, пока не окончат одновременно начатую постройку крепкой загородки, «кхеддаса», в удобном месте внутри оцепленного пространства. Крепкая загородка высотой около 4 метров, построенная из стволов и кольев, окружает круглое пространство 20-50 метров в поперечнике, оставляя свободный вход шириною метра в 4, который запирается тяжелой опускающей решеткой; от него расходятся в виде крыльев два частокола на расстоянии 100 метров. Как только эти приготовления закончены, то суживается круг около оцепленного стада. Ближайшие загонщики отходят на концы крыльев изгороди, стоящие дальше подаются ближе к слонам, сначала медленно и осторожно, потом быстрее. Когда наконец животные дойдут до широкого отверстия кхеддаса, то на них с криком и выстрелами делают общий натиск, который и загоняет их между двумя частоколами в узкие ворота кхеддаса. Затем перерезают веревку, поддерживающую опускающую решетку, она падает — и стадо поймано! Не всегда слонов можно загнать без приключений; иногда животные замечают опасность, устремляются на загонщиков, прорываются, и их приходится снова окружать или же их не удается более задержать. Обыкновенно же удается загнать окруженное стадо в ловушку и удержать в ней, не-

смотря на их беспокойство, а иногда и попытки разломать частокол. Когда первая суматоха пройдет, в кхеддас посылают ручных слонов с погонщиками и путами, которые постепенно овладевают отдельными животными и выводят их в окружающий лес, где их привязывают цепями к деревьям. Этим оканчивается ловля и начинается приручение. Когда дикие слоны, сначала более или менее упрямые, привыкнут к человеку и ручным слонам, их уводят во дворы, где заканчивается их дрессировка.

Большой главный торг слонами происходит ежегодно во время полнолуния в октябре и ноябре в Сонеपुरе на Ганге. Тысячи лошадей и сотни слонов приводятся туда и переходят из рук в руки. Цены этих животных чрезвычайно поднялись в течение последних десятилетий. В 1835 году средняя цена равнялась 900 маркам за слона, в 1855 году уже 1500 маркам, в 1874 году в Сонеपुरе было куплено для правительства Бенгалии 20 слонов в среднем по 2655 марок; в следующем году там, говорят, можно было купить еще 70 слонов по 2800 марок, но нельзя было приобрести ни одного за эту цену. В конце семидесятых годов самая низкая цена равнялась 3000 марок, и то за не выросших молодых животных, главным образом самок; хорошие рабочие слоны-самки стоили уже по 4000-6000 марок. Цена самцов зависит от их внешнего вида; за пригодных для пышных зрелищ охотно платят от 16 000 до 30 000 марок, а безукоризненный слон не раз продавался за 40 000 марок. При подобных ценах в счастливом случае очень хорошо окупаются значительные расходы на необходимые приготовления к ловле слонов. После того как усилия Сандерсона в Майсуре в 1873 году не увенчались успехом, ему удалось в следующем году произвести первую ловлю, а именно поймать целое стадо: 9 детенышей, 30 частью полувзрослых, частью взрослых самок и 16 самцов, в том числе 3 мукна и 3 великолепных тускера. Из этого стада одну злую самку пришлось застрелить во время загона, девять умерло; остальные животные были проданы за 75 080 марок. Все расходы для лова в 1873 — 1874 годах равнялись 31 120 маркам, следовательно, правительство получило чистой прибыли 43 960 марок. Эта прибыль возросла бы еще вдвое, если бы с пойманными животными обращались осмотрительнее.

Правда, ловля удается не всегда: добывается лишь немного слонов, или слишком много их умирает; в таком случае очень значительные издержки на обширные приспособления часто совершенно пропадают даром. Так, в одной Мадрасской области хотя и было поймано с 1874 по 1876 год 76 слонов, но этим далеко не были покрыты очень значительные издержки, и промысел пришлось прекратить.

По Сандерсону, дикие слоны в Индии едят лишь в малом количестве и лишь изредка ветви с листьями; главная пища их состоит из сочных трав. Подобный корм должно по возможности давать и дрессированным слонам, так как они при этом чувствуют себя лучше всего и прекрасно выживают. Обильная и хорошая пища составляет для всех слонов первое условие; часто считают больными и лечат экземпляры, которые в действительности просто голодают и хиреют вследствие недостаточного питания. Взрослые слоны получают ежедневно в Бенгалии 181,4 кг зеленого корма или 108,8 кг сухого, в Мадрасе — 113,4 кг зеленого или 56,7 кг сухого. Этого совершенно недостаточно, так как, по Сандерсону, рабочий слон употребляет в день вообще столько зеленого корма, сколько он может добыть сам на свободе, а именно достигший полного роста — около 365 кг (около 22 пудов), или около одной десятой или двенадцатой части своего веса.

Издержки на все содержание взрослой самки, считая в том числе и жалованье погонщику и сторожу, равняются в месяц в Бенгалии лишь 48 маркам, в Мадрасе же — 96 маркам, так как здесь жалованье и цены на корм значительно выше.

Благодаря чувствительности его спины и ног слона нельзя считать безукоризненно хорошим вьючным животным, особенно, если у него нерадивый погонщик, за которым хозяин не смотрит постоянно. Рабочая сила его тоже не так велика, как обыкновенно предполагают. Правда, вьючный слон может нести около одной тонны (1000 кг), следовательно, около четверти своего веса, но лишь по дороге и на очень небольшое расстояние (около 0,5 км), а слон, принадлежащий правительству, следовательно, отборный, прекрасный и сильный самец, в торжественных случаях носит по улицам и площадям тяжесть в 800 кг в виде парадной упряжи и всадников. Но в случае продолжительных переходов на слона нельзя класть на ровном месте более 500 кг, а в холмистых и болотистых местностях лишь 350 кг. Быстрые и легко навьюченные верховые слоны могут, правда, проходить в день по 60 и 70 км, для чего им нужно по крайней мере 10-12 часов, но от вьючных слонов, нагруженных, как было сказано выше, можно при продолжительных переходах требовать, чтобы они проходили в день не более половины этого расстояния, если притом они получают обильный питательный корм и жар не очень томителен, а именно солнце не печет слишком сильно.

Если сравнить затем услуги и издержки по содержанию слона в Индии, то окажется, что слоны необходимы в бездорожной пустыне, через которую нужно зачем-либо проезжать с большой поклажей*; напротив, в странах уже культурных, где есть хорошо содержащиеся дороги, железные дороги, водяные пути сообщения, они излишни, так как там все другие перевозочные средства быстрее и, во всяком случае, дешевле.

** Под пустыней имеется в виду, естественно, не шип ландшафта, а пустынная, малонаселенная и неокультуренная местность.*

Употребление слонов как с военными, так и с мирными целями будет всюду в Индии отступать на задний план, по мере того как отдельные области будут совершенствоваться в экономическом отношении. И рабочий слон должен уступить культуре. Не то в пустыне; в ней он оказывает важные услуги, и потому в известных областях Индии его надо еще сохранять.

Со слонем как вычным животным надо вообще обращаться осторожно: кожа его крайне чувствительна и в высокой степени подвержена нагноению. У него легко заболевают также ноги, и в таком случае он целые месяцы бывает негоден для работы. Часто делается у него и воспаление глаз, и именно в этом отношении врачи, лечащие слонов, приносят действительно так много пользы, что они славятся уже со времен древних греков.

Продолжительность жизни дикого слона Сандерсон определяет по крайней мере в 150 лет; продолжительность жизни прирученных слонов на материке опытные индусы считают равной средним счетом 80 годам, а в виде исключения — до 120 лет. Подробные наблюдения об этом были сделаны на Цейлоне. Из 240 слонов, принадлежавших правительству и умерших между 1831 и 1856 годами, относительно 138 была записана продолжительность их жизни в неволе. На первом году умерло 72 (29 самцов и 43 самки), между первым и вторым — 5 самцов и 9 самок. Долее всего прожила в неволе одна самка, которая выдержала почти 20 лет. Из 72 умерших на первом году своей службы 35 умерло в течение первых 6 месяцев, многие из них совершенно непонятным образом: они внезапно ложились и умирали. Эти цифры показывают, однако, лишь то, сколько времени отдельные животные прожили в неволе, а не то, какого возраста они вообще достигали, так как не указано, в каком возрасте они были пойманы. На Цейлоне бывали случаи, что слоны проживали в неволе более 140 лет. Широко распространенное мнение, что на свободе продолжительность их жизни почти безгранична, происходит от того, что в диких местностях очень редко находят их трупы. Европейец, проживший в джунглях непрерывно 36 лет и прилежно наблюдавший слонов, часто высказывал удивление по поводу того, что хотя и видел много тысяч живых слонов, тем не менее ни разу не находил скелета слона, за исключением тех, которые умерли от какой-либо заразной болезни. То же самое сообщают Форсит, Кинлох, Шекспир, Стерндаль и другие. У некоторых народов Индии распространено поэтому поверье, что слоны вовсе не умирают. Сингалезцы же рассказывают, что каждое стадо слонов хоронит своих мертвых, и утверждают даже, что каждый слон, чувствуя приближение смерти, отправляется всегда в одну из уединенных долин, лежащих между горами к востоку от Адамового пика, где есть озеро с чистой водой*.

** Большинство слонов (если даже не брать во внимание охоту) оканчивает свою жизнь до предельного срока от ран, травм и болезней. Если слону не суждено умереть от болезни или насильственной смертью, то он доживает до момента, когда последние зубы стираются и выкрашиваются. Это происходит в зависимости от того, сколь твердым кормом питался слон, между 50 и 70 годами, что и составляет естественный предел жизни этих зверей. Есть сведения, что иногда члены стада могут кормить такого «пенсионера» пережеванной пищей; специальный корм может продлить жизнь престарелого слона в зоопарке, но ненадолго. Чаще всего в природе такой слон отстает от стада и вскоре умирает от истощения. Малое количество останков погибших слонов в Азии связано с тем, что на огромную тушу находится много потребителей: от шакалов, барсуков, медведей, коршунов и ворон, поедающих мясо, до дикобразов и других грызунов, с удовольствием гложущих кости. Оставшийся скелет быстро разрушается в богатой растительными кислотами лесной почве.*

Впрочем, нет ничего странного, что находят так мало останков азиатских слонов, умерших естественной смертью; вообще лишь крайне редко случается как в пустыне, так и у нас натолкнуться на останки умерших животных, даже таких видов, которые встречаются в гораздо большем числе, чем слоны. Дело в том, что заболевшие или ослабевшие от старости животные, чувствуя близость смерти, отыскивают всюду укромные места и оканчивают там свое существование. В Африке, правда, можно легко натолкнуться на скелеты различных зверей, а также слонов, но здесь их всюду преследуют гораздо ревностнее, чем в Азии, и можно принять, что те, останки которых попадают на глаза, по большей части умерли не от болезни.

Из наблюдений, собранных как в Африке, так и в Европе, следует, что и африканский слон, подобно своему индийскому родичу, мог бы быть приручен и, наверное, с большою выгодой сделан пригодным для служения человеку на своей родине, которая так бедна удобными для этого животными. Приносил бы он столько же пользы, как индийский слон, — это вопрос. Опыт древних народов говорит, по-видимому, против этого, а впечатление, которое он производит на наблюдателя, подтверждает предположение, что африканский слон не может принести такую же пользу, как азиатский. Как рассказывают Плиний, Ливий, Страбон и другие римские писатели, индийские слоны решительно превосходили африканских силой и мужеством: в битве при Рафия, которую Птоломей Филопатор дал в 217 году до Р. Х. Антиоху, 73 африканских слона египетского царя, как указывает Гартман, жалким образом бежали перед 102 слонами сирийского царя. Однако мы знаем, как от римлян, так и от наших укротителей зверей, что африканский слон способен вообще к дрессировке. Он, может быть, приносил бы и меньше пользы, чем его родич, но все же очень много, если бы только пожелали обращаться с ним так же, как обращаются индусы с видом, водящимся на их родине*.

** Современные опыты приручения слонов обоих видов дали положительные результаты: эти животные все чаще используются как ездовые в некоторых национальных парках, возя наблюдателей и вооруженную охрану. Можно ли было использовать африканского слона в качестве рабочего — не ясно.*

До сих пор никто не принимался серьезно за то, чтобы воспользоваться им во время экспедиций в Африке; немногочисленные временно живущие там европейцы должны выполнять другие задачи, а туземцы слишком низко стоят, слишком лишены всяких потребностей, чтобы заняться приручением этих животных, на что требуется много времени и терпения.

Последнее известие об употреблении прирученных африканских слонов, которое мы можем считать исторически верным, относится к одному случаю, происшедшему в год рождения основателя религии Магомета. 105-я сура Корана, «Эльфил», начинается фразой: «Разве ты не думаешь о том, что сделал твой Господь со всадниками на слонах?» Опираясь на мусульманских толкователей текста, Валь замечает: «История, к которой это относится, заключается в следующем: Абраха ибн Эзельбаз, абиссинский вице-король Йемена, преданный христианской религии, хотел построить в Сане, главном городе счастливой Аравии, великолепную церковь, чтобы привлечь туда арабов и тем отклонить их от посещения храма в Мекке. Когда же корейшиты заметили, что число пилигримов в Каабу уменьшается, они послали одного араба, по имени Нофаила, который ночью пробрался в новую церковь и осквернил ее алтарь и стены. Этот постыдный поступок побудил раздраженного Абраху разрушить храм в Мекке. Он выступил поэтому против Мекки во главе очень значительного войска, при котором находилось некоторое число (указывают 13) слонов. Но когда войско прибыло туда и Абраха, сидя на своем слоне, называемом Махмуд, хотел въехать в город, то этот слон, белый и значительной величины, отказался идти дальше, бросался на колени и шел по всем направлениям, только не к Мекке, куда он должен был идти. Мусульманские авторы смотрят на это происшествие как на особую божественную защиту святого меккского храма; однако известно, что слоны нередко упрямятся таким образом. Эта война случилась в том году, когда родился Магомет. Зрелище войска слонов на войне представляло для арабов нечто до такой степени новое, самый вид громадных созданий, которых нет в Аравии, всех настолько поразил, а исход происшествия показался столь чудесным, что арабы начали считать годы от этого дня, и это летосчисление, общеизвестное арабским писателям, которое долгое время было в употреблении, называется «Эльфил» — летосчисление, или эпоха, слонов. Введение особого арабского летосчисления, названного в память замечательного происшествия, а также согласное свидетельство всех арабских историков об этом историческом факте, хотя в подробностях рассказ несколько варьирует и украшен сказочным элементом, говорит в пользу подлинности этого события».

В наших зоологических садах африканский слон живет так же хорошо, как и азиатский, даже при таких условиях, которые мало соответствует его естественным потребностям.

Мясо африканского слона имеет вкус бычачьего, но гораздо жестче и с более грубыми волокнами; жир серовато-белого цвета, несколько грубозернист и тверд и при этом так легко застывает, что уже при температуре 25 градусов превращается в довольно твердую массу. Так рассказывает Гейглин, который первый ел мясо слона в свежем и сушеном виде и нашел его вкусным. Кусок передней ноги, простояв на огне 24 часа, дал большое количество хорошего бульона и вкусного мяса. Селус, напротив, называет слоновью ногу безвкусной пищею, но хвалит сердце, зажаренное на угольях на виллообразных палках, как одно из тончайших лакомств, какое только может добыть охотник в южной Африке; он называет также вкусным мясо у основания хобота и то, которое выре-

заяют на голове над глазами; его, впрочем, надо варить очень долго, прежде чем оно станет мягким. Что касается азиатского слона, то Теннент хвалит язык, а Корзе находит очень вкусным зажаренный в золе хобот. Негры разрезают все мясо слона на длинные полосы, высушивают их на солнце или над огнем и растирают до употребления в грубый порошок, который примешивают к своим простым кушаньям. На охотах, которые устраивают в стране Ниам-Ниам, иногда истребляют столько слонов, что потребность многих сел в мясе удовлетворяется на несколько месяцев. «Часто, — говорит Швенфурт, — я видел туземцев, которые шли к своим хижинам, как мне казалось, с большой вязанкой хвороста: они несли свою долю слоновьего мяса, которое, будучи разрезано на длинные ремни и высушено над огнем, совершенно принимает вид дров или прутьев».

Для всемирной торговли слон важен лишь в одном отношении, но значение его очень велико — именно доставлением слоновой кости. О сортах и величине бивней говорилось уже выше. По словам Вестендарпа, все количество слоновой кости от ныне живущих видов слона, поступающее на мировой рынок, равнялось за 1879 — 1883 годы ежегодно средним счетом 868 000 кг. Из этого количества Цейлон и Суматра доставляли 2000 кг, Индокитай 7000 кг, Индостан — 11 000 кг и Африка — 848 000 кг. Из африканского вывоза в среднем на западный берег приходилось 284 000 кг, на восточный берег (вместе с северным) — 564 000 кг; по отдельным областям вывоз распределялся следующим образом: Сенегамбия и Верхняя Гвинея доставили 19 000 кг, Нигер и Бинуэ — 89 000 кг, Камерун и Габун — 64 000 кг, Конго — 86 000 кг, Бенгуэла — 26 000 кг, Южная Африка — 29 000 кг, Мозамбик — 142 000 кг, Занзибар — 196 000 кг, Абиссиния и страна Сомали — 26 000 кг, Египет и Триполис — 171 000 кг. Условия вывоза в последнее время сильно изменились вследствие политических событий в восточной и северо-восточной Африке, изменения некоторых торговых путей и удаления или истребления слонов.

Цена слоновой кости в течение 50 лет более чем удвоилась. Хотя повышение цены было неправильным и подвергалось частым совершенно неожиданным колебаниям, но по десятилетиям оно шло следующим образом: в среднем один килограмм стоил в 1840 — 1850 годах 11 марок, в 1850 — 1860-х — 15, в 1860 — 1870-х — 15,50, в 1870 — 1880-х — 23, в 1880 — 1890 годах — 24,5 марки. «Тяжесть и качество зубов, пишет Вестендарп, обуславливают их цену. Маленькие твердые зубы весом около 1 кг, имеющие трещины, стоят теперь по 5 марок за килограмм, за здоровые мягкие зубы весом около 50 кг платят по 30 марок за килограмм». Среднее, ежегодное потребление слоновой кости в период 1879 — 1883 годов наш автор определяет в 838 000 кг, из них в Китай пошло 19000 кг, в Индию — 123 000 кг, в Америку — 112 000 кг, а в Европу — 535 000 кг. В Европе из этого количества ежегодно перерабатывалось на рукоятки ножей 214 000 кг, на гребни — 138 000 кг, на клавиатуру — 11 000 кг и на бильярдные шары — 42 000 кг.

По отношению к внутреннему строению слоновьих зубов различают прежде всего мягкую и твердую слоновую кость. Мягкая, называемая также мертвой или плотной, лучшего качества, нежная и белая, привозится из Египта, Занзибара и Мозамбика, следовательно, из восточной части Африки. Она особенно пригодна для изготовления клавиатуры, гребней и бильярдных шаров. Твердая, называемая также живой, прозрачной или стеклянной, привозится исключительно с западного берега Африки, лучшая — с Габуна и Конго, менее ценная — с Нигера. Она употребляется главным образом на рукоятки ножей, разные работы всякого рода, ручки палок и зонтиков, переплеты и ручки щеток, веера и т. п.). Слоновая кость, вывозимая на судах с северной границы области слонов, всего грубее и наименее ценна, то же можно сказать и о вывозимой с южной границы до Капланда. Чем дальше от экватора, чем выше и суше лежит область, тем грубее слоновая кость, и, напротив, чем ниже и влажнее местность, тем слоновая кость, в ней добываемая, нежнее и прозрачнее. С Габуна мы получаем самую прекрасную, прозрачную, так называемую зеленую слоновую кость, из Сенегамбии и страны Дамара — самую грубую. Еще одно замечательное различие заключается в цвете, который принимает тонкая наружная кора (цемент) бивней. Зубы, привозимые с восточного берега Африки, светлы — от чисто-белого до соломенно-желтого цвета; зубы, вывезенные с западного берега, из Нижней Гвинеи, преимущественно темного цвета, а именно от коричнево-бурого до каштаново-бурого, часто даже буро-черного. Зубы из верхней Гвинеи более светлого цвета и отличаются от зубов с Нигера корою желтовато-белого или соломенно-желтого цвета; зубы из Сенегала отличаются более светло-серой корою. Часто высчитывали число африканских слонов, которые должны были лишиться жизни, чтобы снабдить мировой рынок 848 000 кг слоновой кости. Расчет этот сделать не так легко. Так как число вывезенных зубов неизвестно, то его приходится определять путем вычисления, устанавливая для этого на основании возможно большего числа зубов всех величин средний вес одного зуба. По словам Вестендарпа, который принимает этот вес равным 6,5 кг, в Африке должны ежегодно добываться зубы 65 000 слонов. Пехуель-Леше опреде-

лил на западном берегу средний вес на основании многих сотен зубов в 8,15 кг, что соответствовало бы около 52 000 слонов. Наибольшее значение имеют сообщенные Ноаком данные П. Гессе, который тщательно исследовал этот вопрос в нижней Гвинее и в течение многих лет взвесил почти 30 000 зубов, поступавших на рынок. Он нашел средний вес в 9 кг; это количество можно получить от 47 000 слонов. Если мы возьмем среднее из трех определений, то окажется, что в Африке ежегодно почти 55 000 слонов должны доставить слоновую кость, чтобы покрыть указанный вывоз, причем предполагается, что у каждого животного действительно было по два бивня, а это, как мы уже видели выше, неверно*.

** Несколько облегчило существование слонов изобретение пластмассы, кое-где заменившей слоновую кость. Однако последняя стала в результате предметом еще большей роскоши, а значит, возросла в цене.*

Правда, пока еще многочисленные стада слонов бродят по обширным пустыням Африки; но число их все более и более уменьшается от преследований человека. Как на севере и юге, так и на востоке и западе, а также и внутри Африки им когда-нибудь предстоит участь быть вычеркнутыми из списка живых существ.

Отряд непарнокопытные

Отряд непарнокопытных, подобно отряду хоботных, включает лишь немногочисленных выживших представителей некогда богато развитой ветви животного царства, которые все достигают крупных размеров. Они ступают на снабженные копытами пальцы, причем палец, соответствующий третьему пятипалой ноги, всегда развит сильнее остальных. Зубная система характеризуется слабым развитием или даже полным отсутствием клыков и соединенными посредством валиков бугорками на коренных зубах; резцы есть в обеих челюстях. Скелет не имеет ключиц. Желудок простой, желчный пузырь отсутствует.

Около 25 известных видов непарнокопытных распространены почти по всей земле и могут быть сгруппированы в три семейства: лошадиных — с одним пальцем, тапировых — с четырьмя пальцами на передних ногах и тремя на задних, носороговых — с тремя пальцами. Вследствие значительного различия между этими семействами, даже по образу жизни, общее их описание оказывается невозможным*.

** Почти до конца миоцена непарнокопытные были самым многочисленным и разнообразным отрядом крупных травоядных, затем эта группа стала стремительно угасать, возможно проигрывая в конкуренции с парнокопытными. До наших дней дожили лишь 17 видов непарнокопытных из 6 родов. Дикие непарнокопытные встречаются в Азии, Африке, тропической Америке; одомашненные (включая вторично одичавших) — по всему свету.*

Семейство лошадиные

Лошади отличаются средней величиной, прекрасным сложением, относительно сильными конечностями и худощавой вытянутой головой, имеющей большие, живые глаза, заостренные подвижные уши средней величины и широко открытые ноздри. Шея толстая, с сильными мускулами, тело округлено и мясисто, волосы мягкие и короткие, но плотно прилегают к коже; на шее они образуют гриву, на хвосте также удлинены. Единственный палец, вооруженный изящным копытом, представляет достаточный признак для отличия лошадей от всех остальных непарнокопытных. В каждой половине верхней и нижней челюсти зубная система состоит из трех резцов, шести длинных четырехгранных коренных зубов с извилистыми складками эмали на жевательной поверхности и одного маленького, немного загнутого тупоконического клыка (последнего иногда не бывает). В скелете бросается в глаза длина черепа, причем лишь одна треть приходится на мозговую коробку, а две трети — на лицевые кости. Спинных позвонков 16, поясничных — 8, крестцовых — 5, число же хвостовых доходит до 21. Из органов пищеварения особого внимания заслуживает узкий пищевод, отверстие которого в желудок снабжено клапаном. Сам желудок представляет простой, не разделенный на части, продолговато-округлый небольшой мешок.

Первоначальной областью распространения лошадей, останки которых мы впервые встречаем в третичных пластах, должно считать большую часть северного полушария. В Европе дикие лошади, по-видимому, вымерли не слишком давно: они встречались в западной Европе, например в Вогезах, еще в XVI столетии; в Азии и Африке они еще и теперь бродят табунами по горам и высоко лежащим степям*.

** Наиболее архаичные формы лошадиных — ослы и зебры — сохранились в Африке, более прогрессивные лошади и куланы — населяют Евразию.*

В Америке, где лошади вымерли раньше, они сначала одичали; даже в Австралии есть уже одичавшие лошади**.

* * *В конце плейстоцена (10-12 тыс. лет назад) лошади в Западном полушарии полностью вымерли. Лишь в XVI в. в Новый Свет были завезены домашние лошади; некоторые из них одичали.*

Пищей им служат травы и другие растения; в неволе они научились есть и животные вещества: мясо, рыбу, саранчу.

Все лошади — живые, бодрые, подвижные, умные животные; движения их привлекательны и горды. Обыкновенная походка видов, живущих на свободе, представляет довольно быструю рысь, при ускоренном беге — легкий галоп. Мирные и добродушные по отношению к другим животным, которые не причиняют им вреда, они боязливо избегают человека и больших хищников, но в случае крайности мужественно защищаются от врагов зубами и копытами. Их размножение незначительно: кобыла после продолжительной беременности рождает лишь одного жеребенка***.

* * * *Возможно, одна из причин быстрого вымирания непарнокопытных — слишком низкий темп воспроизводства.*

Человеком поработаны по крайней мере два, а вероятнее — три вида этого семейства. Никакая история, никакие сказания не говорят нам о том времени, когда они впервые были обращены в домашних животных; достоверно неизвестно даже, в какой части света были приручены первые лошади. Полагали, что этим мы обязаны народам средней Азии; однако у нас нет никакого надежного указания относительно времени и народа, у которого это приручение произошло****.

* * * * *Предположительно лошадь была одомашнена древними индоевропейцами в степях Поволжья и Приуралья (а возможно и Южной Сибири) около 5 тыс. лет назад.*

"На древнеегипетских памятниках, — сообщает мне мой ученый друг Дюмихен, — изображения лошадей не попадают до времен Нового царства, следовательно, ранее XVIII или XVII столетия до нашей эры. Лишь после освобождения Египта от иноземного ига азиатских гиксов, которые владычествовали там почти половину тысячелетия, то есть с начала нового царства, изображения и надписи доказывают нам, что лошадь употреблялась у древних обитателей долины Нила. Я вовсе не думаю, однако, что лошадь была неизвестна египтянам раньше XVIII века до Рождества Христова, на основании отсутствия указаний на древних памятниках или, лучше сказать, на основании того, что до сих пор не найдено еще памятника, относящегося к более раннему времени, на котором изображена лошадь. Таким образом, нет никаких доказательств в пользу выставленного Эберсом предположения, что введение этого животного в Египет произведено гиксами. Относительно этого вопроса я вполне разделяю взгляд Шаба, что все дошедшие до нас свидетельства заставляют думать, что у этих варваров не было ни повозок, ни лошадей, древние египтяне должны были знать лошадь уже задолго до владычества этих диких племен, так как для приручения коня и изобретения упряжи для него потребовалось, конечно, гораздо более продолжительное время пребывания лошади в стране фараонов. Здесь начиная с XVIII столетия лошадью пользовались для военных целей.

Походы египтян Нового царства совершенно изменяют свой вид. Между тем как на памятниках Старого царства мы находим лишь изображения тяжело- и легковооруженных пеших войск, с этого времени запряженные конями военные колесницы занимают первое место в рядах египетских войск, с этого же времени их завоевательные походы простираются далеко в глубь соседней Азии, до стран, лежащих на Евфрате и Тигре. И такому употреблению для военных целей коня и колесницы, столь характерному для того времени, египтяне, по-видимому, научились действительно лишь от азиатских народов, записных наездников, конечно хорошо знакомых с лошадью; к ним, однако, не принадлежали гиксы, так как это был пастушеский народ. Но лошадь употребляли не исключительно для войны; различные надписи свидетельствуют вне всякого сомнения, что древние египтяне пользовались ею также при домашних и сельских работах. Мы читаем, что на лошади знатный египтянин выезжает из своего поместья, на ней же предпринимает он путешествие*, запряженных лошадей выводит для обработки полей, у земледельца «лошадь падает, таща плуг» и т. д. Короче, множество мест указывает, что уже в Древнем Египте умели всесторонне пользоваться этим благородным домашним животным».

* *Египтяне, как и большинство средиземно-морских народов, использовали лошадей только как упряжное животное, хотя современные им индоевропейцы наверняка уже умели ездить верхом. Для сельскохозяйственных работ использовались в основном быки и ослы, лошадей же запрягали в боевые и праздничные колесницы. Боевая конница появилась в начале первого тысячелетия до нашей эры у ассирийцев; очевидно, они переняли навыки верховой езды у скифо-*

сарматских (индоевропейских) племен. Ассирийцы же изобрели седло и некоторые важные части верховой сбруи. В Европе седло было изобретено вторично германцами и римлянами в IV в. н. э.

Несравненно более скудные данные, чем египетские источники, дают относительно первых периодов приручения лошади остальные памятники. Мы принимаем, что в Индии и Китае ее употребляли в качестве домашнего животного приблизительно в то же время, что и в Египте, но мы не в состоянии доказать этого; мы нашли ее остатки в свайных постройках Швейцарии, относящихся к позднему каменному веку, но не можем точнее определить это время.

Еще и теперь в степях юго-восточной Европы во множестве бродят табуны лошадей; одни считают их дикими родоначальниками нашего домашнего животного, другие думают, что это одичавшие его потомки. Эти лошади, которых называют **тарпанами** (*Equus caballus*) обладают всеми качествами настоящих диких животных, каковыми их считают татары и казаки. Тарпан маленького роста, у него тонкие, но сильные ноги с длинными бабками, довольно длинная и тонкая шея, относительно толстая горбоносая голова, остроконечные, направленные вперед уши и маленькие, живые, со злым огоньком глаза; шерсть густая, короткая, волнистая, на задней части ее можно назвать почти курчавой; зимой же она становится жесткой, крепкой и длинной, особенно на подбородке, где она образует нечто вроде бороды; грива короткая, густая, взъерошенная и курчавая, хвост средней длины.

Летом в окраске преобладает равномерный черно-бурый, желтовато-бурый или грязно-желтый цвет; зимой волосы делаются светлее, иногда даже белыми, а грива и хвост равномерно-темного цвета*.

** Наиболее распространенной мастью тарпанов была мышасто-серая с черными ногами, гривой, хвостом, «ремнем» по спине. Нередко на передних ногах просматривались неясные поперечные полоски.*

Пегих тарпанов не встречается никогда, вороные редки.

Первые подробные данные о тарпане, сколько мне известно, доставил Гмелин на основании наблюдений, которые он мог произвести в 1769 году; дальнейшими сведениями мы обязаны Палласу. Их показания довольно согласованы между собой. «Лет двадцать тому назад, — говорит первый, — здесь, около Воронежа, водилось довольно много диких лошадей; но так как они приносили много вреда, то их отгоняли все далее и далее в степи и очень часто рассеивали их». Гмелин рассказывает далее, как он получил новое известие о присутствии этих животных и, выехав затем на охоту, увидел их в окрестностях уездного города Боброва. Вместе с ними была русская кобыла. Убив жеребца, вожака стада, и двух кобыл, он, кроме того, овладел живым жеребенком. Паллас тоже считает лошадь и тарпана за один вид.

Тарпан (*Equus caballus*)

"Я начинаю более и более предполагать, — говорит он, — что дикие лошади, бродящие в яицких и донских, а также в Барабинской степи, по большей части не что иное, как потомки одичавших киргизских или калмыцких лошадей, или они произошли от жеребцов, принадлежавших бродившим здесь прежде пастушеским народам; эти жеребцы уводили то отдельных кобыл, то целые табуны и давали с ними приплод». Иначе высказывается Радде; он пишет мне следующее: «В начале 50-х годов к востоку от нижнего Днепра тарпаном называли лошадь гнедой масти, неуклюжего сложения, малого роста, с тяжелой головой и несколько дугообразным очертанием морды. Эту лошадь там считали не одичавшей, а дикой. По словам господ Базелль, которые имели большие поместья в низовьях Днепра (на их слова вполне можно положиться), тарпан держался в степях маленькими табунами, и за ним охотились. С этими рассказами совершенно согласуются сообщения швейцарцев Мерца и Филиберта в имении Атиманай у Азовского моря, недалеко от цветущих поселений менонитов и вюртембергцев. И здесь местные жители и переселенцы считают это животное диким. Я присоединяюсь к этим взглядам».

Об образе жизни тарпанов рассказывают приблизительно следующее: тарпанов встречают всегда табунами, которые могут состоять из нескольких сот голов. Обыкновенно большой табун распадается на меньшие общества, похожие на семейства; во главе каждого из них стоит жеребец. Эти стада занимают обширные открытые и возвышенные степи и перекочевывают с места на место, идя обыкновенно против ветра. Они чрезвычайно внимательны и пугливы, осматриваются, высоко подняв голову, прислушиваются,стораживают уши, раздувают ноздри и почти всегда вовремя замечают угрожающую им опасность. Жеребец — единственный властелин общества. Он заботится о безопасности его, но зато не терпит никаких беспорядков между своими подчиненными. Молодых жеребцов он прогоняет, и, пока они сами не сманят или не завоюют себе нескольких кобыл, они следуют за большим табуном лишь на известном расстоянии. Заметив что-нибудь подозрительное,

жеребец начинает фыркать и быстро двигать ушами, выбегает, высоко подняв голову, в известном направлении, пронзительно ржет, если замечает какую-нибудь опасность, и тогда весь табун срывается с места самым безумным галопом. Иногда животные исчезают как по волшебству: они прячутся в каком-нибудь овраге и ждут, что будет. Хищных животных храбрые и воинственные жеребцы не боятся. На волков они бросаются с ржанием и сбивают их наземь ударами копыт передних ног. Басня, будто бы они становятся кругом табуна головами внутрь и непрерывно бьют задними ногами, давно опровергнута.

Обитатели степей, разводящие лошадей, боятся тарпанов еще больше, чем волков, так как они часто причиняют им большой вред. По сведениям, собранным Гмелиным, они охотно держатся поблизости больших стогов сена, которые русские крестьяне ставят часто на расстоянии от селений, и сено им так нравится, что два тарпана в одну ночь могут уничтожить целый стог. Гмелин полагает, что этим обстоятельством легко можно объяснить, почему они так жирны и круглы.

Тарпана трудно приручить; это животное кажется неспособным переносить неволю. Перед его крайне живым характером, силой и дикостью оказывается бессильным даже искусство опытных в обращении с лошадьми монголов. «Осип Шатилов, — замечает Раdde, — получил в конце 50-х годов живого тарпана и послал его императорской Академии наук, которая передала его Брандту. При спокойном содержании в конюшне тарпан вел себя очень хорошо, пока от него требовали, только чтобы он ежедневно съедал даваемое ему сено; в остальном же он как был, так и оставался злым, капризным животным, которое при всяком удобном случае настойчиво пыталось кусать и лягать подходившего к нему и не поддавалось даже самому кроткому обращению. Так как в Академии его считали лишь одичавшей лошадью, то по прошествии некоторого времени подарили одному любителю лошадей¹¹. Благодаря значительному вреду, который тарпаны приносят разведению лошадей в степях, увозя с собой часто целые табуны, за ними ревностно и ожесточенно охотятся. Особенно преследуют жеребцов, так как если их убивать, то кобылы рассеиваются и легко становятся добычей охотников*.

** Последние лесные тарпаны были истреблены в Восточной Пруссии в 1814 г., степные тарпаны «продержались» в Таврических степях до 90-х годов XIX в., последний из них умер на конном заводе в 1918 г. В 30 — 50-х годах в Германии и Польше велась селекционная работа по выявлению скрытых признаков тарпана среди домашних лошадей. Полученная порода обладала всем набором внешних черт тарпана. Однако генетически эти лошади являются не тарпанами, а всего лишь «тарпаноидами».*

Приведенные данные оставляют нерешенным вопрос о происхождении домашней лошади (*Equus caballus ferus*); существующие воззрения противоречат друг другу**.

** * Предком домашней лошади обычно считают степного тарпана, реже — лошадь Пржевальского.*

Образ жизни тарпана не позволяет делать предположений относительно того, чем он был первоначально, так как лошади дичают легко и быстро. Этот факт убедительно доказывают табуны, населяющие степные области Южной Америки. Бросим же прежде всего взгляд на них, основываясь на указаниях надежных людей.

"Основанный в 1535 году город Буэнос-Айрес, — говорит Азара, — был впоследствии покинут. Уезжавшие обитатели его позаботились о том, чтобы собрать всех своих лошадей. Но 5-7 лошадей остались и были предоставлены самим себе. Когда в 1580 году тот же город был снова занят и населен, нашли множество лошадей, потомков этих немногих оставленных, но совершенно одичавших. Уже в 1596 году каждому было позволено ловить этих лошадей в свою пользу. Таково происхождение бесчисленных стад лошадей, которые бродят южнее Рио-де-Лаплаты». Циммароны, как называют этих лошадей, живут теперь во всех частях пампасов многочисленными табунами, которые иногда могут состоять из нескольких тысяч голов. Каждый жеребец собирает себе столько кобыл, сколько может, но остается вместе с ними в обществе прочих лошадей табуна. Особого вожака не бывает.

Циммароны причиняют много вреда, так как не только уничтожают хорошие пастбища, но также увозят домашних лошадей. К счастью, они никогда не являются ночью. С удивлением приходится замечать, что дороги, по которым они проходят, иногда бывают покрыты их навозом на протяжении нескольких километров. Не подлежит никакому сомнению, что они отыскивают дороги, чтобы испражняться. А так как все лошади имеют привычку обнюхивать испражнения других животных того же вида и увеличивать их количество своими, то такие места, покрытые навозом, возрастают до размеров настоящих гор. Дикари в пампасах едят мясо циммаронов, именно жеребят и

кобыл. Они также ловят некоторых из них, чтобы приручать; испанцы же не употребляют их ни на что и крайне редко ловят дикую лошадь для приручения.

Лошади Южной Америки проводят весь год под открытым небом. Через каждые 8 дней их сгоняют вместе, чтобы они не рассеивались, осматривают их раны, очищают и обмазывают коровьим пометом и время от времени, приблизительно через 3 года, обрезают жеребцам гриву и хвост. Об улучшении породы никто не думает. Пастбища там плохие, так как почву покрывает единственный вид травы. Весной эта трава сильно вырастает, но производит тогда у лошадей понос и поэтому истощает их. Летом и осенью мустанги поправляются и даже жиреют, но, как только их начинают употреблять для езды, они спадают с тела. Зима — самое худое время для них. Трава вянет, животные должны довольствоваться жесткой, вымокшей от дождей соломой. Эта пища вызывает у них потребность в соли. Можно наблюдать, как они по целым часам остаются на солончаках и лижут соленую глину. При содержании в конюшне они не нуждаются в соли. Лошади, которых лучше кормят и о которых больше заботятся, уже через несколько месяцев приобретают короткую и блестящую шерсть, крепкие мускулы и благородные формы.

"Обыкновенно, — говорит Ренгер, — лошади эти живут стадами в определенной области, к которой привыкли с юности. Каждому жеребцу поручают 12-18 кобыл; он собирает их вместе и защищает от чужих жеребцов. Если ему дают слишком много кобыл, то он более не охраняет их. Жеребята живут с матерями до третьего или четвертого года. Матки обнаруживают большую привязанность к жеребяткам, пока те еще сосут, и иногда защищают их даже против ягуара. Нередко им приходится выдерживать битвы с мулами, в которых временами возбуждается нечто вроде материнской любви. Тогда они стараются хитростью или силой увести жеребят и дают им сосать свое лишнее молоко вымя, но бедные существа, конечно, погибают при этом.

Когда лошади достигают возраста несколько более 2 или 3 лет, из молодых жеребцов выбирают одного, дают ему молодых кобыл и приучают его пастись вместе с ними в определенной местности. Остальных жеребцов кастрируют и соединяют в особые стада. Все лошади, принадлежащие к одному тауну, никогда не смешиваются с другими и так крепко держатся вместе, что бывает трудно отделить нескольких пасущихся лошадей от остальных. Если нарушают такой порядок, например когда сгоняют вместе всех лошадей одной фермы, то они тотчас же снова отыскивают друг друга. Жеребец ржанием призывает к себе своих кобыл, мерины отыскивают друг друга, и каждое стадо снова отправляется на свое пастбище. Для 1000 и более лошадей нужно менее четверти часа, чтобы разделиться на кучки по 10-30 голов. Я, кажется, заметил уже, что лошади одинаковой величины или одной масти легче привыкают друг к другу, чем разные, а также что чужие, ввезенные из Банда-Орианта и Антре-Риос, соединяются преимущественно между собой, а не с местными лошадьми. Животные эти обнаруживают притом большую привязанность не только к своим товарищам, но и к своим пастбищам. Я видел некоторых, которые вернулись на старые, привычные места, пройдя расстояние в 80 часов пути.

Чувства этих почти диких животных кажутся более острыми, чем у европейских лошадей. Слух их крайне тонок; ночью они движением ушей показывают, что улавливают самый легкий, для всадника совершенно неслышимый шорох. Зрение их, как у всех лошадей, довольно слабое; но благодаря жизни на свободе они приучаются различать предметы на значительном расстоянии. При помощи обоняния они составляют себе понятие об окружающих предметах. Они обнюхивают все, что кажется им незнакомым. С помощью этого чувства они научаются узнавать своего хозяина, упряжь, сарай, в котором их седлают, умеют различать в болотистых местностях трясину и находить в темную ночь или в густой туман дорогу к своему жилищу или пастбищу. Хорошие лошади обнюхивают своего седока в то время, когда он садится в седло, и я видел таких, которые или вовсе не позволяли всаднику сесть на себя, или не слушались его, если на нем не было пончо или плаща, какой всегда носят деревенские жители, укрощающие и объезжающие лошадей. Если они пугаются какого-нибудь предмета, то их легче успокоить, дав обнюхать этот предмет. На большом расстоянии они, правда, не чувствуют. Я редко видел лошадь, которая могла бы узнать о присутствии ягуара в 50 шагах и даже менее. Поэтому в населенных местностях Парагвая они составляют самую обыкновенную добычу этого хищника. Когда в сухие годы источники, откуда мустанги привыкли пить, пересыхают, то они скорее погибнут от жажды, чем отыщут другие, между тем как рогатый скот ходит за водой часто на расстояние до 10 часов пути. Вкус у них развит по-разному: некоторые легко приучаются к конюшечному корму и привыкают есть различные плоды и даже сушеное мясо, другие готовы скорее околесть от голода, чем тронуть иную пищу, кроме обыкновенной травы. Осязание у них очень притуплено уже с молодости благодаря жизни под открытым небом и тому, что их мучают комары и слепни».

Жизнь одичавших лошадей в льяносах*, расположенных далее к северу, мастерски описал нам в коротких словах Гумбольдт: «В продолжение лета вертикальные лучи солнца, никогда не закрываемого облаками, совершенно выжигают и обращают в пыль весь травяной покров этих неизмеримых равнин; почва постоянно трескается, точно разорванная мощными подземными толчками.

* *Одичавшие лошади существуют во всех частях света. Особенно популярны североамериканские мустанги некрупные лошади легкого сложения, произошедшие от лошадей конквистадоров. Первые мустанги появились в Америке, вероятно, в 40-х гг. XVI в. Их численность быстро выросла до миллионов голов. В настоящее время сохранилось не более 17 тыс. мустангов в Северной Америке, в Южной они, видимо, истреблены. Больше всего одичавших лошадей сейчас в Австралии. В России одичавшие лошади встречаются в Прикаспии, на некоторых Курильских островах. Несмотря на многие поколения, выросшие на воле и подвергавшиеся естественному отбору, мустанги и другие одичавшие лошади не вернули себе признаков дикой лошади. У них длинные «лежачие» или полустоячие гривы и челки (у всех диких лошадиных — только стоячие), может быть самая разнообразная масть. Лишь дикие лошади Камарга, в южной Франции, во взрослом состоянии всегда светло-серые.*

Окруженные густыми облаками пыли, мучимые голодом и томимые жаждой, там бродят лошади и рогатый скот, первые — высоко вытянув шею и нюхая против ветра, чтобы по влажности воздуха угадать близость еще не совсем высохшего озера. Более рассудительные и хитрые мулы стараются другим образом утолить жажду. Одно шарообразное и ребристое растение, дынный кактус, заключает под своей колючей оболочкой обильную водоносную мякоть. Мул сбивает передними ногами шипы и пьет прохладный сок кактуса. Но черпать из этого живого растительного источника не всегда безопасно; часто можно видеть животных, которые хромают, занозившись шипами. Когда наконец за палящим дневным жаром наступает прохлада ночи, столь же продолжительная, то и тогда лошади и рогатый скот не могут отдохнуть. Вампиры преследуют их во время сна и садятся на их спины, чтобы высосать кровь.

Когда после продолжительной летней засухи наступает благодатное дождливое время года, декорация совершенно изменяется. Едва только смочится поверхность земли, как степь начинает покрываться прекрасной зеленью. Лошади и рогатый скот выходят на пастбу, радостно наслаждаясь жизнью. Однако в высокой траве прячется ягуар и верным прыжком схватывает лошадь или жеребенка. Реки скоро выходят из берегов, и те же самые животные, которые томились несколько месяцев от жажды, должны теперь вести жизнь земноводных. Кобылы с жеребятами отступают на более высокие места, которые выдаются в виде островов над поверхностью воды. С каждым днем пространство суши уменьшается. Вследствие недостатка пастбища стеснившиеся животные плавают по целым часам и скудно питаются цветущими верхушками трав, выступающих над поверхностью бурой болотной воды. Многие жеребята тонут, многих схватывают крокодилы, раздробляют их тело ударами хвоста и проглатывают. Нередко на бедрах лошадей остаются следы зубов крокодила в виде больших рубцов. Среди рыб они тоже имеют опасного врага. Болотная вода кишит электрическими угрями. Эти замечательные рыбы обладают достаточной силой для того, чтобы своими электрическими ударами убивать самых крупных животных, особенно если сразу разрядить в известном направлении все свои батареи. Одну степную дорогу около Ури-Туку пришлось оставить вследствие того, что в маленькой речке, пересекающей путь, накопилось такое множество угрей, что они ежегодно оглушали многих лошадей, которые тонули во время переправы».

Надо сказать, однако, что лошади сами часто приносят себе более вреда, нежели самые опасные враги. Ими иногда овладевает сильнейший испуг. Сотни и тысячи их, как бешеные, бросаются в бегство, не останавливаясь ни перед каким препятствием, взбегают на скалы или разбиваются в пропасть. Они внезапно появляются на стоянках путешественников, ночующих в открытой степи, бросаются между огнями через палатки и повозки, наводят панический страх на вьючных животных, срывают их с привязи и увлекают навсегда в своем живом потоке. Так рассказывает Муррей, который испытал и пережил такое нападение. Далее к северу индейцы увеличивают собой число врагов, которые отравляют существование этим животным. Они ловят их, приучают к седлу и пользуются ими на охотах, при этом так мучают, что даже самая бодрая лошадь погибает в короткое время. Как у бедуинов Сахары, так и у индейцев лошадь часто становится причиной самых кровавых битв. У кого нет лошадей, тот старается украсть их. Конокрадство пользуется у краснокожих почетом. Шайки воров целыми неделями следуют за кочующими племенами или караванами, пока не найдут случая отогнать всех верховых животных. Американских лошадей ревностно преследуют также ради шкур и мяса. Около Лас-Нокаса, как рассказывает Дарвин, еженедельно убивают большое число кобыл ради шкур. На войне отряды войск, посылаемые в дальний путь, берут с

собой для пропитания только стада лошадей. Эти животные еще и потому удобнее для них, чем рогатый скот, что допускают большую подвижность войска.

Что домашние лошади могут дичать еще и в настоящее время, мы узнаем от Пржевальского. Во время своих путешествий по Монголии этот прекрасный наблюдатель видел маленькие табуны одичавших лошадей, которые еще лет за десять до того жили в домашнем состоянии; оставленные на произвол судьбы жителями китайской провинции Ганьсу во время дунганских смут, они в течение короткого времени стали настолько пугливыми, что убегали от человека, как настоящие дикие лошади*.

* *Лошадь Пржевальского (E. przewalskii), найденная в Джунгарии второй экспедицией Н. м. Пржевальского в 1877 г., иногда рассматривается как один из подвидов дикой лошади наряду с тарпанами. Последние дикие лошади этого вида наблюдались в Западной Монголии в 60-х годах XX в. Ведется планомерное разведение лошади Пржевальского в зоопарках (всего в неволе более 500 голов), первую партию (около 40 животных) в настоящее время уже выпустили в места бывшего обитания.*

Описание или хотя бы перечисление почти бесчисленных пород домашней лошади не входит в рамки этого сочинения**.

* * *Всего в мире зарегистрировано более 200 пород лошадей.*

Здесь будет достаточно присовокупить несколько слов к прекрасным изображениям, которыми мы обязаны искусной руке Кампгаузена, более для того, чтобы объяснить подписи, чем с целью дать полные описания.

Выше всех пород лошадей стоит еще и теперь **арабская лошадь**. «Чистокровные лошади, — пишет граф Врангель, — не имеют более благородного представителя, чем чистая арабская лошадь; она стоит на границе между естественными и культурными расами и в качестве благороднейшего животного в мире одинаково приводит в восхищение и естествоиспытателя, и знатока лошадей, и поэта».

Арабская лошадь

Древность этой расы, во-первых, вовсе не так велика, как принимают обыкновенно и как охотно готовы уверять арабы. Они держатся того мнения, что пять самых замечательных семейств их лошадей происходят от пяти кобыл царя Соломона, что еще подтвердил Абд-эль-Кадер, споря с Блентом. Но граф Врангель, опираясь на исследования А. Баранскиса, указывает, что лишь в IV веке нашей эры Аммиан Марцеллин упоминает о быстрых лошадях сарацинов: «В VII столетии, во

времена Магомета, лошадь всюду употребляется в Аравии и с этого времени становится предметом настоящего культа сынов пустыни».

По общепринятым требованиям арабов благородная лошадь должна соединять в себе пропорциональное сложение, короткие и подвижные уши, тяжелые, но изящные кости, сухую морду, ноздри «такой же ширины, как пасть льва», прекрасные, темные, выпуклые глаза, «по выражению похожие на глаза любящей женщины», несколько изогнутую и длинную шею, широкую грудь и широкий крестец, узкую спину, крутые бедра, очень длинные истинные ребра и очень короткие ложные, поджарое тело, длинные голени «как у страуса» с мускулами «как у верблюда», черное одноцветное копыто, тонкую и редкую гриву и густой хвост, толстый у корня и тонкий к концу. У арабской лошади должны быть четыре широкие части: лоб, грудь, бедра и сочленения; четыре длинные: шея, верхние части конечностей, брюхо и пах; четыре короткие: крестец, уши, стрелка и хвост. Эти качества доказывают, что лошадь — хорошей породы и быстра на бегу, так как она в таком случае сложением своим похожа на «борзую собаку, голубя и верблюда сразу». Кобыла должна иметь «мужество и ширину головы дикой свиньи, привлекательность, глаза и рот газели, веселость и ум антилопы, плотное сложение и быстроту страуса и хвост короткий, как у гадюки».

Породистую лошадь узнают и по другим признакам. Ей нравятся деревья, зелень, тень, проточная вода, притом в такой степени, что при виде этих предметов она ржет. Она не пьет, пока не коснется воды ногой или ртом. Губы ее всегда сжаты, глаза и уши всегда в движении. Свою шею она быстро вытягивает направо и налево, как будто хочет говорить с седоком или просит о чем-нибудь. Далее утверждают, что она никогда не спаривается со своим близким родичем. По нашим понятиям, арабская лошадь очень мала, так как едва достигает 1,5 м высоты, очень редко более. Настоящие недредские лошади, по В. Г.

Пэльгрэву и Винченти, в среднем тоже не превосходят этой величины. Пэльгрэв не видел ни одной, которая достигала бы вышины 1,6 м. Де Вогренан описывает недредских лошадей даже как очень маленьких и определяет рост их лишь в 1,32-1,43 м. Понятно само собой, что животные такой незначительной величины, хотя и могут спорить с нашими крупными чистокровными лошадьми, но лишь по выносливости, а не по скорости на бегах.

В глазах арабов лошадь — самое благородное из всех созданных животных, и потому она пользуется почти таким же уважением, как знатный человек, и большим, чем обыкновенный смертный. У народа, скудно населяющего обширное пространство этой части земного шара, народа, который несравненно менее привязан к земле, чем мы, жители Запада, главное занятие которого составляет скотоводство, лошадь должна быть в величайшем почете. Она необходима арабу для жизни, для существования, с помощью ее он кочует, путешествует, верхом на ней пасет свой стада, благодаря ей блистает в битвах, на празднествах, общественных собраниях; он живет, любит и умирает на коне. Любовь к лошади у араба — врожденное чувство, особенно у бедуина: он всасывает с молоком матери уважение к этому животному. Это благородное создание — самый надежный товарищ воина, самый верный слуга властелина, любимец всего семейства. Вот поэтому-то араб и наблюдает за лошадью с тревожной заботливостью, изучает ее нрав, потребности, воспевает ее в своих стихах, прославляет в песнях, находит в ней самый приятный предмет для беседы. «Когда творец пожелал создать коня, — поучают восточные мудрецы, — он сказал ветру: я хочу, чтобы от тебя родилось существо, назначенное для того, чтобы носить моих поклонников. Это существо должно быть любимо и почитаемо моими рабами. Оно должно внушать страх всем тем, которые не слушаются моих заповедей». И он создал лошадь и воззвал к ней: «Я сделал тебя совершенной. Все сокровища земли лежат перед твоими глазами. Ты будешь повергать под свои копыта моих врагов и носить на спине моих друзей. Ты станешь седалищем, с которого будут возносить ко мне молитвы. По всей земле ты должна быть счастлива и почитаема больше всех остальных созданий, так как тебе будет принадлежать любовь господина земли. Ты должна летать без крыльев и побеждать без меча!» Вследствие такого мнения сложилось поверье, что лошадь может быть счастлива лишь в руках арабов; этим, говорят, объяснялось прежнее нежелание уступать коней иноверцам, которое теперь, правда, уже строго не соблюдается. Абд-эль-Кадер, когда он находился еще на высоте своего могущества, наказывал смертью всех правоверных, на которых ему доносили, что они продали христианам одну из своих лошадей.

Все арабы полагают, что благородные лошади уже целые тысячелетия сохраняются в одинаковом совершенстве, и потому заботливо следят за разведением своих коней. На жеребцов хорошей породы существует очень большой спрос: владельцы кобыл ездят далеко, чтобы достать для случки таких жеребцов. В вознаграждение за это владелец жеребца получает в подарок известное количество ячменя, овцу и бурдюк молока. Брать деньги считается постыдным; тот, кто захотел бы сде-

лать это, приобрел бы позорное название «продавца любви лошади». Только в том случае, если от знатного араба требуют, чтобы он одолжил своего благородного жеребца для случки с обыкновенной кобылой, он имеет право отвергнуть просьбу. Во время беременности с лошадью обращаются очень осторожно, однако на ней не ездят лишь в последние недели. В то время как кобыла жеребится, должны присутствовать свидетели, чтобы удостовериться происхождения жеребенка. Жеребенка воспитывают с особой тщательностью и с юности смотрят на него как на члена семьи. Поэтому-то арабские лошади стали домашними животными, и их можно смело пускать в палатку хозяина или к детям.

С 18-го месяца начинается воспитание благородного создания. Сначала ездить на нем пробует мальчик. Он водит лошадь на водопой, на пастбище, чистит ее и вообще заботится о всех ее потребностях. Оба учатся одновременно: мальчик становится наездником, жеребенок — верховым конем. Но никогда молодой араб не заставит доверенного ему жеребенка работать слишком много, никогда не будет требовать от него того, что выше его сил. За каждым движением животного следят, обращаются с ним с любовью и нежностью, но не терпят упрямства и злости. Лишь на третий год надевают на него седло; по окончании третьего года постепенно приучают напрягать все свои силы. Лишь тогда, когда лошадь достигла седьмого года, ее считают выученной. Поэтому арабская поговорка говорит: «Семь лет для моего брата, семь лет для меня и семь лет для моего врага». Нигде не проникнуты так сознанием силы воспитания, как в пустыне. «Всадник обучает свою лошадь, как муж свою жену», — говорят арабы. При этом надо, однако, заметить, что, по отзыву беспристрастных знатоков, искусство верховой езды стоит у арабов на очень низкой ступени: они по большей части очень плохие или по крайней мере грубые наездники и умеют ехать лишь шагом или неправильным галопом.

Хорошо воспитанная породистая арабская лошадь неутомима, хотя об этом рассказывали и очень много басен. В. С. Блент много раз объездил весь Восток со специальной целью ознакомиться с самыми лучшими лошадьми и закупить их; он составил себе очень высокое мнение об арабской расе и высказывает об этих лошадях и их всадниках в главных чертах следующее: «Арабская лошадь — смелый скакун, может быть самый смелый во всем свете. О быстроте ее бега сравнительно с быстротой чистокровной английской лошади я не могу говорить на основании опыта; однако я не думаю, чтобы на расстоянии 3 английских миль арабская лошадь имела какие-либо шансы обогнать английскую скаковую лошадь, исключая разве тот случай, когда эта последняя была второстепенного качества. На протяжении 5 миль дело принимает другой оборот, и я уверен, что на 20 милях лишь отличная английская лошадь может равняться с арабской. Она, по-видимому, способна проходить с тяжелой ношей значительные расстояния, не уставая. Хотя об этом рассказывают очень много, но едва ли возможно выяснить что-либо определенное о действительной быстроте их, так как бедуины не устраивают регулярных скачек. Если бы даже они хотели, то не умеют объезжать своих лошадей так, чтобы они могли вполне проявить все свои беговые способности. Их приходится очень сильно погонять, чтобы они прошли галопом без остановки более 1-2 английских миль. Даже при необходимости торопиться лошади постоянно прерывают езду остановками и отдыхом, так что непрерывная езда в течение целого дня для них вещь незнакомая. Тем не менее арабы проезжают таким образом, то есть галопом, прерываемым частым отдыхом, чрезвычайно большие расстояния и остаются в пути иногда целый месяц; в течение этого времени их лошади получают очень недостаточный корм и часто целые дни не получают воды, к тому же они подвергаются всем переменам погоды — жаре, холоду и сильному ветру. Таким образом, лошадей ценят более за их силу и выносливость при неблагоприятных условиях, чем за быстроту».

Кроме того, Блент не раз указывает на то, что бедуины проявляют более гордости, что владеют хорошей лошадью, чем привязанности к ней; они очень хорошо знают ее цену в продаже и обращают более внимания на происхождение лошади, чем на ее качества. Об этом, впрочем, Винченци высказывается совсем иначе; он говорит: «Бедуин требует, безусловно, чтобы родители кобылы были свободны от недостатков, но безукоризненная кобыла неизвестного происхождения дороже ему, чем имеющая недостатки, но могущая похвастаться блестящим родословным древом». Происхождение жеребенка определяется по матери, то есть принадлежность его к тому или иному семейству лошадей определяется по кобыле, а не по жеребцу.

Арабы различают много семейств лошадей; каждая область, каждое племя хвалится своими. В Аравии, вообще в областях, лежащих между Красным морем и Евфратом, различают, по словам Блента, 21 породу или семейство, из них 5 самых знаменитых, которые соединяются вместе под названием «кхамса» и представляют собой породы, произошедшие, как было уже сказано, от пяти ко-

был Соломона. Наиболее древняя и благородная называется «кехилан» или, как указывает Нибур, «кохлани».

Интересно послушать похвалы, расточаемые благородной лошади. «Не говори, что это животное — моя лошадь, скажи, что оно — мой сын! Она бежит быстрее бурного ветра, быстрее, чем взгляд скользит по равнине. Она чиста, как золото. Ее взор ясен и зрение так остро, что она видит волосок в темноте. Она догоняет на бегу газель. Орлу она говорит: я несусь по воздуху так же, как ты! Когда она слышит пение девушек, она ржет от радости, а свист пуль поднимает ее дух. Из рук женщин она выпрашивает себе подачку, а врага бьет копытом в лицо. Когда она может бежать по желанию ее сердца, она проливает из глаз слезы радости. Для нее все равно, чисто ли небо или бурный ветер пылью застилает солнце, так как благородный конь презирает ярость бури. На этом свете нет лошади, ей равной. Она несется с быстротой ласточки, она так легка, что могла бы танцевать на груди твоей возлюбленной и та не ощутила бы ее тяжести. Поступь ее так спокойна, что на полном скаку ты можешь выпить на ее спине полную чашку кофе, не пролив ни капли. Она понимает все, как сын Адама; ей недостает лишь языка».

Рядом с настоящей арабской лошадью стоит **берберская лошадь** — северной Африки и Сахары*.

** Берберская лошадь относится к той же группе пород, что и арабская. Сюда же относятся и туркменских ахалтекинцев (аргамаков).*

Эта восточная порода нашла широкое распространение в Европе. «Все знатоки лошадей согласны между собой в том, — говорит граф Врангель, — что эта лошадь происходит от древней нумидийской расы, которая приобрела известность еще во времена Пунических войн. Меньше единогласия существует относительно древнейших предков берберской лошади. Абд-эль-Кадер утверждал, правда, очень определенно, что берберская раса арабского происхождения. Однако другие авторы, познания которых в истории, конечно, превосходят познания, приобретенные храбрым эмиром в течение его славной жизни, защищают так же решительно взгляд, что берберская лошадь есть самостоятельная порода, возникшая в северной Африке. Как обстоит дело в действительности, решить трудно. Самые благородные берберские лошади разводятся в Тунисе; ближе всего к ним стоят лошади в алжирской части пустыни Сахары и последнее место занимают марокканские лошади.

Самый благородный родственник арабской лошади в Европе — это **английская чистокровная верховая лошадь**. Многие знатоки утверждали даже, что различие между этими обеими расами заключается лишь в небольших отклонениях, вызванных измененными условиями жизни, и что, следовательно, в жилах английской чистокровной лошади течет несмешанная восточная кровь. Это утверждение свидетельствует, однако, о недостаточном знакомстве с историей английской лошади, так как родословная этой расы доставляет нам, напротив, неопровержимое доказательство того, что в ней нет ни одной лошади, для которой можно было бы доказать исключительно восточное происхождение как с отцовской, так и с материнской стороны». Автор на основании исторических данных принимает, что в Англии существовала уже облагороженная порода, прежде чем кто-нибудь стал думать о скрещивании с восточной кровью*.

** Английская верховая — вторая порода чистокровных лошадей — выведена при участии арабской породы. Отличается наивысшей резвостью на скачках, но менее вынослива, чем арабская лошадь.*

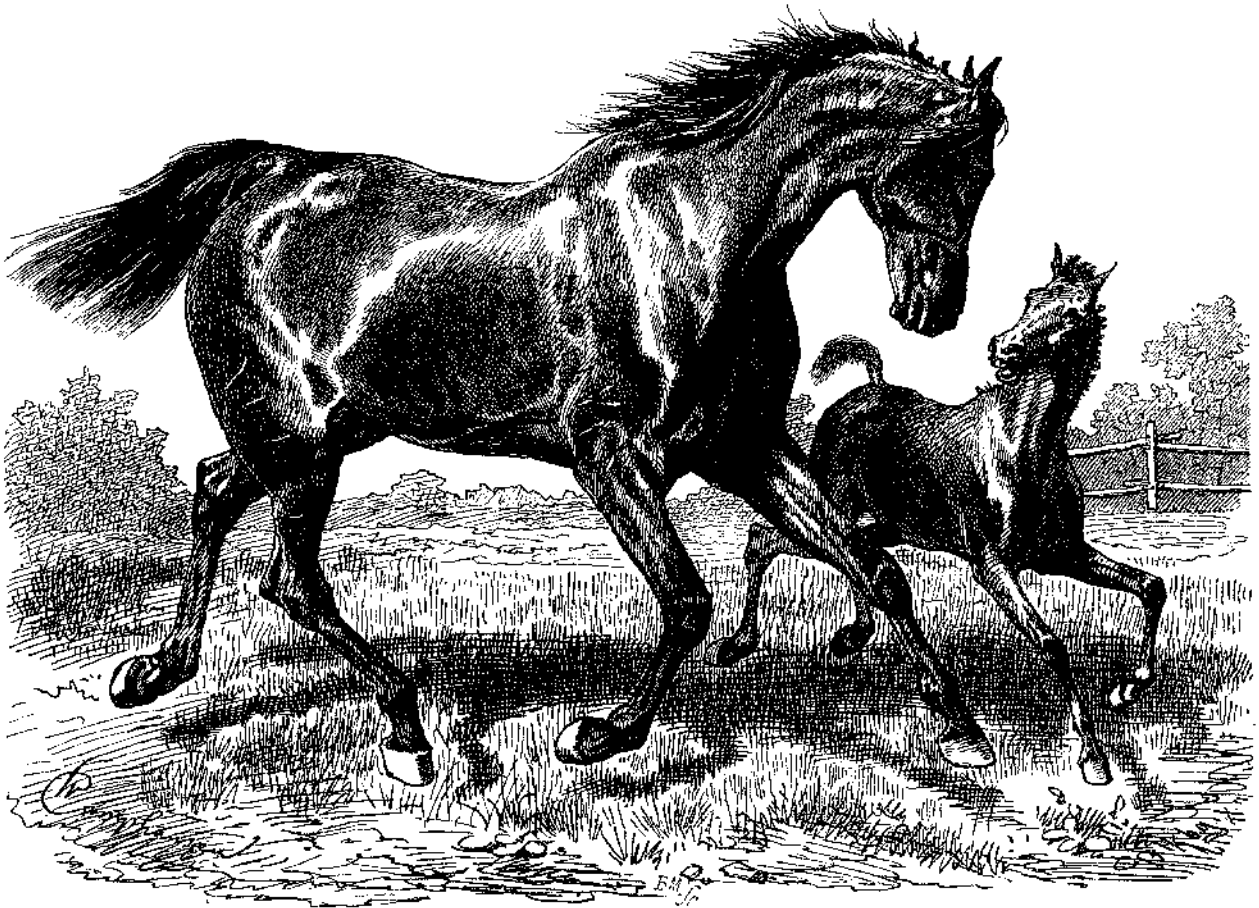
Он указывает далее, что драгоценнейшие качества благородной лошади — быстрота, выносливость и энергия — могут быть получены и укреплены лишь путем упражнения на скачках. Как по форме тела, так и по качествам современная чистокровная лошадь во всех отношениях превосходит своих предков; между ними существует большое число прекрасных лошадей, которые достигают вышины 1,75 м и более.

Английская чистокровная верховая

Сложение стало пропорциональнее и благороднее, чем у арабского коня. Их вывозят во все страны, населенные европейцами, чтобы облагораживать местные породы лошадей.

В Германии на разведение лошадей стали обращать должное внимание лишь в начале прошлого столетия. До того времени довольствовались обыкновенными лошадьми и не старались облагородить породу. В конце XVII века коневодство в Германии стояло, вероятно, повсюду на более низкой ступени, чем в средние века, когда, как известно, с Востоком поддерживались несравненно более оживленные сношения. О местном коневодстве не было и речи. В Пруссии лишь Фридрих Вильгельм I поставил его на более твердую почву. Прежде всего, чтобы снабдить свои придворные конюшни хорошими лошадьми, он в 1732 году построил конный завод Тракенен и тем положил начало разумному облагораживанию древней прусской породы, оставленной до того времени без внимания. Путем многократного скрещивания с восточными и особенно с английскими чистокровными лошадьми постепенно получили **тракененскую лошадь**, прекрасно сложенную, выносливую и вообще хорошую во всех отношениях. В настоящее время ее с полным правом можно назвать немецкой лошадью, тем более что Тракененский завод и его отделения имели и теперь еще имеют огромное влияние на разведение и облагораживание всех вообще прусских лошадей. Точно так же они имеют величайшее значение для немецкой кавалерии. «Поэтому вполне понятна та гордость, — пишет граф Врангель, — с которой все германские наездники указывают на восточную Пруссию, где находится этот завод».

Тракененская порода

Лошади крупных пород могут достигать высоты 1,8 м в загривке. Лошади тяжелых бельгийских, французских или английских пород имеют массу в среднем 750 кг, часто даже 800 кг, в редких случаях — 900-1 000 кг*.

* Крупнейшие лошади принадлежат к двум породам тяжеловозов бельгийским барбансонам и английским шайрам. Они достигают массы 1,5 т, в холке бывают до 2-2,2 м.

Самая маленькая лошадь — шетландский пони с густой, длинной, косматой гривой и пушистым хвостом достигает обыкновенно 90 см вышины, иногда лишь 85 и даже 82 см, следовательно, не больше крупной собаки.

Шетландский пони

Сообразно с особенностями и рабочая сила лошадей бывает чрезвычайно различной. В общем можно сказать, что лошадь может нести до 175 кг, следовательно, в среднем около четверти своей массы, но по твердой дороге везет 2500 кг, а ломовики даже 3000-3500 кг, то есть тяжесть, которая в среднем по крайней мере в 4 раза превосходит ее собственную массу**.

* * *Рекордный вес груза, свезенного парой тяжеловозов, составил 51 т.*

При таких условиях лошадь проходит около 4 км в час, а ненагруженная за то же время шагом — около 5 км; крупные лошади с более легким ходом идут шагом несколько быстрее. Выездные лошади спокойной рысью проходят 1 км в 4-5 минут, рысаки — то же расстояние почти вдвое скорее, самые лучшие рысаки в упряжи на ипподроме могут пробегать 1 км в 1,5-1,6 минуты. Скаковые лошади, которые вместе со всадником и седлом весят немногим более 400 кг, пробегают по ровной дороге в среднем 900 м, иногда даже 1000 м и более в минуту. Ноша легкой кавалерийской лошади равна 46 кг, не включая сюда веса всадника в 60-70 кг; дневной переезд ее — 22-30 км, усиленный переезд — 50-60 км. При непродолжительных поездках очень хорошие лошади, запряженные в легкий экипаж, могут проходить ежедневно средним счетом не более 70-80 км.

В настоящее время домашняя лошадь распространена почти по всему земному шару. Ее нет лишь в самых холодных странах и на некоторых островах, где человек еще не нуждается в ней. Сухие местности она предпочитает влажным болотистым, хотя может есть более грубое сено, чем другие домашние животные. Лошадей при разведении держат в диком, полудиком или домашнем состоянии. В первом случае, например в России, табуны целый год остаются в степи и предоставлены самим себе. Рождающиеся там лошади очень выносливы, сильны и неприхотливы, но никогда не достигают такой красоты, как рожденные и воспитанные под присмотром человека. В полудиком состоянии табуны лошадей бродят от весны до осени по лесам или обширным пастбищам, а зимой их держат на конюшнях и ухаживают за ними.

Наконец, высшую степень заботливости человека о лошади мы видим на конных заводах, где разведение ведется под строжайшим присмотром*.

* *В XIX в. во Франции (район Перш) была выведена знаменитая порода тяжеловозов першероны.*

Першерон

Коневодство, как и требует его высокое значение для народного хозяйства, стало наукой. Ему посвящают все более и более крупные научные силы. Первое и главнейшее условие успеха заключается в умелом и искусном выборе производителей, причем должно постоянно иметь в виду специальную цель, которой хотят добиться в потомстве. После выбора родителей результат разведения обуславливается главным образом целесообразным воспитанием жеребят, так как задатки хороших качеств, унаследованных от родителей, развиваются лишь при благоприятных для них условиях.

К сожалению, лошадь подвержена многим болезням. Важнейшая из них — наколенный грибок, опухоль и позднейшее затвердение пяточного сочленения; мыть — опухоль желез под нижней челюстью; короста — сухая или мокрая сыпь, при которой выпадают волосы; сап сильное воспаление носовой перегородки, которое страшно заразно и переходит даже на человека, острое бешенство, болезнь мозга, или оглум, — подобное же страдание; серые и черные бельма на глазах и другие. Кроме того, животное мучают многочисленные внутренние и наружные паразиты.

Лошадь может достигать 40 лет и более, но с ней часто так дурно обращаются, что иногда она стареет уже в 20 лет, и нужно признать, что она лишь в редких случаях достигает 30 лет. Лошадь, на которой ездил в турецкую войну австрийский фельдмаршал Ласи, по приказанию императора пользовалась заботливым уходом и, как говорят, достигла 46-летнего возраста*.

* *Максимальный достоверно зарегистрированный срок жизни лошади составил 62 года.*

О качествах, привычках, нраве и особенностях лошадей, короче, об их духовной жизни я предоставляю говорить Шейтлину: «Лошадь имеет способность различать пищу, жилище, пространство, время, освещение, цвет, форму, также семейство своего хозяина, соседей, друзей, вра-

гов, товарищей, людей и вещи. Она может воспринимать впечатления и представления, имеет память и большую разностороннюю восприимчивость к различным состояниям своего тела и души. Она при различных условиях бывает в хорошем или дурном расположении духа, довольна окружающей обстановкой или требует, чего ей хочется, она способна даже к страстям, например к любви и ненависти. Лошадь очень умна и легко усваивает дрессировку, так как чрезвычайно понятлива.

Многие животные видят и слышат лучше лошади. Она обладает также не особенно тонким обонянием и вкусом, а осязание вообще слабое, несколько тоньше лишь на губах. Зато ее способность изучать до мелочей близкие предметы удивительна: она научается точно узнавать все ее окружающее, тем более что с этим связана превосходная память. Всякий отлично знает, как хорошо помнит лошадь места, свою конюшню, дороги и мосты, как верно она узнает тропинку, по которой хоть раз прошла. Она даже знает дорогу гораздо лучше, чем тот, который ею управляет. Уверенная в своем знании, она на перекрестке упрямится и не хочет идти не по настоящей дороге. Всадник или кучер может спокойно спать и в самую темную ночь, предоставив выбор дороги лошади. Многих пьяных извозчиков выручали таким образом их лошади и спасали путникам жизнь и имущество. Как быстро узнает она постоялый двор, в который хоть раз заезжала, и всегда вполне уверена, что надо опять заехать! Она как будто подозревает, что извозчик или всадник не так хорошо знает этот постоялый двор, как она, как будто бы она должна показать им дорогу. Но, раз миновав постоялый двор, она опять бежит совершенно спокойно, как бы убедившись в своей ошибке, и признает, что хозяин поступил справедливо, так как он не хотел теперь заезжать туда. Однако она узнает постоялый двор не по вывеске и охотно бежит мимо тех, в которых никогда еще не была. Своего прежнего хозяина и работника она сразу узнает по прошествии многих лет, подбегает к нему, ржет, видя его, лижет и обнаруживает искреннюю радость; она только не знает хорошенько, как выразить свой восторг. Она тотчас замечает, если на нее сядет кто-нибудь чужой, а не хозяин, и иногда оглядывается назад, чтобы вполне удостовериться в этом. Она отлично понимает значение слов сторожа и вполне им повинуетя. Она идет из конюшни к колодцу, к повозке, позволяет надевать сбрую, бегаёт за работником, как собака, сама идет обратно в конюшню. На нового человека или на новую лошадь она смотрит осмысленно. Все новое сильно возбуждает ее: новая телега, новая карета — все это ей интересно.

Кто хочет научить лошадь исполнить что-нибудь, как человек, тот должен по крайней мере учить ее по-человечески, а не побоями, угрозами или голодом, действовать лишь добрым словом и обращаться с ней совершенно так, как добрый и умный человек обращается с другим. Что влияет на человека, то влияет и на лошадь. Во многом лошади очень похожи на детей и в хорошем, и в дурном. Вместе с памятью места лошадь обладает и понятием о времени. Она научается идти в такт, ехать рысью, галопом и танцевать. Она умеет также различать время, знает, утро ли, полдень или вечер. Она не лишена также музыкального чувства и, как воин, любит звук трубы. Весело бьет о землю копытом, когда слышит этот звук, призывающий к скачке или к битве; знает и понимает также барабанный бой и вообще все звуки, внушающие ей мужество или страх. Она узнает пушечную пальбу, но неохотно слышит ее, если ей пришлось видеть на поле сражения других коней, убитых выстрелами. Гром тоже неприятен ей. Может быть, на нее дурно влияет гроза.

Лошадь очень подвержена страху и в этом отношении походит на человека. Она пугается необыкновенного звука, необыкновенного предмета, развевающегося знамени, рубашки, вывешенной из окна и колеблемой ветром, тщательно осматривает каменистую дорогу, осторожно входит в ручей или реку.

На узких горных тропинках она вся дрожит, так как знает, что должна надеяться лишь на свои ноги и не может ни обо что опереться. Молнии очень боится и в грозу дрожит и потеет. Если одна лошадь бросается в бегство, то другая, испуганная, может удержать ее; обыкновенно же испуг овладевает и другой, и обе мчатся под влиянием все возрастающего страха, бешено летят через все, что попадает на пути к дому, и останавливаются лишь на дворе или у стены. Сколько несчастий прямо или косвенно в подобных случаях причиняет это животное, которое обыкновенно так разумно, послушно и благонаравно, которое повинуетя хозяину, работнику, женщине, девушке — словом, каждому, кто с ним хорошо обращается! Лошадь, как дитя, может удивляться, смущаться, пугаться от незначительных обстоятельств, но ее легко можно вывести из заблуждения и благодаря ее уму нетрудно познакомить с новыми предметами. Ясно, что ум ее может помутиться, как у человека, что она может сойти с ума. Не одна лошадь была уже безвозвратно испорчена грубым обращением, руганью и побоями конюхов, была лишена всех своих ценных внутренних качеств и сдела-

лась совершенно глупой и сумасшедшей. Напротив, хорошее обращение облагораживает лошадь, высоко ставит ее и делает получеловеком.

У лошади есть одно лишь истинное удовольствие — скачка. Она от природы странник. Только ради удовольствия пасущиеся лошади в русских степях скачут, галопом следуют по целым часам за повозкой, уходят даже на расстояние дневного пути с уверенностью, что найдут длинный обратный путь. На пастбищах они весело резвятся, бьют передними и задними ногами и делают разные шалости, скачут вместе, кусают друг друга. Есть такие задорные, которые постоянно дразнят других. Молодые дразнят даже людей. Это замечательный факт! Животное, которое пытается играть с человеком, должно ведь чувствовать себя близким к нему, почти видеть в нем себе подобного! Жеребец — страшное животное. Его сила громадна, его мужество непомерно, его глаза мечут огонь. Кобыла гораздо тише, добродушнее, послушнее, уступчивее; поэтому ее часто и предпочитают жеребцу. Лошадь способна ко всяким чувствам. Она любит и ненавидит, бывает завистливой и мстительной, коварной и т. д. Ни одна лошадь не похожа на другую. Одна зла и любит кусаться, другая доверчива и кротка. Или природа, или воспитание, или и то и другое вместе сделали их различными.

Как различна судьба лошадей! Жребий большинства их таков, что в молодости их любят и кормят овсом, в старости заставляют возить тяжести и дают жесткую траву, бьют и презирают. Многих коней оплакивали люди и справедливо воздвигали им мраморные памятники. У них есть детство для игр, молодость для щегольства, зрелый возраст для работы, наконец наступает возраст, в котором они становятся более вялыми и слабыми; они цветут, созревают и увядают!»

Кулан, или джигетай (*Equus hemionus*)¹ описан Палласом, который открыл его, следующим образом: «Этих джигетаев нельзя, собственно, называть ни лошадьми, ни ослиами. По своему внешнему виду они представляют нечто среднее между теми и другими. Кулан имеет некоторые прекрасные статьи, которые ставят его гораздо выше осла. Крайне легкое тело, тонкие конечности, дикий и быстрый взгляд и прекрасный цвет волос — вот его преимущества. Стоячие уши, имеющие более красивую форму, чем у мула, тоже не безобразят его. Таким образом, можно было бы и не обращать внимания на то, что его голова несколько тяжела, а маленькие копыта имеют такую же форму, как у осла.

Кулан (*Equus hemionus*)

Его обезображивают только прямая острая спина и некрасивый коровий хвост, такой же, как у осла. Он несколько больше ростом, чем маленькая порода мулов, и почти равен клепперу. Форма головы тяжелая, грудь велика, снизу угловата и несколько сдавлена. Спинной хребет не вогнут и не округлен, как у лошади, и не так прям и угловат, как у осла, а плоско выгнут кнаружи, и хребет образует тупой угол. Уши длиннее, чем у лошади, но короче, чем у обыкновенных мулов. Грива короткая и стоит дыбом, совершенно как у осла; хвост и копыта также сходны с ослиными. Грудь и плечи узки и далеко не так мясисты, как у лошадей, задняя часть также худощава, конечности же чрезвычайно легкие и тонкие и притом довольно высокие. Масти кулан светлой желто-бурой, нос и внутренняя сторона ног — чало-желтоватые, грива и хвост черноваты, а вдоль спинного хребта пробегает изящная полоска в виде черно-бурого ремня, который расширяется на крестце и снова суживается к хвосту**.

* *Величина, пропорции, окраска куланов из разных регионов очень различны.*

С этими данными согласно описание Радде, но оно во многих отношениях дополняет их. Зимой волосы достигают длины 2-5 см и кажутся в это время косматыми и мягкими, как верблюжья шерсть; кончики их серебристо-серые, у корня они бледного железно-серого цвета; летом волосы немного длиннее 1 см и имеют несколько более светлый желтовато-рыжий цвет с серым налетом; на морде, более чем на треть ее длины — от рта до внутреннего угла глаза, и желобок между ветвями нижней челюсти становятся постепенно светлее, переходя в почти чистый белый цвет, между тем как нижняя сторона лишь между передними ногами переходит в не совсем чистый белый цвет. Полоска по средней линии спины, окрашенная в темно-бурый цвет, переходящий в желтый и серый, к

середине спины суживается от ширины пальца до ширины менее 1 см, затем быстро расширяется, на крестце достигает в поперечнике 3 пальцев, сохраняет эту ширину на всем протяжении таза, потом очень быстро суживается и пробегает по спинной стороне хвоста в виде тонкой продольной полоски; она всюду резко отделяется от цвета тела. По бокам тела лишь в паху окраска становится светлее. На ногах цвет тоже постепенно переходит в более светлый по направлению сверху вниз; полоса бурых длинных волос шириной в палец окружает все основание копыта и на передней стороне ноги поднимается вверх, постепенно светлея. Вся длина тела равняется приблизительно 2,5 м, из них на голову приходится 50 см, на хвост без кисти — 40 см; вышина у загривка колеблется между 1,3 и 1,5 м; А. Вальтер определил, однако, в 1887 году высоту в плечах одного большого, совершенно взрослого жеребца лишь в 1,11 м.

До новейшего времени источником сведений о жизни кулана служило данное Палласом описание; лишь с начала 50-х годов мы получили ценные дополнения к этому первому сообщению. Более подробными сведениями мы обязаны Ходжсону, Адамсу, Хэю, Эверсману, Радде, Северцову, А. Вальтеру, Пржевальскому и А. Русини. Я попытаюсь сопоставить в дальнейшем изложении различные данные и дать по возможности полную картину жизни этого предполагаемого прародителя осла.

Кулан — дитя степи**.

* * *Исторический ареал куланов охватывал всю засушливую зону Азии — от Аравии, Сирии, Малой Азии и Предкавказья до Монголии, Тибета, СевероЗападной Индии.*

Хотя он предпочитает жить около озер и рек, но не избегает и бесплодных, безводных пустынь, точно так же он не боится и гор, если только они носят степной характер, не покрыты лесом. Главным образом на основании различного местонахождения пробовали различать джигетая и кулана. Считали невозможным, по крайней мере невероятным, чтобы одно и то же животное могло жить и на низменных равнинах, и на высоких горах (более 3000 м над уровнем моря). По мнению братьев Шлагинтвейт, кулан, несомненно, должен был бы погибнуть в низменности. Это ни на чем не основанное воззрение самым решительным образом опровергает Пржевальский, который видел, бесспорно, одно и то же животное пасущимся и на высоких горах северного Тибета, и на богатых лугах около Куку-Нора*.

* *Сейчас этих куланов обычно разделяют на два вида — джигетай и кианг.*

Ни разреженный воздух высоких гор, ни палящий солнечный жар летом и ледяная стужа зимой в степях, ни резкие горные вьюги, ни горячие облака песка, поднимаемые ветром в пустыне, не препятствуют распространению этого закаленного в непогодах животного. Хотя он вовсе не зависит от человека, однако один человек оказывает влияние на его распространение. Там, где бродячие пастушеские народы еще не посещали обширных пространств степей, кулан может жить, а там, где пастух со своими стадами регулярно проходит взад и вперед, он спугивает кулана. Эта дикая лошадь требует полной, ничем не стесняемой свободы. Поэтому она водится только там, где среди роскошных пастбищ расстилаются пространства настолько бедные, бесплодные и пустынные, что даже невзыскательный предшественник оседлого человека избегает их.

Уже во времена Палласа, после того как в степях была учреждена пограничная стража, в русских владениях редко видели табуны под предводительством старого жеребца, а только случайно забежавших отогнанных молодых жеребцов или отдельных кобыл. В настоящее время эти быстрые животные оттеснены еще далее, но не истреблены вовсе в расширившихся за это время пределах России. Их даже можно встретить у самой границы Европы. Они живут еще теперь в значительном количестве в некоторых частях Акмолинской области, далее в степной полосе между Алтайскими горами и озером Зайсан и встречаются к востоку и югу отсюда во всех удобных местах в южной Сибири и Туркестане, хотя и не в таком большом числе, как в пустынных степях Монголии и северо-западного Китая или в горах Тибета. «В Туркменских степях, — пишет Вальтер, — кулан еще и теперь встречается на всем их протяжении в довольно значительном числе. Он удалился в нетронутые пустыни лишь из частей, оживленных Закаспийской железной дорогой и новыми военными постами. В начале постройки железной дороги часто замечали большие стада около линии в окрестностях Казанчика и между Душаком и Кара-Бендом. Теперь они, по-видимому, исчезли отсюда. Чаше встречаются они, как говорят, на бесплодных степных равнинах к северу от Атрека, а особенно их много вдоль афганской границы, как и вообще в холмистой пустыне между Тедженом и Мургабом. Так, недалеко от колодца Адам-Илень, между Пуль-и-Хатун и Акрабатом, я встретил много их в апреле 1887 года рядом с бесчисленными стадами сайгаков**».

* *В настоящее время туркменский кулан сохранился лишь в заповедниках.*

Общественность составляет основную черту характера этой дикой лошади. Кулан пасется на высоких горах вместе с дикими баранами, тибетской антилопой и яком, а на низменностях вместе с сайгой. Они мирно живут также вместе с отделившимися от стада лошадьми. Русинов пишет мне, что лошади боятся куланов и удаляются от них, так как им, по-видимому, противен запах их родичей; этого не подтверждает, однако, одно собственное мое наблюдение. Когда мы 3 июня 1876 года пересекали степь около озера Зайсан, причем не раз наталкивались на куланов, мы увидели двух лошадей, стоявших на хребте длинного холма, которых признали было за диких. При нашем приближении одна из них убежала, а другая пошла прямо к нам: это была домашняя лошадь. Она, вероятно, убежала из своего стада, заблудилась в степи и за недостатком более подходящего общества присоединилась к куланам; теперь она оставила их, чтобы снова примкнуть к лошадям. Она без сопротивления позволила поймать и взнуздать себя и несколько минут спустя так равнодушно бежала рядом с нашими верховыми животными, точно никогда не пользовалась полнейшей свободой.

Любимая пища куланов — степная полынь и одно кустообразное колючее растение, называемое баялыш, которое часто встречается именно в Голодной степи. Во время переселений эти животные, обыкновенно столь разборчивые, должны довольствоваться и другими растущими в степи травами; зимой же им приходится есть побеги тамарисков и других кустарников, хотя эта пища так мало пригодна для них и так их обессиливает, что они делаются похожими на бродячие скелеты**.

** * Осенью и зимой табунки — «гаремы» куланов объединяются в большие стада по несколько сот голов. В зависимости от обилия корма и наличия водоемов куланы совершают незначительные сезонные кочевки.*

При скудном корме они пасутся почти во всякое время дня, при обильном они тоже заняты едой очень долго; после заката солнца они отдыхают, однако, как уверяют киргизы, всегда лишь короткое время. Относительно времени, когда куланы спариваются и когда жеребятся, указания расходятся. В западной части области распространения первое приходится на время между серединой мая и серединой июля, последнее приблизительно месяцем раньше, так как продолжительность беременности такая же, как у лошади. Свое мнение, будто кулан в Тибете жеребится зимой, Хэй подкрепляет замечанием, что кобыла, убитая им в августе, имела почти доношенного жеребенка и что он никогда не видел летом жеребят, которым могло быть менее 6 месяцев от роду; однако это воззрение, должно быть, не совсем верно или, по крайней мере, относится к исключительным случаям. Мы поймали 3 июня жеребенка, которому, очевидно, было всего несколько дней***.

** * * Гон куланов приходится в среднем на май-июнь, жеребенок рождается через год — с апреля по июль включительно. Первые дни он лежит в укрытии. Перед родами самка уходит из табуна и возвращается обратно на второй неделе, когда детеныш окрепнет.*

Тот, кто когда-нибудь видел куланов на их родине и на полной свободе, без колебаний назовет их высокоодаренными животными. Их движения невольно очаровывают зрителя; в восторге и изумлении он старается уловить взором изящные формы этих быстрых животных. «Удивительнейшее зрелище, — как вполне справедливо говорит Хэй, — представляют куланы, когда с необыкновенной быстротой взбираются на горы или ловко спускаются вниз, никогда не спотыкаясь». Куланы, которых мы преследовали, мчались по степи через холмы и долины, точно дразня нас своей быстротой и неутомимостью. Ни один всадник не может догнать их; они соперничают в быстроте с любой антилопой*.

** Максимальная скорость кулана заметно выше, чем у лошади, 70—75 км ч, но с этой скоростью животное может бежать не более нескольких минут. Крейсерская скорость, с которой куланы могут бежать многие часы, — 40-50 км ч. что также недостижимо для лошади.*

Точно так же и в искусстве лазания по горам они едва ли уступают серне или горному козлу.

Острота их чувств и духовные дарования соответствуют их физической силе. Киргизы называют их упрямыми; самоуверенность и храбрость, любопытство и отвага вот главнейшие черты их характера. Если их не преследуют, они не спеша трусят своей дорогой и весело помахивают своими всегда подвижными хвостами; в случае же преследования они бросаются легким, изящным и очень быстрым карьером, но и тут время от времени останавливаются, все смотрят в одном направлении, прислушиваются и затем с прежней быстротой беззаботно и резво мчатся далее вперед, вытянувшись в одну линию. Обыкновенно, хотя и не всегда, они убегают, еще издали завидев человека. Одно из животных, по словам Хэя, стоит на страже по большей части на расстоянии 100-200 метров от табуна. Этот часовой, заметив угрожающую опасность, не торопясь приближается к товарищам, предупреждает их об опасности, становится во главе, и весь табун убегает или рысью, или полным галопом. Спугнутый кулан бежит всегда против ветра, поднимает на полном бегу голову и вытяги-

вает свой длинный хвост. Жеребец должен не только собирать табун, но и заботиться также о его безопасности, он постоянно обегает его кругом и в случае опасности подает знак к бегству. Нередко он бежит рысью прямо на приближающегося охотника, и в таком случае его легко застрелить. Иногда он долго следует за всадником. «Раз, — рассказывает Хэй, — два кулана долго бежали за пони, на котором ехал верхом один из моих слуг, и настолько приближались к нему, что он даже боялся нападения с их стороны». То же сообщает Бальдвин, который на охоте должен был отгонять этих любопытных животных.

Кулан легко уходит от преследования крупных хищников. В западноазиатских степях, впрочем, и нет таких, которые преследовали бы куланов; живущие здесь волки не смеют нападать на здоровых диких лошадей, так как они прекрасно умеют защищаться своими сильными копытами. Нападению волков могут подвергнуться разве что истомленные, больные экземпляры, идущие в стороне от стада. В южных и юго-восточных частях области распространения куланов врагом их может являться тигр; но так как степи лишь местами доставляют удобное для него местопребывание, а этих мест куланы избегают, то, вероятно, и он не причиняет им значительного вреда. Более опасным врагом оказывается человек. Кочующие степные пастухи страстно любят охоту за куланами, тем более что она требует от охотника большой ловкости. Редко удается, даже на волнистой местности, подкрасться на расстояние ружейного выстрела. Только пуля, попавшая в грудь, сваливает это сильное, выносливое животное; раненное в живот или с раздробленной ногой, оно убегает почти с такой же быстротой, как и здоровое; скрывшись наконец из глаз стрелка, оно прячется в какой-нибудь яме, умирает здесь и становится тогда добычей волков, а не охотника. Поэтому киргизы и монголы предпочитают подстергать дикую лошадь на водопое или ставить на нее петли в то время, когда самый опасный ее враг, зима, приходит на помощь человеку.

В восточной Сибири, по словам Радде, охота производится иным образом: «Охотник, намеревающийся подстеречь пугливого джигетая, выезжает рано утром на светло-рыжей лошади и направляется в горы. Тихо едет он по пустыне через горы и долины и высматривает дичь. Увидев ее издали, он старается незаметно приблизиться к ней, и тогда-то начинается настоящая охота. Своей быстроногой маленькой лошадке охотник подвязывает хвост, чтобы он не мог свободно развеиваться по ветру, после ведет ее на какое-нибудь высокое место, а сам ложится на землю шагах в ста от того места, где спокойно пасется его лошадь; положенное на короткую рогатку ружье его приготовлено к выстрелу.

Джигетай замечает лошадь и, приняв ее за кобылу своей породы, направляется к ней стремительным галопом. Но, подбежав на короткое расстояние, озадаченный, он останавливается и так стоит несколько мгновений. Это самая удобная минута для выстрела. Охотник целит обыкновенно прямо в грудь и нередко кладет животное на месте. Однако случается, что оно падает только после пяти всажённых в него пуль. Несмотря на тонкое чутье джигетая, его чаще всего удается подстеречь, когда он в ветреную погоду пасется в широком месте какой-нибудь долины и медленно передвигается». Туркмены вместо лошади употребляют на охоте верблюдов. «Я видел, — рассказывает Вальтер, — как сарыкские туркмены охотились на кулана с помощью верблюда. Заметив издали джигетая, охотник медленно гонит перед собой ничем не нагруженного верблюда, позволяя ему время от времени останавливаться для того, чтобы попасться; таким образом подходят они к наметенной дичи, по возможности на расстояние выстрела, при этом охотник тщательно избегает попасть под ветер, все время прячется за верблюда и направляет ствол ружья под грудью или шейю своего живого щита».

Выгода, приносимая охотой на кулана, довольно значительна. Киргизы и тунгусы высоко ценят его мясо. Первые сравнивают его с мясом лошади, вторые считают его особенным лакомством. По словам Вальтера, туркмены его тоже очень любят. Кожа с крупа и бедер продается бухарцам, которые из нее выделывают сафьян*.

* *Шагреновая кожа из одноименного знаменитого романа Оноре де Бальзака — не что иное, как выделанная особым образом (со вдавливанием зерен) шкура кулана.*

Остальную кожу разрезают и сплетают для ремней и уздечек. Кожа хвоста вместе с длинной кистью волос обладает, по поверью тунгусов, целительной силой: если больному животному дать втянуть в себя дым от сожженного на углях куса этой кожи, оно наверное выздоровеет.

В последнее время в отечестве кулана сделано немало попыток приручить его, но полного успеха еще ни разу не достигнуто. Русинов сообщает, что некоторым киргизам удавалось время от времени поймать жеребят; они заставляли кобыл выкармливать и выращивать их. Маленькие дикари скоро привыкают к своим кормилицам, сосут их с таким же удовольствием, как собственных матерей, выказывают детское послушание, не покидают их даже в более зрелом возрасте, а свободно

пасутся с домашними животными и держатся с ними вместе вблизи юрт. Таким образом, пока они молоды и бесполезны, они возбуждают самые лучшие надежды. Однако поведение их совершенно изменяется, как только они начинают входить в полную силу. Оба кулана, которых нам показывал Русинов, пойманы были вскоре после своего рождения и выкормлены киргизскими кобылами. Первое свое лето они провели в табуне, к которому принадлежали их кормилицы, и с ними же легко пережили зиму в холодной конюшне. Очень скоро они привыкли есть сено, овес и печеный хлеб, охотно шли на зов человека и на предложенные им лакомства, позволяли даже себя гладить и только не любили, чтобы дотрагивались до их спины. Возмужав, однако, ни разу не допустили оседлать себя, но кусались, били задом и страшно бесились, когда хотели им надеть узду. Запрячь их в экипаж не было никакой возможности. С каждым годом становились они злее и неукротимее, так что наконец должны были отложить все попытки к приручению их.

В сказаниях и рассказах киргизов куланы играют важную роль. Одно из самых древних сказаний говорит следующее: когда-то жил один киргиз, по имени Каргер-бей, который был так же богат, как и скуп. Он умер, не оставив после себя наследников. Но его богатство все-таки никому не досталось, потому что все его стада, в знак поучительного примера соотечественникам, были превращены в диких степных животных: овцы — в сайгаков, лошади — в куланов. С тех пор те и другие населяют пустыню.

Другая дикая лошадь Азии, составляющая, может быть, один вид с куланом, есть онагр древних; о нем не раз упоминается в Библии. Ксенофонт встречал много этих диких лошадей вблизи Евфрата, Страбон, Варрон и Плиний — в Малой Азии, а Марселин — в земле курдов. Склатеру, который сравнивал всех ныне живущих диких лошадей между собой, кажется более чем вероятным, что водящийся в пустыне Индии дикий осел не отличается от онагра. От Тристрама же мы знаем, что этот последний живет еще и в настоящее время не только в Месопотамии, но также и в Палестине; нередко пойманных онагров привозили и в Дамаск. Итак, область его распространения простирается от Сирии, через Аравию, Персию и Белуджистан до Индии и даже далее на юг (как говорит Стерндаль), до Гуджарата, а на восток — не далее 75 градуса восточной долготы.

Онагр (*Equus onager*) значительно меньше джигетая, однако выше ростом и тоньше сложен, чем обыкновенный осел. Голова его еще выше и больше, чем у кулана, толстые губы покрыты густыми, жесткими, щетинистыми волосами, уши довольно длинные, но все-таки короче, чем у обыкновенного осла. Преобладающий цвет шерсти этого животного — красивый белый с серебристым блеском, переходит на верхней части головы, на боках шеи и туловища и на бедрах в светло-рыжий. На плечах сбоку тянется белая полоса шириной в руку, другая полоса идет вдоль всей спины и на задней стороне бедер, посередине ее проходит узкая полоса в виде шнурка кофейно-бурого цвета. Шерсть онагра еще мягче и шелковистей, чем у лошади. Зимние волосы ее можно сравнить с шерстью верблюда, летние же в высшей степени нежные и гладкие. Торчащая кверху грива состоит из мягких шелковистых волос длиной около 10 см, кисть хвоста почти в пядь длины.

По образу жизни онагр напоминает кулана. Жеребец ведет стадо, состоящее из кобыл и жеребят обоих полов, но, как кажется, жеребцы менее ревнивы, чем у родственных видов; по крайней мере, говорят, что часто во время переходов многие жеребцы соединяются вместе, однако при этом они нередко кусают друг друга. В быстроте бега онагр отнюдь не уступает джигетая. Уже Ксенофонт утверждал, что онагр далеко опережает даже самую лучшую лошадь; новейшие писатели также отдают справедливость быстроте его бега. Путешественник Портер с удивлением говорит об этой дикой лошади. В провинции Фарсе его прекрасная борзая собака погналась за каким-то диким животным, которое его проводники приняли за антилопу. Тотчас же погнались за ним полным галопом, и благодаря ловкости собаки удалось снова увидеть его. К немалому удивлению, увидели, что мнимая антилопа была на самом деле дикая лошадь. «Я решил, — говорит путешественник, — погнаться на необыкновенно быстром арабском коне вслед за этим красивым животным, но все усилия моего коня догнать его были напрасны; вдруг дикая лошадь остановилась, и это дало мне возможность посмотреть на нее вблизи. Но потом она опять пустилась бежать с быстротой молнии, прыгая, лягаясь, играя на бегу, как будто она несколько не устала и травля доставляла ей удовольствие». Внешние чувства онагра, особенно зрение, слух и обоняние, так тонки, что в открытой степи к нему совершенно невозможно подойти. Крайне умеренный, он приходит к водопою не чаще, чем через день, почему его почти невозможно подкараулить. Самая любимая его пища — солончаковые растения; он также любит горькие травы, такие, как одуванчик, осот. Не пренебрегает он различными видами клевера, люцерной и другими бобовыми растениями. Но ему не нравятся все душистые, бальзамические, а также болотные и колючие растения, ранункулы и репейник. Соленую воду он любит более, чем пресную, но она должна быть чиста, мутной он никогда не пьет.

О времени случки и рождения детеныша ничего не известно, однако можно предполагать, что последнее бывает весной. Мясо онагра высоко ценится всеми народами, живущими в странах, где он чаще водится. Даже арабы, которые вообще очень разборчивы в пище и ни за что не станут есть ручного осла, считают мясо онагра чистым. Вероятно, то же самое было и у евреев. Мы знаем, что римляне любили лакомиться молодыми онаграми. Плиний рассказывает, что лучшие онагры водились во Фригии и Ликаонии. «Мясо жеребят этого животного было известно как лакомство: его называли Lalisiones. Меценат первый ввел обычай подавать на своих пирах мясо жеребят мулов вместо этой чужестранной дичи».

Персы употребляют не только мясо дикого осла, но и его желчь как средство против болезней глаз. Поэтому все эти народы усердно охотятся за этим благородным животным. Персы выезжают на охоту целой гурьбой, останавливаются на расстоянии 8-10 км от тропинок, где обыкновенно можно встретить диких ослов, и затем преследуют их, сменяя друг друга, до тех пор, пока они, усталые, не сделаются их добычей. Еще поступают иначе: роют ямы, покрывают их ветвями и травой и наполняют до известной высоты сеном, чтобы упавшие туда животные не повредили себе членов; затем загоняют онагров в долины, где устроены эти ямы; пойманных жеребят продают на племя за очень дорогую цену. От этих жеребят, когда они вырастут, происходят от случки с домашними ослами самые красивые и самые ловкие верховые ослы, какие только встречаются в Персии и Аравии. Они сохраняют все хорошие качества своих диких предков: красивое строение тела, бодрую осанку, быстроту бега, терпение и умеренность. Нибур говорит, что среди арабских верховых ослов есть много таких, цвет которых совершенно одинаков с цветом онагра*.

** В связи с вымиранием онагра на Ближнем Востоке такие гибриды сейчас неизвестны.*

Дикий вид, от которого происходит домашний осел, живет в Африке. **Африканский дикий осел** (*Eqmts dsinus*), от которого происходит домашний осел, встречается в двух разновидностях.

Дикий осел (*Equus asinus*)

Первая из них — **нубийский осел** (*Equus asinus asinus*) — походит по величине и наружному виду на своего домашнего потомка в Египте, но по нраву и образу жизни — на диких азиатских родичей. Он велик ростом, сложен стройно и красиво, светло-рыжего цвета, нижняя сторона туловища светлее; на спине ясно обозначена черная полоса, другая проходит крестообразно по плечам, а на наружной стороне голени находится несколько более или менее ярких поперечных волос. Грива короткая и прямостоящая, кисть хвоста большая и длинная.

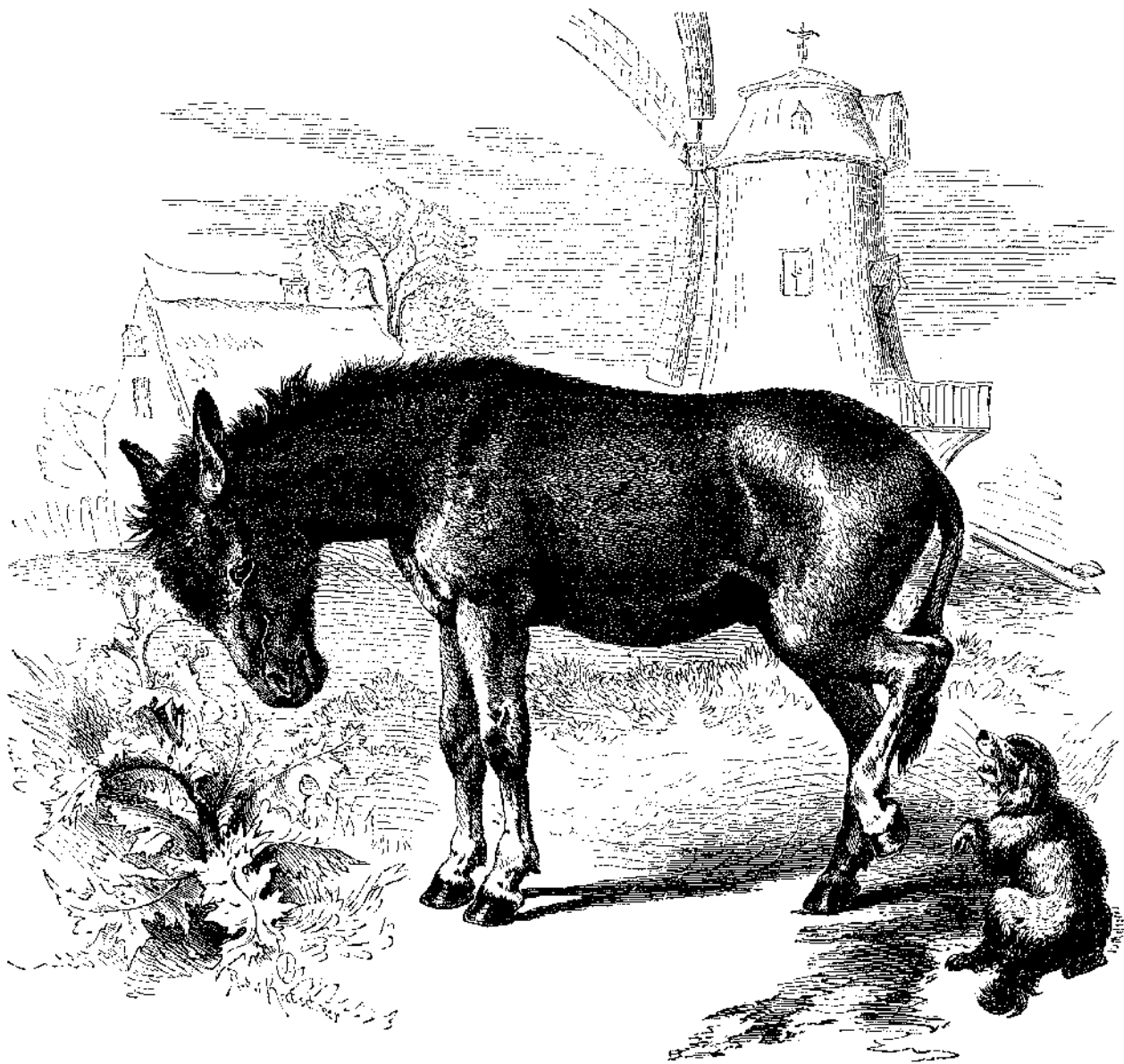
Сомалийский осел (*Equus asinus somaliensis*) от нубийского осла отличается большей величиной и более длинной висящей гривой; он серого цвета, с неясной полосой на спине. Плечевого креста совсем нет, на ногах многочисленные черные поперечные полосы. Его родина — Сомали. Нубийский степной осел, который нам более известен, водится в степях верхней Нубии. Он часто встречается около Атбары, главного притока Нила, а также в равнинах земли Барка; область его распространения доходит до берегов Черного моря. Здесь он живет в таких же условиях, как джигетай и онагр. Каждый жеребец ведет стадо, состоящее из 10-15 кобыл, он его охраняет и защищает. Он очень пуглив, осторожен, так что охота на него в высшей степени трудна. От одного путешественника, который проехал путь между Красным морем и Хартумом, я узнал, что дикие ослы, так же как и лошади в Парагвае, прибегают на лагерный огонь, останавливаются за несколько сот шагов от него и стоят как бы в изумлении; при малейшем движении в лагере они поспешно убегают, высоко подняв хвост. Говорят, они нередко уводят в свои стада ручных ослиц. Все употребляемые на юге и, вероятно, также в Абиссинии ручные ослы, как кажется, происходят от этого вида,

потому что, по уверению арабов, дикие ослы так необыкновенно похожи на ручных, что можно ошибиться и не отличить их. Мне показывали ослов, которые, как уверяли, были пойманы и приручены. Я не проверял справедливость этих слов. Могу только сказать, что эти ослы отличались от других лишь немного более гордой осанкой и большей выносливостью*.

* *Нубийский осел достигает в холке 110-120 см, весит 200-220 кг. Сомалийский осел крупнее — до 165 см в холке, вес — до 250 кг. Грива у сомалийского осла хотя и длинная, но не висящая, а окраска не серая, а светло-бежевая.*

Полосатые ноги этого животного, в особенности сомалийского осла, — достойный внимания признак. Они показывают, что осел является переходом от своих азиатских сородичей к зебрам.

Домашний осел. Степного нубийского осла приручали уже в древние времена; пойманные дикие животные употреблялись для облагораживания ослиной расы. Древние римляне тратили большие суммы на это облагораживание, а арабы до сих пор занимаются этим.

Домашний осел

Если сравнить осла, который в западной Европе везет мешки на мельницу или тележку с молоком, с его южными собратьями, то можно легко принять их за различные виды — так мало сходства между ними. Северный осел, как известно, ленивое, упрямое, часто строптивое животное, которое обыкновенно, хотя и несправедливо, считается олицетворением глупости и простоты; южный же осел, особенно египетский, — прекрасное, живое, чрезвычайно работающее и терпеливое существо, которое в исполнении своей работы не только не уступает лошади, но даже во многих отношениях превосходит ее. Зато о нем заботятся гораздо больше, чем о европейском осле. Во многих восточных странах так же стараются сохранить чистоту ослиных пород, как и самых кровных лошадиных; для этого ослов кормят очень хорошо, не мучают в молодости и за это могут требовать от взрослых услуг, которых был бы не в состоянии оказать наш осел.

Совершенно правы те, которые прилагают много стараний к делу разведения ослов, потому что на Юге это домашнее животное в полном смысле слова; его можно встретить как во дворцах богатей, так и в хижинах бедняков; он самый необходимый слуга для жителей Юга. Уже в Греции и Испании попадаются очень красивые ослы, хотя они еще далеко уступают ослам восточных стран, особенно тем, которые употребляются в Персии, Туркмении и Египте*.

** Наиболее мелки и неказисты как раз «восточные» беспородные ослы (так называемые ишаки) Средней и Центральной Азии, Ирана, Индии, Африки.*

Греческий и испанский ослы по величине равняются маленькому мулу; их шерсть гладкая и мягкая, грива довольно длинная, кисть хвоста очень длинная; уши также длинные, но красивой формы, глаза блестящие. Большая выносливость, легкий, скорый шаг и мягкий галоп делают этого осла превосходным для верховой езды. Некоторые имеют от природы иноходь, как, например, самые крупные из всех когда-либо виденных мною ослов, так называемые ослы испанских угольщиков, которые главным образом служат для того, чтобы доставлять уголь с гор на юг. Кроме ослов большого роста в Греции и Испании встречаются менее крупные, но они все-таки более стройные и красивые и покрыты более красивой шерстью, чем наши домашние ослы. Но арабские ослы, особенно те, которых разводят в Йемене, еще красивее этих прекрасных животных. Здесь существует два сорта ослов: одни большие ростом, смелые, проворные, крайне пригодные для верховой езды, другие меньше ростом, более слабые, употребляемые обыкновенно для переноски тяжестей. Первые произошли, вероятно, от скрещивания с онагром и его потомками. Подобные же породы встречаются в Персии и Египте, где платят очень дорого за хорошего осла. Пригодный для верховой езды осел там стоит выше в цене, чем посредственная лошадь.

Ослы лучшей породы встречаются только у самых знатных людей в стране. Такой осел бывает ростом с обыкновенного мула и, начиная с длинных ушей, так на него похож, что их трудно различить. Стройное телосложение и гладкая, мягкая шерсть составляют его отличительные особенности. Обыкновенный осел, который есть у всякого жителя страны, средней величины, но тем не менее очень прилежен, крайне умерен в пище и очень терпелив. Ночью он получает свою главную пищу — твердые бобы, которые он раздробляет с громким шумом; днем же ему по временам дают то пучок свежего клевера, то пригоршню бобов. «Не может быть животного лучше и полезнее, чем этот осел, — говорит Богумил Гольц. — Рослый мужчина может сесть на осла, который бывает часто не более шестинедельного теленка, и несется на нем в галоп. Эти, по-видимому, слабые животные идут превосходной иноходью. Но мне кажется просто сверхъестественным, откуда они берут силы носить на себе целыми часами рысью и даже галопом взрослого человека по самой сильной жаре: это уже переходит в область тех ослиных тайн, которые не нашли еще автора, разгадавшего их». Верховому ослу коротко стригут шерсть на всем теле, кроме бедер, где ее оставляют длинной, но вырезают там разные линии и фигуры, так что это придает животному совершенно особенный вид.

В древние времена одичавшие ослы встречались на некоторых островах Греческого архипелага и на острове Сардиния; в настоящее время они еще попадаются в Южной Америке*.

** Одичавшие ослы в некоторых районах Ближнего Востока и Средней Азии заняли экологическую нишу вымерших здесь куланов и онагров.*

Такие ослы, избежавшие человеческого влияния, принимают в скором времени нравы своих диких предков. Жеребец составляет себе стадо и борется за него с другими не на жизнь, а на смерть; он чуток, осторожен, бдителен и нелегко покоряется опять воле человека. В Южной Америке такие дикие ослы встречались в прежнее время чаще, теперь же они почти совсем исчезли.

Восточная часть Индостана и Средней Азии, северная и восточная Африка, южная и средняя Европа и, наконец, Южная Америка — все это страны, в которых больше всего ослов**.

*** Имеются е виду, конечно, домашние ослы. Большие всего ослов в Китае; в Латинской же Америке гораздо более распространены мулы.*

Чем суше страна, тем ослы в ней лучше. Сырость и холод осел менее переносит, чем лошадь. Поэтому в Персии, Сирии, Египте и южной Европе находятся самые лучшие ослы, в средней Африке и в средней Европе, составляющих границу области их распространения, — самые плохие. Правда, в средней Европе и во внутренней части Африки осел находится большей частью в пренебрежении, тогда как в странах северной Африки и в Азии, по крайней мере, стараются его облагородить через скрещивание. Испанец, например, украшает своего осла различными кистями и бантами, пестрыми лентами, красивыми чепраками и утверждает, что его осел гордится своими украшениями и что внимание хозяина доставляет ему удовольствие. Тем не менее он обращается со своим четвероногим слугой очень дурно, заставляет его голодать, много работать и бьет его самым

безжалостным образом. То же самое бывает и в большей части стран Южной Америки. «В Перу, — пишет мне Гаскарль, — осел самое жалкое существо; там он всеобщее вьючное животное. Он должен таскать на себе камни и бревна для постройки дома, воду для хозяйства и другие тяжести одним словом, все то, что нужно человеку, но чего он, по своей лени, не хочет сам носить; при этом полновесный цамбо (помесь индейца и негра) садится сзади и безжалостно бьет бедное животное. Два всадника на одном осле также не редкость».

Нигде, как кажется, ослы так часто не употребляются для верховой езды, как в Египте. Здесь в больших городах эти покладистые животные совершенно необходимы для удобства жизни. Их нанимают так же, как мы нанимаем кареты, и совсем не считается стыдом пользоваться ими. При тесноте улиц некоторых городов они одни умеют сокращать и облегчать дорогу. В Каире их можно видеть везде среди непрерывного людского потока, теснящегося по улицам. Погонщики ослов в Каире образуют особое сословие, настоящую касту; они способствуют характерности города так же, как минареты и пальмы. Они необходимы как туземцам, так и иностранцам; никто не может приносить так много пользы и в то же время никто не умеет так досадить, как эти погонщики. «Настоящая потеха и вместе с тем настоящее мучение, — говорит Богумил Гольц, — иметь дело с погонщиками ослов. Невозможно понять, добры они или злы, строптивы или услужливы, ленивы или расторопны, лукавы или наглы; они представляют собой смесь всевозможных качеств. Путешественник встречает их, как только он высадится на берег в Александрии. С восхода и до заката солнца стоят они со своими животными на всякой площади. Прибытие парохода — целое событие для них: тут они стараются овладеть несведущим и, по их мнению, глупым иностранцем. Они сначала заговорят с новоприезжим на трех или четырех языках, и горе ему, если он станет говорить по-английски: тотчас же из-за него возникает драка между погонщиками; это продолжается до тех пор, пока он не сделает лучшего, что только он может сделать, а именно не взлезет на первого попавшегося осла и не велит возить себя в какую-либо гостиницу». Такими они кажутся сначала; но только тот, кто знает арабский язык и может вместо тарабарщины, составляющей смесь из трех-четырех языков, говорить с ними на их языке, узнает их хорошо.

"Посмотри, господин, на этого осла, которого я тебе предлагаю; ведь это настоящий паровоз! Сравни его с теми, которых выхваляют тебе другие погонщики. Они развалятся под тобой, потому что это жалкие создания, а ты сильный человек! Но мой осел! Он побежит под тобой, как газель». «Вот кахирийский осел, — говорит другой, — его дед был самец газели, а прамасть — дикая лошадь. Эй ты, кахирийец, побеги и докажи господину, что я говорю правду! Не посрами своих родителей, иди с Богом, моя газель, моя ласточка!» Третий хочет превзойти обоих, называя своего осла Бисмарком, Мольтке и т. п., и это продолжается в том же роде до тех пор, пока путешественник не сядет на одного из ослов. Тогда погонщик начинает дергать, толкать, бить осла или колоть его заостренной на конце палкой, только после этого животное пускается галопом; сзади же бежит сам погонщик, крича, понукая осла, ободряя его, болтая и надрывая свои легкие так же, как осел, бегущий перед ним. Так мчатся они по улицам между животными и всадниками, между уличными повозками, навьюченными верблюдами, экипажами и пешеходами, и осел ни на одно мгновение не теряет своей бодрости, но скачет очень приятным галопом до цели путешествия. Каир — это высшая школа ослов. Только там можно узнать и научиться ценить, уважать и любить это прекрасное животное.

К обыкновенному европейскому ослу можно вполне применить слова Окена: «Домашний осел так опустился вследствие постоянно дурного с ним обращения, что он теперь почти не похож на своих прародителей. Он отличается от них не только гораздо меньшим ростом, но и цветом шерсти, которая у него более бледного серо-пепельного цвета; уши его тоже длиннее и более дряблые, чем у дикого осла. Бдительность перешла у него в упрямство, проворство — в медленность, живость — в леность, ум — в тупость, любовь к свободе — в терпение, мужество — в равнодушие к побоям».

Походка осла необыкновенно тверда. Только иногда он вдруг ни за что не хочет сойти с места, а иногда же, напротив того, вдруг пускается вскачь. Всегда следует смотреть на его уши, потому что он постоянно ими двигает и выражает посредством их, как и лошадь, свои чувства и намерения. Он не обращает внимания на побои и из-за них не ускоряет шага, что указывает частью на его упрямство, частью на толщину его кожи. Очень хорошо знает своего хозяина, но не может быть и речи о том, чтобы он так привязался к нему, как лошадь. Однако подбегает к нему и выказывает некоторую радость. Замечательно то, что осел заранее чувствует изменение погоды: перед дурной погодой печально свешивает голову или же весело прыгает, если будет вёдро.

Все внешние чувства ручного осла хорошо развиты. Выше всего стоит слух, за ним следует зрение, а потом обоняние; осязание его очень слабо, вкус также не особенно развит, потому что иначе он бы, наверное, был требовательнее и жаднее, чем лошадь. Его умственные способности, как говорит Шейтлин, не так ничтожны, как обыкновенно думают. Он обладает превосходной памятью и всегда найдет дорогу, по которой раз прошел. Хотя он кажется глупым, но иногда бывает очень хитер и лукав, и он совсем не так добродушен, как обыкновенно полагают. По временам он даже выказывает ужасное коварство. Иногда вдруг останавливается посреди дороги, и тогда его даже побоями нельзя заставить двинуться с места; иногда бросается вместе со своей ношей на землю, кусается и брыкается. Многие думают, что причиной тому его тонкий слух, что его пугает и оглушает всякий шум, хотя, вообще говоря, он не труслив, а только капризен. Если ему завяжут глаза, то он останавливается на месте; то же самое бывает, если ему закроют или заткнут уши; только когда он может владеть всеми своими чувствами, он продолжает путь.

Осел довольствуется самой плохой пищей и самым скудным кормом. Трава и сено, до которых ни одна порядочная корова не дотронется и которыми пренебрегает лошадь, для него составляют лакомство; он даже предпочитает чертополох, колючие кустарники и травы. Но он очень разборчив в питье: ни за что не станет пить мутной воды; она может быть солоная, но непременно чистая. В пустынях часто не знают, что делать с ослом, потому что, несмотря на сильную жажду, он не хочет пить мутной воды из кожаных мехов.

У нас время случки ослов бывает в последние весенние и первые летние месяцы, на Юге же продолжается целый год.

Через 11 месяцев после случки (обыкновенно принимают время в 290 дней) ослица жеребится одним, очень редко двумя совершенно развитыми, зрячими детенышами, облизывает их с большой нежностью и дает им уже через полчаса после рождения свое вымя. Через 5-6 месяцев осленок может быть отнят от матери, но он еще долгое время всюду следует за нею. Даже в самой ранней юности осел не требует никаких особенных забот и попечения; он довольствуется, так же как и взрослые ослы, всякой пищей, которую ему дадут. Он малочувствителен к переменам погоды и потому редко хворает. Это очень живое, резвое животное, выражающее свою шаловливость и внутреннее душевное довольство забавными прыжками и движениями. Он радостно встречает всякого осла, а также привыкает и к человеку. Когда его хотят разлучить с маткой, то встречают сопротивление с обеих сторон; если же это сопротивление не поможет, то оба выражают свое горе и тоску тем, что испускают по целым дням жалобные крики или, по крайней мере, выказывают сильное беспокойство. Мать мужественно защищает свое детище, когда ему грозит опасность, и даже иногда жертвует собой для него; она даже готова идти в огонь и в воду, чтобы только защитить своего осленка. Уже на втором году жизни осел достигает полного роста; но только на третьем году входит в силу. Несмотря на то что ослы должны много работать, они живут довольно долго. Были случаи, что ослы жили 40-50 лет.

Уже с древних времен случали лошадь и осла и через такое скрещивание получали помеси, которые называются **мулами**, если отец — осел, и **лошаками**, если мать — ослица. Как те, так и другие по своему наружному виду похожи более на мать, но нрав свой более наследуют от отца*.

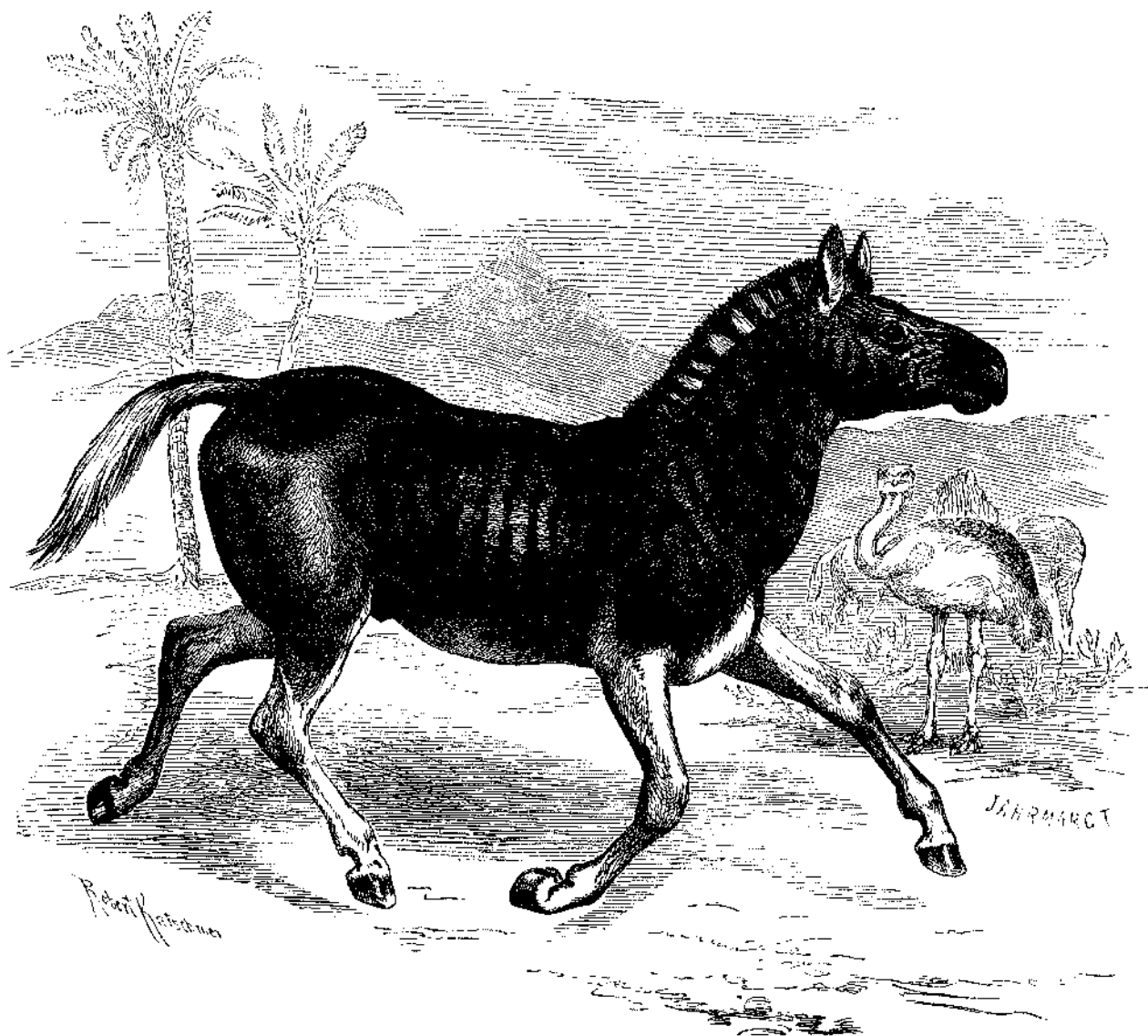
** Лошак невелик, имеет лошадиную голову, хвост и голос, очень своенравен. Мул же — скорее лошадь (до 160 см в холке) с головой, хвостом, копытами и голосом осла. Из-за крупных размеров, выносливости и большей покладистости предпочитают разводить мулов, а не лошаков. Оба варианта гибридов осла и лошади бесплодны, поэтому в специальных хозяйствах по разведению мулов держат породистых ослов-производителей.*

Один древний латинский писатель рассказывает, что Каракалла в Риме в 211 году нашего летосчисления выпускал на арену вместе с тиграми, слонами и носорогами также и «гиппотигров». Едва ли можно сомневаться в том, что этот писатель под именем «гиппотигры», то есть «тигровые лошади», подразумевает один из видов зебры — африканской полосатой лошади. Теперь различают пять видов полосатых диких лошадей; вопрос, справедливо ли это разделение на отдельные виды, должен пока остаться нерешенным**.

** * Сейчас выделяют 4 вида зебр, один из них истреблен человеком. Большинство зебр относят к подроду *Hippotigris* — буквально «лошадетигр».*

Квагга (*Equus quagga*) походит своим внешним видом и строением тела более на лошадь, чем на осла. Туловище ее стройное, голова небольшая и красивая; уши короткие, ноги сильные. Вдоль всей шеи поднимается короткая и прямостоячая грива. Покрытый с самого основания волосами хвост длиннее, чем у прочих полосатых лошадей, но короче, чем у лошади. Шерстью квагга походит на лошадь; волосы короткие и плотно прилегают к телу. Главный цвет шерсти гнедой, на голове

более темный; на спине, крестце и на боках — светлее; живот, внутренние стороны бедер и волосы — чисто-белые.

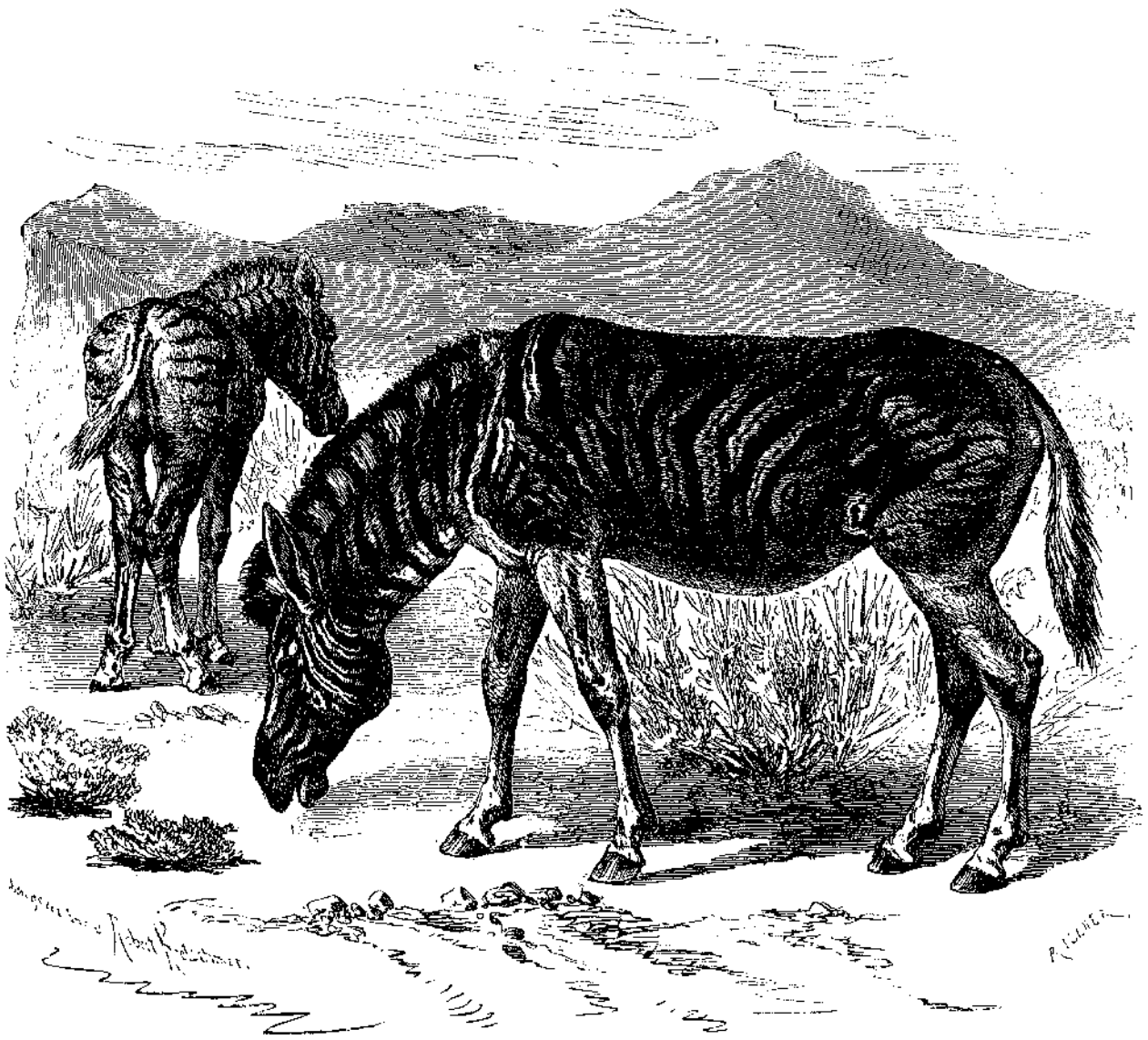
Квагга (*Equus quagga*)

По голове, шее и плечам тянутся беловато-серые, впадающие в рыжий цвет полосы; на лбу и висках они расположены вдоль и очень часты, на щеках же идут поперек и довольно далеко отстоят друг от друга; между глазами и ртом они образуют треугольник. На шее насчитывают до десяти таких полос, которые видны и в гриве, на плечах — до четырех и на всем туловище еще несколько полос, которые к заду становятся все бледнее. Вдоль всей спины до самого хвоста тянется черно-бурая полоса, окаймленная рыжевато-серым. Уши с внутренней стороны покрыты белыми волосами, снаружи они желтовато-белые, окаймленные темно-коричневой полоской*.

* Квагга многочисленными стадами некогда населяла Южную и ЮгоЗападную Африку. В природе последние табуны квагг были перебиты в 1878 г. Существовало несколько типов окраски квагг. Брем описывает вариант, считающийся сейчас классическим.

Самки и самцы очень похожи друг на друга; только самка немного меньше ростом, и хвост у нее короче. Взрослый самец достигает 2 м, с хвостом — 2,6 м длины; вышина его у загривка — около 1,3 м.

Саванная, или бурчеллова, зебра (*Equus burchelli*), бесспорно, самое благородное животное этой группы, так как видом своим больше всего напоминает коня; она почти такого же роста, как квагга. Длина ее — 2 м, вышина холки — 1,3 м. Туловище круглое, с очень выгнутым затылком; ноги крепкие, грива поднимается в виде гребня на 13 см вышины, хвост, как у квагги, или, лучше сказать, как у лошади, почти до корня покрыт волосами и довольно длинен; уши узкие и не очень длинные.

Саванная, или бурчеллова, зебра (*Equus burchelli*)

Мягкая, гладко лежащая шерсть наверху светло-рыжего цвета, внизу — белая. Четырнадцать узких черных полос тянутся вверх по всей лицевой части, начиная с ноздрей. Семь из них уклоняются в сторону и соединяются с таким же числом полос, идущих сверху вниз. Остальные тянутся вкось по щекам и соединяются с полосами на нижней челюсти; глаза окаймлены темным кольцом. По середине спины идет темная полоса с белой каймой. По шее тянутся десять широких черных, иногда раздвоенных полос, между которыми виднеются узкие бурые полоски. Последняя полоса раздваивается книзу и соединяется с тремя-четырьмя другими полосками. Такие же полосы идут кругом всего туловища, но редко видны на ногах, которые чисто-белого цвета; однако существует так много отступлений, что нельзя еще составить общего правила на этот счет. У зебры восточно-африканского побережья полосы, окаймленные желтым, шире, чем у южных видов.

У **зебры Чапмана** (*Equus burchelli chapmani*) ноги покрыты полосами до самых копыт, но и тут встречаются исключения. Цвет шерсти колеблется между желтым с шоколадными полосами и белым с почти черными полосами. Этот вид, как уже заметил Бюклей, почти ничем не отличается от бурчелловой зебры.

Горная зебра (*Equus zebra*) почти такой же величины, как саванная, но отличается от нее тем, что все ее тело покрыто полосами. При более тщательном исследовании выступают еще другие отличительные признаки. По телосложению она менее походит на лошадь, чем на осла, и преимущественно на джигетая. Туловище ее полное и сильное; ноги стройные, шея изогнутая, голова короткая, морда толстая, хвост не очень длинный, покрыт короткими, только на конце удлиняющимися волосами, так что похож на ослиный; грива густая, но очень короткая. По белому или желтоватому фону тянутся от самой морды до копыт косые полосы блестящего черного или рыжевато-бурого цвета; только задняя часть брюха и внутренняя сторона бедер не покрыты полосами. Вдоль спины видна темно-бурая полоса, другая тянется вдоль брюха*.

** Особое устройство копыт помогает этой зебре без труда двигаться по каменистому грунту. Два подвида распространены в горах Южной и Юго-Западной Африки. В середине XX века горных зебр только в Намибии было 50-75 тыс., сейчас в природе сохранилось около 8 тыс. особей.*

Наконец, зебра Гревя (*Equus grevyi*) может считаться ближайшим родичем саванной зебры, однако полосы у нее гораздо многочисленнее и уже.

Европейцы, вероятно, познакомились прежде всего с зеброй. Нельзя сказать с полной достоверностью, что убитая Каракаллой зебра принадлежала именно к этому виду, так как описание ее не совсем точно*.

** Зебра Гревя была открыта в 1882 г. и названа в честь тогдашнего президента Франции Жюль Гревя.*

Также позднейший наблюдатель Цилосторг, писавший около 425 года о больших, диких и пятнистых ослах, дает весьма недостаточное описание этого дикого животного. Первые более подробные сведения имеем мы от тех португальцев, которые после своего переселения в восточную Африку впервые познакомились с зеброй. В 1666 году первая настоящая зебра была привезена в Каир одним послом из Эфиопии в подарок султану. О жизни зебр на свободе читаем мы позднее у Кольбе, Шпаррмана, Левальяна, Лихтенштейна, Буршеля, Гарриса и Бема, а в новейшее время многие наблюдатели, начиная с Кювье, доставили нам сведения о жизни его в неволе.

Область распространения всех столь схожих видов этого семейства различна, но до сих пор еще не совсем точно разграничена; очень вероятно, что тут встречаются и некоторые ошибки, тем более что различные виды еще не вполне определены. Настоящая родина зебр — восточная Африка. В ближайших к экватору странах западной Африки и во всей области Конго, за исключением ее отдаленнейшей юго-восточной части, они не встречаются вовсе. На северо-востоке их область распространения ограничена 10 и 5 градусами северной широты, а на западе — течением Нила. «Они не встречаются, — говорит В. Юнкер, — далее 33-34 градуса восточной долготы; я видел тигровых лошадей только южнее озера Виктория».

Зебры живут обществами от 10 до 30 голов; говорят, что их часто встречали стадами в 100 голов и более; но тогда они, вероятно, собирались для переселения в другие местности**.

** * Как и у других лошадей, у зебр бывают табунки «гаремного» типа (5-15 особей), объединяющиеся в стада при кочевках. Жеребцы подтверждают свой ранг и статус «семьянина» периодическими жестокими стычками с претендентами. У зебры Гревя между взрослыми особями не существует стойких семейных привязанностей: жеребцы территориальны и привязаны к местности, кобылы с жеребятами широко кочуют.*

Каждый вид, как замечают, живет отдельно. Может быть, зебры боятся своих близких родичей, других же животных они не чуждаются. Почти все наблюдатели единогласно утверждают, что среди стад квагг почти постоянно встречаются антилопы гну и страусы и даже буйволы. Говорят, что страусы — постоянные спутники диких лошадей, вероятно, потому, что последние умеют из бдительности и осторожности этих птиц-великанов извлекать для себя величайшую пользу. По наблюдению Гарриса, квагги часто соединяются с полосатым гну, а обыкновенная квагга — с обыкновенным гну; можно сказать, что вышеупомянутые животные друг без друга чувствуют себя неловко. Подобная дружба некоторых животных с более пугливыми и умными, чем они сами, вовсе не редкость. В таких случаях самые осторожные члены подобных смешанных стад руководят всем обществом. Пока они спокойны, все стадо ни о чем больше не заботится, как о добывании пищи и приятном препровождении времени; когда они начинают выражать беспокойство, все стадо становится настороже; когда же они пустятся бежать — все общество бежит за ними без оглядки.

Все зебры — необыкновенно быстрые, подвижные, бдительные и пугливые животные. Они носятся с быстротою ветра как по равнине, так и по горам*.

** Скорость зебр достигает 50-60 км/ч.*

Всаднику на хорошей лошади нетрудно догнать сомкнувшийся тесными рядами табун зебр, между тем как самый быстрый ездок не догонит одиноко скачущую пеструю лошадь. Рассказывают, что молодые квагги охотно дают себя поймать, если охотнику удастся вскочить в середину стада и отделить их от матерей; тогда они добровольно следует за лошадей, как прежде за собственной матерью. Вообще между зебрами и домашними конями, по-видимому, существует известная дружба; по крайней мере, квагги часто присоединяются к коням путешественников и спокойно пасутся среди них.

О жизни зебр в восточной Африке сообщает нам Бем, который часто их встречал табунами в сто голов и более. «Они наносят иногда большой вред полям, особенно просыным. Встречаются пре-

имущественно в степях, однако днем их часто можно видеть в редких лесах, где они, спасаясь от солнца и оводов, стоят, тесно прижавшись друг к другу. Особенно часто находят там пары во время течи. Вечером, при закате солнца, эти животные выступают одно за другим длинными вереницами из леса в степь. Точно так же лошади спускаются вечером на водопой под предводительством сторожевого жеребца. В их сообществе встречаются также ибисы, буйволы, антилопы, которые тогда служат сторожами не очень бдительным зебрам, между тем как буйволы со своей стороны полагаются на бдительность зебр. Последние совсем не пугливы и при приближении охотника только медленно удаляются от него; и вообще если в открытом месте с ними нет антилоп, то подкрасться к ним довольно легко. Тогда они весело скачут по всей степи. Впрочем, они живучи, и нелегко подстрелить их. Ржание издали удивительно похоже на лай целой своры собак. Мясо только что убитого животного приторно и сладковато, но вообще оно недурно на вкус. Они часто попадают в когти льву. В июле и сентябре мы видели часто жеребят; а в середине октября была убита однажды кобыла с вполне выношенным жеребенком**.

** * Сезон размножения у зебр привязан к сезону дождей, вес родившегося жеребенка — 30 кг. Зебры становятся половозрелыми раньше других лошадиных — в 2 года, живут до 30-35 лет, в среднем 20 лет.*

Все вышесказанное относится к кваггам и другим родственным видам. Совершенно иначе живут настоящие зебры. По словам Гарриса, они держатся исключительно горных стран, добровольно не спускаются в равнины и никогда не смешиваются со своими родичами. На горах зебра выбирает самые дикие и отдаленные местности и, кроме того, обыкновенно ставит сторожа на выступ скалы, откуда удобнее всего обозреть всю окрестность. При малейшей тревоге все пестрое стадо пускается в бегство и несется вдоль крутых обрывов, мимо зияющих пропастей с такой быстротой, проворством и уверенностью, что человек не может следовать за ними, и охотнику редко удастся убить из своего дальнострельного ружья хоть одно из этих горделивых животных. Справедливее будет, впрочем, сказать, что зебры живут не исключительно на гористых местностях, а только предпочитают их; точно так же и пестрых квагг можно встретить как на горах, так и на равнинах.

Относительно пищи полосатые лошади не очень прихотливы, однако им далеко до неприятельности осла. Родина доставляет им все необходимое для жизни, а когда корм в одном месте уничтожен, они отыскивают себе новые благоприятные места. Когда засуха уничтожила всю зелень в тех степных пространствах, которые составляют их любимое местопребывание, они предпринимают, подобно всем животным, живущим стадами в южной Африке, временные путешествия. Замечено, что они в это время в сообществе с различными видами антилоп посещают обработанные земли и причиняют жителям большой убыток. Но с наступлением дождливого времени добровольно оставляют населенные места, где подвергаются стольким неприятностям или, по крайней мере, беспокойствам, и возвращаются на свои старые пастбища.

Голос полосатых коней так же мало напоминает ржание лошади, как и крик осла. По описанию Кювье, квагга до 20 раз подряд испускает слог «оа-оа»; другие же путешественники утверждают, что она кричит: «Ква-ква» или «Квага», и таким образом объясняют происхождение готтентотского названия этого животного; о голосе зебр я не имею никаких сведений и со своей стороны могу сказать только, что никогда не слышал, чтобы они кричали или ржали*.

** Голос сосанных зебр напоминает двухсложный лай, но ему предшествует еще один звук (нечто вроде сипения) на вдохе, такой же, как у осла, перед очередной «руладой».*

Все внешние чувства зебр очень развиты. Уши чувствительны к малейшему шуму, и глаза редко ошибаются. В умственном отношении почти все равны между собою. Всем свойственны необузданное стремление к свободе, своеволие, некоторая доля дикости, иногда коварство и большое мужество. От нападений хищных зверей они храбро защищаются копытами и зубами**.

** * Зебра — основная дичь после гну для львов, гиен, гиеновых собак. Изредка на зебр нападают леопарды, совсем редко — гепарды. Зебра может дать эффективный отпор хищнику? (особенно жеребцы, буквально убивающие гиен), но обычно спасается бегством. Полосатая окраска не служит камуфляжем, как предполагали ранее, а сбивает с толку нападающего хищника. Полосы мельтешат перед глазами, зрительно разбивают корпус копытных и мешают следить за выбранной жертвой в суматохе. Другая функция окраски — опознавание членами группы.*

Гиены благоразумно держатся от них в стороне. Вероятнее всего, один только могучий лев успешно справляется с зеброй; дерзкий леопард нападает только на самых слабых. Злейшим врагом полосатой лошади опять-таки является человек. Трудность охоты на этих животных и красота их меха, для которого находят разнообразное употребление, побуждают европейцев к преследованию этих в сущности безобидных животных. Многие колонисты южной Африки страстно за ними охо-

тятся, но и абиссинцы, кажется, не менее усердно их преследуют, так как их знатные люди любят украшать шею своих лошадей бахромой, составленной из пестрой гривы этих диких родичей коня. Европейцы убивают зебр пулями, туземцы — метательными копьями; но чаще всего попадают эти красивые звери в западни, где их убивают без труда или берут в неволю. Туземцы ценят только убитых животных, так как мясо их они считают лакомством, и, по словам Гарриса, даже иногда оспаривают у льва остатки им убитых зебр.

Зебр несправедливо считали неукротимыми. Ничья твердая рука не бралась еще до сих пор за приручение этих чудных животных, никто не стремился серьезно к достижению этой цели. Некоторые отдельные попытки удались, другие оказались безуспешными. Квагг несколько раз удавалось приучить возить экипажи и носить тяжести: так, например, в Англии Паркинсу удалось довести пару этих красивых животных до того, что они позволяли себя впрягать в легкий экипаж и ездить, как на обыкновенных лошадях. По другим сообщениям, подобные попытки оказывались неудачными. Кювье рассказывает, что одна пойманная квагга иногда спокойно позволяла подходить к себе близко и даже гладить, но вдруг, без всякой видимой причины, начинала бешено лягаться и даже пыталась кусать своего хозяина. Когда ее хотели перевести из одной загородки в другую, она бесилась, падала на колени и грызла зубами все, что только могла захватить. Шпаррман рассказывает следующее о первом опыте приручения зебр, сделанном богатым поселенцем Капской области. Этот человек воспитал нескольких молодых пойманных зебр и поведение их, казалось, было вполне хорошим. В один прекрасный день ему пришла мысль запрячь в свой экипаж хороших животных. Он сам взял в руки вожжи и поехал на своих бегунах. Езда была, вероятно, очень быстрая, так как после довольно значительного промежутка времени счастливый обладатель зебр очутился в своей конюшне без чувств, рядом с совершенно изломанным экипажем; зебры же стояли совсем смирно. За другой молодой зеброй в детстве заботливо ухаживали, а впоследствии некоторое время не обращали на нее внимания, отчего ее прежняя кротость и понятливость перешли в лукавство и злобу. Тем не менее одному смелому наезднику вздумалось укротить это животное. Но едва успел он вскочить ей на спину, как зебра начала бешено бить задом, ударила о землю и осталась лежать вместе со своим всадником; потом мгновенно вскочила опять на ноги, спрыгнула с высокого берега реки в воду и там сбросила седока; но тот крепко держался за поводья и был благополучно вытащен самой зеброй, которая подплыла к берегу. Тут животное дало всаднику такой чувствительный урок, что он, без сомнения, не забыл его во всю жизнь: зебра внезапно повернулась назад и откусила своему укротителю ухо.

Эти и подобные им опыты запугали жителей Капской области и заставили их прийти к заключению, что приручение зебр — дело невозможное; но все серьезные наблюдатели не сомневаются, что со временем пестрых лошадей можно будет употреблять для домашних услуг*.

** Особого смысла в одомашнивании зебры, по видимому, нет.*

Все зебры легко переносят неволю в Европе. При хорошем корме они чувствуют себя отлично, а при хорошем уходе плодятся. Вейнланд в издаваемой прежде им, а теперь Ноллем газете «Зоологический сад» поместил описание всех животных, которые плодились в неволе. Из сообщенных им сведений мы узнаем, что зебры скрещивались не только с себе подобными, но и с другими копытными*.

** В неволе зебры и лошади дают бесплодное потомство — «зеброидов», нередко весьма причудливой окраски — с узкими темными полосами или рябью по более светлому фону, с контрастными полосатыми ногами при однотонном корпусе и т.п.*

Семейство тапировые

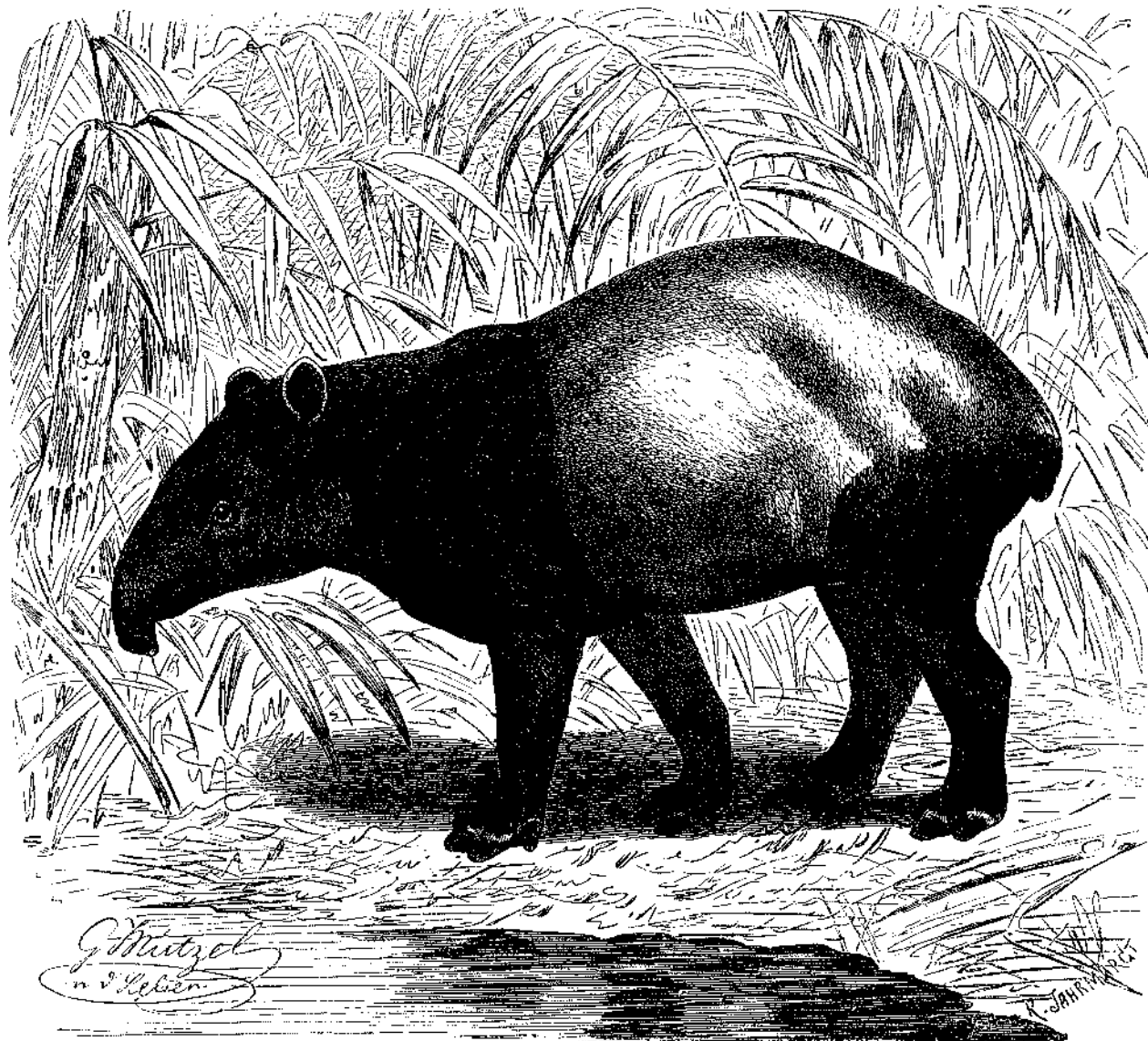
Тапиры — сравнительно небольшие и неуклюжие животные, в которых привычный глаз натуралиста тотчас заметил близкое сродство с лошадьми**.

*** Семейство тапировые сближается с носорогами. Тапиры в наибольшей мере сохранили архаичный облик и исходный околородный образ жизни древних непарнокопытных. В настоящее время сохранился лишь род *Tapir* с одним азиатским и тремя американскими видами.*

Оно видно в довольно статном туловище с удлиненной узкой головой, стройной шеей, коротким хвостом и довольно высокими, крепкими ногами. Стоячие уши короткие и довольно широкие, косо лежащие глаза, напротив, малы. Верхняя губа удлиняется в виде хобота и далеко опускается над нижней губой. На передних ногах по четыре, на задних — по три пальца. Густая шерсть везде гладко прилегает к телу. Короткие, но густые волосы у американских видов образуют с середины головы до холки род гривы. Зубная система состоит из трех резцов и одного клыка на каждой стороне челюсти, семь коренных зубов в верхней и шесть в нижней челюсти. Скелет, в котором видно большое сходство со скелетом других непарнокопытных, отличается довольно тонкими костями.

Позвоночный столб состоит кроме шейных из 18 спинных, 5 поясничных, 7 крестцовых и 12 хвостовых позвонков. В черепе длинная, узкая лицевая часть сильно выдвинута сравнительно с мозговой, заметно сдавленной частью. Из американских видов этого рода по крайней мере один известен нам с давних пор, между тем как прочие открыты, описаны и определены только в новейшее время. Удивительно, что американский тапир прежде всех других был описан научным образом, между тем как об индийском мы получили точные сведения только в начале нынешнего столетия. Известен он был, конечно, давно, только не нам, а китайцам, которые упоминают о нем в своих учебниках. Относительно тапиров мы видим повторение общего правила, которое почти постоянно замечается в семействах животных, имеющих представителей как в Старом, так и в Новом Свете: виды Старого Света стройнее, можно сказать, совершеннее представителей этого рода в Новом Свете.

Чепрачный тапир (*Tapirus indicus*) отличается от своих родичей значительно большим ростом и более стройным телосложением и в особенности цветом. Голова его в лицевой части уже, а череп более выпуклый, чем у других видов, хобот толще и длиннее, ноги крепче и гривы совсем нет, но особенно важным признаком для характеристики этого животного я считаю строение его хобота.

Чепрачный тапир (*Tapirus indicus*)

Между тем как у американских тапиров он резко отделяется от морды и принимает вид круглой трубки, у двуцветного тапира верхняя губа незаметно переходит в хобот, который имеет такую же форму, как у слона, то есть на верхней стороне округлен, а на нижней плоский.

Цвет его везде одинаково длинной шерсти тоже весьма оригинален. Основным цветом должно считать чисто-черный; от него резко отделяется серовато-белый чепрак. Голова, шея и весь перед, не исключая передних ног, широкая полоса, идущая вдоль груди и середины брюха, задние ноги, включая и бедра, так же как и хвост, чисто-черного цвета; остальное серовато-белого. Уши окаймлены белым. Почти невозможно изобразить словами оригинальный блеск и переливы, которыми отличается как белый, так и черный мех этого животного. Отдельные волосы с корня до конца

всегда одинаково окрашены. Копыта темно-рогового цвета, радужная оболочка глаз темно-фиолетовая, круглые зрачки черные. Детеныши, по словам Стерндаля, очень красиво и пестро окрашены, а именно: на верхней части туловища покрыты бледно-желтыми полосами и пятнами, а нижняя часть чисто-белого цвета*.

** Детеныши всех тапиров покрыты светлыми продольными полосами по темному фону, прекрасно маскирующими их в игре светотеней под пологом леса.*

Точного измерения совершенно взрослого самца я нигде найти не мог; но вот размер взрослой самки, за которой я наблюдал: длина 2,5 м, включая хвост в 8 см, при высоте у затылка 1 м, а у крестца 1,05 м; длина головы от конца хобота до задней части уха 63 см, длина втянутого хобота 7 см, вытянутого — 16 см. Родина этого животного Тенассерим и Сиам от 15 градуса северной широты к югу, Малайский полуостров, Суматра и Борнео**.

*** Чепрачный тапир сохранился в некоторых изолированных друг от друга участках тропических лесов Суматры, Малакки. Те masse ril ta <юг Бирма и Таиланда). Некогда область его распространения охватывала всю Юго-Восточную Азию до Китая и Индии. Вид находится на грани исчезновения: предполагают, что на Суматре осталось не более 50 животных.*

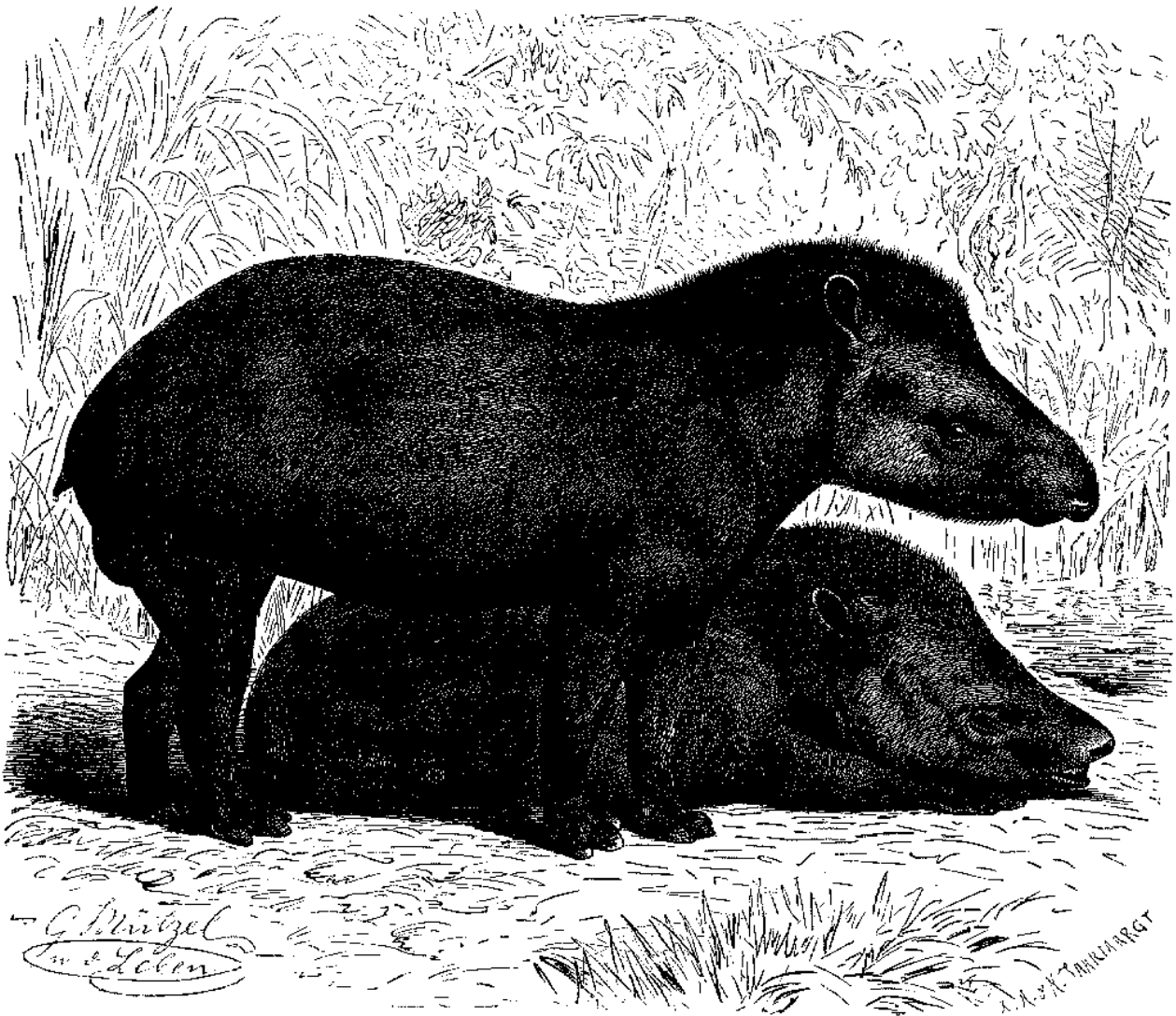
Удивительно то, что, несмотря на наши частые сношения с Индией и вообще с южной Азией, мы только в 1819 году, и именно от Кювье, получили более точные сведения о двухцветном тапире. Кювье незадолго перед тем высказал мнение, что в настоящее время почти невозможно открытие еще новых больших млекопитающих, и вдруг от своего ученика Диара получил самое лучшее доказательство несостоятельности этого мнения. Диар прислал в Европу прежде всего только изображение этого животного со следующим замечанием: «Когда я в первый раз, в Барракупуре, увидел тапира, изображение которого я вам пересылаю, то очень удивился, каким образом такое большое животное до сих пор не было еще открыто и описано; еще более удивился я, когда нашел в Азиатском обществе голову подобного животного, которую еще в апреле 1806 года прислал туда губернатор Фаркуар с заметкой, что этот тапир встречается в лесах полуострова так же часто, как носорог и слон». Диар, впрочем, ошибается, предполагая, что действительно никто ничего не знал о двухцветном тапире, так как не только китайцы, но и европейские наблюдатели задолго до Диара описали его. Нужно, впрочем, заметить, что описание мудрых китайцев оставляет желать лучшего. В очень древнем словаре «Эуль-я» слово «ме», название тапира, придано белой пантере, однако прибавлено, что ме тоже походит на медведя, но имеет меньшую голову и короткие ноги, что шкура его покрыта белыми и черными пятнами и не пропускает сырости. Из другого словаря — «Хуэн-Вен» — узнаем мы, напротив, что ме хоть и похож на медведя, но желтоватого цвета и встречается только в стране Лу.

Помимо китайской учености история открытия чепрачного тапира следующая: гораздо раньше того времени, когда Диар описал его Кювье, а именно в 1772 году, англичанин Вальфельд упоминает о двухцветном тапире в своем отчете о путешествии по Суматре. Он принимал его за бегемота и описал в этом смысле, но в приложенном изображении нельзя не узнать тапира. Около того же времени Мародено опубликовал свое описание Суматры и дал нам уже положительные сведения о тапире. В 1805 году сэр Стамфорд Рэффлс тоже получил сведения о нем. Несколько позднее нашел его Фаркуар в окрестностях Малакки и послал в 1816 году описание и изображение его в Азиатское общество. В том же году доставлен был живой тапир в зверинец в Барракупуре, близ Калькутты, где его и увидел Диар. Таким образом, честь открытия этого непарнокопытного принадлежит не французам, а англичанам.

В 1820 году в первый раз доставлены были в Европу кожа, скелет и внутренности этого до той поры малоизвестного животного. С тех пор мы многое узнали о чепрачном тапире, хотя не можем похвалиться, что очень хорошо знаем его. О жизни тапира на воле мы не имеем еще никаких сведений, а наблюдения о содержащихся в неволе тоже не могут считаться удовлетворительными. Стерндаль называет его диким и любящим уединение животным, но говорит, что, пойманный молодым, он легко приручается и способен сильно привязаться к своему хозяину.

Короткая грива и одноцветный мех служат отличительными признаками **равнинного тапира** (*Tapir us terrestris*). Это первый вид семейства тапиров, с которым мы познакомились*.

** Наиболее обычный и широко распространенный вид семейства.*

Равнинный тапир (*Tapirus terrestris*)

Вскоре после открытия Нового Света путешественники стали говорить о большом звере, которого они принимали за бегемота. Только очень известный наблюдатель граф фон Либштад дает нам в половине XVIII столетия первое подробное описание и изображение этого животного. Позднейшие путешественники и натуралисты дополнили описание, и в настоящее время мы с не многими большими животными так хорошо знакомы, как с этим тапиром. Тело его покрыто довольно равномерно шерстью, которая только с половины головы до плеч удлиняется в виде небольшой стоячей гривы. Черновато-серо-коричневый цвет шерсти становится светлее по бокам головы, а в особенности на шее и груди. Ноги и хвост, полоса, идущая по середине спины, и затылок обыкновенно окрашены темнее. Уши имеют беловато-серую кайму. Встречаются часто чалые, серые, желтоватые и бурые особи. У молодых животных только на спине такая же шерсть, как у родителей; верхняя часть головы густо покрыта круглыми пятнами, а вдоль каждой стороны туловища идет непрерывный ряд светлых точек, которые распространяются и на ноги. С возрастом эти пятна сливаются в полосы, а к концу второго года исчезают совершенно. По измерениям Чуди, тапир при 2 м длины достигает 1,7 м высоты**, но Каплер утверждает, что при такой длине высота у плеч достигает только 1 м.

* * Средние размеры взрослого равнинного тапира — около 180 см длины, около метра высоты в холке и масса 225-250 кг.

Замечательно, что эти измерения относятся не к самцу, а к самке, которая всегда больше ростом. По новейшим исследованиям оказывается, что, вероятнее всего, тапир водится только на юге и востоке Южной Америки, а на севере и западе, так же как и в центре, заменен другими, хотя и родственными, но не совсем одинаковыми видами, которых мы оставим пока в стороне*.

* Равнинный тапир обитает в лесах, саваннах и околородных биотопах Южной Америки к востоку от Анд от Венесуэлы до Северной Аргентины. От Мексики до Колумбии и Эквадора распространен центральноамериканский тапир. Область обитания горного тапира охватывает некоторые участки умеренного пояса Анд на высоте 2000-4700 м в Колумбии, Венесуэле,

Перу и Эквадоре. Центральноамериканский и горный тапиры редкие виды. Как и чепрачный тапир, они занесены в Красную книгу МСОП.

При описании жизни тапиров мы должны руководствоваться сообщениями Азары, Ренгера, принца фон Вида, Чуди, Шомбургка и др. Об американских видах этих животных, как и о жизни чепрачного тапира, мы не имеем никаких точных сведений. Впрочем, все виды до того схожи между собой, что совершенно достаточно обратить внимание на жизнь и нравы одного из них, чтобы иметь понятие о других.

Все тапиры постоянно живут в лесах и старательно избегают в них просек и открытых мест. Эти животные сами отступают перед нашествием людей все дальше в глубину лесов, между тем как, по рассказам Гензеля о Южной Америке, все остальные звери тропических стран устремляются постепенно к более населенным частям леса. Тапиры протаптывают себе в чащах южноамериканских лесов тропинки, которые легко можно принять за дороги, сделанные индейцами, так что неопытные люди часто соблазняются следовать по ним и таким образом лишь удаляются от населенных мест. Этими тропинками тапиры пользуются, пока их никто не беспокоит, но в минуты испуга они без заметных усилий пробивают себе дорогу сквозь самые непроходимые чащи.

Тапиры преимущественно сумеречные животные. «Мы часто, — говорит Чуди, — целыми месяцами бродили по густым девственным лесам, где тапиры живут в большом количестве, не встречая в течение целого дня ни одного из них. По-видимому, они в это время скрываются среди густых кустарников, в прохладных, тенистых местах, преимущественно вблизи стоячих вод, в которых они любят валяться». Но по совершенно глухим и темным лесам бродят они и днем, как уверяет принц фон Вид; то же утверждает Каплер, который положительно говорит, что ему часто случалось и днем встречать в лесах этих животных и даже видеть, как они пробирались через воду. При солнечном свете они двигаются неохотно и в самый полдень постоянно ищут в чаще леса спасения от утомительной жары и еще более от мучительных комаров. «Когда без шума плывешь, — пишет принц фон Вид, — рано утром или вечером по реке, то часто видишь, как тапиры спускаются к воде, чтобы освежиться и освободиться от оводов. Нужно сознаться, что ни одно животное не умеет лучше тапира оберегаться от этих докучливых насекомых: для этой цели он пользуется всякой лужей, всяким ручьем или прудом. Поэтому шкура убитых тапиров часто оказывается покрытой илом и землей». К вечеру тапиры отправляются на пастбище и, вероятно, находятся в движении целую ночь; образом жизни они очень напоминают нашего кабана, только не соединяются такими большими стадами, как кабаны, но живут, подобно носорогу, большей частью одиноко.

Самцы ведут уединенную жизнь и только во время полового возбуждения соединяются с самками. Встретить семейство тапиров — большая редкость, а общества более чем в 3 штуки попадаются только там, где особенно хорошее, тучное пастбище случайно привлекает нескольких отдельных тапиров*.

** Тапиры имеют индивидуальные участки, но иногда объединяются в пары.*

По движениям своим тапиры напоминают свиней: походка их медленная, осторожная; лениво плетутся они нога за ногу, причем голова всегда пригнута к земле, и только обнюхивающий все кругом хобот, который они поворачивают то в одну, то в другую сторону, и постоянно движущиеся уши оживляют его бесстрастную фигуру. Так движется тапир в спокойном состоянии, но при малейшем подозрении опасности он останавливается, хобот и уши приходят на короткое время в лихорадочное движение, после чего животное стремительно пускается в бегство. Пригнув еще ниже голову к земле, он несется по прямому направлению, не взирая ни на какие препятствия, так же быстро, как по болоту и воде. «Когда случайно встретишь тапира в лесу — говорит принц фон Вид, — то он постоянно сильно пугается и тотчас шумно пускается в бегство. На коротком расстоянии он довольно быстр, но хорошая собака легко настигает его, после чего он обыкновенно останавливается перед ней и защищается». Тапир отлично плавает и еще лучше ныряет, поэтому он не только во время бегства, но и при всяком удобном случае бесстрашно переплывает самые широкие реки. Прежние натуралисты сомневались в этом, но новейшие наблюдатели подтверждают это мнение.

Келлер-Лейцингер так описывает нравы тапира: «С первыми лучами солнца направляется он тяжелой поступью по протоптанным дорожкам к реке, чтобы выкупаться, и часто, оглябая крутой изгиб реки, мы натыкались на толстокожего, спокойно стоявшего в воде по самое горло. Он плавает и ныряет с удивительной ловкостью; нужно думать, что, преследуемый собаками, он направляется к реке не столько для освежения после бешеной скачки, сколько для большей свободы движения среди влажной стихии». Вероятно, тапир, как и бегемот, может подолгу бежать по дну реки; по крайней мере, у пленного чепрачного тапира в Барракпуре наблюдали, что он часто таким образом переходил с одной стороны своего бассейна на другую, но никогда в нем не плавал**.

** * Все виды тапиров (может быть, кроме горного) можно считать околотоводными и даже полуводными животными. Они привязаны к руслам рек, болотам, мангровым зарослям, влажным лугам с тростниковыми крепями, много времени проводят в воде.*

Из внешних чувств у тапиров решительно первенствуют обоняние и слух и, кажется, в одинаковой степени; зрение, напротив того, слабо, о вкусе трудно судить, однако я заметил на пленных тапирах, что они прекрасно умеют отличать различные яства и весьма ценят некоторые лакомства. Органами осязания служат как хобот, так и вся кожа. Хобот — превосходное орудие осязания и находит самое разнообразное применение.

Голос тапира — совершенно своеобразный резкий свист, никак не соответствующий, по словам Азары, огромным размерам этого животного. Тот же натуралист утверждает, что свободно живущие тапиры испускают его только во время полового возбуждения; Шомбургк же думает, что так кричат только молодые тапиры. Но и то и другое мнение неверно. Пленные тапиры, как чепрачный, так и бразильский, часто свищут таким образом не только в пору любви, но и во всякое другое время; обеспокоенный чем-нибудь бразильский тапир издает, кроме того, сердитое сопение, которое невозможно описать словами.

Все тапиры, по-видимому, добродушные, боязливые и миролюбивые животные и только в крайнем случае пускают в ход свои средства защиты. Они бегут перед всяким врагом, даже перед маленькой собакой, но больше всего боятся человека, превосходство которого они хорошо оценили. Это видно уже из того обстоятельства, что они гораздо осторожнее и боязливее вблизи плантаций, чем в непроходимых лесах. Однако и это правило имеет свои исключения. В известных случаях тапиры храбро обороняются, и тогда они, несомненно, опасные противники. Они бешено кидаются на врага, стараясь его опрокинуть, и даже пускают в ход зубы наподобие нашей свиньи. Таким образом матери защищают своих детенышей, когда видят их в опасности: они тогда без оглядки идут навстречу врагу, не обращая внимания ни на какие раны. Келлер-Лейцингер свидетельствует: «Самка тапира не бежит со своими детенышами от лающих собак; она мужественно становится перед своим логовищем, стараясь собственным телом защитить маленькие беспомощные создания, которые кидаются ей под ноги, дрожат и пронзительно свищут. Беда неосторожной собаке, осмелившейся отделиться от своры (которая в таких случаях держится в почтительном отдалении) и приблизиться к разъяренному животному: высоко приподнятый короткий хобот обнажает ряд страшных зубов, и под сильными передними ногами слабые кости собаки хрустят, как тонкий хворост. Наконец простреленная бесчисленными пулями подоспевшего на лай собак охотника, эта жертва материнской любви падает на своих полумертвых от страха детенышей»*.

** Сезонность в размножении у тапиров отсутствует, в среднем приплод бывает каждые 15 месяцев. После 13-13,5 месяца беременности самка приносит одного, редко двух крупных, развитых детенышей весом до 7 кг. До 6-8-месячного возраста детеныш остается с матерью, которую почти догоняет по величине. Самки половозрелы в 3-4 года, самцы — на год позже.*

Умственные способности тапиров весьма ограничены, хотя эти животные не так тупы, как кажутся на первый взгляд. Кто наблюдал пойманных тапиров, тот знает, что они по умственным способностям стоят на одной ступени со свиньей, но, во всяком случае, гораздо выше носорога и бегемота.

При хорошем уходе тапиры живут в неволе довольно долго. В последнее время удавалось даже в Европе довести их до размножения**.

** * Тапиры хорошо приручаются и размножаются в неволе, доживают до 35 лет.*

Говорят, что на родине чепрачного тапира старались обратить в домашнее животное не столько ради мяса, сколько для перевозки экипажей и клади. Намерение, может быть, и похвальное, но едва ли удобоисполнимое: тапир недостаточно понятлив, чтобы приносить большую пользу в качестве домашнего животного. Во всяком случае, в упряжь он едва ли годится. Конечно, было бы недурно прокатиться на паре чепрачных тапиров по улицам какого-нибудь города в Индии, но едва ли подобный способ передвижения может соответствовать новейшим потребностям, так как заставить пленного тапира бежать рысью гораздо труднее, чем может показаться тем людям, которым впервые пришла эта мысль.

На свободе тапиры питаются только растениями, особенно листьями деревьев. В Бразилии они предпочитают листья молодых пальм. Нередко нападают они и на плантации и тогда доказывают, что сахарный тростник, манго, дыни и другие овощи им тоже очень по вкусу. Чуди уверяет, что на плантациях, где разводят деревья какао, они иногда причиняют огромные убытки, затапывая нежные растения и обгладывая листья. В необитаемых больших лесах иногда целыми месяцами питаются упавшими плодами деревьев, между которыми они особенно любят сливы спондия, или

сочными и водяными растениями. К соли они чувствуют особое пристрастие: она необходима им, как и жвачным. «Во всех низменных местностях Парагвая, — говорит Ренгер, — где почва содержит много сернокислого и солянокислого натра, тапиры живут во множестве. Они здесь лижут пропитанную солью землю». По словам Келлер-Лейцингера, тапиры, подобно многим другим млекопитающим и птицам, едят даже глину, точно так же, как в других странах многие люди очень любят есть землю. Впрочем, они едят все то, что едят свиньи, но с благодарностью принимают всякую вкусную подачку. Древесные листья и плоды, сухари и сахар принадлежат к их любимым лакомствам.

Человек усердно преследует всех тапиров из-за мяса и шкуры. Мясо их считается нежным, сочным и вкусным. Толстую шкуру их дубят и разрезают на ремни, которые округляют, делают мягкими посредством втирания в них горячего жира и потом употребляют на бичи и поводья. Из Аргентины вывозится на рынки ежегодно множество подобных ремней. Для обуви, по словам Чуди, эта шкура не годится: она трескается в сухую погоду и разбухает в сырую. Копытам, волосам и другим частям тела тапира приписывают разные целебные свойства. На восточном берегу Америки простой народ, однако, совсем не пробует на себе действие этих средств, а довольствуется тем, что предлагает их посторонним. Но индейцы, как уверяет Чуди, носят на шее копыта этих животных как предохранительное средство против падучей болезни, даже принимают их внутрь в виде подсушенного и мелко истолченного порошка. Это же средство в индейской врачебной науке занимает почетное место, так как его употребляют и против чахотки, но тогда варят в какао вместе с печенью вонючки. Наконец, копыта тапира употребляются женщинами во время пляски как кастаньеты.

В Америке на тапира охотятся обыкновенно с помощью собак, преследующих его до самой воды, к которой тапиры постоянно спешат в подобных случаях. Но тут у берега их сторожит в легком челноке охотник и преследует со сворой собак плавающее и ныряющее животное. Если водное пространство не слишком велико, тапира легко настигают и убивают пулей или длинным охотничьим ножом. Конечно, подобная охота не всегда оканчивается счастливо и просто.

Шомбургк следующим образом описывает приключения подобной охоты среди чащи лесов: «Едва мы обогнули изгиб берега, как увидели, к нашему крайнему удовольствию, тапира со своим детенышем, странствовавших в воде на одной из многочисленных отмелей реки; но не успело еще слово «майпури» сорваться с уст наших индейцев, как оба зверя нас заметили, пустились бежать и исчезли в густой прибрежной поросли. Так же быстро, как они, подплыли мы к берегу, почти одновременно с ними выскочили на сушу и побежали за тапирами с ружьями, стрелами и луками. Пробираясь по лесной опушке, мы заметили, что беглецы старались спрятаться в высокой траве и камышах, которые покрывали тут огромное пространство. Наши собаки находились в несколько отставшей третьей лодке, и мы, европейцы, наученные давним опытом, остановились в недоумении перед непреодолимой стеной тростника, которая внушала нам невольный ужас. Но наших индейцев ничто не могло удержать: они, как змеи, поползли между опасным тростником. Раздались один за другим два выстрела, и радостный крик охотников возвестил нам удачу. Все бросились по тому же направлению и тем проложили нам менее опасный путь; скоро мы увидели обоих охотников, стоявших, опершись на ружья, перед трупом старого тапира. Пуля, как оказалось при вскрытии трупа, пробила ему легкое. Это была самка необыкновенной величины. Мы обступили густой толпой желанную добычу, как вдруг треск раздвигающегося камыша дал знать нам о прибытии собак, которые с жадностью стали лизать кровь тапира. После этого погнались за детенышем, след которого скоро отыскивали наши превосходные собаки.

Когда испуганный зверек заметил за собой погоню, он пронзительно засвистел, но мы еще ничего не могли видеть, пока резкие свистящие звуки не выдали нам, что животное гнали по краю высокого тростника к открытому полю, почему мы поспешили взобраться на пригорок, чтобы наблюдать за охотой. Едва успели мы достигнуть возвышения, как животное выскочило из тростника, а за ним лающая стая и наши 30 индейцев, которые не отставали от собак; их торжествующие крики почти заглушали лай собак и крики ужаса тапира. Это было странное, невиданное еще мной зрелище! Силы преследуемого животного стали заметно ослабевать, и его скоро задержала наша прекрасная гончая собака; после упорного, но тщетного сопротивления с его стороны нашим индейцам удалось наконец перенести связанное по ногам животное в лодку, среди оглушительных радостных криков и яростного лая собак. Оно было величиной с большую свинью.

Теперь надо было перенести на отмель и старую самку, на что потребовались уже общие усилия всей компании. Мы привязали к ногам исполина длинную веревку и поволокли его, сопровождаемые громкими криками. Скоро услужливые руки рассекли на части огромное тело животного. Часть мяса отнесли в копильню, остальное было сварено. Мясо нашли мы необыкновенно вкус-

ным: оно напоминало говядину не только вкусом, но и видом. Когда тапир был выпотрошен, индейцы тщательно собрали кровь, смешали ее с мелко изрубленными кусками мяса и наполнили этой массой кишки. Однако они не сварили этой колбасы, а только прокоптили ее. Я попробовал и больше уже не захотел есть ее в другой раз».

Еще более опасным врагом, чем человек, можем мы назвать больших кошек родины тапира. Все путешественники утверждают, что ягуар жестоко преследует американских тапиров. То же можем мы сказать о тигре относительно чепрачного тапира. Рассказывают, что тапир, если ягуар ему вскочит на шею, поспешно бросается в самую густую чащу, чтобы сбросить с себя врага, что ему иногда и удается, так как когти хищника едва ли могут глубоко вонзиться в кожу тапира. Этот рассказ не так невероятен, как, кажется, утверждают, что на спинах убитых тапиров были найдены заметные следы когтей тигров и ягуаров.

Семейство носороговые

Носороги — неуклюжие, неловкие животные довольно значительной величины, с очень сильно вытянутой в длину головой, на лицевой части которой возвышаются один или два рога. Шея короткая; покрытое толстой кожей туловище почти совсем или только отчасти голое; хвост короткий; на ступнях коренастых, но довольно стройных ног сзади и спереди по три пальца, оканчивающихся копытами. Каждая отдельная часть тела, даже в сравнении с соответствующими частями тела других непарнокопытных, имеет своеобразный вид. Голова узкая и длинная, особенно лицевая часть необыкновенно удлинена и вытянута вперед. Черепные кости, напротив, сильно сдавлены в задней части, так что лоб очень круто опускается вниз и между ним и высоко приподнятыми носовыми костями образуется как бы седло, углубленное в середине и приподнятое по краям. Углы нижней челюсти довольно сильно выдаются в стороны, сама же челюсть, более или менее изгибаясь, приподымается к концу морды; отверстие рта несоразмерно мало, верхняя губа вытянута в середине в виде узкого хоботообразного отростка*: нижняя губа спереди округлена или как бы обрублена; яйцевидные продолговатые ноздри, имеющие сзади вид щели, расположены почти горизонтально и отделены одна от другой большим промежутком; глаза очень малы; продолговатые зрачки стоят поперек глазного яблока; верхнее веко вооружено густыми, но короткими ресницами. Уши имеют обыкновенную форму и довольно велики; наружные края их закруглены, а внутренние до половины завернуты внутрь.

** Верхняя губа вытянута в хоботок далеко не у всех современных носорогов.*

Короткая, всегда морщинистая шея гораздо толще головы и незаметно переходит в массивное туловище, которое отличается резко выдающимся острым хребтом, округленным висячим брюхом, и еще тем, что загривок несколько выше крестца. Короткий хвост или сильно сжат с боков и везде одинаковой ширины, или имеет конусообразную форму. Ноги носорогов имеют очень толстые и широкие плечевые и бедренные части и гораздо более тонкие предплечья и голени; пальцы еще тоньше. Ноги изогнуты, как у такс, снаружи вовнутрь и только с пальцы и ступни опять отвесно спускаются вниз. Книзу ноги расширяются равномерно, как сзади, так и спереди, и оканчиваются мясистыми ступнями, подошвы которых имеют округленно-яйцевидную форму. Из трех довольно красивых копыт среднее вдвое шире боковых. Очень толстая кожа у большей части видов образует род рогового панциря; она или плотно прилегает к телу, за исключением немногих мест, образующих неглубокие складки, или разделяется на множество щитков, отделенных друг от друга глубокими складками; щитки эти получают некоторую подвижность только вследствие того, что более тонкая и гибкая кожа внутренних бороздок этих складок дает возможность задвигать щитки один за другой.

Глаза и рыло окружены глубокими морщинами, способствующими поднятию и опусканию век и сообщающими удивительную гибкость неуклюжим, но относительно подвижным губам. Кожа покрыта меньшими перекрещивающимися бороздками, образующими заметный рисунок, и кругловатыми возвышенностями очень правильной формы; все это вместе придает щиткам своеобразный, довольно изящный вид. Более или менее длинные волосы окаймляют уши и находятся еще на конце хвоста, образуя широкую плоскую кисть. Кроме того, у некоторых видов на спине торчат там и сям негустые щетинистые пучки волос. Рога носорогов представляют собой накожное образование и состоят из параллельных, чрезвычайно тонких, круглых или угловатых полых волокон рогового вещества; рога эти лежат широким круглым основанием на толстой коже, покрывающей всю лицевую часть головы*. Нередко у отдельных экземпляров, кроме того, кожа на некоторых местах головы покрыта роговыми наростами в несколько сантиметров вышины. Скелет носорога состоит из массивных и широких костей. Череп очень длинный и низкий; лобные кости занимают треть или четверть длины всего черепа и соединяются непосредственно с широкими, крепкими носовыми кос-

тиями, которые образуют свод над носовой впадиной и иногда еще поддерживаются средней носовой перегородкой. Под тем местом, где прикрепляется рог, кости эти неровные, шероховатые, бугристые и тем шероховатее, чем рог больше.

** Рога носорогов состоят из кератина рогового вещества, составляющего основу ногтей, когтей, копыт. волос. Учитывая волокнистую структуру рога и способность к довольно быстрой росту, рог носорога можно фигурально уподобить «слипшемся» пучку волос.*

Позвоночник состоит из крепких позвонков с длинными остистыми отростками; к 18-20 из них прикрепляются сильно изогнутые, толстые и широкие ребра, однако грудобрюшная преграда прилегает уже к 14-17-му позвонку. Уже в ранней молодости срастаются те пять позвонков, которые образуют крестцовую кость. Хвост состоит из 22-23 позвонков. Все остальные кости скелета бросаются в глаза только своей тяжеловесностью и толщиной. В зубной системе постоянно недостает клыков, а у африканских видов — и резцов в обеих челюстях; азиатские же виды большею частью сохраняют резцы на всю жизнь. Кроме того, каждая челюсть вооружена еще семью коренными зубами, которые как бы состоят из нескольких сросшихся между собой бугорков и столбиков; жевательная поверхность их так стирается со временем, что на ней образуются различные рисунки эмали.

О мягких частях тела следует тоже сказать несколько слов. Кожа верхней губы очень тонкая и богатая сосудами и нервами, язык большой и чувствительный, желудок простой, продолговатый. Между органами чувств глаза поражают своими малыми размерами.

Носороги, которые в настоящее время встречаются только в восточной и эфиопской областях Африки, в древние времена водились как в южной Германии, Франции и Англии, так и в России, даже в Сибири. Из известных нам до сих пор вымерших видов стоит упомянуть об одном, а именно о **шерстистом носороге** (*Coelodonta antiquitatis*)*, ископаемом носороге, так как от него сохранились не только кости, но и куски кожи с шерстью. В северной Азии от Оби до Берингова пролива нет ни одной реки, протекающей по ровной местности, в которой не нашлись бы кости допотопных животных: слонов, буйволов и носорогов. «Когда я, — пишет Паллас, — в марте 1772 года приехал в Якутск, губернатор Восточной Сибири показал мне заднюю и переднюю ноги носорога, еще покрытые кожей. Животное это было найдено в прибрежном песке устья какой-то реки. Туловище и обе другие ноги оставили в песке». После того Паллас продолжал на месте расследование этой находки и вскоре привез в Петербург голову и ногу.

** Шерстистый носорог крупный вид, обитавший во внетропической Евразии в плейстоцене, был прекрасно приспособлен к суровым условиям ледникового периода. Размерами, пропорциями, образом жизни, очевидно, напоминал современного белого носорога, питался травой и ветками кустарников, зимой добывал подножный корм, разбивая снежную корку очень длинным передним рогом (у найденных экземпляров его передняя часть обычно сильно стерта).*

Позднее Брандт исследовал эти останки, и таким путем мы узнали, что допотопный носорог, населявший среднюю и северную Европу и север Азии, принадлежал вместе с мамонтом к самым распространенным видам больших животных Старого Света. Кроме Сибири кости его находили в европейской России, Германии, Англии и Франции, а в некоторых местах даже в изумительном количестве. Отличительный признак этого животного состоит в том, что носовая перегородка, которая у остальных видов носорога хрящевая, у него окостенела, что обуславливается, вероятно, непомерной длиной носовых костей. Животное отличается от других носорогов также своим внешним покровом. Высушенная кожа его грязно-желтого цвета, не образует складок, но толстая, на губах зернистая и густо покрыта сетчатыми круглыми порами. Меха, состоящий из жестких остей и мягкого подшерстка, пучкообразно выступает из этих пор; во всем остальном оно так похоже на ныне живущих носорогов, что его можно признать разве за особый. Пищей ему служили, вероятно, иглы и молодые побеги сосен; впрочем, достоверно это неизвестно.

Наше знакомство с ныне живущими видами в последнее время значительно обогатилось новыми сведениями, но не может назваться еще вполне удовлетворительным. Едва ли мы хорошо изучили даже те виды, которые недавно стали доставляться живыми в наши зоологические сады и могли быть сравнены между собой сведущими натуралистами.

Носорог, называемый обыкновенно **индийским носорогом** (*Rhinoceros unicornis*), достигает, включая 60 см хвоста, 3,75 м длины, 1,7 м высоты в плечах и около 2000 кг массы*.

** Индийский, он же панцирный, носорог крупнейший сухопутный зверь Азии после индийского слона. Длина тела некоторых старых самцов достигает 4,2 м, высота в холке — 2 м, длина рога — до 60 см, масса — 4 т. К сожалению, столь крупные экземпляры сейчас практически не встречаются, средняя масса большинства животных — 1,5-2 т, длина рога — 20 см.*

Он очень массивен и неуклюж и отличается от своих сородичей относительно широкой и толстой головой и ему одному свойственным расположением щитов. Седлообразное углубление между очень круто спускающимся лбом и большим (около 55 см высоты), несколько загнутым на конце рогом глубокое, но короткое. Нижняя челюсть спереди немного загнута кверху.

Длинное и узкое ухо покрыто по краям короткими волосами в виде щетки; пасть широкая, нижняя губа широкая и угловатая, хоботообразный отросток верхней губы короткий, хвост, достигающий до колен, большей частью спрятан в глубокой складке заднего прохода и закрывает ее, в конце же он сплюснен с обеих сторон и жидко покрыт волосами. Большие, спереди выпуклые, снизу остро срезанные копыта оставляют свободной большую часть длинной, голой, мозолистой и твердой подошвы, имеющей сердцевидную форму. Все тело покрывает необыкновенно толстая кожа, гораздо более твердая и сухая, чем у слона; она лежит на толстом слое рыхлой клетчатки, вследствие чего может легко двигаться из стороны в сторону. Кожа эта образует роговой панцирь, разделенный на отдельные щитки многочисленными, правильно расположенными и глубокими складками, которые обозначены уже у новорожденных животных. Цвет кожи различный: у старых животных равномерный темновато-серо-бурый, более или менее впадающий в рыжеватый или голубоватый. В глубине складок кожа бледно-красноватого или буровато-телесного цвета. От пыли или от других внешних влияний кожа носорога кажется темнее, чем на самом деле. Молодые животные гораздо светлее старых.

В 1513 году португальскому королю был прислан один индийский носорог. В Англию же первые живые носороги привезены были в 1685, 1739 и 1741 годах. Как видно уже из первого известного нам изображения носорога, сделанного Альбрехтом Дюрером и воспроизведенного впоследствии Геснером, у некоторых старых животных бывают на различных частях тела наросты, имеющие большее или меньшее сродство с рогом на носу. Эти наросты появляются иногда в огромном количестве. Так, в Антверпенском зоологическом саду жил 18-летний носорог, у которого наросты рога были очень заметны. Отличаясь один от другого величиной и формой, рога эти походят друг на друга тем, что состоят из сплошной роговой массы. Как мне сообщает Мютцель, у вышеупомянутого антверпенского носорога было довольно много таких наростов на голове и на всех более заметных складках кожи. Те из них, которые находились на бровных наростах, были величиной с лесной орех, другие же значительно больше. Так, например, с каждой стороны сильно выдающихся скуловых костей у него было по 3-4 заостренных на концах рога длиной 2,5-7 см; на каждом из больших теменных бугров, закрытых складкой кожи, лежащей перед ушами, было по одному рогу, а на верхнем сгибе горловой складки тоже был толстый рог длиной по крайней мере 12 см; вместе с другими близлежащими наростами он образовал как бы пирамиду. Вся эта группа рогов была направлена назад и, как большая часть подобных наростов, гладко отшлифована спереди. Между лобными и теменными буграми замечались подобные же бородавки величиной с лесной орех; они окружали шрам в 4 см в поперечнике, происшедший вследствие выпадения подобной же мозоли. Посередине шеи поднимались пять прямых рогов, из которых средний 8 см вышины. Наконец, подобные же наросты находились наверху крестцовой складки и на верхней части хвоста. Как те, так и другие во многом отличаются от больших морщинистых бородавок, которые покрывают бока носорога. По боковой их поверхности проходят продольные желобки; гладко отшлифованная сторона бледно-желтого цвета; по словам сторожа, эти наросты иногда отпадали и после них оставались рубцы вроде тех красноватых пятен, которые остаются после отпадения оленьих рогов*.

** Скорее всего речь идет о животных с патологическим разрастанием шишек, которыми во множестве покрыта кожа панцирных носорогов.*

Область распространения этого носорога простирается еще в настоящее время до северной части Индии по той узкой полосе земли, которая тянется от подошвы Гималаев на восток от Непала, до самых отдаленных областей Ассама**. По словам Стерндаля, носороги очень долговечные животные. Одна пара, говорит Блайт, жила в Барракупурском зоологическом саду 45 лет.

*** Некогда индийский носорог обитал по всей Индо-Гангской низменности от Пакистана и предгорий Гималаев до Ассама и Бенгалии, а также, вероятно, на западе Бирмы. В настоящее время мировая популяция насчитывает около 2 тыс. животных, обитающих в изолированных участках ареала, преимущественно в национальных парках Непала (Читван — около 700) и Индии (Казиранга в Ассаме — до 1000, некоторые парки Бенгалии).*

Другой вид этого семейства — **яванский носорог** (*Rhinoceros sondaicus*), которого жители Явы называют «вара» или «варак». Это один из самых маленьких видов носорога: при высоте 1,4 м в плечах он имеет в длину около 3 м, включая сюда и хвост в 50 см. Однако Кокбурн дает более

значительные размеры: по его словам, одна самка имела 3,7 м длины, хвост ее был в 72 см, а высота в плечах 1,67 м. Кинлох соглашается с этими цифрами и прибавляет, со своей стороны, что взрослые экземпляры этого вида немного меньше или же одного роста с индийским носорогом. В остальном вара отличается от последнего более длинной головой, не имеющей такой глубокой впадины у лба, как у других видов, более коротким рогом (около 25 см длины), которого, по словам Кинлоха, у самки даже совсем нет, и более длинным хоботообразным отростком верхней губы. Расположение щитков и форма выпуклых валиков кожи тоже иные, чем у его родича. Накожные шишки у него гораздо меньших размеров, чем у индийского носорога, имеют пяти- или многогранную форму и лежат в виде мозаики одна около другой; в середине каждого бугра находится углубление, и тут же растет по одному (а иногда и больше) пучку черных щетинистых волос; у старых животных они обыкновенно на боках стираются, остаются только на спине и покрывают кожу жидким волосяным покровом. Цвет шерсти этого животного грязно-серовато-бурый.

Насколько нам известно, область распространения вара гораздо обширнее, чем предшествующего вида. Кинлох находил его в 1878 году в Сикким-Терое; кроме того, он попадается в болотистых низменностях дельты Ганга, затем встречается часто дальше на востоке, в болотах, у подножия холмов южнее Ассама и, по словам Кокбурна, в юго-западных провинциях Китая, далее в Бирме и на Яве; на этом острове поднимаются они иногда, по словам Юнгхуна, на 3000 м над уровнем моря*.

* *Яванский носорог сохранился только в заболоченных приморских лесах Западной Явы (национальный парк Уджунг-Кулон — до 60 особей) и на небольшом участке горного тропического леса на юге Вьетнама (10-15 особей).*

Самый известный представитель африканских носорогов — двурогий **чёрный носорог** (*Diceros bicornis*)**.

* * *Обитатель кустарниковых саванн Тропической Африки к югу от Сахары.*

Я его описываю по почти взрослой самке Берлинского зоологического сада. Голова его, может быть, и короче, нежели у других африканских носорогов, но относительно длиннее, чем у панцирных; задняя часть ее сильно выдается; лицевая часть ото лба слегка вдавлена наподобие седла, нижняя челюсть заметно выгнута наружу, рыло маленькое; хоботообразный отросток верхней губы явственно, но не слишком сильно развит; нижняя губа тупо закруглена; каждая губа покрыта глубокими, различным образом расходящимися и растяжимыми складками. Окруженные морщинами глаза очень малы, зрачок продолговатый; уши, у корня которых также пробегают несколько морщинистых складок, короткие и широкие, покрытые короткими, но густыми волосами только у основания заворачивающегося внутреннего края. Первый рог прикреплен ко лбу овальным основанием, сжат с боков, вытянут вперед и вверх, с немного загнутым назад кончиком; второй рог большей частью короче переднего, у основания также сжат с боков и имеет спереди и сзади по округленному ребру, вследствие чего поперечный разрез его имеет форму ромба с округленными углами; он поднимается прямо вверх или немного наклоняется вперед***. Толстая и короткая шея, заметно превосходящая голову по толщине, возвышается за загривком и оканчивается внизу поперечным подгрудком, отделяющимся двумя довольно глубокими складками от головы и плеч.

* * * *В виде аномалии у черных носорогов бывает 3 и даже 5 рогов.*

Туловище очень длинное, затылочная и к середине несколько вдавленная часть спинного хребта заострены; крестец широкий и закругленный, хотя тазовые кости явственно обрисованы; хвост дрябло спускается вниз. Сильно выгнутые вовнутрь ноги кажутся выше, чем у панцирного носорога, и не так безобразно толсты, нижние части их даже красиво сложены и имеют правильно развитые подошвы и копыта, которые по форме похожи на копыта других носорогов. Кроме двух вышеупомянутых шейных складок можно заметить еще одну короткую за плечевой частью передней ноги и другую, более длинную, в месте прикрепления задней ноги. Толстая безволосая кожа, за исключением упомянутых морщин, равномерно гладкая и только при более внимательном рассмотрении оказывается покрытой бесчисленными перекрещивающимися или пересекающимися желобками, между которыми образуются небольшие пространства разнообразной формы. Преобладающий цвет темно-серый, похожий на шифер, местами сменяющийся грязноватым рыже-бурым. У совершенно взрослого самца длина всего тела равняется 4 м, включая сюда длину хвоста в 60 см, высота около зашейка 1,6 м. Более или менее отогнутые назад рога величиной доходят до 70-80 см. Только в редких случаях задний рог приблизительно так же длинен или даже длиннее переднего, у большинства же экземпляров он не достигает и половины длины переднего и часто имеет вид округленного мозолистого нароста*.

** При довольно крупных размерах этот носорог отличается от собратьев сравнительно легким сложением. Самки несколько мельче самцов, однако в размерах рога половые различий нет.*

В южной Африке носорог питается исключительно листьями и корнями, но на северо-востоке Генель находил в желудках убитых только траву**.

*** Черный носорог специализирован в питании листвой и ветками кустарников.*

Хотя в настоящее время область распространения носорога на юг значительно уменьшилась, все-таки его можно встретить от 15 градуса северной широты к югу до линии, пересекающей южную Африку от реки Кунене до озера Нгами. Отсюда граница области распространения направляется к северной излучине Лимпопо и затем по восточной границе Трансваальской республики к заливу Делагоа. В экваториальных местностях западной Африки и, кажется, во всей области Конго носороги не встречаются. Р. Бем нашел их в последнем десятилетии на востоке, близ озера Танганьика, но нигде не видел их в большом количестве. Томсон часто видел их в земле масаев, а по новейшим исследованиям Джемса, они нередки и в Сомали, но, кажется, он имел здесь в виду другой вид, к которому мы сейчас перейдем. Согласно показаниям Нахтигаля, двурогий носорог часто попадает в Удаи и в окрестностях озера Шари. На юге, по наблюдениям Шинце в 80-х годах, он довольно часто встречается по Кунене, вверх по течению от Гумбе, и реже по Кубанго и около озера Нгами. Селус говорит, что в 70-х годах небольшое число их водилось еще по болотам Чобе и довольно много в поросшей кустами полосе земли, которая простирается к югу от Замбези, на восток от водопада Виктория. В гористых местностях это животное встречается даже на высоте 2600 м***.

**** Численность черного носорога катастрофически сократилась за последние 30 лет — с 65 тыс. до нескольких сот.*

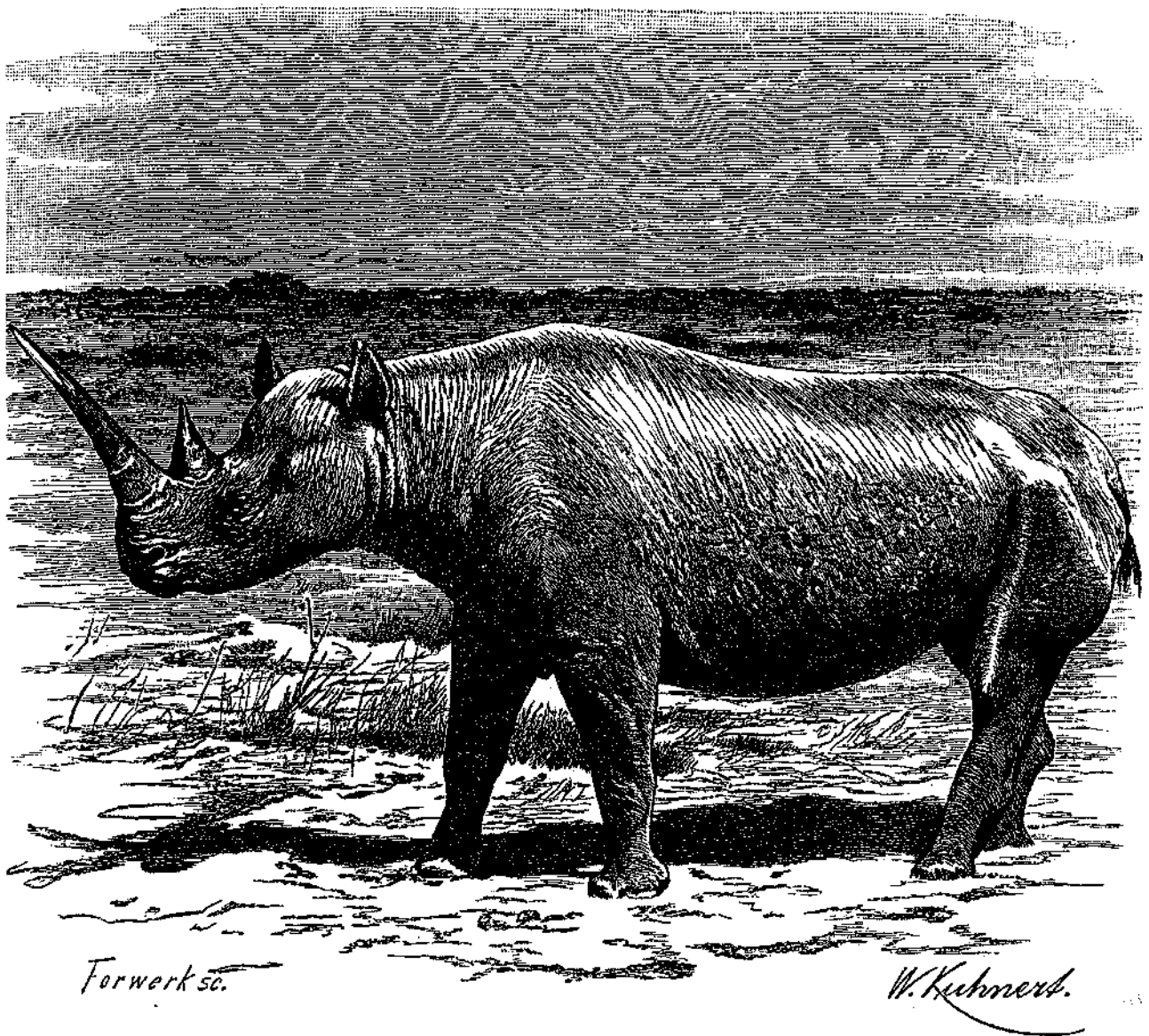
Широкорылый **белый носорог** (*Ceratotherium simum*), имеет высоту около зашейка почти 2 м, так как Чапман у самки определил ее в 195,5 см, а Селус у самца — в 198 см; длина животного, включая хвост в 60 см, достигает 5 м, так что оно превосходит величиной всех представителей семейства****.

***** Белый носорог крупнейшее после слонов наземное млекопитающее. Длина тела достигает 5 м, высота в холке — 2 м, масса — до 3,6 т.*

Отличительные признаки этого вида следующие: голова так вытянута, что по длине равняется почти трети всего туловища; морда широкая и угловатая; верхняя губа не выдается острием; уши заостренные и довольно длинные; шея короткая; тело очень толстое; кожа образует две складки, сбегаящие с затылка на грудь; цвет светло-желтый или светлый серо-коричневый, иногда переходит в светло-серый, обыкновенно принимает более темный оттенок на плечах, бедрах и брюхе. Селус, который имел случай наблюдать в пустыне много носорогов, говорит, что преобладающая окраска этого вида темно-серая, похожая на цвет шифера, и, опровергая местное описание обоих африканских видов, прибавляет: «Как тот, так и другой вид не бывают совершенно белого или черного цвета, и я не мог бы поручиться, который из них темнее»*****.

****** Возможно, названия «черный» и «белый» были даны носорогам случайно, по цвету пыли или грязи, в которой в данный момент извлялось животное. Есть мнение, что английские эпитеты «black», «white» в данном случае не что иное, как искаженные слова буров, обозначающие «широкий» и «узкий» (имеется в виду форма верхней губы носорога).*

Белый носорог (*Ceratotherium simum*) Еще существеннее, чем вышеприведенными признаками, белый носорог отличается от своего сородича своеобразной формой черепа и меньшим числом спинных позвонков, которых у него не 20, а только 18; кроме того, резцы если и бывают, то пропадают вскоре после рождения.

Белый носорог (*Ceratotherium simum*)

Задний рог короче переднего, доходит до 60 см, но обыкновенно бывает только 6-12 см. Передний рог, по большей части мало или вовсе не согнутый, длиннее, чем у всех прочих видов этого семейства.

В настоящее время очень редко попадаются экземпляры, у которых передний рог длиннее 80-90 см, потому что самые старые и большие животные почти все уничтожены; в 70-х годах Селус находил еще рога в 109, 122 и 137 см. Отличительным признаком очень длинных рогов служит то, что они на конце как бы плоско срезаны, так как, когда животное пасется, они трутся о землю.

Животное это в буквальном смысле слова травоядное, по Селусу, оно питается только травой, чем и отличается от двурогого носорога. Вследствие этого оно водится преимущественно в степях, тогда как сородич его предпочитает места, заросшие кустарником. Водится белый носорог на очень ограниченном пространстве и только в южной Африке; сомнительно, чтобы он встречался в степях к югу от Абиссинии. Но в настоящее время вследствие беспощадной и часто бессмысленной страсти к охоте носороги почти перевелись и на этом ограниченном пространстве южной Африки, где наши отцы могли их видеть до дюжины в день, ночью же на водопое можно было встретить 20-25 штук. В средней части юго-западных немецких владений, начиная с Китовой бухты, в 1874 году были перебиты последние экземпляры, как это видно из слов Вильмера. В болотах Чобе, где Селус в 1874 году встречал этих животных довольно часто, в 1879 году они совершенно исчезли, так что и туземцы говорили, что они перевелись. По словам Шинце, они встречаются еще на западе южной Африки по Кунене, Кубанго и около озера Нгами; на востоке же они водятся только в тех местностях, где муха цеце вредит домашнему скоту, а потому косвенным образом препятствует вторжению охотников. По Селусу, они еще довольно многочисленны в северо-восточной части земли Машуна, но, вероятно, вскоре их изведут и там; тогда их последним убежищем на востоке

южной Африки останутся низменности по реке Саби и, может быть, еще окрестности залива Делагоа*.

** Белый носорог был практически истреблен к середине XX в. (оставалось не более нескольких десятков особей), но меры охраны привели к тому, что южный подвид насчитывает сейчас более 4 тыс. особей, став самым «многочисленным» из всех носорогов. Этот подвид сейчас акклиматизируют во многих местах Восточной Африки. Северный подвид одно время насчитывал до 821 особи. Данные о его нынешней численности противоречивы. Очевидно, она резко снижается, из Уганды северный белый носорог уже исчез.*

Древним носорог был хорошо известен. По Дюмихену, он встречается на египетских памятниках как пояснительное изображение после слова «ав». «Рисунок разрешает всякое сомнение насчет того, что здесь подразумевалось именно это животное, которое у древних египтян, вероятно, называлось тем же именем, как и слон, вследствие выгнутых вперед рогов, напоминающих бивни». Я убежден, что его надо подразумевать под библейским единорогом, о котором говорится в Книге Иова: «Захочет ли единорог служить тебе и переночует ли у яслей твоих? Можешь ли веревкою привязать единорога к борозде, и станет ли он боронить за тобою поле? Понадеешься ли на него, потому что у него сила велика, и предоставишь ли ты ему работу твою? Поверишь ли ему, что он семена твои возвратит и сложит на гумно твое?» (Иов. 39. 9-12).

В еврейском тексте это животное названо «рем» и ему приписываются то один, то два рога. Римлянам были известны и однорогие, и двурогие носороги, и оба вида появлялись на арене цирка. Плиний говорит, что первый однорогий носорог был привезен на игры в Рим в 61 году до Рождества Христова Помпеем; с ним вместе были привезены рысь из Галлии и павлин из Эфиопии. «Носорог, — рассказывает Плиний, — врожденный враг слона. Он побеждает последнего в бою, погружая ему в живот свой рог, который предварительно оттачивает на камне». И прибавляет также, что носороги встречались вблизи Мероэ. «В городе Адулетоне, главном торговом пункте троглодитов и эфиопов, находящемся в пяти днях плавания от Птолемаиды, продается слоновая кость, рога носорога, кожа гиппопотама и тому подобные товары». Первым говорит об этих животных Агатархид, затем Страбон, который видел носорога в Александрии. Павзаний называет его «эфиопским быком». Марциал воспеваает оба вида: «На обширной арене, о Цезарь, носорог выигрывает в честь тебя такие бои, что этого нельзя было бы и предвидеть. Как свирепствует чудовище, распаляясь страшной яростью! Как силен его рог, на котором он подбрасывает быка, как мяч!» Так описывает он однорогого носорога, а о двурогом прибавляет: «Пока загонщик старается привлечь к битве носорога, исподволь раздражая это сильное животное, нетерпеливые зрители теряют уже надежду на продолжение боя. Но наконец в чудовище просыпается врожденная ярость. Двойным рогом своим он легко поднимает сильного медведя и подбрасывает его вверх, как бы собаку».

Арабские писатели с давних пор упоминают об этих носорогах, которых разделяют на индийских и африканских; в их сказках животные нередко являются существами волшебными. Известный писатель Марко Поло, сообщения которого имеют важное значение для зоологии, первый после большого промежутка времени прервал молчание относительно носорога. Он видел это животное в XIII столетии во время путешествия в Индию, на Суматре. «Там водятся, — говорит он, — много слонов и «рогатых львов», которые сложением ног похожи на слонов, но меньше их, а кожей более походят на буйволов. На лбу у них рог, который им ни к чему не служит. Когда они нападают на кого-нибудь, то опрокидывают соперника ударами колен и потом колют его языком, который снабжен несколькими длинными остриями*».

** Удивительно верное наблюдение. Действительно, нападающий индийский носорог поражает противника не рогом, а длинными заостренными нижними резцами.*

Голова их походит на голову кабана, и они держат ее всегда опущенной вниз. Это грубые, неопрятные животные, которые любят залезать в тину». В 1513 году португальский король получил из Индии живого носорога, слух о котором проник в другие государства. Альбрехт Дюрер вырезал его изображение на дереве, руководствуясь присланным ему из Лиссабона очень плохим рисунком. Изображение это представляет животное как бы покрытым чепраком и с чешуйчатой броней на ногах; маленький рот помещен на плече. Почти 200 лет этот рисунок знаменитого мастера был единственным изображением носорога; неудивительно поэтому, что Геснер тоже им воспользовался. Шардин, видевший носорога в Испании, первым дал в начале прошлого столетия более точное его описание. Образ жизни носорогов был более основательно описан Бонциусом в середине XVII столетия. С этого времени путешественники-естествоиспытатели описывают оба вида, но особенно подробно южноафриканских носорогов, так что в настоящее время легче дать общее понятие о жизни всех носорогов, чем отметить отличительные черты различных видов.

Все носороги походят друг на друга образом жизни, нравом, качествами, движениями и пищей; но все-таки у каждого вида есть свои особенности. Суданские арабы склонны считать исполнских животных, каковы, например, гиппопотамы и носороги, оборотнями: они верят, что злой колдун может принять вид этих животных, и стараются оправдать свое суеверие тем, что как гиппопотамов, так и носорогов ничем нельзя обуздать, когда они разъярены.

Любимым местопребыванием носорогов служат места, обильные водой: болота, широко разливающиеся реки, озера с тенистыми, поросшими тростником берегами, вблизи которых находятся травянистые пастбища, богатые ручьями леса и тому подобные местности**.

** * Однорогие носороги, особенно тесно привязаны к воде, проводят в ней много времени, питаясь сочной водной растительностью, уходят в воду при опасности, прекрасно плавают и ныряют. Сложением и повадками эти виды отчасти даже напоминают бегемотов. Двурогие носороги более «сухопутны», но тоже любят валяться в грязевых лужах и на мелководье.*

Африканские носороги охотно селятся также в сухих травянистых или поросших кустами местностях, если только вблизи есть большое болото. Сокровенная лесная чаша, недоступная другим существам, расступается перед этими массивными толстокожими животными, которым не могут повредить самые ужасные шипы. Поэтому большинство видов встречаются в лесах, даже недалеко от морского берега; некоторые же виды чаще попадают в высоких местах, чем в низких. Так, например, яванский носорог, хотя и попадает на заросшем кустами берегу, но чаще в горах на высоте 3000 м. По крайней мере раз в день каждый носорог ходит к воде, чтобы напиться и поваляться в тине. Это купание в грязи существенно необходимо всем живущим на суше толстокожим, потому что, хотя строение их кожи и оправдывает данное им название, все-таки они очень чувствительны к укусам мух, оводов и комаров, и только толстый слой ила до известной степени защищает их. Прежде чем отыскивать себе пищу, носорог спешит к топким берегам озер, болот и рек и, выкопав в грязи яму, роется и валяется в ней, пока спина, плечи, бока и брюхо не покроются слоем ила. Валяние в грязи доставляет им такое удовольствие, что они при этом громко ворчат и хрюкают и долго не могут расстаться с приятной ванной, которая заставляет их даже забывать осторожность.

Носороги деятельнее ночью, чем днем. Сильный жар невыносим для них, поэтому во время него они спят в каком-нибудь тенистом местечке, лежа наполовину на боку, наполовину на брюхе*, вытянув голову, или неподвижно стоят в чаще леса, где листва высоких деревьев защищает их от лучей солнца.

** Носороги спят, лежа на брюхе, подогнув под себя ноги. На бок они никогда не ложатся.*

Все естествоиспытатели согласны в том, что сон у этих животных очень крепкий. Многие охотники приближались без особенных предосторожностей к отдохавшим носорогам — они не шевелились и походили на каменные изваяния. Обыкновенно грозный храп спящего носорога слышен на довольно далекое расстояние, и путешественник остерегается, хотя и не видит самого спрятавшегося животного. Но случается иногда, что оно дышит тихо, и тогда можно внезапно очутиться перед чудовищем, не подозревая заранее о его близости. С наступлением ночи, а в некоторых странах немного после полудня неповоротливое животное поднимается, берет грязевую ванну, в которой валяется в свое удовольствие, и отправляется на пастбище. Носороги селятся одинаково охотно в густых, непроходимых для других животных лесах, на открытых равнинах, в воде, так же как и в тростниках болот, как на горах, так и в долинах**.

** * Индийский носорог предпочитает влажные высокоотравные саванны и приречные заросли. Очевидно, сходные предпочтения были и у яванского носорога, в заболоченные и горные леса он был «загнан» человеком. Похоже, что лишь суматранского носорога можно назвать лесным жителем. В отличие от азиатских сородичей оба вида африканских носорогов вовсе избегают густых тропических лесов, населяя кустарниковые и травянистые саванны, сухие колючие редколесья.*

Там, где носороги живут по соседству со слонами, они обыкновенно пользуются дорогами этих последних, но им не представляет затруднения проложить их и самим. В джунглях Индии встречаются длинные, как бы по шнурку проведенные ими дороги, по обеим сторонам которых растения поломаны, а почва утоптана. Во внутренней Африке можно видеть подобные же проходы. Нередко можно встретить хорошо протоптанные дороги, которые ведут через скалистые или каменные холмы от одного леса к другому; вследствие постоянного прохода животных по одному месту в каменной почве делается углубление, так что образуются глубокие тесные дорожки.

Гаскарль пишет: «На Яве я нашел такие дороги как на высоте 3000 м над уровнем моря, так и в болотистых береговых равнинах южной части острова. Идя по этим дорогам, можно всегда быть уверенным, что выйдешь наконец к источнику или к луже. Местами поперек дороги, углубленной

часто более чем на полметра, падает дерево, под которое носорог может пролезть только с трудом; однако он из-за этого не меняет своей обычной тропинки, так что нижняя часть ствола оказывается стертой и даже как бы отполированной». Гейглин свидетельствует, что двурогий носорог держится раз проложенных путей, не ведет, подобно слону, бродячей жизни, а тем более не любит переменять своего местопребывания, что делает только в случае сильной засухи. Мор, Юнгхун и Гаскарль рассказывают о вдавленных дорогах двурогого носорога, которые можно встретить к югу от Замбези на крутых скатах, горах и даже на почти отвесных круглых или заостренных вершинах; этими дорогами иногда пользуются пешеходы.

Носорог ест древесные ветки и различные сухие кустарники, репейник, дрок, камыш, степную траву и тому подобное, но не откажется и от более мягкого корма. Как уже упомянуто при описании обоих африканских видов носорога, представители одного вида питаются главным образом листвой, преимущественно очень распространенных в тех местах тернистых мимоз; другой же вид питается кустисто растущими травами. Если животные встретят обработанные поля, то не упустят случая порядком опустошить их, так как им требуется большое количество пищи ввиду внушительных размеров желудка, длина которого 1,5 м, а ширина 75 см. Но они еще более портят и топчут в полях, чем поедают. Пища захватывается широким ртом или отрывается хоботообразным придатком верхней губы. Я замечал на одном пойманном индийском носороге, что он вытянутой губой своей чрезвычайно искусно подбирает очень маленькие кусочки, например крошки сахара, которые с помощью этого отростка клал на высунутый язык. Всякую пищу животное пережевывает сейчас же по принятии, но самым грубым образом, так как пищевод его достаточно широк, чтобы допустить пройти и большим кускам. Индийский носорог может вытянуть хоботообразный придаток верхней губы до 15 см, захватить им толстый пук травы, вырвать его и положить в рот. При этом ему, кажется, безразлично, чиста ли трава или к корням пристала земля. Однако он все-таки раз ударит вырванным пучком по траве, чтобы отряхнуть главную массу приставшей земли, а потом спокойно кладет его в широкую пасть и без труда проглатывает. Он охотно ест даже корни, которые легко достает себе. Находясь в веселом настроении, он любит иногда, уже ради удовольствия, вырыть из земли маленькое деревцо или куст; с этой целью он до тех пор подкапывается под корни своим сильным рогом, пока может наконец захватить растение и выдернуть его; после этого новыми ударами отламываются корни, которые пожираются. Притом замечено, что различные виды обыкновенно выбирают различную пищу.

Нрав носорогов представляет мало привлекательного. Они или едят, или спят и почти не обращают внимания на все окружающее. В противоположность слонам они живут не стадами, а по большей части поодиночке или, самое большое, группами в 4-10 голов*.

** Большинство носорогов одиночные территориальные животные, строго охраняющие свой участок от посягательств других особей. Границы участков животные метят мочой и кучами помёта (в строго определенных местах). Ряд продолжительных засух в Африке серьезно подорвал численность черных носорогов, умиравших от голода и жажды на своих охраняемых участках либо гибнувших в схватках с соседями. Белые носороги не территориальные животные, почти не агрессивны друг к другу и часто пасутся небольшими группами.*

В таких обществах мало единства: каждый живет сам по себе и делает, что ему вздумается. Однако нельзя утверждать, чтобы они всегда относились друг к другу с тупым равнодушием; напротив, не говоря уже о привязанности самки носорога к своему детенышу, нередко устанавливаются дружеские, чтобы не сказать супружеские, отношения между различными полами, которые могут быть очень искренними и оканчиваются, может быть, только со смертью. На свободе часто встречаются пары, которые все делают согласно, а между попавшими в неволю и привыкшими друг к другу носорогами обоего пола можно наблюдать поистине нежную любовь.

Душевные способности носорога кажутся такими же тяжеловесными, как и тело, но и то и другое в действительности неверно. Обыкновенно носорог ходит тяжело и несколько неуклюже, а когда ложится и валяется, то делает это, по-видимому, чрезвычайно неуклюже; но все эти движения выглядят более неловкими, чем они бывают на самом деле. Конечно, носорог не может быстро оборачиваться и наклоняться, но на ровном месте, раз придя в движение, он бежит очень быстро. Он не ходит иноходью, подобно слону, но шагает, подвигая вперед одновременно ноги, расположенные по диагонали, как большинство животных. Он может также бежать очень быстро и крупной рысью**.

*** В рывке черный носорог достигает скорости 50 км/ч.*

По наблюдениям Селуса, при ходьбе белый носорог всегда держит голову низко наклоненной, а двурогий — высоко поднятою; кроме того, молодой детеныш первого вида бежит обыкновенно

но впереди, а второго вида — позади матери. Всякий носорог умеет плавать, но предпочитает держаться на поверхности воды и не ныряет без нужды. Однако некоторые естествоиспытатели уверяют, что он ныряет до самого дна болот и рек, вырывает там рогами корни и стебли водяных растений и выплывает с ними на поверхность воды, где и съедает их.

Среди внешних чувств слух у носорога стоит первым, за ним следует обоняние и уже после него осязание. Зрение развито очень слабо. Слух, должно быть, очень тонок, так как животное на далеком расстоянии слышит малейший шум. Нельзя у него отрицать и присутствие вкуса; по крайней мере, на ручных я наблюдал, что сахар — их любимое лакомство и они едят его с особенным удовольствием. Голос выражается в глухом хрюканье, которое переходит в дикий храп и фыркание, когда животное разъярено, а до такого состояния его очень легко довести, так как его равнодушие ко всему, что не касается корма, очень легко может перейти в противоположное чувство. Раффлс наблюдал, что яванский носорог обращался в бегство от одной собаки, а другие путешественники видели, как носороги быстро убегали, почувяв людей; но поведение их изменяется, когда животное раздражено. Тогда оно не обращает внимания на степень вооруженности своих врагов и, зажмурив глаза, прямо бросается на предмет, вызвавший его гнев. В таком случае расвирепевшему животному безразлично, находится ли перед ним группа вооруженных людей или предмет его ярости совершенно безобидный и незначительный. Красный цвет, должно быть, противен носорогу так же, как и быку; по крайней мере, видели, как он нападал на людей, одетых в платье ярких цветов, хотя они не причиняли ему ни малейшего вреда. К счастью, от бегущего разъяренного носорога нетрудно спастись. Опытный охотник, допустив его приблизиться на 10-15 шагов, отскакивает в сторону; бешеный противник пробегает мимо него, теряет след, по которому шел раньше, и наудачу бросается вперед, часто, чтобы излить свой гнев на совершенно невинном предмете.

Раздражительность носорога затемняет истинное проявление его характера и затрудняет верную и правильную оценку его понятливости. Несмотря на вышеприведенные наблюдения, на свободе живущее животное еще слишком мало известно, чтобы мы были в состоянии дать о нем хотя бы до некоторой степени верное суждение; в действительности его очень редко наблюдали, а при встречах с ним люди или нападали на него, или убегали. Слабо развитая мозговая часть черепа и маленький мозг, во всяком случае, не говорят о богатом умственном развитии, а его телесная неповоротливость, кажется, оправдывает предположение о душевной косности, но верны ли то и другое умозаключения? О размножении носорогов у нас нет пока точных сведений, почерпнутых из самостоятельных наблюдений. У индийского носорога время течки падает на ноябрь и декабрь; в апреле или мае самка родит детеныша после 17—18-месячной беременности. Случке часто предшествуют ожесточенные битвы самцов между собой. Так, Андерсон был однажды свидетелем яростной битвы четырех носорогов, из которых он убил двоих; оказалось, что они покрыты ранами, вследствие которых не могли наесться досыта*.

** Строгой сезонности в размножении у носорогов нет. Во время гона границы территории самки становятся «прозрачными» для соседних самцов; нередко между ними происходят схватки, но менее жестокие, чем за территорию, — скорее турнирные бои с «обозначением» фехтования рогами. Схватки сопровождаются разнообразными звуками сопением, фырканием, ревом. Ухаживание самца за самкой продолжается долго (до нескольких недель), временная пара кочует с места на место, самец толкает самку головой и корпусом, обрызгивает мочой и помётом. После нескольких спариваний животные расстаются.*

Самка родит обыкновенно только одного детеныша; это неуклюжее, маленькое, величиной с полувзрослую свинью существо родится с открытыми глазами. Его красноватая кожа еще гладка, но зачаток рога уже заметен.

Из наблюдений над жизнью носорогов на воле мы узнаем, что мать выказывает горячую любовь к своему детенышу, кормит его почти в течение двух лет, все это время заботливо охраняет и защищает в минуты опасности. Еще не знают наверно, сколько времени детеныш остается при матери, точно так же не известны отношения между отцом и детенышем*.

** Детеныш, зрячий, безрогий, весит около 40 кг, способен почти сразу следовать за матерью. Вскармливание молоком продолжается около 2 лет, только после отлучения от вымени у молодого носорога начинают расти рога. Промежутки между родами составляют 2,5-3 года. Во время гона матери детеныш сильно рискует быть затоптанным или поднятым на рог самцом. Еще до рождения следующего детеныша молодой носорог покидает мать.*

Первые месяцы маленький носорог растет чрезвычайно быстро. Детеныш, имевший на третий день после рождения 60 см высоты и 1,1 м длины, вырос в один месяц на 13 см в высоту и на 15 см в длину. В 13 месяцев он уже был 1,2 м вышины, 2 м длины и 2,1 м в обхвате. Кожа в первые

месяцы жизни темно-красная, позднее она получает бурые полосы по более светлому фону. У известных нам видов складки кожи до 14 месяцев едва заметны, но после этого они образуются так быстро, что в течение немногих месяцев совершенно исчезает различие между старыми и молодыми носорогами. Впрочем, носорог к восьми годам достигает только половины своего нормального роста, а после 13 лет замечено, что пленные носороги больше не прибавляют ни в величине, ни в объеме**.

** * Рост черного носорога продолжается до 7 лет.*

Рог от постоянного трения загибается все больше назад. Многие, в особенности пленные, носороги имеют привычку его так усердно оттачивать, что он уменьшается до едва заметного отростка. Совершенно стертые рога отрастают вновь, сломанные принимают иногда вид, совершенно не похожий на первоначальный, из чего следует, что мы не имеем права определять вид носорога по одним рогам.

В старое время ходило много басен о дружественных и враждебных отношениях носорога к другим животным. Так, например, говорили, что он со слоном ведет упорную борьбу и постоянно одолевает его. Рассказы эти, передаваемые еще Плинием и повторенные другими путешественниками, очевидно, басни. Весьма вероятно, что раздраженный носорог и нападает на слона, но в таких случаях слон также умеет защищаться, а не только подставляет свое тело под удары рога разъяренного противника***.

** * * Как правило, конфликты случаются на водопоях, и, чтобы свести вероятность схватки к минимуму, в природе давно выработалась совместная система доминирования слонов и носорогов. При встрече животное низшего ранга уступает место животному более высокого ранга. Наиболее высокий ранг — у самок слонов, затем идут самцы носорогов, самцы слонов, низший ранг — у самок носорогов.*

Достовернее сведения о дружбе носорога с более слабыми животными. Андерсон, Гордон Кьюминг и многие другие путешественники сообщают, что постоянно видели как черного, так и белого носорога в обществе услужливой птицы, так называемого волокляя. Она усердно сопутствует огромному животному в течение целого дня, предупреждает его об опасностях, а сама питается покрывающими его паразитами, поэтому она всегда держится в непосредственной близости от носорога или даже сидит на нем. Эти птицы — лучшие друзья носорога и почти всегда успевают предупредить его о грозящей опасности. Само собой разумеется, что животное благодарно птице за ее верную службу, и даже такое тупоумное млекопитающее способно понимать оказанное ему благодеяние, хотя бы в виде истребления мучительных насекомых. Но я не верю, что птицы эти с приближением человека клевали своего благодетеля прямо в ухо с целью разбудить его; скорее всего, беспокойства, в которое они сами приходят при близкой опасности, уже вполне достаточно для возбуждения подозрительности носорога. Известно, впрочем, что особенно чуткие птицы всегда служат сторожами и сигналами для других, менее чутких животных.

Можно сказать, что у носорога, кроме человека, почти нет врагов. Львы и тигры избегают его, так как знают, что их когти недостаточно остры, чтобы нанести его панцирю достаточно глубокие раны, однако отставшему от матки молодому носорогу они могут быть очень опасны*. Носорог боится некоторых маленьких животных гораздо больше, чем больших хищников, и видит в слепнях и комарах злых врагов, против которых он совсем бессилен. Но, конечно, самый опасный враг носорога все-таки человек.

** Смертность молодых носорогов от львов, тигров и даже гиен достаточно высока, несмотря даже на заступничество матери. Осиротевший детеныш не имеет никаких шансов выжить в саванне.*

Все племена и народы, живущие в тех местностях, где он водится, жестоко преследуют его. В прежние времена утверждали, что пуля не в состоянии пробить его толстую кожу, однако не подлежит сомнению, что нож, копье и даже метко направленная стрела пробивают ее. Туземные охотники стараются обойти неуклюжее животное под ветром, во время сна и тогда бросают в него метательное копье или стреляют почти в упор, чтобы придать пуле большую силу. Абиссинцы употребляют дротики, которые всаживают иногда до 50-60 в одного носорога. Когда, наконец, животное истощено сильной потерей крови, какой-нибудь смельчак приближается к нему и старается перерезать ему ахиллесову жилу, чтобы изувечить его и сделать неспособным к дальнейшему сопротивлению. В Индии охотники выезжают на слонах, но и им иногда грозит опасность от разъяренного животного. «Поднятый охотниками носорог, — говорит Борри, — бесстрашно бросился на толпу людей, и, когда они перед ним расступились, отскочив в сторону, он пронесся прямо между образовавшимися рядами и наткнулся на слона, на котором сидел губернатор; носорог тогда кинулся на

слона, стараясь его поранить своим рогом, между тем как тот употреблял все усилия, чтобы схватить хоботом нападающего противника. Наконец губернатор, улучив минуту, метким выстрелом положил его на месте».

За африканскими видами носорогов европейцы охотятся точно так же, как за слонами: их подкарауливают ночью у водопоя, подкрадываются к ним днем в чаще лесов или даже в открытом поле, стараясь подойти на возможно близкое расстояние и всадить пулю из ружья большого калибра в самое чувствительное место туловища. Само собой разумеется, что такое сильное животное, как носорог, нападает иногда на своих преследователей, особенно если за ним гонятся на лошади, или он доведен до крайности, или ранен. Андерсон не раз был в большой опасности от раненых носорогов. Один из них напал на него и даже повалил, но не задел рогом, а только отбросил его задними ногами на большое расстояние. Но не успело животное отбежать нескольких шагов, как повернуло назад, снова напало на несчастного путешественника и на этот раз нанесло ему опасную рану в бедро. К счастью, носорог этим последним нападением удовлетворил, повидимому, свою злобу: он стремительно бросился в ближайшую чашу, и Андерсону удалось спастись.

Гордон Кюмминг тоже рассказывает, что однажды преследуемый им яванский носорог, который вообще считается не очень злым, яростно напал на него и сильно изранил. Он же сообщает, что черный носорог, без всякого повода с его стороны, вдруг набросился на него и заставил долгое время бегать вокруг куста. «Будь он так же проворен, как безобразен, мне бы, вероятно, пришлось проститься с жизнью; но обдуманная быстрота моих движений спасла меня. После того как он довольно долгое время ходил вокруг куста, пофыркивая и поглядывая на меня через листву, он вдруг испустил громкий крик и повернул назад, предоставив мне поле битвы».

О многих подобных происшествиях и печального и комического свойства сообщают нам Бэнс, Чапман, Дрюмонд, Гаррис, Освел и другие путешественники. Но когда подумаешь, что в течение более 100 лет тысячи носорогов были убиты без особых разговоров и толков, то подобные немногочисленные рассказы о несчастных случаях с путешественниками не имеют для нас большого значения. Многим охотникам удавалось в течение дня пристрелить пять, шесть и даже до восьми этих животных и остаться при этом невредимыми. Гаррис, например, рассказывает, что в конце 30-х годов он однажды только на английскую милю удалился от своего экипажа, чтобы отыскать убитую антилопу, и на этом коротком пространстве он встретил до 22 носорогов, из которых он убил четырех мимоходом, не имея даже нужды уклониться от своей цели и не устраивая охоты.

Подобные и еще более удивительные рассказы встречаются беспрестанно в записках различных охотников, которые употребили все старания, чтобы в течение немногих десятилетий совершенно истребить носорогов на огромных пространствах. Вследствие этого мы позволяем себе думать, что охота на этих животных не представляет больших опасностей, что вообще носороги вовсе не так свирепы и злобны, как их описывали в прежнее время. Конечно, бывают случаи, что носороги набрасываются на противника, не дождавшись нападения с его стороны. Так, например, рассказывают, что они иногда ночью вторгаются в лагерь мимо сторожевых огней, что днем разгоняют мирные караваны, что один раз даже напали на упряжных волов. Но и в этих случаях произошло больше смятения, чем настоящей беды, и вскоре сами нападающие поспешили скрыться из виду. Вероятнее всего, что тут носороги, подобно многим другим животным, действовали под влиянием внезапного страха и напали на нарушителей своего спокойствия только затем, что надеялись между ними или мимо них проскакать в более безопасное место. Между тем подобные случаи, в которых животные, действуя под влиянием внезапного страха, только искали собственного спасения, приняты были за проявление их свирепости и злобы.

Известный наблюдатель и опытный охотник Селус, который всегда так добросовестно проверяет факты и очень не любит неосторожных обобщений единичных случаев, говорит нам следующее о столь оклеветанном африканском носороге: «Нужно полагать, что нравы этих животных не везде одинаковы, но там, где мне случалось с ними встречаться, я не нашел их опасными, и только у одного из встреченных мной носорогов заметил попытку напасть на меня. Это была спасающаяся от погони самка, которой я заступил дорогу с целью заставить ее переменить направление; но вместо того, чтобы повернуть в сторону, она с гневным сопением бросилась прямо на меня; однако же мне удалось отскочить с лошадью в сторону, и она благополучно промчалась дальше. Я, впрочем, не хочу утверждать, что двурогий носорог чересчур добродушное животное, но говорю только, что он далеко не такой раздражительный, свирепый и опасный зверь, каким его хотели изобразить некоторые путешественники. Каким бы образом ни утвердилась за этим видом его дурная слава, она, вероятно, переживет его, но после того, как я в течение 8 лет убил до 100 носорогов, я имею право сказать, что охота на них менее опасна, чем охота на львов, слонов и буйволов»*.

** Носорог (прежде всего черный) традиционно входит в «большую пятерку» африканских животных, охота на которых сопряжена с повышенной опасностью. Помимо носорога туда входят слон, буйвол, лев и леопард. Однако с изобретением автоматического оружия и автомобилей повышенной проходимости охота на носорога стала практически безопасной, чем и пользуются браконьеры.*

Ловля носорогов еще труднее охоты. Яванского носорога ловят, как сообщает нам Гаскарль, преимущественно ради его рога, который сбывается китайцам за высокую цену. Чтобы поймать его, роют на его пути узкие ямы, на дне вбивают острые колья и тщательно покрывают их ветками. Тяжелое животное, идя по своему обыкновенному пути, падает в яму на колья, которые проникают в его тело; впрочем, даже и не раненный, он обыкновенно не в состоянии вылезти из ямы без посторонней помощи. Взрослых животных убивают без дальнейших церемоний, так как живыми их невозможно вытащить из ямы, молодых же стараются взять в плен и отправить в населенные местности, где надеются их продать. В Африке ловят молодых носорогов, которых время от времени доставляют на наши рынки следующим способом: в то время когда детеныши еще очень молоды, охотники стараются напасть на след самки с ее детенышем; мать убивают, после чего уже легко овладевают молодым носорогом.

Иногда помогает и случай, как это было, например, при поимке первого кистеухого носорога. Офицеры, охотившиеся в северной части Бенгальского залива за слонами, чтобы доставить их в английские войска, услышали от туземцев о поимке носорога. Оказалось, что животное, попав в береговой сыпучий песок, уже не было в состоянии из него выбраться само; 200 человек вытащили его на берег с помощью веревок и привязали между двумя деревьями, где оно и находилось в вожделенном здравии, и никто не решался его отвязать. Это известие заставило Гуда и Викеса отправиться с восьмью слонами на место, отстоявшее от них на 16 часов ходьбы, где находилось пойманное животное. Прибыв туда, они нашли самку носорога 2,6 м длиной при высоте в плечах 1,3 м, но с едва развившимися еще рогами. Они приказали привязать ее веревками между двумя слонами и повели с большими трудностями, но при живом участии народа в Чита-гонг. Отсюда ее перевезли в Калькутту и, наконец, продали в Лондонский зоологический сад.

Мы предполагаем, что все виды носорогов, иные скорее, другие труднее, могут быть укрощены и, несмотря на свой раздражительный нрав, довольно легко сделаться ручными, если с ними обращаться как следует.

В наших зоологических садах носороги по большей части добродушны и кротки, позволяют себя трогать, гонять в ту или другую сторону без всякого сопротивления и мало-помалу привязываются к сторожу, который хорошо обращается с ними. Известен нам только один случай, когда носорог, вероятно раздраженный приставанием двух посетителей, бросился на них и убил на месте. Индийский носорог Антверпенского зоологического сада был так добродушен, что Кретчмер мог входить в его клетку, чтобы удобнее срисовывать его со всех сторон. Пара индийских носорогов Берлинского зоологического сада выказала себя такими же кроткими и покладистыми, между тем как живший там же черный носорог оказался страшно злым и упрямым. Индийские носороги в хорошую погоду ежедневно выходили в открытую загородку, находящуюся при их конюшне, и часами купались в обширном водоеме; черного же носорога ни добром, ни силой нельзя было принудить выйти из закрытого помещения, и приходилось обливать его из насоса. Ни один сторож не решался входить в его конюшню и тем более дотрагиваться до него, потому что он свирепо отстранял всякую подобную попытку и даже угрожал нападением на самых знакомых ему сторожей. Строгостью с такими носорогами ничего не поделаешь, так как тупость и упрямство этого животного превосходят всякое понятие, но в подобных случаях добром все же лучше действовать, чем силой, и ласковые слова, предложенные лакомства приносят больше пользы, чем кнут, который, впрочем, все-таки оказывается необходимым орудием при воспитании носорогов.

Относительно качества пищи они не особенно прихотливы, хотя умеют отличать лучшую пищу от худшей, но количество пищи, употребляемое ими, довольно значительно: они уничтожают ежедневно около 20 кг сена, 3 кг овса или другого зерна и 15 кг репы. Ветки лиственных деревьев и клевер принадлежат к их любимым лакомствам. Белый хлеб и сахар им, очевидно, очень нравятся, но и обыкновенной соломой и болотными травами они не пренебрегают. При правильном уходе носороги выживают довольно долго и в нашем климате; известны случаи, что они 20, 30, а в Индии до 45 лет жили в неволе, поэтому я думаю, что им с полной справедливостью можно приписать 80-100 лет жизни*.

** Максимальная продолжительность жизни носорогов в неволе — до 60 лет, в природе обычно 20-40 лет.*

Польза, приносимая убитым носорогом, далеко не может окупить причиненный им при жизни вред. В тех местностях, где постоянно возделывают землю, он положительно не может быть терпим; он как бы создан только для пустыни. Почти все части тела убитого животного идут в дело. Не только кровь, но и рога высоко ценятся восточными народами ради их мнимой таинственной силы. На Востоке можно видеть в богатых домах множество кубков и сосудов, выточенных из рогов этого животного. Говорят, что вливая в эти сосуды ядовитая жидкость начинает тотчас кипеть, так что в них видят верное средство охранения себя от отравления. Турки высших классов постоянно носят с собой такую чашечку и во всех сомнительных случаях выливают в нее свой кофе. Совсем не редкость, что турок, пришедши в дом, где не ожидает для себя ничего особенно хорошего, велит слуге налить кофе, предлагаемый там всякому посетителю, в свою роговую чашечку, но страннее всего, что хозяина, по-видимому, вовсе не обижает подобная оскорбительная выходка. Еще чаще употребляют эти рога на рукоятки дорогих сабель; если уметь их хорошо выбрать и отполировать, то они принимают прелестный красновато-желтый оттенок и по справедливости могут считаться лучшим украшением оружия. Из кожи туземцы выделывают обыкновенно щиты, панцири, блюда и другую домашнюю утварь. Мясо употребляют в пищу, а жир высоко ценится, хотя европейцы и то и другое не особенно хвалят. Сало иногда употребляется на различные мази; мозг из костей тоже считается в некоторых местах целебным средством**.

** * Особенно высоко ценится нежное мясо белого носорога, а мясо черного считается малосъедобным. Рог с точки зрения подделочного материала и лекарственного средства не представляет большой ценности, но носороги всегда уничтожались и уничтожаются ныне главным образом из-за рога.*

Семейство дамановые

В диких скалистых горах Африки и западной Азии часто заметна кипучая жизнь: маленькие животные величиной с кролика, которые греются на солнце на каком-нибудь выступе скалы, испуганные появлением человека, быстро пробегают по отвесной скале, прячутся в бесчисленных расщелинах и оттуда поглядывают на необычайное для них явление. Это даманы, или жиряки*.

** Отряд даманов включает лишь одно семейство дамановых с тремя современными родами и семью видами. Раньше даманов нередко называли когтекопытными или жиряками. На внутреннем пальце их задней ноги действительно развит раздвоенный коготь для расчесывания шерсти.*

Мнения естествоиспытателей сильно расходились относительно места, которое должны занимать эти хорошенькие обитатели скал среди млекопитающих. Даллас по их внешности и образу жизни относил даманов к грызунам, Окен видел в них сородичей сумчатых животных, Кювье поставил наряду с многокопытными. Теперь же, по примеру Гексли, и это место у них оспаривают и относят к представителям совсем особенного отряда**.

** * Даманов считали родственниками грызунов, зайцеобразных, непарнокопытных. Сейчас почти доказано, что наиболее близкими к даманам современными отрядами млекопитающих являются хоботные и сирены.*

Наружные признаки даманов следующие: туловище вытянутое и овальное; голова относительно большая и неуклюжая, заостренная спереди и сильно сплюснутая с боков; верхняя губа раздвоена; мордочка изящная; глаза маленькие и выпуклые; уши короткие, широкие, круглые, совсем почти скрыты в мехе; хвост едва заметный; ноги средней величины и довольно слабые, нежные ступни вытянуты и имеют на передних ногах четыре, а на задних по три пальца, соединенных до последнего сустава кожей и снабженных, за исключением заднего внутреннего пальца, плоскими копытообразными ногтями, тогда как задний внутренний палец вооружен когтеобразным ногтем; голая ступня покрыта множеством разделенных глубокими трещинами липких присасывательных мозолей. Туловище и конечности покрыты мягким густым мехом; этот мех у корня волнист и потому заменяет недостающий подшерсток.

Относительно внутреннего строения надо заметить следующее: заостренный вперед череп имеет очень плоское темя; скуловая дуга скуловой костью, отросток которой, направляясь вверх, соединяется с лобной костью, так что височные впадины и глазные орбиты отделяются друг от друга почти сплошным костяным мостиком.

Позвоночный столб состоит из 21-22 грудных, 8-9 поясничных, 5-7 крестцовых, 5-10 хвостовых позвонков и 7 шейных. Остальные кости вытянуты, лучевая и малая берцовая кости сильно развиты и заметно отделяются от локтевой и большой берцовой кости. Зубная система очень своеобразна. Из резцов боковые выпадают, так что наверху и внизу остается по два резца, разделенных пустым промежутком. Верхние резцы полукруглые, в разрезе трехгранные, на конце заостренные

от частого употребления, нижние прямые, почти горизонтально сидят в ячейках, проникающих далеко назад; клыков совсем нет, поэтому между резцами и 7 коренными зубами, увеличивающимися спереди назад, образуется пространство*. Из коренных зубов четыре ложнокоренных и три истинных. Внутренности тоже заслуживают внимания: желудок разделен перегородкой на два мешка; вначале очень узкая толстая кишка расширяется посередине и здесь же с обеих сторон имеет по короткому остроконечному приростку; печень с несколькими лопастями не имеет желчного пузыря; матка двурогая; семенные железы лежат внутри туловища, тотчас за почками.

* *Питание преимущественно жестким растительным кормом сказалось на строении резцов — они сходны с резцами грызунов: имеют долотовидную форму, самозатачиваются друг от друга и растут всю жизнь, не образуя корней. В отличие от грызунов резцы даманов широко расставлены, лишены эмали, верхняя пара всегда больше нижней. У самцов верхние резцы всегда крупнее, чем у самок.*

Уже в древние времена даманы упоминаются как общеизвестные животные. Виды, живущие в Сирии и Палестине, кажется, были известны под библейским названием «сафан», переведенным Лютером словом «кролик». В Священном писании говорится, что сафан живет обществами на скалах и отличается слабоумием, зато наделен большим лукавством. Моисей относит сафана к жвачным животным с разделенными пальцами, которых евреи не должны были употреблять в пищу; на этом основании, вероятно, и в наше время в Абиссинии ни христиане, ни мусульмане не едят мясо даманов. В других местностях, а именно в северной Аравии, бедуины не находят ничего предосудительного в этой дичи и усердно преследуют ее. В Сирии дамана до сих пор называют «ранем израэль» — овца израильтян.

Когтекопытных надо принимать за животных, характерных для гор, лежащих в степях и пустынях. Их разнообразные, трудноразличимые виды населяют горные хребты Сирии, Палестины, Нильских стран, западной и южной Африки; при этом на хребтах выше 2000-3000 м над уровнем моря они встречаются в количестве не меньшем, чем на холмах и вершинах, выступающих напоподобие островов, которые придают такой особенный отпечаток степным странам северо-восточной Африки**.

* * *Даманы — субэндемики Африки, лишь один вид живет и на Ближнем Востоке — в Палестине, Сирии, Аравии. Встречаются по всей Тропической Африке, включая острова, населяют даже безводные нагорья Сахары, но отсутствуют в горах Атласа и на Средиземноморском побережье.*

Который из видов известных ныне даманов мы выберем для нашего описания, почти безразлично, так как все они схожи между собой по образу жизни, хотя некоторые из них живут на деревьях. Я предлагаю здесь описание жизни **скалистого дамана** (*Procavia capensis*) только потому, что сам имел случай познакомиться с ним во время своих охотничьих поездок по Абиссинии*.

* *Даман, о котором рассказывает Брем, тогда назывался сирийским (*P. syriacus*), и его распространение в Африке ограничивали северо-востоком континента.*

Длина этого животного 25-30 см**; мех его состоит из довольно длинных, у корня волнистых, но вообще прямых и тонких волос. Общая окраска имеет бледно-серый цвет с темными или светлыми крапинками.

* * *Скорее всего Брем имел дело с молодыми животными. Взрослые даманы достигают длины 60 см (не считая хвоста 1-3 см), могут весить свыше 4 кг, но обычно вес не превышает 1,5 — 2 кг.*

Цвет брюха светлее, а именно бледно-желтый. Разновидности встречаются, кажется, довольно часто. Чем больше в скалах расщелин, тем чаще встречается это животное. Если тихо проезжать по ущелью, то можно видеть, что они сидят рядами или, еще чаще, лежат на карнизах скал; они большие лентяи и неженки и любят погреться под теплыми лучами солнца. Быстрое движение или громкий шум мгновенно вспугивают их — все общество тотчас же оживает — все обращается в бегство и с проворством исчезают в один миг. Вблизи деревень они встречаются чуть ли не около самых домов и почти не боятся туземцев, даже не прячутся от них, как бы зная, что тут никто и не думает их преследовать, но при виде человека в чуждой для них одежде или с другим цветом кожи они мгновенно разбегаются по щелям скал. Гораздо больше страха, чем человек, внушают им собака или какое-нибудь другое животное. Даже когда им удается хорошенько запрятаться от него в расщелинах скал, они долго еще издают своеобразный звонкий крик, очень похожий на крик маленьких обезьян***.

* * * *Сигнальный крик дамана очень пронзителен; одни ученые описывают его как вой, другие — как свист, трель или визг.*

Если вечером или утром слышатся их голоса, то абиссинцы предугадывают приближение крадущегося по скалам их злейшего врага — леопарда, так как известно, что даманы никогда не кричат после заката солнца, если их никто не трогает. Птицы тоже приводят их в ужас. Случайно пролетевшая мимо ворона или даже ласточка заставляет их бежать назад в свое укрепленное убежище.

Даманы неохотно покидают свои скалы; когда вся трава, растущая на них, съедена, они спускаются в долину, но на вершине скалы всегда остается сторож, при первом знаке которого все общество спешно обращается в бегство.

Когда даманы движутся по ровной местности, походка их относительно тяжела; они, подобно носорогам, медленно передвигают ноги и как бы крадутся по земле, боясь, чтобы их не увидели. Сделав несколько шагов, они останавливаются, осматриваются, затем продолжают свой путь. Совсем иное бывает, если они чем-нибудь испуганы. Тогда они начинают быстро прыгать короткими скачками по направлению к скалам, и тут выказывается их быстрота и ловкость. Лазают даманы мастерски, так как нижняя часть их ступни отлично приспособлена для этого; подушечки на ней мягки, но упруги, вследствие чего каждый шаг приобретает уверенность, необходимую при быстром движении по наклонным плоскостям. Они мне сильно напоминают ящериц с липкими пальцами, так называемых гекко, хотя и не могут, подобно этим подвижным животным, ходить по нижней стороне горизонтальных плоскостей, зато в остальном ни в чем не уступят им. Они бегают вверх и вниз головой, почти по отвесной поверхности с такой же уверенностью, как по ровной земле, буквально прилипают к скале, над страшными обрывами, быстро бегают вверх и вниз по углублениям и расщелинам, причем удерживаются в последних на любом месте, упершись спиной в одну стену, а ногами в другую. К тому же они опытные и ловкие прыгуны. Им ничего не стоит сделать прыжок в 3-5 м. Можно видеть, как они скользят, подобно кошкам, со скал, даже если они совершенно отвесны, или висят над пропастью; при этом три четверти расстояния они пробегают, а затем мгновенно отталкиваются от стены, чтобы одним прыжком очутиться на другом камне.

Швенфурту, как и мне, казалась совершенно непонятной необыкновенная ловкость когтекопытных и умение лазать по самым гладким плоскостям, пока случай не помог ему разрешить эту загадку. Один туземный охотник обратил его внимание на то обстоятельство, что раненый даман в предсмертных муках так крепко прилипает к гладкой скале, как будто прирастает к ней, и вскоре этот исследователь убедился в истине такого показания: когда он однажды хотел снять со скалы раненного им дамана, то встретил такое сильное сопротивление, что должен был употребить значительную силу, чтобы преодолеть его. Внимательное исследование крепких и упругих, как каучук, ступней животного убедило этого внимательного наблюдателя, что когтекопытные могут присасываться к самым гладким поверхностям посредством произвольного сокращения и растяжения средней складки мягкой части ступни. Швенфурт справедливо замечает, что подобное свойство, встречающееся у пресмыкающихся и насекомых, не было замечено до сих пор у млекопитающих и вообще у теплокровных*.

** Последние исследования не подтверждают способности даманов «присасываться» к поверхности. Скорее всего губчатый толстый и влажный эпидермис подошв просто обеспечивает хорошее сцепление с субстратом.*

Отличительной чертой нрава даманов является большая кротость, почти тупость в соединении с невероятной пугливостью и трусостью; они очень общительны, их почти никогда нельзя встретить в одиночку, и если это случается, то можно наверное сказать, что остальных членов общества нет налицо только в настоящую минуту. Раз избранного местожительства они держатся крепко, будь оно очень обширно или очень мало. Иногда их удовлетворяет одинокий большой обломок скалы, и самое большее, если их можно видеть один день на одной, другой день на противоположной стороне его. В хорошую погоду они лежат рядами на удобных камнях, причем принимают самые ленивые позы, поджав под себя передние ноги и вытянув задние, как это иногда делают зайцы. Но и в таких случаях несколько даманов стоят настороже**.

*** Единственные серьезные враги даманов — это крупные орлы. У зверьков выработалось устройство, которое помогает этим дневным животным постоянно следить за небом. Сетчатка глаза дамана «затенена» от попадания прямых лучей сверху «козырьком» радужины. Это свойство глаза дамана привело к появлению легенды, что из всех зверей только лев и даман могут не мигая смотреть на солнце.*

Когтекопытные, кажется, не брезгливы относительно пищи и едят необыкновенно много. Родина их, богатая душистыми горными растениями, всегда доставляет им обильную пищу. Я часто их видел пасущимися у подножия скал совершенно таким же образом, как это делают жвачные. Они

откусывают траву зубами и при этом двигают челюстями точно так же, как это делают двукопытные, когда пережевывают жвачку. Некоторые естествоиспытатели предполагали, что даманы действительно пережевывают жвачку во второй раз, но я у тех даманов, за которыми наблюдал, не заметил ничего подобного, по крайней мере во время отдыха. Мне кажется, что они совсем не любят воды или, по крайней мере, весьма редко пьют*.

** Даманы поедают траву, мох, побеги кустарников, листья, кору. Охотно едят насекомых. Могут обходиться водой, содержащейся в тканях растений и животных, употребляемых в пищу. Малая потребность в воде позволила даманам заселить наиболее засушливые части Африки. В поисках пищи даманы могут уходить на 1-3 км от родных скал.*

Так как у самок даманов по шесть сосков, то предполагали, что они мечут большое число детенышей. Однако Швенфурт утверждает, что их бывает не более двух и что они являются на свет очень развитыми. Это сообщение согласуется со словами Рида, который часто видел в Капской области самок с двумя детенышами, но я всегда сомневался в справедливости этого мнения. Во всех тех многочисленных стадах, которые я видел, было так мало детенышей, что можно было заподозрить, будто среди них не более 2-3 плодящихся самок, что, конечно, решительно невозможно допустить. Мне также не случалось видеть самки, окруженной многими детенышами. На этом-то основании я считаю возможным, что самка дамана мечет только по одному детенышу**.

** * Колонии даманов представляют собой несколько семейных групп-гаремов. Обычно самцы выполняют роль часовых, охраняя территорию. Каждая семья занимает свою расщелину между скалами либо роет неглубокую нору. В году обычно один выводок из одного — трех детенышей.*

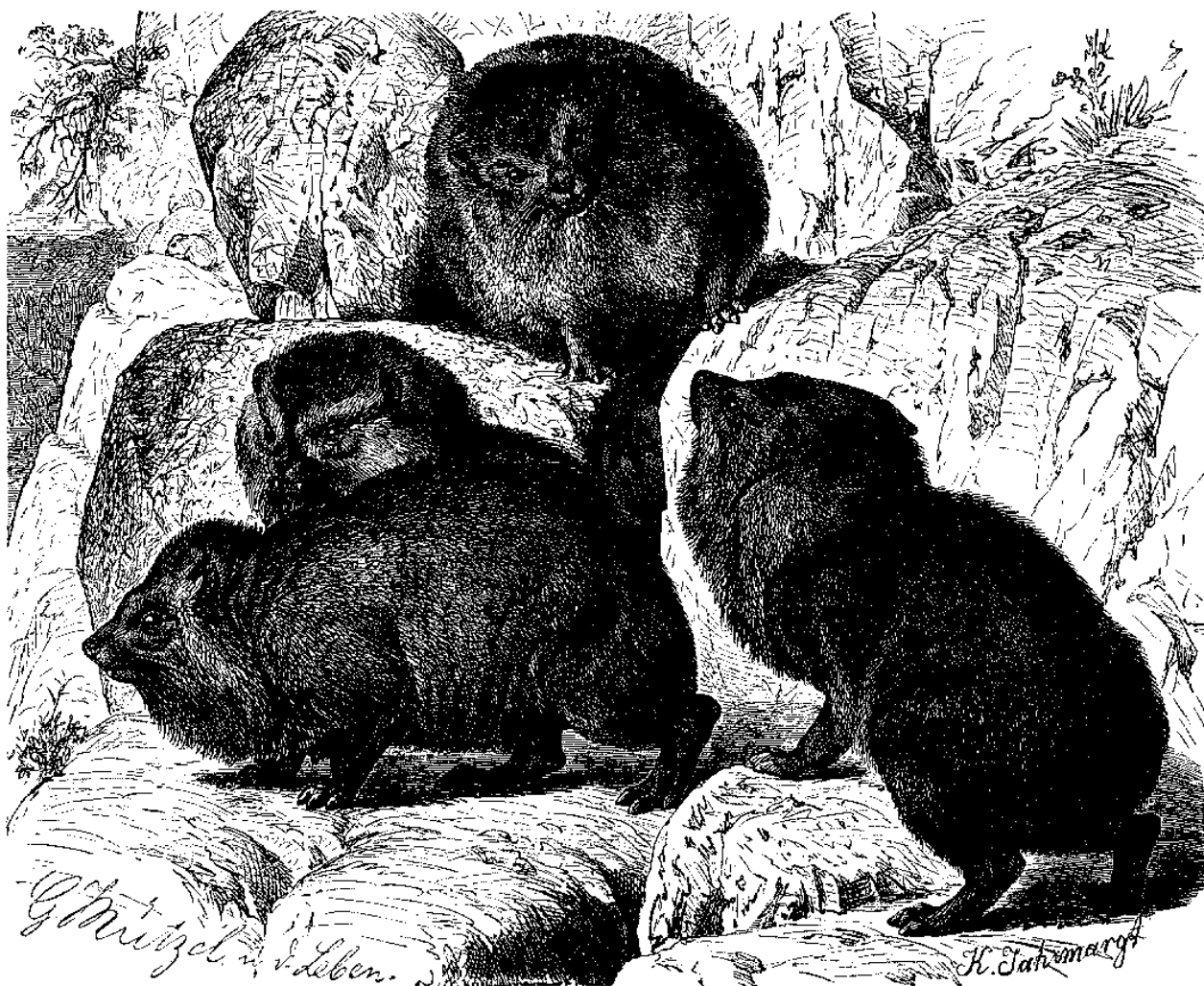
Охота за даманами не представляет больших трудностей, если этих трусливых животных не тревожили несколько раз раньше. Обыкновенно охотнику удается подстрелить сидящего на некотором расстоянии сторожа. Но после нескольких выстрелов все стадо становится очень пугливым и убегает, издали завидев человека, и показывается снова только в самых высоких трещинах скалы. Живучесть этих маленьких созданий невероятна: даже тяжело раненные успевают добраться до расщелины, где, конечно, всякие поиски их оказываются напрасными.

Только в Аравии и южной Африке даманов ловят из-за их мяса, напоминающего кроличье. На полуострове Синай бедуины роют яму, выкладывают ее плоскими камнями, закрывают каменной проваливающейся крышкой, поставленной на подпорках. Как только даман примется есть ветку тамариска, служащую приманкой, подпорки сдвигаются с места, крышка падает, и глупенький зверек попадает в тюрьму, стены которой оказывают непреодолимое сопротивление его слабым лапам, не приспособленным к рытью. Таким способом Эренберг во время пребывания в каменистой Аравии приобрел семь даманов. Кафры, как утверждает Кольбе, ловят руками живущих в южной Африке даманов. Один из туземцев, у которого останавливался этот старый опытный наблюдатель, имел девятилетнего невольника, который пас стадо и потому часто взбирался на скалы; он приносил иногда домой такое количество своей любимой дичи, что едва мог ее донести, и возбуждал этим всеобщее удивление, так как никто не мог объяснить такого искусства в ловле этих проворных животных. Впоследствии мальчик выдрессировал собаку, которая помогала ему на охоте. Капканы, расставленные перед входами излюбленных даманами расщелин, могли бы тоже оказать услугу.

Бедуины в Аравии, как я уже говорил, очень любят мясо даманов. Пойманных живыми они тотчас убивают и потрошат тут же, на месте, так же как и застреленных, и вместо внутренностей набивают ароматическими травами, частью для придания мясу лучшего вкуса, частью для сохранения его от порчи. Другого употребления даманов эти люди не знают, между тем как капские жители умеют извлекать и другую пользу из этих животных. До сих пор кал даманов, смешанный с их мочой (смесь эта у голландских поселенцев называется «барсучья моча»), появляется в продаже под именем Нугасеум. Даже в Европе есть доктора, которые прописывают это средство при известных нервных болезнях. Жаль только, что действие его, как почти всех других заимствованных из животного царства, основано на одном воображении. Но на всякий случай, если Нугасеум действительно может принести какую-нибудь пользу, я сообщаю своим читателям, что на всех скалах земли Богоса можно собрать сколько душе угодно этого лекарства. Благодаря своей страшной прожорливости даманы оставляют удивительное количество помета; на всех камнях, где они только посидели, он лежит кучами; в щелях же скал его можно набрать целыми четвериками*.

** Даманы оставляют свой помёт только в определенных местах «уборных». Уборные, используемые многими поколениями даманов, заполнены метровыми пластинами окаменевшего до плотности асфальта гуано, которое используют в лекарственных целях и как удобрение.*

То же самое, что сказано о скалистом дамане, можно сказать о живущем в южной Африке и нижней Гвинее до Конго **капском скалистом дамане** (*Procavia capensis*), и об обитающем в восточной Африке **дамане Брюса** (*Heteroxyrax bmsei*).

Скалистый даман (*Procavia capensis*)

Бюттикофер в Либерии открыл и описал еще один вид, который мы можем назвать **древесным даманом** (*Dendroxуrах arboreils*)*.

** В отличие от других даманов древесные ночные животные. Основа их питания — листва, почки, плоды.*

"Этот жиряк, — пишет Бюттикофер, — постоянный житель лесов и деревьев. Уже в первый вечер после своего прибытия я был поражен своеобразными звуками, которые раздавались в соседнем лесу и которых я вовсе не слышал в первое мое пребывание в этих местностях. Это было пронзительное и отрывистое «керр», которое с короткими промежутками далеко разносилось по окрестности; я не знал, приписать ли эти звуки птице или какому-нибудь пресмыкающемуся, но, во всяком случае, никак уж не млекопитающему. Туземцы, однако, утверждали, что виновник этих звуков — млекопитающее, живущее в дуплах деревьев и лазающее по стволам с помощью своих длинных зубов; по их словам, это ночное животное, которое проводит день в дуплах. Назначенное мною высокое вознаграждение за поимку животного соблазнило туземцев, и мне вскоре были доставлены один за другим несколько экземпляров. Все они были принесены мне живыми в корзинах, сплетенных из толстых прутьев наподобие рыбных вершей; предосторожность эта была необходима, потому что зверьки сильно кусались и даже не позволяли дотрагиваться до своей клетки. Яростно грызли они прутья, сильно ударяли передними лапами по земле и ерошили длинные волосы на спине, причем эти волосы на задней части спины большей частью распадалась на две стороны, обнаруживая скрытую под ними голую голубоватую полоску. Известно, что эта полоса, встречающаяся у всех когтекопытных, образуется особенной подкожной железой**.

*** Специфическая кожная железа есть у всех даманов, у самцов развита сильнее. Очевидно, используется при запаховой коммуникации. По краям железы растут более светлые и длинные волосы, которые встают дыбом при испуге или раздражении зверька.*

Большая часть этих животных была поймана следующим образом: выход из дупла был на время заткнут, дерево обрублено; затем перед открытым вновь отверстием привязана крепкая рыбная сеть, в которую старались загнать животное, стуча по стволу дерева. Гнезда их находятся обыкновенно на высоте от 2,5 до 5 м на стволах, всегда обвитых лианами и не очень толстых. Однажды мы добыли из одного дупла пару старых даманов с детенышем, которых я несколько дней продержал в клетке. Но раз ночью оба старых жиряка выбрались из клетки, взобрались вверх по косяку двери и ушли через верхнее отверстие в поле. Но детеныш остался, и с ним мне удалось то, что никогда еще не удавалось со взрослыми: он стал почти совсем ручным, и я мог под некоторым присмотром пускать его бегать по комнате. Само собой разумеется, что я жаждал видеть, как он лазает, и это мне тоже удалось сверх всякого ожидания, так как он вскоре стал взбираться по ножке на мой рабочий стол и оттуда по оконному косяку на укрепленную над окном дощечку. Из этого темного уголка он часами наблюдал за моей работой. Лазанье облегчалось ему тем, что животное прижимало голые ступни к обеим сходящимся под углами сторонам четырехугольной ножки стола и оконного косяка и с большой легкостью взбиралось вверх"***.

* * * *Древесные даманы очень подвижны бегают по ветвям и почти вертикальным стволам, нередко спускаются на землю. Эти территориальные одиночные животные общаются между собой сигнальными криками. В неволе древесные даманы жили до 7 лет, скалистые — до 11 лет.*

Отряд трубкозубые

(Tubulidentata)*

* *Это самый маленький отряд млекопитающих. В настоящее время эндемичен для Тропической Африки.*

Семейство трубкозубовые

Африканский, или капский, трубкозуб (*Orycteropits afer*). Трубкозуб достигает в длину почти 2 м, из которых на хвост приходится около 85 см, масса его 50-60 кг. Кожа очень толстая и одета гладко прилегающими и довольно редкими, жесткими и щетинистыми волосами; волосы на верхней стороне тела несколько короче, чем на нижней, где, особенно у основания пальцев, они торчат пучками; цвет очень равномерен. Спина и бока желтовато-бурого цвета с рыжеватым оттенком, нижняя сторона и голова светлые, рыжевато-желтые, задняя часть, корень хвоста и конечности бурые; новорожденные детеныши мясного цвета.

Голландские поселенцы на мысе Доброй Надежды называли это животное «земляной поросенок», так как мясо его по вкусу близко к мясу дикой свиньи; с давних пор охотились за ним и потому хорошо с ним ознакомились. Еще во времена Бюффона оно считалось сказочным существом; этот естествоиспытатель очень решительно оспаривал первое описание Кольбе, относящееся к началу прошлого столетия, хотя оно и по настоящее время еще более или менее имеет для нас значение.

Трубкозуб живет в южной и средней Африке, от восточного до западного берега ее, населяя, подобно броненосцам, равнины, пустынные местности и степи, где водятся муравьи и термиты**. Это создание, живущее одиноко, едва ли более общительно, чем броненосцы, хотя его иногда и находят в обществе других; строго говоря, каждый трубкозуб живет сам по себе, отдыхая днем в больших норах, выкопанных им самим, а ночью бродя вокруг своего жилища.

* * *Трубкозубы имели других предков древних копытных, но экологически и морфологически стали похожи на неполнозубых. Конечности трубкозуба, вооруженные мощными когтями, также приспособлены к рытью. сокрушению стенок термитников, язык червеобразный, челюсти удлинены, сильно развиты слюнные железы.*

В степях Кордофана, как на поросших редким лесом низменностях, так и на широких равнинах, заросших высокой травой, где находится лишь немного кустов, я часто видел норы трубкозуба и 2663 Семейство трубкозубовые много слышал о его образе жизни, хотя мне ни разу не пришлось видеть самого животного. Номады называют его Абу-Делаф (когтистый отец) и ревностно охотятся за ним. Гейглин первый имел счастье достать живым одно из этих животных и мог дать более точные сведения о его образе жизни. От него я узнал следующее. Трубкозуб спит целый день, свернувшись в глубокой норе*, выкопанной им самим, которую он закрывает за собой, заткнув отверстие землей.

* *Обычно норы трубкозуба имеют длину 2-3 м, диаметр около 40 см, уходят на глубину до полутора метров, заканчиваются гнездовой камерой, выстланной листьями. По некоторым данным, норы могут достигать 20 м.*

К вечеру он выходит добывать себе пищу. Он бегаёт не особенно быстро, но делает при этом очень своеобразные и довольно широкие прыжки. При этом касается земли всей ступней, держит голову с заложёнными назад ушами перпендикулярно опущенной к земле, сгибает спину и волочит по земле хвост для поддержания равновесия. Конец морды проходит так близко над землей, что пучок волос, окружающий ноздри, метёт её. Время от времени трубкозуб останавливается, чтобы прислушаться, нет ли поблизости врага, и идет дальше. При этом очевидно, что обоняние и слух у него развиты лучше всего: насколько он работает ушами, настолько же пользуется и носом. Быстрым движением морды он поворачивает кончик носа в стороны и местами испытующим образом поднимает вверх свою длинную морду, чтобы искать добычу с помощью обоняния. Так он подвигается, пока не найдет след муравьиной дороги. Держась её, он доходит до жилища муравьев и начинает здесь охоту совершенно так же, как броненосцы или настоящие муравьеды**.

*** В поисках пищи трубкозуб может проходить 10-30 км за ночь. Толстая кожа предохраняет зверя от укусов муравьев и термитов.*

Африканский трубкозуб (*Oryzomys afer*)

Он обладает невероятной ловкостью в рытье. Несколько мгновений ему совершенно достаточно, чтобы совсем зарыться в землю, как бы ни была тверда почва. При рытье он работает большими когтями передних ног и с силой откидывает назад огромные комки земли; задними ногами он так далеко отбрасывает за себя вырытую землю, что его окружает настоящий дождь пыли. Подойдя к жилищу муравьев или термитов, трубкозуб сначала тщательно обнюхивает его со всех сторон, затем начинает копать и врывается в землю до тех пор, пока не наткнется на главное гнездо или один из главных ходов насекомых. В такие главные ходы, которые в холмиках термитов имеют по большей части 2 см в диаметре, трубкозуб всовывает свой длинный язык, оставляет его там, пока он не покроется муравьями, затем втягивает его вместе с муравьями в рот и повторяет это до тех пор, пока не насытится вполне. Иногда он просто схватывает губами сотни муравьев сразу, а в настоящем гнезде термитов, где кишат миллионы этих насекомых, он ест почти как собака, с каждым глотком проглатывая сотни сразу. Так он переходит от одной постройке к другой и производит среди все опустошающих термитов, в свою очередь, величайшее опустошение. С рассветом зарывается в землю, причем для него совершенно безразлично, найдет ли он свою нору или нет, так как в несколько минут он зарывается так глубоко, как находит нужным для того, чтобы провести день в полнейшей безопасности. Если нора оказывается недостаточно глубокой, то с приближением опасности он роет дальше. Никакому врагу невозможно проникнуть за ним в нору, так как он с такой силой выбрасывает назад вырытую землю, что всякое другое животное смущенно возвращается назад. Даже человеку трудно рыть вслед за ним, и каждый охотник через несколько минут оказывается совершенно покрытым землей и песком.

Трубказуб чрезвычайно осторожен и робок и даже ночью при малейшем шуме немедленно зарывается в землю. Слух позволяет ему издали заметить приближение большого животного или человека; таким образом, он почти всегда оказывается в безопасности, прежде чем враг приблизится. Большая сила делает его, впрочем, способным защищаться от разных опасностей. Охотник, который действительно застанет врасплох трубказуба и схватит его, вовсе еще не овладел желанной добычей. Как броненосец, он со всей силы прижимается к стенам норы, даже если лишь наполовину находится в ней, крепко вцепляется в землю своими острыми когтями, сгибает спину и с такой силой прижимает ее кверху, что становится почти невозможным отцепить хоть одну ногу и вытащить животное. Один человек никогда не может сделать это, да и нескольким довольно долго приходится повозиться с ним. Поэтому поступают совершенно так же, как в Америке с броненосцами. Туземцы восточного Судана осторожно приближаются к норе, решают по лежащей у входа земле, находится ли там трубказуб или нет, и вдруг со всей силы колют пикой в глубь норы. Если она прямая, то животное обыкновенно ранят, если она изогнута, то охотиться не стоит.

О спаривании и размножении трубказуба нет еще точных сведений. В северных частях области его распространения самка мечет в мае — июне единственного детеныша, который является на свет голым и очень долгое время питается молоком матери*.

** У трубказуба две пары сосков на брюхе и в паху. Пик размножения — в начале дождливого сезона. Обычно рождается один, редко два детеныша. Детеныш трубказуба рождается зрячим, лишенным шерсти и с очень морщинистой кожей. Уже в возрасте двух недель он начинает сопровождать мать, в полгода — роет собственную нору недалеко от материнской. Самец покидает мать через год, самка остается дольше, нередко мать сопровождают два разновозрастных детеныша.*

Годовалый трубказуб сильно покрыт волосами; позднее благодаря работе под землей волосы все более и более стираются.

Гейглин кормил трубказуба, которого он держал в неволе, молоком, медом, муравьями, финиками и другими плодами. Животное скоро стало ручным, привыкло к своему хозяину и следовало за ним, когда он ходил по двору. Трубказуб доставлял удовольствие очень комичными прыжками, но в общем был все же тупым и скучным существом, которое, как только могло, зарывалось и спало почти весь день. Для своих испражнений, имеющих очень сильный запах, трубказуб всегда вырывал, прежде чем испражняться, задними ногами маленькую ямку, которую потом снова прикрывал землей с помощью передних ног.

В последние десятилетия трубказуба не раз привозили в Европу, и здесь при соответствующем уходе он проживал более года*.

** В неволе трубказубы жили до 10 лет.*

Несмотря на свою сонливость днем, он всегда привлекает внимание каждого любителя животных. Я должен еще прибавить, что он часто спит и сидя, причем опирается на длинные задние ноги и хвост, как на треножник, и старается спрятать голову с длинной мордой между передними ногами и бедрами. Животное кормят мелко изрубленным мясом, сырыми яйцами, куколками муравьев и мучной кашей, но заменяют ему таким образом его естественную пищу в очень недостаточной степени. Он, по-видимому, страдает от недостатка движения, легко получает опухоли и раны, благодаря этому гибнет скорее, чем было бы желательно хозяину.

Лишь в странах, где часто проходят караваны, трубказуб становится вредным человеку из-за рытья; вообще же он приносит скорее пользу, чем вред**. После смерти части тела его имеют различное применение. Мясо его похоже на свиное, и его называют то превосходным, то вязким и отвратительным по запаху; из толстой крепкой шкуры выделяется кожа.

** * Естественных врагов немного. Он моментально зарывается в землю или отбивается от хищников когтистыми лапами, иногда опрокинувшись на спину. Человек уничтожает трубказуба из-за мяса и кожи.*

Отряд парнокопытные

В отряд парнокопытных объединяют, согласно предложению Окена, всех копытных млекопитающих, у которых на каждой ноге только два развитых пальца или эти два пальца более развиты, чем три остальных. Эти большие одинаковой величины пальцы соответствуют третьему и четвертому пальцу человеческой руки. Палец, соответствующий большому пальцу на руке человека, у парнокопытных отсутствует.

Парнокопытных нет в Австралии и Новой Зеландии*; на других материках и островах, где встречаются сухопутные млекопитающие, можно найти представителей этого отряда.

* Одомашненные парнокопытные завезены человеком в Австралию и на многие острова и архипелаги.

Палеонтологические формы парнокопытных появляются только в третичных формациях**.

* * Наиболее древние парнокопытные, размером с кролика, известны из раннего эоцена Северной Америки. Возникнув 55 млн. лет назад, парнокопытные еще 20 млн. лет были мелкими лесными всеядными созданиями. Начиная с миоцена, когда широкое распространение на земле получили открытые травянистые пространства, парнокопытные объединились в стада, научившись быстро бегать и перемещаться на дальние расстояния.

Подотряд нежвачные

Suiformes)*

* Растет нежвачных (или многокопытных, по Брему) давно позади. К ним относят всего три современных семейства — свинных, пекари и бегемотов. Это лесные или околородные животные, лишь немногие встречаются в саваннах. Они отличаются тяжелым строением, массивной головой, короткими шеей и конечностями.

Семейство свинные

(Suidae)**

* * Свинные — наиболее архаичные из современных копытных. На ногах — по 4 пальца с копытами, имеют простой желудок с двумя отделами. Характерные особенности жесткий пяточок, образованный уникальной предносовой костью и хрящом, и загибающиеся вверх и в стороны крючковатые верхние клыки.

Кабан, или дикая свинья (*Sus scrofa*), вполне соответствует вышеуказанным признакам. Это большое, сильное и вполне способное защищаться животное, достигает полных 2 м общей длины или 1,8 м длины туловища, 25 см длины хвоста, при высоте 95 см в крестце; оно весит 150-200 кг. Объем и вес тела сильно меняются в зависимости от местожительства, времени года и свойства пищи. Кабаны, живущие в болотистых местах, обыкновенно больше ростом, чем обитающие в сухих местах; те, которые живут на островах Средиземного моря, не похожи на живущих на материках. По наружному виду кабан очень похож на своих потомков, то есть на домашних свиней. Орудие для защиты, бивни, больше и острее. Цвет шерсти разнообразный; у немецких охотников кабаны известны под именем «черная дичь». Поросята их полосатые, по серовато-красному фону у них видны желтые полосы, идущие довольно правильно спереди назад; полосатость эта исчезает уже в первый месяц их жизни. Волосяной покров их состоит из жестких, длинных, заостренных, на кончике часто расщепленных щетин. Между ними, смотря по времени года, растет более или менее густой мягкий подшерсток, называемый свиным пухом. На нижней части шеи и на задней части живота щетина обращена кпереди, на остальных частях тела назад, на спине щетина образует род гребня или гривы. Обыкновенная их окраска — черная, концы же щетинок желтовато-серые, вследствие чего и общий цвет кажется светлее. Уши темно-бурые, хвост, конец морды, нижние части ноги и копыта черные.

Кабаны прежде водились почти во всей Европе и в средней части ее встречались почти так же часто, как и в южной; теперь же, на горе охотников и на радость сельских и лесных хозяев, они во многих странах и в целых местностях вовсе истреблены или же живут в парках, где их берегут любители охоты. Область распространения их не заходит севернее 55 градуса северной широты.

Кабан (*Sus scrofa*)

Количество их еще больше в гористых частях Франции и Бельгии, нежели в Германии; также много их водится еще в Польше, Галиции, Венгрии, на Дунайских низменностях, на западе и юге России, на Балканском и на Пиренейском полуостровах. В Азии кабаны водятся от Кавказа до Амура и от 55 градуса северной широты до северного склона Гималайских гор. В Малой Азии, Сирии и Палестине водится дикая свинья, называемая Грэм *Sus lybicus*, которая, вероятно, принадлежит к тому же виду.

Кабаны размножаются в удобных для них местностях, например вовсе отсутствуют в степных горных возвышенностях, между тем как в горах Тянь-Шаня живут вплоть до лесного пояса, на высоте 3300 м над уровнем моря. В Африке они распространены во всех удобных для них странах северного берега этой части света.

Кабаны живут преимущественно в сырых и болотистых местах, все равно, будь это лесистые низменности или безлесные места, только бы они были покрыты болотными растениями; больше всего, впрочем, они любят обширные чащи молодых хвойных зарослей. Во многих местах Египта дикие свиньи из года в год живут на полях сахарного тростника, никогда не покидая их. Тут они питаются тростником, валяются в грязи проведенной на поля воды и чувствуют себя до того хорошо, что никакими средствами их оттуда не выжить. В Азии они также иногда покидают лесистые места и на время забираются на луга, изыскивая близость проточной или стоячей воды*. Для отдыха свинья вырывает себе яму такой величины, чтобы только в ней поместиться, и если возможно, то выстилает эту берлогу мягким мхом, сеном и листьями и затем укладывается в ней отдыхать, высыпаясь властью. Целое стадо устраивает точно таким же образом общее логовище, которое называется у охотников «котлом». Все животные стараются улечься в нем головами в середину. Желая устроиться зимой потеплее, самки покидают котлы и логовища и предпочитают забираться в кучи старой соломы или перепрелого тростника, куда совершенно закапываются; поэтому охотники, наталкивающиеся на подобные гнезда, бывают свидетелями престранного явления: холм, к которому они подходят, ничего не предполагая, начинает двигаться и вдруг выпускает из недр своих целое стадо свиной-маток.

* Кабан преимущественно оседлый вид. Он действительно привязан к воде, по крайней мере — к грязевым лужам, где с удовольствием и валяется, охлаждая тело (у кабана не развиты потовые железы).

Как животные общительные, кабаны живут стадами, которые устраиваются всегда так: матки ходят отдельно с поросятами, с ними молодые и слабые кабаны; особенно сильные кабаны часто

подбирают себе отдельное стадо взрослых самок; старые кабаны живут большей частью отшельниками и только во время спаривания примыкают к стадам*.

* Обычно весной и летом группы свиней насчитывают не более 10-12 животных (включая самок с выводками). Молодые самцы (1-2 года) живут на периферии семейных групп. Осенью и зимой кабаны объединяются в стада по 30-40 голов. Участок секача-одиночки может охватывать от 300 до 15 000 га.

Обыкновенно днем стадо лежит, лениво растянувшись в берлоге, а под вечер все вылезает и идут пастись. Сначала они, по выражению охотников, «идут рыться» в леса и на луга, где взрывают землю пяточком, или спешат к ближайшей луже, в которой они валяются с полчаса. Кажется, такие прохладительные ванны им необходимы, так как они иногда бегают за несколько миль, чтобы разыскать воду. После того как все успокоится, кабаны отправляются пастись на поля, и их нелегко прогнать оттуда, где они раз водворились. Выколосившиеся поля очень трудно уберечь от свиней, так как в это время их ничем оттуда не выживешь. Съедают они гораздо меньше, чем опустошают, и в этом-то и состоит их главный вред. В лесах и на лугах кабаны отыскивают корм в почве, именно гусениц, насекомых и всяких червей; осенью же и зимой желуди, буковые орешки, простые лесные орехи, каштаны, а в полях хлебные зерна, картофель, свеклу и всякие другие овощи. Они поедают всевозможные вещества, как растительного, так и животного царства: павших животных и птиц, даже трупы своих собратьев, положительно уподобляясь в некоторых случаях хищным животным, так как нападают на молодых оленей, преследуют и убивают подстреленных или ослабевших от недостатка корма благородных оленей, ланей и косуль, а в случае сильного голода съедают даже своих детенышей**.

* * Животная пища занимает большое место в меню молодых, растущих кабанов и составляет примерно 20 процентов. Главный источник животного белка — дождевые черви.

Если зима жестокая и в пище чувствуется недостаток, то иногда они переключаются, принимая подчас даже довольно далекие путешествия. Домашняя свинья свойствами своими еще очень во многом напоминает своих предков, и по привычкам одних легко можно судить о привычках других. Само собой разумеется, что дикая свинья — существо гораздо более совершенное и храброе, нежели наша искаженная рабством домашняя обитательница хлевов. Движения диких хотя несколько тяжеловаты и неуклюжи, зато быстры и необузданны. Бегают они быстрее и охотнее всего, с самого места поднимаются в галоп по прямому направлению, так как кабаны не любят делать крутых поворотов. Они с поразительным искусством продираются сквозь такие чащи, которые для всех других существ положительно непроницаемы***.

* * * В день, точнее, в ночь кабан проходит 2—14 км, за сутки стадо кабанов обследует территорию от 50 до 75 га.

Плавают свиньи прекрасно, и если того требуют обстоятельства, то могут переплыть широкие пространства, от одного морского острова до другого; наблюдатели замечали, что они легко проплывают расстояние в 7 и 8 километров.

Все дикие свиньи осторожны и внимательны, хотя не трусливы, так как вполне спокойно могут положиться на свою силу и на свое оружие. Видят они очень плохо, но зато слышат и чувствуют очень хорошо; чувство обоняния у них развито не хуже, чем у оленей, так как они чувствуют приближение человека за 500-600 шагов. Нельзя сказать, чтобы вкус у них был плохо развит, так как при изобилии разнообразной пищи они всегда отдают предпочтение всему лучшему. Они не так глупы и бесчувственны, как обыкновенно думают. Ведут они себя, во всяком случае, ни глупо, ни неловко, а проявляют нередко замечательную хитрость. Все существо их представляет странную смесь самоуверенного спокойствия, невинного добродушия, необузданности и необыкновенной раздражительности. Если их не сердить, то они первые никогда не обидят человека, но против собаки они с первой же минуты встречи возбуждены и всячески стараются вступить с ней в бой. Все самки вообще, а особенно поросы, не переносят ни обид, ни даже поддразниваний. Если человек смиренно идет своей дорогой, то свинья или не обращает на него никакого внимания, или быстро убегает; если же ее раздражить, то она вступает в бой даже с вооруженным человеком и в бешенстве слепо и яростно бросается на своего противника. «Раненые свиньи, — говорит Дитрих Винкель, — опасны даже охотникам; они невероятно быстро догоняют человека или животное, которое преследуют, и своими бивнями могут наносить опасные удары, причем редко останавливаются и никогда не обращаются в бегство». Самка в поединке может стать опаснее кабана, так как, разъяренная, останавливается перед противником и начинает кусаться так сильно, что часто вырывает куски мяса. Даже слабые свиньи и поросята нападают на человека, причем матери с непоколебимым мужеством за-

пищают своих малюток. Самки, которые еще водят поросят, долго преследуют похитителей своих детенышей.

Рассматривая бивни кабанов, понимаешь, почему это оружие следует считать опасным. У всех видов свиней клыки или бивни самцов отличаются от клыков самок. Клыки эти уже на втором году жизни вырастают на верхней и нижней челюстях, направляясь при этом непременно кверху. У трехлетнего кабана бивни нижних челюстей вырастают гораздо более бивней верхних челюстей; они растут косо и непременно загибаются кверху*.

** Нижние бивни секача порой достигают 30 см. верхние — вполовину меньше. У свиней верхние клыки обычно не выдаются за пределы ротовой полости, почти не заметны при закрытом рте и нижние клыки*

Клыки верхней челюсти с самого начала загибаются кверху и почти в половину короче нижних. Все бивни трехгранной формы, белые, блестящие и чрезвычайно острые, с годами, вследствие постоянного трения один о другой, они делаются все острее и как бы натачиваются; чем старше кабан, тем крепче его клыки и тем более загнуты кверху. Удары, наносимые ими, не только опасны, но могут быть даже смертельны. Нападающий зверь с необыкновенной легкостью бьет своим оружием по ногам или вонзает его в тело своего врага и, беспрестанно вскидывая голову и потряхивая ею, производит длинные разрезы, до того глубокие, что на бедре человека кабан прорывает все слои мускулов до костей, или пропарывает все брюшные покровы так, что внутренности вываливаются. Такой участи подвергаются чаще всего нападающие собаки. Нанося свои ужасные удары большим животным, взрослые кабаны даже подпрыгивают и немилосердно раздирают лошадям грудь и брюхо. Очень старые самцы уже менее опасны, нежели шести- и семилетние, так как клыки их нижней челюсти с годами сильно загибаются внутрь. Впрочем, кабаны нападают на охотника не тотчас после выстрела, а как все без исключения сильные животные: когда получают рану, спешат спрятаться и лишь в том случае, если охотник, разыскивая их, подойдет слишком близко, животные вступают в бой. Тогда в сильнейшей ярости кабан стучит клыками, трет их друг о друга, как бы натачивая их, фыркает, бешено храпит и с поразительной быстротой нападает на врага. Если промахнется кабан, то он несется дальше, между тем как самка старается вернуться и продолжает кусаться. Вообще нрав их своеобразен, глядя по обстоятельствам и по субъективным особенностям отдельных животных. Повторяем, что взбешенного кабана ни в каком случае не следует считать неопасным врагом, опытный охотник не должен рисковать и подходить слишком близко к подстреленному животному.

Голос кабана совершенно такой же, как у нашей домашней свиньи. Когда он идет спокойно, то добродушно похрюкивает; самки, поросята и молодые кабаны громко визжат. Взрослые кабаны даже при самых болезненных ранениях не издают ни звука. Голос их грубее голоса свиньи и часто переходит в злобное ворчанье.

Время спаривания начинается с конца ноября и продолжается от 4 до 6 недель. Если дикая свинья случайно поросится два раза в год, то это заставляет предполагать, что она была когда-то домашней и случайно переселилась в лес, дикие же поросята только один раз*.

** Это ошибочное мнение на юге ареала у кабанов, как правило, бывает два выводка.*

По мере приближения поры увлечений, бывшие отшельники возвращаются в стада, опять занимают главенствующую роль, изгоняют слабых кабанов из стада и ухаживают за самками до тех пор, пока не достигнут своей цели. Между равносильными животными бывают беспрестанные столкновения и долгая борьба. Удары, которыми храбрецы награждают друг друга, бывают, впрочем, редко смертельны, так как приходится по клыкам и по толстой коже**. При драках между равными спор остается нерешенным и обыкновенно кончается тем, что они, хотя очень неохотно, мирятся с присутствием навязчивых противников. Ласки, которые расточает ошалелый влюбленный, совсем странного свойства: он беспрестанно толкает предмет своей страсти рылом куда попало, а иногда даже очень бесцеремонно; не очень щепетильные самки, по-видимому, понимают цену подобных ласк и принимают их благосклонно.

** * В период гона у самцов в передней части туловища под кожей образуется «калкан» двух-, трехсантиметровый слой хрящевидной соединительной ткани, служащий защитой от ударов клыков соперника.*

Через 18-20 недель после спаривания свиньи поросята, причем слабые матки приносят от 4 до 6, здоровые же 11-12 поросят***; свинья заблаговременно przygotowляет себе где-нибудь в чаще берлогу, выстилает ее мхом, хвоей и листьями, тщательно скрывает и держит тут своих нежно любимых малюток первые две недели их жизни, покидая их и гнездо изредка и на короткое время, только чтобы похватать какой-либо пищи.

* * * *На юге ареала поросята появляются уже в феврале, на севере в апреле-мае. Новорожденные весят по 0,6-1 кг. Величина выводка зависит от возраста свиньи и кормности предыдущего года.*

По прошествии этих 14 дней она выводит свою семью на свет Божий и учит рыть землю, а маленькие живые детеныши показывают ей, как хорошо они умеют действовать своим рыльцем с пятачком. Несколько свиней иногда сходятся вместе, водят поросят сообща, причем случается, что если одна из матерей лишается жизни, то остальные начинают заботиться и кормить сирот. Такое маленькое стадо пестрых зверьков представляет очень симпатичное зрелище, так как маленькие поросята милые и забавные создания. Цвет шерсти их очень им к лицу, резвость и шаловливость детенышей составляют контраст с неповоротливостью и серьезностью родителей. Матки важно выступают вперед, а поросята, пища и похрюкивая, бегут за своими родительницами то кучкой, то в рассыпную, то остановятся, пороятся, выкинут какую-нибудь неуклюжую штучку, то опять засуетятся и, толкаясь, торопятся за матерью. По временам они начинают ее до того осаждать, что принуждают остановиться и удовлетворить их неотступному требованию дать им пососать; насытившись, снова весело удирают, и таким чередом дело идет всю ночь, и даже днем в берлоге они не могут угомониться и улечься смирно, вертятся и копошатся там без конца*. «Ничто, — говорит Винкель, — не может превзойти той храбрости и неустрашимости, с которой мать семейства защищает своих детенышей или приемышей от опасности. При первом жалобном писке поросенка свинья бросается к нему и, презирая опасность, нападает на всякого врага, будь это даже человек, который пытается похитить у нее детеныша».

* У дикой свиньи 3-6 пар сосков (максимальное число среди парнокопытных). Лактация длится 2—3,5 месяца, но уже в возрасте 2—3 недель поросята добывают червей и корневища. С матерью они остаются до 3-4 месяцев.

Восемнадцатилетние, девятнадцатилетние дикие свиньи достигают уже половой зрелости, пяти- и шестилетние считаются взрослыми, а живут они, кажется, до 20-30 лет**.

* * Молодые кабаны становятся половозрелыми еще на первом году жизни, но реально принимают участие в размножении в 1,5 года (самки) или 3-5 лет (самцы). В природе кабаны живут 10-12 лет, в неволе — до 27 лет.

Дикие свиньи очень мало подвержены болезням. Только очень жестокие холода с глубоким снегом отнимают у них возможность рыться и разыскивать пищу, а кора, намерзающая на снегу, ранит их ноги и бывает причиной того, что многие околевают. Главные враги диких свиней у нас волки и рыси, иногда и кумушка-лиса решится стянуть поросеночка; в южных странах за этой лакомой дичью охотятся большие кошки вроде тигра***.

* * * *Кабаны являются основой питания амурского тигра на Дальнем Востоке. Зафиксированы случаи гибели тигров во время неудачных нападений на старых секачей.*

Но самым жестоким их врагом все же остается человек, ибо охота на кабанов с давних времен считалась самым благородным и мужественным развлечением. В настоящее время она нечто иное, как забава, а никак не поединок между охотниками и животным. Конечно, прежде было иначе, особенно тогда, когда самым употребительным оружием на охоте были самострел и рогатина.

От собак дикие свиньи защищаются с неослабевающим ожесточением. Для этой охоты прежде употребляли легавых, а также особых, так называемых кабаньих, собак; это были смелые, сильные, горячие животные, которых намеренно содержали в полудиком состоянии и употребляли исключительно для охоты на кабанов. Легавые должны были разыскать и поднять, а кабаньи собаки преследовали и, по выражению охотников, «накрывали» дичь — задерживали кабана и набрасывались на него со всех сторон. Не успеют собаки еще схватить врага, впиться ему в уши, как у иной уже вспорот живот или нанесена другая рана. Обе стороны одинаково храбро сражались, но если на одного кабана спускали 8-9 храбрых, сильных собак, то ему приходилось сдаться. Преследуемый кабан очень умно выбирает положение для обороны, а именно, предохраняя свою спину, он прислоняется к толстому стволу или отступает в чащу, где защищен сзади и с боков, а спереди злобно отбивается от нападающих. Больше всего, конечно, доставалось передовым собакам. Если же один из этих незаменимых псов вцеплялся в кабана, то никакие уловки его не спасали, собаки держали его до тех пор, пока не подоспел охотник, чтобы покончить со зверем.

Мясо диких свиней недаром ценится так высоко, потому что соединяет в себе со вкусом свиного мяса вкус дичины. Голова и задние окорока считаются самыми лакомыми кусками. Колбасы, приготовляемые из кабаньего мяса, также чрезвычайно вкусны; не менее ценится белый жир — сало, которое в хорошее время бывает толщиной в ладонь. На берега египетских озер, где кабаны водятся большими стадами, часто являлись европейские мясники и несколько месяцев подряд охоти-

лись за дичью, «нечистой» по мнению магометан. Из мяса убитых животных они тут же делали колбасы и продавали их, наживая большой барыш. Кожа также идет в дело, а щетина раскупается на расхват. Как бы велика ни была приносимая ими выгода, она никогда не сравнится с убытками, наносимыми кабанам хозяйству.

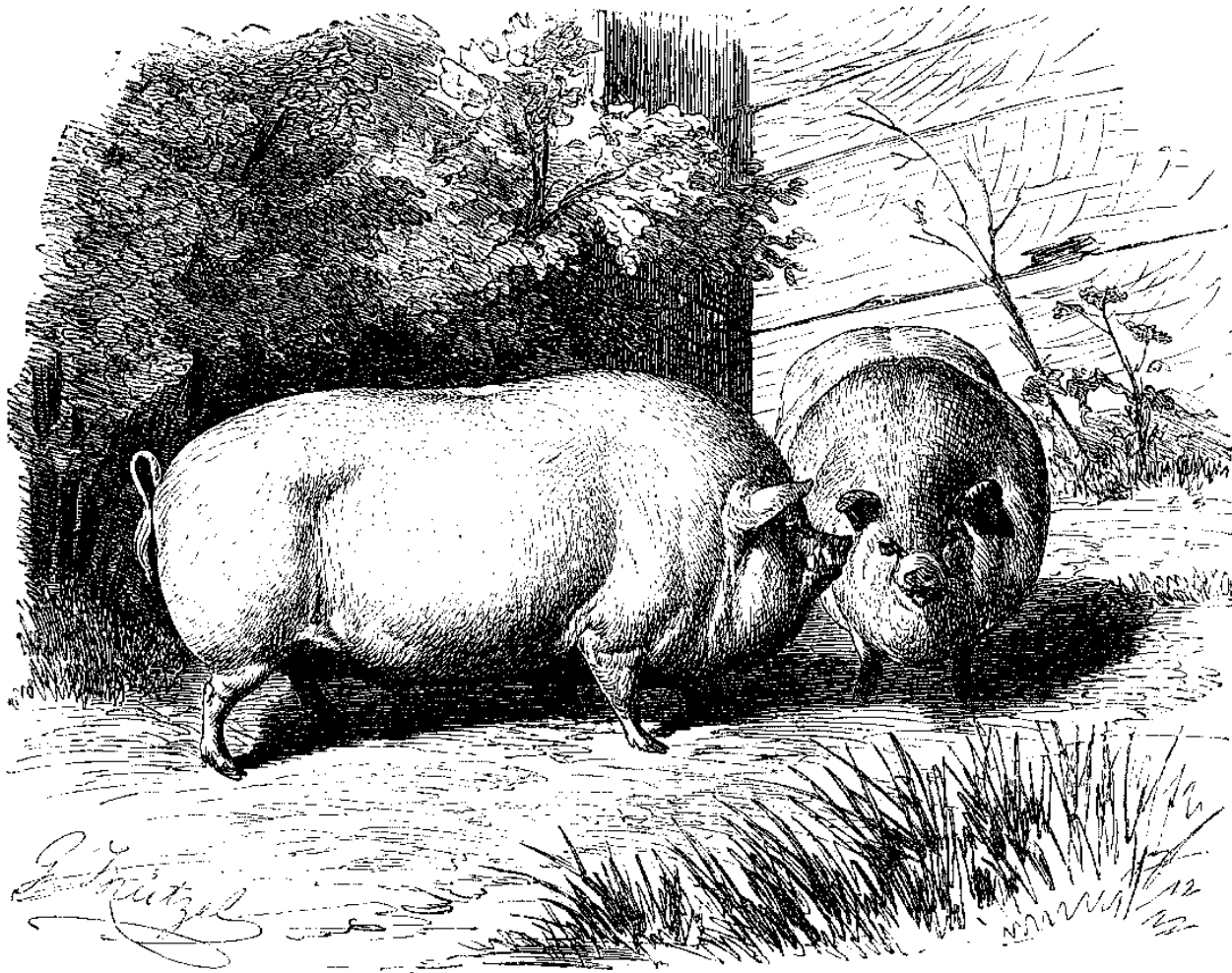
Не одни наши дикие свиньи, но, как кажется, и многие другие индейские, малайские и азиатские их родичи с давних пор сделались домашними животными. По мнению Жюльена, еще за 4900 лет до нашего летосчисления в Китае уже разводили **домашних свиней** *.

* *Предполагают, что кабана впервые одомашнили в Юго-Восточной Азии 12 тыс. лет назад. В Европе и на Ближнем Востоке домашняя свинья известна 7 тыс. лет.*

Кютимейер, исследователь свайных построек, определил, что уже в то время в Швейцарии были два вида этих полезных домашних животных. Дюмихен пишет мне: «Хотя свинья и принадлежит к тифоновым животным (животные, посвященные злему божеству Тифону), она все-таки водилась у древних египтян в домашнем быту, так как в надписях говорится о ней, а также встречаются изображения как отдельных свиней, так и целых стад. Но, кажется, их содержали только с целью приносить в жертву в некоторые главнейшие праздники в году». В Библии о них часто упоминается. В Одиссее говорится о них как об общеизвестных домашних животных.

С этих незапамятных времен появилось и снова исчезло множество пород, да и теперь еще некоторые породы исчезают, другие появляются, соответственно требованиям прихоти или благодаря случайности.

При откармливании домашних свиней стараются, чтобы они как можно меньше двигались, между тем как при выращивании их на племя следует озаботиться, чтобы помещение позволяло им побегать и повозиться. Не менее важно, чтобы хлева были чисты и теплы. Случка происходит обычно два раза в год: в начале апреля и в начале сентября. Спустя 16-18 недель свинья поросится и приносит 4-6, иногда 12-15 и в редких случаях 20-24 поросенка.

Домашняя свинья (*Sus scrofa domesticus*)

О детенышах она не очень заботится и даже не всегда prepares себе к этому времени гнездо. Нередко многочисленное семейство становится ей в тягость и она пожирает собственных чад, если ей случится предварительно нечаянно задавить их. За некоторыми матками надо следить

задолго перед родами и избегать кормить их животной пищей. У хорошей молодой свињи поросятам дают сосать четыре недели и нисколько о них не заботятся во все это время. По прошествии месяца их отделяют от нее и вскармливают легкой питательной пищей. Растут они очень быстро и уже до прошествии восьми месяцев сами способны к размножению.

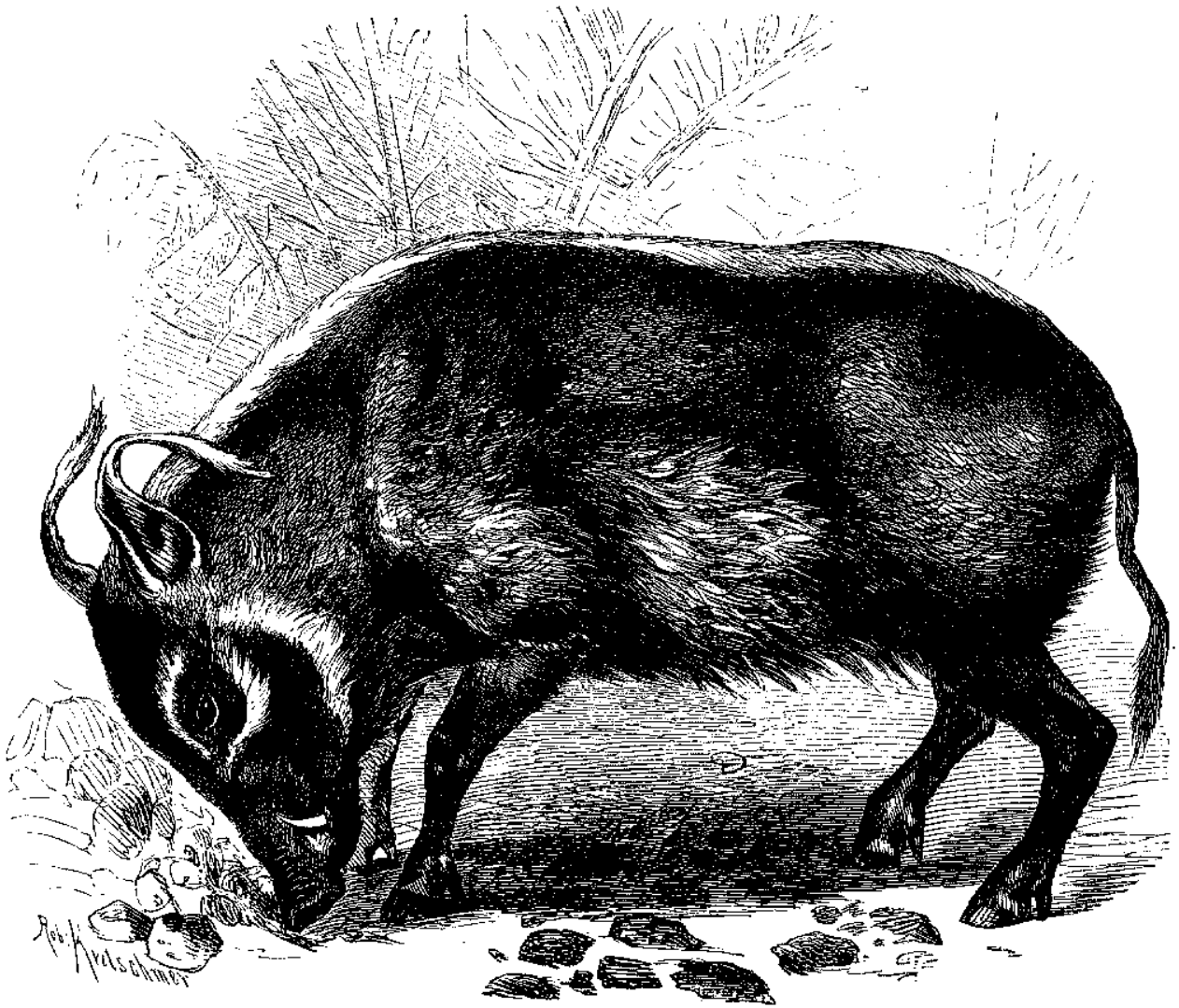
О выгодах, доставляемых зарезанной свињей, здесь не стоит распространяться, ибо каждый знает, что нет такой частицы во всем теле свињи, которая не шла в дело.

К только что поименованному семейству относятся и африканские дикие свињи, бесспорно самые красивые члены этой семьи; отличительными признаками их служат костяные бугорки, расположенные между глазами и носом, удлиненные лицевые части черепа, не очень длинное и тонкое рыло, сильно заостренные уши, украшенные пучком волос, умеренной длины, покрытый волосами хвост и лишь четыре соска на брюхе самок. Зубы их мало отличаются от зубов прочих, именно тем, что в каждой челюсти только по шесть коренных зубов.

Кистеухая свињя (*Potamochoerus parens*) известна уже с половины XVII столетия и есть самая красивая из всех свиней**.

* * *Размерами кистеухая, или речная, свињя заметно уступает секачу и сходна с самок кабана. Она весит 60-130 кг, в холке может достигать почти метра, несмотря на очень короткие ноги. Название получила за заостренные пучки белых волос на ушах. Клыки самца развиты довольно слабо, верхние — 7,5 см, нижние 19 см. В природе кистеухие свињи встречаются группами от 4-20 до 100 особей. Это ночные животные, днем отдыхают в норах, которые роют сами. Хорошо бегают и плавают. В году бывает 1-2 помёта по 3-6 детенышей.*

По величине она совершенно одинакова с кабаном, взрослая достигает 55-60 см высоты в плечах и 1,5-1,6 м в длину, включая сюда и хвост в 25 см. Кожа покрыта тонкой и мягкой, густой и плотно прилегающей щетиной, которая несколько длиннее по сторонам головы, на нижней челюсти и на нижней части шеи, на спине она образует короткую и жидкую гриву, под глазами пучки, а на щеках густые бакенбарды, а на кончике почти голого хвоста разрастается в густую кисть. Преобладающий цвет затылка, загривка, спины и боков прекрасный яркий красновато-бурый с желтым отливом или темный красновато-желтый; лоб, темя и уши, а также ноги черные; грива, края ушей, брови, полоса под глазами и бакенбарды белые или желтовато-белые. Морда сероватая, а нижние части тела сероватые или почти беловато-серые. Детеныши такие же полосатые, как поросята кабанов, очень красиво окрашенные и живые зверьки. Родина этих животных западная Африка, хотя Бем упоминает о том, что видел их и в восточной Африке. О жизни кистеухой свињи на воле мы имеем очень ограниченные сведения, хотя животное это было известно европейцам во времена Маркграфа (в середине XVII столетия); уже тогда ее ловили и вывозили живой, так как Маркграф видел ее в Бразилии, а не в западной Африке.

Кистеухая свинья (*Potamochoerus porcus*)

Члены экспедиции Гюсфельда в Лоанго несколько раз ловили детенышей этого животного. О живущих в диком состоянии кистеухих свиньях Пехуель-Леше говорит: «Это очень живые и подвижные существа; судя по следам, они живут большими стадами, главным образом во влажных лесах, в близости рек, встречаются, однако, и в горах. Сталкиваясь с ними очень близко в лесной чаще, слышишь их хрюканье, чаще же всего они особенным самодовольным образом добродушно мурлычут. Спугнутые, редко убегают с шумом, напротив, надеясь быть незамеченными, скрываются потихоньку. Они чрезвычайно живучи, так как довольно долго бегут раненые с засевшей пулей; мясо их очень вкусно».

Первая живая кистеухая свинья получена в Лондонский зоологический сад в 1852 году; с тех пор уже много их привезено в Европу; впрочем, в большинстве зоологических садов они считаются еще редкостью. Я видел их довольно часто, мог даже наблюдать и не нашел, чтобы они по свойствам и образу жизни во многом отличались от наших диких свиней и остальных своих родичей. Судя по моим собственным наблюдениям и по собранным сведениям, ее можно считать довольно добродушным созданием.

На Целебесе и соседних островах, именно на Сулле, Монголе и Буру*, живет совсем особенная свинья.

* *Современное название остров Сулавеси и архипелаги Буру, Тогван и Сула к востоку от Сулавеси.*

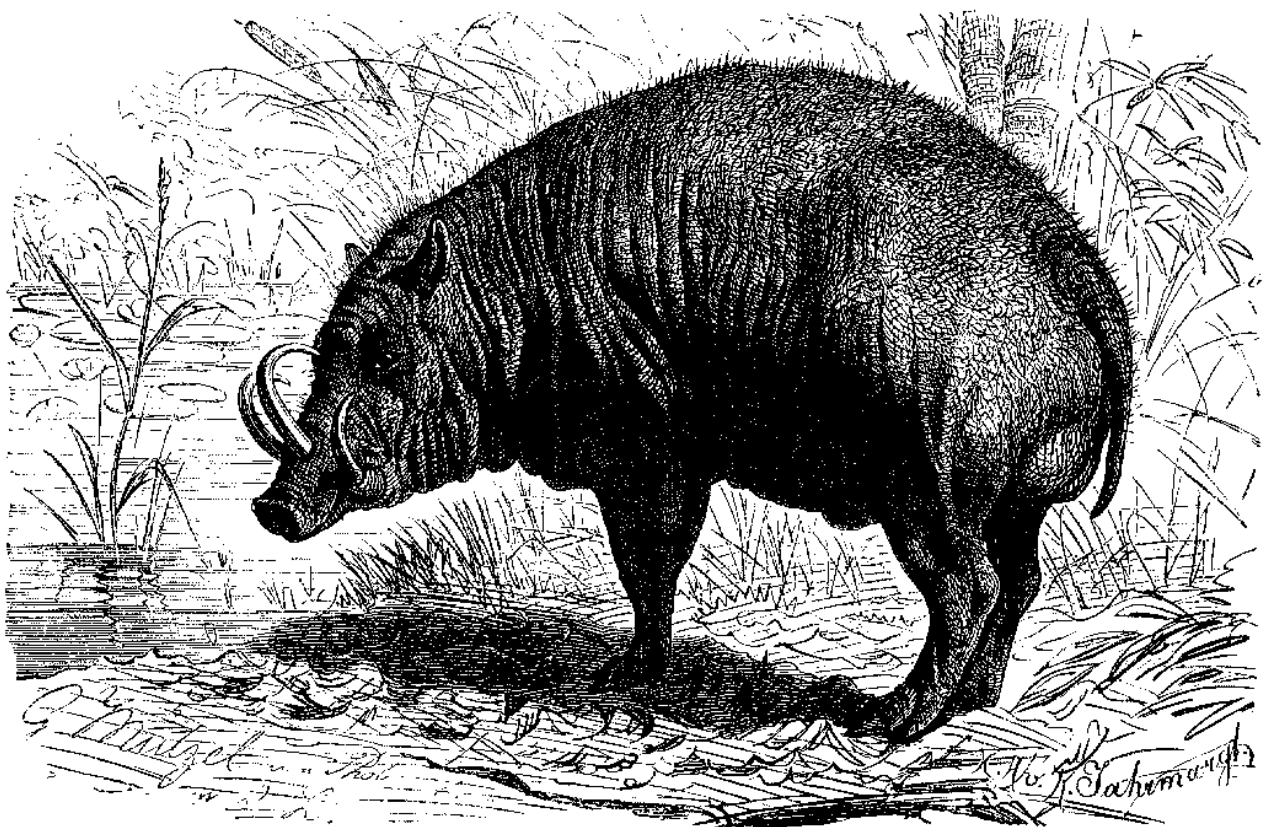
Она гораздо стройнее прочих и выше ростом и, кроме того, отличается сильным, коротким и узким рылом, маленькими глазами без ресниц, маленькими узкими торчащими ушами, довольно коротким, украшенным кистью хвостом и редким волосяным покровом. Особенно же поразительны ее клыки, которые достигают такой длины, что могут быть сравнены с рогами.

Европейцы называют это животное местным, очень характерным прозвищем «бабирусса», что означает «кабан-олень». Своими клыками оно так отличается от прочих свиней, что имеет полное право быть представителем особого рода.

Бабирусса (*Babyrussa babyrussa*) — животное очень большое. Новейшие охотники утверждают, что они видели отдельные экземпляры, которые по величине равнялись ослу среднего роста. Общая длина тела взрослого животного 1,1 м, хвоста — 20 см. Высота в плечах и в крестце около 80 см. Тело длинное, круглое и полное, с боков слегка сжато, спина округлая, шея короткая и толстая, голова несоразмерно мала, вытянута, лоб тоже закругленный, рыло очень тонкое, выдается над нижней губой и, как у всех свиней, оканчивается голым хрящевым пяточком с твердыми, мозолистыми краями; на этом пяточке расположены ноздри. Ноги у этой свиньи мускулистые, но довольно длинные; на всех конечностях по четыре копыта; на передних они разве немножко дальше отстоят друг от друга, чем у прочих свиней; хвост тонкий и висячий. Клыки верхней челюсти, которые у самца очень длинны, тонки и остры, прорастают сквозь кожу морды; они на передней стороне закруглены, с боков сплюснуты, сзади с тупым ребром, растут кверху, загибаясь одновременно назад, так, что под старость вырастают в кожу лба и принимают полукруглый вид. Более короткие и более толстые бивни нижних челюстей прямые и направлены в стороны. У самки клыки очень коротки, верхние пробуравливают морду, как у самцов, но торчат не более чем на дюйм. Резцов в верхней челюсти четыре, в нижней — 6 и по 5 коренных зубов вверху и внизу. Всего два соска, и они находятся в паху*.

* *Бабирусса отличается сравнительно арковидно выгнутой спиной, так что самая высокая точка находится на крестце. Голова относительно небольшая, пяточок и уши маленькие. Весит животное до 100 кг.*

Тело покрыто довольно редкими, разбросанными щетинами, которые несколько гуще растут вдоль позвоночника на спине, между многочисленными складками тела и на конце хвоста, где они даже образуют маленькую кисть. Кожа толстая, твердая, грубая и морщинистая, а на морде, около ушей и на шее образует глубокие складки. Верхняя и наружная части грязноватого буровато-серого, а на внутренних частях ноги сплошного ржаво-рыжего цвета. Посередине спины идет желтовато-бурая полоса, образуемая кончиками щетины. Уши черноватые.

Бабирусса (*Babyrussa babyrussa*)

Кажется, бабирусса был известен уже в древности; по крайней мере филологи старались отнести к этому животному несколько мало понятных названий, встречающихся у древних писателей. Череп его знали уже несколько сот лет тому назад, чучела же привозились и прежде, как и теперь, очень редко. Рисунки походили на карикатуры, а описания их образа жизни были нечто иное, как собрание глупых басен. С тех пор как несколько живых экземпляров было привезено в Европу, появилась возможность делать наблюдения, снять с них верное изображение и описать их образ жизни, но их жизнь, особенно на свободе, так мало поддается изучению, что до сих пор в описаниях

этих встречается много баснословного. Остров Целебес, и только, по мнению Розенберга, северная часть его должна считаться родиной бабирусы. Кроме того, он находится на вышепоименованных островах, между тем как его нет на остальных Зондских островах, ни на Австралийском и Азиатском материках.

По образу жизни бабирусы не отличаются от прочих свиней. Болотистые леса, тростниковые поросли, лужи и озера, где есть много водяных растений, — вот его любимые места. Здесь они собираются большими или малыми стадами, ночью пасутся и едят все, что попадается съедобного. Бабирусса ходит довольно скорым шагом, бегаёт быстрее, чем наши дикие свиньи, однако нельзя сравнивать, как прежде думали, его бег с быстрой эластичной походкой оленя. Чтобы каким-нибудь образом пояснить себе поразительное развитие его клыков, придумали басню, что он зацепляется ими за низкие сучья деревьев, чтобы поддержать голову, или что он для собственного развлечения, вися на них, покачивается взад и вперед*. Доказано, что бабирусса прекрасно плавает, и не только в пресных водах, посещает все места, где можно найти пищу, но и очень смело переплывает с одного острова на другой через морские проливы.

** Клыки являются лишь вторичнополовым признаком, возможно используются в ритуальных поединках. Из-за формы и невозможности заточки, они не могут быть использованы, как оружие, и малоэффективны, как копательный инструмент. Возможно, защищают глаза от колючек в густых зарослях.*

Из внешних чувств лучше всего развиты слух и обоняние. Звук голоса — протяжное, слабое хрюканье. Умственное развитие таково же, как и у прочих свиней. Бабирусса не любит встречаться с людьми, в случае нападения он защищается так же храбро, как и все остальные кабаны, пуская в ход свои нижние клыки, которые представляют такое грозное оружие, что заставляют призадуматься самых смелых людей. Туземцы убивают их стрелами, иногда же устраивают травлю, причем бабирусы пытаются спастись бегством.

Говорят, что в феврале самка мечет одного или двух поросят, маленьких, милых зверьков 15 и 20 см длины; мать их нежно любит и защищает. О размножении их больше ничего не известно**. Если удастся поймать поросят очень маленькими, то они скоро делаются ручными, привыкают к людям, при случае сопутствуют им и, выражая благодарность, потряхивают ушами и виляют хвостом. У предводителей туземных племен часто можно встретить живых бабирусс, так как туземцы считают их необыкновенными существами и держат в неволе как диковинку. Но такие случаи приречения бывают очень редко, и поэтому ручной бабирусса стоит даже на месте очень дорого.

*** Беременность длится 5 месяцев. В помёте обычно один однотонно окрашенный поросяенок.*

Маркус, голландский правитель Молуккских островов, подарил пару бабирусс французским натуралистам Куа и Гэмару, посетившим его во время кругосветного путешествия; это была первая живая пара, привезенная в Европу в 1820 году. Животные сделались довольно ручными. Самка была более дика, чем самец. К сожалению, они прожили недолго. Холодный климат погубил их. Но к обыкновенной пище свиней они привыкли очень скоро; картофель и мука с водой им очень нравились. Позднее в Лондонском зоологическом саду появлялись живые бабирусы, но всегда составляли большую редкость, одни экземпляры выносили неволю хуже, другие лучше***.

**** Естественных врагов у бабирусы нет (на архипелагах, где она живет, отсутствуют крупные хищники). Однако из-за прямого преследования человеком и уничтожения естественных местобитаний бабирусса находится сейчас на грани исчезновения. Налажено содержание и размножение бабирусы в некоторых зоопарках и питомниках.*

В Африке кроме дикой африканской свиньи водятся чудовища того же семейства, именно бородавочники. Это самые неуклюжие и уродливые из всех свиней: приземистые, на коротких ногах, главным образом отличающиеся своей некрасивой головой и необыкновенными зубами. Тело их с боков не сжато, цилиндрическое, на середине спины вдавлено, шея короткая, голова огромная, лоб широкий и низкий, вся морда заметно расширена, особенно несоразмерно широка верхняя губа. Морда с обеих сторон обезображена тремя бородавчатыми наростами, из которых один, в несколько сантиметров вышины, заострен и подвижен, то поднят кверху, то висит под глазами; другой, поменьше, всегда торчит кверху и находится спереди на верхней челюсти; третий у основания очень длинный, начинается у нижней челюсти и доходит до самого рта. Глаза, маленькие, на выкате, как у бегемота, окаймлены снизу большими полулунными складками, которые можно сравнить со слезными ямками; может быть, здесь и находится какая-нибудь железа. Уши заостренные, пяточок так расширен, что образует спереди удлиненную яйцевидную плоскость. На кистевых суставах передних ног находятся широкие мозоли*. Длинный хвост имеет вид бича и кончается густой кистью.

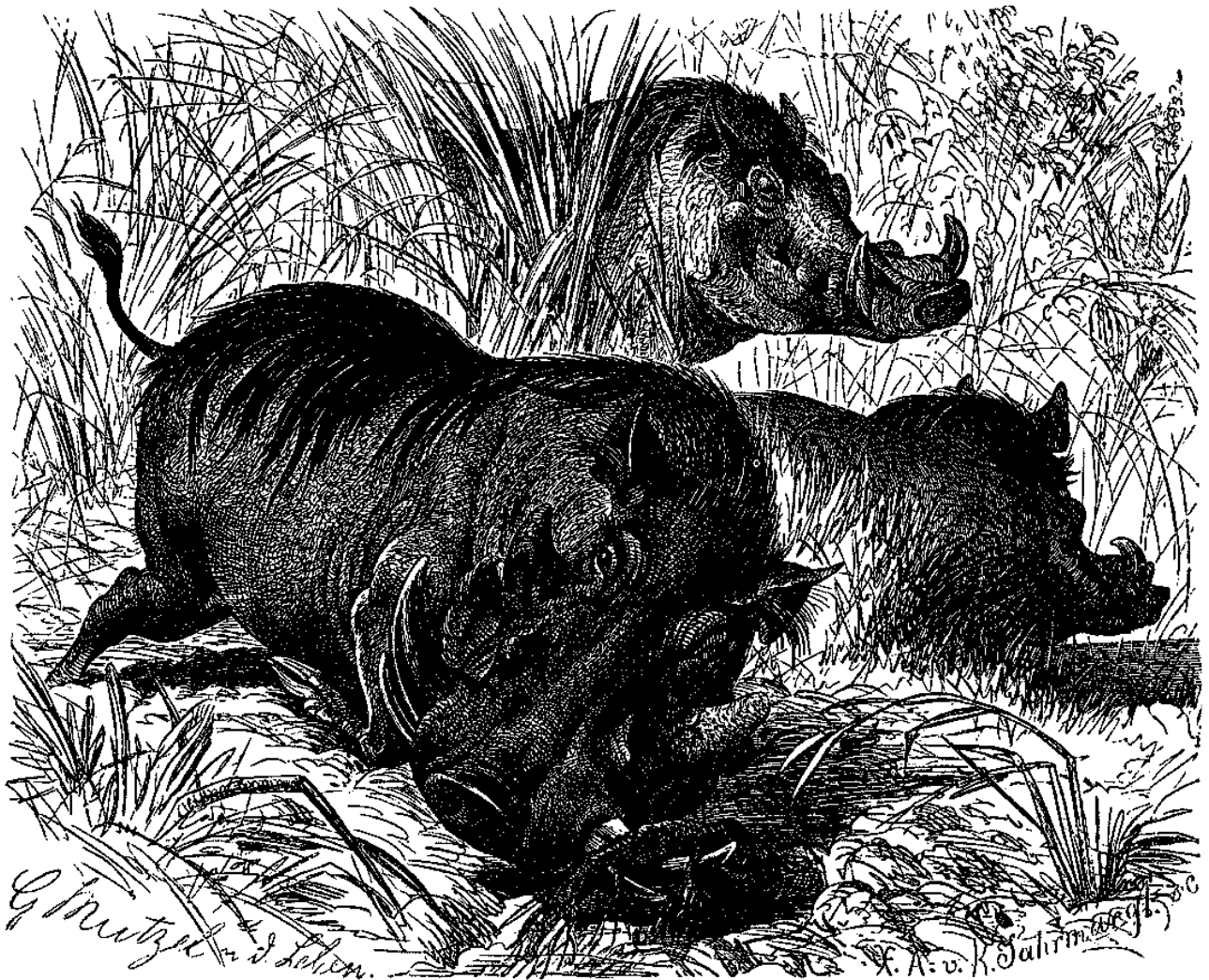
Кроме бакенбард и гривы на спине тело покрыто кое-где редкими разбросанными щетинами. Во рту гигантские, очень большие клыки, которые более или менее искривлены, на концах тупые, загнуты кверху, как у всех свиней.

** Бородавочника — наиболее высоконогие из всех свиней. Они пасутся, пьют и роют землю клыками, «упав на колени» передних ног, на сгибах которых сформировались особые роговые мозоли.*

Африканский бородавочник (*Phacochoerus aethiopicus*) достигает 1,9 м общей длины, включая длинный хвост в 45 см; в плечах имеет 70 см высоты. Волосы на боках и на нижней части живота короткие и редки даже в холодное время года, в теплое же время и особенно после линьки они так незначительны, что серовато-аспидная кожа ясно видна, и мягкие, тонкие щетинки, ее покрывающие, придают коже только более светлый оттенок. Напротив, грива, идущая вдоль всей спины от лба до крестца, сильно расширяется на спине, состоит из толстых, почти не сгибающихся черных волос с коричневыми концами, которые так длинны, что ниспадают на бока до брюха. Глаза с густыми ресницами окружены жесткой щетиной, подобная же щетина образует на нижней челюсти заметные бакенбарды. Область распространения африканского бородавочника преимущественно средняя и южная Африка.

О привычках и образе жизни бородавочника еще по настоящее время мы имеем очень неточные сведения. Он встречается в Абиссинии на высоте до 3000 м над уровнем моря, у Белого Нила, во всех поросших кустами местностях, на полях, в тростниках или в почти непроницаемых бамбуковых рощах, которые эти животные предпочитают другим, так как белые молодые побеги бамбука составляют их любимую пищу. По мнению Гейглина, бородавочники собираются стадами разной величины, так же как большинство видов этого семейства. Они пасутся с вечера до утра, день охотнее всего проводят в логовище, преимущественно в болоте, там, где можно улечься в воду. По сведениям Бема, в восточной Африке бородавочник предпочитает сухие леса и степи, поросшие травой, и может быть рассматриваем как нечучующее животное, так как время от времени его всегда можно найти в известном округе. Стадами он живет редко, чаще попарно, и самка покидает неохотно даже подстреленного самца. Старые самцы предпочитают одиночество*.

** Обычно бородавочники держатся семейными группами, состоящими из самок, родственных между собой, и их неполовозрелого потомства.*

Африканский бородавочник (*Phacochoerus aethiopicus*)

Пищу их, по мнению Рюппеля, составляют корни, из чего делается понятным значение их огромных клыков. Чтобы добыть пищу, животное становится на колени передних ног, подталкивается задними ногами и скользит на мозолистых наростах, которыми снабжены колени. В таком положении оно, чтобы добраться до своей любимой пищи — корней и клубней, начинает прорывать глубокие борозды, действуя больше клыками, чем пяточком. Кроме того, они едят и всякую животную пищу: гусениц, куколок, жуков, червей и даже пресмыкающихся и падаль**.

* * *Бородавочник более растительноядный, даже травоядный, по сравнению с другими свиньями.*

"Несмотря на огромные клыки и действительно сильное телосложение, — говорит Гейглин, — эти животные не очень злы и, даже подстреленные, не умеют так хорошо защищаться, как европейские кабаны. Мясо их менее вкусно, чем мясо наших диких свиней, и часто причиняет расстройство желудка». О размножении их он замечает следующее: «В июне я застрелил поросую свинью; в июле другую с годовалыми поросятами, которые вслед за матерью были убиты; в конце сентября нам попались свинья, кабан и десять маленьких поросят; в декабре — свинья с довольно большими поросятами, которые убежали вместе с тяжело раненной матерью"***.

* * * *В году у бородавочников бывает 1-2 помёта (осенью и весной) по 2-4 поросенка. Самки половозрелы с 9, самцы с 18 месяцев.*

Первый бородавочник был привезен с Капской земли в Европу в 1775 году. Его держали недолго в зоологическом саду в Гаге, где его считали за очень добродушное существо, пока в один прекрасный день не обнаружилась его свирепость: он бросился на своего сторожа и нанес ему своими ужасными клыками смертельную рану. Желая случить его с домашней свиньей, к нему посадили таковую, но он ей распорол живот. Относительно пищи не отличался ничем от обыкновенных свиней. Ел всякие хлебные злаки, кукурузу, гречку, репу, зеленые корни и очень охотно хлеб****.

* * * * *В неволе бородавочник, как и большинство свиней, доживает до 15-20 лет, во многих зоопарках налажено размножение.*

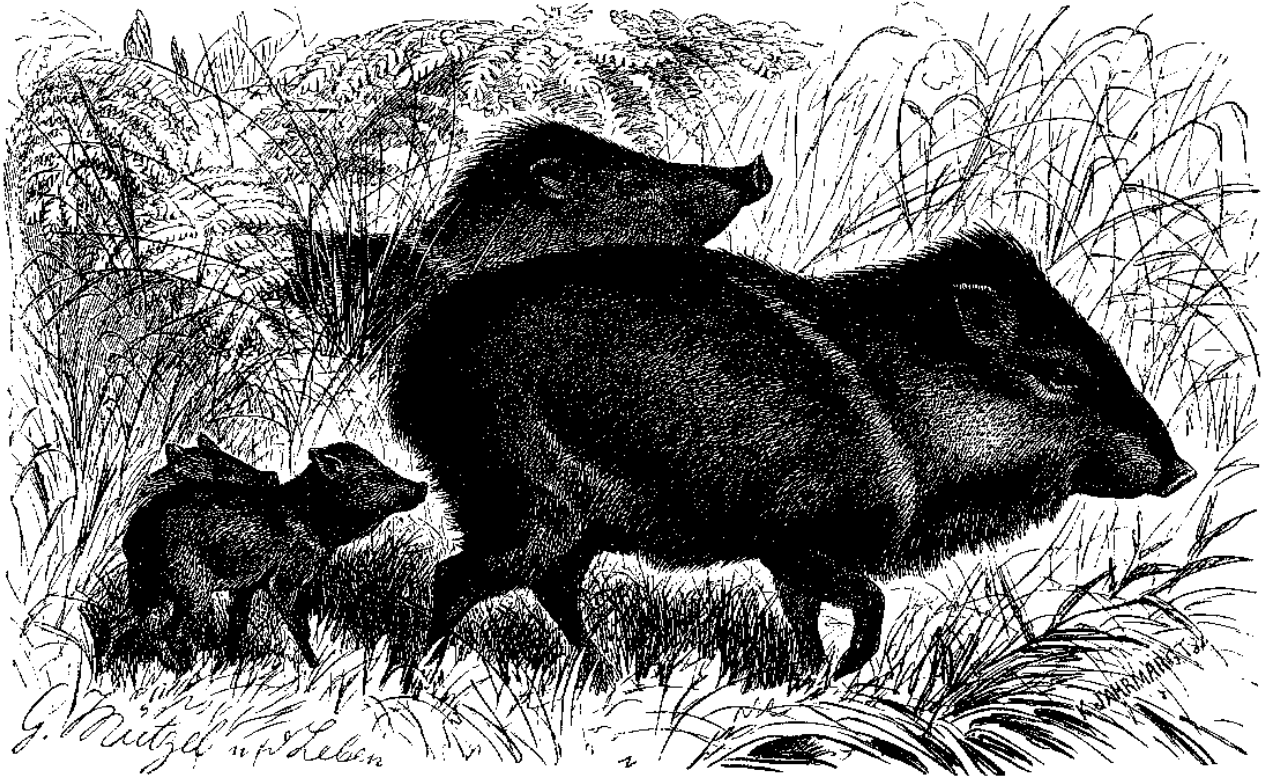
Семейство пекариевые

(Tayassuidae)*

* Семейство некорневые — аналог свиней в Новом Свете. Верхние клыки направлены вниз. Хвост короткий, снаружи почти не виден, желудок имеет 3 отдела. Кости пясти и плюсны распадаются, на задних ногах — всего 3 пальца (наружный исчезает).

Отличительными признаками пекари служат зубы, которых бывает 38, четыре резца на верхней и шесть на нижней челюсти, четыре клыка и по шесть коренных на каждой стороне обеих челюстей. Клыки не выворочены кверху и не пробуравливают верхней губы. Туловище короткое, голова и рыло также короткие, конец рыла заострен, уши маленькие, узкие, с тупым кончиком; на задних ногах нет наружного маленького копытца, так что на них лишь по три копыта. Хвост мало развит, на задней части спины находится особая железа, а у самки только два соска.

Ошейниковый пекари (*Tayassu tajacu*). Это маленькая свинья, у которой голова короткая и морда тупая, впрочем, телосложение довольно стройное. Длинная густая щетина у основания темно-бурого цвета, затем кольцеобразно чередуется желтый с черным; на конце щетина опять черновато-бурая. Между ушами и на середине спины она удлиняется, не образуя гривы. Общий цвет животного темно-бурый, переходящий на боках в желтовато-бурый, перемешанный с белым. Брюхо также бурое, грудь спереди белая, от плеч спускается книзу беловато-желтая, довольно широкая полоса. Из спинной железы постоянно вытекает жидкость с сильным запахом, который, по-видимому, животным очень нравится, так как они часто обоюдно трутся носами о железу.

Ошейниковый пекари (*Tayassu tajacu*)

Другой вид — белогубый, или белобородый, пекари (*Tayassu pecari*) ростом заметно больше предыдущего, имеет 1,1 м длины, включая мало развитый хвост в 5 см, при 40^5 см высоты в плечах. От другого вида он резко отличается большим белым пятном на нижней челюсти и общей окраской тела. Толстая, грубая, ребристая щетина очень редко покрывает тело, кроме спины, начиная от затылка, где она несколько длиннее. Окраска тела довольно равномерно серовато-черная, причем яркое светлое пятно на щеках выделяется необыкновенно резко.

Во всех лесистых местностях Южной Америки до 1000 м над уровнем моря оба вида пекари составляют обычное явление. Белогубые пекари бродят по лесам большими стадами, в несколько сот штук, под предводительством сильнейших борзов; стада ошейниковых пекари меньше и состоят только из 10-15 голов*.

* Границы участка звери метят выделениями специфических спинных и окологлазничных желез, оставляя пахучую жидкость, быстро темнеющей на воздухе. Существуют и общественные «отхожие места», периодические посещаемые всеми членами клана.

Все они ежедневно меняют свое местопребывание, так что постоянным странствиям их нет конца. По уверениям Ренгера, можно целый день идти по их следам и ни одного не увидеть. «В их переходах, — говорит он, — ничто их не задерживает: ни открытые равнины, которые они обычно избегают, ни вода. Если они дойдут до открытого места, то несутся до него напрямик, если же река или поток преграждают им путь, то они, не задумываясь ни минуты, бросаются вплавь. Я видел, как они переплывали реку Парагвай в таком месте, где ширина ее равнялась получасу пути. При переправе в стаде господствует большая толкотня. Все самцы плывут впереди, а матери со своими детенышами позади. Уже издали слышно приближение стада, и не только по глухим звукам, которые они издают, но и по треску сучьев сломанных по пути кустарников». Бонплан был однажды на ботанической экскурсии с проводником-индейцем, который вдруг стал просить натуралиста спрятаться за дерево, опасаясь, как бы бегущее стадо этих свиней не опрокинуло Бонплана на землю. Пекари разыскивают себе корм днем и ночью, и, вероятно, недостаток в подходящей пище и есть причина, заставляющая их постоянно перекочевывать. Пищу эту составляют всевозможные древесные плоды и коренья. Их зубы так крепки, говорит Шомбургк, что они могут раскусить самые крепкие пальмовые семена. В населенных местностях они врываются на плантации и опустошают поля. Говорят, что кроме растительной пищи пожирают змеи, ящериц, червей и гусениц**.

** * В тропических лесах основу питания пекари составляют опавшие плоды. Стада пекари даже сопровождают стаи обезьян, подбирая за ними брошенные фрукты и орехи. В пустынной местности пекари поедают много агав и кактусов, удовлетворяя потребность не только в пище, но и в воде. Они очищают кактусы от колючек, катая по земле либо удерживая копытом и сдирая кожуру зубами. Животная пища составляет очень небольшой процент в рационе.*

По движениям и по нраву они похожи на наших диких свиней. Днем охотно забираются в дупла или в ямы под корнями больших деревьев; особенно если за ними охотятся, то они укрываются в таких укромных уголках***. Внешние чувства развиты плохо, умственные способности ограничены. Слух и обоняние, по-видимому, развиты лучше, зрение слабое.

** * * Пекари своих нор не роют. Для родов самки устраивают логова в зарослях.*

Некоторые путешественники рассказывают чудеса о храбрости этих свиней; спокойные наблюдатели судят о них беспристрастнее. «Проходя, — рассказывает Шомбургк, — по одному лесистому оазису, мы слышали необыкновенный шум, который можно было сравнить с шумом бегущего табуна и который, казалось, все приближался. Индейцы с криками подняли ружья, натянули луки и ожидали приближения шумевших, которые не замедлили появиться, причем оказалось, что это огромное стадо пекари. Как только они нас увидели, как тотчас приостановили свой дикий бег, испустили крик, похожий на хрюканье наших свиней, и пустились удирать в другую сторону. Мимо нас стадо промчалось с визгом, ужасно стуча и скрежеща зубами. Пораженный таким необыкновенным явлением, прервавшим наше молчаливое путешествие, я в первую минуту забыл стрелять и, не слыша выстрелов спутников, чтобы наверстать пропущенное, я только что хотел выстрелить, как сосед мой, индеец, выхватил у меня ружье. Это привело меня в еще большее изумление, но скоро загадка разъяснилась. Когда главная часть стада уже промчалась мимо нас, а позади были только отставшие, тогда ружья и стрелы были опять подняты и мы убили четырех свинок. Удивительно, что собаки вели себя так же спокойно, как и мы, и даже полегли на землю. Индейцы говорили мне, что стрелять в такое стадо чрезвычайно опасно, так как все животные с испугу рассыпаются в разные стороны и во время такого бегства разрывают всякое живое существо, попадающиеся им навстречу, и уничтожают все своими бивнями. В то время как разъяренное стадо несло мимо нас, мой негр Гамлет, перепуганный и дрожащий, стоял подле меня и подтверждал этот рассказ, говоря, что его отец таким образом погиб, получив смертельную рану, когда выстрелил в подобное бегущее стадо. Если же стрелять по отсталым, то главная часть стада беспрепятственно продолжает свой путь**.

** На самом деле пекари чаще убегают при опасности. Загнанный в угол пекари действительно может нанести серьезные раны, клыками. Угрожая, он широко разевает рот, клацает зубами, вздыбив шерсть на спине.*

Шомбургк сообщает дальше, что охота на пекари у индейцев более других в ходу, потому что она самая выгодная. Собаки, с которыми на них охотятся, дрессированы совсем особенно, и это тем необходимее, что обе породы этих свиней питают к ним непримиримую вражду. «Дрессировка состоит в том, что собаки при встрече со стадом должны отделить одну от отставших и задержать ее до тех пор, пока подоспеют охотники и убьют животное. Как только эта убита, собаки пускаются вдогонку за стадом и опять отделяют другую, третью, четвертую и т. д. В случае если собаки слиш-

ком горячи и бросаются в середину стада, то их ожидает почти верная смерть, так как они остаются на поле битвы с распоротыми животами. Такой же участи подвергается и пума, и ягуар, раз они вломились в стадо; оба животных, кажется, сознают опасность и следят за стадом издалека, предпочитая напасть на отставших. Громкие радостные крики раздаются в среде охотников, если им удастся загнать стадо пекари в реку. Как только животные влезут в воду, индейцы бегут за ними и начинают их бить дубинами; для этого ударяют раз или два по рылу; второй удар убивает их непременно. Убитую свинью преспокойно оставляют плавать, чтобы смертельным ударом покончить еще с несколькими другими, и когда убивать больше невозможно, то начинают вылавливать добычу».

А. Гумбольдт и Ренггер ничего не знают о ходячих баснословных рассказах про пекари. «На пекари, — говорит последний, — охотятся частью из-за мяса, частью же из-за повреждений, производимых ими на плантациях. Обыкновенно их разыскивают с собаками в лесах и убивают выстрелами или ударами копья. Совсем не так опасно, как рассказывали, нападать на стада этих животных. Какой-нибудь неопытный охотник, конечно, мог получить несколько ран, если он один отважился идти против большого стада; если же охотиться с собаками и подступать со стороны или сзади, то охотнику не грозит опасность, так как животные торопятся удрать и защищаются разве только от небольших собак».

Самка мечет почти всегда одного и очень редко двух поросят, которые если не в первый день после рождения, то во всяком случае очень скоро после того, всюду следуют за матерью и не хрюкают, а скорее блеют, как козы. Поросята эти легко приручаются и при хорошем уходе делаются настоящими домашними животными*.

** В тропиках пекари размножаются круглый год. В году 1-3 выводка. Беременность длится 4—5 месяцев. Обычно рождаются два необычайно крупных (400-800 г) и развитых детеныша. Уже с 8 месяцев самки способны к размножению, самцы — с года.*

Ошейниковые пекари привозятся в Европу в значительном количестве, а белогубые пекари гораздо реже. Оба вида довольно хорошо переносят наш климат и даже размножаются. При обыкновенном свином корме они живут у нас несколько лет**.

*** Молодые пекари легко уживаются в неволе, обычно по несколько животных содержится в каждой индейской деревне. В зоопарках неплохо размножаются. В природе средняя продолжительность жизни 7-15 лет, в неволе доживают до 24 лет.*

Особенной дружбы к человеку я у них не замечал: в тесной загородке они оказываются, напротив, противными, вспыльчивыми, злыми и мстительными созданиями, которых опытные сторожа боятся больше, чем крупных представителей этого семейства.

Кожа пекари идет на мешки и ремни, а мясо употребляется в пищу бедными людьми. Оно довольно вкусно, но вовсе не похоже на свиное мясо. Толстого сала у них никогда не бывает, а только тоненькая прослойка довольно жидкого жира. Если ошейникового пекари перед смертью довольно долго гоняли, то мясо приобретает запах отделения спинной железы; чтобы этого избежать, следует как можно скорее ее вырезать. В других случаях, кроме времени течки, можно дать убитой свинье лежать в своей коже до полного охлаждения, причем мясо не получает никакого неприятного вкуса или запаха.

Семейство бегемотовые

Бегемот, или гиппопотам (*Hippopotamus amphibius*). Арабы называют его «речным буйволом», но более точно этого неуклюжего великана называли древние египтяне — «речная свинья»***.

**** В русском языке название «гиппопотам» было очень распространено до середины XX века, сейчас более популярно древнееврейское «бегемот» мифический зверь, упоминаемый в Ветхом завете.*

Рассматривая его внешность, мы находим, что от других млекопитающих он отличается четырехугольной по форме головой и особенно безобразной мордой, гладкой и толстой, сзади суженной, а спереди расширенной; конец морды вздут, верхняя губа круто спадает вниз, закрывая со всех сторон пасть. Уши и глаза маленькие, большие дугообразно рассеченные ноздри лежат наискось. Шея у бегемота короткая и сильная, туловище хотя и удлиненное, но чрезмерно толстое и потому чрезвычайно неуклюжее. Спина около крестца выше, нежели в плечах, посередине вдавлена, брюхо необыкновенно толстое и круглое, висит так низко, что касается земли, хвост короткий и тонкий около кончика, с боков сдавленный. Четырехкопытные ноги несоразмерно коротки и толсты, а все пальцы, соединенные между собой короткими перепонками, выступают вперед. Только на кончике хвоста торчат короткие, похожие на проволоку щетинки; на других частях тела можно за-

метить лишь очень немного коротких щетинистых волос. Толстая кожа в 2 см толщины около шеи и на груди образует несколько глубоких складок. Кожа имеет медно-коричневую окраску, которая на верхней части тела переходит в темный грязно-бурый, а на брюхе скорее в светлый фиолетово-бурый цвет. Впрочем, окраска изменяется, смотря по тому, сухой бегемот или мокрый. Когда он только что выходит из воды, то спина его кажется голубовато-бурой, а нижняя часть почти телесного цвета; высохнув, кажется темнее*.

* *Кожные железы бегемота вырабатывают специфическую слизистую смазку, придающую коже эластичность и предохраняющую от пересыхания на суше и чрезмерного набухания в воде. Этот секрет иногда называют «кровавый пот» из-за красноватого оттенка. Благодаря ему цвет бегемота может изменяться от голубовато-серого до различных оттенков красноватого, фиолетового, бурого.*

Длина взрослого самца, включая длину хвоста в 45 см, достигает 4,2-4,5 м при 1,5 м вышины в плечах. Масса этих животных в среднем 2000-2500 кг, а старый самец иногда весит до 3000 кг; одна голова такого великана равна 200 кг**.

* * *Обыкновенный бегемот замыкает пятерку крупнейших обитателей суши (африканский и азиатский слоны, белый и индийский носороги, бегемот).*

Челюсти бегемота отличаются от челюстей свиньи, с которой у него больше всего общего, не столько количеством зубов, сколько их расположением. В каждой половине верхней и нижней челюстей находятся по два резца, по одному клыку и по семь коренных зубов, стало быть, зубной аппарат состоит из сорока зубов. Два средних резца нижней челюсти, отстоящие друг от друга на некотором расстоянии, могут быть сравнимы с клыками, но имеют горизонтальное положение; резцы верхней челюсти, средняя пара которых разделена еще большим промежутком, меньше, загнуты и расположены вертикально. Громадные клыки нижней челюсти, которые в среднем могут достигать 50 см длины (у Пехуель-Леше имеются клыки двух старых самцов, длина которых достигает 69 см) и 4 кг веса, имеют трехгранную форму, изогнуты в дугу, на конце косо срезаны и исполосованы глубокими продольными бороздками. Верхние клыки направлены книзу, заметно короче и тоньше, но также согнуты и косо обрублены. Скелет бегемота необыкновенно массивен. Череп почти четырехгранный, сверху плоский и приплюснутый. Затылок маленький, глазные впадины имеют высокие края, образованные лобной и скуловой костями; остальные кости скелета толстые и тяжелые. Из внутренних органов особенно поражает разделенный на четыре части желудок***.

* * * *Желудок у бегемотов «нежвачный», хотя имеет три камеры.*

Бегемот был хорошо известен древним народам. Это достаточ но доказывают нам древние памятники, Библия, сочинения греков и римлян. «Бегемот, — пишет мне мой ученый друг Дюмихен, — в египетских рукописях называется не гиппопотамом, а речной свиньей, или пер, — «валяющееся животное». Это название относилось одинаково к валяющимся в воде или в грязи бегемоту и свинье. Судя по изображениям и надписям, гиппопотам в древние времена был обыкновенен в Ниле. Охота на это животное была любимейшим занятием знатных египтян. На стенах древних гробниц часто находят изображения, которые наглядно показывают, как охотились на этих водяных исполинов, убивая их гарпунами или овладевая ими с помощью металлических крючков, прикрепленных к двум или трем веревкам».

Бегемот (*Hippopotamus amphibius*)

В Библии (кн. Иова, гл. 40, ст. 10) говорится о бегемоте следующее: «Вот его сила в чреслах его и крепость его в мускулах чрева его... Ноги у него, как медные трубы; кости у него, как железные прутья... Вот он пьет из реки и не торопится; остается спокоен, хотя бы Иордан устремился ко рту его». Греческие и римские писатели, начиная с Геродота и кончая Плинием, часто упоминают о нем и довольно верно характеризуют нравы и привычки. Все позднейшие писатели ссылаются главным образом на сведения древних, и новые сообщения, по словам Белона, впервые сделал Геснер. В настоящее время, чтобы встретить это животное, нужно довольно далеко проникнуть в глубь Африки. Именно по Нилу эти животные удалились сильно на юг, в верхнее течение «реки, которая скрывает свои истоки».

Только в глубине материка как бы воскресают изображения, начертанные четыре тысячи лет тому назад на стенах египетских храмов*.

** У древних египтян гиппопотам считался одним из символов плодородия.*

Там и поныне встречаешь тех же животных и таких же людей, как во времена давно прошедшие. Там и поныне встречаются павианы и крокодилы, священные ибисы и клювачи, слоны, носороги и бегемоты. В тех местах люди и поныне являются единственными врагами бегемотов. Еще летом в 1600 году неаполитанскому врачу Церенги удалось вблизи Дамиэтты, стало быть, у начала одного из рукавов Нила, поймать в яму двух бегемотов, их шкуры затем были привезены в Рим, ку-

да прежде привозились их живые предки. В настоящее время бегемоты истреблены во всем Египте, а также в Нубии, где еще в начале этого столетия Рюппель встречал их в довольно большом количестве. Против города Хартума, у слияния Белого и Голубого Нила, лежит маленький лесистый островок. На нем в 1851 году я видел хорошо известную парочку бегемотов, которая ежегодно во время половодья приплывала из верховьев этой реки, и я не раз безуспешно посылал в их головы ружейные пули. В настоящее время бегемот представляет собой обычное явление в большинстве рек и озер Африки, между 17 градусом северной и 25 градусом южной широты, на юго-востоке он даже заходит за эту границу. В восточной, южной и западной Африке бегемоты, спускаясь по течению реки, подходят гораздо ближе к морскому берегу, нежели в ее северной части; они даже нередко выплывают в море: Деккен уверял меня, что на Занзибаре несколько раз видели бегемотов, которые, очевидно, могли перебраться только с противоположного берега. Бем сообщает, что они еще и в новейшее время выплывают в морскую воду из устья Кингани*.

** В Египте последний бегемот был убит в 1816 г. Бегемоты способны преодолевать морские проливы, что доказывает присутствие (или бывшее присутствие) этих животных на островах у побережья Африки и даже на Мадагаскаре.*

Таким же образом они путешествуют и вверх по реке, насколько это им позволяет течение; поэтому они водятся даже в Абиссинии, в озере Тана, лежащем на высоте 1940 м над уровнем моря. Во всех реках с изменяющимся уровнем воды они ведут настоящую кочевую жизнь; при убыли воды отправляются из местностей, лежащих у верховья, вниз по реке, и наоборот, снова поднимаются вверх, когда верхняя часть русла пополняется дождями. Может случиться, что во время таких кочевок они надолго поселяются в понравившемся им месте.

Бегемот более других толстокожих привязан к воде, он вылезает из нее на сушу в исключительных случаях. Это бывает только там, где река не изобилует растениями, притом всегда по ночам и только ради корма; в виде исключения это случается также и днем, когда он вылезает на песчаные отмели, чтобы погреться на солнце. В нескольких милях от «столицы Ада», как называют Хартум путешественники по Судану, по берегам реки, на илистых отмелях можно видеть множество следов этих животных, имеющих вид глубоко вдавленных ям, расположенных по обеим сторонам корытообразной борозды. Ямы происходят от ног, борозда же от волочившегося брюха, по которое чудовище погружается в мягкой илистой почве. Места, где бегемоты выходят на сухие и высокие берега, бывают до того круты, что даже человек в состоянии взобраться на них, если только будет держаться справа и слева за сучья. Потому совершенно непонятно, каким образом это неуклюжее животное совершает такие упражнения**.

*** Скопления бегемотов оказывают значительное влияние на ландшафты. Вдоль берегов создается полоса «подстриженной» травы, со временем она зарастает кустарником и перестает использоваться животными. Постоянные тропы бегемотов иногда превращаются в заболоченные траншеи. Образуются заливчики, где животные устраивают залёжки. П о мёт этих травоядных, во множестве попадающий в водоемы, ведет к бурному росту водяной растительности, увеличению количества планктона, рыбы.*

В благоприятных водных местах сведущий человек весьма скоро может обнаружить присутствие этих гигантских животных. Через три-четыре минуты при тихой погоде кое-где видишь лучеобразно поднимающуюся на высоту около половины метра водяную пыль и вместе с тем слышишь громкое сопение или храпение: в том месте только что вынырнул бегемот, чтобы подышать воздухом. Если находишься достаточно близко, то можно заметить и голову. Если спокойно стоять с подветренной стороны, то можно без труда наблюдать за плавающим взад и вперед или как бы играющим в воде животным. Бегемот чрезвычайно редко остается под водой более трех-четырех минут, не дыша. Сообщения путешественников, говорящих о десяти- или пятнадцатиминутном пребывании этого животного под водой, происходят, вероятно, от неверных наблюдений. Дело в том, что если бегемот потревожен, то он появляется на поверхность крайне осторожно. Он выставляет наружу только одни ноздри и дышит так тихо, что его можно не заметить; или же тихо уплывет под водой и вынырнет в другом месте, причем может случиться, что на первоначальном месте вместо него наблюдается другое приплывшее туда животное*.

** В исключительных случаях бегемот может оставаться под водой до получаса, обычно — 3-5 минут. Бегемоты плавают в основном загребая задними ногами, чаще же ходят по дну, как и по суше, используя большой удельный вес.*

Бегемоты живут обществами; поодиночке проживают лишь старые самцы**.

*** Самки и молодые бегемоты обычно образуют группы в 6-30 особей. Самцы держатся поодиночке на своей территории. Группа самок и молодежи, оказавшаяся на территории того*

или иного самца, автоматически становится его «семьей», но спустя некоторое время может перейти на другую территорию и оказаться во владениях соседнего самца. В период засухи бегемоты могут скапливаться на пересыхающих старицах стадами по 100 и более голов. Иерархические отношения в это тяжелое время ослабевают.

Часто довольствуются большой, глубокой лужей. Если они живут в узких и не очень глубоких водоемах, которые в жаркое время частично высыхают, то целый день не покидают определенных мест. Там они, вероятно, как впервые заметил Гейглин, вырывают ямы, длинные, глубокие впадины вдоль реки, в которых легко могут нырять, а в случае преследования и скрыться. Иногда несколько таких впадин соединены между собой проливами, вроде глубоких канав, образуют подводную тропу животных. Если в одном месте пастбище скудеет, то бегемот не спеша перебирается на другое. Днем животные покидают воду только в совершенно безлюдных местах, для того чтобы на мели вблизи берега или на самом берегу погреться на солнце и предаться сладкой полудремоте. Они не особенно заботятся о том, что происходит вокруг них, и только в тех местах, где они познакомились с человеком и его страшным огнестрельным оружием, остерегаются своего главного, можно сказать, единственного врага.

Под вечер бегемоты оживляются. Хрюканье самцов усиливается, и все стадо, играя, начинает нырять и высовываться на поверхность реки. При спокойном плавании этого животного поверхность воды остается гладкой и неподвижной. Но когда разъяренный зверь бросается на врага или, раненый, беснуется в реке, он отталкивается задними ногами, большими прыжками поддается вперед так сильно, что волнует чуть не целое озеро и образует высокие волны. Сила его движений настолько велика, что он, как доказано, может приподняться и разрушить довольно большие лодки. Если внезапно потревожить сон бегемотов и вспугнуть их, когда они спокойно греются на солнце или спят на берегу реки, то можно увидеть, что они не так неуклюжи, как кажутся. Большим прыжком звери соскакивают в воду с довольно высокого места, как утверждает Бэкер, даже тогда, когда под ними глубина в шесть метров, и вздымают при этом такие волны, как будто проехал полным ходом маленький колесный пароход. «Описать, хотя бы приблизительно, голос этих великанов, — совершенно справедливо говорит Гейглин, — не во власти человеческого слова. Он состоит из рева, имеющего отдаленное сходство с ревом буйвола, звучит одной протяжной или несколькими, быстро друг за другом следующими нотами и представляет собой низкий, далеко раздающийся бас, который, как кажется, исходит из громадной пустой бочки. Поневоле думаешь, что этот рев есть проявление величайшего гнева и раздражения, а между тем зверь мирно играет. Рев нескольких борющихся бегемотов*, внезапно раздающийся в ночной тишине пустыни, соединяясь с шумом, пыхтением и плеском ныряющих гиппопотамов, производит необыкновенное впечатление, кажется, и на диких зверей.

* *Периодически между самцами вспыхивают драки из-за границ участков или обладания самками. Драки сопровождаются ревом, позами утрашенния, сжогдением с широко открытыми пастьями. Ночью, во время пастьбы группы бегемотов тоже переключаются, издавая звуки, похожие на басистый гогот.*

Шакал, гиена и даже лев смолкают и прислушиваются, когда, подобно гулу землетрясения, проносится над поверхностью вод громовой голос и, смягченный в отдалении девственным лесом, раздается на громадное расстояние». Во всяком случае, могучий голос бегемота превосходит голоса других животных, но во всей силе слышится сравнительно редко.

В местах верхнего течения Нила, принимающих вид озер и богатых растительностью заливов, бегемот не покидает русла реки даже ночью или покидает его совсем редко. Он ест днем и ночью находящиеся в воде растения. Лотос, этот величественный царственный брат нашей скромной, миловидной кувшинки, служит главной пищей бегемоту. Тростник и даже камыш при случае тоже им пожирается. В той части Абиада (Голубого Нила), где река превращается то в тихое спокойное озеро, то в гниущее болото, то в ручеек, тихо несущий свои воды мимо множества островков с райской прелестью роскошной растительности, там гиппопотамы и крокодилы водятся сотнями и живут в воде. Знаменитый папирус, лотос, грациозный амбач и сотня других растений дают здесь обильную пищу нашему толстокожему. В таких местах можно видеть, как он постоянно погружается в воду и достает еду со дна**.

* * *Характерно, что бегемот не ест водяной гуацинт (*Eichhornia crassipes*) сорное водяное растение, завезенное из Южной Америки и заполонившее все стоячие водоемы тропической зоны.*

Иначе происходит в местах, где бегемот должен выходить для пастбища на сушу. Приблизительно спустя час после заката солнца гиппопотам выходит из воды, прислушиваясь и озираясь с

величайшей осторожностью. Вблизи населенных мест он отправляется на поля. Здесь он опустошает все, нередко в одну ночь уничтожает растения целого поля. Прожорливость бегемотов непомерна, и, несмотря на плодородие их отечества, они могут обратиться в истинный бич страны, если их много. Они топчут своими неуклюжими ногами и ломают, валяясь, наподобие свиней, в глубоких ямах, гораздо больше, чем им в действительности нужно для насыщения. Пожирают все виды культурных растений и овощи, которые разводят в стране, а также, судя по Бэкеру, и арбузы. Испражняются бегемоты обыкновенно при выходе из воды, причем помёт разбрасывают сильными и быстрыми движениями хвоста, так что следы его можно найти в кустах и довольно высоко на стволах деревьев***.

** * * Границы своих участков самцы помечают на берегу помётом, разбрызгивая его при помощи быстрых движений хвоста в радиусе 2 м. Тропы к пастбищам также завалены кучами помёта, служащими животным ориентиром.*

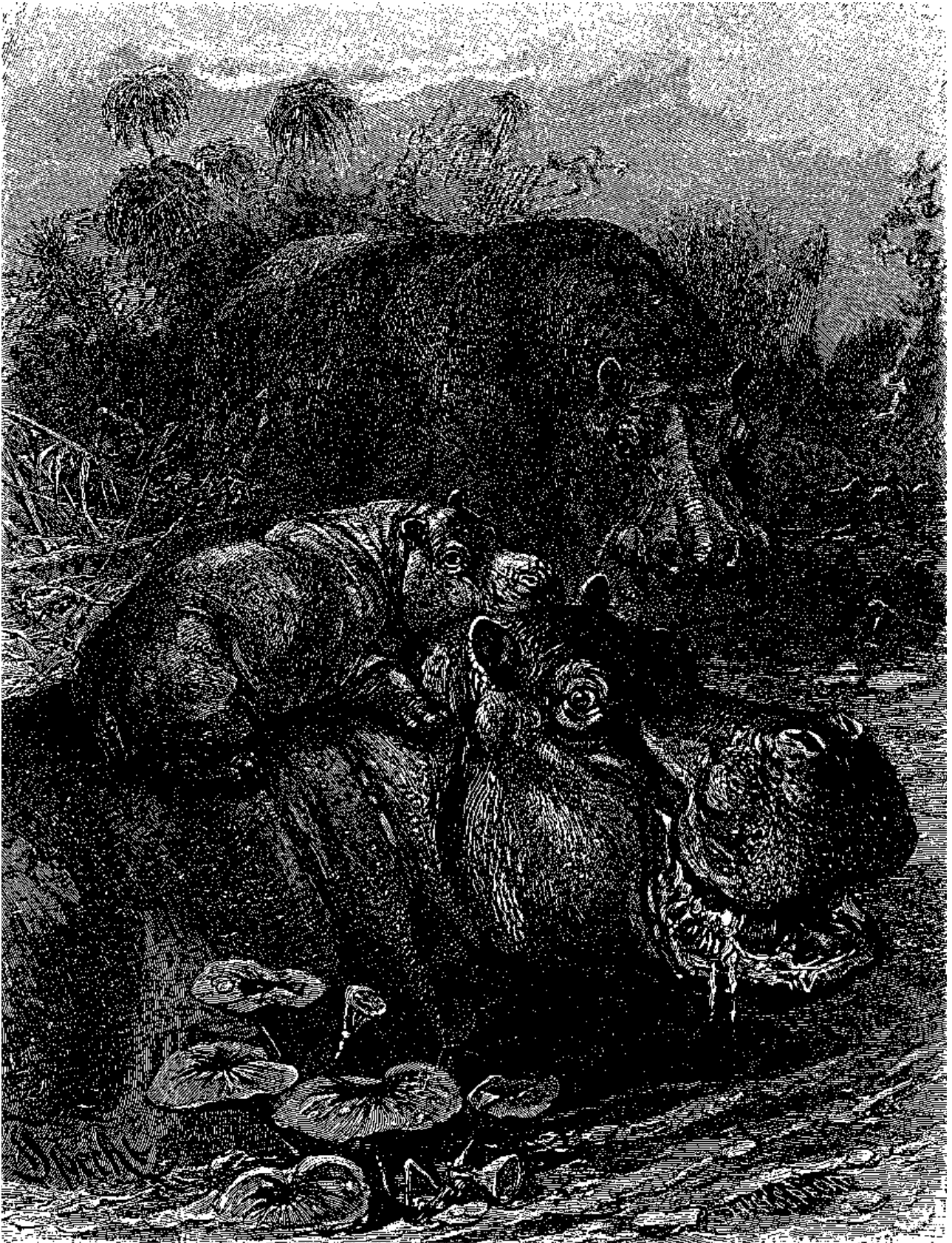
На пути к пастбищу гиппопотам наносит вред не только опустошением полей, но иногда может быть опасным для жизни человека и животных. Четыре громадных клыка служат страшным оружием против других зверей. Рюпель рассказывает, что однажды бегемот растерзал четырех рабочих волов, которые спокойно стояли у водочерпального колеса. «У Кингани, — рассказывает Бем, — один из бегемотов внезапно бросился на двух женщин, которые проходили вечером, громко разговаривая, мимо нескольких пасущихся гиппопотамов, и, укусив их несколько раз, изувечил так, что обе от этого умерли». На одного араба, который хотел защитить свои дыни от нападения чудовища, по словам Бекера, бегемот бросился немедленно и убил его одним ударом зубов. Ободренный этим случаем тот же зверь стал при различных обстоятельствах нападать на пастухов и их стада и этим навел такой страх на живших в окрестностях людей, что никто больше не осмеливался приближаться к воде, где обитало это животное. Между тем не везде смотрят на гиппопотама как на необыкновенно опасное животное, всегда готовое к нападению; в некоторых областях его не боятся на суше, зато боятся в воде. Правда, он редко нападает на большие суда, но маленьким наносит, случайно или намеренно, большой вред. «Нрав бегемотов, — пишет из восточной Африки Бем, — далеко не всегда миролюбив, в чем мы убедились. На реке Унгалла они часто преграждали нам путь или, ныряя и появляясь вновь, нападали на нашу лодку, так что мы должны были поспешно удаляться к прибрежным кустам. Однажды бегемот нанес нашему челну такой удар зубами, близко вынырнув около нас, что лодка едва не перевернулась».

Такого рода простые и точные указания на вред, приносимый бегемотами, встречаются довольно редко; в большинстве случаев пересказывается только слышанное, описывается лишь то, чего сам рассказчик не видел.

Столкновения и даже несчастные случаи, конечно, бывают, но значительно реже, чем следовало заключить, судя по рассказам. Несчастья и лично пережитые приключения, засвидетельствованные надежными очевидцами, происходят в высшей степени редко. Спокойный наблюдатель, который часто встречался с бегемотами и вел на них правильную охоту, приходит к тому убеждению, что страх перед ними хотя имеет некоторое основание, тем не менее слишком преувеличен. Часто неуклюжие шалости этого чудовища и невинное желание поиграть легко принимаются за злобные и умышленные нападения. Конечно, поведение животных чрезвычайно разнообразно и зависит от внешних условий, характера и возраста. Можно даже принять, что в разных местностях они обладают различными нравами.

Особенно опасен бегемот, когда ему приходится защищать детеныша. О зарождении, рождении малыша и времени беременности только в последнее время были сделаны наблюдения над пойманными животными, которые неоднократно плодились. О размножении этих животных на свободе известно только то, что детеныши рождаются приблизительно в первой трети дождливого времени. Значит, в различных местах Африки они появляются на свет в разное время, смотря по тому, когда наступает весна в тропических странах. Нежно озабоченная своим детенышем, мать видит опасность даже в самых безобидных явлениях. Вероятно, и отец не дремлет, оберегая свое потомство*.

** Массовый гон у гиппопотамов обычно приурочен к сухому сезону. Беременность длится около 7,5-8 месяцев, единственный детеныш рождается в сезон дождей. Длительность выкармливания молоком 4—6 месяцев. Детеныш остается при матери до рождения следующего, а иногда и дольше. Самка отчаянно защищает малыша от опасности, которую представляют не только крокодилы, но и самцы бегемотов. Самец может убить детенышей самок, оказавшихся на его территории, если он не является отцом этих детенышей. Такой механизм протекции собственным, а не чужим генам в последнее время открыт у самцов животных из самых разных отрядов. Смертность молодняка от разных причин очень высока и составляет до 50%.*

Бегемот (*Hippopotamus amphibius*)

Мать легко узнать: она ни на миг не упускает из виду свое детище и охраняет каждое его движение с материнской любовью и нежной заботой. Иногда неуклюжее животное весело играет со своим любимцем. Они дружно ныряют и всплывают и, ворча, как бы беседуют друг с другом. Во всяком случае, детеныш сосет под водой. Гейглин сообщает также, что самка, произведя на свет детище в наиболее скрытых местах на суше или в болоте, не всегда сразу ведет его к реке, а иногда сажает в яму, которую маленькое животное не может покинуть без помощи матери. В воде самки обыкновенно носят своих детенышей верхом на затылке и, чтобы они могли дышать, приподнимают их над водой чаще, нежели высовываются сами. Выносит ли самка детенышей постоянно верхом на

себе на сушу — достоверно еще не известно, но, что такое случается, свидетельствует Гопкинс, наблюдавший за одной семьей.

Слепая ярость раздраженного бегемота достаточно ясно свидетельствует, что охота на это животное без огнестрельного оружия с очень сильными зарядами не может доставлять удовольствие охотнику-любителю. Легкие ружейные пули, пущенные даже на весьма небольшом расстоянии, не имеют почти никакого успеха. «С одним бегемотом, которого убили, — рассказывает Рюппель, — мы боролись четыре часа. Еще немного, и чудовище уничтожило бы большой баркас, а вместе с ним и всех нас. 25 пуль, пущенных в голову чудовища на расстоянии около двух метров, пробили только кожу и кость около носа. Все остальные пули застряли в его толстой коже. При каждом фыркании животное обрызгивало баркас большими струями крови. Тогда мы воспользовались ружьем, прикрепленным к лафету; употребление его, вследствие небольшого расстояния, казалось нам сначала излишним. После пяти пуль, выпущенных из этого орудия на расстоянии немногих метров и произведших в голове и теле животного страшнейшие разрушения, чудовище испустило дух. Темнота ночи еще более увеличила ужас поединка». Однако не только одни чрезвычайно большие животные, но и животные меньших размеров и даже самки могут доставить неосторожным охотникам довольно много хлопот, если они не вооружены тяжелыми ружьями. В борьбе с такими охотниками бегемот, разумеется, вскоре начнет признавать превосходство человека, и страх тем скорее и сильнее овладевает им, чем надежнее действует огнестрельное оружие.

Там, где благодаря трусливому поведению человека бегемоты сделались отважными, они, пожалуй, могут присвоить себе с некоторой гордостью господство над человеком в своих владениях, но и такие животные ведут себя, смотря по обстоятельствам, весьма различно. Поэтому я не желаю соблазнять неопытного и неосмотрительного охотника, не располагающего хорошим оружием и надежными людьми, неосторожно накликал на себя опасность. Линднер в продолжение трех лет убил на реках в низменности Конго 49 бегемотов и употребил их для пропитания своей прислуги в колонии. При этом три раза случалось, что рассвирепевшие животные нападали на его довольно большую лодку, сильно качали ее толчками и раз даже попортили зубами кормовую часть. Но Линднер охотился чрезвычайно много, поэтому три случая нападения разъяренных животных можно считать сравнительно редкими происшествиями.

Стрельба из безопасного места по показывающимся из воды головам — занятие, во всяком случае недостойное охотника; это просто истязание животных. Пули, ударяющие под острым углом, не убивая великанов, причиняют им одну боль; животные, подвергшиеся такому жестокому обращению, легко могут впоследствии выместить свою злобу на невинных людях. Кто желает убить бегемота, должен взять винтовку большого калибра, подъехать шагов на 30 и ближе, чтобы быть уверенным в выстреле, и послать пулю в уголок глаза. Можно принять за правило, что каждое животное, не убитое выстрелом на повал, потеряно для охотника. Если оно трясет головой или, хрюкая и фыркая, быстро ныряет, то пуля не исполнила своего назначения; если же оно высоко приподнимается из воды, иногда опрокидываясь навзничь, и затем тихо, недвижно погружается вниз, то оно, наверное, убито. Дальнейшим, никогда не обманывающим признаком служат большие воздушные пузыри, выходящие в том месте, где животное погрузилось в воду. Гиппопотам, убитый в воде, сначала тонет, но по прошествии 30—60 минут или немногих часов всплывает на поверхность. Это время колеблется от того, в какой степени переварена принятая им пища и насколько образовавшиеся газы распучили живот».

Жители верхней области Нила, не владея огнестрельным оружием, были почти бессильны против бегемота; но все-таки они оставались его единственными опасными противниками, потому что кроме пиявок, комаров и глистов ни одно существо не нападает на бегемота, а все рассказы о битвах между ним и крокодилом, слоном, носорогом и львом должны быть, безусловно, отнесены к области басен*.

** Определенную опасность для молодняка бегемотов представляют крупные крокодилы. Бегемоты очень не любят крокодилов и изгоняют их из мест своего обитания. Известен случай, когда бегемот спас от крокодила антилопу. Молодые бегемоты на суше изредка становятся добычей львов, особенно если пасутся в одиночку. Зафиксирован случай поединка бегемота и черного носорога со смертельным исходом для обоих. Вообще бегемот может вести себя на берегу довольно агрессивно, разгоняя других животных. Нападая или убегая, он способен развивать в броске скорость до 30 км/ч. Бегемоты страдают главным образом не от хищников, а от периодической нехватки пищи, в связи с засухами и от эпизоотии (в том числе таких болезней, как сибирская язва, ящур).*

В крайнем случае молодой бегемот мог подвергнуться нападению одной из больших кошек, если бы мать не находилась все время вблизи, готовая к отражению любой опасности. Человек разными способами старается защититься от этого вредного животного. Когда мы плыли по Нилу во время созревания плодов, в заселенных местностях на обоих берегах реки видны были огни: они зажигались исключительно как средство для устрашения бегемотов и тщательно поддерживались всю ночь напролет. В некоторых местах при помощи барабанов производился постоянный шум, чтобы пугать речных великанов. При всем этом они нередко оказывались столь отважными, что выходили на берег и возвращались обратно в реку только тогда, когда с криками, с барабанным боем и с пылающими головешками в руках на них бросалась огромная толпа людей.

Впрочем, кроме подобных мер к защите, еще искони на это чудовище охотились с дротиками и копьями. При этом поступали и поступают, в сущности, по способу древних египтян, с охотой которых нас познакомили изображения на памятниках и некоторые древние писатели, главным образом Диодор Сицилийский. Об остроумно придуманном приборе, состоящем из копья, приделанного к согнутому дереву, которое выпрямляется и убивает бегемота, когда он, отправляясь на пастбище, проходит мимо, в северо-восточной Африке ничего не знают. Единственным оружием, которым пользуются жители верхнего Нила для охоты на бегемота и в наше время, являются копье и большой дротик, к которому привязана веревка с поплавком. Около полуночи охотник вдоль берега прокрадывается до места, откуда гиппопотамы возвращаются с пастбища. Прячется под ветром в кустарнике и ожидает, когда один из них приблизительно до половины погрузится в реку. Тогда охотник наносит ему удар дротиком. На следующее утро охотник со своим помощником садится в лодку и ищет раненое животное по плавающему дротику или деревянному поплавку. Как только они найдены, к ним подплывают с величайшей осторожностью и, держа наготове дротики и копья, вытягивают веревку. При малейшем напряжении ее бегемот с бешеной злобой появляется на поверхности воды и устремляется на судно, но его встречают градом ударов копий и дротиков. Впрочем, нередко случается, что бегемот настигает баркас и раздробляет его своими клыками. В счастливых для ловцов случаях бегемота до тех пор поражают оружием, пока он не издохнет.

Прибыль от охоты на гиппопотамов довольно значительна. Как сало, так и высоко ценимое мясо едят повсюду. В доброе старое время колонисты Капской земли не могли себе представить большего удовольствия, чем охоту на бегемотов. Мясо и сало убитого великана свеживали на месте и на повозках отправляли домой. Мясо молодых животных, говорят, отличается особенно приятным вкусом, а сало старых оказывается лучше свиного; язык в свежем и копченном виде сльвет лакомством, это утверждается почти всеми охотниками. Относительно достоинства мяса многие придерживаются другого мнения, находя его губчатым и безвкусным. В восточной Африке сало считается лучшей мазью для волос и тела. Из толстой кожи изготавливают очень хорошие бичи, палки и щиты. Зубы бегемота, по словам Вестендарпа, служат прекрасным материалом для многих тонких токарных изделий, так как они своей чистотой, твердостью и белизной превосходят даже слоновую кость. Однако для обработки их необходимы искусные мастера. Изогнутые зубы нижней челюсти покрыты хрупкой, как стекло, эмалью, которая не поддается обработке, так что их приходится освобождать от нее, подвергая вытравлению, вследствие чего теряется около трети веса, и подвергшийся обработке товар соответственно этому повышается в цене. Зубы верхней челюсти свободны от этой твердой эмали и поэтому поступают в обработку нетравленным и. Соответственно годности к употреблению и величине отдельных зубов устанавливается в торговле и цена на них. В настоящее время один килограмм кривых зубов стоит 4-6,5 марки, а прямых 6-6,5 марки.

Ловля живьем этого чудовища похожа на охоту. Каким образом могли римляне ловить и перевозить бегемотов, мы не знаем; по словам древних писателей, они доставляли в столицу своей империи для триумфальных шествий и гладиаторских боев не только молодых и полувзрослых, но и старых животных. В 58 году до Р.Х. эдил Скавр вывел на показ римскому народу пять крокодилов и большого бегемота. Август, Антоний, Пий, Гордиан, Гелиогабал и Кар также показывали их в цирке. По приказанию Коммода в цирке были убиты пять гиппопотамов. С того времени и до половины XVI столетия нашего летосчисления ни одно из этих животных не появлялось в Европе. Минули 300 лет, прежде чем новые животные были доставлены нам живыми. Почти все без исключения бегемоты, которых мы можем видеть в Европе, пойманы молодыми.

Разумеется, прежде чем помышлять о ловле молодого животного, необходимо убить его мать. Слепая привязанность маленького неуклюжего создания к своей матери значительно облегчает ловлю. Молодое животное повсюду следует за раненой матерью и даже не покидает ее труп. В подобном случае бросают гарпун в менее чувствительное место его тела или стараются опутать его сетью и затем уж вытаскивают на берег. Сначала он вырывается, испускает громкие, пронзитель-

ные крики и доставляет людям много хлопот; однако скоро привыкает к человеку и следует за ним. Молодой бегемот охотно сосет корову; конечно, одной кормилицей он вскоре не может довольствоваться, молодой великан по прошествии недолгого времени нуждается в молоке двух, трех и даже четырех коров или восьми-двенадцати коз.

По наблюдениям, бегемоты в Европе легко переносят продолжительную неволю. Если для пары животных устроить такое помещение, где они могли бы жить как в естественных условиях, то есть находиться то в воде, то на суше, тогда можно рассчитывать на потомство. Бегемот принимает всякую пищу, особенно ту, которую обыкновенно дают домашним свиньям*.

** В некоторых районах Африки рассматривается перспектива создания бегемотовых ферм наряду с разумной эксплуатацией природных популяций бегемотов. Бегемоты неприхотливы в еде, легко переносят неволю, неплохо размножаются. Одно животное может дать до тонны мяса, около 90 кг жира, не считая шкуры, ценной кости зубов и помёта в качестве удобрения. В водоемах, удобряемых помётом «домашних» бегемотов, можно наладить разведение рыбы.*

Кроме человека вряд ли существует у бегемота опасный враг, который мог бы выступить против него**.

** * В силу особенностей биологии бегемот пострадал от преследования человеком гораздо меньше, чем другие африканские гиганты — слоны, носороги. Во многих местах его численность остается высокой и он является охотничьим видом.*

Там, куда не проникает человек со своим страшным оружием, бегемот, вероятно, достигает глубокой старости. Хотя он растёт сравнительно быстро, однако пройдут многие годы, прежде чем достигнет своего полного роста. По всей вероятности, он становится способным к размножению на втором или на третьем году жизни; растёт бегемот, как показали наблюдения над пойманными животными, несколько лет даже после того, как произведет на свет детенышей*.

** Самцы приступают к размножению в возрасте 6-13 лет, самки — 7-15 лет.*

Когда он наконец достигнет полного возраста, то зубы его увеличиваются в длине и толщине. В какое время жизни начинается для него старческий возраст и на сколько лет вообще может продлиться его жизнь — неизвестно**.

** * Продолжительность жизни бегемота в природе — 30-40 лет, в неволе — до 54 лет.*

Либерийский, или карликовый, бегемот (*Choeropsis liberiensis*) в своем распространении ограничивается небольшой областью Верхней Гвинеи. Милан-Эдварде говорит, что его кожа бледно-розового цвета; Иентинк же указывает на то, что этот цвет только хранящихся в коллекции чучел, с которых сошел верхний слой кожи. Бюттикофер, видевший недавно убитых животных, утверждает, что спина у них аспидно-черного, брюхо — грязного зеленовато-белого, бока — зеленовато-серого цвета. Масса туши взрослой самки равнялась всего 400 кг и при высоте в плечах в 76 см была длиной в 185 см, из которых 17 см приходилось на долю хвоста***.

** * * Длина тела карликового бегемота 150-170 см, высота в холке — 75—100 см, масса — 160-275 кг.*

Образ жизни этого животного до сих пор мало известен; он значительно отличается от образа жизни большого бегемота. Бюттикофер сообщает об этом следующее: «Его любимым местопребыванием служат лес и болото; в реках его, по-видимому, не находят. Обстоятельство, которое делает охоту за ним столь трудной и часто безуспешной, заключается в том, что он не ограничивается небольшой областью и не ходит по одним и тем же тропам, а распространяет свои странствия на очень большое, хотя и не безграничное пространство. Как дикая свинья, с образом жизни которой он имеет много общего, этот бегемот ищет в старом и молодом лесу корм, состоящий из трав и лесных плодов, и затем удаляется в обширные, часто недоступные охотнику болота. Отправляется он за пищей ночью или днем, я не могу сказать ничего достоверного, но считаю, что ночью. Его легко узнать по своеобразному следу и по помёту****.

** * * * Карликовый бегемот лесной зверь. Активен ночью, днем отдыхает на лежанках в зарослях. Метит границы участков и общие тропы кучами помёта.*

Достоверно известно, что либерийский бегемот не живет семьями, подобно обыкновенному бегемоту; странствует по лесу постоянно один. Каждая пара, если они вообще живут парами, обладает обширной областью. Эти животные нигде не встречаются часто, однако в тех местностях Либерии, через которые я проезжал, их знают, хотя бы только по названию». До сих пор в Европу не привозили живыми этих редких животных; скелеты и чучела также составляют в коллекциях большую редкость*****.

* * * * * *Редкий вид, внесен в Красную книгу МСОП. Численность его, очевидно, снижается в связи с уничтожением тропических лесов.*

Подотряд жвачные

(Ruminantia)*

* *У жвачных коренные зубы имеют высокие коронки, сложную складчатую жевательную поверхность и наилучшим образом приспособлены для пережевывания жесткого зеленого корма.*

Семейство оленьковые

(Tragulidae)**

* * *Семейство объединяет наиболее мелких и примитивных представителей жвачных. Они сохранили множество архаичных черт.*

Относительно деления представителей этого семейства на роды и виды натуралисты еще не вполне согласны между собой.

Эти красивые животные населяют западную Африку и южную Азию. Своим видом они несколько напоминают косуль: с довольно толстым туловищем, стройной, красивой формы головой, прекрасными светлыми глазами, тонкими ножками, толщиной едва превышающими карандаш, с красивыми копытами, маленьким хорошеньким тупым хвостиком, мягкой гладкой шерстью разнообразной окраски.

Малый оленек. или яванский канчиль (*Tragulus javanicus*), имеет около 45 см длины, из которых 4 см приходится на хвост; высота в плечах достигает 20 см, в крестце двумя сантиметрами более. Довольно тонкая шерсть имеет разнообразную окраску. На голове она красновато-чалая, на темени почти черная. Верхняя часть тела — красновато-желто-бурая, спина темная, бока светлее. Верхняя часть шеи с белыми крапинками, а нижняя — белая. От нижней челюсти по обеим сторонам шеи до плеч проходит по белой полосе. За ними следует по темной полосе, которые на середине шеи заключают в себе третью белую полосу. Иногда вдоль живота проходит еще желтоватая полоска. Конечности чало-желтые, предплечье и голень светлые — ржаво-красные, нижние части конечностей — желтовато-чалые. Маленькие тонкие копыта — светло-бурого рогового цвета. Взрослые самцы имеют сильно загнутые клыки, на 3 см выступающие из десен и направленные назад. Клыки приплюснуты, с боков как бы выдолблены и имеют режущий край. Молодые животные ничем не отличаются от взрослых.

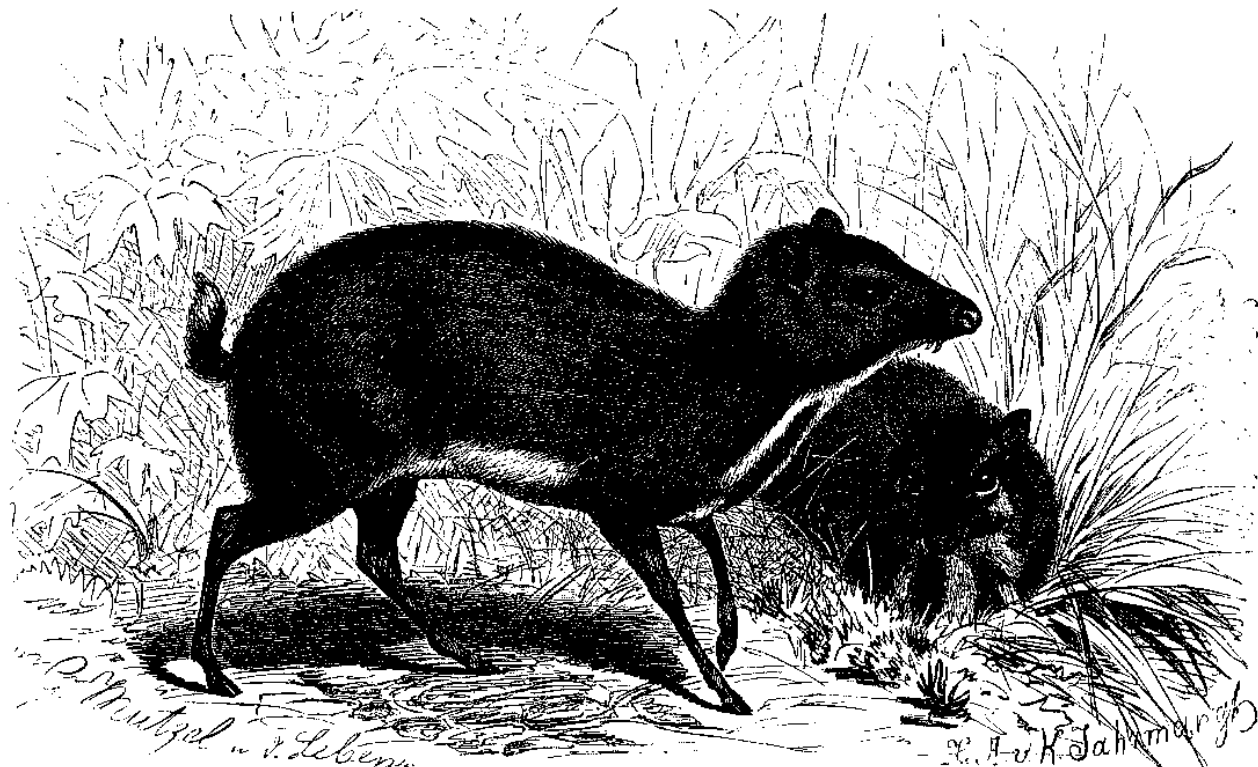
Эти красивые зверьки живут на Яве, около Сингапура и на Малаккском полуострове; на Суматре, Борнео, Цейлоне и в Индии. На Яве они обитают более в горах, на южных опушках девственных лесов и главным образом в кустарниках, откуда могут за несколько минут достичь склонов, покрытых травой. Оленька никогда не встречаются стадами, так как он живет одиноко и только во время спаривания — попарно. Днем лежит, спрятавшись в густом кустарнике***, отдыхая и жуя жвачку.

* * * *Все оленьки держатся поодиночке, метят свои участки запаховыми метками. Их дневными убежищами служат норы других животных, ниши под корнями деревьев, иногда — низко расположенные дупла. Они хорошо плавают, ныряют, нередко охотятся на мелководье на крабов, моллюсков, рыб, поедают насекомых, мелких млекопитающих.*

С наступлением сумерек выходит на пастбище и отыскивает для пищи всевозможные листья, травы и ягоды. Вода для него необходима. Все движения маленького животного в высшей степени красивы, легки и притом очень проворны. Канчиль делает сравнительно большие прыжки и с ловкостью преодолевает на своем пути всевозможные препятствия. Но когда он понимает, что может попасть во власть своих врагов, то прибегает к хитрости. Как только он увидит, что уйти от преследователя не может, то ложится спокойно на землю и притворяется мертвым, как и опоссум при подобных же обстоятельствах. Неприятель приближается, думая схватить свою добычу, но не тут-то было: прежде чем он подойдет, наш маленький оленек делает один или два прыжка и с быстротой молнии убегает. Туземцы, кроме того, присочиняют, что самцы умеют еще и другим способом защищаться от нападений диких животных. Они будто бы подпрыгивают в воздухе и цепляются клыками за сучья деревьев. Рэффлс замечает, что малайцы про самого хитрого луна говорят: «Он так же лукав, как канчиль!» Относительно размножения этих животных известно немного; вероятно, у них, как и у других жвачных, рождается только один детеныш. По Жердону и Стендалю, время рождения детенышей у канчиль, живущих в Индии, бывает в июне и июле, и их рождается по два*.

* *Сезонности в размножении у оленьков нет. После 4-6 месяцев беременности рождаются 1, редко 2 детеныша, способных уже через час двигаться за матерью. По окраске детеныши неотличимы от взрослых. К 5 месяцам молодые становятся половозрелыми.*

В настоящее время этих и других оленьковых часто привозят в Европу и держат в неволе довольно продолжительное время. Многие хозяева зверинцев развозят повсюду некоторые виды и выставляют их напоказ. Я не раз воспитывал и часто видал это животное. Канчиль красив и милосивиден; он чрезвычайно чистоплотен, постоянно чистится и облизывает себя. Большие прекрасные глаза заставляют предполагать в нем способное, высоко одаренное животное; однако это неверно, так как он не выказывает особенной понятливости; это скорее спокойное, тихое и скучное создание. Весь день распределяется у него между едой, пережевыванием жвачки и сном. Редко слышен его нежный тихий голос, похожий на слабый звук рожка.

Малый оленек (*Tragulus javanicus*)

Жители Явы усердно преследуют это животное и охотно едят его мягкое и сладковатое мясо. В некоторых местах из его ножек делают приспособления для набивания курительных трубок.

Семейство оленевые

(Cervidae)*

* Оленевые (*Cervidae*) одно из наиболее процветающих ныне семейств копытных, самое крупное в отряде после полорогих. Оно объединяет 4-6 подсемейств, 14 родов и около 40 современных видов. Первые примитивные олени появились в начале миоцена, сначала это были мелкие животные, сходные со своими предками — оленьками.

Ни одна группа из отряда жвачных не может быть так легко охарактеризована, как семейство оленей. «Животные с ветвистыми рогами» — этими словами мы достаточно их определили, потому что все остальное рядом с этой особенностью имеет второстепенное значение. Олени стройны и красивы, туловище изящно и довольно вытянуто, шея сильная и пропорциональная, голова к концу морды сильно сужена, ноги высокие и тонкие; пальцы снабжены очень развитыми задними копытцами и узкими, острыми копытами. Большие живые глаза, прямостоящие, узкие, довольно длинные и подвижные уши, гладкая верхняя губа и 6 коренных зубов на каждой челюсти — вот прочие признаки этого семейства.

Рога большей частью бывают только у самцов. Это парные ветвистые отростки, состоящие из вещества, похожего на кость, которые ежегодно опадают и потом снова вырастают. Их рост и падение находятся в тесной связи с половой деятельностью. Еще до рождения оленя место, где должны вырасти рога, обозначается сильным утолщением черепа. На шестом или восьмом месяце после рождения образуется возвышение лобной кости — костяной пенек, который приподнимает наружные покровы и остается на всю жизнь; это так называемая дудка, на которой и вырастают потом рога. Сначала рога имеют один ствол, впоследствии они разветвляются все более и более, причем от главного ствола идут отростки, число которых может дойти до двенадцати на каждой стороне.

"С годами у оленя, — говорит Блазиус, — происходит перемена в рогах. Первое и самое значительное изменение испытывают дудки, которые при постоянном росте костяных пеньков с каждым годом все расширяются и все больше приближаются к середине лба; таким образом выступ лба понемногу подвигается назад и вместе с тем относительно уменьшается мозговая часть черепа. Но еще удивительнее изменение в форме рогов и числе ветвей. Молодые рога покрыты богатой сосудами волосистой кожей, шишковаты, мелки и гибки. Сначала появляются на главном стволе нижние, затем верхние ветви, и, когда они окончательно разовьются, и концы их окостенеют, кровообращение останавливается, и олени чувствуют потребность удалить кожу или кору, которая начинает отваливаться сама собой***.

** * У самцов всех оленей (и у самок северного оленя) развиты рога, состоящие из губчатой костной ткани и сменяемые ежегодно. Рога вырастают на особых выростах лобных костей — пеньках, покрытых шерстью и несменяемые, в период роста они покрыты кожным чехлом с короткой шерстью, под которым проходят кровеносные сосуды. Такие рога называются «панты».*

Изменение рогов и дальнейшее их развитие идут следующим путем: прежде чем олень достигнет одного года, образуются как непосредственное продолжение дудки конусообразные прямые отростки; эти отростки у некоторых видов опадают, а в следующем году в таком же виде снова появляются. Но у большинства оленей рога уже на втором году получают один или два отростка, или ветви. Весной третьего года повторяется тот же процесс, но вновь выросший рог имеет уже на одну ветвь больше по сравнению с предыдущим годом; так продолжается до тех пор, пока рога не достигнут наибольшего своего развития. Болезни или плохая пища нередко задерживают их рост; точно так же обильная пища и покойная, беззаботная жизнь могут ускорить развитие рогов.

У большинства оленей за несколько дней до сбрасывания рогов замечается опухоль, которая окружает дудку и корни рогов; олень бережет свои рога, избегает ударов ими, так как эти места становятся необычайно болезненными. Рога сбрасываются или под собственной тяжестью, или благодаря какому-нибудь внешнему толчку. В высшей степени редко опадают оба рога одновременно; обычно между падением первого и второго проходит от нескольких минут до нескольких дней.

После сбрасывания начинается новое образование головного украшения. Обыкновенно форма рогов очень правильная, хотя местные условия и пища могут производить некоторые изменения в них. Рога всегда могут служить отличительными признаками одного вида оленей от другого, хотя некоторые натуралисты и считают этот способ определения видов ненаучным. По внутреннему устройству тела олени сходны с остальными жвачными и не требуют особого описания. У оленей нет желчного пузыря*.

** На крупе большинства оленей развито светлое пятно зеркало. Зеркало (часто в сочетании с поднятым вверх хвостом) играет сигнальную функцию при тревоге, следовании животных друг за другом в зарослях, позволяет детенышу лучше держать в поле зрения мать.*

С незапамятных времен олени были распространены по всей земле. В настоящее время они водятся во всех частях света за исключением Австралии; живут в разных климатах, на равнинах, в горах, открытых местах и лесах. Одни обитают на значительных высотах, другие в густых лесах, песчаных степях или болотах**.

** * Олени обитатели всей Евразии и обеих Америк, но их нет в Африке. В России обитают 7 видов из 5 родов.*

В зависимости от времени года они меняют свое местожительство, причем, отыскивая пищу, то поднимаются на высоты, то опускаются на равнины. Некоторые, смотря по обстоятельствам, предпринимают довольно большие странствия. Все олени общественные животные, собираются громадными стадами***.

** * * В крупные стада объединяются северные олени.*

Старые самцы обыкновенно отделяются летом от стада и живут одиноко или с другими самцами. Во время течки они присоединяются к стадам самок, вызывают своих соперников на бой, дерутся между собой; тогда изменяется все их существо и они кажутся в высшей степени возбужденными. Большинство оленей — ночные животные, хотя те, которые живут в высоких горах и в населенных местностях, выходят на корм и днем. Олени живые, боязливые и подвижные существа, быстрые в своих движениях, с тонко развитыми внешними чувствами, но умственно не высоко одаренные. Их голос состоит из коротких глухих рычаний у самцов и блеющих звуков у самок.

Пищу оленя составляют исключительно растения; мнение, что северные олени едят пеструшек, вовсе не доказано. Травы, цветы, листья, хвоя, почки, молодые побеги и ветки, злаки, овощи,

ягоды, кора, мох, лишайники и грибы составляют их главную пищу. Соль для них лакомство, а вода — необходимость****.

* * * * *Случаи питания леммингами доказаны для северного оленя.*

Оленья самка мечет одного-двух, в редких случаях трех детенышей, которые появляются на свет вполне сложившимися и уже через немного дней следуют за матерью*.

* *Исключение составляет водяной олень, самка которого рождает от 2 до 7 детенышей одновременно (это рекорд для жвачных). Оленята имеют маскировочную окраску — светлые пятна, собранные в продольные полосы, даже у видов однотонных во взрослом состоянии. Лишь у молодых прогрессивных видов — лося и северного оленя — детеныши стали однотонными.*

Оленята очень охотно принимают ласки матери, которая заботится о них самым нежным образом, защищает от всех опасностей. У некоторых видов и отец ласково относится к своему потомству.

В странах, где земледелие и лесоводство ведутся согласно современным требованиям, олени, к несчастью, приносят вред, который превосходит ту пользу, которую они могут доставить. Если бы не было законов об охоте, оленей давно бы уже истребили в западной Европе. До этого еще, правда, дело не дошло, но все виды этого во многих отношениях замечательного семейства близки к верной гибели, и, вероятно, в скором времени их можно будет видеть только в парках и зоологических садах.

Приручение оленей не так легко, как обыкновенно думают. Даже северный олень, уже с давних пор живущий в неволе, не представляет исключения в этом отношении. Его нельзя приручить полностью, как многих других животных; можно сказать, что это лишь наполовину домашнее животное**.

* * *Северный олень одомашнен именно в той степени, в какой это было необходимо и выгодно жителям Севера.*

Сибирская кабарга (*Moschus moschiferus*) не имеет ни рогов, ни слезных ямочек, ни щеток на задних ногах, и хвост у нее очень короток. Самцы отличаются длинными выступающими наружу большими клыками в верхней части челюсти, которые торчат по бокам рта и направлены несколько назад. В верхней челюсти нет резцов, в нижней на каждой стороне замечается по три резца и одному клыку и, кроме того, в обеих челюстях по шести коренных зуба. Внутренности у них такие же, как у антилоп и оленей; желудок имеет четыре отделения. У самца кабарги около пупка находится особый железистый мешок, который выделяет мускус. От оленей кабарги отличаются отсутствием рогов, слезных желез, наличием желчного пузыря и другими признаками. Высокие горы Китая и Тибета составляют родину кабарги. Они живут там в скалистых местах, редко в долинах, куда спускаются, если лишь суровая зима прогонит их с высот и заставит искать убежище и пищу в более тихих местах***.

* * * *Долгое время считалось, что существует единственный вид кабарог *Moschus moschiferus*, описанный Палласом. Сейчас так называют только сибирскую кабаргу.*

Жизнь кабарги, как и большинства жвачных, начинается после заката солнца; в продолжение дня они лежат, спрятавшись, и спят. Они веселы, проворны, легки и быстры в своих движениях, великолепно прыгают, лазают и бегают, подобно серне, по снежным полям; выказывают большую робость и пугливость и стараются убежать при малейшей опасности. К жизни в неволе кабарги привыкают очень скоро, легко приручаются и заключают с человеком довольно тесную дружбу, не оставляя, однако, врожденную робость.

За кабаргой охотятся ради ее мяса и меха, но в особенности ради мускуса, который, как известно, и по сие время считается в высшей степени важным лекарством.

Кабарга — красивое животное от 90-100 см длины и 50-55 см высоты в плечах, причем задняя часть немного выше передней, коренастого телосложения, со стройными конечностями, довольно длинной шеей, тупо закругленной мордой. Глаза средней величины, обрамлены длинными ресницами, с очень подвижными зрачками; уши длиной с половину головы, также подвижные*.

* *Масса всех кабарог колеблется в пределах 10-17 кг, 6 холке они достигают 55-67 см, в крестце — 67-80 см.*

Ноги оканчиваются довольно маленькими, длинными, узкими и острыми копытами, которые однако с помощью находящейся между ними складки кожи могут быть очень широко расставлены, что облегчает вместе с доходящими до земли недоразвитыми копытцами ходьбу по снежным полям и глетчерам, так что кабарга двигается по ним твердо и уверенно. Хвост короткий и толстый и почти треугольной формы, у самца он весь голый, за исключением кончика, на котором находится пучок волос.

Плотно прилегающий мех покрывает тело и удлиняется только по обеим сторонам груди между задними бедрами и на шее. Отдельные волоски жестки, довольно длинные, грубы, волнисты, клеточное строение у них заметнее, чем у всяких других волос. Окраска, по показаниям Адамса, Маркгама, Кинлоха и других, очень непостоянна. Одни экземпляры бывают сверху темными, снизу же грязно-белыми, другие сверху красно-бурые или желто-бурые, а снизу белые, у некоторых на спине заметен продольный ряд светлых пятен**.

* * *Обычно с возрастом пятнистость кабарги уменьшается, может исчезнуть вовсе. Окраска брюха от белой до оранжево-желтой у разных видов. По нижней стороне шеи проходят две светлые продольные полосы, распадающиеся на пятна на нижней челюсти и щеках.*

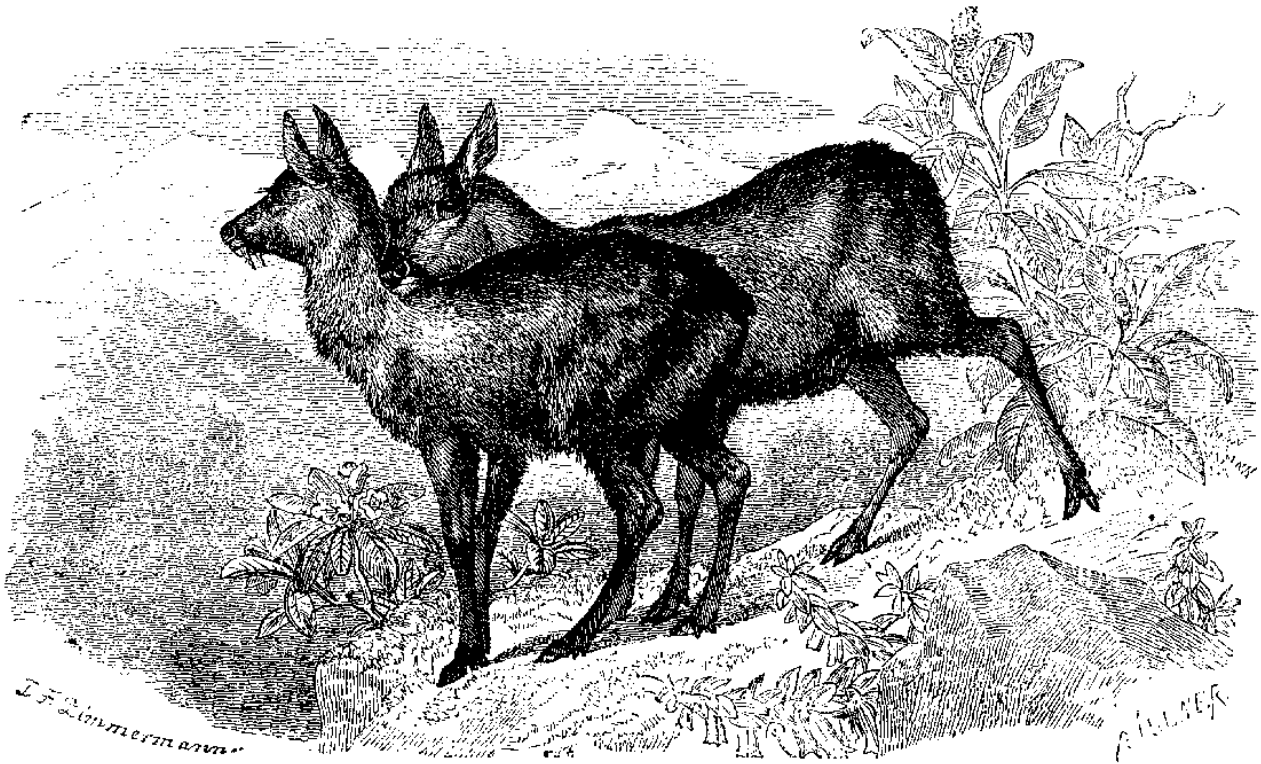
Клыки у самцов высовываются на 5-7 см*** и сначала слабо загнуты наружу, затем серповидно назад. Задний режущий край клыков приплюснут, а конец очень острер. У самки тоже есть клыки, но они не выступают из-под губ.

* * * *Клыки самца достигают иногда 10 см.*

Мускусная сумочка находится на задней части живота, между пупком и половыми органами, и имеет вид мешкообразной и немного выступающей круглой сумки около 6 см длины, 3 см ширины и 4-5 см высоты. Плотно прилегающие, наклонные друг к другу волосы покрывают мешок с обеих сторон и оставляют посередине круглое голое место. Маленькие железы внутри мешка выделяют мускус, который выступает из переднего каналца, когда мешок переполнен. Только у взрослой кабарги мешок достигает своей настоящей величины и имеет полное количество мускуса. Можно принять 30 г за среднее количество этого драгоценного вещества, встречающегося в мешке; но в некоторых случаях его находили даже вдвое больше. Молодые самцы доставляют лишь около восьмой части этого количества. Во время жизни животного мускус имеет плотность мази, но в сухом виде обращается в зернистую или порошкообразную массу красно-бурого цвета, с течением же времени она темнеет и становится угольно-черной.

Греки и римляне ничего не знали про кабаргу, хотя они, как прекрасно замечает Окен, страстно любили всякие благовонные мази и получали их большей частью из Индии и Аравии. Китайцы, напротив, употребляли мускус уже несколько тысячелетий тому назад. Мы получили первое ясное понятие о нем от арабов. Уже Ибн Сина говорит, что лучший мускус получался из Тибета и его находили в пупке животных из вида антилоп, изо рта которых выступают два клыка наподобие рогов. Мозадиус прибавляет, что тибетский мускус потому лучше китайского, что животное в Тибете ест белоус и другие благовонные травы, которых нет в Китае. В 1300 году Марко Поло дал нам подробные сведения.

Он описывает кабаргу и прибавляет: «При полнолунии у кабарги вырастает на пупке кровяной пузырь, и тогда охотники отправляются ловить ее, вырезают этот пузырь, сушат на солнце и получают самый лучший бальзам, который где-либо известен». Позднейшие путешественники рассказывают об этом животном всякий вздор, до тех пор пока наконец Паллас не дал нам тщательно составленное жизнеописание этого животного. Кроме него, мы обязаны Адамсу, Кинлоху подробными сведениями об этом интересном животном.

Сибирская кабарга (*Moschus moschiferus*)

Чаще всего кабарга встречается в окрестностях Байкальского озера, в Монголии и Гималайских горах, где летом она редко спускается ниже 2500 м над уровнем моря; в этих странах она местами так многочисленна, что охотники в одну зиму могут убить несколько сот штук. Кинлох, однако, сообщает, что в тех частях Гималайских гор, где много охотятся, она сделалась чрезвычайно пугливой. Крутые косогоры и большие леса служат любимым местопребыванием этих замечательных животных, где они попадают поодиночке или самое большее по двое. Кинлох сравнивает образ жизни кабарги с жизнью зайца, так как она, подобно последнему, устраивает себе маленькое логовище и очень крепко спит в нем в продолжение дня. Для пастбища предпочитает косогоры, где луга, покрытые травой, перемежаются с мелким кустарником, и только в сумерки или утром выходит на открытые поля. Походка ее состоит из ряда скачков, за которыми следуют короткие остановки исключительно с намерением убедиться в безопасности. Тогда она опять начинает идти тихими шагами и снова переходит в свойственный ей галоп*.

** Бег кабарги трудно назвать галопом, она передвигается скачками, как заяц, поскольку задние ноги у нее заметно длиннее передних. Стремительные и высокие прыжки обеспечивают не только силой ног, но и гибкостью позвоночника.*

Встревоженная кабарга издает шипящий звук, а при поимке громко и звонко кричит. Движения ее быстры и уверенны. Она бегаёт с быстротой антилопы, прыгает с уверенностью козерога и лазает со смелостью серны. На снежных полях, где проваливается каждая собака и человек может едва двигаться, кабарга спокойно бегаёт, почти не оставляя за собой заметного следа. При преследовании прыгает, как серна, без всякого вреда со значительной высоты или бегаёт по утесам, где едва представляется возможность упереться ногами. В случае нужды без рассуждения переплывает широкие реки.

Внешние чувства кабарги превосходны, душевные способности довольно незначительны. Кабарга пуглива, однако не умна и не расчетлива. Попав в затруднительное положение, часто не знает, что делать, и бегаёт взад и вперед, как помешанная. Только что пойманная кабарга ведет себя точно так же.

Время спаривания у них наступает обыкновенно поздней осенью, в ноябре, и в декабре, в Гималайских горах, по Ходжсону, вообще зимой. Самцы устраивают жестокие битвы и пускают с большой ловкостью в дело свои острые клыки. Они стараются всадить их в шею противника и делают тогда глубокие раны. Говорят, что почти все взрослые самцы сохраняют на себе рубцы от таких побоищ**.

*** Во время гона кабарги собираются группами до особей, поединки между самцами носят ритуальный характер, клыки вход пускаются нечасто.*

В продолжение этого времени они распространяют положительно невыносимый запах мускуса; охотники говорят, что его можно ощутить на расстоянии четверти мили. Правда ли, что самцы, как утверждали прежде, во время течки выпораживают свои мускусные мешки на древесные стволы и другие твердые предметы, нам с достоверностью ничего не сообщали. Через шесть месяцев после спаривания у самки рождаются один или два пестрых детеныша, которых она с нежной любовью держит при себе до следующего спаривания и тогда их прогоняет. Детеныши при рождении вполне развиты. Уже в ранней молодости самцы отличаются от самок тупой мордой и более значительным весом. На третьем году они делаются вполне взрослыми***.

** * * Беременность длится около 190 дней, самка приносит двух детенышей массой 300—500 г каждый. 2—3 месяца они находятся в укромном месте.*

Пища их зависит от места жительства. Зимой она состоит преимущественно из древесных лишайников, летом из альпийских трав, которые растут на возвышенных лугах. Говорят, что кабарги очень прихотливы и выбирают себе только лучшие и самые пряные растения. Качество мускуса зависит главным образом от пастбищ, хотя еще не известно, каких растений недостает сибирским кабаргам. Эти последние питаются, по словам Палласа, корнями болотных трав, листьями ягодных кустов, альпийских рододендронов, брусникой и различными лишайниками. Коренья они выкапывают копытами из-под мха и снега. В Гималайских горах, говорят, они пожирают змеи****.

** * * * Кабарга кормится древесными лишайниками-бородачками, побегами, ест хвою, почки, гложет кору, летом переходит на травянистые растения. Охотно посещает солонцы.*

Охота за этими важными животными хотя и выгодна, но, по крайней мере в Сибири, очень затруднительна. Чрезвычайная пугливость животного редко позволяет охотнику подойти к нему на расстояние выстрела. Чаще всего для ловли кабарги расставляют на протоптанных ею тропинках веревочные силки и находят ее иногда живой, иногда уже задушенной. У Енисея и около Байкала оцепляют долину кольями, вбитыми один около другого наподобие забора, за исключением небольшого прохода, и ставят на этом узком проходе силки*.

** В горах Сихотэ-Алиня, где развита промысловая охота на кабаргу, охотники зимой обычно валят хвойное дерево, густо покрытое бородачком, и окружают его силками. Кабарга, объедающая бородачки на своей территории до высоты, на которую может дотянуться, неизбежно попадает на приманку.*

Тунгусы приманивают кабаргу, подражая бляению телят, и затем убивают ее стрелами. При этом нередко случается, что вместо ожидаемого жвачного животного показываются медведи, волки и лисицы, которые также были обмануты зовом воображаемого теленка и надеялись на добычу. «Опытные охотники, — говорит Радде, — пользуются постоянством привычек кабарги, чтобы подкараулить ее. Спугнутая дичь спасается быстрыми скачками со скалы на скалу и скоро скрывается с глаз стрелка, но он ложится в засаду, так как уверен, что животное, обежав вершину горы, на которой оно выбрало себе местопребывание, снова вернется на то же место, с которого ее согнали. Лов их также основывается главным образом на этом свойстве кабарги».

Впрочем, замечает Радде, лову кабарги особенно мешают россомаха, сибирская ласка и ворона. Хищники пожирают животных, попавшихся в силки, которые ставятся на отдаленных местах, куда трудно взбираться, и которые не всегда могут быть вовремя осмотрены охотниками. Орел бородач и другие хищные птицы подстерегают телят, пантеры и леопарды, по словам Адамса, нападают на взрослых животных этого вида**.

** * * Естественными врагами кабарги являются очень многие четвероногие и пернатые хищники, от волка, тигра, медведя до беркута, филина, соболя. Специализируется в зимней охоте на кабаргу куница-харза.*

Английские охотники убивают эту дичь в Гималайских горах из засады и на облове с загонщиками.

Это животное высоко ценится в Индии даже европейцами; мускусный мешок его стоит от 20 до 30 марок. Наилучший мускус вывозится в Англию, но чистым получают его очень редко: хитрые китайцы уже с древних времен усердно производили подделку этого драгоценного вещества. Один священник из Тунки рассказывал Кинасту, что китайцы подвергают мускусный мешок сибирской кабарги перед дальнейшим употреблением особому виду брожения, зарывая его в землю туда, где зимовали овцы, затем оставляют его лежать там известное время и вынимают только после того, как он получит желаемое свойство, высушивают и приготавливают к продаже. Древнейшие путешественники сообщают странные вещи о силе запаха мускуса. Тавернье и Шарден говорят, что охотники бывали принуждены перед обрезанием мешка затыкать себе рот и нос, так как неосторожное вдыхание этого испарения производило смертельные кровотечения. Шарден уверяет, что он никогда не

мог приблизиться к продавцу мускуса и принужден был поручить закупки третьему лицу***. Этот запах, по его уверениям, невыносим, а для непривычных европейцев даже опасен. Меха этих животных употребляется во многих местах на шапки и зимнюю одежду, или из него выделывают замшу, которая тоньше замши, получаемой от косули. Самки кабарги, несчастным образом попавшие в ловушки, прежде просто выбрасывались русскими охотниками, с них никогда не сдирали даже кожу.

* * * *Мускусный секрет (кабарожья струя) ценится в основном в китайской и тибетской медицине, используется в парфюмерии для закрепления запахов.*

Мунтжак, или киданг (*Muntiacus muntjak*), — самый известный вид из мелких оленей; длина его достигает 115-120 см, из которых 15-18 занимает хвост, высота в плечах 65-70 см. Мунтжак довольно стройный, сильный олень, со средней величины шеей, короткой головой, высокими и стройными ногами, средней длины хвостом и лохматым мехом; мех — короткий, гладкий и густой, шерсть — тонкая, блестящая и жесткая. Окраска тела — темная желто-бурая*.

* *Мунтжаки коротконоги и приземисты, с относительно короткой шеей и выгнутой спиной. Их окраска варьирует от черной до светло-рыжей.*

Мунтжак (*Muntiacus muntjak*)

Рога беловатые, отдающие немного желтоватым цветом; но встречаются и отклонения от этой окраски. Рога сидят на очень длинных шероховатых дудках и направлены косо назад; они наклоняются сначала немного наружу и вперед, затем к концу крючкообразно изгибаются назад и внутрь. Внизу рог образует один ствол, затем заметна короткая, толстая, остроконечная надглазная ветвь, направляющаяся вперед и вверх. Шероховатые дудки очень своеобразны; они поднимаются на 8-10 см вверх, покрыты густо заросшей волосами кожей, которая около венчика образует каемку из пучкообразно расположенных волос, и оканчиваются очень узким венчиком, состоящим из ряда больших шарообразных желваков. С возрастом эти шероховатые дудки становятся толще, и количество желваков на них увеличивается. На самих рогах ясно заметны глубокие продольные борозды, но бугорков нет. У самки вместо рогов волосистой хохол.

Мунтжаки водятся на Суматре, Яве, Барнео, Банке и Малаккском полуострове, а также в Бирме, Хайнане и Британской Индии. По Жердону, они поднимаются в Гималайских горах почти до 3000 м над уровнем моря и живут в лесах, предпочитая холмистые и гористые страны*.

* *Мунтжаки разных видов населяют всю тропическую Азию, включая Шри-Ланку, Тайвань и Большие Зондские острова (кроме Сулавеси), а также юг Тибета и восток Китая. В Гималаях встречаются до верхней границы леса на высоте 4 тыс. м. Один вид акклиматизирован на юге Англии.*

По Горсфильду, они выбирают для своего жительства определенные местности, к которым так привязываются, что добровольно никогда их не покидают. Некоторые места с незапамятных времен считаются любимыми убежищами этих оленей. Не особенно возвышенные страны, в которых встречаются то холмы, то долины и главным образом которые прилегают к подошвам самых высоких гор или приближаются к большим лесам, соединяют в себе, по-видимому, все подходящие условия для жизни этого животного. На Яве подобные местности часто встречаются, их покрывают высокая трава, кусты и средней величины деревья, которые образуют группы и небольшие рощи, прерываемые лишь узкими полосами обработанной земли. Здесь можно встретить мунтжаков или поодиночке, или парами; более двух они встречаются так редко, что Балдвин и особенно Макмастер сообщают как нечто необыкновенное, что они видели один раз четырех и другой раз трех животных вместе. Кроме того, мунтжаки любят богатые водой и незаселенные места. Животные эти крадутся, как пишет Ходжсон, с низко наклоненной головой сквозь непроходимую чащу между сломанными деревьями и умеют проворно пробираться через самые маленькие просветы. Крик мунтжака слышен как днем, так и ночью; это хриплый, резкий, звучный крик или лай. Кинлох говорит, что голос необыкновенно громок для такого маленького животного и что иногда можно слышать в продолжение часа лай испугнутого мунтжака.

Течка бывает в марте и апреле; продолжительность беременности еще не определена**. Жердон сообщает, что язык мунтжака необыкновенно длинен, и он может им облизывать всю переднюю часть головы.

* * *Сезонность в размножении в тропиках не выражена. Гон сопровождается ритуальными поединками самцов, громким возбужденным лаем. Беременность длится полгода, самка рождает одного, редко двух пятнистых детенышей массой 550-650 г. Молодняк переходит к самостоятельной жизни через полгода. Половозрелость у самок — в 7-8 месяцев, у самцов — с года. Продолжительность жизни — 12-15 лет.*

Туземцы Явы мало охотятся, по словам Горсфильда, на мунтжака, но знатные особы этой страны находят в этой охоте большое удовольствие. Мунтжак оставляет за собой очень ясный след, и потому собаки легко и верно гонятся за ним. Если животное видит, что его преследуют, то не пускается бежать далеко, как олень, а бежит сначала как можно скорее, затем тише и осторожнее, описывая большую дугу, и постепенно снова возвращается на свое прежнее место. Туземцы, которые хорошо знают его нрав, утверждают, что мунтжак — бессильное и ленивое животное. Если преследование не прекращается долгое время, то он наконец прячется в густой кустарник, лежит там без движения и не обращает внимания на приближение охотника, так как чувствует себя в полной безопасности. Если охотнику не удастся убить животное в первый день, то на второй он может найти его на том же месте, откуда накануне согнал. Многие из богатых людей на Яве держат хорошо выдрессированные стаи собак исключительно лишь для этой охоты. Как только собаки нападут на след зверя, то горячо принимаются за преследование; охотник потихоньку за ними следует и вовремя приходит на то место, где собаки и мунтжак находятся в жаркой схватке. Мунтжак — очень смелое животное и ловко умеет пользоваться своими рогами и клыками. Многие собаки при схватке с ним получают на затылке, шее или на животе глубокие раны, стоящие им жизни. Но олень бывает все-таки убит или совместными усилиями собак, или же выстрелом охотника.

Кроме человека, этих оленей усердно преследуют тигры и пантеры. Но мягкий климат и богатство пищи настолько им благоприятствуют, что все потери, которые человек и хищные животные причиняют стадам, скоро возмещаются новыми поколениями.

Во время защиты и при нападении мунтжаки употребляют не только свои рога, но и зубы; они бросаются, по словам Шмидта, как кусающая собака, на противника и наносят ему при случае хотя не опасные, но мучительные раны. По всей вероятности, они поступают так же во время борьбы со своими соперниками — самцами. Кинлох упоминает о длинных клыках как о превосходном оружии, так как животные умеют ими ловко пользоваться; из очень достоверных источников его уверяли, что приготовившийся к обороне самец не только тяжело ранит этими зубами, но иногда и убивает даже самых сильных собак. Мясо мунтжака считается хотя не жирным, но вкусным блюдом*.

* *Некоторые виды мунтжаков в результате преследования стали редки, нуждаются в охране.*

Свиной олень (*Axis porcinis*), один из самых обыкновенных индийских видов, достигает 1,2-1,3 м общей длины, из коих приблизительно 20 см приходится на долю хвоста, высота плеч до 65-70 см. Он принадлежит к самым неуклюжим животным всего семейства**. Сложение его довольно тяжеловесное: толстое брюхо, короткие ноги, короткая шея и короткая голова. Волосы грубые, же-

стки и ломки, но гораздо тоньше и менее волнисты, нежели у длинногривого оленя и у близких ему родичей.

* * *Относящийся к подсемейству настоящих оленей (Cervinae) свиной олень (Axis porcinus), по размерам, телосложению, образу жизни является как бы переходной формой от мунтжаков к более крупным видам.*

Животные имеют самую разнообразную окраску, и на этом основывается несогласие, которое встречается в описаниях свиного оленя. Обыкновенно общая окраска его бывает прекрасного кофейного цвета, который у самца может принимать черно-бурый оттенок, а у самки более светлый. Каждый волос у основания пепельно-серого цвета, посредине черно-бурого, а кончик покрыт светло-коричневыми колечками. Эти светлые кольца у самки заметнее, чем у самца. Полоса вдоль спины, вокруг морды, между глазами по направлению к морде и продольная полоса посреди лба имеют более темный, почти черный цвет. Нижняя часть брюха и ноги сероватые, темно-пепельного цвета; голова и обе стороны шеи, горло, уши и неправильно расположенные пятна по бокам имеют более светлую окраску, бледно-серую. Кончик нижней челюсти, нижняя часть хвоста и прикрытое хвостом продолговатое пятно — белого цвета. Более светлые пятна я замечал у всех свиных оленей, которых видел живыми, но у самок со светлой окраской они всегда выступают больше, нежели у темных, у которых эти пятна иногда почти совсем исчезают и показываются только тогда, когда приподнимаются волосы***.

* * * *Зимняя шерсть свиного оленя приобретает сероватый, а не рыжеватый оттенок, пятна на шкуре могут быть почти не выражены.*

Мех молодого оленя отличается от меха старого только тем, что пятна, по-видимому, больше и светлее. По словам Жердона, только телята до шестого месяца бывают покрыты красивыми пятнами, хотя у многих старых животных и на летней шкуре еще видны матовые пятна. Макмастер, говоря об оленях в Бирме, подтверждает показания Жердона только в отношении телят и обращает особенное внимание на то, что на более взрослых экземплярах он вообще никогда не замечал пятен. Рога оленя обыкновенно имеют по три ветви; стволы слабые, сидят на довольно высоких дудках и достигают 35^0 см.

Родиной свиного оленя является большая часть Британской Индии и Бирма. Чаще всего он встречается в местностях, расположенных по Гангу, реже в Центральной Индии, а в Малабаре его совсем нет, там его заменяет близкий родственный ему вид. По словам Жердона, его нет и на Цейлоне, между тем Стеридаль приводит его как жителя этого острова*. Обыкновенно животные эти встречаются поодиночке, иногда же их можно найти по два-три экземпляра вместе. Они живут охотнее в местах, заросших травой и кустарником, нежели в больших лесах, хотя и здесь они при случае встречаются на более обширных прогалинах. Днем олени лежат прячутся в убежищах, а пасутся ночью; спугнутые, они убегают с опущенной головой довольно своеобразным и неуклюжим образом, чем и заслужили свое наименование. Обыкновенно сбрасывают рога в апреле, а течка у них наступает в конце сентября или в октябре.

* *Свиной олень распространен в заболоченных травянистых пространствах и редколесьях южных предгорий и подножия Гималаев, а также в Ассаме, Бирме и Индокитае. Акклиматизирован человеком на некоторых тропических островах как охотничий объект.*

Большинство свиных оленей, населяющих зоологические сады, мы получаем из Бенгалии. Они очень хорошо переносят наш климат, но при холодной, суровой погоде чувствуют потребность в закрытом помещении, чтобы укрыться; легко размножаются даже в тесном пространстве. По словам Стеридала, эти олени успешно скрещиваются с аксисами, и ублюдки их способны к размножению.

Судя по пойманным свиным оленям, способности их хуже развиты, чем у других оленей. Самка труслива, пуглива и неумна, самец смел даже в отношении к человеку, задорен, властолюбив и склонен к насилию. Перед течкой он упражняет свою силу на всевозможных предметах; бьется о деревья и решетки, роет дерн короткими рогами и разбрасывает его во все стороны, угрожает каждому приближающемуся, нагнув голову в сторону и злобно наступая боком; он не задумываясь идет на человека и весьма чувствительным образом пускает в ход рога. У одной воспитанной мною самки течка наступила в июле, спаривание последовало 16 августа, а рождение теленка 1 апреля; таким образом, продолжительность беременности определяется в 228 дней.

Насколько известно, у свиного оленя те же враги, что и у его родичей. На охоте в него стреляют обыкновенно сидя на спине слона, так как густая растительность тех мест, в которых он обитает, едва допускает охоту по следу с оружием и другие способы ловли. Мясо оленя считается очень вкусным.

Из других индийских оленей прежде всего заслуживает нашего внимания **аксис** (*Axis axis*). Аксис при длине тела в 135-150 см достигает в плечах лишь 90-95 см высоты. Его вытянутое туловище поддерживается короткими ногами, вследствие чего кажется довольно толстым; шея толстая; голова короткая, правильно сложенная, сильно суживающаяся к морде; уши средней величины, узкой остроконечной формы; хвост довольно длинный, закругленный. Благодаря окраске его можно назвать одним из самых красивейших оленей*.

* *Характерны белое пятно на горле и довольно длинный хвост. Весит 75-100 кг.*

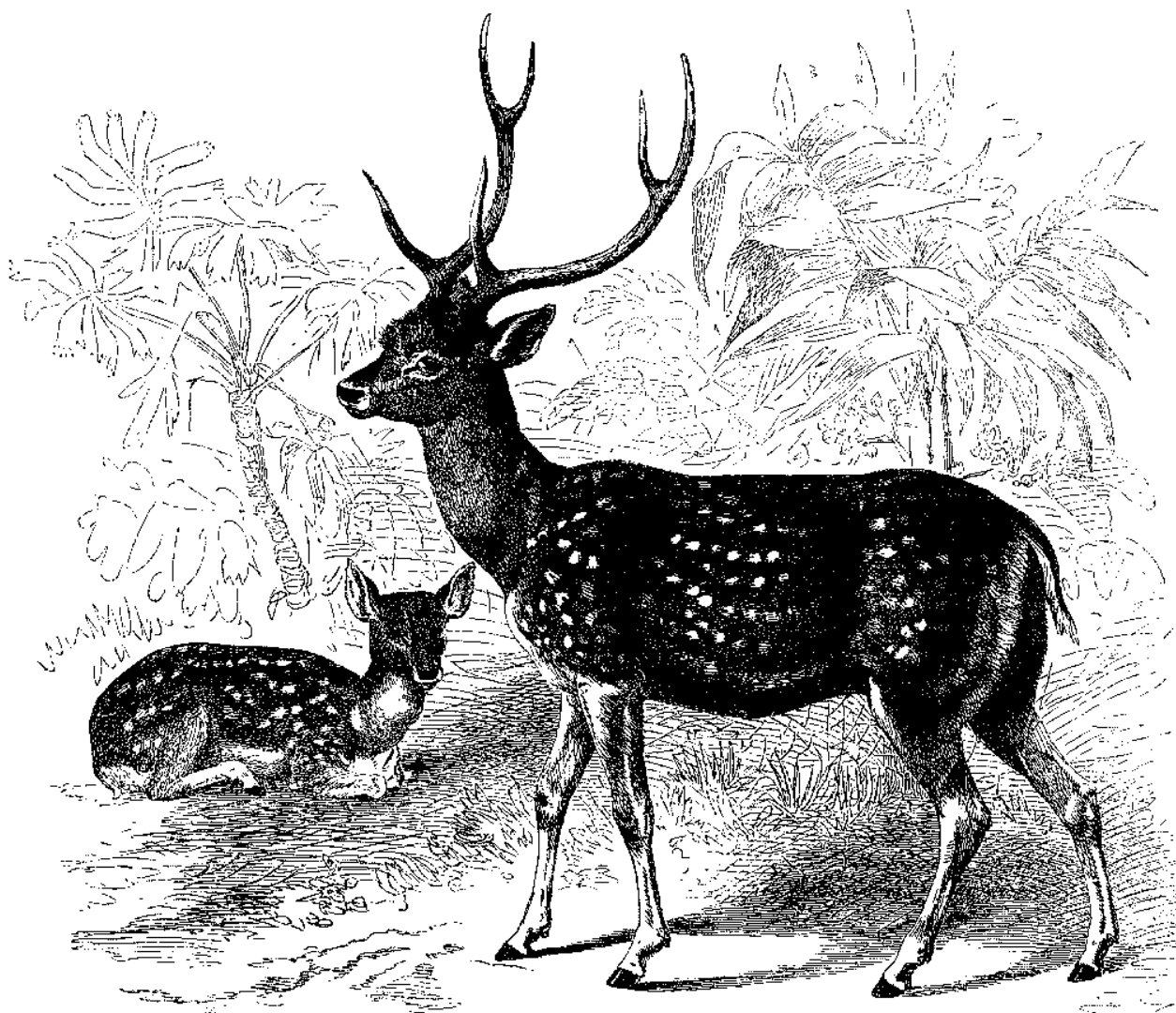
Основная окраска его тела замечательного серовато-буро-красного цвета; полоса, проходящая по спине, очень темная, на холке почти черная; горло, живот и внутренняя сторона ног желтовато-белые, внешняя сторона ног желтовато-бурого цвета. На боках семь рядов неравномерно разбросанных пятен образуют узор. Внешняя сторона хвоста светло-бурая; нижняя — белая. Внутренняя сторона бедер довольно чистого белого цвета. Прекрасные лирообразные рога при основании отогнуты назад, затем, выгибаясь наружу, поднимаются кверху. Длина крупнейших рогов, о которых сообщает Форсит, измеренная по изгибам, достигает 96 см. Рога, впрочем, бывают очень разнообразными, как по величине, так и по форме; поверхность их то гладкая, то шероховатая. Изменения эти находятся, по-видимому, в зависимости от местности, где олени живут.

Область распространения аксиса занимает всю Индию с Цейлоном, включая Пенджаб и восточные земли до Кохинхины. Это животное населяет как равнины, так и холмистые местности, встречается в предгорьях Гималайских гор и болотистых низменностях устья Ганга, в густых лесах, а также в джунглях, обыкновенно поблизости воды*.

* *Аксис замещает свиного оленя в светлых лесах Индии и Шри-Ланки, не встречается в Индокитае и предгорьях Гималаев, болотистых лесов избегает.*

Там, где условия для них благоприятны, они встречаются часто и образуют большие стада, которые до утра пасутся на открытых местах, а на день обыкновенно удаляются под сень леса**.

** *Аксис стадное животное; группы «гаремного» типа насчитывают до 30 животных, иногда объединяются в стада в сотни голов.*

Аксис (Axis axis)

За аксисом ревностно охотятся как туземцы, так и англичане; вследствие этого, вероятно, в тех местах, где он подвергается преследованиям, аксис так же пуглив, как и наши олени. Тем не менее пойманный аксис весьма скоро делается совершенно ручным. Уже много лет тому назад этот вид был ввезен в Англию; при этом убедились, что он переносит умеренный климат превосходно. Из Англии олени были впоследствии разосланы дальше, между прочим, и в Германию. В одном парке близ Людвигсбурга они, как говорят, живут уже более 50 лет***.

* * * *Акклиматизирован в ряде районов Европы, Австралии и Новой Зеландии.*

Движения этого животного, конечно, не столь красивы, быстры и выдержанны, как движения прочих равных ему по величине оленей, но, во всяком случае, достаточно милостивы, чтобы доставлять удовольствие взору охотника. О нравах аксиса и о его размножении я не могу сообщить ничего, что бы могло считаться для него характерным. В этом отношении он, вероятно, более всего походит на ланей.

Лань (Dama dama) любит скорее умеренные, чем холодные, страны и издавна живет в местностях, расположенных около Средиземного моря. Область ее распространения простирается на юг до северной окраины Сахары, а на север — до южной Швеции и Норвегии. Кювье получил дикую лань из лесов южного Туниса, Белон нашел ее на островах Греции. Прежде в Сардинии и в Италии она, кажется, попадалась часто. В настоящее время эти животные в германских зоологических садах встречаются, может быть, чаще, чем в Испании, Франции и Италии; но многочисленнее всего они в Англии, где их разводят в большом числе в парках богатых землевладельцев****. Холм истая местность, в которой отлогие равнины сменяются невысокими возвышенностями, рощи, кустарники, лиственные леса, где почва поросла низкой травой, лучше всего пригодны для лани. Она как бы создана для парка, и трудно приобрести для таких обширных местностей лучшее украшение, чем лань, латинское название которой намекает на то, что это «дамская» дичь.

* * * * *Естественный ареал лани. невидимому, охватывал восточное Средиземноморье. В качестве паркового и охотничьего животного человек расселил ее во многие места Европы еще в раннем средневековье.*

Лань уступает по величине благородному оленю. В общем длина ее тела равняется 1,6 м, включая хвост в 16-19 см, высота в плечах равняется 85-90 см, а высота крестца 90-96 см, вес редко превышает 100-120 кг. Самка ростом меньше самца. От оленей лань отличается более короткими и менее сильными ногами, сравнительно толстым туловищем, более короткой шеей и рогами и удлиненным хвостом, а также окраской шерсти. Летом бока, бедра и конец хвоста красновато-бурые, живот и внутренняя сторона ног белые, черные кольца окружают рот и глаза: волосы на спине при основании белые, в середине красно-бурые и на концах черные. Зимой верхняя часть головы, шеи и ушей буровато-серые, спина и бока черноватые, живот пепельно-серый, иногда впадающий в рыжий. Нередко встречаются совершенно белые экземпляры, которые не меняют цвета по временам года и зимой отличаются только более длинной шерстью. Некоторые самцы имеют в молодости желтоватую шерсть, реже встречаются черные животные. Относительно образа жизни и телодвижений лань во многих отношениях походит на благородного оленя. Органы чувств обоих животных находятся на одинаковой степени развития, и душевные качества их почти одинаковы. Однако лань не так боязлива и осторожна, как олень, не на таком далеком расстоянии чувствует человека, а именно только на 300 шагов; часто в светлые дни пасется на открытых лесных полянах и ходит на водопой не так правильно и далеко, как ее родич. В быстроте, силе прыжка и проворстве лань уступает оленю, на бегу она выше поднимает ноги, при не очень быстром беге прыгает наподобие козы, приподнимая разом все четыре ноги и поднимая хвост. Она может перескочить препятствие в два метра высотой. В случае надобности плавает так же хорошо, как благородный олень, но никогда не валяется в грязи. Ложится она, подгибая все четыре ноги. Укладываясь на покой, лань опускается сначала на передние ноги, а когда встает, поднимает сначала задние. Пища та же самая, что и у оленя, но лань чаще объедает кору. Очень странно, но это животное иногда ест ядовитые растения, отчего умирает.

Лань более привязана к месту, в котором живет, и к известному водопою и обыкновенно собирается в большие стада. Летом сильные самцы ходят поодиночке или маленькими стадами, а подростки и молодые олени с самками и детенышами*.

* *Лани практически ведут оседлый образ жизни. В «маточном» стаде бывает до 30 голов (включая самцов, не достигших 18 месяцев). Питание разнообразно, в широколиственных лесах Европы лани любят подбирать опавшие желуды, каштаны, буковые орешки. Кормовые территории никак не метятся и не охраняются.*

В середине октября взрослые самцы присоединяются к стаду и выгоняют подростков и молодых оленей, которые вынуждены вследствие этого образовывать небольшие стада; но когда у сильных самцов половое возбуждение прекращается, то слабые опять присоединяются к стаду. Лани, у которых течка начинается в то время, когда у оленя она заканчивается, очень возбуждены в этот период. Переключка самцов с самками, которую можно часто слышать около полуночи, не особенно громкая и не имеет ничего грубого; звук этот походит на сухое короткое фырканье или на хрип человека, которого давят**.

* * *В Европе гон у лани приходится на конец октября. На облюбованной для ритуальных схваток поляне может собираться до 9 самцов, привлеченных ревом соперников. Турнирные поединки очень редко кончаются увечьями или гибелью одного из соперников. Самцы метят деревья и кусты вокруг, разбрызгивая мочу и натирая ветки и стволы, секретом запаховых желез. Доминирующий самец спаривается со всеми самками в стаде.*

Самка ходит беременной 8 месяцев и телится обыкновенно в июне одним детенышем, реже двумя. Новорожденный в первые дни жизни совсем беспомощный, а потому самка должна старательно охранять и оберегать его. Мелких хищников, которые желают завладеть им, мать отгоняет ударами передних ног; от больших хищных животных она медленно уходит, чтобы отманить их от места, где спит ее детеныш, потом быстро бежит, а возвращается на прежнее место только после бесчисленных поворотов и обходов*.

* *При рождении детеныш весит 4—5 кг, в годовалом возрасте его вес достигает 19-80 кг. Лактация прекращается в 9 месяцев. Половая зрелость у самок наступает в возрасте 16 месяцев, самцы допускаются к размножению обычно после 3 лет. Продолжительность жизни в среднем 10-20 лет, рекорд — 32 года.*

Когда детенышу лани минет 6 месяцев, у него, если он мужского пола, появляются на дудках возвышения, из них к концу следующего февраля выходят прямые рога, без ветвей, которые растут до августа, когда олень сдирает с них кожу. На второй год у рогов появляются развилины; на третий год вырастает надглазная ветвь, а при очень хорошем корме на каждом стволе выступает один или два тупых отростка, которые в следующие годы увеличиваются в числе. Только на пятый год начинается образование лопаточек, которые с течением времени получают все большее число зубцов по краям. Рога старых самцов часто очень красивы и весят от 5 до 7 кг. Старые самцы сбрасывают рога в мае, годовалые — только в июне; обыкновенно оба рога сбрасываются не в одно время, второй спадает через 2-3 дня после первого. К августу или сентябрю вырастает новое головное украшение.

Охотятся на ланей или большими облавами, или просто с ружьем; удобна также охота засадой, потому что животные держатся постоянных тропинок.

Шкура лани ради ее растяжимости и мягкости ценится дороже, чем шкура благородного оленя. Мясо ее очень вкусно и лучше всего с июля до середины сентября, когда животное сильно жиреет. Но ко времени спаривания мясо самца приобретает козлиный запах.

Для заселения парков лань годится лучше всякого другого вида оленей; она скоро делается доверчивой, расхаживает и днем по открытым местам, весела, даже игрива и очень расположена к резвости. В известном отношении лань может считаться предсказательницей погоды: когда она особенно беспокойна и резва, можно довольно верно заключить, что скоро наступит неблагоприятная, дурная погода. Веселость свою лань сохраняет и в тесной неволе, к которой скоро привыкает. Пойманный молодым, вскормленный коровьим или козьим молоком детеныш лани делается чрезвычайно ручным и может быть доведен до того, что бегаёт за своим хозяином, как собака**.

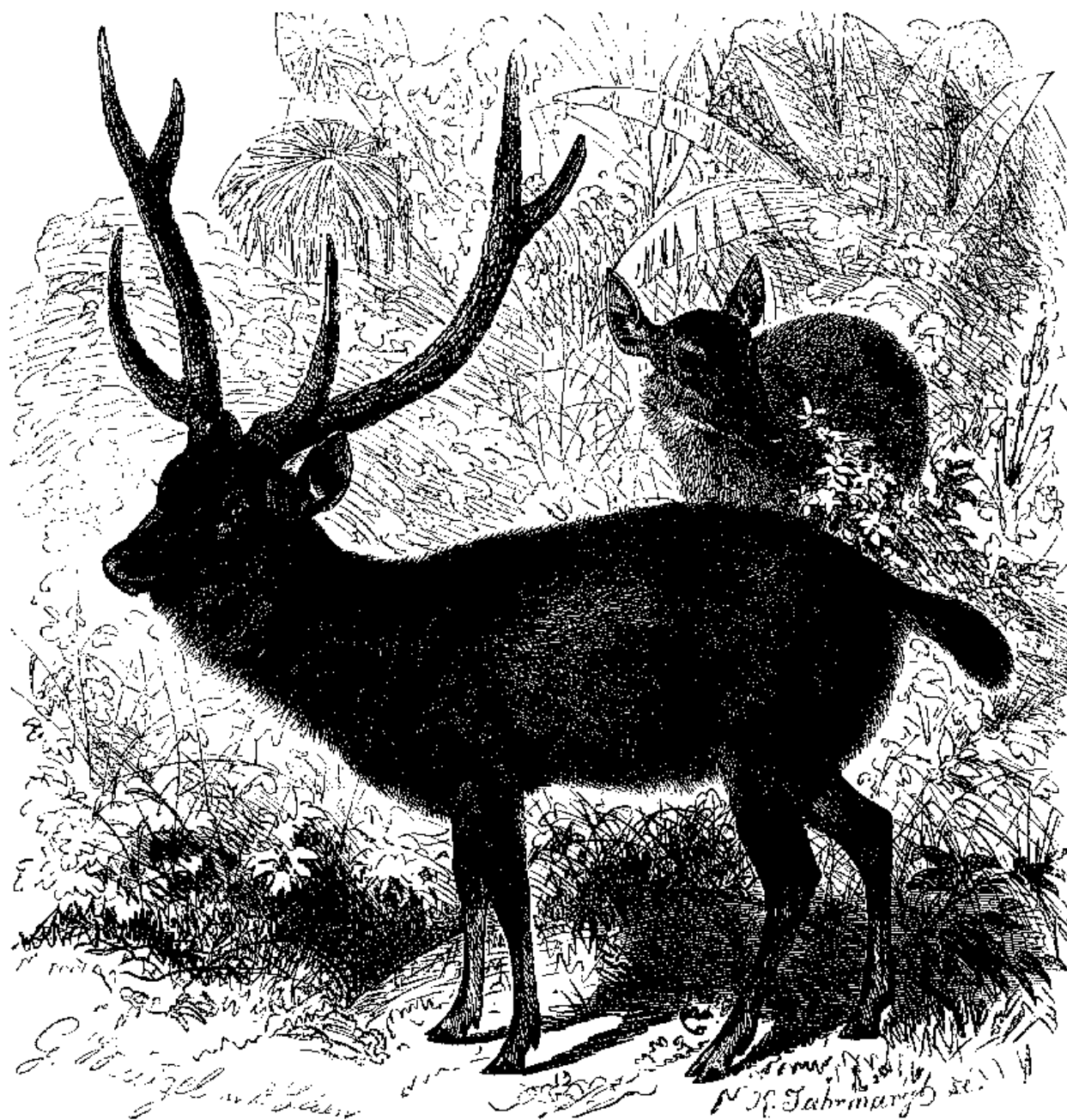
* * *В парковых и охотничьих хозяйствах лани практически не угрожают хищники, не грозит ей и вымирание. Численность мировой популяции оценивается в 200 тыс. голов.*

По моему мнению, к числу самых красивых и благородных оленей следует отнести **индийского замбара** (*Cervus unicolor*)* — оленя, которого довольно хорошо описал еще Аристотель под именем конеоленья.

* * * *«Олень одноцветный» крупнейший из тропических оленей, достигает веса 300 кг. Для него характерны однотонная шерсть изменчивой окраски, густая грива на шее, удлиненная морда, сравнительно высокие ноги. В некоторых районах замбара называют оленем Аристотеля, или индийским лосем.*

Общая длина его тела достигает 2,1-2,4 м, из коих около 30 см приходится на долю хвоста; высота в плечах 1,25-1,35 м. Геснер, Каюс и другие прежние естествоиспытатели считали его за лося или за близкий ему вид. Эркслебен и Линней присоединяли его к благородным оленям; Бюффон считает разновидностью последних, хотя Аристотель говорил, что его рога не имеют более трех

ветвей. Кювье объяснил наконец это недоразумение, предположив, вероятно справедливо, что Аристотель имел в виду под этим породу оленей, которую он наблюдал в Индии. От родственного длинногривого оленя замбар, кроме роста, отличается более темной окраской. Самка цветом вполне походит на самца, да и теленок немногим отличается от взрослых. Рога замбара постоянно имеют только три ветви. Жердон же уверяет, что он, особенно в южной Индии, видел многих замбаров, у которых вместо вилообразного разветвления была трехконечная корона. Эллиот упоминает о рогах даже с четырехконечной короной.

Индийский замбар (*Cervus unicolor*)

Рога то более гладкие, то более шершавые, в разной степени изборозжены и покрыты шишечками; средняя длина рогов, измеренных по изгибам, достигает 90 см, хотя нередко рога и в 100 см; в виде исключения встречаются в 110 и в 120 см. Надглазные ветви достигают длины в 30-45 см. При этом стволы отличаются особенной толщиной; над дудками они достигают 17-24 см в обхвате, около середины — 14-20 см. Замбары различных областей отличаются величиной тела, крепостью и формой рогов.

Область распространения замбара занимает всю Британскую Индию с Цейлоном, Бирмой, Сиамом, некоторые части Малаккского полуострова. На Гималайских горах этот олень поднимается до 3000 м над уровнем моря. Холмистые, покрытые лесом и гористые местности он предпочитает равнинам и вне леса и джунглей на открытых местах встречается редко. По словам Стеридала, зам-

бар обыкновенно пьет один раз в три дня, следовательно, не особенно часто ищет рек и других источников.

Пища его состоит из травы, молодых побегов древесных пород и различных плодов. Эти животные избегают солнечных лучей и в продолжение всего дня пребывают в тенистых местах. Пасутся же ночью вплоть до утра, как в одиночку, так и парочками, а также маленькими и большими стадами. Самцы сбрасывают рога в апреле, новые окостеневают у них в конце сентября. По словам Жердона, около этого времени у самок начинается течка, и их своеобразный крик бывает слышен главным образом по утрам и под вечер. Самка рождает лишь одного детеныша; подробности о ее беременности и рождении теленка нам не известны.

Для индийских охотников замбар имеет такое же значение, как благородный олень для наших. За замбарами охотятся преимущественно с ружьем по следу, иногда подстерегают у мест, где они обыкновенно пьют. Там, где они встречаются в большом количестве, на них устраиваются облавы. Их движения, говорят, не особенно красивы, но довольно быстры, даже на очень неровной почве. Если оленя преследуют, то он часто спасается, переплывая реки. По словам Жердона, в Гималайских горах туземцы иногда окружают в глубоком рыхлом снегу многих замбаров и закалывают их копьями или убивают ударами дубин. Тот же писатель находит, что мясо их твердое, в редких случаях жирное, хотя иногда и довольно вкусно.

В наших зоологических садах замбар не считается редкостью.

Благородный олень (*Cervus elaphits*). Стройное животное чрезвычайно сильного и красивого телосложения и при этом держится с таким благородством и гордостью, что с полной справедливостью носит данное ему прозвище. Его величина весьма непостоянна. Длина тела достигает 1,85-2,15 м, из которых около 15 см приходится на долю хвоста; высота плеч 1,2-1,5 м и общий вес 160-170 кг; но встречаются и необыкновенно крупные олени, которые весят 300 кг и более. Самки значительно меньше ростом и обыкновенно другой окраски. Смотря по времени года, полу и возрасту, окраска оленей меняется. Зимой волосы ости серовато-бурого, летом скорее красновато-бурого цвета; подшерсток пепельно-серого цвета с бурыми кончиками. У морды окраска волос переходит в черноватый, у хвоста — в желтоватый цвет. Только у телят в первые месяцы на красновато-буром фоне появляются белые пятна. Взрослые особи, у которых на темном фоне заметны белые пятна, или совершенно белые олени считаются редким явлением.

Рога у оленя сидят на короткой дудке; они имеют один ствол с многочисленными ветвями и держатся прямо. У корня стволы рогов довольно круто изгибаются назад и в стороны, затем они изгибаются внутрь и сближаются своими концами. Крупные рога весят 5—8 кг, но в наше время в виде исключения достигают 10-12 кг и более. Стволы, измеренные по изгибам, могут иметь в длину 80-120 см, а в крайне редких случаях даже 130 см. Самые тяжелые еще с прежних веков сохранившиеся рога (в Моренбурге) весят 18,8 кг, самые тяжелые рога новейшего времени от оленя, убитого в 1844 году, весят, по словам Домбровского, 15,5 кг. По словам того же автора, длина самых больших из вообще известных рогов, измеренная по изгибам, равнялась 132-133 см. Рога были сняты с оленя в Бадене в 1762 году и имели 26 ветвей*.

* *Европейские олени отличаются не самыми большими и тяжелыми, но самыми красивыми рогами с раскидистой вершиной — «корона».*

Еще и в наше время олени живут почти во всей Европе, исключая крайний север, а также в значительной части Азии. Граница их распространения в Европе простирается до 65 градуса, а в Азии до 55 градуса северной широты; южной границей служат Кавказ и горы Манчжурии.

Олени предпочитают гористые местности равнинам; в особенности они любят пространства, покрытые непрерывным лесом, главным образом лиственным**.

** *Сплошных лесов олень избегает, так же как и полностью открытых лугов, степей, прерий, предпочитает пересеченную местность с чередованием закрытых и открытых биотопов.*

Благородный олень (*Cervus elaphus*)

Здесь они, сообразно возрасту и полу, разбиваются на отдельные большей или меньшей величины стада. Старые самки, телята, годовалые и двухгодовалые самцы и самки обыкновенно соединяются вместе; более крупные маралы образуют отдельные небольшие стада; старые самцы большей частью живут в одиночку до наступления течки у самок. Сообразно с этим, самые большие стада образуются из самок и молодых оленей, небольшие — из самцов среднего возраста. Во главе

стада постоянно находится самка — вожак, действиям которого подчиняются все остальные. Это происходит даже во время течки, пока самец не разгонит самок***.

* * * *Самки с молодежью и половозрелые самцы образуют отдельные стада от 5 до 40 голов (более крупные — зимой) с четкой иерархической структурой, некоторые самцы одиночны.*

Зимой олени спускаются с гор в долины, летом поднимаются на крайние вершины лесистых гор. Но пока их никто не тревожит, они остаются верны своему местопребыванию и только во время течки, или при смене рогов, или, наконец, в случае недостатка пищи добровольно покидают старое пастбище. Мягкие рога принуждают крупных оленей жить или в очень низком кустарнике, или в редком лесу, в котором они не задевали бы рогами за сучья; если в лесу становится очень беспокойно, то они иногда поселяются в хлебных полях или на выгонах, покрытых низким кустарником. Весь день олени лежат в логовищах и только к вечеру выходят пастись, причем летом несколько раньше, чем зимой. Только в местностях, где они чувствуют себя вполне в безопасности, они пасутся иногда и днем. Вечером на пастбище отправляются или быстрой рысью, или скорым шагом; утром же возвращаются, наоборот, медленно. Даже когда солнце давно взошло, они не покидают опушки леса, потому что утренняя роса, покрывающая листья, им крайне неприятна.

Все движения благородного оленя легки, изящны и в то же время грациозны, в особенности отличаются своей благородной осанкой самцы. Обыкновенная походка марала довольно быстрая; мелким шагом он продвигается вперед весьма скоро, а в галопе почти с невероятной быстротой. При мелкой рыси олень вытягивает шею вперед, когда же он скачет в галопе, то закидывает ее назад.

Из органов чувств благородного оленя слух, обоняние и зрение развиты прекрасно. Он чувствует человека на расстоянии до 600 шагов. У него также необыкновенно острый слух; от него не скроется ни малейший шорох, раздающийся в лесу. Относительно его характера и умственных способностей мнения резко расходятся. Охотник склонен видеть в своей любимой дичи соединение всех совершенств; менее увлеченный наблюдатель, сравнивающий оленя с другими животными, не столь высокого мнения о нем. По новейшим понятиям, олени не добродушнее и не умнее остальных диких жвачных животных. Они чрезвычайно робки и пугливы, но не умны и не понятливы. Память оленя, по-видимому, слаба, и понятливость незначительна. Но мало-помалу он набирается опыта и хорошо использует его. Когда страсти возбуждены, олень часто забывает об опасностях, на которые обыкновенно прежде всего обращает внимание. Во время течки делается безумным; забывает все, пренебрегает даже пищей и, по-видимому, исключительное внимание обращает на самок, о которых так мало заботился прежде, и на других самцов, одержимых подобной же страстью. Олень во время течки представляет в лесу прекрасное, а в зоологических садах за решеткой — отвратительное явление. Самки нежнее, податливее, привязчивее, — одним словом, добродушнее самцов, но, в общем, похожи на них. Необыкновенно тонкие органы чувств, благодаря которым они вовремя узнают об опасности, заставляют судить о них как о животных более умных, чем они есть на самом деле.

В отношении ухода и пищи пленные благородные олени не особенно разборчивы, поэтому очень хорошо сохраняются даже в тесном заключении, свободно плодятся и производят со своими ближайшими родичами помеси, способные в свою очередь к размножению.

Смотря по времени года, олени разнообразят свою пищу. Зимой она состоит из озимых посевов и многих растений, растущих вблизи источников, из почек, древесной коры, вереска, листьев ежевики, омелы; весной пищей им служат почки и молодые побеги с листьями и без них, всевозможные травы и злаки; позднее они едят хлебные зерна, репу, капусту, различные плоды, картофель, буковые орешки и желуди*. Как и большинство жвачных животных, олени чрезвычайно любят соль.

* *Спектр питания оленя обширен — до 300 видов растений. Зимой это веточный корм, кора, летом — главным образом травянистая и водная растительность.*

Крупные маралы сбрасывают рога уже в феврале, самое позднее в марте и окончательно заменяют их новыми к концу июля; молодые олени, главным образом годовалые самцы, часто носят рога еще в мае, но уже в августе они их окончательно заменяют новыми и сдирают с них кожу**. Со сменой рогов совпадает до известной степени линька оленей. После того как олень сменил рога, у него появляются волосы летнего покрова, а ко времени, когда линька и смена рогов закончены, самки телятся. Олень спаривается еще в летнем покрове; волосы ости у него начинают выпадать вскоре после спаривания, а затем постепенно происходит развитие зимнего покрова.

* * *Общая продолжительность периода роста рогов около 140-150 дней, рост и очистка от кожи завершаются почти за месяц до гона.*

"Течка, — говорит Дитрих Винкель, — у оленей начинается в начале сентября и продолжается до середины октября. Уже в конце августа, когда олени наиболее жирны, у крупнейших проявляется половое возбуждение. Они выражают его особым криком (звуком, крайне приятным для охотника, но для музыкального уха вовсе не мелодичным), причем у них с самого начала распухает шея***.

* * * *Начало и продолжительность периода гона зависят от местности, в Северном полушарии это амплитуда от конца августа до середины ноября. Осенний трубный рев благородного оленя гораздо громче, чем у любого другого вида семейства. «Рев» быков служит больше для сбора самок, чем для вызова соперников. На подражании голосу ревущего оленя основан один из способов охоты, тигр в Приморье также умело подманивает оленя, подражая его голосу.*

С утра до вечера стонет лес от криков самцов, которые в это время питаются только самым необходимым и лишь иногда отправляются освежиться в соседнем источнике или в луже, куда должны сопровождать их и самки. Другие менее счастливые соперники завистливо отвечают на их крики. Они приближаются с твердым решением испытать все средства, чтобы храбростью или хитростью занять их места. Едва олень, находящийся при самках, заметит другого, как, пылая ревностью, готовится к встрече последнего. Начинается поединок, нередко оканчивающийся смертью одного, а иногда и обоих противников. Опустив рога, они яростно бросаются друг на друга и с достойной удивления ловкостью стараются поочередно то нанести удар противнику, то отразить его. Далеко по лесу раздаются удары рогов, и горе тому противнику, который вследствие старческой слабости или случайно подставит обнаженное место! Противник непременно воспользуется этим, чтобы нанести ему рану острыми концами своих роговых ветвей. Известны случаи, когда во время поединка рога оленей до того крепко сплетались, что следствием этого являлась смерть обоих; но даже в подобном случае никаким человеческим усилием нельзя было разнять туши животных, не сломав кончиков рогов. Часто в продолжение нескольких часов поединок остается нерешенным*.

* *Иногда для выяснения ранга соперникам бывает достаточно нескольких угрожающих ритуальных поз. В схватки вступают обычно самцы, равные по силе. Олени не «бодаются», а, сцепившись рогами, напирают друг на друга. Суть поединка сводится к тому, чтобы преодолеть напор противника и заставить его открыть незащищенный бок или даже опрокинуть его. Победитель некоторое время преследует побежденного. Смертельные случаи бывают редко.*

Побежденный покидает поле битвы лишь при полнейшем изнеможении; победитель же находит награду в благосклонности самок, наблюдавших за ходом битвы. Во время боя иногда удается совсем молодым самцам на короткое время завладеть правами, из-за которых старшие так упорно дерутся; они подкрадываются к самкам и пользуются тем, что обыкновенно выпадает на их долю лишь спустя недели три, когда более крупные олени, совершенно обессиленные, покидают места спаривания.

Беременность самки длится 40-41 неделю**.

* * *Беременность 34 недели. Самки могут рожать каждый год. Вес новорожденного олененка — 6-8 кг.*

В конце мая или в июне, смотря по тому, когда произошло оплодотворение, она рождает одного, в редких случаях двух детенышей. Когда приближается время родов, самка ищет уединения и покоя в самой чаще леса. Телята в первые три дня своей жизни до того беспомощны, что не трогаются с места. Их можно даже взять руками. В это время мать редко покидает их даже на короткое время; если ее вспугнуть, то она удаляется только для того, чтобы притворным бегством отвлечь действительную или воображаемую опасность. Ловить без сетей теленка, имеющего отроду более недели, значило бы напрасно тратить время. Он повсюду следует за матерью и тотчас же прячется в высокой траве, как только она подаст голос, издаст испуганный крик или начнет сильно и быстро бить передними ногами о землю. Теленок сосет матку до наступления следующей течки и с молодости научается ею выбирать пригодную для себя растительную пищу».

Самка считается взрослой уже на третьем году, самцу нужно несколько лет, прежде чем он приобретет все права на самостоятельное господство в стаде***.

* * * *Самки половозрелы к 1,5 года, самцы, возможно, тоже, но к спариванию допускаются лишь начиная с 4—5 лет и позже.*

На седьмом месяце у него вырастают рога, и с этих пор он меняет свое головное украшение уже ежегодно. У марала с двенадцатью ветвями впервые появляется корона. Более двадцати правильных ветвей на обоих рогах встречаются чрезвычайно редко; рога с восемнадцатью ветвями можно видеть во всякой посредственной коллекции; олени с шестнадцатью ветвями нередко еще встречаются и теперь. При обильной пище случается, что рога с шестью ветвям сменяются сразу на

рога с десятью ветвями; но еще чаще при смене рогов повторяется старое число ветвей и столь же часто число их уменьшается. В этом отношении десять ветвей представляют замечательную границу. У оленя, носившего хоть один год крону, число ветвей, если и уменьшается, то никогда не бывает менее десяти. Брагами оленя являются волк, рысь, россомаха и изредка медведь. Самые страшные из них — волк и рысь. Волки стаями преследуют оленей в глубоком снегу, травя их до изнеможения; рысь бросается сверху им на шею, когда они, ничего не подозревая, проходят мимо деревьев. Но самым страшным врагом есть и будет человек, хотя в настоящее время он их не так преследует, как прежде. Я думаю, что могу здесь умолчать об охоте на оленя, так как подробное описание завлекло бы нас слишком далеко, да при том желающие всегда могут прочесть о ней в других книгах*.

** В средневековой Европе олень считался «королевской», «красной» дичью, охотиться на него позволялось лишь дворянам. Олени издавна охраняются во многих частных землях, парковых, заповедных, охотничьих хозяйствах. В ряде мест осуществляется зимняя подкормка, разрешен выборочный трофейный отстрел, практикуется выбраковка неполноценных животных.*

Сильно мучают оленей некоторые виды слепней. Эти отвратительные насекомые кладут под кожу яйца, причем личинки продырявливают бедным животным почти всю шкуру. Вши, гнездящиеся в волосах, мухи и комары также беспокоят оленей в высшей степени. Чтобы избавиться от этих крайне ненавистных насекомых, они часто по целым часам проводят время в воде. Кроме того, олени подвержены многим заболеваниям. Сибирская язва нередко является между ними повальной болезнью; воспаление печени, понос, цинга и чахотка иногда причиняют страшные опустошения; много оленей погибает в холодные зимы от голода и мороза.

В прежние времена каждой части тела марала приписывалось суеверное значение; в наше время этих суеверий придерживаются, по-видимому, одни китайцы, употребляющие мягкие рога в виде лекарства и платящие за них огромные деньги. Шпорцы, слезные железы, внутренности, кровь, половые органы, нередко находимые в желудке безоаровые камни, даже испражнения считались у нас прежде замечательными лечебными средствами и поэтому чрезвычайно ценились. Из оленьих копыт приготавливали кольца как предохранительные средства от судорог; олени зубы оправляли в золото и серебро, и охотники носили их как талисманы; да, впрочем, и в наше время их еще носят. О нраве оленя рассказывают много басен, и даже охотники долго верили в них, пока более подробные исследования не познакомили нас ближе с жизнью животного.

Виргинский, или белохвостый, олень (*Odocoileus virginianus*) может сравниться с нашей ланью величиной, но отличается от нее изящным телосложением, а в особенности длинной тонкой головой, которая красивее, чем у всех других оленей. Впрочем, по уверениям принца фон Вида, виргинский олень часто достигает большего размера, чем наша лань, и не многим уступает благородному оленю.

Окраска его изменяется, смотря по временам года. Летом его шкура прекрасного равномерного желто-бурого цвета, который на спине принимает более темную, а с боков более светлую окраску; брюхо и внутренняя сторона ног бледнее; верхняя часть хвоста темно-бурая, а его нижняя часть и боковые стороны ослепительной белизны. Характерна окраска головы, летом она всегда темнее остального туловища и окрашена в серовато-бурый цвет. Зимой спина оленя также имеет серовато-бурый цвет и приблизительно соответствует зимней окраске нашей косули. Судя по измерениям принца фон Вида, длина оленя средней величины 1,8 м, длина хвоста 30 см, в плечах такой олень достигает 1 м высоты. Самка значительно меньше самца, ее длина только 1,3 м и высота не более 80 см. Высота рогов 30 см, а длина каждого ствола, измеренного по кривой, приблизительно 30 см, У теленка на темно-коричневом фоне расположены хорошенькие белые или палевые пятна, в остальном он походит на своих родителей*.

** В зависимости от подвидовой принадлежности белохвостый олень имеет 70-110 см в холке и весит от 22 до 180 кг. Очень характерны черная окраска носовой области и губ, белое пятно на горле.*

По указаниям американских исследователей, этот прекрасный олень обитает по всем лесам Северной Америки, за исключением самых северных мест; в Канаде, однако, встречается. Он распространен от восточного берега Северной Америки до Скалистых гор, а на юг — до Мексики**.

*** Распространен также на севере Южной Америки. Акклиматизирован в ряде районов Европы и на некоторых океанических островах.*

Говорят, что в прежние времена его находили повсюду в большом количестве; в настоящее время он почти вытеснен из густонаселенных местностей, или по крайней мере ему пришлось удалиться в более обширные горные леса***.

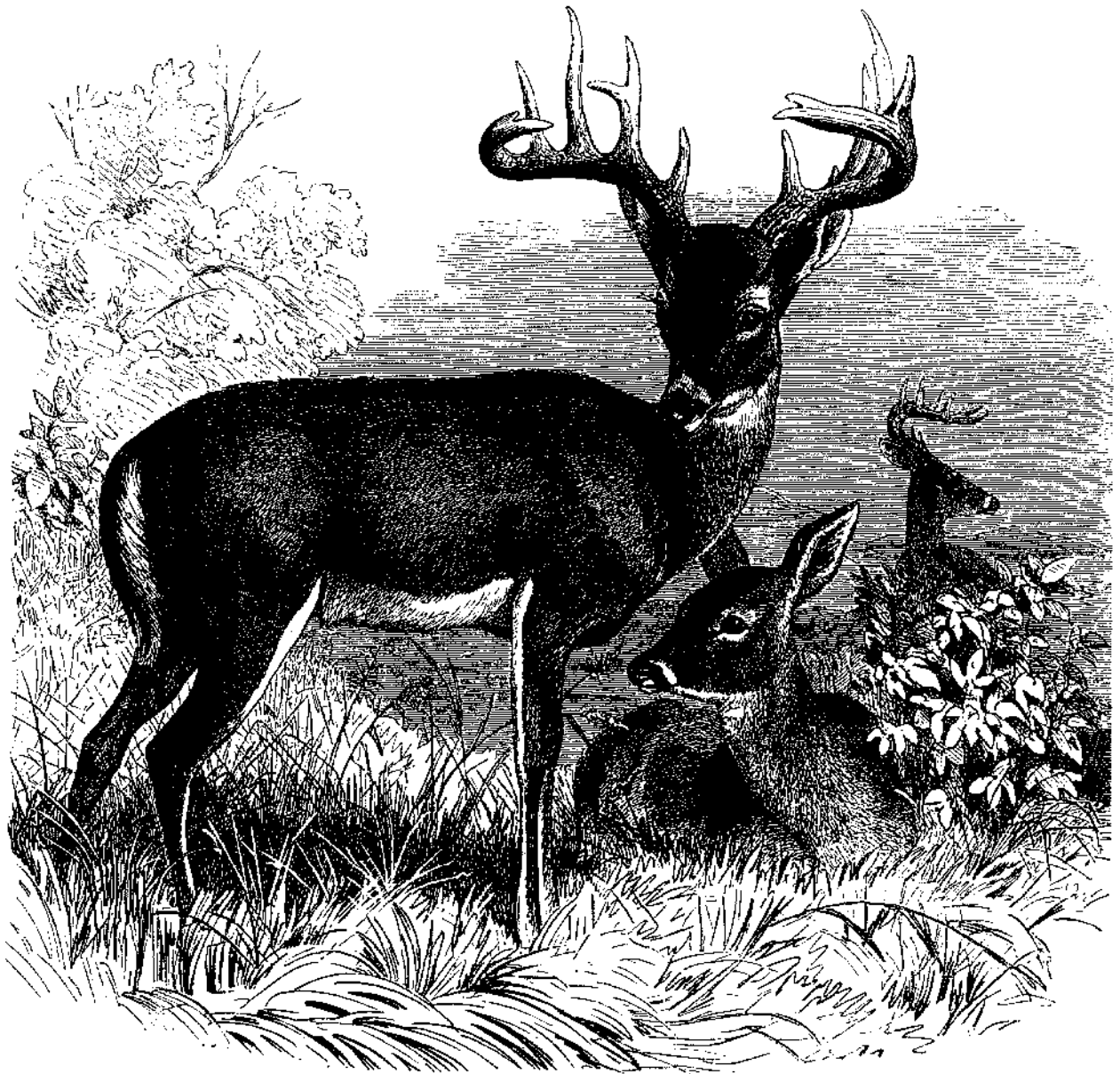
** * * Этот вид самая распространенная и массовая дичь Северной Америки, объект спортивной охоты. Численность повсеместно высока (однако есть редкие охраняемые подвиды).*

Благодаря Одюбону и другим исследователям, мы довольно хорошо знакомы с образом жизни и нравами виргинского оленя. Подобно благородному оленю, виргинский олень образует стада, к которым присоединяются взрослые олени во время течки. Олень сбрасывает рога в марте, а в конце июля или августа нарастают новые; затем он в октябре сдирает кожу с рогов, и в это же время наступает течка****.

** * * * В тропиках гон и соответственно смена рогов, рождение детенышей не приурочены к определенному сезону.*

К этим кратким словам, заимствованным у принца фон Вида, я хочу прибавить еще кое-что из описаний Одюбона. «Этот олень, — говорит он, — сильно привязан к однажды избранному месту и после преследования всегда возвращается к нему. Конечно, в этом случае он несколько дней не ложится на одно и то же логовище, но его часто все-таки находят не более как в 50 шагах от того места, с которого спугнули. Любимым местопребыванием ему служат заброшенные поля, отчасти поросшие кустарником, за которым он прячется. В холодное время года олень предпочитает защищенные и сухие места; летом в дневное время удаляется в тенистые части леса и держится поблизости маленьких речек или прохладных потоков. Чтобы избавиться от преследований комаров и слепней, часто заходит в реку или пруд и лежит там по самый нос в воде.

Пища этого оленя различна, смотря по времени года. Зимой он обгладывает ветки и листья кустов, весной и летом с величайшим наслаждением выбирает самую нежную траву и часто заходит на поля, поедая маис и другие зерна. Он чрезвычайно любит разного рода ягоды, орехи и тому подобные плоды. При таком богатом выборе пищи можно думать, что виргинский олень представляет собой вкусную дичь, но это совершенно неверно, потому что он почти всегда худощав, за исключением нескольких месяцев в году. Нам приходилось убивать таких, которые весили около 80 кг, и нам сообщали, что отдельные экземпляры достигают веса более чем в 90 кг. Течка, по крайней мере в Каролине, наступает в ноябре, а иногда и раньше. Тогда олень постоянно на ногах, всюду рыщет, отыскивая своих противников. Когда он сходится с другими оленями, то начинается ожесточенный поединок, в котором иногда один из них погибает; нередко два одинаково сильных оленя до того сцепляются рогами, что не могут расцепиться и оба погибают жалким образом. Мы старались разнять переплетенные таким образом рога, но нашли, что ни наша ловкость, ни наша сила не были достаточны, чтобы выполнить это. Мы несколько раз видели две, один раз даже три пары рогов, перепутанных таким образом. Течка у оленей продолжается приблизительно два месяца и у более старых начинается раньше, чем у молодых. Около января олени сбрасывают свои рога и с этого времени живут дружно все вместе.

Белохвостый олень (*Odocoileus virginianus*)

Самки жирнее всего от ноября до января, после чего по мере приближения времени родов худеют и снова полнеют, когда телята сосут их.

Детеныши в Виргинии рождаются в апреле. В северных широтах время родов наступает немного позднее, чем в южных. Удивительно, однако вполне справедливо, что в Алабаме и Флориде большинство телят рождаются в ноябре*.

** Беременность длится 6,5-7 месяцев, большинство родов приходится на май-июнь. Молодые самцы покидают мать в годовалом возрасте, самки остаются до 2 и более лет. Продолжительность жизни — 12-15 лет.*

Самка прячет своего только что родившегося теленка под густым кустом или в высокой траве и навещает его несколько раз в сутки: утром, вечером и ночью. Только позднее она берет с собой детеныша. Когда телятам только несколько дней от роду, они иногда спят так крепко, что их можно захватить прежде, нежели они заметят приближение человека.

Самка телится первый раз, когда ей по крайней мере два года от роду, и то приносит одного теленка, тогда как впоследствии приносит двойню. Сильная, здоровая самка часто рождает и трех телят, а в животе одной убитой нами оленихи мы нашли даже четырех вполне развившихся детенышей. Самка чрезвычайно любит своего теленка и тотчас прибегает на его зов. Индейцы употребляют хитрость: игрой на дудочке подражают зову теленка, чтобы привлечь матку, которая тогда падает жертвой их стрел. Нам самим два раза удалось таким способом заманить животных. От человека матка не в состоянии защитить свое детище и думает только о своем спасении. Виргинский олень очень общителен, его часто можно видеть в западных прериях многочисленными стадами в несколько сот экземпляров. После течки, как мы уже упоминали, самцы собираются в стада и присоединяются к самкам, которые большую часть года проводят вместе.

Виргинский олень не может существовать без воды и вынужден каждую ночь отыскивать реки или ключи. Олени очень любят соль. Охотники, которым это известно и которые знают, где находятся солончаки, вблизи их всегда удачно охотятся. Виргинского оленя можно назвать ночным животным, но следует прибавить, что в прериях, в местах, где его мало беспокоят, он отправляется на пастбище утром и в полдень. При таких обстоятельствах он отдыхает обыкновенно только в обеденные часы. Конечно, в штатах, лежащих у Атлантического океана, где его постоянно тревожат охотники, олень редко поднимается со своего логовища до заката солнца. Впрочем, весной и летом его чаще можно видеть днем на пастбище, чем зимой.

Для добычи этой дичи индейцы должны были употреблять всю свою хитрость и терпение, пока в их охотничьи районы не вошел белолицый человек с ружьем, конем и собаками. Дикарь оспаривал эту дичь у волка и пумы, причем употреблял самые разнообразные приемы для охоты. Чаще всего убивал оленей, подражая зову теленка или самца. Иногда дикарь надевал на себя шкуру убитого оленя, рога привязывал к голове и очень верно подражал походке и другим движениям животного; таким путем ему удавалось пробраться в самую середину стада и убить из лука несколько оленей прежде, чем стадо обращалось в бегство. Но, с тех пор как вошло в употребление огнестрельное оружие, большинство племен забросили лук и стрелу и стали применять ружье.

Белый человек охотится, принимая во внимание особенности местности. В гористых странах он предпочитает идти по следу оленя пешком, в густых лесах берет на помощь собак и тогда вместо штуцера пользуется двустволкой, заряженной крупной картечью. В некоторых странах, когда выпадает глубокий снег, употребляют в дело лыжи и преследуют на них дичь, которая при подобных условиях передвигается медленно. В Виргинии законы охоты не так строго соблюдаются. Там вблизи воды ставят крепкие стальные капканы, а на полях вбивают в землю с внутренней стороны изгородей острые колья, на которые натываются олени при перепрыгивании через забор. В некоторых местах охота производится с лодки; зная места, в которых дичь обыкновенно переплывает через реки или морские заливы, ее выгоняют при помощи собак, преследуют на лодке и стреляют в плывущих животных. Весьма оригинальна охота с огнем. Для нее требуются два охотника. Один несет железную сковороду, на которой при помощи смолистого дерева поддерживается небольшое пламя, другой, идущий совсем близко, несет ружье. При виде непривычного огня среди леса олени до того бывают поражены неожиданностью, что спокойно останавливаются; в глазах их отражается свет пламени, что и дает охотнику возможность прицелиться. Часто случается, что после выстрела некоторые животные снова возвращаются к огню. Единственная неприятность при такого рода охоте заключается в том, что охотник, заметивший оба огненных глаза, не в состоянии бывает отличить, видит он перед собой дикого оленя или животное из стада; нередко случается, что во время такой охоты убивают домашних животных, пасущихся в лесу.

Нас уверяли, что виргинского оленя всегда может догнать и схватить хорошая борзая собака. Пара таких превосходных собак, привезенных в Каролину из Европы, обыкновенно уже настигала оленя, когда тот едва успевал пробежать расстояние в несколько сот шагов. Легавые собаки употребляются для того, чтобы выследить и выгнать оленя, затем уже борзые продолжают преследование. К величайшему нашему сожалению, мы должны подтвердить опасения охотников, что эта дичь быстро убывает и, может быть, совсем скоро совершенно исчезнет. Уже в настоящее время в Каролине едва ли находится пятидесятая часть тех оленей, которые жили там двадцать лет тому назад. В северных и средних штатах он уже истреблен. Еще в большом количестве водится олень только в южных штатах, где обширные леса, топи и болота препятствуют возделыванию земли, хотя и здесь уже многие плантаторы раздали своих собак, потому что для них не находится больше работы».

К этому описанию Одюбона, которое я, впрочем, перевел не очень точно и передал только вкратце, я хочу прибавить, что, по моим личным наблюдениям, пойманные виргинские олени, которые содержатся надлежащим образом, принадлежат к числу самых приятных ручных животных.

Пампасный олень (*Ozotoceros bezoarcticus*) — животное средней величины: длина его тела от 1,1 до 1,3 м, длина хвоста 10 см, высота в плечах 70 см, а в крестце 75 см; по фигуре и окраске он похож на других оленей. Волосы у него толстые, грубые, ломкие и глянцевитые, спина и верхняя часть тела светлого красновато-бурого или бледно-желто-бурого цвета, бока, передняя часть шеи и внутренняя часть ног еще светлее; кончик хвоста чисто белый. Вокруг глаз видно белое кольцо. Его рога напоминают рога нашей косули, но они длиннее, тоньше и отличаются более длинными ветвями. Иногда встречаются рога, у которых от передней части ствола отделяется еще вторая ветвь, направленная вперед. Длина рогов редко достигает 25 см; рога в 30 см длины составляют исключение*.

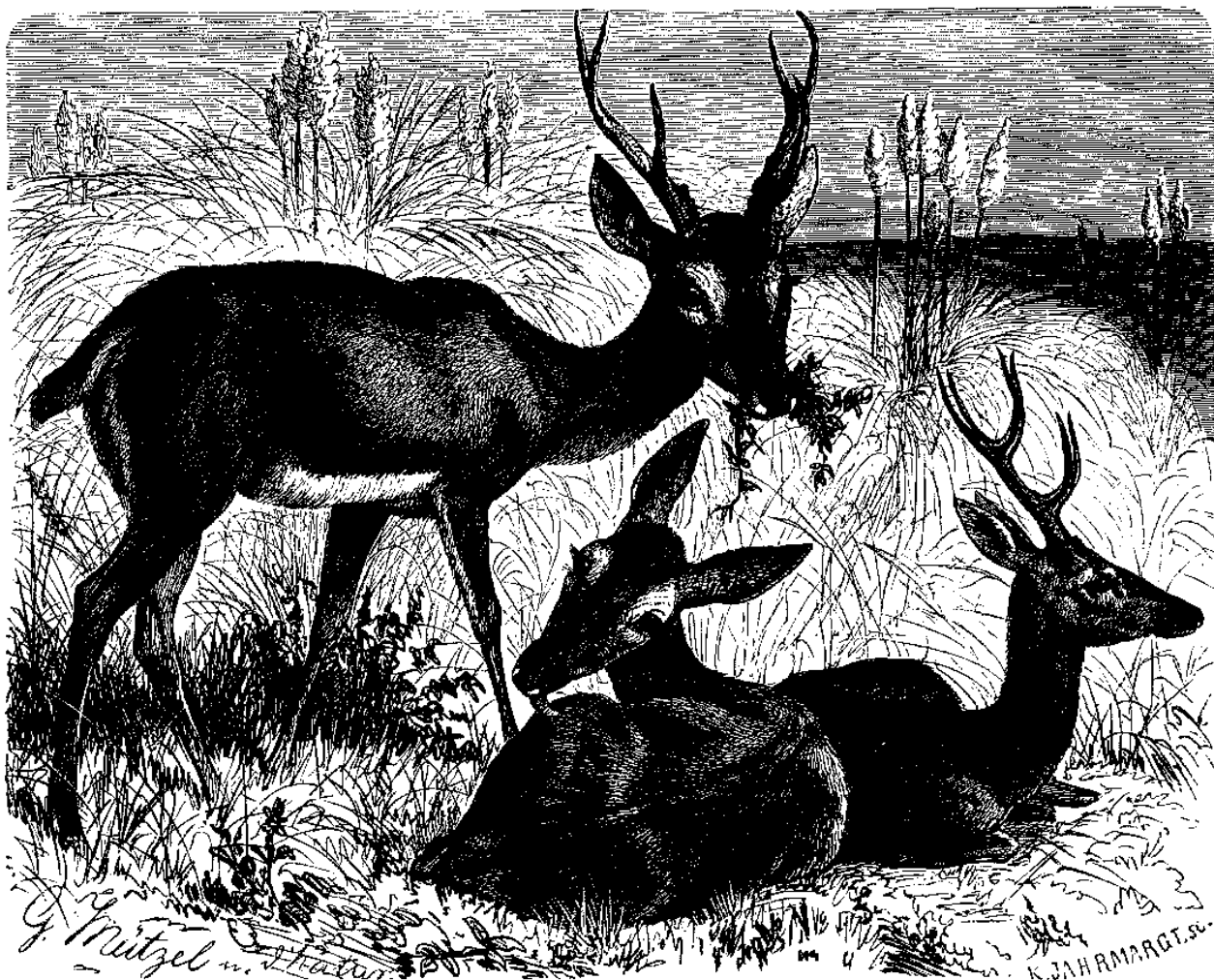
** Рога пампасного оленя обычно имеют три отростка.*

Парагвай, Уругвай и северная Аргентина являются родиной этого всюду многочисленного оленя. По словам Ренггера, он встречается преимущественно на открытых и сухих полянах малонаселенных мест, избегает близости болот и лесов даже тогда, когда его сильно преследуют. Олень живет парами и маленькими стадами; старый самец держится отдельно**.

*** Ареал простирается от юга Бразилии и востока Боливии до центральных областей Аргентины. В настоящее время олень вытеснен человеком из открытых травянистых пространств в лесистые местности. Олени ведут сумеречный образ жизни, держатся поодиночке или группами в 3—4 особи, сезонности в размножении нет.*

Днем олень отдыхает в высокой траве и лежит так спокойно, что можно проскакать мимо, а он и не пошевелится. Между тем чутье и слух его тоньше, а движения быстрее и более ловкие, чем у многих других оленей. Его может догнать только очень хорошая лошадь; если же он успеет забежать вперед, то и самый лучший скакун не в состоянии настигнуть его. После заката солнца олень отправляется на пастбище и бродит там всю ночь. Самка рождает только одного детеныша весной или осенью и несколько дней спустя приводит его к самцу. Родители выказывают относительно детеныша большую заботливость и любовь. Как только грозит опасность, они прячут его в высокой траве, сами показываются охотнику, отвлекая его от следов тельца, и затем окольными путями снова возвращаются к нему.

Взрослый олень, особенно во время течки, издает очень неприятный запах; эта вонь до того сильна, что ее ощущаешь даже в таких местах, где самец пробежал четверть часа тому назад. «Однажды я бросил аркан на рога оленя, — рассказывает Ренггер, — и не снял его, пока не убил животное; тем не менее аркан успел пропитаться таким зловонием, что я в продолжение 14 дней не мог употреблять его».

Пампасный олень (*Ozotoceros hezoarcticus*)

У меня есть пара рогов, стволы которых еще покрыты кожей, они и теперь, по прошествии 8 лет, сохранили свойственный этому оленю запах. Запах появляется не раньше первого года от рождения, и, как уверял меня один охотник, его совсем не бывает у оленя, если его оскотить в молодости. Чтобы убить оленя, надо устраивать облавы. Несколько охотников на лошадях образуют по-

лукруг в степи и поджидают дичь, которую на них гонят другие охотники с помощью собак. Как только один из оленей достаточно приблизится к охотнику, тот быстро подъезжает и кидает ему аркан с шарами на рога или между ног. Самое главное, чтобы охотник не бросался раньше времени на подходящее животное; иначе оно заметит его издали, и тогда охотник уже более не в состоянии догнать спасающегося оленя. Если за оленем гонятся долгое время, то он, подобно нашей лани, часто делает прыжки в сторону, чтобы отвлечь собак от следа, и наконец, нагнувшись, прячется в таком месте, где находит высокую траву. В случае опасности выказывает храбрость, от людей и собак защищается рогами или ударами передних ног. Если ехать по пампасам осторожно, то иногда удается с лошади застрелить этого оленя в тот момент, когда он вскакивает на ноги. Кроме человека, опасным врагом его является только пума. Мясо молодых животных приятно, мясо старых самок несколько жестко, а мясо самцов из-за запаха совершенно несъедобно. Кожу отделяют и употребляют на одеяла и чепраки.

В Южной Америке живут несколько маленьких оленей, которые составляют особую группу. У этих оленей рога самцов состоят только из двух стволов без разветвлений; довольно длинный, густо обросший волосами хвост; маленькие слезные ямочки, пучок волос на лбу и кисточки волос на внутренней стороне ступней. Как у самца, так и у самки в молодости есть клыки, которые впоследствии выпадают.

Большой мазама (*Mazama americana*) крупнее нашей косули и почти достигает величины годовалой самки лани; длина его 1,1 м, длина хвоста 10-11 см, высота в плечах 60 см, длина рога 7 см*.

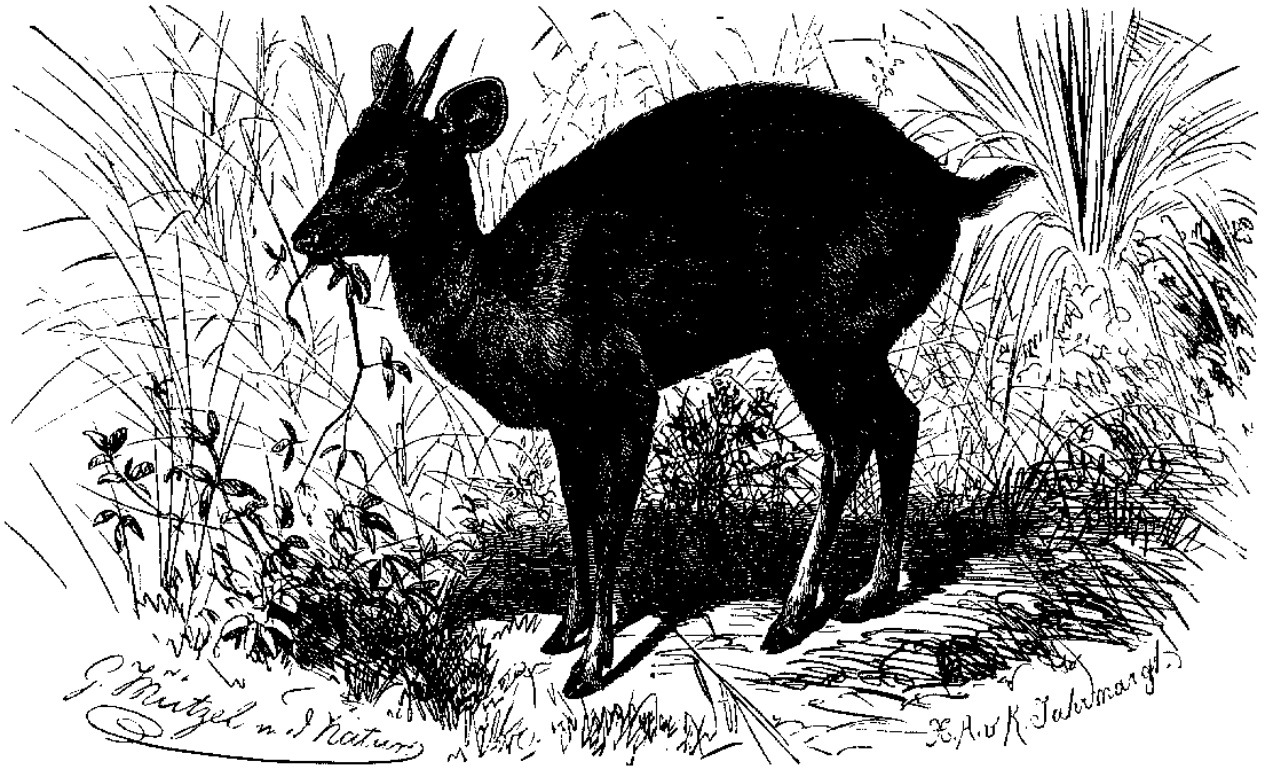
** Брем называет этот вид бразильской косулей. Мазамы как бы замещают азиатских мунтжаков в тропической Америке, имеют сходные размеры и повадки. Они любят держаться у воды, хорошо плавают.*

Туловище продолговатое, шея короткая и стройная; голова короткая и спереди очень узкая; уши довольно большие, но не особенно длинные; глаза маленькие и живые, слезные ямочки едва заметны; ноги высокие, стройные и очень красивого сложения. Гладкая и плотно прилегающая шерсть напоминает мех нашей косули. На голове и на ногах он очень короток, хотя довольно густ; на лбу поднимается в виде большой челки. Общая окраска волос желто-буро-серая; место между глазами, лоб и темя тем но-бу ро-серого цвета, который и на нижней стороне шеи, груди и брюха переходит в серый. Внутренняя сторона ног белая, хвост сверху желто-бурый, а снизу белый.

Мазамы живут в большом количестве в Гвиане, Бразилии, Перу и Парагвае**.

*** Большой мазама распространен от центральной Мексики до северной Аргентины.*

Они встречаются как на равнинах, так и в горах, поднимаясь даже на высоту 5000 м над уровнем моря. Местом их пребывания служат леса и низкие кустарники. В низменных местах они предпочитают тенистые, густые первобытные леса, в гористых странах — отдельные кусты; пампасов избегают. Днем спокойно лежат в густом кустарнике; с закатом солнца отправляются пастись на опушку леса. Иногда посещают и опустошают близлежащие плантации, но в большинстве случаев довольствуются кормом, который растет в лесу. На возделанных местах ошипывают молодые побеги арбузов, прорастающий маис, молодую капусту, а прежде всего бобы. Таким образом, они до рассвета странствуют взад и вперед, после чего снова возвращаются в лес. Эти олени всегда встречаются поодиночке и попарно, но никогда стадами.

Рыжий мазама (*Mazama rufina*)

Оба пола живут дружно, вместе воспитывают детенышей и заботятся о них. Самка большей частью в декабре или январе рождает обыкновенно только одного детеныша. Теленок уже на третий-пятый день следует за матерью на всех ее прогулках; сначала он бежит рядом с ней, а потом забегает вперед. В минуту опасности прячется в кусты, а мать спасается бегством. Животные эти бегают быстро, но они не выносливы, потому их можно на хороших лошадях скоро загнать и овладеть с помощью лассо. Хорошие собаки в не очень густом лесу могут достать самого крупного оленя этого вида в какие-нибудь полчаса.

Охота за ними очень проста. Их травят собаками или же отстреливают из засады, что обещает больше всего успеха. Кроме человека за этими оленями охотятся всякого рода звери. Кожа их употребляется только на чепраки, мясо все едят охотно.

Европейская косуля, или дикая коза (*Capreolus capreolus*), достигает 1,3 м в длину и 75 см в высоту у крестца; неразвитый хвостик едва достигает 2 см. Самец весит 20-25 кг, в редких случаях до 30 кг, самка весит меньше*.

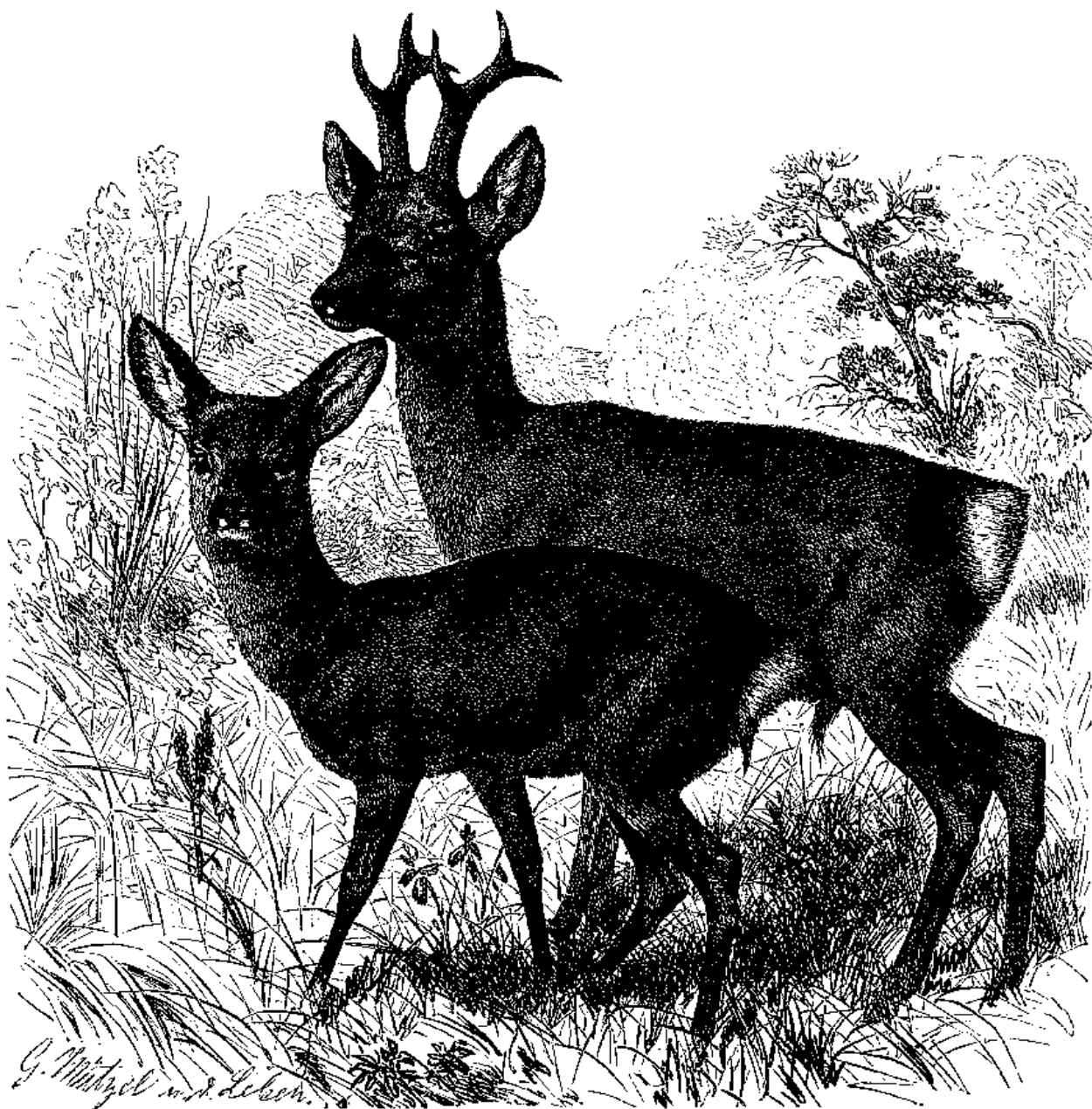
* *Европейская косуля самый мелкий олень Европы. Научное название рода и вида переводится как «козочка», во многих районах России ее называют просто козой, или дикой козой, хотя к настоящим козам она отношения не имеет.*

Сравнительно с благородным оленем косуля более плотного сложения, голова у нее короткая и притупленная, шея длиннее головы, туловище не очень стройное, спереди толще, нежели сзади, спина почти прямая, холка ниже крестца. Ноги высокие, стройные, копыта маленькие, узкие и острые; глаза большие и живые, верхние ресницы длинные; слезные ямки очень маленькие, они образуют неглубокие голые треугольные впадины длиной не более 6 мм. Уши средней величины и расположены на далеком расстоянии друг от друга. Рога отличаются широкими дудками и относительно толстыми стволами, усеянными сильно выдающимися шаровидными бугорками. Ствол рогов обыкновенно имеет только две ветви; этим, однако, не ограничивается их развитие. В первую зиму у годовалого самца вырастают неразветвленные тонкие рожки с едва заметным круговым утолщением у основания ствола; у двухгодовалого ствол разветвляется приблизительно в середине. У трехгодовалого изогнутая назад главная ветвь делится вторично и после разветвления снова изгибается вперед, между тем как кончики передней ветви направлены назад. Развитием этих трех ветвей обыкновенно заканчивается рост рогов, так как при последующих сменах у самца повторяется то же самое число ветвей, но иногда рога еще усложняются. У четырехгодовалого самца одна из двух ветвей выше второго разветвления, иногда изгибы делятся снова и образуют боковой отросток. Рога с пятью ветвями — это высшая степень развития головного украшения косули, которая мне известна.

Всякого рода аномалии рогов встречаются у косули необыкновенно часто. В коллекциях можно видеть рога самой странной формы; одни из них имеют целый ряд настоящих, с охотничьей точки зрения, ветвей, другие лопатообразно сплющены и усажены отростками по краям. Встречаются самцы с тремя рогами и тремя дудками или с одной дудкой и одним простым рогом. Бывают, наконец, так называемые париковые рога, которые состоят из большого числа округленных шишек, но ветвей не имеют. У очень старых самок также иногда появляются короткие дудки на лбу и вырастают небольшие рога. Радде получил из Саянских гор один рог, который рос у самки посередине лба. На них имеются четыре довольно длинные, выходящие из одного и того же основания ветви, расходящиеся в два противоположных направления.

Густая шерсть косули изменяется смотря по времени года, причем, как мне кажется, летом развиваются только волосы ости, а зимой исключительно подшерсток. Верхняя и наружная части туловища летом бывают темно-ржавого цвета, зимой буро-серого, нижняя и внутренняя стороны конечностей окрашены всегда светлее. Наружная часть ушей немного темнее, внутри они покрыты желтовато-белыми волосами. Задние части бедер резко отличаются своей светлой окраской; летом они желтоватого, а зимой белого цвета*. У телят по красноватой основной окраске выступают рядами маленькие кругловатые белые или желтоватые пятна.

** Летом зеркало не развито, зимой же оно велико и имеет чисто-белый цвет.*

Европейская косуля (*Capreolus capreolus*)

За исключением самых северных стран, косуля распространена по всей Европе и по большей части Азии. В настоящее время она еще живет в Германии, Италии, Испании, Португалии, Франции, Бельгии, Голландии, Англии и Шотландии, Венгрии, Галиции, Трансильвании, по низовьям

Дуная, в южной части Швеции, в Польше, в Литве и во всей северной России; в Турции и Греции встречается редко, но снова появляется в Крыму, на Кавказе, в Армении, Малой Азии, Палестине и Персии. Она встречается также в средней и южной частях Сибири, в местах, покрытых лесами, далее на востоке до устья Амура, и на юге до высоких гор Средней Азии; но в голых безлесных высоких степях попадается лишь редко и только отдельными экземплярами. В Швейцарии косуля почти истреблена, за исключением отдельных небольших стад, а там, где встречается, не уходит высоко в горы, между тем как на Кавказе поднимается на высоту 2000 м, а в горах южной Сибири даже на высоту 3000 м над уровнем моря.

Возможно, что **сибирскую косулю** (*Capreolus pygargus*), как особый, более крупный вид, следовало отделить от европейской**.

* * *Сейчас косуль, обитающих в Азии, выделяют в отдельный вид сибирскую косулю (C. pygargus), действительно отличающуюся более крупными размерами (до 1 м в холке и до 59 кг), относительно крупными раскидистыми рогами, лучше развитым зеркалом. Сибирская косуля населяет южную и среднюю тайгу Урала, Сибири, степи и лесостепи северного Казахстана и северной Монголии, предгорные леса Средней Азии, широколиственные леса Дальнего Востока, Кореи и Китая. Сибирскую косулю акклиматизировали в лесостепных районах Поволжья и Предкавказья.*

В общем, можно сказать, что внутри своей области распространения косуля водится как в больших лесах, так и в молодых рощах и порослях, если они только изобилуют кустарником, причем безразлично, расположены эти лесные пространства в гористых местностях или равнинных, состоят они из хвойного или из лиственного леса. Последние, если они растут на болотистой почве, по-видимому, особенно нравятся косуле. Зимой она с высот спускается в долины, летом же поднимается еще выше. В Сибири косуля ведет кочевую жизнь в периоды, когда ей становится трудно или невозможно зимовать на летних стоянках. С наступлением холодного времени года она покидает места летнего пребывания, собирается в многочисленные стада и тогда уже окончательно избегает гор, чтобы провести зиму в лесах равнины. Нечто подобное можно встретить в наших высоких и средних горах, с той только разницей, что здесь эти странствования не простираются на столь большие пространства.

Движения косули проворны и грациозны. Она может производить удивительно большие дугообразные прыжки и без заметных усилий прыгает через широкие рвы, высокие заборы и кусты*, плавает и лазает так же хорошо.

* *Прыжки косули достигают 5 м в длину и 2,5 м в высоту.*

Косуля прекрасно слышит, чует и видит; хитра, осторожна, но притом и очень доверчива. «Каждый взгляд ее выражает ласку и доверчивость, — говорит Дитрих Винкель, — тем не менее она становится ручной только в том случае, если воспитана человеком с самых ранних лет; в противном случае, даже при самом лучшем уходе, сохраняет свойственную ей в диком состоянии робость и боязнь перед людьми и животными. Боязнь эта доходит до того, что в минуту опасности она легко теряет всякую способность к бегу, боязливо топчется на одном месте и нередко становится жертвой простых, совсем не быстрых крестьянских собак или хищных зверей. Только в таких парках, где мало стреляют и никогда не беспокоят косуль, они настолько перестают бояться человека, что, не смущаясь, продолжают пастись и тогда, когда человек проходит мимо них на расстоянии 20-30 шагов. Ни одну дичь нельзя чаще застать в логовище, чем косулю; там она или спит, или лежит, пережевывая жвачку; под густым кустом или в высокой траве косуля чувствует себя достаточно безопасно от бдительных взоров своих преследователей».

Что касается «ласковости и доверчивости», которые так превозносит Винкель, то при более близком знакомстве с косулей эти качества далеко не оправдываются. В молодости она действительно очень мила, но в старости своенравна, упряма и зла. Даже старая самка и та имеет свои причуды, но у нее недостает силы для того, чтобы выразить свои намерения. Но самец — неуживчивое, злое, властолюбивое животное; с более слабыми и нередко даже с самкой он обращается ужасно, подставляет рога всем животным, которых ему нечего бояться или которые более не пугают его, и может нанести очень опасные раны. Ему никогда не следует доверяться, потому что он в высшей степени непостоянен и изменчив, его раздражительность необыкновенно велика, нельзя также не упомянуть и о его настойчивости. Косули никогда не образуют таких больших стад, как олени. Большую часть года они живут семьей, самец с одной, редко с 2-3 самками и их детенышами. Стада в 12-15 экземпляров можно видеть только там, где недостает самцов. Зимой иногда сходятся несколько семейств и довольно долгое время живут вместе**.

** * Косули обычно ведут одиночный образ жизни, лишь осенью иногда образуют смешанные стада до 20-30 голов, зимой разбиваются на группы по 2—4 особи.*

Телята до следующего периода течки остаются со взрослыми косулями, затем выгоняются и часто образуют самостоятельные стада. Днем косуля остается в одном из своих временных надежных убежищ; под вечер она отправляется пастись в молодые кустарники, лесные поляны и луга или на поля; под утро снова возвращается в чащу леса или в высокие хлеба, передними ногами разрывает мох или дерн и таким образом устраивает себе постель или логовище для отдыха. Она держится, хотя и непостоянно, определенных тропинок.

Едят косули почти то же самое, что и благородные олени, но избирают более нежные растения. Корм состоит главным образом из листьев, молодых побегов разнообразных лиственных деревьев, из почек хвойных деревьев, незрелых посевных злаков и разных трав. В Сибири, кроме этих и им подобных видов растений, едят побеги полыни, лапчатки и др. Косули очень охотно лижут соль, а чистая вода для них необходима, но в дождь или сильную росу довольствуются каплями на листьях. Они иногда забегают и в сады, вкусные овощи которых им нравятся, и при этом смело и ловко перепрыгивает через довольно высокие заборы. От оленей косуля отличается тем, что не вырывает картофель и не мнет так много злаков на полях, ложась в посевы; зато в лесах и садах обгладывает молодые деревья и этим причиняет ощутимый вред.

По странному стечению обстоятельств история размножения косули стала известна лишь в новейшее время. Много лет подряд шли споры о том, когда именно настает время течки у косули. Различали настоящую и ложную течку; полагали, что первая происходит в августе, а вторая в ноябре. История размножения косули в коротких словах следующая. После того как сброшенные взрослым самцом в октябре или ноябре рога образовались и разветвились снова, а самец также содрал с них кожу, что обыкновенно происходит в конце марта, самое позднее в апреле, он уже становится не таким безобидным. Но все-таки он еще не находится в возбужденном состоянии, ведет себя скорее как сносный сожитель самки и даже иногда как заботливый отец, принимает участие в уходе за своими и чужими детенышами.

В половине июля эти прекрасные отношения прекращаются. Им овладевает беспокойство, страсть к борьбе и драке; сильный самец расстается со своими прежними сожителями, рыщет в окрестностях, угрожающим образом выходит навстречу другим самцам, довольно часто подает голос, издавая глухой отрывистый звук «бэ-бэ» или «бе-бе-бе», и начинает бегать за самками, с горячностью гоняет их взад и вперед. Его возбуждение возрастает с каждым днем; он часто с безумным ожесточением дерется со своим соперником, нападает и на других животных, в редких случаях на людей, истязает, даже убивает телят, когда их присутствие кажется помехой, бешено и беспощадно обращается с самками, которые не тотчас подчиняются его воле. Его ревность и драчливость доходят до того, что он обыкновенно оставляет в стороне желанную красавицу и, не обращая на нее больше никакого внимания, ожесточенный и жаждущий боя, бросается на самцов, которые, как и он, гоняются за самками*.

** Гон у косуль наступает в августе-сентябре. Самцы не собирают вокруг себя «гарем» из самок, но последовательно спариваются с двумя—тремя, ухаживая за каждой несколько дней. Детеныш, который еще находится с матерью, в это время держится отдельно. Как и для других оленей, для косуль характерны ритуальные поединки самцов.*

Косуля бывает беременна приблизительно 40 недель и, сколько известно, отличается от других своих родичей лишь тем, что зародыш необыкновенно долгое время пребывает в одном и том же состоянии. Однако может случиться, что самка оплодотворяется несколькими неделями позже, но рождает всегда вовремя**.

** * Для оплодотворенных в конце лета — начале осени самок косуль действительно характерна задержка в развитии оплодотворенной яйцеклетки, отчего беременность длится очень долго 9-10 месяцев. У самок, спаривавшихся поздней осенью, латентной стадии нет, и они рожают детенышей одновременно с первыми — в мае-июне.*

Дня четыре или пять перед родами она приискивает себе спокойное место, по возможности в самой уединенной части леса, и там рождает телят. Самки, которые помоложе, обыкновенно рожают только одного теленка, те, которые постарше, имеют двух, в редких случаях трех. Мать с заботливостью прячет своих детенышей от каждого приближающегося врага и, предчувствуя малейшую опасность, предупреждает их знаками, топая одной ногой, или издает отрывистый звук, похожий на чириканье. В самой ранней молодости телята припадают к земле, как только слышат этот звук; впоследствии они спасаются вместе с матерью. В первые дни жизни телят, когда они еще совсем беспомощны, самка прибегает к притворству и старается отвлечь от них внимание врага. Если

же она не могла воспрепятствовать похищению, то следует за похитителем и выражает свою озабоченность тем, что зовет детенышей, не переставая испуганно бегать взад и вперед.

Приблизительно на восьмой день после рождения мать берет детенышей с собой на пастбище, а спустя 10-12 дней они уже достаточно сильны, чтобы бежать за ней. Тогда она возвращается с ними на прежнее место, как бы с намерением представить отцу его потомство. Телята сосут матку до августа, но уже на втором месяце от роду едят мелкую зеленую траву. Мать приучает их выбирать подходящую пищу. Четырнадцать месяцев от роду они достигают половой зрелости.

Уже в конце четвертого месяца лобная кость у косули образует выпуклость; в следующие затем четыре недели появляются маленькие, постепенно возвышающиеся шишки, а в зимние месяцы пробиваются первые рожки длиной в 8-10 см. В марте молодой самец с наслаждением и гордостью сбрасывает кожу с рогов, а в декабре сбрасывает рога. В течение трех месяцев образуются вторые рога. Они сбрасываются немного раньше, чем первые, и заменяются третьими. Старые самцы сбрасывают рога уже в ноябре.

За косулей охотятся почти таким же способом, как и за другими оленями, хотя в районах, где с дичью обращаются не по-охотничьи, для истребления ее чаще пользуются дробовиком, нежели винтовкой. Опытные охотники во время течки приманивают самца, подражая любовному призыву самки, и затем убивают его. В Сибири местные жители на тропинках устраивают волчьи ямы, травят косуль собаками и на лошадях; когда снег после оттепели покрывается тонким слоем льда, осторожно подъезжают к ним на санях и уби вают; закалы вают жи ВОТН БХ, когда они переплывают реки во время своих странствий; в общем же ведут неправильную охоту, вроде того как немецкие браконьеры и крестьяне. Кроме человека косулю преследуют рысь, волк, дикая кошка и лисица; крупные хищники без различия преследуют больших и малых животных, мелкие — исключительно телят*.

** Естественными врагами косули являются, помимо волка, рысь, россомаха, иногда даже лисица и харза.*

Польза, которую косуля приносит человеку, довольно значительна; вред, который она причиняет, относительно невелик. Тем не менее она беспощадно хозяйничает в молодых лесах и в течение нескольких дней может уничтожить долголетние труды лесничих. В Германии часто употребляют в пищу прекрасное мясо косули; рога, кожа и мех также идут в дело; в Сибири из меха шьют шубы.

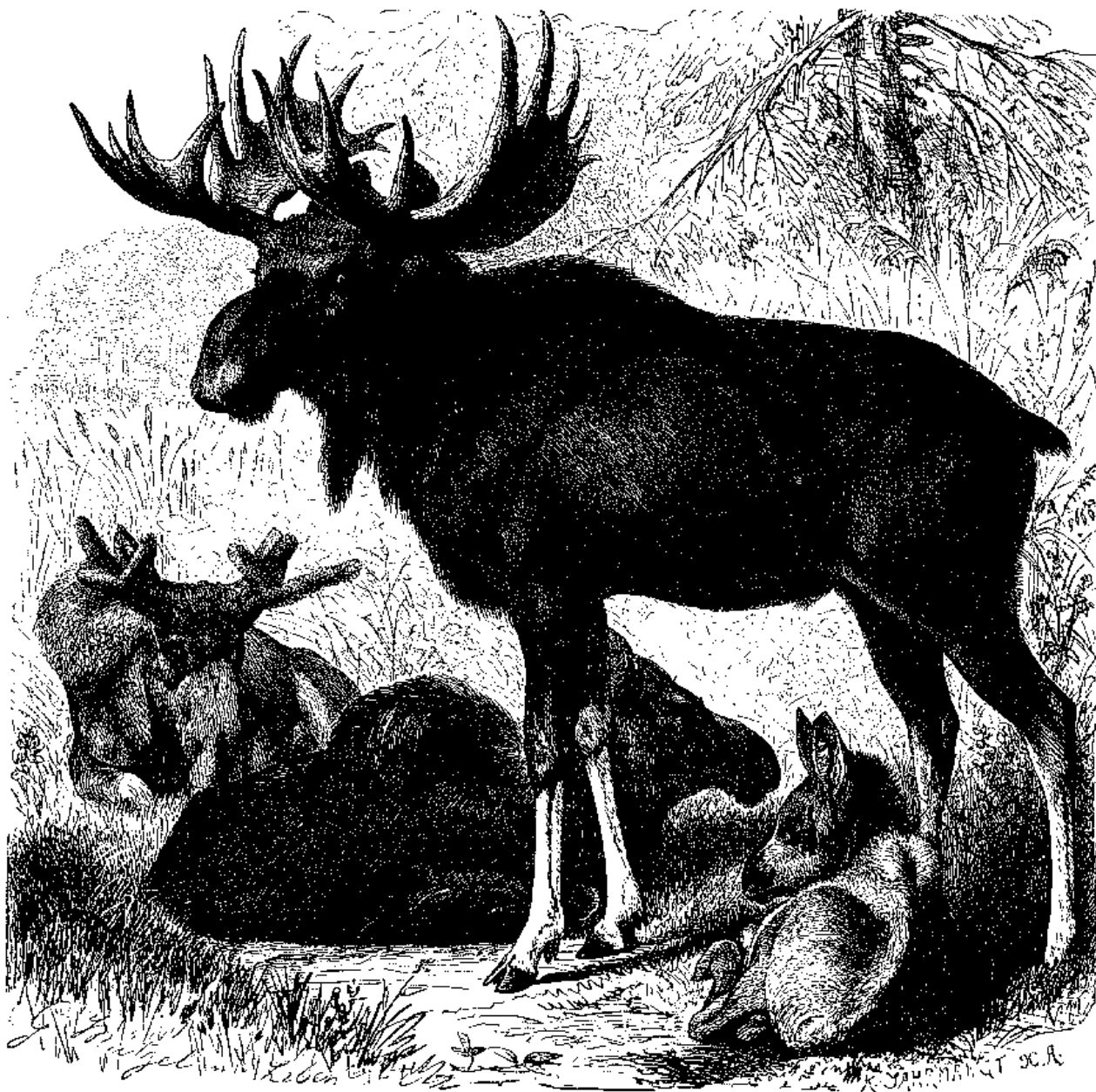
Как в парке, так и в зоологическом саду или еще в более тесном заключении косулю труднее содержать, нежели других оленей, потому что необузданный нрав ее не терпит никакого принуждения.

Лоси (*Alces alces*) — очень крупные, несколько неуклюжие животные, с короткой и толстой шеей, широким и коротким туловищем, высокими ногами и ветвистыми рогами, концы которых расширены в виде лопаток и вырезаны наподобие пальцев. У них есть маленькие слезные ямки, волосяные пучки на внутренней стороне ступней и межкопытные железки; клыков вовсе нет.

Лось был хорошо известен с давних времен. «В Герценийском лесу, — пишет Юлий Цезарь, — живет лось — животное, похожее по виду и по шерсти на козу, но больше ее; эти животные не ложатся на землю, когда отдыхают, и не могут подняться, когда упадут. Чтобы спать, они прислоняются к деревьям, поэтому охотники подкапывают эти деревья или подрубают их так, чтобы они легко могли упасть вместе с прислонившимся к ним животным». Плиний прибавляет, что лось имеет очень большую верхнюю губу и потому, когда пасется на траве, должен пятиться назад, чтобы защищать ее. Павзаний говорит, что рога бывают только у самцов. При Гордоне III в Рим было привезено 10 лосей. Во время своего триумфального въезда в Рим Аврелиан велел вести перед собой несколько лосей. В средние века тоже упоминается об этом животном, а именно в «Песне о Нибелунгах», где оно называется «Е1о». Если предание справедливо, то лось встречался в те времена по всей Германии до крайнего запада; при описании охоты Зигфрида в Вогезах говорится: «После того он снова убил зубра и лося, четырех сильных туров и свирепого огромного оленя».

В грамотах императора Оттона Великого в 913 году мы видим запрет на охоту без разрешения епископа Бальдериха в лесах Дрента на Нижнем Рейне за оленями, медведями, сернами, кабанами и «за теми дикими животными, которых по-немецки называют «Е1о» или «Schelo». Такой же запрет находим мы в грамоте Генриха II в 1006 году и в законоположениях Конрада II в 1025 году. В северогерманских торфяных болотах, около Брауншвейга, и других местах до сих пор находят рога лосей. Епископ Упсальский Олаус Магнус первый дал более подробное описание лося. «Эти животные, — говорит он, — подобно оленям, рыщут большими стадами в пустынях, и охотники часто загоняют их большими собаками в расставленные сети и западни, чтоб потом убить колья-

ми и стрелами; горноста́й тоже иногда бросается на них, когда они стоят прямо или пасутся, хватая их за горло и прокусывает его так, что они истекают кровью. Но с волками лоси иногда вступают в бой и часто убивают их ударами копыт, особенно на льду, где лоси держатся крепче, нежели волки». «В Померании, — говорит Канцов (1530 г.), — есть большие вересковые пустыри, где разводятся лосей. У этого животного нет никаких средств для защиты. Правда, у него широкие рога, но он не умеет ими пользоваться, а прячется от врагов в непроходимые леса и болота. Однако он далеко чует человека и собаку, что тоже часто его спасает, но едва собаки догоняют лося, как охотники его тотчас же ловят или убивают. Копыта лося считаются хорошим средством против падучей болезни, поэтому из них делают кольца и носят на пальце. Некоторые думали, что у него ноги не сгибаются в коленях, но это неверно». Геснер, который передает нам басни древних писателей о лосе, придерживается того же мнения: «Это животное действительно жалкое, и, с полным правом названное несчастным, оно постоянно страдает от разных болезней, от которых, говорят, избавляется только тогда, когда положит копыто правой задней ноги в левое ухо».

Лось (A Ices a Ices)

В последнее столетие в Европе повсеместно стало очень быстро уменьшаться количество этих животных. В Саксонии последний лось был убит в 1746 году, в Селезни, по словам Гаугвица, — в 1776 году. В Померании он, кажется, продержался так же долго; в восточной Пруссии в это время лоси были еще довольно распространены; но и здесь, уже после Семилетней войны, пришлось издать указ об охране этих животных. В начале этого столетия в лесах Шорель, Тзулькиен и Скаллизен было еще много лосей. В лесу Ибенгоред, около Тильзита, они под защитой королевского постановления сохранились до наших дней. Хотя количество этих животных в 1848 году, когда были

временно уничтожены все охранительные законы, уменьшилось там до шестнадцати, а в следующем году даже и до одиннадцати, но строгий надзор и привоз шведских лосей снова увеличил их число, так что к 1874 году, по заявлению главного королевского лесничего Акста, в Ибенгорейских лесах насчитывалось до 76 лосей, а в настоящее время до 100. Кроме того, в Кенигсбергском округе находятся еще до 70-80 лосей. Вот почему и до сих пор мы можем считать лось немецким животным.

Кроме этих лесных уголков, находящихся под строгим надзором, лосей встречаются в более северных широтах, во всех богатых лесом странах Европы и Азии. В нашей части света он встречается в прибалтийских низменностях, следовательно, кроме восточной Пруссии, в Литве, Курляндии и Лифляндии, а также в Швеции и Норвегии и почти во всех лесах северной России. В Норвегии водится в юго-восточных провинциях, в Швеции — в прилегающих к Норвегии западных провинциях. В Азии лось еще гораздо более распространен, чем в Европе. Там он живет от 50 градуса северной широты до Амура и встречается везде, где есть густые леса. В бассейне Лены, близ Байкальского озера, на Амуре, в Монголии и в земле тунгусов он встречается еще в значительном количестве*.

** В Европе лось сохранился только в Скандинавии, Польше, Прибалтике, Белоруссии и северных районах Украины. В России распространен по всей лесной зоне до широколиственных лесов, по долинам рек заходит в степную и тундровую зоны. Был истреблен на Кавказе, но сейчас восстановлен в Предкавказье.*

Лось — огромное животное. Длина туловища от 2,6-2,9 м, длина хвоста приблизительно 10 см, высота в плечах 1,9 м. Масса очень старых лосей достигает иногда 500 кг; средний же вес нужно считать 35(100 кг**.

** * Лось самое крупное копытное таежной зоны и крупнейший современный олень. Американские и восточносибирский подвиды лоса достигают 2,3 м в холке и веса до 800 кг. Европейские, западносибирские и дальневосточные лоси заметно мельче, весят порой всего 270-350 кг, достигают в холке 1,4-1,8 м.*

Туловище сравнительно короткое и толстое, грудь широкая; на загривке нечто вроде горба, спина прямая, а крестец опущен. Ноги очень высокие, сильные, все равной длины и оканчиваются узкими прямыми глубоко рассеченными копытами, соединенными между собой растяжимой перепонкой. Задние копыта легко касаются земли, если почва мягкая. На короткой сильной шее сидит большая вытянутая голова, которая у глаз сужена и оканчивается длинной, толстой, раздутой, спереди как бы обрубленной и тупой мордой. Морда эта сильно обезображена хрящевым носом и толстой, сильно вытянутой верхней губой, которая очень подвижна, морщиниста и покрыта волосами***.

** * * Под нижней челюстью лоса находится кожный вырост «серьга», часто она покрыта густыми длинными волосами — «бородой».*

Маленькие тусклые глаза глубоко сидят в глазных впадинах, слезные ямки незначительны.

Большие, длинные, широкие, но остроконечные уши расположены на задней части головы, но так подвижны, что могут быть пригнуты друг к другу. Рога взрослого лоса очень велики. Широкие и плоские, они имеют треугольную лопатообразную форму. Рога эти направлены в стороны и поддерживаются короткими, толстыми, округленными дудками. В первую осень у молодого самца замечается на месте рогов волосистый бугорок; на следующую весну вырастает дудка; на вторую весну — второй отросток длиной около 30 см, который отпадает только в следующую зиму. Рога затем разветвляются все более и более. На пятом году образуется плоская лопатка, которая расширяется и разделяется по краям на все большее число зубцов, иногда достигающих до 20. Главные ветви также срастаются с лопаткой. Эти рога весят до 20 кг*.

** Наиболее крупные и красивые рога украшают восьмилетнее животное, позже они становятся менее эффектными.*

Шерсть лоса длинная, густая и прямая. Она состоит из волнистых, тонких и ломких волос ости, между которыми находится короткий, тонкий подшерсток; по вершине затылка проходит большая, очень густая, посередине разделенная грива, которая отчасти продолжается на шее и груди и бывает длиной до 20 см. Цвет шерсти равномерно рыжевато-бурый; на гриве и по сторонам головы он переходит в блестящий темный черно-бурый**.

** * Цвет шерсти варьирует от сезона и местности, летом он рыжевато-коричневый, зимой серо-бурый, до черноватого. Ноги большинства подвидов лосей одеты в белесые «чулки».*

От октября до марта цвет шерсти светлее. Самка не меньше самца, но рогов не имеет, копыта ее длиннее, задние копытца короче и менее оттопырены. В России лось-самец называется «сохатый».

Дикие пустынные леса, изобилующие непроходимыми болотами и топями, особенно такие, в которых преобладают ветла, береза, осина и вообще лиственные деревья, служат местом жительства лосей. Болота и топи, кажется, совершенно необходимы для его благоденствия и здоровья. Это неуклюжее животное скрывается летом в глухих и сырых местах, а зимой выходит на более открытые. В тихую, ясную погоду лось предпочитает лиственные леса; в дождь, снег и туман — хвойные. Чувствуя недостаток в пище и покое, он часто меняет свое местопребывание. В России и на Скандинавском полуострове кочует на большие расстояния. В Восточной Сибири в очень снежные зимы доходит до безлесных высоко расположенных степей, которых летом старательно избегает***.

** * * Раздвинув пальцы и увеличив площадь опоры ноги, лось лучше любого копытного может перемещаться по топкой почве. Летом лоси много времени проводят в воде, спасаясь от гнуса и питаясь водными растениями. На голом льду лось беспомощен, зато хорошо ходит по глубокому снегу благодаря длине ног. Как и другие копытные, лось не любит наст. Лось меньше тяготеет к горным местностям, чем другие олени.*

Лось никогда не устраивает себе ложа, а располагается прямо на земле, не обращая внимания, болото или топь, сухую землю или покрытую снегом почву избрал он для своего отдыха.

Лоси соединяются в стада различной величины, и только во время рождения телят старые самцы отделяются и образуют новые общества. В тех странах, где лоси распространены повсюду, но попадаются редко, как, например, в Восточной Сибири, они соединяются зимой в небольшие группы, а летом странствуют поодиночке или семьями — мать с теленком*.

** Лоси территориальные звери, индивидуальный участок составляет 5-10 км².*

Лось ненавидит всякого рода беспокойства. В безопасном для себя месте он спит только утром и после полудня, а начиная с 4 часов дня и до раннего утра — пасется. По словам Вангенгейма, пища его состоит из листьев и побегов болотной ивы, березы, ясеня, осины, рябины, клена, липы, дуба, сосны и ели, а также из молодого тростника и камыша. На болотах он ест вереск, пушицу, хвощи, которыми плотно набивает брюхо. В мае и июне хвощи и одуванчики составляют его главную пищу.

Исследователи единогласно замечают, что лось не ест хлебных злаков. «Сколько раз я не справлялся об этом, — пишет мне Левис, — я никогда не слышал в Лифляндии о том, чтобы лось заходил в хлеба или льняные поля и производил там опустошения. Наоборот, я часто замечал, что лоси предпочитали растущие около хлебного поля тростник и кустарники». Мейеринк замечает: «Хлебные поля они никогда не посещают, не едят ни картофеля, ни полевых овощей, ни плодов, растущих на деревьях. Они питаются ивняком, ветлами, вереском, черникой, сосновыми побегами и даже багульником — растением, до которого не дотрагивается никакое другое лесное животное. Полям они могут повредить разве только тем, что случайно пройдут по хлебу и истопчут его своими большими копытами».

В Восточной Сибири лось главным образом питается побегами карликовой и кустовой березы. С особенным удовольствием лакомится мясистыми корневищами некоторых водяных растений, для этого он спускается летом в долины к озерам и добирается до них вплавь. Лоси очень ловко обламывают ветки с помощью своей длинной хоботообразной губы. При сдирании коры с деревьев пользуется зубами как стамеской, отрывает кусок, захватывает его губами и зубами и дерет кверху длинной полосой. Более высокие стволы головой наклоняет вниз и обламывает верхушки; при этом он, конечно, предпочитает деревья и кусты с сочной корой — осину, ясень, иву, тополь, так что нередко объедает кору даже с очень больших деревьев. Из хвойных более любит сосну, тогда как ели касается только в крайнем случае**. Лось постоянно чувствует потребность в воде и должен много выпить, чтобы вполне утолить свою жажду.

** * Скусывая верхушки молодых сосен, лось местами вредит лесопосадкам. Уменьшение численности лосей в ряде районов связывают с выходом лесопосадок из оптимального для кормежки животных возраста.*

Движения у лоса далеко не так грациозны и легки, как у благородного оленя, он не может долго бежать, но ходит быстро и подолгу. Некоторые наблюдатели утверждают, что лось может пройти 30 миль в день. Завидев человека, он обыкновенно на минуту останавливается, а потом отправляется дальше, редко оборачивается в случае опасности, а чаще продолжает идти с прежним спокойствием***.

** * * Лось не очень подвижен, передвигается в основном широким шагом или рысистой иноходью, при опасности может короткое время бежать галопом, развивая скорость до 55 км/ч. Хорошо плавает, может проплыть без остановки до 20 км, ныряет на глубину до 5 м за*

водными растениями. Во время сезонной миграции на севере ареала лось преодолевает до 200 км.

Лось слышит отлично, но зрение и чутье у него не очень тонки. Он кажется неуклюжим и глупым, что, по-видимому, и оправдывается на самом деле. Все поступки его указывают на ограниченный ум. Он совсем не робок и не может быть назван осторожным, едва умеет отличить настоящую опасность от воображаемой, на все окружающее смотрит безучастно, трудно приспособливается к обстоятельствам и вообще мало способен к изменению своих привычек.

Твердого сплоченного стада у лосей не заметно. Каждое отдельное животное действует по собственному усмотрению, и только телята следуют за матерью. Еда и покой, кажется, составляют высшую задачу лоса, только половое возбуждение несколько изменяет однообразие его жизни.

Старые лоси сбрасывают рога в ноябре или не ранее октября, молодые месяцем позже. В начале рост новых рогов идет чрезвычайно медленно и только с мая начинает продвигаться быстрее. В европейской и азиатской части России течка наступает в сентябре или октябре. В это время самцы очень раздражительны. Вообще говоря, лоси редко подают голос, только в исключительных случаях старые самцы кричат, подобно оленям, причем испускаемый ими звук значительно сильнее, ниже и громче; но во время полового возбуждения голос их звучит, почти как у благородных оленей, лишь отрывистее и жалобнее. Этим криком они вызывают на единоборство своих соперников, с которыми потом вступают в ожесточенную борьбу*.

** Во время гона становятся агрессивны как самцы, так и самки. Голос лоса звучит как глухое отрывистое уханье или мычание, тем не менее слышное до 3 км. Охотники называют его «стоном». Гон продолжается до 2 месяцев, иногда на турнирные бои собирается до 30 быков. Настоящего «гарема» не образуется, хотя самец меняет самок, но каждый данный момент времени ухаживает за одной.*

В это время лоси без устали, день и ночь, перебегают с места на место, низко опустив голову, как бы отыскивая чей-то след, преследуют целыми днями взрослых самок и даже переплывают за ними широчайшие реки. Старые самцы отгоняют молодых, которые редко находят возможность удовлетворить свое естественное побуждение. Беременность самки продолжается до 36-38 недель, в конце апреля она мечет в первый раз одного детеныша, а в следующий раз — двух и большей частью разного пола. Крайне редко случается, что родятся за один раз три теленка, да и то они почти всегда так слабы, что умирают. Телята вскакивают на ноги, как только мать их оближет, но вначале шатаются из стороны в сторону, как пьяные, и мать должна подталкивать их, чтобы сдвинуть с места. Но уже на третий или четвертый день они бегут за матерью; сосут ее почти до следующей течки, даже тогда, когда становятся так велики, что должны под нее ложиться, чтобы сосать. Мать горячо любит своих детенышей; если ей не удастся отстоять их, то она отыскивает след и бродит целыми днями по тому месту, где их захватили**.

*** Нередко лосенок остается с матерью и после рождения следующего помёта. П оловая зрелость наступает после 2 лет.*

Левис пишет мне, что в ранней молодости лоси так пугаются всякого нападения, что сразу ложатся на землю и без всякого сопротивления даются в руки охотнику.

Несмотря на силу, у лоса, кроме человека, еще много врагов, например волк, рысь, медведь и росомаха***. Волк может осилить его зимой, в то время, когда снег покрывает землю густым слоем; медведь подкарауливает отдельных животных, но остерегается нападать на группу, а рысь и росомаха прячутся за деревья и прыгают на спину проходящего мимо них лоса, вцепляются когтями в шею животного и перекусывают ему сонные артерии. Эти звери самые опасные враги сильного лоса; тогда как волки и медведи сами должны остерегаться его, ведь лось, даже в то время, когда у него нет больших рогов, умеет защищаться крепкими и острыми копытами передних ног. Одного ловко направленного удара достаточно, чтобы убить наповал или изувечить волка.

** * * Поголовье лосей больше всего страдает от волков, нападающих на животных стаями. Охоты волков по глубокому снегу или насту бывают особенно удачливы. Остальные хищники нападают на лоса эпизодически.*

Лось мало обращает внимания на животных, кроме хищных зверей и несносных паразитов. Иногда его даже находят среди стад рогатого скота. Как сообщает Радде, поздней осенью 1851 года около озера Тарайнор в Азии появились шесть лосей и присоединились к стаду коров, с которыми они мирно паслись несколько дней. Прогнанные жителями степей, которые никогда не видели таких животных, они отправились назад по той же дороге, по которой пришли, оставаясь еще некоторое время около пограничного поста в Дурулугинске, и отсюда опять ушли в леса. В начале сентября 1867 года подобный случай произошел в лесу Ибенгорста. Однажды после полудня пастух,

пасший стадо, увидел большого лося, который шел из соседнего леса, находившегося на расстоянии 800 шагов от него; лось этот направился напрямик к стаду коров. Когда он приблизился, его увидел бык, бросился на него и вступил с ним в драку. Между ними произошел ужасный бой, потому что лось, находившийся в половом возбуждении, принял вызов. Вскоре он одержал верх над быком, повалил его на землю и с громким ревом принялся так безжалостно бодать побежденного врага в бока, не обращая внимания на крики пастуха, что бык не мог подняться. Пастух побежал за помощью на соседний двор, но даже когда прибежали несколько человек и начали кричать, лось продолжал бить быка рогами. Только убедившись, что его неосторожный и противник лежит на земле побежденный, измученный и беззащитный, лось спокойно удалился, победоносно подняв голову, и отправился назад по той же дороге, по которой пришел. Бык был весь изранен и получил несколько тяжелых повреждений.

Лоси, пойманные в молодости, быстро становятся ручными, их даже можно приучить к тому, чтобы они уходили на пастбище и снова возвращались в хлев. Однако у нас они редко долгое время переносят неволю. Говорят, что в Швеции лосей, пойманных молодыми, приручали настолько, что их можно было использовать для езды на санях. Но прибавляют, что закон запретил подобное превращение диких зверей в домашних на том основании, что вследствие быстроты бега и выносливости лосей невозможно было догнать преступников, убежавших на них. Позднейшие попытки сделать лосей домашними животными не удались*.

** Лось весьма перспективен в качестве домашнего животного таежной зоны. В России существует опытная лосеферма на Урале, где лоси используются в качестве вьючных, верховых, упряжных животных; прирученные лосихи доят (до 430 л молока жирностью 8-13% в год от одной особи). В неволе живут до 27 лет.*

На лося охотятся или из засады, или с загонщиками, или же посредством крепких сетей. На крайнем севере охотники преследуют лося на лыжах и стараются загнать его на лед, где и убивают. Польза, которую извлекает человек из убитого животного, значительна. Мясо, шкура и рога его употребляются так же, как олени. Мясо жестче, но мех плотнее и лучше, чем у оленя. В средние века кожа лося (лосина) высоко ценилась и дорого стоила. «Из его кожи, когда она обработана в виде замши, — говорит старый Геснер, — делают хорошие куртки, которые выдерживают дождь, удары и уколы оружия, и еще употребляются вместо брони. Лосиная кожа стоит от 3-4 червонцев и отличается от оленьей тем, что она скважная, и если держать под ней руку, то чувствуешь сквозь нее дыхание». И в позднейшие времена кожу этого животного ценили выше, чем кожу других животных, почему и охотились за лосем без пощады. При императоре Павле I были настоящие гонения на лосей, так как из лосины шили рейтузы для кавалеристов русской конницы. Некоторые северные народы считают лакомством рога, когда они еще в хрящевом состоянии, а также уши и язык лося. Лапландцы и сибиряки расщепляют сухожилия и употребляют их так же, как сухожилия северных оленей. Особенно славятся кости лося: они тверды и ослепительной белизны. В прежние времена из разных частей его тела готовили лекарства; в древней Пруссии это животное почитали за божество. В особенности высоко ценились копыта лося, потому что их считали превосходным средством против падучей болезни и других немочей. За них очень дорого платили; рога скоблили напильником и принимали внутрь этот порошок, носили кольца из копыт и употребляли в дело иным образом. Умные люди уже в конце XVI столетия не верили в целебные свойства этих копыт. Геснер говорит: «Я узнал, что такие средства иногда помогали, иногда нет; все-таки я думаю, что действие этого лекарства во многом зависит от силы веры. Мнение, что копыта лося помогают от падучей болезни, возникло из-за того, что животное само часто страдает от этой болезни. Вместо копыт лося (этого надо остерегаться!) цирюльники и шарлатаны продают иногда коровьи копыта.

Однако есть люди, которых нельзя ввести в обман; не обращая внимания на другие признаки, они отличают копыта по запаху: если отколоть кусочек и бросить на горячие угли, то копыта лося хорошо пахнут, тогда как коровьи дурно».

Североамериканский лось отличается от лося, живущего в Старом Свете, главным образом глубокими надрезами на рогах и отделившейся от сплошного рога главной ветвью, редкими волосами на холке и более темным цветом шерсти. Животное это еще не вполне исследовано, хотя некоторые естествоиспытатели берутся определить его не только по шкуре, но и по копченым окорокам. Я видел его живого рядом с нашим европейским лосем, но не был в состоянии найти между обоими животными существенно важного различия и думаю, что едва ли его можно считать за отдельный вид. Рога североамериканского лося больше и тяжелее, чем у нашего, и достигают 30-40 кг*.

** Размах рогов некоторых лосей Аляски и Западной Канады достигает 2 м. Почти такие же рога встречаются на Колыме в Сибири.*

Гамильтон Смит описывает его: «Североамериканский лось — самое большое животное из семейства оленей, потому что у загривка он выше лошади. Животное это производит своей громадностью сильное впечатление; если кто отрицает это, тот, вероятно, видел только чучело самки или детеныша. Мы имеем случай видеть самцов на свободе, в полном расцвете возмужалости, с хорошо развитыми рогами, и должны сознаться, что ни одно животное не производит такого поражающего впечатления».

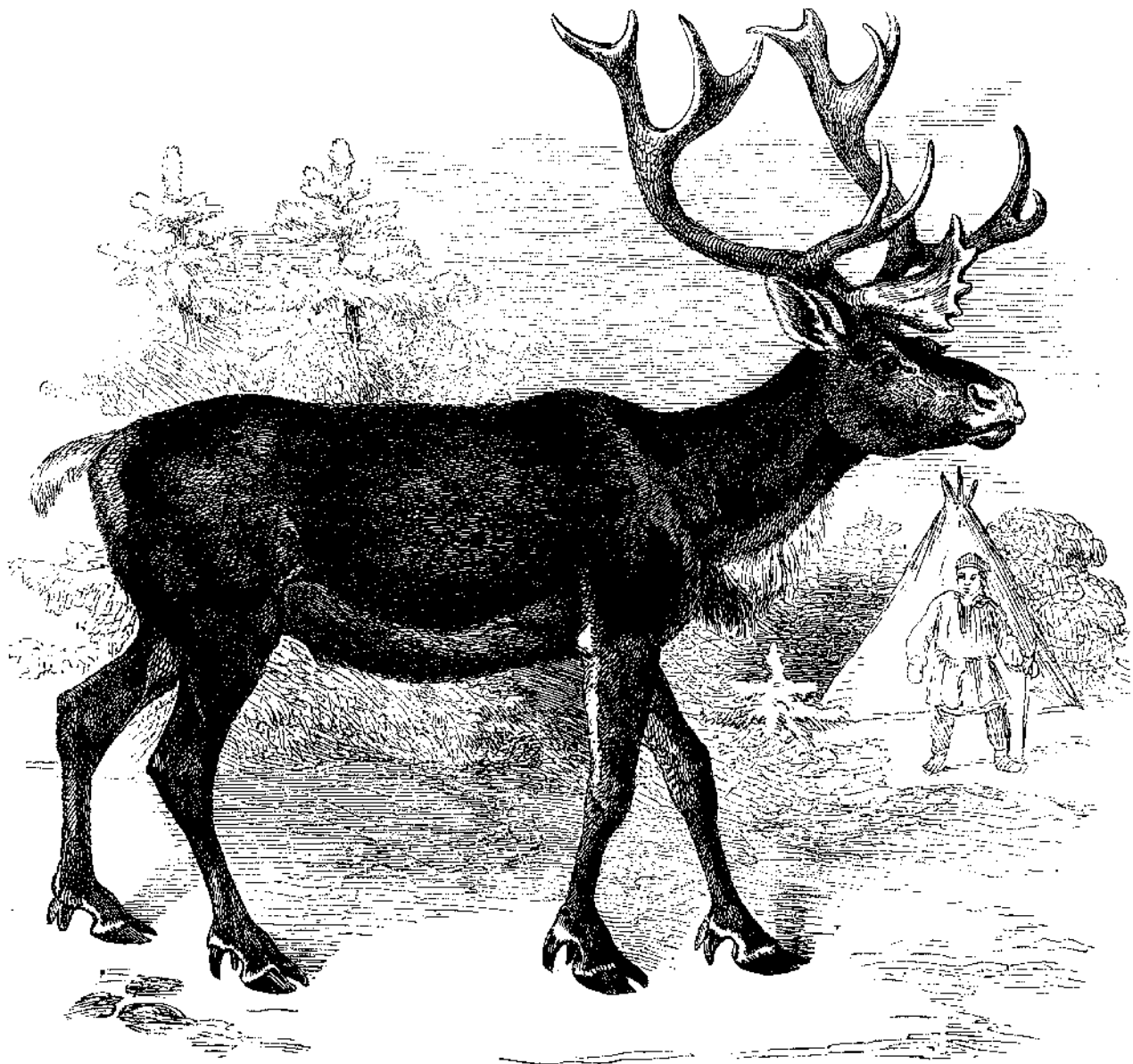
В настоящее время североамериканский лось водится лишь на севере Америки под 65 градусом северной широты. Маккензи находил его на вершинах Скалистых гор.

Североамериканский лось сбрасывает рога позднее, чем европейский, обыкновенно в январе и феврале, а в суровые зимы только в марте. Пища его, вероятно, такая же, как у европейского лося.

Индейцы усердно гоняются за североамериканским лосем и охотятся на него различными способами. Одна из любимых уловок их состоит в том, чтобы загнать животное в воду, где они в лодках окружают его и без труда убивают. Индейцы уверяют, что, поев мяса лося, можно смело предпринимать самое длительное путешествие. Из рогов животного они выделывают большие ложки, кожей обтягивают лодки.

Северные олени (*Rangifer tarandus*), как самки, так и самцы, имеют рога, которые, начиная с короткой дудки, дугообразно изогнуты; на концах они расширены в виде лопаты; надглазные ветви, часто состоящие из одного отростка, имеют форму пальцев и покрыты неглубокими бороздами. Широкие копыта и длинные, но тупые задние копытца отличают этот вид оленей от других. Внешность северных оленей довольно неуклюжая, особенно некрасивая голова, ноги сравнительно короткие, хвост мал. Только старые самцы имеют в верхней челюсти клыки, да и то не всегда.

Северного оленя следует отметить как самое полезное животное этого семейства. Целые народы обязаны ему своим благосостоянием и даже жизнью. Без этого несколько необычного домашнего животного они не могли бы существовать. Лапландцам и другим северным народам олень более необходим, чем нам рогатый скот или лошадь, а арабу — верблюд и коза, потому что он заменяет им почти всех прочих домашних животных. Домашний северный олень дает мясо, чтобы накормить, шкуру, кости и жилы, чтобы одеть своего хозяина; он дает молоко, служит вьючным животным и на легких саночках перевозит семейство лопаря или самоеда со всем его домашним скарбом с одного места на другое — другими словами, северный олень делает возможной кочевую жизнь северных народов.

Северный олень (*Rangifer tarandus*)

Северный олень довольно крупное животное величиной с благородного оленя, но ниже его. Длина туловища 1,7-2 м, хвоста — 13 см, высота у загривка — 1,08 м. Рога уступают по величине и тем более по красоте рогам благородного оленя, но тем не менее довольно велики.

Туловище у северного оленя отличается, кажется, только более широким задом, но шея и голова гораздо толще и не так красивы, ноги ниже и копыта менее изящны. Северному оленю недостает гордой осанки благородного оленя; он держится не так красиво, как это животное. Шея почти такой же длины, как и голова, толстая, сжатая и очень мало вытянутая вверх; морда немного суживается, переносье прямое, уши короче, чем у настоящего оленя, но такой же формы; глаза большие и красивые; слезные ямочки малы и покрыты пучками волос, кончик носа совершенно оброс шерстью; ноздри расположены вкось; верхняя губа отвисла; рот очень широк. Бедра толстые; ноги мясистые и низкие; копыта очень большие, широкие, плоские, приплюснутые и глубоко надрезанные; задние копытца почти касаются земли. Дикие олени сложены гораздо красивее и изящнее, чем домашние, которые несколько не облагородились.

Шерсть северных оленей гуще, чем у всех прочих видов. Волосы очень длинные, густые, вьющиеся, волнистые, довольно жесткие и хрупкие; только на голове и на передней части шеи они мягче и более упругие; на ногах они еще длиннее. На шее находится грива, которая иногда спускается до груди; на скулах волосы также удлиняются. Зимой шерсть по всему телу достигает 6 см длины, а так как волосы лежат очень густо один на другом, то образуется руно по крайней мере в 4 см толщины, что вполне объясняет, почему северный олень очень легко переносит сильную стужу. Дикие северные олени меняют два раза в год шерсть и ее цвет. У домашнего северного оленя шерсть летом на голове, спине, брюхе и ногах темно-бурая; темнее всего, почти черная, на хребте, светлее на боках. Шея гораздо светлее спины, нижняя часть тела белая, лоб обыкновенно темно-

бурого цвета, глаза окружены черным кольцом, голова с боков белая. Зимой темный цвет пропадает, и везде прорастают белые волосы. Многие северные олени отличаются зимой только более длинной шерстью, а цвет не меняют*.

** Окрас вида очень изменчив, от почти черных до практически белых животных. Наиболее распространенный тип окраса — бурый корпус, светлые плечи и шея с волосатым подвесом, темные голова, ноги, полоса на боку, белые коней морды, живот и небольшое зеркало. Домашние олени часто бывают пегими.*

Рога самок обыкновенно меньше и не так сильно разветвлены, как у самцов**.

*** Рога самок редко больше 50 см в длину. Они часто бывают асимметричны, впрочем, и у самцов асимметрия рогов развита больше, чем у других оленей.*

Но у тех и у других стволы рогов очень тонкие и только у основания закруглены, а кверху делаются плоскими. Надглазная ветвь, которой на одном из рогов часто не бывает, оканчивается широкой лопаточкой и так близко подходит к морде, что между ними с трудом можно просунуть палец. Над ней возвышается средняя ветвь, которая также плоская и ветвистая. Конец рога имеет форму вытянутой лопатки с разнообразными зубцами. Чрезвычайно редко можно встретить правильно развившиеся рога, как у благородного оленя; часто случается, что даже главные ветви, например надглазная, почти исчезают. Американский северный олень, называемый «карибу», имеет не такие большие рога и более темный цвет, живет уединенно, преимущественно в лесах***.

**** Всех северных оленей в Америке, включая тундровые популяции, называют «карибу».*

Уже древние знали северного оленя. Юлий Цезарь описывает его довольно верно: «В Герцинийском лесу водится бык, похожий на оленя, у которого находятся рога большей величины, чем у прочих быков; верхушка рога разделяется на зубцы наподобие пальцев руки. У самки такие же рога». Плиний в своем описании смешивает северного оленя с лосем. Элиан рассказывает, что дикие скифы ездят на ручных северных оленях верхом, как на лошадях. Олаус Магнус приписывает северному оленю три рога: «Два больших рога расположены, как у оленя, но только ветвистее и имеют иногда до 15 ветвей. Третий рог находится посреди головы и служит для защиты от волков». Этот писатель знает, что пища северных оленей состоит из горного мха, который они откапывают из-под снега; их держат и стерегут стадами; в другом климате они быстро вымирают. Он рассказывает, как король Шведский в 1533 году подарил десять северных оленей нескольким прусским вельможам, которые их выпустили на волю. Сообщает, что пастухи с пасущимися оленями проходят ежедневно до 50 тысяч шагов. Животные эти используются для далеких путешествий, шкуры их употребляются на одежду, постели, седла, жилы — на шнурки и нитки, кости и рога — на лук и стрелы; копыта — как средство против судорог и т. д. Следующие естествоиспытатели смешивали правду с вымыслом, пока Шеффер из Страсбурга в 1675 году довольно верно не описал это животное в своем сочинении о Лапландии. Великий Линней первым из ученых, и весьма тщательно, наблюдал северного оленя. После него очень многие естествоиспытатели описывали северного оленя, потому о нем собрано достаточно сведений.

Родина северного оленя — север Старого Света и северные страны Нового Света. Он встречается везде севернее 60 градуса, постоянно его еще находят около 80 градуса; в некоторых местностях спускается до 52 градуса. В диком состоянии его можно встретить на покрытых снегом горах Скандинавии и Лапландии, в Финляндии, во всей северной Сибири, Гренландии и на самых северных горах материка Америки. Этот олень живет на Шпицбергене; в Исландии, куда был завезен более 100 лет назад, он совершенно одичал и распространился по всем горам этого острова. В Норвегии я встречал северных оленей в значительном числе. В северной Азии северные олени распространяются гораздо дальше на юг, но там нигде не попадаются в большом количестве. В настоящее время они живут еще небольшими стадами в восточной части Саянских гор, у истоков Иркутки, Китая, около Байкальского озера и на Яблоновом хребте, но и здесь год от года встречаются реже. Напротив, трудно найти в Азии гору севернее 50 градуса северной широты, где бы не было северного оленя; на всем этом пространстве он водится в значительном числе, как в диком, так и в домашнем состоянии*.

** Северный олень населяет большинство островов Арктики, тундровую и таежную зоны Старого и Нового Света. Изолированная популяция живет в Скалистых горах США. В Европе дикие олени в небольшом числе сохранились в Скандинавии, на Кольском полуострове, в Больиоземельской тундре, одичавшие северные олени живут в Исландии и Шотландии. В ледниковый период ареал северного оленя был намного шире.*

Северный олень такое же дитя гор, как и серна, и водится только на обширных, безлесных, покрытых мхом и скудной альпийской травой площадях и никогда не заходит в лесную полосу. Голые горные склоны на высоте от 1000 до 2000 метров над уровнем моря, где между камнями прозябает скудная растительность, или те обширные тундры, которые кое-где покрыты ягелем, надо считать главным местопребыванием дикого северного оленя, и только при переселении с одной горной цепи на другую проходит он через болотистые, вязкие, низкие равнины, но и при таких переходах избегает лесов. Даллас сообщает, что в северной Сибири это животное попадает иногда в леса, и Врангель подтверждает это**.

* * *На большей части Сибири. Аляски. Канады северный олень — типично таежное животное, на юге ареала придерживается горных хвойных лесов на высоте до 2500 м.*

От этих писателей мы узнаем, что в Сибири северный олень совершает длинные и регулярные путешествия. Чтобы избавиться от оводов, олень, по Палласу, переходит летом с открытых мест в леса и возвращается оттуда в тундры только к зиме. Как при переходах через горы, так и во время странствий по равнинам северные олени соединяются в громадные стада, которые идут, напоминая своими рогами движущийся лес, вытаптывают длинные тропинки и переходят через большие реки приблизительно в одних и тех же местах. Самки с детенышами открывают шествие, а самцы замыкают его. «К концу мая, — дополняет Врангель, северный олень большими стадами покидает леса, где зимой ищет защиты от страшного холода и направляется в тундру, отчасти потому, что находит там лучшую пищу, отчасти, чтобы спастись от мух и комаров, которые с наступлением весны несметными роями стоят в воздухе. При весеннем переходе северные олени не имеют большого значения для тамошних жителей, потому что в это время года они очень тощи и от укусов насекомых покрыты желваками и ранами; но в августе-сентябре, когда животные возвращаются с равнины снова в лес, они здоровы, тучны и дают вкусное питательное мясо. В благоприятные годы переселяются тысячи северных оленей, которые, хотя и разделяются на стада в 200-300 голов, но все держатся близко друг к другу, так что вместе образуют несметную массу. Дорога их неизменно одна и та же. Для перехода через реку они выбирают такие места, куда ведет сухая покатая дорога, а на противоположной стороне находится отлогая отмель, которая облегчает им подъем на берег. В воде животные теснятся друг к другу, и вся поверхность покрывается плывущими оленями».

На Американском материке, так же как и в Сибири, животные спускаются с гор к морскому берегу и обратно. По показанию Франклина, они оставляют прибрежные страны с рожденными здесь детенышами в июле — августе, в октябре достигают границы скудной полосы, а зимой ищут защиты и пропитания в лесах. Едва начинает таять снег, как они снова выходят из лесов и мало-помалу переселяются на равнины. Следом за ними идут стаи волков, и многие олени становятся их жертвами. А толпы индейцев поджидают их в проходах, где животные делают ежегодные остановки.

В Норвегии северные олени не странствуют, а самое большее переходят с одной горной цепи на другую; как далеко простираются эти переходы — еще не известно. Зато в родных горах они находят все необходимое для жизни. Во время размножения комаров удаляются к глетчерам и снеговым полям; осенью, зимой и весной спускаются в нижние пояса гор. Все дикие северные олени в высшей степени общительны. Стада их гораздо больше, чем у других видов; отдельных животных можно встретить чрезвычайно редко, и это всегда старые самцы, которые изгоняются из стада*.

* *Дальние (до 1600 км за год) регулярные миграции особенно характерны для тундровых популяций северных оленей, перекочевывающих к зиме под защиту тайги, а летом поближе к морю, чтобы избавиться от гнуса и влажной жары, В настоящее время постоянные пути миграций в значительной степени нарушены деятельностью человека. Лесные популяции оленей почти оседлы, лишь в горах бывают ограниченные вертикальные кочевки.*

Олени прекрасно приспособлены к жизни в тех северных странах, которые летом представляют болото, а зимой — сплошное снеговое поле. Широкие копыта помогают им так же хорошо ходить по болотистым и снежным местам, как и удерживаться на крутых скатах. Они ходят довольно скорым шагом или быстрой рысью. При медленном передвижении по болотистым тундрам так раздвигают копыта, что след, оставляемый ими, более напоминает след коровы; подобным образом ходят они по снегу, в котором не тонут. Плавают северный олень очень легко**.

* * *У этого оленя лучше других развито обоняние, он чует человека за 4 км, ягель — сквозь метровые сугробы. В то же время он плохо переносит летнюю жару, испытывает трудности, когда снежный покров превышает 70 см.*

Внешние чувства у него превосходно развиты. Обоняние действительно выдающееся и простирается на 500-600 шагов, в чем я лично убедился; слышит хорошо, а видит так зорко, что охот-

никам приходится старательно скрываться, идя даже против ветра. В хорошем осязании его легко убедиться, когда кусают комары; домашний северный олень вздрагивает при малейшем прикосновении насекомого. Животное это большая лакомка, потому что выискивает лучшие альпийские травы. Все охотники, наблюдавшие северных оленей, приписывают им понятливость и даже некоторую долю хитрости; то, что они в высшей степени боязливы и осторожны, не подлежит сомнению. К другим животным олени не выказывают не малейшего страха. Они доверчиво подходят к лошадям и коровам, которые пасутся на их высотах, охотно сближаются с домашними оленями, хотя хорошо знают, что имеют дело не с равными себе. Отсюда вытекает, что осторожность и страх их по отношению к человеку — следствие опыта. Это подтверждается исследованиями Кюкенталья и Вальтера. В западной части Шпицбергена, где на северного оленя много охотились, Кюкенталь в 1886 году заметил, что он чрезвычайно боязлив.

Дикий северный олень питается летом сочными альпийскими травами, а именно листьями и цветами подснежного лютика, оленьего щавеля, жабника; зимой лишайниками. В Норвегии он и зимой избегает богатого пищевой лесом, чаще ходит на болота, чтобы поесть там различных трав. Очень охотно ест почки и молодые побеги карликовой березы. Выбор пищи в высшей степени тщательный и ограничен немногими растениями. Откапывает травы северный олень передними копытами, а не рогами, как часто утверждают*.

** Потребляет до 100 видов растений и грибов, животная пища лемминги, кладки птиц. Основу питания составляет ягель. Утверждение, что северный олень не только копытит снег, но и роет его рогами, основано на том, что рога имеют и самки.*

Он усердно ищет пищу утром и вечером; в полуденные часы спит, пережевывая жвачку, чаще всего на снежных полях, или глетчерах, или, по крайней мере, вблизи них. Спит ли он ночью, не известно.

В Норвегии у северных оленей в конце сентября начинается течка. Рога, которые сбрасываются в конце декабря или в январе, достигают теперь полного развития, и самец умеет употреблять их в дело. Громким криком вызывает он соперника; протяжно и выразительно кричит, затеяв на виду всего большого стада частые драки с соперниками. Храбрые борцы переплетаются рогами и иногда по целым часам остаются как бы прикованными один к другому. В это время случается, что более слабые самцы пользуются случаем и спариваются с самками**.

** * Между периодами кочевок северные олени держатся группами «гаремного» типа, во время гона другие самцы стремятся отбить «гарем» у хозяина.*

В апреле самки начинают телиться; они ходят стельными почти 30 недель и никогда не приносят более одного детеныша за один раз***.

** * * Беременность длится 7,5 месяца, рождение детенышей происходит одновременно у самок одного стада в специально избранных местах. Пик рождений приходится на май. Новорожденный однотонного цвета, весит 5 — 9 кг. Молочного олененка называют «пыжик», его мех очень ценится. Полугодовалый олененок — «неблуж» — весит до 50 кг.*

К весне беременная самка отделяется с самцом от стада и ходит с ним до рождения детеныша, а иногда и позднее. Такие семьи можно встретить часто. Новорожденный — маленькое миловидное создание, мать нежно его любит и долго кормит молоком. Годовалые олени и молодые самки образуют большое стадо, которое ведет яловая самка. Только когда детеныши вырастут, семьи эти снова присоединяются к стадам. Северные олени заботятся о своей безопасности; пока животные спят, вожак стоит на страже. Если он захочет отдохнуть, то поднимает другого оленя, который и продолжает сторожить. Никогда стадо не пасется на скатах, где против ветра легко может быть застигнуто врасплох, а выбирает такие места, откуда приближение врага можно увидеть издали; в случае чего олени быстро убегают, часто за несколько миль. Но на удобные места возвращаются спустя несколько дней.

Охота за северным оленем может служить удовольствием лишь для страстного охотника или истинного естествоиспытателя, которые не боятся трудов и лишений. В Норвегии для людей опытных охота с ружьем лучше всех прочих способов. Нередко обстреливаемое стадо так бывает ошеломлено первым выстрелом, что значительное время стоит в оцепенении и убегает, только, увидев стрелков. Это знают норвежские охотники и потому любят ходить на охоту вдвоем, втроем и вчетвером; одновременно подкрадываются к стаду и, условившись, целятся в намеченных животных; сначала стреляет один, после чего принимаются за стрельбу остальные. Для многих народов Сибири охота за северным оленем имеет очень важное значение. «Народы Сибири, живущие по реке Анюй, — говорит Врангель, — совершенно зависят от северного оленя, который здесь, как и в Лапландии, почти исключительно доставляет им пищу, одежду, повозки и жилища. Охота за северным

оленем решает, будет ли в продолжение года голод или благосостояние. Здесь время переселения этих животных представляет важнейшую часть года. Когда животные во время своих регулярно повторяющихся путешествий приходят к реке и готовятся переплыть через нее, охотники на быстрых, как стрела, челноках стремительно выплывают из-за кустов и камней, за которыми они до сих пор скрывались, окружают стадо и стараются задержать его. В это время двое или трое самых искусных охотников, вооруженных короткими рогатинами, проникают в середину плывущих животных и за невероятно короткое время убивают или тяжело ранят громадное число их; раненые олени успевают только достигнуть берега, где попадают в руки ожидавших там женщин, девушек и детей. Но все-таки охота эта сопряжена с большой опасностью. В громадной массе близко друг к другу плывущих животных маленький легкий челнок каждую минуту может опрокинуться; кроме того, преследуемые животные защищаются насколько возможно: самцы — рогами и зубами, а самки — передними ногами, которые они вскидывают на борт челнока. Если при этом челнок опрокидывается, то охотник обыкновенно погибает, потому что ему почти невозможно выбраться из середины плывущего стада».

Подобным образом, по сообщениям Кинга, охотятся на северных оленей индейцы Северной Америки. Эти дикари также почти исключительно живут за счет этого животного. Громадные стада северных оленей в несколько тысяч голов тянутся весной на север, к Ледовитому океану, а осенью обратно на юг. Тогда у них на спине и бедрах имеется слой жира в 7-12 см толщиной, поэтому они и составляют в это время главный предмет охоты. Животных убивают огнестрельным оружием, ловят в петли, убивают при переправе через реки рогатинами, вырывают глубокие ямы-западни или делают из ветвей и кустарника две изгороди, оставляя в обеих узкие промежутки, в которые ставят петли; потом гонят стадо между изгородями и ловят тех животных, которые пытаются прорваться, или наповал убивают их при выходе.

Индейцы умеют использовать дикого северного оленя, как лапландцы своего ручного. Из рогов и костей они изготавливают остроги и удочки, расколотыми берцовыми костями соскребают мясо, жир и волосы с кожи, оленьим мозгом смазывают шкуры, чтобы сделать их мягче. Выдубленную посредством копчения на кострах из гнилушек кожу они натягивают на колья палаток, из этой же кожи делают тетивы для лука и сети; из сухих жил изготавливают посредством расщепления тонкие нитки. Из мягких, покрытых пушистой шерстью шкурок детенышей шьют одежду. Индейцы с головы до пят закутываются в шкуры северных оленей, стелят хорошо выдубленную мягкую кожу на снег, накрываются второй и могут в таком виде выдержать самые суровые холода. Ни одна часть тела северного оленя не остается у них без полезного применения, не исключая пищевой кашицы в желудке. Когда она полежит и подвергнется известному брожению, то считается в высшей степени вкусным блюдом. Кровь варится и обращается в суп, кости толкутся и также варятся; добытый из них костный мозг смешивается с салом и сушеным мясом или употребляется для смазывания лица и волос.

Дикий северный олень, кроме человека, имеет много врагов. Самый опасный из них — волк. Он осаждаст стада постоянно, а упорнее всего зимой. Когда снег становится настолько плотным, что может выдержать оленя, этому коварному разбойнику и ку очень редко удастся завладеть животными; но обстоятельства меняются при свежем снеге. Тогда северный олень глубоко вязнет в пушистой пелене, выбивается из сил и гораздо легче может быть пойман хищником, скрывающимся где-нибудь за скалой или густым кустарником. В горах волки собираются большими стаями как раз в то время, когда и северные олени собираются в большие стада, и тогда начинается нескончаемая борьба за существование. Росомаха, рысь и медведь тоже стараются поживиться северным оленем. К злейшим врагам следует причислить и совсем маленьких, но жестоких насекомых, которые страшно мучают этих животных*.

** Главным врагом северных оленей является не волк, а «гну́с», прежде всего овод. Личинки оводов разных видов паразитируют в носоглотке и под кожей животных, вызывая истощение, а иногда и смерть от удушья. Шкуры многих оленей оказываются безнадежно испорченными. Описаны случаи гибели оленей, у которых легкие были забиты комарами и мошкой. В районах, где гну́с отсутствует, завезенные олени за несколько поколений достигли огромных размеров и находятся в прекрасной форме.*

Оленеводством занимаются не только лапландцы и лопари, также многие народы северной России**.

*** Северного оленя одомашнили ненцы в европейских тундрах, отсюда оленеводство распространилось в Скандинавию и в Азию. Лесной сибирский северный олень, возможно, был одомашнен эвенками. Стада домашних оленей в большинстве мест вытесняют диких.*

Домашний северный олень составляет опору и гордость, радость и богатство, мучение и тягость для лапландца; по его понятиям, тот, кто считает своих оленей сотнями, достиг предела земного счастья. Некоторые лапландцы имеют до 3000 оленей, но основная часть жителей не более 500 голов. Впрочем, норвежец никогда не узнает точное число голов в стаде, так как все лапландцы верят, что волк или непогода сейчас же уничтожит нескольких животных, если их владелец без нужды будет говорить об их числе. С презрением смотрит лапландец, истый оленевод, на своих земляков, которые отказались от кочевой жизни и занимаются рыбной ловлей по рекам, озерам, морским заливам или нанимаются в услужение к скандинавам. Однако себя считает свободным человеком. Такая жизнь дорога лапландцу, который думает, что ему выпал лучший жребий на земле.

А между тем, что за жизнь ведут эти люди? Не они распоряжаются животными, а стада ими; северные олени идут куда хотят, а лапландцы должны за ними следовать. Лапландец-олeneвод ведет истинно собачью жизнь. Целыми месяцами проводит он большую часть дня под открытым небом, летом его осаждают комары, зимой донимает холод, от которого не может защититься. Часто даже остается без огня, потому что на высотах, где пасется его стадо, нет леса. Скучно защищенный одеждой, он отдан на произвол погоды; образ жизни довел его до полуживотного состояния. Он не моется, питается самой отвратительной пищей, на которую голод заставляет набрасываться; часто у него нет другого спутника, кроме верной собаки, с которой он по справедливости делит свое скудное пропитание. И все это оленевод охотно и с любовью переносит ради своего стада! По образу жизни домашние северные олени почти во всех отношениях отличаются от диких. Как я уже заметил, они меньше ростом и не так красиво сложены, как дикие, позже меняют рога, размножаются также позже и постоянно странствуют. В июле и августе они живут в горах или на морском берегу, в сентябре возвращаются оттуда. И в это время лапландец, достигнув своей осенней стоянки, маленького домика, где он хранит все необходимое для жизни, позволяет своим оленям наслаждаться полной свободой, потому что ни одного волка нет поблизости. В это время происходит течка, тогда случается, что домашние олени смешиваются с дикими, к величайшей радости владельца стада, который через это получает лучшее потомство. С первым снегом северных оленей опять ловят и стерегут, потому что в это время их надо более чем когда-либо беречь от волков. Но вот настает весна; животные еще раз собираются в стада, в это время самки телятся и дают превосходное молоко. Оленей гонят в места, где мало комаров. Так продолжается из года в год.

Если вблизи есть хорошее пастбище, лапландец для облегчения доения устраивает загон, куда каждый вечер загоняет самок. Своей беготней взад и вперед и постоянным блеянием олени напоминают овец, иногда громкий их крик походит на хрюканье свиньи. Большая часть содержащихся в стадах северных оленей невелика ростом; из нескольких сот можно выбрать очень немного крупных животных.

Приближаясь к загону, слышишь сначала несмолкаемое блеяние. Внутри загона лежат несколько больших древесных стволов, к которым животные крепко привязываются во время доения. Без аркана ни одна самка не отдаст своего молока; поэтому каждый лапландец и лапландка постоянно носят такие при себе. Аркан состоит из длинного ремня или веревки и легко свертывается в кольцо; его крепко держат за оба конца и бросают так, чтобы он обвился вокруг шеи или рогов животного; затем кольцо укорачивают, пока животное не подойдет совсем близко; тогда ему делают на морде глухой узел, чем крепко и надежно обуздывают и принуждают к безусловному повиновению. Потом животное крепко привязывают к колоде и начинают доить. В это время самка делает всевозможные усилия, чтобы убежать, но лапландцы умеют справляться с ними, особенно строптивым животным так крепко затягивают у носа петлю, что они поневоле стоят спокойно. Молоко имеет приятную сладость и густое, как сливки. Сразу после доения загон отворяется, и скот снова выгоняется на пастбище, все равно, утро на дворе или вечер, так как олени пасутся днем и ночью.

Различные повальные болезни производят между северными оленями жестокие опустошения; кроме того, суровый климат препятствует увеличению стад так, как это можно было бы ожидать, зная плодовитость оленей*.

** Поголовье северных оленей в Евразии оценивается в 3,5 млн, однако в основном это домашние олени. В Америке до 1,5 млн диких карibu. Некоторые подвиды редки, нуждаются в охране, новоземельский северный олень занесен в Красную книгу России.*

Польза, которую домашние северные олени приносят своим владельцам, с нашей точки зрения, не может быть вполне оценена. Все, что дает животное, каждая часть тела, мясо, кровь, молоко употребляются в дело. Мягкие еще рога северного оленя охотно едят; из шкур пыжиков (детенышей) шьется одежда; шерсть прядут и ткнут; из костей приготавливаются различные орудия; сухие жилы идут на нитки; зимой олени перевозят семейство со всем имуществом с одного места на дру-

гое. В Лапландии северного оленя используют главным образом для езды в упряжи, реже как вьючное животное, потому что из-за слабого крестца ему очень трудна такая служба. Тунгусы и коряки ездят на сильных самцах верхом, надевая на них маленькое седло как раз на передние лопатки. В Лапландии на северных оленях никто верхом не ездит, и только самых сильных самцов, или «оленьих быков», как их называют норвежцы, употребляют для езды в упряжи. За сильных животных охотно платят от 30 до 50 марок, тогда как обыкновенный северный олень стоит самое большее 12-18 марок. Хороший северный олень пробегает с санями около 10 км в час и может везти тяжесть от 120 до 140 кг, но обыкновенно на него нагружают гораздо меньше. В Норвегии летом северного оленя не используют для езды. Если сильных, хорошо выкормленных оленей шадить, запрягать только по несколько часов утром и вечером, то можно, не утомляя их, проехать невероятно большие пространства.

Неволя не очень нравится северному оленю, но он живет в наших зоологических садах и при соответствующем уходе очень хорошо размножается. Вкусное мясо оленя так нравится у нас, что в благоприятное время года регулярно доставляется из Скандинавии на наши рынки.

Семейство жирафовые

Между жвачными встречаются такие животные, которые своим видом мало согласуются с другими, ныне живущими, и скорее похожи на сказочные образы давно прошедших дней: к таким существам может быть отнесен жираф. Варрон отчасти прав, называя это странное существо «помесью пантеры и верблюда», а позднейших наблюдателей, конечно, можно извинить в том, что они, зная это животное лишь по изображениям, встречающимся на египетских памятниках, считали его за праздную выдумку древних художников. Когда римляне при Юлии Цезаре впервые увидели жирафа на играх в цирке, то в высшей степени были удивлены странностью всей его фигуры, то же впечатление производит это животное и на нас, когда мы смотрим на живых жирафов в зоологических садах, хотя изображения и описания их встречаются даже в детских книжках.

Жираф (*Giraffa camelopardalis*)* от всех других млекопитающих резко отличается несоразмерно длинной шеей и очень высокими ногами.

* *Видовая латинь жирафа (Giraffa camelopardalis) означает «верблюдолеопардовый», что лишний раз подчеркивает причудливый облик животного. Слово «жираф» арабского происхождения, в России употреблялось как в мужском, так и в женском роде (современная норма — мужской род).*

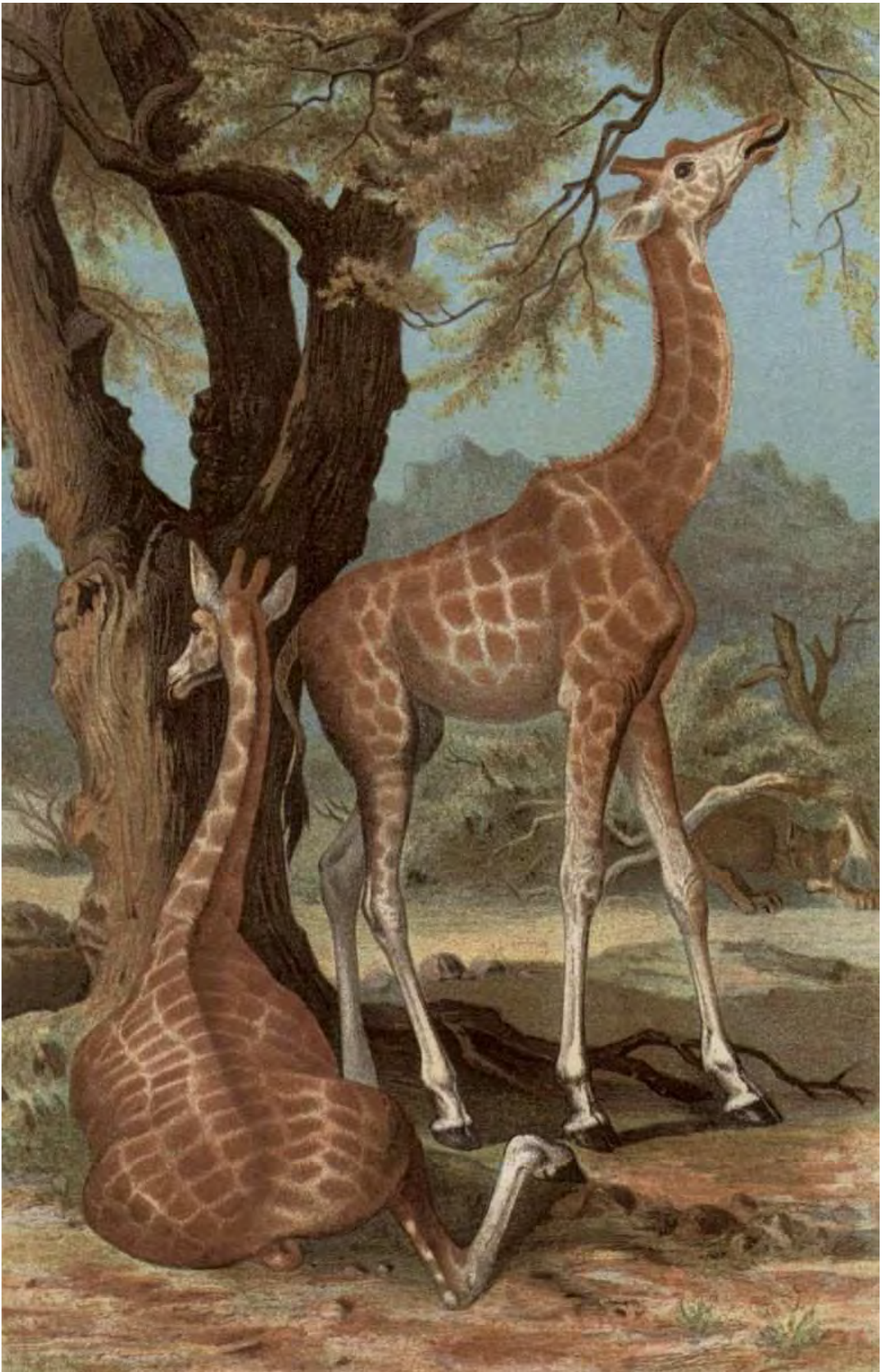
У него короткое, толстое туловище с покатою спиной, маленькая изящная голова с большими, светлыми, красивыми глазами и двумя странными костяными пеньками, возвышающимися на лбу. Вследствие своей длинной шеи и высоких ног жираф оказывается самым высоким и, относительно, самым коротким из всех млекопитающих. На самом деле длина его тела не превышает 2,25 м, а высота в плечах доходит до 3 м, голова же находится на высоте 5-6 м. Хвост вместе с кистью имеет 1,1 м длины, а без кисти — 80 см. Расстояние от кончика морды до начала хвоста около 4 м, а вес тела 500 кг**.

* * *Жираф самое высокое современное животное Земли. Отдельные особи достигают 6 м в высоту (3,3 м в холке) и массы 1300 кг. Однако такие гиганты встречаются редко, средняя высота 5,3 м (самцы) и 4,3 м (самки), вес — 500-750 кг. Окапи значительно меньше — длина тела около 2,1 м, хвоста — 40 см, высота в холке — 1,7 м, масса 200-280 кг, причем самки тяжелее самцов.*

Измерения эти ясно доказывают, что жираф по своему строению значительно отличается от всех прочих млекопитающих; телосложение его так удивительно, что нуждается в более подробном описании. Если взглянешь на жирафа, то он кажется как бы соединением в одно целое отдельных частей различных животных. Голова и туловище будто заимствованы от лошади, шея и плечи — от верблюда, уши — от быка, хвост — от осла, ноги — от антилопы, а кожа, покрытая красивым мехом, — от леопарда. Подобное пестрое соединение может только сделать безобразным животное, и действительно, никто не назовет жирафа красивым и пропорционально сложенным. Хороша только голова, очень красивы глаза и пестрая окраска, все же остальное поражает. Удлиненная голова жирафа вследствие довольно узкой морды кажется еще длиннее; на ней мы замечаем большие, блестящие, но крайне кроткие глаза, большие, нежные и замечательно подвижные уши длиной около 15 см и два пенька, которые несколько напоминают рога. Между ними возвышается округленный костяной нарост*.

* *Рога у жирафов достигают длины 25 см. Они постоянные, костяные, но закладываются в эмбрионе отдельно от лобных костей и имеют особое название — «рожки» (бессиконны). Новорожденные уже имеют оссиконны.*

Шея имеет примерно такую же длину, как и передние ноги; она очень тонка и сжата со сторон и украшена короткой, как бы обстриженной гривой. Туловище около груди расширено, у загривка гораздо шире, чем около крестца, спина несколько вогнута; на передней части туловища сильно выдаются нижние концы лопаток, которые соединены с плечевыми костями почти под прямым углом; задняя часть гораздо уже, так что если смотреть на животное спереди, то задняя часть тела вовсе не заметна. Ноги довольно тонкие, и все почти одинаковой длины, копыта небольшие и имеют красивую форму. Кожа у жирафа очень толстая и равномерно покрыта довольно короткими волосами, которые удлиняются только на гриве, на лобном костяном наросте и на конце хвоста. Основной цвет шерсти песочно-желтый, который на спине несколько темнее, а на брюхе переходит в беловатый цвет. Все тело испещрено довольно большими угловатыми темными или более светлыми пятнами ржаво-бурого цвета, причем они так часто расположены, что фон виден только в виде светлой сетки. На шее и на ногах пятна эти не так велики, как на туловище. На брюхе и на внутренней стороне ног пятен нет. Грива состоит из чередующихся чалых и бурых пучков волос.

Жирафа (*Giraffa camelopardalis*)

Кисть на конце хвоста черная. Очень старые самцы получают чрезвычайно темную окраску, а старые самки, напротив того, делаются светлее, как будто шерсть у них выцветает.

"Так как изображение жирафа встречается в иероглифических письменах в виде слогового знака, — замечает Дюмихен, — то из этого можно вывести, что древние египтяне знали это животное. Изображения эти встречаются также на стенах храмов и могильных склепов, по ним можно заключить, что жирафов приводили с юга в виде дани. Изображение жирафа выражалось словом «зер», которое имело значение «большой, возвышенный, высокий» Обозначало ли «зер» название животного, с точностью сказать нельзя».

Нынешняя область распространения жирафов простирается на всю восточную часть Африки от 16 градуса северной до 23 градуса южной широты; только в степи Калахари он живет несколько южнее, но во всяком случае за Оранжевой рекой еще встречается. На берегах Атлантического океана встречался лишь в юго-западной Африке, здесь он совершенно истреблен несколько десятилетий тому назад. В начале пятидесятих годов за жирафами еще охотились не очень далеко от Китовой губы; последние жирафы, по словам Бринкера и Айрла, были убиты в 1870 году гораздо дальше от берега, восточнее Окагандии. На востоке от озера Нгами, около реки Лимпопо, в области Метабеле, степи Калахари и около болот Чобе они еще встречаются. Монтэю Керр видел нескольких жирафов в 1884 году южнее Шошонга; а по словам Селуса, с семидесятых годов они стали появляться дальше на востоке, где прежде их не было. Севернее Замбези они на больших пространствах не попадаются, а появляются в немецких колониях восточной Африки, где они, по словам Бема, встречаются на озере Танганьика, но не западнее его. Жираф может считаться обитателем по преимуществу кустарных и мелколесных степей Африки, но не избегает и гористых стран. Фишер наблюдал его в области Массай до 1700 метров над уровнем моря*.

** В настоящее время ареал жирафа распался на несколько изолированных участков в зоне саванн, наиболее крупный из которых охватывает Восточную Африку от Чада и Судана до Замбии.*

В своих родных лесах жираф живет иначе, чем в тесной загородке зоологического сада. Удивительное соответствие строения тела и внешнего вида жирафа с окружающей обстановкой его родины очень заметно. Гордон Кюмминг пишет: «Когда видишь стадо жирафов, пасущихся в роще живописных зонтиковидных мимоз, украшающих степи его родины, и наблюдаешь, как эти животные вследствие своего огромного роста могут без усилий обгладывать верхние побеги этих деревьев, то, не обладая даже особенной любовью к красотам природы, невольно приходишь к заключению, что жирафы в этой обстановке действительно очень красивы». Все другие наблюдатели вполне соглашались с этим мнением. Сэр Самюэль Бэкер замечает, что жираф на своей родине, без сомнения, самое красивое животное. Их часто встречают в таких местах, где много высохших длинных стволов мимоз, которые благодаря растущим на них лишайникам издали удивительно похожи на шею жирафа. «Мне часто случалось, — говорит вышеназванный охотник, — ошибаться, глядя на эти стволы, и только благодаря хорошему биноклю я мог заметить свою ошибку; даже мои полудикские спутники должны были сознаться, что, несмотря на свое острое зрение, привыкшее издали разглядывать предметы в пустыне, они часто принимали высохшие стволы за жирафов и, наоборот, настоящих жирафов принимали за деревья».

Жирафы встречаются обыкновенно небольшими семьями**; там, где их не тревожат, они собираются в большом количестве.

*** Небольшие группы жирафов постоянно меняются по составу. Есть матриархальные семьи, группы холостых самцов, смешанные группы. Каждая особь в течение года может присоединяться к нескольким группам либо держаться поодиночке какую-то часть времени. Иерархия в таких временных группах устанавливается произвольно. Изредка объединяются в крупные стада по 100 и более голов. Контакт между членами группы поддерживается при помощи разнообразных ритуальных поз и движений.*

Гордон Кюмминг говорит о стадах в 30 и 40 голов, но думает, что чаще всего их собирается около 16 голов. Бэкер заявляет, что встречал стада даже из 70-100 жирафов. Я в Кордофане слышал о семьях, состоящих из небольшого числа экземпляров.

Все движения жирафа очень своеобразны. Красивее всего он выглядит, когда идет спокойно, шагом; тогда его движения грациозны и величественны. Шагом он двигается иноходью; но во время бега движения его сильно изменяются. Тогда он может скакать только галопом, в чем я убедился из собственного наблюдения. Но этот галоп так бестолков, неуклюж и неповоротлив, что кажется, будто человек может легко перегнать его пешком. На самом деле это не верно, так как он делает очень большие скачки, длина которых простирается до 4-5 м. Во время бега жираф приподнимает

хвост и держит его выгнутым над спиной. Селус утверждает, что, несмотря на кажущуюся неповоротливость, жираф удачно избегает столкновения с ветвями встречающихся деревьев, причем иногда очень грациозно нагибает шею до самой земли. Чтобы догнать жирафа, пустившегося в бегство на некотором расстоянии от всадника, нужна очень быстрая лошадь*.

** Скорость жирафа в галопе достигает 56 км/ч. Из-за длинных ног и раскачивающейся шеи аллюр жирафа кажется неторопливым, а сами движения плавными, как при замедленной съемке. Шея животного служит балансиром и управляет ритмом шагов. При медленном передвижении жираф использует иноходь, только при таком способе длинные ноги не задевают друг друга.*

Жираф, чтобы достать с земли еду или попить воды, чаще всего поступает так: раздвигает передние конечности как можно шире, опускает переднюю часть тела и, нагнув длинную шею, достает мордой до земли. Кто этого не видел, тот не может поверить, что жираф принимает такое удивительное положение.

Впрочем, Селус говорит, что жирафы на водопое не только раздвигают передние ноги, но и подгибают их, а иногда одну переднюю ногу выставляют вперед, а другую назад, а Бем замечал, как они часто становятся на колени. Чтобы лечь на землю, жираф сначала сгибает передние ноги, затем задние и ложится на грудь, как верблюд. Во время сна он поворачивается на бок, причем подгибает к животу одну или обе передние ноги, шею откидывает назад, а голову кладет на бедро задней ноги. Сон его очень чуток и продолжается недолго; говорят, что жираф может несколько дней оставаться без сна и отдыхает тогда стоя**.

** * Жирафы спят (точнее, дремлют) лежа на брюхе и подогнув ноги под себя, при этом голова на шее высоко поднята. В короткие периоды глубокого сна жираф изгибает шею назад и упирает голову в круп или в землю позади крупа.*

Пища животного соответствует своеобразному строению его тела. Жирафу не очень удобно щипать траву на земле, зато он может легко срывать листья и молодые ветки с деревьев, причем ему сильно помогает длинный подвижный язык. Как известно, большинство жвачных пользуется языком для хватания пищи, но ни одно из них не употребляет в дело его так искусно, как жираф. Язык для жирафа имеет то же значение, что хобот для слона; он может им схватить самые мелкие предметы, сорвать самый нежный листок и положить его в рот. На своей родине жирафы питаются преимущественно ветвями, почками и листьями мимоз; однако они охотно едят листья многочисленных вьющихся растений, которые в большом количестве обвивают стволы деревьев*.

** Жираф питается в самом продуктивном древесном ярусе саванны на высоте от 2 до 6 м. Здесь у него практически нет конкурентов, кроме отчасти слона. Под влиянием жирафов, выедающих нижние части кроны, деревья саванны постепенно приобретают форму зонтика.*

Мимоза по величине немного выше жирафа, поэтому он срывает пищу без всяких затруднений, причем замечено, что его язык и губы так же не чувствительны к уколам острых шипов мимоз, как и губы верблюда**.

** * Кончик морды жирафа усеян длинными волосками-вибриссами, сигнализирующими о наличии колючек и степени жесткости листьев.*

Степную траву жираф щиплет редко и преимущественно весной, пока она еще зелена. При питании сочной растительной пищей он, как и верблюд, может долго обходиться без воды. В обычных случаях довольствуется той влагой, которая заключается в свежих листьях и побегах, и потому жирафа встречают иногда в таких местностях, которые на многие мили отдалены от рек, озер и ключей. В жаркое время года, когда на деревьях листья большей частью засыхают и ему приходится кормиться степными травами, жираф вечерами проходит несколько верст, чтобы напиться воды в грязных водоемах и лужах, оставшихся в оврагах от потоков, текущих здесь во время дождей.

Жираф пережевывает жвачку стоя, большей частью ночью и на это, по-видимому, потребляет меньше времени, чем другие двукопытные.

Внешние чувства жирафа, особенно зрение и слух, очень хорошо развиты, и умственные его способности нельзя назвать незначительными. Он очень понятлив и необыкновенно добродушен, кроток и смирен; не только живет в мире с себе подобными, но никогда не ссорится с другими животными, пока те ему не угрожают. В случае нужды умеет хорошо защищаться, не рогами, которые служат ему только украшением, а сильными ударами жилистых ног. Ударами ног он защищает своих детенышей от крадущихся крупных кошек, и удары эти так сильны, что могут повалить даже льва. Сторожа в зоологических садах должны очень опасаться лягания жирафа, хотя в большинстве случаев он ведет себя очень смиренно***.

** * * Выясняя отношения между собой, самцы жирафов бьют друг друга головой и шеей, встав боком друг к другу. Большинство выпадов не достигает цели, но метко направленный удар тяжелой рогатой головой может ошеломить соперника.*

О размножении жирафов мы кое-что узнали лишь в последнее время. Из наблюдений, сделанных до сих пор в различных зоологических садах, оказывается, что спаривание происходит в конце марта или в начале апреля, а рождаются детеныши в мае или июне; следовательно, беременность длится 43 дня. Рождение детеныша происходило легко и скоро, причем прежде появляются наружу передние ноги и голова молодого животного. Первую минуту он лежит без движения, потом начинает дышать. Через полчаса детеныш уже пробует встать, а еще через 20 минут приближается к матери. Десять часов спустя молодое животное пробует бегать, а на третий день уже прыгает. При рождении детеныш имеет в длину 2,1 м, передние конечности равны 1,5 м, а хвост 50 см. Через три недели он уже ест растения, а в четыре месяца пережевывает жвачку. Через девять месяцев рост его достигает 3 м*.

** Самка приносит детеныша каждые 18 месяцев до достижения 20 лет. Самка рождает стоя, и детеныш падает с высоты 2 м. Рост новорожденного достигает 2 м, вес — 50-70 кг. Выкармливание молоком прекращается через 8-12 месяцев. Смертность детенышей порой достигает 58%, они становятся жертвами львов, гиен, гиеновых собак, леопардов. Иногда несколько детенышей под присмотром родителей образуют «ясли». Детеныш покидает мать в возрасте около 16 месяцев.*

Как туземцы, так и европейцы усердно занимаются охотой на жирафов. Туземцы гонятся за ними на дромадерах и конях до тех пор, пока не догонят уставшее животное; тогда они острым мечом перерезают ему ахиллесовы жилы, отчего жираф валится набок, и затем перерезают горло. Европейцы охотятся на жирафов с огнестрельным оружием, но могут приблизиться к нему на расстояние выстрела только после усиленной травли, когда жираф устанет. Необыкновенная высота дает жирафу преимущество перед охотниками, он имеет очень большое поле зрения, издали замечает приближающегося врага**.

** * Жираф способен обнаружить человека или льва на расстоянии 2 км.*

Гейглин, правда, упоминает, что ему удавалось несколько раз в лесу незаметно приблизиться к жирафам на расстояние пистолетного выстрела, но, кажется, это был единственный пример; все другие наблюдатели и охотники согласны в том, что едва ли к какому-нибудь животному в африканских пустынях так трудно приблизиться, как к жирафу. При травле жирафов лошади устают больше, чем при всякой другой охоте. Жираф легче переносит продолжительный бег, чем самая лучшая лошадь, если только местность благоприятна для его быстрого передвижения: бежать в гору жирафу в высшей степени затруднительно. Самюэль Бэкер говорит, что охотнику приходится с самого начала пускать лошадь в полный карьер. Если дать жирафу опередить себя хоть на пять минут, то лошадь не выдержит этой травли. По наблюдениям Селуса, жирафы пускаются в самый быстрый бег только в крайних случаях, и потому есть возможность на хорошей лошади приблизиться к ним настолько, чтобы быстро соскочить с седла и пустить пулю вдогонку.

Польза от убитого жирафа самая разнообразная. Шкуру выделывают в виде кожи и меха, кисть хвоста идет на опухало, из копыт делают различные изделия, а прекрасное мясо едят. Но выгоднее всего достать жирафа живым. Это удивительное животное всем нравится, везде его желают иметь около себя. В городах центральной Африки часто можно видеть из-за высоких стен пару выглядывающих голов этих животных; нередко вблизи жилых мест встречали ручных жирафов, которые там свободно прогуливались.

В Европе жирафа впервые увидели триста лет тому назад. Животное это считалось каким-то баснословным существом, несмотря на то, что Левальян довольно обстоятельно описал его. Египетский паша, узнав, что арабы из Сенаара успешно выкормили верблюжьим молоком пару молодых жирафов, отправил этих зверей в подарок европейским монархам. В течение трех месяцев они отдыхали в Каире и готовились к дальнему путешествию, а затем были перевезены на больших барках в Александрию, где их и поместили на корабль для отправки во Францию и Англию. В Париже эти животные произвели такой фурор, что даже имели влияние на моду, и в 1827 году еще причислялись а la girafe. Мой знакомый, Тибо, живший в Кордофани, в 1834 году снова привез в Европу живых жирафов. Молодых жирафов он поймал в степи лишь после того, как были убиты старые. Из его рассказов видно, что ловить этих животных очень трудно и хлопотно.

К сожалению, привезенные в Европу жирафы только при самом хорошем уходе переносят заточение. Большая часть околеваает от особой болезни костей, получившей название «болезнь жирафа»; она развивается, по всей вероятности, от недостатка движения и неподходящей пищи. Во

всяком случае, большое пространство и теплый пол в хлеву жирафа — необходимые условия для сносного существования в неволе этого достойного участия животного*.

* Численность жирафов в Африке пока еще высока, но постоянно снижается. С появлением просторных загонов жирафы стали хорошо переносить неволю, доживают до 26 лет, неплохо размножаются.

Семейство вилороговые

(Antilocapridae)**

* * Вилороговые некогда обширное семейство, вся эволюция которого протекала на Североамериканском континенте. Почти целиком вымерли в плейстоцене, возможно, из-за конкуренции с полорогими, вторгшимися из Азии.

Вилороги отличается от всех полорогих тем, что их рога хотя полые, но вместе с тем ветвистые. Они не растут всю жизнь, а время от времени падают и вновь вырастают. Все отличительные признаки этих замечательных жвачных так своеобразны и существенны, что их нельзя присоединить ни к какому семейству, а следует рассматривать как представителя особенного семейства.

Вилорог (*Antilocapra americana*) фигурой напоминает сильную антилопу. Общая длина его 1,5 м; на хвост идет 17—20 см; высота в плечах 80 см, а у крестца 20 см***.

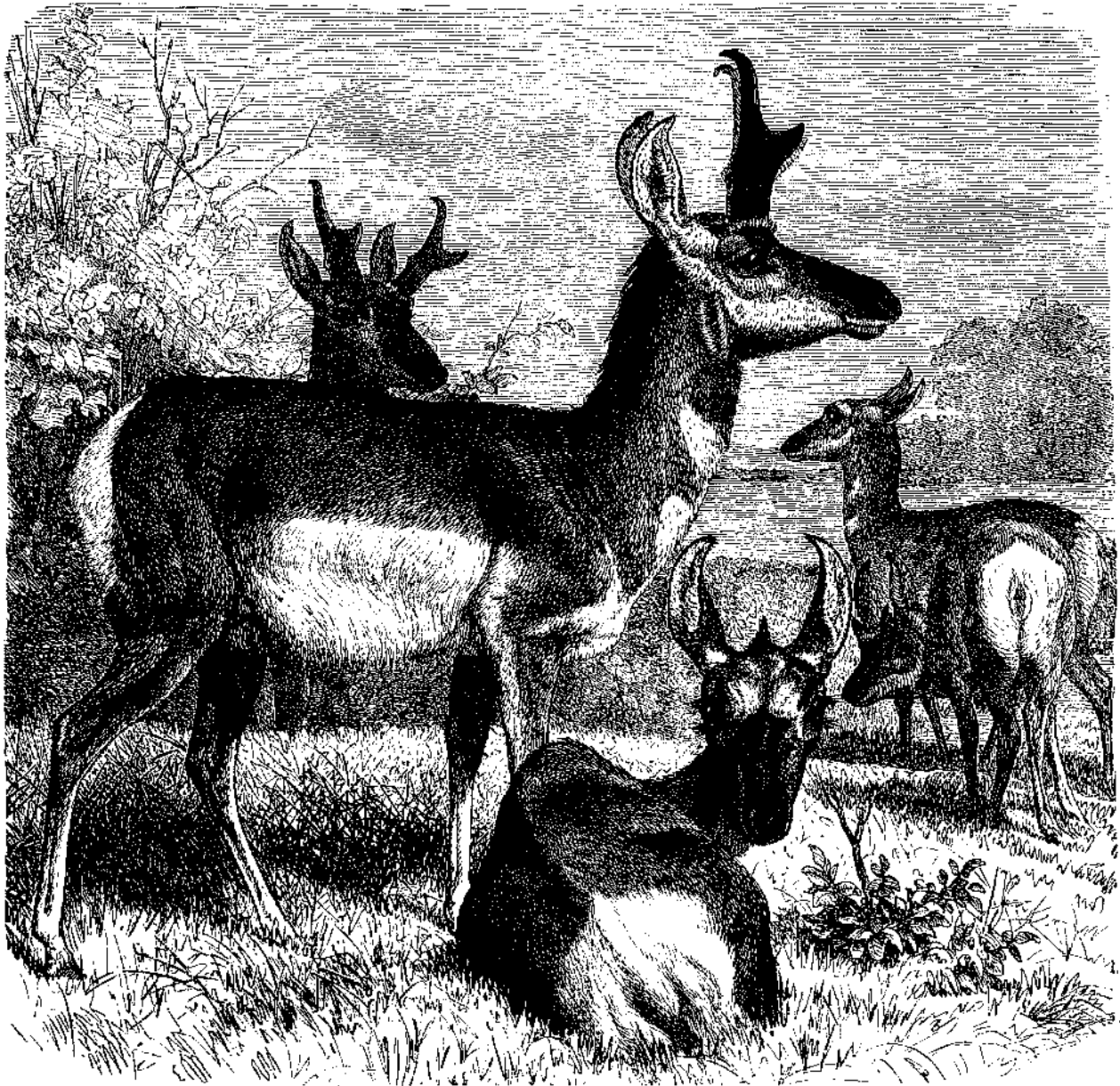
* * * Единственный уцелевший ныне вид семейства. В Америке его иногда неправильно называют «антилопой», или «вилорогой антилопой», чаще *Pronghorn* — «крючкорог».

Голова некрасивая, похожа на баранью, вытянута вперед и суживается постепенно к морде. Лоб вдавлен, около глаз заметны выпуклости; большие темные, выразительные глаза окружены и защищены сильно выдающимися краями глазных впадин, передний угол этого края выше заднего; на верхнем и нижнем веке замечаются щетинистые ресницы. Уши довольно длинные и острые, наружный край их отогнут, внутренний в верхней части образует выемку. Шея недлинная, туловище не кажется очень толстым, потому что покоится на довольно высоких и стройных ногах, хвост короткий, немного суженный книзу, более напоминает обрубленный хвост некоторых пород оленя, чем хвост антилопы; копыта острые, похожи на овечьи.

Очень густой мех покрывает все тело. Только небольшое голое кольцо окружает ноздри, и узкая полоска между ними покрыта редкими волосами. Шерсть состоит из длинных, волнистых, хрупких и жестких волос без подшерстка. Она удлиняется на затылке и крестце в виде небольшой гривы в 7—10 см. Рога окружены как бы пушистым венком волос, на ушах и ногах шерсть значительно укорачивается и становится реже. В рисунке меха преобладают три различных, друг от друга отличающихся цвета, что придает этому животному большую пестроту. Красивый нежный рыжевато-чалый цвет покрывает большую часть шеи, всю спину и верхнюю часть бедер, на наружной стороне ног и ушей он принимает рыжевато-желтый оттенок. Бока, нижняя часть брюха и верхняя часть ног — белые; того же цвета внутренняя часть ушей и пятнышки под ними, а также губы, подбородок, горло, грудь до плеч. Волосы на хвосте тоже белые; только около самого хвоста проходит темная полоса*.

* Белое пятно на крупе играет сигнальную роль. В случае опасности животное распушает шерсть на крупе и площадь пятна сильно увеличивается, что служит сигналом для остальных.

Наконец, черно-бурого цвета: верхняя часть морды от макушки до конца носа, узкая полоска вокруг глаз и за щеками, продолговатое, почти закрытое волосами пятно, имеющее вид щели и окружающее выводное отверстие железы, середина затылка и концы волос гривы. Посередине лицевой части тянется красновато-бурая полоса; окружность глаз бледно-ржавого цвета, так как волосы у основания серые, а концы их желтовато-бурые. Рога и копыта черные. Рога бывают у обоих полов, но, по свидетельству Тильмана, они разветвляются только у самца. Рога сидят посередине лба, над самыми глазами круто поднимаются вверх и только на верхушке загнуты крючком. У старых самцов рога имеют вдвое большую ширину, чем толщину, так как внизу они сильно сплющены. Наружная их поверхность не имеет ни колец, ни борозд, но чрезвычайно шероховата, груба и бугриста и местами покрыта короткими острыми шишками. У самцов рога бывают 25-30 см, у самок 8-10 см длиной.

Вилорог (*Antilocapra americana*)

Вилорог по скелету и по внутреннему строению тела напоминает других антилоп. Его длинный и низкий череп имеет большое сходство с черепом оленя и замечателен своими пеньками для рогов, которые с боков сдавлены, а спереди тонкие, как лезвие ножа. Остальные кости скелета изящны и тонки. Зубная система ничем не отличается от зубной системы антилоп; желудок состоит из четырех частей; желчный пузырь присутствует.

Образ жизни вилорога описан подробно. Он распространен по всему западу Северной Америки: от Саскачевана до Рио-Гранде, и от Миссури до берегов Тихого океана*.

** До колонизации Америки европейцами вилороги обитали от средней Канады до средней Мексики. В настоящее время сохранились на немногих изолированных участках бывшего ареала.*

Любимое местопребывание вилорога — покрытые травой прерии. По словам Финша, он часто встречается на обширных равнинах Канзаса и в долинах между Скалистыми горами и Сьерра-Невадой или между этими горами и океаном. Тильман встречал его на голых долинах Скалистых гор на высоте до 2500 м**.

*** В горах вилорог встречается до 3350 м над уровнем моря, а вот высокогорных прерий (где травяной покров выше 40 см) действительно избегает.*

Левис и Кларк, которым мы обязаны открытием вилорога, утверждают, что он зимой перебирается с равнин в горы. Переходы эти принц фон Вид объясняет тем, что животные боятся холодных северных ветров, дующих в долинах, где, кроме того, добывание пищи затруднено выпавшим глубоким снегом. Вследствие этого вилороги вынуждены переходить на возвышенности или спускаться в лежащие между ними ложбины, где они находят пастбища, защищенные от ветра и снега.

Подобные странствования предпринимают они и весной, когда иссякают пастбища, которыми они пользовались до той поры.

О ежедневной жизни вилорогов и о тех изменениях, которым она подвергается в течение года, сообщает нам подробнее и точнее всех Канфильд, который, по его собственному уверению, так же хорошо изучил нравы и привычки этих животных, как хозяин — привычки и потребности своих домашних коз и овец. «Я прожил, — говорит он, — несколько лет в южной части Монтерейского округа в Калифорнии. Долина, в которой я жил, имела в длину несколько миль и в ширину полмили и была окружена холмами, поросшими густой травой; здесь я наблюдал за вилорогами, охотился на них, убил до 150 штук, а нескольких поймал и воспитал. Могу сказать, что они почти каждый день проходили мимо моего дома или пили у источника в ста шагах от него. В последнем случае было нетрудно подстрелить их из револьвера Кольта. Они появлялись то небольшими группами, то целыми стадами в несколько сот голов»***.

* * * *К зиме вилороги собираются в стада по нескольку сот и даже тысяч голов, летом разбиваются на группы по 8-30 особей, состоящие из самок и молодых животных, а также отдельные группы холостых самцов. Большинство самцов держатся поодиночке на помеченных запаховыми метками участках, куда стараются привлечь самок. Лишь территориальные самцы участвуют в спаривании.*

Мы уже знаем от прежних наблюдателей, что пища вилорогов состоит преимущественно из низкой сочной травы; кроме того, они едят мох, коренья, а может быть, и ветки деревьев. Соленую воду и чистую соль чрезвычайно любят подобно всем вообще жвачным, поэтому живут преимущественно около тех мест, где почва пропитана солью. Возле солончаков можно часто видеть их лежащими по целым часам, после того как они вдоволь налижутся соли и напьются воды.

По-видимому, один голод может прогнать их оттуда. При хорошем пастбище осенью они становятся очень жирными, зимой же, когда снег покрывает землю на целый фут, терпят большую нужду и довольствуются самой скудной пищей. Тогда вилороги быстро спадают с тела; ходьба по снегу сильно утомляет, и их довольно много погибает.

Все наблюдатели единогласно восхищаются быстротой и проворством вилорогов. Может статься, что некоторые виды антилоп и превосходят их в этом отношении, но среди животных луговых степей Америки они, бесспорно, занимают в этом отношении первое место. Легко и быстро, «подобно ветру в поле», несутся они по равнине, высоко вскидывая стройные ноги. При этом превосходят выносливостью всех жвачных Америки*.

* *Вилорог самое скоростное млекопитающее Западного полушария, при этом отличается большой выносливостью. На коротких дистанциях он развивает скорость 64-72 км/ч. Во время бега животные совершают гигантские прыжки до 6 м в длину. У вилорога необычайно крупное для его размеров сердце, обеспечивающее быструю прокачку крови и большой приток кислорода к мышцам.*

Финш утверждает, правда, что при медленной ходьбе они волочат ноги, низко опустив голову, и что обыкновенно их походка, короткая иноходь, весьма некрасива, но тем изящнее они, когда несутся полным галопом. «Вспугнутое стадо вилорогов, — говорит Финш, — представляет такое невыразимо прекрасное зрелище, что, увидев его раз, никогда не забудешь». Грациозные животные несутся вдоль холмов, в гору и под гору с такой же уверенностью и быстротой, как и на ровном месте. По словам Одюбона, при этом они так проворно перебирают передними ногами, что невозможно разглядеть отдельных движений, вилороги мелькают перед глазами, как спицы колеса. Они имеют привычку первые 30—40 шагов бежать рысью, подпрыгивая, как лани, всеми четырьмя ногами разом. После этого вытягивают туловище, как борзые собаки, и пробегают полным галопом огромное пространство. По словам Одюбона, они легко переплывают широкие реки.

Вилороги одарены очень острыми чувствами. Видят далеко, слышат превосходно и за несколько сот шагов чувят врага, крадущегося под ветром. Чуткие и пугливые, относительно умные и, во всяком случае, очень осторожные, вилороги умеют для своих дневных стоянок выбирать такие места, откуда им открывается вид на всю окрестность; они отлично используют направление ветра и, кроме того, всегда выставляют сторожа. Вилороги избегают близости человеческого жилья, но домашних животных не чуждаются и даже часто пасутся безбоязненно недалеко от коров и лошадей.

Гон у них начинается в сентябре. Около шести недель самцы находятся в возбужденном состоянии и борются между собой довольно яростно. Самый ранний срок рождения детенышей — май, самый поздний — половина июня. Обыкновенно самка мечет двух детенышей, похожих цветом

меха на родителей, только на нем еще нет пятен. Годовалые самки редко приносят более одного детеныша**.

** * Гон начинается в июле на юге и 6 сентября на севере, продолжается, около трех недель. После 252 дней беременности самка рождает детенышей-близнецов одного пола (молодая самка одного детеныша). Крайне редко бывают 3 детеныша (сосков у вилорога две пары).*

После двух недель молодой вилорог делается настолько сильным и проворным, что может вместе с быстроногой матерью спастись от преследования волка или других четвероногих врагов. Но если случится, что волк подберется к беспомощному детенышу, то мать оказывает своему страшному противнику сопротивление с изумительным мужеством. Она брасается на него, бьет короткими рожками и пускает в ход передние ноги, которыми умеет наносить очень чувствительные удары; если волк не очень силен и не очень голоден, она нередко обращает его в бегство*.

** У вилорога сравнительно мало естественных врагов. На детенышей нападают койоты, рыси, беркуты, основную угрозу взрослым представляют стаи волков, однако благодаря стабильному образу жизни, скорости бега и выносливости вилорогов их охота бывает малорезультативной, а ущерб популяциям копытных невелик.*

Молодые вилороги, как почти все жвачные, растут сравнительно быстро. Уже около июня появляются у обоих полов короткие, тупые конусообразные рожки, которые в декабре достигают 2-5 см величины, но с этого времени рожки больше не растут, а скоро совсем спадают, и на их месте вырастают новые. Но вся эта процедура смены рогов у вилорога существенно отличается от таковой у оленей.

Пойманные в старости вилороги, как кажется, не могут свыкнуться с потерей свободы. Те, которых ловили зимой в глубоком снегу, оставленные в огороженном месте, казались добродушными, даже доверчивыми, но только до тех пор, пока были слабыми и усталыми. Как только голод удовлетворен, у них появлялось страстное стремление к неограниченной свободе, и они проявляли природную дикость. Тогда, словно бешеные, бегали и прыгали на решетку своей изгороди и буйствовали до тех пор, пока не упали замертво. Даже пойманные после рождения, животные обыкновенно умирали после недолгой неволи, если только за ними не было особенно тщательного ухода. Привезенные в Европу вилороги с трудом уживались и погибали от различных болезней. Содержавшийся в Берлинском зоологическом саду вилорог умер от глистов**.

** * Вилороги плохо приживались в неволе из-за тесноты помещений и невозможности создать полноценную крупную группу. В настоящее время легко содержатся и размножаются в сафари-парках, доживают до 12 лет.*

По сообщениям принца фон Вида, еще 20-25 лет тому назад охота на вилорогов велась вяло, и только «в крайнем случае, когда нельзя было достать мяса бизонов». В то время индейцы были самыми опасными врагами животного; теперь же европейцы не уступают им в страсти к этой охоте. По словам Одюбона, индеец перенимает у волка способ охоты, основывая его на любопытстве вилорогов: он принимает необыкновенные позы, делает руками и ногами странные движения и таким образом заставляет изумленное животное приблизиться на расстояние выстрела. Вышеупомянутый наблюдатель уверяет, что он сам мог убедиться в верности этих показаний. «Во время одной охоты, — говорит он, — мы подошли к вилорогу и решили озадачить его, легли на спину в траву и подняли на воздух сначала одну, а потом другую ногу. Замечательно то, что вилорог стал медленно подходить к нам, хотя и с величайшей осторожностью и большим недоверием. Он все ближе и ближе подходил к нам и скоро действительно оказался на расстоянии выстрела». В настоящее время, по словам Финша, никто не знает о подобной охоте и смеются над такими охотничьими рассказами. Однако Тильман упоминает о сильном любопытстве этого животного, указывая на то, что он сам видел удивительные примеры этого. Вообще там, где водятся вилороги, не много встречается людей, которые бы занимались охотой на них, так как она сопряжена с большими трудностями. Обыкновенный род охоты — это охота с ружьем по следу, которая требует, по крайней мере, терпения и напряжения. Кто по собственному опыту знаком со степями Запада, знает, чего это стоит.

Полезьа от этой охоты немаловажна. Некоторым людям противно мясо этого животного из-за сильного отталкивающего запаха, но большинство европейцев находит, что оно отличается от мяса оленей и косуль, имеет необыкновенно пряный вкус и потому по праву может считаться одним из тончайших блюд западных областей Северной Америки. Жир отличается твердостью, поэтому из него выделывают свечи. Легкая и мягкая кожа употребляется индейцами на изготовление рубашек, а европейцами — на выделку перчаток*.

* Численность вилорога до освоения прерии европейцами достигала 35 млн голов. В результате неумеренной охоты она упала до 20 тыс. в начале XX века. В результате охранных мероприятий численность восстанавливается и, возможно, дошла до 1 млн.

Семейство полорогие

(Bovidae)**

* * Семейство полорогих, или бычьих самая обширная и разнообразная группа парнокопытных, включает 45—50 современных родов и около 130 видов.

Полорогие животные составляют естественную, ясно очерченную группу. Как ни близки олени к полорогим, однако отличаются от них строением и развитием рогов, которые имеют свойство ежегодно сваливаться, вновь вырастать и все более и более разветвляться. «Полорогие, — говорит Блазиус, — имеют на лбу конусообразно заостряющиеся костяные наросты, которые окружены роговым футляром; эти костяные наросты растут постоянно в длину, а у основания и в ширину. При росте на этом костяном пеньке постоянно образуются новые роговые слои, для которых старые слои служат как бы футляром. И в полых рогах новая роговая масса отделяет старые слои рогов от костяного нароста, но эти старые слои не опадают, как у оленей, так как конусообразный вид поверхности старых роговых слоев препятствует этому. Годовые слои на рогах заметны волнообразными желобками. Растет роговое вещество не весь год одинаково. Ежегодный прирост также изменяется, смотря по возрасту; чем старше животное, тем ежегодный прирост бывает меньше***».

* * * Из-за сезонной неравномерности роста на рогах некоторых парнокопытных заметны «годовые кольца», позволяющие узнать возраст животного.

Другими признаками этого семейства может служить зубная система: все принадлежащие к полорогим животные имеют шесть резцов и два клыка только на нижней челюсти; на верхней челюсти нет передних зубов; на каждой стороне челюстей вверху и внизу мы находим по шесть коренных зубов. Скуловая дуга очень плотная.

Кроме зубной системы и рогов трудно найти общие признаки, свойственные всем полорогим. Строение их тела очень разнообразно, к этому семейству относятся как толстые и массивные животные, так и легкие и грациозные. Форма рогов и копыт, длина хвоста, волосяной покров и окраска бывают очень различны; слезные ямочки иногда встречаются, иногда нет; кончик морды покрыт волосами или голый — одним словом, при ближайшем рассмотрении этих животных замечаешь у них много отличительных признаков*.

* В отличие от оленевых, у полорогих никогда не бывает верхних клыков, коренные зубы имеют более высокую коронку и более сложную жевательную поверхность. Число пальцев иногда сокращается до двух.

Образ жизни полорогих так же разнообразен, как и внешний вид. Они распространены по всей земле, за исключением Южной Америки и Австралии**; м ножество видов встречается во всех поясах земного шара и в самых разнообразных местностях: в безводных пустынях и в богатых растительностью тропических лесах, в болотистых равнинах и в высоких горах.

* * Будучи многочисленными и разнообразными в Африке и Евразии, полорогие в ограниченном числе проникли в Северную Америку только в плейстоцене, преодолев берингийскую сушу. Сейчас здесь встречаются всего 5-6 видов из 4 родов (подсемейства Caprinae и Bovinae). Южной Америки и Австралии полорогие так и не достигли, так же как и многих островов, архипелагов. В России 12 диких видов полорогих из 8 родов.

Большинство живут стадами. Почти у всех хорошо развиты душевные способности. Многие виды отличаются сообразительностью, но некоторые, напротив того, от природы очень глупы. Размножаются они довольно быстро, хотя самка за один раз приносит одного детеныша, реже двух, в виде исключения — трех и только в редких случаях — четырех. Молодые животные по росту и по развитию не отличаются от других жвачных. Они рождаются развитыми и большей частью через несколько часов после рождения могут следовать за своими родителями по самым опасным местам. У многих видов рост продолжается несколько лет, но у большинства молодые уже через год сами способны к размножению, и этим объясняется быстрое увеличение числа особей в отдельных стадах жвачных.

Полорогие имеют для человека более важное значение, чем все прочие жвачные. Между ними человек выбрал себе самых необходимых домашних животных; от них мы получаем значительную часть пищи и материала для одежды; без них человеку ныне жить было бы невозможно. Даже дикие, пользующиеся неограниченной свободой виды этого семейства приносят гораздо больше пользы, чем вреда. Почти все без исключения доставляют нам вкусное мясо, шкуру, шерсть и рога. Все дико живущие полорогие считаются охотничьими животными. Кроме человека эти животные

имеют и других врагов, но еще чаще, чем от насильственной смерти, они погибают от голода и различных, очень распространенных у них болезней.

Быки — это большие, сильные и неуклюжие жвачные, признаками которых служат, главным образом, более или менее круглые и гладкие рога, широкая морда с далеко отстоящими одна от другой ноздрями, длинный хвост, достигающий пяточного сустава, с кистью на конце, отсутствие слезных ямок и межкопытных желез; у самок вымя с четырьмя сосками. Большинство имеет отвислый подгрудок или складку кожи на верхней части шеи. Скелет состоит из очень грубых и толстых костей. Череп широк у лба и к морде мало сужен; круглые глазные впадины расположены по сторонам черепа далеко одна от другой; лобные отростки, на которых сидят рога, выдвигаются по сторонам из задней части лобной кости. Устройство зубов ничем особенным не выделяется. На каждой челюсти самыми большими оказываются внутренние резцы, передние обыкновенно малы, задние же очень развиты. Рога у корня расширяются и поэтому могут закрывать почти весь лоб, но у большинства оставляют его открытым. Рога гладкие, округленные и только у основания имеют поперечные морщины; сгибаются различно: наружу или внутрь, назад или вперед, вверх или вниз или же имеют лирообразную форму. Волосистой покров короток и гладко прилегает к коже, но на некоторых частях тела может удлиняться в виде гривы.

Родиной быков нужно считать всю Европу и Африку, Среднюю и Южную Азию, а также Северную Америку; в настоящее время одомашненные виды распространены во всех частях земного шара. В диком состоянии быки населяют самые разные местности; одни живут в густых лесах, другие среди вольных степей, одни на равнинах, другие в горах, где достигают высот до 6000 м. Некоторые виды предпочитают болотистые местности и топи, другие — более сухие места. Те, которые живут в горах, спускаются зимой в долины; живущие на севере передвигаются на юг; в других областях переходят из одних мест в другие, более богатые растительностью. Все без исключения виды живут обществами и собираются в стада под предводительством сильных и опытных животных. Старые самцы обыкновенно отделяются и живут отшельниками.

Хотя быки кажутся неуклюжими и неповоротливыми, они в состоянии быстро двигаться и выказывают гораздо больше ловкости, чем можно было бы предположить. Обыкновенно они передвигаются медленным шагом, однако бегают рысью и переходят иногда в чрезвычайно неуклюжий галоп, ускоряющий их передвижение в значительной степени. Виды, живущие в горах, лазают мастерски. Все быки легко и хорошо плавают, некоторые без опасений переправляются через широчайшие реки. Они обладают необыкновенной силой, и выносливость их достойна удивления. Из органов чувств выше всего развито обоняние, слух тоже хорош, зрение не особенно сильное. Дикие обнаруживают гораздо больше сообразительности, чем домашние, которым нет необходимости напрягать свои душевные силы. Они кротки и доверчивы к животным, которые для них не опасны и им не надоедают. Но бывают чрезвычайно свирепы, упрямы и в высшей степени мужественны. Раздраженные, бросаются, презирая смерть, на хищных зверей, даже на сильнейших, и с такой ловкостью умеют пользоваться своим страшным оружием — рогами и копытами, что часто остаются победителями. В общем миролюбивые друг с другом, в известные периоды, особенно в период случек, они вступают в бои, выказывая большую свирепость. Голос их представляет ясное или глухое мычание или же походит на хрюканье и ворчание, которое слышится главным образом, когда они возбуждены.

Пищу быков составляют растения. Они поедают листья и нежные почки, побеги и ветви самых разных деревьев, травы и злаки, древесную кору, мхи и лишай, болотные и водяные растения, даже острую режущую осоку и тростниковые растения. В неволе они также питаются растительными веществами. Соль для всех служит лакомством, вода — насущная потребность; многие с удовольствием валяются в илистых болотах или часами лежат в реках и прудах.

Случке предшествуют жестокие битвы между быками; 9-12 месяцев спустя корова телится одним теленком, очень редко двумя. Теленок рождается вполне развитым и почти немедленно в состоянии следовать за матерью. Она обращается с ним с большой нежностью, кормит и чистит, облизывает и ласкает его, а в случае опасности защищает от всякого нападения с большим мужеством; у некоторых видов самцы также охраняют детенышей.

Все виды быков поддаются приручению и подчиняются, более или менее охотно, человеку, привыкают к своим хозяевам, любят и узнают их, идут на их зов и повинуются даже слабому ребенку.

Охота на диких быков принадлежит к опасным. Особенно грозным противником является раздраженный бык, слепая ярость которого не знает границ. Но именно вследствие опасности охота эта кажется для многих привлекательной, некоторые народы ее особенно высоко ценят. Охота

на диких быков приносит немаловажный доход, люди пользуются не только их кожей, но и мясом, которое, несмотря на часто присущий ему мускусный запах, служит отличной пищей.

Быки, живущие в диком состоянии, вредят человеку, разве лишь обгладывая деревья и кусты в лесах, уничтожая травы на лугах и разные насаждения на плантациях; прирученные, напротив, приносят пользу своей силой, мясом и костями, кожей и рогами, молоком, шерстью и даже навозом. На западе России находится своеобразное сокровище. Это знаменитая Беловежская пуща, настоящий северный первобытный лес пространством в 2000 квадратных километров. Он расположен обособленно и, подобно острову, окружен полями, селами и вересковыми пустошами. В лесу находится лишь одна деревня, называемая так же, как и пуща, но населенная не хлебопашцами, а лесниками и егерями. Около четырех пятых площади леса составляют сосны, сохраняющие исключительное господство на большом пространстве. В более сырых местах появляются ели, дубы, липы, грабы, березы, ольхи, тополя и ивы. В этом лесу живет величайшее европейское млекопитающее — **зубр** (*Bison bonasus*). Лишь здесь и в некоторых лесах Кавказа, а также в Мецерцице в Силезии сохранилось в настоящее время это мощное животное; на всей остальной поверхности земли оно уже истреблено. В Беловежской пуще его охраняют строгие законы и, если бы в течение многих столетий менявшиеся владельцы этого удивительного зверинца не оказывали зубру подобного покровительства, то к нашему времени зубра можно было бы найти разве только на Кавказе.

В прежние времена дело было, конечно, иначе; можно доказать, что зубр был распространен по всей Европе и значительной части Азии. Во время процветания Древней Греции он часто попадался в нынешней Болгарии; в средней Европе водился почти повсеместно. Аристотель называет его «бонассус» и делает точное описание, Плиний приводит его под именем «бизон» и считает родиной Германию. Старинные письменные памятники упоминают о нем в VI и VII веках после Рождества Христова, а в «Песне о Нибелунгах» говорится, что он живет в Вогезах. Во времена Карла Великого зубр встречался в Гарце и Саксонии, около 1000 года, по Эккегарду, это дикое животное попадалось у Сент-Галлена. Около 1373 года он жил еще в Померании, в XV веке в Пруссии, в XVI веке — в Литве, в XVIII веке — в восточной Пруссии, где еще в 1755 году браконьером был убит последний представитель этого вида.

Короли и магнаты Речи Посполитой ревностно занимались охраной зубров. Их содержали в особых садах и парках, например, близ Остроленки, Варшавы и Замойска. Увеличивающееся население и обработка полей сделали с течением времени такую охрану невозможной; зубры удержались еще некоторое время в Прусской Литве, где лесничие оберегали их, устраивая зимой открытые сараи с кормом. Ловили их тогда обыкновенно для подарков иностранным дворам. Так, в 1717 году два зубра были доставлены ландграфу Гессен-Кассельскому, столько же английскому королю Георгу. Повсеместная чума рогатого скота в начале XVIII столетия уничтожила большую часть этих стад. Несомненно, что зубров, живущих в Беловежской пуще, постигла бы та же участь, если бы польские короли, а потом русские императоры не охраняли редкого в современном мире животного.

По сведениям, дошедшим до меня через покойного графа Лацар, дольше, чем в Пруссии, зубр жил в Венгрии, в лесистой Трансильвании. На это указывает и тот факт, что названия некоторых гор, ручьев и даже селений содержат слово «зубр». В Туреческой хронике, которая была напечатана при короле Матвее I, находятся богато разукрашенные начальные буквы, на одном их таких украшений мы видим венгерского короля верхом, с короной на голове; он замахивается высоко поднятым копьём на бешено мчащегося зубра. Во времена трансильванских князей зубр часто там встречался, и вполне подтверждается, что еще в XVII веке его шкура была употребляема на разные изделия. Как доказано, он еще в 1729 году жил в горных лесах Венгрии и в конце прошлого века встречался в горных лесах Секлеров, недалеко от местности Фюле*.

** Ареал зубра в средние века охватывал Центральную и Восточную Европу от Германии и Венгрии до бассейна Дона и Кавказа. Дольше всего дикие зубры сохранялись на Кавказе и в районе Беловежской пущи. К 20-м годам XX века из природы исчез. 45 голов номинативного подвида сохранилось в зоопарках, главным образом в Польше. В результате восстановительных работ в неволе (в том числе поглотительном скрещивании с бизоном) зубра удалось спасти как вид и вернуть в некоторые места бывшего обитания заповедники Польши и бывшего СССР. В Подмоскowie функционирует питомник при Приокско-Террасном заповеднике, группы зубров реакклиматизированы на Кавказе, в Карпатах, завезены на Тянь-Шань. Сейчас в мире насчитывается около 1,5 тыс. животных.*

Хотя можно с уверенностью признать, что зубр уменьшился в росте, он все же и теперь могучее животное. Зубр, убитый в Пруссии в 1555 году, был 7 футов высотой и 13 футов длиной, при

этом весил 19 центнеров и 5 фунтов. В настоящее время самый большой зубр редко достигает в высоту 1,7 м, в длину 3,4 м, а массы 500-700 кг*.

** Высота быков в холке — до 2 м масса — до 850 кг. Коровы могут быть вполтину легче.*

Зубр представляется нам образцом первобытной силы и мощи. Голова его умеренно велика и не только не неуклюжа, а скорее стройна, лоб высок и очень широк, переносье немного выгнуто, лицевая часть равномерно сужена к концу. Морда широкая и некрасивая; она занимает все пространство между большими, круглыми, косо расположенными ноздрями; уши короткие и закруглены, глаза скорее малы, края глазных впадин выдаются над щеками; очень сильная, короткая и приподнятая шея образует подгрудок. На сильных, но не коротких ногах, снабженных большими овальными копытами и довольно маленькими мозолистыми пальцами, покоится массивное туловище: спина значительно возвышается от затылка до середины, откуда спадает к крестцу; хвост короткий и толстый. Рога расставлены далеко один от другого, не слишком толсты, круглы и остры; они загибаются несколько вперед, затем внутрь и назад. Туловище покрыто густым мехом, состоящим из длинных, большей частью завитых волос ости и сбитого, как войлок, подшерстка. Мех этот удлиняется на затылке в широкую челку, состоящую из гладких волос и спадающую на лоб и на виски; на спине волосы образуют высокий гребень, на подбородке свешивается вниз длинная и довольно жидкая борода. Шею и подгрудок охватывает большая грива. Все лицо покрыто густыми волосами; ушные раковины на краях мохнатые; на конце хвоста широкая и длинная кисть, спускающаяся почти до пяточного сустава. Общая окраска меха светло-бурая, борода и кисть хвоста черные, ноги темно-бурые, челка светло-коричневая. Корова по телосложению заметно меньше и тоньше, чем бык, рога у нее слабее, грива менее развита; окраска, однако, одинаковая. Только что родившийся теленок более светлого цвета**.

** * От бизона зубр отличается более крупной величиной, но одновременно более легким телосложением. У него не столь большая голова, посаженная гораздо выше, более длинные и тонкие рога, прогнутый профиль спины, сильнее развита задняя часть тела. Ноги заметно выше, хвост длиннее. Шерсть более равно мерной длины и однотонного коричневого цвета. В рационе большее значение играют ветки и листья (всего зубры потребляют более 200 растений).*

До последнего времени вопрос: принадлежит ли живущий в Кавказских горах дикий бык к тому же виду, что и зубр, остался нерешенным. Мы до сих пор получили мало сведений об этом животном. Более 200 лет тому назад Архангело Ламберти только упомянул, хотя и по слухам, о существовании «дикого буйвола» на границе Мингрелии. В конце прошлого столетия Гюльденштедт нашел в одной пещере на Кавказе 14 зубровых черепов. Эйхвальд в начале нашего века собирал известия о местонахождении оставшихся еще в живых диких быков. Но только Бэр мог на основании присланной ему в 1836 году бароном фон Розаном шкуры удостовериться в том, что кавказский дикий бык и зубр принадлежат к одному виду. С тех пор было много сообщений о диком быке Кавказа. А в 1868 году там был пойман молодой зубр-самец, и доставлен в Московский зоологический сад. Таким образом, установлено, что наш европейский дикий бык — зубр — имеет еще и другое местопребывание и может считаться застрахованным от истребления по крайней мере на ближайшее время.

Нордман, Торнау и Радде сообщили между тем дальнейшие сведения о существовании и образе жизни кавказских зубров, а также об охоте на них. Нордман свидетельствовал в конце тридцатых годов, что зубр уже не встречается вблизи горной дороги из Тамани в Тифлис, но что внутри горных цепей Кавказа попадает нередко, постоянным местом его обитания служит пространство не меньше 200 километров вдоль побережья Кубани до истоков Бзыби. Опираясь на устные сообщения Торнау, он рассказывает об одной кавказской охоте на зубров в долине Большого Зеленчука и замечает, что животные эти водятся не только на указанной реке, но и в скалистых, обильных ущельями долинах Урупа и Большой Лабы, а также в хвойных лесах Главного хребта ниже линии вечного снега. Радде сообщает Брандту, из труда которого я заимствовал нижеизложенные известия о зубрах, что еще в 1865 году в обширных сосновых лесах к западу от глетчера Марухи ютились зубры, которые попадались там стадами в 7-10 голов. Торнау, живший три года в горах в качестве пленника у горцев и присутствовавший при охоте на зубров, часто видел становище этих животных и тропинки, прокладываемые ими даже на самых крутых обрывах, чтобы перейти из скалистой долины к ручью, где можно утолить жажду. Однажды на Зеленчуке он услышал громкий шум, происходивший от топота стада зубров и ломающихся ветвей, и скоро увидел до 20 коров и телят, которые следовали за громадным быком, важно шагавшим с опущенной головой; все они направлялись к обычному водопою*.

* *Последние зубры особого кавказского подвида (B. b. caucasicus), отличавшегося очень темной курчавой шерстью и некоторыми другими особенностями, были истреблены браконьерами в 1925 — 1927 годах в районе Теберды. Сейчас в Теберди иском и других парках и заповедниках Кавказа живут стада зубров, беловежских по происхождению, а также зубробизонов. Оседлые на равнинах, в горах зубры совершают вертикальные кочевки, поднимаясь летом до 2000 м над уровнем моря.*

Число зубров в Беловежской пуще, согласно произведенной переписи, доходило в 1829 году до 711 голов, между которыми было 633 старых быка, в следующем году стадо возросло до 772 голов, но затем уменьшилось снова до 657 вследствие происходившего в эти годы польского мятежа. В дальнейшем усиление охранительных законов так благоприятствовало их размножению, что в 1857 году число всех зубров, живущих в Беловежской пуще, равнялось 1898. Но по другим сведениям, в 1863 году в стаде было только 874 зубра, и с тех пор число их постоянно колеблется от 800 до 900 голов; по словам Фриза, в настоящее время насчитывают до 1500 быков.

В 1865 году князь фон Плесе сделал попытку поселить зубров в поместье Плес в Силезии, в парке пространством более 600 гектаров. Из Беловежья по железной дороге были привезены один бык и три коровы, которые хорошо ужились и даже размножились на новом месте. Позже, в 1871 году, животные были переведены в лес Мецерцица. Как сообщает Фризе, в 1889 году там уже насчитывалось 11 зубров, хотя за это время девять быков были застрелены.

Летом и осенью зубр живет в сырых местах леса, обыкновенно спрятавшись в чащах; зимой предпочитает более сухой и выше расположенный лес. Очень старые быки живут одиноко, более молодые бродят небольшими стадами, летом в 16-20, а зимой в 30-50 голов. Каждое стадо имеет свое постоянное становище и всегда возвращается к нему.

Зубры деятельны и днем и ночью, пасутся охотнее всего утром и вечером, иногда даже и ночью. Пищу их составляют различные травы, листья, почки и кора деревьев: они насколько могут обгладывают кору с деревьев и пригибают к земле молодые гибкие стволы, чтобы достать макушку, которую совсем уничтожают. Их любимое дерево, кажется, ясень, сочную кору которого они предпочитают всем другим; хвойные деревья, напротив, не трогают. Зимой едят почти исключительно кору и ветки доступных им лиственных деревьев, кроме того, лишайники и сухую траву. В Беловежской пуще скошенное на лугах сено запасают для них в стогах; но они, не довольствуясь этим, делают набеги на стога соседних деревень, ломая при этом изгороди. Свежая вода для питья им необходима.

На первый взгляд движения зубра кажутся тяжелыми и неуклюжими, но, присмотревшись, можно заметить, что они достаточно проворны.

Ходят зубры скорым шагом, бегают тяжелым, но быстрым галопом, причем опускают голову к земле, а хвост поднимают кверху и вытягивают*.

* *Зубры могут прыгать до 3 м в длину и до 2 м в высоту.*

Они легко переходят вброд или переплывают болота и реки. Между внешними чувствами первое место занимает обоняние; зрение и слух развиты меньше, а вкус и осязание лишь посредственно. Нрав зубров меняется с годами. Молодые животные бывают веселыми, живыми, игривыми существами; хотя они не очень кротки и миролюбивы, но все же не злы. Старые, напротив, имеют сумрачный, даже свирепый нрав; они становятся раздражительными и не расположенными к каким бы то ни было играм. Хотя зубры обыкновенно не трогают людей, которые их не беспокоят, но малейший повод может пробудить в них гнев и сделать чрезвычайно опасными. Летом они стараются избегать человека, зимой никому не уступают дороги, и случалось не раз, что крестьянам приходилось долго ждать, пока зубру заблагорассудится уйти с занятой им тропы, по которой никто не может пройти. Дикость, упрямство и вспыльчивость — отличительные черты этих быков. Более молодые пугливее и боязливее старых. Живущие отшельниками старые звери могут стать истинным бичом страны. Они, кажется, находят особое удовольствие в том, что дразнят людей. Один старый бык-вожак овладел на некоторое время дорогой, проходящей через Беловежский лес, опрокидывал не раз экипажи и причинил много других несчастий. Лошади выказывают перед зубром еще издали страх и ужас и, почуяв его, стараются убежать.

Период случек, наступающий обыкновенно в августе, а иногда только в сентябре, продолжается две или три недели. Около этого времени зубры находятся в наилучшем состоянии, тучны и сильны. Перед случкой забавляются своеобразными играми, а между быками бывают серьезные битвы. Бешеному от любви животному, кажется, доставляет особое удовольствие вырывать из земли не очень толстые деревья и валить их. Затем они начинают драться, сперва, может быть, только шутя, потом все серьезней и серьезней, наконец бешено бросаются друг на друга и так сталкивают-

ся рогами, что можно только удивляться, как оба не расшибутся от такого сильного удара. Мало-помалу отшельники собираются в стада, и поединки делаются теперь еще ужасней, более молодой и слабый бык должен или отступить, или умереть. В 1827 году в Беловежском лесу был найден околелый трехлетний бык с раздробленной ногой и отбитым у корня рогом. Не только быков находили мертвыми в это время, но и коров*.

** Во время гона при быке находится «гарем» из 2—6 самок.*

Тотчас после окончания периода спаривания старые быки снова отделяются от стада и возвращаются к прежней тихой, отшельнической жизни. Коровы телятся через девять месяцев после случки, обыкновенно в мае или начале июня. Перед этим они уединяются, находят удобное место где-нибудь в глубине леса и скрываются здесь с теленком в течение нескольких дней. В случае опасности с необыкновенным мужеством защищают свое детище. Теленок прижимается к земле, поднимает уши и ворочает ими, широко раскрывает ноздри и глаза и пугливо смотрит на врага, на встречу которому спешит мать. Тогда и человеку, и зверю опасно приближаться к самке зубра — она храбро идет против всякого врага. В течение нескольких дней после рождения теленок следует за матерью, которая обращается с ним с необыкновенной нежностью. Пока он еще не умеет как следует ходить, она головой нежно подталкивает его вперед и старается защитить от холода и опасности, помещая между передними ногами; каждый день дочиста облизывает его; во время кормления стоит на трех ногах, чтобы теленку было удобнее достать вымя, а пока он спит, охраняет его безопасность. Телята премилые, грациозные животные, хотя уже с юности проявляют задатки характера. Они развиваются очень медленно и достигают полного роста, вероятно, только к восьмому или девятому году**.

*** Вес новорожденного около 22 кг, лактация продолжается 5-6 месяцев (иногда до года), но теленок начинает есть траву уже с 2-3 недель. Иногда теленок остается с матерью до 2 лет, несмотря на то, что при благоприятных условиях следующей весной самка приносит новое потомство. Половое созревание наступает в 1,5-2 года, но окончательных размеров животные достигают к 5-8 годам. Максимальная продолжительность жизни — около 40 лет.*

Возраст, до которого зубры могут дожить, определяется приблизительно в 30-50 лет. Коровы умирают лет на 10 раньше быков, но и последние в старости обыкновенно слепнут или лишаются зубов, тогда уже они не способны питаться надлежащим образом, не могут обкусывать молодые ветви, быстро слабеют и наконец околевают.

По сравнению с другими быками зубры размножаются медленно. В Беловежской пушке провели наблюдение и выяснили, что коровы бывают стельными раз в три года, а в более зрелом возрасте остаются бесплодными несколько лет кряду. В 1829 году из 258 коров отелились только 93; из остальных большинство уже были бесплодными, а другие еще слишком молодыми.

Эти сильные животные превосходно защищаются от врагов. Медведи и волки могут быть опасны только телятам, и то если по какой-нибудь причине матери нет в живых и детеныш беззащитен. Однако случается, когда выпадает глубокий снег, голодные волки гоняют взрослых зубров до изнеможения и наконец одолевают их.

Еще во времена Юлия Цезаря охотник, убивший одного тура или зубра, приобретал большую славу; все древние песни восхваляют таких героев. В средние века рыцари и бароны доблестно сражались с зубрами и турами. Одни охотились верхом на конях, другие пешком, но всегда избирали оружием нападения копье. Выходили на зверя вдвоем: один приближался к бешеному зверю, другой криками и размахиванием красного платка старался отвлечь внимание зубра от нападающего и привлечь к себе; в это время первый вонзал копье в тело животного. Простые охотники, чтобы овладеть могучим животным, сооружали на его тропе глубокую яму и убивали зубра, провалившегося в нее.

По преданиям, которыми так богата история Венгрии и Трансильвании, охота на зубра составляла самое воинственное занятие мадьярского рыцарства и знати соседних стран. Во времена первых венгерских королей охота сделалась исключительным правом короля или владетельного князя. Есть много сообщений на эту тему. «В том же году (1534), — говорится в одной немецкой рукописи, — дикие быки, известные в Венгрии под названием «бегин» или «беогин», жившие стадами в горах Журжево в стране Секлеров, причиняли много вреда и нападали на мужчин и женщин, ходивших в лес. Поэтому Мойлар Истван, согласно древнему обычаю, созвал в день святого Фабиана на большую охоту старых воевод. Тогда съехалось много господ и знати, которые поохотились удачно, а также порядочно попиروвали». И спустя 100 лет охотились с такой же пышностью, как можно видеть из письма Георга Ракочи I, князя Трансильванского к Павлу Борнемиссеру в 1643 году.

В Беловежской пуще владетельные особы прошлых столетий появлялись с многочисленной свитой, созывали лесничих и принуждали окрестных крестьян идти в загонщики. Отряд в 200-300 человек должен был гнать зубров к месту, где на безопасном помосте стояли охотники. Об одной блестящей охоте, устроенной польским королем Августом III в 1752 году, свидетельствует еще и теперь шестиметровая пирамида из белого песчаника с надписью на немецком и польском языках; в один день тогда было убито 42 зубра, 13 лосей и две косули; только одна королева застрелила 20 зубров, не промахнувшись ни разу. Восемнадцатого и девятнадцатого октября 1860 года устроил охоту русский император: сам государь застрелил шесть зубров-быков и одного теленка, двух лосей и шесть ланей, три косули, четырех волков, одного барсука, одну лисицу и одного зайца. Великий герцог Веймарский и принцы Карл и Альбрехт Прусские убили еще восемь зубров. Эта охота была подробно описана в особом сочинении на русском языке.

Д. В. Долматов, главный лесничий казенных лесов Гродненской губернии, рассказывает, как ловили этих животных. Государь император обещал королеве Виктории для зверинца двух зубров и поэтому приказал поймать несколько голов. Это было в июле. На рассвете собрались 300 загонщиков и 80 охотников с ружьями, заряженными одним порохом, и обступили выслеженное стадо. Долматов и его спутник, граф Киселев, привезший царский приказ, увидели стадо, которое расположилось на холме. Телята весело прыгали, высоко подбрасывая песок проворными ногами, возвращались время от времени к своим матерям, терлись о них, лизали и затем снова весело прыгали. Вдруг звук рога прервал эту идиллию. В страхе стадо вскочило, телята пугливо прижались к матерям. Когда раздался лай собак, стадо поспешно собралось в обычном порядке: телята впереди, а взрослые образовали арьергард, охраняя их от нападения собак. Старые зубры прорвались сквозь цепи загонщиков и бросились дальше, не обращая внимания на людей, крики и выстрелы. Сразу посчастливилось поймать двух молодых зубров: теленком около трех месяцев от роду овладели без особого труда; другой, приблизительно пятнадцатимесячный, повалил на землю восемь человек и убежал, но, преследуемый собаками, был пойман в саду одного лесничего. Четырех телят, одного самца и трех самок поймали позже, одной самке от роду было всего несколько дней.

Я видел зубров в зверинце в Шенбруне. Они жили в продолжение многих лет в одном хлеву, перед которым находился двор, огороженный толстыми бревнами. Очень крепкие дубовые столбы изгороди, вкопанные на метр в землю и сверх того укрепленные подпорками, скреплялись перекладинами. При моем посещении у коровы был сосущий теленок, заботу о нем она выражала всем своим поведением. Чтобы лучше рассмотреть редкостных животных, я подошел к изгороди ближе, как вдруг корова опустила голову и устремилась на меня, мыча и далеко высунув длинный язык, причем бросилась головой на балки с такой силой, что даже дубовые столбы задрожали. Другое существо раздробило бы себе череп при таком ударе: зубр же без малейшего труда повторил свои упреждения три или четыре раза подряд.

В наших зоологических садах при благоприятном уходе зубры прекрасно выживают, без труда спариваются и размножаются даже больше, чем на свободе. По наблюдениям Шепфа, период стельности продолжается 270-274 дня. Мать чрезвычайно нежно обращается со своим новорожденным, если только его не тронула человеческая рука; она приходит в ярость и вымещает на беззащитном теленочке всякое непрошеное прикосновение надсмотрщика. Быка следует отделять от стельной коровы, так как семейная жизнь этих животных невозможна в тесном помещении. В Дрездене 22 мая 1865 года только что родившийся теленочек был подхвачен своим родителем на рога и переброшен через изгородь; здесь он снова встал на ноги и был принесен в хлев к матери, разлученной с быком. Корова, обнюхав своего теленка и, вероятно, заметив, что к нему уже прикасались человеческие руки, подбросила его и затоптала до смерти. За много недель до отела самая кроткая корова-зубр делается дикой и злобной, а отелившись и начав кормить теленка, она ведет себя в большинстве случаев так, как я выше описывал.

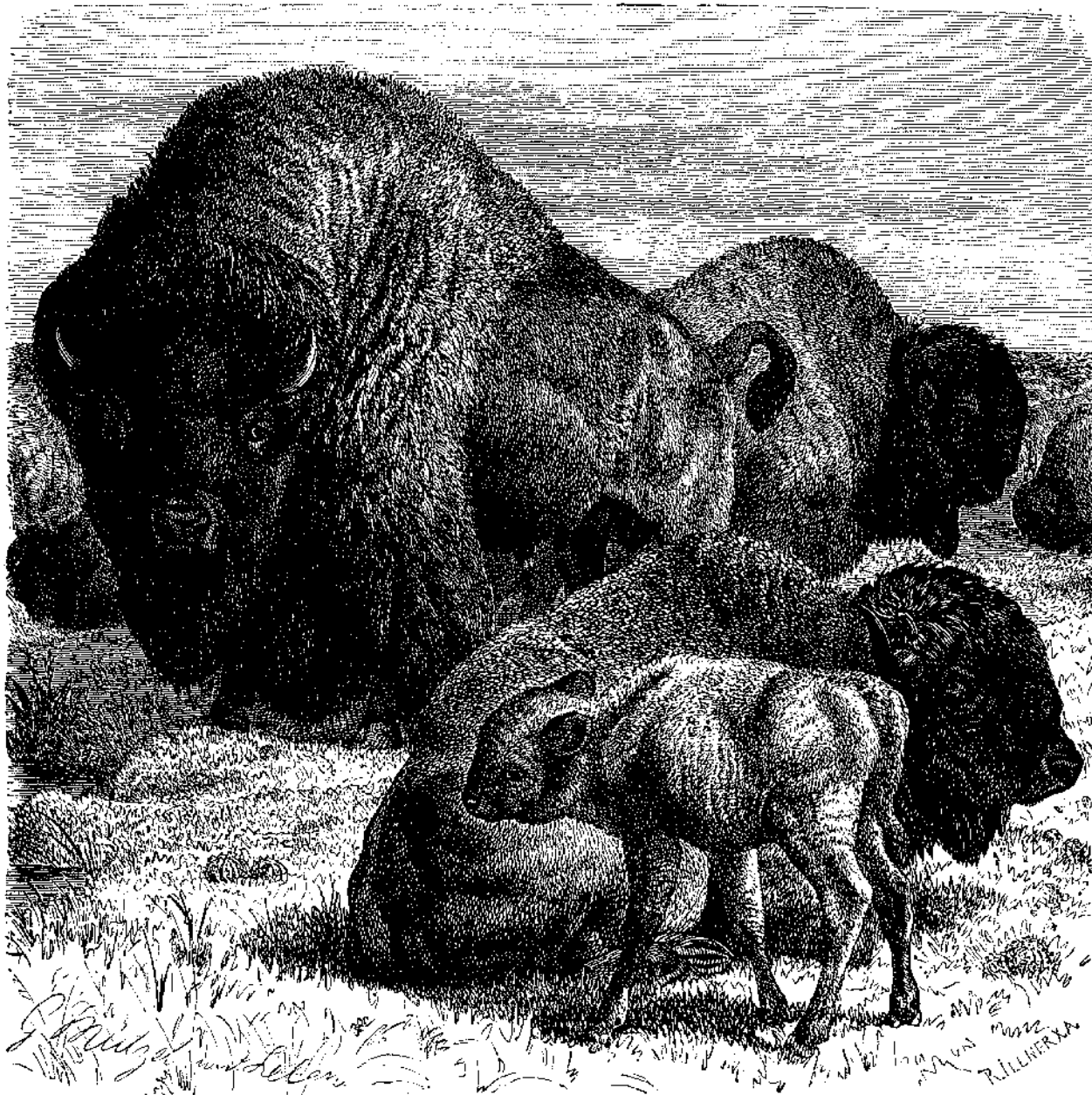
По вкусу мясо зубра нечто среднее между мясом домашних быков и олениной; особенно славится мясо коров и телят. Поляки считали соленое мясо зубров превосходным лакомством и употребляли его на подарки дворам государей. Шкура дает крепкую и прочную, но мягкую и скважистую кожу, которая употребляется для выделки ремней и постромок.

Рога и копытам приписывают лечебные свойства. Наши предки делали из прекрасных крепких рогов сосуды для питья. На Кавказе еще и теперь используют их вместо кубков. На обеде, которым один кавказский князь чествовал генерала Розана, вместо стаканов употреблялись 50-70 рогов зубра, отделенных серебром.

Та же участь, которой подвергался зубр в течение столетий, постигла его единственного родича — бизона (*Bison bison*)*, в невероятно короткий срок, можно сказать, в одно десятилетие.

* Бизоны проникли в Америку из Евразии в ледниковый период. Разные их формы сменяют друг друга в тундростепях, лесах и прериях, некоторые виды намного превосходили современного степного бизона (*Bison bison*) размерами; размах их длинных рогов достигал 2 и более метров. Несмотря на обиходное американское название (*Buffalo*), бизоны, как и зубры, родственны скорее быкам, чем буйволам.

Несколько десятков лет тому назад по необозримым пространствам Северной Америки бродили миллионы этих мощных животных; в настоящее время там не более нескольких сот бизонов. История не знает, да и впредь не занесет на свои страницы другого примера такого систематического уничтожения, такого безжалостного массового истребления ради ничтожной выгоды безобидных и полезных животных. Причем правительство ничего не сделало для их защиты. Теперь только белеющие кости, разбросанные по далеким пустыням, указывают на некогда бесчисленные стада североамериканских бизонов.

Бизон (*Bison bison*)

Число уцелевших бизонов доходило, по точным сведениям Вильяма Горнедея, на 1 января 1889 года до 835 голов, включая тех 200 быков, которые живут под охраной правительства в парке Йеллоустоуне. Это истребление бизонов началось с семидесятых годов, когда были проведены железные дороги на дальний Запад.

Свыше 50 000 индейцев поддерживали свою жизнь за счет бизонов, с их гибелью они были лишены средств к существованию, если бы правительство Соединенных Штатов не поддерживало их.

Бизона нужно считать характерным животным тех необозримых степных пространств, которые американцы называют прериями. Здесь бизоны жили в большом количестве, но попадались повсюду лишь небольшими группами. Когда первые европейцы начали заселять Северную Америку, площадь распространения бизонов, по исследованиям Аллена, простиралась почти от берегов Атлантического океана на запад, до границ Невады и Орегона, на юг до 25 градуса, на северо-запад приблизительно до 65 градуса северной широты и охватывало как лесные, так и степные пространства. В шестидесятых годах нашего столетия бизоны еще занимали средние части Северной Америки между 95 градусом западной долготы и Скалистыми горами. Мюльгаузен в 1851 году видел в прериях на западе от Миссури сотни тысяч бизонов; Фребель в 1858 году переходил с караваном повозок из Миссури в Мексику и в продолжение восьми дней ехал непрерывно среди их стад. «Семьями, стадами и целыми массами, — говорит Генворт Диксон, — с топотом неслись перед нами черные мохнатые животные, то с севера на юг, то с юга на север; 40 часов мы наблюдали неисчислимые стада этих животных, мяса которых, как можно думать, хватило бы, чтобы снабдить вигвамы индейцев на целую вечность».

Союзная Тихоокеанская железная дорога, строительство которой было окончено в 1869 году, привлекла много охотников на бизонов. Полчища бизонов были разделены этой дорогой на северные и южные стада; с этого времени истребление животных шло неудержимо вперед, чему способствовала постройка других железных дорог. Охотой, или, вернее, убийством, занимались как очень выгодным промыслом. Все южное стадо, число которого сведущими людьми еще в 1871 году определялось в 3 миллиона голов, к 1875 году было истреблено до незначительных рассеянных остатков. Подобным образом истребление северных стад началось в 1880 году и было окончено в течение трех последующих лет. На необозримых пространствах, недавно бывших отечеством многих миллионов бизонов, остались бродить тысячи быков, рассеянные в небольшие стада. Большая часть и этих беглецов в последние годы сделалась жертвой охотников, пока наконец охота не перестала быть выгодным занятием.

Горнедей пишет, что при разумном и своевременном регулировании законом можно было бы из громадного числа бизонов убивать ежегодно по полмиллиона молодых быков, выручать за них до 10 миллионов марок, не причиняя стадам заметной убыли; теперь же требуется много усилий, чтобы сохранить сотню-другую из оставшихся в живых.

Нижеследующее описание относится, следовательно, к животным, стада которых населяли еще двадцать лет тому назад Северную Америку, но теперь почти совершенно уничтожены*.

** До прибытия европейцев численность степного бизона оценивалась в 50 млн голов. В настоящее время численность восстановлена на уровне около 60 тыс. голов. Большинство степных бизонов происходят от небольшой группы животных (около 200 голов), сохранившихся в 11еллоустонском национальном парке, и отдельных особей из зоопарков.*

Бизон, или буффало, среди североамериканских животных то же, что зубр среди европейских: это великан из всех местных сухопутных млекопитающих. Длина быка 2,7-3 м; длина хвоста с волосами 65 см; высота в плечах 1,7-1,9 м, у крестца 1,4-1,6 м; масса от 600 до 1000 кг. Коровы значительно меньше быков. Голова бизона очень велика, широколоба, неуклюжа и тяжелее, чем у зубра; переносье более выпуклое, уши длиннее. Отличительными признаками этого животного нужно считать размеры головы, необыкновенное развитие передней части тела при удивительном сужении задней, короткость толстого хвоста и тонкость ног. Рога бизона значительно сильнее, толще, тупее на концах и проще в изгибе, чем у зубра; загнуты они назад, наружу и вверх, так что концы их уже не сближаются. мех похож на мех зубра. Голова, шея, плечи, передняя часть туловища и плечевые части передних ног, передняя часть бедер и конец хвоста покрыты длинной шерстью. На плечах образуется грива, на подбородке и нижней части шеи борода; на лбу и затылке шерсть вьющаяся и всклокоченная; все остальные части тела покрыты лишь короткими и густыми волосами. Зимой шерсть значительно удлиняется. Почти все охотники и наблюдатели (Додж, Гинд, Макоун, Юнг) различают наряду со степным бизоном очень редкого лесного бизона, отличающегося более слабым телосложением и короткими, но коренастыми ногами**.

*** Лишь в конце XIX века в лесах севера Канады был открыт лесной бизон (B. b. athabascae). Он крупнее степного. Некоторые ученые считают лесного бизона дожившим до наших дней подвидом первобытного бизона (B. priscus). В настоящее время охраняются не более 500 животных в национальном парке «Вуд-Баффало».*

К августу-сентябрю, когда начинается период случек, стада приходят в возбуждение, тесно сплачиваются и образуют волнующуюся массу. Быки гонятся за коровами, бросаются друг на друга и сражаются до тех пор, пока их не оттеснят другие. По описаниям Катлина, эти единоборства

очень страшны, но, по рассказам других наблюдателей, например Одюбона, Доджа, они довольно безобидны*.

** Последние наблюдатели находятся ближе к истине.*

Толстый череп, вдобавок еще хорошо защищенный мехом, выдерживает сильные удары, а короткие рога представляют оружие, совсем не приспособленное к нанесению смертельных ран одинаково сильному противнику. Телята рождаются по одному, но нередко и по два, между мартом и июлем, некоторые только в августе**.

** * Двойни крайне редки. Новорожденный весит около 30 кг. покрыт светлой рыжеватой шерстью.*

Стельные коровы уединяются в безопасное место и ждут там, пока их детеныши не окрепнут. С того времени, как телята примкнут к стаду, быки охраняют их. Телята сосут в продолжение девяти месяцев, а иногда еще дольше, всюду следуют за матерями, пока следующее поколение не оттеснит их.

Хотя бизон по наружности неуклюжее животное, однако двигается с достаточной легкостью и, несмотря на короткие ноги, проходит значительные расстояния. Ходит всегда скоро, бегаёт рысью и неутомимо, а в галопе мчится с такой быстротой, что лошадь должна напрягать все свои силы, чтобы догнать его. Его движения очень своеобразны когда торопится, то тело описывает волнистые линии. В плавании выказывает силу и неутомимость; без малейшей робости идет в воду и переплывает широкие реки. Голос бизона скорее глубокое грудное рычание, чем мычание. Когда раздаются голоса тысячи бизонов, то образуется гул, который можно сравнить с отдаленным раскатом грома***.

** * * В основном бизоны передвигаются шагом или неторопливой рысью, но в галопе могут развивать скорость до 50 км/ч.*

Из внешних чувств выше всего стоят обоняние и слух. Бизон обладает превосходным чутьем, а слышит на далекие расстояния****.

** * * * Основную информацию об окружающем мире бизон получает при помощи обоняния, слух и зрение играют лишь дополнительную роль.*

Все наблюдатели признают его зрение слабым, хотя глаза у него устроены хорошо и мало чем отличаются от глаз других животных; вероятно, густой мех, окутывающий голову, мешает смотреть. Своими душевными способностями бизон не отличается от других родичей. Он не очень понятлив, довольно добродушен, пуглив и не способен на быстрое возбуждение, но, будучи раздражен, забывает обычные свои опасения и смело идет навстречу врагу.

Бизоны переходят с места на место, от сочных пастбищ к рекам, куда они направляются, чтобы напиться и освежиться. При этом вытаптывают дорожки, которые всем путешественникам через прерии известны под именем «буйволоковых тропинок». Буйволоковые тропинки идут большей частью по несколько сот следов в ряд и пересекают реки там, где берега удобны для спуска и подъема. Эти тропинки напоминают те, которые протаптывает и по которым аккуратно проходит наш домашний скот, когда пасется в большом числе на свободе в лесах и на лугах. Можно точно знать, где недавно прошли бизоны, так как по их следу по земле еще долго тянется стая тощих волков, а в воздухе коршуны, орлы и вороны летят за верной добычей. Летом невысокая, но сочная трава прерий доставляет пищу пасущимся бизонам; зимой они довольствуются скудным пропитанием, наряду с ветками и засохшими листьями находят тощую траву, лишайники и мох*****.

** * * * * Бизон съедает в день до 25 кг травы, площадь кормового участка стада зимой составляет 94 км, летом вдвое меньше. Каждые 10-12 дней стадо перемещается на новый участок.*

Бизону все время приходится вести борьбу за существование. Его жизни угрожают не только человек и волк, но также холод и голод. Зима, тяжелая в прериях, истребляет сотни этих животных, предварительно обессилив и ослабив их. Собственно говоря, бизон может достаточно хорошо противостоять холоду: густой мех защищает его от непогоды, линька точно соответствует времени года, так что зима никогда не застигает его врасплох. Но условия жизни могут сделаться очень печальными, когда снежный покров глубок и животное, ищущее пропитание, несмотря на все усилия, не находит его в достаточном количестве. Жир, накопленный за лето, быстро истрачивается, истощение растет, и дальнейшее поддержание жизни оказывается невозможным*.

** Зимой животные ищут малоснежные участки, позволяющие копытить корм. Бизоны легко переносят 30 градусные морозы.*

Тогда ослабевшее животное спокойно и безнадежно ложится на землю и без сопротивления дает снегу похоронить себя. Бизоны гибнут зимой, если они неосмотрительно доверяются ледяному

покрову реки. Их обычай идти один за другим часто губителен в таких случаях; под громадной тяжестью стада лед ломается, животные падают в воду, напрасно стараются выбраться, встречая препятствие в сотнях напирających сзади товарищей, и погибают. Подобным образом гибнут многие бизоны и летом, переплываясь через реки, когда стремятся выбраться на берег в таком месте, где затруднительно сделать это.

Врагов у бизона так же много, как и у других видов. Говорят, медведь не боится боя с быками, а волк опасен молодым бизонам**.

* * *Из хищников некоторый урон популяциям бизонов наносит только волк. Гораздо опустошительнее и опаснее для бизонов — эпизоотии инфекционных заболеваний, общих с крупным рогатым скотом: ящура, сибирской язвы и др.*

Самым же главным врагом остается человек, особенно европеец, охота которого, как сообщает Горнедей, приняла уже в двадцатых и тридцатых годах нашего столетия опасные размеры. «В прежние времена, — так изображает нам Мюльгаузен, — когда бизон мог считаться некоторым образом домашним животным индейцев, не было заметного уменьшения необозримых стад; наоборот, они размножались и жили спокойно на роскошных пастбищах своей родины. Но вот в этих местах появились белые. Большие шкуры с роскошным мехом понравились им, жирное мясо пришлось по вкусу — от того и другого они ожидали больших выгод. Сначала европейцы возбудили у индейцев жадность к блестящим украшениям и опьяняющим напиткам; эти продукты отдавались в малых количествах в обмен на добычу, тут-то и началось опустошение. Тысячи бизонов были убиты ради языков, еще чаще ради меха. Беззаботный индеец не думает о будущем: он живет и наслаждается лишь настоящим. Раз убедившись в выгоде охоты, он в дальнейших поощрениях не нуждается и охотится на бизонов до тех пор, пока последний из них не оставит ему своей шкуры. Несомненно, недалеко то время, когда могучие стада будут жить лишь в воспоминании и 300 тысяч индейцев, лишенных средств к существованию и гонимых свирепым голодом вместе с миллионами волков, сделаются бичом для соседней цивилизации и в качестве такого будут истреблены самым жестоким образом».

В прежние годы ежегодно до сотни тысяч бизонов лишались жизни. Преследователи двигались в места их обитания настоящими, хорошо организованными армиями с главнокомандующими и начальниками, с возами припасов и лагерных приспособлений. Пока охотились на лошадях, нужны были объединенные усилия 15-25 охотников, которые в продолжение одного охотничьего сезона добывали до 1000 бизонов. Результаты стали совсем иными в последние два десятилетия, когда начали употреблять почти исключительно «тихую охоту», как называют американцы этот способ истребления. Хороший стрелок получил возможность уложить за одну охоту 1000-3000 голов; так, например, Жак Брейджес один застрелил 1142 бизона в течение шести недель*.

* *Хрестоматийным стал «подвиг» Уильяма Фредерика Коды (Буффало Билла), истребившего за 18 месяцев 6400 животных.*

Такое успешное истребление сделалось возможным благодаря действию дальнобойных тяжелых ружей, заряжающихся с казенной части. По доставленным Горнедеем описаниям, «тихая охота» велась следующим образом. Обыкновенно группа охотников из четырех человек доставала необходимое снаряжение или это делало лицо, у которого они состояли на службе. Охотники ехали по железной дороге до ближайшей станции, складывали там свой багаж на повозки и направлялись к месту охоты. Один из них заботился о приготовлении пищи, остальные шли стрелять, каждый сам по себе, с ружьем, боевыми припасами и скорняжим ножом. Все искусство состояло в том, чтобы высмотреть стадо бизонов на таком месте, где стрелок незаметно и против ветра мог бы подкрасться к ним как можно ближе. Если это удавалось, человек клал возле себя патроны и, найдя опору для ружья, целился в вожака. Свист пули привлекал внимание стада, но не пугал его; ближайšie соседи подходили к вожаку, который с простреленными легкими скоро сваливался. Второй бык, только что задумавший принять руководство стадом, падал сам от следующей пули, а за ним следовали третий, четвертый и т. д. Стрелявший старался, чтобы его движений не увидели звери, и целился в того быка, который пытался отойти, потому что за ним последовали бы все остальные. Делая каждую минуту по выстрелу, опытный стрелок мог легко убить с расстояния 200-250 метров несколько дюжин глупых созданий. Горнедей приводит как доказательство, что некто Андриус менее чем за час убил с одного места 63 бизонов, а от Мак-Нансе он слышал, что другой стрелок уложил на месте 91; Додж сообщает о третьем человеке, который за 45 минут убил не менее 112 бизонов внутри полукруга с радиусом не более 200 м. Когда стрельба окончена, начинают сдирать шкуры, потом сушат и упаковывают их. После этого стрелок спешит попытать счастья на другом месте. Последним средством истребления явился отстрел животных у водопоя.

Везде, где жили бизоны, бесчисленные маленькие компании вели такого рода охоту, поэтому нечего удивляться, что беззащитные животные исчезли с лица земли с поразительной быстротой. Но день, в который навсегда прекратилось хищническое избиение бизонов, наступил скоро и неожиданно.

Сушеное мясо бизонов, размельченное и смешанное с жиром, известно под названием «пеммикан». Участники полярных экспедиций к нему обыкновенно примешивают еще изюм и считают вкусным и питательным кушаньем. Мясо коров еще жирнее, чем быков, а мясо телят чрезвычайно нежно. Из шкур индейцы изготавливают одежду, палатки, постель, седла, пояса и т. п.; прежде обивали шкурами остовы своих челноков. Из костей делали станки для седел и ножи, которыми очищали кожу. Из жил сучили тетиву для лука и нитки для шитья; из ног и копыт варили прочный клей; крепкие волосы скручивали в веревки; из хвостов мастерили опахала, чтобы отгонять мух; помет служил топливом. Европейцы также ценили кожу и мех бизона. Кожа его превосходна, хотя несколько рыхла; мех можно употреблять на ковры и поверхности всякого рода; безукоризненные экземпляры, стоившие лет 30 назад 30-50 марок, теперь в 3 и 4 раза поднялись в цене, а скоро и совсем исчезнут из продажи. С одной шкуры можно получить до четырех килограммов шерсти, она так же хорошо поддается обработке, как и овечья, и в некоторых странах употребляется для производства теплых и очень прочных тканей.

В наших зоологических садах бизоны появились лишь несколько десятков лет тому назад. Один английский лорд, как мне сообщили в Лондоне, привез из Америки несколько пар и развел в Шотландии на землях своих имений стадо в 15-20 голов; но после его смерти бизоны были проданы. Два бизона, которых я содержал, были вначале очень пугливы и боязливы, поспешно прятались от приближавшегося человека, но нередко и угрожали ему до такой степени, что возбуждали серьезные опасения; поэтому надсмотрщик тяготился уходом за ними.

К началу января 1889 года в Соединенных Штатах содержалось для разведения 216 и для показа 40 бизонов; кроме того, было еще 40 ублюдков. Под охраной правительства в Йеллоустонском парке живут 200 диких бизонов.

Остается нерешенным вопрос о том, сколько еще сохранилось живых из тех немногочисленных экземпляров, которые бродили в диком состоянии по необитаемым степям и лесам Северной Америки.

"Индийцы, — так рассказывает еще Элиан, — приносят своему повелителю в дар двух быков. Они черного цвета, но хвосты, из которых делают опахала, ослепительно белые. Животное чрезвычайно пугливо и быстро спасается бегством; но если к нему слишком близко приближаются собаки, то оно прячет свой хвост в кусты, а головой обращается против врагов, так как полагает, что ему ничего не сделают, если не увидят хвоста; бык хорошо знает, что его и ловят ради красоты последнего. Но он заблуждается.

Его убивают отравленной стрелой, обрезают хвост, снимают кожу, а мясо бросают». За Элианом упоминают о нем Марко Поло, Николо ди Конти, Белон, Пеннант и другие путешественники; позднее Паллас составил более подробное описание этого быка. Только в последнее время путешественники Стюарт, Турнер, Муркрофт, Герберт, Герард, Гимильтон Смит, Радде, братья Шлагинтвейт и Северцов, в особенности Пржевальский, точнее познакомили нас с ним. С тех пор, как ручные яки были доставлены в наши зоологические сады, появилась возможность и наблюдения над ними.

Як (*Roephagus mutits*)* имеет следующие признаки: туловище мощное и плотное; голова умеренной величины и равномерно суживается от длинного, высокого, но плоского лба к некрасивой округленной морде.

* Яка обычно объединяют с быками в род *Bos*, в последнее время нередко выделяют в отдельный род *Roephagus*. Нередко выделяют два вида яков — дикого (*R. mutus*) и домашнего (*R. grunniens*), в случае объединения в один вид яку присваивается латынь домашнего, поскольку он был описан раньше. Дикая яка была открыта Н. М. Пржевальским только в 1883 г.

Нос выступает вперед, узкие ноздри расходятся вкось; глаза малы и с тупым выражением, узкий зрачок поставлен поперек; небольшое ухо закруглено и густо покрыто волосами. Рога широко расположены по сторонам лобного утолщения; они покрыты поперечными округленными, но довольно плоскими буграми, которые у корня более заметны. Рога обращены сначала в сторону назад, потом вперед и вверх. Шея короткая, задняя ее часть и перед загривка возвышаются горбом; спина до основания хвоста постепенно опускается в виде чрезвычайно волнистой линии. Туловище у плеч узкое, в середине вздутое и отвислое; хвост длинен и украшен спускающейся до земли густой кистью; ноги короткие, сильные, копыта велики, расщелина между ними широка, и побочные

копытца хорошо развиты. Волосяной покров состоит из тонкой и длинной шерсти, курчавой и волнистой на лбу до затылка, часто покрывающей всю морду; на загривке она удлиняется в низко висящую, мягко волнистую гриву, имеющую вид бахромы, которая волочится по земле точно так, как и чрезвычайно густая, похожая на лошадиный хвост кисть хвоста. Напротив, живот и внутренняя сторона бедер, а также задние и передние ноги вниз от коленного сустава покрыты гладкой, короткой, ровной шерстью. У старых животных шерсть красивого ровного черного цвета, на спине и боках с бурым отливом; шерсть вокруг морды — сероватая, а вдоль спины проходит серебристо-серая полоса. Шерсть теленка имеет серый оттенок, шерсть молодого быка черная. Общая длина старого быка до 4,25 м, длина хвоста без кисти 75 см, высота 1,9 м, длина рогов 80-90 см; масса 650-720 кг. Длина взрослой коровы едва превышает 2,8 м, высота 1,6 м, масса 325-360 кг*.

** Самец дикого яка имеет в холке 2 м, весит до 1 т. Одомашненная форма в два раза меньше и легче.*

Як живет на плоскогорьях Тибета и на всех связанных с ними горных хребтах; высокие равнины между 4000 и 6000 м над уровнем моря служат ему местопребыванием**.

*** В ледниковый период несколько видов яков было широко распространено в холодных и умеренных областях Азии; яки встречались и на Аляске. Исторический ареал современного вида дикого яка охватывал горы Центральной Азии: Тибет, Гималаи, Памиро-Алай, Тянь-Шань, Алтай. Саяны. В настоящее время дикий як сохранился на небольшом участке Тибетского плоскогорья, на высотах 4-6,1 тыс. м над уровнем моря. Общая численность не больше нескольких сот.*

Несколько десятков лет тому назад яки водились в верхней долине Селенги и даже переходили на юг от этой реки; но, по сообщению Кинлоха, из-за постоянных преследований английскими охотниками они совершенно истреблены и вытеснены оттуда. Голая почва негостеприимных равнин их родины лишь кое-где обросла жалкой травой, которую зимой сильные вьюги покрывают снегом; летом же зной и ветры задерживают успешное развитие растительности. Но среди таких пустынь як находит удовлетворение всех своих потребностей и защиту от человека и легче, чем можно было бы предполагать, выдерживает борьбу за существование.

Подробными сообщениями о жизни этого мощного животного на свободе мы обязаны Пржевальскому; во всех пройденных им частях северного Тибета он находил одиноких старых быков и небольшие семьи яков. Многочисленные стада встречались только в местах, где находились более богатые пастбища. Такие стада странствуют довольно далеко; они появляются, по словам монголов, летом на богатых травой пастбищах, где зимой их не заметишь. Они предпочитают близость источников, в соседстве с которыми трава растет лучше. Напротив того, старые быки, по лени или по другим причинам, из года в год остаются на одних и тех же местах и живут в одиночестве или же соединяются самое большее с тремя или пятью себе подобными. Более молодые, хотя уже взрослые быки, иногда присоединяются к старшим, но чаще образуют собственное стадо, состоящее обыкновенно из 10-12 голов, и принимают иногда к себе старого быка. Коровы, полувзрослые бычки и телята соединяются в стада, в которых число голов доходит до нескольких сот, по уверению монголов, даже до тысячи. Совершенно ясно, что такой массе трудно найти достаточно пищи на скудных лугах, и потому яки, пока пасутся, рассеиваются на обширных равнинах, но собираются вновь во время отдыха или сильных бурь. Почуввав опасность, животные смыкаются и помещают в середину телят; при этом несколько взрослых коров, стараясь определить причину тревоги, расходятся в разные стороны от стада***.

**** По некоторым данным, самки и молодые держатся крупными стадами (ранее до 1000 экземпляров), взрослые самцы поодиночке или небольшими группами.*

Для логовища стадо выбирает северный склон горы или глубокое ущелье, чтобы избежать солнечных лучей. Як боится зноя больше, чем холода, и поэтому ложится охотнее всего на снегу, даже в тени; если нет снега, он взрывает землю и устраивает себе ложе. Случается, впрочем, по крайней мере зимой, что он располагается на том месте, где раньше пасся. Вода для него — необходимое условие существования. Бесчисленные следы и кучи помета вблизи не замерзших ручьев доказывали Пржевальскому, что водоемы постоянно посещаются яками. Только в местах, где вокруг нет воды, животные довольствуются снегом.

Несмотря на свою массу, як в ловкости не уступает другим горным животным. Он может соперничать с дикими овцами и козерогами, потому что лазает с не меньшей уверенностью, чем они, среди самых высоких и диких скал, по хребтам и обрывам, а во время бега по ровной поверхности догонит всякую лошадь. Из его внешних чувств обоняние далеко превосходит все остальные. Як чует человека уже на 500 шагов, но разглядеть его в ясный солнечный день может едва лишь на

расстоянии 1000 шагов, а при облачном небе самое большое на половине этого расстояния; слышит он так слабо, что только при непосредственной близости звук шагов или другой какой-либо шум пробуждает в нем беспокойство. То, что его понятливость находится на низкой ступени развития, доказывается несоразмерно малым мозгом, а еще больше поведением в случае беды и опасности. «Самое достопримечательное свойство яков, — говорит Пржевальский, — его лень. Утром и вечером он идет на пастбища; остаток дня посвящает покою, которому предается стоя или лежа. В это время только пережевывание жвачки свидетельствует, что он жив, так как в остальном походит на высеченное из камня изваяние».

Однако этот образ жизни совершенно меняется, когда приходит время спаривания. По словам монголов, время случки начинается в сентябре и продолжается целый месяц. Тогда быки и днем, и ночью в беспокойстве и возбуждении. Одиноким быкам собираются в стада, бегают, как безумные, разыскивая коров и постоянно при этом хрюкая; когда они встречаются с другими быками, то становятся один против другого, чтобы в серьезном поединке добиться права обладания самкой. Под страшными ударами, от которых иногда один из рогов ломается у основания, сильные животные сталкиваются. Однако ни один из толстых черепов не трескается, а серьезные раны, нанесенные друг другу, скоро заживают. Удовлетворенные или пресыщенные и усталые после периода случек, они возвращаются на свои пастбища, успокаиваются и ведут снова тот же образ жизни, что и раньше. Через 9 месяцев после случки корова телится и заботится о своем детеныше в продолжение одного года, так как, по показанию монголов, она бывает стельной только один раз в два года. В 6-8 лет як делается взрослым, в 25 умирает от старческой слабости, если болезнь или пуля охотника не сократят еще раньше его жизнь. Другие враги не поднимаются на его родные высоты.

Охота на яков для храброго и хорошо вооруженного стрелка настолько же заманчива, насколько и опасна. Могучий зверь, если случилось, что первый выстрел не оказался смертельным, иногда без размышления бросается на охотника. Последний, даже обладая мужеством, ловкостью, хладнокровием и наилучшим оружием, никогда не может с уверенностью рассчитывать на то, что следующий его выстрел уложит превосходящего его силой противника. Пуля из самого дальнобойного ружья, только тогда проникает в череп, когда перпендикулярно ударяет в небольшое место на голове, где находится мозг, а удар в тело бывает смертельным только в том случае, когда пуля пробивает сердце. Поэтому монголы боятся яка, как опасного чудовища, охотно уступают ему дорогу и если уж решаются на охоту, то стреляют в гордого гиганта из надежной засады и группой в 8-12 человек, надеясь, что он их не увидит, а получив рану, убежит и через два-три дня околеет, тогда и будет отыскан охотниками. Европейец полагается на свое ружье, заряжающееся с казенной части, и на нерешительность яка. Зверь, несмотря на всю свою свирепость, не может преодолеть страха перед смело наступающим на него человеком, медлит и после продолжительного размышления обращается в бегство, несмотря на полученные раны. Выносливость и живучесть его почти невероятны. Один як, в которого Пржевальский и два его спутника стреляли до тех пор, пока не помешала наступившая ночь, был найден околевшим лишь на следующее утро с тремя пулями в голове и 15 в груди. Очень немногие из яков, убитых мужественным охотником, падали бездыханными на землю после первого же меткого выстрела. Судя по описанию Кинлоха, трудность охоты состоит отнюдь не в том, чтобы застрелить зверя, а более в том, чтобы подойти на достаточно близкое для выстрела расстояние к дикому животному, обладающему в высшей степени острым чутьем.

Кинлох расхваливает мясо яка, хотя он и находит его недостаточно жирным; язык и мозг из костей считает лакомством. Но еще выше, может быть, чем мясо, ценится в печальном отечестве яка помет, представляющий единственное горючее вещество, которым можно воспользоваться на обнаженных высотах Тибета.

Во всех странах, расположенных около высоких гор, где водится як, мы встречаем его прирученного в качестве полезного и важного домашнего животного. Общим видом и шерстью ручной як может не отличаться от дикого, но бывает совсем другого цвета. Ручные яки чистого черного цвета очень редки; обыкновенно даже у наиболее похожих на диких заметны белые пятна; кроме того, попадаются бурые, рыжие и пегие яки. Многие породы уже переродились, вероятно, благодаря скрещиванию с другими видами быков*.

** В одомашненном состоянии як широко распространен по горным системам Азии. Домашние яки легко дают помеси с коровой, также использующиеся для получения продуктов питания и как вьючные животные. В Гималаях эти гибриды назывались «цзо», в Туве и Монголии «сарл ык». Гибриды в отличие, скажем, от гибридов лошади и осла плодовиты. Впрочем, плодовиты все гибриды между представителями настоящих быков (роды *Bos*, *Poephagus*, *Bison*).*

Тибетцы пользуются яком как вьючным животным. Со знакомыми людьми як обходится довольно дружелюбно, позволяет трогать, чистить себя и управлять веревкой, привязанной к проде-тому через нос кольцу; с чужими ведет себя иначе, беспокойно, опускает голову к земле и делает такие телодвижения, как будто желает вызвать противника на бой. Иногда им внезапно овладевает бешеный гнев, он трясется всем телом, высоко поднимает хвост, хлещет им по воздуху и смотрит угрожающими злыми глазами на своего хозяина. Известную степень дикости он сохраняет всегда. С домашним рогатым скотом як сживается хорошо, и потому не трудно довести его до случки с дру-гими видами рогатого скота. Коровы испытывают сильную привязанность к своим детенышам, ве-чером возвращаясь к телятам с пастбища за несколько часов до захода солнца, нежно облизывают их, тихо и ласково хрюкают.

Як домашний (Pseudocapra grunniens)

Як без труда носит на себе груз в 100-150 килограммов по самым трудным скалистым тропинкам и снежным полям. С его помощью возможно переправлять тяжести через очень высокие горные проходы, так как он двигается там уверенно, несмотря на разреженный воздух, обессиляющий и пугающий других животных.

Ему нельзя ходить лишь по тропам с большими камнями, потому что вьюк мешает прыгать через них так, как он это делает обыкновенно при других условиях. Муркрофт видел, как як, не задумываясь, без вреда соскакивал со скалистых уступов даже в 12 метров высоты.

Молоко и мясо ручного яка одинаково хороши. Из шкур выделывают кожу, из шерсти вьют веревки. Всего драгоценней хвост, который дает столь известные бунчуки, давно славящиеся как символ власти у восточных народов. Николо ди Конти сообщает, что «тонкие волосы хвоста ценятся на вес серебра, так как из них изготавливают опахала для царей, волосы оправляют в золото и серебро для украшения лошадей и слонов, укрепляют их на копьях, как знаки предводителей войска». Китайцы красят белые волосы хвоста в огненно-красный цвет и носят их в качестве кистей на четких шляпах. Белон сообщает, что подобные хвосты стоят 4-5 червонцев и немало содействуют подорожанию богатой конской сбруи, которую так любят турки и персы. Черные хвосты ценятся дешевле белых.

Яки, завезенные в Европу, живут здесь лучше, чем можно было ожидать. На этом основании надеялись акклиматизировать в Европе этого красивого и полезного быка. Предполагали получить большие выгоды, потому что як дает отличную шерсть, вкусное мясо, превосходное жирное молоко, он силен и неутомим в работе и довольствуется более дешевым кормом, чем другие быки. В горных странах Тибета и Туркестана длинношерстные быки действительно оказываются драгоценными и

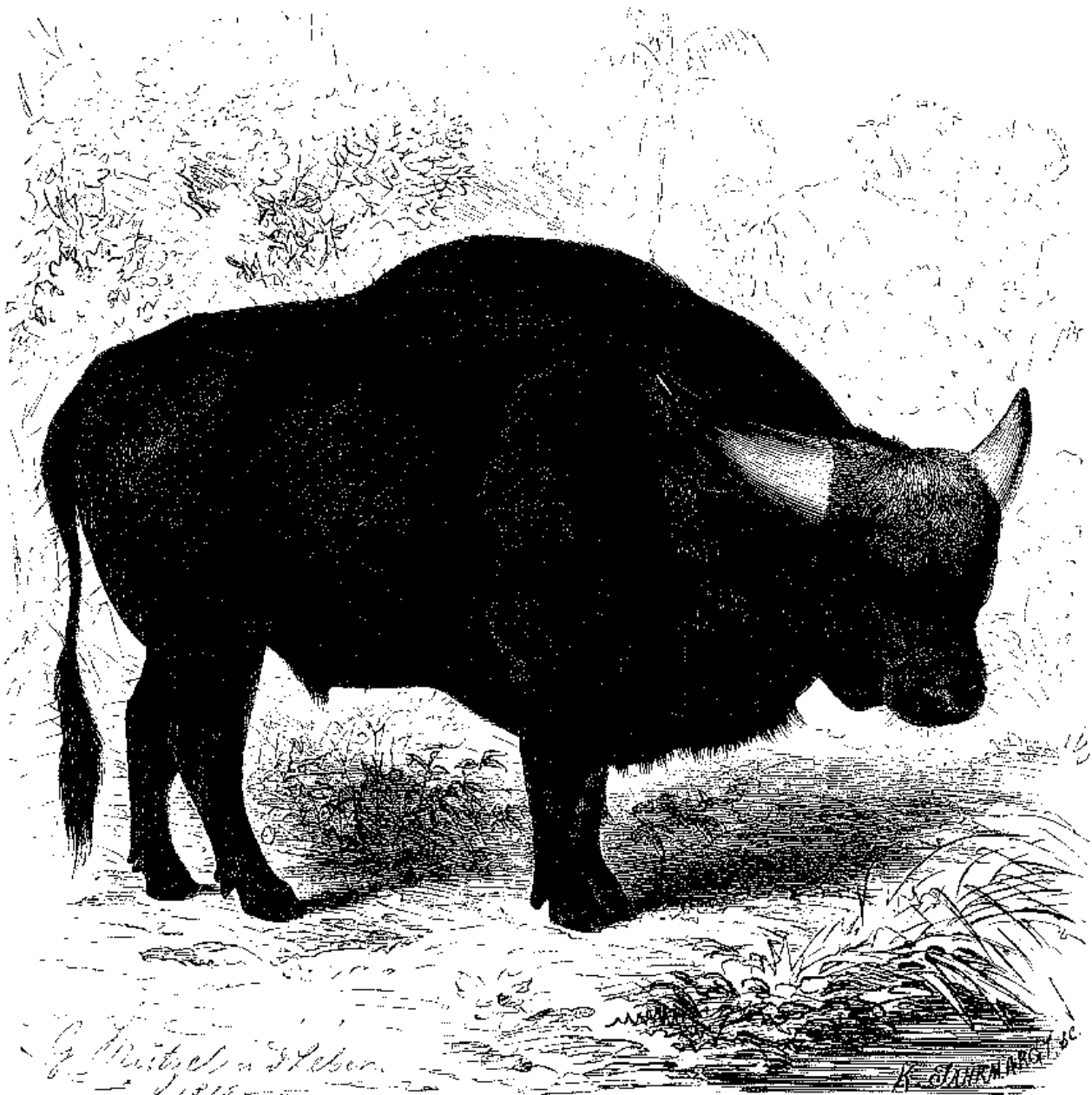
полезными животными, но у нас в Европе условия иные, чем в этих странах, и поэтому еще вопрос, окупится ли водворение их здесь.

В 1802 году Ламберт сообщил научному миру описание дикого быка, которого он очень удачно назвал «широколобым»; описание это было сделано по живому экземпляру, привезенному в Англию из Индии. При этом Ламберт приводит краткое жизнеописание широколобого быка, составленное Гаррисом, где говорится, что в Индии это животное называют «гаялом», что оно очень известно туземцам, легко приручается и приносит ту же пользу, что и домашний скот, его часто скрещивают с домашними коровами для улучшения породы.

О живущем в Антверпенском зоологическом саду быке, который для этого сочинения был описан и нарисован Мютцелем и вполне похож на животное, описанное Ламбертом, я могу сообщить следующее.

Широколобый бык **гаял** (*Bos frontalis*)*, по измерениям Ламберта и других исследователей, достигает 3,6 м, из которых 80 см приходится на хвост; высота в плечах 1,5-1,6 м. Корова отличается от быка только тем, что меньше ростом, сложена стройнее и имеет более короткие рога.

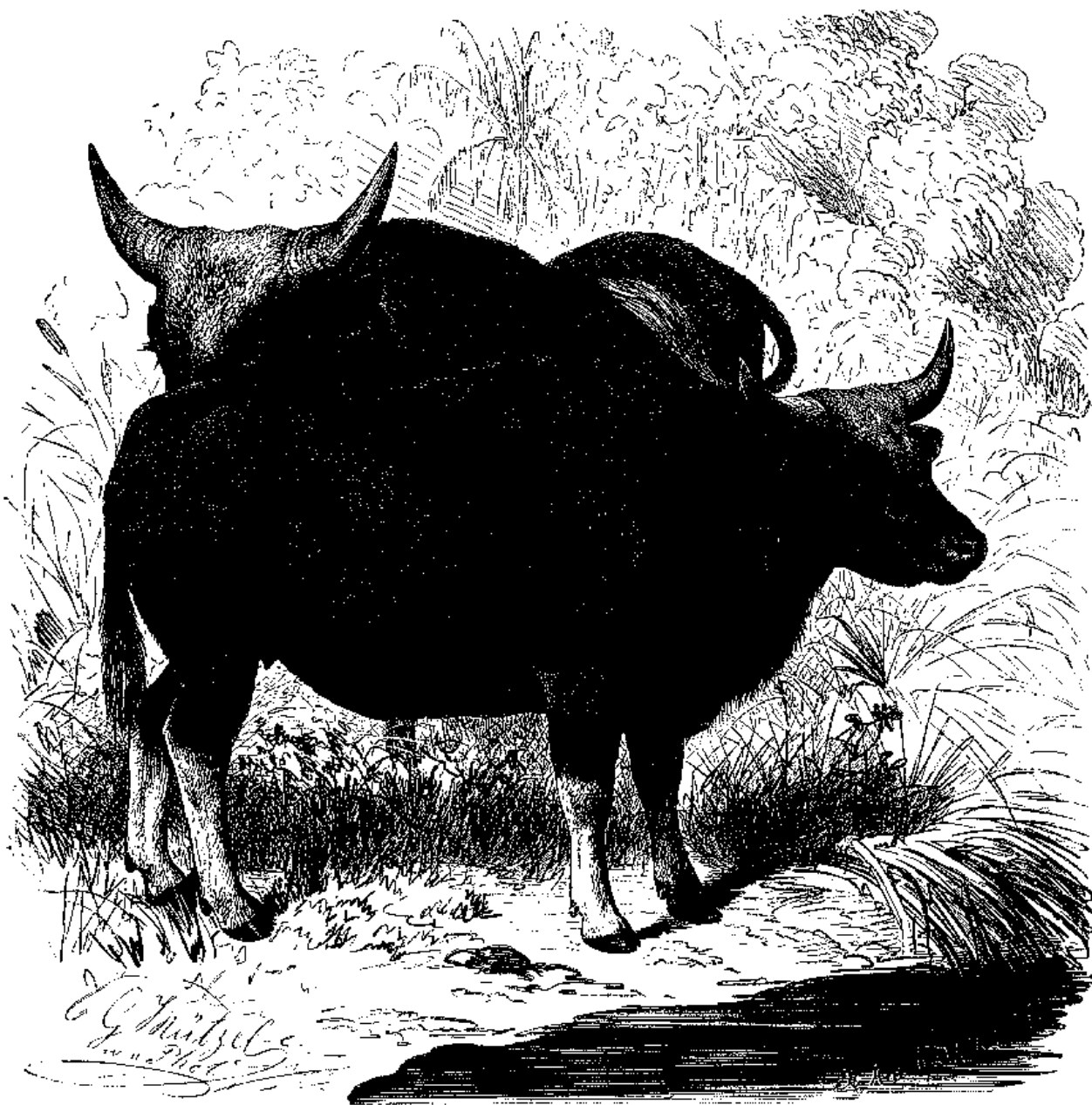
* *Большинство исследователей считают гаяла (B. frontalis) одомашненной формой гаура. Отличается от дикого предка меньшими размерами и иной формой рогов.*

Гаял (*Bos frontalis*)

"Мне никогда не приходилось, — пишет мне Мютцель, видеть животное, которое было бы названо столь верно — «широколобый», как именно это; да его иначе и назвать нельзя, потому что могучий, бросающийся каждому в глаза своей необыкновенной широтой лоб отличает его от всех сородичей и при первом взгляде представляется самым заметным признаком животного. Все части

тела в высшей степени пропорциональны; все в нем подбористо и сильно; поэтому бык производит впечатление мощной силы и совершеннейшей красоты. Толстая, морда образует как бы узкую часть пирамиды, основание которой лежит между корнями рогов и углами нижней челюсти; впрочем, не все стороны этой пирамиды равны между собой: между корнями рогов они длиннее. Ширина почти ровного лба между корнями рогов равна его длине от переносья до теменных костей и составляет две пятых части от общей длины головы. Очень толстые рога имеют круглую форму и отклоняются легким загибом назад. Небольшие глаза сидят довольно глубоко под надглазными дугами; прямо стоящие уши очень велики и заострены. Под подбородком выступает небольшой двойной подгрудок, который оканчивается у нижней челюсти. Три или четыре глубокие складки кожи отделяют голову от продольного, толстого, похожего на горб возвышения, которое покрывает всю шею, загривок, а также половину спины, и как истинная «бычачья шея» дает представление о значительной силе. Остальная часть туловища очень мясистая; подгрудок у шеи едва заметен или совершенно сливается с отложившимся на этом месте жиром. Ноги сильные, но хорошо сформированы; копыта своей величиной соответствуют им, однако коротки и спереди имеют отвесную поверхность; тонкий хвост заканчивается кистью. Короткая, толстая, гладкая и блестящая шерсть равномерно покрывает все тело, удлинняется только немного на нижней стороне шеи и у основания передних конечностей образует кудрявые вихры. Преобладающая окраска шерсти — черная; рога серовато-белые, а их концы черные. К этому описанию, на основании сообщений Жердона, а также Сандерсона, можно прибавить, что у гаяла нижние половины ног окрашены в белый цвет. Родиной гаяла служат горные страны к востоку от долины Брахмапутры до Бирмы.

Гаял (*Bos frontalis*)

Гаял по своей живости и проворству — горное животное, и действительно, он почти с такой же уверенностью карабкается по горам, как и як, Держится в стаде, утром, вечером и в ясные ночи выходит на пастбище, прячется от душного полуденного зноя в густых лесах и отдыхает там, жуя жвачку в тени, любит воду, но не грязь, поэтому избегает болот, а прохлаждается в чистых горных ручьях. Его описывают как кроткое и доверчивое животное. Он никогда не нападает на людей и немедленно уступает им дорогу, но от хищных животных защищается смело и обращает в бегство даже тигра и пантеру. Его острые чувства предупреждают об опасности, а ловкость и быстрота бега спасают в случае необходимости.

Туземцы с незапамятных времен сделали гаяла домашним животным, его или приручали, или скрещивали с другими породами рогатого скота. Люди дают быку возможность на свободе случаться с обыкновенными домашними коровами, а также часто берут телят гаяла для увеличения своего стада. По словам Жердона, гаял, как домашнее животное, встречается от Читтагонга к северу до высоких горных стран. В горах его можно видеть пасущимся вместе с яком, даже вблизи снежной границы.

Молоко гаяла густое, а мясо славится превосходным вкусом. Вот почему делают попытки разводить такое ценное животное в местностях Индии, лежащих к западу от его родины; но, по-видимому, как прирученный гаял, так и дикий любят только высоко расположенные лесистые местности, а не жаркие равнины.

Корова после беременности, продолжающейся 8-9 месяцев, рождает только одного теленка и кормит его 8-9 месяцев; следующий затем год она отдыхает. Широколобий бык охотно спаривается с другими породами рогатого скота, а ублюдки при спаривании друг с другом и с другими родичами оказываются плодовитыми.

Бык джунглей **гаур** (*Bos gaums*) английскими охотниками называется «индийский бизон»*.

* *Если гаяла и гаура считать одним видом, тогда название дикой формы тоже будет *B. frontalis*, а не *B. gaums*.*

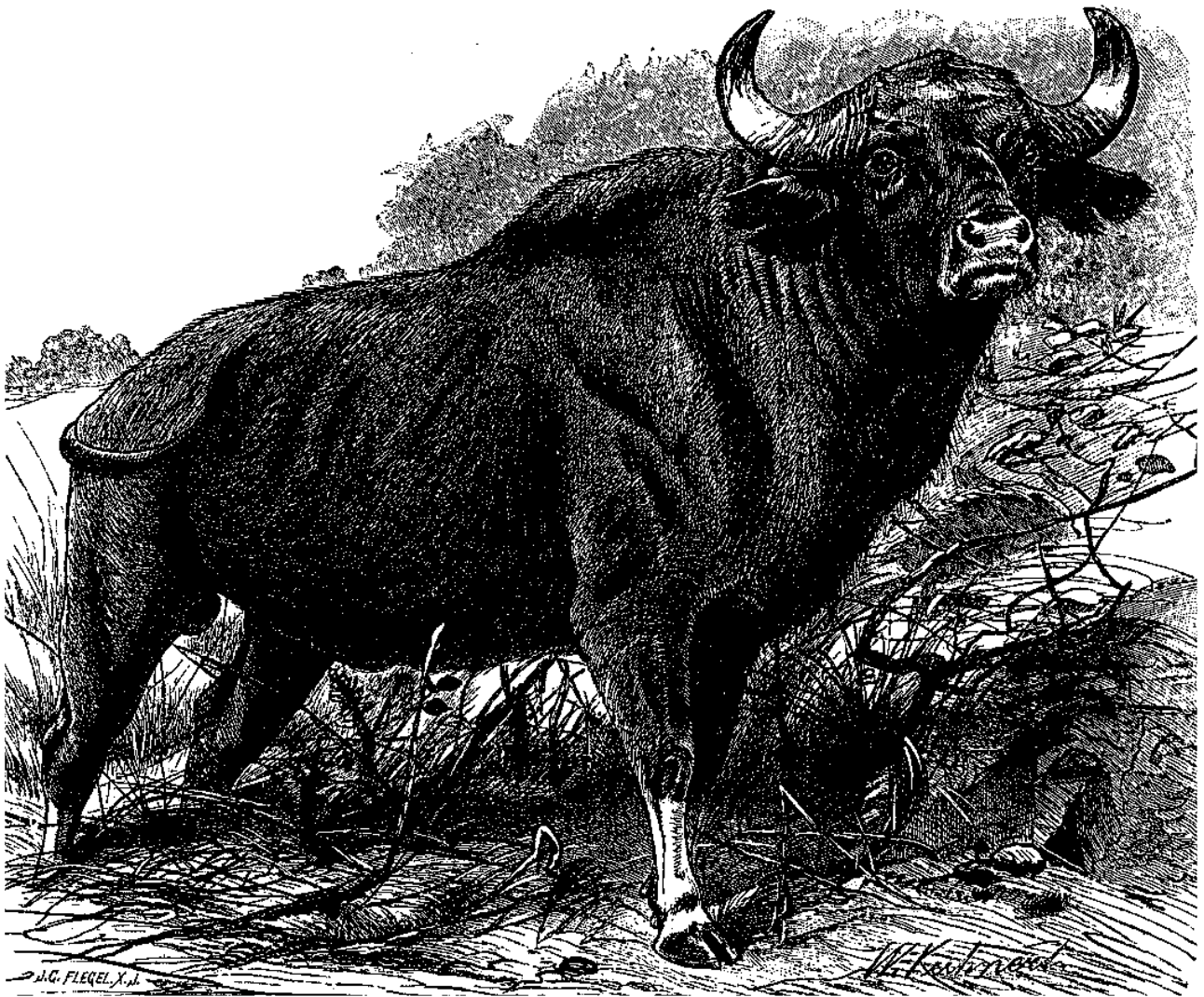
Преобладающая окраска прекрасного темно-коричневого цвета переходит на нижней стороне тела в желтовато-бурую, на ногах в грязно-белую. Радужная оболочка глаз светло-голубая. По измерениям Эллиота, общая длина взрослого быка достигает 3,8 м, длина хвоста 85 см, высота в плечах 1,86 м, высота крестца от копыта до начала хвоста 1,7 м. Сандерсон нашел, что у самого большого из убитых им быков высота в плечах достигла 1,83 м**.

* * *Рекордная высота в холке — 213 см, масса — до 1 т. Быки темно-бурые или черные, коровы и телята красновато-коричневые Радужная оболочка глаза каряя (непонятно, откуда взялись сведения о голубых глазах).*

Длина мощных рогов не превосходила 188 см ***

* * * *Длина рога гаура по внешней стороне может достигать 117 см, 52 см в обхвате, между концами рогов до 84 см.*

Корова отличается от быка небольшой и красивой головой, белой окраской ног, более слабой шеей, отсутствием спинного бугра и более слабыми рогами.

Гаур (*Bos gaurs*)

Гаур гораздо шире распространен, чем широколобый бык, и за ним больше охотятся, поэтому мы имеем больше сведений о его жизни, чем и обязаны в первую очередь Эллиоту, Фишеру, Жердону, Раису, Роджерсу, Томсону, Трайлу, Форситу, Кинлоху, Сандерсону, Стерндалю и другим. Как уже упомянуто, область распространения гаура весьма велика. Он встречается во всех заросших лесом горных и холмистых странах, даже довольно крутых и скалистых, — от южной оконечности Индии до Гималайских гор и к востоку, по словам Стерндаля, до Бирмы и Малайзии. Жердон сообщает, что гаур прежде водился на Цейлоне и вымер в первое десятилетие нашего столетия; однако подтверждения этого сообщения получить не пришлось*.

* *Ареал гаура прежде охватывал всю материковую тропическую Азию, в настоящее время распался на несколько изолированных участков, в основном гаур сохранился в заповедниках. На о. Шри Ланка, островах Малайского архипелага гауры никогда не водились.*

Сандерсон, который охотился за гауром вблизи моря и даже на низменностях, утверждает, что любимым местопребыванием его служит пояс от 600 до 1700 метров над уровнем моря. Дикие, заросшие лесом склоны, непроходимые кустарники, заросли папоротника, бамбуковые рощи служат для него желанным убежищем, в особенности в глубоких, богатых водой ущельях, на крутых обрывах и едва доступных вершинах. Гаур славится своей способностью двигаться по самым непроходимым местам. Впрочем, иногда появляется и на равнинах, куда заманивает его свежая, сочная трава.

В северных местностях, по словам Кинлоха, гаур встречается стадами от 4-5 до 30 голов; в южных, по свидетельству Сандерсона, стадами из 12, редко из 30-40 голов. Когда трава на холмах вянет от жары или бывает уничтожена огнем, отдельные группы, как свидетельствуют о том вместе Сандерсон и Фишер, соединяются в многочисленные стада, но как только выпадут первые капли дождя и появится новая растительность, стада эти снова разделяются, чтобы вести обычный образ жизни. При неблагоприятной погоде, в особенности во время бури, животные прячутся в долинах, там они ищут спасения от мух и оводов, которые их жестоко мучают. Нередко посещают богатые солью места, которой недостаточно в обычной их пище. Вожаком стада всегда бывает взрослый,

сильный бык, который только терпит подле себя молодых самцов, еще слишком слабых для того, чтобы восстать против его господства. Но как только он начинает стареть, терять проворство, между ним и набирающими силу быками начинается борьба, которая в конце концов завершается изгнанием старого вожака.

Как и все виды диких быков, гаур живет уединенно, старательно избегая близости человека. Обыкновенно пасется только ночью, с особенным удовольствием там, где растет молодая трава, ее и нежные отростки бамбука он предпочитает всем другим растениям. Если гаур живет вблизи обрабатываемой местности, то нападает на нивы, опустошает их и бывает настолько навязчивым и дерзким, что его едва можно выгнать оттуда. Утром возвращается с пастбища и скрывается в высокой траве или в молодой бамбуковой чаще, здесь он отдыхает и пережевывает жвачку. Сандерсон сообщает, что в южной Индии гаур в противоположность другим лесным обитателям никогда не посещает плантаций и нив. «Индийские бизоны, продолжает он, — занимаются едой почти до 9 часов утра и долее при пасмурном небе или во время дождливой погоды; затем они предаются покою в бамбуковых зарослях или кустарнике до полудня, затем снова поднимаются, идут на пастбище или водопой».

Гаур, как сообщает Сандерсон, издает три ясно различимых звука. Первый не походит ни на один из известных, издаваемых другими быками, но напоминает крик слона. Гауры пользуются им для того, чтобы призывать друг друга, и притом на довольно значительном расстоянии; при отсутствии неблагоприятных условий его можно слышать на расстоянии английской мили. Призыв этот походит на громкий лай. Второй звук — тихое «му» выражает беспокойство и любопытство. Я слышал его у нескольких коров, которые заметили меня и моих охотников, подползающих к ним в высокой траве; коровы на расстоянии 50 шагов в течение получаса оставались на своем месте, пока я, воспользовавшись удобной минутой, не выстрелил в находящегося вместе с ними быка. Третий звук — сильное свистящее сопение, которое они издают, когда, будучи испуганы, обращаются в бегство. Впрочем, мне пришлось слышать гаура, преследуемого собаками, он мычал, как разъяренный домашний бык. Тот же наблюдатель сообщает, что гауры гибнут от чумы, распространенной между индийским домашним рогатым скотом; они легко заражаются, когда посещают те участки джунглей, на которых паслись домашние животные. В восточном Майсуре в 1867 году гауры в громадном количестве пали от чумы рогатого скота, там погибло две трети животных этого вида. Еще в 1869 году Сандерсон находил их скелеты валяющимися в пустыне. В апреле 1877 года в той же местности чума появилась снова.

Во время спаривания зрелые быки ведут ожесточенную борьбу со своими соперниками, и действительно, все молодые самцы изгоняются из стада*.

* *Гон приходится на сухой сезон (с ноября по март).*

По словам Фишера, продолжительность беременности гаура такова же, как и у домашних коров. Телята рождаются после периода дождей, следовательно, между июлем и октябрём, в одном месте раньше, в другом — позже. Сандерсон, который, конечно, в данном случае имеет в виду юг Индии, говорит определенно, что телята рождаются большей частью в сентябре, но некоторые в апреле и мае. Молодой теленок до поразительности похож на теленка домашнего рогатого скота, бывает рыжевато-бурого цвета, а лоб и ноги, которые позднее делаются белыми, слегка окрашены бледно-серым цветом. Корова, которой предстоит телиться, отдалается от стада и в течение четырех дней держится от него отдельно со своим детенышем, пока тот не окрепнет. Молодые пойманные телята быстро становятся ручными, но их нелегко сохранить живыми.

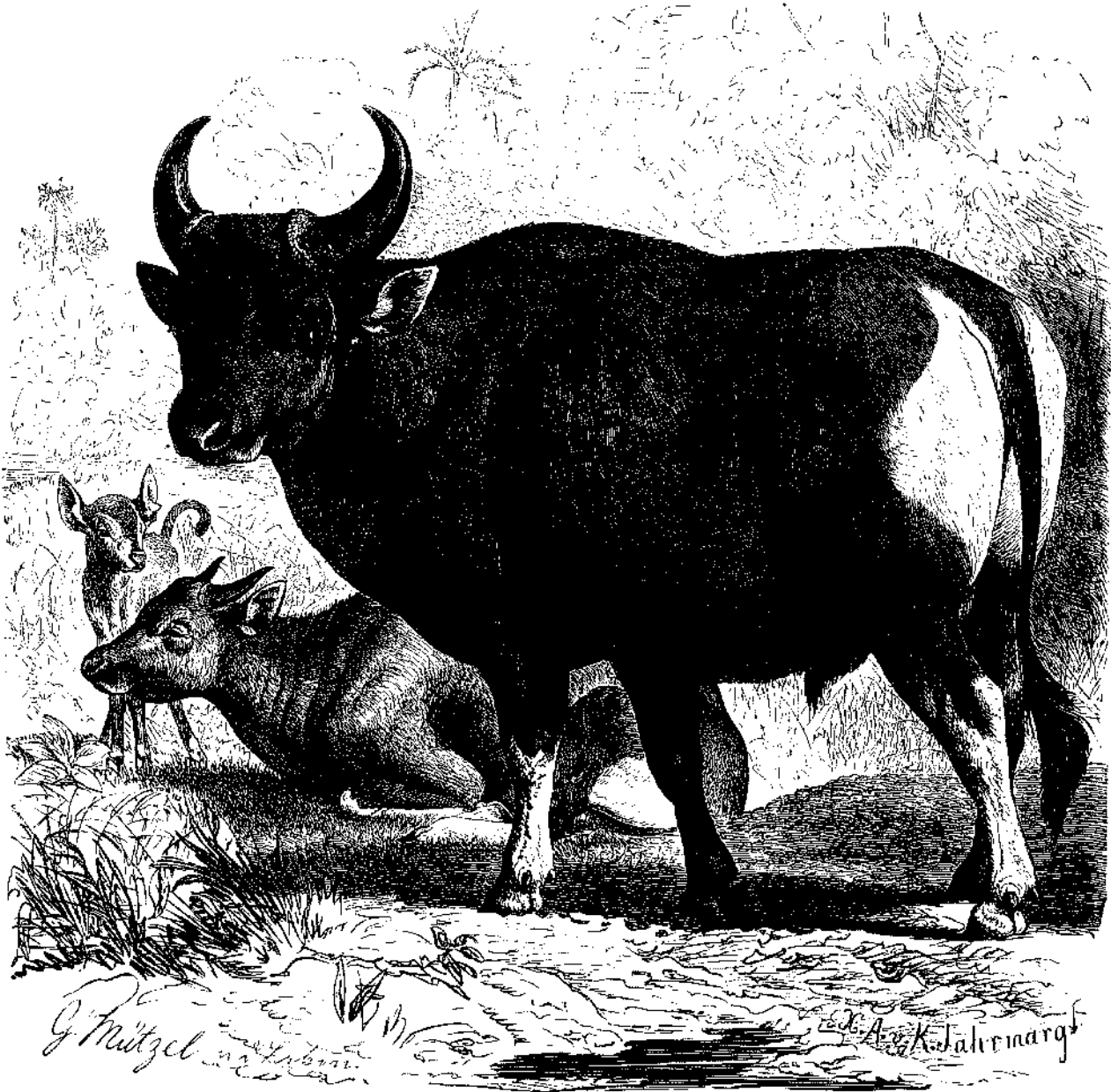
Чтобы убить гаура, употребляют ружья большого калибра. Выследив по следу, их выгоняют из джунглей с помощью загонщиков. Опытные ловцы охотятся не за семьей или стадом, а только за старым, уединенно живущим быком, который вместе со слоном считается самым сильным зверем, какого только можно там убить. Все единогласно признают, что раненый и преследуемый бык может оказаться таким противником, которым не следует пренебрегать. Форсит пишет: «Путешественники, которые больше заботятся о том, чтобы рассказами поднять свой престиж, сообщают ужасные вещи о необузданной ярости гаура. Но сам я находил их крайне робкими и никогда не подвергался их нападению, хотя и не раз бывал в таком положении, при котором каждый склонный к борьбе зверь напал бы на меня. За все время наблюдений мне пришлось слышать только о двух достоверных случаях, когда гауры, подвергшиеся перед тем преследованию и потерпевшие от выстрелов, перешли в нападение».

Конечно, легко представить, что взволнованные охотники принимают за яростное нападение отчаянные действия думающего только о бегстве зверя. Много необычного, что рассказывают о гауре, как нельзя более согласуется с его внешним видом, так как разъяренный бык, без сомнения,

производит сильное впечатление. Отсюда и возникают дикие истории туземцев, которые много говорят о страшной свирепости зверя, но не могут представить на то никаких доказательств. Видимо, туземцы этими рассказами стремятся удержать европейцев от охоты. Однако нельзя сомневаться, что раненый и жестоко преследуемый зверь иногда нападает на своего противника и может причинить ему увечье или смерть». Точно так же судят о гауре Стерндаль и Сандерсон.

Мясо гаура, по мнению Томсона, гораздо нежнее, чем мясо домашнего рогатого скота; Сандерсон находит его грубоволокнистым, но очень вкусным.

Самым красивым из всех известных и доселе живущих в диком состоянии быков я должен признать **бантенга** (*Bos javanicus*), который по красоте своего сложения может соперничать с антилопой и, кроме того, отличается очень красивой окраской. Голова его небольшая, но широкая, у лобных костей высокая; лоб выпуклый; морда к концу сужена и несколько вздута из-за утолщенных губ; голая часть носа очень большая и выпуклая; верхняя губа, которая занимает все пространство между ноздрями, посередине разделена бороздкой. Глубоко посаженные темно-коричневые глаза большие и блестящие; уши большие, овальные. Шея короткая, непосредственно за головой утончается, а затем утолщается; туловище сильное, но не массивное, загривок возвышается, образуя вдоль спины длинный и невысокий горб; спина прямая, задняя часть тела слегка округленная; на подбородке замечается небольшой, а на нижней части шеи довольно значительный висячий подгрудок. Хвост средней длины, тонкий, к концу суживающийся; ноги короткие, но, во всяком случае, красивые; копыта круглые и изящные. Рога утолщены у основания и там покрыты рубцами, но на первой трети своей длины они гладкие; внизу немного плоские, а в других частях круглые, на концах довольно острые. Рога достигают длины от 40 до 50 см. Повсюду равномерно и густо прилегающий волосяной покров имеет темный серо-бурый цвет с красноватым оттенком сзади; нижняя половина ног белого цвета.

Бантенг (*Bos javanicus*)

Пятно на верхнем углу ноздрей и полоса на верхней губе бледно-желтого цвета. У замечательно стройной и красиво сложенной коровы вместо серовато-бурой окраски преобладает светлая рыжевато-бурая; по спине от загривка и до корня хвоста проходит темная полоса; теленок во всем походит на мать*.

** Бантенг похож окраской на гаура, отличается от него лишь крупным белым зеркалом на задней стороне бедер.*

Общая длина животного, включая хвост в 85 см, достигает 2,9 м, высота у загривка 1,5 м.

По свидетельству Соломона Мюллера, область распространения бантенга захватывает Яву, Борнео и восточную часть Суматры; по словам Блайта и Стерндаля, он водится на полуострове Малакке и, вероятно, в Бирме, на хребте Пегу. По мнению Юнгхуна и Гаскарля, местопребывание его ограничивается покрытыми лесом горами, в поясе, лежащем на высоте от 600 до 2000 метров над уровнем моря; Мюллер, напротив, прямо говорит, что его можно встретить в лесах вдоль берега*.

** Бантенг распространен в материковой части Азии — от Ассама и Бирмы до южного Индокитая и Малакки, а также на островах Ява, Бали и Калимантан (Борнео). На Суматре отсутствует.*

"Охотнее всего он выбирает для своего местопребывания влажные или болотистые, богатые водой части леса, поэтому ему более нравятся ровные горные долины с текущими по ним реками, чем все другие лесные местности. На Яве он встречается всюду, и его можно видеть как на горах восточной части, так и на горах, граничащих с Зондским проливом; кроме того, он живет и в дру-

гих лесах, но из многих местностей острова, лежащих между горами, где теперь обрабатываются поля, он уже вытеснен. Преимущественное местопребывание его составляют леса на высотах от 1200 до 2000 метров над уровнем моря.

Бантенг живет небольшими семьями, которые состоят из вожака-быка и 4-6 коров. Старые, злые быки изгоняются из стада дружными усилиями молодого поколения и осуждены влачить жизнь угрюмых, ворчливых пустынножителей. Мягкая и сочная трава, покрывающая почву, цветы, листья, побеги различных деревьев и кустов составляют пищу бантенга; в особенности же он любит питаться молодыми побегами и листьями бамбука и аланга**.

** * Численность диких бантенгов очень низка, не превышает нескольких тысяч голов. Падение численности связано с охотой и исчезновением естественных местобитаний. Образ жизни сходен с таковым у гаура.*

Дикость и пугливость этого быка делают охоту на него опасной и трудной. Он убегает, увидев приближение человека, но доведенный до крайности или раненый, не боится охотника, нападает на него и с ловкостью пускает в дело свои острые рога. Кроме уединенно живущих быков больше всего следует бояться коров, которые водят с собой сосущих телят. Бантенга убивают из ружья или гонятся за ним по травянистым степям верхом на лошади; когда охотник догонит преследуемое животное, то употребляет в дело тяжелый яванский охотничий нож, но пользуется им, из опасения быть изувеченным, лишь против коров и молодых быков. Кроме того, ставят петли из толстых веревок или копают ямы, которые прикрывают ветвями и листьями. Г. О. Форбес находит охоту на бантенга чрезвычайно трудной: ему только однажды удалось подползти к стаду на расстояние выстрела и убить одного теленка. Мясо молодого и полувзрослого бантенга даже европейцы, по причине его нежности и тонкого вкуса, находят превосходным; жесткое и отчасти пахнущее мускусом мясо старых быков употребляют в пищу только бедные туземцы.

Взрослых бантенгов нельзя приручить; напротив, телята делаются домашними животными, так как по природе своей животное отличается, по-видимому, большей кротостью и мягкостью, чем все остальные дикие быки. Телята пасутся вместе с домашним скотом, когда вырастут, спариваются с ним и порождают прекрасно сложенных телят, так что на Яве практикуется обычай выгонять домашних коров в леса, с тем чтобы они могли там спариваться с живущими в диком состоянии быками-бантенгами.

Почти все единогласно принимают теперь, что крупный рогатый скот, который во всех трех частях Старого Света более или менее одновременно сделался домашним, имеет не одного, а нескольких родоначальников*.

** Сейчас единственным предком крупного рогатого скота (включая зебу и другой горбатый скот, но исключая одомашненных гаялов, бантенгов, яков, буйволов) считают тура. Вероятно, в становлении разных групп пород участвовали разные подвиды тура. Жировой горб, развитый у зебувидного скота засушливых областей, служит для запаса питательных веществ в сухой период и является сравнительно недавней адаптацией животных к засухе.*

Время, когда человек впервые укротил диких быков, лежит за пределами нашей истории. Самые ранние рассказы упоминают о стадах прирученного крупного рогатого скота; мы находим их изображения на древнейших памятниках стран, которые считаем колыбелью цивилизации**.

** * Большинство исследователей считает, что одомашнивание тура произошло 8500 лет назад на территории Малой Азии.*

"Мы находим быков и коров, — пишет мне по этому вопросу Дюмихен, — точно так, как и козу, уже в древнейшие времена в качестве домашнего животного жителей Нильской долины. Знатные египтяне в надписях на своих могильных памятниках особенно охотно хвалятся обладанием многочисленных стад крупного рогатого скота. Все эти рисунки, в большинстве случаев относящиеся к древнейшему периоду, свидетельствуют о той великой заботе, с какой в Древнем Египте ухаживали за быками и коровами. Рисунки представляют изображения длиннорогого и короткорогого рогатого скота, быков, коров и телят, то пасущихся, то переплывающих реки; на одних изображены погонщики, ведущие отдельных животных за веревку и управляющие парой, запряженной в плуг; на других видим быков, выгоняемых на ток для молотбы ногами снопов или загоняемых в хлев, где рабы дают им корм, чешут скребницей и доят, тщательно осматривают заболевших животных и лечат их. Некоторые рисунки изображают случку, другие — рождение теленка, а рядом — двух разъяренных дерущихся быков; наконец, мы видим заклание жертвенных животных. Все эти рисунки доказывают, как внимательно относились древние египтяне к скотоводству.

Вглядываясь в изображения животных на этих превосходных рисунках, мы ясно различаем три породы рогатого скота. Во-первых, длиннорогую породу, которая, очевидно, была наиболее

распространена. Порода эта в свою очередь распадается на три разновидности: с рогами, согнутыми в виде лиры, в форме полумесяца и с рогами, расходящимися далеко в стороны. Вторая порода — короткорогие быки, во всем сходные с первой, но с короткими и загнутыми в форме четверти круга рогами. Третья порода — горбатые быки: они встречаются на рисунках, изображающих подношение дани египетскому фараону народами Судана».

Относительно этих трех пород Гартман замечает следующее: «Форма голов на всех рисунках соответствует признакам головы зебу; это особенно ясно видно на так часто изображаемых телятах: здесь заметен тот же суживающийся лоб, незначительный выступ края глазных впадин, бросающаяся в глаза плоскость и прямизна верхнего очертания морды. Горбатый бык и ныне еще распространенный во всей внутренней Африке есть родоначальник как древнего, так и теперешнего египетского домашнего рогатого скота, который, очевидно, принадлежит к породе горбатых быков. Если ехать из Нижнего Египта вдоль Нила через Нубию и Донголу в Сенаар, можно заметить, как египетский домашний рогатый скот, отличающийся высокой холкой, постепенно переходит в настоящих южноафриканских горбатых быков. В южной Донголе и в пустыне Байюда попадаются уже только горбатые быки, Древняя египетская порода длиннорогих быков, в особенности имеющая рога в форме лиры, совершенно походит на зангу абиссинцев; хотя у нее и нет высокого жирового горба, однако этот последний и у чистой породы горбатых быков внутренней Африки весьма слабо развит. Древняя египетская порода длиннорогих быков вымерла в настоящее время; даже тот, до некоторой степени длиннорогий рогатый скот, которого можно видеть в Египте, по величине рогов не представляет никакого сходства с древним длиннорогим скотом. Чума рогатого скота и грубое с ним обращение нанесли в течение столетий великий ущерб египетскому скотоводству, и чтобы возместить потери, стали, как это делается еще и в нынешнее время, пригонять большие стада короткорогих сенаарских быков в Египет и скрещивать с ними остатки местной длиннорогой и короткорогой породы. Таким образом, порода длиннорогих быков постепенно уничтожилась в Египте или, лучше сказать, перешла мало-помалу в породу короткорогих. Неоднократно скрещенные массивные горбатые быки Сенаара постепенно вырождались и превратились в длиннорогую, жидкую породу, имеющую некоторое сходство с антилопами, но без жирового бугра, это должно быть приписано главным образом климатическим условиям, измененному образу жизни и дурному уходу египетских поселян и нубийцев за своим рогатым скотом».

Таким образом, из сообщений Дюмихена мы видим, что в Древнем Египте уже в ранние времена существовали различные породы крупного рогатого скота, а из сообщений Гартмана — что некоторые из них совершенно исчезли или изменились до неузнаваемости, и наоборот, некоторые сохранили почти все существенные признаки.

Большая часть естествоиспытателей, начиная с Линнея и кончая Дарвином, смотрят на зебу как на особый вид быков, другие же признают его только разновидностью домашней породы. Мы знаем, что зебу в некоторых частях Индии живет совершенно независимо от человека в лесах; однако не подлежит сомнению, что встречающиеся в диком состоянии животные — потомки убежавших от человека быков и коров, которые снова одичали. До настоящего времени тщетно стараются отыскать родоначальника различных пород зебу. Последние легко скрещиваются, как это с полной определенностью доказано различными опытами, со всеми породами домашнего рогатого скота и производят ублюдков, которые при самых разных смешиваниях крови оказываются плодовитыми.

Несколько легче представляется решение вопроса о родоначальнике нашей европейской породы рогатого скота, хотя и здесь далеко еще не сказано последнего слова. По мнению Рютимейера, в происхождении живущих теперь в Европе и отличающихся друг от друга 40 или 50 пород рогатого скота принимали участие три различных вида диких быков: **первобытный бык** (*Bos primigenius*), **длиннолобый бык** (*Bos longifrons*) и **лобастый бык** (*Bos frontosus*); остатки их найдены в различных частях Европы. Нильсон думает, что, быть может, лобастый бык и есть родоначальник норвежского горного рогатого скота. На длиннолобого быка смотрят как на предка тех быков и коров, которые в каменный век содержались в Швейцарии в качестве домашнего скота и впоследствии были перевезены римлянами в Англию. Первобытный же бык есть родоначальник крупнейших европейских пород. Это предположение подтверждается сравнением его черепа с черепом домашних быков.

Шотландский парковый скот (*Bos taunts*)

По мнению Рютимейера, в настоящее время в северной Англии и Шотландии в больших парках существует непосредственное, хотя и выродившееся потомство первобытного быка. Этот натуралист на основании тщательного сравнения черепа первобытного быка с черепом шотландского быка, присланных ему лордом Тэнкеруyleм, уверяет, что эти черепа отличаются друг от друга гораздо менее, чем от черепов всякой другой породы.

Те быки, которые высоко ценятся в Испании, так как составляют необходимую принадлежность известных боев, также произошли от животных, некогда бывших ручными. Теперь они живут, как совершенно дикий рогатый скот; по целым годам не входят в хлева, и никто о них не заботится; только изредка приезжают надсмотрщики, чтобы проверить число животных. Бык этот не слишком велик ростом, но красив, необыкновенно силен и отличается довольно длинными, выгнутыми наружу и очень острыми рогами; окраска его почти всегда темно-каштанового или чернобурого цвета. «Быки, которые своей свирепостью и внешним видом кажутся пригодными для боя, — описывает В. Иест, — воспитываются следующим образом. Рожденные в каком-нибудь большом поместье в Кастилии или Андалусии, они по достижении одного года пригоняются в известное место, где их клеймят для обозначения принадлежности определенному хозяину. Пастухи, которые гонят стадо длинной палкой, снабженной острым наконечником, скоро замечают, какой бык обнаруживает склонность к нападению, какой — нет. Быки, которые не боятся чувствительных уколов острием палки и не раз нападают на загонщиков, подвергаются дальнейшему наблюдению; животных, склонных к приручению, обращают в домашний скот. Злым быкам насаживают на рога подушки или деревянные шарики и предоставляют им полнейшую свободу в деревнях и маленьких городах; быки гуляют там по главной площади, куда собирается уличная молодежь и любители боя быков. Дети разных возрастов раздражают и мучают быков разными способами, не нанося им особенного вреда. Животное, лишенное возможности пользоваться своими рогами, никогда не видевшее вместе и десяти человек, ведет себя при этом крайне неловко и чувствует себя беспомощным.

Устроители боя быков выбирают на лугу подходящее животное, достигшее 4-5-летнего возраста, платя при этом за него чрезвычайно высокие цены; в ночь перед боем его помещают в стойло, находящееся при каждом амфитреатре».

В Новом Свете условия для одичания рогатого скота были более благоприятны, чем в другом месте. Колумб впервые привез быков на остров Сан-Доминго во время своего второго путешествия. Здесь скот размножился с такой быстротой, что уже через несколько лет телята обоого пола распространились по всему острову, а 27 лет спустя стада в 4000 голов стали здесь уже обыкновенным явлением. В 1587 году с острова вывезли 35 000 бычьих кож.

Около 1540 года быки были перевезены из Испании в Южную Америку. Они нашли климат Нового Света до такой степени благоприятным, что в короткое время освободились из-под власти

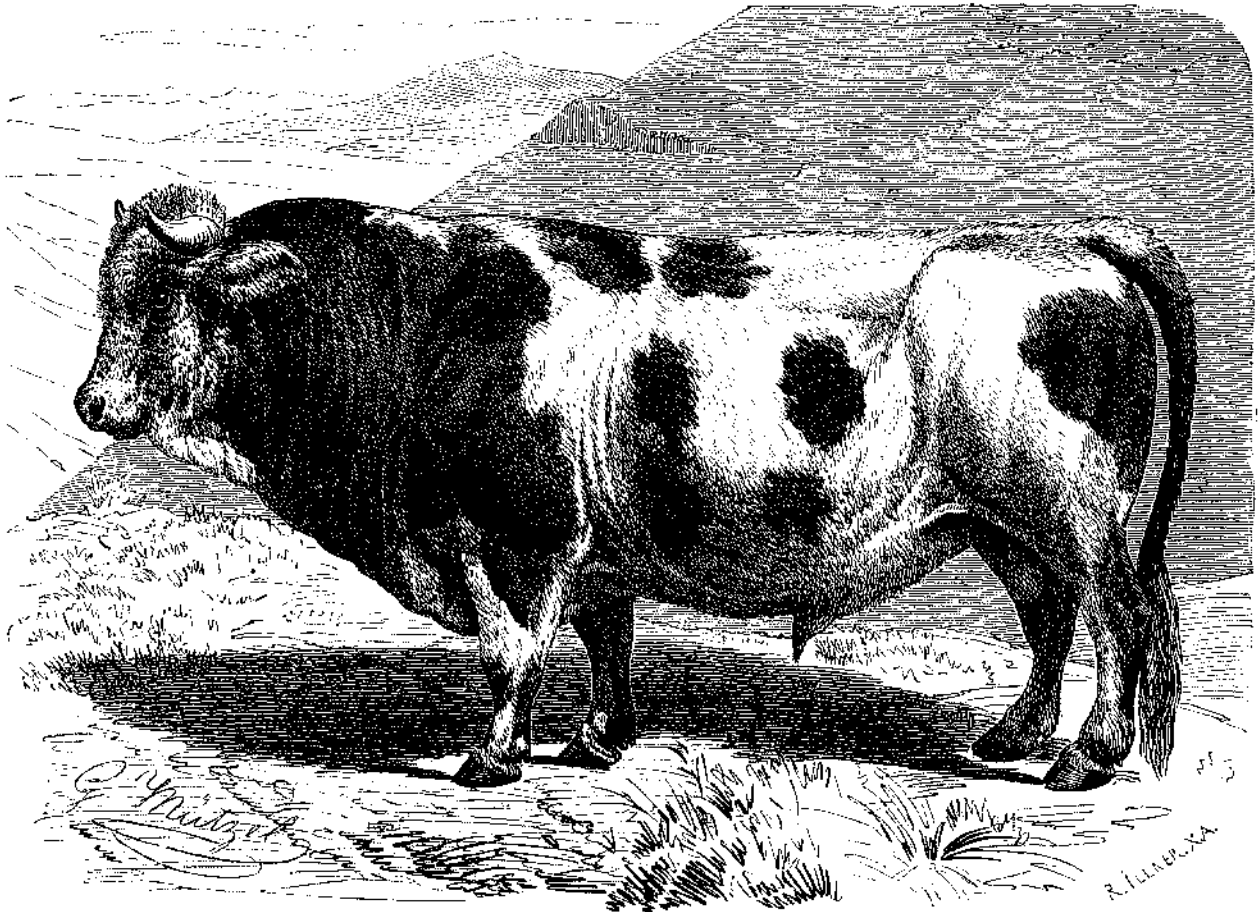
человека, который и без того лениво смотрел за ними. Столетие спустя они населяли пампасы в таком невероятном количестве, что убивали их только для того, чтобы воспользоваться кожей. Мясо и жир предоставляли домашним и диким собакам и коршунам. Следствием такого бессовестного истребления было то, что эти громадные стада стали сильно редеть, и только теперь они снова размножились.

На Фолклендских островах рогатый скот совершенно одичал, за ним иногда охотятся моряки, чтобы пополнить запас мяса. Число одичавших быков и коров молочно-белого цвета, которые были найдены лордом Джорджем Ансоном в 1742 году на острове Тиниан, равнялось примерно 10 000 голов. На островах Галапагос, на Филиппинах, Гавайях и, по словам Бигмора, на Зондских островах также находят одичавший рогатый скот, равно как и в Австралии и Новой Зеландии. «Здесь я встречал его, — пишет Ленденфельдт, главным образом на горных лугах. Он чрезвычайно пуглив, и я никак не мог приблизиться к стаду на расстояние выстрела. Говорят, если какой-нибудь человек внезапно показывается вблизи стада, то бык-вожак тотчас же бросается на него. Дикий рогатый скот, виденный мной в Новой Зеландии, был белого цвета с бурыми пятнами». На возвышенных местах внутренней Азии также встречается одичавший рогатый скот, и именно там, где, по словам Пржевальского, стада остались без владельцев вследствие войн. В Колумбии, как и в других странах Южной Америки, рогатый скот живет на полной свободе, но не на равнинах, а на высотах Кордильер*.

** Одичавший скот, который встречается во многих районах Земли, частично вернулся к экстерьеру предковой формы — тура, но никогда не достигает таких размеров. Будучи внешне очень похожими на туров и, очевидно, придерживаясь сходного образа жизни, шотландский парковый скот имеет белую или рыжую окраску; одичавшие быки Камарга (юг Франции) менее похожи на туров сложением, но имеют черную «исходную» окраску. В результате селекционной работы в зоопарках Германии в середине XX века удалось вывести породу скота, полностью сходную экстерьером и окраской с туром (бык — черный с белой полосой по хребту, корова — светло-бурая, теленок — рыжеватый), но значительно уступающую ему размерами (в холке европейский тур достигал 2 м и весил, очевидно, около 1 т).*

Итак, домашний рогатый скот в одних странах освободился от власти человека, в других продолжает быть его рабом. Рогатый скот везде чрезвычайно чтит и чтят до сих пор. Древние египтяне поклонялись богу плодородия Апису в облике быка и оказывали ему большие почести во время многих празднеств. В Ливии рогатый скот жил в прирученном состоянии, но его никогда не убивали, а пользовались только молоком. В Киренаике считалось преступлением ударить корову. Кельты смотрели на коров, как на дар, ниспосланный им божеством, а у теперешних индусов существует такой же культ быков, как и у древних египтян. У кашмирских браминов, по сообщению Югеля, корова считается настолько священной, что каждый человек, убивший ее, наказывался смертью. Герц называет быков общественным злом всех индусских городов. Кто-нибудь из туземцев, в намерении сделать доброе дело, выжигает на теле своих быков и коров знак Шивы, эти животные бегают по улицам, не уступают никому дороги, преследуют и толкают всех, кто им встречается.

Такое же почитание, как в Индии, оказывает домашнему скоту и племя динка, живущее на Белом Ниле. «Все, что происходит от рогатого скота, — говорит Швейнфурт, — считается чистым и благородным; помет, превращенный в золу, употребляется для того, чтобы спать на нем или чтобы белить лицо и тело; моча служит для омовений и даже примешивается к пище, взамен недостающей в этих местах Африки соли». Это последнее обстоятельство несколько извиняет в наших глазах такое употребление мочи, которое для нас кажется отвратительным. Рогатый скот никогда не убивают, за больными ухаживают в нарочно устроенных для этого больших хижинах; едят только палый скот или погибший от несчастных случаев. Впрочем, жители племени динка, по-видимому, не отказываются принять участие в каком-нибудь пиршестве, где угощают гостей мясом, лишь бы убитые коровы не были их собственными. Таким образом, они почитают своих быков и коров не столько как священных животных, сколько ради своей пользы. Однако трудно представить скорбь и страдания, испытываемые теми, у кого погибнет скот от случайной причины или от руки жестокосердного чужестранца. В южной Африке некоторые племена владеют многими сотнями тысяч, если не миллионами голов скота, хорошо за ним ухаживают и, можно сказать, выработали настоящую «науку о рогатом скоте». Они ведут друг с другом многочисленные войны, главным образом из-за того, чтобы овладеть стадами противника.

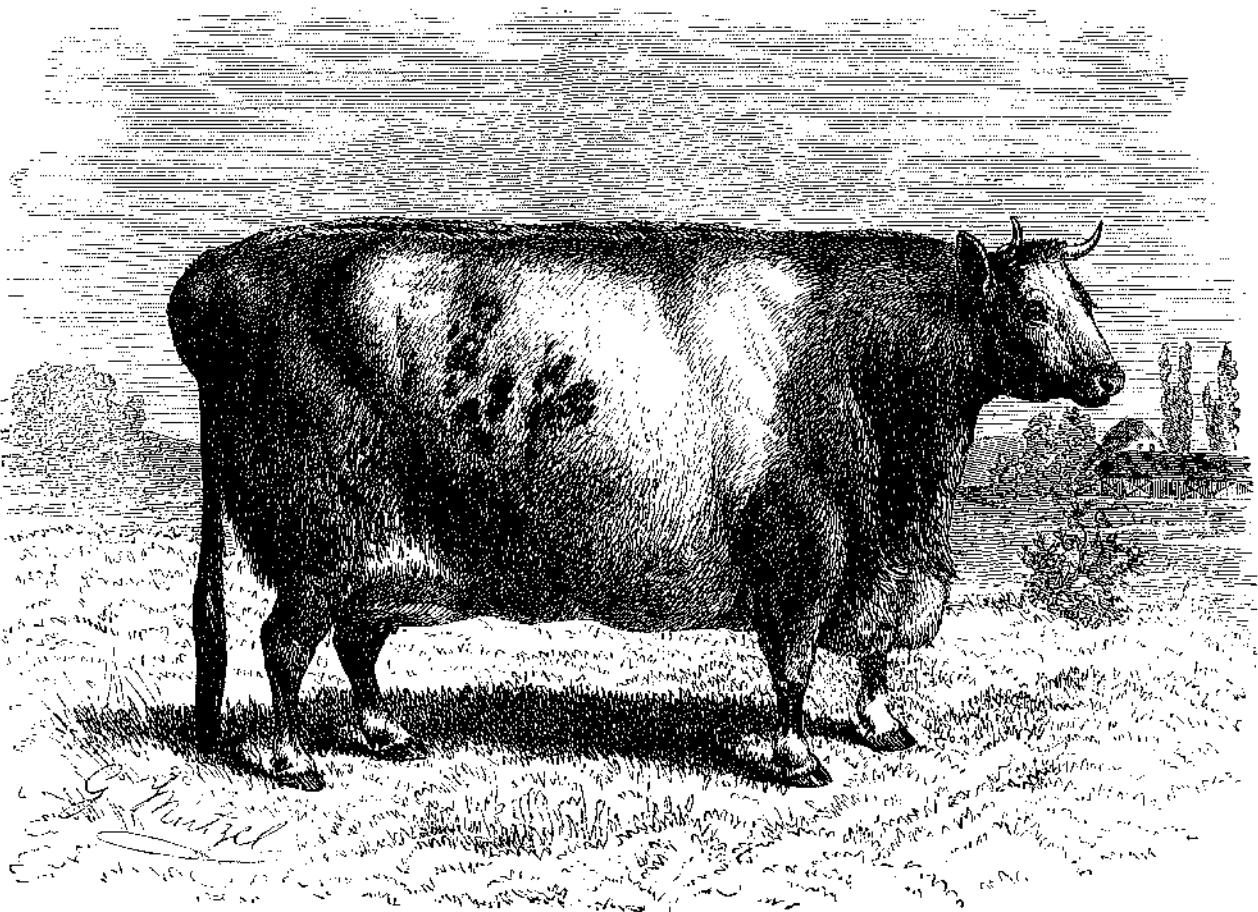
Домашний скот (*Bos taunts*)

Даже у наиболее щепетильных сект, которые во всем видят что-нибудь нечистое, бык признается чистым животным, общение с которым только приносит пользу душе верующего. Суданцы с большим удовольствием слушают, если их называют почетным титулом «бык» и, хвастаясь силой своих сыновей, сравнивают ее с силой вола. Более чем всякое другое животное, рогатый скот способствовал цивилизации людей.

Скотоводство у кочевников восточного Судана находится в том же положении, как и у их предков несколько тысяч лет тому назад. Стада, которыми они владеют, составляют их единственное богатство. Многие племена арабов находятся в постоянной войне друг с другом из-за стад и по этой же причине ведут постоянно бродячую жизнь. В этих местностях скотоводство ведется под открытым небом, никто и не думает строить хлева для домашних животных. Только там, где часто появляется лев, пробуют защищать место ночлега коров, овец и коз толстым плетнем из мимоз. Там, где не приходится платить дани царю пустыни, стадо оставляют ночевать на пастбище*.

** В большинстве регионов Африки и Ближнего Востока именно перевыпас крупного рогатого скота, являющегося мериллом богатства, наряду с перевыпасом коз и овец при вел к быстрой деградации природных сообществ и стремительному опустыниванию местности.*

Племя динка также владеет многочисленными стадами и старательно заботится о них; днем выгоняет на луга, а ночью укрывает в открытых дворах, так называемых мурах. «При сооружении таких загонов, — говорит фон Гейглин, — пастухи выбирают по возможности сухое и возвышенное место условия, которые редко можно встретить на Белом Ниле. Место это окружается грубым частоколом, и, когда вечером скот бывает загнан в загородку, вход запирается стволами деревьев или колючими кустарниками.

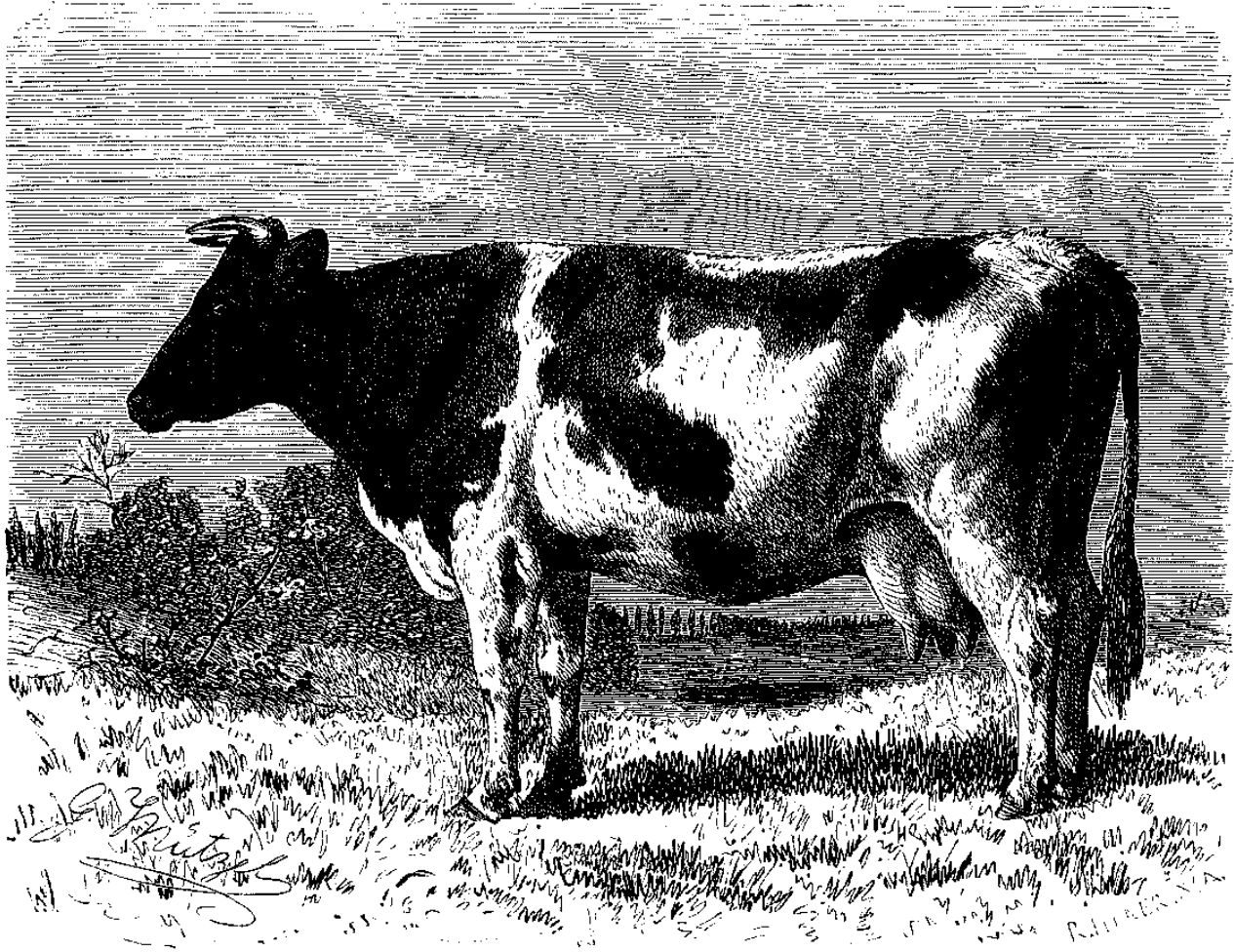
Скот мясной породы (*Bos taunts*)

Бережно собранный коровий помет сушат в течение дня на солнце, так что всегда имеется значительный запас сухих лепешек, которые потом складывают в равные кучи внутри изгороди. Когда стада возвращаются вечером с поля, под каждую из этих куч подкладывают небольшой огонь, и скоро над загоном, как над большим костром, появляется густое облако дыма. Так поступают с той целью, чтобы удалить различных жалящих мух и доставить коровам и без того дающим очень мало молока необходимый ночной покой. Это странное окуривание продолжается всю ночь, и запертые животные, судя по их виду, чувствуют себя вполне довольными. Вместе с тем от сгорания помета образуется тонкий пепел, который днем тоже сгребают в кучи, а к вечеру им посыпают все огороженное пространство, и таким образом скот получает отличную подстилку и новое верное средство защиты против мух».

В горах Абиссинии быки используются как вьючные и упряжные животные, в Судане, на равнинах Кордофана, их содержат преимущественно для приплода, хотя и пользуются молоком для приготовления масла. В южной Африке быки оказывают особенно важные услуги. Без помощи этих животных здесь невозможно предпринимать дальних торговых и охотничьих путешествий. Запряженные цугом от пяти до восьми пар в огромную фуру, волю привычно тянут тяжелую кладь по равнинам и сыпучим пескам, через болота, реки и глубокие овраги, по горам среди утесов с пропастями и по такому пути, который мы в наших местах считали бы решительно непроходимым. При этом животные глотают огромное количество пыли, днем терпят палящий солнечный жар, а ночью очень чувствительный холод, часто вынуждены сами отыскивать корм и в течение долгих дней довольствуются скудным количеством испорченной воды или совсем обходятся без питья, что случается очень не редко. Но выносливость южноафриканских быков имеет свои пределы, и рассказы о том, будто они в пути могут оставаться шесть-восемь и более дней без питья и пищи, сильно преувеличены. В самое жаркое время без питья они едва ли в силах работать более 40-60 часов, а в прохладное время более 70-90 часов; конечно, при крайней необходимости они могут брести еще 20-30 часов, но потом падают и околевают. Когда же бедные истомленные животные достигают хорошего водоема, то они пьют до тех пор, пока опавшие бока не раздуются, как бочки.

В южной России и в большей части Средней Азии содержатся значительные стада рогатого скота. По всей южнорусской степи пасутся табуны лошадей и стада овец и быков. Летом изо дня в день весь домашний скот ходит на воле; в суровую, длинную зиму дрогнет под каким-нибудь земляным валом, несколько укрывающим его от непогоды. Но если к этому валу приделан с одной сторо-

ны жалкий навес вместо крыши, то такая постройка считается уже превосходным скотным двором. Между названными животными быки занимают главное место по своей численности, да и во многих отношениях имеют перед мелким скотом большие преимущества: с ним реже случаются несчастья во время столь опасных для лошадей и овец снежных метелей, потому что они не теряют присутствия духа и сразу спешат домой, если только их не застанет очень сильный буран.

Корова фризской породы (*Bos taunts*)

Почти во всех местностях стада остаются предоставленными самим себе, и забота пастуха проявляется только в том, чтобы по возможности держать животных вместе и отделять подрастающих быков от маток. Животные до невероятности выносливы; они почти не чувствительны к непогоде и довольствуются плохим кормом. У киргизов и калмыков, использующих их в качестве вьючного скота, они ведут кочевой образ жизни. В летнюю пору степь, конечно, везде дает обильный корм; для перезимовки избираются местности, богатые тростником, и тогда скот должен довольствоваться одними высохшими листьями этого растения. В южнорусских степях скот поутру поят и потом гонят в поле; к вечеру стада возвращаются сами, причем матки соединяются с телятами, которых утром от них отделяют. Дойные коровы и телята зимой получают корм дома, а быки только тогда, когда на поле лежит глубокий снег.

Совершенно иным уходом пользуется домашний скот в горах средней Европы, а именно в Альпах, хотя и здесь еще можно пожелать лучшего. «Больше всего, — говорит Чуди, — недостает тут целесообразно построенных скотных дворов, иногда последних даже вовсе нет. Коровы ходят летом по горам, общипывая малорослую, но сочную траву. А если весной или осенью внезапно выпадет снег, то стада с жалобным ревом собираются перед хижиной, где они редко находят закрытое пристанище и где пастух часто не может им дать даже клочка сена.

При продолжительных холодных дождях скот ищет защиту под утесами и в лесах. Беременные коровы телятся вдали от людей и вечером, к изумлению пастухов, являются с полным выменем и в сопровождении резвого теленка; не всегда, конечно, это дело для них кончается благополучно. Но даже и при самом плохом уходе скот очень любит прекрасное, спокойное пребывание на Альпах. Часто коровы, оставленные в долине, самовластно уходят на отдаленные горные луга».

Среди всех стран только в Испании больше ценится бык, а не корова. Испанец имеет свое особое мнение о красоте быка: он осматривает и оценивает его, как знатоки у нас породистую ло-

шадь или хорошую собаку. Даже мимо смиренного рабочего вола он не пройдет равнодушно, а к теленку, сильно и красиво сложенному, относится с величайшей нежностью. Это происходит оттого, что испанцы, как живущие в своем первоначальном отечестве, так и переселившиеся в Новый Свет, все страстные охотники до таких зрелищ, которыми когда-то восхищались древние римляне. Всякий попавшийся на глаза бык вызывает у них одно соображение: может ли он надлежащим образом исполнить роль в бое быков.

Мне остается сказать очень немногое об умственных способностях крупного домашнего рогатого скота. Бесспорно, животные эти стоят на самой низкой ступени, и после овцы они самые глупые из домашних животных. Они, впрочем, знают своего ближайшего хозяина и до известной степени любят его, повинуются ему, идут на зов, выражают некоторую преданность тому, кто особенно много занимается ими; но здесь играет роль скорее привычка, чем понятливость. «Душевные свойства, — говорит Шейтлин. — проявляются сильнее у тех быков и коров, которые более живут на воле, чем взаперти. Альпийские коровы скорее начинают узнавать своего пастуха, имеют веселый вид, живее проявляют чувство радости, делаются бодрее от звона колокольчиков, менее пугливы и дерутся храбро как в шутку, так и серьезно. Бык стоит выше самой умной коровы: имеет более крепкое телосложение, в нем больше мужества, он чувствует свою силу, осознает себя сильным защитником стада, смело идет на врага и храбро защищается, не терпит в стаде присутствия соперника и будет биться с ним не на жизнь, а на смерть».

Быки и коровы уже на втором году жизни способны к размножению. Беременность обыкновенно продолжается 285 дней, хотя срок этот может значительно изменяться, увеличиваясь или сокращаясь. Теленок поднимается на ноги и сосет матку в первый день после рождения. Новорожденный при появлении на свет уже имеет восемь резцов. На шестом году жизни зубы от первоначального молочного цвета постоянно переходят в более желтый, а в 16 или 18 лет они начинают падать и крошиться. С этой поры корова перестает давать молоко, а бык уже не годится для спаривания. Средняя продолжительность жизни быков и коров, кажется, не превышает 25 лет.

Различные растения в свежем и сухом виде, горох всех сортов, молодые злаки и сочная трава составляют любимую пищу крупного рогатого скота. Вредно действует на них лен, тис, волчц, кошачья петрушка, ситник, лютик, железняк, молочай, молодая дубовая и ореховая листва, сырой клевер и некоторые другие растения. Петрушка, сельдерей, чеснок и лук уменьшают количество молока. Тимьян, лютик, подорожник употребляются в пищу только в случае нужды; но всякие плоды, картофель, морковь составляют лакомство, а соль — потребность. Быков и коров по справедливости считают самыми прибыльными из всех домашних животных*.

** Всего в мире более миллиарда голов коров и быков. Самым крупным быком был гибрид шортгорнской и гольштейнской пород, достигавший массы 2267 кг и роста в холке 188 см. Самые большие надои характерны для коров гольштейнской и фризской пород — до 25 тыс. л в год и до 110 л в день. Рога некоторых африканских пород скота (ватусси и др.) достигают двухметровой длины, у тexasской породы лонгхорн зафиксирован размах рогов в 3,2 м.*

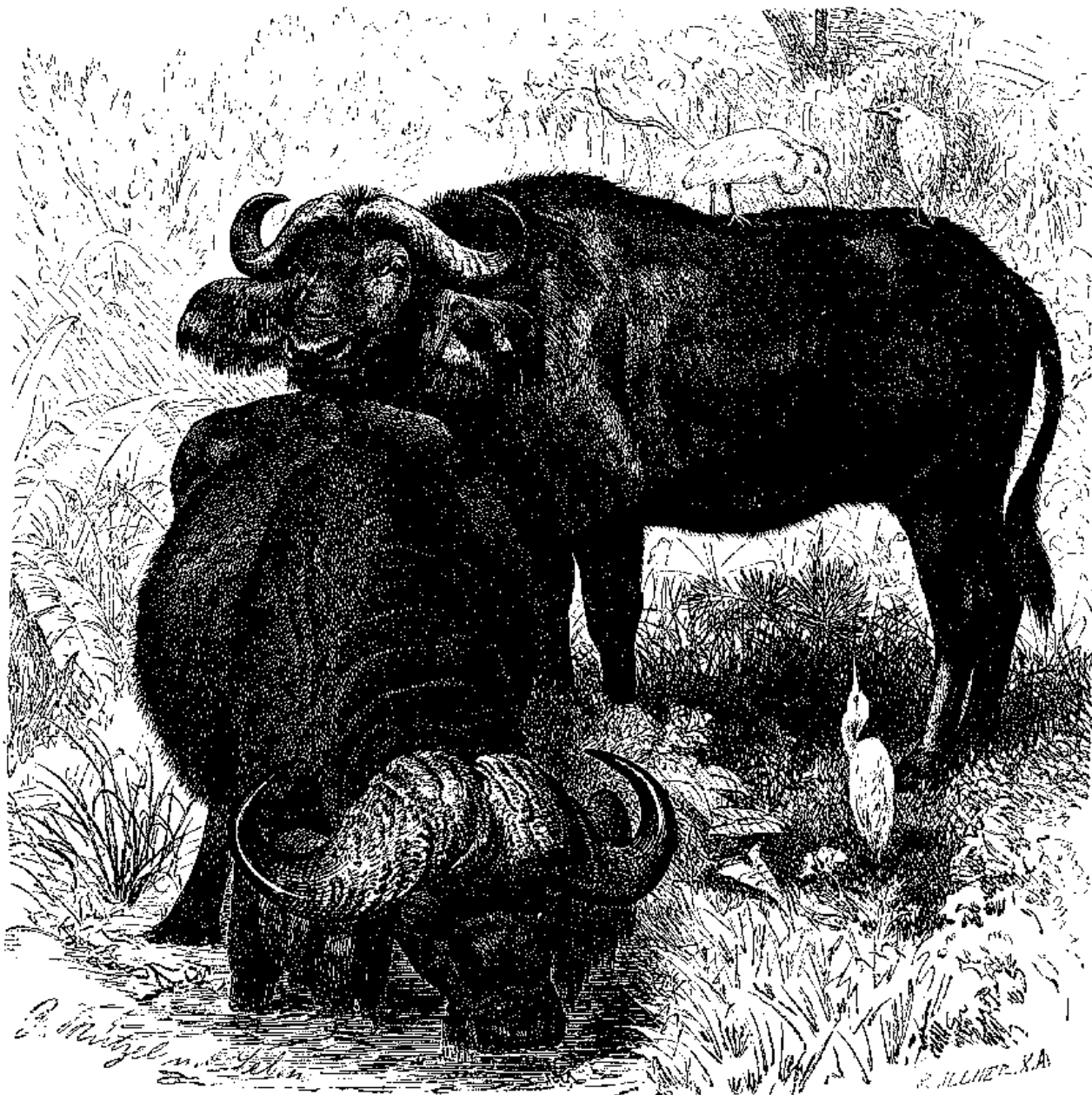
Африканский черный, или кафрский, буйвол (*Syncerus caffer*)** — самый сильный и самый свирепый вид, отличающийся своеобразными рогами.

*** Африканский, или кафрский, буйвол отличается от азиатских сородичей сложением и строением рогов и выделен в отдельный род с единственным видом.*

Он сложен плотнее других буйволов; голова у него сравнительно небольшая, с несколько узким лбом, немного горбатым носом и широкой мордой. Глаза средней величины с темно-карей радужной оболочкой и поперечным зрачком. Уши очень большие, верхний край у них выгнут и концы обращены вниз; по краям уши обросли густыми, длинными волосами. Шея длинная, толстая, могучая; туловище около загривка поднимается невысоко, так что здесь образуется только слегка заметный плоский горб; спина прямая или несколько впалая; немного приподнятый крестец круто спускается к хвосту; брюхо полное и висячее; хвост длинный, тонкий и заканчивается покрывающей половину его длины сильной, густой кистью волос.

Рога загибаются, начиная от корня, сначала в стороны и назад, потом вверх и назад и наконец у кончиков еще заметно внутрь. У старых быков рога необыкновенно широкие, сплющены, покрыты толстыми морщинистыми складками и так сильно закрывают весь лоб, что от него остается свободной только узкая полоска посредине. Окраска животного зависит не столько от его черных волос, сколько от темного цвета его серовато-бурой кожи. Коровы, телята и молодые животные имеют грязновато-бурю или тускло-рыжеватую окраску. Высота в плечах у черного буйвола, смотря по полу и крепости сложения, колеблется от 1,5 до 1,8 м. Рога у обоих полов достигают длины 1-1,12 м. У самки они не так широки и массивны.

Область распространения черного буйвола — большая часть восточной половины Африки. Он предпочитает равнины гористым странам и для своего постоянного местопребывания избирает местность, где нет недостатка в воде, так как вода или, по крайней мере, жидкая грязь составляет главное условие его благоденствия. Он почти одинаково хорошо уживается в первобытном лесу и в кустарниковых порослях, среди густых тростников и в открытой степи, не боится и гористых стран; на Килиманджаро Ганс Мейер нашел его следы до 3000 м высоты.

Африканский буйвол (*Syncerus caffer*)

Как говорил Гейглин, препятствия почти не существуют для этого сильного животного, которое с одинаковым проворством карабкается вверх и вниз по самым крутым откосам ущелий, ломится сквозь чащи леса, перебирается через болота и с легкостью переплывает широкие воды.

По своей природе черный буйвол принадлежит к общественным животным и образует с себе подобными стада; там, где его очень беспокоят, стадо состоит от 30-60 голов, но в местах более спокойных оно включает сотни и даже тысячи голов*.

** Крупные стада состоят из нескольких семейных кланов, возглавляемых самками, но имеют и общих лидеров из самцов самого высокого ранга. Самые старые быки живут обособленно.*

Генель сообщает нам, что он вместе с графом Телеки к западу от Килиманджаро, в горах Меру, наблюдал стада от 400 до 500 голов, а под экватором южнее озера Варинго даже до 5000 голов. Именно в этой стране, где путешественники, охотясь, провели около двух месяцев, они могли ежедневно видеть до 20 000 черных буйволов. Коровы живут всегда мирно, а быки только до наступления полового возбуждения, когда они храбро бьются за первенство в стаде. Они нередко

изгоняют из своей среды какого-нибудь старого сердитого быка, который затем проводит в одиночестве остаток дней. Селус заметил, однако, в южной Африке, что эти изгнанники охотно собираются в отдельные стада от 8 до 15 голов. Случка и рождение телят происходят в разные месяцы, в зависимости от чередования времен года в разных частях обширной области их распространения. В южной Африке, говорит Селус, телята рождаются от января до марта*.

** Беременность длится II месяцев, для родов самки на несколько дней удаляются из стада; новорожденный весит 26-50 кг. Теленок-самец покидает мать в 2 года и присоединяется к группе холостяков, а молодая самка остается в клане. Самки достигают половозрелости в 3 года, самцы — с 4,5 лет. Средняя продолжительность жизни в природе около 20 лет, в неволе — 29 лет.*

Самые жаркие часы черный буйвол лежит смирно и неподвижно на одном и том же месте, причем спит или пережевывает жвачку; убежищем ему нередко служит лужа или грязная яма, от чего он часто бывает покрыт корой толстой, засохшей грязи. По недостатку такого мягкого и наиболее удовлетворяющего его потребностям ложа он ищет прохладу в чаще леса или в ущелье, чтобы наслаждаться отдыхом без помех, а на открытых равнинах довольствуется тенью какого-нибудь жалкого куста или дерева. Ближе к вечеру он поднимается и с перерывами пасется до раннего утра**, но не со спокойным довольством, подобно другим быкам, а в тревожной торопливости отмахивается от докучливых мух, часто выражает свое раздражение глухим ревом, подозрительно обнюхивает воздух всегда влажным толстым носом, поводит широкими ушами, украшенными длинными волосами, и сердито бьет себя по бокам кистью хвоста.

** * Буйвол привязан к воде, и перекочевки стад вызваны зачастую нехваткой воды. Каждый день взрослый буйвол выпивает 30-40 л воды. Буйволы, особенно самцы, с удовольствием и подолгу валяются в грязи, охлаждая тел о и спасаясь от кровососущих насекомых. На пастбу тратят около 40% времени, съедая ежедневно 10-15 кг зеленой массы.*

Даже самого бесстрашного наблюдателя внешний вид его смущает выражением необузданной ярости, безумной лютости и сосредоточенного коварства. «Черные буйволы, — говорит Кольбе, — очень опасные животные. Если они раздражены видом красного цвета или выстрелами и упорным преследованием, то нельзя поручиться за свою жизнь: тогда они начинают реветь и бить землю ногами и уже никого не боятся, хотя бы противники их были хорошо вооружены и очень многочисленны. В ярости бросаются они в огонь и в воду, опрокидывая все, что находится на их пути».

"Когда наступила ночь, — рассказывает Швейнфурт, — и я только успел удобно улечься для отдыха, как произошла тревога, не раз повторявшаяся потом во время моего путешествия. От гула дрожала земля, как от приближавшегося землетрясения: весь обширный лагерь, казалось, пришел в беспорядок, со всех сторон раздавались крики и ружейные залпы. Необыкновенно большое стадо буйволов опять наткнулось на часть нашего лагеря и обратилось в дикое бегство через кусты по всем направлениям. Многие шалаши были опрокинуты, и жители их, проснувшиеся в испуге, рисковали быть растоптанными». Подобные происшествия случаются очень часто, но буйволы производят эти смятения не из мести или злобы, а потому, что, как всякое дикое животное, в страхе и суматохе они иным способом помочь себе не умеют.

Не будучи трусливыми, буйволы, однако, от приближающегося человека спасаются бегством и, если за ними охотятся очень часто, старательно избегают встречи со своим злейшим врагом; но раздраженные и доведенные до крайности, они обращаются против него со слепой решимостью и в своем исступлении не боятся ни копий, ни пуль. Раненый буйвол, как это заметил Гейглин, никогда не убегает далеко, а прячется поблизости в высокой траве и коварно подстерегает преследователей, чтобы броситься на них с быстротой молнии. Если враги успевают скрыться, он яростно следит за ними и чутьем старается определить их убежище. Шпаррман тоже уверяет, что черный буйвол прячется позади деревьев и, выждав удобный момент, когда к нему приблизятся, внезапно бросается из засады и нападает почти всегда удачно. Особенно опасны, говорят, изгнанные из стада отшельники. «Как известно, — пишет Драйсон, — по общему для всех животных побуждению, они бегут от человека, если только он их не ранил или не попался на глаза в то время, когда животное раздражено; но эти старые отшельники не нуждаются в таких побуждениях и по собственному почину идут навстречу охотнику и первые вступают в бой».

Селус, застреливший в южной Африке многие сотни буйволов, говорит, что преследуемый буйвол обыкновенно прячется, становясь поперек к направлению своих следов, и что «буйвол, задевший пулей, непременно нападает на преследователя, если видит его прямо перед собой, но если находится от него на расстоянии 60-80 шагов, то решается на это очень редко». Этот наблюдатель полагает еще, что люди, подвергавшиеся различным нападениям со стороны буйволов, которых они

не преследовали и даже не видели, как бы искупают вину других охотников, незадолго перед этим ранивших животных. В подтверждение этого он даже приводит некоторые известные ему случаи. «Я не считаю старых изгнанников опаснее стадных быков: пока не ранены, они в большинстве случаев бегут от человека, а получив раны, оказываются ничуть не злее любого животного из стада». Чтобы дать представление о страшной силе этих животных, он рассказывает, как однажды, сидя в засаде, был атакован подстреленным буйволом, подбросившим его вместе с лошастью в воздух, «точно собаку». Письменно сообщает нам Генель, что по его и графа Телеки наблюдениям, подстреленный буйвол всегда становится поперек к своему следу и злобно следит за преследователем, стараясь даже подкрасться к нему и неожиданно ударить с тыла.

Из всего сказанного можно заключить, что охота на буйволов не лишена опасности; они редко сразу падают мертвыми от выстрелов и имеют еще достаточно сил и времени, чтобы отомстить за себя. У озера Чад раненый буйвол, неистовствуя среди людей Эдуарда Фогеля, опасно ранил человека и убил двух лошадей. Подстреленного Бэкером буйвола преследовал отряд охотников, нуждавшихся в мясе, и буйвол был найден только на другой день: обессилев, он залег в глубокий ил, но сохранил еще настолько жизни, что одним ударом рога пронзил храбрейшего из своих преследователей и умертвил его. Известно, что таким же образом в 1861 году погиб один немецкий путешественник по Африке, барон Вильгельм фон Гарнир. Раненный им буйвол ринулся на проводника из туземцев и бросил его на землю. Чтобы спасти находившегося под его ногами человека и привлечь к себе разъяренное животное, фон Гарнир мужественно ударил буйвола прикладом ружья, но был затем исколот и затоптан так, что его нашли в виде неузнаваемой массы. Проводник, вместо того чтобы поспешить на помощь своему великодушному господину, убежал и оставил самоотверженного заступника на произвол судьбы. «Я посетил, — говорит Бэкер, — с понятной скорбью могилу храброго пруссака, отдавшего свою благородную жизнь за жалкого, ничтожного и трусливого дикаря». В прошлом десятилетии под рогами буйвола погиб лорд Рессель, после того как он убил 39 животных; Томсон в земле масаев был тоже на волосок от смерти. Он неосторожно подошел к тяжело раненому и лежащему на земле быку, как тот мгновенно поднял его на рога, швырнул и нанес тяжкие повреждения, на долгое время лишившие его возможности ходить. Буйвол еще стоял над ним и мог убить, если бы вовремя не явилась спасительная помощь со стороны. Но если принять во внимание, какое громадное число буйволов ежегодно гибнет от рук охотников, то число приведенных несчастных случаев должно казаться ничтожным. Опытный в этом деле Селус говорит: «Бывают, конечно, разные неблагоприятные случаи на охоте за буйволами, но опасности мне все же кажутся преувеличенными». К этому в другом месте рассказчик прибавляет следующее: «Все рисунки, изображающие южноафриканских буйволов, несущихся на врага с низко опущенной головой, могут быть названы выдумками, потому что в таком положении эти животные не приближаются никогда; напротив, они всегда держат морду приподнятой кверху, опрокидывают рога на плечи и только в момент столкновения наклоняют голову вниз»*.

** Кафрский буйвол считается самым опасным из «большой африканской пятерки», включающей также льва, леопарда, слона и носорога. Он действительно очень агрессивен, однако охотничьи рассказы о его свирепости и коварстве обычно страдают сильными преувеличениями. Используя современное огнестрельное оружие, человек сильно сократил поголовье вида, хотя местами буйволы все еще довольно обычны.*

Против черного буйвола европеец выступает исключительно с огнестрельным оружием, а туземец вооружается или копьем, или устраивает западни. Чтобы ранить буйвола смертельно, охотник приближается к нему настолько близко, насколько можно считать это благоразумным, и целится или в нижнюю часть лба, или под лопатку.

Очень часто одиночного буйвола можно встретить совершенно случайно. Так, Швейнфурт во время своего путешествия обратил внимание на неясный предмет, казавшийся черным пнем среди широких листьев. «Еще я не успел подумать, — говорит путешественник, — куда мне, собственно, нужно стрелять, как темная масса пришла в движение, и выставилась огромная пара рогов. В такие минуты первой мыслью охотника бывает спустить курок и выстрелить; мысль о последствиях этого приходит после, и я инстинктивно выстрелил. В то же самое мгновение с гулом и треском, как от падающего с горных высот утеса, мимо меня бурей промчалось, скучившись в массу и с поднятыми кверху хвостами, стадо буйволов голов в двадцать. У меня зарябило в глазах; наугад я разрядил свою двустволку». Далее он сообщает нам, как для охоты за черным буйволом жители Белой реки применяют крепкий лук, в котором тетива сильно натягивается посредством рычага. «Очень крепкие веревки из ремней растягиваются ими в высокой траве на местах, посещаемых буйволами. Один конец ремня прикрепляют к ближайшему дереву или прочно вбитому в землю колу, а на дру-

гом конце делают петлю, приводя ее в сообщение с луком таким образом, что при наступлении на ремень он вследствие движения рычага поднимается и закидывает петлю на ноги животного. Испугавшись, буйвол делает прыжок и еще сильнее затягивает петлю. Этим моментом пользуются охотники, сидящие в засаде, и с копьями устремляются на упавшее или по крайней мере неспособное к быстрому бегу по высокой траве животное».

Мясо черного буйвола, как уверяет Швейнфурт, по своей доброкачественности соперничает с мясом откормленных домашних быков, хотя оно жестче и имеет более грубые волокна, но, несмотря на недостаток жира, очень сочно и вкусно.

Человек не единственный враг черного буйвола, лев также отваживается нападать на это могучее животное и может, задрвав ему голову и переломив шею, убить его. Во всяком случае, для южноафриканских охотников не редка встреча с такими буйволами, которые в борьбе с сильным хищником получили глубокие раны на шее и плечах. Селус говорит, что буйволы, так тяжело израненные львом, бывают очень раздражительны и свирепы.*

** Лев является единственным хищником, осмеливающимся нападать на взрослых буйволов. В некоторых местах буйволы составляют 30-62% от добычи львов. Более серьезный ущерб, чем хищники и даже преследование человека, нанесли популяциям буйволов вспышки «наганы» — бычьей чумы, завезенной в Африку вместе с домашним скотом. Выявляются все новые и новые очаги заболевания.*

В Европу первого живого буйвола привез Гейглин. «Несмотря на свою необузданность в пустыне, — говорит он, — это животное, кажется, легко делается ручным и, может быть, когда-нибудь его силой сумеют воспользоваться. Подаренный мне буйвол-теленочек был принят и вскормлен домашней коровой и с самого начала отличался от своих домашних родичей смышленным видом и смешными выходками. Он знал всех ласкающих его, встречал радостным мычанием и следовал за ними, пока это было можно; даже с моими лошадьми, верблюдами и антилопами он был в самых лучших отношениях и только появление жирафов, которых я держал на соседнем дворе, приводило его в ужас». Я видел буйвола, когда его только что привезли в Шенбрунский зверинец, а в последнее время встречал их во многих других зоологических садах Амстердама и Берлина. Животные эти, казалось, постепенно примирились со своей участью или, по крайней мере, привыкли к плену; двигались они обыкновенно спокойно внутри своей загородки; подружились со сторожем, на посторонних посетителей обращали внимание только тогда, когда их манили лакомыми кусочками: в таком случае они мерным шагом подходили к решетке и равнодушно принимали то, что им подавалось. Коровы понимали дружественное обращение знакомых людей, знали свою кличку, позволяли трогать и гладить себя, и вообще в них не было заметно той свойственной породе дикости, которая время от времени прорывается у быков, даже довольно ручных.

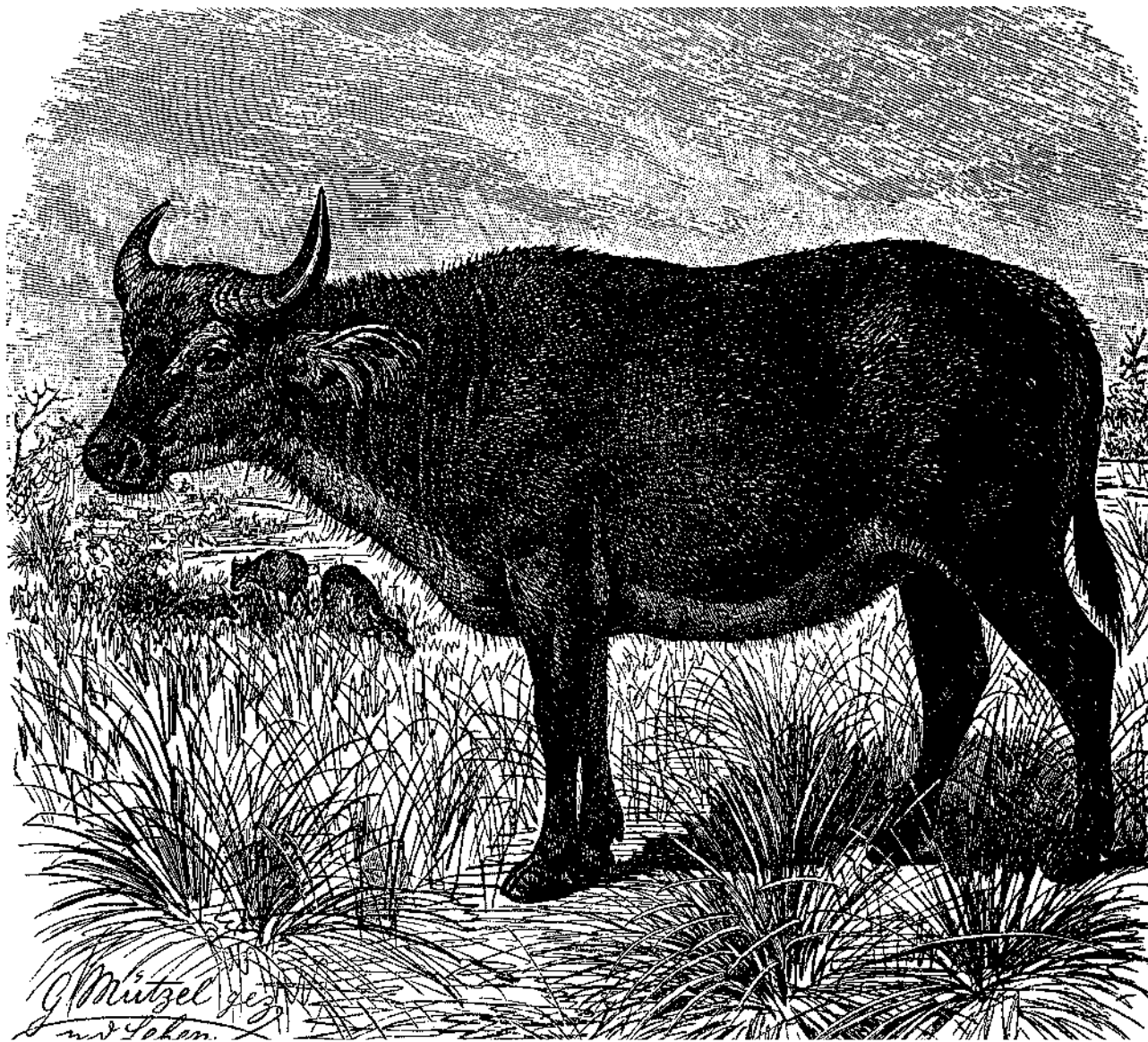
В некоторых зоологических садах черный буйвол плодится; рожденные в неволе детеныши мало отличаются от непосредственно вывезенных из Африки телят. И те, и другие растут скоро, как и прочие быки.

Еще в 1555 году Белок видел рога; их сравнительно малые размеры заставили его предположить о существовании небольшого африканского буйвола. Вслед за ним Грэй и Пеннант тоже упоминали об этом животном, а Тертон впервые в 1806 году описал вид, существование которого потом было признано Грэйем (1837) и Блайтом (1863). Между тем музеи приобретали все новые рога и новые шкуры, а в 1875 году Мютцель мог уже срисовать содержавшегося в Антверпенском зоологическом саду рыжего буйвола. В настоящее время нельзя сомневаться, что в средней части западной половины Африки действительно существует буйвол, которого надо строго отделить от черного буйвола.

Рыжий (красный) буйвол (*Symerits caffer nanus*), как его принято называть в противоположность черному буйволу, в Верхней Гвинее у европейцев известен под именем «кустарная корова». Высота плеч у этого буйвола достигает 1,2-1,5 м, и вес наиболее крупного животного едва превышает 350 кг*.

** Некрупные рыжеватые буйволы обитающие в лесах Западной и Центральной Африки, считаются группой подвидов кафрского буйвола (*S. c. nanus* и др.). В холке он достигает всего 1-1,2 л/, весит 250-350 кг.*

Волосы, покрывающие его светлую кожу, большей частью густые и на нижней стороне тела нередко даже мохнатые, имеют желтоватый, рыжеватый или буроватый цвета, но попадаются также и более темные экземпляры, которые издали кажутся почти черными.

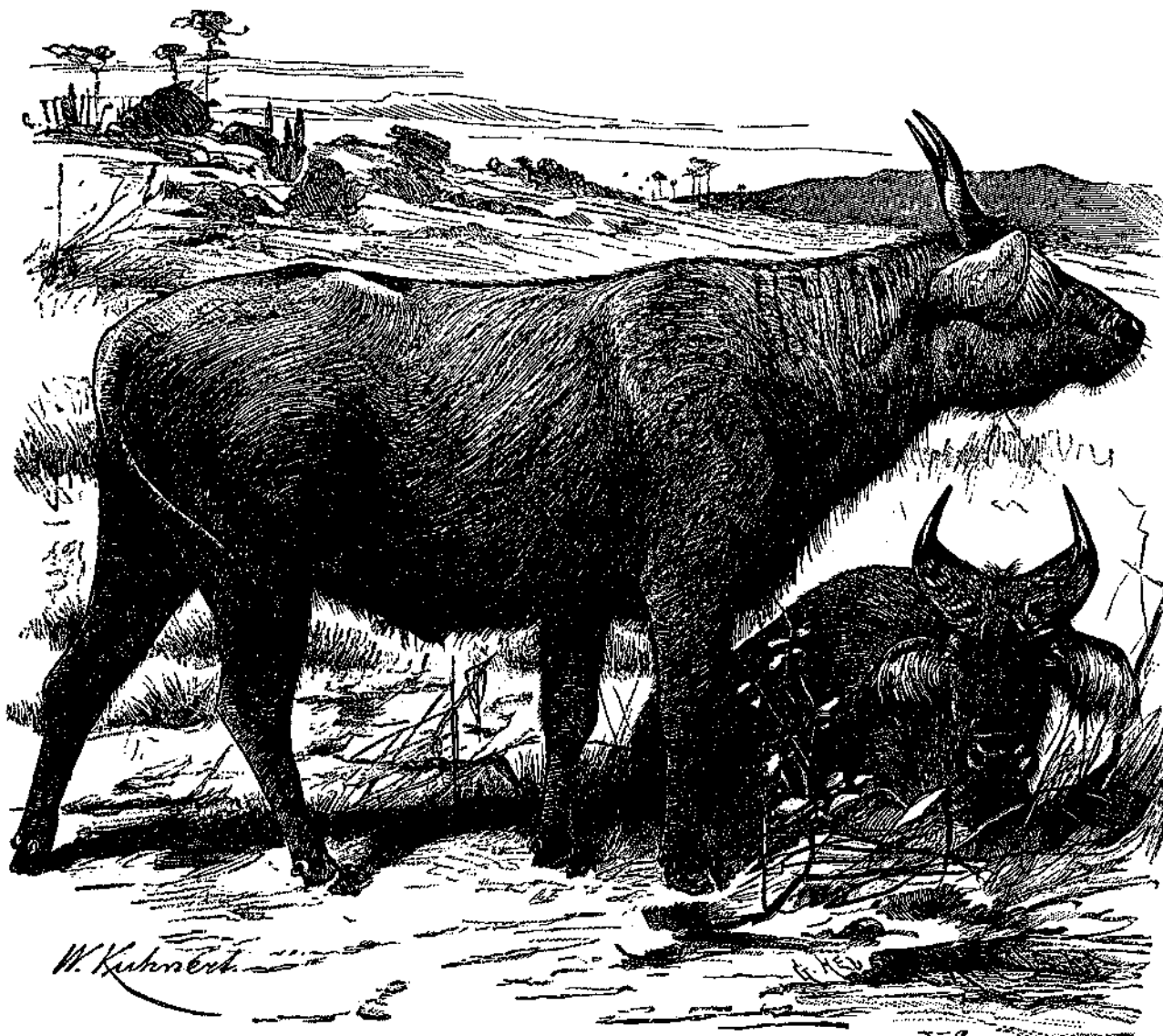

Рыжий (красный) буйвол (*Syncerus caffer nanus*)

Мютцель в Антверпене видел рыжего буйвола из Сьерра-Леоне, имевшего почти совсем безволосое розовое брюхо, резко отграниченное от остального светло-желтого волосяного покрова. Конец хвоста, украшенный кисточкой, а также нижние части конечностей у этого вида черные.

На очень больших ушах заметны светло-желтые пучки волос 15-18 см в длину. Рога широко сидят на лбу, что замечается, кажется, только у экземпляров из северо-западной Африки; они плоские или круглые и простой дугой загибаются кверху. Судя по письменным сообщениям, рисункам и присланным образцам рогов, разные исследователи, такие, как Бютикофер в Либерии, Клинг в области Таго и Цинтграф в Камеруне, находили только таких рыжих буйволов, у которых рога плоские и серпообразно загнуты и лоб почти совсем открыт. Напротив, у экземпляров, живущих в Нижней Гвинее и внутренних областях, рога закрывают большую часть лба. У корня они плоские, достигают 10-12 см в ширину. Рога направляются в стороны и круто кверху, на двух третях своей длины делают загиб, затем тонкие концы изгибаются вперед и внутрь. Наибольшее расстояние между рогами 35° см; концы рогов отстоят друг от друга на 20-25 см.

Область распространения рыжего буйвола в западной половине Африки занимает большую часть лежащих между тропиками стран. Эти животные водятся в прибрежных странах, внутри материка попадают в западной части озера Чад, по верхнему Нигеру, особенно часто в травянистых степях Адамауа; к югу, по точным сообщениям Поггеса, их можно встретить в южной области Конго по Кассаи и Лулуа. Восточные границы их распространения, по Бауману, проходят в Конго приблизительно через водопады Стэнли.

Рыжий (красный) буйвол (*Syncerus coffer nanus*)

Рыжий буйвол одинаково живет как на равнинах, так и в гористых странах. «Его движения нельзя назвать неуклюжими, говорит Пехуель-Леше, — по травянистой или покрытой кустарником степи он бежит почти так же хорошо, как крупные антилопы. С большим проворством двигается по обрывистым склонам гор, карабкается вверх и вниз по самым крупным отвесам глубоких оврагов. Такими большими стадами, какие образуют черные буйволы, рыжих буйволов я не встречал, но чаще всего они попадаются семействами от 3 до 5 голов, а общества в 10-12 голов уже очень редки; часто можно видеть их и в одиночку. Болотистых мест рыжий буйвол для купания, кажется, не посещает. Он держится преимущественно на открытых лугах, усеянных рощами; мне, по крайней мере, в обширном густом лесу никогда не попадались его следы».

В течение дня рыжий буйвол отдыхает среди низких колючих степных кустов и молодых порослей, подобно антилопам; иногда попадает в самых небольших рощах, а также вдоль поросшего лесом берега. В утренние и вечерние часы он очень подвижен, а ночью пасется. Нередко забирается на плантации, но особенно охотно посещает опустошенные пожаром полосы, где только что начинает пробиваться молодая трава: там он мирно пасется рядом с антилопами, не смешиваясь, однако, с ними и не согласуя своих действий с их поступками. Он не нуждается в антилопах ни как в проводниках, ни как в сторожах, потому что сам очень внимателен и пуглив. Буйвол распознает человека и обонянием, и зрением на расстоянии 300 шагов. Как только заметит вдали что-нибудь подозрительное, сейчас же поднимает голову, нюхает воздух короткими затяжками и делает несколько шагов вперед, не сводя глаз с беспокоящего его предмета; при этом грозно трясет головой, подается вперед и, подняв кверху хвост, спасается бегством. Помимо частого и довольно громкого сопения, которое выдает его даже в темноте, я слышал короткое хрюканье.

На открытом месте он очень пуглив, но, спрятавшись в чащу, лежит там затаившись. Оттуда никаким шумом его нельзя выманить: он пропускает мимо своего убежища загонщиков и собак и встает только тогда, когда они сами на него наткнутся. Но и в таком случае он еще медлит с защи-

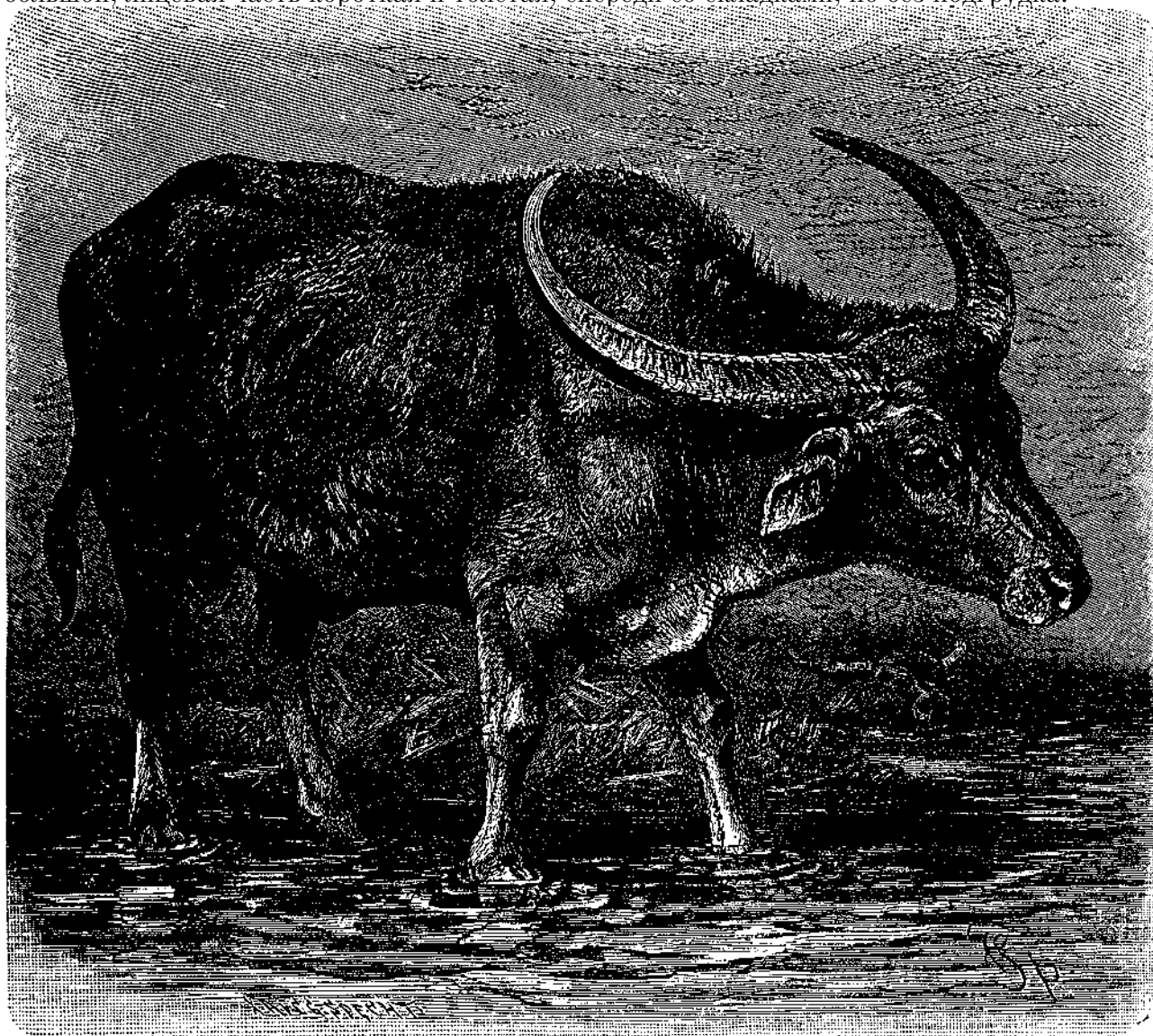
той. Другое дело, если его заденет пуля: тогда он может сделаться столь же опасным, как и черный буйвол, если еще не опаснее благодаря своей ловкости. Получив тяжелую рану, он прячется в ближайшие кусты, становится здесь под ветром, подстерегает запальчиво следующего за ним стрелка и неожиданно нападает на него, причем нередко подхватывает на рога и случайно идущего мимо человека. В Конго во время утренней охоты Линднер подвергся нападению коровы тотчас после неудачно сделанного по ней выстрела, но подпустил ее к себе очень близко и второй пулей убил наповал. Не так счастливо отделался Кошпенфельс: он как-то раз, не успев выстрелить вторично, был поднят на рога, брошен наземь и так страшно изранен острыми рогами, что мог поплатиться жизнью, если бы несколькими счастливыми ударами охотничьего ножа ему не удалось свалить животное.

Азиатский, или индийский, водяной буйвол, или арни (*Bubalus arnee*)*

** Рога азиатских буйволов имеют продольную грань. Беременность длится 9-10 месяцев, половозрелост вступает в 1,5-2,5 года.*

Не черный буйвол, и не рыжий, а живущий еще в наше время в юго-восточной Азии индийский буйвол является родоначальником домашних буйволов, которые водятся уже в Дунайских странах и в Италии, а еще в большем количестве в Египте и Индии. В восточной области распространения эти животные крупнее, рога у них крупнее и представляют большое разнообразие форм: у одних они длинные, почти прямые, широко расходящиеся и закинутае назад, а у других более короткие и сильно загнуты.

Индийский буйвол имеет около 3 м длины, включая сюда и длину хвоста в 50-60 см, при 1,4-1,8 м высоты плеч. У крупного быка высота плеч нередко достигает 1,93 м, а длина туловища по линии от морды до корня хвоста даже 3,12 м. Голова у него короче и шире, чем у домашнего быка, лоб большой, лицевая часть короткая и толстая, спереди со складками, но без подгрудка.

Азиатский водяной буйвол (*Bubalus arnee*)

Туловище несколько продолговатое, но полное и округленное; на загривке возвышается небольшой горб. Спина со впадиной, высокий крестец округло спускается к задку, грудь узкая, хвост небольшой. Крепкие, сравнительно низкие ноги снабжены длинными, широкими копытами, которые могут сильно раздвигаться. Глаза невелики и имеют дикое и задорное выражение. Длинные и широкие уши торчат горизонтально и на внешней стороне имеют короткий волосяной покров, а на внутренней покрыты длинными пучками волос. Большие могучие рога, у корня утолщенные и расширенные, постепенно сужаются и оканчиваются тупыми концами, до половины своей длины они покрыты сильными поперечными морщинами, а ближе к концу и на задней поверхности совершенно гладкие, в разрезе они представляют неправильный треугольник. Редкий, жесткий щетинистый волосяной покров удлиняется на лбу, на плечах, по всей передней части шеи и немного на хвосте; задняя часть спины, крестец, грудь, брюхо, лопатки и большая часть ног почти совершенно голые. От этого в окраске животного преобладает темно-серая или почти черная кожа, а серый цвет волос, приближающийся то к бурому, то к рыже-бурому, бывает редко заметен. Попадаются белые и пятнистые экземпляры, но редко. Корова от быка отличается несколько меньшим ростом, а от других видов рогатого скота — своим выменем, потому что все четыре соска у нее находятся почти в одном поперечном ряду.

Область распространения дико живущего индийского буйвола простирается к югу от подошвы Гималайских гор через восточные земли средней Индии почти до долины Годавари, а к востоку — через Бирму до северо-западной части Сиамского залива; на Цейлоне это животное размножилось особенно сильно*.

** Разрозненные дикие популяции сохранились в лесах и заболоченных высокоотравных саваннах Индии, Шри-Ланки, Юго-Восточной Азии. В Индии и Непале обитает не более 1000 особей, на остальных участках ареала еще меньше. Вместе с тем одомашненная форма буйвола распространилась по тропикам и субтропикам всего мира, включая юг Европы, Латинскую Америку, океанические острова. В Австралии, на Новой Гвинее, некоторых островах Индонезии завезенные домашние буйволы вторично одичали. Основную опасность для дикого буйвола представляет браконьерская охота, осушение болот и поглотительное скрещивание с домашним буйволом (с настоящими быками буйволы не скрещиваются). Основу стада составляют матриархальные семьи, самцы держатся поодиночке.*

Как и все животные этого семейства, индийский буйвол большой любитель воды и потому живет только в болотистых местностях, по низовьям рек или в непосредственной близости, небольших, хотя бы даже только временно содержащих воду озер или около мелких лагун по взморью. Его движения неуклюжи, но он очень силен и вынослив и отлично плавает. Из чувств самыми острыми оказываются обоняние и слух; зрение и осязание слабы, а вкус особенно мало развит, так как индийский буйвол довольствуется самой плохой пищей, которой пренебрегают другие быки. Буйволы пасутся преимущественно ночью и охотно посещают плантации, где производят сильные опустошения. Туземцев они несколько не боятся, чувствуют себя полными хозяевами на полюбившихся им полях, а на всякую попытку людей их прогнать отвечают немедленным нападением. Форсит рассказывает, что он как раз в такое время прибыл однажды к одному злополучному земледельцу, которому небольшое стадо буйволов в продолжение целых недель не позволяло ступить на поле. Он спас остаток жатвы, убив назойливого буйвола-вожака и одну корову, после чего остальное стадо рассеялось.

Индийского буйвола считают животным сердитым и капризным, но сильным и мужественным; индусская поэзия изображает его достойным противником тигра. «Буйвол-бык очень силен и всегда готов к бою, — сообщает Ходжсон, — он не только осмеливается напасть на взрослого слона, но и может при случае причинить ему смерть».

Форсит на охоте, будучи верхом на лошади, подвергся преследованию одной коровы из стада, хотя он ее совсем не беспокоил. Жердон рассказывает, что раздраженное животное действительно часто не колеблясь идет на охотничьего слона; к этим словам он прибавляет следующее: «Буйволы далеко не пугливы, исключая тех местностей, где часто стреляют; можно приблизиться к ним на расстояние выстрела даже и со слонами, без которых нельзя вести успешную охоту. На меня однажды устремилось целое стадо, но достаточно было сделать один или два выстрела по нападающим, чтобы обратить их в бегство».

Голос буйвола — глубокий, звучный рев. Время спаривания, по словам Ходжсона, приходится на осень; тогда многочисленные стада распадаются на отдельные группы, собирающиеся вокруг каждого быка. Телята рождаются обыкновенно по одному, а иногда по два, после 10-месячной беременности. По сообщениям Штольца, индусы ловят буйволов большей частью в зрелом возрасте.

С этой целью устраивается загородка, а у входа, на деревьях, растущих двумя рядами, располагаются люди: они запасаются пучками сухого хвороста и производят ими сильнейший шум в то время, когда между этими рядами бежит гонимое извне стадо. Таким образом животные попадают в загородку, где их спутывают арканами. Потом, завязав глаза и заткнув уши, выводят и мало-помалу приучают к домашним и полевым работам.

Индийский буйвол до некоторой степени природный враг тигра и в борьбе с ним почти всегда оказывается победителем. Райе рассказывает, что тигр нападает иногда на взрослых буйволов, но те защищаются отчаянным образом и часто калечат или убивают хищника. Если один буйвол подвергнется нападению, то другие спешат ему на помощь и обыкновенно принуждают неприятеля искать спасения в бегстве. Пастухи, стерегущие ручных буйволов, не боятся ездить верхом на этих животных по самой непроходимой части леса. Райе видел однажды, как буйволы, почуяв запах крови подстреленного тигра, пришли в исступление и всем стадом бешено пустились преследовать его по свежему следу, ломая кусты, взрывая землю копытами, и наконец, совсем обезумев от ярости, к великому прискорбию пастуха, стали драться между собой. Джонсон рассказывает, что однажды тигр напал на самого крайнего человека в караване. Пастух, находившийся поблизости со своими буйволами, поспешил на помощь и ранил зверя. Тигр тотчас бросил первую жертву и схватил пастуха, но буйволы, увидев хозяина в опасности, кинулись на хищника и оставили его на месте мертвым. Со Стерндалем был такой же случай.

Как и каким путем индийский буйвол попал в другие страны, мы точно не знаем. Но можно предположить, что он с воюющими и переселяющимися народами дошел до Персии, где его застали спутники Александра Македонского. Позднее магометане переселили его в Сирию и Египет. В 596 году нашего летоисчисления он появился, к немалому изумлению европейцев, в Италии. Сначала, как кажется, распространение шло очень медленно, но ныне он встречается в южном Китае, на полуостровах Индостан и Индокитай, в Афганистане, Персии, Армении, Сирии и Палестине. Из Азии перешел в Турцию, Грецию, водится теперь в Придунайской низменности и в Италии, распространен по всему Египту, но не в Нубии.

Индийский буйвол любит жаркие болотистые или орошенные водой страны подобно всем другим родственным ему видам; Нильская дельта служит для него раем, в нижних долинах Дуная он тоже ведет привольную жизнь; в итальянских болотах является единственным представителем рода быков, потому что другие виды не выносят здешнего нездорового климата. В нижнем Египте живет повсюду и после козы является единственным домашним животным, снабжающим туземцев молоком и маслом. Во всякой деревушке среди хижин найдется большая лужа, служащая исключительно для того, чтобы доставить буйволам удобное купание. Гораздо чаще, чем на пастбище, буйволов можно видеть в Ниле; при этом они погружаются так глубоко, что на поверхности воды высываются только голова да небольшая часть спины. С наступлением наводнений для них начинается пора полного блаженства. Плавая, странствуют они по затопленным полям, питаются луговыми злаками и жесткой осокой необработанных полей, соединяются большими стадами, резвятся в воде и возвращаются домой только тогда, когда коровам надо избавиться от отягощающего их молока. Очень красиво смотреть, когда стадо буйволов переправляется через реку шириной не менее километра. Множество пастухов, преимущественно детей 8-10-летнего возраста, беспечно сидят на спинах, и верные животные несут их над страшной глубиной среди высоко вздымающихся волн. Глядя на то, что буйволы проделывают в воде, можно подумать, что они родились в этой стихии. Животные ныряют, ложатся боком, почти на спину, плывут по течению или, как по шнурку, пересекают реку перпендикулярно к берегу. Они, наверное, проводят в воде ежедневно от 6 до 8 часов; привольно вытянувшись на дне, жуют свою жвачку с таким же самодовольным видом, с каким занимаются этим делом их родичи, отдыхая на земле. Все буйволы становятся беспокойными и даже злобными, если долгое время бывают лишены воды. Грязные лужи нравятся им гораздо менее чистого пруда и прохладных волн реки. В Египте во время засухи случается видеть жирных, грязных буйволов, несущихся вскачь, как в минуты сильнейшей ярости, чтобы стремглав броситься в воду. В Индии, а также в Италии их страсть к воде бывает причиной гибели многих людей, случается, что запряженные в фуры буйволы безумно бросаются к реке и тонут вместе с кладью и экипажем.

На суше буйвол гораздо беспомощнее, чем в воде. Поступь грузная, а бег хотя и довольно быстрый, но очень его утомляет. В сильном гневе или стремясь к воде, это грузное животное пускается галопом, если только так можно назвать его тяжелые и неуклюжие прыжки. Он не может проскакать таким образом более 100-200 шагов, а постепенно переходит на рысь и вскоре движется своим обыкновенным спокойным шагом.

Увидев в первый раз домашнего буйвола, можно испугаться. Выражение его морды выказывает необузданно дерзкий, скрытный и дикий нрав; в глазах можно прочесть лютость и коварство. Скоро, однако, убеждаешься в том, что совершенно несправедливо судить о буйволе по его внешнему виду. В Египте, по крайней мере, это животное в высшей степени добродушное, так что управлять им любой крестьянин не задумываясь поручит самому малому ребенку. Непокоримое равнодушие ко всему, что не касается воды и еды, за исключением новорожденного теленка для коровы, составляет отличительное свойство нрава этого животного. С тупым равнодушием покоряется он неизбежной участи, безразлично тянет плуг и телегу, позволяет гнать себя на поле и обратно и ничего не требует, кроме удобного купания в течение нескольких часов сряду. Он служит преимущественно как упряжное животное и для верховой езды при переправе через Нил и редко употребляется для обработки полей.

Главную добродетель буйвола составляет его неприхотливость. Верблюд, восхваляемый как образец наименее требовательных животных, и осел, считающий репейник лакомством, не выдерживают сравнения с буйволом, который пренебрегает сочными, вкусными для прочих быков травами и ищет самые жесткие, твердые и безвкусные растения. Если ему в ясли бросали сочные злаки, клевер и траву, он оставлял все нетронутым, скучая по более простой пище. Камыш, осоку и другую подобную растительность, которую не захочет есть ни одно травоядное, он пожирает с наслаждением, как самый лакомый корм. И отлично перерабатывает эту пищу, потому что корова дает вкусное и очень жирное молоко, из которого в большом количестве готовится хорошего качества масло. Египтянин называет своего буйвола самым полезным в доме животным, и, действительно, он прав. Неприятность причиняет буйвол одной своей неопрятностью. Иногда он похож на свинью, только что валявшуюся в грязи, потому что и сам, подобно этой любительнице луж, не пропускает случая освежиться в такой ванне. Висят ли потом на его редких щетинистых волосах комки грязи в палец толщиной, или во время долгого купания в светлом Ниле он успел как следует вымыться это для него безразлично, по крайней мере такие мелочные неприятности он умеет сносить спокойно и с достоинством. Говорят, что по временам в красном знамени Пророка он видит предмет, возбуждающий его негодование, и тогда с неистовой злобой бросается на священную хоругвь. За это правоверные турки считают его отверженным животным, попирающим самым ужасным образом высшие законы; но египтяне, памятуя приносимую им пользу, без размышлений прощают ему эти проступки против священных обычаев, надеясь, что милость Аллаха будет оказана даже и такому нечестивцу. Различные азиатские племена тоже ставят буйвола очень высоко, и многие из них оказывают ему почти божеские почести.

Буйвол очень молчаливое создание. Отдыхает ли он в своей прохладной ванне, пасется или работает, никогда не издает ни единого звука. Только коровы, имеющие сосунков, или быки, приведенные в ярость, пускают иногда в дело свои голосовые средства: тогда раздается в высшей степени неблагозвучный, раздражающе громкий рев — что-то среднее между мычанием нашего обыкновенного рогатого скота и хрюканьем свиньи.

В более северных областях распространения буйволы, предоставленные самим себе, совокупаются в апреле и в мае; после 10-месячной беременности корова телится. Новорожденный теленок очень нескладное создание, но мать любит его с нежностью и во время опасности защищает. На четвертом или пятом году буйвол становится взрослым; жизнь его продолжается до 18-20 лет.

Буйвол приносит большую пользу, он почти не требует никакого ухода и кормится такими растениями, которыми пренебрегают остальные домашние травоядные. Недостаток понятливости у него восполняется огромной физической силой. В болотистых местностях он оказывается особенно полезным при возделывании полей. Колкхун видел буйвола в южном Китае работающим на болотистых рисовых полях; чтобы он не бросал в лицо рабочим грязь хвостом, принято привязывать хвост к шее. На Цейлоне он служит как вьючное и как упряжное животное: в первом случае им пользуются для доставки тяжелых грузов с берега в глубь страны, а во втором — для перевоза телег по таким дорогам, где сила всякого другого быка оказывается недостаточной. В одной местности, между Баттикалоа и Тринкомали, туземцы используют его, как сообщает Теннет, для очень остроумной охоты за водяными птицами, которые массами живут в обширных соляных болотах и илистых озерах и совершенно свыклись с буйволами, имеющими здесь общее с ними местопребывание. Буйволов приучают двигаться по болоту в илистой воде, так что они, прикрывая собой стрелка, дают ему возможность подойти к дичи на необходимое для выстрела расстояние. Подобным образом пользуются буйволом и в северных частях Индии, подкрадываясь к оленям, точно так же ведется и ночная охота за всякой другой дичью.

Мясо буйволов из-за жесткости и присущего ему мускусного запаха не употребляется в пищу, по крайней мере европейцами; но мясо телят, говорят, очень хорошо, а жир по вкусу и нежности не уступает свиному салу. Толстая, крепкая шкура этих животных дает превосходную кожу, а из рогов выделывают прочную утварь разного рода.

Только в одной Индии да еще, быть может, в Персии имеются у буйвола враги, которые в состоянии ему вредить. В Дунайских низменностях редко случается, чтобы стая волков осмелилась напасть на буйвола; этот буйвол должен быть по каким-нибудь причинам слишком обессилен и истомлен, чтобы такие враги сделались для него опасными. Подобным образом происходит и в Индии, хотя здесь против него выступает тот самый неприятель, который преследует и дикого буйвола, а именно тигр. Бывают случаи, когда этот страшный хищник находит жертву среди буйволов; но верно также и то, что стадо буйволов всякого тигра обращает в бегство.

Буйвол аноа (*Bubalus depressicornis*). Животное это должно считаться карликом в семействе быков, его высота в плечах 1,3-1,4 м, длина туловища, включая хвост в 30 см, достигает только 2 м*.

* Высота аноа в плечах примерно 98 см, масса 150-200 кг, длина откинутых назад рогов около 40 см.

Туловище у него коренастое и толще всего в средней части, а сзади утрачивает свою массивность; загривок поднимается выше, чем крестец. Шея короткая, слегка округленная, голова в лобной части широкая, а к морде заостряется. Голая часть носа большая и занимает всю верхнюю губу; переносье несколько горбатое. Темно-карие глаза с кругловатым зрачком снабжены сверху большими ресницами; ухо короткое. Рога у корня широко отстоят один от другого. Помещаясь у краев лобной кости, они направляются вверх и немного назад.

Аноа, карликовый буйвол (*Bubalus depressicornis*)

Рога довольно явственной трехгранной формы; внизу имеют кольцевые полосы, поверхность их делается кверху гладкой и конусообразной; заканчиваются они шиловидным острием. Средней длины хвост постепенно утончается и на конце имеет жидкую кисть волос. Низкие, тол-

стые, широко расставленные ноги снабжены округлыми копытами. Слезные впадины отсутствуют. Волосы на всем теле не очень длинные. Шерсть имеет общую темно-бурую окраску, принимающую более светлый оттенок на почти обнаженных частях морды и переходящую на внешней стороне ушей в грязный светло-бурый цвет, а на нижней стороне в светло-бурый. Плечевые и паховые области с внутренней стороны окрашены в желтовато-белый цвет*.

* Темно-серая или бурая окраска аноа, как правило, оживляется белым полулунным пятном на груди, белыми отметинами на морде, ушах и перед копытами.

О жизни аноа на воле и в настоящее время почти ничего не известно. Путешественники, посещавшие область их распространения, говорят о них вскользь, и даже Розенберг, убивший на охоте многих животных этого вида, сообщает только то, что они необыкновенно осторожны, и поэтому охота за ними очень затруднительна**.

* * Аноа населяют густые тропические леса, кормятся листьями, плодами, травой, много пьют, любят купаться, валяться в грязи. Они оседлы, держатся на своей территории моногамными парами или небольшими семейными группами. Сезонности в размножении нет.

Аноа, как кажется, встречается почти исключительно на Целебесе и только в гористых местностях этого острова***.

* * * На о. Сулавеси (Целебес) сейчас выделяют второй вид — горного аноа (*B. s/uarlesi*), обитающего на высотах до 1800 м, к отличающегося меньшими размерами, более длинной шерстью без отметин и круглыми, а не трехгранными в поперечнике рогами. Истреблен в Северо-Восточном Китае.

Попавшихся в неволю очень редко доставляли в Европу; первые из привезенных были доставлены в Роттердам.

Аноа похож на маленького быка и к тому же по обычаю своих родичей ленив, не любит движения, по целым часам стоит на одном и том же месте, занятый едой или жвачкой, и, кажется, очень мало или даже вовсе не заботится об окружающем его мире. Всегдашняя поступь его — медленный шаг, но иногда он решается сделать несколько неуклюжих скачков. Как все буйволы, аноа отличается молчаливостью; очень редко удается услышать его голос, это бывает простое, короткое блеяние, которое скорее всего можно было бы назвать стоном. Свое родство с буйволом аноа доказывает пристрастием к воде и вообще к сырости и затем еще, как замечает Гааке, сильным мускусным запахом. Он пьет много и длинными глотками, останавливается только для передышек, намеренно опрокидывает поставленный для него сосуд с водой и с удовольствием катается потом по мокрой земле; если есть возможность, то с наслаждением идет в воду прохладиться. С особенной охотой ест болотные и другие подобные растения.

Об одном аноа, живущем в Франкфуртском зоологическом саду, Гааке пишет мне следующее: «Летом 1888 года мы получили теленка аноа ростом с полу взрослую овцу, который играл с детьми своего прежнего хозяина и был до того ручной, что спешил на зов и всюду по саду следовал за служителем. Он отличался такой игривостью, какой я не наблюдал ни у какого другого жвачного животного, и очень любил, когда его навещали. Особенную радость доставлял я ему, приводя во время таких посещений собаку Кору, которая сама была не прочь порезвиться с веселым буйволенком и возилась с ним в загородке до тех пор, пока ее не утомляла буйная шаловливость аноа, острые рога которого давали себя чувствовать очень неприятно. Весной 1889 года наш аноа изрядно вырос; я давно не был у него, и когда наконец случайно подошел к загородке, то обрадованное моим приходом животное поднялось даже на решетку передними ногами. Я вошел в загородку, но аноа так неистово и больно приветствовал меня ударами рогов по икрам, что я вынужден был отстранить животное. Обиженный этим аноа теснил меня все упорнее. Попыткой к бегству я мог навлечь на себя чувствительные удары, поэтому волей-неволей пришлось вступить с ним в борьбу. Когда мне после довольно продолжительного времени удалось крепко схватить его за рога обеими руками и удержать в таком положении, я находился в совершенном изнеможении и был близок к обмороку. Я вывел аноа из загородки и, оставаясь снаружи, втолкнул его обратно головой вперед; иным способом я не мог освободиться от своего любимца, успевшего уже сделаться очень опасным животным. Не считая незначительных ссадин на коже, из этого сражения я вынес на левой руке и на обоих бедрах глубокие раны, потребовавшие несколько недель лечения; этим закончились мои визиты в загородку аноа. Хотя животное и до сих пор с легким блеянием бежит на зов мой и других знакомых и всегда с опущенной к земле головой, но «ласки» буйвола не позволяют даже служителю входить в его стойло или в загородку.

Таким образом бычья природа сказывается в своей первобытной простоте».

К антилопам принадлежат самые красивые и самые изящные полорогие. Конечно, этого нельзя сказать о всех этих животных*.

* «Антилопы» обиходное собирательное название, не имеющее таксономического смысла. Антилопами традиционно называли всех полорогих, не относящихся к буйволам быкам или козлам/баранам. На самом деле в группу «антилоп» попали не только представители б африканских групп, традиционно «располагающиеся» между двумя «полюсами тяготения»: молодыми прогрессивными подсемействами бычьих (*Bovinae*) и козлов баранов (*Caprinae*), но и некоторые нетипичные представители последних двух, и даже вилорог, относящийся к другому семейству. Таким образом, искать общие черты антилоп — бессмысленно.

Рядом с самыми стройными и красивыми представителями встречаются неуклюжие, грузные создания. Однако в целом об антилопах можно сказать, что эти животные стройного телосложения, похожие на оленя, с коротким, почти всегда плотно прилегающим к телу волосяным покровом и более или менее выгнутыми рогами, развитыми у обоих полов почти одинаково. Некоторые роды необыкновенно схожи между собой по телосложению, и только внешний вид рогов, копыт и хвоста, а также некоторое изменение волосяного покрова служат верными признаками для их различения. Но число антилоп так велико, что в крайних членах общего ряда уже трудно бывает подметить родственные черты; с большим числом видов увеличивается и различие между ними. Здесь одни животные напоминают своей массивностью быков; другие стройные, как косули; некоторые похожи на маленькую нежную кабаргу или напоминают внешним видом лошадь. Хвост у одних короткий, как у быков, у других неразвит, как у некоторых оленей. На шее иногда бывает небольшая грива; вокруг морды шерсть может так своеобразно разрастись, что получается подобие бороды, как у коз. Рога представляют то простую, то двойную дугу, иногда делают несколько винтообразных оборотов; концы их загибаются назад или вперед, внутрь или наружу. У некоторых экземпляров оба рога представляют вид лиры; у других ветви рогов, каждая порознь, заворачиваются наподобие винта, попадаются совершенно прямые рога или только со слабой кривизной. Бывают рога круглые и граненные, сплюснутые и ребристые; у одних поперечные борозды, обозначающие возраст, выступают явственно, но у других едва заметны; встречается один вид даже с четырьмя рогами. Внутреннее строение тела антилоп, мало подвергавшееся точным исследованиям, почти такое же, как у других полорогих животных. Самки на вымени имеют иногда два, а иногда четыре соска. Они рожают обыкновенно одного детеныша, редко двух; время беременности продолжается большей частью 9 месяцев. Теленок через 14-18 месяцев достигает полного роста, хотя в эту пору он не всегда еще способен к размножению.

Вся Африка, западная, южная и средняя Азия, южная и средняя Европа служат родиной антилопам. Каждый вид имеет, по-видимому, свою любимую пищу; этим и обуславливается его широкая область распространения. Большинство из них любят равнину, но некоторые предпочитают гористые страны низменностям и достигают границы вечных снегов. Одни живут в открытых, бедных растительностью местностях, другие встречаются в редких порослях, иные же в густых лесах, а некоторые даже на болотах и топях. Крупные виды живут группами или стадами, часто очень большими, более мелкие — парами или не столь многочисленными обществами.

Антилопы пасутся и днем и ночью; их движения большей частью живы, быстры и притом чрезвычайно грациозны. Ни одно из млекопитающих не может превзойти в быстроте некоторые виды этих животных, а в грации положительно никто не может сравниться с ними. Важнее всего для них воздух, свет и безграничный простор; поэтому многие обитают в пустынях и оживляют их мертвое однообразие. Только редкие виды бегают неуклюже и тяжело и утомляются от непродолжительного преследования; остальные как бы воодушевляются во время бега. Внешние чувства их очень остры: они обладают прекрасным зрением, слухом и чутьем; очень разборчивы в пище и вообще восприимчивы к внешнему влиянию. Антилопы не особенно умны. Будучи по природе любопытными, бодрыми, веселыми и игривыми, как козы, они, подвергнувшись раз преследованию, используют приобретенный опыт, выставляют сторожей и делаются в высшей степени пугливыми. Одни виды отличаются миролюбием, другие бывают очень злы. Их голос, сходный с бляением, стоном или свистом, слышен обыкновенно только во время спаривания.

Пища антилоп исключительно растительная; они едят травы, листья, почки и молодые побеги растений. Некоторые довольствуются самой скудной пищей, другие очень разборчивы и питаются лишь самыми сочными и вкусными растениями. При свежем зеленом корме большинство может долго терпеть жажду; те, которые живут в бесплодной пустыне, обходятся без воды в течение нескольких дней и даже недель. Антилоп можно назвать полезными животными, и при этом едва ли нужно делать какие-нибудь оговорки. Они полезны своим мясом, рогами и прекрасными шкурами.

Поэтому за ними усердно охотятся народы, населяющие их отечество. Некоторые антилопы прославлены с незапамятных времен, они восхваляются поэтами и путешественниками; из-за них альпийские охотники сотни раз рискуют своей жизнью. Вообще все виды привлекательны для человека. Большинство, по крайней мере на своей родине, легко приручаются, хорошо переносят неволю, плодятся и радуют хозяев доверчивостью. Некоторые становятся совсем домашними животными, и в старину действительно считались таковыми.

В мифических и исторических повествованиях упоминаются отдельные виды антилоп. «Довольно значительное число видов, — пишет мне Дюмихен, — мы встречаем в изображениях на древнеегипетских памятниках и особенно на стенах Гизека, Фив, Бене-Гассана и Эль-Каба. Чаще всего, и поистине восхитительно, изображается древними египтянами грациозная газель, и особенно часто молодое животное, узнаваемое по не вполне развитым рогам... Древние египтяне, — продолжает Дюмихен, — убивали антилоп стрелами. На египетских изображениях мы видим охотника обыкновенно в сопровождении степной борзой собаки, называемой в иероглифах «тезем», а нынешними арабами «слугуй»; изредка сопутствует ему гиена, которую древние жители страны фараонов умели так же хорошо приручать и дрессировать, как и гепарда. При охоте на водяных козлов употребляли пращу. Особенного внимания заслуживает тот факт, что саблерогие и мендес-антилопы были у древних египтян домашними животными, и причем не отдельные экземпляры, а целые стада наряду с коровами и козами. Так, например, в одной из гробниц перечисляется богатство знатного египтянина: 405 быков редкой породы, 1225 быков обыкновенной, 1220 телят длиннорогой, 1138 телят короткорогой породы, 1135 газелей, 1308 саблерогой породы и 1244 мендес-антилоп».

Мы приводим лишь важнейшие виды этой группы жвачных.

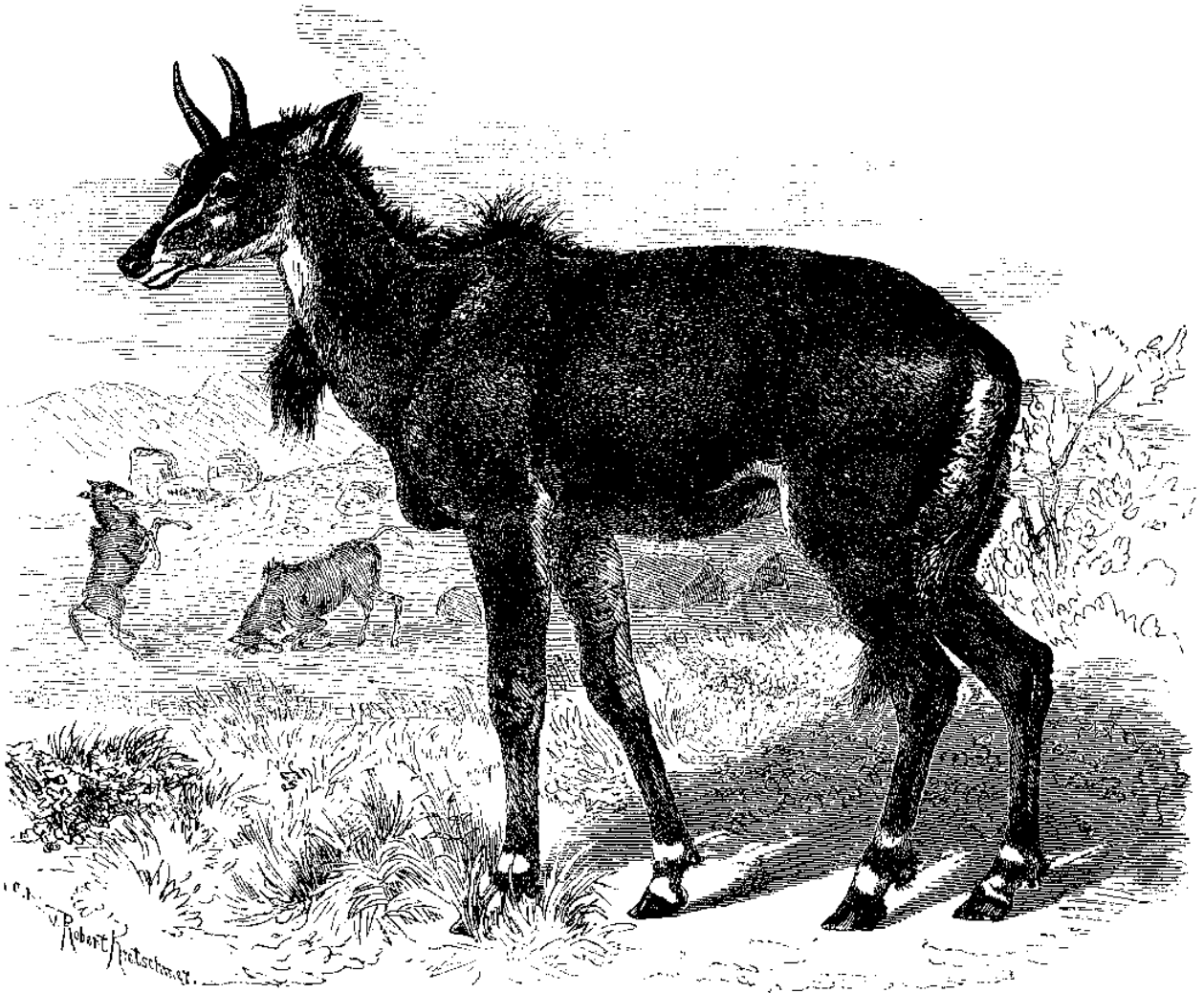
Последнее время к нам стали привозить одну индийскую антилопу, называемую **нильгау, или голубой бык** (*Boselaphus tragocamelus*), которая в прошлых столетиях даже в самой Индии еще довольно редко встречалась в неволе. Нильгау по форме тела и по цвету — один из самых замечательных видов семейства антилоп*.

* *Нильгау, или голубой бык (Boselaphus tragocamelus буквально «быкооленъ Козловеролуд»), вместе с четырехрогой антилопой составляет особую трибу подсемейства бычьих, наиболее близкую к буйволам. Характерны высокие ноги, толстая шея с висячей гривой и кистью волос под горлом, очень покатая спина. Как у азиатских буйволов и винторогих антилоп, рога нильгау несут продольные ребра, развиты полулунные пятна на шее, белые отметины на морде и над копытами. О причудливом внешнем виде животного красноречиво говорит латинское название.*

Голова, шея и ноги у него короткие, остальные части тела напоминают быка. Туловище довольно короткое и толстое, у загривка оно выше, а в груди шире и крепче, чем сзади. На холке находится небольшой горб. Вертикально стоящие конические рога изогнуты почти полумесяцем; они толсты у корня, спереди слегка ребристы и имеют 20-25 см в длину. У самок рога значительно меньше, а иногда их даже не бывает**.

* * *В отличие от настоящих быков и буйволов самки нильгау всегда лишены рогов.*

Ноги высокие и относительно толстые, с большими широкими копытами и притупленными, сплюснутыми шпорцами. Хвост спускается до пяток; наверху он покрыт короткими, а по бокам и на конце длинными волосами. У самки две пары сосков. Тело покрыто короткой, гладко прилегающей, несколько жесткой шерстью. Общий цвет шерсти темный буровато-серый с легким голубоватым отливом.

Нильгау (*Boselaphus tragocamelus*)

Старые самки имеют более чалый оттенок, приближающийся к серо-бурому цвету оленей. Взрослые самцы достигают длины в 2,4-2,6 м, из которых 45-50 см приходится на хвост, высота у загривка 1,3-1,4 м*.

** Самцы заметно крупнее самок, весят до 200 кг.*

Родина нильгау в Ост-Индии, от подножия Гималайских гор до Майсура. По Жердону, он встречается чаще всего в средней части Индии; к северу же от Ганга и на самом юге он становится редким, а в Ассаме совсем его нет. По Адамсу, и в Пенджабе он также встречается очень редко**.

*** Нильгау обитает в светлых лесах Индостана, к северу до Гималаев.*

Нильгау не любит гористых местностей, но все же попадает там, если они покрыты негустыми лесами. Иногда он появляется и в открытых, только слегка поросших кустарником местностях, но только в том случае, если может найти здесь воду. По сообщению Стерндала, нильгау ежедневно ходит на водопой. Говорят, что он испражняется всегда на одном и том же месте. Обычно нильгау держится стадами в 6-20 голов, одинокие старые самцы ходят отдельными группами. Они пасутся чаще утром и вечером, чем ночью, а в жаркие часы дня отдыхают. Впрочем, Стерндалю удавалось встречать их во всякое время дня. Когда наступает время спаривания, между самцами происходят жестокие драки. Нильгау смелое животное, иногда, преследуемый охотником, он поворачивается и храбро нападает на него. В неволе они становятся довольно ручными; в Индии иногда такие прирученные животные пользуются полной свободой и, несмотря на это, не убегают на волю. Но нильгау, даже прирученные, не утрачивают своей свирепости, и сторожа побаиваются их, особенно во время течки. В Англии один нильгау, увидев человека, приблизившегося к его загородке, бросился на него так стремительно, что, ударившись о столб, сломал себе один рог и вскоре затем умер; один самец, которого я воспитывал, опасно ранил своего сторожа.

В движениях этой антилопы есть много особенностей. Обычно она ходит, как все другие, но, как только ее что-нибудь рассердит, выгибает спину, вытягивает шею и медленно крадется, мрачно озираясь и косясь во все стороны; при этом поджимает хвост. Впрочем, Гааке сообщает, что так ходят только самцы; он считает эту походку просто проявлением полового инстинкта. На пол-

ном скаку у нильгау гордая, величественная осанка, и он очень красив, особенно когда бежит, подняв свой пушистый хвост.

Беременность самки продолжается 8 месяцев; первый раз она рождает одного теленка, а затем обыкновенно по два. В Индии время спаривания приходится на март, а детеныши появляются в декабре*.

* *Гон на севере ареала приходится на март — апрель, на юге не приурочен к определенному сезону. Половозрелы с 1,5 года, продолжительность жизни 12—15 лет в природе, до 21 года в неволе. Основные враги — тигр, леопард, красный волк.*

В европейских зоологических садах самки разрешались от бремени в летние месяцы. По цвету и бычки, и телки походят на мать, но к концу второго года самец получает свою постоянную окраску. Детеныш только через несколько дней после рождения приобретает живость, свойственную другим новорожденным антилопам; обыкновенно он лежит на том же месте, где родился. Самка заботится о нем; когда тот сосет, нежно облизывает его и при этом поджимает хвост, немного прикрывая им детеныша. Содержащиеся в неволе самки недоверчиво следят за сторожем, когда он подходит к теленку; они даже приближаются к нему, чтобы в случае нужды заступиться за свое детище; впрочем, кроме этого, они ничем не проявляют своего возбуждения. Телята растут быстро; сначала они очень игривы, но вскоре становятся такими же угрюмыми, как и взрослые животные.

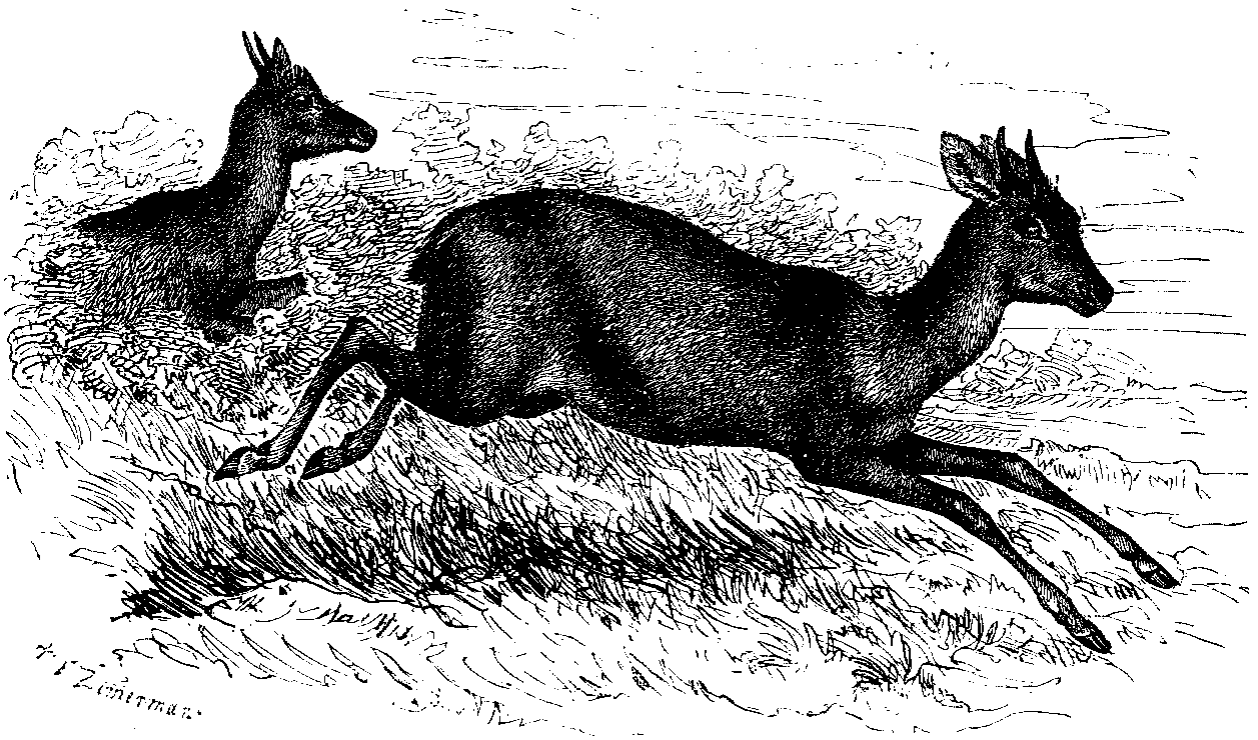
Европейские охотники не считают охоту на нильгау особенно увлекательной. В животное стреляют, подкравшись к нему, или гонятся за ним верхом; его нетрудно загнать, если пустить лошадь во весь опор. Уже с давних пор подданные индийских князей считают за честь дарить своему повелителю антилоп этого вида, и потому их довольно часто можно встретить в саду того или другого вельможи. Только в 1767 году была привезена в Англию первая пара нильгау; в конце прошлого столетия их завезли во Францию, Голландию и Германию. Теперь антилоп можно встретить в каждом зоологическом саду, где они отлично размножаются. Из всех антилоп, по-видимому, легче всего было акклиматизировать в Европе нильгау. В зоологический сад, принадлежащий итальянскому королю, привезли в 1860 году четырех нильгау, а в 1862 году еще двенадцать. Здесь они так быстро расплодились, что через три года образовалось стадо из 14 самцов и 35 самок. В 1866 году попробовали выпустить их в лес; они прожили на свободе всю зиму, несмотря на то, что по временам температура была весьма низкая, и только изредка укрывались от непогоды, забираясь под стог сена. В лесу животные ели охотнее листья акации, чем зелень дуба и орешника; с особенным удовольствием ели также капусту и салат.

В качестве дичи нильгау не особенно ценится в Индии, но мясо во время убитого животного бывает иногда очень вкусно и сочно.

Прежде чем перейти из Индии в Африку, эту настоящую родину антилоп, мы займемся еще одним из замечательнейших видов этого семейства и даже всех жвачных вообще — **четырёхрогой антилопой** (*Tetracems quadricornis*). Насколько известно из сделанных до сих пор наблюдений, она представляет совершенно единичное явление. Ни у одного из дико живущих животных не встречается такой аномалии в росте рогов, как у этой антилопы. Четырёхрогая антилопа небольшое изящное животное. Его длина 70-80 см, хвост равен 12 см, высота загривка 60-65 см*.

* *Четырёхрогая антилопа самый маленький член подсемейства бычьих, размером меньше косули (масса 15—25 кг) и единственное полорогое, самцы которого имеют две пары рогов.*

Отличительными признаками животного являются большие закругленные уши, длинные слезные ямки, широкий голый кончик носа, стройные ноги и длинный мех — буро-чалый наверху и белый на нижней части туловища. Самки окрашены светлее самцов. Рога имеют только самцы. Передняя пара рогов сидит над внутренним углом глаз. Рога слегка загнуты вперед, внизу кольчатые, концы гладкие; их длина всего 3—3,7 см, но у некоторых животных они представлены едва заметными шишками. Задняя пара рогов достигает 10-12,5 см.

Четырехрогая антилопа (*Tetracerus quaalricornis*)

Четырехрогая антилопа, по-видимому, водится во всей Ост-Индии и местами встречается очень часто; ее любимое местопребывание — холмы, поросшие лесом или кустарником. На Цейлоне она не водится, нечасто попадается и восточнее Бенгальского залива**.

* * *Ареал и биотопические предпочтения, как у нильгау.*

Пугливость этой антилопы делает наблюдения над ее жизнью на свободе весьма затруднительными; о тех немногих, которых удавалось видеть в неволе, знают только, что даже пойманные молодыми, они делаются с возрастом все злее и злее. Самцы ко времени спаривания становились до того свирепыми, что даже нападали на сторожа, который ежедневно кормил их. Четырехрогие антилопы, принадлежавшие Гардвику, плодились в неволе. Самка родила сразу двух телят. Мясо четырехрогой антилопы сухо и мало ценится.

Канна (*Taitrotragits oryx*) достигает длины почти 4 м, из которых 70 см приходится на хвост; высота у загривка 1,5-1,9 м; масса 500 кг, а по Гаррису, доходит даже до 1000 кг*.

* *Обычная канна весит 600-800 кг при росте в холке 175-180 см.*

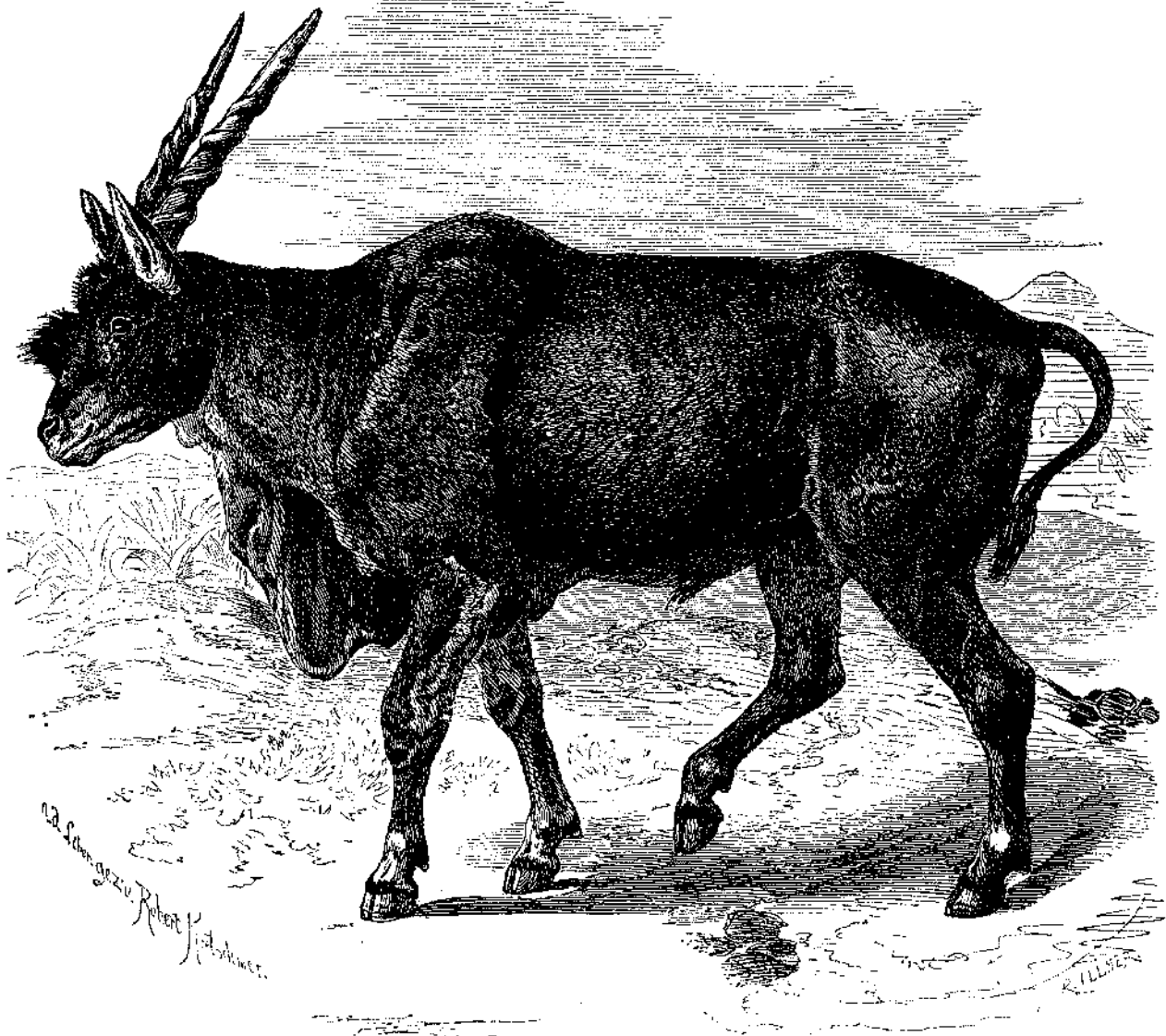
Окраска изменяется в зависимости от возраста, а по наблюдениям Селуса, и в зависимости от местности. У взрослых самцов верхняя часть тела светло-бурого или желтовато-серого цвета с ржаво-красным оттенком, бока желтовато-белые, нижняя часть тела и наружная поверхность голени и предплечье также желтовато-белые; голова светлого желтовато-бурого цвета, а грива на затылке и пучок волос на подгрудке желтовато-бурые или темно-рыжие. Полоса на спине почти такого же цвета. Самки значительно меньше самцов и не так коренасты, рога у них длиннее и стройнее, обыкновенно шире расставлены и более или менее изогнуты; подгрудок или мал, или его совсем нет, окраска темнее, чем у самцов. Часто встречаются полосатые канны, иногда полосатость эта выражена очень ясно, иногда слабо; обыкновенно полосы бывают поперечными.* Взрослая обыкновенная канна чаще бывает однотонной. Светлые поперечные полосы на корпусе, а также широкая темная полоса на шее характерны для гигантской канны. Она отличается также более широко расставленными рогами и очень развитым подгрудком.

Самые длинные рога, какие приходилось измерять Селусу, у самцов равнялись 76 см, а у самок 86 см. Рога у самцов с возрастом стираются, поэтому у очень старых самцов их длина всего 30-40 см**.

* * *Средняя длина рогов обыкновенной канны 73 см, гигантской 89 см. Максимальная длина ПО и 124 см соответственно.*

Детеныш канны, родившийся во Франкфуртском зоологическом саду, имел 65 см в длину, голова у него была очень тонкая и изящная, украшенная маленькими рожками, величиной 3 см; ноги высокие, суставы необыкновенно сильно раздуты; окраска такая же красивая желтовато-серая,

как и у матери, но на одном боку у него было 10, а на другом 8 белых поперечных полосок шириной не более 1 см, тянувшихся от спины к брюху.

Канна (*Taurotragus oryx*)

Область распространения канны оказывается гораздо обширнее, чем предполагали прежде. До исследований, проведенных Гейглином и Швейнфуртом, думали, что канна водится только на юге Африки, теперь же мы знаем, что она распространена во всей южной, а также в восточной части Африки, где встречается значительно севернее экватора***.

** * * Обыкновенная канна обитает в саваннах востока и юга Африки. В саваннах Западной и Центральной Африки ее замещает гигантская канна. В настоящее время ареал мозаичен.*

В прошлом столетии канны водилась внутри Капской земли; в начале нынешнего столетия, когда эту страну посетил Лихтенштейн, они держались еще довольно большими стадами голов в 20-30 на границе поселений; теперь же их вытеснили далее в глубь страны, и южнее тропика Козерога они стали настолько редки, что Фритш предполагает, что он был последним путешественником, встретившим южнее тропика стадо в 50 голов. Однако почти не подлежит сомнению, что здесь канны водятся только в южной части Калахари.

В стране Бонго, по верхнему течению Белого Нила, как сообщает Швейнфурт, канны вовсе не редкость, хотя уже почти не попадаются большие стада. Любимое их местопребывание — травяные степи, редко поросшие мимозами; во время засухи они перекочевывают в богатые водами низменности. Но странно, что канны встречаются и в горах, и притом в самых диких, почти недоступных местах. Ганс Мейер на плоскогорье Килиманджаро встретил на высоте 4400 м несколько стад этих антилоп и даже на высоте 4700 м видел их следы.

Канны любят пастись на невысоких холмах, которые в южной Африке часто, подобно островам, выдаются над каменистыми, лишенными растительности равнинами. Обыкновенно антилопы держатся группами по 8-10 голов, в которых только один или два самца. Но в известные периоды такие общества соединяются в большие стада: Гаррис упоминает о стаде в 300 голов, а Селус еще в прошлом десятилетии видел в области Чобе стадо более чем в 100 голов. Издали канн можно принять за стадо домашнего скота: одни животные медленно расхаживают, пощипывая траву, другие греются на солнце или отдыхают под тенью жидких мимоз, пережевывая жвачку — словом, такое общество поразительно похоже на пасущихся коров. При перемене места пастбища канны под предводительством старого самца медленно бегут в одном направлении, подобно кавалерийскому полку под надежным начальством, мелкой рысью продвигаются вперед. Если канну преследуют, то она убегает небыстрой, но очень крупной рысью, а в крайнем случае пускается в галоп и бежит таким образом очень долго. Молодые самцы и самки могут бежать быстро и долго, их часто не удается поймать даже на отличной лошади; старые и жирные самцы обыкновенно скоро устают, и опытному охотнику на хорошей лошади почти всегда удается настигнуть их.

По сообщению Лихтенштейна, пища канн состоит из тех же растений, которые служат отличным кормом для овец и быков; пахучесть трав, по-видимому, оказывается чрезвычайно полезной для всех жвачных. Подобно другим представителям семейства быков и антилоп, старые самцы-канны распространяют такой сильный запах мускуса, что благодаря ему не только издали случается открыть присутствие этих животных, но можно узнать место их отдыха, которое они давно уже покинули.

Все месяцы засухи, когда мало корма, канны бывают довольно вялы, но в остальное время между старыми самцами часто происходят жестокие драки, при которых они наносят друг другу опасные раны и ломают рога. Сильные и злые самцы прогоняют более слабых из стада и остаются полными властелинами над всеми самками. Изгнанные самцы соединяются вместе и ведут жизнь холостяков. По-видимому, спаривание у канн не связано с определенным временем года, по крайней мере Гаррис уверяет, что в разные месяцы можно видеть беременных самок и маленьких телят. По наблюдениям, произведенным над находившимися в неволе животными, беременность продолжается 282 дня. Пойманные молодыми, канны приручаются чуть ли не легче, чем даже добродушные дикие виды быков; они охотно дают какой-нибудь корове выкормить себя, а подростки пристают к стаду домашнего скота; даже в старости они остаются довольно миролюбивыми и не причиняют хозяину особых хлопот*.

** Удачные опыты по одомашниванию канн известны со времен Древнего Египта. Канны прекрасно размножаются и позволяют себя доить в заповеднике Аскания-Нова на юге Украины. В неволе доживают до 25 лет.*

Канны были одно время обыкновенным явлением в зоологических садах Европы, но теперь они здесь вымирают. Все имеющиеся у нас экземпляры являются, как сообщает Вейнланд, потомками двух пар, которых в 1840 и 1851 годах привез в Англию лорд Дерби. Из Лондона канны распространились сначала по Великобритании, а оттуда уже попали в зоологические сады остальной Европы. Они плодятся довольно легко; поэтому полагали, что их стоит акклиматизировать; но успешные опыты, предпринятые с этой целью, пришлось бросить, так как не было достаточного подвоза новых животных из Африки и порода стала вырождаться.

За этой дичью ревностно охотятся всюду, где она встречается. В Капской земле прежде ловили канн, выкапывая волчьи ямы, а также тенетами, которые расставлялись вокруг полей и садов. Теперь же охотятся на них почти исключительно верхом: за животным гонятся, пока оно не выбьется из сил, и тогда убивают его из ружья.

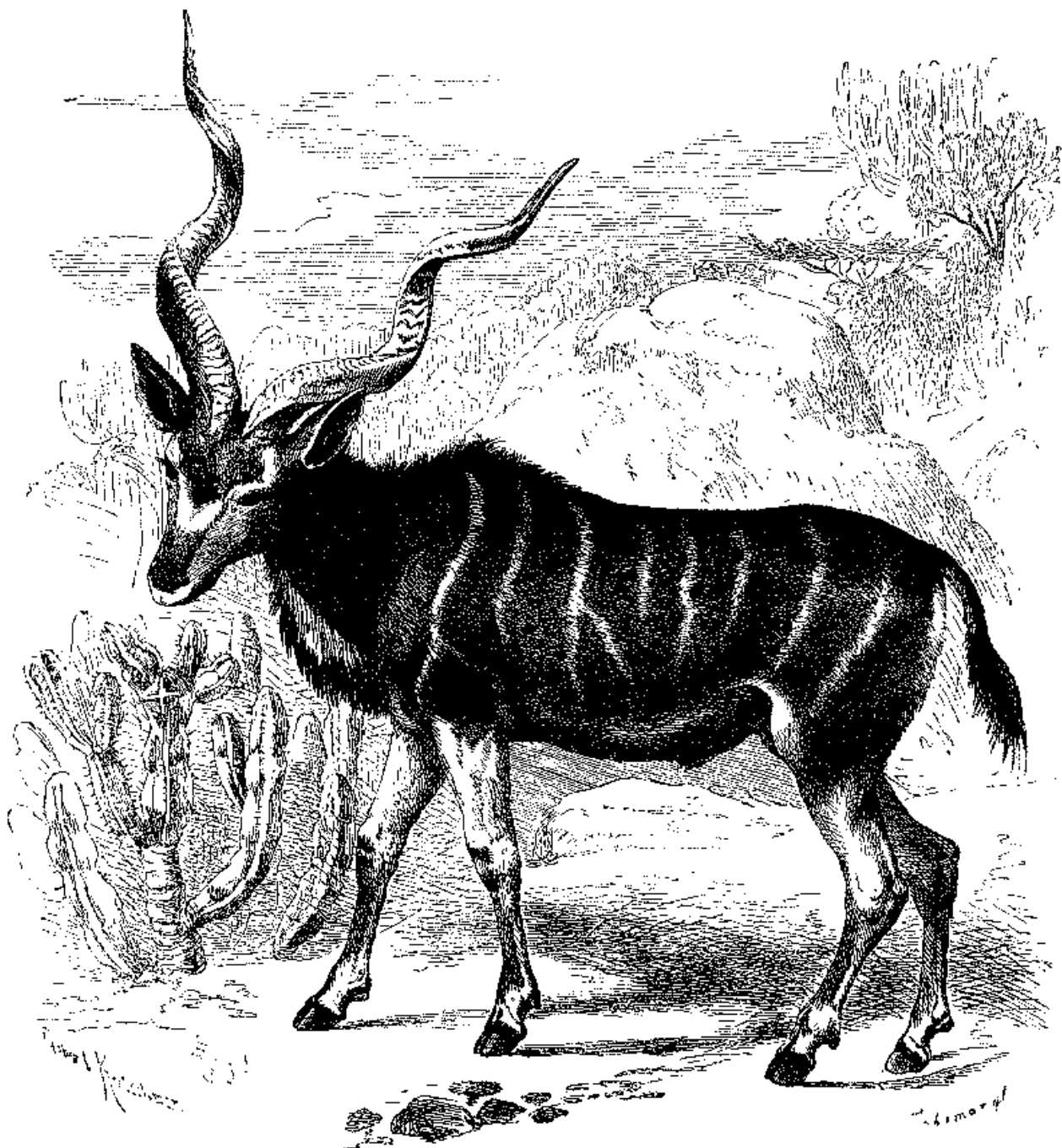
Охота за каннами чрезвычайно выгодна. Мясо их сушат и солят или обертывают в шкуры и в телегах везут домой: здесь оно подвергается копчению и в таком виде дает очень здоровую и дешевую пищу. К жиру, которого иногда бывает очень много, примешивают немного бычьего сала и квасцов и приготавливают из него хорошие свечи, а из необыкновенно толстой и крепкой кожи выделывают превосходные ремни.

Кроме человека у канны есть еще много других врагов, но большинство из них для нее не особенно опасно. Из хищников для нее страшен только один лев.

Большой куду (*Tragelaphus strepsieeros*) превосходит величиной нашего оленя. Взрослый самец от носа до конца хвоста длиной 50 см имеет 3 м в длину, высота у загривка 1,7 м, масса достигает 300 кг и даже больше. Самка значительно меньше. Измеренная однажды мной взрослая самка все-таки имела 2,5 м в длину и 1,5 м в высоту у загривка. По телосложению куду напоминает во многих отношениях оленя. Основной цвет шерсти, трудно определяемый, — рыжеватый буро-

серый переходит на задней части живота и на внутренней стороне ног в беловато-серый; грива на затылке темно-бурая или черная, а у очень старых животных вдоль всей передней части шеи светло серого цвета. Хвост сверху темно-бурый, снизу белый, кисть черная. На темном фоне основной окраски резко выступают белые полосы числом от 7 до 9, некоторые разветвляются... Они идут на одинаковом расстоянии друг от друга по бокам, вниз от спины. Между глазами лежит белый полумесяц, обращенный выпуклой частью к концу морды. У самки все полосы слабые и бледные; у молодых животных их больше, чем у старых. Рога составляют поистине красоту этого животного, ни у одного вида антилоп нет таких великолепных рогов. Длина их по прямой линии имеет 90-100 и даже 105 см, расстояние между верхними концами до 70-80 см. Трудно понять, каким образом животное может так легко и гордо носить свой тяжелый головной убор. От основания рога идут косо назад и расходятся*.

** Если следовать по спирали (имеющей 2—3 витка), длина рогов может составлять 120-180 см. Самки, как и у всех винторогих антилоп, безроги.*

Большой куду (*Tragelaphus strepsieeros*)

Знакомство с куду началось только со второй половины прошлого столетия. Наши предки не были знакомы с этими винторогими антилопами, рога которых, однако, часто привозили в Европу. Только к концу прошлого столетия доставили живого куду в Голландию, и с тех пор мы имеем све-

дения об этом стройном животном; однако точного описания его образа жизни все еще не существует.

Куду обитает в значительной части Африки, его встречают в восточной части материка: от Капской колонии до областей, орошаемых Нилом. В Капской колонии они встречаются лишь на землях крупных владельцев, которые охраняют их от окончательного истребления. Далее к северу куду встречается в значительном количестве, за исключением немецкой восточной Африки, где Бем видел его только изредка, а внутри страны, ближе к озеру Танганьика, совсем не встречал. В середине западной Африки куду также, по-видимому, совсем нет**.

* * *Большой куду обитает в саваннах, буше и горных районах (до 4500 м) Африки: от Судана, Чада и Эфиопии до северных частей Южной Африки. Тропических лесов бассейна Конго избегает.*

Эти антилопы живут преимущественно в скалистых и горных местностях, но в южной Африке встречаются и в низменностях; они любят равнины, поросшие кустарником и деревьями, а также попадаются в густых зарослях колючего кустарника, но их нельзя считать лесным животным в полном смысле этого слова. В землях богосов мы находили куду не ниже 600 и не выше 2000 м над уровнем моря, всегда возле обрывов, где они величественно ходили между зелеными мимозами. Сильные самцы живут в одиночку, самки любят соединяться в небольшие кучки от 4 до 6 антилоп. Южноафриканские охотники наблюдали, что молодые самцы, отбитые старыми от стада, собираются вместе и ведут угрюмую жизнь холостяков.

По сделанным нами наблюдениям и по сведениям, которые мы могли собрать, куду держится постоянного и довольно большого пространства и бродит по нему взад и вперед. Своей гордой осанкой и изящной размеренной поступью он напоминает оленя. Пока куду не встревожен, он ходит довольно медленно вдоль утесов, пасется на удобных местах, тщательно избегая колючих растений; почки и листья различных кустарников составляют главную его пищу, но он не пренебрегает и травами. Спугнутый куду бежит довольно тяжело и пускается в галоп только на ровном месте. Но и тогда его бег довольно медленный. Чтобы не зацепиться в кустарниках, он должен пригибать свои рога далеко назад, так что концы их почти касаются спины. Прежде чем пуститься бежать, он громко фыркает, а иногда издает звук, похожий на глухое блеяние. Впрочем, эти звуки принадлежат самке; самец кричит только во время спаривания, но зато так же выразительно, как наш олень.

В Абиссинии время течки у животных начинается в конце января. С высоких мест слышатся тогда голоса самцов, вызывающих соперников на бой*.

* *Голос самца куду в брачный период напоминает рывканье крупного хищника, тревожный крик — лай собаки.*

Едва ли подлежит сомнению, что между самцами происходят жестокие драки, так как куду чрезвычайно храброе и воинственное животное. Рождение детенышей совпадает с началом больших дождей, обыкновенно к концу августа: беременность, следовательно, продолжается 7 или 8 месяцев. Чрезвычайно редко можно видеть самцов около родивших самок: обыкновенно на одной матери лежит забота о кормлении, надзоре и защите детеныша.

Во всех странах, где водится красиво окрашенный куду, он подвергается жестокому преследованию. Его мясо, как я сам имел случай убедиться, превосходно и напоминает вкусом оленину. Костный мозг считается величайшим лакомством у некоторых южноафриканских племен. Кафры, как только убьют куду, прежде всего очищают кости от мяса, разбивают их и высасывают мозг. Кожа также высоко ценится на юге Африки и в некоторых случаях считается незаменимой. Колонисты платят за нее очень дорого и используют для изготовления бичей, особенно кончиков бичей, которые необходимы для щелканья. Кроме того, кожа идет на ремни, которыми сшивают шкуры или шнуруют тюки, а также на сбрую, седла, сапоги и т. п. В Абиссинии кожу дубят, а стволы рогов, отделенных от кости посредством гниения, употребляют для хранения меда, соли, кофе и т. п.

Охотятся на куду различными способами. Филиппини предпочитал всем другим способам охоту из засады. Он знал любимые места дичи и старался подкрасться незамеченным к высоким, видимым издали животным. Всего чаще он охотился после обеда, так как животные в это время спускаются обыкновенно в долину на водопой. Засада на тропинке также может иметь хороший результат, потому что куду по большей части ходят по одной и той же дороге. Приближаться к ним надо осторожно, так как они чрезвычайно бдительны, а их замечательно острые органы чувств дают возможность узнавать вовремя о приближении неприятеля. Кафры, плохое оружие которых совсем не годится для такой чуткой дичи, изобрели собственный способ охоты: они собираются большими партиями и преследуют антилоп, зная, что они очень скоро устают. Гоня их то туда, то сюда, они не дают животным ни минуты покоя, заставляя их бежать изо всех сил в продолжение не-

скольких часов. Жены охотников размещаются в разных местах с сосудами из страусовых яиц, наполненных водой для освежения утомленных охотников; последним удается наконец благодаря необыкновенной выносливости загнать стройную антилопу, и тут все с криками подбегают к желанной добыче. Они бросают столько дротиков в окруженное со всех сторон животное, что оно наконец умирает от нанесенных ран. От собак, которые могут догнать животное через несколько минут после начала погони, куду храбро защищается, причем бьет и рогами, и ногами; его твердые копыта настолько остры, что он может нанести опасные раны. Поэтому кафры и не используют своих верных помощников при травле, а справляются большей частью собственными силами.

Мы приготавливали мясо куду по-европейски, и я могу уверить, что редко ел более вкусное; особенно хороши сочные куски, вырезанные из филея. За исключением человека, взрослый куду имеет мало врагов. Царь зверей, лев, справляющийся с диким буйволом, вряд ли боится острых рогов куду; однако самец этой антилопы оказывается сильнее леопардов и диких собак.

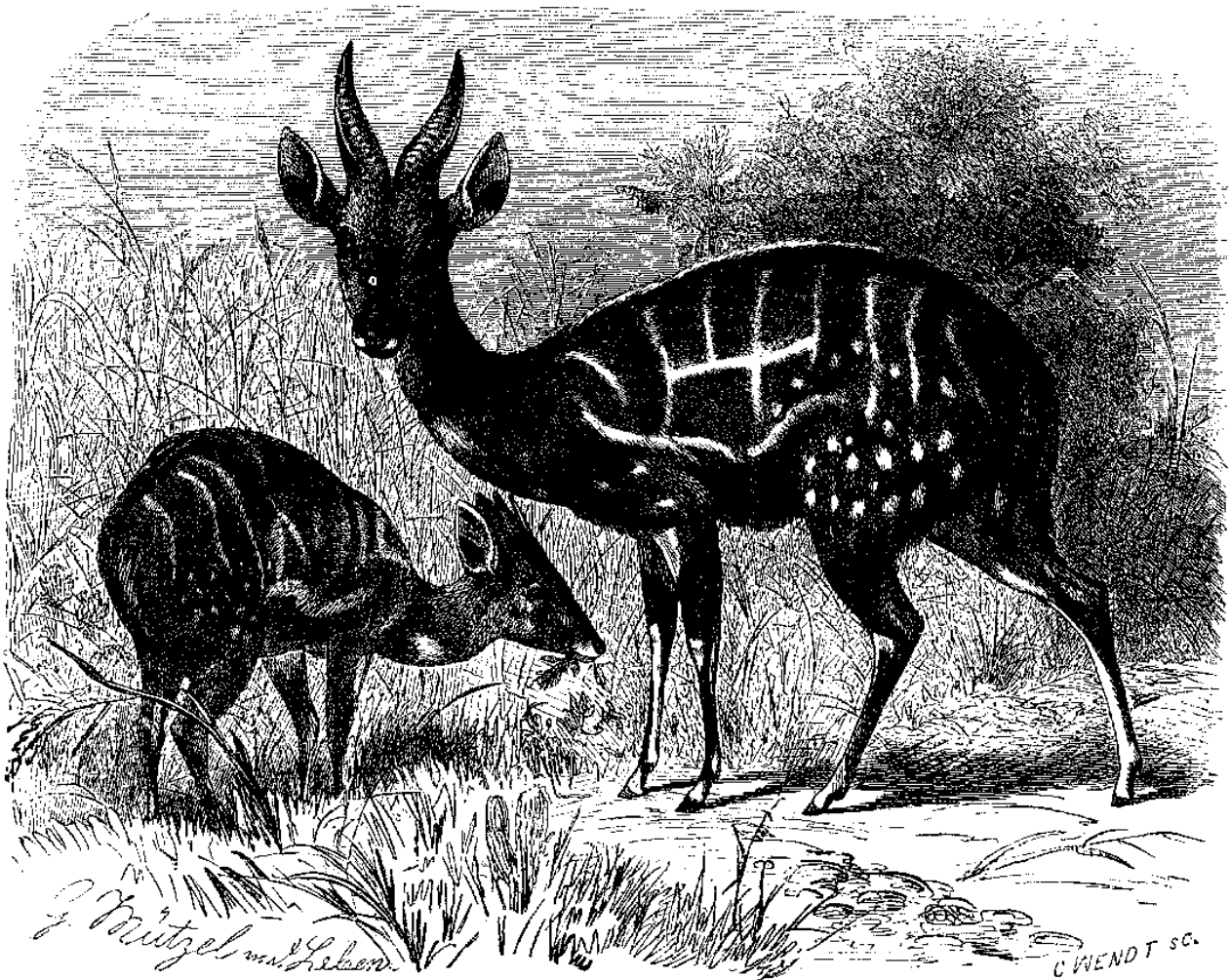
Куду, пойманные молодыми, легко становятся ручными. Андерсон, которому удалось поймать молодое животное, называет его милым и игривым созданием. Когда его поймали, детеныш был еще так беспомощен, что ему приходилось давать молоко из бутылки, слегка заткнутой пробкой из полотна. Но скоро воспитанник привык к своему хозяину и сделался совсем домашним животным.

В Европу до сих пор куду привозили только в небольшом числе, и еще и теперь это животное считается большой редкостью.

В заключение следует еще упомянуть, что арабы считают самца и самку куду разными животными и потому дают им особые названия. Самец в окрестностях Манассы называется «гарреа» (смелый), самка — «неллет» (проворная, или сильная).

Бушбок, или пестрая лесная антилопа (*Tragelaphus scriptas*). Общая длина взрослого самца 1,6 м, из которых около 15 см приходятся на хвост, высота у загривка 85, у крестца 90 см, длина рога 20-30 см*.

* *Бушбок (Tragelaphus scriptus) Бушбок широко распространен по всей тропической Африке, очень варьирует по окраске и размерам в зависимости от области обитания. Он весит от 35 до 80 кг, в холке достигает от 65 до 93 см. Спираль рогов имеет меньше 2 оборотов. Западные подвиды имеют хорошо развитые белые пятна и поперечные полосы, самки гораздо светлее самцов, восточные и южные более однотонные, половой диморфизм в окраске развит слабо. Бушбок ведет скрытный ночной образ жизни в зарослях, держится парами.*

Бушбок (*Tragelaphus scriptas*)

В ее пестрой окраске, которая, впрочем, довольно изменчива, чередуются три цвета. Волосы на голове и шее рыжие, голова бывает также чадо-серого цвета, шея, передняя часть туловища и спины темные рыжевато-серые, бока и бедра чисто рыжие. Рисунок на боках видоизменяется не только у разных животных, но иногда у одного и того же бывает не одинаков с обеих сторон тела. Он состоит обыкновенно из полос и пятен. Область распространения пестрой лесной антилопы, или, вернее, нескольких трудно отличимых от нее видов, обнимает, вероятно, северную часть южной Африки, во всяком случае, всю ее западную половину, а также и некоторые части восточной, где Бем и Кайзер ее часто встречали.

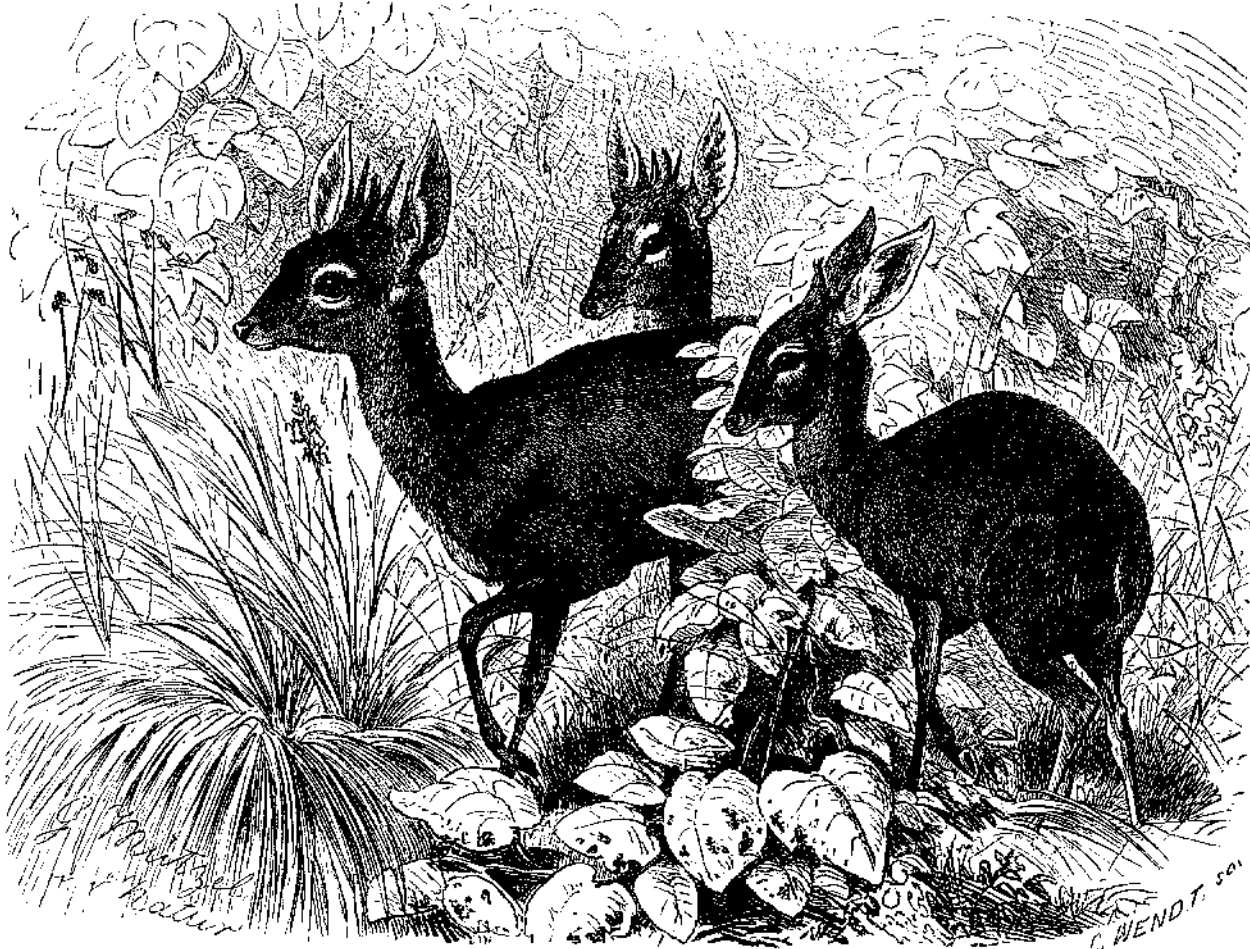
С вышеописанной антилопой очень сходна по окраске только еще более пятнистая, **большая лесная антилопа** (*Tragelaphus scriptus silvaticus*), живущая преимущественно в южной Африке, но, по сообщению Ноака, попадающаяся и в западной; ростом она несколько больше предыдущей. Окраска этой антилопы бывает очень разнообразной, и, по словам Селуса, различные экземпляры этого животного принимались за отдельные виды. «Общим признаком всех больших лесных антилоп, говорит Селус, — которых я видел от Капской долины до Чобе, является обнаженная полоса вокруг шеи, как будто от ошейника, вытершего шерсть и оставившего только мягкий подшерсток».

Хохлатыми антилопами называют небольшие виды с прямыми, слегка загнутыми вперед рогами, обыкновенно составляющими отличие одного только самца, но иногда вырастающими и у самок. У них большое голое рыло, морщина между глазами и длинный пучок волос между рогами, который они поднимают в виде хохолка.

Дукер (*Cephalophus*) — один из самых крупных видов этой группы, достигает в длину 1,2 м, из которых около 20 см приходится на хвост; высота у загривка 55 см. Прямые шиловидные рога с 4-6 плоскими кольчатыми утолщениями не длиннее или даже значительно короче ушей и совсем исчезают в волосах хохла. Рога имеют 7-10, редко до 12,5 см в длину. Вместо слезных ямок изогнутая голая полоска. Ноги стройные, копыта и шпорцы небольшие; хвост короткий. Верхняя часть туловища обыкновенно серо-оливкового цвета; у самца она бывает желто-бурой с черными крапинками вдоль спины и бедер; нижняя часть белая. Область распространения этой антилопы преимущественно южная Африка, где и в настоящее время водится в большом количестве в местностях,

поросших кустарником. По сообщению Ноака, изредка встречается на западе вплоть до Гвинейского залива и, вероятно, в восточной Африке*.

* Дукеры по многим признакам сходны с оленьками и мелкими примитивными оленями. Трудно понять, какой из видов дукеров имеет в виду Брем. Скорее всего это кустарниковый дукер (*Sylvicapra grimmia*) либо голубой дукер (*Cephalophus monticola*).

Хохлатый дукер (*Cephalophus*)

Дукер — одна из первых антилоп, с которой встречается путешественник, прибывающий в Капскую землю, так как это животное водится в зарослях кустарника, тянущихся вдоль берега моря, чаще, пожалуй, чем внутри страны. Как все небольшие карликовые антилопы, дукеры бродят или поодиночке, или парами. Никогда не встретишь их на открытом месте, они всегда прячутся среди кустов. Через самую густую чащу ветвей дукер пробирается так ловко, осторожно и хитро, что вполне заслуживает названия, данного ему голландскими поселенцами, — «ползун». Вспугнутый со своего логовища, он одним большим скачком достигает ближайшего куста и затем бежит или пробирается ползком между низкими ветвями так искусно и быстро, что ему часто удается благополучно уйти от охотника.

"При приближении человека или другого врага, — говорит Драйсон, дукер остается в своем логовище. Неподвижно и пристально, словно изваяние, смотрит он на приближающегося, пока не убедится, что его заметили: тогда вскакивает и бросается бежать, делает множество крутых поворотов, шмыгает по кустам или прыгает через них. А когда он уверен, что скрылся от преследователей, то пригибается и ползет через кусты и траву осторожно и в то же время быстро. Он никогда не ложится, а пробирается ползком все дальше и дальше от преследователя, пока не уйдет довольно далеко; тогда он снова скачет во всю прыть. Дукер часто обманывает самого опытного охотника и самую умную собаку; впрочем, если следить за ним внимательно и заметить место, где он улегся, то к нему легко подойти против ветра. Однако, чтобы завладеть им, в него нужно выпустить хороший заряд крупной дроби, и стрелять следует очень метко, чтобы попасть в него, когда он виден — во время его высоких скачков. Часто после выстрела он убегает, как будто в него не попало ни одной дробины; потом вдруг останавливается, и тогда ясно видно, что он ранен. Мне приходилось наблюдать, что даже смертельно раненый дукер вскакивал как ни в чем не бывало. Самая простая собака может догнать дукера. Старая легавая собака, с которой я охотился, несколько раз догоняла самцов и задерживала до тех пор, пока я не приближался настолько, что легко мог застрелить их. Из

кожи дукера в Капской земле плетут длинные кнуты, из мяса варят превосходный суп. Самое мясо южноафриканских дукеров слишком сухо и безвкусно; но всем гастрономам я рекомендую, как необыкновенно лакомое блюдо, печень этой маленькой антилопы. Боэры шпигуют мясо дукера жиром канны или бегемота и готовят таким образом очень вкусное жаркое».

Клима, обыкновенный бубал, конгони (*Alcelaphus buselaphus саата*) — отличается узкой и длинной головой, сравнительно небольшими ушами и необычной окраской. Короткие рога, толстые у основания, снабжены приблизительно 16 узловатыми утолщениями.

1 — Обыкновенный бубал, или конгони, подвид тора (*Alcelaphus buselaphus tora*) 2 — Топи, или лиророгоий бубал (*Domediscus lunatus*) 3 — Беломордый бубал (два подвида) (*Damaliscus dorcas*)

Сначала рога растут прямо вверх, затем слегка вперед, а острые концы их почти под прямым углом загнуты назад. У этой антилопы преобладающий цвет шерсти прекрасный светло-бурый; лоб и передняя часть головы темно-бурые; две продольные полосы на предплечье и голени и кисть на хвосте окрашены в черный цвет. Белую окраску имеют кольцеобразные пятна вокруг глаз, нижняя часть груди, живот, внутренняя сторона бедер и широкое, имеющее форму полумесяца зеркало, заходящее и на бедра.

Каама водилась прежде в северной части Капской земли*, но теперь постоянными преследованиями вытеснена отсюда за Оранжевую реку.

* *Кама распространена в Калахари. С наступлением сухого сезона животные мигрируют к границе пустыни. Во время миграции семьи гаремного типа спиваются в стада до нескольких сот голов*

Швейнфурт указывал, что каама наиболее распространена в землях Бонга и Ньям-Ньям. «Всего чаще, — говорит он, — попадаются стада в 5-10 голов в необитаемых пустынях; в заселенных местностях каама предпочитает редкий кустарник, растущий близ речных долин. Она имеет привычку в полдень отдыхать, стоя около деревьев или ярко освещенных солнцем термитовых куч, и тогда благодаря своей неподвижности часто остается не замеченной охотниками, так как ее окраска почти не отличается от сходного по цвету фона выбираемых ею для отдыха мест». По словам Гарриса, в южной Африке во главе каждого стада находится старый самец, который очень ревнив и не терпит в своем стаде соперника. Несмотря на некрасивое сложение и безобразную голову, в ее наружности есть что-то величественное, особенно когда она бежит галопом. Правда, сначала кажется, будто она прихрамывает на задние ноги, но когда как следует разбежится, то не производит такого впечатления; она бежит быстрой, но спокойной рысью, гордо закинув голову, подобно благородному коню, высоко поднимая ноги и, как это делают лошади в цирке, ударяя себя по белым

бедром блестящим черным хвостом. Не менее подвижные, чем все другие антилопы, каамы часто забавляются, делая удивительные прыжки или неожиданные повороты, а иногда они затевают очень странные игры, которые Швейфурт описывает следующим образом: «Резвящееся стадо каам на расстоянии едва ли 500 шагов от дороги привлекло наше внимание. Они играли друг с другом таким образом, что, казалось, делали повороты, будто управляемые невидимыми всадниками. Они бегали попарно вокруг деревьев, словно на арене; при этом небольшие группы из 3-4 каам стояли, внимательно наблюдая за бегающими, и время от времени сменяли их. Все это я наблюдал вблизи.

Вероятно, это странное поведение объясняется тем, что было время течки и под влиянием страсти они не замечали грозящей им опасности». Насколько правдоподобно это предположение Швейфурта, видно из того, что подобные игры переходят у каам в серьезные поединки, как только в стаде, кроме признанного главы, появится другой сильный самец. В этих поединках каамы бросаются на колени и, пригнув голову к передним ногам, приближаются в таком положении друг к другу, так что почти сталкиваются лбами, и начинают биться рогами с такой силой, что звук ударов бывает слышен на далеком расстоянии. Подобно оленям, бойцы нередко так сильно сцепляются рогами, что не в состоянии разойтись, пока у одного из них не отломается рог. Раны, которые наносят друг другу самцы, бывают глубоки и опасны. Говорят, защищаясь от неприятеля, эти антилопы принимают ту же позу, что при поединках*.

** Будады и гну во время турнирных поединков действительно сражаются на коленях, но при защите от хищников избегают это делать.*

До сих пор нет точных указаний относительно того, сколько времени продолжается у каамы беременность. По сообщению Гарриса, самка рождает по одному детенышу в апреле и сентябре, следовательно, спаривание должно происходить дважды в год. Привезенные в зоологические сады в Германии каамы отлично размножались в неволе, и телят удавалось выращивать без особого труда**.

*** Период размножения не приурочен к определенному сезону. Беременность около 8 месяцев, в помёте один детеныш.*

Детеныш, родившийся во Франкфуртском зоологическом саду, был больше новорожденного оленя и чрезвычайно походил на теленка; у него были высокие ноги, длинная голова, но притом очень выпуклый лоб; окраска рыжеватая, как и у взрослых животных. Тотчас после рождения он уже бегал с матерью, но движения его были еще очень неловки. Из наблюдений над молодыми животными оказывается, что рога у них появляются приблизительно на третьем месяце, но только через несколько лет они приобретают характерную для каамы изогнутость, так что некоторое время они совсем не похожи на рога взрослого животного, да и форма их постоянно меняется, пока они растут.

Кроме львов, леопардов и других крупных хищников, каамы страдают от нападающих на них паразитов. Один вид оводов кладет яйца под кожу, другой — в слизистую оболочку носа; из этих яиц развиваются личинки. Антилопам удается иногда удалять их всех сразу из носа чиханием или фырканьем; в противном случае они причиняют животным сильные страдания.

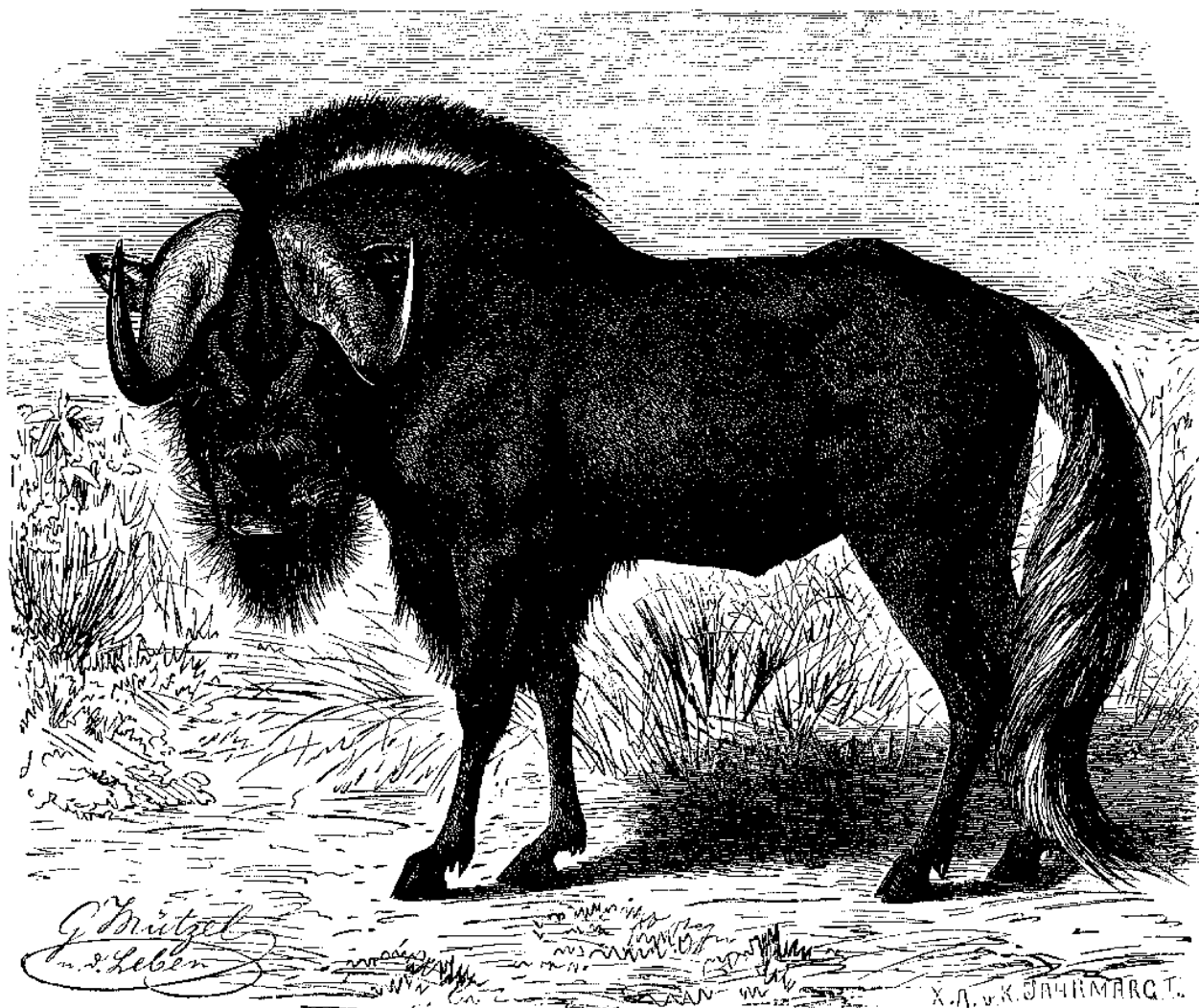
За каамами всюду, где они встречаются, охотятся и туземцы, и белые. Когда их преследуют, они обыкновенно стараются сохранить одно и то же расстояние между собой и охотником, как бы в насмешку над ним; с этого расстояния их можно застрелить разве только из очень дальнобойного ружья. Мясо этих антилоп очень ценится, оно вкуснее мяса большинства других животных. В Капской земле мясо режут на полосы, сушат на воздухе и потом употребляют для варки крепкого супа. Из шкуры делают одеяло. Из дубленой кожи — ремни и сбрую, из твердых и блестящих рогов вытачивают разные вещицы.

Самая замечательная из антилоп, конечно, гну — чрезвычайно странное жвачное животное. Гну с раздвоенными копытами и бычьей головой имеет вид лошади и быка одновременно и доказывает своими действиями и привычками, что и нрав его вполне соответствует странной смеси этих двух видов. Невозможно назвать гну краси вым животным, как бы изящно ни были сложены отдельные части его тела. Отличительные признаки этого рода следующие: толстое туловище на довольно высоких и стройных ногах спереди приподнято выше, чем сзади; голова почти квадратная, морда так же широка, как у быков, ноздри прикрыты складками кожи; окруженные кольцами лучистых беловатых щетинок глаза имеют дикое и злобное выражение; уши короткие и заостренные. Рога бывают у обоих полов; они сидят низко на лбу, сплющены, очень широки, покрыты рубцами, изогнуты от основания книзу, а концами обращены вверх. Хвост покрыт длинными волосами наподобие лошадиных, волосы на лбу, спине, шее и щеках густые и длинные, на остальных частях тела

гладко прилегающие. Ноздри снабжены подвижными клапанами; на щеках вместо слезных ямочек находятся желваки, покрытые железками.

Белохвостый гну (*Connochaetes gnou*) достигает 2,8 м в длину; из этого числа на хвост, без волос, приходится 50 см, а с волосами 86-90 см; высота в плечах 1,2 м*.

* *Белохвостый гну достигает в холке 115 см и весит 160-180 кг. Средняя длина рогов 67 см, но может достигать 78 см.*

Белохвостый гну (*Connochaetes gnou*)

Преобладающий цвет шерсти серовато-бурый; длинные пучки волос на груди, шее, переносье и над глазами бурые; щетина вокруг глаз, усы и борода беловатые; волосы на хвосте у основания серо-бурые, а на конце тоже беловатые. Цвет у обоих полов одинаковый. Рост и рога у самок меньше, чем у самцов. У новорожденных гну нет рогов, но они уже имеют гриву на затылке и шее.

Гну живет в южной Африке, однако в Капской земле уже истреблен**.

* * *В настоящее время численность белохвостого гну в резерватах и национальных парках Южной Африки достигла 3100 особей.*

По рассказам лучших наблюдателей, гну ежегодно кочует с места на место. А. Смит думает, что его к тому побуждает врожденный инстинкт, который заставляет двигаться вперед, без оглядки, даже навстречу собственной гибели точно так, как перелетных птиц. По моему же мнению, они кочуют, как и прочие антилопы, вследствие недостатка корма на прежнем месте. Гну чрезвычайно подвижные, резвые животные, способные оживить своим присутствием самую обширную степь. «Из всех животных, — говорит Гаррис, — гну, кажется, самое неуклюжее и странное как по своему внешнему виду, так и по своим нравам и привычкам. Созданный странной прихотью природы, он так неуклюж, что невозможно смотреть на него без смеха. Опустив между стройными и сильными ногами мохнатую и бородастую голову и разметав по ветру длинный белый хвост, это уморительное и пугливое животное производит самое дикое и смешное впечатление на наблюдателя. Внезапно гну останавливается, опускает низко голову, как бы собираясь пустить в ход рога; глаза мечут искры, громкое и выразительное рычание, напоминающее рев льва, раздается по степи, но через мгновение он уже скачет, распустив длинный хвост по ветру, прыгает, поднимается на дыбы, вер-

тится на месте, падает на колени, опять вскакивает на ноги, а минуту спустя несется стремглав по степи, так что только пыль клубится за ним облаком». Каждый путешественник, бывший во внутренней части южной Африки, легко может познакомиться с этим животным, так как оно в высшей степени любопытное и подходит к каждому предмету, который возбуждает его внимание, а в особенности к человеку. Любящий общество, подвижный и неутомимый, не связанный никакими привычками к воде, к степи или к тенистым рощам, гну с каждым временем года меняет свое местопребывание, и путешественник может встретить его везде большими стадами, большей частью в обществе квагг и антилоп-прыгунов, с которыми они живут весьма дружно*.

* Основу стад белохвостых гну составляли гаремные группы самок и молодняка (5-10 особей), возглавляемые самцом. Спаривание и бурачные турниры приурочены к февралю — марту.

Подобные смешанные стада находятся в непрерывном движении, так как гну едва ли нуждаются в отдыхе и ежеминутно способны выкидывать самые удивительные гимнастические упражнения.

Косматые стада этих странных и грозных на вид антилоп носятся бесконечными кругами вокруг своих преследователей. Как только охотники подходят ближе к тому или другому животному, с целью застрелить его, остальные окружают их справа и слева и становятся на место, только что покинутое всадниками. Можно иногда видеть, как старые самцы на некотором расстоянии друг от друга, поодиночке или небольшими группами стоят целое утро неподвижно в степи и тупо смотрят перед собой, наблюдая за движениями остальных животных. При этом они издают время от времени особенные звуки, вроде короткого резкого храпа или громкого сопения.

Многие путешественники называют гну олицетворением необузданной любви к свободе и приписывают ему необычайную силу и мужество. Готтентоты и кафры рассказывают всевозможные басни про этих животных, и даже европейцы, вероятно, под влиянием удивительной внешности гну, сообщают о нем самые странные вещи.

Не подлежит сомнению, что в поведении гну столько же загадочного, как и во всей его фигуре. Движения его своеобразны. Гну настоящий иноходец и даже в галопе ступает почти всегда то на обе правые, то на обе левые ноги. Из внешних чувств зрение, обоняние и слух превосходны; умственные способности, кажется, довольно незначительны.

Охота на взрослых гну имеет свои трудности вследствие необычайной быстроты и выносливости этих животных. Спасаящийся от погони гну имеет необыкновенное сходство с дикими быками. Все их поведение, когда они чем-нибудь встревожены, например, закидывание головы назад, привычка приседать к земле и лягаться, живо напоминает этих жвачных животных. Подобно быкам, они имеют обыкновение перед бегством внимательно оглядеть предмет, внушающий им страх. Случается, что стадо дает к себе подъехать нескольким охотникам, не трогаясь при этом с места. Гну редко попадает в ямы или веревочные петли. Взрослые пленники мечутся, как безумные, молодые же, когда их выкармливают коровьим молоком и заботливо за ними ухаживают, становятся скоро ручными, так что их можно посылать на пастбище с домашним скотом и предоставлять полную свободу.

Польза от убитого гну та же, что и от других африканских диких жвачных: мясо едят, так как оно сочно и вкусно, из шкуры выделывают разные кожаные вещи, а из рогов — ручки для ножей и другие предметы.

Другой вид этого рода — **голубой, или полосатый, гну** (*Connochaetes taitrimis*), значительно больше белохвостого гну. Длина его более 3 м, высота в плечах 1,6 м; кроме того, он отличается от своего родича более выпуклым носом, более высоким затылком и более длинной гривой*.

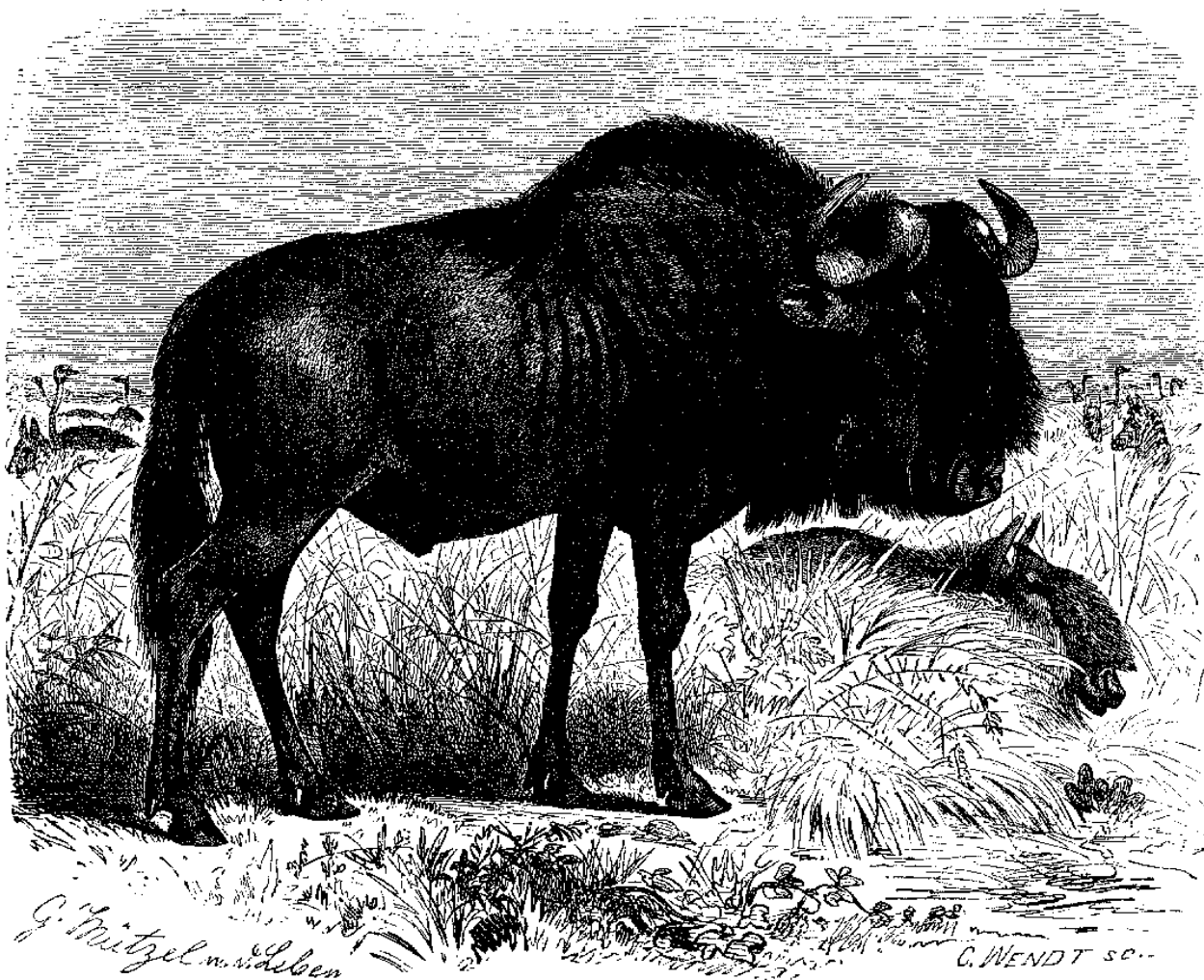
* Голубой гну — второй, более крупный вид рода, отличается менее пропорциональным сложением, рогами, слегка отогнутыми назад, а не направленными вперед. Достигает 1,4 м в холке, весит до 270 кг, самка лишь немного мельче самца.

Преобладающий цвет шерсти серый, от которого ясно отделяются поперечные черные полосы. Голубой гну тоже водится в южной Африке; Селус не встречал его севернее реки Замбези, а Бем не видел его в восточной Африке; Фишер, напротив, нашел эту антилопу в стране масаев, а Гейглин — в областях Верхнего Нила*.

* Голубой гну один и наиболее характерных, «ландшафтообразующих» копытных саванн Восточной и Южной Африки, его численность составляет 2—2,5 млн голов.

Животное избегает холмистых и скалистых местностей, а любит травянистые равнины, на которых произрастают небольшие рощицы различных пород мимозы. Здесь он живет, как и обычно

венный гну, и кочует с места на место в зависимости от времени года. По нраву и привычкам мало чем отличается от своих, родичей.

Голубой гну (*Connochaetes taurimontanus*)

Одними из красивейших представителей описываемого нами семейства являются **лошадиные антилопы** (*Hippotragus*)**, названные так потому, что у них на затылке и шее растет густая грива.

* * *Род Hippotragus вместе с родами Oryx и Addax выделяют в отдельное подсемейство лошадиных антилоп (Hippotraginae), насчитывающее 6-8 видов.*

Рога, имеющиеся у обоих полов, сидят на лобном утолщении, загнуты дугообразно назад и почти до гладких концов покрыты резкими кольчатыми утолщениями. Формой головы эти антилопы напоминают серну, уши у них, как совершенно верно замечает Гаррис, имеют сходство с ослиными. Шея короткая и толстая; на стройных ногах покоится довольно плотное туловище; высота его у загривка более, чем у крестца; хвост длинный, с большой кистью; слезных ямок, копытных желез и паховых ямок нет. У самки два соска.

В старинных описаниях путешествий по южной Африке часто упоминается об антилопе, называемой поселенцами Капской земли «голубой козел»***; но уже с начала нынешнего столетия более не встречается в области поселений.

* * * *Голубым козлом в Южной Африке называли голубую антилопу (Hippotragus leucorhaeus), жившую в Капской провинции и полностью истребленную человеком к 1800 году. Это было сравнительно некрупное животное с рыжевато-макушкой, светлой головой, голубовато-серой (самцы) или бурой (самки) окраской корпуса.*

Вероятно, этот голубой козел был нечто иное, как ярко окрашенный самец лошадиной (**чалой**) антилопы (*Hippotragus equinus*). Это большое, красивое животное имеет 2,2 м в длину (без хвоста, имеющего 75 см) и 1,6 м в высоту у загривка; преобладающая окраска меха рыжая с несколько желтоватым молочно-белым оттенком. Уши, имеющие 35 см в длину, остры и загибаются назад и вниз; хвост покрыт короткими волосами, только на конце его находится довольно большая кисть. Передняя часть головы черноватая, полосы впереди и позади глаз и пятно между рогами — белые. Туловище рыжевато-белое, волосы гривы на концах бурые, пятно на груди черновато-серое, на ногах шерсть темно-рыжего оттенка. Как сообщают Гартман и Селус, попадаются чалые анти-

лопы, имеющие грязно-желтую окраску с рыжеватым или чадо-серым оттенком, а иногда совсем серую, как у осла. У самца довольно большие рога, достигающие 75 см в длину по кривизне. Они загнуты назад, расходятся кверху и почти до концов покрыты кольчатыми утолщениями, до трех четвертей длины имеют яйцевидное сечение; их изгиб и наклон у отдельных особей весьма различны. У самок длина рогов меньше — около 65 см, и они менее изогнуты, чем у самцов.

Второй вид лошадиных антилоп был открыт Гаррисом — это **черная антилопа** (*Hippotragus niger*). Ростом черная антилопа почти нисколько не уступает чалой, длина ее вместе с хвостом почти 3 м, а высота у загривка 1,5 м.

1 — Черная антилопа (*Hippotragus niger*) 2 — Лошадиная антилопа (*Hippotragus equinus*)

Уши длиной в 25 см прямые и заостренные; грива на затылке и спине состоит из мягких волос, на шее она тоже хорошо развита. Голова длинная, суживающаяся к морде; хвост снабжен большой кистью. Преобладающая окраска темная, блестяще-черная, только местами имеющая буроватый оттенок. С обеих сторон морды спускаются широкие белые полосы; передняя и нижняя части морды, грудь, брюхо, верхняя половина внутренней стороны бедер и внутренняя поверхность ушей также белые. Самки заметно меньше самцов, имеют темно-бурую, местами черноватую окраску. У обоих полов есть рога, которые очень похожи на рога чалой антилопы, но они больше и еще сильнее изогнуты; у самцов достигают в длину 110 см, у самок — 85 см.

Прежде полагали, что родиной лошадиной и черной антилоп является исключительно южная Африка; теперь же мы знаем, что оба этих вида водятся и во внутренней части восточной Африки, где они распространены с севера до верховьев Нила. В средней части западной Африки их, по видимому, нет; но лошадиная антилопа, по наблюдениям Пехуель-Леше, встречается в Нижней Гвинее, начиная от южной ее границы до Кинзембо. Оба вида попадаются как в открытой степи, так и в гористых и скалистых местностях, поросших низким кустарником, обыкновенно они ходят небольшими стадами в 6-12 голов; но Селусу случалось встречать в южной Африке чалых антилоп группами в 20 голов, там же он видел и стада черных антилоп в 50 и более голов. Бем также наблюдал «маленькие общества и большие стада» черных антилоп. Сильные старые самцы нередко встречаются и в одиночку. Эти антилопы бывают более или менее пугливы, смотря по тому, насколько они подвергались преследованиям со стороны человека. Бег у них быстрый, но, по видимому, они довольно скоро утомляются*.

** Оба вида лошадиных антилоп держатся табунками по 3-20 (изредка до 60) голов. В группе обычно один взрослый самец, несколько самок и молодых. Сравнительно оседлы, привязаны к воде. В случае опасности могут бежать со скоростью 50-70 км ч. Размножаются вне зависимости от сезона, беременность 9 месяцев, рождается, как правило, один детеныш. Хорошо переносят неволю, доживают до 17 лет (в природе — 12-15 лет).*

Кроме того, их рога служат хорошим оружием для защиты. «Раненая черная антилопа, — пишет Селус, — бывает довольно опасна и, подобно чалой антилопе, может наделать немало хлопот целой своре собак: я знаю случай, когда такая антилопа тремя взмахами своих длинных рогов убила трех собак».

Гордон Кюмминг говорит с восторгом о черной антилопе: «Проезжая верхом по лесу, я увидел одно из прекраснейших творений природы — старого самца черной антилопы, одного из самых красивых и величественных животных. Это была первая антилопа, виденная мной, и я никогда не забуду впечатления, охватившего меня при этом зрелище, столь восхитительном для охотника. Антилопа стояла как раз на нашем пути и, к сожалению, заметила нас раньше, чем мы ее. Я кликнул свою свору и пустился за ней в погоню. Но день был душный и жаркий, и собаки были утомлены, а так как и лошадь у меня была не из лучших, то я скоро отстал, и прекрасное животное ушло далеко и навсегда скрылось из моих глаз. Ночью я как ни старался, не мог уснуть: образ антилопы не переставал носиться передо мной».

К числу антилоп, известных и славившихся еще в древности, принадлежат сернобыки, изображения одного из видов которого часто встречаются на египетских и нубийских памятниках. Тут можно видеть сернобыка в самых разнообразных позах, обыкновенно с веревкой на шее в знак того, что его поймали. В залах большой Хеопсовой пирамиды находятся несколько изображений сернобыка с одним только рогом. Ссылаясь на эти изображения, некоторые натуралисты утверждают, что сернобык подал повод к возникновению сказания об единороге, тогда как под библейским единорогом можно понимать только носорога. Древние рассказывали о сернобыках самые удивительные вещи. Они думали, что сернобык, подобно стадам коз, знает время восхождения Сириуса, становится против этой звезды и как бы поклоняется ей; далее, что он мутит и загрязняет воду, чем и привлекает на себя ненависть египетских жрецов; он может менять, по желанию, рога; носить то четыре, то два, то, наконец, только один рог.

Еще в конце средних веков и даже до позднейшего времени считали правдоподобными описания древних. «Между дикими козами, — говорит старинный автор Геспер, — есть особый род животных, называемых «орикс»: у них волосы обращены кончиками к голове, чего никогда не бывает у других животных, у которых они всегда направлены от головы назад». Оппиан следующим образом описал орикса: «Животное орикс живет в лесах и ненавистно для других диких зверей; оно совершенно белое, кроме морды и щек; у него крепкий, жирный и толстый затылок, украшенный высокими, прямостоящими черными и очень острыми рогами; они до того тверды, что превосходят крепостью железо и другие металлы, а также камни. Это совершенно дикое и жестокое животное, ибо не страшится лая собак, не обращает внимания ни на хрюканье кабана, ни на мычание быка, ни на рев льва, ни на жалобный голос пантеры; не покоряется силе и могуществу человека, но часто одолевает и убивает самого сильного охотника. Они даже часто убивают друг друга. Иные писатели утверждают, что у этого животного только один рог, и действительно, говорят, что в некоторых местностях встречаются дикие козы с одним рогом».

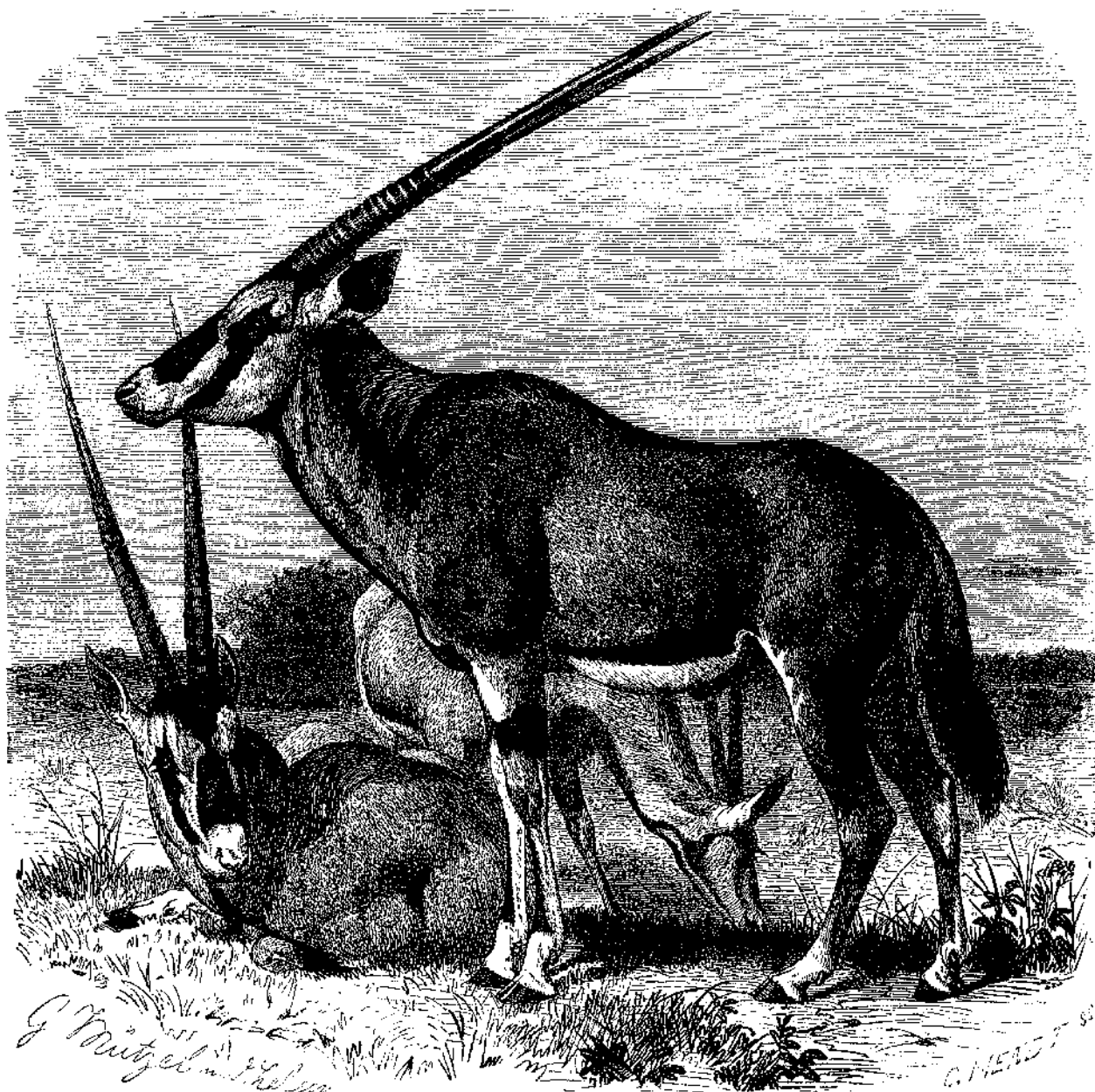
В древности, по свидетельству Гартмана, изображали сернобыков как с прямыми, так и с изогнутыми рогами; их часто приручали и убивали для жертвоприношений. На памятниках их изображения встречаются не иначе как с изображениями древних египтян. Это обстоятельство, равно

как и то, что сернобыки никогда не являлись данью, получаемой фараонами из южных стран, заставляет думать, что египетско-нубийский вид этой антилопы водился в достаточном количестве в пустынных долинах земли фараонов. По-видимому, в Азию сернобыки были приведены евреями, персами и другими народами, занимавшимися здесь их приручением.

Сернобыки принадлежат к самым крупным и сильным видам антилоп и производят величественное впечатление. Все известные до сих пор виды этих антилоп настолько похожи друг на друга, что многие считают их только разновидностями одного и того же вида. Но когда различных сернобыков видишь рядом, то убеждаешься в необоснованности такого мнения*.

* *Некоторые ученые и сейчас считают, что существует всего один, чрезвычайно изменчивый вид ориксов, чаще же в роде Oryx выделяют 3 современных вида.*

Наиболее типичным представителем этого рода считается настоящий **орикс, или сернобык** (*Oryx gazella*). Длина тела этого статного животного 2,4 м, длина хвоста 40 см, а высота у загривка 1,2 м. Шерсть, густая и гладкая, состоит из коротких, жестких волос, которые почти везде одинаковой длины, за исключением гривы, торчащей в виде гребня на верхней стороне шеи и на передней части спины, а также пучка длинных щетинистых волос на нижней стороне шеи. Шея, затылок, спина и бока имеют желтовато-белую окраску; голова, уши, верхняя часть бедер, грудь, живот и ноги книзу от последнего сустава — ослепительно белые. Полоса на лбу, широкое пятно на передней части носа, полосы, идущие от рогов к глазам и продолжающиеся до нижней челюсти, и две параллельные им полосы, отделяющие белую окраску головы от желтовато-серой, а также наружный край ушей — совершенно черные.

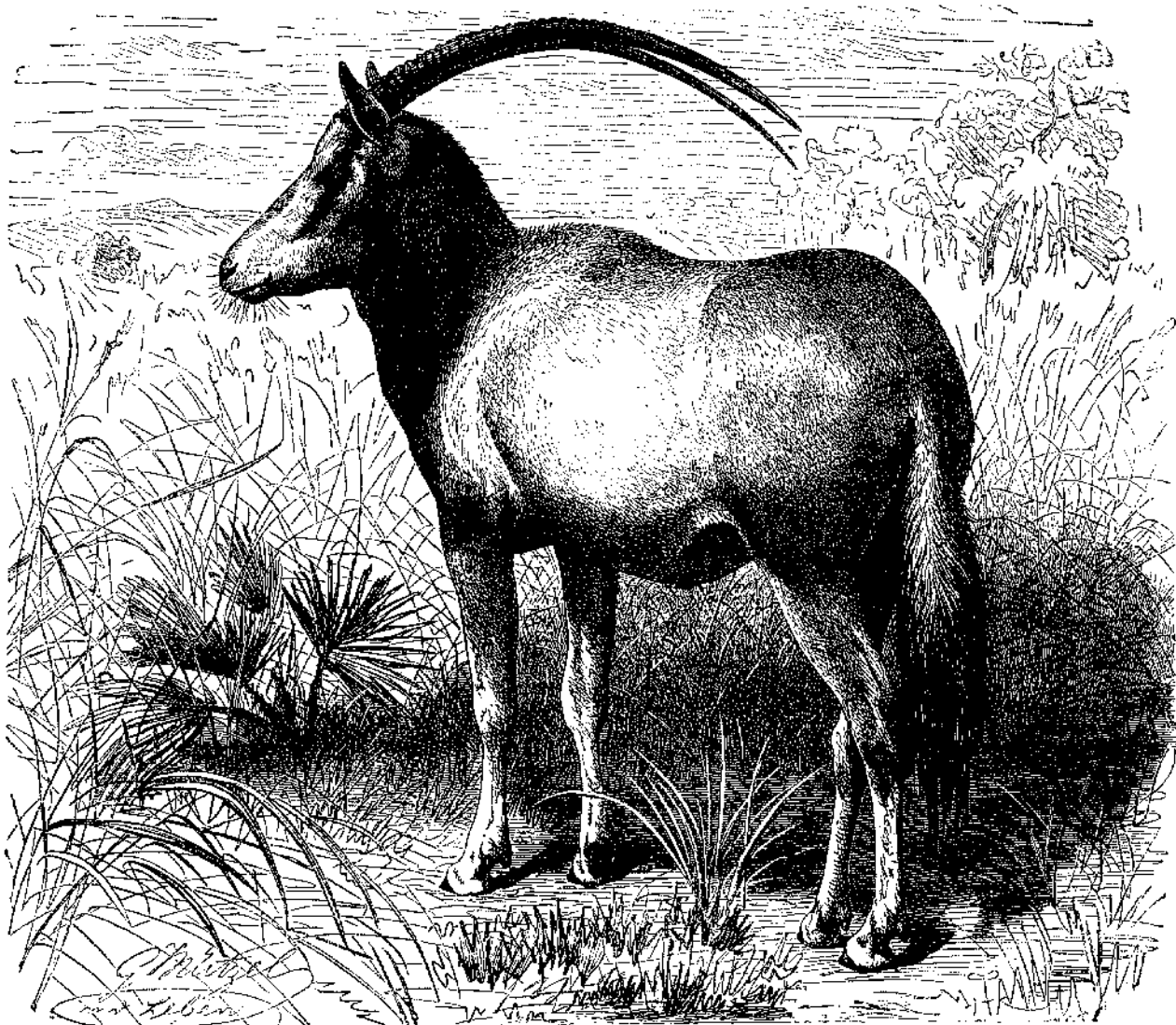
Орикс, или сернобык (*Oryx gazella*)

Благодаря такой окраске сернобык издали кажется как бы взнузданным. Большие черные рога, которыми снабжены оба пола, или только слегка изогнуты, или прямые; нижняя их половина в кольчатых буграх, верхняя гладкая и кончается очень остро. У самцов рога толще, но и заметно короче, чем у самок. У самцов рога достигают 105, у самок 120 см*. Насколько известно, сернобык встречается только в южной Африке.

* Настоящий орикс, или сернобык, весит до 205 кг. Брем описывает окраску восточноафриканских ориксов. Южноафриканские имеют светло-кофейную или песчаную окраску корпуса.

В северо-восточной его заменяет другой очень близкий к нему вид, **бейза** (*Oryx beisa*). Это животное и есть, вероятно, «огух» древних, так как цвет его подобен «весеннему молоку». Бейза ростом не уступает сернобыку, с которым он очень схож по окраске. Основная окраска желтовато-чало-серая или желтовато-белая и у обоих полов одинакова. У самки и самца рога более или менее прямые, длиной около 1 м. Бейза водится в северо-восточной Африке приблизительно до 20 градуса северной широты.

Саблерогая антилопа, или саблерогий орикс (*Oryx dammah*). Имеет длинные и кольчатые рога, но более изогнутые, направленные наружу и назад; вследствие значительного изгиба концы их смотрят вниз. Основной цвет шерсти желтовато-белый, который на нижней части тела и на внутренней поверхности ног становится несколько светлее, а на шее переходит в рыжеватый. На голове шесть матово-бурых пятен: одно между рогами, два между ушами, два между рогами и глазами и шестое тянется полосой вдоль переносья. Старые самцы достигают более 2 м в длину, при высоте у загривка 1,3 м.

Саблерогий орикс (*Oryx dammah*)

Область распространения саблерогой антилопы обнимает всю северо-восточную часть Центральной Африки; она встречается часто в Сеннаре и Кордофана, реже в среднем и западном Судане.

не; к северу, по словам Нахтигаля, попадаетея в Тибести, а также в степи Баюда и некоторых пустынных долинах Нубии.

По образу жизни все виды сернобыка сходны между собой, но в настоящее время сделано еще мало наблюдений над их жизнью на свободе, и сведения наши об этих столь известных еще в древности животных чрезвычайно скудны.

"Сернобык, — говорит Гордон Кюмминг, — кажется, самой природой предназначен к тому, чтобы населять сухие степи южной Африки; строение его тела превосходно приспособлено к жизни в этой местности. Он обитает в таких бесплодных местах, где, кажется, и кузнечик не нашел бы себе пищи, и, несмотря на страшно жаркий климат своей родины, обходится совершенно без воды. Из собственных наблюдений и рассказов боэров я убедился, что он никогда не пьет воду, даже если бы и представился случай». В совершенно таких же условиях живут и северные сернобыки, хотя они не так равнодушны к воде, как более южные. Правда, эти стройные животные, которых благодаря их большому росту можно заметить издали, встречаются в жарких безводных степях южной Нубии и Кордофана, так что, глядя на них, недоумеваешь, каким образом они ухитряются утолять здесь свою жажду. Но в этих же местах водится много и других животных, пьющих воду, да и содержащиеся в неволе сернобыки не отказываются от питья.

Сернобыки встречаются обыкновенно парами или очень небольшими группами; часто случается видеть одну мать с телятком. Только изредка попадаются более значительные стада в 20 с лишним голов, которые видел Гордон Кюмминг*.

** Ориксы, как правило, образуют группы гаремного типа по 6-12 голов, лишь изредка объединяются в стада в сотни и даже тысячи голов. При пастьбе нередко объединяются.*

В ненаселенных местностях эти прекрасные животные не составляют редкости, но не бывают и особенно многочисленными; притом они так чутки и пугливы, что удается увидеть только очень немногих из живущих в определенной местности: они убегают обыкновенно раньше, чем всадник успеет приблизиться к ним. По моим наблюдениям, сернобыки избегают лесов; в Кордофанах они держатся исключительно в степи. Здесь богатая растительность дает им сытный корм, так что до наступления голодного времени, то есть зимы, они успевают запастись достаточным количеством жира, чтобы некоторое время прожить, питаясь кое-как сухой травой и голыми прутьями. Только попадающиеся там и сям кусты мимоз дают им тогда более свежую пищу. Объедая листья, сернобыки высоко поднимают шею и опираются передними ногами о ствол дерева, чтобы достать более высокие ветки.

Сернобыки очень быстроногие животные. Шаг у них легкий, рысь твердая, галоп тяжелый, но выносливый и равномерно ускоряющийся. Однако сернобыка, как сообщает Селус, на лошади можно загнать до такой степени, что он от усталости в конце концов останавливается. С другими антилопами сернобыки живут, по-видимому, в ладу, по крайней мере южноафриканский сернобык часто мирно пасется рядом с канной. Самцы саблерогой антилопы, как мне приходилось наблюдать лично, иногда чрезвычайно неуживчивы и в дурном расположении духа бывают очень опасны для других животных. К чести сернобыков надо сказать, что как они ни пугливы, но характером скорее напоминают быков. Рассерженные, с яростью бросаются на противника и стараются поранить его самым жестоким образом. Против нападения собак они защищаются очень ловко: наклонив рога, начинают быстро мотать головой вправо и влево с такой силой, что могут проткнуть собаку насквозь, если та не успеет вовремя увернуться. Лихтенштейн рассказывает, что один из его спутников нашел в большой степи Каррао скелеты леопарда и сернобыка, лежащие рядом. Сернобык успел убить страшного врага ударом рогов, но и сам умер от полученных ран. Гаррис полагает, нет ничего невероятного в том, что иногда и льва постигает подобная участь. В минуту опасности сернобык бросается не только на собак, но и на человека. На Гордона Кюмминга, как он пишет сам, напал сернобык, и он спасся от смерти только потому, что разбежавшееся на него животное упало за несколько шагов, истощенное от потери крови*.

** Поединки между ориксами очень ритуализованы ввиду опасного строения рогов. Отмечены случаи турнирного «фехтования» рогами, когда один из противников был безрогим. В отличие от большинства антилоп ориксы часто используют рога для обороны от хищников.*

О размножении сернобыков на свободе мы не имеем обстоятельных сведений; Вейнланд заметил, что беременность у саблерогих антилоп продолжается 248 дней**.

*** Размножение не приурочено к определенному сезону, беременность — 8-10 месяцев, рождается один, редко два детеныша.*

На сернобыков охотятся большей частью на лошадях. Гордон Кюмминг описывает яркими красками такую охоту и говорит, что он преследовал почти целый день уже раненого сернобыка,

прежде чем тот окончательно выбился из сил. Ни одна антилопа не представляет более великолепного вида, как быстро несущийся сернобык. Я сам охотился за бейзой. Два раза видел это красивое животное в марте 1862 года, а именно в Самхаре, в первый раз только одного самца, во второй раз небольшое стадо в шесть голов. Самец и другие пустились в бегство, едва завидев нас. Мы попробовали было прокрасться к ним, однако за поворотом оврага, совершенно скрывавшего нас, мы неожиданно оказались под ветром, и мгновенно животные пустились бежать. Таким образом, я убедился в том, что бейза обладает таким же хорошим чутьем, как северный олень, так как мы были на расстоянии 500 шагов от него. Случайно то же самое стадо спустя полчаса приблизилось к нам на расстояние 70 шагов, то есть на ружейный выстрел, и только особенное несчастье помешало мне убить великолепный экземпляр самца: я забыл, что дробовой ствол моего ружья был слева, пустил в стройное животное заряд дроби в плечо и был так ошеломлен своим неудачным выстрелом, что, растерявшись, не выстрелил второй раз. Хотя самец и был ранен, но он не напал на меня, как того можно было ожидать из указания Рюппеля, а довольно медленной рысью молча последовал за другими.

Степные кочевники ловят молодых сернобыков и привозят их в город с целью продать знатым туземцам или европейцам. Таким образом, во время моего пребывания в Африке я приобрел несколько представителей этого вида. Я не могу отозваться с похвалой о пленных животных. Они были ленивы, надоедливы, неуживчивы. Сернобыки хорошо переносят неволю, узнают хозяина и привыкают к нему; однако ни в каком случае им не надо доверять, так как они, как бы шутя, могут нанести опасные раны своими рогами.

Последнее время саблерогие антилопы привозились часто в Европу, где они в зоологических садах хорошо освоились с неволей и легко размножались. Не так часто встречается бейза и еще реже сернобык.*

** Продолжительность жизни в неволе до 18 лет.*

Мясо и шкура сернобыков употребляются обыкновенным образом. Из прямых рогов сернобыка и бейзы часто делают наконечники копий. Для этого ждут, пока роговая оболочка при гниении не отделится от крепких пеньков, потом снимают рога, прикрепляют их к обыкновенным древкам и оружие готово. Европейцы Капской колонии полируют рога, украшают серебряными набалдашниками и употребляют как трости.

Мендес, или аддакс (*Addax nasomaculatus*)** довольно неуклюжее животное; туловище у нее коренастое, у загривка заметно приподнятое, у крестца сильно закругленное, голова вытянута в длину, но широкая сзади; ноги сильные и довольно толстые.

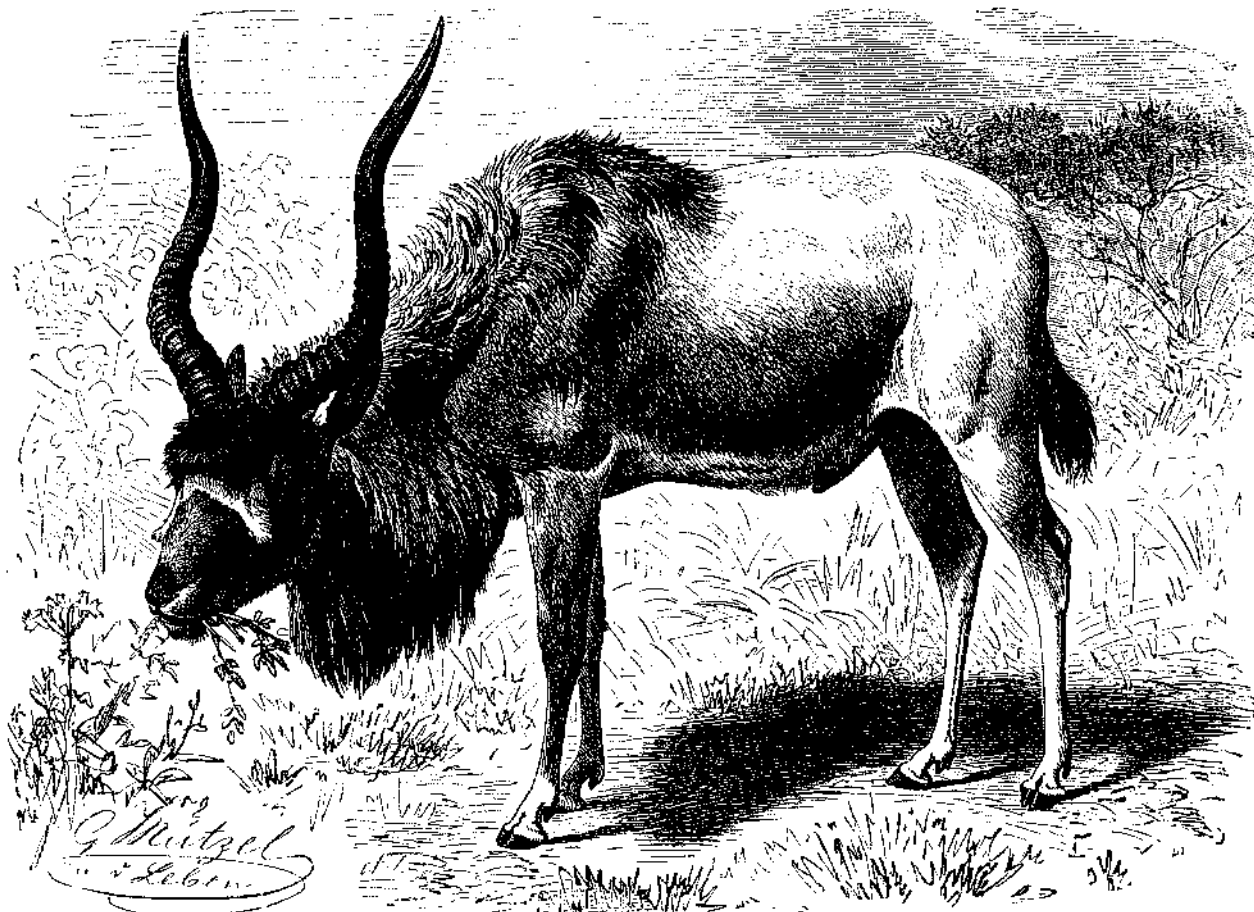
*** Аддакс — наиболее приспособленное к условиям пустыни полорогое. Исторический ареал аддакса совпадал с ареалом саблерогой антилопы. В настоящее время сохранился в изолированных участках на территории Алжира, Судана, Мали, Мавритании, Чада. Выращенные в неволе животные акклиматизированы в национальных парках Ближнего Востока. Современная численность неизвестна, очевидно, снижается, вид включен в Красную книгу МСОП.*

Шерсть густая и, за исключением некоторых мест, короткая и жесткая. Спереди рогов у корня их имеется хохол, свешивающийся на лоб; от ушей до затылка тянется полоса длинных волос; переднюю часть шеи украшает длинная грива. Бурый цвет шерсти на голове, шее и гриве довольно резко отделяется от основного желтовато-белого. Под глазами тянется широкая полоса, позади глаз, равно как и на верхней губе, белые пятна; кисть на довольно длинном хвосте состоит из белых и бурых волос. В холодное время года желтовато-белый цвет шерсти постепенно переходит в серый. У самца цвет шерсти темнее и грива больше, чем у самки. Молодые животные бывают совсем белые. Длина туловища 2 м, высота у загривка более 1 м. Рога, направленные вверх и назад, образуют два винтовых поворота, постепенно расходятся кверху, с самого основания обхвачены кривыми, не совсем правильно расположенными кольцами числом от 30 до 45; на последней трети, впрочем, они прямые и совершенно гладкие*.

** Из-за строения рогов и белой полосы на морде аддакса относили к винторогим антилопам. Сейчас считается, что он ближайший родственник ориксов. Отличается от ориксов неуклюжим сложением, чем-то напоминающим сложение северного оленя. В холке аддакс достигает 115 см, весит до 125 кг.*

Аддаксы водятся во внутренних странах северной Африки к югу от 18 градуса северной широты, начиная от стран, орошаемых Нилом, до области озера Чад. Они живут в самых сухих местах, где, по уверению кочевников, на огромном расстоянии нет ни капли воды; если можно доверять этим людям, то аддаксы в состоянии обходиться без воды по целым месяцам. Они робки и пуг-

ливы, как и другие антилопы, проворны и неутомимы на бегу. Из животных их преследуют только гиены и каракал; зато с особенным усердием на них охотятся туземные знатные особы.

Аддакс, или мендес (*Addax nasomaculatus*)

Повелители кочевников и бедуинов считают мендес-антилопу одним из благороднейших животных и охотятся на них не только из-за мяса, а чтобы испытать быстроту своих лошадей и борзых собак, а также чтобы добыть молодых животных и затем приручить их.

Охотники числом 12-15 человек берут с собой слуг, палатки, превосходных борзых и ученых соколов. Как только завидят стадо аддаксов или других антилоп, живущих в этих местах, стараются незаметно приблизиться к ним. Подъехав довольно близко, слуги соскакивают с верблюдов или лошадей и, держа собак на длинной сворке, зажимают им рты, чтобы они не лаяли. Потом указывают умным животным на находящуюся еще вдали дичь и, наконец, разом спускают всех со сворки. Едва только успеют это сделать, благородные собаки пускаются стрелой по равнине, и вся кавалькада несется за ними, ободряя и воодушевляя их разными ласковыми словами: «О, брат мой, о друг мой, о господин мой, спешి, быстроногий, спеши! Они там, спеши, мой возлюбленный, беги, несравненный!» За льстивыми словами следуют угрозы, похвалу сменяет брань, смотря по тому, нагоняет собака антилопу или последняя удаляется от нее. Антилопа старается убежать от врага, бросается то вправо, то влево, прыгает через собаку, отскакивает назад. Собака перерезает ей дорогу и нагоняет, все ближе и ближе. Наконец антилопа останавливается и выставляет рога; но в тот самый момент, когда она пригибает голову к земле, чтобы нанести опасный удар своему противнику, собака хватается ее за шею, валит на землю и перегрызает затылок или артерию. Такая охота часто продолжается несколько недель. Охотники питаются убитой дичью, которая иногда бывает так обильна, что они почти каждый день могут посылать нагруженного верблюда к своим палаткам, чтобы поделиться добычей с женами и детьми.

Живых мендес-антилоп часто привозили в Европу и содержали в зоологических садах. Характером они напоминают своих близких родственников сернобыков. Они так же капризны и неуживчивы, как и последние. Впрочем, бывают и исключения.

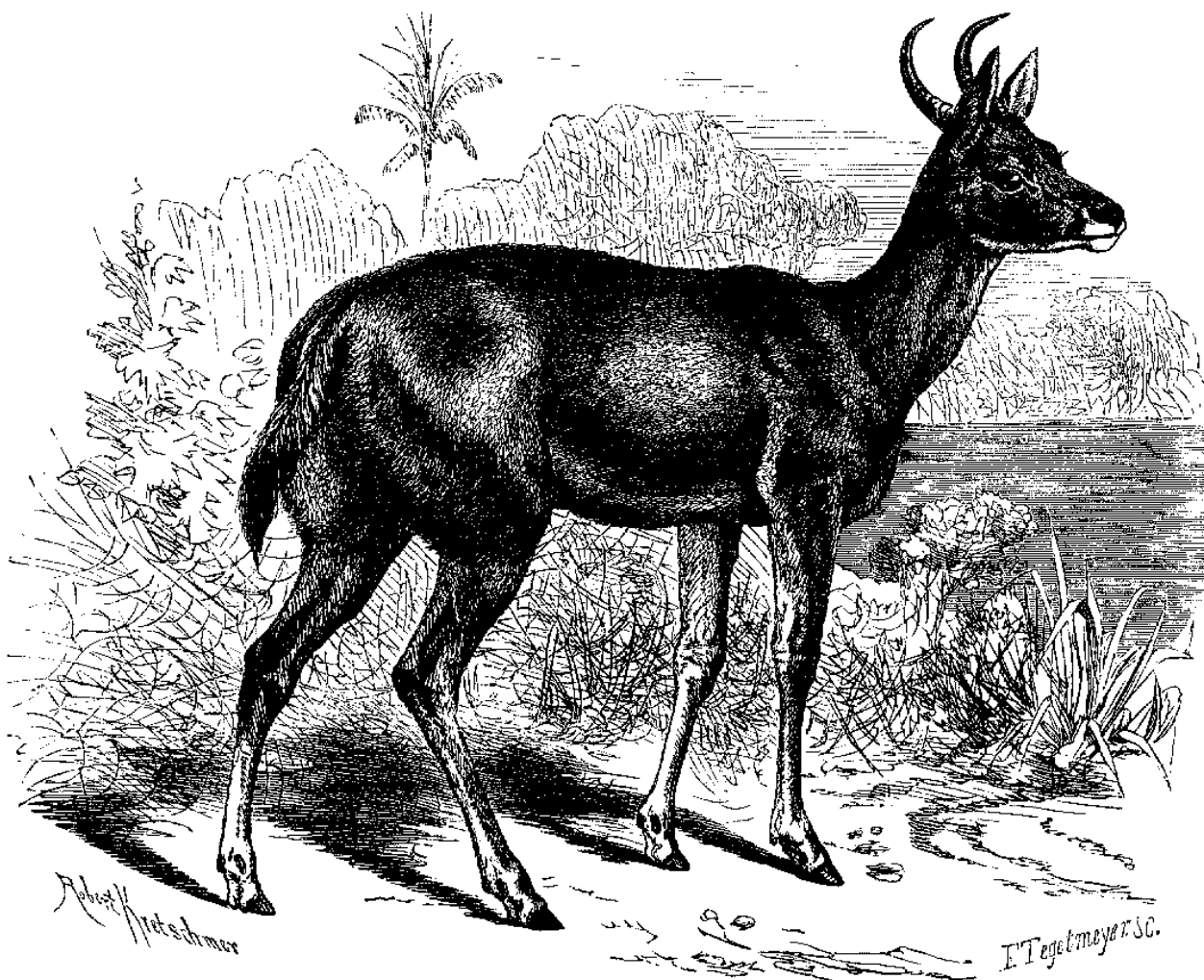
Болотные антилопы имеют сходство с газелью. Это большие или средней величины антилопы, коренастые, с довольно длинным хвостом; рога, сидящие низко почти над глазами, есть только у самцов; они круглые, у основания кольчатые, концы их загнуты вперед. Слезные ямки выражены неясно. У самки четыре соска*.

* В подсемействе болотных антилоп, или водяных козлов (*Reduncinae*), насчитывают 3-4 африканских рода с 9 видами. Эти полорогие держатся у воды, хорошо плавают и ныряют, некоторые виды могут пастись по плечи в воде.

Из принадлежащих к этому роду антилоп наиболее известен **большой болотный козел, или большой редунка** (*Redunca arundinum*). Это красивое животное имеет вместе с хвостом 1,4-1,5 м в длину; высота его у загривка около 95 см, а у крестца 80 см**.

** *Большой редунка весит 55-80 кг.*

Болотный козел похож на нашу косулю, но сложен несколько стройнее. Длинные, большие, узкие и заостренные уши с обеих сторон покрыты густыми волосами, копыта средней величины, несколько выпуклые, шпорцы плоские. Хвост умеренной длины, покрыт чрезвычайно густыми волосами. Довольно короткая и густая шерсть лежит не так гладко на теле, как у других антилоп; она удлиняется на брюхе, на задней стороне плеч, а также на передней части шеи до груди. На середине спины, внизу передней части шеи и на темени волосы образуют вихры. Спина и бока у болотного козла имеют рыжеватую серо-бурую окраску; передние ноги внизу и с внутренней стороны белые. Хвост сверху чадо-бурый, снизу белый; копыта и побочные копытца черные. Иногда встречаются экземпляры, у которых цвет более желтоватый или более рыжеватый. Самка отличается отсутствием рогов и меньшим ростом. У самцов рога достигают длины 30, редко 40 см; они загнуты вперед, расходятся в стороны и почти до самых концов покрыты небольшими кольчатыми утолщениями.

Обыкновенный редунка, или болотный козел (*Redimca arundinum*)

Болотный козел водится в южной и восточной части центральной Африки*.

* *Большой редунка водится только к югу от экватора, болота же Верхнего Нила населяет обыкновенный редунка (*R. redimca*). Биология всех редунок схожа — они активны в основном утром и вечером, половозрелы с 1,5 года, доживают в природе до 10 лет.*

Эти животные держатся обыкновенно попарно в зарослях кустарника вблизи озер и болот, встречаются также в зарослях ситника, тростника и высокой осоки, растущей во временно пересыхающих реках. Болотный козел редко показывается на открытых местностях, его не часто удается встретить, хотя он и принадлежит к числу весьма распространенных видов.

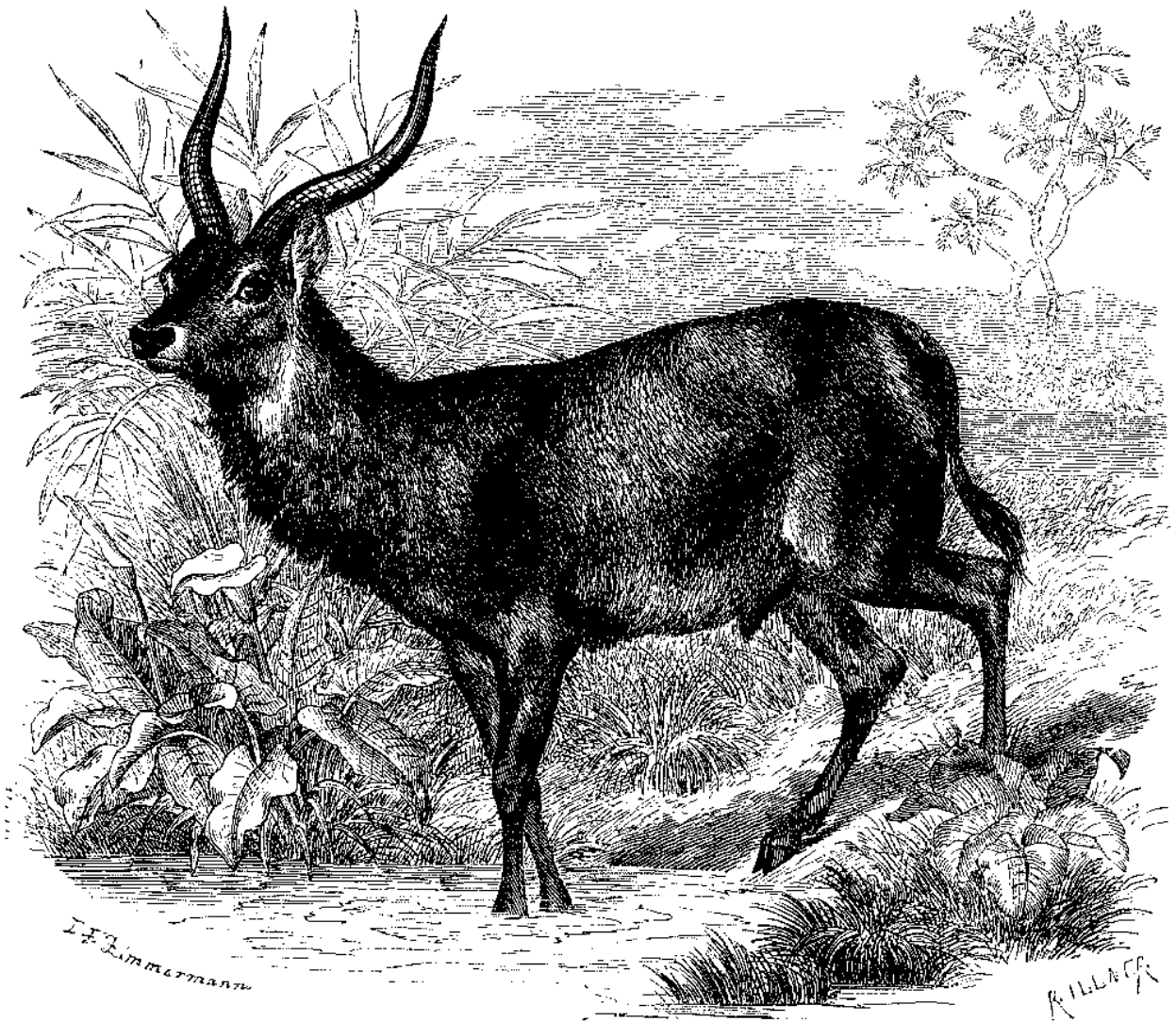
Вот что сообщает о его образе жизни Драйсон: «Обыкновенно болотный козел лежит, спрятавшись, в осоке и дает подойти к себе очень близко; спугнутый, он отбегает на небольшое расстояние, останавливается и оглядывается на преследователей. При этом чихает особым образом, что, вероятно, должно служить предостережением другим находящимся поблизости антилопам. Этот звук часто бывает причиной гибели животного, указывая охотнику на его присутствие. Болотный козел очень любит молодые всходы посевных злаков, за что кафры его глубоко ненавидят, всячески стараются прогнать. Если им на охоте удастся уничтожить хотя бы одного болотного козла, они будут чрезвычайно довольны результатом, так как ни о чем не заботятся более, чем о защите своих полей от этого животного. Мне не раз случалось приобрести дружбу целой деревни, застрелив несколько козлов, которые досаждали жителям в продолжение нескольких недель.

Селус утверждает, что болотный козел до сих пор встречается во внутренней части южной Африки всюду, где есть низменные луга и воды, богатые тростн и кам и. Большая частью эти животные держатся попарно. Редко попадают вместе более 3-4 голов, в таких случаях обыкновенно двое из них еще молодые. Козлы никогда не встречаются вдали от воды, но выбирают всетаки сухие места, а не болота и трясины; когда их преследуют и загоняют к воде, они иногда не решаются переправиться даже через очень мелкие места. Когда встревожены или испуганы, то, подобно сернам, выпускают резкий свист.

Водяной козел (*Kohiis ellipsiprymrms*) — красивое животное ростом почти с оленя; имеет 2 м в длину вместе с хвостом, на который приходится около 50 см, и 1,3 м в высоту у крестца*.

* *Водяной козел наиболее крупный представитель подсемейства, самцы весят до 2 70 кг. Широко распространен в Африке к югу от Сахары.*

Жирные и жесткие волосы короткие и чрезвычайно густые только на маковке, губах, наружной стороне ушей и ногах; на всем же остальном туловище они длинные и косматые. Преобладающий цвет меха серый, только кончики волос бурые. На голове, туловище, хвосте и бедрах мех имеет рыжий или рыжевато-бурый оттенок. Самка сложена менее плотно, чем самец, и отличается более бледной окраской. Довольно толстые рога, которыми обладают одни самцы, изогнуты у основания слегка назад, затем вперед и наружу, концы их снова сближаются; измеренные по кривизне, они имеют около 80 см в длину и почти до самых концов покрыты толстыми кольчатыми утолщениями с острыми краями.

Водяной козел (*Kohiis ellipsiptymnus*)

А. Смит встречал эту антилопу маленькими стадами в 8-10 голов по берегам рек южной Африки, к северу от Куррихано. Гейглин и после него Швейнфур познакомились с водяным козлом, путешествуя по северо-восточной части центральной Африки, а Пехуель-Леше встречал его в довольно большом количестве в западном Конго, а нередко также и в других местностях Нижней Гвинеи и Верхней Гвинеи по реке Вольта. Вероятно, он водится во всей восточной Африке. В каждом стаде находятся два или три самца, но из них только один вполне взрослый, который, по-видимому, не терпит соперников.

Несмотря на неуклюжее сложение, вид водяного козла производит приятное впечатление. У него живые глаза, выражающие сознание собственного достоинства, движения грациозны. Пока он пасется, выглядит неповоротливым; но когда встревожен, в наружности его появляется какая-то представительность и даже величавость, особенно когда он высоко поднимет голову. По наблюдениям Гейглина, водяной козел — не настоящее болотное животное и держится главным образом в высоких зарослях тростника, иногда в рост человека. Он имеет обыкновение взбираться на постройки термитов и с высоты осматривать болотистые владения; но благодаря этой привычке, часто выдает свое присутствие; впрочем, когда он пробирается среди кустарника, его также нетрудно заметить, так как белые пятна на бедрах резко выделяются на темном фоне листвы. Он не особенно пуглив и обыкновенно подпускает к себе охотника на довольно близкое расстояние. Вожак стада, заметив опасность, тотчас бросается бежать стремительным галопом, а вслед за ним несется и все стадо, направляясь обыкновенно к воде, добрав до которой животные кидаются с разбегу в волны.

В южной Африке, как сообщает Селус, преследуемые водяные козлы спасаются, бросаясь в роду. Но в западной Африке они не везде привычны к воде. Здесь, по сообщению Пехуеля-Леше, они часто встречаются далеко от воды в совершенно сухих и скалистых местах, а также на крутых склонах холмов, по которым лазают с большой ловкостью. Когда они убегают от охотника, то прячутся в густой траве, в поросших кустарником лощинах или оврагах. Обыкновенно водяные козлы

держатся стадами по 3-8, иногда по 15-20 голов, редко число их достигает 30. Стадом всегда предводительствует старая самка, а не самец*.

** В период наводков водяные козлы собираются большими стадами на возвышенных местах (так называемый лек), где обычно происходят брачные турниры и спаривание. После спада воды возвращаются в пойму. Самки рожают одного детеныша, который становится самостоятельным в 6-8 месяцев. Самки могут приступить к размножению в возрасте 1-1,5 года, самцы — в возрасте 3-4 лет, когда обзаведутся индивидуальным участком. Продолжительность жизни до 19 лет.*

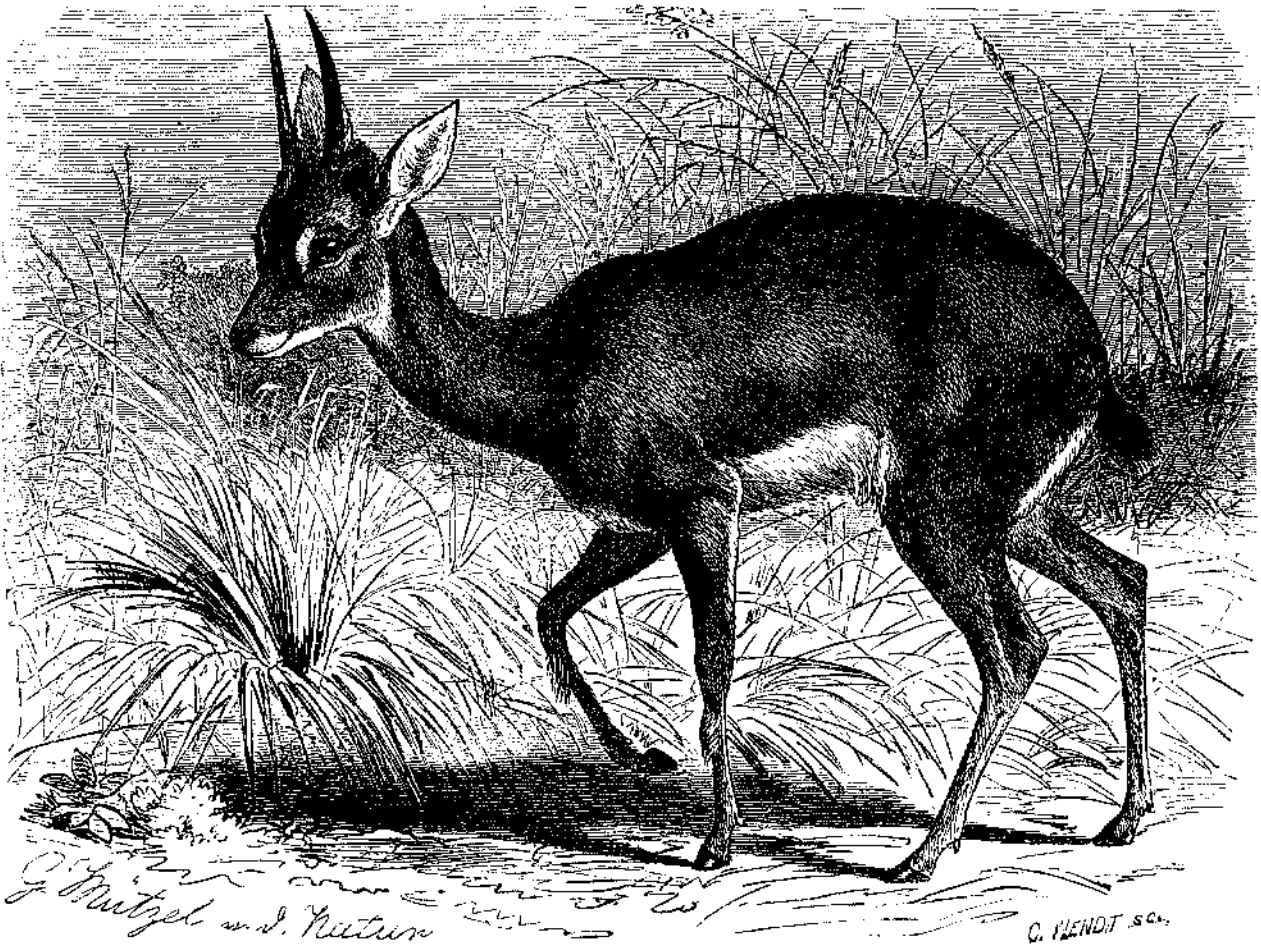
В большом стаде самок бывает гораздо больше, чем самцов; из самцов только один — большой и сильный, два или три других — еще слабые. Окраска у отдельных особей бывает различной: то чалой, то рыжей, то серебристо-серой или темно-серой; встречаются одинокие старые самцы с почти совершенно черным мехом. Чтобы успешно охотиться за водяным козлом, надо быть отличным стрелком, так как если его сразу не убить наповал, то он убегает очень далеко и пропадает для охотника, которому трудно преследовать его по болотам и густым зарослям тростника или кустарника.

Говорят, что мясо водяного козла невозможно употреблять в пищу, так как оно жестко, волокнисто и имеет сильный неприятный запах, из-за которого от него отказываются даже голодные кафры. Гаррис уверяет, что иногда этот дурной запах заставлял его бросить убитую им антилопу, так как он был не в состоянии снять со своей добычи шкуру. Швейнфурт, напротив, находил, что нежное, хотя и нежирное мясо молодых животных очень вкусно. Селус, подобно Гаррису, считает мясо водяного козла очень плохим и утверждает, кроме того, что жир этого животного имеет неприятное свойство прилипать во рту, если его не есть совершенно горячим.

Ориби (*Ourebia ourebi*). Это животное едва ли меньше нашей косули: длина 1,1 м, высота у загривка 60 см, а в крестце немного выше. Оно поражает изяществом и правильностью телосложения. Окраска светло-рыжая или светло-бурая на верхней части тела и почти белоснежная на животе и на внутренней стороне конечностей. Маленькие рога, встречающиеся лишь у самцов, поднимаются почти прямо и достигают 12 см. Они загибаются сначала назад, затем немного вперед; у основания имеют около 9 колец. На передних конечностях от коленного сустава опускаются довольно длинные пучки волос. Хвост короткий и оканчивается кистью. Родина ориби — южная Африка, но Селус находил их и севернее долины Замбези*.

** Ориби самый крупный представитель группы карликовых антилоп. Ориби весит до 20 кг, широко распространен в саваннах и редколесьях Африки к югу от Сахары.*

Жизнь ориби Драйсон описывает следующим образом: «Большинство животных, в особенности антилоп, избегают человека, и крупные виды их в Капской земле предпочитают селиться на сотни миль от жилища плантаторов. Однако между ними встречаются и такие, которым, по видимому, чужд страх перед злейшими их врагами; они так привязываются к своей родине, что живут там до последней возможности или до тех пор, пока за доверие не заплатят своей жизнью.

Ориби (*Ourebia ourebi*)

Очень вероятно, что некоторые места удобны для обитания этих животных: когда одних истребляют, на их место приходят другие. То же самое можно сказать и об ориби. Это милостивое красивое животное водится в самом близком расстоянии от жилища человека. Охотник, бродя по своим владениям, может убить всех ориби, которые ему попадаются. Но ему не надо ждать и пяти дней, чтобы снова найти дичь. Если он по прошествии этого времени снова выйдет на охоту, то увидит много маленьких антилоп, которые опять поселились вокруг деревень. Ориби встречаются обыкновенно парами в долинах; даже если их преследуют, они редко пытаются скрыться в кустарнике или в лесу. Их обыкновенным местожительством служит высокая трава или же склоны холмов, богатые ущельями, где они скрываются между скалами и камнями*.

** Ориби обитает в самых разных ландшафтах, в горы поднимается до 3000 м. Питается травянистой растительностью, в меньшей степени листьями и побегами деревьев и кустарников. Активна утром и вечером, при тревоге издает протяжный свист. Беременность длится месяцев, единственный детеныш рождается в Южной Африке в сентябре — декабре. Выкармливание молоком длится 4—5 месяцев, половозрелость наступает с 1,5 года. Продолжительность жизни ориби 8-12 лет.*

Способ бегства ориби, когда они потревожены, поистине может привести в восторг. Они бегут с большой скоростью и вдруг подсакивают на метр в воздух, потом снова бегут, подсакивают еще раз и т. д. Делают они это, должно быть, с намерением лучше осмотреть ближайшие окрестности, так как слишком малы, чтобы видеть через траву. Опускаясь на землю, животное становится сначала на задние ноги. Иногда ориби подсакивает несколько раз подряд, в особенности если заметит при первом прыжке какой-нибудь подозрительный предмет; тогда неопытному глазу может показаться, что это существо одарено крыльями и имеет способность держаться в воздухе. Если, например, собака напала на его след и бежит за ним по высокой траве, то ориби подпрыгивает несколько раз подряд, внимательно поглядывая в ту сторону, откуда приближается преследователь, вдруг делает крюк и теряется из вида врага. Вспугнутый ориби в первые минуты своего бегства проделывает то же по земле, что поднявшийся бекас по воздуху. Он бросается зигзагами из стороны в сторону, с быстротой молнии пролезает или перескакивает через траву и, прежде чем охотник успеет прицелиться, бывает от него шагах в ста. Хорошие охотники бьют этих антилоп крупной дробью. В первые дни я следовал их примеру, но потом нашел, что лучше употреблять вместо дробы

пулю. Там, где трава достигает высоты двух метров, я охотился на лошади, чтобы видеть животное. Именно такому способу охоты я обязан тем, что мог наблюдать за этой дичью».

Антилопа-прыгун (*Oreotragus oreotragus*) представляет особый вид. Это прелестное животное занимает среднее место между серной и некоторыми маленькими видами коз. Тело сжато, шея короткая, голова тупая и закругленная, хвост очень короткий, конечности низкие и несколько неуклюжие; очень длинные широкие уши; большие глаза. Высокие раздвоенные копыта на концах сплюснуты, снизу кругло отточены; мех грубый, жесткий и очень густой. Вот наиболее существенные признаки этого животного. У самца короткие, прямые, черные рога, достигающие 10 см в длину и прямостоящие на голове, имеют у основания ясные кольца. Общей окраской сасса похожа на нашу косулю. Длина животного около 1 м, высота около 60 см**.

* * *Антилопа-прыгун, называемая в разных местностях «клипшпрингер», «сасса», «горный скакун», отличается серовато-бурой окраской, вертикально поставленными рожками длиной до 16 см.*

"Я часто замечал, — говорит Гордон Кюмминг, — на дне пропасти, двух или трех этих привлекательных созданий, лежащих обыкновенно друг около друга на большом плоском выступе скалы, защищенном тенью дерева от палящих лучей полуденного солнца. Если я вспугивал их, то они во время бегства делали невероятные скачки с упругостью резинового мяча со скалы на скалу, через пропасти и ущелья, и всегда с необыкновенным проворством и уверенностью». Насколько мне известно, Рюппель первый настойчиво утверждал, что сасса и антилопа-серна — одно и то же животное.

Антилопа-прыгун (*Oreotragus oreotragus*)

До его научного путешествия по Абиссинии не имелось сведений о том, что эта антилопа встречается в таких северных местностях; по крайней мере все натуралисты указывали на южную Африку как на родину антилоп-серн. Впоследствии Бем находил их также в западной Африке.

Антилопа-прыгун, или сасса, встречается на довольно высоких горах; на земле богосов достигает приблизительно 600-2000 м* над уровнем моря.

* *Прыгучи мозаично распространен от Северо-Восточной до Центральной и Южной Африки, придерживаясь выходов скал на равнинах и засушливых гор.*

Они живут парами, как и хохлатая антилопа, но все-таки встречаются маленькие стада, состоящие из трех и даже четырех голов; это или семейство с детенышем, или две пары, соединившиеся и пасущиеся некоторое время вместе. В хорошую погоду каждое такое стадо отыскивает по возможности самые возвышенные места, при продолжительных же дождях спускается глубже в долину. Утром и вечером парочки взбираются на скалистые утесы, охотнее всего на такие, которые ближе к вершине горы, и стоят там, тесно сдвинув ноги, как часовые по целым часам без движения. Пока трава еще мокрая от росы, они бродят по скалам и кряжам, во время же полуденного зноя находят убежища под деревьями или под большими скалами. Особенно любят они тенистые выступы, с которых открывается широкий вид. Время от времени по крайней мере одна из них появляется на ближайшей вершине, чтобы осмотреть окрестность. Каждая пара придерживается избранного места с большой привязанностью.

Пища антилоп состоит из мимоз и других древесных листьев, трав и сочных альпийских растений; едят они утром и после полудня до позднего вечера. В это время сассу совсем не видно между кустами молочая или в высокой траве вокруг каменных глыб. Напрасно охотник старается найти и без того труднозамечное животное. Но зато ранним утром ее хорошо видно издали благодаря чистоте горного воздуха и в особенности благодаря занимаемой ею позиции на самых высоких камнях.

Нельзя сказать, чтобы сасса была особенно пуглива, поскольку абиссинцы мало охотятся. Вспугнутые, они показывают все свои дарования. С быстротой птицы эти проворные создания перепрыгивают с одного уступа на другой, по самым крутым скалам и мимо страшных пропастей, карабкаясь с одинаковой ловкостью как вверх, так и вниз. Малейшая неровность достаточна ей, чтобы крепко поставить ногу. Ее движения при всевозможных положениях одинаково верны и скоры. Больше всего удивляешься, когда сасса бежит вверх на гору. Тело кажется еще более сильным, чем обыкновенно, конечности будто выкованы из упругой стали, каждый их мускул напряженно работает. При прыжке животное подлетает высоко в воздух; оно то скрывается из глаз, то снова показывается и опять исчезает между камнями или высокими растениями, которые покрывают склоны ущелий. В странах, где огнестрельное оружие не общеупотребительно, животные сначала обращают мало внимания на пальбу, особенно серны, которые, вероятно, так привыкли к грохоту и треску скатывающихся с гор камней, что выстрелы едва ли тревожат их. Время вывода детей у сассы, кажется, в Абиссинии совпадает с началом больших дождей. В марте я встретил парочку, которую сопровождал почти полугодовалый детеныш. Подробнее абиссинцы ничего не могли мне рассказать, хотя сасса всем хорошо известна*.

* *Социальные отношения и биология прыгуна сходны с ориби.*

Единственная антилопа-прыгун, которую я видел в зоологическом саду, жила в 1875 году в Берлине. Надо заметить, что она, должно быть, попала под присмотр людей еще новорожденным теленочком, так как по доверчивости ее можно было сравнить только с самыми кроткими домашними животными.

Газели стройные, чрезвычайно миловидные антилопы с кольчатыми лировидными рогами, слезными ямками, паховыми железами, длинными острыми ушами, маленькими шпорцами. У самок два соска; хвост короткий и с пучком волос на конце; пучки волос имеются еще только на запястье. У обоих полов есть рога**.

* * *Подсемейство газелевых (Antilopinae) охватывает помимо мелких форм, обычно называемых «газелями», два вида крупных антилоп — импалу и гарну. Газелевые распространены не только по всей Африке, но и в открытых пространствах Азии вплоть до Сибири, Китая, Тибета и Индии. Животные стройного, легкого телосложения, обычно светлой, рыжеватой или бежевой окраски. У самок рога развиты слабо или отсутствуют.*

Газель представляет в пустыне прекрасную картину, она с давних пор вдохновляла восточных поэтов, увлекательно воспевавших это прелестное создание. Даже пришелец с Запада, если ему удастся увидеть газель на свободе, понимает, отчего она бывает так бесконечно дорога жителю Востока: ему передается часть того восторга, который заставляет восточного поэта посвящать ей

самые восторженные хвалебные гимны, вытекающие в звучных рифмах. Сын пустыни сравнивает глаза женщины, покорившей его сердце и зажегшей в нем страсть, с глазами газели; стройную белую шею, вокруг которой обвиваются его руки в часы любви, он называет шеей газели; благочестивому человеку это изящное создание служит символом, выражающим стремление его сердца к возвышенному — словом, газель своей красотой околдовывает всякого. Древние египтяне посвятили газель величественной Изиде и приносили ее детенышей в жертву этой богине. Автор «Песни песней» подразумевает газель под именами «серна» и «полевая лань». Арабские поэты всех времен не находят слов, чтобы достойно описать газель; самые древние литературные памятники этого народа восхваляют ее, а уличные певцы и ныне прославляют ее красоту.

Гарна (*Antilope cervicapra*), в Индии называется также «гирун», играет важную роль в индийской мифологии. В индусских знаках Зодиака она занимает место Козерога, и наряду со многими другими животными посвящена богине Чандра, или Луне. Она немного меньше, стройнее и гораздо изящнее нашей лани. Длина туловища 1,2-1,3 м, длина хвоста 15 см, высота у загривка 80 см. Цвет шерсти изменяется, смотря по возрасту и полу. У старых самцов шея, спина и бока имеют темную буро-серую окраску. У самок окраска гораздо светлее — чало-бурая, по бокам как бы полинялого темного желтовато-грязного цвета. Молодые животные отличаются от старых более рыжеватым оттенком. Рога, существующие только у самцов, достигают 40-50 см и лишь изредка 60-65 см; они слабо винтообразно закручены, большей частью 3 или 4 раза, иногда, впрочем, и 5 раз. У основания сближены, концы удалены друг от друга на 30-40 см*.

* *Гарна (буквально «антилопа оленекоза») нетипичный член подсемейства газелевых, хотя бы из-за винтообразно изогнутых рогов самца и резкого полового диморфизма в окраске (взрослые самцы черно-белые, самки песчаного цвета). Самки гарны весят 25 кг, самцы — 45 кг.*

Гарна живет в открытых, низменных местностях Индостана, кроме нижней Бенгалии и Малабарского берега; по Стерндалю, она не встречается западнее Инда, но к востоку попадает до Ассама. Обыкновенно гарны собираются в стада до 20-30, а часто и до 40-60 голов, Жердон видел стада, как он думает, в несколько тысяч голов, а Скотт сообщает даже о стаде в 8-10 тысяч голов. Вероятно, эти животные, как и африканские антилопы, в случае нужды собираются в большие стада, когда отправляются на водопой или на пастбище**.

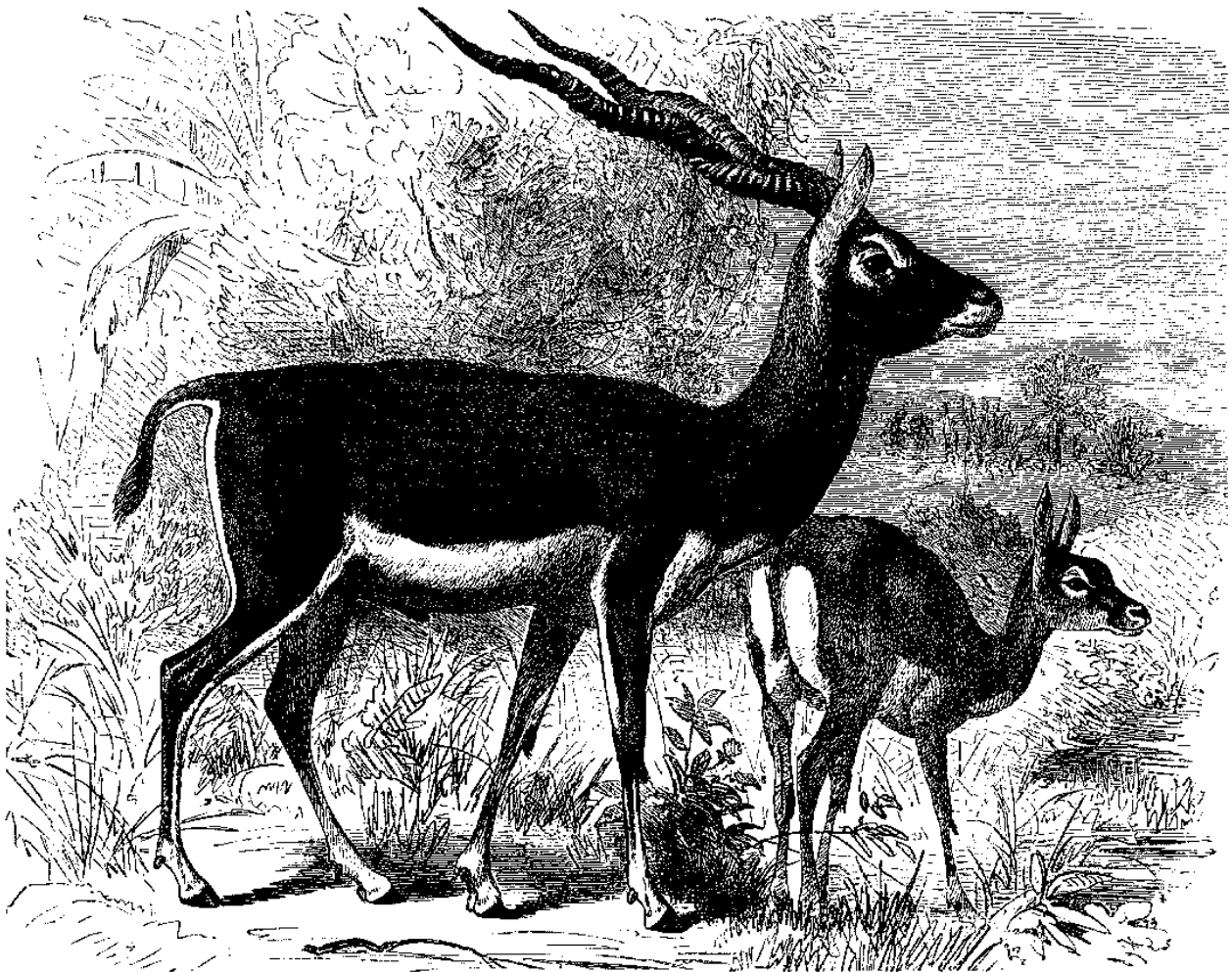
* * *Гарна держится группами в 5—10 голов. Это семьи «гаремного» типа или объединения холостых самцов. Характерны небольшие кочевки, обычно зимой.*

Гарны предпочитают открытые местности густым зарослям, так как они чрезвычайно осторожны. Вильямсон рассказывает, что когда стадо пробиралось на какое-нибудь излюбленное пастбище, то всегда вперед отправляются несколько молодых самцов и старых самок. Эти сторожа особенно внимательно осматривают кусты, за которыми мог бы спрятаться охотник. «Было бы нелепо, — уверяет наблюдатель, — натравливать на них борзых, потому что успеха можно ожидать только тогда, когда застанешь их врасплох; в противном случае гарны моментально обращаются в бегство и скрываются с поразительной быстротой. Высота и длина их прыжков приводит всякого в изумление: они поднимаются более чем на 3 метра от земли, а длина скачков равняется 6-10 метрам, так что кажется, будто они издеваются над собаками». Поэтому индийские князья и не пробуют охотиться с собаками, а пускают на них соколов и охотничьих леопардов. Эти красивые антилопы питаются злаками и сочными травами. Они могут долгое время обходиться без воды.

Для спаривания, по-видимому, нет определенного времени; оно может происходить во все времена года, смотря по местности. Через 9 месяцев после спаривания самка рождает одного вполне развитого детеныша, прячет его в продолжение нескольких дней в кустах, старательно кормит и затем приводит в стадо. Самки способны к размножению со второго года, а самцы не раньше, чем с третьего. Гарны чрезвычайно плодовиты. Во Франкфурте, как сообщает Гааке, первый детеныш родился у самки в октябре 1888 года, а в июле 1890 года третий детеныш был уже почти взрослым животным; притом еще до его рождения новое поколение тоже начало размножаться***.

* * * *В период размножения самцы отстаивают участки и «своих» самок в поединках. Самка способна приносить 2 помёта по 1—2 детеныша в год. Половозрелость наступает в 1-1,5 года. Продолжительность жизни 8-9 лет в природе и до 15 в неволе.*

В Индии злейшими врагами гарны являются тигр, пантера и волк. Индусы ловят ее оригинальным способом. Для этой цели употребляют ручного самца, которого пускают в стадо диких антилоп, навязав ему на рога веревку со многими петлями. Как только чужой самец появится в стаде, вожак вступает с ним в драку, в которую вмешиваются и самки; при этом несколько антилоп обыкновенно запутываются в петлях веревки, мечутся во все стороны и в конце концов падают.

Гарна (*Antilope cervicapra*)

Европейцы охотятся на гарн с ружьем, и притом стараются подкрасться к вожаку стада, отличающегося красивыми длинными рогами. Вожак убегает последним, когда стадо, обеспокоенное чем-нибудь, покидает пастбище. Застигнутые врасплох, антилопы не всегда ищут спасения в бегстве, а умеют хорошо и скоро прятаться в густом кустарнике, причем они так тихо лежат там, что охотнику, по свидетельству Вальтера Эллиота, нелегко разыскать их. Жердон подтверждает это наблюдение, а Стерндаль рассказывает, что один самец, преследуемый им, прыгнул даже в воду и, нырнув, старался спрятаться в тростнике. Тот же наблюдатель сообщает, что гарны не любят покидать свое пастбище и упорно возвращаются на него даже тогда, когда их отгонят оттуда на расстояние нескольких миль.

Пойманные смолоду, животные становятся ручными. Они чувствуют себя лучше, если им предоставляют много простора. В больших парках гарны представляют прекрасное зрелище благодаря своей миловидности и грациозности и становятся здесь более ручными, чем в загородках, где самцы бросаются иногда на своих сторожей и наносят им удары рогами. В Индии гарн часто приручают как священных животных; уход за ними поручают женщинам, которые поят их молоком. Только брамины имеют право есть мясо священных антилоп. Из рогов изготавливают особое оружие, крепляя основания железными или серебряными шипами. Это оружие носят как палку и употребляют в качестве дротика*.

* *Животные предпочитают открытые засушливые ландшафты, распространенные в основном на северо-западе Индии. В настоящее время их численность и ареал сокращаются из-за охоты, перевыпаса домашнего скота, развития земледелия в аридной зоне.*

Безоаровые камни, извлекаемые из желудка этой антилопы, считаются чрезвычайно действенным лекарством.

Газель доркас (*Gazella dorcas*) ростом меньше нашей косули, но сложена гораздо изящнее и стройнее, а также красивее окрашена. Старые самцы достигают 1,1 м в длину, а с хвостом и 1,3 м; их высота у загривка 60 см**.

** *Газель доркас (*Gazella dorcas*) один из видов мелких светлоокрашенных пустынных газелей. Масса в пределах 20-23 кг.*

Туловище плотное, но кажется стройным благодаря высоким ногам; спина слабо изогнута, у крестца выше, чем у загривка, хвост сравнительно длинный, с густыми волосами на конце. Ноги чрезвычайно нежные и стройные, с изящными копытами. Шея вытянутая, голова средней величины, сзади она широкая и высокая, спереди несколько суживается, а у морды слегка закруглена; глаза большие, огненные, оживленные, с почти круглым зрачком; слезные ямки средней величины. Преобладающая окраска песчано-желтая, на спине и ногах переходящая в более или менее темную красно-бурую. По обеим сторонам тела тянется еще более темная полоса и отделяет ослепительно белую нижнюю часть тела от темной верхней. Как у самцов, так и у самок рога обращены вверх и назад, если смотреть на них спереди, то они напоминают древнюю лиру. Рога у самца больше, кольчатые бороздки на них выражены яснее, чем у самки. С возрастом годичные кольца на рогах все более и более продвигаются к концам; у очень старых самцов они доходят до самых концов, вероятно, потому, что рога постепенно стираются. Кольца эти только приблизительно говорят нам о возрасте газели; у воспитанного в неволе самца, которому шел только второй год, было уже пять колец на еще очень коротких рогах.

Газель встречается от Марокко до Аравии и Сирии и от берегов Средиземного моря до Абиссинских гор и степей внутренней Африки. Местопребыванием ее можно считать всю пустыню и окружающие ее степи. На Абиссинских горах, как свидетельствует Гейглин, она достигает не более чем 1500 м над уровнем моря*.

** Этот вид распространен в Северной Африке, включая всю Сахару и Синайский полуостров. В горах Эфиопии он не встречается.*

Чем степь богаче растительностью, тем чаще встречается это животное, но при этом следует напомнить, что место, богатое растительностью, по понятием жителей северо-восточной Африки, далеко не то же, что по нашим. Мы бы очень ошиблись, если бы предполагали найти газель постоянной обитательницей действительно плодородных долин; в такие места она забегает только изредка и, по-видимому, если к этому вынуждена**.

*** Довольно много газелей разных видов населяют богатые зеленым кормом травянистые и кустарниковые саванны тропической Африки.*

Ее любимые места — мимозовые рощи, а еще более те песчаные местности, где ряды холмов сменяются долинами, а мимозы рассеяны повсюду, не образуя густых зарослей. Газель попадает и в травянистых степях, притом иногда в больших количествах, но и здесь она предпочитает местности, поросшие редким кустарником***.

**** Настоящие газели (род *Gazella*) поедают листву и ветки кустарников а деревья лишь при (отсутствии травянистой растительности).*

Большинство пустынных газелей, довольствуясь влагой, содержащейся в зеленом корме, могут долго обходиться без воды.

Каждый путешественник, которому приходится бывать в пустыне, хотя бы только в продолжение нескольких часов, может увидеть газель. А кто знает ее образ жизни, тот наверняка разыщет животное во всех частях области ее распространения. Будучи дневным животным, газель показывается в самое благоприятное время. Только в жаркое время дня, от полудня до четырех вечера, она отдыхает, пережевывая пищу под тенью мимозы; в остальное время почти всегда находится в движении. Заметить ее, однако, не очень легко, так как сходство окраски антилопы с преобладающим цветом почвы затрудняет это. Мы перестаем различать ее уже на расстоянии гораздо менее мили, но соколиные глаза жителей Африки замечают ее часто и на расстоянии больше мили. Стадо располагается обыкновенно около кустов мимозы, верхушки которых расширяются, как зонтики, и укрывают, таким образом, животных. Газель, стоящая настороже, пасется, другие лежат недалеко от нее и жуют жвачку или просто отдыхают. Заметить можно только ту, которая стоит; лежащая газель до того похожа на камень, что даже опытный охотник может ошибиться. Если все вокруг спокойно, то стадо пасется в однажды выбранной местности и только переходит с одного места на другое; но оно тотчас оставляет пастбище, если увидит преследователей. Иногда бывает достаточно просто перемены ветра, чтобы заставить газель перекочевать на другое место. Она располагается обыкновенно под ветром, чаще всего так, чтобы с высоты можно было видеть лежащую перед ней долину, а ветер давал бы ей возможность чутко опасность за спиной.

Газель, несомненно, очень высокоодаренное животное. В подвижности не уступит ни одной другой антилопе, притом она жива, проворна и чрезвычайно грациозна. Бег ее замечательно легок, кажется, будто она едва касается земли. Убегающее стадо представляет действительно великолепное зрелище; даже когда опасность близка, кажется, что газели бегут как бы шутя. Часто они про-

сто из шалости прыгают на 1-2 метра от земли, перескакивая одна через другую, нередко перепрыгивают через камни и кусты, лежащие на пути, которые очень легко можно обойти*.

** Скорость некоторых газелей на короткой дистанции достигает 80 км/ч.*

Все чувства газели прекрасно развиты. У нее превосходное чутье, острое зрение и тонкий слух.

Притом она умна, хитра и даже лукава, обладает прекрасной памятью и, приобретая опыт, становится еще понятливее. Это мирное и несколько пугливое создание, но далеко не настолько трусливое, как обыкновенно думают. В стадах часто бывают драки между животными одного пола, особенно между самцами, которые охотно устраивают поединки в честь своих прекрасных подруг; с самками они очень милы до времени спаривания, равно как и те с ними. Со всеми другими животными газель живет в мире, и потому ее нередко можно видеть в обществе родственных ей антилоп.

Газель нельзя назвать трусливой, но она осторожна и старательно избегает всего необыкновенного, даже иного животного, кажущегося ей опасным. В Кордофанах я ехал однажды вдали от большой дороги по малонаселенной местности, где попадались очень обширные травяные заросли. Здесь в продолжение одного дня я видел до двадцати стад газелей, и притом стад очень больших. По-видимому, газели еще не были знакомы с огнестрельным оружием. Они подпускали шагов на 40, потом спокойно удалялись, не обращая на меня особенного внимания. Сначала эти прекрасные животные до того меня очаровали.

что я и не думал по ним стрелять, Но скоро страсть к охоте взяла верх, Я выстрелил в первого подвернувшегося под ружье самца и убил его. Другие побежали, но не далее 100 шагов, опять остановились и потом потихоньку продолжали свой путь. Мне снова удалось приблизиться к ним на расстояние 80 шагов, и я застрелил второго самца, наконец, убил третьего из того же стада, только тогда оно обратилось в бегство.

Разнообразие климатических условий северо-восточной Африки обуславливает и большое различие во времени спаривания газелей. На севере оно тянется с августа до октября; в странах, лежащих под экватором, начинается только в конце октября и продолжается до конца декабря. Самцы громким блеянием вызывают друг друга на бой и дерутся так сильно, что ломают рога: мне случалось убить несколько самцов, у которых один из рогов был отломан у самого корня.

Самка, конечно, отдает предпочтение самому сильному самцу, который не терпит соперников. Рождает одного детеныша, на севере в конце февраля или в начале марта, на юге — в марте или мае; беременность продолжается, следовательно, 5-6 месяцев. Большинство из тех самок, которых я убивал в конце марта и в начале апреля, были беременны*.

** Гон у газели доркас приходится на осень, самцы занимают и охраняют участки, на которые привлекают стада самок. Самки рожают весной 1-2, редко 3 детёнышей. Выкармливание молоком длится до полугода, половозрелость наступает после 1-1,5 лет. Из-за обилия хищников редко живут в природе свыше 6-8 лет.*

В первые дни после рождения молодые животные чрезвычайно беспомощные создания, и потому часто случается, что проворные арабы и абиссинцы ловят их руками. Чем детеныш беспомощнее, тем мать больше любит его и защищает. Однако молодому животному приходится претерпеть много опасностей, прежде чем оно научится бегать так же быстро, как его родители. Мы не преувеличим, если скажем, что до половины детенышей газели становятся жертвами бесчисленных хищников. Правда, газели чрезмерно бы размножились без этих плотоядных животных, которые восстанавливают равновесие в природе.

Пойманные молодыми, газели через несколько дней становятся ручными и легко переносят неволю, особенно в своем отечестве. Красота глаз этих животных настолько ценится всеми восточными народами, что женщины, ожидающие прибавления семейства, держат газелей из-за того, чтобы глазам их ребенка сообщила красота глаз этого животного. Часто женщина подолгу сидит перед газелью и смотрит в ее прекрасные глаза, проводит пальцами по ее белым зубам и затем дотрагивается до своих зубов, произнося при этом особые заклинания, в которые она верит. В больших городах северо-восточной Африки, в домах европейцев, постоянно встречаются ручные газели, и между ними есть много таких, которые так привыкли к человеку, что их можно считать настоящими домашними животными. Они следуют за своим господином, как собаки, входят в комнаты, просят подачки за столом, бегают по соседним лугам или пустыням, охотно и весело возвращаются домой с наступлением вечера или когда услышат любимый голос своего хозяина. Даже у нас газели живут по несколько лет при хорошем уходе. Этих нежных детей юга надо тщательно охранять от зимних холодов. Им необходимы теплый хлев на зиму и довольно большой парк для лета. Стадо газелей лучше всяких других животных украшает большой сад или парк. Красивая косуля кажется в срав-

нении с газелью неуклюжей и неловкой; почти все жвачные уступают ей в грации и миловидности. На родине за ней охотятся ревностно, можно даже сказать страстно. Охотятся или с ружьем, или с соколами, а также травят борзыми. Соколиная охота требует большого числа людей, лошадей, собак и соколов, а потому она обходится очень дорого и доступна только самым богатым людям. По сообщению Спони, Халил-паша на подобной охоте губил ежегодно не менее 15 лошадей и 30 собак.

В некоторых местностях северной Африки охотники преследуют газелей верхом и стараются убить их с лошади. Но это нелегко: как ни быстроноги кони пустыни, но и им трудно догнать убегающую газель. После продолжительной травли, в которой участвуют несколько всадников попеременно, все-таки удается приблизиться к измученному животному, и тогда гибель ее неизбежна. Охотники с замечательной меткостью бросают под ноги газели толстые палки и почти наверняка переламывают ей какую-нибудь кость. Тогда уже ничего не стоит схватить несчастное искалеченное животное.

Охота с ружьем дает обыкновенно богатую добычу. В Кордофанах и других частях внутренней Африки не у всякого есть огнестрельное оружие, считающееся преимущественно оружием белых и все еще внушающее туземцам некоторый страх.

Поэтому там чаще занимаются ловлей газелей, чем охотой на них. Для ловли употребляют так называемые тарелки, которые расставляют на небольших расстояниях друг от друга в таких местах, где часто бывают газели, причем каждую тарелку окружают петлей, к которой привязывают толстую палку. Тарелка состоит из обручей с дырками, в которые вставлено множество палочек; последние сходятся концами к центру обруча, направлены несколько вниз и заострены на конце. Каждую тарелку окружают петлей, к которой привязывают толстую палку. Такой снаряд кладут в небольшую яму, вырытую в песке, обкладывают кольцеобразно согнутым куском кожи, чтобы она не засыпалась песком. Газель, спокойно идущая своей дорогой, наступает на западную, ее гладкое копыто скользит по гибким палочкам к середине, нога проваливается и глубоко погружается в яму; таким образом она оказывается в ужасных оковах, острие которых преобильно колит. Газель старается освободиться, выдернуть ногу, но при этом затягивает петлю. Испугавшись, она пускается бежать, но палка, которую волочит за собой, пугает ее еще больше; она мчится во всю прыть, палка колотит ее по ногам и в конце концов перешибает одну из них. Неспособное более к бегству животное легко попадает в руки человека. Таким способом ловят много газелей да и других антилоп, но все-таки это не самый выгодный способ. Самую богатую добычу дает охота со степными борзыми, которые ловят иногда 30-40 штук газелей в день.

Грандиозные травли устраивают бедуинские племена, причем в случае удачной охоты погибают сотни газелей. В некоторых пустынях, где водится очень много антилоп, встречаются сложенные из камня стены выше человеческого роста; эти стены ограждают большие пространства, образуя полузамкнутые дворы. Если случится, что вблизи этих стен соберется большое количество антилоп, то целое племя бедуинов начинает охоту на них. Всадники, образуя большой полукруг, стараются загнать дичь в огороженное пространство, что очень часто им удается. Когда газели окажутся внутри стен, им уже нет спасения; в страхе они даже не пытаются перескочить через них. В конце концов все стадо загоняется в загороженное пространство, и тогда начинается отвратительнейшая бойня, не имеющая решительно ничего общего с охотой в истинном смысле этого слова. У газелей немного врагов, кроме человека; самые злые из них леопарды.

шакалы и другие степные собаки, да пожалуй, еще некоторые виды орлов.

Газель-прыгун, или спрингбок (*Antidorcas marsupialis*) — замечательная антилопа, имеющая в длину 1,5 м, из которых 20 см приходится на хвост, а высота у загривка 85 см. Окраска ее темная коричневато-желтая, довольно яркая; полоса орехово-бурого цвета идет от рогов через глаза к носу; того же цвета широкая полоса тянется по бокам от плеча к бедру, все остальные части тела белые. Самка окраской несколько не отличается от самца. Вымя у нее с двумя сосками. Черные рога самца по прямой линии достигают иногда 28-30 см, если же принять в расчет изгибы, то и 30-40 см; на них бывает около 20 кольчатых утолщений, но концы рогов гладкие. У самки рога короче, тоньше, меньше изогнуты и колец на них меньше*.

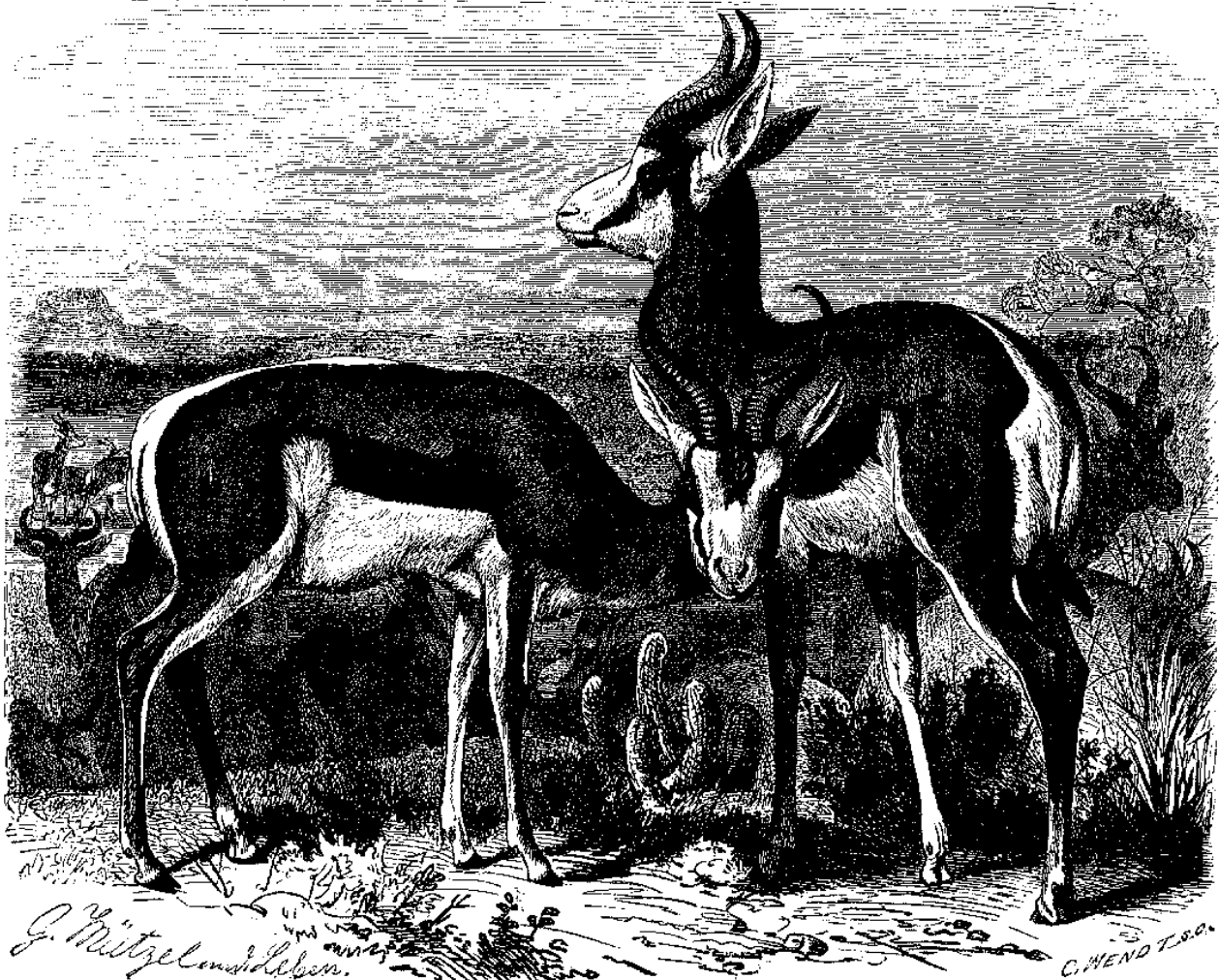
* *Спрингбок отличается от настоящих газелей (Gazella) специфической кожной продольной складкой на спине — «сумкой». В холке достигает 70-90 см и весит 18-45 кг.*

Прыгуны водятся только в южной Африке; по крайней мере, не подтверждаются показания, будто бы они встречаются узкой полосой севернее экватора и даже в Судане. Еще и теперь они попадают в Капской земле, в северо-западной ее части, но главным образом оживляют бесконечные малонаселенные степи и пустынные местности, тянущиеся между Оранжевой рекой и областью Нгами. Севернее, где пространство, заросшее травой и кустарником, становится гуще и переходит

в заросли, скакуны попадают все реже и, наконец, совсем исчезают. Главным местопребыванием прыгунов надо считать Калахари и многие местности немецких колоний в юго-западной Африке*.

* Спрингбок населяет полупустынные области Южной и Юго-Западной Африки, далее к северу его замещают другие виды газелей. В Восточной Африке за него принимали похожих газелей Томсона.

Здесь они бродят стадами в 30-40, а иногда в 100-200 голов; переходят с места на место, разбиваются на маленькие стада или собираются в большие, смотря по тому, насколько их беспокоят преследованиями, а также в зависимости от количества выпадающего дождя, которым обуславливается обилие корма и наполнение водоемов. Когда время от времени в южной Африке наступают сильные засухи, то прыгуны, не находя корма, покидают населенные ими местности и перекочевывают в другие.

Газель-прыгун, или спрингбок (*Antidorcas marsupialis*)

К странствующим прыгунам присоединяется стадо за стадом, и в конце концов они собираются в количестве многих тысяч. За ними следуют хищные животные и уничтожают слабых или павших животных. То врассыпную, то плотной массой движутся они в одном и том же направлении, истребляя по дороге последние остатки бедной растительности, и, наконец, подобно саранче, нападают на более плодородные местности. В настоящее время эти переселения утратили свое значение и случаются гораздо реже просто от того, что количество этих антилоп значительно уменьшилось**.

* * Некогда спрингбок встречался огромными стадами свыше миллиона голов, совершал грандиозные миграции, поедая всю зелень на своем пути. В результате истребления охотниками, конкуренции с домашним скотом численность вида упала в несколько раз, и сейчас он встречается в основном в национальных парках. Вне кочевков спрингбоки держатся группами по 5—50 особей. По особенностям биологии они сходны с другими газелями; живут 10-15 лет.

Но еще несколько десятилетий тому назад нашествие прыгунов для южноафриканских поселений бывало иногда настоящим бедствием. Из различных показаний видно, что последнее громадное стадо скакунов, больше чем в 10000 голов, перекочевавшее из Калахари, появилось около

Оранжевой реки приблизительно на 21 градусе восточной долготы в конце семидесятых или в начале восьмидесятых годов.

Вот что мы читаем у Гордона Кюмминга, описывающего то, что происходило лет 40 тому назад: «Каждый путешественник, видевший, подобно мне, громадное количество прыгунов во время переселения и верно описывающий виденное, может опасаться, что к рассказу его отнесутся с недоверием — до того поразителен вид этих переселяющихся стад. Верно и метко сравнивали их с опустошительными полчищами саранчи, которые так хорошо известны путешественникам по этой стране чудес; подобно саранче, они в несколько часов уничтожают всякую растительность, встречающуюся на пути, и в одну ночь истребляют плоды долголетнего труда земледельца. 28 декабря я в первый раз имел удовольствие увидеть кочующее стадо прыгунов. Мне кажется, что это было самое величественное зрелище из всех виденных мной в этом роде. Часа за два до рассвета я лежал в повозке и прислушивался к хрюканью самцов, которое слышалось приблизительно на расстоянии 200 шагов. Я думал, что большое стадо скакунов просто пасется недалеко от меня; но когда рассвело, увидел, что решительно вся равнина покрыта несметным количеством антилоп. Они медленно бродили взад и вперед и покрывали все пространство, начиная от холмов на западе, через которые устремлялись все новые стада, и до возвышенности к северо-востоку, за которой они исчезали. Часа два я стоял на передке повозки, любясь этим удивительным зрелищем; мне стоило некоторого труда убедить себя, что происходящее передо мной — действительность, а не фантастический сон. Между тем неисчислимое количество животных безостановочно прибывало, пробираясь через проход между холмами. Наконец я оседлал лошадь, взял ружье и отправился со своими спутниками в самую середину стада, мы стреляли до тех пор, пока не убили 14 антилоп. Тогда я закричал: «Стой, довольно!», и мы занялись убитыми животными, которых надо было защитить от прожорливых коршунов. Как ни громадно было стадо скакунов, которое я видел утром, но то, которое мне пришлось увидеть вечером, далеко превосходило его по размерам. Переехав через низкий ряд холмов, я увидел, что равнина и даже склоны окружающих ее пригорков были покрыты не отдельными группами, а сплошной массой. Насколько видел глаз, ими кишела вся окрестность, вдали они сливались в неясную живую массу. Было бы напрасно стараться определить число виденных мной в этот день антилоп, но я, не опасаясь преувеличить, утверждаю, что видел их несколько сот тысяч».

Мы готовы были считать это описание, принадлежащее известному африканскому охотнику, за настоящую охотничью сказку, если бы справедливость рассказа не подтверждалась всеми путешественниками. Левальян также упоминает о стадах до 50000 голов, которых преследуют львы, леопарды, рыси и гиены, а Эдуард Кречмер рассказывал лет сорок тому назад о стадах прыгунов в несколько миллионов штук во время засухи, длившейся более года, от которой погибло множество животных.

Странствующие прыгуны обыкновенно возвращаются в родные места по другой дороге, путь их представляет, таким образом, громадный удлинённый эллипсис или громадный четырехугольник, поперечник которого бывает равен нескольким сотням миль. Животные проходят этот путь в промежуток времени от 6 месяцев до целого года. Удивительно, как плотно держатся иногда такие стада. Гаррис рассказывает, что стада овец, попавшие в середину странствующих прыгунов, вынуждены были бежать с ними. Говорят, что даже могучий лев, охотящийся за этими антилопами, попадает иногда прямо-таки в плен к такому стаду. Прыгуны, бегущие позади стада, конечно, не могут противостоять бесчисленным голодным врагам, преследующим их, но ни львам, ни леопардам, ни гиенам и шакалам, сопровождающим стадо, ни тысячам коршунов, парящим над ним, нет нужды трудиться, так как из несметного множества переселяющихся скакунов ежедневно погибает от недостатка в пище такое громадное количество, что все хищники могут наесться ими досыта.

Рассказывают, что жиВОТНЫЕ, бегущие впереди, постоянно сменяются. Те из них, которые предводительствуют отрядом, находят, конечно, больше пищи, чем следующие, которым приходится искать ее там, где уже насытились тысячи антилоп; таким образом, передовым животным пропитание достается без труда, и они становятся жирными и ленивыми. Но тут-то и кончается счастливое для них время: более голодные протискиваются вперед, а разжиревшие отстают и попадают в конец стада. Несколько дней пути и голода подстрекают их занять прежнее место, и таким образом в стаде происходит постоянное передвижение животных вперед и назад.

Поселенцы очень удачно называли описываемую нами антилопу «прыгун». Убегая от врага, она делает ряд странных отвесных прыжков; причем, выпрямляя сразу ноги, она подлетает высоко в воздух; животные представляют тогда действительно чудное зрелище. Этот способ передвижения дает возможность отличить их от других антилоп. «Вид быстро убегающего стада прыгунов, — говорит Лихтенштейн, — представляет большой интерес для всякого наблюдателя, не только для

охотника. Некоторое время животные бегут очень быстро; но когда на пути попадает куст или камень, они, живо перескочив через них, останавливаются, оглядываются назад, а потом все стадо снова приходит в движение, попеременно то бежит, то прыгает». Они делают прыжки иногда более чем 2 метра в высоту и 4-5 метров в длину, повидимому, без малейшего напряжения. Перед скачком пригибают голову к передним ногам, затем отталкиваются сразу всеми четырьмя конечностями и, сильно согнув спину, поднимаются на высоту. Подпрыгнув, они словно зависают некоторое время в воздухе, потом опускаются сразу на все четыре ноги и снова поднимаются от земли, точно хотят улететь*.

** Прыжки спрингбока иногда достигают 15 м в длину и до 3,5 м в высоту. Во время прыжков спрингбок горбит спину, и от этого становится заметна «сумка», выстланная длинным белым мехом. Несомненно, такое поведение несет сигнальную функцию.*

Таким образом, они передвигаются на несколько сот шагов, а потом бегут чрезвычайно легкой рысью. Заметив врага, внезапно останавливаются, поворачиваются и всматриваются в испугавший их предмет.

Обыкновенно прыгуны пасутся в обществе гну, белолобых бубалов, квагг и страусов, хотя нередко попадают стада, состоящие исключительно из прыгунов.

Туземцы, которым странствующие стада прыгунов доставляют обильную пищу и целый ряд праздничных дней, поджигают степь перед дождливым временем года, чтобы здесь земля раньше покрылась свежим зеленым ковром сочной травы. Прыгуны, выбирающие для корма самые нежные растения, появляются в изобилии на приготовленных для них пастбищах, доставляя легкую добычу человеку.

Прыгуны, пойманные смолоду, скоро приручаются. Те животные, которых мне приходилось видеть или самому воспитывать, были пугливы и осторожны с чужими, но очень резвы и шаловливы со знакомыми. В неволе несколько прыгунов не всегда уживаются; особенно несносны бывают самцы, которые мучают даже самок или по крайней мере очень надоедают им. Однако, несмотря на эту неуживчивость, в неволе они все-таки бывают очаровательны. К сожалению, к нам привозят мало живых прыгунов. Хорошая половина животных, отправляемых с мыса Доброй Надежды, погибает во время длинного морского путешествия, остальные часто не переносят сурового климата, особенно тесноты отводимого им помещения. Большинство животных в зоологических садах сами бывают виновниками своей смерти: без всякой понятной причины они иногда бросаются на решетку, ломают ноги или наносят себе другие раны, от которых и погибают.

Живущая на юго-востоке Европы и в Азии степная антилопа, называемая **сайга, или сайгак** (*Saiga tatarica*), значительно отличается от всех уже известных антилоп*.

** Сайгаки характерны для областей с холодным и умеренным климатом, в тропики Азии и Африки проникают только по горным системам.*

Внешним видом и образом жизни она походит на овцу, некоторыми признаками напоминает северного оленя. Это довольно неуклюжее животное с толстым и коренастым туловищем и довольно стройными, но низкими ногами; длинная и мягкая шерсть покрывает все тело гладким пушистым мехом. Но отличительным признаком этого вида все-таки остается оригинальная форма его морды, а в особенности устройство носа. Нос далеко выдается за нижнюю челюсть и разделен посередине продольной бороздкой; он хрящеватый и покрыт кожей, которая легко морщинится, вследствие чего нос очень подвижен. Тупой конец и большие круглые, по краям волосатые, а внутри голые ноздри придают ему вид хобота. Рога, которые встречаются только у самца, посажены довольно далеко друг от друга над глазными впадинами, они изогнуты в виде лиры, имеют в нижней части едва заметные кольцеобразные полоски, на концах заострение и гладкие; цветом они бледно-рыжие и прозрачны. Почти совершенно скрытые в шерсти уши короткие, широкие, неуклюжей формы и покрыты с внутренней стороны жидкими косматыми волосами. Небольшие глаза, сидящие далеко друг от друга, в очень глубоких глазных впадинах, имеют почти голые веки; зрачок продолговатый, а радужная оболочка желтовато-бурая. Стройные ноги немного загнуты внутрь, передние копыта короткие и окружены сзади мозолистой кожей, которая спускается с бабок; передние копыта имеют трехгранную форму; задние очень схожи с передними, только острее. Летом короткая шерсть едва достигает 2 см длины, поздней осенью вырастает до 7 см и более. Спина и бока летом серовато-желтого цвета, конечности ниже колен темнее, шея и нижние части туловища, так же как и внутренняя часть ног, — белые. К зиме мех становится светлее и получает желтовато-серую, сверху беловатую окраску. Длина взрослого самца 1,3 м, причем хвост около 11 см; высота в плечах едва достигает 80 см; длина рогов взрослого самца, измеряя по изгибу, 25-30 см. У самки на вымени два соска*.

* В холке сайгак имеет 60-79 см, масса 23-40 кг. В году бывают две линьки, белесый зимний мех намного гуще и длиннее песчаного летнего. Во вздутых носовых пазухах летом оседает пыль, зимой же согревается морозный воздух, перед тем, как попасть в легкие.

Сайгак, начиная от южных придунайских стран и Карпат, встречается в степях вдоль Черного моря, у Кавказских гор, Каспийского и Аральского морей до Иртыша и Оби к северу до 55 градуса северной широты**.

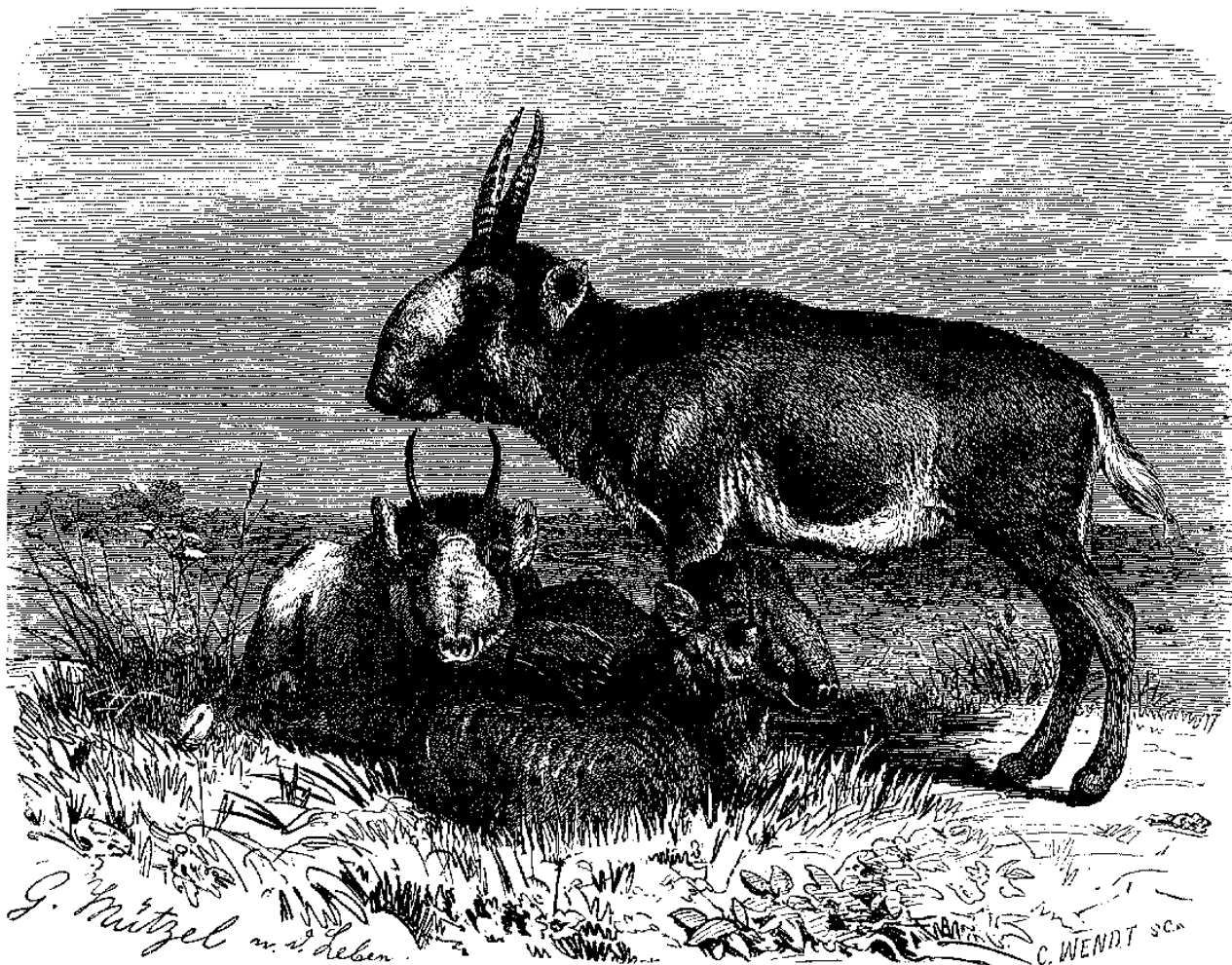
* * В настоящее время вид населяет степную зону материка от Калмыкии и Нижнего Поволжья, через весь Казахстан и север Средней Азии до Синцзяня и Монголии. С исчезновением диких лошадей сайгак главное пастбищное копытное степной зоны Евразии.

Сайги живут всегда небольшими семьями, но в начале осени собираются стадами в несколько тысяч голов и совершают переходы с одного места на другое; только к весне возвращаются они на старые места. Очень редко можно встретить сайгу, отделившуюся от других, так как старые самцы даже летом не покидают стад. Паллас заметил, что во время общего отдыха несколько сайгаков всегда бодрствуют и оберегают тех, которые покоятся на траве, пережевывая жвачку. Когда один из сторожей ложится, то на его место встает другой. Прежний сторож приглашает нового себе на смену своеобразным кивком головы или став к нему нос к носу. Только когда заместитель встал на ноги и принял охрану на себя — ложится первый. Однако, несмотря на такую осторожность, нельзя сказать, что сайгак слишком богато одаренное от природы животное. Он не выказывает особенной ловкости в движениях и не обладает ни слишком тонкими чувствами, ни большими умственными способностями.

Взрослый самец бежит, правда, так быстро, что ни лошади, ни гончей собаке его не догнать; молодые скоро утомляются, да и старые часто делаются добычей хищников, например волков***.

* * * Обычно сайгаки передвигаются иноходью, в крайнем случае — галопом. Скорость сайгака на рыси — 60/70 км ч, причем животные могут довольно долго ее поддерживать, передвигаясь плотным стадом.

Они ступают одновременно диагонально расположенными ногами, вытягивают шею и опускают при этом низко голову. Они, правда, могут довольно быстро и далеко прыгать, но движения их при этом несколько не напоминают грациозных скачков прочих антилоп, а напротив, неловки и тяжеловаты.

Сайгак (*Saiga tatarica*)

Из внешних чувств лучше всего развито у сайгаков обоняние, они отлично чувствуют врага. Зрение их, должно быть, слабо, потому что, ослепленные солнцем, они даже иногда натываются на повозки и глупо оглядываются кругом, как будто не могут распознать находящегося перед ним предмета. Об уме этих животных тоже нельзя сказать ничего особенно лестного. Они пугливы, как вообще все степные животные, нерассудительны и в минуту настоящей опасности редко умеют умно выпутаться из беды. Кроме того, они едва ли умеют отличать своих злейших врагов от безобидных животных. Еще издали завидев незнакомое существо, поспешно обращаются в бегство; прежде всего они сбегаются в кучу, боязливо осматриваются, потом уже бегут один за другим, длинной вереницей, в полном безмолвии, постоянно оглядываясь назад. Самец-маргач обыкновенно бежит впереди, но случается, что предводительствует старая самка. При этом только одни детеныши блеют, как овцы, взрослые сайги всегда молчат.

Пища их состоит большей частью из солончаковых растений, покрывающих в изобилии некоторые места жарких бесплодных степей, по которым протекают соляные источники. Вероятно, из-за такой особенной пищи мясо сайгака принимает едкий смолистый запах, который, в особенности с непривычки, так противен, что редко кто решается это мясо употреблять в пищу*.

** Однако многие исследователи отмечают прекрасный вкус сайгачатины. В пищевой рацион сайгака входят около 100 видов травянистых растений, в основном солянки, злаки, полыни, зимой лишайники.*

Время течки наступает около конца ноября; в это время самцы борются между собой. Беременность самки продолжается обыкновенно до мая; около половины этого месяца они мечут по одному весьма неуклюжему детенышу**.

*** Гон у сайгаков наступает поздней осенью, в это время на территории самца держатся от 5 до 50 самок. Продолжительность беременности — 5 месяцев. Перед родами самка покидает стадо. В помете 1—2 детеныша, которые сперва лежат затаившись, лишь в возрасте 10 дней начинают следовать за самкой. Самки половозрелы с года, самцы с двух. Продолжительность жизни — до 12 лет.*

Несмотря на дурной вкус мяса, степные жители страстно охотятся за сайгаками. Их преследуют на лошадях и с собаками и обыкновенно настигают, особенно если приходится пробежать большие пространства. Как и другим антилопам, сайгам опасны самые незначительные раны. Киргизы проделывают тропинки в жесткой степной траве и тростнике, срезая стебли до определенной высоты, потом загоняют туда лошадьми стада сайгаков, которые, поранившись об острые концы тростника, погибают от этих ран. Но еще чаще убивают их из огнестрельного оружия или ловят с помощью приученных к тому хищных птиц, но употребляют для этой охоты не соколов, а больших орлов, которые издавна принадлежат к злейшим врагам антилоп и, охотясь за ними, как будто следуют своему естественному инстинкту. Волки тоже производят страшные опустошения в стадах этих животных и пожирают мясо убитых, оставляя одни черепа и рога, которые киргизы и казахи продают в Китай по дешевой цене***.

**** Порошок из толченых рогов сайгака считается целебным в восточной медицине, по типу действия напоминающим рог носорога.*

Но этим еще не ограничивается число врагов сайгака. Один вид слепней кладет свои яйца под их кожу, и иногда в таком количестве, что вылупившиеся личинки образуют на коже сильные опухоли, которые воспаляются и губят животное.

Через посредство Московского зоологического сада, а позднее стараниями торговца животными Стадера сайгаков несколько раз привозили в немецкие зоологические сады, но они там до сих пор принадлежат к редким животным. По словам Стадера, их обыкновенно ловят спустя несколько часов после рождения, потом подпускают под коз и овец, которые воспитывают их до той поры, когда они смогут самостоятельно питаться и в состоянии перенести трудный переезд.

Сайги, за которыми я наблюдал, очень скоро становились ручными и привыкали к своему сторожу. Но уже первое впечатление, производимое сайгаками, не особенно благоприятно, так как опытный наблюдатель тотчас увидит в их поведении растерянность и глупость. Лишь немногие сайгаки долго прожили в неволе. Виной тому были скорее они сами, чем несоответствующая пища. Животные, испуганные каким-нибудь необыкновенным происшествием, как безумные, наскакивали на давно знакомую им решетку, причем, случалось, ломали шеи и оставались висеть на прутьях решетки.

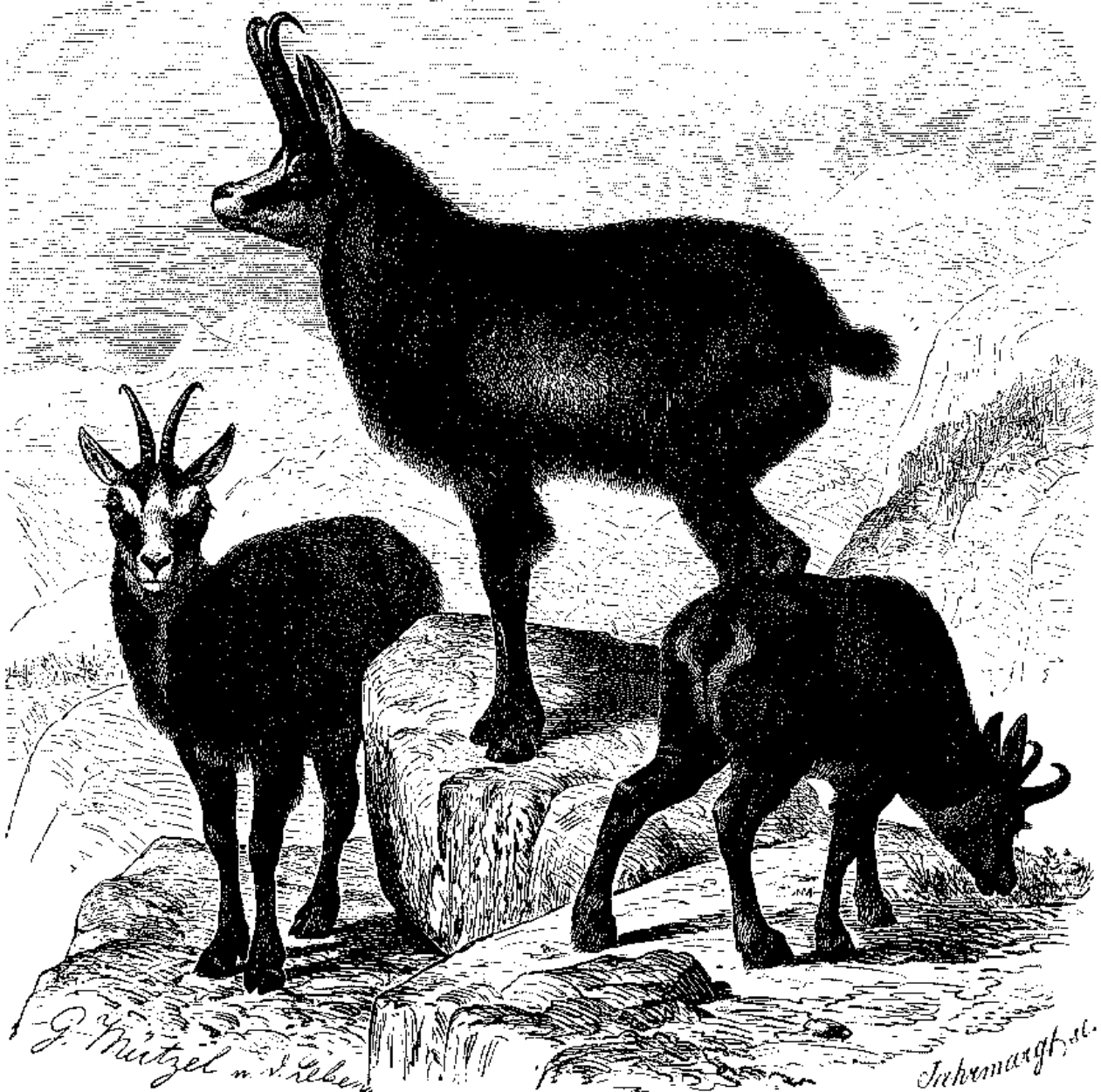
Серна (*Capreolus capreolus*) * достигает в длину 1,1 м, при этом 8 см приходится на хвост, высота в загривке 75, а в крестце 80 см.

** Серну иногда называют единственной европейской антилопой, но на самом деле это своеобразный род горных коз. Серна имеет довольно плотное сложение и весит до 50 кг.*

Вес тела до 45 кг. Рога, измеренные по кривизне, имеют около 25 см, у самца они больше, круче изогнуты и отстоят один от другого дальше, чем у самки. Во всем остальном оба пола почти совсем сходны между собой, хотя ростом козлы всегда больше коз. Довольно жесткая шерсть их летом коротка, не превышает 3 см, у корня серо-бурая, на концах светло-рыжая; зимой она бывает до 12 см длины, а на загривке волосы, образующие так называемую челку, достигают 18-20 см. Волосы на концах челки черного цвета. Темная полоса, идущая от кончика морды к ушам, черно-бурая. Молодые особи красно-бурого цвета, места около глаз у них светлее. Светло окрашенные экземпляры и альбиносы попадаются очень редко; уродливые рога также встречаются редко. В некоторых местностях показывают черепа с четырьмя рогами, но это не что иное, как обман; в таком случае берут четырехрогие черепа обыкновенной козы и искусственно отделяют рога, загибая их крючками, как у серн.

Настоящая родина серн — Альпы. Область их распространения простирается гораздо дальше, так как серны встречаются в Абруцции, Пиренеях, Кантабрийских горах, Греции, Далмации, Карпатах, на вершинах Высоких Татр, в Трансильванских Альпах и, наконец, на Кавказе и в Крыму. Центром же местопребывания этого животного следует считать Альпийские горы**.

** * Серна не водилась в историческое время в Крыму. Однако она встречается по горным системам от севера Пиренейского полуострова до Татр, Карпат, Закавказья, Греции, Турции. Серну, обитающую в Апеннинах и Пиренеях, иногда выделяют в отдельный вид — *R. pyrenaica*. Серны были акклиматизированы в некоторых районах Франции и Германии, где они не жили до этого, а также в Новой Зеландии. В настоящее время не представляют редкости в большинстве мест обитания.*

Серна (*Rupicapra rupicapra*)

Старания развести серн в Норвегии остались тщетными, дело это не привело ни к каким результатам; причем надо заметить, что за него никогда не принимались с должной энергией.

В настоящее время в Швейцарии серны встречаются редко, гораздо реже, нежели в восточной части Альп, а именно в Баварии, Зальцбурге, северной части Тироля, в Штирии и Коринтии. Здесь крупные, богатые землевладельцы и арендаторы охотничьих участков, знатоки охоты заботятся о них и берегут, поэтому серны успешно размножаются. Высокие неприступные вершины Карпатских гор служат хорошим убежищем для многих животных, хотя здесь никто о них не беспокоится.

Нельзя принять общераспространенного мнения, что серна животное альпийское, которое живет исключительно в горном поясе выше хвойных лесов в непосредственной близости от глетчеров. Ее следует причислить к лесным антилопам. Там, где их не беспокоят, серны решительно предпочитают лесные участки. Конечно, летом они большими или меньшими стадами поднимаются в горы, проживают по несколько недель и даже месяцев близ глетчеров и вечных снегов, выбирая самые высокие луга или голые безлесные скалы*.

** Серны чаще встречаются на высотах 1800-2000 м. Летом они посещают альпийские луга, зимой укрываются в лесном поясе, питаются там ветками и лишайниками.*

Летом поселяются на северных и западных склонах гор, в остальное время года, напротив, на восточных и южных; это объясняется просто: серна, как и всякая чуткая дичь, в выборе места соотносится с погодой. Стадо пасется на довольно обширном пространстве, временами покидает его и может перекочевать довольно далеко, по уверению опытных охотников, до 10 и 12 часов

ходьбы; оно хотя и редко, но появляется в таких местах, где с незапамятных времен не попадались серны. Старые козлы более склонны совершать подобные путешествия, чем козы и молодые козлята. Ночью серны отдыхают. С рассветом они поднимаются с ночлега, выбранного ими с вечера, уходят на пастбище, причем всегда тихо направляются вниз. Перед полуднем лежат с поджатыми ногами в тени нависшего утеса или под сенью старой развесистой ели и пережевывают жвачку, в полдень встают и тихо направляются в гору; затем, после полудня, опять несколько часов отдыхают под деревьями, на гладкой площадке торчащего утеса, на снеговом поле или в другом подобном, случайно выбранном месте; они очень капризны, постоянных мест не любят, а появляются то там, то сям и редко дважды посетят одно и то же логовище. Вечером идут еще раз пастись и с наступлением сумерек укладываются на покой. В лунные летние ночи они допускают отступление от такого правильного распределения дня.

Поздней осенью и зимой серны пасутся целый день; когда выпадает снег, то переходят в наиболее защищенные места, преимущественно на солнечную сторону, так как тут снег держится менее прочно, чем в тенистых местах. На ночлег располагаются там, где горизонт открыт и ничто не препятствует видеть даль.

Серны, как животные в высшей степени общительные, собираются большими стадами, в состав которых входят козы, козлята и молодые козлы не старше второго и в крайнем случае третьего года. Взрослые козлы живут отдельно, каждый сам по себе, исключая время спаривания, и только немногие подбирают в товарищи одного, двух и много — трех самцов. Руководить стадом часто берется старая, опытная коза, хотя надо заметить, что никто ее на эту должность не избирает и за недостаток бдительности предводительницу немедленно изгоняют из стада. В большинстве случаев этот вожак направляет движение стада, которое, однако, на осторожность его одного не полагается. В каждом отдыхающем стаде нельзя не заметить одну или двух серн, прямо стоящих и озирающихся вокруг; они-то и дают знать всем присутствующим о приближении опасности. Каждая серна, заметив что-либо подозрительное, издает далеко слышный свист, сопровождая его ударами передней ноги.

Серна искусно карабкается, уверенно прыгает, проворно и ловко бежит в таких опасных местах, где альпийская коза не сумела бы пройти. При медленных движениях походка ее тяжеловата, несколько неуклюжа, и вообще вся фигура не особенно красива, но как только она обращается в бегство, то все существо ее преобразуется. Вид ее приобретает бодрость, отвагу и благородство; она несется быстрыми прыжками, проявляя в каждом движении столько же силы, сколько и грации. О необыкновенной ее способности прыгать сделано несколько определенных наблюдений. Шинц утверждает, что фон Вольтен измерил прыжок серны, и оказалось, что расстояние его простирается на 7 м. Вышеуказанный наблюдатель видел, как ручная серна прыгала на стену в 4 м высотой и обратно. Там, где существует хоть незначительный выступ, серна может устоять; в несколько прыжков она забирается на высоту, как бы взлетая. Вверх ей легче прыгать, нежели вниз. Передними ногами она ступает с необыкновенной осторожностью, боясь расшатать и свалить камни. Часто, спасаясь бегством, она несется по самым опасным тропинкам и даже тогда, когда одна нога у нее прострелена, она движется с не меньшим проворством, чем здоровая*.

** Передние края копыт вытянуты у серны в подобие небольших параллельных шипов. Именно благодаря такому строению ног животное способно на акробатические трюки на скалах.*

В высшей степени осторожно ступает серна по занесенным снегом ледникам и искусно избегает скрытых под снегом расселин, хотя не может их видеть. Так же медленно и осторожно спускается она с крутых утесов. «Мы видели, — рассказывает Чуди, — как стадо серн переходило через опасный, очень крутой карниз, покрытый мелкими камнями, и не могли налюбоваться терпением и умом этих животных. Одна серна вила впереди и осторожно поднималась вверх, между тем как другие не трогались с места, пока первая не достигла вершины и камни уже не катились вниз; только тогда последовали за ней вторая, третья и так далее. Животные, прибывшие наверх первыми, не рассыпались по лугу, а остановились на краю обрыва, не сводя глаз с других серн, пока все до последней не присоединились благополучно к ним». Опытные охотники говорят, что серна выказывает такую же осторожность и ловкость при переходах через шумящие горные потоки. В крайнем случае она, правда, без оглядки бросается в воду и, переплыв реку, несется дальше. Но когда ее никто не преследует, она долго высматривает удобное место для переправы, бежит туда и сюда по краю потока, осматривает различные места и наконец выбирает то, которое кажется ей более пригодным для исполнения намерения. Необыкновенная память очень помогает серне во время ее отважных путешествий. Она замечает каждую тропинку, по которой прошла хоть раз, и знает в окре-

стностях своего местожительства каждый камешек; при этом она чувствует себя дома только на высоких горах; покинув их, кажется неловкой и растерянной.

Не все внешние чувства развиты у серны одинаково, но они не менее остры, чем у других ее родичей. Лучше развиты слух и обоняние, зрение, кажется, слабее. Острота обоняния обнаруживается не в одном тонком чутье, но и в изумительном умении находить след и с неизменной уверенностью держаться его. Заметили, что серна тотчас останавливается и даже возвращается назад, наткнувшись на человеческий след. Кто хочет наблюдать серн поближе, тот должен обязательно встать за ветром, так как иначе чуткие животные тотчас же обращаются в бегство. Трудно определить, на каком расстоянии действует чутье серны, но можно сказать с уверенностью, что оно простирается гораздо дальше ружейного выстрела. Во всяком случае, обоняние прежде всего и вернее всего предупреждает ее о близкой опасности. Слух чаще обманывает серну, хотя и он очень тонок. Шум падающего с высоты камня мало ее беспокоит: она привыкла к нему; даже звук выстрела не производит на нее особенного впечатления. В горах и охотник с трудом распознает то направление, откуда раздается выстрел, и не всегда может определить, слышал он звук выстрела или шум скатившегося с высоты камня. Нет сомнения, что серны очень дальнзорки, но одним зрением они не распознают врага, стоящего неподвижно или наполовину спрятавшегося. Как большая часть животных, серны только тогда признают в человеке врага, когда он двинется с места.

Умственные способности серны достигают высокого развития. Она не пуглива, а только в высшей степени осторожна: она отлично знает все опасности, которым может подвергнуться, живя среди гор, знает о вреде, который ей могут нанести скатывающиеся лавины или камни, и старается по возможности избежать их. Как всякое животное, серна ведет себя различно в тех местах, где за ней охотятся, и там, где охота не дозволена. К человеку она, правда, относится недоверчиво, но не всегда избегает его присутствия. Ее иногда можно встретить около одиноко стоящих пастушеских или охотничьих хижин, где она, не обращая внимания на идущий из трубы дым, перед самым домом на лужайке щиплет траву. Заметив человека и признав в нем врага, она часто долго стоит на одном месте, но пускается в бегство, как только решит, что никто уже не следит за нею. Она очень любопытна, и потому ее внимание легко можно отвлечь и обратить на другой предмет. Этим свойством серна напоминает козу, с которой имеет еще одну общую черту: склонность к всевозможным шалостям и играм. Молодые серны устраивают превеселые шуточные битвы и таким образом готовят себя к настоящим сражениям, которые ожидают их, когда они сделаются взрослыми.

Кламферер говорит об одной очень оригинальной игре, которой иногда предаются серны, и в верности его сообщения нельзя сомневаться, так как оно подтверждается лесничим Вишпелем. Когда серны летом доберутся до плотного снега, называемого «фирн», где чувствуют себя в безопасности, они часто забавляются тем, что бросаются с вершины крутого ледника вниз. Сначала они отталкиваются всеми четырьмя ногами, а потом, поджав под себя ноги, катятся вниз по снежной поверхности, как бы на салазках, причем снег высоко вздымается кругом и осыпает их белой пылью. Докатившись донизу, они немедленно вскакивают на ноги и карабкаются вверх по той же дороге, по которой только что скатились. Прочие серны весело посматривают на катящихся товарищей, и то одна, то другая присоединяются к забаве. Часто одна и та же серна скатывается 3-4 раза с вершины ледника до подошвы; иногда целый ряд их катится вниз. Однако, как бы они ни были заняты игрой, их бдительность никогда не ослабевает. Один только вид человека, даже на очень далеком расстоянии, заставляет их бросить забаву; мгновенно улетучивается беззаботность этих подозрительных животных.

Ко времени течки, которая начинается у серн в середине ноября и продолжается до конца декабря, взрослые самцы присоединяются к стадам, причем безостановочно перебегают с места на место от одного стада к другому, теряя весь свой жир за 6-8 дней. Голос их — глухое хрюканье, которое в течение остального времени совсем не слышно, теперь раздается беспрестанно. При появлении новых самцов молодые козлы испуганно расступаются. Старые самцы, находящиеся при стаде, выступают вперед, начинают борьбу с вновь прибывшими и между собой; сильный самец не терпит соперника в стаде, хотя бы оно состояло из 30-40 голов.

В это время самец страшно ревнив и яростен: подозрительно осматривается кругом, не замечая в своем возбуждении даже присутствия охотника; задорно несется навстречу всякому появляющемуся новому самцу и тотчас вступает с ним в битву, если тот сразу не отступает. С самками самец ведет себя нетерпеливо и грубо, гоняется за ними и силой покоряет тех, которые не поддаются добровольно. Случается, что самец из-за бешеной ревности и драчливости даже проглядывает самку, так как молодые самцы пользуются всяким случаем, чтобы удовлетворить свое половое стремление, пока другие дерутся. Возбуждение у самок бывает почти так же сильно, как и у сам-

цов. Относительно продолжительности беременности серн мнения натуралистов различны. Шепф, к сообщениям которого я еще вернусь, удостоверился, что у живших у него серн детеныши рождались на 150-й день после случки; ошибки тут быть не могло, так как злобность самца после случки принудила Шепфа отделить его от самки. Все же охотники за сернами утверждают, что беременность более продолжительная. На Штирийских и Каринтийских Альпах течка начинается в ноябре и кончается, по-видимому, к 10 декабря; самка же мечет только в конце мая или в начале июня, так что беременность нужно считать в 28 недель, или 200 дней. У старых самок иногда рождаются два, редко три детеныша, у молодых всегда бывает только по одному*.

* *Беременность длится 23-25 недель. В мае-июне рождается единственный детеныш массой 2-2,5 кг.*

Маленькие серны прелестные создания, покрытые пушистой шерстью бледно-красноватого цвета; тотчас после рождения, едва успев обсохнуть, они следуют за матерью шаг за шагом и дня через два становятся так же подвижны, как и она. В продолжение шести месяцев мать очень нежна со своим детенышем, заботится о нем и обучает всем тем искусствам, которые нужны ему в жизни: подзывает его голосом, очень схожим на бляение козы, учит лазать и прыгать и несколько раз поддельвает перед ним какой-нибудь особенно искусный прыжок, пока не убедится, что малыш может так же ловко повторить его. Детеныши чувствуют к матери самую нежную привязанность и не покидают ее даже после смерти. Охотники часто замечали, как молодые серны возвращались к своим убитым матерям и с жалобным бляением стояли около них. Известны даже примеры, что они давали себя брать с тела матери, хотя в то же время выражали свой страх перед людьми глухим бляением. Говорят, что сиротки иногда находят вторых матерей в других самках, которые принимают их и заботливо воспитывают. Самец нимало не заботится о своем потомстве, однако, пока не наступило половое возбуждение, обращается с молодыми сернами довольно ласково и даже радуется их веселости, хотя сам остается всегда серьезным. Молодые серны растут необыкновенно быстро: уже на третьем месяце вырастают у них рожки, а в три года они достигают почти совершенного возраста или, по крайней мере, становятся способными к размножению. Говорят, что серны живут до 20-25 лет, но это сообщение не вполне проверено опытом*.

* *Половозрелость у серн наступает в 1,5-2 года. Продолжительность жизни в природе в среднем 10 лет. максимум 22 года. В неволе доживали до 25 лет.*

В течение лета серны питаются самыми лучшими, сочными и вкусными альпийскими растениями, преимущественно теми, которые растут у снеговой линии. Кроме того, они объедают молодые ростки и побеги кустарников тех же высот, начиная с альпийской розы и кончая молодыми ветвями хвойных деревьев. Поздней осенью и зимой им приходится довольствоваться травой, торчащей из-под снега, а также мхом и лишайниками разного рода**.

* * *Спектр кормов включает свыше 100 видов растений.*

Соль им необходима, как почти всем жвачным, но они легко обходятся без воды для питья и жажду, вероятно, утоляют слизыванием росы с листьев. Серны лакомки, когда оказывается это возможным, и неприхотливы, когда это необходимо. При хорошем корме быстро толстеют, при недостаточном питании очень быстро худеют. Когда глубокий снег покрывает землю, они с трудом перебиваются, так как даже в лесах, у подошв гор, не всегда находят достаточно корма, хотя говорят, что серны могут целыми днями или даже неделями питаться длинными лишайниками, висящими с нижних ветвей деревьев в виде бахромы. Около стогов сена, оставляемых в некоторых местностях Альп под открытым небом, собираются иногда целые стада серн; они выедают в этих стогах такие большие углубления, что могут под сеном спрятаться от непогоды. В тех местах, где нет стогов, они остаются в суровые зимы без корма и очень бедствуют. Чуди считает невероятным, чтобы серны зимой умирали от голода, но опытные охотники хорошо знают, что в суровые зимы их погибают сотни на небольшом пространстве.

Зима приносит с собой не только голод, она страшна еще снежными лавинами, которые погребают под собой иногда целые стада. Серны, правда, узнают об этой опасности и стараются выбрать защищенные места, но тем не менее нередко погибают от лавин. Некоторых животных убивают катящиеся с высоты камни и обломки скал. Повальные болезни уносят немало жертв; многие враги, например рыси, волки, медведи, орлы и ягнятники, преследуют их по пятам. Орлы и ягнятники, как молния с ясного неба, опускаются на них, унося молодых серн в когтях, старых же стараются спихнуть в пропасть, несмотря на их сопротивление. К этим преследователям присоединяется самый страшный враг серн — человек, особенно в тех местах, где закон не ограждает от истребления этих благородных животных. Понятие о праве собственности так путается в умах самых честных обитателей гор, что каждый альпийский охотник видит в каждой серне свою собственность,

за которой он может гнаться, где бы она ему ни встретилась. Необузданные горные жители и по сей день мало обращают внимания на охотничьи законы. В таких местностях, где всякий может охотиться, стада серн немногочисленны; между тем животные очень быстро размножаются там, где их заботливо охраняют.

Издавна охота за сернами считалась удовольствием, достойным высокопоставленных особ. Император Максимилиан любил поохотиться за этими проворными детьми Альп. Он даже поднимался на такие вершины, откуда, как гласит сказание, только благодаря чуду мог спуститься в долину, населенную людьми. После него немногие правители охотились так страстно за сернами. Впоследствии стали охотиться и архиепископы альпийских стран, которые издали даже законы для ограждения и защиты животных, становившихся все более редкими. Во время верования в чудесную силу «безоарового камня» за сернами охотились немилосердно. После того настал период покоя, продолжавшийся более ста лет. В настоящее время охота за сернами стала почти исключительно княжеской забавой. Жаркое из серны отличным своим вкусом может поспорить со всяким другим; на мой взгляд, оно превосходит даже жаркое из косули, которая, как известно, считается у нас самой нежной и вкусной дичью, так как отличается пряным, ей одной свойственным вкусом. Только в пору любви мясо серны напоминает козье мясо, чем пользуются изобретательные швейцарские трактирщики: вымочив и приправив козье мясо, они подают его иностранным путешественникам как мясо серны. Почти так же высоко ценится шкура, из которой выделяется превосходный товар. Рога тоже идут в дело; наконец, из длинных волос, растущих вдоль спинного хребта, охотники изготавливают украшения для своих шляп.

В народной поэзии у жителей наших Альп серна играет ту же роль, что и газель у жителей Востока. Сотни песен с большими подробностями и очень красочно описывают серну и охоту за ней. Множество басен, суеверий, предрассудков существует относительно этого животного. Так, охотник разрезает сердце только что убитой дичи, чтобы выпить еще теплую кровь, в уверенности, что это придаст силу его мускулам и чувствам и навсегда освободит от опасного головокружения. По другому преданию, охотник, застреливший белую серну, рано или поздно сам убьется до смерти, упав с высоты в пропасть.

Молодые серны легко делаются ручными. Серны, пойманные в старости, остаются всегда боязливыми и дикими.

Та чрезвычайная ловкость, которой мы восхищаемся у антилопы-серны, присуща и индийскому горалу. Эти антилопы имеют большое сходство с козами.

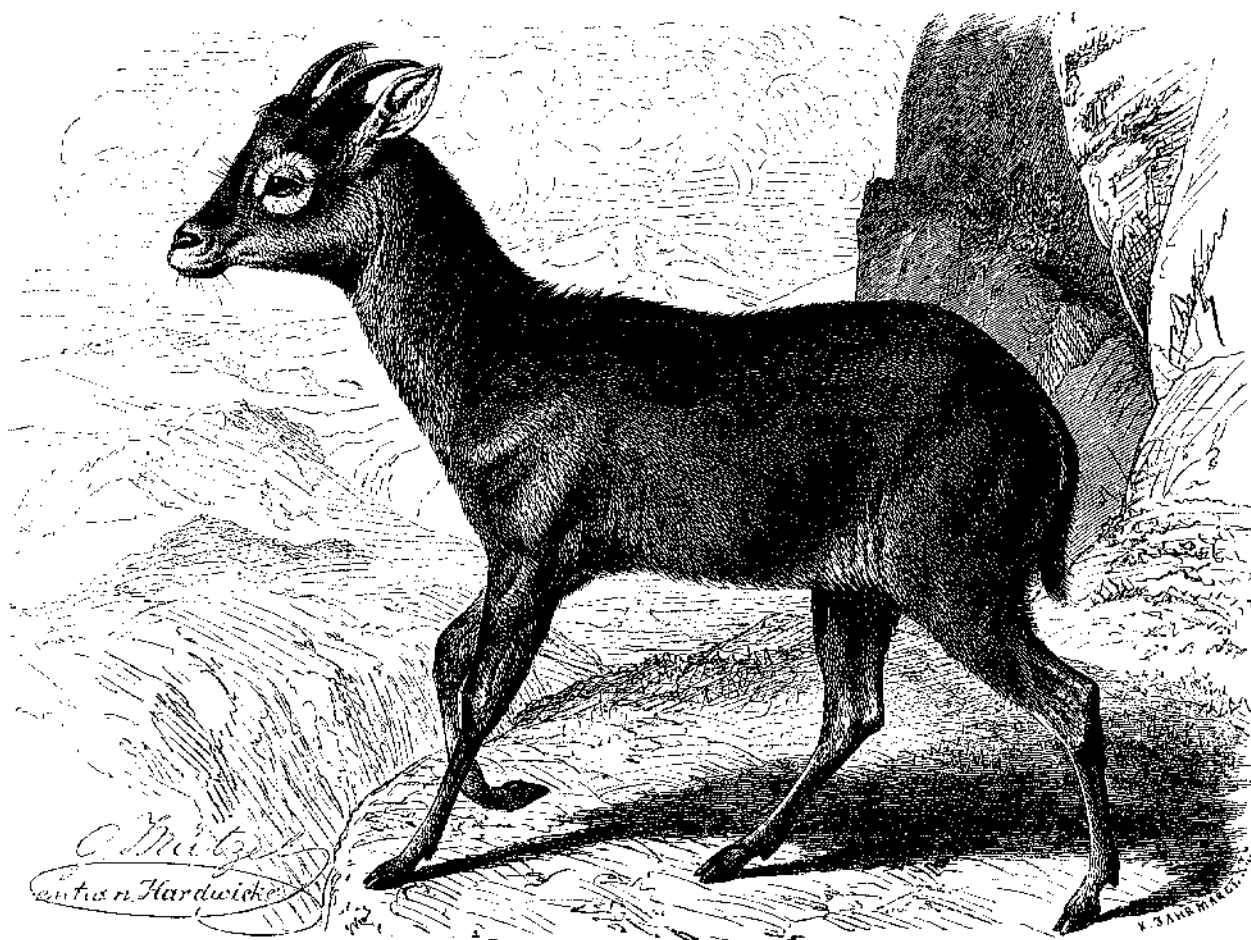
Горал (*Netnorhaedus goral*) размером с козу. Длина его тела немного более 1,2 м, длина хвоста 10 см, с волосистой кистью — 20 см, высота у загривка 75 см. Короткие, тонкие, закругленные рога в длину имеют 15—22 см, у основания они стоят близко друг к другу, к концу же расходятся. Количество годовых колец колеблется между 20 и 40. Шерсть короткая, густая, слегка стоячая, завитая на туловище и шее, серого или красновато-бурого цвета; покрыта черными и красноватыми крапинами, за исключением желтой продольной полосы на брюхе; подбородок, горло и идущая сзади щеки к уху полоса белые, грива же вдоль спины черная. Рога самки короче и тоньше, чем у самца; у обоих полов, впрочем, они одинаковы по положению и окраске.

Область распространения горала ограничивается, по словам Адамса, Жердона и Кинлоха, Гималайскими горами, а именно поясом, находящимся между 1000 и 2600 м над уровнем моря. По Кинлоху, он живет иногда большими стадами; обыкновенно же они разделяются на маленькие группы, ходят также поодиночке и парами. Они селятся в лесах, на голых скалах и на каменистых склонах, но больше всего любят обрывистые утесы, покрытые редким кустарником и отдельными группами деревьев*.

** Сейчас выделяют несколько видов горалов, обитающих до высот 4000 м. Встречаются от Приамурья, Кореи и Восточного Китая до Тибета, Гималаев, гор Индокитая. Гон — осенью. В начале лета самка рождает 1 детеныша в нише под навесом из скал. Козленок следует за самкой лишь к концу второго месяца жизни.*

От палящего солнца они стараются скрыться в тени, когда же небо покрыто тучами, часто пасутся в продолжение целого дня. Часто встречаются вблизи жилищ и привыкли к пастухам и дровосекам; поэтому их мало беспокоит появление охотника. Звук выстрела не особенно тревожит пасущихся горалов, и если они обращаются в бегство, то не имеют обыкновения далеко уходить. Движения горала мало в чем уступают или даже совсем не уступают движениям антилопы-серны. Жители Непала считают его самым быстрым из всех созданий.

Вспугнутый горал, как и серна, издает резкое фырканье и стремительно убегает по своей дороге, не разбирая, хороша она или на ней можно свернуть голову. На самые крутые скалистые стены взбираются они с такой же ловкостью, как и серны.

Горал (*Nemorhaedits goral*)

По словам Жердона, беременность самки горала продолжается 6 месяцев, и детеныши рождаются в мае и июне. Животные, пойманные молодыми, выращиваются с помощью козы и легко делаются ручными; пойманные более взрослыми, даже при самом внимательном уходе, остаются пугливыми и дикими. При этом их очень трудно держать в неволе, потому что они, как и козероги, взбираются на стены и постоянно убегают, если не принять особых мер предосторожности. В Европу до сих пор не при возили живых горалов, и даже чучела этих животных принадлежат в музеях к числу редкостей*.

* В России осталось не более 750 горалов. Горал внесен в Красную книгу России. Значительный урон популяциям в зимнее время приносят волки. Продолжительность жизни в природе 12-15 лет, в неволе — до 17 лет.

На негостеприимных пространствах далекого Севера, в тех безотрадных странах, где земля только летом оттаивает на поверхности, где малорослая древесная растительность едва прозябает, где широко протянулись моховые и лишайниковые тундры, рядом с северным оленем бродит другое жвачное — **овцебык, или мускусный бык** (*Ovibos moschatm*). Прежде овцебык жил в более южных местностях и, по словам Дункана, упорно боролся за свое существование, как доказывают нам оставшиеся от него обломки костей на месте многих прежних русел рек в Европе и Азии. Южная граница области его распространения проходила прежде на 15 градусов южнее, а теперь в Америке, единственной части света, обитаемой им, она начинается только с 60 градуса северной широты. По Гартлаубу, который собрал различные сообщения северных путешественников об овцебыке, область его распространения простирается через тундры Североамериканского материка на острова, лежащие далее на север и на большую часть Гренландии. Юго-западной границей их распространения может служить линия, служащая одновременно границей северных лесов; она начинается несколько южнее 61 градуса северной широты, у Гудзонова залива, направляется на запад, приблизительно до середины Большого Медвежьего озера под 66 градусом северной широты, а отсюда идет в северо-западном направлении до устья Маккензи. По сообщениям Ричардсона, западнее реки Маккензи овцебык не встречается, но, по справкам Бичи, вероятно, что он распространяется и

далее на запад. Существование этого животного в западной Гренландии в прежнее время подтверждалось, но и оспаривалось. Члены экспедиции, ездившие на корабле «Полярис», встречали овцебыка в западной Гренландии, и притом под 81 градусом северной широты, из чего следует, что это животное на Севере достигает крайних пределов распространения млекопитающих**.

* * *К настоящему времени размножающиеся популяции овцебыка созданы путем интродукции на Аляске, юге Гренландии, островах Нунавик, Шпицберген, Врангеля, в горах Норвегии и Швеции, тундрах Таймыра, Численность достигла 600 тыс, особей и продолжает возрастать. В Америке местным жителям (эскимосам) разрешена ограниченная охота. В России несколько сот животных в двух очагах (Таймыр, о. Врангеля).*

Овцебык удивительным образом соединяет в себе признаки овец и быков. Овцебык Берлинского музея, которого, вероятно, следует считать вполне взрослым, дает мне возможность подробно описать его. Общая длина, включая короткий хвост в 7 см, равняется 2,44 м, высота в плечах 1,1 м. Туловище, покоящееся на коротких и сильных ногах, массивно и одинаковой высоты сзади и спереди; шея короткая и толстая; хвост имеет вид спрятанного в шерсти отростка; голова очень тяжелая, относительно узкая и высокая; лоб большей частью закрыт рогами; надбровные возвышенности высоко вздуты; продолговато-закругленные и не особенно маленькие уши спрятаны в шерсти; глаза малы; большие овальные ноздри расположены косо и окружены голым краем. Большая неуклюжая морда отливается толстыми губами. Рога закрывают почти весь лоб, так как очень широкие и плоские у корня, они так сближаются посередине, что между ними остается только узкая и глубокая борозда; рога до половины своей длины покрыты продольными валиками, которые можно заметить еще на концах в виде тонких полос*.

* *Толщина «шлема» на лбу, образованного основаниями рогов, может достигать 10 см.*

Копыта велики, широки и круглы; придаточные копытца малы и сидят высоко. Рога окрашены в светло-серый роговой цвет, копыта — в темный.

Туловище покрыто необыкновенно густым мехом, верхняя часть морды и ноги — тоже. Довольно толстые волосы ости повсюду длинны и более или менее волнисты, от подбородка до груди удлиняются в гриву, почти достигающую земли, а по бокам, особенно сзади, спускаются до копыт в виде длинной бахромы. Мех очень длинен на холке, образует здесь род седла, которое начинается за рогами и лежит с обеих сторон шеи, закрывая даже уши. Только грива, все более и более удлиняющаяся от подбородка, состоит из гладких волос. Остальной мех повсюду волнист, на краях спинного седла курчавый, сбитый наподобие войлока, на морде волосы относительно коротки, но все-таки имеют до 7 см длины.

Овцебык (*Ovibos moschatus*)

За исключением морды и ног, покрытых гладкими волосами, повсюду между остью замечается обильный подшерсток. Общая окраска темно-бурая, переходящая на морде и волосах гривы в темную; более светлая окраска заметна на седле. Теленок через несколько дней после рождения почти совершенно похож на взрослое животное, покрыт густым мехом и отличается по окраске только тем, что бледно-серый цвет поднимается выше на ногах, а спина и подхвостье светлее, чем у взрослых**.

* * Овцебык наилучшим образом приспособлен к жизни в высоких и прошах. Благодаря массивному сложению, коротким ногам, хвосту и ушам площадь поверхности тела очень мала по отношению к объему, что помогает ему сохранять тепло. Длинная грубая ость предохраняет от ветра и снега, а тонкий мягкий подшерсток является, по некоторым данным, самым теплоизолирующим веществом в мире.

Первые известия об овцебыке мы находим у испанского путешественника и историка XVI столетия Гомараса, сообщающего о «долгошерстных, живущих в стране Квивира, овцах величине с лошадь, с очень коротким хвостом и удивительно большими рогами». Это описание может относиться к мускусным быкам, однако может возбуждать и сомнения. Затем мы узнаем нечто определенное об этом животном от французского путешественника и охотника за пушными зверями Жереми в его сообщениях, появившихся в 1720 году, о землях, которые окружают Гудзонов залив. Как сообщает упомянутый писатель, он встречал на западном берегу Гудзона залива под 59 градусом северной широты быков, названных им «мускусные», потому что они так сильно пахли этим веществом, что «в известное время невозможно было употреблять в пищу их мясо. Этих животных при глубоком снеге убивали ударами копий, так как они не в состоянии были убежать». Жереми велел изготовить себе из шерсти этого животного чулки, которые были лучше и мягче, чем шелковые, следовательно, и в этом отношении шерсть описываемого животного достаточно характерна. Позже мы получили более подробные известия о мускусных быках от Армстронга, Бельчера, Франклина, Горне, Мак-Клинтока, Мак-Кармика, Мечема, Парри, Ричардса и других. Наконец, при новейших экспедициях его встречают и на востоке, и на западе Гренландии; сведения о нем если и не обогащаются существенно, то все же дополняются, и, что особенно важно, новые известия

подтверждают прежние. Если попытаться свести воедино все сообщения, получится приблизительно следующее жизнеописание животного.

В своей обширной области распространения мускусные быки живут во всех местах, доставляющих им хотя бы временно пищу и пристанище. Сбравшись в стадо, которое часто меняется в численности, они располагаются преимущественно в долинах и низменностях. Члены второй немецкой полярной экспедиции на основании своих исследований утверждают это относительно восточной Гренландии. Им встречались стада в 20-30 голов. Быков в стаде всегда немного сравнительно с количеством коров, редко бывает больше двух или трех вполне взрослых, так как во время спаривания они жестоко дерутся и драки эти нередко кончаются смертью одного из противников, что доказывают валяющиеся трупы быков*.

** Во главе стада из самок и полодняка стоит взрослый самец. Самцы-холостяки живут поодиночке или образуют отдельные группы. Во время гона самцы издают сильный мускусный запах отсюда второе название «мускусный бык».*

В продолжение лета эти стада предпочтительно держатся на севере материка Америки, преимущественно вблизи рек; с наступлением осени передвигаются на юг. В это же время они собираются большими стадами, между тем как раньше чаще пасутся особняком. Когда крепость льда позволяет, то нередко видно, как они длинными вереницами тянутся с одного острова на другой, чтобы найти место, изобилующее пищей; опустошив его, они перекочевывают дальше. Как далеко простираются их странствования, пока еще не известно; кажется, однако, что на самом дальнем севере они и зимой не бросают свои стоянки, даже тогда, когда приходится добывать пищу из-под глубокого снега. Только удивительная неприхотливость дает им возможность выносить страшные зимы. Медленно и осмотрительно проходят они по бесконечным снежным пустыням, чтобы достигнуть мест, обещающих им пропитание. С таянием снегов для них наступает время, самое удобное для поиска пищи, но зато богатое другими страданиями. После зимы, давшей им лишь скудную, глубоко под снегом погребенную еду, они теперь без труда питаются низкой растительностью, которая местами роскошно распускается, хотя и на короткое время*.

** Овцебыки совершают лишь местные кочевки с наветренных на подветренные склоны и берега. Зимой они питаются побегами и ветками кустарников и кустарничков, копытят для этого снег. Летом животные, питаются злаками, осоками, мхами и лишайниками.*

Но зато овцебыки страдают от комаров, появляющихся иногда поистине бесчисленными роями; в это время они должны выдержать еще и линьку. Последнее, по-видимому, проходит нелегко по причине плотности руна. Стараясь защититься от своих мучителей, быки часто валяются в болотах и трясилах, выбирают менее открытые места для стоянок. Только после окончательной линьки они снова терпеливо и неустанно продолжают блуждать по обширным пространствам своей печальной родины.

В конце августа происходит спаривание, а в конце мая, через 9 месяцев, корова телится.

Теленок — маленькое и необыкновенно милое создание, нежно любимое родителями, которые в случае опасности защищают его с великим мужеством**.

** * Благодаря длительному выкармливанию и коллективной защите стада от врагов смертность среди молодежи мала. Продолжительность жизни 25-35 лет нередко старые животные стирают зубы, до корней и уже не могут питаться. Неволю овцебыки не всегда легко переносят, велика опасность инфекционных заболеваний, к которым они непривычны.*

Несмотря на неуклюжую фигуру, овцебыки двигаются с удивительной легкостью, по словам Росса, даже с ловкостью и проворством антилоп. Подобно козам, они лазают по скалам, без всяких усилий взбираются на крутые стены и без головокружения смотрят с высоты вниз.

Относительно понятливости овцебыка высказываются различные суждения. Это объясняется проще всего тем, что европейцы, действительно способные к наблюдению, очень редко сталкивались с ними. Маленькие глаза с тупым выражением не говорят об особенном развитии зрения; почти спрятанные в шерсти уши также мало свидетельствуют о тонкости слуха. Обоняние, напротив, несмотря на плохое развитие слизистой оболочки на морде, должно быть тонким, по крайней мере так же развито, как у овец; относительно органов вкуса и осязания едва ли можно выразить суждение по имеющимся до сих пор сообщениям, но нет никаких оснований для предположения, что они развиты у них хуже, чем у быков. То же самое можно сказать и относительно их понятливости. Те овцебыки, которые очень редко, а может быть, и никогда не встречались с непримиримым врагом всех животных — человеком, при встрече с ним часто бывают беспомощными, однако скоро осознают в чем дело и получают правильное представление о той ужасной опасности, которой они подвергаются при встрече с противником, внезапно появившимся на их родных полях, ранее посещаемых

разве волками и полярными медведями. Сознавая предстоящую опасность, они своевременно обращаются в бегство. Сначала быки «стоят как вкопанные, пристально всматриваются в незнакомого им врага и лишь медленно и осмотрительно приходят к какому-нибудь решению». По причине своей доверчивости они приближаются к незнакомому существу и выказывают свое удивление разными странными телодвижениями и неуклюжими выходками: так, четыре мускусных быка вздумали заигрывать с Пайером, напав на его астроблабу*.

** При нападениях волков взрослые овцебыки встают в круг головами наружу, молодые животные находятся в центре. Нападающие волки всюду встречают опущенные рога и очень редко могут сбить с толку животных и проникнуть внутрь круга. Вожак периодически выходит из круга и атакует волков быстрыми наскоками. Известны случаи гибели волков от овцебыков. Однако эта тактика обороны оказалась неэффективной при встрече с человеком, вооруженным огнестрельным оружием. Животные не обращались в бегство, даже когда половина стада оказывалась перебитой. Так возникло мнение о «тупости» овцебыков.*

Если нескольким охотникам одновременно удастся подкрасться с разных сторон к спокойно пасущемуся стаду мускусных быков, то они, вместо того чтобы бежать и рассеяться, сгущаются теснее и тем самым дают возможность выстрелить по ним несколько раз. Такая охота, по совершенно справедливому мнению Пайера и Копеланда, вполне безопасна и не труднее, чем стрельба из пастушьей хижины по расположившемуся вокруг нее стаду коз или коров. Считаю, однако, неправильным обобщать подобные замечания, тем более что этому противоречат показания прежних наблюдателей. Раненые животные приходят в ярость и бешено бросаются на охотника, который может считать себя счастливым, если не будет опрокинут ими или проткнут острыми рогами. Подобную неприятность испытал на себе Трамниц: отправившись однажды на охоту за мускусным быком, он вернулся не только без добычи, но и с испорченным ружьем и изорванным платьем, так как бык повалил и топтал его. Индейцы также утверждают, что животные эти очень хорошо умеют пользоваться своим оружием — рогами и убивают даже медведей и волков.

Эскимосы, которые охотятся за мускусными быками, тоже считают их небезопасными животными, тем более что, не имея огнестрельного оружия, они вынуждены убивать дичь стрелами. «Они уже осенью, — пишет Росс, — начинают свои охотничьи походы; с ловкостью и мужеством приближаются к стаду, дразнят быков, затем быстро сторонятся и втыкают им в брюхо копьё или пускают в них свои стрелы». Некоторые одинокие быки, преимущественно старые, по Пайеру и Копеланду, относятся к выстрелу, даже нанесшему легкую рану, с величайшим хладнокровием и «закрывают тело, опустив свою неуязвимую голову, избегая положения, открывающего бока. Случилось, что одному из этих животных всадили заряд из ружья; выстрел попал в лоб, закрытый, как панцирем, гигантскими рогами; бык перенес это как ни в чем не бывало, между тем как пуля упала на землю, сплюснутая в лепешку».

Мясу их присущ всегда заметный мускусный запах; однако у коров он не настолько силен, чтобы сделать его несъедобным, как у быков, убитых в период спаривания. Наши северные путешественники находили, что мясо мускусных коров превосходно; то же самое высказывали и другие европейцы. В окрестностях Форт-Уэльса индейцы ведут прибыльную меновую торговлю мясом убитой ими дичи. Разрезав тушу на довольно большие куски, они вывешивают мясо на воздухе, дают ему высохнуть и доставляют в поселения охотников, где его охотно покупают. Шерсть и кожа высоко ценятся индейцами и эскимосами. Шерсть так тонка, что можно было бы выработывать из нее превосходные ткани, если бы только ее можно было иметь в достаточном количестве. Из хвостов эскимосы делают опашала от мух, а из кожи хорошую обувь.

Козлы и бараны имеют такое близкое родство, что едва возможно указать их существенные отличительные признаки. Коренатое и крепкое туловище козлов опирается на сильные, не очень высокие ноги; шея коротка, голова также относительно коротка и широка в лобной части; хвост, стоящий торчком, треугольный и снизу голый. Глаза большие и живые, слезных ямок нет, уши стоящие, тонко заостренные и очень подвижные. Четырехугольные, с закругленными краями или сжатые с боков рога имеют ясные кольца, соответствующие годовому приращению, и с наружной стороны вздуты; они встречаются у обоих полов и идут назад в виде полумесяца или выгибаются на концах наподобие лиры. У козлов они обыкновенно больше, чем у коз. мех двойной, так как тонкий подшерсток покрывается более грубыми волосами ости. У многих видов остевые волосы прилегают довольно плотно, у некоторых они удлиняются в виде гривы, а у большинства на подбородке в виде жесткой бороды. Окраска меха более или менее темная, землистая или цвета скал, преимущественно бурая или серая. К отличительным признакам этих животных следует отнести также резкий за-

пах, известный под названием «козлиной вони»; он свойственен всем козлам во всякое время, но особенно делается невыносимым во время течки.

Дикие козлы водятся в средней и южной Азии, в Европе и в северной Африке; прирученных животных этого вида люди распространили в настоящее время по всему свету. В горах козлы отыскивают наиболее уединенные, пустынные места. Многие виды поднимаются за границу вечных снегов.

Любимым их местожительством служат сухие пастбища на солнечной стороне гор, редкие леса, отлогие и крутые обрывы, а также голые утесы и скалы, выступающие из-под вечного снега и льда. Все виды общительны. Козлы — подвижные, живые, беспокойные, умные и задорные животные. Они беспрестанно бегают и прыгают с места на место и только во время пережевывания жвачки лежат спокойно. Одни лишь старые самцы живут отшельниками; все другие постоянно держатся вместе. Хотя козлы способны к деятельности как днем, так и ночью, но все-таки предпочитают день. Они замечательно ловко лазают и прыгают, причем выказывают много отваги, сообразительности и решимости. Уверенно пробираются по самым опасным местам в горах; не испытывая головокружения, стоят на самых узких карнизах скал, равнодушно смотрят вниз, в зияющие под ними пропасти, и с дерзкой беспечностью пасутся на краю страшных обрывов. Козлы обладают, сравнительно с их величиной, громадной силой и замечательной выносливостью, благодаря которым могут существовать в самой скудной местности, где каждый листочек, каждый стебелек должен быть взят с боя. Задорные и резвые между собой, они крайне осторожны и пугливы с другими животными; при малейшем шуме обыкновенно убегают, хотя трудно предположить с достоверностью, что это делают из страха, так как при необходимости козлы способны мужественно и храбро встретиться лицом к лицу с опасностью; они дерутся с большим увлечением, которое им очень идет.

Всевозможные сочные горные растения составляют главную пищу козлов. Будучи большими лакомками, они выбирают самые лучшие растения, отлично умеют находить такие места, которые предоставляли бы им отличные пастбища, и для этого постоянно кочуют из одной местности в другую. Все виды — большие любители соли и потому старательно посещают те места, где находится это лакомство. Вода для них необходима, вследствие чего они избегают мест, в которых нет ни источников, ни рек.

Внешние чувства развиты, по-видимому, довольно равномерно. Козлы очень хорошо видят, слышат и чувствуют, некоторые виды даже на невероятных расстояниях. Умственные способности стоят, как уже замечено, на довольно высокой ступени; их прямо можно назвать умными и предусмотрительными животными. Хотя память не особенно хороша, но опыт учит их распознавать опасность, которую они умеют предотвращать с большой ловкостью. У некоторых видов проявляется своенравие, у других прямо-таки злобность и хитрость. Количество детенышей колеблется между одним и четырьмя; все живущие в диком состоянии козы рожают не более двух детенышей зараз, домашние в редких случаях приносят четырех. Козлята появляются на свет вполне развитыми и с открытыми глазами и спустя несколько минут после рождения, бывают уже в состоянии следовать за матерью. Дикие козлята с первого дня своей жизни бегают по горам с такой же отвагой и уверенностью, как и взрослые.

Можно смело сказать, что козлы в большинстве случаев полезные животные. Причиняемый ими вред так ничтожен, что в немногих местностях может быть принят во внимание, а польза очень значительная, особенно там, где их используют в качестве домашних животных. Пустынные горы на юге Европы буквально усеяны стадами коз, которые поедают траву на таких крутых утесах, где не ступала еще ни одна человеческая нога. От диких видов пользуются решительно всем — мясом, шкурой, рогами и шерстью, а домашние козы помимо того доставляют всевозможные молочные продукты*.

** Пожалуй, нет более вредного для дикой природы животного, чем домашняя коза. Благодаря универсальности в питании, ловкости и способности достать корм даже из наиболее труднодоступных мест (могут залезать даже на деревья), прием чуждым выдирав растения с корнями размножившиеся домашние и вторично одичавшие козы буквально опустошили страны Средиземноморья, значительную часть Африки, Западную и Среднюю Азию, многие океанические острова.*

Весьма трудно установить различие между отдельными видами диких козлов, так все они схожи между собой. **Гималайский тар, или полукозел** (*Hemitragus jemlahicus*) — красивое, рослое животное, туловище которого имеет 1,8 м, а хвост 9 см в длину; высота в затылке 87 см. Стерндаль определяет высоту самца в плечах даже в 90-100 см. В отношении строения всего тела тар — настоящий козел; рога, на которых основывается главный родовой признак, значительно не отлича-

ются от рогов других козлов. Длина рогов почти 60 см, а у козы они гораздо меньше. Мех тара, состоящий из грубых, жестких волос ости и очень мягкого, тонкого подшерстка, по всему телу очень густой, а в некоторых местах даже поразительно длинный. Морда, нижняя часть головы и ноги покрыты короткими волосами; шея, бедра и бока обросли длинной гривой, волосы которой достигают 30 см в длину; у самки удлинненные пучки волос только намечены. Бороды у обоих полов нет. По наблюдениям, сделанным над козлом Лондонского зоологического сада, летний покров его мало отличается от зимнего. С возрастом длина гривы замечательно увеличивается; меняется также и окраска. Старые козлы светлого чадо-бурого цвета и только отдельные места на их мехе темно-бурые. Козлята, как самцы, так и самки, темно-бурые, а ноги у них, за исключением светлой полосы на задней стороне, почти черные. Рога и копыта серовато-черные. Тар распространен по всему Гималайскому хребту, но водится только на больших высотах*.

** Гималайский тар достигает веса 105 кг, самки на четверть легче самцов. Этот вид обитает в лесном и альпийском поясах Гималаев, на высотах 2500-4400 м; акклиматизирован также в горах Новой Зеландии.*

Маркгам дает описание местообитания этого малоизвестного животного: «Обыкновенное местожителство тара составляют изобилующие травой крутые холмы, именно те, на которых не растут деревья; случается, что это животное поселяется и в лесах, если почва их кремнистая и скалистая. Леса, расположенные на высоте более 2000 метров над уровнем моря на южных и западных склонах состоят преимущественно из дуба. Грунт там сухой и обыкновенно кремнистый, деревья растут разрозненно, и низкая растительность имеет здесь почти такой же характер, как луга на безлесных холмах. На северной стороне склонов, где леса гуще и богаче видами, тар не встречается или только в виде редкого исключения».

Гималайский тар (*Hemitragus jemlahicus*)

Относительно образа жизни тары на свободе до сих пор очень мало сведений. По Адамсу, который часто встречал его в горной части Кашмира, он держится стадами, день проводит в лесах и в тенистых местах, вечером идет за кормом и нередко пасется в обществе винторогих козлов.

Из охотничьих записок Кинлоха узнаем, что тары с уверенностью серн обходят наиболее опасные места. Самок часто можно встретить разгуливающими, старые же козлы держатся преимущественно в лесах и горных ущельях. Осенью животные очень жирны, и козлы издают своеобразный запах, который можно различить за 100 шагов. Кинлох отдает предпочтение мясу тучных самок, так как оно лишено этого специфического запаха.

Из всех данных следует, что тар по существу настоящий козел: он такой же упрямый и резвый, внимательный и самостоятельный, подвижный, неутомимый и осторожный, большой задира и забияка, как все виды этого рода*.

** Гималайские тары держатся поодиночке и стадами в 30-40 голов. Гон в декабре, беременность длится 7-8 месяцев, рождается 1-2 козленка. Живут 10-14 лет. Объект охоты для местных жителей.*

Козероги**, по мнению некоторых исследователей, составляют особый род и живут на таких горах и вершинах, где другие крупные млекопитающие не могли бы существовать.

*** Род горных козлов (Сарга) включает 8-9 диких видов, распространенных в горах Евразии и Северо-Восточной Африки, а также домашнюю козу. Характерны специфические железы на хвосте, издающие резкий «козлиный» запах. Приспособлены к лазанию по отвесным скалам. Держатся в гористых местностях обычно семейными группами до 40 животных. Многие виды стали редки из-за перепромысла человеком.*

Только не многие жвачные проникают летом вслед за ними на те высокие пастбища, где они пасутся круглый год. А спускаются в более низкие ложбины только в крайнем случае, когда их сгонит с высот чрезмерный холод. Поэтому не мудрено, что из-за подобного образа жизни всякий отдельный вид имеет ограниченную область распространения.

Само собой разумеется, что ближе всего нам тот вид козлов, который живет на наших Альпах.

Альпийский козел, или альпийский козерог (*Сарга ibex*) — гордое, стройное и видное животное с туловищем 1,5-1,6 м длиной, 80-85 см высотой в плечах и массой в 75-100 кг. Глядя на него, тотчас же признаем сильное, выносливое животное. Туловище его сжатое, шея средней длины, голова относительно маленькая, но с большим выпуклым лбом; ноги сильные и средней высоты. Рога имеются у обоих полов. У старых козлов они достигают значительной величины и толщины, выгнуты назад и несколько в стороны дугой или в виде полумесяца. У корня рога толще, там они близко сходятся, затем постепенно расходятся, утончаясь к концу. Ежегодное утолщение рогов в виде больших, выпуклых, вздутых рубцов или валиков выступает особенно резко на передней поверхности; эти рубцы заходят отчасти и на боковую поверхность, только здесь они не поднимаются так высоко, как спереди. Всего крупнее эти рубцы в середине рогов, где лежат плотно один к другому. Рога самца достигают в длину 80-100 см при массе в 10—15 кг. У взрослой самки они относительно малы, не больше 15-18 см, в разрезе почти круглые, имеют незначительные поперечные складки и просто загнуты назад. В первый же месяц жизни у детеныша появляются признаки рогов; у годовалого козерога они представляют собой еще короткий пенек, на котором у самого корня обнаруживается первый поперечный нарост; на рогах двухлетнего козла появляются уже два — три вздутых рубца. У трехлетнего животного рога достигают 45 см, и число рубцов значительно увеличивается. У взрослых козерогов может быть до 24 таких рубцов. Охотники думают, что по числу рубцов или колец между ними можно определить возраст козла, но это не совсем точно.

Альпийский козел (*Capra ibex*)

Мех козла грубый и густой, различный в разные времена года: зимой более длинный, грубый, курчавый и тусклый, чем летом, так как в суровое время года он смешивается с густым подшерстком, который с наступающим теплом выпадает. На верхней части туловища мех короче и гуще, чем на нижней. На задней части шеи и на затылке волосы удлиняются в виде гривы; кроме того, у старых самцов на загривке закручивается вихор, а под нижней челюстью вырастает маленькая борода

не менее 5 см, которой нет у молодых козлят и коз. На остальном теле волосы почти одинаковой длины. Окраска меха зависит от возраста и времени года. Летом преобладает рыжевато-серый цвет, зимой — желтовато-серый или чалый*.

* Самки отличаются от самцов рыжеватым оттенком шерсти, старые самцы нередко становятся серо-седыми с темными ногами и ремнем на спине.

Уже сотни лет тому назад козероги стали переводиться, и если бы в прошлом столетии не было принято особых мер для сохранения этого вида, то теперь, пожалуй, не нашлось бы ни одного экземпляра. Согласно старым описаниям, козероги населяли прежде все вершины Швейцарских Альп, а в доисторические времена водились даже в предгорьях. Во время римского владычества они были, по-видимому, многочисленны: этот тщеславный народ препровождал нередко 100-200 живьем пойманных козрогов в Рим для потешных боев. Уже в XV веке козероги почти перевелись в Швейцарии. В кантоне Гларус последний экземпляр был убит в 1550 году; в Граубиндене в 1574 году смотритель замка мог только с большим трудом достать козерога для эрцгерцога Австрийского. Но в горах Бергелля и Оберенгадина они в XVII веке еще не считались за редких животных. В 1612 году была запрещена охота на козрогов под страхом штрафа в 50 крон, а 21 год спустя денежный штраф был заменен телесным наказанием.

В Зальцбурге и Тироле козрогов, согласно новейшим исследованиям, вполне подтверждающим прежние сообщения, стали разводить в первой половине XVI века, вероятно, благодаря стараниям богатых владельцев фон Кейчбах; но они держались там недолго. Вследствие того, что рога, кровь козерога и разные другие части его тела считались целебными, отчаянные браконьеры с таким усердием преследовали животное, что владелец земель, на которых они охотились, обратился в 1566 году к архиепископу Зальцбургскому, прося защитить его права. В 1584 году архиепископ принял в свое ведение право на охоту за козрогами. Он и его преемники принимали всевозможные меры для обеспечения неприкосновенности благородных животных. Они учетверили количество охранников, завели сторожки с лесничими на высочайших вершинах Альп и приказали ловить молодых козлят, чтобы выращивать их в особых парках. Около сотни самых ловких и отважных охотников были заняты с апреля до июня ловлей в сети козрогов, когда они при таянии снегов спускались в долины, ближе к пастушеским хижинам. Несмотря на это, в продолжение трех лет для разведения в парках было поймано не более двух козлов, четырех самок и трех козлят. Так обстояло дело потому, что браконьерство продолжалось, и сами архиепископы пользовались козрогами для подарков иностранным дворам. В то время за каждую, так называемую сердечную кость козерога платили червонец, за найденный рог 2 рейхсталера, а за безоаровый камень 2 гульдена. По этой причине в Циллертале в 1666 году вывелись почти все козероги, и осталось всего около 60 самок. Тогда были введены особые билеты на право охоты за животными, подписанные самим архиепископом, и без такого билета никто не смел их убивать. Местным землевладельцам платили ежегодно по 100 талеров, чтобы они не пускали скот на те высочайшие пастбища, где паслись козероги. В 1694 году количество благородных животных увеличилось до 72 козлов, 83 самок и 24 козлят. Но снова возросло браконьерство, животных опять стали ловить, их переселяли в другие места или отсылали в качестве подарков. В 1706 году было поймано 5 козлов и 7 самок, и с тех пор там уже не встречали ни одного козерога.

На южных склонах Альп козероги стали так быстро переводиться, что еще в 1821 году Цумштейн горячо ходатайствовал за них перед тогдашним правительством. Он выхлопотал указ о запрете на дальнейшую охоту за козрогами. Этому указу мы обязаны тем, что козерог не окончательно вымер и хоть в ограниченной местности, но еще водится. Чуди утверждал в 1865 году, что с некоторых пор благородное животное снова появилось в довольно многочисленном количестве на Монте-Роза, где в последний раз в семидесятих годах прошлого столетия видели 40 животных. Впрочем, встречавшиеся на Монте-Роза козероги не составляли постоянного стада, а были просто туда забредшими отдельными экземплярами. «Я сделал, — говорит Кинг в своем сочинении об итальянских долинах Ленинских Альп, появившемся в 1858 году, — несколько исследований в самых разнообразных местностях, причем руководствовался указаниями людей, вполне достойных доверия, и никто из них не мог подтвердить, чтобы на их памяти козероги появлялись на Монте-Роза или где-нибудь в окрестностях. Исключительным их местожительством можно считать скорее Грайские Альпы, а именно высокие, лежащие в полосе вечных снегов и льда долины Конь, Саваранш, Гризанш, а также, может быть, Динь, следовательно, они населяют величественные уединенные склоны Альп между Пьемонтом и Савойей. Средоточием их является пик Гривола, откуда произошли все добытые в нынешнем столетии экземпляры». Сотрудник «Охотничьей газеты», вероятно, сам барон Пеккотс, владетель больших поместий в Валь-де-Лиз, который ежегодно осенью

охотится за сернами, дает в 1864 году указания почти на те же местности, как и Кинг, называя их тогдашней родиной козерога. Что положение вещей не изменилось в течение следующих десяти лет, видно из сообщений графа Вильчека, который в 1874 года охотился на козорогов в долине Конь. Из его тогдашних наблюдений оказалось, что нередко попадались рассеянные экземпляры козорогов, которые заходили иногда далеко от их главного местожительства; один охотник встретил в 1874 году большого козерога в горах около Наудерса, на границе Тироля и Швейцарии.

Некоторые обстоятельства указывают на то, что подобные набеги старых, живущих уединенно козорогов случаются чаще, чем до сих пор думали. Во всех местах, граничащих с областью распространения этого животного, можно время от времени слышать рассказы неустрашимых охотников или любителей, что они на той или другой опасной крутизне встречали рогатого дьявола, который загораживал им дорогу или пытался низвергнуть в пропасть. Но к их счастью, дьяволом оказывался не кто иной, как большой козерог, в котором дьявольскими были разве что сверкающие огнем глаза да рога.

Здесь я упомяну, что сохранением козерога до нашего времени мы обязаны исключительно королю Виктору Эммануилу, который, по словам Лессона и Сальвадори, вступив на итальянский престол, принял энергичные меры для охраны этих благородных животных и стал содействовать их размножению. В упомянутой выше «Охотничьей газете» за 1858 год говорится, что жители общин Конь, Валь-Саваранш, Шампорше и Бомбозе предоставили право свободной охоты на козорогов в исключительное ведение короля. В 1863 году итальянский король купил у жителей округа Курмажер право охоты за козерогами в Валь-д'Аоста на горной цепи Монблана, от Коль-де-Ферре до Коль-де-ля-Сейнь. После того он мог оградить этого благородного животного по крайней мере от посягательств незаконных охотников.

По словам Туккота, члена английского альпийского клуба, путешественник в охотничьих районах на каждом шагу может натолкнуться на вывешенное предостережение, запрещающее в этих долинах всякую охоту. Во всех центральных пунктах округов Конь, Кампилья, Серизоль и Саваранш живут сторожа, в обязанности которых входит строгое наблюдение за неприкосновенностью королевского охотничьего парка. Меры эти самым благоприятным образом сказались на численности козорогов.

Заходил ли козерог когда-нибудь прежде за границы Альп и попадает ли он в наше время где-либо в других горах, я не могу сказать определенно. Многие сведущие в охоте и зоологии трансильванцы уверяли меня, что в прежние времена козероги жили в Трансильванских Альпах, но уже в конце прошлого столетия совершенно там вывелись. Иногда и теперь там попадаются находки в виде рогов, но крестьяне высоких горных долин це придают им никакого значения*.

** Кроме Альп этот вид интродуцирован и в другие горы Европы. Он встречается на высотах 2300-3500 м.*

Козороги держатся стадами различной численности; старые козлы примыкают к стаду только во время спаривания, в остальное время они ведут отшельнический образ жизни. «Летом, пишет мне граф Вильчек, — козероги живут на самых возвышенных диких и уединенных скалах, на самых крутых и недоступных человеку гребнях, причем в летнее время держатся тенистой и северной стороны гор, а зимой обыкновенно спускаются ниже, в горные ущелья». Самки с детенышами весь год живут в более низких горах, чем самцы, которые до того привязаны к высоким утесам, что только недостаток в пище или сильные холода могут заставить их спуститься ниже. Палящий зной альпийские козероги переносят гораздо труднее, чем сильный холод, к которому они мало чувствительны. Берт фон Бергхем, указания которого вошли в большую часть жизнеописания этого животного и еще теперь заслуживают внимания, говорит, что все козлы старше шестилетнего возраста держатся наиболее возвышенных мест и, забираясь все выше и выше на скалы, становятся так не чувствительны к самому суровому холоду, что никакие бури не страшны им; их часто видели стоящими неподвижно, как статуи, на вершинах утесов, несмотря на свирепствовавшую бурю, причем нередко находили с отмороженными кончиками ушей. Козороги пасутся по ночам в лесах, но как только взойдет солнышко, они тотчас начинают карабкаться на вершины, выскивая для отдыха наиболее теплые и высокие места, обращенные на восток или на юг. После полудня они снова спускаются вниз, чтобы попасть и провести ночь по возможности в лесу.

Никакое другое жвачное, кажется, не способно жить на таких крутых и высоких горах, как все дикие козлы и козерог в особенности. «Какие смелые и быстрые прыжки делает это животное с одного утеса на другой, — говорит старик Геснер, — трудно даже говорить, если бы сам не видел этого. Где есть хоть малейшая точка опоры для его расщепленных и острых копыт, там он не видит никаких препятствий для достижения в несколько прыжков любого утеса, как бы высок он ни был и

хотя бы отстоял от другой скалы на далеком расстоянии». Все наблюдатели соглашаются с этим описанием. Каждое движение козерога стремительно, сильно и вместе с тем легко. Он бегаёт быстро и неутомимо, карабкается по горам с удивительной лёгкостью и с невероятной, иной раз необъяснимой уверенностью и быстротой взбирается на самые крутые утёсы, где только может поставить ногу. Едва заметная человеческому глазу шероховатость достаточна для него, чтобы служить точкой опоры; расселина скалы, маленькая щель и т. п. являются вполне удобными ступенями. Действительно, можно удивляться той уверенности, с какой козерог прыгает через пропасти и трещины в скалах. Играя, он носится с одного утёса на другой и без колебания бросается вниз со значительной высоты. Старые писатели придумывали удивительные сказки, чтобы объяснить эту замечательную способность козрогов; многие из этих басен пережили целое столетие и до сих пор ещё принимаются на веру несведущими людьми. Так, Геснер думает, что животное пользуется рогами главным образом для того, чтобы опираться на них, когда прыгает с большой высоты, а также чтобы задерживать ими скатывающиеся камни, угрожающие ему гибелью; а когда козерог чувствует приближение смерти, «он поднимается на самый высокий гребень, упирается своими рогами в скалу и начинает ходить кругами до тех пор, пока рога совсем не сотрутся: тогда он падает и умирает». Голос козерога похож на свист серны, только он более протяжный. В испуге козерог издаёт короткое чихание, в гневе громко фыркает сквозь ноздри, маленький детеныш блеет. Среди внешних чувств на первом месте стоит зрение. По исследованиям Вильчека, зрение козерога гораздо острее, чем у серны; чутьё значительно слабее, слух его прекрасный. Умственными способностями он одарен в той же мере, как и все козлы. Козерог доказывает это осознанным выбором местожительства и тропинок, по которым ходит, расчетливостью и постоянной осторожностью, умением избегать опасностей и способностью легко приспосабливаться к перемене обстоятельств.

В тихих, уединённых горных долинах козероги пасутся в полуденное время; в тех же местах, где их могут беспокоить, они гуляют только ранним утром или в сумерки, может быть, даже ночью. Пища их состоит из вкусных альпийских трав, почек, листьев и молодых побегов, в особенности они любят укроп, полынь, тимьян, почки и ветки карликовых ив, берёз, альпийских рододендронов, а зимой они едят сухую траву и лишай. Излюбленным их лакомством считается соль, и потому они предпочитают держаться тех гор, где есть солончаки; иногда они до того увлекаются этим лакомством, что забывают свойственную им осторожность. Далеко раздающееся хрюканье свидетельствует о том высоком наслаждении, какое испытывает козерог, вкушая соль.

Время спаривания совпадает с январем. Сильные козероги мужественно и неутомимо дерутся мощными рогами; они бросаются друг на друга с разбега, становятся на дыбы и, стараясь направить удар сбоку, сильно и с шумом бодаются рогами. На крутых обрывах эти битвы могут быть опасными. Спустя пять месяцев после спаривания, в конце июня или в начале июля, самка рождает одного или двух детенышей, по величине почти равных новорожденному домашнему козленку; она досуха облизывает их, и вскоре они вместе убегают. Альпийский козленок в высшей степени миловидное живое создание; он появляется на свет покрытым пушистым подшерстком и только к осени обрастает настоящим мехом из более грубых и жестких волос ости. Через несколько часов после рождения почти с такой же уверенностью и ловкостью бегаёт по горам, как и мать. Самка козерога окружает детеныша самой нежной любовью, постоянно лижет, водит с собой, ласково блеет, то и дело подзывая к себе и, пока он сосет, скрывается с ним в ущелье; не оставляет его ни на минуту, кроме разве тех случаев, когда её преследует злой человек и она вынуждена спасать собственную жизнь, без которой и детеныш погибнет. При угрожающей опасности она бежит по страшным обрывам и ищет спасения в уединённых расселинах. Детеныш между тем очень ловко прячется за камни или в какой-нибудь щели, смиренненько лежит там, не шевелясь, и только смотрит, прислушивается и нюхает во все стороны. Серый цвет его меха до такой степени подходит к общему тону камней, что даже самый пронизательный соколиный глаз не в состоянии заметить или отличить козленка от скалы, которая заменяет ему на это время скрывающуюся мать. Как только опасность минует, спасаясь самка возвращается к своему детенышу; если же она почему-либо замедлит, то козленок выходит из убежища, зовет мать и затем снова поспешно прячется. Если мать убьют, то козленок в страхе убегает, но всегда в скором времени возвращается и надолго остаётся в том месте, где потерял свою верную защитницу.

Существует масса разнородных причин, тормозящих размножение козрогов даже там, где их особенно старательно берегут. За исключением человека, непосредственных врагов у альпийского козерога немного. Большие хищные птицы, например, ягнятник, преследуют маленьких козлят, но почти всегда безуспешно благодаря зоркой бдительности их матерей. Взрослые козероги могут, правда, стать добычей рысей, волков и медведей, однако я никогда не наталкивался на подобные

случаи и потому не могу их подтвердить. Губительнее всего влияют на козорогов неблагоприятные условия их существования, особенно зимой и весной. По исследованиям Вильчека, в Валь-Саваранше относительно большое число козорогов ежегодно гибнет от обвалов, схода лавин, притом жертвами катастрофы становятся чаще взрослые, сильные козероги, которые с большей стойкостью смотрят в глаза опасности, чем юные и робкие козлята.

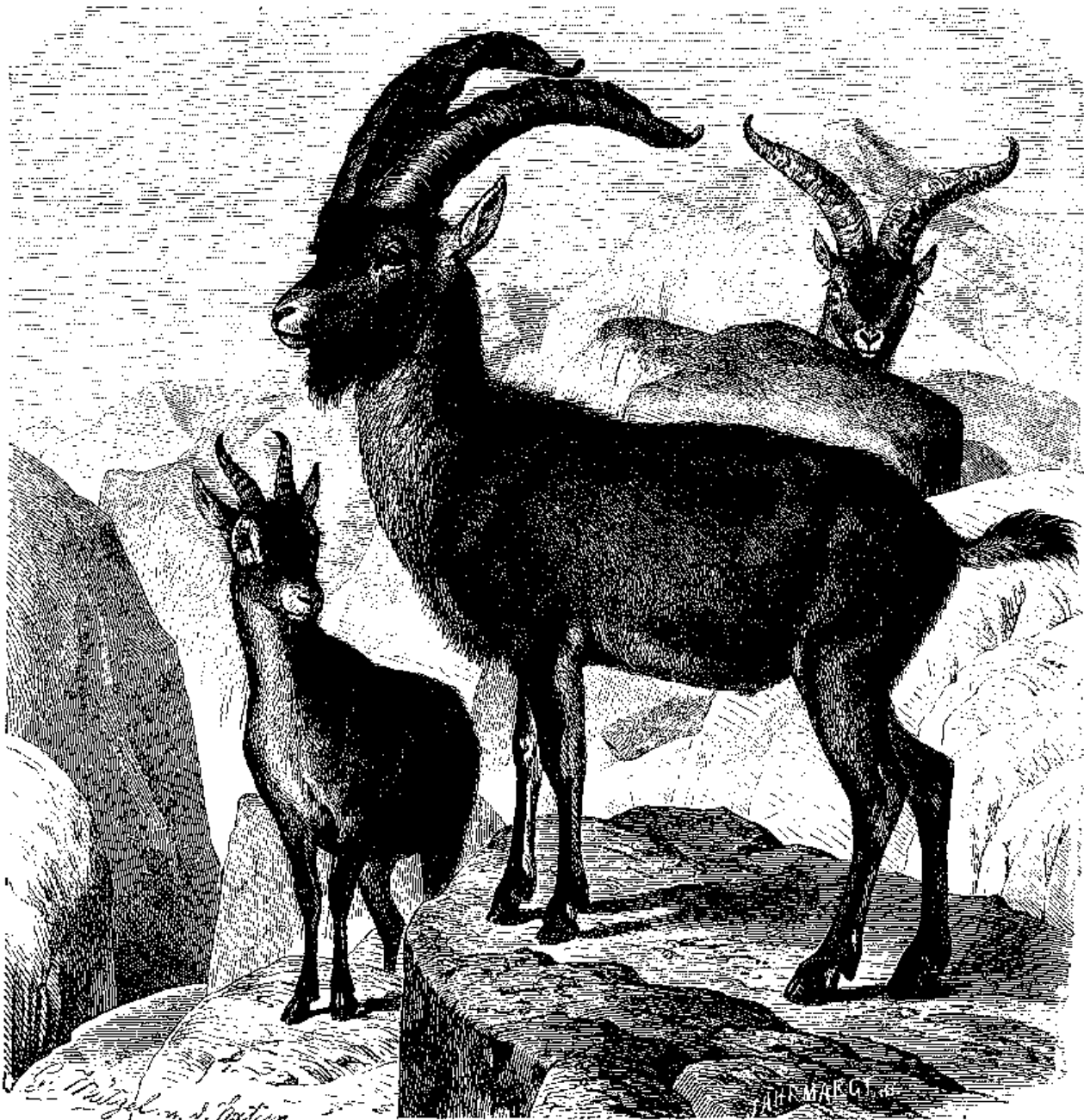
Самым злейшим врагом козорогов всегда был и будет человек, особенно браконьер. Охота на альпийских козорогов в том виде, как она производится, может считаться самым опасным предприятием в мире. Альпийский козел — животное очень редкое, и браконьер вынужден иногда по 8-14 дней выжидать его, большей частью под открытым небом, вдали от человеческого жилья, претерпевая невзгоды — мороз и снег, голод и жажду, туман и метели; он проводит многие ночи под ледяным ветром, не имея другого пристанища, кроме суровых скал, и при всем этом часто рискует вернуться домой с пустыми руками. Даже в благоприятном случае ему нелегко бывает донести ношу домой по опасным крутым тропинкам, на которых возможна встреча с караульщиками. Часто случается, что вместо убитого козерога охотник приносит в свою бедную семью новую нужду и нищету.

Удачно подстреленного козерога охотник, по словам Чуди, тут же потрошит, чтобы облегчить ношу, затем связывает вместе четыре ноги, притягивает их веревкой к тяжелым рогам и перекидывает ношу себе через голову; только таким образом и возможно охотнику, отягощенному ружьем и ягдташем, пуститься в обратный путь с добычей, имеющей массу в 60-80 кг.

Пойманных молодых альпийских козлов можно вырастить, если дать им в качестве кормилицы домашнюю козу; они скоро становятся ручными, но с возрастом, однако, утрачивают это качество.

В первых числах ноября 1856 года вместе с братом Рейнгольдом и одним нашим общим другом я предпринял в сопровождении опытного местного охотника восхождение на Сьерра-Неваду в южной Испании, с целью поохотиться там на козерога. Время охоты приходится на июль и август, мы же собрались попытать счастья в ноябре, когда свирепствуют снежные метели и холода, которые скоро заставили нас, к сожалению, вернуться. Впоследствии мой брат охотился на козерога в средней Испании гораздо удачнее, так как в благодарность за оказанную им медицинскую помощь он заручился содействием крестьян из деревень, лежащих у подошвы Сьерра-де-Гредос. Снабженный всеми необходимыми средствами и обладая замечательной наблюдательностью, он не ограничился одной простой охотой на пиренейских козорогов, которых ему удалось убить достаточно много, а воспользовался возможностью изучить на месте нравы этого животного и потому мог дать обстоятельную картину их интересной жизни. В нижеследующем я возвращусь еще к наблюдениям, сделанным моим братом, и вместе с тем дам первое обстоятельное описание этого прекрасного животного.

Пиренейский козел, или пиренейский козерог (*Capra pyrenaica*), величиной с альпийского козла, но существенно отличается от него устройством и формой рогов. Взрослый козерог имеет 1,45-1,6 м в длину, из которых 12 см приходится на хвост без кисти; высота в затылке 75 см, а в крестце — 78 см. Коза достигает трех четвертей этой длины, а в высоту она на 10 см ниже козла. Рога козерога у корня так близко сходятся друг с другом, что расстояние между ними спереди не превышает четырех сантиметров, а сзади даже одного сантиметра; сначала они круто взвиваются вверх, чуть-чуть загибаясь; с первой трети длины резко загибаются, поворачиваются и расходятся лирообразно, в последней трети достигают наиболее широкого расстояния между собой, к концам снова сближаются, и в таком направлении идут кверху. Ежегодные рубцы или годовалые кольца рогов ясно видны, хотя и нет таких определенных выпуклостей, как у альпийского козерога. Длина и толщина рогов у козла с возрастом заметно увеличиваются, более слабые рога самки меняются только до определенного возраста; они имеют приблизительно 15 см в длину, просто загнуты назад и покрыты до второй трети своей длины многочисленными и плотно лежащими один подле другого тонкими валиками. «У меня есть, — пишет мне мой брат, — рога старого пиренейского козерога, стволы которого имеют 76 см в длину при 22 см в обхвате у корня, и лишь одиннадцать годовых колец; но я не сомневаюсь, что длина рогов при измерении по всем извилинам может доходить до одного метра».

Пиренейский козел (*Sarpa rufina*)

Качество и окраска меха существенно изменяются не только по временам года, она зависит от возраста, пола животного, а также от местности, где оно проживает. Мех пиренейского козерога необыкновенно густой зимой и редкий летом. При линьке в мае, когда шерсть выпадает клочьями, вырастают остевые волосы, которые от самого корня имеют почти одинаковую окраску, к концу августа они достигают 2 см длины. Гривообразная прядь волос, начинающаяся за рогами и продолжающаяся до первого спинного позвонка, вместе с бородой и кистью хвоста не подвергаются линьке, а, напротив, пополняются постепенно подрастающими волосами. Поэтому они имеют круглый год приблизительно ту же самую длину: грива 8-9 см, борода 9 см, хвост 12 см, но летом значительно реже, чем зимой. Преобладающая окраска животного красивого светло-бурого цвета.

Область распространения пиренейского козла простирается от берега Бискайского залива до Средиземного моря; он живет в Пиренеях и во всех высоких горных хребтах северной и средней Испании*, особенно часто он попадается именно в Сьерра-де-Гредос; напротив, в Кантабрийских горах его, кажется, совсем нет.

* Пиренейский козел населяет высоты от 1500 м. Помимо гор Пиренейского полуострова он был распространен в горах Атласа. Сейчас сохранился в виде нескольких изолированных популяций.

"Сьерра-де-Гредос, — описывает мой брат, — составляет самый высокий подъем Кордильеры; высочайшая вершина этого длинного хребта, Альмансор, поднимающаяся до 2600 м, является любимым местопребыванием козогов. Зимой случается, что они спускаются ниже, преимущест-

венно на нижнюю сторону гор, по направлению к Эстремадуре, летом же их в избытке можно встретить в ближайшей окрестности Альманцора и совершенно свободно наблюдать их стада, состоящие обыкновенно из старых козерогов.

Большую часть года пиренейские козлы живут отдельно, только ко времени спаривания козлы соединяются с козами и образуют тогда стада, нередко довольно многочисленные, насчитывающие 100-150 голов. Я сам однажды видел стадо из 135 козлов; очень может быть, что в таком стаде соединились почти все живущие на Гредосе козлы. Обыкновенно они имеют привычку рассыпаться маленькими группами по всем горам. Презируя снег и холод, козлы живут круглый год в избранных ими местностях, исключительно на вершинах гор, тогда как козы уже с поздней осени стремятся к южным склонам, а в суровые зимы спускаются в долины, даже до самых деревень. Предводителем стада бывает всегда самый сильный и, что замечательно, самый старый и опытный козел. Можно видеть, как козероги медленными шагами пробираются по крутым утесам и по узким карнизам горного хребта, осторожно оглядываясь, зорко посматривая во все стороны, Проводник идет впереди стада и охраняет его; через каждые 10-12 шагов он останавливается, поджидая стадо, а затем продолжает путь таким же образом. Во время пастбы стадо козерогов выставляет нескольких караульных, которые обязаны предупреждать о малейшей опасности. Если такой сторож заметит что-нибудь подозрительное, или ветер донесет до него близость врага, то он испускает свистящее сопение, покидает свой сторожевой пункт и немедленно убегает вместе со всем остальным стадом; они несутся рысью или пускаются в галоп, смотря по тому, насколько близка опасность. Пробежав некоторое расстояние, стадо останавливается, чтобы определить причину, нарушившую их покой. Если поводом к тому было появление человека, то стадо быстрыми шагами спешит дальше и бежит без оглядки в течение получаса, а иногда и целого часа, если же нарушителем покоя является волк или собака, то козероги просто взбираются на крутой утес и здесь останавливаются на таком месте, которое недоступно для незваных преследователей. Кажется невероятным, как козероги могут, притом еще с такой уверенностью, поразительной ловкостью и быстротой, взбираться почти по отвесным скалам, на которых незаметно ни малейшей точки опоры.

Когда стадо считает себя в полной безопасности, одна часть его покойно ложится с вытянутыми ногами, чтобы отдохнуть и пережевать жвачку, в то время как другая часть щиплет траву и сочные побеги альпийской растительности, выбирая преимущественно цветы низких кустарников дрока, при этом два или три козла стоят постоянно на страже. При сильном солнцепеке стадо располагается в тени скалистых выступов или скрывается в ущельях, обеспечив себе покой выставленной на случай опасности стражей. Козлы всегда менее осмотрительны и осторожны, чем козы. Особенно часто отстают от стада старые самцы и в таких случаях допускают возможность приблизиться подкрадывающемуся против ветра человеку. Вместо того чтобы тотчас же пуститься в бегство, как это делают козы, они вспрыгивают на скалу или на высокий утес и оттуда смотрят несколько минут на врага, так что этим дают ему возможность сделать меткий выстрел. Я сам однажды убил очень большого козла именно при таких обстоятельствах. Во время кочевок отделившийся от стада козел проявляет меньше осторожности, чем когда он следует вместе с другими.

По отношению к безвредным животным пиренейский козел не обнаруживает ни страха, ни особенной приязни. Иногда среди лета можно видеть на Сьерра-де-Гредос, что козероги дружески пасутся вместе с домашними козами, стада которых из деревень, расположенных у подошвы горы, заходят на верхние пастбища.

В начале ноября наступает время спаривания. Козлы соединяются с козами, и тут между самцами, преимущественно наиболее старыми, происходят горячие схватки, представляющие весьма занятное зрелище для молодых животных, которые остаются безучастными свидетелями происходящего. В декабре самцы и самки снова расходятся; впрочем, молодые козлы, имеющие от роду 1-3 года, и после еще забегают в стада коз. В конце апреля или начале мая, после 20-24-недельной беременности, коза производит на свет детеныша, который уже через несколько часов после своего рождения свободно следует по стопам своей матери, старательно оберегаемый ею. В это время родившие самки держатся исключительно на южной, обращенной к солнцу стороне гор и вместо голых склонов забираются в поросшие дроком покатоности и овраги, в которых и проводят большую часть конца весны и начала лета. Когда что-нибудь спугнет козлят, они поспешно прибегают под защиту матери, и если при преследовании не в состоянии поспеть за старыми козами, то прячутся за густым кустом, за обломком скалы или залезают в расселину и остаются здесь до возвращения матери. В области вечных снегов пиренейские козы заходят неохотно, а когда с ними козлята, то они из осторожности избегают их.

Пиренейские козлы уже с четверть века как стали переводиться. Да иначе и быть не могло, так как испанцы не имеют никакого понятия о важном значении охраны этого животного; притом каждый пастух в этих горах владеет оружием и во время длинных стоянок на вершинах гор днем и ночью преследует благородных козерогов. Если бы можно было ввести строгий запрет на охоту во время весенних месяцев, то пиренейские козероги, имеющие мало других врагов, кроме человека, в короткий период снова значительно расплодились бы. Бородатый ягнятник и орелмогильник часто схватывают козленка, но, по рассказу спрошенных мною пастухов, никогда не отваживаются унести взрослого козла или козу. Для них кроме человека опасен разве один волк, но и тот вследствие того, что редко поднимается на значительные высоты, наносит им ущерб только зимой, когда стадо пиренейских козерогов уже спустится в долины; здесь волки могут застать животных врасплох, когда глубокие снега отделяют их от спасительных скал и препятствуют успешному бегству; при таких несчастных обстоятельствах козероги в изнеможении падают или останавливаются на месте и легко делаются добычей алчных хищников.

Испанский охотник или гоняется по следу за пиренейским козлом, или подкарауливает его на стойке. Я применял на Сьерра-де-Гредос охоту загонем и достиг замечательного успеха. Тщательно исследовав направление ветра, я занял с несколькими стрелками гребень одной котловины; между тем загонщики окружили намеченную местность и стали выгонять засевших там животных громкими криками и камнями. Кроме единственного прохода, который вел к занятой охотниками котловине, все прочие были закрыты для козерогов, так что им волей-неволей пришлось идти прямо на нас. Случается, что пройдет добрый час, прежде чем козерог попадет в руки, и в этом-то и состоит главная прелесть охоты. Стадо обыкновенно так медленно приближается к месту засады стрелков, что вполне достаточно времени, чтобы спокойно прицелиться и пустить смертельную пулю в сердце ничего не подозревающей жертвы.

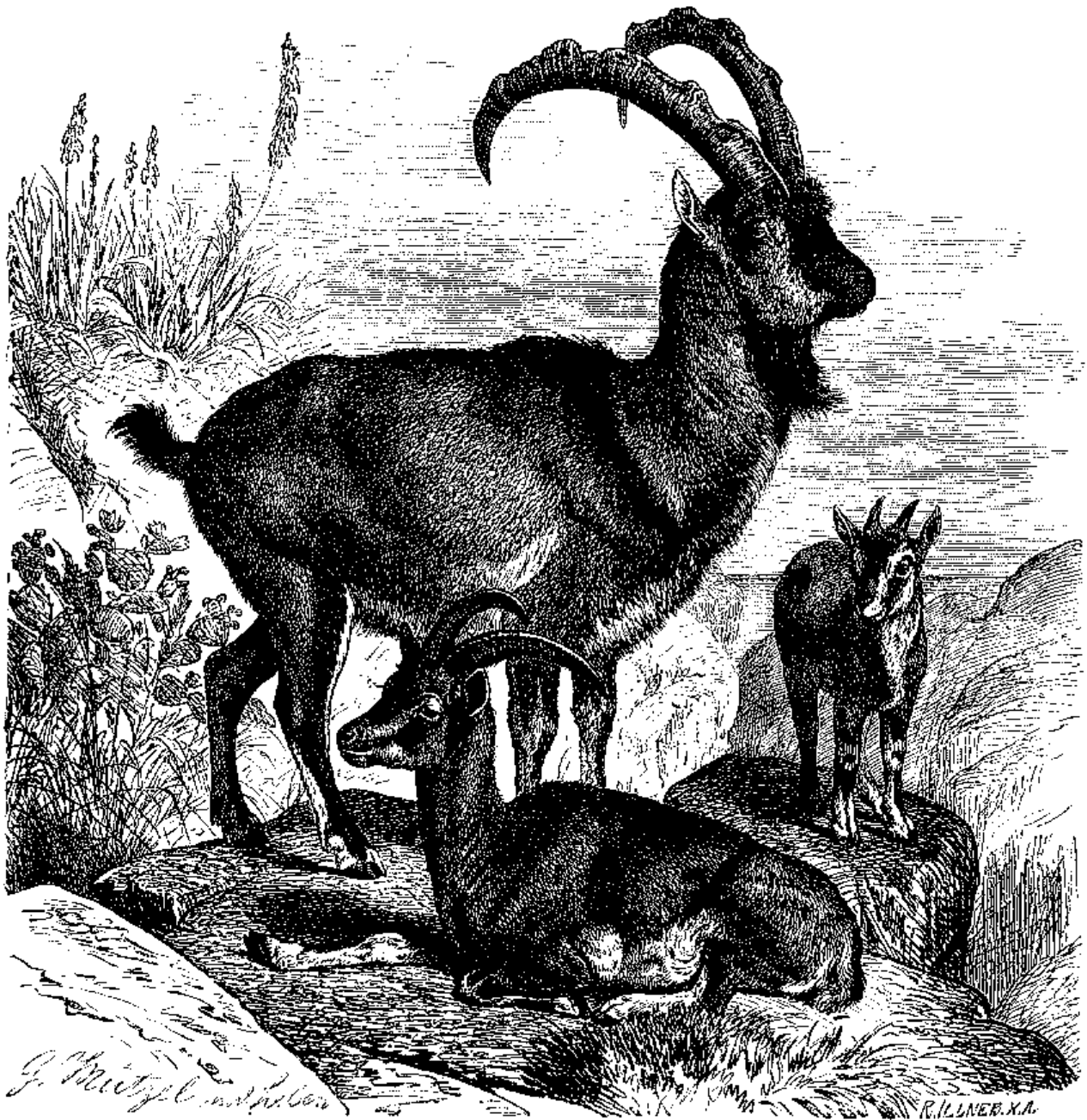
Для туземного охотника польза от этой охоты немаловажная. Убитое животное он потрошит на месте, набивает его ароматными травами и тащит тяжелую добычу, зачастую по самой опасной дороге, с риском сломать шею, ввяз, в долину, до ближайшего хутора, откуда везет дальше уже на муле. Мясо козерогов всеми любимо и потому всегда в высокой цене; шкура и рога тоже оплачиваются очень хорошо».

О козлах, живущих в диком состоянии преимущественно в Азии, нам известно еще так мало, что мы не в состоянии хотя бы приблизительно определить численность их видов. Многие натуралисты думают, что происхождение домашнего козла мы должны приписать дикому безоаровому козлу, который действительно во всем существенно похож на домашнего.

Безоаровый, или бородатый, козел (*Capra aegagrus*), хотя несколько меньше европейского козерога, но все-таки значительно больше нашего домашнего козла. Длина взрослого самца достигает 1,5 м, длина хвоста 20 см, высота в зашейке 95 см, а в крестце на 2 см выше. Коза значительно меньше*.

** Безоаровый, или бородатый, козел заметно отличается длинной бородой и уплощенными, параболически загнутыми рогами от других представителей рода. Кавказские животные в холке достигают 1 м, весят до 80 кг, островные популяции Эгейского моря заметно мельче.*

Туловище козла довольно вытянутое, спина острая, шея средней длины, голова короткая, морда тупая, лоб широкий, составляющий с переносицей почти прямую линию, глаза средней величины, уши большие. Ноги относительно высокие и сильные, копыта с тупым концом; хвост очень короткий и покрыт длинными косматыми волосами. Очень большие и сильные рога с обеих сторон сплюснуты и имеют острые края как спереди, так и сзади; наружная их сторона скруглена или вздута; уже у полувзрослого животного они достигают 40 см, а у старых вырастают часто до 80 см. Рога начинают загигаться у самого корня в виде довольно крутой и правильной дуги, которая у старых самцов описывает приблизительно полукруг; у корня они стоят близко друг от друга, потом постепенно отклоняются в стороны, на концах снова круто поворачивают вперед и внутрь.

Безоаровый козел (*Capra aegagrus*)

Так что на самом конце они на 12—15 см сходятся ближе, чем на середине, где расстояние между ними достигает 30-40 см. Правый рог слегка изогнут концом в правую сторону, а левый — в левую. Поперечных бугров или узлов, между которыми лежат многочисленные поперечные складки, бывает у старых козлов до 10 или 12. У обоих полов есть довольно большая борода; остальной мех состоит из длинных, жестких, плотно прилегающих волос ости и короткого, не очень тонкого подшерстка. Окраска его светлая рыжевато-серая или ржаво-бурожелтая; по сторонам шеи к животу она светлее: грудь и нижняя часть шеи темные и черно-бурые; брюхо, внутренняя и задняя стороны бедер белые. Вдоль всего хребта до одноцветно-черного хвоста проходит резко разграниченная, суживающаяся к заду темная черно-бурая полоса.

Область распространения безоарового козла занимает обширное пространство в западной и средней Азии. Он водится на юге Кавказа и в большей части гор Малой Азии и Персии; Хуттон встречал его в южном Афганистане. По А. Вальтеру, «он рассеян по всему Копетдагу до границы Афганистана и населяет отдельные возвышенности Великого Балхана. Как в тех, так и в других горах он держится оврагов в долинах и даже спускается в степи. Но от Балхан он, по-видимому, не заходит севернее горного хребта Каспийского побережья. Во всяком случае, в Кубадаге, у Красноводска, его нет. Также он редко встречается на возвышенностях полуострова Мангышлак и в Усть-Урте. Известно, что в Туркестане его вовсе нет. Таким образом, в Азии самая северная граница его распространения — Великий Балхан, куда он проник из Копетдага через Кюрандаг и Малый Балхан. Здесь, как и в Копетдаге, козлы нередко встречаются стадами в 30-40 голов».

Безоаровый козел водится также на многих островах Средиземного моря и, может быть, на высоких горах Греции. Исследования ставят вне сомнения, что Гомер имел в виду именно это животное, когда описывал остров циклопов: «Бесчисленное множество козлов бродит по нему в диком состоянии, потому что никогда человеческая стезя не вспугивает их»*.

* *Естественный ареал безоарового козла охватывает восток Средиземноморья и запад Азии — от Греции и Кавказа до гор Средней Азии, Ирана и запада Индии. Выделяют несколько подвидов. В России вид обитает на восточном Кавказе, на высотах 500-3000 м; занесен в Красную книгу. Сохранилось менее 1500 голов.*

О жизни безоарового козла на островах делает сообщения Эргард, которые впоследствии были подтверждены Сандвитом. На Крите до сих пор находят в значительном количестве безоарового козла, который водится в горах, но в особенности на Иде, возвышающейся на 2456 метров над уровнем моря, и в ее окрестностях. Обыкновенно стада собираются в 40-50 голов; ко времени же спаривания, т.е. в половине осени, они разбиваются на маленькие группы в 6-8 голов. Коза рождает большей частью еще до наступления весны двух, редко трех детенышей, которые со дня своего рождения присоединяются к стаду, где находится их мать. Пища диких козлов состоит из всевозможных, как сочных, так и сухих, трав, но с особенной любовью они ощипывают каперсовые кусты. На Антимелосе безоаровый козел издавна жил значительно меньшими стадами, чем на Крите, а в последних годах встречается лишь одиночно; такое быстрое уменьшение следует приписать не столько охоте, сколько несчастной случайности, так как бараны, с годами перебравшиеся для пастбы на этот остров, заразили козлов чумой, от которой многие и околели. Так как на ограниченной площади этого маленького островка не растет ни деревца, ни кустика, то, по Эргарду, пища козлов может состоять лишь из в изобилии растущих по всем островам колючих трав: тамариска, тимьяна, зольника, перечной травы и т. п.

В западной Азии, где безоаровый козел водится в большинстве случаев в изобилии, он держится, по Кочи, в горном поясе на высоте 1500 метров преимущественно в тех горных местностях, где вокруг голых утесов растут зонтичные растения с желтыми цветами, составляющие их главную пищу. По сообщениям турецких охотников, называющих безоарового козла «гейик», а старого козла — «токе», он, подобно козерогу, любит держаться на вершинах гор поблизости от вечных снегов и глетчеров. По другим сообщениям, животные рано утром уходят из леса, где проводят ночь, на вершины гор, пасутся там на высоких склонах, часто в непосредственной близости от глетчеров, а вечером снова возвращаются в леса.

По образу жизни, нравам и по характеру безоаровый козел напоминает козерога. Быстро, беззаботно бегаёт он по самым опасным тропинкам, стоит иногда по целым часам на выступе скалы и, не испытывая головокружения, смотрит в ужасную бездну, превосходно лазает, делает опасные прыжки с большой смелостью и ловкостью. Он в высшей степени осторожен и умеет избегать опасности. Внешние чувства его развиты в совершенстве: он чует на огромном расстоянии и слышит малейший шум. Умственные способности стоят приблизительно на такой же степени развития, как и у козерога.

Во время спаривания, которое бывает в ноябре, козлы упорно и ожесточенно дерутся между собой, о чем свидетельствуют зазубрины на рогах и отбитые от них осколки. Роды наступают в апреле или мае; молодые козы рожают по одному или по два детеныша, старые обыкновенно двоих, а нередко также и троих.

Козлята следуют за матерью тотчас после рождения, на третий день своей жизни идут вместе с ней по самым опасным тропинкам, растут быстро и, как все козлята, очень любят играть и возиться.

В западной Азии у безоаровых козлов масса врагов в лице хищных животных. Пардовая рысь и пантера в Тавре, тигр и лев в горах Персии опасны взрослым козлам, а орлы и бородатый ягнятн и к повсюду преследуют козлят. При восхождении на высокий Демавенд в северной Персии Кочи случайно был свидетелем сцены преследования тигром безоаровых козлов, которые из страха перед злым врагом утратили свою обычную осторожность и смешались с пасущимся стадом мулов этого путешественника, надеясь найти здесь защиту. Только один из погонщиков в испуге указал на тигра, который был виден на возвышенности на расстоянии почти 500 шагов.

Суеверие, существующее и по настоящее время, хотя давно уже опровергнутое, служит причиной того, что человек во многих странах Азии усердно преследует этих резвых жителей гор. Думают, что в желудках убитых безоаровых козлов чаще, чем у других жвачных, находят именно тот «камень», который послужил поводом к названию этого козла «безоаровым». Потому повсюду, где еще верят в чудодейственную силу безоарового камня, ведется истребительная война против его

производителей. С древних времен восточные властелины присвоили себе право торговли безоаровыми камнями. Еще старый Бонциус знал, что эти чудесные камни вовсе не имеют приписываемого им целебного свойства. Румф рассказывает, что индусы смеются над европейцами, которые утверждают, что безоаровый камень находят в желудке дикого козла, тогда как они со своей стороны хорошо знают, что это лекарство добывается из желудка обезьян. Известно также, что сейчас пользуются безоаровыми камнями, добытыми не только от козлов, но и от всякого другого жвачного животного. Несмотря на это, гнусное шарлатанское средство ценится очень высоко в Индии и Персии, из-за него предприимчивые охотники продолжают истребление безоаровых козлов.

Ни на островах Средиземноморья, ни на Кавказе, ни в Тавре, по-видимому, ничего не известно о целебном свойстве безоарового камня, и потому здесь преследуют козла исключительно из-за его мяса, шерсти и рогов. На Антимелосе и на Крите охотой на него занимаются только в некоторых местах, притом весьма немногие, хорошо знакомые с горами пастухи, так как охота эта до сих пор еще очень опасна. К этому следует прибавить чрезвычайную живучесть этого зверя, который, даже смертельно раненный, в состоянии бежать по крутым скалистым стенам почти с такой же быстротой, как здоровый, и таким образом большей частью пропадает для охотника. Старые козлы бывают очень смелы и иногда сбрасывают неосторожного охотника в страшную пропасть. В неприступных прибрежных местах охота производится с лодок посредством дальнобойных ружей.

Мясо безоаровых козлов славится своим замечательным вкусом, что и подстрекает пастухов на опасную охоту; только редко им удается убить эту драгоценную добычу, лишь в некоторых хижинах виднеется украшение из рогов убитого козла, как трофеем счастливой охоты. Эргард выражает опасение, что со временем безоаровые козлы совсем переведутся на Антимелосе; зато на Крите Сандвит пророчит им долгое и довольно безмятежное существование, так как на этом острове не встречаются хищные животные, за исключением холзанов и бородатых ягнятников, жертвам и которых делаются только новорожденные козлята.

На Тавре охота начинается лишь тогда, когда многочисленные стада уже покинули горное пастбище, хозяйственные запасы на зиму в домах сделаны и последние полевые работы закончены. Охотники поднимаются в горы до высоких лугов, находят следы диких козлов и залегают тогда на стойку, а если заметят хорошо протоптанные тропинки, то устраивают облаву. Нередко в продолжение многих дней охотники исходят всю гору, не встретив ни одного из этих драгоценных животных, а в другое время с первого раза наталкиваются на группу в 4-12 козлов или коз. Обыкновенный охотник считает себя счастливым, если в течение зимы добудет 4-5 безоаровых козлов.

Польза от этой охоты весьма значительна. Чрезвычайно вкусное мясо дикого козла, напоминающее мясо нашей косули, такое же нежное и мягкое, употребляется то в свежем виде, то в вяленом; в последнем случае его режут длинными узкими полосами, сушат на воздухе и заготавливают впрок. Длинноволосый мех, добытый зимой, употребляется мусульманами на коврики для молитвы и благодаря своему резкому запаху, который они находят приятным, ценится очень дорого; коротковолосая летняя шкура идет на кожи, рога — на выделку сабельных эфесов, пороховниц и других мелочей; таким образом, убитый безоаровый козел доставляет немало барышей.

Заслуживает упоминания **винторогий козел** (*Capra falconeri*). Он, по всей вероятности, содействовал происхождению породы наших домашних коз. Винторогий козел по величине не уступает альпийскому козерогу; общая длина его тела равняется 1,55 м, из которых 18 см приходится на хвост; высота в зашейке 80 см. Кинлох, так же как и Стерндаль, недавно определил высоту в плечах гораздо большую: первый из них считает ее в 110 см, а второй даже в 115 см. Из этого выходит, что винторогий козел гораздо крупнее альпийского козла и вообще может считаться самым большим из всех козлов*.

* *Винторогий козел (подвид Orthaeogoceros) в холке достигает 90 см, самцы весят 80-120 кг, самки 40-60 кг.*

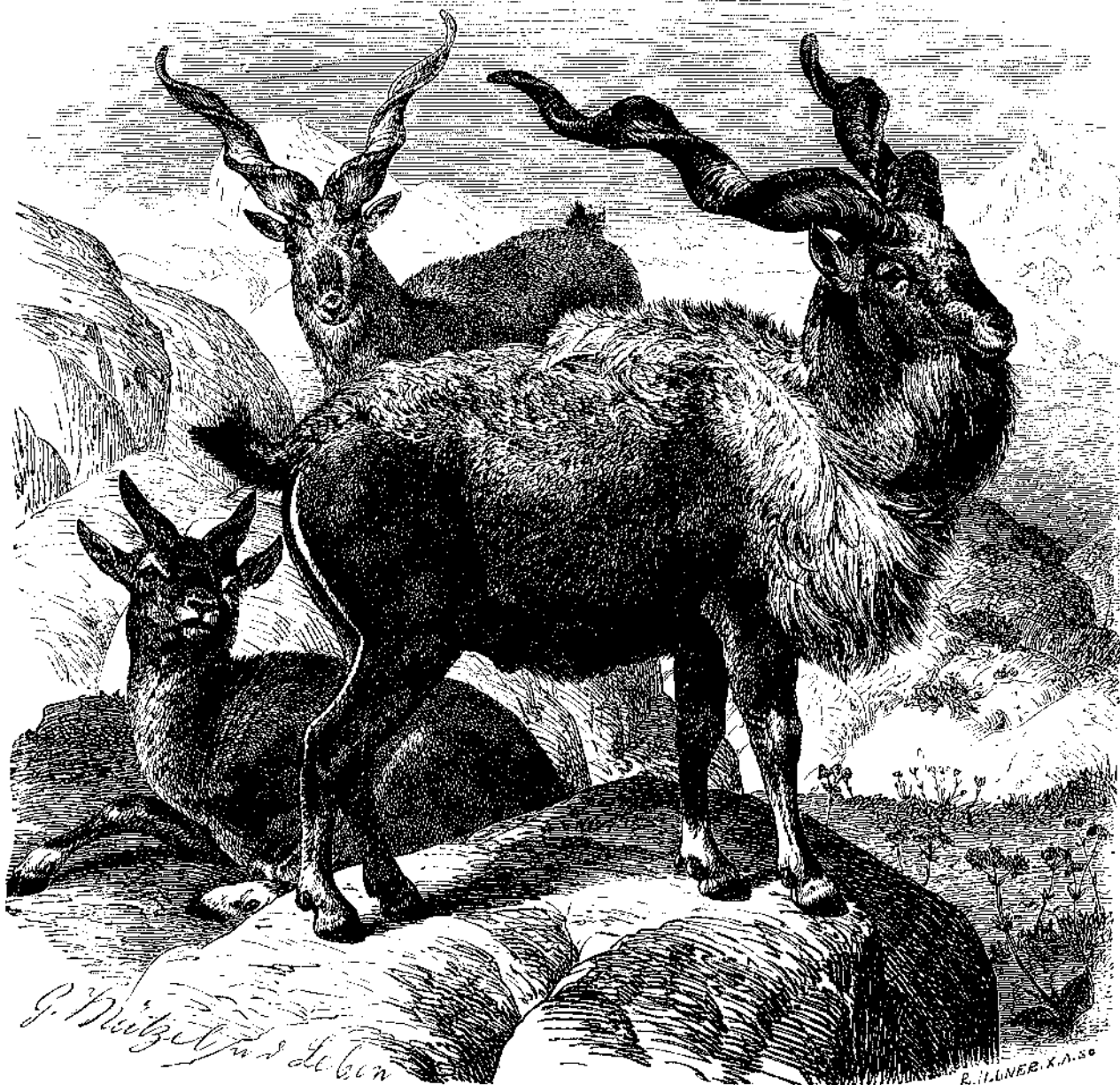
Туловище его, опирающиеся на средней высоты ноги, можно назвать скорее стройным, чем толстым, шея довольно длинная, но сильная, голова относительно большая, уши маленькие, заостренные, хвост средней длины. Мех густой, у самцов очень густая борода и длинные волосы на затылке и на груди; у самок борода меньше, а на груди совсем нет свешивающихся гривой волос. Но самое замечательное в этом козле — его тяжелые своеобразные рога. Рога козы длиной в 25 см, сплюснутые и тупые; у козла, если высчитать все изгибы, они могут достигать в длину 1 м. В поперечном разрезе рога представляют форму половины яйца, по обоим краям которого идет валькообразный кант. У корня они сходятся очень близко, затем идут вверх и назад и закручиваются в виде винта с внутренней стороны к наружной, то на более узком, то на более широком расстоянии, описывая полтора-два оборота. Рога покрыты поперечными валиками, годовые кольца врезаются

глубоко. У некоторых козлов рога походят на штопор, у других обороты шире, хотя и не теряют своей винтовой формы. В первом случае они поднимаются от головы почти отвесно и прямо; во втором — более изгибаются назад и наружу, сплющиваются и получают своеобразную форму.

Мех так значительно удлиняется на верхней части шеи, на плечах и вдоль спины до крестца, что принимает вид гривы, но особенно разрастается он на передней стороне, где образует не только густую бороду, но свешивается ниже шеи и по всей груди в виде бахромы; у старых козлов волосы висят далее до ступней. От спины к животу они постепенно укорачиваются; у ног, как и на носу, они совсем короткие. Длинные волосы меха волнисты, а короткие гладки и ровны. Смотря по времени года, окраска их меняется. Летом преобладает светло-чалый или светло-серо-бурый цвет, который на верхней части головы и на ногах делается темнее, борода же и хвост, обросший с обеих сторон волосами, темно-бурого цвета. К зиме концы бледнеют, и густо разросшийся подшерсток выступает тогда сильнее, отчего весь мех кажется гораздо светлее, чем летом. Рога светло-серого цвета, копыта и ложные копыта черные. Коза значительно меньше козла, но не отличается от него по окраске.

Винторогий козел был открыт в первый раз бароном Гюгелем на высочайших горах Тибета, и название получил в честь его друга Фальконера; под этим названием он и был описан в 1839 году Вагнером. В 1840 году с этим козлом ознакомился Винь и также описал его.

От обоих путешественников мы узнаем, что этот козел живет на высочайших горах своей родины, также показывается на низких, но неприступных скалах поблизости от воды, откуда и произошло его местное название «тзура» (вода); туземцы думают, что он ест змеи, почему они называли его «маркур» (змееед). Первое обстоятельное сообщение об этом животном дает Адаме.

Винторогий козел (*Coptos capra falconeri*)

Отечеством винторогого козла служат западная часть Гималайских гор и северный Афганистан, может быть до самой Персии. Он водится в Солимановых горах и, по всей вероятности, в Гиндукуше, по всему Кашмиру и еще восточнее, на тибетской стороне Гималаев*.

* *Ареал винторогого козла охватывает горы севера и северо-запада Индии. Пакистана, Афганистана и Таджикистана в верховьях Амударьи.*

Внутри посещенной Адамсом области встречается маленькими группами, обыкновенно на бедных растительностью скалах, выше или ниже, смотря по времени года. Образ жизни винторогого козла сходен с жизнью всех диких козлов. Относительно народного поверья, характеризующего винторогого козла как змеееда, Адаме напрасно старался найти доводы, объясняющие это поверье, и узнал только, что оно распространено между всеми горными жителями. Кинлох тоже не добился доказательства, которое подтверждало бы справедливость такого мнения, но, во всяком случае, не опровергает его.

Блайт признает в винторогом козле не что иное, как одичалую породу домашнего козла, но Адаме самым положительным образом опровергает это мнение и рассматривает его скорее как родоначальника нашего домашнего козла; новейшие исследователи соглашаются с ним. Наблюдения, сделанные над животными, которые в новейшее время снова были доставлены в Европу и даже размножались в разных зоологических садах, более содействовали подтверждению последнего взгляда, чем первого, так как винторогий козел производит впечатление первобытного, а не перерожденного животного. Он проявляет те же качества, как и его родичи, такую же силу, ловкость и проворство, такую же предприимчивость, резвость и любовь к борьбе и все прочие отличительные черты характера остальных диких козлов, ни в чем не отличаясь от них. В молодости веселый, задорный и игривый, но при этом все-таки осторожный и даже в некоторой степени робкий, с возрастом он все больше и больше принимает упрямый, вызывающий характер, свойственный всем козлам.

Домашний козел (*Capra hircus*). При попытке выяснить вопрос о происхождении нашей домашней козы и ее чрезвычайно многочисленных пород история и предания оставляют нас в потемках. Безоаровый и винторогий козел, разумеется, имеют больше всего прав считать себя праотцами этого полезного домашнего животного; но мы не можем определить, когда тот или другой вид был приведен в домашнее состояние, имело ли место скрещивание между обоими родами, когда впервые это случилось и как образовались настоящие признаки породы. Во время первого каменного периода домашняя коза в Швейцарии встречалась чаще барана, но эта столь древняя порода ни в каком отношении не отличалась от живущих в настоящее время на Альпах обыкновенных коз. На египетских памятниках мы можем сделать почти такие же наблюдения. «Мы находим, — замечает Дюмихен, — египетскую козу, изображенную на всех древнейших памятниках. Насколько простираются наши знания, мы узнаем посредством рисунков и надписей, что с древнейших времен коз причисляли к домашним животным древних жителей долины Нила, во всякое время они были главной составной частью их стад. В изображениях и надписях постоянно говорится о козах и козьих стадах, о пастбищах и пастухах, о молоке и мясе коз, об их мехе и коже, из которой перед повсеместным употреблением папируса, следовательно в древнейшие времена египетской истории, изготовлялся материал для письма. Когда в истории говорится о древних документах, то нередко означает, что они были писаны на козлиной коже. Слово «ар» выражало в египетских письменах понятие «коза» и равным образом «козья кожа». Оно писалось в обоих случаях одинаково и различалось только стоящим после слова определенным знаком. Одна замечательная надпись в библиотеке при храме Едфу говорит, что там выставались многочисленные ящики, содержавшие в себе папирусные и кожаные свитки. Последние и здесь обозначены словом «ар». На могильных памятниках Гизеха, в Сауйете-эль-Мейтине и Бени-Гассоне, в Сеуте, Фивах и Эль-Кабе, всюду встречаются изображения коз на рисунках, характеризующих жизнь древних египтян как сельских хозяев».

Домашний козел (*Capra hircus*)

Из вышесказанного следует, что домашние козы существовали с самых древних времен и что они ничем не отличались от живущих в наши дни; это постоянство пород и затрудняет точное определение их происхождения. Необыкновенная многочисленность пород не дает в настоящее время возможности составить их полное перечисление, не говоря уже об их строго научном и ясном описании*.

* По прежнему считается, что в становлении домашней козы (*C. hircus*) в разной мере участвовали безоаровый и винторогий козел. Предполагают, что одомашнивание козы произошло около 9500 лет назад на территории Ирана.

Совершенно бесполезно, если бы даже размеры нашей книги и позволяли, пространно описывать все эти бесконечно разнообразные породы; тем не менее о некоторых из них мы в кратце поговорим.

Самая благородная из всех пород, конечно, ангорская коза, которая, по мнению некоторых натуралистов, потомок винторогого козла. Это прекрасное крупное животное с вытянутым стройным туловищем, с сильными ногами, короткой шеей и головой, со своеобразно закрученными рогами и с удивительным мехом. Преобладающая окраска меха у этой породы — ровная блестяще-белая; изредка встречаются экземпляры, у которых по светлому фону разбросаны темные пятна. Летом руно вылезает большими клочьями, но быстро вырастает снова. Французские скотоводы нашли, что руно одной ангорской козы весит от 1,25 до 2,50 кг.

Ангорская коза, по-видимому, была неизвестна древним. Белой первый упоминает об этой густошерстой козе, руно которой тонко, как шелк, и бело, как снег, и употреблялось на изготовле-

ние камлота. Название свое она получила от одного маленького турецкого городка — Ангоры в Анатолии (Малой Азии), который древним был известен своим торговым значением под именем Анкиры. Родина этих коз — в стране с сухим и жарким летом и очень холодной зимой, хотя зима продолжается три или четыре месяца. Когда в горах нельзя более найти пищу, коз переводят в скверные хлева. В жаркое время года руно моют и вычесывают несколько раз в месяц, чтобы подержать его красоту и вызвать лучший рост.

Количество коз, разводимых в Анатолии, достигает полумиллиона. На одного козла приходится почти сотня коз и даже более. Стрижка происходит в апреле, затем шерсть, так называемый мохер, упаковывается. Одна Ангора доставляет почти миллион килограммов шерсти стоимостью на 3,6 миллиона марок. Часть ее расходуется на месте и идет на изготовление толстых материй для мужского платья и тонких — для женского, также на выделку чулок и перчаток; вся остальная шерсть идет в Англию. В Ангоре почти каждый житель занимается торговлей шерстью. Наблюдения показали, что тонкость руна уменьшается с возрастом козы. У годовалых животных руно замечательно нежно; уже на второй год оно ухудшается; с четвертого же года быстро утрачивает свои прежние качества, а шести годовалую козу следует убивать, потому что она совсем не годна как производительница шерсти.

Почти столь же драгоценна **кашмирская коза** — довольно маленькое, но очень стройное животное, длиной приблизительно в 1,5 м, а высотой в плечах 60 см. Длинные, прямые, тонкие и гладкие волосы ости прикрывают короткий, необыкновенно тонкий, мягкий и пушистый подшерсток; только морда и уши покрыты короткой шерстью. Окраска изменяется. Обыкновенно все туловище серебристо-белого или чуть желтоватого цвета; впрочем, встречаются и одноцветные кашмирские козы: чисто-белые, бледно-желтые или светло-бурые, а также темно-бурые и черные. У животных со светлой окраской подшерсток белый или беловато-серый, при темной же окраске меха он пепельно-серый. От Тибета область распространения этой красивой козы простирается через Бухару до киргизских степей. В Бенгалию она завезена; в Тибетских горах, откуда ее не сгоняет даже зима и самые жестокие холода, она попадает часто.

Французский доктор Бернье, находясь в 1664 году в свите Великого Могола, посетил Тибет. Он узнал, что шерсть, идущую на изготовление ткани, доставляют два вида коз, из которых один живет в диком состоянии, а другой — в домашнем. Впоследствии армянский купец, ездивший в Кашмир по поручению одного турецкого торгового дома, сообщил, что ту тонкую шерсть, какую употребляют кашмирские ткачи, доставляют козы, живущие исключительно в Тибете. Козлы дают шерсти больше, чем козы, но зато не такую тонкую. Стрижка животных происходит в мае и июне. Полученную шерсть очищают, отделенные волосы ости идут на изготовление обыкновенных материй, а подшерсток подвергается вторичному старательному пересмотру и сортировке. Большой спрос существует на чисто-белую шерсть, которая обладает блеском и красотой настоящего шелка. С одного животного снималось около 0,3-0,4 кг годного к употреблению пуха.

Во время владычества Великого Могола в Кашмире находилось 40 000 заведений, где ткались шали; но постепенно эта значительная отрасль промышленности ослабела, так что из 60 000 рабочих, которым эти ткацкие заведения доставляли средства к существованию, многие вынуждены были эмигрировать из-за недостатка заработка на месте. И по сейчас ткацкое производство в Кашмире не может поправиться.

Теперь следует упомянуть о **нильской, или египетской, козе**, которая так часто попадает на изображениях египетских памятников. Величиной она заметно уступает нашей домашней козе, только у нее ноги выше, а рога короче; но особенно отличается она маленькой головой и горбатым носом. Рогов обыкновенно нет у обоих полов, а если есть, то они маленькие, тонкие, в виде пеньков; бороды я также не видел у тех коз, которых мне пришлось наблюдать. У нее относительно маленькие глаза, тонкие, щелевидные ноздри, тонкие, тупо-округленные и плоские уши длиной почти с голову и висящие в виде лопастей, отвислые сережки на шее. Гладкая, ровная, большей частью яркая рыже-бурая окраска меха переходит на бедрах в более желтую. Аспидно-серые или пятнистые нильские козы принадлежат к редким явлениям. Пятна обыкновенно круглые и светлее основной окраски.

Это животное разводится повсюду в нижней долине Нила и распространяется до средней Нубии.

Карликовая коза — животное не более 70 см длины, 50 см высоты в загривке и не больше 25 кг веса — представляет собой грациозное создание. Туловище этой козы, опирающееся на короткие и сильные ноги, сжатое; относительно широкая голова носит у обоих полов короткие, только в палец длиной рога, которые у корня слегка загибаются назад и наружу, а в своей верхней трети

чуть-чуть заворачиваются вперед. Довольно короткий, но густой мех имеет темную окраску, в которой преобладают смешанные черный и рыжевато-чалый цвета. Бывает, что все тело испещрено по темному фону белыми пятнами или крапинами. Череп, затылок, переносье и полоса, идущая вдоль спины, обыкновенно черные, бока беловато-чалые. От горла спускается на грудь черная полоса, которая здесь разделяется и идет по плечам, окружая их до зашейка. Широкая белая полоса проходит через середину темного брюха. Рыжеватые, желто-бурые и совершенно черные карликовые козы встречаются редко.

Отечеством этой породы мы могли бы признать все местности, лежащие между долинами Белого Нила и Нигера. В долине Белого Нила я встречал карликовых коз в большом количестве; Швейнфурт находил эту породу и еще другую, стоящую близко к ней, до нижней Африки. Несомненно, что эти козы заходят в западные береговые местности.

Домашние козы в настоящее время распространены почти по всей земле, они живут у всех народов, ведущих мало-мальски оседлую жизнь. Они обитают при самых разных условиях, большей частью как свободные стадные животные, которые днем на воле разгуливают по пастбищам, ночью содержатся под присмотром человека. Одичалые козы встречаются там и сям в южноазиатских горах и на отдельных маленьких островах Средиземного моря.

Многочисленные козы острова Робинзон-Крузо в Тихом океане происходят от нескольких особей, которых там водворил в 1563 году Хуан Фернандес, открывший этот и рядом лежащие острова. Эти козы необыкновенно размножились в новом, вполне соответствующем их привычкам гористом отечестве. Они стали служить желанной добычей для пристававших к этому острову судов, в том числе и врагов испанцев. Тогда испанцы, чтобы истребить коз, напустили на остров собак. Эти последние так значительно уменьшили численность коз, что лорд Ансон, который в 1741 году провел на острове два месяца, с июня до сентября, вместе со своей эскадрой, сильно заболевшей цингой, насчитал только 200 голов, живших небольшими стадами в 20-30 штук. Лорд Ансон описывает в качестве очевидца, как находившиеся на острове одичалые собаки нападали на коз и как те защищались. Он заметил на вершине стадо коз. Когда те увидели собак, то отступили на другое место по тропинке, которая шла по узкому карнизу. Здесь выступил козел-вожак и стал в выжидательном положении, готовый каждого преследователя свергнуть в пропасть. Собаки приблизились на 20 или 30 шагов, но не отважились ступить на опасную, хорошо защищенную тропу и улеглись на земле, окончательно отказавшись от своего намерения. В отношении людей козы держались так осторожно, что команда Ансона едва могла добыть одну козу в день. Когда 25 лет тому назад Пехуель-Леше посетил этот остров, там уже не попадались одичалые собаки, а коз, несмотря на то, что на них усердно охотились, было больше.

чем во времена лорда Ансона. Они выглядели очень робкими и держались исключительно на неприступных местах. Окраска их была красновато-бурая, только изредка попадались отдельные экземпляры с грязно-белыми пятнами или крапинами, как у оленей. А. Эрмель, посетивший в 1885 году остров Робинзон, сообщает, что колонисты в настоящее время усердно занимаются не совсем безопасной охотой на коз с огнестрельным оружием и выдрессированными для этой цели собаками. По его словам, соседний с этим и не населенный вследствие своей неприступности остров также изобилует козами. При случае охотились и на нем, особенно когда буйные каторжники были переведены туда с острова Робинзон, который служил местом ссылки преступников из Чили*.

** В мире около полумиллиарда домашних коз, половина из них приходится на Азию, треть на Африку. Число пород точно не установлено.*

Коза создана для гор. Чем гора круче, уединеннее и неприступнее, тем лучше она себя там чувствует. На юге Европы и в прочих умеренных странах других частей света, бродя по горам, трудно не встретить стада этих животных. Они способствуют оживлению самых пустынных скал и умеют делать привлекательными самые унылые местности. Это резвое, веселое, любопытное, задорное создание, расположенное к забавным шалостям, может доставить большое удовольствие всякому наблюдателю. Ей незнакомо головокружение, и она с полным спокойствием идет или ложится на узком карнизе над самой опасной бездной. Ужасны бывают схватки, происходящие между рогатыми козлами, которые в первый раз сходятся друг с другом. Треск сталкивающихся рогов раздается на далеком расстоянии. Они беспощадно бодаются прямо в глаза, в морду, в брюхо — одним словом, куда попало и, кажется, совсем не чувствуют боли; подобные драки, продолжающиеся часто по четверти часа, не оставляют других следов, кроме красных глаз.

Козел всем своим поведением выказывает важность и сановитость и отличается от коз положительной отвагой и большой резвостью. В высоких горных областях Испании коз благодаря их уму используют в качестве проводников в стадах овец. Дорогие овцы-мериносы пасутся там в про-

должение всего лета, на юге Испании часто на вершинах, лежащих на высоте 2000-3000 м над уровнем моря. Здесь пастухи не могут обойтись без коз. В Греции козы почти единственное домашнее двукопытное животное, которое там встречается; они оживляют все горы и издали дают знать о себе путешественнику специфическим запахом.

Во внутренней Африке козы днем также пасутся на открытых пастбищах, но вечером загоняются в так называемые серибы — плетни из колючих растений, где они защищены от нападения хищных животных. Из всех коз, которых я изучал, карликовая коза показала мне наиболее подвижной и ловкой, так как, к моему немалому удивлению, она доказала, что жвачные животные могут забираться на деревья. Привлекательное зрелище представляется глазам наблюдателя, когда 5-10 таких маленьких коз сидят на верхушке большой акации. Какой-нибудь косо наклоненный ствол дает им возможность влезть на дерево, а там сучья и ветки образуют дальнейший путь к вершине. Часто это смелое создание можно видеть в положениях, которые почти невероятны для жвачного животного: коза стоит четырьмя ногами на сучке и, беспечно покачиваясь на таком шатком помосте, не только поддерживает равновесие, но при необходимости даже тянется или нагибается, чтобы достать сочный лист мимозы.

В западной Африке козы тоже бегают на воле, взбираются на низкие деревья с косыми стволами и перелезают даже через поперечные загородки, но там, где попадают леопарды — их злейшие враги, по ночам их старательно стерегут. Они преданы своим хозяевам, а также и европейцам. Путешественник, который ведет караван коз, только в начале пути должен позаботиться о них, потому что через несколько дней козы свыкаются с караваном. По ночам они доверчиво толпятся вместе с людьми у лагерного очага и выискивают наиболее уютное и тепленькое местечко. В общем они отважны, упрямы и выказывают себя лакомками при выборе пищи.

В Америку коз завезли европейцы. В настоящее время они распространены как в Северной, так и в Южной частях Нового Света. Однако их разведением не везде занимаются с одинаковым усердием, в некоторых местах это дело совсем в заброшено, например в Перу, Парагвае, в Бразилии и Суринаме, тогда как в Чили, напротив, о нем очень радеют. В Австралию это полезное животное также ввезено и достигло там значительного распространения.

По сделанным наблюдениям, в Германии коза ест из 576 сортов местных растений 449. При еде особенно ярко выступают ее непостоянство и прихотливость: она вечно бросается на новое кушанье, пощипывает везде всего понемножку, пробует и лакомится то от того, то от другого растения и никогда не бывает удовлетворена. Особенно она падка до древесной листвы и поэтому наносит лесному хозяйству значительный ущерб. Надо удивляться, что она без всяких дурных для себя последствий ест растения, которые безусловно вредны другим животным, таковы: молочай, чистотел, волчец и колючник, и с большим удовольствием лакомится курительным табаком и старыми окурками.

Коза уже с полугодовалого возраста способна к размножению. Половое возбуждение, продолжающееся обыкновенно от сентября до ноября и иногда вторично проявляющееся в мае, сопровождается постоянным бляением и помахиванием хвостом. Если желаниям ее оказывают в это время препятствие, то она слегка заболевает. Козел в своем цветущем возрасте, т.е. когда ему от двух до восьми лет, во всякое время готов к услугам сотни коз. Спустя 21-22 недели после спаривания коза производит на свет одного или двух, реже трех и только в виде исключения 4 или 5 детенышей. Через несколько минут после рождения козлята приободряются и начинают искать материнское вымя; на следующий день они уже бегают, а через 4-5 дней всюду следуют за своей матерью. Растут они очень быстро: на втором месяце прорезаются рожки, а по прошествии года козлята достигают почти полного роста.

Коза во многих местностях может быть справедливо названа добрым другом бедных людей. Содержание ее обходится дешево, летом же сводится к нулю, а между тем она снабжает дом молоком, шерстью, а также доставляет навоз для полей. Ленц, который добросовестно делал наблюдения за удоями коз, нашел, что каждая коза при хорошем корме может дать в год 942 литра молока.

Кроме молока и выделяемого из него масла и сыра, имеющего большое распространение в Греции, коза приносит пользу мясом, шкурой и рогами. Мясо молодых козлят очень вкусно, хотя иногда чересчур уж нежно; мясо старых коз тоже недурно; и если мы не умеем ценить его так, как другие народы, то этим только оправдываем известную пословицу: «На вкус и цвет товарищей нет». Шкура идет на изготовление сафьяна, реже — на пергамент. Главным местом, доставляющим кожи лучших сортов, является Восток. Из шкур козлов там шьют брюки и крепкие перчатки, в Греции делают меха для вина, а в Африке — для воды. Всего выше ценятся в кожевенном производстве шкуры обыкновенных капских коз. Грубые волосы меха кое-где употребляются на пригото-

ние кистей или пряжи для вязания. Рога идут на выделку разнообразных вещей, а на Востоке и у полудиких народов так называемые знахари употребляют их как кровопускательное средство. Таким образом, это превосходное животное оказывает пользу как при жизни, так и после смерти.

Строением тела бараны стоят необыкновенно близко к козлам. Но отличаются присутствием слезных ямок, плоским лбом, угловатыми, почти трехгранными спирально закрученными рогами с поперечными складками и отсутствием бороды. В общем это — стройно сложенные животные с худощавым туловищем, тонкими, высокими ногами и коротким хвостом, с головой, сильно суженной спереди, умеренной величины глазами и ушами и косматым или шерстистым мехом. В скелете не заметно значительного различия между ними и козлами, а также антилопами и оленями. Внутреннее строение тела не представляет никаких особенностей*.

* *Бараны (роды Ammotragus, Pseudois, Ovis) очень близки к козлам, но имеют довольно высокие тонкие ноги и более длинную шею. Придерживаются открытых ландшафтов плато, плоскогорий, пологих склонов, равнин. Турниры между самцами заключаются в сшибании лбами с разбега, дистанция между соперниками составляет 5-15 м, скорость сближения может достигать 70 км/ч, а звук удара слышен за 1,5 км. Особое устройство черепа с пневматическими полостями позволяет избежать сотрясения мозга. Многие подвиды и популяции баранов находятся на грани исчезновения и нуждаются в охране.*

Все дикие бараны живут в горах северного полушария. Область их распространения — Азия, южная Европа, Африка и Северная Америка. Каждая горная цепь в Азии имеет свой вид или даже несколько видов; напротив, Европа, Африка и Америка очень бедны баранами и, насколько до сих пор известно, имеют лишь по одному виду. Многие виды очень близко подходят друг к другу и различие основано главным образом в устройстве рогов, величина и изгиб которых рассматриваются как характерные признаки. У некоторых правый рог загибается от корня к концу влево, а левый — вправо: тогда концы рогов выступают наружу; у других правый рог загибается в правую сторону, а левый — в левую.

Все бараны — настоящие жители гор и, по-видимому, лучше всего чувствуют себя на значительных высотах; большая часть поднимается выше границы вечных снегов, некоторые даже на возвышенности, стоящие на 6000 и 7000 м над уровнем моря, где, кроме них, могут существовать лишь козлы, один из быков, кабарга и некоторые птицы. На равнинах живут только домашние овцы. Местожительством диких баранов служат изобилующие травой пастбища или редкие леса, крутые скалы и пустынные отлоги, среди которых только кое-где попадает кустик. Смотря по времени года они переходят с места на место, с вершин в лощины и обратно. Лето заманивает их наверх, а холодная зима загоняет в более теплые места, потому что на высотах им нечем уже питаться. Пища баранов состоит летом из свежей, сочной альпийской растительности, зимой из мха, лишайников и сухих трав. Бараны большие лакомки, когда им предоставляется богатый выбор, и довольствуются до крайности малым, если этот выбор скуден: так, зимой сплошь и рядом они поддерживают свое существование только сухими травами, ростками, древесной корой, и такой недостаток в пище почти не отражается на их состоянии.

На баранах более, чем на других домашних животных, за исключением, может быть, только северного оленя, видно, насколько рабство извращает породу. Домашний баран представляет собой лишь далекий намек на дикого. Козел и в неволе сохраняет до некоторой степени самостоятельность, баран же на службе у человека совершенно теряет волю. Резвость и проворство, подвижность и ловкость, умение лазать, осмысленное отношение к опасности и способность предотвращать ее, храбрость и стремление к дракам — все эти свойства характера дикого барана совершенно утрачиваются у домашнего; он противоположностью делается своих прямой свободных собратьев.

Размножение баранов довольно значительно. После 20-25 недельной беременности самка приносит одного или двух, реже трех или четырех ягнят, которые вскоре после своего рождения уже в состоянии следовать за своими родителями. Самки диких баранов защищают детенышей, рискуя собственной жизнью, и выказывают по отношению к ним необыкновенную любовь. Домашние овцы равнодушны к собственным детям, и только бессмысленно таращат глаза на человека, который отнимает от них ягнят, не думая защищаться и оказывать противодействие. В относительно короткое время ягнята становятся самостоятельными и уже к концу первого года своей жизни сами способны к размножению.

Мы начинаем описание диких баранов с того вида, который отсутствием слезных ямок и слабым развитием рогов напоминает козлов. Это **гривистый баран** (*Ammotragus lervia*), представляющий собой благодаря висящей длинной гриве весьма замечательное животное. Туловище у него более сжатое, чем у большинства других баранов; тело очень сильное; шея короткая; голова вытя-

нутая, но красивая, в лобной части широкая, к морде постепенно суживающаяся; переносье прямое. Глаза большие и выразительные благодаря бронзового цвета радужной оболочке, из которой рельефно выступает поперек стоящий зрачок. Уши маленькие, тонкие и с обеих сторон равномерно заостренные; голая часть морды очень мала и узка, на краю ограничена ноздрями. Сидящие на лбу рога сначала наклоняются вперед, потом постепенно загибаются назад и наружу, а концами немного вниз и внутрь. Средней длины, широкий на конце кистеобразный хвост свешивается вниз, так что волосы кисти достигают пяточного сустава; ноги короткие и сильные, копыта высокие, ложные копыта малы и скрыты в шерсти. мех состоит из крепких, жестких, грубых, но не особенно густых волос ости и тонкого курчавого, покрывающего все тело подшерстка. На верхней стороне шеи, на затылке и на зашееке волосы удлиняются в виде торчащего короткого гребня, а спереди и снизу они спускаются до самой земли роскошной густой гривой, которая ниспадает вдоль шеи, на подгрудке разделяется и расходится по обеим сторонам ключицы, продолжаясь по передним ногам. Ниже коленного сустава она пополняется отдельными пучками волос, которые свешиваются спереди кистями как с наружной, так и с задней стороны. Рост волос усиливается вверху по обеим сторонам шеи, где они образуют нечто вроде пушных подушек. Наконец, по краям брюха висит курчавая грива; на остальных частях тела мех развит очень равномерно. Самка отличается от самца главным образом более короткой гривой; рога у нее также довольно большие и сильные. Взрослые бараны достигают общей длины 1,8-1,9 м, включая и хвост в 25 см; высота в плечах от 95 до 100 см; взрослая овца имеет общую длину в 1,55 м при высоте в плечах 90 см; рога у баранов могут быть 70 см в длину, считая все их изгибы, а у овцы 40 см*.

** Самцы гривистого барана достигают в холке 1 м и весят до 140 кг. Обитают в каменистых пустынных нагорьях Северной Африки до Красного моря, юга Судана и Нигера в виде мелких изолированных популяций. Аклиматизирован на юго-западе США, как объект спортивной охоты.*

Уже в 1561 году Кай Британникус описал гривистого барана, мех которого был доставлен ему из Мавритании. С тех пор прошло много времени, прежде чем снова услышали об этом животном; первым после того упомянул о нем Пеннант, а потом Жоффруа Сент-Илер. Последний нашел его в горах, поблизости, Каира; другие натуралисты наблюдали его на Верхнем Ниле и в Абиссинии. Всего чаще попадает он в Атласских горах. Р. Яннаш нашел его в южном Марокко. Относительно образа жизни этого барана ничего не было известно, так что если бы Буври не сообщил мне нижеследующего, то я мог бы познакомить с его жизнью разве только в неволе, потому что во время путешествия мне не попадалось это животное.

"Гривистый баран носит у туземцев южного Алжира общее имя «аруи»; баран называется «фетшал», овца — «масса», а ягненок — «каруф». В провинции Константина животное это держится на южных склонах Аурасских гор; по данным, заимствованным от арабов, оно должно также попадаться в степях, ограниченных этими горами, и даже в песчаной пустыне Вади-Синф. На западе гривистый баран встречается в Джебель-Амуре и в провинции Оран на южном склоне Джебель-Сиди-Шейх. Несомненно, что в наиболее высоких горах Марокканского Атласа он многочисленнее, чем в Алжире, так как неприступность и безлюдность этих гор, могут только привлекать к себе это жвачное.

Гривистый баран (*Ammotragus lervus*)

Баран любит высочайшие скалистые карнизы, куда можно проникнуть только через лабиринты обломков скал и нагромождений валунов, вследствие чего охота на это животное в высшей степени трудна и часто опасна; к тому же она не обещает больших выгод, так как гривистые бараны держатся поодиночке. Только во время течки, которая бывает в ноябре, несколько овец собираются вместе, а к ним присоединяются и бараны; они проводят совместно некоторое время, а затем снова расходятся каждый своей дорогой. Случается, что в пору любви между баранами происходят чрезвычайно упорные схватки. Арабы уверяют, что в таких случаях не известно, чему больше удивляться — то ли упорству, с которым влюбленные бараны по полчаса и больше стоят друг против друга с наклоненной вниз головой, или силе столкновения, когда они ударяют друг друга, или же, наконец, крепости их рогов, выдерживающих такие удары, которые, надо полагать, могли бы размозжить череп слону*.

** Гривистые бараны нередко только имитируют драку. Этот вид лучше других баранов лазит по кручам, объединяется в семейные группы и вне периода размножения. В помёте часто 2-3 детеныша весом по 4.5 кг.*

Пища барана состоит летом из сочной горной растительности, а зимой из лишая и сухих трав; может быть, ему приходится по вкусу некоторые отдельно стоящие низкие терновые кустарники.

Охоту на гривистого барана я представлял себе легче, чем она оказалась в действительности. В сопровождении Али ибн Абея я вышел из оазиса Бискра и взял северо-восточное направление к Джебель-эль-Мелх, той части Аурасских гор, которая круто нависла над равниной и, как обыкновенно бывает, усеяна у подошвы осколками скал, рассыпанными по пустыне иными покатостями. Мы долго плутали и, прежде чем нашли проход между этими горами камней. Несколько часов с большим трудом лезли мы вверх и поднялись наконец на возвышенность, стоящую на 1600 м над уровнем моря; там мы увидели прохладный, весело журчащий источник, манивший нас на отдых. Мы в восторге испили драгоценной влаги и, наклоняясь к источнику, увидели следы. Я знал, что гривистый баран, который сегодня пил здесь, снова вернется сюда. Ночевали поблизости от источника. Утро еще не брезжило, когда мы залегли в засаду. В выжидательном безмолвии пролежали,

должно быть, с полтора часа, как вдруг заметили шедшего медленными шагами прямо на нас мощного барана. Каждое движение его было благородно и горделиво, каждый шаг уверен, тверд и спокоен. Он осторожно искал более отлогий берег и, найдя, нагнул голову, чтобы напиться; тогда сверкнул огонь из обеих наших ружей. Баран с криком упал, но вдруг снова вскочил и с невероятной быстротой бросился вскачь, чего раньше я никогда не видел у этих животных. Подобно серне, уверенно и смело неся он вперед, а мы стояли смущенные и только смотрели ему вслед. Он, очевидно, был ранен и далеко уйти не мог, и потому мы бросились вдогонку. Но проходил час за часом, а мы все еще гнались за бараном; следы привели нас на край утеса, который висел над котловиной в 60 м глубиной. Здесь следы терялись. Араб полез в котловину и едва достиг ее дна, как радостный крик, раздавшийся оттуда, возвестил мне, что мертвый баран лежал внизу.

Судя по годовым кольцам рогов, убитое животное могло иметь 8—10 лет от роду, но как мой араб, так и другие, которых я потом спрашивал, единогласно высказались, что этого барана отнюдь нельзя было считать таким старым*.

* *Продолжительность жизни в неволе 10-12 лет.*

Арабы — большие любители мяса дикого барана, да я и сам должен сознаться, что оно чрезвычайно вкусно; жаркое из дикого барана очень походит по вкусу на оленину. Из меха животного арабы изготавливают одеяла или ковры под ноги; шкуры повсеместно дубят и выделывают из них сафьян».

В новейшее время гривистый баран часто привозится в Европу живым, и теперь уже там он не редкость.

Почти через 160 дней после спаривания самка гривистого барана рождает одного или двух ягнят — маленьких, миловидных, уже через несколько часов после рождения в высшей степени подвижных, очень резвых зверьков, которые благодаря своей страсти к лазанью напоминают козлят. На вторые сутки после рождения они с видимым удовольствием поднимаются на все возвышенности, какие найдут в своей загородке; на второй или третий день проявляют такое проворство и ловкость, которые доказывают, как трудно поймать их на свободе. Первые детские прыжки постепенно переходят в задорную игривость. Мать следит за всеми движениями своего потомства с несколько меньшим равнодушием, какое мы привыкли видеть в домашней овце; она иногда тоже лазает за своими бойкими детенышами или подманивает их к себе блеянием; по этому знаку они почти одновременно старательно ухватываются за вымя, причем сосут так же, как и наши домашние ягнята и козлята, сильными толчками в вымя стараясь добыть по возможности больше молока. При благоприятной погоде вырастают быстро; почти уже с восьмого дня начинают пощипывать отдельные стебельки травы, а через месяц едят всякий корм, какой дают родителям, но все еще сосут и отучаются от молока только около времени спаривания или, вернее, когда мать уже больше не подпускает их к себе.

Муфлон (*Ovis orientalis*)* — единственный дикий баран, который живет в Европе, а именно в горах Сардинии и Корсики.

* *Выделяют три вида горного барана: муфлона (O. orientalis), обитающего в Средиземноморье. Малой Азии, Закавказье; уриала (O. vignei) — жителя Средней Азии, Ирана, Аравии, Кашмира; архара, или аргали (O. ammon), — в высокогорьях Центральной Азии.*

Многие думают, что в прежние времена муфлон водился и в других частях южной Европы, например, на Балеарских островах и в Греции, но это мнение, однако, не могли доказать. В Испании, юговосточная часть которой некоторыми считается родиной муфлона, он более уже не встречается, да, по всей вероятности, никогда и не водился там. Его, думается, перепутали с козерогом. Я с особенным старанием собирал сведения о муфлоне и подробно исследовал все коллекции и удостоверился, что, кроме козерога, никакие другие дикие козлы или бараны не живут на Иберийском полуострове. В настоящее время муфлон, известный у горных жителей под названием «муфроне» — для барана и «муфра» — для овцы, держится все еще стадами, в которых насчитывают иногда до полусотни голов, но обыкновенно меньше. Граф А. Шмизинг-Керсенброок, охотившийся в последнее десятилетие на Корсике, говорит, что хотя там еще много муфлонов, но он не видел и даже ничего не слышал о больших стадах и во время облавы встречал только отдельные экземпляры или по четыре-пять голов за раз и только один раз встретил группу из семи баранов. Древние римляне отличают корсиканских муфлонов от сардинских; Плиний называет первого из них «мусмоном», а второго, как греки, — «офионом».

Из древних источников мы узнаем, что прежде дикие бараны были необыкновенно многочисленны. Иногда на некоторых больших охотах случалось убивать 400-500 муфлонов, в настоящее же время рады, когда убьют одного. Уже в конце прошлого столетия, во времена аббата Цетти, ко-

торому мы обязаны первым жизнеописанием муфлона, считалось в высшей степени удачной охотой, когда убивали 100 муфлонов.

Муфлон (*Ovis orientalis*)

Муфлон принадлежит к самым маленьким видам диких баранов, хотя длина его, включая хвост в 10 см, достигает 1,25 м, высота в затылке 70 см, а вес около 40-50 кг. Рога, считая все их извилины, достигают почти 65 см в длину и от 4 до 6 кг веса. Туловище короче, чем у других диких баранов. Довольно короткий волосяной покров лежит гладко; особенно густой мех зимой, когда короткий, тонкий и курчавый подшерсток сильно разрастается; на груди волосы удлиняются и образуют как бы короткую гриву. Середина спины темно-бурая, остальная окраска красно-рыжая; на голове она переходит в пепельно-серую, а на морде, крестце, по краям хвоста, на концах ног и на нижней стороне тела — в белую. Зимой мех темнеет и переходит в каштаново-бурый цвет; тогда он на боках имеет по резко ограниченному от общей окраски большому, почти четырехугольному, бледно-желтоватому или беловатому пятну. Рога у муфлона сильные и длинные, у корня очень толстые, начиная с середины длины постепенно утончаются и заостряются. На поверхности рогов от корня до кончика выступают 30-40 складок, которые сидят плотно одна подле другой. Самка заметно меньше ростом и отличается более светлой окраской меха и отсутствием рогов; они бывают только в редких случаях и тогда очень коротки, 5-6 см длиной.

В противоположность гривистому барану муфлон жи вет стадам и, п редводител ьство которыми принимают на себе старые, сильные самцы. Это стадо, по словам Мимо, избирает своим местожительством высочайшие горные вершины и устраивает стоянки на крутых, неприступных скалах. Подобно другим стадно живущим жвачным, муфлоны имеют своих сторожей, которые, заметив что-нибудь подозрительное, издают крики ужаса и этим извещают об опасности товарищей, которые тотчас же обращаются в бегство. В пору любви стадо разделяется на маленькие группы, состоящие из нескольких овец и одного барана, который завоевывает себе это положение ценой жаркой битвы. Насколько труслив и боязлив муфлон в обыденное время, настолько он смел в битвах с

себе равными. В декабре и январе в горах часто слышится звук сталкивающихся рогов, и если осторожно подкрасться, то можно видеть, как два сильных барана стоят друг против друга с наклоненными головами и с такой силой набегают один на другого, что просто непостижимо, как бойцы могут удержаться на месте. Нередко случается, что один из соперников бывает столкнут с утеса и низвергнут в бездну.

В апреле или мае, через 21 неделю после спаривания, овца рождает одного или двух ягнят, которые уже через несколько дней с большой уверенностью следуют за матерью по самым опасным тропинкам и скоро сравниваются с ней в ловкости. На четвертом месяце у молодых барашков прорезаются рожки, к концу первого года муфлоны уже готовы к спариванию, хотя полный рост их и возмужание завершаются только на третьем году.

Движения муфлона живы, ловки, проворны и уверенны, но довольно скоро звери утомляются, по крайней мере на ровной почве; главное их искусство заключается в лазании. Цетти говорит, что муфлон очень боязлив и при малейшем шуме весь дрожит от страха и убегает как можно скорее. Если неприятель загонит его в такое тесное место, где и искусство в лазании не может выручить, то от страха он мочится или, как некоторые думают, умышленно прыскает мочой в своего врага. К врагам муфлона следует причислить волка и рысь; ягнята часто становятся жертвой орлов.

Человек применяет всевозможные средства, чтобы добыть драгоценное животное. Жаркое из муфлона — превосходное кушанье, так как оно соединяет в себе пряный вкус дичи со вкусом баранины. В конце мая для муфлона начинается тучное время, когда он становится почти таким же жирным, как откормленный баран. Кроме мяса пользуются шкурой и рогами муфлонов, но больше всего ценится безоаровый камень, который изредка находят в первом отделении желудка муфлона и употребляют как самое верное и действенное потогонное средство.

Уже древним было известно, что муфлон плодотворно скрещивается с домашней овцой, но они не знали, что ублюдки их, названные «умбрами», так же плодovitы.

Муфлона легко содержать в больших парках и в тесной неволе. Уже в начале прошлого столетия в императорском зоологическом саду близ Вены жили муфлоны в полудиком состоянии, пользуясь совершенно одинаковым уходом с содержащимися там же оленями и кабанам. Так как к ним время от времени подвозили новые экземпляры муфлонов, то они сохранили все привычки и нравы своих диких собратьев: были такими же пугливыми, такими же живыми, как их родоначальники из Сардинии и Корсики, правильно размножались и по справедливости считались редкой и привлекательной дичью.

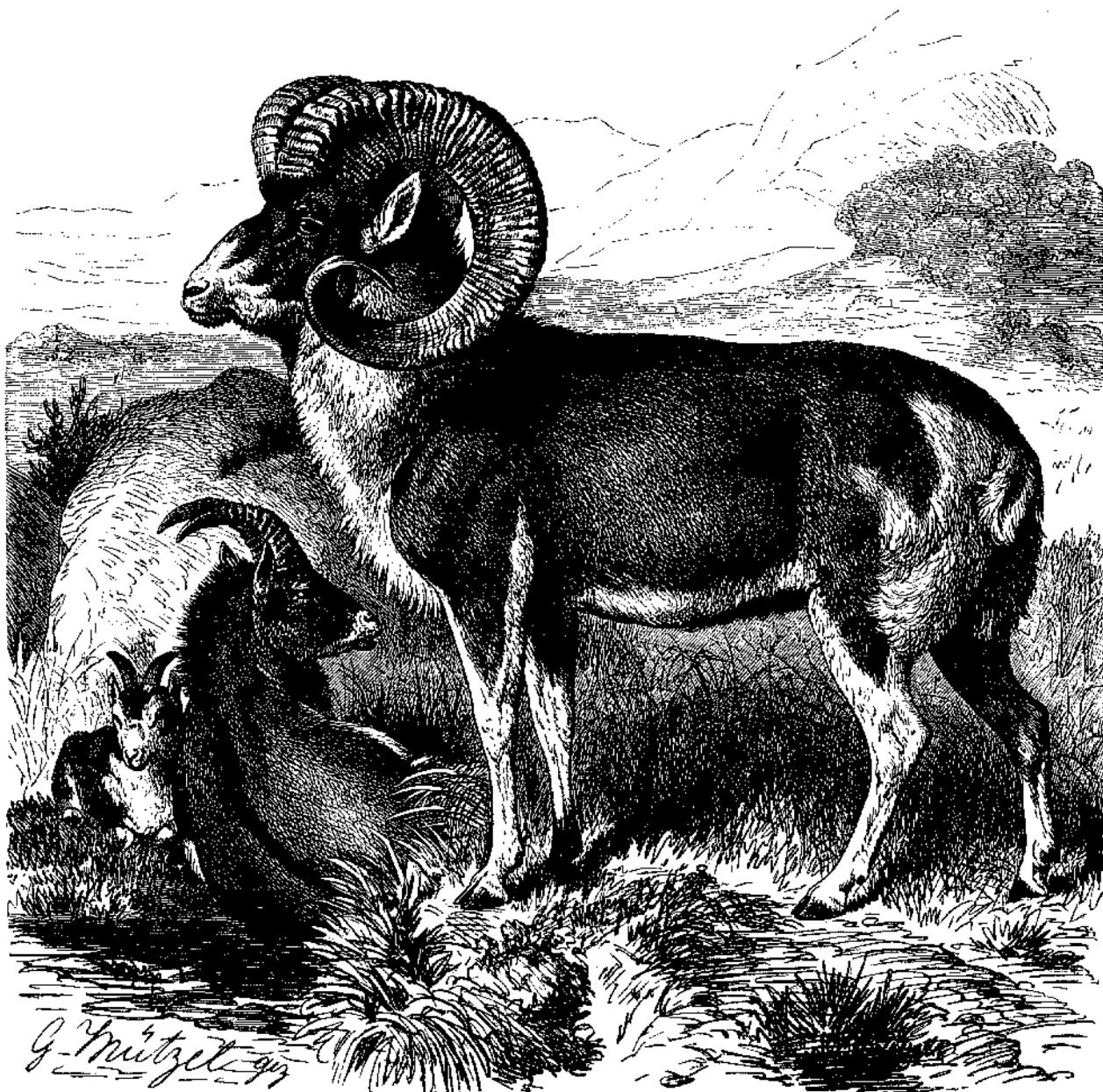
Аргали, или архар (*Ovis аттоп*), представляет собой очень крупного барана размером с девятимесячного теленка. Ноги высокие и стройные, копыта узкие и короткие, скрытые в шерсти неразвитые копыта малы. Могучие трехгранные широкие рога имеют в разрезе треугольную форму. Узкое основание этого треугольника обращено вперед и вверх, а вершина его — вниз; у основания рога стоят тесно прижатые один к другому, затем загибаются сначала назад и наружу, потом вниз и в стороны, концами снова назад и вверх; таким образом, если смотреть на них сбоку, то кажется, что они описывают почти полный круг. Рога от самого основания покрыты рельефно выступающими и охватывающими весь рог волнистыми или переходящими один в другой вальками, в промежутках между которыми заметны глубокие бороздки ростовых колец. Густые, волнистые и хрупкие волосы ости, которые немного удлинены лишь на подгрудке и на зашееке, и тонкий, короткий подшерсток составляют волосяной покров животного. Он распределен по всему телу весьма равномерно, за исключением одного места в плечевой области, позади верхней части плеча, покрытого короткими, жесткими волосами. Преобладающая окраска меха матовая бледно-серая. Общая длина аргали, включая хвост в 11 см, достигает 1,93 м, высота в зашееке 1,12 м. Ширина передней поперечной стороны рогов 7 см, широкая сторона их имеет 14 см; длина рогов, считая все изгибы, 1,22 м, расстояние между концами 93 см. Заметно более слабая по сложению овца аргали походит на барана окраской, рога у нее гораздо меньше, т.е. короче.

Область распространения аргали идет от Алтая до гор Алатау, а быть может, и далее на юг. В пределах очерченных границ он живет не на всех горных хребтах; местами в последнее время истреблен.

Аргали избегает сырых гор, покрытых лесом, и значительных высот. Любимым местожительством ему служат горные хребты от 600 до 1000 м над уровнем моря, если они богаты голыми скалами, имеют склоны со скудно растущими деревьями и долины с широким и ровным дном. Здесь живет он как зимой, так и летом, приблизительно в одной и той же местности, только в виде исключения переходя с одного горного хребта на другой. Там, где архары не подвергаются преследованию, нередко какая-нибудь гора в течение многих лет служит местопребыванием одного стада. Почти до

самого периода случки бараны бродят отдельно от овец. Незадолго до случки они соединяются в маленькие стада не более 15 голов.

Суточное распределение времени у архара отличается замечательной постоянностью. Они животные дневные. Рано утром, не спеша, спускаются по склонам и пасутся у подошвы гор, в седловинах между ними, в широких долинах или на равнинах, расположенных вокруг гор. При этом один из баранов забирается на ближайшую скалу, чтобы караулить, и стоит на страже, смотря по надобности, более или менее продолжительное время. Около полудня стадо собирается на крутом склоне, ложится здесь и, пережевывая жвачку, предается покою. Перед вечером они еще раз отправляются на пастбище, пьют воду, полизав перед этим немного соли, и опять медленно поднимаются на гору, чтобы до наступления темноты добраться до места своего ночлега.

Архар (*Ovis amton*)

Летом аргали употребляет в пищу все те растения, которые ест и домашняя овца; зимой довольствуется мхом, лишайниками и сухой травой. Для этого забирается на вершины скал, с которых ветер сдул снег. Относительно водопоя он разборчивее, чем в пище, каждый раз приходит к определенному источнику, решительно предпочитая его другим. Солончаки посещаются им часто как лакомство, излюбленное всеми жвачными.

Время случки указывают самое разное. По сведениям, которые Пржевальский получил от монголов, самец аргали на юговостоке Гоби уже в августе расположен к случке; по показаниям, которые я получил от киргизов в юго-западной Сибири, — не ранее половины октября. Старые бараны около этого срока занимают определенные места и не допускают сюда тех, которые моложе и слабее их. С равными по силе они вступают в бой из-за места и из-за овец. Бои, которыми заканчиваются ссоры, похожи на поединки домашних баранов.

Аргали-самка через семь месяцев после спаривания рождает одного или двух ягнят; матери помоложе обыкновенно приносят только одного, старые же, напротив, двух. Ягнята заметно больше, чем у домашних овец: длина доходит до 65, а высота в плечах до 54 см. Уже через несколько часов после рождения ягнята всюду следуют за своими матерями, даже по самым трудным тропинкам; они бегают очень скоро и лазают не хуже взрослых. Если в первые дни жизни им угрожает опасность, то по знаку матери они припадают к камням среди скал, прижимая шею и голову к земле, и становятся как бы живыми камнями; таким образом они скрываются от многих врагов, тем более что последние обращают все внимание на старую овцу, которая, продолжая бегство, отвлекает их от своих детенышей. В таком положении ягнята лежат долго и убегают только тогда, когда враг их спугнет. До ближайшего периода случек они остаются в обществе матерей, сосут же до тех пор, пока старые им это позволяют.

Движения архара соответствуют его сильному, плотному и не лишенному грации сложению. Обыкновенный бег — рысь, но самый быстрый способ передвижения, который я видел, галоп, отличающийся необыкновенной легкостью; при этом передняя и задняя части тела животного попеременно высоко вскидываются. Во время бегства овцы аргали, соединенные в стадо, следуют почти всегда одна за другой в один ряд, совсем так, как это делают козероги и серны. При передвижениях по скалам они отличаются силой и ловкостью и в то же время быстротой и решительностью. По словам Пржевальского, рассказы о том, что баран в случае опасности бросается в глубокие пропасти и что при этом он всегда падает на рога, оказываются чистейшим вымыслом.

"Собственные наблюдения убедили меня, что аргали соскакивал с высоты в 6-10 м, но падал всегда на ноги; к тому же он старался даже скользить ногами по скале, чтобы тем ослабить силу падения». Аргали редко действуют необдуманно, редко безрассудно увеличивают или уменьшают быстроту своего бега. Преследуемые, они часто останавливаются, влезают на встречающиеся по пути возвышенности и холмы, чтоб осмотреться, возобновляют бег только при новом приближении врагов; безостановочно мчатся лишь через широкие долины.

Внешние чувства у них, по-видимому, развиты отлично и в равной степени. Они видят, слышат и обоняют прекрасно. Если возможно, то становятся разборчивыми в пище и, по всей вероятности, не обижены природой и осязанием. Они очень уверены в себе; у них можно заметить и некоторую обдуманность в поступках. Аргали, подвергавшиеся неоднократным преследованиям, становятся очень осторожными, однако не пугливыми. При других обстоятельствах они выказывают поразительную доверчивость. Пржевальский в горах Средней Азии встречал таких доверчивых аргали, что охотник мог подойти к стаду до расстояния в 500 шагов, не обеспокоив его. В местностях, где китайцы и монголы из-за недостатка ружей почти не преследуют аргали, последние до того привыкли к людям и к их деятельности, что часто пасутся возле скота монголов и вместе с ними приходят к водопою, несмотря на то, что вблизи разбиты юрты. «Когда мы, говорит Пржевальский, — в первый раз заметили на расстоянии полуверсты от нашей палатки на зеленом склоне горы спокойно пасущееся стадо этих горных животных, то не поверили своим глазам».

Несмотря на это, охота на животных требует большого искусства и меткости охотника и затрудняется тем, что аргали не везде можно преследовать. Подкрасться к нему еще труднее, а между тем выстрел должен быть безусловно смертельным. Дичь эта очень ценится киргизами, и действительно, мясо аргали превосходно, хотя имеет несколько острый вкус.

Взрослых архаров, кроме людей, преследуют тигры, волки, впрочем, в редких случаях успешно. Чаще всего этим хищникам удается захватить ягненка; самый ужасный враг последних — это беркут. Его зоркий глаз не ошибется и в таких случаях, когда ягненок, как уже было описано, превращается как бы в камень; молодое беспомощное млекопитающее безвозвратно погибает, если мать его не возвратится вовремя. В бытность нашу на охоте в Аркатских горах киргизы принесли нам ягненка, растерзанного могучей хищной птицей. Мы видели, как мать спасалась от загонщиков и вслед за тем возвратилась; но достаточно было и этого недолгого отсутствия ее, чтобы беркут успел схватить ягненка.

Знаменитейший путешественник средних веков, Марко Поло, странствовавший в конце XIII века по внутренней Азии, рассказывает, что «в горной стране Памир, на высоте более 4000 м, я видел много диких животных, в особенности гигантских овец». Рога их имели в длину три, четыре, даже шесть ладоней и использовались пастухами как сосуды для сохранения съестных припасов. Многие овцы становятся добычей волков, и потому жители находят множество рогов и костей, из которых пастухи нагромождают кучи для указания дороги путешественникам, когда снег покрывает равнину. В первой трети нашего столетия Берне, в своем путешествии в Бухару, упоминает о том же животном, которое по известиям, полученным им у киргизов, больше коровы, но меньше лошади,

белого цвета, с длинными висящими волосами на подбородке; живет оно на самых холодных высотах. Киргизы любят охотиться за ним из-за мяса, которое ценится дорого, и убивают его стрелами; в случае счастливой охоты необходима пара лошадей, чтобы доставить на место эту огромную тушу. Спутник Бернса Вуд подтверждает показания Марко Поло и прибавляет, что видел труп одной овцы. «Это гордое животное высотой с двухлетнего жеребенка, с большой бородой и двумя великолепными рогами, которые вместе с головой были так тяжелы, что трудно поднять их с земли. Выпотрошенная туша составляла груз, достаточный для небольшой лошади. Мясо его было жестко и неприятно, осенью оно, говорят, гораздо лучше и даже имеет тогда особенный вкус дичины». До новейшего времени мы не имели ближайших сведений о прекрасном животном и лишь Северцову и Пржевальскому пришлось впервые познакомить нас не только с внешним видом и окраской, но и с образом жизни этого самого большого из описанных до сих пор диких баранов. Северцов нашел диких баранов в Тянь-Шане. Здесь он впервые в верхнем течении Нарына встретил следы жвачного животного, известного до сих пор только по рогам, и не только собрал большое количество черепов с рогами, но был настолько удачлив, что убил нескольких. Он дал им название «качкары». Почти одновременно с ним в 1874 году тех же баранов описал и Столичка, а через три года и Пржевальский. Итак, в настоящее время мы имеем о них достаточно полные сведения.

Баран Марко Поло, или качкар (*Ovis amnion polei*), действительно достигает величины, указанной Бернсом. Общая длина взрослого барана, по Столичке, равняется 1,97 м, по Северцову, даже без хвоста 2,04 м; длина головы 35 см и длина хвоста 11 см; высота в плечах 1,2 м, масса его около 230 кг*.

* *Баран Марко Поло, или качкар (O. a. polei), является подвидом архара. Длина рогов достигает 190 см. Распространен на Памире и в прилегающих горах, а в Гималаях живет другой подвид гималайский баран (O. a. hodgsoni).*

Коренастое туловище покоится на крепких, но тонких и потому красивых ногах; голову животное держит всегда высоко, морда выразительная, хотя с несколько вздернутым носом и с висящими губами. Глаза умеренно большие, но живые, с карим зрачком; уши сравнительно малы, узки и заметно заострены; слезные ямки достаточно большие и глубокие. Рога старого барана почти трехгранные, на всей поверхности более или менее бороздчатые, соприкасаются один с другим у основания. Рога постепенно широкой дугой направляются вперед, затем назад, описывают полный круг, потом их сплюснутые концы опять обращены назад и кнаружи. При измерении по всем изгибам они достигают длины в 1,5 м, имея у корней в обхвате 50 см; рога овцы достигают лишь 40 см длины. Шерсть на задней части головы и на затылке удлиняется и образует вокруг шеи гриву из грубых, шерстистых волос длиной в 13-14 см.

В настоящее время еще невозможно установить точно область распространения качкара; кажется, что он живет не только в Тянь-Шане и в северном Тибете, а встречается также на других плоскогорьях внутренней Азии. От своих родичей качкар, по-видимому, отличается тем, что населяет исключительно горные вершины за границей лесов, а не спускается подобно им в местности, лежащие ниже.

Качкар по образу жизни похож на аргали. Пржевальский зимой встречал стада от 5 до 15 голов, в исключительных случаях и по 25-30 особей. В каждом стаде находятся два или три барана, из которых один берет на себя предводительство и руководство над овцами. Овцы, безусловно, доверяют бдительности предводителя; как только он пускается бежать, стадо слепо бросается за ним. Баран обыкновенно идет впереди и время от времени останавливается, чтобы осмотреться; то же делает и все стадо, но при этом сбивается в тесную кучу, и все зорко смотрят в сторону, откуда грозит опасность. По временам для большей предосторожности баран взбирается на ближайшую скалу или холм.

По утрам качкары пасутся на склонах гор или в долинах, но когда солнце поднимается высоко, они укладываются на отдых. Для этого выбирают покатые, защищенные от ветра склоны, имеющие открытый во всех направлениях горизонт; предварительно взрыв почву, они ложатся на землю. При отдыхе всего стада бараны обыкновенно располагаются несколько в стороне, чтобы ничто не препятствовало им наблюдать; если же стадо состоит исключительно из баранов, из трех или четырех, то они располагаются один возле другого, но так, что головы их обращены в разные стороны. Никогда они не забывают о таких мерах предосторожности.

Охота на качкаров ведется туземными охотниками в Тянь-Шане особенным образом. Как бы ловок ни был охотник, ему редко удается убить дикого барана; он только в исключительных случаях падает от первого выстрела. По этой причине как киргизы, так и казахи предпочитают охотиться вдвоем.

Вооружившись очень длинными и тяжелыми ружьями, которые при стрельбе опираются на вилообразную рогатку, охотники вместе выслеживают дичь, подкрадываются к ней незаметно под ветром и стреляют. Если животное падает, то охота этим кончается; если же оно, как это чаще бывает, убегает, то один охотник старается обогнать его; другой преследует на коне по всему извилистому пути, стараясь уличить момент для выстрела. Трудность охоты увеличивается удивительной живучестью качкара: даже тяжело раненый несколько раз, он в состоянии бежать еще очень далеко. Эта нечувствительность к ранам объясняется гигантской телесной силой животного.

Кроме людей, качкара преследуют те же хищные животные, как и аргали. По уверению монголов, злейший враг старого барана — его собственные рога: с течением времени концы их становятся такими длинными, что выступают перед ртом животного, препятствуют ему кормиться и обрекают на голодную смерть. Пржевальский не имел возможности выяснить, имеются ли какие-либо свидетельства, подтверждающие это.

Канадский снежный баран, толсторог (*Ovis canadensis*). Первые известия о толсторогих баранах доставили два миссионера из Калифорнии в 1697 году. «Мы нашли, — говорит патер Пиколло, — в этой стране два вида неизвестных нам еще животных и назвали их овцами, потому что они до некоторой степени походили на них. Один из видов величиной с однолетнего или двухлетнего теленка; голова его похожа на оленью, а очень длинные рога — на бараньи. Хвост, подобно меху, пятнистый, но короче, чем у оленя; копыта, напротив, велики, круглы и расщеплены, как у быка. Мясо этого животного я ел; оно очень нежное и вкусное. Овцы второго вида, некоторые белые, другие черные, немногим отличаются от наших; они несколько крупнее, имеют больше хорошей шерсти, которую легко прясть и ткать»*.

* *Канадский толсторог отличается более массивным сложением, чем архар, шерсть на шее не образует гривы, рога толще, но короче (в среднем 1,1 м, пара рогов весит до 15 кг), закручены в более крутую спираль диаметром до 46 см. Общая окраска темно-бурая, к зиме могут светлеть спина и лоб. Выделяются обширное белое зеркало на крупе и белый конец морды. Высота в холке может достигать 65-125 см. вес 60-140 кг (самцы) и 30-90 кг (самки).*

В благоприятных местах толсторогие бараны встречаются еще довольно часто. Принц фон Вид видел у реки Елаутон стада в 50, 80 и больше голов; Одюбон в той же местности видел стадо в 22 головы; Ричардсон сообщает, что животные ходят обыкновенно группами от 3 до 30 особей. Но эти сообщения относятся ко временам, после которых прошло 50-70 лет; уже в середине семидесятых годов Тильман жалуется, что в своих охотничьих экскурсиях он не видел в горах толсторогих баранов, даже ни разу не встречал их следов.

Канадский снежный баран (*Ovis canadensis*)

Овцы и ягнята образуют стада; старые бараны, за исключением времени спаривания, держатся отдельно по несколько голов или же живут по одиночке. В декабре они соединяются с овцами, и тогда происходят серьезные поединки между баранами. В остальное время животные мирно живут друг с другом, подобно нашим домашним овцам, на которых они очень походят по нраву. В июне или июле овцы ягнятся; в первый раз имеют по одному, позже по два детеныша, которых матери очень скоро начинают водить на самые недоступные высоты.

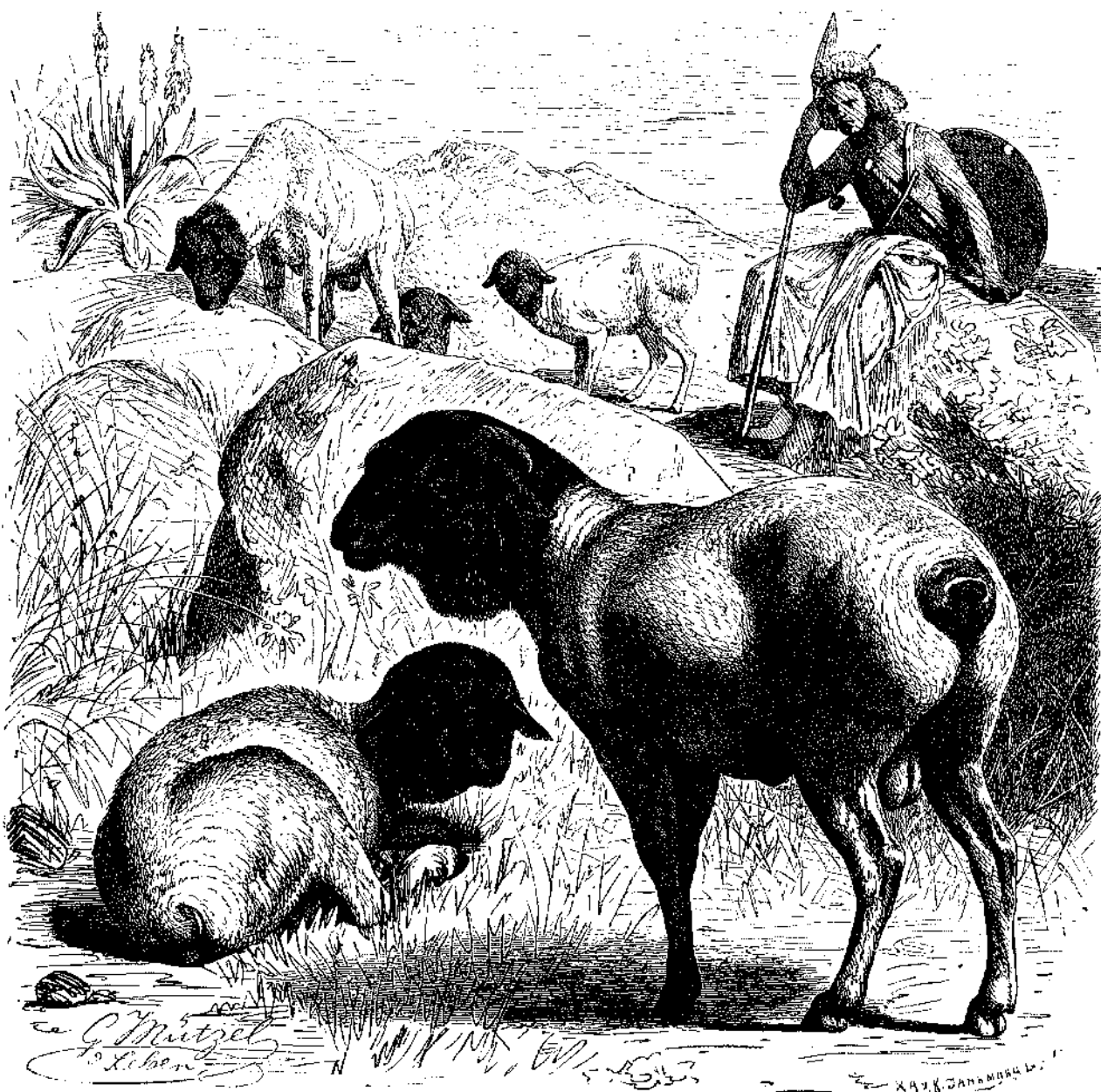
Образом жизни толсторогие бараны существенно не отличаются от своих родичей, даже от козорогов. Они превосходно карабкаются по горам. Как только замечают что-либо незнакомое, то убегают на крутые скалы и там становятся на самый край, чтобы осмотреть местность. Познакомившись с человеком, начинают бояться его в такой же мере, как и другого своего злейшего врага — волка. Мясо баранов едят как белые, так и индейцы, но оно имеет особый овечий запах, который очень заметен у самцов, особенно в период спаривания. Прочная и крепкая, вместе с тем мягкая и гибкая кожа в очень большом спросе у индейцев для их нарядных кожаных рубашек.

О праотце наших домашних овец (*Ovis aries*) мы можем сообщить так же мало точных данных, как и о происхождении других жвачных, ставших вполне домашними. Мнения натуралистов расходятся. Одни думают, что все овцы происходят от одного дикого вида, который, вероятно, уже в незапамятные времена вымер или перешел в домашнее состояние. Другие, напротив, высказывают мнение, что наши овцы произошли от нескольких видов диких овец и, следовательно, представляют собой результат продолжительного скрещивания. Одни хотят признать основным видом муфлона, другие — аргали, некоторые — гривистого барана. Иные же, к которым я должен отнести и себя, сознаются открыто и честно в своем незнании и справедливо утверждают, что одни лишь предположения не могут ускорить решения вопроса. На древних памятниках мы узнаем изображения овец, которые существенно похожи на живущих еще и ныне. При этом наши сельские хозяева хорошо доказывают, как легко изменить овец постоянно продолжающимися скрещиваниями.

Из рисунков и надписей на каменных египетских памятниках можно сделать вывод, что овца вошла в домашнее хозяйство человека позже других жвачных животных*.

* Одомашнивание дикой овцы произошла раньше, чем одомашнивание большинства копытных около 10500 лет назад, предположительно на территории нынешнего Ирака либо, по другим данным, на юге Средней Азии. Искусственный отбор во многом строился на скороспелости и продуктивности животных. Домашние овцы половозрелы с 5—7 месяцев, нередко принося 2—3 (до 8!) ягнят.

"Я не могу не обратить внимание в этом труде на тот замечательный факт, — говорит Дюмикен, — что из числа жвачных, именно овцы, козы и быка, из которых состоят теперь главнейшие стада в Нильской долине, овца совсем отсутствует на древних египетских памятниках. Все то, что можно сказать о распространенной в настоящее время в Египте курице, а также лошади и верблюде, касается и овцы. Стены древнейших усыпальниц, относящихся к 5-му и 4-му тысячелетиям до Рождества Христова, бесконечно богаты превосходными изображениями, но именно среди них ни разу не встречается изображение овцы. Мы здесь видим порознь и группами быков и коз, а также разнообразные виды антилоп, которых древние египтяне приручали и содержали большими стадами, но нигде не встречаем овец. Из отсутствия изображения овцы на древних памятниках можно сделать вывод, что она принадлежит к животным, позднее ввезенным в Нильскую долину. В позднейших памятниках Нового царства встречаются отдельные изображения овцы, как, например, бой баранов на прекрасном рисунке могилы в Гурне. Мы находим также в храмах Нового царства высеченных из камня баранов, украшавших ограды.

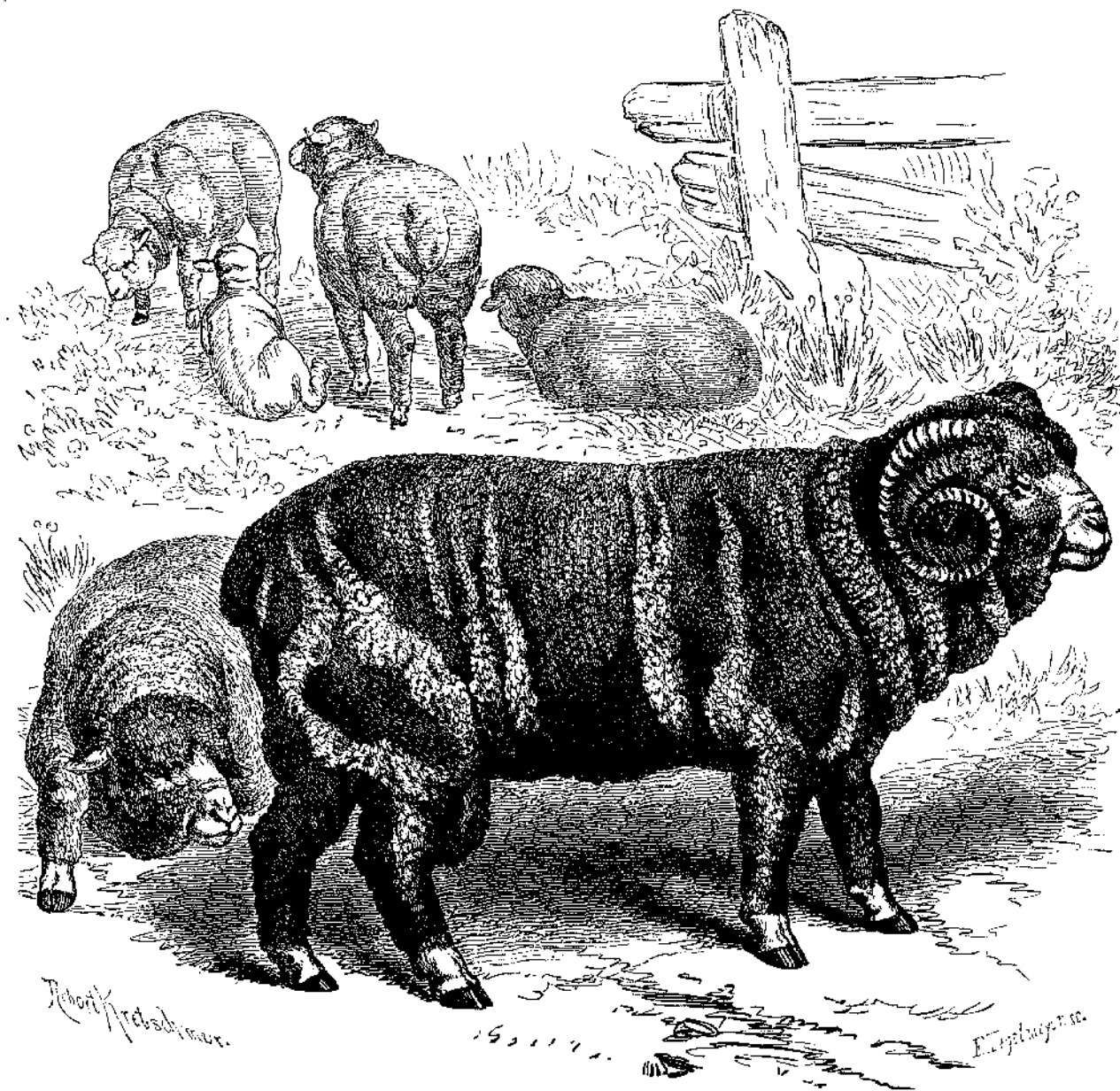

Домашняя овца (*Ovis aries*)

Нередко упоминается в надписях того времени иероглифическое «зерау», часто — «зау», — название домашней овцы***.

* * Овцеводство сильно воздействовало на культуру человека. Множество «овцеводческих» терминов и атрибутов привнесено в великие ближневосточные религии. Надо отметить также, что первой «ласточкой» искусственного воспроизведения клонирования животных стала английская овца Долли.

Недавно вопросом о породах овец занимался Дарвин и осветил его с иной точки зрения. По самым тщательным исследованиям этого превосходного наблюдателя, каждая страна имеет свою собственную породу, а многие страны имеют по несколько пород, значительно отличающихся одна от другой.

Домашняя овца (*Ovis aries*)

Под непосредственным влиянием жизненных условий овца изменяется легче других домашних животных: так, киргизская овца с курдюком через несколько поколений, выросших в России, вырождается, и жир у нее исчезает. Таким же образом каракулевые расы, перенесенные из Бухары в Персию или в какую-нибудь другую страну, теряют свое тонкое вьющееся руно. Значительная жара изменяет руно: например, в Антигуе уже после третьего поколения исчезает настоящая шерсть, уступая место жидкому волосяному покрову.

Плодовитость овец зависит от породы: одни постоянно рожают двойни и даже тройни, в то время как другие дают только по одному ягненку. Всякий, знающий хоть что-либо об этом предмете, не станет сомневаться, что целесообразный выбор производителей может внести значительные изменения у многих пород овец. Заботливым выбором производителей можно уничтожить даже склонность к вырождению. Поэтому есть возможность содержать ценные породы овец, например тонкорунных, везде, где только живут внимательные и понимающие дело сельские хозяева.

Можно привести много примеров возникновения новых пород овец. Так, в 1791 году в Массачусетсе родился барашек, напоминающий таксу, с короткими кривыми ногами и длинным туловищем; он стал родоначальником особой породы овец, которые не могли перепрыгивать через ограды и потому считались очень удобными. Впоследствии порода эта вымерла, но до того времени кривоножки передавали свои признаки потомкам. Когда же их скрещивали с другими видами, они давали потомство, которое, за редким исключением, вместо признаков помеси представляло сходство с породой отца или матери.

В 1828 году во Франции родился барашек меринос, отличающийся длинной, прямой, гладкой, шелковистой, одним словом, превосходной шерстью. До 1833 года владелец Гро воспитал много овец этой породы и образовал из них целое стадо, а через несколько лет стал продавать их. Первый баран и его непосредственные потомки были невелики, имели большую голову, длинную шею, узкую грудь и длинные бока; но этот недостаток был устранен заботливым скрещиванием и выбором заводских овец и баранов. Дарвин говорит: «Если бы происхождение двух выше упомянутых пород произошло 100 или 200 лет тому назад, то мы не имели бы никаких сведений о их происхождении, и многие естествоиспытатели утверждали бы, не сомневаясь, что каждая форма происходит от какого-нибудь неизвестного вида или же произошла от скрещивания с ним».

Вышесказанным, по-видимому, подтверждается мое мнение, что различные породы овец результат стараний человека и что они подвержены изменениям, относительно внешнего вида, величины, устройства рогов, руна, образа жизни, нрава и всех других особенностей. Подробное описание и сравнение всех пород, более или менее различаемых, не входит в рамки нашего труда*.

* В мире насчитывают более 150 пород овец, которых условно можно разделить на тонкорунные, грубошерстные, мясные и курдючные. Вес обычно 30-60 кг, но достигает 100-180 кг.

Домашняя овца — терпеливая, кроткая, ограниченная, рабски покорная, лишенная воли, боязливая и трусливая — короче, скучное создание. Ей нельзя приписать каких-нибудь особенных качеств: она вовсе лишена характера. Только в период случек обнаруживается у нее отдаленное сходство с нравом других жвачных и выказываются черты характера, которые могут, хоть отчасти, возбудить к ней участие человека. В степях России и Азии пастухам часто приходится много терпеть от трусости и глупости овец. Во время метелей и бурь стада бросаются врассыпную, как безумные мчатся по степи, низвергаются в водоемы, даже в море. А иногда останавливаются и торчат на одном и том же месте, не сопротивляются заносающему их снегу и жестокому морозу и не думают о том, чтобы как-нибудь оградить себя от непогоды или отыскать пищу. Случается, что в один день погибают тысячи. В России также пользуются в качестве проводников овец козами, но и они не всегда в состоянии руководить этими глупыми животными.

Точно так же ведут себя у нас в деревне овцы во время сильных гроз, при наводнениях или пожарах. Во время грозы они скучиваются, их невозможно сдвинуть с места. «Если молния ударяет в стадо, — говорит Ленц, — то сразу погибают многие; если загорается овчарня, то овцы не выбегают из нее и даже бросаются в огонь. Я видел однажды большую сгоревшую овчарню, наполненную изжаренными овцами; несмотря на все старания, удалось спасти лишь немногих. Несколько лет тому назад задохлось почти целое стадо из-за того, что в овчарню вскочили две охотничьи собаки и этим до того перепугали овец, что они, скучившись, задушили друг друга. Другое стадо до такой степени было разогнано собакой какого-то прохожего, что многие погибли в лесу». Лучшее средство спасти овец из горящей овчарни — выгнать их оттуда с помощью знакомых им овчарок.

Эти рассказы во многом характеризуют нравы овец. Конечно, до известной степени и овца обнаруживает умственные способности. Она узнает своего хозяина, послушно следует его зову, кажется впечатлительной к музыке, по крайней мере внимательно слушает игру пастуха на дудке, предчувствует и замечает перемены погоды.

Овца предпочитает сухие и высокие местности сырым и низким. По сообщениям Линнея, она поедает 327 видов обыкновенных средневропейских растений и отказывается есть 141 вид. Овца очень любит соль, а свежий водопой является для нее необходимой потребностью.

Половое возбуждение впервые появляется в марте и затем продолжается все лето. Древние римляне допускали случки своих овец между маем и июнем; сельские хозяева в более холодных странах предпочитают время от сентября до октября. Ягнята появляются в половине февраля и скоро получают хороший и свежий корм. Обыкновенно матка рождает одного или двух ягнят, а трех очень редко. Вначале маленьких жвачных следует заботливо и в первую очередь защищать от влияния погоды, позже их можно пускать на пастбище. На первом месяце жизни у них прорезываются молочные зубы, на шестом появляется первый постоянный коренной зуб; на втором году жизни молочные резцы выпадают и заменяются постоянными, к концу этого года показывается третий ко-

ренной зуб; только на пятом году заменяются передние молочные зубы и вместе с тем оканчивается вырастание зубов. Собственно, только после замены всех зубов следовало бы считать животное взрослым, но овца уже в годовом, а баран в восемнадцатимесячном возрасте способны к случке и оплодотворению. Все породы легко плодятся между собой, поэтому породе овец легко можно облагородить.

В нашей стране это ценное домашнее животное имеет мало врагов, но уже на севере и юге Европы за стадами довольно часто крадется волк. В Азии, Африке и Америке овцы преследуются большими кошками и более крупными дикими собаками, в Австралии врагами их являются динго и сумчатый волк. Наш медведь также любит поживиться овцой. Ягнятам опасны орлы и ягнятники, зато овцы, всего больше преследуемые врагами, менее страдают от повальных болезней, и таким образом уравнивается потеря. Не много десятилетий тому назад пользы от овец было несравненно больше, чем в настоящее время. В южных странах пользуются ее молоком, чтобы приготовить из него хороший сыр (на Кавказе — «брынза»); породистых овец не доят, потому что от этого ухудшается качество шерсти.

Овцы могут доживать до 14-летнего возраста, но уже на девятом или десятом году жизни у них выпадает большинство зубов. Их следует тогда как можно скорее откормить и зарезать.

Семейство верблюдовые

Верблюды отличаются мозолистыми подошвами, отсутствием рогов и недоразвитых пальцев, раздвоенной верхней губой и особенностями зубной системой. Устройство зубов служит отличительным признаком верблюдов, отделяющим их от жвачных.

Они имеют два резца в верхней челюсти, между тем как в нижней их шесть. Копыта очень малы и похожи на тупые когти на мозолистых подошвах. Желудок состоит только из трех отделений, так как «книжка», по своей незначительной величине может считаться частью сычуга*.

** У верблюдов независимо от настоящих жвачных возник четырехкамерный «жвачный» желудок, правда «книжка» мала, слепая кишка осталась короткой. Конечности длинные, двухпалые, концы пальцев заключены в довольно эластичную кожистую подошву-подушку, а собственно копыта редуцируются до ногтевидных образований спереди. Это недавнее (миоценовое) «приобретение» верблюдовых. Обязанное с адаптацией к жизни в пустынной местности.*

Верблюды — очень большие животные с длинной шеей, вытянутой головой, туловищем, подтянутым в паху, и с косматым, почти шерстистым мехом; шейные позвонки необыкновенно длинные и почти без отростков, ребра широки, кости конечностей очень толсты.

Родина этих животных — северная Африка, центральная Азия и юго-западная Америка**.

** * Вся эволюция семейства верблюдовых происходила на территории Северной Америки.*

В Старом Свете все немногие виды, относящиеся к этому роду, обращены в домашнее состояние, а в Новом Свете приручены только немногие. В Америке они обитают на высоких горах, поднимаясь до 4000 м над уровнем моря; в Старом Свете живут на сухих жарких равнинах. Пищей им служат злаки, травы, древесные листья, ветви, репейники и колючие растения. Верблюды в высшей степени выносливы и могут долго голодать и переносить жажду. Ходят иноходью, бегают, хотя и очень скоро, но переваливаясь и, по-видимому, очень неповоротливы. Дикая порода живет стадами, но все без исключения любят общество себе подобных. Их нельзя назвать кроткими, добродушными, умными и терпеливыми животными, хотя они довольно легко подчиняются воле человека и признают его власть. У самки родится только один детеныш, за которым она ухаживает с большой любовью.

Верблюды отличаются значительной величиной, одним или двумя горбами на спине, у них одним коренным зубом больше, чем у лам. Внешний вид их некрасив, особенно поразительно безобразна голова, шерсть очень неровная, в одних местах длиннее, чем в других. На груди, коленях и бабках находятся мозолистые наросты. Различают два вида верблюдов, из которых одни населяют преимущественно Африку, другие же — Азию; первые называются дромедарами, вторые двугорбыми верблюдами.

Хотя между верблюдами не встречается так много пород, как у лошадей, но все же и у этих животных мы замечаем несколько разновидностей. Вообще можно сказать, что в степях и пустынях верблюды представляют собой стройное, высокое, длинноногое животное, между тем как в плодородных странах, именно в северной Африке, они гораздо тяжелее и более неуклюжи. Между так называемыми бишаринами или породой, которая разводится у бишарских кочевников, и египетским вьючным верблюдом существует такая же разница, как между арабской лошадей и водовозной ключей. Первый из верблюдов — превосходное животное для верховой езды, последний же — сильное вьючное. Арабы различают более двадцати разнообразных пород дромедаров, так как в Африке

подробное знакомство с различными породами верблюдов имеет такое же значение, как у нас коневодство, и между дромедарами встречаются породистые и непородистые **Дромедар, или одногорбый верблюд** (*Camelus dromedarius*), — огромное жвачное животное, достигающее в среднем от 2-2,3 м высоты и от 3-3,3 м длины от морды до конца хвоста*.

** Вес дромедара достигает 700 кг (обычно 400 кг). Самки легче и меньше самцов.*

Спина идет от шеи дугообразно вверх до загривка, поднимается там очень круто до вершины горба, откуда снова круто спадает к хвосту. Горб стоит вертикально, но в течение года изменяет свою величину. Чем лучше питается верблюд, тем выше растет его горб, чем скуднее его пища, тем больше горб спадает. У жирных, хорошо упитанных животных он имеет вид пирамиды и занимает не менее четверти спины, у тощих почти совсем исчезает. В дождливое время, доставляющее сочную растительную пищу, горб очень быстро вырастает, и его вес может достичь 15 кг, между тем как вес этот может понизиться до 2 или 3 кг в голодное и сухое время. Ноги худо сложены, задние бедра выдаются из туловища и тем увеличивают безобразие животного. Довольно длинные и широкие пальцы на ногах покрыты до конца такой же кожей, как и все тело. Внизу нога образует как бы подушку и округляется как спереди, так и сзади. След, который оставляет животное, имеет продолговатый отпечаток с двумя перетяжками и двумя острыми углублениями спереди, происходящими от маленьких копыт. Оканчивающийся жидкой кистью хвост доходит до пяточного сустава. Шерсть мягкая, несколько волнистая и значительно удлинена на темени, затылке, под горлом, на плечах и на горбе, а кончик хвоста утолщен. Своеобразны также мозоли, которые находятся на груди, суставах передних конечностей, на коленях и пяточных суставах; с годами они увеличиваются в объеме и делаются более твердыми. Мозоли на груди сильно выдаются из остальной кожи, как особый горб, и составляют как бы подушку, на которой покоится все тело, когда животное отдыхает*.

** Мозоли на груди, запястьях, коленях, локтях, предохраняют тело верблюда от ожогов при контакте с раскаленными на солнце песком, камнями. Мозоли, широкие кожистые подошвы, запас жира в горбах являются чертами специализации верблюдов к резко континентальному ариднему климату.*

Дромедар, или одногорбый верблюд (*Camelus dromedarius*)

Первоначально во рту дромедара замечается по шесть резцов на верхней и нижней челюстях. Четыре средних резца в верхней челюсти очень рано выпадают и снова уже не вырастают. Поэтому у взрослых животных бывает в верхней челюсти только два резца, которые довольно велики, имеют форму клыков, заострены и согнуты на конце, между тем как в нижней челюсти резцы очень похожи на лошадиные. Кроме того, в каждой челюсти находятся клыки, которые в верхней челюсти по величине и виду скорее напоминают клыки сильного хищника, чем зубы жвачного животного. И коренные зубы имеют своеобразную форму**.

** * Коренные зубы не просто сложные и высококоронковые, но они растут всю жизнь, не образуя корней, что очень важно при питании жесткими злаками, быстро стирающимися зубами.*

Окраска верблюда очень разнообразна. Чаще всего, без сомнения, встречаются верблюды светлого песочного цвета, серые, бурые и совсем черные или с бледными светлыми ногами, но пегих никогда не бывает. Арабы считают черных верблюдов худшими и менее ценными, чем светлых, и потому они имеют обыкновение убивать их в ранней молодости. Молодые верблюды отличаются от взрослых мягкой шерстью, которая покрывает все тело, а также и более красивым округленным телосложением, так как все угловатости, замечаемые у взрослых верблюдов, появляются только с годами.

Дромедар, без сомнения, полезнейшее из всех домашних животных в Африке. Но по крайней мере в тех местах, где я его наблюдал, это самое неприветливое, глупое, упрямое и неприятное создание, какое себе только можно вообразить. Славой он обязан своими телесными способностям, но его душевные качества не могут похвалить даже добродушные арабы, хотя многие из них не могли бы существовать без этого животного. В настоящее время дромедар известен лишь как домашнее животное во всех странах Африки от Средиземного моря до 12 градуса северной широты, так же, как и в юго-западной Азии. На крайнем Востоке, в Бухаре и Туркмении, дромедар встречается рядом с двугорбым верблюдом и, по словам Вальтера, там попадаются очень высоко ценимые ублюдки обоих видов. Затем дромедара мы находим в Персии, Малой Азии, Сирии, Аравии. Он находится на Канарских островах и, кроме того, ввезен в Австралию, Северную Америку, Италию и южную Испанию. В сухих местностях северной Индии он чувствует себя вполне хорошо. «На острове Занзибар, — говорит Ганс Мейер, — дромедары работают у султана на маслобойнях, но худо переносят тамошний климат»*.

** Дромедары были одомашнены не позже 6 тыс. лет назад. В домашнем виде дромедар распространен от Средиземноморья до экваториальной Африки, северной Индии, Предкавказья и Средней Азии. Всего в мире около 17 млн одногорбых верблюдов, более 50% мировой популяции приходится на Судан и Сомали, в Азии — не более 20%.*

Первоначальной родиной дромедара, по-видимому, была Аравия, так как в северную Африку, по всей вероятности, перевезли его довольно поздно. На древнеегипетских памятниках не находят изображения этого странного животного, а также не упоминают о нем, как о туземном животном, римские и греческие писатели, которые путешествовали по древнему Египту. «Несмотря на то, — пишет Дюмихен, — животное было уже известно древним египтянам в последние времена древнего египетского царствования. Название «дромедар», по-видимому, заимствовано из семитских наречий. На одном из папирусов, относящихся к тому времени, когда древняя египетская письменность была наиболее развита, говорится о путешествии по Сирии и Палестине одного египтянина, который рассказывает, что путешественникам давали в пищу верблюжье мясо. В другом же папирусе того же времени, переданном нам Шаба, значится: «Верблюда, повинующегося каждому слову, привозят в Египет из Эфиопии». Древние египтяне, отлично умевшие дрессировать животных, кажется, научили и верблюда особого рода танцу. Этот танец носил название «кен-кен», но египтяне сами имели подобный танец, который подражал неуклюжим движениям танцующего верблюда, и вследствие этого танец получил название «каmeli-каmeli» («каmeli» — верблюд).

На одном папирусе, относящемся к вышеупомянутому царствованию Рамзеса, ясно говорится, что верблюда начинают обучать танцам. Другой папирус свидетельствует о том, что верблюд употребляется как вьючное животное. Эти примеры достаточно указывают на то, что уже древние египтяне были знакомы с верблюдами и пользовались ими. В Библии это животное очень часто упоминается под названием «гамаль»; у Иова было сначала 3000, а потом 6000 верблюдов, у медианитян и амалекитян их было «как песку в море». Животными этими пользовались так же, как и теперь. По северной Африке дромедары распространились вместе с арабами. Их приручение относится к доисторическим временам. Дикие или одичалые верблюды этого вида теперь уже нигде не встречаются. Верблюд — настоящее животное пустыни и только в самых сухих и жарких странах чувствует себя хорошо, между тем как в обработанных и сырых местностях он теряет многие из своих хороших качеств. В Египте, вероятно, благодаря обильному корму, разводили больших и плотных верблюдов, но они потеряли многие из своих драгоценнейших достоинств: легкость хода, выносливость, умеренность, и потому арабы пустыни их невысоко ценят. В экваториальных же странах Африки, где растительность становится богаче, верблюды более не встречаются. Многие попытки проникнуть с ними в самый центр Африки не имели успеха.

До сих пор это полезное животное не старались развести севернее Сахары; но едва ли можно сомневаться, что оно может жить только в тех странах, климатические условия которых мало отличаются от его настоящей родины*.

** Распространение дромедара на север ограничено зимними температурами он неважно переносит морозы ниже 10 градусов.*

В 1622 году Фердинанд II Медичи велел привезти дромедаров в Тоскану, к которым, как говорит Греберг, в 1736 — 1739 году присоединили еще 14 верблюдов, перевезенных из Туниса, и до сих пор эти животные там разводятся. В области Сан-Россоре, около Пизы, на большой песчаной равнине верблюды чувствуют себя вполне хорошо и живут как на родине. В 1810 году там считывали до 170 этих животных, а в 1840 году только одним больше; более 200 верблюдов, по словам Лессона, никогда не бывало. Дромедары и в настоящее время живут там и могут считаться вполне туземными животными. Самок держат для размножения, а самцов — для работ, которые они превосходно исполняют, так как гораздо лучше лошадей и волов способны перевозить тяжести по песчаному грунту, и их гораздо дешевле содержать. Отсюда снабжаются дромедарами зоологические сады и зверинцы. В Сицилии, куда их также завезли, хотели воспользоваться ими как вьючными животными для серных рудников, но все они погибли. В южной Испании также начали разводить верблюдов и получили благоприятные результаты**.

** * В Европе дромедаров перестали разводить с середины XX века.*

В 1856 году правительство Соединенных Штатов закупило через посредство Генриха Вайна в Смирне 75 дромедаров и перевезло их в Северную Америку, где они должны были служить вьючными животными в степях Техаса, Аризоны, Новой Мексики и т. д. Секретарь Смитсоновской академии в Вашингтоне Г. Ланглей очень любезно известил нас о ходе этого предприятия: «При начале междоусобной войны все эти дромедары попали во власть Южных Штатов. Их держали в Кампо-Верде, находящемся приблизительно в 60 английских милях на северо-запад от Сант-Антонио, в Техасе, и употребляли для отправки почты между обоими местами. Иногда проходили они туда и обратно 120 английских миль в один день. В Кампо-Верде число верблюдов немного увеличилось. По окончании междоусобной войны они снова перешли во владение правительства Соединенных Штатов. Но впоследствии животные эти перестали пользоваться внимательным надзором со стороны офицеров, и потому число их значительно уменьшилось. В 1866 году правительство продало всех верблюдов в Сант-Антонио с публичного торга. Некоторых отправили в Аризону, но большинство — в северный Техас, где ими пользовались скотоводы этой местности. Вскоре после этого ими перестали заниматься. Некоторые околели, некоторых выпустили на волю и, говорят, что до сих пор еще один или два из этих верблюдов рыщут в одичалом состоянии по местности, называемой Льяно-Эстакадо. В то же самое время, когда продавали стадо с публичного торга, некоторые дромедары были куплены в Калифорнию, где должны были перевозить тяжести между Инио в Калифорнии и Карзон в Неваде, но так как результаты не оправдывали ожиданий, то этих верблюдов также отпустили на волю. Мне сообщали, что еще и в настоящее время некоторые верблюды, оставшиеся в живых, бродят в одичалом состоянии в пустынях южной Аризоны и Калифорнии. В январе 1889 года был пойман в Аризоне в местечке, называемом Жила-Бэнд, один из одичалых дромедаров. Это было последнее известие, которое мы получили об этих животных**».

** Дромедары, завезенные в пустыни Западного полушария и впоследствии одичавшие, в настоящее время считаются вымершими.*

Дромедары разводятся в большом количестве по всему северу и востоку Африки. Бесчисленные количества их движутся по большим дорогам пустыни, между бассейном Нигера и севером Африки. Число ежегодно околевающих на этих дорогах верблюдов не может быть точно исчислено, но насколько оно велико лучше всего видеть, когда сам проедешь по этой пустыни. В Нубийской пустыне так же, как в пустыне Баюда, нашел я в начале и в конце вышеупомянутых дорог на пространстве нескольких миль скелеты верблюдов, лежащих так часто один от другого, что вся дорога была обозначена их чисто выбеленными костями. Пустыня служит верблюдам не только отечеством и местом рождения, но и местом смерти и могилой; малое количество убиваемых верблюдов в сравнении с оканчивающими свою жизнь на трудовом пути так незначительно, что не стоит о нем упоминать.

Верблюд питается исключительно растительной пищей, но при этом он неразборчив. Конечно, можно с уверенностью утверждать, что умеренность — главная его добродетель: он довольствуется самым дурным кормом. Верблюд может по целым неделям питаться самыми сухими и жесткими растениями, свойственными пустыне**.

** * Верблюд съедает в день до 20 кг травы, листьев и веток, посвящая пастыбе 8-12 часов в день и преодолевая в поисках пищи 5 км за 3 часа. Может довольствоваться сухой растительностью, а также растительностью, богатой солью. Способен срывать листья с деревьев на высоте до 3,5 м. При случае поедает и корм животного происхождения.*

При случае он с удовольствием съедает старую корзину или матту из расщепленных черешков листьев финиковой пальмы. В восточном Судане шалаши туземцев состоят из тонких жердей, переплетенных степной травой; эти хижины приходится окружать густой изгородью из колючих кустарников, так как иначе верблюды съедали бы весь, шалаш до основания. Удивительно, что самые большие и острые шипы и колючки не ранят твердую пасть верблюда. Я видел несколько сот раз, что дромедары преспокойно съедали целые ветви акаций, которые буквально покрыты шипами. Факт этот получает особое значение, если принять во внимание, что большинство этих шипов очень остры и могут даже проткнуть насквозь толстую подошву сапог. Когда караван останавливается для отдыха и верблюдов пускают свободно пастись для отыскивания пищи, то они бегают от дерева к дереву и пожирают все ветви, которые могут достать. Они очень искусно отламывают ветви своими губами, а затем целиком проглатывают их, вовсе не обращая внимания на то, в каком направлении сидят шипы на стебле*.

** Верблюды охотно поедают даже верблюжью колючку, утыканную 5-сантиметровыми шипами. Очень подвижные губы (верхняя глубоко расщеплена) помогают осторожно срывать и правильно ориентировать во рту колючие ветки, и пережевывать их, не уколовшись.*

Однако верблюды очень довольны, когда добираются до сочных растений: они страшным образом опустошают поля, охотно едят низкорослые бобы, горох и вику, а зерна всякого рода служат им лакомством. Во время путешествия по пустыне арабы берут с собой только немного зерен дурро или ячменя и каждый вечер дают верблюду две пригоршни этих зерен, высыпав корм в складку своего бурнуса или просто к себе на колени. В городах их кормят часто конскими бобами, а в деревнях они получают только жесткое сено или солому дурро. Однако листья различных деревьев и кустарников составляют любимую пищу дромедаров; по крайней мере замечено, что эти животные точно так, как и жирафы, всегда направляются к деревьям, если им предоставить свободу.

При сочном корме дромедар может по целым неделям обходиться без воды, если только он не слишком тяжело навьючен, если его не очень утомляют длинными переходами и если он может выбирать корм по своему усмотрению. Кочующие племена иногда по несколько недель вовсе не заботятся о своих верблюдах, предоставляя им самим отыскивать корм, где хотят, и часто случается, что животные все это время вовсе не пьют воды, а довольствуются листьями, покрытыми росой, и сочными травами. Иначе бывает во время засухи. Утверждают, что в это время верблюды могут 14-20 дней обходиться без воды, но рассказы эти следует считать баснями, которые возбуждают улыбку у всякого человека, знакомого с местными условиями**.

** * Сейчас считается, что верблюд может обойтись без воды не более 15 дней.*

Однако в последнее время мы получили точное сведение, что верблюды в крайнем случае действительно могут довольно долгое время обходиться без питья. Когда Джэмс в январе 1885 года со своей экспедицией проходил через Сомали, то его 103 вьючных верблюда прошли 340 километров за 13 дней, не получивши во время пути ни капли воды. Конечно, солнце в это время не очень сильно жгло, так как дни были довольно коротки, но все-таки засуха была очень сильна, верблюды получали только плохой корм, и поэтому такое долгое воздержание от воды следует считать удивительным фактом.

В прежние времена выносливость верблюда относительно питья пытались объяснить особенным строением его желудка. Думали, что крупные сетчатые полости, замечаемые в первых двух желудках верблюда, служат запасными вместилищами для воды. В старых описаниях путешествий по Африке говорится, что путники, в крайнем случае убивавшие своих верблюдов, находили некоторое количество воды в их желудках. Хотя я уже сомневался в справедливости этого факта, однако нарочно переспросил об этом всех старых, поседевших в степи погонщиков верблюдов: ни один из них ничего не слышал об этой истории и даже не мог поверить, что кто-нибудь может повторять такую страшную ложь. Впоследствии, когда приходилось присутствовать при убое верблюдов, которые накануне были еще напоены, то я лично убедился, что нет никакой возможности выпить воду, которая в течение целого дня была в желудке смешана с пищей и желудочной слизью. Вообще верблюд имеет очень неприятный запах, а кашка из его желудка так страшно воняет, что даже полумертвый от жажды человек не решится ее проглотить*.

** У верблюда испарение воды через кожу и слизистые оболочки сведены к минимуму, он практически не потеет, чтобы охладить организм, выделяет очень сухие экскременты и кон-*

центрированную мочу. Днем температура тела может достигать 41 градуса, ночью опускается до 34 градусов, такие колебания температуры помогают сохранить до 5 литров воды. Верблюд за один раз может выпить до 130 л воды, пьет он и соленую воду.

Следует заметить, что выносливость верблюда в значительной степени зависит от воспитания. Как ни умеренно это животное, но его легко избаловать, и тогда в известном отношении оно делается никуда не годным. Верблюды, живущие в пустыне, которые с юности привыкли пить только через 4-6 дней и должны питаться скудными растениями своего отечества, без сомнения, более пригодны для путешествия по Сахаре, чем дромедары, которые живут в местностях с хорошей растительностью и потому привыкли к обильному корму и ежедневному питью. Верблюды пустыни почти всегда меньше и худее, хотя это нельзя считать постоянным явлением. Нахтигаль, описывая верблюдов страны Тибести, говорит, что число их не очень значительно, но очень хвалит их хорошие качества. «Племя Тибу, — продолжает он, вместе с жителями Эннеди выращивают лучших верблюдов восточной части Сахары, и верблюды эти относятся к той породе, которая свойственна южной и средней части пустыни и отличается от североафриканской породы, называемой иногда арабской. Арабская порода имеет короткие толстые конечности, плотное туловище, толстую голову на короткой шее и мохнатую шерсть; верблюды эти, очевидно, более пригодны как вьючные животные. Верблюды туарегов и тибу имеют стройное телосложение, высокие ноги, короткую гладкую шерсть и маленькую голову на тонкой шее; с первого взгляда заметно, что эти животные более способны к быстрым движениям, чем к перевозке тяжестей. Удивительно, с какой легкостью и уверенностью они лазают по горам своей родины. Шейх-эт-Тунизи не преувеличивает, утверждая, что тибу умеют дрессировать верблюдов, как лошадей. Впоследствии я имел возможность убедиться, что туареги и некоторые племена Аравийской пустыни еще лучше, чем тибу, дрессируют верховых дромедаров. С северными верблюдами невозможно следовать за верблюдами племени тибу, особенно по каменистому грунту и по горам; зато на равнинах при одинаковом корме северные верблюды большей частью выносливее».

Когда смотришь на спокойно стоящего дромедара, то нельзя вообразить, что это животное может в скорости соперничать с арабской лошадью, однако это верно. Верблюды, выращенные в пустыне, — прекрасные верховые животные и могут, не отдыхая, пробегать большие пространства, чем какое-либо другое домашнее животное. Все верблюды, двигаясь шагом или рысью, идут, по видимому, очень неуклюжей иноходью, но у хорошо дрессированных дромедаров иноходь очень удобна и грациозна. Когда верблюд идет тихим шагом, то он удивительно странно переступает ногами и, кроме того, постоянно качает головой поочередно вперед и назад, поэтому тихая походка верблюда в высшей степени некрасива. Но если верблюда хорошей породы пустить рысью, то он, не останавливаясь, сохраняет этот аллюр и бежит легко и красиво*.

** Для всех верблюдов характерна иноходь — аллюр с одновременным переставлением правых или левых ног. Иноходь развита у длинноногих короткотелых животных (слонов, жирафов), чтобы при ходьбе не подсекать задней ногой переднюю.*

Быстроногих, дрессированных верблюдов в Африке называют «хеджин», или «верблюд паломников», а всадника его «хеджан», понимая, впрочем, под этим словом верхового почтаря. Почтари эти в короткое время проезжают необыкновенно большие пространства. Особенно знамениты дромедары, которых выращивают около города Эсна в Верхнем Египте, но еще знаменитее действительно превосходные верблюды племени бишарин в восточном Судане. На таком хеджине бежал Мехмед-Али из Каира в Александрию, проехав без отдыха 175 км за 12 часов. В Египте и Нубии называют дромедаров, которые могут проехать в один день десять станций, «десятьниками», и ценят этих животных очень высоко, что совершенно справедливо, так как расстояния между станциями в среднем от 10 до 14, а иногда до 18 километров. Ни одна лошадь не выносит такой езды, как бы хороша она ни была. Хотя лошадь вначале и перегоняет дромедара, когда оба идут рысью, но она очень скоро отстает, между тем как верблюд продолжает весь день идти тем же шагом. Если дать дромедару среди дня несколько отдохнуть, то на нем можно ехать остальную часть дня; с раннего утра до позднего вечера в течение 16 часов, причем без особого напряжения, он пробегает рысью 140 км. Хороший верблюд при обильном корме и достаточном количестве воды для питья выдерживает от трех до четырех дней подряд такой езды и может в это время проехать до 500 километров.

Обыкновенные дромедары и вьючные верблюды идут гораздо тише. Первые при хороших условиях могут пробежать в один день лишь половину того, что пробегают вышеупомянутые хеджины, но большей частью лишь 50 км в сутки; вьючные верблюды, по словам Вильямса, с ношей в 150 кг проходят средним числом лишь 4 км в час, но могут без остановки идти 12 часов, а иногда и дольше. Нахтигаль имел случай довольно точно измерить скорость движения караванов по пустыне

и нашел, что верблюды проходят в час 3,5 км, если им позволяют время от времени на пути срывать траву для еды; если же их держать в порядке и не позволять им пастись по дороге, то они при благоприятных условиях могут пройти 4 км и даже несколько более. При небольших переходах и при хорошей дороге караваны проходят иногда до 40 км в сутки, но во время длинного пути, если считать необходимые для верблюдов дни отдыха, караваны проходят средним числом до 25-30 км в сутки; следовательно, они достигают почти той же скорости, как европейская кавалерия при больших переходах. Чтобы ускорить бег верблюдов, погонщики щелкают языком или бьют по воздуху бичами, что для хорошего верблюда совершенно достаточно. В некоторых караванах привешивают верблюдам бубенчики или колокольчики, что, по-видимому, нравится этим животным. Пение также их приободряет. Хотя при путешествиях через пустыню в восточной части Африки тяжесть व्यюков одного верблюда обыкновенно не превышает 150 кг, но очень часто случается, что व्यюки бывают гораздо тяжелее. В средней Сахаре, по Нахтигалю, на верблюда кладут до 200 кг, а на пути из Донгола в Дарфур арабы кладут на каждого верблюда до 400 кг. Для того, чтобы урегулировать тяжесть व्यюков на верблюдах, египетское правительство приказало не класть более 250 кг на одно животное*.

** Максимальная скорость бега дромедара 25 км/ч, шагом он движется со скоростью 3,5 км/ч и проходит в таком темпе до 40 км в день (в исключительных случаях до 80 км). Максимальный вес груза, с которым способен передвигаться верблюд, 300 кг, обычно навьючивают около 100 кг.*

Араб требует от хорошего дромедара трех качеств: во-первых, он должен иметь покойный ход при рыси, во-вторых, не требовать кнута и, в-третьих, не кричать, когда встает или ложится. Только тот, кто часто имел дело с верблюдами, может понять значение этих требований, так как обыкновенный व्यучный верблюд есть ужасное животное для верховой езды. При обыкновенной иноходи верблюд бросает ездока из стороны в сторону, и он покачивается, как китайский истукан, вперед и назад, направо и налево. Но если верблюд бежит рысью, то ездоку гораздо легче: боковое покачивание прекращается и, если хорошенько усесться в седло, то трясет не больше, чем при езде рысью на лошади. При очень сильном возбуждении верблюд начинает бежать галопом, но долго не может выдержать этого аллюра; всадник же, даже самый искусный в верховой езде, при этом непременно валится на землю, а верблюд весело бежит дальше и скоро переходит на обыкновенную рысь. Поэтому арабы приучают хороших верблюдов идти только рысью**.

** * При иноходи центр тяжести тела животного постоянно смещается «влево-вправо», поэтому поездка на верблюде или слоне чревата «морской болезнью» из-за боковой качки.*

Верблюд, выращенный на равнинах, почти не годится для употребления в горных странах, так как подниматься на высоту ему чрезвычайно трудно, центр тяжести верблюда при его длинных ногах лежит очень высоко, и потому при спуске с горы ему затруднительно удерживать равновесие. В воде верблюд чувствует себя еще хуже; уже на водопоях он очень неловко входит в воду, если же приходится с верблюдами переходить через большую реку, то затруднения в сильной степени увеличиваются: плоты и барки бывают большей частью слишком малы для него, и потому приходится заставлять верблюда плыть около плота, поддерживая его за голову и хвост, что, конечно, вовсе неудобно.

Голос дромедара трудно описать; в нем смешиваются самым удивительным образом стон и клекотанье, ворчанье и рев. Между внешними чувствами слух, вероятно, развит лучше других, зрение, кажется, гораздо слабее, а обоняние, наверное, очень плохо развито*.

** Зрение играет главную роль в жизни верблюдов как обитателей открытых пространств. Глаза очень велики и защищены густыми ресницами от попадания песка. Обоняние развито очень хорошо и регулирует социальные отношения между животными в группе. Повидимому, верблюды способны чувствовать запах за несколько километров.*

Осязание, напротив того, довольно тонкое, и верблюд очень часто выказывает присутствие вкуса; однако следует признать, что у этого животного внешние чувства не особенно тонки. Не может он похвалиться душевными способностями. Между тысячами верблюдов, которых приходилось видеть в Африке, мне случилось встретить только одного, выказывающего некоторую привязанность к своему хозяину.

Во время течки дромедар делается страшным зверем. Это происходит в северной части Африки от января до марта, причем возбуждение продолжается от 8-10 недель. Самец в это время шумит, ревет, кусается, бьет передними и лягается задними ногами, не щадя ни своих товарищей, ни людей; он делается до того беспокойным и яростным, что ему часто приходится надевать намордник, чтобы предупредить несчастные случаи. Один из моих погонщиков был искалечен беш-

ным от полового возбуждения верблюдом. Яростное животное схватило его за руку в то время, когда он укладывал вьюки, и одним укусом размозжило локтевой сустав. Человек этот остался калеккой на всю жизнь. Бывали случаи, что верблюды в это время наносили людям смертельные раны.

В течение полового возбуждения беспокойство животного все увеличивается. Оно перестает есть, скрипит зубами и как только увидит другого верблюда, выпячивает из пасти большой кожистый пузырь противного вида, так называемый ревун; тогда верблюд начинает реветь, сопеть и ворчать самым невыносимым образом. У молодых самцов мешок этот еще не настолько велик, чтобы выпячиваться изо рта, а у старых он имеет иногда до 30-35 см длины и настолько выступает наружу, что достигает величины человеческой головы. Случается, что пузыри появляются по обеим сторонам рта, но чаще выступает лишь один с правой или левой стороны. При выпускании мешка животное вытягивает голову вперед и надувает пузырь воздухом, отчего кровеносные сосуды, покрывающие его поверхность, очень ясно выступают. При вдыхании пузырь спадает и получает вид округленного кожистого мешка, который прячется в рот, но при выдыхании снова выпячивается**.

** * На свободе верблюды образуют группы гаремного типа, насчитывающие 6-30 голов. В них входит взрослый самец, самки и детеныши. Холостые самцы держатся поодиночке, либо образуют собственные группы. Гон у верблюдов может происходить в любой сезон года. Помимо выпячивания кожистого выроста мягкого нёба, который служит ре зон ат ором звуков, на губах сам ца верблюда выступает обильная пена, послужившая основанием для рассказов о «плюющихся» верблюдах. Кроме того, животные обильно мочатся. Затылочные кожные железы выделяют обильный секрет, животные трутся затылком о другие част и тела, закинув голову. Самцы дерутся между собой, иногда нанося сопернику смертельные укусы. Ухаживание за самкой может длиться довольно долго, сигналом для спаривания служит опускание самки на землю.*

Один самец достаточен для 6-8 самок. После 11-13 месяцев беременности самка дромедара родит одного детеныша. Маленький верблюд рождается с открытыми глазами и покрыт довольно длинной, густой, мягкой, волнистой шерстью. Горб у него очень маленький, и мозоли на ногах едва заметны. По росту он значительно превосходит новорожденного жеребенка: сначала высота его бывает в 1 м, но через неделю уже он гораздо выше.

При дальнейшем росте шерсть делается еще более густой и длинной, и молодой верблюд тогда очень похож на своего американского сородича. Тотчас по рождении он следует за своей матерью, которая с любовью за ним ухаживает. Когда две самки с детенышами сойдутся вместе, то сии последние весело играют друг с другом, а матери одобрительно ворчат. Самка верблюда кормит детеныша молоком больше одного года и в это время выказывает много мужества и при случае храбро защищает его. Мать заботится только о своем собственном детеныше и на чужих не обращает никакого внимания*.

** Молоко верблюдицы очень концентрированное, самка производит до 15 л в день. Верблюжонка отучают сосать молоко в возрасте 7-10 месяцев, уже с 3 месяцев он пробует растительный корм. Самка рождает в среднем каждые 2 года, плодовитость сохраняется иногда до 30 лет.*

В начале второго года арабы отучают молодого верблюда от молока. Самку верблюда употребляют в работу через несколько дней после того, как она отелилась, и детеныш постоянно бежит около нее. Молодых верблюдов, уже отученных от молока, берут с собой в дорогу, чтобы они смолоду приучались к большим переходам. Смотря по величине и красоте, уже с третьего года его дрессируют или к верховой езде, или к ношению вьюков. Там, где верблюдов много, их начинают объезжать только на пятом году, а в тех местах, где они редки, принуждают работать уже начиная с третьего года. Верховых верблюдов объезжают мальчишки. Молодое животное седлают легким седлом и надевают на морду петлю из веревки. Юный наездник садится верхом и заставляет верблюда идти рысью, но как только он переходит в галоп, то наездник его останавливает, заставляет встать на колени и бьет бичом; если верблюд идет шагом, то наездник приободряет его голосом и маханием хлыста до тех пор, пока животное не приучится постоянно бежать рысью, когда на нем сидит всадник. В конце четвертого года молодого верблюда уже употребляют в дело во время дальних путешествий**.

** * Половая зрелость у верблюдиц наступает в 3-4 года, у самцов — на год позже. Продолжительность жизни — 30-40 лет.*

Цена хорошего верблюда очень колеблется в различных странах. Отличный бишарин стоит, если его покупать из первых рук, от 200-300 марок, а обыкновенный вьючный верблюд редко стоит более 90 марок. По европейским понятиям, цена эта, конечно, невысока, но в Судане это большие

деньги. Молодых и плохих верблюдов можно купить и за 30 марок. Почти везде в Африке цена верблюда примерно равняется цене осла, но в Судане осел стоит гораздо дороже хорошего верблюда.

Верблюд подвержен многим болезням, но они принимают вид эпизоотии только в тропических местностях. Нахтигаль рассказывает, что верблюды одного каравана страдали болезнью, похожей на грипп, и прибавляет, что эти животные вообще склонны к легким и серьезным формам легочных болезней, на которые местные жители, однако, не обращают большого внимания, что очень странно, так как верблюды необыкновенно скоро слабеют от малейшего расстройства своего здоровья и быстро околевают даже от легких болезней. Однако большинство верблюдов околевают не от болезней, а от истощения во время длинных переходов. Только очень немногих убивают. Мясо старых верблюдов считается многими жестким и твердым: по словам Нахтигаля, оно имеет своеобразный вкус, к которому он однако скоро привык; мясо это переваривается легко, и в некоторых странах его едят с удовольствием. Вильям считает мясо молодых верблюдов за очень лакомое блюдо. Верблюжьими кожами покрывают шатры и изготавливают из них различные изделия, хотя кожа эта не очень прочна. Верблюжья шерсть прядется, и из нее делают сукно и другие материи.

Молоко верблюда так жирно и густо, что в пищу его употреблять противно, и потому оно редко находит применение. Помет верблюдов, напротив того, часто употребляется в дело. При путешествиях по пустыне, где чувствуется недостаток в дровах, утром собирают круглые, крепкие катышки верблюжьего помета, имеющие величину грецкого ореха, и вечером их жгут для согревания пищи. В тех местностях Египта, где мало лесов, старательно собирают навоз верблюда и других домашних животных, мнут его и приготавливают род круглых лепешек, которые сушатся на солнце и употребляются для топлива.

Почти такое же значение, как дромедар для Африки, имеет **двугорбый верблюд, или бактриан** (*Camelus bactrianus*), для восточной и средней Азии. Он отличается от вышеописанного верблюда двумя горбами, из которых один сидит на затылке, а другой перед крестцом. Сложение тела у него неуклюжее и приземистое. Туловище длиннее, чем у дромедара, шерсть гораздо длиннее, а цвет обыкновенно темнее, чаще всего темно-бурый, а летом рыжеватый*.

** Бактриан в холке достигает 1,8-2 м, не считая высоких горбов, которые при голодании свешиваются набок. Шерсть у него густая (особенно зимой) и он легко переносит перепады температуры в 80 градусов.*

Двугорбый верблюд, или бактриан (*Camelus bactrianus*)

Оба вида легко скрещиваются, и потомство это способно к размножению. Ублюдки этих двух верблюдов, которых Вальтер наблюдал в Закаспийской области, более походили на дромедаров, чем на двугорбых верблюдов, но кроме хорошо развитого заднего горба имели зачаток второго**.

* * Гибриды местной породы дромедара и бактриана распространены в Средней Азии, они называются «коспак» и имеют невысокий удлиненный горб вдоль всей спины. Эти гибриды плодовиты и считаются более выносливыми вьючными животными.

Пржевальский в семидесятых годах нашего столетия доказал, что во внутренней Азии еще живут в большом числе настоящие дикие верблюды, а не только одичалые (*Camelus bactrianus* fens). Горбы у них гораздо меньше, чем у домашних, на передних коленях заметны мозолистые наросты, и череп имеет несколько иное строение; насколько известно, дикие верблюды водятся в южной Джунгарии, восточном Туркестане и Тибете***.

* * * Дикий двугорбый верблюд хабтагай был открыт Н. М. Пржевальским в 1883 г. В отличие от обеих форм домашних верблюдов, не имеет мозолей на ногах и груди (что удивительно!). Официально хабтагай охраняются в Китае и Монголии, но численность нестабильна и последняя популяция может в любой момент угаснуть.

Двугорбого верблюда разводят во всех степных странах Средней Азии, и он служит главным образом для перевозки товаров между Китаем и южной Сибирью или Туркестаном. В Бухаре и Туркмении его заменяет уже дромедар и совершенно вытесняет его там, где степь принимает вид песчаной пустыни. Киргизы очень ценят верблюда, но к разведению его относятся не так внимательно, как к разведению других домашних животных, и пользуются им гораздо менее, чем лошадью; для монголов восточной Азии, напротив, этот верблюд имеет такое же важное значение, как

дромедар для арабов. Отдельных пород верблюдов немного, но они довольно резко отличаются одна от другой. Лучшие верблюды разводятся в южной части Тургайской области*.

** Двугорбый верблюд распространен как домашнее животное от Калмыкии, Поволжья, Приуралья и востока Турции до северного Ирана. Афганистана, Забайкалья, Тибета и востока Китая. Особенно распространен в Казахстане и Монголии. Одомашнивание двугорбого верблюда произошло предположительно 4500 лет назад на востоке Ирана и юге Туркестана.*

Хотя можно смело сказать, что двугорбый верблюд по своим привычкам и характеру очень похож на дромедара, но следует, однако, признать, что он более добродушен; его легче словить, он охотнее повинуется приказаниям хозяина, ложится на землю без особых усилий, причем издает только слабое ворчанье или громкий рев, сам останавливается, если вьюки на его спине сдвинулись с места. Следует высоко ценить его выносливость, неприхотливость, силу и постоянство, но, кроме этого, много хорошего о нем сказать нельзя. Его душевные способности стоят столь же низко, как и у дромедара: он точно так же глуп, равнодушен и труслив, как и его африканский сородич. «Случается, — пишет Пржевальский, — что заяц, выскочивший из-под его ног, приводит его в ужас: он быстро отскакивает в сторону и несется как безумный по степи, причем другие верблюды следуют за ним, не распознав, в чем дело. Большой черный камень на дороге, куча костей, свалившееся седло пугают его до того, что он теряет присутствие духа и приводит в замешательство весь караван. Если на него нападает волк, то он и не думает о защите. Ему было бы легко повалить подобного врага одним ударом ноги, но он только плюет на него и орет во все горло. Даже вороны обижают это бестолковое животное: они садятся к нему на спину и клюют наполовину закрывшиеся раны, натертые вьюками, причем даже отрывают куски мяса от горба, верблюд же и здесь не знает, как справиться и только плюется и кричит. Исключением здесь служат самцы во время полового возбуждения, которые делаются такими бешеными, что их приходится привязывать цепями, чтобы они кого-либо не искалечили. Но как только время возбуждения пройдет, то и самцы делаются смиренными и ко всему равнодушными, как прежде».

Верблуду этому плохо живется на хороших лугах; он требует степных растений, которыми с трудом довольствуются другие травоядные животные, например полыни, дикого лука, побегов степных кустарников, а главным образом тех растений, которые свойственны солончакам; эти последние особенно полезны для поддержания его сил и здоровья. Вообще соль необходима верблуду: он очень охотно пьет соленую воду степных водоемов и жадно хватается соль, осевшую по краям их. Если в пище его недостает соли, то он очень худеет, даже в том случае, когда пасется на самом хорошем лугу. Мучимый голодом верблюд, по словам Пржевальского, ест все, что может схватить, даже кожаные ремни, войлок, кости, шкуры животных, мясо, рыбу и другие предметы.

Спаривание происходит от февраля до марта. Самка телится через 13 месяцев всегда одним детенышем**, который сначала столь беспомощен, что за ним необходим особый уход и приходится его прикладывать к вымени матери; однако он скоро повсюду следует за самкой, которая его очень любит и бережет.

** * Беременность у бактриана в среднем длится на месяц дольше, чем у дромедара, двойни редки. Остальные особенности размножения и развития детенышей — как у одногорбого верблюда.*

Несколько недель после рождения молодой верблюд начинает есть траву, и его тогда отделяют от матери, которую доят, точно так, как и других домашних животных. На втором году жизни верблуду прокалывают носовую перегородку и продевают в это отверстие палочку, к которой привязывается узда, и с этих пор начинается его дрессировка. На третьем году жизни на нем понемножку начинают ездить верхом, на четвертом — приучают к легким вьюкам, а на пятом году он уже считается взрослым и способным ко всякой работе. При хорошем обращении он может служить до 25 лет*.

** Продолжительность жизни бактриана до 50 лет.*

Чтобы седло не натирало спину верблуда, ему кладут на оба горба несколько войлоков и на них вьючное седло, которое обыкновенно также подбито чем-нибудь мягким; к седлу же привязывают вьюки. Сильный верблюд проходит ежедневно 30-40 км, неся тяжесть в 220 кг, а некоторые более сильные верблюды до 270 кг; если вьюк наполовину меньше, то верблюд рысью пробегает в день 60-80 км. Летом он может обойтись без воды от 2-3, зимой от 5-8 дней, а без корма — половину этого количества времени. При продолжительных путешествиях каждые 6-8 дней верблюдам надо давать 24 часа отдыха. Летом в Монголии очень редко навьючивают верблюдов, у киргизов, например, разве только для того, чтобы перенести юрту с одного места стоянки на другое, зато зимой он несет тяжелую службу. По дороге из Пекина в Кяхту ему дают отдых в 10 или 14 дней только по-

сле всего пути, который длится целый месяц, и такого рода работа продолжается всю зиму, до 6-7 месяцев; в Закаспийских степях верблюдов никогда не заставляют без отдыха делать такие тяжелые переходы. Во время линьки, именно в марте, верблюдов берегут, насколько возможно; когда большая часть волос выпадет или бывает вычесана, то животное покрывают войлоками, чтобы избежать простуды, войлок подстилают и на землю, куда верблюд ложится. В это время, а в восточной Монголии даже все лето, верблюдам дают почти полную свободу и позволяют по произволу пастись по степи, только самок пять раз в день пригоняют к юртам, чтобы их подоить. Это свободное житье очень нравится животным.

Потерянная сила быстро восстанавливается на привольном пастбище, и в конце лета верблюд гордо шествует, когда у него вырастает новая шерсть. В киргизских степях они не только служат вьючными животными, но поодиночке или попарно запрягаются в возы, а на сыпучих песках даже заменяют почтовых лошадей. Мозер очень жалуется на медленность подобной почтовой езды: «Верблюд идет только шагом и время от времени издает ужасный рев, который так сильно действует на нервы путешественника, что ужас подобной езды может понять только тот, кто имел несчастье проехать таким образом несколько дней подряд».

Успешный уход за верблюдом требует хорошего знакомства с его натурой, большого опыта и необыкновенного терпения. Киргизы и монголы считают его за самое нежное из всех домашних животных и постоянно заботятся об его благосостоянии. Зимой он легко переносит страшные снежные вьюги и в это время года без особого затруднения совершает очень большие переходы, зато летом страдает от всякого неблагоприятного изменения погоды; ему могут повредить как жаркие дни, так и холодные ночи. Зимой с него не снимают седла даже при больших путешествиях, а по прибытии на место стоянки с него снимают только вьюки, и оседланным пускают на пастбища. Летом, даже при небольших переходах, с верблюда надо каждый день снимать седло, чтобы избежать натертых ран. Однако нельзя этого делать сразу, а следует подождать, чтобы верблюд совершенно остыл; иначе он простудится и непременно погибнет. Верблюд не переносит слишком большой тяжести. Любя общество себе подобных, он плетется насколько хватит сил за другими верблюдами, но если от усталости ляжет, то никакая сила не может заставить его подняться. В таком случае его обыкновенно поручают владельцу ближайшей юрты, а потом, когда он отдохнет от усталости и соберется с новыми силами, за ним нарочно приезжают.

Несмотря на все его недостатки, двугорбого верблюда следует считать одним из наиболее полезных животных, которых человек подчинил своей власти. Он во многих отношениях приносит пользу, и в некоторых местностях не может быть заменен никаким другим домашним животным. Человек пользуется ею шерстью, молоком, шкурой и мясом, запрягает его в воз и употребляет как вьючное животное. На верблюдах перевозят тяжести по безводным пустыням, где лошади не могли бы вынести трудности переезда, с ним взбираются на горы до 4000 м высоты, где из домашних животных живет кроме него только як. Конь может считаться товарищем, а верблюд — слугой обитателя степей.

Очень похожи на верблюдов, но гораздо меньше их по росту **ламы**. Они принадлежат к обитателям горных стран и потому уже не могут достигнуть той же величины, как верблюды Старого Света, которые живут на обширных равнинах. Впрочем, ламы отличаются от верблюдов не только своей величиной, но и сравнительно большей головой, которая сильно выдвинута назад и имеет острую морду; большими ушами и глазами, тонкой худощавой шеей и высокими стройными ногами с двумя глубоко раздвоенными пальцами и незначительными мозолями, а также длинной и волнистой шерстью. На спине горба нет, и туловище в паху еще более поджато, чем у настоящих верблюдов.

Коренные жители Южной Америки разделяют ламу на четыре вида: гуанако, лама, альпака и викунья. Правда, натуралисты еще не вполне согласны в том, следует ли считать эти отдельные формы за особенные виды. Некоторые считают гуанако за первоначальную форму, от которой произошли ламы и альпаки, и доказывают это, между прочим, тем, что ламы и гуанако плодородно скрещиваются, и от них рождаются способные к размножению ублюдки; другие считают незначительные различия, существующие между вышеназванными формами, уже достаточно важными для того, чтобы образовать четыре отдельных вида. Чуди, натуралист, который изучал лам в их отечестве, присоединяется к мнению аборигенов, и взгляд его долго разделяли все натуралисты. Но если принять во внимание, какое сильное влияние на внешнюю форму животного может иметь приручение, то мы должны признать правильным противоположный взгляд, и ламу, точно так как и альпаку, считать лишь за прирученных потомков гуанако*.

* Споры систематиков относительно родства диких и домашних форм лам идут и сегодня. Чаще всего выделяют всего два рода и вида лам — гуанако (*Lama guanicoe*) с домашними

формами ламой и альпакой (пакой) и викуньей, или вигонь (*Vicugna vicugna*). Однако одомашненным формам придают и видовой статус (*L. glata*, *L. racos*), а недавние исследования зубной системы и структуры шерсти альпаки, показали, что не исключено ее более близкое родство с викуньей. Домашние формы составляют около 90 % поголовья лам на материке.

Гуанако и викунья до сих пор еще встречаются в диком состоянии, между тем как лама и альпака сделаны домашними животными с незапамятных времен**.

* * Одомашнивание лам началось 4-5 тыс. лет назад в районе оз. Титикака. на территории нынешних Перу и Боливии.

Первые европейцы, посетившие Америку, уже нашли обоих животных прирученными; сказания перуанцев относят приручение этих двух животных к первобытным временам существования человека на земле, и появление их соединяют с жизнью своих полубогов. У туземцев Америки существовал суеверный взгляд на принесение этих животных в жертву богам; цвет жертвы был, например, очень точно определен, смотря по тому и другому празднику. Первые завоеватели Южной Америки, испанцы, уже нашли у горных народов значительные стада лам и описали этих животных, хотя не очень ясно, но довольно подробно, так что без труда можно узнать отдельные породы.

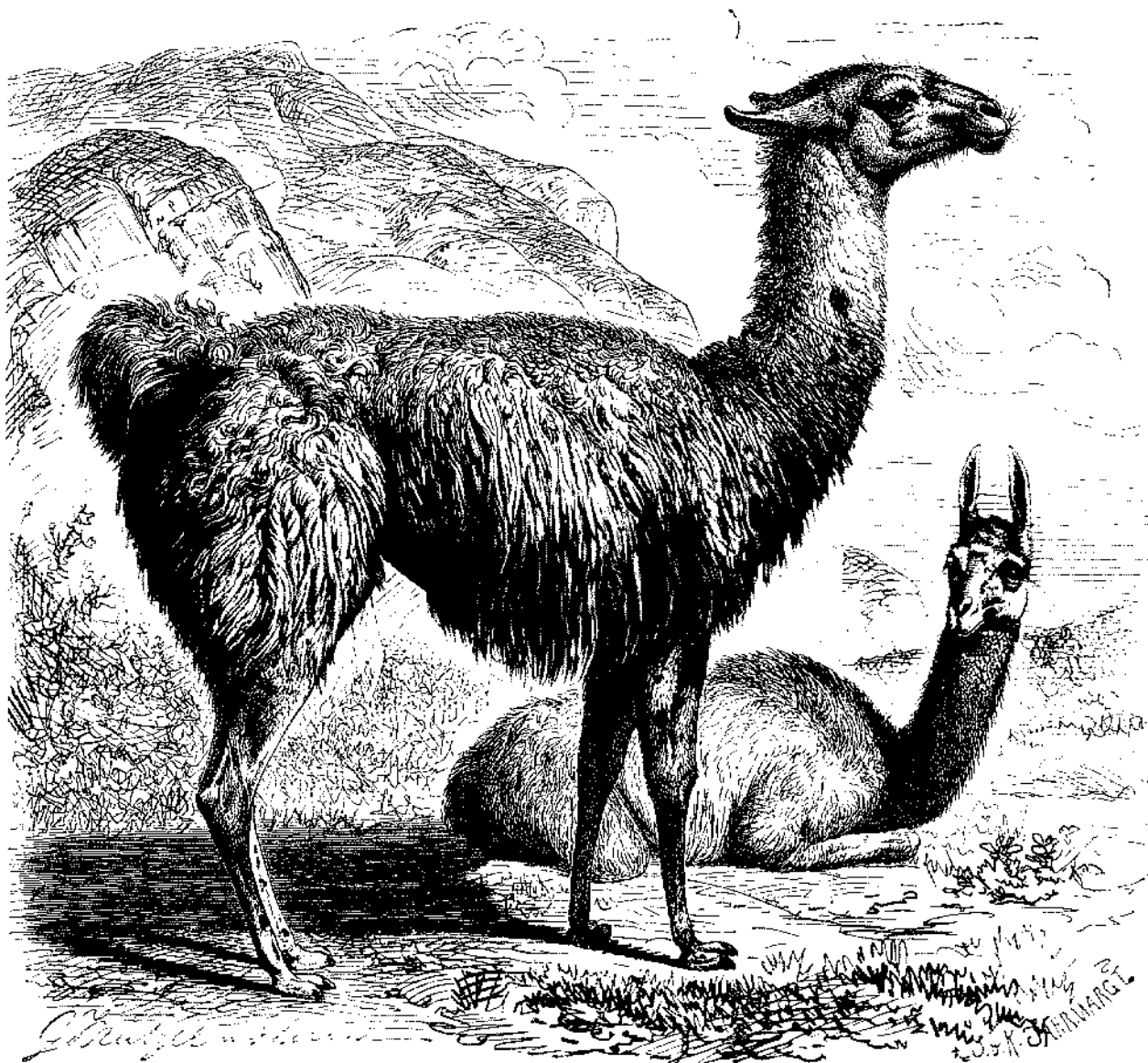
Уже Херес, описавший завоевание Перу испанцем Пизарро, упоминает о ламе, как о вьючном животном. «Шесть миль от Кахамалка, — говорит он, — живут около озера, обросшего деревьями, индейские пастухи, у которых мы видели различного сорта овец: некоторые из них такие же небольшие, как и европейские, а другие так велики, что индейцы их навьючивают различными вещами». Педро-де-Сиенца очень точно различает четыре вида лам уже в 1541 году. «Ни в одной части света, — замечает он, — не встречается таких удивительных овец, как в Перу, Чили и в некоторых провинциях Ла-Платы. Они принадлежат к полезнейшим и лучшим животным, созданным Господом Богом в виде особенной милости к живущим там людям, которые без этой скотины не могли бы поддерживать своего существования. В долинах и равнинах туземцы сеют хлопчатник и из волокон его готовят одежду; на высоких горах и во многих других местах не растет ни одного дерева и нельзя сеять хлопчатник, так что живущим там индейцам не из чего было бы готовить себе одежду; поэтому Господь Бог послал им множество овец, но жестокие войны испанцев значительно уменьшили их число. Туземцы называют этих овец «лама», а баранов «уркос». По росту они равняются маленькому ослу с широким крестцом и толстым животом. По шее и ногам похожи на верблюдов, а по внешнему виду на овец. Животные питаются травами, растущими на лугах, они очень ручные и совсем не упрямы, только, когда им больно, ложатся на землю и стонут, как верблюды. Самцы носят от 2-3 арроб (арроба равняется почти пуду) на спине, а мясо их очень вкусно и не теряет своего достоинства вследствие того, что животные носят тяжести. Там встречаются другие, похожие на них животные, которые называются «гуанако», но по росту они больше лам. Большие стада гуанако рыщут в диком состоянии по степям и так скоро бегают, что собакам их трудно догнать. Кроме того, там встречается еще другая порода этих овец, которые зовутся «викуньей»; они бегают еще быстрее, чем гуанако, и живут в степях, где питаются травами, которые Бог для них создал. Шерсть их очень хороша и по достоинству еще лучше, чем шерсть мериносовых овец. Я не знаю, можно ли делать из нее сукно, но та материя, которая изготавливается из шерсти викуньей для знатных особ, может быть названа превосходной. Мясо викуньей и гуанако очень приятно и по вкусу похоже на баранину. В городе Де-ла-Плаца я ел копченое мясо жирного гуанако, и мне оно понравилось лучше всякого другого. Наконец существует еще домашняя порода этих животных, которая носит название «пако», очень мохнатая и имеет длинную шерсть. По виду они похожи на лам, но гораздо меньшего роста. Ягнята их чрезвычайно похожи на испанских. Без этих овец было бы невозможно перевозить так много товаров из Потони в этот город, который ведет очень большую торговлю».

Из вышесказанного явствует, что в течение последних трех столетий четыре главные формы лам не изменились. Все породы лам живут в горных странах высоких Кордельеров. Им хорошо живется только в довольно холодных странах, и потому на равнинах они встречаются лишь далеко на юге в пампасах Патагонии. Около экватора обыкновенное местожительство их находится между 4000-5000 м над уровнем моря, ниже 2000 м они здесь разводятся плохо, между тем как в более холодной Патагонии хорошо живут и на меньшей высоте. Дикие виды поднимаются в дождливое время года на высокие горные хребты, а в сухое время спускаются в плодоносные равнины. Они живут большими или маленькими и обществами и, нередко даже огромными стадами, и за ними усердно охотятся.

Гуанако (*Lama guanicoe*) самое крупное, хотя встречается только в диком состоянии, и одно из самых важнейших млекопитающих Южной Америки. По росту равняется примерно благородно-

му оленю, а по внешнему виду представляет странную смесь форм овцы и верблюда. У вполне взрослых животных общая длина тела равняется 2,25 м, причем длина хвоста около 24 см, а высота в плечах 1,15 м. Голова находится на высоте 1,6 м*.

* Гуанако может весить 100-200 кг.

Гуанако (*Lama guanicoe*)

Самка меньше ростом, но по внешнему виду и окраске вполне похожа на самца. Туловище гуанако довольно коротко и сжато, около груди и плеч оно выше и шире, а сзади уже. Шея длинная, тонкая, стройная и несколько загнута вперед. Голова длинная и сжата с боков, морда мало суживается и на конце тупая, верхняя губа выдается вперед, глубоко раздвоена, покрыта редкими волосами и очень подвижна. Переносье покрыто волосами, а длинные узкие ноздри могут закрываться; уши длиной равняются примерно половине головы, очень подвижны. Глаза довольно велики и оживлены, зрачок у них поперечный. Ноги высоки и стройны, части пальцев, касающиеся земли, довольно длинны и раздвоены до половины; на концах их заметны небольшие узкие и острые копытца, которые несколько загнуты в сторону; нижняя сторона пальцев покрыта большими мозолями. На суставах передних ног нет мозолей, которые находятся у других видов лам точно так, как у верблюдов. Хвост, который животное на ходу всегда приподнимает, очень короткий, у основания густо покрыт волосами, а на кончике почти голый. Вымя самки имеет четыре сосца. Все тело покрыто длинной, густой и волнистой шерстью. Шерсть имеет грязный буровато-рыжий цвет, середина груди, брюха, внутренняя сторона конечностей и место под хвостом беловатого цвета. Радужная оболочка темно-бурая, ресницы черные, а копыта черновато-серые*.

* Шерсть краен окори чаевая; живот внутренние стороны ног, низ шеи беловатые, морда сероватая.

Гуанако распространены почти по всем Кордильерам, от покрытых лесами островов Огненной Земли до северного Перу. Они особенно часто встречаются в южных частях этого горного

хребта, а в населенных местностях число их от постоянных преследований значительно уменьшилось; однако Геринг встречал еще несколько экземпляров вблизи города Мендоца. Гуанако предпочитают горные высоты, но встречаются и на равнинах: Дарвин нигде не видал так много гуанако, как в равнинах южной Патагонии. Весной и в то время, когда на горах встречается молодая трава, животные эти поднимаются до границы вечных снегов, а в начале сухого времени года спускаются в плодородные долины. Они избегают высоких мест, покрытых снегом, а в долинах выбирают самые богатые пастбища. Гуанако иногда предпринимают большие странствования, отыскивая пастбища. Дарвин видел однажды следы стада в 30-40 штук в 30 милях от морского берега, там, где животные эти очень редки; они шли почти гуськом по прямому направлению к тинистому и соленому заливу. По всей вероятности, они заметили, что приближаются к морю, потому что повернули обратно, почти так же правильно, как это делает кавалерия, и в том же порядке пошли назад в гору. Моря, впрочем, они не боятся, бесстрашно входят в воду и переплывают от одного острова к другому**.

** * Гуанако населяет высокие плоскогорья юга Перу, запада Боливии, горы и предгорья Чили и западной Аргентины, равнины Патагонии и Огненной Земли. До прибытия европейцев ареал был шире, а численность достигала 50 млн голов, в настоящее время сохранилось менее миллиона голов. Гуанако встречается в различных ландшафтах — безводных жарких пустынях (Атакама) и холодных полупустынях, горных влажных лугах (парамос) и сухих горных степях (пуна), в пампе и на морских побережьях.*

Они живут обществами и небольшими стадами. Мейен видал стада от 7-100 голов, которые паслись около ручьев, а Дарвин замечает, что чаще всего стада этих животных бывают до 12-30 голов, но он, однако, видал на берегах реки Санта-Круц огромное стадо, по крайней мере в 500 голов. Стадо состоит большей частью из самок и одного сильного самца, который допускает в свое общество только молодых, не вполне взрослых животных своего пола. Когда молодые достигают известного возраста, то начинаются драки, и слабые бывают принуждены удалиться и образовать отдельные стада с молодыми самками***.

** * * Гуанако встречаются небольшими, до 10 животных, группами гаремного типа, лишь на ночевках объединяясь в стада до 150 голов. Самец занимает участок 30-65 га, куда привлекает табунки самок, границы помечает кучами помёта и отстаивает их от владельцев соседних участков. Самец обычно держится несколько (особняком от группы самок с детенышами). Между участками кочуют одиночные самцы, постоянно вступающие в конфликты с «землевладельцами» в попытках завладеть территорией и с ответственно самками хозяина. Наконец на периферии держатся табунки холостующих самцов, чаще всего еще недостаточно взрослых, чтобы претендовать на самок и участки. Звуковой репертуар всех лам довольно беден, отношения в группе поддерживаются при помощи различных поз.*

Днем гуанако переходят из одной долины в другую, пасясь почти безостановочно, ночью они никогда не едят. К водопою ходят утром и вечером, соленую воду пьют точно так же охотно, а может быть, даже и охотнее, чем пресную: спутник Дарвина видал, как стадо гуанако с жадностью пило морскую воду около мыса Бланке. Питаются эти животные преимущественно сочными травами» а в случае нужды — мхом. У гуанако есть очень странная привычка, как у некоторых антилоп, выпускать свой помёт в одну общую кучу и только тогда начинать класть другую, когда первая возросла до значительного объема. Индейцы очень хорошо пользуются этими кучами; они употребляют помёт гуанако как топливо и не должны трудиться над собиранием его. Около куч помёта всегда находятся ямы в сыпучем песке или рыхлой земле, где гуанако валяются с особенным удовольствием, что происходит почти всегда около полудня. Зимой они валяются в снегу.

Все движения гуанако быстры, хотя не так скоры, как можно было бы предполагать. На равнине хорошая лошадь скоро догоняет бегущее стадо, но обыкновенные собаки только с трудом за ним следуют. Животные эти бегут короткой, развалистой иноходью. Длинная шея при быстром беге вытягивается вперед. Гуанако прекрасно лазают по горам; они, как серны, быстро поднимаются и спускаются по таким крутым откосам, где опытные ходоки по горам не могут держаться на ногах, причем, очевидно, у животного не кружится голова, когда оно глядит в глубину. Во время покоя животное это ложится, как верблюд, на грудь и на ноги и, так же как и он, становится на колени и встает. Когда они отдыхают, то все время задумчиво пережевывают жвачку.

Обыкновенно гуанако очень дики и пугливы. Они постоянно озираются, видят врагов издали и бегут, как только заметят что-нибудь подозрительное. Когда они испуганы, то убегают за несколько верст, но держатся при этом известных, сильно протоптанных тропинок. Вожак самец почти всегда пасется на расстоянии нескольких шагов от стада и очень зорко сторожит его. При

малейшей опасности он издает громкое блеянье; животные мгновенно поднимают головы, осматриваются во все стороны и быстро пускаются в бегство, при этом, по словам Мейена, самки и детеныши бегут впереди, а старый самец образует арьергард и головой толкает передних.

Время спаривания бывает в августе и сентябре. Самцы в это время сильно дерутся за право первенства в стаде. Противники нападают друг на друга с большим ожесточением и страшным криком, кусаются, лягаются, гоняются один за другим и стараются повалить соперника и даже сбросить его с крутизны. После 10-11-месячной беременности самка рождает вполне развитого детеныша, у которого глаза уже открыты и все тело покрыто шерстью. Мать кормит его в течение четырех месяцев, внимательно следит за ним, относится к нему с большой нежностью и держит его около себя до полного возмужания, когда молодой гуанако сам способен к размножению и начинает принимать участие в драках, сопровождающих половое возбуждение*.

** Во время гона, так же как и круглый год, на границах территорий, между самцами вспыхивают ожесточенные драки. Угрожающе пригнув шеи и прижав уши, соперники сближаются. Если ритуальная угроза не действует, животные кусаются, лягаются встав на дыбы, плюются. Новорожденный весит 8-15 кг. Лишь около 10 раз в день малыши подходят к матери пососать очень жирного и питательного молока. Хотя молодые достигают половой зрелости после 2 лет, уже в возрасте 7 месяцев (самцы) и 12 месяцев (самки) они бывают изгнаны из семьи и ожидают возможности влиться в другие семейные группы.*

Иногда отдельные гуанако присоединяются к стадам лам и викуний, не смешиваясь, однако, с ними; но гуанако и альпаки очень часто пасутся вместе на горных лугах.

Гуанако защищается от нападения других животных, лягаясь и кусаясь, но от скольконибудь опасных врагов он трусливо убегает, не думая о защите. Даже большая собака может удерживать на месте одного из этих крупных животных до тех пор, пока приблизится охотник. Когда гуанако привыкнут к людям и собакам, то делаются смелее, храбро ждут своего противника и стараются его укусить или лягнуть или употребляют свойственный всем ламам другой способ защиты: дают противнику близко подойти к себе, отгибают уши назад, принимают вызывающий вид и выплевывают в лицо человека или в морду животного слюну, а иногда находящуюся во рту траву или оторванную жвачку. Человек всегда был и будет самым страшным врагом этих животных; от других они всегда могут спастись бегством. Может ли кондор успешно нападать на них, как иные утверждают, это еще достоверно не доказано. Жители Южной Америки с особенной страстью предаются охоте на гуанако, так как эта охота из-за ценной шкуры и вкусного мяса довольно выгодна. С помощью хороших собак стараются загнать пасущихся животных в узкое ущелье, гонятся за ними верхом и бросают на шею лассо или ошеломляют ударами чугунных шаров, прикрепленных к длинным ремням. Опытные охотники часто пользуются любопытством гуанако, ложатся на землю и производят разные странные телодвижения, чтобы привлечь к себе животных. По уверениям Дарвина, охотники успевают в таком случае сделать несколько выстрелов, так как гуанако не пугаются первых выстрелов, а считают их принадлежностью того странного явления, которое привлекло их внимание. На равнинах их часто убивают в большом количестве, так как они, подобно глупым овцам, позволяют себя окружить несколькими всадниками, долгое время недоумевают и позволяют себя загнать за какую-нибудь изгородь, откуда для них уже нет спасения. На откосах гор они, напротив того, гораздо легче спасаются от своих преследователей, и здесь бывает трудно к ним приблизиться даже на расстояние выстрела**.

** * Как и верблюды, все ламы передвигаются иноходью, скорость гуанако достигает 50 км/ч.*

Раненые гуанако бегут, по словам Дарвина, к рекам и окоlevают только на их берегах, но кажется, что даже не раненые, а больные и старые животные отыскивают себе особенные места для того, чтобы там лечь и умереть. «На берегах реки Санта-Круц, — пишет Дарвин, — я находил небольшие, обросшие кустарником полянки, которые были густо усеяны уже совсем белыми костями. Я подробно исследовал эти кости и нашел, что ни одна из них не показывала следа зубов хищного зверя, что совершенно исключает возможность предположения, будто кости эти затащены сюда какими-нибудь хищниками. По всей вероятности, животные еще до смерти залезли сюда в кусты».

На южноамериканских равнинах и в горах гуанако часто ловят живыми, чтобы их приручить. Они очень смирны и приятны, пока молоды; доверчивы и привязчивы, следуют как собаки по стопам своего господина и ведут себя совершенно как ягнята; но чем они становятся старше, тем более исчезают у них любовь и привязанность к человеку. Ручные гуанако, наподобие домашних лам, пасутся около дома и к вечеру сами возвращаются на двор; старые животные, однако, всячески стараются сбросить с себя власть человека и плевками в лицо доказывают, как он им неприятен.

Пленных гуанако легко кормить сеном, травой, хлебом и зерном; их теперь часто привозят в Европу, где при хорошем уходе они даже размножаются.

Лама встречается преимущественно в Перу и уживается там лучше всего на высоких плоскогорьях. Она ростом несколько выше гуанако и отличается мозолистыми наростами на груди и на передней части сустава, соединяющего предплечье с кистью. Голова коротка и узка, губы покрыты волосами, уши короткие и мозолистая кожа на нижней стороне пальцев очень велика. Ламы бывают различного цвета: белые, черные, пегие, рыжевато-бурые с белыми пятнами, темно-бурые, ярко-рыжие, желтовато-рыжие и т. д. Взрослое животное от конца ноги до темени достигает 2,6-2,8 м, высота в плечах — около 1,2 м.

Агоста рассказывает: «Индейцы водят через горы целые стада этих «овец», навьюченных различными товарами, причем число их бывает 300-500 и даже до 1000 голов. Я часто удивлялся, видя подобные стада, навьюченные двумя или тремя тысячами слитков серебра ценой до 300 тысяч дукатов, переправляющиеся через горы в сопровождении лишь нескольких индейцев, которые погоняют животных, навьючивают и развьючивают их, и ведут в полном порядке под наблюдением двух-трех испанцев. Караваны эти во время дороги отдыхают под открытым небом и, несмотря на это, ничего не пропадает, до того велика безопасность дорог в Перу. На стоянках, около ручьев, окруженных лугами, где могут пастись животные, индейцы их развьючивают, устраивают шатры, варят пищу и чувствуют себя очень хорошо, несмотря на трудности длинного пути. Если караван находится в дороге лишь один день, то каждая из овец несет на себе 8 арроб (почти 8 пудов) и проходит с такой ношей в день 8-10 легуа (29-36 километров). Однако это могут делать лишь те животные, которые принадлежат бедным солдатам, совершающим походы через Перу. «Овцы» эти любят холодный воздух и чувствуют себя вполне здоровыми в горах; на равнинах страдают от жары. Случается, что они бывают покрыты инеем и ледяными сосульками и все-таки остаются здоровыми. Те из них, у которых шерсть коротка, имеют очень смешной вид. Иногда они вдруг останавливаются, приподнимают шею, внимательно осматривают своих проводников и некоторое время стоят неподвижно, не выказывая ни страха, ни недовольства. Случается, что они внезапно пугаются и с вьюками карабкаются на самые неприступные скалы; куда люди не могут за ними следовать; тогда приходится их застрелить, чтобы не потерять серебряные слитки, находящиеся в их вьюках».

Только самцов употребляют как вьючных животных, а самок держат для завода. «Караван этих животных, — говорит Стефенсон, — представляет очень красивое зрелище: животные эти, из которых каждое несет до одного центнера тяжести, идут в большом порядке гуськом, следуя за передней ламой, которая служит вожакom и отличается от других украшенным недоузdkом, колокольчиком и маленьким флагом на голове. Караваны проходят по снежным вершинам Кордильер и по крутым горным тропинкам, где лошади или мулы могли бы пройти с большим трудом; при этом они так послушны, что погонщики не употребляют ни палок, ни кнутов, чтобы погонять и направлять их. От стоянки до стоянки ламы идут спокойно и не останавливаясь». Чуди к этому прибавляет, что ламы постоянно из любопытства оглядываются по сторонам. «Когда они увидят вблизи какой-нибудь незнакомый предмет, который их пугает, то вмиг разбегаются в разные стороны, и бедные погонщики могут только с трудом снова собрать их. Индейцы очень любят этих животных и перед навьючиванием украшают и ласкают их. Несмотря на хороший уход и осторожность, при каждом путешествии к берегу моря много лам погибает, так как они не могут переносить жаркого климата. Для возки экипажа и для верховой езды этих животных не употребляют; только очень редко индеец садится на одну из своих лам, когда приходится переезжать через реку и проводнику не хочется промокнуть, но, переехавши на тот берег, всадник тотчас же слезает... Лама может нести не более 50 кг. Если вьюк слишком тяжел, то она ложится и не встает до тех пор, пока не облегчат ее ноши. Вьюки кладутся обыкновенно без всякого седла и войлока, на тонкий кусок материи, покрывающий густую шерсть животного, и привязываются к туловищу шерстяными веревками. Навьюченные таким образом ламы проходят в день 10, много 20 км и идут так тихо, беззаботно и свободно, что тяжесть, по-видимому, вовсе не беспокоит их; при этом они пасутся по дороге, на равнине расходятся в разные стороны, лазают на горы, но слушаются голоса или свистка проводников. Они требуют необыкновенно мягкого обращения и тогда очень послушны; если же с ними обращаются неприветливо и грубо, то делаются злыми, глупыми и ни к чему не пригодными. Лама есть животное, как бы созданное нарочно для индейцев, которые отличаются необыкновенным терпением и хладнокровием; благодаря этим качествам туземцы могут легко справляться с этими очень упрямыми животными».

Мейен считает лам столь же важными для перуанцев, как северного оленя для лапландцев. На высоких плоскогорьях Кордильер держат огромные стада этих животных. Ночью их запирают в

загородку, стены которой сделаны из камней, а днем выпускают; они тогда рысью бегут на пастбище без всяких пастухов, а вечером сами возвращаются обратно. С ними часто пасутся гуанако и викуни. Если кто проедет верхом мимо стада, то ламы издали ужестораживают уши, затем целой толпой в галоп приближаются к всаднику, останавливаются в 30 или 50 шагах от него, любопытно осматривают его, а, затем возвращаются на пастбище.

Мясо лам едят везде охотно, и однолетние животные считаются особенно вкусными. Вполне взрослых лам убивают большей частью для приготовления сушеного мяса, которое в Перу и Боливии называется «чарки». На плоскогорье Пуна, между двумя хребтами Кордильер, лет десять тому назад за ламу средним числом платили около 20 марок и соответственно этой цене платили дороже или дешевле за сушеное мясо. Из шерсти готовят лишь грубые материи и веревки; цена ее невелика. В рассказах вышеупомянутых путешественников находится примерно все то, что нам известно о жизни лам на их родине. Теперь можно видеть этих животных почти во всех зоологических садах. Бели их держать несколько штук вместе, то они гораздо смирнее и ласковее, чем если их держать поодиночке; тогда они, очевидно, скучают. Они очень хорошо сживаются с другими ламами и со сродными видами, а пары этих животных живут очень дружно между собой. Они научаются узнавать своих сторожей и обходятся с ними сносно, но к чужим людям относятся как верблюды, всегда раздражительно и недоверчиво*.

** Лам разводят только в горной местности на высоте 2—4 тыс. м, 70% лам живет в Боливии. Характерные для горных животных черты увеличенный объем сердца и легких, повышенная концентрация эритроцитов в крови сделали ламу незаменимым транспортным средством индейцев в высокогорье. Выделяют две породы ламы: длинношерстная шаку и короткошерстная кара. Ламы доживают до 30 лет.*

Третий вид этой группы, **пако, или альпака** (*Lama guanicoe* расос), ростом меньше ламы и по строению тела несколько похожа на нашу овцу, но шея у нее длиннее и голова красивее; шерсть ее очень длинна и удивительно мягкая; на некоторых местах, например по сторонам туловища, длина волос достигает 10-12 см. Цвет шерсти бывает или совсем белый, или черный, однако встречаются и пегие животные**.

*** Альпака имеет высоту в холке около 94-104 см, весит 55-65 кг. Разводится только ради шерсти, как вьючное животное не используется. Свыше 90% животных живет в Перу. Характерны шапка волос на голове. «бакенбарды» на щеках, густые «начесы» на ногах. Беременность у альпака короче, чем у ламы, составляет 342-345 дней, детеныш весит 6-7 кг.*

"Альпак, — говорит Чуди, — держат большими стадами, которые целый год пасутся на высоких горных лугах, и их гонят вниз к хижинам индейцев только на время стрижки. Едва ли существует животное более упрямое, чем альпака.

Пако, или альпака (*Lama guanicoe pacos*)

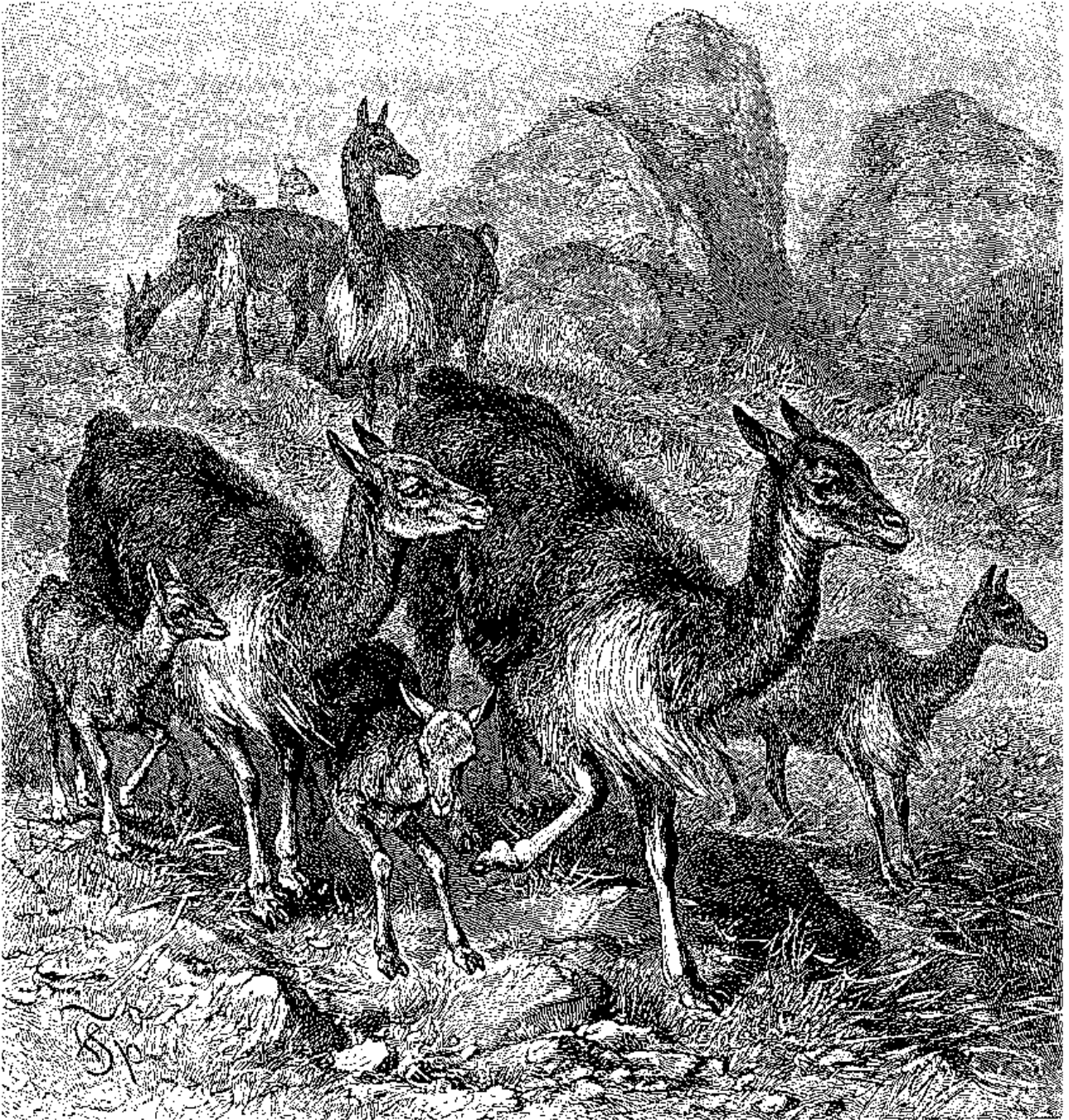
Если одна из них отделена от стада, то она бросается на землю, и ни ласками, ни ударами нельзя заставить ее встать. Она переносит самые сильные удары и даже мучительную смерть, но ни за что не послушается. Отдельных животных можно только тогда заставить идти, когда их присоединяют к стадам лам или овец. Индейцы уже с давних времен приготавливают из шерсти альпак и лам одеяла и плащи».

По показаниям Акости, индейцы называют более грубую шерсть «ханаска», тонкую же — «кумби». Из последней они с большим искусством приготавливают салфетки для столов и другие ценные вещи, отличающиеся прочностью и глянцевиостью. Перуанские инки имели хороших мастеров по части тканья. Самые искусные жили у озера Титикака. Они окрашивали грубую и тонкую шерсть различными травами в очень яркие краски. В настоящее время они умеют ткать лишь теплые одеяла и плащи, но зато шерсть в большом количестве отправляется в Европу*.

** Различают несколько пород альпаки, имеющих более нежную или грубую, длинную или короткую, прямую или бьющуюся, курчавую шерсть. Для улучшения качества шерсти альпаку скрещивали с викуньей, полученные гибриды паковикуньи имели довольно тонкую шерсть и в 4 раза длиннее, чем у альпаки, но оказались стерильными.*

"Красивее ламы, — говорит Чуди, — **викунья** (*Vicugna vicugna*). По величине она стоит между ламой и пако, отличается же от обоих более короткой и вьющейся шерстью замечательной тонкости. Темя, верхняя сторона шеи, туловище и бедра окрашены в особенный красно-желтый цвет (цвет викуньи); нижняя сторона шеи и внутренние части конечностей — светло-желтого цвета, шерсть на груди, достигающая 12 см длины, и нижняя часть живота — белые*.

** Высота викуньи в холке — 85-120 см, вес самцов — 60 кг, самок — 40 кг. Очень характерны тонкая гибкая шея, покрытая короткой шерстью, обширное белое пятно на груди, образованное удлинненными волосами.*

Викунья (*Vicugna vicugna*)

В продолжение дождливого времени года викуньи живут на хребтах Кордильер, где растительность в высшей степени скудна. Они остаются постоянно на лугах, поросших травой.

вследствие того, что копыта их мягки и чувствительны; никогда не бегут, даже при преследовании по каменистым голым вершинам и более всего избегают, как и наши серны, глетчеров и снежных полей. В жаркое время года спускаются в долины. Кажущееся противоречие, что животные зимой отыскивают холодные, а летом жаркие места, объясняется тем, что в продолжение сухого времени хребты Кордильер совсем высыхают, и скудная растительность доставляет им достаточную пищу лишь в долинах, где есть источники и болота. Они пасутся почти целый день, и считается большой редкостью застать стадо этих животных лежащим. Во время течки самцы сильно дерутся между собой за первенство в стаде, состоящем обыкновенно из 6-15 самок; в каждом стаде может быть только один самец. Самец держится в двух-трех шагах от своего стада и тщательно оберегает его, между тем как самки беззаботно пасутся. При приближении малейшей опасности вожак подает знак громким свистом и быстро становится во главе стада. Все животные тотчас соединяются, с любопытством поворачивают головы в том направлении, откуда грозит опасность, и приближаются на несколько шагов, а затем вдруг обращаются в бегство; самец следует за ними, часто останавливается и следит за врагом. Движения при быстром беге состоят из галопа, причем животные переваливаются с боку на бок довольно тихими прыжками. Бег этот не настолько быстр, чтобы животных нельзя было бы нагнать на равнине всаднику на хорошей лошади. Но даже и на самой быстрой ло-

шади невозможно этого сделать, если викунии находятся на горных откосах, и в особенности, когда они бегут вверх, так как тогда они имеют большое преимущество перед лошадьми. Самки редкой верностью и привязанностью вознаграждают бдительность своего вожака и, если он бывает ранен или убит, бегают с громким свистом вокруг него и позволяют даже перестрелять себя, но в бегство не обращаются. Если же смертоносный свинец поражает самку, то все стадо убегает. Напротив того, самки гуанако быстро удаляются, если их вожак бывает убит.

В феврале у каждой самки рождается один детеныш, который тотчас же после рождения выказывает необычайную выносливость и быстроту**.

** * Беременность длится 11,5 месяца, детеныш рождается летом, в сезон дождей. Вес новорожденного 4-6 кг. Половая зрелость наступает в 2 года. Продолжительность жизни в природе около 10 лет, в неволе — 15-24 года.*

Молодые самцы викуний до тех пор остаются при матерях, пока не вырастут; тогда стадо самок набрасывается на способных уже к размножению самцов, толкает и кусает их до тех пор, пока они не убегают от них. Молодые собираются в особенные стада, к которым присоединяются еще другие, состоящие из побежденных самцов, и образуют общества, достигающие 20-30 голов. Между ними, конечно, не всегда бывает спокойно. Так как это стадо не руководится вожаком, то все животные делаются крайне недоверчивыми и чуткими, так что охотник лишь с большой осторожностью и большим трудом может приблизиться к подобному стаду и очень редко убивает более одного животного. Во время течки беспорядок в стадах викуний бывает страшный: все животные толкуются на одном месте, кусаются, лягаются и при этом издают очень неприятные крики, несколько похожие на ржание испуганных лошадей. Крик этот трудно описать, но он настолько характерен, что, услышав раз, его уже нельзя забыть. Чистый редкий воздух передает эти пронзительные звуки на такое большое расстояние, что даже самый зоркий глаз не может еще различить животных».

"Индейцы, продолжает далее Чуди, — очень редко употребляют огнестрельное оружие на охоте за викунями. Они устраивают облаву, на которую каждое семейство плоскогорья должно доставлять по крайней мере одного человека; вдовы служат в этой артели кухарками. Охотники забирают с собой палки и огромные клубки бечевки. На подходящей равнине палки втыкают в землю на расстоянии 12-15 шагов и связывают их веревками на высоте 80 см. Таким образом, огораживают круглое пространство около двух верст в окружности и с одной стороны оставляют вход, шириной в несколько сот шагов. Женщины навешивают на веревки круга пестрые тряпки, которые развеваются по ветру. Когда все готово, мужчины, из которых часть верхом на лошадях, расходятся по сторонам и с многих миль в окружности сгоняют все стада через отверстие в круг. Если надлежащее количество загнано, этот круг загораживают. Пугливые животные не отваживаются перескочить через веревку с колеблющимися тряпками, и их легко убивают так называемыми белассами, которые состоят из трех чугунных шаров, привязанных на длинных ремнях. Бросающий кружит ими около головы избранного животного и очень метко с размаху кидает в нее, сам же опутывает ему ноги, и жертва падает. Пойманные таким образом викунии закалываются, и мясо делится поровну между присутствующими; меха жертвуют церкви.

В 1827 году Боливар издал закон, по которому пойманных викуний не велено было убивать, а только стричь. Но закон этот не имел силы, так как стрижка животных вследствие их дикости была почти невозможна. Во времена инков охоты устраивались в гораздо больших размерах: собирали ежегодно до 30 тысяч индейцев, которые должны были загонять всю дичь по вышеупомянутому способу в огороженное пространство, миль с 20 в окружности. При постепенном суживании круга загонщиков, индейцы под конец шли в несколько рядов, так что ни одно животное не могло спастись. Вредных животных, как-то медведей, лисиц и кугуаров убивали, а из оленей, ланей, викуний и гуанако убивали только известное число. Иногда их сгоняли, говорят, до 4000 штук. Если в такие западни попадались гуанако, то они разрывали веревку или перескакивали через нее, и тогда за ними следовали и викунии. Поэтому обращали внимание на то, чтобы не загонять гуанако. Как только все викунии в окруженном пространстве были убиты, то охоту продолжали в каком-нибудь другом месте; она длилась около недели. Число убиваемых в настоящее время животных доходит часто только до пятидесяти, иногда их бывает более сотни. Я принимал участие в продолжение пяти дней в такой охоте; убито было 122 викунии, и на вырученные от шкур деньги выстроили новый алтарь в церкви*.

** Популяции викуний, в результате охоты и вытеснения стадами домашних животных, находятся в угрожаемом состоянии. В настоящее время викунии сохранились в высокогорных пустынях Перу, Чили, Боливии, Аргентины. В этих районах очень скудная растительность и суровый климат, но викунии хорошо приспособлены к подобным условиям существования. В ре-*

зультате охраны численность стабилизировалась, составляет около 100 тыс. особей, испытывает тенденцию к росту.

Пойманные молодыми викунии легко приручаются и ведут себя очень доверчиво; они с любовью привязываются к хозяину и как хорошо воспитанные домашние животные следуют за ним по пятам; с годами же становятся, как и все их родичи, злыми и невыносимыми своими постоянными плевками».

Уже при Акосте индейцы стригли викуний и приготавливали из их шерсти ценные одеяла, которые имели вид шелковой материи и были очень прочны, так как не требовали окраски. Одежда из этой материи в особенности годится для жаркой погоды. И до сих пор еще ткут из этой шерсти тончайшие и самые прочные материи, а также валяют мягкие войлочные шляпы, которые очень долго носятся.

От всех видов лам получают желудочные камни (безоары), которым в прежние времена придавали большое значение в медицине.

Семейство ящеровые

Ящеры, несмотря на сходство с муравьедами по форме тела и образу жизни, составляют вполне обособленный отряд*.

* Названные «ящеры» выглядит не совсем удачным, поскольку так обычно называют вымерших рептилий. Второе название представителей отряда «панголины», от малайского слова «пенголин» сворачивающийся в шар.

Тело всех принадлежащих к отряду животных покрыто по внешней стороне большими пластинкообразными роговыми чешуями, которые налегают друг на друга, как черепицы, или, лучше сказать, как чешуи еловой шишки. Этот покров, главнейший отличительный признак, представляет нечто единственное в своем роде, его скорее можно сравнить с чешуей рыбы или пресмыкающегося, чем с каким-либо другим кожным образованием млекопитающего**

* * Чешую ящеров скорее можно сравнить с ногтевыми пластинами, растущими из глубоких слоев кожи. Образно выражаясь, это «слипшиеся волосы», состоящие из кератина.

Более точной характеристикой ящеров может служить следующая. Тело вытянуто, хвост длинный; голова мала, морда конически заострена; передние и задние ноги короткие, пятипалы и вооружены очень большими когтями, служащими для рытья. Лишь на горле, нижней стороне тела и внутренней стороне ног имеются волосы, между тем как вся остальная часть тела одета панцирем. Все чешуи, которые одним концом сидят в коже тела, имеют ромбовидную форму, очень острые края, и притом необыкновенно тверды и плотны. Такое расположение делает возможной довольно большую подвижность чешуи по всем направлениям; они могут сдвигаться в сторону, подниматься или опускаться. Между отдельными чешуями и на свободных местах тела находятся тонкие волосы, которые иногда на брюхе совершенно стираются. Морда без чешуи, но покрыта твердой, похожей на рог кожей. Челюсти лишены зубов***.

* * * Роль зубов выполняют роговые зазубренные пластины в задней части желудка, у выхода в кишечник.

3422 Семейство ящеровые Ребра широкие, их хрящи с возрастом окостеневают почти совершенно; грудная кость также широка. Особый мускул, который лежит, как у ежа, под кожей и тянется по обеим сторонам позвоночного столба, производит свертывание тела в шар. Язык довольно длинный и вытяжной, чрезвычайно большие слюнные железы, которые простираются вниз почти до грудной кости, доставляют слизь, необходимую для того, чтобы добыча прилипла к языку; пища состоит из насекомых и преимущественно из муравьев и термитов.

Большая часть Африки и вся южная Азия, а также некоторые прилегающие острова составляют родину этих страных животных; степи и лесистые местности, как в горах, так и на равнинах, являются их местообитанием. Вероятно, они живут в выкопанных ими самими норах поодиночке, так как необщительны, днем прячутся, бродят ночью*.

* Большинство панголинов лесные животные. Некрупные виды, обладающие длинным хватательным хвостом, находят убежище не в норах, а в дуплах. Норы крупных панголинов могут достигать глубины 3—6 м и длины до 40 м.

В Кордофани я нашел в большом числе норы ящеров, однако мне удалось добыть только одного из них. Большинство нор было необитаемо, почему можно предположить, что ящеры, подобно муравьедам и броненосцам, с наступлением дня выкапывают себе новые норы, если им слишком далеко и неудобно возвращаться в старые. Как наблюдали за содержащимися в неволе ящерами, они спят днем, свернувшись и спрятав голову под хвост. С наступлением сумерек просыпаются и бродят, отыскивая пищу. Движения их вовсе не так медленны и вялы, как считали прежде.

Об одном виде — гигантском ящере (*Manis gigantea*), наблюдавшемся в западной Африке, в Либерии, Бьютикофер говорит: «Это животное, вопреки сведениям, сообщаемым в зоологии, бежит очень быстро, так что человек едва может догнать его, и во время бегства всегда поднимается на задние ноги и хвост, чтобы осмотреться, причем свешивает передние ноги**»

* * *По земле панголины передвигаются, в основном, опираясь на задние стопоходящие ноги. Передними конечностями с загнутыми когтями они лишь слегка отталкиваются от земли. Несмотря на фактически «двуногое» передвижение тело ящера располагается горизонтально, так как прекрасно уравнивается длинным тяжелым хвостом.*

Так как животное не может ни свернуться, ни повернуться в норе, то нора имеет отдельные вход 3424 Семейство ящеровые и выход». Кроме того, наш товарищ по профессии подтверждает тот факт, что два других африканских вида: **длиннохвостый ящер** (*Munis tetradactyla*) и **белобрюхий ящер** (*M. tricuspis*) тоже хорошо бегают, и притом ловко лазают по деревьям.

Единственные звуки, которые приходилось слышать у ящеров, состояли из скрипа, писка или фыркания. Зрение и слух, по-видимому, развиты у них очень слабо, да и обоняние не особенно хорошо, хотя этим чувством животное и руководствуется во время своей охоты***.

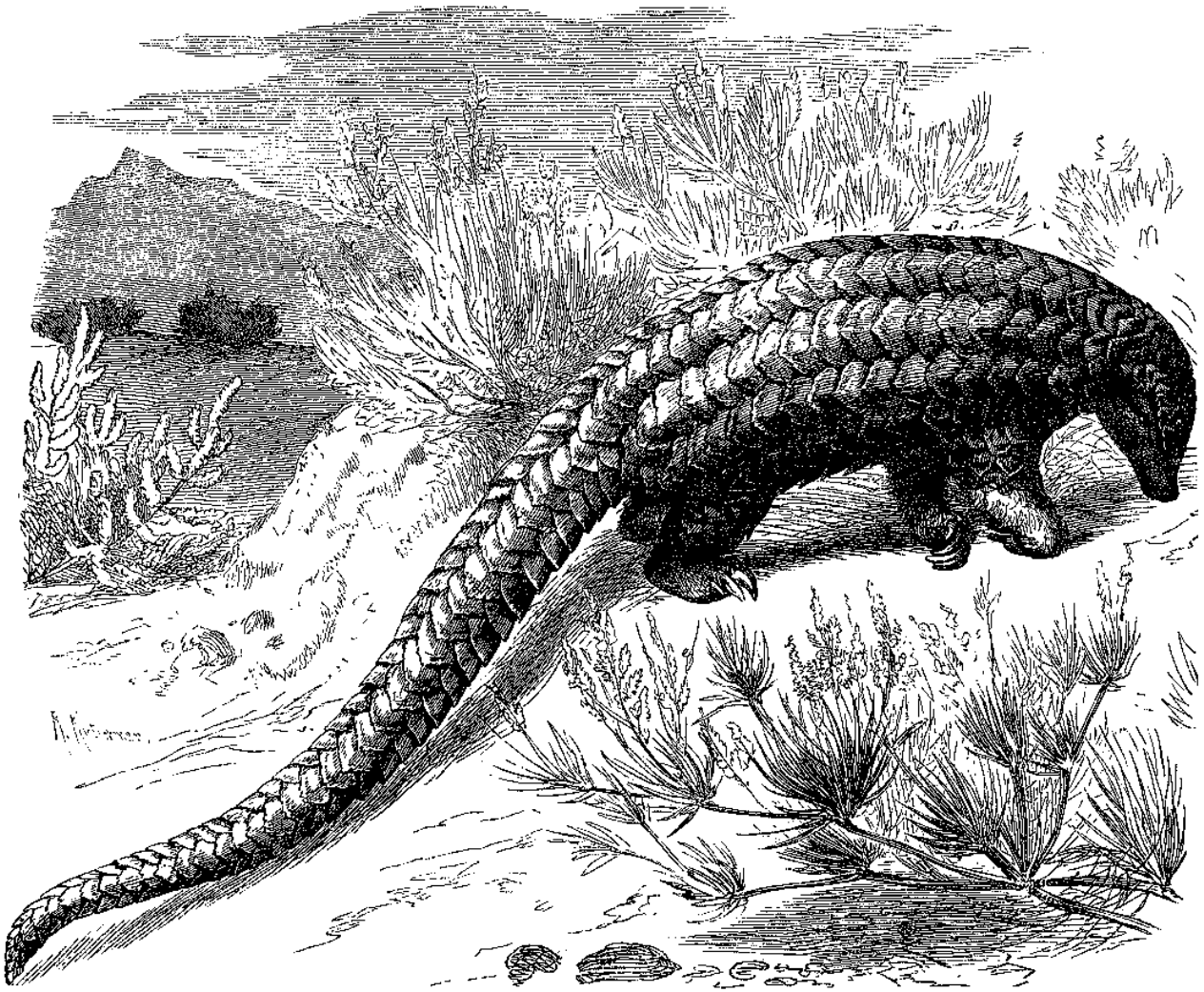
* * * *Обоняние у ящеров развито прекрасно, некоторые виды имеют анальные железы, продуцирующие сильнопахнущий секрет и общаются при помощи запаховых меток.*

О размножении известно лишь то, что самка рождает в своей норе только одного детеныша, который длиной около 30 см и уже при рождении покрыт чешуями; однако чешуи мягкие и у конца морды слабо развиты. Однако Свайно получил семейство, состоявшее из обоих родителей и трех детенышей; из этого видно, как мало значения следует придавать старым указаниям и как мало еще наблюдали историю размножения этих замечательных животных*.

* *Самка приносит одного, редко двух детенышей, покрытых мягкими чешуйками, твердеющими на второй день. Новорожденный имеет длину около 30 см. У крупных видов детеныш первое время проводит в норе, у мелких путешествует на хвосте матери, удерживаясь за чешуи когтями и цепким хвостом.*

Неволю ящеры при надлежащем уходе могут переносить долгое время. Они довольно легко привыкают к молоку, хлебу и даже к хлебным зернам, хотя насекомые остаются любимой их пищей. Туземцы едят мясо ящеров и считают его вкусным; панцирь употребляется некоторыми племенами для украшения различной утвари; чешуи считаются у различных народов внутренней Африки волшебным средством или талисманом, а у китайцев служат во врачебном искусстве для всякого рода шарлатанства. Местами жители жалуются на вред, который ящеры приносят, подрывая полезные растения; но в общем эти безобидные создания, поедая муравьев и термитов, оказывают лишь услугу человеку.

Длиннохвостый, или четырехпалый, ящер (*Mans tetradactyla*), длиной 1-1,3 метра, две трети которой приходится на хвост. У более молодых животных хвост вдвое длиннее тела и укорачивается лишь позднее, по мере роста тела. Тело умеренной толщины, сильно втянутое и постепенно переходит с одной стороны в довольно короткую шею и голову, с другой в хвост. Нос выдается вперед, ротовая щель мала, верхняя челюсть выдается над нижней, глаза малы и слабы; уши едва видны снаружи, так как на месте ушной раковины видна лишь складка кожи. Ноги короткие, толстые и почти равной длины, их пальцы не совсем подвижны. Когти передних ног, служащие для рытья, значительно больше, чем когти задних. Подошвы ног толстые, мозолистые и голые, на задних ногах они выгнуты книзу, так что при ходьбе когти едва касаются земли. Длинный и широкий, несколько сплюснутый хвост, начиная с основания, постепенно сужается к концу. Чешуи покрывают за исключением нижней части наружной стороны передних ног всю верхнюю и наружную сторону тела, а на хвосте — и нижнюю сторону; места, лишенные чешуи, покрыты жесткими щетинами. Лице и горло почти голые. Чрезвычайно крепкие, острые чешуи наибольшей величины находятся посередине спины и образуют на голове, боках, ногах, на конце хвоста, на крестце и на спине одиннадцать продольных полос, между которыми нет щетин. Довольно длинные глубокие бороздки пробегают по поверхности чешуи, начиная от основания тела. На спине чешуи плоские, на краю хвоста похожи на черепицы, на боках имеют форму ланцета. Две особенно большие чешуи лежат позади плеч. Обыкновенно средний ряд на верхней части туловища состоит на голове из девяти, на теле из четырнадцати и на хвосте из 42-44 чешуи. Общий цвет их черновато-бурый с рыжеватым оттенком; отдельные чешуи при основании черно-бурые и окаймлены на краях желтоватой каймой. Щетинистые волосы черного цвета.

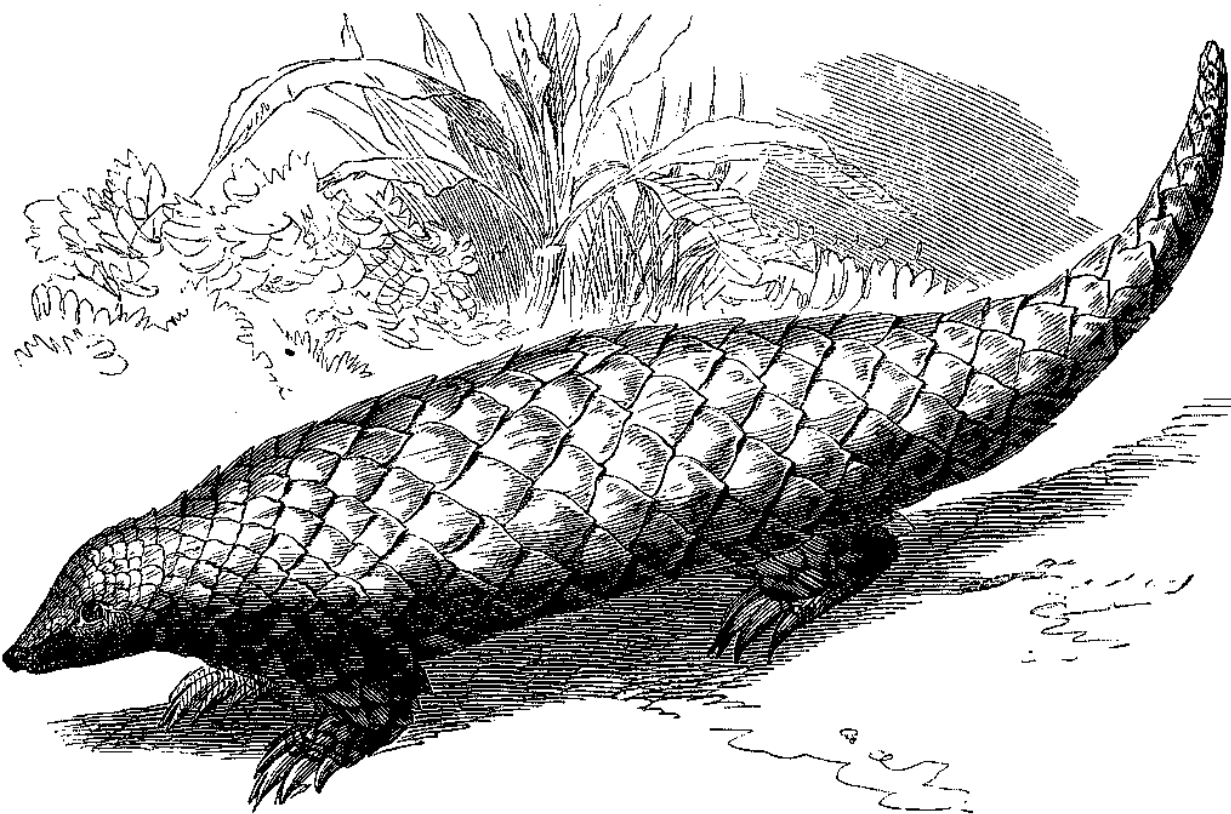
Длиннохвостый, или четырехпалый, ящер (*Mam's tetradactyla*)

Родина животного — западная Африка. Первые подробные сведения об образе жизни этого животного дал Демарше: «В Гвинее в лесах 3428 Семейство ящеровые встречается четвероногое животное, которое негры называют «квоггело». Оно покрыто от шеи до конца хвоста чешуями, которые почти такой же формы, как листики артишока, только несколько острее. Они тесно налегают друг на друга и достаточно толсты и тверды для того, чтобы защищать животное от когтей и зубов других зверей, которые нападают на него. Леопарды постоянно преследуют его, и им нетрудно догнать животное, так как оно бежит гораздо тише, чем они. Оно убегает, но скоро его догоняют. И ни когти, ни рот не могут служить ему оружием против страшных когтей и зубов этих хищников; тогда оно свертывается в виде шара и загибает хвост под брюхо, так что со всех сторон наружу торчат острия. Большие кошки тихо катают его туда-сюда своими когтями, но укалываются, как только тронут лапой посильнее, и принуждены оставлять его в покое. Негры убивают его палками, обдирают, продают шкуру белым и едят мясо. Оно очень бело и нежно, чему я охотно верю, если правда, что животное питается только муравьями, наверное, нежной и вкусной пищей! В его морде, которую можно сравнить с утиным клювом, лежит очень длинный липкий язык, который животное всовывает в отверстие муравейников или кладет на их пути; муравьи тотчас сбегаются на него, привлеченные запахом, и прилипают. Когда животное замечает, что его язык покрыт насекомыми, то втягивает его и ест добычу. Оно не злобно, ни на кого не нападает, и если находит муравьев, то доволен, и живет полной жизнью!» Бьюттикофер, наблюдавший этих животных в Либерии, говорит о них: «Ящеры очень ловко и быстро лазают, их часто находят спящими, свернувшись в шар, в развилинах ветвей или в дуплах деревьев. Я держал одно животное некоторое время живым; мы кормили его личинками из грибообразных построек термитов, которые для этой цели приносили из лесу и разбивали. Оно лазало с величайшим проворством по стенам до самой крыши и исследовало ее, ища насекомых, особенно докучливых домовых термитов».

Панголин, китайский ящер (*Manis pentadactyla*)*, имеет короткий хвост, и наружная сторона его ног покрыта панцирем.

* Брем смешивает два близких азиатских вида, ведущих полудревесный образ жизни — панголина, или китайского ящера (*M. pentadactyla*), обитающего в южном Китае, Индокитае и Ассаме, и индийского ящера (*M. crassicaudata*), распространенного в Индостане и на о. Шри-Ланка (Цейлон).

Животное населяет Индостан и Цейлон, по Жердону, охотнее всего холмистые местности, но нигде не встречается в большом числе. Уже Элиан упоминает, что в Индии есть животное, имеющее вид земного крокодила. Ростом с небольшую собаку, кожа его покрыта такой плотной и шероховатой корой, что снятая употребляется в качестве напильника и берет даже медь и железо. Индийцы дали ему имя «фатаген».

Панголин, китайский ящер (*Manis pentadactyla*)

От остальных ящеров, за исключением степного ящера, панголин отличается величиной и тем, что его чешуи расположены 11-13 рядами, на спине и хвосте очень широки и нигде не имеют кия; хвост у корня такой же толщины, как тело, то есть не отделен от него. Взрослый самец может достигать длины 1,3 метра, около половины приходится на туловище. Чешуи тела на конце имеют ширину вдвое большую, чем их длина, и к концу несколько выгнуты, поверхность их от конца более чем до половины длины тела гладкая; расположены они в 11, иногда в 13 продольных рядов, причем по бокам прибавляются еще по два меньших ряда. Средний ряд состоит на голове из 11 чешуи, на спине и хвосте из 16. Длина языка около 30 см.

Об образе жизни этого вида мы тоже знаем еще мало. «Это животное. — говорит Эллиот, — вырывает ходы в наклонном положении от поверхности земли до глубины 2-4 метров и открываются в большую камеру, которая может иметь в диаметре более 0,5 метра. Они живут парами, от января до марта их можно найти здесь с 1-2 детенышами. Находясь в норе, они обыкновенно так закупоривают вход землей, что его было бы нелегко отыскать, если бы снаружи не замечались их странные следы. Самка, которую я держал в неволе, спала днем и была бодрой всю ночь. Она не хотела есть ни термитов, ни муравьев, которых я приносил в клетку, хотя помет ее показывал, что она ела их прежде. К поставленной воде самка, напротив, подошла тотчас же и стала пить, причем так быстро погружала и вытягивала свой длинный, подвижный язык, что вода покрылась пеной. Когда я получил ее, она пищала или фыркала, если ее беспокоили». Мак Мастер тоже указывает, что животные, которых он наблюдал, днем были всегда сонны и лишь ночью становились беспокойными и жадно пили воду. Мясо их, по словам Жердона, считается туземцами за возбуждающее средство. Бурт рассказывает, что панголин ест только муравьев и истребляет их очень много, но может и голодать два месяца; ночью бродит, и очень беспокоен в неволе; может довольно быстро

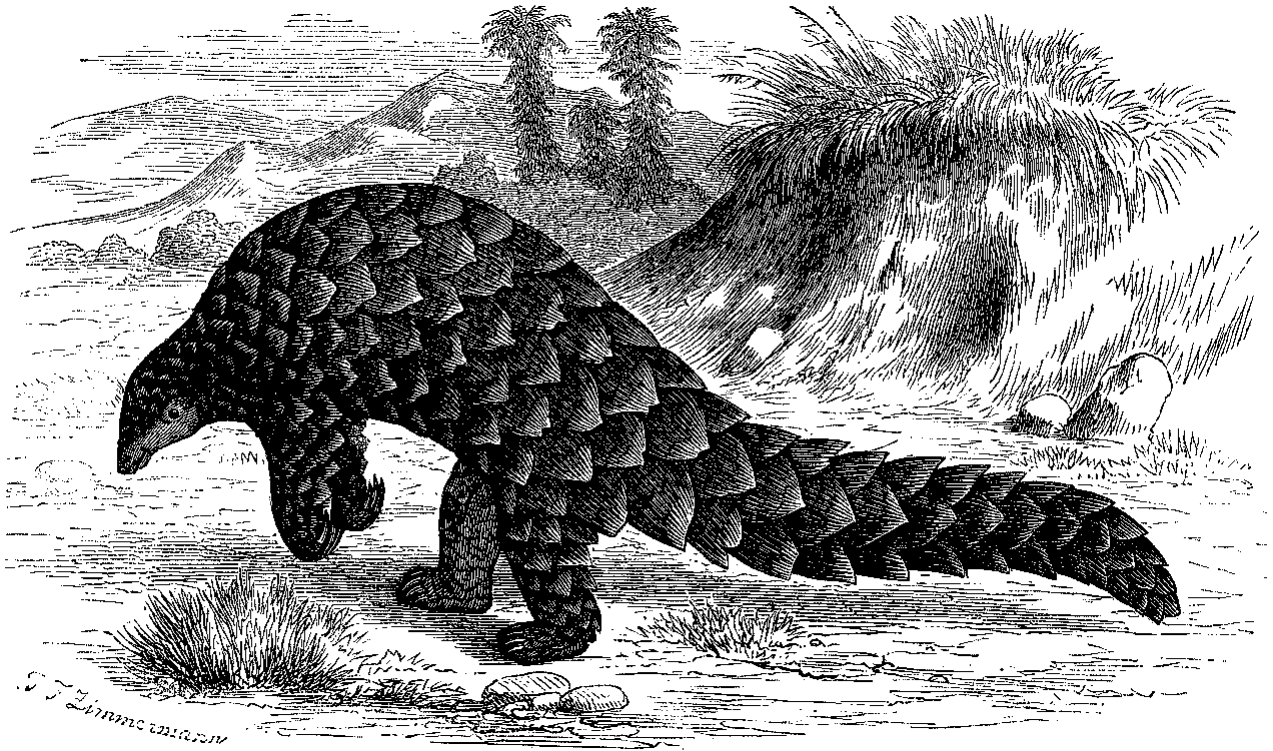
двигаться, а, если на него напасть, спокойно позволяет поднять себя за хвост, не делая ни малейшей попытки защищаться. Китайцы делают из его шкуры панцири и прибавляют ее к щитам.

Теннент говорит о панголине лишь коротко: «Единственный вид неполнозубых животных, водящийся на Цейлоне, есть панцирный муравьед, называемый сингалезцами кабаллайя, малайцами — панголин; животное способно свертываться, нагибая голову к груди и обвивая хвостом голову и шею, чем оно защищает себя от вражеских нападений. Норы кабаллайя, имеющие 2 метра глубины, встречаешь в сухих местах и узнаешь, что эти животные живут здесь парами и ежегодно рожают по два или три детеныша. Я держал в различное время два экземпляра живыми. Один из них добыт поблизости Канди и имел приблизительно 60 см длины; это было милое и преданное существо, которое после прогулок и охоты в доме за муравьями обращало мое внимание на свои потребности, взбираясь ко мне на колени, где оно очень ловко держалось с помощью цепкого хвоста. Другой, которого поймали в джунглях близ Чиллава, был вдвое больше, но менее красив. Оба умели очень ловко ловить муравьев своим круглым и слизистым языком. В течение дня они были спокойны и смиренны, но живее становились при наступлении ночи».

"Китайцы и индусы, — замечает Теннент далее, — причисляют панголина к рыбам. В Индии простонародье называет это животное рыбой джунглей». В одном сочинении о естественной истории Китая написано: «Лунг-Ле, или карп, живущий на холмах, называется так потому, что по форме тела и виду похож на карпа; с тех пор, как он живет на суше в норах и трещинах скал на холмах, он получил это имя. Некоторые называют его также «драконовый карп», так как его чешуи похожи на чешуи дракона». Адаме, из сообщений которого, по-видимому, заимствованы последние данные, упоминает, что китайцы рассказывают, будто панголин устраивает опасные ловушки различным насекомым, и особенно мухам; для этого он приподнимает чешуи и ждет, пока между ними не наберется некоторое количество насекомых, привлеченных его испарениями, затем, быстро складывая чешуи панциря, убивает всех мух и съедает их*. Панголина часто можно видеть в домах китайцев, которые считают его привлекательным животным, употребляют чешуи в качестве лекарства, однако не едят его сочного мяса.

** Панголины на самом деле иногда разоряют муравейники и, приподняв чешуи, дожидаются, когда разъяренные насекомые заберутся под них. Таким образом при помощи муравьиной кислоты ящеры борются с кожными паразитами. Это явление называется энтинг. «Муравьиные ванны» принимают с подобными целями многие животные.*

У степного ящера (*Manis temminch*) хвост относительно короток, широк, на конце более или менее округлен. Он был найден путешественником Смитом и с большой точностью им описан в материалах для изучения животных южной Африки. По величине и виду этот ящер более всего похож на своего индийского родича. Хвост, который почти достигает длины тела, утончается лишь к концу, где он вдруг заканчивается округленным и усеченным концом. Тело широкое, голова короткая и толстая. Яйцевидные чешуи покрывают голову; очень большие, покрытые у основания тонкими, продольными бороздками, гладкие на конце чешуи располагаются на спине 11-13 рядами, на хвосте 5 рядов.

Степной ящер (*Manis temmincki*)

В среднем ряду на голове насчитывается 9 чешуи, на спине 13 и на хвосте 6. На нижней стороне хвоста тоже лежат два ряда этих роговых образований. Цвет их желтовато-бурый, конец хвоста светлее и зачастую окаймлен продолговатой желтой полоской. Голые части темно-буроватые, глаза красновато-бурые. Конец морды — черный. Взрослые самцы достигают приблизительно 80 см длины, из которых хвост занимает 30 см. Степной ящер живет преимущественно в восточной и южной Африке, но встречается и в западной.

"Отец, покрытый корою», как называют степного ящера жители Кордофана, находит в богатых термитами степях Африки достаточную пищу и желанное уединение. Норы в земле служат жилищем; однако он никогда не зарывается так глубоко, как трубкозуб. Степной ящер — ночное животное и появляется лишь после наступления сумерек; он не ловок и не быстр, а также не умеет защищаться от врагов. Муравьи, термиты, кузнечики, жуки составляют его пищу. Единственный детеныш, рождаемый им, появляется на свет уже вполне покрытый чешуями; однако чешуи еще мягки и к концу хвоста мало развиты. Аборигены не охотятся за этим животным и потому его трудно достать. Один принесенный нам экземпляр, взрослый самец, был случайно убит турком, когда вылезал из норы. Турок, крайне пораженный странным явлением, быстро нанес саблей страшный удар по панцирю чудовища, и с большим изумлением увидел, что этот удар едва ли произвел какое-либо действие. Мы нашли, что треть одной чешуи была отрублена, а некоторые другие несколько повреждены. Сопровождавший турка араб убил знакомое ему существо одним ударом по голове и повесил его в виде победного трофея на лошадь хозяина, который любезно передал нам свою добычу в качестве подарка.

Впоследствии я видел это замечательное создание живым у одного купца в Хартуме, который кормил его молоком и белым хлебом. Ящер был совершенно безобиден, как и остальные представители его рода; с ним можно было делать что угодно. Днем он лежал, свернувшись в каком-нибудь углу, ночью выходил и ел, причем часто погружая язык в молоко. По указаниям Гейглина, степной ящер живет в норе, вырытой им самим, которая, однако, менее глубока, чем нора трубкозуба. Здесь он спит днем, свернувшись, причем прячет голову под хвост. Обыкновенно ходит на задних ногах, не касаясь земли очень подвижным хвостом, и может поднимать верхнюю часть тела почти вертикально. Так как он не может спастись от своих врагов бегством и вообще беззащитен, то ему остается лишь свертываться в случае нападения в твердый клубок и таким образом отдаваться на произвол судьбы в надежде, что крепкий панцирь достаточно защитит его от зубов и когтей. Пища его состоит из различных видов муравьев, жуков и кузнечиков; по словам туземцев, он ест, однако, и просо.

Отряд грызуны

Это совершенно естественная и обособленная группа животного царства*. Они носят свое название чуть ли еще не с большим правом, чем хищные свое, так как стоит только посмотреть им в рот, чтобы сразу признать в них грызущих животных. Два резца в каждой из обеих челюстей, превращенные в большие грызущие зубы, и отсутствие клыков — отличительные и постоянные признаки этого отряда.

** Отряд грызуны является самой «успешной» группой класса млекопитающих. Возникнув в палеоцене в Азии, грызуны в течение кайнозоя образовали не менее 50 семейств, более половины из которых дожили до современности.*

О внешнем виде грызунов, в общем, распространяться много не приходится, так как отряд, очень богатый семействами и видами, охватывает собой самые разнообразные типы**.

** * В настоящее время на Земле обитают более 1 700 их видов (почти половина всех видов млекопитающих).*

Общие признаки следующие: туловище в большинстве случаев цилиндрическое и опирается на низкие конечности большей частью неравной длины, так как задние ноги обыкновенно длиннее передних. Голова сидит на короткой, толстой шее, глаза большие и сильно выступающие из орбит, губы мясистые, снабжены усами, чрезвычайно подвижные и спереди раздвоенные. Передние ноги обыкновенно имеют четыре, а задние — пять пальцев с сильными когтями, а иногда также соединены между собой плавательной перепонкой. Волосы, покрывающие тело, почти всегда равной длины, только в редких случаях удлинены на концах ушей в виде кисточек или сгущаются на хвосте.

Резцы значительно больше остальных зубов, верхние всегда больше нижних***, все четыре дугообразно изогнуты, с широким остроконечным или долотообразным режущим краем, у корня трех- или четырехгранные, плоские или выгнутые, гладкие или бороздчатые, белые или желтоватые, даже красные.

** * * Наоборот — нижние резцы крупнее и длиннее верхних.*

Наружная или передняя их поверхность покрыта твердой, как сталь, эмалью, из которой состоят также острые венчики или широкие режущие края зубов; остальная часть зуба состоит из зубного вещества. При постоянном употреблении этих главных зубов они должны были иступиться или стереться, если бы не обладали драгоценным преимуществом перед зубами всех прочих млекопитающих — расти в течение всей жизни. Острие венчика поддерживается постоянным трением зубов один о другой, способствующим их оттачиванию; нижняя челюсть может двигаться не только вверх и вниз, но также вперед и назад. Таким образом резцы совмещают в себе все необходимое, чтобы наилучшим образом исполнять требуемую от них работу. Коренные зубы, отделяющиеся от резцов большим промежутком*, имеют или обыкновенные, или постоянно растущие корни; поверхность их покрыта эмалевой каймой или эмалевыми складками, которые служат отличными признаками для характеристики видов. Число их колеблется между двумя и шестью с каждой стороны челюстей.

** Этот промежуток называется «диастема».*

Продолговатый череп сверху сплюснут, затылочное отверстие расположено на задней плоскости, скуловые дуги почти всегда замкнуты; верхнечелюстные кости короткие, межчелюстные значительно развиты, нижняя челюсть так крепко вправлена, что ее боковые движения почти невозможны. Позвоночный столб состоит, кроме шейных, из 12-16 спинных, 5-7 поясничных, 3-6 крестцовых, 6-32 хвостовых позвонков. У многих грызунов на внутренней стороне рта имеются защечные мешки, которые иногда простираются до плеч и при собирании пищи служат запасными складами. Особая мышца оттягивает эти мешки назад, когда они наполнены. Слюнные железы развиты обыкновенно очень сильно. Желудок простой, но иногда бывает разделен перехватом на два отделения. Мозг указывает на ничтожное развитие душевных способностей, полушария большого мозга малы и с весьма слабыми извилинами. Органы чувств в большинстве случаев развиты равномерно и довольно совершенны**.

** * Головной мозг относительно крупный, но поверхность полушарий лишена извилин. Хорошо развит мозжечок. Грызуны живут в мире запахов, у них имеются многочисленные специфические кожные железы для нанесения за паховых меток. Важную роль играет также осязание усы-вibrиссы у большинства грызунов очень длинные и густые.*

Грызуны распространены по всем частям света и уживаются во всех климатах, встречаются везде, где только существует растительность***.

** * * Фактически только Антарктид, Новая Зеландия, удаленные тихоокеанские архипелаги и острова Арктики и Субантарктики не имеют собственной фауны грызунов (но на многие из них грызуны завезены человеком).*

"Среди вечных снегов и льдов, — говорит Блазиус, — в местах, где теплый солнечный луч только на несколько недель вызывает скудную, жалкую растительность, на безлюдных уединенных снеговых вершинах Альп, на широких пустынных равнинах севера — всюду можно встретить грызунов, которые не нуждаются в более теплых лучах дневного светила. Но чем богаче и роскошнее растительность, тем пестрее и разнообразнее жизнь этого отряда, который едва ли оставил незанятым какой-нибудь уголок земли». Образ жизни этих животных в высшей степени разнообразен; большинство из них живут на деревьях, многие на земле, одни обитают в воде, другие в подземных, выкопанных ими самими норах, некоторые в кустарниках или же в чистом поле. Все представляют собой более или менее подвижные создания, которые, смотря по образу жизни, умеют отлично бегать, лазать, рыть землю или же плавать. Хотя все они большей частью отличаются остротой органов чувств, резвостью, тем не менее их нельзя назвать умными животными; напротив, это скорее недалекие в умственном отношении существа, проявляющие больше трусости, чем осторожности или хитрости. Многие из грызунов живут парами, некоторые семьями, а иногда и целыми стадами; они хорошо уживаются с другими животными, не дружа однако с ними. Весьма немногие из них проявляют злость или хитрость, дикость или дерзость, как результат известной обдуманности. При опасности они как можно скорее убегают в свои норы, и только меньшинство вступает в борьбу или избегает преследования с помощью хитрости. Все грызуны питаются главным образом растительными веществами: кореньями, корой, листьями, цветами, всевозможными плодами, овощами, травой, мучнистыми луковицами и даже древесиной; многие используют и животную пищу, становясь настоящими всеядными животными. Те из них, которые сознают себя слишком слабыми для больших путешествий или для борьбы с суровыми зимами, собирают запасы и складывают их в подземных норах. Среди всех млекопитающих грызуны могут быть названы самыми искусными зодчими, так как некоторые из них сооружают такие замысловатые постройки, которые уже с древнейших времен вызывали удивление в людях. Многие из них проводят зиму в спячке, впадают в оцепенение и кормятся тем жиром, который массой скопляется у них за лето; при упадке жизненной деятельности этот пищевой материал расходуется весьма медленно.

Несмотря на свою незначительную величину, грызуны имеют весьма важное значение в природе; они являются для вас самыми вредными, опасными врагами. Если бы у них не было, в свою очередь, множества врагов и если бы они не подвергались повальным болезням, то опустошили бы всю землю и всецело овладели бы ею. Непрерывная истребительная война, которая ведется против них, уравновешиваются только их замечательной плодовитостью и способностью к размножению, пересиливающим часто влияние первой. Станным покажется, а между тем на деле совершенно так: пара некоторых видов грызунов в течение одного года может произвести до тысячи штук потомства. Виды, обладающие такой поразительной производительностью, становятся часто страшными опустошителями и разоряют ценное имущество людей. Вред, наносимый ими в полях и садах, уничтожение и порча всяких полезных вещей и растений, хищничество в амбарах и жилых помещениях до такой степени сильны, что значительно превосходят доставляемую ими ничтожную пользу. Поэтому человек должен примкнуть к полчищу врагов этих животных и употребить все средства, чтобы оградить себя от этих паразитов земли*. Польза, доставляемая мясом и мехом некоторых грызунов, весьма ничтожна, так что ничуть не искупает причиняемого ими вреда.

** Грызуны являются неотъемлемым и важным звеном пищевых цепей в природе, перерабатывая огромное количество растительной биомассы в более энергетически концентрированный и ценный продукт биомассы животной. Нельзя забывать, что грызуны являются кормовой базой огромного количества плотоядных животных, и их истребление ведет к серьезным нарушениям экологического баланса. Искусственное сокращение численности массовых видов грызунов в ряде районов иногда бывает оправдано по причине, Бремом не названной, а именно — опасности возникновения эпидемий опасных болезней, переносчиками возбудителей которых являются грызуны.*

Семейство беличьи

(Sciuridae)**

** * Беличьи распространены почти повсеместно от тундр до тропических лесов, однако отсутствуют в Австралийской области, на Мадагаскаре, в южной части Южной Америки. Происхождением они, видимо, связаны с тропиками восточного полушария. В России — 18 видов беличьих из 5 родов.*

Летучие белки, или летяги, отличаются главным образом тем, что их ноги соединены широкой летательной перепонкой. Этот своего рода парашют, помогающий летягам легко совершать значительные прыжки сверху вниз в косом направлении, состоит из плотной кожи, которая при-

крепляется к передним и задним конечностям и обеим сторонам туловища, покрыта на спине густыми, а на нижней стороне жидкими и редкими волосами. На пясти есть костяная шпорца, которая подпирает передний конец летательной перепонки. Хвост служит хорошим рулем и отличается силой, однако он у различных видов разный: у одних он просто густой, у других же — перистый*.

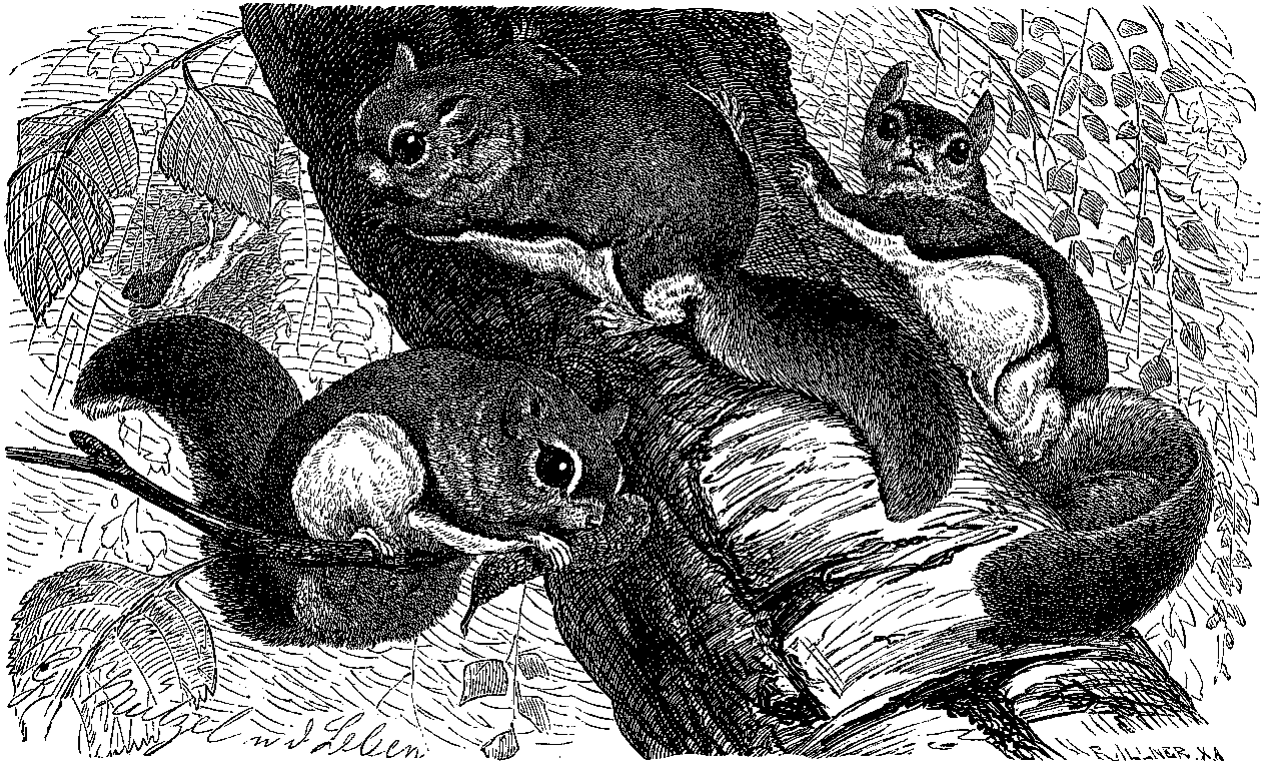
** У летяг почти равные передние и задние конечности. Для некоторых видов характерен не только патагиум — кожная складка между передними и задними конечностями, но и дополнительные складки от задних ног к хвосту и от плеч к голове.*

В северной части восточной Европы и почти во всей Сибири живет **обыкновенная летяга** (*Pteromys volans*), или полетуха у русских. Животное это значительно меньше нашей белки, туловище всего 16 см в длину, хвост 10 см или вместе с длинными волосами 13 см, а масса взрослого животного редко превышает 180 г. Густой, мягкий, шелковистый мех летом на спине бледно-бурый, на летательной перепонке и на наружной стороне ног темнее, серо-бурого цвета, на животе белый, а на хвосте сверху бледно-серый, а снизу светло-ржавый. Все волосы верхней части туловища у основания темно-серые, а на концах значительно светлее, на нижней же стороне одноцветно-белые. Зимой мех становится длиннее, гуще и светлее, так что вся спина вместе с хвостом выглядит тогда серебристо-серой, хотя основная окраска волос вовсе не изменяется.

Летяга обитает в больших березовых или смешанных лесах, состоящих из пихты, сосны и березы. Береза, кажется, является для летяги существенной потребностью, с ее корой сочетается даже окраска меха животного, подобно тому, как наша белка окраской похожа по цвету на кору сосен и елей. Она становится теперь все более и более редким зверьком, а из многих местностей, где прежде встречалась довольно часто, уже совершенно вытеснена, однако все-таки попадает и даже может быть чаще, чем это думают. В России же ее нельзя считать редким зверем, особенно в Сибири, где ее зачастую можно видеть в благоприятных для нее местностях, то есть в березовых и вообще в лиственных лесах, нередко она заходит и в села, встречаясь даже в садах. Живет всегда на деревьях одиночно или парами. Днем она спит в дуплах деревьев или в гнездах, свернувшись как орешниковая соя и обернув себя хвостом, с наступлением же сумерек выходит и начинает свою деятельную жизнь. В движениях она так же проворна, как и дневная белка, отлично лазает, ловко прыгает с одной ветви на другую и при помощи широко раскрывающейся летательной перепонки перепрыгивает расстояния в 20-30 метров. Чтобы перелететь такое расстояние, летяга забирается на самую верхушку и прыгает оттуда на нижние сучья намеченного дерева*.

** Летяги способны долго лететь почти не теряя высоты. Стартуя с большой высоты и поймав восходящие токи воздуха, они могут кружить в воздухе и планировать на расстояние до 450 м.*

На земле она настолько же беспомощна и не уверена в себе, насколько ловка и проворна на деревьях. Бегать ей сильно мешает летательная перепонка, которая болтается складками по обеим сторонам туловища.

Обыкновенная летяга (*Pteromys volans*)

Пища летяги состоит из орехов, семян различных растений, из ягод, березовых почек, молодых побегов и сережек, но при нужде животное довольствуется также молодыми сосновыми побегами и почками**.

* * *Значительную роль в рационе летяги играет кора деревьев. Ольховые и березовые шишечки она запасает на зиму, иногда в больших количествах.*

При еде летяга садится на задние лапы, как настоящая белка, и подносит пищу ко рту передними лапами. Вообще всеми своими качествами она вполне напоминает белку и отличается от нее только тем, что принадлежит к ночным животным. Подобно всем своим сородичам, летяга очень чистоплотна: постоянно чистится и кладет свои нечистоты исключительно на землю. С наступлением холодов она впадает в зимнюю спячку, которая временами прерывается, так как она спит только в морозные дни, при умеренных же холодах она просыпается и, по крайней мере, два часа в день посвящает поискам пищи***.

* * * *В настоящую зимнюю спячку летяги не спадают, но гораздо реже выходят из гнезда, в мороз могут не кормиться по несколько дней.*

Для спячки она готовит себе обычно или одно из своих старых гнезд, или водворяется в гнездо какой-нибудь птицы. Свое собственное гнездо она устраивает в дуплистых деревьях как можно выше над землей, выстилает его мягким мхом или рыхлой землей и этим же прикрывает и законопачивает вход. В таком гнезде она рождает летом 2-3 детенышей****.

* * * * *Размножение летяги до сих пор плохо изучено. В году — один выводок, до 4 детенышей.*

Они являются на свет голыми и слепыми и довольно долгое время остаются в беспомощном состоянии, требуя постоянных забот о себе. Днем мать окутывает их своей летательной перепонкой, чтобы согреть и так ей удобнее их кормить, ночью же, отлучаясь на поиски добычи, она заботливо покрывает свое молодое потомство мхом. Спустя 6 дней после рождения у них прорезываются резцы, а еще через 10 дней открываются глазки и затем на теле начинают расти волосы. Осенью часто многие из летяг устраивают общее большое гнездо, где и живут все вместе. Несмотря на плохой мех, за этим животным все-таки охотятся весьма деятельно и каждую зиму истребляют его в больших количествах. Летяги довольно легко попадают в петли, а в зимнее время в ловушки, куда их приманивают любимой пищей. Охотники: легко нападают на их след по кучам помета, весьма похожего на мышиный, который они оставляют под деревьями.

Пленные летяги обычно скоро приручаются, становясь доверчивыми, безбоязненно садятся на руки, охотно позволяют гладить себя и спокойно поглядывают при этом на своего хозяина замечательно большими и прекрасными черными глазками, едят из рук орехи, но отказываются от предлагаемых им почек различных деревьев.

Ассапан (*Glaucomys volans*)*, так называется в Северной Америке сородич вышеупомянутой летучей белки. Величина его не превышает 24 см, вместе с хвостом в 10 см. В высшей степени мягкая и нежная шерсть на спине буро-серого цвета, на лапах серебристо-белая, а на всей нижней стороне желтовато-белая, хвост пепельно-серый с буроватым оттенком, летательная перепонка черная с белыми краями, глаза черновато-бурые. Зверек живет обществами в лесах теплого и умеренного пояса Северной Америки совершенно так же, как и летяга, но только ловится чаще последней, вывозится в Германию и выдерживает в неволе при соответствующем уходе годы без видимого вреда для себя и даже размножаясь в клетке.

* *Ассапан, южная или восточная летяга, отличается от обыкновенной несколько более крупными размерами и контрастной окраской, несколько более узкой и вытянутой мордочкой. Обитает в широколиственных лесах востока материка от южной Канады до южной Мексики и Гондураса. Севернее ее сменяет другой вид рода американских летяг — северная летяга (P. sabrinus).*

День летяги проводят в клетке, лежа свернувшись в клубок и спрятавшись как можно дальше. В сонном состоянии они позволяют делать над собой какие угодно наблюдения. Их можно брать в руки, вертеть, ворочать во все стороны, осматривать и при этом они вовсе не пускают в ход свои острые зубы. В крайнем случае отваживаются только на попытку ускользнуть, а их шелковисто-мягкий мех по своей гладкости и упругости как нельзя более способствует легкому выскальзыванию из рук. Они просыпаются некоторое время спустя после захода солнца, редко раньше 9 часов вечера. Сначала на верхнем краю ящичка для спанья показывается круглая головка, затем высовывается туловище, а там и весь зверек по-беличьи грациозно усаживается на узком краю гнездышка, отчасти притянув свою летательную перепонку к телу, отчасти свесив ее через край. Своими маленькими, совершенно открытыми ушами, носом, окаймленным усами и большими темными глазами ассапан исследует окружающую его обстановку. Когда ничего подозрительного не замечается, летяга как тень проскальзывает в глубину по косой или вертикальной линии, держа голову постоянно вперед, не издавая ни малейшего шума и двигаясь почти незаметно для глаз при помощи конечностей, в большинстве случаев покрытых летательной перепонкой. С необыкновенной ловкостью ходит она кверху ногами, цепляясь за плетеную крышку клетки, как будто в обыкновенном положении по гладкой площадке, на тонких ветвях она словно по канату балансирует с неподражаемой уверенностью и ловкостью, по земле шмыгает быстрее мыши и при этом умеет с помощью летательной перепонки стрелой перелетать все пространство клетки и, перелетев, сразу прицепиться, как бы прирасти, к сучку, на который села, не сделав при этом ни малейшего колебательного движения для восстановления равновесия. По дороге она схватывает какой-нибудь кусочек, орех, пшеничное зернышко, крошку мяса из чашки, пьет, скорее причмокивая, чем лакая, из сосуда, моет себе голову слюной, причесывает волосы ногтями передних ног, приглаживает их затем ладонью, а сама поминутно вертится, вытягивается, изгибается, словно кожа — это мешок, в котором свободно болтается туловище. Тем временем товарищи по ящичку тоже начинают пошевеливаться, карабкаться друг другу на спину, взлезать на жерди, цепляться за них, за стенки клетки и висеть или бегать и прыгать во всевозможных положениях, на что очень способны все грызуны.

После того, как голод и жажда утолены, а мех приведен в надлежащий порядок, летяга всецело предается веселью и играм. С минуту она сидит как бы раздумывая, что ей предпринять, затем сразу бросается в косом направлении вниз, перерезывая все пространство клетки с помощью полностью развернутой летательной перепонки. На миг она прицепляется к противоположной стене и вслед за тем снова стремится назад, цепляясь при прыжках за ближние ветви и жерди, а оттуда так же стремительно переносится куда-нибудь в другое место. Это необыкновенно подвижное животное каждую минуту меняет положение: задрав голову кверху, оно носится по клетке, мечется во все стороны, бросается вверх на крышку или вниз на землю, виснет на стенках, прицепляется к краю ящичка для спанья, от чашки для корма перепрыгивает к сосуду с водой, из одного угла в другой, бегают, носится как вихрь, прыгает, скользит, летает, вешается, присаживаясь среди всего этого лишь на минуту, — одним словом, находится в вечной суете, как будто у него тысячи двигающихся суставов и словно природа не создала для него никаких препятствий*.

* *Ассапан проворнее нашей летяги, планируя, пролетает 22 м за 12 с. В брачный период летают особенно активно, обмениваются с партнерами разнообразными звуковыми сигналами. Самки территориальные участки самцов широко перекрываются.*

Надо обладать проницательной и неустанной наблюдательностью, чтобы уследить за всеми движениями летяг, различить отдельные положения животных, превосходно лазающих и остав-

ляющих в этом искусстве за собой всех прочих животных, и отметить их в то время, когда они двигаются целыми обществами.

Кажущиеся с виду в высшей степени миролюбивыми, невинными и добродушными зверьками, летяги без всяких колебаний нападают на каждое маленькое животное, особенно на маленьких птичек, и без всякой жалости загрызают их насмерть**.

** * Рацион американских летяг более разнообразен, чем обыкновенной. Он включает орехи, кору, грибы, лишайники, ягоды и другие сочные плоды. Часто поедают насекомых, иногда ловят и съедают мелких позвоночных.*

По отношению к своей добыче ассапан так же жесток, как и хищные звери, неопишная ловкость и кровожадность делают его грозным врагом для всякого маленького существа. Сам же он не проявляет ни малейшего страха перед другими млекопитающими равной с ним величины, например к другим грызунам. Всякий пролаза, проникший во владения этих белок, сначала подвергается обнюхиванию, затем царапанью и укусам, и если он окажется плохо защищенным для борьбы, то просто выгоняется. Поэтому в белках отнюдь нельзя отрицать мужества, которое проявляется в них так же определенно, как хищничество и кровожадность. Но внешний вид зверька настолько привлекателен, что все вышеназванные качества невольно ступшевываются и ассапан считается одним из самых занимательных и интересных грызунов*.

** Биология и экология южной летяги сходна с обыкновенной, но в году бывает два вывода — весной и во второй половине лета. Беременность длится 40 дней, рожают 1-6 голых слепых детенышей, весом 3-6 г.*

Туловище у настоящих белок продолговатое и имеет более или менее длинный хвост, волосы которого часто расчесаны на две стороны с пробором посередине. Глаза довольно большие и выступают вперед, уши у одних малы, у других велики, иногда покрыты редкими волосами, у некоторых снабжены кисточками. Передняя пара ног заметно короче задней. Передние лапы имеют четыре пальца и зачаток большого пальца, задние с пятью пальцами.

Белки живут по всей земле, за исключением Австралии. Они распространяются далеко на север, встречаются и на самом знойном юге, многие виды селятся в горах, другие в равнинах. Леса, или по крайней мере заросли, служат их главным местожительством, так как большинство белок ведут в полном смысле слова древесную жизнь, и лишь немногие их виды гнездятся в подземных убежищах, выкопанных ими самими**.

** * По-видимому, Брем имеет в виду земляных белок, бурундуков, некоторых сусликов.*

Обыкновенно каждая белка живет сама по себе, но при известных обстоятельствах они сходятся в более или менее многочисленные общества или же парами и живут так продолжительное время. Некоторые виды из-за недостатка пищи предпринимают путешествия, причем соединяются в огромные стада. Галль рассказывает, что на всем западе Северной Америки белки в иные года так размножаются, что им поневоле приходится расселяться. Осенью животные все более и более сгущаются и двигаются к юго-востоку, опустошая поля и сады, грабя леса и рощи, перебираясь через горы и реки. Несмотря на то, что на всем пути бегства их преследует целое полчище врагов, убыль их не только не существенна, но даже едва заметна***.

** * * Помимо оды чных небольших их сезонных кочевков, при неурожаях корма белки совершают массовые направленные миграции, нередко фронтом до 300 км, пытаясь преодолеть даже крупные реки и морские заливы. Скорость передвижения мигрирующей группы — 3-4 км/ч, продолжительность миграции — до 45 дней.*

В деле истребления таких беглецов с людьми соперничают лисицы, хорьки, соколы и совы. По берегам больших рек можно встретить толпы мальчишек, вооруженных палками, которые сотнями убивают животных в то время, как они переплывают с одного берега на другой. Каждый крестьянин беспощадно убивает их при всяком удобном случае, и все-таки ряды их не уменьшаются. В начале таких странствований белки бывают жирные и блестящего цвета, но по мере того как на них во время похода сыплются всякие бедствия, они заболевают, худеют и сотнями падают жертвами нужды и болезней. Сама природа принимает участие в истреблении этих плодовитых животных, без чего человеку, конечно, было бы не под силу справиться с ними.

Движения всех белок как на деревьях, так и на земле крайне быстрые, оживленные и ловкие. Только летяги лишены проворства на земле, зато они наделены способностью делать необыкновенно большие прыжки, хотя всегда только сверху вниз. Большинство бежит прыжками, ступая при этом всей ступней. Почти все превосходно лазают и перепрыгивают большие расстояния с одного дерева на другое. Во время сна они свертываются, предварительно выискивая для этого удобные убежища. Они отдыхают в подземных норах, в дуплах деревьев или же в гнездах, которые заранее

устраивают для себя. Белки, живущие в холодных странах, при наступлении зимы переселяются на юг или впадают во временную спячку, имея большее или меньшее количество запасов, которыми и пользуются при нужде. Белки могут издавать звуки в виде свиста и особенного, трудно поддающегося описанию, бормотанья, ворчания и шипения*. Душевные способности довольно ограничены, хотя в сравнении с другими грызунами белки по уму стоят гораздо выше. Наиболее развиты зрение, слух и обоняние, у некоторых видов проявляется довольно тонкое осязание, и они способны предчувствовать изменения температуры.

** Наиболее характерны для всех белок цокающие звуки (сигнал тревоги), стрекот.*

Большинство видов ежегодно приносят детенышей, и притом даже более одного раза. В пору любви самец продолжительное время живет с самкой, помогает ей в устройстве жилища, в котором она впоследствии прячет потомство. Число детенышей одного помета колеблется между двумя и семью. Детеныши появляются на свет почти голыми и слепыми, поэтому и нуждаются в теплом гнезде, в усердных заботах и любви со стороны матери. Белочки, взятые из гнезда молодыми, могут без особого труда быть приручены и легко переносят продолжительную неволю.

Хотя все белки предпочитают растительную пищу, а иногда даже питаются исключительно ею, но все-таки они не отвергают, как и многие другие грызуны, мясной пищи, нападают с этой целью на слабых млекопитающих, усердно преследуют птиц, немилосердно разоряют их гнезда и умерщвляют птенцов как настоящие хищные животные. Все, что кажется хоть сколько-нибудь съедобным, падает жертвой их ненасытной прожорливости**.

*** Интродуцированные в новые районы, например в леса Северного Кавказа, белки наносят значительный ущерб птичьему населению, не привыкшему к присутствию здесь этого зверька. Крупная всеядная серая белка (*Sciurus carolinensis*), завезенная на Британские острова, заселила все парки и леса Англии и вытеснила в Шотландию аборигенный вид обыкновенную белку.*

На Яве Гаскарлю случалось видеть целые деревни, в которых многочисленные кокосовые пальмы никогда не давали созревших плодов, потому что тысячи белок, гнездившихся там, портили своими зубами еще не созревшие плоды. Кроме того, они употребляли кокосовые орехи себе на гнезда и потому просверливали их не только для того, чтобы съесть, но и чтобы воспользоваться скорлупой. Хотя мех многих беличьих идет на продажу, а в некоторых местностях едят и их мясо, все же эта польза не может перевешивать того вреда, который белки приносят разным полезным растениям и птицам. Упомянутые Гаскарлем деревни разорились от этих животных, и крестьяне выселились из них. В Северной Америке также попадаются селения, которым белки ужасным грабежом на полях приносят громадные убытки. В Германии их усердно истребляют как вредных животных, незначительная польза которых вся поглощается обилием приносимого вреда. В больших просторных лесах их еще можно терпеть, но в парках и садах необходимо истреблять. Они уничтожают гораздо более того, чем им необходимо для насыщения, как разорители гнезд они вполне заслуживают враждебного отношения и самого упорного преследования даже там, где не размножаются целыми полчищами.

Обыкновенная белка, или векша (*Schtrus vulgaris*), принадлежит к тем немногим грызунам, с которыми человек допускает сближение; несмотря на многие неприятные качества, ее все-таки держат в домах как забавного зверька и даже воспевают поэты. Животное это было отмечено уже греками, от которых мы и заимствовали его научное название, означающее «осеняющий себя хвостом». Всякий, кому понятно значение слова *Sciurus*, представит себе этого подвижного, резвого зверька, грациозно примостившегося на верхушке дерева.

Длина туловища белки почти 25 см, хвост 20 см, высота в плечах 10 см, а масса взрослого животного несколько более 0,25 кг. Мех бывает различного цвета зимой и летом, на севере и на юге, кроме того, встречаются еще случайные изменения. Летом окраска меха буровато-красная, зимой мех на верхней части тела буро-красный, смешанный с серовато-белыми волосами, а на нижней — белый. В Сибири и в северной Европе зимний мех часто беловато-серый без всяких признаков рыжих волос. Кроме того, в лесах Германии часто попадаются черные экземпляры, но их отнюдь не следует причислять к особому виду, так как между детенышами одного помета можно встретить и красных, и черных белочек*.

** В пределах одной популяции белок может встречаться до 5 цветowych вариаций, отличающихся окраской как летнего, так и зимнего меха. Чем дальше к востоку, тем меньше рыжих тонов становится в окраске белок. Южносибирские (телеутки) и дальневосточные белки летом обычно абсолютно черные с белым брюшком, зимой — темно-серые.*

Чрезвычайно редки белые белки или покрытые белыми пятнами, а также совсем белохвостые или с белым напопоину хвостом. Хвост вообще очень пушистый и перистый, уши украшены пучком длинных волос** ступни ног голые.

* * *Летом кисточки на ушах часто полностью исчезают.*

Обыкновенная белка так же хорошо известна в Греции и Испании, как в Сибири и Лапландии. Область ее распространения обнимает всю Европу, переходит за Кавказ и Урал и через южную Сибирь простирается до Алтая и Индокитая***.

* * * *Естественный ареал обыкновенной белки простирается от Атлантики до Тихого океана, но не опускается к югу дальше зоны, лесостепи Европы. Сибири, Дальнего Востока. В Индокитае и на большей части Китая она отсутствует, но была акклиматизирована на Кавказе, Тянь-Шане, в Крыму, многих районах Казахстана, в XX веке проникла на Камчатку. Белку, живущую в Японии, выделяют в отдельный вид *S. lis*, а в лесах Закавказья и Ближнего Востока обыкновенную белку замещает персидская (*S. apomalus*). Остальные 30 видов этого рода обитают в Новом Свете.*

Везде, где есть деревья, и особенно там, где деревья образуют рощи и леса, можно найти белку, но она не везде и не во всякое время бывает одинаково многочисленна. Более всего она любит селиться в высоких, сухих и глухих лесах, сырости и солнечного света не выносит. Во время созревания плодов и орехов посещает в деревнях сады, но только в тех случаях, если они примыкают к лесу или рядам отдельных деревьев или кустарников. В местах, изобилующих сосновыми и еловыми шишками, она устраивается на долгое житье, располагаясь в собственных жилищах или в старых вороньих гнездах, которые искусно приспособляет для себя. Для временного пребывания она пользуется покинутыми гнездами сорок, ворон и хищных птиц в таком виде, как они оставлены. То же жилище, которое служит для ночлега, для защиты против непогоды или для помещения самки на время родов, строится совсем заново, хотя материал для него берется часто из запасов, сделанных птицами. Некоторые утверждают, что каждая белка имеет по три-четыре гнезда, достоверно это неизвестно; мои наблюдения показали, что нрав и потребности животного обуславливаются личным его характером. Белка любит забираться в дупла деревьев или прямо в пустые стволы, где и устраивает себе гнездо. Открытые гнезда помещаются обыкновенно на разветвлении двух сучков возле главного ствола дерева. Основание гнезда такое же, как и в большом птичьем, но сверху оно довольно плотно прикрыто плоской, конической крышей, как это бывает в гнездах сорок, чтобы защититься от дождя. Главный вход устроен в стороне и обращен обыкновенно на восток, возле самого ствола находится другое отверстие, служащее на случай бегства. Внутренность гнезда устлана мягкой подстилкой из нежного мха. Наружная сторона состоит из переплетенных между собой тонких или толстых прутьев. Особенно охотно белка пользуется для основания своего гнезда прочным, скрепленным землей и глиной дном старого вороньего гнезда*.

* *Беличье гнездо — гайно может достигать до полуметра в диаметре. Действительно, на участке белки (в среднем площадью 2-5 га) таких гнезд может быть несколько. Ядро участка зверек активно защищает от вторжений.*

Немного найдется млекопитающих, которые постоянно были бы так резвы и так неусидчивы, как белка при сколько-нибудь сносной погоде. Она беспрестанно меняет свое положение, перескакивая с дерева на дерево, с одной верхушки на другую, с ветки на ветку; даже в а земле она ведет себя как дома, нимало не стесняясь. Но ловкость ее особенно проявляется при лазании. С изумительной уверенностью и быстротой влезает она по самым гладким стволам деревьев; длинные и острые когти на гибких пальцах оказывают ей при этом неоценимые услуги. Он вцепляется ими в кору дерева и притом всеми четырьмя ногами сразу, затем приседает для прыжка и снова ухватывается когтями. Все это проделывает так быстро, и прыжки так безостановочно следуют один за другим, что наблюдателю кажется, будто животное скользит по стволу наверх. При лазании она производит шум, который кажется непрерывным, так как отдельных прыжков различить нельзя. Обыкновенно белка подымается на самый верх дерева без остановки, добравшись до крайней вершины, она взбегают на какой-нибудь из горизонтальных сучков и отсюда перепрыгивает на сук другого дерева, перескакивая иногда расстояния в 4-5 метров, и непременно сверху вниз**.

* * *Прыжки «по нисходящей» могут достигать 10-15 м.*

Белка отлично плавает, но в воду идет неохотно. По поводу этого сочинили различные басни: будто бы она бросает предварительно в воду кусок коры, в которую садится, как в лодку, а распущенный и поднятый хвост служит ей при этом парусом.

В спокойном состоянии белка постоянно занята отыскиванием пищи. Ест она, смотря по времени года, плоды или семена, почки, ветви, кору, ягоды, зерна и грибы, но более всего любит

еловые и сосновые семена, почки и молодые побеги. Она отгрызает шишку хвойных деревьев у самого основания, удобно усаживается на задние лапы, передними подносит шишку ко рту и, поворачивая ее во все стороны, чешуйка за чешуйкой, очищает своими прекрасными зубами, а зерна подхватывает языком и забирает в рот. Очень интересно ее видеть, когда ей удастся достать много орехов, — ее излюбленное лакомство. Особенно она любит совершенно зрелые орехи. Она срывает их, берет передними лапами и проворно скребет в том месте, где скорлупа раздваивается, вертя орех туда и сюда до тех пор, пока скорлупа не расколется пополам или даже на несколько частей; затем достает зерна и ловко раздробляет коренными зубами. Кроме семян и зерен белка любит черничные и брусничные листья и грибы (по Чуди, также и трюфели). Собственно плодами она не пользуется, например, в груше или яблоке сдирает всю мякоть, чтобы добраться до семечек. К сожалению, она большая любительница яиц и бесцеремонно таскает их из гнезд, не щадит также молодых птичек, а иногда отваживается нападать и на старых. Ленц отбил у одной белки старого дрозда, который был еще настолько силен, что, освободившись, тотчас же далеко улетел. Многие наблюдатели также имели случай убедиться, что в столь невинном и безвредном на вид грызуне таится кровожадный хищник, который не щадит ни одного маленького позвоночного животного. Шахт нашел однажды в гнезде белки даже убитого крота.

Когда у животного много пищи, оно тотчас же принимается собирать ее на черный день. Кладовые белка устраивает в расщелинах и дуплах пустых деревьев и корней, в вырытых самой норах, между кустарниками и камнями, в одном из своих гнезд и в других подобных местах, и сюда часто издалека притаскивает орехи, всякие зерна и семена. В лесах юго-восточной Сибири белки собирают также и грибы, притом совершенно своеобразным образом. «Они, — замечает Радде, — так не эгоистичны в этом отношении, что не только не прячут найденные грибы, но насаживают их на иглы сосен и елей или на сучки лиственниц и предоставляют им там сохнуть, чтобы потом сделаться достоянием каких-нибудь изморенных голодом несчастных странствующих собратьев. Складом для грибов избираются верхушки старых деревьев, но еще чаще густой кустарник хвойного леса».

Обыкновенная белка, или векша (*Sciurus vulgaris*)

Собирание этих запасов на зиму свидетельствует о чрезмерной чувствительности белок к изменению погоды. Когда солнечные лучи начинают припекать сильнее обычного, белки проводят полуденное время во сне, спрятавшись в гнездо, а гулять в лес выходят рано утром или вечером; но еще больше они боятся ливня, всякой непогоды, бурь и особенно метелей. Они предчувствуют перемену погоды замечательно верно. С появлением первых признаков дурной погоды они тотчас же прячутся по своим гнездам или по несколько белок в одну нору, затыкают отверстие со стороны дующего ветра и, уютно свернувшись в клубок, переживают непогоду. В холодной Сибири после хлопотливой осенней жизни зимние морозы вызывают в белках такое продолжительное бездей-

вие, что оно почти переходит в кратковременную зимнюю спячку. Вначале белки ежедневно, хоть и не надолго выходят из своих гнезд, но потом они прячутся в них на целые дни, так что охотникам приходится вспугивать их ударами топора по дуплу дерева. Дурная осень для них обыкновенно гибельна, так как вынуждает съесть запасы» приготовленные на зиму. Если за такой осенью следует мало-мальски суровая зима, то белок гибнет очень много. Некоторые кладовые забываются ими, к другим мешает подступиться глубокий снег, и несчастные зверьки, столь веселые и бодрые раньше, должны умирать с голоду. То здесь, то там валяются они мертвые в своих гнездах или падают от изнурения с верхушек деревьев, становясь легкой добычей куниц. В буковых и дубовых лесах белкам все-таки живется легче, потому что, кроме оставшихся на деревьях орехов и желудей, еще в большем количестве они выкапывают их из-под снега и таким образом поддерживают свое питание*.

** Долгов время было неясно, как белка разыскивает под снегом свои тайники, сделанные осенью. Считалось, что она может унюхать тайник даже через полтораметровый слой снега, но это представляется маловероятным. Учитывая что припасы она может закапывать еще на 30 см вглубь почвы или лесной подстилки. Вероятно, белка запоминает в общих чертах места складов, а непосредственно у тайника различает стойкий запах секрета своих желез, которым белка метит тайник. До 20% тайников белка не находит и желуди, орехи, другие семена в них прорастают весной. Таким образом, белка является в определенной мере «сеятелем леса».*

Голос белки в испуге громко звучит, как «дук-дук»; удовольствие или досаду животное выражает особенным, непередаваемым слогами ворчанием или, как удачно выражаются Дитрих и Ленц, бормотаньем. При сильной радости или возбуждении она свистит. Зрение, слух и обоняние отличаются своим высоким развитием; не бездействует и осязание, как о том свидетельствует способность белок предчувствовать погоду. Наблюдения над пленными животными показали, что и вкус у них также развит. О душевных способностях белок говорит их прекрасная память, а также хитрость, к которой прибегает животное, желая спастись от врагов: с быстротой молнии бросается белка на самое высокое из близлежащих деревьев, направляется почти всегда по противоположной стороне ствола вверх до первого разветвления, при этом голову высовывает только в крайнем случае, вся сжимается, прячется и старается, как можно незаметнее совершить свое бегство.

Старые белки спариваются первый раз в марте, молодые же немного позже. Самка собирает вокруг себя в это время до десяти и более самцов, которые вступают из-за нее в кровавые драки. Через четыре недели после спаривания в хорошо устроенном и мягко выстланном гнезде появляется от трех до семи детенышей, которые приблизительно в течение девяти дней остаются слепыми и пользуются нежной заботой матери. Для родов белки избирают преимущественно дупла деревьев. Ленц утверждает, что самки устраиваются на это время также в скворечниках, которые висят на деревьях тут же в лесу; с этой целью их тщательно выстилают мхом, снабжают удобным входом, а запасное отверстие расширяют зубами для большего удобства. Когда детеныши перестанут сосать, мать, а, может быть, также и отец, в продолжение еще нескольких дней приносят им пищу, затем родители оставляют юное потомство на произвол судьбы и после того приступают к вторичному спариванию. Покинутые детеныши еще некоторое время находятся вместе, мило играют друг с другом и скоро свыкаются с привычками взрослых. В июне самка вторично рождает обыкновенно меньшее число детенышей, чем в первый раз. Когда и эти подрастут уже настолько, что могут бегать повсюду самостоятельно, она часто соединяет их с прежним выводком, и тогда вся ватага в 12-16 штук поселяется вместе в какой-нибудь части леса*.

** Сезон размножения начинается в январе феврале, заканчивается в августе. На юге ареала иногда может быть не 2, а 3 выводка в год. В выводке может быть от 2 до 11 слепых голых бельчат длиной около 5 см и массой около 8 г. Беременность длится 38 дней, лактация — 8 недель.*

Белка замечательно чистоплотна: она способна непрерывно лизать и чистить себя. Ни своего, ни детского кала она никогда не оставляет в гнезде, а в большинстве случаев сваливает у ствола дерева. В этом отношении белка весьма пригодна для содержания в комнатах. Желая приручить белок, их берут из гнезда еще маленькими и кормят молоком и булкой, пока они не смогут есть зерна. Если в доме имеется недавно родившая кошка, и притом добродушного нрава, то маленькую белочку поручают для вскармливания ей, и та получает такое хорошее воспитание, какого человек никогда не мог бы предоставить ей сам. Некоторые добродушные кошки берут на себя подобные заботы, и действительно трудно представить себе что-нибудь ил ее такого тесного общения двух различных животных.

В молодости все белки представляют собой резвых, веселых и совершенно безвредных зверьков, которые охотно поддаются ласкам и баловству со стороны человека. Они скоро привыкают и привязываются к своему воспитателю и проявляют понятливость, быстро распознают свою кличку. К сожалению, под старость даже самые ручные белки становятся злыми и хитрыми**.

* * *Лишь четверть белок доживает до половой зрелости (1 год). Максимальный срок жизни -12 лет.*

Самый опасный враг белки — куница. Лисице редко удается поймать белку, точно так же зверек умеет укрываться от коршунов, ястребов и больших сов, ловко спасаясь от их преследований на дереве, куда взбирается с быстротой стрелы, крутясь спиралью вокруг ствола. Птицы не успевают следовать за ней, потому что им приходится описывать большие круги, а белка тем временем достигает своей норы на густой верхушке, где и может безопасно укрыться. Совершенно другое дело, когда ей приходится спасаться от куницы. Этот страшный хищник лазает почти так же хорошо, как и белка. Он преследует несчастного грызуна шаг за шагом как на верхушках деревьев, так и на земле, залезает даже в дупла, где он думает спастись, или в самые гнезда с толстыми стенами. Оглашая воздух пугливым щелканьем и свистом, белка старается убежать от своего врага, но быстроногий хищник следует по пятам, конкурируя с ней в ловкости и быстроте прыжков. Единственная возможность спасения для белки заключается в ее способности без вреда для себя спрыгивать на землю с самой высокой верхушки дерева и затем, как ни в чем не бывало, бежать дальше, чтобы снова взлезть на дерево и при необходимости снова повторить этот фортель. Поэтому, когда ее преследует куница, она старается, как можно скорее добраться до вершины, употребляя при этом обычный способ лазать по спирали, так как в это время ствол служит ей прикрытием. Куница и перед этим не останавливается: она миглом взбирается вслед за белкой на высочайшую вершину. Ловкий хищник готов уже схватить белку за шею, но та сильным дугообразным прыжком спрыгивает с высоты, как стрела прорезывает воздух, горизонтально вытянув все члены, и ловко падает на землю; через мгновение она снова встает совершенно невредимой и, робко озираясь, спешит укрыться в безопасном месте. Тут уж кунице не поспеть за белкой; тем не менее шустрый зверек все-таки в конце концов становится добычей куницы, так как неутомимый хищник охотится до тех пор, пока измученная жертва сама не отдается ему в лапы. Молодые белочки подвергаются гораздо большим опасностям, чем взрослые*.

* *Не менее опасными врагами белок являются ястребы. Эти хищники, обладающие очень маневренным полетом, легко «берут» белку' даже в густой кроне. В некоторых районах белки составляют до 34% рациона семьи ястреба. В парках белки порой страдают от одичавших кошек.*

На Лене крестьяне всю весну с начала марта до половины апреля занимаются исключительно ловлей белок. Некоторые ставят с этой целью до тысячи ловушек, которые состоят из двух досок, с укрепленной между ними палочкой, куда для приманки нацепляют кусочек сушеной рыбы. Как только белка дотрагивается до приманки, ее тотчас же пришибает верхняя доска. Чтобы не испортить мех, тунгусы стреляют в нее тупыми стрелами или вооружаются винтовками с пулями, величиной с горошину, которыми и убивают зверька прямо в голову. По устным сообщениям Радде, охота за белками в юго-восточной Сибири чрезвычайно занимательна и действует возбуждающе. Охотника сильно заинтересовывает количество убитых зверьков, так как мех их, известный под названием «беличьего» или «фе», представляет выгодный товар, который всегда находит покупателей. Самые лучшие меха получают из Сибири и, по Ломеру, чем дальше на восток, тем темнее и дороже, к западу от Урала белки светлее. Меха, вывозимые из Лапландии, так плохи, что о них не стоит и говорить. Самыми лучшими местами беличьей шкурки считаются спинка и брюшко. Вместе со шкурками идут в употребление также и хвосты, преимущественно для боа, из отдельных волос хвоста делают рисовальные кисти. На белое, нежное, вкусное мясо белки повсюду находятся любители.

Древние считали, что мозг и мясо белки обладают чудесными целебными свойствами; до сих пор держится суеверие, что пепел сожженного самца-белки помогает от всяких болезней больному жеребцу, а пепел самки — больной кобыле. Многие акробаты и канатные плясуны уверены, что могут уберечь себя от головокружения, если будут принимать истертый в порошок мозг белки.

Следует еще упомянуть об особой группе семейства беличьих — бурундуках. Наличие защечных мешков, которые достигают до затылка, и более или менее подземный образ жизни ставят их посередине между белками и сусликами, но во всяком случае с первыми они более сходны, чем с последними. Пятипалые ноги короче, чем у белок, хвост, покрытый редкими волосами, короче туловища, мех короткий и не очень мягкий, спина обыкновенно испещрена резкими продольными поло-

сами. Известно лишь немного видов, которые населяют восточную Европу, Сибирь и Северную Америку*.

* Несмотря на большое сходство с белками, бурндуки — скорее родственники сусликов и вместе с ними входят в подсемейство сурковых. Из 18 видов настоящих бурндуков (*Tamias*), лишь один встречается в Евразии, остальные — жители Северной Америки, до севера Мексики. Два вида белчиных бурндуков (*Sciurotamias*) живут в горах Южного Китая.

Азиатский бурндук (*Tamias sibiricus*) * * значительно меньше и неуклюжее обыкновенной белки; вся длина его, считая 10 см хвоста, не превышает 20 см, а высота в зашееке 5 см. Продолговатая головка снабжена мало выдающимся, кругловатым, покрытым редкими волосами носом, черными глазами и короткими маленькими ушами. Конечности довольно сильные, подошвы голые, бородавка, заменяющая на передних ногах большой палец, покрыта вместо ногтя роговой пластинкой; хвост с кольчатой кожей не очень пушист. Верхняя губа обсажена редкими, разделенными на пять рядов усами, на щеках и над глазами торчат отдельные щетинистые волоски. Окраска короткого, жесткого, плотно прилегающего к телу меха на голове, шее и по бокам туловища желтоватая, перемешанная с длинными, белыми на кончиках волосами; вдоль спины на неравных одна от другой расстояниях пробегают пять черных полос.

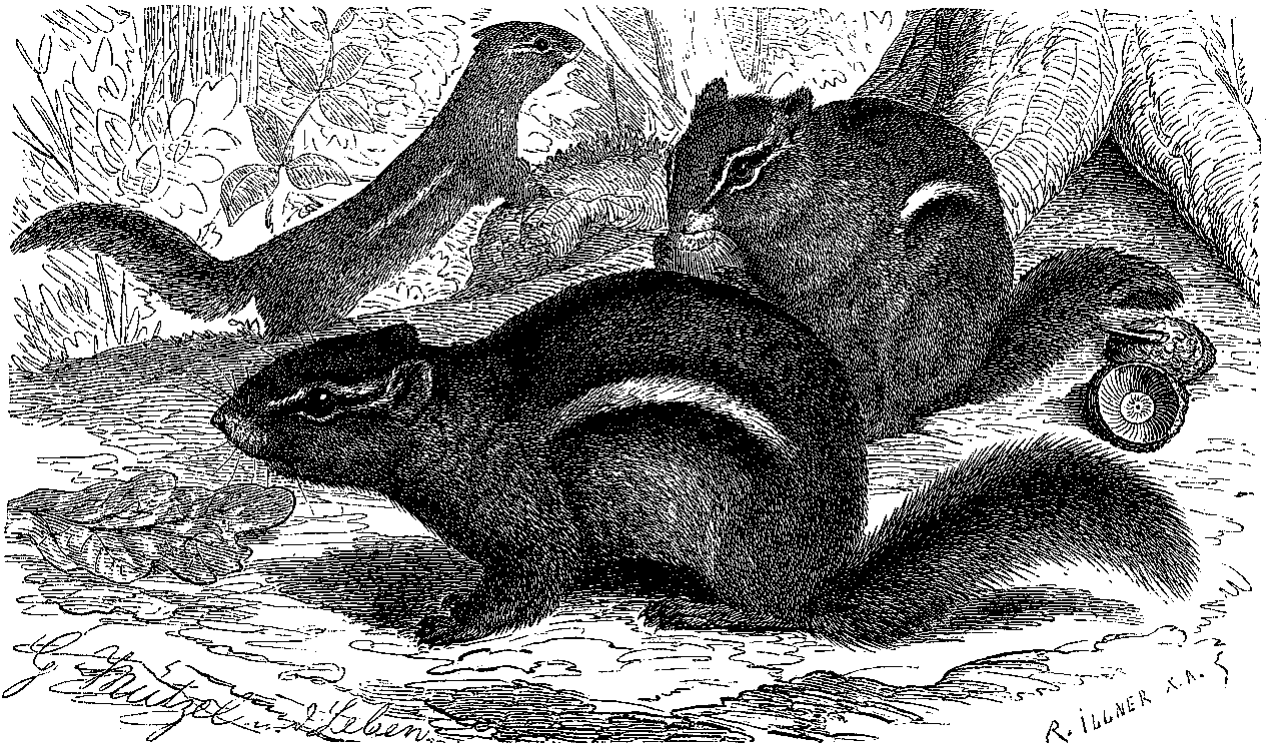
* * «Бурндук» слово монгольского происхождения.

Восточный бурндук (*Tamias striatum*) — американский вид бурндука, область распространения которого обнимает все Соединенные Штаты Америки, начиная с Мексиканского залива, называется чипмунком***. Он приблизительно такой же величины, как и азиатский бурндук, цвет шерсти на задней стороне красновато-бурый, на животе беловатый; полосы, идущие вдоль спины, темно-бурого цвета, черная кайма глаз сверху и снизу обведена белым, широкая белая полоса, пробегающая по бокам туловища, окаймлена черно-бурым; темно-бурые волосы хвоста с нижней стороны выглядят красноватыми.

* * * *Восточный бурндук* (*T. striatus*) наиболее близкий к азиатскому бурндуку американский вид, составляет с ним особый подрод *Eutamias*. Населяет восточную часть Северной Америки до Великих прерий. 11 чипмунками называют любых американских бурндуков.

Родиной азиатских бурндуков считается большая часть северной Азии и небольшое пространство восточной Европы. Область распространения их ограничивается, с одной стороны, реками Двиной и Камой, а с востока — Охотским морем и Анадырской губой. В Сибири она продолжается за исключением дауромонгольских степей до Амура. Азиатский бурндук живет в лесах, как в хвойных, так и в березовых, чаще всего в кедровых. Под корнями этих деревьев он устраивает себе для жилья довольно незатейливую простую нору, которая сообщается, с одной стороны, с гнездом, с другой — с двумя или тремя кладовыми для зимних запасов, а отдельный длинный изогнутый выход ведет на поверхность*. Пища бурндуков состоит из семян различных растений и ягод, но в особенности из зерен и орехов, которых они запасают на зиму иногда до 5-8 кг, перенося их в свои кладовые в защитных мешках.

* Летом азиатские бурндуки иногда селятся с пустых стволах поваленных деревьев, пнях, реже — в дуплах. В горных местностях бурндуки живут в пустотах меж-ду камнями.

Восточный бурундук (*Tamias striates*)

На Нижней Шилке бурундук набивает кладовые кедровыми орехами, иногда до 1,5 кг, так что запас этого не поедается за зиму и остается медведям. На Байкале бурундук избирает себе излюбленным местом для жилья леса с находящимися посреди них небольшими пашнями. Случается, что он набирает до 4 кг сжатых колосьев, доставляющих 2-3 кг чистого зерна. Почти так же устраивает свою жизнь и чипмунк. В позднее лето его можно видеть поспешно бегающим туда и сюда с туго набитыми защечными мешками, и зоркий наблюдатель подметит выражение сытого самодовольства, светящиеся в темных глазах запасливого зверька. Спустя несколько месяцев он складывает в одно место свои разнообразные запасы, состоящие большей частью из гречихи, орехов, семян клена и маиса. Как азиатский бурундук, так и чипмунк подвержены зимней спячке, которая часто прерывается, так как животные и в продолжение всей зимы нуждаются в пище. Чипмунк никогда не зарывается в нору раньше ноября, бурундук в южной Сибири придерживается того же времени; в средней Сибири, где морозы начинаются рано, он уходит на зимний покой самое позднее в середине октября. Ни тот, ни другой не покидают подземных жилищ во время зимы, но вход в них держат открытым даже во время непогоды, когда можно видеть, как бурундук усердно занимается расчисткой его от снега. С наступлением первых теплых дней животные выходят на поверхность земли и здесь начинают свою деятельность. Первые детеныши рождаются в мае; второй помет появляется на свет обыкновенно в августе*. В период любви происходят горячие схватки между заинтересованными самцами. Многие уверяют, что едва ли можно найти более буйное животное, нежели это маленькое, но необыкновенно резвое существо. Особенное оживление проявляется среди бурундуков за несколько недель перед тем, как они залегают в нору. В лазании они значительно уступают другим белкам, но зато этот недостаток возмещается их поразительным проворством в бегании. Подобно маленьким птичкам шмыгают они между кустами с быстротой молнии, то несясь по прямому направлению, то ежеминутно изменяя его.

* У азиатского бурундука, в отличие от восточного, обычно один помет 4-10 детенышей (лишь на юге ареала — 2 выводка). Спариванию предшествуют активные перемещения самцов, ориентирующихся на повист самки. Беременность продолжается около месяца, лактация 40 дней. В возрасте недель молодые покидают пору матери, становятся половозрелыми — в возрасте 1 года.

Для сельских хозяев бурундуки представляют собой весьма нежеланных гостей: подобно мышам, они забираются в амбары и производят там значительные опустошения, если появятся во множестве. Зато потеря иногда возмещается тем, что местные жители раскапывают кладовые этих беличьих подобно тому, как в Германии распоряжаются с кладовыми хомяков, и выгребают оттуда все запасы, заготовленные на зиму. Сибиряки пользуются также шкурками бурундуков, которые идут главным образом на опушку теплых шуб. Чипмунка преследуют гораздо усерднее, чем его сибирского собрата, у него есть полчище врагов. Ласки преследуют их даже под землей, сумчатые

крысы усердно гоняются за ними, домашние кошки считают их за такую же хорошую добычу, как крыс и мышей. Кроме того, и все большие хищные птицы не пропускают случая схватить этого зверька. Американский мохноногий сарыч вследствие ревностного преследования белок даже получил название «беличий сокол». По наблюдениям Гейера, гремучая змея преследует этого беднягу с такой же настойчивостью, как и быстротой. «Обыкновенно, — говорит этот наблюдатель, — бурундук бросается во все уголки своей норы; змея следует за ним и опережает его, пока, наконец, он, стараясь дать тягу, не скатывается несчастным образом по какому-нибудь склону, тогда змея схватывает беднягу и бросается со своей жертвой в ближнюю чащу». Сама природа также способствует истреблению бурундуков, так как морозная зима уносит множество молодых, родившихся за лето. Однако, в благоприятные годы бурундуки размножаются в громадном количестве: чрезмерная плодовитость самок уравнивает все эти значительные потери**.

** * Численность бурундуков, как и белок, сильно колеблется по годам в зависимости от урожая основного корма.*

Красивая окраска меха, миловидность и подвижность бурундука делают его любимым зверьком, которого охотно держат в домах. Впрочем, их не удается приручать вполне, потому что они всегда остаются робкими и нелюдимыми, к тому же, как всякие беличьи, они довольно несносны своей страстью грызть решительно все, что Им попадется. С другими видами они не уживаются; особенно часто ссорятся между собой самцы. Содержание бурундуков, не представляет никаких затруднений, так как для их корма вполне достаточно обыкновенных зерен и плодов. При соответствующем уходе они выдерживают в неволе многие годы и легко размножаются.

Земляные, или сусликовые, белки (*Xerus inauris*) * в высшей степени некрасивые грызуны, которые только тогда и могут казаться симпатичными, когда их наблюдают издали.

** Распространены в аридных открытых ландшафтах Африки. Образом жизни и повадками напоминают сусликов. Но в отличие от них не впадают в спячку и обычно не образуют колоний.*

Туловище у них вытянутое, голова остроконечная, перистый хвост почти такой же длины, как и туловище, уши малы, ноги непропорционально длинны, лапы вооружены крепкими, сжатыми с боков когтями. Мех их замечателен в двойном отношении: волосы его так редки, что едва прикрывают кожу, при этом они очень жестки. Мех имеет такой вид, как будто бы к коже приклеены отдельные волоски.

Красная земляная белка («шиллу» у абиссинцев) (*Xerus rutilus*)** имеет 50 см длины, из которых почти 22 см приходится на хвост. Окраска меха сверху красновато-желтая, по бокам и на брюхе светлая, почти беловатая. Перистый мех по бокам: и на конце белый, в середине красный, испещренный белыми пятнышками, происходящими оттого, что многие волосы имеют белые кончики. Такие же пятна замечаются и на спине.

** * Обитает в Кении, Эфиопии, Сомали.*

Они живут в сухих степных: рощах, даже в безлесных равнинах, в гористых и холмистых местностях со скудной растительностью, они искусно и быстро выкапывают себе глубокие норы под густыми кустарниками, между корнями деревьев и под обломками скал. По словам Рюппеля, они лазают преимущественно в низких кустарниках, но при опасности поспешно скрываются в свои подземные норы. Днем их можно видеть бродящими поодиночке или парами, иногда даже очень близко от деревень, но если их вспугнуть, то они немедленно убегают в нору***. Где местность не скалиста они выкапывают себе ходы на большом протяжении под крупными деревьями, по крайней мере об этом можно судить по значительным кучам земли, нарытым ими у входных отверстий. Более подробное исследование их нор связано с большими трудностями, так как они обыкновенно расположены между корнями деревьев или же между обломками скал, что несколько не лучше, потому что сусликовые белки избирают для жилья наименее доступные места.

** * * Несмотря на жару, эти грызуны активны днем, питаются они сочными подземными частями растений, насекомыми, ящерицами.*

Относительно их размножения я не узнал ничего точного. Только один раз видел семейство, состоящее из четырех экземпляров, и на основании этого сужу, что сусликовые белки рожают только двух детенышей, что также подтверждается присутствием лишь двух сосцов у самки****.

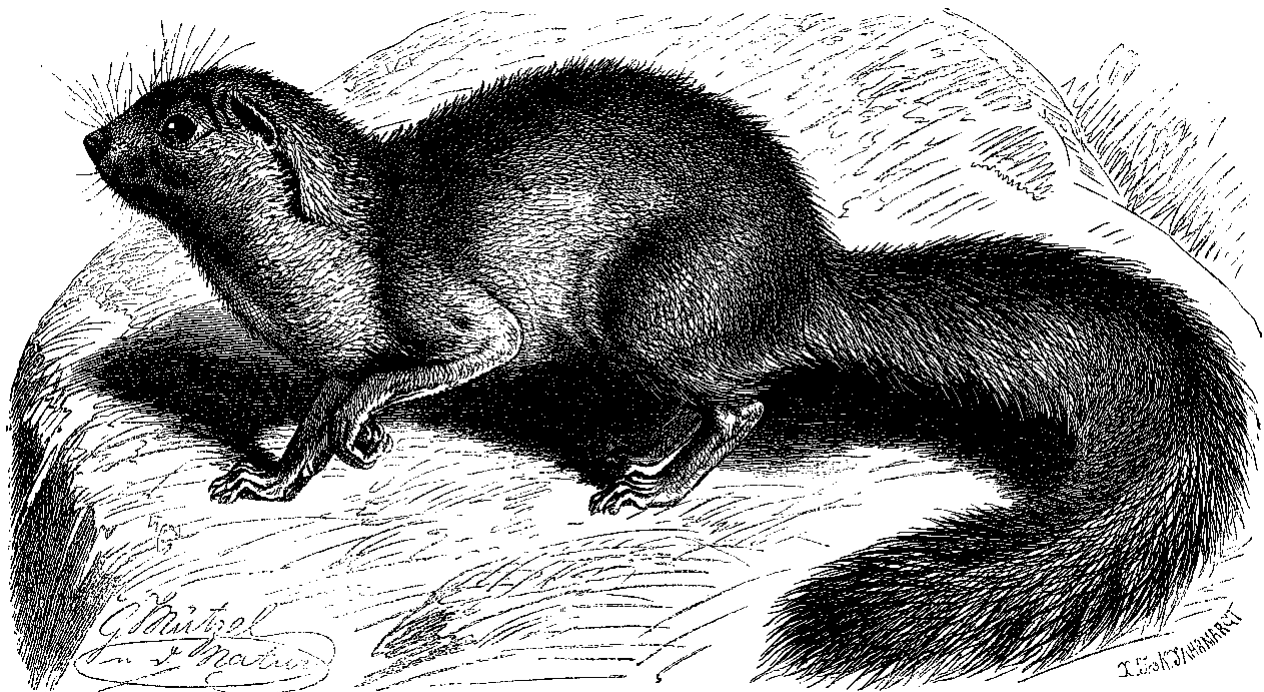
** * * * В помете обычно 4 (2-6) детенышей. Самцы сражаются друг с другом в начале брачного периода, становясь «лицом» друг к другу, высоко подпрыгивая и пиная противника задними ногами. Земляные белки половозрелы с полугода.*

Главным их врагом считается хохлатый орел — чрезвычайно отважный и опасный хищник тех мест. Зато с маленьким ястребом, истребляющим саранчу, они уживаются довольно хорошо, по

крайней мере можно видеть, как белки беззаботно бегают вокруг деревьев, на которых сидит эта хищная птица. Самыми усердными их преследователями являются борзые собаки. Магометане и христианские жители внутренней Африки не трогают их, так как считают за нечистых животных.

Сурки отличаются от белок более неуклюжим и сжатым туловищем, коротким хвостом и тем, что передние верхние коренные зубы хотя и маленькие, но одинаковой длины с другими; спереди они очень округлены, сзади же сильно сужены и на поверхности их заметны выпуклые складки эмали.

Разнообразные виды сурков распространены по всей средней Европе, северной Азии и Северной Америке.

Красная земляная белка (Xentsrut Hits)

Большинство живут на низменностях, некоторые же, напротив, на самых высоких горах*.

* Брем под именем «сурки», видимо, имеет в виду группу родов, включая сусликов и луговых собачек.

Сухие, глинистые, песчаные или каменистые местности, обильные травой равнины и степи, поля и сады составляют их главное местожительство, и только горные сурки предпочитают луга и поляны, лежащие выше границы произрастания лесов, а также отдельные ущелья скал и долины в полосе между областью вечных снегов и границей лесов. Все виды имеют свои жилища и никогда не кочуют. Они устраивают глубокие подземные норы и живут в них колониями, иногда даже очень многочисленными. Многие из них, смотря по времени года и тем работам, которые они исполняют, имеют несколько жилищ, другие по целым годам живут в одной и той же норе. Сурки вполне земные животные, они проворны и ловки в своих движениях, хотя и уступают в подвижности белкам, но некоторые виды неуклюжи. Пища их состоит из травы, злаков, нежных побегов, молодых растений, семян, овощей, ягод, корней и луковиц, и только немногие, с трудом взбирающиеся на деревья и кусты, питаются молоденькими листьями и почками. Несомненно, что наравне с растительной пищей они не пренебрегают и животной, если могут легко достать ее. Ловят при случае насекомых, маленьких млекопитающих, более неповоротливых птиц и разоряют их гнезда. Во время еды они, подобно белкам, сидят на задней части тела и подносят пищу ко рту передними лапами. С созреванием плодов они начинают собирать запасы и, смотря по местности, наполняют кладовые своих жилищ травой, листьями, семенами и зёрнами. К зиме они зарываются в свои норы и впадают в непрерывную и глубокую спячку, которая в значительной степени уменьшает все их жизненные отправления.

Они издают свистящие звуки или звуки тьяканья и особого рода ворчания, которое, если бывает тихое, выражает хорошее расположение духа, иначе же свидетельствует о гневе. Из чувств лучше всего развиты осязание и зрение. Сурки имеют способность предугадывать перемену погоды и сообразно с этим принимают меры предосторожности. В умственном отношении они превосходят белок. В высшей степени внимательные, осторожные, чуткие и боязливые, они часто ставят особую

стражу для обеспечения себе большей безопасности и при малейшем признаке близкой опасности быстро скрываются в подземных убежищах.

Размножение их весьма значительно. Хотя самки сурков рожают всего раз в год, но зато по три-десять детенышей, которые уже в ближайшую весну сами становятся способными к размножению.

У некоторых сурков используют мех, у других — мясо, кроме того, их охотно воспитывают в качестве домашних животных.

Суслики — красивенькие зверьки с относительно стройным туловищем, вытянутой головой, со спрятанными в меху ушами, коротким хвостом, перистым и пушистым только на конце; передние лапы имеют четыре пальца и бородавку вместе большого пальца, на задних лапах пять пальцев. Суслики обладают большими защечными мешками.

Многочисленные суслики северного полушария живут на открытых и поросших кустарником равнинах, иногда обществами или поодиночке в выкопанных ими самими норах, питаются различными зернами, ягодами, нежными плодами и кореньями, но не пренебрегают мышами и маленькими птичками*.

* Суслики распространены только во внетропических частях Евразии и Северной Америки. Обитают суслики преимущественно в степях, лесостепях, пустынях, тундрах, в горах до высот 3500 м. Некоторые виды населяют и лесную зону.

Европейский суслик (*Spermophilus citellus*) — миловидный зверек, величиной почти с хомяка, но с более стройным туловищем и красивой головкой, имеет в длину 22-24 см и хвост 7 см; высота в зашейке 9 см, масса животного приблизительно 0,5 кг**.

* * *Европейский суслик (S. citellus) сравнительно некрупный представитель рода.*

Мех суслика довольно жидкий и состоит из жестких, в середине более темных волос; окраска его на спине желто-серая с рыжеватым оттенком и с мелкими крапинками, на животе — ржаво-желтая, на подбородке и в передней части шеи — белая. Новорожденные суслики окрашены светлее, а те, которые уже бегают, имеют грубый и резкий крап по темному фону. Впрочем, в окраске шерсти встречаются значительные изменения.

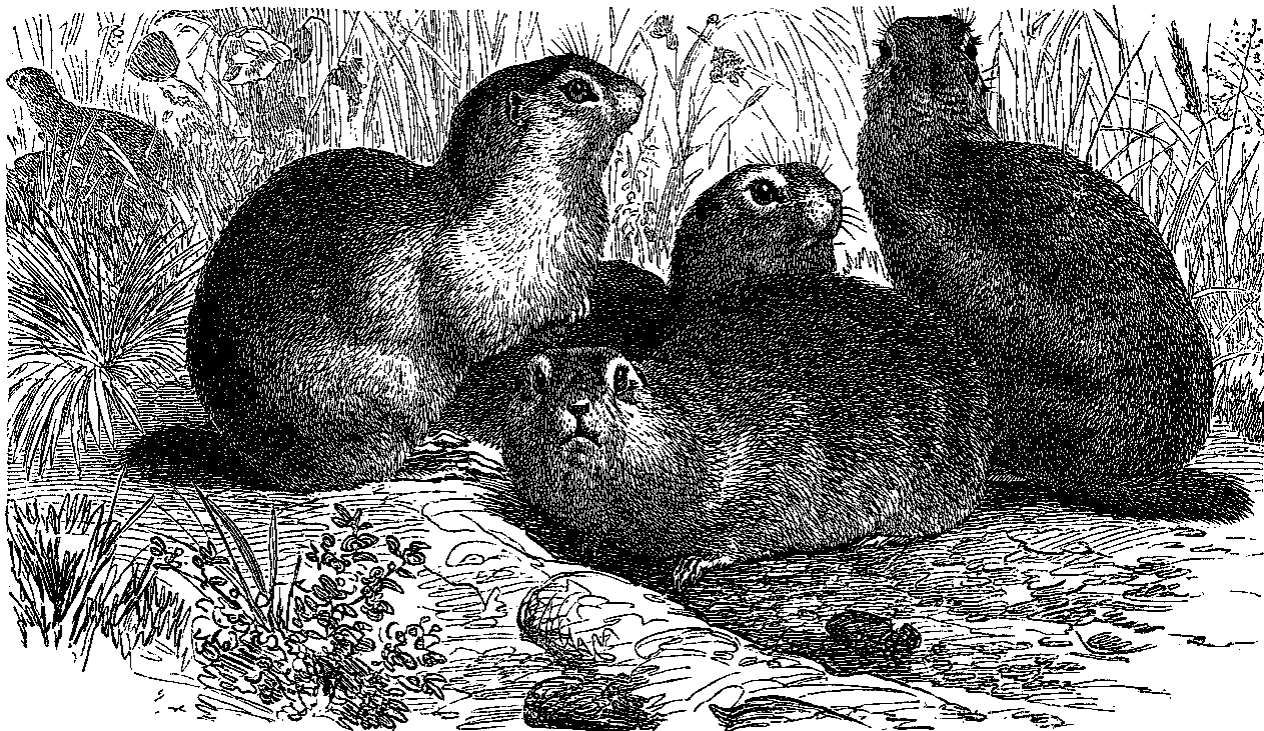
Главное место жительства суслика — восток Европы. Альберт Магнус наблюдал его вблизи Регенсбурга, где теперь он уже перевелся и отодвинулся дальше на восток, хотя в Силезии замечено его распространение по направлению к западу. Лет 50 назад его там еще вовсе не знали, а лет 40 он встречался уже в западной части провинции, именно в Лигницком округе, откуда и распространяется все дальше на запад. Это, по-видимому, самый распространенный вид сусликов. Он населяет всю южную, степную полосу России, Галицию, Силезию, Венгрию, Штирию, Моравию и Богемию, Каринтию, Крайову и местности, лежащие по северному берегу Черного моря. Что суслика можно причислить к российским животным, указывает самое название его «суслик», которое в Польше переделали в «сузель», а в Богемии в «сизель». Древние называли его понтийской мышью, или симор*.

* *Европейский суслик самый западный суслик Евразии. В России он не встречается, самые восточные части ареала доходят до юго-запада Украины и Армении. Русское название «суслик», вошедшее во многие языки и видовую латынь, было присвоено близкому виду, непосредственно замещающему европейского суслика восточнее — крапчатому суслику (*S. suslicus*). Вообще многие суслики как бы сменяют друг друга с запада на восток, границами ареалов обычно служат крупные реки Днестр, Днепр, Волга. Европейский суслик предпочитает лесостепь, не любит чрезмерной сухости климата и это ограничивает его распространение на восток. В отличие от многих других сусликов он почти не образует колоний.*

Везде, где водится суслик, он встречается в большом количестве и причиняет значительный вред земледелию. Суслик распространен в сухих безлесных местностях с песчаным или глинистым грунтом, то есть больше всего он водится на полях и в степях. По словам Герклоца, суслик стал пользоваться железнодорожными насыпями, взрытый грунт которых облегчает ему рытье и предоставляет верное убежище от проливных дождей. Он всегда живет обществами, однако норы: в земле выкапывает каждый отдельно для себя, причем самка роет гораздо глубже, чем самец. Самое гнездо лежит на глубине 1-1,5 м под поверхностью земли, имеет продолговато-округлую форму, в диаметре приблизительно 30 см и выстлано сухой травой. Вверх ведет только один ход, довольно узкий, извилистый и проложенный неглубоко под поверхностью; у его устья всегда лежит небольшая куча взрытой земли. Ходом пользуются в продолжение только одного года, потому что с наступлением осенних холодов суслик засыпает входное отверстие и выкапывает из своего гнезда другой ход, не достигающий до поверхности; весной, когда заканчивается зимняя спячка, этот новый ход открывает-

ся и им пользуются до самой осени. Таким образом количество различных ходов вполне определяет давность жилища, но отнюдь не возраст живущего в нем животного, так как нередко суслик пользуется старым, но еще годным к употреблению жилищем одного из своих предшественников, погибшего случайной смертью. Соседние с норой отделения используются для склада зимних запасов, заготавливаемых с осени. Нора, служащая самке для родов, всегда бывает глубже других, для того чтобы обеспечить достаточную защиту трем-восемью любимым детенышам, которые рождаются весной, обыкновенно в апреле или мае, совершенно беспомощными, голыми и слепыми.

Обыкновенную пищу суслика составляют нежные травы и корни, например подорожник и клевер, хлебные растения, стручковые плоды и разного рода ягоды и зелень. К осени он собирает из этих веществ запасы, перенося их, подобно хомяку, в защечных мешках.

Европейский суслик (*Spermophilus citellus*)

При этом суслик бывает опасен мышам и птицам, которые гнездятся на земле, так как он не только разоряет их гнезда, но и нападает на взрослых, убивая их двумя укусами, выедаёт у них мозг и затем съедает целиком. Жертву свою он держит передними лапами и ест ее в полусидячем положении. После еды чистит себе мордочку и голову, лижет, моет и чешет весь свой мех как сверху, так и снизу. Пьет он вообще очень мало и воду употребляет обыкновенно только после еды.

Вред, который суслик причиняет своими грабежам и, ощутителен только тогда, когда животное слишком сильно размножается. Самка суслика, как и все грызуны, в высшей степени плодовита и в апреле или мае, после 25-30-дневной беременности рождает на мягкой постельке своей глубокой норы многочисленное потомство*.

** В выводке в среднем 6 (2—13) детенышей. Половая зрелость наступает на втором году жизни.*

Детеныши пользуются нежной любовью матери, которая кормит их молоком, охраняет, стережет и заботится о них даже тогда, когда они достаточно подрастут, чтобы самим выходить из гнезда. Растут они очень быстро, через месяц после рождения уже достигают половины настоящего роста, а в конце лета их едва можно отличить от родителей. Полного роста зверьки достигают к осени и в ближайшую весну делают сами способными к размножению. До осени все семейство живет вместе с родителями в одной норе, но затем каждый детеныш выкапывает себе отдельную нору, приносит в нее зимние запасы и живет совершенно самостоятельно. Если бы это веселое общество не имело целого полчища врагов, то размножение его достигло бы громадных размеров, несмотря на то, что в плодовитости они все-таки уступают крысам и мышам. Но их беспрестанно преследуют горностаи, ласки, хорьки и каменные куницы, соколы, вороны, цапли, дрофы, собаки-крысодавы, даже кошки и многие другие животные. Большая дрофа, по Герклоцу, принадлежит не только к врагам мышей, но преследует также и суслика, убивая его ловким и сильным ударом клюва, после чего съедает его вместе с кожей и шерстью. Совокупность всех этих причин сильно препятствует размножению суслика. Но самым злейшим врагом его является зима. С поздней осенью заканчива-

ется веселая деятельность сусликов**; самцы прекращают заботы о нуждах своей общины, которая не только отъелась за лето и нагуляла себе жиру, но также и вдосталь набила кладовые.

* * *Период активности этого вида длится всего 5,5 месяца, что заметно меньше, чем у других сусликов. Пробуждаясь в конце марта апреле, зверьки начинают уходить в спячку уже в конце июня. В связи с этим европейский суслик сравнительно редок, малозаметен и никогда не являлся серьезным сельскохозяйственным вредителем.*

Каждый суслик удаляется в отдельную нору, законопачивает ее отверстие, выкапывает новый ход и впадает в спячку. Многим из них суждено упокоиться вечным сном: холод и сырость, проникая во внутренность норы, донимает полуоцепенелых зверьков и в соединении с морозом быстро убивает эти веселые создания. Проливные дожди летом также способствуют истреблению сусликов.

По исследованиям Герклоца, мясо сусликов оказалось очень вкусным и напоминает куриное мясо. мех находит себе весьма незначительное применение: он идет только на подкладку или на опушку шуб, а также на выделку кошельков и кисетов. Внутренности животного употребляют в качестве целебного средства, бесполезность которого сама по себе понятна.

Живущая в Северной Америке **чернохвостая луговая собачка** (*Cynotus hidovicianus*) * соединяет некоторым образом сусликов с настоящими сурками.

* *Этот вид распространен по сею Великим равнинам от юга Канады до севера Мексики. В отличие от сусликов и сурков у луговых собачек нет защечных мешков.*

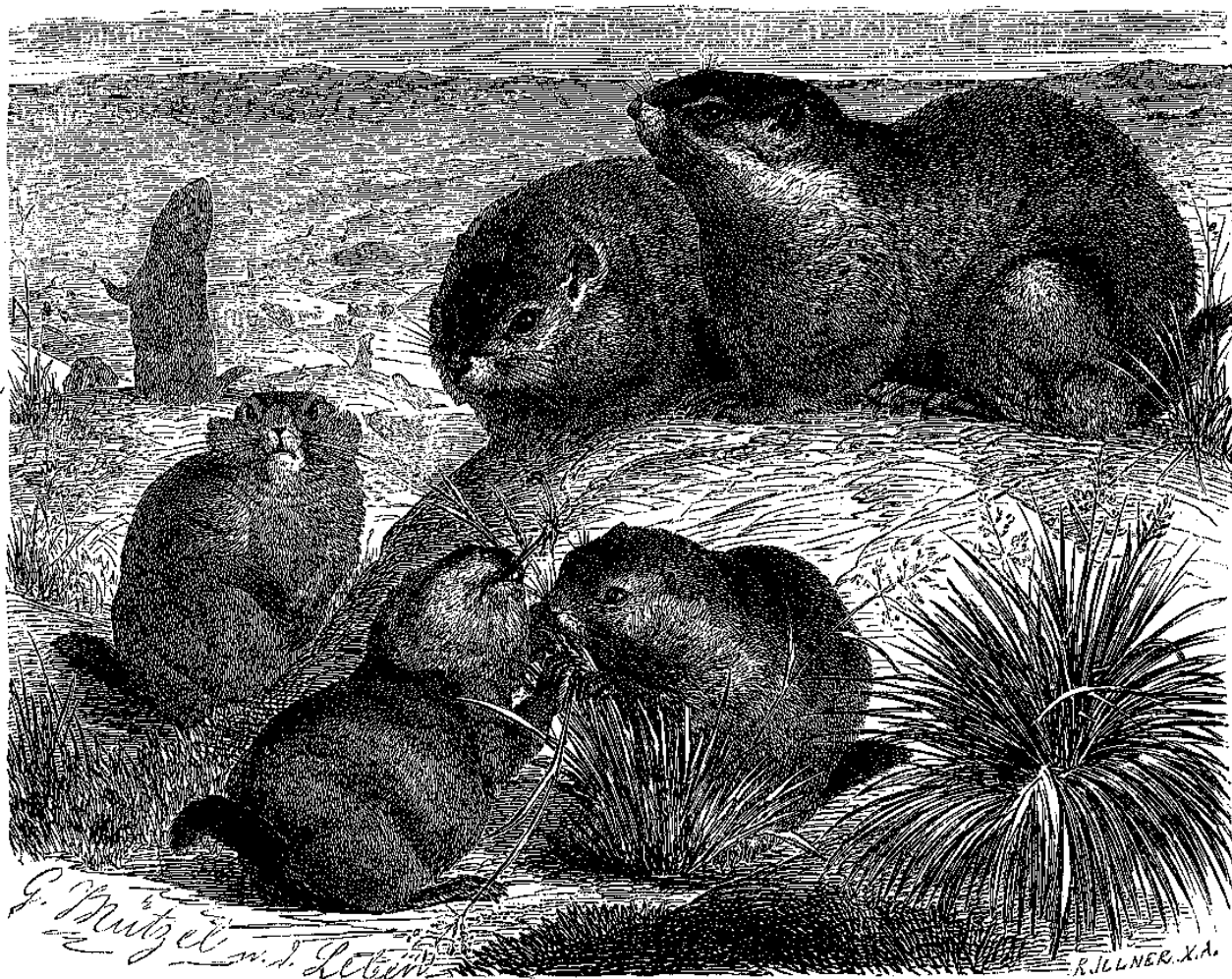
Взрослая луговая собачка достигает в длину почти 40 см, из которых около 7 см приходится на хвост. Шерсть на спине светло-красновато-бурая, перемешанная с серыми и черноватыми волосами, на животе грязновато-белая; короткий хвост на кончике имеет бурую перевязку. Название «луговая собачка», окончательно привившееся теперь к этому животному, первоначально дано его первыми исследователями, старыми канадскими трапперами — охотниками на пушных зверей, которые называли так нашего зверька вследствие его голоса, похожего на лай; во внешнем виде самое грубое сравнение не указало бы ни малейшего сходства его с собакой. Обширные поселения луговой собачки, называемые деревнями, находятся обыкновенно на низменных лугах, роскошная трава которых представляет для них отличный зеленый ковер и доставляет вместе с тем удобную пищу. «До какого невероятного протяжения могут дойти поселения этих миролюбивых земляных жителей, говорит Балдуин Мольгаузен, — лучше всего убедиться, путешествуя без перерыва в продолжение целых дней между рядами маленьких бугорков, из которых каждый указывает на жилище двух или нескольких таких животных. Отдельные жилища обыкновенно находятся на расстоянии 5-6 метров одно от другого, и каждый маленький холмик, возвышающийся перед входом в него, заключает в себе хороший воз земли, постепенно нанесенный жителями на поверхность из подземных ходов. Некоторые жилища имеют один вход, другие — два. Они соединены между собой плотно протоптанными тропинками, которые заставляют предполагать, что резвые маленькие зверьки живут в тесном общении**.

* * *Собачки живут крупными сообществами, достигающими нескольких тысяч особей. Внутри сообщества развита сложная клановая структура между особями, поддерживаемая разнообразными звуковыми сигналами, запаховыми метками, позами, прикосновениями.*

При выборе места для своих поселений они обращают внимание на присутствие короткой кудрявой травы, растущей преимущественно на плоских возвышенностях и составляющей вместе с корнями их единственную пищу. Даже на плоских возвышенностях Новой Мексики, где на несколько миль вокруг нельзя найти ни капли воды, попадаетея очень много луговых собачек. В этих местах по целым месяцам не выпадает дождей, а чтобы добраться до подпочвенной воды, надо рыть землю по крайней мере на 30 метров в глубину, и можно допустить, что луговые собачки не нуждаются в воде и довольствуются сыростью, которая остается на траве после обильной росы. Не подлежит сомнению, что этот зверек подвержен зимней спячке, так как трава вокруг их нор совершенно высыхает к осени, а мороз до такой степени сковывает почву, что им не было бы никакой возможности доставать себе пищу. Чувствуя приближение спячки, которая наступает обыкновенно в последних числах октября, луговая собачка закрывает все выходы своего жилища, чтобы защитить себя от зимнего холода. В спячке она находится до тех пор, пока теплые весенние дни не пробудят ее к новой жизненной деятельности. По словам индейцев, она открывает иногда еще в холодное время двери своего жилища, и это служит верным предвестником наступающих теплых дней».

Замечателен подтверждаемый несколькими наблюдателями факт, что луговая собачка разделяет свое жилище с двумя враждебными этому маленькому грызуну животными. Нередко можно видеть, как эти грызуны, земляные совы и гремучие змеи направляются к одной и той же норе. Гей-

ер предполагает, однако, что тут не может быть и речи о дружеском сожитии этих столь различных между собой животных, и что с течением времени гремучая змея совершенно истребляет такое поселение луговых собачек, пожирая их одну за одной. Впрочем, такое мнение Гейра надо считать ошибочным.

Чернохвостая луговая собачка (*Cynomys ludovicianus*)

"Когда в 1872 году, — пишет Финш, — мне пришлось проезжать по железной дороге через Канзас, то я имел случай впервые познакомиться там с поселениями луговых собачек. Жизнь этих животных так же, как жизнь бизонов и вилорогих антилоп, связана с плоскими возвышенностями, где вовсе нет деревьев и кустов, но которые сплошь усеяны так называемой бизоновою травой и потому называются бизоновыми лугами. Такие луга и тянутся по линиям Канзасской и Денверской железных дорог. Подобно бизону и антилопе, луговые собачки совершенно свыклись с шумом железнодорожного поезда, и потому их часто можно видеть беспечно сидящими на краю своих нор и рассматривающими идущий поезд с тем самым любопытством, с каким наблюдатели рассматривают их самих. Вид таких колоний животных вносит приятное разнообразие в утомительной дороге, и путешественники часто прямо с площадки вагона стреляют по невинным зверькам, хотя почти всегда неудачно, к моему великому удовольствию. Большею частью поселения луговых собачек тянутся по самой линии железной дороги, отделяясь от полотна только насыпью. Затем на значительном расстоянии не встречается ни одной норы этих животных. Когда в первой половине ноября мы возвращались из Калифорнии по той же самой дороге, то нашли луговых собачек в таком же изобилии, как и прежде: большие пожары, свирепствовавшие в то время, нимало не повлияли на них. Они по-прежнему сидели у главных входов своих нор на холмиках, на совершенно выгоревших местах, их негодующее тьякканье звучно разносилось по воздуху. Само собой разумеется, наблюдателю следовало соблюдать осторожность, так как достаточно было взяться за ружье, чтобы зверьки моментально исчезли. Сообщение Гейера об истреблении луговых собачек гремучими змеями стоит в прямом противоречии с тем, что я узнал об этом на Западе. Всякий, кто знаком с жизнью в прериях, — а я справлялся об этом у наиболее сведущих людей, — знает, что луговые собачки, земляные и полевые совы, гремучие змеи мирно уживаются друг с другом в одной норе*. Изготовители чучел на далеком Западе очень любят составлять группы этих животных и выставляют их в народных музе-

ях под названием «счастлирое семейство». Такие экспозиции всегда возбуждают большое любопытство у иностранцев. Так как я не вижу повода сомневаться в показаниях достоверных людей, то без всяких колебаний готов принять их сообщение за правду».

** Взрослые луговые собачки слишком крупная дичь и для гремучих змей и для кроличьей совы (Athene ciniculalia). В «города» луговых собачек их привлекают убежища, причем они поселяются не только в заброшенных норах, но и в отнорках жилых нор. Случается, что сова поймает молодого зверька, но чаще собачки находят и разоряют гнездо совы в одном из отнорков. Для отпугивания собачек насиживающая птица может издавать звук, поразительно напоминающий треск погребушки рассерженной гремучей змеи. Нападения гремучников на луговых собачек, бывает, оканчиваются гибелью змеи.*

"Храбро прокладывает себе луговая собачка дорогу между толпой бродящих бизонов, — говорит Мольгаузен, — но стоит только охотнику, сидящему в засаде, сделать неосторожное движение, как все общество моментально скрывается в свои темные ходы**.

** * У луговых собачек прекрасно развито зрение, глаза расположены очень высоко на голове, что позволяет обозревать окрестности, едва высунув кончик мордочки из норы. Попеременно зверьки выполняют роль «часовых», предоставляя остальным спокойно пастись. Основными врагами вне норы являются койоты, лисы, хищные птицы, норы разрушают дикие копытные.*

Только тихий лай, глухо раздающийся из глубины земли, да множество холмиков на ее поверхности свидетельствуют о густой населенности этого государства. Мясо этих животных довольно вкусно, но охота на них столь затруднительна и так редко венчается успехом, что если делают попытки убить зверька-другого, то единственно ради любознательности. Так как луговая собачка величиной не более большой белки, то на обед даже небольшому обществу пришлось бы убить по крайней мере несколько штук. Многие из подстреленных часто скатываются в свою отвесную нору прежде, чем охотник успеет схватить их, или же, если верить нижеприведенному рассказу, их своевременно спасают товарищи». «Один траппер, охотившийся за луговыми собаками, рассказывает Вуд, — удачно прицелившись, убил выстрелом одного из сторожей, стоявших на холмике перед своим жилищем. В ту же минуту появился товарищ убитого, который до тех пор трусливо прятался от пули охотника, и, схватив тело друга, потащил его во внутренность норы». Смертельно раненная луговая собачка и та не попадает в руки охотника, потому что она умудряется доползти до своей норы, где и умирает. «Даже те из них, утверждает Финш, — которых, как нам казалось, застреливали насмерть, имели еще силы, чтобы проскользнуть в свою нору. По словам охотников, чаще удается схватить их тогда, когда они несколько удаляются от своих ходов. Во время постройки вышеназванной железной дороги луговые собачки служили рабочим обыкновенной и излюбленной пищей».

О пленных луговых собачках Гааке пишет следующее: «Редко можно встретить других животных, у которых бы неволя так мало изменяла обычаи их свободной жизни; в плену они дают вполне верную картину своего образа жизни на свободе, и их колония во Франкфуртском зоологическом саду привлекает своей кипучей деятельностью массу зрителей*. Здесь луговым собачкам предоставлена возможность устраивать норы, и с жизнью в них и вокруг этих нор настолько связан быт луговых собачек, что в тесной клетке животное почти неузнаваемо. Едва мы в последнее лето снова устроили садок для луговых собачек, в котором были введены некоторые усовершенствования, как тотчас же в нем началась самая энергичная работа зверьков по рытью нор. Водворение туда жителей состоялось в послеобеденное время, а к ночи они уже заготовили себе норы, в которых и могли спать.

** В неволе собачки доживали до 8,5 лет.*

С наступлением холодной погоды, в октябре и ноябре наши луговые собачки погружаются в зимнюю спячку**. Зимой они оставались в своем помещении, весной все снова предстали своим полным составом. Если зимой выпадают теплые дни, то сон их ненадолго прерывается).

** * Впадают в спячку с конца июля — августа, пробуждаются — в феврале — марте. Это не настоящая глубокая спячка, как у сусликов. Животные могут временами просыпаться, выходить на поверхность.*

Подобно тому, как луговая собачка населяет плоские возвышенности Нового Света, так **байбак** (*Marmota bobak*) принадлежит к жителям равнин Старого Света. Длина туловища байбака, который только недавно был выделен в особый вид, достигает 37 см, хвост 9 см. Мех байбака довольно густой, чалого ржаво-желтого цвета, подшерсток сверху темный серо-бурый, снизу более светло-бурый, на передней части шеи и на горле — серо-беловатый***. Детеныши окрашены туск-

лее взрослых, но также и между ними, по исследованиям Радде, попадаются различные изменения в окраске.

* * * *Байбак, или степной сурок (M. bobak), крупный вид, с длиной тела 49-58 см, хвоста — 12-18 см. Окрашен более однотонно, чем другие сурки, верх головы, чуть темнее. В отличие от альпийского сурка эмаль резцов белая, а не оранжевая.*

Область распространения байбака, начиная от южной Польши и Галиции, доходит на востоке до Амура и даже до Камчатки, а через Гималайские горы до Сиккима, но байбак многочисленнее на Тибетской стороне этих гор. Хотя Жердон определяет границу его распространения здесь в 4000 метров, но достоверно известно, что он попадает и выше 5000 метров. Если тот вид сурков, о котором упоминает Пржевальский, есть обыкновенный байбак, то надо признать, что это животное распространено также и севернее Тибета. Оно живет на равнинах и в каменистых, холмистых странах, избегает лесов и песчаных местностей, которые неудобны для устройства глубоких нор. Радде повсюду часто встречал байбака в благоприятных для него местностях Сибири, а Адаме нашел его даже в пространных долинах Кашмира на высоте 2000-3000 метров над уровнем моря*. Здесь он живет в плодородных долинах, где летом произрастает пышная, хотя и низкорослая растительность, выискивая между ней голые равнины и скаты. Всегда и всюду живет многочисленными семьями, образующими колонии, и оставляет на обитаемой местности особенный отпечаток. Бесчисленные холмы, встречающиеся в зеленых степях внутренней Азии, обязаны своим происхождением этим суркам, которые своей оживленной деятельностью приковывают внимание путешественников, а мясом своим оказывают важную услугу как степным жителям, так и различным животным.

* *Брем смешивает ареалы нескольких видов сурков, в том числе гималайского, серого, монгольского, черношапочного. Собственно байбак распространен в степях от востока Украины до Прииртышья. Ареал этого сурка сильно фрагментирован, поскольку байбак предпочитает целинные, нераспаханные степи. Вид внесен в Красную книгу России, охраняется в заповедниках.*

Во всех поселениях байбаков в продолжение всего лета царствует самая кипучая деятельность. Родившиеся в апреле или в мае детеныши к этому времени уже настолько подрастают, что могут заниматься делом наравне со взрослыми, хотя еще и не успевают приобрести их опыта. С восходом солнца они вместе со старшими выходят из нор, жадно слизывают с листьев росу — в большинстве случаев их единственное питье в безводных степях, — кормятся и весело играют до полудня на вскопанных перед норами холмиках. Жаркие часы дня проводят в сладкой дреме на мягкой подстилке внутри нор, к вечеру снова появляются на поверхности земли, чтобы закусить закуской на ночь. Они весьма неохотно едят траву, растущую около входов в норы, и прокладывают тропинки, которые ведут к выгонам, удаленным от нор часто на 40-50 метров; точно так же неохотно отправляются они в места, откуда бы не могли добраться в ту же минуту, по крайней мере, до временной норы. Пока не угрожает никакая опасность, в поселениях байбаков жизнь идет таким же чередом, как и в деревнях луговых собачек. Точно так же они моментально кубарем бросаются в свои норы, как только узнают о приближении опасности в виде волка, собаки, орла, бородатого ягнятника или человека**, о чем им дает знать стоящий на страже караульный, которые издает лающие крики предостережения.

* * *Главным естественным врагом байбака является степной орел (Aquila nipalensis), обычно подстерегающий молодняк.*

В июне байбаки начинают собирать зимние запасы, но работают над этим еще вяло, полное усердие и рвение проявляются позже. Наступившие холода действуют на них угнетающим образом: по утрам после холодной ночи можно видеть, как они медленно, шатающейся походкой, словно спросонья, тащатся со своих холмов, и прежней бодрости в них и следа уже нет. В степях юго-восточной Сибири они забираются в зимние квартиры почти всегда в первой половине сентября, причем заваливают отверстия главного хода почти на метр в глубину камнями, песком, травой, собственным пометом и там, в глубине нор, до наступления зимы продолжают еще пока полусонную жизнь*.

* *В зависимости от климатических условий спячка байбака может продолжаться от 5,5 до 8 месяцев. В одной норе зимуют до 12-15 зверьков.*

Внешняя форма нор бывает почти всегда одинакова, внутренние же размеры ее различны, согласуясь в общем с качеством почвы: там, где она тверже, норы делают обширнее**. В начале своего водворения в зимние убежища байбаки, по-видимому, еще довольно бодр и, очевидно, занимаются поеданием собранных запасов, о чем свидетельствуют большие кучи кала, оставляемые ими там. Бодрствование продолжается, во всей вероятности, еще довольно долго, так как ни хорь-

кам, ни тунгусам, занимающимся выкапыванием сурковых нор, в начале зимы не удастся овладеть зверьком. Наконец зима вступает в свои права, и с декабря до конца февраля байбак впадает в мертвый сон, от которого впервые пробуждается для новой жизни лишь в марте. Байбаки принадлежат к числу животных, первыми просыпающимися от зимней спячки. Как только они почувствуют приближение весны, тотчас же принимаются откалывать заваленные с осени входы своих подземных жилищ и выходят на свет Божий.

** * В норе байбака основной ход нередко достигает 15-20 м и может идти на глубину 9 м. Есть гнездовая камера и несколько выходов. Выбросы земли образуют сурчину — холмик в диаметре до 20-25 м и высотой более полуметра (до 1,5 м).*

Вначале им приходится плохо. Старая трава, оставшаяся на холмах и около них, уже вся съедена коровами, и байбаки находят одну голую, наполовину оттаявшую землю. Единственной пищей служат им торчащие близ входов в норы высокие, высохшие стебли крапивы, с которой ветер давно уже сорвал сухие листья, да уцелевшие кое-где стебли ревеня. Не легче им бывает и тогда, когда на лугах появится первая молоденькая травка, так как эта пища вызывает у них сильный понос. Поэтому неудивительно, что несчастные зверьки быстро худеют, от слабости едва могут держаться на ногах и очень легко становятся добычей многочисленных врагов. Такое тяжелое время продолжается для них до тех пор, пока благодатный май обилием пищи достаточно не укрепит их силы и не восстановит жизнерадостное настроение. Во время своей голодовки они становятся жертвами не только орла, который таскает байбаков одного за другим, но даже и волка, который предпочитает оставлять на это время преследование домашнего скота и гоняется за сурками, как за добычей менее рискованной. Волк по целым часам сидит, притаившись за холмами, и подстерегает выход байбаков, которых голод делает неосторожными, заставляя их удаляться на несколько шагов от своих надежных жилищ.

К этим естественным врагам, которые здесь еще далеко не все перечислены, присоединяется и человек.

Байбак (*Marmota bobak*)

Около того времени, когда байбак пробуждается и готов выйти на поверхность земли, тунгус или бурят, живущие охотой, седлают лошадь, заряжают винтовку и отправляются на охоту за сурками.

"После продолжительной зимы, — рассказывает Радде, — во время которой тунгус редко имел возможность есть мясо и кое-как существовал в холодной юрте, он с рвением набрасывается

на сурков, мясо которых вдобавок хорошо только вначале, а потом с каждым днем будет утрачивать свою доброкачественность. Опыт многих лет показал ему, что байбаки ничуть не теряют за зиму своего жира и из нор выходят такими же упитанными, какими осенью входили туда; известно ему также, что по прошествии нескольких дней жизни на свободе они значительно худеют и до мая так изнуряются, что их не стоит труда и убивать. Вооружившись винтовкой, охотник ложится позади холма, возвышающегося над жилищем сурка и, не шевелясь, терпеливо ожидает его появления. Старый байбак, уже наученный опытами предыдущих лет, осторожно высовывается из норы, но тотчас же опять быстро прячет голову назад. До тунгуса доносится лишь короткий, подобный лаю собак, крик животного, и он выжидает, держа винтовку наготове. Но это продолжается недолго: скоро желто-бурый, короткохвостый подземный житель вылезает из норы, подымается на задние ноги, озирается вокруг, потом снова садится, помахивает хвостиком и с лаем отбегает на три-четыре шага от входа, чтобы хорошенько обозреть местность. Еще один момент, раздается выстрел, и байбак падает замертво. Стрелок подбирает зверька и вынимает из него внутренности, так как они вредят вкусу. В случае, если тунгус находится слишком далеко от своей юрты, он немедленно принимается за приготовление жаркого; с этой целью собирает сухой навоз, зажигает его, бросает в огонь подобранные камни и, когда те раскалятся докрасна, сует их в брюхо сурка, затем кладет сурка на чепрак за седло и часа через два съедает с большим аппетитом, без всяких приправ. Но этот способ приготовления сурков практикуется только в крайнем случае, у себя дома, в юрте, тунгусы готовят это жаркое лучше".*

** Мясо сурка очень вкусно, а жир считается целебным у всех степных народов. Поголовье некоторых видов сурков, подорванное в результате противочумных мероприятий 60-80-х годов XX века никак не может восстановиться из-за браконьерства местных жителей.*

На вершинах каменистых склонов Альп, где не растут деревья и кустарники, куда не заходит рогатый скот, кроме коз и овец, среди больших глетчеров, где в году не более чем на шесть недель сходит снег под теплыми солнечными лучами, находится родина известного уже с древних времен другого вида сурков. Хотя во всем существенном он вполне сходен с только что описанным родичем, но вследствие разных условий, представляемых самим местом обитания, по образу жизни он во многом отличается от байбака. Римляне называли это животное альпийской мышью, савояры называют его мармота.

Альпийский сурок (*Marmota marmota*) достигает почти 62 см общей длины, из них 51 см приходится на туловище, а 11 см на хвост, при 15 см высоты в плечах. По виду и строению он очень схож со своими родичами. Шерсть, состоящая из более короткого подшерстка и длинной ости, густа и довольно длинна, окраска ее на спине буро-черная. На затылке, у корня хвоста и на всем животе шерсть темного красновато-бурого цвета, на ногах, по бокам туловища и на задней части тела еще светлее, а на морде и на ногах ржаво-желтая. Глаза и когти черные, передние зубы буро-желтые. Впрочем, встречаются экземпляры совершенно черные или белые, или с белыми жемчужными пятнами.

Новейшие исследования доказывают, что альпийский сурок живет исключительно в Европе. Высокие Альпы, Пиренеи и Карпаты служат ему пристанищем. Здесь он обитает на высочайших вершинах, располагаясь между вечными льдами и снегами, и редко спускается до границы произрастания лесов**.

*** Альпийский сурок встречается в поясе альпийских лугов, обычно на высотах 1200-2700 м. Помимо Альп, населяет Татры (Западные Карпаты), интродуцирован в Пиренеях,*

Для своего местожительства он выбирает открытые места, окруженные крутыми отвесными скалами, или небольшие узкие горные ущелья, лежащие между отдельно возвышающимися вершинами, притом больше всего любит те места, которые как можно дальше удалены от человека. Чем уединеннее горы, тем чаще его можно встретить; там, где водворился человек, сурок уже вывелся. Одним из главных условий при выборе местности является ее расположение: сурок селится только на тех плоских возвышенностях и склонах, которые обращены на юг, восток или запад, потому что он, как и большинство дневных животных, любит солнечные лучи. Здесь он выкапывает себе несколько маленьких простых, но глубоких нор, из которых одни предназначаются для лета, другие для зимы. Первые служат для защиты против случайных опасностей или непогоды, а вторые против грозной, суровой зимы, которая продолжается там шесть, восемь или даже десять месяцев. Этот замечательный зверек спит добрых две трети года, а иногда даже и больше, потому что в тех высотах, где он поселился, его бодрствование и деятельная жизнь продолжаются иногда всего два месяца*.

** По последним данным, спячка альпийского сурка не продолжается дольше полугода.*

Летняя жизнь сурка, по Чуди, чрезвычайно забавна. С рассветом прежде всех выходят из своих нор старые сурки; они осторожно высовывают из входных отверстий головы, осматриваются кругом, прислушиваются и, только убедившись, что все обстоит благополучно, решаются вылезти окончательно. После этого проворными шажками взбираются вверх на гору, садятся на задние ноги и стремительно принимаются щипать короткую траву. Вслед за ними высовывают свои головки и молодые сурки; вышмыгнув из норы, они пощипывают травку, по целым часам греются на солнышке, садятся на задние лапы и мило играют между собой. Среди всего этого они не перестают поминутно озираться и внимательно исследовать местность. Первый, кто заметит что-нибудь подозрительное, вроде хищной птицы, лисицы или человека, издает низкий и громкий носовой свист, остальные повторяют его, и все в одно мгновение исчезают. Вместо свиста многие сурки издают громкое тьяканье, откуда, вероятно, и происходит их валлийское название «мистбеллери» (навозный крикун). Но выставляют ли они вообще особую стражу, это еще не установлено. Лучшие их защитники против опасности — незначительная величина и зоркие глаза, а особенно прекрасно развитые органы слуха и обоняния. Летом сурки живут поодиночке или парами в собственных летних помещениях, к которым ведут ходы, длиной 1-4 метра, имеющие побочные боковые проходы на случай бегства. Эти последние бывают так узки, что туда едва можно просунуть кулак. Только часть вскопанной земли они выбрасывают наружу, остальная идет на утрамбовку проходов, которые вследствие этого становятся твердыми и гладкими. Выход норы в большинстве случаев устраивают между камнями. Поблизости его часто находят множество неглубоких, предназначающихся только для временного убежища, нор и ходов. Самое логовище довольно тесное. Здесь животные спариваются, по всей вероятности в апреле, здесь же после шестинедельной беременности самка рождает двух-четырёх детенышей, которые, пока не подрастут, редко выходят из норы и живут в ней все время вместе с родителями**.

** * Семейная жизнь альпийских сурков очень разнообразна, встречаются крепкие семейные пары, неразлучные несколько сезонов, «гаремы» и наоборот семьи из одной самки и нескольких самцов. Как правило, самец-семьянин периодически вступает в стычки с претендентами на обладание его семьей. В случае победы пришельца он нередко уничтожает потомство своего предшественника (такая же стратегия наблюдается у некоторых хищников, обезьян), обеспечивая тем самым быстрое производство собственного потомства. Постоянный участок семьи достигает от 2000 до 20 000 кв. м, что зависит от его экспозиции и обилия корма. В году — один выводок, от 1 до детенышей. весящих до 30 г. каждый. Беременность длится 32-34 дня, выкармливание молоком — 6-8 недель. Половозрелость наступает в 3 года, живут же сурки 13—15 лет, в неволе доживали до 20 лет.*

С наступлением осени сурки выкапывают под горой особенные глубокие норы для зимних жилищ, которые, впрочем, редко превышают глубину 1,5 метра. Эти жилища располагаются на более низких высотах, чем летние, которые зачастую достигают высоты 2600 метров над уровнем моря, тогда как зимние находятся обыкновенно в полосе высочайших альпийских пастбищ, а иногда даже ниже границы произрастания лесов*.

** Обычно зимняя нора располагается в закрытой от ветра местности — в ущелье или под защитой леса. Для выстилки общего гнезда сурки заготавливают до 12 кг травы.*

Помещение зимней норы рассчитано обыкновенно на целую семью, состоящую из 5-15 членов, и потому делается обширным. Охотник узнает обитаемые зимние норы частью по разбросанному около них селу или по тому, что вход в нору, хотя и не превышающий размеры кулака, бывает тщательно законопачен сеном, землей и камнями, тогда как вход летней норы всегда открыт. Если снять с отверстия входа эту покрывку, то прежде всего глазам представится длинный проход в несколько футов протяжения, старательно выложенный землей, песком и камнями. Следуя дальше по этому проходу, на несколько метров расстояния от поверхности, наталкиваешься на перекресток, откуда расходятся два прохода. Один из них, в котором обыкновенно складывают помет и шерсть, простирается недалеко и, по всей вероятности, служит лишь строительным материалом для выстилки стенок главного хода. Этот последний после перекрестка начинает постепенно идти» гору и приводит охотника к широкому логовищу, находящемуся иногда на высоте 8-10 метров от входного отверстия и представляющему отличное гнездо для зимней спячки. Оно в большинстве случаев имеет форму яйца или хлебной печки и набито мягким, сухим красновато-бурым сеном, которое каждый год частично подновляется. Уже с августа умные зверьки начинают запасать траву и сушить ее, а потом во рту перетаскивают в нору, иногда ее скопится так много, что человеку не под силу ее унести. В старину об этом сенокосе рассказывали всякие небылицы; будто бы сурок ложился на спину, другие сурки нагужали его сеном, и воз таким образом, как на санях, довозился до норы.

Поводом к этой басне послужило то обстоятельство, что нередко попадаются сурки со стертymi ваннами, но дознались, что это происходит только от шмыганья по узким проходам. Кроме этих двух жилищ сурок имеет еще особые норы, в которых он прячется во время опасности, а если не успеет добежать до норы, то скрывается под камнями и в расщелинах скал.

Пища сурков состоит из свежей и сочной альпийской растительности, трав и кореньев. К любимой пище принадлежат: тысячелистник, акант, конский щавель, клевер, астры, альпийский подорожник и водяной лютик, но сурок может довольствоваться и простой травой, не только свежей, но даже сухой, какая попадает вблизи норы.

Альпийский сурок (*Marmota marmota*)

На водопой он ходит редко, но зато сразу выпивает много и притом чмокает и после каждого глотка подымает голову вверх, как это делают куры или гуси. Привычка быть постоянно настороже, не оставляющая его даже во время еды, не дает ему спокойно съесть ни одного куска; он беспрестанно приподнимается, оглядывается и вечно тревожится, пока самым достоверным образом не убедится, что ему не угрожает ни малейшей опасности. Все наблюдения подтверждают, что альпийский сурок обладает способностью верно предугадывать всякую перемену погоды. Горцы твердо верят, что своим свистом он возвещает о перемене погоды, и убеждены, что если несмотря на солнечный день сурки не играют на горе, то в самое ближайшее время будет дождь.

Как большая часть животных, подверженных зимней спячке, альпийские сурки в конце лета и осени бывают необыкновенно жирными*.

* *Масса взрослого альпийского сурка варьирует, в зависимости от сезона, от 3 кг при пробуждении до 7 кг перед залеганием в спячку.*

Как только наступят первые морозы, они перестают есть, но продолжают много пить, затем хорошенько испражняются удаляются в зимние жилища семьями. Перед началом спячки узкий вход, ведущий в просторное логовище, на протяжении 1-2 метра набивают землей и камнями, куда, кроме того, подмешивают глину, траву и сено, и этим крепко законопачивают, так что все делается похожим на каменную стену, в которой трава служит цементом. Благодаря такому плотному законопачиванию доступ в нору внешнего воздуха совершенно прегражден, и теплота, исходящая от

сурков, поддерживает в логовище довольно высокую температуру, доходящую иногда до 10-11 градусов по Цельсию. Набитое и выстланное кругом сухим сеном логовище служит общим гнездом целому обществу. Тут все семейство лежит, тесно прижавшись друг к другу. Всякая жизненная деятельность понижается до последних пределов, каждое животное лежит неподвижное и похолодевшее в оцепенении, подобном смерти, в раз принятом положении, и не проявляет ни малейшего признака жизни. Температура крови понижается до температуры воздуха в норе; дыхание замедляется до пятнадцати раз в час. Если во время спячки сурка вынуть из норы и внести в теплое помещение, то при температуре 21 градус его дыхание становится вятым, при 25 градусах зверек начинает храпеть, при 27,5 градуса вытягивает члены, а при 31 градусе окончательно пробуждается, начинает, пошатываясь, двигаться взад и вперед, становится постепенно бодрее, и наконец, принимает ся есть*.

** Сурки — самые крупные животные, впадающие в крепкую спячку, с понижением температуры тела и замедлением всех жизненных процессов. Однако выражение «спит как сурок» скорее надо отнести к сусликам и бурундукам, сурки же периодически пробуждаются раз в 2-3 недели.*

Весной сурки в очень исхудалом виде появляются перед отверстием своих зимних жилищ, жадно высматривают чего-нибудь съедобное и зачастую бывают вынуждены совершать далекие странствования по выступам и карнизам гор, отыскивая места, где ветер сдул снег и обнажил засохшую траву. Эта сохранившаяся за зиму трава вначале составляет их исключительную пищу, но скоро показывается молодая, свежая, сочная альпийская растительность, и утраченные за зиму силы и полнота зверька быстро восстанавливаются.

Охота на сурков и ловля их представляют различные затруднения. Приближающийся охотник почти всегда бывает замечен кем-нибудь из членов общества, который предостерегает остальных пронзительным свистом. Тогда все в одну минуту скрываются по норам и уже нескоро появляются. Впрочем, огнестрельным оружием добывают только небольшое количество сурков. Обыкновенно их ловят посредством всевозможных ловушек или выкапывают из нор в начале зимы. Уже в прежние времена их усердно преследовали, да и теперь положение несколько не улучшилось. Как бы просты ни были ловушки, но они доставляют большой улов и значительно уменьшают число сурков; раскапывание нор зимой истребляет их целыми семьями. Поэтому в некоторых кантонах Швейцарии запрещено выкапывание сурков, так как это может привести к совершенному истреблению этих животных, тогда как простая охота особенно не вредит им. Раскапывание нор летом бесполезно, потому что находящийся в это время в бодрствующем состоянии зверек вкапывается в гору гораздо скорее, чем человек может за ним поспеть.

Это маленькое животное важно для горного жителя не только как пищевой продукт, но и как целебное средство от всевозможных болезней. Жирное, очень вкусное мясо считается особенным укрепляющим средством для родильниц; жир будто бы тоже помогает в родах, уничтожает резь в животе, останавливает кашель, разбивает затверделость в грудях; только что снятая шкура употребляется при ревматических и тому подобных болях. Свежее мясо имеет такой сильный землистый вкус дичи, что в человеке, непривычном к нему, возбуждает тошноту. Только что убитого сурка ошпаривают кипятком, как это делают со свиньей, оiscaбливают и несколько дней коптят в дыму, и только после этого мясо годно к варке и жаренью**.

** * Перед готовкой мяса необходимо вырезать плечевые пахучие железы, секретом которых сурки метят территорию. Если этого не сделать, мясо приобретает неприятный вкус и запах.*

Приготовленное таким образом жаркое из сурка считается очень вкусным. Монахи Сен-Галльского монастыря еще в 1000 году составили для этого блюда особенную благословляющую молитву: «Да сделает его благословение Божие жирным!» В те времена этого зверька в монастырях называли *Cassus alpimts*, а сведущие люди даже составили его описание. Иезуит Кирхер, по словам Чуди, считал его помесью барсука и белки; но Альтман воздерживается от такого предположения, принимает сурка за маленького барсука и обоих причисляет к свиньям; он рассказывает также, что зверек уже за 14 дней перед спячкой не принимает пищи, но охотно и много пьет воду, чтобы прополоскать себе внутренности и этим предохранить их на зиму от гниения.

Семейство гоферовые

(*Geomysidae*)*

** Семейство грызунов, родственных беличьим, но специализированных кроющему, подземному образу жизни. Раньше гоферов называли мешотчатými крысами, из-за сильно развитых щечных мешков.*

Гофер (*Geomys bursarins*) ростом несколько меньше нашего хомяка, длина его (вместе с хвостом в 6,5 см) равняется 35 см; по внешнему виду он занимает среднее место между хомяком и кротом. Шерсть его необыкновенно густая, мягкая и тонкая. Волосы у корня серо-голубого цвета, а на концах — красного на верхней половине и желто-серого цвета на нижней половине тела; хвост и покрытые редкими волосами лапы имеют белую окраску.

Гофер распространен в Северной Америке повсеместно к востоку от Скалистых гор, к западу от Миссисипи и между 34 и 52 градусами северной широты**.

*** Семейство эндемично для североамериканского континента.*

Он ведет, как крот, подземную жизнь, роет многочисленные и далеко разветвленные ходы в различных направлениях и выбрасывает такие же кучи земли. Иногда его подземная работа придает поверхности вид вспаханного поля, в другое время, например зимой, деятельность его едва заметна. Гофер выходит на поверхность земли только в теплое время года, в холодное же он, по-видимому, засыпает***.

**** Гоферы не впадают в зимнюю спячку, хотя их активность в сильные морозы заметно падает. Иногда они передвигаются и под снегом, устраивая туннели.*

Несмотря на то, что гофер известен с конца прошлого столетия, более точные наблюдения над его образом жизни и подробные описания его подземной жизни были сделаны натуралистами Одюбоном, Бахманом и Геснером только в недавнее время: «В саду, в котором мы заметили несколько свежих холмиков, рассказывают первые из этих наблюдателей, — мы стали копать по следам гофера и таким образом обнажили много подземных ходов в самых разнообразных направлениях. Один из главных ходов шел приблизительно в 30 см под землей, а в тех местах, где перекрещивался с садовыми дорожками, еще глубже. Мы проследили весь ход, который направлялся через широкую грядку и две дорожки к; другой грядке, и обнаружили, что многие из лучших растений были уничтожены этими животными, так как они ели корни, отгрызая их у самой поверхности земли. Нора оканчивалась вблизи растений под розовым кустом. Затем мы проследили другой главный ход, который тянулся до корня большого букового дерева: здесь животное обглодало всю кору. Продолжая исследовать далее, мы нашли этих нор очень много, и некоторые из них оказывались вне сада, в поле и в ближайшем лесу, где мы уже не могли продолжать наших розысков****.

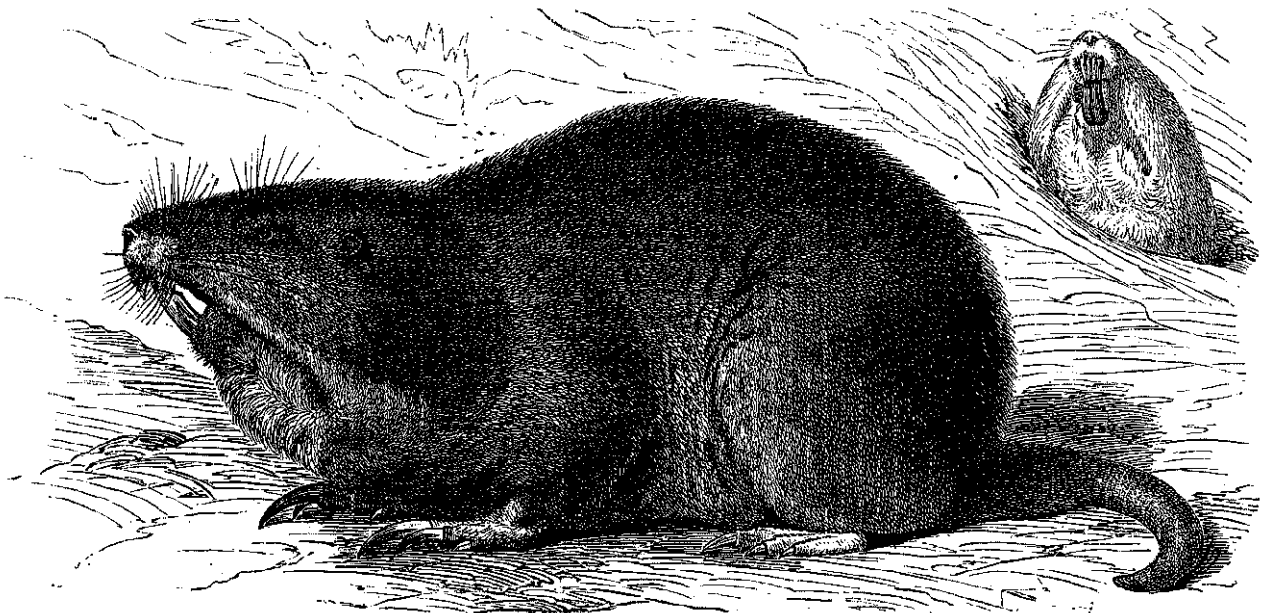
***** В сложной норе гофера различают центральную галерею длиной до 140 м с боковыми ответвлениями, некоторые из которых оканчиваются выходами на поверхность и гнездовую камеру, на глубине примерно 60-90 см.*

Кучи земли, выбрасываемой гоферами, достигают высоты почти 30-40 см и расположены совершенно хаотично то на близком, то на далеком друг от друга расстоянии. Обычно норы имеют недалеко от поверхности отверстие, хорошо прикрытое травой или другими растениями».

В разных местах от главных ходов идут боковые. Гнездо, в котором живет животное, устраивается под древесными корнями на глубине около 1,5 метра, ход в него спускается винтообразно, оно просторно, выстлано мягкой травой, напоминает несколько гнездо белки и служит животному для отдыха и сна. Гнездо, в котором самка в конце марта или в начале апреля мечет 5-7 детенышей, похоже на обыкновенное логовище с той лишь разницей, что кроме травы выстлано еще волосами матери*.

** В течение года гоферы живут поодиночке, случайные встречи кончаются драками, за исключением кратковременного образования пар в брачный сезон, когда самцы покидают норы в поисках самок. В году обычно бывает 1-2 выводка с пиком поздней зимой ранним летом, в южных краях они размножаются круглый год. В выводке от 2 до 6 детенышей, весящих 2—3 г. хотя число эмбрионов может достигать 13, часть из них рассасываются. Детеныши остаются с самкой 2 месяца, хотя лактационный период прекращается через 10 дней. Половая зрелость наступает в 3-месячном возрасте.*

Подобно гнезду крота, оно окружено ветвистыми ходами. Геснер нашел, что из гнезда ход ведет в большую нору, служащую кладовой. Она наполнена кореньями, земляными плодами (картофелем), орехами и различными семенами. В утренние часы, от 4 до 10, гофер усерднее всего работает над расширением и устройством своего жилища, без сомнения, с целью добыть пищу. Если место богато пищей, то в означенный промежуток времени гофер вырывает 3-5 ходов и 2-5 куч, в противном же случае он разрывает большие пространства и работает дальше. Временами он прерывает работу на недели и, по-видимому, поедает в это время собранный запас.

Восточный равнинный гофер (*Geomus bursarius*)

По земле гофер бежит с трудом, переваливаясь, никогда не прыгает и ходит часто с подвернутыми когтями передних лап, волоча хвост по земле. Он может одинаково бегать задом и передом, но подвигается не быстрее обыкновенной походки человека. В своей норе он движется с такой же скоростью, как и крот. Он кажется совершенно беспомощным, если положить его на спину; нужна, по крайней мере, минута, чтобы ему удалось, работая ногами, с трудом стать в надлежащее положение. Во время еды он часто садится на задние лапы, а передними держит пищу, как белки. Спит он свернувшись клубком, спрятав голову на груди между передними лапами. Во время странствований за пищей он наполняет свои огромные защечные мешки при помощи языка и опорожняет их передними лапами. Эти защечные мешки, как и у других грызунов, по мере их наполнения, выдаются все более и более в виде овальных шишек, но никогда не висят по обеим сторонам морды и потому несколько не затрудняют движений животного. Собранный запас пищи гофер относит в свою кладовую через отвесный ход, отверстие которого потом заделывается. Совершенно неверным оказался рассказ, будто гофер выносит из своего жилища выкопанную землю в своих защечных мешках. Поводом к подобной выдумке послужила шутка индейца, который в первый раз принес натуралисту гофера с набитыми землей мешками.

Вред, причиняемый гофером, может быть очень значительным. За несколько дней он может уничтожить сотни полезных растений, обнажая их корни, и опустошает поля в своих поисках клубней растений. Вот почему человек является опаснейшим врагом гофера, который, кроме того, много терпит от наводнений и змей. Ему ставят всевозможные ловушки, особенно маленькие капканы. Обычно, попавшись в ловушку или капкан, он всеми силами старается освободиться, что ему нередко удается к великой досаде охотника и иногда с потерей заземленной ноги. Против нападающего врага гофер яростно защищается зубами*.

* Основными врагами гоферов, наступающими зверьков в норах, являются американский хорь и американский барсук.

Одубон держал у себя по несколько недель многих гоферов и кормил их клубнями растений. Они оказались удивительно прожорливыми, но ничего не пили, хотя им давали не только воду, но и молоко. Единственной и постоянной заботой их была мысль об освобождении, и они старались прогрызть ящики и двери. Разное платье и всякого рода тряпки они изгрызали и сносили в кучу, чтобы сделать себе из них постель. Не было от них пощады и вещам из кожи. Раз один из пленников Одубона забрался в его сапог и, не умея выбраться назад, прогрыз носок. Постоянная страсть грызть и производимый при этом шум сделали наконец гоферов невыносимыми даже и для этого самоотверженного исследователя.

Семейство бобровые

(*Castoridae*) **

** Семейство бобровых относится к стволу белкообразных грызунов. Бобры современного рода *Castor* появились в Евразии 3-7 млн. лет назад, позже проникли и в Северную Америку. Сохранены лишь два вида.

Бобр во многих отношениях существенно отличается от остальных своих родичей. Его следует рассматривать как представителя особого семейства. Уже с древнейших времен бобр обратил на себя внимание наблюдателей, и древние писатели часто упоминают о нем в своих сочинениях, называя его *Castor* и *Fiber*. Однако сведения о его образе жизни, которые мы находим у них, с одной стороны, не многочисленны, с другой, не точны. Аристотель пишет, что бобр принадлежит к четвероногим животным, которые, подобно выдре, ищут свою пищу на берегах озер и рек. Плиний говорит о действии бобровой струи и сообщает, что бобр сильно кусается, что он, схватив человека, не выпускает его до тех пор, пока не переломает ему костей, что он валит деревья, точно рубит их топором, хвост у него, как у рыбы, в остальном же он похож на выдру. В знаменитом описании Олая Великого, епископа Упсальского, издавшего около 1520 года замечательное сочинение о Норвегии и населяющих ее животных, мы уже находим различного рода ошибки и басни, касающиеся нашего зверя. Ученый прелат сообщает, что, хотя Солинис считает только воды Черного моря за место пребывания и размножения бобра, однако он во множестве водится также на Рейне, Дунае, в болотах Моравии и еще дальше на север, так как здесь на реках нет такого шума, как на Рейне и Дунае, где постоянно проходят суда. На севере он с удивительным искусством, которым его одарила природа, строит из дерева свои дома на многих реках. Бобры сообща валят деревья, перегрызая их зубами и удивительным образом сносят их к своим логовицам. Какому-нибудь старому ленивому бобру, который постоянно держится в стороне от общества, приходится расплачиваться своей шкурой. Бобры кладут его вверх ногами на землю, помещают ему дерево между передними и задними ногами и тащат к своим хижинам, затем они снимают поклажу и до тех пор возят назад и вперед эти живые салазки, пока не окончат постройки своего домика. Зубы этих зверей до того остры, что они могут срезать ими деревья, как ножом. Жилище состоит из 2-3 помещений, расположенных друг на друге, и устроено так, что туловище живущего в нем бобра выглядывает из-под воды, а хвост лежит на ее поверхности. Кожа на хвосте твердая и покрыта чешуями, как у рыб, из его мяса готовят вкусные кушанья и лекарственные средства от расстройства желудка, а хвост и задние ноги употребляются в пищу во время поста, вместо мяса.

Неверно показание Солиниса, что бобры, будучи преследуемы и желая спастись, откусывают свой мешок с бобровой струей и бросают его охотникам, так как мешок этот находили у всех пойманных бобров, и, лишаясь мешка, животному неизбежно приходится лишиться жизни. Бобровая струя представляет собой прекрасное противоядие против чумы, во время лихорадки и помогает против всех болезней, которые только можно себе представить; но, кроме этого, бобр очень полезен еще в других отношениях. По большей или меньшей высоте жилищ бобра можно узнать до какой вышины поднимется вода во время разлива, и крестьяне, наблюдая постройки бобра, приближают засеянные поля к самой реке, если постройки невысоки, или удаляют поля от реки, если хижины бобров высоки, так как иначе поле будет непременно залито водой. Шерсть их мягкая и нежная, как пух, прекрасно защищает от суровой стужи и потому дает ценную одежду для знатных и богатых людей. Писатели, жившие позже, верили этим сказкам и увеличивали число их своими собственными добавлениями. Мариус, врач в Ульме и Аугсбурге, написал в 1640 году книгу почти сплошь из одних рецептов об употреблении бобра на лекарственные средства. В 1685 году Иоганн Франк значительно дополнил ее. Кожа, жир, кровь, шерсть, зубы и, главным образом, бобровая струя представляют собой превосходные лекарственные средства. Из шерсти делают шляпы, которые предохраняют от болезни; зубы вешают на шею детям, так как они облегчают прорезывание зубов.

Эти древние сочинения хороши тем, что дают нам возможность судить о прежнем распространении бобров. Из них мы видим, что вряд ли какое-либо другое животное так быстро уменьшилось в числе, как этот драгоценный грызун.

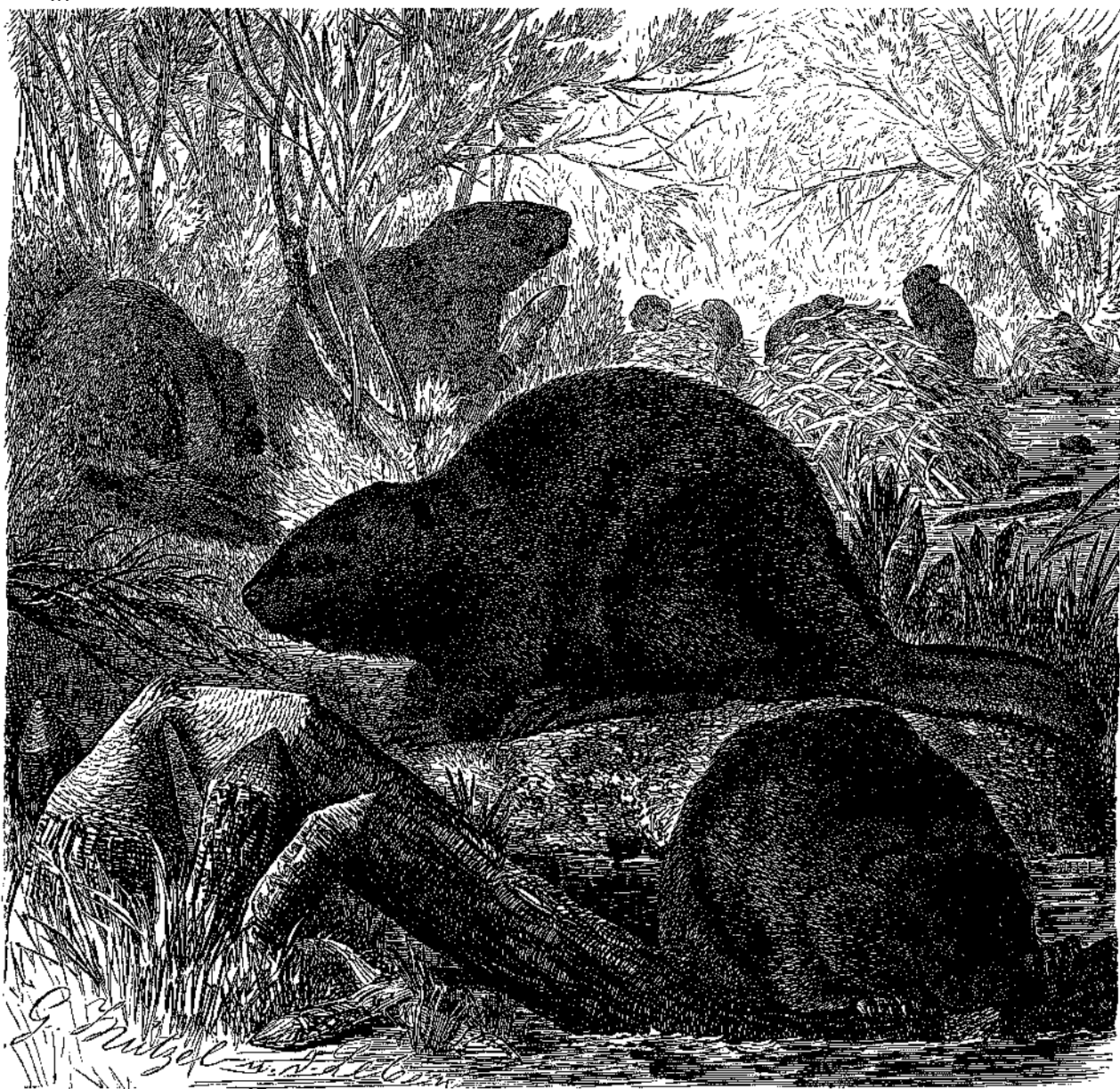
Речной бобр (*Castor fiber*). В нынешнее время бобр распространен в трех частях света и населяет все страны, расположенные между 33 и 68 градусами северной широты, но в прежние времена ареал его распространения, вероятно, был значительно шире. Религией индийских магов запрещено убивать их, следовательно, они жили также, вероятно, и в Индии*.

* *Ареал речного бобра некогда простирался в умеренной зоне Евразии от Атлантики до Приамурья, и от Заполярья до Малой Азии. В настоящее время он распался на несколько небольших изолированных участков. В тропиках бобры в историческое время не жили.*

"Хотя животное это, — говорит Геснер, — обыкновенно во всех странах и вообще охотно селится там, где имеется рыба и раки, подобно разбойникам на улицах, тем не менее, они охотнее всего живут в тех местах, где протекают большие реки, например их очень много на реке Бирс около Базеля в Швейцарии, в Испании они попадаются почти на всех реках и, по словам Страбона, в

Италии в тех местах, где река По впадает в море». Во Франции и Германии бобр попадался почти повсюду. Прежде всего он был истреблен в Англии. Теперь его еще находят в Германии на Эльбе. Из европейских стран он чаще всего попадает в Боснии, России (а именно в северных притоках Припяти в Минской губернии), а также в Скандинавии, особенно в Норвегии. В Азии их живет значительно большее число, чем в Европе. Они во множестве населяют большие реки центральной и северной Сибири и, как говорят, ведут оседлую жизнь также в реках, впадающих в Каспийское море. Их можно найти в притоках Кубани на северном склоне Кавказского хребта, а также и в Месопотамии*.

** В бассейне Волги бобр встречался когда-то до Каспия, в бассейне Кубани в историческое время не жил, в Месопотамии не жил никогда. В Азии он встречается в среднем течении и низовьях Оби, верховьях Енисея, в Прибайкалье, северо-западной Монголии. Интродуцирован в низовья Амура.*

Речной бобр (*Castor fiber*)

Они были очень обыкновенны в Америке, но количество их сильно уменьшилось, благодаря неустанным преследованиям. Ла-Гонтанч путешествовавший два столетия тому назад по Америке, рассказывает, что в лесах Канады нельзя пройти 4-5 часов без того, чтобы не наткнуться на пруд, населенный бобрами. На реке племени «воющих индейцев» (Puants) к западу от озера Иллинойс на расстоянии 20 часов находилось более 60 прудов, населенных бобрами, на которых охотникам хватило дела на целую зиму. С тех пор число этих животных очень сократилось. Одюбон (1849) указывает еще только на Лабрадор, Ньюфаундленд, Канаду и на некоторые местности штатов Мэн и Массачусетс, как на родину этого зверя, однако присовокупляет к этому, что одиночные экземпляры еще находятся в различных местностях Соединенных Штатов.

Бобр, принадлежащий к роду *Castor*, — один из самых крупных грызунов. У взрослых самцов длина туловища достигает 75-95 см, длина хвоста 30 см, высота в плечах столько же, масса 20-30 кг. Неуклюжее и толстое туловище его значительно толще сзади, спина изогнутая, брюхо отвислое, шея короткая и толстая, голова сзади широкая, суживающаяся впереди, плоская, с короткой и тупой мордой; ноги короткие и очень сильные, задние немного длиннее передних, на ногах по пять пальцев, причем на задних они до самых когтей связаны между собой широкой плавательной перепонкой**.

* * *Передние лапы бобра — хватательного типа, большой палец на них укорочен, а функцию большого пальца выполняет мизинец, противопоставленный остальным пальцам.*

Хвост, неявно отделяющийся от туловища, у корня круглый, посередине, сверху и снизу приплюснутый, достигает до 20 см ширины, тупо закруглен на конце, сильно заострен на краях и имеет яйцевидную форму, если смотреть на него сверху. Продолговато-круглые, почти совершенно скрытые под шерстью уши маленькие и короткие, покрыты волосами внутри и снаружи и могут быть так прижаты к голове, что почти совершенно закрывают слуховой проход. Маленькие глаза отличаются мигательной перепонкой, зрачок их расположен вертикально. Ноздри снабжены мясистыми краями и также могут закрываться. Ротовая щель маленькая, верхняя губа широкая, со складкой посередине, расщеплена книзу. Шерсть состоит из необыкновенно густых, пушистых, шелковистых волос подшерстка и редких длинных, толстых, упругих и блестящих волос ости, которые на голове и нижней части спины короткие, а на остальных частях тела имеют более 5 см длины.

На верхней губе несколько рядов толстых, упругих, не очень длинных щетин. Шерсть на спине темного каштанового цвета, который переходит в сероватый, на брюхе она светлее. Хвост у корня в первой трети покрыт очень длинными волосами, но остальное пространство голо. Эта голая часть хвоста имеет бледный черновато-серый цвет с синеватым оттенком. В отношении общей окраски шерсти встречаются отклонения, причем цвет ее переходит то в более черный, то в более серый, а иногда также в красновато-белый оттенок. Находят также, хотя и весьма редко, белых и пятнистых бобров.

Резцы очень большие, крепкие, спереди плоские, гладкие, в поперечном разрезе имеют почти трехгранную, с боку долотовидную форму и далеко выдаются из челюсти, коренные зубы, устроенные одинаково, имеют в верхней челюсти, снаружи три — внутри одну, а в нижней, наоборот, снаружи одну, внутри — три поперечно расположенных складки эмали. Череп развит очень сильно. Все кости крепкие! и широкие и служат для прикрепления сильных мускулов. У обоих полов в нижней части брюшной полости около заднего прохода и половых органов находятся две своеобразные, обычно отделенные одна от другой, открывающиеся в половые органы железы, выделяющие бобровую струю — кастореум. Вещество это выделяется внутренними извилинами желез, покрытых слизистой оболочкой, которая образует чешуевидные мешочки и складки. Бобровая струя представляет собою темную красно-бурую, желто-бурую или черно-бурую, довольно мягкую, похожую на мазь массу, обладающую очень сильным, неприятным запахом и долго остающимся во рту, горьковатым смолистым вкусом. В прежние времена бобровая струя часто применялась в качестве останавливающего судороги и успокоительного средства, но в настоящее время все более и более предается забвению.

Канадский бобр (*Castor canadensis*) отличается от европейского более выпуклой лицевой линией, более узкой головой и другими особенностями черепа, более темной шерстью и, особенно, расположением бобровых желез. Самостоятельность этого вида не подлежит сомнению*.

* *Историческая область распространения канадского бобра — практически вся Северная Америка, Отличается от речного несколько более крупными размерами. Лучше приспособлен к суровому климату и имеет более темный, нежный и ценный мех. Благодаря этим качествам его планируют акклиматизировать в северо-восточной Сибири, где речной бобр отсутствует. Акклиматизация канадского бобра в местах обитания речного (в Финляндии) привела к вытеснению последнего. Между собой виды не гибридизируют.*

Если освободить описание жизни бобра от всех басен и сказок, которыми сопровождалось оно почти до новейшего времени, то окажется, приблизительно, следующее.

Бобры живут большей частью попарно и соединяются более или менее многочисленными семьями только в наиболее уединенных местностях. Часто они обитают, подобно выдре, в подземных норах и не думают строить себе искусственных жилищ.

После долгих колебаний животные выбирают какую-нибудь реку или ручей, где по берегам достаточно пищи и которые кажутся им особенно хорошо приспособленными для устройства ходов нор, плотин и замков. Бобры, живущие в одиночку, обитают, подобно выдре, в простых подземных

норах, если же бобры живут обществами, состоящими обычно из нескольких семейств, то почти всегда возводят замки и в случае нужды — плотины, чтобы повысить уровень воды и удержать его на одной и той же высоте. Постройки эти снабжены одним или несколькими ведущими в них ходами, длина которых бывает различна и колеблется от 2 до 6 метров; они оканчиваются под водой и ведут в просторную котловину, расположенную более или менее высоко над поверхностью воды. Котловина состоит обычно из одного жилого помещения, тщательно и аккуратно выложенного тонко расщепленными щепками и служащего спальней, а в исключительных случаях также логовищем самки во время родов. В уединенных и тихих лесах бобры пользуются подземными постройками только в качестве потайных выходов в случае опасности и постоянно воздвигают так называемые замки — расположенные над поверхностью земли жилые помещения бобров, в которые ведут начинающиеся более глубоко под водой ходы.

Замки эти представляют собой толстостенные кучи в виде хлебной печки, составленные из наваленных друг на друга кусков дерева и сучьев, лишенных коры, а также земли, глины и песка, говорят, что внутри, кроме жилого помещения, есть еще кладовые для хранения пищевых запасов*.

** Бобровые хатки бывают до 3 м высотой и 12 м в диаметре. Жилое помещение внутри хатки имеет около 0,6 м высоты и 2 м в диаметре, таких помещений может быть несколько. Вход в хатку, так же, как и вход в нору, всегда подводный, но от жилой камеры, через крышу хатки наружу ведет узкое вентиляционное отверстие. Места лежки зверей приподняты и всегда сухи и чисты.*

Если уровень воды в реке или ручье значительно изменяется в течение года или если ручей не имеет желаемой глубины, то бобры проводят поперек течения высокие и, в зависимости от быстроты течения, толстые плотины, повышают уровень воды и устраивают себе таким образом выше плотины открытый водный бассейн. Несколько лет тому назад Моргане исследовал более 50 подобных плотин в первобытных лесах на берегах Верхнего озера в Северной Америке, сфотографировал и подробно описал их в сочинении о бобре и его постройках. Некоторые из этих плотин достигают 150-200 метров в длину, 2-3 метров в ширину, в толщину у основания 4-6 метров, а у вершины только 1-2 метра**.

*** Длина бобровой плотины 20-30 м. но в некоторых районах Америки бобры перегораживают/от целые озера огромными плотинами длиной до 600 м.*

Они состоят из жердей толщиной с руку или ногу, длиной в 1-2 метра, которые одним концом вбиты в землю, а другим выходят на поверхность воды, соединены между собой более тонкими прутьями, а промежутки между ними заполнены тростником, илом и землей, так что со стороны течения образуется почти отвесная плотная стена, а с противоположной стороны — скат. Бобры не всегда проводят плотину по прямой линии поперек течения и также далеко не всегда устраиваются ее так, чтобы она посередине имела вид выступающего угла, часто проводят ее в воде в форме дуги, с выпуклостью против течения. Наконец от образующихся выше плотин прудов бобры прокладывают тропинки или каналы для того, чтобы удобнее было доставлять и сплавлять по ним строительные материалы и пищу.

Без особой нужды бобры не покидают основанных ими колоний. Поэтому в ненаселенных лесах можно встретить очень старые бобровые постройки. Агасис, исследуя плотину одного пруда, еще заселенного бобрами, нашел, что старые, обглоданные животными куски деревьев и сучьев были покрыты слоем торфа в 3 метра толщиной, и вывел отсюда заключение, что колонии эти должны были существовать по крайней мере 900 лет тому назад. По выводам того же исследователя, бобровые постройки в Америке оказывают заметное влияние на сельскохозяйственное значение данной местности. Плотины превращают небольшие ручейки, первоначально спокойно протекавшие в лесной тени, в ряд прудов, из которых некоторые занимают площадь в 10-20 гектаров. Вблизи их благодаря тому, что бобры срубают деревья, образуются поляны, так называемые бобровые лужайки, занимающие пространство в 100 гектаров и более, которые часто являются единственными прогалинами в еще девственных первобытных лесах. Берега прудов быстро обрастают торфяниками и растениями, и постепенно образуются торфяные болота на значительном протяжении. С другой стороны, каналы, проведенные этими животными, дают сток водам болот, осушают их, и вследствие этого образуются сухие безлесные пространства*.

** Бобры относятся к немногим «ландшафтообразующим» животным, наряду со слонами или термитами. Их гидротехническая деятельность ведет к изменению режима рек, запруживанию и заболачиванию территорий, смене биоценозов и даже местным климатическим изменениям. В ряде районов деятельность бобров благотворна, в других — отрицательно сказывается на естественных ландшафтах, и численность бобра здесь нуждается в регуляции.*

Все работы бобров находятся в тесной связи с их привычками и потребностями, поэтому описание их дает представление об образе жизни этих животных. Подобно большинству грызунов, они деятельны по преимуществу ночью и только в совершенно уединенных местностях, где им не приходится встречаться с человеком, они ведут также дневной образ жизни. «Вскоре после заката солнца, — говорит фон Мейеринк, — они покидают свои норы, издают громкий свист и с шумом падают в воду. Они плавают некоторое время вблизи своих замков, причем двигаются с одинаковой скоростью как вверх, так и вниз по течению, и, смотря по тому, насколько чувствуют себя в безопасности, выставляют из-под воды нос и лоб или голову и спину. Убедившись в полной своей безопасности, они вылезают на берег и удаляются от реки на расстояние 50 шагов и даже далее для того, чтобы нарезать деревья для корма и для своих построек. Плавая, они удаляются на расстояние около полмили от своих построек, но всегда в ту же ночь возвращаются обратно. Зимой они так же по ночам отправляются отыскивать себе пищу, иногда, однако, в течение 8-14 дней не покидают своего жилища и питаются корой тех ивовых сучьев, которые они осенью натаскивают в норы и которыми заделывают выходные отверстия на берегу». Ветви в несколько сантиметров толщиной бобр перегрызает сразу, деревья валит, обгрызая ствол кругом со всех сторон и особенно со стороны, обращенной к реке, пока он не наклонится в этом направлении и не обрушится в воду. Следы его работ состоят из бесчисленного количества плоских раковинообразных разрезов сучьев и деревьев, которые до того гладки и резко очерчены, что кажутся выдолбленными слегка изогнутым долотом. Случается, что бобры срезают стволы, толщиной более диаметра человеческого туловища. На Эльбе Пехуель-Леше измерил стволы некоторых срезанных бобрами деревьев, имевших не только 15 и 20 см, но также 40 и даже 60 см в толщину, причем в последнем случае это были всегда черные и серебристые тополи. Раз эти животные свалили даже дуб в 25-30 см толщиной. Из этих деревьев большая часть стояла прежде вблизи воды, в которую они и упали, но некоторые из них, особенно более тонкие, были удалены от берега Эльбы на расстояние до 300 шагов и росли в такой чаще, что не могли упасть и верхушками своими завязли в кронах соседних деревьев. Оказывается, что большая часть деревьев срубается бобрами без всякой цели, то есть только в виде упражнения, благодаря унаследованной привычке и желанию погрызть, по крайней мере, срубив их, бобры до них более не дотрагиваются, ведь толстые сучки гораздо легче найти в ивовых зарослях, расположенных на самом берегу*.

** Бобр валит дерево толщиной в 12 см за полчаса, толщиной в 25 см — за 4-5 часов. Далеко не всегда зверь предвидит траекторию упавшего дерева, нередко бобр предпринимает несколько попыток повалить дерево в нужную сторону. Сваленные, но не «утилизированные» стволы, являются свидетельством таких попыток. На зиму бобр запасает веточный корм, втыкая концы чурбачков, веток и прутьев в дно, или придавливая их камнями, благодаря низкой температуре воды этот корм остается свежим всю зиму. Семья бобров может заготовить до 80 кубометров корма. Правда, в сильные морозы бобры неактивны, могут впадать в кратковременное оцепенение и существуют за счет жировых запасов.*

Бобры, содержащиеся в неволе, за которыми я ухаживал и которых я устройством спусков в воду побудил построить замок, доставили мне лучший материал для изучения способа, которым они производят свои работы, чем помещенные выше и всякие другие рассказы. Раз освоившись с местностью и окружавшим их движением, бобры, о которых идет речь, уже в последние послеобеденные часы стали появляться вне стен своей норы для производства работ. Посаженные в землю стволы они предпочитали жердям, брошенным на землю, и постоянно срезали их. Бобр садится у корня какого-нибудь деревца и обгрызает его кругом в каком-нибудь одном месте, пока дерево не свалится, при толщине ивового или березового ствола в 8 сантиметров, ему для этого достаточно 5 минут. Затем он схватывает упавшее дерево зубами за его толстый конец, поднимает голову и, переваливаясь, идет вперед. Кажется, подчас, будто он хочет взвалить свою тяжесть на спину, однако этого никогда не бывает. Если ветвь легка, то бобр несет ее к цели без остановок, если же тяжесть более значительна, то он делает это с перерывами, причем сильным толчком головой старается подвинуть кусок дерева вперед. Если стволы имеют много сучьев, то, прежде чем унести, бобр их тщательно осматривает, делит в некоторых случаях на куски, отрезает служащие помехой концы отломанных сучьев, но все куски дерева предварительно утаскивает в воду, где сдирает с них кожу или складывает их на будущее. Только тогда, когда кожа с сучка содрана, бобр употребляет его для построек, вытаскивает из воды, несет до ближайшей постройки и там использует его, как сказано выше.

Нужды свои бобр удовлетворяет разумно, однако не думает класть строительный материал правильными слоями. Куски дерева лежат то горизонтально, то косо, то стоят вертикально, некото-

рые из них одним концом торчат высоко над стенами замка, другие совершенно покрыты землей; бобры постоянно заняты изменением, увеличением и улучшением своих построек. Мои питомцы прежде всего вырыли себе у конца спуска в воду корытообразное углубление, затем из набросанной земли устроили вокруг крепкую, высокую и плотную насыпь и выложили дно углубления длинными тонкими щепками, которые были приготовлены ими нарочно для этой цели. После этого конец спуска был покрыт крышей из сучьев, затем бобры повысили заднюю часть стены и снабдили ее куполообразной крышей и, когда эти работы были окончены, законопатили всю постройку землей. Все потребные вещества (землю, песок, глину или ил) бобры передвигают, пуская в ход всегда только морду и передние конечности, а для обработки материала пользуются исключительно конечностями. Куски дерна или жирную глинистую землю бобр выламывает лапами и зубами, берет комок в зубы, прижимает его снизу передними лапами, обращенными своей наружной стороной кверху, и осторожно отправляется, переваливаясь с боку на бок, идя на задних лапах, и время от времени опираясь на одну из передних, по направлению к месту постройки, более рыхлую землю или песок он взрывает, сгребает в кучку, прикладывает к ней сзади ладони и двигает ее вперед на расстояние нескольких метров. Хвост служит при этом только для поддержания равновесия, но никогда не употребляется в качестве лопатки.

У большей части животных обязанность архитектора исполняет самка, самец же играет роль скорее рабочего и доставляет материал. Оба работают в продолжение всего года, однако не всегда обнаруживают одинаковую деятельность. Летом и в начале осени они больше играют, чем занимаются своей постройкой, но перед наступлением холодной погоды они безостановочно работают всю ночь. Из наблюдений Эксингера, сообщенных Фитцингером, бобры обладают замечательно развитой способностью предчувствовать погоду и стараются по возможности подготовиться к ее изменениям.

Пища бобров состоит главным образом из коры и листьев различных деревьев*.

** Основу рациона бобра составляют листья, ветки, кора и камбий различных видов ивы, осины, тополя, ольхи, клена. Летом питание более разнообразное, включает сочные водяные растения, некоторые виды трав, ветки и листья смородины и других кустарников. В желудке бобра три отдела с микрофлорой, расщепляющей клетчатку. Как и у зайцеобразных, у бобров развито «двойное» переваривание, когда частично переваренный и обогащенный бактериями корм выделяется в виде мягких зеленых капсул первичного помета, которые зверь поедает. «Окончательный» помет твердый и сухой. И все же бобр усваивает лишь 32-33% съеденной целлюлозы, что значительно ниже аналогичной способности жвачных копытных.*

Из ветвей, которые бросались моим пленникам, они прежде всего выбирали всегда ивовые и только за недостатком их пользовались ветвями обыкновенного тополя, черного тополя, осины, ясеня и березы и реже всего ольхи и дуба. Они едят не только кору, но также листья и мягкие побеги, причем последние, очевидно, им очень нравятся. С более твердых ветвей, которые они держат в лапах и все время вертят, бобры сдирают кожу очень изящно и с необыкновенным искусством и совершают это так аккуратно, что на ветви, лишенной коры, невозможно найти и следа их зубов. Время от времени они питаются также свежей травой, причем поступают довольно неловко, схватывают лапами пук травы и стискивают его, стараясь таким образом иметь под зубами более плотную массу. К хлебу, сухарям, яблокам и моркови они привыкают очень скоро и в конце концов начинают считать плоды за лакомство.

Во время ходьбы бобры одной ногой описывают вокруг другой полукруг, так как почти волочащееся по земле брюхо не допускает быстрых, равномерных движений. При величайшей поспешности они делают скачки, которые своей неуклюжестью и неловкостью превосходят скачки всех остальных известных мне млекопитающих, и представляют собой попеременное подбрасывание кверху передней и задней частей тела, несмотря на это, тем не менее быстро подвигаются вперед. В воду они падают с шумом только тогда, когда бывают испуганы чем-нибудь, обычно же бесшумно спускаются в глубину. Плавая, так глубоко погружают в воду заднюю часть своего тела, что над водой выдаются только ноздри, глаза, уши и средняя часть спины, а корень хвоста находится под водой. Подвигаются вперед при помощи одновременных, реже попеременных толчков задних ног, хвост служит им вместо руля, причем они никогда не ставят его вертикально, а всегда повертывают его несколько вкось и иногда производят им сильные толчки в соответствующем направлении; передние ноги не принимают участия при плавании. Быстро ныряя, бобры опускаются вперед, сильно отталкиваются кверху своими веслообразными, покрытыми широкой плавательной перепонкой задними ногами, ударяют с громким шумом хвостом по поверхности воды и быстро погружаются почти

в отвесном направлении. Под водой могут пробыть около двух минут, пока потребность в воздухе не заставит их снова вынырнуть на поверхность*.

** Бобр плавает со скоростью до 5 км/ч, может совершать кратковременные рывки 2 м/сек (или 7 км/ч). На поверхности воды он плышет, по очереди загребая задними лапами, под водой использует главным образом хвостовую лопасть, изгибая тело в вертикальной плоскости, как киты и дельфины. Гоомжий удар хвостом плашмя по воде служит сигналом тревоги для других бобров. Под водой бобр может проплыть до 750 м, задержав дыхание на 4—5 минут.*

Голос бобра представляет собой слабый звук, который вернее всего можно было бы назвать стоном, его слышишь каждый раз, когда животное бывает взволнованно, и скоро начинаешь также понимать различные значения издаваемых звуков, так как сила и интонация их представляют для этого достаточно данных. Из пяти чувств слух и обоняние занимают, по-видимому, первое место, маленькие глаза имеют довольно тусклый вид, однако зрение развито так же хорошо, как и вкус, также нельзя отрицать у этого животного присутствия осязания. Относительно степени понятливости бобра можно быть различного мнения; однако нужно признать, что в ряду других членов своего отряда он занимает высокое место. Лучше всякого другого животного из отряда грызунов он принаравливается к изменившимся условиям и извлекает из них всевозможные выгоды и более, чем кто-нибудь из его родичей, обдумывает какое-нибудь дело, прежде чем приступить к нему, рассуждает и выводит заключения. Его постройки не искуснее, чем у других грызунов, но, строя их, он всегда верно принаравливается к условиям местности; всякие повреждения в них исправляет обдуманно. «Что бобр должен быть мыслящим животным и почти разумно берется за дело, — говорится в одном докладе Виттингауерского лесного управления, — подтверждается наблюдаемым здесь фактом. Ручей, в котором живут бобры, протекает через пруд, из которого по истечении нескольких лет спускают воду для того, чтобы выловить всю рыбу, таким образом он на несколько дней остается сухим. Во время последнего спуска воды, предпринятого для ловли рыбы, случилось, что бобр при наступившей убыли воды доискался до причины этого и, найдя, что вода вытекает через проделанную канаву, запрудил ее тростником и илом, так что через нее не могло проникнуть ни капли воды. Таким способом он хотел сохранить для себя воду. Стоило немалых трудов устранить эту плотину». Принимая во внимание такого рода факт, никто, конечно, не станет отрицать того, что бобр рассуждает, обдумывает и действует разумно.

По отношению к другим зверям бобр, живущий в плену, держит себя неприветливо, по отношению к человеку ведет себя по меньшей мере сдержанно; но он скоро привыкает к тягостному ему вначале соседству и подчиняется владычеству своего хозяина, не терпя, однако, никаких несправедливостей. Бобры, с которыми обращаются хорошо, в конце концов не имеют ничего против того, чтобы их ласкали, идут даже к своему сторожу и прямо-таки здороваются с ним, но оказывают сопротивление всякому насилию, причем выгибают спину, скалят зубы и даже нападают, если нужно.

Бобры, пойманные в молодости, могут сделаться очень ручными. Писатели, повествующие про Америку, рассказывают про бобров, которых они находили до известной степени прирученными в индейских деревушках.

Смотря по месту жительства бобра, время размножения его происходит в различные месяцы. Некоторые считают, что течка бывает в начале зимы, другие — в феврале или марте. В этом случае, говорят, играет некоторую роль бобровая струя и служит для приманивания других бобров. Одюбон узнал от одного охотника, что бобр на известном месте выпускает содержимое из своих мешков с бобровой струей, что вследствие этого на то же место приманивается другой, который покрывает выпущенную бобровую струю землей и на нее в свою очередь выпускает свою и так далее, так что часто образуются высокие холмы, сильно пахнущие бобровой струей. Самец и самка, как-то много раз наблюдали на пленных бобрах, относятся друг к другу очень нежно, садятся один возле другого, буквально обнимают друг друга и покачиваются верхней частью тела взад и вперед*.

** Брачные игры, включающие погони на воде, начинаются у бобров в январе — феврале. Более крупная самка доминирует над самцом. Пары обычно образуются на всю жизнь (исключение среди грызунов). Спаривание происходит брюшко к брюшку, чаще под водой и даже подо льдом. Несомненно, запаховые метки выделениями прианальных желез играют в процессе ухаживания важнейшую роль.*

После нескольких недель беременности самка мечет в своем сухом жилище 2-3 покрытых волосами, но еще слепых детенышей; через 8 дней они открывают глаза, и уже тогда, а также иногда только на 10-й день, мать ведет своих детенышей с собой в воду. Эймут указывает на апрель и май, как на время рождения детенышей; самые поздние роды были 10 июля**.

** * Беременность длится 100-110 дней, в апреле — мае рождается 2—6 (речной бобр) или 3-9 (канадский бобр) детенышей. Бобрята при рождении весят около 500 г. они зрячие, покрыты шерстью. Молодые бобры предыдущих выводков присматривают за младшими, приносят им корм, учат плавать. Благодаря заботам всей семьи смертность среди детенышей очень низкая.*

В настоящее время за исключением князя Шварценберга, выставившего на Венской всемирной выставке пару бобров, разведением их никто не занимается, хотя это дело настолько же привлекательно, насколько прибыльно, а также не представляет особых затруднений, как это видно из наблюдений, собранных в имениях вышеназванного князя. Пара бобров, которых в 1773 году поселили в Ротенгофе, уже 8 лет спустя увеличилась в числе до 14 штук, а спустя 10 лет — до 25 штук; после этого, однако, разведение их было ограничено, так как бобров было приказано переселить на волю, и они стали причинять здесь много вреда. В Нимфенбурге, в Баварии, также содержались бобры, причем оказалось, что некоторые из них выдерживают около 50 лет неволи*.

** Максимальная продолжительность жизни бобра — 20-24 года.*

Кроме человека у бобра, живущего на воле, мало врагов. Благодаря своей осторожности, он часто благополучно уходит даже от преследований ловкого охотника**.

** * Взрослым бобрам угрожают хищные звери, птицы и даже щуки. Бобр мощно обороняется и может обратиться в бегство даже медведя.*

Когда его побеспокоят, он при малейшей опасности старается уйти в воду, где чувствует себя более или менее в безопасности. Североамериканские трапперы утверждают, что там, где бобры живут во множестве, они выставляют караульных, которые будто бы, громко хлопая хвостом по поверхности воды, предупреждают остальных о приближающейся опасности. Это нужно понимать так, что в обществе осторожных животных многие скорее могут усмотреть врага, чем одно, и таким образом каждый член колонии становится сторожем. Так как шум, производимый хлопаньем хвоста по воде, происходит только тогда, когда бобр быстро ныряет в глубину, а это бывает всегда в тех случаях, когда он думает, что заметил опасность, то все, конечно, обращают внимание на этот шум, слышимый на далекое расстояние, и исчезают, как только заслышат его, с поверхности воды. Впрочем, в населенных местностях, как показывает опыт, бобру не помогает даже величайшая осторожность; настойчивый охотник все-таки умеет обмануть его, а при большой ценности добычи охота на бобра слишком выгодна для того, чтобы его не стали истреблять даже в тех местностях, где он находится под защитой строгих охотничьих законов. Архиепископ Иоганн Эрнст Зальцбургский за убийство бобра в прошлом столетии ссылал на галеры, а их все-таки стреляли. Так делается везде. То небольшое количество бобров, которое еще населяет Европу, из года в год уменьшается и наверное разделит участь своих братьев***.

** * * К счастью, прогноз Брема относительно вымирания бобра не оправдался. С 1922 г. охота была запрещена, немного позже, специально для охраны бобра, были созданы заповедники. Начались большие работы по разведению с последующим выпуском в природу во многих районах СССР. К концу 60-х годов численность бобра возросла в 100 раз, а ареал приблизился к ареалу XVII столетия.*

В Америке на бобра охотятся главным образом с огнестрельным оружием, но кроме того, ловят его в различного рода капканы. Благоразумные охотники всегда оставляют несколько бобров и довольствуются известным числом их, но в пограничных местностях, где несколько племен разделяют между собой одну область, каждый убивает столько бобров, сколько может. Из-за этой охоты между различными племенами часто возникают ссоры, которые иногда оканчиваются кровавыми распрями и стоят многих жертв с обеих сторон.

Польза, которую доставляет бобр, почти сглаживает приносимый им вред. Он живет преимущественно в ненаселенных местностях и охотнее всего срезает тонкие стволы тех родов деревьев, которые быстро вырастают снова. Зато он своим мехом и мясом, а еще более бобровой струей очень богато оплачивает не только причиненный им вред, но также и все труды и невзгоды охоты. По Номеру, из Америки привозят в Европу ежегодно и продают около 150 000 шкур, стоящих около 3 миллионов марок; за одну шкуру платят 20-60 марок, смотря по ее достоинству. В России меха эти известны под названием немецкого бобра*.

** К настоящему времени в Северной Америке ежегодно добывают до 800 тыс. зверей, шкурки которых идут по 16-24 доллара за штуку. В России и Скандинавии добывают не более 1 тыс. зверей.*

Их ощипывают, прежде чем пустить в дело, то есть вырывают все жесткие волосы ости и оставляют один подшерсток, или коротко обстригают верхние волосы; на войлочные шляпы перераба-

тывается лишь шерсть самых дурных и попорченных шкур. Двадцать лет тому назад за один лот бобровой струи платили 1 гульден, в настоящее время 10 граммов самой лучшей, а именно сибирской, бобровой струи стоит 2,6 марки, канадской же — лишь половину этой цены. По Плейшлю, мешки с бобровой струей ценили круглым счетом в 180 гульденов, однако случалось, что за бобра платили и вдвое дороже. Мясо считается особенно хорошим тогда, когда бобр питался кувшинками, на хвост бобра смотрят как на превосходное лакомое блюдо, за которое в прежние времена платили весьма значительную сумму в 6 гульденов. Так как бобра считали за рыбоподобное животное и потому думали, что его можно есть во время поста, то в католических странах за бобровое жаркое платили очень хорошую цену. В некоторых местах жиром и кровью бобра пользуются в качестве целебных средств, в Сибири женщины употребляют кости его как предохранительное средство против ножной боли, зубы носят в виде ожерелья, облегчающего детям прорезывание зубов и унимающего зубную боль.

У дикарей Америки бобр пользуется очень большим почетом. Они считают его столь же разумным, как и человека, и утверждают, что это превосходное животное, безусловно, должно обладать бессмертной душой; о других сказках мы уже не упоминаем**.

** * Бобр являлся важнейшим персонажем эпосов не только лесных индейцев, но и некоторых финно-угорских и тунгусских, маньчжурских и тюркских народов Приуралья и Сибири. Нередко ему приписывалось сотворение мира. В европейских сказках и легендах бобр занимает второстепенное место.*

Семейство долгоногие

Кафрского долгонога (*Pedetes cafer*) в настоящее время считают представителем особого семейства***.

** * * Кафрский долгоног (*Pedetes cafer*) представитель монотипического семейства долгоногих (*Pedetidae*), сближаемого то с дикобразными, то с белкообразными грызунами, но, видимо, равно далекого от обеих групп.*

Продолговатое тело постепенно утолщается к заду, шея довольно толстая, однако отделяется от тела и гораздо подвижнее, чем у его родичей; передние лапы очень короткие, но гораздо сильнее, нежели у тушканчиков, пять пальцев снабжены сильными, длинными, крючковатыми когтями, а задние конечности, представляющие собой длинные, сильные прыгательные ноги, имеют по четыре пальца, которые прикреплены к отдельным плюсневым костям и вооружены крепкими и широкими, но довольно короткими, почти копытообразными когтями. Очень длинный сильный и пушистый хвост у корня тонок, но утолщается к концу благодаря обильному количеству шерсти и оканчивается тупым пучком волос. Голова довольно большая, на затылке широкая, с боков сдавлена, морда средней длины, довольно тупая, рот маленький, верхняя губа не раздвоена. Большие, выпуклые глаза и узкие, острые, средней величины уши, усы же сравнительно короткие. У самки на груди четыре сосца. Длинная, густая, обильная и мягкая шерсть долгонога на спине бледная рыжевато-бурая с черным оттенком, так как многие волосы на конце черные, на животе же белые. По окраске и величине зверек похож на нашего зайца, длина туловища около 60 см*.

** Длина тела долгонога 34-45 см, хвоста — 37-48 см, масса 3—4 кг. Образно выражаясь, он похож на огромного тушканчика или помесь зайца с кенгуром.*

Долгоног живет в бедных растительностью странах и в пустынных степях. Он распространен в большей части южной Африки, но также встречается на северо-западе, по крайней мере до Анголы и в районах восточной Африки**.

** * Это семейство эндемично для Африки. Долгоноги живут от Кении и Анголы до самого юга континента. Предпочитают засушливую местность с песчаной почвой и бедной растительностью.*

В Капской земле он встречается довольно часто как в гористых местностях, так и в открытых равнинах, иногда даже в таком количестве, что образует настоящие колонии. Подобно своим родичам, он роет себе подземные норы, с длинными, обычно не глубокими, сильно разветвленными ходами, ведущими в более глубокую котловину***.

** * * Индивидуальная нора долгонога имеет замкнутый кольцевой ход и несколько входных отверстий, которые на день забиваются земляными пробками для защиты от змей и поддержания в норе относительной прохлады. Выбираясь вечером из норы, долгоног выпрыгивает стремительным прыжком, выбивая эту пробку.*

В таких норах живет большей частью несколько пар, даже несколько семейств, иногда в некоторых ходах селятся дикие пчелы и таким образом мирно разделяют одно и то же жилище с их хозяевами. Готтентоты говорят, что когда долгоног роет землю, то пускает в ход не только перед-

ние лапы, но также и зубы. Лихтенштейн на опыте узнал, что вовсе не так легко достать, его из-под земли. Старания его остались безуспешными, хотя он открыл бесчисленное количество отверстий у подошвы гор, заставил множество готтентотов раскапывать неглубокие ходы лопатами и кирками. Сеть, которую образовывали эти ходы, была так обширна, что не было никакой возможности отрезать все пути долгоногу, и рассказ готтентотов о том, что он роет землю проворнее, чем человек лопатой, казался, по крайней мере, довольно вероятным.

Так как он принадлежит к ночным животным, то только с наступлением сумерек начинается его настоящая жизнь. Он потихоньку выходит из своего жилища, скорее ползет, нежели идет на четвереньках, отыскивает себе коренья, листья и зерна, составляющие его пищу. Почти каждую минуту приподнимается на задних лапах и прислушивается, так как находится в постоянном беспокойстве.

Если он не ест, то чистится, а когда не чистится, то заботится, по-видимому, о своей безопасности. Временами он издает хрюканье или бляенье, вероятно, для того чтобы созвать своих товарищей. Пищу он подносит ко рту, как и тушканчики, передними лапами. Насколько медленно он двигается, когда идет на всех четырех ногах, настолько проворен его бег, состоящий из скачков, следующих быстро друг за другом. На задних ногах он быстро отскакивает от земли вверх и опять падает на задние ноги, не опрокидываясь вперед*.

** Долгоног использует бег прыжками на задних лапах. Хвост при этом выполняет роль балансира.*

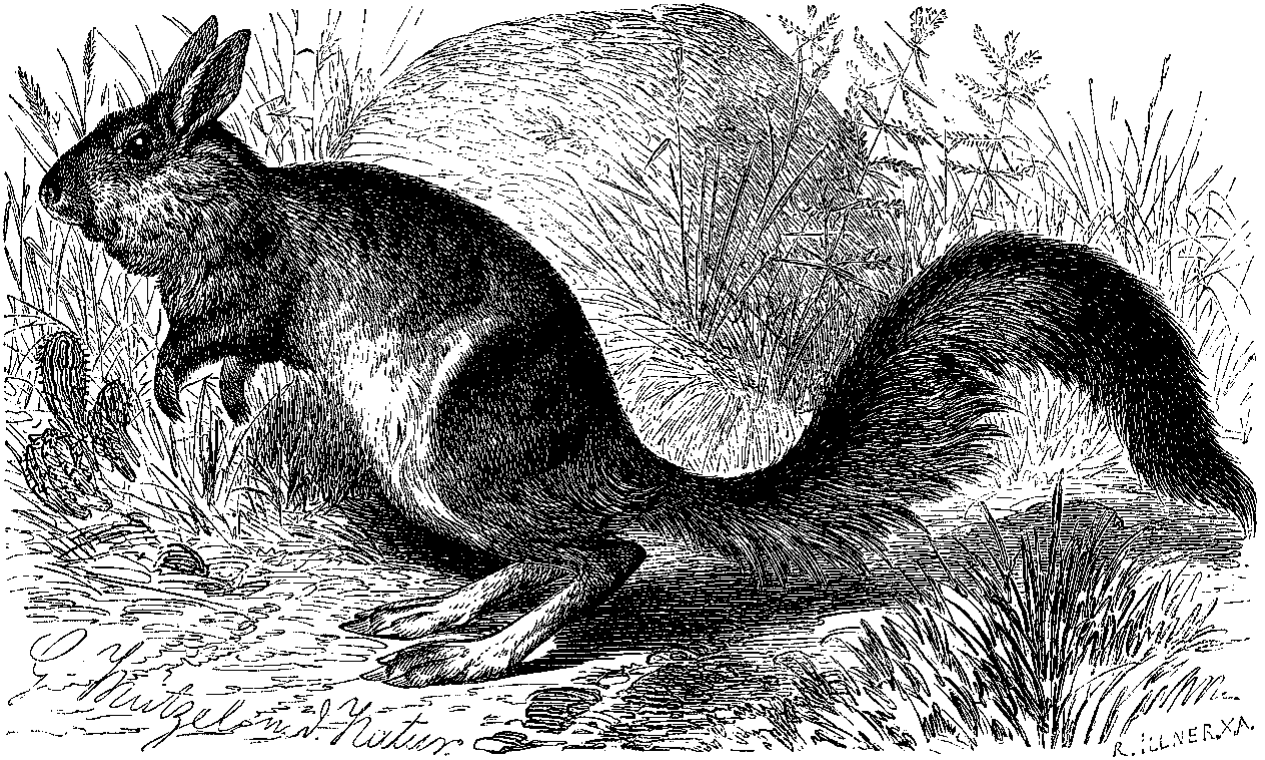
Передние ноги остаются сложенными на груди. Длина его прыжка достигает 2-3 метров, но если его преследуют, то он ускоряет свой бег, и тогда средняя длина его прыжка достигает 6-10 метров (числа эти единогласно дают Форстер и Шпаррман). Делает это долгоног с такой легкостью, что кажется, будто он не в состоянии когда-нибудь утомиться, и таким образом обычно спасается от своих врагов. Только сырость ослабляет его проворство. Готтентоты уверяли Лихтенштейна, что он в дождливую погоду никогда не выходит из своего жилища и что во время сильного ливня его легко поймать руками, до того он ослабевает. Если же провести в нору воду, то можно поймать сколько угодно долгоногов. Несмотря на это, все-таки не так легко овладеть зверьком, ибо он сильно защищается задними ногами, ударяя ими вперед и причиняя своими когтями серьезные повреждения.

Относительно их размножения известно еще мало. Самка рождает летом 3-4 детенышей, которых она долгое время кормит молоком, затем они вместе выходят и долго живут в одном помещении**.

** * Размножаются долгоноги круглый год. Беременность длится около 80 дней, новорожденный круглый год. Новорожденный оворожденный весит около 250 г, прозревает через 2 дня.*

Говорят, что при наступлении дождливого времени все семейство часто целые дни проводит в свернутом положении, тесно прижавшись друг к другу внутри своего жилища. При хорошем уходе долгоног переносит неволю легко и долго, скоро становится ручным и доверчивым к своему хозяину***.

** * * Продолжительность жизни около 15 лет.*

Кафрский долгоног (*Pedetes cafer*)

У голландских поселенцев южной Африки охота на этого зверька одна из любимейших, ибо мясо их очень ценится, а мех имеет то же применение, что у нашего зайца. Охотятся почти исключительно при ясном лунном свете, становясь в местах, где много норок, и ожидая, пока какой-нибудь долгоног не приблизится. По словам Фритша, иногда в одну лунную ночь можно убить дюжину этих проворных животных. В сравнении с пользой, приносимой охотой на долгоногов, вред, который они причиняют, роясь иногда в полях и садах, очень незначителен, к тому же очень легко их прогнать, если они становятся в тягость.

Семейство хомяковые

(Cricetidae)*

* Возникнув в умеренных широтах Азии, хомяковые не смогли освоить тропики Старого Света и Австралию, возможно, из-за конкуренции с мышинными. Однако они проникли через берингийскую сушу в Северную Америку, а с возникновением Панамского перешейка, и в Южную. Они заместили отсутствующих в обеих Америках мышинных, соневых и других мелких грызунов, заняв самые разнообразные экологические ниши. В России около 20 родов и до 60 видов хомяковых.

Хомяки животные более или менее неуклюжего сложения, часто большого роста с расщепленными губами, большими защечными мешками. Довольно красивый по внешности, но безобразный по характеру — ворчливый, раздражительный и, вместе с тем, отважный **обыкновенный хомяк** (*Cricetus cricetus*) достигает 30 см общей длины, причем на хвост приходится 5 см **.

** Обыкновенный хомяк — наряду с ондатрой — самый крупный представитель семейства: длина тела до 34 см (не считая хвоста), масса осенью достигает до полукилограмма.

Тело коренастое, шея толстая, голова довольно заостренная; кожистые уши средней величины, глаза большие и блестящие, ноги короткие, ступни и пальцы хорошо сложены, когти светлые и короткие, хвост конически заостренный, на конце усечен. Густой, гладкий, слегка блестящий мех состоит из короткого и мягкого подшерстка и из более длинных и жестких, но реже растущих волос ости. Верхняя часть туловища окрашена в светло-желто-бурый цвет. Верхняя сторона рыльца, глазная область и некоторое подобие ошейника — красно-бурого цвета, пятно на щеках желтое, рот беловатый, нижняя часть туловища, передние ноги до ступни и задние с внутренней стороны, равно как и полоска над лбом — черного цвета, ступни, наоборот, белого. Большей частью желтые пятна бывают еще за ушами, а также впереди и сзади передних ног. Но встречаются много разновидностей: одни совершенно черны, другие черного цвета с белой шеей и серой макушкой, светлые бледно-желто-серые экземпляры с темно-серой нижней стороной туловища и бледно-желтыми пятнами на плечах, другие имеют спину матово-желтую, живот светло-серый, плечи беловатые, иногда попадаются и совершенно белые хомяки.

Плодородные пашни от Рейна до Оби предоставляют хомяку жилище и пищу. Кажется, благополучие его обуславливается главным образом умеренно твердой, сухой, но плодородной почвой. Ради прочности копаемых им сооружений он обходит песчаные местности, вместе с тем он не склонен затрачивать много труда при копании и потому на слишком твердой или каменистой почве он не селится. Избегает он гор и лесов; сырых низменностей также не любит. В местностях, в которых хомяк водится, он попадает часто, иногда в невероятном количестве.

Нора хомяка состоит из большой жилой камеры на глубине 1—2 метров, из наклонного выхода и отвесного входа. Жилая камера сообщается ходами с помещением для запасов. Норы видоизменяются сообразно полу и возрасту хомяка: у молодых они ниже и короче, у самок значительно больше, а у старых самцов самые большие. Постройки хомяков легко узнать по кучке земли, которая лежит у выхода и обычно усыпана мякиной и шелухой. Входная галерея направлена в землю всегда отвесно, иногда до того прямо, что в нее можно вставить длинную палку, но этот ход не ведет прямо в камеру; внизу он проходит к котловине то в горизонтальном, то в наклонном направлении. Выходная галерея, напротив, редко имеет прямое направление, она чаще изогнута. По ходам очень легко узнать, обитаемы постройки или нет. Если в них встречается мох, плесень или трава, или если они выглядят шероховато, то постройки наверняка покинуты, так как каждый хомяк содержит свой дом и входные отверстия необыкновенно чисто и в порядке. Долго обитаемые ходы так полируются шерстью хомяка при его входах и выходах, что стены их блестят. Снаружи галереи шире, чем при их продолжении, там они большей частью имеют 5-8 сантиметров в разрезе. Из камер меньшая — жилая с гладкими стенами, она всегда выстлана очень тонкой соломой, большей частью листьями злаков, которые образуют мягкую подстилку. В нее впадают три хода: один выходной, другой входной и третий, ведущий в камеру для запасов. Последняя совсем схожа с жилой: круглая или яйцеобразная, наверху со сводом, внутри гладкая, к осени она полностью наполнена зерном. Молодые хомяки устраивают только одну такую камеру, старые же, особенно самцы, которые круглое лето только припасают, роют себе 3-5 таких амбаров и тогда в каждом из них можно найти по мере зерна (около 2 гарнцев). Иногда хомяк засыпает землей проход из жилой камеры в кладовую, случается также, что он наполняет его зерном*.

** Наиболее сложны зимовочные норы взрослых самцов. Помимо постоянных, есть и временные норы простого строения. Система нор соединена наземными дорожками. В кладовых хомяка находили до 16 кг различных семян и клубней.*

Прежде ошибочно утверждали, что хомяк насыпает каждый сорт хлеба отдельно, между тем он таскает всякие зерна, какие находит, и складывает их в одну кучу под землю. Редко они встречаются совершенно чистыми от зерновой шелухи или мякины. Если в постройке находят отдельно различные сорта хлеба, то это происходит не от склонности обитателя к порядку, но просто потому, что он в соответствующее время находит только тот, а потом только другой сорт зерен. Поздней осенью некоторые присоединяют к запасам также и зеленый корм. В проходе, который ведет к выходу, часто близ самой камеры одно место расширено: здесь хомяк обычно оставляет свой помет. Норка самки во многих отношениях отстает от только что описанной: в ней одна лишь выходная, но 2-8 входных галерей, из которых, впрочем, пока детеныши еще малы, употребляется чаще лишь одна. Родильное ложе самки кругловато, имеет приблизительно 30 сантиметров в разрезе и от 8 до 13 сантиметров высоты и выстлано очень мягкой соломой. Из камеры с гнездом расходятся по всем входным отверстиям особенные проходы, иногда соединенные между собой галереями. В норах самки кладовые встречаются очень редко, потому что она, пока у нее есть детеныши, ничего не запасает.

Хомяк, несмотря на кажущуюся неуклюжесть, животное довольно ловкое. Он трясется мелкими шажками, как еж, причем живот почти касается земли. В гневе двигается быстрее и решается тогда даже на большие и высокие прыжки. Там, где может опереться с двух сторон, например по углам ящиков или же между шкафами и стенкой, он довольно хорошо лазает, чрезвычайно быстро взбирается также он вверх по занавесям. Он может уцепиться одной ногой за выступ и висеть таким образом и настолько искусен, что при этом может поворачиваться и снова подняться на высоту, на краю которой висит, даже в том случае, если держится на одной задней ноге. Копать он умеет мастерски. Если посадить его в бочку, наполненную землей, он немедленно приступает к делу. Начинает разрыхлять землю передними ногами, а если почва тверда, то зубами, бросает землю первоначально под живот, потом захватывает ее задними ногами и швыряет назад. Дойдя до глубины, пятится задом, выталкивая сразу целую кучу земли; но никогда не пользуются для этого своими защечными мешками, как ошибочно об этом сообщали. В воде двигается довольно ловко, хотя во-

обще боится и избегает ее. Если его бросить в сосуд, наполненный водой, то он быстро плавает кругом, но неистово ворчит и вообще выказывает недовольство*.

* Попадая в воду, хомяк надует воздухом защечные мешки, это помогает ему держаться на поверхности.

Купанье настолько утомляет его, что, почувствовав себя опять на суше, он на радостях совершенно забывает свойственную ему злобу и ярость. Тотчас же после купанья начинается чрезвычайно тщательная чистка. Хомяк необыкновенно ловко умеет пользоваться передними ногами, почти как руками. Ими он подносит пищу ко рту, держит и вертит колосья, которые вылущивает, чтобы сложить зерна в защечные мешки, ими же приводит в порядок свой мех. Если нечаянно застать его врасплох, то он немедленно поднимается на задние ноги, причем из передних одна обычно несколько ниже другой. Пристально смотрит при этом на предмет, взволновавший его, очевидно готовый в случае надобности броситься и пустить в ход свои зубы.

Внешние чувства хомяка, кажется, развиты довольно равномерно, по крайней мере незаметно, чтобы одно из них было особенно развито за счет других.

Обыкновенный хомяк (*Cricetus cricetus*)

Его духовные качества не могут сделать его любимцем человека. Гнев преобладает в характере хомяка до такой степени, как ни у одного грызуна подобной незначительной величины, исключая разве крыс и пеструшек. При малейшем поводе он сердито готовится к защите, глухо рычит, скрежещет зубами и необыкновенно быстро и сильно шелкает ими. Мужество его так же велико, как и гнев. Он защищается против всякого нападающего на него животного до тех пор, пока в силах. Неопытных собак часто побеждает, только умные пинчеры умеют его схватить и тогда почти мгновенно встряхивают его до смерти. Хомяк защищается не только против собак, но также смело выступает против человека, даже против такого, который вовсе не хочет его трогать. Нередко случается, что у человека, спокойно проходящего мимо норы, хомяк вдруг как бешеный виснет на платье. В лошадь он также впивается зубами, а против хищных птиц, поднявших его с земли, защищается еще и в воздухе. Кусая, он так крепко стискивает зубы, что его отцепить можно, только убив.

Понятно, что такое злобное животное не может быть уживчивым. Даже детеныши, едва подросши, не остаются с матерью; самец, встречаясь с самкой не во время течки, загрызает ее до смерти. В неволе хомяки редко живут в мире друг с другом, старые же, вероятно, никогда. Молодые, не достигшие еще года, уживаются лучше. Я содержал довольно долго в ящике трех хомяков, они никогда не ссорились, напротив, очень миролюбиво жались друг к другу, к тому же часто сидели один на другом.

Случается, что старый хомяк становится даже браконьером. Опытный наблюдатель, учитель Зейдлер в Клозевице близ Иены, проходя по полям, услышал шум и голоса животных и заметил в одном месте среди зелени какое-то сильное движение. Он нашел там сильного хомяка, насевшего на зайчика одной с ним величины, с которым он только что покончил укусами в затылок. Он с такой жадностью пожирал свою жертву, что не заметил подходящего человека. Из растительности хомяк поедает почти все годное для пищи, охотнее всего хлебные зерна и бобовые растения, также зелень посевов, разные травы, морковь, картофель, кроме того, различные корни, а также спелые и зеленые плоды. В неволе он питается также пирогами и хлебом, маслом, сыром словом, он оказывается настоящим всеядным животным.

Хомяк подвержен зимней спячке. Просыпается, как только земля оттаивает, часто уже в феврале, никак не позже марта. Он сначала не открывает своих забытых выходов, а спокойно сидит внизу в своей норе и питается приготовленными запасами. Старые самцы в половине марта, а самки в начале апреля раскрывают входные отверстия. Тогда они уже отыскивают себе пищу на полях, приносят в норы хлеб с недавно засеянных нив, где заботливо собирают зерна. Вскоре они начинают предпочитать зернам молодые ростки и отыскивают этот корм или же забирают по пути, как желанную добычу, неловкую птичку, мышшь, жука, гусеницу. В то же время стараются вырыть новую нору, в которой рассчитывают прожить лето, и, как только она готова, оба пола спариваются. Летняя нора обычно глубиной 30, самое большее 60 сантиметров, котловина имеет вид мягкого гнезда, возле которого устраивается чулан для провизии в том случае, если в окружающей местности много посевов. В конце апреля самцы отправляются в жилища самок и, как кажется, мирно живут с ней несколько дней; оба обнаруживают даже некоторую взаимную привязанность в том, что помогают друг другу, когда приходится защищаться кому-то из них. Если к одной самке является два самца, то происходит горячий поединок, пока слабейший противник не падет или не спасется бегством: часто попадают самцы с глубокими рубцами на теле, признаками таких драк из-за любовных дел*.

** Хомяки одиночные территориальные животные, яростно отстаивающие свой индивидуальный участок. У самцов участок может достигать 12 га. Во время брачного периода самец берет под охрану территории нескольких самок, образуется временный «гарем».*

Спустя 4-5 недель после случки, в первый раз в конце мая и второй — в июле, самка рождает в своем тепло и мягко устроенном гнезде от 6 до 18 детенышей**.

*** Беременность длится около 20 дней, столько же продолжается выкармливание потомства. Молодые еще некоторое время живут вместе без матери, затем расселяются. В южных частях ареала у хомяков нередко третьи выводки.*

Они появляются на свет голыми и слепыми, но с зубами, растут необыкновенно быстро. Вслед за рождением, обсохнув, они пищат подобно маленьким щенкам. На второй или третий день у них вырастают редкие пушистые волосы, которые скоро становятся гуще и покрывают все тело. Приблизительно на восьмой или девятый день жизни они открывают глаза и тут начинают уже ползать по гнезду. Мать очень любовно обращается со своим потомством, допускает, чтобы ей подкладывали для кормления чужих детенышей, даже таких, которые не одинаковой величины с ее собственными. В двухнедельном возрасте молодые хомяки начинают рыть, и как только этому выучатся, неласковая мать приучает их к самостоятельной жизни, попросту выгоняет из своей норы и принуждает самих заботиться о своем пропитании. Это, по-видимому, не трудно для хомячков, потому что уже на пятый или шестой день, когда они едва покрыты волосами и совершенно слепы, они отлично умеют держать в передних лапках пшеничные зерна и пускать в дело острые зубки. Но все же необходим целый год, чтобы они достигли своей настоящей величины. Родившаяся в мае самка осенью способна уже к размножению***.

**** Сеголетки в размножении не участвуют.*

Если грозит опасность, то маленькие зверьки, как ни жалки они на вид, проворно шныряют по норе, при этом чрезвычайно ловко один прячется в одном углу, другой в другом, но большинство, однако, придерживаются старой самки, следуя за ней повсюду, через груды земли и песка, которые она отбрасывает за собой.

Когда поспевают хлеб и овощи на полях, хомякам приходится много работать над жатвой. Каждый в отдельности натаскивает, если он в состоянии, до центнера зерен в свою нору. Кажется, они предпочитают всем другим зернам коробочки льна, бобы и горох. Хомяк, живущий на льняном поле, едва ли соберет что-либо, кроме льняного семени; то же бывает и на гороховых полях, но зверек не отказывается и от других видов хлебов. Замечено, что старые самцы, если у них хватает времени, собирают хлеб, сортируют и складывают его гораздо заботливее, чем самки, которые после последнего приплода должны поспешно рыть нору и наполнять ее запасами. Днем хомяк собирает урожай только при полной безопасности; обычно трудовым временем его являются первая половина ночи и утро перед восходом солнца. Он нагибает передними лапами высокие стебли, откусывает колос, хватая его лапами, вертит несколько раз туда и сюда и при этом успевает не только вылущить зерна, но и забрать их в защечные мешки. Таким образом наполняются обширные мешки до краев, иногда хомяк за один раз приносит домой до 50 граммов зерна. Нагруженный таким образом, он очень забавен и представляется самым неуклюжим зверем в мире. Его без страха можно взять руками, потому что набитые мешки мешают ему кусаться, но не нужно медлить, иначе он выбрасывает зерна и становится в оборонительное положение.

В начале октября, когда становится холодно и поля пустеют, хомяк серьезно подумывает об устройстве своего зимнего жилища. Прежде всего он затыкает как можно плотнее землей выходное отверстие, потом закладывает снизу от камеры доверху проход, иногда совсем до уровня земли. Если у него не хватает времени или же он боится морозов, то роет себе еще глубже гнездо и амбары и здесь складывает свои запасы. Ложе у него невелико и густо усыпано тончайшей соломой. Теперь ленивая тварь наедается до ожирения и, свернувшись клубочком, укладывается спать. Обычно он лежит на боку, прижав голову к животу между задними ногами. Волосы все лежат в полном порядке и несколько оттопыриваются от туловища. Конечности на ощупь холодны как лед, их трудно сгибать, если же согнуть их насильно, то они, как у мертвых животных, моментально принимают прежнее положение, глаза закрыты, но если их открыть, то оказываются блестящими и чистыми, как у живого, и сами вновь закрываются. Дыхания и сердцебиения незаметно. Животное представляет полную картину смерти. Во время спячки сердце бьется обычно 14-15 раз в минуту. Незадолго до пробуждения прежде всего замечается уменьшение окоченения, потом начинается дыхание, а за ним следуют некоторые движения: сонный зверек зевает, хрипит, потягивается, открывает глаза, шатается как пьяный, пробует садиться, падает, снова поднимается, приходит в себя и, наконец, начинает медленно бегать, тут же начинает есть, если ему бросить что-нибудь; чистит и гладит себя и наконец становится совсем бодрым. Впрочем, не мешает остерегаться, когда с хомяком производят опыт такого пробуждения, потому что совершенно безжизненный по наружности хомяк иному доказывает самым чувствительным образом, что он не мертв. На свободе животные, вероятно, также просыпаются среди зимы, иногда они открывают свои ямы в декабре при морозе в несколько градусов и хоть немного бегают по полям*. В постоянно отапливаемой комнате их можно продерживать весь год без спячки, но это им вредно и они скоро умирают.

** В этом отличие зимнего сна хомяков, от более глубокой спячки сусликов, сурков, бурундуков. Проснувшись, хомяк прежде всего подкрепляется в одной из своих кладовых.*

Большое счастье, что у хомяка так много врагов, потому что он иногда сильно размножается и тогда причиняет значительный вред. Сарычи и совы, вороны и некоторые другие птицы, но особенно хорьки и ласки, следят за ним беспрестанно и, когда только представляется возможность, убивают его. Хорек и горностаи пролезают в его подземные жилища, а потому их следует признать самыми злейшими врагами хомяков**. Каждый сельский хозяин в местностях, где много хомяков, если бы понимал свои выгоды, должен был бы щадить и охранять этих двух полезных хищников и ухаживать за ними.

*** Наиболее специализирован в охоте на хомяка степной хорь (Mustela evermanni), который ловит зверьков даже зимой, разрывая норы, забитые земляными пробками. Горностаи (M. erminea) охотятся в основном на молодых хомяков. В природе хол/яки могут доживать до 3-4 лет.*

В некоторых местах человек ведет правильную борьбу против хомяков. В Тюрингии, например, есть люди, для которых откапывание и уничтожение хомяков является выгодным ремеслом. Сельские общества дают плату за каждого убитого хомяка, за самца и детеныша меньшую, а за самку большую. В окрестностях Ашерслебена в одном лишь 1888 году было поймано 97 519 штук хомяков и за их поимку уплачено 1950 марок. Но главную выгоду этой охоты составляют запасы, которые натаскивает этот своеобразный зверек. Местные жители просто обмывают зерна, найденные в норках, высушивают их и мелют, как всякий другой хлеб. Шкурками также пользуются, хотя

не в такой степени, как они того заслуживают, потому что, по всем сведениям, они представляют превосходный легкий и прочный мех. В некоторых местностях едят мясо хомяка, и действительно нет ни малейшего основания возражать против такой пищи, потому что во всяком случае мясо его такое же хорошее, как и у белки и у других грызунов, которых считают дичью и едят.

Мускусная крыса, или ондатра, (*Ondatra zibethicus*) называемая в Америке обыкновенно индейским словом «мускваш», единственный полезный вид из этого семейства, с длинным хвостом, широкими задними ногами, с тупой мордой и замыкающимися, покрытыми короткими волосами, ушами. На передних ногах 4 пальца и вместо большого — бородавка, на задних — 5; пальцы, как и плюсна, с боков покрыты длинными плавательными волосами и снабжены довольно сильными когтями***.

** * * Между пальцами задних ног есть небольшие перепонки.*

Хвост закруглен только на конце, по сторонам приплюснут, около конца с острыми краями, покрыт маленькими чешуйками, между которыми, окаймляя их по сторонам, выступают короткие, довольно редко растущие, но гладко прилегающие волосы. Близ половых органов находится железа, величиной с маленькую грушу, она имеет отверстие снаружи и выделяет белую маслянистую жидкость, имеющую сильный запах мускуса. Туловище у них коренастое, голова кругловатая, довольно короткая и широкая, морда толстая и притуплённая, верхняя губа расщепленная и по бокам покрытая длинными усами; уши почти скрыты под мехом, глаза малы, задние ноги значительно длиннее передних. Мех густой, гладкий, мягкий и блестящий; подшерсток необыкновенно нежный, тонкий и короткий, волосы же ости очень блестящие и вдвое длиннее подшерстка. Верхняя часть туловища окрашена темно-бурым цветом, иногда с желтоватым оттенком, нижняя — серая с красным налетом, хвост черный, плавательные волосы на пальцах белые, когти красноватого цвета. Отступления с более темным оттенком встречаются редко, гораздо чаще попадаются белые. Взрослые самцы достигают до 58 сантиметров длины, причем на хвост приходится почти половина*.

** Ондатра, или мускусная крыса, самая крупная из полевок. Длина тела 23-36 см, хвоста — 18-30 см. Масса до 575 г.*

Ондатра живет в странах Северной Америки, лежащих между 30 и 69 градусами северной широты**.

** * * Естественный ареал охватывает практически всю Северную Америку. В настоящее время она расселена по всей Евразии. В Англии была истреблена и сейчас здесь не встречается. Ондатра легко выживает в условиях различных природных зон от тундр до пустынь, в большинстве мест относится к самым многочисленным грызунам.*

Прежде думали, что существуют и другие виды этого рода, но более точные исследования показали, что есть только один вид. Чаще всего это животное попадает в обильной водой Канаде и на Аляске, здесь особенно на севере от полуострова вокруг Бристольского залива. Травянистые берега больших озер или широких, медленно текущих рек, тихие ручьи и болота, но чаще всего не слишком большие пруды, покрытые тростником и водяными растениями, составляют местопребывание этой крысы, ценимой в качестве пушного зверя. Здесь они живут семьями или целыми племенами и входят в сношения с другими соседними обществами животных того же вида. По образу жизни ондатра во многих отношениях напоминает бобра, поэтому индейцы называют обоих животных братьями и утверждают, что из них бобр старше и умнее, а мускусная крыса глупее. Постройки их, как и у бобров, представляют или простые котлообразные углубления под землей со многими выходными галереями, которые все оканчиваются под водой, или же они строят так называемые замки над поверхностью земли. Последние, устраиваемые преимущественно на севере, бывают круглые, шаровидные или куполообразные и сооружаются на куче ила, так что они выдаются над поверхностью воды***.

** * * В России эти сооружения диаметром до 2 м и высотой до 1 м называют хатками. Хатки ондатра строит в болотистых местах с низкими берегами и в тростниковых плавнях.*

Стены этого замка построены из тростника, осоки, ситника и смазаны илом, впрочем, некоторые наблюдатели утверждают, что вся хижина построена из одного лишь ила и что только потом она постепенно покрывается тонким слоем травы и ситника, пригоняемых водой. Внутри замок состоит из одной камеры, имеющей в разрезе от 40 до 60 сантиметров. К ней ведет проход, оканчивающийся на поверхности воды. Другие ходы не имеют на конце отверстия и расходятся от камеры в разные стороны, частью они продолжают под землей и, смотря по обстоятельствам, более или менее удлиняются, так как служат почти исключительно для собирания корней водяных растений. Зимой ондатра наполняет свою камеру водяными лилиями, листьями, травами и тростником и, по словам Одюбона, заботится о вентиляции своего жилища, для чего покрывает середину купола

слегка сложенными слоями растений, способными пропускать достаточное количество свежего воздуха и выпускать испорченный. Пока болото или пруд не замерзнет до дна, ондатра живет вполне уютно в теплом жилище, защищенном к тому же еще и лежащим на нем толстым снежным покровом. Но если холод проникает так глубоко, что для ондатры закрывается свободный выход, то она немало страдает от неудобства таких условий, иногда в поселении погибают многие сотни из-за того, что им не удается устроить во льду отверстия для дыхания и надолго сохранить их открытыми. Ричардсон, который сообщает эти данные, прибавляет, что только в очень суровые зимы эти животные испытывают действительные бедствия, потому что большей частью постройки строятся в глубоких болотах и озерах или же вблизи источников, где вода не замерзает. Ондатра следит всегда за тем, чтобы быть вне опасности во время наводнения и иметь возможность достать поблизости пищу. Поэтому она всего охотнее выбирает воды, имеющие постоянный уровень и богатую растительность.

Мускусная крыса, или ондатра (*Ondatra zibet hieus*)

Пища ондатр состоит почти исключительно из водяных растений, хотя в постройках у многих находили выеденные раковины. Одюбон наблюдал на пойманных животных, что они очень охотно пожирали моллюсков. Тех из них, у которых раковины мягкие, они вскрывают зубами, а когда раковины слишком крепкие, то крысы ждут, чтоб они сами открылись, быстро набрасываются на них и съедают обитателя крепкой оболочки*.

* Ондатра нередко поедает водяных насекомых, ракообразных, моллюсков, лягушек, мелкую рыбу, разделявая их на специальных «кормовых столиках» характерных для полевков.

Если вблизи поселения находятся сады или другие плантации, то их часто посещают мускусные крысы, и тогда они поедают там много овощей. Эти животные опустошают гораздо больше, чем пожирают, так как они вырывают между корнями глубокие ямы и кроме растений, отгрызаемых ими, подрывают корни многих растений или опрокидывают их.

Одюбон и Бахман хорошо описали нравы и привычки этого зверя. «Ондатры, находясь в своей стихии в воде, оказываются очень живыми и игривыми созданиями, — говорят они в своем труде. — В тихую ночь можно видеть в пруду или в глубоких уединенных водах, как они резвятся, плавают по всем направлениям, оставляя за собой длинные, блестящие полосы на воде; другие сидят некоторое время на кочках травы, на камнях или колодах, откуда они могут достать плывущую по воде пищу; иные сидят на берегу пруда и, подобно лягушкам, одна за другой прыгают в воду. Иногда можно видеть, как одна из них лежит совершенно спокойно на поверхности пруда или реки: туловище ее широко раскинуто и сплюснуто насколько возможно. Время от времени она сильно ударяет хвостом по воде, почти так же, как это делает бобр, и исчезает тогда с быстротой молнии под поверхностью воды, напоминая стремительностью и ловкостью уток и гагар, ныряющих в глубину, когда над ними раздается выстрел. Потом на расстоянии от 10-20 метров зверек снова всплывает на поверхность воды, чтобы соединиться с товарищами, может быть, для еды или чтобы

продолжать прежнюю игру. В это же самое время другие заняты сбором пищи на травянистых берегах, причем они выкапывают различные виды корней и выносят их на более сухие места.

Кажется, что эти животные составляют маленькую, тихую общину, которая для полного счастья требует лишь безопасности и покоя со стороны человека. Если выстрелить в то время, когда ондатры так заняты, то поднимается страшная беготня и замешательство. Вслед за выстрелом дюжины их мгновенно ныряют или же исчезают в своих норах с необыкновенной быстротой. Даже днем, когда они плохо видят, убить одну из них чрезвычайно трудно, потому что прежде чем дробь из самого лучшего оружия достигнет их, они успеют нырнуть в воду"*.

** Ондатра лучший пловец среди полевок, может оставаться под водой до 12 минут.*

Попав в затруднительное положение, они, несмотря на свою трусость, по мере сил защищаются. Бульгер рассказывает о мускусных крысах, которые не только выступали против его маленькой собачки, но, подобно хомякам, даже против него самого и обнаруживали при этом такую готовность к нападению, что он вынужден был защищаться от них палкой.

О размножении ондатры мы знаем еще мало. В апреле и мае, после оставления зимних помещений, звери спариваются, и самка рождает в своей норе или в просторной яме 3-6 детенышей, по одним сообщениям, один раз в год, по другим — 3-4**.

** * В году бывает 1-2 (на юге до 3) помёта в среднем по 6-7 детенышей. Беременность около 25 дней.*

Как долго остаются детеныши при родителях и сколько времени продолжается их рост, неизвестно***.

** * * Молодые живут с родителями до следующей весны, после чего изгоняются с семейного участка. Некоторые самки становятся половозрелыми уже в течение первого года жизни.*

Пойманные смолоду легко приручаются, да и вообще у этих животных поразительно кроткий нрав. Рытьем своим они часто вредят владельцам прудов с водными мельницами, они прокапывают также дыры на речных плотинах и таким образом подвергают наводнению близлежащие луга. Но все же их преследуют не столько за вред, причиняемый ими, сколько из-за выгоды. Хотя из-за долго сохраняющегося мускусного запаха некоторые не любят их меха, но все-таки в настоящее время он идет на шубы, воротники и муфты, особенно же сбывается в Америке и Китае. В России мех продается под названием выхухоли. Мясо их едят только индейцы, потому что оно до того пропитано упомянутым мускусным запахом, что для европейцев совершенно негодно для употребления в пищу.

Мускусных крыс заманивают в ловушки с яблоками в виде приманки, ставят западни перед их норками или же убивают в их жилищах. Индейцы знают очень точно, какие хижины обитаемы, тихо приближаются к ним и со всей силой острым копьем пробивают стены постройки, протыкая при этом обыкновенно и жильцов. Ловушки расставляют так, чтобы они упали в воду и утопили пойманных. Если этого не сделать, то последних окружают товарищи и поступают с ними по обычаю крыс, разрывают на части и пожирают. Если мускусная крыса застрелена и не убрана моментально, то товарищи тотчас окружают труп, чтобы отнять его у охотника и беспрепятственно съесть его. Кое-где применяют также серу, выкуривая ею крыс из их построек, или же подкарауливают у выходов и, как только они показываются там, пронзают их — одним словом и здесь применяются все средства и способы для удовлетворения человеческой жадности. Кроме того, мускусных крыс преследуют рыси и лисицы, норки и куницы, орлы, филины и снежные совы. По Ломеру, на рынок ежегодно поступает 2—4 миллиона мехов ондатры. Лучшие меха, после удаления ости, окрашиваются в темно-коричневый цвет и употребляются для опушек, которые похожи на морского котика.

Водяная полёвка (*Arvicola terrestris*)* — вреднейший из грызунов, хорошо известный естествоиспытателям.

** Во времена Брема этого зверька называли водяной крысой.*

Разнообразие образа жизни этого животного поразительно. Водяная полёвка, как показывает само название, живет близ воды или в воде, преимущественно в стоячих водах, устраивается она тут в вырытых ею подземных норах, которые косо поднимаются вверх над поверхностью воды и кончаются в широком, котлообразном углублении, от которого собственно жилая камера обычно спускается к воде. Полёвка эта шныряет по воде, приискивает себе пищу и не думает предпринимать больших странствований. Иногда, смотря по обстоятельствам, живет неделями и месяцами вдали от воды и вовсе ее не ищет, роет, как крот, длинные, неглубокие ходы, валит при этом многие растения, стоящие над ними, пожирает корни и этим вредит гораздо больше, чем крот.

Водяная полёвка (*Arvicola terrestris*)

Животное, о котором идет речь, в длину 21-24 см, из которых на хвост приходится 6,5-8,5 см*.

* Длина тела водяной полёвки — 14-25 см, хвоста — 7—11 см, масса до 300 г.

Мех можно назвать одноцветным, потому что серо-коричневая и коричнево-черная верхняя сторона постепенно переходит к более светлому, беловатому цвету или к серой, черной или черно-коричневой окраске нижней стороны туловища. От черной крысы водяную полёвку можно отличить сразу по толстой, круглой, короткой голове с поразительно короткими ушами, не выступающими из шерсти и достигающими едва четверти длины головы, а также по более короткому хвосту, который состоит из 130-140 чешуйчатых колец, со всех сторон равномерно и довольно густо покрытых короткими стоячими волосами. Кончик носа имеет розовый цвет, радужная оболочка черно-коричневая, усы черные, иногда с белыми кончиками, передние зубы желто-коричневые. Встречаются некоторые отклонения в окраске.

Водяная полёвка встречается везде довольно часто. Область распространения ее простирается от Атлантического океана до Охотского, от Белого и до Средиземного моря, она в равной мере встречается как на равнинах, так и в гористых местах, попадает даже в высоких горных странах**.

* * *Ареал водяной полёвки доходит на восток только до Лены и Байкала, на юг до севера Средиземноморья, Малой Азии, северного Казахстана, Монголии. В горах зверек встречается до субальпийских лугов на высоте 2800 м.*

Водяная полёвка по образу жизни во многих отношениях напоминает не только крота, но также ондатру и других живущих в воде грызунов. Норы вблизи воды всегда проще устроены, чем в сухих местах, в садах и на полях. Как замечено выше, около воды кривой ход ведет в камеру, которая иногда очень мягко устлана, а в норах, заложенных в сухих местах, животное прокладывает ходы, которые могут быть длиной в несколько сот шагов, подобно кротам они выбрасывают кучи земли и в одном из больших ходов строят камеру. Большей частью длинные ходы идут непосредственно под поверхностью почвы, очень редко глубже слоя, до которого достигают корни растений, часто так близко, что покров земли при рытье явно приподнимается и свод хода состоит из слоя земли толщиной только в 2-3 сантиметра. Такие ходы очень часто разрушаются и становятся непроходимыми, но водяная полёвка в исправлении их неустоима, даже в тех случаях, когда ей приходится в течение одного дня несколько раз приниматься за ту же работу. Иногда ходы ее проложены под проезжей дорогой и существуют только до тех пор, пока дорога не задействована, и все же животное не меняет раз намеченного направления, предпочитая постоянно сызнова возобновлять свой труд. Ходы эти легко отличить от ходов крота, так как кучи их неравномерны и состоят из больших комков земли, расположены не по прямой линии и никогда не имеют отверстия. В таких

постройках водяные полевки живут попарно, но одна пара очень охотно живет непосредственно возле другой. Животное бегают не очень быстро, но зато роет отлично и мастерски плавает, хотя и не так хорошо, как водяная землеройка. В уединенных местах ее можно видеть за работой как днем, так и ночью, но она осторожна и исчезает в свою нору, как только заметит, что за ней наблюдают. Только тогда, когда она бегают между тростником, ее легко наблюдать.

Из чувств у водяных полевок, по-видимому, отлично развиты зрение и слух. По душевным свойствам она гораздо выше крыс. Она любопытна, но вообще не умна и довольно добродушна*.

** Водяная полевка весьма агрессивна, нередко успешно защищается даже от собак.*

Пищу выбирает себе предпочтительно из растительного царства и этим часто наносит много вреда, особенно если поселится в саду. При необыкновенном любопытстве ее не так-то легко изгнать и, если она где-либо расположилась, то не уйдет добровольно, пока не пожрет всю пригодную для нее пищу. «Однажды, рассказывал мой отец, — земляная крыса поселилась в здешнем пасторском саду. Жилище ее расположено было в грядке савойской капусты, но так глубоко, что пришлось бы разрыть всю грядку, если бы захотели откопать ее. Из камеры многие ходы вели в сад. Когда было особенно тихо, она выходила наружу, откусывала лист капусты, захватывала его зубами, тащила в яму и поедала в своей норе. Она отгрызала корни у деревьев и даже у таких, которые достигли уже значительной величины. Я приказал окулировать белой розой штамб шиповника и, на мою радость, в первый же год получил 154 цветка. Потом роза вдруг засохла и, раскопав землю, я нашел, что все корни не только лишены оболочки, но оказались почти насквозь проеденными. Легко себе представить, насколько эти опустошения усилили мою ненависть к этому скверному животному. Но убить крысу было очень трудно. Я ежегодно видел из окна, как она облагала контрибуцией кочаны моей капусты, но было слишком далеко, чтоб застрелить ее, а как только кто-нибудь показывался, она скрывалась под землей. Только через две недели удалось убить ее, и то с помощью засады, устроенной нарочно ради нее.

Но до этого времени она опустошила почти весь мой сад».

Прудам водяная полевка наносит сравнительно меньше вреда, если конечно исключить вред, наносимый ею подкапыванием плотин, чем она дает нежелательный исток для воды. Тут пища ее главным образом состоит из тростников, которые она поедает совершенно особенным образом. Она устраивает себе настоящий обеденный стол. «Эти обеденные столы, — говорил мой отец, помещены на переломленных стеблях камыша, возвышаются на несколько сантиметров над поверхностью воды и состоят из зеленой осоки. В разрезе они имеют 20-30 сантиметров. Построены из крепкой, плотной массы, сверху вполне плоски, потому что служат зверькам только местом отдыха и обеденным столом. В наших Рентдорфских прудах животные летом питаются почти исключительно тростником. Они откусывают его на уровне воды и относят во рту на ближайший обеденный стол. Возбравшись сюда, они приподнимаются на задние лапки, захватывают передними тростник и подвигают его к себе до тех пор, пока не доберутся до верхней мягкой части; тут они крепко захватывают тростник и пожирают всю верхушку. Покончив с одной тростинкой, они приносят сюда же другую, поступают с нею точно так же и, если им не мешают, продолжают эту работу до тех пор, пока не насытятся. Они не любят, чтобы наблюдали за ними во время обеда и бросаются в воду при малейшем шуме или при виде человека, проходящего мимо даже на довольно значительном расстоянии, ныряют и уплывают к безопасному убежищу. Если же обед окончился без помехи, то они, свернувшись, все вместе ложатся на обеденный стол и отдыхают». Живущие при прудах водяные полевки наряду с тростником поедают различные корни растений и сочные травы, а иногда и плоды. Полевки вредят всем без различия овощам и уничтожают их гораздо больше, чем им действительно нужно. «Известны примеры, — говорит Блазиус, — что благодаря этим зверькам на целых полях и полосах погибала большая половина хлебной жатвы. Они подъедают соломинку у корня для того, чтобы колос упал; умея ловко лазать, достают также маисовые зерна из початков или спелые плоды со шпалер и деревьев». Не пренебрегают они и животной пищей. В воде ловят насекомых и их личинки, маленьких лягушек, рыб и раков, на суше преследуют полевых и других мышей, отбирают яйца у птиц.

высжиживающих их в траве, у кожевенников они поедают целые куски размягченных кож. Осенью расширяют свою нору, устраивая камеру для запасов и соединяют ее ходами со старым гнездом. Камеру наполняют провизией из близлежащих садов и полей: горохом, бобами, луком и картофелем, и питаются этим с поздней осени до весны или до тех пор, пока не потеплеет. Только при сильном морозе впадают они в спячку, но не окоченевают. Следы водяных крыс очень редко встречаются на снегу, обычно они не покидают своих нор во время холодов.

Водяные полевки быстро размножаются. От трех до четырех раз в году в подземном теплом, мягко устланном гнезде находят от 2 до 7 детенышей, причем часто в одном гнезде попадаются детеныши различной окраски*.

** Период размножения иногда начинается уже в феврале, в году бывает 4-6 помётов, причем родившиеся весной самки к осени успевают принести 1 — 2 выводка. Среднее число детенышей в помёте — 6-7 (от 2 до 10).*

"Глубина земляной норы, в которой устраивается гнездо, — говорит Ландоа, — колеблется между 30 и 60 сантиметрами. К ней всегда ведут несколько ходов. Само гнездо заполняет совершенно земляную нору, оно шарообразно, имеет в разрезе от 15 до 20 сантиметров и состоит из бесчисленных, крайне тонких, сухих корневых волокон. Более толстые волокна и корни при постройке устраняются, и таким образом сооружается гнездо, которое мягкостью и теплотой перещеголяет многие птичьи гнезда». Иногда гнезда находят в густом и тернистом кустарнике непосредственно на земле, попадают они также и в камышах. Подобное гнездо описывает Блазиус. «Оно находилось на высоте одного метра над поверхностью воды, вплетенное, подобно гнезду камышевки, между тремя стеблями тростника, приблизительно в 30 шагах от сухого берега, и имело шарообразную форму; построено оно было из тонких, мягких листочков травы, выход был закупорен; снаружи оно имело в разрезе около 10 сантиметров ширины, а внутри немного больше 5 сантиметров; в гнезде находились два полувзрослых черных, как уголь, детеныша. Из взрослых животных одно, которое при моем приближении удалилось из гнезда и прыгнуло в воду, было также черного цвета. Оно плавало и ныряло с большой ловкостью. Так как пруд везде имел до 1 метра глубины от берега до гнезда, то старые могли добираться до последнего только вплавь и при этом должны были карабкаться вверх по стеблю тростника.

Способ постройки гнезда водяных полевок резко отличается от описанного, между тем как тут была полная возможность устроить подземное гнездо на близлежащем поле, в саду или на лугу; легко бы было выстроить здесь и надземное гнездо в густом кустарнике на плотине пруда, так что невозможно найти причины, объясняющей такое отступление. Если бы, отыскивая гнезда камышевки и чомги, я случайно не нашел этого гнезда, то мне никогда не пришло бы в голову искать в подобных местах гнезда водяных полевок».

Случке предшествуют продолжительные игры обоих полов. В частности, самец поступает очень своеобразно. Он иногда так быстро кружится на воде, что может показаться, будто сильный водоворот вращает или перекачивает его. Хотя самка, по-видимому, довольно равнодушно взирает на это, но все же эти искусные упражнения ее очень веселят, потому что по окончании кружений обезумевшего от любви самца, она приближается, оба дружно плывут рядом и за этим почти всегда следует случка. Мать ухаживает за детьми с нежной любовью и в случае опасности защищает их. Когда ей кажется, что детенышам не безопасно в гнезде, она отыскивает более надежное место, уносит их туда во рту и переплывает с ними даже через широкие реки. Забывая о собственной безопасности, она при этом иногда допускает схватить себя руками, но отнять детеныша, которого она держит в зубах, можно лишь с трудом. После трех недель выводит своих детенышей из норы и в то время, как они пасутся на дерне или огородных грядках, носит для них в нору нежные побеги различных трав, особенно горох, любимейшую пищу детенышей. Скоро они начинают свои первые опыты копания и уже в ранней молодости становятся очень вредными на лугах и полях, а еще более в садах*.

** Продолжительность жизни водяных полевок до 2 лет, но обычно гораздо меньше. Осенью популяции зверьков более чем наполовину состоят из сеголетков. Характерны резкие (иногда более чем в 1000 раз) изменения численности по годам. В благоприятный год плотность может достигать 500 особей на 1 гектар. В такие годы вид превращается в серьезного сельскохозяйственного вредителя.*

Самыми опасными врагами водяных полевок являются ласки и горностаи, потому что преследуют их в подземных ходах и даже в воде. Покидая нору, водяная полевка становится добычей лесного сыча, белой совы, хорька и кошки, но в общем она в значительной мере предохранена от хищников, и этим вызывается необходимость беспощадного преследования ее со стороны человека. Мало защищают от водяной полевки ловушки или зарытые в землю большие горшки с гладкими стенками, препятствующими ей выбраться, если она упадет туда во время ночных прогулок по земле: она, по возможности, избегает и тех, и других, и таким образом у человека против нее остается лишь одно средство. Оно заключается в том, что открывают ее ходы так, чтобы в них проникли свет и воздух. «Уже спустя несколько минут после этого, — говорит Шахт, подтверждая более ранние указания Ландоа, — водяная полевка приближается к выходу и с любопытством высовывает голо-

ву, опять исчезает, а потом вскоре начинает рыть новую нору под только что открытой. Чтоб выманить ее, перед отверстием норы кладут иногда ее любимое кушанье корешок петрушки. Как только она выйдет, ее убивают. Конечно, охота на полевок не особенно благородна, но все же эта дичь достойна заряда пороха"*.

* Основным фактором, лимитирующим численность водяной полевки, являются не хищники, а высокие весенние паводки. Шкурки водяной полевки считаются второстепенной пушиной.

Высоко в Альпах, далеко за пределами прекращения всякой иной животной жизни, обитает второй вид этого рода, сопротивляясь всяким переменам погоды и не помышляя, подобно другим грызунам, искать защиты в недрах земли. Несмотря на то, что исследованием его жизни занимались многие натуралисты, мы до сих пор не имеем обстоятельных сведений об этом животном, так как негостеприимность его местожительства сильно затрудняет наблюдения.

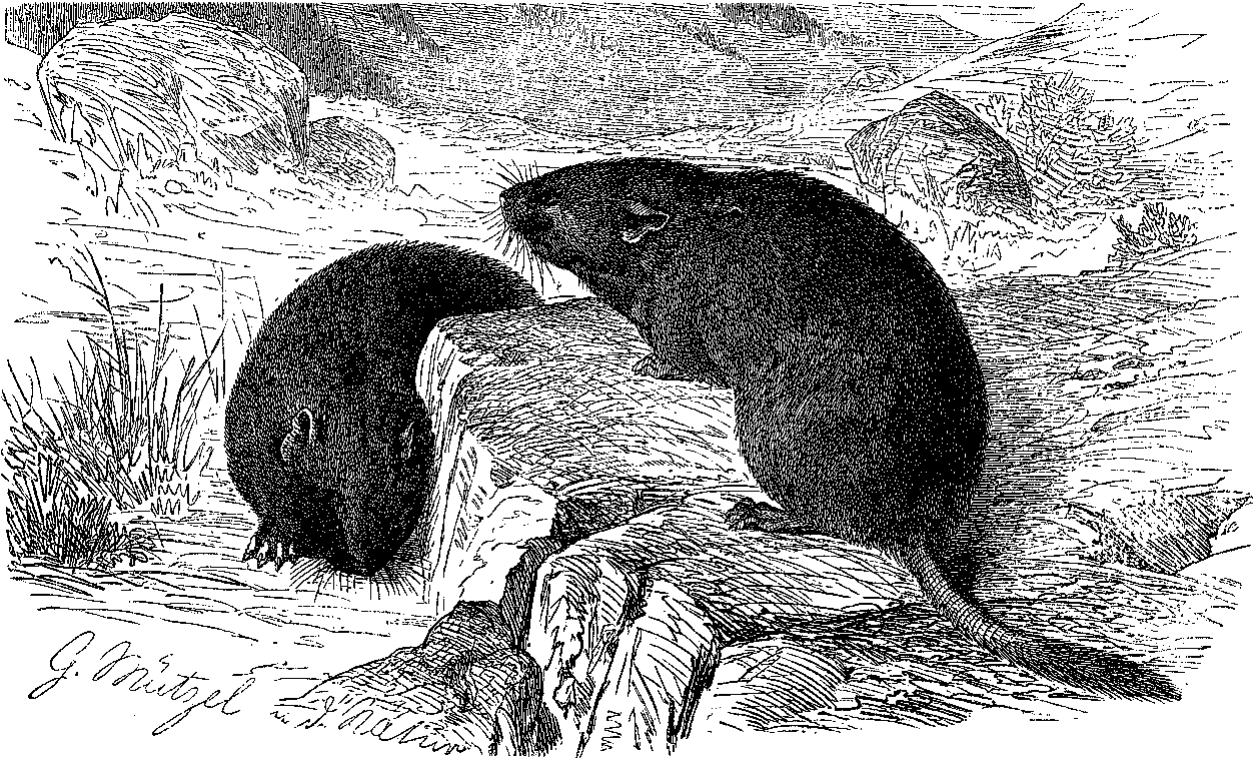
Снежная полевка (*Chionomys nivalis*) представляет собой маленькое животное, общая длина которого 18 см при длине туловища 12,5 см и хвоста 6,8 см**.

* * Снежные полевки (*Chionomys*) род высокогорных полевок, выделенный из серых полевок. Во времена Брема был известен только один вид — снежная полевка (*Chionomys nivalis*), в начале XX века открыты еще два вида эндемики Кавказа и Закавказья.

Мех ее двухцветный, верхняя сторона светлая буровато-серого цвета, середина спины темнее, чем бока, нижняя часть довольно явственно отделена и серовато-белая. «Снежная полевка, — говорит Блазиус, — среди всех мышей имеет наименьший, но своеобразный район распространения: она встречается во всех частях Альпийский гор. Мне не известно ни одного примера нахождения ее ниже 1000 метров над уровнем моря, даже при 1300 метрах она попадается только изредка***.

* * * Снежная полевка обитает не только в Альпах и Пиренеях, но и в горах Иберийского полуострова, на Балканах, в Малой Азии, на Кавказе, в Туркмении, Иране, Ливане. Основная высотная амплитуда вида — 1000-2600 м, но есть популяции, обитающие метров на 150 ниже; и выше — до 4100 м над уровнем моря. Для вида характерны небольшие высотные сезонные кочевки. Предпочитает скалистые участки и иногда не делает нор, а селится в пустотах между камнями.

Выше встречается на всех высотах до крайних пределов растительности. Чаще всего она появляется вблизи снежной линии, но случается, что пересекает ее и живет на самых маленьких растительных островках, на обнажениях южной стороны высоких вершин, скупо поросших скудными альпийскими травами, посреди снежных полей, где теплые солнечные лучи едва на 2-3 месяца немного прогревают землю. В этом величественном горном уединении проводит полевка не только прекрасное короткое альпийское лето, но также и 9-10-месячную суровую альпийскую зиму, погребенная под крепким снежным покровом, так как она не странствует, хотя и прокладывает зимой норы под снегом, чтобы отыскивать корни растений, когда не хватает собранных запасов. Никакое другое млекопитающее не может долго прожить там, где живет постоянно снеговая полевка, только ласка или горностаи, ее неутомимые враги, лишь изредка идут по ее следам».

Снежная полёвка (*Chionomys nivalis*)

Снежная полёвка стала известна естествоиспытателям только несколько десятилетий тому назад. Нагер открыл ее в 1841 году в Андерматте на Сан-Готарде, Мартене нашел ее на Фаульгорне, Хуги — на самом высоком гребне Штральэка, выше 3000 метров над уровнем моря и на Финстераргорне на 3600 метрах над уровнем моря. «Мы отыскивали, — рассказывает он, хижину на Штирегальпе, которая наконец обнаружилась в виде несколько приподнятого снежного места, мы стали копать вглубь, и ночь давно уже наступила, когда мы нашли крышу, а по ней быстро добрались и до сторон хижины. Мы отрыли снег от двери, с большой радостью вошли туда и убили семь альпийских мышей, причем более 20 обратилось в бегство, по-видимому, не имея намерения отставать свой подземный дворец». Блазиус наблюдал снеговых полевок в горах у Шамбери, на Монблане и на Бернине при высоте 3600 метров.

Жизнь, которую ведет снежная полёвка в своем негостеприимном, печально-бедном отечестве, до сих пор еще загадочна. Известно, что она питается растениями, главным образом корнями и свежими альпийскими травами, а также сеном и из этого же материала собирает запасы на зиму, но едва ли понятно, как она в таких местах находит достаточно пищи, так как иногда попадает только один вид растения, который может служить для пропитания, относительно других мест нельзя понять, чем только она живет. Летом полёвка, конечно, не терпит нужды, посещает пастушьи хижины, коровьи и овечьи пастбища и лакомится всем найденным там съестным, кроме мясного. В ее норах находят погрызенное сено и стебли, часто также корни разных альпийских трав. В гнезде, по всей вероятности дважды в год, оказывается 4-7 детенышей*. Блазиус нашел таковых даже около конца сентября. С наступлением зимы снежная полёвка переселяется немного ниже, но и тогда не доходит до обитаемых местностей. В это время она питается собранными запасами и, когда их не хватает, прокладывает длинные ходы в снегу от растения до растения, от корня до корня, с немалыми трудностями добывая себе насущное пропитание.

* Биология снежной полёвки плохо изучена и ныне. Беременность длится около 20 дней, в году бывает 2 выводка, по другим данным — 4 выводка, по 1-4 (до 6) детеныша в каждом.

Важнейший для нас вид — **обыкновенная полёвка** (*Microtus arvalis*) * * — зверек общей длиной в 14 см или туловищем 11 и хвостом 3 см.

* * Обыкновенная полёвка типичный представитель обширного рода серых полевок (*Microtus*), насчитывающего от 40 до 80 видов. Серые полёвки обитают повсюду в Евразии и Северной Америке, за исключением высокой Арктики и тропиков. Экология и биология большинства серых полевок очень похожи, различаясь лишь мелкими деталями. Эти зверьки предпочитают влажные высокоотравные луговины, либо лесное широколиственное, реже сухие степи, в горы поднимаются до 4500 м.

Мех неясно двухцветный, на спине желтовато-серый, на боках светлее, внизу грязный ржаво-белый, лапки более чистого белого цвета. Отчеством этого маленького зверька служит вся средняя и часть северной Европы, а также западная часть средней и северной Азии, не встречается в Ирландии, Исландии, на Корсике, Сардинии и Сицилии. Она свойственна как равнинам, так и горам, хотя чаще обитает в низменностях. В Альпах распространена до 2000 метров над уровнем моря. Безлесные пространства, поля и луга, реже опушки лесов и лесные поляны, а также сырые и болотистые низменности служат ей местожительством. В сырых местах полевка копает свои подземные ходы и гнезда в сухих кочках, а в сухих строит неглубокие норы с 4-6 различными входными отверстиями, связанными снаружи утоптаннами, углубленными дорожками. Осенью она удаляется в скирды хлеба или появляется в жилищах, амбарах, конюшнях и погребах. В домах она живет преимущественно в погребах, а не на чердаках, как обыкновенные мыши. Зимой она выкапывает длинные ходы под снегом. Где только возможно, обыкновенная полевка накапливает запасы, особенно хлебные зерна и другие семена; при наступлении нужды зверьки сообща переселяются, чаще только на соседнее поле, однако иногда кочуют целыми стадами из одной страны в другую, переходя при этом горы и переплывая широкие реки. Эта полевка хорошо бегаёт, превосходно плавает, лазает, однако, мало и неловко. Копать она умеет мастерски, роет быстрее, чем всякая другая мышь, и кажется неутомимой в рытье нор. По образу жизни она в равной степени как дневной, так и ночной зверек. По-видимому, она предпочитает утреннюю и вечернюю пору жаркому полудню, но ее можно видеть вне норы и во время самого сильного солнечного зноя. Теплота и сухость необходимые для нее жизненные условия, при продолжительной сырости она погибает.

Пища обыкновенной полевки состоит из всевозможных растительных веществ. Имея зерна, она ограничивается только ими, в противном случае довольствуется свежей травой и зеленью с корнями и листьями, клевером, плодами и ягодами. В большом количестве истребляет она буковые орешки, настоящие орехи, хлебные зерна, репу и картофель. Когда хлеба начинают созревать, эти полевки собираются целыми стаями на полях, откусывают внизу соломины и, свалив, отгрызают их наверху и тащат колосья в свои норы. Во время жатвы она следует по пятам жнецов, вместе с ними переходит от озимых полей к яровым, и, поедая осыпавшиеся зерна, собирает свалившиеся при связывании снопов колосья. Из леса она тащит в свою нору упавшие плоды шиповника и можжевельника, буковые орешки, желуди и настоящие орехи*.

** Полевка питается преимущественно зеленью, корой или подземными частями растений, ягодами, на зиму заготавливает не подверженный порче зерновой корм.*

В течение самого сурового времени года она впадает в непрерывную зимнюю спячку, а при умеренной погоде просыпается и питается своими запасами**.

*** Полевки не впадают в зимнюю спячку, иногда размножаются зимой.*

В высшей степени общительная, обыкновенная полевка живет довольно дружно с себе подобными, по меньшей мере попарно, чаще же большими стадами, поэтому-то и норы их тесно прилегают одна к другой***.

**** Полевки селятся колониями, представляющими собой систему сообщающихся нор с многими (до 300 и более) выходами, несколькими кладовыми и гнездовыми камерами.*

Размножается она необыкновенно быстро. В ее теплых гнездах, лежащих на 40-60 сантиметров ниже поверхности земли и мягко устланных расщепленной травой и тонко разжеванными стеблями, а иногда и мхом, уже в апреле находят 4-8 детенышей, а в течение теплого времени года самка рождает еще от четырех до шести раз. Весьма вероятно, что детеныши первого помета к осени уже способны к размножению, и этим объясняется иногда случающееся поразительное увеличение их числа****.

***** В течение года у полевок бывает до помётов, сеголетки из весенних выводков осенью уже размножаются. Полная смена поколений, по-видимому, происходит в течение 1-1,5 года. Пики численности полевков наступают через каждые 3-4 года.*

"При благоприятных обстоятельствах, — говорит Блазиус, обыкновенные полевки размножаются в невероятных размерах. Известно много примеров, когда благодаря их чрезмерному размножению, на больших пространствах была уничтожена большая часть посевов и молодой буковой поросли. Человек, не переживший таких обильных мышами годов, с трудом может составить себе понятие о наводящей ужас страшной возне и хозяйничанье мышей на полях и в лесах. Часто они вдруг появляются в какой-нибудь местности, где раньше не замечалось постепенного прироста их, как бы вызванные волшебством из-под земли. Возможно, что в некоторые места они приходят извне, обыкновенно же их чрезвычайное размножение можно предвидеть за недели вперед по увеличению числа сарычей. В двадцатых годах на нижнем Рейне этот бич страны повторялся неоднократно

кратно. Почва на полях местами была до того изрыта, что трудно было поставить ногу на землю, не касаясь при этом мышиных нор, между отверстиями которых были глубоко протоптаны бесчисленные дорожки. Даже днем все кишмя кишело мышами, свободно и безопасно бегавшими вокруг. При чем-нибудь приближении 8-10 из них сразу подбегали к одному и тому же отверстию, чтобы прошмыгнуть в него, и непроизвольно загораживали друг другу входы. При этой давке у проходов нетрудно было убить с полдюжины одним ударом палки. Все мыши казались сильными и здоровыми, хотя большей частью довольно маленькими, вероятно, вследствие преобладания молодых. Три недели спустя я посетил те же места. Число мышей увеличилось еще больше, но зверьки, очевидно, были в болезненном состоянии. Когда я, четыре недели спустя, посетил в третий раз эти местности, в них исчез всякий след мышей; но порожные ходы и жилища производили впечатление еще тягостнее прежнего, когда они были так оживлены. Говорили, что животные внезапно, как; бы по волшебству, исчезли. Многие могли погибнуть от заразной болезни, многие могли быть съедены себе подобными, как они это делают и в неволе, но говорили также о бесчисленных стадах, среди белого дня в разных местах переплывших Рейн. Между тем нигде, даже далеко в окружности не заметили необыкновенного прироста их, напротив, казалось они повсюду исчезли одновременно, нигде не появляясь снова. Природа сделала чрезмерное их размножение одновременно орудием их же истребления. Погода, прекрасное теплое позднее лето, казалось, благоприятствовало им до конца».

Чтобы представить числовые данные о массах мышей, появляющихся иногда в различных местностях, я замечу, что в одном округе Цаберн в 1822 году за 14 дней было поймано 1 570 000 обыкновенных полевков, в округах Нидда — 590 327 и Пуцбахе — 271 941 штуки. «Осенью 1856 года, говорит Ленц, — было так много мышей, что в окружности четырех часов между Эрфуртом и Готой принуждены были перепахать около 12 000 акров земли. Посев каждого акра стоил по тогдашним ценам 2 талера; собственно перепашку можно было оценить в полталера и, таким образом, убыток составлял по меньшей мере, 20 000-30 000 талеров, а возможно намного больше. Близ Бреславля в одном большом имении в течение 7 недель были пойманы 200 000 полевков и доставлены на Бреславский завод земледобрильных туков, который платил тогда за каждую дюжину 1 пфенниг. Некоторые ловцы мышей могли ежедневно поставлять фабрике 1400-1500 штук». В 1872 и 1873 годах почти со всех концов нашего отечества раздавались жалобы на мышиное нашествие. Это была беда, которую можно уподобить египетским казням. Даже в такой бесплодной местности как Бранденбург, на отдельных полях можно было насчитать тысячи полевков; на тучных же пашнях Нижней Саксонии, Тюрингии, Гессена они хозяйничали ужасно. Наполовину созревшие жатвы пропали, сотни тысяч моргов были перепаханы, многие тысячи марок истрачены на истребление мышей. Как в сельскохозяйственных обществах, так и в министерствах обсуждались средства и способы для отвращения бедствия.

Временами обыкновенная полевка нападает даже на леса. В 1813 и 1814 годах она причинила опустошения в Англия в одно- и двухлетних древесных насаждениях, что возбудило серьезные опасения. На больших пространствах зверьки эти не только объели кору на всех саженцах, но обгрызли также корни многих больших уже дубов и каштанов, так что деревья совсем погибли. Правительство вынуждено было принять самые энергичные меры для устранения огромного вреда.

К несчастью, человек почти бессилён в борьбе с полевками. Все придуманные доселе средства истребления оказываются недостаточными из-за их удивительной плодовитости: помочь могут только появляющиеся между ними повальные болезни и в значительной степени также преследуемые человеком хищные звери. При перепашке полей детей заставляют следовать за плугом с палками и избивать всех попадающихся мышей. Иногда их норы наполняют дымом, бросают туда отравленные зерна, поливают даже целые поля отваром чилибухи или молочая — одним словом, пользуются всеми способами, чтобы освободиться от этой ужасной язвы, но обычно большинство этих средств оказываются почти напрасными, а некоторые из них, именно отравление, к тому же в высшей степени опасно: даже самый сильно действующий яд не уничтожит всех полевков, а только погубит их злейших врагов, то есть наших друзей: лисиц, хорьков, горностаев, ласок, сарычей, сов, ворон, а также куропаток, зайцев, и даже домашних животных, от голубя до рогатого скота или лошадей; очевидно, достаточно оснований, чтобы совершенно отвергнуть рассыпание яда*.

** Высказывая свою точку зрения на вред химикатов, уничтожающих не столько врагов, сколько друзей, Брем почти на 100 лет опередил свою эпоху. Поразительно верно Брем оценивает также положительную роль хищников в борьбе с грызунами, называя их союзниками человека.*

Все зоологи и друзья животных в 1872 году с грустью видели, как отравлялись и уничтожались враги мышей, между тем как они заслуживали охраны и заботы о себе. Предостережения бла-

горазумных сотоварищей по профессии оставались до той поры напрасными, и только позже была признана истина, которую они возвестили письменно и устно, что разбрасывание отравы на полях выгодно торговцам ядами, а никак не сельским хозяевам. Наряду с ядом на жирных почвах применялось также с успехом и выкуривание обыкновенных полевков, причем забивали все выходы нор, а во вновь открываемые мышами впускали ядовитые газы (углекислоту и сернистый ангидрид), но и этот, сам по себе прекрасный способ не везде мог быть применим, потому что стоил очень дорого.

Норвежский лемминг (*Lemmus lemmings*) достигает 15 см общей длины, из них никак не больше 2 см приходится на короткий хвостик. Густой и длинный мех окрашен очень красиво. Среди коричнево-желтого, на спине волнистого основного цвета выдаются темные пятна, от глаз на заднюю часть головы спускаются две желтые полосы. Хвост и лапы желтого, нижние части бурожелтого, почти песочного цвета*.

** Во времена Брема всех «бесхвостых» полевковых в России называли пеструшками, очевидно, за пеструю окраску норвежского лемминга. Сейчас по-русски пеструшками называют два близких рода евразийских степных полевковых, а финским словом «лемминг» комплекс довольно далеких друг от друга родов (*Myopus, Lemmus, Dicrostonyx, Synaptomys*, 15-20 видов), распространенных в арктической, тундровой и таежной зонах Евразии и Северной Америки. Лемминги — грызуны, в наибольшей степени адаптированные к обитанию в северных краях с долгой, морозной и снежной зимой. Плотное сложение создает выгодное соотношение поверхности тела лемминга к объему, почти отсутствующие ушные раковины и хвост, покрытые мехом ступни, также сводят к минимуму потери тепла. Норвежский лемминг населяет север Скандинавии, в России встречается на Кольском полуострове.*

Лемминг несомненно самый загадочный зверь всей Скандинавии. Еще и теперь крестьяне горных местностей верят, что они в виде дождя падают с неба и потому являются в таком громадном количестве. Олаус Магнус рассказывает, что в 1018 году он видел очень много горностаев в одном лесу, который весь был наполнен их зловоием. Виновны в этом, будто бы, маленькие четвероногие зверьки по имени «Лемар», падающие иногда с неба при внезапной грозе и дожде, причем неизвестно, перенесены ли они ветром из отдаленных местностей или рождены в облаках. «Эти животные, появляющиеся, подобно саранче, громадными массами, уничтожают всю зелень, и даже растения, только надкусанные ими, погибают, как отравленные. Они живут там, пока не дождутся свежей травы. Перед уходом они собираются в стада подобно ласточкам, иногда они умирают массами и заражают воздух, отчего у людей появляются головокружения или желтуха, иногда поедаются горностаями, которые буквально откармливаются ими».

Одни ученые просто цитируют рассказ вышеназванного епископа, а Олаус Ворниус в 1633 году издал целую книгу, в которой старается доказать, что животные могут рождаться в облаках и падать из них, причем прибавляет, что напрасно пытались прогонять пеструшек заклинаниями. Лишь К. Линней впервые в 1740 году описал лемминга научно и так подробно, что не много можно прибавить к его описанию. Сам я в 1860 году застал этих зверьков в большом количестве в Доврефельде и мог изучать их посредством собственного наблюдения. По сведениям, полученным мною в Норвегии, они встречаются также на всех более высоких горах страны и на соседних островах, если они гористы. Дальше на севере они спускаются с гор до тундры. На бесконечных болотах между Альтенфиордом и рекой Таной я находил помет леммингов на всех сухих местах в невероятном количестве, но уже не увидел там ни одного из них. В Доврефельде они представляют обычно явление в мае и многочисленнее всего в самом верхнем поясе, между 1000-2000 метрами над уровнем моря, то есть от границы пихтовых лесов вверх до линии вечного снега. Некоторых я находил также в Гульдбрандедалене, едва выше 100 метров над уровнем моря, а именно в обильных водой местностях, поблизости от Лаугена. В Доврефельде они жили близко, один возле другого, и часто можно было видеть и слышать 8-10 из них одновременно. Зверьки эти чрезвычайно милы. Они выглядят как маленькие сурки или как хомяки и нравом особенно схожи с последними. Местом пребывания им служат более сухие места на болотах, покрывающих значительную часть Норвегии. Они селятся здесь в неглубоких норах под камнями или во мху, но часто встречаются бегающими по кочкам, возвышающимся над трясинной. Изредка можно заметить протоптанные тропинки, ведущие от одной норы к другой; большие ходы они вырывают только в снегу. И днем, и ночью лемминг бодр и находится в движении. Ходит он вприпрыжку, но быстро, хотя человеку легко его догнать. В бегстве они проявляют чрезвычайную ловкость, отыскивая всякое сухое место даже в самой ужасной трясине и пользуясь им, как мостом. Воды избегают, и если их бросить в озеро или речку, они очень сердито пищат и ворчат, стараясь как можно скорее попасть опять на сушу. Обычно лемминги сами выдают свое присутствие. Часто они спокойно сидят в своих норах, и прохожий наверняка не заме-

тил бы их, но появление человека волнует их настолько, что они не могут молчать. Громким хрюканьем и пискон, наподобие морских свинок, встречают они вторгнувшегося в их пределы, точно желая этим преградить ему доступ в свои владения. Они обращаются в бегство только тогда, когда бывают на поверхности земли, когда же к ним приближаются, они спешат к одной из бесчисленных норок, там прочно усаживаются и больше уж не выходят оттуда, скорее позволив убить себя или поймать.

Меня ужасно забавляли эти отважные зверьки, я никогда не упустил случая вызвать их на бой. Если подойти вплотную к их норе, лемминги выскакивают оттуда, пищат, хрюкают, поднимаются на задние лапы, опрокидывают голову назад, так что она почти лежит на спине, и глядят так свирепо своими маленькими глазами на противника, что в самом деле не решаешься — брать ли их рукой или нет. Так уставившись, они и не думают об отступлении. Если протянуть им сапог, то они кусают его, так же точно и палку или ствол ружья, хотя и понимают, что тут ничего не поделаешь. Некоторые так впивались зубами в мои панталоны, что я едва мог их стряхнуть. В таких битвах они впадают в страшную ярость и походят тогда совсем на злобных хомяков. Если быстро наступать на них, то они пятятся задом, подняв голову, при этом громко пищат и хрюкают; натолкнувшись на какое-нибудь препятствие, они снова останавливаются и храбро защищаются. Иногда лемминги маленькими прыжками набегают на своего противника; они не боятся, по-видимому, никого и с безумной отвагой вступают в бой. На дорогах их часто переезжают, так как они упрямо становятся на пути и не желают уступать его. Многих загрызают на дворах собаки, а кошки поедают их так много, что постоянно сыты. Зимой, как выше сказано, они прорывают в снегу длинные ходы, в которых при оттепели строят себе большие с толстыми стенами гнезда из травы. Гнезда помещаются на 20-30 сантиметров над поверхностью земли, и от них в разные стороны ведут сквозь снег длинные ходы, большая часть которых направлена вниз и прокладываются далее, подобно ходам нашей полевки, наполовину во мху, наполовину в снегу*.

** Летом лемминги живут в неглубоких простых норах, соединенных дорожками, протоптанными в моховых и травяных кочках (нередко — внутри кочек). Лишь зимой они обитают в больших шарообразных гнездах (диаметром до 20 см), располагающихся на поверхности земли, но под снегом. Зима — лучшее время для леммингов, в это время они могут питаться растительным кормом под снегом, не опасаясь быть замеченными малочисленными в это время на севере хищниками.*

Детеныши леммингов, по уверению одного старого охотника, выводятся в обитаемых ими гнездах. Мне самому не посчастливилось найти гнездо с детенышами, и я готов думать, что во время моего пребывания в Доврефельле время размножения не наступило. Линней говорит, что зверьки эти имеют большей частью 5-6 детенышей, а Шаффер прибавляет, что они плодятся несколько раз в году. Кроме этого я ничего не знаю об их размножении*.

** Поскольку лемминги нередко размножаются и зимой, под снегом, находка выводков в наземных гнездах вполне вероятна. В течение года бывает 3-5 выводков по 3-9 (обычно 5-6) детенышей. Скорость созревания детенышей и смены поколений — как у других полевок.*

Пища их состоит главным образом из немногих альпийских растений, свойственных их бедной родине, точнее оленьего мха, сережек карликовой березы и, вероятно, также из различных корней. Лемминги поднимаются до той же высоты, до которой и лишайники, и вовсе не встречаются там, где их нет. Это указывает на то, что они составляют самую существенную часть их пищи**.

** * Основу питания леммингов составляет зеленый корм. Ягель и грибы также занимают существенное место в рационе. Сезонный корм насекомые, ягоды. Для пополнения организма минеральными веществами глодают кости. Многочисленная армия леммингов каждый год чисто сгрызает тонны рогов, ворошенных северными оленями.*

Насколько я узан, они ничего не запасают себе на зиму и питаются только тем, что находят под покровом снега, особенно почками занесенных кустарников***.

** * * Иногда лемминги запасают на зиму веточный корм.*

Лемминги не приносят большого вреда человеку, потому что в областях их распространения нет полей, а в дома они не заходят. Если они и попадают изредка в усадьбах, то лишь по случайности. Однако один житель Лофотенских островов сообщил мне, что в некоторые годы картофельные поля страдают от пеструшек. Зверьки прорывают себе длинные ходы и проводят норы непосредственно между клубнями, которыми они потом и питаются со всем удобствами. Только в некоторые годы пеструшки страдают от голода и тогда вынуждены предпринимать странствования.

При упоминании этого общеизвестного факта я обращаю особое внимание на то, что жители Доврефельле ничего не знали об этих странствованиях и что население Лапландии также мало

могло мне сообщить о них. Финны, которых я спрашивал, также ничего не знали, и если бы такой известный натуралист, как Линней, не свидетельствовал об этом факте, то я едва ли счел бы эти странствования достойными упоминания. Из сообщения Линнея видно, что великий естествоиспытатель сам не видел переселения пеструшек, а повторяет лишь слышанное. Новейшие путешественники упоминают о странствующих пеструшках и говорят при этом, что шествие их подобно волнующемуся морю, но описания их не настолько подробны и точны, чтобы по ним можно было составить себе ясное представление об этих странствованиях. Мартине рассказывает, что в пихтовом лесу на берегу Муонио он нашел леммингов в большем количестве, чем где бы то ни было перед тем и что невозможно было сосчитать всех одновременно. Чем дальше он и его спутник проникали вглубь леса, тем больше становилось их число, потом, выйдя на открытое место, исследователи убедились, что все зверьки бежали в одном направлении, совпадавшем с течением речки. Их часто наблюдали в то время, когда они взбирались на тот или на другой берег Муонио. Также как и Линней, Мартине не мог определить причину странствования.

"Самое замечательное у этих зверей, — говорит вышеназванный исследователь, — их странствования, так как в известное время, обычно через 10-20 лет, они уходят из мест своего жительства в таком множестве, что невольно удивляешься. В конце концов они вытаптывают настоящую тропу в земле, на два пальца в глубину и на полпальца в ширину. Эти тропинки удалены друг от друга на несколько шагов и все идут в одном направлении. Дорогой лемминги пожирают траву и высунувшиеся наружу корни, как говорят, они часто рожают в пути и уносят одного детеныша во рту, а другого на спине. Встретив на пути человека, они не уклоняются от него, а стараются пройти между его ногами или же садятся на задние ноги и кусают протянутую палку. Они не обходят стог сена, а роют и прогрызают его насквозь, большой камень оббегают кругом и продолжают свой путь по прямой линии. Они переплывают большие озера, а, подойдя к лодке, прыгают в нее и с другой стороны бросаются снова в воду. Они не страшатся бушующей реки, бросаются в нее, даже если при этом и пришлось бы поплатиться жизнью».

По моему мнению, причина таких переселений должна скрываться, так же как и у других полевок, в появляющемся время от времени недостатке пищи*.

** Обычно массовые выселения леммингов связаны с перенаселением ограниченных площадей в годы тика численности.*

Хотя лемминги, как выше замечено, спускаются иногда в низменности, они все же должны считаться горными зверями, потому что тундра на дальнем севере Скандинавии имеет характер широких, плоских гребней более южных гор. Если тут за умеренной зимой следуют хорошая весна и сухое лето, то условий этих достаточно для успешного размножения, которое, так же как и у других полевок, может быть названо безграничным. Но излишняя сухость ослабляет рост любимых ими питательных растений, вследствие чего большие пространства пастбищ уже становятся негодными и не могут удовлетворять массу прожорливых существ, и вот они вынуждены искать пропитание где-нибудь в другом месте. При таких обстоятельствах, как известно, собираются толпами не только грызуны, но и другие травоядные, например антилопы, которые странствуют и дорогой забирают с собой товарищей по виду. Только после того, как сотни тысяч леммингов погибли от нужды, болезней, трудностей и опасностей пути, пережившие пытаются достигнуть снова высот, составляющих их настоящее место жительства, при этом, конечно, может случиться, что они, как наблюдал Гомстрем, опять-таки идут по прямой линии. Таким образом странствования леммингов кажутся мне вовсе не чудеснее или менее объяснимыми, чем странствования других млекопитающих, особенно полевок.

Судя по всем полученным мной сообщениям, нельзя сомневаться, что лемминги пытаются переплывать море с одного острова на другой; но рассказы и об этих путешествиях сильно преувеличивались. Часто проходят многие годы, прежде чем пеструшки являются большими толпами. В Доврефельде в течение 15 лет они не были так многочисленны, как летом 1860 года. Это внезапное появление их подает много поводов к суеверию и бредням. Нельзя объяснить себе, как вдруг на уединенном острове появляются в таком множестве невиданные раньше животные, но при этом забывают, однако, о тех немногих, которые, несомненно из года в год живут там и при благоприятных обстоятельствах благодаря плодовитости могут размножаться до невероятного количества.

Счастье еще, что у леммингов так много врагов; иначе, при несметном количестве их, они наводнили бы всю страну и сожрали бы все съедобное*.

** Лемминги находятся в основании пищевой пирамиды в тундре (сразу после растений) и от их благополучия зависит существование большинства других животных. Лемминги составляют основу питания песца, волка, горностая, белой совы, зимняка, некоторых поморников и*

чаек. В год пика численности леммингов эти хищники приносят большое потомство, в годы резкого спада — могут вообще не приступать к размножению или перемещаться на большие расстояния в поисках более благоприятной ситуации с численностью грызунов. В «немышинные» годы сокращается численность и резко падает успех размножения большинства тундровых птиц, зайцев, многих других животных, испытывающих усиленный пресс со стороны хищников, размножившихся в предыдущий год пика численности леммингов. Напротив, «немышинный» год является наиболее благоприятным для вегетации растений и их плодоношения. Таким образом циклы численности леммингов сообщают определенную цикличность всей северной биоте.

Во всяком случае, климат — лучший истребитель этих зверей. Дождливое лето, холодная, ранняя, бесснежная осень убивают их миллионами и, конечно, требуется много лет, чтобы размножение их до некоторой степени вознаградило вымирание. Кроме того, леммингов преследует бесчисленное множество животных; можно сказать, что ими откармливаются все хищные звери Скандинавии. Волки и лисицы на целые мили следуют за ними и, когда есть лемминги, ничего другого не едят; росомаха, как я сам наблюдал, усердно преследует наших зверьков; куница, хорек и горностаи охотятся часто только за ними, вечно голодные собаки лапландцев считают годы, богатые пеструшками, как бы праздниками, которые так редко выпадают на их долю; совы также сопровождают стада наших зверьков; снеговая сова встречается почти исключительно в местах, где водятся пеструшки; сарычи без устали стараются истреблять бедняжек; вороны выкармливают ими своих детенышей. Даже северные олени, по утверждению многих, едят иногда леммингов или, по крайней мере, убивают их передними копытами, раздраженные, вероятно, задором маленьких тварей. Чрезвычайно смешно смотреть, когда ворона нападает на пеструшку самца, не желающего добровольно сдаться. Мне удалось присутствовать при таком единоборстве. Серая ворона, долго солидно сидевшая на скале, вдруг устремилась вниз на мох и там старалась что-то схватить, но дело было не так просто: это нечто (пеструшка) сопротивлялось изо всех сил, рычало, ворчало, хрюкало, пищало, становилось в боевую позицию, делало прыжки по направлению птицы и угрожало ей так серьезно, что последняя несколько раз отскакивала назад, очевидно труся.

Но храбрая ворона не прекращала своей охоты, а снова кидалась на пеструшку, пока последняя, ослабев, не проглядела нападения и не получила хорошо направленный удар клювом, лишивший ее жизни.

Человек становится врагом пеструшек, только когда находится в величайшей нужде. Во всех высоко лежащих местностях Скандинавии он предоставляет этим зверькам жить и размножаться, как им угодно.

Семейство слепышовые

(Spalacidae)*

* Семейство слепышовых небольшая группа грызунов, ведущих происхождение от общих с хомяками предков.

Известнейший вид этого семейства — обыкновенный слепыш (*Spalax microphthalmos*)**.

* * Имеет наиболее широкий ареал в лесостепной и степной зонах Европы, местами вредит огородам и полям.

Тупорылая голова шире туловища, короткая неподвижная шея так же толста, как бесхвостое тело, на коротких ногах широкие ступни с сильными пальцами и когтями. Глаза едва величиной с маковое зерно и спрятаны под кожей, следовательно, не могут служить для зрения. Туловище 20 см длиной. Череп толстой головы приплюснут, лоб плоский, рыло тупо округлено, нос толст, широк и хрящеват, с круглыми, далеко отстоящими одна от другой ноздрями. Могучие, толстые, одинаково широкие, спереди долотообразно отточенные резцы далеко выступают из рта. Все пальцы на ногах сильны и снабжены крепкими когтями для рытья, на передних ногах они расположены далеко один от другого и только у основания соединены короткой перепонкой. Хвост обозначен слабо выдающейся бородавкой. Туловище покрыто густым, гладко прилегающим мягким мехом, на верхней стороне шерсть длиннее, чем на нижней. Жесткие, щетинообразные волосы покрывают голову по сторонам от ноздрей до глаз и образуют щеткообразную волосяную кайму. Пальцы на ногах без волос, но пятки опушены кругом жесткими, длинными, направленными вниз щетинами. В общем, окраска желто-коричневая с серо-пепельным оттенком, голова светлее, сзади бурая, нижняя сторона туловища темного пепельно-серого цвета с белыми продольными полосами на задней части брюха и белыми пятнышками между задними ногами, область рта, как и подбородок и лапы, — грязно-белого цвета*.

* Слепыши грызуны, в наибольшей степени приспособившиеся к подземному образу жизни.

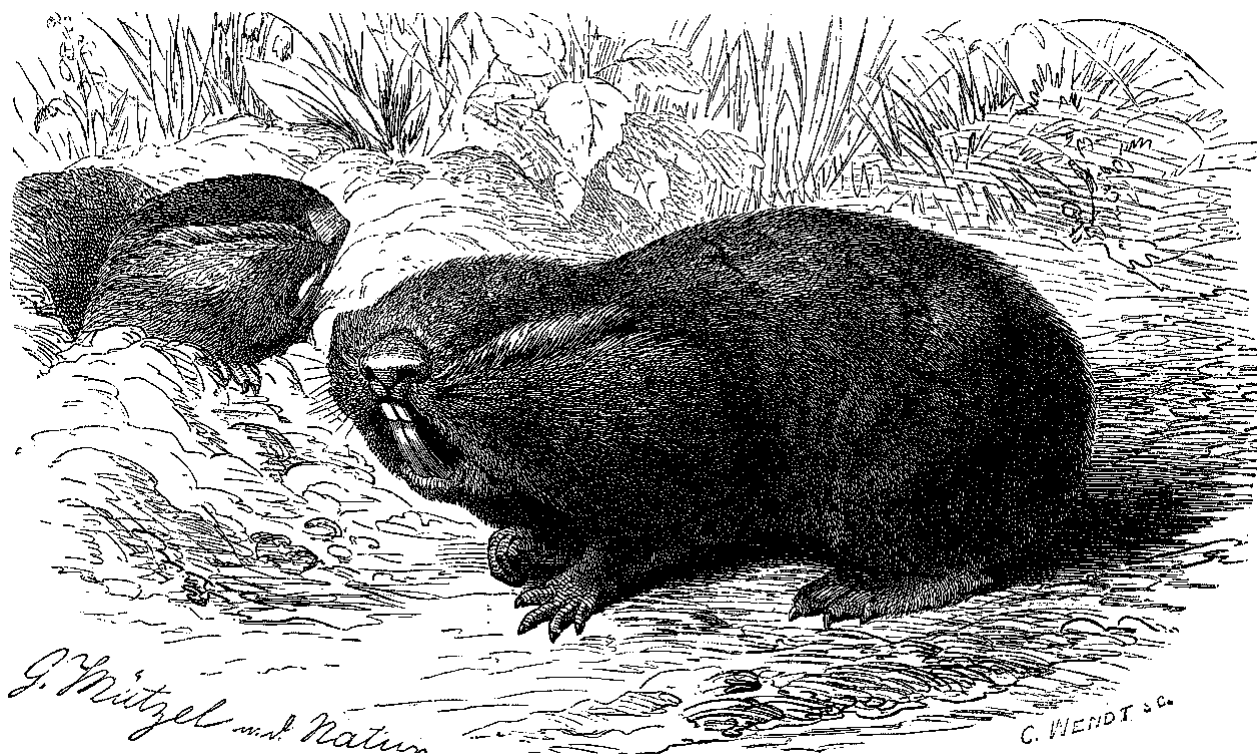
Слепыш встречается в юго-восточной Европе и в западной Азии, особенно в южной России по Волге и Дону, в Молдавии и местами в Венгрии и Галиции, иногда попадаются они также в Турции и Греции, в Азии их местопребывание ограничивается Кавказом и Уралом. Особенно многочисленны они на Украине.

Как почти все кротообразные мыши, слепыш живет в плодородных местностях и располагается в подземных, далеко разветвляющихся норах, о существовании которых можно узнать по бесчисленным кучам набросанной земли.

Последние очень велики, гораздо больше, чем у кротов, но не высоки, а поразительно плоски. Необыкновенно угловатый ход пролегает на небольшой глубине под поверхностью земли, прорезает сырые, совершенно насыщенные водой долины, пересекает ручьи и взбирается на склоны горных обрывов. Там и сям отделяется боковой ход, иногда выходящий на поверхность земли. Зимой ходы проводятся до того близко к дерну, что их земляной свод обычно никак не толще 2 сантиметров, а настоящим покровом служит, собственно говоря, снег, лежащий наверху**.

* * У слепышей различают кормовые ходы, располагающиеся неглубоко под поверхностью, основные ходы, ведущие в гнездовую камеру, и кладовые ходы на глубине до 3,5 м.

Слепыш не подвержен зимней спячке, поэтому работает постоянно, всего усерднее, по уверению киргизов, в полдень и при солнечном свете, ленивее утром и в дождливую погоду. По их словам, слепыш пользуется крепкими резцами, чтобы перегрызать корни и вместе с тем дробить землю, лежащую между корнями. Вырытую землю он головой подбрасывает вверх, а затем передними и задними ногами откидывает назад. Слепыш так же мало общителен, как и крот, однако чаще живет в большой близости с другими собратьями своего вида. Во время течи он иногда выходит и днем на поверхность земли, чтобы погреться на солнце, при угрожающей опасности спешит как можно скорее к своей норе и, не находя тотчас же отверстия, мгновенно исчезает, зарываясь с поразительной быстротой в землю. Еще чаще, чем в полдень, показывается из своих ходов ранним утром и ночью.

Обыкновенный слепыш (*Spalax microphthalmos*)

Движения слепыша не так неловки и неповоротливы, как их обычно описывают.

Наблюдения показали, что слепыш очень чувствителен к шуму и руководствуется главным образом слухом. Находясь на поверхности земли, он сидит спокойно с поднятой головой у отверстия своих ходов и чрезвычайно внимательно прислушивается во все стороны. При малейшем шуме он поднимает голову еще выше и принимает угрожающее положение или же зарывается отвесно в землю и исчезает. Вероятно, обоняние также до известной степени заменяет недостающее зрение. Образ жизни их, кажется, таков же, как и у других маленьких грызунов. Слепыша изображают сер-

дитым и кусающимся созданием, умеющим, в случае нужды, весьма ощутимо пускать в ход свои крепкие зубы; схваченный, он яростно фыркает, скрежещет и злобно кусает все вокруг себя*.

* *Пойманный слепыш громко пыхтит. Между собой слепыши общаются, постукивая головой в потолок ходов и воспринимая колебания всем телом.*

Слепыш кормится, если не исключительно, то все же предпочтительно растительными веществами, особенно всевозможными корнями, а в случае нужды и древесной корой. Если в районе его жительства находятся растения с глубоко идущими корнями, то зимой он опускает свои ходы ниже замерзшего слоя почвы, если же таких растений нет, то прорывает свои плоские ходы почти непосредственно под снегом**.

** *Напротив, слепыши зимой уходят в глубину и сокращают перемещения, многие ходы забивают землей. На зиму заготавливают до 18 кг корма.*

В их ходах не встречали зимних запасов, но находили гнезда, устроенные из тончайших корней. В таком гнезде самка родит летом 2-4 детенышей***.

*** *Часто лабиринт самца соединен с лабиринтами одной или двух самок, но зверьки изменяют одиночному образу жизни лишь в брачный период.*

Зверек этот, хоть ему и приписывают много зла, причиняет человеку ничтожный вред, хотя, с другой стороны, так же мало приносит и пользы. У нас верят, будто бы он может придать человеку особенную целебную силу, так как тот, кто имеет достаточно мужества, чтобы посадить слепыша на голую руку, дать ему искушать себя и тут же медленно задавить его, будет затем одарен способностью излечивать простым возложением руки опухоль желез всякого рода.

Семейство мышиные

(Muridae)****

**** *Мышиные самое обширное семейство современных грызунов и вообще млекопитающих. Оно насчитывает около 120 родов и примерно 400-500 видов.*

Никакое другое семейство не дает нам столь основательного понятия о том, что такое грызуны, как-то, которое включает в себя мышей. Семейство это не только самое богатое родами и видами, но и одно из наиболее распространенных, а, благодаря своей склонности следовать повсюду за человеком, оно и теперь способно к еще большему распространению, по крайней мере, что касается некоторых отдельных родов. Члены этого семейства все без исключения маленького роста, но этот недостаток вполне вознаграждается численностью особей. Желая дать общую картину внешности этих зверьков, можно сказать, что отличительными признаками семейства служат: острое рыльце, большие, черные глаза, широкие, глубоко вогнутые, покрытые редкими волосами уши, длинный, покрытый волосами или часто голо-чешуйчатый хвост и маленькие ножки, тонкие нежные с пятью пальцами лапки, а также короткая мягкая шубка.

Более или менее в соотношении с этими внешними изменениями основного типа находится строение зубов. Обычно резцы узки и более толсты, чем широки, с широким острым краем или простым острием, они на передней поверхности плоски или выпуклы, белы или окрашены, а иногда с продольной бороздкой посередине. Три коренных зуба в каждом ряду, уменьшающиеся спереди назад, образуют остальную часть зубного аппарата, но число их также уменьшается до двух или увеличивается до четырех в верхней челюсти. Они бывают или покрыты эмалевыми бугорками и с двумя корнями, или с поперечными складками и с боковыми выемками. От жевания они стачиваются, и тогда получается поверхность ровная или складчатая. У некоторых видов встречаются также защечные мешки, но у других они совершенно отсутствуют; у одних желудок устроен просто, у других сильно перетянут и пр.

Мыши — космополиты, но, к сожалению, в худшем значении этого слова. Все части земного шара знают представителей этого семейства, и те счастливые острова, которые до настоящего времени были ими пощажены, с течением времени непременно заселятся хоть, по крайней мере, одним каким-либо видом, так как многие из мышей имеют страсть к путешествиям. Мыши населяют все страны, и хотя равнины умеренных и теплых широт они предпочитают суровым горным местностям или холодному северу, однако встречаются и там, куда достигает граница растительности, стало быть, в гористых местностях доходят до линии вечного снега*.

* *Мышиные особенно разнообразны в тропиках Африки и Азии, в естественных ландшафтах умеренной же зоны, они уступают численностью и разнообразием полевкам и другим хомяковым. Западное полушарие и удаленные океанические острова освоили лишь 4—5 видов мышинных уже в историческое время, став спутниками человека и используя его плавательные средства. Вопреки бытующему мнению, лишь малая часть представителей семейства испытывает тягу к антропогенным ландшафтам и стала синантропными животными.*

В России обитает 12-15 видов мышинных из 5 родов. Благоустроенные местности, плодородные поля, плантации составляют, безусловно, любимейшие их местопребывания, но и болотистые пространства, берега рек и ручьев точно так же достаточно пригодны для них, и даже тощие, сухие, еле поросшие травой и кустарником равнины предоставляют им еще возможность для существования. Некоторые виды избегают близости человеческих поселений, другие, наоборот, навязываются человеку, как непрощенные гости, и следуют за ним всюду, где он основывает новое поселение, даже через море. Они заселяют дома и дворы, амбары и конюшни, сады и поля, луга и леса, везде причиняя своими зубами вред и бедствие. Только немногие виды живут отдельно или парами, большая часть живет обществами, и некоторые виды встречаются несметным и стадам и. Почти все обладают необыкновенной способностью к размножению, число детенышей одного только помёта колеблется от 6 до 21, и большая часть видов дает приплод несколько раз в год, не исключая даже зимы.

Мыши приспособлены во всех отношениях к тому, чтобы терзать и мучить людей, и все устройство тела, по-видимому, особенно помогает им в этом. Ловкие и проворные в движениях, они превосходно умеют бегать, прыгать, лазать, плавать, проникать сквозь самые узкие отверстия, а если не находят доступа, то острыми зубами пробивают себе путь. Они довольно умны и осторожны, но в то же время дерзки, бесстыдны, наглы, хитры и смелы; все их чувства утончены, но обоняние и слух далеко превосходят остальные. Пищу их составляют все съедобные вещества растительного и животного царства*.

** Секрет успеха мышинных хорошая способность приспособления к меняющимся условиям. Мышиные прекрасно лазают, неплохо бегают, умеют рыть норы, существуют полуводные формы. Почти для всех мышинных характерна ночная или сумеречная активность. В питании широко всеядны. Наконец, у мышинных идет быстрая смена поколений, высокий темп воспроизводства и высокая смертность.*

Семена, плоды, корни, кора, листья, трава, составляющие их естественную пищу, пожираются ими не менее охотно, чем насекомые, мясо, жир, кровь и молоко, масло и сыр, кожа и кости, а то, чего не могут съесть, они по крайней мере изгрызут и искусают, как, например, бумагу и дерево. Воду они пьют очень редко, зато крайне любят более питательные жидкости и самыми хитрыми способами стараются достать их. При этом они опустошают всегда гораздо больше, чем съедают, и потому становятся самыми неприятными врагами человека, вызывающими неизбежно всю его ненависть; жестокость, которую он позволяет себе при их преследовании, с этой точки зрения, если не извинительна, то все-таки понятна. Только очень немногие из них — безобидные и безвредные зверьки и заслуживают нашего расположения ради своего щеголеватого вида, прелести движений и добродушного нрава. К ним принадлежат мастера в строительном искусстве, строящие лучше всех других млекопитающих свои гнезда и благодаря своей малочисленности и незначительному потреблению пищи не столь вредные, как их сородичи, между тем как другие виды — тоже своего рода строители, возводящие себе жилища под землей, — становятся ненавистными именно благодаря этому обстоятельству. Некоторые виды, обитающие в холодных и умеренных странах, подвергаются зимней спячке и заготавливают запасы на зиму**, иные временами несметными толпами предпринимают переселения, оканчивающиеся, впрочем, обычно их гибелью.

** * Мышиные, несомненно, делают запасы пищи на зиму, но в зимнюю спячку не впадают.*

Для содержания в неволе годятся немногие породы, потому что только самая незначительная часть всего семейства способна легко приручаться и отличается миролюбивым отношением друг к другу. Остальные и в клетке остаются неприятными, задорными, злыми созданиями, которые оплачивают злом за посвящаемые им дружбу и заботы. Собственно пользы мыши не приносят человеку никакой если же и употребляют в дело иногда шкурки того или иного вида или даже едят их мясо, то это не может вознаградить того громадного вреда, который причиняет все это семейство.

В обыденной жизни различают две главные группы: крыс и мышей. Это же деление признает и наука***. Крысы более неуклюжего и более противного вида, мыши же более красивы и милостивы. У первых хвост имеет около 200-260 чешуйчатых колец, у вторых от 120 до 180; у тех ноги толстые и сильные, у этих стройные и тонкие; крысы во взрослом состоянии значительно больше, чем их сородичи. По образу жизни собственно крысы различаются от настоящих мышей довольно резко.

** * * Эти названия не несут никакого таксономического значения, а лишь указывают на приблизительные размеры животного.*

С достаточным основанием мы можем считать, что крысы, живущие в Европе, первоначально не принадлежали к туземным животным и только впоследствии переселились к нам. В сочинениях

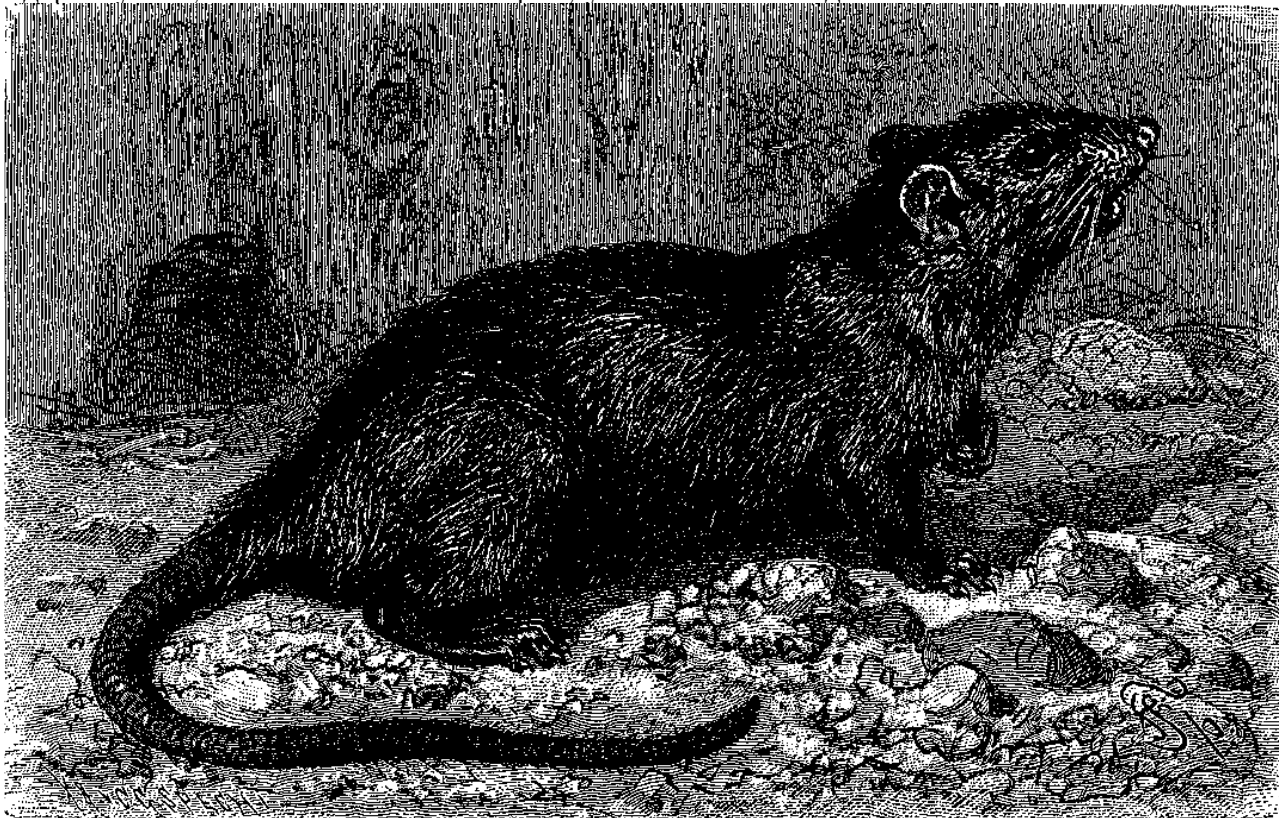
древних писателей находится только одно единственное место, могущее указывать на крыс, остается, однако, невыясненным, какой вид мог подразумевать Аминтас, сообщение которого приводит Элиан. По некоторым данным, черная крыса появилась в Европе и Германии раньше других, за ней последовал пасюк.

Будет достаточно, если опишу два самых известных вида, черную крысу и пасюка.

Черная крыса (*Battus rattus*) достигает 35 см длины, причем туловище имеет до 16 см, а хвост до 19 см, туловище сверху темного, буровато-черного цвета, снизу немного светлее, серовато-черного цвета*. Темно-серые у основания волосы имеют зеленоватый металлический отлив. Ноги имеют серо-бурый, с боков несколько более светлый цвет. На относительно длинном хвосте насчитывают 260-270 чешуйчатых колец. Альбиносы нередки.

* *Считается, что сначала Европу заселила так называемая бурая крыса, затем ее вытеснила новая волна — собственно черная крыса.*

Когда появился этот вид в Европе, с точностью определить нельзя. Альберт Магнус, первый из зоологов, описывает его, как животное, водящееся в Германии. Судя по этому, он уже в XIII столетии жил в Европе. Геснер описывает эту крысу как животное, которое «многим больше знакомо, чем любо». Епископ Отенский в начале XV столетия произносит над ней церковное проклятие; в Зондерсхаузене, чтобы избавиться от крыс, устанавливается день молитвы и покаяния.

Черная крыса (*Rattus rattus*)

Весьма возможно, что эти животные родом из Персии, где еще до сих пор они встречаются в невероятном количестве**.

* * *Родиной черной крысы следует считать тропическую Азию. Здесь она встречается и в естественных условиях.*

До первой половины прошлого столетия только этот вид в Европе и встречался, но с того времени пасюк начинает оспаривать у него место, и с таким успехом, что тот повсюду должен был уступить. Хотя черная крыса и в настоящее время еще значительно распространена по всем частям земли, но редко является в сомкнутых массах, а почти повсюду рассеяна в одиночку. В Германии, кажется, она исчезла везде. Она также последовала за человеком во все широты земного шара и путешествовала с ним по суше и морю вокруг света. Нет ни малейшего сомнения в том, что раньше она не встречалась ни в Америке, ни в Австралии, ни в Африке, но суда перенесли ее на все берега, а с берегов переселялась она все дальше и дальше вглубь страны. Теперь же встречаются ее также в южных частях Азии, особенно в Индии, в Африке и преимущественно в Египте и Марокко, а также на мысе Доброй Надежды, в Америке, Австралии и на островах Тихого океана.

Пасюк (*Battus norvegicus*) значительно больше, длиной тела 42 см, включая 18 см длины хвоста, цвет шерсти различен на спине и на животе*. Верхняя часть тела и хвоста буровато-серого

цвета, нижняя часть туловища серовато-белого, обе части разграничены. Подшерсток большей частью бледно-серый. Хвост имеет около 210 чешуйчатых колец. Иногда встречаются особи совершенно черные, белые с красными глазами, чалые и пегие.

** Пасюк, называемый также серой, рыжей, норвежской или корабельной крысой, изредка достигает длины 28 см, при длине хвоста 23 см и массе свыше полукилограмма. По некоторым данным, иногда в результате мутаций появляются крысы еще более внушительных размеров.*

С большой вероятностью можно принять, что пасюк пришел к нам из Азии, а именно из Индии или Персии**.

** * По одной из версий, родиной пасюка является Китай, и в Европу она пришла с востока, форсируя крупные реки, например Волгу, не раньше середины XVI века.*

Весьма возможно, что уже Элиан имел его в виду, рассказывая, что «каспийская мышь» в известное время переселяется в бесконечном множестве, безбоязненно переплывая реки, причем каждое животное зубами держится за хвост переднего. «Если они нападают на поля, — говорит он, — то подтачивают хлеб и влезают на деревья за плодами, но в свою очередь становятся добычей налетающих целыми тучами хищных птиц и множества живущих там лисиц. По величине они несколько не уступают ихневмону, очень злы и зубасты и имеют столь крепкие зубы, что могут перегрызть ими даже железо, как вавилонские мыши, нежные шкурки которых вывозятся в Персию, где они идут на подкладку платьев». Паллас первый описывает пасюка, как несомненно принадлежащего к европейским животным, и сообщает, что он осенью 1727 года после одного землетрясения в большом количестве появился в Европе из прикаспийских стран. В Туркмении, по показаниям А. Вальтера, он не считался туземным животным и в прошлом десятилетии еще совершенно не встречался в Ашхабаде и Мерве, куда теперь, вероятно, занесла его русская железная дорога***.

** * * В настоящее время серая крыса распространена по всем населенным пунктам России, включая Заполярье, отсутствует лишь на некоторых высокоарктических островах, ряде районов Центральной и Восточной Сибири.*

В начале прошлого столетия он большими стадами переправлялся через Волгу у Астрахани и оттуда быстро распространился к западу. Почти в то же время, а именно в 1732 году, он был доставлен на кораблях из Ост-Индии в Англию и тогда начал свое кругосветное путешествие также отсюда. В восточной Пруссии он появился в 1750 году, в Париже в 1753, а в 1780 году был уже известен во всей Германии, в Швейцарии только с 1809 года, а в Дании приблизительно с того же времени его считают туземным животным. В 1755 году он был перевезен в Северную Америку и здесь точно так же в течение самого короткого времени достиг невероятного распространения, однако в 1825 году он проник еще недалеко за Кингстон на север Канады и в прошлом десятилетии не достиг еще верховьев Миссури.

Однако достоверно известно, что теперь он распространен во всех частях Великого океана и находится даже на самых пустынных и уединенных островах. Будучи больше и сильнее черной крысы, он захватывает везде те места, в которых прежде жила она, и численно увеличивается в такой же степени, в какой та убывает*.

** Поскольку экологические ниши серой и черной крыс не тождественны, полного вытеснения одного вида другим не произошло. Черная крыса более теплолюбива, является лучшим верхолозом, в местах совместного обитания с пасюком она уходит от конкуренции на верхние этажи, чердаки.*

По образу жизни, по своим нравам и привычкам, а также местам обитания оба вида крыс настолько сходны, что, описывая одну, изображаешь и другую. Если принять, что пасюки гнездятся чаще в нижних помещениях строений и главным образом в сырых погребах и подвалах, водосточных трубах, шлюзах, выгребных и помойных ямах и по берегам рек, тогда как черная крыса предпочитает верхние части домов, например хлебные амбары, чердаки, то весьма мало останется такого, что бы не было общим обеим породам. И тот, и другой вид этих вредных животных живет во всевозможных закоулках человеческих жилищ и всех местах, доставляющих им возможность добывать себе пищу. От погреба до чердака, от парадных комнат до отхожего места, от дворца до хижин — повсюду встречаются они**.

** * Пасюки могут селиться даже в холодильниках, с постоянной температурой ниже 10 градусов мороза. Вообще же есть целые популяции серых крыс живущих круглогодично, или только летом вне строений — на полях, огородах, в садах, парках, на пустырях. В южных районах России они заселяют и естественные ландшафты, предпочитают, околотовные биотопы.*

Они живут там, где представляется хотя бы малейшая возможность к существованию, впрочем, черная крыса все-таки имеет более права на название домашнего животного и, по возможно-

сти, только немного удаляется от самого жилища человека. Эти крысы, одаренные как в телесном, так и в духовном отношении всеми качествами, для того, чтобы сделаться врагами человека, не перестают мучить, докучать, беспокоить и беспрестанно причинять ему вред. От них не защищает ни забор, ни стена, ни дверь, ни замок; куда нет дороги, они прокладывают ее себе, прогрызают и вырывают ходы сквозь прочнейшие дубовые половицы и толстые стены. Только если фундамент глубоко погружен в землю, если все щели между камнями замазаны крепким цементом и, может быть, еще для предосторожности между каменными стенами насыпан слой битого стекла, только тогда можно считать себя некоторым образом в безопасности. Но беда хорошо защищенному пространству, если хоть один камень в стене расшатается, ибо в таком случае они непременно там найдут лазейку! И это разрушение жилищ, этот ужасный погрыз во всех направлениях стен наших домов представляет собой все-таки наименьшее из зол, причиняемых крысами. Гораздо больший вред приносят они, отыскивая себе пищу. Они питаются всем, что только съедобно. Человек не ест ничего такого, чтобы крысы не ели также, и это касается не только еды, но также и питья его. Не довольствуясь и без того уже богатым выбором кушаний, они нападают одинаково жадно на все, а подчас даже на животных. Самые грязные отбросы человеческого хозяйства для них все еще пригодны; гниющая падаль находит в них любителей. Они едят кожу и рог, зерна и древесную кору — одним словом все, какие только можно себе представить, растительные и животные вещества, а чего они не могут съесть, то по крайней мере разгрызают. Плантациям сахарного тростника и кофе они наносят иногда значительные повреждения. Есть примеры, за достоверность которых можно поручиться, что они съедали живыми маленьких детей, и всякий более зажиточный помещик испытал, как жестоко крысы преследуют его дворовых животных. У очень жирных свиней они выедают в теле отверстия, у гусей, сидящих плотно прижавшись друг к другу, отъедают плавательные перепонки между пальцами, молодых уток утаскивают в воду и топят их там*.

** По характеру питания крысы скорее плотоядные, чем всеядные животные, растительные корма, входящие в рацион, как правило, являются высококалорийными — семена, плоды. Известны случаи нападения крыс на людей, находящихся в беспомощном состоянии. Нередки случаи каннибализма и активного хищничества по отношению к более мелким грызунам. Вблизи человека популяции крыс нашли постоянную кормовую базу в виде пищевых отходов и фекалий.*

Если в каком-нибудь месте они размножаются более обыкновенного, то это поистине едва выносимо. Существуют места, где они появляются в таком количестве, о котором едва можно составить себе понятие. В Париже на одной из боен в течение 4 недель было убито 16 000 штук**, а на одной живодерне вблизи той же столицы они в течение одной только ночи уничтожили 35 лошадиных трупов до костей.

** По некоторым расчетам коммунальных служб, осуществляющих дератизацию (уничтожение крыс и мышей), число крыс в крупных городах превышает число людей примерно в 5 раз. Согласно этой логике в Москве обитает не менее 50 млн. крыс.*

Как только они замечают, что человек против них бессилён, наглость их принимает поистине удивительные размеры, так что если бы не приходилось до полусмерти сердиться на этих животных, то иногда могло бы даже возникнуть желание посмеяться над их бесстыдством, превосходящим всякие границы. Лас Казес рассказывает, что 27 июня 1816 года на острове Св. Елены Наполеон со своими спутниками должен был остаться без завтрака, потому что в предыдущую ночь крысы пробрались в кухню, и все было растаскано ими. Они водились там в большом количестве, были очень злы и слишком бесстыдны. Обычно им достаточно было лишь нескольких дней для того, чтобы прогрызть каменные стены и дощатые перегородки простого жилища императора. Во время обеда Наполеона они приходили в залу, а после еды с ними вели настоящую войну. По той же причине пришлось отказаться держать дворовых птиц, так как крысы пожирали их, они доставали птиц ночью даже с деревьев, на которых последние спали. В факториях далеких стран, всюду, куда вместе с товарами высаживаются на сушу также и пасюки, они являются очень тяжким бичом и причиняют часто серьезный вред. Все путешественники, и особенно собиратели коллекций, жалуются на них, рассказывая, как много очень редких и с трудом приобретенных предметов часто уничтожают эти страшные звери***.

** * * Крысы представляют серьезную угрозу, как постоянный резервуар опасных эпидемических заболеваний тифа, туляремии, чумы и др.*

Переносчиками возбудителей болезней являются блохи и клещи, паразитирующие на крысах и временами переходящие на людей. Пандемией чумы, опустошившей в XIV — XV веках всю Ев-

разию, человечество во многом обязано крысам. Однако непосредственно укусы крыс чреваты лишь заражением лихорадкой содоку.

Морякам также приходится от них очень плохо, так как нет ни одного судна без крыс, будь то парусный купеческий корабль, судно для рыболовного промысла, великолепнейший быстроходный пароход новейшей конструкции или содержащееся в образцовом порядке военное судно. На старых судах их истребить невозможно, а новые они заселяют немедленно, как только принят первый груз. Во время продолжительных морских путешествий, особенно когда у них достаточно пищи, они размножаются в значительном количестве, и тогда на корабле оставаться почти невозможно. Когда судно Кана во время своей полярной экспедиции было затерто льдами близ 80 градуса северной широты, крысы до того размножились, что стали причинять значительный вред. Наконец, решено было задушить их по старому морскому способу: все люки были закрыты, а в трюме зажгли смесь из серы, угля, кожи и мышьяка. Холодную ночь последнего числа сентября экипаж провел на палубе. За короткое время все замкнутое пространство так сильно наполнилось удушливыми газами, что двое людей, неосторожно отважившихся сойти вниз, тотчас упали без чувств на пол и только с большим трудом могли быть вынесены на палубу. Опущенный вниз зажженный фонарь мгновенно потух, несмотря на это в конце концов нашли только 25 крысиных трупов, а оставшиеся в живых размножились в таком количестве, что от них ничего больше уже нельзя было спасти. Тогда напали на новое средство. Самая умная и храбрая собака была спущена в трюм, главное пристанище их, чтобы водворить там порядок, но вскоре жалобный вой ее возвестил, что не она одержала верх над крысами, а крысы над ней. Ее вытащили и нашли, что ненавистные грызуны отъели у нее кожу на лапах. Впоследствии один эскимос вызвался перестрелять крыс постепенно стрелами и был настолько удачлив, что Кан, который приказал варить себе добычу, в продолжение долгой зимы постоянно имел свежий суп из крысиного мяса. Случайно была поймана лисица, и ее заперли в трюм: она, наконец, очистила судно от крыс*.

** Попадая в трюмах кораблей на отдаленные архипелаги, крысы становятся самыми страшными врагами местной фауны, развивавшейся в условиях отсутствия хищников и утраченной защитные приспособления. Множество эндемичных видов животных навсегда исчезли с лица земли благодаря крысам, невольно завезенным человеком. Во многих островных государствах внедряются программы по борьбе с крысами для спасения еще сохранившейся аборигенной фауны.*

Крысы во всяких телесных упражнениях великие мастера. Они бегают быстро и ловко, превосходно лазают, даже по довольно гладким стенам, мастерски плавают, с уверенностью выполняют прыжки на довольно далекое расстояние и очень хорошо роются в земле, хотя и не охотно занимаются этим продолжительное время. Более сильный пасюк, по-видимому, еще ловчее черной крысы, по крайней мере плавает он гораздо лучше. Его способность нырять почти так же велика, как у настоящих водных животных. Он смело может отправляться на рыбную ловлю, так как в воде достаточно проворен, чтобы преследовать даже настоящих жителей влажной стихии. Иногда он поступает так, как будто бы вода была его настоящим местожительством. Будучи испуган, он мгновенно спасается бегством в реку, пруд или канаву и, если нужно, не останавливаясь, переплывает широчайшее водяное пространство или в течение нескольких минут бежит вперед по дну реки*. Черная крыса поступает так лишь в самом крайнем случае, однако владеет искусством плавания также очень хорошо. Впрочем, у крыс отнюдь нет недостатка в мужестве; они защищаются против всякого рода преследователей и даже нередко бросаются на человека, если он очень притесняет их.

** Серые крысы природных популяций тяготеют к поймам и берегам водоемов, фактически ведут полуводный образ жизни. Основу их питания составляют рыба, моллюски, лягушки, ракообразные.*

Между чувствами крыс на первом плане стоят слух и обоняние, особенно превосходен первый, но зрение также не дурно, а вкус их слишком часто обнаруживается на деле в кладовых, где крысы всегда умеют выбрать себе самую лакомую пищу. Относительно их умственных способностей мне, после всего сказанного, остается прибавить уже немного. У них положительно нельзя отрицать ум, а еще менее расчетливой хитрости и известного рода лукавства, с которыми они умеют избегать самых разнообразных опасностей и добывать желаемый лакомый кусочек. Уже много раз рассказывали о способе, при помощи которого они уносили яйца, не разбивая их по дороге. Сомнения, могущие возникнуть относительно практикуемого ими способа, не имеют более основания после того, как натуралист Далла-Торре, сообщил в 1880 году следующий, лично им виденный случай: «В погребе одного дома в Инсбруке нынешней зимой то и дело стало пропадать по нескольку яиц, сохраняемых там на это время года. Подозрение прежде всего, конечно, пало на служанку, ко-

торая тогда всячески стала стараться доказать свою невинность, но напрасно. Находясь в таком щекотливом положении, она стала подстерегать крыс и сделалась свидетельницей воровской уловки, которую они употребляли, чтобы доставать яйца. Яйца были сложены в кучу, из норки вышла сначала одна крыса-лакомка, а вскоре вслед за ней другая. Тут первая схватила одно яйцо передними лапами и с помощью второй отодвинула его несколько в сторону, насколько они могли сделать это несколькими сильными толчками. Потом первая крыса схватила яйцо передними конечностями и крепко обхватила его наподобие пауков, несущих яичный мешок. Понятно, что она теперь не могла больше двигаться, так как передние лапы должны были крепко держать добычу. Тогда вторая схватила в рот хвост первой и с большой поспешностью и безостановочно потащила ее к норе, откуда они вышли. Вся операция, подготовленная, как можно было заключить по числу исчезнувших яиц, большим количеством упражнений, продолжалась минуты две, не более. Час спустя, после того как воровская парочка исчезла со сцены, она появилась снова, несомненно с той же целью, и благодаря любезному приглашению семейства, где случилось только что описанное, я имел случай быть очевидцем этой проделки, которая, по уверениям служанки, всегда разыгрывалась одинаковым образом. Здесь было бы кстати произвести наблюдения над умом и инстинктом животных и существующим между ними различием, Я позволю себе только заметить, что довольно распространенное здесь в краю мнение, что сурки подобным же образом сносят или, скорее, стаскивают себе запасы сена, вовсе не неправдоподобно, так как и те, и другие, как грызуны, могут иметь и одинаковые обычаи». Однако относительно сурков мы, во всяком случае, будем держаться высказанных нами выше сомнений, пока и на этот счет не будет надежных наблюдений.

У некоторых крыс в случае большой опасности была наблюдаема особенная хитрость. Они притворяются мертвыми, как то делает опоссум. Мой отец поймал однажды крысу, которая без движения лежала в крысоловке и позволяла себя в ней трясти во все стороны. Но еще блестящий глаз ее был слишком ясным признаком жизни для того, чтобы такой знаток-наблюдатель мог быть обманут. Отец мой вытряхнул фокусницу из ловушки на дворе, но сделал это в присутствии ее злейшего врага — кошки, и вот мнимоумершая тотчас ожила и опомнилась и хотела удрать как можно скорее, но киска села ей на шею прежде, чем та успела сделать один шаг.

Спаривание сопровождается громким шумом, писком и криком, так как влюбленные самцы жестоко сражаются за обладание самками. Приблизительно через месяц после случки самки мечут от 5 до 22 детенышей, маленьких премиленьких зверьков, которые понравились бы каждому, не будь они крысами*.

** Колония крыс состоит из нескольких семей, включающих самца, одну или нескольких самок и их потомство. Семьи имеют общую кормовую территорию, но самцы охраняют участки с гнездовыми камерами своей семьи. Размножаются крысы круглый год, более интенсивно весной и летом. В году бывает до 3 выводков, в среднем по 7 детенышей (от 1 до 17), крысята через 3-4 месяца уже покидают семью и становятся половозрелыми. У крыс выработались естественные ограничители рождаемости, возможно, на гормональном уровне. Известно, что в стабильных популяциях размножается одновременно не более 20% самок.*

Содержащиеся в неволе крысы при хорошем уходе становятся до того ручными, что позволяют себя не только трогать, но играют с детьми, приучаются выходить и входить в дом, бегать по двору и саду, следуют за своим воспитателем как собаки, приходят на зов, короче говоря, становятся домашними или комнатными животными в лучшем смысле слова**.

*** Опыты, с ручными и дикими крысами показали, что они отличаются необычайной смышленостью, способны легко обучаться, подстраивать свое поведение под самые разнообразные и меняющиеся условия. Многие из описанных Бремов случаев подтверждают это. Благодаря своим способностям, ярко выраженным индивидуальным чертам поведения, «культурные» крысы необычайно интересны и привлекательны в качестве домашних любимцев.*

У свободно живущих крыс случается иногда особая болезнь. Несколько их срастаются между собой хвостами и образуют тогда так называемого «крысиного короля», которого в старину представляли себе, конечно, совсем иначе, чем теперь, когда его можно видеть в том или другом музее. Прежде думали, что крысиный король, украшенный золотой короной, сидит на группе тесно сросшихся крыс, как на троне, и отсюда управляет всем крысиным царством. Достоверно лишь то, что иногда находят большое количество крыс, перепутавшихся друг с другом хвостами, которых из сострадания кормят другие крысы, так как они сами двигаться не в состоянии. В Альтенбурге сохраняют одного такого «крысиного короля», состоящего из 27 крыс; в Бонне, у Шнепфенталя, во Франкфурте, в Эрфурте и в Линденау близ Лейпцига найдены были другие подобные «короли».

Последний официально подробно описан, и я считаю не лишним привести здесь содержание относящихся сюда актов.

"Января, 17 дня 1774 года в земский суд в Лейпциге явился Христиан Кайзер, батрак с мельницы в Линденау, и заявил, что в прошлую среду рано утром на мельнице в Линденау он поймал «крысиного короля» из 16 штук крыс, сросшихся друг с другом хвостами, которого он, так как последний хотел прыгнуть на него, тотчас бросил о землю и убил. Этого крысиного короля Иоганн Адам Фасгауер из Линденау под предлогом, что хочет срисовать его, унес у его хозяина, Товия Егерна, мельника в Линденау, не хотел отдать его назад, и с того времени при помощи его заработал много денег, поэтому он всепокорнейше просит суд принудить *cum expensis* Фасгауера возвратить ему тотчас крысиного короля и заплатить все заработанные на нем деньги.

Февраля, 22 дня 1774 года он снова явился в земский суд.

Христиан Кайзер, батрак с мельницы в Линденау показал: «что он в самом деле января 12 дня на мельнице в Линденау поймал крысиного короля из 16 штук крыс. Указанного числа он услышал на мельнице, а именно под полом верхнего этажа, у лестницы, шум, после чего поднялся в том месте вверх по лестнице и увидел в отверстии подполья несколько выглядывавших оттуда крыс, которых и убил куском дерева. Затем он приставил к этому же месту лестницу, чтобы посмотреть, нет ли там еще крыс, и сбросил этого крысиного короля с помощью топора на пол; многие из крыс были еще живы, хотя и упали с высоты, но он, некоторое время спустя, убил также и этих. Шестнадцать штук крыс крепко переплелись друг с другом, а именно 15 штук — хвостами, 16-я же своим хвостом приросла к волосам на спине другой. При падении с верхнего этажа ни одна из них не отделилась от других, после этого же многие еще некоторое время были живы и прыгали, однако этим способом не могли оторваться друг от друга. Они так крепко переплелись между собой, что он не думает, чтобы было возможно оторвать их друг от друга, или, по крайней мере, что это можно было бы сделать лишь с большим трудом, и т. д.» Затем следуют еще несколько других свидетельских показаний, которые подтверждают сказанное. В конце находится описание врача и хирурга, которые по требованию земского суда подробно исследовали дело. Врач сообщает об этом следующее: «Чтобы убедиться в том, чему можно верить из рассказа о крысином короле, передаваемом многими с большими прикрасами, я отправился 16 января в Линденау и там нашел, что в шинке «Почтовая труба», в прохладной комнате на столе лежало 16 штук мертвых крыс, из них 15 штук до того перепутались между собой хвостами, что последние образовали толстый узел, напоминая собой веревку о нескольких концах, а многие из хвостов совершенно запутались в этом узле на расстоянии около 1-2 дюймов от туловища. Головы их были направлены к периферии, а хвосты к центру образованного ими узла. Возле этих тесно друг с другом соединенных крыс лежала шестнадцатая, которая, по заявлению стоявшего тут живописца Фасгауера, была оторвана от узла. Для удовлетворения своего любопытства я менее всего занимался расспросами, тем более, что на вопросы то и дело приходивших туда посетителей, дивившихся чуду, давались самые нелепые и смешные ответы; я только исследовал туловища и хвосты крыс и нашел: 1) что все эти крысы имели совершенно естественное строение головы, туловища и четырех ног; 2) что по окраске некоторые были пепельно-серые, другие несколько темнее, третьи почти совершенно черные; 3) что некоторые были величиной с целую ладонь; 4) что толщина и ширина их была пропорциональна длине, однако так, что они казались более истощавшими, чем откормленными; 5) что хвосты их можно было считать длиной немногим более или менее лейпцигского локтя; они были немного грязны и сыры.

Когда я при помощи кусочка дерева приподнял узел и висевших на нем крыс, то очень ясно заметил, что не представляло бы особого труда отодрать друг от друга некоторых из перепутанных между собой хвостов, но присутствовавший при этом живописец с некоторым негодованием удерживал меня от этого. У упомянутой выше шестнадцатой крысы я ясно заметил, что ее хвост без малейшего повреждения находится при ней и что, значит, она была отделена от остальных без всякого труда. Взвесив все эти обстоятельства со всевозможной тщательностью, я пришел к полнейшему убеждению, что означенные 16 крыс не представляют собой никакого особенного «крысиного короля», а просто известное число крыс различной величины, толщины и масти, а также (по моему мнению) разного возраста и пола. Относительно того, как происходит переплетение между собой крыс, я представляю себе дело так: за несколько дней до открытия этого гадкого сборища крыс наступивший очень суровый холод заставил этих животных столпиться в один угол, чтобы согреться, лежа друг возле друга или друг на друге; несомненно, они приняли такое направление, что хвосты были направлены более наружу, а головы к месту, более защищенному от влияния мороза. Не послужили ли испражнения выше сидящих крыс, падая по необходимости на хвосты низших, причиной того, что хвосты смерзлись? Не возможно ли таким образом, что крысы, у которых хвосты

смерзлись, желая отправиться за едой, не могли освободиться от других и образовали столь крепкое сплетение, что потом даже при наступлении опасности для жизни не были в состоянии оторваться от других? По требованию высоко почтенного земского суда я откровенно изложил здесь свои мысли, а также то, что, согласно этому докладу, мы с господином Эггольденом нашли при исследовании и в подлинности чего мы с ним собственноручно подписались».

Возможно, что скопления подобного рода встречаются чаще, чем думают, но находят их весьма немного, ибо в большинстве местностей суеверие настолько велико, что всякого найденного крысиного короля уничтожают возможно скорее.

Средства, которые уже употреблялись для истребления крыс, неисчислимы. Против них ставятся ловушки всевозможных сортов, и временно помогает немного всякий способ охоты. Если животные замечают, что их сильно преследуют, то они нередко выселяются, но водворяются снова, когда гонение ослабевает. Если они снова вернулись, то за короткое время размножаются в такой степени, что прежняя мука возобновляется в полной силе. Самыми обыкновенными средствами для их истребления остаются яды различных сортов, которые ставят на излюбленных крысами местах, но помимо того, что, отравляя животных, причиняют им самую ужасную и мучительную смерть, средства эти все-таки опасны, ибо крыс иногда рвет, этим они отравляют хлеб или картофель и могут таким образом сделаться опасными для других животных и даже для людей. Гораздо лучше давать им смесь солода и негашеной извести: она возбуждает в них жажду и влечет за собой смерть, после того, как они выпьют должное количество воды, необходимое для погашения извести.

Лучшими истребителями крыс остаются во всех отношениях их естественные враги, прежде всего совы, ласки, кошки и собаки-крысоловы, хотя часто случается, что кошки не осмеливаются нападать на крыс, особенно на пасюков. Дене видел в Гамбурге на берегу каналов собак, кошек и крыс, гуляющих вместе, причем ни одно из упомянутых животных и не думало объявлять другому войну, и мне лично известны многие примеры того, что кошки не обращают никакого внимания на крыс. Как между другими домашними животными, так и между кошками есть хорошие породы, члены которых страстно предаются охоте за крысами, хотя им сначала приходится много потрудиться, чтобы одолеть этих зубастых грызунов. Едва ли меньшую услугу приносят хорек и ласка, первый в доме, вторая в саду и в конюшнях.

Пасюк (Rattits twrvegicits)

Против этих хищников, которые также таскают то яйцо, то цыпленка, то голубя и даже курицу, еще можно защититься, заперев крепче хлев, но против крыс всякая защита напрасна, и потому следовало бы холить и оберегать этих стройных хищников, где только возможно.

В заключение я опишу на пользу и в назидание многих из моих читателей мышеловку, которая, правда, не делает чести человеческому сердцу, но зато действует превосходно. В местах, часто посещаемых крысами, например, между конюшнями, вблизи отхожих мест, шлюзов и других, выкапывают яму в 1,5 метра глубины и выкладывают ее внутри гладкими каменными плитами. Четырехугольная плита в один квадратный метр образует основание, 4 других, более узких сверху, образуют стены. Яма должна быть наверху наполовину уже, чем внизу, так, чтобы стены нависали со всех сторон и отнимали бы у попавших туда крыс возможность выкарабкаться обратно. Затем на дно наливают растопленное сало, разбавленный водой мед и другие сильно пахучие вещества, ставят туда глиняный сосуд с узким отверстием сверху, мажут его медом и наполняют кукурузой, пшеницей, коноплей, овсом, жареным салом и другими лакомствами. Потом насыпают на дно ямы немного рубленой соломы и наконец кладут решетку над отверстием, чтобы случайно не упали в него курица или какое-либо другое молодое неловкое домашнее животное. Теперь все готово и ни о чем больше не нужно заботиться. «Приятный запах и теплая сечка из соломы — говорит Ленц, — побуждают крысу весело и в приятном ожидании прыгнуть вниз. Там все пахнет так прекрасно: и салом, и медом, и сыром, и зернами, но приходится довольствоваться только запахом, ибо во внутренность горшка нельзя пробраться и ничего другого не остается, как только одному пленному пожираться другого». Первая, упавшая вниз крыса, понятно, скоро начинает ощущать голод и тщетно старается выбраться из ужасной тюрьмы, затем падает сверху вторая. Начинают взаимно обнюхиваться, может быть, они и советуются, как тут быть, но первая пленница слишком голодна, чтобы пускаться в долгие рассуждения. Начинается страшная драка, борьба не на жизнь, а на смерть, и одна пленница умерщвляет другую. Если остается победительницей первая, то она моментально набрасывается на труп подруги, чтобы пожрать его, если же победила вторая, то происходит тоже самое несколькими часами позже. Только крайне редко можно найти трех крыс разом в этой ловушке, а на следующий день, уже наверное, не хватит одной из них. Короче говоря, одна пленница съедает другую, а яма остается довольно чистой, хотя представляет собой пещеру смерти в самом ужасном значении этого слова.

Более простая, но точно так же постоянно действующая и гораздо менее жестокая ловушка состоит из прямо поставленной, сверху открытой бочки, к краю которой ведет шероховатая планка. Поперек отверстия бочки укреплена на легко подвижном валике гладкая дощечка, снабженная снаружи небольшим грузом, благодаря которому она очень легко опрокидывается, но тотчас же опять выпрямляется. На конце, удаленном от планки, на дощечке укрепляется на проволоке кусочек жаренного сала таким образом, что его нельзя достать с края сосуда. Привлекаемые запахом крысы бегут по планке вверх и всходят на дощечку, чтобы достать приманку: дощечка тотчас опрокидывается, и крыса падает в бочонок. В нем находится вода, но она покрыта слоем мелко изрубленной соломы, который настолько мешает крысе плавать, что она скоро утомляется и тонет. Эта ловушка действует превосходно, остается только вынимать погибших*.

** Ловушки не способны серьезно сократить численность крыс, поскольку умные животные скоро распознают подвох и избегают ловушек. Ко многим ядам у крыс постепенно вырабатывается иммунитет. Сейчас для дератизации применяют в основном антикоагулянты и вещества, приводящие к бесплодию.*

Мыши гораздо меньше и милевиднее этих противных длиннохвостых домашних воров, хотя и они, несмотря на свою красивую наружность и на веселый, милый нрав, являются злыми врагами человека и преследуются им почти с такой же ненавистью, как их большие и более противные родители.

Смело можно сказать, что сидящую в клетке мышь всякий найдет прелестной, и даже дамы, которые обычно ощущают сильный, хотя совершенно безосновательный страх, если в погребке или на кухне мышь перебежит им дорогу, и те должны признать ее за прелестное создание, когда поближе познакомятся с ней. Но, конечно, острые резцы и страсть лакомиться у мышей так сильно развиты, что могут исполнить гневом и жадной мести даже кроткое сердце женщины. Уж слишком неприятно постоянно опасаться за все съестные припасы, даже когда они находятся под замком; слишком возмутительно не иметь в доме ни одного места, где бы можно было быть полным хозяином и где бы не докучали эти назойливые, маленькие гости! А так как мыши умеют пролезть всюду и проникают даже в места, недоступные крысам, то они возбудили против себя целую войну преследования, которая вряд ли когда-либо прекратится.

Домовая мышь (*Mm musculus*) по своему внешнему виду еще имеет некоторое сходство с черной крысой, однако она гораздо красивее, части тела у нее более пропорциональны, и ростом она значительно меньше. Вся длина ее приблизительно 18 см, из которых 9 см приходятся на туло-

вище. Хвост имеет 180 чешуйчатых колец. Она одноцветная: желтоватый, серовато-черный цвет верхней части тела и хвоста переходит мало-помалу в более светлую нижнюю часть, ноги и пальцы желтовато-серого цвета.

Домовая мышь (*Mus musculus*)

Лесная мышь (*Sylvaemus sylvaticus*) * достигает 20 см длины, хвост ее, состоящий приблизительно из 150 чешуйчатых колец, имеет 11,5 см длины.

* Лесная мышь населяет всю Европу на восток до Белоруссии и Украины, в России же ее сменяет близкий вид — малая лесная мышь (*S. uralensis*). Род лесных мышей включает до 12 очень похожих видов, частично замещающих друг друга в умеренной зоне и субтропиках Евразии. Брем дает обобщенный образ представителя рода.

Мышь эта двухцветная, верхняя часть туловища и хвоста светло-серо-бурого цвета, нижняя часть, ноги и пальцы — белые, и цвет их резко отличается от цвета спинки. Оба эти вида отличаются от следующего своими более длинными ушами. У следующего вида уши достигают приблизительно только трети длины головы и, будучи с боку прижаты к голове, не доходят до глаз, тогда как у первых они имеют половину длины головы и, прижатые к голове, доходят до глаз.

Полевая мышь (*Aradenms agrarius*)** достигает 18 см длины, хвост имеет 8 см.

** Полевая мышь наиболее распространенный из 9 видов рода полевых мышей. Раньше в этот род включали и мышей лесных.

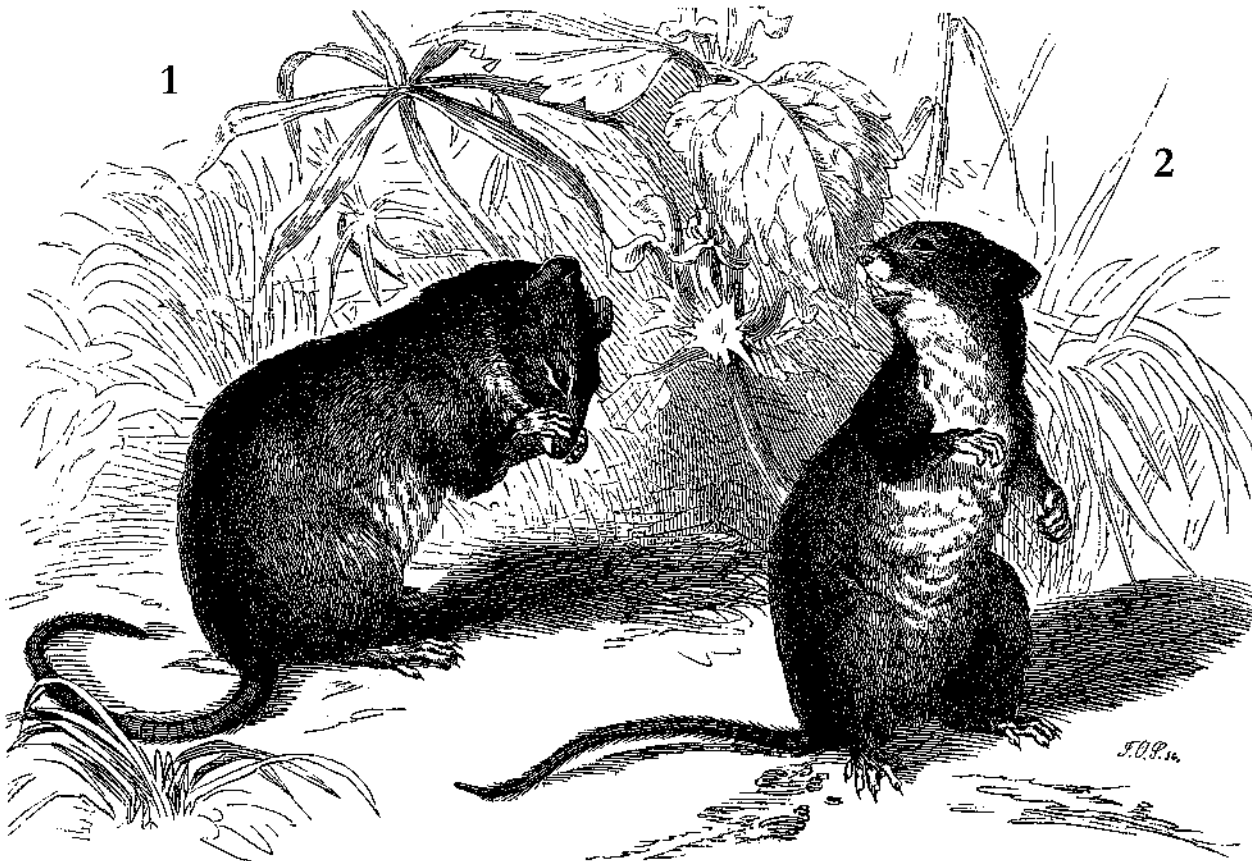
Она трехцветная: верхняя часть туловища рыжевато-бурая с черными полосами вдоль спины, нижняя часть и ноги белые и резко отличаются от верхней части туловища. Хвост имеет около 120 чешуйчатых колец.

Все эти мыши необыкновенно походят друг на друга в отношении своего местопребывания, нрава и образа жизни, хотя как та, так и другая имеют свои особенности. В одном отношении они сходятся все три: они выказывают, по крайней мере иногда, большую любовь к человеку. Эти породы часто встречаются в домах, начиная с погреба и до чердака, особенно зимой, а домовая мышь чаще других***. Ни одна из них не привязана исключительно к месту, от которого получила свое название: лесная мышь одинаково охотно живет как в амбарах или домах, так и на поле, а полевая мышь так же мало ограничивает свое местопребывание полем, как домовая — жилищем человека, так что при случае можно видеть все три вида вместе. Домовую мышь уже с древнейших времен должно считать самым верным спутником человека.

* * * *Лесные мыши зимой часто переселяются в жилища человека, но полевая мышь обычно остается зимовать в естественных местобитаниях.*

Уже Аристотель и Плиний упоминают о ней, а Альбертус Магнус знаком с ней хорошо. В наше время она распространена по всей земле. Она пробралась вслед за человеком и следовала за ним на крайний север и в хижины высочайших Альп. По всей вероятности, в настоящее время найдется мало мест, где бы ее не было; вероятнее, что ее там еще не заметили. На Зондских островах, например, она еще не попадалась. Ее местопребыванием служат все части человеческих жилищ. В деревне она живет иногда на воле, в саду или в ближайших полях и рощах; в городе же она ограничивается исключительно жилым помещением и его пристройками. Здесь каждая щель, каждое углубление — словом, каждый уголок предоставляют ей надежное убежище, а отсюда она предпринимает свои набегии. Она бегает по земле с большой скоростью, превосходно лазает, делает довольно большие прыжки и двигается очень быстро и долгое время короткими скачками.

За ручной мышью можно наблюдать, как ловко она проделывает все эти движения. Если она лезет по косо протянутой кверху бечевке или пруту, то каждый раз, когда боится упасть, быстро обвивает свой хвост вокруг веревки, подобно настоящим цепкохвостым животным, снова возвращается в положение равновесия и бежит дальше; если ее посадить на очень гибкий стебелек, то она взбирается по нему до самого верха, и если стебель нагибается, то мышь прицепляется к нижней его части и затем медленно спускается вниз без малейшего затруднения. Она умеет также плавать, хотя в воду идет только в крайнем случае. Если ее бросить в пруд или ручей, то можно видеть, что она плавает почти с такой же быстротой, как водяная крыса, и устремляется к первому сухому месту, чтобы взобраться на него и снова достигнуть суши.

1. Полевая мышь (*Apodemus agrarhts*) 2. Лесная мышь (*Syivaemus sylvaticus*)

Чувства у нее развиты превосходно: она слышит малейший шум, обоняние имеет острое и чует на далекое расстояние, видит хорошо, днем, может быть, еще лучше, чем ночью. Умственные способности делают ее истинным любимцем того, кто стремится познать жизнь животного. Она добродушна и беззаботна и ничуть не похожа на своих злых, коварных и задорных сестер — крыс, любопытна и исследует все основательно, весела и умна, очень скоро смекает, где ее шадят, и со временем так привыкает к человеку, что перед его глазами бегает взад и вперед и справляет свои домашние дела, как будто не существует для нее никакой опасности.

В клетке она уже через несколько дней становится ручной; даже старые мыши довольно скоро осваиваются с человеком, а пойманные молодыми превосходят своим добродушием и беззаботностью большинство других грызунов, которых содержат в неволе. Приятные звуки выманивают ее из

убежища и заставляют забывать всякий страх. Она появляется среди бела дня в комнатах, где играют на каком-нибудь инструменте, а места, где постоянно звучит музыка, становятся ее любимейшим местопребыванием.

Все приятные качества нашей сожительницы, к сожалению, значительно умяются ее жадностью и нахальством. Трудно представить себе животное более лакомку, чем домашняя мышь, которая может распорядиться с полным произволом припасами кладовой. Она доказывает самым наглядным образом, что чувство вкуса у нее развито прекрасно. Она безусловно предпочитает сладости всякого рода, молоко, мясо, сыр, жир и зерна, а если ей предоставлен выбор, то из всего выбирает самое лучшее. Острые резцы ее делают ее еще более ненавистной всем. Она умеет пробить себе путь всюду, где чует что-нибудь съестное, и ей ничего не стоит проработать несколько ночей сряду, чтобы прогрызть даже крепкие дубовые двери. Если она находит много пищи по своему вкусу, то уносит ее запасец в свою норку и с торопливостью скряги собирает и умножает свои сокровища. «В тех местах, где ее мало беспокоят, — говорит Фитцингер, — иногда можно найти целые кучи грецких или обыкновенных орехов, нагроможденных на пол-локтя высоты по углам; они так правильно и аккуратно сложены и покрыты разными обрезками бумаги или материи, что едва ли в этом кто-нибудь мог подозревать работу мыши». Воды она вовсе не пьет, если может раздобыть другие сочные съедобные вещества, но и при сухой пище пьет только изредка, наоборот, с наслаждением лакает всякого рода сладкие напитки. Что она набрасывается и на спиртные напитки, как это делает иногда лесная мышь, доказывает одно наблюдение, которое мне сообщил лесничий Блок. «Однажды, приблизительно в 1843 году, в то время, когда я писал, меня потревожил шум, и я увидел мышь, которая по гладким ножкам небольшого стола взбиралась наверх. Вскоре она очутилась наверху и усердно стала подбирать крошки, которые лежали на тарелке после завтрака. Посреди тарелки стояла тоненькая рюмка, наполовину наполненная кюмелем. Одним прыжком мышка очутилась на краю рюмки, нагнулась вперед, усердно стала лакать и затем спрыгнула вниз, выпив предварительно еще немного этого сладкого яда. Потревоженная шумом с моей стороны, она одним скачком спрыгнула со стола и исчезла за шкафом со стеклянной посудой. Теперь, казалось, спирт стал действовать на нее, так как тотчас же она появилась снова и начала выделывать презабавнейшие движения, стараясь, хоть и напрасно, еще раз взобраться на стол. Я встал и подошел к ней, но не спугнул, а принес кошку; тогда мышь на одно мгновение убежала, но тотчас появилась снова. Кошка спрыгнула с моих рук на землю, и пьяненькая мышка очутилась у нее в когтях».

Вред, который причиняет домовая мышь, пожирая различные съестные припасы, в общем незначителен, самый существенный вред их состоит в том, что они изгрызают ценные предметы. В библиотеках и в естественно- исторических собраниях мыши хозяйничают самым губительным образом и могут причинить неизмеримый вред, если всеми силами не положить предел их страсти к разрушению. Кажется, что они грызут что-нибудь только из шалости, и очень вероятно, что это случается чаще тогда, когда мыши мучаются от жажды, чем в тех местах, где они имеют, чем утолить ее. Поэтому в библиотеках, кроме зерен, которые для них заготавливают, ставят им также и сосуды с водой — одним словом их положительно поят и кормят за казенный счет*.

** Домовая мышь действительно всеядна, зверьки природных популяций, например курганчиковая мышь, летом охотно поедают насекомых, зимой переходят на зерно. Зимние запасы корма у курганчиковой мыши, находящиеся в нескольких помещениях сложной норы внутри курганчика насыпной кучи земли порой достигают 10 кг. Домовая мышь серьезный сельскохозяйственный вредитель, переносчик эпидемических заболеваний.*

Домашняя мышь размножается необыкновенно быстро. Она рождает спустя 22-24 дня после случки от 4 до 6, редко 8 детенышей, а в течение года наверное от 5 до 6 раз, так что непосредственное потомство одного года доходит по меньшей мере до 30 голов. Самка разрешается от бремени в каждом углу, лишь бы он имел мягкую подстилку и обеспечивал некоторую безопасность. Нередко находят гнездо в выдолбленном хлебе, в брюкве, в карманах, в человеческих черепах и даже в мышеловках. Обычно оно состоит из соломы, сена, бумаги, перьев и других предметов, тщательно собранных вместе; случается, однако, что подстилкой служат только опилки и даже ореховая скорлупа. Мышата, только что родившиеся на свет, необыкновенно малы и совсем голые, прозрачные, но растут быстро; между седьмым и восьмым днем они покрываются волосами, но только на тринадцатый день становятся зрячими. Тогда они остаются в гнезде еще дня два, не более, а затем самостоятельно отправляются добывать пищу. Старая мышь обращается с ними очень нежно и ради них сама подвергается опасности**.

*** В популяциях домовых мышей царит строгая иерархия. Самец-доминант доказывает свое превосходство стычками с другими самцами. Размножаются мыши круглый год. прино-*

ся до 5 помётов по 3-7 детенышей (до 15). Беременность длится 17—21 день, половозрелость наступает в возрасте 2 месяцев. В природе мыши живут обычно 5—13 месяцев, в неволе максимальный срок жизни — 6 лет. Существуют циклы численности, с массовым размножением через 3-4 года.

Домашним животным, в собственном значении этого слова, обыкновенная мышь сделалась у жителей Китая и Японии, которые довели до высокой степени совершенства разведение животных и растений. Гааке сообщает нам следующее о мышах, доставляемых нам в последнее время оттуда. «Время от времени я получаю от одного торговца животными две различных породы домашних мышей. Торговец называл одних китайскими лазающими мышами, а других японскими танцующими мышами. Первые отличаются исключительно своей разнообразно меняющейся окраской, так как лазать они, кажется, умеют не лучше других мышей. Окраска же в высшей степени разнообразна. Наряду с одноцветно-серыми, бледно-желтыми и белыми, у меня были и пегие, серые с белым, черные с белым, желтые с белым и голубые с белым. У желтых и белых, а также у желтовато и голубовато-белых мышей всегда красные глаза, у серых же и у черных с белым — никогда. Трехцветные мыши, кажется, очень редки. Известно, что и у нас встречаются белые, черные и желтые мыши, а иногда и пегие. Китайцы воспользовались этой разнообразной окраской мышей, чтобы удовлетворить свою страсть к воспитанию животных странного вида.

Японцы, не меньшие любители разведения животных, сумели сделать из мыши поистине удивительное животное. Японская мышь, справедливо названная мышью-танцовщицей, встречается также разнообразной окраски, у меня были черные и желтые с белым, также серые и голубые с белым. От обыкновенной мыши она отличается меньшей величиной и удлинённой головой. Но главный ее характерный признак заключается во врожденной привычке с бешеной быстротой описывать круги или с невероятной скоростью кружиться на одном месте. На такой танец часто сходятся две, редко три мыши, танец обычно начинается в сумерки и время от времени возобновляется ночью, по большей же части он исполняется в одиночку, и неутомимые танцовки движениями своими совершенно очищают некоторые места пола своей клетки от покрывающего его толстого слоя опилок. И при обыкновенных движениях эта мышь выказывает свою живую натуру. Она с быстротой молнии, по-видимому, бесцельно, поворачивается то туда, то сюда и беспрестанно мордочкой обнюхивает воздух. Один торговец, с которым я разговаривал о танцующих мышах, вероятно на основании слышанного, старался истолковывать себе наследстве иную страсть этих жи ВОТН БИХ по-своему. Он утверждал, будто танцующие мыши происходят из Перу и устраивают себе гнезда в зрелых плодах хлопчатника и кружатся для того, чтобы образовать в мягкой вате пустоту, вследствие этого мышью-танцовщицу называют также «хлопчатниковой мышью». Во всяком случае она происходит, так же как и лазающая мышь, из Японии или Китая, хотя мне не удалось добыть на этот счет более точных сведений. В книгах и временных изданиях я ничего не мог найти относительно домашних мышей китайцев и японцев»*.

* Выведено много «культурных» пород домашней мыши, использующихся как декоративные комнатные и лабораторные животные. Белая мышь-альбинос самое распространенное лабораторное животное в мире.

Самым злейшим врагом домашней мыши всегда была и останется кошка. В старых постройках верной помощницей ее является сова, а в деревне оказывают хорошие услуги хорек и ласка, еж и землеройка, во всяком случае лучшие, чем всякого рода ловушки.

Лесная и полевая мышь разделяют большинство качеств домашней мыши. Первая, за исключением разве стран дальнего севера, распространена по всей Европе и средней Азии и в горах доходит до 1000 метров над уровнем моря. Она живет в лесах, по опушкам, в садах, реже также в открытых безлесных полях, а зимой любит забираться в дома, погреба и кладовые, но как только появляется возможность, взбирается наверх и бродит на чердаках и под крышами. В своих движениях она по меньшей мере так же ловка, как домашняя мышь, но отличается от нее тем, что прыгает большими скачками, наподобие тушканчиков, делает несколько прыжков подряд и затем только немного отдыхает**.

** Некоторые виды рода лесных мышей, например крупная и яркая желтогорлая мышь (*S. flavicollis*), тяготеют к широколиственным лесам, селятся в дуплах, хорошо лазают по деревьям.

По наблюдениям Радде, зрение у нее не очень развито; можно, осторожно подвигаясь вперед, приблизиться к ней на расстояние около 60 сантиметров и без особого труда убить ее. На воле она ест насекомых и червей, плоды, вишневые косточки, орехи, желуди, буковые орешки, а в случае

нужды также кору молодых деревьев. Она заготавливает себе также запас на зиму, но не подвержена зимней спячке и лакомится накопленными сокровищами только в ненастные дни*.

* *В питании лесных мышей преобладают калорийные растительные корма семена злаков, желуди, орехи. В норах желтогорлой мыши находили кчадовые с 4 килограммами лесных орехов.*

Лесная мышь два или три раза в год мечет по 4-6, реже по 8 голых детенышей, которые растут довольно медленно, а красивый, рыжевато-желтый оттенок своей шкурки получают только на второй год.

Границы распространения полевой мыши гораздо уже, чем у родственной ей пород, она живет от Рейна до западной Сибири, и от северной Гольштинии до Ломбардии. В Германии она почти везде очень обыкновенна, но на высоких горах отсутствует**.

* * *На север полевая мышь доходит до границы южной тайги. Ареал в Евразии разорван в области Байкала и Монголии на европейско-сибирскую и дальневосточно-китайскую части.*

Местопребыванием ее служат возделанные поля, опушки лесов, редкий кустарник, а зимой скирды хлеба, амбары и конюшни. Во время жатвы бывают видны целые скопления их, бегающих по жнивью. Паллас рассказывает, что в Сибири они иногда переселяются с места на место неправильными группами. В своих движениях полевая мышь гораздо менее ловка, а по нравам или гораздо добродушнее, или гораздо глупее своих родичей. Пища ее состоит главным образом из хлебных зерен, семян растений, луковиц, насекомых и червей. Она точно так же собирает запасы***.

* * * *Полевые мыши помимо семян охотно поедают насекомых, ягоды, зелень. На зиму они не делают больших запасов.*

Летом она три или четыре раза мечет от 4 до 8 детенышей.

Как ни красивы, как ни милостивы все маленькие мыши, как ни прелестно ведут они себя в неволе, но самый маленький вид этого семейства, **мышь-малютка** (*Micromys minutus*), все-таки превосходит других во всех отношениях. Она подвижнее, ловчее, веселее, словом, гораздо более привлекательный зверек, чем все остальные. В длину она имеет 13 см, из которых почти половина приходится на долю хвоста****.

* * * * *Мышь-малютка единственный представитель рода и, вероятно, один из самых мелких в мире грызунов. Ее масса составляет в среднем всего 6 г. (3,5-13 г.). От мышат других видов она отличается притуплённой мордочкой, небольшими ушами и глазами, полухватательным, покрытым волосами хвостом. В отличие от других мышей, малютка чаще активна днем.*

Окраска шерсти изменчива бывает двух цветов: верхняя часть тела и хвост желто-бурокрасные, брюхо и ноги совершенно белые, попадаются, однако, также более темные или светлые, более красные или бурые, сероватые или желтоватые; брюхо не особенно отличается от верхней части. Молодые зверьки имеют несколько иное телосложение, чем старые, и совершенно иную окраску тела, а именно, гораздо более серого цвета на спине.

Мышь-малютка издавна представляла собой загадку для зоологов. Паллас открыл ее в Сибири, в точности описал и довольно хорошо нарисовал, но после него почти каждый натуралист, которому она попадалась в руки, выдавал ее за новый вид, и каждый считал себя правым. Только благодаря непрерывным наблюдениям выяснилась та неопровержимая истина, что наша малютка действительно распространена от Сибири через всю Россию, Венгрию, Польшу и Германию до самой Франции, Англии и Италии и только в исключительных случаях не встречается в некоторых местностях. Она живет на всех равнинах, где процветает земледелие, но далеко не всегда водится на полях, а преимущественно в болотах, тростниках и камышах. В Сибири и в степях у подножия Кавказских гор она очень обыкновенна, в России, Англии, Гольштинии она встречается нередко. Но и в других странах Европы она иногда может попадаться во множестве*.

* *Малютка обитает по всей умеренной зоне Евразии, предпочитает луговины юга лесной зоны, лесостепь, по соответствующим высотным поясам проникает в горы юга Евразии до северной Индии и Вьетнама, На Кавказе встречается до 2200 м.*

Летом можно встретить этого милостивого зверька на хлебных полях, зимой же в громадном количестве под скирдами, а также в амбарах, куда они попадают вместе с зерном. Если она зимует в открытом поле, то, хотя и проводит в спячке часть холодного времени, однако никогда не впадает в полное оцепенение и поэтому летом заготавливает запасы в своих норах, чтобы можно было питаться ими во время нужды. Питается она тем же, чем и все остальные мыши: хлебом и семенами всевозможных трав и деревьев, а также всякого рода маленькими насекомыми.

В своих движениях мышь-малютка отличается от всех других видов этого семейства. Несмотря на ее незначительную величину, она бежит необыкновенно быстро и лазают с величайшим совершенством и ловкостью. Повиснув на тончайших веточках кустов и на стеблях трав, которые настолько тонки, что вместе с ней наклоняются к земле, она по ним бежит кверху, почти так же скоро бегают и по деревьям, причем с особенной ловкостью цепляется своим хорошеньким маленьким хвостиком. Она также одинаково хорошо умеет плавать и нырять. Таким образом она может жить повсюду.

Но величайшее совершенство она проявляет еще в другом отношении. Она художница, каких мало между млекопитающими, художница, которая может соперничать с самыми даровитыми птицами, потому что она строит гнездо, превосходящее красотой гнезда всех других млекопитающих. Она до того своеобразно выводит свою хорошенькую постройку, как будто переняла это искусство у птички. Смотря по характеру местности, гнездо или бывает устроено на 20-30 листьях осоки, верхушки которых расщеплены и так переплетены между собой, что окружают постройку со всех сторон, или оно висит на высоте 0,5-1 метра от земли свободно на ветвях куста, на стебле тростника и тому подобном, так что оно выглядит как бы висающим в воздухе. По наружности оно походит более всего на тупое яйцо, например, на очень круглое гусиное яйцо, которому приблизительно равно по величине**.

** * Гнездо имеет диаметр от 60 до 130 мм. Зимой зверьки переселяются в норы, в сельскохозяйственных ландшафтах предпочитают стога, скирды, иногда амбары.*

Наружная оболочка его всегда состоит из совершенно расщепленных листьев тростника или осоки, стебли которых образуют основание всей постройки. Малютка берет каждый листочек зубами в рот и несколько раз пропускает его между острыми, как иголка, концами, пока не разделит каждый отдельный лист на шесть, восемь или десять частей, как бы несколько отдельных волокон, затем все это необыкновенно тщательно свивается и переплетается друг с другом. Внутренность выстлана пленками тростника, пухом некоторых болотных растений, пушистыми сережками верб и цветочными кистями всякого рода. Сбоку в гнездо ведет маленькое отверстие, а если через него ощупать внутренность гнезда, то оно оказывается как вверху, так и внизу равномерно-гладким, чрезвычайно мягким и нежным на ощупь. Отдельные составные части его так плотно соединены и переплетены между собой, что гнездо действительно приобретает большую прочность. Если с искусным клювом птиц-строителей сравнить менее приспособленные орудия мышей, то на постройку их придется смотреть не без удивления, и работу мыши-малютки поставить выше построек многих птиц. Каждое гнездышко строится всегда главным образом из листьев того растения, на котором оно находится. Необходимым следствием этого является то обстоятельство, что снаружи гнездо имеет почти или совершенно такой же цвет, как и сам куст, на котором оно висит. Каждым из своих произведений искусства мышь-малютка пользуется только во время родов, которые продолжаются лишь короткое время, таким образом детеныши всегда покидают гнездо раньше, чем листья, окружающие его, успеют завянуть и принять вследствие этого отличную от гнезда окраску.

Полагают, что каждая мышь-малютка рождает два или три раза в год каждый раз по 5-9 штук детенышей. Старые матери строят свои гнезда всегда с большим искусством, чем молодые, но и у последних замечается уже стремление достигнуть искусства старых. Детеныши уже на первом году строят себе довольно затейливые гнезда и отдыхают в них. В своей великолепной колыбели они остаются до тех пор, пока не станут зрячими. Старая самка каждый раз тепло укрывает их или, лучше сказать, запирает вход в гнездо, когда ей приходится покинуть его, чтобы принести себе пищи. Между тем она уже опять сошлась с самцом своей породы и снова уже беременна, в то время как ей еще нужно кормить молоком своих детенышей. Затем, как только они настолько подрастут, что могут кое-как прокормить себя, старая самка предоставляет их самим себе, пробыв их руководителем и советчиком самое большее несколько дней*.

** Большинство зверьков живет всего 2-3 месяца, так что до зимы доживают лишь молодые из последнего выводка.*

Если кому-нибудь посчастливится быть поблизости как раз в то время, когда старая самка в первый раз выводит своих детенышей, то ему представится случай насладиться одной из самых привлекательных семейных картин из жизни млекопитающих.

Всю эту деятельность можно наблюдать с большим удобством, если взять все гнездо к себе домой и поместить его в клетку с частой проволочной сеткой. Мышей-малюток содержать легко, если давать им коноплю, овес, груши, сладкие яблоки, мясо и комнатных мух, и они своим приятным нравом в тысячу раз вознаграждают труды человека, который и ухаживает за ними**. Молодые мышата очень скоро становятся ручными, но пугливыми по мере того, как взрослеют, если не зани-

маться ими особенно часто и с прилежанием. С наступлением того времени, когда они на воле прячутся в свои убежища, они становятся очень беспокойными и всячески стараются убежать, совершенно подобно тому, как это делают перелетные птицы, когда приближается время отлета. В марте они также выказывают особое желание удалиться из клетки. В общем же они скоро свыкаются с новыми условиями жизни, весело принимаются за постройку своих искусных гнезд, берут листья и протягивают их лапками через рот, чтобы расщепить, приводят в порядок и переплетают их между собой — словом, стараются устроиться как можно лучше.

* * *Основу питания мышей-малюток составляют семена, летом также насекомые, вегетативные части растений. На зиму делают небольшие запасы пищи. Малютка очень прожорлива, за сутки съедает около 5 г. корма, что лишь немногим меньше ее веса.*

Один из красивейших видов этого семейства это **полосатая, или варварийская, мышь** (*Lemniscomys barbarus*), зверек, достигающий около 22 см длины, включая сюда и хвост, длиной в 12 см*. Основной окраской туловища является красивый желтовато-коричневый или красноватый глиняно-желтый цвет. От головы, покрытой черными крапинками, до основания хвоста тянется черно-бурая продольная полоса, и много подобных же полос проходит, хотя и не в совсем прямом направлении, по бокам тела. Брюхо совершенно белого цвета. Уши покрыты красновато-желтыми волосками, черные усы оканчиваются большей частью белым кончиком. Хвост сверху черно-бурого, снизу желто-бурого цвета.

* *Около 9 видов полосатых мышей (род Lemniscomys) населяют тропическую Африку. Лишь варвари йская мышь в степе чаеся и к северу от Сахары в горах Марокко, доходя до высоты 2100 м.*

Варварийская мышь живет в северной и центральной Африке, особенно часто встречается в Атласских горах, однако попадает нередко в степях, лежащих внутри страны. Я наблюдал ее несколько раз в Кордофане, но видеть ее мне удавалось всегда только несколько мгновений, когда она быстро пробегала в высокой степной траве. «Подобно всем другим ее родичам, обитающим в степи, — рассказывает Буври, — арабы называют варвариискую мышь просто-напросто мышью пустыни, презирают и мало наблюдают ее. Туземцы поэтому ничего не могут сообщить про нее. Ее можно встретить вдоль всего Алжирского берега, преимущественно в каменистых странах, а также там, где цепи бесплодных возвышенностей ограничивают собой плодородные долины. На склонах холмов она вырывает себе ходы, ведущие в глубже лежащее помещение, там она складывает себе осенью запасы из хлебных колосьев и трав и питается ими по мере надобности в холодное или дождливое время года. Остающаяся от изгрызенных колосьев мякина идет на выстилку помещения. Смотря по времени года пища полосатой мыши состоит из хлебных зерен и семян или из других растительных веществ. Плоды, особенно садовые, составляют ее любимое лакомство: в ловушки, которые я расставлял и куда для приманки клал кусочек арбуза, я ловил многих. Ловит ли и ест ли она также насекомых, я не знаю. Нравом своим полосатая мышь во многом напоминает крыс. Она прожорлива, но также зла и, если дело коснется ее любви к супругу или детям, она не побоится прямо пойти на врага, превосходящего ее силой, с целью обратить его в бегство. В остальном она настоящая мышь и обнаруживает ту же гибкость, грациозность и ловкость в своих движениях, как и другие ее родичи. Относительно размножения ее мне ничего не известно»*.

* *Полосатые мыши активны днем, делают наземные гнезда из травы, иногда занимают норы других грызунов. Питаются растительными кормами, размножаются круглый год, либо во влажный сезон, принося до 4 выводков по 2-5 (до 12) детенышей.*

Полосатая, или варварийская мышь (*Lemniscomys barbarus*)

Из-за красоты ее тела варварийскую мышь часто привозят в Европу. Она очень хорошо переносит наш климат, так как и в своем отечестве ей приходится, по крайней мере некоторое время, переносить довольно значительный холод.

Семейство соневые

(*Myoxidae*)**

* * Соневые одна из самых древних групп современных грызунов. Большое количество подсемейств и родов при невысоком видовом богатстве указывает на реликтовость группы. Древесные формы похожи скорее на белок, наземные на мышей, у древесных форм развиты подошвенные мозоли для лучшего лазания, наружные пальцы могут противопоставляться остальным. В природе сони живут 2—6 лет. Шкурки крупных сонь считаются второстепенной пушниной.

По своему внешнему виду и по образу жизни сони близко стоят к белкам, но значительно разнятся от них некоторыми особенностями в строении тела. Они имеют узкую голову с более или менее заостренной мордой, довольно большие глаза и большие голые уши, вытянутое туловище, небольшие конечности и тонкие ноги, на передних лапах которых по четыре пальца, и вместо большого — бородавка с приплюснутым ногтем, а на задних — по пяти пальцев. Хвост средней величины, густой и перистый; мех также густой и мягкий. Передние зубы плоско закруглены, нижние с боков сжаты, четыре коренных зуба каждой челюсти имеют резко выделяющиеся корни и несколько довольно ровно обточенных, глубоко врезающихся в эмалевую поверхность поперечных бороздок. Череп похож скорее на мышиный, нежели на белчий.

До сих пор известно не больше дюжины отдельных видов этого семейства, все они принадлежат к жителям Старого Света. Местопребыванием своим они избирают холмистые и гористые местности, леса и кустарники, рощи и сады. Сони живут на деревьях и в дуплах, реже — в земляных норах, выкопанных ими самими, а также между корнями деревьев «ли в расщелинах скал и каменных стен, причем стараются запрятаться как можно глубже и дальше от глаз. Большинство днем спят и только рано утром и в вечерние сумерки выходят за добычей. Поэтому достать это животное довольно трудно и видеть можно только случайно. Но, выпавшись, они становятся крайне подвижными: отлично бегают и еще лучше лазают, хотя не могут делать таких больших прыжков, как белки.

В умеренных, странах с наступлением холодного времени года сони впадают в оцепенение и проводят зиму в сонном состоянии в гнездах. Многие из них собирают для этого времени пищевые запасы и едят их в перерывах от сна; другие же в этом не нуждаются, так как за лето и осень откармливаются и могут просуществовать за счет накопленного жира. Их пища состоит из плодов и

различных семян; многие, кроме того, едят насекомых, яйца и молодых птенцов. Во время еды они сидят по-беличьи на задней части тела и передними лапами подносят пищу ко рту.

Некоторые сони держатся обществами или, по крайней мере, парами; другие в высшей степени неуживчивы. Летом самка мечет в красивом гнезде от 4—5 детенышей, которых воспитывает с большой любовью. Пойманные молодыми, все сони становятся довольно ручными, только они не любят, чтобы до них дотрагивались руками, а старые звери совсем этого не выносят. Существенной пользы сони не приносят, а скорее даже вред, так как они занимаются хищничеством в наших садах; но их милость заставляет забывать разные провинности и завоевывает наше расположение, какого большинство их не заслуживают.

Семейство сонь подразделяют на четыре рода, из которых три имеют своих представителей у нас в Европе, тогда как четвертый род принадлежит Африке*.

* *Шесть видов африканских сонь рода Graphiurus населяют Африку к югу от Сахары, остальные сони обитают во внетропической Евразии: в Европе и Средиземноморье живут 7 видов, в аридных внутренних частях Азии — 4 вида, в горах Китая — 1 и в Японии — 1. В горы сони поднимаются до 4500 м над уровнем моря, в России — 4 вида из 4 родов.*

К первому роду принадлежит **соня-полчок** (*Myoxus glis*)**.

** *Полчок крупнейший представитель семейства. Длина тела до 19 см, хвоста до 16,5 см, масса около 170 г. Мягкий, довольно густой мех на спине одноцветный пепельно-серый, то с более светлым, с более темным черновато-бурым отливом; по сторонам тела он светлее. На животе и внутренней стороне ног, шерсть молочно-белого цвета с серебристым блеском. Вокруг глаз темно-бурое кольцо. Густой и перистый хвост буровато-серый с белой продольной полоской внизу.*

Это животное хорошо известно по имени, но не многим удавалось его внимательно рассмотреть. Каждый, изучавший древнюю историю, знает эту соню, как любимца римлян, которые имели даже особенные заведения для воспитания этих животных. Дубовые и буковые рощи обносили гладкими стенами, на которые не могли взлезть сони, и устраивали там различные норы для гнезд и спанья. Полчков вскармливали желудями и каштанами, а впоследствии для окончательного откармливания сажали в глиняные сосуды или кадки, называвшиеся глирариями. Раскопки Геркуланума познакомили нас воочию с этими глирариями: это были небольшие, полукруглые чаши с перегородками в виде выступов на внутренних стенках и закрывавшиеся сверху решеткой. В них сажали по несколько полчков, которым в излишке давали пищу. Откормив как следует, зверьков убивали, чтобы в качестве особенно лакомого блюда подавать к столу богатых гастрономов. Марциал даже воспел этих маленьких животных, в уста которых он вложил такие слова: «Зима, мы тебя просыпаем и чванимся своим дородством как раз в те месяцы, когда нас ничто, кроме сна не питает!» Полчок имеет в длину 16 см и хвост в 13 см.

Настоящая родина полчка — южная и восточная Европа. Область его распространения охватывает Испанию, Грецию, Италию, южную и среднюю Германию; в Австрии, Штирии, Каринтии, Моравии, Силезии, Богемии и Баварии этот зверек очень многочислен, а в Кroatии, Венгрии и южной России распространен решительно повсюду. На севере Европы, даже в северной Германии, Англии и Дании его уже нет. Живет он преимущественно в гористых местностях; сухие дубовые и буковые леса — любимое его местопребывание. Весь день он лежит, спрятавшись в дуплистых деревьях или в расселинах скал, в норах, выкопанных в земле между корнями деревьев, в оставленных норах хомяков или же, наконец, помещается в гнездах сорок и ворон; к вечеру выходит из своего убежища и всю ночь рыщет, отыскивая пищу; по временам забегает в нору, чтобы переварить съеденную пищу и немного отдохнуть, после чего снова отправляется за добычей и только к утру, редко когда после солнечного восхода, соединившись обыкновенно с самкой или с каким-нибудь товарищем, возвращается в свое убежище, чтобы залечь в нем на весь день. Во время ночных походов полчок проявляет большую подвижность, расторопность и оживленную деятельность; он с ловкостью настоящей белки лазает по деревьям и скалистым выступам, уверенно прыгает с ветки на ветку, сверху вниз, а по земле быстро бежит вприпрыжку. Однако видеть все это можно только в тех местах, где уже заранее открыто его местопребывание, так как ночь совершенно скрывает его от глаз человека и многих других врагов.

Немного найдется грызунов, которые бы превзошли полчка в прожорливости. Он ест до тех пор, пока в состоянии есть. Главную пищу составляют желуди, буковые и другие лесные орехи; не отказывается от грецких орехов, каштанов, сладких и сочных плодов. В животной пище полчок также, по-видимому, ощущает потребность, потому что нападает на каждое маленькое животное, которое ему под силу догнать, умерщвляет его и поедает, разоряет, разрушает гнезда, душит птен-

цов — одним словом, проявляет свои хищнические наклонности. Воды пьет мало, а когда у него есть сочные плоды, то и совсем ее не употребляет.

1 Соня-полчок (*Myoxus glis*) 2. Садовая соня (*Elomys quercinus*)

В продолжение всего лета полчок каждую ночь, если только не очень дурная погода, рыщет за добычей по своим владениям. Во время таких походов он поминутно садится по-беличьи и передними лапами кладет в рот что-нибудь съедобное. Постоянно можно слышать щелканье орехов, которые полчок разгрызает, или падение выеденных плодов, которые он бросает вниз. К осени зверек собирает пищевые запасы и складывает в своих норах. В это время он еще ест, пока в силах; затем начинает заботиться об устройстве зимнего жилища, приготовляет глубокую нору или отыскивает подходящее местечко в трещинах и расселинах скал и старых стен или в глубоких дуплах деревьев, где и устраивает из нежного мха теплое гнездо. Здесь он свертывается в клубок в сообществе с несколькими товарищами и погружается в глубокий сон еще задолго до того времени, когда термометр опустится до точки замерзания; в суровых горных местностях это время настает уже в августе, в более теплых равнинах — около октября. В это время полчок обнаруживает такую же нечувствительность, как и другие животные, подверженные зимней спячке; его сон может быть даже крепче, чем у всех других. Его смело можно взять из гнезда и унести куда угодно: он по-прежнему будет спать и останется в бесчувственном состоянии. В теплой комнате, постепенно пробуждаясь, он начинает пошевеливать членами и мало-помалу приходит в движение, хотя выглядит все еще сонным. На свободе иногда сам просыпается и как бы бессознательно начинает есть запасы*.

** Сони не делают никаких запасов пищи на зиму, только сильно жиреют. Зимняя спячка у них очень глубокая — настоящий анабиоз с сильным понижением температуры тела и резким снижением уровня метаболизма. Только такая спячка позволяет соням «продержаться» на жировых запасах более полугода.*

Полчки, которых воспитывал Ленц, держа их зимой в холодном помещении, просыпались почти каждые четыре недели, ели и снова засыпали так крепко, что казались мертвыми; другие же, воспитывавшиеся у Гальваньи, просыпались только через каждые два месяца, чтобы поесть. На свободе наш полчок просыпается только поздней весной, редко раньше конца апреля. Таким образом продолжительность их зимней спячки достигает полных 7 месяцев.

Вскоре после пробуждения полчки спариваются, и приблизительно после шести недель беременности самка родит в мягком гнезде дуплистого дерева или другой какой-нибудь норы (в окрестностях Альтенбурга очень часто в скворечниках, которые на высоких шестах устраиваются над фруктовыми деревьями или на них) 3-6 голых слепых детенышей, которые вырастают необыкновенно скоро и питаются молоком матери только самое короткое время, а затем сами начинают добывать пищу. Полчок никогда не устраивает гнезда открыто на деревьях, как наша белка, а, по воз-

возможности, в скрытом месте. Там, где много буковых деревьев, это животное размножается очень быстро, так как его благосостояние зависит от урожая плодов.

Многочисленные враги наносят полчкам значительный ущерб. Самыми грозными их гонителями являются лесные куницы и хорьки, дикие кошки и ласки, филины и совы; хотя полчок храбро защищается против самых сильных врагов, фыркает на них, злобно кусается и даже пускает в дело свои слабые когти, тем не менее ему приходится в конце концов сдаться*.

** Для пассивной защиты от врагов у полчка, как и у других сонь, есть одно средство. Шкурка на хвосте очень непрочная и легко срывается «чулком», когда хищник хватается за хвост. Оголившийся хвост засыхает и отмирает, зверек, лишившись балансира, становится более неуклюжим, но сохраняет жизнь.*

Человек тоже усердно преследует полчка в тех местах, где его много, ради мяса и ради меха; зверька заманивают в искусственные зимние жилища, то есть в ямы, устроенные с этой целью в лесу, между кустарником и склонами скал в сухих, на юг обращенных местах; эти ямы предательски устланы мхом, покрыты соломой и сухими ветвями и в изобилии снабжены буковыми орешками. Кроме того, устраиваются и другие ловушки. В Баварии крестьяне ловят полчка в обыкновенные западни для синиц, в которых для приманки рассыпают конопляное семя. В других местах крестьяне ловят полчков капканами, которые они или вешают на сучья, или ставят перед выслеженными норами этих зверьков, кладя в них для приманки сочную грушу или сливу. Кроме того, иногда закапывают в землю наполненные плодами кадки, которые имеют один только выход сверху, прикрытый сеткой из железной проволоки так, что внутрь кадки зверек может проскользнуть, а обратно никаким образом не выйдет. В подобные капканы полчков попадает такое множество, что некоторые охотники набирали их в продолжение осени от 200 до 400 штук.

Полчки относительно редко держатся в неволе. Можно было заранее предвидеть, что такой обжора не проявит особенного развития душевных способностей и каких-нибудь хороших качеств. Образ его жизни и свойства характера не из симпатичных; самой большой добродетелью в нем является его чистоплотность; в остальном он несносен. Вечно раздраженный, вовсе не сближается со своим воспитателем и злобно, с каким-то особенным храпом ворчит на каждого, кто осмелится приблизиться к нему. Того, кто его неловко схватит, он несколько раз сряду больно кусает, чем дает знать, что не намерен позволять беспокоить свою особу. Ночью, как сумасшедший, принимается неистово скакать по клетке и уж одним этим может надоесть до отвращения. При всем этом он требует самого тщательного надзора и обильного корма, иначе прогрызет клетку или съест кого-нибудь из своих товарищей. Как только у полчка не хватает пищи, он без дальнейших рассуждений нападает на кого-нибудь из своих родичей, умерщвляет его и съедает с полной невозмутимостью. Даже родившиеся в неволе полчки не утрачивают неприятных свойств своих родичей и постоянно остаются такими же несимпатичными, как и старые.

Лесная соня (*Dipomys nitedula*) является связующим звеном между полчком и садовой соней, имеет в длину 17 см, из которых почти половина приходится на хвост**.

*** Длина тела лесной сонь — до 11 см, хвост такой же длины. Хвост равномерно опушен, как у полчка, но волосы сверху словно расчесаны на прямой пробор. На задних лапах противопоставляются остальным может не только наружный, но и внутренний палец.*

Окраска меха на голове и спине красновато-бурая или буровато-серая, на животе совсем белая; под глазами начинается черная полоса, которая, расширяясь, охватывает глаза и продолжается до ушей; позади ушей лежит грязное серовато-белое пятно. Хвост сверху темный, буро-серый, на конце немного светлее, а снизу белый.

Родиной лесной сонь надо считать южную Россию; отсюда она распространилась на запад до Венгрии, южной части Австрии и Силезии, однако там встречается довольно редко*. По образу жизни она, насколько до сих пор известно, ничем существенным не разнится от полчков и садовых сонь.

** Лесная соня имеет самый широкий ареал среди сонь, на север и северо-восток она доходит до Швеции, Поволжья, Алтая, на юг — до Италии, лесных массивов Передней и Средней Азии, на Восток — до Монголии. На западе доходит только до Австрии и Южной Германии. Предпочитает широколиственные и жестколиственные леса средиземноморского типа.*

Садовая соня (*Eliomys quercimts*) достигает в длину самое большее 14 см, при 9,5 см длины хвоста. Голова и спина красновато-серо-бурые, брюшко белое; глаза окаймлены блестяще-черным кольцом, которое продолжается под ушами до шеи; перед ушами и позади находится по беловатому пятну, а над ухом — черноватое. Хвост у корня серо-бурый, а на конце двухцветный — сверху черный, снизу белый. Волосы на животе двухцветные — у корней они серые, на кончиках белые, а

местами попадаются желтоватые или сероватые. Уши мясного цвета, усы черные, с белыми кончиками; когти цвета светлого рога, верхние передние зубы светло-бурые, нижние светло-желтые. Красивые темные черно-карие глаза придают садовой сонне умное, живое выражение.

Садовая соня, известная уже древним римлянам под названием *Nitella*, принадлежит главным образом умеренной полосе средней и западной Европы; отечеством ее считаются Франция, Бельгия, Швейцария, Италия, Германия, Венгрия, Галиция, Трансильвания и русские остзейские губернии**.

* * *Садовая соня в значительной мере связана с хвойными породами деревьев, на север она проникает дальше других видов — до Карелии, Вологодской области, на восток — до Урала, но при этом отсутствует на Балканах, Кавказе, в Малой Азии.*

Она живет как на равнинах, так и в холмистых странах, но все же охотнее ютится в гористых местностях и здесь преимущественно в лиственных лесах, хотя попадает и в хвойных, а иногда заходит в низкие кустарники и сады. В Швейцарии подымается до высоких глетчеров. Питается тем же, чем и полчок; но, кроме того, таскает из домов горных жителей сало и масло, жир и ветчину; молодых птичек и яйца ест, по-видимому, еще охотнее и больше, чем полчок, которого она, безусловно, превосходит в лазании и прыганьи. Гнездо ее отличается от гнезда полчка тем, что находится в открытом месте; впрочем, иногда садовая соня пользуется щелями в стенах, старыми крысиными норами, ходами кротов и другими углублениями между камнями и в земле; она мягко устилает гнездо мхом и устраивает его с возможным удобством. Особенно охотно селится в пустых гнездах белок; в случае необходимости и сама может построить гнездо, которое вешает на видном месте между ветвями дерева.

Пора любви для садовой сонни наступает в первой половине мая. Несколько самцов часто заводят горячий спор из-за обладания самкой, гоняются друг за другом, при этом шипят, сопят и носятся по деревьям, как угорелые. Насколько они миролюбивы в обыкновенное время, настолько теперь делаются задорными, злыми и драчливыми; между ними происходят настоящие битвы, и притом с такой яростью, какой трудно было от них ожидать; часто случается, что один из противников бывает смертельно укушен другим и тут же съеден. После 24-30-дневной беременности самка мечет 4-6 голых слепых детенышей в большинстве случаев в прекрасно приготовленном и открыто помещенном на дереве гнезде; для этого она часто пользуется старым гнездом белки, вороны или черных и обыкновенных дроздов, которые захватывает иногда насильственным образом, затем выстилает мхом и шерстью и наглухо закрывает. Мать кормит детенышей довольно долгое время и, когда они немного подрастут, приносит им в изобилии пищу. Если в это время подойти к ее гнезду и попробовать вынуть оттуда детенышей, то встревоженная самка со сверкающими глазами начинает шипеть на врага, оскаливает зубы, бросается ему прямо в лицо и с остервенением старается укусить. Замечательно, что во всем другом чисто плотная садовая соня содержит свое гнездо крайне неопрятно. Вонючие испражнения накапливаются в гнезде целыми кучами и распространяют такую сильную вонь, что не только собаки, но даже и привычный человек на далеком расстоянии в состоянии узнать Семейство соневые 2% присутствие такого гнезда. Спустя несколько недель детеныши достигают величины матери и еще через некоторое время пускаются бегать поблизости от норы, чтобы под надзором и руководством матери найти пищу. Впоследствии они заводят свои собственные жилища и в следующем году становятся уже способными к размножению. При особенно благоприятной погоде самка рождает в одном году два раза.

На время зимней спячки садовая соня отыскивает сухие и защищенные норы в деревьях и в стенах или располагается в норах кротов, иногда заходит в лесные сторожки, в садовые беседки, в амбары, на сеновалы, в хижины угольщиков и в другие жилые строения, где и прячется. Обыкновенно их находят по несколько штук в одном гнезде так тесно прижавшимися друг к другу, что они образуют как бы один клубок. Сонни спят без перерыва, но не так крепко, как другие; при оттепели просыпаются, едят из пищевых запасов и при возобновляющемся холоде снова впадают в спячку. В противоположность другим животным, подверженным зимней спячке, садовые сонни обнаруживают в это время известную чувствительность к внешнему раздражению. Из нор они выходят весной редко раньше конца апреля; сначала поедают весь зимний запас пищи и тогда уже возобновляют летнюю деятельность.

Садовая соня ненавистна всем садоводам, разводящим нежные фруктовые деревья. Достаточно забраться в такой сад лишь одной сонне, чтобы уничтожить весь сбор персиков или абрикосов. При выборе лакомства садовая соня обнаруживает много тонкого вкуса. Она выбирает только самые лучшие и сочные плоды, которые узнает не по виду, а по вкусу, так что портит при этом гораздо больше, чем съедает*.

** Растительные корма не занимают ведущего положения в рационе этой соня, основу питания составляют беспозвоночные и мелкие позвоночные. Больше других родичей садовая соня проводит время на земле в поисках пищи. В ряде районов Европы предпочитает селиться возле человека, конкурируя с крысами и даже вытесняя их благодаря своей агрессивности. Местами действительно наносит ощутимый вред садам. На востоке ареала встречается редко, нуждается в охране.*

Нет никаких средств избавиться от вредного гостя, забравшегося в сад, так как он умеет преодолевать всякие препятствия; взлезает по частоколам и деревьям, проскальзывает через петли сетей, которыми защищают деревья, или прогрызает их, если они слишком часты: и может пробраться даже через проволочную сетку.

Только поздно созревающие плоды могут быть спасены от сонь, так как в это время зверьки залегают уже в свои норы. Садовая соня приносит только вред и лишь самую незначительную пользу своим мясом и шкурой, поэтому ее усердно преследуют и истребляют, особенно садовладельцы, которым больше всего приходится терпеть от нее. Лучшими ловушками считаются проволочные силки, которые вешают на плодовые деревья, или маленькие капканы. Но лучшим защитником садов против этих грабителей является кошка. Куницы, ласки, филины и совы также усердно преследуют садовую соню; поэтому помещики, живущие вблизи лесов, поступают вполне основательно, оказывая покровительство этим естественным врагам вредных грызунов.

Для содержания в неволе садовая соня так же мало пригодна, как и полчок. Она редко привыкает к человеку и при каждом неожиданном появлении его так сильно кусается, что боль оказывается весьма чувствительной. При этом она имеет то же неприятное качество, какое присуще и полчку, — днем сидит смирно, а ночью бунтует в клетке; пытается перегрызть прутья и решетку, чтобы прорваться через нее и, если ей это удастся, то неистовствует так, будто в комнате десятков сонь; при этом все, что стоит на дороге, опрокидывается и разрушается. Выбежавшую из клетки садовую соню нелегко снова словить. В ее разбойничьих наклонностях легко убедиться, делая наблюдения над зверьками, находящимися в неволе. Она проявляет кровожадность ласки в соединении с прожорливостью полчка; с яростью набрасывается на всякое маленькое позвоночное животное, внесенное в клетку, в одно мгновение душист птицу, с задорной мышью справляется в несколько минут, как бы та ни сопротивлялась, и не щадит даже себе равного... Голод влечет неизбежную междоусобную борьбу, которая кончается тем, что один умерщвляет и съедает другого, а зимняя спячка ведет за собой торжество сильного, воздерживающегося от спячки, и гибель слабого, поддающегося ей. Стоит только одной из нескольких содержащихся вместе садовых сонь впасть в зимнюю спячку в то время, когда другие еще бодрствуют, как она может считать себя уже погибшей: коварные товарищи нападают на спящих, загрызают их насмерть и съедают. То же самое происходит, когда несколько находившихся в зимней спячке садовых сонь начинают просыпаться друг за другом; проснувшаяся прежде других умерщвляет своих беспомощных товарищей. Обыкновенный дневной сон такой опасности не представляет, потому что спящая соня быстро просыпается и защищает свою шкуру.

Орешниковая соня (*Muscardinus avellanarius*) — один из самых миловидных, симпатичных и резвых европейских грызунов; она нравится не только внешней красотой, но и чистоплотностью, миловидностью, а также кротостью характера. Животное это приблизительно такой же величины, как наша домашняя мышь; общая длина его достигает 14 см, из которых почти половина приходится на хвост. Густой и гладкий мех состоит из средней длины блестящих и мягких волос желтовато-рыжего цвета, снизу мех немного светлее, на груди и на горле — белый; глазные впадины и уши — светло-красноватые, ноги — рыжие, пальцы — беловатые, верхняя сторона хвоста — буровато-красная. Зимой верхняя сторона последней половины хвоста покрывается легким черноватым налетом. Это происходит оттого, что новые волосы ости имеют черноватые кончики, впоследствии стирающиеся. Молодые животные — ярко-рыжего цвета. Родина маленьких орешниковых сонь — средняя Европа: Швеция и Англия составляют, по-видимому, северную границу ее распространения, а Тоскана и северная часть Турции — южную; на востоке она не переходит за пределы Галиции, Венгрии и Трансильвании. Особенно многочисленна орешниковая соня в Тироле, Каринтии, Штирии, Богемии, Силезии, Словении и в северной Италии, так как в южных краях она водится в большем количестве, чем в северных*.

** Этот самый мелкий вид семейства (весит 15-35 г), предпочитая широколиственные леса, тем не менее отсутствует на большей части Малой Азии, в Крыму и на Кавказе. Северная граница в России совпадает с северной границей смешанных лесов. На восток орешниковая соня распространена до Предураля. Численность вида везде невысока, отмечена высокая*

смертность молодых. Систематически орешниковая соя, близка к полчку, как и он, является наиболее древесным видом сонь, сравнительно редко спускающимся на землю.

Жилища их почти такие же, как и у их родичей; образ жизни нимало не отличается от вышеописанного. Орешниковая соя селится как по равнинам, так и по горам, но она не поднимается выше границы произрастания лесов, т.е. 1500 метров над уровнем моря. Излюбленным местожительством служат низкий кустарник, терновник, а главным образом ореховые рощи.

Днем орешниковая соя лежит где-нибудь спрятавшись и спит, ночью добывает пищу, которая состоит из орехов, желудей, твердых семян, сочных плодов, ягод и почек; но больше всего она любит орехи, которые искусно разгрызает и съедает: не срывает орехи с дерева и не вынимает их из зеленой оболочки. Она любит ягоды рябины и потому нередко попадает в силки, расставленные для птиц*.

** Орешниковая соя питается почти исключительно растительной пищей, летом это главным образом сочные корма, к осени — калорийные твердые семена, орехи.*

Орешниковые сони живут маленькими обществами, впрочем, не тесно связанными друг с другом. Каждая соя отдельно или две сони вместе выстраивают в очень густом кустарнике мягкое, теплое, довольно искусно сделанное гнездо из травы, листьев, мха, кореньев и шерсти, а ночью выходят из него, чтобы в товариществе с другими, живущими поблизости, раздобыть пищи. Как настоящие древесные животные, они мастерски лазают даже по самым тонким ветвям, не только как белки и другие сони, но и по-обезьяньи; часто можно видеть, как она вешается задними ногами за ветвь, чтобы достать дальний орех и разгрызть его, или бегаёт по нижней стороне сучка с такой же уверенностью, как и по верхней, совершенно так же, как и обезьяны — лесные акробаты тропических стран.

Орешниковая соя (*Muscardinus avellanarius*)

Даже по гладкой земле они бегают очень проворно, особенно когда торопятся вернуться в свои древесные владения.

Время случки у орешниковых сонь совпадает с серединой лета; редко спаривание происходит раньше июля. Приблизительно после четырехнедельной беременности, обыкновенно в августе, самка мечет 3-4 голых, слепых детенышей в своем круглом, очень удобном летнем гнезде, искусно построенном из мха и травы и выстланном внутри шерстью разных животных. Гнездо это сони стараются устроить в густом кустарнике на высоте одного метра над землей. Детеныши вырастают необыкновенно скоро, но сосут еще целый месяц, пока настолько не возмужают, чтобы самостоятельно бегать за пищей**.

*** В благоприятные годы, орешниковая соя приносит до 3 выводков, роды происходят с интервалом в 2 месяца. Брачный сезон начинается в апреле, протекает весьма мирно, без конфликтов и драк между самцами. В это время орешниковая соя молчаливее других видов, парт-*

неры ориентируются главным образом не на брачные «песни», а на запаховые метки. В выводке обычно 3-4 детеныша, которые через месяц после рождения перестают питаться молоком и становятся вполне самостоятельными.

Трудно поймать орешниковую соню, когда она бодрствует; очень редко попадает в ловушки, которые расставляют в излюбленных зверьком местах, кладя в них для приманку — орехи или другую лакомую пищу. Легче всего ее можно достать поздней осенью или зимой в лесах и садах, во время сгребания сухих листьев и сучьев. Забравшись на зимовку в гнездо, устроенное под сухими листьями, орешниковые сони легко даются в руки опытному охотнику, так как выдают свое присутствие писком; тогда охотник осторожно выкапывает гнездо, плотно укутывает его мехом и несет домой, где устраивает зверьков в клетке или передает какому-нибудь любителю. Если орешниковая соня попала в руки, то ее легко сделать совсем ручной. Ей никогда не придет в голову употреблять насилие против своего хозяина, защищаться и кусаться; при самом сильном испуге ограничивается тем, что пищит или громко шипит. Она скоро покоряется своей участи, спокойно дается в руки и подчиняется воле человека, оставляет всякую дикость, хотя не утрачивает врожденной робости и пугливости. В Англии их держат в качестве комнатных животных в обыкновенных птичьих клетках и продают на рынке. Зверьков можно держать в самых изысканных комнатах, так как они не распространяют никакого дурного запаха, и только летом немного пахнут мускусом, да и то так слабо, что не вызывают ни малейшего отвращения.

В неволе орешниковая соня подвергается зимней спячке, если в помещении не поддерживают одинаково теплую температуру. Перед спячкой она пробует устроить гнездышко и свертывается в нем или засыпает в уголке клетки. Если спящую соню снова внести в теплое место, она пробуждается, но скоро снова засыпает.

Семейство тушканчиковые

(Dipodidae)*

* *Крупное семейство мышеобразных грызунов, объединяющее около 12 родов и свыше 30 видов.*

Тушканчиковые по своему строению напоминают кенгуру. У них ясно видна та же непропорциональность тела, как и у кенгуру. Задняя часть гораздо сильнее, задние ноги длиннее передних раза в три, хвост относительно длинен и обычно разделен на две кисточки. Голова очень толстая и снабжена более длинными усами, чем у всех других млекопитающих: они часто достигают длины самого тела. Большие глаза указывают на ночной образ жизни, но они так живы и прелестны, как у немногих других ночных животных. Средней величины, прямостоящие, ложкообразные уши бывают длиной от одной трети до величины целой головы**.

* * *Уши у тушканчиков обычно большие, продолговатые, иногда их основания срастаются в трубку.*

Они указывают на то, что слух развит не хуже зрения. Шея очень толстая и неподвижная, туловище стройное. На маленьких передних лапках находится обычно по пять пальцев, на задних по три, иногда с одним или двумя неразвитыми пальцами. Мех густой и мягкий, у различных видов и родов очень схожий, окрашенный под цвет песка. Внутреннее строение тела тоже имеет некоторые особенности. Устройство зубной системы не представляет ничего интересного. Резцы у одних гладкие, у других с бороздками, число коренных зубов колеблется от трех до четырех в каждом ряду, в верхней челюсти встречается недоразвитый зуб впереди трех собственно коренных зубов. Череп характеризуется широкой мозговой коробкой и огромными слуховыми пузырями. Шейные позвонки срастаются часто в одну кость. Позвоночный столб состоит из 11-12 спинных позвонков, 7-8 поясничных и 3-4 крестцовых, число хвостовых позвонков доходит до 30. На плюсне расположенные друг возле друга различные косточки сливаются в одну, на конце которой находятся суставные головки для отдельных пальцев.

Тушканчики обитают преимущественно в Африке и Азии, но некоторые роды встречаются и в южной Европе***.

* * * *Центры разнообразия семейства пустыни Средней Азии и полупустыни западной Монголии. Нередко в одной и той же местности сосуществует до 6 видов. В России встречается 7 видов из 5 родов.*

Судя по окраске, они настоящие животные песчаных пустынь; обитают также на сухих, открытых равнинах, в травянистых степях. Тушканчики живут на глинистой или песчаной почве, в долинах, реже на возвышенностях или по окраинам густо заросших кустарником лугов и вблизи полей, сами выкапывают жилища в виде подземных нор со множеством разветвляющихся, но очень неглубоких ходов, всегда открывающихся выходами. Скрываясь в течение дня в своих жилищах,

они появляются с закатом солнца на поверхности и начинают веселую жизнь. Пища их состоит из корней, луковиц, клубней, зерен и семян, плодов, листьев, травы и злаков. Некоторые едят насекомых и даже маленьких птичек, бросаются на падаль и при случае пожирают друг друга*. Пищу принимают в полувертикальном положении, опершись на заднюю часть туловища и хвост, поднося пищу ко рту передними лапками.

** Случаи каннибализма, питания птицами, падалью не отмечены у тушканчиков.*

Их движения весьма своеобразны. Спокойная походка отличается от походки кенгуру тем, что тушканчики быстро переставляют одну ногу перед другой; но при быстром беге двигаются прыжками, высоко подсакивая на сильных задних ногах, а раздвоенным хвостом изменяют направление прыжка и удерживают равновесие тела**. При этом передние ноги они прижимают к подбородку или, подобно быстро бегущему человеку, скрещивают их на груди, тогда действительно кажется, будто зверьки имеют только две ноги. Более крупные виды могут делать огромные скачки; про всех можно сказать, что длина производимых ими прыжков в 20 раз превосходит длину их тела. На полном скаку один прыжок следует за другим, и видишь только какой-то желтый предмет, который, как стрела, рассекает воздух. С таким же проворством роются они в земле, несмотря на слабость передних ног. Когда пасутся, то, как и кенгуру, передвигаются на четырех ногах, однако очень медленно и только короткое время. Сидя, они опираются на ступни задних ног.

** * Способ бега тушканчиков называют «рикошетирующим» бегом. В отличие от кенгуру, тушканчики, синхронно отталкиваясь обеими ногами, редко приземляются на них одновременно, обычно одна нога идет впереди другой. Некоторые виды вообще могут переходить на двуногую рысь, попеременно переставляя конечности. Тонкий длинный хвост с пушистой кистью — «знаменем» на конце — служит балансиром при прямолинейном беге и рулем при резких поворотах. Черно-белое «знамя» может отвлекать хищника при преследовании, но основное значение контрастной окраски — сигнальное.*

Все породы обладают сильно развитыми внешними чувствами, особенно отличаются тонким слухом и дальностью зрения, поэтому могут легко избегать всякой грозящей им опасности. Крайне боязливые, робкие и быстрые тушканчики при малейшем беспокойстве стараются мгновенно спастись в своих норах, а если это невозможно, то обращаются с невероятной скоростью в бегство. Самый крупный вид защищается в случае крайней опасности, подобно кенгуру, задними ногами, меньшие породы, напротив, когда их хватают, никогда не пускают в ход своего природного оружия. Голос тушканчика представляет особый род визга, который похож на крик молодых котят, а у иных он походит на глухое хрюканье. Но от тушканчиков редко можно услышать звук. При понижении температуры они впадают в зимнюю спячку или, по крайней мере, коченеют на короткое время, но не заготавливают запасов на зиму, как другие грызуны*.

** В областях с теплой зимой тушканчики в спячку не впадают. Некоторые мелкие тушканчики запасают жир на зиму в передней половине хвоста. Перед залеганием в спячку их хвост формой напоминает морковку. К весне хвост сильно «худеет».*

Пойманные тушканчики весьма приятные и милые сожителю человека: своим добродушием, кротостью и беззаботностью они могут снискать чью угодно любовь. Почти все виды совершенно безвредны. Степь и пустыня дают им так много пищи, что у них нет нужды расхищать имущество людей. Правда, один вид посещает плантации и поля и тем причиняет вред человеку, однако вознаграждает его вкусным мясом и шкуркой.

Как представителя этого семейства я избираю египетского тушканчика (*Jaculus jaculus*), арабы называют его джербоа**.

** * Египетский тушканчик представитель рода песчаных тушканчиков. Как и у других видов рода, задние ноги у него трехпалые, подошвы снабжены щетками волос.*

Это премилый зверек с туловищем длиной 17 см и хвостом (не считая кисти на конце) длиной 21 см; сверху серовато-песочного цвета, снизу белого, с широкой белой полосой, которая тянется сзади по бедрам; хвост сверху бледно-желтый, снизу беловатый, кисточка окрашена в виде стрелки в белый и черный цвета. Тушканчики были хорошо известны уже древним. Мы находим частые упоминания о них у греческих и римских писателей, всегда под именем «двуногие мыши», название, которое и поныне еще применяется для латинского обозначения рода. Плиний рассказывает, что в Египте есть мыши, которые ходят на двух ногах; Теофраст и Элиан указывают, что эти большие двуногие мыши употребляют свои передние короткие ноги как руки, а на задних ходят прямо и прыгают во время преследования. Гораздо большее значение, чем эти указания, имеют скульптурные изображения тушканчиков на монетах и орнаментах храмов, хотя они недостаточно верны. В Библии также упоминается об этих зверьках. Исайя грозит карой тем, кто ест их. Арабы,

наоборот, не только считают тушканчиков за чистых животных, но и описывают их очень верно и рассказывают много прекрасного об образе жизни этих зверьков.

Египетский тушканчик распространен по большей части северо-восточной Африки, а также в граничащих с ней странах западной Азии, и встречается к югу до средней Нубии, где начинается граница распространения другого похожего вида***.

* * * *Ареал египетского тушканчика охватывает всю Северную Африку, на юг до Мали и Судана, а также Ближний Восток. Второй африканский вид рода распространен не южнее, а севернее на средиземноморском побережье.*

Открытые сухие равнины, степи и песчаные пустыни служат им местожительством: они населяют неприветливые и пустыней шие местности и обитают в таких местах, которые почти не представляя возможности для существования: на таких печальных равнинах, которые покрыты жесткой травой, они встречаются иногда довольно большими обществами. Такие места обитания тушканчики делят со степной куропаткой и степным жаворонком; едва можно понять, как они находят пищу там, где эти птицы, которые, кроме зерен, едят и насекомых, находят пропитание лишь в весьма скудном количестве. В жестком крупном песке тушканчики роют сильно разветвляющиеся, но довольно мелкие норы, в которые скрываются при малейшей опасности. По утверждениям арабов, над постройкой этих подземных жилищ работает целое общество. Животные роют при помощи острых когтей передних лап, пользуются при этом резцами, когда нужно расколоть твердую почву.

Несмотря на их многочисленность, видеть этих красивых зверьков приходится довольно редко. Они беспокойны и трусливы, и при малейшем шуме или при виде незнакомого предмета поспешно прячутся в норки. Кроме того, тушканчики становятся заметными только на незначительном отдалении, ибо окраска их совершенно похожа на цвет песка, и нужно довольно близко подойти, чтобы увидеть их, между тем утонченно-острые чувства дают зверькам возможность узнать о приближении человека уже на большом расстоянии.

Поистине можно сказать, что едва ли найдется другое более прелестное созданище, чем эти тушканчики. Насколько странно они выглядят и кажутся уродливыми на первый взгляд, если держать их в руках или смотреть на них, когда они сидят смиренно, настолько красивы они, когда приходят в движение. Только тогда они являются истинными детьми пустыни и дают возможность познакомиться с их прыткостью. Движения их следуют друг за другом с такой скоростью, которая прямо-таки невероятна: кажется, будто они становятся птицами. При спокойной походке зверьки ставят одну ногу перед другой и очень быстро бегут вперед; двигаясь с большой поспешностью, они мчатся прыжками, которые следуют один за другим так быстро, что едва можно уловить тот момент, когда животное касается земли. При этом тушканчики наклоняют вперед туловище меньше, чем обычно, передние лапы когтями прикладывают друг к другу и протягивают вперед, а хвост для поддержания равновесия направляют прямо назад. Если увидеть зверька, бегущего в некотором отдалении, то можно принять его за снаряд, пущенный из орудия*. Ни один человек не в состоянии догнать тушканчика, находящегося на бегу, и самый опытный стрелок должен выказать все свое искусство, если пожелает застрелить одного из них. Даже в замкнутом пространстве этот красивый зверек двигается так быстро, что охотничья собака едва может догнать его.

* *Латинское название мохноногого тушканчика *Dipus sagitta* — можно перевести, как «двуногая стрела». Однако далеко не все тушканчики бегают так быстро, что их не может догнать человек.*

Если тушканчика ничто не тревожит и он чувствует себя в безопасности, то сидит прямо на задней части тела, часто опершись на хвост, прижав передние лапы к груди. Он пасется таким же образом, как и кенгуру; но роет больше клубней и корней, которые, по-видимому, составляют его главную пищу. Кроме того, ест различные листья, плоды и семена, говорят даже, что питается падалью или, по крайней мере, жадно преследует насекомых. Это утверждает между прочими Гейлин, который известен как превосходный наблюдатель. Хотя египетский тушканчик — настоящее ночное животное и прогулки его начинаются лишь после заката солнца, однако иногда можно видеть, как он в самых ярких солнечных лучах, даже во время сильнейшей жары сидит и играет перед своей норкой. В таких случаях он выказывает такое равнодушие по отношению к полуденному зною африканского солнца, которое действительно достойно удивления, так как нужно знать, что вряд ли какое-нибудь животное движется в это время в пустыне, ибо жгучая жара становится невыносимой даже для коренных уроженцев этой страны. Зато он в высшей степени чувствителен к холоду и сырости и потому в дурную погоду прячется в норе, а также иногда впадает на некоторое время в оцепенение, напоминающее зимнюю спячку северных животных.

Относительно размножения тушканчика ничего достоверного неизвестно. Арабы рассказывали мне, что он устраивает в глубокой котловине своей норы гнездо, выстилает его, подобно кролику, шерстью, выщипанной с нижней части брюха, и что в этом гнезде находят от 2-4 детенышей: насколько этот рассказ справедлив, я утверждать не решаюсь, хотя должен допустить, что арабы лучше других знакомы с этим животным*. Они часто охотятся за ним, так как едят и довольно высоко ценят его мясо, ловят без особого труда живьем или убивают, когда он выходит из своих нор. Способ охоты очень прост. Вооружившись длинной крепкой палкой, арабы отправляются к какой-нибудь колонии тушканчиков, затыкают большую часть ходов и разрывают затем один ход за другим, причем всовывают крепкую палку в ход и разламывают его крышу. Напуганные этим тушканчики забиваются в самый дальний угол или бросаются через запасной ход наружу, причем попадают в расставленную там сеть или просто в подставленный арабом рукав его верхнего платья. Таким способом ловят иногда 10-20 штук сразу; по крайней мере, не составляет никакого труда добыть такое количество живьем: арабы, знакомые с этой охотой, приносят столько тушканчиков, сколько пожелают.

* *Тушканчики одиночные животные. Зверьки объединяются в пары на краткий срок, обычно весной во время брачного периода. Беременность длится 25-42 дня, в помете бывает 2-7 детенышей, иногда два помета в году. Половозрелы тушканчики со второго года жизни.*

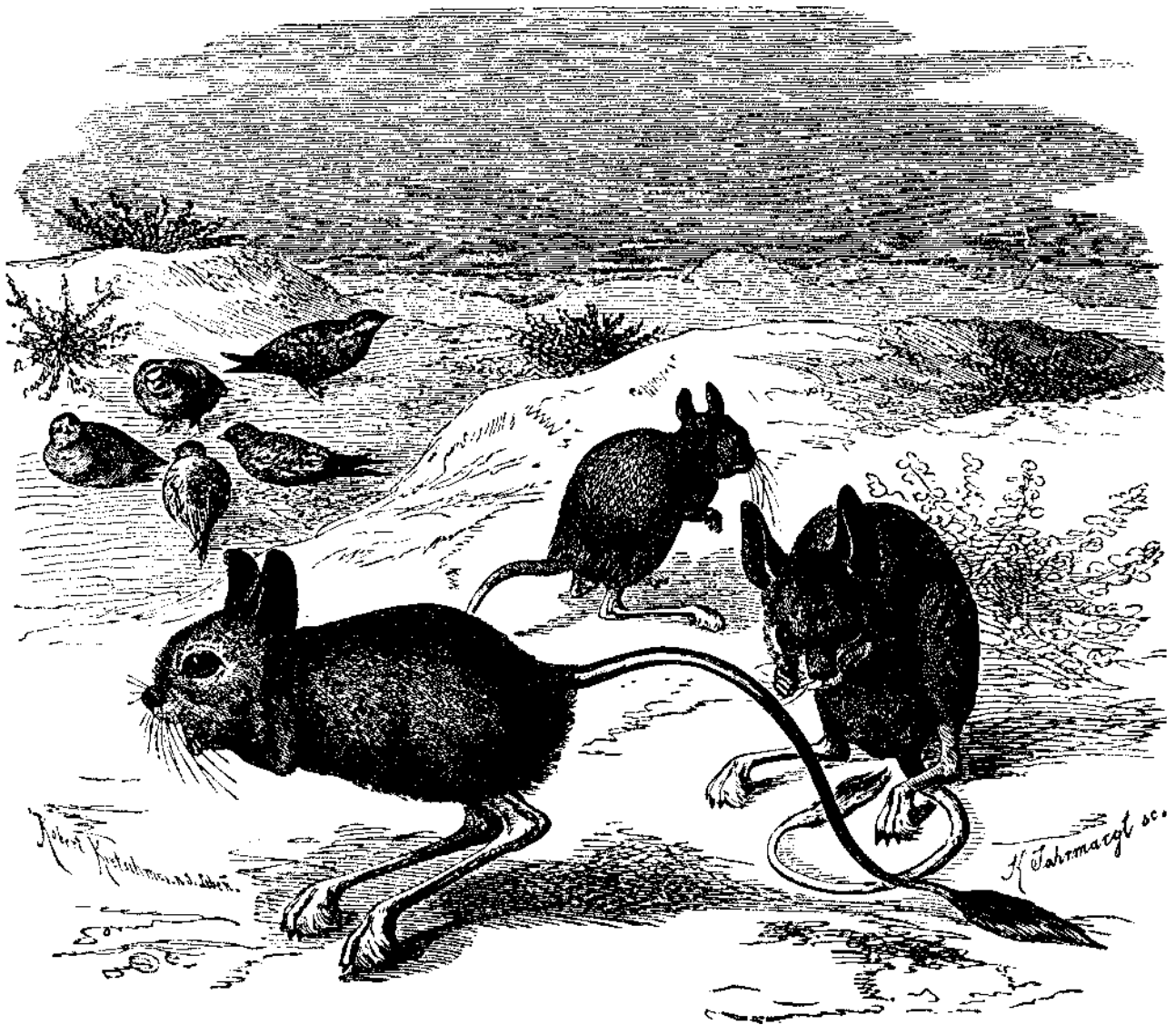
Кроме человека, у этих животных мало других врагов. Фенек и каракал, а также, может быть, некоторые совы принадлежат к числу самых опасных хищников, которые подстерегают их, еще более опасным врагом можно считать египетскую очковую змею**, ту известную ядовитую змею Африки, которая изображалась на древнеегипетских памятниках и которой еще в настоящее время пользуются египетские фокусники для проделывания различных штук. Она живет в тех же местностях, которые населяют тушканчики, с легкостью проникает в ходы, вырываемые ими, и убивает многих из них.

* * *Имеется в виду египетская кобра (Naja haje).*

Интересующиеся природой европейцы, живущие в Египте и Алжире, часто держат тушканчиков в неволе. Я могу утверждать по собственному опыту, что это животное как в клетке, так и в комнате может доставить много удовольствия. Во время пребывания в Африке мне часто приносили по 10-12 тушканчиков сразу. В таких случаях я отводил этому обществу большое помещение, чтобы лучше следить за их движениями. Уже с первого момента пленники выказывали себя безобидными и доверчивыми. Они, не противясь, позволяли трогать себя, не подавали вида, что боятся человека. Ходить по комнате нужно было осторожно, чтобы не наступить на них, до того спокойно они оставались сидеть, когда к ним приближались.

Тушканчики и в неволе относятся друг к другу удивительно миролюбиво. Они, по-видимому, особенно любят сухие зерна, рис, морковь, репу и другие корни, а также многие плоды, кроме того, охотно едят капусту, траву и даже цветочные лепестки, например, лепестки роз, однако нельзя кормить их исключительно, одними сочными растениями. Они привыкли к скудной и сухой пище. Если у них нет таковой, то становятся печальными, чахнут и постепенно умирают. Если им давать пшеницу, рис, немного молока и время от времени виноградку, кусочек яблока, моркови или другой овощ, то они чувствуют себя хорошо и живут очень долго. В Европу их привозят в настоящее время нередко.

Тушканчики, которых держал у себя в Египте Сонини, были бодрее всего, когда через окно светило солнце, те, которых я держал в неволе, находились в движении, иногда также днем, однако достаточно убедительно доказывали, что настоящей порой веселой деятельности им служит ночь. Каждый тушканчик спит в течение целого дня с раннего утра до позднего вечера, не выходит, если его не беспокоят, ни на одно мгновение из своего гнезда, и спит добрых 12 часов подряд. Но и ночью он также несколько раз отдыхает по полчаса.

Египетский тушканчик (*Jaculus jaculus*)

Если взять его из гнезда днем, то он оказывается очень заспанным, сидя на руке, качается из стороны в сторону и долго не может окончательно проснуться. Во время сна принимает своеобразное положение. Он сидит обычно в гнезде на пяточных суставах, довольно близко приставленных друг к другу, поэтому далеко расставленные концы ног торчат вверх. Голову нагибает вниз, лбом касается земли, а морду прижимает к нижней части брюха. Хвост лежит широкой дугой, перекинутой через концы ног. В таком положении животное походит на мячик, над поверхностью которого выдаются лишь непомерно длинные ноги. Иногда тушканчик ложится на бок или даже на спину, причем странным образом протягивает ноги вверх, оставаясь всегда в свернутом положении. Уши во время сна плотно прижимает к голове и заворачивает на концах так, что они кажутся покрытыми складками, как бы измятыми. Животное без движения лежит в своем теплом гнездышке, пока совершенно не стемнеет. Тогда в гнезде замечается легкий шорох и движение. Соня чистится, приглаживает уши, издает тихий, похожий на слабый кашель, звук, одним прыжком выскакивает из гнезда и начинает свою оригинальную ночную деятельность. По чистоплотности тушканчик превосходит других грызунов. Он употребляет почти все свободное время на то, чтобы держать в порядке свою мягкую, как шелк, шкурку. Прочесывает и облизывает каждый волосок» причем все части тела, даже хвост подвергаются основательной чистке. Мелкий песок оказывает ему при этом важную услугу. Тушканчик вообще не может обойтись без песка; он с истинным сладострастием валяется, роется и возится в нем и никак не может от него оторваться.

Когда это животное ходит спокойно, то передвигается быстрыми шагами. Во время ходьбы вытягивает ноги в пяточном суставе вперед и так сгибает голень, что она кажется выходящей из тела несколько дальше половины туловища, которое спереди несколько приподнято вверх и удерживается в равновесии при помощи хвоста. Тогда тушканчик начинает переступать ногами, быстро ставя их одну перед другой. Передние он по обыкновению держит сложенными под подбородком. Он лишь в редких случаях делает более значительные прыжки, что происходит главным образом тогда, когда ему приходится преодолеть какое-нибудь препятствие, например перепрыгнуть через

большую, поставленную перед ним книгу. При этом он подпрыгивает без всякого разбега исключительно при помощи одних задних ног на высоту 40 сантиметров и более. Когда я однажды неожиданным движением вспугнул одного из них во время ночного странствования, он прыгнул кверху на высоту одного метра. Если его сажаешь на стол, то он без отдыха бежит взад и вперед и поглядывает вниз, выбирая удобное место для того, чтобы соскочить, он упирается на передние ноги, только когда доходит до края стола, в другом случае этого не делает. Рассказы, будто тушканчик при каждом прыжке на одно мгновение падает на передние ноги и затем снова поспешно приподнимается, не верны. Даже в том случае, когда прыгает на землю с высоты одного метра и более, всегда падает на задние ноги и, не нагибаясь вперед, продолжает бежать так же спокойно, как будто сделал самый обыкновенный шаг. Благодаря сильным задним ногам и хвосту, на который упирается, он может удержать свое туловище как в горизонтальном, так и в вертикальном положении и в состоянии также нагибаться вперед до самой земли.

Во время еды тушканчик сидит, опираясь на всю ступню, причем сильно нагибает туловище вперед и быстро схватывает с земли пищу. Питья требует очень мало и может обходиться без него в продолжение нескольких месяцев, если давать ему сочные корни.

По-видимому, у тушканчика все чувства очень хорошо развиты. Он видит и слышит очень хорошо, о том свидетельствуют его большие глаза и уши, но также хорошо у него обоняние и осязание, потому что, уронив зерно или кусочек моркови или другую пищу на землю, он всегда отыскивает их чутьем, а также, может быть, ощупывает усами*, затем с большой уверенностью хватается этот предмет.

** Осязание играет исключительно важную роль у этих ночных зверьков. Усы-вibrиссы у многих видов тушканчиков очень густые и могут достигать длины тела.*

Сладкие плоды ест с таким очевидным удовольствием, что не остается никакого сомнения, что он испытывает при этом очень сильное вкусовое наслаждение. Осязание выражается ясно как чувствительностью кожи при прикосновении, так и способностью ощупывать предметы. У тушканчика очень тонко развито чувство осязания в усах, а также в передних лапах, особенно же в концах пальцев. Его умственное развитие я ставлю не очень высоко, но нет никакого сомнения, что он очень скоро привыкает к определенному месту, хорошо знакомится с людьми, которые занимаются им, и проявляет некоторую сообразительность в своих поступках. Зверек каждое утро довольно долгое время занимается устройством своего гнезда. Если ему дать сена, ваты и шерсти и положить начало постройке гнезда, то он разумно продолжает ее, приносит клочки ваты, тербит и укладывает их лапами, втыкает куда следует шерсть, затем чистит и гладит округленное углубление гнездышка до тех пор, пока оно, на его взгляд, не примет надлежащий вид. Затем вытаскивает или откусывает торчащие стебельки и тем окончательно приводит все в полнейший порядок.

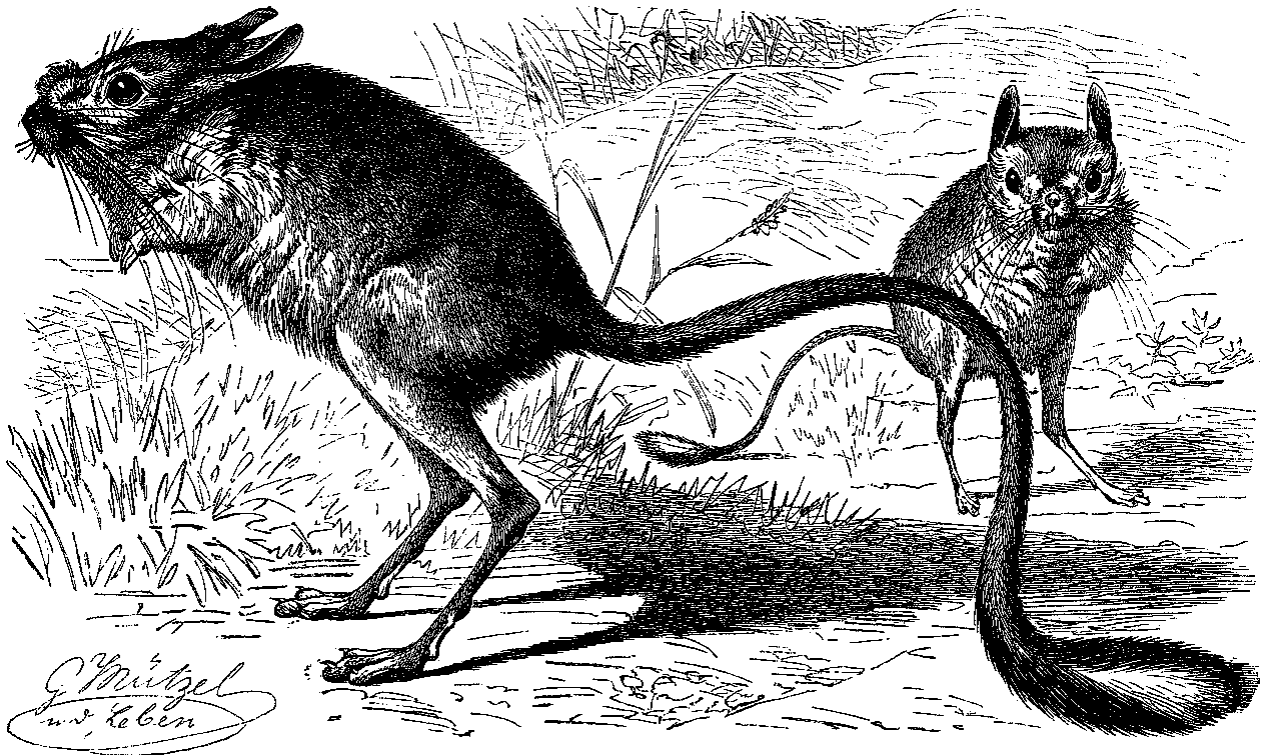
Из всех бывших у меня до сих пор в плену грызунов тушканчик доставлял мне наибольшее удовольствие. Своими качествами он располагает к себе всякого. Зверек такой безобидный, ласковый, ручной, чистоплотный, а в бодром состоянии такой веселый и резвый, позы, которые он принимает, так оригинальны и вместе с тем представляют столько разнообразия, что им можно забавляться целыми часами.

К хозяину своему тушканчик относится крайне ласково. Ему никогда не приходит в голову укусьить того, кто его берет в руки, позволяет себя трогать, гладить и носить.

Тушканчики приносят немаловажную пользу. Арабы охотно изготавливают из их блестящего меха шубки детям и женам или же украшают ими седла, обшивают попоны и т. д. Вреда тушканчики, конечно, не приносят, они пользуются лишь теми пустынными местами, где не живет никакое другое животное.

Благодаря прекрасным описаниям Палласа, Брандта и других, нам особенно стал известен **большой тушканчик, или земляной заяц** (*Allactaga major*)*.

** Земляной заяц — самый крупный представитель тушканчиков, с длиной тела до 26 см, хвоста — до 30 см.*

Большой тушканчик, или земляной заяц (*Allactaga major*)

Туловище его имеет 18 см, хвост 16 см длины. Голова очень красива, с живыми навывкате глазами и совершенно круглыми зрачками, уши большие, длинные и узкие, длиннее головы, и очень длинные, серовато-черные, заостренные усы, расположенные с обеих сторон верхней губы в восемь продольных рядов. Задние ноги почти вчетверо длиннее передних. Средний палец длиннее других, два боковых достигают только до первого его сочленения, а остальные едва заслуживают внимания: они прикреплены так высоко и вместе с тем так коротки, что на ходу никогда не касаются земли, и потому вполне справедливо могут быть названы неразвитыми пальцами. Когти на задних ногах короткие, тупые, почти копытообразные, на передних длинные, кривые и острые. Шкура на спине красновато-бурого цвета с бледно-сероватым оттенком, бока и верхняя часть бедер немного светлее, живот и ноги с внутренней стороны белые. От верхней части бедер до хвоста тянется продолговатое, как полоса, белое пятно, почти точно такое же на передней части задних ног. Хвост до кисточки рыжеватого-желтого цвета, а сама кисточка вначале черная, кончик же ее белый и имеет форму стрелы.

Хотя земляного зайца можно также встретить в юго-восточной Европе, особенно в степях около Дона и в Крыму, тем не менее Азия всегда остается его настоящей родиной. К северу он водится не дальше 52 градуса северной широты, но зато граница его распространения тянется до восточной Монголии**.

*** Земляной заяц наиболее широко распространен из тушканчиков и дальше всех заходит на север в лесостепную и даже таежную зону — до 55-56 градусов северной широты на юге Подмосковья и в Волжско-Камском крае. Его ареал простирается от Украины до Алтая с запада на восток и на юг от Урала и Сибири до Приаралья и Тянь-Шаня. В горы поднимается до 1100 м. В настоящее время на северной границе ареала очень редок.*

Русские называют его земляным зайцем, на Урале тушканчиком или зайчиком. Монголы и буряты дали ему имя алактайгой, которое Кювье принял в качестве видового названия. Подобно тому, как египетский тушканчик населяет пустыни Африки, так земляной заяц живет в открытых равнинах степей южной Европы и Азии, преимущественно на глинистой почве. Он избегает зыбкого песка, не представляющего достаточно твердости для его ходов и нор, общителен, как и его родичи, но живет небольшими стадами.

Днем земляной заяц отдыхает, скрываясь в своем искусно построенном жилище, с наступлением сумерек скитается в его окрестностях, но, по словам Радде, ночью неоднократно возвращается в нору*. В движениях схож с вышеописанными родичами.

** Обычно зверек выходит на поверхность через полчаса после захода солнца, прячется в нору перед рассветом.*

Когда он спокойно пасется, то, подобно кенгуру, бегаёт на всех четырех лапах, но когда спасается бегством, то удирает прыжками исключительно на задних лапах. Говорят, он делает еще большие скачки, нежели тушканчики, и на всем скаку мчится так быстро, что лучший конь не в состоянии догнать его**.

** * Земляной заяц развивает наивысшую среди тушканчиков скорость — 40-50 км/ч, рекордная длина прыжков достигает 3 м.*

Он пуглив и труслив и при малейшей опасности обращается в бегство, даже когда пасется спокойно и тогда постоянно приподнимается на задних лапах, чтобы убедиться в безопасности. Если его преследуют, то скачет он не в прямом направлении, а по возможности зигзагом, пока не утомит своего преследователя или не найдет удобной норы, в которой тотчас скрывается. Эти норы построены другими ему подобными животными и представляют довольно искусные постройки. Обычно простые, хотя и очень извилистые ходы ведут снаружи в косом направлении к главному ходу, который нередко несколько раз разветвляется, а оттуда к просторной котловине, которая, в свою очередь, соединяется с несколькими боковыми отделениями. Другой ход ведет в противоположном направлении из норы кверху, под самую поверхность земли, по нему они спасаются бегством. В минуту опасности они пробивают его окончательно и таким путем почти всегда спасаются, так как никто из преследовавших врагов не может знать, в каком направлении находится отверстие. У земляного зайца своеобразная привычка затыкать все ходы жилища, как только он вошел в него, но именно это и служит верным признаком его присутствия. Перед отверстием главного хода постоянно навалена более или менее значительная кучка земли, как мы это видим у большинства нор роющих животных. Обычно в одной и той же норе их живет 2-3 парочки, и этим, вероятно, объясняется существование боковых отделений жилища.***

** * * Постоянные норы, особенно зимовочные, могут достигать глубины 2,5 м и состоять из нескольких камер. Их входное отверстие обычно забито земляной пробкой.*

Земляной заяц питается всевозможными растениями и их частями. Главную пищу его составляют луковицы; но и от насекомых он не отказывается, иногда, вероятно, съедает степного жаворонка или, по крайней мере, его яйца и птенцов. Он обгладывает кору у кустарников, а у сочных степных растений съедает лишь самые молодые побеги. Самка в течение лета мечет 5-6 детенышей в своем теплом логовище, устланном собственной шерстью. Долго ли они остаются при матери, неизвестно, очень вероятно, что вплоть до зимы разделяют с ней то же жилище****.

** * * * Сезон размножения у большого тушканчика очень растянут. В году, видимо, лишь один выводок из 3—4 детенышей. Обычно детеныши рождаются в апреле — мае.*

С наступлением зимы земляной заяц впадает в спячку. Своим тонким чутьем он заранее предчувствует погоду, например замечали, что он и перед дождливым временем старается скрыться и запрятаться в своем гнезде. По мере приближения зимы он особенно тщательно снаружи затыкает ходы и с другими себе подобными свертывается в клубок в мягком гнезде, чтобы проспать неприятное время года. Хотя в холодные ночи иногда еще и показывается и гораздо легче своих родичей переносит холод, но все-таки, говорит Радде, ложится на спячку уже в первых числах сентября и показывается вне своего жилища не раньше второй половины апреля*.

** Зимняя спячка продолжается с ноября по март, но может прерываться, и тогда земляных зайцев можно наблюдать на снегу в 30-градусные морозы.*

Так как степные жители особенно охотно едят мясо земляного зайца, то его и преследуют очень сильно. По странному стечению обстоятельств, мы обязаны лучшими описаниями его жизни в неволе не натуралисту, а археологу Гайму. Чтобы пояснить себе золотую монету из Кириinei, на которой были изображены с одной стороны всадник, на обороте же знаменитая трава Silphium, а под ней земляной заяц, Гайм добыл себе этого зверька, продержал его в плену более года, тщательно наблюдал за ним и сообщил нам свои наблюдения.

"Он стоит то на всех четырех ногах, то только на задних; но ходит всегда исключительно на задних. Высоко приподнимается на задние лапы, когда его испугают, и бежит очень скоро почти в прямом направлении, подпрыгивая, как маленькая птица. Я пробовал давать ему разную пищу, но в первые 3-4 месяца он ел только миндаль, фисташки и дробленые зерна, и притом ничего не пил. Мне говорили, что он не пьет, а потому я и не давал ему воды.

Позднее я узнал, что он также ест яблоки, морковь, а еще охотнее различные травы, однако не очень пахучие: шпинат, салат, крапиву и др. Руту, мяту или тимьян не ел никогда; воду пил охотно, хотя не всегда. Однажды, когда ему нездоровилось, я хотел дать ему воды с шафраном, но он не стал ее пить, сколько я его ни принуждал. Хлеб, сахар и тому подобные продукты он ел охотно, но от сыра и от всего молочного упорно отказывался. Однажды я посадил его на сырой песок и

он проглотил его такое количество, что, когда я взял его в руки, то заметил, что он стал гораздо тяжелее. Под конец он предпочитал всякой другой пище конопляное семя. Зверек совсем не распространял зловония, подобно мышам, белкам и кроликам, притом был так кроток, что его смело можно было брать в руки; он никогда не кусался. Боязливый, как заяц, он боялся даже маленьких безобидных животных. В холодное время года сильно страдал, поэтому я должен был зимой держать его постоянно близ печки. Все-таки я думаю, что зверек мой прожил бы долго, если бы не был случайно убит».

Семейство дикобразовые

(Hystricidae)**

* * *В семейство дикобразовых (Hystricidae), понимаемое в нынешнем объеме, входят 11 видов, объединяемых в 3—4 рода. Распространение дикобразов охватывает большую часть Африки, Средиземноморье, Азию, на север до Закавказья, предгорий Средней Азии, Тибета, юго-востока Китая. Это наземные животные, они предпочитают леса, кустарниковые заросли, в горы поднимаются до 3000 м. Во времена Брема к этому семейству относили и американских дикобразов, ныне выделяемых в особое семейство.*

Иглистый покров гораздо больше, чем у других млекопитающих, вооруженных иглами, развит в семействе дикобразовых, заключающем в себе многие виды. Вся эта группа носит название, данное наиболее известному виду. Что касается внешних признаков членов этого семейства, то нет надобности вдаваться в подробное описание их. Иглистый покров, как бы различно он ни был образован, составляет принадлежность всех животных этой группы. Туловище сжато, шея короткая, голова толстая, морда короткая, тупая с раздвоенной верхней губой, хвост короткий или очень длинный, а у одной породы цепкий*, ноги почти одинаковой длины, лапы четырех- или пятипалые с широкими ступнями, пальцы вооружены сильно изогнутыми когтями, уши и глаза маленькие.

* *Имеются в виду цепкохвостые американские дикобразы.*

Отличающиеся длиной и твердостью иглы стоят рядами между редким подшерстком или между длинными волосами, которых бывает так много, что они совершенно закрывают иглы, которые отличаются довольно яркой окраской. Резцы на передней стороне гладкие или с бороздками, четыре коренных зуба в каждом ряду почти одинаковой величины и со складками зубной эмали.

Все дикобразовые водятся в умеренных и жарких странах Старого Света. Будучи необщительными, они, однако, соединяются в небольшие общества на время течки и тогда проводят вместе несколько дней, в остальное время каждая особь живет отдельно, сама по себе. Движения их медленны, размеренны, ленивы, лазающие породы обладают в высшей степени трудным искусством оставаться неподвижными на одном и том же месте целыми часами и днями. Однако было бы ошибкой утверждать, что дикобразовые неспособны к более быстрым и ловким движениям. С наступлением ночи эти животные обычно делаются бодрее, тогда одни из них весьма быстро бегают по земле вприпрыжку, другие довольно ловко лазают по ветвям вверх и вниз, хотя, конечно, не так проворно, как белки. Живущие на земле мастерски умеют рыть землю и устранять всякие трудности, предоставляемые им твердой почвой. Из внешних чувств у всех без исключения лучше всего развито обоняние, зрение же и слух, напротив, слабы. Умственные способности стоят на низкой ступени. Они глупы, беспамятны, мало изобретательны, злы, сердиты, трусливы и пугливы, хотя при угрожающей опасности стараются испугать врага, топорща свои иглы, а некоторые шуршат особенным образом хвостовыми иглами. С другими животными дружат так же мало, как и между собой; из-за любого кусочка даже между самкой и самцом может возникнуть сильная ссора. Никогда не приходилось видеть, чтобы два дикобраза играли друг с другом или общались дружески. Каждый живет сам по себе, нимало не заботясь о других, и разве только двух спящих дикобразовых можно встретить лежащих рядом.

Они никогда не дружат с человеком, который содержит их в неволе и заботится о них, не умеют даже отличать своего сторожа от других лиц. Голос их состоит из хрюкающих глухих звуков, сопенья, тихих стонов и не поддающегося описанию визга.

Пищей дикобразовых служат всевозможные части растений от корня до плодов. Подобно другим грызунам, они подносят пищу ко рту передними лапами или прижимают ими ее к земле, пока едят. По-видимому, они могут обходиться долгое время без воды, вероятно, им достаточно росы на съедаемых ими листьях.

О размножении дикобразов наблюдения собраны только в недавнее время. Детеныши, число которых колеблется между 1-4, рождаются приблизительно после 7-9 недель беременности*.

* *Беременность длится от 42 до 110 дней, в течение года бывает один помёт из 1-5 (обычно 2) детенышей.*

Для человека дикобразовые почти не имеют никакого значения. Впрочем, они надоедают тем, что роют норы в полях и садах, но зато приносят пользу мясом и красиво разрисованными гладкими иглами, употребляющимися для различных целей.

Гребенчатый дикобраз (*Hystrix cristate*)** больше нашего барсука, но туловище у него не длиннее, вследствие своего иглистого покрова оно кажется толще и объемнее, чем в действительности.

* * *Крупнейши ий представитель семейства дикобразовых и самый крупный после бобра грызун Старого Света.*

Длина его достигает 65 см, длина хвоста 11 см, а высота 24 см, масса колеблется между 15-12 кг***.

* * * *Длина тела достигает 90 см, хвоста — 15 см (не считая игл). Масса может достигать до 18-27 кг.*

Только на короткой тупой морде находятся волосы, толстая верхняя губа покрыта многими рядами блестящих черных усов, и такие же щетины находятся на наростах над глазами и за ними. На шее поднимается грива, которая состоит из обращенных к хвосту очень длинных, изогнутых и твердых щетин, которые животное может произвольно поднимать и опускать. Щетины эти весьма гибкие, частью белого, частью серого цвета, в основном с белыми кончиками. Остальная верхняя часть тела покрыта сидящими близко друг к другу то длинными, то короткими, гладкими и заостренными иглами, между которыми разбросаны щетинистые волосы: иглы эти темно-коричневого и белого цвета, некрепко держатся на коже, а потому легко выпадают. По бокам туловища, на плечах и на крестце иглы короче и тупее, чем на середине спины, и с заостренными кончиками. Тонкие и гибкие иглы достигают длины 40 см, короткие и жесткие бывают только 15-30 см длины, толщина их — 0,5 см. Внутри все они полые или наполнены губчатой массой, корень и кончики большей частью белого цвета. Короткие иглы темно-коричневого цвета и кольчатые, но и у них корень и кончики обычно белого цвета. На конце хвоста находятся совершенно иначе образованные иглы, почти 5 см длины и 7 мм толщины. Они состоят из усеченных, тонкостенных трубок с открытым концом и похожи на открытый ствол пера, корни их, напротив, длинны, тонки и гибки. При помощи большого, сильного мускула, который находится под кожей животного и способен быстро сокращаться, все иглы могут произвольно подниматься и опускаться. Нижняя сторона тела покрыта темно-бурыми волосами с рыжеватыми заостренными кончиками, вокруг шеи тянется белая полоса. Когти черного цвета, глаза черные. Водящиеся в Европе дикобразы, по всей вероятности, происходят из Северной Африки и привезены сюда впервые римлянами. В настоящее время животное встречается вдоль берегов Средиземного моря, в Алжире, Тунисе до Судана. В Европе оно водится в большом числе в Кампании около Рима, на Сицилии, в Калабрии и Греции. В Нижнем Египте, где дикобраз должен бы, по-видимому, водиться, мне не случилось напасть на его следы*.

* *В Африке этот вид немного переходит экватор, южнее его замещает южноафриканский дикобраз (*H. africae australis*). От Ливана, Закавказья и Средней Азии до юга Индии и о. Шри-Ланка гребенчатого дикобраза сменяет индийский (*H. indica*), с которым его нередко объединяют в один вид, восточнее живут еще два близких вида настоящих дикобразов.*

Уже древние хорошо знали дикобраза, но их естественноисторические сведения затемнены баснями. Аристотель сообщает, будто дикобраз предается зимней спячке. Плиний прибавляет, что он может свои иглы бросать вперед при помощи напряжения кожи, а Оппиан рассказывает следующее: «Дикобразы имеют страшный вид и принадлежат к числу самых опасных животных. Когда их преследуют, они убегают с быстротой ветра, но, продолжая бороться, стреляют своими смертоносными иглами во врага позади себя. Охотник не осмеливается преследовать их с собакой, но, чтобы поймать их, должен употребить хитрость».

Дикобраз живет уединенно. Днем отдыхает в длинных низких ходах, которые сам вырывает в земле, ночью выходит и рыщет в поисках пищи**. Она состоит из всякого рода растений, чертополоха и других трав, корней и плодов, коры различных деревьев и разных листьев. Дикобраз откусывает растение, схватывает его передними зубами и крепко держит передними лапами, пока ест. Все движения его медленны и неуклюжи, походка ленива, осторожна, бег не скор. Это неуклюжее животное обнаруживает, однако, некоторую ловкость при рытье, но роет не настолько быстро, чтобы спастись от ловкого, проворного врага. Зимой он остается дольше, чем обычно, в норе и спит там целыми днями, но настоящей зимней спячке не подвержен.

* * *Убежищами дикобразу служат сложные многолетние и более простые временные норы, а также естественные пещеры, гроты, расселины. Ночью, в поисках корма, может уходить за 10-15 /см, утром возвращается обратно.*

Если неожиданно захватить дикобраза вне его норы, то он грозно выпрямляет голову и затылок, топорщит все иглы и гремит ими, особенно полыми иглами хвоста, которыми он так ударяет друг о друга, что при этом происходит очень странный шум, действительно способный напугать неопытного и несколько трусливого человека. При сильном раздражении дикобраз ударяет задними ногами о землю, а если схватить его, то издает глухое хрюканье. При движении некоторые иглы выпадают, что и послужило поводом к известной сказке о стрельбе иглами. Несмотря на страшное бряцание иглами, животное представляет совершенно беспомощное, безобидное создание, которое легко пугается, каждому уступает дорогу и почти не думает о том, чтобы пустить в дело свои острые зубы. Равным образом и иглы служат более средствами защиты, чем орудием для нападения. Кто приближается к нему неосмотрительно, конечно, может быть поранен, ловкий охотник хватается за гриву и легко уносит его. Правда, когда приближаешься к дикобразу, он загибает голову назад, поднимает на спине иглы и бежит несколько шагов к противнику, но палкой можно отстранить иглы и достаточно большого платка, чтобы обезоружить животное. В случае крайней нужды бедняга свертывается, как еж, и тогда, конечно, довольно трудно взять его*.

** Дикобразы не обладают способностью сворачиваться клубком.*

Стерндаль рассказывает об одном индийском дикобразе, которого ему пришлось видеть, с успехом защищающимся против собак. Он встретил многих туземцев, ревностно занятых раскапыванием сверху норы дикобраза, между тем, как две собаки стерегли его у выхода. Когда они докопались до жилища, дикобраз быстро выскочил и, гремя иглами, в крайнем раздражении бросился между собаками. При этом он так быстро и ловко поворачивал своими растопыренными иглами и вперед, и в сторону, что оба противника с лаем отступили. Одной собаке игла глубоко воткнулась в верхнюю часть шеи, а другой в нижнюю челюсть и в морду подле глаза и так глубоко засела в ране, что потребовалось много усилий, чтобы освободить от нее воющую собаку.

Умственные способности нашего дикобраза так же ограничены, как и у родственных ему животных, о рассудительности его едва ли может быть речь, хотя и нельзя совершенно отвергать у него некоторой понятливости. Из внешних чувств наиболее развито обоняние, зрение и слух слабы.

Время спаривания изменяется в зависимости от климатических условий. Можно признать, что оно повсюду совпадает с началом весны: в северной Африке происходит в январе, в южной Европе — в апреле. В это время самцы отыскивают своих самок и живут вместе с ними несколько дней. Спустя 60-70 дней после спаривания самка в своей норе, мягко устланной листьями, корнями и травами, мечет 2-4 детенышей, которые рождаются с открытыми глазами, с короткими, мягкими, плотно прилегающими к телу иглами: иглы эти очень скоро твердеют и растут чрезвычайно быстро, хотя полной длины достигают только в зрелом возрасте. Как только детеныши становятся способными сами добывать пищу, мать покидает их. Равным образом плодятся и дикобразы, содержащиеся в неволе.

Гребенчатый дикобраз (*Hystrix cristata*)

Нельзя сказать, чтобы дикобраз причинял человеку вред, потому что он нигде не встречается в больших количествах, и опустошениям, которые он иногда производит в расположенных недалеко от его норы садах, едва ли следует придавать большое значение. Там, где он живет, держится пустынных местностей, и поэтому редко надоедает. Тем не менее, его усердно преследуют. Иглы дикобраза получают разнообразное применение, а в некоторых местах едят и его мясо. Неловкого зверя ловят или в западни, которые ставят перед норой, или с помощью обученных собак, которые ловят его во время ночных странствований, затем охотники берут его просто с земли или предварительно убивают его ударом по носу. В римской Кампании охота за дикобразом считается особым удовольствием; и, действительно, она устраивается там так, что представляет много странного и привлекательного. Дикобраз охотнее всего устраивает свои норы в глубоких рвах, которыми прорезана Кампания и, выходя ночью, редко удаляется от них на далекое расстояние. На охоту выходят темной ночью с хорошо выдрессированными собаками, наводят на след зверя и заставляют их искать. Громкий, сердитый лай дает знать, что собаки отыскали дикобраза, и указывает вместе с тем на место, где происходит между ними борьба — если только в данном случае может быть речь о борьбе. Тогда все охотники зажигают заранее приготовленные факелы и приближаются к этому месту. Как только собаки замечают приближение своих господ, они начинают громко визжать от радости и с бешенством бросаются на свою добычу. Дикобраз пытается, конечно, прогнать их, брэнчит на все лады своими иглами, хрюкает, ворчит и старается всячески защититься растопыренными во все стороны иглами. Наконец охотники окружают дикобраза и его преследователей. При ярком свете факелов им, конечно, легко завладеть зверем, убить его или принести живым домой.

Итальянцы ходят с прирученными животными из деревни в деревню, подобно савоярам с сурками, и показывают там странное создание за деньги. Даже при не очень тщательном уходе содержать дикобраза в неволе можно в течение 8-10 лет*. Можно даже привести пример, что он прожил в неволе 18 лет. Если обращаться с ним хорошо, то его легко приручить. Пойманные молодыми, дикобразы учатся узнавать своего хозяина и следуют за ним как собака. Присущие животному боязливость и робость никогда, однако, не оставляют его, и часто по поводу самых безвредных вещей оно обнаруживает страх и ужас и брэнчит из всех сил своим панцирем. Дурного обращения он не ВЫНОСИТ.

** В природе дикобразы доживают до 12-15 лет, в неволе — до 20 лет.*

Пищу дикобраза в неволе составляют морковь, картофель, салат, капуста и другие растения, может совершенно обходиться без воды, если дают ему есть сочные плоды или листья, при сухой пище он пьет, хотя и не часто. Нельзя утверждать, чтобы животное это было приятным товарищем для человека. В комнате его едва ли можно держать.

В прежнее время в медицине играл важную роль безоаровый камень, полученный от дикобраза. Его считали верным средством против различных болезней и платили за него по 100 крон, вследствие его редкости. Эти камни привозили из Ост-Индии, где добывали их от живущих там дикобразов, они были жирны на ощупь и имели чрезвычайно горький вкус.

Африканский дикобраз, или кистехвост (*Atherurus africanus*)**, в настоящее время часто привозимый в Европу живым, представляет собой довольно стройное животное, около 60 см длины, из которых третья часть должна быть отнесена на долю хвоста.

* * *Африканский дикобраз относится к роду кистехвостых дикобразов. Это некрупный вид — длина тела 40-55 см, хвоста — 15-25 см, масса — 1,5-4 кг.*

Иглы плоские, с продольными бороздками, очень острые и с крючочками на конце, у корня они грязно-белого цвета, а далее бурого, некоторые на боках с белыми кончиками. Длина игл постепенно увеличивается от головы к хвосту: на плечах они около 4 см, а на спине почти 11 см длины. Роговые пластинки хвостовой кисти желтовато-белого цвета. Буровато-белый, довольно густой и мягкий мех покрывает нижнюю сторону тела, по обеим сторонам морды сидят очень длинные бурые усы, у корня белые. Родина животного — западная Африка, по крайней мере, от Сьерра-Леоне до Бенгелы***.

* * * *Ранее выделяли несколько видов африканских кистехвостых дикобразов с разными ареалами, сейчас считается, что все это — один вид. распространенный в лесах от крайнего запада Африки, через бассейн Конго до Великих озер.*

О жизни кистехвоста на воле известно очень немного. Бюттикофер сообщает о нем из Либерии следующее: «Оставленные термитами постройки составляют любимое убежище для животных этого рода. В покрытых лесами склонах гор Кап Маунт я нашел нору дикобраза. Она была устроена между корнями могучего дерева и имела шесть различных выходов, которые, к сожалению, не могли быть скоро разысканы и заложены, так что только одним детенышем из восьми нам удалось овладеть. У подошвы вышеупомянутых гор, около самого морского берега, я нашел такую же нору между расселинами скалы, но здесь невозможно было добраться до ее обитателей. Третью нору мы нашли на крутом берегу реки, а четвертую опять между скалами». Судя по поведению зверей, находящихся в неволе, можно полагать, что их нрав сходен с нравом других роющих дикобразов. Я неоднократно видел это животное живым и мог долго наблюдать его. Кистехвост производит гораздо более благоприятное впечатление, чем обыкновенный дикобраз. Днем он, по возможности, прячется в отведенном для него уголке, любит лежать, зарывшись в сено, с закатом солнца становится оживленнее и бегаёт с большой поспешностью, подпрыгивая, вокруг изгороди. Движения его равномерны, быстры и вполне ловки. На груды камней и другие возвышенные предметы он влезает легко, а по земле быстро шмыгает*. Хвост чаще всего держит поднятым вверх, иглы топорщит. Он делает это, когда рассердится, причем шумит хвостовой кистью, но не так громко, как другие дикобразы.

* *Кистехвостые дикобразы могут лазать по деревьям, неплохо плавают. В некоторых убежищах собираются до 6 животных.*

По-види мому, кистехвосты не так боятся света, как остальные дикобразы. Правда, днем они отворачиваются от света, который, как кажется, производит болезненное впечатление на их большие, живые глаза, но они выходят раньше сумерек, между тем, как другие виды всегда выжидают темной ночи, прежде чем показаться. Мясо кистехвоста не особенно вкусно.

Семейство американские дикобразы

(*Erethizontidae*)**

* * *Семейство американских дикобразов насчитывает 4-5 родов и около 12 видов. Американские дикобразы находятся в очень дальнем родстве с дикобразами Старого Света, но являются ближайшими родственниками кавиоморфных грызунов.*

В Северной Америке представителем дикобразов является **иглошерст** (*Erethizon dorsatum*)***

* * * *Единственный нетропический член семейства и самый северный в мире дикобразный грызун.*

Он отличается от южноамериканских лазающих дикобразов сжатым с боков туловищем и коротким, плоским и широким хвостом, покрытым с верхней стороны иглами, а с нижней — щетинами. Иглошерст достигает длины 80 см, из которых на долю хвоста приходится 19 см. Голова у него

короткая, толстая и тупая, морда усеченная, маленькие ноздри более или менее плотно прикрываются полукруглыми клапанами. Передние ноги четырехпалые и без большого пальца, задние пятипалые, когти длинные и сильные, подошвы голые, с сетью бороздок па коже. Тело покрыто густым мехом, который на затылке достигает 11 см длины, а на нижней стороне тела и на кончике хвоста переходит в колючие щетины. Между волосами и щетинами по всей верхней стороне тела находятся иглы около 8 см длиной, которые большей частью прикрыты волосами****.

* * * * *Иглы бывают от 3 до 10 см длиной, они светлые с темными вершинами и могут поворачиваться в разных направлениях.*

Окраска его представляет смесь бурого, черного и белого цветов, волосы на верхней губе желтовато-бурые, на щеках и на лбу бурые, перемешанные с черным и белым, длинные волосы туловища совершенно черные, или совершенно белые, или черные у корня и белые на кончиках, волосы нижней части тела бурые, волосы же хвоста на кончиках грязно-белые.

Картрайт, Одюбон, Бахман и принц фон Вид дают нам подробное описание жизни и нрава этого животного. Иглошерст живет в лесах северной Америки до Виргинии и Кентукки и от Лабрадора до Скалистых гор. Часто встречается в лесистых местностях к западу от Миссури, в восточных же странах, напротив, почти совсем вывелся*.

* *Лишь на юго-востоке США дикобраз не живет, несмотря на богатую древесную растительность. На Аляске и Лабрадоре встречается вплоть до арктического побережья.*

"Иглошерст, — говорит Картрайт, — ловко лазает, и зимой, по всей вероятности, не спускается на землю, пока не уничтожит кору на вершине дерева. Обычно он движется в лесу по прямой линии и редко проходит мимо дерева, разве уж оно очень старое. Но больше всего любит молодые деревья: один иглошерст может в течение зимы погубить сотни деревьев. Знакомые с нравами этого животного всегда легко могут отыскать его, так как путь его движения указывается трухой обглоданной коры». Одюбон уверяет, что ему случалось проходить через леса, в которых кора была ободрана иглошерстом со всех деревьев, так что можно подумать, что в лесу свирепствовал пожар. Иглошерст наносит особенно большой вред вязам, тополям и елям. Своими бурыми блестящими резцами он снимает кору с ветвей так гладко, как будто работа сделана ножом. Говорят, что он всегда начинает с вершины дерева и затем спускается ниже, чтобы снять кору с ветвей, а наконец и со ствола**.

* * *Основу питания иглошерста составляют летом листья различных деревьев, особенно тополей и берез, а зимой — кора и камбий, мелкие веточки хвойных.*

Можно с некоторой уверенностью рассчитать, что ежедневно в течение нескольких месяцев найдешь его в том же дупле, которое он раз выбрал себе для сна***.

* * * *Он ведет одиночный образ жизни, избегает пограничных конфликтов и совершенно равнодушен к собратьям.*

Зимней спячке он не подвержен; но очень вероятно, что в самые холодные зимние дан прячется в заранее выбранное убежище.

В таких дуплах или в расщелинах скал находят его гнездо и в нем в апреле или в мае детенышей, обычно двух, реже трех или четырех. По сообщению принца фон Вида, индейцы полагают, что самка иглошерста не имеет сосцов, следовательно детеныши ее не могут сосать, и она поэтому принуждена тотчас же после рождения отгонять их от себя и таким образом принуждает их уже с первых дней своей жизни приниматься за трудную работу****.

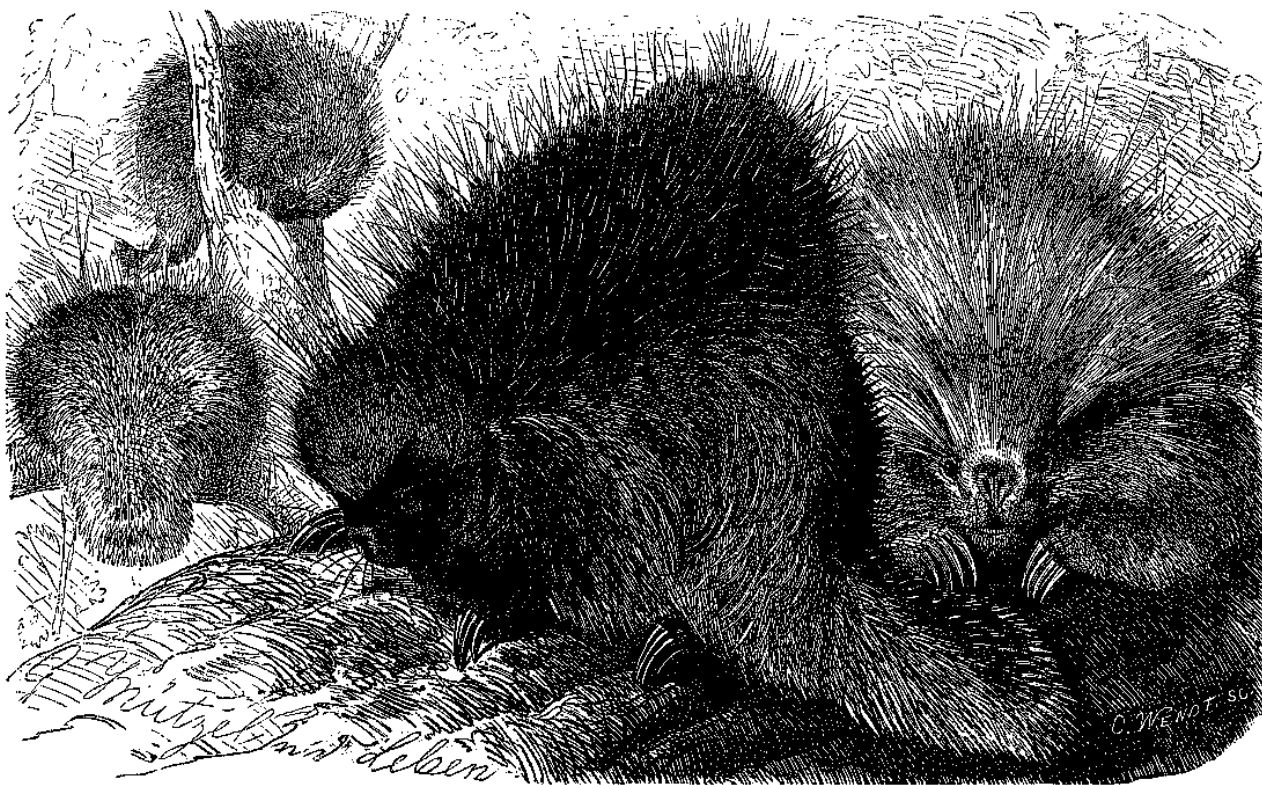
* * * * *Самка иглошерста имеет 2 пары сосков. Сразу после рождения детеныши способны следовать за матерью, быстро приучается к зеленому корму, но питается молоком до 4 месяцев.*

Детеныши, которых берут да гнезда и содержат в неволе, скоро привыкают к своим хозяевам и к окружающей обстановке. Кормят их всякого рода растениями, очень охотно они едят хлеб. Если их пускают свободно бегать в саду, то они тотчас же взбираются на деревья и начинают есть кору и листья. Одюбон рассказывает, что бывший на его попечении иглошерст только тогда гневался, когда его хотели удалить с садового дерева, на которое он всегда взбирался. «Наш пленник мало-помалу сделался очень ручным и редко пускал в дело свои иглы, а поэтому его можно было время от времени выпускать на свободу из его клетки и давать возможность пользоваться удовольствием свободной прогулки в саду. Он знал нас; если мы его звали и предлагали ему картофель или яблоко, он медленно оборачивал к нам свою голову, смотрел на нас кротко и дружелюбно, медленно приближался, брал плод из рук, садился на задние лапы и подносил ко рту пищу передними. Он часто приходил в нашу комнату, когда бывала открыта дверь, приближался к нам, терся о ноги и смотрел просительно, в надежде получить что-нибудь лакомое. Напрасно старались мы его рассердить: он

никогда не употреблял своих игл против нас. Но иначе он вел себя, когда приближалась собака. Тотчас же становился в оборонительное положение. Опустив нос, растопырив все иглы и шевеля хвостом, он казался совершенно готовым к борьбе*.

* Иглы проникают в тело врага и иногда вызывают смерть, попав, например, в кровоток. Еще одним средством защиты служит едкий запах, распространяемый железой у основания хвоста.

Большой, злой и в высшей степени драчливый бульдог, живший по соседству, имел привычку выкапывать себе проход под забором нашего сада и время от времени являться к нам незваным гостем. Однажды утром мы увидели, что он бежит в угол нашего сада, направляясь к какому-то предмету: это был, как оказалось, наш иглошерст. Ночью он высвободился из своей клетки и бегал спокойно по саду, пока не явилась собака. Его обычная угроза, по-видимому, не подействовала на бульдога, последний, может быть, думал, что ему приходится иметь дело с животным не сильнее кошки, одним словом, бульдог внезапно с разинутой пастью бросился на иглошерста. В эту минуту иглошерст сделался словно вдвое больше своего роста, зорко наблюдал за приближающимся врагом и, улучив удобную минуту, нанес ему хвостом такой удар, что бульдог мгновенно утратил свою храбрость и громко, жалобно завизжал. Его морда, язык и нос были усеяны иглами противника. Он не мог сжать челюстей и с открытой пастью опрометью бросился бегать по саду. Кажется, это послужило ему уроком на всю жизнь, потому что ничто не могло его заставить возвратиться к тому месту, где он однажды был так негостеприимно принят. Хотя ему тотчас же выдернули иглы изо рта, тем не менее голова его в течение многих недель оставалась опухшей и рот зажил не ранее, чем через несколько месяцев».

Иглошерст (*Erethizon dorsatum*)

Иглошерстов год от года становится все меньше. «В западном Коннектикуте, — так рассказывал Вильям Казе Одюбону, — иглошерст несколько лет тому назад встречался так часто, что, охотясь за белками, можно было в полдня убить их от 7-8 штук, и притом на расстоянии 3-4 миль от города, между тем в настоящее время там не встретишь ни одного иглошерста*.

* Популяции иглошерста испытывают 12-20-летние колебания численности, связанные с циклическостью обилия кормовых растений.

Они выводятся с удивительной быстротой; охотники убивают их из мести за раны, причиняемые ими охотничьим собакам. Кроме человека, только немногие враги оказываются опасными так хорошо вооруженному животному**». Одюбону принесли канадскую рысь, которая жестоко поплатилась за нападение на иглошерста. Это хищное животное находилось почти при смерти, голова его была сильно воспалена, а рот полон острых игл. Этот же натуралист неоднократно слышал, что собаки, волки и даже ягуары умирают от подобных ран. Только индейцы умеют надлежащим образом использовать убитого иглошерста. Они охотно едят его мясо, от которого, впрочем, не отказы-

ваются и белые. мех зверя после удаления из него игл вследствие своей мягкости находится в большом употреблении, а иглами украшают охотничьи сумки, сапоги и другие вещи.

* * *Крупная американская куница некан, или илька (Maries pennant/), специализируется в охоте на иглошерстов. Она вертится вокруг грызуна и, улучив момент, быстрыми укусами в голову приканчивает его.*

Восточные берега Мексики служат местом жительства **мексиканского дикобраза** (*Sphiggurus mexicanus*)*.*.*.

* * * *Обитает G высокогорных лесах. Относится к не крупным видам древесных дикобразов с цепким хвостом. Масса достигает 2,6 кг. Кончик морды голый, розовый и выглядит вздутым, что придает зверьку? смешной вид. Оголен также хватательный конец хвоста.*

Животное это достигает 95 см, из которых почти третья часть приходится на долю хвоста. Блестящие волосы очень густы и мягки, слегка курчавы и настолько длинны, что совершенно закрывают многие иглы. На нижней части тела нет игл; нижняя часть шеи, внутренняя сторона ног, морда и половина кончика хвоста сверху голые, снизу покрыты черными, а с боков желтыми щетинами. Волосяной покров кажется черным, потому что отдельные волосы, у корня отливающие буроватым и светло-серым цветом, на кончиках имеют блестящую черную окраску. На морде имеются очень длинные усы, а на бедрах передних и задних конечностей — отдельные длинные жесткие волосы. Иглы желтого цвета с черным кончиком, у корня очень тонкие, затем мало-помалу утолщаются, а потом вдруг заостряются, в середине они гладкие, а на заостренном, как игла, конце снабжены крючками, обращенными назад. Около глаз и ушей они стоят так густо, что волос совсем не видно, и ухо совершенно закрыто ими. Но здесь они гораздо короче и светлее окрашены, чем на остальных частях тела; на спине находятся самые длинные и темные иглы. Глаза очень выпуклые, радужная оболочка светло-бурая, зрачок не больше булавочной головки, только удлинённый, и глаза выдаются, как стеклянные бусинки. Пока животное находится в спокойном состоянии, иглы его малозаметны, за исключением мест около глаз и ушей мех кажется заманчиво-мягким и гладким, и только когда животное сердится, различные неровности указывают на скрытые под волосами иглы. В сильном гневе животное приподнимает все иглы, так что они торчат по всем сторонам тела, и если погладить рукой мех, то они чувствуются всюду. Они сидят в коже так слабо, что выпадают при малейшем прикосновении, если провести рукой несколько раз по меху, то можно вырвать дюжину игл, из которых некоторые непременно воткнутся в руку.

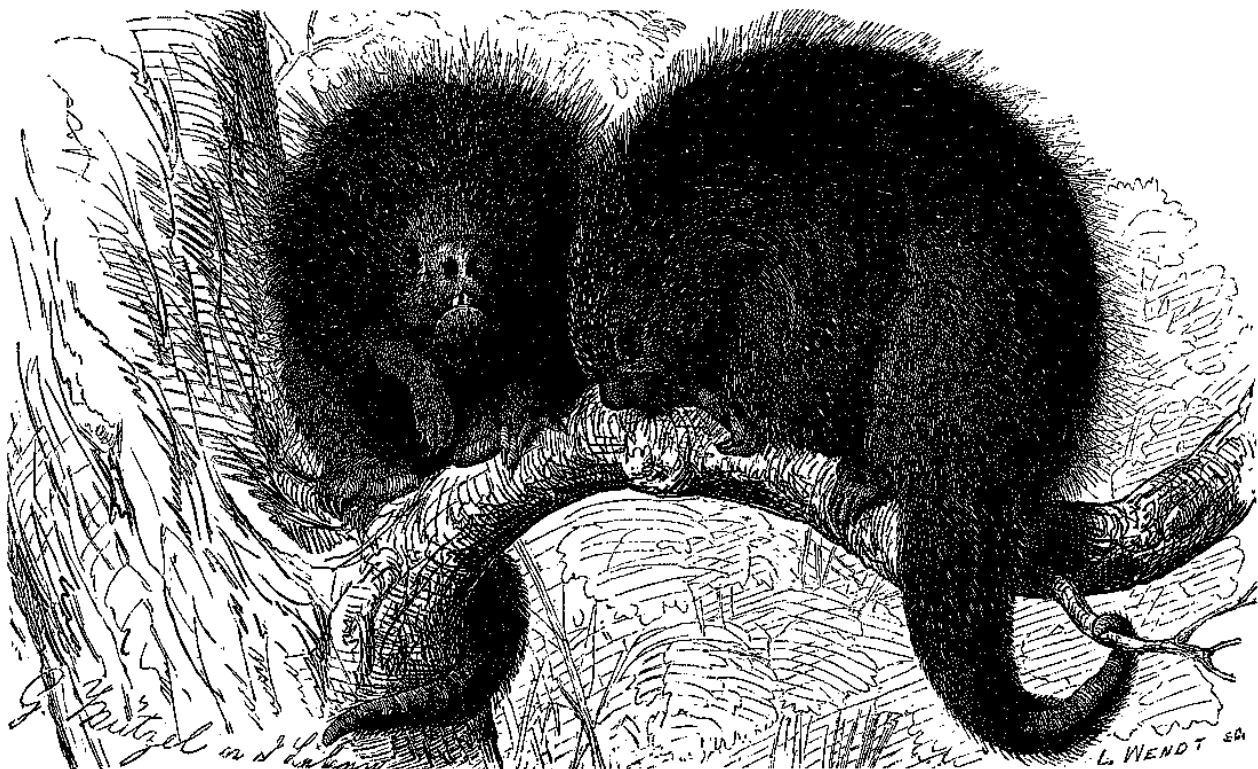
О жизни мексиканских дикобразов на воле, равно как и других лазающих дикобразов, имеются очень скудные сведения. Больше всего мы знаем об одном родственном виде, который известен под именем **кюий, или бразильский дикобраз** (*Sphiggurus insidiosm*)* о нем сообщают нам сведения Азара, Ренггер, принц фон Вид и Бурмейстер.

* *Более мелкий вид (вес до 1 кг) с маскировочной окраской.*

Животное это распространено по всей Бразилии и по странам, лежащим к югу от Парагвая, хотя оно здесь и везде известно, но нигде не встречается в большом количестве. Для своего жилища кюий выбирает места главным образом в высоких лесах, но находят его также и в местах, поросших кустарником. Большую часть года он живет один и притом в определенной области, всегда на деревьях, по ветвям которых он ловко передвигается. В течение дня он отдыхает, свернувшись клубком, сидя в развилине древесного сука, ночью же лазает кругом медленно и осторожно, но очень уверенно. Гензель указывает на то, что фигура и окраска животного как нельзя более подходят к окружающей его обстановке. «Природа, — говорит он, — по-видимому, пожелала оказать этому животному особое благоволение, так как она не удовлетворялась только тем, чтобы защитить его против врагов имеющимся у него орудием защиты, — она оказала ему особое покровительство против хищных птиц. Бразилия изобилует многими хищными птицами, которые питаются преимущественно лазающими и млекопитающими животными первобытного леса. Против этих-то хищных птиц дикобраз и получил для защиты себя способность уподобляться окружающей обстановке, на что до последнего времени не обращалось внимания. А именно: весь его покров изобилует длинными, тонкими волосами седоватой окраски. Эти волосы придают животному, когда оно, свернувшись, сидит спокойно на ветвях дерева, обманчивое сходство с глыбой длинного серого мха, и даже самый зоркий охотник часто проходит мимо него, будучи обманут развевающимися от ветра волосами неподвижного животного, или иной раз стреляет в какой-нибудь пучок мха, что, конечно, не делает ему чести». Положение дикобраза на деревьях очень оригинально: он сидит, как это я наблюдал на моем пленнике, на задних лапах и держит близко к ним передние, согнув их иногда так, что опирается на наружную сторону кисти, голову при этом он вертикально свешивает вниз, выпрямляет хвост и загибает его кверху крючком. Обычно он держится, зацепившись хвостом за ветку. Но и без этого

прочно сидит на самых тонких ветвях, потому что его широкие лапы, вогнутые изнутри, дают ему возможность твердо держаться. При лазании крепко прижимает свои мясистые широкие подошвы к ветвям, которые и обхватывает мягкой ладонью. Днем движется очень неохотно и даже совсем не лазает, когда его не беспокоят, если выпустить дикобраза на свободу, то он побежит переваливающейся походкой до первого попавшегося дерева, взберется по стволу довольно быстро вверх, выберет себе в ветвях тенистое местечко, чтобы спрятаться, и тотчас же начинает есть. Когда он хочет перебраться с одной ветви на другую, стоящую дальше, то крепко зацепляется там, где сидит обеими задними ногами и хвостом, вытягивает тело горизонтально и старается схватить намеченную ветвь передними лапами. В таком положении, требующем большой силы, он может оставаться в течение нескольких минут и качаться довольно легко в ту и другую сторону. Схватив ветвь передними лапами, он сперва освобождает задние лапы, а потом и хвост, опускается под действием собственной тяжести вниз, зацепляется за новую ветвь сперва хвостом, а потом задними ногами, спокойно взбирается наверх и отправляется дальше по ветке. Ренггер утверждает, что дикобраз только тогда пользуется хвостом, когда спускается вниз, но я, на основании собственных наблюдений, могу уверить, что это неправда.

Пища бразильского дикобраза состоит главным образом из плодов, почек, листьев и корней, которые он подносит ко рту передними лапами. Находившиеся у меня в неволе звери охотно пожирали кору молодых побегов. В клетке мы кормили их морковью, картофелем и рисом, они ели также и молочную булку. В Америке их кормят бананами.

Кюий, или бразильский дикобраз (*Sphiggurus insidiosus*)

Ренггер сообщает, что оба пола этих обычно одиноких животных сближаются в течение зимы и тогда некоторое время живут парами. Когда в их отечестве наступает зима, то есть в начале октября, самка мечет 1-2 детенышей. Азара, наблюдавший беременную самку, нашел только одного детеныша, который, подобно матери, уже был покрыт иглами. Более точных подробностей относительно их размножения я не могу сообщить.

Так как по своему внешнему виду дикобраз малопривлекателен, то жители Парагвая редко ловят и воспитывают зверя, тем не менее это не избавляет его от преследования и т. д. Бу рмейстер вскоре после своего прибытия в Рио-де-Жанейро получил одного дикобраза, который, согласно тамошнему обычаю, по всей своей длине был привязан к палке и ужасно избит, так что первое время после освобождения он почти не мог ходить, затем Бурмейстер нашел другого дикобраза, лежавшего мертвым возле дороги, точно так же сделавшегося жертвой ничем не оправдываемой кровожадности. Генкель сообщает нам о причине непонятного ожесточения туземцев. «Самое ненавистное животное в бразильских лесах — это дикобраз. Природа не удовольствовалась тем, что иглами защитила его, подобно ежу, от неприятелей, но эти неприятели за нападение должны еще подвергнуться самому страшному наказанию, а именно: эти иглы у своего корня так тонки и сидят в коже

настолько слабо, что при самом незначительном движении легко отделяются, поэтому они остаются в постороннем теле, если проникнут в него своим острием. Если собака схватит спокойно лежащего на земле дикобраза, который, сознавая свою ужасную силу, даже не думает бежать, то несчетное множество игл не только вонзаются в мягкие части ее пасти и остаются там, но при помощи крючочков, которыми снабжены, и из-за движений самой собаки, иглы постепенно проникают еще глубже. Несчастное животное уже не может закрыть пасть вследствие опухоли зева и гортани, и, если только не будет оказана немедленная помощь, может после мучительнейших страданий или задохнуться, или умереть от голода. Если помощь будет оказана быстро, то на первых порах надо удалить иглы, захватывая их между большим пальцем и острием ножа, позднее и это средство оказывается невозможным, так как иглы ломаются. Вот почему многие охотники выходят в лес не иначе, как запасшись клещами. При таких обстоятельствах делается понятным, почему никакие другие животные, даже ядовитые змеи, не внушают местному охотнику такой ненависти и такого страха, как дикобраз. Неудивительно поэтому, что всякий найденный дикобраз умерщвляется без милосердия, хотя животное это само по себе совершенно безвредно.

Замечательно, что у оцелота под кожей часто попадаются отдельные иглы. Надо предполагать, что эта кошка осмеливается нападать на дикобраза, но с каким успехом, этого с уверенностью решить невозможно. Какие ранения могут причинить эти иглы, я сам имел случай наблюдать на одной из моих собак, у которой мне удалось вырвать большую часть игл. Я каждый день по нескольку раз осматривал собаку, захватывая выступавшие кончики игл клещами, с помощью которых их удобно было вытащить, последнюю иглу я выдернул на стороне шеи уже по истечении шести недель».

Цепкохвостый дикобраз, или коэнду (Coendou prehensilis)*, по внешнему виду похож на бразильского дикобраза, но заметно больше его и кажется крепче сложенным.

** Более крупный вид. чем предыдущие, весит до 5,3 кг.*

Длина его составляет около 1 м, причем 45 см приходится на долю хвоста. Иглы начинаются у самой морды, распространяются по всей верхней части тела, покрывают ноги до щиколотки, верхнюю часть хвоста и даже всю нижнюю часть живота, но неплотно прилегают к телу. Редкие волосы, выступающие между ними, большей частью совсем ими прикрыты и делаются заметными только тогда, когда раздвинешь иглы. Сидят они в коже очень слабо, все одинакового вида — твердые, крепкие, почти круглые, гладкие и блестящие, у корня слабые, на остальном протяжении имеют равномерную толщину, а к очень острому концу сразу сильно утончаются.

Цепкохвостый дикобраз, или коэнду (Coendou prehensilis)

На задней части спины иглы достигают около 12 см длины, по направлению к нижней части живота постепенно укорачиваются и на брюхе мало-помалу переходят в настоящие щетины, кото-

рые в нижней стороне хвоста снова становятся иглообразными, то есть, жесткими и колючими. Цвет светлый, желтовато-бледный, но под кончиком резко выступает темно-коричневая полоска. Волосы на носу и морде рыжеватые, на остальном теле бурые, между ними встречаются белые щетинки. Очень крепкие и длинные усы, располагающиеся продольными рядами, кажутся черными.

Об образе жизни коэнду на воле малоизвестно. Животное обитает на значительной части Южной и Центральной Америки и в некоторых местностях попадается нередко**. По примеру своих родичей, коэнду спит днем, сидя на верхушке дерева в указанном выше положении, а ночью бегает по ветвям медленно, но ловко. Пища его состоит из разного рода листьев.

* *Коэнду распространен в тропической части Южной Америки к востоку от Анд. В горы поднимается до 1500 м. Лапы коэнду прекрасно приспособлены для лазания благодаря сильным когтям и своеобразным костным и кожным мозолям. Вместо большого пальца на передних лапах развита подушечка, противопоставляемая четырем пальцам. Ведут одиночный ночной образ жизни. Система размножения — как у иглошерста.*

Мясо коэнду ценится туземцами, иглы служат для различного употребления. Между индейцами распространены такие же сказки о коэнду, как у нас о дикобразе. Некоторыми индейскими племенами иглы коэнду употребляются для лечения, так как они верят, что воткнутые в кожу больного иглы действуют как пиявки.

Семейство свинковые

(Caviidae)***

* * * *Свинковые дали название кавиоморфам большой группе родственных семейств дикобразных грызунов Нового Света.*

Внешними признаками семейства свинковых, или полукопытных, признаются более или менее вытянутое тело, поддерживаемое длинными ногами, четырехпалые передние конечности и задние, имеющие от трех до пяти пальцев, пальцы конечностей вооружены большими копытообразными, спереди ребристыми когтями. Далее кургузый хвост, большие уши и грубый волосной покров. Зубную систему образуют четыре коренных зуба приблизительно равной величины и большие, широкие, спереди всегда белые резцы. Спинной хребет имеет 19 спинных, 4 крестцовых и от 6 до 10 хвостовых позвонков. Весь скелет состоит из толстых, иногда даже совсем грубых костей.

Свинковые живут исключительно в Южной Америке, на юге и в центральной части, но в самых различных местностях: на равнинах, в лесах, сухих полосах, среди скал, в болотах и даже в воде. Они уживаются в расселинах дуплистых стволов, трещинах скал, в зарослях и кустарниках, некоторые в норах, вырытых ими самими или покинутых другими животными. Почти все полукопытные живут обществами и ночью бывают бодрее, чем днем. Пища их состоит из растительных веществ всякого рода: злаков, трав, цветов, листьев, корней, капусты, семян, плодов и древесной коры. Во время еды они сидят в прямом положении на задней части тела и передними конечностями крепко держат пищу. В движениях ловки, хотя поступь их довольно медленна. Некоторые входят в воду и плавают с большим искусством и продолжительно. Прав мирный, незлобивый и робкий; маленькие виды пугливы, боязливы и кротки, а большие несколько смелее, но и они при приближающейся опасности бросаются бежать, насколько хватает силы. Из всех чувств обоняние и слух у них наиболее совершенны. Но вообще их душевные способности незначительны. Они легко делаются ручными, привыкают к человеку и умеют его узнавать, однако не дружат с ним. Плодовитость очень значительна: число детенышей колеблется от 1 до 8, и многие виды мечут по несколько раз в год.

Всем известная **морская свинка** (*Cavia porcellus*) долго разделяла участь многих домашних животных, никто не мог с уверенностью определить ее родоначальников*. Мы знаем, что это маленькое животное было привезено к нам вскоре после открытия Америки, следовательно, в XVI столетии, и кажется, голландцами. Уже Геснеру морская свинка была известна, и с тех пор у нас продолжают разводить ее.

* *По некоторым данным, единственный прямой предок морской свинки и сейчас обитает в льяносах севера Южной Америки. Все дикие свинки — однотонно окрашенные животные рыжевато-бурой окраски, с пушистым длинным мехом, очень отличающимся от гладкой блестящей шерсти домашнего сородича. Длина тела достигает 35 см, хвоста нет, масса 0,5-2 кг. Инки одомашнили морскую свинку в XIII — XV веках нашей эры, зверьков выращивали ради очень вкусного мяса и для развлечения. В Европу свинок привезли в эпоху Великих географических открытий, отчего они получили название «(за) морские». В настоящее время свинка является массовым лабораторным животным.*

Кроме одноцветных морских свинок, которые чаще всего бывают белыми, попадаются еще пегие трехцветные, испещренные белыми, желтыми и черными пятнами. Но Гааке восстает против тех наблюдателей, которые оспаривают существование двухцветных морских свинок. Между морскими свинками, содержащимися во Франкфуртском зоологическом саду для кормления других животных, он несколько раз встречал особей, покрытых только желтыми и белыми пятнами, они имеют всегда красные глаза. По наблюдениям Неринга, мумии морских свинок на Анконском кладбище инков в Перу черных пятен не имели. Все они были или одноцветные — белые, или красно-бурые, или, если двухцветные, то красно-бурые с желто-бурыми пятнами*.

** Разнообразные цветовые вариации свинок вывели еще инки.*

У нас встречаются морские свинки с красно-бурыми, желтовато-серыми и мышино-серыми пятнами. Трехцветные с пепельно-серыми пятнами, вместо черных, по наблюдениям Гааке, нередки, и у них тоже красные глаза. В наше время особенно полюбилась растрепанная морская свинка — порода с длинным волосатым покровом, свивающимся в некоторых местах тела в своеобразные вихры**.

** * Сейчас эту породу свинок называют «ангорской», по аналогии с длинношерстными породами кошек и коз, действительно происходящими из Ангоры (Анкара, Турция).*

Из целого класса грызунов морская свинка принадлежит к самым любимым домашним животным, как по выносливости, так и по незлобности и добродушию. Если поместить животное в прохладный и сухой хлев, то содержание ее не обременительно. Она ест всякую растительную пищу от корней и до листьев, сухое зерно и свежие сочные растения и требует только некоторой смены пищи. Когда ей дают сочный корм, то она обходится без питья, хотя очень любит молоко. Зверек доволен всем и равнодушно переносит даже дурное обращение. Поэтому служит приятной забавой для детей, которые с особенным рвением занимаются его воспитанием.

Своими привычками он напоминает и кроликов, и других мышей. Походка у него не быстрая и состоит скорее из прыжков, но зверька нельзя назвать неуклюжим, а, напротив, очень проворным. Обычно, когда он сидит, то упирается на все четыре лапы, плотно прижимаясь к земле животом. Но сидит он редко, а почти все время безостановочно бегаёт по хлеву, с наибольшим удовольствием вдоль стен, где вскоре прокладывает гладко протоптанную дорожку. Если зверьков много, то беготня эта очень забавна: одна свинка следует за другой, и целый ряд их обегает хлев, быть может, сотню раз без перерыва. Голос состоит из хрюканья, послужившего поводом к сравнению этого животного со свиньей; кроме того, замечается какое-то особое бормотанье и писк. Бормотаньем выражается довольство, тогда как писк служит признаком волнения***.

** * * У всех свинок чрезвычайно развита звуковая коммуникация. Наиболее характерным звуком следует считать пронзительный свист.*

Самец и самка живут вместе и обращаются друг с другом нежно. По чистоплотности, свойственной всем грызунам, каждый из супругов облизывает другого и, кроме того, использует свои передние лапы, чтобы гладко причесать ему шерсть****.

** * * * Образ жизни диких свинок существенно отличается от такового домашних сородичей. Это сумеречные животные. Группы по 5—10 особей живут в норах. Внутри семьи существует четкая иерархия, отдельная для самцов и самок.*

Когда один из парочки спит, другой бодрствует для его безопасности, а если это длится очень долго, то старается разбудить спящего лизаньем и расчесыванием, и как только последний откроет глаза, дежурный в свою очередь спешит заснуть, полагаясь на бдительность другого. Часто самец гонит свою самочку впереди и всячески старается выказать ей любовь и заботливость. Особи одного пола тоже живут совершенно в согласии, пока этому не помешает жадность — желание захватить лучший кусок из еды и лучшее место для отдыха. Влюбленные самцы, спорящие из-за одной самки, часто приходят в гнев, скрипят зубами, топают ногами о землю, угощают друг друга пинками, вцепившись один другому в волосы, иногда дело доходит до таких поединков, при которых усердно работают зубы и случаются серьезные ранения.

Немногие млекопитающие своей плодовитостью могут сравниться с морской свинкой. У нас самка мечет три раза в год по 2-3, иногда по 4-5 детенышей, а в жарких странах даже по 6-7*.

** В среднем самка приносит 4 детеныша, но их число может колебаться от 1 до 13. Самка может приносить до 5 выводков в год.*

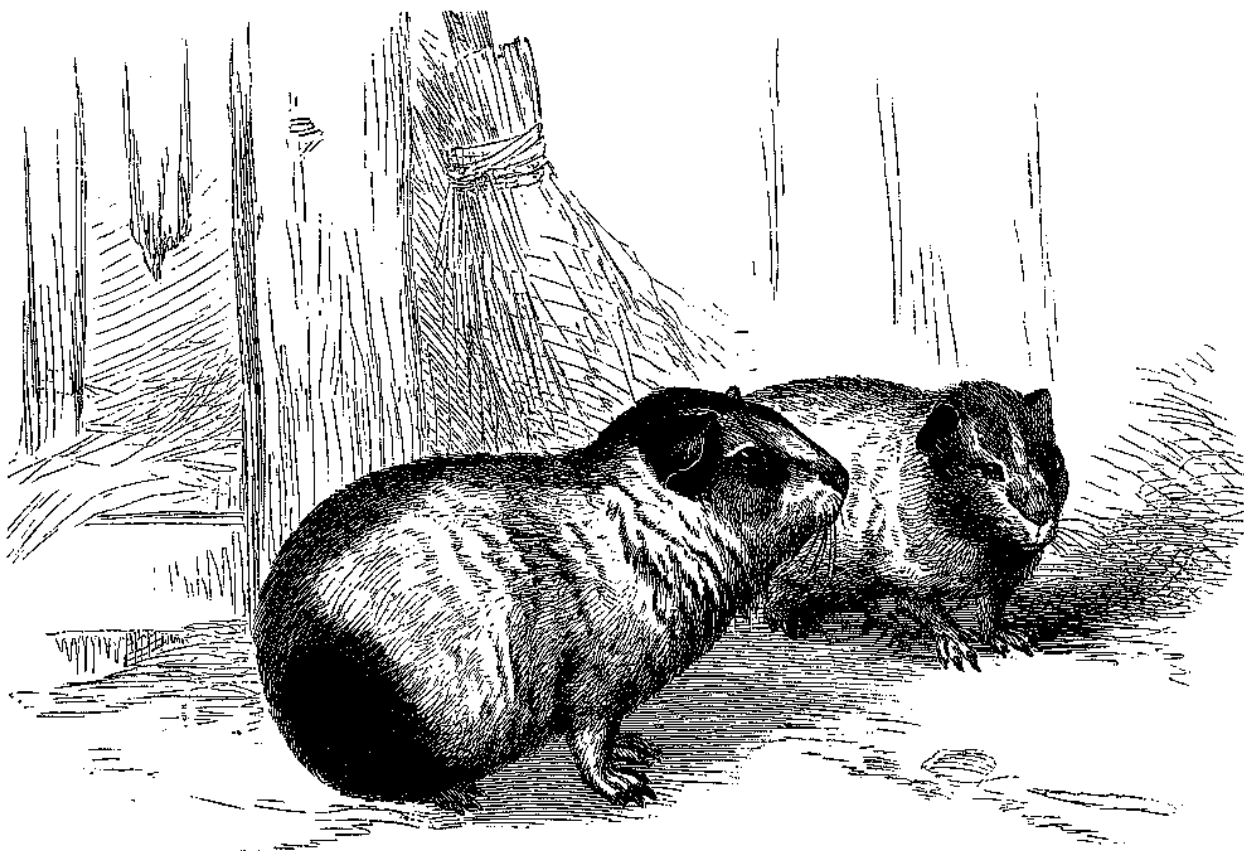
Детеныши появляются на свет вполне развитыми, рождаются с открытыми глазами и уже через несколько часов после рождения бывают в состоянии бегать рядом с матерью. На другой день своей жизни они нередко вместе со всеми садятся к корму и едят зелень и даже зерна почти с таким же удовольствием, как и сама мать. Тем не менее мать в течение 14 дней кормит их молоком и в это

время проявляет большую любовь и заботу: защищает, удерживает их вместе, водит к корму и так далее. По мере того как детеныши становятся разумнее, эта пылкая любовь охладевает, а по истечении трех недель, когда мать снова спаривается с самцом, она уже больше не заботится о своем прежнем потомстве. Отец с самого начала относится к детенышам безразлично, даже враждебно, и часто случается, что он загрызает их до смерти и пожирает. Пятимесячное или шестимесячное молодое поколение уже способно размножаться, а через 8-9 месяцев после рождения достигает полного своего роста. При хорошем уходе эти животные могут жить 6-8 лет**.

* * *Беременность длится 56-74 дня, половозрелость наступает в возрасте 55-70 дней, рекорд жизни — 10 лет.*

Очень чувствительные к холодному и сырому воздуху, морские свинки, подвергаясь действию суровой погоды, заболевают, и тогда легко погибают.

Человеку морские свинки вреда причинить не могут, разве только в том случае, когда, помещенные в комнату, могут оказаться неудобными из-за своей повадки все грызть. Но это не принимается в расчет в виду многих хороших качеств, которыми они доставляют нам удовольствие. Они оказали огромную услугу делу научного изучения физиологии, Бишоф пользовался ими для своих исследований о развитии животных и этим обеспечил им почетное место в нашей научной литературе.

Морская свинка (*Cavia porcellus*)

В высшей степени своеобразное животное, встречающееся в американских пустынях, **мара** (*Dolichotis patagonicum*) служит представителем второго рода полукопытных. Во многих отношениях напоминая зайца, мара значительно отличается от него высокими ногами и более короткими и тупыми ушами. Тело у нее довольно тонкое, вытянутое и спереди тоньше, чем сзади, ноги длинные, задние длиннее передних, при этом задние трехпалые, а передние четырехпалые, на задних ногах пальцы длинные, а на передних короткие, но в обоих случаях они свободны и вооружены длинными и сильными когтями. На довольно тощей шее помещается сверху приплюснутая, а у морды заостренная голова с длинными, довольно тонкими, округленными стоячими ушами и небольшими живыми глазами. Хвост короткий и загнут кверху. Мех мягкий, густой и глянцевиный, волосы короткие и гладко прилегают к телу. Верхняя часть тела окрашена в особый буро-серый цвет с тонкими белыми крапинами. На боках и на внешних частях ног эта окраска переходит в светло-бурю. Вся нижняя часть тела белая, грудь светло-бурого цвета до глотки, а горло опять белое. Блестящие черные усы сильно отличаются от остальных волос. У взрослых животных длина всего тела составляет 50 см, из них на долю кургузого хвоста приходится 4-5 см, высота в плечах достигает 45 см, поэтому зверек, на первый взгляд, походит скорее на жвачное животное, чем на грызуна*.

* *Мара самый крупный представитель семейства, достигает длины 75 см (без хвоста) и массы 9—16 кг. Удивительно одно временное сходство тары и с зайцами, и с мелкими копытными. Тупые когти на задних ногах действительно напоминают копыта.*

Не удивительно, что прежние мореплаватели, Нарборуг, Вуд, Байрон и другие, встречавшие мару на негостеприимных берегах Патагонии, описывали ее так неточно, что нельзя было догадаться, о каком животном они говорили. Азара первый указал подходящее ей место среди грызунов. «Европейцы, — говорит он, — называют это животное зайцем, хотя оно во всем от него отличается. Оно больше и сильнее, бегают не так быстро и устают скорее, так что охотник на хорошей лошади может догнать мару и убить копьем или ударом лассо. Почти всегда находят мар по несколько штук вместе или, по крайней мере, самцов поблизости от самок. При необходимости, зверьки в одно время поднимаются и бегут вместе. Часто ночью случалось мне слышать неприятный, резкий голос, звучащий приблизительно, как «оови»; так точно кричит это животное, когда его поймаешь и держишь в руке. Дикари и простолюдины-европейцы едят его мягкое мясо, но ценят его менее мяса броненосца. Оно по вкусу отличается от мяса нашего европейского зайца.

Мне говорили, что этот зверек устраивает свое жилище в норах вискаши и что в случае опасности он в них ищет убежища. Но те зверьки, которых я преследовал, всегда искали спасения в своих норах, хотя поблизости находилось несколько нор вискашей. Мне не приходилось встречать зверька в логовище, а всегда стоящим прямо, как олень или косуля; обычно мара тотчас же обращалась в бегство и убегала на довольно большое расстояние. Попавшие в неволю молодыми мара делаются ручными; они удаляются от дома и возвращаются опять, ходят на пастбище и едят всякую пищу. Один мой приятель прислал мне двух мар, выросших в его доме. Это были необыкновенно милые и ручные животные, к сожалению, выйдя из дома, они были разорваны собакой».

Позднее Дарвин сообщил более точные сведения об этом замечательном животном. От него мы узнали, что мара не встречается к северу выше 37-й параллели южной широты. Каменистая и пустынная Патагония — ее родина. Там, где Сьерра Талпаквен служит границей этой пустыни и почва становится влажнее и богаче растениями, мара совершенно исчезает. К западу она встречается почти до самой Мендосы, следовательно, до 33 параллели южной широты, возможно даже, что она попадает в окрестностях Кордовы, в Аргентине*.

* *Собственно, мара встречается только в Патагонии. На севере Аргентины, юге Боливии и Парагвае ее заменяет более мелкий близкий вид *D. salinicola*.*

Еще два столетия тому назад животное это встречалось гораздо чаще, чем в настоящее время, когда оно является многочисленным только в таких странах, где защитой для него служит бесплодие почвы. Но и здесь, несмотря на многочисленность, добыть это животное оказывается делом нелегким по той простой причине, что его очень трудно увидеть. Оно или скрывается в своей норе, или лежит, плотно прижавшись к земле, и в этом случае, из-за землистого цвета своего меха делается совершенно неразличимым. К этому присоединяются его пугливость и боязливость. Мара при малейшей опасности обращается в бегство; при этом зверьки, всегда держащиеся вместе, следуют за вожакom короткими непрерывными прыжками, не уклоняясь от прямой линии. Старые путешественники рассказывают, что мара поселяется исключительно в норах, вырытых вискашами, если другое земляное животное еще не успело ими завладеть. Дарвин полагает, однако, что она сама вырывает себе нору, но, кажется, не особенно дорожит таким жилищем*.

* *Мара сами роют норы, но могут с равной вероятностью поселяться и в норах других животных.*

Дарвин, много раз видевший ее в сидячем положении перед норой, узнал, однако, что она, вопреки обычаю грызунов и прочих обитателей нор, часто удаляется от своего жилища и в сообществе с другими уходит на несколько миль и не всегда возвращается в прежнее убежище.

Мара (*Dolichotis patagonicum*)

Мара — вполне дневное животное, хотя и прячется в нору во время полуденного жара. Ее пищу составляют различные растения, корни, кора и вообще то, чем пренебрегают другие млекопитающие. Во многих местностях Патагонии, где на кремнистой почве могут жалко прозябать только сухие и колючие кусты, мара единственное животное, которое здесь можно увидеть.

Она бывает многочисленнее в таких уединенных местах, которые, не будучи совершенными пустынями, покрыты кустарником. Здесь можно видеть их по 4-8 штук и даже стадами от 30-40 голов. Именно в этих самых местах рядом с ними живет хорошенький зук, называемый здесь «мартинетта», и можно смело рассчитывать, что там, где попадется эта птица, встретишь непременно и мару, и наоборот. Геринг никогда не видел мару в норах, хотя она несомненно живет в них, так как около их нор всегда находятся большие кучи особенного вида продолговато-круглого помета**.

*** Раз в год самка приносит в норе 2-5 детенышей. Как и зайчата, детеныши мары — одни из самых развитых и «скороспелых» в мире.*

Мара принадлежит к числу немногих млекопитающих, которые именно при солнечном свете чувствуют себя особенно хорошо. Если ничто ее не тревожит, то мара ложится на бок или плотно брюхом к земле и при этом загибает кисти передних конечностей внутрь, чего не делает ни один из грызунов***.

**** Отдыхающих мар многие очевидцы сравнивают с каменными львиными статуями, настолько величественна осанка животных и необычна, по крайней мере для грызунов, поза.*

Время от времени отдыхающие мары потягиваются и вытягиваются в полном удовольствии, но при малейшем шорохе вскакивают, становятся передними ногами на копыта, а задними на всю ступню, так что лапы задних ног приподняты. Оцепенев как статуи, животные остаются в таком положении, напряженно всматриваясь и вслушиваясь в направлении того места, откуда произошел шум. Если он продолжается, они полностью поднимаются, несколько секунд наблюдают стоя и, наконец, если им кажется, что опасность приближается, пускаются своеобразным, часто прерываемым галопом. Они отбегают и садятся, потом встают и, снова пробежав некоторое расстояние, опять садятся, пробежав шагов 50-100, еще раз присаживаются, и только тогда бросаются бежать, но все-таки неровными скачками. Тем не менее такой бег довольно быстр, потому что они в состоянии делать прыжки от 1,5-2 метров. Хорошая борзая собака, конечно, могла бы догнать их, но верховой охотник должен долго преследовать их и истомить, чтобы поймать.

Пищу животных составляют немногие травы, растущие на их бедной родине, но иногда забираются на плантации и отлично лакомятся, особенно на полях, засеянных клевером. Они отгры-

зают злаки, потом, выпрямившись, едят в сидячем положении, почти ничем не шевеля, кроме как челюстями. При этом слышится довольно сильный шум, и очень странно видеть, как постепенно исчезают длинные соломинки и листья, а между тем жевательные движения почти незаметны. Сочной пищи совершенно достаточно для утоления их жажды.

Мара чрезвычайно осторожна и для отдыха или для еды всегда избирает открытое место, не поросшее кустарником, как бы сознавая, что из-за кустов к ней можно подкрасться. Поэтому очень нелегко подойти к ней на расстояние выстрела. В логовище ее застать нельзя, чувства у нее такие тонкие, что уже издали она замечает приближение врага. Опытный наездник скорее всего убивает мару посредством лассо. Продолжительный бег ее утомляет и тогда на быстрой лошади ее можно догнать. Индейцы и гаучо со страстью охотятся за ней, главным образом ради меха, из которого делают мягкие ковры и одеяла.

Семейство водосвинковые

(Hydrochoeridae)*

* *Это семейство очень близко к семейству свинковых. Представлено единственным современным родом и видом грызунов — водосвинкой, или капибарой, напоминающим гигантскую морскую свинку.*

Водосвинка, или капибара (*Hydrochoerus hydrochaeris*), в одном отношении может считаться самым замечательным из всех грызунов: это самый большой и массивный представитель отряда. Она по праву носит свое название, так как сложением и щетинообразной шерстью решительно напоминает свинью. Признаки водосвинки: малые уши, расщепленная верхняя губа, отсутствие хвоста, короткие плавательные перепонки между пальцами ног и крепкие копытообразные когти, а также крайне своеобразное строение зубов. Громадные резцы** при незначительной толщине имеют по крайней мере 2 см в ширину, на их передней стороне находится несколько неглубоких бороздок, из коренных зубов последний по величине равняется трем передним.

* * *Эмаль передней поверхности резцов капибары белая, а не оранжевая, как у большинства грызунов.*

Тело замечательно толсто и массивно, шея коротка, голова продолговата, высока и широка с тупой мордой и своеобразным выражением. Довольно большие округленные глаза сильно выдаются, верхушка уха округлена, передний край выворочен, задний усечен. Задние ноги заметно длиннее передних, передние четырехпалые, задние трехпалые. Совершенно своеобразна также складка кожи, окружающая заднепроходное отверстие и половые органы, так что их не видно снаружи и самцов нельзя отличить от самок. Грубый редкий мех имеет какой-то неопределенный цвет: неясно-бурый с оттенком рыжего и буровато-желтого распределен по телу, нигде не выступая резко. Лишь щетинки вокруг рта определенного черного цвета. Взрослая водосвинка достигает приблизительно величины годовалой домашней свиньи и веса в 50 кг. Длина тела более 1 м; высота у загривка 50 см и более***.

* * * *Длина тела капибары достигает 130 см, вес — 50-80 кг. Животных из Панамы, севера Колумбии, запада Венесуэлы, максимальный вес которых не превышает 30 кг, иногда выделяют в отдельный вид — малую водосвинку (*H. isthimus*). На юге США в плейстоцене обитала водосвинка, еще более крупная, чем современная.*

Водосвинка, или капибара (*Hydrochoerus hydrochaeris*)

Азара первый дал точное описание водосвинки. «Гуарани, — говорит он, — называют это животное «капюгуа»; это имя означает приблизительно «житель тростниковых лесов по берегам рек»; испанское название «капибара» представляет извращение этого названия. Дикари называют старых животных «очагу», а молодых «лакай». Капибара живет в Парагвае до Рио-де-ла-Платы по берегам всех рек, луж и озер, не удаляясь от них более, чем на 100 шагов. В испуге она поднимает громкий крик, звучащий, приблизительно, как «апп», и мгновенно бросается в воду, в которой легко плавает, выставляя над поверхностью воды одни лишь ноздри. Если же опасность велика и животное ранено, то оно ныряет и проплывает под водой большие расстояния. Каждое отдельное семейство избирает себе обычно определенное место, которое легко узнать по большим кучам помета. Логовищ капибара не выкапывает, она миролюбива, спокойна, глупа и способна подолгу просиживать на задней части тела, не двигаясь. Мясо ее жирно и ценится дикарями. Полагают, что самка раз в год рождает 4-8 детенышей на несколько примятой сухой траве, детеныши позднее, как говорят, сопровождают мать. Молодые капибары легко приручаются. Они бегают на свободе, уходят и снова возвращаются, слушаются зова и радуются, когда их чешут». Новейшие наблюдатели подробнее описали это животное. Капибара распространена по всей Южной Америке и водится от Ориноко до Ла-Платы и от Атлантического океана до предгорий Анд. Местопребывание ее составляют низменные, лесистые и болотистые местности, особенно реки и берега озер и болот. Охотнее всего живет она у больших рек и никогда не оставляет их, а если это и случается, то удаляется от них, лишь следуя течению впадающих в них мелких ручейков. Местами она чрезвычайно обыкновенна, в населенных местностях, понятно, реже, чем в необитаемых. В первых ее можно видеть лишь по утрам и по вечерам, в безлюдных, мало посещаемых речных долинах, ее замечают массами и днем, всегда у самой реки или пасущейся, или сидящей по-собачьи на согнутых задних ногах. В этой позе эти странные создания, напоминающие гиппопотамов*, по-видимому, отдыхают охотнее всего, по крайней мере, очень редко случается видеть их лежащими на брюхе.

* *Сходство с бегемотом водосвинке придают высоко поставленные глаза, уши и ноздри, типичные для полуводных животных, позволяют ей контролировать ситуацию на берегу, почти полностью погрузившись в воду. Ноздри снабжены особыми клапанами и смыкаются при нырянии. Предки капибар, очевидно, были крупными сухопутными бегающими грызунами.*

Двигутся водосвинки медленным шагом, бег их непродолжителен, в крайнем случае животное движется и прыжками. Плавают они, напротив, превосходно и легко переплывают через водные пространства, если их преследуют или если они на одном берегу реки чувствует недостаток в пище. Как ни крепко держится водосвинка определенной области, она оставляет ее в случае преследова-

ний. Настоящего логовища у нее нет, хотя она и держится на известных любимых местах берега. Пища ее состоит из водяных растений и коры молодых деревьев и, лишь когда капибара живет в близости от плантаций, она нападает на арбузы или на маис, рис и сахарный тростник и подчас причиняет значительный вред. Водосвинка смирное и спокойное животное. Уже с первого взгляда каждому становится ясно, что он имеет дело с существом, обладающим крайне тупыми чувствами и слабыми душевными способностями. Никогда не приходилось видеть, чтобы капибары играли между собой. Животные, составляющие стадо, медленным шагом отыскивают пищу или отдыхают в сидячем положении. Время от времени они поворачивают голову, чтобы посмотреть, не видно ли врага. Увидев его, они не торопятся обратиться в бегство, а медленно подбегают к воде, но в крайнем испуге с криком поспешно бросаются в воду и ныряют. Если капибары не привыкли видеть людей, то часто подолгу, смотрят на них, прежде чем убежать. Они не издают никакого другого крика кроме упомянутого крика испуга, который Азара передает слогом «апп». Но этот крик так пронзителен, что его можно услышать на расстоянии четверти часа ходьбы.

Самка мечет лишь раз в год 5-6 детенышей. Происходит ли это в особом приготовленном для этого логовище, не удалось выяснить. Детеныши тотчас же следуют за матерью, но обнаруживают к ней мало привязанности**.

* * *Капибары размножаются круглый год, ник рождений наступает перед сезоном дождей. Беременность длится 4 месяца, рождается 2-4 (редко до 8) хорошо развитых детеныша, весом почти до 1 кг.*

По наблюдениям Азары, самец водит с собой двух или трех самок***.

* * * *Группа капибар обычно насчитывает около 20 особей и представляет собой взрослого самца с гаремом разновозрастных самок и их неполовозрелым потомством. В группе поддерживается жесткая иерархия, постоянно происходят короткие стычки.*

"Я видел в Парагвае, — рассказывает Ренггер — несколько капибар, которых поймали молодыми и воспитали. Они были очень ручными домашними животными, подобно им входили и выходили и позволяли всякому трогать себя. Однако не обнаруживали ни послушания, ни привязанности к людям. К своему месту жительства они так привыкли, что никогда не уходили от него далеко. Кормить их не нужно, они сами отыскивают себе пищу днем или ночью. Любимой пищей их оставались, как и на свободе, болотные и водяные растения, которые они и доставали себе ежедневно из ближних рек, прудов и болот, однако поедали корни маниока и корки арбузов, которые им предлагали. Из их чувств, по-видимому, лучше всего развито обоняние, слух и зрение плохи. Недостаток остроты чувств возмещается у них мышечной силой, так что двое мужчин едва в состоянии одолеть капибару». По словам Каплера, водосвинка, хотя она обычно крайне робка, подстреленная становится очень опасной для собак и может наносить им зубами тяжелые раны и даже прокусить кости.

В последнее время живые капибары часто привозились в Европу. Я долгое время держал одну из них. Она была в высшей степени привязана ко мне, знала мой голос, приходила, когда я ее звал, радовалась, когда ласкал, и следовала за мной, как собака. Не ко всем она относилась так дружелюбно: однажды, когда сторож хотел прогнать ее, она бросилась ему на грудь и укусила, к счастью, более за сюртук, чем за тело. Послушной ее нельзя было назвать: она слушалась лишь, когда хотела. Равнодушные капибары более кажущееся, чем действительное. Лишь только я звал ее, как она, издавая крик, бросалась в воду, ныряла и медленно поднималась на другой берег, приближалась ко мне, ворчала или хихикала крайне оригинальным образом, причем, как я убедился, делала это носом. Звуки, производимые капибарой таким образом, можно скорее всего сравнить со скрежетом зубов. Они отрывисты и не поддаются подражанию и даже описанию и служат выражением самого приятного состояния животного, это известного рода разговор животного с самим собой, который прерывается, если оно чем-нибудь возбуждено. Я не могу назвать движений водосвинки неуклюжими и неповоротливыми. Она редко бежит быстро, чаще же не торопясь и большими шагами, но без труда перепрыгивает через решетку в метр вышиной. В воде движется мастерски. С равномерной быстротой переплывает широкие водяные пространства с такой же скоростью, как идет человек, одним прыжком ныряет, минутами остается под водой, причем плавает и на глубине, не сбиваясь с намеченного направления. Содержание ее не представляет ни малейшего труда. Она ест всевозможные растительные вещества, как и свинья, и требует много, но вовсе не хорошей пищи. Более всего нравятся ей свежая сочная трава, морковь, репа и клевер. С помощью своих широких резцов она щиплет траву, как лошадь, и пьет подобно ей, всасывая воду длинными глотками. Водосвинка любит тепло, но не боится и холода, еще в ноябре она смело и без вреда для себя бросается в холодную, как лед, воду. В большую жару ищет тень под густыми кустами и выкапывает здесь небольшое углубление.

Гензель высказывает мнение, что водосвинка могла бы быть ввезена и приручена у нас в Европе и таким образом оказалась бы полезной. Это животное не может, правда, соперничать со свиньей, но очень хорошо держалось бы в болотах южной Европы, а вкус его мяса, вероятно, улучшился бы, благодаря перемене пищи. Возможно, со временем капибара превратилась бы в настоящее домашнее животное и стала приносить пользу, так как содержание ее не требует значительных издержек, и ее можно с успехом разводить даже в Германии, если только дать летом пруд для купания, а зимой держать в овечьем хлеву. Но я не разделяю таких больших ожиданий. По нашим наблюдениям, проведенным в зоологических садах, не так просто добиться размножения представителей этого семейства, а если бы это и случилось, то при употреблении в пищу выращенных водосвинок пришлось бы бороться со всякого рода предубеждениями*.

** Капибара неприхотлива, легко разводится в неволе, живет до 10 лет. Несколько групп капибар могут находиться на «выпасе» под присмотром одного человека. Учитывая высокую плодовитость и скорость роста, капибара рассматривается сейчас в некоторых латиноамериканских странах, как перспективное домашнее животное, даже несмотря на не слишком высокое качество мяса.*

В диких местностях довольствуются и не особенно вкусным мясом, у нас же требуют самого лучшего, а такого водосвинка безусловно не доставляет. По рассказам всех путешественников, мясо ее едят лишь индейцы, а европейцам оно противно, так как имеет особый отвратительный вкус ворвани. Говорят, правда, что этот вкус можно удалить, сварив мясо в воде и вымочив его, утверждают даже, что оно в этом случае становится таким же вкусным, как нежнейшая телятина; однако я думаю, что последнюю всегда будут предпочитать мясу водосвинки. Толстая, почти голая шкура крайне губчата и мягка и дает кожу, легко пропускающую воду и употребляемую поэтому лишь на ремни, покрывала для ног и седла. Для последних эта кожа, по словам Гензеля, потому особенно хороша, что не твердеет от пота, и на наружной стороне благодаря многочисленным и шероховатым возвышениям еще шершавее, чем свиная. Девушки у ботокудов нанизывают резцы этого животного на нитки и делают из них браслеты и ожерелья. Другой пользы это животное не приносит.

Южноамериканцы охотятся за водосвинкой для развлечения, неожиданно нападая на нее и сваливая арканами. Чаще охотятся за ними на реке. «В одном из тех легких челноков, — говорит Гензель, которые вмещают лишь одного человека, охотятся, бесшумно гребя, в тихих бухтах больших вод, где капибара более обыкновенна. Уже на некотором расстоянии слышно скрежетание я хруст сильных коренных зубов, пережевывающих водяные растения, и если можно приблизиться без шума, то скоро замечаешь неуклюжее животное, которое, стоя наполовину в воде, поедает понтодерии». Если водосвинка только ранена, то она тотчас бросается в воду, но скоро снова старается выбраться на сушу, если не чувствует себя обессиленной раной. В случае крайности подстреленная водосвинка сильно защищается зубами и нередко наносит противнику тяжелые раны. Стрелять в животное, плывущее в воде, бесполезно, так как подстреленное оно быстро умирает, погружается в воду и пропадает. Кроме человека худшим врагом капибары можно считать ягуара. Днем и ночью этот хитрый хищник следит за ними, и на речных низменностях они составляют, вероятно, обыкновеннейшую добычу этой кошки**.

*** Помимо человека и ягуара, некоторый урон водосвинкам наносят кайманы и анаконды. Несмотря на некоторое сокращение численности в ряде районов, капибара может считаться одним из самых обычных грызунов тропической Америки.*

Семейство агутиевые (Dasyproctidae)*

** Небольшое семейство кавиоморфных грызунов, насчитывает 3—4 рода и около 16 видов. Близки к свинковым и капибаровым.*

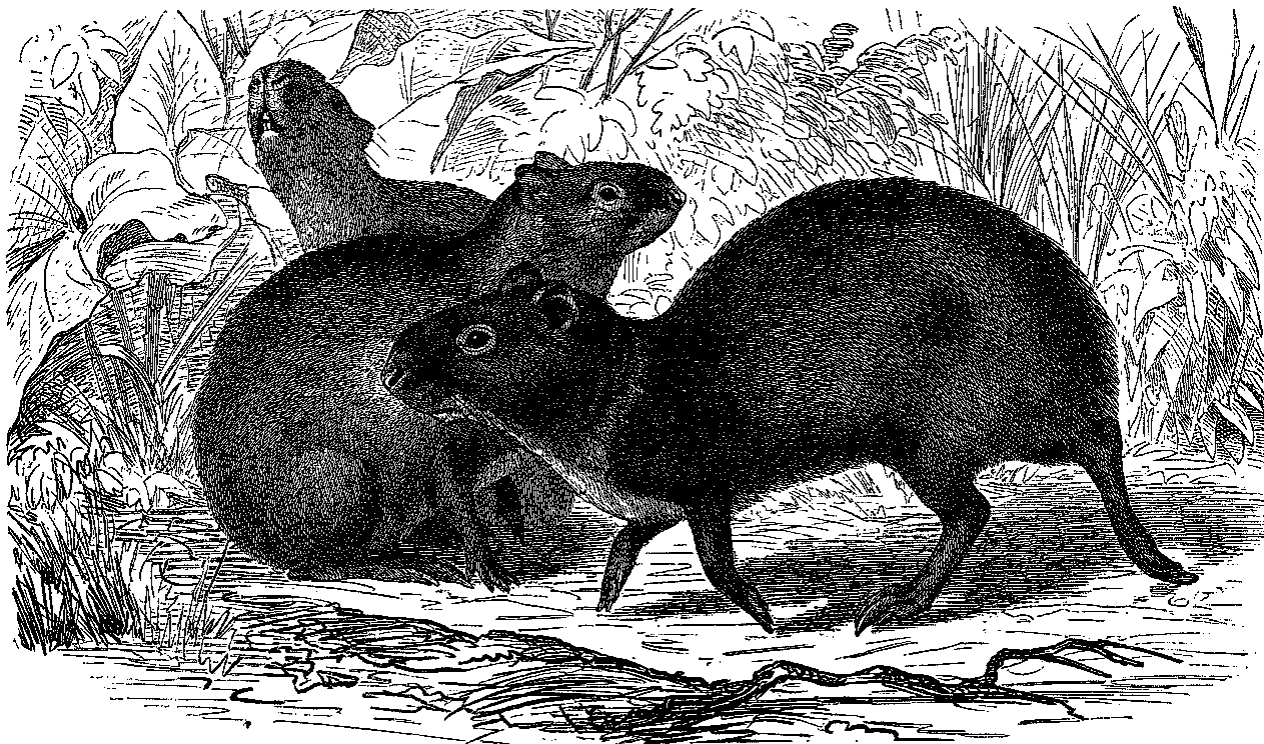
Агути, или гути, своим видом сильно напоминают маленькую кабаргу, это высоконогие, коренастые грызуны с длинной остромордой головой, маленькими круглыми ушами, голым, кургузым хвостом и задними конечностями, которые гораздо длиннее передних. Эти последние, при четырех пальцах, имеют еще маленький зачаток большого пальца, тогда как на задних конечностях имеется только три пальца, совершенно разделенных и очень длинных. Все пальцы вооружены крепкими, широкими, мало загнутыми копытообразными когтями, которые особенно на задних ногах сильно развиты, зачаток большого пальца имеет небольшой плоский ноготь. В общем агути сложены легко и красиво и потому производят очень приятное впечатление.

Зубы у них хорошо развиты: особенно бросаются в глаза плоские, гладкие резцы, верхняя их пара окрашена в довольно яркий красный цвет, а нижняя в желтоватый, несколько закругленные коренные зубы имеют единственную срединную полосу и несколько отдельных островков эмали.

В настоящее время агути живут или парами, или маленькими стадами** в лесистых равнинах и преимущественно в самых густых лесах по низовьям рек, но некоторые из них поднимаются в горы до 2000 метров над уровнем моря. Из описания самого обыкновенного вида мы можем познаться с жизнью всех их.

* * Агути живут только постоянными парами, сохраняющимися до смерти одного из партнеров. Площадь участка семьи составляет 1-2 га, его границы активно охраняются.

Бразильский агути, или золотой заяц (*Dasyprocta agouti*), как его называют еще за его красивый мех, есть один из самых нарядных видов всего семейства и имеет густой, гладко прилегающий волосяной покров. Жесткие, толстые, почти щетинистые волосы имеют сильный глянец. Мех красновато-лимонного цвета, перемешанный с черно-бурым, на волосах имеет от трех до четырех черно-бурых поперечных полос и столько же красновато-лимонных, некоторые волосы со светлым кончиком, а другие с темным, отчего и происходит перелив цветов. На некоторых местах преобладает желтый цвет, причем черный или совершенно исчезает, или образует только узкое кольцо.

Бразильский агути, или золотой заяц (*Dasyprocta agouti*)

Таким образом общая окраска может изменяться или вследствие движений животного, или от различного освещения, или, наконец, от того, что на иных местах волосы длиннее, а на других короче. Морда и конечности покрыты только короткими волосами, задняя часть тела более длинными, на крестце и на бедрах длина волос доходит до 6 сантиметров; горло голое. На голове, затылке, нижней части спины и на наружной стороне конечностей преобладает рыжеватый цвет, потому что здесь очень густо разбросаны крапинки; на нижней части спины в области крестца животное кажется более желтым, потому что крапины здесь реже. Общая окраска зависит также и от времени года: летом она светлее, зимой — темнее. Длина тела взрослого самца достигает 40 см, а длина кургузого хвоста только 1,5 см*.

* Длина тела взрослых агути достигает 62 см, масса — до 4 кг.

Гвиана, Суринам, Бразилия и север Перу являются родиной агути. Во многих местах он попадает часто, но чаще всего в низменностях по берегам рек Бразилии. Живет в лесах, притом как в сырых первобытных, так и в сухих, внутри страны. Бродит и в прилежащих травянистых степях, заменяя зайца, в открытых полях с короткой травой он никогда не встречается. Обычно его находят в дуплах деревьев невысоко от земли и чаще в одиночку**.

* * В основном агути живут в норах между камнями и в берегах рек. Дупла, ниши под корнями используются лишь в качестве временных убежищ для отдыха.

Днем он лежит спокойно в убежище и показывается только там, где считает себя совершенно в безопасности***.

* * * Там, где зверьков не тревожат, агути ведут дневной образ жизни.

С закатом солнца выходит кормиться, и в хорошую погоду рыщет целую ночь. Он имеет привычку, как сообщает Ренггер, часто покидать свое жилище и снова возвращаться, от этого быстро

образуется узкая тропинка, иногда имеющая около 100 метров длины, по которой легко узнать местопребывание животного. Если логовище не запрятано в непроницаемой чаше, то, направив собаку по такой тропинке, почти всегда удается взять агути живым. Лай собак загоняет животное в дупло, тогда остается вытащить его из убежища или откопать. Но если агути вовремя заметит приближение собак, то он мгновенно удаляется и, тогда ловкость и быстрота бега скоро уносят его за пределы преследования.

Агути совершенно безобидный, боязливый зверек и потому подвергается многим опасностям, только необыкновенное проворство и тонкость чувств могут спасти его от гибели. Своими прыжками он напоминает маленьких антилоп и кабаргу. Его бег состоит из прыжков, так быстро следующих один за другим, что кажется, будто животное мчится полным галопом, а его спокойная походка — довольно медленный шаг****.

** * * * Агути передвигаются на кончиках пальцев, бегают галопом и рысью, могут совершать прыжки до 2 м в высоту. Затаившись в зарослях, зверек всегда находится на чеку, подняв одну из передних лап, или, опираясь локтями, он готов с места развить максимальную скорость.*

Из внешних чувств наиболее развито у него обоняние, но и слух также очень чуткий, зато зрение, напротив, очень слабо и вкус далеко не тонкий. Умственные способности очень ограничены; заметно только, что может запоминать окружающую местность. Пища агути состоит из трав и растений, которые они съедают целиком, от корней до цветов и зерен*.

** Основу питания агути составляют сочные плоды, семена и орехи, реже используется зелень. Пищу обычно держит в передних лапах, как белка, не съеденное зарывает про запас «на черный день».*

Их острым резцам не может противиться никакая часть растений: они раскалывают самые твердые орехи. В обработанных местах агути посещает иногда плантации сахарного тростника и огороды и этим приносит вред, но действительный ущерб наносит он только там, где водится в большом количестве.

О размножении живущих на воле агути еще не имеется точных сведений. Известно, что животное сильно размножается, а беременная самка встречается во всякое время года и может произвести несколько детенышей сразу. Одно и то же животное мечет обычно два раза в год: первый раз в октябре, в начале дождливой поры или весны, а второй раз несколькими месяцами позднее, но до наступления засухи**.

** * После 3.5-4 месяцев беременности самка приносит всего 1-3 крупных, зрячих, хорошо развитых детенышей.*

К этому времени самец избирает самку и гоняется за ней со свистом и хрюканьем, пока не добьется ее благосклонности, несмотря на ее первоначальную суровость***.

** * * Гон сопровождается ожесточенными драками самцов. иногда приводящими к серьезным увечьям соперников.*

Вскоре после спаривания самец и самка расходятся и живут отдельно****.

** * * * Агути живут постоянными парами.*

Самка переходит на свое старое жилье и исправляет его для своего потомства, выстилает как можно плотнее листьями, кореньями и волосами, на этой мягкой подстилке она производит на свет детенышей, кормит их несколько недель с большой нежностью и в заключение водит некоторое время с собой, поучая, как находить пищу и защищая на первых порах. Агути плодятся нередко и в неволе*****.

** * * * * Агути легко приручаются, индейцы во множестве содержат их в деревнях ради вкусного мяса. Возможно, именно индейцы акклиматизировали полуприрученных агути на ряде островов Вест-Индии. В неволе агути доживали до 18-20 лет.*

Среди многих врагов, нападающих на агути, первое место занимают крупные кошки и бразильские собаки, но и сам человек не отличается особенной благосклонностью к красивому грызуну, а охотник после дикобраза видит в нем самое ненавистное животное. «Едва охотник начинает, — описывает Гензель, забираться в горы со своими собаками в надежде добыть запас мяса на несколько дней, убить несколько носух или запереть в пещере целую стаю пекари, а, пожалуй, если особенно посчастливится, то повалить и тапира, — как собаки уже напали на след и, горячась, лают и мчатся вниз по склону горы, пока вдали особенный призывный лай не возвестит охотнику, что дичь уже загнана. С негодованием при первом лае собак охотник уже отгадал, какая дичь поднята. Ожидать собак было бы бесполезно, с проклятиями следует он за ними и, наконец, останавливается перед стволом исполина первобытного леса, который с прогнившей внутренностью свалился наземь

и ждет разрушения. Новый мир непроницаемых растений, вызванных к жизни светом и теплотой, высится над поверженным великаном. Здесь над всеми щелями и скважинами трудятся собаки, хотя усердие их далеко не всегда завершается успехом. Довольно еще твердый ствол не поддается их зубам, а внутри слышится ворчанье агути. Напрасно берется охотник за охотничий нож. Наконец, в бессильной злобе он решается сделать врага, по крайней мере, безвредным навсегда. Из всех сил вбивает клин в отверстие ствола и обрекает невинное животное на мучительную голодную смерть. Не без труда отозваны, наконец, собаки и охотник снова начинает подниматься в горы, но разгорается новая охота, и он в отчаянии должен покинуть участок, потому что лучшие часы для охоты уже прошли. Конечно, можно было бы поймать и агути, но в большинстве случаев овладеть зверьком совершенно невозможно. Агути отлично знает все пустые стволы в своей округе и под носом у собак спасается в первый попавшийся, чтобы тотчас же покинуть его с противоположного конца. Прежде чем собаки найдут выход, он уже давно в другом стволе, и это повторяется до тех пор, пока собаки, обескураженные и истомленные, не прекратят охоты. Понятна теперь ненависть охотника. Есть местности в этих первобытных лесах, где из-за множества агути правильная охота совсем невозможна. К тому же и мясо этой дичи мало ценится и употребляется в пищу только за неимением лучшего».

Пака (*Cuniculus paca*)* отличается своеобразно толстой головой, большими глазами и малыми ушами, кургузым хвостом, высокими ногами с пятью пальцами, щетинистым, редким, прилегающим мехом и особенно замечательно разросшейся скуловой дугой, снабженной на внутренней стороне полостью. Эту полую кость надо считать как бы продолжением защечных мешков. Такие мешки действительно существуют, но они образуют собственно только складку кожи. От них исходит узкая щель, открывающаяся вниз в полость скуловой дуги.

** Хотя животное напоминает скорее свинью, его родовая латынь переводится как «собачка».*

Полость эта одета внутри тонкой кожицей и наполовину заткнута, так что только небольшим отверстием сообщается с полостью рта. Значение этой полости еще до сих пор неизвестно с достоверностью, но ее нельзя принимать за видоизменившиеся защечные мешки**.

** * Назначение складчатых щечных пластин до сих пор не выяснено, это образование уникально среди грызунов.*

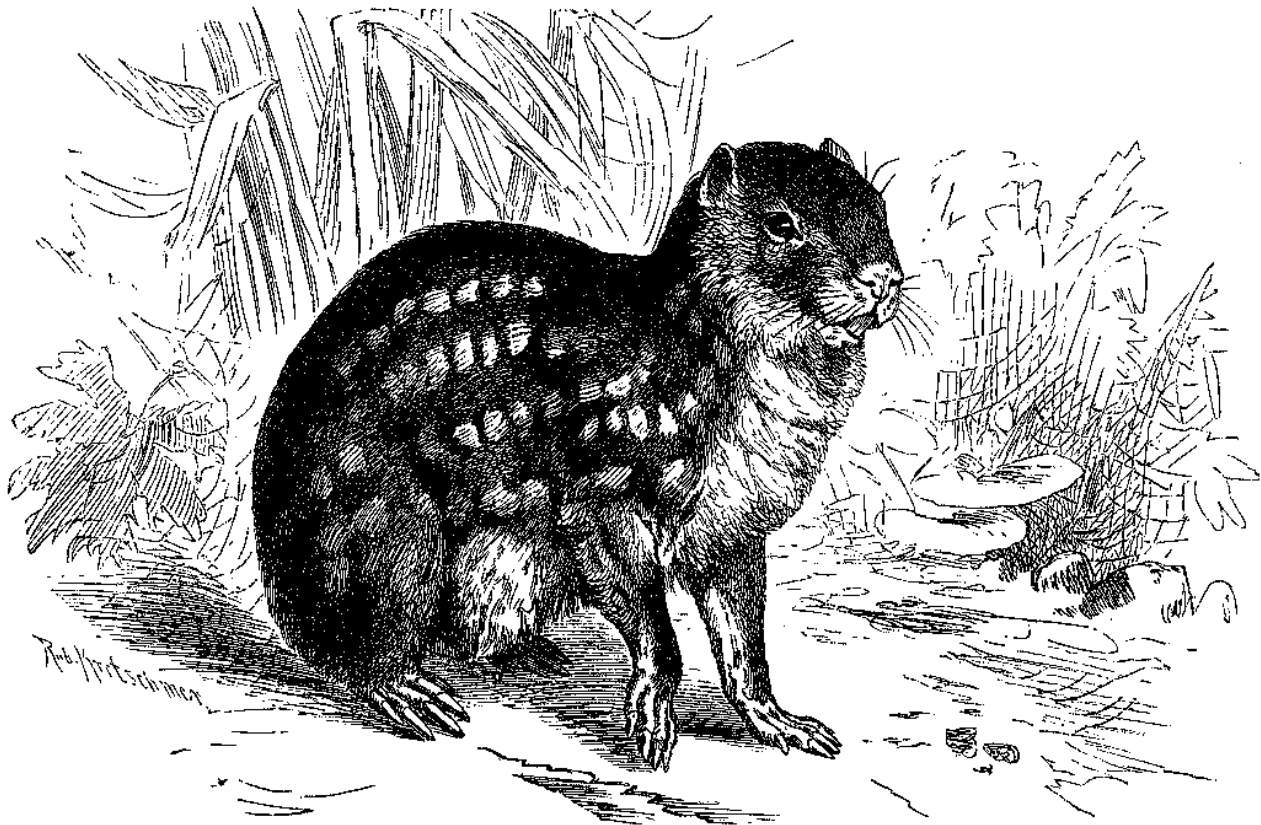
Развитие скуловой дуги делает череп паки очень высоким и угловатым. «По своей наружности, — говорит Ренггер, — пака имеет некоторое сходство с молодой свиньей. Голова у нее широкая, рыло тупое, верхняя губа расщеплена, ноздри продолговатые, туловище толстое, ноги также толстые, пальцы снабжены тупыми выпуклыми когтями. Хвост имеет вид волосистой кисти. Мех состоит из коротких, плотно прилегающих волос, которые на верхней стороне и на внешних частях имеют желтовато-бурый цвет, а на нижней и внутренней сторонах ног желтовато-белый. По обеим сторонам плеч идут пять рядов желтовато-белых пятен яйцеобразной формы, проходящих до заднего края бедер. Цвет пятен нижнего ряда отчасти смешивается с общей окраской всего тела. Вокруг рта и над глазами сидят несколько обращенных назад щетинок. Ухо короткое и мало покрыто волосами, а подошвы и концы ног совершенно голые. Взрослые самцы бывают до 70 см длины, высотой до 35 см и массой до 10 кг***.

** * * Пака имеет массивное сложение, она весит до 10 кг, при длине тела 60-80 см, хвоста — 20-30 см.*

Пака распространена в большей части Южной Америки, по Суринаму и через Бразилию до Парагвая, но попадает также и на Малых Антильских островах****. Чем уединеннее и пустынное местность, тем чаще встречается здесь пака, а в населенных частях страны очень редко. Опушки леса, поросшие кустарником берега рек и болота служат ей местами обитания. Здесь она вырывает себе в земле нору от 1 до 2 метров длины и спит в ней целый день. В сумерки выходит кормиться и посещает при этом плантации сахарного тростника и дынь, которым причиняет значительный вред. Кроме того, питается листьями, цветами и плодами различных растений. Живет пака и парами, и в одиночку, необыкновенно боязлива и быстра, с легкостью переплывает широкие реки, но всегда возвращается в свое обычное жилище. Самка в середине лета мечет 1-2 детенышей, скрывает их, по уверениям дикарей, в норе в течение периода кормления и потом водит их с собой еще несколько месяцев.

** * * * Распространение паки охватывает всю тропическую часть Центральной и Южной Америки от юга Мексики до Парагвая, но на материке к западу от Анд и на Антильских островах она отсутствует.*

"Один из моих знакомых, — сообщает Ренгер, — державший паку три года в своем доме, рассказывает о ее жизни в домашнем состоянии следующее. Моя пленница, хотя еще и очень молодая, оказалась очень дикой и неукротимой и кусалась, когда к ней приближались.

Пака (*Cuniculus paca*)

Весь день она пряталась, а ночью бегала, старалась процарапать пол, издавала различные хрюкающие звуки и едва касалась предлагаемой ей пищи. Через несколько месяцев она постепенно утратила свою дикость и стала привыкать к неволе. Впоследствии она сделалась еще ручнее, позволяла трогать себя и ласкать и подходила к своему хозяину и посторонним лицам, но никому не оказывала привязанности. Так как дети днем не давали ей покоя, то она изменила своим обычаям только в том отношении, что ночью стала спокойнее и стала принимать пищу. Ее кормили всем, что ели в доме, за исключением мяса. Пищу схватывала она резцами, а жидкость лакала. Она или ходила шагом, или быстро бегала, припрыгивая. Яркий дневной свет, казалось, ослеплял ее, но глаза у нее в темноте не светились. Хотя она, по-видимому, совершенно свыклась с человеком и со своим жилищем, но в ней все-таки осталось сильное стремление к свободе. Она убежала после трехлетнего плена при первом удобном случае, который ей представился». Кожа паки слишком тонка, а волос чересчур груб, чтобы можно было пользоваться ее мехом. В феврале — марте она бывает очень жирна, тогда мясо ее чрезвычайно вкусно и его очень любят. Каплер говорит по этому поводу: «Мясо ее белое, жирное и вкусом превосходит все известные мне сорта мяса». В бразильских лесах рядом с агути и различными породами сумчатых животных это самая обыкновенная дичь. Принц фон Вид часто ловил ее в дремучих лесах капканами, но за ней охотятся также с собаками, а на рынке она известна под именем «королевской дичи». «Когда пака в норе, — говорит Гензель, — к ней приблизиться невозможно; но если внимательно следить по опушке плантации, то в густых зарослях тростника скоро откроются признаки пребывания животного. Тут-то и ставит охотник свои сети с маисовым початком для приманки и следующее утро щедро вознаграждает его труд. Пака представляет превосходнейшую дичь Бразилии: нежнее и вкуснее ее едва ли найдется другое мясо. Она имеет такую тонкую и слабую кожу, что ее не снимают. А животное целиком ошпаривают кипятком, как свинью. Приготовленная таким образом туша, у которой голова и ноги обрезаны, до того походит на тушу поросенка, что их можно спутать. По Каплеру, в том случае, если преследуемое животное не имеет возможности достигнуть своей норы, оно бросается даже в воду, ныряет и остается там до тех пор, пока преследователь не удалится, он полагает, что пака при этом плывет под водой».

В последнее время это животное нередко привозили живым в Европу. Уже Бюффон долгое время содержал паку-самку, которая была совсем ручная, она устроила себе логовище под печкой,

днем спала, ночью бегала, и если ее запирали в ящик, то начинала грызть стенки, знакомым людям она лизала руку и позволяла чесать себя, при этом она вытягивалась и выражала свое удовольствие тихими звуками. Незнакомых людей, детей и собак она кусала. В гневе она совершенно особенно хрюкала и скрипела зубами. К холоду пака была так малочувствительна, что, по мнению Бюффона, ее можно было бы акклиматизировать в Европе. Я наблюдал паку более года и нахожу ее ленивым и малопривлекательным животным. Днем она редко показывается из своей норы и только с закатом солнца выходит из нее. Она миролюбива или, правильнее сказать, совершенно равнодушна по отношению к другим животным, себя она в обиду не дает, но первая на своих товарищей не нападает. Так как она очень нетребовательна, то не нуждается ни в особенно хорошей пище, ни в особенно хорошо устроенном хлеве. Относительно ее выносливости при сильном холоде*, я должен согласиться с Бюффоном, но не думаю, чтобы разведение ее в Европе могло принести какую-либо пользу.

* *Трудно поверить в холодостойкость паки и возможность ее акклиматизации в умеренном климате. В неволе же зверьки доживали до 16 лет.*

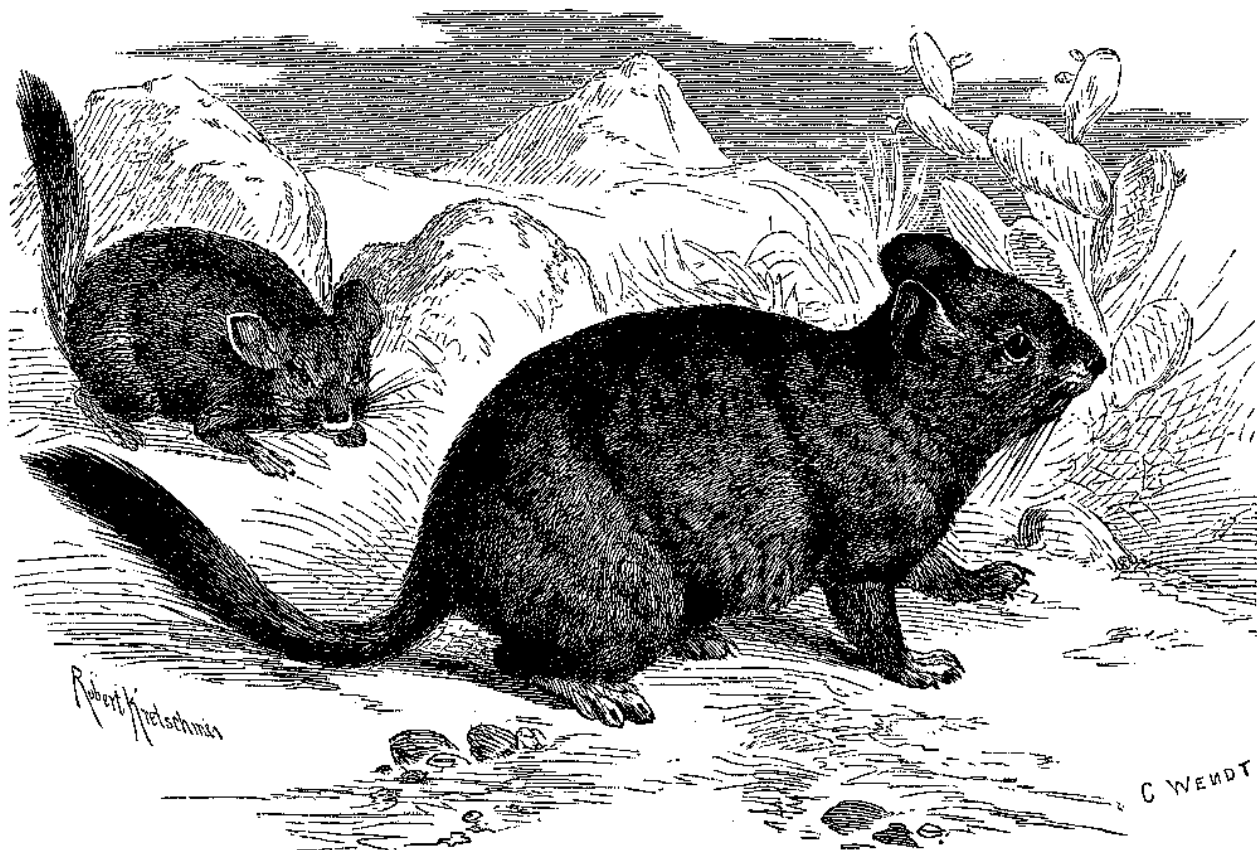
Семейство шиншилловые

(Chinchillidae)*

* *Небольшое семейство кавиоморфных грызунов, включающее 3 рода и 6 видов.*

Лишь в последнее время стали лучше известны представители этого маленького семейства американских животных, шкуры которых уже с древних времен употреблялись коренными обитателями Южной Америки, а начиная с конца прошлого столетия стали в больших количествах привозиться в Европу. Тело их одето мехом, более нежным, чем у всех остальных млекопитающих. Цвет меха светло-серый с белым и черно-бурым или желтым оттенком.

Все шиншиллы живут в Южной Америке и большей частью в горах на значительной высоте, между голыми скалами ниже снеговой линии, лишь один вид обитает в низменности. Жилищем им служат естественные пещеры или вырытые ими самими норы. Все они общительны, некоторые живут семьями в одной и той же пещере. Избегая, подобно зайцам, света, они показываются в основном в сумерках или ночью. Это быстрые, ловкие, робкие и пугливые животные, по своим движениям они полукролики, полумыши. Слух у них, по-видимому, — наиболее развитое чувство. Умственные способности ничтожны. Корни и лишай, луковицы и кора, а также и плоды составляют их пищу. Размножение приблизительно так же сильно, как у зайцев. Они легко переносят неволю и доставляют удовольствие своей чистоплотностью и легкой приручаемостью. Некоторые виды приносят вред или, по крайней мере, досаждают, роясь под землей, но все полезны своим мясом и мехом.

Короткохвостая шиншилла (*Chinchilla brevicaudata*)

Известны лишь два вида этих животных: **короткохвостая шиншилла** (*Chinchilla brevicaudata*) и собственно **шиншилла** (*Chinchilla laniger*). Первая достигает в длину 30 см, хвост ее длиной 13 см, а с волосами 20 см. Однообразный, тонкий, чрезвычайно мягкий мех на спине и на боках состоит из волос, имеющих более 2 см длины, волосы у корня темного голубовато-серого цвета, далее покрыты широкими белыми кольцами, а на концах темно-серые. Благодаря этому общий цвет кажется серебристым с темным налетом. Нижняя сторона и ноги чисто белого цвета; хвост сверху имеет две темные поперечные полосы; усы у корня черно-бурые, на кончике серо-бурые; большие глаза черного цвета.

Уже во времена инков перуанцы из тонкой шелковистой шерсти шиншиллы делали сукно и другие подобные материи, которые были в большом ходу, и такие писатели, как Акоста и Молина, дают довольно подробные, хотя и не совсем верные, описания этого важного в промышленном отношении животного. В прошлом столетии первые шкуры появлялись в Европе как большая редкость через Испанию, теперь они стали обыкновенным предметом торговли. Торговцы мехами знали гораздо раньше зоологов два вида настоящих шиншиллы. Лишь в 1829 году Беннет мог сообщить об этом животном более подробные сведения, после того как достал его живым и долгое время наблюдал в Англии. Но и теперь еще естественная история шиншиллы во многих пунктах очень темна.

Путешественник, который с западного берега Южной Америки поднимается в Кордильеры, достигнув высоты 2000-3000 метров над уровнем моря, замечает часто на протяжении целых миль, что все скалы покрыты шиншиллами и двумя видами другого рода того же семейства*.

* *Имеются с виду горные вислоухи (Lagidium). И шиншиллы, и горные вислоухи редко роют собственные норы, предпочитая находить убежища в пустотах под камнями, расщелинах скал.*

В Перу, Боливии и Чили эти животные должны быть чрезвычайно обычны, так как от путешественников мы узнаем, что они в течение одного дня проезжали мимо тысячи зверьков. В светлые дни можно видеть, как шиншиллы сидят перед своими норами, но не на солнечной стороне скал, а всегда в глубочайшей тени. Еще чаще замечаешь их в утренние и вечерние часы. Они оживляют тогда горы и особенно хребты бесплодных каменистых и скалистых местностей, где существует лишь самая скудная растительность. По-видимому, именно на совершенно голых крутых скалах они бродят взад и вперед с необыкновенной быстротой и живостью. С изумительной легкостью лазают туда и сюда по отвесным скалам, на которых не за что уцепиться. Поднимаются вверх на 6-10 метров с такой ловкостью и быстротой, что за ними едва можно уследить глазами. Хотя они и не особенно робки, но не позволяют подойти близко и мгновенно исчезают, лишь только сделаешь вид, что хочешь их преследовать. Отвесная скала, покрытая сотнями животных, становится пустой и мертвой в ту же минуту, как только по ним выстрелят. Каждая шиншилла поспешно прячется в расщелине скалы и исчезает в ней, точно волшебством скрывшись с глаз. Чем более раздроблены утесы, тем чаще они населены шиншиллами, так как именно щели, расщелины и пустоты между камнями дают им убежище... Иногда случается, что путешественник, который, не делая ничего дурного этим животным, отдыхает на высотах, бывает просто осажден этими жителями скал. Камни понемногу оживляются, из каждой щели, каждой расселины выглядывает голова*.

* *В описанные Бремом времена шиншиллы встречались колониями до 100 и более особей. Из-за бесконтрольного промысла их численность резко упала, но сейчас снова восстанавливается в результате охранных мер.*

Самые любопытные и доверчивые шиншиллы отваживаются приблизиться и, наконец, безбоязненно бегают под ногами пасущихся мулов. Походка их представляет скорее известного рода прыганье, чем ходьбу, но напоминает движения наших мышей. Отдыхая, они сидят на задней части тела, подтянув передние ноги к груди и вытянув хвост назад, однако могут совершенно свободно подниматься на задних ногах и держаться некоторое время в этом положении. При лазании хватаются всеми четырьмя лапами за щели скал, и самой незначительной неровности достаточно для них, чтобы твердо удержаться**.

* * *Способность к лазанию и прыжкам (в неволе шиншилла может легко вскочить с пола на плечо человека) тем более удивительна, что конечности шиншиллы выглядят чересчур маленькими и слабыми, а когти на них — короткие и тупые.*

Все наблюдатели показывают, что это животное способно оживить даже самую пустынную и печальную горную местность и вместе с тем развлекает и забавляет человека, одиноко проезжающего на этих высотах.

О размножении шиншиллы нет еще точных сведений, хотя она и размножалась в Лондонском зоологическом саду. На их родине находили беременных самок в любое время года и узнали от

туземцев, что число детенышей колеблется от 4 до 6, более подробных сведений не имеется. Детеныши становятся самостоятельными, как только могут оставлять щели скал, в которых впервые увидели свет, а старая самка, по-видимому, с момента их выхода перестает заботиться о своем потомстве***.

* * * *Несмотря на жизнь колониями, шиншиллы — моногамы, причем самки крупнее и агрессивнее самцов, занимают доминирующее положение, в колонии. В году обычно бывает 2 выводка (реже 1 или 3) по 2-3 (до 6) зрячих развитых, детенышей, имеющих полный набор зубов.*

На родине их часто приручают, в Европу они попадают все еще довольно редко. На свободе шиншилла ест траву, корни и мох и пользуется передними лапами, чтобы подносить пищу ко рту.

В прежние времена шиншилла водилась, говорят, до самого моря на всех горах так же часто, как теперь на высоких; в настоящее время ее встречают на более низких горах лишь в виде отдельных экземпляров. Неустанное преследование, которому она подвергается ради шкуры, прогнало ее на высоты. За ней ревностно охотились уже с древних времен и даже теперь используют почти совершенно те же способы охоты, как прежде. Европейцы, правда, убивают ее иногда огнестрельным оружием или из самострелов, однако эта охота дает ненадежные результаты, потому что если в шиншиллу не попасть так, чтобы она умерла мгновенно, то она прячется в одну из трещин скалы и пропадает для охотника. Гораздо надежнее тот способ охоты, которым пользуются индейцы. Они ставят хорошо сделанные петли перед всеми трещинами скал, до которых могут добраться, и на следующее утро вынимают шиншилл, попавших в эти силки. Кроме того, индейцы страстно любят охоту, которую мы применяем для кроликов. Они умеют мастерски приручать ласку* и дрессировать для охоты за шиншиллами, затем поступают точно так же, как наши охотники с хорьками, или же предоставляют самой ласке вытащить умерщвленное внутри логовища животное.

* *Длиннохвостая, или белопологая ласка (Mustela frenata) — мелкий хищник, очень сходный с горностаем, но несколько крупнее.*

Чуди упоминает, что один купец в Молиносе, самом западном местечке штатов Ла-Платы, вывозил прежде ежегодно по 2000-3000 дюжин шкур шиншиллы, а уже в 1857 году мог пустить в торговлю лишь 600 дюжин. «Многие из охотников-индейцев, — рассказывает он, — жаловались в моем присутствии на большое уменьшение числа этих животных и на все возрастающую трудность их ловли. Это следствие непрерывного неосмотрительного преследования. Промотав деньги, вырученные за продажу добычи, охотник за шиншиллами покупает в долг некоторое количество съестных припасов, обязуясь уплатить после охоты, и отправляется в самые дикие горные местности за шиншиллами**.

* * *Сейчас шиншиллы обитают только на скалистых плато на высотах 3000-5000 м над уровнем моря.*

Здесь эти милостивые зверьки живут в почти недоступных трещинах или у подножия скал в выкопанных ими самими логовищах. Они необыкновенно робки, и всякое необычное явление или непривычный шум прогоняет их с быстротой молнии в надежные убежища, если они в это время ели или, что они особенно любят, играли на солнце на небольшом расстоянии оттуда. Около старых или новых поселений шиншилл, которые охотник заметил своим орлиным глазом во время трудных скитаний, он ставит перед входными отверстиями петли из крепкого конского волоса или простые ловушки и ждет результатов, хорошо спрятавшись на некотором расстоянии. Любопытные шиншиллы, когда сочтут, что опасность миновала, быстро выскакивают из своих убежищ и или повисают в петлях, или убиваются ловушками. Индеец спешит, вынимает их и снова расставляет орудия ловли. Но теперь проходит более долгое время, прежде чем напуганные животные решатся оставить свое жилище. Они остаются по два дня в своих логовищах, прежде чем снова отважатся выйти наружу, за что и платятся жизнью. Легко понять, что выносливый и терпеливо выжидающий индеец может таким образом истребить целое поселение, под конец голод загоняет в петли и последних шиншилл. Их не стреляют, потому что даже очень тяжело раненные убегают в свои логовища и в таком случае пропадают, и кровь из ран так сильно пачкает чрезвычайно нежные волосы, что такие шкуры сильно теряют в красоте и ценности. После многонедельного пребывания в Кордильерах охотник за шиншиллами возвращается с добычей в Молинос и получает за дюжину шкур по 5-6 песо».

На севере и в средней части Чили короткохвостую шиншиллу заменяет другой, более мелкий вид*. По образу жизни этот вид, по-видимому, совершенно сходен с предыдущим, также близок к нему по внешнему виду и окраске меха. Но он гораздо меньше: вся длина равняется самое большее 35—40 см, из которых хвост занимает приблизительно треть. Густая мягкая шерсть на спине длиной 2 см, на задней части и боках 3 см. Цвет ее светло пепельно-серый с темными крапинками,

нижняя сторона и ноги с матово-сероватым или желтоватым налетом. На верхней стороне хвоста волосы при основании и на кончике грязно-белого цвета, посередине буро-черного, нижняя сторона хвоста бурая.

** Крупная короткохвостая шиншилла населяет Анды Южного Перу, Боливии и Северной Аргентины. Собственно шиншилла обитает на севере Чили.*

Лишь после многих просьб естествоиспытателей в Европу** были присланы несколько черепов, а позднее и живые животные, хотя о шиншилле путешественники упоминают уже очень давно.

** * В настоящее время во всем мире налажено разведение шиншиллы на фермах в качестве пушного животного, поголовье насчитывает более миллиона особей, ведется селекция, созданы породы с различной окраской меха, от белого до черного. К сожалению, мех клеточных зверьков через 1—2 поколения начинает уступать меху диких шиншилл. В неволе и индианцы доживали до 20 лет.*

Хаукинс, издавший описание своего путешествия в 1622 году, сравнивает ее с белкой, а Овалле говорит, что эти белки водятся лишь в долине Гуаско и чрезвычайно ценятся и преследуются ради хорошего меха. Молина познакомил нас с этим животным в конце прошлого столетия. Он говорит, что шерсть этого вида так тонка, как нити паутины, и притом так длинна, что ее можно прясть. «Животное это живет под землей в северных областях Чили и охотно держится вместе с другими родичами. Пища его состоит из луковиц и луковичных растений, обыкновенных в тех сторонах. Оно рождает два раза в год по 5-6 детенышей. Пойманные становятся настолько ручными, что не пытаются кусаться или убежать, если их берут в руки, они спокойно сидят, даже если их посадить на колени, как будто бы это было их собственное логовище, и, повидимому, чрезвычайно любят, чтобы их гладили. Так как они очень чистоплотны, то нет основания бояться, чтобы они запачкали платье или придали ему дурной запах, у них и нет особенно дурного запаха, как у других мышей. Зверьков можно поэтому держать в домах без неудобств и с незначительными издержками, все расходы они с избытком возмещали бы, если им стричь шерсть. Древние перуанцы, которые были гораздо изобретательнее нынешних, умели делать из этой шерсти одеяла и другие материи».

В 1829 году малая шиншилла была привезена живой в Лондон и описана Беннетом. Это очень тихое существо, которое, однако, иногда пыталось кусаться, если находилось в дурном расположении духа. Она редко была весела, и лишь иногда можно было видеть ее странные прыжки. Садилась на задние лапы, но могла стоять и стоя держаться на задних ногах, пищу подносила ко рту передними лапами. Зимой пришлось внести ее в умеренно отапливаемую комнату. Зерна и сочные растения она любила больше, чем сухие травы, которые, наоборот, очень охотно ела более крупная короткохвостая шиншилла. Малую шиншиллу нельзя было сажать вместе с большой; когда однажды сделали это, началась страшная битва, в которой малая непременно погибла бы, если бы бойцов не разъединили тотчас же.

Наблюдения, которые я мог произвести сам над одной малой шиншиллой в неволе, согласуются в существенных чертах с данными Беннета. Однако моя пленница доказывала, что она более ночное, чем дневное животное. Правда, шиншилла и днем могла бодрствовать, но лишь в том случае, если ее тревожили. Когда она однажды ускользнула из клетки и могла по желанию бродить по дому, то постоянно пряталась днем, зато тем живее была ночью.

Южноамериканцы очень охотно едят мясо обоих видов шиншилл, европейским путешественникам оно, по-видимому, тоже нравится, хотя они и говорят, что его нельзя сравнить с мясом нашего зайца. Впрочем, мясо это употребляется лишь между прочим, главную цель охоты составляет шкура. Шиншиллы высоких Кордильер особенно ценятся, по словам Чуди, так как волосы их длиннее, гуще и тоньше и у них гораздо более прочный мех, чем у береговых зверьков, шкуры которых почти не имеют никакой ценности. В Америке теперь из этой шерсти делают лишь шляпы; искусство первобытных мастеров умерло вместе с ними.

В меховой торговле различают, по словам Ломера, два рода шкур: шкуры более крупных короткохвостых шиншилл, длинно- и тонко-волосистые, и шкуры меньших шиншилл, коротковолосистые; первые стоят по 15-25 марок штука, вторые лишь по 1-5 марок*. Первых в торговлю поступает ежегодно до 20 000. Различие между самыми лучшими и самыми худшими шкурами очень бросается в глаза, но есть переходные формы, определение которых затруднительно и для знатока.

** В противоположность сказанному Бремом, мех более крупной короткохвостой шиншиллы ценится меньше меха собственно шиншиллы, продолжающего оставаться одним из самых дорогих в мире.*

Горные вискаши (*Lagidhtm*)** имеют значительно более длинные уши, хвост, покрытый по всей его верхней поверхности пушистыми волосами, четырехпалые ноги и очень длинные усы.

* * Во времена Брема этих животных называли пушаками. Горные вискаши (*Lagidium*) живут колониями до 80 зверьков в сухих скалистых, очень бедных растительностью районах Анд от Перу до Патагонии. В отличие от шиншиллы ведут дневной образ жизни и приносят всего по 1 детенышу в каждом помете.

По строению зубов шиншиллы и вискаши стоят очень близко друг к другу, по образу жизни они сходны почти совершенно. До настоящего времени достоверно известны лишь два вида горных вискаш***, которые живут среди голых скал Кордильер около самой границы печного снега на высоте от 3000 до 5000 метров над уровнем моря.

* * * Сейчас выделяют три вида горных вискаш.

Они так же подвижны и ловки, как шиншиллы, обнаруживают те же свойства и питаются более или менее теми же или по крайней мере подобными растениями. Из двух видов один населяет плоскогорья южной части Перу и Боливию, другой — северную часть Перу и Эквадор.

Перуанская вискаша (*Lagidium retapit*) — животное по величине и виду похоже приблизительно на кролика, только задние ноги гораздо длиннее, чем у настоящих кроликов, а длинный хвост не допускает и сравнения с хвостом наших зайцев. Уши около 8 см длиной, наружный край их несколько завернут внутрь, конец закруглен, снаружи они покрыты редкой шерстью, внутри почти голы, край довольно густо обсажен волосами. мех очень мягок и длинен, волосы, за исключением отдельных темных, у корня белого цвета, на кончике грязно-белого, смешанного с желтовато-бурым. мех получает благодаря этому пепельно-серый цвет, который на боках несколько светлее и переходит в желтоватый. Хвост снизу и по бокам усажен короткими волосами, белыми и черными, а к концу совершенно черными; сверху волосы буровато-черные, длинные и взъерошенные. Особенно бросаются в глаза длинные, достигающие почти до плеч усы*.

* Необыкновенно длинные усы характерны для всех представителей семейства.

От этого животного происходят, вероятно, те шкуры, которые поступают в торговлю под названием «шиншиллоны». Они имеют ничтожную ценность, лишь несколько сотен попадает ежегодно в Европу.

Равнинная вискаша (*Lagostomus maxim*) более похожа на шиншиллу, чем на горных вискаш**.

* * Равнинная вискаша не похожа внешне на шиншиллу и горных вискаш. Встречается не только на равнинах, но и в низкогорьях, на горных плато до 2600 м.

Тело плотное с короткой шеей и сильно выпуклой спиной, передние ноги короткие и четырехпалые, сильные задние ноги вдвое длиннее их и трехпалые. Голова толстая, округленная, сверху плоская, а по бокам раздутая, морда короткая и тупая. На губах и щеках сидят усы, отличающиеся особой жесткостью, они даже больше похожи на металлические, чем на роговые образования, обладают большой эластичностью и звенят, если по ним провести чем-нибудь. Почти голые, узкие, тупоконечные уши средней величины, широко расставленные глаза тоже не велики, покрытый шерстью нос и глубоко расщепленная верхняя губа составляют другие особенности головы. Нижняя сторона задних лап спереди покрыта шерстью, сзади обнажена и мозолиста, нижняя сторона передних лап, напротив, совершенно голая. Короткие когти, окруженные мягкими волосами, составляют вооружение передних ног, более длинные и крепкие — задних. Тело покрыто довольно густым мехом, на верхней стороне он состоит из равномерно распределенных серых и черных волос, почему спина и кажется довольно темной, голова более серого цвета, чем бока тела, широкая полоса, которая тянется по верхней части морды и по щекам, — белая, хвост покрыт грязно-белыми и бурными пятнами, вся нижняя и внутренняя сторона ног белого цвета. Встречаются, впрочем, иногда отклонения от этой окраски. У иных спина более рыжевато-серая с черными пятнами, нижняя сторона белая, на щеках рыжевато-бурая поперечная полоска, морда черная, хвост каштаново-бурый. Длина тела равняется 50 см, длина хвоста 18 см*.

* Масса взрослой особи может достигать 7 кг. Максимальный вес шиншиллы и горных вискаш - 1,6 кг.

Равнинная вискаша заменяет своих родичей по семейству на восточной стороне Анд, область распространения ее в настоящее время составляют пампасы, от Буэнос-Айреса до Патагонии. Пока возделывание земли не подвинулось так далеко, как теперь, ее находили и в Парагвае. Где она еще существует, там встречается в большом количестве. В некоторых местах ее так много, что по обе стороны дороги сидят целые стада, но это бывает только ночью.

Именно самые уединенные и пустынные местности составляют ее местопребывание, однако она доходит вплоть до самых возделанных местностей, путешественники даже знают, что если по-

падает множество вискачерасов, то есть жилищ этого животного, то значит, недалеко испанские поселения.

Вискаша селится на скудно поросших и на большие пространства обнаженных сухих равнинах и выкапывает здесь обширные подземные норы, охотнее всего поблизости от кустарников и недалеко от полей. Норы устраиваются сообща и населяются тоже сообща. Они снабжены бесчисленными ходами и галереями для бегства и внутри разделены на несколько камер, в зависимости от величины семейства, которое здесь поселилось. Число членов семьи может достигать до 8-10, но в таком случае часть населения оставляет старое жилище и основывает новое, охотно селясь около старого**.

** * Обычно вискачерас занимает площадь около 600 м² и насчитывает около 20 нор до 200 м длиной и входом до 1 м в диаметре. Население одного вискачераса составляет 20-30 зверьков, «руководит» им взрослый самец. Благодаря выбросам земли из системы нор, территория колонии приподнята над плоской поверхностью пампы на 50-80 см.*

Нередко случается, что пещерная сова является сюда и без больших затруднений овладевает тем или другим жилищем. Чистоплотные вискаши никогда не выносят присутствия сожителя, который не заботится о порядке в такой же степени, как они, и мгновенно удаляются, если один из пришельцев досаждают им своей нечистоплотностью* * *.

** * * Вискачерас населяют многие животные. Большинство квартирантов занимают уже брошенные норы и безвредны для колонии, лисы и крупные змеи представляют угрозу.*

Благодаря этому почва оказывается иногда подрытой на пространстве квадратной мили. Целый день все семейство лежит, спрятавшись в жилище, ко времени солнечного заката показывается одно животное, другое, а с наступлением сумерек перед входами собирается многочисленное общество. Оно заботливо исследует, все ли спокойно, и долго бродит поблизости жилища, прежде чем идти за пищей. В это время можно видеть, как сотни этих зверьков играют между собой, и слышать уже на значительном расстоянии их хрюканье, похожее на свиное. Если все совершенно спокойно, то общество направляется за пищей, и ему годится все съедобное, что ни попадет. Травы, корни и кора составляют, конечно, главную часть корма, но если поблизости есть поля, то животные посещают и их и производят там заметные опустошения. При своих переходах на пастбище они тоже крайне осторожны: никогда не случается, чтобы они забыли обезопасить себя. Один за другим вискаши поднимаются на задние лапы, тщательно прислушиваются и вглядываются в ночную темноту. При малейшем шуме обращаются в бегство и с поспешностью, издавая громкий крик, бросаются к своим норам; страх их так велик, что они и тогда еще кричат и шумят, когда уже достигнут безопасного жилища*.

** Вискаши постоянно поддерживают связь в колонии звуковыми сигналами. Их репертуар необычайно богат.*

Своими движениями вискаши во многом сходны с кроликами, однако они значительно уступают им в быстроте, хотя бодрее, веселее и более расположены к играм. Идя на пастбище, они почти непрерывно заигрывают друг с другом, суетливо бегают вокруг, прыгают с хрюканьем друг через друга**. Они уносят к своим норам различные вещи, которые находят во время выходов на пастбище и кладут их беспорядочной кучей перед входом, как будто бы эти предметы могут служить им игрушками. Перед норами бывают нагромождены кости и гнезда, коровий помет и случайно потерянные человеком вещи, которые не приносят животным ни малейшей пользы, и гаучо, потеряв что-нибудь, отправляются к ближайшим вискачерасам, чтобы поискать там утраченный предмет. Из своих жилищ животные заботливо удаляют все лишнее. Собирают ли они запасы на зиму в норах, чтобы питаться ими в течение сурового времени года, еще не известно, по крайней мере это утверждает один из старых естествоиспытателей. Их голос — странное, громкое и неприятное фырканье или хрюканье, не поддающееся описанию.

** * Вискаши бегают со скоростью 40 км/ч, могут совершать трехметровые прыжки. Нередко им приходится пастись довольно далеко от вискачераса, поскольку трава вокруг него давно съедена, и стремглав бежать к норе при опасности, делая резкие повороты.*

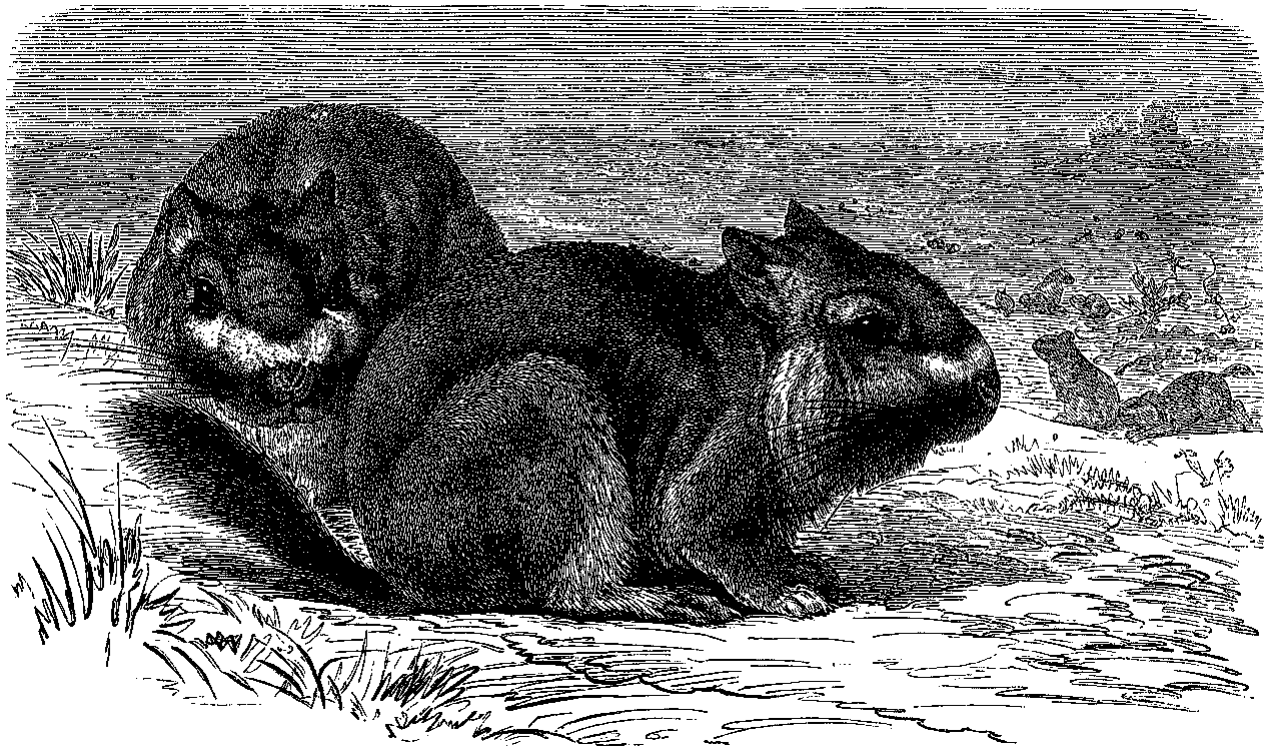
О размножении до настоящего времени ничего достоверного не известно. Говорят, что самки рожают 2-4 детенышей, которые вырастают за 2-4 месяца***.

** * * В течение года бывает один (в северных районах — два) выводок в июле — августе. Беременность длится 5 месяцев, в помете обычно 2 хорошо развитых детеныша. В неволе вискаши доживали до 10 лет.*

Геринг видел при старых вискашах лишь по одному детенышу. Он держался всегда около самой матери. Она обращается с ним с большой любовью и защищает в случае опасности. Если

поймать детенышей и заниматься ими, то они становятся ручными и их легко держать, как и наших кроликов. Местами они встречаются и в европейских зоологических садах, вискаша, которую держали во Франкфуртском саду, была, по словам Гааке, всегда невосприимчива, угрюма и отличалась бешеной злобой.

Вискаш менее преследуют ради их мяса и шкуры, чем из-за их подземного рытья. В тех местах, где они обыкновенны, верховая езда действительно связана с опасностью для жизни, так как лошади часто продавливают своды неглубоко лежащих ходов и от этого чрезвычайно пугаются, если совсем не падают, сбрасывают седока или даже ломают ноги.

Равнинная вискаша (*Lagostomus maximus*)

Туземец уже издали узнает вискачерас по одной маленькой дикой горькой дыне, которую животные охотно едят. Это растение всегда встречается там, где много вискачерасов, что служит признаком, по которому можно избегать опасных мест. Вискаш стараются изгнать из мест, близких к селениям, всеми средствами и употребляют огонь и воду для их уничтожения. Траву вокруг нор сжигают, лишая их таким образом пищи, жилища затопляют и заставляют животных искать спасения вне норы, где подстерегающие собаки скоро их схватывают. Кроме человека у этого животного множество других врагов. Кондор, говорят, так же часто охотится за вискашами, как и за их родичами в горах, дикие собаки и лисицы сильно преследуют их в степи, если они покажутся перед норами, а сумчатая крыса проникает даже в их жилища, где и нападает на животных. Правда, вискаша по мере сил защищается от своих сильных врагов, долго дерется с собаками, храбро сражается с сумчатой крысой, даже кусает за ноги людей, но что может поделать бедный грызун против сильных хищников! Однако несмотря на все эти преследования, число вискаш едва ли стало уменьшаться, если бы их размножению не препятствовало все расширяющееся возделывание почвы. И в этом отношении человек, завладев почвой, становится самым страшным врагом этого животного.

Степные индейцы полагают, что запертая в своей норе вискаша не способна освободиться сама и должна погибнуть, если ее не откопают сородичи. Поэтому индейцы затыкают главные выходы вискачерасов и привязывают там в качестве сторожа одну из своих собак, чтобы она не позволяла приблизиться другим вискашам, которые готовы прийти на помощь заключенным, пока туда не возвратятся индейцы с петлями и сетями. Естественно, что запертые вискаши боятся выйти, замечая около жилища собаку, и индеец достигает таким образом своей цели.

Индейцы едят мясо вискаш и пользуются их шкурой, хотя она имеет гораздо меньшую ценность, чем шкуры вышеназванных видов.

Семейство нутриевые (*Myocastoridae*)*

* Семейство включает единственный род и вид — нутрию, или болотного бобра.

Болотный бобр, или нутрия (*Myocastor coypus*). Тело коренастое, шея короткая и толстая, голова толстая, длинная и широкая с тупой мордой и плоским теменем, глаза средней величины, круглые и выдаются, уши маленькие, округлены и несколько больше в высоту, чем в ширину. Конечности короткие и толстые, задние немного длиннее передних, те и другие пятипалые, но пальцы на задних ногах значительно длиннее, чем на передних, соединены широкой плавательной перепонкой и вооружены длинными, сильно согнутыми и острыми когтями, а внутренний палец передних ног — плоским ногтем. Длинный хвост имеет округлое сечение, усажен кольцеобразно расположенными чешуйками и довольно обильными, плотно прилегающими толстыми щетинистыми волосами. Остальная шерсть густая, довольно длинная и мягкая и состоит из почти непроницаемого для воды короткого мягкого, пухообразного подшерстка и более длинных, мягких, слабо блестящих волос ости, которые определяют цвет меха, так как совершенно покрывают подшерсток. Очень большие, широкие резцы напоминают своим строением зубы бобра.

Болотный бобр почти достигает величины выдры, длина тела его равняется обычно $40^{\wedge}5$ см, длина хвоста почти такая же, однако иногда попадаются очень старые самцы, достигающие в длину целого метра. Цвет волос грязно-серый при основании и рыжевато-бурый или буро-желтый на концах, длинные волосы ости темнее. Спина кажется каштаново-бурой, а нижняя сторона почти черно-бурой, бока ярко-рыжие, конец носа и губы почти всегда белые или светло-серые. Некоторые экземпляры испещрены серо-желтоватыми и светло-бурыми крапинками, многие совершенно ржаво-рыжие.

Большая часть умеренного пояса Южной Америки служит родиной этого замечательного пушного зверя. Болотный бобр известен почти во всех странах — к югу от тропика Козерога. В Ла-Плате, Буэнос-Айресе, Патагонии и среднем Чили он встречается повсюду. Область распространения его простирается от Атлантического океана до Тихого через горы и от 24 до 43 градуса южной широты*.

** Благодаря ценному меху и прекрасным вкусовым качествам мяса нутрию активно разводят на зверофермах, акклиматизировали во многих районах Европы и Северной Америки.*

Он живет, по Ренгтеру, парами по берегам озер и рек, преимущественно у тихих вод, где водяные растения встречаются в таком количестве, что образуют на воде достаточно крепкую крышу, чтобы выдерживать тяжесть его тела**.

*** Нутрии питаются сочными корневищами и стеблями водных и прибрежных растений.*

Каждая пара выкапывает себе на берегу нору, глубиной в метр и шириной от 40 до 60 сантиметров, в которой и проводит ночь, а иногда и часть дня***.

**** По суше нутрии передвигаются неважно. Они не уходят дальше 200 м от воды, протаптывают постоянные тропы в зарослях. Активны преимущественно в сумерках и ночью. Вход в нору находится не под водой, как у бобра, а у самого уреза воды. Помимо нор нутрии сооружают из растительного материала гнезда и лежки над водой — в густых зарослях тростника, на низко расположенных ветвях кустарников или на зыбкой сплаvine.*

В этом жилище самка мечет от 4 до 6 детенышей, которые, как рассказывает Азара, уже очень рано следуют за матерью.

Болотный бобр превосходно плавает, но плохо ныряет. На земле он движется медленно, так как его ноги, по словам Азара, так коротки, что тело почти волочится по земле, поэтому он и ходит по земле лишь в том случае, если ему надо перейти из одного водоема в другой. В случае опасности мгновенно бросается в воду и ныряет, если преследование продолжается, то прячется в свою нору, в которой обычно проводит лишь ночь.

Душевные способности его незначительны. Он робок, пуглив и сохраняет эти качества в неволе. Его нельзя назвать умным, хотя он постепенно и приучается узнавать того, кто за ним ходит. Животные, пойманные старыми, кусаются как бешеные, отказываются обычно от пищи, так что их редко удается продержать более нескольких дней. В Лондонском зоологическом саду нутрии живут постоянно, в новейшее время их стали держать и в других зоологических садах.

Болотного бобра ревностно преследуют ради его ценной шкуры. До 1823 года на европейский рынок ежегодно привозили от 15 до 20 тысяч шкур. В 1827 году из провинции Энтре-Риос, по официальным данным таможни в Буэнос-Айресе, было вывезено 300 000 штук, и вывоз повысился еще, так как в начале тридцатых годов из одних лишь болот Буэнос-Айреса и Монтевидео посылалось в Англию до 50 000 шкур. В настоящее время, по Ломеру, ежегодно поступают в торговлю около 1,5 миллиона шкур, из которых около двух третей, именно худшие, служат для приготовления войлока, а треть, длинно- и густоволосистые, после выщипывания ости перерабатываются

в меха, причем или оставляют их естественный цвет, или окрашивают «под котика». Шкуры, годные для меха, стоят 3-7 марок штука, волос стоит 2-3 марки килограмм. Во многих местах туземцы едят белое вкусное мясо болотного бобра, в других не трогают его.

За нутриями в Буэнос-Айресе охотятся главным образом с помощью особо дрессированных собак, которые отыскивают их в воде и гонят к охотнику на выстрел или же вступают с ними в битву, хотя этот большой грызун умеет мужественно и сильно защищаться. В мелких местах и перед норами охотники ставят ловушки. В Парагвае за ними не охотятся иначе, как встретив их случайно. К животным нелегко подойти, так как при малейшем шуме они обращаются в бегство и прячутся, притом стрелку не удается убить болотного бобра одним выстрелом, так как гладкий густой мех мешает проникновению дроби, а если бобр только ранен, то может еще спастись. Если ему прострелить голову, то он тонет, как свинец, и в таком случае по большей части пропадает.

Семейство восьмизубые

(Octodontidae)*

* *Восьмизубые* небольшое семейство кавиоморфных грызунов, включающее 5 родов и около 8 видов. Распространены в Южной Америке. В горах встречаются до 3500 м, тропических лесов избегают. Во времена Брема объем семейства понимался шире, в него включали несколько других американских и африканских семейств.

Не особенно многочисленное, но оригинальное семейство крысообразных грызунов населяет Южную Америку и Африку. Восьмизубые напоминают по форме и окраске до некоторой степени крыс. Уши короткие, широкие и покрыты редкими волосами, ноги четырех- или пятипалые, хвост различной длины и часто покрыт кольцами чешуек, как у настоящих крыс: но этим и исчерпывается сходство этих животных с крысами. мех у некоторых восьмизубых мягок и красив, у других жесток и щетинист и даже смешан с отдельными, плоскими и поперечно-полосатыми иглами, а хвост не только покрыт волосами, но даже иногда пушист. Зубная система включает по четыре, в исключительных случаях по три коренных зуба в каждом ряду, жевательные поверхности их имеют три-четыре эмалевые складки на краю. Эти складки образуют на каждом зубе узор, похожий на цифру 8, почему семейство и получило название «восьмизубые».

Восьмизубые живут в лесах или открытых местностях, одни около изгородей и кустарников, другие на плантациях вдоль дорог, среди скал, на берегах рек, даже на берегу моря. Чаще они живут обществами в выкопанных ими подземных норах с многочисленными входами. Некоторые из них настоящие роющие животные, которые, подобно кротам, выбрасывают на поверхность кучки вырытой земли и почти постоянно остаются под землей, другие держатся в чащах и искусно лазают по деревьям. Они работают большей частью ночью, лишь немногие деятельны и днем*.

* *Одни виды активны ночью, другие днем, некоторые — круглосуточно.*

В общем, они неуклюжи и неповоротливы, но некоторые обнаруживают удивительную быстроту в движениях на деревьях или под землей. Некоторые виды — настоящие водяные животные и умеют превосходно плавать и нырять**.

* * *В современном объеме среди представителей семейства нет водных и полуводных форм.*

Насколько известно в настоящее время, они не впадают в зимнюю спячку, тем не менее некоторые из них собирают запасы пищи. Из чувств выше всего стоят слух и обоняние, зрение развито лишь у немногих, а у живущих под землей оно недоразвито, что и понятно. Их душевные способности незначительны: лишь самые крупные и совершенные виды обнаруживают известную понятливость. Неволю переносят довольно легко, любопытны, подвижны, учатся узнавать тех, кто за ними ходит, и следовать за ними и доставляют удовольствие своим изящным видом. Размножение довольно значительно, так как число детенышей колеблется от 2 до 7, и они, как и большая часть других грызунов, мечут детенышей по нескольку раз в год*** и могут возрасти в числе до больших стад, причиняющих значительный вред на плантациях и полях****.

* * * *В течение года бывают два помёта по два детеныша, лактация продолжается около 2 месяцев.*

* * * * *Питаются восьмизубые луковцами, клубнями, побегами и корой. Существенного вреда посевам не приносят.*

По сравнению с этими опустошениями та незначительная польза, которую они приносят своим мясом и шкурой, не заслуживает и упоминания.

Дегу (*Octodon degus*)***** сверху буровато-серого цвета, неравномерно пятнистого, снизу серо-буроватого, на груди и затылке темнее, у корня хвоста светлее, почти белого цвета. Уши снаружи темно-серые, внутри белые, усы частью черные, частью белые, хвост сверху и на конце черно-

го цвета, снизу до первой трети длины светло-серого. Вся длина достигает 26 см, из которых несколько более трети приходится на хвост.

* * * * * *Распространен в прибрежных холмистых районах Чили, поднимаясь в горы до 1200 л/. Ведет наземный образ жизни, активен днем.*

"Дегу, — говорит Пеппиг, — принадлежит к самым обыкновенным животным в средней провинции Чили. Сотни их населяют изгороди и кустарники, даже в непосредственной близости многолюдных городов они безбоязненно бегают по большим дорогам, смело врываются в сады и поля, где и причиняют вред бесцельным разгрызанием растений и своей прожорливостью. Редко удаляются они от земли, чтобы влезть на нижние ветви кустов, выжидают с вызывающей смелостью приближение врагов, но затем в беспорядке бросаются, подняв хвост вверх, в отверстия своих сильно разветвленных нор, чтобы через несколько мгновений снова появиться в другом месте. По нраву животное гораздо более похоже на белку, чем на крысу. Оно собирает, несмотря на теплый климат, запасы, но не впадает в зимнюю спячку».

Дегу (*Octodon degits*)

Время сваривания, продолжительность беременности, а также число детенышей, по-видимому, неизвестны, несмотря на то, что животное это так обыкновенно. Можно лишь заключить, что дегу способны сильно размножаться. Неволю они переносят очень легко и скоро становятся совсем ручными. По отношению к пище не обнаруживают особой взыскательности, а довольствуются обыкновенной едой грызунов. Они научаются узнавать и отличать своего сторожа, точно так, как и другие грызуны подобной величины; не кусаются, но и не отличаются доверчивостью.

Семейство туко-туковые

От южной части Бразилии до Магелланова пролива простирается родина **гребнемышей, или туко-туко**. Они представляют отдаленное сходство с кустарниковыми крысами, но маленькие глаза и еще гораздо меньшие уши, почти скрытые в мехе, указывают на подземный образ жизни. Тело укорочено и вальковато, шея короткая и толстая, голова тоже короткая с тупой мордой, хвост короткий, толстый и с тупым концом. Ноги короткие с пятью пальцами, вооруженными крепкими роющими когтями*. Мех прилегает гладко, короткий на голове и несколько длиннее на теле, тонкие волосы ости порознь выступают из меха.

* *Туко-туко обладают очень сильными резцами, которыми копают ходы. Как и у других подземных грызунов, во избежание попадания земли в рот, губы, туко-туко смыкаются позади*

резцов. При рытье туко-туко выталкивают землю ступнями, снабженными оторочками из щетинистых волос.

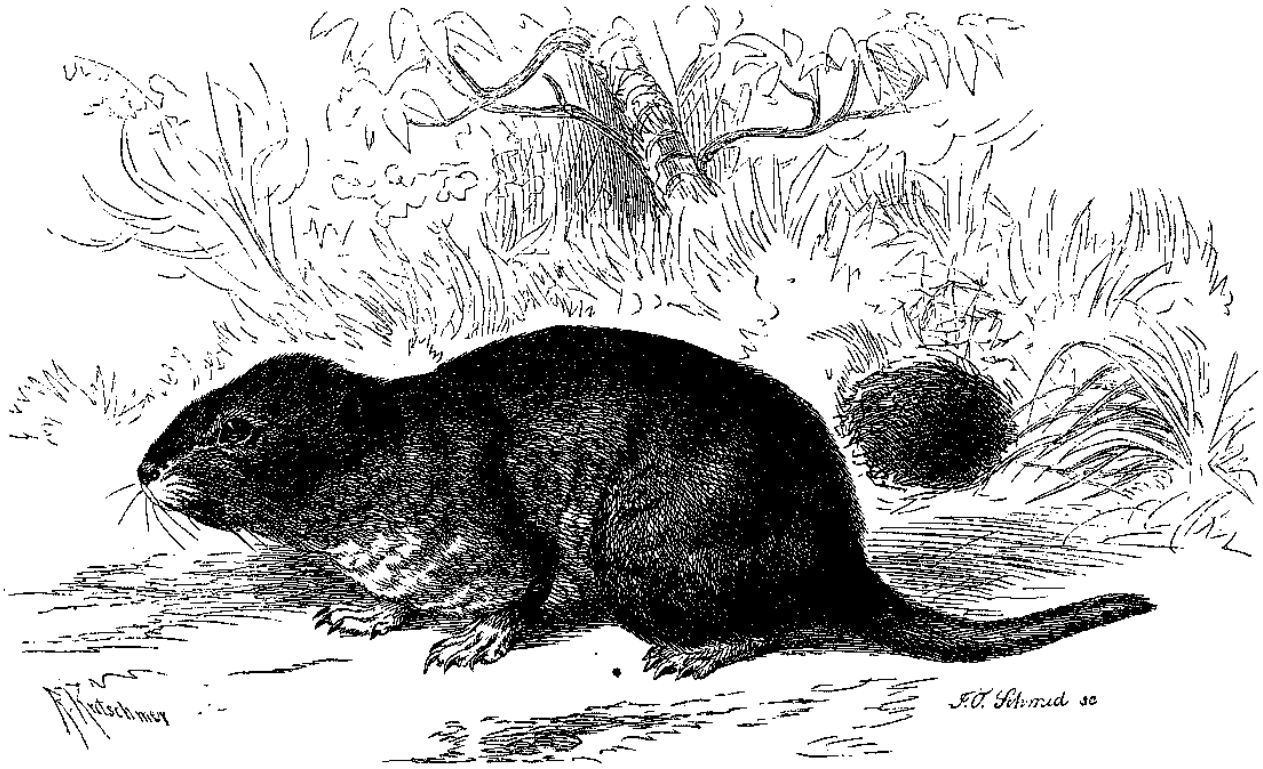
Оригинально то, что грызуны этого рода встречаются в Кордильерах в поясе, лежащем на высоте, где растительность, по-видимому, совершенно отсутствует. Чуди рассказывает, что его удивляли многие тысячи нор гребнемышей в лишенных растительности местах на отдельных плоскогорьях Кордильер. «Я видел, — говорит он, — лишь мельком перед двумя норами их обитателей и поэтому не могу определить вида. Чем питаются здесь эти животные? Несмотря на долгое размышление, я не мог дать надлежащего ответа на этот вопрос. Я думаю, что они проводят зиму в спячке, а летом здесь появляется скудная растительность, которая и доставляет им пищу в течение нескольких месяцев. Но этому взгляду противоречит то, что другие путешественники, и в том числе Филиппи, объехавшие эту пустыню в летние месяцы и в тех местах, где почва была изрыта норами гребнемышей, нашли ее такой же сухой, песчаной и без малейшей растительности, какой я нашел ее зимой. Может быть, здесь есть какое-нибудь подземное растение, которое скрывалось до сих пор от глаз исследователя? Сотни тысяч этих грызунов нуждаются в значительном количестве пищи, так как они не малы и по всей вероятности, как и все представители их отряда, очень прожорливы*.

** Туко-туко питаются сочными подземными частями растений. Они практически не появляются на поверхности земли, проводя всю жизнь в сложных системах ходов, вырытых в рыхлой почве.*

Они не ходят на большие расстояния за пищей, как, например, стада гуанако. Почему эти животные не выкапывают себе нор там, где находят пищу, или в непосредственной близости от них, или у них есть другие норы, кроме тех, в которых они живут? Размножение их должно быть очень интенсивным, и я не знаю ни одного их врага, кроме одной хищной птицы, которая время от времени может словить одного из этих животных**. Образ жизни гребневику — неразрешенная загадка».

** * В течение года зверьки приносят один помёт из 1-5 хорошо развитых детенышей. Беременность длится 3,5 месяца. Продолжительность жизни составляет около 3 лет. Естественных врагов у туко-туко практически нет, однако их численность подвержена значительным колебаниям в результате болезней и климатических изменений, влияющих на запасы пищи.*

Путешественник, который в первый раз посещает эти страны, слышит своеобразные раздельные хрюкающие звуки, которые равномерно раздаются через равные промежутки времени под землей и приблизительно соответствуют слогам «туко-туко». Звуки эти издает магелланский туко-туко (*Stenotnys magellanicus*). Животное это по величине равняется приблизительно полувзрослому хомяку, тело достигает 20 см, хвост — 7 см. Цвет верхней части тела буровато-серый с желтым оттенком и мягкими черными крапинками. Отдельные волосы свинцового цвета, при основании и на конце пепельно-серого с буроватым оттенком. Некоторые разбросанные волосы ости с черными концами, на нижней части этих волос ости нет и потому окраска здесь кажется гораздо светлее. Подбородок и передняя сторона шеи бледно-желтые; ноги и хвост, который под волосами покрыт кольцами чешуек, белого цвета.

Магелланский туко-туко (*Stenomys magellanicus*)

Открытием туко-туко и первым описанием его мы обязаны Дарвину, который оказал столь важные услуги для естественно-исторического описания южных окраин Америки. Данное им описание образа жизни этого животного никем еще не пополнено и до настоящего времени. Туко-туко был открыт у восточного входа в Магелланов пролив и, начиная оттуда, найден на довольно значительной части Патагонии по направлению к северу и западу. Он живет на обширных сухих, песчаных и бесплодных равнинах. Роет здесь землю, как крот, на больших пространствах, особенно ночью, днем, по-видимому, отдыхает, хотя именно в это время часто слышен его голос. Походка на ровном месте очень неуклюжа и беспомощна, животное не в состоянии перепрыгнуть через малейшее препятствие и так неловок, что вне своей норы его легко схватить. Из чувств более всего развиты обоняние и слух, зрение очень слабо. Корни встречающихся кустарников составляют его исключительную пищу. Местами он собирает их запасы, хотя, вероятно, и не впадает в зимнюю спячку. О размножении, времени спаривания и числе детенышей пока нет точных сведений. Пойманные туко-туко, которых держал у себя Дарвин, скоро стали ручными, но не отличались понятливостью. Пищу они брали, как и вообще грызуны, передними лапами и подносили таким образом ко рту.

Патагонцы, которые в своей бедной родине не имеют большого выбора, едят мясо туко-туко и потому охотятся за ним. Во многих местностях путешественники жалуются на подземную деятельность туко-туко, так как при быстрой езде лошади часто проваливаются сквозь тонкие своды нор. Этим и ограничиваются наши сведения об этом животном.

Семейство тростниковые крысы

(Thryonomyidae)*

* Семейство тростниковые крысы составляет один род с двумя видами дикобразных грызунов, распространенных в Африке к югу от Сахары. Внешне они очень напоминают нутрию.

Малая тростниковая крыса (*Thryonomys gregorianus*). Животное плотного сложения с маленькой головой, короткой и широкой мордой, маленькими, голыми, полукруглыми ушами и короткими четырехпальными ногами с зачаточными большими пальцами. Пальцы снабжены крупными серповидными когтями, длина тонкого хвоста достигает длины половины туловища, которая равна приблизительно 50 см. Из зубов особенно своеобразны верхние резцы, отличающиеся тремя бороздками, пробегаящими по верхней половине передней стороны. Масса животного, по наблюдениям, проведенным в западной Африке, около 4-5 кг. мех состоит из гладких, похожих на иглы, щетинок с гибкими концами. При основании они пепельно-серого цвета, посередине темнее, а на конце, перед которым по большей части находится буровато-желтое кольцо, черного цвета. Подбородок и верхняя губа беловатые, грудь грязно-желтоватая, нижняя сторона тела буроватая с серо-бурыми крапинками. Шерсть на ушах желтовато-белого цвета, усы окрашены белым и черным цветом*.

* *Брем в описании ясно смешивает малую тростниковую и большую тростниковую крысу.*

От этого вида, не имеющего плавательных перепонки, описанного впервые Темминком, фон Гейглин отличил в области Верхнего Нила второй вид, **большую тростниковую крысу** (*Thryonomys swinderianus*)⁹ отличающуюся своими плавательными перепонками на задних ногах. Однако этот вид вовсе не ограничивается упомянутой областью, а встречается также, как показал в новейшее время Ноак, в западной Африке на Нижнем Конго. Область распространения тростниковой крысы простирается, по нашим сведениям, по восточной Африке на юг до Капской области и охватывает в западной Африке как Верхнюю, так и Нижнюю Гвинею, в области Верхнего Нила водится, по-видимому, лишь второй вид.

По образу жизни оба вида в сущности сходны между собой. Они не живут обществами и не составляют больших стад, но встречаются в удобных для них местах довольно часто. Они всегда держатся поблизости воды и живут преимущественно в береговой полосе в густых зарослях травы, камыша и тростника, а также в низком и густом кустарнике. По Швейнфурту, тростниковые крысы, находящиеся на северо-востоке, выкапывают глубокие норы, но относительно живущих в Нижней Гвинее этого не известно; Бюттикофер тоже ничего не сообщает об этом из Либерии, а Друммонд говорит о тех, которых он наблюдал в юго-восточной Африке, следующее: «Они не выкапывают никаких подземных жилищ, а убегают, если их выгнать из травы и тростника, где они прятались, в какие-нибудь отверстия и щели скал или же в покинутые жилища других животных»**.

* * *Большие тростниковые крысы населяют прибрежные заросли, заболоченные поймы, малые крысы предпочитают более сухие участки со скалами, встречаются до высот 2600 м. Оба вида активны ночью, но малая — иногда и днем. Живут в неглубоких норах, питаются сочными частями растений, семенами, орехами, малая тростниковая крыса и корой деревьев. Образуют смешанные по возрасту и полу группы, возможно, семьи, но в сухой сезон самки объединяются в отдельные группы, самцы держатся поодиночке, В году бывает два помёта, обычно в сухой сезон. Самки рожают от 2 до 6 (обычно 4) зрячих, покрытых шерсткой детенышей. Половозрелы с годовалого возраста, продолжительность жизни не превышает 3 лет. Оба вида обычны, местами вредят плантациям. активно истребляются из-за вкусного мяса.*

Пища их состоит из трав, корней и клубней, которые они находят в достаточном количестве по берегам вод и на влажных низменностях. Друммонд рисует их очень вредными животными, которые могут производить большие опустошения на полях сахарного тростника и маиса, и потому ревностно преследуются в населенных местностях. По его словам, некоторые плантаторы в юго-восточной Африке, которым эти животные сильно досаждают, уплачивают за каждый убитый экземпляр от 0,5 до 1 марки. В Либерии они тоже, по словам Бюттикофера, приносят большой вред рисовым и маисовым плантациям. В западной Африке животное это пользуется дурной славой, так как по решительным, но не доказанным уверениям как туземцев, так и европейцев, иногда грызет слоновую кость и портит прекрасные бивни. По-видимому, это безосновательно, по крайней мере, насколько простираются наблюдения Пехуель-Леше, на исследованных им бивнях отдельные бороздки на обгрызенных местах были слишком узки и слишком округлены, одним словом, слишком аккуратны, чтобы можно было предположить, что они прорезаны крепкими и широкими резцами тростниковой крысы. Тот же результат выяснился при исследовании многочисленных кусков слоновой кости в обширной коллекции В. Вестендарпа в Гамбурге. Животное это, может быть, и обгрызает иногда слоновую кость, но гораздо большее число повреждений на бивнях производится, вероятно, различными и гораздо меньшими по размеру грызунами. Тем не менее очень примечательно, что и на дальнем северо-востоке Африки этих крыс обвиняют в том же самом. «Они хорошо известны в Ниам-Ниам, — пишет Швейнфурт, — главным образом благодаря тем опустошениям, которые обычно производят в запасах слоновой кости, обгрызая ее, чтобы точить резцы на удобном для этого предмете. Дело в том, что жители Ниам-Ниам, следуя обычаю многих африканских народов, зарывают свою слоновую кость в мокрую болотную почву, чтобы защитить ее на случай военного нападения, а может быть, и на случай пожара. Здесь ее находят эти животные и обгрызают во всех направлениях»*.

* *Все тропические грызуны утоляют свой минеральный голод, грызя кости крупных животных. Слоновые бивни не составляют исключения.*

Тростниковую крысу преследуют как туземцы, так и любящие охоту европейцы, так как из нее получается более вкусное жаркое, чем из какого-либо другого африканского млекопитающего. По крайней мере, все вышеназванные натуралисты, за исключением Друммонда, согласны в том, что это прекрасная дичь. Ее мясо жирно и похоже на мясо здорового поросенка-сосунка и свободно

от какого-либо противного постороннего вкуса. Кожа, хотя и толстая, но очень легко рвется и довольно крепко срастается с лежащим под ней слоем жира, ее обычно не снимают, а только опаливают щетину и затем готовят дичь целиком. Охотятся за грызунами с помощью ловушек, собак или огня и, если собаки не загрызут зверька, то его колют копьями или забивают до смерти. При охоте в одиночку поиск тростниковой крысы облегчается ее привычкой лежать долго на одном месте, подобно зайцу, и убегать по тем тропинкам, которые она проложила через чащу. Этим пользуются туземцы западной Африки, на тропинки они кладут длинные корзины, сделанные из тонких щепок и похожие на рыболовные верши, по сторонам под острым углом к тропинке крылообразно располагают короткие изгороди. Вспугнутые животные бросаются в эти корзины-ловушки, иногда по несколько штук одна за другой и застревают там.

Их гибкая темница до такой степени узка, что они не могут в ней повернуться и таким образом беспомощно защемленные попадают в руки преследователей. Более богата добычей в известное время большая охота загоном, в которой действуют вместе люди, собаки и огонь. Когда в сухое время года некоторые водоемы иссякают и большие пространства травяных зарослей выгорают, тростниковые крысы по необходимости собираются в уцелевших остатках чащи. Эти чащи окружают, зажигают и убивают убегающих животных, кто как может.

Большая тростниковая крыса (*Thryonomys swinderianus*)

"Конец февраля, — пишет Швейнфурт, — был самым удобным временем для охоты, поэтому я устроил однажды большую охотничью экскурсию к Дьюру, собрав вокруг себя самых ловких туземцев. Вооруженные копьями и хорошо знакомые с местами, в которых предпочтительно держится это замечательное животное, они должны были служить мне в качестве загонщиков и охотников. В это время, когда даже около рек и в болотистых низменностях засохла вся трава, казалось легким делом набить с помощью охотников грызунов, во множестве водящихся в таких местностях. Добычей дня было действительно десять штук, однако большинство благодаря грубому способу охоты, оказались растерзанными ударами брошенных в них копий и зубами моих собак и негодными для научных целей. Как только находили место, где были эти животные, их окружали и зажигали высокую траву сразу со всех сторон; ускользнуть было невозможно, каждое прятавшееся там живое существо должно было показаться. Однако животные имели дурную привычку ждать до последнего момента и решаться на бегство, лишь опалив шерсть и обжегши лапы; поэтому добыть неповрежденные шкуры было нелегко. Подобно зайцу, зверек остается неподвижным в своем убежище, где считает себя безопасным, даже в непосредственной близости от преследователя. Поэтому туземцы нередко убивают их ударом камня или дубины. В некоторых местах, где уцелевшая от степного пожара трава отличалась особенной густотой, сопровождавшие меня туземцы лишь кололи наудачу

своими копытами, чтобы пронзить несколько грызунов точно так, как ловят рыбу в лужах, оставшихся от пересохшей реки».

Семейство землекоповые

Африканская кротообразная мышь капский пескорой (*Bathyergus siillus*)* так же некрасив, как и остальные, сюда принадлежащие животные, он неуклюж, туловище его валькообразное, голова широкая, тупая, без ушных раковин, с очень маленькими глазами и широким хрящевым кончиком носа; у него короткие ноги и пятипалые ступни, вооруженные огромными когтями для рытья.

* *Брем смешивает несколько южноафриканских представителей этого семейства — капского пескороя (*Bathyergus suillus*), готтентотского пескороя (*Cryptomys hottentotus*) и капского землекопа (*Georchus capensis*). Впрочем, биология и экология этих видов различаются лишь в деталях.*

Густой мех необыкновенно мягок и тонок, длинные, толстые усы окружают морду, хвост как бы обрубленный, кончается лучистой кистью. Слабоизогнутые белые резцы поразительной длины и далеко выдаются, на верхней паре заметны глубокие желобки. Из четырех коренных зубов в каждой челюсти задний — самый большой. Общая окраска меха белая, наверху желтоватая, а внизу с серым налетом. Длина, включая сюда хвост в 5 см, доходит до 30 см.

Капский пескорой распространен в относительно малой части южной Африки, чаще всего встречается на мысе Доброй Надежды. Песчаные побережья являются местом его пребывания, более твердой и богатой растениями почвы он тщательно избегает; поэтому часто встречается на дюнах или песчаных прибрежных буграх. Образ жизни его подземный. Он роет себе глубоко в песке длинные ветвистые трубчатые ходы, лучеобразно расходящиеся из многих центров и многократно связанные между собой. Их направление обозначено рядами набросанных куч. Ходы гораздо шире, чем у крота, так как животные величиной почти с хомяка должны рыть ходы с большим диаметром, чем маленький крот. Создается впечатление, что пескорой настойчиво старается всюду преградить доступ наружному воздуху в свои норы, так как он в высшей степени боится света. Попадая случайно на поверхность земли, он спасается бегством. Если его схватить, то он сердито бросается передней частью тела во все стороны и яростно кусает все вокруг себя. Буры** ненавидят пескороя, потому что он так подрывает землю, что лошади часто проваливаются в ямы и подвергаются опасности сломать ноги, даже люди и те часто ушибаются.

* * *Буры, или африканеры, — потомки голландских переселенцев, колонизировавших Южную Африку в XVII—XVIII веках.*

Обыкновенно пескорой набрасывает свои кучи утром около шести часов или ночью около полуночи. Этим пользуются крестьяне для истребления животного. Они убирают прочь кучу, открывают одно из отверстий, кладут в нее морковь или другой корнеплод, прикрепляя его к веревке, которая тянет курок ружья, направленного дулом к дыре. Как только пескорой дернет за морковь, он разряжает ружье и выстрелом убивает самого себя. Проводят также в нору воду, чтобы утопить его.

Отряд зайцеобразные

(Lagomorpha)*

* *Характерная особенность представителей отряда цекотрофия, позволяющая полнее усвоить малокалорийный растительный корм. Днем, после первого цикла переваривания, животные выделяют экскременты в виде мягких, покрытых слизью шариков. Фактически это белково-азотистыми полупереваренными и добавками корм с бактериальной микрофлоры кишечника. Поедая эти «концентраты», животные получают жизненно необходимые элементы. Вечерние (окончательные) экскременты сухие и твердые шарики.*

Зайцеобразные — единственные грызуны, у которых более двух резцов: позади острых и широких передних резцов, служащих для того, чтобы грызть пищу, находится два маленьких, тупых, почти четырехугольных стержня. Это придает зубной системе настолько своеобразный отпечаток, что зайцы в этом отношении стоят совершенно особняком. Кроме того, в каждой челюсти находится еще по 5-6 коренных зубов, из двух эмалевых пластинок каждый. Позвоночный столб кроме шейных позвонков состоит из 12 спинных, 9 поясничных, 2-А крестцовых и 12-20 хвостовых. Общие признаки зайцев: вытянутое тело с длинными задними ногами, длинный вытянутый череп с большими ушами и глазами, пятипалые передние и четырехпалые задние ноги, толстые, крайне подвижные, глубоко расщепленные губы с большими усами по обеим сторонам и густой, шерстистый мех.

Отряд этот имеет мало видов, но распространен на большей части земли **.

* * Этот отряд включает всего 2 семейства пищуховых и Зайцевых. Первые зайцеобразные появились в палеоцене Азии, затем заселили Европу и Северную Америку и лишь совсем недавно — Африку и Южную Америку. В Океании, в том числе Австралии, заяц-русак и дикий кролик акклиматизированы человеком.

Лишь в Австралии без участия человека зайцев не было бы; теперь же и в Австралии, и Новой Зеландии широко распространены два вида. Зайцы встречаются во всех климатах, на равнинах и в горах, на открытых полях и в трещинах скал, на земле и под ней, одним словом, всюду, и где кончается область распространения одного вида, начинается область другого, местность, не занятая одним, охотно заселяется другим. Все питаются мягкими сочными частями растений, однако можно сказать, что они не щадят ничего, что только могут достать: поедают растения от корня до плода, хотя охотнее всего едят листья низких трав. Большая часть видов мало общественные и очень твердо держатся раз избранного или выпавшего им на долю места жительства. Здесь они целый день лежат, спрятавшись в углублении или норе, а ночью бродят, отыскивая пищу. Они отдыхают, строго говоря, лишь в полуденные часы, а если чувствуют себя в безопасности, то бегают также утром и вечером при свете солнца. Их движения совершенно своеобразны. Известная быстрота зайцев проявляется лишь при беге, при медленной ходьбе они движутся крайне неловко и неуклюже благодаря длинным задним ногам, которые затрудняют равномерное движение. Однако при самом быстром беге умеют делать всевозможные повороты и обнаруживают ловкость, которой от них нельзя было бы ожидать. Воды они избегают, хотя в крайнем случае переплывают реки*.

* Американские пустынные зайцы достигают скорости 70 км/ч, прыгают на 2,5 м в высоту. Медленно бегающие коротконогие виды семейства обычно живут в норах, их называют кролика ми. Некоторые виды кроликов ведут полуводный образ жизни, хотя не имеют приспособлений для плавания. Эндемик островов Рюкю — лазающий заяц (*Pentalagus furnessi*) лазает по стволам и ветвям, цепляясь за кору толстыми кривыми когтями, отдыхает в дуплах.

Из их чувств несомненно выше всего стоит слух: он достигает такого развития, как у немногих других животных, и, без сомнения, лучше, чем у всех других грызунов. Обоняние слабее, но не очень плохое, зрение развито довольно хорошо. Голос их представляет глухое ворчание, а в страхе — громкий жалобный крик. Принадлежащие к этому отряду пищухи оправдывают это название. Поддержкой голосу, который вообще приходится слышать лишь редко, служит своеобразное топанье задними ногами, которое, как говорят, выражает как страх, так и гнев, а также и предостережение. Душевные качества их довольно богаты противоположностями. В общем зайцы не соответствуют тому представлению, которое часто составляют себе о них. Их называют добродушными, смирными, безобидными и трусливыми; но оказывается, что они могут проявлять и противоположные качества. Точные наблюдатели вовсе не признают у них добродушия, напротив, называют зайцев в высшей степени злобными и беспокойными. Общеизвестен их страх, осторожность и пугливость, менее известна их хитрость, которая с возрастом доходит поистине до удивительной степени. Трусость их тоже не так велика, как полагают. Во всяком случае с ними поступают несправедливо, выставляя это качество в такой степени, как это делал Линней, который на вечные времена заклеил один вид, именно беляка, именем труса (*Lepus timidus*). Один английский писатель говорит очень удачно, что нечего удивляться трусости зайцев: каждый леопард, каждый тигр и лев стали бы искать спасения в бегстве, если бы 20, 30 собак и хорошо вооруженные охотники стали отыскивать его во время отдыха и преследовать с такой же кровожадностью, как мы преследуем бедняг.

Если размножение зайцев и не так сильно, как у грызунов, то оно все же довольно велико и имеет полное развитие в тех местах, где жизнь улыбается зайцу и преследование не слишком сильно. Большинство зайцев рожают детенышей несколько раз в год, некоторые то 3-6 и до 11, но почти все обращаются со своим потомством крайне легкомысленно, и потому-то так много детенышей погибает. Кроме того, за этой вкусной дичью охотится целое войско врагов; в каждой части света враги новые, но везде их одинаково много.

Нечего удивляться, что при огромной массе врагов зайцы не размножаются в такой степени, как можно бы ожидать. Это большое счастье для нас, иначе они поели бы все наши посевы. Во всех странах, где размножение их сильно перевешивает истребление, они становятся бичом.

Семейство зайцевые

(Leporidae)*

* Семейство зайцевые объединяет зайцев и кроликов. Зайцевые населяют все природные зоны от тундр до экваториальных лесов и пустынь, в горы поднимаются до 4900 м. Длина тела представителей семейства 25-74 см, масса — до 10 кг, самки несколько крупнее самцов. В

России — 4 вида зайцев из 2 родов, еще один вид дикого кролика неоднократно акклиматизировали в южных областях.

Отличительными признаками собственно зайцев служат уши, по длине равные голове, укороченные большие пальцы передних лап, очень длинные задние ноги, поднятый вверх зачаточный хвост и 6 коренных зубов в каждой верхней челюсти.

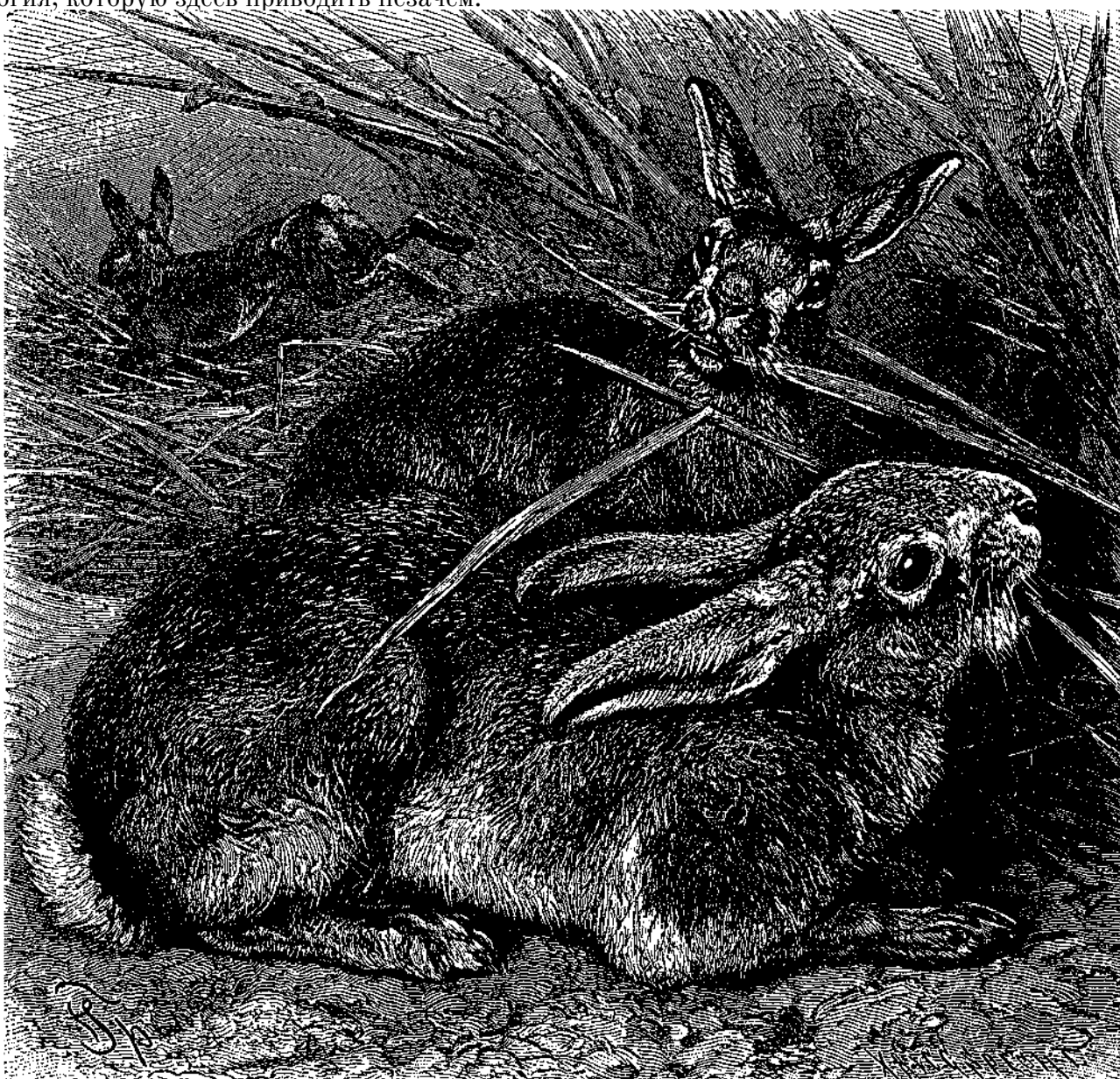
Заяц-русак, тумак ** (*Lepus europaeus*), общая длина которого равняется 75 см (причем лишь 8 см приходится на хвост), а высота 30 см, — один из двух водящихся у нас представителей этого рода.

* * *Тумак — гибрид зайца-русака и зайца-беляка.*

Он достигает массы 5-6 кг, а в редких случаях старый самец достигает 7-8, даже 9 кг. Цвет меха нелегко описать немногими словами. Мех состоит из коротких волос подшерстка и длинных волос ости, первые очень густы и курчавы, волосы ости толсты, длинны и также несколько курчавы. Благодаря этому мех получает настоящую земляную окраску. Цвет, кроме того, изменяется летом и зимой. Самка рыжее самца, встречаются различные отклонения, темные, пятнистые, белые зайцы, короче, окраска может быть очень разнообразна. Большой частью цвет этого грызуна превосходно приспособлен к тому, чтобы скрываться от врагов, когда он лежит на земле. Уже на незначительном расстоянии цвет его так похож на цвет окружающей обстановки, что нельзя отличить шкуру зайца от земли***. Подошвы ног покрыты густыми и мягкими волосами.

* * * *Зимой, после осенней линьки, окраска русака становится более светлой, белеют бедра, плечи, бока тела. К лету белесые кончики волос изнашиваются и окраска темнеет.*

Русак носит различные названия в зависимости от пола и места жительства. В Германии и России охотники отличают несколько типов зайцев, и для них существует особая охотничья терминология, которую здесь приводить незачем.

Заяц-русак (*Lepus europaeus*)

Родиной этого зайца служит вся средняя Европа и большая часть западной Азии. Северной границы своей области он достигает в Шотландии, южной Швеции и северной России, южной границы — в южной Франции и северной Италии****. Плодородные равнины с лесом или без него и лесистые предгорья составляют его любимые места, однако в Альпах он поднимается до высоты в 1500 метров над уровнем моря, а на Кавказе — до высоты 2000 метров. Он предпочитает страны с умеренным климатом и из любви к теплу избирает поля, лежащие с подветренной стороны и защищенные горами. Попытки распространить его на север не удались, зато легко удалось развести в Австралии и Новой Зеландии. В южной Австралии он местами так обычен, что, как сообщает Гааке, часто за прекрасные экземпляры платят лишь по 1 марке.

* * * * *На восток ареал русака простирается по лесостепям Западной Сибири до Алтая, на юг — до Приаралья, акклиматизирован в Прибайкалье и на Дальнем Востоке.*

"В общем, — говорит Дитрих Винкель, давший, по моему мнению, самое удачное описание жизни русака, — заяц более ночное, чем дневное животное, хотя и можно видеть его бродящим по полям в ясный солнечный день еще до заката солнца и утром. Крайне неохотно оставляет он то место, где вырос. Если русак не встречает там другого зайца, с которым мог бы спариться, или испытывает недостаток в пище, то уходит далее, чем обычно. Но самка при приближении времени спаривания возвращается на то место, где родилась, то же делает осенью самец. Особенно крепко держится он того места, где его долго не беспокоят; продолжительное же преследование прогоняет его навсегда. Русак живет преимущественно на полях и уходит оттуда, только когда идет дождь*.

* *По своему происхождению русак степной зверь, в лесную зону он проник вслед за открытыми ландшафтами, созданными человеком, полями, пастбищами, пустырями.*

Если ту рошу, в которой он поселился, срубаят, то переходит в другое место, на хлебные поля и огороды, засеянные репой, капустой и др. Здесь он роскошествует, окруженный со всех сторон обильным кормом. Все сорта капусты и репы составляют для него лакомство. Петрушке он, по видимому, отдает особое предпочтение. Поздней осенью избирает немного заросшие после пахоты поля, не слишком влажные, поросшие ситником низкие места и поля, засеянные маслянистыми растениями, которые после озимых хлебов составляют главную часть его пищи. Пока еще мало или вовсе нет снега, он не меняет своего местопребывания, лишь ночью отправляется в огороды и отыскивает срезанную и сложенную капусту. Если выпадает сильный снег, то позволяет занести себя снегом, но как скоро непогода прекращается, перебирается на клеверные поля. Если на снегу образуется ледяная корка, то недостаток в пище становится все ощутимее, и чем дольше это длится, тем больший вред наносит заяц садам и древесным питомникам. В это время он с одинаковым удовольствием ест листья любимого браунколя, грызет кору молодых деревьев, особенно акации, лиственницы и терновника. Если благодаря оттепели снег уменьшается или вовсе пропадает, то заяц снова возвращается на прежнее место, и озимые всякого рода опять составляют его исключительные пастбища. Пока озимые не начнут колоситься, он питается ими. Затем отправляется в яровые поля, обычно перед закатом солнца или после теплого дождя. Он перестает есть и эти злаки, когда они сильно вырастут, но остается жить в этих полях и посещает по вечерам недавно засеянные поля капусты, репы и др. Заяц, живущий в кустарниках, выходит на поля лишь вечером и возвращается в лес с наступлением дня или вскоре после восхода солнца. Но в течение лета он иногда меняет свое местопребывание, переходя в дневное время на поля, заросшие высокими хлебами, или, если идет дождь, на поля, лежащие под паром или перепаханые. Осенью, когда кусты обнажаются, он совсем уходит из леса, так как шум падения листьев для него невыносим и пугает его, зимой он уходит в самую чащу леса, но с наступлением оттепели снова возвращается в более редкий лес.

"Кроме времени спаривания, когда зайцы необыкновенно возбуждены, они весь день спят или дремлют в своих логовищах. Заяц никогда не идет прямо к старому логовищу или туда, где хочет устроить новое, а сначала пробежит на некоторое расстояние дальше того места, где собирается залечь, возвращается, снова делает несколько прыжков вперед, затем прыжок в сторону и повторяет это еще несколько раз, пока не бросится сильным прыжком в то место, где хочет остаться. Готовя логовище, он в открытом поле вырывает в земле ямку около 5-8 сантиметров глубины, несколько расширенную на заднем конце; она имеет такую длину и ширину, что если заяц вытянет передние лапы, положит на них голову с прижатыми ушами и подожмет под себя задние ноги, то верхняя часть спины едва заметна. В этом логовище он в теплое время года кое-как укрывается от бури и дождя. Зимой обычно углубляет логовище настолько, что заметна только его мордочка. Летом поворачивается мордой на север, зимой на юг, а в бурную погоду так, что сидит под ветром». С этим описанием не согласится, конечно, ни один наблюдатель. Напротив, заяц обычно меняет свое

положение, смотря по погоде и именно смотря по направлению ветра, а также сообразуется с видом местности: так, в неровных местностях, на склонах он непременно обращается головой книзу.

Незнакомых предметов он чрезвычайно боится и потому тщательно избегает пугал, которые выставляются на полях, чтобы отгонять его. Но случается и так, что старые опытные зайцы оказываются до того дерзкими, что их нельзя прогнать даже собаками. Заметив, что собаки заперты или привязаны, они приближаются к огородам с невероятным бесстыдством и пасутся, так сказать, на глазах у собак. Ленц не раз видел, как зайцы прокрадывались так близко под его окном и около привязанных собак, что пена из пасти взбешенных собак брызгала им на мех. Быстрота бега зайца зависит главным образом от его сложения, то есть задние ноги зайца длиннее передних. В этом заключается и причина того, что он может лучше бежать в гору, чем под гору, и что в следах его отпечатки задних ног всегда лежат спереди отпечатков передних. Если он спокоен, то движется короткими медленными прыжками, если ему надо подвигаться быстро, то очень большими. Убегая, имеет привычку на некотором расстоянии от логовища без всякой видимой причины садиться по-собачьи на задние лапы; если собака от него еще довольно далеко, то он не только поднимается на совершенно вытянутые задние ноги, но даже пробегает так несколько шагов, осматриваясь при этом во все стороны. Обыкновенно заяц издает звуки лишь в том случае, если видит себя в опасности, и крик этот похож на плач маленьких детей.

Из внешних чувств зайца, как можно судить по большим ушам, лучше всего развит слух, обоняние очень хорошо, но зрение довольно слабо*. Из душевных качеств лучше всего развиты чрезвычайная осторожность и внимательность. Самый тихий звук, который он услышит, шелест листьев от ветра, шорох листа достаточны для того, чтобы разбудить его, если он спит, и привлечь внимание. Прошмыгнувшая ящерица, кваканье лягушки могут спугнуть его с логовища, и, даже если он движется полным бегом, достаточно тихого свиста, чтобы остановить его.

* *Зрение у русака, как и у других зайцев, превосходное. Расположение глаз — навывкате, по бокам головы обеспечивает его необычайно широким полем зрения (почти 360 градусов), но зона объемного бинокулярного зрения очень мала. Уши достигают длины 13 см, они подвижны, могут поворачиваться на 190 градусов.*

Время спаривания начинается после суровых зим в начале марта, в мягкие зимы — в феврале и даже январе.

Достойные доверия охотники утверждают, что поединки между влюбленными зайцами, какими бы невинными они ни казались, не обходятся без увечий; охотники нередко встречали в своих округах ослепших зайцев, у которых в таких битвах были повреждены глаза. Иногда и зайчиха может так серьезно пострадать, что долго болеет или даже умирает**. Выцарапанная шерсть, лежащая на местах побоищ, служит охотнику знаком, что время спаривания у зайцев действительно наступило.

* * *В брачный период зайцы собираются группами до нескольких десятков особей. самцы жестоко дерутся, встав на дыбы и нанося противнику удары передними лапами, иногда кусаясь. Между самцом и самкой, не готовой к спариванию, тоже возникают стычки, в которых обычно побеждает более крупная самка.*

Беременность зайчихи продолжается около 30 дней. Обычно она рождает первый раз между серединой и концом марта, четвертый и последний раз в августе, первый помет состоит из одного или двух детенышей, второй из трех-четырех, третий из трех, а четвертый опять из одного или двух, в исключительных случаях рождается сразу по пять или более детенышей***.

* * * *На севере у русака бывает лишь 2 помета в году, на юге — до 4. Первый выводок в народе называют «настовиками», последний «листопадниками». Максимальное количество зайчат в одном выводке — 8.*

Роды происходят в очень простом углублении, в спокойном месте леса или поля: на куче навоза, в углублении старого бревна, засыпанном листьями, или же и без подстилки, в глубокой борозде и, наконец, на ровном месте, где попало. Детеныши рождаются с открытыми глазами и, во всяком случае, уже очень развитыми. По словам некоторых охотников, им приходится самим сушиться и чиститься тотчас же после рождения. Достоверно то, что мать остается при детенышах в течение первых 5-6 дней. Лишь время от времени она возвращается на то место, где произвела на свет детенышей, и дает им сосать. Но во всяком случае, она продолжает заботиться о них, так как без нее беспомощные зверьки должны были бы погибнуть жалким образом. При приближении врага она оставляет детенышей, хотя известны случаи, когда старые зайчихи защищали свое потомство от хищных птиц или воронов. Из первого помета большая часть детенышей погибает: переход из теплого тела матери на холодную землю слишком резок, маленькое создание коченеет и околеваает.

А если оно и сохранит свою слабую жизнь, то ему угрожают опасности всякого рода, даже от собственного отца*.

** Запаховые и потовые железы находятся у зайцев на подошвах. Поэтому прижавшийся к субстрату детеныш, имеющий криптическую окраску, не только незаметен, но и практически не пахнет. Зайчиха, стараясь не демаскировать месторасположение выводка своими «пахучими» следами, очень редко посещает зайчат. Молоко у зайчихи чрезвычайно жирное и питательное, одной-двух кормежек хватает зайчонку на сутки. Зайчихи кормят не только своих, но и «чужих» зайчат. Через две недели после рождения зайчата переходят на питание зеленым кормом.*

Семейство молодых зайцев неохотно оставляет ту местность, в которой родилось. Детеныши одного помета редко удаляются друг от друга, хотя каждый и выкапывает себе отдельное логовище. По вечерам они вместе выходят на пастбище, по утрам вместе возвращаются к логовищам: так идет их жизнь, которая с течением времени становится очень веселой и деятельной, до тех пор, пока они не станут полувзрослыми. Тогда они отделяются друг от друга. Зайчата вырастают за 15 месяцев, но уже в первый год жизни способны к размножению. Продолжительность жизни, которой заяц достигает у нас, может равняться 7-8 годам, но встречаются примеры, что зайцы, избегая всех преследований, еще более долгое время не умирают от старческой дряхлости**.

** * Самки становятся половозрелыми через полгода после рождения, самцы в 9-12 месяцев. Продолжительность жизни русака — до 5 лет.*

В первую четверть этого столетия на моей родине был известен охотникам один заяц-самец: мой отец знал его 8 лет. Хитрецу постоянно удавалось уходить от всех преследований, и лишь в очень суровую зиму был убит моим отцом из засады. При взвешивании оказалось, что он достиг 9 килограммов.

"Жизнь нашего грызуна, — говорит Адольф Мюллер, — есть почти непрерывная цепь бед, нужды и страданий, чтобы избежать их, у зайца, правда, существует бдительность и осторожность, но все-таки самым верным средством спасения остается заячий страх, над которым так смеются. Ведь целое войско наших туземных хищников из млекопитающих и птиц высылают за этим мирным и беззащитным существом шпионов, обманщиков, разбойников и убийц, чтобы превратить тихий рай его лугов и лесов в арену страха и смерти. Ведь собаки, от медленной, косолапой таксы, до длинноногой, тонкой, быстрой, как буря, борзой, затравливают насмерть его, быстреешего из бегунов. А когда оказываются недостаточными выносливость и быстрота собаки, когда чутье, лукавство и кровожадность хищников, дурная погода и естественные бедствия пощадят горемыку, тогда еще и человек со своей хитростью держит наготове различные средства для истребления бедняги. Как самый свирепый и коварный хищник, он осуждает рожденного для страдания еще и на повешение. Человек прокрадывается, как убийца, ночью и в тумане в лес, кладет на пути гнусные проволочные петли, в которые безобидное животное попадает головой и умирает жалкой смертью удавленника. Но это делает лишь жадный промышленник, а охотник — никогда!» О правильной и неправильной охоте за зайцами написаны книги, и потому входить в подробное рассмотрение различных способов охоты я не намерен. По моему мнению, наибольшее удовольствие доставляем охотнику отыскивание зайца по следам и подстерегание из засады. Травля борзыми, правда, очень возбуждает, но так запугивает зайцев, что они перестают водиться в известных участках. Охота загоном, как ни приятна она не в слишком населенных местах, обращается под конец там, где зайцев много, в настоящую бойню; между тем как выслеживание и подстерегание постоянно держат охотника в напряжении и наиболее достойны настоящего охотника.

Пойманные зайцы легко приручаются, привыкают без сопротивления ко всякой пище, какой кормят кроликов, но нежны и легко умирают. Если давать им лишь сено, хлеб и воду, но никогда не давать зелени, то они живут дольше.

О пользе и вреде зайца господствуют различные взгляды в зависимости от того, с какой точки зрения судят: сельскохозяйственной или охотничьей. Беспристрастный судья, безусловно, должен будет признать, что заяц — животное вредное: он потребляет по крайней мере вдвое больше того, сколько сам стоит на рынке. Во многих местностях Германии это мало ощутительно, потому что заяц обычно лакомится везде понемногу и таким образом распределяет свои опустошения на большое пространство, но оспаривать приносимый им вред тем не менее нельзя.

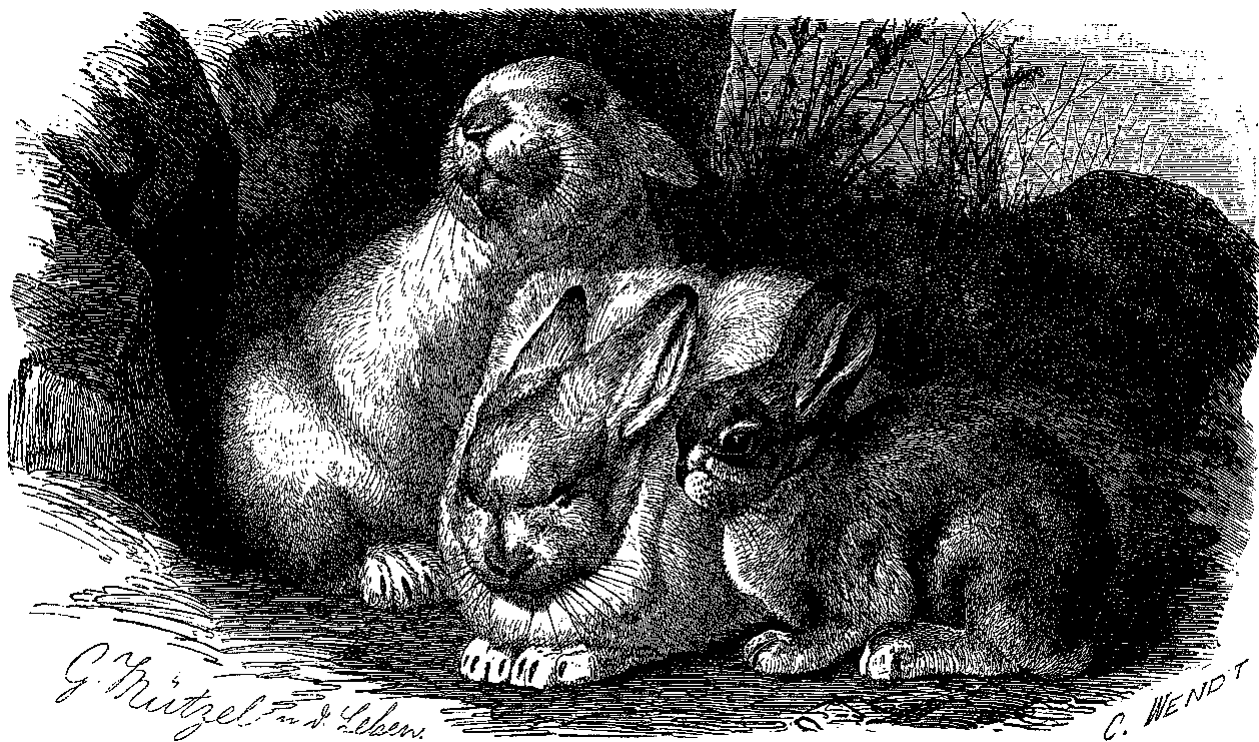
Если вред зайца и может считаться доказанным, то этим еще не сказано, что его следует истреблять. И без того достаточно заботятся об уменьшении числа зайцев. Те, кому они очевидно вредят и надоедают, могут, насколько заблагорассудится, уменьшить их число; тем же, кто выска-

зывается в пользу их безусловного истребления, можно возразить, что заслуживают внимания и удовольствие охоты, и вкусное мясо зайца.

Кроме справедливо ценимого мяса зайца, в дело идет и его шкура. Из лишенной волос и выдубленной шкуры делают обувь и род пергамента или употребляют ее на выделку клея, волосы идут на изготовление войлочных шляп. Ежегодно, по Ломеру, в торговлю поступает 3-4 миллиона шкур, ценой по 30-75 пфеннигов за штуку. Сибирские белые заячьи шкуры получили за последние десять лет выгодное применение: их окрашивают в черный и бурый цвет, обстригают и окрашивают под цвет меха рыси или шиншиллы и таким образом превращают в очень красивый, но непрочный мех. Этим шкур ежегодно поступает в торговлю 1-1,5 миллиона штук, ценой 0,5-2 марки за штуку. В старой медицине волосы, жир, кровь, мозг, кости, даже помет зайца играли важную роль, и еще в настоящее время суеверные люди употребляют шкуру и жир зайца против болезней. Долгое время заяц считался заколдованным существом. Еще в прошлом столетии верили, что заяц гермафродит, и были твердо убеждены, что он может произвольно изменять пол, а следовательно, является как самцом, так и самкой. Тропинки, которые он прогрызает в высоких хлебах, еще и в настоящее время носят название «ведьминых дорожек».

Заяц-беляк (*Lepus timidus*) определенно отличается по форме тела и характеру от русака. «Он, — говорит Чуди, — резвее, живее, смелее, голова его короче, круглее, выпуклее, нос короче, уши меньше, щеки шире, задние ноги длиннее, подошвы гуще усажены волосами, пальцы отделены друг от друга глубокими промежутками, могут широко расставляться и вооружены длинными, острыми, кривыми, слегка втяжными когтями. Глаза более темного бурого цвета, чем у русака. Обыкновенно беляк несколько меньше русака, однако встречаются самцы массой до 6 кг, в Бюндене был застрелен один, весивший даже 7,5 кг. Точное сравнение полувзрослого альпийского зайца с обыкновенным зайцем того же возраста показало, что первый отличался гораздо более хитрым и, умным выражением морды, в движениях он проявлял больше легкости и был менее глупо пуглив. Голень его была гораздо сильнее согнута, голова и нос короче, уши меньше, задние ноги длиннее, чем у русака; этот последний был пугливее своего альпийского родича*.

* По сравнению с русаком беляк более коротконог, имеет более короткие уши. Такая тенденция изменения пропорций вообще характерна для более северных и «лесных» животных по сравнению с их южными «степными» родственниками. Беляк бежит медленнее русака.

Заяц-беляк (*Lepus timidus*)

В декабре, когда Альпы лежат погребенные в снегу, этот заяц получает чисто-белоснежный цвет, только концы ушей остаются черными. Весеннее солнце, начиная с марта, вызывает замечательное изменение цвета. Сначала у него спина становится серой, и на боках серые волосы все в большем количестве примешиваются к белым. В апреле он принимает очень странный вид, делается пятнистым или крапчатым. Со дня на день темно-бурый цвет берет перевес, и это изменение заканчивается лишь в мае. В это время заяц чисто одноцветен, без крапин, как обыкновенный заяц,

шерсть его притом более жесткая, чем у альпийского зайца. Осенью он уже с первым снегом начинает приобретать отдельные белые волосы; но зима скорее наступает в Альпах, чем весна, и изменение цвета осенью идет быстрее и заканчивается в период от начала октября до середины ноября. Когда серны становятся черными, их сосед, заяц, становится белым. При этом мы замечаем следующие любопытные явления. Во-первых, изменение цвета не происходит постоянно в одно и то же время, а смотря по погоде, так что в случае более ранней зимы оно наступает раньше, то же самое и в случае более ранней весны; во-вторых, оно всегда происходит одновременно с изменением цвета горностая и горного тетерева, которые подлежат тем же законам. Далее, осеннее изменение цвета происходит благодаря линьке; но изменение цвета весной, по-видимому, происходит без замены старых волос новыми. Сначала более длинные волосы на голове, шее и спине, начиная от корня и до кончика, становятся черноватыми, а нижние волосы подшерстка — серыми. Однако еще не вполне известно, не происходит ли линька отчасти и весной. В летней одежде альпийский заяц отличается от русака тем, что становится более оливково-серого цвета с большей примесью черного, а брюхо и часть ушей у него остаются белыми; русак летом приобретает рыжевато-бурую окраску с меньшей примесью черного, чем у альпийского зайца, а нижняя сторона окрашивается желтым и белым**.

** У беляка летом более однотонная бурая окраска, целиком белый хвост без темного пятна сверху и темные глаза.*

Судя по наблюдениям за беляками, которых я держал, Чуди неверно описал ход изменения цвета. И заяц линяет лишь один раз и именно весной, а к осени получает зимнюю одежду путем простого выцветания летней**.

** * Беляк, а также американский заяц, или малый беляк (*L. americanus*), в отличие от других зайцев, линяют дважды в год, приобретая к зиме абсолютно белую окраску, а весной сменяя ее на бурую. Помимо маскировки белая шубка помогает поддерживать температуру тела в морозы, снижая интенсивность отдачи тепла во внешнюю среду. Сезонная линька продолжается 50-70 дней и обуславливается гормональными сдвигами, но гормональная перестройка запускается извне сокращением или удлинением светового дня. Иногда приобретение белого наряда происходит раньше выпадения снега, в такие годы численность беляка сильно сокращается из-за прессы хищников. Интересно, что происшедшая от беляка крупная тундровая форма вид или подвид, арктический заяц (*L. arcticus*), утратила весеннюю линьку и круглый год остается белой.*

"Мы думаем, что перемена цвета является следствием уже наступившей перемены погоды; животное часто страдает, если его зимний мех уже поредел, а снова наступает мороз и выпадает снег». Этому мнению Чуди противоречат другие наблюдения. Русский беляк одевается в зимнюю одежду часто еще до первого снега и в таком случае, употребляя выражение одного русского натуралиста, «сияет, как звезда, среди темно-зеленых кустов и буро-желтой травы». «Беляка, — рассказывает Чуди далее, — можно, наверное, встретить на высотах во всех альпийских кантонах и обычно в таком же количестве, как русака в нижнем поясе. Охотнее всего он держится между границей сосен и вечным снегом, приблизительно на одной высоте с альпийским тетеревом и сурком, между 1600 и 2600 метрами над уровнем моря, однако часто забегает и гораздо выше. Леман видел одного зайца на высоте 3600 м над уровнем моря. Глубокая зима заставляет его спуститься несколько ниже к альпийским лесам, где он может найти некоторую защиту и свободные от снега места для пастбища, однако заяц неохотно спускается ниже 1000 м и как можно скорее возвращается на свои любимые высоты».

Летом наш зверек живет приблизительно так: логовище его расположено между камнями, в пещерке или под стелящимися или карликовыми соснами. Здесь самец лежит, подняв голову и уши. Самка, напротив, обычно кладет голову на передние ноги и закладывает уши назад. Рано утром или еще ночью оба оставляют логовище и пасутся на солнечных местах, поросших травой, причем уши в движении, а нос нюхает, нет ли поблизости одного из их многочисленных врагов: лисицы или лесной куницы, которая, правда, редко забегает на эти высоты, ястреба, орла, сокола, ворона, может быть, и ласки, которая вполне может справиться с молодым зайцем. Любимая пища беляка состоит из клевера, ромашки, тысячелистника и фиалок, малорослой ивы и коры волчника. Между тем аконит и кусты герани, которые, по-видимому, и для него ядовиты, он не трогает даже в такие зимы, когда терпит большой недостаток в пище. Насытившись, заяц ложится, вытянувшись, в теплую траву или на освещенный солнцем камень, на котором его нелегко заметить, так как цвет его подходит к цвету почвы. Он лишь изредка пьет воду. Когда наступает вечер, снова пасется и прогуливается по скалам и пастбищам, причем часто высоко поднимается на задних ногах. Затем возвра-

щается обратно к своему логовищу. Ночью подвергается преследованиям со стороны лисиц, хорьков и куниц, но филин, который легко бы мог овладеть им, никогда не подымается на эти высоты. Зато заяц часто становится жертвой других больших альпийских хищных птиц*.

** На оба вида беляков охотится очень много хищников. Из хищных птиц это прежде всего беркут, ястреб-тетеревятник, филин, белая сова. Наиболее специализированным в охоте на зайцев четвероногим хищником оказывается не лисица, а рысь. Динамика численности канадской рыси тесно увязана с динамикой численности американского беляка. Вообще численность беляков подвержена регулярным циклическим колебаниям в 3-4 года.*

"Зимой ему часто приходится терпеть нужду. Если ранний снег захватит прежде, чем у зайца вырастет более густая зимняя шерсть, он часто по нескольку дней не выходит из-под своего камня или куста, голодает и зябнет. Точно так же остается лежать в поле, если повалит сильный снег. Он, подобно рябчикам и белым тетеревам, предоставляет снегу засыпать себя, часто сантиметров на шестьдесят, и выходит наружу лишь тогда, когда мороз сделает снег настолько твердым, что может выдержать его. До этого заяц разгребает под снегом чистое место и грызет листья и корни альпийских растений. Если зима окончательно наступила, то он отыскивает траву и кору в жидких альпийских лесах. Очень часто в это время года альпийские зайцы подходят к сараям с сеном. Если им удастся добраться с помощью прыжков до сена, то они поселяются там, часто целым обществом, съедают значительную часть сена и покрывают его своим пометом. Но обычно в это время сено свозят на санях в долину. Тогда зайцы усердно посещают санные дороги, подбирают упавшие травинки или ночью разыскивают места полуденных стоянок дровозов, чтобы подесть остатки лошадиного корма. Во время перевозки сена они охотно прячутся в пустых хижинах или сараях и бывают при этом очень осторожны, нередко по очереди наблюдают, нет ли опасности. Если приближаются люди, то убегают вместе, мало того, тот из них, который первый заметит опасность, вместо того, чтобы тотчас убежать, сначала обегает вокруг сарая, чтобы разбудить спящего товарища, после чего оба спасаются бегством. Как скоро ветер обнажит местами землю, заяц снова возвращается на высокие Альпы.

Столь же плодовитая, как и самка обыкновенного зайца, альпийская зайчиха каждый раз приносит по 2-5 детенышей величиной с мышь, уже на второй день они прыгают вслед за матерью и очень скоро начинают есть молодые травы. Первый помет приходится обычно на апрель или май, второй на июль или август, бывает ли третий помет рано весной или поздно осенью, об этом еще спорят, но охотники утверждают, что встречали с мая до октября каждый месяц детенышей величиной в четверть взрослого животного*. Беременность зайчихи продолжается 30 дней. Почти невозможно наблюдать семейную жизнь этих животных, так как чутье их очень остро, а детеныши умеют чрезвычайно хорошо прятаться во всех щелях и дырах между камнями.

** В тундровой зоне беляк приносит только один выводок, в тайге 2, в средней полосе — 3. Обычно рождается 2-5 детенышей, редко — до 7.*

Охота на них представляет известные трудности, но зато и вознаграждает охотника. След альпийского зайца представляет нечто своеобразное: он состоит из больших прыжков, причем передние ноги очень широко отставляются от задних. Строение ноги альпийского зайца превосходно приспособлено к жизни в снежном царстве. Подошва сама по себе шире, а лапы толще, чем у обыкновенного зайца.

На бегу он широко расставляет пальцы, которые служат ему при этом как бы лыжами, и потому не проваливается, на льду ему оказывают превосходную услугу выдвижные когти. Если за ним охотятся с собаками, то он при преследовании лишь изредка прячется в узкие норы сурков, но никогда в норы лисиц.

Замечательно, что альпийского зайца легче приручить, чем обыкновенного, он ведет себя спокойнее и доверчивее, но редко долго выдерживает неволю. Зимой он белеет и в неволе. Шкура его ценится невысоко, мясо очень вкусно.

Дикий европейский кролик (*Oryctolagus cuniculus*) отличается от настоящих зайцев гораздо меньшей величиной, более тонким сложением и более короткими головой, ушами и задними ногами*. Длина тела животного равняется 40 см, из которых 7 см приходятся на хвост, масса старого самца 2-3 кг. Уши короче головы, и, если их пригнуть вниз, они не достают до конца морды. Хвост одноцветный, сверху черный, снизу белый, остальное тело одето серым мехом, который сверху имеет желто-бурый оттенок, спереди мех рыже-желтый, на боках и бедрах светло-ржавый, а на нижней стороне, на брюхе, горле и внутренней стороне ног переходит в белый. Передняя часть шеи ржаво-желто-серая, верхняя часть, как и затылок, одноцветная ржаво-рыжая. Отклонения в цвете, по видимому, встречаются, но реже, чем у русака.

Дикий европейский кролик (*Oryctolagus cuniculus*)

* Дикий европейский кролик, дословно норный заяц-собачка. Специализация кроликов — способность к рытью с сохранением относительно быстрого бега. В отличие от зайцев селится колониями.

Почти все естествоиспытатели признают, что первоначальным отечеством кролика была южная Европа и что во все страны к северу от Альп он был завезен. Плиний упоминает о нем под названием *Cuniculus*, Аристотель называет его *Dasypusce*. Все старые писатели называют Испанию его отечеством. Страбон указывает, что он попал в Италию с Балеарских островов, Плиний уверяет, что кролик иногда размножается в Испании в бесчисленном множестве, а на Балеарских островах причиняет голод, уничтожая все посева. Жители этих островов испросили у императора Августа солдат на помощь против этих животных, и ловцы кроликов были там весьма уважаемыми людьми. Подобные явления видим мы в новейшее время в Австралии и Новой Зеландии.

В настоящее время дикий кролик распространен по всей средней и южной Европе и в некоторых местах крайне обычен. В странах, окружающих Средиземное море, он все еще многочисленнее, чем где-либо, хотя там не дают ему пощады и преследуют во всякое время года. В Англии его развели в различных областях для охоты и сначала очень высоко ценили, еще в 1309 году дикий кролик стоил столько же, сколько поросенок. В северных странах он не встречается: тщетно пытались развести его в России и Швеции**.

** Родиной дикого кролика являются Пиренейский полуостров и Северная Африка. Начиная с античных времен его акклиматизировали по всей Европе, вплоть до Швеции, Молдовы, Украины. Помимо Австралии и Новой Зеландии кролик был завезен в США. Южную Америку, некоторые районы Африки, на многие океанические острова. Ограничивающим фактором расселения кролика в новых районах является климат слишком суровая и снежная зима либо повышенная влажность и жара летом.

Кролик требует холмистых и песчаных местностей с лощинами, трещинами скал и низким кустарником, особенно любит он молодые сухие заросли соснового леса, короче — места, где ему удобно прятаться. Здесь он устраивает на удобных, чаще всего на солнечных местах довольно простые норы, охотно живет обществами, часто целыми поселениями. Каждая нора состоит из камеры, лежащей довольно глубоко, и угловатых ходов с несколькими выходами и каждаыи. Входы бы вают довольно сильно расширены, но сама галерея так узка, что ее жилец может лишь проползать в ней. Каждая пара имеет свое отдельное жилище и не терпит в нем никакого другого животного, но часто ходы, принадлежащие различным жилищам, пересекаются между собой. Кролик прячется почти весь день в своей норе. С наступлением вечера отправляется за пищей, но с большой осторожностью, покидает нору только после продолжительного рассматривания, нет ли где опасности. Заметив врага, он предупреждает своих товарищей сильным топотом задних ног, и все спешат как можно быстрее обратно в норы.

Движения кролика существенно отличаются от движений зайца. В первое мгновение он превосходит его в быстроте и ловкости*.

** Кролик бежит сравнительно медленно 20-25 км/ч. Он уступает зайцам и в остроте зрения и слуха.*

Он мастерски умеет делать петли, и для охоты за ним нужны превосходно дрессированная гончая и хороший стрелок. Кролик несравненно хитрее зайца, к нему крайне редко удается подкрасться в то время, когда он пасется, а в случае опасности почти всегда сумеет найти, куда спрятаться. Если бы он убежал по прямой линии, то уже и в этом случае собака среднего качества поймала бы его нескоро, а он прячется в кустарниках, в щелях скал и норах и уходит от преследований врагов. Зрение, слух и чутье у него так же остры, а может быть, и острее, чем у зайцев. Его нрав имеет некоторые привлекательные черты. Он общителен и дружелюбен, матери с горячей любовью ухаживают за детенышами, которые выказывают большое послушание родителям. В феврале и марте у кроликов наступает время течки. Пары живут согласно, по крайней мере гораздо согласнее, чем у зайцев, однако нельзя утверждать, что кролик живет в единобрачии. В теплых странах детеныши уже на пятом месяце способны размножаться, в холодных на восьмом, однако лишь на двенадцатом месяце достигают полного роста. Пеннант вычислил возможное потомство одной пары кроликов. Если принять, что каждая самка рождает в год семь раз и каждый раз по 8 детенышей, то потомство за 4 года может достигнуть громадной цифры 1 274 840 штук**. Не раз утверждали, что кролики кроме зайцев спариваются и с другими грызунами и рожают детенышей, способных размножаться: однако все относящиеся сюда данные остаются неподтвержденными.

*** Беременность у кроликов длится 28-33 дня. В отличие от зайчат крольчата рождаются слепыми, голыми и беспомощными, что, несомненно, связано с тем, что выводок находится в относительной безопасности в норе. В год бывает от 3 до 5 пометов с марта по октябрь, насчитывающих от 4 до 9 детенышей каждый (в среднем по 6). Однако исследования показали, что самка в год приносит не более 10—11 детенышей (правда, в Австралии, где кролики размножаются круглый год, а число пометов достигает 9, до 40 детенышей). Смертность молодняка в первые недели может достигать 40% и более. Кролики половозрелы с полугодовалого возраста.*

Питается кролик совершенно тем же, чем заяц. Но он причиняет гораздо более заметный вред не только потому, что живет в ограниченном пространстве, но и потому, что очень любит кору деревьев и часто уничтожает целые насаждения молодых посадок. Трудно представить себе, какие опустошения может причинить поселение кроликов при такой громадной плодовитости, если не помешать их размножению. «Присутствие этого крайне вредного грызуна, — говорят братья Мюллер, — существенно сказывается в двух отношениях: во-первых, он держится в очень ограниченном районе, во-вторых, роаясь под землей, губит большие площади. Еще более существенны опустошения, которые он производит в лесу; каждый внимательный лесничий может привести примеры этого, Любая молодая растительность от простой бузины до благороднейших видов становится жертвой его вечно работающих резцов. Что делает белка на дереве, то совершает кролик на земле, которую он подкапывает во всех направлениях, причиняя уже одним этим вред лесным зарослям, особенно хвойному лесу на очень рыхлой почве». К тому же кролики благодаря своему беспокойному характеру прогоняют другую дичь: где они сильно размножились, редко можно найти зайцев.

Там, где кролики чувствуют себя в безопасности, они становятся невероятно смелы.

В венском Пратере они прежде жили тысячами, безбоязненно бегали днем и не обращали внимания на крики или на бросаемые в них камни. Их нигде не охраняют, а убивают, где только можно, даже в то время, когда щадят всех остальных животных. Тем не менее без помощи хищных

животных кроликов нельзя истребить. Лишь в том случае, если в данной местности сильно размножатся хорьки, горностаи и каменные куницы или если там есть филины и другие совы, то замечаешь, что они уменьшаются в числе. Различные виды куниц преследуют кроликов в их логовищах, и в этом случае они почти всегда погибают, а филины схватывают их ночью на пастбище.

В местностях, очень благоприятных для размножения, кролики могут стать истинным бичом страны и приносить чрезвычайный вред земледелию. В Новой Зеландии, как и в Австралии*, где они размножились в громадной степени и объедают догола пастбища, с ними до сих пор борются столь же ревностно, как и безуспешно.

* В Австралии до сих пор существуют многокилометровые изгороди, которыми пытались отгородить некоторые территории от нашествия кроликов. Заражение кроликов возбудителями заболеваний, например вирусом миксоматоза, на первых порах дало хорошие плоды, но затем у зверьков выработался иммунитет. Проблема регуляции численности кроликов в Австралии актуальна и сегодня.

Во что оценивают приносимый ими вред, видно из того, что правительство Валлиса в прошлое десятилетие употребило около 15 миллионов марок на борьбу с этим злом и в заключение гарантировало вознаграждение в 500 000 марок тому, кто изобретет действенное средство против этого бича страны, то есть для уничтожения кроликов. Яды, петли, хорьки, проволочные изгороди оказались недостаточными для того, чтобы остановить превосходящее всякую меру истребление корма этими грызунами. Предпринятый во Франции и, как говорят, увенчавшийся успехом опыт Пастера быстро и окончательно истребляет кроликов, заражая их куриной холерой (посыпая корм бактериями, вызывающими эту болезнь), по новейшим известиям, удачно применяется в Австралии. Мясо кролика белое и вкусное, шкура употребляется в дело, подобно шкуре зайца.

Наш домашний кролик, который в настоящее время бывает различного цвета, без сомнения, происходит от дикого, которого можно за короткое время приручить, домашний же за несколько месяцев совершенно дичает и производит потомство, возвращающееся к цвету ДИКОГО**.

* * Выведено множество пород домашних кроликов, отличающихся размерами, пропорциями, окраской, длиной и фактурой шерсти. Кроликов разводят для получения диетического мяса, шкурок, нежного пуха, а также как лабораторных и декоративных животных.

Семейство пищуховые

(Ochotonidae)***

* * * В семействе единственный род *Ochotona* с 20—25 видами, распространенными во внутритропических, преимущественно горных и степных частях Азии и Северной Америки. В России обитают 5 видов. Обычно пищухи живут колониями, редко — поодиночке.

Водящиеся в Азии пищухи отличаются от зайцев гораздо более короткими ушами, едва удлиненными задними ногами, невидимым снаружи зачатком хвоста и зубной системой, заключающей в себе лишь по 5 (вместе 6) коренных зубов в каждом ряду. Верхние резцы очень широки и имеют глубокий желобок, благодаря чему они оканчиваются двумя верхушками, нижние малы и довольно сильно согнуты.

Алтайская пищуха, или сеноставка (*Ochotona alpina*), один из более известных видов, напоминает морскую свинку, однако голова длиннее и уже, а нос не так туп, как у нее. Телосложение плотное, хвост снаружи не виден и обозначается лишь маленьким жировым бугорком, ухо средней величины, яйцевидно округленное, снаружи совершенно голое. Жесткий, густой и короткий мех на верхней стороне туловища рыжевато-желтый с черными крапинками; бока и передняя часть шеи одноцветные, ржаво-рыжие; нижняя сторона туловища и ноги светлого и буровато-желтого цвета; горло сероватое; наружная сторона ушей черноватая, внутренняя — желтоватая. Отдельные экземпляры могут быть совершенно одноцветными и чисто-черного цвета. Взрослые пищухи достигают приблизительно 25 см длины*.

* Алтайская пищуха наиболее крупный представитель рода, отличается очень изменчивой окраской.

Паллас сообщил первые данные о жизни сеноставок, Радде обнаружил дальнейшие наблюдения, а Пржевальский существенно дополнил в новейшее время описания обоих. Сеноставки водятся по всей длинной цепи гор, окаймляющей с севера среднеазиатские плоские возвышенности, на высоте от 1000 до 4000 метров над уровнем моря, однако встречаются и на Камчатке. Они предпочитают, по мнению Радде, лесистые местности и избегают голых степей на возвышенностях**.

* * Во времена Брема к этому виду относили и более мелкую северную пищуху (*O. hyperborea*), широко распространенную в горах Северной Азии от Урала до Чукотки, Камчатки и Сахалина. Местами она встречается и в таежном низкогорье.

Маленькие, выкопанные ими норы и естественные трещины скал служат жилищами пищухам. Жилища их составляют поселения из различного, но обычно значительного числа отдельных нор, так что там, где найдешь одну из них, можно заметить их десять, сто и даже тысячи. В ясную погоду они прячутся до заката солнца, в пасмурную и днем очень деятельны. Когда наступает сильная зимняя стужа, сеноставки хотя и не впадают в спячку, однако не покидают своих подземных жилищ, а когда холод уменьшается, они показываются, садятся перед входом, чтобы греться на солнце, и торопливо бегают, громко свистя, от одной норы к другой. Из страха перед врагами часто высовываются из норы лишь наполовину, затем поднимают голову, чтобы убедиться, что они в безопасности. Характер их представляет соединение любопытства и боязливости. Пищухи так долго рассматривают приближающегося человека или собаку, что те могут подойти к ним на десять шагов, прежде чем они исчезнут в своих норах, теперь, правда, с быстротой молнии. Однако любопытство скоро преодолевает страх: через несколько минут у входа в подземное жилище снова показывается головка, зверек боязливо осматривается во все стороны и тотчас же снова появляется на прежнем месте, если предмет, внушавший страх, удался. Радде называет пищух деятельными, миролюбивыми и очень прилежными грызунами, которые собирают большие запасы сена, правильно складывают его в кучи и иногда прикрывают широколиственными растениями, чтобы защитить от дождя.

Сеноставка начинает уже с середины июня собирать запасы на зиму и к концу месяца занята этим делом самым ревностным образом. В выборе трав она оказывается не особенно разборчивой: там, где ей не мешают, охотно ест самые сочные травы, но там, где шаловливые мальчики уничтожают ее запасы или их поедает пасущийся скот, довольствуется сухими травами и другими растениями, которых прочие животные вообще избегают. Сложенные ею кучи сена достигают 12-18 сантиметров в высоту и 15-30 сантиметров в диаметре*.

* Алтайская пищуха обычно не делает «стожков», а прячет охапки сухой травы в щелях камней или под навесами скал.

Если скалы имеют расщелины, то они служат пищухе амбарами. К жилищу ведут узкие тропинки, протоптанные пищухами, по обе стороны которых они объедают короткую траву. Если прилежным собирателям помешают в их работе, то они скоро снова принимаются за нее, иногда даже в сентябре таскают и собирают уже пожелтевшие степные растения. Когда наступает зима, пищухи проводят под снегом ходы от своих нор к санным стогам; эти ходы различным образом изогнуты, и каждый ход снабжен отверстием, открывающимся на воздух.

Алтайская пищуха, или сеноставка (*Ochotona alpina*)

Все пищухи пьют мало. Летом они имеют, правда, в своем распоряжении дождевую воду, а зимой снег, но в течение весны и осени, когда на монгольском плоскогорье часто целые месяцы не бывает никаких осадков и сухость воздуха достигает крайних пределов, они не имеют даже ночной росы, чтобы освежиться, и тем не менее, по-видимому, не ощущают ни в чем недостатка. Голос сеноставки, который можно слышать даже в полночь, похож на крик нашего пестрого дятла и быстро повторяется, но редко более трех раз. Оготона** свистит по-мышьиному, но громче и чище и так часто повторяет свой крик, что он звучит как пронзительная, шипящая трель.

* * *Брем применил устаревшее название пищух, произведенное от латинского Ochotona.*

К сожалению, эти зверьки имеют много врагов. Их, правда, не преследуют охотники, но зато на них постоянно нападают манул, волк, корсак, различные орлы и соколы, а зимой они привлекают снежную сову, своего самого опасного врага*.

* *В охоте на пищух специализируются многие пернатые и четвероногие хищники. В норах и пустотах между камнями их настигают узкотелые хищники из семейства куньих. Вне норы основную угрозу представляют курганники, степные орлы и орлы могильники, соколы ба-лобаны.*

"Ловкость, — говорит Пржевальский, — которую пернатые хищники проявляют при охоте за пищухами, удивительна. Я часто видел, как сарычи с такой быстротой бросались вниз на оготонов, что те не успевали спрятаться в нору.

Раз один орел у нас на глазах бросился с высоты по крайней мере 60 метров на пищуху, сидевшую перед своей норой, и унес ее». Сарычи до такой степени исключительно питаются оготонами, что даже селятся на зиму в Гоби лишь ради пищух. Но и человек вредит безобидному грызуну, похищая с трудом собранные запасы. В очень снежные зимы монголы выгоняют овец в такие местности, где живет много оготонов, или кормят своих лошадей сеном, которое оготоны сложили в кучи.

Общий взгляд на жизнь птиц

"Птицу узнают по перьям», — говорят немцы, и этим очень верно отличают птиц от всех других позвоночных. Прочими главными признаками этого животного царства можно считать следующие: челюсти их покрыты роговым клювом; передние конечности превращены в крылья, следовательно, ног только одна пара; все кости плюсны срослись в одну длинную кость; череп соединяется с позвоночным столбом одним только мышцелком; нижняя челюсть прикрепляется к черепу посредством особой подвижной квадратной кости. Сердце состоит из двух предсердий и двух желудочков, легкие соединяются со многими воздушными мешками, расположенными в различных частях тела, и с воздушными полостями, находящимися внутри костей; грудобрюшная перегородка неполная, и таз почти всегда незамкнутый.

Как ни своеобразно строение птиц, но скелет их показывает большое сходство со скелетом пресмыкающихся, почему сии последние и считаются прародителями оперенных позвоночных. Возможность летать составляет самую характерную способность птиц, и от этого зависят резко выраженные особенности внешнего вида и внутреннего строения этих животных; можно с уверенностью сказать, что большинство признаков, отличающих птиц от млекопитающих и пресмыкающихся, зависит от приспособления их к летанию.

Органы внешних чувств у птиц довольно хорошо развиты; некоторые из них устроены просто, но никогда не замечается почти полного отсутствия какого-либо внешнего чувства. Лучше всего развиты глаза, что заметно как по их величине, так и по внутреннему строению. Внешний вид и величина глаз довольно разнообразны: у дальнорукких ночных птиц они особенно велики, а у прочих гораздо меньше. Наружного уха нет: довольно большие ушные отверстия лежат по сторонам задней части головы и окружены у большинства птиц лучеобразно расположенными перышками, которые, впрочем, не задерживают звуковых волн. У сов наружное ухо обозначается подвижной складкой кожи, которая может закрывать и открывать ушное отверстие. Барабанная перепонка находится недалеко от наружного отверстия уха; слуховой проход короткий и покрыт тонкой кожей, а среднее ухо довольно велико.

Органы обоняния значительно меньше развиты, чем у млекопитающих: носа и больших носовых полостей нет; ноздри расположены на верхней челюсти обыкновенно недалеко от основания клюва и имеют вид круглых отверстий или продолговатых щелей, снабженных иногда роговыми трубочками; отверстия их покрыты гладкой кожей или окружены щетинообразными перышками. Обонянии птиц существуют самые разнообразные мнения, большей частью выдуманные охотниками

и другими неточными наблюдателями. Охотники верят до сих пор, что ворон издали по запаху узнает, заряжено ружье или нет, и даже натуралисты полагают, что грифы чуют падаль за несколько километров. О том, что рассказ о вороне не верен, не стоит и толковать, а об обонянии грифов я могу судить на основании своих опытов, и потому смело утверждаю, что и второе суждение неверно. До известной степени обоняние развито у всех птиц; это доказывают наблюдения, но птицы не могут издали слышать запах, как это замечается у многих млекопитающих.

Осязание у птиц, несомненно, слабее, чем у млекопитающих. Только у некоторых устройство языка позволяет заключать о развитии этого чувства. У большинства птиц язык небольшой, короткий или очень тонкий и нередко покрыт роговидной кожей; у меньшинства язык довольно длинный и мясистый. Он служит в основном для схватывания пищи и для ощупывания предметов. Чувство осязания по отношению к температуре — теплу или холоду, по-видимому, хорошо развито, так как наружная кожа очень богата нервами.

Органы кровообращения и дыхания имеют совершенное устройство. Сердце птицы очень похоже на сердце млекопитающих, разделено полной перегородкою на две половины и имеет два предсердия и два желудочка, но мускулы, образующие его, еще сильнее.

Ни у каких животных нет такого усиленного обмена веществ, как у птиц: более теплая кровь и учащенное дыхание повышает их жизнедеятельность. В связи с этим свойством находится необыкновенная подвижность птиц. Усиленный обмен веществ требует усиленного снабжения организма не только кислородом, но и питанием. Можно предположить, что птица относительно массы своего тела съедает больше, чем всякое другое животное. Многие из них едят все время, пока не спят. Насекомоядные ежедневно съедают количество пищи, превышающее в два или три раза вес их тела. Птицы, которые питаются мясом позвоночных, требуют меньше пищи — около шестой части веса тела; почти столько же необходимо и растительоядным; однако и тех, и других следует причислить к сильным едокам. Под кожей птиц и около внутренних органов при усиленном питании образуется много жира, но достаточно несколько голодных дней, чтобы его уничтожить. Однако птицы переносят голод дольше, чем большинство млекопитающих.

Органы пищеварения птиц отличаются от подобных органов млекопитающих уже тем, что у птиц нет зубов, и потому они глотают пищу целиком. Слюнные железы существуют, но во рту пища не смачивается слюной, так как она не жуется. У многих птиц пища сначала попадает в расширение пищевода, называемое зобом, где она сохраняется и отчасти размягчается; у других она прямо попадает в первый желудок, который следует рассматривать как расширение нижней части пищевода.

Кожа птиц в общих чертах имеет такое же устройство, как и у млекопитающих; она так же состоит из трех слоев: наружной кожицы, слизистого слоя и нижней, или настоящей, кожи. Первая почти везде тонка и покрыта складками, только на плюсне и пальцах она делается толстой, роговой и часто даже чешуйчатой, а на клюве превращается в толстый роговой слой.

Перья представляют собой роговые накожные образования, точно так, как волосы, иглы и чешуи у млекопитающих; но внешний вид и строение перьев бывает в высшей степени разнообразно у различных видов и изменяется даже на разных частях тела у одной и той же птицы. У пера выделяют ствол, состоящий внизу из цилиндра, так называемого очина, и четырехгранный, наполненный губчатой массой стержень. К стержню прикреплено опахало из тонких роговых пластинок, называемых бородками; бородки сидят по обе стороны стержня и направлены вкось, снизу вверх. На краях бородок находятся мелкие крючочки, которые скрепляют бородки между собой.

Перья разделяются на настоящие перья и пух. Между настоящими перьями различают маховые, рулевые и кроющие, а маховые перья разделяются на большие, малые и прибавочные. К костям пясти прикрепляется около десяти маховых перьев первого порядка, между тем как число маховых перьев второго и третьего порядка бывает довольно разнообразно. Хвост состоит обыкновенно из двенадцати рулевых перьев, редко их бывает меньше, а часто — больше. Кроющие перья покрывают туловище птиц и основание маховых и рулевых перьев. Оперение распределено по телу рядами, ширина и расположение которых особое у разных видов. Те птицы, у которых кроющие перья распределены одинаково густо на всем теле, к полету неспособны.

Пуховые перья имеют мало развитой стержень, длинные бородки опахала у них мягче и пушистее, чем у других перьев, крючочки также мягкие, бородки между собою не соединяются, что и придает всему перу совершенно другой вид.

Перья, окрашенные в различный цвет, почти всегда имеют и различное строение. Довольно часто в оперении птиц встречается отсутствие красящего вещества, а насыщенный цвет встречается реже. Альбиносы замечены у самых разных видов.

Действительно, никто не может летать так, как птицы! Движение это облегчается тем, что крылья их состоят из перьев, которые отчасти покрывают друг друга, как черепица на крыше, а, кроме того, образуют снизу вогнутую поверхность. Когда крылья приподнимаются, то между перьями образуются щели, через которые проходит воздух; при опускании крыльев, напротив, опахала плотно прижимаются друг к другу и образуют поверхность, которая представляет воздуху значительное сопротивление. Таким образом, при каждом ударе крыльев птица приподнимается на воздух, а так как движение крыльев происходит не только сверху вниз, но и спереди назад, то она вместе с тем и подвигается вперед. Хвост служит рулем; при полете вверх он несколько приподнимается, при спускании отгибается вниз, а при поворотах поворачивается в сторону. Из-за выпуклости крыльев птица лучше летит против ветра, так как он, дуя под крылья, приподнимает птицу и таким образом облегчает ей полет: попутный же ветер раздвигает маховые перья и давит на них сверху, что, конечно, затрудняет движение.

Относительная быстрота и другие свойства полета находятся в тесной связи с внешним видом крыльев, а также и со строением перьев. Длинные, узкие, на конце острые крылья, состоящие из твердых перьев, и короткое оперение туловища способствуют быстрому полету; напротив, с короткими, широкими, тупыми крыльями и мягким оперением птица летает плохо. Относительно длинный и широкий хвост облегчает крутые повороты, а большие широкие крылья дают возможность птице парить в воздухе.

По продолжительности полета птицы не уступают никаким другим животным. Они совершают невероятные подвиги, пролетая за несколько дней две-три тысячи километров, а за несколько часов — широкое море. Птицы могут парить в воздухе много часов, а перелетные путешествуют без отдыха в течение целого дня, и только очень неблагоприятные обстоятельства могут обессилить этих обитателей воздуха. Удивительно, что птица летает одинаково легко в различных высотах, между тем как низкая плотность воздуха в верхних слоях атмосферы требует большего напряжения сил, чем в нижних слоях. Когда А. Гумбольдт находился близ вершины Чимборассо, то он неизмеримо высоко над собой увидел парящего кондора, который казался лишь малозаметной точкой; птица, по-видимому, летала там точно так же легко, как и внизу.

Те птицы, которые особенно хорошо летают, обыкновенно не могут ходить или ходят очень плохо; однако между ними есть и такие, которые бегают с достаточной быстротой. Способ хождения у птиц самый разнообразный: некоторые бегают скорым шагом, другие мчатся рысью, третьи несутся точно в карьер, иные могут только прыгать, другие ходят тихо, большими или маленькими шагами, наконец, есть и такие, которые неуклюже переваливаются с ноги на ногу или скользят на своих широких лапах.

Немало птиц, которые почти все время плавают по поверхности воды, ищут в ней пищу, а также могут и нырять в глубину. У таких птиц кроющие перья, особенно на нижней части тела, теснее прилегают друг к другу и, благодаря жировой смазке, прекрасно приспособлены к тому, чтобы задерживать воду и не давать ей смачивать кожу. Птица, плавающая на поверхности воды, без всяких усилий удерживается в этом положении, и движения ее ног служат только для того, чтобы двигаться вперед. В большинстве случаев для плаванья употребляются одни только ноги, которые заносятся вперед в сложенном состоянии, затем расправляются и с полной силой отодвигаются назад, давая этим телу толчок вперед; при тихом плаваньи птицы двигают ногами по очереди, а при быстром — отталкиваются обеими ногами одновременно. При поворотах вытягивают назад одну лапу, а другой усиленно гребут. Некоторые птицы ныряют с поверхности воды и плавают под водой скорее, чем на ее поверхности; другие ныряют только в том случае, если падают в воду с высоты. Многие птицы, которых не причисляют к плавающим, могут не только плавать и нырять, но даже бегать по дну не очень глубоких водоемов.

Птицы способны еще к одному роду движения, лазанию, и делают это в высшей степени искусно. При этом они пользуются ногами, иногда помогают себе клювом и хвостом, а в исключительных случаях даже крыльями. Почти все лазающие птицы передвигаются только снизу вверх и по верхним сторонам ветвей; но некоторые могут бегать по отвесным стволам головою вниз.

Птицы отличаются громким, чистым и почти всегда приятным голосом. Голосом они привлекают или зовут других птиц, выражают радость и любовь, вызывают противников на бой, призывают на помощь, предостерегают от врагов, предупреждают об опасности и вообще обмениваются всевозможными впечатлениями. При этом следует заметить, что птицы не только понимают голос представителей своего вида, но и умеют заставить других птиц понять себя. Мелкие береговые птички слушают предостережения крупных болотных птиц; вороны предупреждают об опасности скворцов и других опустошителей полей. Случается, что от голоса испуганного дрозда всполошат-

ся все обитатели леса. Особенно пугливые птицы делаются сторожами всего общества. Во время ухаживания оба пола выражают свои чувства в высшей степени разнообразно и мило. Одни птицы перекликаются, другие поют, не заботясь о том, слышит их кто-нибудь или нет. А птица-мать умеет очень нежно разговаривать со своими детенышами.

Каждый вид издает свойственные ему тоны и имеет особый тембр голоса. Но любая птица данного вида по-своему соединяет тоны в отдельные строфы, которые отличаются большим или меньшим богатством нот, силой и способом перехода одного тона в другой. Пение одних птиц ограничивается только несколькими нотами, другие владеют более чем одной октавой. Когда каждая строфа резко обозначается и ясно отделяется от других, то такие строфы называют щелканьем; когда отдельные звуки, хотя и быстро следуют один за другим, но не образуют ясных строф, то это называют собственно пением. Соловей и зяблик щелкают, а жаворонок и щегленок поют. Певчая птица умеет разнообразить свою песню, и потому-то она и действует на нас так сильно. Местность также влияет на пение: в горах некоторые виды поют иначе, чем на равнине, хотя подобное различие заметно только знатокам. Хороший певец может в известной мере научить старательных учеников, а худой певец скорее испортит пение других птиц. Молодые птички перенимают все подробности пения у более опытных певцов, но, к сожалению, как и дети, скорее склонны воспринимать недостатки, чем хорошие качества. Некоторые виды не довольствуются своей собственной песней, а примешивают к ней отдельные тоны или строфы других птиц, а иногда посторонние звуки или голоса. Этим птиц мы называем пересмешниками, но совершенно неправильно, так как они подражают вовсе не для того, чтобы смеяться над другими птицами.

Относительно понятливости и душевных способностей птиц я могу повторить почти все то, что мною сказано по этому поводу о млекопитающих; нет ни одной душевной способности и ни одной черты характера, замечаемых у млекопитающих, которых нельзя было бы найти и у птиц. Всякий сколько-нибудь внимательный наблюдатель не раз убедился в том, что даже самые маленькие и безобидные птички приходят иногда в ярость и нападают на других таких же маленьких птичек, выказывая при этом страшную жестокость. Очень долго предполагали, что умственные способности птиц развиты плохо, и все их действия объясняли так называемым инстинктом; многие и теперь придерживаются этого мнения. Но для меня очевидно, что эти лица сами никогда не наблюдали птиц и не желают вникнуть в наблюдения других.

Ни одно существо, — говорил я в другом сочинении, — не живет такой полной жизнью, как птица; никакое другое существо не умеет так хорошо, как она, воспользоваться ею. Самый длинный день ей кажется недостаточно продолжительным, короткая ночь для нее все-таки длинна: усиленная жизнедеятельность не позволяет провести во сне половину времени своего существования. Почти все дарованное ей время она проводит бодро и весело в деятельности.

Все птицы очень рано просыпаются от короткого ночного сна. Большинство из них уже бодрствуют, когда утренняя заря только начинает золотить небосклон. В полярных странах во время продолжительных летних дней они почти не делают никакого различия между днем и ночью. Если рано утром отправиться в лес, то голоса птиц раздаются при первом появлении зари, а поздно вечером их слышно даже после заката солнца. Для сна птицам, по-видимому, достаточно очень короткого времени ночью и нескольких минут днем.

Птицы, которым Бог даровал звонкий голос, приветствуют начинающийся день своим пением. Только после утренней песенки они начинают искать пищу. Почти все пернатые утоляют самый сильный голод два раза в день, утром и вечером. Исключение из этого правила мы замечаем лишь у тех птиц, добыча которых зависит от счастливого случая. Хищные едят обыкновенно один раз в день, а те из них, которые питаются не живой добычей, а падалью, часто проводят несколько дней без еды. Некоторые птицы, например сорокопуть, дятлы и поползни собирают запасы, которые хранят в известных местах и даже запасают на зиму.

После еды птицы чаще всего пьют, а затем купаются, причем иногда вода заменяется песком, пылью или снегом; посвящают много времени на приведение в порядок своего оперения. После этой возни некоторое время отдыхают и переваривают пищу, а затем снова отправляются за добычей. Если охота была счастливая, то вечером еще успевают провести некоторое время в приятном обществе себе подобных на условленных местах; певчие птицы с особенным увлечением поют по вечерам. Самцы усаживаются невдалеке от гнезд, где сидят подруги на яйцах. Самки возвращаются к своим детенышам, если они настолько малы, что не могли ее сопровождать. Птицы не сразу устраиваются на ветках для сна, а перед этим долго щебечут, шумят и прыгают, как бы совещаясь между собой, пока, наконец, усталость не пересилит их любовь к деятельности. Погода имеет большое влияние на образ жизни птиц, а дождь и ветер часто меняют распорядок их дневных занятий.

Весной, при оживлении всей природы, и птицы начинают жить новой жизнью. Многие птички, соединившиеся в парочку, остаются верными друг другу и живут вместе, очень редко, только в виде исключения одна из них изменяет супружеской верности. Однако в этом отношении были сделаны курьезные наблюдения. Птица-самка, у которых был убит самец, стала спариваться уже через полчаса после его смерти, а когда и второй супруг сделался жертвой своих врагов, то легкомысленная самка немедленно избирала себе третьего самца. Самцы, большей частью, гораздо дольше грустят о потере своих подруг, вероятно, впрочем, потому, что им гораздо труднее найти себе пару.

Самцы стараются приобрести расположение самок всевозможными любезностями: некоторые приманивают подругу призывными возгласами или пением, другие пытаются обратить на себя внимание прекрасного пола разнообразными телодвижениями, третьи, наконец, выказывают перед самками свое искусство в умении летать. Такое ухаживание принимает иногда бурный характер, и самец по целым часам преследует самку.

Во время любовных занятий парочка ищет удобное место для гнезда или возвращается на старые места гнездования. Птицы устраивают свои гнезда во всевозможных удобных для этого местах, высоко над землей, под землей, на воде и на суше, в лесах и полях. Хищные почти всегда делают гнезда высоко над землей и очень редко гнездятся на ее поверхности. Птицы, которые больше бегают, чем летают, напротив, почти всегда гнездятся на земле. Живущие в лесу устраивают гнезда на ветвях и сучьях деревьев, в дуплах, а также на земной поверхности. Болотные — в тростнике, в траве на берегах рек и озер, на островах, кочках, в болоте и т. д. Многие прячут гнезда в расщелинах скал, углублениях и других подобных местах. Местоположение гнезд так разнообразно, что общего об этом предмете можно сказать только следующее: каждое гнездо или так спрятано, что скрыто от глаз врагов, или так устроено на открытом месте, что его нелегко заметить, или, наконец, расположено в таком месте, которое недоступно для врагов.

Каждый вид использует для постройки гнезда постоянно одни и те же материалы. Однако птицы умеют приспосабливаться к изменившимся условиям и тогда заменяют обычный материал другим, находящимся под рукой.

Самка строит гнездо, а самец таскает ей материал; так происходит в большинстве случаев, но бывает и наоборот. У ткачей, например, устраивают гнездо одни самцы, а самки разве только помогают, когда приходится выстилать внутренность гнезда. Почти у всех птиц самец принимает на себя роль сторожа, заботящегося о безопасности самки во время ее работы, но у тех птиц, у которых существует многобрачие, самцам до постройки гнезда никакого дела нет. У многих птиц самец во время постройки гнезда развлекает свою подругу песнями или щебетанием.

Устройство гнезда требует усиленной деятельности и полного внимания со стороны птиц. Они исполняют свою работу, по возможности, без всяких перерывов и стараются кончить ее как можно скорее, но случается, что приходится несколько раз бросать и снова начинать ее. Материалы для гнезда птицы откусывают клювом или отламывают ногами, собирают с земли, поверхности воды, иногда ловят в воздухе. Затем добытый материал пернатые строители сглаживают, смягчают, иногда сушат, а потом несут его к гнезду, держа в клюве и лапах.

Одни птицы устраивают общественные гнезда, куда самки кладут яйца сообща и насиживают их часто поочередно. Другие такое большое гнездо делят на отдельные коморки, каждая из которых служит помещением для особого семейства. Есть птицы, которые строят свои жилища в гнездах других птиц и насиживают яйца одновременно с настоящим хозяином гнезда.

После того, как самка снесла должное количество яиц, она начинает их насиживать. Величина яйца находится обыкновенно в соответствии с объемом тела матери. Однако некоторые птицы кладут относительно большие, другие, напротив, сравнительно очень маленькие яйца. Число яиц одной кладки колеблется между одним и двадцатью четырьмя; чаще всего насиживаются разом от четырех до шести яиц.

Птица редко покидает гнездо, сидит в нем как бы в лихорадочном состоянии и доставляет своим телом необходимую для развития зародышей теплоту, причем действует большею частью одна самка, иногда же поочередно с самцом. Изредка птицы пользуются для вывода яиц теплотой солнца или гниющих растительных веществ. Детеныши проклевываются в зависимости от погоды, немного раньше или позже, но продолжительность насиживания отдельных видов мало изменяется. Страус высидит птенцов в течение 55-60 дней, колибри 10-12, у большинства птиц время насиживания длится 18-26 дней.

Развитие детенышей одной кладки происходит не вполне одновременно и часто случается, что из некоторых яиц птенцы выклевываются одним и даже несколькими днями позже других. После очистки гнезда мать возвращается к детенышам и опускается на них, чтобы согреть теплотой

своего тела, причем зацепляется лапками к сторонам гнезда, чтобы не давить нежных деток всею тяжестью своего тела и не оцарапать их когтями. Первые 4—7 дней она покидает как можно реже своих, большую часть, голых детенышей и слетает с гнезда лишь на очень короткое время; после этого необходимость приносить большое количество пищи птенцам заставляет ее изменить свое поведение. Маленькие птички покрывают своих птенцов, как днем, так и ночью, пока у них не появятся перья на спине. Когда птенцы вырастут, мать изменяет свое положение в гнезде: она не прицепляется больше к краям гнезда ногами, но кладет их на спины птенцов; это делается, однако, так искусно, что детеныши лежат смирно и нисколько этим не тяготятся.

Птенцы начинают пищать тотчас после того, как обсохнут по выходе из яйца. Я наблюдал за высиживанием в комнате канареек, щеглят, чижигов и снегирей; из них раньше и громче всех пищали канарейки; щеглята и чижики начали пищать позже, и слабее всех — снегيري, как будто различные степени способности к пению, которые замечаются потом у взрослых птиц, уже выказываются в первые дни их жизни.

Молодые птенцы вылупляются из яиц со страшным аппетитом. Как только они высохнут, то, как бы в забытьи поднимают свои относительно большие головы и так сильно раздвигают челюсти, что они дрожат от напряжения. Каждый детеныш старается схватить кусок, назначенный его соседу, и в этом отношении мать невнимательна, так как кормит преимущественно того птенца, который сильнее вытягивает шею, и слабейшие детеныши получают корм только тогда, когда самый здоровый, насытившись, опустит голову вниз. Этим объясняется, что некоторые птенцы развиваются гораздо хуже других.

Лишь немногие птицы через несколько минут после того, как, вылупятся из яйца, могут искать пищу при помощи матери или самостоятельно. У птенцовых птиц детеныши бывают сначала голые и слепые, в большинстве случаев они поражают своей непривлекательностью и даже безобразием. Наиболее беспомощны в первые дни своего появления на свет те птенцовые детеныши, которые, вырастая, становятся сильными и подвижными птицами. Маленькие птенцовые птицы способны летать уже через три недели.

Выводковые птицы гораздо менее заботятся о птенцах, которые по своему раннему развитию несколько похожи на детенышей жвачных млекопитающих. Высиживание происходит так же старательно, как и у птенцовых, но, как только детеныши освободятся от яичной скорлупы, и густой пушок, которым они покрыты, высохнет от теплоты матери, они вместе с ней уходят из гнезда и следуют за ней почти повсюду. Птицы, живущие на суше, тотчас начинают водить своих детенышей по полям и лесам, а плавающие почти всегда немедленно ведут их в воду. Однако и выводковые птенцы самостоятельно, без помощи матери, не в состоянии первое время просуществовать, и они требуют заботливого материнского ухода. Мать, а иногда и отец, повсюду сопровождают и водят их, когда нужно собирают к себе, согревают и защищают от многих угрожающих им опасностей.

Для защиты своих птенцов все птицы готовы к самопожертвованию. При виде врага они забывают о своей собственной жизни; все существо их тогда изменяется, у самых робких появляется мужество, а у кажущихся глупыми — изобретательность, и они прибегают к всевозможным хитростям, чтобы спасти своих детенышей. Мать, а иногда и отец, летают перед охотником, как будто с подстреленным крылом, беспрестанно опускаясь низко к земле. Завлекая врага все дальше и дальше от детенышей и подстрекая разными телодвижениями его жадность, они ждут, когда птенцы спрячутся. Тогда, стремглав, улетают обратно к ним, предоставив злому врагу бранить их за коварство. Таким образом, мы видим, что птенцы доставляют много забот родителям и у выводковых птиц, и у птенцовых.

Заботы родителей не кончаются тем временем, когда птенцы вылетают из гнезда или становятся настолько сильными, что могут прожить и без матери, умея, по крайней мере, отыскивать себе пропитание. Птицы после этого еще довольно долго обучают своих детенышей всем тем действиям, которые впоследствии им окажутся необходимыми. Считаю долгом здесь еще упомянуть, что у некоторых птиц детеныши становятся вполне самостоятельными тотчас после выхода из яйца; они вовсе не требуют заботы родителей, благополучно вырастают и, по-видимому, развиваются не хуже других.

Юность птицы оканчивается не тогда, когда она начинает летать, а лишь тогда, когда получит оперение, характерное для своего вида. У одних птенцов оперение значительно отличается от оперения взрослых, другие в молодости похожи на самку и различия, свойственные тому или другому полу, появляются гораздо позже. Некоторые хищные птицы должны прожить несколько лет, пока по внешнему виду не сделаются похожими на взрослых.

Продолжительность жизни птиц в известной степени зависит от величины их юношеского возраста. Можно сказать, что живут птицы долго, особенно хищные. Однако болезни и несчастные случаи прекращают их жизнь так же часто, как и у млекопитающих; большинство погибает от когтей и зубов какого-нибудь зверя. Хищные птицы умирают чаще всего от болезней и старческой немощи.

Птицы живут на всем земном шаре; их находили везде, куда только мог проникнуть человек. Они встречаются на покрытых льдом островах северного и южного полюса и в жарких экваториальных странах, среди моря и на высочайших вершинах гор, в плодоносных странах и в пустынях, в первобытном лесу и на голых скалах, окруженных со всех сторон морем. Каждый отдельный пояс имеет своих особых обитателей из класса птиц. Распространение птиц согласуется, однако, с общими законами о распространении животных по земному шару: в холодных поясах большое количество экземпляров, но ограниченное число видов, а у экватора, напротив, большое разнообразие видов и разновидностей. Не только в каждом поясе, но и в каждой местности встречаются особые птицы, например, на равнинах живут другие птицы, чем в горах, а в безлесных местностях иные, чем в лесах. Изменения в климате и орошении в известной местности ведут за собою и изменения в фауне птиц, ее населяющих. На воде область распространения отдельных видов обширнее, чем на суше, где широкая река, морской пролив, горная степь могут сделаться границами распространения определенного вида птиц; но границы существуют и на море. Только очень немного птиц живет без исключения во всех районах земного шара.

Многие птицы по окончании насиживания и воспитания своих птенцов предпринимают странствования, которые могут быть более или менее далекими, в зависимости от их местожительства и принадлежности к тому или другому семейству и роду. Следует различать перелетных, странствующих и бродячих птиц. Перелетом называем мы такое передвижение, которое повторяется ежегодно в определенное время и всегда по одному и тому же направлению. Странствование — это перелет, совершаемый по необходимости, но не всегда в одном и том же направлении и не связанный с определенным временем. Бродячими называют тех птиц, которые делают короткие перелеты на незначительное расстояние, желая заменить прежнее местожительство другим, более удобным, или воспользоваться пищей, в изобилии находимой в известном месте.

Перелетные птицы осенью покидают наши леса и снова возвращаются к нам весной. Водные птицы улетают перед тем, как воды, дающие им пропитание, покроются льдом, и принуждают некоторых хищников следовать за своей добычей. Перелеты совершаются постоянно в южном направлении. Многие птицы, живущие в восточных частях материков, направляются на юго-запад, а живущие в западных частях, — на юго-восток. Направление это, впрочем, сильно зависит от положения родины и тех стран, которые служат им убежищем во время зимы. При перелете птицы пользуются руслами рек, текущими по направлению их пути, или удобно расположенными долинами; через высокие горы они пролетают по горным проходам, где часто собираются для отдохновения. Одни птицы летят попарно, другие — большими стаями; слабые и небольшие чаще всего ночью, а большие, сильные — днем.

Перелеты совершаются в большинстве случаев очень спешно, как бы под влиянием непреодолимого побуждения. Птицы, содержащиеся в клетках, начинают беспокоиться, когда приходит время перелета, даже в том случае, если они взяты из гнезда и воспитаны в неволе. Некоторые птицы улетают очень рано, другие гораздо позже, но всегда в определенное время, которое подвергается лишь немногим изменениям.

Странствование птиц может быть тем похоже на перелет, что оно часто происходит в определенное время. К странствующим птицам принадлежат многие виды, живущие на далеком севере, которые ежегодно передвигаются на небольшие расстояния, но не предпринимают далеких перелетов в более теплые и обильные пищей страны. Главной причиной этому служит наступающий или уже наступивший, а иногда только предполагаемый недостаток пищи. Птицы, которым снег на земле препятствует отыскивать корм, чаще странствуют, чем те, которые ищут пищу на ветвях деревьев. Виды, питающиеся ягодами и семенами, иногда несколько лет не появляются в средней Европе и показываются в большом числе только в урожайные годы. Трудно понять, как птицы узнают об этом, но наблюдения показывают, что они всегда собираются там, где есть для них обильная пища. В противоположность странствующим равнинным видам, птицы, живущие на вершинах гор, почти ежегодно осенью спускаются в долины, а весной снова возвращаются на высоты, так что эти странствования очень сходны с настоящими перелетами.

Бродячие птицы встречаются во всех странах земного шара. Они перелетают с места на место в течение всего года. Одни странствуют в тесных пределах, другие пересекают большие про-

странства. Самцы часто бродят, отыскивая самок, большие хищные птицы бродят в поисках добычи, а некоторые птицы, по-видимому, перелетают с места на место без всякой причины, только для удовольствия.

Совершает ли птица дальние перелеты или живет постоянно в одной стране, бродит ли она бесцельно из одной местности в другую или летает за пищей, родиной ее остается то место, где она любит и размножается: в этом смысле гнездо птицы может быть названо ее домом.

Считается, что птицы служат человеку только для удовольствия. Все у птиц нам кажется привлекательным: грациозность внешности, красивый цвет перьев, быстрота и проворство движений, приятный голос, незлобивый нрав, все эти качества располагают нас в их пользу. Древние жрецы многих пернатых считали священными, поэты воспевали и воспевают их в своих стихотворениях. Мы часто и охотно держим у себя в доме птиц, не получая от них никакой пользы, между тем отказываем в гостеприимстве многим млекопитающим, а пресмыкающихся и гадов даже прогоняем от себя из чувства отвращения. Вполне очевидно, что из всех представителей животного царства птицы — наши главные любимцы и баловни.

На самом деле жизнь птиц имеет очень большое значение для природы и благосостояния человека. Птицы образуют необходимое звено в ряду живых существ; они успешно восстанавливают равновесие в борьбе за существование остальных классов животного царства и охраняют природу от вреда, наносимого ей другими животными, главным образом насекомыми, сии последние уничтожили бы всю растительность, если дать им возможность беспрепятственно размножаться. Пользу птиц очень трудно с точностью вычислить и оценить, так как многие вопросы, относящиеся к этой области, еще не вполне ясны, но мы можем смело предположить, что птицы приносят нам более пользы, чем вреда; вот почему их следует беречь и о них заботиться. Люди кое-где относятся враждебно к птицам, уничтожают их гнезда, крадут яйца, ловят сетями, петлями и убивают из ружей. Однако вред, приносимый птицам охотой и ловлей, очень незначителен сравнительно с тем вредом, который мы им приносим, уничтожая леса и кустарники, превращая их в выгодные для нас нивы. Хлебопашество захватывает понемногу всякий кусок земли, годной для какой-либо обработки. Что случится, когда постепенно будут уничтожены все убежища птиц и те места, где они находят пищу и где вьют свои гнезда? Забота о наших птицах должна выразиться главным образом в том, чтобы естественным или искусственным путем устраивать для них удобные места пребывания и гнездования: этим мы, по крайней мере, сохраним ныне живущих птиц. Журнал немецкого общества покровительства птиц в 1876 году поместил статью с подробным указанием, как следует разводить рощи для привлечения птиц. «Пусть каждый сажает и покровительствует всяким насаждениям, — пишет Болле, — не нужно много терпения, чтобы дожидаться благодетельного результата от увеличения числа деревьев и кустов. Время идет быстро, и удовольствие от этих насаждений только увеличивается, и каждая весна приносит новое наслаждение. Сажайте кусты и деревья, а птицы оживят и сохранят их!» Следовательно, мы должны позаботиться об устройстве таких мест, где птицы могли бы удобно жить и наслаждаться. Вот в каком смысле я еще раз выскажу то, что давно повторял всем разумным людям: Берегите птиц!

Семейство страусовые

Африканский страус (*Struthio camelus*) имеет следующие отличительные признаки: очень сильное тело, длинную, в большей своей части голую шею, маленькую плоскую голову, большие, блестящие глаза, на верхнем веке заметны ресницы; уши голые, открытые, внутри обросшие волосами. Клюв средней длины, прямой, округленный спереди, плоский на конце, снабженный роговым когтем: обе половинки клюва гибкие, ротовая щель доходит до самых глаз; ноздри продолговатые, открывающиеся приблизительно посередине клюва. Ноги у страуса высокие, сильные и голые, покрытые только на бедрах щетинами; плюсны в крупных чешуйках, лапы двупалые, внутренний палец которых вооружен большим широким и тупым когтем. Крылья довольно большие, но все же неспособные для летанья, снабженные двумя шпорами; маховые перья у них длинные, рыхлые, мягкие и висячие; хвост довольно длинный, состоящий из таких же перьев. Оперение всего тела довольно густое, мягкое и курчавое; на середине груди остается обнаженная роговая мозоль. У самцов все мелкие перья туловища угольно-черного цвета, длинные крыловые и хвостовые перья ослепительно белые; голые части шеи ярко-красные; бедра мясо-красного цвета. Глаза карие; клюв желторогового цвета. У самок мелкое оперение буро-серое и только на крыльях и на хвосте черноватое; маховые и рулевые перья нечисто-белого цвета.

Молодые, недоразвитые еще страусята, сбросив свой птенцовый покров, получают такое же оперение, как у самок. Рост взрослого страуса-самца достигает в высоту приблизительно 2,5 метра,

в длину, считая от кончика клюва до конца хвоста, по крайней мере 2 метра. Средний вес около 75 килограммов, доходит до 80-90.

Разумеется, что песчаные пространства пустынь, где нет никакой растительности, не могут прокормить страуса. Поэтому он встречается только в тех низменностях пустынного пояса, в которых растут хоть какие-нибудь скудные растения. Впрочем, следы этой птицы нередко можно встретить и на совершенно голых пространствах, так как страус, переходя из одной низменности в другую, пересекает такие места. Наступающая засуха принуждает страусов покидать равнины и уходить в другие, зачастую очень отдаленные местности, переселяться даже на избегаемые ими в другое время высоты; необыкновенная подвижность птиц дает им возможность легко совершать подобные переселения. Даже в богатых растительностью степях, где бесконечные травяные пространства, перемешанные с поросшими кустарником низинами, во всякое время года доставляют обильную пищу, страусы ведут все-таки кочевую жизнь, если только гнездование не приковывает их к определенному месту.

Некоторые путешественники говорят о значительных страусовых стадах, которые они встречали на своем пути. Обыкновенно страус живет маленькими обществами в 5-6 птиц или даже семьями, где больше самок, чем самцов. Такая семья занимает довольно обширное пастбище и держится на нем с постоянством. Первое условие, которому должно удовлетворять подобное место, это наличие воды. В пустынях, где находятся такие водные места, постоянно наталкиваешься если не на самих страусов, то на несомненные признаки присутствия птиц; их следы нельзя смешать с чьи-то другими следами. Страусы ходят на водопой постоянно одной и той же дорогой, так что вытаптывают настоящие тропинки, в необитаемых местностях они часто приводят в заблуждение — заставляют предполагать о прохождении здесь людей. Там, где разница между временами года не так резка, а потому и влияние их смены на растительный мир не столь велико, страусы, по всей вероятности, из года в год держатся один раз избранной местности и редко удаляются за ее границы.

В утренние и полуденные часы все члены одного стада заняты пастбой. Страусы спокойно расхаживают, блуждают по своему району, переходя от одного съедобного растения к другому. К полудню желудок их наполняется, и они предаются отдыху в течение нескольких часов, стоя на ногах или лежа на брюхе. А то бодро и неутомимо бегают кругами; иногда кружатся в каком-то сумасшедшем танце, причем приподнимают крылья и трепещут ими, будто собираются взлететь на воздух. Удручающая жара, по-видимому, нимало не отягощает их, раскаленный песок также не беспокоит.

Потом страусы отправляются на водопой, иногда даже купаются; сначала идут вброд по песчаной отмели, а затем уже на значительном расстоянии от берега погружаются в воду по шею, и в таком виде долго стоят в воде. В послеполуденные часы они опять пасутся, а к вечеру подыскивают себе подходящее местечко для ночлега; лежат с подогнутыми под брюхо ногами и спят, но ухо держат настороже. Перед непогодой они обыкновенно ложатся на землю. Вообще же страусы предпочитают находиться в движении, нежели в покое.

Африканский страус (*Struthio camelus*)

Сильные и ловкие ноги не вполне заменяют страусу крылья, однако делают его таким подвижным, что приходишь просто в изумление. При очень быстром беге страус распускает крылья, может быть не столько для равновесия, сколько вследствие возбуждения, которое овладевает им в этом случае и которое он выражает подобным способом.

Из всех чувств самое развитое у страуса, несомненно, зрение. Глаза его очень красивы и сила зрения положительно громадная. Все наблюдатели соглашаются с тем, что поступки этой птицы свидетельствуют о ее прекрасном зрении, которое охватывает большие пространства пустынного местожительства. После зрения больше всего развиты слух и обоняние. Чувства осязания и вкуса чрезвычайно тупы, по крайней мере, судя по поведению птицы.

Об умственных способностях страуса существуют различные суждения; одни исследователи соглашаются с Библией, где говорится, что Бог отнял у этой птицы мудрость и не наделил ее никаким разумом; другие прославляют ее ум, в особенности осторожность и робость. Я в продолжение нескольких лет имел дело со страусами и должен подтвердить библейское суждение. По моему мне-

нию, страус принадлежит к самым глупым и тупоумным птицам, какие только существуют на этом свете. Трусость его не подлежит никакому сомнению: он поспешно удирает от всякого непривычного явления, но вряд ли способен оценить опасность по ее настоящему значению, потому что приходит в тревогу при виде даже самых безвредных для него животных.

К другим представителям своего вида он относится обыкновенно равнодушно, но в пору размножения или в раздраженном состоянии старается сорвать злость на ком попало и ужаснейшим образом обижает свою жертву без всякой причины и повода. Один ручной страус — самец, живший у нас и не успевший еще привыкнуть к самке, опасно ранил ее своими острыми когтями. Он бил ее ногой и притом с такою силой, что нанес страшную рану бедной самке. Нас он боялся не больше, чем животных, и когда находился в раздражении, нечего и думать показываться на одном с ним дворе без здорового кнута в руках. Мне не приходилось замечать, чтобы он отличал нас от чужих людей, хотя не хочу этим сказать, что страус не способен хоть мало-помалу привыкнуть к окружающим его людям.

Главную, хотя вовсе не исключительную пищу страуса составляет растительность. На свободе он пасется подобно индюку, щиплет траву и зелень, подбирает с земли зерна, насекомых и маленьких позвоночных; в неволе проглатывает решительно все, что может схватить. Когда я в Хартуме терял что-нибудь не очень объемистое для страусового горла, то, прежде всего мы искали потерянное в страусовом помете, и очень часто не без успеха. Так, например, довольно большая связка моих ключей совершала, если я не ошибаюсь, несколько раз такую экскурсию в желудок страуса. Бертон при вскрытии одного страуса нашел в его желудке различные предметы весом в 4,228 кг; песку, пакли и тряпок было 3,5 кг, затем 3 куска железа, 9 английских монет, 1 медный шарнир, 2 железных ключа, 17 медных и 20 железных гвоздей, свинцовые пульки, бубенчики, кремь и прочее.

Мелких позвоночных страус ест охотно. Мои хартумские пленники съели несколько цыплят, неосторожно приблизившихся к ним; Мэтьюэн наблюдал то же самое. «Одна утка вывела совершенно здоровую большую семью утят, которых с материнскою гордостью водила за собою по птичьему двору. Здесь они встретились со страусом, он важно расхаживал по двору, а затем одного за другим, быстро проглотил всех утят, как будто это были устрицы». Гейглин не без основания причисляет всех пресмыкающихся, молодых птиц и степных крыс к обычному корму страусов.

Не подлежит сомнению, что страус, подобно верблюду, может пробыть несколько дней и без воды; но обыкновенно он ежедневно ходит на водопой к источникам или просто лужам и пьет с такою жадностью, что даже забывает присущую ему робость. «Когда страусы пьют у источника, — говорит Андерсон, — они как будто ничего не видят и не слышат. Во время нашего пребывания у такого источника, где я в короткое время убил 8 штук этих великолепных птиц, они регулярно появлялись там каждый полдень, и хотя я не мог подкрасться к ним незамеченным, они все-таки подпускали меня на выстрел и отступали неторопливо шаг за шагом».

Шпарраман был первым натуралистом, который дал описание размножения страуса на основании собственных наблюдений. «Сегодня, — рассказывает он, — мы спугнули одного страуса-самца с его гнезда, находившегося среди открытого поля и состоявшего просто из голой земли, на которой и лежали врассыпную яйца. Таким образом, страус не предоставляет одному солнцу вывести его птенцов, а сам сидит на яйцах, по крайней мере, он поступает так в этой части Африки. Из некоторых обстоятельств можно заключить, что самец и самка насиживают по очереди. Настоящее количество яиц, составляющих обычную кладку страуса, я не берусь определить с точностью. В этот раз мы нашли всего 11 штук яиц; все они были свежи и количество их, по всей вероятности, умножилось бы, так как в другой раз мои готтентоты опять согнали страуса и нашли у него в гнезде 14 яиц, из которых большую часть принесли мне, прочие же оставили, считая их уже не свежими. Таким образом, можно предположить, что страус кладет 16, 18, даже 20 яиц».

Лихтенштейн подробнее описывает размножение страусов. Сообщив предварительно, что в птенцовую пору живут вместе никак не больше 4-5 страусов, т.е. при одном самце 3-4 самки, он продолжает дальше: «Все самки кладут яйца в одно и то же гнездо, которое представляет собою не что иное, как простое круглое углубление в несколько разрыхленной глинистой почве, как раз таких размеров, что при высиживании птица совершенно покрывает его своим телом. Вокруг всего гнезда они выкапывают ногами нечто вроде вала, к которому и прислоняются яйца, располагаясь, таким образом, в виде круга. Каждое яйцо стоит в гнезде на кончике для того, чтобы их поместилось там возможно большее количество. Как только в гнезде накопится 10-12 яиц, страус начинает насиживать попеременно с самками: днем самки сменяют друг друга, а ночью насиживает один самец, чтобы защищать гнездо от нападения шакалов и диких кошек, которые жадно охотятся за

страусовыми яйцами. Между тем самки продолжают нести яйца во время насиживания, и не только до тех пор, пока гнездо наполнится, т.е. когда там будет лежать 30 яиц, но даже и дольше. Эти, после снесенные яйца, лежат вокруг гнезда уже в беспорядке и, по-видимому, самой природой назначены для удовлетворения хищного аппетита упомянутых врагов, так как страусы охотнее уступают эти свежие яйца, чем уже насиженные. Помимо того, эти яйца имеют еще другое значение, они служат первой пищей молодых страусов, которые, только вылупившись, уже имеют величину обыкновенного петуха, но еще не способны своим нежным желудком переваривать твердый корм. Родители сами раздавливают для них одно яйцо за другим и в короткое время птенцы так успешно развиваются на этом питательном корме, что вскоре сами становятся в состоянии добывать себе пищу на полях.

Страусы прилагают большие старания, чтобы скрыть то место, где находится гнездо. Они никогда не бегут прямо к нему, а колесят сначала вокруг да около. Кроме того, при высиживании птицы никогда не сменяют друг друга непосредственно, а предварительно удаляются с того места, где находится гнездо, чтобы не подстергли их там, или же сменяются так быстро, что случайный наблюдатель никогда не может застать их вместе. Днем они совсем покидают гнездо и предоставляют солнцу дальнейшее высиживание. Как только они заметят, что гнездо их открыто, что там побывал человек или какое-нибудь хищное животное и трогал яйца или даже унес несколько штук, они тотчас же сами разоряют гнездо, растаптывают все яйца и устраивают новое гнездо в другом месте. Поэтому, если гнездо находят колонисты, то они довольствуются только одним или парой яиц из тех, которые лежат около гнезда и еще не насижены, затем тщательно заматают следы своих ног. Таким образом, превращают подобное гнездо в настоящую кладовую очень приятных питательных продуктов, откуда каждые 2-3 дня берут столько яиц, сколько требуется для дома. В зимние месяцы (июль, август, сентябрь) чаще всего можно найти страусовые гнезда. Но в это время почти никуда не годятся чудные перья этой птицы, которые при высиживании касаются земли и портятся. Впрочем, я находил страусовые гнезда и насиженные яйца во все времена года».

Если разобраться в сущности этих сообщений, то окажется, что в одно гнездо кладут яйца несколько самок, но высиживает их самец, а не самки, которые лишь в самых исключительных случаях предаются этому занятию. Смотря по местности, пора размножения наступает то немного раньше, то позже, но всегда и повсюду вскоре после наступления весны, когда для молодого выводка уже готовы обильные пастбища.

Самец ухаживает за самкой с приподнятыми и трепещущими крыльями, делая разнообразные прыжки и фигуры, о чем еще будем говорить дальше подробнее, и затем топчет ее в сидячем положении. После изрядного промежутка времени самка кладет свое первое яйцо, а затем кладка идет с промежутками в два дня, пока не закончится. Тогда начинается насиживание, большей частью самцом; он вообще не допускает самок до яиц или, если и разрешает им насиживать, то лишь на время, пока сам удаляется для поиска необходимого пропитания.

Страусовые яйца бывают различной величины, но они, безусловно, крупнее, чем у всех других птиц. Размер вдоль яйца колеблется между 140-155 мм, поперек в наиболее широком месте — между 110 и 127 мм. О птенцах я могу говорить по собственным наблюдениям, так как однажды имел одновременно целый десяток молоденьких страусов, ухаживал за ними и изучал их. По уверению суданцев, принесших их мне, все они были однодневного возраста; по крайней мере, эти люди уверяли, что птенцов старше одного дня невозможно поймать. Вылупившись из яйца, они тотчас же с ловкостью и проворством выбегают из гнезда и скоро начинают добывать себе пищу. Когда мои маленькие пленники достигли 14-дневного возраста, они стали такими самостоятельными, что почти уже не нуждались в руководстве родителей. Тем не менее, нам известно, что родители, или, по крайней мере, отец, заботливо за ними ухаживают.

Еще во время насиживания страус храбро выступает даже против относительно сильных врагов и прибегает к всевозможным уловкам, чтобы прогнать непрошеного, опасного гостя, Андерсон рассказывает о встрече с одной страусовой семьей во время охоты на них. «Как только старые птицы заметили наше намерение, они пустились в поспешное бегство, самки впереди, затем птенцы и, наконец, самец, который замыкал бегство на некотором расстоянии от остальных. Было, право, что-то трогательное в тех заботах, которые родители проявляли по отношению к своим птенцам. Заметив, что мы приближаемся к ним, самец вдруг отстал от других и переменял направление; но так как, мы не оставляли своего намерения, то он опять ускорил бег, свесив крылья так, что они касались земли, и стал колесить вокруг нас, описывая сначала широкие, а потом все более и более узкие круги до тех пор, пока не приблизился к нам на пистолетный выстрел. Затем он неожиданно бросился на землю, подражая приемам тяжело раненной птицы, и притворился, будто силится, что-

бы снова подняться на ноги. Я уже стрелял в этого страуса и думал, что он действительно ранен, поэтому поспешил к нему. Но скоро убедился, что это было с его стороны только притворство. Едва я приблизился, как он медленно поднялся и побежал в противоположном направлении от самки, которая тем временем значительно опередила нас со своими птенцами».

Если страусу предоставить достаточное пространство для свободного движения, то он без всякого огорчения переносит неволю, и, как уже сказано, настолько привыкает к известному месту, что его можно совершенно спокойно выпускать на свободу пастись и брать с собой в дорогу. Дюверье видел по дороге в Рат, в стране Туарегов, как один ручной страус следовал за караваном. Во время остановок, для того чтобы птица не убежала, на ноги ей наворачивали путы, какие обыкновенно носят верблюды на пастьбе; в прочее же время ее оставляли без всякого присмотра, и она постоянно появлялась всюду вместе с верблюдами, уже без всяких пут на ногах. В Судане никто не помышляет о том, чтобы сделать их домашними животными или утилизировать каким бы то ни было образом; их держат единственно ради удовольствия и не прилагают ни малейшего труда, чтобы разводить или извлекать денежную пользу из их перьев. Только в новейшее время от них стали получать барыши, достигнув успеха в попытке их размножения.

Страусов ревностно преследуют по всей Африке. Бедуины считают страусовую охоту за одно из самых благородных удовольствий, так как те трудности, с которыми она сопряжена, и составляют особую прелесть для людей подобного рода.

Североафриканские арабы весьма точно различают страусов по полу и возрасту. Взрослый самец называется «эдлим» (совсем черный), самка же — «рибеда» (серая), а птенец — «эрмуд» (бураватый). Так как главную цель охоты составляет добывание перьев, то и предметом преследования служит преимущественно и почти исключительно эдлим. Но этим наносится чувствительный вред размножению страусов.

По сообщениям Тристрама я сужу, что и в северной Сахаре охотятся точно таким же способом, как в Бауде или в степях Кордофана. Охотники выезжают в пустыню или степь на быстроногих конях или на отличных верблюдах и разыскивают страусовое стадо. На некотором расстоянии следуют несколько верблюдов, нагруженных кожаными мехами с водой; их погонщики держатся в продолжение всей охоты по возможности вблизи охотников. Напав на след дичи, охотники до тех пор скачут за стадом, пока какой-нибудь осторожный эдлим своим примером не подаст сигнала птицам к бегству в разные стороны. Тогда, разбившись на группы в два или три человека, охотники выбирают самца и скачут за ним во весь галоп. Один охотник следует за птицей, а другой старается перерезать ей путь и, в случае удачи, продолжает преследование. Тогда первый охотник бросается наперерез. Таким образом, они постоянно меняются ролями до тех пор, пока окончательно не измучают бегущего во весь дух страуса. Обыкновенно охотники настигают птицу уже по прошествии часа; тогда, заставив лошадь сделать последнее усилие, они наносят птице сильнейший удар по шее или по голове, который сваливает ее на землю. Тотчас же вслед за этим один из охотников соскакивает с лошади и с обычным в таком случае возгласом: «Во имя Бога Всемилостивого, Бога Великого» перерезает птице шейную артерию, а для того, чтобы перья не запачкались кровью, затыкает рану когтем ноги. Когда птица истечет кровью, охотники сдирают с нее шкуру, выворачивают ее и используют в качестве мешка для хранения красивых перьев. От мяса отрезают лишь столько, сколько требуется в данное время; остальное вешают для вяленья на дерево, и им пользуются проезжие путники.

Несколько часов охотники отдыхают сами и дают отдохнуть своим лошадям после утомительной жаркой охоты. Тем временем подходят верблюды, и экспедиция, обремененная добычей, возвращается домой. Здесь перья сортируют по их достоинству. В отдельный пучок связывают драгоценные белые перья, которых у взрослого страуса бывает самое большое 14 штук, и до выгодной продажи хранят их.

Андерсон рассказывает, что в некоторых странах на юге Африки на страусов охотятся даже пешком, и что он сам видел на озере Нгами бушменов, охотившихся таким образом. Они большею частью окружают целое стадо и обыкновенно с криком и гамом загоняют испуганную птицу в воду. Кроме того, охотники подстерегают страуса на гнезде или около воды, а также, по словам Моффа, отправляются в стада пасущихся страусов, приняв предварительно вид этих птиц. Для этой цели они набивают соломой плоскую двойную подушку, придают ей форму седла, покрывают перьями и. Затем берут отрубленную страусовую голову вместе с шеей и натягивают на палку, обернутую соломой. Охотник надевает покрытое перьями седло себе на голову, окрашивает ноги в белый цвет, в правой руке держит голову, а в левой — лук. И в таком виде отправляется к стаду страусов, поворачивая время от времени надетой на палку головой, подобно тому, как это делает озерающаяся

птица, и потряхивает своим перистым седлом. Иногда этот обман так удается, что некоторые страусы сами подходят к мнимой птице, намереваясь затеять с нею драку.

Цена на страусовые перья, смотря по моде, подвергается сильным колебаниям; да и не все области доставляют одинаково ценный товар, так как белизна перьев зависит от климата и почвы местности. Самыми лучшими считаются перья, которые получаются от страусов, живущих в Сирийской пустыне. За ними следуют по порядку перья от страусов из Сахары, Сенегальских степей, с берегов Нила, из Марокко, южной Африки и южной Аравии. Перья, снятые с домашних страусов, считаются менее ценными, чем те, которые получаются с диких. На севере Африки за страусовую шкуру с перьями платят до сотни испанских талеров; внутри же континента ее можно купить по более сходной цене. Один килограмм лучших белых крыловых перьев стоит уже в Судане 1000-1200 марок, более короткие белые маховые и надхвостные перья обходятся в четверть этой цены, а стоимость черных спинных перьев редко превышает 50 марок за 1 кг. Перья капландских страусов ценятся дешевле.

Яйца страусов во всей южной и средней Африке употребляются главным образом в качестве сосудов. Их окружают легким плетеньем и вешают в жилищах или берут с собою в путешествия. Страусовые яйца и мясо употребляются в пищу всеми туземцами. По словам Буршеля, обычный у готтентотов способ приготовления этих яиц очень прост. На конце яйца в скорлупе просверливают маленькую круглую дырочку и посредством гибкого прутика взбалтывают содержимое яйца; затем ставят яйцо на огонь, время от времени помешивая внутри до тех пор, пока белок не свернется. У молодых страусов мясо чрезвычайно нежное и вкусное; у старых более твердое и напоминает говядину.

Семейство нандовые

Обыкновенный нанду (*Rhea americana*). У этой птицы перья на верхней части головы, шеи, затылка и передней части груди черные, так же как и щетинки на уздечке; середина шеи желтая; голова, щеки и нижняя часть шеи светлее, свинцово-серого цвета; спина, обе стороны груди и крылья буровато-серые. Голые части лица мясного цвета, клюв серо-рогового, а ноги серого. Глаза жемчужного цвета. Самка отличается более светлой окраской перьев на затылке и передней части груди. У самцов размеры следующие: длина 1,5 м, размах крыльев около 2,5 м. Старая самка, исследованная принцем фон Вид, имела 1,38 м в длину и 2,2 м в размахе крыльев.

Область распространения нанду занимает степные пространства Южной Америки. Родиной его следует считать пампасы между Атлантическим океаном и Кордильерами, к югу от лесов Бразилии и до Патагонии включительно.

Как настоящая степная птица, нанду избегает гор и девственных лесов; впрочем, в холмистых местностях он так же часто встречается, как и на равнинах, и охотно посещает редкие в травяном море миртовые и пальмовые рощи. Среди пампасов и степей мало мест, где бы совершенно не было нанду.

Один самец живет одновременно с пятью или семью самками отдельным семейством и защищает выбранную им местность от вторжения других птиц этого же рода. Впрочем, после птенцовой поры несколько семей нанду соединяются вместе, и в такое время случается видеть целые стада, состоящие из 60 и более экземпляров.

Нанду превосходный бегун, который может утомить и сбить с толку самую лучшую лошадь, потому что он не только быстро бежит, но в то же время делает с поразительной ловкостью самые удивительные прыжки. В пору любви становится особенно оживленным, день и ночь находится в движении. Во время засухи он подобно всякому другому животному в полдень три-четыре часа проводит на отдыхе, однако с наступлением прохладной ночи наверстывает потерянное время, хотя и считается настоящим дневным животным. Его обыкновенный шаг, по Беккингу, равняется 50-60 см; когда он шагает, распутив крылья, то размер каждого шага достигает целого метра; во время преследования делает прыжки в 1,5 м и так быстро переставляет ноги, что нет никакой возможности различить отдельные шаги. Убегая от охоты и коз, нанду, зачастую, неожиданно сворачивает с прямой линии под углом в 20-25 градусов, при этом высоко поднимает одно крыло, а другое поджимает. А затем опять, как сумасшедший, пускается бежать дальше. Расщелины шириной в 3 м он перепрыгивает без малейшего напряжения, только на один момент, перед прыжком, вспархивая крыльями. Однако крутых берегов старательно избегает, так как ему трудно на них взбираться. Дарвин сообщает, что он два раза видел, как нанду переплывает реку Санта-Марта.

Название этой птицы, данное ей индейцами, выражает собой тот далеко разносящийся призывный звук, который издает самец во время токования. А после любовной поры оба пола издают свистящий звук, то усиливающийся, то понижающийся, которым они, очевидно, созывают друг дру-

га. Птенцы пищат, как молодые тетерева. В гневе нанду фыркают весьма странным способом, не поддающимся описанию.

Обыкновенный нанду (*Rhea americana*)

За исключением вкуса все внешние чувства нанду остры; их умственные способности также нельзя назвать ничтожными. По словам Беккинга, эта птица умеет тонко наблюдать все происходящее и отлично приспосабливается к обстоятельствам. Вблизи жилища миролюбивых колонистов, которые никогда не трогают нанду, он становится таким доверчивым, что разгуливает среди лошадей и рогатого скота, а от людей и собак сторонится разве только с дороги. Зато он со страхом бежит от гаучо и пускает в ход всю свою хитрость, чтобы избежать его взоров. Эту птицу никогда не заметишь около жилищ туземцев, разве только в некотором отдалении, среди их скота. Гораздо чаще нанду можно встретить среди стада робких пампасовых оленей. Как нанду, так и олени попеременно поднимают вверх головы, чтобы осмотреться и, почуяв малейшую опасность, бегут по одному и тому же направлению. Толпа индейцев приводит нанду в неопишуемый ужас; он бежит от нее без оглядки, зачастую по целым часам, заражая своим страхом другие стада, которые тоже пускаются в бегство, увлекая за собою даже лошадей и рогатый скот.

Охотник подползает к птице с подветренной стороны и, лежа на брюхе, размахивает в воздухе платком, привлекая этим ее внимание. Будучи до крайности любопытной, она не в состоянии противостоять соблазну, ближе ознакомиться с неизвестным явлением. Любопытство превозмогает подозрительность, и охотнику скоро предоставляется возможность видеть, как вся семья, с самцом во главе, вытянув шеи, осторожно выступает ему навстречу. При этом нанду случайно отклоняются от цели, сворачивают немного в сторону или останавливаются на короткое время, даже пасутся; но если охотник из терпеливых, то он все-таки дождетя, когда птицы, в конце концов, подойдут к нему на расстояние нескольких шагов.

С наступлением весеннего времени в южном полушарии, то есть в октябре, самец-нанду, который уже на втором году своей жизни становится способным к размножению, собирает около себя обычно от трех до семи самок, в редких случаях больше, и выгоняет из своего округа всех других самцов, наделяя их ударами клюва и крыльев. Перед самками он выделяет самые странные телодвижения: то шагает взад и вперед, широко распутив и свесив крылья, то вдруг пускается вскачь с поразительной ловкостью. Затем умеряет шаг, и с сознанием собственного достоинства гордо выступает вперед, или неожиданно приседает к земле, а затем снова повторяет прежнюю игру. При

этом он испускает глухой, ревуший крик — вообще проявляет заметное возбуждение. На свободе у него в это время иногда является желание показать свою храбрость и подраться с другими самцами.

Гнездо нанду представляет собой плоское углубление, устраивается оно в сухих местах, не подверженных наводнению, по возможности скрытых, заросших чертополохом или высокой травой. В большинстве случаев нанду пользуются углублениями, образуемыми в земле спинами диких быков, которые, желая отделаться от мучащих их личинок, ложатся на землю и, при помощи задних ног, вертятся на месте. Если подобного углубления не найдется, то самец нанду выкапывает его сам в подходящем месте. Вырывает оттуда ненужную траву, затем выстилает дно и стенки несколькими стебельками и предоставляет самке возможность положить туда от 7 до 23 яиц*. Около гнезда, на расстоянии пятидесяти шагов, можно найти другие разбросанные яйца, так называемые подкидыши, которые всегда свежее гнездовых.

* *Нанду — полигамные птицы. Один самец имеет несколько самок, в гнездо, которое он построят, самки откладывают каждая по несколько яиц, в результате чего получается такая большая кладка.*

Яйца бывают самых разных размеров, от величины гусиных до 13 см в долевом разрезе. Окраска их матовая желтовато-белая; узор состоит из мелких зеленовато-желтых крапинок, окружающих большие поры. Но едва яйца подвергнутся действию солнечных лучей, как быстро линяют и уже через неделю становятся совершенно белоснежными. Когда гнездо наполнится, самец принимается за высидывание. Самки отдаляются от него, хотя все еще держатся в границах своего прежнего округа, отвоеванного самцом. Нанду насиживает всю ночь и в утренние часы, до тех пор, пока не высохнет роса. Он покидает гнездо, смотря по погоде, в разное время и уходит пастись. Вначале самец сидит не особенно старательно, при всяком подозрительном шуме тихонько соскальзывает с гнезда и остается в стороне, пока опасность не минует. Но под конец он высидывает весьма усердно и сходит с гнезда только перед самым носом всадника, чем почти всегда пугает лошадь. При таких переполохах случается, что одно-другое яйцо раздавится или вывалится из гнезда, хотя вообще самец обращается с яйцами в высшей степени бережливо.

В Южной Америке первые нанду вылупливаются в начале февраля, на севере немного раньше, на юге — позже. Они вырастают удивительно быстро и уже через две недели достигают 50 см высоты. На третьем или четвертом дне от роду они бегают уже до того быстро, что ни один человек не в состоянии догнать их в открытом поле; более ранних поймать нетрудно, так как при преследовании они плотно прижимаются к земле. Приблизительно в течение пяти недель птенцы следуют только за одним отцом, но мало-помалу, к семье присоединяются и самки. Осенью молодой нанду меняет свой пуховый наряд на первое грязновато-желто-серое оперение. Молодых самцов можно отличить от самок по более крупному росту; но в каждом стаде встречаются хилые птенцы, которые бросаются в глаза своей физической недоразвитостью.

Беккинг считает за предельный возраст нанду 14-15 лет, и полагает, что многие из них умирают просто от старческой немощи. Он это судит на основании того, что в зимнее время ему случалось встречать отдельных птиц, застигнутых смертью, между тем никаких следов — ни внешних ранений, ни внутреннего отравления — на них не было. Среди животных у нанду мало опасных врагов; разве что взрослого нанду может подхватить кугуар, а птенца утащить лисица или орел; впрочем, эти случаи очень редки; не часто встречается и разграбление гнезда.

Индейцы без церемоний подбирают все яйца нанду, так как каждое оценивается в 15 штук куриных яиц. Они вскрывают острый конец, выпускают белок, имеющий неприятный вкус, кладут внутрь немного жира, перцу, соли и варят желток в скорлупе, постоянно помешивая. Чтобы сварить яйцо вкрутую, как это делают обыкновенно европейцы, требуется целых 40 минут. Мясо нанду грубо на вкус, подобно лошадиному. Но все же индейцы охотно едят его, тогда как европейцы употребляют только нежное мясо молодых птиц. Кроме мяса употребляется свежий жидкий жир; к сожалению, он скоро портится, а в прогорклom виде не годится даже для смазки. Из шейной кожи птиц индейцы готовят маленькие мешочки для домашнего употребления. Из очень гибких перовых стволов, с которых сдирают бородки, мальчики делают петли для ловли скрытохвостых кур; взрослые плетут из них отличные прочные сбруи, а также красивые коврики. Кроме того, перья служат для метелок, а самые лучшие и длинные — для украшения.

Охота на нанду ведется различными способами. Индейцы и гаучо преследуют их на лошадях и убивают посредством лассо или травят собаками не столько для того, чтобы добыть дичь, сколько ради удовольствия испытать быстроту бега и выносливость лошади или меткость своего глаза и верность руки. На такую охоту собираются несколько всадников. Они выслеживают птицу, с подветренной стороны шагом приближаются к ней насколько возможно, затем пускают лошадь рысью и

скачут до тех пор, пока нанду не придут в беспокойное состояние. Охотники стараются отделить от стада одну птицу, которую и преследуют. Они в короткое время настигают ее, и тот всадник, который скачет по левую сторону, бросает лассо на шею птицы; через минуту нанду, похожий на колоссальный шар из пера, валится на землю и, затягивая веревку на шее силой своего падения, погибает. Если первый всадник промахнется, то лассо бросает другой, и, если затравленной птице не удастся добраться до болота, в которое лошадь не пойдет, или до кустов, где нельзя бросать лассо, то она обязательно погибнет. Охота с огнестрельным оружием требует надежных, опытных стрелков. Нанду очень живучи и зачастую с пулей в теле убегают от охотника. Раненый нанду следует за своим стадом, пока в состоянии это делать; когда силы оставляют его, он падает в стороне и умирает.

Семейство казуаровые

Шлемоносный казуар (*Casuarium casuarim*). Казуары отличаются волосистым оперением. Клюв у них прямой, по сторонам сжатый, так что кажется кругловатым, на спинке выпуклый. Перед немного крючковатым концом клюва, сверху и снизу, замечаются зубцы. Ноздри, бороздки которых занимают почти весь клюв, открываются у самого его кончика; они довольно малы и продолговато-овальной формы. Голова снабжена костяным шлемом, который у всех до сих пор известных видов имеет различное устройство. Шея в верхней половине голая и весьма яркого цвета, спереди же обыкновенно имеет один или два кожистых нароста. Короткие толстые ноги трехпалые; когти внутренних пальцев более чем вдвое длиннее когтей других пальцев. Короткие крылья не имеют настоящих маховых перьев; на их месте замечается пять круглых стволы без боронок, которые походят на роговые шипы; настоящих рулевых перьев тоже нет. Покров тела скорее похож на волосы, чем на перья, так как короткие, жесткие бороны торчат раздельно и не имеют боковых волокон. Шлем образуется из возвышения лобной кости и покрыт роговой массой. Никакого различия между полами в глаза не бросается; птенцы отличаются в окраске и тем, что шлемовой нарост у них только чуть-чуть обозначен.

Все путешественники, которые хоть что-нибудь могли сообщить о жизни казуара на воле, соглашались с тем, что они, в противоположность своим родичам, населяют дремучие леса, да и здесь ведут самую замкнутую жизнь, при малейшей опасности тотчас же убегают и тщательно избегают людских взоров. На малонаселенных островах они не только не редки, но даже скорее обыкновенны, хотя попадаются всегда поодиночке. Миллер ни разу не имел случая видеть в Новой Гвинее казуара, хотя и находил его следы и даже слышал шум от бежавшей в кустах птицы. Уэллс тоже не мог добыть на Цераме ни одного казуара, но они встречались во всех посещенных им местах. От него мы узнаем только следующее: «Эти птицы странствуют по дремучим горным лесам, покрывающим остров Церам, и питаются преимущественно опавшими плодами, насекомыми и ракообразными. Самка кладет 3-5 больших красиво-зернистых, зеленых яиц на подстилку из листьев; самец и самка насиживают оба, попеременно, в течение целого месяца». Насколько последнее указание справедливо, я не могу сказать: остается лишь пожалеть, что Уэллс приложил так мало труда, чтобы обогатить науку более обстоятельными сведениями.

Шлемоносный казуар (*Casuarius casuarias*)

Все казуары, привозимые в Европу, ловятся туземцами еще птенцами. Этим, по всей вероятности, и объясняется, почему большая часть их оказывается относительно ручными, кроткими и доверчивыми, тогда как их природному нраву свойственны как раз противоположные качества. Люди рассказывали, что старых казуаров поймать решительно невозможно, так как они крайне пугливы, при малейшем шуме убегают и, благодаря своей способности быстро и выносливо бегать, скоро добираются до чащи, куда не в состоянии проникнуть человек.

По своей походке казуары существенно отличаются от других страусов. Они не бегают, а передвигаются трусцой, держа туловище в горизонтальном положении; причем из-за удлиненных перьев надхвостья птица кажется выше сзади, чем спереди. Казуары следуют один за другим не особенно быстро, но если им действительно приходится от чего-либо убежать, то несутся с поразительной быстротой, делая при этом удивительно ловкие повороты и прыжки иногда в 1-1,5 м высоты. Казуары отлично плавают.

Голос птицы можно сравнить со слабым, горловым звуком «хуу-хуу-ху». Этот звук выражает хорошее расположение духа, тогда как в раздраженном состоянии казуар фыркает наподобие кошки или совы. Из органов чувств на первом месте стоит, несомненно, зрение; затем более всего развит слух, да и обоняние довольно хорошее. Обладает ли казуар развитым вкусом, решить трудно; относительно осязания и способности ощущать температуру можно сказать лишь то, что эти чувства у казуара существуют.

Я считаю казуара гораздо умнее и злее прочих страусов. Всякое необыкновенное происшествие приводит его, если не в ужас, то в возбуждение, которое переходит буквально в ярость. Тогда он беспощадно нападает на противника, все равно — будь это человек или животное, яростно насккивает и старается нанести удары, как клювом, так и ногами с острыми когтями. Совершенно так же поступает птица в пору размножения. Сторожа Лондонского зоологического сада знают по опыту, что с казуарами надо держаться крайне осторожно, так как самка после спаривания зачастую с яростью набрасывается на самца, и не раз случалось, что эти злые существа даже убивали своих самцов. Некоторые до такой степени неистовствуют в это время, что озлобляются решительно против всех и каждого, кто им подвернется на глаза: набрасываются на людей, одетых в пестрое платье, угрожают детям и в своей слепой ярости даже расщепляют и обдирают деревья. Во всех зоологических садах, где помещаются казуары, сторожа боятся этих грозных птиц гораздо больше, чем больших кошек: по крайней мере, у этих последних гневное настроение можно узнать по выражению лица и вовремя остеречься, тогда как казуар приходит в раздражение ни с того ни с сего, и от него каждую минуту можно ожидать какой-нибудь скверной выходки.

Эту птицу следует причислить к растительоядным, хотя они не совсем пренебрегают и животной пищей. Гааке нашел, что в лесах Новой Гвинеи казуары питаются главным образом нежными плодами, зерна которых попадались не переваренными в их помете. В особенности они любят багряно-красные плоды одной пальмы.

Относительно размножения казуары ничем особенным не отличаются от настоящих страусов. В неволе казуары зачастую кладут яйца, но лишь в немногих зоологических садах удалось вывести птенцов. Величайшее препятствие для размножения заключается в неуживчивости самих птиц. Редко можно найти пару, которая жила бы в мире.

Молодой казуар представляет собой милейшее создание, как по внешнему виду, так и по своему нраву и привычкам. Его пуховой наряд светло-желто-бурого цвета с темно-бурыми долевыми полосами; узор состоит из широкой средней полосы и узких боковых полосок, которые идут вдоль всего тела, одна полоска пробегает и по ногам. Шлем обозначен лишь в виде кожаной пластинки. В первый день своего появления на свет птенец плохо держится на ногах, боязливо переступает ими и сильно покачивается на бегу. На следующий день все движения приобретают большую твердость, и птица подает уже голос, похожий на писк маленького цыпленка, вроде «глю-глюк-глюк». Своими привычками и нравом он напоминает молодого цыпленка. Отец обращается с ним в высшей степени заботливо, при ходьбе осторожно поднимает и опускает свои ноги, предварительно осматривается, чтобы не повредить птенца, По ночам отец заботливо прикрывает его своим телом.

Семейство эму

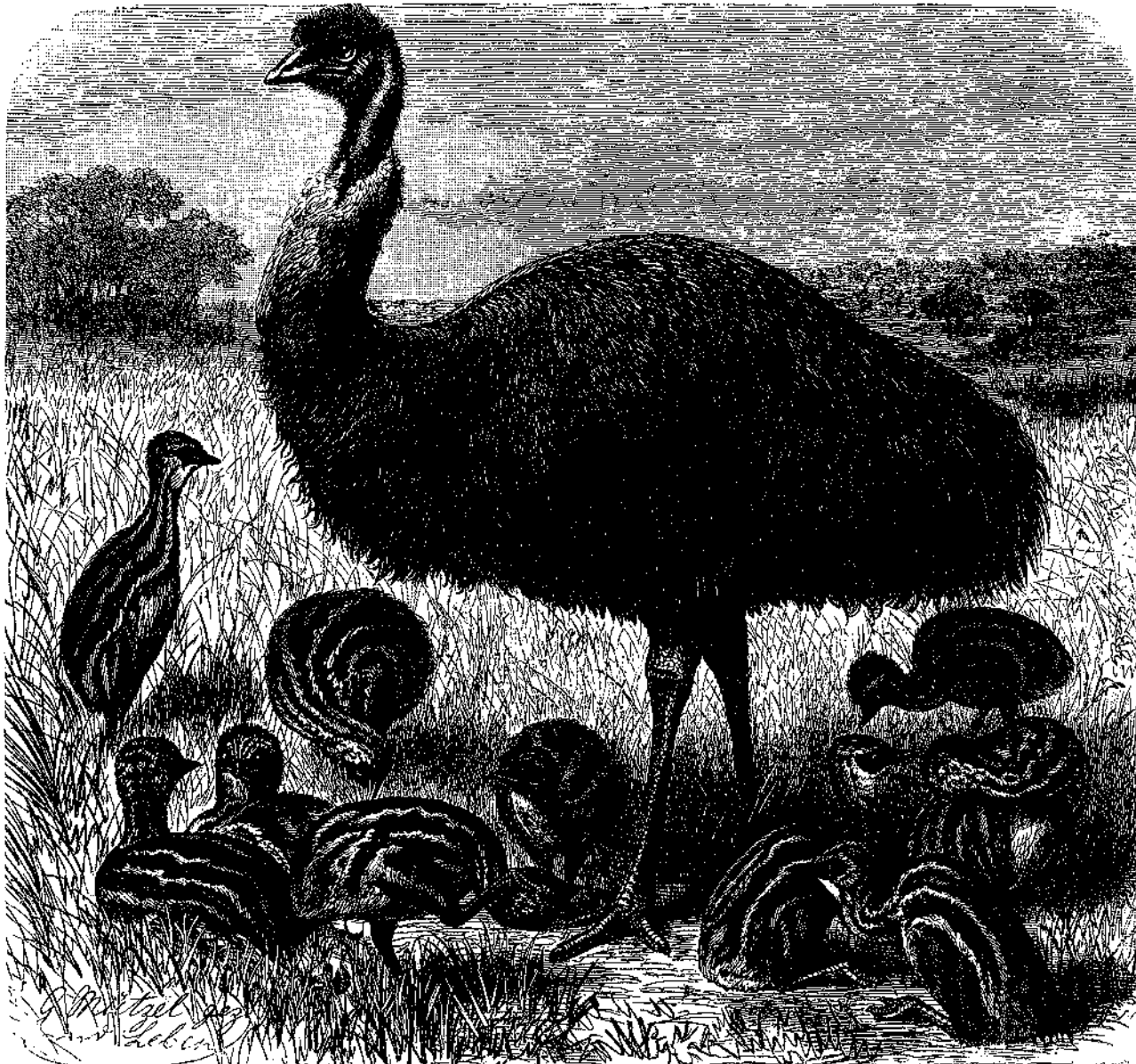
Эму (*Dromaius novaehollandiae*). В 1789 году появилось описание путешествия губернатора Филиппа в Ботанибей, из которого ученый мир впервые узнал, что Австралия также населена страусами. Вид, названный в том сочинении «новоголландским казуаром», в настоящее время носит название «эму», под которым прежние португальские мореплаватели подразумевали одну исполинскую птицу Малакки. Эму внешним своим видом похож на страуса, только туловище его более сжато и коренасто, шея короче и ноги ниже, отчего, в общем, получается совершенно другое впечатление. Клюв у эму прямой, сильно сжатый с боков, на спинке с ясным килем и скругленный на конце. Большие ноздри, покрытые кожей, открываются приблизительно на середине клюва. Ноги очень сильные, оперенные до пяточного сустава и покрыты внизу крепкими щитками; лапы трехпалые; крайние пальцы одинаковой длины и снабжены большими когтями. Крылья до того малы, что их нельзя даже заметить, когда они прижаты к телу, оперение их несколько не отличается от спинного, так что о маховых крыльях здесь и помина нет; рулевые перья также отсутствуют. Оперение покрывает почти все тело, оставляя обнаженными только стороны головы и горла. Все отдельные перья отличаются значительной длиной и малой шириной, замечательной гибкостью и мягкостью стволов. Полы не отличаются по окраске, разве только отчасти по величине. Эму уступает по величине африканскому страусу, но превосходит в этом отношении нанду. Высота его достигает приблизительно 1,7 м; охотникам приходилось убивать самцов в 2 м ростом. Окраска оперения равномерная матово-бурая, на голове, посередине шеи и спины темнее, на нижней стороне светлее. Глаза светло-карие, клюв темного рогового цвета, ноги светло-буроватые. Голые части лица выглядят серо-голубоватыми.

Говорят, что эму держатся здесь небольшими группами от трех до пяти птиц, но никогда не составляют большого стада, и что привычки и нравы их совершенно такие же, как у страусов. Но все же я должен заметить, что те, от которых исходит это мнение, вряд ли могли сравнивать между собой этих двух птиц. Насколько можно судить, страус и эму в неволе так существенно отличаются друг от друга по манере держаться, что и привычки на свободе живущих птиц, весьма понятно, должны различаться между собою.

Кюрри замечает, что эму превосходный бегун, а потому на него устраивается такая же великолепная травля, какая устраивается в Англии за зайцами. Куннингам пополняет это известие, описывая саму охоту, и говорит, что для нее используют собак, ходящих на кенгуру; но собаки не всегда гонятся за птицами, так как боятся их страшных ног. Колонисты уверяют, что эму в состоянии одним ударом своей сильной ноги переломить человеку голень или убить хищника; поэтому хорошо выдрессированные собаки бросаются на него спереди, хватают за шею и валят на землю. Мясо эму сравнивают с жестким мясом рогатого скота и хвалят его вкус, хотя оно немного сладковато; мясо молодых эму, по единогласному уверению всех, отличается замечательным вкусом. Эму бывает очень жирен; тогда его мясо жарят главным образом для того, чтобы вытопить сало, которое в глазах охотника, служит великолепным средством против всяких болезней, в особенности против при-

ступов подагры. Относительно размножения эму, живущих на свободе, мы имеем мало сведений. Гульд говорит, что самка кладет 6-7 красивых темно-зеленых, зернистых яиц в углубление.

вырытое ею в земле, чаще всего в песчаном месте; обе птицы держатся постоянно вместе, самец принимает деятельное участие в высиживании. Беннет сообщает, что гнездо, выкопанное на поросших кустарником холмах, содержит всегда нечетное число яиц: 9, 11 или 13 штук.

Эму (*Dromaius novaehollandiae*)

О жизни эму в неволе имеются более подробные сведения. Эму легче всякого другого короткокрылого размножается в плену. Та пара, которую Беннет наблюдал в Лондонском зоологическом саду, вывела птенцов. С тех пор не только в Лондонском, но и во многих других зоологических садах удачно получался приплод. В Германии Бодинус ежегодно разводил эму и всегда с более или менее благоприятными результатами. Насиживает только самец и притом с таким редким усердием, что даже за все время, в течение 58 дней, не принимает пищи, по крайней мере, его ни разу не застали за едой. Основная окраска оперения птенцов серовато-белая; по спине пробегают две широкие, темные долевые полосы, по бокам тоже две полосы, которые разделяются узкой белой чертой. Эти полосы соединяются на шее и кончаются на голове неправильными пятнами; две другие прерывающиеся полосы украшают перед шею и груди и заканчиваются широкой полосой, которая проходит по бедрам.

В Берлинском зоологическом саду самка не только не заботится о птенцах, но даже проявила по отношению к ним такую неприязнь, что ее вынуждены были отделить от детенышей. Зато самец с трогательным самоотвержением несет на себе все материнские заботы, при всяком необходимом случае храбро наносит жестокие удары своими хорошо вооруженными ногами и, вообще, пока птенцы нуждаются в его помощи, проявляет самое сильное возбуждение. Птенцы вырастают очень быстро и уже с ранней юности чувствуют отвращение к затворнической жизни в четырех стенах.

Вначале они держатся под крыльями отца, потом подле него, едят с жадностью уже со второго дня своей жизни и развиваются тем лучше, чем дольше пользуются покровительством отца. По истечении трех месяцев они вырастают до половины своего настоящего роста, а в два года достигают полного развития.

Из всех короткокрылых эму — самый скучный. Его движения, поведение, характер и привычки гораздо однообразнее, чем у других сородичей. Да и голос эму не очень привлекательный: его можно сравнить с глухим шумом, который выходит из пустого бочонка, когда дети, играя, вынудив из бочонка втулку, дуют прямо в отверстие. У самцов и самок голос различный, но эта разница столь незначительна, что надо иметь самый тонкий слух или привычное к этим звукам ухо, чтобы уловить ее. О сумасшедшей гонке с быстрыми, как молния, поворотами и странными движениями, которые замечаются у настоящих страусов, здесь не может быть и речи. Ни у какой известной мне до сих пор птицы нет такого обманчивого взгляда, как у эму, с его чудными ясными глазами. Первый раз, взглянув на лицо.

эму можно принять за умную птицу, но при дальнейшем рассмотрении это впечатление рассеивается.

Семейство киви

Обыкновенный, или южный, киви (*Apteryx australis*). Туловище у киви довольно толстое, шея короткая, голова не велика, клюв длинный и тонкий. Ноги четырехпалые и относительно короткие, крылья так мало развиты, что, собственно говоря, их можно видеть только на скелете, а в оперении заметны лишь короткие отростки, на которых растут неразвитые перья, состоящие из коротких, но толстых стержней; хвоста совсем нет. Оперение состоит из длинных, ланцетовидных, мягких и висячих перьев, которые увеличиваются по длине, начиная от шеи; они имеют шелковистый блеск и на них кое-где заметны отдельные бородки. Клюв с первого взгляда похож на клюв ибиса, но отличается от него тем, что ноздри расположены около конца. У основания клюва находится восковица, и от нее идут бороздки до самого кончика. Ноги короткие и очень сильные.

Передние пальцы длинные и крепкие, с большими когтями, устроенными для рытья земли. Задний палец короткий и толстый, расположен почти отвесно и при ходьбе не касается земли; он вооружен большим когтем, так что скорее похож на шпору петуха, чем на палец. Строение скелета напоминает скелет страусов; ключиц нет, шейных позвонков очень много, спинные позвонки срослись вместе, а кости крыла мало развиты.

Первый обыкновенный киви, привезенный в Европу, был убит в лесах около бухты Дески, на юго-западном берегу Южного острова Новой Зеландии. Почти все экземпляры, которые ныне находятся в коллекциях, происходят из Северного острова.

Киви до сих пор живет в безлюдных, лесистых местностях Северного острова, но в обитаемых местах совсем истреблен, и добыть его вовсе не так легко, как думают. Уже Дифенбах жалуется, что в продолжение своего пребывания в Новой Зеландии в течение 18 месяцев, несмотря на обещанные туземцам награды, он получил лишь одну шкуру киви. Гохштетер свидетельствует: «Я много путешествовал по Северному острову, на котором, по словам туземцев, еще встречается эта птица, но, несмотря на все старания, не мог добыть ни одного экземпляра киви. Мне указали, что киви еще довольно часто встречается на маленьком, необитаемом и лесистом острове, в заливе Гаураки, около Аукленда, а также в малонаселенных лесистых горах, между мысом Паллизер и Восточным, на юго-востоке Северного острова. Туземцы, которых я застал в Коллинг-вуде, около Золотой бухты, отправились на охоту, привлеченные обещанным вознаграждением в пять фунтов стерлингов, и через три дня мне принесли два живых экземпляра, самца и самку, которых они поймали у истоков реки Рокки и Склатера, на высоте около 1000 м над уровнем моря. Когда Скит в 1861 году исследовал горы, между реками Такака и Буллер, в провинции Нельсон, то он встретил на покрытых травой горах, на востоке от реки Оуен так много киви, что с помощью двух собак мог убивать каждую ночь по 15-20 штук. Он и его слуги тогда питались их мясом.

Об образе жизни киви Гохштетер пишет: «Это ночные птицы, которые день проводят в норах, охотнее всего под корнями больших лесных деревьев, а ночью отправляются искать корм, который состоит из насекомых, личинок, червей и семян разных растений. Они живут парами и могут очень хорошо бегать и прыгать. Кроме человека, самые опасные их враги собаки и кошки. Туземцы ловят киви ночью, приманивая подражанием голоса и смущая горящими факелами, отчего птицы настолько теряются, что их можно схватить рукой или убить палкой. К этой охоте приучают также и собак. Вследствие подобных преследований киви теперь совсем истреблен в населенных местах».

Еще более подробными известиями об этой птице мы обязаны Буллеру. Киви восполняет недостаток крыльев необыкновенной быстротой своих ног. На полном бегу он делает очень большие

шаги и держит при этом туловище в наклонном положении, а шею вытянутой вперед. В ночном сумраке киви движется очень осторожно, а также бесшумно, как бегущая крыса, которую он очень напоминает по своим движениям. Когда стоит спокойно на месте, то втягивает шею и тогда кажется шарообразным, иногда поддерживается в этом положении, уткнувшись концом клюва в землю. Если его потревожить днем, то он часто зевает и, при этом очень странным образом широко раздвигает челюсти. Если его дразнят, то выпрямляет туловище, приподнимает одну ногу к груди и бьет ею противника быстро и ловко; это его единственное оружие, но он умеет наносить им очень чувствительные удары. Рассказ о том, что киви ударяет о землю ногами, чтобы выгнать на поверхность земляных червяков, так же мало вероятен, как сообщение одного наблюдателя, будто он может наносить опасные раны человеку и даже убить собаку. Во время поиска корма киви постоянно сопит, так что кажется, будто он обнюхивает почву. Трудно сказать, чем он руководствуется при поиске корма — осязанием или обонянием, следует, скорее всего, предположить, что оба чувства действуют сообща. Очень интересно наблюдать, как киви отыскивает земляных червяков, составляющих его главный корм. Птица при этом двигается очень медленно и постоянно засовывает почти до основания свой длинный клюв в мягкую почву, причем или тут же вытаскивает его со схваченным червем, или, медленно ворочая головой, осторожно вытягивает клюв из земли. Достав червяка, он кладет его на землю, потом побрасывает, ловит клювом и быстро проглатывает. Кроме того, ест различных насекомых, некоторые ягоды, а также глотает небольшие камешки.

Южный киви (*Apteryx australis*)

О размножении обыкновенного киви долгое время рассказывали удивительные вещи.

Достоверные сведения были добыты лишь тогда, когда появилась возможность наблюдать плененных птиц. По-видимому, вернее всего о гнездовании этой птицы сообщает Вебстер: «Четырнадцать лет тому назад туземец нашел яйцо киви в небольшой норке, под корнями маленького дерева и, вынув яйцо, вытащил из глубины норы и взрослую птицу. Туземец, хорошо знавший, по-видимому, киви, уверял, что эта птица всегда кладет только одно яйцо и что гнездо устраивает постоянно в норе, которую выкапывает сама в сухой почве под корнями дерева. Яйцо покрывается листьями и мхом, их гниение доставляет необходимую теплоту. Для развития яйца требуется шесть недель, и когда птенец вылупится, то мать спешит ему на помощь»*.

* Иногда, очень редко, киви откладывает 2 яйца. Кладку насиживает самец в течение 42-50 дней, энергия гниения выстилки не используется для инкубации.

Отряд тинаму (Tinamiformes)*

* Прежде для птиц этого отряда использовалось название «скрытохвостые куры»

Семейство тинамовые

Тело птиц этого семейства, благодаря сильно развитым грудным мускулам, толстое; шея, напротив, тонкая и длинная, а голова маленькая и плоская; клюв длинный, тонкий и загнутый, без рогового нароста на конце, скорее обтянут роговой массой, которая постепенно переходит в кожистую оболочку. Ноги у них с высокими плюснами и очень жесткими подошвами; задний палец маленький, сидит высоко, а иногда настолько недоразвит, что остается один коготь. Короткие, круглые крылья достигают лишь до задней части спины, а их большие маховые перья узки и остроконечны и как будто на конце обрезаны. Хвост состоит из 10-12 коротких узких перьев, которые скрываются под длинными кроющими перьями. Оперение на голове и шее из небольших гладких перьев. На туловище оперение обильное, густое и состоит из больших перьев. У некоторых видов из одного корня выходят два стержня пера, у других стержни широкие, гладкие и выпуклые, особенно на спинке и хвосте; к концу пера они суживаются и снизу снабжены глубокой бороздкой. У самцов и самок оперение одинаково, и по наружному виду они ничем друг от друга не отличаются.

Эти птицы распространены на большей части Южной Америки и населяют самые разнородные местности; одни виды живут только на открытых пространствах, другие — в чаще леса, иные селятся только на равнинах или в горах; есть виды, которые встречаются лишь на высотах в 4000 м. Птицы привязаны к земле, летают редко, чаще быстро бегают в кустарнике или в высокой траве, наподобие наших перепелов. При беге они немного сгибают плечевой сустав и вытягивают шею, так что уже благодаря этой позе, их легко можно узнать. В страхе они прижимаются к земле или скрываются в кустах травы, и только те виды, которые выросли в лесу, ищут защиты на ночь на нижних, толстых ветвях деревьев. Как телесные, так и душевные способности их незначительны, при опасности совсем теряют присутствие духа; вообще, кажется, они чрезвычайно ограничены.

Их голос состоит из многих, следующих один за другим свистков, которые иногда идут правильной гаммой и так отличаются от голоса других птиц, что привлекают внимание, как чужеземцев, так и туземцев. Некоторые виды кричат при наступлении ночи, особенно после того, как придут на место отдыха, а также утром, перед тем, как удалиться оттуда. Других слышишь в продолжение всего дня. Семена, плоды, кончики листьев и насекомые составляют пищу этих птиц. Но семена некоторых растений могут придавать их превосходному мясу неприятный горький вкус. Говорят, что есть виды, питающиеся почти исключительно плодами кофейного дерева и пальм.

Как дичь для охоты эти птицы в Америке заменяют наших куропаток, поэтому европейцы называют их «куропатками и перепелками» и за ними ревностно охотятся. Все хищники, как бегающие, так и летающие, состязаются в этом с людьми; даже ягуар не пренебрегает ими; некоторые насекомые, например муравьи, ползающие большими стаями, опасны птенцам. За птицами охотятся с огнестрельным оружием, ставят западни, гоняются на лошадях с арканами или пускают по их следам собак. Рассказывают, что индейцы превосходно дрессируют своих собак для этой охоты.

Один из наиболее часто встречающихся видов этого отряда **краснокрылый тинаму** (*Rhinchotiis rufescens*)*. Оперение птицы ржаво-красно-желтое, горло беловатое, верхняя часть головы с черными полосками. На спине, крыльях и хвостовых покровных перьях также присутствуют широкие черные полосы. Большие маховые перья одноцветные и яркие, ржаво-желто-красные; малые маховые перья свинцово-серые, покрытые черными и серыми волнистыми полосками.

* Другое название этой птицы — рыжий тинаму, или тимбукту.

Краснокрылый тинаму живет в степной полосе Бразилии, встречается также и в Аргентине. Он сопровождает здесь, по словам Деринга, путешественника по всей равнине, как в лесистых ее частях, так и в пампасах. Никогда не живет стаями, но поодиночке в некоторых местах встречается в большом числе.

Все знают эту птицу как любимую дичь местных охотников, поэтому она, подверженная беспрестанному преследованию, сделалась очень осторожной и пугливой. При приближении человека бежит от него в высокой траве, но крыльями пользуется только в крайнем случае. Дарвин рассказывает, что он встретил сотни этих птиц на однообразной равнине Валь-Донадо. Против обыкновения они соединялись в стаи при приближении многочисленной группы путешественников. Тинаму приходили в полное смущение, если их сгоняли в кучу, объезжая кругом на лошадях. Наконец, преследуемые птицы не решались более бежать вперед, а беспомощно ложились на землю. Эта беспомощность тинаму хорошо известна туземцам: даже мальчики гоняются за ними и схватывают самым простым арканом. Мясо птицы принадлежит к числу лучших блюд, которые подают путешественникам в Бразилии и в Аргентине.

По словам Бурмейстера, тинаму отправляется искать пищу только в сумерки. Гнездо устраивает на земле в густом кустарнике; в нем находят 7-9 темно-серых яиц с фиолетовым отливом, скорлупа которых замечательно гладкая, точно полированная.

Отряд пингвинообразные

(Sphenisciformes)*

* *Прежде птиц, относящихся к этому отряду, называли нелетами.*

Семейство пингиновые

Совершенно отдельно от всех других птиц стоят пингвины. Если рассматривать их с чисто внешней стороны, то они представляют собой переходную ступень от птиц к дельфинам и рыбам. Туловище пингвинов до известной степени можно назвать конусовидным, кверху оно заострено, в середине лишь немного утолщено, а всего толще внизу. Шея средней длины, но очень толстая, голова маленькая, клюв почти такой же длины, как голова. Ноги устроены своеобразно, все четыре пальца, из которых три связаны плавательной перепонкой, обращены вперед; крылья скорее походят на плавники, чем на крылья. Оперение напоминает рыбью чешую, как по своей форме, так и по черепитчатому расположению.

Внутреннее устройство соответствует внешним особенностям; кости существенно отличаются от костей других птиц тем, что они очень твердые, толстые и тяжелые.

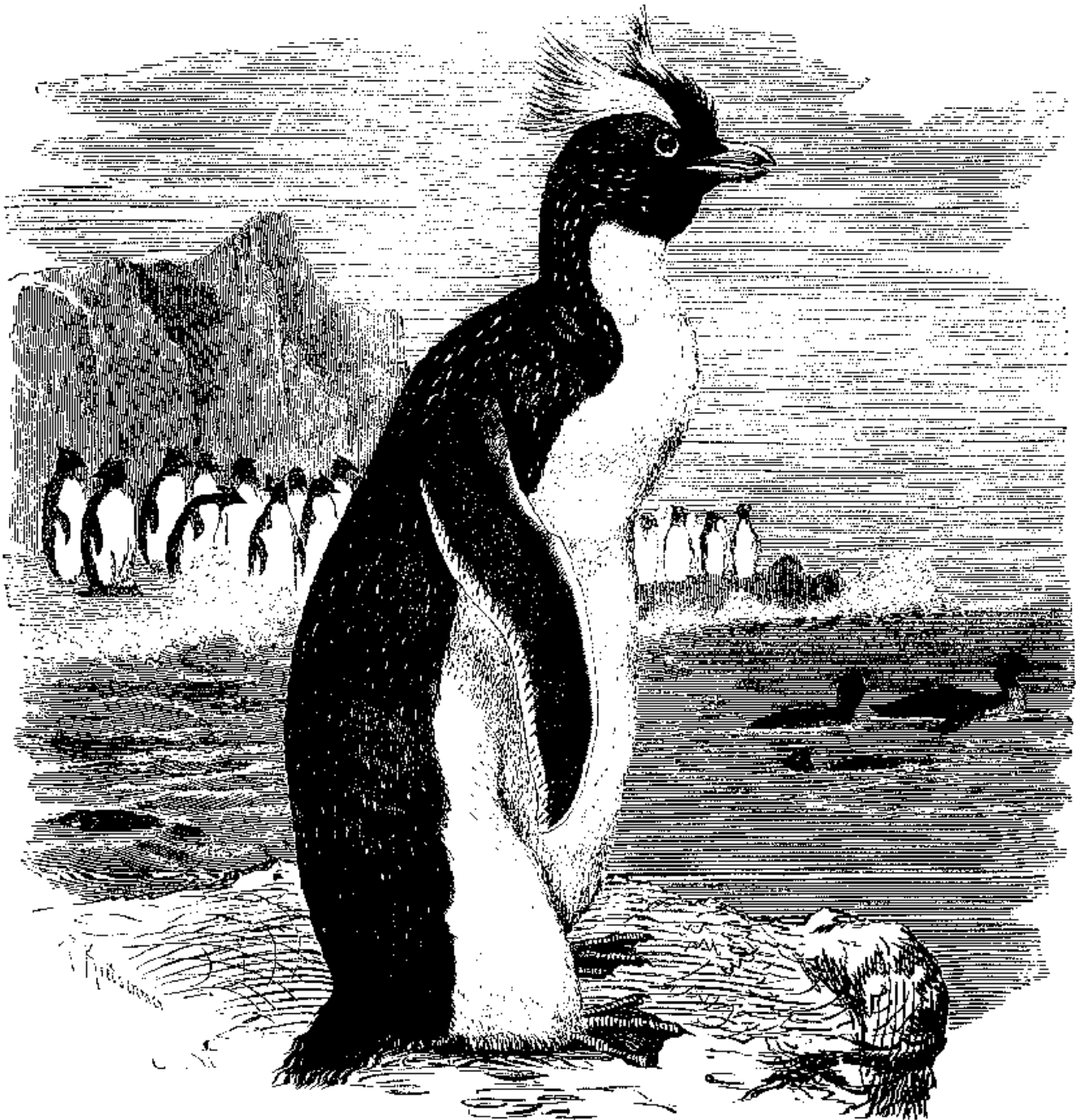
Пингвины живут только в южном полушарии, в океане, между Южным тропиком и 80 градусами южной широты; сушу посещают во время размножения. По образу жизни отдельные виды во многом отличаются друг от друга; тем не менее, без всякого вреда для точности мы можем набросать общую картину всего отряда.

Королевский пингвин (*Aptenodytes patagonica*) — самый выдающийся вид этого семейства. Отличительные признаки следующие. Крупный рост, длинный и тонкий клюв. Толстые ноги с длинными пальцами снабжены очень крепкими когтями, оперенными до самых пальцев. Длинные, узкие, ластоподобные крылья и хвост состоят из 30 тонких, жестких, упругих перьев. Спина, голова, затылок, горло и область зоба, темные, буровато-черного цвета. Передняя часть шеи желточно-желтая. Такого же яркого цвета продолговатое пятно, которое находится позади ушей, от него отходит узкая желтая полоска, расходящаяся по сторонам шеи. Верхняя часть груди у пингвина желтоватая, а низ белый; ноги буроватые. Маховые перья, одинаковой окраски со спиной, разрисованы долевыми полосками; с нижней стороны они белые. Клюв черный; большая часть нижней челюсти яркого сургучно-красного цвета. Общая длина птицы превышает 1 м, длина крыла 35 см, а хвоста — всего 8 см. Самки меньше самца, но совершенно одинаковой с ними окраски.

Область распространения этого вида простирается, начиная с Патагонии, по всем частям южного океана до островов Стюарт и Кергелен.

Скалистый златовласый пингвин (*Eudyptes chrysolophus*) — другой представитель отряда — действительно великолепная птица. Величиной с утку, приблизительно 50 см в длину. У этого пингвина голова, шея, спина и крылья черные; перья, образующие хохол, бледно-желтоватые; передняя сторона тела и задний край крыльев белые; клюв красно-бурый; ноги серовато-белые.

Златовласый пингвин водится в различных частях южного океана, а также на Патагонском берегу, Огненной Земле и на островах Тристан-да-Кунья. Вероятно, что он, подобно другим видам своего семейства, предпринимает дальние странствования; некоторых пингвинов встречали среди открытого моря на очень дальнем расстоянии от суши.

Златовласый пингвин (*Eudyptes chrysater*)

Пингвинов можно сравнить с дельфинами: они не только ведут одинаковый с ними образ жизни, но походят своими движениями, а некоторые виды до того сходны с маленькими дельфинами, что их можно издали спутать. Строение тела приковывает их к морю; зато в этой сфере они двигаются с неподражаемой ловкостью. Их способность забираться в глубину просто изумительна. Они пользуются при этом только своими короткими крыльями и плавают с такой силой, что легко преодолевают волны бурного моря, могут нырять и выплывать на поверхность воды даже во время самой сильной бури. Рулем им служат ноги, которые при плавании они вытягивают назад. До какой глубины пингвины ныряют — неизвестно, но можно признать за достоверное, что в этом отношении они не уступают никаким другим ныряющим птицам.

На суше двигаются с большой неловкостью. Положение ног принуждает их к вертикальной ходьбе; они могут делать только маленькие шажки, виляют и очень медленно сдвигаются с места. С крутых скал бросаются вниз, скользя и скатываясь, и, достигнув воды, могут считать себя в безопасности. Стая находится при этом в постоянном движении; одни птицы ныряют в глубину, и снова появляются на поверхности далеко впереди; между тем другие, просто плывущие, перегоняют товарища, и тот, в свою очередь, старается наверстать время. Пингвины ныряют только для того, чтобы поймать добычу. Эта последняя состоит из различных рыб, а также из некоторых ракообразных и мягкотелых, которых они хватают на коралловых рифах или выискивают между морской растительностью. Некоторые виды, впрочем, ограничиваются одними рыбами. Должен заметить, что пин-

гвины менее других птиц тратят время на содержание в порядке своего оперения. Их кожа необыкновенно жирна и постоянно выделяет маслянистое вещество, служащее для смазывания перьев.

Значительная часть года у пингвинов уходит на размножение. При этом странным кажется то, что в период размножения и не высидывающие птицы живут на суше. На давнишних гнездовьях птицы появляются в определенное время года; так, например, на Фолклендских островах, по словам Аббота, в конце сентября, на других островах раньше или позже, и с этого времени здесь начинается чрезвычайно деятельная жизнь. Беннет, посетивший один из островов в южной части Тихого океана, дает очень интересное описание жизни этих птиц.

"Количество пингвинов, которые собираются на одном этом месте, невероятно велико, так что положительно невозможно определить, хотя бы даже приблизительно, сколько их там; днем и ночью их высаживается на сушу до 30-40 тысяч штук, и столько же уходят в воду. Находящиеся на суше птицы, составляющие еще более многочисленное стадо, стоят, выстроившись, словно полк солдат, не только рядами, но и по росту. Молодые — в одном месте, линяющие — в другом, насиживающие самки — в третьем, а холостые самцы — в четвертом. Распределение производится с такой строгостью, что всякий, не принадлежащий к тому или другому обществу, неправильно присоединяющийся к толпе пингвин, не находит себе места».

В хороший вечер, с наступлением сумерек, пингвины кричат до того оглушительно, что их крики издали походят на гул многочисленной людской толпы. В период размножения они протоптывают от воды прямые тропинки. Эти тропинки так старательно расчищены от камней и растительности, так гладко и чисто утрамбованы, будто проделаны людьми. Птенцы появляются на свет в шерстистом сером пушке и получают так много пищи, что скоро вырастают.

Помимо человека, у пингвинов не много других врагов, которые бы серьезно вредили им. Маленькие виды, правда, время от времени гибнут в пасти какой-нибудь хищной птицы, а крупные делаются жертвами грабительских набегов хищных морских птиц, которые воруют у них яйца и птенцов; но чувствительных потерь не испытывают ни те, ни другие. Главным врагом является человек, преследующий их из-за мяса и ворвани, а также и из-за шкур; много страшного терпят они от кровожадности невежественных моряков, которые устраивают иногда настоящие боины.

Только в новейшее время пингвины появились у нас в Европе в клетках. Весной 1889 года Франкфуртским зоологическим садом были приобретены.

Очковые пингвины (*Spheniscus demersus*). О жизни в неволе этих птиц сообщает Геблер. «Они были еще в своем юношеском оперении, но имели размеры и внешний вид совершенно взрослых птиц. Сначала их поместили в аквариум, где им был отведен бассейн, чтобы доставить публике возможность наблюдать их нырянье; однако птицы не ныряли, не обращали никакого внимания на плававших в воде в качестве корма рыб и заставили насильно кормить себя, так как вообще не ели самостоятельно. Вследствие того, что в аквариуме пингвины не представляли для публики никакого интереса, их через несколько дней перевели в другое помещение, особую клетку в птичнике, где находился небольшой плоский бассейн. Здесь птицы постепенно приучились к тому, что стали самостоятельно брать брошенных для них рыб и таким образом кормились. Когда, с наступлением теплой погоды, пингвинов пустили в большой бассейн на открытом воздухе, они почувствовали себя в своей сфере, скоро научились превосходно нырять и стали ловить живых рыб. Так что в скором времени бассейн пингвинов сделался излюбленным местом для посетителей сада.

Настоящая стихия пингвина — это, естественно, вода. Если пингвин не ныряет, то он плавает, причем издали в это время походит на утку, только тело его глубже погружено в воду. Гребет он исключительно крыльями; ноги при плавании вытягиваются назад и служат ему, вместе с коротеньким хвостиком, только лишь рулем. Когда пингвин только плывет, то плохо подвигается вперед, зато при нырянии он скользит под водой с поразительной быстротой. Но и при этом ноги служат исключительно рулем. Быстрое продвижение под водой значительно облегчается самим строением птицы: острый клюв и заостренная, всегда вытянутая вперед голова с легкостью рассекают волны. Когда эти темные птицы, охотясь за рыбами, скользят в воде с поразительной легкостью и несутся вперед с распушенными по сторонам лапами, то невольно напрашивается сравнение с полетом низколетающей ласточки. Поразительна также ловкость, с которой пингвины умеют внезапно изменить направление: я видел однажды, как один пингвин, стремительно плывя под водой, сделал поворот, при котором туловище его выгнулось в четверть дуги, и схватил рыбу, неожиданно замеченную подле себя. При этом птице очень помогает ее способность сразу останавливаться даже при самом быстром движении в воде, ставя отвесно свои лапы, до тех пор находившиеся в горизонтальном положении. Вышеупомянутый взрослый экземпляр и зимой с одинаковой ловкостью плавал подо льдом, покрывавшим его бассейн. Насколько во время своего отдыха на суше пингвины похо-

дят на тюленей, настолько же при нырянии и охоте фигура и все их движения в высшей степени напоминают дельфинов.

Умственные способности пингвина, по-видимому, незначительны. Относительно других птиц своего вида он держится миролюбиво; только новые пришельцы подвергаются в первое время ударам клюва, если подходят слишком близко к старым; но это скоро прекращается.

Пингвины крайне нечувствительны к холоду; тот взрослый пингвин, о котором я так часто говорил, всю прошлую зиму провел на воздухе, несмотря на то, что морозы, особенно по ночам, были иногда очень жестоки. Для холодного времени птице была отведена маленькая деревянная будка, которая имела отверстие только с одной стороны в виде узкого входа, а пол ее был устлан толстым слоем соломы. Пингвин с удовольствием пользовался этой будкой и в холодные дни выходил оттуда только для еды, причем без размышления бросался в ледяную воду и вылавливал рыб под слоем льда; в теплую погоду он уходил в свою будку только на ночь. Впрочем, в очень суровые зимы этих птиц все-таки лучше держать в закрытом помещении. Гораздо труднее пингвины переносят летнюю жару и потому весьма рационально помещать их на это время по возможности в какое-нибудь прохладное убежище».

Семейство гагаровые

Известно всего несколько видов этих птиц*. У них чрезвычайно густое и плотное оперение, жесткие перья, короткие крылья, ноги имеют полные перепонки.

** В настоящее время некоторые систематики выделяют 5 видов гагар.*

Прежде всего упомяну **полярную гагару** (*Gavia immer*). В брачную пору оперение ее на спине и боках матово-черное с беловатыми пятнышками. На голове и шее перья зеленовато-черные. На шее галстук, образованный из черных и белых продольных полосок. Длина птицы достигает 95-100 см.

Летом полярная гагара живет на далеком севере, селится по берегам Гренландии, Шпицбергена, Европейской и Азиатской России, на Фарерских, Оркнейских и Гебридских островах. Зимой перекочевывает; встречается и на реках Германии, хотя и очень редко**.

*** Полярная гагара птица высоких широт преимущественно Нового Света и Гренландии. В Старом Свете она заселяет только Исландию: Шпицберген и мелкие архипелаги у берегов Шотландии. В Азиатской части России полярная гагара не живет, здесь ее заменяет белоклювая гагара (*Gavia adamsii*). В Европейской части России отмечают в основном неполовозрелые или негнездящиеся птицы, их встречали, как правило, в море. Предполагается гнездование на Новой Земле, однако верных доказательств этому нет.*

Чернозобая гагара (*Gavia arctica*) меньше черноклювой, ее длина 77 см. В брачную пору верх головы и задняя часть шеи темного пепельно-серого цвета, спина и крылья матово-черные. На спине и крыльях белые пятнышки и голубоватые крапинки. Шея, черно-серая спереди и белая с боков, украшена черными полосками. Зимнее оперение состоит из темно-серых и черных цветов. По бокам головы темные и белые полосы; у молодых птиц таких полосок нет. Глаза светло-карие; клюв черный; ноги снаружи серые, внутри красноватые, мясного цвета.

Чернозобая гагара повсюду редка. А в Сибири и в наиболее северных частях Америки она является гнездящейся птицей. Во время своего зимнего лета посещает южную и западную Россию, Данию, Германию и Голландию.

Самая маленькая **краснозобая гагара** (*Gavia stellata*). Ее длина достигает 65 см. На передней части шеи этой птицы летнее оперение блестящего каштаново-буро-красного цвета. Зимой горло выглядит белым. Глаза светлого буро-красного цвета; клюв черный; ноги снаружи темно-бурые, внутри голубовато-серые.

Краснозобая гагара встречается в тех же местностях, что и другие виды. Она живет в поясе между 78 и 60 градусами северной широты, на всем его протяжении по земному шару. Каждую зиму посещает более южные моря, а также реки и другие пресноводные бассейны, которые ко времени ее появления еще не окованы льдом.

Образом жизни и повадками все гагары сходны между собой. Как настоящие морские птицы, они посещают пресные воды только в пору размножения и зимой на пролете; в остальное время живут на море и там усердно занимаются рыболовством. Превосходно плавают и в совершенстве ныряют, но и летают быстро и продолжительно. Гагары с большой легкостью проплывают обширные пространства, могут держать свое тело поверх воды или погружаться в нее настолько, что заметной остается лишь узкая полоска спины. Нырять они способны без видимого усилия и даже без малейшего шума; в глубине они вытягиваются, плотно прижимают свое оперение и крылья к телу и, ра-

ботая одними ногами, стрелой несутся под водой то в одном, то в другом направлении. В быстроте они поспорят с самыми проворными рыбами, которые и становятся их добычей.

Гагары плавают и ныряют, начиная с первых дней своего существования, а впоследствии при каждом удобном случае, так как в воде они чувствуют себя безопаснее, чем на лету, в воздухе. Суша для них чужда. Они посещают ее, но только иногда; во всяком случае, реже, чем большинство других птиц. Но и тогда они не ходят по земле, а, скользя, выползают на берег, так как неспособны ни к ходьбе в обычном смысле этого слова, ни даже к стоянию. Я неделями наблюдал за пойманными гагарами, часто видел их на суше, но никогда не замечал, чтобы они стояли на земле или шли, упираясь на пальцы или пятки; они только ползали, употребляя в дело клюв, шею, а также крылья и ноги. Полет их гораздо лучше, чем можно предположить, если сравнивать их тяжелое тело с маленькими крыльями. Необыкновенно красиво, когда гагара с высоты несется прямо на поверхность моря. Она лишь слегка движет крыльями, чтобы придать полету косое направление, и со свистящим шумом, поворачиваясь то одной, то другой стороной, стрелой несется в воду и исчезает в ее глубине.

Гагары отличаются своими голосами от других морских птиц. Большинство натуралистов называют крики гагар неприятными и противными. Но я должен сказать, что всегда охотно слушал громкие, звонкие голоса этих птиц. Пронзительный крик черноклювой гагары, подхваченный мощным эхом окрестных гор, походит на жалобный крик человека, находящегося в опасности. Многие называют голос краснозобой гагары резким, трещащим и жалобным, тогда как я сравнил бы его с дикой песней моря, подслушанной птицей среди бурь и шума морских волн. Все известные мне виды перекликаются и кричат почти одинаково, так что различить их голоса весьма затруднительно*.

** На самом деле крики разных видов гагар хорошо отличаются на слух.*

При всяких обстоятельствах гагары остаются осторожными птицами. Если возле гнезда они и оставляют добрую часть своей пугливости, то все равно строго контролируют все происходящее перед ними и редко кому-либо доверяют. Могут ли они отличить опасных для них людей от неопасных — еще подлежит сомнению. Скорее они просто стараются избежать неприятного соседства с человеком.

Морские гагары по возможности избегают всякое чуждое им существо, мало общаются с другими животными и не любят даже своих сородичей*.

** Это не совсем так. В период размножения чернозобые гагары часто собираются небольшими обществами по 5-8 особей и активно общаются друг с другом. В состав таких «клубов» входят негнездящиеся птицы и особи, свободные от насиживания в данный момент.*

Очень часто их встречают одиночками; во всяком случае, в пору размножения они живут верными парочками, но две пары почти никогда не держатся близко одна от другой. Во время перелетов или в неволе гагары всегда держатся поодаль от других водоплавающих птиц и, когда последние приближаются к ним, то даже клюются. Они способны яростно защищаться и наносить значительные раны своим острым клювом.

Я сомневаюсь, что морские гагары питаются чем-либо другим, кроме рыбы; пока они живут на море, они, разумеется, кормятся исключительно ею. Добывание пищи облегчается необыкновенной способностью птиц плавать и нырять. Они ловят рыбу, быстро преследуя ее в воде, или же вытаскивая со дна. Само собой разумеется, что гагары охотнее едят узких рыб, нежели широких, но и от последних не отказываются. Я наблюдал, как они глотали мелкую рыбу целиком, но рыбы, уже величиной с селедку, доставляли им затруднения.

Все морские гагары для гнездования выбирают маленькие, спокойные пресноводные озера неподалеку от морского берега, иногда даже такие, которые лежат на значительной высоте над уровнем моря. На Лофотенских островах я наблюдал много пар краснозобых гагар, большинство которых селилось на высоких горных озерах и даже на таких, которые, по уверению норвежцев, были бедны рыбой или даже совсем безрыбные. В тундре Самоедского полуострова** я видел краснозобых и чернозобых гагар на крупных и богатых рыбой водных бассейнах.

*** Имеется в виду полуостров Ямал.*

В пору размножения звонкие голоса гагар слышатся чаще, чем в другое время. С особенно громкими криками пара несется сверху в море и начинает рыбную ловлю, что бывает аккуратно каждый вечер. Гнезда помещаются на маленьких озерных островках и на берегу, если таковых нет, но всегда очень близко к воде. Строятся они из сухого тростника или камыша***, сплетаются небрежно и совершенно не прячутся птицами, сидящую на яйцах гагару можно видеть издалека.

**** Здесь, видимо, неточность перевода. В местах размножения гагар тростник и камыш не растут, свои гнезда гагары строят из листьев осоки и пушицы.*

Кладка краснозобых гагар состоит из двух продолговатых яиц, которые имеют крепкую и прочную скорлупу оливково-зеленого цвета, покрытую к тому же пепельно-серыми, красноватыми и черно-бурыми пятнами, точками и крапинками. Самец и самка сидят на яйцах попеременно, одинаково усердно и сообща водят всех птенцов.

Яйца находят в гнездах в конце мая, птенцов обыкновенно в июне. Птенцы очень скоро становятся ловкими, но, только научившись летать, они покидают место своего детства, вылетают в море и ведут с того времени жизнь взрослых.

Семейство альбатросовые

Трубконосые птицы населяют все моря обоих полушарий и ведут один и тот же образ жизни, различаясь только в некоторых частностях. У них длинные крылья, а иногда даже очень длинные, и тогда беспримерно узкие; хвост короткий, прямо срезанный, слегка скругленный или вилообразный; оперение очень густое и по большей части темной окраски. Длиннопалые ноги снабжены большими плавательными перепонками. Верхняя половинка клюва изгибается большим крючком над нижней половинкой. А носовая полость переходит на верхнюю половинку клюва в виде роговых трубочек — этого признака совершенно достаточно, чтобы их тотчас же безошибочно распознать от других птиц.

Среди этих птиц альбатросам, составляющим отдельное семейство, следует отвести первое место.

Странствующий альбатрос (*Diomedea exulans*), за исключением черных маховых перьев, имеет чисто белое оперение, которое в молодом возрасте пестрит более или менее темным бурым крапом и дугообразными полосками. Глаза у него темно-карие, голые веки бледно-зеленые; клюв нежного фиалкового цвета, к концу желтый; ноги красновато-желтые. По Беннету, длина его достигает 1,16 м, размах крыльев 3,5 м, длина крыла 70 см, хвоста 23 см. Размах крыльев, впрочем, изменяется весьма значительно. Беннет уверяет, что у одного альбатроса размах крыльев достигал 4,25 м. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что эта птица обладает самыми длинными крыльями.

Родина альбатросов — в океанах Южного полушария; в Северном полушарии они встречаются только в виде заблудившихся экземпляров. Посещают северные части Тихого океана, в особенности Охотское и Берингово моря, кормятся здесь в продолжение некоторого времени и затем снова переправляются на юг, чтобы там всецело отдалиться делу размножения. В высоких широтах Южного полушария их встречают чаще; по свидетельствам моряков и рыбаков, альбатросы составляют самое обыкновенное явление между 50 и 60 градусами южной широты. Совершаются ли их странствования с известной регулярностью, ежегодно, или просто зависят от случайности и представляют собой простую кочевку, которую так любят эти птицы, до сих пор еще не установлено. Одно несомненно — альбатросы облетают всю землю в буквальном смысле этого слова, хотя к некоторым поясам привязаны больше, встречаются там во все времена года и там же размножаются.

Странствующий альбатрос (*Diomedea exulans*)

Все наблюдатели восторженно отзываются о полете этого властелина морей «В высшей степени радостно и светло делается на душе, — говорит Беннет, когда видишь, как эта великолепная птица грациозно и легко парит в воздухе, словно влекомая какой то невидимой силой. После того, как этот могучий летун сделал первое напряжение, чтобы подняться на воздух, больше не замечаешь уже ни малейшего движения крыльев; видно только, как он то поднимается, то опускается, как будто та же самая невидимая сила производит различные движения без всякого участия его мускулов. Он несется по воздуху у самого корабельного руля с гордым видом независимости, как будто сознавая себя властелином всего, что расстилается под ним. Заметив на воде какой-нибудь предмет, он постепенно опускается с расширенными и растопыренными крыльями, погружается в воду и плавает, поедая пищу, точно чайка или утка; затем поднимается, бежит с распушенными крыльями по поверхности моря, начинает кружиться и снова носится по воздуху. В его движениях не замечается ни малейшего напряжения, а только сила и выносливость в соединении с постоянно одинаковой красотой. С настоящей грацией плавает он по воздуху, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, скользит над самыми волнами, так что кажется, будто кончики крыльев обмакиваются в воду; затем снова взвивается ввысь и парит там с одинаковой свободой и легкостью движений. Его полет так быстр, что через несколько мгновений после того, как он только что был у корабля, его видишь уже на дальнем расстоянии, поднимающимся и опускающимся вместе с волнами, причем он пролетает это громадное пространство в самое короткое время. В бурную погоду он летает как по ветру, так и против ветра, носится, самый жизнерадостный из всех весельчаков, над гребнями волн, поднятыми завывающей бурей. Даже когда он летит при сильном ветре, не заметно никакого особенного движения его крыльев, только сам полет становится чуть-чуть медленнее. Некоторые предполагают, что он, летая постоянно против ветра, не только не обессиливает, но, как парусное судно, в этих случаях подвигается еще успешнее».

Гульд говорит, что сила полета у альбатроса больше, чем у каких бы то ни было других птиц, которых он наблюдал. «Хотя в тихую погоду он и отдыхает иногда над водной поверхностью, но большей частью почти всегда держится на лету, носясь с одинаковой самоуверенностью как над гладкой поверхностью во время продолжительного штиля, так и в сильнейшую бурю, когда он пронесется по воздуху с быстротой молнии».

На суше альбатрос теряет почти всю свою подвижность. У своего гнезда он неуклюже переваливается, как лебедь; так же неповоротливо держится на палубе корабля. Голос альбатроса зачастую сравнивается с ревом осла. Впрочем, Чуди говорит, что это ложное преувеличение и что птица издает просто громкий, в высшей степени неприятный, пронзительный крик; Беннет же сравнивает его крик с криком лебедя. Келер утверждает, что в гневе или в страхе альбатрос, подобно аисту, щелкает клювом, а Пехуэль-Леше прибавляет, что при этом он сильно кусается.

Из органов чувств первое место у этих птиц, несомненно, занимает зрение; все наблюдения доказывают, что альбатрос ясно видит на далеком расстоянии; увидев, например, что маленький буревестник чем-то занят далеко в море, он поспешно подлетает к нему. Об уме альбатроса трудно составить определенное понятие, так как жизнь его проходит в особых условиях, вдали от человека, у него просто нет возможности выказать перед человеком свои умственные способности.

В обществе других птиц своего вида альбатрос живет только в период размножения.

На море часто можно видеть альбатросов, летающих вместе, но при этом каждый держится своей дороги и заботится о своем собрате только ради личной поживы. К мелким буревестникам он относится так, как королевский гриф относится к своим так называемым подданным, или, проще, как сильное животное — к своим слабым братьям. Он утилизирует их труд и, завидев, что они раздобыли что-либо съедобное, тотчас налетает, разгоняет всех, овладевает добычей и летит дальше своей дорогой, нимало не беспокоясь о всяком, по его мнению, сброде.

Ненасытный голод заставляет альбатроса пролетать громадные расстояния и большую часть жизни проводить в воздушном пространстве. Пищеварение у него совершается необыкновенно быстро, и вследствие этого он вынужден постоянно отыскивать пищу. Если когда-нибудь в спокойную погоду ему посчастливится напасть на обильную пищу и отъестся как следует, то вслед за тем наступают горькие дни продолжительного шторма, за которые он опять успеет сильно отощать. До сих пор существует ложное мнение, что бури благоприятствуют морским птицам ловить добычу. На самом деле бурное море мешает птицам кормиться, вот почему они упорно держатся по соседству с судами, надеясь здесь хоть как-то удовлетворить свой вопиющий голод. В тихую погоду альбатросы едят, по всей вероятности, различных головоногих и других мягкотелых, которых собирают на поверхности воды. Они не в состоянии ловить живых рыб под водой, поэтому поджидают, когда добыча всплывет на поверхность. Тогда хватают ее клювом и проглатывают, продолжая плыть.

Гульд находит правдивыми ужасные рассказы о том, что альбатросы нападают на утопленников и, «подобно воронам в реках», выклевают им глаза. Я лично нисколько не сомневаюсь в том, что они действительно это делают, и не вижу никакой причины, по которой бы альбатросы стали делать различие между трупами человека или кита: едят же они, не задумываясь, трупы своих сотоварищей.

Относительно размножения альбатросов до сих пор не имеется достоверных сведений от наблюдателей, тогда как в различных баснях недостатка нет. Корник на основании личных наблюдений сообщает приблизительно следующее. На островах Аукланд и Кэмпбелл альбатрос выводит птенцов в ноябре и декабре. Для постройки гнезда он выбирает поросшие травой склоны холмов над лесными чащами.

Гнездо состоит из камыша, сухой травы и листьев, скомканных вместе, и имеет в окружности внизу около 2 м, а вверху около 70 см при 50 см высоты. Обыкновенно альбатрос кладет всего одно яйцо. Исследовав более ста гнезд, Корник нашел только одно гнездо, в котором было два яйца. Яйцо имеет 12 см в длину и 8 см в толщину. Сидящий на яйце альбатрос заметен всякому посетителю их гнездовья, он резко выделяется на фоне зеленой травы своей белой головой.

При приближении врага он защищает свое яйцо и не покидает гнезда до тех пор, пока его к тому не принудят; тогда он отходит на небольшое расстояние, не делая ни малейшей попытки улететь. Заклятым врагом альбатросов считается одна дерзкая хищная чайка, так как стоит ему только подняться с гнезда, как она тотчас же бросается туда и пожирает яйцо; альбатрос отлично знает этого врага и, заметив его, начинает ожесточенно стучать клювом.

Семейство буревестниковые

Буревестники отличаются сильным сложением, короткой шеей и большой головой. Клюв сильный и твердый, с бороздками по сторонам и с крючком на конце. Верхняя и нижняя половинки клюва заходят друг за друга и очень остры; ноздри лежат на спинке клюва в трубке, перегородкой разделенной на две половинки. Ноги средней величины и сильные, с короткими плюснами, сжатыми с боков; три передних пальца на ногах соединены плавательной перепонкой, тогда как задний палец обозначен только в виде маленькой бородавки. Крылья похожи на крылья чаек, но все же не

так длинны и острее их. Окраска его по большей части темная и мало изменяющаяся по возрасту, полу и времени года.

Все виды этого семейства живут на обширных океанах. В жарком поясе они не так многочисленны, как в умеренных и холодных обоих полушарий, но в Южном полушарии их гораздо больше, чем в Северном. Буревестники почти не умеют ходить. Плавают легко и, по-видимому, без напряжения, но редко. А 4079 11 большую часть своей жизни проводят на лету. Это самые плохие ныряльщики из всех морских птиц, но все-таки могут погружать в воду свое густо оперенное тело. Из органов чувств выше всего у них стоят зрение и слух.

Буревестники гнездятся поблизости от моряч всего охотнее на уединенных, по возможности недоступных утесах и скалах. Настоящего гнезда они не строят, а кладут очень большое, толстое, шероховатое чисто белое яйцо прямо на голую землю и тотчас же начинают насиживать. Птенец выходит в сереньком пушке и растет очень медленно. Родители горячо любят его и при виде врага, не задумываясь, жертвуют соотственной жизнью; пытаются иногда защищать его тем, что пускают на врага струю вонючей жидкости. После вылета птенцов из гнезда все общество рассеивается по обширному океану, образуя более или менее многочисленные стаи, летающие туда и сюда.

Гигантский буревестник (*Macronectes giganteus*)*.

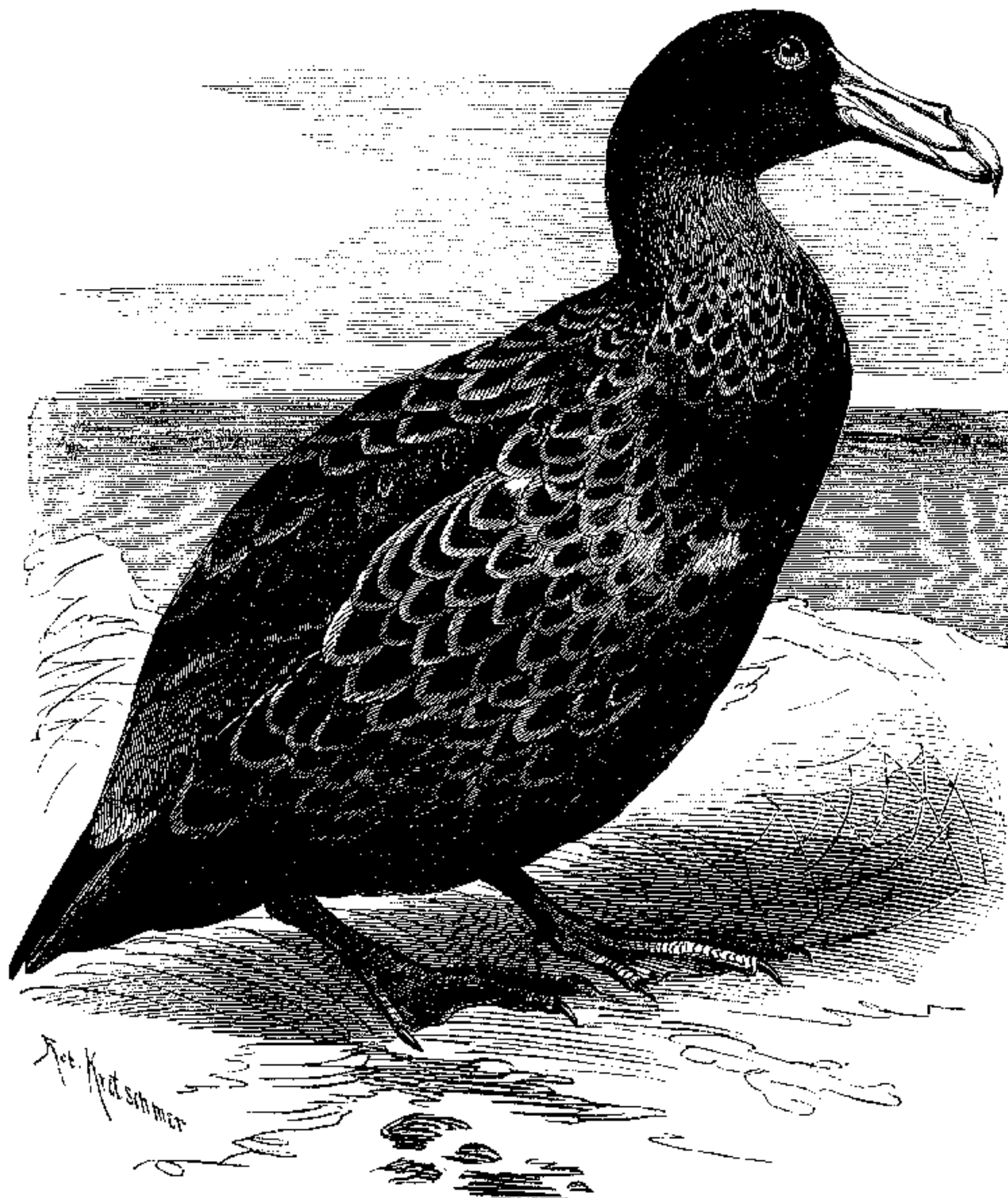
** Гигантский буревестник заселяет ряд архипелагов Антарктики: Южные Шетландские, Южные Оркнейские и Фолклендские острова, а также остров Южная Георгия, остров Марион и др.*

У взрослой птицы оперение на верхней стороне пятнистое вследствие того, что большая часть мелких перьев имеет тускло-белые края; нижняя сторона тела белая; глаза желтовато-белые; клюв яркого, а ноги бледно-желтого цвета. Оперение молодых птиц одноцветное шоколадно-бурое; глаза темные черно-карие; клюв светлого рогового цвета на кончике с бледным винно-красным налетом; ноги черновато-бурые. Длина птицы 90 см, размах крыльев 200, длина крыла 50, хвоста 18 см.

Полет гигантского буревестника не такой красивый, парящий, как у альбатросов, а более напряженный, с более частыми взмахами крыльев; но все же при беглом взгляде его легко спутать с мелкими видами альбатросов.

По словам Чуди, этот буревестник «осторожен и недоверчив, так что редко попадает на удочку; если же его удастся поймать и вытащить на па чубу, то он храбро защищается и жестоко дерется своим острым клювом. Перед ним со страхом расступаются все остальные маленькие буревестники, из которых он, может быть, зачастую выхватывает себе жертву». Они очень прожорливы; Гульд находил в желудке убитых им экземпляров только более или менее переваренную рыбу; Лессон же сообщает, что ему приходилось находить во внутренностях остатки разных птиц.

По соображениям Хуттона, гигантский буревестник выводит птенцов на острове Принца Эдуарда и кладет всего одно белое яйцо.

Гигантский буревестник (*Macronectes giganteus*)

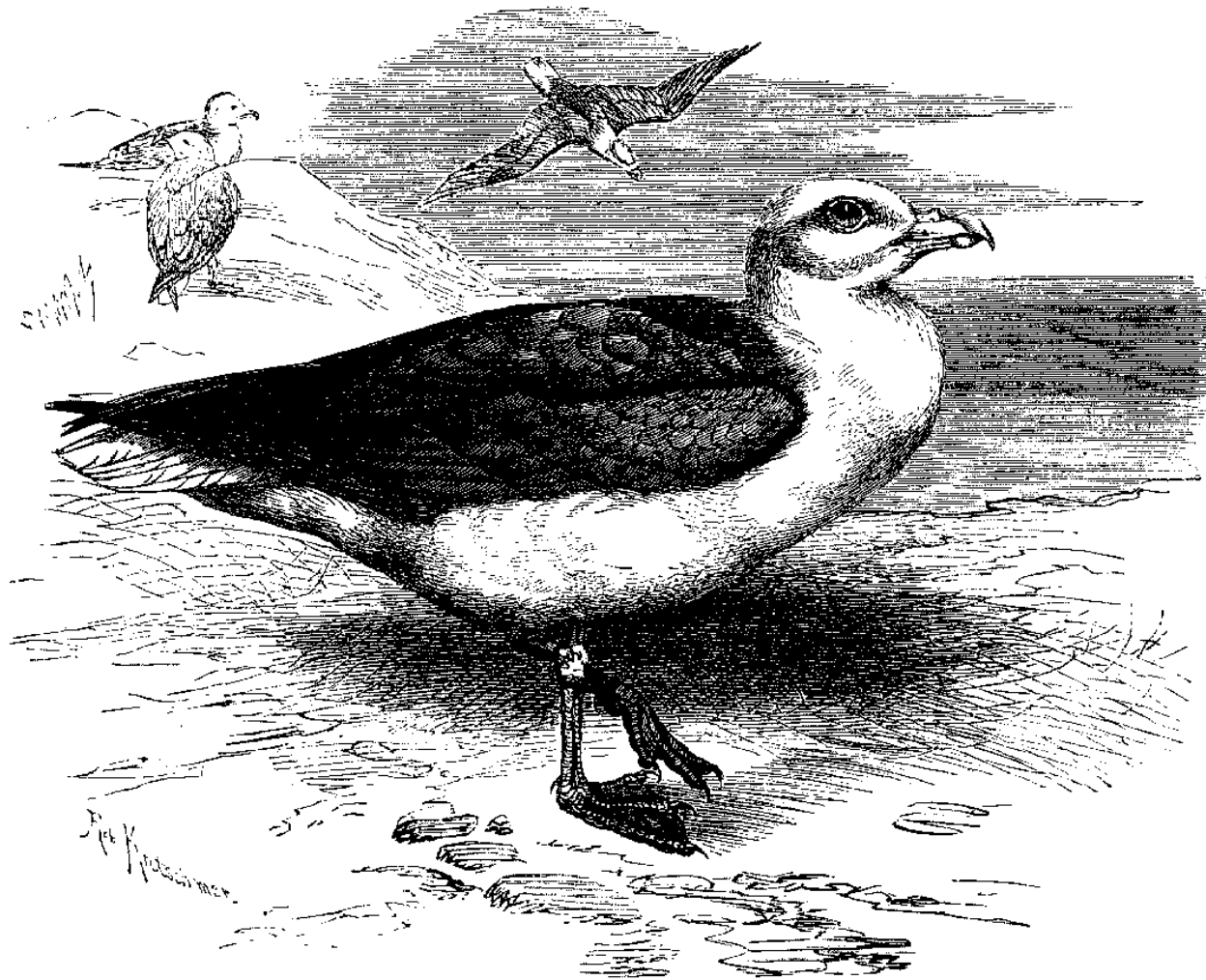
После долгого насиживания вылупляется птенец, одетый первоначально в прекрасное белое пушистое оперение; он растет довольно медленно и впоследствии одевается в юношеский наряд — темно-бурый с белыми пятнами. Если кто-нибудь приблизится к гнезду, самка отклоняется немного в сторону, а птенец пускает в нарушителя покоя отвратительно вонючую струю маслянистой жидкости, которая бьет на два метра вдаль.

Северный глупыш (*Fulmarus glacialis*). Птица белого цвета со светлым серебристо-серым брюхом и серовато-голубыми шейными перьями; маховые перья темноватые. Глаза карие, клюв у основания серо-зеленый, на спинке бледного желтого цвета; ноги желтые с голубоватым оттенком. Длина достигает 50 см, размах крыльев ПО, длина крыла 32, а хвоста 12 см. Глупыш живет в Северном Ледовитом океане и покидает его крайне редко. Самыми южными пунктами его размножения следует считать небольшие острова близ Исландии*.

* В настоящее время самым южным районом гнездования глупыша является южное побережье Бретани (Франция).

Подобно всем его родичам, это вполне океаническая птица, к суше глупыш приближается, помимо птенцовой поры, лишь тогда, когда его загонит туда туман или продолжительный шторм. Мореплаватели, затертые на своем пути льдами, считают появление глупыша верным признаком близости открытой воды.

Полет глупыша имеет некоторое сходство со многими чайками. Он легко скользит над бушующими волнами с распростертыми, почти недвижимыми крыльями, держась по возможности все время на одинаковом расстоянии от воды, и поминутно борется со штормом, лишь изредка прибегая к отдыху.

Северный глупыш (*Fulmarus glacialis*)

В плавании он проявляет большую ловкость; купается в самых сильных бурунах между скалами или легко несется по поверхности воды; зато на суше совершенно беспомощен, и когда ему приходится передвигаться на ногах, то он скорее скользит на плюснах, чем шагает. Голос его звучит гогочущим «гэ-гэ-гэ-гэ-гэ», в гневе же — каркающим «карв». По своим нравам он ничем особенно не отличается от других видов семейства. Человека не страшится, без малейшего размышления приближается к плывущему судну и с большой назойливостью лезет к рыбакам и китоловам. «При рассечении кита, — говорит Гольбель, — они ведут себя до того нагло, что их можно перебить веслами и баграми целые тысячи». Подобную же беспечность проявляет он и на гнезде, с которого его почти нельзя согнать.

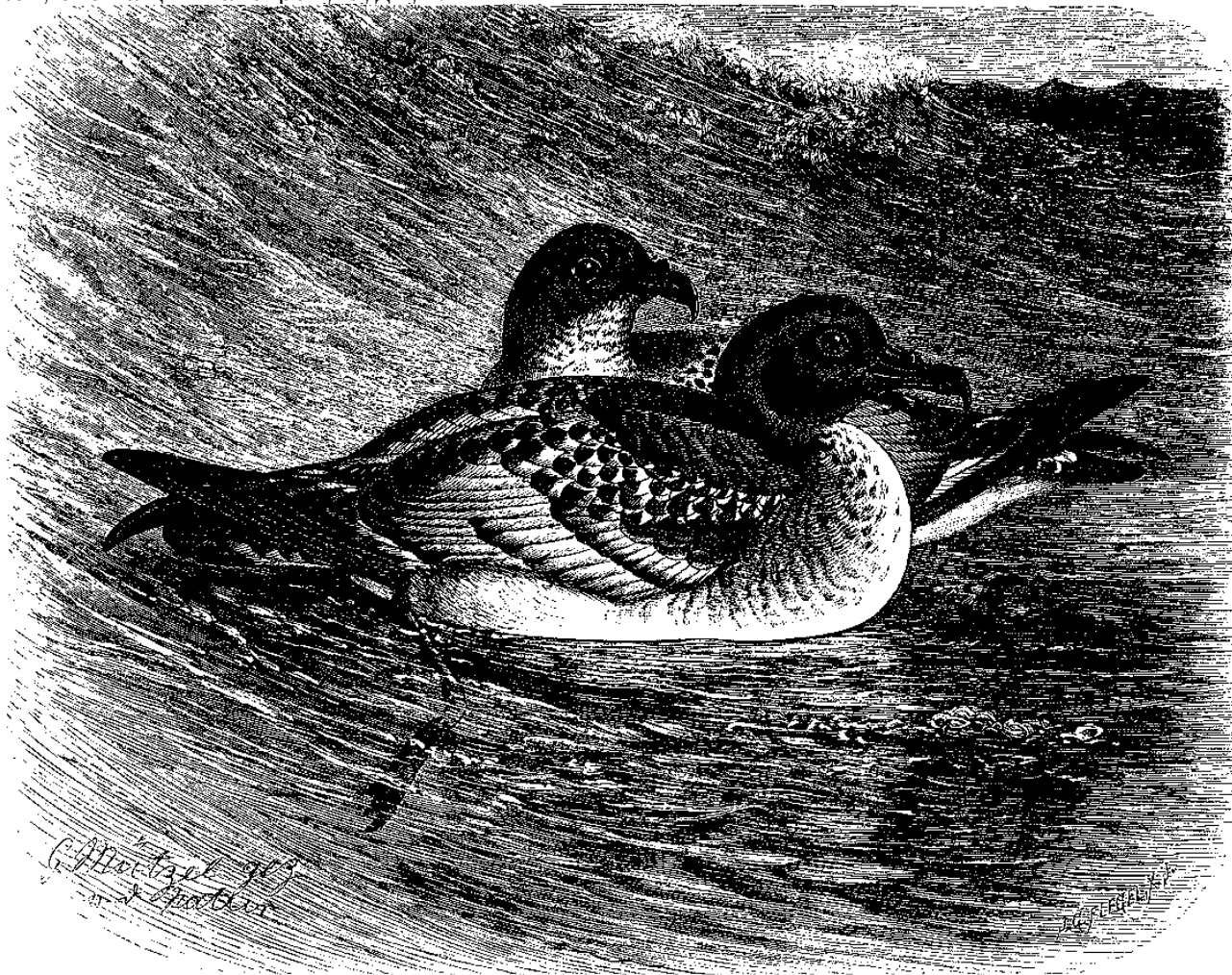
В прожорливости глупыш не уступает ни одному из своих сородичей. Китоловы утверждают, что самая любимая его пища — сало. Некоторые компетентные наблюдатели нашли, что он питается всевозможными морскими животными и даже ест иногда ложечную траву, растущую на скалах. Пищу схватывает, летая над водой или погрузившись в волны; когда вскрывают убитого кита, то плавают рядом с судном и объедаются. Хотя глупыш и умеет нырять, но все же ныряющей птицей его считать нельзя. Потому что ему очень редко удается поймать быстрых и ловких животных.

Кроме человека глупышей преследуют разные соколы и морские орлы; на птенцов нападают большие хищные чайки, так как они отлично знают, что, кроме обрызгивания маслянистой жидкостью, взрослые птицы не могут оказать им никакого сопротивления.

Капский голубок (*Daption capensis*)* из всех морских птиц самый верный спутник судов.

* Старое название «капский буревестник».

Географическое распространение его поистине изумительно. Очень редко случается, чтобы в Северном полушарии он забрел внутрь жаркого пояса или дошел до западных берегов Европы; зато в Южном полушарии встречается повсюду, по крайней мере, в той части океана, которая омывает западный берег Америки до самого экватора и даже севернее. «Я сделал наблюдение, — говорит Чуди, — что в жарких поясах капские голубки не держатся так упорно поблизости от судов, как в холодном климате. Там они окружают суда и днем, и ночью, здесь же на ночь исчезают и появляются только за час и спустя час после солнечного восхода, а также в поздние часы после полудня. Нельзя, впрочем, утверждать, чтобы это было общим правилом, но, по крайней мере, во время моих путешествий это было всегда так. Мне никогда не приходилось встречать капского голубка где-нибудь на рейде, в бухте или в гавани на Южном океане, тогда как масса других птиц всегда залетает в бухты или защищенные от ветра места якорных стоянок судов. Но стоит только удалиться на несколько морских миль от суши, как тотчас же показывается первый из целой стаи капских голубков, спешащих навстречу судну».

Капский голубок (*Daption capewis*)

Капский голубок плавает легко, хотя все же довольно редко, так как и день, и ночь он проводит на лету и садится на воду только для того, чтобы с удобством подобрать пищу. «Трудно представить себе, — говорит Гульд, — что-нибудь красивее его движений во время полета, когда, закинув шею на спину и подтянув свои длинные ноги под нижние кроющие перья хвоста, он несется по воздуху с распушенным в виде веера хвостом». Чуди называет голубка крайне прожорливой и сварливой птицей. Его пища состоит из моллюсков, ракообразных и маленьких рыб. Во время следования за судном в бурную погоду он питается всевозможными кухонными отбросами, выкидываемыми за борт и плавающими в кильватере. В ясную погоду довольно робок и недоверчив, в шторм же, напротив, мучимый голодом, он очертя голову смело летает и тогда легко дается в руки.

Относительно размножения капских голубков еще нет никаких сведений. Гульд говорит, что они гнездятся на острове Тристан-да-Кунья и других; Чуди же указывает на голые скалистые островки близ перуанского берега как на места их гнездования. Около южной оконечности Африки они совершенно исчезают с океана в ноябре и декабре, так что это время, наверное, проводят на своих гнездовьях. По всей вероятности, эти гнездовья находятся на островах и на материке Южно-

го полюса. Здесь, вблизи Южной Виктории, между 71 и 72 градусами южной широты, Росс видел летавших птенцов*.

* *Капский голубок гнездится на большинстве субантарктических островов.*

Семейство качурковые

Качурки отличаются незначительной величиной, стройным туловищем, короткой шеей и относительно большой головой. Крылья очень длинные, вроде ласточкиных; из маховых перьев второе и третье самые длинные. Клюв маленький, слабенький, прямой, крючковатый сверху, с загнутыми концами обеих половинок. Нижняя челюсть в конце длинного расщепа образует более или менее остро выступающий угол, но бороздок на ней нет. Ноги маленькие, тонкие, с длинными плюснами, покрытые сетчатыми чешуйками; три длинных тонких передних пальца до самых концов соединены плавательной перепонкой; задний палец очень маленький и короткий, в виде бородавки. Оперение густое, вроде меха, темно-бурой окраски с беловатым рисунком.

Различные виды различаются, прежде всего, своими хвостами. У **прямохвостой качурки** (*Hydrobates pelagians*) хвост средней длины и прямо обрубленный; у **северной вилохвостой качурки** (*Oceanodroma leucorhoa*) хвост сильно вилообразный.

Все качурки — морские птицы, и притом с обширной областью распространения. Живут по всему Атлантическому океану, за исключением крайних северных частей, а также в Тихом океане; встречаются у европейских берегов. В Северном море попадаются редко, а в Балтийском — еще реже и только поодиночке. В Ледовитом океане встречаются чаще, хотя и появляются здесь только в определенное время. Обыкновенно они живут в открытом море, не приближаясь к суше. Но если долгое время держится ненастная погода, то их часто можно видеть вблизи берегов. Случается даже, что целая стая залетает внутрь материка, без сомнения, с намерением вернуться в море. Такие залетные качурки неоднократно наблюдались в центре Германии и даже в Швейцарии.

Эти птицы деятельны преимущественно ночью. Хотя их можно видеть во всякое время дня, но самая оживленная пора начинается с наступлением сумерек, они слышны также во все часы ночи. Среди океана их встречают поодиночке, но обыкновенно они держатся маленькими и большими стайками как в бурю, так и в хорошую погоду. По целым дням их можно видеть летающими над волнами; они то парят высоко в воздухе, подобно ласточкам, то носятся над самыми волнами, однако, не касаясь воды. Глядя на птиц в эту минуту, кажется, будто они приросли к волне и какая-то волшебная сила удерживает их на одном и том же расстоянии от воды. «Чем крепче ветер, — пишет Бойе, — тем слабее становится движение их крыльев. Птица несется, подобно бабочке над цветами, непосредственно над самыми волнами, заметно предпочитая углубления между волнами их вершинам. То семенящими ножками, то концами своих крыльев она дотрагивается до поверхности воды и тотчас же снова отскакивает, постоянно с таким видом, как будто хотела сесть на воду, но никогда не садится. Вплавь она пускается только в редких случаях, так что это дало повод комментаторам утверждать, что качурки никогда не плавают. На самом деле они садятся на воду, по-видимому, только с той целью, чтобы отдохнуть, а не плыть. Пехуэль-Леше часто случалось видеть, как качурки ныряют, красиво и осторожно погружаясь в воду за кусочками брошенного корма.

Сила их полета необыкновенно велика. Они летают буквально по целым дням, без перерыва, находя отдых лишь в перемене положения, переходя, например, из парящего движения в настоящий полет. Только слишком продолжительные штормы способны обессилить их, и то не потому, что их утомляет борьба с ветром, а оттого, что буря затрудняет им добывание пищи и их истощает голод. Напротив, ветер даже облегчает им полет. Среди матросов держится поверье, что в красивых качурках живут души погибших в море моряков».

Далее Бойе продолжает: «Пища качурок состоит из различных моллюсков, маленьких раков, а также, может быть, и из рыбы; разные жирные вещества — масло и тому подобное, плавающие на поверхности воды, также употребляются ими в пищу. Сказать еще что-нибудь по поводу этого — нечего, так как в желудках убитых качурок до сих пор находили постоянно только соленую жидкость.

За несколько недель перед тем, как качурки начинают выводить птенцов, они отправляются в пещеры и расселины поблизости от моря. Выкапывают свои норки в земле, сколь возможно глубоко, зачастую на 60 см глубины, изготовляют гнездо из нескольких рыхло положенных стебельков травы и в конце июня кладут в него свое единственное яйцо, круглое и белое. Хотя один туземец и говорил мне, что он уже около Иванова дня видел молодых слетков, а около Михайлова дня снова нашел в гнезде других таких же птенцов, но по всем сделанным наблюдениям это оказалось неверным. Еще перед тем, как класть яйцо, птица выщипывает себе перья на брюхе в том месте, которым

насиживает; я находил такое голое пятно у большинства качурок уже дней за восемь до кладки. О самом насиживании и о птенцах я не мог сделать никаких личных наблюдений, но полагаю, что оба родителя насиживают поочередно, так как на гнезде находилась всегда только одна птица, а в продолжение дня я видел там как самца, так и самку». К наблюдениям Бойе могу добавить, что яйцо качурки имеет в длину около 30 мм, а в поперечнике около 23 мм. Кроме поморников никакая другая птица не нападает в море на этих птиц.

Семейство ныряющие буревестники

Принадлежащие к этому семейству виды отличаются следующими признаками: туловище у них стройное, клюв средней длины, стройный, слабенький. Верхняя челюсть своим клинообразным сильно выгнутым и длинным крючком надвигается над соответственно искривленным концом нижней челюсти. Ноздри располагаются в широких плоских двойных трубках, лежащих на спинке клюва. Большие ноги с широкими ступнями сочленяются далеко позади. Крылья относительно короткие; хвост более или менее длинный, округленный и состоит из двенадцати перьев; оперение гладко прилегающее и жирное.

Ныряющие буревестники покидают море тоже только в период размножения, но приближаются к суше все же чаще своих сородичей и нередко залетают в гавани. Обыкновенно они живут стайками в 8-20 птиц и, охотясь совместно, придерживаются известного направления; в пору высиживания птенцов скучиваются в большие общества и буквально усеивают отдельные острова. Добычу они ловят, ныряя и плавая. Пища состоит главным образом из рыб и головоногих, поэтому в желудке у них нет жирной жидкости, как у других буревестников. Ныряющие буревестники живут по всему Атлантическому океану, а также и по Тихому.

Из тех видов, которые живут на европейских берегах, самый известный — **обыкновенный ныряющий буревестник** (*Pelecanoides иг'matrix*). У взрослой птицы оперение передней стороны тела буровато-черное, задней — чисто белое. Глаза карие, клюв свинцово-серый; ноги зеленовато-желтые. Длина птицы 36 см, размах крыльев 80, длина крыла 26, а хвоста 8 см. Этот вид живет в северной части Атлантического океана, включая и Средиземное море, кое-когда встречается и в Балтийском море.

От всех прочих буревестникообразных, ныряющих буревестников сразу можно отличить по их своеобразному полету. Я не знаю никакой другой птицы, которая бы летала так бешено. Правда, нередко случается видеть их спокойно плывущими или ныряющими в глубину прямо с поверхности воды. Обыкновенно же их видишь на лету и не в парящем положении, а бешено носящимися над самими волнами и как бы рассекающими их. Они гоняются по воздуху с распушенными крыльями, бросаются из стороны в сторону, вверх и вниз, необыкновенно быстро следуя один за другим. Какими-то свистящими взмахами крыльев крутятся во все стороны, так что мелькает в воздухе то темная спина, то светлое брюхо. Они то несутся над самыми волнами, карабкаясь по их гребням или погружаясь в глубину, то вдруг взлетают на три метра и более в высоту и оттуда бросаются по косому направлению прямо в воду. Исчезают в ней и снова выплывают, гребя одновременно крыльями и ногами. Так плывут они порядочное расстояние, а затем снова взлетают в воздух, зачастую только для того, чтобы перевести дух, так как тотчас же опять исчезают в воде.

Вполне основательно считают полет других буревестникообразных красивее, но надо сознаться, что никакие другие птицы этого отряда не летают так изменчиво и разнообразно, как ныряющие буревестники. При этом в полете сразу видишь несколько птиц. Одни исчезают в волнах, другие поднимаются оттуда, перелетают через нырнувших, и, когда те показываются на поверхности, сами они снова погружаются в воду. Эта постоянная перемена только увеличивает прелесть картины; я, по крайней мере, могу сказать, что меня это пестрое зрелище игры ныряющих буревестников на воздухе и в воде приводило в неопишуемый восторг.

Для вывода птенцов ныряющие буревестники в большом количестве стекаются на Гебридские, а также и на Фарерские острова. Прилет их бывает в начале мая, по уверению туземцев, всегда ночью, так как в эти часы птицы всего деятельнее. С помощью клюва и когтей они выкапывают глубокие норы в торфяном грунте, на котором находится их гнездовье. Иногда нора имеет целый метр в глубину и походит скорее на кроличье, чем на птичье, жилище. В заднем конце нора несколько расширяется, однако настоящего гнезда все равно нет. Яйцо кладется большей частью прямо на землю или же подстилкой служат несколько стебельков травы. Само собой разумеется, что птицы пользуются прошлогодними норами, если они уцелели, еще охотнее, чем вновь выкопанными, хотя работа эта поглощает у них очень мало времени. Большое кругловатое яйцо имеет 60 мм в длину и 45 мм в толщину и почти чисто белого цвета. Обе птицы попеременно и с большим усердием насиживают яйцо в продолжение нескольких недель. В это время они свирепы, если их потрево-

жат, и в гневе издают звук, похожий на ворчание и визг щенка; при этом также распускают веером хвост, поднимаются и довольно яростно кусают врага. Один из родителей постоянно торчит в норе даже тогда, когда из яйца уже вылупился буро-серый птенец, покрытый густым длинным пухом. Несмотря на обильную пищу, доставляемую обоими родителями, птенец растет медленно и только через несколько месяцев в состоянии покинуть гнездо и улететь в море. Пока птицы сидят в норе, то так жиреют, что на груди у них нарастает слой сала в целый сантиметр толщиной, вследствие чего они составляют лакомую пищу островитян.

Помимо человека, посещающего их гнездовья, у ныряющих буревестников мало врагов. В южных морях их преследуют большие хищные рыбы, а на гнездовьях в горах одолевают соколы и поморники.

Отряд пеликанообразные

Пеликанообразные отличаются от других птиц не только своими веслоподобными ногами, но и общим строением. Тело их вытянутое, шея средней длины, голова маленькая. На горле из складки кожи образуется отвисающий мешок. Ноги длиннопалые, с короткими плюснами, отличаются от плавательных ног других птиц тем, что плавательная перепонка у них соединяет все пальцы. Крылья длинные и кругловатые или длинные и заостренные. Хвост у разных видов бывает различной формы, но всегда имеет своеобразное строение, отличное от строения хвостов других плавающих птиц. Мелкое оперение прилегает плотно, у одних видов оно жесткое и твердое, у других шелковисто-мягкое; окраска молодых самцов и самок мало или совсем не отличается, но с возрастом большей частью сильно изменяется.

Пеликаны заслуживают название обитателей моря, хотя только члены двух семейств этого отряда похожи на морских птиц тем, что без каких-либо причин никогда не отдаляются от моря. Многие же охотно улетают в глубь страны.

и поселяются на подходящих местах. Некоторые виды на море появляются лишь в исключительных случаях. Одни располагаются на отдых или на ночлег на скалистых островах и берегах, другие — по отмелям, большинство — на деревьях, если имеют к тому возможность; есть виды, которые принадлежат к настоящим лесным птицам.

Можно с определенностью сказать, что пеликанообразные соединяют в себе все свойства водоплавающих птиц. Органы чувств хорошо развиты, но умственное развитие довольно низкое; некоторые виды все-таки оказываются довольно способными и поддаются обучению. Несмотря на всю любовь к общительности, они не могут быть названы миролюбивыми птицами, напротив того, им свойственны зависть, алчность и склонность к ссорам, равно как злость, коварство и трусость, когда им приходится сталкиваться с другими существами.

Многие виды гнездятся вместе с птицами других групп, при этом иногда дерзко прогоняют их с гнезд или грабят гнездовый материал. Одной общей жизнью со своими собратьями по гнездовью они отнюдь не живут.

Гнезда устраивают на деревьях, в трещинах и по карнизам скал или на горных выступах, реже на равнинах островов, в болотах и топях. Где возможно, эти птицы пользуются чужим трудом, по крайней мере, в устройстве подстилки гнезда; уже потом они достраивают гнездо по своему вкусу. В других случаях они и сами таскают необходимый гнездовый материал и плетут из него неопрятное гнездо. Кладка состоит из одного или двух-четырех яиц. Яйца относительно малы, продолговаты и обыкновенно покрыты известковым налетом, местами совершенно скрывающим яркую, равномерно окрашенную скорлупу. Реже яйца гладкие и по светлому фону покрыты более темными пятнами. На яйцах сидят оба родителя, и притом так крепко, что их почти нельзя согнать с гнезда; они оба заботятся о снабжении кормом одного или нескольких своих возлюбленных птенцов.

Для пеликанообразных рыба является исключительной пищей. Некоторые виды, конечно, едят при случае и других позвоночных, может быть, даже моллюсков и червей, но всегда они делают это попутно, скорее случайно, нежели намеренно. При ловле рыбы они или стремительно бросаются с высоты в воду, или плывут, погрузив свою длинную шею неглубоко под поверхность, могут, наконец, преследовать свою добычу, плывя под водой.

Одних пеликанообразных китайцы дрессируют для ловли рыбы; невкусное мясо других употребляется в пищу арабами, а островитяне южных морей используют для украшений длинные хвостовые перья пеликанов — вот, в сущности, все, чем исчерпывается польза, приносимая этими птицами человеку.

Семейство фаэтоновые

Линней, когда увидел птицу из семейства фаэтоновых, назвал ее «сыном солнца»*.

** В греческой мифологии Фаэтон сын бога солнца Гелиоса.*

Появление этих птиц на горизонте служит для моряков знаком, что они вступили в пределы жаркого пояса. И действительно, фаэтона можно встретить в умеренных поясах земного шара только в исключительно редких случаях. Правда, одиночные экземпляры залетали и в наши области, но такие встречи все-таки принадлежат к числу редчайших исключений.

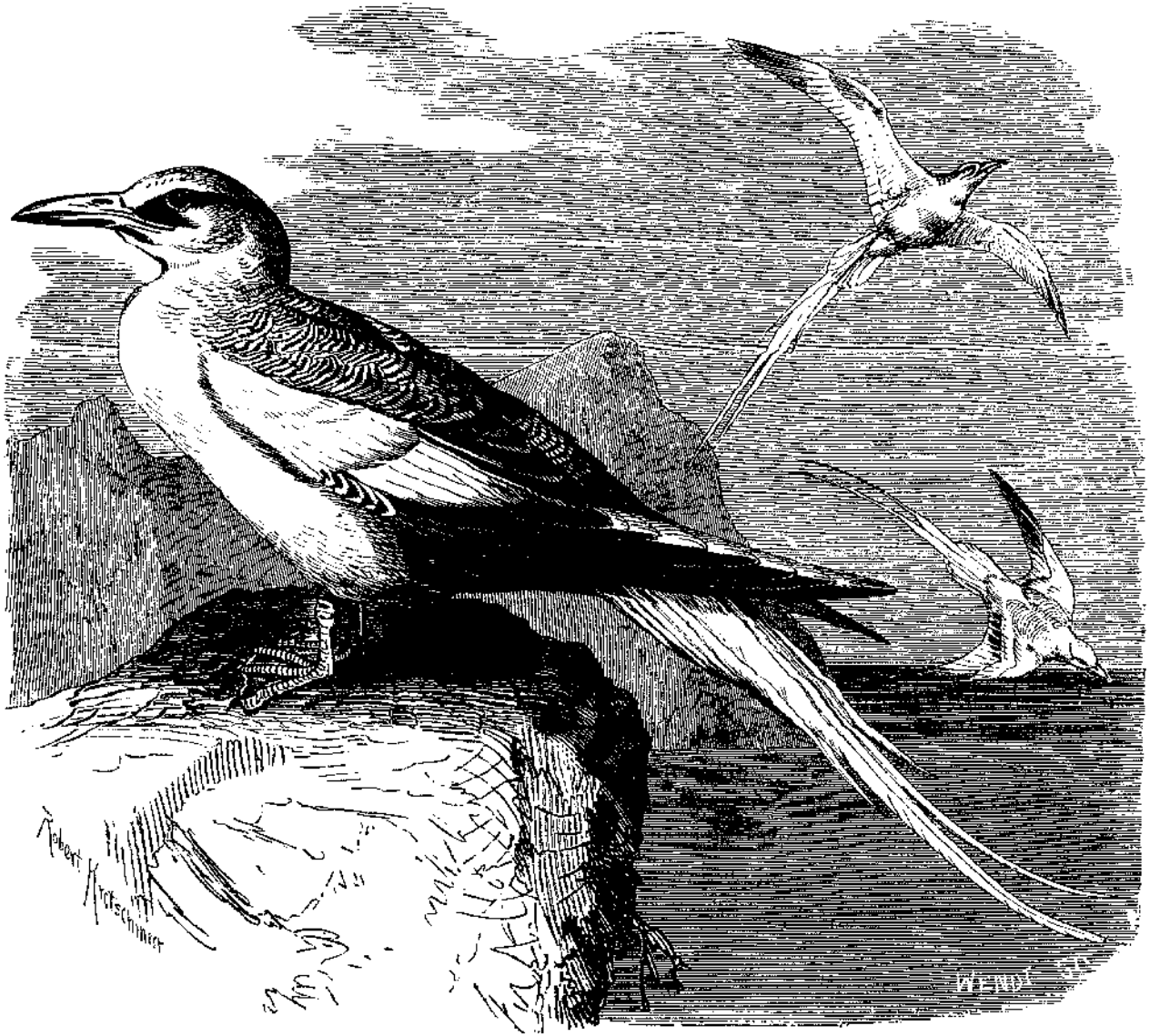
Самым известным и наиболее распространенным видом является **красноклювый фаэтон** (*Phaeton aethereus*). Его мелкое оперение белого цвета с розово-красноватым налетом; черная полоска на шее спереди более широкая, сзади суживающаяся. Наружные опахала больших маховых перьев черные; задние малые маховые тоже черные, но с белой каймой; хвостовые перья белого цвета. Глаза карие; клюв кораллово-красный; ноги, за исключением черной плавательной перепонки и пальцев, желтые. Длина птицы достигает 100 см, включая оба копьевидных пера длиной до 50-75 см, эти перья заходят сантиметров на 60 за наружные хвостовые перья; размах крыльев около 104, длина крыла 30 см.

Все моря и океаны, лежащие между тропиками, служат отечеством фаэтонов. Этот вид распространен под данными широтами Атлантического, Индийского и Тихого океанов. Из-под тропиков фаэтоны иногда залетают и в умеренный пояс.

Обыкновенно фаэтонов видят днем летающими поблизости от берегов, хотя Лессон видел их в тихие, лунные ночи, летавшими так же неумоимо, как и днем, а Беннет встретил этих птиц в апреле в тысяче морских милях от суши. В общем, моряки считают, что триста миль — это то расстояние, на которое эти птицы отдаляются от материков.

Я видел фаэтонов только раз, в южной части Красного моря, и наблюдал их лишь непродолжительное время; но все путешественники, которые могли лучше познакомиться с ними, согласно высказываются об удивительной красоте и миловидности этих птиц. По словам Чуди, с первого взгляда фаэтон не оставляет впечатления морской птицы; скорее в нем можно видеть обитателя суши, загнанного в необозримую пустыню могучего океана.

Беннет говорит: «Фаэтоны, безусловно, принадлежат к самым красивым морским птицам и, наверное, возбуждают удивление всякого, кто видит их чудное оперение, играющее в ярких лучах тропического солнца.

Красноклювый фаэтон (*Phaeton aethereus*)

По своему характеру они столь же милы, как и привлекательны. Наблюдать за их искусными движениями в воздухе доставляет истинное наслаждение. Корабли часто привлекают их внимание; они прилетают к ним, кружатся над судном, все ниже и ниже по спиральной линии спускаются из верхних воздушных слоев, временами стоят на месте на небольшой высоте, трепеща своими крыльями и даже, хотя очень редко, садятся на корабельные реи. Если их не тревожить, они сопровождают, таким образом, корабль целый день, пока он не выйдет из границ их местожительства или по какой-либо другой причине они сами не повернут назад.

Полное искусство своих воздушных движений птицы показывают при рыбной ловле. Подобно крупным крачкам, они, трепеща крыльями, стоят в воздухе на одном месте, зорко всматриваются в воду и вдруг стремглав несутся, сложив крылья, почти отвесно в воду, с такой силой, что, исчезая под ее поверхность, уходят на глубину одного фута и, чтобы вынырнуть, должны сильно работать крыльями и ногами».

Пища этих птиц состоит исключительно из рыбы и других морских животных, плавающих на поверхности воды. Нутталль уверяет, что очень часто видел их ловящими летучих рыб; Беннет в желудках их также нашел остатки головоногих.

Смотря по местоположению гнездовых островов, время гнездования фаэтонов, по-видимому, различно. В это время самцы бывают в чрезвычайно возбужденном состоянии, беспрестанно дерутся между собой, с криком и чириканьем гоняются друг за другом, бешено носятся кругом и толпятся и теснятся возле равнодушно летящей впереди самки. Для гнездовой предпочтительно выбирают острова, лежащие вдали от людских поселений. Случалось наблюдать, что фаэтоны там, где их еще ни разу не беспокоили, клали свои яйца прямо на землю, большей частью под кустами; напротив, на островах, посещаемых человеком, они для этого избирают всегда различные углубления и расселины скал. Яйцо сравнительно велико, около 55 мм длиной, 37 мм в поперечнике, скорее кругловатое. Яйца насиживаются и самцом, и самкой, притом с таким усердием, что при появлении

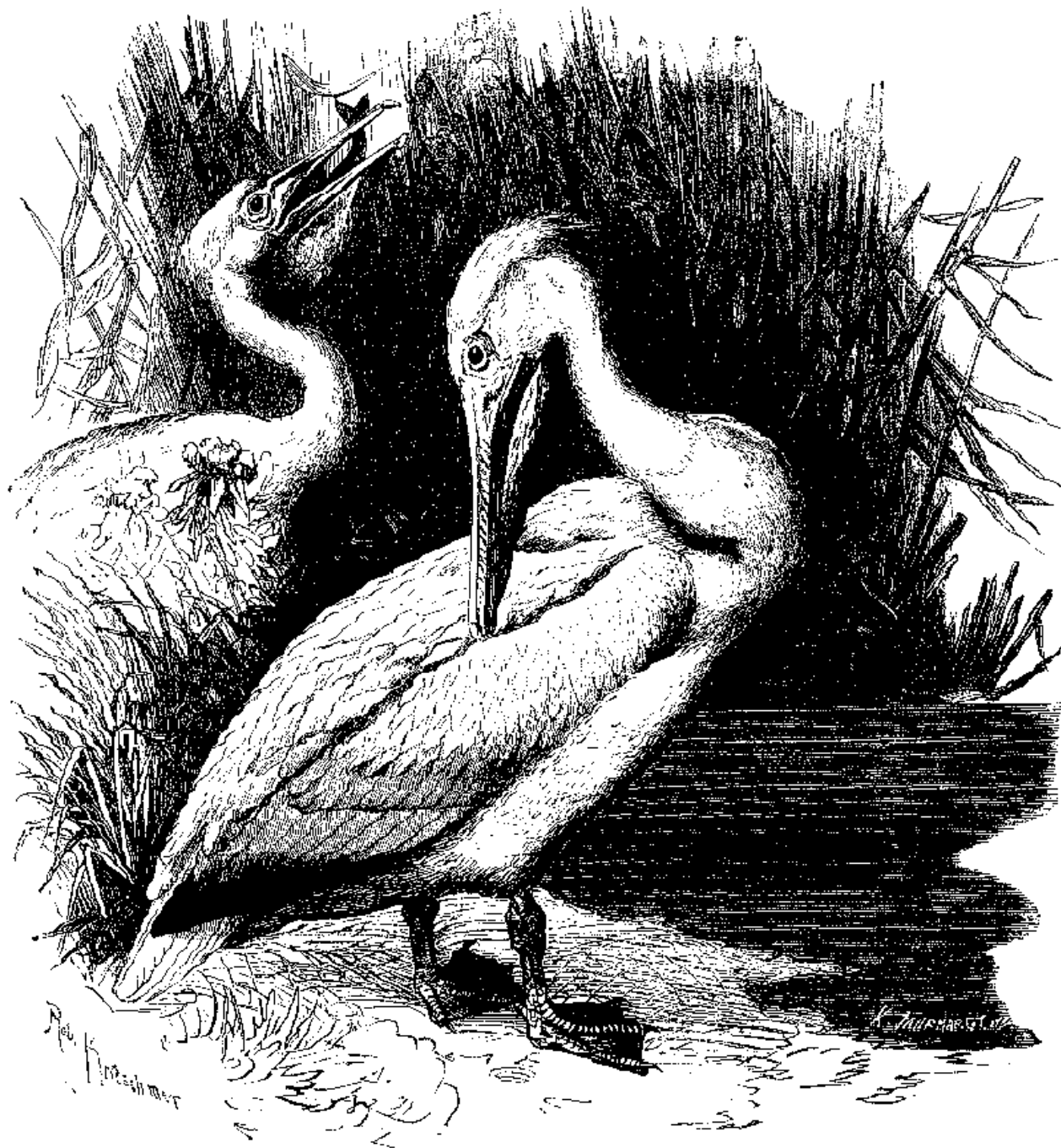
человека птицы не улетают, а защищаются своим клювом, нередко весьма успешно. По выражению Беннета, молодые более походят на пуховую пудреницу, нежели на птицу: они круглы, как мячик, и покрыты нежным, сверху пепельно-серым, на лбу и нижней стороне белоснежным пухом. Позднее они получают полосатое юношеское перовое одеяние, которое с первой же линькой меняется на чисто белое. На третьем году появляется розово-красная окраска, и одновременно с ней вырастают длинные перья. Жители островов южной части Тихого океана употребляют перья птиц на украшения и весьма ценят их. Такие перья добыть от взрослых птиц очень трудно, поэтому островитяне дожидаются, пока фаэтоны сядут на яйца, ловят птиц на гнездах, вырывают у них перья и снова отпускают на волю.

Семейство пеликановые

Самыми крупными представителями отряда пеликанообразных, или веслоногих, являются пеликаны. Они прежде всего характеризуются своим огромным клювом-сачком, который состоит из мешка и прикрывающей его крышки, причем мешок образован нижней частью клюва, а крышка — верхней. Крышка очень длинная, совершенно плоская, сдавленная, от основания до конца довольно равномерной ширины, на самом конце закруглена. Спинка клюва идет ясно заметным килем по всей его длине и на конце переходит в когтевидный, сильный крючок. Нижняя часть клюва состоит из очень слабых, тонких, низких и гибких ветвей нижней челюсти, соединяющихся только на конце, между которыми находится необыкновенно просторный, в высшей степени растяжимый мешок. Тело птицы очень велико, слегка цилиндрическое; шея длинная и относительно тонкая; голова маленькая, ноги низкие с длинными пальцами, почему и снабжены большими плавательными перепонками. Крылья велики и широки; третье маховое самое длинное. Хвост короткий, широк, закруглен и состоит из 20-24 перьев. Область горла и место вокруг глаза голое. Оперение неплотно прилегает к телу, шероховато и жестко, причем каждое перо сильно сужено и заострено. На середине груди есть место с совершенно рассученными перьями. Перья задней части головы и затылка удлиненные, обыкновенно в виде хохолка или шлема. Окраска самца и самки одинаковая, но молодые птицы сильно отличаются от старых.

Пеликаны встречаются во всех частях света, имеют очень обширный район распространения. Но чаще сего живут в тропических поясах и в частях, прилегающих к обоим умеренным поясам. По образу жизни различные виды сходятся не во всем, но, в общем, так походят друг на друга, что мы будем иметь верное представление, если даже ограничимся рассмотрением образа жизни обоих европейских видов.

Самый обыкновенный и самый распространенный из всех пеликанов — **розовый пеликан** (*Pelecanus onocrotalus*). Как и родственные ему виды, это самая крупная из всех водоплавающих птиц. На голове розовый пеликан имеет хохол, образованный из длинных, кругловатых перьев. Оперение в старости белое, кроме бурых маховых перьев, и имеет розовый оттенок; передняя часть груди желтая; в молодости нижние шейные перья бурые с серым, на нижней стороне пепельно-серые. Глаза ярко-красного цвета; голые места вокруг них желтые. Клюв сероватый с красными и желтыми крапинками.

Розовый пеликан (*Pelecanus onocrotalus*)

Горловой мешок с желто-синеватыми прожилками. Ноги светлого мясо-красного цвета. Длина птицы достигает 140-180 см, размах ее крыльев 220-260, длина крыла почти 55, хвост 18 см. Самцы и самки резко отличаются друг от друга величиной, да и вообще рост этих птиц бывает различен.

Другой, более крупный вид, **кудрявый пеликан** (*Pelecanus crispus*), белого цвета со слабым серо-красноватым налетом и черными крыльями. Перья головы и задней части тела его кудрявы и образуют причудливый хохол. Глаза серебристо-белые; клюв сверху серо-желтоватый; горловой мешок кроваво-красного цвета с голубоватыми прожилками; ноги черные. Молодые птицы выглядят также серыми. Длина этого вида достигает 170-180 см, размах крыльев 290, длина крыла 75, хвоста 20 см.

Кто не путешествовал по Египту или северу Африки вообще и не видел огромную массу рыбоядных птиц, живущих на местных озерах, где они находят себе приют и обильный корм, тот не может составить себе представления о количестве этих птиц и, наверное, обвинит всякого повествователя о тех краях в преувеличении. По египетским берегам Средиземного моря, по течению Нила в пору разлива или еще далее к югу, равно как и на Белом и Голубом Ниле с прилежащими к ним озерами, и, наконец, на Красном море — пеликаны собираются иногда в таких массах, что глазом невозможно окинуть одну только стаю. Они в буквальном смысле слова покрывают собой не-

сколько квадратных километров; плавая по озерам, уподобляются гигантским водяным кувшинкам, а когда сидят на берегу или на островах, греясь или оправляя перья, представляют собой нечто вроде длинной, белой живой стены. Там, где птицы собираются на ночлег, они так густо покрывают все деревья маленьких островов, что издали кажется, будто деревья эти покрыты одними крупными белыми цветами и совершенно лишены зеленой листвы. Стаи из 10-12 птиц довольно редки, напротив, сотенные и тысячные — явление обычное. По весне стаи разделяются. Многие зимующие здесь птицы предпринимают перелет на юг к своим гнездовьям; оставаясь же в Египте и на севере Африки, эти стаи не могли бы найти себе таких удобных мест, которые бы предоставили им возможность для совместного гнездования.

Пеликаны не делают разницы между пресной или морской водой, но предпочитают мелкую воду глубокой. Из всего семейства только один вид, живущий в средней Америке, добывает свою пищу нырянием с лету; все же остальные пеликаны не могут ловить рыбу таким способом, они в состоянии только схватывать ее с 41 14 Семейство пеликановые 16 поверхности воды. Из-за воздушных мешков, лежащих под их кожей, эти птицы не имеют возможности погрузить свое тело в воду. Поэтому пеликаны держатся только на местах с такой глубиной, которую они могут обыскивать, пользуясь своей длинной шеей и сачковидным клювом. Для этой цели они собираются на мелких местах водных бассейнов, в известном порядке распределяются по обширному пространству более или менее сомкнутыми группами. На озерах и мелких местах около морского берега они образуют громадный полукруг и, вылавливая рыбу, плывут по направлению к берегу или рассаживаются большим кругом, и, передвигаясь, постепенно сужают его. На узких речках и каналах они разделяются на две группы, замыкают собой с двух сторон пространство, плывут друг другу навстречу и начисто вылавливают всю рыбу в этом районе. При такой ловле необыкновенную пользу оказывает им сачковидный клюв, так как он дает возможность легко схватывать и удерживать пойманную добычу. Обычной едой пеликанов служит рыба; иногда питаются и другими позвоночными. Они опасны для птенцов водоплавающих птиц, живущих поблизости; например, глотают полувзрослых утят*.

** Это, конечно, преувеличение. Прямых наблюдений о ловле утят пеликанами нет. Не подтвердило этого факта и изучение содержимого желудков пеликанов.*

Глотка пеликанов так обширна, что в нее свободно пролезает сжатый человеческий кулак; я сам много раз вытаскивал рукой больших рыб из желудка пеликанов, живших у меня в неволе.

Во время ходьбы пеликаны двигаются медленно, держа тело довольно прямо и покачиваясь; походка эта не может быть названа тяжелой. Иногда предпринимают сравнительно длинные пешие путешествия. На верхушках деревьев держатся с большой ловкостью, регулярно посещают их, если таковые есть поблизости; здесь они и греются на солнце и чистят свои перья. Плавают пеликаны легко, быстро и продолжительно, летают необыкновенно красиво. После небольшого пробега, подобно лебедям, бьют крыльями по воде, снимаются с поверхности, складывают шею наподобие буквы S, закидывают назад голову, быстро и торопливо машут раз 10-12 крыльями, плавно, широкими размахами пролетают несколько метров до тех пор, пока не отлетят от опасного места. Затем они или поднимаются, кружась, в высокие слои воздуха, или все тем же полетом продолжают лететь над водой далее.

По степени развитости чувств пеликаны едва ли уступают другим своим сородичам; понятливостью они, по-видимому, превосходят многих из них. Там, где пеликаны не доверяют человеку, они держатся с необыкновенной осторожностью, в других местах, напротив, бывают так доверчивы, что ведут себя как ручные птицы.

Ежедневная жизнь пеликанов протекает по одному раз заведенному порядку. Ранние утренние часы — время охоты. Обыкновенно на рыбную ловлю птицы собираются стаями. Начинается лет малых или больших стай; первые летят косою линией, последние образуют клин; одни направляют свой путь к мелким бухтам, другие, уже сытые, возвращаются обратно. Около 10 часов утра все уже насытились и располагаются на любимый отдых по песчаным отмелям или на деревьях; здесь они заняты перевариванием пищи и чисткой перьев. Последнее занятие требует много времени, так как неловкий клюв затрудняет его и вынуждает птиц принимать престранные позы, в особенности если они вздумают оправлять свои шейные перья. Около полудня к месту отдыха беспрестанно прибывают новые пеликаны, и общество с каждой минутой становится все многочисленнее. После полудня, между 15 и 16 часами, ряды пеликанов вновь начинают пустеть; они всей гурьбой снова летят на ловлю. Эта вторая охота длится до захода солнца, после чего все птицы летят на ночевку. Для этого служит плоская песчаная отмель или какой-либо уединенный остров. Там, где есть острова, поросшие деревьями, пеликаны всегда спят на деревьях.

О размножении этих птиц я не мог собрать собственных сведений. В южной Европе для своих гнездовых пеликаны избирают болота и озера. Граф фон Мюле свидетельствует: «На таких гнездовых гнезда большие. Частью влажные или сырые, свитые из камыша и тростника, помещаются птицами лишь в труднодоступных местах; где есть плавающие острова, гнезда устраиваются вплотную друг к другу. Вся окрестность покрывается жидким белым пометом гнездящихся птиц. Очень странно, но пеликаны выводят птенцов не одновременно, так как возле уже летающего молодняка можно встретить самок, еще только сидящих на яйцах; мой друг Фрейберг, посещавший много раз такие гнездовья, уверял меня, что нашел раз в одном гнезде двух птенцов: одного уже выросшего, а другого еще только покрытого пухом. Он не мог объяснить себе это иначе, как тем, что в одном гнезде совместно вывели птенцов две самки».

Кладка состоит, вероятно, из 3-4 относительно небольших, более или менее продолговатых, утончающихся к концам яиц около 9 см длиной и 6 см шириной; яйца имеют голубовато-белый цвет, но всегда покрыты толстым известковым слоем. По данным Кальберматтена, пеликаны кладут только 2-3 яйца в очень прочно сложенное гнездо, имеющее около 2,6 м в поперечнике и 0,7 в высоту. Вылупившиеся после 38 дней насиживания молодые уже покрыты серым пуховым одеянием, имеют чрезвычайно глупый вид, беспрестанно издают хриплый и резкий крик и вообще представляют собой в высшей степени отвратительных существ. Родители, делившие между собой труд высиживания*, горячо любят своих птенцов и на гнезде забывают всякую пугливость, свойственную им в другое время.

* У пеликанов насиживает кладку преимущественно самка, самец лишь изредка ее подменяет.

Арабы ловят этих птиц для еды, хотя магометанский обычай запрещает есть пеликанов.

Предание говорит, что, когда в Мекке строилась Кааба, воду приходилось доставлять издалека и вскоре появилась нужда в носильщиках; однако Аллах не хотел, чтобы это препятствовало священной постройке, и послал тысячи пеликанов, которые, наполняя свои горловые мешки водой, приносили ее рабочим.

Семейство олушевые

Птицы этого семейства характеризуются следующими признаками: клюв длиннее головы, и на верхней челюсти его замечаются два слоя, так что весь клюв состоит как бы из трех частей. Ноги низкие, но плотные; крылья необыкновенно длинные, первое маховое перо длиннее остальных; хвост, состоящий из 12 перьев, клиновидно заострен; передняя часть головы и горло остаются голыми.

Обыкновенная, или северная, олуша (*Sula bassana*). Ее описания совершенно достаточно для ознакомления с образом жизни всего семейства. Окраска белая, за исключением буро-черных маховых перьев первого порядка; верхняя часть головы и задняя сторона шеи имеют желтоватый налет. Глаза желтые, клюв голубоватый, ноги зеленые; голая кожа на горле черная. Длина птицы достигает 98 см, размах крыльев 190, длина крыла 62, хвоста 26 см. Самка отличается от самца несколько меньшей величиной.

Северная олуша живет по всем морям северного, полушария, начиная от 70 градуса северной широты и до тропических стран. Птица эта обычна в Исландии, на Фарерских, Оркнейских и Гебридских островах, реже у берегов Норвегии, одиночные экземпляры попадаются вблизи северной Германии, Голландии и Франции, но в большом количестве встречается по американским берегам, а равно и в северной части Тихого океана; некоторые залетали даже внутрь Германии. По-видимому, олуша оказывает особое предпочтение определенным островам или береговым местам. Она проводит ночь на суше, обыкновенно на высоких и крутых, обрывистых скалах, поднимающихся прямо из воды, с которых может постоянно видеть расстилающееся перед ней море.

Искусство свое олуша выказывает на лету, на плавание она решается реже, быть может, только для того, чтобы отдохнуть на короткое время, сушу же посещает, за исключением птенцовой поры, только для сна.

Полет олуши своеобразен, но конечно, не столь превосходен, как полет буревестника и других длиннокрылых птиц, но все-таки очень хорош. После нескольких быстро следующих один за другим взмахов крыльями она несется некоторое время, рассекая воздух с быстротой стрелы, но не плавно и спокойно, а со стремительными изворотами. Вдруг снова взмахивает крыльями и снова скользит по воздуху, временами описывая круги.

Обыкновенная олуша (*Sula bassana*)

Потом резко поворачивает и стремительно несется над самой водой или взвивается на значительную высоту. Как истый нырок, промышляет свою добычу на лету, бросаясь с высоты в воду, и с такой силой погружается в нее, что иногда разбивает голову о подводные скалы.

Что касается умственных способностей этих птиц, то о них можно сказать все то, что сказано выше о морских птицах вообще. Лишившись моря, они теряют присутствие духа и тогда, если не совсем утрачивают способность защищаться, позволяют над собой многое; частое преследование в воздухе, по-видимому, им впрок тоже не идет. К другим птицам они относятся злобно и задорно и в больших собраниях ссорятся с соседями и кусают их. Огромный клюв представляет собой такое ужасное орудие, что олуши могут не бояться ни одной морской птицы; несмотря на это, им приходится испытывать страх перед поморниками или при встрече с фрегатами. В неволе обыкновенных олушей я видел только в Амстердамском зоологическом саду, но не мог подружиться с ними, так как они оставляли слишком жалкое впечатление.

Семейство баклановые

Тело бакланов удлиненное, мощное и цилиндрическое; шея длинная или даже очень длинная, тонкая; голова небольшая; клюв средней длины и с сильным крючковатым концом. Ноги имеют короткие плюсны и длинные пальцы, с боков они сплющены. Крылья скорее длинные, хотя и тупо-заостренные благодаря короткости больших маховых перьев. Хвост средней длины или же довольно длинный, немного выпуклый. Маховые и рулевые перья весьма жестки; опахала их широки и плотно прилегают друг к другу; стержни крепкие, но гибкие. Остальные перья короткие, плотно прилегающие к телу; перья нижних частей шелковисто рассучены, перья же верхних частей плотно сомкнутые, резко ограничиваются друг от друга и лежат ступенчато один на другом.

Бакланы встречаются во всех частях света и живут одинаково на море и на пресноводных внутренних бассейнах. Некоторые виды обитают на далеком севере, большинство населяет умеренные и жаркие пояса. На суше селятся по камышовым или поросшим лесом болотам и топям, по речным озерам и тому подобным водным пространствам, появляясь на морских берегах лишь в исключительных случаях. Следуя направлению больших рек, бакланы забираются далеко в глубь страны, вообще охотно кочуют, а в гнездовую пору держатся на одном месте. Северные виды совершают сезонные перелеты, остальные ведут кочевой образ жизни.

Бакланы считаются самыми совершенными нырками, но и во всем остальном их нельзя назвать неуклюжими. По ровному месту они ходят довольно неповоротливо, вперевалку, но по ветвям деревьев двигаются с удивительной ловкостью, летают быстрее, чем можно было бы предположить, так как кажется, что они должны сильно уставать от своего полета. На воде они плавают по возможности долго. Ныряют с таким совершенством и так долго остаются под водой, что невольно приводят в удивление наблюдателя. Они чрезвычайно понятливы, умны, рассудительны, хитры, но при этом драчливы, задорны и в высшей степени злопамятны и коварны.

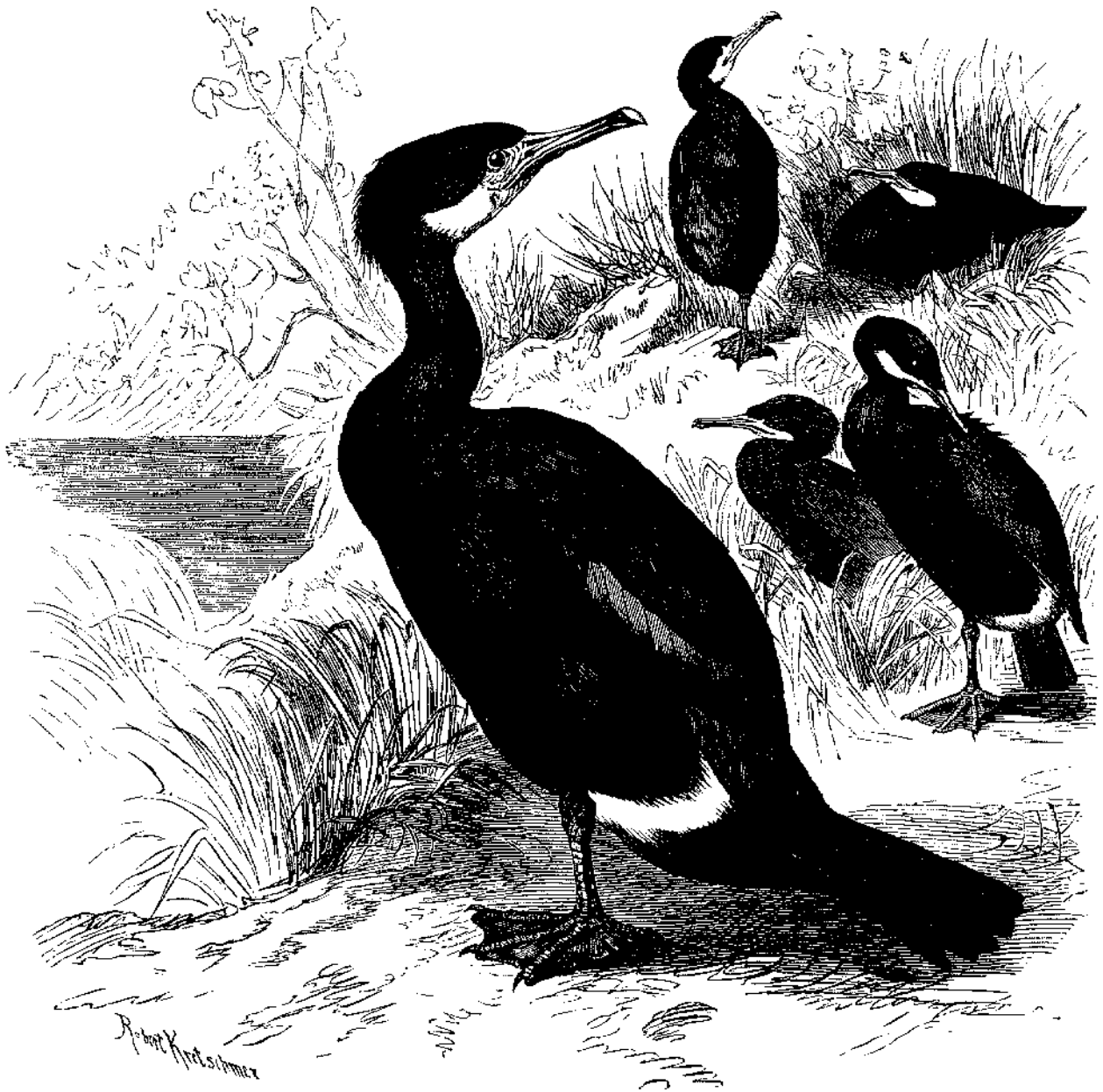
Бакланы очень прожорливы и, даже наевшись до отвала, все еще жадно кидаются на добычу, если она попадется на глаза. Они и отдыхают-то, по-видимому, с единственной целью, чтобы, отдохнув, снова приняться за ловлю рыбы и обжорство. Бакланы не едят только тогда, когда заняты приведением в порядок своего оперения или во время сна. Растяжимость глотки дает им возможность проглатывать крупных рыб; однако пища переваривается необыкновенно скоро, и желудок вновь требует пополнения.

Все виды гнездятся стаями и при случае основывают колонии, которые состоят из многих тысяч пар. Гнезда помещаются или на скалистых островах, в трещинах, выбоинах, по карнизам скал, или на деревьях, иногда до 40 и 50 штук на одном и том же. Если бакланам приходится строить гнезда самим, они натаскивают беспорядочную кучу толстых сучьев, заполняют кое-как промежутки камышом или какой-нибудь другой травой, почти никогда не дают ей просохнуть; в гнезде их бывает так мокро, что яйца лежат буквально в слякоти.

Яйца бакланов сравнительно малы, продолговатой формы и имеют толстую скорлупу зеленовато-белого цвета и без пятен; скорлупа местами покрыта известковым или меловым налетом. На яйцах попеременно сидят оба родителя, насиживая их с усердием и, может быть, точнее будет сказать — с упорством. Воспитанием птенцов занимаются и самец, и самка. Птенцы вылупливаются на свет почти голые. Позднее у них появляется короткий, темно окрашенный пушок, и только когда они уже наполовину вырастут, то покрываются перьями. В гнезде молодые остаются долго, после чего следуют за родителями на воду, день-другой проводят здесь под руководством взрослых и затем уже предоставляются сами себе.

Большой баклан (*Phalacrocorax carbo*) — самый известный и, может быть, самый распространенный вид. Длина взрослой птицы достигает 81-92 см, размах ее крыльев 135-150, длина крыла 36, хвоста 18 см.

Начиная от средней части Норвегии, большой баклан встречается по всей Европе, а зимой в изумительно больших количествах — в Африке, кроме того, он очень часто живет в Средней Азии, а равно и в Северной Америке, причем в первом случае распространяется до южной Азии, во втором — до Вест-Индии.

Большой баклан (*Phalacrocorax carbo*)

Большие бакланы живут, смотря по обстоятельствам, на море и в пресноводных бассейнах. Их всегда встретишь на реках и водных пространствах, окаймленных лесами. В большом количестве встречаются эти птицы на море, хотя только на определенных местах, а именно — где берег скалист и мало доступен или где его окружает кольцо окрестных шхер. Не в меньших количествах собираются большие бакланы зимой и в южных морях. Уже в Греции их из года в год встречают на больших озерах и морях; в Египте они иногда покрывают берега на протяжении всего горизонта и каждое утро совершают свой вылет в открытое море. В южном Китае или в Индии они встречаются в таком же количестве. Можно с полной уверенностью сказать, что всякое место подходит для бакланов, так как, где только есть вода и рыба, они уже чувствуют себя хорошо.

Большие бакланы обыкновенно держатся большими и малыми стаями. В утренние часы они усердно ловят рыбу, после полудня отдыхают и заняты перевариванием пищи; к вечеру еще раз принимаются за ловлю рыбы, а с заходом солнца отправляются спать. Для ночлега на суше они избирают высокие деревья, растущие по берегам рек или озер; такие деревья впоследствии служат им местом гнездования. Ночуя на море, они, наоборот, выбирают скалистые острова, позволяющие видеть далеко вокруг и предоставляющие возможность свободного прилета и отлета. Такие острова уже издали узнаются по массе помета, который разбрасывают эти птицы. Такое излюбленное местопребывание бакланов постоянно привлекает к себе внимание моряков или путешественников, в особенности, конечно, если это место покрыто сидящими птицами. Слово солдаты, рядами располагаются бакланы по зубцам утесов, оборотившись к морю, все в одном направлении; однако немно-

гие из них остаются совершенно неподвижными, но каждый из них двигает или шеей, или головой, или крыльями и хвостом.

Чтобы какие-нибудь другие птицы превосходили бакланов в нырянии, я позволю себе сомневаться. Они так быстро плавают под водой, что лучшая, управляемая испытанными гребцами лодка не может настичь их; кроме того, они ныряют на значительную глубину, подолгу остаются под водой, а на секунду показавшись на поверхности, быстро вдыхают воздух и исчезают снова. Преследуя свою добычу, бакланы так вытягиваются и гребут такими размашистыми толчками, что их тело стрелой несется по водному пространству.

Из органов чувств наиболее развито у них зрение; впрочем, слух их также очень развит; неплохое, вероятно, и обоняние; напротив, вкус их нельзя назвать тонким; правда, заметно, что бакланы делают разницу между разными сортами рыб, но в этом случае трудно предположить, что это находится в зависимости от чувства вкуса. Что касается умственных способностей, то к ним относится уже все высказанное выше. Все виды этого рода нужно причислить к умным, хитрым и недоверчивым птицам, так как замечено, что они никогда не забывают о своей безопасности, ни на свободе, ни в неволе. Однако известно, что бакланы умеют быть находчивыми при различных условиях и извлечь из обстоятельств возможно больше пользы для себя.

Доказательством понятливости бакланов служит факт приучения их китайцами к ловле рыбы, что птицы и исполняют к удовольствию своих хозяев. Большие бакланы, дрессированные для рыбной ловли, воспитываются в неволе, где они выводятся из яиц, насиживаемых курицами. Молодых птиц рано начинают выносить на воду и приучать бросаться в воду по приказанию хозяина, нырять и выносить на поверхность пойманную рыбу. «Во время прилива, — рассказывает Дулитл, — мосты в Фучау бывают запружены зрителями, смотрящими на эту рыбную ловлю. Рыбак стоит на длинном, около 5—6 м, плоту из бамбука, приводимом в движение посредством одного весла. Когда нужно, чтобы баклан ловил рыбу, рыбак кидает птицу в воду; если последняя не хочет нырять, он до тех пор бьет по воде веслом, пока она не исчезнет в глубине. Поймав рыбу, баклан вновь появляется над водой с добычей в клюве, имея целью, конечно, проглотить ее, чему, однако, препятствует свободно обтянутый вокруг шеи шнур или надетое на нее металлическое кольцо; таким образом, птице волей-неволей приходится плыть к плоту. Рыбак как можно скорее подплывает к ней, чтобы рыба не успела ускользнуть из клюва баклана; так иногда случается, в особенности когда пойманная рыба крупных размеров. Когда рыбак достаточно приблизится, он накидывает на баклана прикрепленный на палку сетчатый сачок и притягивает им птицу к плоту; рыбу у нее отнимает, а баклану в вознаграждение за труды дает немного корма, причем кольцо предварительно снимает, чтобы дать возможность птице проглотить корм. После этого баклану дают немного отдохнуть и затем вновь посылают на работу. Иногда птице приходит в голову ударить вместе со своей добычей, тогда рыбак с возможной быстротой спешит нагнать ее. Обыкновенно это и удается, но иногда рыбак терпит неудачу. Иной раз баклан поймает такую сильную рыбу, что один с ней справиться не может; тогда к нему на помощь плывут несколько других бакланов. Случается также, что подобное обстоятельство порождает между птицами ссору из-за добычи».

Их прожорливость переходит всякие границы: один баклан съедает больше, чем человек, он съедает, если может только достать, так же много, как и пеликан. Я дал одному баклану, жившему в неволе, столько рыбы, сколько он мог съесть, и нашел, что он уничтожил утром в среднем 26 длинных рыбин, а в послеполуденные часы — 17*.

* Обычная дневная норма баклана — 300-400 г. рыбы.

Во время еды не только желудок заполнялся рыбой, но даже пищевод его необыкновенно раздувался, некоторые рыбы торчали даже из глотки. Однако пищеварение шло так быстро, что в течение двух часов глотка и пищевод были уже совершенно пусты. В море бакланы, по всей вероятности, питаются одной рыбой, которую они вытаскивают со дна или ловят попутно; на суше же преследуют и мелких позвоночных.

Для своего гнезда бакланы предпочитают деревья, но в случае нужды довольствуются и углублениями в земле, выступами скал и тому подобными местами. На континенте или там, где леса доходят до берегов моря, бакланы появляются в поселениях ворон или цапель и овладевают чужими гнездами, первых прогоняя немедленно, вторых же после предварительного жаркого боя. В такие гнезда они натаскивают жестких прутьев, стеблей камыша, тростника и тому подобное, слегка улучшают завоеванные жилища и начинают кладку. Если год-другой их не беспокоить, они так прочно уживаются на месте, что впоследствии прогнать их можно лишь с большими усилиями.

В гнездовых бакланы появляются обыкновенно в апреле, быстро и усердно устраивают свои гнезда, на иных деревьях буквально на каждой ветке, и уже в конце месяца кладут 3-4 маленьких,

узких яйца около 65 мм длиной и 40 мм шириной, снабженных прочной скорлупой голубовато-зеленого цвета и покрытых известковым налетом*.

** Как правило, кладка бакланов содержит 5 яиц.*

Самец и самка сидят на яйцах попеременно и высидивают их около четырех недель; птенцов кормят они также сообща. Птенцы благодаря изобилию приносимого им корма вырастают относительно скоро. Прилетают родители к гнезду с переполненными глотками и желудками и отрыгивают на край гнезда несколько дюжин мелких рыбешек; многие рыбки падают через край на землю, но ни один баклан не дает себе труда поднять их. Взрослые чрезвычайно любят своих птенцов, но в минуты опасности не пытаются их защитить, по крайней мере, от человека. В середине июня птенцы вылетают из гнезда, и тогда родители их обыкновенно тотчас же приступают ко второй кладке**, предоставляя молодым кормиться самим.

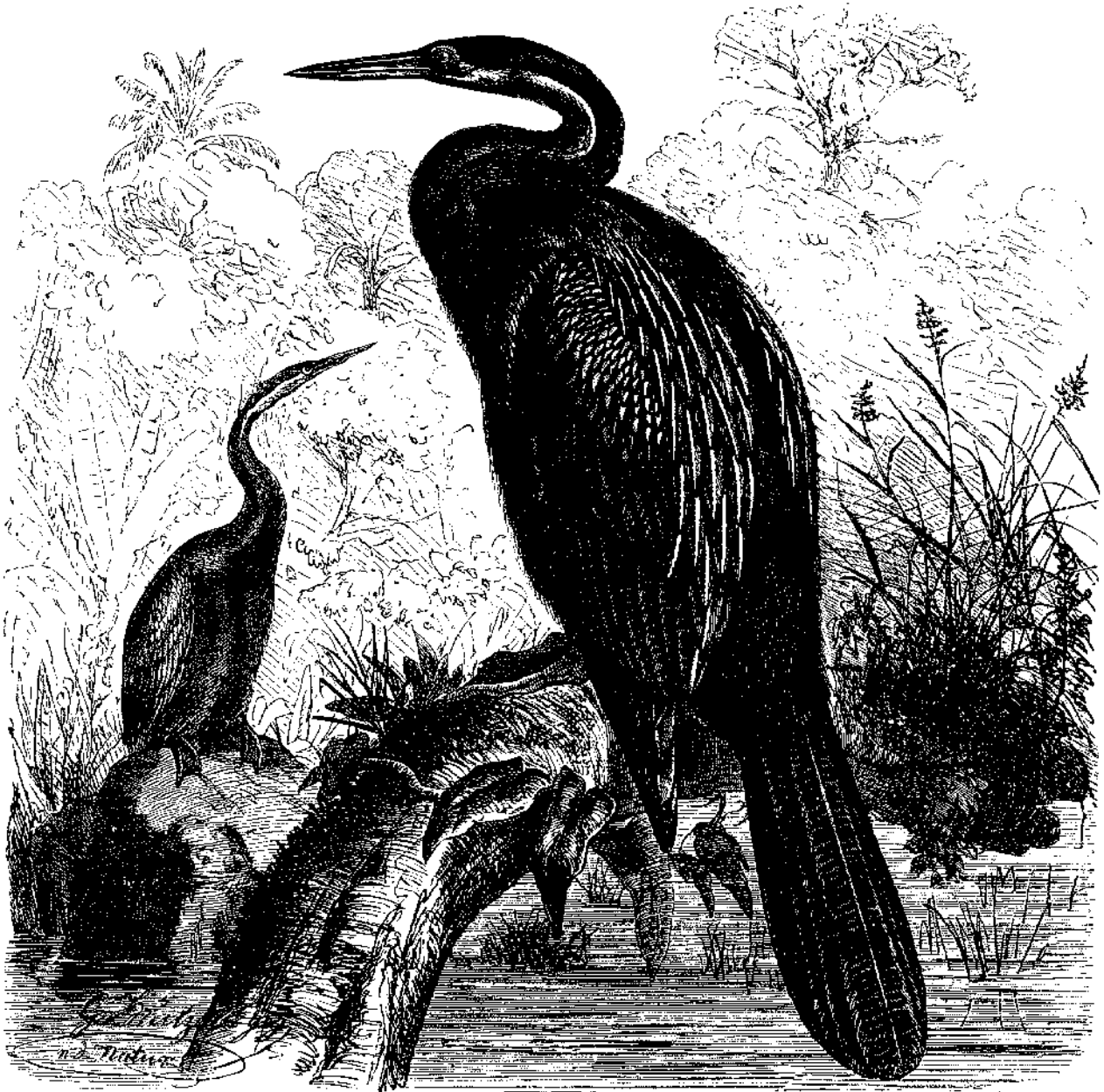
*** Две кладки в году у бакланов известны как редчайшие исключения. Довольно обычны повторные кладки после потери первой или гибели маленьких птенцов. Такие кладки могут встречаться даже в августе. Из-за столь поздних сроков размножения раньше их принимали за вторые кладки, однако специальными наблюдениями установлено, что это всего лишь повторные попытки размножения после гибели первого гнезда.*

Охота за большими бакланами или вообще за бакланами не всегда легка, так как благодаря своей хитрости и осторожности они умеют избегать всех уловок охотников. Легче убить такую птицу на стойке под деревом, местом ночлега бакланов; всего же проще, конечно, бить их с гнезда. Такая охота вызывается скорее необходимостью, охотничий же интерес весь пропадает, так как все сводится к бойне. Мы считаем бакланье мясо несъедобным; лапландцы же и арабы держатся другого мнения и считают его лакомым куском, так как оно очень жирное.

Семейство змеешейковые

Характерные признаки змеешеек следующие: тело вытянутое, с необыкновенно длинной, тонкой шеей и маленькой, плоской головой. Клюв длинный, прямой, слабый, веретенообразный, весьма острый, с краями, мелко зазубренными по направлению к концу. Ноги короткие, толстые, далеко отставленные назад и снабженные длинными пальцами. Крылья длинные, но короткоконечные, с наиболее длинным третьим маховым пером. Длинный хвост состоит из 12 расширяющихся к концу гибких перьев с волнистыми опахалами. Наконец, мелкое оперение очень красивое, блестящее и относительно пестро окрашенное.

Африканская змеешейка (*Anhinga Tufa*) имеет преобладающим черный цвет с металлическим зеленым блеском; спина и кроющие перья крыльев ее украшены широкими серебристо-белыми штрихами. Шея ржавого цвета; полоска, начинающаяся около глаза и идущая по бокам шеи, — черно-бурая, другая под ней — белая; перья крыльев и рулевые черного цвета; последние на конце светлее. Глаза медно- или красно-желтого цвета; голые места на голове желто-зеленые; клюв рогового цвета; ноги зеленовато-серые. Длина птицы достигает 86 см, размах ее крыльев 108 см, длина крыла 34, хвоста 25 см. У самки все цвета менее яркие; однако разница между ее оперением и оперением самца незначительна.

Африканская змеешейка (*Anhinga rufa*)

Змеешейка свойственна Африке и встречается там на всех водных бассейнах южнее 15 градусов северной широты.

Во время путешествия на Белый и Голубой Нил я часто видел этих птиц и посвятил некоторые часы и дни наблюдениям за их охотой; но таких точных наблюдений, какие были произведены Одюбоном над ее американским родичем, **американской змеешейкой** (*Anhinga anhinga*), я, конечно, сделать не мог. Поэтому в нижеследующем изложении я буду преимущественно опираться на сведения, сообщенные упомянутым натуралистом, насколько они соответствуют моим личным наблюдениям.

Змеешейки живут по рекам, озерам и болотам поблизости от которых растут деревья, в особенности на таких водных пространствах, которые окружают острова, густо заросшие деревьями. Утром эти птицы слетают с деревьев, чтобы начать свою охоту, и на ночлег или отдых возвращаются обратно на них же. На деревьях обыкновенно помещаются и их гнезда. Во всяком случае, они, подобно бакланам, отдыхают и гнездятся и на скалах, но это, конечно, только в тех случаях, когда они не могут воспользоваться деревьями. Богатые животными воды Африки предоставляют им все нужное для жизни, почему и дают пристанище довольно большим количествам этих птиц. Общественными птицами их, конечно, назвать нельзя, так как почти никогда не видно стай змеешеек, которые бы заключали в себе более 10-20 птиц, зато они охотно держатся на каком-нибудь участке озера, пруда или реки обществом из 5-8 штук; точно так же несколько таких стай вечером слетаются на излюбленные деревья для отдыха. В птенцовую пору в благоприятных для птиц местах можно встретить еще более многочисленные собрания.

Едва ли найдется другое, более удачное название, чем то, которое дано этим птицам, — «змеешейка». Их шея действительно напоминает змею; она не только имеет сходный с ней рисунок, но даже и двигается таким же образом. Когда нырнувшая птица плывет под водой, она напоминает змею; если принуждена защищаться или нападать на врага, то с такой молниеносной быстротой вскидывает шею, что опять-таки это можно сравнить с нападением ядовитой змеи. Все змеешейки искусные пловцы, но еще более совершенные нырки. Баклан в сравнении с ними увальень; по крайней мере, в отряде птиц, к которому он относится, пальма первенства в этом отношении принадлежит змеешейке. Их не может превзойти почти ни одна плавающая птица, ни один нырок, за исключением разве только пингвина. Там, где они спокойно могут заниматься своим рыболовством и чувствуют себя в полной безопасности, плавают, наполовину погрузив тело под поверхность воды; если же они завидят человека или какое-либо опасное животное, то так глубоко погружаются, что наружу остается одна только шея. Благодаря этому змеешейка необыкновенно легко скрывается от взора: можно проплыть совсем близко от нее и не заметить птицы, даже когда она плывет на совершенно чистом месте, причем она исчезает, если пожелает, от самого зоркого глаза в камыши, заросли и т.п. Если преследуют ее, то она тотчас же начинает нырять и проделывает это с изумительным мастерством. Змеешейка совершенно не употребляет в дело крыльев, хотя и держит их, слегка отстранив от тела. Она гребет только ногами и действует хвостом, как рулем, и при этом движется с такой быстротой, ловкостью и верностью, что превосходит во всем этом самую быструю рыбу. Расстояния более чем в 60 м она проплывает менее чем в минуту; под водой она, по-видимому, движется еще быстрее, чем по поверхности.

Походка змеешейки переваливающаяся и ковыляющая, но сравнительно быстрая; в ветвях деревьев она проявляет ловкость, которую нельзя было предполагать, так как не только может крепко держаться на сучьях, но умеет и ходить по ним взад и вперед, хотя при этом распускает для поддержания равновесия крылья и пользуется клювом, как подпоркой. Полет ее походит на полет баклана настолько, что на лету этих птиц можно перепутать. Летящая змеешейка движется быстро и за один раз летит долгое время. Непуганая змеешейка летит обыкновенно довольно низко над водой, по возможности придерживаясь одного и того же расстояния от поверхности воды. Если она при этом захочет сесть на дерево, то по крутой дуге взлетает снизу до самой вершины его, несколько раз облетает и затем уже садится. В пору спаривания она часто залетает на значительную высоту, иногда даже исчезает из глаз и там, в далекой выси, по целым часам, играя, описывает круги. В полуденные часы змеешейки, совершенно как бакланы, опускаются на сучья или скалистые острова по реке, раскрывают крылья и время от времени обмахиваются ими, как бы чувствуя потребность освежиться. В это время они чрезвычайно напоминают позу орлов на гербах. Когда они сидят в позе гербового орла на ветви, часто у самой воды, то кажется, будто они совершенно не обращают внимания на подходящего к ним охотника: на самом же деле зорко следят за ним, и в ту самую минуту, когда охотник вскидывает ружье, они уже исчезают в воде.

Змеешейки ловят рыбу так же, как и бакланы, ныряя с поверхности воды вглубь, быстро гребя лапами, настигают под водой рыбу и схватывают ее, метнув своей шеей. В открытом море, по наблюдениям Чуди над американской змеешейкой, эти птицы кидаются на рыбу с замечательной стремительностью; однако они лишь в очень редких случаях сидя остаются на волнах, но тотчас же снова поднимаются с добычей на воздух и съедают ее на лету. Насколько верны эти сведения, я сказать не могу. Одно только верно, что, поймав добычу, птицы эти обыкновенно выплывают с нею наверх и только тут проглатывают ее. Птицы эти требуют очень много пищи, так как прожорливость их необыкновенно велика. Между различными породами рыб змеешейки, по-видимому, различия не делают, как и бакланы, по всей вероятности, не отказываются и от мелких позвоночных, молодых птичек и разных земноводных, может быть, даже и от разных беспозвоночных животных.

Змеешейки гнездятся на деревьях. Их гнезда, устроенные из сухих прутьев, похожи на гнезда цапель. Они в числе 4-8 штук помещаются на одном высоком дереве, если можно, окруженном водой. Кладка состоит из 3-4 яиц около 55 мм длиной и 36 мм в поперечнике, имеющих светло-зеленый цвет и покрытых белым известковым налетом. Гнездовая жизнь, в общем, протекает так же, как и у бакланов.

Неволю чернобрюхие змеешейки переносят при некотором уходе так же хорошо, как и бакланы, вскоре становятся до известной степени ручными и, если воспитываются смолodu, выказывают большую привязанность к человеку.

В уединенных, мало посещаемых человеком местностях чернобрюхие змеешейки не очень пугливы, так что охота за ними не представляет почти никакого труда. Для этого стараются разуз-нать ночлежные деревья и после полудня становятся под ними, ожидая прибытия птиц. После вы-

стрела все оставшиеся в живых птицы кидаются в воду, ныряют вглубь и выплывают то здесь, то там, выставив над поверхностью одну только шею; однако обыкновенно они снова отыскивают себе такие места, где бы по возможности их скрывали камыш или ветви. Стрельба в плывущую чернобрюхую змеешейку не имеет смысла; пороху и дроби при этом тратится много, а успех бывает лишь в редких случаях, так как тело птицы совершенно спрятано от дробы и для цели остается одна только тонкая шея. Но и тогда даже, когда все тело птицы открыто для выстрела, ее убить нелегко, так как плотное оперение обладает удивительной способностью противостоять удару дробы.

Чернобрюхая змеешейка, с которой снята шкура, а не просто ощипанная, представляет собой вовсе не дурное кушанье.

Семейство фрегатовые

Если какая-либо птица и заслуживает название «морской орел», то это — фрегат. Тело его узкое, шея мощная, голова умеренно крупная. Клюв наполовину меньше головы, у основания слегка сжатый, по спинке плоский, вдоль вершины согнутый и оканчивающийся крючком в виде зубца. Нижняя половинка клюва также согнута, угол, образуемый им на подбородке расщепом клюва, велик, широк и имеет голую кожу. Ноги короткие, сильные, с оперенными плюснами; пальцы длинные, снабженные перепонками; каждый палец имеет сильно согнутый острый коготь; у среднего пальца такой же коготь, но вдобавок еще гребневидно зазубренный с внутренней стороны. Крылья необыкновенно длинные и сильно заостренные; самое длинное из маховых перьев — первое. Хвост состоит из 12 перьев, очень длинный и с глубокой развилиной. Оперение, плотно прилегающее к телу и блестящее на голове, шее и спине, состоит сверху из продолговатых перьев (кругловатых в области нижних шейных перьев), которые на груди рассучены, а вокруг глаза и на горле совершенно отсутствуют. Кожистый горловой мешок может надуваться воздухом и снова сдуваться.

Великолепный фрегат (*Fregata magnificata*)*.

** Многие систематики не выделяют его в отдельный вид, а объединяют с большим фрегатом (*Fregata minor*).*

Оперение старого самца буровато-черное с металлическим зеленым или пурпуровым блеском на голове, затылке, спине, груди и боках. На крыльях оперение покрыто сероватым налетом, на верхней части малых маховых перьев и на рулевых перьях оно буроватого цвета. Глаза темно-карие, часто серо-бурые; голое место вокруг них пурпурово-голубое; клюв светло-голубой у основания, в середине белый и темного рогового цвета на конце; горловой мешок оранжево-красный. Ноги в верхней части светлые, карминно-красные, в нижней части оранжевые. Самка существенно отличается от самца меньшим блеском и более светлой окраской, более или менее белой на груди. У молодых нижние шейные перья и плечи бурые с более светлыми каймами перьев; наиболее крупные перья плеч, маховые, рулевые, перья надхвостья, верхние и нижние кроющие перья хвоста — черные; некоторые перья на середине груди и по бокам бурого цвета; все остальные части белые. Длина птицы достигает 108 см, размах крыльев 230, длина крыльев 65, хвоста 47 см; вес ее лишь немного превышает 1,5 кг.

Родина фрегата приблизительно та же самая, что и у фаэтона, и простирается по морям, лежащим внутри тропиков; только фрегат редко отдаляется от берегов так далеко, как фаэтон. Правда, его встречали и в 200-400 морских милях от ближайшего материка, обыкновенно же он почти не улетает от берега далее 15 или 20 морских миль и при всяком изменении погоды возвращается обратно. С наступлением утра покидает место своего ночлега и направляется в море, то описывая круги высоко в воздухе, то летя против ветра; здесь он досыта ловит рыбу и уже в полдень, если предвидит бурю, возвращается на сушу с полным желудком и зобом; в противном случае — только в послеполуденные часы.

Одубон и другие наблюдатели считают фрегатов одними из быстрейших морских летунов. Как ни проворны морские ласточки и чайки, но, по мнению Одубона, для фрегата не представляет ни малейшей трудности перегнать их. «Ястреб, сапсан и ловчий кречет, которых я считаю самыми быстрыми птицами из всех соколиных, вынуждены, прежде чем завладеть добычей, иногда преследовать ее. Фрегат же, напротив, молнией несется на преследуемого, если увидит своим зорким глазом, что он поймал рыбу; отсекает ему отступление и заставляет отпрыгнуть только что проглоченную добычу». По уверению того же писателя, фрегат наблюдает за дельфинами и хищными рыбами, носится над ними, когда те преследуют летучих рыб, и как только рыбы покажутся из воды, несется к ним, на лету ловит одну из них или стремглав ныряет за ними*, когда они еще плывут в воде. Пойманную рыбу фрегат два или три раза роняет, если ему сразу не удастся схватить ее; но подхватывает ее каждый раз прежде, чем она коснется воды.

** Фрегаты нырять не умеют, пищу они всегда подбирают с поверхности воды.*

Душевные качества фрегата сходны с качествами многих хищных птиц. Особенно выдающейся понятливостью он не обладает, но хорошо умеет отличать врагов от друзей и с приобретением опыта становится умнее. Обыкновенно не выказывает себя пугливым, но держится в известном отдалении от человека, от которого ничего доброго не ожидает; однако в то же самое время внимательно следит за рыбацким судном, следует за ним и, когда дело доходит до вытаскивания рыбы, летает так близко, что его можно ударить веслом. Понуждаемый голодом, фрегат забывает всякую осторожность и с лету хватает где-нибудь возле самого поселения рыбу или кусок плывущего в воде мяса. Стая фрегатов даже собирается в этом случае вокруг крупной падали, пригнанной водой к берегу, где каждый старается урвать побольше. С глупышами, по словам Беннета, они часто подолгу носятся в воздухе, вступая в схватку, причем в полном смысле слова запускают свои когти в противников и иногда вместе с ними с громадной высоты летят прямо в воду.

Главной пищей фрегатов, по-видимому, служат летающие рыбы, однако едва ли эти птицы отказываются полакомиться мелкими позвоночными. Одюбон подозревает их в похищении из гнезд пеликанов птенцов; другие наблюдатели уличили их в воровстве утят. По рассказам Госсе, фрегат не всегда ловит рыбу клювом, часто выхватывает ее лапами и уже затем подносит к клюву.

В северных частях области своего распространения фрегаты начинают постройку гнезда приблизительно в середине мая. Они держатся поблизости от островов, уже годы служивших им местом гнездования, и занимают на них все подходящие места; таким образом на одно гнездовье собирается 500 и более пар. В то время, как одни пары строят свои гнезда, другие целые часы кружатся в воздухе на значительной высоте. Подновляются старые гнезда, закладываются новые, причем сухие ветви и сучья отламываются клювом от деревьев на лету или воруются из других гнезд, или же подбираются с воды; однако гнезда делаются не совсем искусно. Обыкновенно они строятся на деревьях, на стороне, обращенной к воде, охотнее всего на деревьях, стоящих у воды. Одни птицы устраивают гнезда в кроне дерева, другие — на его вершине, причем нередко на одном дереве гнездится много пар. Кладка, по Одюбону, состоит из 2-3 яиц с крепкой скорлупой, имеющих в длину 65 мм, в поперечнике 43 мм, и зеленовато-белого цвета*.

** Кладка фрегатов состоит только из одного яйца.*

Яйца насиживаются обоими родителями попеременно: нет никакого сомнения, что самец принимает участие в этом занятии; Беннет даже думает, что самец больше заботится о яйцах, нежели самка. Птенцы появляются на свет в желто-белом пуховом одеянии и остаются в гнезде очень долго**, так как для полного усовершенствования в их полете необходимо много времени.

*** Это не так. Птенцы у фрегатов вылупляются голые, лишь спустя некоторое время у них появляется пух. Вероятно, наблюдатель осматривал колонию, когда птенцам было уже несколько дней от роду.*

Отряд аистообразные

"Голенастые птицы имеют много общего в характере и манере себя держать, — говорит Рейхенов в своем общем описании жизни аистообразных, которым мы воспользуемся, — и живут на низменностях, в болотах и на водах, на берегах моря, на лагунах, на песчаных отмелях и в окрестностях речных устьев. Они попадаются в береговых странах, но чаще всего на подходящих местностях внутри материка. По гладкой земле двигаются медленными шагами. Они никогда не бегают, а по воде ходят, часто погрузившись до живота; они плавают более или менее ловко, когда к этому принуждены. Полет их спокойный и равномерный. У многих удары крыльев прерываются довольно продолжительным парением. При перелетах они выстраиваются в строгом порядке. Их пища состоит из моллюсков, раков, насекомых и позвоночных, из рыб, пресмыкающихся и амфибий, которых они отыскивают на земле, на лугах, в болотах и в мелкой воде. Общительность является отличительным признаком голенастых птиц, несмотря на то, что встречаются и исключения; они соединяются в стаи не только для перелетов, но и в месте гнездования, и не только со своими родичами, но и с другими видами; они даже еще охотнее терпят в окрестностях своего гнездовья птиц более отдаленных видов. Обыкновенно они строят свои гнезда на деревьях и, только когда их нет, на земле, в камышах озер и болот и в низком кустарнике*.

** Выпи всегда делают гнезда только на земле, в тростниковых или камышовых зарослях.*

Гнезда часто представляют собой очень рыхлую постройку из прутьев, выложенную иногда тростником. Кладка состоит из 3-5 яиц, в большинстве случаев одноцветных, белых или голубых, реже буроватых; иногда они имеют крапинки по белому фону. Форма яиц овальная или продолговато-острая. Голос голенастых птиц глухой и хриплый или крикливый и резкий; некоторые из них вовсе лишены голоса и только трещат, хлопая челюстями. Голенастые птицы встречаются по всей

земле, за исключением Крайнего Севера. Они принадлежат к числу птенцовых птиц. Птенцы остаются в гнездах, пока вполне не научатся летать, и кормятся родителями».

Семейство цаплевые

Цапли составляют первое и самое большое семейство этой группы. Их тело замечательно маленькое и сжато с боков; шея очень длинная и тонкая, голова маленькая, узкая и плоская. Клюв обыкновенно длиннее головы или одинаковой с ней длины, довольно толстый, прямой, сжатый с боков, узкий на вершине и конце, очень острый на несколько втянутых краях. За исключением округлости ноздрей, клюв одет гладким и жестким роговым покровом. Ноги средней длины, с длинными пальцами; коготь среднего пальца на внутренней стороне имеет тонкие зубцы в виде гребешка; крылья длинные и широкие, но тупые, потому что второе, третье и четвертое маховые перья имеют почти одинаковую длину; хвост, состоящий из 10-12 перьев, короткий и закругленный. Мелкое оперение обильное, мягкое и рыхлое, часто удлиняется на темени, спине и верхней части груди, местами рассученное; его окраска различна и нередко очень красива, несмотря на то, что настоящих ярких красок в оперении не встречается. Самец и самка отличаются разве только величиной; птенцы носят оперение, отличное от родителей и не такое красивое.

Цапли населяют все части света, все пояса, высоты и все страны, за исключением Крайнего Севера. Они во множестве встречаются внутри умеренной полосы, а в тропических странах составляют большую часть населения болот и водяных пространств. Некоторые виды предпочитают море, другие держатся на реках, иные в болотах; одни любят открытые местности, другие же лесную глушь или просто леса.

Нрав у цапель неприятный. Они умеют принимать самые удивительные позы, но ни одна из них не может назваться красивой. Они довольно подвижны, но каждое из их движений в сравнении с другими голенастыми птицами имеет нечто неуклюжее или, по крайней мере, непривлекательное. Их походка спокойная, медленная и как бы обдуманная; полет ловкий, хотя однообразный и вялый. Они умеют проворно лазать в тростниках или ветвях, но при этом так себя держат, что кажутся неловкими; могут и плавать, но делают это так, что невольно возбуждают смех. Зрение, без сомнения, самое развитое из внешних органов чувств; но взгляд красивых, в большинстве случаев светлых глаз имеет что-то лукавое, как взгляд змеи, и нрав цапель этому соответствует.

Добыча этих птиц состоит преимущественно из рыбы; самые мелкие виды питаются главным образом насекомыми; но все виды едва ли пренебрегут животным, которого смогут одолеть. Они уничтожают мелких млекопитающих, молодых и беспомощных птиц, лягушек различных видов, за исключением, может быть, жаб, а также моллюсков и червей, а вероятно, и раков. Цапли тихо ходят по воде, весьма внимательно и жадно ее осматривая; при этом они так втягивают свою длинную шею, что голова кажется лежащей на плечах, а нижняя челюсть клюва упирается в выгнутую вперед шею; вдруг шея с быстротой молнии вытягивается во всю свою длину, и клюв, как дротик направляется на добычу, которая в большинстве случаев обречена на верную гибель. Они таким же образом защищаются от нападающих на них врагов.

Все цапли охотно гнездятся в обществе своих собратьев, родичей и совсем чужих птиц. Их большие, грубо сплетенные гнезда находятся или на деревьях, или в камышах на согнутых стеблях. Кладка состоит из 3-6 бело-зеленоватых или голубовато-зеленоватых яиц, не имеющих крапинок. Самка высидит одна, но в это время ее кормит самец*. Птенцы остаются в гнезде, пока не научатся летать или почти до этого времени; после вылета их еще некоторое время кормят родители, а потом предоставляют своей судьбе.

** Почти у всех видов цапель кладку насиживают попеременно самка и самец.*

Серая цапля (*Ardea cinerea*) является самым известным представителем семейства. Оперение на лбу и верхней части головы белое, на шее серо-белое, на спине пепельного цвета; спина украшена белыми полосами по удлиненным перьям; бока нижней части тела черные. Полоса, начинающаяся у глаз и продолжающаяся к затылку, три длинных пера хохла, три ряда пятнышек на передней части шеи и большие маховые перья черные; верхние малые маховые перья и рулевые перья серые. Глаза золотисто-желтые, голое место над клювом зелено-желтое, клюв соломенного цвета, ноги буровато-черные. Длина 100-106 см, размах крыльев 170-180, длина крыла около 47, длина хвоста 19 см. Птенцы более серой окраски и не имеют хохла.

Серая цапля встречается почти во всех странах Старого Света, и не только как перелетная, но и как гнездящаяся птица. В более северных странах она является перелетной птицей, в более южных — кочующей. Из Германии улетает в сентябре и октябре, медленно странствует вдоль больших рек, в октябре всюду появляется в южной Европе и, наконец, перелетает в Африку. Возвращается в марте и апреле. Во время перелета образует стаи, достигающие иногда 50 птиц. Они

летят только днем, но очень высоко и медленно, обыкновенно образуя косую линию. Сильный ветер делает их путешествие невозможным; иногда летят и при лунном свете.

Местопребывание и область охоты серой цапли составляют всевозможные водные пространства, от моря до горного ручья. Единственное условие для выбора места — то, что вода должна быть мелкой. Эта цапля встречается на самых маленьких полевых прудах, на канавах и лужах, а также, по крайней мере зимой, на мелких морских бухтах и береговых озерах; но она все-таки предпочитает воды, поблизости от которых находятся леса или, по крайней мере, высокие деревья; на последних она обыкновенно отдыхает. Серая цапля боязливее и пугливее остальных видов по той простой причине, что ее усерднее всего преследуют; она сторонится каждого человека, которого хотя бы издали завидит. Старые цапли трудно дают себя обмануть, так как замечают любую опасность и всегда очень осторожны.

Пища серой цапли состоит из рыб, лягушек, змей, особенно ужей, молодых болотных и водяных птиц, из мышей, насекомых, живущих в воде, ракушек и дождевых червей. «Цапли, дойдя до воды, — рассказывает Науман, — и не подозревая близости наблюдателя, обыкновенно тотчас же входят в мелкую воду и начинают свою рыбную ловлю. Они крадутся по воде равномерными, очень медленными шагами и при этом, согнув шею вниз, опускают клюв и внимательно смотрят на воду. Они ходят так осторожно и тихо, что не слышно ни единого звука или плеска, и всегда на таком расстоянии от берега, что вода едва доходит им до пяточного сустава. Таким образом, прокрадываясь и отыскивая добычу, они мало-помалу обходят весь пруд; заметив что-нибудь, с быстротой стрелы вытягивают сложенную шею, так что или один клюв, или вся голова уходит под воду. Поймав рыбу, тотчас ее проглатывают или сначала переворачивают ее в клюве головой вперед, чтобы удобнее было глотать. Если замеченная рыба находится слишком глубоко, то цапля запускает в воду всю шею, причем она, чтобы сохранить равновесие, каждый раз слегка распускает крылья и так сильно бьет ими по воде, что летят брызги. Мне тоже случалось наблюдать, как такой рыболов вдруг останавливался, несколько мгновений стоял смирно и потом вдруг вытаскивая рыбку. Вероятно, он это делает, когда попадает в стаю проворных рыбок, которые не знают, где им спастись, и этим приводят цаплю в короткое замешательство. Цапля целится наверняка и редко промахивается — ведь во второй раз прицелиться в пропущенную рыбу не удастся. Она таким же образом отыскивает лягушек, головастиков и водяных жуков. Первые доставляют ей много труда, когда они довольно велики; цапля колет их клювом, отбрасывает и снова ловит, щиплет до тех пор, пока ей не удастся проглотить их полумертвых и головой вперед».

Серая цапля охотно гнездится обществами и кое-где составляет колонии или поселения, насчитывающие 15-100 гнезд и больше. Они каждый год снова прилетают на прежнее место, несмотря на все преследования, и даже тогда, когда от колонии должны лететь 10 км и больше до ближайшей воды. Поблизости от морских берегов к цаплям всегда присоединяются бакланы, вероятно, потому, что им удобно пользоваться их гнездами. В апреле взрослые цапли появляются около гнезд, поправляют их и начинают нестись. Гнездо около метра в ширину, плоское и незатейливое, состоит из сухих палок, сучьев, тростника, камыша. Неглубокий лоток неопратно выложен щетиной, волосами, шерстью и перьями. В гнезде 3-4 яйца около 60 мм в длину и 43 мм в ширину; они имеют крепкую и гладкую скорлупу зеленого цвета*.

* Свежие и слабонасиженные яйца серой цапли, как правило, темно-голубые. Зеленый цвет яйца приобретают после длительного насиживания, когда синий пигмент в значительной степени разрушается под воздействием солнечного света.

Насиживание продолжается три недели; по истечении этого времени птенцы вылупляются. Это беспомощные и некрасивые существа, которые, по-видимому, мучаются вечным голодом; они невероятно много едят, из жадности роняют через край гнезда большую часть своей пищи. Птенцы остаются в гнезде дольше четырех недель. Когда слышится предостерегающее «ка» родителей, они прижимаются к гнезду, обыкновенно же стоят прямо. Когда птенцы становятся способными летать, то покидают гнездо. Родители учат их еще в течение нескольких дней, а потом предоставляют их судьбе; старые и малые разлетаются, и гнездовье пустеет.

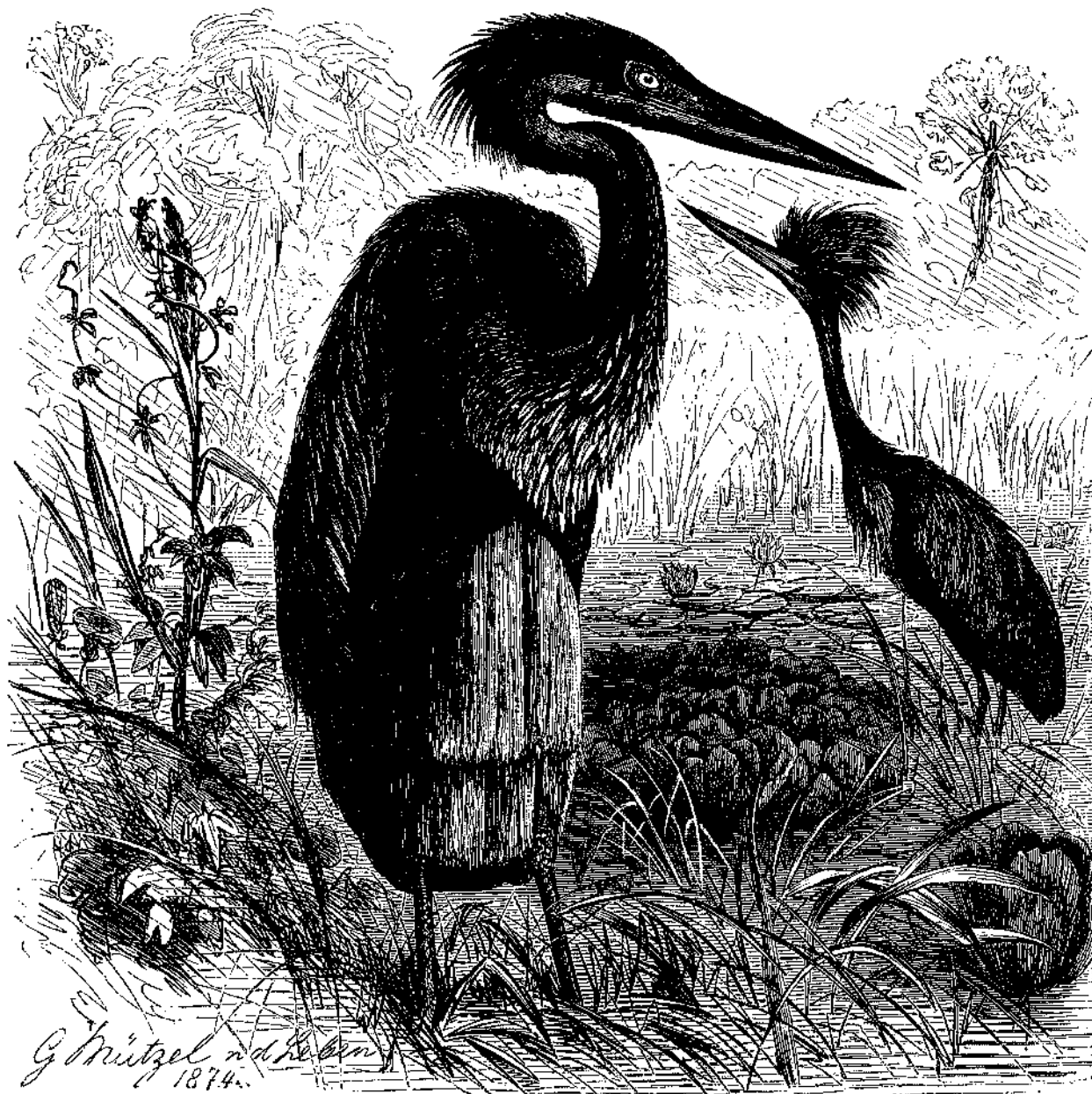
Благородные соколы и большие совы, вероятно, и некоторые орлы нападают на старых цапель, а более слабые соколы и вороны грабят гнезда. «Ужас, который испытывают столь хорошо вооруженные цапли перед всеми хищниками и даже перед воронами и сороками, — говорит Бальдамус, — замечателен и даже смешон. Разбойники, по-видимому, это очень хорошо знают, так как они грабят такое гнездовье с беспримерным нахальством, утаскивают птенцов из самой густой стаи и в наказание слышат только страшные крики, видят, как цапли боязливо их сторонятся, или же замечают широко открытую пасть и в крайнем случае получают слабый удар крылом. Но я видел,

как довольно большая цапля с нахохленными перьями и надутым горлом бросилась на сороку, которая грабила соседнее гнездо ночной цапли, прислоненное к краю ее гнезда. Молодые цапли и от человека защищаются, начинают шипеть и колоть его клювом. Но делают это только тогда, когда находятся в отчаянном положении, если их прижмут к самому краю гнезда"**.

** * Бальдамус, конечно, несколько преувеличивает. Цапли весьма эффективно защищают свои гнезда, и серые вороны, а тем более сороки имеют мало шансов разорить гнездо. Другое дело — ворон, от них цапли страдают значительно сильнее, однако большие колонии и воронам уничтожить полностью не под силу.*

Охота на цапель при помощи соколов, которая прежде существовала во всей Европе, в наше время встречается только у азиатов, например в Индии, а также у некоторых арабских племен в северной Африке. Как только цапля замечает приближающегося сокола, она выплевывает только что пойманную добычу, чтобы облегчить себя, и по возможности быстро поднимается высоко в воздух; но, конечно, сокол ее догоняет очень скоро и нападает на нее сверху. При этом он должен быть очень осторожен, потому что цапля всегда держит свой острый клюв готовым к защите. Если соколу удастся схватить жертву, то оба, кружась, падают на землю; если он имеет дело с опытной цаплей, то погоня продолжается дольше; но в конце концов цапля все-таки спускается, потому что не может от усталости лететь дальше. Необыкновенные повороты, полеты вверх и вниз, нападения и защита обеих птиц составляют великолепное зрелище. Когда охотник поймает цаплю, то он обыкновенно довольствуется тем, что выдергивает у нее нарядные перья или берет домой, чтобы приравливать молодых соколов.

Еще можно назвать живущую в Африке и Индии **цаплю-голиаф, или исполинскую цаплю** (*Ardea goliath*).

Цапля-голиаф (*Ardea goliath*)

Верхняя часть ее головы и перья хохла, сгиб крыльев и нижние части тела, за исключением белого горла, каштаново-красно-бурые; зашеек и бока шеи светлее; остальные верхние части тела голубовато-пепельные; развевающиеся перья передней части шеи снаружи белые, внутри черные, часто с ржаво-бурыми стержнями. Глаза желтые, уздечка зеленая; верхняя часть клюва черная, нижняя на конце зелено-желтая, в основании фиолетовая; ноги черные. Длина 136 см, размах крыльев 186, длина крыла 55, длина хвоста 21 см.

Большая белая цапля (*Egretta alba*) отличается стройным телосложением, особенно длинной шеей и относительно слабым клювом, длинными спинными перьями с особенно длинными бородами и ослепительно белым оперением. Глаза желтые, клюв темно-желтый; голая кожа щек зеленовато-желтая, ноги темно-серые. Длина 104 см, размах крыльев 190, длина крыла 55, длина хвоста 20 см. Птенцы не имеют нарядных перьев. Окраска клюва меняется, по-видимому, не с возрастом, а в зависимости от времени года.

Большая белая цапля населяет южную, особенно юго-восточную Европу, среднюю и южную Азию, Африку и Австралию*.

* А также Северную и Южную Америку.

В Германии считается редкостью, хотя здесь достоверно гнездится, но уже редко попадает на Дунае и не принадлежит к числу обычных птиц ни в Греции, ни в Италии, ни в Испании; но встречается в значительном числе еще вокруг Каспийского моря и в северной Африке**.

** В настоящее время большая белая цапля не гнездится ни в Италии, ни в Испании, ни в северной Африке, ни тем более в Германии. В северной Африке она только зимует.

Большая белая цапля населяет преимущественно большие болота, а в них всегда те места, которые наиболее спокойны и отдалены от людей, так как она принадлежит к самым осторожным птицам, а там, где ее преследуют, к самым пугливым. Она гораздо красивее держится, чем серая цапля. Науман справедливо говорит, что по красоте и чрезвычайной простоте своего оперения и видному росту, превосходящему рост других цапель, она действительно великолепная птица.

Белая цапля постоянно гнездится в Венгрии, в огромных зарослях болотных тростников, не избегая и близости деревьев. Достойные доверия люди рассказывали Науману, что эта птица ежегодно гнездится на одном из островов Дуная, там она занимает самые высокие деревья и свое гнездо помещает на самой вершине.

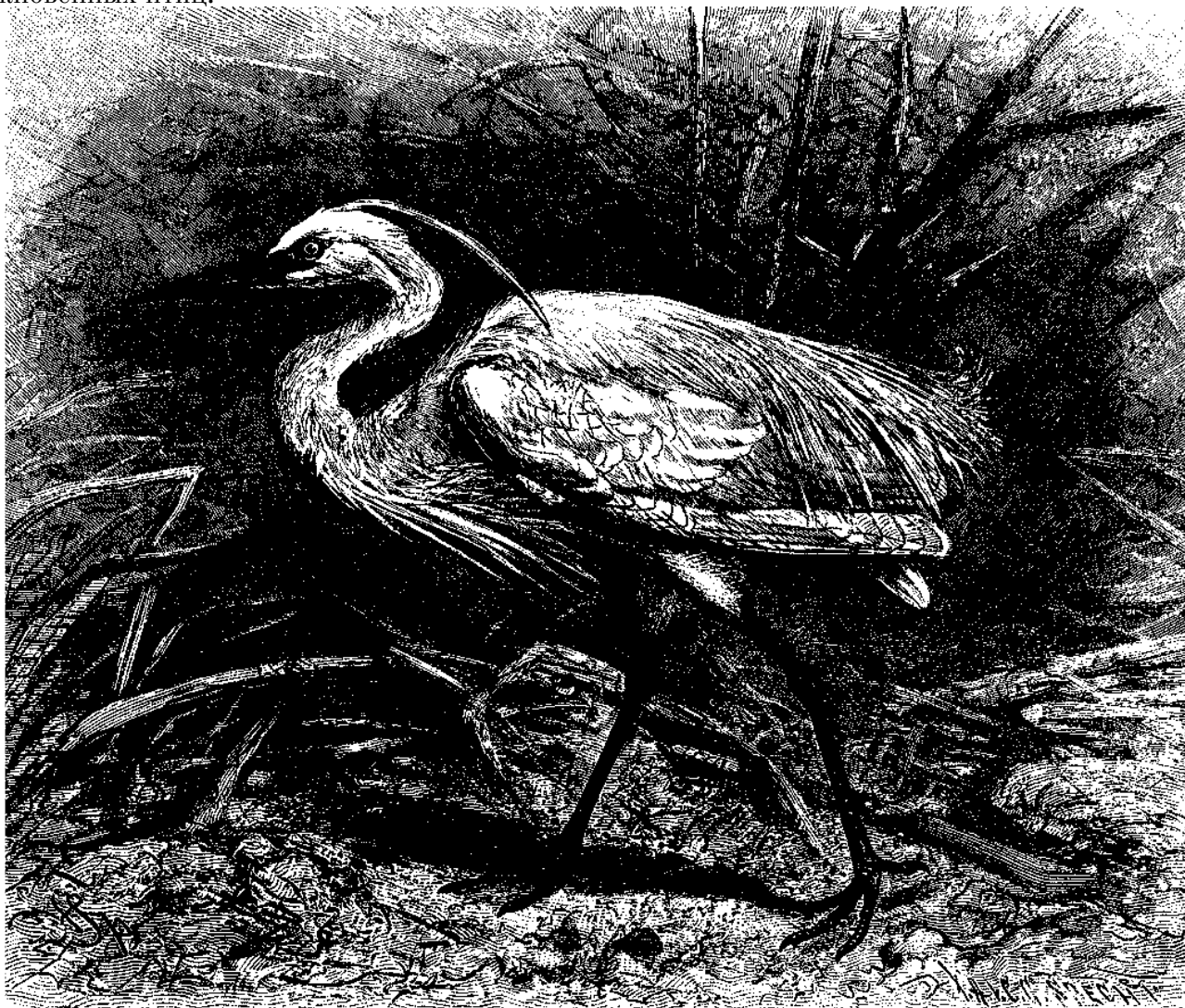
Ее жестоко преследуют на родине, особенно для того, чтобы овладеть великолепными спинными перьями, из которых делаются знаменитые султаны на шапках поляков и венгров.

Большая белая цапля (*Egretta alba*)

Малая белая цапля (*Egretta garzetta*) имеет только 62 см в длину, размах крыльев 110, длину крыла 32, длина хвоста 11 см. Оперение чисто белое, глаза ярко-желтые, клюв черный, ноги черные, на суставах зелено-желтые.

Малая белая цапля живет там же, где и большая белая цапля, но встречается чаще; она нередко попадает на берегах Дуная, Волги и Нила, а в колониях цапель является одной из самых обыкновенных птиц.

Малая белая цапля (*Egretta garzetta*)

Миниатюрность и миловидность отличают ее от многих родичей. Пищу составляет преимущественно мелкая рыба. Время размножения приходится на май и июнь; 4-5 яиц, составляющие кладку, имеют светло-зеленоватый цвет*.

** Яйца малой белой цапли зеленовато-голубые, выцветающие в процессе насиживания. В норме кладка состоит из 3-5 яиц.*

Другая небольшая цапля, **малая выпь**, или **волчок** (*Ixobrychus minutus*), отличается следующими признаками. Величина не особенно большая, клюв стройный, плюсны низкие и оперены до колен. Крылья относительно длинные, и в них второе маховое перо самое длинное, хвост короткий и слабый, а оперение не очень густое, различно окрашенное, в зависимости от возраста и пола. Длина 40 см, размах крыльев 57, длина крыла 14, длина хвоста 5 см. Оперение на верхней части головы, затылке, спине и плечах черное с зеленоватым блеском, на верхней стороне крыльев и на нижней части тела ржаво-желтое, на боках груди с черными пятнышками; маховые и рулевые перья черные. Глаза желтые, спинка клюва бурая, остальная его часть бледно-желтая; ноги зеленовато-желтые. У самки темноокрашенные части тела буро-черные, светлые — бледно-желтые; у птенцов верхняя часть головы и затылок ржаво-красно-бурые и усеяны вдоль более темными пятнами; нижние части тела ржаво-желтые с продольными бурыми пятнами; брюшко и покровные перья задней части хвоста белые.

Малая выпь встречается как гнездящаяся или перелетная птица по всей Европе, к югу от средней Швеции и Оркнейских островов.*

** Волчок никогда не гнезился в Швеции и на Оркнейских островах, и даже для Англии известен всего один случай его размножения. Эти птицы действительно часто залетают к северу от области их размножения, и встречи таких особей послужили Бремю основанием для его выводов.*

Она обычна в Голландии, Австрии, Венгрии, Турции и Греции, а в Германии, южной Франции и Испании, по крайней мере, не составляет редкого явления. На Севере она показывается в конце апреля, а исчезает уже в сентябре; во время своего путешествия на долгое время останавливается в Греции, а зимует в северной Африке; отсюда она мало-помалу достигает и экваториальных стран и долетает даже до юга Африки. Для своего летнего пребывания она выбирает трясины и воды, поросшие густым камышом или кустами и высокими болотными растениями, и поэтому ей несравненно легче найти себе место по вкусу в Голландии и Венгрии или Греции, нежели в Германии. Местопребывание и образ жизни скрывают ее от наблюдения, и только громкий зов самца во время размножения выдает цаплю опытному человеку. Она нередко живет на маленьких прудах, густо поросших камышом или кустарником, в непосредственной близости от деревень, и никто здесь и не подозревает о ее присутствии.

Днем цапля сидит неподвижно так хорошо спрятавшись в тростнике или на ветке дерева, что неопытный наблюдатель если даже и видит ее, то обыкновенно ошибается. Она прекрасно умеет выбирать такие места, которые по цвету соответствуют окраске ее оперения, и при этом умышленно играет в прятки, принимает обманчивые, часто очень странные положения. Когда она смиренно стоит на земле, то очень низко опускает шею и вследствие этого кажется очень маленькой. На ходу несколько вытягивает голову вперед, идет грациозно и проворно и постоянно взмахивает хвостом, почти как дергач. Она летает относительно скоро и очень ловко; при взлете порхает, а когда опускается, несется, не двигая крыльями, или сразу падает. Лазают удивительно ловко. При опасности мгновенно взбирается по стеблям камыша наверх и здесь так ловко двигается, что на самом деле приводит в удивление.

Малая выпь чувствует себя в полной безопасности в своем тростнике и редко покидает его. Спит очень чутко и замечает нарушителя спокойствия гораздо раньше, чем он ее; когда ей грозит опасность, убегает по земле или удаляется, перелезая с одного стебля камыша на другой, и выходит только к вечеру. Когда считает себя в безопасности, то летит низко над водой к другому камышу или же опускается на голый берег. «Она кажется живее и добродушнее большинства других цапель, — рассказывает Науман, — но можно все-таки ошибиться, если довериться ее хитрому взгляду, потому что она такая же коварная и храбрая, как и другие цапли. Если к ней приближается враг и она от него не может убежать, то внезапно нападает сама и наносит ему сильнейшие удары клювом. Удары обыкновенно направлены в глаза, а человеку — в руки или в другие обнаженные части тела, очень часто они бывают опасными. Насколько скоро вытягивается шея, как будто из ножен, настолько скоро она принимает снова прежнее положение: оба движения происходят в одно мгновение». При большой опасности малая выпь защищается до последнего вздоха.

Влюбленный крик самца — глубокий, глухой басовой звук, который может передаться слогом «пумм» или «пумб» и напоминает громкий и глубокий зов жерлянки. Этот звук повторяется два или три раза друг за другом; потом наступает довольно длинная пауза, и мычание начинается снова; но эта птица не издает никогда ни одного звука, когда она чувствует близость человека. При опасности оба пола издадут квакающее «гэт-гэт».

Вероятно, главную пищу малой выпи составляют мелкие рыбки и гады; кроме того, она ловит червей и насекомых во всех стадиях их развития. Она, вероятно, истребляет молодых тростниковых певунов или других неловких птичек, которые ей попадают в болоте. Охотится только ночью, усерднее всего в вечернюю и утреннюю зарю.

Гнездо находится обыкновенно на старых срезанных камышовых стеблях над водой, реже на земле, и только в исключительных случаях на воде; оно большое, рыхлое и незатейливое, но все-таки прочное и состоит из тростника, камышовых листьев и осоки, а выложено осокой и травой. В начале июня, а в неблагоприятные годы двумя неделями позже находят в нем 3-4, иногда 5 или 6 маленьких яиц с тонкой скорлупой, имеющих 32 мм в длину, 25 см в толщину; они гладкие и тусклые, белой окраски, переходящей в голубовато-зеленый цвет. После 16 дней* насиживания вылупливаются птенцы, одетые в ржаво-желтый пух.

** Обычно длительность насиживания составляет 17-19 дней.*

Если их не тревожить, то они остаются в гнезде до вылета; если же спугнуть, то убегают между тростниковыми стеблями, лазая по ним, и таким образом спасаются.

Охота на выпь не из легких: птица эта умеет ловко скрываться. Науман забавно рассказывает, как опытная малая выпь, живущая на одном маленьком пруду, с которого собаки и мальчишки должны были ее погнать на многочисленных стрелков, провела все общество и как несчастные охотники, среди которых находился и наш Науман, постыдно возвратились домой после двух часов напрасных ожиданий.

Большая выпь (*Botaurus stellaris*) — представитель того же семейства цаплевых. Ее отличительные признаки следующие: плотное тело, длинная, но толстая шея, узкий, длинный клюв, ноги, покрытые перьями почти до конца плюсны и с большими пальцами; крылья широкие, хвост десятиперый и густое оперение, удлиненное на шее; красивых перьев на шее, как у других цапель, не существует. Длина 72 см, размах крыльев 126, длина крыла 40, длина хвоста 13 см.

Геснер, по рассказам Альбертуса, пишет: «Эта птица по сложению и величине похожа на цаплю; питается рыбой, и поэтому ей даны длинные ноги. Она ест лягушек и других животных, но по цвету не похожа на цаплю, имеет земляной цвет, а когда стоит в воде, отыскивая корм, то держится смиренно и неподвижно, точно мертвая или будто связанная веревками. Она остается неподвижной и тогда, когда птицелов приближается к ней, а если он захочет ее взять, то клюет его, как цапля, и сильно ранит, так как ее клюв очень острый и тонкий».

Большая выпь (*Botaurus stellaris*)

Эта цапля по латыни получила свое название от звезды, так как она украшена и усеяна красивыми пятнами, похожими на звезды. В Германии она имеет различные названия, смотря по местности; ее называют «болотный бык», «морской бык», «моховая королева» — названия, происходящие от быка, так как ее голос имеет сходство с голосом последнего. От слова «тростник» она называется «тростниковым барабаном», «тростниковой трубой», «тростниковой цаплей», так как ее голос очень громко отзывается в тростниках и звучит как барабан. Но когда она хочет крикнуть во весь голос, то вытягивает свою длинную шею, сует ее в воду или в земляную яму. Она это делает после заката солнца, часто мычит в течение всей ночи и утихает только незадолго перед восходом солнца. В остальное время дня ее не слышно».

В Северной Америке наша выпь заменяется **американской выпью** (*Botaurus lentiginosus*), которая неоднократно залетала в Европу. Она заметно меньше и гораздо темнее, но по окраске похожа на нашу выпь.

В искусстве принимать самые странные положения американская выпь даже превосходит маленьких цапель. Когда сидит смиренно и свободно, то приподнимает переднюю часть тела и так вытягивает свою длинную шею, что голова лежит на затылке; на ходу она несколько приподнимает

шею; приведенная в ярость, нахохливает перья, поднимает зашейные перья, раскрывает клюв и готовится к нападению. Когда хочет обмануть, то садится на пятки и вытягивает вверх туловище, шею, голову и клюв, так что они образуют прямую линию, и тогда она скорее похожа на старый острый кол или сухой куст тростника, нежели на птицу. Ходит медленно, внимательно и лениво; полет ее мягкий, бесшумный, медленный и, по-видимому, неловкий. Чтобы высоко подняться, она описывает несколько кругов, но летает не плавно, а порхает и, порхая, спускается до самого тростника, потом складывает крылья и отвесно падает между стеблями. Впрочем, на значительной высоте выпь летает лишь ночью, а днем только низко над камышами.

Ее пищу составляет рыба, особенно пескари, лини и караси, лягушки и другие водяные различных видов, но также змеи, ящерицы, молодые птицы и мелкие млекопитающие, величиной не превосходящие водяных крыс. Она ест очень много; охотится только ночью от заката до восхода солнца, но короткие ножки не позволяют ей охотиться в глубокой воде.

Странный крик самца во время размножения, похожий на рев быка, в тихие ночи слышится на расстоянии 2-3 км; он состоит из прелюдии и главного тона. При этом, когда находишься очень близко, слышишь шум, который звучит так, будто кто-то ударяет по воде тростниковым стеблем. Если птица распоеется как следует, ее песня приблизительно звучит так: «ю-ю-прумб», потом «ю-прумб, ю-прумб, ю-прумб». Иногда, но редко к «прумб» еще прибавляется «буу». Самец усерднее всего бухает в начале периода размножения, начинает с вечерней зарей, очень оживляется перед полночью, продолжает подавать голос до конца утренней зари и еще раз бухает между 7 и 9 часами. Граф Водзицкий, по своим наблюдениям, подтверждает древнее предположение насчет манеры и способа издавать такой необыкновенно сильный звук. «Выпь, — говорит он, — стояла на обеих ногах, тело держала горизонтально, клюв воткнула в воду и начала реветь; вода при этом брызгала вверх. Потом самец поднял голову, отбросил ее назад и опять быстро опустил в воду, теперь рев раздался с такой силой, что я испугался. Это мне объяснило, что те тоны, которые вначале звучат так громко, издаются, когда птица, набрав много воды в горло, с большой силой выпускает ее снова в болото. Музыка продолжалась, но выпь больше не опрокидывала голову, и громких тонов я больше не слышал. По-видимому, этот звук выказывает высшую точку токования; как только страсть удовлетворяется, самец его больше не издает. После нескольких вскрикиваний он осторожно вынимает из воды клюв и слушает».

Когда выпь токует, она не стоит в самом густом тростнике, а находится скорее на маленьком свободном местечке, потому что самка должна видеть своего обольстителя. Шум, будто кто-нибудь бьет тростниковым стеблем по воде, происходит от самца, который ударяет клювом по воде два-три раза во время громкого рева и наконец погружает его в воду.

Недалеко от места, где чаще всего слышится рев, по возможности скрытом и почти неприступном, находится гнездо выпы. Обыкновенно оно построено на старом согнутом камыше над водой, иногда на земляных холмиках или маленьких тростниковых островках. Как исключение, представляет плавающую постройку на воде. Гнездо, то очень большое, высокое, неряшливо сплетенное, то маленькое и довольно аккуратное, состоит из сухого тростника, листьев, осоки, камыша, а внутри выложено метелками тростника и сухой травой. С конца мая в нем находят полную кладку, состоящую из 3-5 овальных тусклых яиц, имеющих крепкую скорлупу, приблизительно 52 мм в длину и 39 мм в ширину, бледного зеленовато-голубого цвета.

Самка высидывает одна, но в это время ее кормит самец и развлекает иногда своим ревом. Самка улетает от человека только тогда, когда он подходит на несколько шагов; еще ближе подпускает собаку. Спустя 21-23 дня птенцы вылупливаются,* согреваются матерью еще в течение нескольких дней и выкармливаются обоими родителями.

* *Цвет яиц у выпы оливково-коричневатый, кладка состоит, как правило, из 5-6 (от 3 до 7) яиц, период насиживания составляет 25-26 дней.*

Если их не трогать, они остаются в гнезде, пока не научатся летать, если же их вспугнуть, они из него выходят, еще не умея летать, и лазают по тростнику. Когда птенцы сами начинают охотиться, то разлетаются и бродят по окрестности.

В южной Европе выпь преследуют из-за мяса, которое очень любят, несмотря на его вкус, отдающий ворванью.

Кваква, или ночная цапля (*Nycticorax nycticorax*), отличается от других цапель сжатой фигурой, коротким, толстым, согнутым на спинке клювом; сильными, средней длины ногами, широкими крыльями и густым оперением, не имеющим удлинённых перьев, за исключением трех нитевидных перьев на зашейке. У старой птицы верхняя часть шеи, затылок, верхняя часть спины и плечи зеленовато-черные; остальные верхние части тела и бока шеи пепельно-серые; нижние части тела

бледно-соломенно-желтые, три нитевидных пера на затылке белые, редко черные. Глаза великолепного пурпурового цвета, клюв черный, в основании желтый, голое место на голове зеленое, ноги зелено-желтые. У птенцов верхнее оперение бурое с ржаво-желтыми и желтовато-белыми продольными пятнами, шея желтая, также разрисованная, нижние части тела разрисованы по беловатому фону бурыми пятнышками; хохла нет, зрачок кажется бурым. Длина 60 см, размах крыльев 108, длина крыла 30, длина хвоста 11 см.

Если в зимнее время останавливаешься на одном из египетских озер, то там кое-где видишь толстые деревья, покрытые многочисленными цаплями. Здесь они сидят в течение всего дня с втянутой шеей, закрытыми глазами, не двигаясь; только когда подходит вечер, некоторые начинают шевелиться. Одна цапля приоткрывает глаза, немного поворачивает голову вбок и поглядывает на солнце, чтобы узнать, как высоко оно находится на небе; другая возится в своем оперении, третья переминается с ноги на ногу, четвертая вытягивает крылья — одним словом, общество оживает. За это время солнце опускается, и наступают вечерние сумерки. Тогда сонные птицы оживляются, ловко прыгают с ветки на ветку все выше к вершине, и вдруг все общество по квакающему призывному крику одной цапли поднимается и летит к первому попавшемуся болоту, чтобы здесь начать свою ежедневную или скорее ночную деятельность. В перелетное время случается увидеть тысячи летящих птиц, не имея возможности догадаться, откуда они появились. Таким зрелищем можно насладиться не только в Египте, но и внутри материка, так как эти ночные гуляки, настоящая родина которых юго-восточная Европа, путешествуют по всей Африке.

Кваква имеет обширную область распространения. В Голландии она попадается довольно часто, в Германии — в одиночку и непостоянно, а в дунайских долинах и в подходящих местностях Черного и Каспийского морей — массами; она встречается также в Италии, южной Франции и Испании, каждую зиму бывает в Африке, появляется как гнездящаяся птица в Палестине, в восточной и Средней Азии, Китае, Индии, попадается в большей части Северной, Центральной и Южной Америки и только не встречалась еще в Австралии.

Кваква, за исключением времени размножения, проводит целый день во сне или просто отдыхая, и начинает летать и охотиться только с наступлением настоящей темноты. Ее движения во многих отношениях отличаются от движений других цапель. Походка — короткими шажками, полет — относительно быстрыми, но совершенно бесшумными, часто повторяемыми ударами крыльев. Нельзя назвать ночную цаплю пугливой птицей, хотя она бывает очень осторожна. Обыкновенно ее можно встретить днем, спящую или сонную. Она почти подпускает охотника к дереву, на котором отдыхает, и в местах, где добродушие люди ее избаловали, даже не всегда взлетает. Эта же птица с наступлением ночи становится веселой и подвижной, хотя и не особенно оживленной, но при всех обстоятельствах остается осторожной; она боязливо отлетает от каждого человека, который к ней приближается, и делается необыкновенно пугливой, когда замечает, что ее преследуют. Кваква ловит рыбу приблизительно так же, как и дневные цапли, во всяком случае совершенно бесшумно.

Размножение происходит от мая до июля. В это время птица со своими родичами поселяется или уже на определенных стоянках, или основывает новую колонию. Она предпочитает высокие деревья низким, но не всегда разборчива. Гнездо выстроено неаккуратно; снаружи сплетено из сухих прутьев, как гнездо вороны, а внутри скудно выложено сухими тростниковыми и камышовыми листьями. До начала мая в южной Венгрии нередко находят яйца в гнезде, а в конце месяца почти каждое гнездо содержит 4-5 яиц. Зеленые яйца, длина которых имеет приблизительно 35 мм, а ширина 40 мм, продолговаты и имеют замечательно тонкую скорлупу. Вероятно, самка высидивает одна, по крайней мере, это так кажется днем*.

* *Яйца квакв зеленовато-голубые, кладку насиживают оба родителя, но участие самки больше.*

Замечательно то, что кваква во время размножения и днем занимается рыбной ловлей». Конечно, к этому ее принуждает ненасытный голод птенцов, поневоле она вынуждена изменить свой обычный образ жизни. «Со всех сторон, высоко и низко, — описывает Ландбек, — слетаются к своим гнездам ночные цапли, с зобом, набитым рыбой, лягушками и личинками насекомых. Они уже издали извещают о своем приближении, издавая глубоким басом «куак» или «гевек», а во время кормления птенцы отвечают звуками «куэт-куэт» или «куэаоаэ-куеоеа», похожими на мяуканье кошки. Как только старики отлетели, музыка птенцов снова начинается, из всех гнезд звучит непрерывное «цикоикцик-цек-цек-цек-цгецгеце» и «гет-гет- гет-гет». Для разнообразия молодые цапли влезают по веткам на верхушки деревьев, на которых находятся гнезда, откуда они имеют более широкий обзор и могут заметить своих родителей еще издали; но они часто и ошибаются». Мо-

лодые цапли ходят по земле, собирая рыбу, оброненную из гнезд прожорливыми птенцами, если старики отказываются кормить их.

В прежние времена, по-видимому, находили особенное удовольствие в охоте на ночных цапель, потому что этих птиц причисляли к красной дичи и они считались очень вкусными. В наше время их бьют из-за трех белых затылочных перьев, названных почему-то «перьями Бисмарка». Эти перья добывают мастера, чтобы обработать их в виде султанов.

Семейство челноклювые

Челноклюв (*Cochlearius cochlearius*). Эта ночная цапля имеет странно сложенную, плоско округленную верхнюю часть клюва в виде перевернутой ложки. Спинка клюва снабжена тупым ребром, а конец имеет зубец, загнутый вниз; при этом эта часть имеет углубления и около них выпуклости; клюв постепенно спереди закругляется. Нижняя часть клюва широкая, гладкая, раздвоенная до кончика и в промежутке между обеими половинами нижней челюсти покрыта влажной кожей. Ноги стройные, средней высоты, покрытые до пяток перьями. Крылья сильные и довольно длинные, между маховыми перьями четвертое самое длинное; хвост довольно короткий, почти прямо обрванный, состоит из 12 перьев. Кроющие перья нежные, редкие, похожие на перья других цапель, причем перья зашейка и затылка удлиняются для образования длинного хохла; оперение это различное на спине и плечах, но область уздечки и горло остаются голыми. Лоб, горло, щеки и передняя часть шеи белого цвета; нижняя часть шеи и грудь желтовато-белые; перья спины светло-серые; задняя часть верхней части шеи и брюшко до гузки ржаво-красно-бурые; маховые перья и рулевые беловато-серые. Глаза карие и имеют внутри серый край; клюв бурый, желтый на нижней части челюсти; ноги желтоватые. Длина 58 см, размах крыльев 99, длина крыла 30, длина хвоста 12 см. Самка несколько меньше самца; птенцы вначале красно-бурые, оперение их темнее на спине, светлее на груди.

Челноклюв живет в кустах и тростнике берегов всех лесистых рек Бразилии и во время размножения встречается в одиночку или парами. Его видишь, когда он сидит на ветке довольно высоко над водой в густом кустарнике речного берега; во внутренних лесах он попадает чаще, нежели близко от моря: при приближении лодки ловко прыгает с ветки на ветку и быстро исчезает. Его пища, вероятно, состоит из всевозможных водных животных, кроме рыбы. Принц фон Вид нашел только червей в желудке убитого им экземпляра и думает, что вследствие своего широкого, лодочкообразного клюва он не в состоянии ловить рыбу*.

** Челноклюв, действительно, не ест рыбы. Своим широким клювом он ворошит ил на дне водоемов, собирая червей, креветок и других донных беспозвоночных.*

Челноклюв (*Cochlearius cochlearius*)

Этот исследователь не слышал его голоса; но Шомбургк говорит, что птица щелкает клювом, как аист, по крайней мере, когда попадает в руки человека. Насчет размножения еще мало известно. Яйцо продолговато-круглое, белое, тусклое и пятен не имеет; оно очень похоже на яйцо ночной цапли.

Семейство китоглавые

Одной из самых необыкновенных птиц Африки и даже одной из самых своеобразных птиц всего света может считаться **китоглав** (*Balaeniceps rex*). Его отличительные признаки следующие: массивное тело, толстая шея и большая голова; мощный клюв, имеющий сходство с тяжелым деревянным башмаком, слегка вогнутый на спинке, по которой проходит округленное ребро, и с сильным зубцом на конце; его широкие нижние челюсти соединены кожистой перепонкой вплоть до самого кончика клюва. Ноги очень высокие, с большими ступнями и длинными пальцами, которые снабжены сильными когтями. Крылья широкие и длинные, между маховыми перьями третье и четвертое самые длинные. Хвост средней длины, прямой, двенадцатиперый; оперение крупноперое, довольно мягкое; на задней части головы находится коротки й хохол. Преобладающей окраской является красивый пепельно-серый цвет; края больших перьев светло-серые, маховые и рулевые перья серовато-черные. Глаза светло-желтые, клюв рогового цвета, ноги черные. Птенцы имеют ржаво-буро-серое оперение. Длина 140 см, размах крыльев 262, длина крыла 73, длина хвоста 25 см. Самка значительно меньше самца.

По наблюдениям Гейглина и Швейнфурта, этот великан живет в одиночку, парами или небольшими обществами, по возможности далеко от человеческих селений, в огромных, в большинстве

случаев недоступных болотах Белого Нила и некоторых из его притоков. Обычно видишь, как он ловит рыбу среди этих болот, в луже, окруженной густым камышом и кустами папируса, или как он неподвижно стоит, часто на одной ноге, на термитовом холмике, возвышающимся на более сухих местах болота; отсюда он имеет более широкий кругозор для наблюдений, здесь он переваривает и пищу. При приближении человека уже издали пугливо и осторожно поднимается с большим шумом и низко и тяжело летит над тростником, за которым вскоре и скрывается. Если же его испугать выстрелами, то высоко поднимается в воздух, долго кружит и носится, но не возвращается к болоту, пока замечает на нем подозрительных людей. Он, вероятно, иногда встречается и на открытых водах, но редко.

По походке и полету китоглав похож на марабу, но тело держит горизонтально и тяжелую голову кладет на зоб. Когда он летит, то втягивает шею, как цапли. Единственный звук, который он издает, — громкое щелканье клювом, напоминающее щелканье аистов. Его пища состоит преимущественно из рыбы, и он ловко умеет ее ловить, стоя в воде часто по грудь и быстро направляя свой сильный клюв на добычу, как это делают цапли. Говорят, что, как пеликаны, он делает настоящие облавы вместе с другими китоглавами, образуя круг и стараясь загнать рыбу на мелкие места, шагая и хлопая крыльями. Петерик уверяет, что он ловит и убивает змей, не пренебрегает также и падалью.

Размножение происходит в дождливое время года, а именно от июня до августа. Китоглав выбирает для своего гнезда маленькое возвышение среди камыша или травы, или в непосредственной близости от края воды, или среди болота, но охотнее всего на местах, доступ к которым вода делает почти невозможным. Здесь он сплетает из собранных рыхлых стеблей болотных растений большое гнездо, скрепленное часто дерном и тиной и имеющее почти метр в высоту. Яйца относительно небольшие, 80 мм в длину и 55 мм в ширину; они имеют овальную форму и белую окраску.

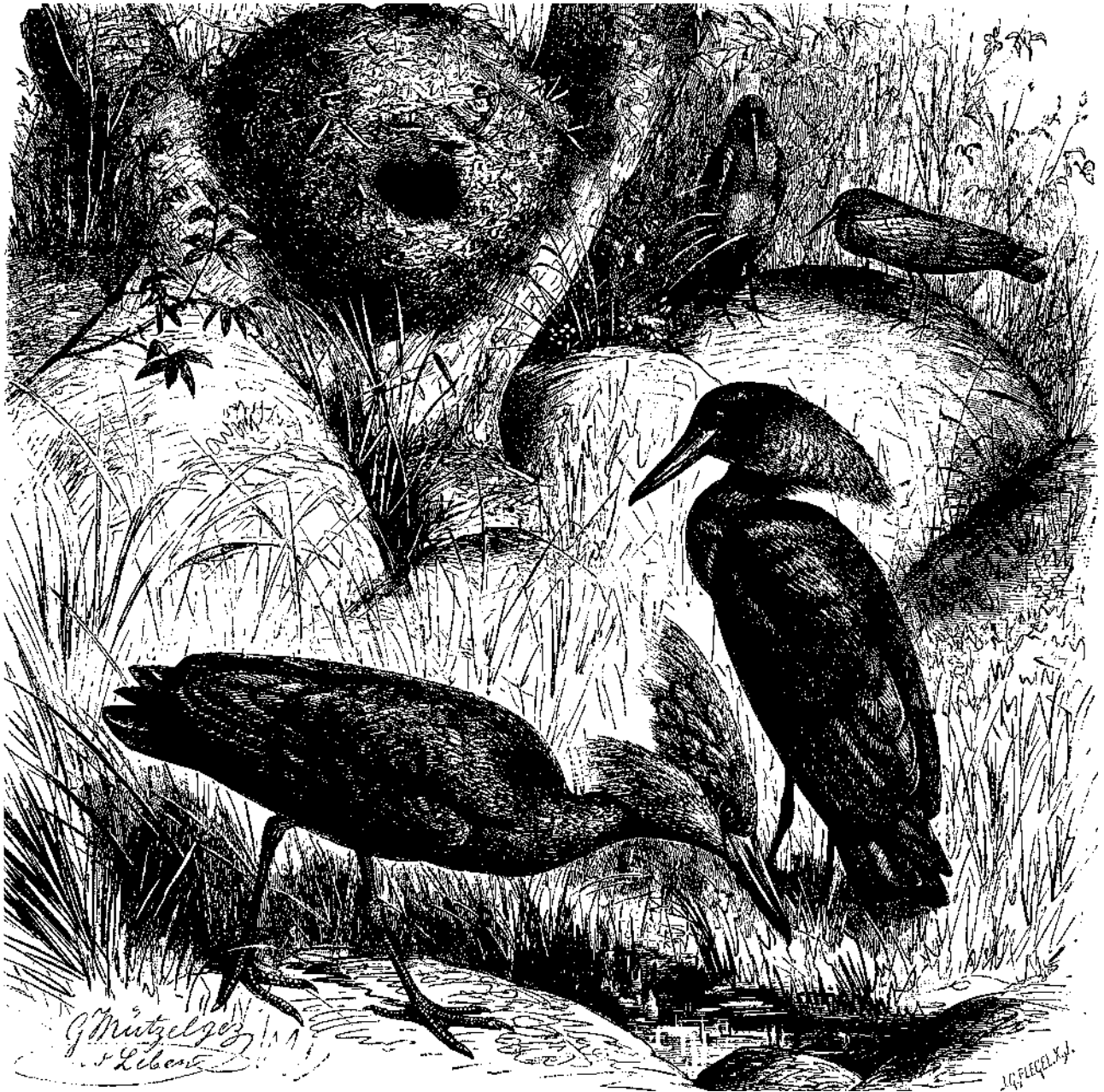
Китоглав (*Balaeniceps rex*)

Юнкер рассказывает следующее насчет одного китоглава, содержавшегося в плену во время его путешествия по Африке: «Он нас очень забавлял впоследствии на корабле, а позже на станции Дьур-Гаттас. Я ежедневно приказывал класть рыбу в мою большую ванну, и было очень занятно наблюдать, как эта большая птица иногда долго стояла неподвижно вблизи, потом вдруг погружала в воду свой массивный клюв, с быстротой молнии схватывала рыбу, имеющую почти фут в длину, и без всякого заметного усилия проталкивала ее через свою пасть. Она выказывала невероятно спокойный и флегматичный нрав, с самого начала была очень мало пуглива, и вскоре можно было к ней подходить. Ее пугало только неожиданное появление людей и шум. В большинстве случаев китоглав задумчиво стоял на одном месте и очень неохотно подчинялся перемещениям. Таким образом, наш редкий гость без стеснения и на свободе оставался с нами на палубе. Его отношения с двумя маленькими шимпанзе были чрезвычайно смешными: обезьянки испытывали перед ним невероятный страх. Это нам было на руку, так как шимпанзе вели себя как невоспитанные дети: во время обеда они скалили зубы, кусались, кричали и буквально принуждали нас часто вставать и убегать, после чего они сами набрасывались на полные тарелки. Но спокойный, флегматичный большой китоглав, к немалой нашей забаве, вскоре сделался нашим храбрым защитником от навязчивости этих необузданных обезьян. Когда шимпанзе во время нашего обеда себя нехорошо вели, с визгом топали ногами и с жадностью невоспитанных детей хватались за кушанья, добрый гений в виде негрятенка приводил нашего милого защитника. Он неподвижно, как статуя, стоял на близком расстоянии, не обращая ни малейшего внимания на шимпанзе, между тем как обезьянки, к нашему великому удовольствию, поспешно покидали каюту со всеми признаками страха и часто оглядываясь. Когда я направился внутрь материка, я оставил птицу у Гесли, у которого она позже привыкла, кроме рыбной пищи, и к мясу».

Семейство молотоглавые

Молотоглав (*Scopus umhretta*). Туловище короткое и почти цилиндрическое, шея короткая и толстая, голова относительно большая. Клюв длиннее головы, прямой, высокий, с боков сжатый и на конце с небольшим крючком. Ноги средней длины, перепонка между пальцами имеет глубокие вырезы, крылья широкие и сильно округленные, в них третье маховое перо самое длинное; хвост состоит из двенадцати рулевых перьев средней длины. Мелкое оперение густое и длинное, на затылке оно образует довольно большой хохолок, окраска его почти однообразно-бурая, на нижней стороне тела по обыкновению светлее. Маховые перья темнее перьев спины и очень блестящие; рулевые перья имеют широкую пурпурово-бурую полосу на конце и много неправильных узких полосок у основания. Глаза темно-карие, клюв черный, ноги черно-бурые или также черные. Длина птицы равняется 56 см, размах крыльев 104, длина крыла 31, хвоста 16 см. Самка не отличается от самца.

Эту голенастую птицу встречали почти во всех странах Африки, не исключая юга этого материка и Мадагаскара, а также в южной Аравии, но, по-видимому, она нигде не бывает многочисленна. Она предпочитает низменности, но Гейглин находил ее однако, в центральной части Абиссинии на вершинах до 3000 м.

Молотоглав (*Scopus umbretta*)

Я встречал неоднократно молотоглавов в тех странах, где путешествовал, но всегда поодиночке или парами. Это довольно странная птица. Когда она стоит, то держится не так красиво, как цапля: шея сильно втянута, хохол закинут на спину, так что голова кажется лежащей на плечах. Когда ничто ее не пугает и она думает, что ее не подстерегают, то играет своим хохолком и то взъерошивает, то опускает его; иногда же она по несколько минут стоит совершенно неподвижно на одном месте. Походка птицы легкая и красивая, но равномерная, а не стремительная; полетом более всего она напоминает аиста: любит лететь прямо с места, много парит и часто поднимается на значительную высоту, если собирается перелететь с воды с одного места на другое; звука голоса ее я никогда не слышал.

Эти птицы всегда встречаются только на лесных реках или на таких берегах, которые поросли лесом; оживленнее всего они бывают в часы утренних и вечерних сумерек; днем они, по-видимому, спят, так как сидят неподвижно на одном месте или же тихо и смиренно бродят в самой прохладной и тенистой части леса, то шлепают по воде, как все болотные птицы, то, подобно маленьким цаплям, с берега схватывают пищу. По моим наблюдениям, рыба составляет главную их пищу. От других естествоиспытателей мы знаем, что они едят также ракушек, гадов, особенно же лягушек, маленьких змей, ракообразных, червей и личинок насекомых. Самец и самка не очень держатся друг друга, гораздо чаще, кажется, каждый из них идет своей дорогой и только изредка сходится со своей парой. Они не очень пугливы, но, подобно всем цаплям, осторожны.

Исполинское гнездо, отличающееся круглым входным отверстием, я несколько раз видел, не догадываясь, что это гнездо молотоглава. Первым описанием его мы обязаны Делегоргу и Верро.

Все мной виденные гнезда были большей частью устроены в разветвлении ствола или сучьев мимозы, не очень высоко над землей. Все они очень искусно слеплены из прутьев и глины. Снаружи имеют 1,5-2 м в поперечном разрезе и почти столько же в высоту, так как они выведены куполообразно со сводом.

Внутри гнездо разделяется на три отдельных помещения: прихожую, приемную и спальню. Эти помещения отделаны внутри так же тщательно, как стенки снаружи, входные отверстия в них такого размера, чтобы только птица могла через них пролезть. Вся постройка сработана так превосходно, что даже ливни не всегда ей причиняют вред; если же беда и случится, то обитатели тотчас же принимаются за дело и искусно исправляют повреждения.

Спальня, самая объемистая часть гнезда, расположена позади всех, здесь происходит насиживание, в котором поочередно принимают участие обе птицы, составляющие пару. Там, на мягкой подстилке из тростника и других растений, лежат 3-5 яиц, составляющих кладку; яйца белые, 44 мм в длину и 33 мм в ширину. Среднее отделение служит складом добычи. В доказательство, что запасов бывает всегда вдоволь и даже с избытком, здесь можно во всякое время найти кости высушенных или сгнивших животных. Передняя, самая маленькая из трех помещений, служит для того, чтобы отсюда держать караул; здесь сторож стоит и высматривает, чтобы своим хриплым голосом предупредить об опасности. Верро заметил, что сторож всегда лежит на груди и вытягивает голову вперед, чтобы тотчас заметить приближение противника. Птенцы молотоглава точно так же, как и птенцы цапли, очень долго не покидают гнезда. Пока вся семья вместе, у старых дел и забот полон рот: от восхода солнца до заката они все время таскают в гнездо пищу. На теле малышей, почти голых, все же видны признаки серо-бурого пуха.

О молотоглаве у народов, которые знают эту птицу, ходят всякого рода рассказы. Жители Анголы, например, верят, что всякий, кто выкупался в одной и той же воде с птицей, непременно покрывается сыпью. Многие также боятся молотоглавов и не разоряют гнезд этих птиц.

Семейство аистовые

Аисты довольно тяжеловесные голенастые птицы с толстым клювом, длинными ногами и короткими пальцами. Клюв у них длинный, прямой, удлинено-конический и клиновидный; он иногда загнут несколько вверх, у некоторых видов середины обеих челюстей не вполне сходятся, а кончик клюва несколько сжат со сторон. Ноги длинные и довольно толстые, значительная часть голени не оперена. Короткие передние пальцы соединены небольшими плавательными перепонками и вооружены толстыми вогнутыми когтями. Крылья длинные и широкие, третье и четвертое маховые перья самые длинные; двенадцатиперый хвост короткий и на конце закругленный. Оперение головы и шеи состоит или из узких, удлинённых перьев или из коротких и округленных; у иных оно редкое и шерстистое, даже волосистое; наконец, у некоторых на конце перьев шеи и головы замечаются роговые острия. Оба пола отличаются ростом, а у молодых экземпляров оперение тусклее.

Аисты живут во всех частях света и почти в каждом климатическом поясе, но местожительство видов различно. Однако можно сказать, что они предпочитают лесистые равнины, богатые водой, высоким и сухим местностям и потому никогда не живут в горах, степях и пустынях. Северные виды принадлежат к перелетным птицам и совершают очень далекие странствования; живущие на юге аисты кочуют.

Аисты деятельны только днем, держатся прямо, шею складывают более или менее сильно в виде буквы S, ходят довольно величественно медленными шагами, охотно бродят по воде, но лишь редко решаются плавать. Они летают прекрасно, легко и большей частью высоко, нередко парят, часто поднимаясь на высоту винтовыми линиями; при полете вытягивают шею вперед, а ноги назад и таким образом по своей фигуре легко отличаются от других летающих птиц. Они не издают никакого звука, кроме хриплого шипения, но заменяют голос очень выразительным щелканьем клювом. Птицы ведут себя постоянно серьезно и с достоинством и доказывают свою понятливость тем, что очень хорошо умеют применяться к обстоятельствам.

Они живут постоянными обществами и ко всем болотным и водным птицам относятся миролюбиво. Маленьким же животным они опасны, так как аисты — это разбойники по ремеслу и не ограничиваются тем, что едят гадов, рыб, насекомых и червей, а нападают и на всех остальных слабых животных и убивают их, если это окажется им под силу. Они не гнушаются также падалью и поглощают ее с такой же жадностью, как грифы и гиены.

Аисты строят свои огромные гнезда на высоких деревьях или строениях и делают их из сухих ветвей и прутьев, а внутренность выстилают более мягким материалом. Кладка состоит из немногих больших яиц без пятен, которые насиживает только самка. Самец приносит самке корм, пока она сидит на гнезде и помогает ей воспитывать птенцов.

Первым из аистов следует назвать **белого аиста** (*Ciconia ciconia*). Кроме черных крыльев и самых длинных покровных перьев цвет оперения его грязновато-белый, глаза карие, клюв сургучно-красный, а ноги кроваво-красные, голые пятна вокруг глаз серовато-черные. Длина 110 см, размах крыльев 224, длина крыла 68, а хвоста 26 см. Самка ростом немного меньше.

За исключением северных стран, белый аист водится во всей Европе, хотя, конечно, гнездится не повсюду. Между прочим, посещает он и Англию, где прежде, говорят, бывал нередко.

Теперь же встречается там лишь в небольшом количестве; точно так же он более или менее удалился и из Греции, потому что его, священную птицу турок, жители Греции вовсе от себя изгнали. В Испании, даже в таких местностях, где есть все необходимое для их процветания, они все же составляют редкость*.

** Сейчас в Испании и Гоезии белый аист обычная птица.*

Они, кроме того, появляются и на юге России и вокруг Каспийского и Черного морей, в Сирии, Палестине, Персии, Туркестане и в Японии, на Канарских островах и, по уверениям Лайярда, без сомнения, должны гнездиться в Африке. Во время своих зимних путешествий птицы пролетают всю Африку и Индию. Они предпочитают равнины, низменные и плоские местности, изобилующие водой, преимущественно болотами и трясины, и непременно избирают страны, носящие на себе печать господства человека. Хотя многие аисты и поселяются в лесах, в стороне от человеческого жилья, и строят на больших деревьях свое объемистое гнездо, но все же большая часть их гнездится на дворах крестьянских усадеб и часто даже на крышах их изб.

Иногда посчастливится заметить прибытие любимых гостей, обитателей крыш. При этом наблюдается, что пара, которая уже в прошлые годы жила на этом же самом дворе, неожиданно с неизмеримой высоты винтообразным движением быстро спускается на прежнее гнездо и с самого первого момента своего прибытия чувствует себя совершенно как дома, будто она никогда отсюда и не улетаала. Жизнь их протекает по заведенному порядку. С гнезда, которое делается их настоящим домом, они улетаают на поля и луга, на трясины и болота и там охотятся; в полдень обычно прилетают домой, после чего предпринимают еще вторичное вечернее путешествие, перед закатом солнца снова возвращаются к себе и здесь, потрещав и похлопав клювом, наконец успокаиваются и засыпают. Так они проводят время, пока не наступит пора высидывать яйца.

Походка белого аиста тихая и уверенная, осанка — прямая, полет его, которому предшествуют обыкновенно несколько прыжков, относительно медленный, но легкий и красивый, отличается прекрасными винтообразными линиями. Стоит аист обыкновенно с несколько втянутой шеей, причем клюв опущен кончиком книзу; он, впрочем, никогда не принимает таких некрасивых положений, как цапля, и при самом глубоком покое имеет пристойный вид. Он редко ускоряет походку до бега, который, по-видимому, его быстро утомляет, между тем, медленно расхаживая, в состоянии и безостановочно двигаться несколько часов.

Белый аист (*Ciconia ciconia*)

Летать может без усталости; он движет крыльями изредка, и взмахи следуют друг за другом нечасто. Ветром и каждым движением воздуха аист умеет пользоваться так искусно, что, паря на высоте, может как ему вздумается или опускаться или подниматься; рулем своим правит так ловко, что по желанию принимает какое угодно направление.

Вдали от гнезда аисты настолько же пугливы, как и прочие их родичи. Они хотя отлично сознают, что крестьяне, пастухи и дети — люди безвредные, но избегают всякого сближения, а охотника, намеревающегося стрелять, они не подпускают его к себе на расстояние выстрела. Птицы ведут себя еще осторожнее во время перелета и во всех случаях, когда сходятся со своими родичами. В Африке они избегают своих земляков европейцев гораздо больше, чем туземцев.

Напрасно на аиста привыкли смотреть как на добрую и безвредную птицу; этими качествами он вовсе не обладает. Иногда случается, что даже ручные аисты, раздраженные чем-нибудь, бросаются на своего противника. Подстреленный, аист храбро защищается и до последнего издыхания продолжает наносить удары клювом; так как он почти всегда старается попадать в глаза, то может сделаться опасным как человеку, так и собаке. В припадке ревности птицы дерутся не на живот, а на смерть, а мелким животным они всегда опасны.

Единственный звук, который аист в состоянии произвести, есть трудно воспроизводимое хрипкое шипение. Оно слышится редко, чаще всего у ручных аистов. Гораздо чаще он щелкает клювом и этим странным инструментом владеет действительно с удивительным умением; он трещит то дольше, то меньшее время, то скорее, то медленнее, то громче, то менее шумно, трещит с радости, а также и с горя, трещит с голоду и после обильной пищи. Все тем же щелканьем он заявляет самке о своих нежных чувствах и, наконец, трещит, лаская птенцов.

Аистам служат пищей всевозможные животные. Они хищные птицы в полнейшем смысле этого слова. По-видимому, они предпочитают земноводных, насекомых и дождевых червей, но, вероятно, так только кажется, потому что последних легче ловить. Во время своих прогулок с целью поохотиться аисты чаще всего встречаются лягушек, мышей и насекомых, которые и составляют первую добычу; но они также убивают ящериц, веретениц, ужей и даже ядовитых змей. Аист одинаково падок до рыбы, как и до лягушек, неустомимо охотится за ними в мутной воде и глотает таких, которые длиной с человеческую ладонь. «Прежде, чем проглотить большого ужа, — говорит Ленц, — аист иногда колотит его клювом до тех пор, пока тот не перестает шевелиться, и уже потом только схватывает его как попало и спускает головой или хвостом вниз, не обращая внимания, убит ли он или еще так проворно двигается, что сильно обвивается вокруг клюва; аист в таком случае принужден трясти головой или вытаскивает ужа ногами, расправляет его и снова пытается благополучно препроводить в желудок. Аисты глотают небольших змей без всякой предварительной обработки; долго еще они извиваются в глотке и иногда даже выскальзывают обратно, если он неосторожно нагибается и открывает рот, чтобы схватить новую добычу; поэтому очень интересное зрелище представляет его охота, когда ему на гладком месте приходится справляться с несколькими змеями зараз. Ядовитые гадюки также составляют для него лакомое блюдо, но как только он заполучит гадюку на закуску, то начинает усердно и беспрестанно клевать ее в голову до тех пор, пока вовсе не разможит. Если он поторопится и поступит неосторожно, то неубитая гадюка кусает его, и от этого он несколько дней сильно хворает, затем снова совершенно поправляется». Яйца всех птиц, устраивающих гнезда на земле, он ворует.

Молодых птенцов, включая и куропаток, уничтожает немилосердно, иногда притаскивает своим детенышам целые гнезда с их содержимым; мышей подкарауливает на полях и лугах у отверстий их нор, кротов выслеживает по взрывающейся ими земле, молодых зайцев отнимает от матерей, несмотря на их храбрую защиту.

Некоторые натуралисты держатся того же мнения, упрекают его за всякую уничтоженную им лягушку и стараются доказать, что он опустошает все нивы и поля. Почти не стоит говорить, что все эти уверения очень преувеличенные. Если даже признать в полной мере тот вред, в котором его обвиняют охотники, то и в таком случае надо остерегаться произносить ему решительный приговор. Уничтожить всех зайцев, куропаток, певчих птиц, лягушек и рыб он никак не может, даже не уменьшает количества их в такой степени, чтобы стоило об этом говорить; ни лесоводам, ни сельским хозяевам он также не вредит. Аистов скорее надо причислять к полезным птицам. Внимательные хозяева заметили, что в те годы, когда было мало аистов, мыши и разные другие вредные животные появлялись в гораздо большем количестве, в частности гадюки встречались заметно чаще прежнего. Относительно массы пожираемых ими мышей не может быть и сомнений, это видно из погадок, выбрасываемых аистами; в них встречается множество остатков проглоченных мышей. Впрочем, что бы ни говорили о них, достоверным остается то, что лягушки, улитки и дождевые черви, составляя главную пищу аистов, несмотря ни на что, все еще водятся в большом количестве. Если и было замечено, что число несомненно полезных лягушек уменьшилось, то в этом скорее виноват человек, чем аист.

Однажды устроенное гнездо используется каждый год: известно, что многие гнезда сто лет кряду бывают населены этими птицами. Нельзя с точностью определить, сколько лет одна и та же пара пользуется своим гнездом, но предполагают, и, вероятно, не без основания, что аисты живут очень долго и потому у гнезд не часто меняются хозяева. Самец иногда появляется несколькими днями раньше самки и ведет себя так, что нельзя сомневаться в том, что он обладатель гнезда. Иногда случается, что возвращается только одна птица. Тогда выбор друга или подруги продолжается довольно долгое время. Около гнезда происходят сильные битвы, так как появляются молодые пары, которые сообща нападают на одинокую птицу и стараются ее прогнать с готового гнезда. Иногда это и удается, случается даже, что прежний хозяин гнезда бывает убит. Все наблюдения говорят в пользу того, что парочки аистов соединяются на всю жизнь и что птицы остаются верными друг другу.

Можно привести несколько случаев супружеской верности и взаимной любви аистов. Одна самка аиста три года подряд оставалась в Германии и зимой, искала себе корм около незамерзших ручьев и ключей, а во время самого сильного холода пряталась под крышами хлевов. Самец ее ежегодно возвращался к ней, и они выводили птенцов, как обычно. На четвертый год и самец остался зимой на родине вместе с самкой, и это продолжалось три года сряду. Наконец обе птицы были убиты злыми людьми, причем оказалось, что самка была не способна к большому перелету вследствие давно полученной раны. Совершенно то же самое наблюдал я и в Африке. Я там видел двух аистов, оставшихся в Африке и летом, велел их застрелить и нашел, что одна из птиц была также ранена, это-то и заставило здоровую птицу остаться с ней на чужбине.

Если паре не помешают, то она вскоре после прилета, весной, начинает чинить старое гнездо, приносит новые ветви и прутья и укладывает их на прежние, отчасти уже сгнившие, а также тщательно приготавливает внутренность гнезда. Таким образом, гнездо ежегодно становится все выше и тяжелее, так что наконец подставка, на которой оно лежит, не может выдержать тяжести. Приходится вмешиваться людям и выкидывать старые слои гнезда. Постройка не отличается аккуратностью: основанием для гнезда служат палки и ветви с большой палец толщиной, а также колючие прутья, комки земли и куски дерна. Второй слой образуют более тонкие ветви, стебли тростника и листья камыша, внутренняя же подстилка состоит из пучков травы, навоза, перепутанной соломы, тряпок, кусочков бумаги и перьев. Все материалы приносят обе птицы в клюве, но собственно постройкой гнезда занимается по обыкновению самка. Обе птицы работают так усердно, что строят новое гнездо в восемь дней, а починка старого кончается через два или три дня.

Во время постройки аисты делаются очень недоверчивыми, и одна из птиц всегда караулит гнездо, пока другая летает за материалом. При этом птицы трещат на все лады и этим выражают свою радость по случаю основания нового жилища или починки старого. Самка кладет первое яйцо в середине или конце апреля, а через несколько дней и остальные три или четыре яйца, если только самка не очень молода. Яйца эти правильной формы и имеют 70 мм в длину и 50 мм в ширину; скорлупа мелкозернистая, гладкая и белая, но иногда с зеленоватым или желтоватым отливом. Насиживание продолжается 28-31 день; обе птицы насиживают по очереди, но большая доля этого занятия приходится все-таки на самку. Зато самец в это время заботится о безопасности своей подруги.

Когда птенцы вылупились, то забота родителей о своем потомстве удваивается: они делаются осторожными и никогда не покидают гнезда вместе. Птенцы вначале выкармливаются различными личинками и насекомыми, земляными червями, пиявками, жуками, кузнечиками и т.п.; позднее они получают более грубую пищу. Родители им корм в клюв не кладут, и птенцы должны с первых дней своей жизни клевать пищу с подстилки гнезда, но родители ими руководят, схватывают за клюв и нагибают его в ту сторону, где лежит корм. Птенцы в первые дни своей жизни сидят на плюснах, а затем становятся во весь рост, причем взрослые птицы предохраняют их от падения, устраивая нечто вроде загородки из вновь принесенных ветвей; птенцы очень скоро знакомятся с окрестностями и с самого начала доказывают, что обладают прекрасным зрением, так как уже издали замечают родителей, возвращающихся к гнезду с кормом, и приветствуют их сначала различными жестами, а затем начинают щелкать клювом, хотя еще неумело. Рост их продолжается полных два месяца. К концу этого времени они начинают пробовать свои крылья, становятся на край гнезда, хлопают ими и, наконец, решаются слететь на конек крыши. Когда крылья их еще более окрепнут, то они вместе с родителями предпринимая небольшие прогулки, но вначале каждый вечер возвращаются в гнездо, чтобы там провести ночь. Но привязанность к колыбели мало-помалу теряется, так как приближается время, когда все аисты, как взрослые, так и молодые, начинают готовиться к дальнему странствованию.

Перед отлетом аисты данной местности с семействами собираются на определенных местах, преимущественно на мягких болотистых полянах. Количество слетающих птиц с каждым днем возрастает, и совещания их делаются все более и более продолжительными. В конце июля все члены общества уже на местах, птицы, составляющие стаю, все налицо; вскоре после этого они пускаются в путь; потрепав немало на прощание, поднимаются высоко, кружатся некоторое время над родным пепелищем и, наконец, улетают по направлению к юго-западу. Дорогой, вероятно, к стае присоединяются еще попутчики, отчего она постепенно растет. Науман говорит, что видел стаи, доходившие до 2000, а иногда и до 5000 птиц. Я могу только подтвердить это предположение, так как стаи, которые я видел во время перелета во внутренней части Африки, были до того многочисленны, что они буквально покрывали берега рек или огромные пространства в степи, когда же они взлетали, то заполняли собой весь видимый горизонт.

Известно, что куницы нападают на молодых аистов и убивают их, но никто не может назвать какого-либо хищника, который был бы опасен взрослым аистам, исключая разве что больших кошачьих пород и крокодилов, которые изредка похищают некоторых из них во время зимнего пребывания в жарких странах. Однако незаметно, чтобы число их значительно увеличивалось, из чего следует, что так или иначе многие белые аисты погибают. К счастью, человек их вовсе не преследует.

Второй вид этого семейства — **черный аист** (*Ciconia nigra*). Длина его достигает 105 см, размах крыльев 198, длина крыла 55, длина хвоста 24 см. Оперение головы, шеи и всей верхней части тела буровато-черного цвета с прекрасным медным или золотисто-зеленым или пурпуровым отливом. Вся же нижняя часть тела, начиная от груди, белая; крылья и хвостовые перья почти не имеют блеска. Глаза красновато-бурые, клюв кроваво-красный, ноги ярко-красные. Цвет оперения птенцов буровато-черновато-зеленый, причем все перья имеют беловато-серые каемки и почти матовые, без блеска; глаза бурые, клюв красноватый, ноги сероватые оливково-зеленые.

Черный аист живет в средней и южной Европе и во многих странах Азии, зимой же пребывает в Африке*.

** А также в Пакистане, Индии, в Китае к югу от Янцзы и на юге Японии.*

От белого аиста черный отличается прежде всего тем, что живет исключительно в лесах и никогда не селится поблизости от людей. Он так же, как и родич его, предпочитает равнины горам и местности, обильные водой, — сухим, впрочем, встречается везде, где только может завладеть каким-нибудь старым корявым деревом с засохшей верхушкой в уединенной части леса, мало посещаемой людьми. На таком дереве он устраивает гнездо и отдыхает по ночам. Образ жизни и привычки, все движения и способ выражения своих ощущений — словом, весь нрав его настолько сходен с характером белого аиста, что подробное описание черного совершенно излишне. Впрочем, в движениях его больше ловкости и грации, поэтому он красивее; он гораздо осторожнее и пугливее белого аиста. Во всем остальном на него похож; такой же хищник, не щадит ни одного животного, подходящего в пищу, но гораздо усерднее и успешнее охотится за пресноводными рыбами и потому в некоторых местах бывает очень вредным**.

** * Это высказывание преувеличено. Хотя рыбы и являются основной пищей черного аиста, однако его влияние на рыбные запасы ничтожно мало. В настоящее время черный аист редкая птица, он внесен в списки охраняемых животных многих стран и подлежит полной охране.*

Свое большое, неуклюжее гнездо, похожее на гнездо белого аиста, но меньших размеров, он устраивает на сухих ветвях, в разветвлении сучьев или на верхушках больших старых деревьев. Кладка состоит из 2-5, а чаще всего из 4 яиц, которые меньше яиц домашнего аиста, имеют около 75 мм в длину и 48 мм в ширину, но очень на них похожи; насиживание начинается редко раньше половины апреля, продолжается полных четыре недели и ничем не отличается от вышеописанного. Птенцы вылетают из гнезда в конце июня или в начале июля.

Белобрюхий аист (*Ciconia abdimii*), которого в Судане называют «симбил», необыкновенно похож на черного аиста, но заметно меньше ростом; голова и шея у него черные с пурпуровым отливом, спина, крылья и хвост черные с зеленым блеском, нижние части тела белые. Глаза карие, голое место около них синее, голая передняя часть головы и горло красные, клюв зеленоватый, а на конце красный, ноги буровато-серые, на суставах бледно-красные. Длина равняется 75 см, размах крыльев 160, длина крыла 45, хвоста 19 см.

Этот аист в большом числе живет в удобных для него местах до южной оконечности Африки и во время насиживания птенцов всегда встречается в деревнях, но гнездится не на домах, а на соседних деревьях; в южной части материка он селится преимущественно на мимозах и постоянно в обществе себе подобных, так что образуются на одном дереве настоящие колонии в 30 гнезд и более. Яйца, которые бывают разнообразной величины и формы, все-таки меньше яиц белого аиста, имеют 55 мм в длину при 40 мм в ширину, очень похожи на яйца белого аиста и в свежем виде имеют голубоватый оттенок. Путешественнику, мало знакомому с местными обычаями, очень трудно добыть эти яйца, так как всякий вред, нанесенный этой священной птице, считается преступлением, которое приводит в возбуждение все население деревни. Однако существует очень простое средство успокоить или, если хотите, одурачить местных жителей, сказав, что эти яйца нужны для приготовления целебных средств, а конечно, лекарства, приготовленные из яиц столь священной птицы, должны, по мнению африканцев, иметь особенно сильное целебное свойство. Этот довод всегда оказывается действенным, и жители тогда даже помогают европейцу добыть яйца.

По своему образу жизни симбил так мало отличается от нашего аиста, что его можно описать лишь в немногих словах. Это также перелетная птица, которая появляется незадолго до периодических дождей, высиживает птенцов и в декабре, когда они уже могут летать, улетает. Появление этих птиц встречается в деревнях с радостью, а отлет их приводит население в печальное настроение. Пищу свою, состоящую преимущественно из саранчи и из других насекомых, скорпионов, тарантулов, червей, слизней, лягушек и мелких пресмыкающихся, он отыскивает в степи*, и потому всегда появляется около степных пожарищ.

* *Травянистые равнины Африки называются саваннами. Настоящих степей в тропических широтах нет они характерны только для умеренной зоны Европы. Азии и Северной Америки. Американское название степей — прерии.*

Когда он шествует, ища корм, то пурпуровая щурка часто садится к нему на голову или спину, чтобы ловить оттуда летающих насекомых, вспугнутых ногами аиста.

Седлоклювый аист, седлоклювый ябиру (*Ehippiorhynchus senegalensis*) — крупная и великолепная птица. Перья головы, шеи, нижних частей крыльев, плеч и хвоста черные с металлическим блеском, все прочие части тела белые, глаза золотисто-желтые, клюв у основания красный, далее черный, а на конце кроваво-красный, голая часть головы около клюва красноватая, ободок вокруг глаза желтый. Длина самца равняется 146 см, размах крыльев 240, длина крыла 65, а хвоста 26 см. Самка значительно меньше. У молодых птиц все темные места оперения буровато-серые, белые перья грязно-желтовато-серые, а кожистые наросты еще не развиты. Глаза у них карие, а клюв темно-красный, почти черноватый.

Для того чтобы составить себе понятие о силе впечатления, которое эта огромная птица производит на наблюдателя и должным образом полюбоваться ее красотой, нужно видеть седлоклювого ябиру на свободе, когда он вольно движется, летает и носится, описывая широкие круги над темным лесом. При ходьбе этот великан держится очень прямо и гордо и вследствие своих длинных ног кажется еще больше, чем есть на самом деле. При полете птица великолепна, так как белые маховые перья резко отделяются от черных покровных перьев крыла. К сожалению, они встречаются так редко в тех странах, где я путешествовал, и так пугливы и осторожны, что я могу сообщить лишь немного наблюдений касательно их жизни на свободе.

Они живут попарно на Белом и Голубом Ниле, встречаются как на западе, так и на юге Африки, держатся на берегах рек, песчаных островах, на прибрежных озерах и болотах и удаляются от русла реки лишь во время периодических дождей; в виде исключения этих птиц встречали и на мелких морских заливах. Они редко смешиваются с другими болотными птицами, и птицы одной пары держатся всегда вместе.

Седлоклювые аисты выказывают много самоуверенности и достоинства. Каждое движение этой птицы и осанка всегда красивы и грациозны и вполне соответствуют красоте оперения. Она ходит мерными шагами, при ходьбе не шумит, слегка сгибает шею и опускает клюв так низко, что нижняя челюсть почти касается шеи. Веселых прыжков и пляски, как у журавлей, у этих птиц никогда не замечали, но в иных случаях она очень быстро бежит с распушенными крыльями. Этот аист очень ловко умеет пользоваться своим огромным клювом: он может взять с земли самый маленький предмет кончиком его и, подбросив, проглотить; точно так же умеет схватить маленького паразита при чистке перьев; кроме того, он, как и белый аист, щелкает клювом.

Пища седлоклювого аиста, вероятно, мало отличается от пищи нашего аиста. В желудке убитых нами птиц мы находили рыб, лягушек и жуков; другие наблюдатели заметили, что он сильно истребляет саранчу; охотники Рюппеля убили одного из них на падали, а Гейглин убил одного аиста, который вместе с грифами и марабу обжирался мясом павшего верблюда. Он может точно так же ловко ловить летящую саранчу и других насекомых, как и схватывать их с земли. Подбрасывает кусок пищи в воздух и очень ловко подхватывает его клювом, а крупные куски сначала раздавливает между челюстями. Ему нужно около одного килограмма мяса или соответствующего количества рыбы, чтобы насытиться.

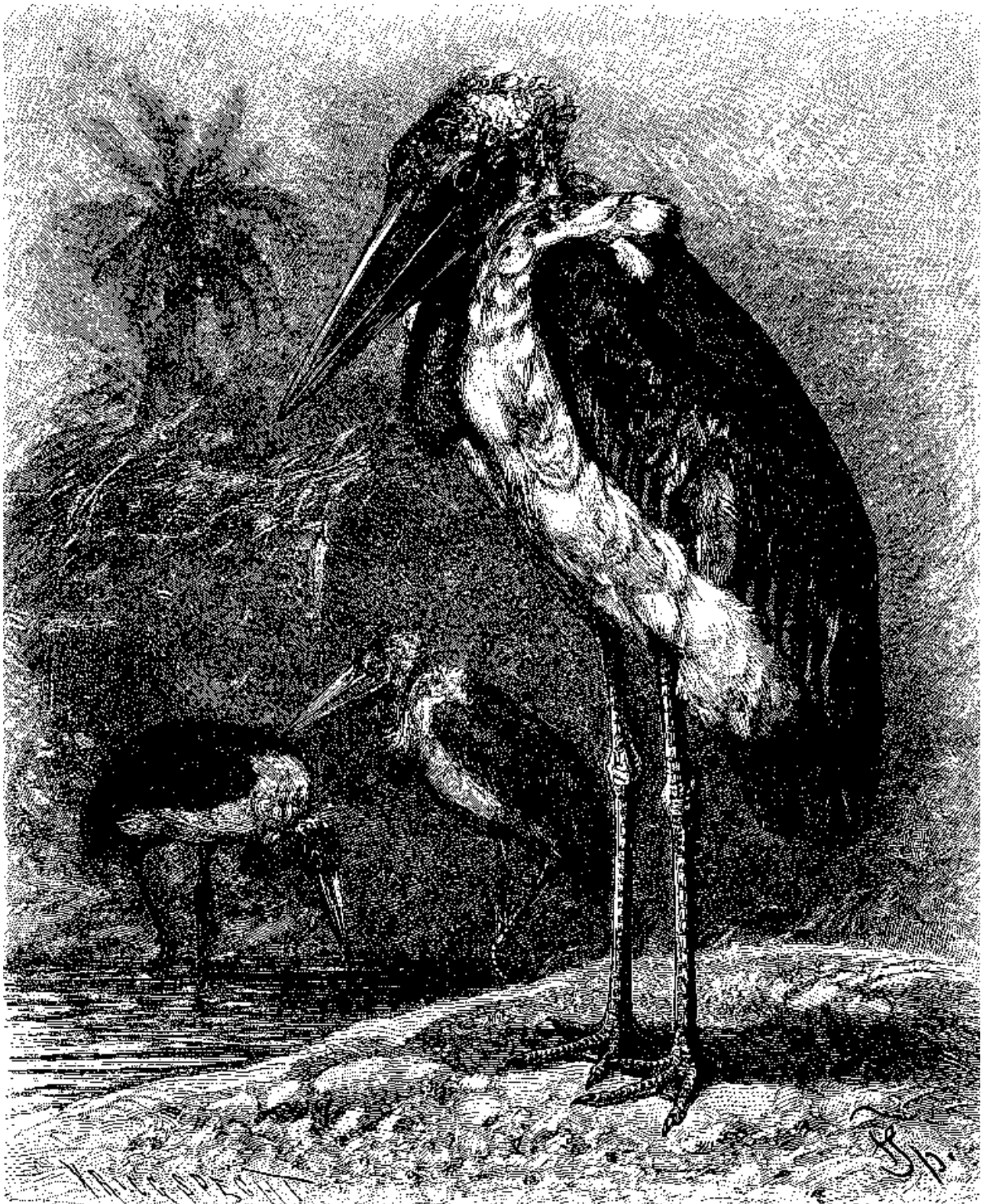
О размножении их мы имеем немного сведений. В общих чертах оно, вероятно, имеет много сходного с размножением других аистов. Яйца, которые были найдены в восточной Африке, по виду и окраске похожи на яйца аистов, но гораздо крупнее, а именно в продольном разрезе они имеют 78, а в поперечном 53 мм.

Пойманные седлоклювые аисты не составляют редкости и часто встречаются в зоологических садах. Они очень хорошо переносят жизнь в неволе, если получают в пищу мясо или рыбу, очень быстро осваиваются и делаются такими же ручными, как и прочие аисты, скоро научаются распознавать хозяина или сторожа и отличают его от других людей, встречают его щелканьем, увидев

еще издали, приближаются к нему, если он зовет, и позволяют ему даже дотрагиваться до себя. Всякое их движение и действие очаровывают, так как поведение их настолько же привлекательно, как и внешний их вид.

Самые некрасивые аисты носят название «марабу», или «зобатые аисты», так как пищевод их в нижней части шеи расширяется, образуя обширный мешок; хотя он имеет мало общего с обыкновенным зобом, но роль его та же самая. Прочие особенности, отличающие этих аистов от других, — это толстое, неуклюжее тело, толстая голая шея. Прыщеватая голова или вовсе голая, или, в крайнем случае, покрыта пушистыми перышками. Чудовищный, у основания очень толстый четырехгранный клюв спереди заострен клинообразно, наружная оболочка его поражает своей шероховатостью. Ноги высокие, крылья мощные, закругленные, в них четвертое маховое перо самое длинное; хвост средней величины, в нем нижние кроющие перья необыкновенно развиты, начиная от основания, сильно распушены и составляют прекрасное украшение.

Во время моего пребывания в Африке я впервые встретил там **африканского марабу** (*Leptoptilus crumeniferus*), называемого арабами «мешконосец». Голова его красновато-мясного цвета и очень скудно покрыта короткими волосистыми перышками, кожа почти всегда прыщеватая, шея голая. Цвет оперения верхней части спины темно-зеленый, с металлическим блеском, на всей же нижней части тела и на затылке белый. Маховые и рулевые перья черные и без блеска, наружные опахала больших кроющих перьев крыльев имеют белые каемки. Глаза карие, клюв грязного беловато-желтого цвета, ноги черные, но обыкновенно выпачканы светлой грязью. Длина его достигает 160 см, размах крыльев 300, длина крыла 73, длина хвоста 24 см.

Африканский марабу (*Leptoptilus crumeniferus*)

В Судане я очень часто имел возможность наблюдать марабу, а близ Хартума почти ежедневно. Кроме своей величины, он поражает также и необыкновенной осанкой. В зоологических садах он обычно получает какое-либо прозвище: его иногда называют «тайный советник»; и действительно, говорит Фирталер, он сильно смахивает на старого служаку в огненно-красном парике, сгорбившегося от многолетней службы, который надел черно-синий фрак и узкие белые штаны и беспрестанно боязливо озирается на своего строгого начальника; я еще прибавлю к этому, что он напоминает неловкого человека, которого впервые вырядили во фрак и который не умеет с должным достоинством носить это одеяние.

Поведение его вполне соответствует его внешнему виду и осанке и невольно возбуждает смех. Всякое его движение производится с необыкновенным спокойствием: его походка, даже каждый шаг и каждый взгляд кажутся рассчитанными и точно обдуманнными.

На обширной равнине, позволяющей ему оставаться на любом расстоянии от врага, он редко подпускает человека на расстояние выстрела, но и не взлетает, а движется все по одному я тому же направлению с таким расчетом, чтобы между ним и охотником оставалось от 300 до 400 шагов. Марабу очень умен, и после первых выстрелов, направленных в него или в его товарищей, он самым точным образом угадывает, как далеко бьет охотничье ружье его врага; он тотчас отличает охотника от другого человека. Полет их поистине великолепен, величествен и более похож на полет коршуна, нежели на полет наших аистов; шея у него при этом вытянута, но, вероятно, из-за тяжелого клюва голова несколько опущена; концы крыльев, как у некоторых коршунов и орлов, приподняты кверху, и вообще крылья движутся редко.

Вероятно, нет птицы, которая сравнялась бы с марабу по прожорливости. Обыкновенную его пищу составляют всевозможные позвоночные животные, начиная от крысы и молодого крокодила и кончая самой маленькой мышкой; он пожирает также моллюсков, пауков, насекомых и с особенным удовольствием падаль. Мы вынимали у него из зоба целые бычьи уши и даже ноги с копытами, также мы находили там такие большие кости, что другой птице их бы даже не проглотить; мы замечали, что он глотает землю.

пропитанную кровью, и тряпки, испятнанные ею, наблюдали, что, подстреленный, с подбитым крылом, он еще торопился справиться с начатым куском. Однажды я видал, как 10-12 марабу в Белом Ниле ловили рыбу. Это они делали очень умело и ловко: они оцепляют известное пространство и гонят рыбу друг к другу. Одному из них посчастливилось поймать большую рыбу — конечно, она тотчас же была проглочена, и в то время, пока оставалась в зобу, там ворочалась, расширяя зоб на целый фут. Все прочие птицы тотчас же набросились на счастливого ловца и хватили его за зоб с таким ожесточением, что тот был вынужден бежать, чтобы положить конец нападению. С грифами и собаками марабу постоянно враждуют; на падаль они всегда нападают одновременно с грифами, но места своего не уступают. Ушастый гриф, который обыкновенно раздражает добычу и вскрывает брюшную полость, умеет постоять за себя, но марабу не пытается прогнать, так как убежден, что тот себя тоже в обиду не даст, а начнет угощать соседей направо и налево такими сильными ударами своего клинообразного клюва, что непременно обеспечит себе должную часть добычи.

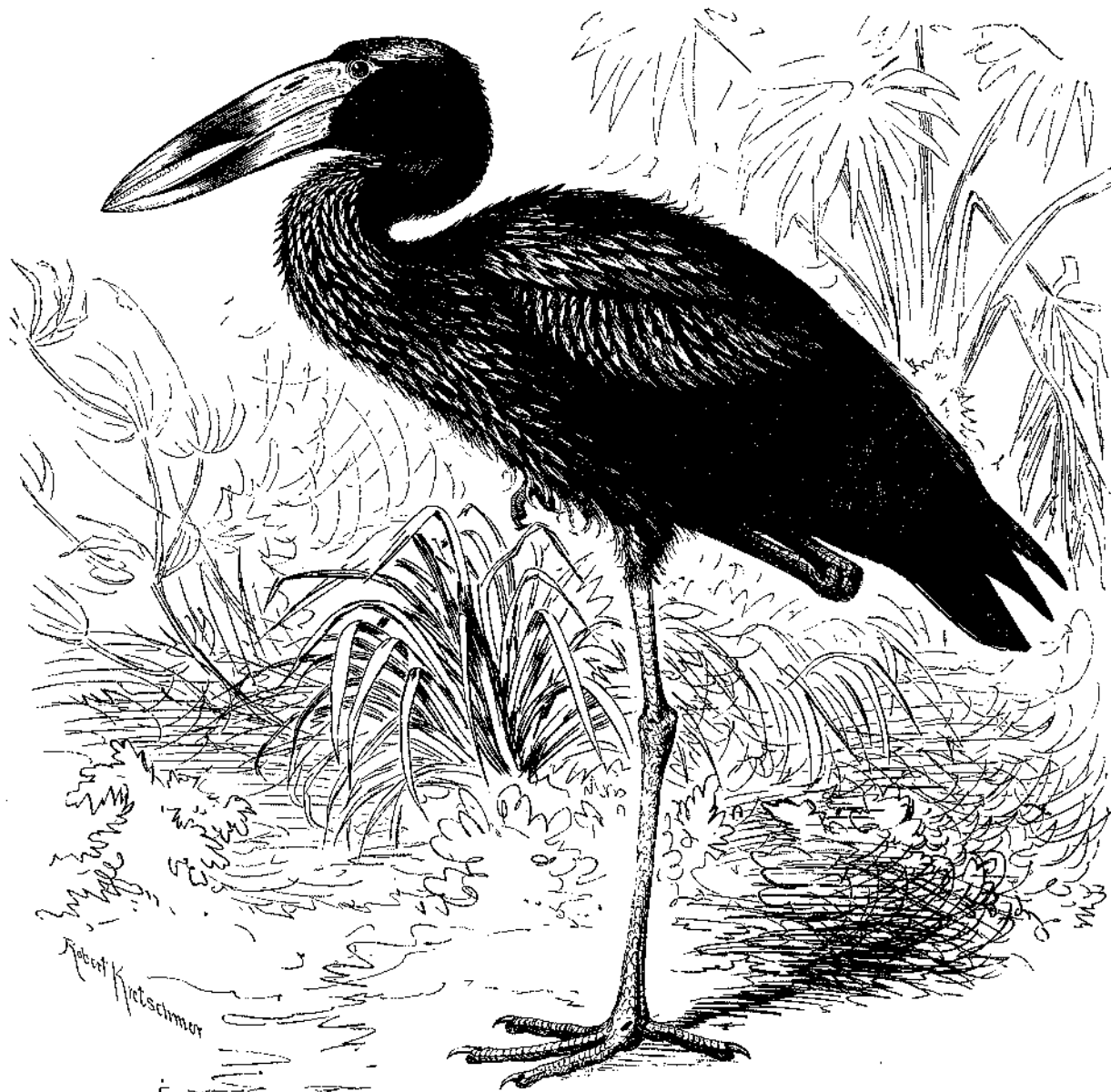
Охота на марабу бывает всегда затруднительна, так как необыкновенная пугливость этих птиц лишает охотника всякой возможности преследовать их. Даже на их ночлегах нельзя с уверенностью рассчитывать, что удастся перехитрить этих умных птиц. Легче их ловить следующим способом, и то только туземцам, к которым они больше привыкли. К тонкой, но крепкой и длинной бечевке привязывают баранью ногу и кладут ее между прочими отбросами. Марабу проглатывает ее, и, прежде чем успеет выплюнуть кость назад, он уже оказывается пойманным, как на удочку.

Африканский аист-разиня (*Anastomus lamelligerits*). Его длина равняется приблизительно 86 см, длина крыла 42, хвоста 19 см. Оперение отличается от оперения прочих аистов тем, что стержни перьев шеи, брюшка и бедер на конце превращаются в узкие, длинные, роговые или хрящевые пластинки, как у свиристеля или у каркающего петуха. Эти пластинки, а также стержни перьев блестящие, отливают зелеными и пурпуровыми тенями и придают своеобразную красоту перьям, которые без этого казались бы черными. Глаза красноватые, голая уздечка, горло и горловое пятно желтовато-серые, роговой клюв желтый, ноги черные. В оперении молодых птиц отсутствуют роговые пластинки; общая окраска вследствие этого более темная и по преобладающему цвету буровато-серая.

Последние изыскания показали, что аисты-разини живут в средней и южной Африке, а также и в Мозамбике. Я встречал их у Голубого Нила. Здесь они иногда образовывали огромные стаи и теснились или по берегу реки, или же частью стояли в воде и ловили рыбу; они дружно сплачиваются между собой, но с другими животными мало сходятся, хотя и их случалось видеть на местах общих сборищ всех болотных пернатых жителей. Гейглин находил их на всех притоках Голубого и Белого Нила, а также и близ стоячих вод, расположенных в местностях, лежащих между двумя именованными реками.

Я должен сказать, что все действия, а также походка и полет этой птицы доказывают, что она настоящий аист. В спящем положении, как верно рисует его Гейглин, разиня держится прямо, сгибает шею в виде буквы S, причем голова почти всегда покоится на зобе. Их движения медленны и размеренны, полет же, напротив, легкий, красивый, часто плавный, при взлете же шумлив. Голос, по заявлению Гейглина, напоминает грубое воронье карканье. До рассвета, часто при густом тумане, эта птица появляется близ луж, на болоте и около пруда; по мнению же Поллена.

даже у морского берега, чтобы ловить слизней, улиток, ракушек, рыб и лягушек, из которых первые составляют ее главную пищу. Говорят, что она любит также и ракообразных, сверчков и червей, и Гейглин заметил, что она даже не брезгует и падалью.

Африканский аист-разиня (*Anastomus lamelligerus*)

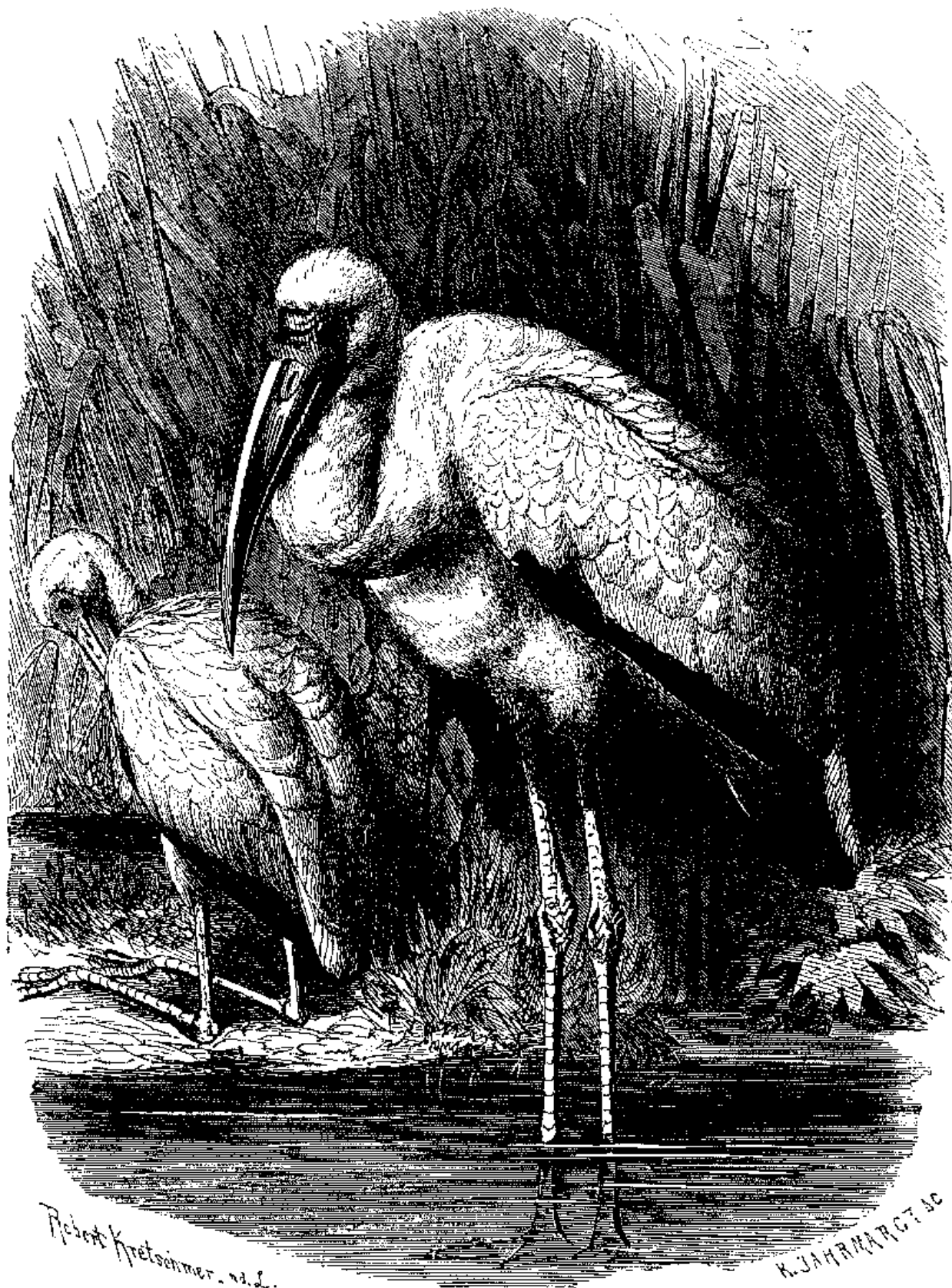
Улиток она ловит в воде, а ракушек в иле, очень ловко умеет их вскрывать и вытаскивать мясо. Жердон наблюдал, каким образом в данном случае поступают аисты, живущие в Индии. Птица схватила раковину ногой, передвигала и ворочала ее до тех пор, пока не пристроила как ей казалось удобным, и клювом своим вскрыла створки так скоро, что невозможно было проследить, как именно она это совершила. После этого она засунула кончик клюва в открытую раковину, пошевелила им там некоторое время и вытащила из нее животное. Жердон видел несколько раз эти приемы и не сомневается, что разиня точно так же легко и скоро справится и с речной раковинной.

Внутри Африки птицы эти не пугливы, у берегов моря, наоборот, очень робки, поэтому охота на них вдали от берега до того легка, что один из моих охотников мог одним выстрелом убить восемь птиц, на побережьях же, напротив, охота эта очень затруднительна. Близ Замбези птенцов употребляют в пищу как лакомое блюдо, на Мадагаскаре едят и взрослых; Поллен, говоря об их мясе, находит, что оно очень вкусно.

Африканский ключач (*Ibis ibis*) имеет белое оперение на спине с розовато-красным отливом. На плечевых перьях и на кроющих перьях крыльев заметны розовато-красные или пурпуровые поперечные пятна, которые окружены узкой каймой более темного цвета. Маховые и рулевые перья блестящие, зеленовато-черные, нижние кроющие перья крыльев подобны верхним, но расцвечены еще великолепно. Глаза беловато-желтые, клюв воскового цвета, ноги бледно-красные, голая лицевая часть киноварно-красная. Цвет оперения птенцов очень скромный: на шее и верхней части

тела пепельно-серый, на прочих частях желтовато-серый. Длина взрослых 90-104 см, размах крыльев 160-170, длина крыла 47-50, хвоста около 15 см.

В августе цвет оперения африканского клювача особенно прекрасен. Сообразуясь с этим, следует предположить, что время его размножения совпадает с сентябрем.

Африканский клювач (*Ibis ibis*)

Насколько мне помнится, я их постоянно видел или в воде, или поблизости от нее, но никогда они не попадались на таком расстоянии от реки, как аисты или журавли. По-видимому, они с одинаковым удовольствием держатся как на голых побережьях рек, так и в прудах, сильно заросших травой. Клювач охотится по утрам и по вечерам и, как кажется, добычей его делаются всякие

мелкие животные без исключения, будь то млекопитающие или птички; впрочем, главную пищу его, вероятно, составляют рыбы, водяные гады и черви. В полдень, и притом обыкновенно большими стаями, они стоят и отдыхают на песчаных островах, разбросанных по реке, или в мелкой воде, а иногда даже сидят на деревьях. По походке и полету они до того похожи на нашего аиста, что я даже не сумею указать какой-либо особенности, составляющей разницу в этих движениях. Одно только: он при полете кажется гораздо красивее аиста, так как тут ярче выступает прекрасная окраска его крыльев.

О размножении их я, к сожалению, не мог сделать собственных наблюдений и мне даже не удалось получить сведений от других путешественников.

Семейство ибисовые

Ибисы — птицы средней величины и красиво сложены; около 30 видов их разбросано по всей земле. Клюв их довольно мягкий, только с твердым кончиком и бывает двух форм; общим признаком для обеих являются бороздки, идущие вдоль всего клюва от ноздрей до конца его. Ноги их довольно длинные, передние пальцы соединены короткой перепонкой, крылья заостренные, хвост прямо обрезанный; оперение обильное.

Ибисы живут преимущественно в странах жаркого пояса всех частей света; некоторые отдельные виды встречаются в различных странах, другие же имеют несколько более ограниченную область распространения. Те, которые живут на Севере, принадлежат к перелетным птицам, остальные кочуют. Они селятся в болотах, трясинах и в лесистых местах; как дневные птицы, с рассветом улетают со своих ночлегов за пищей, днем то заняты, то отдыхают, в послеобеденные часы опять ищут корм, и вечером все вместе направляются к деревьям, служащим им убежищами для ночлега. Они находятся в движении исключительно только днем и не пользуются даже светлыми лунными ночами. Ибисы ходят хорошо, мерными шагами, никогда не бегают слишком быстро, так что движение ног всегда заметно. По воде бродят погрузившись до самого туловища, плавают довольно хорошо, когда им вздумается или если обстоятельства их к этому принудят. Летают тихо, иногда машут крыльями часто, иногда же скользят по воздуху; при полете стаями они располагаются в виде клина или прямой линии, которая прорезает воздух во всю ширь; перед тем как опуститься на землю, они некоторое время парят. Голос их неблагозвучен, глухой, резкий или каркающий, иногда пронзительный и жалобный, у некоторых видов очень странный, и ни у одного вида из этого семейства звуки голоса не производят приятного впечатления. Все они живут обществами и соединяются не только с птицами своего вида, но и с другими.

Те из них, которые живут близ устьев рек и на берегах морей, питаются преимущественно рыбой, раками, моллюсками; те же, которые живут в болотах, едят рыб, различных гадов и всяких мелких водяных животных. Живя на свободе, пренебрегают всякой растительной пищей. Гнездо всегда устраивают на ветвях деревьев или кустов, иногда они захватывают и чужое гнездо, которое другая птица здесь свила для себя; кладка состоит из 3—6 одноцветных яиц. Насиживают ли обе птицы эти яйца, остается вопросом нерешенным; впрочем, нам известно, что птенцов они воспитывают сообща. Молодые остаются в гнезде до тех пор, пока научатся летать, но еще долго и после того нуждаются в руководстве старших и остаются жить с ними, составляя все вместе одно общество. Полного возраста они достигают не ранее двух лет; многие виды лишь на третьем году становятся способными к размножению. От естественных врагов не страдают особенно ни старые, ни молодые, точно так же и охотники большей частью щадят их, хотя вкусное мясо достаточно наградило бы охотника за его труд.

Каравайка (*Plegadis falcinellm*). Цвет перьев на шее, брюшке, груди, на бедрах и верхней части крыльев каштаново-буро красный, на темени темно-бурый с красным оттенком, на спине черновато-бурый с фиолетовым или зеленоватым отливом; точно так же выглядят маховые и рулевые перья. Глаза карие, голый ободок вокруг глаз зеленовато-серый, клюв грязновато-темно-зеленый, ноги зеленовато-серые. В зимнем оперении голова, передняя и задняя части шеи черные; книзу перья делаются светлее; все они по сторонам имеют белую каемку; вся остальная верхняя часть тела имеет медный цвет вперемешку с зеленым, нижняя часть тела, начиная от самой головы, буро-серая. Длина птицы 60 см, размах крыльев 98, длина крыла 35 и хвоста 9 см.

Каравайки живут во всех пяти частях света. В Европе они водятся в долине Дуная, в России и на юге Польши; некоторые отдельные экземпляры попадают в южной Италии, кожной Франции и в Испании, в Азии встречаются во всех странах вокруг Каспийского и Черного морей и во всей Индии; в Африке они гнездятся на северном берегу у Средиземного моря, а может быть, и внутри материка, а также на западе и на юго-востоке этой части света*.

** В настоящее время каравайки не гнездятся в северной Африке на побережье Средиземного моря, не встречается она и в Польше.*

Из России и Польши небольшое их количество попадает в Силезию, Ангальт, Брауншвейг и в некоторые другие местности Германии; случалось, что такие заблудшие птицы залетали даже в Гренландию. Кажется, я не ошибусь, если скажу, что в Египте каравайки из года в год держатся все в одних и тех же местах, в Венгрии они бывают как перелетные птицы, которые всегда прилетают в конце апреля, а в августе и самое позднее в сентябре улетают. Тут пристанищами им служат все местности по нижнему течению Дуная и Дравы, а именно болотистые озера и пруды, которые время от времени наполняются водой во время разлива названных рек. Излюбленными местами пребывания их следует считать прибрежные озера, трясины, а также болота, как илистые, так и моховые; в этих самых местах или поблизости от них они выводят детенышей. Стаи, населяющие известные участки, по-видимому, иногда меняют места и перебираются с одних болот на другие. Замечание это относится к зимнему времени, так как гнездование само по себе привязывает их к одному месту.

Во время ходьбы в спокойном состоянии каравайки держат шею довольно сильно втянутой и загнутой в виде буквы S, тело спереди приподнято, клюв направлен к земле; походка совершается легкими, большими шагами, быстрота и размер которых при всевозможных обстоятельствах остаются одинаковыми. Разыскивая пищу, они охотно полощутся в воде, иногда пускаются плавать, даже если на то и нет особенной необходимости, и переплывают от одного островка к другому. При полете они вытягивают шею и ноги совершенно прямо, машут крыльями довольно скоро, но не очень широкими размахами, а затем парят, не шевеля крыльями, но все же подвигаясь вперед, затем опять возобновляют движения крыльями, чтобы дать себе толчок. Только в исключительных случаях можно видеть этих птиц поодиночке, в большинстве же случаев большое количество их летит вместе, всегда высоко над землей в виде тупого клина, еще чаще летят, вытянувшись длинным рядом, который всей своей шириной подвигается вперед, держась так плотно, что кажется, будто крыльями они касаются друг друга. Прекрасное зрелище представляет эта вереница птиц, прорезающая воздух. Точь-в-точь как нити паутины бабьим летом натянуты прямо, а чуть подует ветерок, то правильность их направления нарушена, и они виснут в воздухе; так точно и птицы несутся нестрогой шеренгой, линия ежеминутно становится волнообразной, то медленно поднимаясь, то снова опускаясь, образует в высшей степени красивые и разнообразные изгибы и таким образом подается вперед в воздушном пространстве; погружается или возвышается при этом то середина, то один из концов, или же часть пространства между этими точками, то забегая вперед, то отставая, так что линия эта беспрестанно меняется, как бурная волна или как мелкая волна прибоя, но все же остается непрерывной, и вместе с тем все птицы в ней летят по одному и тому же направлению. Только тогда, когда стая таких странниц намеревается опуститься, чтобы отдохнуть, длинная нить разрывается на части и распадается, и каждая птица начинает летать отдельно; все перепутываются между собой, кружатся, описывают спиральные линии, шумно раскачиваясь из стороны в сторону и хотя поодиночке и не все в один момент, но все же быстро следуя друг за другом и каждая на свой лад, стремительно спускаются на землю. Голос их состоит из хриплых, малослышных звуков, которые звучат как «рах», и вняты только на близком расстоянии. Молодые птенцы издают еще своеобразное чавканье или шепот.

В осторожности и трусости каравайки не уступают остальным болотным птицам. Там, где они устроились оседло или же лишь на короткое время, они очень скоро научаются различать опасных и безвредных людей. Несмотря на их осторожность я, впрочем, никогда не наблюдал, чтобы они, как другие птицы, при воспитании птенцов полагались на сторожей.

Питается каравайка, смотря по времени и по месту различными животными. Летом главную их пищу составляют личинки насекомых, червячки, а также и взрослые насекомые, преимущественно сверчки, стрекозы и жуки. Зимой им удается поживиться ракушками, червями, рыбами; они хватают маленьких гадов и других водных животных.

Близ Дуная каравайки гнездятся на болотах и трясилах, богато поросших кустарником. Больше всего они любят завладеть старым гнездом аиста, в крайнем случае выстилают его соломой и листьями рогозы и этим самым придают ему такой вид, что его издали можно узнать. Их 3-4 синевато-зеленых яйца продолговаты, около 50 мм в длину и 38 мм в ширину и имеют твердую скорлупу. Прекрасный синевато-зеленый цвет их иногда заменяется на бледно-зеленый. Птенцов прилежно кормят; они сидят долго в гнезде, позднее лазают по сучьям и, наконец, улетают, руководимые старшими.

Священный ибис (*Threskiornis aethiopicus*) считается представителем того же семейства. Отличительные признаки его: клюв довольно толстый, голова и шея под старость голые, перья, покрывающие плечи, распушены на кончиках. Цвет перьев белый, под крыльями желтоватый; концы крыльев и перья на плечах синевато- черные. Глаза карминно-красные, клюв черный, ноги черновато-бурые. Голая черная кожа на шее на ощупь бархатистая и заметно выцветает. У молодых птиц голова и шея покрыты темно-бурыми и черноватыми перьями с белой каемкой. Горло и нижняя часть шеи белые, как и остальное оперение, за исключением крыльев с черными кончиками и черными каймами. После первой линьки и у молодых появляются на плечах распушенные перья. Голова и шея еще остаются оперенным; части эти оголяются лишь на третьем году жизни. Длина вполне взрослых птиц 75 см, размах крыльев 130, длина крыльев 35, а хвоста 16 см.

Египтяне считали Нил подателем жизни и хранителем ее, поэтому ибис, появившийся в стране во время его разлива, пользовался у народа большим почетом и уважением. Эту птицу даже обоготворяли и заботились, чтобы брэнное тело ее не подвергалось тлению, а сохранялось бы на многие тысячелетия. В одной из пирамид Самхары* находят тысячи мумий этих птиц, сохраненных в урнах или лежащих в отдельных камерах, где они расположены целыми слоями.

* *Узкая полоса пустынь вдоль северо-западных берегов Красного моря.*

Славу ибисов распространяли не только египтяне, но и чужестранцы, посещавшие чудесную страну пирамид. Геродот рассказывает, что ибис выслеживает драконов, летающих змей и разных других гадов Египта, убивает их и потому пользуется там большим уважением. Другие писатели утверждают, что Меркурий принимал вид ибиса. У Овидия сказано, что во время битвы богов с титанами Меркурий спрятался под крыльями ибиса. Плиний упоминает, что египтяне при появлении змей обращались с мольбой к ибисам. Иосиф Флавий в своем сочинении «Иудейская археология» говорит, что когда Моисей шел походом на эфиопов, то брал с собой ибисов в папирусных клетках, чтобы они сражались со змеями. Плиний и Гален приписывают ибису открытие клистира. Пирэй рассказывает, что василиск произошел из яйца ибиса, образовавшегося из яда всех съеденных им змей, что прикосновение пера ибиса действует на крокодилов и змей как волшебство, оно делает их неподвижными или же моментально убивает. Зороастр, Демокрит и Филон добавляют, что жизнь священной птицы необыкновенно продолжительна и даже что ибис бессмертен, и опираются при этом на показания жрецов Гермополиса, представивших Апиону одного ибиса, который был так стар, что уже не мог умереть. Пищу ибиса, говорится уже в позднейшие времена, составляют змеи и пресмыкающиеся. «Он проявляет, — говорит Белон, — необыкновенную алчность относительно мяса змей и вообще питает отвращение ко всем пресмыкающимся животным, с: которыми ведет самые кровавые битвы, причем хотя уже и совершенно сыт, но все же старается убить жертву». Диодор Сицилийский утверждает, что ибис день и ночь бродит по берегу водоемов, подстерегая пресмыкающихся, разыскивает их яйца и заодно охотится на жуков и кузнечиков. По мнению других авторов, они устраивают гнезда на пальмах, помещая их посреди колючих листьев, чтобы предохранить от нападения своих врагов — кошек. Предполагают, что ибис кладет 4 яйца, число которых соответствует фазам Луны (*ad lunae rationem ova fingit*). Элиан тоже, видя какое-то соотношение между этой птицей и Луной, говорит, что она посвящена Луне и о насиживает свои яйца такое количество дней, какое потребно звезде Изиды, чтобы совершить свой путь. Аристотель уже смеется над такими и подобными заблуждениями и ложными понятиями.

Священный ибис (*Threskiornis aethiopicus*)

В одно из путешествий в девственные леса на берегах Голубого Нила, которое я предпринимал лично, 16 и 17 сентября я встретил там такое множество этих священных птиц, что мы в короткое время, в два дня, успели добыть 20 штук. Стая за стаяй прилетали они из противоположащего леса, чтобы в степи ловить саранчу, которая в это время составляла их единственную пищу. После того, как я уже застрелил первого ибиса из пролетевшей толпы, мне уже нетрудно было заполучить и остальных. По совету моего чернокожего служителя я при помощи нескольких палочек поставил убитую птицу стоймя и сделал, таким образом, из нее приманку для остальных. Каждая вереница, пролетавшая после этого мимо, останавливалась, чтобы рассмотреть товарища, который им казался живым; мы их встречали выстрелами, результат которых, конечно, был прекрасный, так как разделявшее нас расстояние было очень незначительно. Мы очень скоро заметили, что не только следовало прятаться самим, но, чтобы не возбуждать подозрительность прочих, приходилось подбирать всех убитых птиц.

Впоследствии только нам стала понятна причина такого многочисленного скопления ибисов. Лес, лежавший на противоположном берегу, был частью затоплен, а потому и избран умными птицами местом для устройства в нем гнезд; добраться до гнезд не было никакой возможности. Я предложил по две марки за каждое яйцо, но ни одному из суданцев не пришлось заслужить этих денег. Почва леса была топкой, вода же настолько мелкой, что лодка тоже не могла помочь горю. Еще прежде мне пришлось побывать в другой колонии гнезд, которая находилась в подобном же месте, но все же была более доступна.

Я считаю вероятным, что ибис действительно ест маленьких змей, но не думаю, что он рискует нападать на больших и более опасных. Во время дождей пища его состоит если не исключительно, то главным образом из насекомых. В желудках убитых мы находили саранчу или различного рода жуков, преимущественно навозных; на пойманных мы наблюдали, что они не пренебрегали и маленькими гадами, которых им бросали, но насекомых все же предпочитали. Несмотря на то, что

клюв кажется очень неуклюжим, птица умеет им очень ловко владеть. Кончиком его она берет с земли самых мелких насекомых и, пропуская траву через клюв, очень ловко собирает сидящих на ней букашек. «Очень смешно наблюдать, — говорит Гартман, — как ибис ловит саранчу. Сидящих на земле прямокрылых он клюет своим серповидным клювом. Если же насекомые, заметив опасность, подпрыгнут, то и ибис прыгает за ними, причем высокая жесткая трава служит ему помехой, вследствие чего движения его бывают довольно неловкие; однако упускать добычу он не любит и если словит ее, то давит в клюве и тотчас глотает».

Ибисы, которых мне приходилось наблюдать, мирно уживались почти со всеми птицами, жившими с ними в неволе в одном пространстве, принимая, впрочем, в отношении к более слабым некоторый вид господства, и, по-видимому, испытывали известного рода удовольствие поддразнивать тех, которые это позволяли. Именно с фламинго они постоянно возились, и прелюбопытным способом. Когда те стояли вместе или спали, спрятав голову в перья, то ибисы тихонько подкрадывались и кончиком клюва начинали теребить жертву своего задора за плавательную перепонку ног, может быть, и не с целью причинить боль, а просто чтобы поддразнить. Фламинго, очевидно, чувствовал неприятный зуд докучного щекотанья, боязливо оглядывался на обидчика, удалялся и пытался снова дремать; ибис опять быстро подсакивал, и снова начиналась прежняя потеха. Больше всего от него доставалось фламинго во время их сожительства в общем, зимнем, помещении, откуда бедняге вовсе некуда было спастись.

По всей вероятности, в древние времена у египтян эти священные птицы размножались в полудомашнем состоянии, теперь же в зоологических садах и при хорошем уходе они очень часто размножаются в неволе.

В Судане за ибисами не охотятся, хотя их вкусное мясо вознаградило бы недурно за труд. Туземцы, впрочем, с удовольствием едят случайно попавшуюся им птицу, кроме того, ощипывают их распушенные перья, из которых воины этих племен делают свои излюбленные головные украшения.

В Голландии, на Дунайской низменности, на юге Европы, во всей Средней Азии, в средней Индии, а также на Канарских и Азорских островах живет **обыкновенная колпица** (*Platalea leucorodia*). За исключением желтой полоски на голове, цвет перьев ее чисто белый; глаза кармино-красные, клюв черный с желтым кончиком, ноги черные, кольцо вокруг глаз желтовато-зеленое, горло зеленовато-желтое. Самка немного меньше ростом, а молодые птицы отличаются тем, что у них нет ни хохолка, ни желтого пятна на голове. Длина птицы 80 см, размах крыльев 140, длина крыла 44 и длина хвоста 13 см. Замечательно, что колпицы, которые во время перелета постоянно бывают в Греции, никогда там не гнездятся; по-видимому, и в Индии, южной Франции и Испании они также не выводят птенцов.*

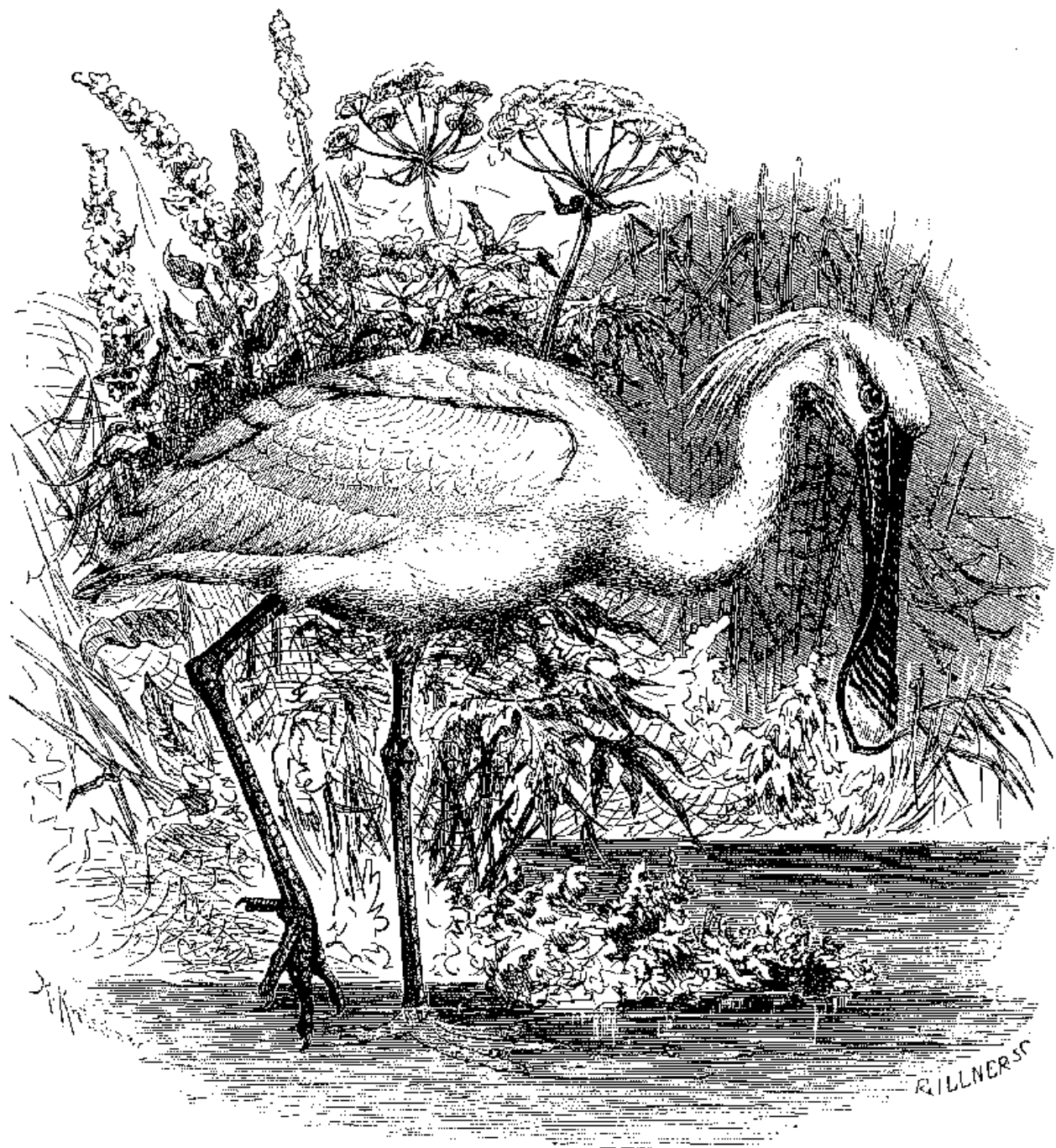
** Колпицы гнездятся в Греции. Испании. Индии.*

Радде находил их в Сибири везде, где только бывал, и утверждает, что они водятся во всей южной Сибири, исключая средние, высоко лежащие местности; мы видели их в Туркестане.

Свинхое упоминает о колпице как о зимней гостье южного Китая, Жердон считает ее постоянной жительницей Индии; я же встречал их часто близ египетских озер и южнее — в Нубии до Дерра. Единичные экземпляры залетали далеко на север, чем и заставили прежних натуралистов думать, что вид этот принадлежит собственно северу.

В Индии и вообще на юге Азии и в Египте ночница оседлая птица, в более северных странах она появляется с аистами — значит, в марте и апреле, а в августе и сентябре вновь покидает эти края.

Колпицы путешествуют днем, большей частью держатся в ряд шеренгой, вытянутой в ширину, лететь, по-видимому, не очень торопятся, то есть дорогой останавливаются везде, где находят пищу. Как на родине, так и в чужих странах они явно предпочитают озера и болота, поэтому ни в каком случае не могут считаться морскими птицами, как прежде думали; относительно выбора места они похожи на других ибисов. Они водятся там, где дно моря вязко и илисто, но такое место, строго говоря, более похоже на обширное болото, чем на берег моря. Берегов и трясин, поросших травой, они решительно избегают; во всяком случае, излюбленными участками для добывания пищи являются илистые берега каких бы то ни было водоемов.

Обыкновенная колпица (*Platalea leucorodia*)

Здесь они расхаживают мерными шагами, большей частью бродят по воде, разыскивая пищу; при этом верхняя часть тела низко наклонена вперед, а клюв, покачиваясь из стороны в сторону, как у шилоклювки, обыскивает грязь и воду. Птицу эту редко можно видеть стоящей с прямо вытянутой шеей; если она не за работой, а отдыхает, то изгибает шею книзу так, что голова покоится почти на плечах, а шея сильно выдается вперед, то чью настораживаясь, она поднимает голову прямо вверх. Ходят они с достоинством, плавно и красивее, нежели аисты. Полет их чрезвычайно легкий и прекрасный; часто они парят, или кружатся. От летящей цапли они отличаются тем, что вытягивают шею прямо, от аиста же тем, что машут крыльями чаще и скорее. Из внешних органов чувств лучше всего развито зрение, слух хороший, а также, кажется, не хуже развито и чувство осязания; клюв может, по-видимому, хорошо ощупывать предметы.

Принадлежат к осторожным и умным птицам, которые умеют применяться к обстоятельствам и быстро научаются взвешивать их; там, где им нечего бояться, они доверчивы и, наоборот, очень робки везде, где охотятся за болотными птицами. Между собой эти птицы живут в высшей степени дружно и мирно.

Хотя колпица принадлежит к дневным птицам, но в ясную лунную ночь она не прочь выйти на добычу. К немалому моему удивлению, я близ озера видел некоторых в одиннадцатом часу ночи еще бодрствующими: они прилежно разыскивали пищу. Обыкновенно они уже перед закатом солн-

ца торопятся уйти на ночлег и до самого утра больше оттуда не выходят. Они очень охотно устраиваются на деревьях, где спят по ночам и даже иногда на самое короткое время и днем.

Рыбы, конечно, составляют их главную пищу*. Птица ловко схватывает жертву клювом и до тех пор ворочает ее, пока не направит ее должным порядком, то есть головой вперед, а тогда уже глотает ее. Причем справляется с очень большими, величиной даже до 10 и 15 см. Кроме рыбы они, без сомнения, едят и всяких других мелких водяных животных, раков, ракушек, улиток вместе с раковинной, водных пресмыкающихся, а также и насекомых во всех стадиях их развития.

* *Как выяснено новейшими исследованиями, основной пищей колпиц являются различные беспозвоночные животные: насекомые и их личинки, моллюски, ракообразные; рыба для колпиц не главны// корм.*

Говорят, что в местах, где деревьев вовсе нет, они гнездятся даже в камышах. Сами гнезда широкие, неплотные и плохо сложены из крепких прутьев и кусков камыша; изнутри гнездо выстлано сухими листьями тростника, ситника и осоки. Бывает, что кладка состоит из 2-3 и даже 4 довольно больших яиц, около 70 мм в длину. По всей вероятности, обе птицы насиживают попеременно, то самец, то самка; по крайней мере, оба вместе вырашивают птенцов до известного возраста.

В прежнее время устраивали соколиные травли на колпиц, нынче же за ними в некоторых местностях охотятся из-за их съедобного, хотя и не особенно вкусного мяса**.

* * *Все это в прошлом. Сейчас колпица стала редкой птицей, повсеместно охраняемой в Европе, она включена в Красные книги многих стран.*

Семейство фламинговые

Тело фламинго стройное, шея очень длинная, голова большая, клюв немного длиннее головы, значительно выше, чем в ширину, но толстый; начиная от середины, загибается под прямым углом, верхняя челюсть гораздо меньше и уже нижней, и, что особенно замечательно, она необыкновенно плоская, но края обеих челюстей усажены зубчиками. Можно бы этот клюв сравнить с ящичком из раковин, причем нижняя челюсть соответствовала бы самому ящичку, а верхняя — крышке. Ноги необыкновенно длинные и тонкие, сплюснуты с боков, высоко над голенью голые; три передних пальца короткие и соединены между собой плавательной перепонкой, которая хотя имеет неглубокие вырезки, но занимает все пальцы до когтей. Задний палец у одного вида совсем неразвитый, короткий и слабый. Крылья умеренной величины; в них второе маховое перо превышает остальные.

Короткий хвост состоит из двенадцати перьев, мелкое оперение густое и плотное, отличается большой мягкостью и особенной красотой цветов.

Представители этого семейства распространены в Старом Свете и в Америке. Отдельные виды в своих обычаях и привычках или вовсе между собой не различаются, или же различаются очень мало. Следовательно, совершенно достаточно, если мы познакомимся с одним из них.

Обыкновенный, или розовый, фламинго (*Phoenicopterus roseus*) белого цвета с чрезвычайно нежным розовато-красным отливом; верхние части крыльев карминно-красные, маховые перья черные. Глаза желтые, кольцо вокруг глаз карминно-красное, клюв у основания розовато-красный, на конце черный, ноги карминно-красные. Длина его 120-130 см, размах крыльев 160-170, длина крыла 39 и хвоста 14 см. Самка значительно меньше ростом, не более 110 см в длину и размах крыльев около 150 см. У птенцов оперение все сплошь белое, на шее серое, на верхней части крыльев пятнистое. Только на третьем году цвет меняется и делается похожим на цвет взрослых.

Родина фламинго — страны по берегам Средиземного и Черного морей. Отсюда область его распространения идет к югу, к северным берегам Красного моря, а с другой стороны — к островам Зеленого Мыса. Точно так же он довольно регулярно встречается в Средней Азии близ больших озер и в южной Азии у морских берегов. Необыкновенно удивительна их скученность в известных местах. По рассказам прежних и теперешних исследователей, они появляются огромными массами на больших озерах Сардинии и Сицилии, часто встречаются на всех прибрежных озерах Египта, Туниса, в Алжире и Марокко и только в Греции встречаются очень редко. Строго говоря, южная Европа образует северную границу области их распространения, северная же Африка и Средняя Азия собственно настоящие их местожительства. Розовый фламинго везде и всегда предпочитает приморские озера с соленой и стоячей водой; в пресноводных водоемах они попадаются только случайно, остаются тут очень недолго и опять исчезают. У самого же моря, наоборот, их можно видеть очень часто, но, конечно, на местах неглубоких, где они могут беспрепятственно двигаться обычным образом. Птицы эти считаются кочующими, но перекочевки совершаются так регулярно, что не мудрено, если возникнет вопрос, не перелетные ли они.

Все те, кто видел фламинго тысячами, согласны с восторженными отзывами прочих наблюдателей, имевших счастье насладиться таким величественным зрелищем.

Обыкновенный фламинго (*Phoenicopterus roseus*)

"Если смотреть утром из Каглиари по направлению к озерам, — пишет Четти, — то кажется, что они или окружены дамбой из красных кирпичей, или же что на поверхности вод плавают множество красных листьев. Но это ничто иное, как фламинго, стоящие рядами и производящие эту иллюзию цветом своих розовато-красных крыльев. Никогда богиня утра не украшала себя более яркими цветами, никогда цветы розовых садов Пестума не были прекраснее того, как расцвечены крылья фламинго. Цвет этот ярко-огненный, розовато-красный подобен цвету распускающихся роз. Греки называли эту птицу по цвету ее крыльев. Римляне сохранили это название, и французы, несомненно, имели в виду только этот ее огненно-красный цвет, назвав ее «flamant», то есть «flambant» (пылающий). Первое впечатление, произведенное на меня фламинго, останется в моей памяти навсегда неизгладимым. Взирая на обширное озеро Мензале, я видел их буквально тысячи, даже гораздо больше — целые сотни тысяч. Я не мог отвести глаз от огненной полосы необыкновенной красоты, не поддающейся описанию. Лучи солнца играли на ослепительно белых и розово-

красных перьях птиц, и чудные краски как будто оживали, Испуганная чем-нибудь вся масса поднималась, из общей путаницы, из живых роз выравнивалась огромная клинообразная стая, подобная журавлиной, и теперь огненная линия тянулась вдоль голубого неба. Эта картина была восхитительна! Мало-помалу птицы снова опускались и принимали прежнее положение, так что опять можно было себе представить, что имеешь перед собой отряд войска».

Поодиночке фламинго можно встретить очень редко, а до начала спаривания, кажется, никогда; если же, как я мог заметить, это и случается, то не иначе, как с молодыми птицами, которые отстали от главной стаи взрослых. Их всегда можно встретить во множестве; все они сообща занимаются охотой, внутри же их настоящей области распространения птицы держатся обществами в несколько сот или даже тысяч штук. Они боязливо сторонятся тех мест, где им грозит какая-либо опасность; рыбу ловят только в открытой воде*, дающей им возможность озираться кругом, и очень боятся тростниковых зарослей.

** Здесь явное преувеличение, обусловленное тогдашним недостатком знаний. Фламинго никогда не питаются рыбой, основная их пища — рачки *Artemia salina* и некоторые другие ракообразные и моллюски, обитающие в иле сильно соленых водоемов. Этим и объясняется четкая связь фламинго с солоноводными акваториями, которая подчеркивается Брэмом.*

Они стремительно улетают от приближающейся лодки и вообще пугаются всякого незнакомого им предмета, поэтому нелегко наблюдать их образ жизни на свободе. Обыкновенно они стоят в воде до пяточного сустава; реже выходят на дюны или песчаные острова и очень редко стоят на берегах, заросших растениями. Как в воде, так и на земле они принимают самые странные позы. Длинная шея их изгибается самым удивительным образом.

Одинаково странно фламинго держит себя как во время покоя, так и при добывании пищи. Он шарит по дну, подобно уткам, но все же поступает при этом несколько иначе. Фламинго бродит по воде и так сильно нагибает шею, что она оказывается на одном уровне с ногами, другими словами, так, что клюв и главным образом верхняя часть его может погружаться в ил. Подобным способом он исследует дно водоема, подвигаясь мелкими шагами взад и вперед, то открывает, то закрывает свой клюв, и при этом шевелит языком. Благодаря сильно развитому осязанию все, что попадает в сито-клюв, исследуется им и сортируется: годное к употреблению удерживается, ненужное же выбрасывается. Шлепая ногами, он приводит в движение и беспокойство всех маленьких водяных животных, идущих ему в пищу.

Перед тем, как лететь, он движется по воде, причем не то летит, не то бежит и делает это не так искусно, как буревестник, но все же довольно ловко, как лысуха или утка. Полет начинается этими подготовительными движениями и делается очень легким, когда птица поднимается на высоту. Довольно быстрые взмахи крыльев производят почти такой же шум, какой замечается при полете уток и гусей; некоторые наблюдатели сравнивают шум от полета внезапно спугнутой стаи птиц с отдаленными раскатами грома. Даже самый неопытный человек узнает летящего фламинго: в отличие других длинношеих птиц он вытягивает свою шею вперед, а ноги назад и выглядит очень длинным и узким. Узкие крылья при этом оказываются как раз на середине тела, так что, летящий, он имеет вид креста, а прозаично выражаясь, похож и на помело с крыльями. Стая их при полете выстраивается или в ряд, или в виде клина, как журавли, причем стороны угла постоянно изменяются, так как птицы поочередно меняются, чтобы занять вершину угла.

Из внешних органов чувств, по-видимому, зрение развито хорошо, как и вкус, но богатый нервами язык служит вместе с тем и органом осязания; чувство это, без сомнения, также сильно присуще и мягкой коже, надевающейся на клюв, таким образом, осязание также следует считать очень хорошим. Он всегда осторожен, а иногда даже боязлив; отличает опасное существо от безвредного: стая этих птиц никогда не подпускает лодку на расстояние выстрела, а старые птицы целый день и ночь стоят настороже, и провести их нелегко. Только в одном отношении они вовсе обижены природой: звук голоса их грубый и хриплый; с трудом выкрикивают они свое «крак», лишенное всякого благозвучия, которое звучит то резче, подобно гусяному крику, то переходит в каркающий вороний крик. Если слушать их крик, не видя самих птиц, например, в туманную погоду, то можно вполне ошибиться и вообразить, что имеешь перед собой стадо гусей.

Пищу их составляют маленькие водяные животные, преимущественно ракушки, которых они добывают, обыскивая дно; едят они также различных червей, раков, маленьких рыб и известного рода растительные вещества.

Относительно размножения достоверно следующее. Фламинго устраивает свое гнездо в воде, на неглубоких местах, по уверению же арабов, на плоских ровных островах, поросших очень низким кустарником. В первом случае гнездо это представляется в форме конуса из грязи, которая со-

брана в кучу ногами и укреплена, вероятно, водяными растениями и тому подобными веществами; оно выведено так высоко, что поднимается на полметра над поверхностью воды; если гнездо расположено на суше, то имеет вид небольшого углубления, вырытого в земле, в котором, как мне говорили арабы, лежит скудная подстилка из тростника и листьев осоки*.

** Гнезда фламинго обычно не содержат никакой выстилки, так как птицы гнездятся на водоемах, полностью лишенных растительности. Фламинго используют остатки растений для строительства гнезд только при размножении в нетипичных условиях, как исключение.*

Яиц обыкновенно бывает два; не мудрено, впрочем, что в ином гнезде встретится и три яйца. Они очень длинные, обе половины неодинаковы, и скорлупа их мягкая, как бы из мела, гладкая и известково-белого цвета. Несомненно, что для насиживания птица, поджав ноги, садится на само гнездо; конечно, может случиться, что она случайно протянет одну ногу по другую сторону гнезда и держит ее несколько времени, свесив. Говорят, что насиживание продолжается 30-32 дня и что самка громкими криками призывает самца сменить ее. Говорят также, что птенцов очень скоро после появления из скорлупы ведут в воду и будто здесь с первого дня своего появления на свет они начинают плавать, а вскоре научаются прекрасно и скоро бегать, способность же летать приобретают только через несколько месяцев.

Охота на фламинго требует большой осторожности. Днем эти пугливые создания не подпускают к себе даже на расстояние выстрела из винтовки; во время добывания пищи несколько старых птиц стоят всегда настороже и предупреждают все общество о приближающейся опасности. Арабы рассказывали мне, как ими можно еще легче овладеть. Между двумя лодками натягивают обыкновенную рыболовную сеть и гребут, врезаясь в стадо фламинго; испуганные птицы поднимаются лететь, запутываются в сеть, откуда их освобождают лодочники. Таким образом можно забрать до 50 штук из одной стаи. На озере Мензале, как мне рассказывали рыбаки, практикуется гораздо более странный способ ловли фламинго. После того, как наверняка вымотришь место ночлега стаи, подъезжаешь ночью с возможной осторожностью на плоту из камышей и отыскиваешь караульного. Он стоит выпрямившись и бодрствует, между тем как все остальные, у которых головы спрятаны под крыло, спят. Один из рыбаков, раздетый, пробирается то над водой, то под водой, скрываясь за связкой осоки, которую держит перед собой. Он подплывает к сторожевой птице, быстро схватывает ее, засовывает ее голову в воду и поворотом шеи убивает, прочие рыбаки схватывают руками еще несколько птиц и, убив их таким же способом, привязывают к длинной веревке. Я бы не поверил этому рассказу, если бы мог объяснить себе, как иначе могли быть добыты эти птицы.

На рынках в городах северного Египта я видел этих прекрасных птиц дюжинами, так как мясо их составляет любимую дичь. Древние писатели рассказывают, что римляне любили их мясо, но особенно дорого ценили кушанья из языков и мозга, которых подавались огромные полные блюда. Я пробовал и мясо, и языки и нашел их очень вкусными, особенно языки, которые были превосходны.

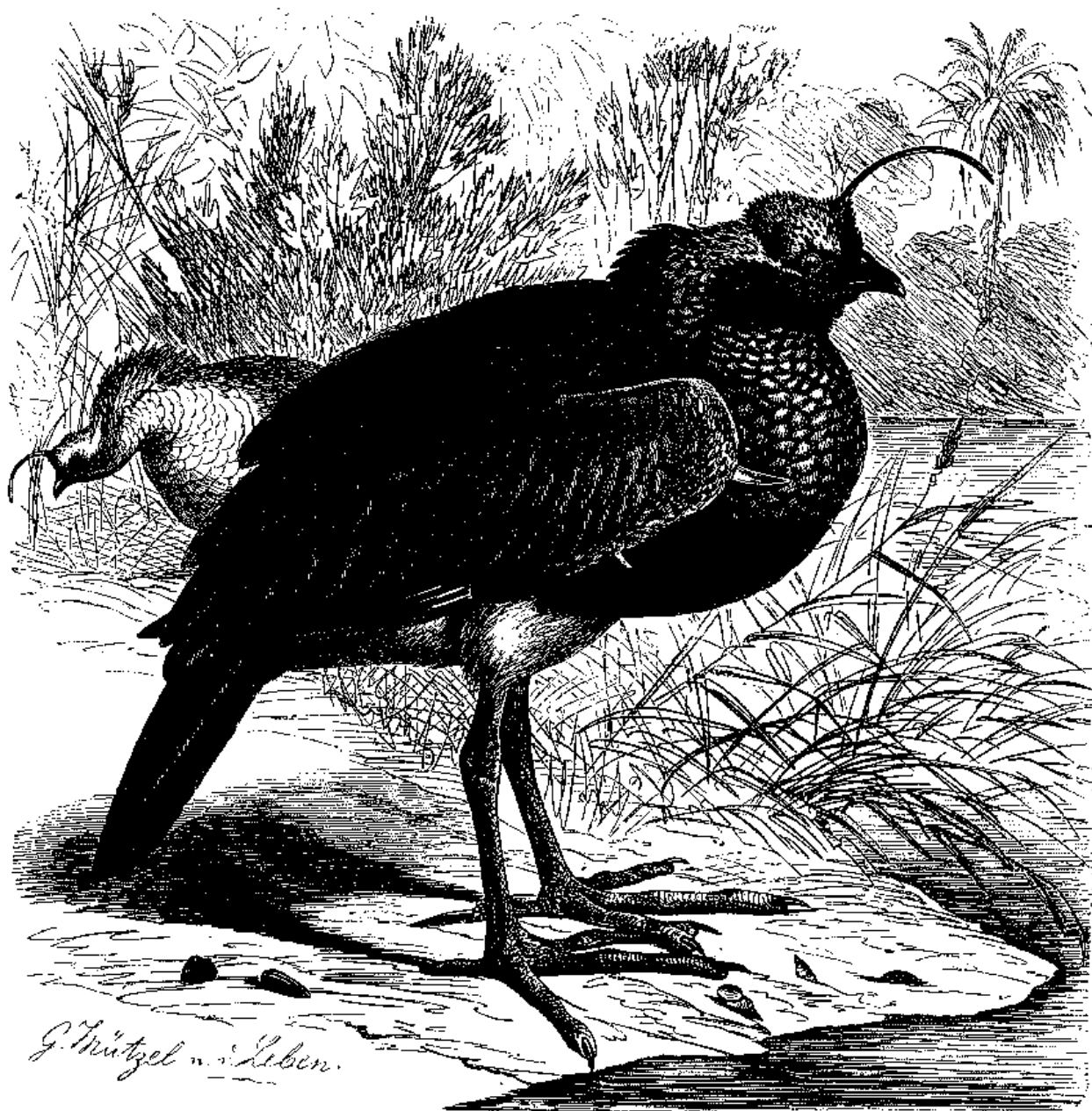
Семейство паламедеи

Паламедеи — это большие, тяжеловесные птицы с продолговатой шеей и маленькой головой. Клюв у них меньше головы и похож на куриный: сжатый на спинке, загнутый крючком на конце и покрытый у основания восковицей. Ноги средней длины, толстые, с короткими пальцами, снабженными довольно длинными, чуть-чуть изогнутыми и острыми когтями; наружный и средний пальцы соединены перепонкой. Крылья у них довольно длинные и сильные, из маховых перьев третье — самое длинное; слегка округленный хвост состоит из 12 перьев; оперение густое, на шее мелкоперое. У этих птиц замечательны две очень крепкие шпоры на сгибе крыла.

Паламедеи живут во всех больших болотах Южной Америки и держатся обыкновенно маленькими обществами, во время размножения — парами; в общем это миролюбивые птицы, которые редко пускают в ход свое сильное оружие, самцы — только в любовную пору, а оба пола — в случае защиты против более слабых неприятелей. Судя по словам Пеппига, они вступают в борьбу, со змеями, живущими в одних с ними болотах, и даже бесстрашно нападают на больших животных. При ходьбе держатся горделиво и с достоинством; при полете напоминают больших хищных птиц, в особенности грифов. Голос их раздается далеко по лесу. Пища состоит главным образом из растительных веществ, но, подобно всем болотным птицам, они не пренебрегают также насекомыми, мелкими земноводными и рыбками. Посреди болот устраивают огромное гнездо, куда кладут два одноцветных яйца, и немедленно после появления птенцов тотчас же уводят их из гнезда. Рог, левая крыловая шпора, а отчасти и правая пользуются у индейцев большой славой как отличные целебные средства.

В лесных областях средней Бразилии, а отсюда, распространяясь дальше на север через Гвиану и Колумбию, живет **рогатая паламедеи** (*Anhima cornuta*). На лбу этой птицы возвышается рог, держащийся только на коже. Он помещается на расстоянии 15 мм от основания клюва и представляет собой тонкое, длинное, торчком стоящее роговое образование, имеющее в длину 10-15 см, толщина у основания 3 мм; его довольно верно можно сравнить со струной. Верхняя шпора, находящаяся на сгибе крыла, имеет треугольную форму, очень острая, 4 см длиной и слегка загнута кверху; вторая шпора, помещающаяся гораздо ниже, почти прямая, имеет всего 8 мм в длину, но такая же крепкая. Мягкое, бархатистое оперение верхней части головы бело-серое, на концах черноватое. Щеки, горло, шея, спина, грудь, крылья и хвост черно-бурые; плечевые и большие кроющие перья крыла с зеленоватым металлическим блеском. Малые покровные перья у основания глинисто-желтые; нижняя часть шеи и верхняя часть груди серебристо-серые, с широкими черными каймами; брюхо и гузка совершенно белые. Глаза оранжевого цвета, клюв черно-бурый, на конце беловатый, рог беловато-серый, ноги аспидно-серые. Длина птицы 80 см, размах крыльев 202, длина крыла 55, а хвоста 29 см.

"Паламедеи, — говорит принц фон Вид, — в пору размножения держатся парами, а остальное время соединяются по 4, 5 и 6 штук вместе. За пищей они ходят на песчаные отмели рек или в болота, не поросшие деревьями, которые часто встречаются по берегам. Пища главным образом состоит, по-видимому, из растительных веществ; по крайней мере в желудках 5-6 вскрытых мной паламедеи я не нашел ничего, кроме зеленых листьев одной травы и других широколистных болотных растений.

Рогатая паламедея (*Anhima cornuta*)

Гнездо устраивается прямо на земле, в лесном болоте, близ реки. По словам ботокудов, оно содержит два больших белых яйца и состоит только из нескольких прутиков. Птенцы убегают тотчас же после появления. Мясо паламедеи невкусно; португальцы не едят его, тем не менее ботокуды прозорливо объедаются им. Красивые большие маховые перья идут для письма; хвостовые перья употребляются дикарями на трубки. Простой народ составил себе убеждение, что когда паламедея хочет пить, то она каждый раз перед этим погружает в воду свой лобный рог».

Прирученные паламедеи становятся очень доверчивыми и послушными птицами, мирно держатся в сообществе с домашними курами и без нужды никогда не заводят ссоры; но против собак они тотчас же пускают в ход свое оружие и так отлично умеют действовать своими крыловыми шпорами, что одним ударом обращают в бегство упомянутое четвероногое.

Семейство утиные

Самым характерным признаком птиц из семейства утиных можно считать их клюв, служащий ситом и позволяющий особым образом промыслить себе пищу. Этот клюв редко бывает длиннее головы, обыкновенно прямой, широкий, на верхней части плоско округленный, на кончике образует широкий коготь, с боков имеет листовидные роговые зубчики, входящие в такие же зубчики нижней половинки клюва. За исключением жестких краев, клюв покрыт мягкой кожей, по которой проходят ветви нервов, из-за чего она оказывается в высокой степени чувствительной. Такое устройство клюва значительно дополняется большим, мясистым, чувствительным языком, лишь по краям покрытым роговым веществом и на этих местах бахромчатым и зазубренным. Весь этот аппарат представляет собой превосходную цедилку, дающую возможность отделять мельчайшие пищевые кусочки от несъедобных веществ. Тело утиных птиц плотное, но немного вытянутое в длину; шея средней длины или очень длинная и тонкая; голова сравнительно большая, высокая и узкая. Ноги средней высоты и даже низкие, снабжены четырьмя, а в исключительных случаях только тремя пальцами; передние пальцы соединены между собой перепонкой. Крылья средней длины, но заостренные. Хвост состоит из сравнительно большого числа перьев средней длины, прямо срезанный или округленный, иногда клиновидно заостренный. Оперение обильное, густое и гладко прилегающее, под ним всегда находится толстый слой пуха; окраска его нероскошная, однако в большинстве случаев весьма красивая, часто, но не всегда неодинаковая у птиц одного вида.

Область распространения утиных более ограничена, нежели у других водоплавающих птиц. Однако и они являются космополитами, так как, за единственным исключением материка у Южного полюса, они живут во всех частях света.

Все эти птицы плавают, притом с такой же ловкостью, как и продолжительностью, и почти нет ни одной птицы, которая бы плавала неохотно или по принуждению; большинство более или менее легко ныряет на большую или меньшую глубину; некоторые почти не уступают в нырянии самым совершенным пернатым ныркам. Все ныряющие виды делают это только с поверхности воды: они представляют собой тип обыкновенных нырков, ныряющих с поверхности воды, но не тип стремительных нырков. В искусстве летать утиные, во всяком случае, уступают другим водоплавающим. Почти все поднимаются с воды или земли после некоторого пробега и с усилием.

Из внешних чувств, кроме зрения и слуха, у них также в значительной степени развито осязание, о чем можно было уже заключить при наружном исследовании мягкого кожистого клюва. Обоняние, по-видимому, тоже довольно развито, а вкус тоньше, чем вообще у большинства других птиц. Лебеди, гуси, утки и крохали принадлежат к числу осторожнейших птиц; они проявляют много хитрости и смысленности, действуют в соответствии с обстоятельствами и в случае изменения таковых выказывают много находчивости. Птицы одной пары очень любят друг друга, и родители также чрезвычайно привязаны к птенцам; селезни, впрочем, не всегда заботятся о своем потомстве. Особенно похвально то мужество, с которым самки защищают своих птенцов в случае опасности, хотя вообще утиные не могут быть причислены к птицам пугливым.

Пищей утиных птиц служат животные и растительные вещества. Настоящих хищников, т.е. таких, которые бы пренебрегали растительной пищей, среди них мало, исключительно растительноядных также немного.

У большинства утиных забота по высиживанию и воспитанию птенцов лежит целиком на матери. Самцы одних видов живут после спаривания в свое удовольствие, легко забывая о детенышах; самцы других видов, напротив, делят заботы если не высиживания, то воспитания вылупившихся птенцов, исполняют обязанности сторожа, когда самка сидит на яйцах, причем обмануть их в это время нелегко. Гнездо устраивается на крепких местах в болоте, на сухом месте, в дуплах, в норах или в расселинах и выбоинах скал. Строится оно из разнообразного материала, сплетается обыкновенно неискусно и грубо, но внутри аккуратно выстилается материнским пухом. Яйца кругловатые

или овальные с гладкой скорлупой и всегда одноцветные; вылупившиеся птенцы покрыты густым пуховым одеянием, обсохнув, покидают гнездо, быстро растут и большей частью уже на первом году меняют юношеское оперение на оперение родителей.

У птиц несметное число врагов. Человек охотится за теми, которые представляют для него вкусную дичь, преследует их ради перьев, собирает их яйца, разоряет гнезда ради пуха и существенно способствует тем самым уменьшению числа этих абсолютно безвредных птиц. Лишь немногие виды утиных человек сделал своими домашними птицами и приручил, хотя среди этого семейства можно найти и много других птиц, способных к приручению.

Первое место в семействе по праву занимают лебеди. Это гордые и величественные птицы, воспетые поэтами и прославленные в сказаниях. За исключением экваториальных областей, лебеди населяют все пояса земного шара; чаще всего их встречают в умеренном и холодном поясах северного полушария. Область распространения каждого вида весьма велика; кроме того, лебеди совершают сезонные перелеты на далекие расстояния. Местом их жительства служат пресноводные озера и богатые водой болота, местопребыванием — всякого рода водные бассейны. Свое гнездо они обычно устраивают на суше, напротив, после птенцово́й поры держатся в море.

Самец и самка этой пары необыкновенно привязываются друг к другу, выказывая самую преданную любовь, и раз заключенный союз уже не разрывается на всю жизнь. Обе птицы одной пары нежно любят друг друга и в опасности друг друга защищают. Столь же нежно родители относятся к своему потомству, так как хотя самец обыкновенно и не разделяет трудов по насиживанию яиц, но все же не перестает самым преданным образом оберегать самку и все время остается поблизости, предупреждая всякую опасность. При постройке гнезда, о чем заботится самка, самец помогает ей, по крайней мере доставляет гнездовой материал, который или приволакивает в клюве или, пlying, кучей пригоняет его издали. Само гнездо — очень большая, но неискусная постройка, основанием которой служат всякого рода водяные растения; все это дополняется и выстилается сухим камышом и тому подобным материалом. Там, где есть маленькие, укромные островки, самка выбирает их местом для своего гнезда; в других случаях она натаскивает прямо в воду растения до тех пор, пока их не наберется такая куча, которая бы могла выдерживать тяжесть обеих птиц. Кладка состоит из 6-8 яиц с крепкой скорлупой грязно-белого или грязного бледно-зеленого цвета; после пяти-шестинедельного насиживания из них вылупливаются молодые, чрезвычайно милые, одетые в густой пуховый наряд птенцы. Погревшись с день в гнезде и обсохнув, они уводятся стариками на воду, обучаются отыскивать корм, часто садятся к матери на спину, ночью же прячутся к ней под крылья. При опасности мать их защищает, вообще относится к ним с самой горячей нежностью до тех пор, пока они не достигнут полного оперения и более уже не будут нуждаться в заботах и руководстве.

Пищу лебедей составляют растения, растущие в воде или на болоте, корни, листья и семена, а также насекомые и их личинки, черви, ракушки, мелкие земноводные и рыбы. Они добывают пищу, погружая свою длинную шею в воду, обрывая там растения или обшаривая ил и вылавливая из него все съедобное. На глубоких водных бассейнах они временно держатся лишь там, где верхние слои воды кишат мелкими животными.

На лебедей, чаще на молодых, иногда нападают речная скопа и беркут; от других хищников эти гордые и способные дать отпор птицы терпят мало. Человек преследует их из-за мяса и перьев, в особенности ради пуха. На Севере охота на них производится с лодки, причем во время сильного ветра к плавающим лебедям подплывают с наветренной стороны, т.е. лодка направляется так, что она приближается к ним со стороны ветра. Охотник при этом может надеяться, что снявшиеся лебеди, предпочитающие летать против ветра, должны будут повернуть в его сторону и дадут возможность по ним стрелять. В Алжире арабы добывают их способом, упоминавшимся мной при описании фламинго, или же вбивают для этого по берегу морских бухт колышки, привязывают к ним бечевки из верблюжьей шерсти, а на конце их крючки, на которые насаживается хлеб, мясо или рыба.

Ручной лебедь наших прудов — **лебедь-шипун** (*Cygnus olor*) — еще поныне живет в диком состоянии на всем севере Европы и в Восточной Сибири*.

** Лебедь-шипун в наши дни распространен очень широко: он населяет весь юг Европейской части России, Украину, Белоруссию, Прибалтику, юг Западной Сибири, многие области Казахстана и значительную часть Средней Азии.*

Если обратить внимание на сильно удлинённое тело, длинную, тонкую шею и красный с характерным черным бугром клюв, то этого лебедя уже не смешаешь ни с каким другим видом. Оперение его чисто белое, оперение молодых — серое или белое. Глаза карие; клюв красный, уздечка и

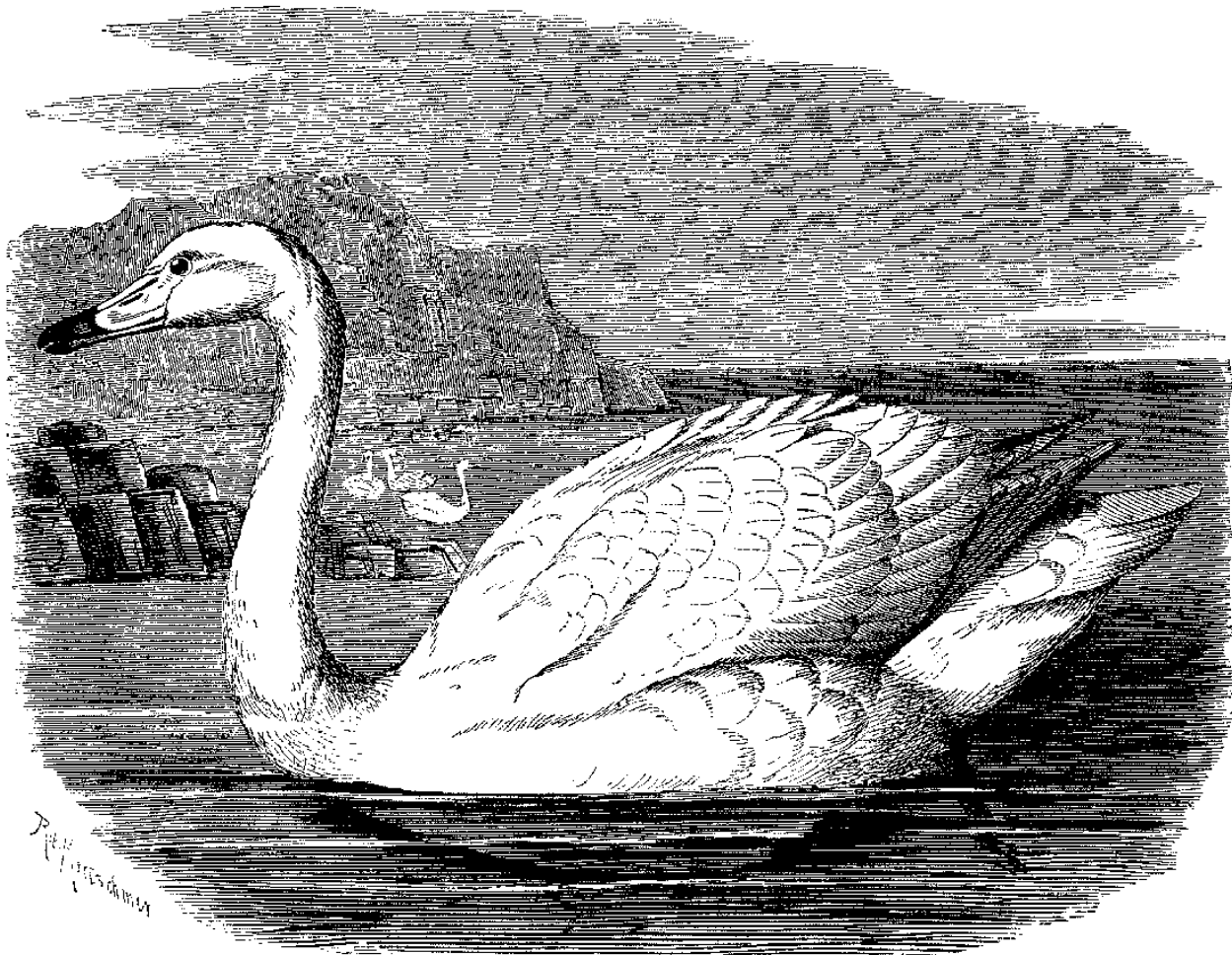
бугор черные; ноги буроватые или чисто черные. Длина его достигает 180 см, размах крыльев 260, длина крыла 70, хвоста 18 см. Самка несколько меньше.

Лебедь-кликун (*Cygnus cygnus*) отл и чается от шипуна более приземистыми формами, более короткой и толстой шеей и клювом, лишенным бугра, хотя у основания также вздутым и на этом месте желтым, на конце же черным. Длина этого лебедя достигает 160 см, размах крыльев 250, длина крыла 62, хвоста 20 см.

Я ограничусь только описанием образа жизни кликуна. Он не редок на севере Европы и водится по всей северной и Средней Азии до Берингова пролива, встречается также и в Америке. Во время своих пролетов он каждую зиму посещает северную Африку, как Египет, так и северо-западную часть этой части света, следовательно, море у Марокко, Алжира и Туниса. В Испании он попадает редко. К востоку встречается в большом количестве: так, он водится в средней России на всех соответствующих озерах и зимой по устьям южных русских рек или на солончаковых озерах южной Европы или средней Сибири**.

* * По сравнению с тем, что описывает Брем., распространение кликуна в наши дни сильно сократилось. Так, на юге Европы, в Средней Азии и степях Западной Сибири он встречается только на миграциях. Основные районы его области гнездования находятся в таежной зоне Швеции, Финляндии, севера Европейской части России и в Сибири.

Из живущих в Исландии лебедей немногие совершают свой перелет, так как морские бухты остаются свободными ото льда благодаря теплomu морскому течению Гольфстрим, внутренние же воды не замерзают благодаря многим бьющим га м горячим ключам; напротив, из России все лебеди улетают прежде, чем ледяной покров помешает добыванию их пищи.

Лебедь-кликун (*Cygnus cygnus*)

Милостивостью и красотой кликун уступает своему сородичу шипуну. Он редко изгибает шею так грациозно, как последний, круче и прямее держит ее, но все-таки очень красив, когда плавает. Однако он выгодно отличается от шипуна своим громким и относительно благозвучным голо-сом, который, впрочем, нужно слушать издали; исландцы его сравнивают со звуками трубы или струнного инструмента.

"Голос его, — говорит Даллас, напоминает приятный звон серебряного колокола; он издается птицей и на лету и слышится на далекое расстояние; все, что говорится о песне умирающего ле-

беда, вовсе не выдумка, так как последние вздохи смертельно раненого лебедя вырываются у него в виде песни»).

Гораздо обстоятельнее сообщает об этом Шиллинг: «Кликун восхищает наблюдателя не только красотой своих форм, своей вдумчивостью и умом, которые весьма выгодно отличают его от шипуна, но и громким, чистым голосом, который он беспрестанно подает при всяком поводе в виде призывного крика, предостерегающего оклика, а когда кликуны соберутся стаей, то, по-видимому, и в виде беседы между собой. Я по целым долгим зимним вечерам и ночам напролет просиживал, прислушиваясь к их полновзвучным жалобным голосам. Эти голоса можно было сравнить то с певучим призывным звоном колокола, то со звуками духовых инструментов. Однако они не были совершенно похожи ни на тот, ни на другие, но во многом превосходили их, так как издавались живыми существами и сильнее действовали на наше чувство, чем звуки бездушного металла. Эта своеобразная песнь как бы олицетворяет в действительности лебединую песнь, упоминаемую в поэтических сказаниях».

В болотах Финляндии, северной России и средней Сибири, а также в Северной Америке* и Исландии кликун гнездится в изрядном количестве.

* В Северной Америке кликун не живет. Там его заменяет близкий вид лебедь-трубач (*Cygnus buccinator*).

В Исландии его видят, по словам Фабера, в конце февраля на небольших пресноводных озерах; там он остается до конца апреля; затем большинство летит на высокие плоскогорья, где и гнездится на озерах; некоторые лебеди остаются в долинах. Каждая пара лебедей, если она не может завладеть маленьким озерком, ограничивает для себя известный район и не позволяет ни одной другой паре переходить за границу его, причем с осмелившимся на это у нее происходит ожесточенная драка. Большое гнездо кликуна или устраивается на островке, или бывает плавучее, строится из ситника, а также из камыша, тростника и тому подобных растений; гнездовое ложе слегка выстилается пухом. В конце апреля или в начале мая самка кликуна кладет свои 5-7 яиц около 115 мм длиной, 75 мм в поперечнике, желто-белого, зеленоватого или буровато-желтого цвета. В первых числах июля уже встречаются вылупившихся птенцов. В середине октября видят стариков, плавающих с молодыми.

Все северные племена усердно охотятся за кликунами. Самое плохое время для последних, когда они линяют и большая часть их маховых перьев уже опала. Тогда лебедей бьют прямо с лодок. В это время и старые, и молодые птицы очень жирны, в особенности хорошее кушанье представляют собой последние.

Из внеевропейских видов первое место по красоте занимает **черношейный лебедь** (*Cygnus melanocoryphus*). Оперение его белое; голова, за исключением белой надбровной полоски, и шея до половины — черные. Глаза карие; клюв свинцово-серый, на конце желтый; бугор на клюве и голое место на уздечке кроваво-красного цвета; ноги бледно-красные. Длина его достигает около 100 см, длина крыла 40, хвоста 20 см. Птенцы выходят на свете в белом пуховом одеянии, растут необыкновенно быстро и в первую же осень ведут жизнь, настолько сходную с жизнью стариков, что их трудно даже отличить от них.

Область распространения черношейных лебедей ограничивается Южной Америкой, от южного Перу до Фолклендских островов, а от них вдоль восточного берега до Бразилии. По своему характеру и повадкам этот лебедь, насколько до сих пор известно, мало отличается от северных со-родичей; однако фигура его менее красива, чем у шипуна: плавая и шагая по земле, он держит шею более прямо, чем до некоторой степени напоминает собой гуся. Полет его легок и красив.

По красоте форм и грациозности движений шипуну не уступает **черный лебедь** (*Cygnus atratus*). Тело его очень вытянутое, шея еще длиннее, чем у шипуна, голова маленькая и красиво сложенная, клюв равен приблизительно длине головы и лишен бугра. Окраска мелкого оперения почти одноцветная буровато-черная, переходящая в черно-серый цвет лишь на краях перьев; на нижней части она немного светлее и роскошно отделяется от ярко-белого цвета всех больших маховых перьев и большинства малых маховых. Глаза пурпурово-красные; уздечка красного цвета гвоздики; клюв ярко-карминно-красный; полоса перед концом верхней половинки клюва и самые концы обеих его половинок белые; ноги черные. Величиной этот лебедь немного уступает шипуну.

Черный лебедь (*Cygnus atratus*)

Кук часто находил черных лебедей, известных уже с 1698 года, по берегам Австралии; в свою очередь нам тоже известно, что лебедь этот хотя местами и вытеснен, но еще обыкновенен на озерах, озерках и реках южной Австралии и Тасмании. В малопосещаемых местностях, внутри материка, он еще и теперь встречается в изумительных количествах, соединяясь, по словам Беннета, в тысячные стаи, и еще так мало пуглив там, что можно без труда набить этих птиц столько, сколько вздумается. В южной Австралии он появляется в зимние месяцы и селится на более обширных болотах и озерах, разбиваясь на небольшие общества, может быть, на отдельные семьи; к весне, времени, соответствующему нашей осени, он начинает обратный отлет на гнездовья. По Гульду, пора его размножения приходится на октябрь и январь; этот натуралист в середине января нашел свежеснесенные яйца и даже в середине декабря добыл молодых в пуховой одежде.

К сожалению, в Австралии эти птицы беспощадно преследуются; в пору гнездования у них отбирают яйца, во время линьки разыскивают их по болотам, когда они не могут летать, и нередко убивают просто ради постыдной забавы. Гульду приходилось слышать, что лодки китоловов вплывали в устья рек и по прошествии короткого времени возвращались, наполненные черными лебедями. Белые люди губительны для черного лебедя; там, где они поселились, он должен или отступить, или подчиниться им. Уже теперь много таких областей, где он совсем исчез, тогда как раньше жил там тысячами*.

** Сейчас черный лебедь в Австралии не преследуется, его численность и распространение восстановились.*

Другие представители этого семейства — гуси — отличаются от лебедей толстым туловищем, более короткой шеей и клювом и высокими, прикрепляющимися в середине тела ногами. Клюв

их почти равен или менее длины головы, сверху округленный, снизу плоский, у основания очень высокий, более высокий, чем широкий, спереди утончающийся, с боков сильно суживающийся, сверху и снизу переходящий в широкоокруглый с острыми краями коготь, по бокам вооруженный жесткими зубчиками и покрытый мягкой кожицей. Ноги средней величины, снабжены большей частью полной плавательной перепонкой и вооружены короткими, сильными, плоскосогнутыми когтями. Крылья длинные, широкие и заостренные; второе маховое перо длиннее всех остальных; предплечье большей частью менее развито, чем у лебедей. Мелкое оперение необыкновенно мягкое и густое, на голове волосистое, на спине каждое перышко резко выделяется; на шее у многих видов перья своеобразно согнуты; пуховое оперение сильно развито. Самцы и самки различаются мало, только в исключительных случаях оперение самки уступает по красоте оперению самца. Молодые уже на первом году жизни получают оперение стариков.

Во всех частях света есть свои оригинальные виды гусей. В Азии и Европе многие виды встречаются одинаково часто; некоторые распространяются по северу всего земного шара; по направлению к югу виды отличаются друг от друга резче. Гуси проводят на воде меньше времени, чем их сородичи, в основном они живут на суше и даже на деревьях. В долинах встречаются чаще, чем в горах, но горы не пугают их: есть виды, которые встречаются на значительных высотах. Гуси ходят превосходно, плавают, правда, хуже и медленнее, нежели утки и лебеди, но все-таки довольно ловко и быстро; ныряют в молодости или во время опасности на значительную глубину, летают легко и красиво, проносясь через большие пространства. Стая летит обыкновенно клином и издает свистящий шум.

Плавая, они глубоко погружают в воду переднюю часть тела, хвост же держат высоко над водой. При поисках пищи на дне водоема они наполовину опрокидываются вперед и до верхней части груди погружают переднюю часть своего тела; при нырянии они одним толчком уходят в глубину. Многие виды издают бормочущие крики, другие — гогочущие, наконец, некоторые выпускают благозвучные и далеко слышные звуки. В гневе большинство гусей шипят. У самцов голос обыкновенно бывает выше, чем у самок.

Все виды без всякого исключения принадлежат к числу умных, понятливых и осторожных птиц. Гуси не доверяют никакому человеку, наверняка отличают охотника от поселянина или пастуха, вообще знают всех опасных для них людей, выставляют сторожей — короче, с рассудительностью принимают все меры предосторожности ради своей безопасности. В пору спаривания у самцов дело не обходится без драк, но когда все добудут себе самок, то наступает мир, и различные пары гнездятся рядом, не беспокоя друг друга. Один раз выбрав самку, гусь остается ей верен на всю жизнь. Правда, самец не принимает участия в насиживании, но позднее помогает водить птенцов и служит стражем для всей семьи. Большая часть видов собираются весной на своей родине в безопасных, редко посещаемых местах, например в обширных, богатых растительностью болотах. Здесь каждая пара на маленьком островке или кочке устраивает большое безыскусное гнездо из всякого рода растительных материалов; внутри гнезда выкладываются пухом. Некоторые виды местом для гнезда избирают деревья, дупла или развилины ветвей; в последнем случае они иногда пользуются гнездами хищных птиц или другими подобными гнездами, причем предварительно исправляют их соответствующим образом. Кладка состоит из 6-12* овальных одноцветных яиц, более или менее лишенных глянца и с крепкой скорлупой.

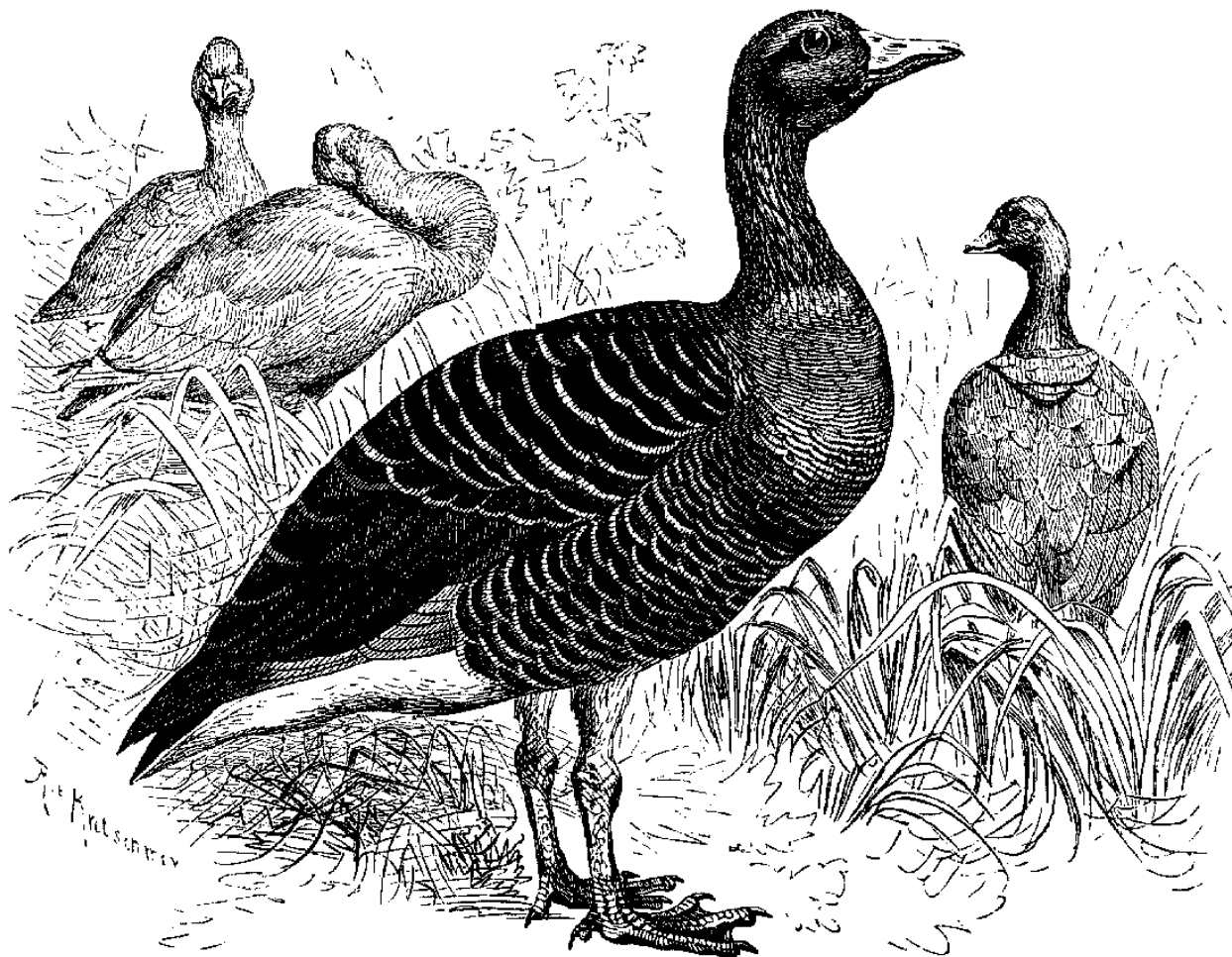
** Обычно кладка гусей состоит из 4—6 яиц, однако могут встречаться кладки с числом яиц от 1 до 8, отложенных одной самкой. Кладки с большим числом яиц откладываются несколькими самками. Для многих видов гусей известно явление подкладки яиц в чужие гнезда.*

По прошествии четырех недель насиживания птенцы вылупливаются из яиц, покрытые мягким, красивым пуховым оперением и если гнездо было на дереве, то спрыгивают с него на землю. Они бегают уже с первых дней своего существования быстро и ловко, равным образом умеют вести себя в воде и под руководством своих родителей начинают отыскивать себе корм. Они развиваются настолько быстро, что уже приблизительно через два месяца если и не достигают красоты и величины стариков, то все-таки похожи на них и становятся самостоятельными.

Все гуси преимущественно растительноядные птицы. Они щиплют с помощью своего снабженного жесткими режущими краями клюва траву и злаки, капусту и другие огородные растения, объедают молодые деревья, обрывают листочки, ягоды, стручки. Ловко и проворно выщелушивают колосья, добываясь до зерна, роются на дне мелких луж, ища и там растительную пищу и не пренебрегают никакой частью подходящего растения. Некоторые виды едят также насекомых, ракушек и мелких позвоночных. За всеми видами гусей ведется усердная охота, особенно, в пору линьки,

когда многие из них несколько недель не могут летать. Кроме человека, им угрожают более крупные орлы, многие четвероногие хищники, а в экваториальных странах и крупные пресмыкающиеся, в особенности крокодилы. Еще большим опасностям подвергаются их яйца и птенцы, которых родители храбро и смело защищают.

Серый гусь (*Anser onset*), от которого происходят наши домашние гуси, на спине буровато-серого цвета, нижние части тела желтовато-серые, скудно и неравномерно покрыты пятнами благодаря одиночным черным перьям. Длина птицы достигает 98 см, размах крыльев 170, длина крыла 47, хвоста 16 см.

Серый гусь (*Anser anser*)

Серый гусь свойственен более умеренным полосам, нежели дальнему Северу. Во всяком случае, в Лапландии я еще видел его под 70 градусом, на низовьях же Оби под 69 градусом северной широты. Как здесь, так и там это, вероятно, была северная граница области его распространения. Начиная от севера, эта область простирается в восточном направлении через всю Европу и Азию до Дальнего Востока; на юге границей области гнездования серого гуся служит приблизительно 45 градус северной широты. Во время своего пролета он посещает все страны южной Европы, а равно север Китая и Индии, иногда даже кочует до середины Индии, а может быть, и до северо-западной Африки. Однако в южных частях области своих перелетов он всюду встречается реже, чем его сородичи, хотя летом те и живут еще севернее его.

Потомки серого гуся, наши домашние гуси, по характеру и особенностям мало отличаются от своих предков, однако дикие родичи их держат себя, как и вообще все дикие птицы, более горделиво, движения их быстрее, и впечатление, производимое ими на наблюдателя, несколько иное. Они ходят очень быстро и красиво, гораздо легче и проворнее домашних гусей, плавают хорошо, ныряют в случае особенной опасности на глубину, однако на воде оказываются менее ловкими, чем на суше. Полет их хорош, правда, не такой легкий и красивый, как у родственных видов, но все же продолжительный и довольно быстрый. Призывный голос этого гуся — громкое «га-ка-ка-как-гак», часто быстро повторяемое, и, если самки перекликаются с самцами, то переходящее в «ги-ккак». Беседу их можно передать слогами «татта-тта-тта-ттат», выражение большой радости — «тжнг»; при испуге слышится протяжное «кэ-ка-как-ка-как-какака-как»; в гневе самец и самка шипят; все это происходит совершенно так же, как и у домашнего гуся.

Понятливость серого гуся видна уже по его привычкам. Он всегда осторожен и недоверчив. Обыкновенно очень хорошо умеет отличать охотника от пастухов или крестьян или же опасного человека от неопасного. Преследование скоро делает его необыкновенно осторожным, и он никогда не забывает горького опыта. Дружно и неразлучно живет между собой его семья. Вплоть до весны она не распадается, иногда даже совместно возвращается с зимовок и разъединяется лишь тогда, когда старики приступают к новой кладке.

Старые серые гуси нередко делаются добычей более крупных орлов и благородных соколов, а иногда лисиц и волков. От человека они всегда держатся настороже, почему и охота за ними требует опытного охотника. Когда охотятся за ними на пролете, то прячутся, например, в камышах и оттуда уже без труда бьют пролетающих птиц; во многих случаях удачна ночная охота на них с расставленными стрелками и загонщиками. Местами их бьют, далеко не следуя охотничьим обычаям, как это делают лапландцы, именно — с лодки, когда гуси еще не могут летать. Их заставляют беспрестанно нырять до тех пор, пока они не утомятся и нырять более не могут; тогда гусей бьют палками или стреляют по ним из ружья. Мясо дикого серого гуся жестко и волокнисто, но мясо гусят необыкновенно вкусно и вполне оправдывает охоту за этими птицами, если она только ведется правильно. Перья серых гусей весьма ценятся и заслуженно считаются лучше перьев домашних гусей, в особенности же превосходен их пух.

Своеобразную окраску имеет **белый гусь** (*Anser caeru/escem*). Старый гусь весь белый, за исключением первых десяти маховых черных перьев, стержни их у основания белые, к концу также черные. В юношеском наряде оперение лишь на голове и затылке имеет бело-сероватый налет. На нижней части шеи, верхней части спины оно черновато-серое, такого же цвета перья плеч, грудь и бока, далее книзу цвета бледнее. Нижняя часть спины и верхние кроющие перья хвоста пепельно-серые; большие маховые перья серо-черные, малые маховые такие же, но с серовато-белыми каймами; хвостовые перья темно-серые с такими же каймами. Глаза темно-карие; клюв бледный грязно-красный, по краям черноватый; ноги бледные грязно-карминно-красные. Длина птицы достигает 86 см, размах крыльев 160, длина крыла 48, хвоста 16 см.

Родина белого гуся — далекий север Америки, но он распространен и по северо-восточной Азии, иногда залетает в Европу*.

** В наше время в Азии белый гусь гнездится в основном на острове Врангеля. На побережье материка (на Чукотке) периоды чески гнездятся отдельные пары белых гусей возле гнезд белых сов (*Nyctea scandiaca*). В прошлом этот вид был более широко распространен по материковым ту на рам Азии. Например, во времена П. С. Палласа (последняя четверть XVIII века) он встречался вплоть до Ямала, но со временем был уничтожен людьми, поскольку тогда практиковалась массовая добыча линных гусей на местах гнездования. Хорошо заметные белые гуси, гнездившиеся колониально, были легкой добычей.*

В восточном полушарии он встречается редко; область его гнездования в западном полушарии ограничивается прибрежными странами от Гудзонова залива до Алеутских островов. Перелеты имеют больше юго-восточное, чем юго-западное направление. Во всяком случае, его наблюдают каждую зиму в северном Китае и северной Японии, одиночками в Западной Сибири и даже в Европейской России. Главная масса, однако, совершает лет через Северную Америку и останавливается в южных частях Соединенных Штатов. В Техасе, Мексике, на Кубе и других вест-индских островах он обыкновенен в зимние месяцы; в южной Калифорнии, Техасе, Луизиане, Миссисипи, Алабаме, Георгии и Флориде в это время можно видеть тысячные стаи этих гусей. Белые гуси тоже не остаются зимой на одном и том же месте, но в соответствии с погодой то летят на юг, то обратно на север. Полет их превосходен, походка хороша. По Одюбону, белый гусь отличается молчаливостью. Прилетая на зимовку, он ведет себя очень доверчиво по отношению к человеку, но из-за усиленного преследования и он вскоре становится очень пугливым.

В разгар лета этот гусь кормится главным образом травой и насекомыми; позднее он ест ягоды, именно гонобобель*.

** Одно из названий голубики (*Vaccinium myrtillus*).*

Беренстон говорит, что белый гусь представляет собой одну из главнейших промысловых птиц и что именно индейцы производят жестокие опустошения в его стаях во время пролета. Нередко случается, что за это время хороший охотник убивает сотни гусей. Стрелок обыкновенно берет два ружья и прячется в траву в ожидании пролетающих гусей. Он стреляет в стаю, а жена его заряжает ружье. Мясо молодых птиц, по-видимому, превосходно, а мясо старых годится, по крайней мере, для крепких супов.

Еще одни представители семейства утиных — казарки. Они относительно малы ростом, плотно сложены, но все-таки красивы. Туловище у них сильное, шея короткая, голова довольно велика. Клюв слабоват, мал и короткий, у основания крепок, высок и широк, к концу тонкий, зубчики клюва слабые. Ноги сильные, но довольно низкие; крылья такой длины, что достигают конца хвоста; хвост короткий, слегка закругленный.

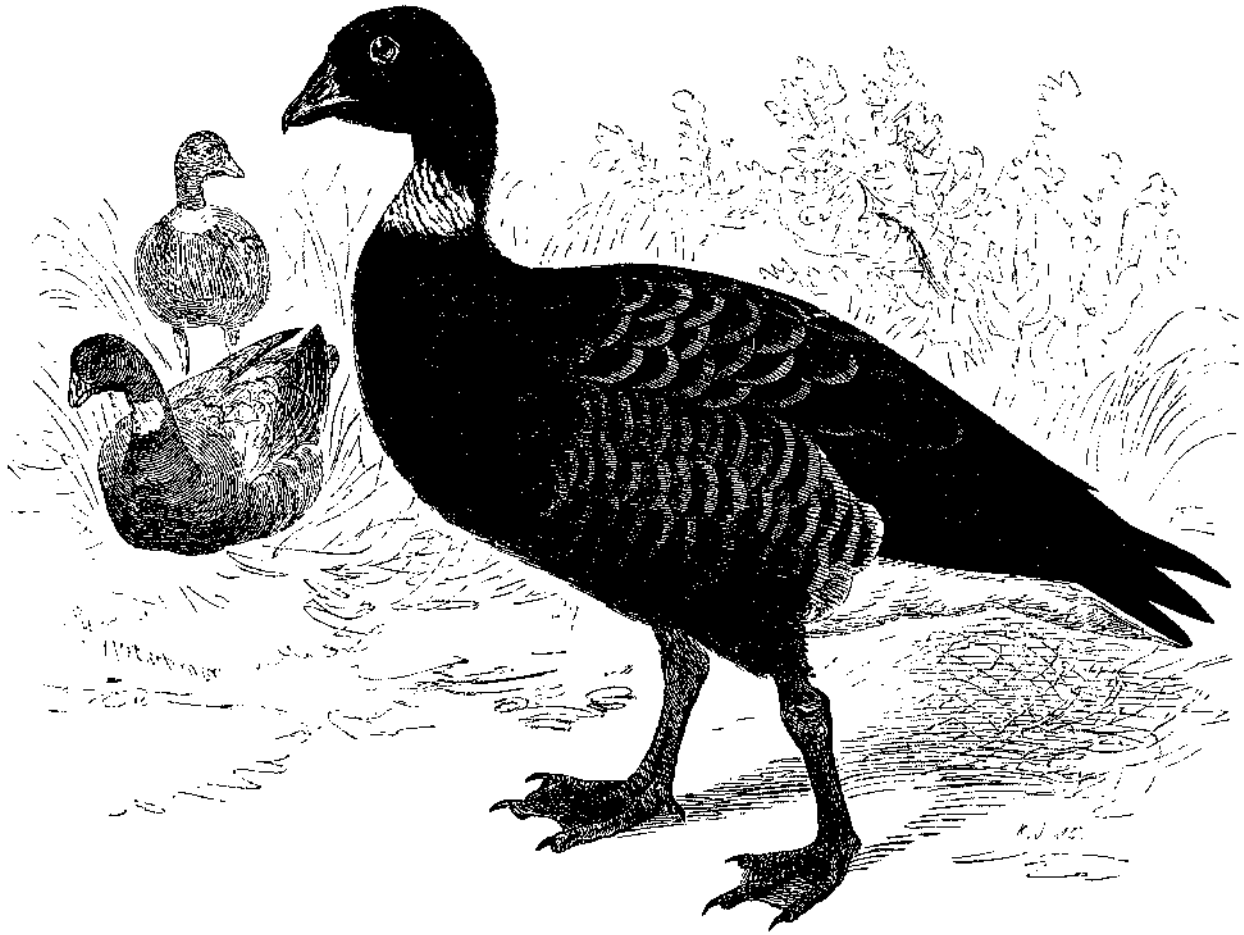
Черная казарка (*Branta bernicla*). У нее передняя часть головы, шея, маховые и рулевые перья черного цвета; оперение спины, груди и верхней части брюшка темно-серое с более светлыми каемками; бока брюшка, гузка и верхние хвостовые кроющие перья белого цвета. С каждой стороны шеи находится полулунное белое поперечное пятно, и перья здесь слегка выемчатые. Молодые птицы выглядят темнее и еще не имеют украшений на шее. Глаза темно-коричневые, клюв красновато-черный, лапы черные. Длина достигает 62 см, размах крыльев 124, длина крыла 36, длина хвоста 11 см.

Черная казарка, как и ее родственники, прибрежная птица, редко теряющая из виду море и лишь в исключительных случаях посещающая внутренность материков, следуя по большим рекам. Отечество черной казарки — север Старого и Нового Света. Она гнездится на островах и побережьях, лежащих между 60 и 80 градусами северной широты. В Исландии гнездится редко*, а на Шпицбергене во множестве.

* *Черная казарка птица преимущественно арктических тундр, и в Исландии она не гнездится, да и во времена Брема не гнездилась там, а встречалась только на пролете.*

Далее к востоку встречается в середине лета по всем берегам Ледовитого океана, также изобилует в Гудзоновом заливе и на соседних водах. Черная казарка ежегодно совершает перелеты из своего негостеприимного отечества, появляясь на наших берегах, а иногда даже в более южных местностях. В конце октября или самое позднее в начале ноября тысячи этих гусей населяют все плоские побережья Балтийского и Северного морей. Отмели и песчаные банки, обнажаемые отливом, покрываются казарками, насколько хватает глаз. Крик их заглушает грохот прибоя. Издали стада походят при взлете на густой дым и положительно не поддаются исчислению.

От большинства своих родичей, живущих внутри материков, черная казарка отличается красотой, привлекательностью, общительностью и миролюбием, не уступая им в развитии органов чувств. Она одинаково хорошо ходит и по твердой, и по илистой почве, плавает легко и красиво, ныряет отлично, во всяком случае лучше всех остальных гусей, летает также легче и ловчее их, но не всегда, как они, принимает клиновидный порядок, а чаще всего летит беспорядочной кучей.

Черная казарка (*Branta bemica*)

При взлете больших стай слышится шум, схожий с отдаленными раскатами грома. При прямолинейном полете в высоких воздушных слоях ясно слышится свист, резче, чем у более крупных гусей, но глуше, чем у уток. Крик их очень прост: призывный голос состоит из одного трудно передаваемого звука, отчасти похожего на «кнэнг». Разговорным звуком служит резкое и грубое «крох». Гнев, как обыкновенно у гусей, выражается тихим шипеньем.

Что касается пищи, то морские гуси кроме травы и морских растений едят также моллюсков. На Севере они, вероятно, едят все тамошние растения.

Уже старинные мореплаватели упоминали, что черные казарки часто гнездились на Шпицбергене; китоловы и другие полярные мореплаватели находили их гнездовья на всех посещавшихся ими северных островах. «Эти обыкновеннейшие гуси Шпицбергена, — говорит Мальмгрен, — в очень большом количестве гнездятся на западном и северном берегах острова, на материке и на шхерах, преимущественно на тех, где живет много гаг. Гнездо делается очень неискусно из водяных растений и их листьев, часто располагается рядом с гнездами гаг и обкрадывается ими. Кладка, оканчивающаяся только в июле, состоит из 4-8 яиц с тонкой, неблестящей скорлупой мутного зеленоватого или желтовато-белого цвета, около 72 мм в длину и 48 мм в поперечнике. Перед временем насиживания обе птицы каждой пары выделывают на очень большой высоте разные смешные воздушные фокусы, и самец очень выразительно ухаживает за самкой. На гнезде оба совершенно не пугливы. Гусак защищает самку и свое потомство от каждого приближающегося врага, даже бросается, шипя, на человека, если он угрожает им. Когда у гусей есть птенцы, храбрость родителей еще более возрастает. К концу июля наступает линька, и старики становятся не способны к полету, как птенцы.

На Крайнем Севере черную казарку преследуют эскимосы и китоловы. На южных берегах ее убивают тысячами весной и осенью. В Голландии ловят в еще большем количестве при помощи выставляемых для приманки гусей. Мясо ее считается вкусным, но часто обладает прогорклым привкусом, который не всякому нравится. Этот привкус возникает от питания птиц ракушками. Поэтому в Голландии пойманных морских гусей некоторое время откармливают хлебным зерном и только потом убивают.

Белошекая казарка (*Branta leucopsis*). Длина ее достигает 70 см, размах крыльев 140, длина крыла 43, длина хвоста 14 см. Лоб и бока головы, верхние кроющие перья хвоста, грудь, брюшко и гузка белого цвета.

Гораздо красивее **Краснозобая казарка** (*Branta ruficollis*). Ее длина 55 см, размах крыльев 135, длина крыла 37, длина хвоста 11 см. Голова и задняя часть шеи, спина, крылья, за исключением верхних кроющих перьев, с белыми каемками; хвост, грудь и бока черного цвета. Продолговато-круглое уздечное пятно и надбровная полоса белые. Надбровная полоса идет дугообразно сзади уха к боку шеи и здесь соединяется со вторым, столь же широким пятном, разветвляющимся позади глаза, идущим вертикально вниз сбоку головы и отсюда изгибающимся под тупым углом и доходящим до половины шеи. Большая полоса на затылке, полоса на груди, средняя часть груди, брюшко, гузка, верхние и нижние кроющие перья хвоста белого цвета. Паховые перья с широкой черной каймой на конце. Наконец, большое окаймленное белыми полосами ушное пятно, горло, передняя часть шеи и зоб ярко-коричнево-красного цвета. Глаза темно-карие, клюв голубовато-черный, лапы совсем черные.

Канадская казарка (*Branta canadensis*), говорят, иногда прилетала в Европу из Северной Америки. Длина самца достигает 93 см, размах крыльев 168, длина крыла 48, длина хвоста 20 см.

Самка немного меньше.

Канадская казарка встречается во всей Северной Америке, но уже больше не гнездится в южных частях Соединенных Штатов, а с появлением европейцев отодвинулась к северу и с каждым годом все больше туда оттесняется*.

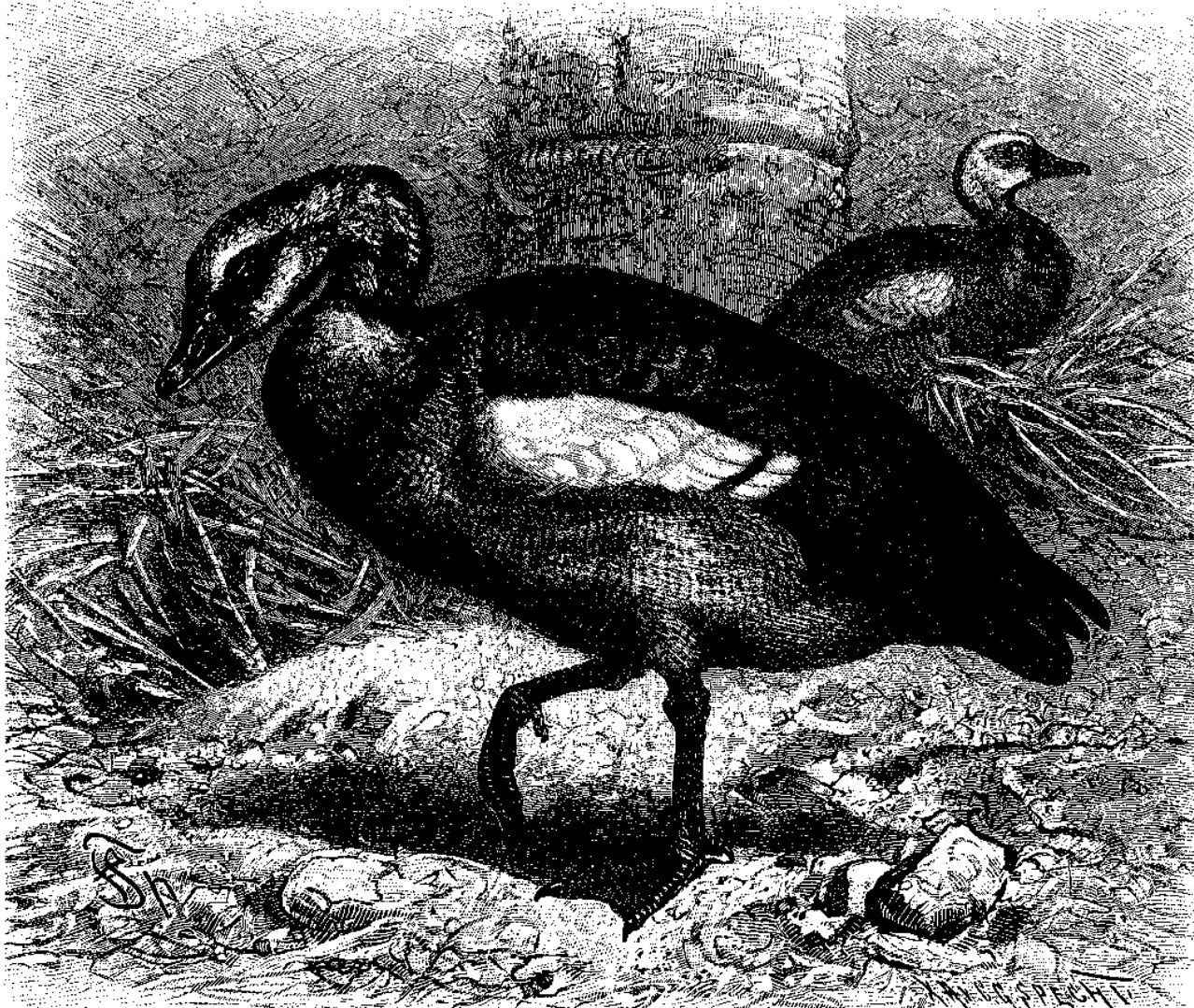
** Благодаря охраняемым мероприятиям канадская казарка сейчас восстановила свой прежний ареал и численность в северной Америке. Из завезенных в Европу птиц к нашему времени сформировались дикие популяции этого вида, обитающие в Великобритании, Швеции, Норвегии и Ирландии. По большей части эти популяции оседлы.*

Образ жизни, нрав и привычки канадской казарки почти во всех отношениях сходны с нравами и образом жизни наших диких гусей. Все наблюдатели хвалят необычайную остроту чувств, ум, предусмотрительность, хитрость — одним словом, понятливость канадской казарки и говорят о ней с тем же воодушевлением, с каким наши охотники рассказывают о диком гусе. Во время кормежки они постоянно выставляют сторожей, которые предупреждают стаю о появлении всякого опасного врага. Стадо скота или диких бизонов несколько их не беспокоит, но медведь или кугуар тотчас же замечаются, и вся стая направляется к воде. Если враг пытается преследовать их и здесь, то гусаки издают громкие крики, стая смыкается и взлетает вразброд, а если думает лететь далеко, то принимает правильный клиновидный порядок. Слух канадской казарки так остер, что она в состоянии с удивительной точностью различать звуки: например, сухую веточку сломало животное или на нее наступил человек. Она остается спокойной, когда дюжина больших черепах или аллигатор с шумом бросаются в воду, но становится боязлива, заслышав звуки весел.

Белые и индейцы с одинаковым рвением охотятся за этими гусями и ловят их сотнями при помощи выставляемых для приманки ручных гусей; мясо их солят или коптят; пух и перья тоже идут в дело, причем по добротности значительно превосходят пух и перья домашних гусей.

Из чужеземных гусей следует упомянуть о **нильском гусе** (*Alorochen aegyptiacus*), потому что он довольно регулярно посещает южную Европу из Африки и Сирии, отличается стройным телосложением, тонкой шеей, большой головой, коротким клювом, высокими ногами, широкими крыльями и роскошным оперением. Клюв полуцилиндрической формы, у лба высокий, впереди значительно понижающийся и слабосводчатый, переходящий на конце в широкий круглый коготь. Ноги голые несколько выше плюсны, стройные, с небольшими пальцами. Крылья отличаются коротким отростком на сгибе и развитием малых маховых перьев. Бока головы и передняя часть шеи желтовато-белого цвета с мелкими крапинками. Пятно вокруг глаза, задняя часть шеи и широкий пояс на половине шеи ржаво-бурого цвета. Оперение верхней стороны тела серого и черного цвета, нижней — бледно-желтого с белыми и черными поперечными полосками; середина груди и брюшка светлее, первая украшена большим округленным коричнево-бурым пятном. Гузка прекрасного ржаво-желтого цвета. Кроющие перья крыла белые, к концу черные с красивым металлическим отблеском. Концы маховых перьев и рулевые перья блестяще-черного цвета. Глаза желтые или оранжево-желтые; клюв красновато-синий, сверху светлее, у корня и у конца серо-синий; лапы красноватые или светло-желтые. Длина доходит до 70, размах крыльев до 140, длина крыла 42, длина хвоста 14 см. Самка очень походит на самца, только несколько меньше ростом; оперение ее не так красиво окрашено и пятно на груди не так велико. Отечество этого гуся — Африка, от Египта до Капской земли и от восточного берега далеко в глубь страны; на западном берегу он, по-видимому, не встре-

чается. Из Африки нильский гусь распространился по Палестине и Сирии и неоднократно залетал в Грецию, южную Италию и южную Испанию.

Нильский, или египетский, гусь (*Alopochen aegyptiacus*)

Во время моих путешествий по Африке я очень часто наблюдал эту красивую птицу, изображения которой постоянно встречаются на древнеегипетских памятниках. В Нижнем Египте нильский гусь встречается редко, начиная же от Верхнего Египта к югу его нет только в неудобных местах реки, т.е. там, где она сжата справа и слева скалистыми стенами, не оставляя совсем места для больших островов. Уже в южной Нубии попадаются многочисленные стаи, а в Судане нильский гусь принадлежит к обычным явлениям на обеих реках и также встречается далеко от них на прудах. Во время размножения нильский гусь попадает парами и потом появляется в сопровождении птенцов. Позже отдельные семьи соединяются вместе и ко времени линьки, которое, впрочем, не лишает их возможности летать, появляются неисчислимые стаи, часто на много миль покрывающие оба берега реки. Во время одной поездки по Белому Нилу я, как уже сказано выше, в течение трех дней видел берега реки, покрытыми бесчисленными полчищами птиц, большую часть которых составлял нильский гусь. Впрочем, далеко от воды он встречается только высоко летящим в воздухе. По-видимому, он сильно привязан к воде.

Нильский гусь хорошо бегаёт, очень ловко плавает с глубокопогруженной грудью, при преследовании ныряет быстро, надолго и на большую глубину или проплывает далеко под водой, работая ногами и крыльями; летает с сильным шумом, но легко и быстро.

Нильский гусь при всяких обстоятельствах осторожен, постоянно заботится о своей безопасности, в высшей степени недоверчив, а подвергаясь преследованиям, становится осторожнее всех других гусей, умеет оценивать расстояния и тотчас отличает иностранцев от туземцев, которых меньше боится.

Нильский гусь пасется на полях, как наши дикие гуси; подобно уткам, копается или в бухте или в реке; он охотно добывает, ныряя, разных водяных животных со дна реки. Молодые нильские гуси чрезвычайно жадно едят, по крайней мере в определенное время саранчу; взрослые тоже едят

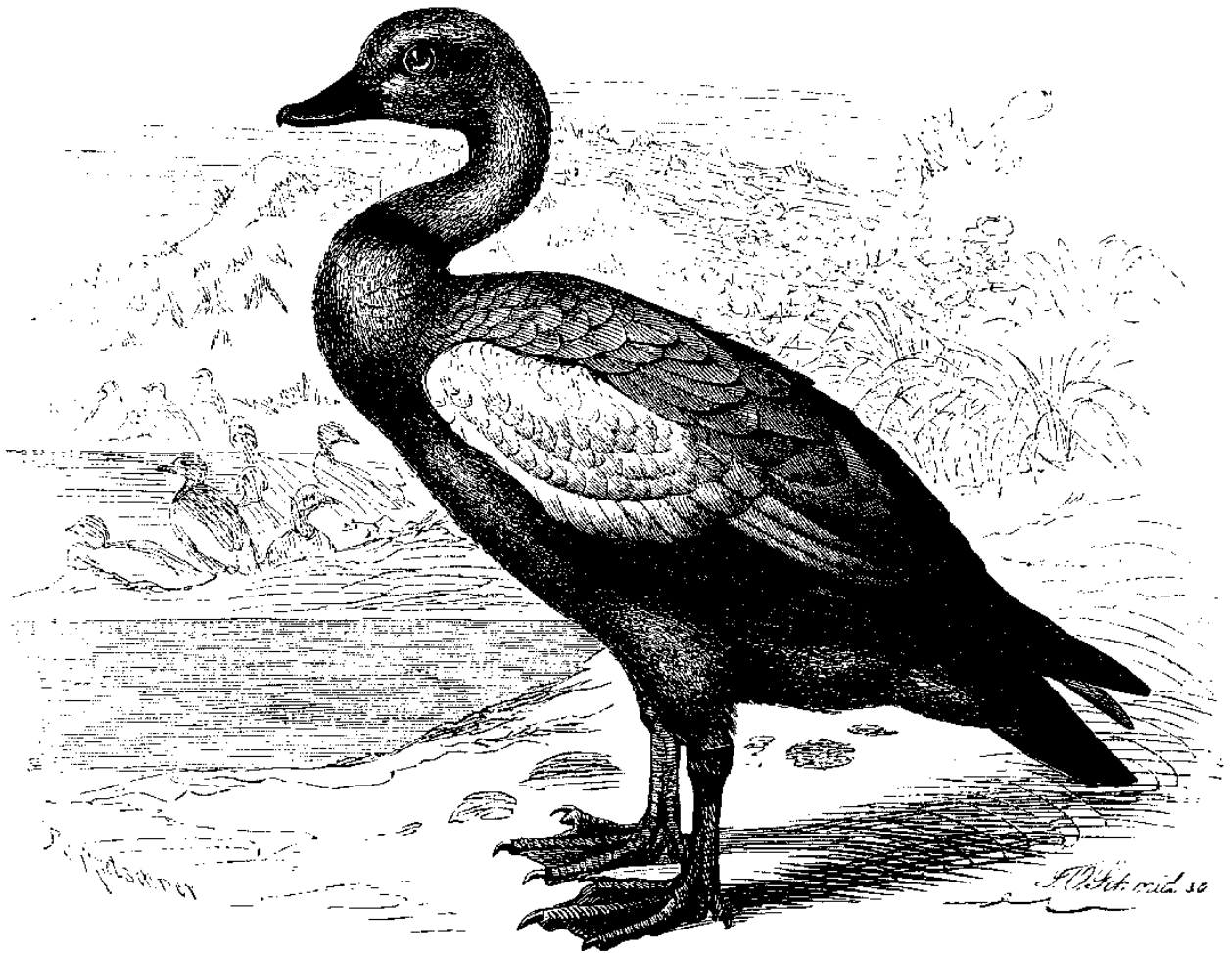
животную пищу, но, по-видимому, пренебрегают рыбой; я никогда не видел, чтобы они гонялись за ней.

В безлесных местностях случается, что нильский гусь устраивает гнездо в высокорасположенных углублениях скал или просто на земле. Там же, где река окаймлена лесом или хотя бы отдельные подходящие деревья стоят кое-где по берегу или недалеко от него, он постоянно устраивает гнездо на деревьях; в северо-восточной Африке гнездится преимущественно на одном виде колючей мимозы. Гнездо в основном состоит из ветвей самого дерева, но внутри мягко выстилается тонкими веточками и травами. Число яиц, по моим наблюдениям, колеблется от 4 до 6, а по уверению моих черных охотников, от 10 до 12; яйца очень круглые, в среднем 64 мм в длину, 47 мм в поперечнике, с толстой и гладкой скорлупой, желтовато-белого цвета. Время насиживания зависит от наступления весны. Так, в Египте нильские гуси садятся на яйца в начале марта, а в Судане лишь при наступлении периода дождей, в начале сентября. Самка насиживает одна, в продолжение 27-28 дней; самец изображает верного стража, постоянно сидит вблизи и возвещает предостерегающим криком о всякой приближающейся опасности. Раз в сутки, в часы после полудня, насиживающая самка оставляет яйца, но всегда сначала тщательно прикрывает их пухом. Птенцы скоро отводятся на реку и ускользают от случайных преследований даже на чистых, не заросших кустами и камышом островах, так как при опасности самым проворным образом бегут к воде и умеют отлично нырять.

В Египте за нильским гусем охотятся турки и европейцы; в Восточном Судане его единственными опасными врагами являются, по-видимому, орлы и крокодилы. Мясо его, насколько я могу судить, не отличается от мяса других видов гусей; мясо молодых чрезвычайно вкусно, мясо старых хотя вязко и жестко, но отлично годится для супа.

Огарь, или красная утка (*Tadorna ferruginea*), отличается наибольшей величиной, маленьким зубцом на клюве, роговой одеждой ног и складчатым строением клюва. Оперение преимущественно яркого ржаво-красного цвета, щеки желтовато-белые, шея ржаво-желтая. Узкая, но во время брачного оперения заметная полоса на нижней части шеи зелено-черная; верхние и нижние кроющие перья крыльев белые, перья зеркальца зеленые; область надхвостья, верхние кроющие перья хвоста, маховые и рулевые перья блестяще-черные. Самка отличается от самца меньшей величиной, менее яркой окраской и более белым лицом; также у нее обыкновенно нет черной полосы на шее. Глаза светло-коричневые, клюв черный, лапы свинцово-черные. Длина достигает 62 см, размах крыльев 116, длина крыла 36, длина хвоста 14 см.

Центром области распространения красной утки является Средняя Азия. К востоку ее отечество простирается до верхнего Амура, к западу — до Марокко. Она поздно улетает и уже рано весной снова появляется на своей родине — в степи. Здесь она всюду находит для себя удобные места: на равнине, в горах до 3000 м высотой или до снежной линии, на озерах, реках, протоках и на самых маленьких ручейках. Она представляет характерную птицу степи и больше, чем какая-либо другая птица, содействует оживлению ее высот и зеленых долин.

Огарь. или красная утка (*Tadorna ferruginea*)

Кто судит о ней исключительно по ее малому росту, тот принимает за утку; кто хорошо ее знает — видит в ней гуся. Кроме того, что уже окраска оперения указывает на ее родство с другими гусями, образ жизни, поведение, походка, полет и искусство плавания, голос, даже способ насиживания согласуются с особенностями, привычками и обычаями гусей, но не уток.

Огари живут попарно, выказывая взаимную верность, свойственную роду гусей, живут не столько на воде, сколько у воды, решительно избегая болот. Они отыскивают лужайки, покрытые сочной травой луга, поля с хлебными всходами и пасутся здесь, как все гуси. Во всяком случае, они не пренебрегают животной пищей, но решительно предпочитают ей растительную. В неволе погибают, если их кормить исключительно животной пищей. Огарь держится прямо, высоко подняв голову, как другие гуси; ходит хорошо, мерными шагами, которые могут ускоряться до очень быстрого бега, но никогда не переваливаясь, как утки.

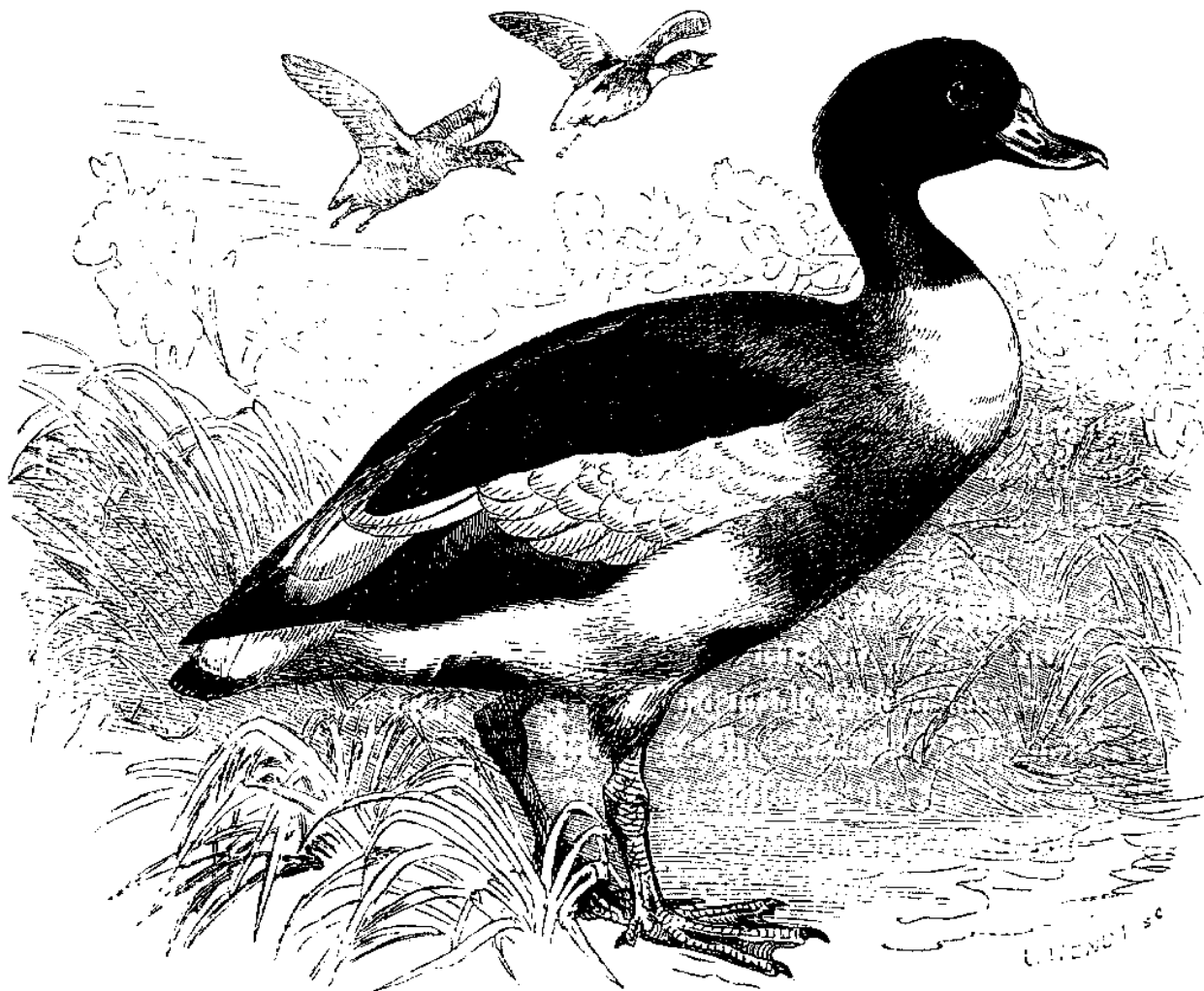
При плавании тело его более погружено спереди, чем сзади. Летает, редко взмахивая крыльями. Перед опусканием на землю парит и описывает красивые круги. Чрезвычайно приятно смотреть, когда пара этих красивых и величественных птиц спускается с вышины в глубину долины; при этом они всегда парят, не двигая крыльями и производя великолепные повороты, которые не только демонстрируют белизну крыльев и всю их красоту, но и обнаруживают, что этот гусь такой мастер летать, какого не встречается в семействе уток. Сильный, далеко звучащий голос огаря может быть сравним только с криком других гусей.

В начале и в середине мая парочка начинает искать подходящее место для гнезда. Огарь устраивает гнездо только в норах и пещерах и поэтому часто принужден долго искать, прежде чем найдет подходящее место, а также должен терпеть сожительство отличных от него птиц. В северо-западной Африке Сальвин нашел одно гнездо в расщелине отвесной скалистой стены, где находились также гнезда коршунов, грифов и воронов. В Сибири огарь тоже предпочитает расщелины скал, а также гнездится в древесных дуплах, гнездах хищных птиц или в оставленных норах степных сурков. Ради удобной норы он иногда должен летать много верст от места своей кормежки и даже забираться в пустыню или лишенную растительности степь. Когда самка сидит на яйцах, самец для ее охраны держится вблизи. При этом он садится или на выступ скалы, или на толстую ветку, бдительно сторожит гнездо, предупреждает при опасности особым криком и улетает вместе с

самкой или бросается навстречу собакам и другим хищным животным, нападая на них или уводя их от гнезда. Гнездо устраивается из жестких листьев, травы и сверху выкладывается венком из пуха. Кладка состоит из 12-15 желтовато-белых яиц, блестящих и с гонкой скорлупой, около 62 мм в длину и 46 мм в поперечнике. Когда птенцы вылупятся и обсохнут, они оставляют гнездо, причем просто прыгивают на землю, а затем родители отводят их к воде, часто за много миль от гнезда. Здесь проводят они свое детство, оберегаемые и руководимые обоими нежно их любящими родителями. Сначала птенцы покрыты пухом, очень отличным от одеяния утенка, но похожим на пух птенцов пеганки. Лишь постепенно одеяние птенцов переходит в оперение молодежи, похожее на оперение самки.

Пеганка (*Tadorna tadorna*) имеет голову и шею блестящего темно-зеленого цвета и два больших черных пятна на плечах. Поперечная полоса на шее, расширяющаяся спереди, средняя часть спины, кроющие перья крыла, бока и хвостовые перья до черных концов — ослепительно белого цвета. Широкая полоса на груди и некоторые перья, прикрепленные к плечевой кости, прекрасного коричневого цвета; средняя часть груди и брюхо серо-черные, нижние хвостовые кроющие перья желтоватые, маховые перья черно-серые; перья, образующие зеркальце, металлически-зеленого цвета. Глаза темные, орехово-бурые; клюв карминно-красный, ноги мясо-красные. Длина достигает 63, размах крыльев 110, длина крыла 36, длина хвоста 12 см.

Самка носит такое же оперение, лишь немного менее блестящее. У молодых задняя часть шеи серая, верхняя часть спины буро-серая, нижняя сторона тела желтовато-серая и не имеет грудной полосы.

Пеганка (*Tadorna tadorna*)

На берегах Балтийского и Северного морей пеганка принадлежит к самым обыкновенным видам своего семейства. К северу она распространяется приблизительно до средней Швеции, к югу — до северной Африки, где часто встречается на всех озерах, появляясь в зимнее время иногда в неисчислимом количестве. Кроме того, ее наблюдали на берегах Китая и Японии, а также находили на всех крупных озерах Сибири или Средней Азии. Так как она предпочитает соленую воду пресной, то ее чаще всего встречают на самом море или на озерах с солоноватой водой. Зимой она яв-

ляется великолепным украшением озер северной Африки, потому что здесь она покрывает иногда обширные пространства и уже издали отличается от всех прочих птиц своими яркими красками.

Пища ее состоит преимущественно также из растительных веществ, в особенности из нежных частей морских растений или других трав, которые растут в соленой воде, из семян, различных родов злаков и осок, хлебных зерен. Животные вещества, однако, составляют необходимое дополнение к ее пище, и это особенно ясно показывает ее среднее положение между гусями и утками.

Во время жизни на свободе пеганка ревностно преследует маленьких рыбок, слизняков и насекомых. Она добывает пищу, не столько плавая, сколько бегая, при отливах появляется на отмелях, бегает по их краям подобно прибрежной птице и тщательно вылавливает рыбу в ямах с водой. Утром она посещает соседние сухие места и подбирает здесь земляных червей и насекомых, также обшаривает болотистые места или даже вылетает на поля за растительной и животной пищей.

Она гнездится так же, как красная утка, только в углублениях. «Тот, кому приходится путешествовать вблизи морских берегов, — говорит Бодинус, — будет немало удивлен, когда он часто в двух километрах и далее от моря замечает эту прекрасную птицу в сопровождении ее самки; часто можно видеть также много их нор на холме или открытом месте в лесу, куда птицы вдруг исчезают.

Если наблюдатель отправится на замеченное место, то убедится, что наша блестящая водная птица спустилась в глубь земли. И не для того, чтобы удостовериться в качестве находящихся там лисьих, барсучьих или кроликовых нор или чтобы присвоить себе их жилища, как только эти четвероногие вырастут, нет! Но чтобы устроить свой домашний очаг вместе с ними. Лисица и пеганка живут в одной норе; первая, вообще не щадящая никакой птицы, почти не обижает пеганку. Это достоверный факт, наблюдавшийся и сообщенный самыми опытными писателями. Впрочем, по моим наблюдениям, это сожительство для пеганки оказывается не вполне безопасным. Я сам нашел подле одной обитаемой лисьей норы крылья и перья пеганки, хотя при этом осталось недоказанным, что убийцей была лиса. Нора находилась в лесу, населенном ястребами, так что один из них мог съесть птицу на этом подозрительном месте. Если спросят, отчего разбойница лисица, не щадящая почти никаких животных, с которыми может справиться, делает исключение для пеганки, то, я думаю, на это можно ответить, что лисе внушает почтение необыкновенная храбрость этого гуся. Не только старые птицы, но и молодые отличаются необычайной смелостью».

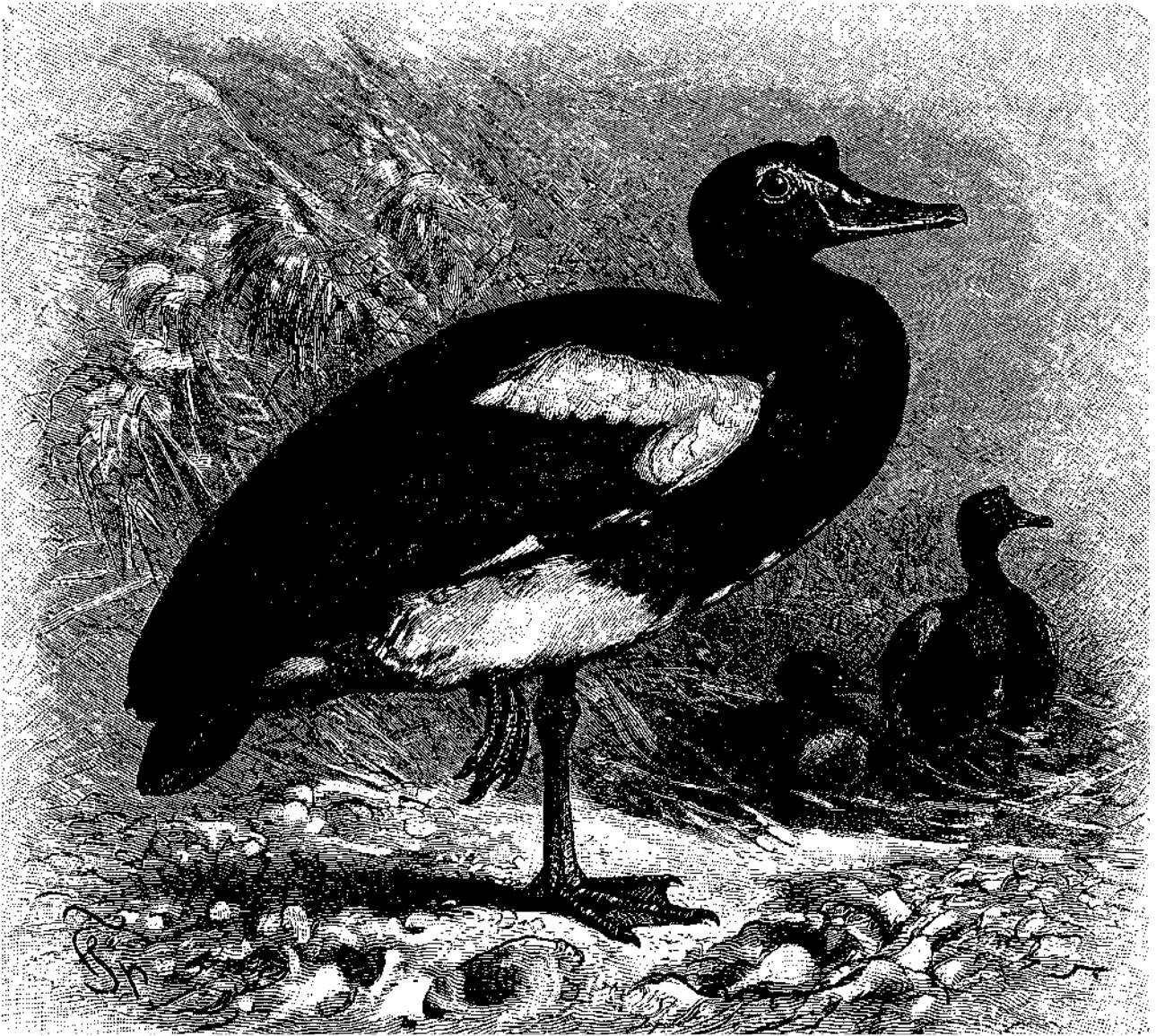
Пеганки регулярно занимают норы, даже если они находятся в непосредственной близости к человеческим постройкам; птицы постепенно так привыкают к своим хозяевам, что во время насиживания позволяют наблюдать за собой. Если самку не тревожить, то она кладет 7-12 больших яиц, около 70 мм длины и 50 мм в поперечнике, белых, с гладкой и твердой скорлупой, и затем начинает ревностно насиживать. Самка постепенно окружает свою кладку пухом и при отлучке постоянно заботливо покрывает им гнездо.

После окончания насиживания, продолжающегося 26 дней*, мать отводит своих птенцов к ближайшему морскому берегу, но по дороге охотно проводит несколько дней на лежащих по пути пресных водах.

** В действительности длительность инкубации у пеганки составляет 29-30 дней.*

Путешествующий выводок легко поймать, между тем это становится почти невозможно, едва выводок доберется до глубокой воды, потому что птенцы превосходно ныряют с первого дня своей жизни. Впрочем, мать старается изо всех сил защищать своих птенцов, смело нападая на врагов или пытаясь обмануть их притворством.

В 1827 году, по словам Ярреля, в Англии, к большому удивлению натуралистов, был убит один вид этого семейства, свойственный внутренней Африке — **обыкновенный шпорцевый гусь** (*Plectropterus gambensis*), почему его и причислили к европейской фауне. Названный вид довольно сильно отличается от других гусей. Его отличительные признаки: значительная величина, стройное тело, длинная шея. Клюв большой, сильный, у корня верхней половинки выдающийся бугром. Ноги относительно высокие, голые еще выше пяток; лапы с длинными пальцами и большими плавательными перепонками. Крылья длинные, остроконечные, с особенно развитыми малыми маховыми перьями и развитыми в сильные шпоры роговыми бородавками, Хвост довольно длинный, клиновидно заостренный. Мелкое оперение гладко лежащее, но состоящее из крупных перьев, оставляющее непокрытой лобную часть головы. Щеки, подбородок и шея, средняя часть груди и нижняя часть тела, короткие верхние кроющие перья крыла вдоль всего края белого цвета; нижняя часть шеи и нижние шейные перья, маховые и рулевые перья бурые с черно-зеленым отливом.

Обыкновенный шпорцевый гусь (*Plectropterus gambensis*)

Глаза красно-бурые, клюв синевато красили, лапы светло-красные. Длина достигает 90 см, размах крыльев 170, длина крыла 50, длина хвоста 18 см.

Самка значительно меньше, но окрашена подобно самцу; у молодой птицы верхняя сторона тела бурая, крылья черные, передняя часть шеи серо-бурая, в остальных частях оперение светло-серое.

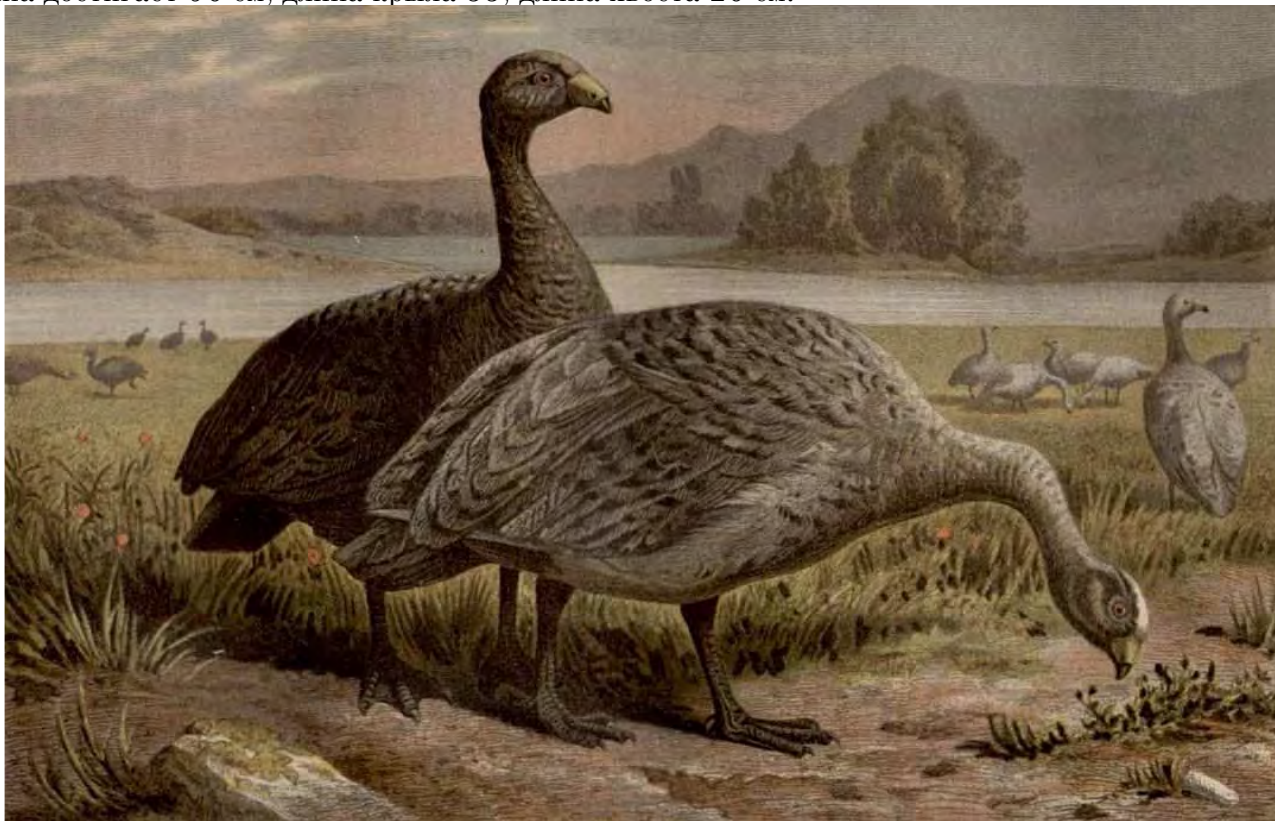
Шпорцевый гусь распространен по всей средней, восточной и западной Африке, но не достигает Капской колонии.*

* *В настоящее время шпорцевый гусь распространен и в Капской провинции.*

Шпорцевый гусь бежит лучше всех известных мне видов семейства, держит высоко туловище и по походке напоминает аиста или цаплю. Перед взлетом он сначала пробегает порядочное расстояние, затем поднимается, бьет сильно и быстро крыльями, скоро забирается на значительную высоту и там быстро несется вперед, часто любит делать красивые повороты или некоторое время парить. В плавании он не отличается от обыкновенных гусей. Я никогда не замечал у него собственно крика, а самое большее, да и то редко, резкие шипящие звуки; но Гейглин утверждает, что старые шпорцевые гуси издают трубоподобные крики, а молодые — свистящие и дребезжащие звуки. Все, которых я видел на свободе, были дики и осторожны и прекрасно отличали европейцев от туземцев, по крайней мере подпускали последних гораздо ближе к себе, чем первых. Относительно пищи шпорцевые гуси еще тем отличаются от других гусей, что охотно пожирают рыбу и вообще животные вещества и, будучи раз приучены к ним, едят их с той же жадностью, как утки.

В Австралии гнездится особый **куриный гусь** (*Cereopsis novaehollandiae*). Он отличается следующими признаками: плотное туловище, толстая короткая шея, небольшая голова; очень короткий, сильный, тупой, у основания высокий клюв, покрытый восковицей, у конца согнутый и равномерно усеченный, так что несколько походит на клюв некоторых видов куриных. Ноги с длинной плюсной, но короткими пальцами, с глубоко вырезанными плавательными перепонками и

большими, сильными копытами. Широкие крылья с сильно развитыми малыми маховыми перьями; короткий закругленный хвост; богатое мелкое оперение. Окраска прекрасного пепельно-серого цвета с буроватым отливом на верхней части головы переходит в светлый пепельно-серый цвет, а спина разрисована кругловатыми черно-бурыми пятнами, расположенными у концов отдельных перьев. Конечная половина малых маховых перьев, рулевые и нижние кроющие перья хвоста — буровато-черные. Глаза ярко-красные; клюв черный, его восковица зеленовато-желтая; лапы черноватые. Длина достигает 90 см, длина крыла 55, длина хвоста 20 см.

Куриный гусь (*Cereopsis novae-hollariae*)

Лабильярдьер рассказывает, что первые гуси, найденные им на маленьких островах Бассова пролива, позволили поймать себя руками; но те, которым удалось благополучно ускользнуть, скоро сделались робкими и обращались в бегство. Куриный гусь, сообразно своим способностям, живет гораздо больше на суше, чем на воде. Он ходит превосходно, но плавает довольно плохо и неохотно, а летает тяжело. Отличается от всех прочих видов своего семейства нелюбовью к воде, что выказывает и в неволе. Он лишь крайне редко пускается вплавь без принуждения, проводит день и ночь преимущественно на суше, где утром и вечером пасется, а в полдень и ночью отдыхает.

Половое возбуждение у гусей выказывается самым заметным образом. Оба пола чаще, чем прежде, издают ворчащие звуки; гусак ходит вокруг гусыни с красивыми поклонами, бдительно смотрит во все стороны и безжалостно прогоняет всех прочих животных. После спаривания гусыня усердно строит гнездо, всегда выбирая для него самые подходящие материалы.

Гнездо строится хоть и не вполне искусно, но все-таки гораздо лучше гнезд большинства других гусей. Внутри оно гладко закруглено и красиво выложено перьями и пухом. Яйца относительно малы, округлые, с гладкой скорлупой желтовато-белого цвета. Высиживание продолжается 30, а в холодную погоду и 38 дней. Птенцы выбегают из гнезда в тот же день, как вылупятся, и следуют за матерью. В неволе они отказываются от крутых яиц, рубленых дождевых червей, вообще от животных веществ, также от белого хлеба и, по-видимому, едят только растительную пищу. Как только птенцы благополучно вылупятся, гусак проявляет свою необыкновенную драчливость, и тогда становится понятным, почему австралийские поселенцы не могут держать у себя на дворах такую птицу.

Большая часть видов в семействе утиных — это собственно утки. Они отличаются от гусей главным образом более низкими ногами, а от лебедей — более короткой шеей. Их тело короткое, широкое и сжато сверху вниз. Шея короткая или, самое большее, средней длины, голова толстая; клюв по длине равняется голове или немного короче, одинаково широк по всей длине или спереди немного шире, чем сзади, у основания более или менее высокий, иногда также шишковато вздутый. Верхняя половина клюва выпуклая и у краев так загнута, что нижняя половина по большей части

входит в нее. Зубчики клюва явственные и острые. Ноги поставлены далеко позади и оперены до пяток. Плюсна тонкая, сжатая с боков; средний палец длиннее плюсны; перепонки между пальцами большие и полные; задний палец всегда существует; когти небольшие. Крылья вредней величины, узкие и острые. Хвост состоит из 14-20 перьев, короткий, широкий, на конце закругленный или заостренный. Мелкое оперение очень плотное и гладкое; пуху очень много. Окраска сильно различается у самцов и самок, зависит от времени года и возраста. У самца она более или менее блестящая, а у самки простая и скромная.

Утки распространены по всему земному шару, но виды их более многочисленны в жарком и умеренном поясах, чем в холодном. Они населяют моря и пресные воды, забираются даже высоко в горы; перелетают, если их к этому вынуждает зима, в более теплые страны, некоторые виды очень далеко и во время перелета собираются в громадные стаи. Некоторые виды ходят почти так же хорошо, как гуси; другие тяжело перекаливаются. Все утки искусно плавают, но ныряют лишь в исключительных случаях и не особенно хорошо. Летают они так же хорошо, с быстро следующими один за другим ударами крыльев, производя свистящий или звенящий звук. Утки одинаково легко поднимаются и с воды, и с суши; они иногда низко тянут над землей или поверхностью воды, иногда же поднимаются вверх на много сот метров.

Голос некоторых уток благозвучен и чист, дрожащий или свистящий, у других квакающий или кричающий; у самца всегда другой, чем у самки. В гневе некоторые шипят, звук этот напоминает глухое фырканье. Утята издают слабый писк. Внешние чувства у уток развиты, по-видимому, превосходно и довольно равномерно. Умственные способности если и не плохи, то все-таки менее развиты, чем у гусей. Их пища, добываемая ими преимущественно в сумерках и ночью, смешанная. Нежные кончики листьев, клубни и всевозможные семена, болотные и водяные растения, травы и хлебные злаки, насекомые, черви, слизняки, пресмыкающиеся, рыба, мясо более крупных позвоночных, даже падаль — все это охотно поедается утками. Для лучшего пищеварения поедаются скорлупки раковин и песок или мелкие камешки.

Хотя все утки живут парами, самки охотно устраивают свои гнезда близко одно к другому. Некоторые виды образуют даже настоящие высидывающие общества. Гнездовье, где можно скрыть гнездо, предпочитается всем прочим; но многие гнезда устраиваются также и на открытом месте. Одни виды гнездятся в норах под землей или в расщелинах скал, другие — в дуплах деревьев, третьи — на деревьях, причем пользуются гнездами сухопутных птиц как основанием для собственных. Некоторые утки устраивают на земле глубокий лоток из различных растительных веществ, а углубление посередине его при насиживании мягко выстилают собственным пухом. Кладка состоит из довольно большого числа яиц, редко меньше шести, иногда же до 16. Высидывание продолжается 21-24 дня. Как только птенцы обсохнут, мать как можно скорее ведет их к воде и с горячей любовью руководит ими. Утята уже с первого дня своей жизни оказываются в высшей степени ловкими и подвижными созданиями. Они отлично бегают, плавают и ныряют и усердно ловят насекомых. Птенцы быстро растут и, едва одевшись в первое оперение, начинают менять его на второе; когда оно разовьется, семья снова соединяется с отцом или, по крайней мере, с каким-нибудь селезнем*.

* Самцы уток не принимают участия в воспитании потомства. После того как самки сядут на яйца, самцы собираются в стаи и отлетают на линьку, зачастую далеко от района гнездования.

Все быстро летающие хищники, от орла до самок ястреба или перепелятника, преследуют старых уток. Молодых уток преследуют лисы, куницы, ласки, крысы, вороны и хищные чайки. Кроме того, много выводков уничтожается неожиданным разливом вод и другими разрушительными явлениями природы.

Среди всех уток самой важной для нас является **кряква** (*Anas platyrhynchos*), потому что от нее ведут свой род наши домашние утки. У самца кряквы голова и верхняя часть шеи зеленого цвета, передняя часть груди бурая, окраска зашейка яркая серо-коричневая вперемежку с более темными оттенками и на плечах принимает водянистый серовато-белый, бурый или черноватый цвет, верхняя часть крыльев серого цвета. Зеркальце роскошного синего цвета с обеих сторон окаймлено белой полоской, спина и надхвостье черно-зеленые, нижние части серовато-белого цвета с весьма нежным водянистым черным оттенком. Зеленый цвет шеи отделяется от каштаново-бурой окраски передней части груди узкой белой шейной полосой; верхние кроющие перья хвоста, из коих средние загнуты кверху, черно-зеленые, нижние кроющие перья бархатисто-черного, маховые темно-серого цвета. Осенью самка своим оперением походит на самца. В длину самец достигает 63 см, размах крыльев 104, длина крыла 30, хвоста 9 см. Самка меньше самца.

Область распространения кряквы охватывает всю Европу и Азию, Америку до Мексики и северную Африку. Кряква совершает на Севере сезонные перелеты и продолжает вести кочевую жизнь еще и в наших широтах. В октябре и ноябре кряквы собираются в огромные стаи и направляются в более южные страны. Большинство долетает до Италии, Греции и Испании, и лишь немногие из них достигают северной Африки или тех же широт южной Азии. С этого времени на итальянских, греческих и испанских озерах приходится видеть их тысячами и сотнями тысяч; они иногда покрывают поверхность воды на пространстве нескольких квадратных километров, и когда поднимаются, то производят глухой шум, который слышен издали и напоминает гул морского прибоя. В обратный путь они пускаются уже в феврале или самое позднее в марте. На родине; как и на чужбине, кряквы охотнее всего селятся на озерах, прудах и топях, поросших тростником и камышником. Особенно нравятся им водные пространства, лишенные кое-где растительности, в общем же поросшие кустарником и всевозможными болотными растениями; отсюда они время от времени перелетают на небольшие пруды, лужи, канавы и поляны, чтобы покормиться в этих местах. На открытой воде показываются сравнительно редко, обыкновенно как можно скорее уплывают в чащу водных растений и там, бродя по воде и полощась, роются в тине.

Кряква (*Anas platyrhynchos*)

Кряква принадлежит к числу самых прожорливых из всех известных нам птиц: она объедает нежные листики или кончики трав и всевозможных болотных растений, ест их почки, ростки и зрелые семена, хлебные зерна, клубни, а также ревностно охотится за всеми животными, начиная с червей и кончая рыбами и лягушками; она, по видимому, одержима неутолимом голодом и, чтобы насытиться, ест в течение всего времени, пока не спит.

По своему нраву, образу жизни и привычкам кряквы похожи на своих потомков — домашних уток. Они ходят, плавают, ныряют и летают так же, как и домашние утки, хотя и лучше них, и обладают совершенно таким же голосом. Они имеют тонкие внешние чувства и очень понятливы: правильно оценивают обстоятельства и сообразно с ними поступают, но постоянно выказывают осторожность и хитрость и, испытав преследования, становятся даже необыкновенно пугливыми. Чрезвычайно общительная и миролюбивая кряква охотно присоединяется к своим родичам и вообще любит общество различных птиц. Она не всегда избегает близости человека, напротив того, часто селится на прудах, находящихся под защитой людей. Например, на прудах парков или больших садов кряква становится чрезвычайно доверчивой, охотно позволяет кормить себя; здесь она выводит и воспитывает своих птенцов и, наконец, начинает вести себя почти как домашняя утка.

После прибытия на место гнездования кряквы разбиваются на пары. Эти утки с большой любовью привязываются друг к другу, хотя, впрочем, случается, что они легко соблазняются и изменяют взаимной верности. После спаривания, которое почти всегда происходит на воде и сопровождается громкими криками, самка выбирает подходящее место для закладки гнезда. С этой целью она отыскивает спокойное, сухое место под кустами или другими растениями, а также селится на деревьях, в уже готовых гнездах хищных птиц или ворон. Незатейливая постройка гнезда состоит из небрежно скученных сухих стебельков, листьев и других растений и впоследствии покрывается пухом. Кладка состоит из 8-16 продолговатых, серовато-белых яиц с твердой гладкой скорлупой, которых нельзя отличить от яиц домашней утки. Время высиживания продолжается 24-28 дней. Самка высиживает с самоотвержением; когда она покидает яйца, то всегда осторожно прикрывает их пухом, который выщипывает у себя, удаляется, по возможности скрываясь в траве, а возвращаясь, приближается не иначе, как вполне убедившись в безопасности. Когда вылупятся птенцы, то самка в течение одного дня еще обогревает их в гнезде, а затем отводит к воде. Если птенцы вырастают в гнезде, расположенном высоко, то, прежде чем предпринять первый выход, они попросту спрыгивают с высоты на землю, не причиняя себе этим падением никакого вреда. В течение первых дней своей жизни птенцы по возможности прячутся в густой осоке.

в тростнике и других болотных растениях и, лишь испытав свои крылья, начинают иногда появляться на более открытой поверхности воды. Мать прилагает все старания, чтобы скрыть их от взоров людей или других врагов; в случае необходимости она пытается притворством обратить опасность на себя, а также мужественно отражает нападение врагов, по крайней мере более слабых, и нередко обращает их в бегство. Птенцы следят за каждым предостережением, каждым призывным криком матери, прячутся, как только она им приказывает, между растениями и земляными кочками и, не шевелясь, остаются в таком положении до тех пор, пока она не вернется; при появлении матери в один миг вскакивают и собираются все вместе. Растут они необыкновенно быстро; по прошествии шести недель они уже летают.

Все заботы и страх самок несколько не трогают самцов. Когда самки начинают высиживать, самцы их покидают. Еще прежде, чем вылупятся птенцы, самцы начинают линять, вследствие чего их роскошное оперение превращается в невзрачное летнее. Это летнее оперение они носят в течение четырех месяцев, а затем снова линяют, меняя серые цвета на яркие. К этому времени начинают линять и молодые, и с этих пор старые и малые обоюдо пола снова соединяются, чтобы сообща провести осень и впоследствии всем вместе отправиться на зимние квартиры.

Многие старые кряквы становятся добычей лисицы и выдры, молодые — добычей хорька и норки; яйца и молодых птенчиков похищают водяные крысы и выслеживают коршуны и камышовые луны. Но самыми страшными врагами, несомненно, должно считать соколов, которые по временам питаются почти одними утками. При виде этого хищника кряквы стараются по возможности спастись от него нырянием, случается, что увлекают схватившего их разбойника за собой в глубину и этим до такой степени утомляют его, что ему приходится отказаться от охоты. Ястребы и орлы, в особенности орланы, не менее ревностно охотятся на уток, и большей частью успешно, хотя и против них утки прибегают к известным средствам самозащиты. Зейфертиц наблюдал однажды в течение нескольких часов разнообразные способы самозащиты уток против хищных птиц. Когда они заметили медленно подлетающего орлана, то поднялись на воздух и начали взад и вперед носиться над водой, отлично сознавая, что он не в состоянии изловить их на лету. Когда орлан отказался от охоты, они снова опустились на воду и продолжили по-прежнему отыскивать себе пищу. В это время показался сапсан; тогда утки не взлетели, а начали не переставая нырять, пока и этот враг не убедился в тщетности своих стараний. Позднее появился ястреб, умеющий одинаково хорошо ловить птиц, как сидящих, так и на лету. Утки тотчас же сбились вместе, крыльями стали бить по во-

де и образовали, таким образом, дождь из водяных брызг; ястреб летал сквозь него, однако до такой степени был смущен этим, что и он отказался от охоты.

Мясо кряквы так прекрасно, что охота на них ревностно ведется всюду и всеми возможными способами; утки действительно тысячами становятся добычей охотников.

Среди более мелких видов заслуживает внимания **чирок-трескунок** (*Anas querquedula*). Его темя и задняя часть шея черно-бурого цвета. Лоб, обе стороны головы и шея покрыты на бурокрасном фоне тонкими белыми черточками и отделены широкой белой глазной полосой. Подбородок и горло черные, нижняя часть шеи, спина, зоб и верхняя часть груди буровато-желтые и покрыты темно-бурыми дугообразными полосами и пятнами. Нижние части тела белые, большие маховые перья серо-бурые с белыми стержнями и темно-бурыми кончиками, малые маховые перья, составляющие зеркальце, серо-черные, длинные плечевые перья голубовато-серо-черного цвета с широкой белой каймой, верхние кроющие перья крыльев светло-серо-синие, хвостовые перья темно-пепельно-серые и с боков снабжены беловатой каймой, которая снаружи все более и более расширяется. Глаза светло-карие, клюв зеленовато-черного, ноги красновато-пепельно-серого цвета.

Чирок-трескунок (*Anas querquedula*)

В летнем оперении пропадает красивая окраска головы и шеи, остаются, однако, красивыми синие кроющие перья крыльев.

Оперение самки похоже на летнее оперение самца; только ее покровные перья крыльев не голубого, а темного буровато-серого цвета. В длину птицы достигают 38 см, размах крыльев 62, длина крыла 20, хвоста 8 см.

Областью гнездования чирка-трескунка является вся средняя Европа и Средняя Азия; северная граница их распространения доходит самое большее до южной Швеции. Во время перелета они посещают все страны южной Европы, большую часть местностей Средней Азии и Африки; на востоке Африки они проникают до 10 градуса северной широты.

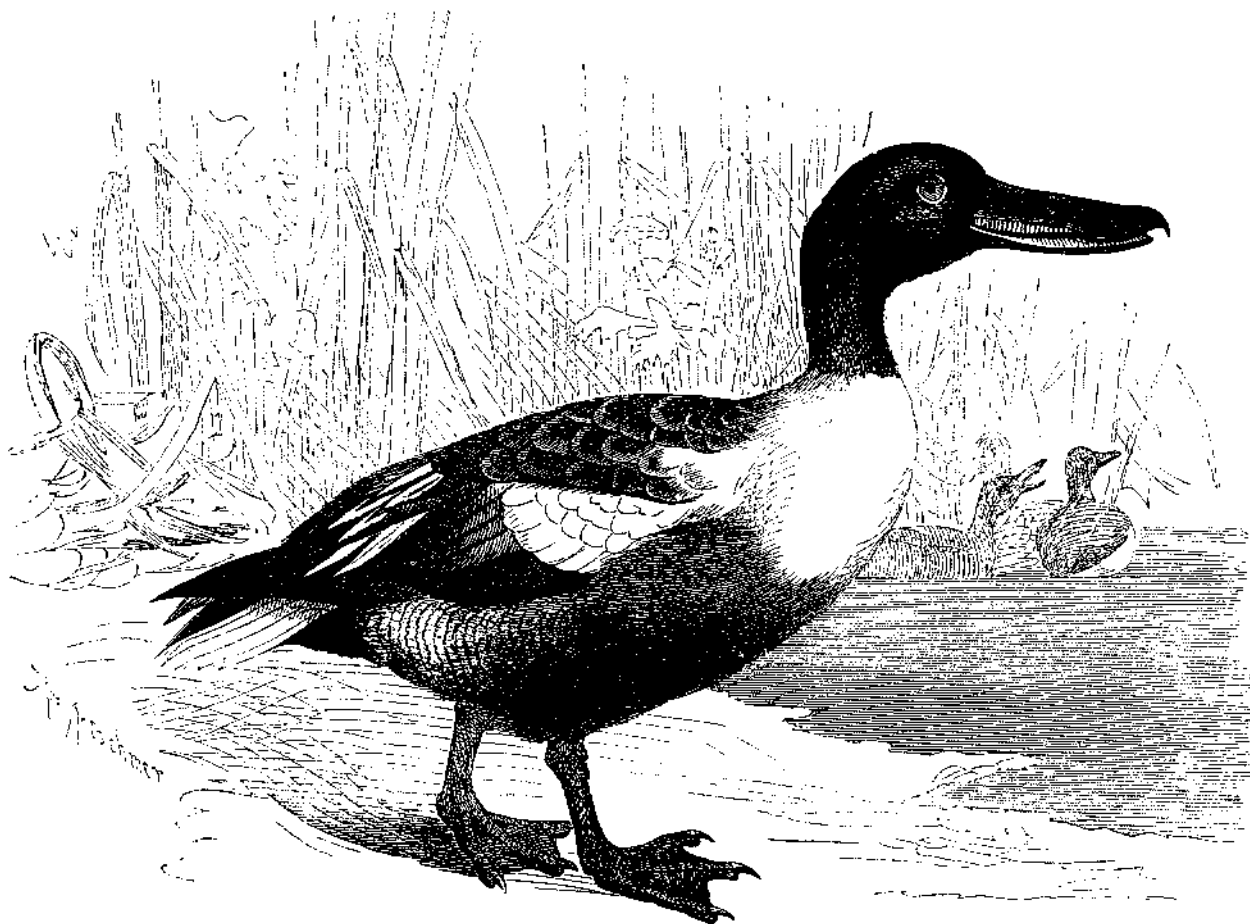
Гораздо реже в Германии гнездится **чирок-свистунок** (*Anas strepera*). Размером он меньше чирка-трескунка: в длину достигает 32 см, размах крыльев 54, длина крыла 14, хвоста 7 см. Голова и верхняя часть шеи яркого коричневатого-красного цвета, за исключением широкой, роскошного синевато-зеленого цвета полосы на уздечке. Задняя часть шеи и обе стороны груди по пепельно-серому фону покрыты черным поперечным волнистым рисунком; передняя часть шеи, область зоба и верхняя часть груди покрыты на светлом красновато-желтом фоне редкими черными пятнами. Боковые кроющие перья нижней части желтоватые, а средние нижние кроющие перья хвоста черные. Все остальные нижние части тела белые, большие маховые перья темного буро-серого цвета, малые маховые перья, образующие зеркальце, с внутренней стороны буро-серого цвета, из них пер-

вые четыре пера снаружи бархатисто-черные, остальные золотисто-зеленого цвета, который на концах делается ярче. Несколько удлиненные и заостренные верхние малые маховые перья пепельно-серые с черными стержнями, небольшие верхние кроющие перья крыльев буровато-серые. Перья хвоста серовато-буро-черные с белой каймой. Летнее оперение отличается серыми верхними кроющими перьями крыльев и ярко окрашенным зеркальцем.

Родиной этого чирка следует считать тундру,* однако они распространяются по всем северным частям света; во время зимы скитаются по всей Европе и Азии, а также в Северной Америке, появляются там в сентябре и октябре и возвращаются обратно в марте или апреле; они также массами посещают северную Африку.

** Чирок-свистунок в тундре не столь многочислен, как в лесной зоне.*

Одной из самых пестрых и удивительных уток является широконоска (*Anas clypeata*). Она отличается большим, суженным сзади и весьма широким спереди клювом, который сильно изогнут, мягок и снабжен мелкими зубчиками. Голова и верхняя часть шеи темно-зеленые. Задняя часть шеи снизу, а также зашеек и короткие малые маховые перья покрыты светло-серой каймой. Нижняя часть шеи, зоб и верхние кроющие перья крыльев белые. Перья зеркальца, ограниченного спереди широкой белой полосой, блестящего металлически-серого цвета. Спина и надхвостье черно-зеленые, грудь и брюшко каштаново-бурого цвета.

Широконоска (*Anas clypeata*)

Нижние кроющие перья хвоста черные, маховые перья буровато-серые, средние рулевые перья бурые с беловатой каймой, которая к краям делается все более и более широкой. Глаза золотисто-желтого, клюв черного, ноги красно-желтого цвета. В длину эта утка достигает 50 см, размах крыльев 80, длина крыла 24, хвоста 8 см. Самка по серо-желтому фону покрыта более темными пятнами, верхняя часть крыльев серая. Узкое зеркальце серо-зеленого, клюв зеленоватого цвета с бледно-красными краями. Ее оперение похоже на летнее оперение самца.

Родиной широконоска является умеренный пояс, на Крайнем Севере она встречается реже. В Европе живет повсеместно, начиная от южной Норвегии. Встречается в Канаде и во всех Соединенных Штатах. Отсюда они зимой перекочевывают до Мексики, из Европы переселяются до северной и средней Африки, из Азии — до южного Китая, Индии и Австралии. В Польше, Дании и Голландии эта утка — обычное явление, кое-где встречается в средней Германии и массами попадает зимой во всей южной Европе. В Германии она появляется в конце марта или начале апреля

и уже около конца августа постепенно снова собирается лететь на юг. Она также предпочитает пресные воды морю; тем не менее весьма охотно селится на морском побережье, живет на тенистых мелких водах, плоских песчаных берегах и на лужах, оставленных отливом, и ведет здесь образ жизни, скорее похожий на образ жизни береговых птиц, чем уток.

Широконоску уже издали можно отличить по ее роскошному и поразительному оперению. Своими же обычаями и привычками она существенно не отличается от других уток. Она довольно хорошо и охотно ходит, плавает легко и красиво, часто полощется в воде, ныряет же лишь в случае крайней необходимости; летает скоро и ловко, хотя и не так быстро, как более мелкие виды, и во время полета производит слабый шум. Большими обществами широконоски собираются редко или даже никогда, так как и в зимних убежищах мне приходилось их видеть только небольшими семейками, хотя и могло случиться, что несколько таких семейств жили весьма близко одно от другого.

Пища широконоски нам в точности еще неизвестна. Мы знаем, что она питается всякими маленькими червями, насекомыми и их личинками, рыбой и лягушачьей икрой, мелкой молодой рыбой и пресноводными улитками, а также не пренебрегает и нежными растительными веществами; однако мы видим, что пленные широконоски труднее переносят неволю, чем все прочие утки, и часто, даже при изобильной пище.

хиреют и погибают, и нам еще до сих пор в точности неизвестно, какого питательного вещества лишает их неволя. Между тем очевидно, что им не хватает только какой-то любимой пищи, которая необходима для их благополучия*.

** Важное место в питании широконосок занимают планктонные ракообразные и мелкие моллюски.*

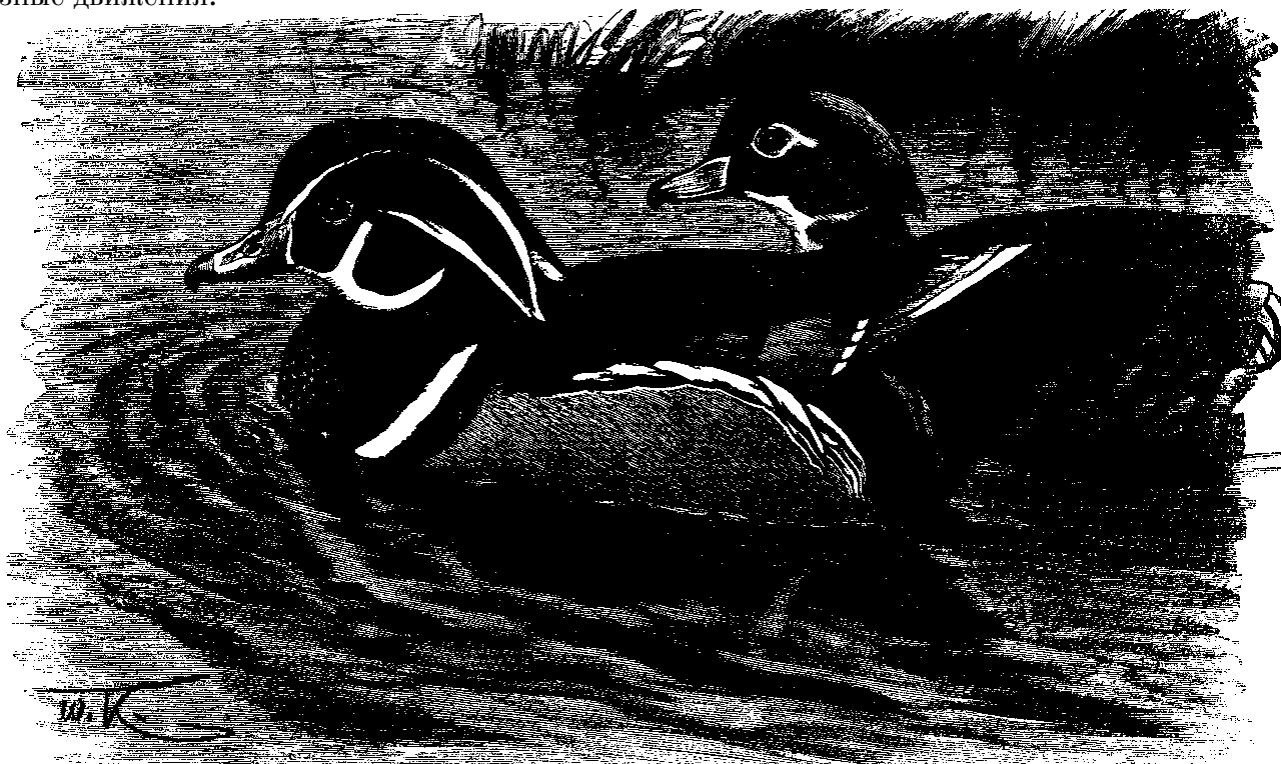
На воле они, вероятно, находят массу маленьких животных столь нежного строения, что в желудке убитых уток мы их уже не в состоянии определить; по крайней мере, широконоски гораздо чаще прочих уток копошатся в жидкой тине или в плавающих водяных растениях. Ночью они больше занимаются разыскиванием пищи, чем другие утки, днем охотно отдыхают на песчаных местах берега, стоя на одной ноге или лежа на животе, и спят преимущественно в полдень; при наступлении же сумерек приходят в движение и остаются деятельными почти до следующего утра.

Гнездо широконоски находится в тростнике или осоке, окруженной водой или трясинной. Но может быть свито и в тростнике, растущем на берегу канавы, и в кустарнике в большем или меньшем отдалении от воды, иногда даже в посевах ближайших полей. Но оно всегда по возможности хорошо скрыто. Гнездо свито из тростника, травы и других растений, имеет глубокое углубление и позднее выкладывается пухом. Кладка состоит из 7-14 овальных, мелкозернистых, гладких матовых яиц мутного ржаво-желтоватого или зеленовато-белого цвета около 51 мм в продольном и 37 в поперечном диаметре. Самка высидывает с горячей преданностью, но во время высидывания не выносит помех и постоянно покидает яйца в начале высидывания, если ей несколько раз помешали. По словам Наумана, время высидывания продолжается 22-23 дня. Птенцы достигают полного развития по истечении приблизительно четырех недель. Мясо их превосходно, но и старые птицы также чрезвычайно вкусны.

На мой взгляд, среди уток, пальма первенства за красоту принадлежит **Каролинской утке** (*Aix sponsa*). Птица эта распространена и весьма многочисленна во всей Северной Америке, в настоящее время прочно водворилась на прудах Германии. Эта утка отличается стройным телом, тонкой шеей, большой головой, украшенной хохлом, довольно коротким стройным клювом, короткими сильными ногами, узкими перьями, а также роскошным плотным и блестящим оперением. Оперение верхней части головы и щек между глазом и клювом блестящего темно-зеленого цвета, обе стороны головы и большое пятно по сторонам шеи пурпурово-зеленые с голубоватым отливом; перья, образующие хохол, золотисто-зеленые и украшены двумя узкими белыми полосками. Верхняя часть шеи и верхняя часть груди яркие каштаново-бурые и как бы обрызганы нежными белыми капельками. Плечевые перья, большие маховые и рулевые перья зелено-синего цвета с бархатисто-черным отливом. Перья между плечами, задняя часть спины и верхние кроющие перья хвоста черно-зеленые. Некоторые узкие кроющие перья хвоста красновато-оранжевого цвета. Подбородок, горло, полоса вокруг верхней части шеи, середина груди и живот белые; бока на желтовато-сером фоне покрыты тонким и красивым черным волнистым рисунком. Глаза ярко-красные, веки оранжево-красные, клюв беловатый, посредине желтоватого, у корня темного буровато-красного, на кончике черного цвета, ноги красновато-желтые. Длина птицы 45 см, размах крыльев 72, длина крыла 22, хвоста 10 см. Самка несколько меньше самца и на голове не имеет хохла, хотя перья головы также немного удлинены; ее оперение на верхней части тела темного буро-зеленоватого и блестящего пурпурового цвета и покрыто большими пятнами, окраска головы серо-зеленая, шея буровато-серая, зоб

белого цвета, грудь белая с бурыми пятнами, брюшко белое; глаза окружены широким белым кольцом, которое переходит в полосу и тянется до ушной области.

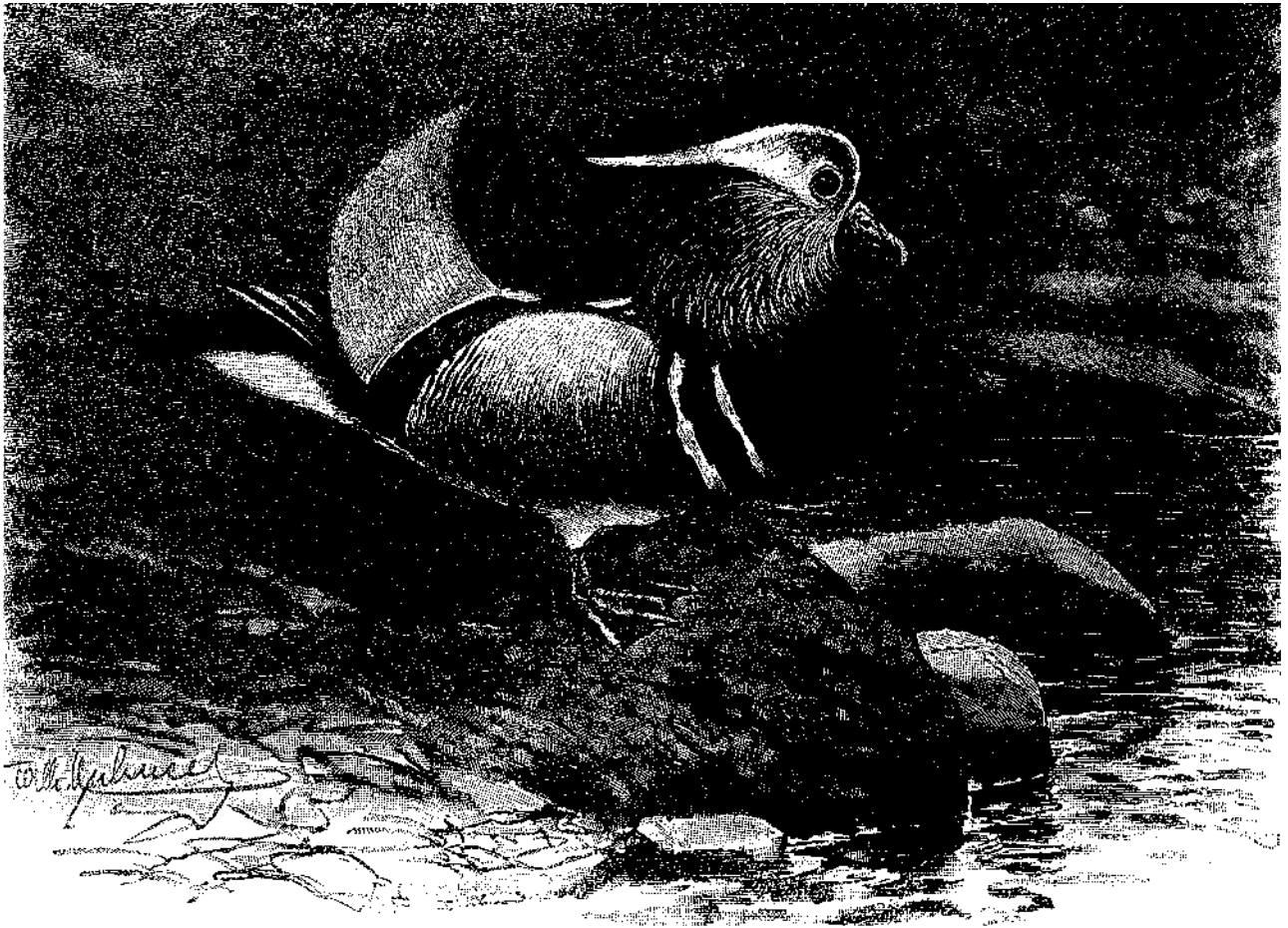
С красивой фигурой и роскошным оперением каролинской утки вполне согласуются ее грациозные движения.

Каролинская утка (*Aix sponsa*)

На свободе она питается зернами и семенами, нежными кончиками различных водяных и хлебных растений, червями, улитками и жуками и ест также маленьких лягушек и других позвоночных животных.

Мясо каролинской утки начиная с сентября и до наступления зимы, говорят, действительно превосходно; поэтому неудивительно, что их всюду преследуют и каждую зиму тысячами доставляют на рынки. Об их полном приручении в Америке, по-видимому, еще не помышляли.

Мандаринка (*Aix galericulata*)

Но что они мало-помалу делаются домашними птицами, не подлежит сомнению. Для содержания на прудах каролинская утка заслуживает предпочтения перед другими родичами не только вследствие того, что превосходит всех красотой, но и потому, что легче других уток размножается в неволе.

В семействе утиных особое место занимают нырки. Благодаря своей способности нырять эти утки предпочитают открытые и глубокие воды. Большинство из них живет на море, во время же размножения преимущественно переселяются на пресные воды. К воде они привязаны больше, чем все вышеупомянутые утки. Вследствие того что их ноги находятся далеко позади туловища, они, чтобы удержать его в равновесии, вынуждены держаться чрезвычайно прямо; поэтому при ходьбе они неуклюже покачиваются или переваливаются с боку на бок. Полет также затрудняет их больше, чем всех прочих уток; впрочем, раз поднявшись, они летят довольно скоро, подвигаясь вперед быстрыми взмахами крыльев. Зато как проворно двигаются они на воде! Глубоко погрузив свое широкое и сравнительно тяжелое тело в воду, так что остается непокрытой лишь узкая полоска спины, а хвост волочится по поверхности воды, они, сильно отталкиваясь широкоперепончатыми ногами, подвигаются вперед чрезвычайно быстро. Если же они желают погрузиться в глубину, то им достаточно одного толчка своими ногами-веслами кверху и одновременного с этим взмаха хвостом книзу, и их туловище головой вперед опрокидывается вниз. Нырки не способны, подобно гагаре, преследовать под водой добычу, но ныряют на дно в более или менее отвесном направлении и после минутного отсутствия появляются почти на том же самом месте, с которого исчезли. Так как они отыскивают свою пищу на дне, то им приходится нырять на значительную глубину, те из них, которые живут на море, ныряют иногда на глубину около ста метров, что легко определить исследованием их пищи. Лишь немногие питаются преимущественно растениями; большинство едят ракушек, других моллюсков, червей, раков, рыб, во время пребывания на пресных водах едят и насекомых. Пища, найденная на дне, там же, в глубине, и проглатывается.

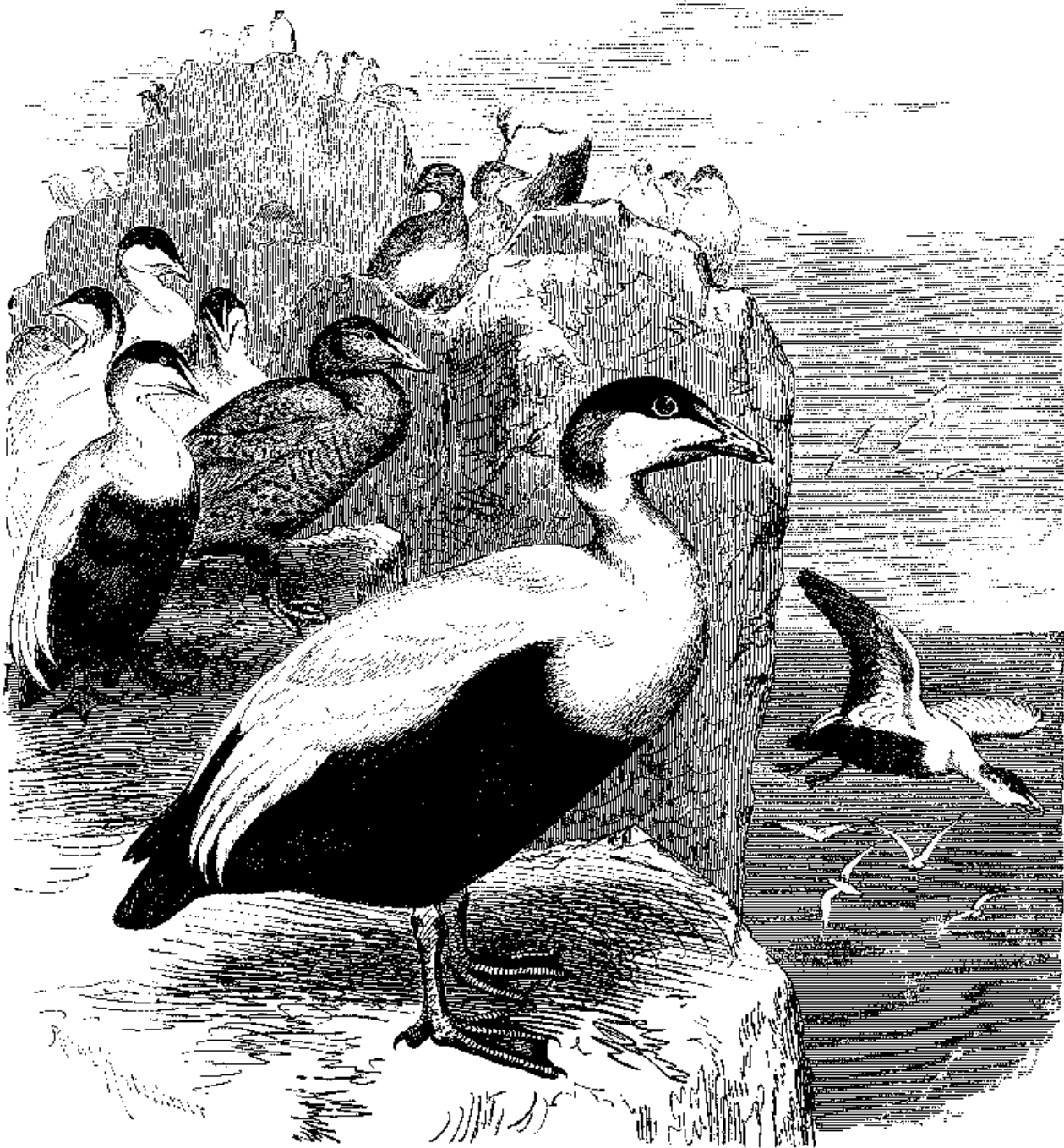
Нырки чаще остальных зубчатоклювых птиц гнездятся обществами, образуя иногда настоящие поселения. Яйца их с более твердой скорлупой, чем яйца других уток, в общем же весьма похожи на них.

Нырки приносят значительную пользу своим пуком, которым выстилают гнездо. У некоторых видов вкусное мясо. Но мясо большинства из них, из-за их пищи, имеет неприятный вкус ворвани и по крайней мере избалованному лакомке для употребления непригодно. Поэтому на многих

нырков охотятся только ради их пуха, но не из-за мяса. От врагов они страдают меньше других уток. Тем не менее более быстрые хищные птицы ловят их на лету, а крупные рыбы или живущие в воде земноводные похищают птенцов; вообще же вода спасает их от многих преследований.

Среди всех нырков первое место принадлежит гагам. У **обыкновенной гаги** (*Somateria mollissima*) верхняя часть головы, шея и спина, включая сюда и верхние кроющие перья крыльев, белые, на передней части груди эта окраска переходит в красноватый цвет. Лоб и височная область, нижняя часть спины и брюшко черные, щеки светло-зеленого цвета; маховые и рулевые перья выглядят буровато-черными, перья, образующие зеркальце, бархатисто-черного цвета. Глаза красновато-бурые, клюв зеленовато-желтый, ноги маслянисто-зеленые. Длина птицы 63 см, длина крыла 29, хвоста 9 см. Самка меньше самца и ржавого цвета. Голова и шея ее покрыты бурыми продольными пятнами; остальные части — черными лунообразными поперечными пятнами, зеркальце бурого цвета с белой каймой, нижняя часть тела темно-бурая с незаметным черным волнистым рисунком.

По прошествии времени высидывания оперение самца приобретает брачную окраску: голова и шея становятся черно-серыми с темными облачными пятнами, плечи серо-черными со светлыми черточками; область зоба на желтовато-белом фоне покрывается узором, состоящим из черноватых и ржаво-бурых каемок перьев.

Обыкновенная гага (*Somateria mollissima*)

Область распространения настоящей гаги превосходит области распространения всех прочих видов. Она населяет весь Север, от Ютландских островов до Шпицбергена и от западных берегов Европы все северные берега земли до Гренландии и Исландии. Самое южное место ее гнездования находится на острове Зильт и на маленьких датских островах, лежащих на одинаковой широте с ним; к северу от этих местностей она, по-видимому, становится многочисленнее. Уже в средней Норвегии, где прибрежные жители берегут ее и она охраняется особыми, к сожалению не везде чтимыми законами, гага встречается тысячами; в Исландии и Гренландии также постоянно пребывают множество гаг.

У гаги-гребенушки (*Somateria spectdbtiis*), приблизительно равной по величине обыкновенной гаге, клюв с боков немного раздут в виде бугра и окружен тонкой черной полосой; подобного цвета полоски тянутся по обеим сторонам шеи от основания нижнего клюва; верхняя часть головы серая, щеки светло-зеленые, шея белая, передняя часть груди светло-красновато-мясного цвета, средняя часть спины, кроющие перья у сочленения крыльев и нижняя часть спины белого цвета, все остальные перья черные; глаза карие, клюв красный, ноги красноватые. Самка отличается от самок родственных видов светло-красно-бурой окраской.

Отряд хищные птицы

Почти все относящиеся к хищным виды питаются исключительно другими животными. Они ловко подстерегают свою жертву и преследуют ее в воздухе или по земле, между ветвями деревьев или даже в воде, пока, наконец, не схватят и не убьют; иногда довольствуются теми трупами, которые находят; одним словом, они в этом отношении вполне сходны с хищными млекопитающими. К дневным хищным относятся птицы разной величины: крупные, средние, мелкие. Но как бы ни было велико различие между ними в этом отношении, общий характер заметен везде без исключения, и дневных хищных трудно смешать с другими птицами.

В общих чертах охарактеризовать этих птиц довольно легко. Тело сильное, сжатое с боков, с широкою грудью; конечности мощные и производят впечатление избытка силы, несмотря на то, что кажутся иногда несоразмерно длинными. Голова у них большая, красиво округленная, только в исключительных случаях удлинённая; шея обыкновенно короткая и всегда толстая, даже тогда, когда она достигает необычайной длины; туловище короткое и широкое, особенно в грудной области. Клюв их короткий, верхняя половина его имеет выгнутую спинку, загнутый крючком кончик и покрыта при основании восковицей; но верхняя половина неподвижна и шире нижней, которую она обхватывает. Часто острота краев усиливается еще присутствием зубца на конце верхней челюсти. Ноги короткие, сильны и длиннопалы; пальцы (три вперед, один назад) имеют развитые когти, благодаря которым птицы приспособлены к ловле добычи. Когти более или менее сильно загнуты и заострены, редко мало выгнуты и тупы; верхняя сторона их округлена, нижняя большей частью несколько выдолблена, так что представляет два острых края. Они служат, таким образом, удобным хватательным органом и вместе с тем страшным оружием.

Оперение представляет значительное разнообразие, смотря по семействам и родам. Вообще перья крупные и редкие, кроме как у соколов. Пух встречается у грифов и других дневных хищных или на всей поверхности тела, или сосредоточен преимущественно на шее и на голых полосах, находящихся между местами, заросшими кроющими перьями; иногда даже пух заменяет в некоторых местах покровные перья.

Случается, что отдельные места на голове, особенно часто — уздечка и кольцо вокруг глаз, не покрыты перьями. Спинная оперенная полоса разделяется на две между лопатками и далее к заду суживается; обе боковые ветви грудобрюшной оперенной полосы широко расходятся, иногда очень расширены в своей передней части и большей частью дают ясную наружную ветвь около плечевого сочленения. Маховые и рулевые перья всегда значительных размеров; число их постоянно: 10 больших маховых перьев, большею частью 13-16 малых маховых и почти всегда 12 попарно одинаковых рулевых.

В окраске оперения преобладают темные цвета; но она не лишена красивых сочетаний, а также рисунков, удовлетворяющих нашим эстетическим понятиям.

Некоторые представители хищных даже могут считаться очень красиво окрашенными. Голые участки кожи на голове, гребни и бородки под клювом, которые также у них встречаются, уздечка, восковица, клюв, ноги и глаза иногда окрашены очень ярко.

Из органов чувств надо, прежде всего, указать на глаза. Они у всех большие и обладают совершенной внутренней подвижностью и допускают одинаково отчетливое зрение с разного расстояния, так как легко к нему приспособляются. Попеременно приближая и удаляя руку от глаза грифов, можно без труда заметить, как изменяется величина зрачка. Слух дневных хищных птиц

также высоко развит; обоняние, напротив, по сравнению со зрением и слухом может считаться слабым, хотя относительно гриффов часто утверждали противное. Во всяком случае, чувство осязания более развито, нежели обоняние и вкус; последний, по-видимому, стоит на не слишком высокой степени развития, хотя замечено, что дневные хищные делают выбор между той или другой пищей.

Умственная ограниченность наблюдается лишь у немногих дневных хищных; большинство же, несомненно, высоко одарено. Они действительно обладают большею частью приписываемых им душевных качеств: мужество и самоуверенность, жадность, жестокость, хитрость и даже злоба являются их отличительными качествами. Действуют, заранее обдумав свои намерения, составляют план и приводят его в исполнение. Они самоотверженно преданы членам своей семьи, смело нападают на врагов и противников и сильно привязываются к друзьям.

Одного, общего многим птицам, качества недостает дневным хищным: они не имеют приятного голоса. Многие из них могут издавать только один, два или три простых, подчас неприятных звука. Впрочем, это не общий недостаток; некоторые птицы издают звуки, которые даже музыкально развитое ухо может считать приятными.

Дневные хищные живут по всей земле, на всех широтах и долготах. Они принадлежат большей частью к древесным птицам и потому преимущественно населяют леса, но не избегают ни безлесных гор, ни голых степей и пустынь. Встречаются на небольших островах океана и на высочайших горных вершинах; на ледяных полях Гренландии и Шпицбергена и в сожженных солнцем равнинах пустыни; в чаще девственного леса и на крышах церквей больших городов. Область распространения отдельных видов очень велика. Но некоторые виды едва ли имеют определенную область распространения и кочуют почти по всей земле.

Многие дневные хищные с наступлением зимы, когда их охота становится менее прибыльной, откочевывают в южные страны, следуя за более мелкими птицами. Но виды, населяющие крайний север, только перелетают с места на место. Во время таких перелетов птицы иногда соединяются в стаи, которые нельзя наблюдать в другое время, так как только меньшинство хищных птиц может быть причислено к общественным животным. Эти стаи уже к весне распадаются на маленькие стайки, а затем и на пары. Пары возвращаются на родину в довольно точно определенное время и при первой возможности приступают к выводу птенцов.

Все дневные хищные выводят птенцов в первые весенние месяцы, и только раз в год, если им ничто не помешает. Гнезда в большинстве случаев расположены на деревьях, часто на выступах скал, на крышах старых зданий, в отверстиях их стен или на недоступной высоте; реже в дуплах деревьев и всего реже они кладут яйца прямо на землю, на подстилку из хвороста. Гнезда, расположенные на деревьях или скалах, всегда велики и широки, но плоские и с неглубокой выемкой; они служат большей частью несколько лет сряду, и потому постепенно становятся значительно выше от ежегодных поправок. Оба пола принимают участие в постройке гнезда; по крайней мере, самец помогает самке. Крупные виды не без труда добывают материалы, необходимые для постройки, именно крепкие и толстые палки. Орлы добывают их, как рассказывает Чуди о беркуте, прямо с деревьев; для этого они, сложив крылья, бросаются вниз со значительной высоты, схватывают на лету лапами намеченную ветку и отламывают ее силой полученного толчка. Затем они несут к гнезду доставшиеся им с таким трудом ветки и сучья. Те дневные хищные, которые гнездятся в дуплах и норах, кладут яйца прямо на гниль в дупле или на землю и голые камни. Не будет, вероятно, ошибкой сказать, что только меньшинство видов само строит гнезда. Большинство, например, не очень крупные сокола, предпочитают пользоваться гнездами других птиц, именно вороньими, других дневных хищных, может быть, также гнездами цапель, черных аистов и т.п. Иногда, как уже сказано выше, они пользуются дуплами деревьев, вообще строят гнезда лишь в случае крайней необходимости.

Спариванию предшествуют разные игры, вполне соответствующие нраву этих гордых птиц. Выражением любви у большинства служат красивые упражнения в летании, часто отличные от обыкновенного полета, парение на большой высоте; своеобразные, резкие или чрезвычайно нежные звуки выражают у некоторых видов возбуждение. Ревность играет, разумеется, большую роль и в этой семье властелинов: они нападают на всякого пришельца и по возможности изгоняют его из своих владений, будь то даже чуждая птица, принадлежащая к другому виду. Эти битвы служат поводом к красивым движениям, быстрому нападению, ловкому отражению, мужественному преследованию одной птицы другой и к такой же стойкой защите. Когда раздраженные противники схватятся, они не уступают оба: царапают друг друга и, не будучи больше в состоянии пользоваться крыльями, крутятся в воздухе, падают вместе на землю. Здесь битва прерывается на одно мгновение; но едва они поднимутся на воздух, как бой возобновляется снова с таким же ожесточением. После

продолжительного поединка более слабый противник отступает и, преследуемый победителем, покидает его владения.

Кругловатые яйца имеют несколько шероховатую скорлупу сплошь белого, сероватого и желтоватого цвета или усеянную более темными пятнами и точками по светлому фону. Число их колеблется от одного до семи. У большинства видов насиживает одна самка, но у некоторых самец по временам сменяет ее. Насиживание продолжается от двух до шести недель, после чего вылупливаются птенцы в совершенно беспомощном состоянии: маленькие, круглые, покрытые густым беловато-серым пухом, с большой головой и открытыми глазами. Они быстро растут и покрываются скоро, по крайней мере, с верхней стороны, густыми перьями. Родители очень о них заботятся, так же как и о яйцах, никогда не покидают их и жертвуют жизнью, если не в силах отразить нападение. Очень немногие дневные хищные выказывают трусость при подобных же обстоятельствах; огромное большинство обнаруживает, напротив, мужество, достойное уважения. Некоторые переносят своих птенцов на другое, более безопасное место, если им угрожает опасность. Такую же самоотверженность, как при нападении врагов, они обнаруживают, добывая птенцам нужную пищу. Они приносят обильную добычу и при опасности прямо бросают ее в гнездо с высоты. Сначала кормят птенцов полупереваренной пищей, отрывая ее из зоба, потом дают им разорванные части животных. Но у некоторых видов одна только самка может готовить для птенцов пищу; самец не умеет разрывать на части добычу и, в случае отсутствия самки, птенцы голодают даже при изобилии пищи. Молодых хищников, вылетевших из гнезда, родители продолжают еще долго водить, кормить, учить и оберегать.

Пища дневных хищных состоит из позвоночных всех классов, самых разнообразных насекомых, птичьих яиц, червей, слизней, падали, человеческого кала и в исключительных случаях также из плодов. Они добывают себе пропитание то ловлей живых животных, то отбивая у других представителей этой же группы пойманную ими добычу, то просто подбирая найденную случайно падаль. Для ловли служат лапы; клювом они разделяют пищу на части или, вернее, разрывают ее. Насекомых ловят прямо клювом. Пищеварение совершается у них очень быстро. У тех птиц, которые имеют зоб, пища смачивается в нем слюной и отчасти разлагается; остальное довершает быстро действующий желудочный сок. Кости, сухожилия и связки жертвы превращаются в кашицу, перья и волосы сбиваются в комки и время от времени отрываются в виде так называемых погадок. Помет их представляет жидкую кашицу, похожую на разведенную известку, и выбрасывается наружу струей. Все дневные хищные могут зараз съесть очень много, но зато могут и голодать подолгу.

Деятельность дневных хищных нужно рассмотреть еще с другой и самой важной стороны: их хищнические наклонности могут быть направлены на вредных или полезных нам животных, и потому они сами могут быть полезны или вредны. В своей совокупности эта группа должна считаться чрезвычайно полезной.

Кроме человека, дневные хищные имеют мало врагов. Сила и ловкость служат им надежной защитой в борьбе с более сильными противниками. Впрочем, они немало терпят от различных паразитов, как наружных, так и внутренних, и делают жертвой ненависти, которую по справедливости заслуживают, по крайней мере, многие из этих птиц; в общем, однако, они живут безмятежной и свободной, прекрасной жизнью до тех пор, пока не придут в столкновение с человеком. Последний и есть самый опасный их враг.

Семейство американские грифы

Самый бросающийся в глаза отличительный признак семейства американских грифов — сквозные продолговатые ноздри. Кроме того, эти птицы отличаются более или менее длинным клювом, покрытым при основании верхней его части мягкой восковицей; клюв в своей конечной части сильно согнут и с зубцом, а от восковицы отделен перетяжкой. Эти грифы отличаются сильными ногами с толстой плюсной, длинными, заостренными крыльями, довольно длинным хвостом и голой головой, а также голой верхней частью шеи, эти части обыкновенно украшены кожистыми образованиями в виде гребешков при основании клюва и лба, а также и ярко окрашенными выступами и складками.

Андекий кондор (*Vultur gryphus*) в значительной степени разделяет участь многих хищников. Его также не оценили и оклеветали, про него рассказывали самые удивительные вещи и верили в них. Только исследователям нашего столетия удалось очистить от сказочного описания его жизни. Благодаря Гумбольдту, Дарвину, Орбиньи и Чуди мы имеем такие сведения насчет этой сказочной птицы, что в настоящее время можем иметь полную уверенность в том, что обладаем ясной картиной ее жизни.

Оперение вполне взрослого кондора черное, со слабым темно-стальным блеском; перья крыльев — матово-черные, наружные кроющие перья всех трех рядов, а также и шейные брыжи, состоящие из мягких, волосовидных, пушистых, длинных перьев — белые; малые маховые перья на наружной части опахала имеют белую кайму.

Андский кондор (*Vultur gryphus*)

Эта кайма на перьях предплечья и плеча становится все шире и, наконец, распространяется на внутреннюю часть опахала, так что плечевые перья белые, а черные только при основании. Зашеек, передняя часть головы и горло — черновато-серые; узкая кожица на горле, как и обе морщинистые складки кожи по обоим бокам шеи у самца — ярко-красные; шея цвета сырого мяса; область зоба бледно-красная. Глаза блестяще-карминного цвета; но у двух мне известных самцов светло-зеленоватые с медным отливом, клюв при основании и на спинке черного, рогового, цвета, с боков и на конце желто-рогового; ноги темно-бурые. По измерениям Гумбольдта, длина самца 102 см, размах крыльев 275, длина крыла 115, длина хвоста 37 см; длина самки 85 см, размах крыльев на 24 см меньше.

Родина кондора — высокие южно-американские горы. В Андах он предпочитает полосу высотой от 3000 до 5000 м, в Магеллановом проливе и Патагонии гнездится в отвесных ущельях непосредственно над берегом. Он также часто спускается до берегов Перу и Боливии, но, как говорит Чуди, в высоких местах встречается в десять раз чаще, чем в низких. По описаниям Гумбольдта, кондор часто летает над Чимборасо, то есть в шесть раз выше облаков, простирающихся над долинами, на высоте 7000 м над уровнем моря.

Образ жизни и поведение кондора в главных чертах такие же, как и у других грифов. Во время размножения он живет парами, в обыкновенное же время стаями, для отдыха выбирает отвесные выступы скал. Когда кондор взлетает, то поднимается при помощи медленных ударов крыльев; потом он как будто плывет, не двигая уже крыльями. Если один кондор замечает что-нибудь съедобное, то опускается, и все остальные, которые это заметили, быстро следуют за ним. «Иногда совсем непонятно, — говорит Чуди, — как менее чем в четверть часа целые массы кондоров собираются на положенной приманке, тогда как прежде самый дальнорский глаз не увидал бы ни одного из них».

Кондор преимущественно питается падалью. Гумбольдт сообщает, что пара кондоров нападает не только на андского оленя и викуню, но даже на гуанако и телят; они этих животных убивают, преследуют и наносят раны до тех пор, пока те не упадут мертвыми. Чуди подтверждает, что кондоры следуют за дикими и ручными стадами млекопитающих и тотчас же бросаются на околевшее животное. В некоторых случаях они нападают даже на раненых лошадей, которые не могут защититься. Кондоры раздирают и съедают мясо вокруг раны, наконец, добираются до грудной полости, вследствие чего мучимое ими животное околевает. При потрошении убитых викуний и андских оленей охотник всегда окружен стаями кондоров, которые с жадностью бросаются на брошенные внутренности, не выказывая при этом ни малейшего страха перед человеком. Они, вероятно, так же подстерегают пуму, чтобы воспользоваться остатками обеда этого хищника. Кондор очень тщательно наблюдает за стадами коз и овец во время ягнения и пользуется каждым удобным случаем, чтобы стащить козленка или ягненка. Чуди говорит, что стельную корову всегда надо запираить во двор или в загон, защищенный оградой и находящийся поблизости от жилища, и старательно ее здесь караулить, потому что как только она отелится, тотчас появятся гигантские птицы, которые будут стараться овладеть теленком, последний погибает, если люди его не защищают. В странах, населенных кондорами, пастушьи собаки так дрессированы, что во все время пребывания кондора в воздухе они настороже, смотрят вверх и громко лают. На берегах эти птицы питаются трупами больших морских млекопитающих, которые в большом количестве живут около берегов Южной Америки. Кондоры избегают человеческих жилищ и не трогают детей.

Время размножения кондора падает на наши зимние или весенние месяцы. Спариванию предшествуют со стороны самца любовные игры. По моим наблюдениям над пленными кондорами, я видел, что оба пола буквально токуют, чтобы выразить свои чувства. Гнездо находится на неприступной скале, но едва может назваться гнездом, так как самка часто кладет свои два яйца на голую землю. Яйца, имеющие в длину 108 мм, в ширину 72 мм, одноцветные и блестяще белые. Птенцы появляются на свет одетыми в сероватый пух, растут медленно, долго остаются в гнезде и еще после вылета кормятся и храбро защищаются родителями при грозящей опасности. «В мае 1841 года, — говорит Чуди, — в погоне за подстреленным оленем мы заблудились между гребнями высоких гор и попали на трех высиживающих самок на расстоянии не более 15 м над нами. Они встретили нас таким страшным карканьем и такими грозными движениями, что мы стали опасаться, как бы они нас не спихнули в пропасть со скалистого гребня.

на котором мы находились и который едва достигал ширины 60 см. Мы могли спастись только поспешным отступлением на более широкое место».

Индейцы часто ловят кондоров, потому что находят удовольствие их мучить. Они наполняют тело околевшего животного одуряющими травами и кладут его в виде приманки. Слетевшиеся на падаль кондоры, наевшись этого мяса, шатаются, как пьяные; индейцы ждут, пока птицы не наедятся, потом скачут к ним столь быстро, насколько позволяет скорость их лошадей, и бросают лассо в стаю обжиралых кондоров. Наконец употребляют еще один, особенный, способ ловли, подтвержденный Чуди и другими. Расстилают на земле свежую коровью шкуру, на которой висят куски мяса; под нее ложится индеец с достаточным количеством веревок. «Когда кондоры насыдут на шкуру, индеец снизу через шкуру схватывает птицу за лапы и тут же прикручивает к ним веревкой тот кусок шкуры, который мешком охватил лапы. Поймав таким образом несколько штук, индеец вылезает из-под шкуры. Подскакивают другие индейцы, бросают свои плащи на кондоров и уносят птиц в деревню, где их сберегают для травли быков. Кондоры не получают никакой еды в течение целой недели. В назначенный день привязывают одного кондора на спину быка, которого предварительно ранят пиками. Голодная птица раздирает клювом измученное животное, которое к великому удовольствию индейцев в исступлении носится вокруг места зрелища.

В провинции Гуарохирин, на высоком плоскогорье находится такое место, где этих птиц легко можно поймать в большом числе. Там есть ущелье приблизительно в 20 м глубиной. На его край кладут околевшего лошака или ламу. Вскоре слетаются кондоры, при раздирании животного

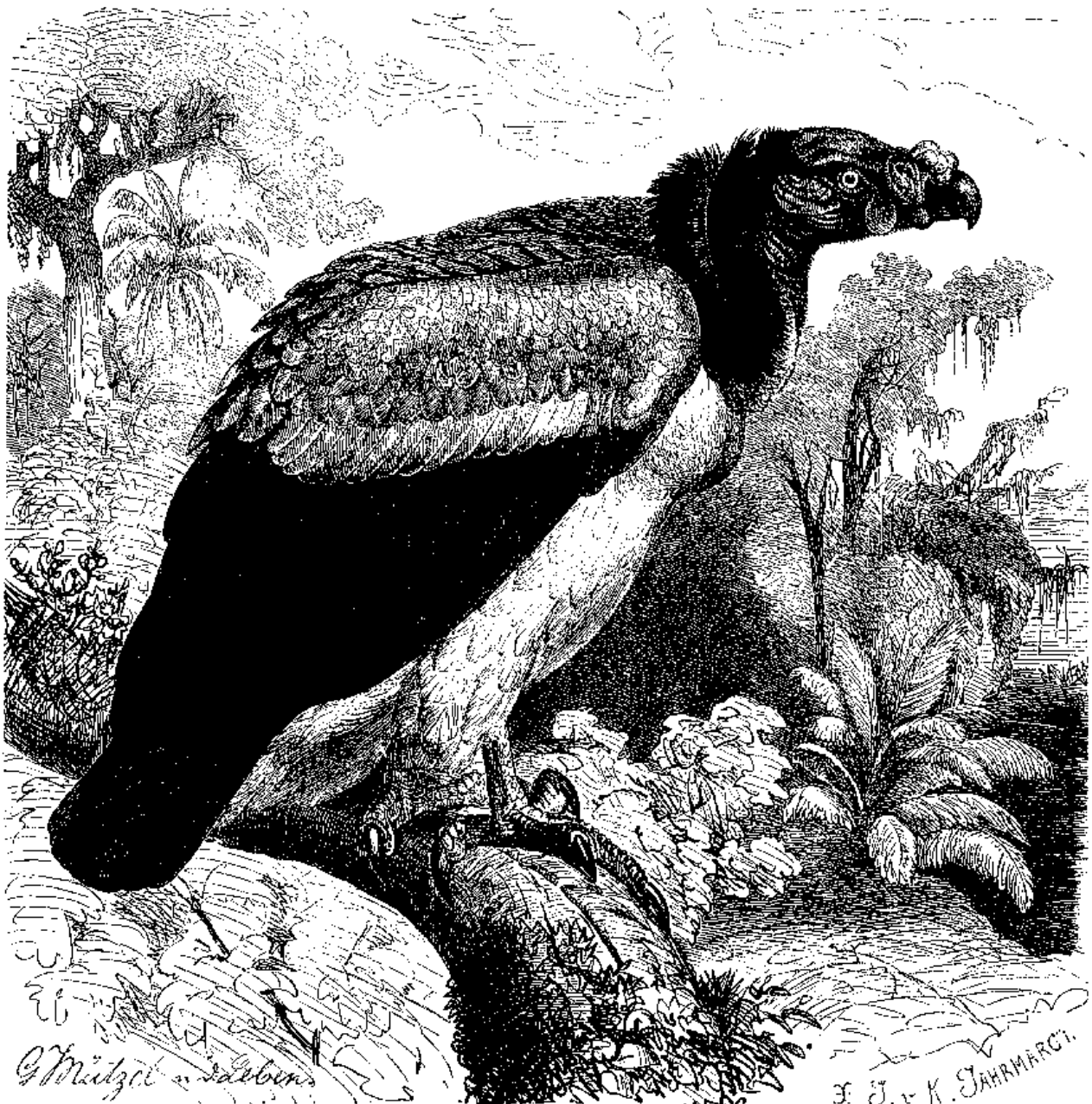
они спихивают его в ущелье, куда и сами за ним следуют, чтобы его съесть. Наевшись, они уже не в состоянии вылететь из узкого ущелья. Тогда индейцы, вооруженные длинными палками, спускаются вниз и убивают боязливо кричащих птиц». Чуди, который все это рассказал, прибавляет, что он сам принимал участие в такой охоте, при которой были убиты 28 кондоров.

Королевский гриф (*Sarcorhamphus papa*) имеет 84-89 см длины, 1,8 м в размахе крыльев, 52 см в крыле и 23 см в хвосте. Даже у старых вылинявших птиц великолепное оперение. Шейные брыжи серые, передняя часть спины и верхние кроющие перья крыльев ярко-красновато-белые; брюшко и нижние кроющие перья крыльев — чисто белые; перья крыльев и хвоста совершенно черные; большие маховые перья снаружи имеют серую кайму; темя и передняя часть головы, одетая в короткие, прямые щетинистые перья — красные; кругловатые бородавки, украшающие клюв позади и под глазом, и припухлая складка, идущая к зашейку — темно-красные; шея и голова ярко-желтые. Глаза серебристо-белые. Самка превосходит самца ростом. У нее имеется высокий, мохнатый, черноватый гребень; клюв при основании черный, в середине ярко-красный, на конце желтовато-белый; восковица желтая, ноги черно-серые. Птенцы орехово-бурые, на спине темнее, на гузке и на нижней части бедер — белые.

"Как в Перу кондор обратил на себя внимание первых путешественников, — говорит Чуди, — так в Мексике и Южной Америке первое место занимает королевский гриф. Уже Фернандец упоминает о нем. Такое яркое, красивое оперение, не встречающееся ни у одного другого хищника, дает ему право на имя *Rex vulturum* — король грифов».

Королевский гриф распространен от 32 градуса северной широты по всем внутренним странам до Мексики и Техаса и встречался даже во Флориде*.

** В настоящее время королевский гриф не встречается ни в Техасе и северной Мексике, ни во Флориде.*

Королевский гриф (*Sarcorhamphus papa*)

Он появляется в горах только до высоты 1500 м над уровнем моря. Его главное местопребывание составляют девственные леса или долины, поросшие деревьями. Он никогда не живет в степях и горах, лишенных деревьев. По словам Орбиньи, королевский гриф встречается, по крайней мере наполовину реже, нежели кондор. Ночью они собираются большей частью в стаи на низких ветвях деревьев и, по-видимому, возвращаются каждый вечер к определенным местам отдыха.

С наступлением утра гриф поднимается и летит вдоль леса и его окрестностей, чтобы убедиться, не приготовил ли ему добычу какой-нибудь ягуар. Если ему удалось найти падаль, то он с шумом бросается вниз со значительной высоты, но все-таки сначала садится на небольшом расстоянии и только время от времени бросает взгляд на лакомый кусок. Он всегда осторожен и самым тщательным образом убеждается в безопасности. И только по прошествии четверти часа или получаса дает полную свободу своей жадности. Он иногда настолько наедается, что едва может двигаться. После еды летит к высоко стоящему, предпочтительно сухому дереву и отдыхает на нем в течение нескольких часов.

Обыкновенно королевскому грифу на падаль указывают всюду распространенные более мелкие грифы, которые раньше королевского замечают ее. «Если даже сотни грифов, — говорит Шомбургк, — находятся на падали, они мгновенно удаляются, как только показывается королевский гриф. Они ждут, сидя на ближайших деревьях или на земле с жадными и завистливыми взорами, пока их повелитель не утолит голод и не удалится. Как только он отлетит, то они снова бросаются на оставленную добычу с жадностью, чтобы проглотить остатки, которыми пренебрег королевский

гриф. Так как я часто был свидетелем такого рода сцен, то могу уверить, что ни одна другая птица не пользуется таким уважением и уступчивостью со стороны мелких грифов, питающихся падалью. Когда они издали завидят, что королевский гриф приближается к падали, на которой они уже работают, то мгновенно отступают, и, когда королевский гриф уже близко, они делают странные движения головой. Кажется, что они на самом деле его приветствуют; по крайней мере, я объяснял себе таким образом их вытягивания головы и поднимание и опускание крыльев. Когда королевский гриф сядет, то они совершенно смиренно и с голодным желудком наблюдают за его едой.

Азара узнал от индейцев, что королевский гриф гнездится в дуплистых деревьях; принц фон Вид сомневается в верности этого показания, а Чуди его подтверждает; Шомбургк ничего не мог узнать на этот счет, Орбиньи не видел даже и гнезда, но слышал то же самое, что рассказывали Азара; Бурмейстер говорит, что королевский гриф гнездится на высоких деревьях, даже на верхушках старых, сухих, сильных стволов. Два яйца, составляющие кладку, говорят, белые. Вылечивших птенцов можно еще целые месяцы видеть в обществе их родителей.

Вся Америка населена так называемыми индюковыми грифами. Между ними наиболее известен **гриф-индейка** (*Cathartes aura*). Птица имеет относительно короткий, но широкий клюв с восковицей, которая покрывает большие, продолговато-круглые, сквозные носовые отверстия; шея голая в верхней части, хвост ступенчатый и плюсны относительно короткие. Спереди голова голая, сзади морщинистая. Еще морщины начинаются у ротового угла и проходят через середину темени. Спереди они карминно-красные, сзади голубовато-красные, вокруг глаз бледно-красные. Голая шея красная, оперенная часть шеи, верхняя часть спины и нижняя часть тела — черные, с зеленым металлическим блеском. Каждое перо верхней части имеет более светлую кайму. Маховые перья — черные, малые маховые перья украшены широкими, полинялыми, серовато-желтыми краями; рулевые перья несколько темнее, нежели маховые. Радужная оболочка глаз темно-коричневая, клюв желто-роговой, ноги белые. Длина тела 78 см, размах крыльев 164, длина крыла 49, длина хвоста 26 см.

Гриф-индейка (*Cathartes aura*)

Урубубу (*Coragyps atratus*) отличается более тонким и длинным клювом, восковица которого также далеко выдается вперед, тогда как маленькие, продолговато-круглые и сквозные носовые отверстия лежат близко к основанию клюва, а также более коротким, прямо обрезанным хвостом и относительно высокими ногами.

Этих двух грифов и еще другие сходные виды так часто смешивали между собой, что становится трудным всегда точно определить, к какому виду относятся сведения, сообщаемые путешественниками об их образе жизни. Но все они ведут настолько сходный образ жизни, что, если собрать важнейшие наблюдения над ними, то получится, вероятно, верная картина жизни и деятельности каждого вида в отдельности. Поэтому я не ручаюсь за безусловную верность названий, упоминаемых в нижеследующем описании.

Гриф-индейка распространен по всей Северной, Средней и Южной Америке до Магелланова пролива и от берегов Атлантического океана до Тихого, но не везде встречается одинаково часто. Гриф-урубубу принадлежит скорее Южной Америке, в Соединенных Штатах не встречается севернее Каролины, но считается самой обыкновенной птицей в странах, лежащих вокруг Калифорнийского залива, а также в Средней и Южной Америке.

"Европеец, который в первый раз видит берега Перу, удивляется невероятному количеству черных грифов, которых он встречает у берега на всех дорогах, в городах и деревнях, а также на хальству и доверчивости, с которыми они приближаются к человеку». Они, по-видимому, понимают, что их терпят потому, что они заменяют в городах Южной Америки нашу уличную полицию. Чуди уверяет, «что без этих птиц главный город Перу принадлежал бы к самым нездоровым из всех городов этой страны, так как начальство нисколько не заботится об удалении нечистот. Многие тысячи черных грифов живут в Лиме и ее окрестностях и так доверчивы, что на базаре они скачут среди

самой густой толпы». То же самое можно сказать относительно всего юга и даже некоторых мест Северной Америки. К этим птицам относятся не только радушно, но они ограждены от преследования строгими законами.

Их движения похожи на движения грифов Старого Света. «Они ходят, — говорит принц фон Вид, — высоко выпрямивши тело, почему и походят на индейского петуха; отсюда, вероятно, и их название. Они летают легко, не ударяя часто крыльями и как будто плавая, поднимаются также часто на большую высоту, но обыкновенно не заботятся особенно о добывании пищи, так как она почти всегда находится в изобилии. На покое они сидят с втянутой шеей и нахохленным оперением и тогда не производят благоприятного впечатления». Их внешние чувства очень развиты, но и у них зрение служит главным средством для отыскивания пищи.

Бурмейстер очень живо описывает один из их пиров. «Большие черные птицы, которые и в Бразилии также очищают дороги от падали, находятся везде. Они слетаются на падаль стаями в 20, 30, 40 штук, выклевывают глаза павшему животному и с нетерпением, как это видно по всей их манере, ожидают той минуты, когда под влиянием солнца накопившиеся в теле газы прорвут гнилую кожу живота и таким образом представят их лакомым ртам вонючие внутренности. Происходит страшная давка, когда наступает, наконец, ожидаемое мгновение. Каждая схватывает по куску вываливающихся внутренностей. В одну секунду мягкие, полусгнившие кишки разодраны и проглочены. Потом наевшиеся грифы садятся, плотно прижавшись друг к другу, на ближайшее высокое дерево и, не спуская глаз с падали, дожидаются, пока она не загниет и не сделается более мягкой, чтобы иметь возможность продолжать пир. От времени до времени один более жадный гриф, при первом дележе получивший недостаточно большой кусок, слетает на выпотрошенное тело, пробует кое-где продолбить себе дыру, тербит края ран и таким образом помогает общему разложению тела. Если другие замечают, что его предприятие удастся, то они вскоре следуют его примеру, клюют и рвут тело и съедают одну часть за другой, пока начисто не обглодают костей. В два дня они оканчивают работу, и когда уже ничего не могут получить, то мухи принимают участие в полной очистке костей. Впрочем, грифы бросаются и на свежее мясо, когда в состоянии его разрывать, а также нападают на живых животных и убивают их, несмотря на все опровержения этого факта». «Днем, — говорит Гумбольдт, — черные грифы облетают берега и появляются в индейских стоянках, чтобы украсть что-нибудь съедобное. Но в большинстве случаев им ничего не остается делать, чтобы удовлетворить свой голод, как напасть на твердой земле или в мелкой воде на молодых крокодилов, длиной от 18-20 см. Замечательно хитро эти маленькие животные защищаются некоторое время против грифов. Как только они завидят одного из них, то становятся на задние лапы, поднимают и вытягивают голову и широко открывают пасть. Не останавливаясь, хотя и очень медленно, они поворачиваются к врагу и показывают ему зубы, которые очень длинны и остры у только что вылупившихся крокодилов. Часто случается, что когда молодой крокодил, таким образом, всецело занят одним грифом, другой гриф пользуется удобным случаем для внезапного нападения. Он бросается на крокодила, схватывает его за шею и взлетает с ним очень высоко. Мы это наблюдали много раз по утрам».

Говорят также про этих грифов, что они воруют чужие яйца: уверяют, что они помещают свои гнезда поблизости гнезд некоторых болотных и плавающих птиц только для того, чтобы иметь вблизи их яйца.

Мешать грифам во время еды доставляет особенное удовольствие местным жителям. Шомбургк рассказывает, что офицеры крепости Иоаким забавлялись тем, что стреляли из пушек, заряженных маленькими ружейными пулями, в черных грифов, которые собирались около боен крепости стаями в 300^400 штук. В таких случаях часто 40-50 штук из них оставалось на месте. «Наши индейцы, — продолжает тот же писатель, — часто забавляются во время отдыха тем, что привязывают кусок мяса на крючок удочки и отбрасывают его подальше. Тотчас же самый жадный и проворный из грифов хватается за мясо, и тогда индейцы делают из него настоящее пугало. Веселые охотники украшают его чужими перьями, которые они прикрепляют мягким воском, срезают его шейные брыжи, сажают ему на голову коронку и посылают его тогда снова в стадо собратьев, где он своим видом приводит их в ужасное волнение. Вскоре он остается одиноким и покинутым до тех пор, пока ему не удастся сбросить свой наряд». Грифы страдают также от других хищных птиц. Каракары и химанго нападают на них, когда они, наевшись, набьют зоб, и до тех пор мучат их, покуда они не отгрызнут уже съеденное.

Чуди говорит, что черный гриф-урубубу гнездится в феврале и марте на крышах домов, на церквах, на развалинах и разрушившихся высоких стенах. Кладка, по его словам, состоит из трех беловато-бурых яиц. Этот же наблюдатель сообщает, что грифы-индейки выбирают для гнезда пес-

чаные выступы скал на берегах моря или близкие к берегу небольшие острова; они также в феврале и марте кладут 3⁴ яйца, которые круглее и светлее яиц черных грифов. Все остальные наблюдатели, за исключением Аббота, показывают, что оба вида кладут только два яйца и всегда на голую землю, или в ущелье скалы, или под почти свалившимся стволом дерева, предоставляющим птенцам некоторую защиту от непогоды; гнезда строятся также, вероятно, в древесных дуплах или даже в норах под корнями. В южных штатах Северной Америки и в Мексике, среди болотистых пространств, грифы-индейки охотнее всего выбирают для гнезда холм, вершины которого вода не может достигнуть в случае наводнения, или же вырывают под кустом неглубокую яму, которая и служит гнездом. Они очень часто гнездятся среди цапель и других болотных птиц. Оба родителя высиживают, говорит Одюбон, попеременно в течение 32 дней*, и при этом одна из птиц кормит другую, изрыгая перед ней находящиеся в зобу куски падали.

* В настоящее время однозначно установлено, что кладки урубубу содержат от 1 до 3 голубовато-зеленых с бурыми пестринами яиц, которые птицы насиживают 39-41 день.

Птенцы кормятся таким же способом, сначала полусгнившим мясом, размельченным на мелкие кусочки, а позднее более крупными кусками.

Азара нам сообщает, что они могут сделаться необыкновенно ручными и превращаются даже в настоящих домашних животных. Друг этого исследователя имел одного грифа, который мог летать на свободе и провожал своего хозяина, как верная собака, на прогулках или на охоте в поле, даже в более длинных путешествиях; он шел на зов и принимал пищу из рук. Другой гриф сопровождал своего господина в путешествиях, превосходящих 50 английских миль. Всегда держался около экипажей и отдыхал, когда уставал, на их крыше. Но на обратном пути он улетал вперед. И всех извещал о возвращении хозяина.

Семейство скопные

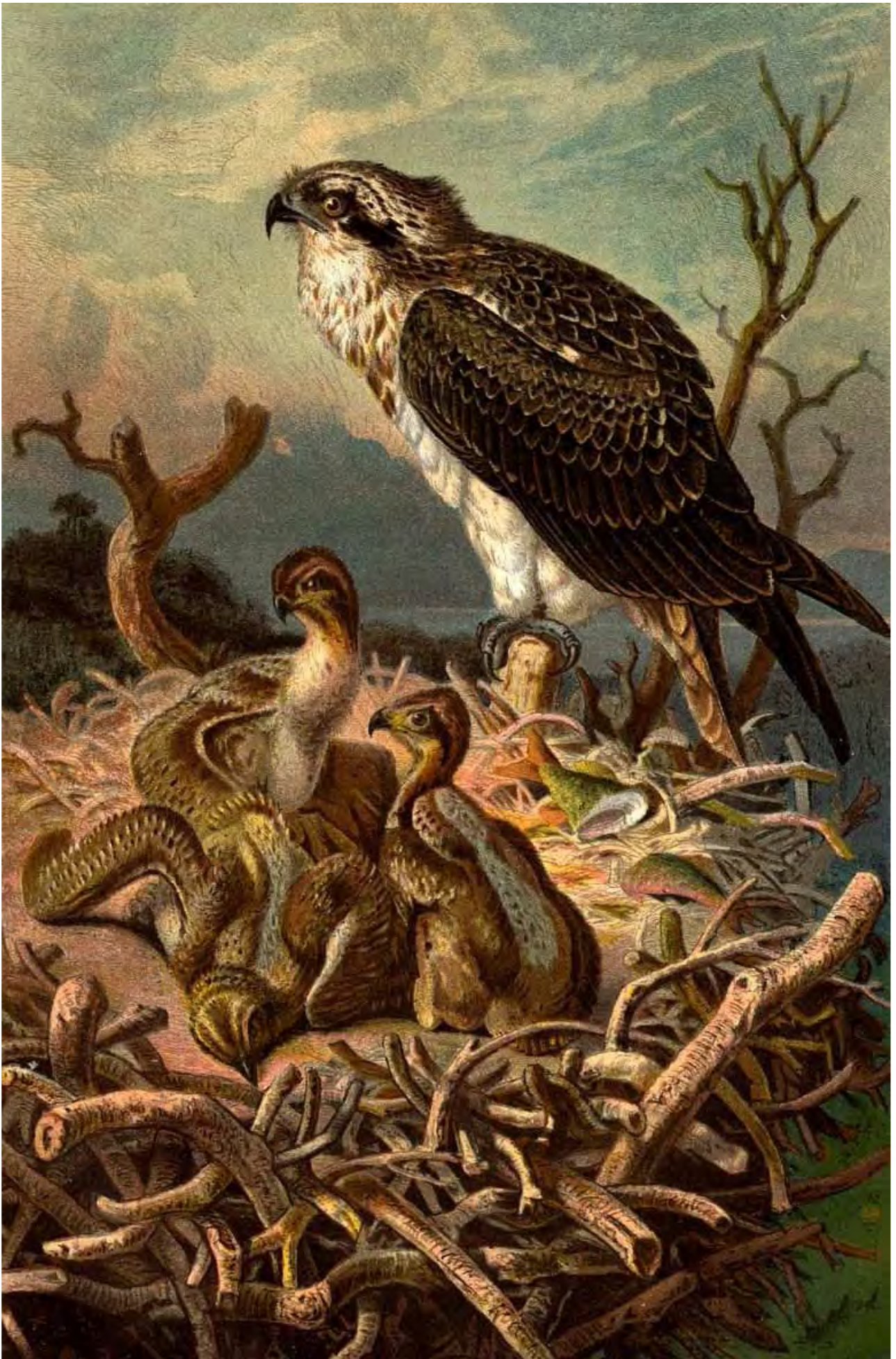
Как по внешнему виду, так и по образу жизни большой интерес представляет **скопа** (*Pandion haliaetus*). Вот отличительные признаки этой птицы: туловище относительно мало, но до вольно коренасто, голова умеренной величины; довольно короткий клюв загибается и образует длинный крючок. Лапы сильные, оперение на них едва доходит до пятки, неоперенная часть их покрыта толстой, но мелкой сетчатой чешуей; сравнительно короткие пальцы вооружены острыми, круглыми, сильно изогнутыми когтями; крайний наружный палец может вращаться вперед и назад. Крылья так длинны, что простираются дальше хвоста, тоже далеко не короткого; третье маховое перо длиннее остальных. Характерно для скопы ее гладко прилегающее, жирное оперение. Голова и затылок желтовато-белые с черно-бурыми продольными полосками; здесь все перья отличаются острыми кончиками. Верхняя сторона туловища бурая; каждое перо имеет более светлую каемку. Хвостовые перья бурые с черными поперечными полосами. Нижняя часть тела окраской резко отличается от верхней — она бывает белой или желтовато-белой. На груди бурые перья образуют пятно или полосу, вроде ошейника, которая иногда выражена ясно, иногда чуть заметна; от глаза к середине шеи спускается темная полоса. Глаза ярко-желтые, восковица и кожа на ногах свинцово-серые, клюв и когти блестящего черного цвета. В длину скопа речная имеет 53-56 см, размах крыльев 156-164, длина крыла 50-92, длина хвоста 15-18 см.

Скопа принадлежит к числу немногих птиц, распространенных решительно по всей земле. В Европе скопа живет и размножается летом повсюду, начиная от Финляндии и севера России вплоть до южных окраин материка; она водится на больших и на некоторых мелких островах, находящихся близ европейского материка. В Азии водится около всех больших озер, как на севере, так и на юге. В Европе, Азии, а также в некоторых частях Африки она живет круглый год. В Северной Америке она не водится только там, где пресные воды слишком долгое время остаются под ледяным покровом; далее по направлению к югу встречается решительно повсюду вплоть до южной Бразилии. Наконец в Австралии скопа живет везде, где только существуют подходящие условия. На севере скопа повсюду только летний гость, на юге же, по-видимому, она кочевая птица. Способ добывания пищи определяет весь ее образ жизни: она питается почти исключительно рыбой, только в крайнем случае гадами, и пренебрегает всякой другой добычей.

Птица избирает в качестве постоянного местожительства местности, изобилующие водой, но во время перелета она встречается повсеместно и удостаивает своим вниманием даже самые незначительные пруды. Тотчас после прилета, который имеет место поздней весной, не раньше конца марта, начинается ее летняя жизнь, и она приступает к починке старого или к сооружению нового гнезда, которое с этих пор становится ее постоянным жилищем. Она строит гнездо только на самых высоких деревьях и притом обыкновенно выбирает те из них, с которых открывается вид на воду или, по крайней мере, на поле, лесную поляну или какой-нибудь луг. Соответственно этому гнездо

всегда находится на значительной высоте над землей, до 15-20 м, и притом непременно на верхушке дерева, а не на больших боковых сучьях. Речная скопа сама строит свое жилище, а материал для него большею частью достает из воды; уже благодаря одному этому обстоятельству гнездо ее легко отличить от гнезд всех других орлов. Для постройки основания гнезда она употребляет толстые, слегка подгнившие ветви, имеющие 3-4 см в поперечнике; верхняя часть строится из более тонких прутьев, внутри гнездо не особенно глубоко, выстлано осокой, соломой, мхом и лишаями. Толстые ветви скопа вылавливает из воды; мох она срывает большими кусками с деревьев. Гнездо скопы легко узнать еще издали по следующим двум признакам: оно помещается на самой вершине высоких деревьев, и нижняя поверхность его бывает очень слабо закруглена. Диаметр углубления гнезда имеет приблизительно один метр, высота же колеблется между одним и двумя с половиной метрами, смотря по тому, сколько лет оно служит. Это зависит от того, что скопы каждый год приносят для гнезда новые строительные материалы и таким образом с течением времени постройки их принимают огромные размеры.

Смотря по погоде, самка начинает нести яйца то раньше, то позже, обыкновенно между 24 и 30 апреля; она кладет по яйцу через день. Кладка состоит из трех, редко из четырех, а иногда только из двух продолговатых яиц, с твердой и почти матовой скорлупой. В длину они имеют 59-70 мм, а наибольший поперечник 44-52 мм.

Скопа (*Pandion haliaetus*)

Окраска и рисунки, образуемые на них пятнами, так же изменчивы, как и размеры. Высиживанье, начинающееся тотчас же после того, как самкой положено первое яйцо, продолжается 22-26 дней; в нем, по-видимому, принимают участие обе птицы; обыкновенно вылупливается только два птенца. Они отличаются прожорливостью, которая, впрочем, удовлетворяется настолько обильно, что все гнездо бывает завалено только наполовину съеденными свежими рыбами, причем обыкновенно объедена только передняя их половина. Земля под деревом бывает также сплошь усеяна гниющей рыбой, если только пара коршунов, воспользовавшись счастливым случаем, не догадается свить поблизости гнездо и не станет кормить своих птенцов главным образом объедками со стола своего богатого родича. Птенцы могут летать не ранее как через 8, а иногда даже только через 10 недель. Тогда они покидают гнездо, следуя за своими родителями, под руководством которых они учатся искусству рыбной ловли, а в сентябре, или октябре, или самое позднее в ноябре они предпринимают путешествие в более южные страны.

Если буря разрушит гнездо или если срубят дерево, на котором оно свито, то скопа нередко совсем покидает тот лес, в котором она жила. Если вблизи высокоствольного леса находится большой, изобилующий рыбой, водный бассейн, то иногда две пары скоп поселяются в довольно близком соседстве друг от друга. Но обыкновенно каждая пара избирает особый обширный район, по возможности находящийся не у самого морского берега.

Дневные занятия у скопы распределены. Обе птицы вылетают довольно поздно из гнезда на рыбную ловлю к озеру или реке, которые часто находятся очень далеко, причем всегда с замечательной точностью придерживаются одного определенного пути. Длинные крылья позволяют птице легко пролетать большие расстояния. Сначала она парит на большой высоте, а потом опускается ближе к поверхности воды и начинает ловлю. Скопа не летает над водой, пока не исчезнет туман, мешающий ей издали увидеть добычу, так что наблюдать за ее охотой можно не ранним утром, а ближе к полудню. Прилетая, скопа описывает в воздухе круги и внимательно озирается, чтобы убедиться в безопасности; затем спускается к воде и начинает носиться взад и вперед на высоте 20 м над ее поверхностью. Временами она приостанавливается и висит в воздухе на одном месте, трепета крыльями, чтобы внимательнее следить за замеченной ею рыбой. И тогда, протянув далеко вперед лапы, чрезвычайно ловко и быстро опускается на воду под углом к поверхности, и исчезает под волнами. Но вскоре снова выплывает и несколькими сильными взмахами крыльев поднимается над поверхностью воды, стряхивает с себя прилипшие капли. Затем, каков бы ни был результат ловли, она обыкновенно улетает в другое место, если охотилась на пруде или маленьком озере. Благодаря этому своеобразному способу охоты речная скопа часто делает промахи, но она от этого вовсе не терпит недостатка в пище, так как даже частые неудачи нисколько не смущают ее. Если ей удастся поймать рыбу, то она запускает обе свои лапы в ее спину с такой силой, что бывает не в состоянии сразу вытащить когти; поэтому башкиры дали ей характерное название — «железный коготь».

Нередко скопа рискует жизнью и даже погибает, так как чересчур крупная рыба может утащить ее с собой вглубь и утопить. Рассматривая пойманных скопой рыб, заметили, что она всегда вонзает два пальца в один бок и два пальца в другой бок добычи. Схваченную рыбу, если она не окажется слишком тяжелой, скопа уносит далеко, обыкновенно в лес, чтобы съесть ее на свободе, а очень тяжелых рыб она дотаскивает, по крайней мере, до берега, хотя иногда это и бывает ей настолько трудно, что временами она летит, касаясь поверхности воды.

Только в крайности скопа решается охотиться и за чем-нибудь другим, кроме рыбы. Так, мой приятель Либс сообщил мне, что она ловит лягушек в прудах, если, вследствие частых преследований, боится показываться близ соседних рек или озер, изобилующих рыбой.

Речные скопы относятся друг к другу чрезвычайно миролюбиво. На других птиц они не обращают ни малейшего внимания и бывают только довольны, если и те со своей стороны не причиняют им никакого беспокойства. Маленьким птицам речная скопа охотно позволяет поселяться в своем просторном гнезде, и эти ее сожители со своей стороны настолько уверены в ее добродушии, что решаются строить здесь свои гнезда, которые, конечно, не уцелели бы, если бы такой сильной хищной птице, как скопа, захотелось прогнать непрошенных гостей.

У нас в Европе маленькие птицы только в исключительных случаях поселяются в гнезде скоп, но уже на островах Красного моря это случается гораздо чаще; особенно охотно гнездится на больших постройках один вид сорокопутов. В Америке трупялы, а особенно пурпуровые мейны постоянно вьют свои легкие качающиеся гнезда, имеющие вид кошельков, на нижней части гнезда скопы, которые, именно благодаря этому, легко бывает узнать еще издали. Вильсон нашел на одном гнезде не менее четырех таких висячих построек.

Скопа никогда не нападает на других представителей царства пернатых; это еще более подтверждается поведением водяных птиц. Все они отлично знают речную скопу и нисколько не боятся, а смотрят на нее как на равную и поэтому совершенно спокойно относятся к ее соседству. Там, где водятся орланы, речной скопе часто приходится работать на них; особенно белоголовый орлан постоянно воюет с ней. Как только она поймает рыбу, орлан бросается на нее и мучает до тех пор, пока она не уступит ему свою добычу. Коршуны, большие черные вороны, серые и черные вороны также нередко отнимают пойманных ею рыб. Наконец, в самых больших и старых гнездах речных скоп часто поселяется куница, которая, вероятно, иногда поедает также и яйца этих птиц.

Эта птица даже в больших зоологических садах представляет в известном смысле редкость. Я пробовал воспитывать скоп как старых, так и вынутых из гнезда еще молодыми, но они не доставили мне никакого удовольствия. Старые никогда не привыкают к неволе, целыми днями сидят на одном месте; если кто-нибудь войдет к ним в клетку, то они совершенно теряют присутствие духа и выказывают только величайший страх. Они нисколько не привыкают к сторожу, заметно чахнут, худеют все больше, и больше, и в один прекрасный день их находят в клетке мертвыми, причем невозможно бывает определить причину их смерти. Взятые из гнезда молодыми, скопы также плохо переносят неволю, с трудом приучаются есть корм и рано или поздно умирают даже при самом лучшем уходе.

Семейство ястребиные

Птицы, принадлежащие к этому семейству, характеризуются совершенно оперенными плюснами, достигающими длины среднего пальца, кругловатыми или яйцевидными, почти вертикально расположенными в восковице ноздрями и хвостом, равным половине длине крыла. Они распространены по всем частям света, за исключением Южной Америки.

Самый крупный и самый сильный из семейства ястребиных — **беркут** (*Aquila chrysaetus*). Это наиболее крепко сложенная птица из всех ближайших родичей, ловчая птица среднеазиатских кочевых наездников, герой различных сказаний, оригинал для гербов, эмблема силы и могущества. Длина беркута достигает 80-95 см, размах его крыльев 2 м и более, длина крыльев 58-64 см, хвоста 31-36 см. Первые измерения соответствуют величине самцов, вторые — более крупных самок. У старой птицы затылок, исключая заднюю часть шеи, ржаво-буро-желтый, все остальное оперение белое, на конце весьма равномерного темно-бурого цвета; хвост белый, покрыт черными пятнами или перевязями, на конце черный. Штаны бурые, нижние кроющие перья хвоста белые. В молодом оперении, которое повсюду светлее, светло-бурый цвет распространен до темени и боков шеи; крылья снабжены большим белым зеркалом; хвост серо-белый; штаны очень светлые, часто тоже белые. Вышесказанное относится к наиболее часто встречающейся окраске, и необходимо добавить, что оперение этих орлов необыкновенно склонно к вариациям в цвете.

Беркут живет в высоких горных поясах и чрезвычайно обширных лесах Европы и Азии, но при случае, по Гейглину, долетает до северо-восточной Африки. Этот орел распространен по южной Европе, северной Африке, Скандинавии, по всей России, где она покрыта лесами или скалами, от Урала до Китая и от лесного пояса Сибири до Гималайских гор, по Малой Азии, северной Персии. В западной Европе, во Франции и Бельгии он встречается гораздо реже, чем на востоке и юге; в Великобритании появляется лишь как кочевая птица*; в Швейцарии он, правда, не совсем редок, однако и не часто встречается.

* *В Бельгии беркут сейчас не встречается, но в Великобритании гнездится в горах Шотландии.*

На юге России представляет собою обычное, а в горах Средней Азии ежедневное явление.

Не избегая крупных лесов, этот орел предпочитает селиться все-таки в высоких горах, охотнее всего на недоступных скалах. Раз избранной местности орлиная чета придерживается особенно настойчиво. Даже зимой не покидает ее, если находит достаточно дичи, за это время аккуратно посещает свое гнездо, словно желая заявить на него свои права. Одни только молодые орлы совершают перелеты или кочевки; они-то главным образом и попадают под выстрелы. Для достижения зрелости, в полном смысле этого слова, орлу нужно много, может быть, 6-10 лет и больше**.

* * *На самом деле беркуты достигают половозрелости в возрасте 4 лет.*

До этого времени он летает по всему белому свету, пролетая, быть может, гораздо большие расстояния, чем мы думаем. Оседлым беркут становится лишь тогда, когда он спарится и задумает устроить собственное гнездо. Но и тогда район его жительства еще очень обширен, что вызвано значительными требованиями к пище этой птицы.

Беркуты, сообщая промышляя добычу, сообщают и съедают ее. Однако трапеза отнюдь не всегда проходит мирно. Лакомый кусочек способен породить ссору между самыми нежными супругами.

Охота продолжается приблизительно до полудня; после этого хищники возвращаются к гнезду и выбирают себе укромный уголок для отдыха. Обыкновенно это случается тогда, когда лов был удачен. Беркут сидит тогда долгое время на одном месте с набитым зобом и растрепанным оперением, предаваясь отдыху и пищеварению, обращая, однако, внимание на свою безопасность. Отдохнув, беркут обыкновенно летит на водопой. Утверждают, что для него достаточно уже крови убитой им жертвы, однако каждый пленный орел доказывает противоположное. Он пьет много и, кроме того, нуждается в воде для купанья. При теплой погоде редкий день проходит, чтобы он не делал этого. Утолив жажду и вычистившись, беркут еще раз вылетает на добычу. К вечеру он обыкновенно забавляется, играя в воздухе; с наступлением сумерек осторожно, без малейшего крика, прилетает на место ночлега, которое выбирается птицами всегда с чрезвычайной осторожностью. Такова, в коротких словах, ежедневная жизнь этой птицы.

Только сидя и на лету беркут красив и величествен, походка же его беспомощна и неловка до смешного. Чтобы взлететь с ровной поверхности земли, он, ковыляя, сначала делает пробежку, потом медленно и мощно взмахивает крыльями. Достигнув известной высоты, парит часто целых четверть часа, не делая крыльями ни одного взмаха. На лету, подобно грифам, он распластывает свои крылья настолько, что концы отдельных маховых перьев уже не соприкасаются между собой, тогда как хвостовые перья всегда прикрывают друг друга.

Вид летящего беркута, благодаря ровно срезанному хвосту, представляет собою нечто столь своеобразное, что его никогда нельзя смешать с грифом. Кружащийся в далекой выси хищник, завидев добычу, сначала опускается по спиральной линии, чтобы лучше нацелиться; затем вдруг складывает свои крылья и со свистом стремглав несется на землю в косом направлении, выставив вперед когти прямо на намеченную добычу, и бьет ее обеими лапами. Если добыча не тяжела, он сейчас же вонзает в нее свои когти; если же последняя может нанести ему какой-либо вред, он никогда не забывает нанести ей удар лапой по голове, чтобы одновременно и ослепить, и обезоружить. Мой отец часто видел приемы охоты беркутов, которые и изложил в превосходном описании; поэтому я приведу это описание, хотя только в виде выдержек. «При схватывании добычи, — говорит отец, — он так сильно бьет когтями, что слышен звук удара и видно, как мощно сжимаются пальцы. Обыкновенно он схватывает так, что пальцы одной лапы вонзаются в голову... Когти другой ноги глубоко впились в грудь жертвы. Чтобы держаться в равновесии, беркут широко раскрыл крылья и вместе с хвостом пользовался ими как опоркой. При этом глаза налились кровью и казались больше обыкновенного, все перья на теле прилегли плотно, клюв раскрыт, язык высунут. В нем была заметна не только чрезвычайная ярость, но и необычное напряжение силы. Жертвы очень скоро расстаются с жизнью под могучими когтями хищника, так как они не способны оказывать ему сопротивление».

Однако он нападает даже на острозубых лисиц. «Горе бедной кумушке Патрикеевне, — совершенно правильно рассказывает Гиртаннер, — у которой не удалась ночная охота и которая, желая промыслить что-нибудь на обед, крадется к беззаботно играющему выводку каменных куропаток, тогда как за ней уже следит крутящаяся пара орлов! Горе, если, увлекшись охотой, лиса слишком сосредоточила свое внимание на намеченной добыче! Быстро прижав крылья к телу, с широко раскрытыми когтями, царь птиц стрелой и со свистом летит на нее. В то же мгновение он бьет неосторожную плутовку в оскаленную мордочку и таким образом делает безвредными ее острые зубы. Другой лапой он вцепляется в тело своей жертвы, насаждает на нее всей силой, удерживаясь при этом в равновесии взмахами крыльев, и затем жестоко начинает разрывать свою жертву, прежде чем она расстанется с жизнью».

Сознание собственной силы увлекает беркута иногда до того, что он решается даже нападать на властителя земли. То, что он налетал на маленьких детей и, если мог, уносил их с собой, вовсе не принадлежит к числу басен*; известны даже факты, что он бросался на взрослых людей, не будучи вынужден к тому обороной или защитой своего гнезда.

** Никакой беркут не в состоянии поднять и унести маленького ребенка.*

По этому поводу Нордман рассказывает одну забавную историю. «Голодная и безумно смелая птица кинулась в середине села на большую пасшующую свинью, громкие крики которой привлекли внимание поселян. Прибежавший крестьянин прогнал орла, который с большой неохотой оставил свою тяжелую добычу и, слетев с жирной спины свиньи, бросился на кота и с этой ношей уселся на заборе. Раненая свинья и окровавленный кот начали ужасный концерт. Крестьянину теперь хотелось освободить и кота, но он не решался подойти без всякого оружия к свирепой птице, почему и поспешил домой за заряженным ружьем. Но орел бросил кота, налетел на крестьянина и вцепился в него когтями; дуэт тогда превратился в трио: попавшийся расплох крестьянин, жирная

свинья и старый кот кричали вместе о помощи. Прибежали другие крестьяне, схватили орла руками и отнесли связанного злодея к одному моему приятелю».

Слишком долго перечислять здесь всех животных, за которыми орел охотится. Среди европейских птиц от него не страдают лишь хищные, ласточки и быстрокрылые певчие птицы, а из млекопитающих, не считая крупных хищников, только большие парно- и непарнокопытные. То, что он не отказывается от мелких животных, считается точно установленным на основании долговременных наблюдений. «Упоминаемое Плинием сказание, — замечает граф фон Мюле, — что Эсхил был убит черепахой, брошенной орлом на его плешивую голову, отнюдь не лишено достоверности. Очень часто случается, что беркут схватывает какую-нибудь наземную черепаху, поднимается с ней на воздух, роняет ее на скалу и повторяет это до тех пор, пока не расколотит ее, после чего он усаживается возле нее и принимается за еду».

Многие животные, которые находят защиту от орла, прячась от него, делаются все-таки его добычей, так как он охотится за ними так долго, что, утомленные, они предаются в его власть. Так, он до тех пор наводит ужас на водоплавающих птиц, ищущих спасения от него в нырянии, пока те от усталости более нырять не могут; тогда орел и хватает их без затруднения. Он не отказывается попользоваться и на чужой счет, допускает вместо себя поработать других хищников, например сапсанов, и заставляет их только что захваченную ими добычу отдать ему. Иногда даже он уносит убитую охотником дичь на глазах у него.

Пойманную, убитую или, по крайней мере, полузадушенную добычу орел, перед тем как есть, сначала поверхностно ощипывает; окончив это, он ест ее с головы. У более крупных птиц он оставляет только клюв. После головы съедает шею, затем уже остальное тело. Кишки не трогает, все же остальное, что только может разгрызть, съедает и переваривает. Так как он, подобно ястребам и благородным соколам, глотает только маленькие куски, то, чтобы съесть половину вороны, тратит около 20 минут. Ест он с большой осторожностью, время от времени озирается и прислушивается. При малейшем шуме сосредоточивается, долго всматривается в то место, откуда донесся шум, и только тогда принимается за еду вновь, когда все успокоится. После еды очень тщательно вычищает клюв. Волосы и шерсть, кажется, для него необходимы: они, по-видимому, нужны ему для очищения желудка. После полного переваривания пищи шерсть сбивается в клубки, которые орел и отрывает в виде погадок, обыкновенно каждые 5-8 дней. Если не давать ему перьев и волос, он проглатывает сено и солому. Кости, охотно глотаемые им, совершенно перевариваются в его желудке.

Беркут начинает гнездиться рано, обыкновенно уже в середине или конце марта. Гнездо вьет в горах преимущественно в больших, сверху прикрытых нишах или на широких карнизах утесов; в обширных лесах он устраивает гнездо на верхушечных ветвях высочайших деревьев. Гнездо, устроенное на дереве, обыкновенно состоит из массивного фундамента из крепких сучьев, которые орел или подбирает с земли или срывает с деревьев, налетая с большой высоты прямо на сухие сучья и в то же мгновение схватывая их лапами. Более тонкие ветви служат наружной обкладкой, прутья и мох — внутренней подстилкой плоского гнездового ложа. Такое гнездо имеет в поперечнике 1,30-2 м с гнездовым ложем в 70-80 см, однако с годами, употребляемое в дело долгое время, оно растет если не в объеме, то в высоту, и поэтому представляет собой поистине массивную постройку. При устройстве гнезда в нише утеса орел меньше заботится о солидности основания. Правда, он и сюда обыкновенно натаскивает большие сучки для складывания из них нижней опоры, после чего продолжает верхнюю постройку вышеописанным же образом; при случае, впрочем, довольствуется более мелкими прутьями.

Яйца беркута сравнительно невелики, круглые, окружены грубой скорлупой и имеют беловатый или серовато-зеленый основной фон, неравномерно покрытый более крупными и более мелкими сероватыми и буроватыми пятнами и точками, часто сливающимися между собой. В гнезде находят 2-3 яйца, но редко более двух птенцов, часто же только одного. Самка насиживает яйца приблизительно пять недель.

Вылупившиеся из яиц птенцы, появляющиеся на свет обыкновенно уже в первых днях мая, бывают покрыты, как и у других хищных птиц, густым серовато-белым шерстистым пухом. Они растут довольно медленно и получают способность летать или немного ранее середины июля, или большей частью в конце этого месяца. Вначале они почти неподвижно сидят на своих плюснах, и о жизни их свидетельствует только изредка ворочающиеся головы. Позднее они временами приподнимаются, возятся много в своем оперении, так как вырастающие перья производят неприятный зуд, время от времени расправляют как бы обрубленные крылья и, двигая ими, делают некоторый намек на попытки летать. Наконец приподнимаются на пальцах, подбегают и отбегают от края

гнезда, с любопытством смотрят в неизмеримую глубину или на виднеющихся в голубой выси родителей, пока не научатся вылетать из гнезда и прилетать к нему обратно. Оба родителя обращаются с птенцами с чрезвычайной нежностью. И в особенности орлица тщательно заботится об удовлетворении всех их нужд. Пока они еще малы, она почти не оставляет гнезда, садится на них, чтобы согреть. Вместе с самцом орлица натаскивает обильную добычу, чтобы птенцы не терпели в ней никакого недостатка. В самом раннем возрасте птенцы получают корм, предварительно размягченный в зобу матери; впоследствии она разрывает для них пойманную добычу. Наконец оба родителя начинают носить в гнездо цельную добычу и предоставляют птенцам есть, как они желают, чтобы постепенно приучить их к самостоятельности.

Пока детки маленькие, родители не улетают далеко от гнезда, по крайней мере, самки; напротив, позднее, в зависимости от успешного подрастания птенцов, они улетают на более долгое время и на более отдаленное расстояние; и, наконец, если они достаточно запасли пищи для своих птенцов, то часто пропадают на целый день. Насколько велико число жертв, нужных для поддержания жизни двух молодых орлят, видно из одного сообщения Бехштейна, по словам которого, около одного орлиного гнезда найдены были остатки 40 зайцев и 300 уток. Быть может цифры эти и преувеличены, но все же орлиная чета довольно-таки пагубно распоряжается среди окрестных животных, причем нужно понимать слово «окрестность» в обширном значении его; так, наблюдались случаи, когда орел таскал цапель из-за 20-30 километров. В одном гнезде, к которому 2 июля 1877 года был спущен на веревке охотник Рагг, лежали: еще не загнившая, на три четверти съеденная молодая серна, остатки одной лисы, сурка и не менее пяти зайцев.

Охота на орлов в большинстве случаев возможна только для хорошего ходока по горам и искусного стрелка. В большинстве же случаев орлы даже в ранней молодости, еще издали выказывают необыкновенную осторожность и пугливость. С возрастом недоверчивость орла настолько же увеличивается, насколько развивается в нем понятливость. Он также отличает безвредного человека от охотника, например, без всяких опасений занимается своим грабежом вблизи пастухов, но уже издали летит прочь от вооруженного человека, обыкновенно же относится недоверчиво ко всякому непривычному явлению, почему чаще всего вовремя удаляется от всякой угрожающей ему опасности.

Воспитанные смолodu орлы вскоре становятся ручными и доверчивыми; они так привыкают к хозяину, что скучают по нему, если его нет долгое время, встречают радостными криками, когда он возвращается, и никогда не делают ему вреда. Доверять им, однако, следует так же мало, как и другим хищным птицам. Особенно нужно остерегаться держать в узком помещении и без строгого призора нескольких орлят. У них еще не развито достаточно сообразительности, и они просто по одному только непониманию нападают друг на друга. Один из них после долгой битвы берет верх над другим и начинает совершенно невозмутимо есть побежденного. У старых птиц можно меньше опасаться таких инцидентов и, если помещение их достаточно обширно, к ним можно посадить и более мелких хищных птиц, ловкость которых спасала бы их в случае чего от хищнических наклонностей орлов.

В пище беркуты мало требовательны. Всякое мясо им по вкусу, а шерсть и перья, по крайней мере, не принадлежат к их необходимым потребностям. При всяких условиях жизни они требуют много чистой воды для питья вволю и еще, скорее, для купанья. Орлы очень чистоплотны, не терпят никакой грязи ни на своем оперении, ни на клюве, почему беспрестанно чистятся. При относительно удовлетворительном уходе они выживают в неволе много лет. «В Императорском дворце в Вене, — рассказывает Фитцингер, — по старому обычаю правителей дома Габсбургов несколько столетий подряд содержались в неволе живые орлы, пользовавшиеся самым заботливым уходом. Один прожил там с 1615 по 1719 год*.

** По всей вероятности, это исключительный случай или какая-то ошибка. Обычно орлы живут в неволе вполовину меньше, порядка 40-60 лет.*

В Шенбрунне в 1809 году околел один орел того же вида, который провел в неволе почти полных 80 лет».

Паллас, а после него Эверсман первые сообщили нам, что башкиры и другие центральноазиатские народы употребляют беркутов для охоты. Во время нашего путешествия по Сибири и Туркестану я сам видел этих огромных ловчих птиц, а от киргизов, которые отдавали этим птицам особое предпочтение, узнал все нижеследующее о приемах этой охоты и дрессировки орлов. Все киргизские охотники, пользующиеся беркутами как ловчими птицами, вынимают их из гнезд возможно более юными и воспитывают с большою заботливостью. Молодой орел кормится на руке и из рук сокольничего, чтобы птица привыкла к нему с раннего детства; позднее, когда орленок еще совер-

шенно не оперится, после каждой еды на голову ему заботливо надевают колпак. Какую-либо особенную дрессировку киргиз не считает нужной и скорее довольствуется приучением птицы к руке и призыву; наследственная привычка дополняет недостающее. Когда орел научится хорошо летать, охотник выезжает с ним в степь, чтобы его сначала натравливать на слабую дичь, именно на байбаков и сусликов. Тяжелая птица, сидящая на руке, одетой в толстую перчатку, скоро утомляет охотника, и он кладет руку на луку седла или на особую подставку, упирающуюся в стремя. Благодаря искусству киргизов пробираться верхом по самым плохим дорогам, верховой сокольник взбирается всегда на какое-нибудь возвышенное место, откуда открывается большой кругозор. Так он, завидев подходящую дичь, снимает с головы птицы колпак и бросает ее в воздух. Вначале орел выказывает себя довольно неловким, но вскоре приобретает необходимую ловкость, чтобы настичь степного сурка прежде, чем тот достигнет своего жилища. Когда птица поймет свое назначение, ее начинают натравливать на лисиц. Последних охотники вспугивают из их нор, преследуют на лошади и стараются гнать так, чтобы они прошли поблизости от сокольника, который в нужный момент и бросает им вслед ловчую птицу. Орел поднимается, описывает сначала один или два круга, затем по косому направлению несется на лису и вонзает свои когти в заднюю часть ее тела. Лиса сейчас же изворачивается, чтобы нанести противнику смертельный укус; однако беркут ловит момент и схватывает лису за морду, стараясь по возможности вонзить когти в глаза. Лиса и тут старается спасти свою шкуру и препятствует второму или третьему нападению орла, внезапно бросаясь вместе с орлом на землю и поворачиваясь на спину. Но в ту минуту, когда лиса хочет перевернуться, орел разжимает свои лапы, поднимается на воздух и снова как грозная туча несется над бедной плутовкой, готовый еще раз вонзить свои ужасные когти в голову животного. Такие нападения, сменяемые угрожающим полетом, утомляют лису скорее, чем можно было бы ожидать, и она, наконец, почти не оказывает сопротивления держащей ее птице. В это время подъезжают ободряющие орла ликующим гиканьем охотники и прекращают страдания лисы ловким ударом палицы.

Когда орел достаточно ознакомится с травлей лисиц, сокольник начинает травить его на волков, которые, как и лисицы, предварительно выгоняются на чистое поле. Не всякий орел решается нападать на этого несравненно сильнейшего хищника, но ловчая птица, хорошо натасканная на лисиц, исполняет это отлично, хотя всегда с большой осторожностью; при этом орел поступает таким же образом, как при вышеописанной травле лисицы. Причинить серьезные повреждения, как это часто бывает с лисицами, волку орел не в состоянии; но едущие вслед охотники во время подобной охоты более чем когда-либо стараются подоспеть к птице вовремя, почему волка, схваченного орлом, обыкновенно можно считать погибшим.

Орла, который бьет страшного волка и без дальнейшей подготовки травит другую дичь, киргиз не продаст ни за какие деньги; ловчая птица, удовлетворяющая более скромным требованиям, в глазах такого охотника стоит двух-трех кобылиц. Одновременно с двумя орлами охотиться нельзя, так как они возбуждаются соревнованием, бросаются друг на друга и бьются не на живот, а на смерть.

Гораздо обыкновеннее применяется в дело орлиное оперение, нежели живой орел. Среди тирольцев и верхнебаварцев некоторые части орлиного оперения употребляются как дорогое украшение. Выше всего ценится так называемый орлиный пух — нижние кроющие перья хвоста, за которые охотно платят 4-10 марок; после него особенно ценятся когти. Очень часто носят на серебряных часовых цепочках клыки благородного оленя, клыки лисицы, когти ястреба или филина, но высшее украшение для такой цепочки орлиные когти. Особенное предпочтение отдается заднему когтю, меньше ценится передний коготь, наконец, дешевле всего слабый коготь самого маленького пальца. У китайцев голова и лапы беркутов служат лечебными амулетами, а маховые перья употребляются на веера и на оперение стрел. У бурят также высоко ценятся маховые и рулевые перья орлов, а монголы приносят их в жертву богам.

Весьма интересно, что среди индейцев Америки господствует то же воззрение. «Они охотно вынимают из гнезд, — говорит принц фон Вид, — взрослого орленка, которого выращивают, а потом пользуются его хвостовыми перьями, которые у них весьма высоко ценятся: одно перо продается за целый доллар. У всех индейских племен Северной Америки перья служат знаками их героических подвигов, и у большинства такое перо означает одного убитого врага. Орлиное перо, выкрашенное киноварью в красный цвет и с укрепленными на его конце погремушками гремучей змеи, имеет в глазах индейцев большое значение, а именно: оно обозначает в высшей степени заслуженный подвиг в деле конокрадства. Далее индейцы украшают орлиными перьями свои перистые шапки, прикрепляя перья перпендикулярно в ряд на красную суконную тесьму; на верху же устраивается шапочка из мелких перьев. Когда такая шапка надета, красные тесьмы с гребневидными, пер-

пендикулярно стоящими орлиными перьями ниспадают на спине до земли. Индейцы-манданы зовут это украшение, надеваемое в большие праздники, «махеси-акуб-нашка», причем его могут носить только отличившиеся бойцы; такое украшение к тому же и дорого, и обладатель его поменяется им только на лошадь. Я должен только заметить здесь, что на большинстве идеализированных картин художника Котлина, изображающих охоту на бизонов, индейцы нарисованы с подобными украшениями. Это совершенно неверно. Индеец, как на охоту, так и на войну, идет без всякого украшения; только талисман свой он никогда не забывает. Большие перистые гребни носят, правда, известными предводителями в большом сражении или во время битвы, причем только в редких случаях, на охоте же никогда. Точно так же индейцы прикрепляют часто орлиные перья к своему оружию или же носят их в волосах; крылья же служат им веерами».

Другой крупный орел — **могильник** (*Aquila heliaca*) значительно менее беркута: длина его достигает только 80-86 см, размах крыльев 1,9-2,2 м, длина крыла 60-63, хвоста 27-29 см; таким образом, самка этого вида не вполне достигает размеров самца беркута.

Область распространения могильника очень обширна, она простирается от Венгрии до Китая. Этого орла правильнее назвать степной птицей, хотя он не избегает лесов на равнинах и в невысоких горах. Как в Европе, так и в Азии, он с наступлением зимы оставляет свое местопребывание, как и другие перелетные птицы, и снова появляется лишь тогда, когда земля освободится от снега, редко ранее последних чисел марта.

Область, в которой могильник живет во время вывода птенцов, может быть гораздо разнообразнее, чем у беркута. В степи, по моим наблюдениям, он селится, главным образом, в местах распространения сусликов, по крайней мере, во время нашего последнего путешествия по Сибири я всегда находил эту гордую птицу в большом числе лишь там, где было много сусликов. Поведение его совершенно отличается от поведения беркута в том отношении, что там, где он может рассчитывать на равнодушие жителей страны, а, быть может, видит и защиту с их стороны, он гнездится в непосредственной близости селений и даже в самих селениях.

Некоторые орнитологи утверждают, что могильник по благородству, мужеству и хищности заметно уступает беркуту; однако это воззрение может быть справедливо лишь отчасти. Принимая во внимание менее значительные размеры могильника, можно сказать, что он ведет себя более или менее сходно с беркутом. В посадке и в полете я не мог найти значительных различий между ним и его более крупным родичем. Совершенно верно, что он чаще охотится за более мелкой дичью, чем беркут, и я считаю вероятным, что в степях, где обыкновенный суслик доставляет ему столь обильную и удобную пищу, он редко нападает на животных, могущих защищаться, а может быть и никогда не нападает на них; но я вполне убежден, что, побуждаемый голодом, он станет действовать так же храбро, как и любой другой представитель того же семейства. Как показывают различные наблюдения, могильник охотится за всякой дичью, соразмерной его величине, которую он рассчитывает догнать и одолеть, от зайца или байбака до мыши и от полувзрослого павлина до воробья.

Большое гнездо могильника, похожее в главных чертах на гнездо беркута, устраивается на деревьях всюду, где они есть, безразлично, какой бы высоты они ни были, в степи, напротив, на земле, а в горах в нишах или на карнизе крутой скалы.

Вероятно, каждая пара могильников ежегодно выводит птенцов в одном и том же гнезде, по крайней мере, пока ее не тревожить. Замечают, что пара занимает гнездо тотчас по возвращении весной и храбро защищает его против всех птиц, которые хотят завладеть им или лишь приближаются к нему. В течение всего времени вывода птенцов самец, по словам Фармана, постоянно на страже, то делая красивые круги над гнездом, то сидя поблизости от него на соседнем дереве; он слетает при малейшем намеке на опасность и предостерегает самку грубым, каркающим криком, после чего последняя оставляет гнездо и начинает описывать круги вместе с самцом. Если приближается другой могильник или вообще хищная птица, то самец тотчас загораживает дорогу и бьется с ним не на жизнь, а на смерть.

Внимание Фармана было однажды привлечено громким карканьем и хриплым криком двух птиц этого вида, между которыми происходил один из таких серьезных поединков на высоте около 100 м над землей. Битва продолжалась, по крайней мере, минут 20. Она началась с того, что оба бойца описывали на известном расстоянии круги один вокруг другого; затем то один, то другой переходил к нападению, причем со всех сил бросался на противника. Тот очень ловко уклонялся от удара и нападал в свою очередь.

Могильник (*Aquila heliaca*)

Битва продолжалась, таким образом, долгое время. Затем орлы разлетелись на некоторое расстояние, один вдруг обернулся и снова с величайшей яростью бросился на ненавистного врага, который теперь с громким криком тоже пустил в дело свое оружие. Клюв, когти и крылья — все было в действии, оба орла двигались так быстро и сильно, что наблюдатель мог видеть лишь кружащуюся в воздухе, перепутанную массу перьев, не поддающуюся никакому описанию. Наконец, оба так крепко вцепились когтями друг в друга, что не могли более действовать крыльями и, кувыркаясь, сваливались метров на 30 или 40 вниз, после чего высвободили свои когти и снова разделились на короткое время. Этим окончилась первая схватка. Вторая началась таким же образом, как первая, причем время от времени одна из птиц делала притворное нападение на другую. Но скоро они переменили прием боя, и каждая старалась, описывая тесные круги вокруг другой, подняться выше противника; наконец, это действительно удалось одному из орлов, и он мог всею тяжестью устремиться вниз. Могильник, подвергшийся нападению, мгновенно перевернулся на спину и встретил врага вытянутыми вперед лапами. Оба снова вцепились друг в друга, кружась, спустились вниз более чем на 100 м и, почти достигнув земли, снова разъединились. Битва продолжалась с такой же яростью, пока одному из них не удалось, наконец, схватить своего храброго противника после сильного удара на высоте около 100 м над землей. Тот мужественно встретил врага, вонзил ему в тело когти, и теперь оба тяжело свалились на землю на расстоянии 10 м от наблюдателя. Фарман соскочил с лошади, чтобы поймать благородных бойцов, но они выпустили друг друга и улетели в разные стороны. Лужи крови на земле достаточно показывали, как серьезна была битва.

В первых числах апреля, в России на месяц позднее, кладка, состоящая из двух, самое большее из трех яиц, бывает обыкновенно закончена. Яйца, представляющие заметные различия по величине, форме и цвету, обыкновенно меньше, чем яйца беркута; они длиной 70-82 мм, толщиной

54-60 мм и на белом фоне разрисованы разбросанными по всему яйцу довольно частыми фиолетово-зелеными, бледными красными или светло-бурыми точками и пятнами, но могут быть и без пятен. Самке достается по обыкновению главная часть труда вывода птенцов; но и самец принимает в этом участие, чтобы дать своей подруге возможность принести себе добычу по собственному выбору. Иногда оба родителя одновременно оставляют гнездо на долгое время, хотя в нем еще яйца*.

* Обычно самка оставляет гнездо с яйцами только чтобы съесть принесенную самцом добычу. Птицы оставляют гнездо без присмотра только в тех случаях, когда их беспокоят или преследуют.

Возвращаясь, они всегда приближаются к гнезду осторожно, не кружатся над ним, а быстро прилетают и, не останавливаясь, тотчас бросаются в гнездо. Птенцы, которые вылупливаются из яйца после высиживания, дрящегося около месяца**, в Венгрии в первых числах мая, подобно родичам, одеты густым, белым пухом.

* * *Насиживание у могильников на самом деле длится почти полтора месяца.*

Выкармливаются обоими родителями так, как было описано выше относительно беркута, и становятся способными к лету приблизительно около половины июля, а в северной области распространения могильника соответственно позднее.

Могильники, вынутые из гнезда молодыми, становятся столь же ручными и их можно также дрессировать для охоты, но, как единогласно уверяют киргизы и монголы, они далеко не оказывают таких услуг, как беркут.

Из больших орлов в Германии более распространен **малый подорлик** (*Aquila pomarina*). Он значительно меньше беркута и могильника. Длина его равна от 65 до 70 см, размах крыльев 168-185, длина крыла 48-52, а хвоста 24-26 см. Преобладающую окраску составляет очень равномерный слабо блестящий кофейно-бурый цвет, который весной и летом бледнеет до тусклого земляного бурого и на шее становится несколько светлее. Радужная оболочка глаз желтая с отдельными бурыми точками, а у самки золотисто-желтая с красными точками на нижней стороне глаза; восковица желтая; клюв на конце черный; неоперенные части ног желтые. Молодые птицы всегда заметно темнее старых.

В настоящее время достоверно известно, что малый подорлик населяет, кроме северной Германии, лишь Польшу, западную Россию, Венгрию, европейскую часть Турции и Грецию. Посещает во время перелета западную Германию, Францию, Швейцарию и Италию, может быть, и северо-восточную Африку, иной раз залетает также в Голландию, Великобританию и Швецию; но его совершенно нет уже в Испании.

Подорлик любит влажные и болотистые местности, а потому селится преимущественно в лесах по речным долинам и в лиственных лесах.

Малый подорлик (*Aquila pomarina*)

По своему нраву он не так привлекателен, как его родичи. Это самый робкий и безбидный из орлов, которых я знаю. Характер его смирный, гораздо более похож на характер сарыча, чем орла; уже его внешний вид, его взгляд выдают это. Сидя, он имеет неблагородный вид, на лету же выказывает себя настоящим орлом. Он тоже поднимается высоко в воздух и парит, особенно в хорошую погоду, по целым часам, описывая великолепные круги. Голос его далеко раздающийся крик. Хорошее настроение он выражает приятными звуками, которые Науман сравнивает с тихим звоном колокольчика.

Пища подорлика состоит из мелких позвоночных. У нас его любимую пищу составляют лягушки, а может быть и другие земноводные, пресмыкающиеся и мелкие грызуны. При всяких обстоятельствах лягушки остаются его главной пищей, и этим достаточно объясняется, почему он встречается чаще или реже или вовсе отсутствует в той или другой области. Гомейер нашел в его желудке также остатки щуки, из чего можно заключить, по крайней мере, то, что он ест рыб, когда

может овладеть ими, мертвыми или живыми — этот вопрос я оставляю открытым. Гораздо чаще он охотится за пресмыкающимися: ящерицами, ужами, а может быть и гадюками. Птицей, приносящей вред высшим животным, он становится лишь к концу периода размножения. Его можно видеть сидящим на отдельно стоящих деревьях, на камнях или столбах и подстерегающим добычу. Заметив что-нибудь, он быстро спускается на землю и старается схватить замеченное животное. В случае нужды даже делает быстрые прыжки вслед за ним или быстро идет большими шагами, как ворона; насколько мне известно, так не поступает никакой другой орел. Бросается ли он на водяных птиц, как не раз утверждали, я не могу сказать; но я могу уверить, что и он отнимает у сапсана добычу. На падаль подорлик опускается очень охотно.

Малый подорлик больше держится леса и, как кажется, посещает безлесные местности лишь в том случае, если принужден к этому. В лесу он предпочитает определенные места; для устройства гнезда выбирает, как сообщил мне Гомейер, место поблизости от маленькой лесной поляны, чтобы по возможности беспрепятственно сквозь ветви слететь с гнезда. Если лес холмистый, то гнездо обыкновенно находится на высоте, но всегда расположено так, чтобы орел, слетев, мог скоро попасть на открытое место, не встречая препятствия со стороны чащи ветвей. Он редко гнездится в очень маленьких лесах и, напротив, очень охотно в рощах, окруженных со всех сторон лугами, так как здесь он может заниматься охотой самым удобным образом. Для гнезда он выбирает старые толстые деревья. Дубы и буки, по-видимому, предпочитает другим деревьям. Хвойными он довольствуется весьма редко; гораздо чаще можно найти гнездо на березе или ольхе. Сам он строит гнездо лишь в крайнем случае, а отыскивает себе подходящее гнездо сарыча или ястреба; охотно высиживает поочередно в двух гнездах, один год в одном, другой в другом. До кладки яиц всегда натаскивает в гнездо несколько хворостин, а во время вывода птенцов, подобно другим орлам, неизменно украшает гнездо зелеными ветвями для того, чтобы закрывать ими себя или птенцов или же чтобы иметь возможность держать гнездо в чистоте. Благодаря новым ветвям гнездо, в котором постоянно живут подорлики, вырастает с годами до значительной высоты. В первых числах мая, а в виде исключения уже в конце апреля, самка кладет в течение трех или четырех дней два яйца, из которых обыкновенно и состоит кладка. Одно яйцо можно найти в гнезде лишь в том случае, если данной паре помешали; три яйца принадлежат к числу величайших редкостей. Обе птицы принимают участие в высиживании, сидят на яйцах чрезвычайно усердно, необыкновенно любят свое потомство и редко выказывают страх при виде человека, если не подвергались ранее многократным преследованиям.

Спугнутый с гнезда высиживающий подорлик обыкновенно очень скоро возвращается назад. Если подходить к месту высиживания, то он медленно поднимается на гнезде и часто долго смотрит на человека, прежде чем решится слететь. Иногда он сидит так крепко, что оставляет гнездо лишь после того, как несколько раз захлопают в ладоши. Если же он слетает, то всегда странным образом. Именно, бросается сначала вниз, своеобразно качаясь из стороны в сторону, пока не будет в состоянии распушить крылья. Описав несколько кругов над вершинами деревьев, он возвращается обратно на небольшое расстояние от гнезда, садится на ближайшее дерево и начинает жалобно кричать. Если у него похитить яйца, то он обыкновенно оставляет гнездо, но не во всех случаях. Выклюнувшимся птенцам оба родителя приносят столько пищи, сколько могут, и теперь еще земноводные и пресмыкающиеся составляют главную пищу и родителей, и детенышей. По словам Мехленбурга, часто можно видеть, как старики приносят в гнездо больших змей.

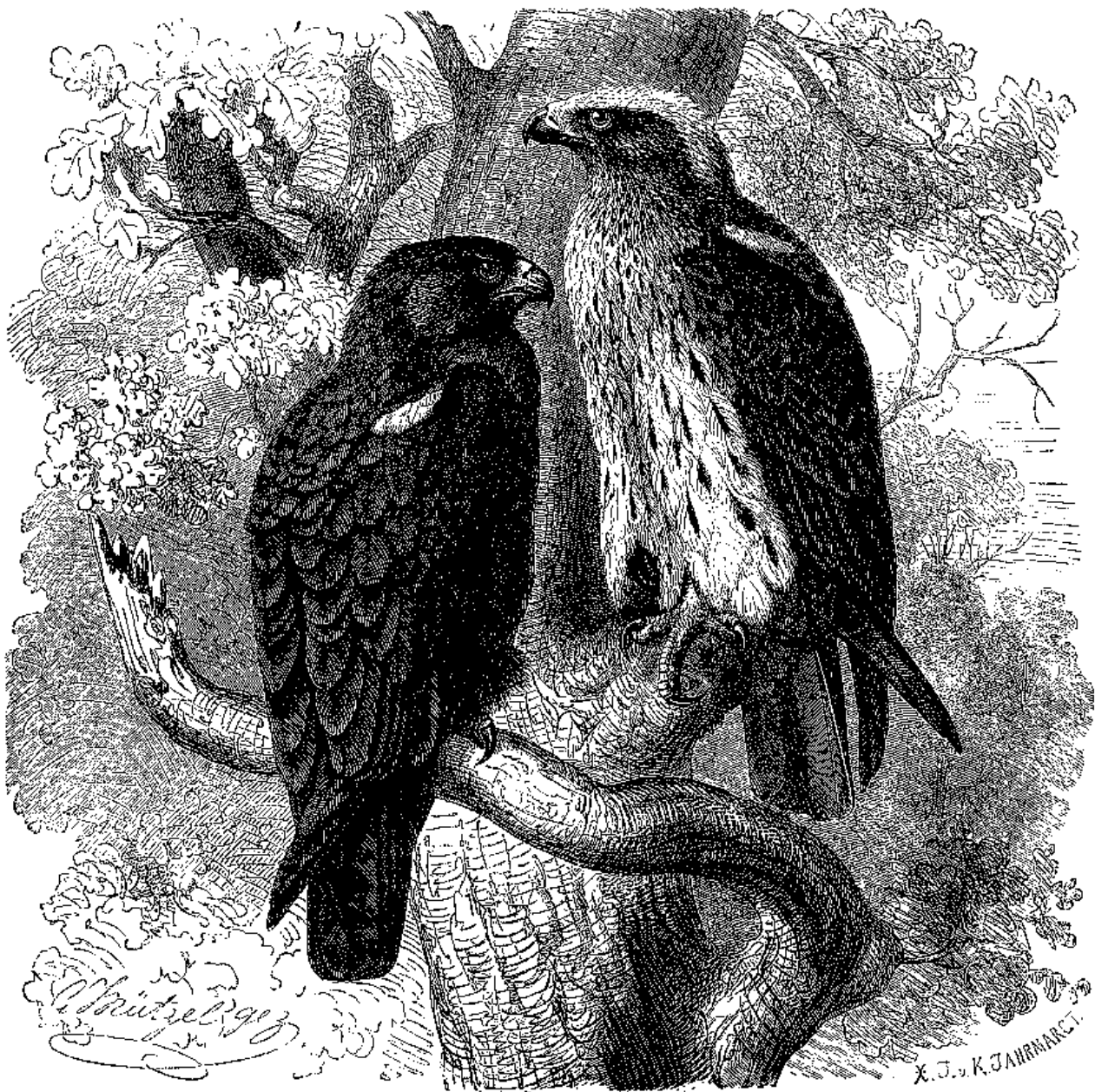
Подорлики, воспитанные смолоду, становятся настолько же ручными, как и любая другая хищная птица. И даже подорлики, пойманные взрослыми, скоро привыкают к неволе.

Помимо более сильных хищных птиц, которые овладевают его гнездом, паразитов, живущих на его коже и во внутренностях, воронов и ворон, которые с криком преследуют его, этот орел не имеет врагов среди животных. Но, к сожалению, у него много врагов среди стрелков и собирателей яиц, и последние принадлежат к числу самых злейших, самых безжалостных. Я никогда не стану отрицать пользы научно составленной, богатой коллекции яиц, но тот вред, который причиняет безрассудный собиратель птицам, гораздо больше той пользы, которую его рвение может иметь для орнитологии. Так как гнездо подорлика легко найти, то он и подвергается злейшим преследованиям со стороны этих грабителей, и из многих лесов он уже буквально прогнан. К огорчению всех тех, кому эта большая, безбидная и почти безвредная хищная птица доставляла радость и удовольствие.

Охота за подорликами не особенно трудна; он становится осторожным и пугливым лишь в том случае, если испытал многократные преследования. Из винтовки его убивают без труда; обыкновенно при некоторой осмотрительности можно к нему подойти и с дробовиком. Я полагаю, следу-

ет как можно меньше преследовать его, так как из всего, что я мог узнать, сделал заключение, что он приносит гораздо больше пользы, чем вреда. Быть может, подорлик иногда и схватывает взрослого зайца или серую куропатку, но этот незначительный вред он более чем заглаживает своей охотой на мышей.

Орел-карлик (*Hieraetus pennatus*), быть может, самая привлекательная птица во всем роде. Длина самца равна 47 см, размах крыльев 113, длина крыла 36, длина хвоста 19 см. Самка длиннее на 4 см и имеет на 8 см больший размах крыльев, чем самец.

Орел карлик (*Hieraetus pennatus*)

Орел-карлик распространен по большей части юго-западной и юго-восточной Европы и Азии.

Подобно другим перелетным птицам, он собирается на удобных пролетных путях, например, около Босфора и в долине Нила, в настоящие стаи; напротив, прибыв на зимние квартиры, стаи до некоторой степени снова разбиваются. Это я наблюдал, по крайней мере, в Египте и в центральной Африке. И там, и тут я часто встречал эту птицу. В конце марта 1852 года я встретил столь многочисленные перелетные стаи, что в три дня смог убить около 20 штук.

Орел-карлик — настоящий благородный орел по нраву и характеру. Он отличается от своих более крупных родичей, по-моему, двумя особенностями: большей ловкостью и меньшей осторожностью. Полет его быстр, силен и легок, подолгу бывает парящим и припадении на добычу он быстр, как стрела. Гебель, который многократно имел случай наблюдать этого орла, говорит: «Карликовый орел, играя, охотится лишь короткое время днем, беспокоит каждую пролетающую мимо более крупную хищную птицу, живет в вечной вражде с балобаном; вражда эта ведет к ежеминут-

ным битвам высоко в воздухе, причем обе ловкие птицы исполняют всевозможные фокусы при полете и доставляют наблюдателю высокое наслаждение». Эти слова я считаю справедливыми, так как и меня появление этого орла всегда приводило в восторг. Для собственного увеселения он крайне привлекательным образом долгое время кружит над одним местом и любит подниматься на значительную высоту; на охоте, напротив, парит довольно низко над землей и, по наблюдениям графа Лацара, нередко трепещет на месте, как пустельга. Садясь на деревья, он редко выбирает высочайшие вершины, а по большей части опускается на нижние ветви. Здесь он сидит прямо, часто долгое время не двигая ни одним членом, но обращает внимание на все, что происходит около него, а больше всего смотрит на возможную добычу. Самцы и самки держатся всегда вместе, даже во время перелета. Я никогда не видел в Африке одинокого карликового орла; всегда держались вместе пары или целые общества. Этой постоянной взаимной привязанности птиц одной пары соответствует и поведение этих птиц у гнезда.

Голос орла-карлика бывает различен. Во время спаривания и вывода птенцов его голос состоит всегда из звучного крика, который повторяется по несколько раз, смотря по обстоятельствам, под влиянием страха или радости. Но коль скоро дело вывода птенцов окончено, и родители начинают водить птенцов с собою и приучать к охоте, крик орла изменяется. Особенно крик птенцов звучит настолько глухо, что в нем едва ли можно узнать чистый звук, издаваемый этими птицами весной.

Орел — очень энергичный хищник; мелкие птицы составляют главный предмет его охоты. Граф Лацар указывает, что он питается стренатками*, жаворонками, щеврицами**, вьюрками, перепелками и куропатками; граф Водзицкий указывает кроме того на скворцов и синиц; я находил в его зобе остатки горлиц.

* *Камышовые овсянки.*

* * *Коньки.*

Кроме своей любимой дичи карликовый орел охотится и за мелкими млекопитающими, именно за мышами, и Гебель находил зобы исследованных им экземпляров наполненными ими; точно так же он не пренебрегает и пресмыкающимися; в Испании, по наблюдениям моего брата, очковая ящерица составляет даже существенную часть его пищи. Вероятно, карликовый орел несколько не уступает ястребу и с одинаковою ловкостью ловит птиц и на лету, и сидящих. «На одном болоте, — рассказывает граф Водзицкий, — большие стаи скворцов занимались отыскиванием пищи и, по видимому, приманили карликового орла из соседнего леса. Он кружил, делая прекрасные повороты, над скворцами, которые поминутно взлетали и снова садились. Эта игра наскучила орлу, и он пожелал принудить их взлететь, чтобы скорее добыть себе завтрак. С быстротою молнии он бросился по прямой линии вниз на скворцов. Испуганная стая старалась скрыться в деревьях, под которыми я отдыхал. Несмотря на незначительное расстояние и на то, что птицы подлетали к ивам, орлу удалось схватить одну из них. Когда орел спускался вниз, его невероятно быстрый полет производил громкий шум. После удачного лова хищник взлетел на ближайший сарай, уселся на крыше, не обращая внимания на охотников и собак, долгое время с большою осторожностью осматривался вокруг и затем начал ощипывать скворца. Это приготовление обеда продолжалось более четверти часа, и когда я затем застрелил орла, скворец был так прекрасно ощипан, как будто бы его приготовлял самый лучший повар». Охотнее всего карликовый орел охотится в лесу, где ловит добычу почти таким же способом, как ястреб. В Египте ему доставляют обильную добычу пальмовые леса, и здесь он ревностно охотится главным образом за горлицами; только в сапсане они имеют, быть может, еще более страшного врага, чем в этом ловком орле. Его хищнические способности вполне признают хищные паразиты; подобно сапсану, и карликовый орел подвергается ревностным преследованиям коршунов, как только достанет добычу, и он тоже принужден оставлять ее иногда этим наглым попрошайкам.

По отношению к филину карликовый орел обнаруживает смертельную ненависть. «Я хотел, — пишет мне граф Лацар, — застрелить подорлика, выставил поэтому своего филина на выкошенном лугу и спрятался в ожидании за кучу сена. Я увидел тогда маленькую бурю хищную птицу, которая подлетела с такою поспешностью, что я едва успел схватить ружье. Карликовый орел, которого я скоро признал в этой хищной птице, бросился со всех сил на филина. Раздался выстрел, но птица благополучно улетела. Однако она не удалилась, а поднялась лишь на высоту около 150 м и более полчаса описывала круги над филином. Наконец орел снова бросился вниз и приблизился на расстояние выстрела; но мной овладела охотничья лихорадка; я выстрелил и промахнулся опять. Когда орел удалился после этого, я потерял всякую надежду, но через 10 минут он снова возвратился, снова стал кружить и в третий раз бросился вниз. На этот раз я убил его».

Охота за орлом-карликом, как можно видеть из сказанного, представляет мало трудностей. Верная привязанность птиц одной пары часто становится гибельной для обоих; я почти всегда мог убивать этих птиц парами. Можно ли ловить карликового орла в капканы так же, как других родичей его, я не могу сказать.

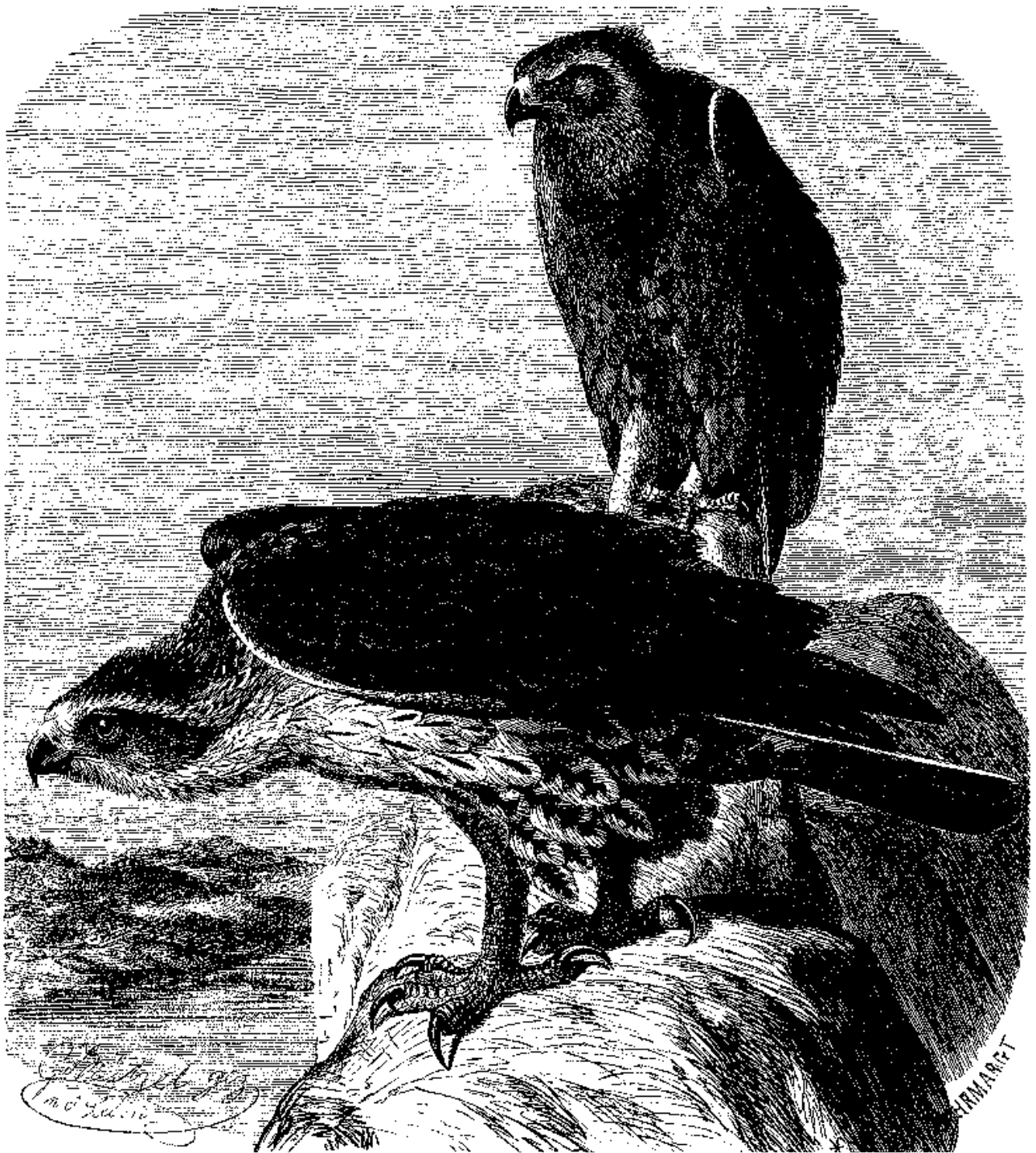
Карликовые орлы, взятые из гнезда молодыми, становятся, при надлежащем уходе, такими же ручными, как и другие орлы.

В Испании карликового орла иногда своеобразно дрессируют. Какая-то изобретательная голова напала на мысль пользоваться птицами для гадания о счастье. Для этой цели человек становится на бойком месте с ящиком, в котором сидят разные хищные птицы, и приглашает прохожих дозволить птицам выбрать для них счастливый номер лотереи. Соколы, а между ними и наш карликовый орел, приучены брать клювом билеты из кучи, которую фокусник держит перед ними, и таким образом выбирают их. По-видимому, держатся того мнения, что, благодаря такому приему, счастье в буквальном смысле слова приносится с неба.

Ястребиный орел (*Hieraaetus fasciatus*). Стройное тело, относительно короткие крылья, очень длинный хвост, длинные ноги, оперенные до пальцев, высокая плюсна и большие, сильные лапы с длинными, слабо согнутыми когтями и, наконец, вытянутый в длину, но все же сильный клюв служат отличительными признаками ястребиного орла. Длина его равна 70 см, размах крыльев 145, длина крыла 45, а хвоста 26 см. Самка на 8 см длиннее и, по крайней мере, на 10 см больше в размахе крыльев.

Ястребиный орел населяет в довольно большом числе экземпляров южную Францию, Испанию, Португалию, южную Италию, Грецию и Турцию, северо-западную Африку, а также, вероятно, Туркестан и всю Индию, от Гималайских гор до крайнего юга. В Греции и южной Италии он не редок, в Испании и Алжире это самый обыкновенный орел. Местопребыванием его служат здесь горы, лишенные леса, с крутыми скалистыми склонами. В Индии живет преимущественно в холмистых местностях, поросших джунглями.

Он не совершает перелетов, но во время спаривания кочует и часто собирается при этом в общества, состоящие из довольно большого числа экземпляров. Мой брат Рейнгольд видел раз, как 20 этих орлов пролетали над королевским увеселительным садом около Мадрида. На месте гнездовья, однако, пара этих орлов не терпит около себя другой пары или вообще другой хищной птицы.

Ястребиный орел (*Hieraaetus fasciatus*)

Ястребиный орел чрезвычайно ловкая, мужественная, смелая, дерзкая, даже наглая птица, которая по нраву сходна с ястребом, но во многих отношениях превосходит его по силе и ловкости. Полет его более похож на полет благородного сокола, чем на полет орла, и такому впечатлению существенно способствует стройное сложение птицы. Он, правда, описывает и круги по-орлиному, но летает, делая гораздо более быстрые удары крыльями, и потому подвигается вперед гораздо скорее, чем все остальные известные мне представители этого семейства. Только сидя он держится менее благородно, чем остальные орлы, именно, нагнувшись вперед; однако и он часто держится очень прямо. Взгляд его не только живой, но сверкающий. Ярость и дикость светятся в его глазах, и поведение орла не противоречит этому впечатлению. Он соединяет быстроту сокола с ловкостью перепелятника, мужество орла с кровожадностью ястреба, не боится никакой другой птицы и нападает на каждую, которая приближается к нему, или для того, чтобы прогнать ее, или для того, чтобы овладеть ею. Мой брат видел, как он бешено дрался с ягнятником; Крюпер рассказывал, как он с ожесточением бросался на орлана, крайне опасного противника, а также и на грифов; я убедился, что он преследует серого грифа и беркута. Вероятно, он дерется со всякой хищной птицей.

Охотится он, как я полагаю, за многими животными, как и беркут. Темминк, впервые описавший его, говорит, что он нападает на водяных птиц; однако ястребиный орел вовсе не довольст-

вуется только этой охотой. В Испании это самый страшный враг домашних кур: он уносит их на глазах у людей и преследует с таким упорством, что буквально истребляет всех кур некоторых уединенных крестьянских дворов. Не менее ревностно преследует он и голубей. Млекопитающим, величиной до зайца, угрожает постоянно. «Однажды, — рассказывает Тачановский, — поблизости от лежащего среди пустыни леса мы увидели, как самка бросилась на зайца, умертвила его одним ударом и не позволила подоспевшему самцу принять участие в этой добыче. Другой раз во время охоты с соколами на вихляя мы заметили, что сокола не хотели бросаться на добычу. Причиной этого было то, что вдруг с высоты спустился ястребиный орел и тотчас убил эту дрофу». В Индии он, по словам Жердона, охотится за зайцами, джунгловыми курами, цаплями, утками и другими водяными птицами, по словам индусов, также за ключачами, по уверениям туземных соколятников, далее за их ручными или дрессированными соколами. Жердон видел сам, как ястребиный орел бросался последовательно на зайца, джунглевого петуха и павлина, но тщетно, так как густота джунглей делала безуспешными его нападения. Одна пара орлов регулярно посещала одно село, чтобы ловить в нем кур. Эллиот уверяет, что он видел, как два ястребиных орла почти одолели павлина, по крайней мере, сбили его на землю.

Все животные, которых преследует ястребиный орел, хорошо знают, как он страшен, и стараются поэтому избежать встречи с хищником. «Когда я, — рассказывает Пауис, — хорошо спрятавшись в ситнике на берегах озер в Албании, подстерегал уток и водяных курочек, то часто замечал, какое впечатление производило появление ястребиного орла. Все водяные птицы едва обращали внимание на камышовых луней, которые парили над ними, и едва поднимали головы, когда показывался подорлик. Но лишь только появлялся ястребиный орел, водяные курочки бежали к ситнику, утки, вытянув горизонтально шеи, распластывались на воде, и со всех сторон раздавались крики предостережения и страха, пока страшный хищник не пролетал мимо. Я видел два раза, как эти орлы бросались на птиц, которых я ранил, но никогда не мог выстрелить в них».

Гнездо часто помещается в углублениях на крутых склонах скал, в местах, по возможности безопасных*.

* В некоторых местностях, например Туркмении, ястребиные орлы делают гнезда на деревьях.

Обе птицы высидывают поочередно и часто сидят одновременно на гнезде. Яйца они поворачивают клювом, от этого и происходят царапины, которые можно видеть на яйцах, долго подвергавшихся насиживанию. Следует предположить, что ястребиные орлы защищают своих птенцов с таким же мужеством, какое они обнаруживают вообще; но на человека, угрожающего их потомству, они все же, кажется, не нападают.

Жердон думает, что этого орла можно было бы легко дрессировать для охоты за антилопами, зайцами, дрофами и тому подобной крупной дичью. Вероятно, он прав.

Зимняк (*Buteo lagopus*) живет в северных странах, а особенно в тундре**.

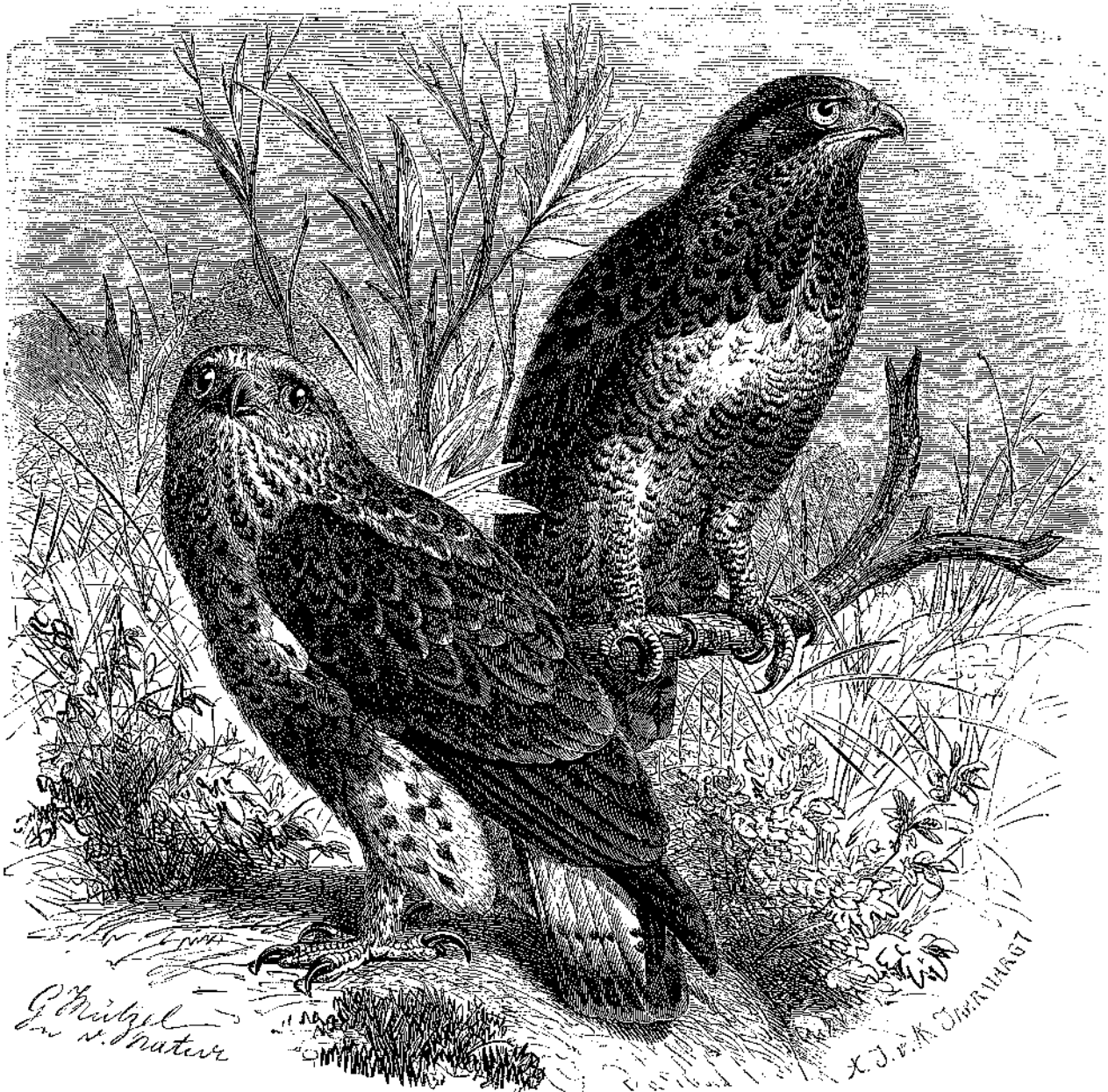
* * В умеренных широтах зимняк появляется поздней осенью или зимой. Иногда зимует.

Клюв его мал и узок, сильно согнут и снабжен длинным крючком; большие крылья, в которых третье или четвертое маховое перо длиннее других, достигают в сложенном положении конца длинного закругленного хвоста. Оперение рыхлое, в области зоба превращенное в щетинки; перья большие и длинные, а те, которые покрывают голову и затылок — средней длины и закруглены. Необыкновенно разнообразная окраска представляет смесь белого, желтовато-белого, красно-серого, буро-черного и бурого цветов. Длина равна 65 см, размах крыльев около 150, длина крыла 45, длина хвоста 24 см.

Хотя и говорят, что зимняк гнездился в различных частях Германии, тем не менее, Германия лежит вне пределов области, где он выводит птенцов. Областью этой надо считать тундру. Доказано, что эта птица гнездится в северной части Великобритании, именно в Шотландии, вероятно, лишь в тех местах, которые похожи на тундру*.

* В настоящее время зимняк в Шотландии не гнездится, лишь изредка зимует.

В Европе его встречают летом чаще всего в Скандинавии и северной России; в Сибири мы наблюдали его лишь у северного края пояса лесов, а гораздо чаще в настоящей тундре. В Северной Америке, где он тоже встречается, без сомнения, замечается то же самое. Даже там, где он гнездится южнее, он отыскивает для жительства такие места, которые сходны с тундрой или, строго говоря, представляют тундру.

Зимняк (*Buteo lagopus*)

Из северной России он посещает южные части страны или направляется в области, прилежащие к Черному морю; из Сибири перекочевывает до степей Туркестана. В Туркмении Вальтер неоднократно наблюдал его в значительном числе в течение марта в высокогорном ущелье.

Опытный наблюдатель может отличить зимняка от его туземных родичей особенно на лету. Благодаря более длинным крыльям с черными пятнами на сочленении и бросающемуся в глаза рисунку хвоста, общий вид его на лету достаточно отличает его от сарыча. Движения обеих птиц тоже различны, так как зимняк, ударяя крыльями, опускает их ниже и после каждых двух или трех ударов пролетает обыкновенно некоторое расстояние паря. Помимо этого, оба вида так мало различаются по своей жизни зимой, что можно без колебания относить к одному из них то, что случается наблюдать над другим. Гораздо скорее и определеннее можно указать на различия в летней жизни обеих столь родственных между собою птиц. Проезжая по тундре, наверное, заметишь уже в первые часы путешествия, а по крайней мере в первые дни, пару зимняков, которые или описывают круги высоко в небе или, подобно сарычам, парят низко над землею, время от времени трепеща крыльями, пролетают некоторое расстояние и снова останавливаются, чтобы высмотреть пеструшку. Если посетить тундру в последние дни июля, то такая птица, наверное, заметив человека, подлетит к нему и громким криком будет выражать свой страх, чтобы он не тронул гнезда. Дело в том, что около этого времени из 4-5 яиц, которые едва можно отличить от яиц нашего сарыча, уже вылупились птенцы и сидят на гнезде в пушистом пуховом наряде, ожидая родителей. Гнездо находится в тундре на таком месте, где до него можно добраться без затруднений. Правда, зимняк никогда не упустит случая воспользоваться деревьями или удобными впадинами скал. Но в большинстве

случаев не может сделать этого потому, что во многих местах той своеобразной области, где он выводит птенцов, есть достаточно пищи, но нет деревьев или скал, а потому зимняк вынужден устраивать гнездо прямо на земле. Для постройки его употребляются исключительно тонкие ломкие ветви. Дело в том, что птице стоит немало труда достать себе даже и такие. Пролетая большие пространства, зимняк лишь кое-где находит случайно отломанную ветку карликовой березы, а в самом благоприятном случае вырванный куст этого дерева или сухую ветку лиственницы, которую может употребить в дело. Понятно поэтому, что он довольствуется самыми незначительными ветвями и употребляет при постройке основания гнезда даже такие, которые не толще, чем переплетенные между собой ветви верхушки карликовой березы, на которых находятся гнездо. Тяжесть гнезда тем не менее настолько значительна, что гибкие, упругие ветви карликовой березы, которые сгибаются даже под тяжестью птицы, прижимаются к земле, как бы сливаются с самим гнездом и таким образом, строго говоря, образуют нижнюю часть его. Если зимняк найдет оленью шерсть или другие мягкие вещества для выстилки гнезда, то приносит и их, если же не найдет, то довольствуется тем, что выстилает очень плоское углубление гнезда, а иногда и нижнюю часть его очень тонкими ветвями и отдельными стеблями ситника*.

* *Весьма типично для зимняка устройство гнезд прямо на земле, лоток гнезд он, как правило, выстилает сухой травой, оленья шерсть — случайная примесь.*

В северной Скандинавии он кладет яйца, по наблюдениям Уоллея, между половиной мая и концом июня, в тундре западной Сибири, по-видимому, тоже не позднее. В конце и начале августа мы находили в различных гнездах птенцов в пуховом наряде.

Животное, которое привязывает зимняка к тундре, — пеструшка** и другие грызуны.

* * *Пеструшка — это старое название леммингов.*

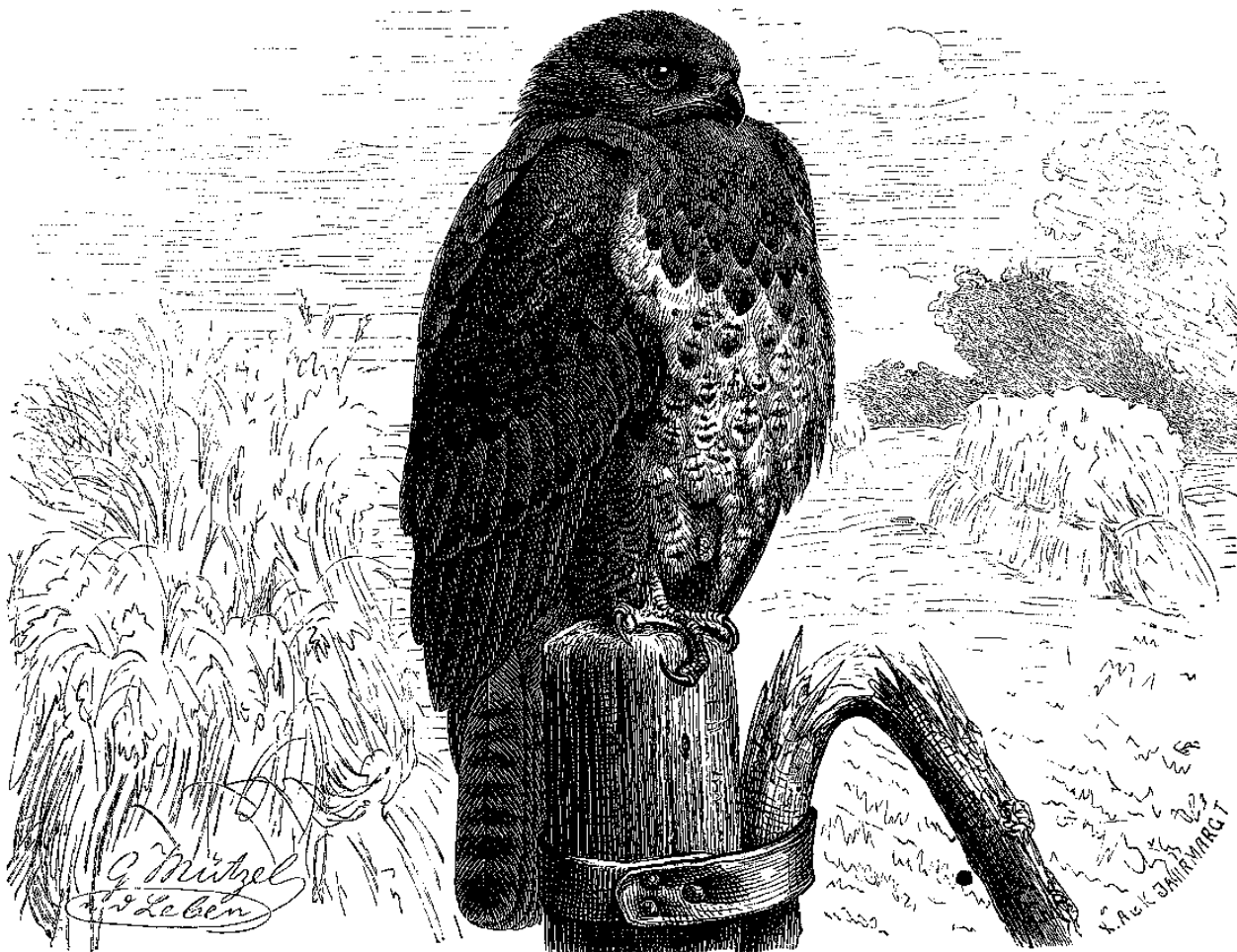
Благодаря чрезвычайному обилию этих животных, птица в течение самого важного времени ее жизни никогда не терпит нужды. Пеструшек она ловит без труда, сколько хочет и сколько ей нужно. Ими зимняк питается сам и кормит своих птенцов. Он не пренебрегает и другими животными тундры. Может быть опасным и зайцам, когда подрастающие птенцы более обыкновенного побуждают его хищничать. Это можно заключить из тех наблюдений, которые мы собрали относительно канюка во время зимнего пребывания его у нас в Германии. Правда и здесь мыши, обыкновенные и земляные полевки, составляют его главную пищу. Замечательный случай произошел однажды, когда я отправился на охоту с одним знакомым после того, как выпал первый снег. Сделал выстрел по куропаткам, от которого одна из них упала на расстоянии приблизительно 300 шагов. На нее тотчас уселся зимняк, но на него не менее быстро бросился другой, и оба вцепились друг в друга когтями. Прежде, чем мы успели подъехать к ним рысью, между ними сидел уже третий.

При глубоком снеге, когда мыши показываются редко, эта птица становится особенно опасной для серых куропаток. Тем не менее, зимняк принадлежит к птицам преимущественно полезным, хотя и могут встретиться случаи, когда действительно необходимо избавиться от него. Я охотно заявляю о своем согласии с последними словами.

Обыкновенный канюк (*Buteo bateo*). Отличается маленьким, узким, сильным, согнутым клювом, неопределенными плюснами, относительно короткими лапами, широкими крыльями, в которых маховые перья от третьего до пятого равной длины между собой и длиннее остальных, и коротким, прямо усеченным хвостом, который покрыт сложенными и крыльями. Достигает длины в 50-56 см при размахе крыльев в 120-125 см; длина крыла равна 38^Ю, длина хвоста 26 см. О цвете его трудно сказать что-нибудь общее, так как окраска канюка чрезвычайно разнообразна и редко можно видеть двух, окрашенных одинаково. У некоторых равномерная черно-бурая окраска с поперечными полосами на хвосте. У других верхняя сторона, грудь и голени бурого цвета, а остальные части светлые буро-серые с поперечными пятнами. Третьи светло-бурого цвета с продольными черточками до самого хвоста; четвертые желтовато-белого цвета с темными маховыми и хвостовыми перьями, с пятнами на груди, с поперечными полосами на рулевых перьях и т.д. Глаза в молодости серо-бурые, позднее красновато-бурые, в старости серые; восковица желтого цвета; ноги светло-желтые; клюв у основания голубоватый, на конце черноватый.

Опытный наблюдатель узнает канюка с первого взгляда, все равно, сидит ли он или летает. Обыкновенно он сидит съжившись, с мало прилегающими перьями, охотно на одной ноге, согнув другую и спрятав ее в перья. Камень, земляной бугор или дерево, которое он выбрал для отдыха, служат ему сторожевыми пунктами, с которых он обзревает свою область. Летает он медленно, но легко, почти без шума и пролетает большие пространства паря. Во время охоты сарыч часто долгое время трепещет над одним местом, чтобы самым тщательным образом осмотреть его или чтобы хорошенько присмотреться к замеченному животному. Нападая, он падает на землю, плотно прижав

крылья к телу, расправляет их внизу, пролетает еще некоторое расстояние над землей и затем хватается своей добычей, широко расставив лапы. При обыкновенной охоте он редко поднимается на значительную высоту, но весной, и именно во время спаривания, поднимается вверх необыкновенно высоко и проделывает при этом фокусы, которые от него нельзя было бы и ожидать. «Там, где он гнездится, — совершенно верно говорит Альтум, — он составляет истинное украшение местности. Великолепное зрелище представляет пара канюков в ясные весенние дни или позднее, когда они носятся над лесом, описывая чрезвычайно красивые круги. Их громкое и звучное «хиэх» еще увеличивает приятное оживление. После того, как они проделают свои летательные фокусы, один из них складывает крылья и с громким свистом падает в лес; за ним тотчас следует другой».

Обыкновенный канюк (*Buteo buteo*)

Голос канюка похож на мяуканье кошки. Из чувств выше всего стоит зрение; но и слух его остр, осязание тонко, вкус также замечен, а обоняние, быть может, развито более, чем мы думаем. Душевные способности, по-видимому, хорошо развиты: канюк, живущий на свободе или находящийся в неволе, довольно часто обнаруживают большую смывленность и хитрость.

В конце апреля или начале мая канюк селится на своем старом гнезде или строит новое. Он выбирает для этого удобное дерево в лиственных или хвойных лесах и возводит по возможности близко от ствола, на развилине ветвей или в удобной развилине толстых сучьев почти всегда большую постройку, которая увеличивается с годами в объеме, если он не предпочтет воспользоваться гнездом ворона или вороны, которое покажется ему удобным. По большей части он бывает строителем не только для себя, но и для многих других хищных птиц нашего отечества. Гнездо в диаметре около 60, самое большее 80 см. Снаружи оно состоит из более толстых ветвей, которые становятся обыкновенно все тоньше и тоньше и, наконец, выбираются с большой тщательностью, так что плоское углубление гнезда оказывается выложенным нежными зелеными прутиками. Иногда канюк выстилает гнездо также мхом, шерстью животных и другими мягкими веществами. Кладку составляют 3-4 яйца, которые на зеленовато-белом фоне испещрены светло-бурыми пятнами. Самка высиживает, по-видимому, одна, а птенцы выкармливаются обоими родителями сообща.

С канюком происходит приблизительно то же, что и с лисицей. Каждый его проступок замечается неблагоклонными взорами, а полезная деятельность оценивается слишком низко. В глазах

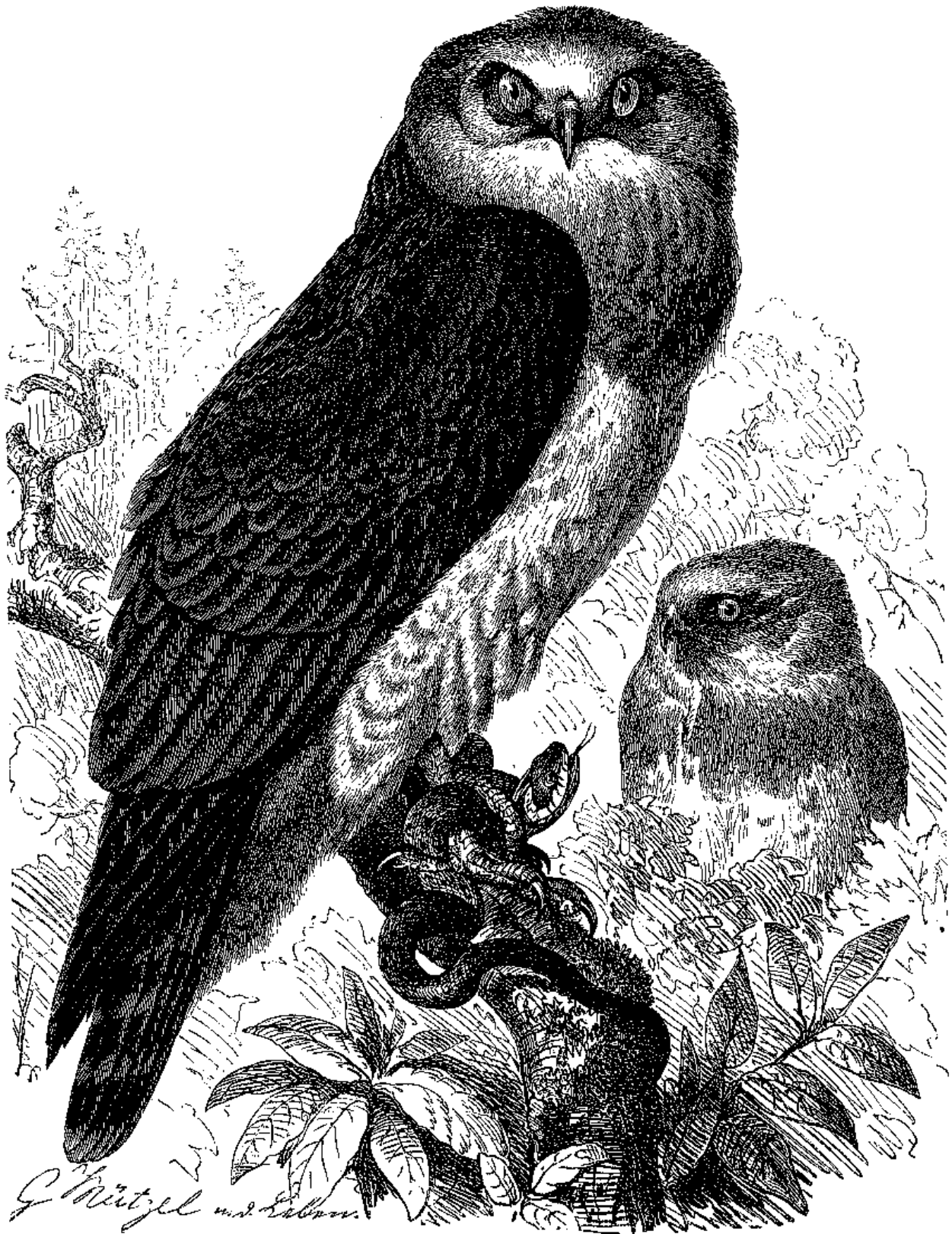
всех охотников это самая вредная хищная птица, и потому он подвергается ожесточенным преследованиям.

Верно, канюк ловит мышей, крыс, кротов, хомяков, змей, лягушек, насекомых, дождевых червей, а также молодых зайцев. Или добывает старых, больных, особенно раненых, и питается их мясом. Верно и то, что он иногда ловит куропаток, возможно, достаточно ловок, чтобы ловить даже летом и осенью здоровых тетерок или фазанов. Далее доказано, что он приносит своим птенцам, кроме только что названных родов дичи, вьюрков, жаворонков, черных дроздов и других молодых птиц, которыми может овладеть; нельзя отвергать, наконец, что он, подобно луням, поедает яйца уток, а может быть и других охотничьих птиц. Но главная пища канюка состоит, тем не менее, из мышей всех видов, крыс, хомяков, сусликов, лягушек, сверчков и других насекомых. Следовательно, он питается животными, которые или приносят нам самый чувствительный вред или, как лягушки, существуют в таком множестве, что истребление нескольких из них не имеет значения. Блазиус вынул остатки 30 мышей из желудка одного канюка, Мартин вскрывал сотни этих хищных птиц, переданных ему для набивания, и во всех зобах находил лишь мышей. Возможно, что мнение Ленца, будто бы канюк, поедая по 30 мышей в день, ежегодно должен истреблять около 10000 этих вредных грызунов, неверно, подобно всем теоретическим вычислениям в этом роде. Но, как бы то ни было, верно то, что канюк приносит больше пользы, поедая мышей, чем вреда, нападая на некоторые виды дичи.

Нельзя при этом забывать и то, что эта хищная птица, как и все родичи ее, более или менее приспособляется к обстоятельствам, а следовательно, в местности, богатой дичью, чаще нападает на дичь, чем в местности, бедной дичью, где ловля ее требует от канюка гораздо больше труда, чем добывание обычной пищи.

Эта птица, о которой часто так несправедливо судят и на которую так клеветают, — один из самых ревностных истребителей гадюк. Ленц произвел самые обширные опыты, чтобы удостовериться в этом, и чрезвычайно прославляет эту птицу. Чтобы оценить по достоинству опасность битв канюка с гадюками надо знать, что он может пострадать от яда гадюк и даже умереть от коварного пресмыкающегося, если бывает укушен в часть тела, обильную кровью. Правда, редко случается, чтобы хищная птица не вышла победительницей из битвы; но некоторые, наверное, погибают в битве с гадюками.

В Европе живет **змеяяд** (*Circaetus gallicus*). Длина его равна 70 см, размах крыльев 180, длина крыла 56, длина хвоста 30 см. Острые перья головы и задней части шеи матово-бурые со светлой каймой. Перья спины, плеч и мелкие кроющие перья крыла темно-бурые с более светлыми краями. Маховые перья черно-бурые с тонкой светло-бурой каемкой, белым краем и черными поперечными полосками. Хвостовые перья темно-бурые с широкими белыми концами и тремя широкими черными поперечными полосками. Лоб, горло и щеки беловатого цвета с узкими бурыми черточками; зоб и верхняя часть груди яркого светло-бурого цвета; остальная нижняя сторона белая с редкими светло-бурыми поперечными пятнами. Кругок из пуха окружает большие глаза; направленные вперед щетинки покрывают уздечку. Глаза желтые, клюв голубовато-черный, восковица и ноги светло-голубые. Молодые птицы мало отличаются от старых.

Змеяяд (*Circaetus gallicus*)

Эту бросающуюся в глаза и легко различимую хищную птицу смешивали, вероятно, прежде со светлыми канюками, пока не начали обращать на нее внимание. У нас это летняя птица, которая прилетает в начале мая и снова оставляет нас в сентябре, чтобы провести зиму в средней Африке и южной Азии с живущими там представителями того же вида. Змеяяд селится в больших, уединенных лесах и ведет здесь, насколько известно до сих пор, поистине тихую жизнь или, по крайней мере, бывает мало заметен. В Индии, где он тоже выводит птенцов, он живет мене, в лесах и джунглях, чем на открытых равнинах, безразлично, сухи ли они или влажны. В северной Африке его можно видеть главным образом зимой, часто обществами по 6-12 штук; он охотно держится на скалах у воды, но еще охотнее в степи, иногда на расстоянии многих километров от воды. В северо-западной Африке его находили гнездящимся.

Образ жизни и поведение, нравы и привычки змеяда несравненно более напоминают нашего канюка, чем какого-нибудь орла. По моим наблюдениям, это спокойная, ленивая, капризная и сварливая птица, которая, по-видимому, обращает внимание лишь на дичь, за которой охотится, и на других змеядов, более удачливых на охоте. У гнезда он по всем данным боязлив и осторожен и не любит кричать; в Африке от него едва ли можно услышать хоть один звук, и он оказывается там одной из самых неосторожных хищных птиц. Усевшись на дерево, змеяд таращит свои большие глаза на приближающегося охотника и думает о чем угодно, но только не о том, чтобы улететь. Однако его можно видеть сидящим на дереве лишь к вечеру и в самые ранние утренние часы; в течение всего остального дня он медленно и не торопясь занимается своей охотой. Он парит, описывая круги, над равнинами, обещающими добычу, или неподвижно сидит около воды, подстерегая дичь. На лету часто трепещет крыльями на месте, как его родичи; припадении медленно опускается вниз и движется еще некоторое время над землей с помощью нескольких ударов крыльями, пока не бросится, наконец, на землю, широко расставив лапы, чтобы схватить намеченное животное. Во время охоты он часто входит в воду и идет вброд по мелкому месту и затем вдруг хватает добычу, вытянув лапу. В полуденное время змеяд посещает песчаные отмели около вод, чтобы напиться, прыгает здесь, как ворон, перелетает с места на место и затем медленно удаляется. В самую сильную жару, в полдень, садится на дерево и сидит по целым часам, по-видимому, без движения, выпрямившись, как человек. Для ночлега он охотно избирает одиноко стоящие деревья, которые позволяют видеть далеко кругом; но и здесь без колебания позволяет человеку подойти.

Змеяд заслуживает свое название, так как он охотится преимущественно за этими пресмыкающимися. Но не довольствуется только ими, а ловит также ящериц и лягушек, преследует рыб и охотится, по Жердону, даже на крыс, мелких птиц, раков, больших насекомых и многоножек. Однако пресмыкающиеся и земноводные, во всяком случае, составляют его любимую дичь. Припадении он действует так рассудительно, что даже самая опасная змея мало может повредить ему или даже не может ничего поделывать, причем это искусство охоты кажется природным. «Мой змеяд, воспитанный смолоду в неволе, — пишет Мехленбург Ленцу, — с быстротой молнии бросается на всякую змею, как бы ни была она велика и бешена, хватая ее одной лапой тотчас позади головы, а другой за спину с громким криком и ударяя крыльями; своим клювом он перекусывает сухожилия и связки позади головы, и животное лежит, неспособное к сопротивлению, в его лапах. Через несколько минут он приступает к еде, причем глотает змею, которая еще сильно извивается, головой вперед и при каждом глотке раскусывает ей спинной хребет. Раз утром он за несколько часов съел три большие змеи, из которых одна была более 1 м длиной и очень толста. Он никогда не разрывает змею, чтобы глотать ее кусками; чешую потом выплевывает в виде комков. Змей он предпочитает всякой другой пище. Я приносил ему одновременно живых змей, крыс, птиц и лягушек, но он, не обращая внимания на животных, находившихся ближе, бросался на змей. Эллиот упоминает, что видел одного змеяда, который был крепко обвит змеей, но так крепко держал ее за голову, что все усилия ядовитого животного были тщетны. Вообще его ловкость и густое оперение представляют единственную защиту от яда змей; самому змеяду яд вовсе не безвреден, как думали прежде.

Гнездо, которое постоянно находится на высоких лиственных или хвойных деревьях, но на различной высоте над землей, а в исключительных случаях и на скалах, строится в начале мая, или же птицы в это время пользуются старым гнездом; дело в том, что пара возвращается много лет сряду на одно и то же место для вывода птенцов, даже если у нее отнимут яйца. Само гнездо не больше, чем у нашего канюка, и состоит из сухих, не особенно толстых ветвей, а его плоское углубление выложено такими же ветвями. Подобно другим хищным птицам, змеяды выстилают углубление гнезда зелеными листьями и прикрепляют к нему зеленые ветви для защиты от солнца. Говорили, что самка кладет два яйца, но всегда находят лишь одно и именно в первых числах мая, скоро после того, как птицы явятся на гнездо. Яйцо продолговато-круглое, относительно большое, с тонкой и шероховатой скорлупой голубовато-белого цвета.

Спариванию часто предшествуют, по словам Тристрама, воздушные игры. Самец и самка гоняются друг за другом с громким криком, поднимаются в воздух, описывают на значительной высоте над землей узкие круги и затем вдруг снова бросаются вниз, самка на гнездо, а самец поблизости от него на то место, где он отдыхает и сторожит. Обе птицы высидывают, по Мехленбургу, в течение 28 дней* и обе принимают участие в воспитании и выкармливании птенцов.

** Длительность насиживания у змеяда составляет около 40 дней.*

В случае опасности озабоченная мать переносит своего птенца на другое гнездо: это, совершенно независимо друг от друга, наблюдали граф Водзицкий и охотники принца фон Вид.

В Африке живет одна из самых замечательных птиц — **орел-скоморох** (*Terathopius ecaudatus*). Цвет и рисунок оперения так же бросаются в глаза, как и его фигура. Прекрасный матово-черный цвет, покрывающий голову, шею, заднюю часть спины и всю нижнюю сторону, резко отделяется от светлой каштаново-бурой верхней части спины, так же окрашенного хвоста, несколько более светлой нижней части спины и широкой полосы на крыльях. Глаза прекрасного бурого цвета с золотистым блеском, клюв у основания красно-желтый, на конце голубоватого цвета; восковица бледно-кораллово-красная. Молодые птицы темно-бурого цвета. Длина самки равна 58 м, размах крыльев 183, длина крыла 58, а хвоста лишь 13 см; самец меньше самки.

Орел-скоморох широко распространен по Африке; его нет лишь на севере, а от Сенегала до берега южной части Красного моря и оттуда до южной оконечности Африки встречается всюду. Он любит горы, но не связан с ними; я полагаю даже, что в настоящей степи он обыкновеннее, чем в гористых странах. На высочайших горах Абиссинии Гейглин не замечал его, но постоянно наблюдал на всех скалистых горных массивах, которые поднимаются над равнинами Судана, а также вдоль низменностей и болот Белого Нила. Его видишь очень часто, но редко имеешь возможность ближе познакомиться с ним. Обыкновенно случается видеть его летающим.

Орел-скоморох (*Terathopius ecaudatus*)

Он летит высоко в воздухе, всегда вне выстрела и осматривает сверху большие пространства. Гейглин узнал, что уже с наступлением дня он покидает высокие деревья, на которых проводил ночь, и, непрерывно летая, кружит по своей области; я не видал его в движении так рано и лишь в виде исключения наблюдал, что он описывал круги. Напротив, я почти всегда замечал, что он летит по прямому направлению, не останавливаясь иначе, как затем, чтобы проделать один из своих летательных фокусов или если заметит добычу. Левальян говорит, что их всегда встречают парами; я должен сказать противоположное: по моим наблюдениям, они всегда показываются поодиночке.

Пара живет, по-видимому, в очень обширной области и кроме времени вывода птенцов редко держится вместе, а обыкновенно порознь.

Даже самый неопытный наблюдатель легко узнает орла-скомороха. Его вид настолько бросается в глаза, что дал повод к разным басням. Спика самым серьезным образом уверяли туземцы восточной Африки, что тень этой птицы гибельна; напротив, в некоторых частях Африки на скомороха смотрят с известным благоговением, так как считают его целителем среди птиц, который приносит коренья, обладающие чудесными целебными свойствами. Абиссинцы называют эту птицу «небесной обезьяной».

Каждое из этих названий и каждая басня, сочиненная про скомороха, основываются на виде и поведении животного. Прежде всего, его полет удивителен, как ни у какой другой птицы. Мое прежнее описание этого движения было сочтено одним моим ученым другом слишком поэтическим; но я и теперь могу повторить его. Этой хищной птице недаром дали название скомороха: она плавает, вертится, играет, летает, как будто бы для того, чтобы развлечься, а не для отыскивания пищи. Уже Левальян упоминает, что орел-скоморох иногда вдруг падает на некоторое расстояние вниз и так сильно складывает крылья, что кажется, будто бы он сломал крыло и должен упасть на землю; я видел, как он делал настоящие прыжки по воздуху. Надлежащим образом описать полет скомороха нельзя: он единственный в своем роде. Часто он высоко поднимает крылья, несколько минут не двигается, а затем так сильно ударяет ими, что слышен своеобразный, далеко раздающийся шум. Лишь на лету эта птица выказывает всю свою красоту; сидя, она кажется более странной, чем привлекательной. Особенно удивительный вид имеет, когда сидит на дереве. Скоморох нахваливается так, что кажется комком перьев, поднимает перья на голове и шее и поворачивает голову то вверх, то вниз, совершенно как филин. Если он заметил что-нибудь такое, что возбудило его внимание, то принимает особые позы: он расширяет тогда крылья и сопровождает это еще более сильными движениями головы, чем обыкновенно.

Из его чувств бесспорно выше всего стоит зрение, на что достаточно указывают уже его большие глаза; но и слух развит хорошо, а осязание также заметно. Относительно остальных чувств я не имею данных для суждения. Лишь крайне редко можно слышать голос скомороха, которого держат в неволе: обыкновенно это тихое «ква-ква», реже более громкое «какк-какк» или резкое «кау»; на лету же он нередко издает «хи-хи-хи» или «хиа-хиа», звучащее как голос канюка.

Левальян говорит, что скоморох нападает на молодых газелей, ягнят и больных овец; Гейлин убедился, что он опасен мелким млекопитающим. Я сам никогда не наблюдал, чтобы он напал на крупных млекопитающих. Добыча его состоит из самых различных пресмыкающихся, а именно змей и ящериц; часто можно видеть, как он носит первых по воздуху. Не кружа предварительно и не трепеща на месте, как канюк, он вдруг останавливается в своем быстром полете и, как падающий камень, со свистом бросается вниз на замеченную змею. Он убивает без различия мелких, крупных, ядовитых и безвредных змей.

На этом основана сказка, о которой я упоминал выше: арабы принимают змей, поднятых птицей на воздух, за целебные коренья. Если зажигают в степи траву, то скоморох охотится, поднимаясь или опускаясь вдоль линии огня, и часто пролетает сквозь густые облака дыма над самым пламенем, чтобы схватить одно из пресмыкающихся, убегающих от него.

Левальян говорит, что скоморох гнездится на высоких деревьях и кладет 3-4 белых яйца. Время вывода птенцов совпадает с началом сухого времени года, так как в это время птице легче охотиться, чем весной, когда роскошный ковер травы скрывает пресмыкающихся.

В последние годы часто привозили в Европу живых скоморохов, и они встречаются в каждом крупном зоологическом саду. Однако и теперь на этих птиц есть большой спрос, а за птиц, достигших окончательного цвета, особенно хорошо платят. Действительно, едва ли какая-нибудь другая хищная птица так привлекает зрителя, как великолепно окрашенный и, кроме того, бросающийся в глаза своим поведением скоморох.

Одними из широко распространенных и очень характерных птиц, описываемого нами семейства являются орланы. Крупные, в большинстве случаев даже очень большие хищные птицы с крепким и длинным клювом, который у восковицы мало приподнят, а впереди ее к концу загнут вниз; с толстыми, только наполовину оперенными плюснами, сильными, отдельными пальцами, длинными, острыми и очень кривыми когтями; большими крыльями, какими отличаются все парящие птицы; третье маховое перо длиннее остальных; когда крылья сложены, то они почти доходят до конца не очень длинного, широкого и более или менее закругленного хвоста. Оперение орланов обильное. Перья головы и затылка не особенно длинны, но с заостренными кончиками. Основной

цвет оперения более или менее темный, яркий или тусклый серый; хвост обыкновенно белый; голова также часто бывает белой.

По берегам всех морей, омывающих Европу, часто встречается **орлан-белохвост** (*Haliaeetus albirostris*). Смотря по местности, величина и окраска его сильно варьируют. В длину он имеет 85-90 см, размах крыльев почти 2,5 м, длина крыла 65-70 см, а длина хвоста 30-32 см.

Область распространения орлана-белохвоста и беркута почти совпадают. Эта могучая птица водится во всей Европе; достоверно известно, что она выводит птенцов в Германии, кроме того в Шотландии, Скандинавии, Венгрии, Турции, Греции, Италии, Египте*.

** Наблюдения орлана-белохвоста в Гренландии, на Новой Земле и Шпицбергене также относятся к негнездящимся бродячим птицам.*

Орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*)

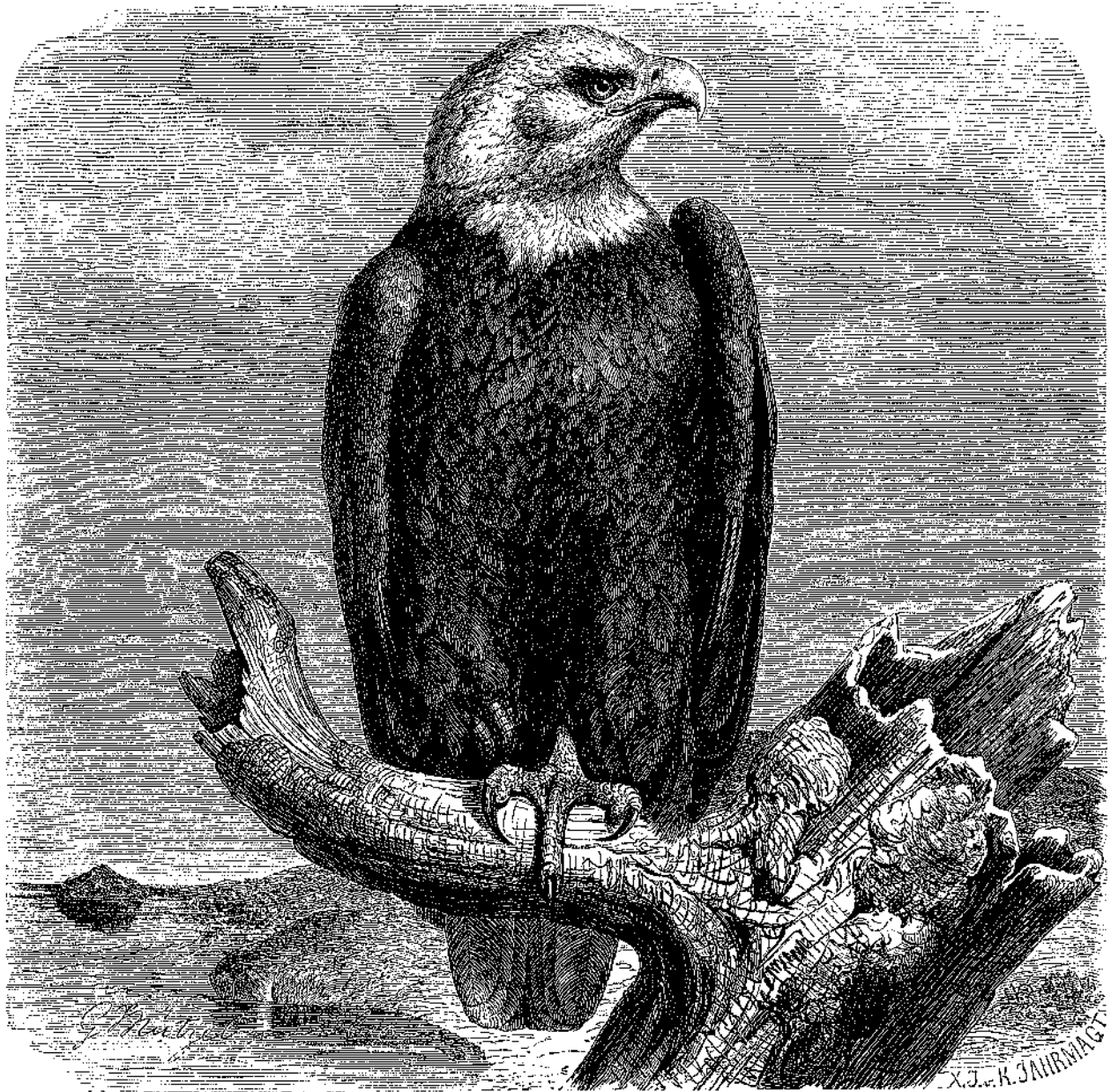
Наконец, в северной и южной России, на востоке ее всей северной и средней Сибири. Вальтер часто встречал орлана-белохвоста близ восточного побережья Каспийского моря, а в марте месяце также несколько раз на Амударье. На севере я встречал его по берегам Оби всюду, где они лесисты, но раз также среди тундры к северу от Урала. Достоверно известно, что он водится в Исландии, на Шпицбергене, Новой Земле и в Гренландии**.

** * Орлан-белохвост в настоящее время не гнездится ни в Палестине, ни в Египте. Скорее всего, он не гнездился там и во времена Брема, просто взрослых бродячих птиц принимали за гнездящихся.*

На Амуре и в северном Китае он встречается часто, так как область его распространения простирается даже и на Японские острова.

Нельзя также не упомянуть в этом сочинении о североамериканском **белоголовом орлане** (*Haliaeetus leucocephalus*) не только потому, что он заменяет в Америке наш европейский вид, но главным образом ввиду того, что он неоднократно залетал в Европу и, как говорят, был даже убит в Германии. Он меньше орлана-белохвоста. Имеет в длину от 72-85 см, размах крыльев 190-211, длина крыла 52-57, длина хвоста 27-30 см. У старых птиц окраска оперения туловища однообразная темно-бурая, причем каждое отдельное перо снабжено более светлой каемкой, голова же, верхняя часть шеи и хвост ослепительно белого цвета, маховые перья черные; глаза, восковица, клюв и ноги окрашены несколько светлее, чем у его европейского родича. У молодых птиц оперение почти сплошь черно-бурое.

Образ жизни и характер всех известных мне больших орланов чрезвычайно сходны: это ленивые, но сильные, выносливые и упрямые хищные птицы и притом принадлежащие к числу самых опасных хищников. Приступая к характеристике этого рода, считаю уместным начать с поэтического описания белоголового орлана, данного Одюбоном.

Белоголовый орлан (*Haliaeetus leucocephalus*)

"Чтобы получить понятие об этой птице, перенеситесь на берега Миссисипи в то время, когда приближение зимы пригоняет сюда из северных местностей миллионы водяных птиц, ищущих на юге более мягкого климата. На берегу этой широкой реки вы увидите орла, величественно сидящего на самой верхушке высочайшего дерева; своими сверкающими глазами он осматривает всю окрестность и внимательно прислушивается ко всякому звуку, издавая достигающему его чуткого уха. Время от времени он обращает свои взоры на землю, и от них не ускользнет даже совершенно бесшумно крадущийся молодой олень. Самец уселся на дерево, находящееся на противоположном берегу реки, и иногда среди тишины и спокойствия раздается его крик: это он перекликается со своей самкой. Она тогда раскрывает свои широкие крылья, наклоняет ниже туловище и отвечает на крик звуками, напоминающими хохот сумасшедшего; затем она тотчас принимает прежнее положение и снова наступает полная тишина».

"Разные виды уток — шилохвосты, связи, кряквы — быстро проплывают мимо вниз по течению реки, но орлан не нападает на них. Но в тот же момент слышится издали дикий, напоминающий звук грубы. крик приближающегося лебедя. Над рекой раздается зов самки орлана, предупреждающей об этом самца. Он вдруг встряхивается и клювом приглаживает свои перья. Вот уже показалась белоснежная птица; ее длинная шея вытянута, она озирается кругом, чтобы вовремя заметить приближение какого-нибудь врага. Длинные крылья, по-видимому, с трудом поддерживают тяжелое туловище, и потому птица все время машет ими; ноги, приспособленные для плавания, помогают также изменять направление полета. Намеченная орланом добыча приближается. В то самое мгновение, когда лебедь пролетает мимо пары опасных хищников, орлан-самец поднимается с

вселяющим ужас криком, который для лебедя более страшен, чем даже звук ружейного выстрела. Теперь настал тот момент, когда орлан проявляет всю свою силу. Он скользит по воздуху, подобно падучей звезде, и с быстротой молнии устремляется на дрожащую жертву, которая в смертельном страхе и отчаянии употребляет все свое искусство, чтобы на лету увернуться от жестокого врага, угрожающего ей смертью. Лебедь поднимается, меняет направление полета и охотно бросился бы в реку, если бы орлан не был знаком со всеми его уловками и не заставлял бы его все время держаться на высоте. Наконец лебедь теряет надежду на спасение, страх одолевает его, и он падает духом, видя смелость и быстроту противника. Еще одна отчаянная попытка спастись — и орлан вонзает свои когти под крылья жертвы и с непреодолимой силой заставляя ее спуститься вместе с ним на ближайший берег».

"Теперь мы можем убедиться в жестокости этого опаснейшего врага пернатых. Выпрямившись над издыхающей под ним жертвой, он сжимает свои сильные лапы и вонзает острые когти глубоко в сердце умирающей птицы. Он шумно проявляет свою радость в то время, как его жертва судорожно вздрагивает под ним. Самка все время наблюдала за всяким движением самца и если она не поспешила к нему на помощь, то только потому, что чувствовала, у самца совершенно достаточно силы и храбрости. Теперь же она спускается к нему, они вместе переворачивают несчастного лебедя грудью кверху и принимают за еду». Только поэт, каковым был Одюбон, может так живо описать нападение орлана на его беззащитную добычу. Одюбон передал в своем описании то, что действительно видел: краски нарисованной им картины вполне соответствуют действительности. К сожалению, я не могу далее цитировать этого автора, не растягивая чересчур своего описания; мне следует попытаться передать все то, что еще известно еще о нашем орлане, как можно более кратко*.

** Поэтическое описание охоты белоголового орлана на лебедя, конечно, плод фантазии Одюбона. Лебедь — слишком крупная и сильная птица чтобы орлан мог с ней справиться. Скорее всего Одюбон наблюдал охоту орланов за каким-нибудь другим объектом, но для большей эффективности и красочности описания заменил этот объект лебедем. Белоголовый орлан одна из наиболее изученных птиц Северной Америки. Основным объектом его питания — рыба, а птицы (утки и гуси) занимают второстепенное место.*

Все орланы вполне заслуженно называются морскими орланами. Они преимущественно береговые птицы, по крайней мере, только в исключительных случаях они удаляются на значительные расстояния от воды. Внутри материков старые орланы встречаются почти только по берегам больших рек и озер, молодых же, напротив, часто можно бывает видеть и очень далеко от моря. С того времени, когда они начинают летать и вплоть до периода спаривания, т.е. в течение нескольких лет, молодые орланы странствуют по всему белому свету, летая, куда глаза глядят. И во время таких путешествий появляются в самых центральных частях материков, следуя вверх по течению больших или, по крайней мере, значительных рек. Большею частью орланов не замечают во время этих путешествий, так как они обыкновенно летят на очень большой высоте.

Старые орланы гораздо реже решаются отправиться на кочевку, во-первых, потому, что они неохотно покидают свое постоянное местожительство, а во-вторых, потому, что они более опытни в своем хищническом ремесле, чем молодые. Они даже не всегда переселяются из России или других северных, лежащих вдали от моря местностей. А просто перелетают зимой ближе к населенным местам и живут вблизи их, голодая и жадно высматривая, нельзя ли чем-нибудь поживиться, пока не разбудят или какую-нибудь падаль, или собаку, кошку, поросенка, козленка, курицу, тетерева, гуся, утку. Впрочем, как бы далеко ни странствовал орлан, он только в крайнем случае удаляется от воды. Они не избегают степей, а в южной России даже решаются строить там гнезда, но поселяются непременно близ реки.

За исключением периода размножения, орланы живут большею частью обществами, походя в этом скорее на грифов, чем на орлов. Удобно расположенный лес или скала служат местом собрания или ночлега; среди лета они охотно ночуют на небольших островах, особенно на шхерах, часто также они проводят ночь в лесу близ берега, а иногда даже и далеко от воды. В таком случае они помещаются всегда на одном из нижних сучков вершины высокого дерева, так что густая листва почти совершенно закрывает их. Если в окрестности орлан может иметь обильную добычу, то он возвращается на такое место ночлега с таким же постоянством, как и в свое гнездо. Он прилетает поздно на ночлег и рано утром, еще до восхода солнца, отправляется осматривать тот район, в котором охотится. Если он скоро найдет добычу, то наедается еще до полудня и затем несколько часов отдыхает, вычистив сначала свой клюв и напившись воды; при этом он роется клювом в опере-

нии, иногда также немного поспит, а в послеобеденное время отправляется вторично на охоту, с которой возвращается уже прямо на ночлег.

Подобно беркуту, орлан охотится за всякой дичью, с которой может справиться, и при всяком удобном случае пускает в дело свои неоперенные лапы, чрезвычайно облегчающие ему рыбную ловлю. Ежу, несмотря на его иглы, точно так же, как и лисице с ее острыми зубами, трудно спастись от этого хищника; дикому гусяю его осторожность помогает не больше, чем ныряющим птицам их умение скрываться под водой. Близ берега моря он преследует различных морских птиц, особенно уток и гагар, а также рыб и морских млекопитающих. К смелости и уверенности в своей силе у этого хищника присоединяется еще удивительная настойчивость. Гомейер видел, как орлан несколько раз сряду бросался на лисицу, которая, как известно, умеет постоять за себя. Этот же натуралист слышал от очевидцев, к рассказу которых можно отнести с полным доверием, что в другом подобном случае одному орлану чуть было не удалось убить выслеженную им лисицу, беспрестанно нападавая на нее, ловко уклоняясь от ее опасных зубов и никаким образом не позволяя ей укрываться в соседнем лесу. Что стада мелкого скота сильно терпят от этого орла, достаточно известно; не подлежит также сомнению, что он нападает на детей.*

** Что касается мелкого рогатого скота, то орлану не под силу убить взрослую овцу или козу, он обычно довольствуется падалью, хотя новорожденные ягнята и детеныши северного оленя вполне доступная ему пища. Высказывания о нападении на детей, разумеется, относятся к разряду басен. Их включают в свои повествования рассказчики, чтобы подчеркнуть хищнические наклонности крупных хищных птиц, показать, какие они грозные и страшные.*

Нордман рассказывает даже, что в Лапландии орлан бросился на одного лысого рыбака, другой орлан утащил из рыбацкой лодки только что пойманную щуку, пока сидевший тут же рыбак приводил в порядок сеть.

На птичьих горах севера орлана можно бывает встретить постоянно, и здесь он преспокойно вытаскивает птиц из их гнезд. Гагар он настигает на лету, молодых тюленей уносит на глазах матерей, а рыб преследует глубоко под водой. Иногда, впрочем, эти попытки ему не удаются. Китлиц слышал от камчадалов, что иногда дельфин, на которого бросается орлан, утаскивает его с собой в воду, где он и погибает. Ленц же рассказывает следующее: «Орлан носился над Гавелем и заметил осетра, на которого он тотчас же и бросился; но смелый хищник слишком понадеялся на свою силу: осетр оказался для него чересчур тяжелым, и он не мог вытащить свою добычу из воды. Но в то же время и рыба была не в силах утащить орла с собой вглубь. Осетр, как стрела, несся над самой поверхностью воды; на нем сидел орел с распростертыми крыльями, так что оба они напоминали корабль, идущий под парусами. Несколько человек, заметив это странное зрелище, сели в лодку и поймали осетра вместе с орланом, который так глубоко вонзил когти в рыбу, что уж не мог вытащить их».

В степях южной России орлану часто приходится довольствоваться самой жалкой дичью. Когда он охотится вдали от реки, то, по словам Нордмана, главную добычу его составляют маленькие степные млекопитающие и птицы. Сидя на верстовых столбах или на холмах, насыпанных для обозначения дороги, зимой часто в непосредственной близости от людских жилищ, он подкарауливает сусликов и ящериц; умеет также изловить цокора, схватывая его как раз в тот момент, когда он, роясь, приподнимает верхний слой земли. Орланы любят падаль, пожалуй, не меньше чем грифы, даже близ моря значительную часть их пищи составляет мертвая рыба, выброшенная морем; внутри материков они никогда не упускают случая поживиться найденной падалью.

По физическим способностям все орланы стоят ниже орлов. По земле они движутся, может быть, проворнее последних и, как уже было сказано, умеют до известной степени управляться на воде; но полету их недостает той ловкости и изящества, которыми отличается полет всех благородных орлов. На лету они выглядят иначе: их короткая шея и короткий, сильно закругленный хвост при очень длинных, но довольно узких и почти всюду имеющих одинаковую ширину крыльях, настолько характерны, что их трудно принять за кого-нибудь из благородных родичей. Кроме того, они более тяжело машут крыльями и полет их более медленный, хотя все же летят очень скоро, даже и тогда, когда, совсем не шевеля крыльями, парят, описывая в воздухе круги или скользя по прямому направлению. Зато они превосходят благородных орлов в одном отношении, а именно в искусстве, с которым они управляются на воде; уменьем этим обладают только немногие хищные птицы. Орлан ныряет, бросаясь в воду с высоты, и в этом отношении он может поспорить с любой чайкой или крачкой. По сообщению одного прекрасного наблюдателя, шведского натуралиста Нильсона, иногда орлан, чтобы отдохнуть, прямо-таки опускается на поверхность моря, совершенно подобно плавающей птице, и остается на воде более или менее долго, смотря по желанию. Когда

он хочет взлететь, то простирает крылья почти вертикально и одним ударом их поднимается с воды. Органы чувств развиты у него почти так же хорошо, как и у орлов.

В марте для орланов наступает период размножения. Весьма вероятно, что и у них самка часто всю жизнь остается верной одному и тому же самцу, но последнему при приближении всякого другого самца приходится вступить с ним в серьезный бой, и в случае неблагоприятного исхода он может лишиться подруги.

Расположение гнезда зависит от местных условий. Везде, где крутые утесы омываются непосредственно морем, орлан отыскивает подходящее место. Там, где берег моря или большой реки порос лесом, он выбирает для постройки гнезда всякое дерево; если вблизи водного бассейна, изобилующего рыбой, нет ни одного высокого дерева, он довольствуется часто совсем жалкими кустами, которые едва могут вынести тяжесть постройки, и даже камышами.

Всего чаще он гнездится на соснах, а, кроме того, также на буках и дубах. Гнездо представляет огромную постройку, имеющую 1,5-2 м в поперечнике и 30-100 см и даже более в высоту; оно служит одной и той же паре много лет подряд, а от ежегодных починок становится все более и более высоким. Основание сложено из сучьев, толщиной в руку, а верхняя часть гнезда из более тонких ветвей. Очень пологое дно покрыто нежными ветками и выстлано сухой травой, лишаями, мхом и т.п.

В конце марта, редко раньше или немного позже в гнезде можно найти всю кладку, состоящую из двух или трех сравнительно небольших яиц, имеющих только 67-73 мм в длину, 53-57 мм в толщину; яйца эти довольно разнообразны. Скорлупа у них толстая, грубая и крупнозернистая, окраска различная; встречаются и совершенно белые без всяких пятен, и такие, у которых по белому фону рассеяны более или менее многочисленные красноватые, коричневые и темно-бурые пятна. Мне известно, что самец помогает самке высидывать; для отдыха в это время он всегда избирает в некотором отдалении от гнезда скалу или высохший сук, с которых открывается вид на всю окрестность; при малейшей тревоге он тотчас же спешит отсюда на помощь самке. Для вылупившихся птенцов обе птицы таскают множество пищи; они охотятся с тем большим рвением и смелостью, чем больше подрастают их птенцы, и мало-помалу гнездо их обращается в настоящую бойню, где можно найти остатки всевозможных животных в особенности рыб и водяных птиц. Как только они завладеют добычей, направляются прямо к гнезду и при этом, по наблюдениям графа Бамбелли, одного из членов нашего охотничьего общества в Венгрии, пролетают расстояние в 4-5 км так быстро, что приносят своим птенцам еще живых, бьющихся рыб. Если птенец выпадет из гнезда, что нередко случается, и при этом не убьется, то родители продолжают кормить его внизу, как будто с ним ничего не случилось. Если убьют самку, то самец один кормит птенцов. При благоприятных обстоятельствах птенцы уже через 10-14 недель бывают в состоянии покинуть гнездо, но после вылета еще часто возвращаются в него. Только к осени они совсем покидают родителей.

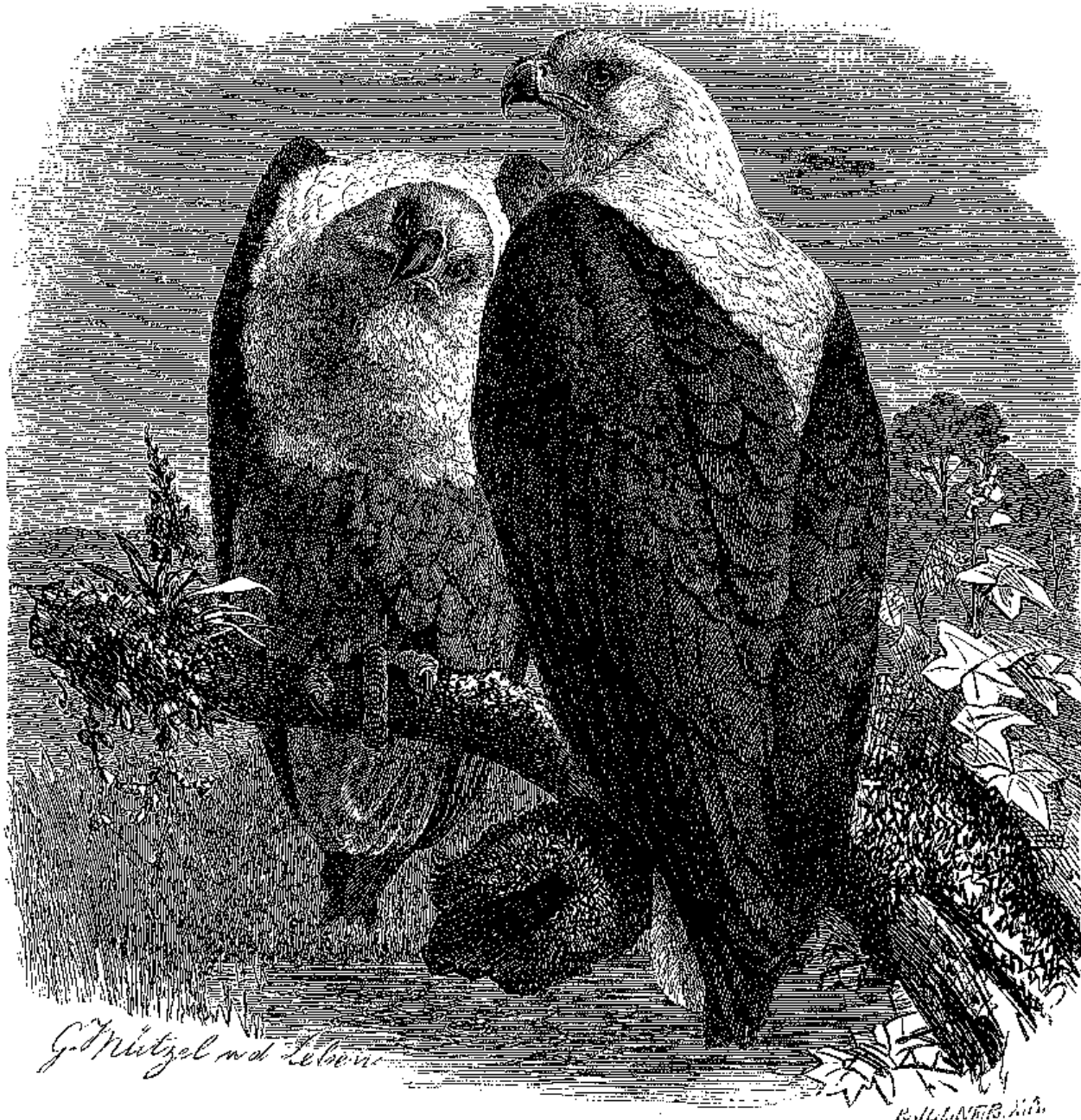
В клетке орлан держит себя сначала крайне беспокойно, нападает даже на сторожа, но вскоре он приручается и относится тогда к людям вполне дружелюбно. Поэтому заведующие зоологическими садами любят орланов и дорожат ими. При более или менее удовлетворительном уходе орланы переносят неволю так же долго, как и другие родственные им виды. Случаи, что орланы проживали в клетке до 40 лет, не составляют редкости. Относительно тех, которые так долго прожили в неволе, известно, что они только на 10-м или 12-м году приобретают окраску старых птиц, или, что также иногда случается, несут яйца.

В Африке водится самый красивый **орлан-крикун** (*Haliaeetus vocifer*). Последний является вообще одним из самых красивых представителей семейства ястребиных и настоящим украшением тех местностей, в которых он обитает. У взрослых птиц голова, шея, затылок, верхняя часть груди и хвост ослепительно-белого цвета, маховые перья голубовато-черные, край крыльев и вся нижняя сторона тела — великолепного красно-бурого цвета; кольцо вокруг глаз, восковица и лапы светло-желтые, клюв, как сверху, так и снизу синевато-черный. Длина этой птицы 68-72 см, длина крыла 50 и длина хвоста 15 см.

Орлан-крикун впервые был открыт Левальяном в южной Африке; позже другие натуралисты встретили его также в западной и во внутренней части северо-восточной Африки. Пара орланов, сидящих на дереве, обвитом лианами и нависшем над зеркальной поверхностью воды, представляет чудную картину, и, как ни избалован глаз наблюдателя в этих местах, изобилующих роскош но окрашенными птицами, эта картина всегда приводит его в восторг.

Образом жизни и характером орлан-крикун вполне походит на своих родичей. Он всегда живет парами, только после периода размножения иногда эти орланы, может быть, собираются временно в общества с более крупными родичами. Каждая пара избирает себе участок, имеющий около

3 км в диаметре. Здесь в утренние часы орланы летают взад и вперед, высматривая добычу; в полдень поднимаются высоко в воздух, чтобы поиграть, кружатся с полчаса и более и время от времени звонко кричат, так что их бывает слышно на далеком расстоянии. «Голосовые средства орлана-крикуна, — говорит Швейнфурт, который, по-видимому, особенно увлекается этими птицами, — замечательны; в этом отношении он не имеет себе подобных в царстве пернатых. Крик его всегда раздается неожиданно и распространяется далеко по гладкой поверхности реки; то он напоминает голоса испуганных женщин, то кажется, что спрятавшаяся где-нибудь толпа шалунов-мальчиков вдруг выскочила с шумом и гамом. Обман слуха бывает настолько полный, что я, например, всегда оглядывался с удивлением, чтобы открыть виновника этого крика, хотя в течение нескольких лет очень часто имел случай наблюдать орланов-крикунов. Этот крик составляет, по-видимому, наиболее существенную их особенность. Когда орлан кричит на лету, то движения его становятся чрезвычайно беспокойными; так и ожидаешь, что он сейчас перекувырнется в воздухе».

Орлан-крикун (*Haliaeetus vocifer*)

"Когда эти орлы, — пишет Пехуэль-Леше, — во время заката солнца летят в вышине над широко расстилающейся поверхностью воды, они иногда вдруг начинают выделять на лету удивительные штуки: кружатся, предаваясь какому-то дикому веселью, и при этом сильно вздрагивают и встряхиваются, словно охваченные судорогами. Затем, через известный промежуток времени, слышится их крик, который у них сопровождается такими странными упражнениями». После обеда и под вечер парочка отдыхает на верхушке дерева или на каком-нибудь плавающем стволе, и обе птицы сидят так целыми часами друг возле друга. Всякое новое явление орланы обыкновенно

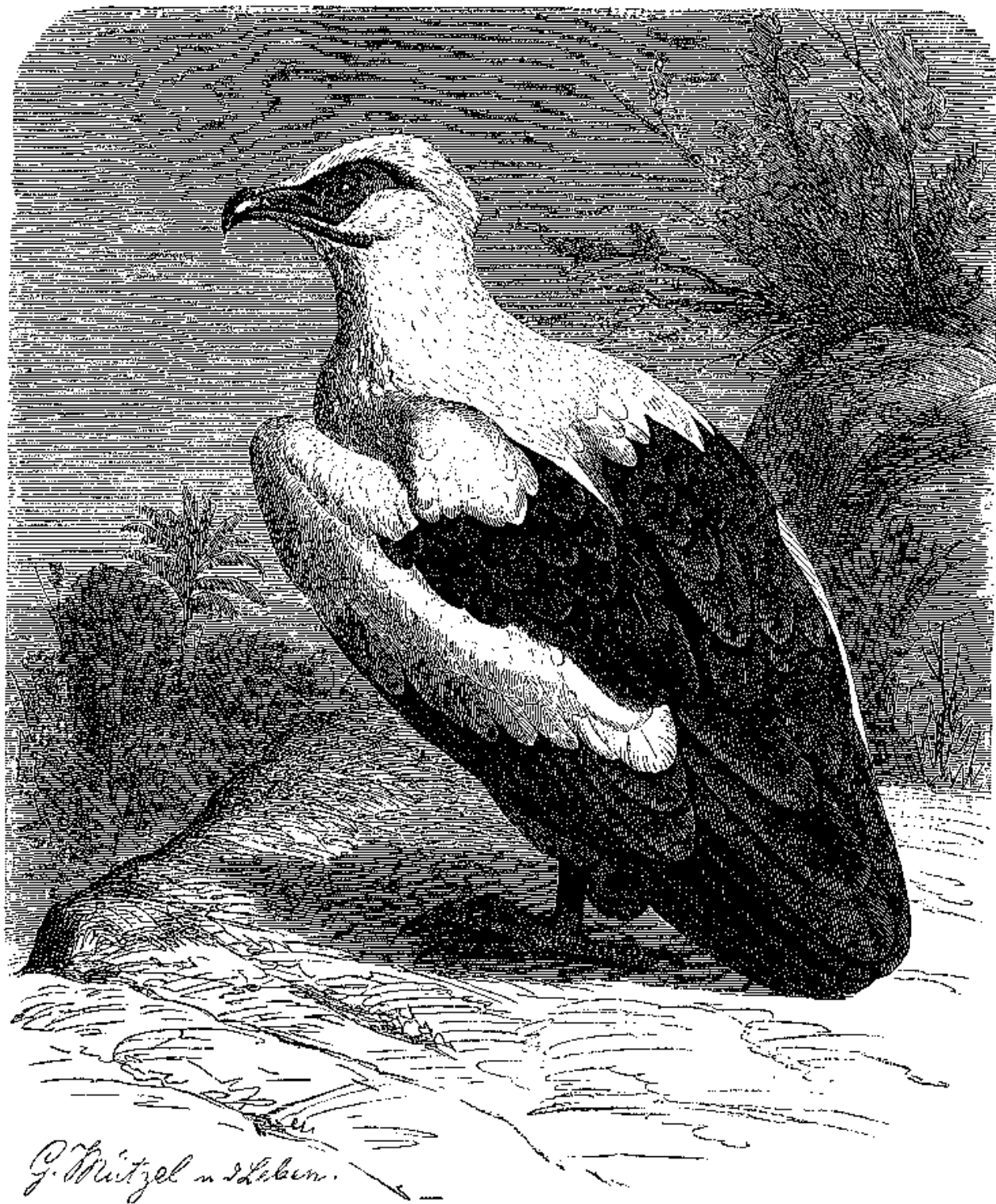
встречают криком; при этом один из них закидывает голову далеко назад, подобно другим орланам, поднимает веерообразно распущенный хвост кверху между крыльями и из груди его с силой вырывается громкий звучный крик. У каждой пары есть свое любимое место отдыха, и если удастся открыть его, то можно быть уверенным, что ежедневно в известный час встретишь там орланов. Для ночлега они выбирают более густой лес, где их убаюкивают свои и криком живущие там попугаи.

Пища орлана-крикуна состоит из рыбы и падали. На рыбу он бросается с большой высоты, ныряет за ней глубоко в воду и затем снова поднимается, тяжело махая крыльями. За падалью или опускается на землю, заметив ее здесь, или вытаскивает ее из воды, если она плывет вниз по реке. Гартман узнал в Судане от туземцев, что орлан также вытаскивает из воды большие раковины и разбивает их на скалах.

Я видел однажды, как орлан-крикун преследовал цаплю; другой раз он съел подстреленного нами коршуна. Но все-таки я не думаю, чтобы орлан постоянно охотился за высшими позвоночными, как утверждает Левальян, нашедший кости газели в числе других остатков от его обеда. «Мы ни разу не видали, — говорит Пехуэль-Леше, — чтобы орлан-крикун преследовал птиц или млекопитающих; они и не боятся этого орла». Зато с другими хищными птицами у орлана-крикуна далеко не мирные отношения; особенно яростно он нападает на грифов и, благодаря своей ловкости, обыкновенно остается победителем. Он не терпит конкурентов по своему ремеслу. Однажды Гейглин видел, как орлан-крикун с криком бросился на другую хищную птицу и отнял у нее рыбу. Ливингстон не раз был свидетелем того, как орланы мучили пеликанов до тех пор, пока последние не извергали из своего мешка пойманных ими рыб и не уступали их своим мучителям.

В неволе орланы-крикуны держат себя совершенно так же, как и остальная их родня. Они скоро приручаются и встречают тогда хозяина звонким криком. Насколько можно судить по имеющимся наблюдениям, они легко переносят наш суровый климат. В зоологических садах пленные орланы-крикуны живут из года в год на открытом воздухе.

Пальмовый гриф, или грифовый орлан (*Gypohierax angolensis*), о котором здесь идет речь, внешним видом и осанкой гораздо более похож на стервятника. Клюв у него сильный, хотя длинный и очень узкий. Верхняя половина его слегка дугообразно изогнута, коротка и оканчивается тупым крючком на краях нет зубцов; нижняя половина большая и приблизительно на одну треть менее высокая, чем верхняя. Восковица прикладывает половину клюва; ноздри имеют вид широких щелей, расположенных несколько косо в продольном направлении. Уздечка голая, ноги слабые. Пальцы сравнительно короткие, вооруженные не особенно большими кривыми когтями. Крылья длинные и острые. Оперение взрослой птицы все белое, за исключением черных кончиков больших маховых перьев, малых маховых перьев, плечевых перьев и широкой черной полосы. У молодых птиц однообразное темно-бурое оперение и бурые глаза. Только на третьем или четвертом году молодые птицы вполне приобретают окраску взрослых. В длину он имеет 60 см, длина крыла 40, а хвоста 20 см.

Пальмовый гриф, или грифовый орлан (*Gyrphierax angolensis*)

Относительно образа жизни этой птицы, известной уже в течение целого столетия, мы только в последнее время получили сведения от Рейхенова. Преимущественно на основании его наблюдений нами и составлено последующее описание. «Пальмовый гриф часто встречается под тропиками в западной Африке. В восточной же был убит до сих пор только один экземпляр на острове Пемба, к северу от Занзибара. На западном побережье, внутри указанных нами пределов, он принадлежит к числу наиболее обыкновенных хищных птиц. По Золотому берегу вплоть до Габона я встречал его повсюду, где только имелись подходящие условия для его существования. Питаясь преимущественно рыбой, он может жить только вблизи воды, на морском берегу или около рек; на плохо орошаемых возвышенностях и горах он представляет такую же редкость, как и наш орлан-белохвост внутри европейского материка. Наиболее удобное местожительство представляют для этого орлана болотистые пространства, тянущиеся вдоль рек, особенно там, где воды больших западноафриканских рек несут с собой громадное количество ила, мутящего море на протяжении многих миль и образующего часто обширные дельты. Эти болотистые местности главным образом

покрыты зарослями мангровых деревьев, и только местами, украшенные пальмами и колючими панданусами, пересекаются узкими речными рукавами, которые очень редко посещаются человеком; здесь-то обыкновенно и устраивают свои жилища пальмовые грифы. Они представляют здесь настолько обыкновенное явление, что могут быть отнесены к числу птиц, наиболее характерных для пустынных болотистых местностей. Их можно видеть сидящими в одиночку или парами на верхушке дерева и отдыхающими после еды или играющими высоко в воздухе, причем они то описывают круги, то несутся над самой поверхностью воды, высматривая добычу. Сидящий пальмовый гриф держится довольно прямо; его длинный клюв и голая передняя часть головы делают его настолько похожим на королевского грифа, что его узнаешь только тогда, когда он поднимется. Особенности своего образа жизни он напоминает нашего орлана-белохвоста, только все движения его более медленны. На лету он также имеет более всего сходства с орланом-белохвостом. Подобно белохвосту, он тоже иногда, играя, бросается вниз с большой высоты и затем, спокойно паря, снова поднимается ввышину. Впрочем, у него манера охотиться иная, чем у орлана-белохвоста; в этом отношении он скорее напоминает коршунов. Охотясь, он низко несется над поверхностью воды и, заметив рыбу, спускается довольно медленно по дугообразной линии, чтобы схватить ее на поверхности. Я никогда не видал, чтобы этот гриф бросался круто, увидев добычу. Кроме рыбы он, по-видимому, питается моллюсками, которые во множестве находятся на болотистых берегах устьев рек. Впрочем, возможно, что иногда нападает на млекопитающих и птиц. Не раз мне случалось видеть его преследующим серых попугаев, которые улетали от него с явными признаками страха и громким криком. Сначала я скорее склонен был смотреть на эти преследования, как на игру, но ввиду интересного наблюдения Ушера, видевшего, как пальмовый гриф бросился на молодую козу, должно предположить, что он преследует попугаев с враждебными намерениями. Но я считаю невероятным, чтобы пальмовый гриф ел косточки плодов пальм, как утверждает Пэль*.

** Как показали специальные исследования, плоды гвинейской пальмы и раффии, или винной пальмы, составляют существенную долю в питании грифа.*

Удивительна молчаливость этой птицы. Хотя я в течение полугода мог почти ежедневно наблюдать ее в низменностях Камеруна, я ни разу не слышал от нее ни одного звука.

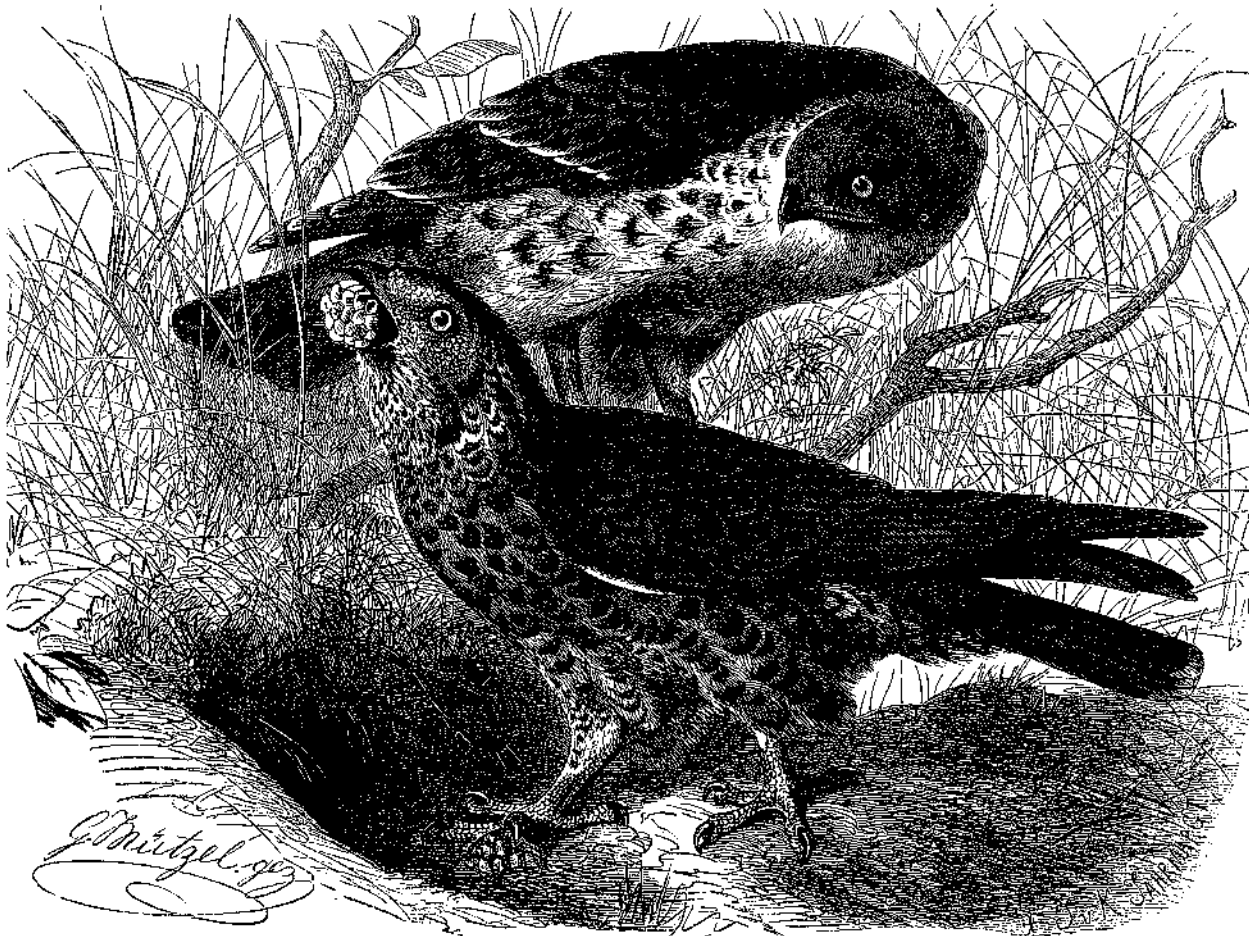
Гнездо я всегда находил на одном из самых высоких деревьев того района, в котором жила пара этих птиц. На время периода размножения пальмовые грифы часто покидают устья рек и летят вверх по течению туда, где растут гигантские хлопчатники и баобабы, на которых удобнее строить гнездо, чем на низких мангровых деревьях. Гнездом, устраиваемым на верхушке или на вилообразно расходящихся сучьях упомянутых нами деревьев, птицы пользуются несколько лет подряд, и потому оно достигает значительных размеров. Кладка состоит, по-видимому, только из двух яиц. К сожалению, я не мог вполне убедиться в этом; мне ни разу не удалось достать яйца из гнезда, хотя самые гнезда я видал несколько раз; но они всегда находились на совершенно недоступных для меня местах. Что негры умеют, тем не менее, добираться до этих гнезд, доказывают нередко привозимые в Европу живыми молодые грифы».

Во многих отношениях значительно расходятся с этим рассказом сообщения Пехуэль-Леше. «Эта коренастая птица или отдыхает в ленивой позе на суке дерева, растущего на берегу или среди саванны, или, реже, кругами носится по воздуху на сравнительно небольшой высоте и медленно парит над берегом моря или над водами, прорезывающими материк. По дороге этот гриф схватывает крабов, раковины, следующих за приливом рыб и подобную легко добываемую мясную пищу. Никогда мы не видали, чтобы он бросался стремглав с высоты на свою добычу или долго преследовал какое-нибудь животное. Я также ни разу не замечал, чтобы какая-нибудь птица или млекопитающее выказывали страх перед ним. Он схватывает только то, что случайно попадет ему по пути и, как на свободе, так и в неволе, охотно питается плодами масляной пальмы. Когда мы охотились за водяными птицами, не раз случалось, что после удачного выстрела какой-нибудь находившийся поблизости пальмовый гриф преспокойно подлетал и уносил подстреленную птицу, несмотря на наш крик и угрожающие жесты. Один старый гриф в течение нескольких недель ежедневно появлялся утром около нашего жилища как раз, когда мы стреляли для обеда зеленых голубей, постоянно пролетавших мимо нас в одно и то же время. Он садился на баобаб и терпеливо дожидался, пока мы уйдем, чтобы тогда подобрать то, что оставалось от нашей добычи».

"Мы можем назвать пальмовых грифов вполне безвредными или даже полезными птицами; туземцы также не сообщили нам ничего, что говорило бы не в их пользу. Поэтому их никто не преследует. Местами, конечно, за ними охотятся из-за мяса, которое приобретает приятный вкус, может быть, вследствие того, что они отчасти питаются плодами масляной пальмы. У негров племени

Кру, этих западно-африканских странствующих мастеров, мясо их считается даже одним из самых лакомых блюд».

Осоед (*Pernis apivorus*) достигает 59-62 см в длину; размах его крыльев 135-140, длина крыла 40, длина хвоста 23 см. Оперение подвержено разнообразным изменениям; но, по наблюдениям Берендса, особенности окраски сохраняются в течение нескольких поколений, так что птенцы двух родителей одинакового цвета наследуют их окраску. Иногда оперение бывает однообразного бурого цвета, только на хвосте три больших и несколько маленьких коричневых полос, да голова у самца серо-голубая; часто также верхняя сторона туловища бывает бурой, а нижняя более или менее испещрена белыми пятнами или скорее белая с бурыми поперечными пятнами и с черными стержневыми полосками. Молодые птицы обыкновенно коричневые или желто-бурые; перья на голове у них светлее, а стержни более темные. Кроме указанных видоизменений окраски, существует и мною других. Глаза у осоеда бывает всяких оттенков, начиная от серебристо-белого до золотисто-желтого; клюв черный, восковица золотисто-желтая, ноги лимонно-желтые.

Осоед (*Pernis apivorus*)

Вся Европа, за исключением самых северных стран, может считаться отечеством осоедов. Начиная от средней Скандинавии и Финляндии, они водятся решительно повсеместно, но всюду, разве только за исключением восточной России, встречаются поодиночке и только местами. На низменностях он попадает чаще, чем в горных местностях: вообще на высоте более чем на 1000 м над уровнем моря он, по-видимому, не встречается; кроме того, присутствие или отсутствие осоедов в какой-нибудь местности зависит от характера леса. Исключительно хвойных лесов осоед избегает или, по крайней мере, там, где может выбирать, предпочитает лиственные. По словам Альтума, он охотнее поселяется в буковых лесах, чем в дубовых.

"Осоед, — говорит Науман, — совсем неблагоприятная и трусливая птица; по этому качеству он превосходит всех наших хищных птиц. Главные черты его характера — добродушие, трусливость и вместе с тем глубокое упрямство. Он пуглив, летает медленно, тяжело и обыкновенно низко над землей; на лету он лениво, а при поворотах и довольно неловко машет крыльями, по временам парит и в таком случае кажется менее неповоротливым; вообще полет его более тихий и медленный, чем у других его родичей. Прибавлю еще, что, когда он летит, его легко отличить от канюка, часто встречающегося в Германии. Осоед кажется значительно больше вытянутым в длину и хотя он сво-

ей фигурой на лету напоминает трезубец, его всегда можно отличить по его более длинным крыльям и хвосту. В период любви он также выделяет разные фокусы.

"Во всем поведении осоеда, — продолжает Науман, — проявляется величайшая лень. Целыми часами он сидит на одном месте, обыкновенно на межевом камне или на уединенно стоящем дереве, высматривая добычу. Вопреки обыкновению других хищных птиц, довольно свободно двигается по земле и часто на ходу преследует насекомых. Когда идет по земле, подняв высоко голову и растопырив головные и затылочные перья, пожалуй, его можно было бы принять за небольшого орла, если бы его тотчас не выдавала походка, которой он напоминает скорее ворону. Крик его — торпливое, часто повторяющееся «ки-ки-ких», тянущееся иногда несколько минут сряду».

Осоед вполне заслуженно носит свое имя, так как пищу его главным образом составляют осы и другие перепончатокрылые. До тех насекомых, которые строят свои гнезда над землей, он добывается, вероятно, сбрасывая их жилища с ветвей, к которым они прикреплены, а живущих под землей он добывает, разрывая их подземные постройки. «Однажды я видел, — пишет мне Либс, — пару осоедов, которые были заняты тем, что на краю одного поля раскапывали шмелиное гнездо. Самка хватала лапами дерн и землю и вырывала кусок за куском, причем помогала иногда и клювом. Самец несколько раз на короткое время сменял свою подругу. Приблизительно через четверть часа они окончили свою работу».

Если эта птица откроет пчелиное или осиное гнездо, ее нелегко отогнать от него. «В одно июльское утро, — рассказывает Берендс, — крестьянин заметил осоеда, занятого раскапыванием осинового гнезда. Хотя его несколько раз спугивали, он вскоре снова появлялся и усердно принимался за прерванную работу. В полдень я его застрелил прежде, чем он успел раскопать гнездо. В его зобу и желудке я нашел только остатки жуков и ни малейшего следа ос, которые, однако, во время шестичасовой работы осоеда целыми сотнями кружились около него; он отгонял их от себя, встряхивая головой. Это явление возбудило мое внимание, и я очень обрадовался, когда вскоре после того мне удалось достать старую, легко раненую самку, и я получил возможность производить над ней опыты. Когда я предлагал ей осу, то она не только не ела ее, но даже отворачивалась; если же она и решалась схватить осу, то сейчас же и бросала ее. Сколько раз я ни повторял опыт, результат был один и тот же. Никогда я не мог заставить птицу съесть осу». Берендс, взгляд которого мы будем опровергать далее, замечает затем, что осоед, кроме ос и пчел, ест еще саранчу, жуков, гусениц, лягушек и ящериц. Остатки теплокровных животных Берендс находил в их желудке только изредка.

За исключением Берендса, все наблюдатели, рассматривавшие насекомых, находившихся в зобу и желудке осоеда, единогласно утверждают, что он непременно откусывает жало у всех перепончатокрылых, шершней, ос, шмелей и пчел, прежде чем проглотит их. По словам Наумана, он умеет так ловко ловить этих насекомых, что, когда он схватывает их, они располагаются у него в клюве сбоку в поперечном направлении. Быстро сжимая челюсти, осоед откусывает конец брюшка насекомого на расстоянии миллиметра от жала, так что откушенный кусок отпадает; он никогда не проглатывает жала, так как иначе оно могло бы нанести ему смертельную рану, вонзившись во рту или глотке. Над всеми насекомыми он производит эту операцию, и никогда в содержимом его желудка не находили ни одного жала. Во время охоты за осами и пчелами его достаточно защищают от укусов летающих вокруг него насекомых жесткое оперение и твердые щитки, покрывающие его лапы.

Тотчас после прилета на родину осоед принимается за постройку нового или за починку старого гнезда. Он строит его всего охотнее в лиственных лесах, граничащих с полями и лугами. Только в крайности он сам строит себе гнездо: гораздо охотнее пользуется готовым гнездом, в котором в предыдущем году жил сарыч или коршун, или даже старым вороньим гнездом, которое он чинит, обыкновенно употребляя для этого свежие зеленые прутья. Когда он решится сам строить себе гнездо, то принимается за дело в высшей степени неловко и небрежно. Постройка в таком случае выходит чрезвычайно плохая и состоит обыкновенно из нескольких слоев тонких прутьев, которые иногда бывают так неплотно наложены один на другой, что видны насквозь яйца, если смотреть на гнездо снизу.

Во время периода любви самцы и самки осоедов, подобно другим ястребиным птицам и особенно канюкам, играют друг с другом высоко в воздухе, и тогда, по словам Наумана, бывает очень интересно смотреть на эти игры, происходящие над тем местом, где находится гнездо осоедов. Парочка их, не шевеля крыльями, большими кругами взлетает на высоту, поднимаясь по спиральной линии. Самец постепенно отделяется от самки и залетает на еще большую высоту; затем отсюда он почти с вертикально поднятыми крыльями, как-то особенно быстро покачиваясь, спускается снова к

самке, но тотчас опять кругами поднимается на большую высоту, чтобы еще раз спуститься к ней, затем снова взлетает на высоту; и так они играют друг с другом иногда в течение четверти часа.

Кладка состоит из двух яиц,* форма и цвет которых изменчивы; то они шарообразны, то яйцевидны.

* *Кладки осоедов обычно содержат два яйца, но бывают гнезда с одним или тремя яйцами.*

Скорлупа у них более или менее блестящая, желто-белая или красно-бурая со светлыми или темными пятнами, цвет которых иногда всюду одинаков, иногда же на одной половине яйца темнее, чем на другой. По наблюдениям Саксэ, осоед несет яйца никак не раньше конца мая и притом второе яйцо через промежуток от трех до пяти дней после первого. «Самец и самка сидят на яйцах попеременно и кормят друг друга личинками ос и шмелей; личинки эти приносятся осоедами вместе с сотами, и часто в гнезде образуются большие запасы. Замечательно смелыми бывают осоеды, когда они сидят на яйцах. Шестого июня 1870 года я рассчитывал найти яйца в одном гнезде, которое перед тем много раз осматривал. Осоед сидел в нем; хвост его высовывался из гнезда. Я постучал палкой о дуб, но осоед не шевельнулся. Только после того, как я несколько раз принимался стучать, он сел на край гнезда, нахохлился, поднял перья на голове, злобно посмотрел на меня, встряхнулся и снова уселся на яйца. Только, когда я уже почти добрался до самого гнезда, осоед, несколько не торопясь, пошел вдоль сука, на котором находилось гнездо, и затем уже полетел. Преследуемый воронами и разными небольшими птицами, он некоторое время летал вокруг дерева и затем снова опустился, шагах в 50 от меня. Оказалось, что яйца высиживались уже в течение 4-5 дней. Не раз со мной случалось, что осоед улетал из гнезда только тогда, когда я уже почти мог схватить его.

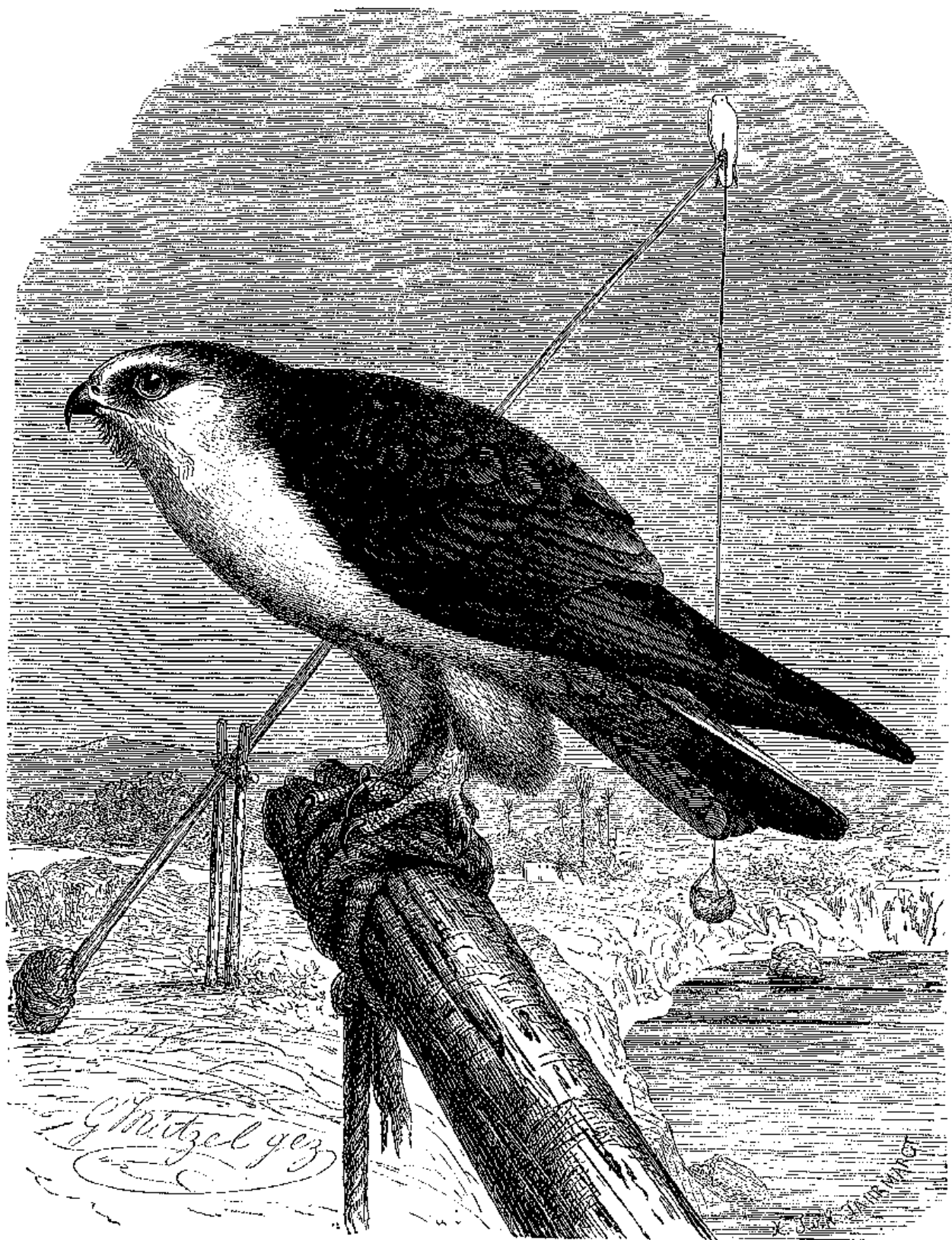
Сначала птенцы кормятся гусеницами, мухами и другими насекомыми; родители собирают эту пищу в глотку и выбрасывают потом птенцам. Позже они приносят птенцам целые соты, наполненные личинками, и осиные гнезда, а под конец даже молодых лягушек, птиц. Птенцы после того, как научатся летать, некоторое время еще ночуют в гнезде; потом они начинают кочевать, причем сначала держатся все вместе и, вероятно, все еще возвращаются на то место, где родились. Под руководством своих родителей они скоро научаются сами добывать себе пищу, но, несмотря на это, еще долго остаются в некоторой зависимости от них».

Во всех частях света распространены коршуны. Представители немногих установленных до сих пор видов чрезвычайно сходны между собою. Голова у них большая и круглая, туловище коренастое, клюв короткий, сравнительно высокий, сильно изогнутый в длинный крючок. Крылья очень длинные, так что, когда они сложены, то заходят дальше короткого хвоста, имеющего на конце небольшую выемку. Чрезвычайно густое оперение состоит из очень нежных, как бы рассученных шелковистых перьев, как у сов.

У **чернокрылого дымчатого коршуна** (*Elanis caeruleus*) верхняя сторона тела окрашена в красивый пепельно-серо-голубой цвет, лоб и нижняя сторона тела белые, кроющие перья крыльев и плечи черные. У молодых птиц верхняя сторона буровато-серая, а нижняя светло-желтая. Взрослый самец имеет 35 см в длину; размах крыльев 78, длина крыла 30, длина хвоста 14 см. Самка немного больше самца.

Уже в Сирии дымчатый коршун попадает нередко, а в Египте он принадлежит к числу довольно обыкновенных птиц. Начиная отсюда, распространен во всей Африке и южной Азии; нередко залетает также и в Европу, где его убивали не только в Испании, южной Италии, Греции, но не раз также и во Франции, Германии, Великобритании. Там, где коршун является постоянным жителем, а не гостем, как у нас в Европе, он поселяется всего охотнее в тех местностях, где леса чередуются с полями. По наблюдениям Жердона и других ученых, в Индии они водятся всюду, где по условиям местности могут найти достаточную для их пропитания добычу. Они живут всегда парами и не соединяются в общества с другими птицами того же вида, разве только летают вместе с птенцами, пока те требуют еще обучения. Впрочем, пары живут очень близко одна к другой, и благодаря этому иногда случается увидеть сразу в воздухе несколько пар.

По образу жизни дымчатый коршун имеет много общего, с одной стороны, с канюками, с другой — с совами. Он бывает особенно деятелен рано утром и вечером, летает также и в сумерки, когда другие хищные птицы уже отправляются на покой. Летит ли коршун или сидит на одном из своих излюбленных постов, его всегда легко бывает узнать. На лету он отличается от большинства других хищных птиц тем, что высоко держит крылья, так что концы маховых перьев находятся значительно выше туловища.

Чернокрылый дымчатый коршун (*Elanus caeruleus*)

Когда он сидит, его еще издалека легко узнать по ослепительной окраске, которая сверкает под лучами южного солнца. В Египте он имеет обыкновение отдыхать, сидя на журавлях колодцев, которыми крестьяне пользуются для орошения своих полей. В Нубии он выбирает те деревья, с которых всего лучше можно видеть всю окрестность. Заметив добычу или почувствовав голод, дымчатый коршун слетает с дерева и, почти не шевеля крыльями, парит на умеренной высоте. Увидев бегущую по земле мышку или саранчу, он трепещется некоторое время на одном и том же месте, затем складывает крылья, устремляется вниз и, в случае удачи, относит добычу на свой наблюдательный пост, чтобы там съесть ее. Саранчу он поедает часто и на лету, но мышей всегда относит на дерево. На одном каком-нибудь большом поле может наловить достаточно добычи для того, чтобы насытиться. Главную, даже почти исключительную пищу его составляют мыши; саранчу он ест

лишь между прочим. Конечно, не пренебрегает и птенцами, которых ему иногда случается находить в гнездах, а также, по словам Гейглина, и ящерицами, водящимися в пустыне. Он нападает даже на летучих мышей, за которыми охотятся, кроме него, еще только некоторые виды сов.

Дымчатый коршун не только красивая, но и приятная птица. В Египте она относится к человеку доверчиво и имеет для этого полное основание. Она без всякой боязни летает около работающих крестьян. К своей самке самец относится очень нежно. Безобидных птиц не трогает; сильных же хищных птиц преследует с громким криком. Голос его похож на голос нашего чеглока, но отдельные тоны более продолжительны; они почти свистящие и бывают слышны издали.

В Америке живет **миссисипский коршун** (*Ictinia mississippiensis*). Он достигает 37 см в длину; размах крыльев 95 см, длина крыла 29, длина хвоста 13 см. Голова, шея, малые маховые перья и вся нижняя сторона тела чисто-свинцового цвета, причем следует заметить, что на лбу и на кончиках малых маховых перьев цвет этот переходит в серебристо-белый. Остальные части тела, за исключением черных уздечки и век, окрашены преимущественно в темный свинцово-серый цвет, переходящий на верхних покровных перьях крыльев и хвоста, а также на больших маховых и рулевых перьях в серо-черный. Глаза кроваво-красные, клюв черный, ноги карминно-красные.

Область распространения миссисипского коршуна простирается только на южные и юго-западные окраины североамериканских стран, омываемых Мексиканским заливом. Отдельные экземпляры залетали в южную Каролину и даже еще севернее, так что иногда здесь удавалось подстрелить их; но настоящая их родина Техас и Мексика.

"С наступлением весны, — рассказывает нам Одюбон, — миссисипский коршун появляется на берегах той величественной реки, имя которой он носит, и кочует вдоль нее, долетая до Мемфиса. В Луизиану он прилетает в половине апреля небольшими стаями, штук в 5 или 6, и поселяется в лесах по берегам рек. Вглубь страны не залетает. По-видимому, всего охотнее поселяется на недавно посаженных плантациях, находящихся поблизости воды. Полет миссисипского коршуна красивый и сильный; он неутомим и залетает на такую высоту, на которую может подняться еще только один вилохвостый коршун. Часто этот коршун парит в воздухе, совершенно не двигая крыльями, и описывает правильные круги. Также часто, сложив крылья, он вдруг, словно стрела, устремляется косо вниз и пронесется над самыми ветвями, на которых заметил ящерицу или какое-нибудь насекомое; иногда случается видеть, как он, с изумительной ловкостью, летает вокруг верхушки или ствола дерева, намереваясь схватить добычу. Порою коршун летает зигзагами, как бы спасаясь от преследований опасного врага, а иногда кажется, что он кувыркается на лету, подобно голубу-турману.

Дальние путешествия совершает небольшими перелетами, обыкновенно сопровождаемый целой свитой ласточек. Иногда же парит на большой высоте среди ворон и грифов или в обществе вилохвостого коршуна. Грифа он охотно дразнит, пока этот трус не спустится на землю, чтобы прекратить неприятную для него игру. Преследуя крупное насекомое, пресмыкающееся или небольшого гада, коршун поворачивается боком, вытягивает лапы с широко раскрытыми пальцами и обыкновенно моментально схватывает добычу. По-видимому, он съедает ее на лету с не меньшим удовольствием и удобством, чем сидя на дереве. На землю он никогда не спускается, пока здоров. На мелкопитающих никогда не нападает, хотя и любит преследовать лисицу, громко крича и бросаясь на нее; птиц также не трогает». По Риджвау, пища его главным образом состоит из разных цикад и кузнечиков, а отчасти также и из маленьких змей. Он не всегда схватывает добычу когтями, а пользуется для этого также и клювом.

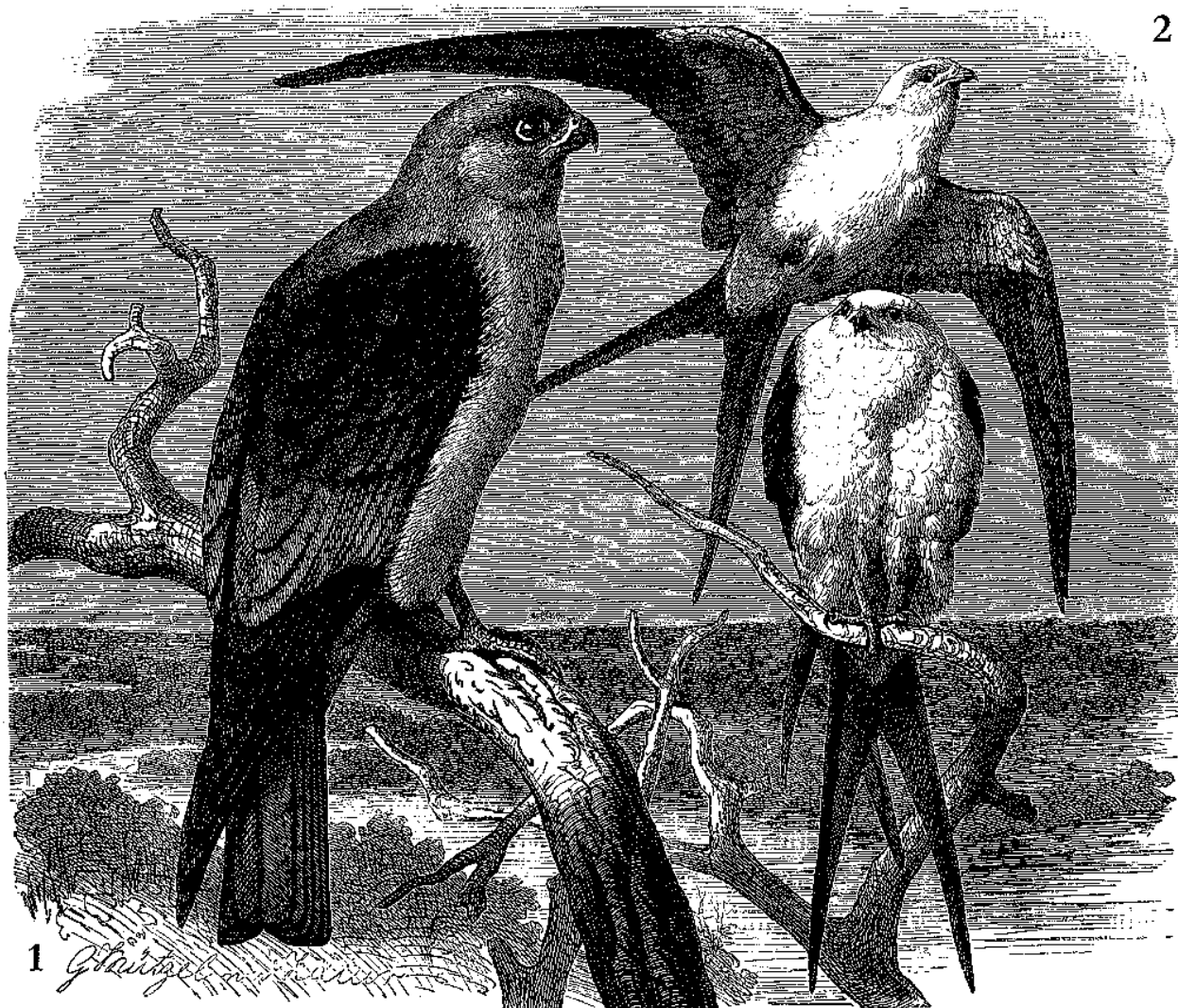
Гнездо свое миссисипский коршун устраивает на верхних ветвях самых высоких деревьев, преимущественно на роскошных магнолиях и белых дубах, составляющих украшение всех южных штатов. Постройка эта бывает очень проста и похожа на гнездо вороны; она состоит из набросанных друг на друга ветвей, обложенных сверху испанским мхом, корой виноградных лоз и сухими листьями. Два или три кругловатых яйца разрисованы множеством темных шоколадно-бурых и черных пятен по зеленоватому фону. В длину они имеют 40 мм, а наибольший поперечник равняется 35 мм, так что они округлы и без всяких пятен. Обе птицы высидывают яйца и так любят своих птенцов, что храбро защищают их от всякого врага, даже от человека. Одюбон сообщает, что пара коршунов, гнездо которых он велел достать, несколько раз пронеслась около самой головы негра, лававшего за гнездом. Птенцы, как только научатся летать, становятся похожи на родителей и еще до зимнего перелета вполне приобретают оперение взрослых птиц.

Вилохвостый коршун (*Elanoides forficatus*) — один из самых замечательных и, несмотря на простоту своей окраски, один из наиболее великолепных представителей птиц Южной и Средней Америки; он нередко залетал также и в Европу и потому причисляется также к птицам и этой части

света. Туловище у него коренастое, шея короткая, голова небольшая, но сильно вытянута в длину. Клюв довольно длинный, но низкий, слегка загибающийся уже от основания и образующий крепкий крючок, края его прямые без зубцов и выемок, разрез рта очень глубокий. Ноги короткие и небольшие, но довольно крепкие; короткие пальцы вооружены сильно загнутыми, чрезвычайно острыми когтями. Крылья, похожие на крылья ласточки, очень длинны и слегка заострены; хвост необыкновенно развит и на конце снабжен такой глубокой выемкой, что крайние его перья более чем вдвое длиннее средних. У взрослых птиц все оперение белое, за исключением нижних шейных перьев, крыльев и хвоста, которые окрашены в черный цвет с металлическим зеленоватым отливом. Глаза кофейного цвета или темно-карие; клюв черный, восковица голубовато-серая, ноги светлого зеленовато-голубого цвета; когти светлого рогового цвета. Самец немного меньше самки, оперение его туловища более чистого белого цвета, а черный цвет крыльев более блестящий. Длина этой птицы 60 см, размах крыльев 130, длина крыла 40^5 , длина крайних хвостовых перьев 30 см.

Вилохвостый коршун встречается во всей Южной Америке, начиная от южной Бразилии, и в южных окраинах Соединенных Штатов, местами он принадлежит к числу довольно распространенных птиц. По Одюбону, большие стаи вилохвостых коршунов появляются в начале апреля в штатах Луизиана и Миссисипи, где их причисляют к самым обыкновенным птицам; в сентябре они снова улетают отсюда. Оседлыми птицами они являются только на юге Северной Америки, в Техасе и Мексике, а также и в Бразилии.*

* Из-за неразумного преследования этот коршун уничтожен на большей части североамериканской области гнездования, поэтому в Техасе в настоящее время не обитает. В Северной Америке вилохвостый коршун перелетная птица.

1— Миссисипский коршун (*Ictinia mississippiensis*) 2— Вилохвостый коршун (*Elanoides forficatus*)

Чрезвычайно редко можно видеть вилохвостых коршунов, летающих поодиночке или парами, обыкновенно они собираются многочисленными стаями и парят высоко в воздухе или сидят на деревьях; в таких случаях бывает от 20 до 200 штук этих птиц. «Вилохвостый коршун, — говорит

Одубон, — чрезвычайно красив и неутомим на лету. Он движется по воздуху с такой легкостью и грацией, что всякий, кто сколько-нибудь любит наблюдать за птицами, придет в восторг от этого зрелища. Паря и описывая большие круги в воздухе, коршун то поднимается на неизмеримую высоту, направляя полет только при помощи своего вилообразного хвоста, то вдруг с быстротой молнии спускается вниз и затем снова поднимается, парит все дальше и дальше и скоро исчезает из виду. Иногда видишь, как стая кружится около дерева или быстро пролетает между его ветвями, почти касаясь его ствола, чтобы схватить каких-нибудь насекомых или маленьких ящериц. Движения этих птиц изумительно быстры и разнообразны. Глубокие дуги, описываемые ими, внезапные круги и зигзаги и необычайная легкость, с которой он разрезает воздух, должны привести в восторг каждого наблюдателя».

Пища вилохвостого коршуна состоит преимущественно, а иногда даже исключительно из насекомых. Одубон и Риджвай сообщают, что он ест ящериц и змей, но почти все остальные наблюдатели утверждают, что он истребляет только насекомых. Охотится он за ними так же, как и ласточки, с той только разницей, что хватает свою добычу не клювом, а лапой. «Во время нашего путешествия по горам, — рассказывает Одубон, — мы увидели целую стаю вилохвостых коршунов, летавших взад и вперед довольно низко над дорогой, по которой мы следовали. Некоторые из них парили на высоте едва 4 м над землей. Вся стая тесно держалась вместе и очень напоминала стаю наших касаток. Полет их был не быстр, но силен и ровен, крыльями они совсем не шевелили. Наше появление, по-видимому, нисколько не смутило коршунов; даже крик восторга, вырвавшийся у моего спутника, его знаки и жесты, от которых я тщетно старался его удержать, не встревожили их. Некоторые из них пролетали на расстоянии всего 4 или 5 м от нас и таким образом давали нам возможность хорошо рассмотреть все их движения. Время от времени какая-нибудь из птиц медленно и грациозно поворачивала или нагибала вниз голову и в то же время выдвигала вперед ногу, которая перед этим, судорожно сжавшись, что-то хватала; нога выдвигалась настолько далеко, что касалась закрытого до сих пор клюва. Но птица оставалась в этом положении только одно мгновение: она раскрывала клюв, проглатывала добычу и снова поднимала голову. Эти движения проделывала вся стая. Скоро мы поняли их причину: вилохвостые коршуны охотились за одним видом пчел, отличающимся великолепной окраской».

"При тихой и теплой погоде, — продолжает Одубон, — вилохвостый коршун парит на неизмеримой выси, охотясь за большим насекомым, так называемым москитовым соколом, и выказывает при этом все свое искусство. Главную пищу этой птицы составляют саранча, гусеницы, маленькие змеи, ящерицы и лягушки. Пронсясь низко над землей, он иногда вдруг останавливается на мгновение, не шевеля крыльями, спускается вниз, схватывает змею, уносит и растерзывает ее на лету».

Одубон рассказывает об одном вилохвостом коршуне, которого он несколько дней держал в клетке. Коршун отказывался от всякой пищи и не давал кормить себя насильно. Взъерошив перья, со скучным видом все сидел на одном и том же месте; только если его хватали за крылья, старался защищаться когтями. Он умер от истощения.

Красный коршун (*Mihas milvus*). Это статная птица, имеющая 65-72 см в длину; размах ее крыльев 140-150 см, длина крыла 50, длина крайних хвостовых перьев 38 см. От своих европейских родичей и вообще от всех других коршунов красный коршун отличается более вилообразным хвостом, средние перья которого на целых 10 см короче крайних.

Все равнины Европы, начиная от южной Швеции до Испании и отсюда до Сибири,* служат родиной этих хищных птиц, которых Шиллер назвал «царями воздуха».

* *Красный коршун не живет в Сибири, западная граница его гнездового ареала проходит от северной Эстонии через самый запад Белоруссии, окрестности Чернигова и Киева до черноморского побережья Кавказа. Этот вид часто путали с черным коршуном (*Milvus migrans*), о чем также упоминает и сам Брем.*

Внутри этой области распространения, очень обширной, красный коршун встречается далеко не всюду. Во время перелета они часто соединяются в большие стаи, штук в 50-200. Около Толедо мы наблюдали однажды среди зимы стаю коршунов, состоящую по крайней мере из 80 штук; все они жили очень дружно, днем охотились вместе, а ночью отправлялись ночевать в небольшой лесок на берегу Тахо. Летом в той же местности красные коршуны встречаются только парами и то не особенно часто. Во время своих периодических странствований они направляются через северо-западную Африку и долетают до островов Зеленого мыса. Большое количество их ежегодно дважды перелетает через Гибралтарский пролив.

В прежнее время красный коршун играл ту же роль, которая в настоящее время в Африке выпала на долю хохлатого коршуна. «Во времена Генриха VIII, — говорит Пеннант, — над бри-

танской столицей носилось много коршунов, которых привлекали разные отбросы, валявшиеся на улицах; эти птицы были до того смелы, что хватали свою добычу, не стесняясь ни шумом, ни большой толпой. Убивать их было запрещено». Богемец Шашек, посетивший Англию в 1471 году, замечает, что он нигде не видал такого множества красных коршунов, как в Лондоне, а Белой уверяет, что он не нашел никакой разницы между коршунами, живущими в Каире и Лондоне. В настоящее время обстоятельства изменились, и эта птица, принадлежавшая в Великобритании к числу самых обыкновенных, теперь совсем исчезла оттуда и только в Шотландии местами выводит птенцов*.

** В наши дни красный коршун отсутствует в Шотландии, на Британских островах он остался только на самом западе Англии.*

Красный коршун вовсе не величественная птица; он ленив, неповоротлив и отвратительно труслив. Летает медленно, но удивительно неутомимо. Тихо плывя по воздуху, он иногда в течение целой четверти часа ни разу не взмахнет крыльями и управляет полетом только при помощи своего широкого хвоста. Таким образом, коршун, по-видимому, без всякого усилия то поднимается на неизмеримую, почти недостижимую для человеческого глаза, высоту, то пронесется через большие пространства над самой землей. Сидящего на дереве красного коршуна можно узнать по тому, что он насколько возможно втягивает шею, так что голова кажется лежащей совсем между плечами, а также по тому, что хвост у него обыкновенно направлен не прямо вниз, а немного вперед. Поэтому, если смотреть на сидящего красного коршуна сбоку, то бросается в глаза угловатость линий его профиля.

Из чувств у красного коршуна, несомненно, всего лучше развито зрение; чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на его прекрасные глаза; но еще убедительнее доказывается: это поведением парящего на громадной высоте коршуна, если покажется где-нибудь животное, могущее служить ему добычей. По развитию умственных способностей красный коршун, конечно, не уступит ни одной из хищных птиц. Он, например, всегда умеет отличить охотника от простого крестьянина, избегает возвращаться в те местности, где один раз уже был напуган. В понятливости красного коршуна можно также убедиться, если застанешь его поблизости от гнезда или если приходится наблюдать его в неволе. Крик коршуна довольно неприятный, протяжный, нечто среднее между смехом и блеянием. Его можно передать приблизительно слогами «гиги гизэ». Во время спаривания слышится также своеобразная трель. Красный коршун питается маленькими млекопитающими, птенцами, еще не умеющими летать, а также ящерицами, змеями, лягушками, жабами, кузнечиками, жуками и дождевыми червями. Кроме того, он ворует у крестьян цыплят, причиняет немало хлопот гусятникам, досаждаёт охотникам своими нападениями на молодых зайцев и куропаток. Несмотря на все эти грехи, красного коршуна едва ли можно причислить к вредным птицам. Если где-нибудь на полях начнут особенно сильно размножаться мыши, то туда является и красный коршун; он остается в таких местах иногда несколько недель и каждый день пирует на славу. Если принять в соображение, что красный коршун истребляет множество мышей и вредных насекомых, то нельзя не прийти к тому заключению, что ему можно простить убийство какого-нибудь зайчика или гусенка. Охотники считают неоспоримым, что он приносит большой вред, истребляя много дичи в лесных дачах, предназначенных для охоты, и поэтому всякий из них считает нужным по мере возможности истреблять красных коршунов и их птенцов. Но на самом деле эти коршуны принадлежат к числу наиболее безвредных наших хищных птиц. Ловлей рыбы, которой он занимается довольно правильно и ради которой иногда не ленится пролетать расстояния в 25-30 км, он также приносит далеко не такой значительный вред, как обыкновенно думают. Помимо того, что ему только изредка удастся схватить замеченную им рыбу*, он вообще направляет свои преследования больше против лягушек, чем против рыб.

** Коршуны обычно подбирают снулую, больную или мертвую рыбу. Они не в состоянии поймать рыбу, полную сил. Поэтому коршун играет в природе роль санитаря, не давая распространяться заболеваниям среди рыб и других животных.*

Период размножения начинается вскоре после весеннего перелета. Красный коршун придерживается по возможности той же местности, в которой он провел предыдущее лето, но не всегда поселяется в своем прежнем гнезде. Если ему удастся найти незанятое воронье или соколиное гнездо, то он довольствуется им; если же не удастся, то сам строит себе новое. Избравши для жилья какой-нибудь лес, самец и самка сначала долго летают над ним, играя друг с другом и выказывая при том все свое искусство; затем они выбирают какое-нибудь дерево, обыкновенно как можно более высокое, но иногда и совсем не подходящее, плохое, причем не обращают внимания на то, лиственное оно или хвойное. На верхних ветвях этого дерева или на одном из его больших боковых сучьев

они начинают строить гнездо, имеющее около метра в поперечнике и по способу постройки не отличающееся существенно от гнезд канюков и других ястребиных птиц. Узнать его можно бывает благодаря тому, что красный коршун любит выстилать гнездо разными тряпками и бумагами, причем не всегда выбирает для этого самые чистые. Бывали случаи, что коршуны крали у прачки развешанные для просушивания занавески и выстилали ими свое гнездо.

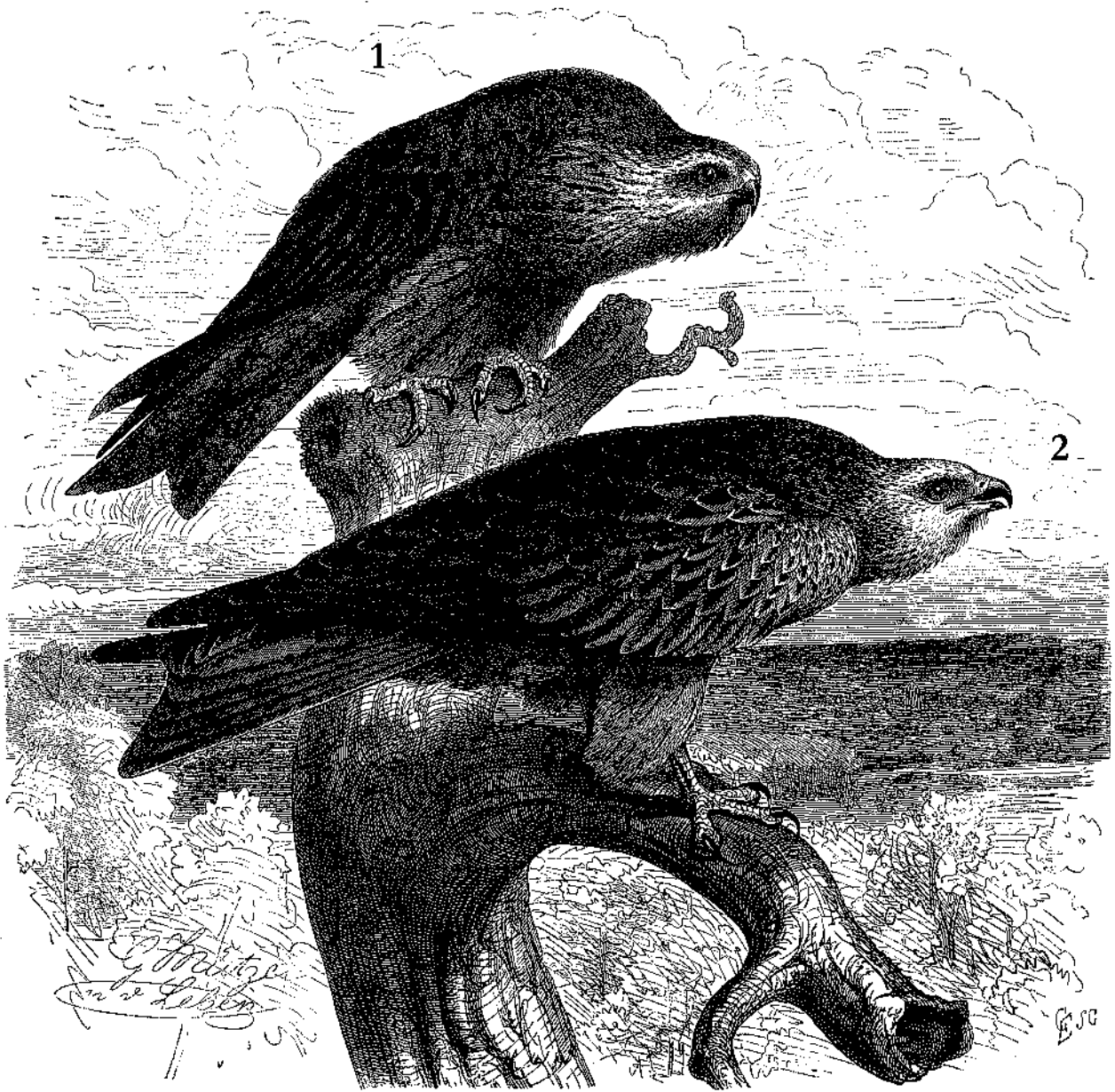
Кладка состоит из 2-3, редко 4 яиц, которые очень похожи на яйца обыкновенного канюка, только немного крупнее их. Длина их равняется 59-62 мм, наибольший поперечник 45-47 мм. Скорлупа мелкозернистая, но матовая; основной цвет белый с легким зеленоватым оттенком; фон этот усеян пестрыми крапинками и грубыми черточками темного красно-бурого цвета. По-видимому, высиживает только самка; по крайней мере, пока она сидит, самец ревностно занимается добыванием для нее пищи. Приблизительно через 4 недели вылупливаются птенцы, и тогда оба супруга начинают таскать им пищу. Птенцы красных коршунов не менее прожорливы, чем птенцы других хищных птиц; благодаря этому их родители принуждены усиленно заниматься охотой, чтобы прокормить их, и в это время они иногда позволяют себе нападать на домашнюю птицу. Высиживающая самка очень упорно сидит на яйцах.

В некоторых местностях место красного коршуна занимает **черный коршун** (*Milvus migrans*), которого иногда смешивают с предыдущим; местами встречаются оба вида вместе. Черный коршун заметно меньше красного. Он имеет 55-58 см в длину, размах его крыльев равняется 136-145 см, длина крыла 44-47, длина хвоста 26-29 см; первые из приведенных нами цифр относятся к самцу, вторые — к самке. Оперение вообще темнее, чем у красного коршуна, так что названия, данные этим двум птицам, нельзя не признать удачными.

Весной, тотчас же по прибытии на свое летнее местопребывание, черный коршун отыскивает то место, где он жил в предыдущем году, и приступает к своим летним занятиям. Эрцгерцог Рудольф Австрийский доставил мне такое прекрасное и верное описание этой птицы, что всего лучше будет привести его здесь целиком, только местами добавляя его наблюдениями других исследователей. «В Венгрии черный коршун считается довольно обыкновенной птицей; в нижней Австрии я встречал его только в некоторых местностях, но в них он поселяется ежегодно. Любимым его местопребыванием бывают леса, особенно растущие по берегам больших рек или около болот. Высокие деревья нужны ему собственно только для витья гнезда и для ночлега. В течение дня он все время летает вдоль реки, над кустами или среди них. Все в нем приспособлено для жизни на ровной местности, изобилующей водой, поэтому он особенно любит наши придунайские луга. Тот, кто знаком с ним, конечно, не в состоянии и представить себе его среди местности холмистой или гористой. В таких местах его никогда не приходилось видеть; он не встречается ни на высоких горах, ни на лесистых предгорьях, ни на плоских возвышенностях, он избегает даже тех лесов, которые граничат с большими лугами и полями. В этом отношении его разборчивость доходит до того, что, например, на лугах, орошаемых Дунаем, он из множества живущих здесь хищников встречается всех чаще, а на расстоянии всего одной мили отсюда, на опушке Венского леса, его уже никогда не увидишь. Я имею возможность бывать очень часто в Венском лесу и ни разу еще не встречал там черного коршуна, красный же ежегодно прилетает сюда.

Черные коршуны — птицы общительные; раз они водятся в какой-нибудь местности, то встречаются в ней всегда в большом количестве.

Полет этой птицы чрезвычайно красив, особенно когда она, летая, играет над поверхностью больших рек, чем она занимается иногда в течение целой четверти часа и даже более; но только весной в период спаривания можно получить истинное понятие об ее искусстве. Возбужденная чувством любви, пара черных коршунов поднимается на большую высоту и парит здесь. Вдруг один из них, опустив совсем крылья, падает и опускается почти до самой поверхности воды, затем он некоторое время летит стрелой по кривой линии, быстро возвращается назад, трепещет на месте, подобно пустельге, и вообще производит удивительные эволюции, летая по всем направлениям.

1 — Черный коршун (*Milvus migrans*) 2 — Красный коршун (*Milvus milvus*)

Гнездо черного коршуна построено чрезвычайно просто. Коршуны строят его на нижней половине одного из самых высоких деревьев и обыкновенно в углу между стволом и одним из главных сучьев. Оно состоит из набросанных кое-как прутьев; обыкновенно уже издали виден высовывающийся из него раздвоенный хвост самки. В большинстве случаев черный коршун завладевает покинутыми гнездами цапель, вследствие чего гнезда коршунов и цапель трудно отличить одно от другого. Большинство гнезд черного коршуна я находил на тех островах, где жили цапли и бакланы; на тех же, где гнездились канюки, красные коршуны и более крупные представители ястребиных, я никогда не встречал черных коршунов во время периода размножения. Время высидивания подвержено значительным колебаниям. В половине апреля я находил гнезда, в которых самки уже ревностно высидивали яйца, а несколько других пар в то же время еще строили гнезда или даже только отыскивали подходящее место для их постройки. К середине мая в большинстве гнезд самки уже сидели на яйцах.

Тот, кому приходилось наблюдать черных коршунов, наверное, замечал, что они чрезвычайно любят общество болотных и водяных птиц, и дружба, в которой они живут с этими птицами, может служить доказательством безвредности коршунов. Однажды на берегу большого острова я нашел гнездо черных коршунов; в ста шагах от него все деревья были испещрены гнездами цапель, между которыми кое-где виднелись также гнезда пустельги и чеглока. Все обитатели этой колонии совершенно мирно пролетали друг возле друга, а коршун самец, играя, носился среди гнезд летающих цапель и бакланов. Одно из них было построено на высоте всего каких-нибудь 3 м над землей на толстом суку: над ним на том же дереве помещались 4 или 5 гнезд бакланов. Другое гнездо коршунов находилось на толстом дереве также низко над землей: на метр выше его помещалось гнездо

цапель и в обоих этих гнездах самки сидели на яйцах, а самцы — коршун и цапля — сидели рядом на одном и том же сучке. Оба гнезда коршунов были построены на самых крайних из высоких деревьев острова, одно на краю болотистой части леса, другое на противоположном конце, на берегу широкого рукава Дуная. Рядом, на другом небольшом островке, находилось еще одно гнездо коршунов, а совсем близко от него, хотя по другую сторону узкого рукава реки, поселились канюк, балобан и несколько чеглоков; наконец, тут же находилось большое гнездо речной скопы, впрочем, покинутое в этом году. Я думаю, что черные коршуны поселяются рядом с цаплями и бакланами главным образом по той причине, что, будучи очень прожорливыми, они вместе с тем очень ленивы и не любят особенно трудиться над добыванием себе пищи. Всего охотнее они едят рыбу, и им легко утолить голод, живя по соседству с цаплями, так как последние часто роняют из своих гнезд больших рыб, чем и пользуются другие птицы. Правда, черный коршун сам довольно искусный рыболлов, но он предпочитает попрошайничать и жить на чужой счет. Иногда он на лету пристает к большим водяным птицам и к речным скопам и отбивает у них добычу. Кроме рыб пищу его составляют чаще всего молодые зайцы, хомяки, суслики, мыши и в особенности лягушки. Для птичников он очень опасен, благодаря своему необыкновенному нахальству; он без всякого стеснения похищает цыплят и утят на глазах их родителей, и, в случае таких нападений, его можно отогнать только ружейными выстрелами. Однажды в одной деревне, расположенной среди долины на окраине луга, я наблюдал черного коршуна, который постоянно являлся сюда охотиться и летал приблизительно на высоте дымовых труб, высматривая добычу».

Относительно размножения черного коршуна могу еще прибавить, что он свое гнездо, подобно красному коршуну, всегда выстилает разными лохмотьями, старыми передниками, ночными кофтами или свальной шерстью млекопитающих, паклей и тому подобными материалами, так что его жилище легко отличить от гнезда других живущих у нас птиц. По словам Блазиуса, не трудно бывает узнать, занято ли гнездо черными коршунами или уже покинуто ими, по тем тряпкам или клочкам пакли, которые часто прицепляются к краям гнезда или к соседним ветвям, когда птицы таскают их в гнездо. В конце апреля в гнезде обыкновенно уже находится вся кладка, состоящая из 3-4 яиц, поразительно сходных с яйцами красных коршунов; основная окраска их желтоватая или серовато-белая; благодаря испещряющим их бурым жилкам, они выглядят как бы мраморными; кроме того, они густо усеяны более мелкими пятнами. По-видимому, высиживает только самка. После трехнедельного высиживания* вылупливаются птенцы; они покрыты пуховым одеянием, основная окраска которого белая; начиная с затылка, оно имеет слабый ржавый оттенок, позади глаз находятся буроватые пятна, а вся верхняя сторона светлая серо-бурая.

** Период насиживания у черного коршуна составляет не менее четырех недель, обычно более одного месяца.*

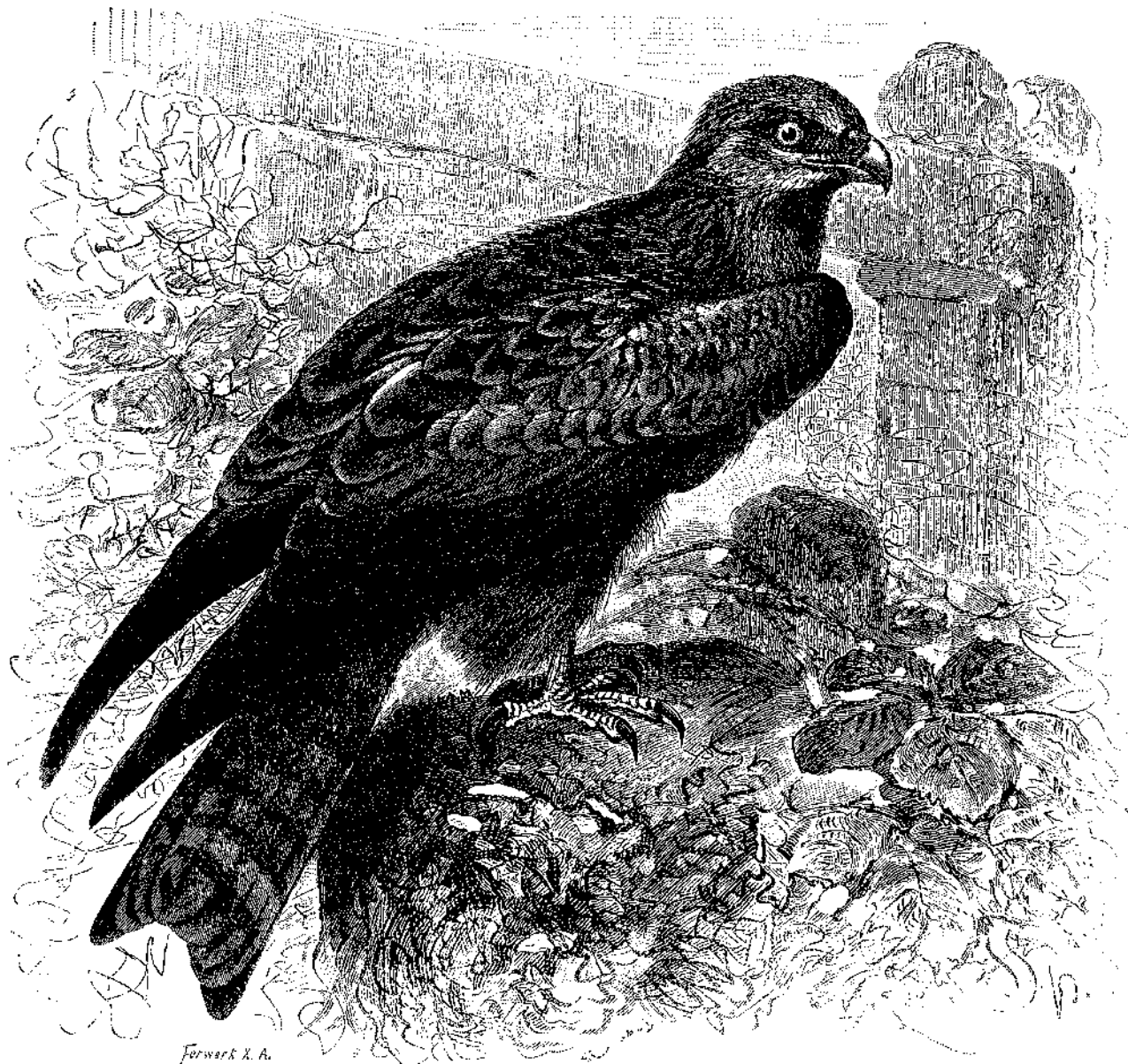
Вначале родители кормят птенцов полупереваренными кусками мяса, лягушками и рыбами. Обыкновенно птенцы начинают вылетать из гнезда, когда хвост и крылья еще не приобрели тех размеров, которые они имеют у взрослых птиц, и тогда в дождливую погоду их нетрудно поймать на земле или на низких деревьях. Поздним летом семейство распадается, и каждый из его членов начинает жить особняком. К осени пары черных коршунов снова собираются сначала в небольшие общества, а потом в целые стаи и вместе предпринимая зимнее путешествие.

Черный коршун считается одной из самых вредных наших хищных птиц. Я не могу, однако, вполне присоединиться к этому мнению и скорее думаю, что в тех местностях, где водится много этих коршунов, причиняемый ими вред не особенно значителен. При беспристрастном сравнении вредных и полезных сторон его деятельности приходишь к заключению, что они приблизительно уравнивают друг друга. Пищу его составляют главным образом мыши и лягушки, а также рыбы, которых он во время периода размножения подбирает преимущественно под гнездами цапель. Поэтому нельзя не признать, что причиняемый им вред весьма незначителен, и мне кажется, что за ним числится вовсе не так уж много грехов, как думают. Своим присутствием он очень оживляет местность, особенно в тех однообразных равнинах, в которых он обитает, и пейзаж очень выигрывает в красоте, когда среди неба виднеется парящий коршун.

Коршун-паразит (*Milvus parasitus*) имеет 52-55 см в длину, размах крыльев его равняется 132-136, длина крыла 43-45, а хвоста 20-22 см.

Область распространения обнимает всю Африку, за исключением области Атласских гор, кроме того, Мадагаскар, Сирию, Малую Азию. В северо-восточной Африке этот коршун является самой обыкновенной из хищных птиц; он принадлежит к числу типичных представителей фауны стран, орошаемых Нилом, и побережья Красного моря. Коршун-паразит — первая птица, которую встречаешь в Египте; его же видишь парящим над девственными лесами в области верхнего тече-

ния Нила. Он более чем какой-нибудь другой его родич питается за счет человека и живет с ним в большой дружбе, которая, впрочем, очень выгодна для коршуна, но для человека часто оказывается весьма нежелательной.

Коршун-паразит (*Milvus parasitus*)

Коршун-паразит — самая дерзкая и надоедливая из всех известных мне птиц. Попрошайничество — его ремесло; поэтому он охотнее всего живет в населенных местах, посещает ежедневно дворы и поселяется на пальмах, растущих в садах, или на верхушках минаретов. Он становится, наконец, докучливым и даже ненавистным, так как его видишь решительно повсюду. Ничто не ускользает от его зорких глаз; он внимательно следит за деятельностью людей и, благодаря своему близкому знакомству с ними, прекрасно понимает все их дела, так что в этом отношении с ним могут сравниться только очень немногие птицы и млекопитающие. Он непременно полетит вслед за овцой, которую ведут на бойню, но если пастух гонит овец с пастбища, остается совершенно равнодушным; когда рыбак возвращается с ловли, коршун летит ему навстречу, когда же тот отправляется на ловлю, не обращает на него никакого внимания. Он летает над баркой, в которой убивают какое-нибудь животное, или даже садится на нее. Кружится около повара, как только тот появляется на палубе стоящего или плывущего судна; он первый посещает лагерь, первый замечает всякую пададь. От него нельзя достаточно далеко спрятать никакого куска мяса. С ловкостью у него соединяется необъяснимая дерзость, с жадностью — знакомство со всеми привычками человека. Плохо приходится неосторожному покупателю, который несет мясо на голове в корзине или в деревянной чашке, как это часто делают в Египте: деньги его, вероятно, пропадут даром. Мне самому пришлось однажды быть свидетелем того, как коршун-паразит схватил весивший более килограмма кусок мяса, который несли в корзине, и унес его целиком, несмотря на брань ограбленного им человека. В Абиссинии однажды наш повар разрезал на куски зайца на ящике, стоявшем посреди дво-

ра. Едва только он успел повернуть голову на чей-то зов, как один из кусков уже очутился в когтях подлетевшего коршуна, который и тут не упустил благоприятного момента. Он умеет воровать буквально из рук человека.

Коршун-паразит питается не только за счет людей; он следит также за деятельностью животных и птиц. Как только кто-нибудь схватит добычу, тут же его окружает толпа этих несносных коршунов; они с криком преследуют хищника, яростно бросаясь на него, и чем дольше продолжается эта охота, тем более увеличивается количество попрошаек. Тяжелая добыча, которую держит в своих лапах благородный хищник, мешает ему лететь с обычной быстротой, и он не может избавиться от нападающих на него сзади коршунов. Желая избавиться от них, он скоро бросает добычу и предоставляет коршунам драться из-за нее друг с другом, а сам возвращается на те места, где охотился, и отыскивает новую добычу. Грифам тоже ненавистны коршуны-паразиты. Они постоянно кружатся около пирующих грифов, смело пролетают среди них и умеют вовремя подхватить куски мяса, разбрасываемые грифами, и всегда с необычайной жадностью набрасываются на найденную добычу. Коршун-паразит редко сам охотится, хотя довольно ловок и очень искусно умеет ловить мелких домашних птиц, даже молодых голубей, а также мышей, пресмыкающихся и рыб, которых он особенно любит.

Коршунов-паразитов приходится обычно-венно видеть летающими целыми стаями: парами они держатся только около своих гнезд. Над бойнями больших городов они носятся иногда стаями штук в 50-60.

Крик этой птицы начинается высоким звуком, который можно приблизительно передать слогом мхи», и оканчивается продолжительным, дрожащим «тэ-хэ-хэ-хэ». Относительно полета, характера и способностей мне здесь незачем распространяться: во всех этих отношениях коршун сходен с европейскими родичами.

Туземцы вполне заслуженно считают коршуна-паразита чрезвычайно дерзкой и несносной птицей; тем не менее они не преследуют его; думают, что и к нему должны применяться законы вежливости и гостеприимства, так что коршун может с полной безопасностью летать всюду, где ему вздумается. О его доверчивости существует немало интересных рассказов; образ коршуна встречается также и в некоторых сказках.

В Африке живет крупный и сильный **боевой орел** (*Polemaetus hellicosus*) — большая птица длиной 80-86 см, с крыльями длиной в 60-65 и хвостом в 31-34 см. Преобладающий цвет на верхней стороне пепельно-серо-бурый, на голове к нему примешивается черно-бурый. Беловатая полоса пробегает над глазами к задней части головы и теряется в коротком, широком хохле. Вся нижняя сторона белая с голубоватым налетом и почти без пятен. Глаза серо-бурые, восковица зеленовато-голубая, клюв черный, лапы свинцово-серые.

Первое описание боевого орла появилось в конце прошлого столетия в знаменитом сочинении Левальяна о птицах южной Африки. Позднее эту птицу нашли в западной и восточной Африке, и теперь я знаю, что большая хищная птица, которую я видел в абиссинских горах сидящей на высоком дереве, сильно выдававшемся над окружающей местностью, был орел.

Об образе жизни и поведении этого красивого хищника все еще нет более подробных наблюдений, чем те, которые сообщил Левальян, и потому я должен основываться на них в дальнейшем изложении.

Боевой орел выбирает для жилья одиноко стоящее дерево, так как он очень осторожен и любит видеть, что делается вокруг. Отсюда пара облетает обширную область, неизменно держась вместе; рядом они не терпят ни одной другой птицы того же вида и вообще никакой хищной птицы. Всякий другой хищник, который вторгнется в эту область, подвергается беспощадному нападению; хохлатые орлы бьются с ним изо всех сил и принуждают его обратиться в бегство. «Случается, — говорит Левальян, — собираются стаи грифов и воронов с намерением отнять у орла его добычу; однако одного взгляда хищника бывает достаточно, чтобы удержать эту ватагу паразитов».

Вероятно, боевой орел охотится главным образом в утренние и вечерние часы. Обыкновенно добыча его состоит из мелких антилоп и зайцев; но вообще он не щадит и многочисленные виды диких куриных птиц. Весь его характер показывает, что он настолько же опасный враг африканским животным, как наш беркут европейским. Во всей южной Африке нет хищной птицы, которая равнялась бы этому орлу по силе и кровожадности. Это неограниченный властелин в своей области; сила и смелость соединяются в нем, делая его страшным врагом всех беззащитных существ. Полет его легче и быстрее, чем у других орлов. Голос, как говорят, то резкий и пронзительный, то грубый и глухой.

Гнездо устраивает на вершинах высочайших деревьев и лишь в случае их недостатка на выступах скал недоступных горных обрывов; оно, в общем, похоже на гнездо других ортов, но как говорят, строится совершенно определенным образом из трех различных слоев. Первый слой состоит из толстых палок, второй — из более тонких ветвей, мха, сухих листьев, вереска и других мягких растительных веществ, встречающихся в окрестностях, и, наконец, третий — из тонких прутиков, который и образует лоток гнезда. Вся постройка имеет в диаметре от 1,5 до 2 м и так крепка, что человек совершенно безопасно может держаться на ней. Яиц два, около 8 см длиной; они почти шарообразны и чисто белого цвета. Пока самка высиживает, самец снабжает ее необходимым кормом, а позднее охотится и для всего семейства, но лишь до тех пор, пока птенцы еще очень малы; как только они подрастут, они нуждаются в таком большом количестве пищи, что старики едва могут добыть достаточное количество ее. Готтентоты уверяли Левальяна, что они два месяца питались едой, которую отнимали у двух молодых хохлатых орлов. До вылета птенцов на гнезде и вокруг него накапливаются кучи костей самых различных животных.

Левальян долгое время держал в неволе одного боевого орла и наблюдал, как он с жадностью бросался на предлагаемое мясо, проглатывал его фунтами и никогда не отказывался принимать пищу, даже если его зоб был уже полон. Исследователь упоминает далее, что этому хищнику по вкусу приходились всякие животные, он не пренебрегал даже предложенным ему трупом другого орла. Я на основании собственных наблюдений над птицами этого вида в неволе считаю это указание преувеличенным.

Приблизительно в тех же странах встречается родственный, но гораздо меньший хищник, который называется **гребенчатый орел** (*Lophætus occipitalis*). Он плотного сложения, с длинными крыльями, коротким хвостом и высокими ногами; оперение его довольно одноцветно. Очень темный бурый цвет составляет основную окраску, брюхо темнее, грудь светлее.

Длина равна 50-52 см, размах крыльев 120-130, длина крыла 33-35, а хвоста 18-20 см.

Из африканских хохлатых орлов гребенчатый орел один из самых обыкновенных, если не самый распространенный из всех. В лесах области Нила он встречается довольно часто.

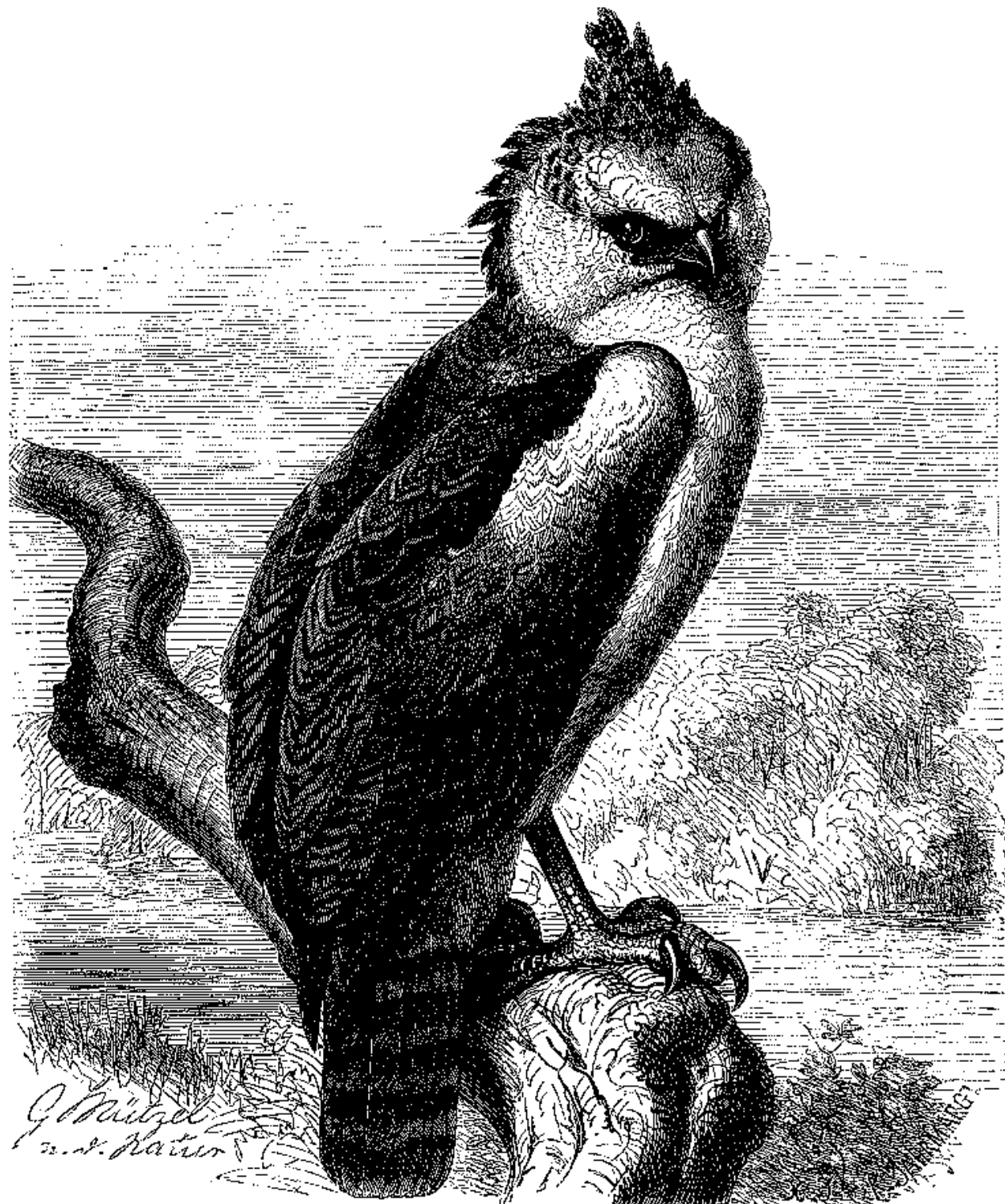
Гребенчатый орел (*Lophaetus occipitalis*)

Здесь его можно видеть спокойно сидящим на вершинах мимоз и крайне серьезно играющим своим хохлом. Он морщит лоб, наполовину закрывает глаза и поднимает свой хохол так, что он стоит вертикально, расставляет перья хохла также в стороны и нахохливает остальное оперение, потом снова прижимает хохол к затылку. Это важное занятие длится по полчаса, причем он не делает никакого другого движения. В это время гребенчатый орел кажется воплощением лени и производит впечатление малодетальной хищной птицы. Однако можно скоро узнать эту сонливую птицу и с другой стороны, стоит ей только заметить что-нибудь, за чем можно охотиться: мышку, полевую крысу, земляную белку, воркующего голубя. С быстротой молнии она слетает, делая короткие, быстрые удары крыльями, ловко пролетает, подобно нашему ястребу, через самый густой кустарник, ревностно преследует намеченную добычу и почти без промаха схватывает ее. По поведению и характеру гребенчатого орла можно сравнить с нашим ястребом. Он так же дерзок и хищен, как и тот, и является, безусловно, лучшим хищником леса.

О размножении гребенчатого орла я не делал самостоятельных наблюдений. Левальян говорит, что он устраивает гнездо на деревьях и выстилает его углубление перьями и шерстью. Самка кладет, как говорят, два почти круглых яйца, которые испещрены на бледном фоне красно-бурыми пятнами.

Гвианская гарпия (*Morphnits guianensis*). Длина птицы равна 70 см, размах крыльев 150-154, длина крыла 40-42, а хвоста 30 см. Замечательно рыхлое оперение, похожее на оперение сов, удлиняется на задней части головы в перистый хохол длиной в 15 см и изменяется с возрастом птицы.

Принц фон Вид, Шомбургк и Бурмейстер сообщают нам кое-что относительно местопребывания и образа жизни этой все еще мало известной птицы. Из этих данных следует, что гвианская гарпия распространена по большей части Южной Америки и держится в прибрежных лесах и в оазисах степей, а всего охотнее у берегов рек. Ее можно видеть в воздухе, делающей круги, а она может быть легко узнава по ослепительно-белому оперению, которое резко выделяется на темно-голубом небе. Птица отличается и своим громким криком. Для отдыха выбирает сухие вершины высоких деревьев, остается здесь, не двигаясь, целые часы и по временам поднимает свой красивый хохол. Охотится за млекопитающими и птицами. Принц фон Вид узнал от охотников, что эта птица особенно охотится за обезьянами. Гнездо строит, по Шомбургку, на не слишком высоких деревьях.

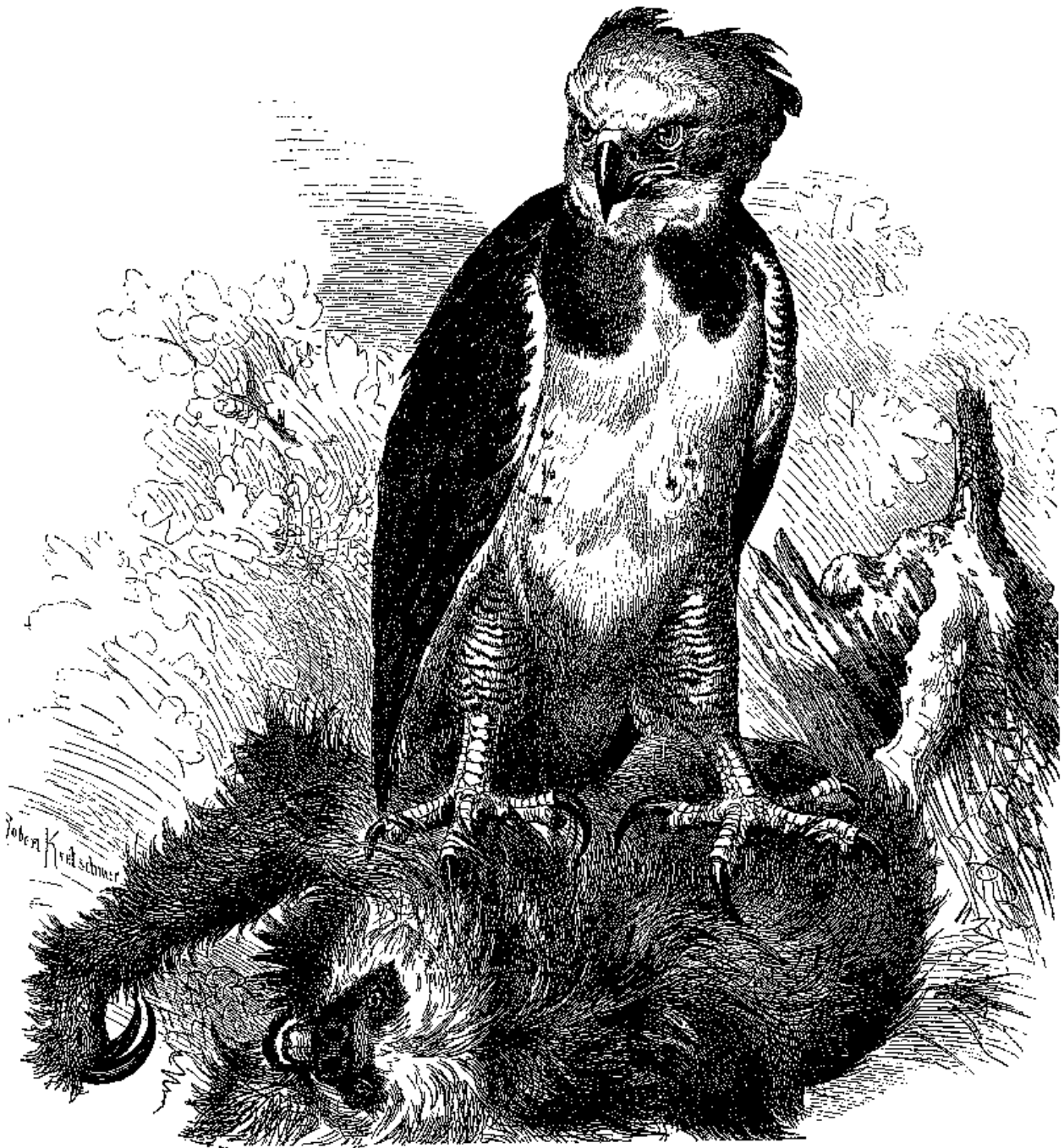
Гвианская гарпия (*Morphnus guianensis*)

Известное родство с только что описанной хищной птицей обнаруживает **южно-американская гарпия** (*Harpyia harpyia*). Тело ее крупное, голова большая, клюв необыкновенно высокий и крепкий, с сильно закругленной спинкой и заостренным краем, который образует изгиб под ноздрями и тупой зубец перед ними. Ноги толще, чем у других хищных птиц; лапы очень длинные и ка-

ждый из длинных пальцев вооружен еще чрезвычайно большим, толстым и сильно согнутым когтем. Крыло, которое в сложенном положении не достает до середины хвоста, коротко и закруглено, как и хвост. Оперение обильное и мягкое, почти как у сов; на затылке оно удлиняется в длинный и широкий хохол, который может подниматься. Голова и шея серого цвета. Удлиненные перья на затылке, вся спина, крылья, хвост, верхняя часть груди и бока тела шиферно-черного цвета. Хвостовые перья с тремя поперечными беловатыми полосками; нижняя часть груди и гузка белого цвета; остальная нижняя часть имеет черные крапины на белом фоне; голени на таком же фоне покрыты черными волнистыми полосками. Клюв и когти черного цвета, ноги желтые; глаза красно-желтые. Длина гарпии равняется 1 м, длина крыла 55 см, а хвоста 34 см. Бурмейстер приводит еще большие размеры. Средний палец длиной 8 см, задний 4 см; но последний снабжен когтем, который имеет в длину 8 см, если мерить по дуге, а коготь среднего пальца, измеренный таким же образом, равен 4 см.

Начиная от Мексики и до середины Бразилии и от Атлантического океана до Тихого, гарпия встречается, по-видимому, в каждом более или менее обширном лесу. В горах она населяет, однако, лишь более глубокие и более теплые долины; на высоты не поднимается. Там, где она встречается, это хорошо известная хищная птица, пользующаяся с незапамятных времен большим уважением, и о жизни которой издавна существуют различные басни. Уже первые путешественники, которые описывали Америку, а особенно ее животных, упоминают об этой птице, и каждый старается рассказать о ней совершенно невероятные вещи. Так, Фернандец рассказывает, что гарпия, которая будто бы почти такой величины, как овца, даже прирученная, нападает на человека по самому ничтожному поводу, постоянно дика и раздражительна, но тем не менее может быть полезной, так как ее легко дрессировать. Модуит уверяет, будто бы одного удара клюва гарпии достаточно, чтобы раздробить череп человека, в его описании проглядывает, что эта хищная птица очень часто пускает в дело свою силу. Только позднейшие наблюдатели д'Орбиньи, Чуди и Пурламак, которые подробно описывают жизнь гарпии, не позволяют преувеличений. От них мы узнаем в кратких чертах следующее.

Гарпия населяет влажные, богатые водой леса Южной Америки и преимущественно берега рек; д'Орбиньи уверяет, что он никогда не видал гарпии внутри лесов, вдали от рек. Она встречается всюду, но нигде не попадает часто, вероятно, лишь потому, что ее перья с незапамятных времен составляют крайне ценное украшение индейцев, и поэтому ее сильно преследуют.

Южноамериканская гарпия (*Harpia harpyia*)

Кроме времени спаривания, гарпию всегда наблюдают поодиночке, она как будто боится, что другая птица, даже из пары, помешает ей на охоте. Подобно ястребу, ее редко можно видеть на высоких деревьях, напротив, она сидит на нижних ветвях. Отсюда поднимается сначала вертикально вверх коротким, порывистым, но быстрым, как стрела, полетом, кружит несколько минут и, если ей посчастливится высмотреть добычу, с силой бросается вниз на нее. Говорят, что она вовсе не пуглива и очень близко подпускает к себе человека; однако это относится, вероятно, лишь к тем лесам, в которых она имеет мало случаев познакомиться со своим самым страшным, если не единственным врагом.

Насколько можно заключить из различных указаний, гарпия не пренебрегает никаким высшим позвоночным животным, если только оно не слишком сильно и велико. Некоторые наблюдатели склонны думать, что она нападает лишь на млекопитающих и именно, главным образом, на обезьян и ленивцев; но Чуди наблюдал, что она ревностно преследует также птиц. «Ни одной хищной птицы, — говорит он, — индейцы не боятся так, как гарпию. Ее величина, мужество и отвага действительно делают ее одним из самых опасных врагов. В лесах она находит обильную пищу среди птиц, но производит значительные опустошения и среди белок и обезьян. Если стадо последних, а особенно капуцинов, почует близость гарпии, то обезьяны поднимают жалобный крик, убегают по возможности все на одно дерево и стараются спрятаться в самой густой листве. Эти беспомощные жи-

вотные могут противопоставить своим врагам лишь жалобные крики». Макузи уверял Шомбургка, что гарпия — величайший враг ревунов, что она уносит косуль, охотится также на ленивцев и кусками отрывает этих последних от ветви, к которой они прицепились. Что последнее указание очень нуждается в подтверждении, мне едва ли нужно упоминать.

Гнездо гарпии, по словам Шомбургка, находится на высочайших деревьях и, по словам индейцев, используется им в течение нескольких лет сряду. Верного описания их яиц я не знаю.

Д'Орбиньи рассказывает, что индейцы очень часто вынимают гарпию из гнезда, выкармливают и держат в неволе единственно затем, чтобы добывать драгоценные перья более легким способом, чем путем охоты за старыми птицами. Индеец, у которого есть живая гарпия, пользуется уважением со стороны других и поэтому очень счастлив. Кормить птицу и таскать ее во время странствования по лесам выпадает на долю женщин. Когда гарпии, содержащиеся в неволе, получают окончательную окраску, то начинается их мучение: два раза в год хозяин вырывает у каждой перья из хвоста и крыльев, чтобы украсить ими стрелы или сделать себе головной убор. Перья эти составляют важный предмет меновой торговли у индейцев, и некоторые племена, известные как искусные охотники за гарпиями получают за них все, что вообще ценит индеец. В Перу счастливому охотнику достается особенное вознаграждение. «Если индейцу посчастливится убить гарпию, — говорит Чуди, — то он идет с ней из хижины в хижину и собирает дань в виде яиц, кур, маиса и тому подобных вещей. У дикарей и европейцев на берегах Амазонки мясо, жир и помет этой птицы считаются, по словам Пурламака, драгоценными целебными средствами.

Ястреб-перепелятник (*Aceipiter nisus*) считается типичной птицей семейства ястребиных. Длина его равна 32 см, размах крыльев 64, длина крыла 20, длина хвоста 15 см. Значительно более крупная самка на 8-9 см длиннее и на 12-15 см больше в размахе крыльев. У старых птиц вся верхняя сторона черновато-пепельно-серая, нижняя сторона белая с ржаво-красными волнистыми линиями и ржаво-красными стречневыми черточками; хвост с 5-6 черными поперечными полосками и белой каймой на конце. Клюв голубой, восковица желтая, радужная оболочка золотисто-желтая, ноги бледно-желтые.

В Европе перепелятник, по-видимому, водится везде, а также и в большей части Средней Азии он, вероятно, оседлая птица. Живет в лесах всякого рода, охотнее всего в рощах, которые находятся в гористых странах. Но вовсе не боится человека, напротив, охотно селится в непосредственной близости от деревень и городов. По крайней мере, он посещает их осенью и зимой, охотится даже в маленьких садах внутри больших городов, ежедневно появляется, если ему раз удалось достать здесь добычу, в определенные часы, и иногда не дает себе даже труда унести добычу, а поедает ее в укромном местечке в непосредственной близости от жилых построек.

"Перепелятник, — говорит мой отец, который очень подробно и точно описал его, — прячется большую часть дня и появляется лишь тогда, когда хочет охотиться. Несмотря на короткие крылья, он летает легко, быстро и очень ловко; ходит, напротив, подпрыгивая и неловко. Он боязлив перед человеком, но дерзок и бесстрашен по отношению к более крупным птицам. Бехштейн приписывает большую отвагу самцу, Науман — самке, но оба ошибаются: и самец, и самка одинаково храбры. Правда, самка сильнее и может с успехом выдержать битву, в которой самец был бы побежден. Мне пришлось однажды видеть замечательное зрелище перед окном. Самка перепелятника поймала воробья и унесла его за забор сада, едва в 10 шагах от моего жилища, чтобы съесть его там. Я заметил это из окна и не стал мешать. Когда перепелятник не управился еще и наполовину, прилетела ворона, чтобы отнять у него добычу. Перепелятник расправил крылья и закрыл ими свою добычу. Но после того, как ворона несколько раз бросилась на него, он взлетел, держа воробья в одной лапе, ловко повернулся на лету так, что спина его почти была обращена к земле, и так сильно схватил ворону свободной лапой за грудь, что она принуждена была улететь. Но и самец обнаживает такую же дерзость, как и самка, и, подобно ей, появляется в деревнях».

Ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*)

С дерзостью ястреб-перепелятник соединяет замечательное присутствие духа и хитрость. Если перепелятник возбужден находящейся поблизости добычей, он забывает все вокруг себя, не обращает внимания ни на людей, ни на собак и кошек. Схватывает и уносит намеченную добычу около самого наблюдателя, бросается со свистом над самой головою сидящего человека, так что почти задевает его крыльями, схватывает жертву без промаха и исчезает с нею, прежде чем успеешь хорошенько опомниться. У охотника, стреляющего мелких птиц, он нередко уносит подстреленную дичь. Тачановский даже уверяет: чтобы приманить перепелятника, достаточно сделать выстрел из ружья. Должен сказать, что и я часто видел после выстрела приближающегося перепелятника, но не считал возможным сделать такой вывод, как только что упомянутый автор.

Перепелятник — самый страшный враг мелких птиц, но вовсе не редко он отваживается нападать и на более крупных. От серой куропатки до королька ни одна птица, по-видимому, не защищена от его нападений; мелкими млекопитающими он тоже не пренебрегает. Смелость перепелятника иногда поистине беспримерна. Случалось наблюдать, что он напал на домашних петухов, и

не раз видели, как бросался на зайцев. Однако кажется, что он хотел лишь в шутку напугать этих боязливых животных.

"Мой отец, — пишет мне Рейхенов, — добыл раз на охоте серую куропатку, не употребляя в дело собаки, пороха и свинца. На расстоянии около 100 шагов поднялось стадо куропаток, и почти в то же время в середину тесно скучившейся стаи бросился перепелятник-самка. С куропаткой в лапах перепелятник направился на находившуюся неподалеку межу и прикончил здесь свою добычу. Мой отец спокойно подождал, пока перепелятник убил куропатку, и подкрался, прикрываясь склоном межи, на довольно близкое расстояние к тому месту, где должен был сидеть перепелятник, схватил камень и с криком бросил его в хищника; этим он так испугал перепелятника, что тот оставил куропатку и улетел. Я сам однажды в Вецларе помешал громким криком перепелятнику-самке схватить голубя, которого он уже догнал». У перепелятника, конечно, нет недостатка в мужестве и хищности для того, чтобы броситься на каждую дичь, которую он рассчитывает каким-нибудь образом одолеть: он отваживается нападать, по-видимому, бесцельно, даже на животных, могущих хорошо защищаться. «Я шел по своему лесу и следил за цаплей, которая спокойно пролетала над самыми деревьями. Вдруг из густых ветвей одного из последних деревьев бросился перепелятник, мгновенно схватил испуганную цаплю за шею, и оба со страшным криком упали вниз. Я подбежал тотчас к ним, но перепелятник заметил меня слишком рано, он испугался, выпустил цаплю, и обе птицы спокойно полетели в разные стороны. Я очень хотел знать, чем бы окончилась эта неравная битва, если бы я не помешал. Одолел бы маленький, безумно смелый хищник цаплю и действительно умертвил бы ее?» Если считать, что те перепелятники, которые бросаются на более крупных млекопитающих, хотят лишь напугать их, то все же надо думать, что на более мелких, величиной до белки, перепелятник нападает лишь затем, чтобы съесть их. Мюллер долгое время наблюдал, спрятавшись, за перепелятником, который повторял свои нападения на белку, причем она подвергалась смертельной опасности. Для мелких птиц, именно вьюрков, воробьев, синиц, скворцов и дроздов, перепелятник опасен тем, что захватывает их всегда врасплох и делает спасение почти невозможным, ловит так же хорошо летящих птиц, как и сидящих, и во время охоты даже летит вслед за вспугнутой добычей.

Все мелкие птицы знают и очень боятся своего страшнейшего врага. «Воробьев, — говорит Науман, — страх перед ним загоняет в мышиные норы, и все остальные птицы стараются спастись, как только могут». Некоторые поступают при этом с немалой сообразительностью. Они описывают тесные круги вокруг ветвей и стволов, причем перепелятник, несмотря на свою ловкость, не может так скоро следовать за ними; благодаря этому они немного опережают его и с быстротой молнии бросаются в густой кустарник. Другие при появлении хищника бросаются на землю, прижимаются к ней, лежат неподвижно и часто остаются незамеченными; короче, каждый из всех сил старается спастись. Самые проворные из мелких птиц преследуют злодея с громким криком и тем самым обращают на него внимание других птиц, которые становятся осторожными. Особенно деревенские ласточки часто портят ему охоту, и он хорошо знает, сколько вреда они причиняют ему; если они приблизятся к нему, он взвизгивает в высоту, описывает, паря, несколько кругов и затем улетает к лесу, наверное, с сильной злобой в сердце на то, что докучливые птицы так быстры. При нападениях он нередко дает промах; но зато, если посчастливится, схватывает сразу и двух птиц. Пойманную добычу уносит в укромное место, вырывает у нее большие перья и затем, не торопясь, съедает ее. Кости, перья и волосы он выбрасывает обратно в виде погадок. Молодые птицы, еще не вылетевшие из гнезда, и которые выводятся на земле, принадлежат к любимой пище перепелятника, но он не щадит и яиц.

Голос перепелятника слышен редко, обыкновенно лишь у гнезда. Это быстро следующие друг за другом «ки-ки-ки» или медленное «кэк-кэк». Первый крик служит, по-видимому, предостережением.

Гнездо перепелятника находится в чащах или в молодых лесах, редко высоко над землей; оно, по возможности, хорошо скрыто и помещается, если можно, на хвойных деревьях близко от ствола. Он любит такие местности, где поле и лес чередуются между собой. Здесь он выбирает для постройки гнезда чащу или молодой лес, расположенный, по возможности, вблизи от полей или даже от деревень. Если перепелятник раз дал себе труд построить гнездо, то выводит в нем птенцов из года в год, а если у него похитить весной яйца, то кладет их два раза в один год. Между 10 мая и 20 июня в гнезде находят 3-5 не очень больших, довольно гладких яйца различной формы и цвета, с толстой скорлупой. Самка высиживает одна, сидит очень усердно и обнаруживает чрезвычайную любовь к яйцам, не оставляет их, даже если ее несколько раз потревожат, и старается всеми силами оборонять их при нападениях. Оба родителя в изобилии приносят птенцам пищу; однако

лишь самка умеет надлежащим образом раздирать ее на куски. Наблюдали, что молодые перепелятники, у которых была убита мать, умирали от голода при обильной пище, так как отец не умел подготавливать ее так, чтобы они могли ее есть. После вылета родители долго еще кормят птенцов, водят и учат их.

Более крупные благородные птицы без колебания съедают перепелятника, если могут овладеть им; более мелкие птицы проявляют свою ненависть, по крайней мере, тем, что преследуют его. Человек является врагом этого хищника всюду, где только познакомится с ним. У многих народов Азии перепелятник высоко ценится в качестве охотничьей птицы и поэтому имеет много друзей. «На южном Урале, — говорит Эверсман, — его употребляют для охоты больше, чем какого-либо из ястребов, но главным образом лишь для охоты на перепелов. Летом выкармливают птенцов, дрессируют их, употребляют осенью для охоты и затем отпускают на свободу. Их не стоит кормить в течение зимы, так как весной можно достать столько молодых, сколько нужно. Для охоты выкармливают только более крупных самок; мелких самцов отпускают на волю, так как они для охоты не годятся». Точно так же, как на Урале, перепелятников вынашивают и в Персии и Индии и употребляют с большим успехом. «Охота на воробьев, — замечает Сен-Джон, — одно из любимейших летних удовольствий в Персии, когда погода слишком жаркая для охоты, требующей напряжения. Мелкую добычу вспугивают главным образом около оросительных канав и бросают ястреба прежде, чем улетающие птицы достигнут безопасного убежища. Перепелятник редко дает промах и преследует воробьев с таким рвением даже в мышиных норках и других убежищах, что часто бывает трудно вытащить его оттуда обратно, и таким образом случается терять ценных ловчих птиц. Хороший перепелятник ловит 15-20 воробьев в час. Его понятливость удивительна. Уже через неделю после помки перепелятника можно употреблять для охоты, правда, привязав к длинному шнуру. Достаточно заняться им несколько дней, чтобы настолько приручить его, что он и без веревки возвращается к хозяину. Самок употребляют преимущественно для охоты на перепелов». Как мы узнаем от Жердона, перепелятника высоко ценят все индийские охотники. Часто ловят в сеть для хищных птиц и дрессируют на куропаток, перепелок, бекасов, голубей и особенно на мейн. Они оказывают хорошие услуги особенно в джунглях и вознаграждают труд, затраченный на их дрессировку.

Кто сам держал перепелятника в неволе, должен признать искусство азиатских охотников. Эти хищные птицы вовсе не приятные пленники; их пугливость, дикость и обжорство просто отвратительны. Ленц приводит пример прожорливости, на который я хочу указать в заключение, так как он характеризует нрав птицы. «Несколько лет тому назад я достал самку перепелятника, которая так яростно преследовала овсянку в колючем кусте, что запуталась в нем и была поймана. Я тотчас связал ей концы крыльев «месте и посадил ее в комнату, где собралось 11 человек, на которых она смотрела сверкающими глазами. Я принес шесть молодых воробьев и пустил одного из них на пол, воробей побежал, и перепелятник тотчас бросился на него, схватил, задушил его когтями и уселся на своей добыче, которую сильно сжимал, пристально смотря на общество. Так как он не хотел при нас есть, то мы ушли прочь, и когда вернулись через 10 минут, воробей был съеден. То же случилось и с двумя следующими воробьями; но четвертого, которого он так же яростно задушил, как и остальных, он съел лишь наполовину, когда мы возвратились, дав ему, как всегда, для еды 10 минут. Тем не менее, он так же жадно схватил и пятого и опять через 10 минут шестого, хотя и не мог съесть их, так как его зоб был полон».

Я часто держал перепелятников в неволе долгое и короткое время, но никогда не мог вступить в дружбу с ними.

Ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis*) не только по имени, но и по характеру своему ястреб в настоящем смысле этого слова.

Тетеревятник — большая, сильная хищная птица длиной 55 см и 1,1 м в размахе крыльев, при длине крыла в 31 см и длине хвоста в 22 см. Более крупная и более сильная самка на 12—15 см длиннее и на 15-18 см больше в размахе крыльев, чем самец. В окончательном оперении верхняя сторона тела черновато-серо-бурая, с большим или меньшим голубым налетом; нижняя сторона белая, каждое перо разрисовано буро-черными стержневыми черточками и волнистыми линиями. Клюв черного рогового цвета, восковица бледно-желтая, глаза ярко-желтые, ноги желтые. В одежде молодых верхняя сторона тела бурая, каждое перо с ржаво-желтым краем и пятнами; нижняя сторона ржаво-красноватая, позднее ржаво-беловатая, с бурыми продольными пятнами. Клюв, глаза, ноги и восковица бледнее, чем у старых птиц. Отклонения редки; впрочем, очень светло окрашенных тетеревятников и альбиносов наблюдали неоднократно.*

** Среди тетеревятников, населяющих Восточную Сибирь и север Дальнего Востока, довольно значительна доля светлых птиц, некоторые особи отличаются практически целиком белой окраской оперения.*

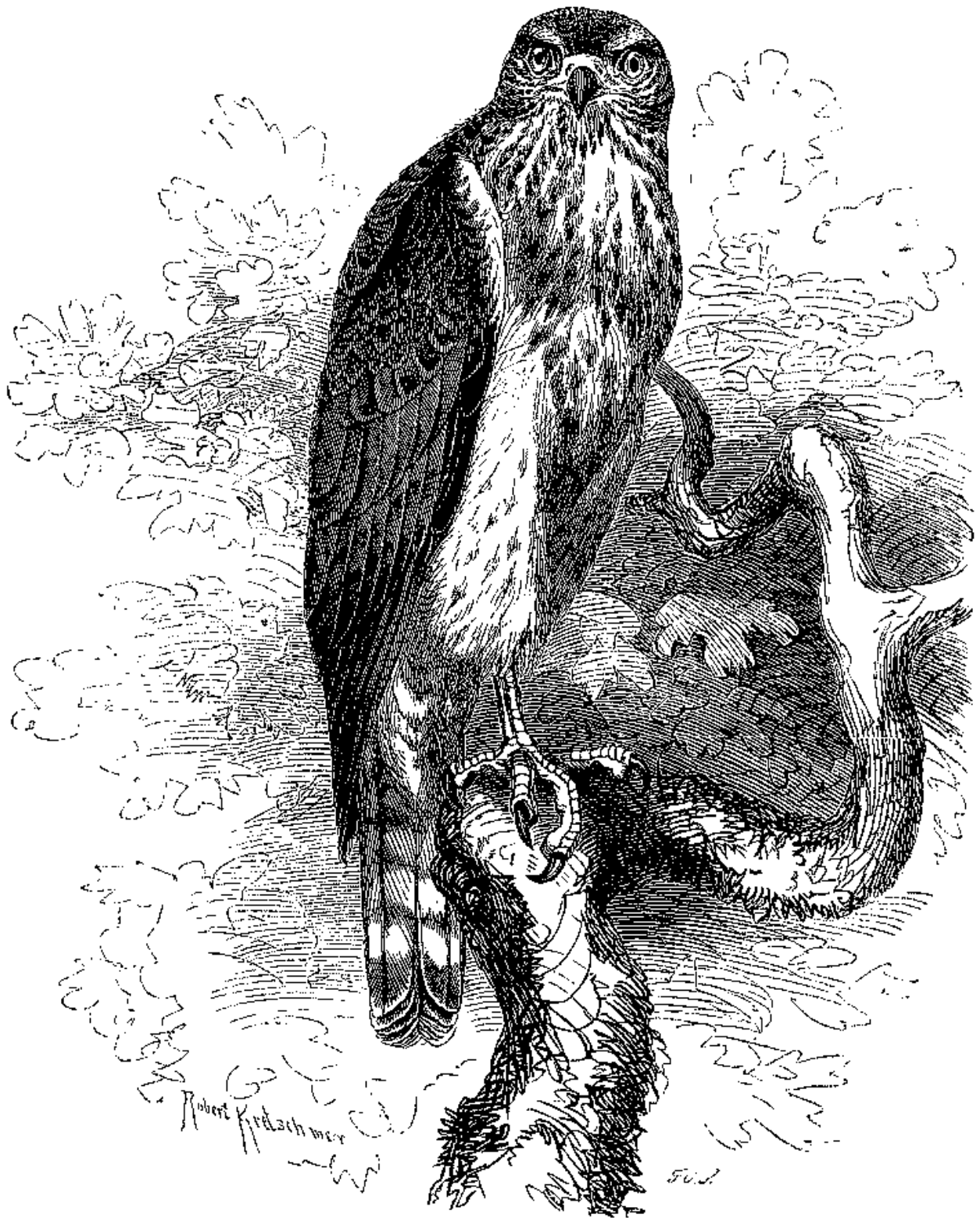
Область распространения тетеревятника простирается по большей части Европы и Средней Азии**; в пределах этих стран он, однако, встречается не везде, а если и встречается, то не одинаково часто.

*** На самом деле тетеревятник в Средней Азии не гнездится, там встречаются только пролетные или зимующие птицы. Зато он заселяет всю лесную зону Сибири и Северной Америки.*

Где тетеревятник раз поселился, оттуда его трудно прогнать, если условия до некоторой степени благоприятны для его жизни. Он требует густой древесной заросли, в которой может пользоваться покоем и легко хватать добычу. Он едва ли делает различие между красноельем и лиственным лесом и особенно любит такие леса, которые чередуются с полями и лугами. Но все же чаще встречается в более крупных, чем в мелких, лесах.

По моему мнению, описание этой хищной птицы, данное моим отцом, остается до настоящего времени самым лучшим; поэтому оно служит основой последующего изложения, и лишь местами я буду вставлять более новые и важные наблюдения.

Тетеревятник — одинокая, необщительная хищная птица, которая лишь во время спаривания и вывода птенцов держится вместе с другой птицей; это крайне необузданный, дикий, дерзкий, быстрый, сильный и при этом хитрый и пугливый хищник. Полет его всегда быстр, а когда он бросается на добычу, то летит порывисто и шумно и часто парит. При этом он обыкновенно несколько расширяет свой длинный хвост. Если тетеревятник летит из одной части леса в другую и, особенно в гористых местностях, стремится от одной возвышенности к другой, то он летит на значительной высоте, приблизительно на 200—400 м над землей. Обыкновенно же скользит, как кустовые хищники, низко над землей, держась лесных опушек и кустов. Часто пересекает деревья и кустарники или пролетает над самыми верхушками их. Едва ли какая-нибудь другая птица обнаруживает во время полета столько разнообразия в движениях, как тетеревятник, который соединяет быстроту с резкими и неожиданными поворотами, стремительность движения с ловкостью, изумительной в такой большой птице. Он быстро поднимается вверх, некоторое время парит, описывая круги, внезапно бросается вниз, с величайшей уверенностью пролетает сквозь густые деревья и то поднимается, то опускается. На земле и он неловок, обыкновенно прыгает и лишь редко ходит. Садясь на дерево, всегда выбирает нижние ветви, и помещается, по возможности, ближе к стволу. Я никогда не видел его сидящим на скалах и стенах; на дома в деревнях он, говорят, иногда опускается. Голос его сильный, противный крик, который, однако, слышится нечасто.

Ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis*)

Тетеревятника можно видеть в движении и деятельности во всякое время дня, даже в полуденные часы, которые большинство остальных хищных птиц посвящают отдыху. Он довольно правильно облетает большую область и долгое время возвращается изо дня в день на то место, где ему раз посчастливилось. Изумительное обжорство принуждает его охотиться почти непрерывно: подобно перепелятнику, он редко действительно сыт, а всегда голоден или, по крайней мере, кровожаден. Он охотится за всеми птицами, от дроф и глухарей до маленьких вьюрков, и за всеми млекопитающими, которых надеется одолеть. Он бросается на зайца, чтобы умертвить его, поднимает с земли злую ласку и уносит от гнезда белку, разбойничает среди летящих и сидящих животных, плавающих птиц и бегущих млекопитающих и даже вытаскивает свою добычу из убежищ. Величайший страх охватывает животных, которые знают, что он опасен для них; они часто так пугаются, что остаются на месте, неподвижно устремив глаза и, как говорит Науман, «проливают кровь в его когтях, прежде чем решатся искать спасения в бегстве или прижавшись к земле». Хищность его

можно сравнить лишь с его дерзостью, а оба эти качества — с его кровожадностью: он никому не дает пощады. Подобно перепелятнику, всегда захватывает добычу врасплох и потому почти всегда достигает цели. «Около деревенских жилищ, — совершенно справедливо пишет Альтум, — он так же неожиданно, как на окраине леса, со свистом пронесется над крышей низкого строения или в промежутке между двумя постройками. С быстротой молнии схватывает на дворе одну из домашних кур или голубя и исчезает с ними прежде, чем успеешь хорошенько узнать нежданного гостя».

За домашними голубями он охотится постоянно, и одна пара тетеревятников может за несколько месяцев опустошить самую богатую голубятню. Заметив тетеревятника, голуби поспешно обращаются в бегство; но он с быстротой молнии бросается наперехват за ними и старается схватить одного из них, причем обыкновенно бросается на него сверху. Это происходит без заметного движения крыльев с далеко вытянутыми лапами и несколько сложенными крыльями, но с такой быстротой, что сопровождается шумом, который можно слышать на расстоянии 100-150 шагов.

Очень понятен и основателен тот смертельный страх, который охватывает при его появлении всех тех птиц, которым он угрожает. Лишь только он показывается, во всем птичьем мире начинается тревога. Голуби или куры сидят неподвижно на земле, позволяют человеку брать их руками или убегают в какое-нибудь укромное место и целые дни и недели не могут забыть перенесенного испуга. Сильные куры, собирая последние силы, бегут с хищником на спине в дом, как бы желая найти защиты у человека, и только храбрые вороны, которым тоже приходится жестоко терпеть от него, могут отважиться оказать сопротивление.

Точно так же усердно, как птиц, преследует он и млекопитающих. «Молодых зайцев, — говорит мой отец, — он одолевает легко, а на старых нападает по определенному плану. Именно, когда заяц ищет спасения в бегстве, он несколько раз ударяет его клювом, а когда заяц ранен и утомлен, он хватает его лапами и постепенно умерщвляет клювом и когтями. Эта битва продолжается обыкновенно долгое время, и я знаю пример, когда заяц некоторое время катался вместе с ястребом по земле и последний все-таки не выпустил его, даже когда ему приходилось лежать под зайцем. Один мой приятель, человек, достойный доверия, убил из засады одним выстрелом сразу и зайца, и тетеревятника в то время, когда тетеревятник бросился на зайца».

Если возможно, тетеревятник не довольствуется одной жертвой, а убивает столько птиц, сколько может поймать, затем спокойно ест их. Так, Розенталь видел, как тетеревятник в течение часа унес из гнезда одного за другим пять воронят, почти способных уже летать, несмотря на защиту собравшихся старых ворон. Если он голоден или возбужден продолжительным преследованием, а может быть, и обескуражен рядом неудачных нападений, то забывает всякую осмотрительность, преследуя спасающегося от него голубя, залетает даже внутрь дома или влетает в окно, бросается на птицу в клетке. На дворах его случалось ловить руками на схваченной им курице, накрывать корзинами, прогонять ударами палки. Замечательно то, что он большой лакомка. Где есть выбор, он всегда бросается на самую вкусную дичь. Это доходит до того, как пишет мне Мейеринк, что в местностях, богатых дичью, особенно там, где много фазанов и серых куропаток, его нельзя поймать в ловушку, если посадить в качестве приманки голубя, и, напротив, он попадает в нее очень скоро, если посадить туда фазана или куропатку. Там, где держат голубей, он всегда больше охотится за ними, чем за курами, хотя ему и легче ловить этих последних. Очевидно, он поступает так только потому, что голуби более нравятся ему, чем куры.

Причиной необщительности тетеревятника служит, вероятно, его неимоверная хищность. У птиц, содержащихся в неволе, мы часто наблюдали убийство собственных детенышей и птиц того же вида. Один мой приятель, лесничий, уверял меня, что держал однажды 14 тетеревятников в большом помещении; несмотря на обильную пищу, они после ужасных битв переели друг друга, так что осталось лишь два*.

** Часто такого рода случаи проявление стресса в условиях неволи.*

Я могу дополнить эти данные, прибавив, что в неволе более сильный тетеревятник съедает более слабого, даже своего самца, птенца, отца или мать.

Невыразимая ненависть встречает тетеревятника всюду, где он покажется. Особенно вороны, которых он подчас схватывает, когда они сидят, неумоимо преследуют его и бросаются на него, обнаруживая полное презрение к смерти. «Один тетеревятник, продолжает мой отец, — которого преследовали три вороны, пытался иногда схватить одну из них, но они так искусно уклонялись, что ему никак не удавалось даже ранить какую-нибудь. Вороны некоторое время летали, таким образом, вместе с ястребом, и вдруг тот заметил на расстоянии 300 шагов голубей на крыше. Он тотчас поспешил туда и бросился косо вниз, но возвратился без голубя. Вороны были, казалось, совершенно изумлены этим нападением на голубей. Пока тетеревятник парил, они могли следовать за

ним, но когда он кинулся на голубей, то ни одна из них не была в состоянии сопровождать его. Лишь когда он поднялся снова, вороны возобновили свою погоню. Некоторое время они опять гонялись за ним; вдруг он бросился почти по горизонтальной линии, пролетел около 200 м, поймал голубя и улетел с ним. Однако вороны снова стали его преследовать, да так сильно, что он должен был выпустить голубя и отказаться от всякой попытки поймать другого». Вороны вообще единственные птицы, которые проявляют при каждом удобном случае смертельную ненависть к тетеревику и доставляют ему много хлопот. Лишь только он показывается, как черная толпа окружает его; громкое карканье привлекает все новых и новых помощников, и таким образом вороны иногда совершенно останавливают тетеревику. Это случается особенно тогда, когда он улетает с добычей в когтях или хочет съесть ее на земле. В пылу битвы обе стороны иногда совершенно забывают обо всем окружающем. Науман говорит, что хищнику удается иногда схватить одну из преследующих его ворон, но такие случаи могут встречаться лишь редко, так как вороны, охотясь за тетеревиком, действуют всегда с большой осторожностью. Кроме ворон, и наши мелкие благородные ястребы нападают на ненавистную и для них хищную птицу, а ласточки постоянно забавляются тем, что с громким предостерегающим криком сопровождают его.

Гнездо тетеревику устраивает на самых старых и самых высоких деревьях в лесу, по большей части на толстых ветвях, около ствола; оно очень велико и плоско, состоит внизу из самых сухих сучьев, затем из прутьев и сверху выложено зелеными еловыми, пихтовыми и сосновыми ветвями, которые, по-видимому, постоянно заменяются новыми. Собственно лоток гнезда, очень неглубокая ямка, выложен обыкновенно пуховыми перьями самой высидывающей птицы. Раз построенное гнездо служит и на следующий год той же паре тетеревику, которые поправляют, расширяют его и втыкают в него свежие ветви. Однако иногда пара имеет три или четыре гнезда, которые строятся на незначительном расстоянии одно от другого, и выводит птенцов то в одном, то в другом. Уже в марте, в прекрасные ясные дни, можно видеть, как обе возбужденные любовью птицы поднимаются винтообразно в высоту, делая равномерные повороты. Во второй половине апреля или в начале мая кладка бывает обыкновенно закончена. Она состоит из 2-4 больших, скорее продолговатых, чем круглых, очень вздутых посередине яиц, с толстой и шероховатой скорлупой. Они разрисованы по зеленоватому фону редкими желтыми пятнами, но часто бывают и лишены пятен. Самка высидывает с горячей преданностью и не оставляет гнезда даже после того, как ее несколько раз тревожили. Птенцы растут быстро, но и едят невероятно много, и обоим родителям приходится немало трудиться, чтобы утолить их волчий аппетит. Оба родителя приносят все, что находят; по наблюдению одного нашего знакомого, человека, вполне достойного доверия, приносят даже целые гнезда с находящимися в них птенцами, именно гнезда обыкновенных и черных дроздов*.

** Тем не менее такие свидетельства — выдумки.*

Едва ли следует сомневаться в том, что, как уверяли некоторые лица, более сильные птицы в гнезде, если терпят голод, нападают на своих братьев и съедают их.

Вследствие приносимого тетеревиком вреда, который нельзя оценить и который очень часто непосредственно касается человека, эту коварную хищную птицу ревностно преследуют. Охота за ними не особенно легка, так как смышленность и хитрость старых тетеревику доставляют охотнику много хлопот. Но тем лучше вознаграждается ловля их или охота, основанная на том, чтобы разумно пользоваться ненавистью тетеревику к филину. Насколько он не любит, чтобы другие задорные птицы нападали на него, настолько ревностно, горячо и упорно сам нападает на филина. Своеобразно хлопая крыльями, более порхая, чем трепеща, он приближается к ненавистной сове на расстояние нескольких сантиметров, так что бывает нельзя стрелять в него, чтобы не попасть в филина. Иногда тетеревику садится на жерди перед шалашом, тогда его можно без труда застрелить.

Приручить тетеревику можно, это доказали древние охотники, а современные азиатские доказывают и в настоящее время. Но что надо делать, чтобы сломить их упрямство, остается для меня загадкой. Покорить такое существо человеку — это торжество приручения. В Индии тетеревику, по Жердону, самый драгоценный из всех охотничьих птиц. «Бац, как называют его в Индии, дрессируется на вихляев, коршунов, стервятников, уток, бакланов, цапель, ибисов, зайцев и т.д. Для охоты на зайцев тетеревику надевают кожаные штаны, чтобы он не изорвал ноги о шипы кустов, как случается обыкновенно, так как заяц тащит хищника за собой. Тетеревику держится одной лапой, а другую волочит за собою, чтобы схватывать соломины, ветви и тому подобное и тем удерживать зайца. Он летит прямо к добыче; но если она находится не на надлежащем расстоянии (около 100-200 м), то оставляет охоту и или возвращается обратно к охотнику, или садит-

ся на соседнее дерево или на землю. Хорошо дрессированный тетеревиный самец стоит обыкновенно 20-50, а самец 10-30 рупий».

Чем дольше и чаще им пользуются, тем лучше он становится. Он привыкает к людям, собакам и другим предметам, которые могут сначала пугать его, довольно быстро; его понятливость просто удивительна, ум почти равен уму собаки. Томсон уверяет, что у него были настолько ручные и умные тетеревины, что достаточно было протянуть руку, чтобы приманить их на нее; другие могли сидеть перед палатками без привязи, перелетали, когда охотники снимались с места, на ближайшее дерево и следовали за ними по лесу и открытым местам, никогда не отставая, пока не взлетала какая-нибудь птица, годная для охоты, и не начиналась их работа. «Чудное зрелище, — замечает Жердон, — доставляла одна из этих птиц, когда она, как пуля, устремлялась за взлетевшей дикой курицей и сбивала ее на землю, прежде чем мы успевали различить, что это за птица. Иногда между ними начиналось состязание в быстроте: курица летела впереди, тетеревиный за ней, обе птицы напрягали все мускулы, ястреб все более и более приближался, пока ему не удалось, наконец, схватить добычу. В местности, поросшей травой, которая не мешала видеть далеко вокруг, такая охота имеет величественный вид. Не менее привлекательна и охота на франколинов в высокой густой траве. Ряд слонов взгоняет добычу, франколин взлетает прямо, спущенный ястреб следует за ним по горизонтальной линии, пока не увидит, что тот опускается, и схватывает его, падая почти вертикально вниз». Хорошо дрессированных тетеревиных можно, по словам Томсона, употреблять на все виды куриных Индии, от павлина до серой куропатки; в час они могут поймать более дюжины птиц. В Персии тетеревиного вынашивают чаще, чем какого-либо другого ястреба. Некоторых птиц.

употребляемых для этого, ловят на лесистых холмах юга и запада, но большую часть привозят из прикаспийских лесов. «Тарлана», как называют в Персии тетеревиного, употребляют для охоты на каменных куропаток и франколинов. Белые экземпляры, получаемые из Сибири, ценятся не выше обыкновенных. На южном Урале и прилежащих степях тоже чаще всего вынашивают именно этого ястреба, во-первых, потому, что его во множестве находят во всех лесистых местностях, а потому не трудно и достать, во-вторых, потому, что он очень понятлив.

На юге Африки живет, насколько известно до настоящего времени, самый крупный вид из семейства ястребиных, которого называют **певчий ястреб-габар** (*Micronisus gabar*). У него оперение горла и верхней части груди шиферно-серое; оперение брюха, гузки и штанов, а также большие кроющие перья крыльев покрыты по белому фону тонкими пепельно-серыми зигзагообразными поперечными линиями. Радужная оболочка глаз прекрасного бурого цвета, клюв темно-синий, восковица и ноги ярко-оранжевого цвета. Длина самца равна 50 см, размах крыльев 99, длина крыла 30, длина хвоста 22 см. Самка приблизительно на 4 см длиннее и на 5-6 см больше в размахе крыльев.

Певчий ястреб имеет только весьма отдаленное наружное сходство с европейским ястребом; по умственным способностям и нраву он совершенно отличается от него. Это ленивая угрюмая птица, которая не обладает той смелостью, которая делает европейского ястреба опасным врагом всех более слабых позвоночных животных. Лени — вот преобладающая черта его характера: целыми часами сидит он на одном месте, сонливо оглядывая со своей вышки ближайшую окрестность. Полет его не так быстр и ловок, как у наших ястребов, а, напротив того, вял и нерешителен.

Главной пищей певчего ястреба служат насекомые, пресмыкающиеся и мелкие млекопитающие. По моим наблюдениям, саранча составляет его любимую, а временами и исключительную пищу. Кроме того, он охотится еще за мышами, остатки которых находят обыкновенно в его желудке. Гартман видел, что он ловит и ящериц, и наблюдения этого натуралиста совершенно сходятся с моими собственными. На птиц он нападает только в тех случаях, когда мелкие пташки несутся целыми стаями к водопою, но ему и тут редко удается схватить хоть одну птичку. Он слишком неуклюж, чтобы поймать птицу на лету, и я никогда не видал, чтобы он преследовал голубей, как это делают наши тетеревины и перепелятники. Уже грызунов, величиной с белку, он никогда не трогает, а с сусликами, например, живет в величайшей дружбе.

Пойманные ястребы этого вида по нраву противоположны европейским представителям этого семейства. Певчие ястребы — это спокойные, тихие птицы, которые целыми часами сидят, на одном месте, скоро знакомятся со своими воспитателями и со временем становятся с ними даже очень ласковыми. Без видимого неудовольствия принимают они предлагаемую им пищу, но все же легко делаются жертвой не вполне соответствующей их природе обстановки.

Одни из самых красивых представителей дневных хищных птиц нашей части света — это луны. Стройные птицы, средней величины, с небольшим слабым туловищем; нежным и слабым,

сильно загнутым, тупым и зубчатым клювом, конец которого образует длинный крючок. Ноги стройные, длинные и короткопалые, крылья длинные, большие, но довольно узкие; хвост средней величины, широкий и мягкий.

Полевой лунь (*Circus cyaneus*). Встречается чаще других. Вся верхняя часть тела взрослого самца светлого пепельно-бурого цвета за исключением затылка, который бурый с белыми долевыми полосками; нижняя часть белая. Первое маховое перо черно-серое, следующие пять — черные, а около корня сероватые или белые; прочие — пепельно-серые; средние перья хвоста темно-серые, у краев светлее, почти белые; крайние перья покрыты у корней едва заметными неправильными полосками. У старой самки оперение затылка, задней стороны тела и верхней части крыльев имеет ржаво-желтые края; полоска над глазом беловатая; передняя сторона по ржаво-желтому полю покрыта продолговатыми бурыми полосками; на хвосте несколько бурых и ржаво-желтых полос. Молодые птицы похожи на самку. Зрачок, восковица и ноги лимонно-желтые; клюв черного рогового цвета. Длина достигает 46 см, размах крыльев 113, длина крыла 36, длина хвоста 21 см. Самка на 6 см длиннее и на 9 см шире самца. Область распространения полевого луня довольно обширна. Он живет во всей средней части Европы точно так же, как и в большей части Средней Азии, посещает во время своих перелетов все страны северной Африки до экватора, также всю южную Азию, насколько местные условия удовлетворяют его потребностям.

На юге России, в Придунайской низменности, Турции и Греции, на юге Средней Азии и в северной Африке полевого луня заменяет **степной лунь** (*Circus macrourus*).

В своих нравах и привычках, насколько я мог узнать, оба родственных вида луней мало чем отличаются друг от друга, так что совершенно достаточно в последующих описаниях иметь в виду одного полевого луня. Появившись в конце марта, полевой лунь, устроившись в своих владениях, начинает вести такой правильный образ жизни, что его невозможно не заметить. Несколько раз в сутки облетает он свои владения вдоль и поперек, почти всегда держась выбранного однажды направления, так что не может не броситься в глаза даже не особенно внимательному наблюдателю. Едва успеют кусты, луга и поля обсохнуть от росы, как полевой лунь уже отправляется за добычей и продолжает поиски до тех пор, пока старания его не увенчаются успехом. За счастливым ловом следует более или менее продолжительный отдых, после которого лунь опять летит за пищей. Так проводит он время, попеременно летая и отдыхая, до самых сумерек. Летает он, как бы качаясь в воздухе, почти касаясь земли. То паря, высоко поднявши вверх крылья, то ускоряя свой полет ленивыми взмахами крыльев, летит лунь по им дороге, направляясь преимущественно к ручью, канаве или ряду кустарников. Иногда он уклоняется от главного направления вправо или влево или кружит по одному месту, несколько раз стремительно опускается на землю, как будто хватая добычу, но, поднявшись, продолжает свой путь. Летает, как бы качаясь, вокруг верхушек деревьев, над рядами кустов, по ту или другую их сторону, несется над лугом или нивой и, наконец, возвращается, описывая большие дуги, к исходному пункту своих странствований. Кто внимательно следит за какой-нибудь парочкой луней, тот, конечно, заметит, что самец всегда более или менее тщательно исследует местность, но охотится в разное время дня, то утром, то в полдень, то вечером. Такая охота продолжается часа полтора, после чего лунь обыкновенно отдыхает от четверти до получаса или, по крайней мере, несколько минут. Для отдыха выбирает какое-нибудь возвышение почвы или известное место среди луга или хлебного поля; сидит вначале в задумчивости несколько минут неподвижно, причем не упускает случая оглядывать кругом всю местность и, наконец, приступает к чистке и разглаживанию своих перьев. Последнее производится так тщательно, что место отдохновения луня легко отыскать по множеству разбросанных там перьев, особенно в период линьки. Я никогда не видел, чтоб полевой лунь сидел на деревьях, между тем как степные луни всегда отдыхают на них*.

* Это не так, для степного луня сидеть на деревьях так же необычно, как и для полевого.

К искреннему моему сожалению, я не могу выступить в роли защитника полевого луня. Нельзя не согласиться, что красивая ярко-голубая птица служит истинным украшением равнин, особенно когда она весной плавно носится над полями; несомненно и то, что она очень полезна, уничтожая мышей и насекомых, в особенности саранчу, а ловлей ящериц и лягушек, которые вместе с мышами составляют ее главную пищу, не приносит нам, по крайней мере, никакого вреда: но различные злодеяния, которые она позволяет себе совершать на наших глазах, лишают ее права на наше сочувствие и защиту. Несмотря на свою кажущуюся слабость, полевой лунь — дерзкий и опасный враг всех тех животных, которых он в состоянии одолеть. В его хищнические когти попадают суслики, молодые зайцы, неоперившиеся птицы, гнезда которых расположены на земле, начиная с молодых фазанов и куропаток и кончая малиновкой. Взрослую птицу лунь поймать, конечно,

не может, но сидящую низко на гнезде самку он снимает так же ловко, как выхватывает из гнезда неоперившегося птенца или лежащие в нем яйца. Что он убивает молодых фазанов удостоверено многими свидетелями. По словам Наумана, его вид страшно пугает куропаток. Во время полета он, правда, не может причинить им вреда. Вот почему куропатки, завидев луня, тотчас улетают как можно скорее и прячутся от страшного хищника среди высокорастущих злаков, или кустарников, или же в огородах, засаженных капустой и репой. От зорких глаз луня, однако, не укрывается эта игра в прятки. Он тотчас подлетает, обыскивает самым тщательным образом место убежища своей жертвы, порхает над ним, стремительно опускается на землю как бы для того, чтобы схватить добычу, опять поднимается вверх и продолжает эту жестокую игру до тех пор, пока молодая куропатка не оплошает и не попадетса ему в когти. «Старые куропатки, — говорит Розенталь, — защищают сообща свое потомство, причем, однако, большей частью погибает один или два птенца». Таким же образом хватает он молодых камышевок, бекасов и других болотных и водяных птиц. Кроме того, полевой лунь умеет отлично пользоваться своей способностью мгновенно останавливаться на лету и падать на землю, чтобы застать врасплох сидящую на яйцах птицу. Впрочем, вышеупомянутыми сведениями мы вполне исчерпали весь запас прегрешений полевого луня.

С воронами полевой лунь живет в постоянной вражде и нелегко одолевает храбрых маленьких птиц, вроде ласточек и трясогузок. Из людей для луня опасны больше всего собиратели яиц, так как от охотника он по большей части сумеет уберечься.

Полевой лунь, пойманный даже взрослым, ведет себя в неволе гораздо спокойнее, чем всякая другая хищная птица, за единственным исключением его ближайших родичей. По-видимому, без всякого озлобления мирится он с потерей своей свободы; совершенно равнодушно смотрит на стоящих перед его клеткой людей, спокойно прохаживается туда и сюда и принимает разнообразные позы. На всякую предложенную ему пищу он бросается без оглядки, пожирает все, что ему приносят, но только при определенной пище может долго прожить в неволе.

В сообществе с полевым лунем живет **луговой лунь** (*Circus pygargus*). Длина его достигает 44 см, размах крыльев 125, длина крыла 48, а хвоста 23 см. У старого самца, бесспорно, самого красивого из наших луней, голова, затылок, спина и верх груди голубовато-серого цвета. У старых и молодых самок, оперение которых почти одинаковое, верхняя часть тела преимущественно буро-серая. Глаза у старых птиц ярко-желтые, у молодых карие, клюв голубовато-черный, восковица желтая; очень высокие и тонкие ноги желтовато-воскового цвета.

Область распространения лугового луня не менее обширна, чем местожительство обоих описанных нами раньше его родичей. Однако птица эта принадлежит более востоку, чем западу северных стран Старого Света. Согласно данному ему имени, он предпочитает для житья обширные луга или, по крайней мере, болота, высыхающие летом на больших пространствах; поэтому он селится преимущественно поблизости рек и в особенности на низменностях, затопляемых во время половодья. Чаще встречается в низменностях Австрии и Венгрии, южных Придунайских долинах; но центральным пунктом его области распространения должны мы.

вероятно, считать сибирские степи и Туркестан. Во всех степях около Алтая, к юго-востоку до горной страны Алатау, где мы путешествовали вместе с Финтшем и графом Вальдбург-Зейлем, мы находили чаще всех остальных видов луней — лугового луня; но (о чем следует особенно упомянуть) встречали его очень часто и в тундре нижнего течения Оби. К востоку область его распространения простирается до Китая. Во время своих путешествий он посещает осенью и зимой всю южную Европу, большую часть южной Азии и Африки, попадаетса зимой в Индии в удобных ему местностях, проникает до степей средней Африки, появляется, по словам Андерсона, даже в южной Африке.

Хотя луговой лунь ни внешним своим видом, ни образом жизни, ни нравом, ничем особенно не отличается от полевого и степного луня, я все же не могу отказать себе в удовольствии передать здесь те сообщения, которыми я обязан талантливому перу кронпринца Рудольфа Австрийского. Описание жизни этой птицы передано так живо и ярко, а вместе с тем так верно и правдиво, что я ничего не читал равного, а тем более лучшего описания. «В Австрийской низменности, — так пишет мне кронпринц, — луговой лунь вьет гнезда даже в окрестностях Вены, но, подобно другим своим сородичам, оказывается очень прихотливым в выборе местожительства. Любимым местопребыванием его служат обширные безлесные равнины, покрытые, однако, то мелким тернистым кустарником, то нивами, и прорезанные реками. Луговой лунь — настоящий житель низменности и никогда не встречается ни в горах, ни в лесистых местностях. Он, правда, не связан, подобно камышовому луню, с какой-нибудь определенной местностью; однако старательно избегает далеких путешествий вне своего отечества. Обширные поля и в особенности сырые луга, молодые поросли и

просеки по краям береговых лесов больших рек служат ему любимым местопребыванием, в особенности, если в их непосредственной близости находятся большие, безлесные пространства».

Со своей стороны я могу прибавить, что луговой лунь даже в вышеупомянутых степях отыскивает себе для жилья преимущественно местности, орошаемые рекой, ручьем или едва просачивающимся из земли ручейком и уже оттуда предпринимает путешествия по сухим степям. Однако, вопреки всем собранным нами наблюдениям, луговой лунь поднимается и на вершины степных гор, залетает по дороге в небольшие рощи, хотя при этом все-таки придерживается тех горных откосов, которые сохраняют отпечаток степей.

"Луговой лунь, — продолжает кронпринц, — хищная птица, которая всю свою жизнь проводит на земле или, по крайней мере, над землей. Только во время спаривания можно видеть, как они парочками поднимаются в вышину, где совершают всевозможные эволюции в воздухе; однако эти упражнения в полете далеко не так разнообразны, как у камышового луны, хотя нужно сказать, что луговой лунь гораздо быстрее, легче и выносливее своего большого сородича. Полетом своим он нисколько не напоминает хищных птиц, а скорее ласточек и чаек; за ласточку его нередко принимает даже опытный охотник. Когда луговой лунь, поднявшись прямо с земли, несется, почти касаясь ее, то полет его удивительно напоминает полет козодоя. Луговой лунь — одна из самых подвижных и беспокойных птиц: с восхода солнца и далеко за полночь он находится в постоянном движении, хотя круг деятельности его ограничивается только весьма небольшим пространством. Часто можно видеть, как он, широко распустив крылья, почти не ударяя ими в воздухе, парит над волнующейся нивой, или вдруг пролетает совсем низко над полем или лугом, выписывая извилистые линии; потом круто поднимается в вышину, чтобы покачаться или покружиться в воздухе, после чего камнем падает на землю в густые злаки или высокую траву, где отдыхает несколько минут; потом опять принимается за ту же игру, которую продолжает изо дня в день почти безостановочно. Самки ведут более спокойную жизнь, чем самцы, и сидят по большей части на земле, в особенности во время высиживания. Самка, впрочем, такая невзрачная птица, что не знатоку трудно признать ее за лугового луны, если он вообще и заметит ее. Что касается самца, то он, бесспорно, одна из самых красивых и изящных птиц Германии. Его веселый и беспокойный нрав в высшей степени оживляет монотонную равнину. Его красивой наружностью поразится всякий, кому удастся увидеть эту стройную птицу, как она, освещенная солнцем, искрясь и отливая серебром, плавно несется над волнующимися нивами, тем более, что в среднеевропейских странах привыкли видеть только темно оперенных хищных птиц. Для ночлега луговой лунь выбирает себе хлебное поле, некошенный луг, густой кустарник, иногда осоку; часто отдыхает и на пограничных камнях, воткнутых в землю кольях, на часовнях и т.д.; во всяком случае, он спит только на земле или низко над ней. Леса избегает он даже днем, а тем более ночью.

1 — Полевой лунь, самка (*Circus cyaneus*) 2- Луговой лунь (*Circus pygargus*) — Степной лунь (*Circus macrourus*)

Я никогда не видал, чтобы луговой лунь сел на дерево, но замечал, напротив того, что он избегает не только леса, но и одиноко стоящих деревьев и даже в молодом лесу, где вьет свои гнезда, никогда не садится на кусты. Чем охотнее держится он долин, орошаемых реками, тем решительнее избегает лесной чащи. Конечно, ему случается лететь мимо опушек высоких лесов, но никогда не проникает он в их середину. Чаще всего можно видеть, как луговой лунь, подобно чайкам, носится туда и сюда вдоль какого-нибудь речного протока; только один раз заметил я, что, испуганный встретившейся ему лодкой, он полетел по направлению высокого леса.

"Луговой лунь, как и все его сородичи, довольно пугливая птица, которая держится от человека в почтительном отдалении; однако она не одарена хитрою и умною осторожностью соколов. Не умея различить, как это делают другие хищные птицы, охотника от крестьянина, мужчину от женщины, он спасается от всякого человека в полете, описывая в воздухе волнообразную линию. Если он летит высоко над полями и завидит человека уже издали, то можно быть уверенным, что он пролетит дальше, чем на ружейный выстрел, от заклятого врага всех зверей. Но часто случается, что лунь пробирается у самой земли, по тропинкам между хлебными полями и лугами и тогда может случиться, что, вследствие закрытого со всех сторон вида на окрестность, он на повороте неожиданно почти наткнется на самого охотника и таким образом попадетсся ему в руки. Сидя на земле, он не так пуглив и умеет скрыться от врага; когда же отдыхает, скрывшись среди густого кустарника, то часто спокойно пропускает мимо себя человека или поднимается с земли, когда тот уже совсем близко.

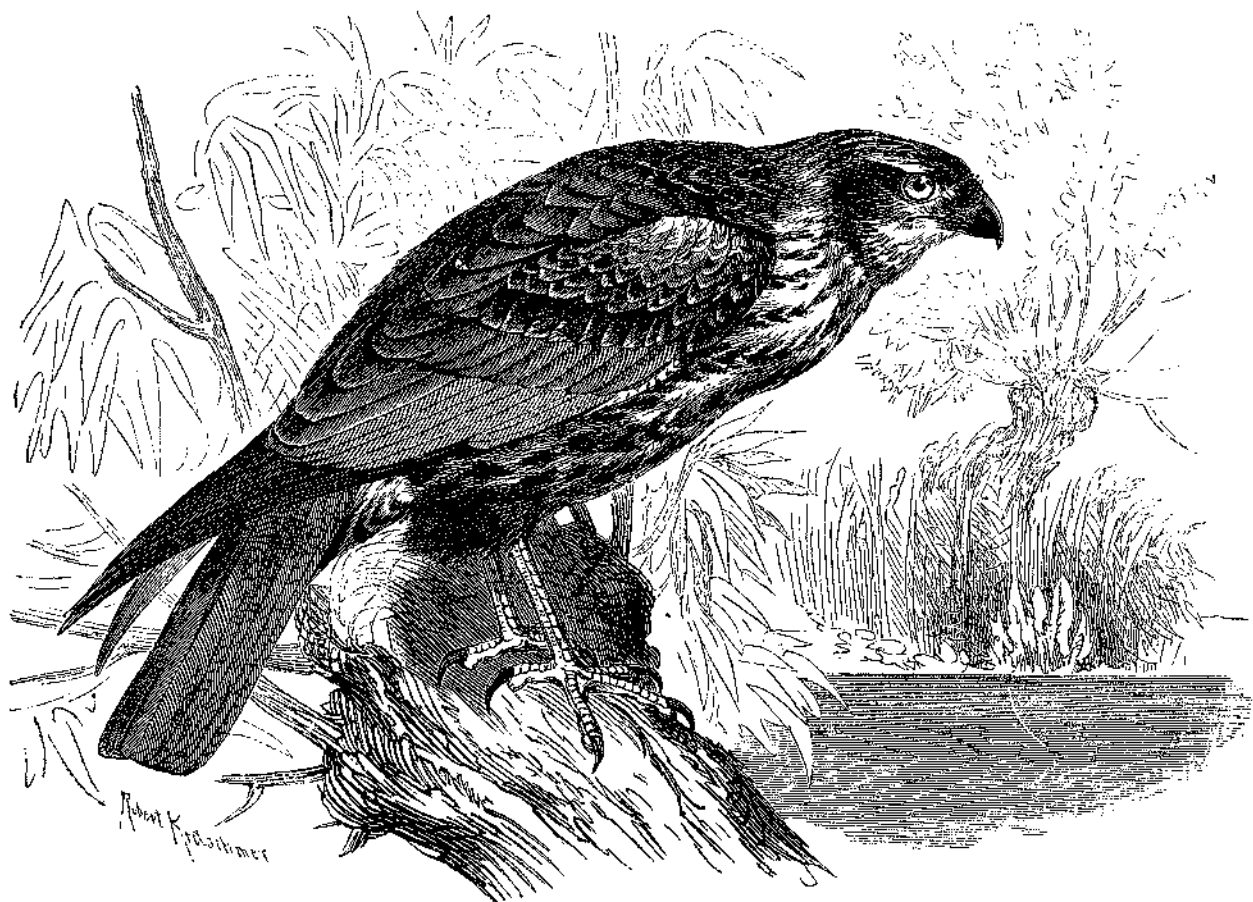
Гнездо лугового луня представляет весьма простую постройку из хвороста, сухих веток и подобных веществ, которые довольно крепко соединены между собой; оно расположено всегда у самой земли, среди густого кустарника, хлебных растений, высокой травы и иногда в камыше. Вообще луговой лунь гораздо осторожнее камышового при выборе места для постройки гнезда и избегает открытых мест. Смотри по состоянию погоды, но большей частью не раньше половины мая, кладка, состоящая из 4—5 яиц, окончена. Яйца, длина которых достигает 42 мм, а ширина 32 мм, чисто белые или покрыты редкими пятнами; они мелкозернисты и без глянца, вследствие чего имеют сходство с яйцами сов, но отличаются от них своим светло-зеленым отливом. Они так похожи на яйца полевых луней, что их часто смешивают между собою. Любовью к своим яйцам и птенцам луговой лунь превосходит даже других сородичей. Любовь эта выказывается не одной только самкой, так как самец для защиты гнезда готов, не задумываясь, подвергнуться всякой опасности. Даже другие луговые луни спешат на защиту чужих птенцов, которым грозит опасность, и вместе со встревоженными родителями с громким криком окружают врага. Пока самка сидит на яйцах, самец постоянно носится взад и вперед около гнезда, время от времени он подлетает к подруге и садится рядом; после короткого отдыха опять начинает он кружиться около гнезда и, наконец, покидает, большей частью ненадолго, свое местожительство для добывания пищи.

Луговой лунь живет охотой на бегущую, сидящую или ползающую, но никак не на летающую дичь. Самой любимой его пищей служат хомяки, суслики, полевые мыши и лягушки; кроме того, он хватает и птиц, не умеющих летать, время от времени и молодых зайцев, перепелов и куропаток. Но вообще я того мнения, что приносимый им вред нельзя сравнить с той пользой, которую он оказывает, уничтожая мышей, сусликов и других вредных грызунов».

Мне остается упомянуть о **болотном луне** (*Circus aeruginosus*). Оперение его довольно значительно изменяется, не только смотря по полу и возрасту, но и по временам года. У старого самца перья лба и темени покрыты бурыми и желтыми полосками; остальная верхняя часть тела кофейного цвета. У взрослой самки оперение менее яркое и не такое пестрое. Длина достигает 55 см, размах крыльев 136, длина крыла 43, длина хвоста 24 см. Самка на 3-4 см длиннее и на 7-9 см шире.

Болотный лунь водится во всех странах и местностях Европы, отвечающих условиям, необходимым для его существования. Кроме того, он встречается во всей западной Азии к югу от Алтайских гор; но чем дальше на восток, тем появляется он все реже и реже, а на Амур и в Китай залетает разве только в одиночку. Во время своих перелетов он посещает юг Азии и большую часть Африки. Жизнь болотного луня связана с изменностью: положительно можно сказать, болото и вода так необходимы для его существования, что он никогда не упускает их из виду. У нас болотный лунь перелетная птица и появляется с весенним разливом рек, следовательно, не раньше марта и не позже апреля; в августе начинается отлет этих птиц, а к концу октября они совершенно исче-

заят. Но в южной Европе, а именно в Греции и Испании, так же как и в северной Африке и преимущественно в Египте, а еще чаще в Персии и Индии, этого луня считают уже оседлой птицей.

Болотный лунь (*Circus aeruginosus*)

Несмотря на то, что мне случалось наблюдать за болотным лунем в трех частях света и временами даже в значительном количестве, я все-таки предпочитаю передать здесь слова кронпринца Рудольфа об этом предмете; позволю себе, впрочем, вставить наблюдения и других опытных натуралистов, а иногда и свои собственные.

"Образ жизни и нрав болотного луня изобличают в нем неблагородного хищника, в котором не отразились характерные особенности этой группы птиц. Слабость телосложения позволяет ему только охоту за небольшою дичью, которую он убивает на земле или разыскивает среди болот. Человека он боязливо избегает, умеет спастись от него среди камыша или непроходимых болот. За исключением времени размножения, эту большую хищную птицу можно увидеть довольно редко. Днем она скрывается в камышах, где в полной тишине и с большим успехом гоняется за добычей. Это особенно относится к тем луням, которые устроили свое жилище среди обширных болот, у стоячих вод и топей. Здесь лунь сидит целый день на толстых стеблях тростника и камышовых головках, плавающих бревнах, старых выступающих из воды сваях, но всегда как можно дальше от берега. Плывущую среди осоки лодку или охотничью собаку он подпускает к себе на близкое расстояние, как будто надеясь на свое темное оперение. И только когда опасность ему покажется очень серьезной, он поднимается вверх, но не так, как другие хищные птицы, которые как можно скорее спешат удалиться на расстояние, а медленно летит над камышами, тяжело ударяя о воздух своими круглыми крыльями. Единственное время, когда болотный лунь отрекается от своей ленивой медлительности, от своей, так сказать, пресмыкающейся жизни, это пора размножения: тут он бросает болото и тростник, носится высоко по воздуху, совершая самые удивительные фокусы, будто хвастаясь своим умением летать. Пара таких птиц, живущая обыкновенно так скрытно, что их в остальное время года и не заметишь, в апреле в состоянии оживить всю окружающую местность. Раньше, чем самка начнет свою кладку, еще во время спаривания, парочка луней часто поднимается в высочайшие слои воздуха и там предается еще более разнообразным и искусным играм, чем это делают коршуны. Болотные луни отличаются, впрочем, от коршунов тем, что, время от времени, со значительной высоты вдруг низвергаются на землю и, отдохнув несколько секунд, снова начинают играть, совершенно так, как это делают другие луни.

С началом мая все игры прекращаются; самки садятся на свои гнезда, и только одни самцы иногда забавляют их и себя разными воздушными упражнениями. Когда видишь их кружащимися все по одному и тому же месту, то можешь сказать, что гнездо находится неподалеку; поэтому его нетрудно отыскать. В стоячих водах, в тростнике и болоте гнездо это устроено на высоких травах или близ самого берега в осоке, иногда даже в хлебном поле, в случае если эти поля непосредственно граничат с берегами, населенными болотными лунями.

Если нет подходящего места или все болото покрыто водой, то гнездо строится между высокими стеблями тростника, на самой воде, и, следовательно, плавает. В береговых полянах оно находится чаще всего в камышах, окаймляющих запруды или узкие рукава, но, кроме того, встречается постоянно в просеках и молодых лесах, расположенных недалеко от берега. Я, впрочем, заметил, что некоторые гнезда изредка попадают и очень далеко от воды, в совершенно сухих местах. В таких случаях гнездо представляет довольно обширную, плоскую, как тарелка, постройку из ветвей и травы и лежит прямо на земле, между тем как среди болот и тростниковых зарослей оно всегда состоит из тростника, осоки и других болотных растений, которые самка, часто издали, притаскивает в своих лапах. При выборе местожительства птица главным образом обращает внимание на то, чтобы ничто не могло помешать ей свободно прилетать и вылетать из гнезда. Большой частью в первых числах мая и, во всяком случае, не раньше конца апреля в гнезде находят окончательную кладку, состоящую из 4-5 яиц.

Болотные луни — самые нежные родители. В то время, как все остальные хищные птицы, за исключением полевых луней, долго не решаются вернуться к гнезду, с которого их раз спугнули, камышовый лунь дает себя несколько раз согнать с гнезда и снова возвращается к нему даже на виду своего противника. Когда гнездо стоит на открытом месте, то самка, которая, как у всех луней, одна занимается высиживанием, старается обмануть внимание охотника, распластываясь по земле, и только тогда с шумом поднимается с гнезда, когда враг находится от нее в двух или трех шагах; но и тут она не спешит улететь подальше, как это делают другие хищные птицы, а медленно несется над самой землей и, только отлетевши шагов на сто, поднимается прямо вверх на довольно большую высоту, описывает большой круг над гнездом и возвращается к нему с другой стороны. Если же она заметит, что враг все еще не удалился, то продолжает носиться над гнездом с жалобным криком; но стоит нарушителю ее спокойствия удалиться шагов на сто, как птица тотчас же с высоты прямо опускается на гнездо».

Болотного луня мы, безусловно, должны считать самым вредным хищником из его сородичей: пища его состоит почти исключительно из водяных и болотных птиц, молодых птенцов и яиц, и только в случае их недостатка довольствуется пресмыкающимися, рыбами и насекомыми. Охотится в общих чертах совершенно так же, как и прочие его сородичи, с той только разницей, что гораздо усерднее преследует птиц. И в этом отношении приносит больше вреда, чем какая бы то ни было хищная птица, так как другие, кроме того, ловят много мелких грызунов и насекомых.

"В поле, — рассказывает Науман, — болотный лунь выслеживает гнезда жаворонков и других птиц, причем не брезгает ни яйцами, ни молодыми птичками. Большие яйца он искусно высасывает, маленькие же проглатывает со скорлупой. Он производит страшные опустошения в гнездах полевых птиц, а также в гнездах диких гусей и уток среди камышовых зарослей, потому что во время вывода птенцов питается одними яйцами и птицами.*

** Данное утверждение не совсем верно. В период вывода птенцов болотный лунь питается теми же объектами, что и вне периода размножения. Кроме птиц, в его пище присутствуют и млекопитающие.*

Старые птицы, которые очень хорошо знают, что болотный лунь такой же искусный, как и злобный, истребитель их потомства, стараются всеми силами удалить его от своего гнезда и преследуют его жалобным криком и сердитыми ударами клюва. Дикае утки, гуси и другие плавающие птицы, временно покидая гнездо, тщательно закрывают яйца разным настилочным материалом, стараясь скрыть их от глаз луня. Зато яйца птицы, случайно спугнутой с гнезда и не успевшей прикрыть их, должны считаться неминуемо погибшими, так как первый лунь, которому они попадутся на глаза, без всякой церемонии высосет их. Только лебединые яйца ему, кажется, разбить не под силу: я видел, как лунь долгое время клевал их, но вынужден был отказаться от своего намерения. Главным предметом его нападений во все время, от вывода яиц до самой осени, служат лысухи, которые плавают врассыпную, завидев врага, они поспешно скликают друг друга и спешат укрыться в ближайшем тростнике. Если хищник и тут преследует их, то лысухи снова плывут на открытую воду и стараются спастись, ныряя. В тростнике лунь долго гоняется за ними, перепрыгивая с одного стебля на другой, пока не сцапает кого-нибудь. Старым уткам он повредить не может и

даже не смеет нападать на молодых утят в присутствии матери, которая, чуть заметит, что лунь намерен напасть на утят, взлетает ему навстречу, иногда даже выше камыша, кидается и кусает его, между тем как птенцы, прижавшись друг к другу, испуганно дожидаются матери. Пока у молодых гусят живы оба родителя, ни один камышовый лунь не может обидеть их, потому что оба родителя, а преимущественно самец, постоянно сторожат птенцов».

Бородач, или ягнятник (*Gypaetus barbatus*), по моим собственным измерениям, достигает 1-1,15 м длины, 2,4-2,67 м в размахе крыльев; длина крыла равняется 79-82 см, длина хвоста 48-55 см. Первые цифры относятся к самцам, вторые к самкам, но те и другие, как у всех хищных птиц, подлежат значительным колебаниям. Оперение старых птиц на лбу, темени и боках головы желтовато-белое, оттененное более темным и шестым и перьями; задняя часть головы и шеи красивого ржаво-желтого цвета; спина, верхние кроющие перья крыльев и хвоста черные. По груди проходит ожерелье бело-желтых перьев с черными пятнами. От основания клюва тянется поперек глаза черная уздечка; на задней части головы она загибается, но не совсем подходит к такой же полоске, идущей с другой стороны, так что не образует полного кольца. Глаза серебристо-белые; окружающая их кожа красно-коричневого цвета. У молодой птицы глаза пепельно-серые. Очень молодые птенцы черно-бурые, только после нескольких линек оперение молодых бородачей принимает такой же вид, как у старых.

В последнее время нашли, что сардинские, испанские и южноафриканские бородачи светлее окрашены, чем те, которые живут на Пиренеях и на Алтае.

Бородач очень распространен. В Европе он населяет Альпы и Трансильванские горы, реже встречается на Балканах и в Пиренеях, на Кавказе. В Азии он водится на всех высоких горах, от Алтая до пограничных и центральных гор Китая и оттуда до южноаравийских и Гималайских гор. В Африке его местопребывание ограничивается только северными береговыми странами этой части света.*

** В прошлом и первой половине этого столетия бородач преследовался людьми в большинстве стран Европы, в результате чего он был истреблен во многих местах. Сейчас бородач не встречается ни в Альпах, ни в Карпатах (Трансильванские горы), ни на Сардинии, нет его также в горах Болгарии, Югославии, Испании и на Апеннинском полуострове. Пока еще он сохранился только в Пиренеях, на Корсике, в горах Греции, на Крите и на Кавказе. Бородач внесен в Красную книгу России и в списки редких видов птиц большинства стран Европы и многих стран Азии.*

Ни одна хищная птица, не исключая даже орла, не была так подробно описана, как бородач, но в то же время можно сказать, что только в последние годы из ее жизнеописания отброшено все лишнее и сказочное. Я сам, вследствие своих наблюдений за этой гордой птицей в Аравии и Испании, был одним из первых, постаравшихся изобразить жизнь и нравы ее согласно со строгой истиной. В настоящее время мне доставлено много и других наблюдений. Мы получили более или менее подробные отчеты от Жердона, Адамса, Ходжсона, Ирби, Гейглина, Гюрнея, Крюпера, Гуддлестона, Юма, Сальвина, моего брата и других. Отчеты эти очень сходны между собой, но сильно разнятся рассказы о швейцарском бородаче прежних и новейших наблюдателей, в том числе и уважаемого Гиртаннера. Поэтому я сообщу мои собственные и согласные с ними наблюдения вышеупомянутых естествоиспытателей, а потом уже передам более важные, по моему мнению, рассказы швейцарских наблюдателей.

Более прочих своих собратий, за исключением разве кондора, бородач имеет право считаться обитателем самых высоких точек горного пояса; но под этим не должно подразумевать, что он водится исключительно в горах: он любит вершины, но не избегает и долин. Совершенно равнодушно относится он к непогоде, буре, льду и снегу. Незаметно тоже, чтобы постоянная жара, господствующая в более низких слоях воздуха южных гор, беспокоила его, при стремительном полете даже горячий воздух веет ему прохладой. Тем более он мгновенно может унести из несносной жары и охладить свою грудь в чистом эфире высших слоев воздуха. На всех высоких горах Испании он составляет довольно обыкновенное явление, но вьет гнезда и ниже, на высоте от 200-300 м над уровнем моря. То же самое относится и к Персии. В Швейцарии, напротив, бородач, по возможности, держится самых высоких и недоступных вершин, где живет никем не замеченный.

"Над вершинами проносятся страшные зимние бури, — говорит Гиртаннер, — разметывая по сторонам снег и лед. От ударов ветра дрожат хижины в горах, а мощный заповедный лес под напором ветра стонет, качается и трещит, и всему живому грозит смерть среди ужасного шума разгравшихся сил природы. Только тогда начинает опытный охотник посматривать в вышину из своего низенького окошка, чтобы узнать, не кружится ли бородач над его деревней. Охотник хорошо

знает, что исполинская борьба стихий и лютый голод заставят хищника спуститься с высоты и приблизиться к жилищу человека. Если бородачу удастся кого-нибудь похитить для наполнения своего голодного желудка, то он в скором времени повторяет свое посещение; если счастье ему не благоприятствовало, то он исчезает, чтобы больше не возвращаться. Бородач прилетает и улетает, как чужеземец из далекой, незнакомой страны». По моим собственным наблюдениям, каждая пара живет на пространстве в несколько километров и облетает его каждый день по известному маршруту. Поэтому за ними легко наблюдать в той местности, где они водятся.

По моим наблюдениям, только через часа полтора после восхода солнца начинает он облетать свою область и не позже пяти часов пополудни опять направляется к месту ночлега. Обе птицы одной пары летят вдоль горного хребта обыкновенно не выше 50 м над землей и на не слишком далеком расстоянии друг от друга и высматривают добычу. Они несутся вдоль всего протяжения хребта, огибают верхушку особенно высокой горы и исследуют точно таким же образом противоположную сторону. Если главный хребет прерывается поперечными долинами, то птицы облетают их на той же высоте, которой они до сих пор держались. Над котловинами они кружатся по большей части довольно продолжительное время. Если зоркий взгляд тут ничего не высмотрит, годного для пищи, бородач поднимается вверх и точно таким же образом исследует верхушки гор и плоские возвышенности; если и тут поиски окажутся безуспешными, то спускается в долину.

Бородач (*Gypaetus barbatus*)

Бородач, совершающий подобный полет, не задерживается никакими препятствиями. Во время своих перелетов он несется необыкновенно быстро и с большим шумом, не двигая крыльями, и вся фигура его при этом до того красива, что никак нельзя его смешать с коршуном или орлом. Только совершенно незнающие люди могут его принять за стервятника. Опускаясь на ноги, бородач всегда выбирает возвышенную местность, преимущественно выступы скал или, по крайней мере, горные площадки. Видно, что ему трудно взлетать вверх, почему он и предпочитает начинать свой полет с высоты, чтобы отсюда, не взмахивая крыльями, взлететь. А когда он уже парит в воздухе, то малейшего дуновения достаточно, чтобы приподнять его на какую угодно высоту. В Абиссинских горах бородач поднимается, по словам Гейглина, иногда так высоко в воздухе, что самому зоркому глазу кажется точкой в небе.

На скалах, где только возможно, он сидит прямо; но большей частью ему приходится держаться горизонтального положения из-за своего длинного хвоста. Походка его сравнительно хороша: он шагает, а не припрыгивает.

Еще в 1858 году я писал, что, если спросить у добросовестного испанского охотника о бородаче, то он, конечно, не станет рассказывать тех невероятных охотничьих и разбойничьих историй, которыми так злоупотребляют швейцарцы, говоря о своей птице. Испанец скажет просто: «костолом», ест падаль, кроликов, зайцев и других мелких млекопитающих, кости он раздробляет, сбрасывая их с большой высоты в глубину долины. Ни один испанец, к которому мы обращались, как к охотнику или как ученому, не считал своего бородача таким отчаянным разбойником, каким швейцарцы считают своего. Когда я спрашивал в Испании о птице, которая похищает коз и баранов, детей и собак, то мне всегда называли беркута, а никак не бородача. О беркуте, и только о нем одном, испанцы рассказывают столько историй, сколько их сообщают немецкие натуралисты об альпийском бородаче. В Испании смотрят на бородача, как на очень безвредную птицу. Пастухи вовсе не боятся его, а владельцы стад никогда и не слышали о разбойничьих набегах, совершенных им; но каждый человек уверяет, что бородач постоянно вместе с грифами набрасывается на падаль и, как уже раньше замечено, бросает с высоты кости, чтоб раздробить их. Я сам раз наблюдал в Сьерра-Неваде за бородачом, который со скалы высоко подымался в воздух, опускался вниз, что-то брал со скалы, опять подымался вверх, и снова опускался на скалу: поведение его в этом случае я иначе не могу объяснить, как вполне поверив рассказу испанца. Нет основания сомневаться в том, что птица именно таким способом разбивает большие кости. Орлан-белохвост и другие птицы, а именно вороны и чайки, поступают, по уверению добросовестных наблюдателей, совершенно так же. Бородач, таким образом, носит с полным правом свое испанское название — «костолом».

Про абиссинского бородача Гейглин сообщает следующее: «Наши кабинетные ученые описывают бородача гордым разбойником, смело сбрасывающим в пропасть больших млекопитающих и нападающим даже на людей. Я имел случай наблюдать за этой птицей ежедневно в течение долгого времени. Убивал их дюжинами и, по исследовании желудка, к величайшему своему удивлению, нашел, что его пища состоит почти вся из костей и других отбросов, и что питается он трупами. Сам же охотится только в крайних случаях, ему редко удается поймать зайца или заблудившуюся большую козу. Можно его иногда видеть шагающего или скачущего боком, подобно воронам, на зеленых лужайках горных стран, для того, чтобы подстеречь водящихся там многочисленных крыс».

Крюпер говорит следующее: «Когда слышишь имя бородача, то невольно вспоминаешь о самом смелом разбойнике пернатого царства, ужасаешься при мысли о страшных злодействах этой птицы. И приходит на ум, действительно ли бородач такое вредное существо, внушающее ужас и страх людям и стадам, или он вовсе не заслуживает той печальной репутации, которая сложилась о нем в сочинениях ученых и головах простолюдинов? В Аркадии, где нет очень высоких гор, местожительство его начинается у самого моря. Чем же может там, в долине, поживиться этот опасный сосед? Отыскивает он там овец, коз или крупный скот, чтобы растерзать? Его можно иногда видеть кружащимся на небольшой высоте у подножия поросшей кустами горы: голова его опущена вниз, он что-то выслеживает и вдруг бросается вниз и исчезает. Вероятно, он в эту минуту напал на добычу, нашел, может быть, козу? Нет, только черепаху, которая утолит его голод и придется по вкусу его птенцам. Чтобы добыть мясо черепахи, он ее бросает с высоты на скалу и таким образом разбивает ее щит. Англичанин Симпсон, который наблюдал за бородачом в Алжире, подтвердил это сообщение и рассказывал мне, что всякий бородач имеет особенную скалу, на которой он разбивает черепах. 14 мая 1861 года я нашел гнездо бородача. Под ним у скалистой стены лежало великое множество черепах и различных костей».

"Мозговые кости, — говорит Симпсон, — составляют лакомство, которое больше всего любит бородач, и когда грифы склюют все мясо с трупа животного, он появляется под конец пира и про-

глатывает кости целиком или же разбивает их и проглатывает кусками, если не в состоянии добыть иначе костяной мозг. Разламывает он кости, сбрасывая их с значительной высоты на камень. Как старые, так и молодые ягнятники страшно прожорливы: около их гнезда находят множество костей черепах и тому подобных лакомств. Из этого, впрочем, не следует, что он сам и его птенцы ограничиваются мозговыми костями, черепахами и тому подобными яствами. Напротив того, он не брезгает ни ягненком, ни зайцем, ни курицей, хотя его когти и клюв относительно роста очень слабы, и он не может, подобно грифам и орлам, растерзать свою добычу. Этот недостаток вознаграждается, впрочем, его удивительной глотательной способностью. Греки уверяют, что он глотает и переваривает решительно все, но истории, которые рассказываются по этому случаю, так удивительны, что я не решаюсь их передавать».

Ирби говорит, что падаль составляет, по-видимому, единственную пищу бородача. «Эта птица, — подтверждает Гюрней, — проглатывает большие кости. Желудок убитого мной у южного берега Африки бородача был переполнен ими. Кости эти, без всякого сомнения, проглочены без кусочка мяса, и я сам видел, как один ягнятник проглотил сухую кость. Самая большая из найденных мной костей — позвонок быка в 10 см длины, 7 ширины и 5 см толщины. В желудке птицы я нашел вместе с костями еще большое количество шерсти дамана, из чего заключил, что бородач таскает и подобных животных, вероятно, в то время, как они, выйдя из своей норки, днем греются на солнце». «Он ловит, — говорит Адаме, — сурков, но не придерживается исключительно живой добычи, так что его часто можно видеть тихо летящим вдоль откосов гор, где он высматривает падаль и другие остатки. В желудке убитого мной в Кашмирских горах бородача я нашел различные кости и копыто козерога». Хуттон уверяет, что бородач в Индии питается исключительно падалью и редко хватается добычу больше курицы, которую тут же и разрывает на лету. Ходжсон подтверждает эти слова.

После таких многочисленных и во всех отношениях схожих между собою описаний трудно поверить рассказам швейцарских наблюдателей о смелости, силе и хищности ягнятника. Сюда относятся, например, рассказы Штейнмюллера, будто один огромный бородач пробовал спихнуть со скалы быка; другой унес годовалого козленка, несмотря на сопротивление его хозяина, а потом обратил последнего в бегство; третий с высоты сбросил козленка; четвертый втащил на противоположную скалу двадцатисемифунтовый железный капкан; пятый сам был убит в воздухе лисицей, которую унес с земли; шестой похитил ребенка на глазах его родителей; седьмой, наконец, утащил на 1400 шагов трехлетнюю девочку, которую спасло от растерзания только присутствие мужчины, прибежавшего на крик. В Швейцарии любимой его пищей служат убитые им самим мелкие млекопитающие животные, а именно: зайцы.

сурки, новорожденные и молодые серны, козы, ягнята, поросята. Но если ему это не удастся и он не может добыть и падали, то голод и чувство самосохранения принуждают его нападать на больших животных. С этим согласуются все полученные мною сообщения самых достоверных наблюдателей, так что я не считаю себя вправе сомневаться в совершенной истине этого факта. Все наблюдатели согласны между собой еще в том мнении, что одной падалью и мелкими животными бородач не мог бы поддерживать свое существование. Кальберматтен сообщает, что видел, стоя на берегу Дуная, у Орсовы, как бородач только в 20 шагах от него набросился на гуся и унес его.

"Альпийских зайцев бородач старается, прежде всего, выгнать из-под защиты кустов и хвойных деревьев, чтобы потом в открытом поле прямо схватить их или прежде оглушить только ударом крыла. Смотря по обстановке, он тут же объедает свою добычу или уносит ее в гнездо или же в свое обыкновенное местожительство. Во время охоты на взрослых серн, овец он пускает, прежде всего, в ход не когти, а крылья. Если орел, сложив крылья, как камень падает с высоты на добычу, впускает в нее когти и старается задушить, то нападение бородача происходит с более близкого расстояния. Наш тессинский наблюдатель после многократных собственных наблюдений сообщает нам следующее: «Если бородач своим зорким глазом высмотрит на земле годное ему в пищу животное, он не падает с высоты камнем, подобно благородному орлу, но спускается, описывая в воздухе большие круги. Часто садится на рядом стоящее дерево или скалу и начинает нападение, взлетев с того места еще немного вверх. Если он увидит поблизости людей, то громко кричит и улетает. Никогда не нападает на животных, пасущихся в долине, далеко от обрывов; но если заметит серну, которая пасется около самого обрыва, то начинает, подлетев к ней сзади, пугать оторопелое животное и гоняет его взад и вперед, пока оно, оглушенное и обезумевшее от страха, не бросится к краю обрыва. Достигнув этой цели, бородач пускает в ход свои мощные крылья. С оглушительным свистом и шумом хлопают жесткие крылья по бокам до смерти испуганной и ослепленной жертвы. Тщетно старается она, собрав последние силы, защититься рогами от своего убийцы. Наконец она решается сделать прыжок или просто оступается, прыгает или валится в пропасть или же, падая в

совершенном изнеможении, умирающая скатывается вниз по уступам скалы. Медленно опускается бородатый ягнятник за своей жертвой, добывает ее, если нужно, ударами клюва и крыльев и немедленно принимается за растерзание еще теплого животного. Если овца или другое животное, стоя на самой крутизне обрыва, не заметит хищника, пока он не подлетит совсем близко сзади, то борьба обыкновенно непродолжительна. Он озадачивает изумленную жертву сильными ударами крыльев и одним метким толчком сбрасывает ее благополучно вниз с помощью клюва и когтей, на лету хватая ее с края скалы, потом выпускает из когтей, так что она падает и разбивается на дне пропасти».

Бальденштейн мне рассказывает: «Как-то вечером, в одну из моих охот в горах, я сидел в приятном разговоре с пастухом, а его собака бегала около близкого обрыва взад и вперед, обнюхивая землю; вдруг до нашего уха донесся страшный вой собаки, и в то же мгновение мы увидели нашего верного сторожа, летящего в воздухе над пропастью, между тем как его убийца, бородач, торжественно парил над ним. Мы перед тем не обращали внимания на собаку и не заметили появления бородача, пока страшный крик собаки не заставил нас оглянуться. Не будь этого жалобного воя, собака пропала бы совершенно загадочным для нас образом, и мы бы никак не могли себе объяснить ее внезапного исчезновения, хотя, весьма вероятно, у нас и возникло бы подозрение именно об этом роде ее смерти. Быстро спустился бородач за своей добычей и вместе с ней скрылся с наших глаз. Все это совершилось чрезвычайно быстро, быстрее, чем это можно передать словами. Сбросила ли птица собаку ударами своих сильных крыльев или стащила ее крючковатым клювом, я сказать не могу, потому что, как сказано выше, оглянувшись, увидел собаку уже летящую над бездной. Но я наверно могу сказать, что бородач ни разу не напал на моих гончих, пока они гонялись далеко от обрыва, хотя часто кружился над ними. Этот хищник не бьет свою добычу налетом, как это делает орел».

Другой охотник из Граубиндена рассказывает, как однажды он невдалеке от того места, где стоял, увидел бородача, который напал на серну и напрасно старался ударом крыла сбросить ее в пропасть. Обыкновенный его способ нападения на этот раз не удался потому, что сметливая серна, вместо того, чтобы броситься к пропасти, несколькими смелыми прыжками спаслась в пещере, откуда мужественно отражала нападение своими рогами, так что хищник никакими усилиями не мог выгнать ее из ее убежища. Из Тессина сообщили мне о подобном же случае. Все эти рассказы идут от горных жителей из Альп, где бородач живет постоянно. Все они переданы людьми, которые безошибочно могут отличить бородача от беркута. Эти люди никак не хотели отказываться от фактов, замеченных ими днем своими собственными, большей частью очень зоркими глазами.

Давно перестали верить тому, что бородач бросается также на человека с намерением его убить; рассказы эти даже осмеивали, как басни, но потом опять начали их выдавать за правду или, по крайней мере, за вещь возможную. Случаи похищения маленьких детей большими хищными птицами, которые в Альпах можно приписать только орлам, слишком достоверно доказаны, чтобы в них можно было еще сомневаться. Я не совсем ясно понимаю, почему преступником в этом отношении может быть только орел? Почему бородач, который, как доказано, одолевает даже взрослых серн, не может утащить такое незащитное существо, как ребенок, и сбросить его со скалы? Тут, по-моему, тяжесть преступления следует поделить поровну между обеими птицами, потому что и бородач старается унести свою добычу, если он по какой-нибудь причине не может растерзать ее на месте. Если тяжесть жертвы превышает его силу, он всегда может ее сбросить вниз, как это замечается у других хищных птиц. Более сомнения вызывают те сообщения, в которых наш бородач бросался на подростков с целью умертвить их каким бы то ни было образом. Очень мало известно примеров подобных нападений. Но достоверность того факта, как на Зильбернальпе бородач столкнул одного пастушонка со скалы в пропасть и у подножия растерзал, получает сильное подтверждение благодаря новым рассказам о подобных же случаях в Бернских Альпах. Этот новейший случай нападения бородача на подростка вовсе не старая история, я много потрудился над тем, чтобы удостовериться в верности этого факта.

Гиртаннер рассказывает: «В течение июня 1870 года можно было прочесть во многих швейцарских газетах, что вблизи Рейхенбаха в Бернском кантоне бородач напал на одного мальчика и убил бы его, если бы птицу не спугнули вовремя. Сначала я мало обратил внимания на это сообщение и ждал, что этот бородач скоро превратится в орла или даже в ястреба, а пострадавший мальчик — в курочку. Но опровержения не последовало на этот раз, и так как дело интересовало меня настолько, что стоило его исследовать, то я отправился в Кандергрунд к пастору Галлеру, радушие которого мне было хорошо известно».

Гиртаннер рассказывает дальше, как этот пастор направил его ко второму лицу, Блазеру, и как после довольно продолжительной переписки с этим последним он узнал следующее.

"Дело было 2 июня 1870 года в 4 часа пополудни; этот самый мальчик, Иоганн Бетшен, веселый, живой парень лет 14, небольшого роста, но крепкого сложения, шел из Кина в Арис Кин лежит в глубокой долине близ Рейхенбаха, в уголке, образуемом в Кинской долине слиянием рек Кина и Кандера; Арис приблизительно на 150 м выше на площадке горного выступа. Довольно крутая дорога вела мальчика по только что скошенному лугу, и когда он на маленьком горном пастбище подошел к небольшому стогу сена в 100 шагах от жилья, на него сделано было нападение. Внезапно и совсем неожиданно птица набросилась на мальчика сзади, со страшной силой ударила его обоими крыльями по голове так, что, по его собственным словам, ему показалось, что его бьют двумя косами; одним ударом птица сшибла его с ног и повалила на землю. Падая и стараясь обернуться назад, чтобы увидеть, кто таким дерзким образом ударил его в голову, мальчик снова подвергся такому же нападению: последовал второй натиск и удар обоими крыльями, которые свистели справа и слева вокруг его головы и почти лишали его сознания, так что он был совсем оглушен. Тут мальчик увидел огромную птицу, которая напала на него в третий раз, вонзила когти ему в бок и грудь, ударяя крыльями, почти лишив его дыхания, и, наконец, начала долбить ему голову клювом. Ни движениями ног, ни поворотами всего тела не мог он прогнать птицу. Тем сильнее действовал мальчик своими кулаками: одной рукой он старался отражать удары, другой — освободиться от своего врага. Это ему, наконец, удалось. Птица вдруг поднялась над мальчиком, может быть, для того, чтобы возобновить нападение. Но мальчик принялся отчаянно кричать. Этот ли крик удержал птицу от повторного нападения или, может быть, поднимаясь, она увидела спешившую на крик женщину и потому бросила свое намерение — осталось неизвестным. Вместо того, чтобы снова напасть, бородач поспешно скрылся за склоном горы. Мальчик так ослабел от испуга и ужаса, что едва мог подняться с земли. Упомянутая женщина нашла его окровавленным и с трудом поднимающимся с земли. Женщина эта уже не видела птицы. В этом факте можно было бы, пожалуй, еще сомневаться, но я не сомневаюсь нисколько. Потерпевший Иоганн Бетшен, который раньше никогда не слыхивал о таких птицах, не мог бы сочинить подобный рассказ о птичьем нападении и так описать его, причем он совершенно одинаково рассказывал о ходе вещей и своей спасительнице и другим людям, когда его обмывали и перевязывали у жилья. Его и всю его семью я знаю за людей правдивых. Раны его, которые я сам потом осматривал, состояли из трех, доходящих до костей черепа шрамов на затылке. На груди и боках видны были очень ясно следы когтей в виде сильных пятен, частью кровавых; потеря крови была также очень значительна. В продолжение 8 дней мальчик был очень слаб. По моему мнению, нельзя сомневаться ни в правдивости его рассказа, ни в действительности подобного факта. Но как я мог узнать от мальчика, который никогда не видал таких птиц и который был так испуган нападением, имел ли он дело с орлом или с бородачом? Я вызвал его на допрос, и он рассказал мне все, что мог и как умел. У него остался в памяти страшный крючковатый клюв, на конце которого он видел свои собственные волосы и кровь, далее — кольцо вокруг шеи, испещренные белыми пятнами крылья и, наконец, что особенно было для меня убедительно, — «под клювом у него было что-то сильно мохнатое».

"Хотя, к счастью, случаи нападения ягнятников на людей, — продолжает Гиртаннер, — очень редки, в особенности на людей в таком возрасте, как упомянутый мальчик, но я, по крайней мере, не сомневаюсь теперь в том, что они бывают; другим же предоставляю, конечно, судить по своему. Чтобы бородач напал на взрослого человека в надежде его осилить, чтобы он его сбрасывал со скалы или убивал каким-нибудь другим образом, еще не доказано. Тем не менее, охотники, путешественники и пастухи уверяют, что иногда, отдыхая в опасных горных местах, они чувствовали над собой удары шумящих и свистящих крыльев могучей птицы, которая с быстротой стрелы проносилась над их головами в зияющую пропасть со скалистой вершины. Но они предполагают, что только случай привел птицу на это место, и что она нечаянно зацепилась за их тело крыльями». Наши сведения о размножении бородачей в настоящее время существенно увеличились благодаря различным наблюдениям. Почти всеми установлено, что эта птица, так же как и другие птицы этого семейства, высиживает птенцов по несколько раз в одном гнезде. Гнездом, которое лорд Лильфорд нашел в Испании, птицы пользовались, по уверениям ближайших жителей, с незапамятных времен. Обыкновенно бородач выбирает для высиживания, как и другие хищные птицы, просторную пещеру, большей частью за какой-нибудь неприступной каменной стеной; впрочем, по сообщению моего брата, может случиться, что он устраивает гнездо только на 10 м выше доступного людям места. В Швейцарии, по рассказам Гиртаннера, бородач выбрал для гнезда место на голой, недоступной скале, довольно высоко в горах, там, где нависший утес образует крышу над довольно просторной нишей. Один сардинец, о котором упоминает Гиртаннер, нашел гнездо на трех близко стоящих друг к другу дубовых пнях у большого обломка скалы.

Первый наблюдатель, которому удалось добраться до гнезда бородача, был, кажется, мой отец. Гнездо было расположено на выступе скалы, защищенном от лучей солнца несколькими выдающимся камнем; оно находилось только на 15 м выше подошвы последнего горного гребня, так что добраться до него было относительно нетрудно. Поперечник нижней части постройки равнялся приблизительно 1,5 м; поперечник гнездового углубления, имевшего около 12 см глубины, равнялся 60 см, высота гнезда равнялась 1 м. Длинные ветки, толщиной от детской руки до большого пальца, служили ему основанием, над ним была еще тонкая настилка из веток и сучков, среди которых углублялся лоточек гнезда; он состоял из тех же, только более тонких материалов и был тщательно выложен внутри лыком, коровьими и лошадиными волосами. Другое гнездо было найдено в Греции Симпсоном. Оно было, как сообщает Крюпер, выстроено из толстых веток и как бы заткано шерстью различных животных, преимущественно козьей. Лоток был совсем плоский и тоже выложен шерстью, и на нем сидел трехмесячный птенец, около которого лежали кости, целая ослиная нога, несколько черепов и других животных остатков, очевидно, заготовленных ему в пищу. «Оба родителя приблизились к гнезду и по временам издавали свист, похожий на свист пастуха». Позднее старики стали выказывать еще больше беспокойства, но Крюпер вовсе не упоминает о какой-нибудь попытке к нападению на него. Сальвин подтверждает вышесказанное: «Все пары бородачей, за которыми я наблюдал, держались в стороне, пока вскарабкавшийся к их гнезду человек вынимал птенца, и не пытались даже напасть на похитителя» «В Гималайских горах, — говорит Адаме, — гнездо бородача всегда устраивается на неприступных скалах. Время размножения падает на апрель и май. В окрестностях Симлы я нашел однажды в пещере под нависшей скалой его гнездо, в котором сидело два птенца. Богатое собрание костей баранов и других домашних животных окружало их; это, вероятно, были кухонные отбросы одного европейского поселения в нескольких милях отсюда».*

** Все эти истории Гиртаннера, конечно же, приукрашенное переложение прослушанных им рассказов крестьян, также намеренно преувеличивавших хищнические возможности бородача. Максимум, на что способна эта птица, добыть млекопитающее среднего размера типа детеныша сурка или козленка серны, которого бородач в принципе может испугать и столкнуть со скалы. Однако спихнуть в пропасть взрослую серну, собак}' или унести ребенка бородач не в состоянии. Он просто не обладает такими физическими возможностями.*

Вред, который живущий на свободе бородач может принести человеку, незначителен и ни в каком случае не может сравниться с вредом, причиняемым беркутом. На юге, где он легко достает падаль и кости, черепов и других маленьких животных, бородач только в исключительных случаях позволяет себе нападать на домашних животных. В Швейцарии он стал так редко появляться, что его хищническим набегам там не стоит придавать большого значения. О какой-нибудь значительной пользе от него, конечно, не может быть и речи, если не говорить о туарегах, которые будто бы эту птицу убивают ради мяса и жира, чтобы мясо съесть, а жир употребить как средство против укуса ядовитых змей. Там, где бородачи попадаются часто, они ведут довольно спокойную жизнь. Их преследуют разве только из любви к охоте, а никак не из необходимости. Однако человек все-таки остается самым большим врагом этой птицы, потому что вредит ей, если не непосредственно, то косвенно, все большим и большим захватом тех владений, в которых они прежде беспрепятственно царствовали и теперь еще ведут свободную жизнь. Кроме того, их всячески беспокоят хищные птицы, а именно стервятники, маленькие соколы, даже вороны; не менее беспокоят их и всякие паразиты. Но все эти враги, вместе взятые, не в состоянии отравить ему жизнь. Один только человек теснит его все больше и больше и окончательно выгоняет из всех доступных ему мест.

Самые большие из хищных птиц — это грифы Старого Света. Клюв их длиннее головы или, по крайней мере, одной с ней длины; он прямой, только перед кончиком верхней челюсти загибается крючком больше в высоту, чем в ширину, и снабжен острым расщепом и большой восковицей, которая занимает одну треть, а у слабейших видов даже половину всей длины клюва. У некоторых видов встречаются кожистые наросты, гребневидные возвышения на клюве. Ноги крепкие, но пальцы на них слабые, когти короткие, мало изогнутые и всегда тупые, так что имеют мало значения в смысле орудия нападения. Крылья необыкновенно велики, широки и большей частью закруглены. Хвост средней длины, закруглен или сильно ступенчат и состоит из жестких перьев.

Осанка ленивая; садясь на землю очень низко, они отделяют крылья от туловища, и только изредка с некоторою тщательностью чистят свои перья. Ходят они, хотя и некрасиво, но легко, большей частью короткими шагами, а летают медленно, но необыкновенно долго. Их внешние чувства по своей тонкости могут поспорить с чувствами других пернатых разбойников. Зрение их охватывает даль, о которой мы едва ли можем себе составить понятие. Слух их, который вместе с тем

есть и самое развитое из их внешних чувств, очень хорош. Обоняние сильнее, нежели у всех других хищных птиц, хотя не так тонко, как это описывается в баснословных рассказах о них. Вкус, несмотря на отвратительную пищу, которой они питаются, нельзя считать ничтожным. Также нельзя отрицать присутствие у них осязания, как способности чувствовать прикосновение, так и ощущать окружающую температуру. Их умственные способности, наоборот, кажется, мало развиты. Они робки, но редко бывают осторожными; раздражительны и вспыльчивы, но вовсе не отважны; грифы общественные птицы, однако совсем не миролюбивы; заносчивы и злонамеренны, но притом трусливы; ум их даже не возвышается до хитрости. Мы называли их ленивыми, потому что видим их сидящими целыми часами неподвижно и в полном спокойствии на одном и том же месте, но могли бы утверждать совершенно противоположное о тех из них, которые большую часть дня проводят в полете. Нрав их представляет смесь разнообразнейших и, по-видимому, противоречащих друг другу качеств. Многие склонны считать их спокойными и тихими птицами, тогда как более точные исследования показывают, что их надо причислить к самым свирепым из всех хищных птиц.

Изучить грифов можно, но только освоившись с их способом добывания пищи. Немногие из них нападают на животных с намерением убить, обыкновенно они просто подбирают только то, что им доставил случай. Грифы объедают трупы или уносят замеченные нечистоты. Но случай не всегда оказывается для них благоприятным, и им часто приходится целыми днями голодать. Поэтому при виде добычи грифы ведут себя так, как будто во что бы то ни стало должны вознаградить себя за перенесенное воздержание и запастись на будущее время.

Птицы, питающиеся таким образом, могут жить только в теплом и умеренном поясе земного шара. Богатый юг является для них более щедрым, нежели север, и доставляет достаточно пищи для поддержания их жизни. За исключением Австралии и Америки, все части света дают приют грифам. Некоторые виды находятся приблизительно в одинаковом количестве в Европе, Азии и Африке или, по крайней мере, замещаются там близкими сородичами. Они встречаются и в знойных равнинах, и на самых высоких вершинах горных хребтов. Грифы, как нам известно, выше других птиц поднимаются в воздушном пространстве; способны без затруднения переносить самые значительные перемены давления воздуха. Некоторые виды селятся на горных хребтах и покидают их только в виде исключения; другие, наоборот, предпочитают населять низкие местности. Их огромные крылья позволяют, а своеобразность пищи даже вынуждает, пролетать большие пространства. Только во время кладки яиц забота о птенцах привязывает их к какому-нибудь месту; в продолжение остальной части года грифовые ведут более или менее скитальческую жизнь. Только некоторые из грифов избегают близости человеческого жилья, другие находят свой насущный хлеб рядом с человеком гораздо легче, нежели в странах, куда не проникло еще человеческое господство. Во многих странах южной Азии и Африки именно эти хищные птицы служат характерным явлением населенных мест.

Образ жизни грифов станет ясным, если я опишу некоторых из них во время их деятельности. Я могу это сделать, тем более что не только видел грифов в неволе, но наблюдал за ними и на свободе и довольно часто был свидетелем их деятельности.

На южной окраине пустыни лежит издохший верблюд. Трудности путешествия изнурили его; хотя погонщик и снял с него накануне всю кладь и позволил свободно идти подле нагруженных товарищей, он не мог уже достичь Нила и, совершенно изнеможенный, упал, чтобы больше не вставать. Его хозяин, который с непритворным горем расстался с ним, оставил его лежать нетронутым, так как его вера запрещает ему употреблять умершего и даже убитого без обычных обрядов животного. На следующее утро труп лежит еще нетронутый на своем смертном ложе. Тогда появляется ворон над ближайшей горной вершиной. Его пронизательный глаз замечает падаль; он кричит и приближается к ней быстрыми взмахами крыльев, несколько раз кружится над павшим животным, затем опускается на землю и ходит на небольшом от него расстоянии по земле; опять быстро приближается к нему и обходит его кругом несколько раз, осторожно осматриваясь. Другие вороны следуют его примеру, и скоро собирается порядочное общество этих всесветных птиц. Тогда появляются и другие плотоядные хищники. Всюду присутствующий коршун-паразит и едва ли реже встречающийся стервятник описывают круги над падалью, орел приближается тоже, несколько марабу спиралью кружатся над приманившей их добычей. Но тех, кто должен начать пир, еще нет. Раньше их прибывшее общество, хотя и клюет тут и там павшего зверя, но его толстая шкура слишком тверда для их слабых клювов, они не могут оторвать от нее большие куски. Стервятник смог вытащить только обращенный кверху глаз из глазницы.

Но время, когда грифы, самые крупные члены этого семейства, вылетают за пищей, понемногу приближается. Вот и десять часов; хорошенько выспавшись, грифы покидают один за другим

свой ночлег. Сначала они пролетели низко вдоль горного хребта, но, не высмотрев ничего съедобного, взлетели на воздух и поднялись на необозримую высоту, там они продолжают кружиться. Причем один из грифов оказывается зорче всех, от его удивительно пронизательного взора едва ли может что-нибудь ускользнуть. Заметив в долине сборище, гриф тотчас же ясно понимает, что добыча найдена. Немедленно он начинает спускаться, описывая спиральные круги; исследуя дело поближе и убедившись в находке, он разом складывает свои могучие крылья. С шумом падает он вниз с высоты ста, может быть, и тысячи метров и разбился бы на месте, если бы вовремя не раскрыл еще раз крылья, чтобы остановить падение и принять должное направление. От лени и беспомощности, проявляемых этой птицей в другое время, теперь не остается ни малейшего следа. Наоборот, она поражает ловкостью, которой никак нельзя бы было от нее ожидать.

За первым грифом без оглядки следуют и все остальные, находившиеся поблизости. Знаком для начала пира служит падение вниз первого грифа. В продолжение минуты слышится шум, который птицы производят при падении, и видны по всем направлениям быстро увеличивающиеся тела, тогда как за несколько минут перед тем птицы, размах крыльев которых равняется почти трем метрам, казались не больше точек на горизонте. Теперь уже ничто не мешает хищникам. Как только один из них принялся за еду, никакая опасность более не спугнет их; даже замеченный ими вдаль охотник не может им помешать. Достигнув земли, стремятся они с прямо вытянутой шеей и приподнятым хвостом к падали. Их больше ничто не удерживает, и нет птиц более жадных, чем они. Меньшая братия почтительно отступает, а между грифами возникает яростный бой и спор. Толкотня, споры, ссоры, драка — едва ли доступны описанию. Два или три удара клюва сильных грифов разрывают кожу, а потом и мышцы падали, а более слабые запускают свои длинные шеи в брюшную полость, чтобы добраться до внутренностей. С жадной поспешностью роятся они в них, стараясь оттеснить один другого. Печенку и легкие по большей части съедают тут же внутри животного. Кишки же, наоборот, вытаскиваются наружу, растягиваются и после яростного боя проглатываются кусками. К пирующим постоянно спускаются все новые голодные грифы с решительным намерением отогнать первых от вкусного пира, и опять происходит новый бой, шум, свирепые удары клювом и сердитые крики. Слабейшие гости сидят кругом, отказываясь от пира, и ждут, пока сильнейшие не насытятся; чрезвычайно внимательно следят они за ходом дела, зная, что иногда и до них долетит какой-нибудь кусочек, брошенный, конечно, не по желанию дерущихся, а в пылу боя. Орел и коршун парят в высоте над пирующим обществом и бросаются в середину стаи, схватывают когтями только что оторванный грифами кусок мяса и уносят его прежде, чем последние успеют воспрепятствовать этому захвату. Маленькое млекопитающее бывает в несколько минут съедено до последней косточки таким прожорливым обществом; даже от быка и верблюда после одного пира остается очень мало. Насытившиеся птицы неохотно удаляются от трупа.

Не везде и не всегда пир грифов происходит так, как описано выше. Уже в южной Европе и еще более в Африке в тех местах, где грифы находят падаль вблизи населенных мест, к ним присоединяются другие голодные гости. Во внутренней Африке это собаки и марабу. Грифам приходится выдерживать с ними тяжелую борьбу; но голод делает грифов дерзкими и опасными для соперника. Даже самые большие собаки отгоняются ими, как бы они ни рычали и ни скалили зубы, потому что каждый гриф видит в них опасного конкурента на общую добычу. Даже самая сердитая собака ничего не может сделать против грифа. Если бы ей и удалось укусить его, то она может попасть не дальше, как в распростертые крылья, не причиняя никакого вреда птице, тогда как от сильного клюва грифа всегда остается в том месте, куда он попадет, кровавая рана. Иное дело марабу. Они грифам не дают возможности отогнать себя, рубят своими клинообразными клювами направо и налево через всю толпу, пока она не очистит им места.

По окончании пира грифы неохотно удаляются от места пиршества, а чаще остаются на целые часы поблизости и выжидают наступления пищеварения. Довольно долгое время спустя они отправляются на водопой и там опять проводят несколько часов. Пьют много и часто купаются. В этом они особенно нуждаются, потому что, когда кончают свой обед, то бывают покрытыми грязью и нечистотами и облитыми кровью с ног до головы. Когда омовение совершено ими благополучно, они еще несколько часов проводят в ленивом покое, причем садятся на свои пятки, распутив крылья, с намерением отогреть их на солнце, или плашмя ложатся на песок. К месту ночлега направляются вечером. Для ночлега выбирают деревья или крутые выступы скал, очень охотно ночуют на карнизах скал, к которым нет доступа ни сверху, ни снизу. Некоторые виды предпочитают деревья, другие — скалы.

Полету предшествуют несколько быстро следующих друг за другом и довольно высоких скачков; затем следуют несколько довольно медленных ударов широкими крыльями. Но как только

грифы достигнут высоты, они летят дальше, почти не ударяя крыльями, причем они при помощи различных постановок крыльев спускаются вниз по очень мало наклонной плоскости, или же поднимаются снова вверх при помощи встречного ветра. Таким образом, они, по-видимому, без всяких усилий поднимаются вверх на значительную высоту, на которой и летят дальше, если хотят пролететь большое пространство. Несмотря на кажущуюся неподвижность крыльев, полет их необыкновенно быстр и неутомим.

В прежние времена предполагали, что только одно обоняние руководит грифами в отыскивании падали; мои наблюдения, подтвержденные опытами других исследователей, убедили меня в противном. Некоторые наблюдатели считали вправе думать, что гриф может почуять запах падали на расстоянии целой мили, и так много рассказывали басен на этот счет, что и впрямь убеждали легковверных людей, будто грифы чувствуют смерть умирающего. Мои наблюдения убедили меня в том, что грифы спускаются и на еще свежую, не издающую никакого запаха падаль. Они даже при сильном ветре слетаются со всех сторон, как только один из них увидит добычу, а на скрытую падаль летят только тогда, когда она уже найдена раньше воронами и стервятниками, собрание которых и привлекает их внимание. Поэтому я думаю, что могу с полной достоверностью утверждать, что превосходнейшее и важнейшее из внешних чувств грифов — зрение, и что только зоркий глаз делает их жизнь возможной.

В Европе встречается только один представитель грифов — **черный гриф** (*Aegypius monachus*). Это самая большая европейская птица. Длина самца, по некоторым измерениям, достигает до 1,1 м, размах крыльев 2,22 м, длина крыла 76 см, длина хвоста 40 см. Самка длиннее на 4-6 см и размах ее крыльев больше на 6-9 см. Оперение темно-бурое, глаза бурые. Клюв у восковицы голубой, местами красноватый, затем яркий фиолетовый, а на конце синий. Ноги цвета сырого мяса, отливающего в фиолетовый. Шея там, где не покрыта перьями, светлого свинцового цвета, голые кольца вокруг глаз фиолетовые. Молодые птицы почти черные.

Черный гриф встречается в Испании, на Сардинии и на всех горных хребтах Балканского полуострова, а также в Словении, в странах среднего Дуная и даже до Карпат в качестве гнездящейся там птицы*.

** В настоящее время черный гриф относится к глобально угрожаемым видам птиц Европейского континента. Он сохранился только в Испании, кое-где в Греции, на Балеарских островах, в Крыму и на Кавказе. В остальных районах Европы, перечисляемых Бремом, черный гриф исчез.*

Оттуда он распространяется на большую часть Азии до Китая и Индии. Еще не так давно гриф был редкостью на южном Урале; теперь он там попадается часто. Сибирская язва, которая уже несколько лет свирепствует в этих местностях, доставляет ему обильную пищу**.

** * Сейчас на южном Урале гриф не встречается, известны лишь единичные залеты.*

В Сирии и Палестине он живет часто, в Персии редко встречается. В Африке встречается в области Атласской горной страны и части западного берега моря; иногда он показывается в северной части долины Нила.

Согласно письменному сообщению графа Лацара, все охотники Трансильвании единогласно подтверждают, что черный гриф хватает и убивает и живых животных. Я могу представить целый ряд доказательств, подтверждающих эти показания. В зобу одного из пяти грифов, убитых кронпринцем, эрцгерцогом Рудольфом, принцем Леопольдом Баварским, графом Бомбеллесом и мной в Фруска-Гора, был суслик, у другого белка; обоих животных грифы, конечно, не могли схватить иначе, как живыми***.

** * * Грифы обладают необыкновенно острым зрением и способны обнаруживать самые мелкие предметы с большого расстояния. Вполне вероятно, что суслик и белка были найдены мертвыми.*

В Греции Гейглин увидел 6-8 грифов за едой, прокрался к ним и, к немалому своему удивлению, узнал, что они спорили из-за обладания несколькими довольно большими сухопутными черепаками. Один из них держал черепаху в когтях и трудился над ее спинным щитом. Остальные уже вскрыли одну черепаху и отделили ее мясо от щита, у другой проклевали отверстия по швам щитков панциря и тяжело поранили, так что она обливалась кровью. Мейеринк рассказывает, что в 1867 году в поместье Гельмсдорф черный гриф убил зайца и в это время был сам убит. Еще лучшим доказательством может служить исследование моего брата. «Я привязал, — пишет он, — козу, чтобы заманить бородача. Вдруг она начинает метаться, как бешеная, во все стороны, насколько позволяет веревка. Я слышу сильный шум в воздухе и надеюсь уже увидеть перед собою бородача, но, к немалому своему удивлению, вижу грифа, который с вытянутыми когтями с шумом летит над са-

мой землей и бросается на козу. Я быстро выхожу из своей засады и едва успеваю помешать грифу».

"Черный гриф, — повествует далее мой брат, — гнездится в Испании, по крайней мере, только на деревьях. Его обширное гнездо стоит или на толстом суке сосны или на широкой густой вершине вечнозеленого дуба, иногда не выше 3-4 м над землей.

1 — Черный гриф (Aegypius monaehus) 2 — Стервятник (Neophron percnopterus) 3 — Белоголовый сип (Gyps fulvus)

Основание его состоит из палок, толщиной в человеческую руку; за ним следует слой более тонких прутьев, и только на этих последних покоится плоское углубление гнезда из тонкого сухого хвороста. В гнезде к концу февраля находят одно белое яйцо* с толстой скорлупой; продольный разрез его равняется 85, а поперечный 68 мм.

** В Азии известны кладки грифов из двух яиц, но они встречаются крайне редко.*

Я постоянно находил только одно яйцо, и наблюдения всех испанских охотников, которых я спрашивал, согласуются с моими наблюдениями. Вылупившийся из гнезда птенец покрыт густым, мягким белым пухом и раньше четырех месяцев не вылетает из гнезда. Его заботливо кормят родители падалью, но вовсе не защищают так геройски, как это обыкновенно предполагают. Если охотник подойдет близко к гнезду, в котором сидит птенец, то грифы, правда, кружатся над тем местом, но никогда не подлетают к охотнику на расстояние выстрела. Около Лагранья, где грифы находят самые удобные места для гнездования в огромном сосновом лесу, окружающем деревню, они селятся в большом количестве и именно на расстоянии четверти часа пути друг от друга.

Мы узнали, что черный гриф, который вообще-то мирного характера, также имеет своих врагов, отравляющих ему жизнь. Кронпринц Рудольф, выслеживая под гнездом парочку грифов, увидел высоко в воздухе двух больших хищных птиц, которые, сцепившись вместе и кружась, опустились в гнездо. Тут они разделились, и наблюдатель с удивлением заметил, что бойцы были не одного вида: один из них был черный гриф, другой беркут. Что побудило этого последнего напасть на черного грифа — остается загадкой. От человека гриф не страдает, по крайней мере, его не преследуют».

Африканский ушастый гриф (Torgos tracheliotos) является одним из самых крупных представителей этого вида. Он отличается очень большим и сильным клювом, высокими ногами, большими, широкими, но несколько округленными крыльями, относительно коротким хвостом и своеобразным оперением. Перья верхней части тела такой же формы, как и у других крупных грифов; нижнюю же часть тела покрывает частый, довольно длинный пух серовато-белого цвета, из которого торчат отдельные длинные и узкие саблевидные перья. На бедрах и икрах также лишь редкие

маленькие перышки обычного строения; эти части тела также покрыты пухом, который отличается от грудного пуха только большей длиной и желтовато-серым цветом. Голова, половина затылка и вся передняя часть шеи — голые. Подбородок покрыт перьями в виде волос. Самец имеет 1-1,05 м длины, 2,7-2,8 м размах крыльев, длина крыла 69-72 см, длина хвоста 34-36 см. Самка значительно больше. Преобладающая окраска оперения — желтовато-серо-бурая; маховые и рулевые перья темнее, большие покровные перья крыльев имеют более светлую кайму. На затылке и затылке очень часто вырастают светло-желтовато-серые и желтовато-белые перья. Молодые птицы отличаются от старых более темным оперением и более широкими перьями на брюшке. Глаза темно-карие, клюв с боков рогового цвета, темный на спинке и на нижней части; ноги светло-свинцово-серые, голая часть шеи — серая, а щеки также голые и фиолетовые. При сильном возбуждении птицы все голые части головы и шеи краснеют, за исключением темени.

Африканский ушастый гриф распространен от Верхнего Египта по всей Африке, а в высоких горах поднимается до 4000 м. Он встречается реже своих родичей, но все-таки попадает всюду. Питается почти всегда крупными павшими животными. Не так доверчив, как более мелкий черный гриф. Он смело появляется в деревнях или на городских бойнях. Властвует один над падалью и прогоняет всех других грифов, за исключением, может быть, сильно кусающихся сипов. Он умеет держать на почтительном расстоянии собак, которые во всей северо-восточной Африке являются опасными конкурентами грифов. Совершенно то же самое рассказывают и про его индийского представителя.

Индийский ушастый гриф (*Sarcogyps calvus*). Его длина, говорит Жердон, 91 см, длина крыла 60, длина хвоста 25 см; следовательно, эта птица значительно меньше африканского ушастого грифа. Область распространения этой птицы простирается по всей Индии до Бирмы.

"Индусы, — замечает Жердон, — называют его королем грифов, потому что все остальные грифы его боятся и всегда уступают ему место, когда он показывается». Между всеми своими родичами ушастый гриф отличается обжорством. Четыре ушастых грифа в течение 5 минут съедают начисто, за исключением черепа и костей ног, самую большую собаку. Я неоднократно имел случай убедиться в силе ушастого грифа.

После каждого пира индийский ушастый гриф летит к ближайшему водопою, пьет и приводит в порядок свои перья, отдыхает, причем он, как курица, ложится в песок и с наслаждением греется на солнце; потом он летит, описывая круги, часто как будто плывя и не производя некоторое время ударов крыльями, к месту своего отдыха. Он не всегда выбирает высокие деревья для ночлега. Довольствуется даже кустом мимозы, имеющим едва 3 м вышины. Здесь он сидит, держась очень прямо, плотно втянув голову и с вяло висющим хвостом. Утром он, по крайней мере, еще два часа после восхода солнца проводит на месте своего ночлега, и пока оно не поднимется, он так мало пуглив, что можно подойти к нему и даже убить его дробью. Когда я в первый раз возвращался из Мензы, то встретил в одной долине, довольно населенной, так как она прорезана дорогой, стаю из 8 штук спящих ушастых грифов. Птицы сидели так крепко, что я объехал кругом на лошади дерево, на котором они спали, и не спугнул их. Грифы взлетели только после того, как я одного из них убил, но были еще так заспаны, что снова уселись, уже на расстоянии около 500 шагов. Они никогда не появляются на падали раньше 10 часов утра и остаются на ней никак не позже 4 или 5 часов пополудни. Их можно узнать по спокойному, красивому полету, но главным образом бросаются в глаза своей манерой опускаться на падали; увидав ее, они падают вертикально с высоты, много превосходящей 100 м, а потом, распластав крылья и вытянув ноги, косо спускаются на падали. Они, как и черный гриф, предпочитают мышцы, а внутренностями, по-видимому, пренебрегают.

Во время еды ушастый гриф становится на свои прямо вытянутые ноги; перья на нем лежат гладко, причем сам он принимает горизонтальную позу. Лежащее перед ним мясо придерживает когтями и раздирает его клювом с силой, соответствующей его огромной голове. В большинстве случаев он проглатывает только маленькие кусочки, а кости старательно обгладывает. Он также нуждается в воде: пьет много и, когда может, купается очень аккуратно. В злобе взъерошивает все перья и фыркает как сова; при этом голое место на его затылке заметным образом краснеет.

Индийский ушастый гриф находится на дурном счету у туземцев более, чем любой другой гриф. Его считают не только нечистым в религиозном отношении, как остальных грифов, но даже опасным для человека. Рассказывают, будто бы наблюдали, что он бросается на спящих людей и их заклеывает.

Сипы отличаются вытянутым, стройным, сравнительно слабым клювом и низкими ногами, но, прежде всего, своей длинной гусиной шеей равномерной толщины; она постепенно переходит в продолговатую голову и покрыта редкими, беловатыми, пуховидными щетинками. У птенцов все

перья, особенно перья шейных брыжей, длинные. Таким образом, с безошибочной верностью можно узнать молодых сипов по их длинным и висящим перьям, а старых, наоборот, по их коротким, размочаленным и волосовидным перьям. В окраске оперения также происходит с возрастом более или менее заметная перемена, в особенности в окраске перьев брыжей, которые у молодых птиц всегда темно-желтовато-бурые, а у старых всегда белые или желтовато-белые.

Белоголовый сип (*Gyps fulvus*) имеет 1,12 м длины, размах крыльев 2,56 м, длина крыла 68 см и длина хвоста 30 см. Оперение весьма равномерно светло-желтовато-бурое.

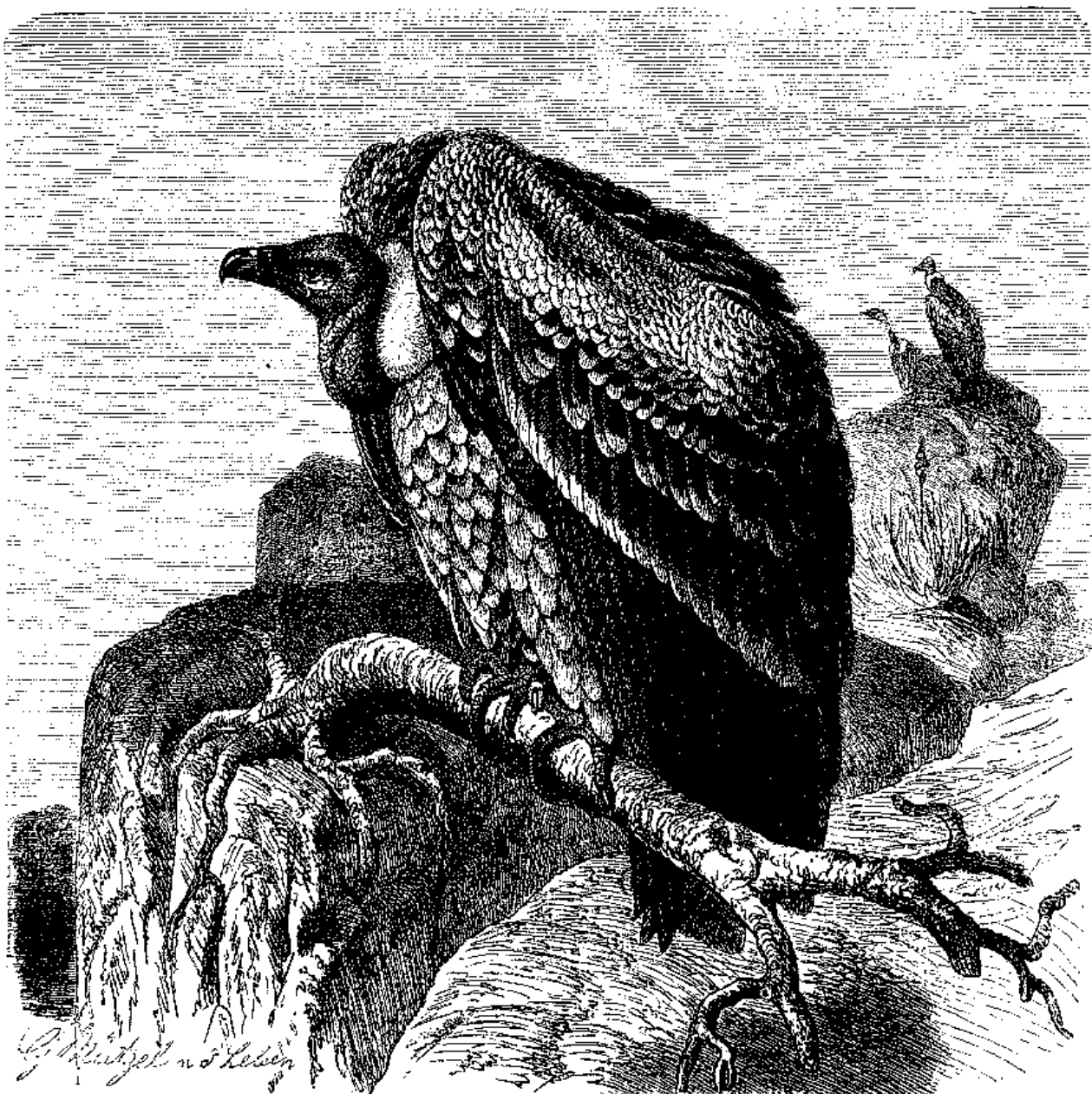
Встречается в Трансильвании, в южной Венгрии и на всем Балканском полуострове, в восточной, южной и средней Испании, на Сардинии и Сицилии, но зато очень редко встречается на Апеннинском полуострове, и всегда только случайно. Зальцбургские Альпы являются самым северным пунктом его области размножения.*

** Так же как и другие крупные хищники-падальщики в настоящее время белоголовый сип не встречается на Апеннинском п-ве, Сицилии, в Альпах и Трансильвании. В Западной Европе он сохранился только в Испании, на Балканах и Сардинии.*

Еще чаще, чем в Трансильвании, встречается он во всем Египте и Северной Нубии, в Тунисе, Алжире и Марокко, а в Азии он также встречается до Гималайских гор.

В средней Африке белоголового сипа заменяет сип **Рюппеля** (*Gyps ruppellii*), самый красивый вид.

Все сипы, по-видимому, предпочитают жить на скалах; поэтому их чаще всего встречаешь поблизости гор, имеющих удобные, прямые, отвесные стены. Но некоторые виды, и особенно сип Рюппеля, нередко садятся на деревья, даже и ночь проводят на них.

Сип Рюппеля (*Gyps rueppellii*)

Образ жизни белоголовых сипов во многом сходен с образом жизни других видов. Сипы так хорошо ходят по земле, что человек должен употребить известное усилие, чтобы догнать шагающего грифа. Белоголовые сипы лучше всего, хотя и не в хорошем смысле, выказывают характер всех грифов вообще. Они самые сердитые, вспыльчивые и коварные.

Но сравнительно с другими грифами их умственные способности не велики; кажется, что у них хорошо развиты только одни низменные качества. Они живут большими стаями, основывают вместе поселения и соединяются также с другими видами. При уничтожении падали преимущественно выедают внутренности околевших животных. Несколькими укусами они прорезают круглую дыру в животе и всовывают в нее свою длинную шею, насколько только могут. Самые мясистые внутренности проглатывают, не вынимая головы из дыры, а кишки сначала вытаскивают сильными движениями наружу, разделяют их клювом на части и уже кусками проглатывают. Само собой разумеется, что при такой работе голова и шея покрываются кровью и слизью, так что после еды сипы представляют самую ужасную картину. Вопрос, бросаются ли они также на больных и околевающих животных, я оставляю открытым. Арабы обвиняют их в этих проступках, как и пастухи южных венгерских гор.

О размножении белоголового сипа дают сведения Бальдаму, Крюпер, Симпсон, Гейглин и мой брат. Наблюдения последнего содержат в главных чертах все, до сих пор известное. «Время размножения белоголового сипа в Испании падает на вторую половину февраля или на начало марта. Гнездо обыкновенно устраивается в трещине скалы или, по крайней мере, под выступом скалы и состоит из тонкого слоя не очень крупного хвороста. Самка откладывает в это гнездо одно белое яйцо, величиной с гусиное, с толстой скорлупой. Она высидывает его поочередно с самцом таким образом, что на самца падает обязанность насиживания обыкновенно в утренние и в первые послеобеденные часы, а на самку, напротив, во все остальное время дня. Белоголовый сип никогда не гнездится на деревьях. В удобных местах находятся всегда несколько гнезд на расстоянии приблизительно 100-200 шагов друг от друга. Замечательно то, что общество, гнездящееся таким образом на скалистой стене, вовсе не состоит исключительно из грифов; последние преспокойно терпят в своем соседстве бородача и ястребиного орла, позволяют даже черному аисту поселиться и гнездиться в непосредственной близости от их гнезда. Сипы довольно плотно сидят на яйцах и только при громком крике показываются из гнезда, садятся на край его и высматривают нарушителя их спокойствия. Если последний хорошо спрятался, они возвращаются на гнездо и вообще покидают его только тогда, когда на самом деле убедятся в грозящей им опасности. Не раз думали, что именно эти грифы храбро нападают на охотника, который грозит их гнезду, но после моих наблюдений это показание оказывается лишенным всякого основания.

Мне осталось не известным, сколько дней они должны высидывать, чтобы большое яйцо созрело; я знаю только, что в конце марта уже некоторые из птенцов оказываются вылупившимися. Замечательно, что взрослые птицы не издают никакого запаха, а только что вылупившийся птенец и развивающийся еще в яйце зародыш, даже желток и белок сильно пахнут мускусом. На самом деле, чтобы решиться выдуть ртом содержимое подобного яйца, нужно обладать спокойствием страстного исследователя, да даже и он должен с собой бороться, чтобы победить сильное отвращение. Птенец, который похож на маленький комочек шерсти, пользуется большой любовью обоих родителей, которые его аккуратно кормят сначала уже совершенно разложившимися и сгнившими кусками падали, позже более питательной пищей, но, конечно, все-таки падалью*. Благодаря изобилию пищи птенец растет очень скоро, но проходит три месяца, пока он не сделается способным летать».

** Птенцов выкармливают отрыжкой родителей, как и у грифов.*

Белоголовый сип приручается редко. «Не слишком преувеличивают, — говорит мой брат, — когда утверждают, что сип, в известной степени, всегда остается опасным. Только один раз я видел настоящего ручного сипа на дворе одной гостиницы в Байоне. Конечно, он был привязан на длинную, тонкую цепь, и вследствие этого лишен свободы движений. Эта птица, услышав голос своего хозяина, слетала с жердочки, доверчиво подходила к нему и даже позволяла брать себя между ног и гладить голову, шею и спину. С живущими в гостинице собаками она жила также в большой дружбе». Граф Лацар, который называет белоголового сипа коварным и мрачным существом, имеющим некоторое сходство со злобным идиотом, знал также, в виде исключения, двух ручных птиц этого вида. Одна из них, которая была ранена, летала за своим господином в открытое поле, самостоятельно предпринимала маленькие путешествия и иногда исчезала дня на два, но всегда возвращалась к своему хозяину. Один мясник держал другого белоголового сипа несколько лет на своем дворе. Этот гриф жил в большой дружбе со старой собакой мясника. Когда последняя околела, то ее

смело положили перед грифом; но, несмотря на то, что он был голоден, сип не дотронулся до своего старого друга, загрустил, отказывался с тех пор от всякой пищи и на восьмой день лежал мертвый около мертвой собаки.

В Египте часто ловят белоголовых сипов, потому что их перья используются как украшения или в хозяйстве. Говорят, что на Крите и в Аравии продают шкуры этих сипов скорнякам, которые ее выделывают и превращают в ценный мех.

Ни одна из птиц, относящихся к грифам, не получила такой большой известности, как **стервятник** (*Neophron percnopterus*), с древних времен описанный под именем Рахам, Алимощ и курицы фараонов. Он изображен на старинных египетских постройках, древние египтяне и евреи воспевали его как эмблему родительской любви, да и ныне, по крайней мере, на него смотрят без всякого презрения. Он отличается от всех известных видов своим телосложением, похожим на воронье, длинными, довольно заостренными крыльями, длинным ступенчатым хвостом и оперением. Клюв очень вытянут в длину; восковица простирается дальше половины клюва; крюк верхней части клюва согнут вниз, но он тонкий и слабый; ноги слабые, и их средние пальцы почти такой же длины, как и плюсна; пальцы вооружены слабо загнутыми когтями средней длины. Вся голова лишена перьев. Грязно-белый цвет, который в области шеи и верхней части груди более или менее переходит в темно-желтый, является преобладающим, но на спине и на брюшке этот цвет чище; большие маховые перья черные, плечевые перья сероватые. Длина самки 79 см, размах крыльев 160, длина крыла 50, длина хвоста 26 см.

Стервятник причисляется к немецким птицам, потому что его несколько раз убивали в Германии. Он чаще встречается в Швейцарии, как это уже говорил старый Геснер; пара стервятников гнездилась даже в окрестностях Женевы*.

** В Швейцарии и Альпах стервятник в настоящее время не обитает. С 'омнительно, что он жил в Германии и раньше. Наблюдавшиеся птицы, по всей видимости, были залетными.*

Дальше к югу он появляется гораздо чаще. На юге Франции он, хотя еще и не является оседлой птицей, но залетает туда не слишком редко; в Италии стервятник встречается реже, в Испании он встречается всюду, хотя и не очень часто, а в Греции и на Балканском полуострове он всюду распространен. Зимой стервятник обыкновенно покидает Крым и южную Россию, где он также гнездится; в большей части западной и южной Азии он решительно оседлая птица. К югу от среднего Египта встречается часто. На самом деле он населяет всю Африку, от северной границы до крайнего юга, может быть, за единственным исключением береговой области запада, где его до сих пор наблюдали только на островах Зеленого мыса. Но он составляет редкость не только на побережье Красного моря, но также и во внутренних частях материка, он почти совершенно избегает больших лесов. В западной и южной Азии он гнездится в Малой Азии, Сирии, Палестине, Аравии, Персии, Туркестане, Афганистане, Гималайских странах, в северной и средней Индии, но зато отсутствует совершенно на юге этого материка, как и дальше к востоку, например, в Китае.

Грязное ремесло, которым занимается этот гриф, послужило основанием для предрассудков, которые разделяются даже самыми крупными нашими исследователями. «Трудно найти другую птицу, — говорит Науман, — противная наружности которой так хорошо соответствовала бы ее привычкам и нраву, как стервятника. Голая передняя часть маленькой головы, выдающийся голый зуб, рыхлые перья шеи, всегда грязное и стертое оперение и грубые ноги не производят благоприятного впечатления на зрителя. К этому надо еще прибавить, что у живой птицы часто из ноздрей капает противная жидкость, и что вообще эта птица распространяет запах, похожий на запах нашего ворона, и притом такой сильный, что почти развалившаяся шкура стервятника не теряет этого запаха даже по прошествии нескольких лет. Это скучная и ленивая птица».

Я твердо убежден, что Науман судил бы иначе, если бы он видел так же часто, как и я, стервятника живым. Правда, ремесло этой птицы противно, но не она сама. Вовсе не входит в мои намерения описать ее как красивую, веселую или приятную птицу; но, без сомнения, она не может быть названа противной. По крайней мере, мне она всегда гораздо больше нравилась, чем другие крупные виды этого подсемейства.

Только в южной Европе стервятник пуглив и осторожен. Во всей Африке он доверчиво относится к человеку, если, конечно, еще не страдал от кровожадности европейца. Он несколько не глуп, так как очень точно отличает того, кто ему полезен, от того, кто ему вредит; даже при весьма трудных обстоятельствах умеет с некоторой хитростью добывать себе насущное пропитание. Его также нельзя назвать ленивым; напротив, он очень подвижен и иногда только ради одного развлечения в течение нескольких часов упражняет свои крылья. Конечно, если он сытно поел, то долгое время сидит на одном месте. Когда ходит, похож на нашего большого ворона; когда летит, он не-

сколько напоминает нашего аиста, но также и бородача; только летает гораздо медленнее и не так красиво, как последний. Одним прыжком стервятник покидает землю, поднимается медленными ударами крыльев и потом быстро улетает, не двигая крыльями. Если погода хороша, то поднимается все выше и выше и иногда залетает в верхние слои воздуха на высоту 1000-1200 м. Когда можно, он выбирает скалу для отдыха; деревьев избегает, если возможно, а в больших лесах отсутствует совершенно. Так же часто, как и на скалах, можно его видеть сидящим на старых зданиях; в северной Африке, Индии и Аравии на храмах, мечетях, памятниках и домах. Стервятник общителен по отношению к своим родичам. Очень редко видишь его одиноким, чаще парами, но чаще всего большими или маленькими стаями. Он соединяется с другими грифами, так как этого требует его ремесло, но всегда только на короткое время; как только общий пир кончается, он больше не заботится о своих родственниках. В южном Египте и южной Нубии встречаются большие стаи стервятников, которые в течение нескольких часов забавляются красивыми упражнениями в летании, обща отыскивают места отдыха, и также вместе вылетают за пищей, без малейшей драки или спора. В обществе больших грифов стервятник скромно сидит в стороне и, по-видимому, со страхом смотрит на их отвратительную работу.

Стервятник неразборчив в пище. Он съедает все, что только может быть съеденным. Обыкновенно думают, что падаль составляет для него главную пищу. Конечно, он появляется на всякой падали и, насколько это ему позволяют его небольшие силы, старается насытиться. Стервятник выклеывает глаза, выдалбливает отверстие в заднем проходе и старается вытащить через него внутренности или дожидается, пока не насытятся большие грифы, и тогда обгладывает кости, оставленные ими; но такое пиршество составляет его праздничное кушанье. Большие реки и море дают ему обильную добычу, потому что они выкидывают на берега падаль или, по крайней мере, дохлую рыбу и доставляют всяких низших морских животных. Наконец, он питается и мелкими живыми животными. Коварно нападает на крыс, мышей, на мелких птичек, на ящериц и других пресмыкающихся; как вор, грабит он гнезда с яйцами и ловко ловит кузнечиков на лугах и выгонах.

Но ни грабежи, ни воровство далеко не доставляют нужного для него пропитания. К счастью, он умеет и иначе прокормить себя. Стервятник является аккуратным гостем в окрестностях больших селений Африки, на бойнях, которые обыкновенно находятся за городом. Здесь он сидит рядом с мясником и следит за мясом и шкурой или за внутренностями вместе с их содержимым, которые ему бросает мясник. В крайней нужде он колукает землю, пропитанную кровью. Конечно, бывает, что он проглатывает иной раз и несъедобное вещество, например, старую запачканную кровью тряпку или что-нибудь в этом роде.

Для европейского наблюдателя интересно видеть, как стервятник безошибочно судит о человеке и как он его знает. Уверенный в некоторой защите или, вернее сказать, в равнодушии, он появляется в непосредственной близости от домов и отыскивает свою пищу так же спокойно, как домашние птицы или, по крайней мере, как наши вороны. Я наблюдал, когда мы в палатке сдирали кожу с птиц, как он прокрадывался вплоть до столбов палатки, внимательно смотрел на нашу работу, и перед нашими глазами съедал куски мяса или обгладывал кости, которые мы ему кидали. Я на самом деле его полюбил во время путешествий по пустыне. Он целыми днями провожает караваны, он первая птица, которая вместе с пустынным вороном находится на месте отдыха, и последняя, которая его покидает.

Пойманные молодые стервятники делаются ручными, следуют шаг за шагом за своим хозяином, как собака, и встречают его радостными криками, как только он показывается. Пойманные старые стервятники также скоро привыкают и долгие годы переносят потерю свободы.

В средней и западной Африке к стервятнику присоединяется близкий родич его, которого называют **бурый стервятник** (*Neophron monaehiis*). Он отличается от первого более коротким клювом, более широкими крыльями и более коротким, прямо обрезанным хвостом. Оперение его на задней части шеи и на затылке похоже на шерсть, голые места не так велики, ибо только темя, щеки и передняя часть шеи лишены перьев. Преобладающий и притом весьма равномерно распределенный цвет оперения — темно-буро-земляной. Его длина 63-68 см, размах крыльев 157-169, длина крыла 45-50, длина хвоста 23-25 см; первые измерения относятся к самцу, вторые к самке.

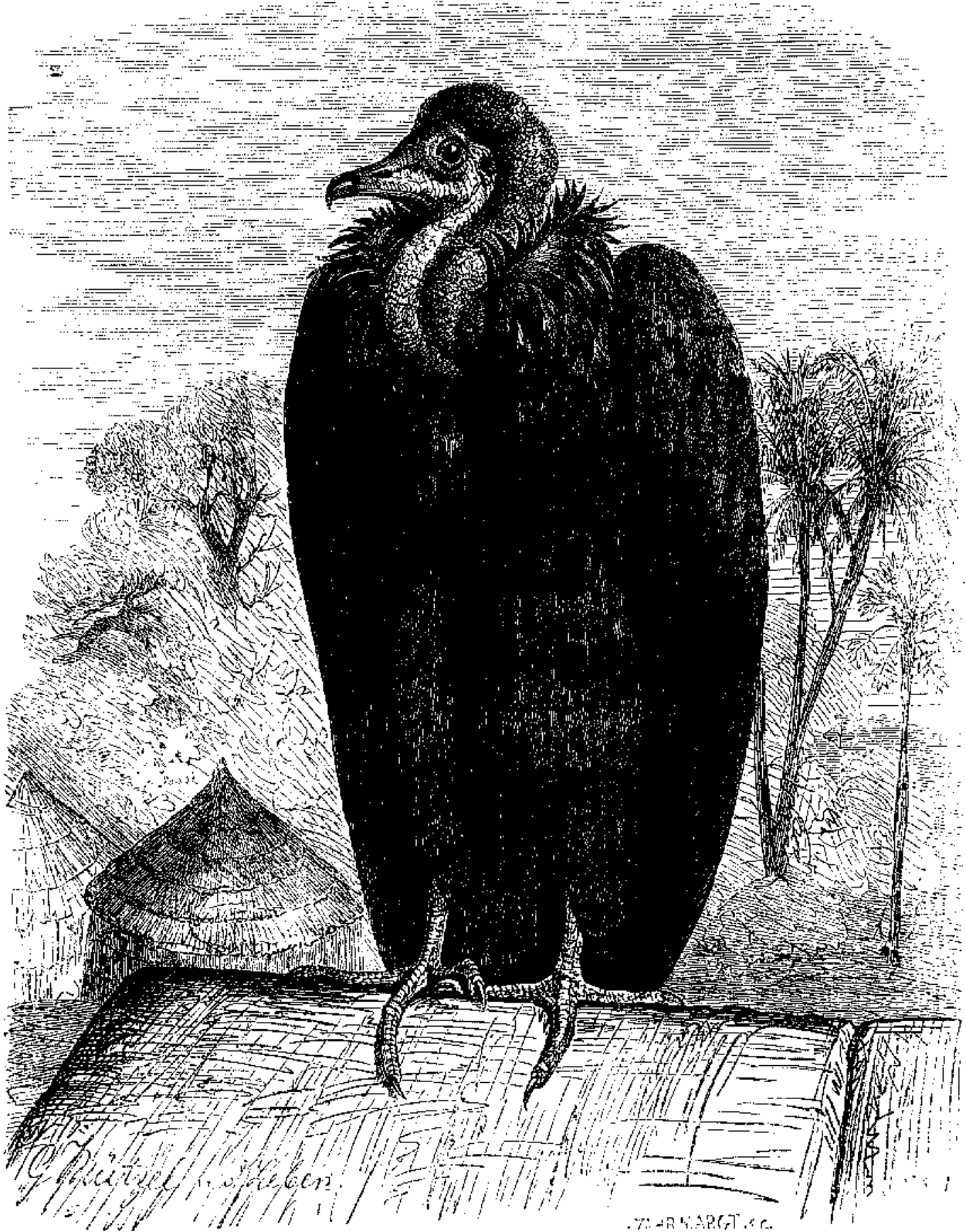
В средней и южной Африке бурый стервятник встречается всюду, а в северной Африке, в Азии и Европе его не находили. В некоторых частях западной Африки, как известно, до сих пор он является единственным грифом, населяющим береговую область; в Абиссинии попадает гораздо чаще, нежели стервятник. Он садится на крыши домов; в абиссинских деревнях он показывается утром поблизости домов, остается там весь день и только с закатом солнца улетает к своему месту отдыха. Дальше вглубь материка он заменяет стервятника, который избегает пустыни. Бурый

стервятник ведет борьбу за существование и вдали от людей. Его можно назвать полудомашним животным. Он, по крайней мере, так же дерзок, как и наша серая ворона или наш воробей. Бесстрашно ходит взад и вперед перед дверью, копошится в непосредственной близости кухни, а когда хочет отдохнуть, в крайнем случае, летит на верхушку одного из ближайших деревьев. Он постоянный гость у каждой бойни, но никогда не уносит того, что ему не принадлежит; никогда не похищает цыпленка или какое-нибудь другое мелкое домашнее животное; его главную пищу составляют кухонные обрезки. Бурый стервятник показывается на падали и здесь держит себя совершенно так, как и его родичи. В противоположность крупным грифам, он с восходом солнца покидает место отдыха и возвращается к нему только с наступающей ночью. Для ночлега выбирает всегда такие деревья, который находятся по возможности дальше от людей.

По своей окраске бурый стервятник очень красив — это настоящий гриф. Даже когда летит, трудно его отличить от остальных крупных родичей, тогда как близкий ему стервятник уже издали отличается своими острыми крыльями и клиновидным хвостом. Ярко окрашенная голова и кожа на горле придают бурому стервятнику особенную нарядность, на голых частях его тела проходят все оттенки цвета, которые мы можем наблюдать на голой шее и голове индийского петуха.

Бурый стервятник любит общество своих собратьев больше, чем других грифов; но он вовсе не так строго, как говорит Гейглин, избегает общества близкого к нему во многих отношениях обыкновенного стервятника; после еды его можно часто видеть с последним.

В первых месяцах года он покидает селения и обращается к удобным лесам, чтобы начать гнездование. В одном лесу из высоких мимоз на Голубом Ниле я нашел в январе настоящую колонию этих птиц. Гнезда находились на высоких мимозах, частью на раздвоении веток, частью на более крепких сучках у ствола. Все гнезда, мной исследованные, были сравнительно маленькие и едва имели 60 см в диаметре; они были плоские, крепко сплетенные и состояли из толстых и тонких сучьев, выбранных с большой аккуратностью для выстилки углубления. Лотки гнезд были так малы, что в них мог поместиться только один птенец.

Бурый стервятник (*Neophron monachus*)

Я исследовал сам и велел исследовать другим до двадцати гнезд и во всех нашел только по одному яйцу. Яйцо бурого стервятника кругловатое, грубозернистое и серо-белого цвета, на тупом конце со многими глинисто-красными крапинками; но в этом отношении встречаются многочисленные отклонения. Оба родителя насиживают яйца. На южном берегу Красного моря в апреле я в каждом гнезде нашел полувзрослого птенца. Из этого видно, что время размножения, кажется, тянется довольно долго, и птенцы, вероятно, растут медленно.

Бурого стервятника так же мало преследуют, как и остальных грифов. Охота на него не представляет никаких затруднений, потому что там, где встречается, он очень доверчиво относится к человеку. Поймать его просто. Я долгое время имел одну из этих птиц и с ней подружился. Несмотря на ее естественную склонность к нечистотам, это была красивая и приятная пленница, ко-

торая вскоре стала меня узнавать и выказывать при моем появлении живую радость. К несчастью, она улетела от меня в Египте.

Семейство секретари

Птица-секретарь (*Sagittarius serpentarius*) отличается от всех остальных хищников своими необыкновенно длинными плюснами, вследствие чего ее ноги напоминают ноги журавлей.

Она сложена стройно; голова довольно маленькая, широкая и несколько приплюснутая на темени; шея относительно длинная и тонкая, тело вытянутое. Клюв короче головы, толстый, сильный, с загибом, начинающимся почти от основания, округленный с боков, но сжатый на конце; крючок средней длины, но очень острый, край челюстей острый и прямой, без всякой вырезки или зубца. Ноги во всех частях удлинены, особенно в плюсне. Пальцы короткие и снабжены средней длины когтями, мало согнутыми, тупыми, но сильными. Крылья длинные, но почти прямо обрезанные на конце, потому что первые пять маховых перьев почти одинаковой длины. Острый ступенчатый хвост замечательно длинный. Среднее перо с каждой стороны еще более длинно, чем остальные; наконец, оперение обильное и крупноперое. На голове хохол, который состоит из шести пар перьев, длиной приблизительно в 15 см, стоящих рядами, расположенными один за другим; эти перья могут приподниматься, остальные же, напротив, лежат гладко. Окраска простая, но миловидная. Верхние части тела светло-пепельные с буроватым оттенком. Хохол, большие и малые маховые перья, покровные перья плеч, надхвостье, нижние части бедер — черные, верхние покровные хвостовые перья — белые, украшенные перед концом неправильными пятнами. Глаза серовато-карие, клюв темно-рогового цвета, черный на конце; плюсна желто-оранжевого цвета. Самка отличается от самца более коротким хохлом и более короткими хвостовыми перьями; ее оперение светлее, перья бедер бурые с белыми полосками; брюшко белое. Птенцы походят на самку. Длина самца 1,15-1,25 м, размах крыльев 62 см, длина средних хвостовых перьев 68, высота плюсны 28 см. Самка несколько больше самца.

Птица-секретарь распространена в большей части Африки. Она избегает не только леса, но и близости высоких деревьев; ее охотничью область составляют степи, сухие и сырые луговые пространства и иногда, может быть, редко поросшие травой поля, но ни в каком случае не леса.

Птица-секретарь (*Sagittarius serpentarius*)

"Секретарь, как и страус, дрофа и бегунок, — говорит Гейглин, — настоящая степная птица, которая летает редко, низко и плохо, но проворно ходит по своей охотничьей области. Ее походка и осанка очень красивы. Выпрямившись, высоко держа шею и голову, которой равномерно покачивает взад и вперед, мерными шагами гуляет она по степи, отыскивая добычу; редко ускоряет свой шаг». Я вполне согласен с моим покойным другом относительно гордости походки секретаря, но не могу с ним согласиться насчет описания полета. Идущая птица-секретарь представляет очень приятное зрелище, так как походка ее гордая и самоуверенная; но и высоко летящая птица не уступает некоторым хищным, хоть она, конечно, не может тягаться в полете с соколом, орлом или грифом. Соответственно своим длинным ногам, она ходит легче и лучше любой другой дневной хищной птицы. Ходит по полю, высоко выпрямившись, с достоинством, не обнаруживая усталости на расстоянии нескольких миль. Во время охоты или когда ее преследуют, она бежит с согнутым вперед телом, а свои крылья использует неохотно; для того, чтобы подняться в высоту, она должна сначала разбежаться. Сначала полет кажется тяжелым; но если птица раз поднялась на известную

высоту, то несется легко и красиво, обыкновенно на большие расстояния, не двигая при этом крыльями. На лету вытягивает ноги назад, как журавль, а шею часто вперед, поэтому ее никак нельзя смешать с другой летящей хищной птицей. Может быть, она охотится преимущественно на ходу и, потревоженная, поднимается только на незначительную высоту. Но я могу уверить, по собственным наблюдениям, что она может, в случае нужды, очень высоко подниматься.

Все наблюдатели согласны в том, что птицы-секретари живут парами и населяют довольно обширную область. Они нигде не попадают в большом количестве, а встречаются всюду. Никогда не забывают об осторожности, по крайней мере, при всех обстоятельствах боятся человека; видят опасного врага в каждом путешественнике. Когда она думает, что ее преследуют, то старается, как это наблюдал Гейглин, как можно скорее удалиться. Удерживая преследователя на том же расстоянии, выбирается на свободу; или же взлетает и, пролетев несколько тысяч шагов, спускается в густую высокую траву и бежит, уже скрытая от врага, еще некоторое время, по возможности, в другом направлении.

Птица-секретарь питается преимущественно пресмыкающимися и амфибиями, но не пренебрегает и другими позвоночными, если они попадают; никогда не пропускает насекомых, которые по временам составляют ее главную пищу. Она ест удивительно много: ее можно назвать почти ненасытной. Левальян вытащил из зоба одного им убитого экземпляра 21 маленькую черепаху, 11 ящериц и 3 змеи, кроме этого еще массу кузнечиков, а в большом желудке — комок из костей позвоночных, остатков черепах и крыльев насекомых, которые, вероятно, выкинулись бы в виде погадки. Гейглин думает, что она делает еще большее опустошение среди млекопитающих, нежели между пресмыкающимися; но все остальные исследователи утверждают обратное, и Гейглин, по видимому, впоследствии согласился с ними.

Издревле птица-секретарь известна как истребитель змей. «Она смело нападает, — говорил Левальян, — на самых опасных змей и, когда они от нее спасаются, преследует их так скоро, что кажется, будто она несется над землей. Если она догнала змею и если последняя начинает защищаться, шипит и сильно надувает шею, то птица расправляет одно крыло, держит его в виде щита перед ногами, бьет им нападающее животное, прыгает взад и вперед и делает самые странные движения. Она защищается одним крылом от укусов змей и этим утомляет своего коварного врага; углом другого крыла опрокидывает змею на землю, оглушает ее, может быть, подкидывает ее еще клювом в воздух, раздробляет ей темя и, наконец, проглатывает или целиком, или раздрав предварительно на куски».

Верро описывает секретаря на змеиной охоте таким же образом, но, во всяком случае, гораздо подробнее Левальяна. «Уже и без того красивая и величавая, птица, приготовляясь к борьбе со змеей, кажется еще привлекательнее и милее, чем когда-либо. Чтобы напасть на змею, которую она имеет намерение убить, она выказывает всю свойственную ей осторожность и приближается с величайшею предусмотрительностью. Нахохлившиеся перья хохла и затылка означают начало битвы. Она бросается сильным прыжком на змею, наносит ей сильный удар мощной лапой и часто уже с первого толчка растягивает ее на земле. Если первый удар не удался, то змея поднимается, яростно и грозно расширяет свою шею и этим принуждает секретаря отскочить назад. Но птица это делает только для того, чтобы обождать и высмотреть удобный момент. Змея с поднятой головой поводит языком и шипит, чтобы испугать своего врага; но у секретаря храбрость возрастает с опасностью. Она снова идет вперед с поднятыми крыльями и снова наносит ногами удары с такой неодолимой силой, что вскоре змея падает на землю, не будучи в состоянии продолжать борьбу. Если, как мы это часто наблюдали, змея сама нападает на своего противника, то и здесь последний умеет отклонить ее укусы или при помощи крыльев, которыми он прикрывается, или же прыгая назад и в сторону. Наконец, усталая и утомленная, змея падает врастяжку на землю, и тут секретарь удваивает свои усилия, губительными ударами своих лап разбивает ей позвоночный столб, чем отнимает у нее подвижность и силу, и, наконец, хватает ее с быстротой молнии своей сильной лапой за затылок. Тогда без дальнейших приготовлений птица ест свою добычу. Она съедает змею длиной почти в 2 м в несколько минут; голову же раздробляет при помощи нескольких ударов клюва, а потом спокойно отправляется к своему месту отдыха, втягивает голову в плечи и остается в этом положении несколько часов подряд, спокойно переваривая пищу». Драйсон уверяет, в противоположность названным исследователям, что можно видеть секретаря, охотящимся и на лету. «Эта птица летит на высоте приблизительно 60 м над землей, вдруг останавливается, спускается и бежит за подмеченной добычей; расправляет свои крылья, нападает на врага, нанося удары клювом и употребляя крылья для защиты; иногда поднимается, высоко прыгая в воздухе, вероятно, когда ее противник, коварность которого ей известна, старается энергично защищаться, но тотчас же снова опускается

на землю на расстоянии приблизительно 6 м и снова идет на бой до тех пор, пока ей не удастся вполне победить своего врага». Гейглин видел, как секретарь одним ударом своей сильной лапы раздробил панцирь черепахи. Более старинные наблюдатели уверяют, что они видели, как эта птица поднимает на воздух большую змею и роняет ее со значительной высоты, чтобы убить; правда, новейшие путешественники не могут ничего сообщить насчет этого факта, но это показание вовсе не невероятно, так как другие хищные птицы действуют таким же образом.

В наше время еще не установлено достоверно, опасны ли для птицы-секретаря укусы больших ядовитых змей, или же, в известном смысле, яд на нее не действует. Но не подлежит никакому сомнению, что она без размышлений проглатывает убитых змей вместе с зубами; значит, она, не задумываясь, подвергает себя опасности быть изнутри раненной и отравленной зубами.

Мы имеем много между собой согласных показаний насчет размножения секретаря. Левальян, Верро и Гейглин делают об этом самые подробные сообщения. В июне или июле начинаются ревностные битвы между самцами из-за обладания самкой; самка тотчас же начинает вместе со счастливым победителем строить гнездо. Оно почти всегда находится на вершине высокого и густого куста, большей частью мимозы, или на отдельно стоящих деревьях. Основную часть гнезда составляют сложенные вместе прутья, скрепленные глиной; плоское углубление выложено растительными волокнами, перьями и другими мягкими веществами. Каждое гнездо в течение нескольких лет используется одной и той же парой. Легко можно узнать древность гнезда по различным слоям, потому что каждый год прибавляется новый слой к уже существующим. Нередко случается, что прутья наружных стенок пускают новые побеги, вследствие чего постройка совершенно скрывается от глаз. Пара каждый вечер прилетает к гнезду для того, чтобы в нем переночевать. Они не терпят второй пары секретарей в избранной ими области; но позволяют, как и другие большие хищники, мелким зерноядным селиться в непосредственной близости от гнезда или далее в его прутьях. Самка кладет 3-4 яйца только в августе. Яйца величиной почти с гусиные, но круглее; они или чисто белые, или разрисованы редкими красноватыми крапинками. Время высидывания продолжается шесть недель, и в это время самку кормит самец; птенцы вылупливаются в белоснежном пуху. Они в высшей степени беспомощны, долгое время у них остаются слабыми ноги, и поэтому птенцы редко покидают гнездо до шестого месяца. Если их вынуть из гнезда, то видишь, что они после 5-6 месяцев немного могут ходить, но все-таки еще часто садятся на пятки.

Охота на секретаря имеет свои трудности. Нелегко отыскать птицу, а еще труднее ее перехитрить. Андерсон, а также и Гейглин уверяют, что долгая погоня на лошади обыкновенно бывает успешна. Птица старается убежать от всадника, устает, взлетает уже почти задыхаясь, вскоре снова падает на землю, встает еще раз, бежит и летит попеременно, все время преследуемая, до тех пор, пока не может больше ни лететь, ни бежать; тогда она делается добычей охотника. Гейглин в течение двух дней получил не менее шести птиц, пойманных таким образом.

Эта птица издревле носит название «секретарь», и это имя делается только тогда понятно, когда сравнишь ее с писарем, который заложил перо за ухо. Арабские прозвания этой птицы поэтичнее, но еще менее понятны. В западном Судане ее называют «чертовым камнем», на северо-востоке «роковой птицей». У туземцев существует много рассказов о ней, но эти рассказы большей частью баснословны и не имеют ни малейшего значения для естественной истории секретаря.

Семейство соколиные

Птицы, относящиеся к семейству соколиных, характеризуются следующими признаками: на верхней половине клюва имеется заметный зубчик, на нижней половине соответствующая зубчику выемка. Плюсна их довольно длинная; крылья длинные, заострены и доходят почти до самого конца хвоста, второе вместе с третьим маховые перья — самые длинные, а первое по длине равно третьему или четвертому.

Благородные соколы ловкостью и быстротой полета превосходят всех других хищных птиц. Они с такой стремительностью бросаются на свою добычу, что наиболее рьяные из них охотятся исключительно за летающими птицами или насекомыми.

На мой взгляд, между всеми хищными птицами соколы занимают первое место. Между птицами они то же, что кошки между хищными животными, и вообще из всех хищных птиц самые совершенные. Их душевные качества идут рука об руку с физическим совершенством. Соколы — отъявленные разбойники, однако им можно простить причиняемые бедствия ради того удивления, в которое они приводят нас своей жизнью и поступками. Сила и ловкость, смелость и охотничий пыл, благородная осанка, большая понятливость — вот бросающиеся в глаза качества этих птиц.

Соколы живут во всех частях света и во всех областях. Они встречаются, начиная от берегов океанов и кончая вершинами высоких горных поясов, живут преимущественно в лесах, но почти

столь же обыкновенны и на скалах, и в развалинах, как в безлюдных местностях, так и в оживленных городах. Каждый вид распространен на большой площади земного шара, и вне своего района он замещается весьма близкими видами; кроме того, каждый вид предпринимает весьма отдаленные экскурсии в виде перелетов или кочевок. Одни виды представляют собой настоящих перелетных птиц, другие только иногда странствуют и, наконец, третьи причисляются к числу кочевых птиц.

Все благородные соколы являются птицами в высшей степени ловкими в своих движениях. Их полет превосходен благодаря необыкновенной быстроте, продолжительности и высшей степени ловкости. Сокол пролетает огромные пространства с невероятной скоростью и при нападении бросается со значительной высоты наземь, иногда с такой стремительностью, что глаз не может различить его форм. У настоящих благородных соколов полет обуславливается быстро следующими один за другим ударами крыльев, лишь изредка прерываемыми непродолжительным плавным парящим полетом.

На пролете или в пору любви благородные соколы взвиваются на неизмеримую высоту и парят там красивыми кругами, устраивая воздушные игры ради удовольствия или для возбуждения самки. В другое время они держатся на высоте 60-120 м над землей. Сидя, благодаря короткости своих ног, они принимают вертикальное положение, при походке же держат тело горизонтально; однако на земле они чрезвычайно неловки и странным, беспомощным образом прыгают попеременно обеими ногами и, чтобы подвинуться вперед, вынуждены прибегать к помощи своих крыльев.

П и щу благородных соколов составляют позвоночные животные, в большинстве случаев преимущественно птицы, но они питаются также и насекомыми. Ловят свою добычу почти всегда на лету и не в состоянии схватить птицу, если она сидит на земле.*

** Не совсем так. Все соколы, даже те, которые питаются преимущественно птицами, часто схватывают птиц, сидящих на земле. Это доказано многочисленными прямыми наблюдениями.*

Нет ни одного благородного сокола, который бы на свободе питался падалью; каждый большей частью питается добычей, им же самим захваченной; в неволе голод, конечно, может принудить их брать и мертвых животных. Пойманная добыча редко бывает съедена на месте, обыкновенно она относится на подходящее место, удобное тем, что оно доставляет обширный кругозор или прикрывает птицу, но все-таки дает ей возможность осматривать окрестность.

Временем охоты благородных соколов являются утренние и вечерние часы. В полдень они обыкновенно сидят с набитым зобом на каком-нибудь возвышенном и укромном месте и неподвижно, тихо, взъерошив перья, предавшись полудреме, ждут, пока переваривается пища. Они спят довольно долго, но зато поздно отправляются на покой; некоторых можно видеть охотящимися еще в сумерках.

Благородные соколы летом большей частью живут парами, и в избранной ими области не терпят присутствия ни другой пары соколов, ни каких-либо иных хищных птиц. Во время своих путешествий они летят стаями с другими родственными птицами: некоторые виды образуют тогда довольно значительные стаи, которые, по-видимому, держатся вместе по целым неделям и месяцам. Однако к орлам и совам такие стаи относятся враждебно. Никто из соколов не пропустит случая досадить гораздо более сильному пернатому хищнику.

Местоположение гнезд благородных соколов бывает различно, большей частью таковым служит какая-либо подходящая расселина крутой скалы, высокое строение или верхушка высочайшего дерева в лесу; однако некоторые виды устраивают свои гнезда и там, где нет деревьев и скал, прямо на голой земле или для этой цели выбирают какое-нибудь просторное древесное дупло. Очень охотно они пользуются гнездами других более крупных птиц, например, ворон. Особенного труда устройство такого гнезда не составляет. Натасканные прутья обыкновенно складываются в плоское ложе и только в центре гнезда слегка выкладываются нежными корешками. Кладка состоит из 3-7 яиц весьма однородного рисунка. Они округлые, с более или менее толстой скорлупой и обыкновенно по бледному розовато-бурому фону бывают густо покрыты более темными нежными крапинками и более крупными пятнами того же цвета. Яйца высидиваются одной самкой*, и пока она сидит на них, самец кормит ее и старается развлечь трудящуюся подругу, проделывая на ее глазах воздушные упражнения.

** У некоторых соколов, например, у дербника и пустельги, в насиживании кладки, особенно на начальных стадиях этого процесса, самец принимает участие.*

Птенцы вскармливаются обоими родителями, которые выказывают по отношению к ним нежную любовь, самоотверженно защищают от врагов, в некотором отношении и от человека, а по вылете заботливо наставляют их в первых шагах самостоятельной жизни.

С древних пор благородные соколы служат человеку для охотничьей потехи. Это существует еще и в наши времена во многих местностях Азии и Африки. Все относящееся к соколиной охоте так обстоятельно изложено Ленцем, что я не нахожу ничего лучшего, как привести его слова. «Искусство дрессировки соколов для охоты ведет свое начало с глубокой древности. Но особенно сильное развитие соколиная охота получила в средние века после первых крестовых походов, так как крестоносцы нашли эту охоту процветающей на Востоке и оттуда привезли хороших соколов и опытных сокольничих.

Целые столетия существовала лучшая, а впоследствии единственная в Европе школа сокольничих в селе Фалкенверт во Фландрии. В прежние времена соколов, ловимых на месте, далеко не хватало для удовлетворения спроса: на ловлю их люди отправлялись до Норвегии и Исландии, и особенно этот остров доставлял лучших ловчих птиц. В Померании, сообщает Шмидт, прежде голландские соколиные охотники усердно ловили по берегам соколов, изголодавших и уставших от полета через море с севера, и таким образом иногда налавливали их до 100 штук. Возвращаясь обратно в Голландию, ловцы сажали птиц на шесты, положенные на каждое плечо. Ради экономии для корма этих птиц дорогой они выпрашивали и убивали лишних деревенских собак».

О состоянии соколиной школы в Фалкенверте в 1860 г. генерал фон Ардеш сообщает следующее. «Еще теперь в Фалкенверте живут люди, усердно занимающиеся ловлей и дрессировкой соколов. Местоположение этого местечка совершенно открытое, степное, что весьма благоприятствует этому занятию. Соколы ловятся осенью. Обыкновенно держат только самок, и лучше всего однолетних. Двухлетние также еще годны для дрессировки, старых же выпускают снова на волю. Ловля ведется следующим образом: ловец тщательно прячется на открытом поле, причем от него тянется шнур около 100 м длины с привязанным на конце его живым голубем, который может свободно двигаться по земле. На расстоянии около 40 м от ловца вышеописанный шнур проходит в кольцо, возле которого приспособлена особая накрывающая сеть, от которой также к ловцу протянута бечева. Лишь только появится какой-нибудь сокол, ловец тянет за шнур голубя к себе, последний пытается улететь, чем приманивает к себе внимание сокола, который и ловит его на лету. В то же мгновение ловец мало-помалу начинает подтягивать голубя, а вместе с ним и крепко вцепившегося в последнего сокола, к кольцу, у которого обе птицы и накрываются внезапно сетью. Очень важно тотчас же узнать о появлении в данной местности сокола, для чего охотник пользуется услугами чрезвычайно чуткого и зоркого стража, а именно сорокопута, который привязывается неподалеку от голубя и никогда не пропустит подать свой далеко слышный голос, как только издали увидит появившегося сокола. Возле него вырывается яма, в которую сорокопут в случае нужды может спрятаться. Только что пойманного сокола нужно непременно три дня продержать голодным, а впоследствии как можно чаще носить его на руке, завязав ему глаза. К лишению сна не прибегают. До весны сокол должен хорошо выдрессироваться и тогда фалкенвертские ловцы едут в Англию к герцогу Бэдфордскому, к которому они и нанимаются на некоторое время вместе со своими соколами. Во время охоты эти люди нередко ломают шею и ноги, так как им приходится прыгать через пни и камни, будучи вынуждены при этом, следя за соколом, не спускать глаз с неба. Обыкновенный сокол служит не более трех лет.

К атрибутам соколиной охоты относятся следующие предметы: кожаный колпачок, устроенный таким образом, чтобы он не давил на глаза, ременные привязи, короткая и длинная, причем последняя бывает около 2 м длиной. Они прикрепляются к сапожку, т.е. к кожаному кольцу, охватывающему ногу птицы. Из пары птичьих крыльев, привязанных к яйцеобразному телу, устраивается небольшое чучелко, служащее для обратного приманивания сокола, который издали принимает чучелко за птицу. Для защиты от острых когтей сокола рука сокольничего должна быть одета в толстую перчатку. Когда начинается дрессировка, соколу надевают на голову колпак, привязывают к цепи и 24 часа выдерживают голодным, после чего его сажают на тыле ладони, снимают колпачок и дают съесть птицу. Если он не ест, на него снова надевают колпак и только через 24 часа снимают последний; если же он в течение 5 дней не захочет есть, сидя на руке, то каждый раз не минует колпака и безжалостно голодает, сидя на ремненной цепи. Впрочем, чем чаще за это время с птицы снимают колпак и сажают ее на кулак, тем легче она становится ручной и тем охотнее приучается есть, сидя на руке. Как только последнее достигнуто, начинаются учебные упражнения, причем перед уроком сокола долгое время носят на руке с открытой головой, и после урока на него снова надевают колпак и прикрепляют к цепи, чтобы он спокойно мог поразмыслить о данном ему уроке. Во время первых уроков птицу с открытой головой сажают на спинку стула и оттуда приглашают ее для еды прыгнуть на руку, а позднее приучают прилетать к охотнику все с более и более далекого расстояния. Затем то же самое проделывается и на воле, однако сокол во избежание бегства удерживается на руке.

живается на бечеве, привязанной к длинной ременной цепи; сокольник становится таким образом, что птица должна лететь против ветра, так как сокол, как и другие птицы, летит по ветру очень неохотно. Если сокол хорошо исполняет свое дело, на него вечером надевают колпак, сажают на подвешенный обруч и качают всю ночь, чтобы он не мог спать. На следующее утро начинаются прежние упражнения; он ест на руке, его снова носят до вечера и снова всю ночь качают; то же самое продельвается и на третий день и на третью ночь. На четвертый день все повторяется снова, только теперь ему дают ночью соснуть. На следующий день его пускают свободно на землю, не привязывая на бечевку, и удерживают на одной только длинной ременной цепи. Он должен лететь за пищей на руку; если летит мимо, за ним идут следом и манят его до тех пор, пока он, наконец, не прилетит. С этого момента такое упражнение часто повторяется на воле; птица приучается также прилетать на руку охотника, сидящего на лошади, и не бояться ни людей, ни собак.

Теперь наступает первый урок травли. На воздух бросают убитого голубя, пускают на него сокола, привязанного к длинному шнурку, и для первого раза дозволяют немного поесть; впоследствии же голубя у него отнимают тотчас же, и только на руке он получает какую-либо подачку. В следующие дни такие же упражнения продельваются несколько раз с живыми птицами, у которых подрезают маховые перья; затем при помощи легавых собак разыскивают куропаток, по возможности одиночные экземпляры, быстро снимают с сокола колпак, как только куропатка взлетит, и спускают его на нее. Если он промахнулся, его приманивают обратно живым голубем с подрезанными маховыми перьями или же чучелом. Чтобы приучить сокола схватывать более сильных птиц, как, например, цапель и журавлей, его сначала дрессируют на молодых птицах этого вида или же на старых, у которых подрезаны крылья и на клюв надет футляр; также его сначала, если возможно, спускают вместе с хорошим старым соколом. Предназначенным для этих упражнений цаплям и журавлям на шею надевается чехол из мягкой кожи, чтобы они не так легко могли быть задушены. При нападении на цапель соколы обыкновенно взвиваются высоко в воздух и оттуда стремглав несутся на добычу; цапля старается взлететь еще выше и с изумительной быстротой протягивает по направлению к несущемуся врагу острый конец своего клюва с целью проткнуть противника. Наконец сокол схватывается с цаплей, и оба падают с высоты вниз. Быстро поспевающие охотники сейчас же освобождают сокола, дают ему в награду хороший кусок мяса и лишают цаплю ее наиболее красивых перьев. После этого на ногу цапли надевается металлическое кольцо, на котором вырезается год и место ловли, и ее отпускают на свободу. Некоторые цапли нередко бывают вновь затравлены по прошествии многих лет и таким образом украшаются несколькими кольцами.

Если хотят, чтобы птица хорошо травила зайцев, то изготовляют хорошее чучело зайца. Много раз кормят сокола, посадив его на это чучело, затем привязывают мясо к самому чучелу, ставят последнее на колеса и заставляют человека сначала тихо, затем быстро возить такого зайца по земле, наконец, даже запрягают быструю лошадь, гонят чучело по полю и пускают ему вслед сокола. Для соколиной охоты нужна ровная, безлесная местность».

Наиболее пышно обставлялась соколиная охота в Средней Азии. «В марте, — пишет около 1290 года Марко Поло, — хан Кублай обыкновенно уезжает из Камбалу; он берет тогда с собой около 10000 сокольников и ловцов. Эти последние разъезжаются по стране группами в 200-300 человек, и все, что они убивают на охоте, должно быть доставляемо хану. При своей персоне хан имеет еще особую свиту из 10000 человек, из которых каждый имеет свисток. Когда хан охотится, они становятся в некотором отдалении друг от друга, образуя вокруг хана обширный круг, следят за выпускаемыми им соколами, ловят их и подводят к хану обратно. Всякий сокол, принадлежащий хану или какому-либо высокому сановнику, имеет на своей ноге серебряную бляху с вырезанным на ней именем владельца сокола и сокольничего. Существует даже особый чиновник, в руки которому сдаются те сокола, владельцы которых сразу не находятся. Во время охоты хан ездит на слоне и всегда имеет при себе 12 лучших соколов. Около него едет верхом толпа людей, высматривающая птиц и делающая хану знаки тотчас, если появится что-либо достойное охоты. По всему государству из года в год заботливо разводятся зайцы и пернатая дичь, чтобы для ханских охот всегда был в них избыток».

Тавернье, много лет проживший в Персии, рассказывает следующее: «Персидский шах держит при себе более 800 соколов, из которых одни служат для травли диких кабанов, диких ослов, антилоп, лисиц, другие для поимки журавлей, цапель, гусей и куропаток. При дрессировке соколов на животных берут какое-нибудь чучело, кладут в глазные впадины мясо и дозволяют птице, сидящей на чучеле, съесть это мясо. Когда это удается, чучело ставится на четыре колеса и приводится в движение; сокола же по-прежнему приучают есть, сидя на голове чучела. Наконец впрягают впереди лошадь, и все время, пока сокол сидит и ест, возят чучело, насколько можно быстро. Таким же

способом дрессируют даже воронов». Шарден, который также жил долгое время в Персии, добавляет к вышесказанному: «Когда сокол нападает на сильное четвероногое животное и сядет ему на голову, к нему на помощь спешат с собаками; еще в начале VII столетия соколов часто дрессировали нападать на людей и выклевывать у них глаза».

О том, что и в более новое время соколиная охота еще не исчезла в Персии, мы узнаем из эскизов о Персии Джона Малькольма, появившихся в 1827 году. «Охота ведется на лошади с соколами и борзыми. Если где-нибудь вспугнут антилопу, за ней гонятся с быстротой ветра. Собак и соколов спускают. Последние летят близко над землей и быстро настигают добычу, бросаются на ее голову и задерживают дичь на месте; в это время подспевают собаки и вцепляются в свою добычу. На старых самцов антилоп соколов не спускают, так как антилопы легко прокалывают рогами этих прекрасных птиц».

Соколиная охота по сию пору представляет собой обыкновенное явление у арабов, в особенности у бедуинов Сахары, персов, индусов, различных кавказских и среднеазиатских племен, у китайцев и других монгольских народов. Арабы особенно предпочитают балобанов, водящихся на юге Европы, и ловят их на севере Африки или привозят из Сирии, Малой Азии, Крыма и Персии. При этом арабы за хорошо дрессированных соколов платят необыкновенно высокие цены. Мне ни разу не представилось случая видеть лично соколиную охоту арабов, однако, благодаря Гейглину, мы имеем очень дельное и подробное описание дрессировки и травли соколов. «Арабские охотники ловят соколов в капканы, дуги которых обернуты материей, чтобы не поранить ног пойманной птицы. Капканы приносятся на такие места на деревьях, где эти птицы обыкновенно ночуют. Капканы снабжены шарниром, который легко оборачивается, так что пойманный сокол висит с капканом на воздухе и не может нанести себе никакого вреда, пока его не вынет из западни поджидающий охотник. Приучение сокола к охоте за газелями требует много внимания.

терпения и ловкости со стороны соколиного охотника. Последний тотчас же привязывает своего любимца, надевает ему кожаный колпак, в котором есть только одно отверстие для клюва, и на затылке он может быть завязан с помощью кожаных ремешков. Птицу относят в темное помещение и сажают на какую-нибудь деревянную жердочку или на сосуд, наполненный сухим песком. Первые дни ее нужно поморить голодом; кормление совершается только на перчатке сокольничего. При этом колпачок всегда снимается с сокола, и он скоро привыкает к перчатке и даже к движениям руки. Пища состоит преимущественно из сердца и печени домашнего скота. Затем соколиный охотник начинает приучать его, сняв колпачок, летать к перчатке сначала в комнате, позднее на воле, но первое время, конечно, на привязи, мало-помалу увеличивая расстояние; после кормежки тотчас снова надевают колпак на голову сокола. Наконец, применяется удлиненная ременная привязь и чучело газели, глазные впадины которого наполняются кормом».

Приемы и сама охота индийских соколиных охотников весьма картинно и живо описаны Жердоном: «В различных местностях страны дрессируются сапсаны, обыкновенные в данной области в зимнее время. Их ловят по берегам и продают по 2-10 рупий настоящим соколиным охотникам, которые и натаскивают их на цапель, аистов, журавлей, разинь, ибисов и даже на дроф. При этом я должен заметить, что мнение, будто цапля при подобной травле пытается пронзить сокола своим клювом, подтверждается туземными сокольничими, которые насчет этой охоты имеют более опыта, чем кто-либо из европейцев. Даже тогда, когда сокол уже сбил наземь свою добычу, он еще рискует погибнуть от ударов мощного клюва цапли, если только он с первого раза не вцепился лапой в затылок своей добычи, что старая ловчая птица, конечно, всегда старается сделать. Когда охотятся за красавкой, то сапсан оберегается острого, кривого заднего когтя этой птицы, который может причинить опасные раны.

Пожалуй, еще более, чем сапсан, ценится у индийцев так называемый королевский сокол; ему отдают предпочтение перед всеми другими. Этих соколов ежегодно ловят массами на тонких камышинках, которые намазываются птичьим клеем, и туда соколы приманиваются при посредстве мелких птиц. Этот сокол в особенности дрессируется для охоты на сидячую дичь, выражаясь охотничьим языком, т.е. его не спускают на добычу с руки. Он высоко парит в воздухе и описывает над сокольничим свои круги до тех пор, пока не спугнет какую-нибудь дичину. Тогда он с изумительной поспешностью, стремглав, несется вниз на испуганное животное. Действительно, чудное зрелище представляет собой этот сокол, когда он несется за куропаткой или дрофой, уже отлетевшими на довольно далекое расстояние. Едва только сокол заметит спугнутую им добычу, он дважды или трижды летит вниз и затем, сложив крылья, колом бросается прямо на вспугнутую птицу, причем движение его быстрее, нежели пущенная из лука стрела. Этот род охоты, правда, весьма безопас-

ный, все-таки нельзя сравнивать с великолепной охотой с сапсанами, которых спускают с руки на цаплю»).

После этих предварительных сведений мы можем перейти к ознакомлению с наиболее известными и интересными видами соколов.

Самыми благородными из соколов можно считать **кречетов** (*Falco rmticolm*), жителей далекого севера. Для них характерна весьма значительная величина. Клюв относительно сильный, согнутый кривым крючком, плюсна оперена до двух третей своей длины, длинный в сравнении с крыльями хвост. Во всем остальном они чрезвычайно схожи с другими благородными соколами; даже нельзя считать отличительным признаком не раз высказываемое замечание, что в старости оперение их делается белым*.

** Данное высказывание не совсем верно, цвет оперения кречетов определяется в основном наследственностью. Так, птенцы белой морфы имеют белую окраску оперения еще до вылета из гнезда. С возрастом, правда, часть перьев может исчезать, и птицы становятся более светлыми, чем в молодости.*

Размеры всех кречетов почти одинаковы; исландский кречет, по-видимому, самый маленький. По моим собственным измерениям, длина самки этого кречета достигает 60 см, размах крыльев 126, длина крыла 40, хвоста 24 см.

Ловчие кречеты живут в северных странах, преимущественно по берегам океанов, на скалах которых и селятся. Они не избегают лесов, но их нельзя причислять, как других соколов, к лесным птицам. Скорее всего, кречеты любят селиться поблизости от птичьих базаров, там, где в летнюю пору собираются на гнездовья миллионы морских птиц. Не было случая, чтобы я не встретил в таких местах кречета.

Пищу кречетов летом составляет водная птица, зимой — белые куропатки; кроме того, они нападают на зайцев и, по утверждению Радде, целые месяцы живут, питаясь белками. Они ужасные враги для всего пернатого мира и угроза для всякого птичьего базара.

Кречет (*Falco rusticolus*)

Во время моего трехдневного пребывания на двух птичьих горах в северной Лапландии я видел чету исландских кречетов, регулярно прилетающую на добычу около 10 часов утра и затем около 4 часов пополудни. Их охота была всегда необыкновенно коротка. Они прилетали, делали один или два круга над птицами и затем стремглав бросались в стаю кайр, чистиков или тупиков, схватывали всегда какую-нибудь из этих птиц и уносили ее с собой. Я никогда не видел, чтобы они промахнулись. Гольбельль уверяет, что он лично наблюдал, как один исландский кречет на лету схватил сразу двух молодых моевок, по одной в каждую лапу, и таким же образом добыл себе пару песочников. Фабер нашел в одном из гнезд, к которому он добрался, массу натасканных кайр, чистиков, тупиков и моевок. Кроме водных птиц гнездящиеся кречеты опасны также и для болотных курочек и голубей. Однако Гольбельль говорит, что он видел только двух молодых голубей, которых кречет схватил сидящих, а старых птиц, весьма часто преследуемых, он поймать не может.

По окончании гнездовой поры кречеты часто приближаются к поселениям, вообще выказывают мало пугливости. Зимой они оставляют морские берега и, следуя за летом куропаток, перекечевывают в горы. Куропатки до такой степени боятся кречетов, своих опаснейших врагов, что, как это наблюдал Шрадер, при виде кречета стремительно, с удвоенной силой кидаются в снег и насколько можно поспешно зарываются в нем. Может быть, водная птица также пытается прятаться от соколов, но в огромной стае нельзя заметить движений той птицы, на которую устремился хищник. Видно только, как стая разлетается в разные стороны, так обыкновенно делают голуби, когда на них бросится сапсан.

В прежние годы датское правительство ежегодно посылало в Исландию особый корабль, называвшийся соколиным кораблем, для добывания благородных соколов. Из Копенгагена доставленные соколы поступали во владения любителей соколиной охоты или же посылались в качестве драгоценных подарков к различным дворам. В наши дни правительство, понятно, более не организует подобной ловли; несмотря на это, летний корабль, отправляющийся в Исландию, почти ежегодно привозит несколько живых соколов в свое отечество, это те самые птицы, которые появляются в наших зоологических садах. В Лапландии или Скандинавии, по-видимому, никто не занимается ловлей соколов, так что кречеты там преследуются только натуралистами.

Большое плоское гнездо кречета помещается в каком-нибудь углублении недоступной скалы, вблизи моря. По уверению Нордвеля, кречет завладевает вороньим гнездом, найдя его незанятым или просто выгнав из него законных обитателей. В таких случаях кречет лишь немного выкладывает гнездо тонкими прутиками, принося их в когтях, и выстилает внутренность мелкими ивовыми прутиками и листьями осоки, причем эта подстилка впоследствии покрывается остатками обильного корма, натаскиваемого для птенцов. Гнезда, устроенные кречетом*, состоят из очень толстых сучков и из небольшого количества сухой травы.

** Как выяснено специальными наблюдениями, кречеты сами гнезд не строят, а используют гнездовые постройки других видов птиц воронов, зимняков, орланов-белохвостов.*

Конечно, птичьи базары в летнее время бывают наполнены такой массой птиц, а высокие места так сильно заселены белыми куропатками, что вред, причиняемый кречетом, не очень заметен. К тому же норвежцы уверяют, что некоторые англичане, убивающие ежегодно тысячи куропаток ради одной наживы, гораздо более вредны для дичи, нежели исландские кречеты все вместе взятые. В Исландии и Гренландии, наоборот, там, где кречеты встречаются чаще и в зимнее время постоянно приближаются к населенным местностям, их преследуют довольно беспощадно, а по всей северной Азии они и в настоящее время ловятся для травли. Кроме человека, кречеты имеют врагов лишь в воронах, которые, по крайней мере, равны им по силе. Фабер и Гольбельль упоминают, что обеих этих птиц очень часто можно видеть дерущимися.

Не менее кречета ценился в прежнее время другой благородный сокол — **балобан** (*Falco cherrug*), статная птица около 54 см длины, 1,4 м в размахе крыльев, с крыльями в 41 и хвостом в 20 см. Оперение балобанов довольно сходно с оперением молодых сапсанов, и поэтому их часто смешивают.

Балобан распространен по всей юго-восточной части Европы, в особенности в нижней Австрии, Галиции, Польше, Венгрии, Придунайской низменности, южной России и по Балканскому полуострову*.

** Сейчас балобан стал редкой птицей, он исчез из Австрии, на большей части Балканского п-ва, во многих местах юга России и Украины, практически перестал гнездиться в Польше, встречается по всей Средней Азии до Китая; он живет также в Армении, Малой Азии, вероятно, также в Персии и долетает зимой до Индии и среднего Египта, хотя там не гнездится.*

По своему образу жизни, повадкам балобан похож на сапсана. Но арабские соколиные охотники отличают его от сапсана и приписывают свойства, которыми, по их уверению, сапсан не обладает. Некоторые исследования убедили меня, что нужно согласиться с мнением арабских знатоков.

Балобан (*Falco cherrug*)

У балобана более вытянутое, чем у сапсана, тело, более длинный и более острый клюв и более широкие в плечах и предплечье сильно выпуклые крылья. Он летает быстрее своего родича, движет быстро и мощно своими крыльями, плавно пролетая после нескольких взмахов и, играя над гнездом, описывает большие круги и плывет по воздуху долгое время с изумительной легкостью, почти не взмахивая крыльями.

Об образе жизни балобанов на зимовках нам мастерски рассказывает Гейглин. «Когда на лагуны и болота Нильской дельты слетится много всякой водяной птицы, сюда в то же время собирается большое количество соколов и орлов, именно: египетские кречеты и сапсаны, могильники и орлы-крикуны, которые здесь не знают недостатка в добыче. Вместе с ними показывается и балобан. Вскоре он высмотрит себе какой-нибудь пост на одиноко стоящем дереве, на пальме или акации, с

которых он мог бы осматривать кругом весь свой охотничий район. Лишь только пробудится день, а вместе с ним поднимут шум тысячи сбившихся в стаи гусей, уток, песочников, насевших по тростниковым островам в лагунах или по мелким водным пространствам, — балобан покидает свой пост. Но еще густой, стелющийся понизу туман покрывает водную ширь, что, впрочем, не препятствует никому приняться за охоту. Большой частью без всяких предварительных кругов он несется по прямой линии вниз на какую-нибудь оживленно крякающую стаю уток. Мгновенно наступает гробовая тишина! Водяные курочки и другие плохие летуны приседают и стремительно ныряют вглубь, в то время как утки, надеясь на быстроту своего полета, внезапно снимаются и ищут спасения в быстром бегстве. Сокол всегда забирается немного выше, стрелой несется за ними, с изумительной ловкостью сбивает жертву ударом или схватывает ее когтями и уносит с собой, часто преследуемый кричащими коршунами и пустельгами, на которых не обращает ни малейшего внимания. Он садится на какое-нибудь ближайшее, несколько возвышенное, сухое место, где и принимается за еду. Иногда летает кругом высоко в воздухе и, словно играя, бросается на летающих повсюду болотных птиц, ускоряя свой полет только тогда, когда добыча достаточно ему приглянется. Добыча редко ускользает от него, хотя балобан охотится с меньшей поспешностью и удалью, чем его сородичи. В жаркое время дня он усаживается на дерево, а с наступлением вечерних сумерек он летит на ночь лег спокойным, ровным, слегка тяжеловатым полетом.

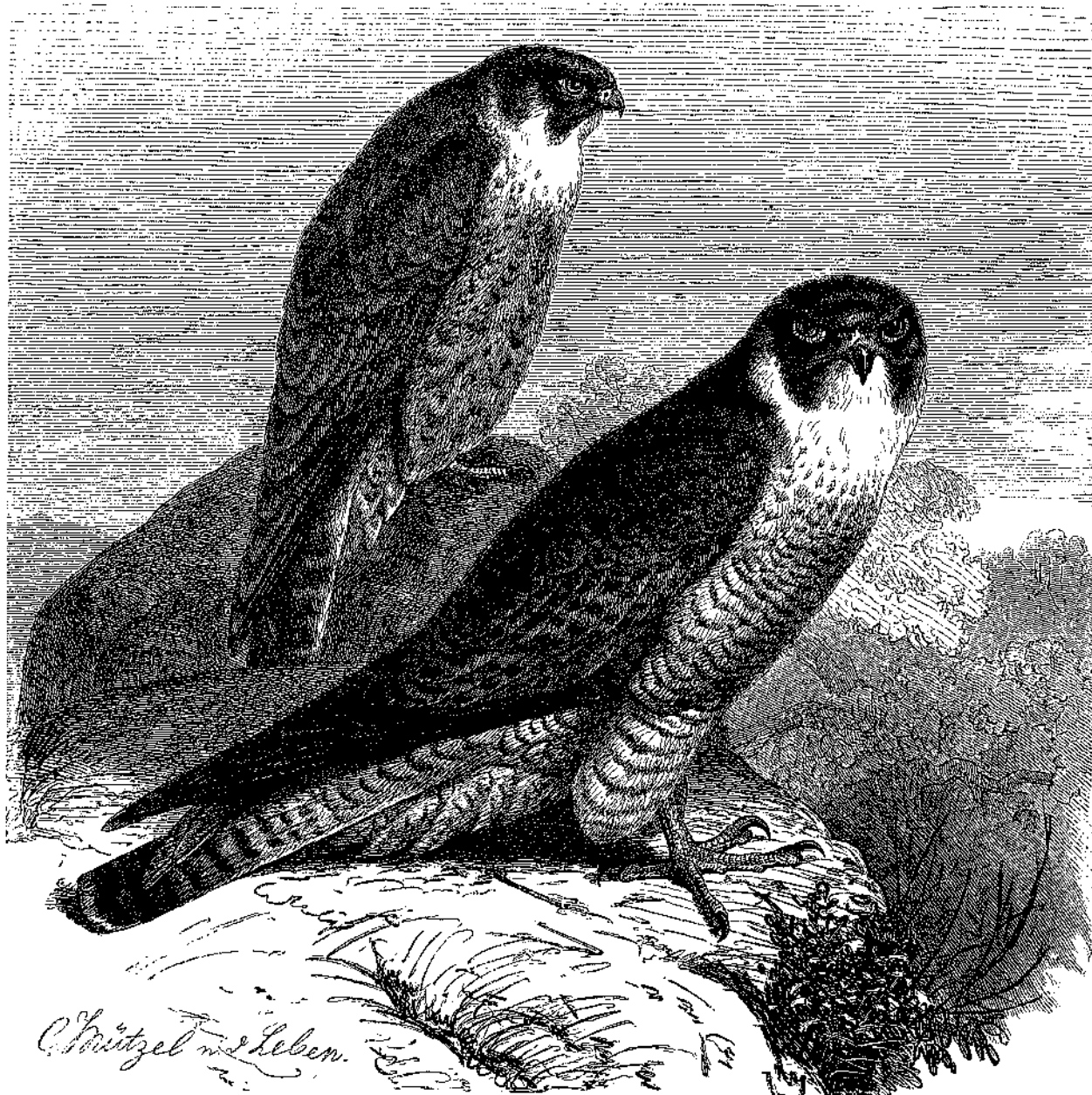
К этому описанию я должен прибавить, что оно вполне соответствует моим наблюдениям над зимней жизнью сапсанов. «Для охоты на газелей, — продолжает далее Гейглин, — годен только балобан, так как остальные благородные соколы большей частью кидаются с такою силой, что разбиваются до смерти, переломив себе грудную кость. Поэтому за хорошо выдрессированных балобанов и платят необыкновенно большие цены».

Сапсан (*Falco peregrinus*) отличается от других ловчих соколов меньшей величиной, сравнительно более коротким и более согнутым клювом, не так низко оперенными плюснами и более коротким хвостом сравнительно с длиной крыльев. Вся верхняя часть его светлого аспидно-серого цвета с темными аспидно-серыми треугольными пятнами в виде полос. Лоб серый, горло беловато-желтое, обрамленное черными баками; верхняя часть груди в буро-желтоватых полосках и покрыта кругловатыми сердцевидными пятнышками. В окраске самок более свежести в цветах, нежели в окраске самцов. Длина старого самца достигает 42-47 см, размах его крыльев 84-104, длина крыла 36, хвоста 20 см; длина значительно более крупной самки достигает 47-52 см, размах крыльев 110-120, длина крыльев 82, длина хвоста 20 см.

Сапсан вполне оправдывает свое латинское название (*peregrinus* — путешествующий), так как он летает почти по всему свету. Его необыкновенная распространенность будет очевидна, если принять во внимание, что он живет не только в умеренных поясах, но даже и в северном холодном поясе. В тундре за Полярным кругом он является даже преобладающим соколом, но, разумеется, каждую зиму вынужден оставлять область своего гнездования и лететь на юг. Во время этого перелета посещает все северные страны Европы, Азии и Америки, пролетает по всей Европе до самых южных областей и встречается там в зимнее время очень часто; вместе с перелетными птицами он странствует через Средиземное море и, следуя пролетным путем, залетает далеко вглубь Африки. Во время подобных же перелетов в Азии долетает до Японии, Китая и Индии, а в Америке встречается в Соединенных Штатах, в средней Америке и в Вест-Индии. По моим наблюдениям и по исследованиям других натуралистов, на юг залетают преимущественно самки, тогда как самцы больше предпочитают оставаться на севере.

Итак, область гнездования сапсанов простирается по всей Европе, за единственным, быть может, исключением южной оконечности Пиренейского полуострова, а равно по Средней Азии и более северным частям Америки, следовательно, вовсе не удивительно, что их находят почти по всей земле. Сапсан проявляет чрезвычайную способность уживаться при самых разнообразнейших условиях. В северо-восточной Африке зимой он живет по всему побережью, в каждой нильской области до средней Нубии встречается повсюду во всех местностях, удовлетворяющих его потребностям в пище и обещающих безопасность. То же самое можно сказать и про южную Азию. «Сапсан, — замечает Жердон, — встречается по всей Индии от Гималайских гор до мыса Коморина, но только в холодное время. Особенно обыкновенен он на берегах моря и крупных рек. В Индии гнездится, как мне думается, редко, являясь скорее зимним гостем, прилетающим в первых неделях октября и вновь покидающим страну в апреле». В Закаспийской области, по Вальтеру, он гнездится. В Америке сапсан также летает далеко на юг. Встречается ли в Бразилии, мне неизвестно; я могу только с достоверностью утверждать, что он пролетает над Мексиканским заливом. При его необыкновенной способности к дальним перелетам путешествие в 1 000 километров оказывается до

известной степени простой прогулкой; я глубоко убежден, что он без особенного напряжения перелетает Средиземное море в один день.

Сапсан (*Falco peregrinus*)

"Сапсан, — говорит Науман, — смелая, сильная и чрезвычайно ловкая птица; его мощное телосложение и блестящие глаза доказывают это с первого же взгляда. Исследования показывают, что он недаром наделен природой такими особенностями и что в деле мог бы со славой перешеголять своих ближайших родичей — кречетов и балобанов. Его полет чрезвычайно скор, сопровождается быстрыми взмахами крыльев, весьма редко бывает плавным и большей частью проходит низко над землей. Слетая с земли, он распускает хвост и, прежде чем подняться на высоту, пролетает небольшое расстояние над самой землей. Лишь весной он иногда летает в воздухе на неизмеримой высоте. Сапсан очень пуглив и так осторожен, что для ночного покоя отыскивает лишь хвойные леса. Если таковых нет поблизости, то он охотнее остается сидеть в открытом поле на каком-нибудь камне, и его ночевка в маленькой лиственной роще принадлежит к числу редких случаев. Из осторожности он в небольшой роще летит на ночной отдых лишь очень поздно вечером и выбирает какой-нибудь толстый сук высокого старого дерева; в более обширном лесу охотно ночует на одиноких, оставшихся на лесосеке деревьях, а прилетает сюда уже с заходом солнца большей частью с набитым зобом. Днем сапсан неохотно садится на деревья. Когда он сидит, то очень втягивает шею, так что его круглая голова кажется сидящей прямо на плечах; белое горло с резко выделяющимися черными боками делает его заметным издали. На лету отличается от других родичей тонкостью телосложения, узким хвостом и длинными, узкими и острыми крыльями. Голос его сильный и звуч-

ный, похожий на слоги: «кгиак-кгиак» или «каиак-каиак». Однако, за исключением поры спаривания, его слышишь не очень часто.

Данные Наумана о пугливости и осторожности сапсана подходят для лесных местностей в Германии, но не для всех других местностей. В бесплодной тундре сапсан также осторожно избегает приближающегося охотника; напротив, в больших городах он нисколько не заботится о том, что делается внизу под ним; там он нередко выказывает такую дерзость, которая находится в полнейшем противоречии с его поведением в другое время. Но еще более можно удивляться, видя сапсанов в северо-восточной Африке, именно в Египте, беспечно сидящих посреди селений на немногих пальмах или сикоморах, на рынке, на церковных башнях, домах и голубятнях, откуда они предпринимают свои разбойничьи экскурсии. Отсюда видно, что поведение его всегда и всюду зависит от обстоятельств и что он все сообщает и взвешивает.

По-видимому, сапсан ест только птиц; он страшен для всех пернатых, начиная от дикого гуся и кончая жаворонком. Самые сильные опустошения производит среди куропаток и голубей; уток преследует с неутомимым терпением и оказывается ужасным врагом даже для умеющих хорошо защищаться ворон; он иногда неделями питается исключительно ими. Подобно своим ближайшим родичам, сапсан охотится обыкновенно за пернатой добычей, пока она летит. Сидящих на деревьях птиц схватывает без дальнейших околичностей. Но не делает этого с сидящими на земле или плывущими по воде птицами. Ловля добычи при таких условиях представляет для него трудности почти непреодолимые и, вследствие его бешеного и стремительного полета, в известной степени для него опасна. «Сапсан, — пишет мне Гомейер на основании своих многочисленных наблюдений, — совершенно не может схватить птицу с земли или воды. Если кто и уверяет, что видел это, то он был сам введен в заблуждение по недостаточной внимательности при наблюдении, причем испуганная несущимся на нее соколом птица сделала, наверное, легкомысленную попытку улететь и, едва только снялась с земли или воды, была тотчас же схвачена хищником. Однажды я видел на расстоянии около 200 шагов, как сапсан, наверное, раз 50, но всегда безуспешно бросался на притаившегося у земли голубя. В другой раз я стоял в одном небольшом заливишке у Юкермунда, спрятавшись в камыше, когда один сапсан, преследуя песочника, подлетел ко мне. Приблизительно в 40 шагах от меня песочник бросился в совершенно тихую воду. Сапсан постоянно кидался на открыто лежащего на воде песочника, но всегда мимо. Наконец эта охота ему надоела, и он полетел прочь. Почти тотчас же снялся и песочник, улетев в противоположном направлении. Однако в несколько секунд сокол вновь кинулся за ним, и песочник снова бросился в воду. Еще несколько безуспешных нападений со стороны сокола, и охота кончилась ничем. Третий случай я наблюдал во время моей поездки из Стральзунда в Гиддензе в прекрасную, солнечную погоду, когда лодка чуть-чуть двигалась от дуновения совсем слабого ветерка, и море также было совершенно спокойно. Преследуя голубя, сапсан уже совсем догнал свою жертву, как голубь быстро бросился в воду. Бесперывными и стремительными натисками сокол старался спугнуть птицу; однако это ему не удалось, и голубь неподвижно оставался сидеть на воде. Наконец сокол удалился; случилось совершенно то же, что и в предыдущем случае; голубь поспешил спастись от своего опасного врага; но лишь только он поднялся с воды, сокол опять оказался поблизости, и птица еще раз бросилась в воду. Так продолжалась охота, пока ее можно было видеть с удалявшейся мало-помалу лодки. Этот случай вновь подтвердил, что сапсан не может схватить животное с воды, а если покажется, что это случилось, то не иначе, как после взлета птицы»*.

** Специальными целенаправленными наблюдениями в тундре показано, что сапсан часто хватает сидящих на земле птиц. Кроме того, в пище этого сокола обнаружены мелкие млекопитающие — полевки и лемминги, которые могли быть схвачены только на земле.*

Но на лету даже самые быстрые птицы редко могут спастись от него. «Благоразумные домашние голуби не знают, — говорит Науман, — иного средства спастись, как, с возможной быстротой сбившись в плотную стаю, броситься в бегство. Сокол стрелой кидается на тех птиц, которые хоть немного отделяются от стаи. Если он первый раз промахнулся, то голубь старается взлететь выше сокола и, если это ему удастся, сокол устает и бросает охоту».

Все птицы, на которых нападает этот сокол, очень хорошо знают его и без дальнейших проволочек стараются спастись. Вороны не решаются пугать сапсана, но, завидев его, тотчас же, как возможно скорее, улетают. Они имеют, конечно, вполне основательные причины бежать от сапсана, так как он и им, нападающим и преследующим всякого другого сокола, не позволяет ни малейших шуток над собой. Большей частью он взвивается над еще неопытными птицами, которые осмелятся дразнить его, несется сверху прямо на них и бьет без промаха. По собственным наблюдениям я знаю только одну птицу, которая успешно нападает на него и выгоняет из данной местности; это —

большой поморник. Всякий пролетающий мимо сапсан возбуждает в поморнике — этом чрезвычайно ловком, смелом и храбром обитателе тундры, беспокойство за птенцов, и любой такой сокол, появляющийся вдали, в ту же минуту подвергается самому ожесточенному нападению. Я с удовольствием наблюдал такую охоту на севере Сибири. Сокол летел прямо к своему, видимо, довольно отдаленному гнезду и попался на глаза поморнику. Поморник тотчас же с громким криком поднялся в воздух, в самый короткий промежуток времени догнал пернатого разбойника и начал ему непрерывно наносить самые ожесточенные удары. С игривой легкостью и неподражаемым искусством он беспрестанно поднимался над своим противником и несся сверху прямо на него. Сокол, насколько мог, старался увернуться, но не отвечал на нападения; напротив, он, видимо, очень трусил и насколько можно поспешно летел далее, все время преследуемый не знавшим устали поморником. Эта охота над дикой тундрой продолжалась, пока оба не скрылись из моих глаз*.

** Тем не менее поморники часто служат сапсанам в качестве охотничьей добычи. В описываемой ситуации Брем, видимо, наблюдал сапсана, не обладавшего достаточным опытом взаимоотношений с поморниками, может быть, это была молодая птица.*

Если сапсан схватит какую-либо добычу, то душит или закалывает ее обыкновенно еще в воздухе; но очень тяжелых птиц, как, например, тетерева и диких гусей, приканчивает на земле, промучив их все время, пока несется с ними на землю. Преследуя добычу, он летит с такой сказочной быстротой, что трудно сделать какое-либо определение его скорости. Слышен только свист, и виден несущийся в воздухе предмет, но нет никакой возможности узнать в нем сокола. Эта стремительность его нападения как раз является и причиной того, что он редко кидается на сидящую птицу. Он рискует сам разбиться до смерти, и действительно известны примеры, когда сапсан при стремительном полете падал, оглушенный ударом о древесный сук.

В наших местах сапсан предпочитает гнездиться в трещинах крутых скал, трудно или совсем недостижимых; в случае нужды строит гнездо и на высоких деревьях. Собственную постройку он возводит только в редких случаях, большей частью пользуется гнездами других хищных птиц, начиная от гнезда орлана и до полуразвалившегося жилища коршуна, а равно селится и в покинутых или взятых силой гнездах ворон. Он охотно устраивает свое гнездо в месте, заселенном цаплями, и даже иногда пользуется гнездом этой птицы. В наших краях в апреле или мае, иногда только в июне находят полную кладку из трех или четырех овальных яиц, покрытых бурыми пятнами по темно-красноватому фону. Яйца высидиваются самкой; самец развлекает ее способом, уже описанным выше. Оба родителя необыкновенно любят своих птенцов и с ожесточением прогоняют всякого врага, приближающегося к гнезду. По крайней мере, это мы наблюдали в сибирской тундре. Уже издали сапсаны указали нам место, где находилось гнездо. Они еще на далеком расстоянии вылетели к нам навстречу, с громким криком крутились над нами высоко в воздухе, спускались все ниже и ниже по мере нашего приближения к гнезду и беспрестанно бросались на нас. Зрелище, которое представляли собой эти перепуганные соколы, было чрезвычайно привлекательно, так как при этом они выказывали все свое искусство в полете.

Только что видишь их кружащимися в далекой воздушной выси далеко за пределами выстрела, как, внезапно, сложив крылья, они со свистом проносятся мимо в нескольких метрах от нас, достигают самой низкой точки, потом без взмаха крыльями взбираются на прежнюю высоту, снова летают кругами и снова стремглав несутся вниз. На настоящее нападение они не решались и ни разу не приближались так близко, как это делают при подобных обстоятельствах ястребы и чайки.

Молодые сапсаны вначале кормятся полупереваренным в зобу мясом, позднее в изобилии разнообразными птицами, по вылете обстоятельно обучаются и только тогда сами оставляют родителей, когда станут совершенными ловцами.

Вред, приносимый сапсаном, не подлежит сомнению, но многие полагают, что от него нет никакой пользы, и как охотники, так и любители голубей видят в нем самого неприятного врага, истребление которого должно производиться всеми средствами*.

** В настоящее время сапсан — редкая птица, он внесен в списки видов, находясь ихся под угрозой исчезновения, и Красные книги разных стран или даже континентов. Вред, наносимый сапсаном населению пернатых, сильно преувеличен. Специальными исследованиями показано, что доля особей, изымаемых этим соколом из популяций различных видов птиц, совсем не велика, к тому же, как и другие хищники, сапсан проводит селективный отбор среди пернатых, выбраковывая ослабленных и больных особей.*

Однако я, а вместе со мной и всякий другой, который когда-либо видел эту гордую птицу во время ее воздушной охоты, никак не могут желать ее исчезновения, так как сокол этот — украшение наших лесов и лугов. Он соединяет в себе силу с ловкостью, смелость с понятливостью; сидит

или летит — он приковывает внимание всякого наблюдателя. Ратуя за его пощаду, я рискую приобрести врагов во всех охотниках и голубятниках; несмотря на это, я не могу не обратить здесь внимания на то обстоятельство, что в Англии на этого сокола начинают смотреть уже другими глазами, чем ранее. Там также всякий охотник точил на него зубы, и в обращение были пущены все средства к его истреблению, начиная от капканов, ставившихся в гнезда, до вороньего шалаша, от ружья до петли; благодаря объединенным усилиям, добились, что в некоторых охотничьих областях, по крайней мере, в птенцовую пору, сапсаны были совершенно изгнаны. С тех пор начали замечать какую-то все более и более расширяющуюся эпидемическую болезнь тетеревов и серых куропаток, столь бережно охраняемых; тогда пришла мысль, что эта болезнь, прежде не замечавшаяся, может быть явилась как следствие беспощадного истребления сапсанов. Более слабые экземпляры куропаток, прежде обыкновенно первыми попадавшие в лапы сокола, оставались жить, размножились и дали еще более слабое, склонное к болезням, потомство. Взвесив эти обстоятельства, некоторые крупные английские землевладельцы более не преследуют сапсанов и ждут от этого если не приумножения выводков куропаток, то более здоровых поколений пернатой дичи. Я не решаюсь высказаться окончательно о верности вышеприведенного мнения, однако оно, по-моему, все же заслуживает внимания натуралистов и охотников.

В средней Африке и Индии сапсан замещается чрезвычайно красивым пернатым хищником, который, благодаря своей необыкновенной красоте, заслуживает упоминания в этой книге. Это **красношейный сокол, или сокол турумти** (*Falco chiquega*), быть может, самый красивый из всех благородных соколов. Его голова и затылок ржаво-красного цвета. Спина, верх крыльев, кроющие перья крыльев и верхние малые перья маховых крыльев имеют широкие, сильно выделяющиеся черные поперечные полосы по пепельно-серому фону. Нижняя часть груди, брюхо и бедра снабжены темными пепельно-серыми, густо расположенными перемычками по светло-желтому фону. Узкая полоска над глазом, как и ясно выделяющиеся усы, — черные; горло белое; зоб и верхняя часть груди, особенно по бокам — ржаво-красные, сгиб крыла того же цвета. Хвост, как и спина, имеет 8-10 более темных перехватов; широкие концевые перемычки имеют белые каймы. Глаза темно-карие; клюв у основания зеленовато-желтый, на конце голубого рогового цвета; ноги светло-оранжево-желтые.

Быстрота и ловкость этого красивого хищника обеспечивают ему привольную жизнь, но и у него есть свои враги, по всей вероятности, среди более крупных сородичей. В девственном лесу я нашел однажды, в виде остатков от обеда, голову и оба крыла самца сокола этого вида. Туземцы центральной Африки никогда не преследуют эту птицу; индусы, наоборот, умеют обращаться с турумти и извлекать для себя пользу из его ловкости.

Турумти (*Falco ehiquera*)

"При случае этого сокола приручают и дрессируют на перепелов, серых куропаток, в особенности же на индийских сизоворонок. При преследовании этой добычи сокол осторожен и внимателен, но все-таки часто обманывается необыкновенными изворотами сизоворонок, которые то несутся в косом направлении, то летят совершенно вертикально, причем не переставая кричать, как можно скорее стараются добраться под защиту какого-нибудь дерева. Но здесь-то они как раз и в опасности, так как сокол преследует их с ветки на ветку и снова выгоняет наружу, и несколько секунд спустя обессилевшая добыча делается жертвой не знающего покоя преследователя. Я знал соколиных охотников, которые выдрессировали нескольких турумти охотиться вместе».

Чеглок (*Falco subbittio*) принадлежит к более мелким благородным соколам. Его длина достигает 31 см, размах крыльев 78, длина крыла 25, хвоста 16. Самка сантиметра на 4 длиннее, а в размахе на 5-7 см шире. Отличительными признаками его являются: малая величина, вытянутое тело и относительно длинные, серповидные, заходящие за конец хвоста, крылья. Вся верхняя часть голубовато-черная, голова сероватая.

Чеглок — быстрейший из всех наших благородных соколов. По своим повадкам чеглок во многом отличается от других благородных соколов. «Он представляет собой, — говорит мой отец, — чрезвычайно отважного, смелого и ловкого пернатого хищника, который может помериться со всяким другим в быстроте своего полета. Его полет имеет много общего с полетом ласточек: как и они, чеглок большей частью серповидно держит крылья, мало распускает хвост и всей своей осан-

кой очень походит на стрижей. Покинув какое-либо дерево, он пронесется по воздуху, часто пролетая целый участок в 300-400 шагов без малейшего видимого движения крыльями и не медленно, как сарычи или пустельги, но весьма быстро. Если он залетает слишком низко, так как во время полета он заметно опускается, то ему стоит только сделать несколько взмахов крыльями, и он снова достигает прежней высоты. Так продолжается этот красивый полет далее и в короткое время скрывает сокола из глаз человека. Если обыкновенный его полет можно назвать скорым, то его полет во время преследования какой-либо птицы становится стремительным. Как стрела пускается чеглок за какой-нибудь деревенской ласточкой и, если в его распоряжении довольно пространства для ее преследования, то ласточка погибла. Мы однажды видели, как взрослый самец напал на добычу. Он взвился над небольшой птичкой, за которой гнался, и быстрыми ударами крыльев достиг нужной для нападения высоты. Тогда он сложил крылья и, пронесясь десять метров в косом направлении, схватил птицу. Зеленый дятел, пролетавший также мимо сокола, пришел в такой ужас от этого стремительного налета, что с громким криком и большой поспешностью бросился в ближайшую чашу».

Чеглок (*Falco subbuteo*)

При такой охоте чеглок иногда забывает всякий страх перед человеком, слепо несется за преследуемой птицей, причем часто залетает в дома, даже внутрь едущего экипажа, если там ищет спасения его перепуганная и обезумевшая добыча. С величайшей легкостью он совершает самые красивые повороты во время своего плавного полета. На землю садится редко, чаще же всего на деревья; добычу съедает как на деревьях, так и на земле.

Самцы и самки живут очень дружно и осенью сообща отлетают. Охотятся они также сообща, но при этом очень завидуют друг другу и нередко ссорятся между собой. Голос чеглока — приятно звучащее «гэт-гэт-гэт», часто и быстро повторяемое. В птенцовую пору он издает ясное «гик». Чеглок бывает всегда пуглив и осторожен, поэтому только тогда летит спать, когда наступает совершенная темнота. Человека он сильно боится. Все его повадки говорят за высокое развитие его умственных способностей.

Как уже было замечено Науманом, чеглок является ужасом для полевых жаворонков. Однако он отнюдь не гнушается и другими птицами и опасен даже для быстрых ласточек. «Столь храбрые обыкновенно ласточки, так охотно преследующие задорным криком других хищных птиц, чрезвычайно боятся его и при появлении поспешно обращаются в бегство. Иногда я видел чеглока, влетавшего в стаю домовых ласточек, которые были этим так перепуганы, что некоторые из них падали со страху на землю, где и позволяли мне себя взять. Я долго держал их на раскрытой ладони, прежде чем они осмелились лететь дальше. Жаворонки так сильно пугаются при виде своего смертельного врага, что, преследуемые им, летят часто прямо на людей, падают под ноги пахарей и лошадей и с перепугу и страху теряют голову, так что их нередко можно поймать руками. Обыкновенно чеглок летит низко и быстро над землей. Если весной жаворонки еще издали завидят его, то быстро взвиваются на такую высоту, что человеческий глаз едва может различить их, и усердно повторяют оттуда свою трель, хорошо сознавая, что на высоте чеглок не может им повредить. Чеглок, подобно другим соколам, нападает всякий раз на свою добычу сверху и при этом никогда не преследует ее на столь значительной высоте, так как ему стоило бы большого труда и усилий залететь выше. Чеглок нападает на одиночных и низко летящих птиц и на свободе ловит их в четыре, а то и в десять налетов; если же он еще чаще промахивается, то скоро устает и улетает».

В то время как ласточки видят в чеглоке своего заклятого врага, стрижи, по-видимому, не обращают на него никакого внимания. «В моем прежнем охотничьем районе в западной Пруссии, — говорит Ризенталь, — одна парочка чеглоков гнездилась в непосредственной близости от гнездовья стрижей. Таким образом, эти оба вида самых ловких и самых быстрых летунов были соседями. Соколы несколько не беспокоили стрижей, которые влетали и вылетали у самого гнезда чеглока в свои гнездовые отверстия в старых полусгнивших соснах. Один из соколов только при случае летал вперегонки со своими черными соседями, и если он перегонял их, что всегда случалось, то радостно оповещал о своей победе своим звонким «кик-кик-кик». Не беспокоиться подобным соседством было в характере быстрокрылых стрижей, а для соколов, в большинстве случаев, гораздо легче ловить другую добычу, нежели этих стремительно носившихся соседей». Несмотря на это, доказано, что чеглок может ловить и их. «Чеглок — это единственная хищная птица, — говорит еще Глогер, — которая настигает многих из летающих стрелой стрижей»; Альтум также подтверждает: «Я даже видел раз, — говорит он, — как чеглок поймал горного стрижа».

Разумеется, чеглок не ограничивается охотой только на деревенских и городских ласточек, стрижей и полевых жаворонков, но гоняется также за лесными и хохлатыми жаворонками, а на юге России и в степях за белокрылыми жаворонками, каландрами*, черными и короткопалыми жаворонками, вообще за всеми видами этого рода, которые только ему попадутся.

* *Степные жаворонки.*

Однако он не довольствуется постоянно столь мелкой добычей, а также ловит птиц до величины перепела и горлинки и нападает на серых куропаток и даже на журавлей**.

** *Это, конечно, преувеличение. Чеглок не нападает на журавлей, они для него слишком крупная добыча.*

Все наблюдатели, встретившие его на зимовках, свидетельствуют, что он появляется на зимовке вместе с перепелами и остается столько же времени, сколько и они. Есть наблюдения, доказывающие, что этот смелый и отважный пернатый хищник преследует некоторых птиц, которых он, очевидно, одолеть не может, а из одного только задора. «Чеглок, — говорит Нордман, — находит удовольствие в преследовании таких птиц, которые крупнее его, хотя он их ранить не может, а только дразнит.

Особенно часто страдают от его драчливости малые журавли (красавки). В Крыму я наблюдал пару этих соколов, из шалости нападавших на вышеупомянутых журавлей, которые по обыкновению были заняты танцами; при этом, по-видимому, шутки ради, чеглоки налетали то на одну, то на другую птицу».

Этому же соответствуют и данные, приводимые Глогером, что чеглоки нападают и на белок. Если это основано на наблюдении, то, без сомнения, мы и здесь должны считать причиной этого явления просто задор; наша белка слишком хорошо умеет защищаться, чтобы на нее могла безнака-

занно нападать такая небольшая птица, как чеглок. Я думаю, что те же самые побуждения имеют место и при запугивании куропаток. Поэтому я и сомневаюсь, чтобы он мог бить взрослых куропаток. Во всяком случае, преимущественную пищу его составляют мелкие птицы; мышей, которых ему так же трудно ловить с земли, как и сапану, он схватывает в редких случаях. Напротив, он часто ловит на лету насекомых, в особенности сверчков, стрекоз и даже самцов муравьев, когда они роятся. У многих убитых чеглоков зоб был набит исключительно насекомыми.

Вред, приносимый чеглоком, немаловажен.

Ленц высчитывает, что он ежегодно уничтожает, по крайней мере, 1095 мелких птиц. Зато это самый любезный сотоварищ человека из всего соколиного семейства. «Я никогда не имел, — говорит мой отец, — другой птицы, которая доставляла бы мне столько радости, как мой ручной чеглок. Когда я проходил мимо помещения, где он содержался, он, еще не видя меня, начинал кричать, подлетал к дверце, брал от меня птицу и съедал ее. Если я входил в помещение, то садился мне на руку, позволял себя гладить и при этом доверчиво смотрел на меня. Если я приносил его в комнату и сажал на стол, он спокойно сидел и с большим удовольствием ел даже в присутствии посторонних людей предложенную ему птицу. Когда его дразнили или хотели отнять у него добычу, он клевался, но никогда не наносил ран своими когтями. Кто видел этого сокола, тот всегда с удовольствием ласкал его. Никто не пожалеет, если будет держать у себя пойманного чеглока. Он знает своего хозяина, умеет ценить его любовь и, по-видимому, благодарит за нее своим благородным взглядом».

Во время процветания соколиной охоты чеглока также к ней приучали и употребляли для травли перепелов и других мелких птиц.

Некоторые сокольниковые, говорят, доводили свою дрессировку до того, что чеглоки даже гоняли диких гусей, которых они схватывали за горло и не выпускали до тех пор, пока те не падали вместе с ними на землю. Несмотря на это, в соколиной охоте чеглок, по-видимому, особой роли не играл и держался больше ради ловкого полета, приводящего в восторг всякого наблюдателя, чем ради травли. «Чеглок, — говорит наш старый друг Геснер, — очень благородная птица, и хотя она, именно благодаря своей малой величине и слабости, почти не употребляется для травли, но все же является ручным и добродушным созданием и каждый раз возвращается к своему хозяину, будет ли выпущена в чистом поле или в лесу. Ее ссоры и раздоры с галками представляют собой весьма интересное зрелище».

Каждую осень, направляясь с севера, места своей родины, в Германии бывает пролетом один маленький быстрый благородный соколик который зимует в южной Европе или северной Африке, а весной снова летит обратно в свою родную страну, это — **дербник** (*Falco columbarius*). Короткие крылья дербника, будучи сложены, доходят только до двух третей длины хвоста. Усы у него выражены слабо. Длина самца достигает 32 см, размах его крыльев 86, длина крыльев 20, хвоста 13 см; самка сантиметра на 2 длиннее, а размах крыльев на 3-4 см меньше, чем у самца.

Несмотря на свою малую величину, дербник не уступает в хищничестве, отважности и смелости ни одному из других благородных соколов. Он не такой превосходный летун, как чеглок: его полет, напротив, часто походит на полет перепелятника. Благодаря коротким крыльям, дербник может, подобно перепелятнику, производить крупные повороты, и часто развлекается, как и чеглок, летая кругами во время своих воздушных упражнений, которые по привлекательности почти равны движениям чеглока. Эти качества в высшей степени облегчают ему охоту за мелкими пернатыми, которых он приводит в ужас так же, как чеглок или перепелятник. Когда я с высоты Обдорска озирал лежавшую передо мной широкую, сильно наводненную северную местность, на расстоянии почти одного метра от моей головы внезапно появился дербник, преследовавший снизу одну варакушку; испуганный неожиданной встречей, соколик в полном смысле отпрянул назад, задерживая свой быстрый лет трепыханием крыльев, повернул и несколько секунд спустя исчез, в то время как перепуганная и спасаемая благодаря мне добыча шмыгнула в кучу сложенных дров, ища спасения от своего ужасного врага. Мелкие птицы, живущие в тундре, доставляют необходимую для дербника пищу. От него много терпят варакушки, лапландские подорожники, желтые и северные плиски*, синицы, трещотки**, все песочники, вообще мелкие голенастые птицы, а также дрозды, так как он с такой же отвагой, как и чеглок, бьет птиц, равных ему по весу и, быть может, даже более тяжелых, чем он.

* Имеются в виду желтые и белые трясогузки.

** Это ошибка. В тундре Западной Сибири пёночки-трещотки не живут, в данном случае это пёночки-таловки (*Phylloscopus borealis*).

Лорду Лильфорду пришлось убедиться, как один из пернатых хищников утащил у него в течение одного только часа не менее пяти раненых вальдшнепов. На Фарерских островах, по словам Мюллера, он часто ловится, залетая внутрь домов в погоне за скворцами. Когда он охотится за стаей этих птиц, скворцы стараются подняться выше его и до тех пор летят кверху, пока не становятся едва заметными для глаза. Этим самым они нередко спасаются от сокола. Но если какой-либо скворец отобьется от стаи, он делается верной добычей дербника. О ловкости этого хищника говорит факт, замеченный Сальвином и Бродриком, что он, подобно чеглоку, охотится и за ласточками, с несравненным искусством перенимая все их изворотливые движения. Мои личные наблюдения заставляют думать, что дербник, в противоположность другим благородным соколам, хватает свою добычу с земли и с воды. По крайней мере, я несколько раз видел, как он, совершенно как перепелятник, так близко облетал кусты, что почти задевал своими крыльями их листву, и поэтому я считаю его способным на все то, в чем так искусен перепелятник. Привычки дербника также напоминают привычки перепелятника: садясь на дерево, он всегда выбирает более низкие сучки и усаживается по возможности ближе к стволу.

Как большинство благородных соколов, дербник гнездится так же, сообразуясь с условиями местности; в горных областях — на скалах или в их трещинах, в лесистых — на деревьях, в тундре или на болотах — на земле. В середине или конце мая (на дальнем севере позднее) в гнезде находят четыре — шесть или продолговатых, или кругловатых яиц, покрытых по беловатому или темному кирпично-красному фону весьма нежными буро-красными и более грубыми черноватыми пятнами. В исключительных случаях яйца имеют шоколадный цвет с темно-бурыми пятнами, которые часто похожи на яйца пустельги или кобчика. Молодые выводятся приблизительно после трехнедельного насиживания*.

** Период насиживания у дербника составляет 30-33 дня.*

Вскармливаются обоими родителями, которые их горячо любят и храбро защищают. В общем, все питы ваются как чеглоки. Оставляют родителей уже в конце августа, покидают свой гнездовый район и направляются на зимние стоянки.

Хотя дербник питается преимущественно мелкими птицами, но вред, причиняемый им, едва ли ощутителен. Разумеется, и пользы хищник приносит столь же мало, так как уже прошли те времена, когда и дербника пускали в погоню за пернатой дичью. Удивительная смелость и несравненная ловкость делают его годным для охоты за мелкой дичью. Дербник был излюбленной ловчей птицей многих страстных охотниц, и особенным любимцем императрицы Екатерины II, для охоты которой эти птицы ловились и доставлялись ежегодно в довольно большом количестве. После осенних охот они выпускались на свободу.

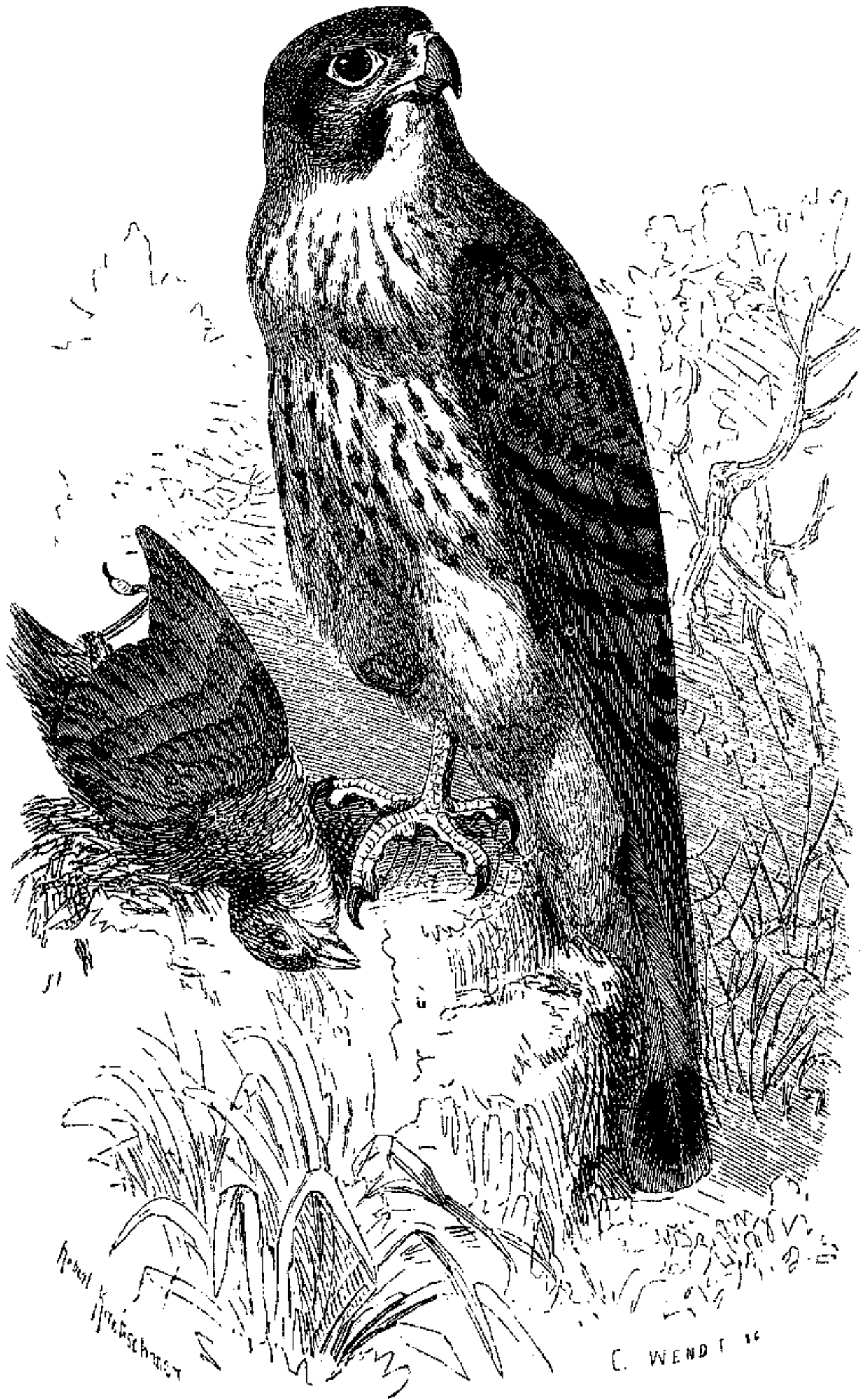
Так называемые неблагородные соколы схожи с их благородными родичами по внешности, строению клюва, крыльев и хвоста, но имеют более длинное и рыхлое оперение, более короткие крылья, в которых маховые перья не столь тверды, более длинный хвост, более сильные ноги с более короткими пальцами и различно окрашенное, смотря по полу, оперение. Неблагородные соколы похожи друг на друга, как по образу жизни и повадкам, так и по форме и окраске. Тотчас видно, что они менее одарены, чем только что описанные родичи. Полет их, правда, еще легок и довольно быстр, но все-таки далеко уступает полету благородных соколов. Обыкновенно они летают на значительной высоте над землей, внезапно останавливаются, увидев добычу, долгое время трепещут крыльями, благодаря чему продолжительное время держатся почти над тем же местом, и затем с довольно стремительной поспешностью бросаются вниз за намеченной добычей. Ради удовольствия они иногда, особенно в ясный летний вечер, забираются высоко, причем проделывают весьма красивые воздушные упражнения. Когда они сидят, то выглядят более вялыми, нежели благородные соколы, почему кажутся крупнее, чем есть на самом деле. На земле держатся довольно ловко: их длинные плюсны придают им довольно легкую походку. Что касается развития внешних чувств, то они несколько не уступают в этом благородным сородичам; но своим образом жизни от них отличаются. Они живее и веселее, притом смелы и задорны. Они часто из озорства преследуют более крупных пернатых хищников, а филина дразнят, насколько хватает сил. Их крик «кли-кли-кли» звучит по-разному, смотря по тому, что они им выражают: радость или страх. Будучи раздражены, они хихикают.

У нас неблагородные соколки довольно пугливы и бывают даже очень осторожны, когда знают, что их преследуют; на юге живут с человеком на самой короткой ноге. А красная пустельга вовсе не боится человека и даже его жилище считает своим. Они легко приучаются вылетать и возвращаться обратно, повинуются зову, приветствуют своих хозяев радостным криком и выказывают свою привязанность разными другими способами.

Чрезвычайно привлекательна зимняя жизнь этих соколов. Во время перелетов они собираются в общества, которые держатся вместе все время пребывания на чужбине. От Жердона и других индийских орнитологов мы узнаем, что европейские виды являются в южной Азии обычными зимними гостями. Они совершают перелеты вплоть до центральных частей экваториальных стран и для пребывания своего избирают там подходящие места в степях или девственных лесах. Причиной продления их пребывания служит обилие корма; поэтому соколов обыкновенно и встречают там, где массами попадает саранча. Кто не видел лично туч этих насекомых, тот не может составить о них никакого представления; попадают такие участки леса, в которых по стволам и ветвям деревьев видна одна только саранча. Спугнутая туча этих прожорливых созданий затемняет свет. Но скоро появляются и истребители саранчи и первым из них — красная пустельга. Сотни этих птиц неподвижно сидят на высочайших вершинах мимоз и плавно или трепеща крыльями без усталости летают и скользят над черно-серой тучей саранчи, проделывая самые разнообразные движения. Пока саранча висит еще на ветвях, длинные иглы и шипы деревьев не позволяют ринуться на нее проворным пернатым хищникам; но лишь только насекомые снимаются, соколы подлетают к ним, проносятся, охотясь, сквозь толпу летящей массы и ловко выхватывают когтями одного из этих вредных насекомых. Саранча вертится в когтях птицы, кусает своего врага острыми челюстями в защищенную щитиками плюсну; но враг оказывается сильнее. Один щипок сильного клюва раздробляет голову саранчи, и победитель тут же принимается есть ее. Не теряя времени, пустельга отрывает у насекомого крылья, отламывает жесткие ножки и съедает свою лакомую добычу в воздухе же, где она умеет удерживаться плавным полетом. В течение двух минут ловкий охотник ловит, разделяет и уже съедает саранчу. И вновь спешит к туче насекомых, чтобы еще поживиться одним из них. Одних этих данных достаточно, чтобы эти птицы приобрели наше расположение. Но и в летнюю пору они приносят такую же пользу человеку, как в далекой Африке, почему и заслуживают, чтобы всякий здравомыслящий человек щадил их, берег и холил.

Обыкновенная пустельга (*Falco tinnunculus*) чрезвычайно красивая птица. У самца в полном оперении голова, затылок и хвост — пепельно-серые (за исключением голубовато-черных концевых полос с белыми каемками); верхняя часть тела красивого ржаво-красного цвета, все перья с концевыми треугольными пятнами. Горло беловато-темное, грудь и брюхо красивого красноватого или бледно-желтого цвета, на некоторых перьях имеется по одному черному продольному пятну. Маховые перья черные и украшены 6-12 беловатыми или ржаво-красными треугольными пятнами на внутренних опахалах, на концах же с более светлыми каймами. Глаза темно-карие, клюв бурого цвета, восковица и голое место около глаз — зеленовато-желтые, ноги лимонно-желтого цвета. Есть усы. У старой самки вся верхняя часть красноватая с продольными пятнами, идущими до верхней части спины, отсюда же идут поперечные пятна; хвост по серо-красноватому фону имеет перевязи на конце широкие, в других частях узкие, одно только надхвостье чистого пепельно-серого цвета. Молодые носят одежду матери. Длина птицы достигает 33 см, размах ее крыльев 70, длина крыльев 24, хвоста 16 см. Самка на 2 см длиннее и на 3-4 см шире самца.

Нет ни одной страны от Лапландии и до южной Испании, от Приамурского края и до западного берега Португалии, ни одного местечка в Европе и Азии, где не было бы пустельги. Она живет как на равнинах, так и в гористых местностях, все равно, лесисты они или нет, она так же хорошо укрывается и в скалистых, и в лесистых местностях.

Обыкновенная пустельга (*Falco tinnunculus*)

Пустельга, бесспорно, принадлежит к числу самых милостивых соколов. Ее повсеместная распространенность и постоянное появление то тут, то там предоставляет всякому случай наблюдать эту птицу; кто познакомится с ней, тот и полюбит ее. Пустельгу можно видеть в деятельности с раннего утра до позднего вечера, часто совершенно в сумерках. Со своего гнезда, которое всегда является центральным пунктом обитаемой области, она летает на поля в одиночку или парами, а осенью даже и более многочисленными обществами, по крайней же мере вместе со своим подростком семейством. Пустельга вьется, трепещет крыльями, над каким-нибудь определенным местом, обзрывает с этого пункта всю расстилающуюся под ней окрестность и несется стремглав вниз, завидев своим необыкновенно зорким глазом какую-нибудь мышку, кузнечика, сверчка или другое более крупное насекомое. При этом, камнем несясь вниз, она прижимает к телу крылья; подлетев к самой земле, немного раскрывает крылья, нацеливается на добычу, схватывает ее когтями, взвизгивает и съедает ее, отлетев прочь; если добыча велика, она относит ее на более удобное место, где и съедает. Если самка сидит на яйцах, то самец издали оповещает ее призывным криком о своем прибытии или удаче на охоте, издавая разнообразные сдавленные и слегка крикливые звуки. Если пустельга во время охоты окружена еще неопытными молодыми, то возле пернатого кормильца царствует веселый беспорядок; каждый из них старается опередить другого, каждый пытается первым овладеть добычей. Такая семейная картина представляет собой чрезвычайно занимательное зрелище: горячая преданность птицы к своему потомству делает ее еще более привлекательной.

Смотря по состоянию погоды, пустельга кладет яйца немного позже или раньше. До начала мая редко можно найти полную кладку; чаще всего ее не находят до начала июня; само собой разумеется, что в южной Европе птица несется раньше. Для гнезда служит большей частью гнездо вороны или какое-либо углубление в скалах и строениях. У нас пустельга гнездится во всех вороньих, грачиных или сорочьих гнездах, в старых лесах охотно селится и в дуплах деревьев. Она общительна, как и ее ближайшие родичи, иногда образует настоящие колонии: известны случаи, что 20-30 пар мирно гнездились в одной и той же роще. Плоское дно гнезда этого сокола, мало отличающегося от гнезда других хищных птиц, скудно выкладывается корешками, соломой, мхом и шерстью животных.

Кладка состоит из 4-9, обыкновенно 4-6 кругловатых яиц, покрытых буро-красными пятнами и крапинками по белому или ржаво-желтому фону; яйца различны по величине и форме, имеют в большом поперечнике 36-41 мм, в меньшем — 29-32 мм. Они насиживаются преимущественно самкой; но иногда труд этот разделяется и самцом, который в другое время птенцовою поры заботится о корме для самки. Как и большинство хищных птиц, самец чувствует себя пригодным для ловли добычи. Но не в состоянии раскладывать пищу по рта птенцов, предварительно размягчив ее в зобу. Напротив, если молодые уже довольно окрепли, может быть, даже научились летать, тогда он проявляет самую горячую отцовскую заботу даже и тогда, когда по воле случая самка лишилась жизни. Оба родителя любят свое потомство с чрезвычайной нежностью, присущей всем хищным птицам, и проявляют необыкновенную смелость даже против человека.

Любимую пищу пустельги составляют мыши, вместе с тем она питается и насекомыми. Она ест и мелких птиц, если может добыть их и, случается, натаскивает своим птенцам несколько пар жаворонков; я не считаю невероятным, что она может решиться полакомиться где-нибудь молодым зайчиком. И, наконец, мне припоминается интересное наблюдение моего отца, как одна пустельга летела за бегущим взрослым зайцем, бросилась на него с высоты по крайней мере 20 м, дважды подымалась вверх и стремительно бросалась на косога с высоты с такой силой, что от него летела шерсть. Однако считать пустельгу, благодаря этому, за вредную птицу и преследовать ее, вместо того, чтобы брать под защиту, столь же несправедливо, как и безрассудно. Кто знаком с образом жизни пустельги, тот знает, что сокол этот принадлежит к числу полезнейших птиц и сохраняет наши поля от многих грабителей, хотя изредка он и промыслит какого-нибудь зайчишку или куропатку.

Я добирался до многих гнезд пустельги, будучи уже взрослым, наблюдал этого сокола в трех частях света и считаю себя поэтому совершенно компетентным высказать о нем собственное мнение. Но в этом случае мое мнение не единично. Все истинные и лишённые предрассудков наблюдатели высказываются совершенно в том же смысле, как и я. «Вред, причиняемый пустельгой, — говорит мой отец, — незначителен, так как она уничтожает небольшое количество птиц; но польза, приносимая ею истреблением мышей, весьма велика». В таком же духе высказывается и Науман: «Пустельга, правда, разоряет многие гнезда мелких птиц, преимущественно жаворонков. Однако она уничтожает гораздо большее количество мышей, почему и является весьма полезной птицей;

она съедает также много вредных насекомых, например, кузнечиков, полевых сверчков и т.п.». С не меньшей ясностью высказывается и Глогер, хотя он добросовестно перечисляет все проделки пустельги и обвиняет ее, например, в уничтожении птичьих яиц. «Пища, которой питается эта птица, делает ее, несмотря на небольшой вред, причиняемый ею мелким животным, весьма полезной для человека». Убедительны слова и Гомейера: «Пустельга принадлежит к числу полезнейших птиц, благодаря тому что питается, насколько я могу заключить, исключительно мышами, жуками, сверчками, кузнечиками и т.п. Сколько я ни наблюдал пустельгу во время своих экскурсий, я никогда не видел, чтобы она поймала птицу или даже преследовала ее. Правда, говорят, наблюдались случаи, что она ловила птиц, но, во всяком случае, это были исключения, не стоящие внимания». Упомяну еще здесь, что Прин, исследовавший погадки в одной колонии из двадцати гнезд этих соколов, нашел, что они состояли исключительно из мышинной шерсти и костей. Поэтому я считаю излишним приводить дальнейшие доказательства пользы пустельги.

В южной Европе к обыкновенной пустельге присоединяется близкородственный, более красивый вид — **степная пустельга** (*Falco naumanni*). Длина ее достигает 32 см, размах крыльев 68, длина последних 26, хвоста 14 см; самка на 2 см длиннее и на 5 см шире самца. У старого самца зоб, большие кроющие перья крыльев, задние маховые и хвост голубовато-пепельно-серые; перья спины кирпично-красные без малейшей отметины; грудь и брюхо темно-красноватые с очень мелкими стержневыми, часто почти невидными пятнами; хвостовые перья на конце имеют черную перевязь. Глаза, клюв и ноги окрашены так же, как и у обыкновенной пустельги, но когти не черного цвета, а желтовато-белые. Самка очень походит на самку вышеописанного вида, но светлее и легко отличается по бело-голубоватому хвосту и по светлым когтям. Молодые сходны с матерью.

Истинная родина степной пустельги южная Европа, Испания с ее островами, Мальта, южная Италия, но предпочтительнее всего Греция и страны, лежащие далее на восток. Она обыкновенна в южной и средней Испании, на Сицилии и в Греции, несколько реже встречается в Турции, но попадает повсюду, а в южно-русских, сибирских и туркестанских степях вместе с кобчиком является одной из самых обыкновенных хищных птиц тех местностей. В западной Сибири, по моим наблюдениям, область их гнездования ограничена степями, наверное, то же самое можно сказать и о востоке Азии. К югу степная пустельга распространена до Марокко, Алжира и Туниса; некоторые из них, по словам Гейглина, гнездятся в крепостных стенах Александрии; в Палестине, Сирии и Малой Азии этот сокол принадлежит к числу обычных гнездящихся птиц и совершенно обыкновенен в Персии, особенно на юге ее. Из своей столь обширной родины он каждую зиму совершает перелет в Африку и южную Азию. По личным наблюдениям я знаю степную пустельгу как одну из самых обычных зимних птиц степей внутри Африки.

По своему образу жизни, поведению и повадкам она представляет собой точную копию нашей пустельги, но еще более походит своими привычками на кобчиков, с которыми ведет самую тесную дружбу. О жизни кобчиков я буду говорить подробнее, почему и отсылаю читателя к этому описанию; здесь же упомяну только, что степная пустельга, безусловно, относится к числу самых привлекательных птиц из всего семейства.

Степная пустельга (*Falco naumanni*)

Несмотря на страсть к истреблению птиц у испанцев, итальянцев и греков, на юге Европы никто не думает их преследовать, в глазах же турок и русских они считаются неприкосновенными птицами. Как на востоке, так и на юге России в полезности этих соколов уже убедились. В одних местностях на них смотрят как на посланцев с неба в губительную пору налетов саранчи. В других просто радуются их присутствию, бодрой подвижности и с благодарностью смотрят на них, как на полноправных обитателей однообразных степей; по крайней мере, охотно забавляются ими, когда приходится ехать верхом или в повозке через эти гладкие равнины. При приближении птицы пугливо слетают со своих мест отдыха и все далее и далее летят перед путниками. Степная пустельга оказывается еще в более высокой степени насекомоядной птицей, чем обыкновенная, а также и наиболее успешно действующим врагом ужасной саранчи. Она, разумеется, не откажется и от какой-нибудь мышки, молодой беспомощной птички, ящерицы, если таковые попадутся на глаза; в общем, по своей пище ближе походит на кобчиков, чем на обыкновенную пустельгу.

Южной Европе свойственна еще другая насекомоядная хищная птица, родственная пустельге, но особенно близкая степной пустельге, это **кобчик** (*Falco vespertinus*) — один из самых красивых соколов вообще. Отличительные признаки его: более короткий клюв, другая относительная длина маховых перьев, более короткий хвост и, наконец, разнообразие оперения, зависящее не только от пола, но и от возраста птицы. По величине он почти равен степной пустельге. Длина самца кобчика достигает 31 см, размах его крыльев 78, длина крыльев 22, хвоста 14 см. Самка, примерно, на 3 см длиннее и на 4-5 шире. В полном оперении самца нельзя смешать ни с одним соколом. Нижняя часть брюха, штаны и нижние кроющие перья хвоста темного ржаво-красного цвета. Восковица, голое окологлазничное кольцо и ноги кирпично-красные, клюв у основания желтый,

на конце рогового голубоватого цвета. У самки голова и затылок светлого ржавого цвета, все остальные верхние части тела свинцово-серые: нижние шейные перья и хвост имеют более темные поперечные полосы; перед шеи, бока ее, за исключением бурых усов, — белые; остальные нижние части тела ржаво-желтые с единичными бурыми стержневыми штрихами. Восковица, окологлазничный ободок и ноги — оранжево-красные. В молодом оперении верхняя часть тела темно-бурая, причем каждое перо оторочено ржаво-желтоватой каймой; нижняя часть тела, начиная от белого горла, ржаво-желтая, покрытая широкими бурыми продольными пятнами. Голые места еще светлее, чем у самки. Глаза всегда карие.

Кобчик одинаково водится как в юго-восточной Европе, так и в Средней Азии и только на Амуре и в Китае замещен близким родичем. На западе нашей части света он редок, но иной раз пролетом встречается и там. Кобчик представляет собой в полном смысле характерную для степей птицу и живет, начиная от венгерской степи через южную Россию и всю Среднюю Азию до границ Китая. Соответственно этому он зимой улетает преимущественно в Индию, а не в Африку. Правда, и в Африке он встречается в долине Нила, но всегда лишь одиночками, и только на юго-востоке этого материка, куда он попадает, очевидно, из Индии и южной Аравии, его наблюдают чаще.

Кобчик (*Falco vesperinus*)

В посещенных мною степях южной части западной Сибири и северном Туркестане кобчик принадлежит к числу весьма обыкновенных птиц: в этих областях его так же часто можно видеть, как облака на небе. Лишь в очень редких случаях я видел одиночных кобчиков, большей частью наблюдал их обществами и постоянно вместе со степными пустельгами, на которых они до мельчайших подробностей походят своим поведением и повадками. Оба эти быстролетных сокола всюду являются верными товарищами, и что замечаешь у одних, то видишь и у других. Где только найдется местечко для их отдыха, будет ли то линия телеграфных столбов или окаймляющий зимник часток, плетень из конических корзин, наполненных землей, или врытые наискось столбы с 2-3 оставленными нарочно ветвями — они непременно уже тут.

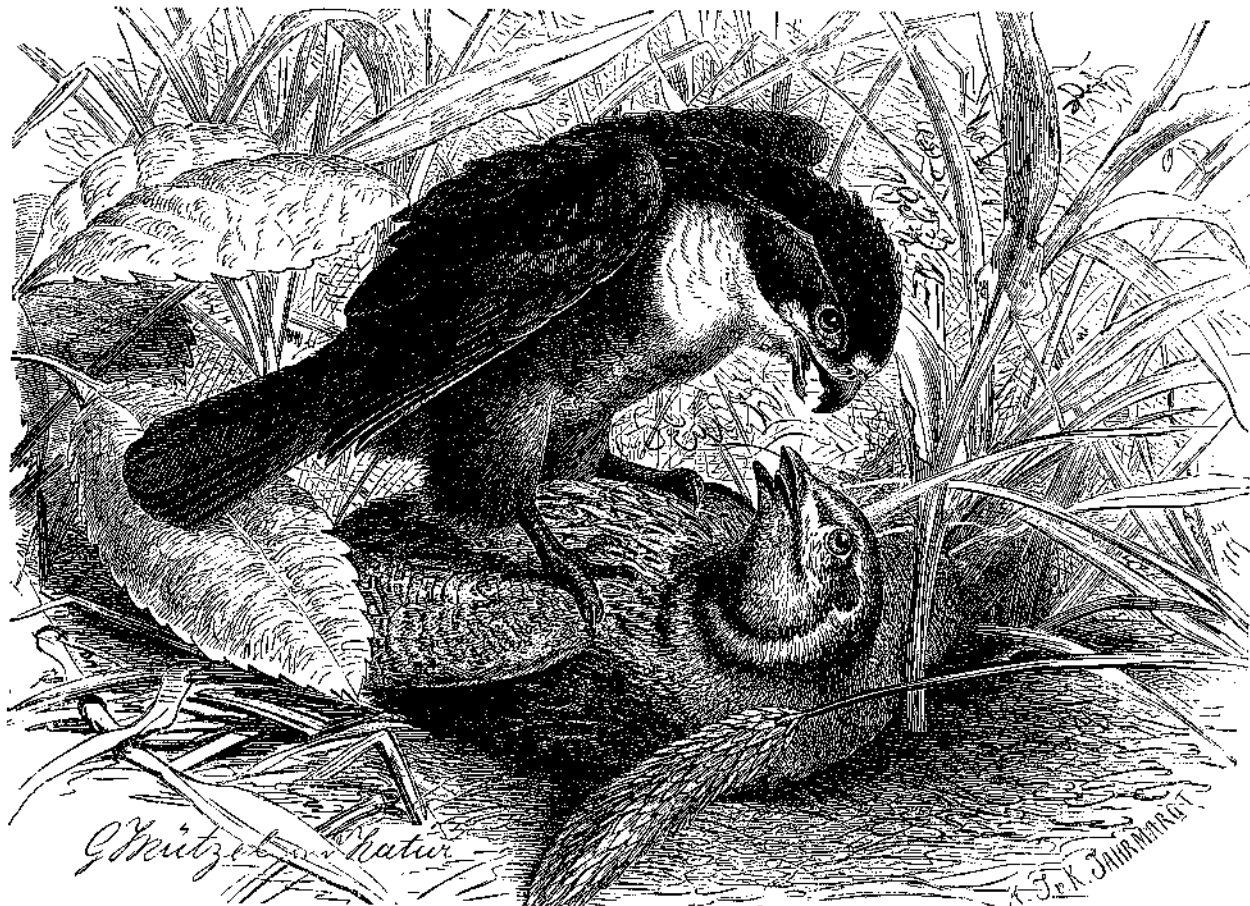
Я должен заметить, что кобчики встречаются в степях не повсюду в одинаковом количестве, и во время своего полета, видимо, следуют направлению более крупных рек, по крайней мере, во время своих прилетов и отлетов в приречных долинах встречаются чаще, нежели в далеких степях. Здесь они разлетаются уже потому, что не везде могут найти подходящих гнездовых и должны отыскивать более удобное место стоянки. По моему предположению, они предпочитают отлогие откосы холмов или даже крутые обрывы гор открытым равнинам, хотя и здесь они отнюдь не отсутствуют. Такое предпочтение объясняется, быть может, просто тем, что поблизости таких отрогов есть подходящие для гнездовья скалистые стены, которые впоследствии и становятся центральным местом их участков. Если в известной местности растут несколько высоких деревьев, то кобчики иной раз образуют настоящие поселения, во всяком же случае деревья делаются местом утренних и в особенности вечерних собраний этих милых соколов. Тогда их видишь здесь в полуденную пору усевшимися для отдыха тесно друг к другу на деревья обществами из 20, 30 и более штук. В таком положении кобчики ждут, пока наступит позднее послеполуденное или вечернее время, необходимое для их охоты. Лишь только насекомые начнут усерднее летать и ползать, кобчики снимаются и летят во все стороны степи высматривать там кузнечиков, стрекоз, бабочек, крылатых муравьев и жуков. Большую часть пищи этих соколов составляют насекомые в различных стадиях развития, преимущественно жуки; реже они промышляют какую-нибудь мышку или маленькую ящерицу. Удивительно то искусство, с которым кобчики схватывают ползущего по земле жука, держат его плотно между своими короткими когтями и съедают на лету. Иногда насекомое бывает настолько мелко, что его не замечаешь, будучи даже на расстоянии нескольких метров от сокола. И судишь об удачном лове лишь по тому, что птица съедает свою добычу на лету, для чего слегка протягивает лапы, что-то берет из них клювом и съедает. После этого сокол тотчас же приступает к своим воздушным упражнениям и вновь что-нибудь да ловит. Чем ближе наступает вечер, тем оживленнее становятся движения кобчика, так как с приближением ночи все больше и больше появляется насекомых, оставляющих свои укромные уголки и принимающихся летать. Поэтому этих птиц часто можно видеть на охоте поздно, после захода солнца, и только с полным наступлением ночи они обществами летят на ночлег. Напротив, в туманную погоду они, по словам Робсона, сидят на земле или летают у самой ее поверхности в надежде поживиться каким-нибудь одиноким насекомым. Но лишь только погода прояснится, и солнце снова ярко заблестит на небе, они выказывают полную оживленность и веселость.

Ко времени птенцовой поры стаи, летавшие на зимовки, сообщая жившие там и вместе вернувшиеся, разбиваются на пары. И в это время можно видеть, как самцы проделывают всевозможные воздушные упражнения, охорашиваясь перед самками и развлекая их; вообще они выказывают все свойственное им искусство в летании. О размножении, к сожалению, я не могу привести собственных наблюдений и в этом случае должен заимствовать сведения у других натуралистов, именно у Радде и Нордмана. По сообщению первого, кобчики устраивают в мае свои гнезда на деревьях и для этого выбирают преимущественно высокие ивы; по сведениям последнего, они нередко пользуются сорочьими гнездами. Утверждали, что кобчик охотно устраивает гнездо и в дуплах деревьев; и это мнение отнюдь не невероятно. Кладка состоит из 4-5 яиц, которые очень малы, шаровидны, мелкозернисты и по желтовато-белому фону покрыты более бледными и более темными красными точками и завитками. В начале августа птенцы уже вылетели, и с этих пор самым усердным образом обучаются своими родителями. Лишь только они выучатся ловить добычу, все кобчики, и старые и молодые, начинают готовиться к отлету на зиму.

Самые маленькие из соколов живут в южной Азии. Эти хищные птицы, будучи величиной с жаворонка, однако вполне оправдывают свое название, так как в смелости и храбрости они соперничают с самыми крупными благородными соколами. Эти маленькие миловидные соколы, которых

Кауп сравнивает с попугаями, свойственны Индии и странам Малайского архипелага и распространены там в числе около полудюжины видов.

Самый известный вид — **мути** (*Microhierax caerulescem*), птица, имеющая в длину самое большее 20 см, при длине крыльев в 9 и хвоста в 6 см. Темя, затылок, хвост и состоящие из шелковистых перьев штаны этого сокола — голубовато-черные. Передняя сторона головы, горло, грудь и полосы, идущие от углов клюва вплоть до плеч — ржаво-красновато-белые; остальные нижние части ржаво-красные. Круглые беловатые пятна на хвосте образуют четыре красивые перевязи; с таким же рисунком и маховые перья. Глаза темно-карие, клюв буро-черный, ноги светло-голубые.

Мути (*Microhierax caerulescens*)

Этот сокол хорошо известен всем туземцам, распространен по всей южной Азии. К сожалению, об его нраве, равно как и о нраве других родственных ему соколов, известно очень мало. Рассказывают, что карликовые соколы в высшей степени храбрые птицы, ревностно охотятся за всеми мелкими пернатыми, но не боятся битвы и с более крупными птицами. Этими достоинствами, разумеется, пользуются столь любящие охоту индусы. Название этого сокола — мути обозначает «горсть» и дано птице потому, что, идя на охоту, его забирали в кулак и прямо как камень бросали на добычу. Мути, по словам Мундея, дрессируют бросаться на перепелов и другую подобную дичь. По уверению этого натуралиста, он по опыту убедился, что подобная охота доставляет своеобразное удовольствие. Выдрессированный соколик помещается на ладони головой в одну сторону, хвостом в другую, причем его оперение тщательно разглаживается. Подойдя шагов на 20-30 к дичи, сокольник сильно кидает птицу вслед за улетающей дичью. Птица с величайшей храбростью, поястребиному стремительно несется вниз на добычу.

Некоторые натуралисты, а между ними и Жердон, сомневаются, чтобы этот сокол употреблялся для таких охот.

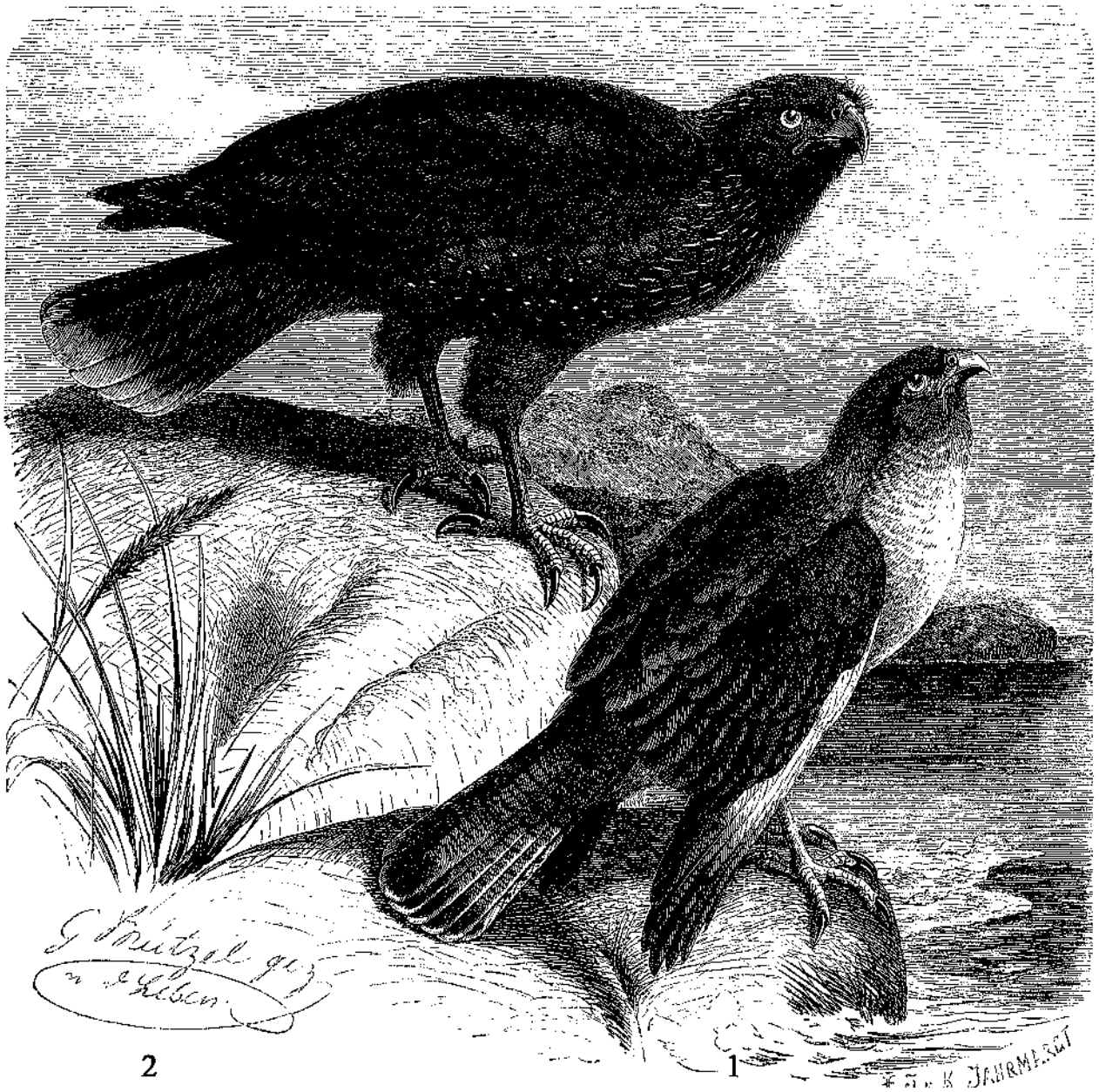
Семейство каракара

К особенному семейству причисляем мы каракар. Это хищные птицы с относительно длинным клювом, который у основания прямой, на конце слегка загнут коротким крючком и не имеет зубцов. Ноги высокие, с узкими плюснами и слабыми, не очень длинными пальцами, вооруженными мало загнутыми, но острыми на конце когтями; крылья короткие, хвост широкий и длинный, оперение жесткое. Уздечка, в редких случаях горло и передняя часть лба голые, а на задней части головы перья заострены.

Каракар можно узнать издали по полету: их крылья кажутся четырехугольными потому, что раздвинутые маховые перья кажутся одинаковой длины. Полет их мог бы быть очень быстрым, но большей частью птица летит медленно и низко над землей. Ходят они без труда, важно и медленными шагами. Один вид каракар так освоился с землей, что для ночлега не выбирает деревья, а только обломки скал.

Одним из видов каракары является **химахина** (*Milvago chimachina*). Эту птицу отличают характерные признаки. Длинный слабый клюв оканчивается коротким крючком и не имеет зубцов на верхней челюсти. Восковица образует широкую выемку перед круглыми ноздрями, окруженными высокими краями. Стройные ноги средней длины, плюсны почти совсем голые; довольно длинные пальцы вооружены крепкими, круто загнутыми когтями. Крылья, в которых четвертое маховое перо самое длинное, заострены; довольно длинный хвост несколько закруглен; на горле оперение очень редкое. Длина достигает 38 см, у самки 40 см, размах крыльев 81-83, длина крыла 25-26, длина хвоста 16-17 см.

Химахина распространен на большей части Южной Америки. В Бразилии он водится везде во множестве, преимущественно в степях, а именно в высохших болотах; на островах Чили живет везде и встречается в огромном количестве, а на берегах Патагонии и Огненной Земли составляет еще довольно обыкновенное явление. Любимым его местопребыванием служат открытые, ровные местности, особенно выгоны, где пасется скот, на островах его можно видеть на каждой крыше, за каждым плугом. На берегах моря встречается везде, на горах только до известной высоты. Ходит довольно уверенно, летает же не очень быстро, так как парение прерывается довольно частыми ударами крыльев. Химахина перелетает с одного места на другое чаще попарно, иногда в одиночку, но никогда не собирается в стаи или общества.

1 — Химахина (*Milvago chimachina*) 2 — Химанго (*Milvago chimango*)

По словам Дарвина, химахина пожирает все, даже хлеб, выброшенный с сором из дому, или сырой картофель, который он ворует не только около домов, но выкапывает и в поле, вскоре после того, как его посадят. Химахина последним из хищников покидает скелет трупа; его часто можно видеть за ребрами скелета коровы или лошади, как птицу в клетке. Черви и личинки насекомых составляют иногда лакомое блюдо для химахина; кроме того, он часто садится на спины домашних животных, чтобы освободить их от вшей и других насекомых или их личинок. В болотах отыскивает улиток и пресмыкающихся, на морском берегу клюет в песке разных морских животных, которых прилив выбрасывает на берег. По-видимому, он совсем не гоняется за птицами и млекопитающими. В желудке этих птиц натуралисты находили только белых личинок и червей, улиток и рыб, но никогда не видали следов съеденных ими птиц. Химахина несносен своей воровскою наглостью, но еще несноснее высоким, звонким, часто повторяющимся свистом, который буквально оглушает слушателя.

В сентябре или октябре химахина удаляется от человеческих жилищ, чтобы на подходящем дереве из хвороста и корней построить большое, но низкое и плоское гнездо. Кладка состоит, по мнению д'Орбиньи, из 5-6 кругловатых яиц, покрытых по красноватому или светло-серому фону красными или темно-бурыми пятнами и крапинками. Эти крапинки у толстого конца яйца гуще, чем у тонкого, и расположены весьма неправильно. В период высидывания химахина общительнее и терпимее, чем в другое время и выказывает большую нежность к своим птенцам, но как только птенцы становятся самостоятельными, вся суровость нрава снова возвращается к родителям.

Химанго (*Milvago chimango*). Эти хищные птицы, хотя в некоторых местностях живут вместе с химахинами, но вообще принадлежат к птицам более южной оконечности материка. Особенно часто встречаются на Фолклендских островах, которые, по-видимому, составляют центральный пункт его области распространения. По величине они подходят к нашим орлам-крикунам. Оперение старых птиц густого черного цвета, только перья спины и груди покрыты беловатыми долевыми пятнами.

О нравах и образе жизни химанго сообщают нам Дарвин и Аббот. «Эти хищные птицы, — говорит Дарвин, — во многом сходны с другими каракарами. Они питаются мясом убитых животных и рыб, на некоторых же островах одно море доставляет им пищу. Они совсем не робки, скорее в высшей степени бесстрашны, и отыскивают себе пищу в отбросах, около самых жилищ человека. Когда общество охотников убьет зверя, то химанго собираются в большом количестве вокруг трупа, терпеливо ожидая, не перепадет ли что-нибудь на их долю. Но они также охотно нападают и на раненых животных: так, например, один раненый баклан, убежавший от них к берегу моря, был мгновенно схвачен и убит несколькими химанго, по крайней мере, его смерть была ускорена ударами клюва этих хищников. Офицеры одного военного судна, зимовавшего на Фолклендских островах, рассказывают много примеров необыкновенной хищности и бесстрашия этих птиц. Так, они напали на собаку, лежавшую у ног своего господина, а на охоте стрелкам стоило немало труда спасать от химанго убитых ими диких гусей, которых эти хищники хватали прямо на их глазах. Говорят, что целое общество этих хищных птиц сидит часто перед отверстием кроличьей норы и, когда выйдет животное, набрасываются на него все вместе. Пока корабль находился в гавани, эти птицы постоянно летали вокруг борта, так что надо было ставить усиленный караул, чтобы не дать им срывать кожу со снастей или воровать мясо и дичь с кормы корабля». Аббот заметил, что они не щадят даже раненых птиц своего собственного вида, а яростно набрасываются на них, убивают и пожирают.

"Они чрезвычайно живы и любопытны и хватают почти все, что лежит на земле: большую черную лакированную шляпу затащили они раз на целую английскую милю расстояния; точно так же унесены были два тяжелых шара, которые употребляются для поимки скота. У Узборна во время съемки плана береговой линии они утащили маленький компас вместе с футляром, в котором он лежал, и так далеко унесли, что его никак не могли отыскать; кроме того, птицы эти так задорны и страстны, что иногда со злостью вырывают клювом траву». Несмотря на то, они очень трусливы при встрече с более мужественным животным. По земле они бегают с удивительной скоростью, почти так же ловко, как фазаны; полет их, напротив того, тяжел и неуклюж, так что они скорее бегают, чем летают.

Каракара (*Polyborus plancus*). Отличается стройным телом, большим, вытянутым, но высоким, у корня прямым клювом со слабым крючком на конце, высокими стройными ногами, довольно короткие пальцы которых снабжены острыми, но едва загнутыми когтями, длинными, сильными крыльями, в сложенном состоянии почти достигающими конца хвоста; на них третье маховое перо самое длинное; длинным, на конце обрубленным хвостом, жестким тусклым оперением, которое на голове, шее и груди состоит из узких, а на спине из широких, закругленных перьев, а на уздечке превращается в щетинки. По измерению принца фон Вид, каракара достигает 70 см длины; размах крыльев равняется 125 см, длина крыла 38, длина хвоста 20 см. Перья верхней и задней части головы, которые иногда приподнимаются в виде хохла — темно-буро-черные; перья спины чернобурые с белыми поперечными полосками; крыло темно-бурое. Самка немного больше самца, но вообще отличается от него только немного более бледной окраской.

Азара, принц фон Вид, Дарвин, д'Орбини, Шомбургк, Чуди, Бок, Овен, Герман и другие натуралисты доставили нам очень подробные сведения об образе жизни, нравах и местожительстве каракара. Эта хищная птица живет нередко парами в равнинах Южной Америки, преимущественно в степях и редких лесах. В первобытных лесах и в горах они никогда не встречаются, но особенно многочисленны в местах болотистых. «Часто можно видеть, — говорит принц фон Вид, — как эти красивые хищные птицы прохаживаются по пастбищам или, сильно ударяя крыльями, почти над самой землей торопливо перелетают с одного куста на другой. Но еще красивее эти пестрые, гордые птицы на земле. Они ходят, выпрямившись, и ловко шагают, так как их длинные ноги, довольно короткие пальцы и не очень загнутые когти очень удобны для хождения». Хохол их придает им, по мнению Бока, величественный вид, а дерзость вполне соответствует тому мнению, которое составляешь себе о них с первого взгляда.

пойманную добычу. Так, например, они преследуют больших аистов, только что проглотивших кусок мяса, и мучают их до тех пор, пока несчастные птицы не отрыгнут добычу, которой тотчас же завладевают каракара. С другой стороны, их тоже дразнят и сердят всевозможные птицы. Даже их ближайшие сородичи часто ссорятся с ними. «Когда каракара, — говорит Дарвин, — спокойно сидит на ветке или на земле, химанго часто принимается кружиться около него, то поднимаясь, то опускаясь, и норовит всякий раз, как приблизится к своему родичу, нанести ему удар клювом, который, со своей стороны, каракара старается всеми силами отвести».

С раннего утра до поздней ночи каракара постоянно деятелен и в непрерывном движении. К вечеру он соединяется на известных местах с другими птицами своего вида, прежде всего со своим верным товарищем, черным коршуном. Причем выбирает для ночлега преимущественно нижние ветки одиноко стоящих старых деревьев в степи. К таким деревьям он прилетает за 5-6 английских миль. За неимением их устраивается и на низких кустах, садится на удобные ему скалы или на постройки термитов.

Спарившиеся каракара живут в течение целого года в самом тесном союзе. Их можно узнать даже среди целой стаи, так как они постоянно держатся вместе. Время высидивания различно, смотря по местности, в которой птица живет. В Парагвае каракара вьет гнездо осенью, в средней Америке — весной. Гнездо представляет большую плоскую постройку из хвороста, углубление которой выложено тонкими кореньями, травой и мхом. Его находят как на высоких, так и на низких деревьях. Кладка состоит из 3-4 яиц, которые имеют форму вытянутой груши; они достигают 45 мм длины и в самом толстом месте 35 мм ширины, различны по цвету и рисунку, но преобладающий цвет — желтоватый с бурыми и кроваво-красными пятнами. Птенцы при появлении из яйца покрыты белым пушком; родители воспитывают их очень заботливо и, пока они нуждаются в их помощи, поддерживают во всех отношениях; но потом скоро гонят их от себя или, по крайней мере, относят к ним равнодушно.

Отряд курообразные

Большая часть курообразных имеют плотное телосложение с короткими крыльями, сильными ногами и обильным оперением. Тело их плотное, короткое, с высокой грудью, шея короткая, самое большее средней длины; голова мала, клюв, представляющий многочисленные различия, обыкновенно короток и едва равен половине длины головы, но иногда и очень длинен, почти достигает длины головы. Ноги, самый важный орган движения кур, всегда очень сильные и по большей части средней вышины; лапы длиннопалые; когти короткие. Голень толста и мясиста, благодаря сильным мускулам, которые прикрепляются здесь к костям; плюсна толстая; лапы более или менее развиты. Обыкновенно четыре пальца хорошо развиты, но иногда задний палец недоразвит, так, что остается лишь коготь, который только изредка вполне исчезает. У большинства куриных, живущих на земле, задний палец, прикрепленный выше остальных, мал; у древесных кур он, напротив, довольно велик; у одной группы пальцы развиты в поразительной степени. Крылья обыкновенно короткие и в таком случае сильные и выпуклые, но в виде исключения они бывают и очень длинными. Заслуживает внимания необыкновенное развитие перьев гузки или кроющих перьев хвоста, которые служат главным украшением некоторых кур, а также у некоторых видов замечено строение и развитие малых маховых перьев. Оперение покрывает тело и шею очень обильно, у двух групп также и ноги до пальцев, но зато часто оставляет непокрытыми большие или меньшие места на шее и зобе. В таком случае кожа образует здесь наросты, которые так же сильно развиты, как на других местах перья; образуются вздутия в виде бородавок, лопастей, гребней, бородак и других придатков.

По великолепию и красоте цветов куры вообще едва ли уступают представителям других отрядов, и многие из них могут соперничать с самыми блестящими представителями того же класса. Различие в оперении самца и самки ни у каких птиц не проявляется в большей степени, чем у кур. По крайней мере, самцы у многих отличаются от самок, которые более скромно оперены, таким поразительным образом, что трудно признать в них птиц одной пары.

Курообразные, которых известно около 400 видов, как уже указано, космополиты, но Азия наиболее богата ими. Каждая область служит более или менее исключительным местом жительства известных семейств. Любимым местом пребывания куриных можно считать лес, но они не исключительно живут в нем, так как населяют и бедные растениями равнины, покрытые лишь скудным кустарником и травами горные склоны Альп ниже снеговой линии и соответствующие им по климату тундры. Представители этого отряда встречаются почти на всем земном шаре; где одни виды не могут поддержать свою жизнь, там другие находят свое ежедневное пропитание. Как могут они добыть пропитание в тех местах, где солнечный зной или холод ночи, длящийся месяцы, приносят на землю бескормицу и нужду, мы не можем понять, хотя и знаем, что им годится собственно все съе-

добное. Куриные главным образом питаются растительными веществами, но в то же время не пренебрегают и животными; кроме того, они довольствуются веществами, которыми питаются разве только гусеницы, а может быть и некоторые жвачные.

Курообразных нельзя назвать особенно богато одаренными природой. Способности их незначительны. Лишь самая меньшая их часть может соперничать с другими птицами в летании, большая часть плохо лазает, так как не может свободно двигаться, и все без исключения боятся воды. Царство их — ровная земля. Зато они отличные бегуны; сильные и относительно высокие ноги позволяют им бегать не только продолжительно, но и очень быстро. Если одна сила ног оказывается недостаточной, то они прибегают к помощи крыльев, больше затем, чтобы поддерживать тело в равновесии, чем для того, чтобы двигать его вперед. Лететь курица решается обыкновенно лишь тогда, когда это кажется ей необходимым, если она не надеется достигнуть цели достаточно быстро или достаточно верно. Полет большинства видов требует многочисленных, быстрых ударов короткими, круглыми крыльями, не дает движущим ими мускулам промежутков для отдыха и потому очень скоро утомляет птиц. Но и в этом отношении есть исключения. Голос кур всегда своеобразен. Немногие виды могут быть названы молчаливыми, большая часть кричит охотно и много. Но приятных звуков приходится слышать мало. Нежный призывный голос наседки к своим цыплятам еще может нравиться, но любовный крик петуха едва ли кому-нибудь приятен, хотя иные и называют этот крик «пением», но о настоящем пении здесь не может быть и речи. Охотники, конечно, не обращают внимания на мелодичность пения; в их ушах голос некоторых самцов звучит приятнее, чем пение соловья.

Относительно развития высших способностей можно дать также не очень благоприятный отзыв. Зрение и слух, по-видимому, остры; вкус и обоняние нельзя считать недоразвитыми; относительно осязания мы должны воздержаться от решения. Нельзя отрицать у них известной степени понятливости, ни при более внимательном наблюдении скоро замечаешь, что ума их хватает не далеко. Курообразные хотя и имеют хорошую память, но не находчивы. По отношению к опасным животным или людям они ведут себя так же, как и по отношению к неопасным. Пустельга нагоняет на них такой же ужас, как и орел; пахарь причиняет такой же страх, как охотник. Продолжительное преследование делает их лишь более пугливыми, но не более осторожными, более недоверчивыми, но не более догадливыми. Если же в дело замешивается страсть, то они становятся безрассудными. В высокой степени страстными оказываются все виды, даже те, которых мы считаем самыми кроткими и миролюбивыми. Половое возбуждение у них самое сильное, какое только можно вообще наблюдать у птиц; оно изумительно и кажется даже невероятным. Стремление к спариванию у многих переходит в настоящее бешенство, совершенно изменяет их характер, подавляет, по крайней мере, на время, все другие потребности и чувства, делает их в буквальном смысле безумными. Петух в возбужденном состоянии признает лишь одну потребность: владеть одному несколькими и даже многими курами. Горе тогда всякому сопернику! По отношению к нему нет пощады; чтобы повредить ему употребляются все средства. Никакая другая птица не борется с соперником с более упорным бешенством, немногие бьются с такой же, никогда не слабеющей выносливостью. Всякое оружие пускается в дело; всякое средство кажется пригодным. К битве побуждают красота и голос, сила, ловкость и всякие другие дарования противника; бьются с ожесточением, которому нет равного, вовсе не обращая внимания на посторонние обстоятельства, пренебрегая полученными ранами, забывая только что избегнутую опасность; бьются в буквальном смысле не на жизнь, а на смерть. В сердцах обоих бойцов царствует одно лишь чувство: угроза телу и жизни соперника, его чести и самоуверенности, захватить награду любви.

Самец не заботится о судьбе своего потомства в том случае, если он бросается в глаза своей величиной и красотой оперения; напротив, если он по цвету похож на окружающую среду, и мало отличается от самки, то он принимает большее или меньшее участие в деле воспитания потомства. В первом случае самец предоставляет курице одной высиживать яйца и водить птенцов; он присоединяется к семейству лишь тогда, когда счастливо окончено скучное дело высиживания; тогда он служит сторожем и вожаком всего выводка. Во втором случае самец, начиная с того времени, как положено первое яйцо, охраняет безопасность матери и потомства и с отеческой верностью подвергает себя видимым опасностям в надежде спасти их.

Значительное большинство курообразных высиживает на земле. Гнезда их могут быть различными, но никогда не устраиваются искусно. Кладка обыкновенно многочисленна. Яйца разрисованы, но все же однообразны.

Молодые вылупливаются из яиц в виде подвижных и относительно развитых существ. Птенцы с первого дня жизни подбирают пищу, которую указывает им мать, слушаются ее зова и, если

они устали или ищут защиты от дурной погоды, то мать прикрывает их собою. Рост их идет необыкновенно быстро. Большинство видов уже раньше конца первого года получают оперение взрослой птицы. Другим видам нужен промежуток времени в два и даже три года для того, чтобы их можно было считать окончательно оперившимися.

Куриные имеют так много врагов, что только их необыкновенно сильное размножение может поддерживать равновесие между истреблением и замещением. Все хищные животные, большие и малые, ревностно преследуют кур, а человек присоединяется в качестве злейшего врага к естественным их преследователям. Курообразные везде служат предметом охоты и притом в большей степени, чем все остальные птицы вместе взятые. Но человек скоро заметил и то, что этими важными животными можно пользоваться и совершенно другим способом. Уже с древнейших времен человек старался привязать к себе их, по крайней мере, некоторые виды из лесов южной Азии распространил по всей земле и приучил к самым различным климатам, к самым различным условиям. Вероятно, что из всех видов он выбрал самые пригодные; но не подлежит никакому сомнению и то, что человек подчинит своей власти многие виды, которые в настоящее время живут на воле, и сделает из них полезных домашних животных.

Семейство краксы

У большой группы краксов клюв высокий, на верхнем крае сильно изогнут, по сторонам сжат, лишь в исключительных случаях на спинке образует острое ребро. У основания клюв покрыт восковицей и украшен наростами, которые во время спаривания еще сильнее разбухают. У одного вида они переходят в твердый очень большой грушевидный желвак, у другого вида заменяются стоячим рогом, расположенным более к середине головы. Ноги сильные, умеренной высоты и с довольно длинными пальцами, крылья короткие, седьмое и восьмое маховые перья перья в них самые длинные. Хвост довольно длинен и немного закруглен. Оперение на темени и затылке удлиняется большей частью в гребнеобразный хохолок, который состоит из узких жестких перьев, сначала загнутых слабо назад, а на концах снова вперед.

Хохлатый гокко (*Craax alectoi*) из этого семейства имеет желтый мясистый нарост у основания клюва; все оперение блестящего голубовато-черного цвета, но брюшко, гузка и окончания хвостовых перьев белые. Глаза карие.

клюв у основания бледного воскового цвета, на остальных частях рогового цвета. Ноги мясного красного цвета. Длина около 95 см, длина крыльев 42, длина хвоста 32 см. У самки только шея, грудь и спина черные, живот ржаво-красный, крылья и нижняя часть бедра ржаво-красные с желтыми волнистыми полосками*.

* *Описанный здесь вид по окраске некоторых частей тела и окраске самок более всего напоминает гололицего кракса (Craax fasciolata).*

Гокко населяют Южную Америку, включая и юг Мексики; распространяются по внутренней Бразилии до Парагвая и Чили, встречаются там во всех лесах.

Гокко чрезвычайно привязаны к деревьям и покидают лес лишь на короткое время. Их, правда, часто встречаешь и на земле, по которой они, если почва ровная, бегают с чрезвычайной быстротой; обыкновенно же видишь на ветвях деревьев, во время насиживания парами, а то по три, четыре штуки и более. По ветвям двигаются они медленно, хотя относительно ловко. Полет низок и непродолжителен. Голоса этих птиц очень разнообразны. Одни ворчат, другие свистят, третьи бормочут, у иных слышатся звуки, которые можно передать слогами «ракка-ракка». Голоса слышатся чаще всего в ранние часы утра, вскоре после пробуждения от сна, и после того, как птицы выйдут из середины леса на прогалины у берегов реки. Индейцы рассказывали Шомбургку, что один вид всегда начинает кричать, когда созвездие Южного Креста достигает наибольшей высоты, и Шомбургк нашел это поразительное сообщение верным. «4-го апреля, начало Креста достигло меридиана в 11 часов 25 минут, и в это самое мгновение в ночной тишине раздался глухой голос гокко. Через четверть часа глубокая тишина лежала на наших окрестностях. Так как мы в продолжение этого времени никогда не слышали голоса этой птицы, то сообщение оказалось в этом случае настолько верным и поразительным, что все сомнение относительно замечательного явления у нас исчезло».

Пища гокко, живущего на свободе, состоит преимущественно или даже исключительно из плодов*.

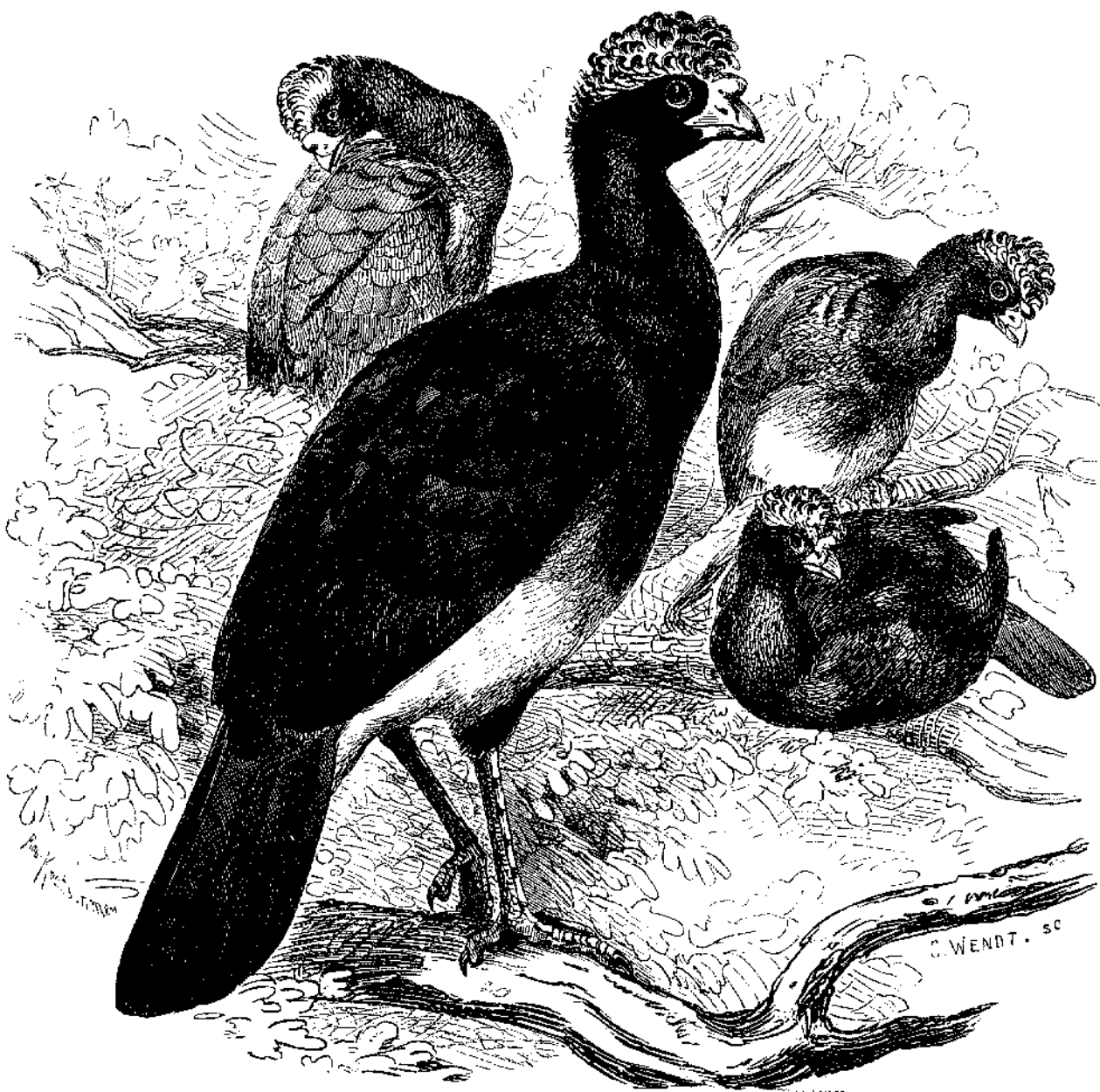
* *Наряду с растительной пищей, хохлатый гокко и другие виды краксов используют и животные корма червей, насекомых и других беспозвоночных.*

Шомбургк подтверждает это сообщение и прибавляет, что иногда их мясо, вследствие употребления в пищу известного растения, принимает резкий запах лука, в то же время и вкус его из-

меняется и делается более пикантным. «Когда индейцы, рассказывает он, — были заняты чисткой места для того, чтобы повесить гамак, и срезали лесными ножами попадающийся на пути кустарник и вьющиеся растения, мое обоняние поразило этот запах с такой силой, будто работали на луковом поле. При исследовании я нашел, что запах принадлежал стволу и листьям одного вьющегося растения. Без сомнения, в то время, когда мясо гокко принимает описанный луковый запах и вкус, птицы едят плоды, семена и цветы этого вьющегося растения». Бэте очень определенно указывает, что гокко, живущие в лесах по берегам Амазонки, никогда не спускаются на землю с вершин высоких деревьев, причем они не только проводят большую часть жизни на макушках деревьев, но и там находят себе корм. Это подтверждает и опыт, приобретенный нами в зоологических садах. По способу отыскивания пищи гокко отличаются от всех куриных; они не разгребают почвы, а только подбирают корм с земли или срывают его со стебельков, как голуби.

Относительно размножения, к сожалению, нам известно до сих пор очень немного, однако все-таки мы знаем, что гокко высидывают птенцов не на земле, а на деревьях**.

* * Гнезда гокко имеют вид плоского настила из ветвей и устраиваются на деревьях, обычно высоко над землей. В кладке 2 белых яйца, у некоторых видов — 3. Насиживает главным образом самка около месяца. Птенцы вылупляются покрытые пухом, очень быстро развиваются, и вскоре покидают гнездо, сопровождаемые родителями. Птенцы выкармливаются различными беспозвоночными.

Хохлатый гокко (*Cathartes aura*)

Так как мясо гокко по нежности похоже на мясо голубя, а по вкусу на мясо индейского петуха, то в Южной Америке на них ревностно охотятся, особенно во время спаривания, когда птицы

обнаруживают свое присутствие звучащим на далекое пространство голосом. В глубине леса, далеко от жилищ, они едва ли выказывают страх перед людьми. Их можно было без труда захватить и даже убить нескольких одного за другим, при этом остальные птицы даже не удалялись. Остающиеся в живых, конечно, со страхом смотрят на убитых товарищей, но перелетают лишь с одного дерева на другое. Около человеческих жилищ гокко бывают очень осторожны и боязливы; каждый шорох пугает их, а появление человека обращает в самое поспешное бегство. Кроме мяса убитых птиц индейцы пользуются их толстыми маховыми и хвостовыми перьями, которые употребляют на веера, собирают и такие перья, которые находят в лесах. Более мелкие перья также употребляются для всевозможного рода украшений.

Гокко, которых находишь почти во всех индейских поселениях, выводятся, по словам Марциуса, из яиц, взятых из лесу и высиженных курами, так как размножение пойманных гокко удаётся лишь при особенно благоприятных условиях, хотя приручаются они очень легко. Индейцы сообщили Шомбургку, что гокко никогда не размножались в неволе. Бэте, кажется, считает то же самое, так как замечает, что иначе индейцы давно бы одомашнили этих великолепных птиц.

Другая группа краксов — пенелопы, отличаются от гокко вытянутым телом, стройным низким клювом, у основания покрытым восковицей. Низкие ноги относительно длинные; сильно закругленный хвост; вокруг глаз голое место; горло почти голое, редко покрытое короткими щетинами или длинными волосяными перьями; оперение на голове удлиняется в хохолок, но никогда не образует хохловидный гребешок. Цвет оперения однообразен, на верхней части преобладает тусклый металлический зеленый, бурый, а на нижней, особенно на груди, многие перья по краям более светлые.

Рыжебокая пенелопа (*Penelope superciliaris*) имеет вытянутое тело, стройный низкий клюв, у основания покрытый восковицей. Длина тела 62 см, крыльев 26, хвоста 27 см. Самка отличается неясными бурыми полосками и полинялыми краями перьев, молодые птицы — серо-бурой окраской, ржаво-красно-желтой глазной полосой и тонким, волнистым рисунком на груди, гузке и бедрах.

Родина пенелоп Центральная и Южная Америка до Парагвая и Чили. Пенелопы живут в лесах на высоких деревьях, в гористых местностях, иные также в высоких горах, поднимающихся до 2000 м над поверхностью моря. Обыкновенно прячутся в густых ветвях, осторожно наблюдают за всем, что вокруг них происходит, и поэтому не всегда допускают беспрепятственно наблюдать их или ловить. В зарослях они двигаются довольно проворно, между тем как летают очень посредственно, а бегают по земле не особенно хорошо. Гумбольдт рассказывает, что одна стая собралась недалеко от его ночной стоянки, чтобы напиться в ближайшей реке. Когда птицы утолили свою жажду, они попробовали забраться на крутой берег, но это было для них настолько трудно, что путешественники могли гнать их, как овец перед собой. Шомбургк, напротив, сообщает, что когда пенелопы находятся на вершинах деревьев, и там замечают преследование, то с невероятной быстротой перепархивают с сучка на сучок и спешат в густую листву маковок, чтобы спрятаться там или дальше перелететь с вершины на вершину.

Пенелопы своим криком раньше других птиц возвещают о наступлении дня; их можно довольно часто слышать и поздно вечером. Крик звучит неприятно и не может быть удачно передан. Овен рассказывает, что птицы почти оглушают путешественника своим криком. Одна из птиц стая начинает кричать чирикающими звуками, другие мало-помалу пристают к ней; шум увеличивается все более до тех пор, пока, наконец, не достигнет невыносимой для человеческого уха силы, затем он снова уменьшается и, наконец, совсем прекращается, хотя и на короткое время.

Пища состоит преимущественно из древесных плодов и ягод. Принц фон Вид находил в желудках убитых им пенелоп также остатки насекомых.

Относительно размножения существует много сообщений, но подробного мы еще ничего не знаем. Все пенелопы вьют свои гнезда в ветвях деревьев и лишь в исключительных случаях на земле. Гнездо из сухих или покрытых листьями ветвей неплотно построено. Кладка состоит из 2-3, а иногда 4-6* больших белых яиц.

** Кладки из 4-6 яиц, по всей вероятности, снесены двумя самками.*

Насиживает самка одна или ей помогает самец, еще не определено; наблюдатели и между ними Байон, сообщают лишь, что мать водит своих птенцов, а некоторое время кормит их в гнезде.

Мясо пенелоп превосходно. В некоторых местностях вследствие этого многие виды уменьшились в числе**.

*** В результате неумеренного преследования некоторые виды пенелоп и гокко находятся на грани вымирания: сохранились маленькие популяции чуть более чем по 100 птиц. Красно-*

клювый (*Crax blumenbachii*) и синеклювый (*Crax alberti*) краксы, белокрылая (*Penelope albipennis*) и колумбийская (*P. Perspicax*) пене­лопы внесены в Красную книгу МСОП.

Продолжительное преследование делает стаи пугливыми. Шомбургк рассказывает, что пене­лопы в высшей степени осторожны, поэтому к ним можно подкрасться лишь во время еды. Если ин­дейскому охотнику удастся близко подойти к стае, то обыкновенно он причиняет жестокие опусто­шения, так как может застрелить из сарбаканы до четырех птиц раньше, чем остальные заметят это и обратятся в бегство. Птица, убитая беззвучной стрелой, падает с дерева, не прерывая занятий остальных; они только следят, длинно вытянув шеи, за исчезнувшим товарищем и испуганно смот­рят по сторонам, отыскивая причину. Тот же самый натуралист сообщает, что мясо старых пене­лоп лишь тогда бывает удобоваримо и мягко, когда птицу убивают ядом урари, потому что этот яд де­лает жесткое мясо более нежным.

Семейство сорные куры

Куры этого семейства — большеноги, живут в Полинезии и Австралии и отличаются спосо­бом насиживания не только от всех родичей, но и от всех птиц вообще. Они кладут необыкновенно большие яйца в гнездовой холмик, сгребенный из земли и листьев, в котором благодаря гниению растительных веществ образуется такая высокая температура, что яйцо достигает развития. Из не­го вылупляется птенец, вполне оперившийся и настолько самостоятельный, что способен прокормить себя без помощи матери. Птицы из семейства сорных кур среднего роста и отличаются высо­кими, длиннопальцами, вооруженными большими когтями и во всех отношениях развитыми ногами.

Филиппинский большеног (*Megapodius eummingi*). Тело стройное, шея средней длины, го­лова велика, клюв короче головы, прямой, перед концом выпуклый. Крылья широко округлены, в них третье и пятое маховые перья одинаковы и самые длинные; хвост, состоящий из десяти перьев, короткий и закруглен. Плюсны очень толсты и немного больше длинного, сильного среднего пальца, который, как и все остальные, вооружен толстыми, длинными, но мало загнутыми когтями. Опере­ние обильное, на затылке удлиняется, окружность глаз, горла и шеи, а также и большая часть го­ловы остаются совсем голыми.

"Здесь, на Филиппинских островах, — сообщает Пигафетта уже в 1520 году, — находят черных птиц, величиной с курицу, которые кладут вкусные яйца значительной величины. Нам ска­зали, что самка кладет эти яйца в песок, и что солнечная теплота достаточна для вылупления птен­цов"*.

* Многие систематики не выделяют этот вид и считают его принадлежащим к виду *Megapodius freycinet* — джунглевая курица.

Джунглевая курица (*Megapodius freycinei*)**. Джунглевая курица почти такой же величи­ны, как и самка фазана.

* * В современной систематике большеноего этого вида, обитающих в Австралии и на Новой Гвинее, выделяют в особый вид — *Megapodius reiwarclt*.

Перья головы темно-красно-бурые, на спине и крыльях коричнево-бурые; верхние и нижние покровные перья хвоста темные, каштаново-бурые. Маховые хвостовые перья черновато-бурые, задняя часть шеи и вся нижняя сторона серые. Глаза светлые, красновато-бурые, клюв немного темнее, ноги яркого оранжевого цвета.

Жильберт и Мак Джилливрей познакомили нас с образом жизни этих птиц. «При прибытии в порт Эссингтон, — так сообщает Жильберт, — мое внимание привлекли многие очень большие зем­ляные возвышения. Мне сказали, что это могилы туземцев; последние же, напротив, уверяли меня, что это большеног соорудил их для высиживания яиц. Но это показание звучало так странно, и, по­видимому, так противоречило привычкам остальных птиц, что никто из поселенцев не верил в правдивость его. К тому же сомнения увеличивались из-за величины яиц, которые туземцы прине­сли и выдали за яйца большенога. Я все-таки решил сделать все возможное, чтобы выяснить этот вопрос. Заручившись помощью смышленного туземца, отправился 16 ноября в бухту Крокера, мало­известную часть порта Эссингтона, которая была населена этими птицами». Жильберт рассказыва­ет затем, как он нашел в чаще различные кучи, исследовал их и убедился, что туземцы говорили правду.

Жильберт утверждает также, что большеног живет исключительно в самых густо сплетен­ных чащах на берегу моря и не углубляется далеко в лес. Он живет парами или одиноко, пищу на­ходит на земле. Она состоит из кореньев, которые он без труда выгребает с помощью своих сильных когтей, а также из семян и насекомых, особенно из больших жуков. Голос звучит как кудахтанье домашних кур, и оканчивается криком, который напоминает зов павлина.

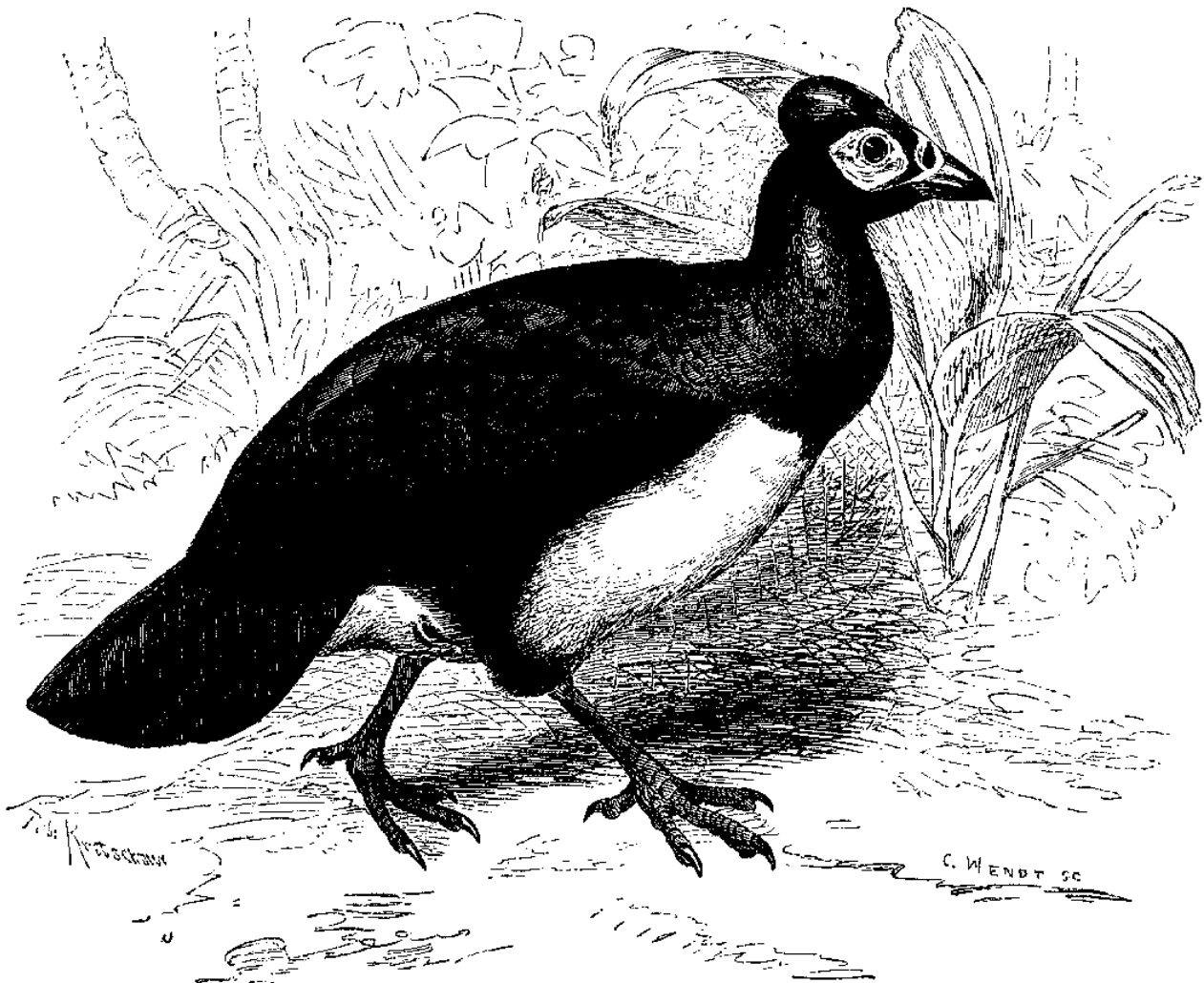
Гнездовые холмы очень разнообразны по виду и величине, а также по составным частям. Большая часть расположена близ воды и состоит из песка и раковин. Некоторые заключают в себе ил и перегнившее дерево. Гнездовые холмы джунглевых кур Новой Гвинеи состоят, по Гааке, исключительно из листвы. Жильберт нашел один холм, который был высотой почти в 5 м, а в окружности около 27 м; окружность другого равнялась около 50 м. Вполне вероятно, что самые значительные гнездовые холмы представляют произведение нескольких поколений; ими ежегодно пользуются и их увеличивают. Собственно гнездовое углубление начинается или на наружном крае вершины и спускается косо вниз к середине, или на самой вершине и идет тогда по наружному склону. Яйца лежат на 2 м вглубь от вершины и на 60-90 см от боков. Яйца стоят всегда отвесно, толстым концом наверх. По величине они различны, по виду же походят друг на друга. Длина равняется 9 см, а ширина 6 см. Окраска изменяется, смотря по свойству веществ, которые их окружают: те, которые лежат в черной земле, бывают темного, красновато-бурого цвета, а положенные в песчаный холм — грязно-желтого. Окрашена лишь кожица, тонко покрывающая яйцо, если ее сорвать, то находишь, что настоящая скорлупа имеет белый цвет. По уверению туземцев, яйца кладутся ночью и с промежутками в несколько дней.

Появление птенцов из яйца не наблюдали ни Жильберт, ни Мак Джилливрей; но первый нашел в яме, глубиной в 60 см, молодую птичку, которая лежала на сухих листьях и была не старше нескольких дней.

Я не знаю случая, чтобы взрослых большеногов держали в неволе и наблюдали за ними продолжительное время. А также не слышал и не читал, чтобы хоть одна из этих замечательных птиц прибыла живой в Европу.

Малео (*Macroscephalon maleo*). Этот вид особенно отличается твердым кругловатым горбом, который начинается над ноздрями, покрывает весь лоб и выступает даже над затылком. Длина тела 60 см, крыльев 29, длина хвоста 21 см.

Жизнь этой поразительной птицы на свободе, насколько мне известно, наблюдали лишь Уэллэс и Розенберг. Местопребывание малео очень ограничено и простирается лишь по береговой полосе и некоторым островкам. Между тем, в одних местах он встречается в большом количестве, в других его совершенно напрасно искать. Главное требование для пребывания птицы заключается, по-видимому, в том, чтобы земля была покрыта низким кустарником, так как птица преимущественно живет на земле и ищет там себе пищу, которая состоит из всевозможных маленьких животных и плодов: в желудках убитых птиц находили земляных улиток, насекомых и плоды, смешанные с илом и камешками. «В августе и сентябре, когда здесь меньше всего или совсем нет дождей, — сообщает Уэллэс, — малео идут к морскому берегу, чтобы положить яйца. С этим намерением они выбирают известные бухты, которые как можно дальше отстоят от людских жилищ. Если эти места оказываются удобными, то служат гнездованием для всех птиц вокруг. Малео встречают там дюжинами и сотнями». Я посетил самую известную из этих бухт, но, к сожалению, в слишком позднее время года, вследствие чего видел их не в таком большом количестве; несмотря на это, я нашел возможность сделать и собрать наблюдения.

Малео (*Macrocephalon maleo*)

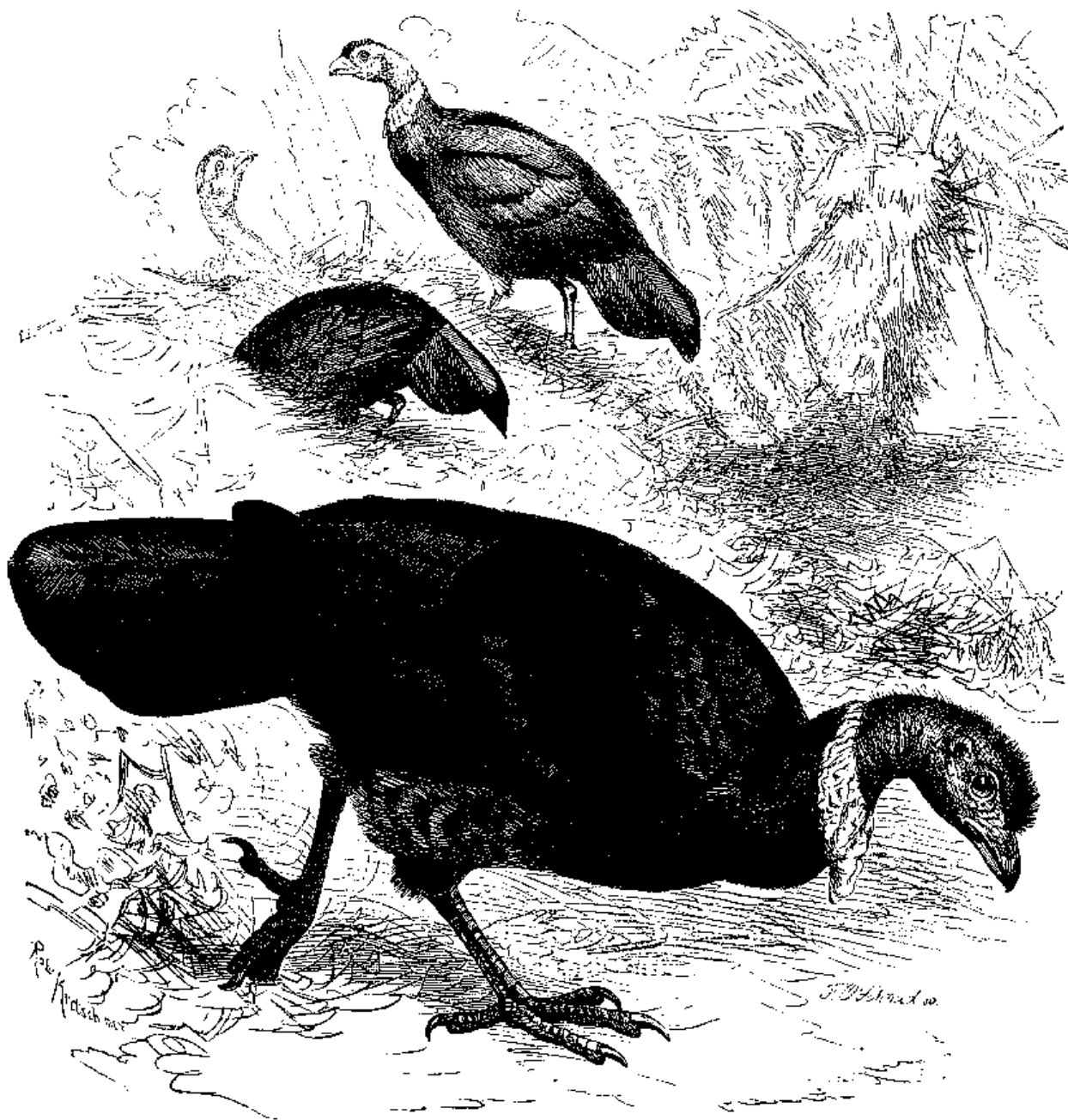
"Это место состоит из крутой береговой полосы, длиной приблизительно в английскую милю, и на очень глубокое пространство покрыто рыхлым вулканическим песком и гравием, по которому очень трудно ходить. По обеим сторонам оно ограничено маленькими речками, а сзади лесом. Сразу за чертой прилива видны углубления до полутора метра в поперечнике. В них или вокруг них, на глубине от 30-60 см, находят яйца наших малео, обыкновенно лишь по одному или по два яйца, иногда же по пять или семь в одном углублении и всегда на расстоянии от 15-20 см друг от друга. Птицы парами прилетают к морскому берегу, выбирают себе или новое место, или старое углубление и попеременно сгребают песок до тех пор, пока не получают достаточное его количество. Затем самка кладет яйцо, покрывает его песком, и пара возвращается обратно в лес. Вполне свежие яйца составляют чрезвычайно вкусное блюдо; вследствие этого туземцы приходят и отыскивают их. После кладки родители более не заботятся о яйцах, и птенцы, вылупившись из яйца, выкарабкиваются без посторонней помощи из песка и бегут в лес».

Розенберг особенно часто находил этих птиц на маленьком острове реки Бонэ, который считается собственностью местного раджи и особо охраняется приставленными слугами; во время насиживания птиц здесь собирают яйца. Эти в высшей степени вкусные яйца всем хорошо известны; каждый богатый лакомка охотно платит за каждое яйцо 12-15 центов. Охота за этими птицами и ловля их строго запрещены, так как невыгодно уничтожать производителей столь дорогого товара; сторож, кроме того, обязан прогонять от яиц лакомых до них ящериц варанов. От одного такого сторожа наш естествоиспытатель узнал следующее. «Самка выгребает в земле, большей частью у корня дерева или куста, нередко и на открытом месте, яму в 60 см в поперечнике и 1,5-2 м глубины. Яма идет несколько вкось и сначала отлого, а потом круто спускается в глубину на той стороне, где птица, разгребая землю, бросает ее назад от себя. Когда птица дошла до надлежащей глубины, то она еще немного разрыхляет дно ямы и опускает яйцо на это мягкое ложе. Яйцо, по своей тяжести, погружается в вертикальном направлении и остается так стоять. Самка забрасывает яму вырытой землей и затем более не заботится ни о гнезде, ни о яйце. В двух таких ямах, раскрытых Розенбергом, термометр показывал 44,4 градуса по Цельсию, между тем, как температура воздуха

была 27,8 градуса. Каждое углубление включает в себе лишь одно яйцо, созревание которого продолжается 26-28 дней. Детеныши выходят наружу из земляного углубления вполне развитыми и с первых дней жизни сами заботятся о своей пище.

"Малео, — говорит Уэллэс, — выглядят очень красивыми, когда бегают по песку. Цвет оперения, голова со шлемом и поднятый хвост придают им своеобразный вид; тихая и обдуманная походка делает их еще более достойными внимания. Если к ним приблизиться, то они быстро убегают, если же испугать, то они летят к низким ветвям ближайшего дерева. Между полами различие едва заметно, однако у самца нарост немного больше и розово-красный цвет немного ярче, чем у самки. Но эти признаки, по-видимому, вовсе не постоянны и не настолько поразительны, чтобы тотчас отличить самца от самки».

Кустарниковый большеног (*Alectura lathami*) хорошо известен поселенцам в Австралии, которые его называют кустарниковой курицей. Эта птица отличается сильным сложением, шеей средней длины, большой головой, толстым, на спинке круто загнутым клювом, толстыми ногами, относительно короткими пальцами, короткими, закругленными крыльями, средней длины хвостом и обильным оперением. Кроме того, замечателен на передней стороне шеи длинно висящий вниз кожистый нарост. Оперение на верхней стороне красивого шоколадно-бурого цвета, на нижней стороне светло-бурое. Кожа голой головы и шеи карминно-красная; спускающийся вниз нарост светло-желтый. Длина тела 80 см, крыльев 31, хвоста 25 см. Самка отличается от самца меньшим ростом и менее развитым шейным украшением.

Кустарниковый большеног (*Alectura lathami*)

"Замечательной чертой образа жизни кустарниковой курицы следует считать то, что она, в противоположность прочим птицам, не насиживает своих яиц. В начале весны птица нагребает очень большую кучу сухих растений для подстилки своим яйцам и предоставляет развитие птенцов теплоте, которую производит разложение этих куч. С этой целью насланная куча сооружается за несколько недель до времени кладки, бывает широкой конусообразной формы, однако колеблется в величине так, что заключает в себе от двух до трех возов; эта же самая постройка, если можно заключить по величине и по полному разложению веществ в нижней ее части, кажется, употребляется по несколько лет подряд и только, благодаря прибавлению материалов, снова делается годной к употреблению.

Бугор образовывается так: птица разгребает ногами известное количество материалов для постройки и бросает их от себя назад в одну среднюю точку. При этом курицы настолько хорошо очищают землю вокруг, что вряд ли остается где-нибудь листок или соломинка. Как только куча достигает достаточной величины и в ней разовьется надлежащая теплота, в нее кладутся яйца, причем всегда в виде круга, на самой середине, на расстоянии 25-30 см друг от друга, глубиной в длину руки, но так, что они стоят широким концом кверху. Затем они покрываются листьями, и предоставлены естественной теплоте, развивающейся в куче. Меня уверяли туземцы и достойные доверия поселенцы, что из одной кучи иногда можно вынуть до двух четвериков яиц, и я сам видел женщину, которая несла домой половину этого количества, найденную в соседней чаше. Некоторые из туземцев уверяют, что самка постоянно находится недалеко от кучи, чтобы покрывать обнажившиеся яйца и присутствовать при появлении птенцов, между тем, как другие показывают, что самка только кладет яйца, и птенцы развиваются без посторонней помощи*.

** В подготовленное «гнездо» откладывают яйца несколько самок кустарниковых большеногое, они не заботятся о яйцах и птенцах, регуляцию температурного режима осуществляет самец так, как описывает Склеттер.*

Птенцы с момента вылупления покрыты перьями и обладают достаточно развитыми крыльями, которые позволяют им взлететь на ветви деревьев, и они так могут пользоваться своими ногами, как только что вылупившаяся из куколки и высохшая бабочка может пользоваться своими крыльями».

"Самец, — говорит Склатер, — с приближением времени насиживания начинает сгребать внутри своей роци все встречающиеся растительные вещества, бросая их назад и всегда захвативши как можно больше листьев одной ногой. Так как он всегда начинает свою работу с наружного края роци и бросает всю массу внутрь, то куча все более и более увеличивается. Как только она достигнет высоты около 1,5 м, обе птицы начинают ее равнять и, когда это окончится, вырывают на середине углубление. В определенное время в него кладутся яйца, приблизительно на 40 см глубины, под вершиной в кружок. Самец следит за ходом развития, т.е. за теплотой естественной печки для насиживания. Он покрывает обыкновенно яйца и оставляет лишь одно круглое отверстие, через которое доходит вниз надлежащее количество воздуха, и чрезмерно возвышенная теплота находит выход; в жаркую же погоду он снимает два или три раза в день почти всю покрывку.

Вылупившийся цыпленок пребывает не менее 12 часов внутри холма, не делая ни малейшего усилия, чтобы вылезти, и в продолжение этого времени так же глубоко зарывается самцом, как и яйца. На второй день он выходит оттуда с вполне развитыми перьями, которые еще заключены в скоролопающихся оболочках. По-видимому, однако, он вовсе не думает употребить в дело крылья, а двигается исключительно с помощью своих сильных ног. После полудня возвращается назад к холму и снова зарывается заботливым родителем, хотя на меньшую глубину, чем раньше. На третий день он вполне способен летать. Длина яйца равняется 95 мм, толщина — 65 мм; они чисто белого цвета.

В своих родных лесах кустарниковый большеног живет обществами, обыкновенно маленькими стаями, наподобие других куриных. Такие общества пугливы и недоверчивы, пока бегают по земле, но как только садятся на деревья, тотчас выказывают чрезвычайную смелость. Во время бега через лес птицы часто издают громкий кудахтающий звук. «Вспугнутая курица, — продолжает Гульд, — благодаря ловкости, с которой она стремится сквозь перепутанный кустарник, делает напрасным всякое преследование. Если она сильно стеснена или на нее нападает сильнейший враг — динго, то она вскакивает на самую низкую ветвь ближайшего дерева, и с ветки на ветку поднимается все выше до тех пор, пока не достигнет вершины, чтобы отсидеться там или перелететь на другое, соседнее дерево. Она ищет также в лесу защиты от полуденного солнца и поэтому часто делается жертвой своей смелости, так как охотнику тут легко ее подкараулить. Если птицы соединились в маленькие общества, то охотник может перестрелять их одну за другой и принести домой

всю стаю. Доверчивость птиц так велика, что они будут наверно скоро истреблены, если не принять особых мер к их сохранению, о чем следует сожалеть, так как мясо их очень вкусно.

Семейство Фазановые

Одним из важных видов этого семейства следует считать **кеклика** (*Alectoris chukar*). Верхняя часть тела и грудь у него голубовато-серые с красным налетом. Белое горло окружено черной каемкой; полоска, идущая от основания клюва через лоб, и маленькие пятна на подбородке около углов нижней челюсти, также черные. Перья в паху покрыты желтоватыми буро-красными полосками, вперемежку с черными, прочие перья на нижней части тела ржаво-желтые. Маховые перья черновато-бурые с беловатым и стержня м и и ржаво-желтым и каемками на наружных опахалах, наружные рулевые перья ржаво-красные. Глаза красновато-карие, клюв кораллово-красный, а ноги бледно-красные. Длина тела 35 см, размах крыльев 50-55, длина крыла 16, а хвоста 10 см; самка по обыкновению несколько меньше; ее легко отличить от самца по отсутствию шпорцевой бородавки.

В XVI столетии кеклик жил на скалистых берегах у Рейна, ныне его находят только в Альпийских горах, именно в верхней Австрии, в верхней Баварии, в Тироле, и в Швейцарии. Еще чаще он встречается на южных склонах Альп и в Италии, водится в Греции и Турции, в Аравии, Персии, Туркестане, на Алтае и других внутренних и южных горах до южного Китая и Индии*.

* *Кеклик, латинское название которого — Alectoris graeca, обитает в Альпах, Аппенинах, горах Балканского полуострова. Восточнее от северо-восточной части Греции, Крита, Крима и Малой Азии до Китая и Гималаев живет азиатский кеклик — Alectoris chukar. Эти виды очень сходны, внешние различия крайне незначительны. На полуостровах Индостан и Индокитай кеклики не встречаются.*

Кеклик превосходит остальных лесных куриных проворством, находчивостью, умом, храбростью, драчливым задором. Он легко приручается, бегаёт по земле необыкновенно скоро и с таким искусством, которое достойно удивления. Ему безразлично, ровное место или нет, покрыто оно камнями или поросло травой; с легкостью перебирается он через обломки камней и по отвесным стенам скал и удерживается на таких поверхностях, где, казалось бы, птице с таким тяжелым телом трудно даже двигаться. В сравнении с остальными лесными куриными полет его легкий, быстрый, скорый и поразительно беззвучный. Несмотря на это, кеклик никогда не летит подолгу заразом, а напротив, при первой возможности, торопится поскорее спуститься на землю, так как он больше доверяет силе своих ног, чем силе грудных мышц, которые у него сравнительно развиты. По собственной охоте он никогда не взлетает на высокие деревья, точно так же избегает и лесистых местностей, которых, по-видимому, даже боится; впрочем, в случае опасности прячется в ветвях высочайших сосен. Зарудный видал эту птицу во внутренней Азии на высоких кустах можжевельника и на ильмах.

Всем охотникам известно, насколько хорошо у кекликов зрение, которое очевидно развито лучше прочих органов чувств. Душевные способности, по показаниям наблюдателей, чрезвычайно хорошо развиты. Кеклики относятся осмотрительно ко всему, что творится вокруг, отличают без труда охотника от безвредного пастуха и вообще очень хорошо узнают своих врагов, отлично умеют избегать преследований и всевозможных ловушек, словом, постоянно выказывают себя умными птицами.

Пища их состоит из различных растительных веществ и всевозможных мелких животных. На высоких горах они питаются почками рододендронов и других альпийских растений — ягодами, нежными листьями и разными семенами. Но вместе с тем, едят пауков, насекомых и их личинок. В долинах кеклики посещают поля в то время, когда хлеба еще низки и зелены, питаются там почти исключительно верхушками молодой пшеницы и других зеленеющих злаков. Зимой они довольствуются можжевельновыми ягодами, а в крайнем случае, и хвоей.

Там, где кекликов много, они, как уже сказано, поздно осенью собираются в большие стаи, которые в Индии доходят до ста штук. В начале весны стаи эти рассеиваются, и каждая пара выбирает себе местожительство, где предполагает устраивать гнездо. Они, по словам Гиртаннера, проводят ночь в скрытом месте под кустом рододендрона или под ветвями ползучих сосен. Утром выходят за пищей на открытые места, причем много бегают взад и вперед, в полдень снова прячутся в кусты или купаются в песке; тихо сидят в дремоте до самого вечера, а потом возвращаются на места отдыха, по дороге отыскивая себе корм. Самец по отношению к самке бывает очень нежен. Когда самец токует, то он, то опускает крылья, то приподымает их, распускает хвост, яростно вызывает на бой остальных самцов, геройски защищает свой участок против всякого непрошеного гостя и тогда, когда самка уже сидит на яйцах. «Если залечь, — говорит Гиртаннер, — даже на довольно

большом расстоянии от гнезда, где сидит наседка, и начать подражать голосу самца, то хозяин стремительно прибегает, полный сильного волнения. Гнев так его ослепляет, что нередко он мечется возле спрятавшегося наблюдателя, который при этом может схватить его и словить почти руками. Только уверившись, что нарушитель семейного счастья прогнан, самец гордо поворачивает и возвращается восвояси». Гнездо представляет простое углубление, выкопанное под низкими, карликовыми елями, кустами, под нависшими камнями и в других защищенных местах. Оно выстлано мхом, вереском, травой и т. п. В горах гнездо выстилается гораздо тщательнее, чем в долинах, а в южных странах самка довольствуется просто ямкой в песке. Кладка состоит из 12-15 желтовато-белых яиц, покрытых тонкими, светло-бурыми штрихами, около 46 мм длины и 33 мм ширины. Насиживание длится, наверное, около 26 дней. Наседка сидит очень плотно, и после появления цыплят вместе с самцом ведет птенчиков на кормовые места. «Птенцы, — говорит Чуди, — точно так, как и взрослые, отлично умеют прятаться и в один миг исчезают при первом приближении к ним. Если спугнуть семью, то она рассыпается в разные стороны, почти не взлетая и лишь пугливо вскрикивая «пи-чи, пи-чи»; птицы убегают не более, как на 40 шагов, и, несмотря на близость, их невозможно найти за камнями и по кустам. Если же охотник вооружится терпением и умеет дудочкой подражать призывному голосу матки, то выводок немедленно опять собирается». Все же там, где этих птиц много, охота на них дает хорошую добычу и много удовольствия. Кроме человека кеклика преследуют лисицы, куницы, ласки, хищные птицы и вороны; иногда их убивают и камни, скатывающиеся с гор, но больше всего им вредят жестокие зимы.

Греки и швейцарцы, индийцы и персы знают, как легко приучить кеклика; единственно по этой причине в клетках так часто встречаешь именно эту птицу. Неуживчивость их и страсть к дракам была хорошо известна уже древним, так как кекликов держали в неволе главным образом для потехи зрителей, любивших смотреть, как они между собою дерутся, иначе говоря, устраивать бои. То же самое существует и теперь в Индии и в Китае, где очень многие занимаются приручением кекликов так удачно, что делают из них почти домашних животных. Птицы бегают на свободе по всему дому, делают положительно членами семейства и следуют за хозяином повсюду, и в саду и во дворе. В Греции их считают существами, способными охранять от колдовства, и поэтому зачастую держат их в неволе. Здесь они, впрочем, не пользуются свободой: их запирают в конусообразные ивовые клетки, которые так малы, что птицы в них едва могут поворачиваться. Несмотря на это, даже при такой обстановке, они выносят долгие годы неволи.

В юго-западной Европе кекликов заменяет **красная куропатка** (*Alectoris rufa*). Эта красивая птица от вышеописанной отличается преобладающим красным цветом оперения верхней части тела и широким ошейником. Этот красновато-серый цвет верхней части тела ярче всего на задней части головы и на затылке, где он почти чисто ржаво-бурый и только на темени сероватый. Белая полоса, начинаясь со лба, спускается и образует ясно обозначенные полосы над бровями, на горле отчетливо вырисовывается почти чисто белое пятно, окруженное упомянутым ошейником. Глаза светлокариые, ободок вокруг глаз красный, как киноварь, клюв кроваво-красный, а ноги карминно-красные.

Самка отличается от самца только несколько меньшим ростом и отсутствием шпорцевидного нароста на ногах. Длина тела 38 см, размах крыльев 52, длина крыла 16 и хвоста 11 см.

Только по новейшим исследованиям удалось с большей или меньшей достоверностью определить родину красной куропатки; прежде ее часто смешивали с ее сородичами. Она живет только в юго-западной части Европы, а именно в Испании, Португалии, на Мадейре, Азорских островах. На Мальте она составляет редкость; далее на восток, вероятно, не встречается. Около 100 лет тому назад ее завезли в Великобританию, где она живет и по сию пору, встречаясь в некоторых графствах на востоке.

"Красная куропатка, — пишет мне брат мой Рейнгольд, — любит жить там, где гористые местности чередуются с полями. В Испании ее можно найти на всех горах, за исключением, может быть, только хребтов вдоль северного берега на высоте до 2000 метров над уровнем моря. Густых лесов она избегает и, напротив, с удовольствием селится в парках или на малолесистых пространствах, поросших или высоким вереском, или мелким, вечнозеленым дубом, кустами розмарина».

"В движениях красной куропатки, — продолжает мой брат, — есть много общего с движениями нашей серой куропатки; хотя не будет преувеличенным сказать, что и в этом отношении первая красивее и грациознее. Бегаёт она необыкновенно скоро и, в высшей степени, ловко; она иногда мчится, как стрела, бегаёт с одинаковой скоростью даже между камнями и обломками скал, очень искусно лазает по горам, редко прибегая к помощи крыльев. Полет ее гораздо быстрее полета серой куропатки и производит меньше шума. Красная куропатка взлетает легко, быстро поднима-

ется на известную высоту и там несется, трепеща крыльями, причем взмахи их едва слышны, и часто пролетает большие пространства, как бы паря. С отвесных скал она бросается вниз наподобие хищных птиц. Несмотря на все это, она, однако, неохотно летает далеко и избегает подниматься часто раз за разом, а старается, где только возможно, справиться при помощи ног».

"Большую часть года, — пишет дальше мой брат Рейнгольд, — красная куропатка живет стайками до 10-30 штук, так как несколько выводков нередко соединяются в одно общество. Тут все они живут в одной местности, никуда особенно не удаляются и, так как красная куропатка в воде не нуждается, то в известные часы на водопой не ходит. Деятельность ее начинается с самого раннего утра и кончается лишь после заката солнца, по крайней мере, позже очень редко слышен зов самца. В полдень они сидят смирно, вероятно дремлют, спрятавшись между камнями и в низких кустах. Незадолго до захода солнца они снова пробуждаются и шныряют до самой ночи, больше играя, чем отыскивая себе пищу. Время размножения, конечно, изменяет и образ жизни куропатки: стаи разбиваются на пары уже в феврале. Самцы сильно дерутся из-за самок и дают повод к очень интересной охоте, которая будет описана ниже. Когда самки уже насиживают, то самцы покидают их, сами же рыщут кругом, ища любовных приключений, что, впрочем, почти всегда служит к их гибели. Гнездо, которое можно найти на засеянных хлебами полях, в виноградниках, под кустами розмарина и т. п., состоит из небольшого углубления, вырытого самкой. В нем лежит 12-16 яиц, имеющих около 40 мм длины и 31 мм ширины и отличающихся от яиц серой куропатки величиной и окраской. Тотчас после появления на свет цыплята начинают быстро бегать, тщательно оберегаемые матерью, которая в это время удваивает свою бдительность. В виду опасности она себя держит точно так же, как и наша серая куропатка при подобных обстоятельствах. Птенцы вскоре научаются порхать, беспрестанно машут крылышками, но уже в конце третьей недели они становятся существами подвижными и ловкими. Для полного их развития требуется не менее 4 или 5 недель. Вначале они питаются насекомыми, гусеницами, червями и мелкими семенами, которые впоследствии составляют основную их пищу; кроме того, они едят и разную зелень, содержащаяся в ней влага, по-видимому, служит им питьем».

"В Испании очень много охотятся за красными куропатками; охота эта начинается, как только цыплята достигнут величины перепелки. Птиц разыскивают или с собакой, или наудачу обшаривают весь населенный ими участок. Осенью успешно охотятся на приманную птицу. Удачнее всего охота бывает во время спаривания; она, бесспорно, самая заманчивая и притом своеобразная. Захватив с собой клетку с приманкой, охотник отправляется в такое место, где рассчитывает встретить куропаток. Из близлежащих камней устраивает стенку вышиной около 1 м, которая служит ему засадой. В шагах 10 или 15 он ставит на возвышение клетку, слегка прикрывает ее мусором, сняв предварительно ту крышку, которой клетка до сих пор была закрыта. Если приманная птица хороша, то она тотчас же начинает призывать, сопровождая каждый призыв возгласом «так-так», на который следует ответное «так-те-рак». Обыкновенно не пройдет и нескольких минут, как около клетки уже появляется куропатка. Так как в виде приманной птицы берут самцов, то случается, что к охотнику являются и самцы, и самки, иногда даже парочка попадаетея вместе. Они оглядываются, ища товарища, отвечают на его зов и, так как относятся к охотнику доверчиво, то попадают неминуемо под выстрел. Такая охота продолжается около двух недель. В Испании красную куропатку приручают специально для этой охоты. За хорошую приманную птицу платят большие деньги, даже от 400-500 марок; иногда она составляет все богатство опытного охотника. Нередко случается, что один охотник приманкой убивает 60-80 пар куропаток. Эта охота в Испании запрещена, но испанцы, уважая прочие законы, знать не хотят этого закона, который был издан с целью оградить птиц от истребления.

Серая куропатка (*Perdix perdix*) отличается от красной куропатки не только цветом, но и щитками на плюснах, по два ряда спереди и сзади. У нее нет шпорцевой бородавки и крылья устроены иначе; третье, четвертое и пятое маховые перья самые длинные; хвост состоит из 16—18 перьев. Оперение различное, смотря по стране и местожительству птицы; оно не так красиво, как у красной куропатки, но все же очень приятное по виду.

Серая куропатка живет в Германии, Дании, Швеции, Норвегии, Великобритании, Голландии и северной Франции, во всей Венгрии и в Турции, в некоторых местах Греции и северной Италии. Она, кроме того, обыкновенна в средней и южной России, в Крыму, малой Азии, а в прочих частях Азии заменяется очень сходным видом*.

* В настоящее время серая куропатка помимо перечисленных Бремом стран заселяет практически всю Францию, большую часть Италии, но в Швеции и Норвегии встречается лишь на самом юге, а в Турции гнездится только в центральных частях страны. На восток по

стенной и лесостенной зонам она распространена до Алтая, Тувы и Западного Саяна, а восточнее замещается близким видом бородатой куропаткой (*Perdix dauurica*).

Ее развели и в Новой Зеландии. Она решительно предпочитает равнины горам; например, в Швейцарии ее находят лишь до 1000 м над уровнем моря. Для ее благосостояния нужны обработанные и разнообразные местности; но для защиты нуждается в кустах и потому любит места, в которых кое-где встречаются рощи, лесистые холмы или, по крайней мере, живые изгороди. Она избегает густого леса, но селится на его опушке и в рощах, расположенных около. Не боится и сырых мест, если только они поросли деревьями и на них находятся островки, возвышающиеся над водой.

Мало птиц, которые бы так строго держались в пределах однажды избранной области, как серая куропатка. По опыту известно, что молодые куропатки остаются жить на той поляне, где родились. Место, которое по какой-либо причине покинули птенцы, долго пустует и населяется куропатками из соседних участков только мало-помалу.

Серая куропатка ходит обыкновенно тихо с втянутой шеей и сгорбленной спиной, но, когда она торопится, то вытягивает шею и держится гораздо прямее. Она точно так же умеет прятаться, как и ее родичи, пользуется для этого всяким углублением в почве и прижимается к земле на ровных местах, надеясь на то, что ее не заметят, благодаря сходству окраски оперения с цветом почвы. Полет ее нельзя назвать тяжелым, но требует значительных усилий и потому скоро утомляет птицу.

Серая куропатка (*Perdix perdix*)

При взлете она очень сильно работает крыльями, но, поднявшись на известную высоту, часто летит с распростертыми и неподвижными крыльями, время от времени делая толчок несколькими частыми взмахами. Она неохотно поднимается высоко и редко летит на далекое расстояние, особенно при сильном ветре, который буквально несет ее, как перышко. На деревья она, как и другие

куропатки не садится, по крайней мере, пока здорова, хотя бывают и исключения. Зато владеет искусством, которое трудно у нее предположить: она умеет плавать. Граф Водзицкий наблюдал два выводка, которые при опасности летели к реке или пруду и старались спастись вплавь. «Когда мы заметили это, — рассказывает он, — то прилегли на противоположном берегу и велели гнать куропаток к реке. Скоро мы увидели, как птицы без колебаний вошли в воду, следуя за старым самцом, а затем поплыли рядышком без заметных усилий, причем хвосты у них были приподняты, а крылья несколько оттопырены. Когда они вышли из воды, то стряхнули с себя воду, как курицы стряхиваются после купания в песке и, по-видимому, вовсе не были усталыми***».

* * *Рассказы графа Водзицкого о плавающих серых куропатках более чем сомнительны, как и многие другие его истории, которые однозначно относятся к категории басен, сочиняемых на досуге. По крайней мере, подтверждение наблюдений о плавающих серых куропатках нам не известно.*

Куропатка очень умная и понятливая птица; она осторожна и пуглива, хорошо отличает друзей от врагов, опыт учит ее многому, она отлично умеет принаравливаться к различным условиям жизни. Серая куропатка миролюбива, любит общество, в случае нужды выказывает самоотвержение, очень нежна к подруге жизни, к птенцам, но выказывает все эти хорошие качества лишь в кругу своей семьи, в тесном смысле этого слова, не применяя их даже к другим птицам того же вида. Когда приходится защищать свой участок или самку, то самец храбро бьется с противником и, если встретятся два выводка, то без драк не обходится; зато семья часто принимает на воспитание осиротелых птенцов, и взрослые птицы обходятся с приемными детенышами так же нежно, как со своими собственными.

Четвероногие хищники опасны главным образом яйцам и птенцам куропатки. Ястреба, кречеты, перепелятники, коршуны, вороны, сойки постоянно следуют по пятам за этими птицами, преследуя как молодых, так и взрослых куропаток. Если представить себе все те опасности, каким подвергаются куропатки, прежде чем достигнут полного возраста, и если вспомнить, что им, кроме того, нужно бороться с невзгодами зимней погоды, то кажется невероятным, что они еще есть на свете. В каждой сельской местности следовало бы иметь и хорошенько содержать густые изгороди или небольшие лесные чащи и рощи, которые служат им убежищами. А поблизости таких рощ нужно зимой класть корм, чтобы устроить трапезу для голодающих птиц, и этим, по возможности, смягчить бедствия, производимые морозами.

Серая куропатка никогда и нигде не причиняет вреда, а только оживляет природу наших полей, веселит каждого своим приветливым видом, доставляет самую привлекательную охоту и приносит значительную пользу своим мясом.

Турач (*Franco/imis franco/inm*). Этот вид особенно охотно селится на болотистых и богатых водой местностях, хотя не избегает и сухих. Во всяком случае, ищет мест, покрытых низкими очень густыми кустарниками, высокой травой и вьющимися растениями, дающими ему возможность прятаться. Таким образом, его находят на болотистых островах рек, имеющих медленное течение, а также на руслах, где вода бывает только временно, и которые заросли густым кустарником. Находят его и в степных местах, даже около обработанных полей*.

* *В некоторых местах, например, на Кипре турач приспособился к жизни на полях зерновых культур, отделенных друг от друга узкими посадками деревьев.*

Турач живет парами, как и другие близкие ему виды, но пары поселяются так близко одна от другой, что самцы слышат голоса не только соседних, но и более дальних своих собратьев. Птицы спариваются и остаются так жить надолго, если не на всю жизнь. После насиживания можно встретить выводки, но они расходятся гораздо раньше, чем у куропаток, бродят маленькими обществами от 3 до 6 штук. Днем турач тихо и скрытно бродит в густых зарослях; вечером, а чаще утром, на заре, слышен его своеобразный, громкий и звонкий голос, который большинство наблюдателей передают слогами «чук-чук-тититур»; звуки эти перешли на все местные языки. Жердон, которому мы обязаны обстоятельными сообщениями о тураче, называет его голос неприятным и замечает: «В Индии старались его передать на разных языках, но эти подражания не дают должного представления о звуках, если их сам не слышал. Магометане говорят, что самец турача выкрикивает молитву: «добань тери кудрут»; другие утверждают, что он говорит: «луссунь, пиац удрук» (чеснок, лук, имбирь). Адаме пробует передать этот крик слогами: «лохи ва уитч», а другой наблюдатель полагает, что крик турача похож на звуки сломанной трубы. Крик этот не особенно громок, но все же слышен на довольно большом расстоянии. Там, где много турачей, один самец отвечает другому, и каждый из них при этом влезает на небольшое возвышение, чтобы голос его был слышнее. Во время дождливой и пасмурной погоды птицы кричат чаще».

Турач не особенно робкий. Впрочем, преследуемый охотником, он убегает от него по таким местам, где можно скрываться, и только в крайних случаях он отважится перебежать открытые пространства. Так он бежит перед охотником 2—3 минуты, не решаясь взлететь. Перед собакой мчится между кустами так быстро, что перегонит каждого четвероногого. Ловко продирается сквозь самую густую чащу, по открытым полянам мелькает, как катящийся камень. И только устав, спасается или временно укрывается в самых ветвистых кустарниках. А взлетает в последний момент, когда собака на него буквально наткнется, или же охотник толкнет ногой. Тогда он взлетает с шумом, беспрестанно машет крыльями и летит совершенно по прямому направлению и так медленно, что каждый, даже неопытный стрелок, может положить его на месте. Поэтому, пролетев несколько сот шагов, он опять бросается на землю, продолжая спасаться бегством.

Турачи высидывают цыплят с апреля до июля. Гнездо обыкновенно устраивается сообразно с обстоятельствами в высокой траве или в кустах, заросших травой, иногда на плантации индиго, иногда даже в сахарном тростнике. Кладка состоит из 10-15 бледно-бурых, испещренных своеобразными белыми шероховатыми точками яиц, 40 мм в продольном и 30 мм в поперечном разрезе. Наседка высидывает одна, водят же и воспитывают молодое поколение до положенного времени оба родителя вместе.

Везде, где он только водится, турач составляет предмет периодической, хотя и беспощадной охоты и, к сожалению, как замечено выше, падает жертвой даже самых неопытных охотников. Конечно, одна из главных причин его постепенного истребления — легкость охоты за ним. Само собой разумеется, что турачи делаются добычей всевозможных хищников: лисиц шакалов, болотной рыси и других диких кошек, а также орлов, соколов, сов, даже, может быть, и змеи лакомятся ими. Впрочем, нет сомнений, что все они вместе взятые не могли бы способствовать истреблению этих птиц, если бы не явился человек, злейший их враг. Жалобы на уменьшение количества этой прекрасной пернатой дичи раздаются повсеместно и слышатся на Кипре и в Индии, в Сирии и в Палестине, на Кавказе и в Персии. Говорят, что в Испании они водились еще в пятидесятых годах. А в Сицилии, рассказывают, последний турач был съеден на обеде во время большого празднества в 1869 году. На Кавказе количество этих птиц заметно и неудержимо уменьшается с тех пор, как здесь поселились русские и другие европейцы. До тех пор татары, придерживаясь древних обычаев, охотились за ними лишь с ястребами и соколами, не производя опустошений; огнестрельное оружие, которым теперь владеют охотники, готовит здесь, как и везде, верную гибель этой дичи.

Лет двадцать тому назад пойманные турачи не составляли редкости в зоологических садах, между тем, как теперь их можно видеть только как необыкновенную диковинку.

Наиболее крупные птицы из семейства фазановых живут в горах. Туловище у них плотное, шея короткая, голова маленькая, клюв продолговатый, но в то же время толстый и широкий, ноги короткие и толстые, на плюснах замечается тупая шпора, крылья короткие, но несколько заостренные, хвост относительно длинен и слегка закруглен. Оперение обильное.

Кавказский улар (*Tetraogallus caucasicus*), по-грузински интауре. Длина тела 58 см, крыла — 25, а хвоста — 17 см.

Об образе жизни этой птицы Радде сообщает следующее: «Древняя Колхида во всех своих частях не представляет большого разнообразия относительно животного царства. Там заметна роскошная растительность, но встречается мало характерных животных. Однако иное замечаем мы на высоких горах Кавказа. Там, на границе вечных снегов, между 2000 и 3500 м над уровнем моря, я познакомился с гигантской куропаткой — кавказским уларом. Он здесь живет довольно в значительном числе и, по словам всех горных жителей, водит особую дружбу с кавказским козерогом. Говорят, что эта птица предупреждает козерога о приближении охотника особым свистом, и дружба эта усиливается еще тем, что улар ест помет козерога. Таким образом, оба эти существа тесно связаны между собой: куропатка предупреждает козерога, а козерог кормит птицу. Вероятно, эта предполагаемая дружба объясняется проще тем, что оба животных питаются одной пищей. Если обратить внимание на то, чем питается козерог, то окажется, что он ест преимущественно дерн, образующий различного рода лапчатками. Эти растения с белыми и желтыми цветами и с плодами, несколько напоминающими землянику, служат пищей не только козерогам, но и уларам. Этим общим кормом совершенно естественно объясняется то, что оба животных встречаются на одних и тех же местах. К этому, вероятно, еще присоединяется то обстоятельство, что улара привлекают сюда насекомые, водящиеся в помете козерогов. На менее высоких приморских хребтах и на более высоких хребтах, тянущихся по направлению к Армении, улар, наверно, не живет*, точно также не живет здесь и козерог.

* *Зато здесь, в горах Армении живет другой вид уларов — каспийский улар (Tetraogallus caspius).*

"Все туземцы, — продолжает Радде, — единогласно утверждают, что охота на кавказских уларов представляет большие трудности. Необыкновенно пугливая и осторожная птица подпускает к себе только на выстрел винтовки, но часто охотник, даже хорошо владеющий оружием, может пробродить целый день, не сделав ни одного выстрела. Название «интауре» дали этой птице грузины, которые ничего не зная об ее образе жизни, сравнивают ее с индейкой: слово «интауре» значит — «горная индейка».

Гималайский улар (*Tetraogallus himalayensis*), называемый жителями Гималайских гор ирмунель, или гуркау, английскими же охотниками, совершенно некстати — снежным фазаном.

Длина его 72 см, размах крыльев 100, длина крыла 32, а хвоста 20 см. Верхняя часть головы, затылок и зашеек рыжевато-серые, под шеей проходит широкий светлый рыжевато-серый воротник, продолжающийся и на верхней части спины и покрытый волнистыми поперечными полосками, состоящими из отдельных точек. Нижние шейные перья, часть спины, надхвостье и кроющие перья крыльев и хвоста темные, буровато-серые с чрезвычайно тонкими волнистыми желтовато-серыми поперечными полосками. Все большие перья верхней части тела — с более или менее широкими ржаво-желтыми каемками, отчего происходит полосатый рисунок. Полоса, начинающаяся за ушами, спускающаяся по сторонам шеи, затем круто поворачивающаяся к груди, и другая, образующая на горле фигуру вроде подковы, — темно-каштанового цвета. Горло и пространство между только что упомянутыми полосками — белые. Перья поперечной полосы, проходящей по зобу, — бледные, рыжевато-белые, некоторые из них отчасти скрыты черными полулунными пятнами, образующими полосы. Грудь и живот темно-каменисто-серые с более темными стержнями перьев и с необыкновенно тонкими буровато-желтыми волнистыми поперечными чертами. Боковые перья светлее, с широкими наружными и узкими внутренними ржаво-бурными или ржаво-красными каймами, которые образуют продольные полосы. Большие маховые перья почти белые, а малые перья белые лишь у основания; первые на конце, а последние до самого основания покрыты грязно-желтыми поперечными полосками, состоящими из мелких пятнышек. Перья на плечах также испещрены, но имеют ржаво-бурные каемки. Наружные рулевые перья темно-ржаво-красные с красноватыми темно-серыми полосками, начинающимися от кончиков; к середине хвоста эти полосы переходят в пятна каменисто-серого цвета. Оба пола оперены одинаково и отличаются только по величине.

Гималайский улар живет во всей западной части Гималайского хребта до Непала, а также и в Тибете. По словам Северцова, он встречается и на Тянь-Шане, а Финш предполагает, что его можно найти и в Куньлуне*.

* *Предположение Финши было подтверждено, гималайский улар водится в Куньлуне.*

Тот же натуралист указывает на замечательно обширное распространение улара и пишет: «В Гималайских горах этот вид гнездится на высотах не ниже 4000 м, между тем, как на Тарбагатае, около горы Марал-чеку, его встречают уже на высоте 1200-1400 м над поверхностью моря.

Гималайский улар живет обществами и собирается в стаи, которые состоят иногда из 20-30 штук, хотя редко можно встретить более 5-10 птиц вместе. Несколько таких стай проживают на одном горном участке. Они редко покидают тот участок, в котором поселились и спугнутые только летают взад и вперед. Никогда не залетают в леса или густые чащи, избегают даже таких мест, где растет высокая трава или какой-нибудь мелкий кустарник. После всего сказанного бесполезно говорить, что они не садятся на деревья.

В прекрасную теплую погоду гималайские улары сидят по целым дням на скалах и на крутых склонах, почти не двигаясь, исключая утро и вечер. Если же стоят холода, туманы и дожди, тогда они бодры и подвижны, бегают то вверх, то вниз и целый день пасутся. При этом они тихонько бродят по горе, щиплют то там, то сям нежные кончики листьев, травинки, молодые стручки различных растений, случайно останавливаются и принимаются рыть землю, откалывая какую-нибудь луковицу, до которых они большие охотники. Дойдя до вершины какого-либо горного хребта, они останавливаются на некоторое время. После этого улетают, спускаются на землю и опять начинают подниматься в гору. Походка их очень неуклюжая, они при ходьбе поднимают хвост и издали напоминают старого гуся.

Улары особенно любят такие пастбища, на которых только что ночевало стадо овец, вероятно потому, что здесь начинает прорастать и заманчиво зеленеть свежая трава, между тем, как в других местах она уже давно высохла и затвердела. Убежища для ночлегов улары выбирают на скалах над пропастями; на такие места они возвращаются несколько ночей подряд».

Крик птиц, тихий и нежный свист, слышится в разное время дня, громче всего при наступлении рассвета и очень часто в туманную погоду. Крик их начинается протяжным звуком и кончается рядом скорых последовательных посвистов; звук этого голоса самый приятный из всех, который издает какая-либо пернатая дичь. Впрочем, во всей полноте голос слышится только тогда, когда птицы сидят смирно, так как спугнутые и приведенные в бегство, они через короткие промежутки издают только тихий свист. Поднимаясь, улары кричат быстро, резко и сильно, обыкновенно все время, пока летят и даже несколько секунд после того, как опустились на землю. Заканчивают они несколькими звуками, которые, кажется, поразительно хорошо выражают удовольствие, ощущаемое ими при благополучном возвращении на свое прежнее место. Мне кажется, что резкий крик, который эти птицы производят при взлете и во время полета, лучше всего можно сравнить с шумом, производимым стаей голубей, которые собираются спуститься на какое-либо место, чтобы поесть.

"Птицы не особенно дики и пугливы. Если подкрадываться снизу и приблизиться шагов на 80 или 100, то увидишь, что они потихоньку взбираются на гору, сворачивая иногда в сторону, часто оборачиваются назад, оглядываются, редко убегают далеко, если никто их не преследует; если же к ним подойти сверху, то они поднимаются, но также вначале не бегут. Вообще говоря, они редко спускаются далеко с гор, и движения свои никогда не доводят до быстроты бега, если же это иногда случается, то непосредственно перед взлетом. Весь выводок поднимается сразу, летит быстро, сначала вниз, потом вверх, поднимаясь примерно до той же высоты, откуда начали спускаться. На меньших горах, именно на тех, которые они посещают зимой, птицы не залетают далеко, а большей частью перемещаются лишь на другую сторону горы».

"Гималайские улары едят листья различных растений и траву, при случае даже мох, корни и цветы; впрочем, главную пищу составляет все же трава. Они очень любят молодые всходы ячменя и пшеницы, и, если они только пронюхают, что поблизости их местожительства есть отдаленное поле, то забираются туда ночью и по утрам; но на полях ежегодно обрабатываемых, никогда не появляются. Обыкновенно они чрезвычайно жирны, мясо же их не особенно вкусно; если птица убита на значительной высоте, то она имеет неприятный запах, который происходит от некоторых растений, употребляемых ими в пищу. Хотя я провел не одно лето в Гималаях, и именно в снежной полосе, но никогда не находил ни гнезда, ни яиц этой птицы. В Тибете, наоборот, я часто видел целые семьи, старых птиц вместе с птенцами. В этих выводках, впрочем, было заметно больше взрослых птиц, чем молодых, и состояли эти выводки, по всей вероятности, из нескольких семейств. Таким образом, я никак не мог составить определенного представления, как велико может быть количество выводимых цыплят*.

** Обычно в кладках уларов от 6 до 12 яиц, соответственно в выводках от 6 до 12 птенцов, однако смертность молодых птиц очень высока, поэтому в семейных группах и объединившихся выводках число молодых обычно меньше числа взрослых птиц.*

Яйца, которые путешественникам удавалось находить, по величине похожи на яйца индюшек. Но по форме они продолговаты, как у тетеревиных. Основной цвет яиц оливково-бурый; рисунок на них состоит из разбросанных, маленьких, светлых орехово-бурых пятнышек».

Во время моего путешествия по Сибири и Туркестану я решил всеми силами постараться увидеть эту чудную птицу на ее родине. 28 мая 1876 года мне удалось привести в исполнение давно лелеянную мной мечту. Мы устроили охотничью прогулку из пограничного казачьего поста на берегу озера Зайсан, под руководством старого киргизского охотника и в сопровождении моего спутника, графа Вальдбург Цейль-Траухбург и доктора Пандера. По уверениям нашего киргиза, что и оказалось совершенно справедливым, улар живет на высочайших, еще покрытых снегом вершинах гор, которые мы называли Тарабагатай. Но, кроме того, он держится на одном из низких отрогов этих гор, называемом Манрок. Эта часть гор отличается своеобразными расселинами. Сотни вершин, разделенные глубокими долинами и пропастями, уходят ввысь, громоздясь друг над другом. С северной стороны они круты, но не скалисты, напротив, на них лежит свежий травянистый покров или же они поросли низким тернистым кустарником. С южной стороны горы образуют здесь целые лабиринты утесов, таких диких, таких изрытых, с такими безднами, подобных которым не встретишь ни в каких других горах в мире. Даже вода затрудняется найти себе надлежащий путь среди этого лабиринта, и действительно в глубоких долинах часто можно встретить ручейки, которые текут в одну сторону, а другие навстречу им. Вот каковы места, которые предпочитают улары и в которых они селятся в немалом количестве. Полные ожиданий, верхом на лошадях, под предводительством нашего киргиза-охотника и его сына, цветущего и сильного юноши, мы въехали в одну из долин, пробираясь то по холмам, то по горам, то, спускаясь в дикие, каменистые ущелья.

По склонам гор бегали каменные куропатки, над вершинами летали орлы и соколы, с карнизов и выступов раздавалось оживленное, веселое пение каменного дрозда, каменки и горихвостки. Мы продолжили путь до тех пор, пока старый киргиз не остановился у подошвы горы. Он предложил нам разделиться на две партии так, чтобы одна поднялась с одной стороны, а другая с другой. Начался подъем, который показал нам, до какой степени ловко лазают тамошние лошади. Я поднимался по ущелью, вымытому водой; моя лошадь могла двигаться вверх только прыжками. Наконец, она довезла меня до вершины, причем выказала столько же выносливости, сколько и искусства. Над горой кружились орлы, а каменные куропатки шныряли вокруг нас, не взлетая, с такою доверчивостью, какой мне до сих пор не случалось видеть. Далее наш путь шел то в гору, то под гору; иногда мы пробирались по скалистому крутому хребту, иногда по покрытому травой северному склону. Куда ни глянешь, везде глаза наши встречали глыбы гор или долины. После езды, длившейся около часу, проводник обратил наше внимание на крик улара. Я услышал, как будто совсем близко от нас, своеобразный, благозвучный, протяжный свистящий крик, состоящий из нескольких звуков. Но пришлось еще довольно долго ехать прежде, чем мы увидели птицу, издающие эти звуки, и тут только началась охота. Описывать здесь охоту я считаю излишним; скажу только, что мне повезло убить одну из этих великолепных птиц. Кроме того, в этот день и в следующие я лежал, спрятавшись в одном месте, и в подзорную трубу издали рассматривал этих птиц, чтобы как можно лучше ознакомиться с их образом жизни, привычками и особенностями. Вместе с тем я пользовался всяким случаем, чтобы через посредство моего русского приятеля как можно больше разузнать об этой куропатке от такого тонкого наблюдателя, каков был охотник киргиз.

Непременное условие местожительства гималайского улара заключается в том, чтобы участок был совсем безлесен. Улар — птица утесов в настоящем смысле этого слова. На равнины она не заходит даже в самые жестокие зимы. Чем суровее скалы, чем глубже пропасти, чем неприступнее для людей и животных стены утесов, тем более можно быть уверенным, что встретишь там улара. Он выбирает, по возможности, самые высокие вершины гор, впрочем, улетаёт с них днем в долины и держится на склонах там, где есть зелень или растут мелкие кусты.

Каждая пара уларов здесь в горах Манрок из года в год владеет определенным участком. Она не допускает, чтобы по соседству жила другая пара. Если на чьем-либо участке появляется самец, то хозяин этой местности тотчас нападает на непрошеного гостя с громким, почти пронзительным криком и бросается прогонять его. При этом он, чему я сам был очевидцем, принимает позы токующей каменной куропатки, то есть бежит с наклоненной головой, висящими крыльями и с полуприподнятым и несколько распушенным хвостом. Токование здесь начинается в первые дни марта и продолжается до конца этого месяца; в это время самцы, конечно, настроены очень воинственно, но, по уверениям моего рассказчика, старого киргиза-охотника, они в это время кричат не больше, чем всегда.

Движения этих гордых птиц напоминают скорее каменных, нежели серых куропаток, хотя не совсем на них похожи. Бегают они скоро и проворно, одинаково ловко как в гору, так и под гору. Полет состоит из нескольких быстрых и частых взмахов крыльями, за которыми следуют тихие, скользкие движения, причем крылья почти не шевелятся. Вследствие несоразмерно коротких крыльев полет представляет совсем необыкновенную картину; летящая птица кажется чрезвычайно длинной, между тем, как во время бега она нам представляется короткотелой. Самую лучшую картину полета можно получить, если представить себе длинный крест с короткой перекладной. Если время позволяет, то улары любят, прежде чем взлететь, взобраться на какое-либо возвышенное место, на котором они любят побегать. В течение дня парочка побывает в различных местах своего участка; под вечер же они всегда направляются к известному и, по возможности безопасному месту и здесь проводят ночь.

Пища уларов состоит главным образом из растительных веществ. Можно предположить, что они едят и насекомых, но на этот вопрос мой киргиз не мог дать мне положительного ответа; следует допустить, что они в суровые зимы, при глубоком снеге вырывают в нем ходы, и таким путем докапываются до растений, составляющих их главный корм.

Число яиц в кладке, по показаниям моего киргиза, бывает до девяти. Яйца эти больше утиных, круглы и по зеленовато-желтому фону имеют темные, иногда синеватые пятна; впрочем, надо прибавить при этом, что нельзя очень полагаться на верность этих показаний, так как киргизы мало смыслят в красках и плохо их различают. Гнездо устраивается на выступе скалы, на таком месте, где достаточно земли, чтобы вырыть неглубокую ямку, которая выстлана только небольшим количеством сухих растений. Самка насиживает яйца, а самец в это время сидит поблизости от гнезда на возвышенном месте и в случае опасности предупреждает наседку; во время гнездования он сам

делается гораздо осторожнее и пугливее. Спустя приблизительно около четырех недель появляются птенцы, и с этого времени оба родителя водят цыплят: мать не покидает их даже в случае большой опасности.

Говорят, что к концу ноября птенцы вполне вырастают, но уже гораздо ранее этого времени они держат себя совершенно как взрослые. Со старыми птицами они и проживают целую зиму; выводки разбиваются не задолго до спаривания. Если наседка погибает, то отец один водит даже самых крошечных птенчиков.

Естественными врагам уларов следует считать всех больших хищных птиц, особенно беркута и одного белобрюхого его родича, вероятно ястребиного орла, от которого улары еще больше терпят, чем от первого. От лисиц и волков спасает их необыкновенная бдительность.

Человека в этих странах им нечего бояться. Из киргизов только немногие занимаются охотой за этой куропаткой, так как жители степи более склонны охотиться на лисиц, волков и куниц, чем за такой пернатой дичью, которую очень трудно добыть. По единогласным уверениям всех русских, которых я расспрашивал, мясо его бело, как снег и превосходно на вкус, нежно, несколько пряно и похоже на мясо глухаря или серой куропатки.

Обыкновенный перепел (*Coturnix coturnix*) — распространен во всех странах Старого Света и в Австралии. Особенности этого вида следующие: клюв маленький, слабый, у корня возвышенный, от основания до кончика слегка изогнутый, в углах расширенный; ноги короткие без шпор, с длинными пальцами; относительно длинные и острые, несколько выпуклые крылья; необыкновенно короткий, сводообразный хвост состоит из двенадцати перьев; оперение почти одинаково у самца и самки. Верхняя часть тела перепела бурая с ржаво-желтыми поперечными и продольными полосами. Крылья по черновато-бурому полю покрыты поперечными ржаво-желтыми пятнами, которые вместе образуют полосы. Глаза светло-красновато-бурые, клюв сероватый, ноги красноватого цвета или бледно-желтые. Длина равняется 20 см, размах крыльев 34, длина крыла 14 и хвоста 4 см.

Очень мало стран в Старом Свете, где бы не наблюдался наш перепел. В Европе он водится везде южнее 60 градусов северной широты. Но регулярно встречается только с 50 градусов северной широты. В Средней Азии населяет удобные для него места, довольно часто встречается в степях. На зиму перекочевывает на юг, в Африку и южную Азию. Странствования его во всех отношениях необыкновенны. Перелеты совершаются ежегодно, но во многом отличаются от обыкновенного перелета прочих птиц. Некоторые перепела, по-видимому, кочуют круглый год, но даже те, которые привязаны к гнездовью, покидают свои участки не в одно и то же время. Некоторые перепела появляются в Египте уже в конце августа, тогда как большинство прибывают не ранее сентября. Между тем в сентябре в Германии можно найти перепелов на гнезде, высидивающих яйца, или же птенцов еще в пушке. Во всяком случае, перелет совершается главным образом в сентябре, тянется целый октябрь и продолжается еще и ноябрь. Многие зимуют на трех южно-европейских полуостровах, некоторые в южной Франции, а в умеренные зимы — даже и в Германии; большая же часть перелетает в тропические страны Африки и Азии, а иные летят через всю Африку до самой Капской земли*.

* *В южной и восточной Африке обыкновенный перепел — оседлая птица.*

С начала сентября все поля побережья Средиземного моря кишат перепелами. «В терновниках, в канавах, на полях из-за каждого кустика, из-за каждой глыбы земли, — говорит граф фон-дер-Мюле о Греции, — отовсюду охотнику навстречу вылетают перепела, и не пройдет нескольких часов, как ягдташ его уже набит. Иногда случается, что ночью дует сирокко, и тогда на следующее утро нельзя найти ни одной птицы на тех местах, где накануне еще их были огромные стаи; вдруг они снова появляются во множестве, и так продолжается до наступления холодов, когда ночные морозы прогоняют всех пролетающих птиц». Совершенно то же случается и в Турции, в южной Италии и Испании, на побережьях Черного и Каспийского морей и точно так же близ Японского и Китайского морей**. Вальтер сообщает из Туркмении, что перепелки в бесчисленном множестве пролетают по течению Амударьи.

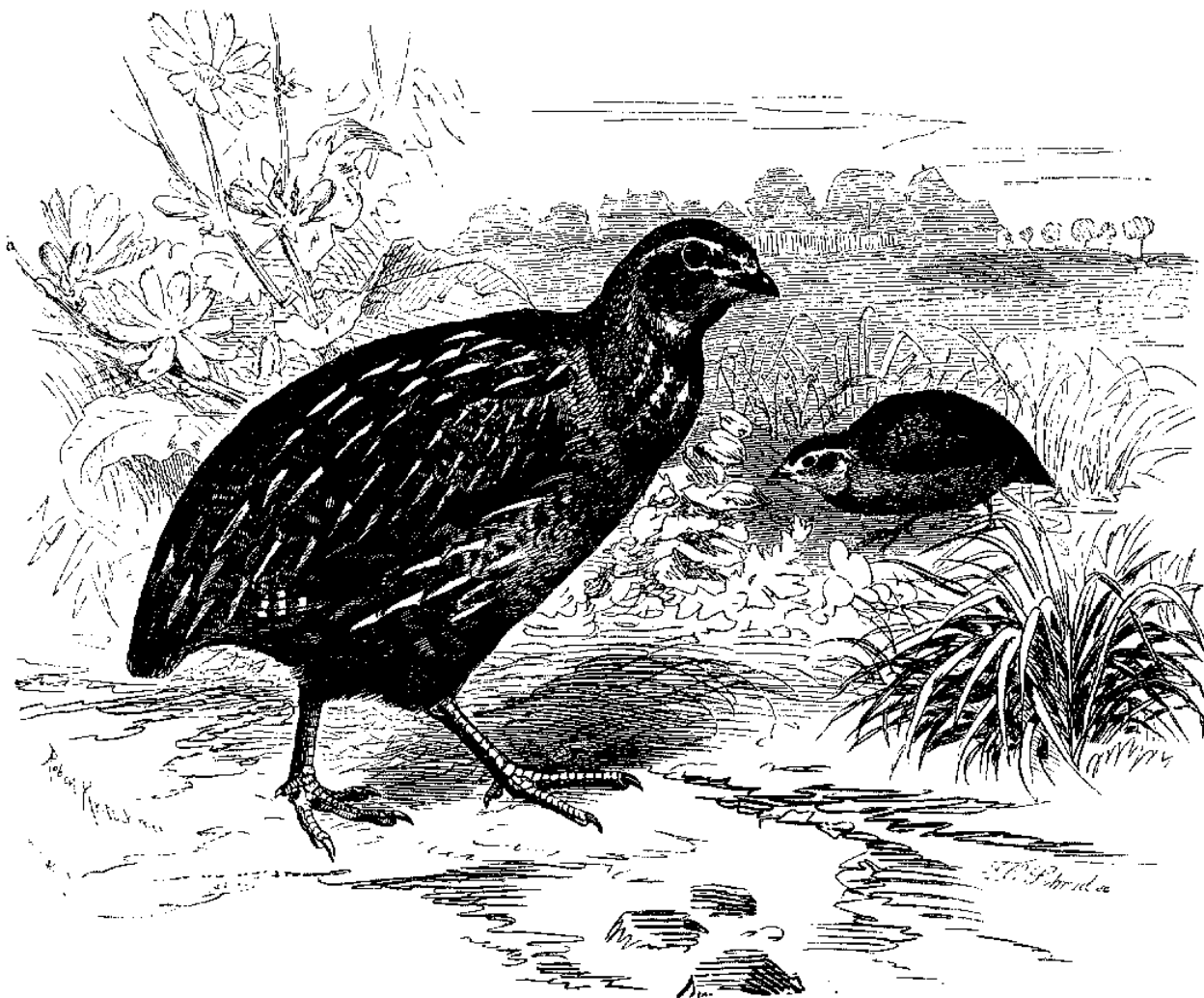
* * *На Дальнем Востоке к востоку? от Байкала распространен другой вид перепела — мой перепел (*Coturnix japonica*).*

Все странствующие перепела перед отлетом собираются в великом множестве на оконечностях южных полуостровов. При неблагоприятном, то есть попутном ветре, перелет задерживается, но как только поднимается противный ветер, то все поднимаются и летят над морем в юго-западном направлении. Если ветер не усиливается и не превращается в бурю, то странствование совершается благополучно: стая летит до тех пор, пока крылья не откажутся служить; в случае сильного утомления, по уверению моряков, заслуживающих доверия, птицы опускаются на воду, отдыхают неко-

торое время, а затем поднимаются и летят дальше. Иначе бывает, если ветер переменит направление или перейдет в бурю. Попутный ветер в сильной степени препятствует перелету через море, а буря делает путешествие совершенно невозможным. В подобных случаях птицы, уставшие до изнеможения, как бы бессознательно падают на выступающие утесы и палубы кораблей, и здесь подолгу лежат без движения. Они бывают настолько сбиты с толку этой неудачей, что по целым дням остаются в своих случайных убежищах, не решаясь на дальнейший путь, даже, если ветер переменится и погода станет благоприятной. Вышесказанное наблюдалось многими людьми, а сколько перепелов погибает при этом в волнах — об этом никто не знает.

В течение первых дней своего пребывания в Африке ни один из перепелов не взлетает без крайней нужды. Для меня не подлежит сомнению, что, перелетев на другой берег моря и почувствовав под собою твердую землю, перепела продолжают свое путешествие, главным образом бегом. Тогда их можно встретить повсюду в северо-восточной Африке, но никогда не замечаешь летающих стай, а беспрестанно встречаешь отдельных птиц, иногда, впрочем, в довольно большом количестве. Они избирают своим местожительством удобные для них местности, например, поля, засеянные альфой и другими растениями, но чаще всего травянистую степь. Я считаю вероятным, что во время своего пребывания в Африке перепела кочуют.

Любимыми местами перепелов следует считать плодородные, богатые хлебными растениями равнины. Высоких гористых местностей они избегают и селятся в низменностях. Воды они боятся так же, как и высот, поэтому никогда не водятся в болотах и трясинах. Они любят забираться в пшеничные и ржаные поля; можно принять за правило, что там, где пшеница не возделывается, перепела чувствуют себя не очень привольно и встречаются только во время перелета. На пути они никогда не опускаются в кустарники; летом не покидают полей.

Обыкновенный перепел (*Coturnix coturnix*)

Перепела нельзя назвать ни красивой, ни одаренной птицей и, несмотря на это, его любят все: и старый, и малый. Этим он обязан своему звонкому, далеко раздающемуся призывному крику при спаривании, всем знакомому «буквервук». Он, несомненно, много способствует оживлению ме-

стности, и каждый внимает ему с удовольствием. Кроме этого призывного крика они издают еще и много других звуков, которые настолько тихи, что слышны только вблизи.

По своим свойствам и нраву, по образу жизни и действиям, перепела во многом отличаются от серой куропатки. Они ходят скоро и проворно, но держатся некрасиво, так как голову втягивают, а хвост висит вниз, поэтому перепел кажется шарообразным. На каждом шагу он кивает головой и очень редко принимает благородную осанку, иногда очень мило покачивается. Летает скоро, шумя крыльями, и порывисто, однако гораздо скорее и искуснее серой куропатки. На далекие расстояния летит неохотно, хотя и поднимается при полете довольно высоко, но скоро опять опускается на землю, и если приходится скрываться, то спасается бегом. Можно считать, что чувства его, по крайней мере, зрение и слух, хорошо развиты, сообразительность же очень плоха.

Пища перепелов состоит из разного рода зерен, листьев и почек, равно как и из различных насекомых, которым, по-видимому, птицы всегда отдают предпочтение. Но, как опытом установлено, перепелов можно кормить в течение нескольких месяцев одними пшеничными зернами. В их рацион входят маленькие камешки, способствующие пищеварению и свежая вода; но для утоления жажды перепелу достаточно росы на листьях и поэтому его редко можно встретить на определенных водопоях.

Весьма вероятно, что у перепелов существует многобрачие; по крайней мере, все наблюдения указывают на отсутствие правильной брачной жизни у различных полов. Самец ревностью превосходит всех куриных птиц, старается изгнать соперников из своей области и сражается за свое единовластие не на жизнь, а на смерть. Самка приступает к постройке гнезда поздно, перед самым началом лета, вырывает по преимуществу на гороховых или пшеничных полях мелкое углубление, выстилает его сухими частями растений и кладет туда 8-14 яиц. Эти яйца относительно велики, длиной в 29 мм, шириной в 22 мм, грушевидные, с гладкой скорлупой и блестящими темно-зелеными или черновато-коричневыми пятнами по светло-коричневому фону; но часто случаются отклонения от этой окраски и рисунка. Самка усердно высидывает яйца в продолжение 18-20 дней, не дает согнать себя с гнезда и поэтому часто делается жертвой своей самоотверженности.

Птенцы тотчас по появлении из яиц убегают с матерью, которая заботливо водит их, принуждает к еде, в дурную погоду прячет в своих перьях, вообще отлично ухаживает за ними. Птенцы удивительно быстро растут, скоро перестают обращать внимание на призывный крик матери и при первой возможности стараются сами пробить себе дорогу в жизни. На второй неделе своей жизни они уже летают, на пятой или шестой достигают полной величины и достаточного навыка для того, чтобы отправиться в осеннее путешествие.

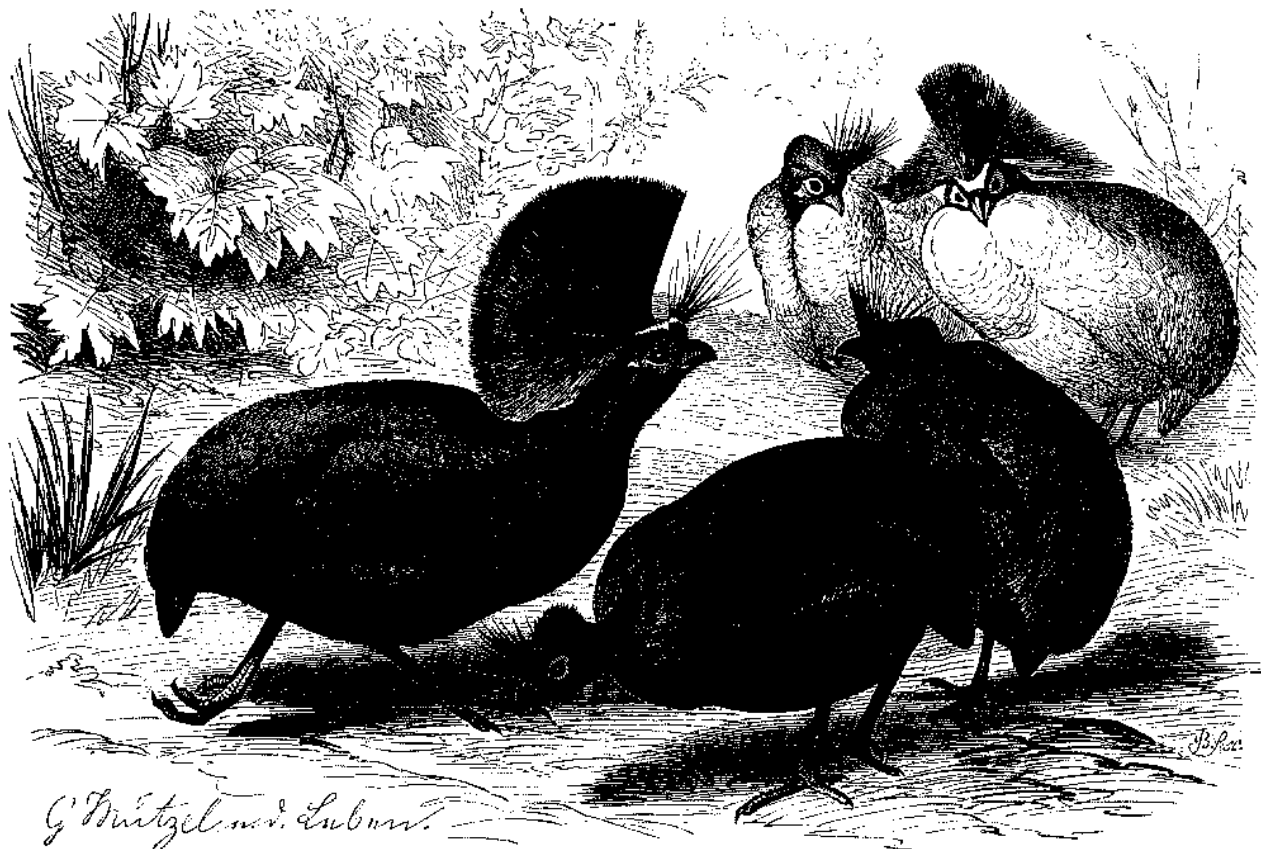
Человек является злейшим врагом птиц. С давних пор по всем берегам Средиземного моря расставляются сети, силки и множество западней. Остров Капри прославился обильным ловом перепелов; этот лов составлял главную статью дохода прежних епископов, к епархии которых принадлежал этот остров. По сообщению Ватертонна, в Риме иногда в один день взималась пошлина с 17 тысяч перепелов. Не менее значителен их улов на испанском берегу, главным образом весной. «На Майне, — рассказывает граф фон Мюле, — особенно на островах, во время перелета перепелов все, от мала до велика, занимаются охотой на них и их приготовлением. Их ловят ножными и шейными силками, на клей и в сети, преимущественно наволочной сетью.

которую делают большого размера из рыболовных сетей, а особенно жирных и тяжело поднимающихся перепелов мальчики убивают просто палками. Битую птицу ощипывают, отрезают голову и ноги, потрошат, делают на груди надрез, упаковывают и отсылают. Если вспомнить, что из тех перепелов, которые спасаются от преследования человека и хищных животных, еще тысячи гибнут в море, то трудно себе представить, каким образом их сильное размножение может пополнить эти потери».

Руруль, или венценосная куропатка (*Rollulus roulroui*), населяет Суматру и Малакку. У нее клюв толстый с тупым крючком, ноги с тонкими плюснами и короткими пальцами, задний палец без когтя. Крылья умеренно закруглены, из маховых перьев четвертое самое длинное, хвост короткий, оперение обильное, на надхвостье очень развитое, на лбу переходит в твердые, загнутые назад щетинки. Лоб, затылок и вся нижняя часть туловища черного цвета с синевато-стальным отливом; перья на темени белые. Сравнительно большой хохолок состоит из густых, растопыренных, мелко разветвленных перьев цвета ржавчины; маховые перья светло-коричневые — цвета ореха. Длина туловища достигает 26 см, длина крыла — 14, длина хвоста — 6 см. У самки нет хохолка, голова и верхняя часть шеи темно-серые, маленькие перья темно-зеленого травяного цвета, кроющие перья крыльев светло-орехового цвета.

"В некоторых местностях на Суматре, особенно во внутренних частях этого острова, — пишет мне Розенберг, — на целые мили простираются травянистые равнины. Эти равнины только по берегам реки скудно заселены, поросли редкими деревьями и кустами, и местами окружают более или менее значительные остатки лесов; они служат любимым местопребыванием слонов, оленей, кабанов и тигров, но птиц там водится немного. Хорошо, если охотник или путник то там, то здесь спугнет кукушку, перепела, козодоя или стаю маленьких зябликов. Но, если он приблизится к одной из рощиц, то он найдет там гораздо более богатое население. Тут-то живет и гнездится одна из самых прекрасных и своеобразных пород куриных, отсюда она вылетает в вокруг лежащую степь, правда так недалеко, что при приближении опасности она всегда может вовремя скрыться в соседнем кустарнике».

Розенберг о венценосных куропатках говорит так: «Рулул не водится выше 1500 м над поверхностью моря, так что считается характерною птицей для жарких низменностей Суматры. На Яве он никогда не попадался мне. Эта птица живет в единобрачии, и потому ее находят преимущественно парами; днем, и если ей не мешают, она остается на земле, чтобы отыскивать пищу, которая состоит из насекомых, червяков, улиток, семян, ягод, почек и молодых частей растений.

Руруль, или венценосная куропатка (*Rotlulus roulroul*)

Вид у рулула ленивый и вялый и поэтому он производит своеобразное впечатление на наблюдателя, так как держит свой почти непропорционально большой хохол всегда прямо; когда идет спокойно или стоит, то топорщит богатое оперение на надхвостье, а хвост подгибает к нижней стороне тела. Он держится менее напыщенно только тогда, когда бежит поспешно и вытягивает вперед шею и голову, а в состоянии совершенного покоя прячет голову между плечами и принимает почти шарообразный вид. Если его спугнуть, то он с громким свистом летит сильными, быстрыми взмахами крыльев, пролетает низко над землей 30^40 шагов и потом спускается, чтобы спастись бегством. Счастливо минуя опасность, самец призывает спугнутую самку особым призывным криком, который выражается в малайском названии «рулул». С наступающей темнотой пара садится на низкий сук дерева, чтобы предаться ночному покою.

Во время спаривания за обладание самкой между самцами происходят горячие драки, причем пускаются в ход и клюв, и ноги. Я не мог узнать, живет ли самец всю жизнь с одной и той же самкой, но считаю это вероятным. Самка кладет 8-10 соразмерно больших, серовато-оливковых яиц в плоское углубление, скудно выложенное травинками и спрятанное под кустарником; она усердно высидывает их, а между тем невдалеке самец стоит на стороже; впоследствии он тоже верно помогает своей подруге при воспитании птенцов.

К врагам рулула — змеям, хищным птицам и хищным млекопитающим, — присоединяется и человек, который неустанно охотится за ним из-за его вкусного мяса, и ловит его преимущественно силками. Я часто ловил его живым и держал довольно долго в неволе, кормя червяками, стрекозами и отваренным рисом».

Виргинский бобуайт, или виргинская куропатка (*Colinus virginianus*), узнается по следующим признакам: клюв короткий, сильный, очень выпуклый, верхняя челюсть загнута крючком, в передней части нижней челюсти находятся два или три зубчика. Ноги средней вышины, спереди с двумя продольными рядами гладких роговых пластинок, сбоку и сзади покрыты маленькими чешуйками. Крылья выпуклые, довольно длинные, в них четвертое маховое перо самое длинное; хвост из двенадцати перьев коротко закруглен; несколько блестящих перьев удлиняются на голове и образуют маленький хохолок. Все перья верхней части тела красновато-бурые с черными пятнами, крапинками, полосками и с желтыми краями; на нижней части тела перья бледно-желтые, с красновато-коричневой продольной полосой и с поперечными черными волнообразными полосками. Горлышко белое. Ото лба через глаз и до затылка тянется белая полоска. Через нее от глаза проходит черная полоска и охватывает шею; по сторонам шеи черные, белые и коричневые крапинки — все это вместе премило украшает головку этой перепелки. На верхних кроющих перьях крыла преобладает красновато-коричневый цвет; темно-коричневые большие маховые перья к краю бородки окаймлены светлее; малые маховые перья покрыты неправильными огненно-желтыми полосками; рулевые перья серо-голубые, за исключением средних желтовато-серых с черными крапинками. Глаза орехово-карие, клюв темно-бурый, ноги голубовато-серые. Самка отличается более бледной окраской и менее ясным рисунком перьев, особенно желтым цветом на лбу, бровях, по бокам шеи и на горле. Пол птенцов вообще-то похожих на самку, сейчас же узнается по более или менее ясному рисунку. Длина туловища достигает 25 см, размах крыльев 35, длина крыла 11, длина хвоста 7 см.

Виргинская куропатка водится в Северной Америке на территории, ограниченной на севере Канадой, на западе Скалистыми горами, на юге Мексиканским заливом. Ее развели на Ямайке, Санта-Круссе и других островах Вест-Индии, а также в Англии с полным успехом, в других местах отчасти успешно. Она выбирает себе такое же местопребывание, как и наша куропатка; предпочитает поля, но ей необходимы густые заросли кустарников и тому подобные защищенные места; при случае она даже углубляется в лес. На юге Соединенных Штатов она оседлая птица; на севере зимой предпринимает странствования, которые могут обратиться в настоящие перелеты.

Судя по описаниям американских исследователей, виргинская куропатка походит на нашу куропатку своим образом жизни и своими привычками. Бегаёт она так же проворно, летает немного быстрее; остальные способности стоят приблизительно на той же степени развития, но голос ее более звучен и разнообразен, чем у куропатки. Он состоит из двух звуков, которым иногда предшествует еще вводный «бой»; они повторяются большей частью один за другим и звучат как «бобвейт». Этому крику легко подражать, и благодаря ему, сложилось народное название виргинской куропатки — «боб уайт». Нежное чувство выражается тихим чириканьем, страх — испуганным свистом.

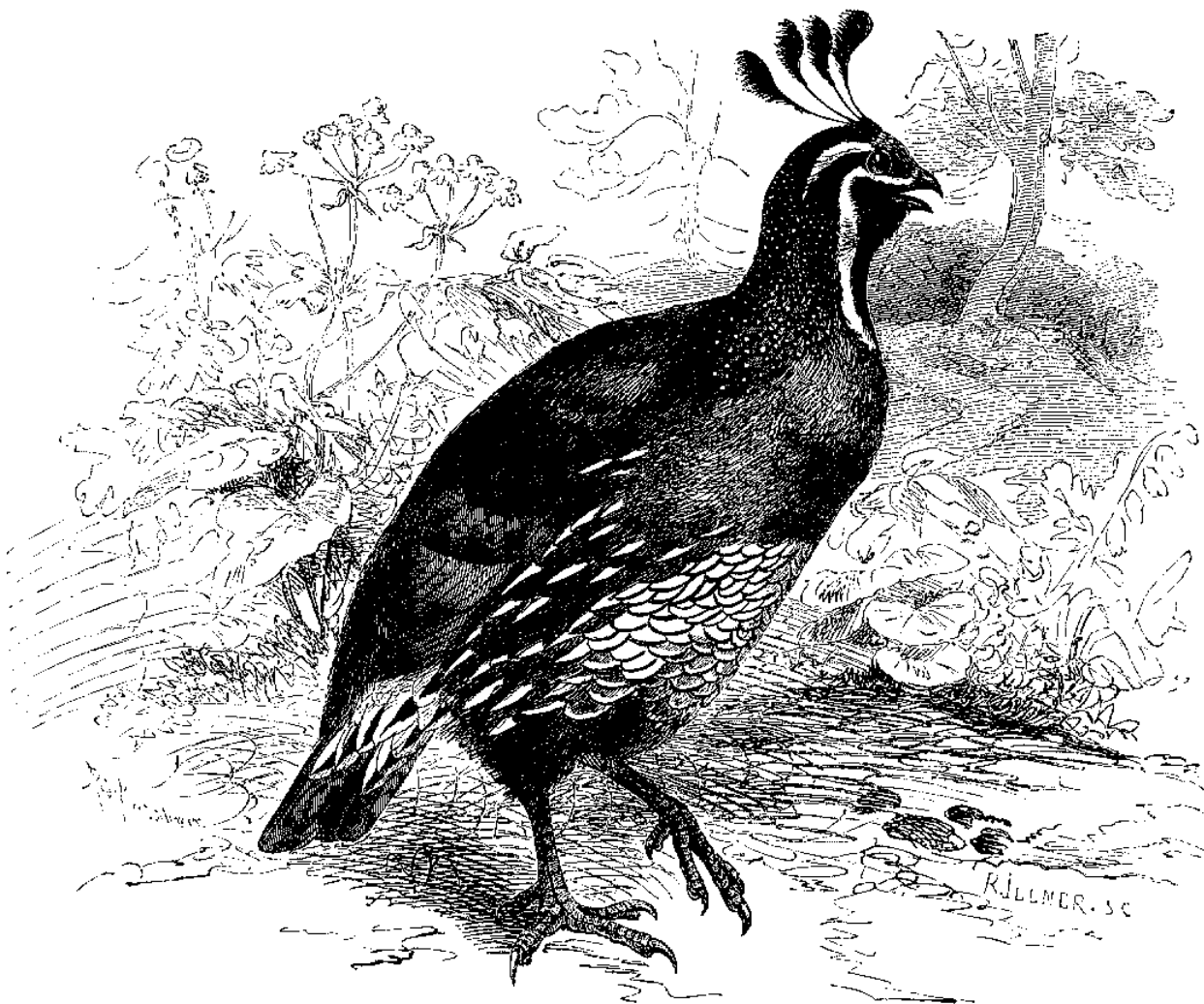
Летом виргинская куропатка питается насекомыми и различными зёрнами хлебных растений; осенью зёрна составляют главную ее пищу. Пока зеленеют поля, всем, от мала до велика, живется радостно и отлично; но с наступлением зимы и этот вид куриных терпит крайнюю нужду, и тогда куропатки решаются улететь в южные края. Во время таких путешествий многие погибают, потому что хищники преследуют их по пятам, а человек пускает в ход все средства, чтобы завладеть лакомой дичью.

Виргинскую куропатку легко приручить и разводить в тех местностях, которые удовлетворяют ее жизненным потребностям. Пойманные птицы этой породы, если с ними разумно обращаться, примиряются со своей участью уже через несколько дней, теряют всякий страх и в удивительно короткое время привыкают к тем людям, которые за ними ходят. Еще легче делаются ручными те из них, которые выросли на глазах человека.

Американцы любят охотиться за хорошенькими птицами, мясо которых считается превосходным, хотя охота за ними не так легка, как за нашей куропаткой. Виргинская куропатка не взлетает из-под легавой собаки, но старается при приближении опасности спастись бегством, и только в крайней необходимости срывается обыкновенно из-под самых ног охотника. Охота еще затрудняется в том случае, если стая благополучно достигла леса, потому что тут все снимающиеся птицы садятся на деревья, прижимаются к толстым сукам, и их не различит самый острый глаз. Напротив того, они идут на пищик, и тому, кто умеет подражать крику самца или самки достается богатая добыча. В Америке для этой охоты чаще применяют сети и силки, чем огнестрельное оружие.

Калифорнийский хохлатый перепел (*Lophortyx californica*). Лоб соломенного цвета, каждое перо с темным стержнем; этот цвет ограничен полоской на лбу, которая, удлиняясь, образует брови. Затылок, покрытый длинными перьями, серо-голубой, каждое перо с черной полоской с краю и с черным стержнем, с двумя беловатыми пятнами на конце. Спина оливкового цвета, горло черное, окруженное белой полоской. Верхняя часть груди серо-голубая, нижняя часть — желтая, каждое перо светлее на конце и с черной полоской по краям. Срединка брюшка буровато-красная и каждое перо тоже обведено темной полоской, так что образуется черный раковистый узор. Величина туловища достигает 24 см, длина крыла 11, длина хвоста 9 см.

Все известные мне сообщения об образе жизни калифорнийских хохлатых перепелов очень скудны. «Эта великолепная птица, — рассказывает Гамбель, чрезвычайно часто встречается по всей Калифорнии; зимой она соединяется в огромные стаи, которые состоят иногда из тысячи и более штук. Предположительно, лесные пространства способны укрыть такое большое число птиц.

Калифорнийский хохлатый перепел (*Lophortyx californica*)

На заросших кустами равнинах и на склонах холмистых местностей перепел встречается также часто, как и в лесах. Эта птица выказывает такую же бдительность, как и виргинская куропатка, но гораздо проворнее на ходу, и делает напрасным всякое преследование тем, что с удивительной быстротой убегает и прячется. Если ее спугнуть вдруг, то она обыкновенно летит к деревьям и прижимается к горизонтальному суку, как белка; ее трудно найти еще и потому, что оперение очень походит на древесную кору. Гнездо устраивается на земле, обыкновенно у подножия дерева или под ветвями куста; хохлатый перепел несет яйца иногда в большом количестве. Я нашел 24 яйца в мелком углублении, вырытом у подножия дуба; оно было выложено несколькими листочками и сухой травой, но середина не была ничем прикрыта. Возможно, что две курицы положили яйца в одно и то же гнездо, так как обыкновенно каждая кладка не превышает 15 яиц». Эти яйца в продольном разрезе достигают приблизительно 32, а в поперечном 24 мм; обыкновенно они желтоватые или светло-серые с темно-бурыми и буровато-желтыми пятнами, но бывают многочисленные отклонения.

"Красивая на вид, нежная на ощупь, душистая и чрезвычайно вкусная — калифорнийский хохлатый перепел, в самом деле, великолепная птица! Я любовался им уже много лет тому назад, с тех пор как увидел в первый раз в музее, украшением которого он служил: там из него было набито чучело и неуклюже приколочено к доске. Теперь же, после того как я наблюдал эту птицу живую в ее отечестве, видел ее раньше, чем потух блеск ее глаз, после того, как я сам охотился на ее цыплят, я еще более восхищаюсь ею и думаю, что вряд ли найдется в Америке другая птица, равная ей по красоте. Ее полные и круглые формы ничуть не кажутся неуклюжими, потому что шея и хвост у нее длинные, голова маленькая, а красиво выгнутые перышки придают ей необыкновенную миловидность. Ее бег легок и нетороплив: это поистине удивительное зрелище, когда петух с поднятой головой, с блестящими глазами и колеблющимся хохолком гордо переступает через лежащий на земле ствол, под которым спряталось его маленькое семейство! Он так храбр и вместе с тем так слаб, с такой твердой волей — и так беспомощен! За исключением сплошного хвойного леса без кустарника, эти перепела селятся во всяких местностях, но очевидно предпочитают густые заросли и особенно береговой ивняк. Правда, они встречаются часто на полянках между кустарником, даже в кустах сухой равнины, и так как я встречал их во всяких местностях, то и не могу сказать, какие, собственно, они предпочитают.

Подобно другим куриным, калифорнийский перепел питается преимущественно семенами и плодами, хотя насекомые составляют немаловажную часть его корма. У него в зобу можно найти семена всевозможных трав, ягоды всех сортов, виноград и тому подобное, кузнечиков, жуков, мух и других насекомых, и, без всякого сомнения, когда Аризона заселится, эта перепелка не будет пренебрегать пшеницей, рожью и другими злаками. В первые весенние месяцы она охотно ест ивовые почки, и тогда ее мясо приобретает горький вкус.

Хорошенький хохолок, так сильно украшающий этот вид куриных, образуется в раннем возрасте; его замечают уже у цыплят, которым всего несколько дней. У них, правда, он состоит только из маленького, коротенького пучка из трех или четырех перьев, которые скорее коричневого, чем черного цвета, не расширяются на конце и стоят прямо. Хохолок наклоняется вперед, только когда птица совсем оперится. Число перьев, из которых он состоит, значительно колеблется. Иногда их бывает 8-10, а иногда только одно.

Охота на калифорнийского хохлатого перепела труднее, чем на виргинскую куропатку. Хотя он взлетает не вдруг и летит не быстрее, но, если стая поднялась, и одна или две птицы убиты, то чрезвычайно трудно сделать еще один удачный выстрел. Кроме некоторых случаев, перепела летят не очень стойко, и раз спугнутые, они опять садятся на землю и скрываются так хорошо, что их уже больше не спугнуть; если же это удастся, то они убегают по возможности быстрее и дальше, так что их находят довольно далеко от места нападения. Привычка их спасаться бегством утомляет не только охотника, но и собаку до такой степени, что даже прекрасно выдрессированная собака не годится для этой охоты. Правда, стрелку часто предоставляется возможность стрелять по бегущей птице: но какой же охотник захочет таким бесславным образом набивать свой ягдташ благородной дичью! Полет калифорнийской перепелки замечательно быстр и всегда силен, ровен и прям, так что опытному стрелку не особенно трудно убить ее».

В Индии живут известные виды из семейства фазановых. Туловище у этих птиц плотное, клюв средней длины и сильный, верхняя челюсть выпуклая и загнутая на конце. У самцов ноги довольно высокие и снабжены шпорами, крылья короткие и сильно закруглены. Хвост средней длины, немного ступенчатый и кровлевидный, так как 14 перьев, из которых он состоит, образуют две соприкасающиеся плоскости, образующие между собою угол. На голове поднимается мясистый гребешок; с нижней челюсти спускаются мягкие мясистые бородачки; щеки голые. Великолепные перья густо покрывают тело; перья надхвостья или верхние кроющие перья хвоста удлиняются, закрывают собственно рулевые перья и серпообразно висят с задней части тела.

Известные виды живут в лесах и ведут уединенную жизнь, хотя все они дают о себе знать своим голосом.

Индийская дикая, или банкивская, курица (*Gallus galhis*) имеет, по-видимому, наибольшее право считаться родоначальником наших домашних кур. Она часто встречается на востоке и в северной холмистой стране Индийского полуострова, обыкновенна на полуострове Малакке и на Зондских островах, но, наоборот, в средней Индии редко встречается. Странно, что у нас имеются только скудные сведения об образе жизни этой курицы, вероятно, ее трудно наблюдать. Охотник и наблюдатель встречают на своем пути непреодолимые препятствия в тех лесах, где живут эти куры. По словам Жердона, при путешествии через лес часто приходится встречаться с этими птицами.

Петухи этого вида так же задорны, как их потомки, даже, пожалуй, еще задорнее: поэтому туземцы приручают их, так как находят, что если домашние петухи и бывают сильнее их, зато никогда не обладают их ловкостью и мужеством.

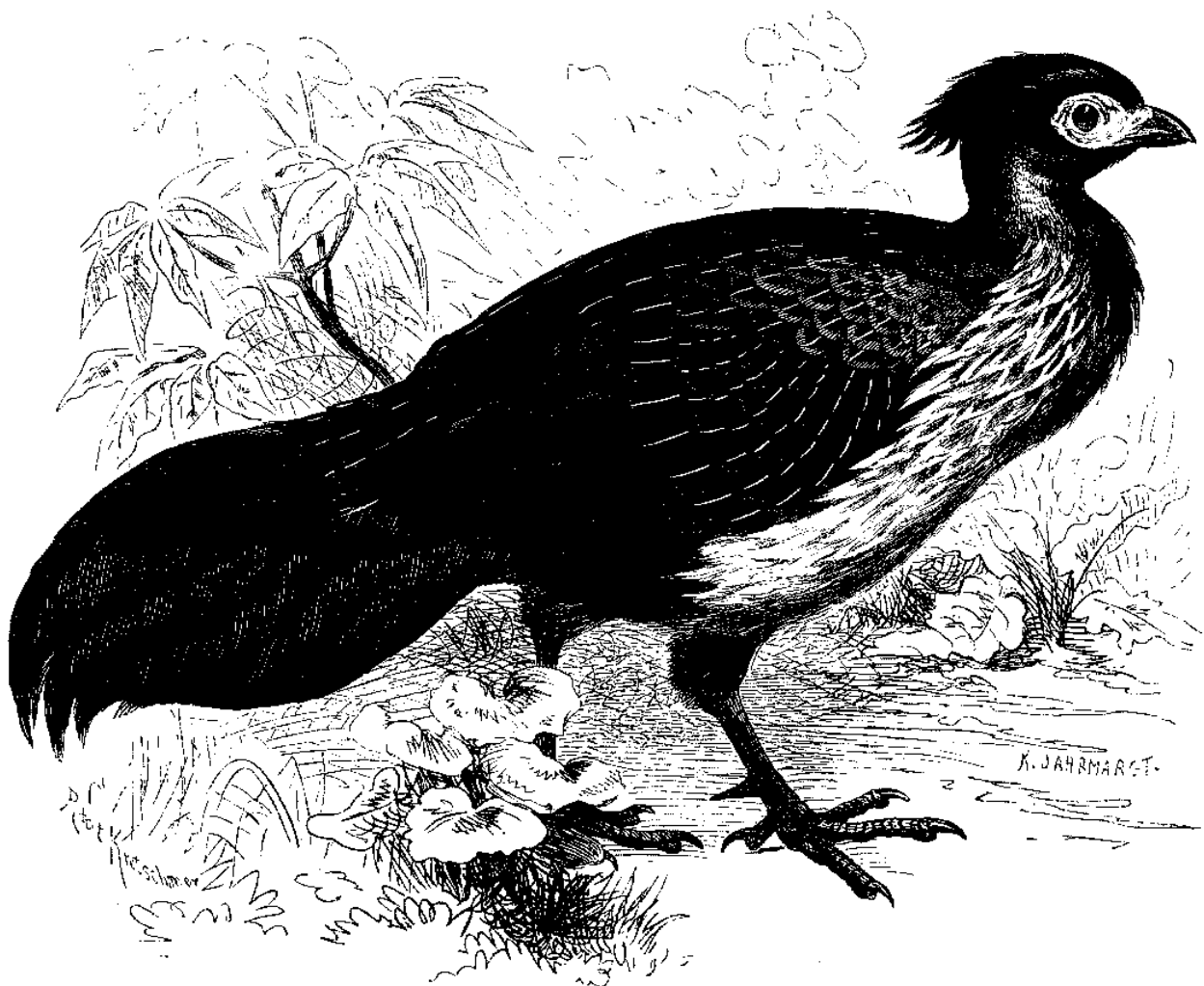
О размножении у нас имеется несколько сообщений. «Индийская дикая курица, — говорит Жердон, — кладет 8-12 молочно-белых яиц часто под бамбуковый куст или в густой кустарник; предварительно она сгребает в кучу несколько упавших листьев или немного сухой травы и приготавливает себе таким образом грубое гнездо. Она сидит на яйцах от июня до июля, смотря по местности.

На лесных куриц мало охотятся, потому что мясо их не особенно вкусно и отличается от мяса домашних куриц тем, что имеет буроватый цвет, кроме белых бедренных мускулов. Жердон высказывается против такого мнения, уверяя, что мясо молодых птиц имеет вкус самой превосходной дичи. Этот исследователь находит и охоту на них чрезвычайно интересной и говорит, что она особенно обильна там, где между полями лежат отдельные джунгли.

Всех диких куриц можно сделать ручными, но они привыкают к неволе далеко не так скоро, как можно подумать. Птицы, пойманные старыми, никогда не делаются ручными, и даже если их яйца высидит домашняя курица, то птенцы, как только вырастут, при первой возможности стараются убежать.

Гималайский фазан, или черная лофура (*Lophura leucomelana*), по-индийски — киррик. Спина блестящего черного цвета, шея спереди и грудь белая, брюшко и нижние, кроющие перья хвоста очень темного бурого цвета. Глаза карие, клюв бледно-желтого рогового цвета, голые щеки ярко-красные, ноги серого рогового цвета. Длина достигает 60 см, размах крыла 72, длина крыла 22, длина хвоста 26 см. Самка немного меньше ростом.

Область распространения гималайского фазана — восточная часть Гималайских гор. О жизни на свободе этого вида нам мало известно.

Гималайский фазан, или черная лофура (*Lophura leucomelana*)

Серебряный, или серебристый, фазан (*Lophura pucthemera*) отличается от других фазанов длинным висячим хохолком, состоящим из распушенных перьев, и клинообразно удлинненным кров-

левидным хвостом, средние перья которого не выгибаются в сторону, а только слегка наклоняются вниз. Длинный и густой пучок перьев на задней части головы черный, блестящий, затылок и верхняя часть шеи спереди белые, вся остальная верхняя часть тела белая с узкими поперечными черными зигзагами, нижняя часть тела черная со стальным отливом. Маховые перья белые, с черной очень узкой поперечной каемкой и с широкими параллельными полосками, перья хвоста по белому фону с такими же полосками, которые чем ближе к сторонам, тем гуще и яснее. Голые щеки прекрасного пурпурового цвета. Глаза светло-коричневые, клюв голубовато-белый, ноги красные, как коралл. Длина тела достигает 110 см, длина крыла 36, длина хвоста 67 см. Самка значительно меньше ростом, перья ее окрашены в серовато-ржавый цвет с очень мелкими серыми крапинками; подбородок и щеки беловато-серые, нижняя часть груди и брюшко беловатые с ржаво-коричневыми пятнами и черными поперечными полосками. Большие маховые перья черноватые, по наружным перьям хвоста идут черные волнообразные полоски.

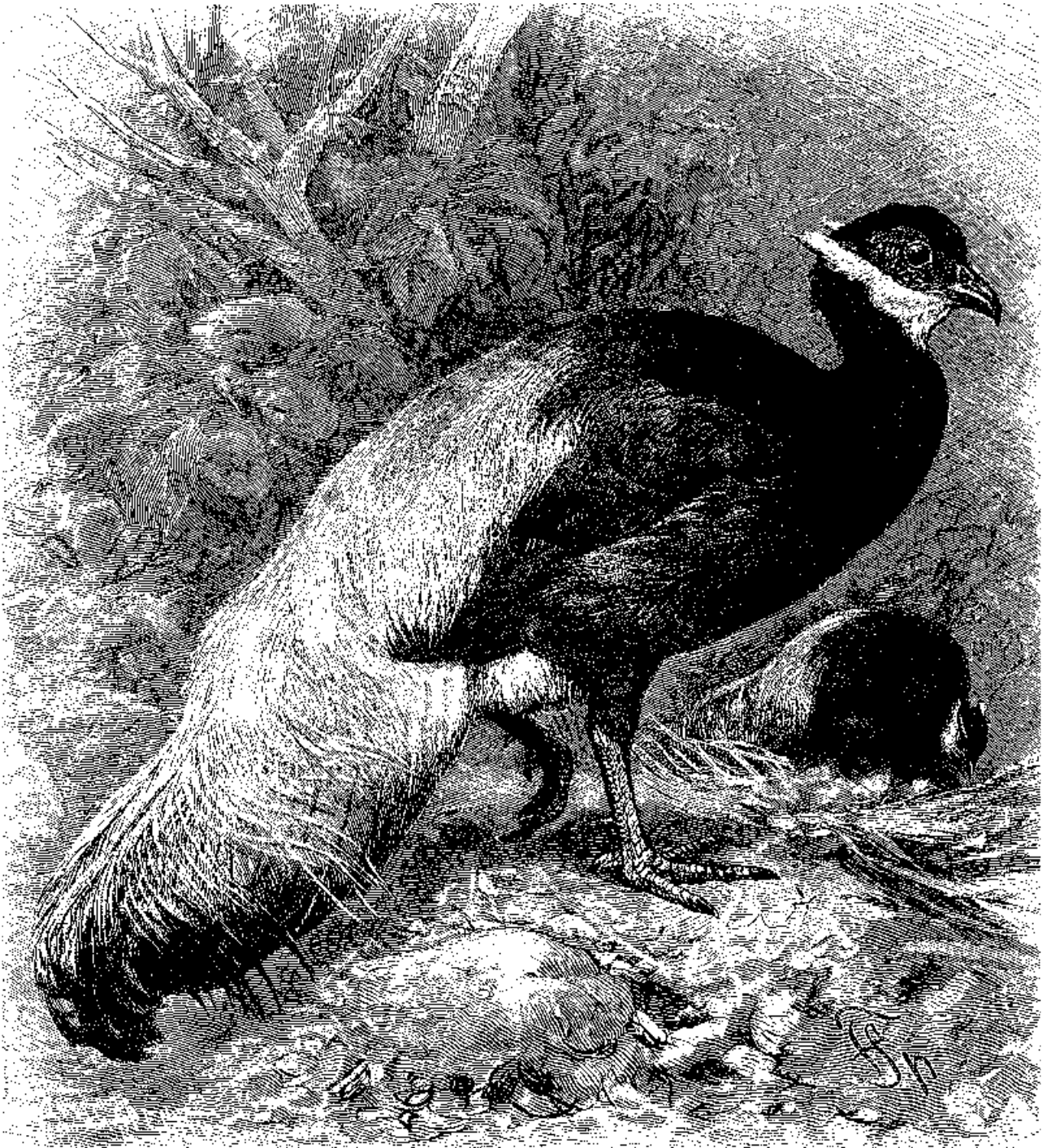
Мы не знаем, когда попали в Европу первые серебряные фазаны, но можно предположить, что это случилось не раньше XVII века, так как писатели XVI века, например Геснер, не упоминают об этой красивой и замечательной птице. Родина серебряного фазана южный Китай; теперь он водится в диком состоянии в немногих местностях, но в Китае и в Японии его часто держат как домашнюю птицу. В Европе он успешно разводится при самом простом уходе и на свободе так же хорош, как на дворе или в большом саду.

Относительно способности двигаться и живости серебряный фазан уступает своим родичам. Некоторые даже называют его ленивой птицей. Он решается взлететь только при крайней необходимости, и, если, наконец, снялся, то пролетает небольшое расстояние и опять спускается на землю. В беге ему не достает ловкости и проворства золотистого фазана; по быстроте он, пожалуй, остается позади обыкновенного фазана, но зато превосходит их выносливостью. Голос различен, смотря по времени года. Весной во время спаривания чаще всего слышится протяжный звучный свист самца, в другое время только глухое кудахтанье: «ра-да-ра дук-дук-дук», сопровождаемое свистом только в том случае, если птица взволнована. Милости самки он домогается еще небрежнее, чем другие куриные. Самец, конечно, очень возбужден и готов на драку, даже показывает свою храбрость на людях: в бешенстве набрасывается на них и старается прогнать, толкая шпорами и ударяя клювом; но относительно самки он не выказывает особенных стараний, чтобы понравиться ей. Обыкновенно он поднимает только хохолок, когда хочет выразить свои нежные чувства, гораздо реже доходит он до того, что опускает голову, распускает крылья и растопыривает хвост.

Курица кладет 10-18 яиц, которые окрашены или в ровный красновато-желтый цвет, или в светло-желтый с маленьким коричневатыми точками. Если оставить ей яйца, то она сама насиживает их с большим самоотвержением. Через 25 дней появляются цыплята, маленькие прелестные создания, которым очень идет их затейливо разрисованный пушок. Они довольно скоро вырастают настолько, что могут летать или, по крайней мере, порхать, но только на втором году достигают полного роста и убранства своих родителей. В ранней юности они предпочитают питаться насекомыми; позднее едят всевозможную зелень и, наконец, более твердые растительные вещества, именно семена и хлебные растения. Капуста, салат и плоды считаются лакомством. Их мясо так же хорошо, как мясо всякого другого фазана.

Маньчжурские ушастые фазаны (*Crossoptilon mantchuricum*) отличаются крепким телосложением. Клюв и ноги у них очень сильные, последние со шпорами, крылья средней длины и сильно закруглены, умеренно длинные ступенчатые перья хвоста расположены кровлеобразно, четыре средних согнуты, как бы разветвлены и распушены, перья на щеках направлены вверх и образуют так называемые уши, покровные перья тусклы и, за немногим исключением, без блеска.

Ушастый фазан, водящийся в Маньчжурских горах, был описан в 1862 году Свинхое. У него темное оперение. Самка отличается тем, что несколько меньше самца и украшающие перья у нее менее развиты. Пржевальский наблюдал ушастого фазана в монгольских горах. Там монголы называют его харатака — «черная курица». Он водится в значительном количестве и почти исключительно в горных лесах, богатых кустарником.

Маньчжурский ушастый фазан (*Crossoptilon mantchuricum*)

Питается, по-видимому, исключительно растительными веществами, молодыми зелеными почками, листьями барбариса, чаще всего корнями различных растений. Поздней осенью и зимой фазаны обыкновенно сидят на деревьях небольшими обществами; весной и летом держатся днем исключительно на земле и только к вечеру взлетают на деревья, чтобы переночевать на безопасной высоте. Так, по крайней мере, рассказывают охотники, потому что сам Пржевальский никогда не видел ни одного фазана на дереве. С началом весны общества распадаются, и с тех пор птицы поселяются попарно в известной области, чтобы выводить птенцов.

В начале мая все самки сидят уже на яйцах. Гнездо находится в густом кустарнике, выложено небольшим количеством травы и содержит 5—7 яиц. В начале весны, как только общества распались, самцы начинают токовать. Их в высшей степени неприятный голос напоминает крик павлина, только он не такой громкий и отрывистый. Кроме того, Пржевальский не знает, самцы ли или самки — испускают особенные глухие звуки, отчасти похожие на воркование голубя. Вообще самец кричит редко, с неопределенными промежутками и обыкновенно только после заката солнца, хотя изредка случается, что его голос раздастся раньше, даже около полудня. Во время спаривания встречающиеся самцы сейчас же вступают в горячую драку. Но они кричат и призывают в течение утра так редко, что голос одной и той же птицы слышится самое большое пять-шесть раз. Эта не-

определенность крика и большая осторожность ушастых фазанов чрезвычайно затрудняют охоту, особенно весной. Трудность эта увеличивается еще особенностями местности. Высокогорный лес, в котором он водится, завален упавшими деревьями и кучами прошлогодних листьев. Северные склоны гор поросли густыми зарослями колючих кустарников — барбарисом и дикой розой; южные склоны — это отвесные голые скалы. Все эти особенности его местожительства настолько неблагоприятны для охоты, что она может считаться одной из самых трудных. Нельзя и думать выходить на охоту с собакой, потому что в такой местности она не только не может оказать помощи охотнику, но даже часто не может следовать за ним, когда ему приходится лазать по скалам. Следовательно, охотник вынужден полагаться только на свой собственный слух и зрение. Но оба чувства помогают мало, потому что осторожная птица почти всегда слышит его приближение или замечает его издали и вовремя прячется. Только в очень редких случаях, когда на нее нападают незаметно, она взлетает; обыкновенно же чрезвычайно быстро спасается бегством. Иногда охотник слышит шум ее шагов на расстоянии нескольких метров, но не может рассмотреть ее в чаще; или же птица показывается на мгновение и снова исчезает, так что охотник даже не успевает приложить ружье к плечу. Преследовать бегущего ушастого фазана совершенно невозможно, потому что он исчезает как камень, брошенный в воду. Если птица взлетает, то, несмотря на свою величину, так тихо и беззвучно, что часто ее и не слышишь. Она летит чрезвычайно спокойно, но обыкновенно недалеко, спускается снова на землю и убегает. Несмотря на все усилия Пржевальского и его спутников, им в 14 дней удалось убить только двух таких фазанов для коллекции. Двое местных охотников, нанятых для этой цели, бродили денно и нощно по горам в это время, и тоже добыли только двух куриц, достигнутых ими в гнездах.

Охотники убивают ушастых фазанов главным образом зимой, когда те сидят на деревьях, но силками ловят их гораздо больше. Главную добычу охотника составляет хвост, длинные распушенные перья которого употребляются как лучшее украшение шапок китайских офицеров; за них на месте дают на немецкие деньги 20 пфеннигов.

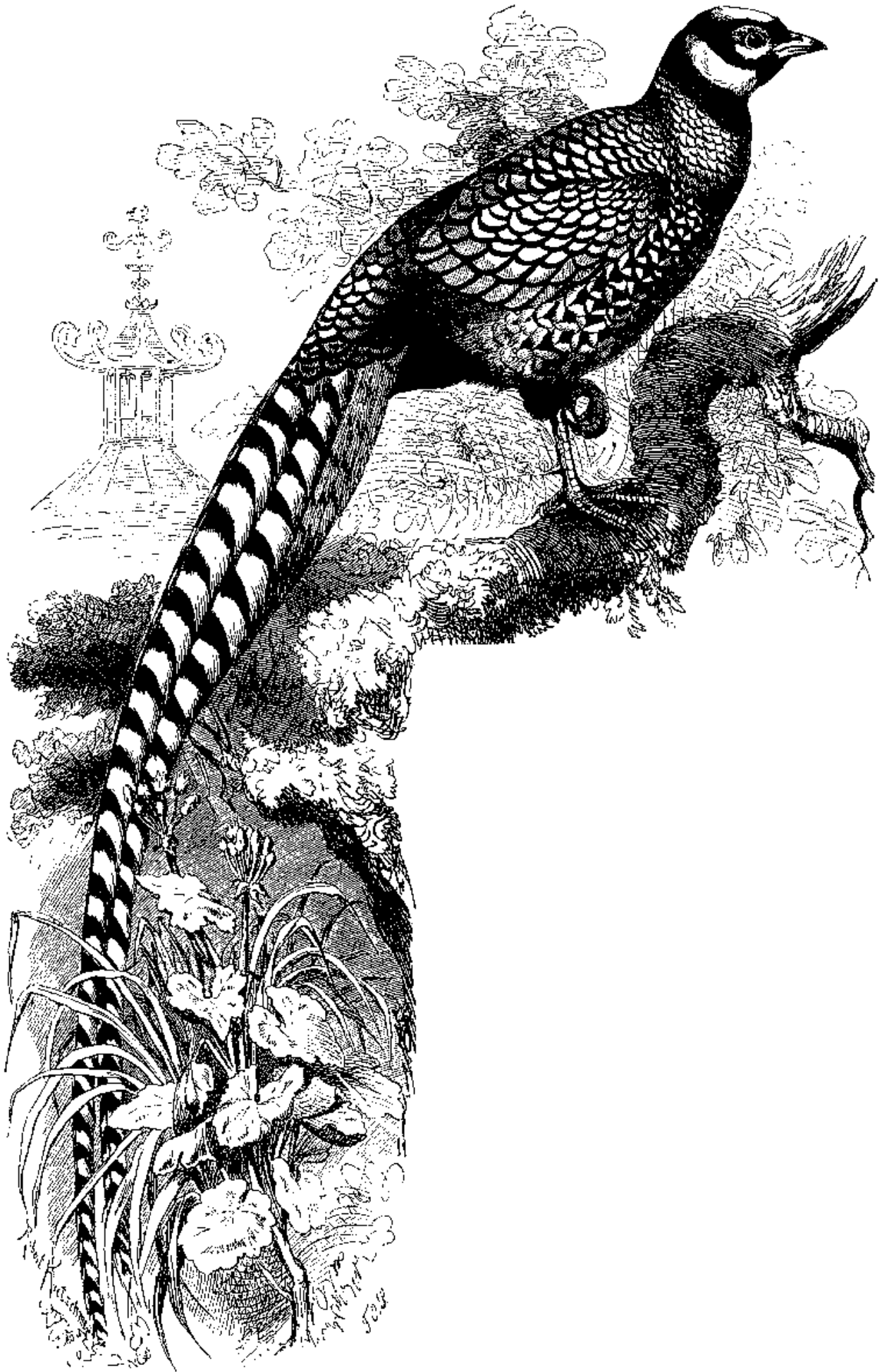
Пойманные ушастые фазаны кротки и покорны, легко привыкают к клетке и хозяину, очень выносливы, и так быстро размножаются, что их можно причислить к самым превосходным птицам для содержания в парках.

Обыкновенный фазан (*Phasianus colchicus*) окрашен так пестро, что я не берусь точно описать его оперение.

Обыкновенный фазан населял первоначально берега Каспийского моря и западную Азию, но был разведен в Европе еще в древние времена. Аргонавты, предпринявшие поход в Колхиду, нашли эту великолепную птицу и привезли ее с собой в Грецию. Отсюда она распространилась по южной Европе, а римляне, которые очень ценили ее вкусное мясо, перенесли ее в южную Францию и в Германию. На юге нашего отечества, именно в Австрии и Богемии, она живет в диком состоянии, а на севере Германии живет под покровительством человека в так называемых фазановых парках. Она часто встречается в Венгрии и на юге России, реже в Италии, очень редко в Испании, выводится в Греции, где прежде была обыкновенна.

Королевский фазан (*Syrmaticus reevesi*). Это самый большой из всех фазанов, длина его достигает 2,1 м, длина хвоста 1,6 м.

Родиной королевскому фазану служат горы, лежащие к востоку и северу от Пекина. Фазаны избегают сплошных, высокоствольных лесов и предпочитают рощи или густые кустарники, окруженные плодоносными полями или лугами и не имеющие недостатка в воде. Плодоносные нивы, по видимому, благоприятны для их существования. Днем они бегают по земле, пробираются от одного куста к другому, проползают через кусты терновника, в которых надеются найти пищу. Иногда отправляются на опушку леса и отсюда на поля, где питаются, смотря по времени года, свежими посевами или спелыми семенами, и только с наступлением вечера отыскивают для сна подходящее дерево. В диких, поросших кустарником местностях они проводят ночь просто на примятом ими кусте ситника или терновника.

Королевский фазан (*Syrmaticus reevesii*)

Фазаны одарены от природы слабыми способностями. Самец, правда, отличается великолепной осанкой и умеет выставить свою красоту в самом выгодном свете, но все-таки по понятливости не может сравниться с домашним петухом. Самка, по-видимому, без претензий; она держит себя всегда скромно. Бегают они превосходно, но летают плохо. Чувства развиты, но понятливость, безусловно, слаба. Все пестрые китайские фазаны одинаково ограничены, одинаково не способны вовремя принять надлежащее решение. Из похвальных качеств первое место занимает их безграничная любовь к свободе. Фазан привыкает к известной местности, если она отвечает его желаниям, но любит постоянно бродить.

"Вряд ли можно найти какую-нибудь породу дичи, — говорит совершенно справедливо Винкель, — которую можно так же легко лишить способности владеть собой, как эту, благодаря чему она не в состоянии бывает принять какое-нибудь решение. Если приближение человека или собаки застанет фазана врасплох, то он, по-видимому, забывает, что природа дала ему крылья; спокойно остается сидеть без движения на том же месте, где его застали, ежится и прячет голову, или начинает бесцельно бегать кругом. Ничто не бывает так опасно для его жизни, как поднятие воды в реке, протекающей вблизи его местопребывания. Если он находится в это время у самой воды, то будет стоять неподвижно на том же месте и смотреть в воду, не отводя от нее глаз. В результате этого его оперение промокает и увеличивается в весе настолько, что он уже не в состоянии бывает подняться. Тогда он погибает, сделавшись жертвой своей собственной глупости». Один фазан, за которым Винкель наблюдал в подобном случае, не только не старался спастись, но, наоборот, продолжал все глубже входить в реку. Когда ноги его перестали касаться дна, и его подхватило течением, он, распластав крылья по воде, с тихой покорностью стал ожидать своей участи. При помощи багра фазана вытащили на берег и избавили на этот раз от опасности. «Боязливость его, — говорит Науман, — не имеет границ. Пробежавшая мышь сильно пугает его; даже подползающая улитка сейчас же вспугивает с гнезда самку фазана; когда же наступает настоящая опасность, она остается лежать, как мертвая».

Самка отыскивает себе укромное местечко в густом кустарнике или среди высоко поднявшихся растений, например, в хлебах, пырее или луговой траве. Выкапывает здесь небольшое углубление, сгребает в него несколько ветвей кустарника, находящихся поблизости, и кладет затем 8-12 яиц, всегда в промежутке 40—48 часов. Если отнять у нее яйца, то она кладет их большее количество, редко, однако, превышающее числом 16 или 18 штук. Размером яйца меньше, чем у яиц домашней курицы и окрашены в простой желтоватый серо-зеленый цвет. Положив последнее яйцо, самка тотчас принимается высидывать и занимается этим делом с усердием, достойным удивления. Сидит она на яйцах с такой настойчивостью, что дает подойти на очень близкое расстояние самому опасному врагу, прежде, чем решится оставить гнездо; да и тогда она обыкновенно не улетает, а в большинстве случаев убегает. По истечении 25-26 дней появляются птенцы. Мать согревает их, пока они совершенно не высохнут, и уводит из гнезда искать корм. Если погода стоит благоприятная, то маленькие, довольно проворные цыплята в течение 12 дней настолько развиваются, что начинают понемногу летать; когда же они достигнут величины перепела, то каждый вечер вместе со старой самкой начинают взлетать на деревья. Мать старается защитить их по возможности от всякого рода вредных влияний, ради них подвергается различным опасностям. Но, тем не менее, на долю ее редко выпадает счастье видеть всех птенцов взрослыми, так как молодые фазаны принадлежат к числу самых изнеженных и слабых птиц. Молодые остаются при матери до поздней осени и образуют выводок; затем, прежде всего, отделяются самцы, а к весне и самки, которые уже достигли половой зрелости.

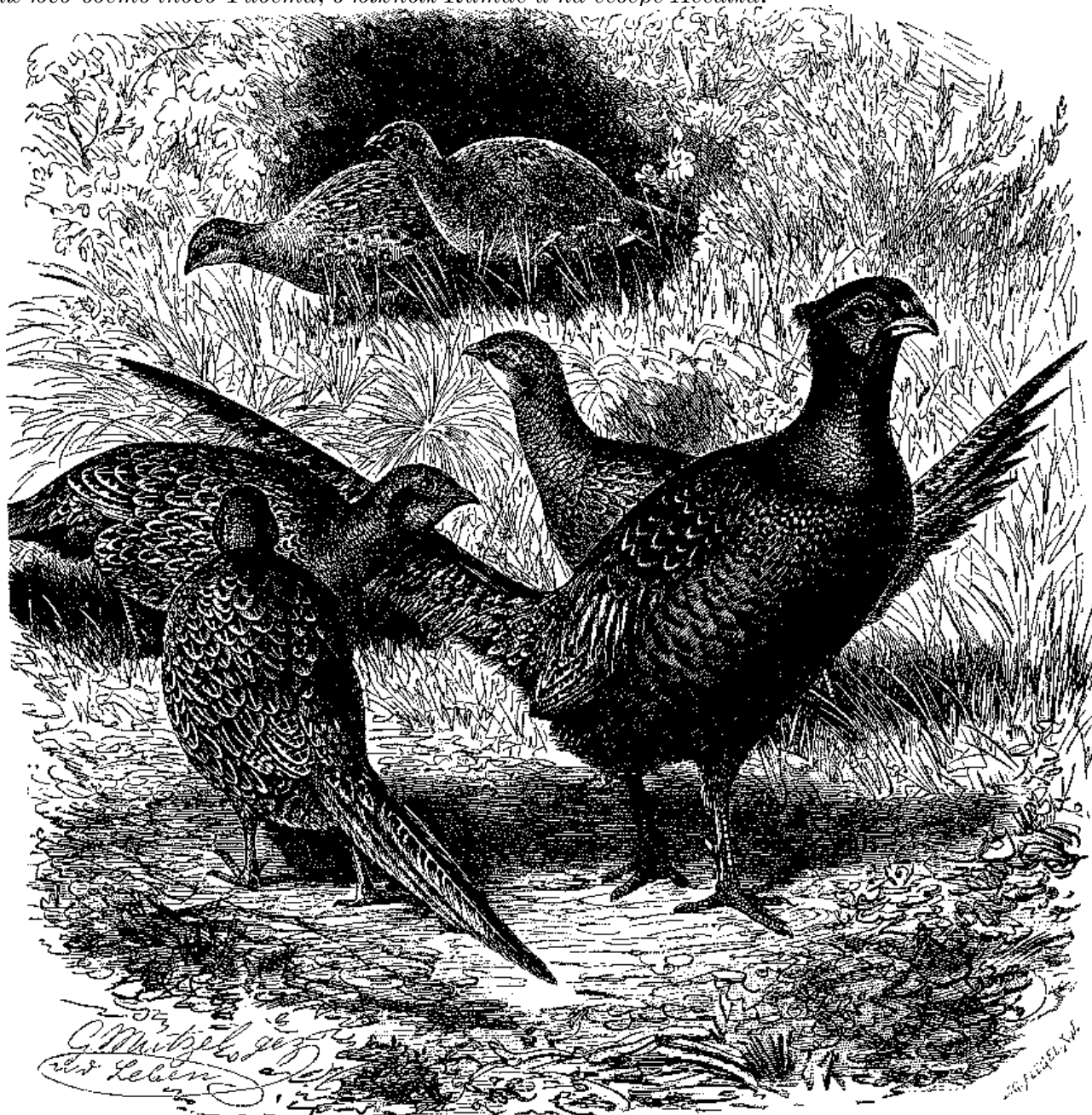
Вряд ли существует какой-нибудь другой вид куринообразных, который был бы подвержен стольким опасностям, как фазан. Он скорее всех своих родичей погибает под влиянием перемены погоды и несравненно чаще становится добычей всякого рода хищников. Злейший враг его — лисица, которая ведет на него такую же охоту, как и человек, но гораздо лучше умеет пользоваться каждым случаем, чтобы обмануть вкусную дичь. Молодых фазанов уносят хорьки и кошки; ежи и крысы пожирают яйца в гнезде. Ястреб и кобчик, лунь и коршун тоже делают свое дело, даже ворон и ворона, сорока и сойка похищают цыплят, а также одолевают старых фазанов.

Золотистый, или золотой, фазан (*Chrysolophus pictus*). «Несмотря на то, что золотистый фазан уже с давних пор известен в Европе, — говорит совершенно справедливо Бодинус, — всякий рассматривает его всегда с одинаковым восхищением. Сила привычки не в состоянии притупить впечатление восторга, испытываемого при взгляде на великолепный блеск красок его оперения; тот же, кто видел его в первый раз, едва может оторваться от этого прелестного зрелища». В самом деле, золотистый фазан, или золотая курица у китайцев, может быть назван великолепной птицей,

так как окраска его настолько же прекрасна, насколько привлекательна его фигура. Густой хохол, состоящий из ярких золотисто-желтых слегка распушенных перьев, покрывает голову самца и оттеняет воротник. Отдельные перья воротника окрашены главным образом в оранжево-красный цвет, но имеют по краям кайму черно-бархатного цвета, так что образуется ряд параллельных темных полос. Перья затылка, большая часть которых прикрывается этим воротником, золотисто-зеленого цвета, с черной каймой по краям, так что имеют вид чешуи. Перья спины и верхние кроющие перья хвоста ярко-желтого цвета. На щеках, подбородке и горле перья желтовато-белого цвета. На нижней части горла и на брюшке перья яркого шафранно-красного цвета. Кроющие перья крыльев буро-красного цвета, маховые перья красновато-серо-бурого с ржаво-красной каймой, плечевые перья темно-синие, по краям более светлого цвета, хвостовые перья покрыты по буроватому полю черным мраморным или сетчатым рисунком и, наконец, вытянутые в длину узкие верхние кроющие перья хвоста темно-красного цвета. Глаза золотисто-желтые, клюв светло-желтый, ноги буроватого цвета. Длина тела достигает 85 см, размах крыльев 65, длина крыла 21, длина хвоста 60 см. У самки господствующим цветом оперения является ржаво-красный цвет, переходящий на нижней стороне в ржаво-серо-желтый.

Родина золотистого фазана — Забайкальская область и восточная часть Монголии до самого Амура, а также южный и юго-западный Китай*.

* Распространение золотого фазана охарактеризовано не верно: на Амуре, в Забайкалье и Монголии он не водится и не встречался в прошлом. Золотой фазан распространен в горных лесах юго-восточного Тибета, в южном Китае и на севере Ассама.

Обыкновенный фазан (*Phasianus colchicus*)

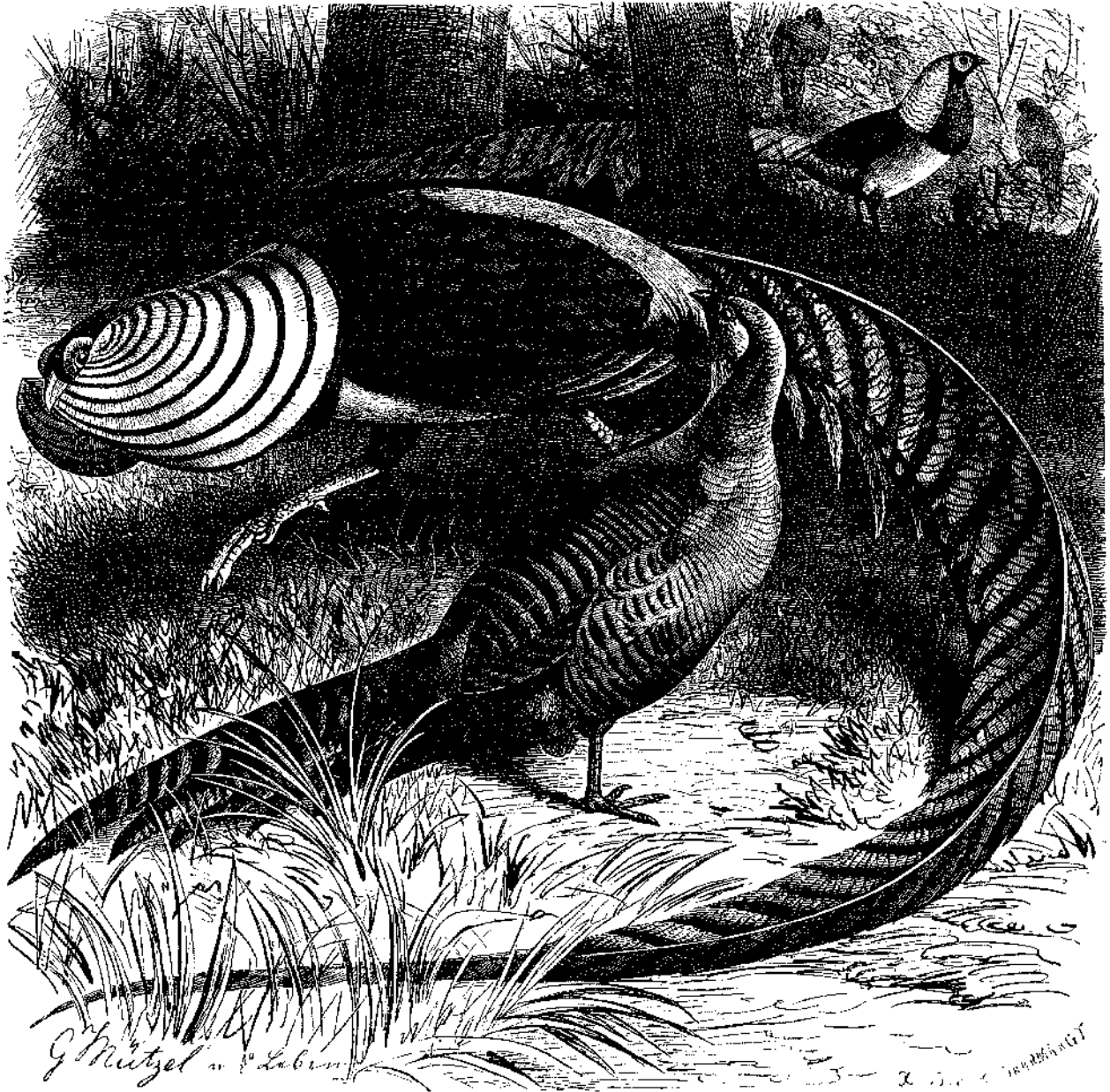
Восточная часть Тибета дают приют алмазному фазану. Оба они живут в горах; однако, золотистый фазан населяет низкий пояс, а алмазный фазан — высокий пояс, расположенный на 2000-3000 м над уровнем моря.

Золотистый фазан в существенных своих чертах похож на представителей других видов семейства, но можно все-таки сказать, что он быстрее в своих движениях, ловчее, умнее и понятливее, например, обыкновенного фазана. Движения его в высшей степени грациозны. Он может делать прыжки прямо-таки поражающие своей легкостью и грацией, умеет пролезать сквозь самые густые заросли с удивительной ловкостью и взлетает с места также гораздо быстрее других фазанов. Голос его, который, впрочем, редко слышен, похож на особого рода шипенье. О больших умственных способностях его также не может быть и речи, в особенности же ему свойственна, по видимому, трусливость, присущая его семейству.

Золотистый фазан начинает токовать около конца апреля. В это время он чаще обыкновенного издает свой шипящий призывный голос, отличается более оживленными движениями, чем когда-нибудь в другое время, становится в высшей степени драчливым и любит принимать грациозные положения, причем нагибает голову, высоко вздувает воротник, распускает крылья, поднимает хвост и с необыкновенной грацией совершает всякого рода повороты. Чтобы его любовное настроение было услышано еще где-нибудь в другом месте, или желая подозвать самку, он издает один за другим 3-4 коротких отрывистых крика, имеющих отдаленное сходство со звуком, производимым при затачивании косы; их нельзя смешать ни с одним другим птичьим голосом, но также невозможно дать им более точное описание. В начале мая самка приступает к кладке яиц в таком месте, где она может свободно двигаться; при этом она выбирает себе местечко поукромнее и сооружает здесь неряшливое гнездо, по примеру других фазанов. Яйца, числом 8-12, очень малы и окрашены довольно равномерно в светлый ржавый или желто-красный цвет. По истечении 23-24 дней высиживания из яиц появляются в высшей степени миловидные цыплята. По истечении первых 14 дней они начинают взлетать на деревья и, когда достигнут величины перепела, то уже весьма мало нуждаются в материнской опеке.

Все, что может быть сказано в похвалу золотистого фазана, относится также, но только в большей мере, к алмазному фазану. Он еще грациознее, еще ловчее, быстрее в движениях, умнее и, что важнее всего, он выносливее.

Алмазный фазан (*Chrysolophus amherstiae*). Второе его имя — фазан леди Амхерст, он был назван так в честь леди Амхерст, которая впервые привезла его в Европу. Алмазный фазан, на мой взгляд, превосходит красотой золотистого фазана.

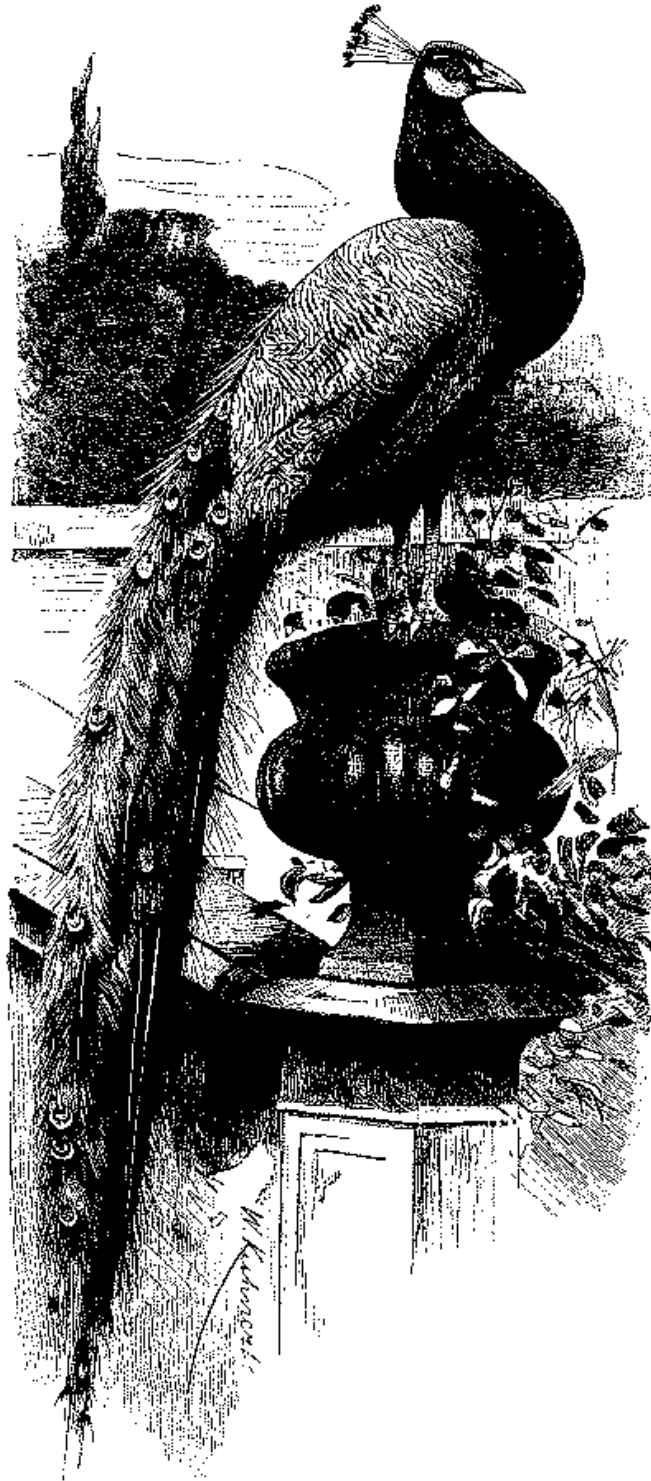

Алмазный фазан (*Chrysolophus amherstiae*)

У индийского, или хохлатого, павлина (*Pavo cristatus*), которого нам следует считать родоначальником самой красивой из наших домашних птиц, голова, шея и передняя часть груди окрашены в величественный пурпурово-фиолетовый цвет с золотистым и зеленым отливом; спина зеленого цвета; каждое перо его окружено каймой медного цвета и покрыто раковистым рисунком. Крылья белые с черными поперечными полосами, середина спины темно-синего, а нижняя часть черного цвета. Маховые и хвостовые перья светлого орехово-бурого цвета; перья, образующие хвост, зеленого цвета и украшены великолепными пятнами, имеющими вид глазков, так называемыми «зеркальцами». Перья, образующие хохол, числом 20-24, имеют бородки только на конце. Глаза темно-карие, голое кольцо вокруг них беловатого цвета, клюв и ноги бурые. Длина достигает 110-125 см, длина крыла 46, длина хвоста 60 см, но хвост бывает длиной до 1,2-1,3 м. У самки хохол на голове значительно короче и окраска его темнее, чем у самца. Голова и верхняя часть шеи орехово-бурого цвета, на затылке перья зеленоватые, с беловато-бурой каймой, нижние шейные перья светло-бурого цвета и покрыты тонким поперечно-волнистым рисунком. На зобу, груди и брюшке перья белые, маховые перья бурые, рулевые темно-бурого цвета с белой каймой на конце. Длина около 95 см, длина крыла 40, длина хвоста 33 см.

Этот павлин живет в Индии и на острове Цейлон, а в Ассаме и на Зондских островах, главным образом на острове Яве, его заменяют два родственных ему вида*.

* Сейчас в роде павлинов выделяют только 2 вида. Павлин, населяющий остров Яву и другие острова Индонезии и Индокитай, называется зеленым павлином (*Pavo muticus*).

Индийский, или хохлатый, павлин (*Pavo cristatus*)

Он населяет леса и джунгли преимущественно гористых местностей, причем чаще встречается в тех из них, которые окружены открытыми равнинами или прорезаны оврагами, чем в тех, которые можно сравнить с нашим высокоствольным лесом. В горах южной Индии он поднимается до пояса, лежащего на 2000 м над уровнем моря; в Гималайских горах, однако, его нет; на острове Цейлон он встречается также преимущественно в горах. По словам Вильямсона, любимым местопребыванием его служат леса, поросшие густым кустарником или высокой травой, в том случае, если в них нет недостатка в воде; он также охотно живет на плантациях, доставляющих ему кров и имеющих отдельно стоящие, высокие деревья, удобные для ночного отдыха. Во многих местностях Индии его считают святой и неприкосновенной птицей, убиение которой, в глазах туземцев, считается преступлением и угрожает опасностью жизни каждому нарушителю этого закона. Поблизости многих индусских храмов содержатся многочисленные стада полудиких павлинов, уход за которыми принадлежит к числу обязанностей жрецов. Здесь павлины скоро начинают сознавать оказывае-

мое им покровительство и обнаруживают, по крайней мере, по отношению к индусам, едва ли большую пугливость, чем те павлины, которые выросли на курином дворе.

Теннент уверяет, кто сам не видел павлина в уединенной, дикой пустыне, не может составить себе представления об его красоте. В тех частях острова Цейлона, которые редко посещаются европейцами, и где павлину никто не мешает, он встречается в таком громадном количестве, что днем можно видеть сразу целые сотни этих птиц, а ночью нельзя заснуть от не прерывающегося громкого их крика. Прекраснее всего выглядит павлин, когда взлетит на дерево, и длинный хвост его, то скрытый наполовину в листве, то распущенный на виду, становится чудным украшением самого дерева, на котором он сидит. Днем общества павлинов держатся большей частью на земле и только в утренние и вечерние часы выходят на открытые места и поля, чтобы искать здесь корм. Преследуемый павлин старается как можно дольше спастись бегом и решается взлететь только тогда, когда опередит своих преследователей на известное расстояние. Полет его тяжеловесен и шумен. Птица поднимается обыкновенно не выше, чем на расстояние выстрела, и редко залетает далеко. Можно было бы подумать, говорит Вильямсон, что павлин, раненный в крыло, тяжело падает на землю. Однако, это несправедливо: раненый павлин почти всегда очень скоро снова вскакивает на ноги и бежит тогда с такой быстротой, что в девяти случаях из десяти уходит от охотника, если тот не следует за ним по пятам.

Перед собакой или более крупным хищником павлин испытывает гораздо больше страха, чем перед человеком, вероятно потому, что ему многое пришлось испытать от охотничьих собак и тигров. Если пустить собаку по его следу, то он как можно скорее взлетает на дерево и после этого уже не так легко дает согнать себя с места. Там, где есть тигры, охотники, поседевшие в Индии, по поведению павлинов с полнейшей уверенностью заключают о присутствии этого хищника.

Как настоящая куриная птица, павлин выбирает свою пищу равным образом, как среди животного, так и среди растительного царства. Он ест все, чем питается наша домашняя курица, но, благодаря своей величине и силе, в состоянии одолевает и более крупных животных. Например, он убивает змей значительной длины, которых частью и съедает. Когда поднимаются молодые хлеба, он всегда отправляется кормиться на поля, а когда созревают плоды священной смоковницы, то он до того наедается ими, что мясо его приобретает горький вкус.

Яйца павлин высидывает в различные времена года, смотря по местности, в южной Индии около конца дождливого времени, а в северной части страны, начиная с апреля и до октября.

Нельзя сказать, чтобы павлин считался за отличную дичь у европейских охотников в Индии, тем не менее, никто из них не в состоянии устоять против искушения застрелить самца, плавно несущегося по воздуху. Мясо старых птиц пригодно, правда, только для супа, но мясо полувзрослых отлично, благодаря тому, что оно мягко и имеет превосходный вкус дичи.

Когда павлин впервые прибыл в Европу, в достоверности неизвестно. Александр Великий не знал ручных павлинов, так как дивился, когда в первый раз увидел павлина на воле во время похода в Индию, и, как гласит предание, привез его с собой в Европу. Но, тем не менее, эта великолепная птица гораздо раньше уже была распространена на западе. «Эта птица жила там (в Индии) на свободе в лесах, — пишет Ген, — и оттуда проникла она по пути финикийской морской торговли в область Средиземного моря; это не только видно из одного памятника, указывающего на начало X столетия до Р. Х., но подтверждается также сравнением собственных имен. Корабли царя Соломона, снаряжавшиеся в Эдомитских гаванях, во время поездок в Офир и обратно, в числе других драгоценностей привозили с собой также павлинов». Во времена Перикла павлин был такой редкостью в Греции, что люди издали приходили смотреть на него. Аристотель, переживший Александра только на два года, говорит о павлине, как о птице обыкновенной и хорошо известной во всей стране. На пирах римских императоров он уже играл выдающуюся роль. Вителлий и Гелиогабал подавали гостям своим огромные блюда, состоявшие из языков и мозга павлинов и самых дорогих индийских пряностей. На острове Самосе его держали в храме Юноны и изображали на монетах. В Германии и Англии, в XIV-XV столетиях он был, по-видимому, еще большею редкостью, так как английские бароны доказывали свое богатство тем, что на больших пирах приказывали подавать жареного павлина, украшенного его собственными перьями и обложенного сливами, бывшими в те времена еще большею редкостью. Геснер, естественная история которого появилась в 1557 году, знал его очень хорошо и дает уже подробное описание его. «Между большими птицами павлин занимает первое место по фигуре, уму и красоте своей. Он дивится своей чудной красе и, если кто-нибудь хвалит его и называет красивым, то он быстро распускает свои цветные и золотистые перья, подобно прекрасному цветнику; если же бранят его, то он прячет хвост и выказывает этим презрение к своему поносителю. Когда его хвалят, он распускает хвост, однако, как только он посмотрит

на свои безобразные ноги, то снова опускает его. Когда павлин просыпается ночью и не может осмотреть самого себя в темноте, он боязливо кричит и думает, что потерял свою красу. Павлин не только знает, что он самая красивая из всех птиц, но знает также, какое место у него красивее всего, поэтому он поднимает шею и очень гордится перьями, которые служат ему украшением. Когда же хочет испугать кого-нибудь, то сначала распускает перья, затем трещит ими и кивает трижды своей гордой головой. Желая охладиться, он распускает перья так, что они дают ему тень и укрывают от жары. Когда же ветер дует ему в зад, то он распускает крылья для того, чтобы воздух проходил через них и охлаждал его таким образом. Когда его хвалят, он выказывает тщеславие, подобно красивому ребенку или красивой женщине; тогда он поднимает по порядку свои перья, так что они становятся похожи на красивый цветник или пеструю картину. Перед художниками, желающими изобразить его, он стоит совершенно смиренно, чтобы они могли хорошенько рассмотреть и срисовать его, как рассказывает Элиан. Павлин очень чистооплотная птица, он ходит с осторожностью, чтобы не загрязниться, и, если, будучи еще молодым, замочится или перепачкается, он часто умирает от этого, не будучи в состоянии выносить никакой грязи».

В существенных чертах мы и поныне придерживаемся приблизительно того же мнения, как и старый Генсер. Гордость и тщеславие действительно составляют самую выдающуюся черту характера павлина, и он выказывает их не только перед самкой, но также и перед человеком. Но, кроме этого, он еще самоуверен и властолюбив.

В лесах Гималайских гор, от Афганистана до крайнего востока этой горной цепи, на высотах, лежащих от 2000 до 3000 м над уровнем моря, живет великолепная птица, может быть, самая красивая из всего семейства — **гималайский монал** (*Lophophomus impejanus*).

Трудно описать великолепие окраски монала. Голова и горло металлически-зеленого цвета; хохол на голове как бы из золотых колосьев. Верхняя часть шеи и затылок отливают пурпурово-красным или карминно-красным цветом и имеют рубиновый блеск. Нижняя часть шеи и спина бронзово-зеленые с золотистым блеском; некоторые перья на спине белого цвета. Нижние шейные перья и кроющие перья крыльев, зашеек и верхние кроющие перья хвоста фиолетово- или голубовато-зеленые и блестят так же, как и остальное оперение. Середина груди темного цвета с зеленым и пурпуровым отливом, брюшко темного цвета и лишено блеска; маховые перья черные, рулевые перья буровато-красного цвета. Глаза карие, голое место вокруг них синеватого цвета, клюв темный, ноги темного серо-зеленого цвета. У самки горло и область зоба белые, все остальные перья покрыты темно-бурыми пятнами, волнистыми линиями и полосками по бледно-желто-бурому полю; большие маховые перья черноватого, малые маховые перья черного цвета с буро-желтыми поперечными полосками. Длина самца достигает 65 см, размах крыльев 85, длина крыла 30, длина хвоста 21 см. Самка заметно меньше ростом.

Многие охотники считают мясо монала равным по достоинству мясу индийского петуха, другие утверждают, что его почти нельзя есть. Самки и молодые птицы доставляют осенью превосходное жаркое, тогда как к концу зимы эта дичь становится хуже на вкус. Смотря по времени года, охота на монала сопряжена с большими или меньшими затруднениями; благодаря, однако, тому, что эта прекрасная дичь встречается часто, искусный охотник всегда возвращается с богатой добычей. Осенью охотник ждет, пока поднятые им птицы взлетят на деревья, затем подкрадывается к первой, убивает ее, подходит к другой, убивает ее, и так долгое время может продолжать свою охоту, так как животные, по-видимому, мало обращают внимания на выстрелы.

Взрослых моналов содержать в клетке легко; тем не менее, эта великолепная птица принадлежит к числу редкостей в наших зоологических садах. В Индии, в подходящих для этого местах, можно содержать столько моналов, сколько пожелаешь; но эти горные птицы не выносят жары во влажной местности, и большинство из них умирает во время путешествия. Леди Импей привезла в Англию первых живых моналов и много потратила труда и денег, чтобы поселить их здесь. Эти птицы в неволе ведут уединенный образ жизни, прячутся от наблюдателя, держатся всегда пугливо, постоянно роются в земле, беспрестанно разрывают поросшие травой места в своей клетке и очень скоро приводят их в безобразный вид. Зимой они переносят так же легко, как и наши фазаны. В парке графа Дерби впервые удалось заставить моналов размножаться; впоследствии они высидели яйца в зоологических садах.

Трагопан-сатир (*Tragopar satyra*) обитает в восточной части Гималайских гор, Непале и Сиккиме. Представляет собой, несомненно, самый красивый вид этого семейства. Лоб и темя черного цвета. Через виски к затылку тянется довольно широкая черная полоса, такого же цвета узкая кайма окружает кожистые наросты. Затылок, верхняя часть шеи и прибавочные крылья одноцветные, карминно-красные; зашеек, грудь и брюшко покрыты по красному полю рисунком, состоящим

из белых с черной каймой пятен, расположенных на концах перьев. Нижние шейные перья и верхние кроющие перья хвоста бурого цвета покрыты черными и желтыми полосками и украшены пятнами на конце. Некоторые кроющие перья крыльев покрыты также красноватыми пятнами, темно-бурые маховые перья имеют края глиняно-желтого цвета и украшены такими же полосками. Рулевые перья черного цвета и покрыты в корневой своей части темными, огненно-желтыми поперечными полосками. Глаза темно-карие, голая глазная область, рог, зоб и кожистые наросты темно-синего цвета и покрыты красными или оранжево-желтыми пятнами, ноги желто-бурого цвета. Длина тела достигает 75 см, длина крыла 30, длина хвоста 28 см. У самки, которая заметно меньше ростом, в оперении преобладает красивый бурый цвет. Оперение на верхней части тела темнее, чем на нижней, и разрисовано многочисленными черноватыми и красноватыми поперечными полосками и пятнами, а также беловатыми стержневыми полосками и пятнами.

Трагопан-сатир (*Tragopan satyra*)

О жизни сатиров на свободе рассказывает натуралист. «Обыкновенным местопребыванием этой великолепной птицы служат густые и темные леса, растущие высоко в горах, под самой снеговой линией. Зимой она спускается ниже и поселяется тогда в самых густых местах дубовых, ореховых и самшитовых лесов, в которых горный бамбук образует между высокими деревьями непроходимые чащи. Здесь встречаешь их обществами от 2 или 3 штук до дюжины и более, но не соединенными вместе семьями; они, напротив, рассеяны по лесу, хотя такая стая, если не тревожить ее, держится вместе. По-видимому, выводок каждый год возвращается в ту же местность, или остается жить в ней даже тогда, когда почва покрыта снегом. Если сильная гроза или другие причины заставляют семью покинуть место своей стоянки, то она направляется, обыкновенно, в долины, поросшие лесом, небольшие лесочки, или также в чащи кустарников».

"Зимой трагопан совершенно не кричит, пока его не пугают; я, по крайней мере, ни разу не слышал, чтобы он по собственной охоте кричал в это время. Если спугнуть его, то он издает жалобные крики, которые имеют некоторое сходство с бляением молодого ягненка, и могут быть приблизительно выражены слогами «вэ-вэ-вэ». Эти звуки сначала следуют так медленно один за другим,

что их можно ясно отличить; затем птица начинает выкрикивать их быстро один за другим, вслед за тем птица.

обыкновенно, поднимается. Там, где трагопана не тревожат часто, он не особенно пуглив и редко поднимается раньше, чем преследователь подойдет к нему на очень близкое расстояние. Тогда он старается пробраться через кустарник, или поднимается и взлетает на дерево. Он кричит все время, пока бежит, или до тех пор, пока не спрячется в ветвях. Если птиц несколько, то все они начинают кричать в одно время и разбегаются по различным направлениям, причем некоторые бегут по земле, другие же взлетают на деревья. Когда испугнешь их в первый раз, то они летят только до ближайшего дерева; если же их поднимают чаще, то они улетают обыкновенно на довольно далекое расстояние, причем охотнее всего летят под гору. Полет их отличается быстротой и своеобразным, трескучим звуком, так что трагопана, даже не видя его, легко узнать и отличить от других диких куриных. Там, где его местопребывание часто посещается охотниками и туземцами, трагопан держится осторожнее, а если подобные посещения повторяются постоянно, то он становится, наконец, до того пугливым и хитрым, что превосходит в этом отношении всякую другую птицу. В таких случаях, как только он заметит присутствие человека, то обыкновенно, испустив свой призывный крик, или иногда без крика, взлетает на дерево и прячется в густой листве его вершины так искусно, что найти его нельзя, или можно, но если удастся заметить сучок, на который он взлетел. Ночь он проводит постоянно на деревьях.

"С началом весны, как только на более высоких горах начинает таять снег, сатиры покидают свое зимнее местопребывание, разъединяются мало-помалу и рассеиваются по тихим и уединенным лесам в поясе березы и белой альпийской розы, поселяясь обыкновенно на самой опушке леса. Они спариваются уже в апреле, и тогда чаще обыкновенного приходится встречаться с самцами. Из них, по-видимому, многие ведут кочевой образ жизни, желая, вероятно, отыскать себе подругу».

"Главная пища сатира состоит из листьев и почек деревьев, преимущественно различных видов дуба и самшита; но рядом с этим они потребляют также и корни, цветы, ягоды, семена и зерна, а также жуков и других насекомых, всегда, однако, в относительно небольшом количестве сравнительно с количеством потребляемых листьев».

О высиживании яиц этот натуралист не сообщает ничего; но мы, по крайней мере.

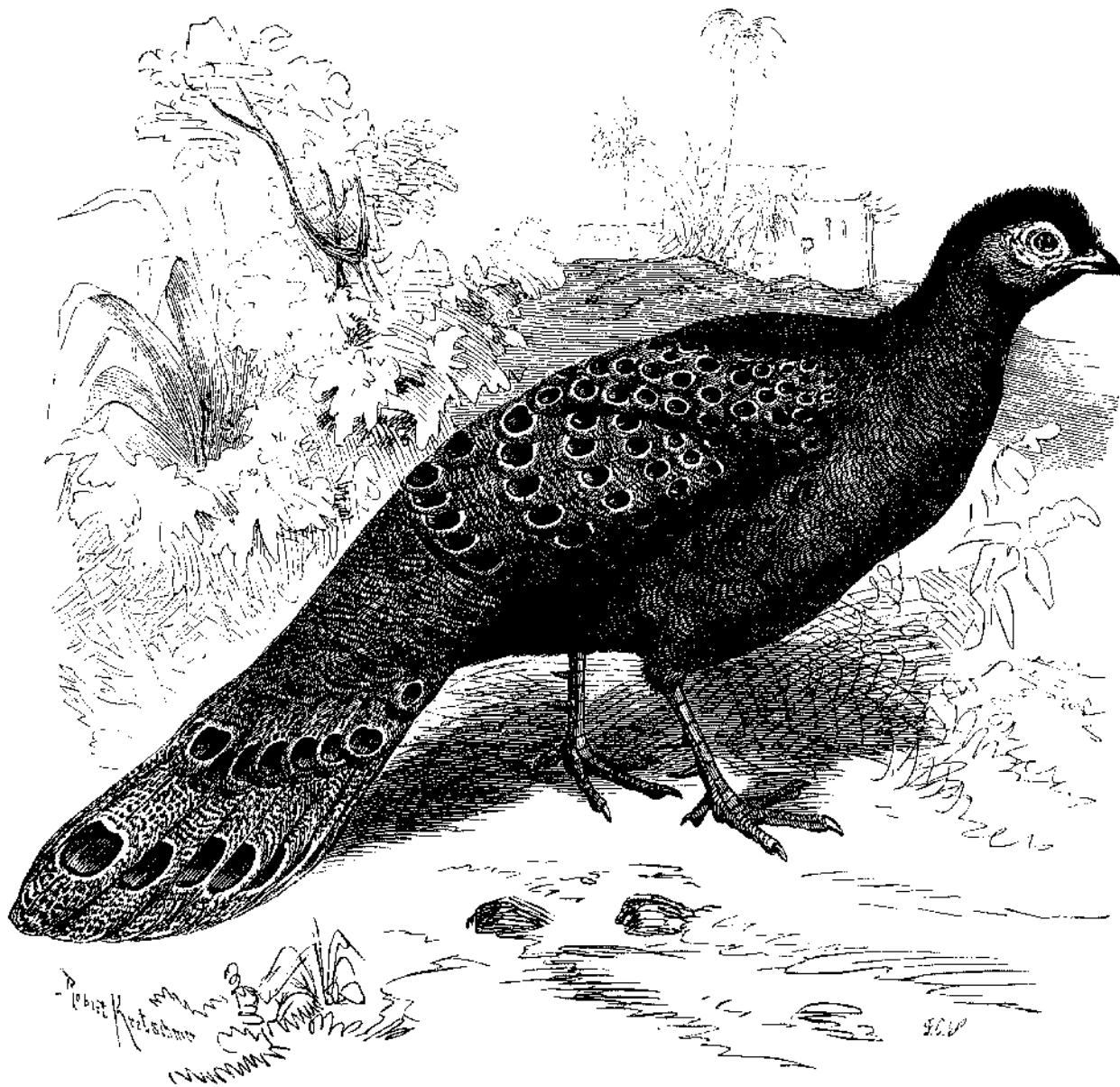
отчасти знакомы с этим делом из наблюдений над пленными сатирами. Они легче многих своих родичей содержатся в клетках, очень хорошо переносят наш климат при надлежащем уходе.

Павлиний фазан (*Polyplectron bicalcaratum*). У этой птицы обе стороны головы и горло белого, а темя серого цвета, с темными волнистыми полосами. Все оперение вообще землисто-бурого цвета с небольшими желто-буроватыми пятнами яйцеобразной формы, которые на затылке и крыльях принимают форму блестящих фиолетовых глазков с белой каймой, а на хвосте превращаются в зеркальца блестящего сине-зеленого цвета. Голая область глаз буроватого цвета. Длина достигает 60 см, из коих 25 см приходится на долю хвоста. Самка отличается более коротким хвостом, мозолистыми наростами, заменяющими шпоры, и менее блестящей окраской оперения.

Павлиний фазан встречается в Ассаме и Бирме*.

* *Павлиний фазан встречается также на севере Индии в Сиккиме.*

О его жизни на воле нам ничего не известно. Говорят, что все павлиньи фазаны по возможности скрываются в дремучих лесах, много времени проводят на земле, преимущественно в частых кустарниках и вследствие этого редко попадают на глаза.

Павлиний фазан (*Pouyplectron bicalcaratus*)

О степени достоверности этих сообщений я судить не могу; считаю, однако, долгом заметить, что поймать этих птиц и приучить их к неволе и к подходящему корму не должно быть особенно трудно, так как в неволе их случается видеть нередко. Иногда они попадают и в наши клетки, прекрасно переносят потерю свободы, но не легко размножаются. По своему образу жизни они с нашими домашними птицами имеют больше сходства, чем с павлинами, в особенности походят они на кур. Гааке сообщает, что весной, стало быть, во время спаривания, самец распускает хвост и крылья и в этом положении постоянно преследует самку. Осанка его очень миловидна и грациозна и потому он производит на наблюдателя самое благоприятное впечатление.

Большой аргус (*Argussianus argtis*). Аргус отличается от всех известных птиц тем, что перья плеча и предплечья чрезвычайно удлинены, расширены на конце, притом имеют мягкий стержень, но жесткое опахало, тогда как большие маховые перья, наоборот, очень коротки. Своеобразная красота оперения у спокойно сидящей птицы, за исключением только зеркальцев, покрывающих последнее малое маховое перо, совершенно незаметна. Она проявляется лишь при распускании крыльев и хвоста. Короткие перья на темени бархатисто-черные; волосистые перья задней части шеи желтого цвета и покрыты черными полосками, перья на шее и зашееке ярко-бурого цвета и испещрены светло-желтыми крапинками и полосками. Перья средней части спины на желтовато-сером фоне покрыты темно-бурыми пятнышками, нижние перья довольно равномерного красноватого цвета и покрыты черными и светло-желтыми полосками и волнистым рисунком того же цвета. Наружная часть опахала малых маховых перьев покрыта на красновато-сером фоне рядом частых продолговатых темно-бурых пятен, окруженных более светлым ободком. Внутренняя часть опахала около стержня покрыта на серо-красном фоне мелкими белыми точками. На длинных

кроющих перьях плечевой части крыла преобладает прекрасный красно-бурый цвет, образующий основную окраску; рисунок же состоит из светлых серо-красноватых полос, между которыми лежат ряды красно-бурых пятен с темным ободком из желтовато-белых пятен. А также из черточек, рубцов, буровато-красных сетчатых полосок и, наконец, больших с блестящим отливом зеркальцев, ограниченных темной чертой со светлой каймой. Эти зеркальца расположены у самого стержня; на наружной части опахала и на больших маховых перьях они выступают более отчетливо, нежели на малых маховых перьях. Самые длинные перья хвоста черные, внутренняя часть стержня пепельного цвета, наружная красно-бурого, оба опахала украшены белыми пятнами с черным ободком; остальные рулевые перья имеют с ними сходство, с той только разницей, что мелкие пятнышки расположены рядами и многочисленнее. Общая длина достигает 1,7-1,8 м, из коих на долю средних хвостовых перьев приходится 1,2 м, длина крыла равна 45, длина же самых длинных нижних маховых перьев — 75 см. Самка значительно меньше и отличается более простым оперением и рисунком.

В 1780 году в Европе появились и возбудили всеобщее восхищение первые чучела каких-то прекрасных птиц, о существовании которых уже имелись некоторые сведения. Несколько позднее (в 1785 году) Марсден сделал следующее сообщение относительно их образа жизни: «Знаменитый аргус — это птица необыкновенной красоты и может быть красивейшая из всех. Поймав аргуса в лесах, чрезвычайно трудно сохранить его некоторое время живым. Мне никогда не случалось видеть, чтобы его удалось сохранить живым более месяца. Он от природы ненавидит свет. Когда находится в темном месте, то он весел и испускает иногда крик, который звучит, как его местное название «куау». Кричит скорее жалобно, чем резко, как павлин. Днем он сидит совершенно неподвижно. Мясо его имеет точно такой же вкус, как и мясо обыкновенного фазана».

Большой аргус (*Argusianus argus*)

Рэффлс говорит, что аргус, играющий важную роль в поэзии малайцев, живет в самых дремучих лесах Суматры и обыкновенно встречается парами. Туземцы утверждают, что он играет в «галанган», то есть, надувшись, вертится кругом, подобно павлинам. Соломон Мюллер рассказывает, что он в первый раз услышал громкий голос этой птицы, когда ночевал на юге Борнео, около Сакумбони, на высоте 60 м над уровнем моря, и что аргус у местных жителей, населяющих южную часть Борнео, носит название «харуве», тогда как малайцы острова Суматры называют его «кувау».

Жарден и Сельби сообщают, что большой аргус во время спаривания является во всей своей красе. Тогда он ходит, подняв хвост кверху и растопырив крылья. Птенцы приобретают свое великолепное оперение лишь после многократного линяния. Туземцы ловят аргуса в петли, так как он не только необыкновенно пуглив и хитер, но также прекрасно умеет прятаться в густых кустарниках лесов и, благодаря тому, что цвет его оперения подходит к окружающей обстановке, скрывается даже от зорких глаз туземцев. Один старый малаец, которого Уэллэс просил застрелить одного из тех аргусов, голоса которых постоянно слышались в лесах Малакки, уверял, что в течение 20 лет его охотничьей жизни ему не только ни разу не случилось убивать их, но даже никогда не приходилось видеть одного из них в лесу на воле.

Ловят, однако, эту птицу далеко не редко, так как малайцы умеют ценить по достоинству ее превосходное мясо. «В Паданге, на западном берегу Суматры, — пишет Розенберг, — туземцы часто приносили мне живых аргусов и уступали их по 1,5-2 гульдена за штуку; он, стало быть, должен часто встречаться в горных лесах этих островов. В самой глуши лесов на сухих, доступных солнечным лучам прогалинах путешественнику или охотнику нередко попадаются места, тщательно очищенные от сучьев и листьев, от которых по всем направлениям идут узкие тропинки, ведущие в лес. Сюда, главным образом в полдень, аргус является для того, чтобы отдохнуть, играть и драться; здесь случается видеть, как он, наподобие кур, лежит на согретой солнцем земле и купается в песке; в счастливом случае иногда приходится наблюдать его во время игры или драки; на ведущих отсюда тропинках охотники и ставят свои силки. По уверению туземцев, самец водит за собою нескольких самок. Пока он не возбужден половым чувством, то походкой и осанкой вполне походит на павлина: плотно прижимает к телу свои красивые крылья и в горизонтальном направлении вытягивает хвост. Во время же спаривания самец с распушенными и прижатыми к земле крыльями, токуя, гордо разгуливает по лесным прогалинам; в это время слышится своеобразный, напоминающий мурлыканье звук, привлекающий самок, но несколько не похожий на крик «куау», от которого произошло его прозвище. Говорят, что самка кладет в незатейливое, спрятанное в частом кустарнике гнездо, 7-10 белых яиц, несколько не уступающих по своей величине гусиным; мне самому никогда не приходилось их видеть. На воле аргус питается насекомыми, улитками, червяками, почками и семенами. Мои пленники предпочитали вареный рис всякой другой пище. Мясо их чрезвычайно вкусно».

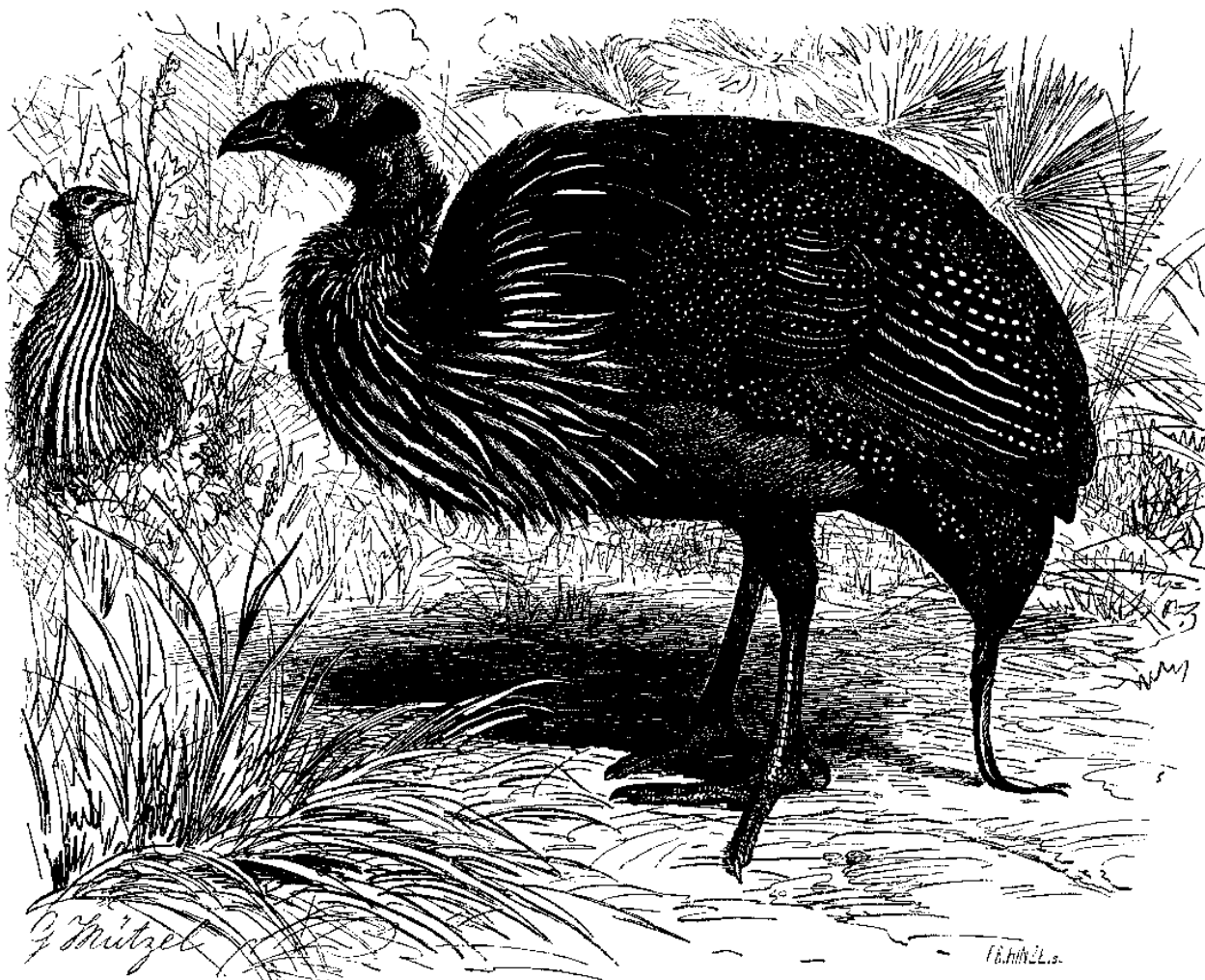
До нового и новейшего времени мы разделяли мнение Марседена, будто бы аргус не переносит неволи; в конце же шестидесятых годов и эта гордая птица нередко попадала в Европу живой. Я видел ее в нескольких зоологических садах.

Отличительными признаками цесарок — нескольких видов птиц из семейства фазановых — служат: плотное туловище, короткие крылья, средней длины хвост, сильно удлиненные верхние, кроющие перья хвоста, вообще обильное оперение. Средней вышины ноги с короткими пальцами и обыкновенно лишенные шпор, и крепкий клюв. Голова и верхняя часть шеи более или менее голые и украшены пучками перьев, большими и маленькими хохлами, шлемовидными наростами и висячими кожистыми наростами; окраска оперения весьма однообразна, а рисунок состоит из светлых жемчужных пятен на темном фоне и, подобно головному украшению, свойственен, как самцам, так и самкам.

Самым замечательным видом я считаю **грифовую цесарку** (*Acryllium vulturimim*), живущую в восточной Африке. Туловище у нее вытянуто в длину, шея длинная и тонкая, маленькая голова обнажена и украшена одним только воротником, который тянется на затылке от одного уха к другому и состоит из очень коротких, бархатистых перьев. Шейные перья имеют ланцетовидную форму, малые маховые перья значительно длиннее больших, средние рулевые перья длиннее боковых. Клюв крепкий, короткий, сильно согнут, и верхняя часть его ясно свисает крючком над нижней. Ноги с высокими плюснами и бородавчатыми отростками вместо шпор.

Оперение отличается таким же великолепием окраски, как и оперение самого красивого фазана. Воротник на шее темного красно-бурого цвета; шея синего ультрамаринового цвета с черными и серебристо-белыми полосами. У каждого узкого и длинного пера посреди черного поля, по-

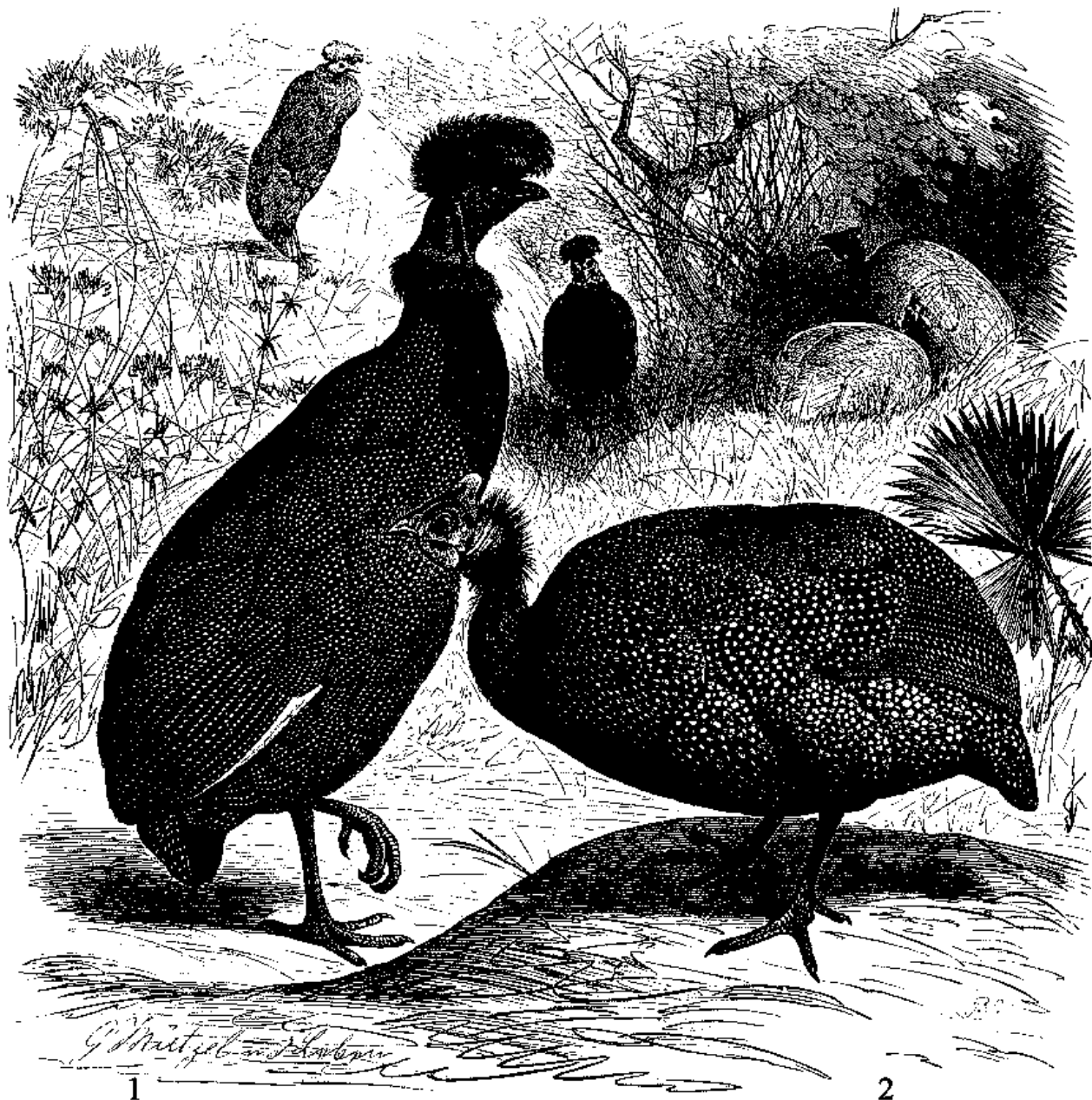
крытого мелкими серыми пятнышками, проходит белая полоса шириною в 4 мм. По краям эти перья имеют широкую кайму синего, ультрамаринового, цвета.

Грифовая цесарка (*Aeryllium vulturinum*)

На коротких перьях середины груди рисунок этот исчезает и заменяется чистым, черно-бархатным цветом, тогда как на обеих сторонах груди он переходит в великолепный синий ультрамариновый цвет. На перьях зашейка еще видны светлые, срединные полосы, но уже нет синей каймы; вместо нее выступает в высшей степени красивый рисунок, состоящий из черноватых и серых волнистых линий и пятнышек. Остальное оперение покрыто по темному черно-серому полю необыкновенно тонким рисунком, состоящим из светлых жилок и пятнышек. Каждое это жемчужное пятнышко окружено черной полоской. На перьях паховой области и брюшка жемчужные пятна увеличиваются. У пятнышек, которые расположены над чисто-голубыми обеими сторонами груди, каждый темный ободок окружен еще полосками лилового цвета, имеющими вид решетки. На наружной бородке больших и малых маховых перьев жемчужные пятна сливаются в узкие, белые полосы. Наружные бородки первых четырех или пяти малых маховых перьев украшены, кроме того, широкими каймами лилового цвета, которые, соединяясь между собой, образуют узкое зеркальце. Длина достигает около 60, длина крыла 29, длина хвоста 24 см.

Обыкновенная цесарка (*Numida meleagris*) имеет более или менее длинный рог на середине темени и две кожистые или мясистые лопасти на задней части нижней челюсти. Верхняя часть груди и затылок лилового цвета без пятен, спина и надхвостье покрыты по серому фону маленькими бисерообразными пятнами, окаймленными более темным. Эти пятна на верхних покровных перьях крыльев увеличиваются, частью же сливаются, и на наружном крае опахала малых маховых перьев превращаются в узкие поперечные полосы.

1 — Обыкновенная цесарка (*Numida meleagris*) 2 — Хохлатая цесарка (*Guttera edouardi*)

Все цесарки водились первоначально в Африке; наиболее известный вид, обыкновенная цесарка, живущая в западной Африке, была сделана домашним животным. Она отличается от диких куриц значительным ростом.

Хохлатая цесарка (*Guttera edouardi*) распространена по всей средней Африке. На острове Занзибар* она не встречается, на лежащем против него материке местами обыкновенна.

* *Ныне это остров Мадагаскар.*

Кирк наблюдал ее многочисленные стаи в дельте Замбези у Джубанги и внутри страны, приблизительно на 40 английских миль на восток от водопадов Виктории, причем эта цесарка встречается в лесах чаще всех других видов.

Цесарке нужна, по моим наблюдениям, местность, покрытая густым, мелким лесом, между которым находятся открытые прогалины. Богатые кустарником долины на равнинах, леса, в которых густые кусты покрывают землю, высокие горные равнины до 3000 м, отлого спускающиеся и покрытые скалистыми глыбами, но все-таки поросшие по склонам великолепным растительным ковром, — удовлетворяют всем требованиям этих птиц. Уже более 200 лет тому назад, как сообщает Фальконет, они часто встречались на Ямайке, в настоящее же время они там так обыкновенны что иногда становятся бичом страны. На Кубе их также находят в различных местах, особенно в восточной части острова, так как там много кофейных плантаций, покинутых хозяевами, которые оставили их с намерением развести новые в лучших местностях. Прирученные цесарки, как предполагает Гундлах, остались там, размножились и одичали.

Цесарки — оседлые птицы, хотя и не в строгом смысле этого слова. Я помню, что находил их в известные времена в лесах и степях тех стран, где обыкновенно они не обитают. А Кирк с уверенностью говорит, что в восточной Африке они, когда наступает период дождей, отправляются внутрь страны, расходятся там и приступают к размножению. Там, где они часто встречаются, об этом скоро узнаешь. Они дают о себе знать тем, что по утрам и вечерам слышится их труднопередаваемый, подобный звуку трубы голос, сделавшийся, благодаря нашим домашним цесаркам, хорошо знакомым большей части наших читателей.

Цесарки всегда улетают при приближении человека. Они не столько осторожны, как пугливы; стадо коров пугает их, собака наводит на них безумный страх, человек всегда приводит их в большое возбуждение. Вследствие этого нелегко наблюдать птиц; по крайней мере, никогда не надо при приближении пренебрегать известными мерами осторожности. Если скрыто подкрадываться к стае, крик которой был слышен, то можно увидеть птиц, ходящих по прогалине или шныряющих между скалистыми глыбами, или же пролезающих сквозь кустарник. Подобно индейцам на военной тропе, эти птицы бегают друг за другом длинными вереницами и, что делает одна, тому подражают и другие. Одинокие пары встречаются в высшей степени редко; семейства, состоящие из 15-20 штук — чаще, обыкновенно встречаются многочисленные стаи, которые иногда могут состоять из 6-8 семейств. Семейства живут тесно вместе, и даже общества часто остаются в тесной связи. Если семейство, стая или общество как-нибудь вспугнуто, то оно разделяется, и каждая птица отдельно сама избирает себе дорогу. Все мчатся, бегут и несутся или летят и перелетают насколько можно поспешно к какому-нибудь убежищу, но по прошествии известного времени, если все спокойно, самцы издают крик, похожий на звук трубы, и быстро снова созывают все стадо вместе. Цесарки пробуют, когда их вспугнешь, спастись посредством полета лишь тогда, когда уже испытали преследование; однако и тогда они полагаются, пока возможно, на свои быстрые ноги. Иногда, прежде чем подняться, они бегут в течение нескольких минут перед охотником, причем постоянно останавливаются, но осторожно, только на большом расстоянии от выстрела. Они умеют прекрасно воспользоваться каждым кустом и каждым обломком скалы. Старый самец ведет всю стаю; он всегда впереди и постоянно указывает направление, даже тогда, когда птицы летят. После выстрела стая рассыпается на части. Птицы летают и садятся по несколько раз отдельно, пока не соберутся около вожака. Он тотчас после нападения начинает громко трубить или кричать, причем садится на самую высокую точку, например, на кусок скалы совершенно открыто, чего обыкновенно никогда не делает, как бы с намерением показаться разбежавшейся стае. Птицы по возможности сбегаются и слетаются и ведут себя затем, как обыкновенно.

Для сна все виды выбирают возвышенные места, которые представляют для них наибольшую безопасность. Самым любимым местом бывают высокие деревья на берегах рек; также забираются они с наступлением вечера в горы, и отыскивают здесь для спанья недоступные другим животным, по крайней мере, млекопитающим хищникам, хребты и вершины скал. «Даже ночью, — говорит Гейглин, — ничто не ускользает от них; если вокруг места отдохновения не тихо, то они шумят по целым часам. Во время нашего пребывания в стране Богосов, домашние цесарки, которые ночевали на помосте, похожем на голубятню, указывали нам таким образом приближение леопардов, гиен, диких кошек, больших филинов, и мне несколько раз посчастливилось по их голосу убить этих хищников на дворах, и даже на соломенных крышах домов».

Цесарки, без сомнения, великолепно украшают собой поросшие низкой травой или совсем сухие лесные прогалины. Темные птицы теряются между камнями, окрашенными в такой же цвет, но резко отличаются от зеленых или серо-желтых травяных пространств. Не узнать их нельзя; горизонтально стоящее туловище, рыхлые и кажущиеся взъерошенными перья надхвостья и кровле-видный хвост так характеризуют наружный вид, что только неопытный может смешать их с какими-нибудь другими куриными птицами. По быстроте бега с ними сравниваются, конечно, турачи, но полет их разнится от полета этих родичей и отличается частыми, почти шумными взмахами крыльев, за которыми следует короткое парящее движение.

Пища цесарок изменяется, смотря по стране и местности, а также по времени года. Весной, во время дождей, насекомые, по всей вероятности, составляют главную пищу, так как я находил их зобы совершенно наполненными кузнечиками; позднее они едят ягоды, листья, почки, маковки травы и, наконец, все виды семян. На Ямайке в более прохладные месяцы года цесарки выходят бесчисленными обществами из своих лесов, распространяются по полям и причиняют там значительный вред.

Кладка состоит из 5-8, иногда и более грязных желтовато-белых, довольно блестящих яиц с необыкновенно твердой скорлупой. Насиживание продолжается 25 дней. «Самец и самка никогда

не удаляются от гнезда и стараются шумом и скорой беготней из стороны в сторону привлечь на себя внимание человека». Цыплята, покрытые пухом, по виду и характеру похожи на молодых фазанов. Скоро после появления из яйца они уводятся старыми птицами, быстро вырастают, всюду следуют за своими родителями, а также постоянно взлетают по ночам вместе с ними на деревья.

У цесарок много врагов. Все африканские кошки, начиная с леопардов и гепардов до рыси, все шакалы и лисицы преследуют старых и молодых, виверры пожирают только яйца и цыплят. Большие хищные птицы ревностно охотятся за этой, так легко добываемой, дичью, и даже пресмыкающиеся нередко хватают их. Мы нашли в желудке одного питона, который был длиной в 2,5 м, вполне выросшую цесарку. Человек с особенным предпочтением охотится за ними, так как их можно добыть без особого труда, хотя цесарки, почуяв преследование, делаются очень пугливыми. На Ямайке этим птицам ставят зерна, намоченные в роме. Они едят их, пьянеют, начинают кружиться, усаживаются в какое-нибудь место, которое, как им кажется, дает защиту, и без всякого сопротивления позволяют охотнику взять себя; часто, впрочем, большую часть тех птиц, которые ели пьяные семена, находят мертвыми.

Семейство индейковые

Индоки могут считаться представителями фазанов в Новом Свете. Это большие, стройные, длинноногие, короткокрылые и короткохвостые птицы. У них голова и верхняя часть шеи лишены перьев и покрыты бородавчатой кожей; с кончика верхнего клюва свешивается цилиндрический растягивающийся отросток, на горле висят мягкие складки кожи. Эти птицы населяют весь восток и север Америки.

Индейка (*Meleagris gallopavo*) сверху буровато-желтого цвета, с прекрасным металлическим отливом, каждое перо окаймлено широкой бархатисто-черной полосой. Спина и кроющие перья хвоста темного орехового цвета и покрыты зелеными и черными полосками, грудь желтовато-бурая, с боков несколько темнее, брюшко и бедра буровато-серые, область гузки черноватого цвета. Маховые перья черно-бурые; большие маховые с серовато-белыми полосками, малые с буровато-белыми. Рулевые перья того же цвета с черным волнистым узором, покрыты полосками и усеяны мелкими точками. Голые части головы и шеи светло-голубые, под глазами окраска ультрамаринового цвета. Бородавчатая кожа ярко-красная. Глаза желтовато-голубые, клюв беловато-рогового, ноги бледно-фиолетового или сургучно-красного цвета. В длину индейка достигает 100-110 см, размах крыльев около 150, длина крыла 46, длина хвоста 40 см. Оперение самки не так красиво и ярко, но, тем не менее, похоже на оперение самца. В длину она достигает 85 см, размах крыльев 122, длина крыла равна 40, длина хвоста 28 см.

В центральной части Северной Америки дикую индейку заменяет прекрасная **глазчатая индейка** (*Agriocharis ocellata*), которая соединяет в себе красоту павлина со сложением индейки.

О жизни глазчатой индейки на воле имеется много сообщений, но все они уступают превосходному описанию, которым мы обязаны Одюбону. Индейки и в наше время в значительном количестве населяют леса штатов Огайо, Кентукки, Иллинойс, Индиана, Арканзас, Теннесси и Алабама. В Георгии и Каролина они не столь многочисленны, в Виргинии и Пенсильвании становятся редкими, а в густонаселенных штатах уже совершенно истреблены. По временам живут большими обществами и совершают странствования; отыскивая корм, они проходят лесные пространства, оегают днем по земле и отдыхают ночью на высоких деревьях. Около октября, когда еще немного древесных семян падают на землю, индейки переселяются в низменности Огайо и Миссисипи. Самцы собираются в общества от 10 до 100 штук и отыскивают корм исключительно для себя; самки со своими полувзрослыми птенцами также собираются в стаи, почти столь же многочисленные, и отдельно придерживаются того же пути. Таким образом, они пешком продвигаются дальше и дальше, пока не повстречаются с охотничьей собакой или с каким-нибудь другим четвероногим хищником, или пока их путь не пересечет широкая река. Если обществу индеек случится достигнуть берега подобной реки, то оно собирается на самом возвышенном месте и остается здесь иногда в течение нескольких дней, как бы совещаюсь, прежде чем решиться переправиться на другой берег. Самцы надуваются и клохчут, как бы желая ободрить себя; самки и птенцы насколько могут, подражают им и, наконец, при тихой погоде, они решаются на отважное предприятие и перелетают через реку. Индюк-вожак подает сигнал, испустив отрывистый «глюк», и начинается воздушная переправа. Старые птицы без труда перелетают на другую сторону, даже в том случае, если ширина реки достигает нескольких английских миль. Молодые птицы и менее сильные часто во время пути падают в воду и тогда бывают принуждены добираться до другого берега вплавь. При этом индейки плотно прижимают крылья к туловищу, распускают хвост, вытягивают шею, начинают, насколько могут, перебирать

лапами и обыкновенно достигают земли. Здесь они сначала бегают, точно одурелые, и часто забывают о свойственной им осторожности, так что легко становятся добычей охотника.

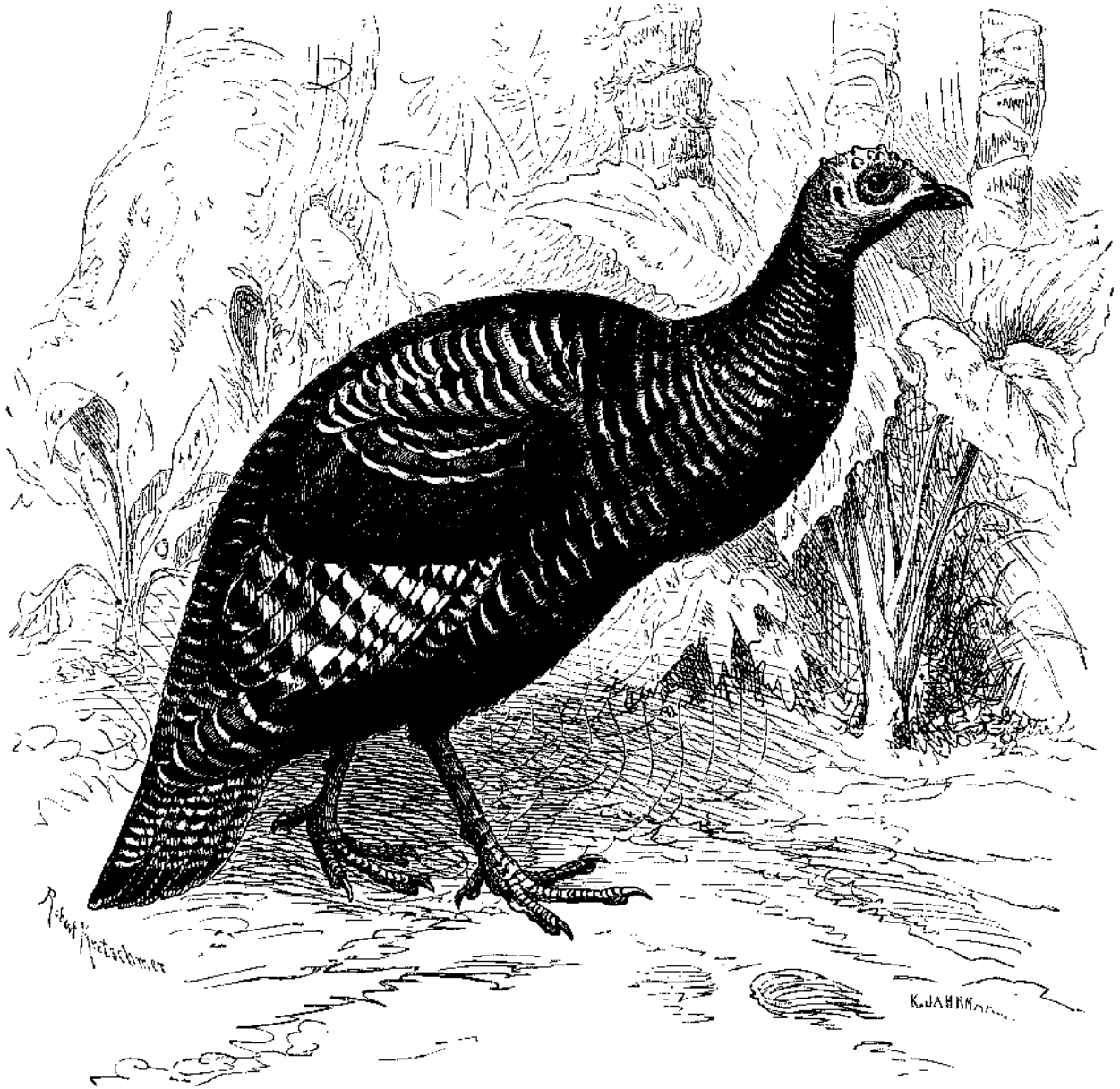
В середине февраля у глазчатых индеек появляется половое возбуждение. Если весна сухая, то самка в середине апреля отыскивает себе подходящее, по возможности скрытое место для гнездования. Она прячет свое гнездо и от самца, так как он обыкновенно убивает птенцов*.

** Это утверждение не соответствует действительности.*

Гнездо представляет собой неглубокое, беспорядочно выложенное перьями углубление; кладка состоит из 10-15, а иногда и 20 дымчато-желтых яиц, покрытых красными точками. К гнезду самка приближается с величайшей осторожностью, и когда покидает его, то тщательно прикрывает сухими листьями, так что отыскать гнездо очень трудно, разве только, если случится вспугнуть с него сидящую на яйцах матку. Если она во время высиживания заметит врага, то припадает к гнезду и не шевелится до тех пор, пока не заметит, что ее убежище открыто. Одюбон рассказывает, что он часто, не вспугнув самку, мог приблизиться к гнезду на расстоянии нескольких шагов, когда, свистя или громко разговаривая, придавал себе равнодушный вид; напротив того, если он приближался к гнезду осторожно, самка уже на расстоянии, по крайней мере, 20 шагов поднималась и убегала. Впрочем, самка, потревоженная человеком, не покидает своего гнезда навсегда, случается это тогда, когда какое-нибудь хищное животное похитило или выпило у нее несколько яиц. Если кладка разорена, то птица несетя вторично. Иногда случается, что несколько маток кладут свои яйца в одно и то же гнездо: Одюбон однажды нашел трех самок, сидящих на 42 яйцах. В таком случае одна из самок всегда сторожит гнездо, так что ни один из более слабых хищников не может повредить выводку. К концу высиживания самка ни под каким видом не покидает своего гнезда.

Одюбон был однажды свидетелем того, как из яиц вылупился целый выводок молодых индеек.

Он наблюдал это, лежа на земле в нескольких шагах от гнезда. Старая самка приподнялась на половину высоты своих ног, боязливо взглянула на яйца, озабоченно заклохтала, осторожно устранила каждую половину скорлупы и начала гладить клювом цыплят, которые, шатаясь, старались выйти из гнезда.

Глазчатая индейка (*Agriocharis ocellata*)

Он видел, как все они покинули скорлупу и, спустя несколько минут, катясь и бегом стали подвигаться вперед. Прежде чем покинуть гнездо, старая самка встряхнулась, расправила перья, приняла совершенно другую осанку, приподнялась, вытянула шею и обвела вокруг глазами, чтобы убедиться в безопасности; затем она несколько распустила крылья, нежно заклохтала и стала заботливо собирать своих цыплят.

Уже на 14 день своего существования птенцы приобретают способность взлетать немного кверху, и с этих пор семья под вечер всегда садится на низкий сучок, где и проводит ночь в безопасности под защитой материнских крыльев. Еще несколько позже старая самка со своими цыплятами покидает леса днем, чтобы попользоваться обилием различных ягод на лесных полянах или лугах и насладиться благотельным влиянием солнца. С той поры птенцы начинают расти необыкновенно быстро. Уже в августе они способны защищаться от нападения четвероногих хищников; молодой самец уже чувствует в себе силу взрослого самца и начинает упражняться, торжественно расхаживать и клохтаться. В эту пору старые и малые снова собираются вместе и начинают свое странствование. Случается нередко, что дикие индейки присоединяются к обществу ручных, дерутся с самцами и домогаются любви самок. Хотя глазчатая индейка и предпочитает всему другому так называемые иллиноиские орехи и ягоды дикого винограда, почему во множестве и водится в тех местностях, где эти плоды растут в изобилии, тем не менее, она ест различные травы и злаки, хлебные растения, ягоды, а также насекомых, мелких кузнечиков и тому подобное.

При беге индейки слегка раскрывают крылья, точно вес тела для них слишком тяжел; затем, пробежав несколько метров, широко распускают крылья, и два-три раза высоко подпрыгивают, после чего продолжают свой путь по земле. Ища корм, они высоко держат голову, как будто им нужно

постоянно осматриваться кругом; в то же время роют ногами землю, потом вдруг останавливаются и подбирают клювом что-нибудь на земле.

Среди бесчисленных врагов, преследующих индеек, самые опасные после человека — рысь, белая северная сова и филин. Рысь преследует взрослых и молодых, а также выпивает их яйца; совы главным образом ночью похищают многих птиц с деревьев; против них, однако, индейки защищаются, и часто с успехом. Лишь только они почуют беззвучно приближающуюся сову, как предостерегающий об опасности крик «грук» призывает все общество к вниманию. Спящие птицы тотчас пробуждаются и начинают следить за каждым движением совы, которая, высмотрев жертву, налетает как стрела, и непременно схватила бы индейку, если бы та не успела увернуться. Только сова начинает приближаться к ней, она низко нагибает голову и в то же время распускает хвост, сбивая этим с толку нападающего врага, которому в лучшем случае удастся схватить лишь несколько перьев. Случается нередко, что индейка бросается на землю и бежит к первому попавшемуся кусту, чтобы в нем спрятаться.

В Америке охота за индейками и ловля их производится повсеместно с большим рвением, иногда даже без всякой пощады. Самцов особенно охотно бьют во время токования, иногда на деревьях. Подкрадываются к ним в таком случае совершенно таким же образом, как мы это делаем с нашим глухарем; их выгоняют также с помощью собак, подстерегают на местах ночлега или поблизости мест, обещающих обильную пищу и т.д. Охота на индеек требует большого опыта, так как пугливость дичи с первого же раза отбивает у неопытных стрелков желание продолжать это занятие. Один из способов охоты, хотя и не достойный охотника, но, тем не менее, важный для голодных людей и путешественников, состоит, по словам Пехуэль-Леше, в том, что этих крупных птиц сбивают выстрелами с деревьев, на которых они устроились на ночь. Удачнее всего охота бывает тогда, когда деревья лишены листьев, и в местностях, где эту дичь еще не часто тревожили. Высмотрев в лесной полосе, растущей вблизи реки, то место, где обыкновенно проводят ночь индейки, охотники в звездную ночь, вооружившись дробовиками подкрадываются к дереву, гуще других усаженному птицами, и убивают сначала ту птицу, которая сидит дальше всех, потом следующую и т. д. Небольшой шум, производимый в кустарнике охотником при его приближении, несколько не мешает делу, нельзя только при этом громко разговаривать, и каждую птицу, попадающую под выстрел, следует убивать наповал, чтобы она не билась и не пугала этим остальных... Сколько-нибудь опытный охотник всегда может таким способом в весьма короткое время настрелять несколько штук с одного дерева, прежде чем остальные придут в беспокойство или улетят. Хорошему стрелку нередко случается добывать по 6-10 штук зараз. Додж сам убил 12 штук; один солдат, по словам Доджа, перестрелял даже 26 штук с одного дерева, а несколько других солдат, по словам того же очевидца, в течение нескольких часов добыли 82 птицы на одном и том же месте.

Индейки были перевезены к нам очень скоро после открытия Америки. Из писателей Овидео первый упоминает о нем. «В Новой Испании, — говорит он, — существует порода больших и очень вкусных павлинов, из которых многие были переправлены на острова и в провинцию Кастилию-дель-Оро, где их и кормят в своих домах христиане. Самки выглядят невзрачно, самцы же красивы и часто распускают веером свой хвост, хотя последний у них и не так красив, как у павлинов в Испании». Затем следует верное описание индеек, которое заключается замечанием, что мясо этих «павлинов» очень вкусно и, несомненно, лучше и нежнее мяса испанских павлинов. Гиллиус говорит об индейке, как о домашней птице европейцев. В 1557 году, однако, она была еще настолько редкой и ценной птицей, что верховный совет в Венеции определял, на чей стол имеют право подаваться «индейские куры». В Англию, говорят, она была ввезена на пятнадцатом году царствования Генриха VIII, или в 1524 году, в Германию — около 1534 года, а во Францию еще позже. В настоящее время она всюду распространена в качестве домашней птицы. Чаще всего ее можно встретить в Испании главным образом на тех дворах, которые построены поодаль от селений, среди пустынных равнин. Здесь я видел стада в несколько сот штук, находившихся под наблюдением особых пастухов, которые утром гнали птиц на пастбище, днем не давали им расходиться в разные стороны, а вечером снова пригоняли домой. В Германии их держат довольно редко, хотя разведением индеек очень даже стоит заниматься. Владельцы некоторых ферм ценят их высоко; большинство людей, однако, не могут терпеть этих птиц за шумный, вспыльчивый и сварливый нрав.

Семейство тетеревиные

Самая крупная и благородная из тетеревиных птиц — **глухарь** (*Tetrao urogallus*). Его называют еще глухой тетерев, мошняк, моховой тетерев, моховик, у лопарей тюхач. Темя и горло черноватые; шея темная пепельно-серая с черным волнистым рисунком, передняя часть шеи с черноватыми пепельно-серыми волнистыми полосками. Спина черноватая с пепельно-серым и ржаво-бурым

налетом; верхняя часть крыльев черно-бурого цвета с ржаво-бурыми волнистыми разводами; 18-20 хвостовых перьев черного цвета с немногочисленными белыми пятнами. Грудь блестящего зеленого цвета; остальная нижняя сторона тела покрыта черными и белыми пятнами, особенно частыми на гузке. Глаза карие, голые брови над ними, состоящие из отдельных, тонких листочков и голые бородавчатые места вокруг глаз — сургучно-красного цвета; клюв рогового белого цвета. Длина тела 90-112 см, размах крыльев 120-144, длина крыла 40[^]5, длина хвоста 34-36 см, вес 3,5-6 кг.

Самка на треть меньше самца и очень пестра. Голова и верхняя часть шеи черноватая с ржаво-желтыми и черно-бурыми поперечными полосками. На остальной верхней части тела оперение представляет смесь черно-бурого, ржавого и ржаво-желтого цветов. Рулевые перья на фоне прекрасного ржаво-красного цвета покрыты черными поперечными полосами, горло и сгиб крыла ржаво-красно-желтые, верхняя часть груди ржаво-красная, брюхо на ржаво-желтоватом фоне покрыто прерывающимися черными и белыми поперечными полосками. Нередко встречаются петухоперые самки, необыкновенно похожие на самцов. Длина тела 72-78 см, размах крыльев 108-112, длина крыла 35, длина хвоста 22 см, вес 2,5-3 кг. Самку глухаря называют глухаркой, глухой курочкой, а на севере копалухой.

В прежние времена глухарь населял, без сомнения, все сплошные леса северной Азии и Европы; в настоящее время он во многих местностях совершенно истреблен. Однако область распространения его все еще очень обширна. От Малой Азии, Греции, Кантабрийских гор в Испании она простирается высоко на север до Лапландии и Ледовитого океана и далеко на восток по России до Камчатки и Китая*.

* В Восточной Сибири к востоку от Лены и Байкала, на Камчатке и Дальнем Востоке обитает другой вид глухаря каменный глухарь (*Tetrao parvirostris*).

В Англии, Ирландии, Голландии, Дании, затем в Америке, Африке и Австралии вовсе нет глухарей; в очень малом числе встречается он теперь в северной Италии, Франции и Бельгии**.

** Со времен Брема распространение глухаря еще более сократилось. Сейчас он уже совершенно не встречается в Малой Азии, Греции, Бельгии, в других европейских странах его распространение тоже уменьшилось.

Прежде всего, глухарь требует обширных лесов смешанного состава и возраста с не заросшими прогалинами, лесными лугами и с влажной, местами болотистой почвой. Там, где есть смешанные леса, он охотнее всего селится в них; затем охотно селится в хвойном лесу, хотя и лиственный может известное время быть его жилищем. Он необыкновенно любит солнечные горные склоны; во всяком случае, эта птица требует высокоствольных лесов, в которых нет недостатка в ручьях, ключах и других водах, и в которых рядом с высокими деревьями встречаются чащи или места, поросшие вереском, низким кустарником и ягодными кустиками.

Глухарь — оседлая птица, хотя и не в полном смысле этого слова. При продолжительной сильной стуже и глубоком снеге он оставляет иногда свое местопребывание на высоких горах и спускается в более низкий пояс, но при наступлении теплой погоды возвращается на высоты.

При обыкновенных условиях глухари держатся днем на земле и, если возможно, избирают такие места, куда падают первые лучи утреннего солнца и где есть маленькие открытые пастбища, чередующиеся с деревьями, кустами вереска, кустиками черники и где есть поблизости чистая вода. Здесь они бегают, проползают сквозь низкие заросли и кустарники, отыскивают пищу и поднимаются лишь в том случае, если с ними случится что-нибудь необыкновенное, но они умеют также отлично прятаться, прижимаясь к земле под кустами или у стволов деревьев. К вечеру они поднимаются, самцы и самки отдельно, и с наступлением ночи те и другие взлетают на деревья, чтобы переночевать. Глухари почти никогда не поднимаются до вершины дерева, а обыкновенно остаются на середине его, спят здесь и с наступлением утра спускаются с деревьев. При глубоком снеге, сильном холоде и в таких местах, где бывают снежные бури, глухари спят и на земле, причем под кустами или зарываются в снег. Заметив опасность, глухарь, поднимаясь, быстро сбрасывает с себя снеговой покров. Это я узнал от опытных охотников на Урале.

Пища глухарей состоит из древесных почек, листьев или хвои, листьев клевера и травы, лесных ягод, семян и насекомых. Самец довольствуется более грубой пищей, чем самка или молодые птицы. «У десяти самцов, зоб которых я исследовал во время тока, — говорит мой отец, — я не нашел ничего, кроме еловых, пихтовых или сосновых иголок и, по-видимому, самец во время тока не тратит много времени на отыскивание пищи, а большей частью ест то, что может добыть в непосредственной близости. На основании совершенно разного вкуса мяса глухаря и глухарки мне кажется вероятным, что глухарь поедает большей частью почки елей, пихт и сосен, между тем как глухарка питается более нежными частями растений. Этим обуславливается, вероятно, то, что мясо

старого глухаря твердо и даже при надлежащем приготовлении едва съедобно, а мясо самки, напротив, очень нежно и вкусно. Мясо полугодовалых самцов тоже очень хорошо, но до этого возраста они бегают вместе с матерью и кормятся тем же, чем и она». Я хочу дополнить вышесказанное, прибавив, что глухарь весной в хвойных лесах ест почти исключительно хвою, в буковых лесах буковые почки, а в смешанных предпочитает тоже хвою. Маленькие камешки для переваривания пищи, а также сухой песок, чтобы рыться в нем, безусловно, нужны глухарю. К воде глухарь подходит несколько раз в день.

Глухарь (*Tetrao urogallus*)

Из известных мне описаний особенностей нашей дичи я все еще считаю самым подробным и лучшим то, которое мой отец оонародовал в 1822 году. Я приведу его рассказ здесь, и лишь местами буду вставлять несколько слов, причем ссылаясь на книгу «Глухариный ток» лесничего Гейра. Но с тех пор появились два очень подробных сочинения Вурма о глухарях, мы здесь и ими воспользуемся.

"Глухарь, — говорил мой отец, — неуклюжая, тяжелая и пугливая птица. Походка его быстрая, но далеко не в такой степени, как у полевых куропаток, дрохв, ржанок и куликов. При ходьбе тело его почти горизонтально, лишь немного наклонено назад и несколько вытянута шея. На деревьях посадка его различна. Он держит тело то в горизонтальном положении, то поднимает его, вытягивая при этом шею вперед или вверх. На деревьях держится не только на нижних ветвях, если вершина достаточно крепка, то и высоко на дереве; я часто видел, как самцы и самки сидели на верхушках деревьев. По земле он бегают, когда ищет пищу. Полет его тяжелый, шумный, ускоренный быстрыми ударами крыльев, почти прямой и, без крайней необходимости, непродолжительный. Шум при взлете глухарей с земли на дерево очень сильный. И самец, и самка обыкновенно чрезвычайно пугливы. Их зрение и слух, крайне остры, и они пользуются этой тонкостью чувств, чтобы избежать опасности издали».

Число яиц в одной кладке колеблется, смотря по возрасту матери. Молодые самки редко кладут более 6-8 яиц, более старые около 10-12. Яйца малы, длиной лишь 60-70 мм, толщиной 48-52 мм, а по многим измерениям Вурма, длина их равняется всего 52—62 мм, толщина 40-43 мм. Они продолговаты, спереди закруглены, мало выпуклы, имеют довольно тонкую и гладкую скорлупу, блестящую, с малозаметными порами и на желто-буром или грязно-желтом, реже серо-буровато-желтом фоне разрисованы серо-желтыми, светлыми и каштаново-бурыми пятнами и точками, а ино-

гда и более темными разводами. Высиживание продолжается в среднем 28 дней, при благоприятной погоде иногда одним днем меньше, а неблагоприятной одним больше. Глухарка высиживает яйца с преданностью, поистине трогательной. Так, по словам Гейера, можно, например, по крайней мере, в последнее время высиживания, поднять самку руками с гнезда и снова посадить обратно, причем она не обнаруживает никакого страха и не улетает с гнезда. «Это дает возможность защищать все те гнезда, которые подвержены опасности, устраивая вокруг них заборы и оставляя для входа и выхода промежутки, достаточный для того, чтобы самка могла через него проскользнуть. Этот прием иногда употреблялся в Германии, и самка без затруднения переносит его.

"Когда птенцы вылупились, продолжает Гейер, — то по прошествии нескольких часов, надлежащим образом обсохнув, они убегают прочь вместе с матерью и, начиная с этого времени, она охраняет их с необыкновенной любовью и заботливостью. Если случится неожиданно наткнуться на выводок, то бывает трогательно видеть, с каким криком и шумом глухарка встречает человека. В одно мгновение все птенцы исчезают; они умеют так хорошо прятаться, что действительно трудно найти одного из них. Этим они обязаны, главным образом своей окраске. Часто, и именно среди валежника, птенцы бывали у меня под ногами, они не умели еще летать и, тем не менее, редко удавалось отыскать одного из них. Печальнее, конечно, судьба выводка, если появится хитрая лиса со своим безошибочным чутьем. Матери иногда удается общеизвестная хитрость: она бежит и порхает в 3-4 шагах от лисицы, притворяется, что у нее подбиты крылья, и, таким образом, отводит лису от птенцов, а затем вдруг поднимается, прокрадывается на то место, где оставила птенцов, и хорошо известными звуками глюк-глюк дает знать, что опасность прошла. Собравши птенцов, она с возможной торопливостью удаляется в противоположном направлении. Если же ей не удается это, то дело оканчивается часто очень печально, нередко не остается в живых ни одного птенца».

Пища состоит почти исключительно из насекомых. Мать водит птенцов на удобные места, разрывает землю в местах, обещающих поживу, подзывает криком «бак-бак», кладет им на клюв муху, жука, личинку, гусеницу, червя, маленького слизняка и тому подобное и таким образом приучает их есть. Любимую пищу составляют куколки всех видов муравьев. Мать выбегает часто с птенцами на опушки леса, чтобы отыскивать муравейники на лугах и межах. Найдя муравейник, она роет, пока не покажутся куколки, и затем созывает весь выводок, который поспешно глотает этот хороший корм. Когда птенцы подрастут, они едят почти все, что ест и мать. Уже по прошествии немногих недель они настолько оперяются, что могут взлетать на деревья или, по крайней мере, порхать; но настоящее оперение получают гораздо позднее.

Поздней осенью молодое семейство разделяется по полам: самки остаются при матери; самцы кочуют сообща, подают время от времени свой голос (осенний ток), иногда дерутся и на следующую весну начинают вести образ жизни старых птиц.

Кроме лисицы и ястреба за глухарями охотится еще много врагов. Старые самцы, правда, хорошо скрываются от большинства врагов, благодаря своей осторожности и жизни на деревьях; напротив, нежные птенцы, а еще более яйца, подвергаются частым нападениям различных хищников, самки становятся добычей крупных хищников и особенно орла и филина. «Даже мелкие виды соколов, — говорит Вурм, — легко одолевают утомленную бегством глухарку, поэтому она чрезвычайно боится их и избегает показываться днем на открытом месте. Безрассудное бегство от хищных птиц гонит иногда глухарей на большие расстояния и в самые странные места: жилища, погреба, дымовые трубы, конюшни, даже в большие города, и некоторые глухари при этом убиваются, налетая со всего размаха на стены и стволы деревьев».

Яйцам глухарей угрожают все хищные млекопитающие и, кроме того, вороны. К сожалению, они довольно часто попадают в руки неразумных людей: иной пастух или дровосек лакомится яичницей, которой он обязан не своим домашним курам, а глухарям. Там, где охотой заведуют хорошие лесничие, глухарей щадят. Ни один настоящий охотник не убьет самку: охотятся исключительно на самцов и то лишь во время тока. Это понимает каждый, кому пришлось хоть раз самому выйти в ранние утренние часы, чтобы послушать токующего глухаря, а если возможно, то и убить его. Это действительно охота в полном смысле этого слова: глухарь и во время токования остается осторожным и позволяет перехитрить себя лишь опытному охотнику. Но именно трудность и увеличивает доставляемое охотой удовольствие. «Перед утром при свете месяца, — так описывает эту охоту Кобель, — охотник отправляется в лес; если небо пасмурно, он зажигает факел и идет так, пока не приблизится к месту тока. Дорога тянется часто между старыми деревьями, которые принимают фантастический вид при свете горящего факела, или ведет в чащу кривых деревьев, которые глядят на человека, точно какие-то странные живые фигуры, и настроение становится все более и более напряженным. Время от времени охотник прислушивается среди ночной тишины к то-

кованию, которого он, быть может, ожидает еще более страстно, чем самка глухаря. И когда из лесной темноты раздастся шелканье и тихое точение, сердце охотника бьется сильнее».

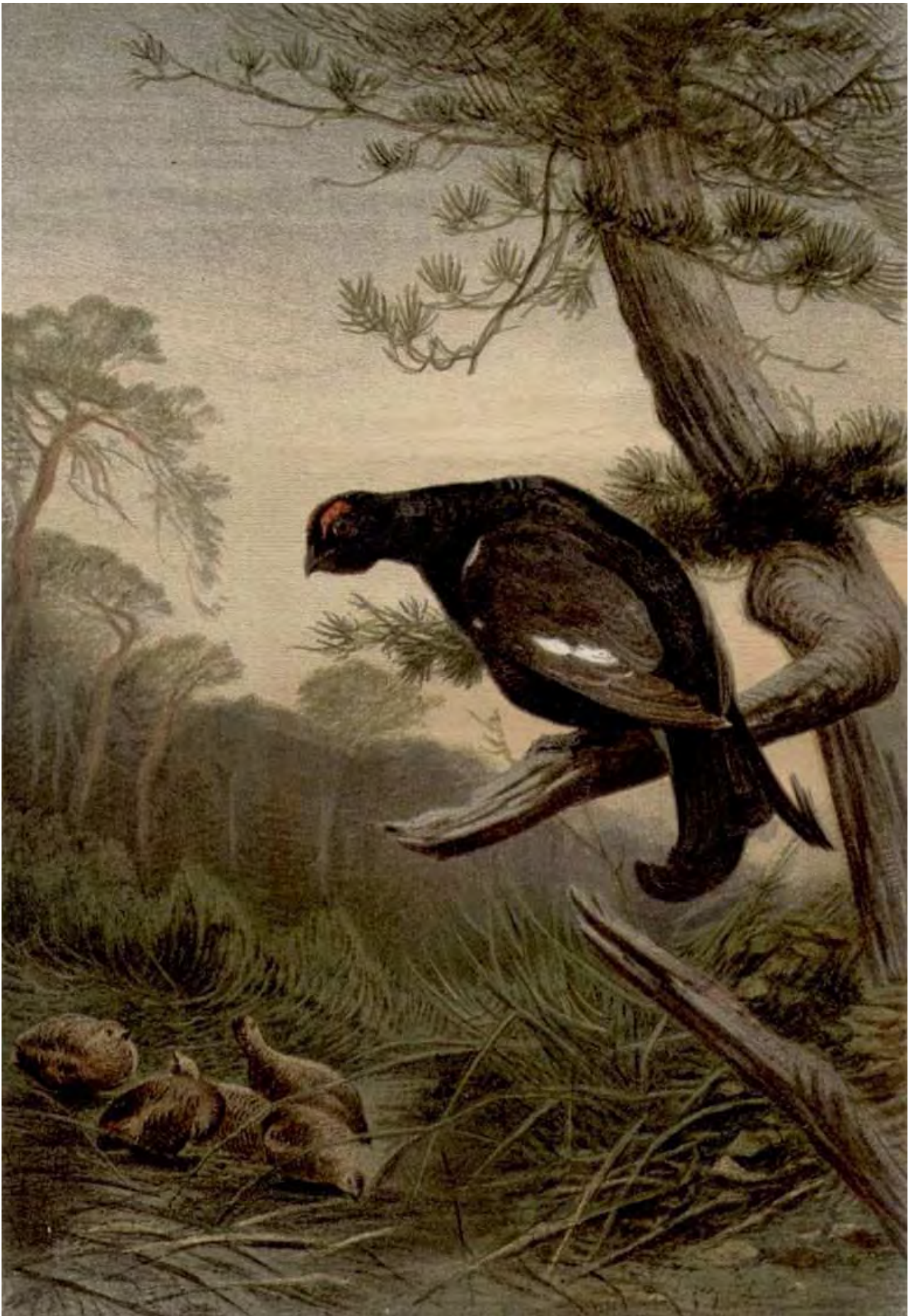
Одного неосмотрительного движения достаточно для того, чтобы спугнуть глухаря. «Каждый раз, как охотник услышит главный удар, во время так называемого точения, — учит Гейер, — он приближается двумя или тремя прыжками или большими шагами и затем опять спокойно ожидает следующего точения, продолжая в то же время соблюдать возможную осторожность. Такие прыжки продолжают до тех пор, пока по звуку токования глухаря не станет ясно, что охотник подошел к нему на расстояние выстрела. Заметив, наконец, птицу, охотник взводит курок ружья, прицеливается, спокойно ожидает следующего точения, стреляет и убивает птицу».

Сказанное производит впечатление, будто охота эта очень проста, но я по собственному опыту знаю, что в действительности совсем иначе. Охотничья лихорадка овладевает и самым спокойным стрелком; ему становится трудно сдерживать громкое биение сердца, соразмерять шаги, спокойно ожидать следующего точения. Очень часто едва находишь силы, чтобы устоять на месте. Бывает, несмотря на величайшую осторожность, которую соблюдает охотник, глухарь все же своевременно замечает стрелка и улетает, или его предупреждают бдительные самки, или спугивает другая поднятая дичь в то время, когда охотник считает его уже в своей власти. И даже, если охотник счастливо подошел под самое дерево, то ему очень часто бывает трудно увидеть эту большую птицу. Настоящее время для охоты наступает именно в утренние сумерки, а в это время глухаря особенно трудно различить в темной вершине ели, еще труднее верно прицелиться в него.

Скандинавские, а также русские крестьяне и промышленники относительно редко охотятся на току, считая эту охоту малопродуктивной. В этих странах глухари играют важную роль в пище народа и составляют предмет вывоза. Там их добывают по большей части петлями, и ловушками в засадах и на тех местах, где глухари кормятся, охотятся ночью с факелами, подкрадываются к ним на лыжах, в санях, наконец, ловят с помощью ручной сети, когда птицы прячутся под снегом. Поэтому русское правительство вынуждено издать охранительные законы. Лишь немногие охотники-господа охотятся на глухарей с загонщиками или с легавой собакой.

О различном употреблении частей убитого глухаря Вурм говорит следующее: «Его большие хвостовые перья идут на веера и даже на экраны перед печами, маховые перья — на метелки, ноги — на ручки пресс-папье и ножки бокалов, из желудочных камешков выделывают мелкие охотничьи украшения и, наконец, лишь тот, кто еще никогда не ел хорошо приготовленного глухаря может хулить жаркое из него. Мы умолчим о суеверном народно-медицинском употреблении его языка, пуха, выделениях слепой кишки, желудочных камешков и т. д.». Мясо осенних глухарей, благодаря остановке половой деятельности, окончанию линьки и более сочной пище, всегда нежнее, сочнее и меньше пахнет смолой, чем мясо самцов, убитых весной на току.

Тетерев (*Lyrurus tetrrix*). Другие названия — тетерев-косач, обыкновенный тетерев, полевой тетерев. Это довольно стройная птица с сильным, средней длины клювом и ногами, оперенными не только до пальцев, но и между ними. Наружный и внутренний пальцы тетерева одинаковой длины. Крылья короткие, но сравнительно более длинные, чем у глухаря. Хвост, состоящий из 18 перьев, у самок имеет неглубокую вырезку, у самцов он образует характерную глубокую развилину. Это обуславливается тем, что самые длинные нижние кроющие перья хвоста выступают из-под шести наиболее коротких перьев, по длине равных рулевым перьям. Кроме того, эти нижние кроющие перья отгибаются лирообразно, образуя нечто вроде рожков. Таким образом, весь хвост имеет лирообразную форму. Оперение самцов — черное; перья на голове, шее и нижней части спины имеет роскошный стальной синий блеск; на сложенных крыльях — снежно-белая перевязь (зеркальце). Глаза карие, зрачок синевато-черный; клюв черный; пальцы серо-буроватые; брови и голое место над глазами ярко-красного цвета. Тетерка пером похожа на самку глухаря; окраска ее оперения есть смесь ржаво-желтого и ржаво-бурого цветов с черными поперечными полосами и пятнами. Длина самцов бывает 60-65 см, размах крыльев 90-100, длина каждого крыла их 30, хвоста 20 см; вес тела 1,2-2 кг. Самки сантиметров на 15 короче и на 22 уже самцов.

Тетерев (*Lygus ietrix*)

Косач обыкновенно причисляется к дичи среднего достоинства. Однако Людвиг ставит косача на одно место с глухарем, а Ризенталь пишет: «Существующее мнение, что тетерев должен быть причислен к средней дичи, а не к перворазрядной благородной, так называемой красной, весьма странно и непонятно. Птица эта по своей благородной осанке, по другим особенностям и по усло-

виям охоты на нее не только не уступает ни в чем глухарю, но, говоря беспристрастно, даже стоит выше его. Правда, глухарь больше тетерева, зато последний красивее, его труднее бить, мясо его лучше глухариного и довольно вкусно даже у старой птицы».

Область распространения косача приблизительно та же, что и глухаря, только он не распространяется так далеко на юг и несколько далее идет на север. В горах Испании и Греции он уже не встречается, в Италии живет только на высоких Альпах, зато попадает там очень часто. В Германии водится во всех областях и провинциях, но отнюдь не во всякой местности, большей частью только в излюбленных им лесах, долинах и горах. Он представляет обычное явление во всей альпийской области, а также в Богемии, Шотландии, обыкновенен в Лифляндии и Эстляндии, в Скандинавии, во всей России встречается до Приамурской области. Всюду и всегда тетерев-косач водится только там, где местность отвечает его потребностям. Он предпочитает дикорастущие, заглушенные, источенные насекомыми, полуразрушенные огнем и бурями рощи, богатые низким кустарником. Живет на березах и предпочитает их всем другим деревьям; в хвойный лес перебирается только в случае крайней нужды. Нигде он не бывает так обыкновенен, как в пространных зарослях березняка: даже маленькая рощица берез в состоянии заставить его поселиться в ней. Но и березовые леса заманчивы для него только тогда, когда в них произрастает густой молодняк и низкий кустарник. Он чрезвычайно любит болотистую почву, его встречают даже там, где болотная растительность является преобладающей, оттесняя собой лес и кустарник, хотя в настоящих болотах на топких местах он не водится.

Тетерев необыкновенно многочислен в северной и средней России, а также по всей северной и Средней Азии на протяжении ее лесной растительности. Во время нашего путешествия по Сибири, мы нашли его повсеместно в районе лесного пояса, а в березовых лесах встречали стаями в несколько сот штук. Путешествуя по северному побережью Байкала, Радде почти ежедневно наталкивался на самок, сидевших на яйцах, а позднее и на тетеревиные выводки. Там же он получил достоверные сведения, что в области нижней Бурей в октябре и ноябре одним только казачьим постом было убито и словлено до 2000 тетеревов. Дальше к северу птица эта быстро убывает в количестве; по словам Моддендорфа, в бассейне нижнего Енисея тетерев еще обыкновенен до 67 градуса северной широты, но двумя градусами выше уже больше не встречается; в районе нижней Оби мы уже не встречали его, начиная от 65 градуса.

"Тетерев-косач, — сообщает мой отец, который тоже сделал немало превосходных наблюдений над этой птицей, — почти столь же плотен по телосложению, как и глухарь, но во всех своих движениях более ловок, чем последний. Он бежит быстрее глухаря, причем держит тело менее наклонно и более вытягивает шею. На деревьях он держится или прямо, или в горизонтальном положении; то подтягивает шею, то вытягивает ее кверху. Он предпочитает садиться на лиственные деревья и гораздо чаще глухаря спускается на землю. Несмотря на свои короткие маховые перья, летает очень хорошо, двигаясь в прямом направлении, причем делает необыкновенно быстрые взмахи. Часто в один раз пролетает довольно большие пространства. На лету он шумит, но гораздо менее, чем глухарь, и полет его кажется более легким. Тетерев очень чуток. Его зрение, слух и чутье превосходны. Во всех случаях он держится с крайней осторожностью».

К этому, однако, Людвиг делает добавление. По его исследованиям, обоняние у тетерева развито менее, чем зрение и слух. А Чуди считает тетерева довольно глупой птицей и говорит, что он плохо запоминает местность, и что от преследований его спасают пугливость и дикость, нежели осторожность и соображение. С этим мнением я согласиться не могу, скорее, думаю, что птица эта убеждает нас в противоположном. Тетерев позволяет себя обмануть лишь в очень редких случаях; он склонен быть недоверчивым даже тогда, когда подозрения неосновательны, и при всякой опасности старается тотчас же скрыться. Самки и самцы в разных случаях кричат по-разному. Призывный крик представляет звонкий короткий отрывистый свист; нежные чувства выражаются тихим «бак-бак», крик птенцов — нежный писк. Однако, в пору токования, крик самцов заключает в себе такое разнообразие звуков, какого трудно ожидать от такой молчаливой в другое время птицы.

Пища тетерева существенно отличается от пищи глухаря: во всяком случае, она нежнее и состоит из древесных и цветочных почек, листьев, ягод, зерен и насекомых. Летом он кормится ягодами черники, брусники, малины и ежевики, зимой — можжевельными ягодами, шиповником, ест также почки вереска, березы, осины, орешника, ольхи, ветлы и бука; в исключительных случаях питается молодыми зелеными шишками хвойных деревьев, в чем мы убедились, исследуя зоб одного старого тетерева, но игл он почти никогда не трогает. Столь же охотно, как растительной, питается и животной пищей; к последней принадлежат маленькие кузнечики, черви, муравьиные куколки, мухи, жучки и тому подобное; птенцы почти исключительно выкармливаются нежными насекомыми.

Перелеты, которые предпринимаются тетеревами, живущими на севере, совершаются, по-видимому, ради корма. Когда в Сибири наступает пора морозов, по словам Радде, в предобеденные часы тетеревов видят сидящими на вершинах душистых тополей, где они соскабливают с веток смолистые почки; то же самое они проделывают с ветками березы и других лиственных деревьев. Тетерева не отказываются и от зерновой пищи. Наблюдения Людвиг показали, что они довольно охотно едят всходы на полях и поспевший овес. Любят также глотать мелкие камешки.

От глухарей тетерева отличаются большей общительностью. Но и среди тетеревов попадаются самцы, которые проводят дни одиноко и только в пору токования присоединяются к другим птицам; однако, таких тетеревов немного. Старые самцы обыкновенно никогда не разлучаются, самки уединяются только в птенцовую пору и когда молодые достигнут полного оперения, снова сбиваются в стаи. При матери остаются молодые самки; молодые самцы присоединяются к старым и мирно живут с ними вплоть до наступления поры токования. В противоположность всегда небольшим стайкам тетерок, самцы собираются в необыкновенно многочисленные стаи. В Сибири, в начале зимы мы много раз встречали стаи из 200-400 тетеревов, тогда как самок видели только в небольшом числе.

С первыми весенними днями в полном блеске выступает на сцену жизнерадостное чувство, и даже задор, столь характерные для наших тетеревов, так как едва успеет стаять снег, как они уже начинают токовать.

Глухариный охотник будет утверждать, что токование его излюбленной дичи нельзя сравнить с токованием другой птицы, однако простой смертный едва ли с ним будет согласен. Даже многие охотники считают тетеревиные тока красивейшим весенним зрелищем. Одно несомненно: тот, кто только раз побывал на этих токах, никогда их не забудет. Они заключают в себе многое такое, что заставляет причислить эти поединки разгоряченных любовью тетеревов к числу привлекательнейших зрелищ. Стоит только вспомнить картину токования: широко шагнувший вперед расцвет весны, оживленную толпу косачей, причудливость их любовной пляски, красоту, ловкость и крики плясунов, далеко разносящиеся и оживляющие лес, и многое другое.

Для своих токов тетерева выбирают свободные лесные поляны, лучше всего какую-нибудь лужайку или пустырь, или лесную просеку, где древесный молодняк настолько низок, что не может мешать. К вечеру тетерева садятся на деревья и токуют без перерыва вплоть до наступления ночи. Рано утром, когда еще сумерки не рассеялись, они покидают места своего ночлега и слетают на землю. Там, где тетеревов водится много, они собираются на подходящих местах в большом количестве; на севере их слетается штук 30-40, иногда 100. Людвиг описывает: «Первый прилетевший косач садится безмолвно или, шурша крыльями, минут 5-10 остается неподвижно, насторожившись, и только тогда, когда чувствует себя в полной безопасности начинает бормотать, с чего и начинается собственно токование». В марте и в первых днях апреля токование часто продолжается непрерывно; позднее оно длится целое утро, причем каждый косач в отдельности выказывает ту неутомимость, которая приводит нас в удивление: в Лапландии я слышал токование косача, продолжавшееся без перерыва с 11 часов вечера до 2 часов ночи.

Токование есть в одно и то же время песнь и пляска любви; когда прилетевший косач вполне убедится, что все кругом спокойно, он, прежде всего, издает весьма оригинальное «чуфыканье». После этого следует так называемое бормотание. Если косач очень возбужден, то чуфыканье и бормотание его кажутся беспрестанно сменяющимися одно другим и почти невозможным становится различить конец и начало каждого колена, между которыми он нередко вставляет каркающие звуки. С косачом редко случается, как это бывает с глухарем, чтобы он забыл обо всем окружающем и, так сказать, сделался глух и слеп; впрочем, я знаю случаи, когда некоторые косачи, по которым давали выстрел во время их бормотания, не только не улетали, но, казалось совсем не слышали выстрела. Движения токующего тетерева оживленны, странны и показывают возбужденное состояние птицы. «Перед бормотанием, — говорит мой отец, давая совершенно верное описание токования тетерева, — косач держит хвост вертикально и, распутив веером, вытягивает вверх шею и голову, перья которой взъерошиваются, и отставляет крылья вбок и книзу. Затем он проделывает несколько скачков, то в одну, то в другую сторону, иногда поворачиваясь кругом, и держит нижнюю половину клюва так отвесно вниз, что она трется о перья подбородка. Во время всех этих движений косач хлопает крыльями и делает полные обороты на месте». Чем тетерев разгоряченнее, тем оживленнее его мимика и, в конце концов, можно подумать, что видишь перед собой обезумевшую и ополумевшую птицу. Наиболее усердными становятся движения, когда на одно место соберутся несколько косачей, так как в таких случаях они из плясунов превращаются в гневных драчунов. Двое косачей становятся, подобно петухам, друг против друга. С головами, опущенными к самой земле,

бросаются друг на друга и одновременно подсакивают вверх, стараясь в это время нанести друг другу удары и шипки. Вновь падают на землю с гневным клохтаньем, несколько раз оборачиваются на месте, сбегаются вновь и подсакивают для новой схватки. Если драка серьезна, с обоих бойцов летят перья; однако, несмотря на кажущуюся злобу, с какой они дерутся, они не наносят друг другу серьезных ран и, глядя на них, я почти склонен думать, что, скорее, они стараются нагнать друг на друга страху, чем нанести вред. Однако случается, что более сильный схватывает более слабого за вихор, протаскивает его, словно пленника, некоторое расстояние, наносит ему еще несколько ударов и принуждает его к бегству. И после всего этого горделиво возвращается на место битвы, чтобы вновь приняться за токование. Впрочем, побежденный самец обыкновенно возвращается на поле битвы и вновь вступает в единоборство или же летит на другой ток, помериться с другими косачами.

Обыкновенно такой ток приманивает самок, так что самцы по окончании турниров могут получить награду за свои труды. Число самок, прилетающих на тока, бывает очень различно. Я встречал до восьми самок и думаю, что один петух может почитать себя счастливым, если за один ток он добьется любви шести самок. Некоторые утверждают, что в самом начале токования косач не обращает внимания на самок, а токует для своего собственного удовольствия, танцует и распевает от избытка чувств и жизненной силы, и что спаривание происходит лишь в поздние утренние часы. Со всем этим я согласиться не могу.

В середине мая тетерка начинает готовиться к кладке. Ее гнездо — простая мелкая ямка, которую она разгребает в земле и выстилает самое большое несколькими прутиками. Гнездо устраивается по возможности в безопасном месте, между высокой травой, под небольшими кустами и т. п. Кладка состоит из 7-10, иногда из 12 яиц, имеющих по продольной оси 49 мм, в поперечнике 35 мм. Яйца имеют серо-желтый, бледно-серый или красновато-желтый фон, по которому густо разбросаны темно-желтые, ржавые, оливково-бурые и серые пятна и точки. Тетерка сидит на яйцах, если и не так усердно, как глухарка, то все-таки с горячей преданностью и точно так же всегда искусным притворством старается отманить от гнезда приближающегося врага, а в наиболее благоприятное время с самой глубокой нежностью посвящает себя заботам о своих подрастающих цыплятах. С первых же дней появления на свет тетеревята умеют ловко прятаться, скоро научаются перепархивать и уже по прошествии нескольких недель в состоянии всюду следовать за стариками. Несмотря на это, им приходится избегать много опасностей прежде, чем они окончательно станут взрослыми. Косачи не заботятся ни о выводе птенцов, ни о самих выводах.

За тетеревами усердно охотятся различные хищники, человек же занимается тетеревиной охотой повсеместно. Самая привлекательная охота на токах, и уже потому, что охотник, даже если ему и не посчастливится, вполне вознаграждается чудным зрелищем тока.

По всей Сибири в ходу охота на «чучела». Последние состоят из настоящего чучела косача или его подобия, старательно сделанного из пакли, материи и дерева; такое чучело употребляется как приманная птица. Сибирские охотники уверяли меня, что во время одной охоты на чучело они убивали в удачное утро до 40 косачей.

Особенно усердно охотятся за тетеревами в Тироле и в баварских горах, так как хвостовые перья их являются излюбленным украшением для молодежи и носятся на шляпах. По словам Кобеля, за несколько столетий до настоящего времени, эти перья, укрепленные на полях шляпы, были знаком вызова на состязание. По тирольским сказаниям, черт, когда он является в образе охотника, имеет на своей шляпе половину хвостовых перьев косача, но носит их не на левой стороне, как христианские охотники, а всегда на правой, поэтому его легко отличить от благочестивого человека и таким образом спастись от его опасных козней.

В местностях, где живут вместе глухари и тетерева, но где самцов глухарей сильно убавилось, глухарки иногда держатся вблизи тетеревиных токов из желания спариться с петухами-косачами. Точно так же случается, что тетерки для той же цели сами присоединяются к холостым самцам глухарей или, по крайней мере, не отказывают последним в их домогательствах. О существовании помеси между косачем и глухаркой узнали только в начале тридцатых годов нашего столетия и в этой помеси склонны были видеть особый вид тетеревиных; однако исследования Нильсона рассеяли все заблуждение вышеупомянутого взгляда, которого, между прочим, долгое время держался и мой отец. С того времени тетерева-межняки не раз воспитывались в неволе, и смешанность их породы была совершенно доказана.

Тетерев-межняк (*Tetrao urogallus* x *Lulurus tetrix*) будучи в большинстве случаев помесью между тетеревом и глухаркой, реже — между глухарем и тетеркой — по форме и окраске занимает почти среднее положение между обоими родителями, но с первого взгляда отнюдь не кажется поме-

сю. Верхняя часть головы петуха-межняка бывает или черная блестящая, или по черному фону испещрена серыми крапинками и тонкими зигзагами. Верхние части его крыльев черновато-бурого цвета вперемежку с серой окраской, поперек рулевых перьев второго порядка идет широкая, грязно-белая полоса, а на концах их такого же цвета каемки.

Тетерев-межняк (*Tetrao urogallus* x *Lulurus tetrix*)

Хвост с неглубоким вырезом, черный, на концах перьев иногда имеет белые каемки. Оперение нижней части тела черное, в передней половине шеи и на зобу с фиолетовым блеском, по бокам с серым налетом и бывает покрыто белыми пятнышками. Перья бедер белого цвета, перья плюсны пепельно-серые. Глаза темно-карие, клюв черного рогового цвета. Самка межняка имеет большое сходство то с глухаркой, то с тетеркой, но всегда меньше глухарки и больше тетерки. Длина самца межняка достигает 65-75 см, самки 55-60 см.

Межняк встречается всюду, где водятся вместе глухарь и тетерев: в Германии, Швейцарии, но преимущественно в Скандинавии. Там, по словам Нильсона, экземпляры такой помеси убивают и ловят ежегодно в большом числе.

На Кавказе место косача заступает родственный ему вид **кавказский тетерев** (*Lyrurus mlokoseiwiczi*), открытый только в 1875 году.

Кроме глухаря и косача в европейских лесах живет **рябчик** (*Tetrastes bonasia*). По строению тела он похож на вышеописанных родичей, но плюсна у него оперена только на три четверти длины и пальцы голые. Округленный хвост состоит из 16 рулевых перьев; перышки на темени удлинены и образуют хохолок. Оба пола похожи друг на друга по величине и цвету оперения, хотя все-таки отличить их можно. У самки нет черного пятна на горле и окраска оперения не так ярка: в ней заметно больше серого, чем бурого цвета. Длина тела обыкновенно около 45 см, размах крыльев 62, длина крыла 19, хвоста 23 см. Самка на одну пятую меньше самца.

Область распространения рябчика простирается от Пиренеев до Северного полярного круга и от берегов Атлантического до берегов Тихого океана; но в этой обширной области он встречается не везде, а только в некоторых местностях. Во всех обширных лесах России рябчик немного меньше ростом и в его оперении более заметны белый и серый цвета.

Рябчик любит прятаться, и потому мало заметен; только редко и случайно можно увидеть, как он перебегает через полянки от одного куста к другому. А в суровое время года сидит на толстых ветвях, прижавшись к сучку и вытянув голову вперед; в этом положении его не всегда легко заметить. Если рябчика спугнуть с ветвей, то он быстро взлетает и прячется на земле в кустах; если же его настигнуть на земле, то садится на ближайшее дерево и оттуда глупо и с любопытством смотрит на нарушителя спокойствия. Если его еще раз вспугнуть, то летит на хвойное дерево с густой вершиной, прячется там в самых темных местах и сидит смирно; иногда незаметно перебегает на противоположную сторону дерева и оттуда потихоньку улетает. Когда рябчик не вполне уверен в своей безопасности, он сидит и ходит, согнувшись, как куропатка; в другое время держится прямо и бежит с вытянутой шеей. Он очень быстр и ловок во всех своих движениях, может также прекрасно прыгать. У самки довольно короткие перышки хохолка всегда прижаты к темени, а самец важно выступает с приподнятым хохлом. Полет рябчика существенно не отличается от полета тетеревов, но по моему мнению, он совершается с большею легкостью, однако несколько медленнее. И на что я хочу обратить особое внимание, рябчик при взлете мало шумит крыльями, а не хлопает ими громко, как тетерева, и полет его так тих, что быстро летящего рябчика едва слышно. Самцы и самки заметно отличаются по голосу, самки кричат особенно разнообразно.

Органы чувств у рябчиков развиты, вероятно, лучше, чем у тетеревов, по крайней мере, слух у них отличается необыкновенной тонкостью; относительно умственных способностей они стоят на одинаковой ступени. По образу жизни и нраву они отличаются от всех нами описанных родичей.

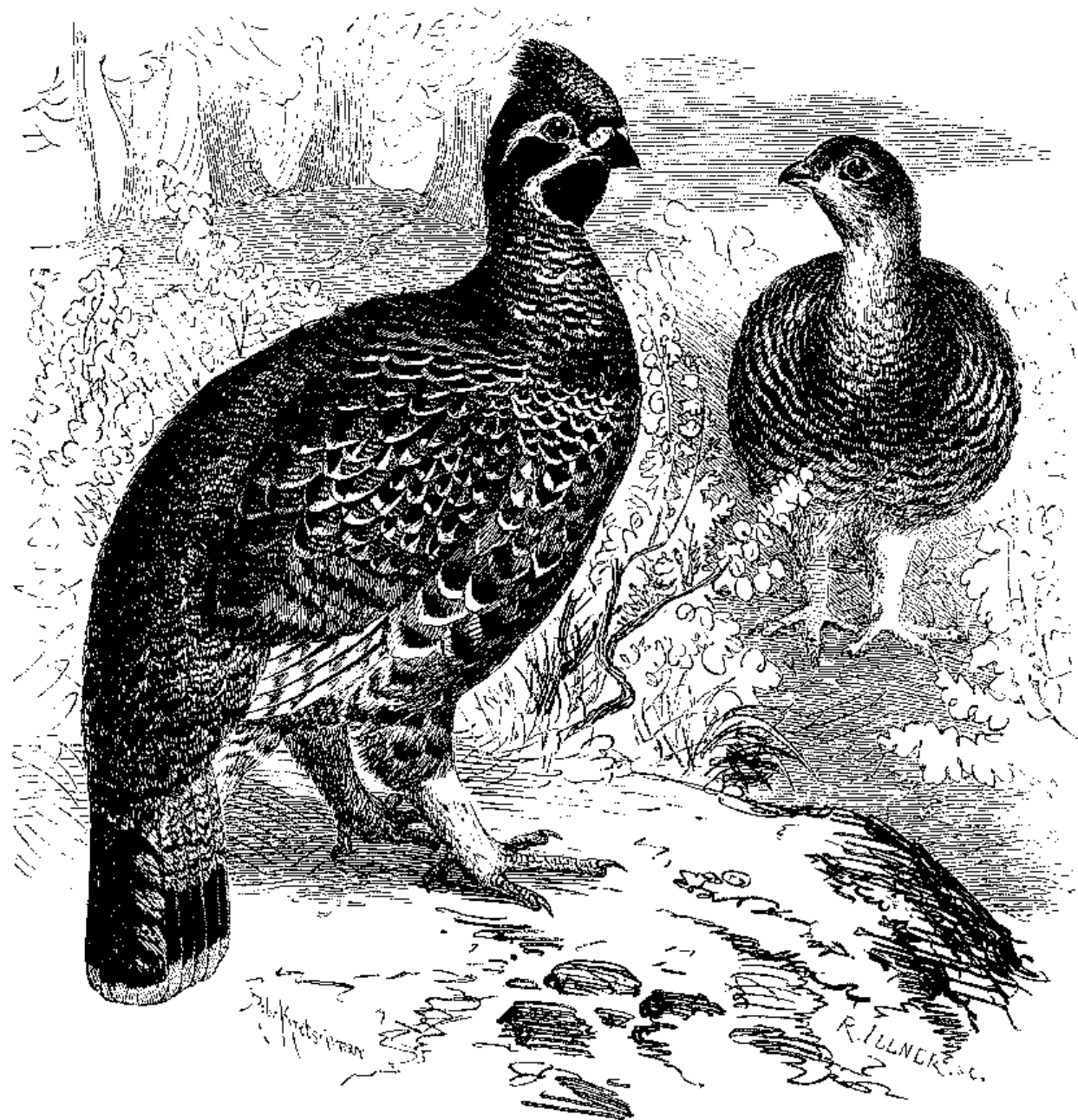
Рябчик в отличие от других куриных, живущих в многоженстве, чаще всего держится парно или семьями. Уже в сентябре молодой самец выбирает себе подружку, но выводка еще не покидает, под весну они отделяются и принимаются за гнездование. Так же, как и тетерева, рябчики токуют, но танцуют при этом не так характерно, а ограничиваются тем, что ерошат перья на темени, ушной области и шее; нежные чувства к своей подружке изъясляют громким свистом и резкими трелями. Когда самец сильно возбужден, то взбирается на ближайшее дерево, выбирая средние ветви у самой верхушки, и там свистит и разливается без устали почти всю ночь и утро, от заката солнца до наступления дня. На землю токующий рябчик спускается только непосредственно перед спариванием.

В заботах гнездования он принимает только самое незначительное участие. Тотчас после первого спаривания самка находит себе самое неприметное место под кустом или хворостом, между камней или между папоротниками, устраивает там углубление и в нем несетя. Откладывает она 8-10, иногда 12 яиц, которые довольно малы, 40 мм длины и 30 мм ширины, гладки и с блеском; по буро-красному фону они испещрены темно-бурыми пятнами и точками.

Эти яички она насиживает полных три недели, притом так усердно, что можно подойти к ней совсем близко и все же ее не спугнуть. Русский охотник Сабанеев утверждает, что на Урале наблюдали случаи, когда самки рябчика приспособлялись себе старые чужие гнезда даже на деревьях и высидывали в них своих детенышей. Найти гнездо очень трудно. Место для него птицей выбирается с необыкновенной осторожностью. Самка при приближении врага не вспархивает и не убегает, отводя охотника от гнезда, как тетерев, но в тех случаях, когда вынуждена покинуть гнездо по собственному усмотрению, никогда не забудет тщательно прикрыть яички подстилкой. Вышедших из гнезда детенышей даже трудно приметить. Только что вылупившихся птенцов мать обогревает

еще некоторое время в гнезде, пока они совершенно не обсохнут, затем ведет их кормиться на места, самые обильные пищей. Почувяв опасность, она прибегает к многочисленным ухищрениям, которые так присущи всем птицам этого семейства. Серенькие птенчики, по цвету почти не отличающиеся от окружающей почвы, прижимаются к кочкам мха, к камням и корням деревьев так ловко, что нужен чуткий нос лисицы или легавой собаки, а не глаз человека, чтобы обнаружить присутствие их в данном месте. В первое время мать ведет цыплят на открытое, солнечное место, где они ищут себе насекомых, которые в это время составляют их исключительную пищу. Позднее они привыкают к пище взрослых, едят в большом количестве тех же насекомых, ягоды, кончики травяных листьев, семена трав, лепестки цветов и различных растений и й. Очень скоро молодежь научается летать, изменяет своему прежнему ночлегу под крыльями матери и все перебираются на ветви деревьев, то высоко, то низко лежащих, и там, прижавшись потеснее, размещаются около, а иногда и под матерью. Когда птенцы начинают летать, к ним присоединяется отец, и тут все семейство образует стайку, которая до самой осени дружно и неразлучно живет вместе. Там, где они водятся в изобилии, их бьют во множестве, так как надо сознаться, что мясо их, бесспорно, самое вкусное жаркое из всех птиц этого семейства.

Охотятся на рябчиков с легавой собакой или же, что еще интереснее, их подзывают пищиком. Пищик — инструмент очень простой: это дудочка, при помощи которой необыкновенно верно свистят, подражая призывному голосу самца; иллюзия так полна, что рябчики, поддавшиеся обману, немедленно прилетают на зов. Счастье, что для такого рода охоты нужна известная сноровка, иначе говоря, она мыслима только для искусного охотника.

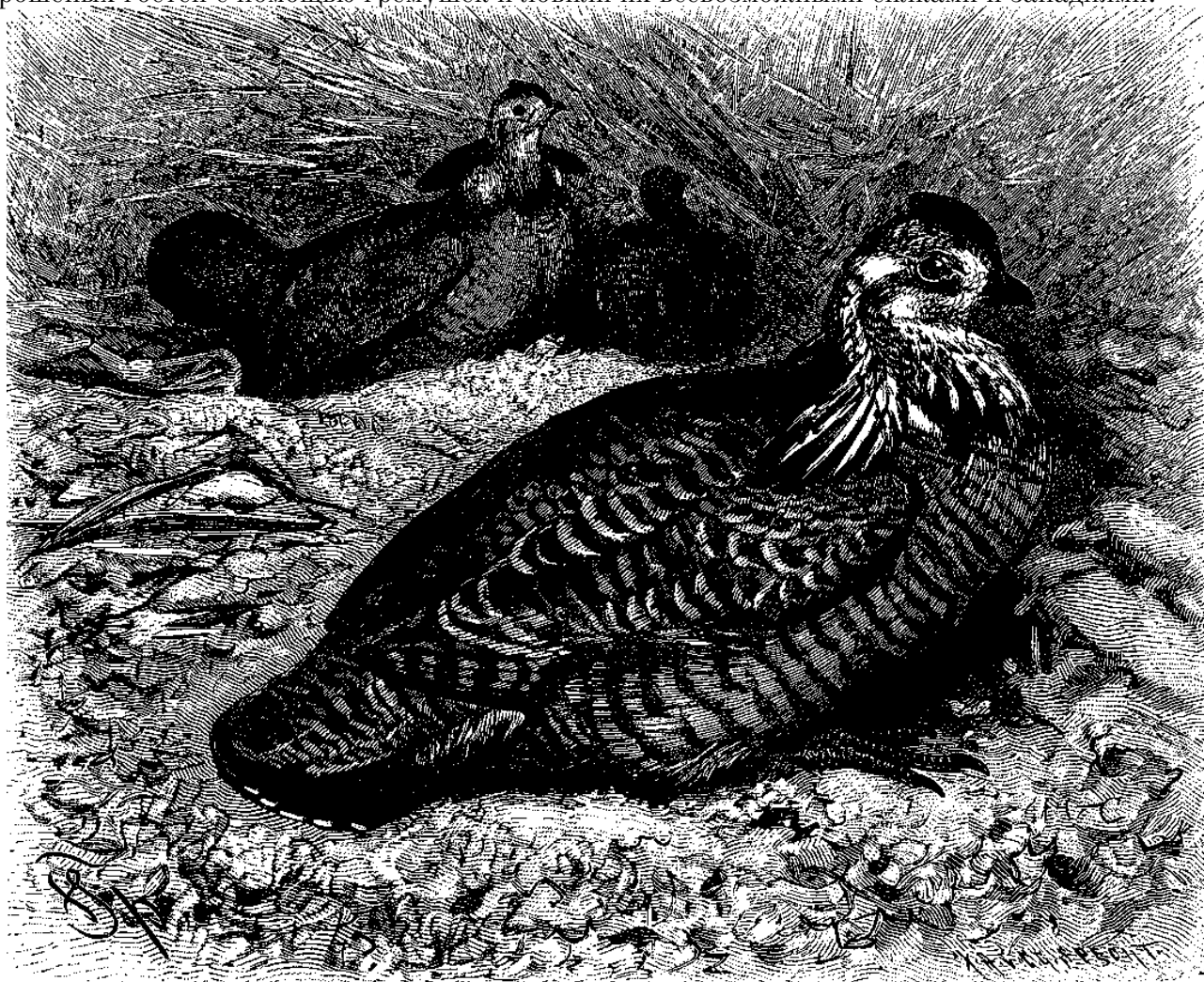

Рябчик (*Tetrastes honasia*)

Среди тетеревиных птиц, водящихся в Америке, по моему мнению, заслуживает внимания **луговой тетерев** (*Tympanichus cupido*). Он отличается от других птиц этого семейства двумя длинными пучками, которые спускаются по обеим сторонам шеи. Эти пучки прикрывают на шее голые места двух подкожных мешков, находящихся в сообщении с дыхательным горлом. Пучки состоят из 18 узких перьев. Самец и самка почти не отличаются друг от друга по окраске, а разнятся только тем, что у самца перья на пучках несколько длиннее, чем у самки. Во всем прочем по строению тела луговой тетерев похож на глухаря, но хвост короче, чем у последнего и на голове перышки несколько удлинены. Перья верхней части тела пестрые и покрыты черными, бледно-красными и белыми пятнами, на нижней части тела заметны поперечные бледно-бурые и белые полосы, вследствие чего и происходит такое смешение цветов, которое трудно описать. Длина птицы 45 см, размах крыльев 75, длина пера 20, а хвоста 12 см.

"Когда я первый раз жил в Кентукки, — говорит Одубон, описаниями которого я воспользуюсь, — луговой тетерев был там так обыкновенен, что его мясо ценилось наравне с говядиной, и истые охотники считали охоту за ним недостойной себя. На этих тетеревов смотрели так, как в других частях Соединенных штатов смотрят на ворон, вследствие тех опустошений, которые они производят зимой в садах и на плодовых деревьях, а летом на полях.

Деревенские мальчишки и маленькие негры весь день были заняты тем, что прогоняли этих непрошенных гостей с помощью гремушек и ловили их всевозможными силками и западнями.

Луговой тетерев (*Tympanichus cupido*)

Случалось, что зимой луговые тетерева приходили на дворы ферм и ели там корм вместе с домашними курами; часто их можно было видеть сидящими на крышах домов и бегающими по улицам деревень. Я хорошо помню, что многих птиц поймали в хлеве, куда они зашли добровольно вместе с индюками. В течение этой зимы один мой приятель убил 40 тетеревов с единственной целью поупражняться в стрельбе; он даже не потрудился подобрать убитых птиц, так как и ему, и всему семейству надоела эта дичина. Мои собственные слуги предпочитали простой шпик жареным тетеревам».

Рассказ этот теперь звучит очень странно, если обратить внимание на то, что он относится к стране, где несколько десятков лет тому назад можно было купить этих птиц по одному центу за штуку, и где ныне найти их почти невозможно. Луговые тетерева, точно так же как индейцы, покинули штат Кентукки и перекочевали далеко на запад, чтобы избежать кровожадности белых людей. Теперь, если они и встречаются в восточных штатах, то только благодаря охотничьим законам, которые изданы для их охраны.

В отличие от других тетеревиных, луговой тетерев живет только в безлесных равнинах. Обыкновенным местопребыванием его служат сухие, песчаные поляны, заросшие редким кустарником или низкой травой; он, однако, не избегает обработанных участков земли и даже отыскивает поля, так как они доставляют ему обильный корм. Он живет на земле гораздо чаще других тетеревиных и на деревья садится только в худую погоду или с целью пощипать ягоды и плоды с кустов и деревьев; ночь проводит также на земле, в траве и кустах. Зимой предпринимает странствования, которые в известном смысле можно назвать перелетами, так как они происходят большей частью в определенное время; однако кочевки эти имеют целью найти лучшие кормовые места, и потому они совершаются не повсюду, а только кое-где и не каждую зиму. Многие охотники справедливо считают лугового тетерева оседлой птицей.

По движениям своим он очень похож на наших домашних кур; во всяком случае, тяжеловеснее и неуклюжее рябчика. Если его вспугнуть внезапно, то он взлетает, но если заметит охотника издали и перед ним находится открытое пространство, то чрезвычайно быстро бежит к ближайшим кустам или в густую траву; там он прячется, прижимаясь к земле. Одюбон видел, как по свежевспаханному полю этот тетерев неся, помогая себе взмахами крыльев; затем спрятался за большую глыбу земли и как бы с помощью волшебства исчез из глаз. По толстым сучьям деревьев он двигается довольно проворно, а на тонких ветвях может держаться в равновесии только при помощи крыльев. Полет его сильный, ровный и довольно быстрый, причем он может лететь долго; шум, производимый крыльями, менее заметен, чем у прочих тетеревиных. Он движется по воздуху, очень часто взмахивая крыльями, затем, опустив их, скользит по воздуху, и в это время осматривает находящееся под ним пространство. При взлете обыкновенно кричит четыре или пять раз подряд. Голос его мало отличается от кудахтанья нашей домашней курицы; во время спаривания самец издает своеобразные звуки. Он надувает мешки по сторонам шеи так, что они по цвету и по форме становятся похожими на небольшие апельсины. Затем нагибает голову к земле, открывает клюв и выкрикивает несколько раз то громче, то тише, трещащие звуки, очень сходные с дробью на большом барабане. После чего опять поднимается, снова надувает мешки и возобновляет свои тутуканья. Как только пора спаривания заканчивается, и воинственное настроение утихает, воздушные мешки съеживаются и в течение осени и зимы значительно уменьшаются в объеме. У молодых самцов они начинают функционировать только в конце первой зимы.

Пищу луговых тетеревов составляют как растения, так и всевозможные мелкие животные. Летом они пребывают на лугах и хлебных полях, осенью в садах и виноградниках, зимой разыскивают места, где много ягод. К ягодам всех сортов питают особенное пристрастие, также им по вкусу пришлись яблоки. Главную часть пищи составляют хлебные растения: тетерева едят кончики молодых листьев и спелые зерна, поэтому могут навредить как в полях, так и в садах. Но эти птицы приносят и долю пользы, уничтожая личинок, улиток и тому подобных вредных животных. Повидимому, они особенно падки на кузнечиков и если один из членов семейства завладеет этим лакомым кусочком, то все остальные начинают гоняться за ним, чтобы попользоваться хотя бы крохами от вкусной закуски. Не стоит говорить, что они не брезгуют и другими насекомыми, например, обитателями муравейников.

Там, где луговые тетерева водятся в изобилии, они собираются к зиме в большие стаи, которые только под весну опять раздробляются. Происходит это тотчас после таяния снега, как только появляются первые листочки, причем птицы образуют общества, состоящие из 20 и более штук. Такое общество выбирает определенное место, куда все ежедневно слетаются, чтобы здесь предаваться забавам и пляскам, присущим поре весенних увлечений.

В тех местах, где луговые тетерева мало пуганы людьми, воркотню и тутуканье их можно слышать не только рано по утрам, но и целый день до вечера; там же, где драчуны знают, что следует бояться сильного врага, после восхода солнца редко можно услышать подобный звук. Самки кладут яйца от начала апреля до конца мая, смотря по тому, где живут — севернее или южнее. Гнездо устраивается не особенно тщательно из сухих листьев и травы, но непременно старательно прячется в густой траве или под ветвями кустов, плотно прилегающих к земле. Яйца, числом 8-12, по величине равняются куриным, около 45 мм длины и 32 мм ширины, ярко-бурого цвета, почти

такого же, как у цесарок, и насиживаются 18-19 дней. Детенышей с первых шагов воспитывает и учит мать без помощи отца. Наседка лугового тетерева со своими цыплятами во всех отношениях напоминает нашу домашнюю курицу.

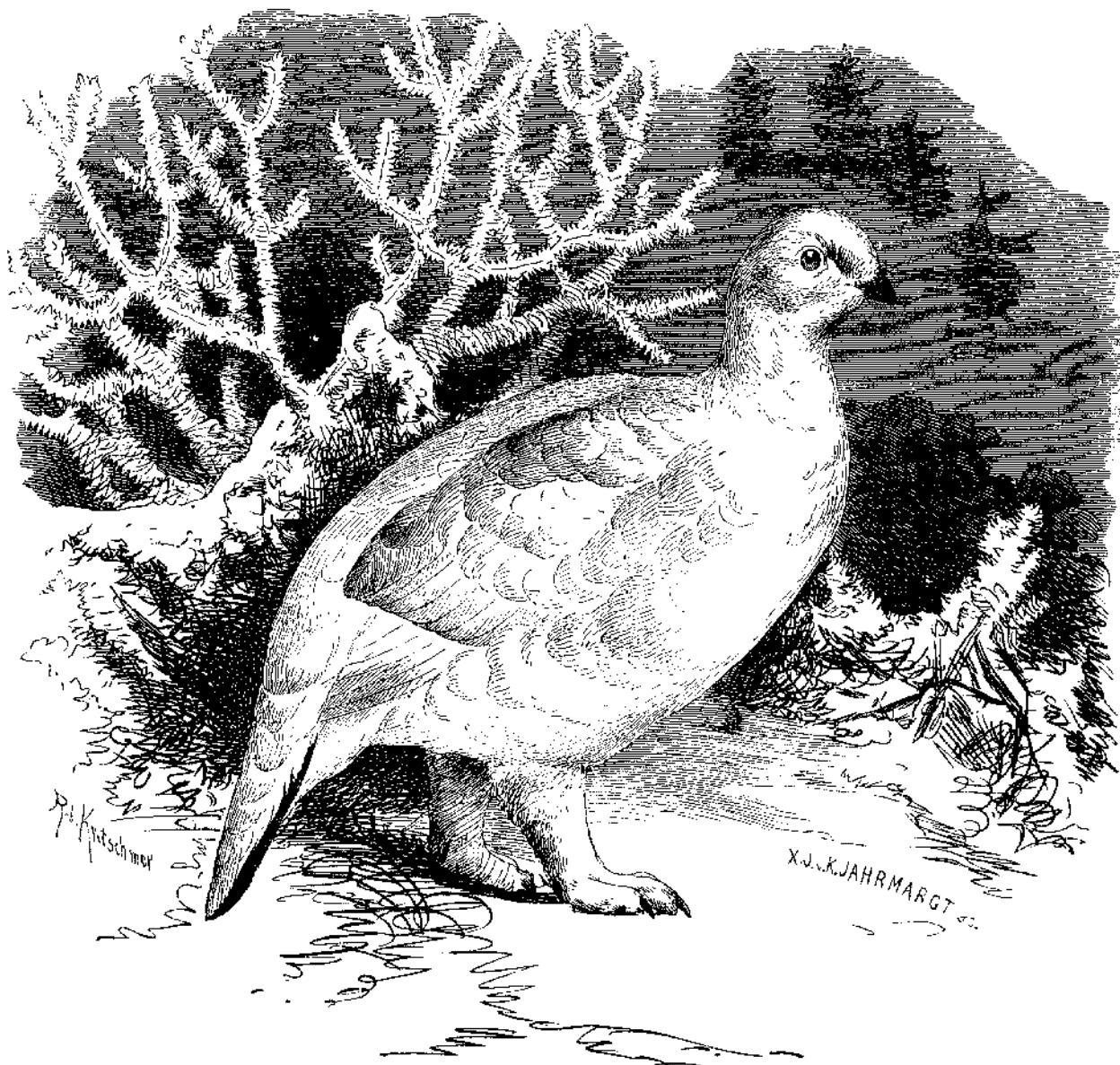
Птенцов луговые тетерева высидывают один раз в году, если ничего им не помешает; если же яйца пропадут, то птицы приступают ко второй кладке, которая всегда бывает малочисленнее первой. В августе цыплята достигают величины куропатки и уже довольно хорошо порхают, а к октябрю они становятся совершенно взрослыми.

Все североамериканские хищники, особенно койоты и лисицы, различные виды куниц и вонючек, соколы и совы, могут считаться злыми врагами незащитных тетеревов; они им приносят вреда даже больше, чем человек, который, наконец, понял, что охота эта скоро прекратится, если не будет запрещена в известную часть года. В тридцатых годах в штатах появился закон об их охране. Закон этот наказывает штрафом в 10 долларов того, кто убьет эту птицу во всякое время, кроме октября и ноября. Вследствие этого закона в некоторых местах число их, вероятно, значительно увеличилось, так как в Европу каждую зиму поступает масса дичи и живых тетеревов. Охота на них ведется различным образом и некоторыми любителями с большим увлечением.

Одним из самых необыкновенных и интересных видов этого семейства может считаться **белая куропатка** (*Lagopus lagopus*). Эти птицы интересны как по образу жизни, так и по особенностям линьки с переменной времени года. Тело их кажется очень сжатым; кроме того, они отличаются маленьким клювом, не очень длинным и не очень толстым, сравнительно короткими ногами, у которых плюсны и пальцы покрыты волосистыми перышками. Крылья средней длины, хвост короткий слегка округленный или прямо обрезанный и состоит из 18 рулевых перьев. Оперение очень густое и обильное, цвет его обыкновенно меняется по временам года. Самец и самка мало между собою разнятся, а детеныши очень скоро делаются похожими на взрослых.

Белая куропатка по величине представляет почти середину между обыкновенным тетеревом и серой куропаткой; длина самца 40 см, размах крыльев 64 см, длина крыла 19, хвоста 11 см; самка на 2 см короче самца и настолько же меньше его. Зимой оперение их, хотя и отличается простотой, но, тем не менее, оно прекрасно. Все перья, кроме хвостовых, ослепительно белого цвета, хвостовые же совершенно черные, окаймлены белым и белые у основания.

В брачном оперении темя и задняя часть шеи ржавого или ржаво-бурого цвета с черными пятнами и волнообразным рисунком. Перья на плечах, спине, надхвостье и средние хвостовые перья наполовину черного, наполовину ржаво-бурого или темного ржаво-желтого цвета с поперечными полосами, и все окаймлены белым. Рулевые перья блеклого цвета; большие маховые перья белые, как зимой; малые маховые перья бурые, как и спина. Передняя сторона головы, шея и горло ржаво-красные и обыкновенно без пятен. Перья на голове, верхняя часть тела ржавого или ржаво-бурого цвета с черными пятнами и такой же каемкой. Середина груди черная с ржавыми и белыми пятнами. Брюшко и лапы белые, а нижние кроющие перья хвоста черные с ржаво-желтыми и бурыми полосами и зубчатым рисунком. Под глазами и у углов рта белые пятна. В общем, цвет бывает то ярче, то светлее; случается даже, что перья по ярко-коричневому фону разрисованы черным. В течение лета перья выцветают и блекнут. Самки обыкновенно ярче расцвечены и надевают летнее оперение всегда раньше самцов. Одновременно с появлением темных цветов на зимнем белом оперении, начинает краснеть и увеличиваться гребень, что прибавляет немало красоты птице.

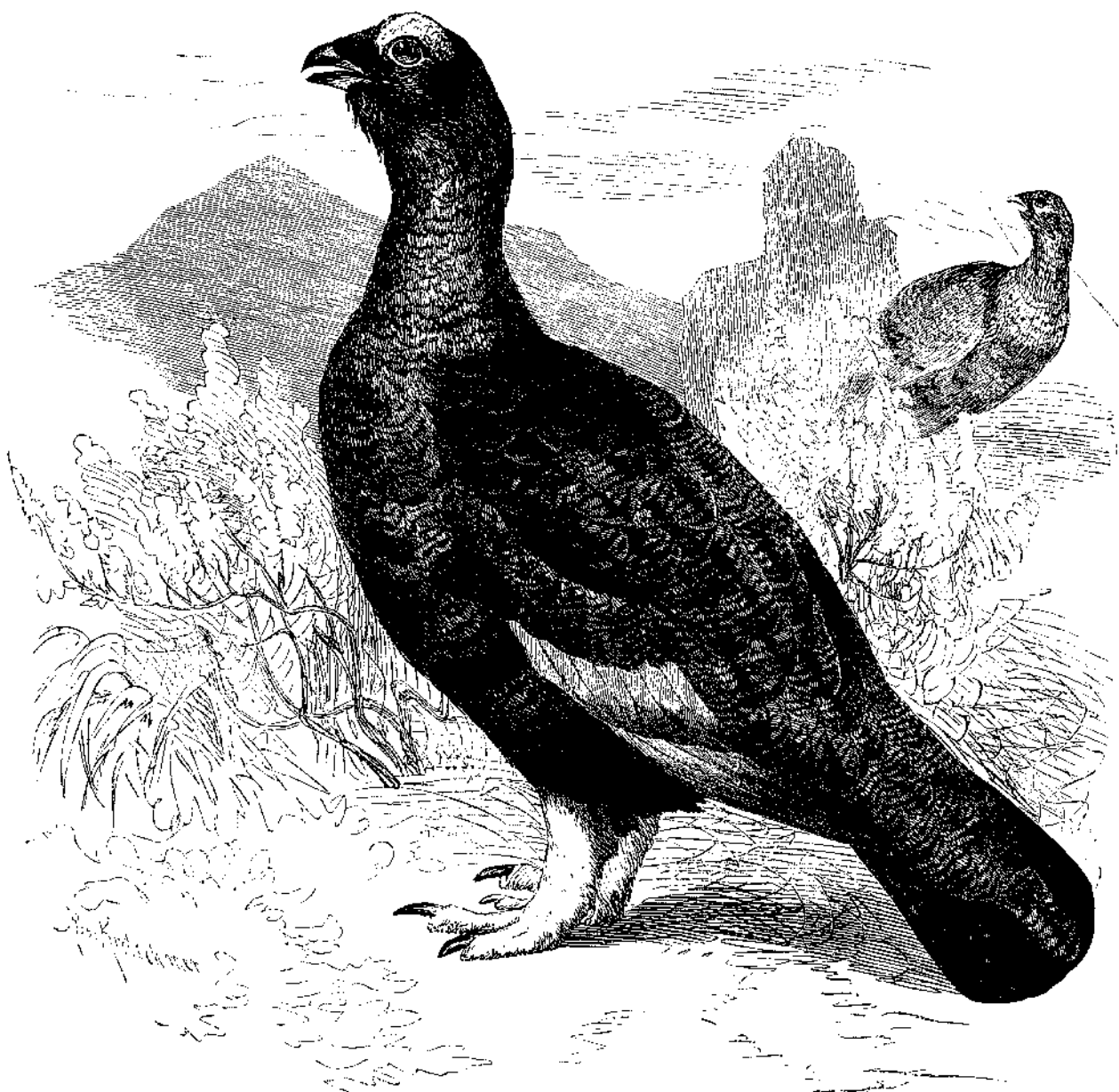
Белая куропатка (*Lagopus lagopus*) в зимнем оперении.

Белая куропатка распространена на всем севере Старого и Нового Света, но не везде в одинаковом количестве. На востоке и на севере она встречается повсюду, где есть удобные места: во всей северной России, включая и Прибалтийские губернии, в Сибири, на Скандинавском полуострове, наконец, на крайнем севере Америки. В России мы встречали ее еще в степи между Омском и Семипалатинском; Радде находил ее в восточной части Саянского хребта на высоте почти 2000 м, а именно в широких в зимнем оперении долинах, поросших березняком; мы часто видели ее в тундре Самоедского полуострова. В болотах прусской Литвы белая куропатка предпочитает те области, где лес чередуется с открытым болотом. Любимые места их пребывания не леса, а опушки леса, но почва при этом должна быть сырая, влажная. В тундрах они живут и на холмах, и на ровных местах, и на склонах, и в долинах, так как почва там везде одинаковая.

На Скандинавском полуострове, напротив, куропатка живет только в средней части гор, а в долинах встречается очень редко и остается там недолго. Это объясняется тем, что жизнь ее связана с березами и ивами, которые растут выше полосы хвойного леса. На плоских возвышенностях Скандинавии и в некоторых местах тундры их очень много, больше, чем других тетеревов. Одна парочка живет совсем близко от другой и участок каждой из них так невелик, что редко имеет 500 шагов ширины. Весной самец ревниво охраняет свои владения и прогоняет всякого пришельца.

Об этой куропатке можно сказать, что она относительно высоко одаренная птица. Принадлежит к самым подвижным и впечатлительным лесным куриным, которых я знавал, ловка, поэтому редко спокойна, и умеет проворно двигаться при всяких условиях. Широкие, густо оперенные лапы позволяют ей быстро бегать по топким болотам и по рыхлому снегу, и, по всей вероятности, она умеет даже плавать. Походка ее не всегда одинакова: обыкновенно она семенит мелкими шажками, согнувшись, причем горбит спину и опускает хвост; бежит плавно, следуя всем неровностям почвы;

если внимание ее привлечено чем-либо особенным, она взбирается на кочку, оглядывая оттуда все кругом. В случае преследования несется по земле с изумительной быстротой. Когда стоит на кочке и озирается, то вытягивает тело насколько возможно, поднимает голову и кажется тогда очень стройной.

Белая куропатка (*Lagopus lagopus*) в летнем оперении

Полет ее быстрый и красивый, он более похож на полет тетерева, чем серой куропатки, но отличается как от того, так и от другого. Поднявшись с земли, птица эта, особенно самец,

взлетает на высоту около 4 м, затем несется 300, 400, 500 и даже 600 шагов на том же расстоянии от земли, то быстро машет крыльями, то парит, затем взвивается кверху, после чего точно также стремительно опускается и садится на землю.

Белая куропатка не только умеет прорывать ходы в снегу, чтобы добывать себе из-под него пищу, но, в случае нападения хищной птицы, падает отвесно вниз и, так сказать, утопает в легком снежном покрове. Здесь она ищет убежище в непогоду, укрываясь от резких ветров: иногда можно найти всю стайку, тесно сплотившуюся вместе, причем все птицы зарылись в снегу, только у некоторых из-под снега торчат головы.

Хорошо развитые внешние чувства помогают куропаткам своевременно узнавать приближающуюся опасность, и они мастерски умеют защищаться, сколько позволяют силы. В большинстве случаев поразительно смелы и отважны. Иногда случается, что самцы, прогуливаясь без самок, ведут себя очень беспечно. Пробегая несколько раз мимо прохожего или охотника, они не торопятся укрыться, будто им необходимо рассмотреть хорошенько такое необыкновенное существо, как человек. При этом самец горбится, приседает, выбирая места тундры, скудно поросшие карликовой бе-

резой, воображая, что может там спрятаться, и время от времени вытягивает шею, чтобы поглядеть, что творится кругом.

Пища белых куропаток по преимуществу растительная, зимой они едят, главным образом, березовые почки, засохшие ягоды, летом нежные листки, цветы, побеги, ягоды, а при случае и разных насекомых, которыми удается поживиться.

С половины марта куропатки спариваются и вскоре начинают токовать. Самцы продолжают токовать, а самки уже кладут яйца. Они роют неглубокие ямки на солнечных склонах плоских возвышенностей, на заросших пустырях, уже свободных от снега, под кустами малорослой ивы, березы, можжевельника и в подобных укромных местах. Гнездо выстилают сухой травой, иногда другими сухими растениями, собственными выпавшими перьями и даже отчасти землей. Место для гнезда обыкновенно так хорошо выбрано, что его трудно найти.

Кладка бывает закончена или в конце мая, или в начале июня и состоит из 9-12, а иногда из 15-16 и даже 20 грушевидных, гладких, блестящих яиц около 42 мм длины и 30 мм ширины; цвет их охристо-желтый и покрыт множеством бурых или красно-бурых пятнышек и точек. Самка насиживает с большим усердием, самец же, по-видимому, не принимает в этом деле участия, а служит только сторожем. Он выказывает все свое мужество, и каждого человека или каждое хищное животное, которое приближается, встречает своим предостерегающим «габа-у, габа-у». Становится на кочку, а если его вспугнут, то улетает лишь на несколько шагов, и снова начинает кричать, очевидно, желая отвести врага от гнезда. Он упорно защищает свой участок от вторжения других самцов, но случайно пробегающая мимо свободная самка, по-видимому, спутывает его понятия о супружеской верности и он, несмотря на любовь к своей подруге, не прочь провести время и с новой самкой. Наседка же, напротив, в виду опасности остается на гнезде как можно дольше. Сначала она как будто и не замечает приближающейся беды, и покидает гнездо, только когда подойдешь к нему вплотную, причем непременно прибегает к обычным хитростям.

Если все обстоит благополучно, то хорошенькие цыплята появляются в конце июня или начале июля, и тогда можно встретить целое семейство вместе даже на очень мокрых местах болота. В это время их можно в прямом смысле назвать болотными птицами, так как они легко двигаются на топких трясилах. В первые дни прелестные цыплятки покрыты мягким пухом и поразительно похожи на пучок оленьего мха. Как все дикие цыплята, они чрезвычайно проворны и притки, легко и ловко перебегают через тину и лужи и в первые дни научаются пользоваться своими маленькими, короткими крылышками. Этим объясняется их искусство избегать всяких встречающихся опасностей. Цвет оперения, тождественный с цветом почвы, обманывает даже зоркий соколиный глаз, местность, по которой они бродят, спасает их от чуткого носа кумушки лисы и от ее родича песка. Живут птенцы весело и беззаботно, понемногу подрастают, меняют свои пятнистые черно-бурые маховые перья на белые, возобновляют их еще несколько раз, и уже в конце августа или в начале сентября бывают ростом почти с родителей. Еще с месяц, говорит Барт, они держатся поблизости гнезда, затем, в конце сентября или начале октября соединяются с другими выводками, образуют стаи, и делаются до того пугливыми, что почти никогда не допускают до удачного выстрела.

До тех пор, пока склоны возвышенностей не покроются снегом, стаи остаются на тех местах, где они встретились, безразлично, приобрели птицы зимнее оперение вполне или только отчасти. Но, как только выпадет снег, стаи перебираются в долины, лежащие выше, и там держатся у берегов горных озер, поросших березовыми кустарниками. Такие места привлекают почти всех куропаток с огромного участка, и они, предчувствуя снежные метели, собираются сюда тысячами. Испуганные чем-нибудь, птицы с шумом проносятся мимо охотника в виде густых белых облаков, тянущихся на сотни метров. Когда выпадет глубокий снег, который покроеет одинаковым слоем горы и долины, стаи эти разбиваются. Когда же и низменности оденутся снежным покровом, то они спускаются туда, остаются здесь недолго и возвращаются в горы, откуда снова спускаются после первой снежной метели.

Белые куропатки составляют одну из самых драгоценных птиц для охоты. Поразительное их множество дает мало-мальски опытному охотнику прекрасный заработок, поэтому многие обитатели северных стран с особенным увлечением предаются этой охоте; однако только немногие из них охотятся так, как меня учил старый Свайсон. Они убивают самок или осенью, прежде чем выводки успели собраться в стаи, или зимой, когда они скучиваются и живут в березовых чащах сотнями и тысячами. Осенью для этого необходима хорошая легавая собака: с ней в полдня можно убить несколько дюжин куропаток. Я охотился с одним англичанином, который уже шесть лет подряд отправлялся в горы, проводил там несколько недель с целью бить куропаток. Он мог в точности перечислить количество птиц, убитых им, и оказалось, что в одну осень он перестрелял более 400 куро-

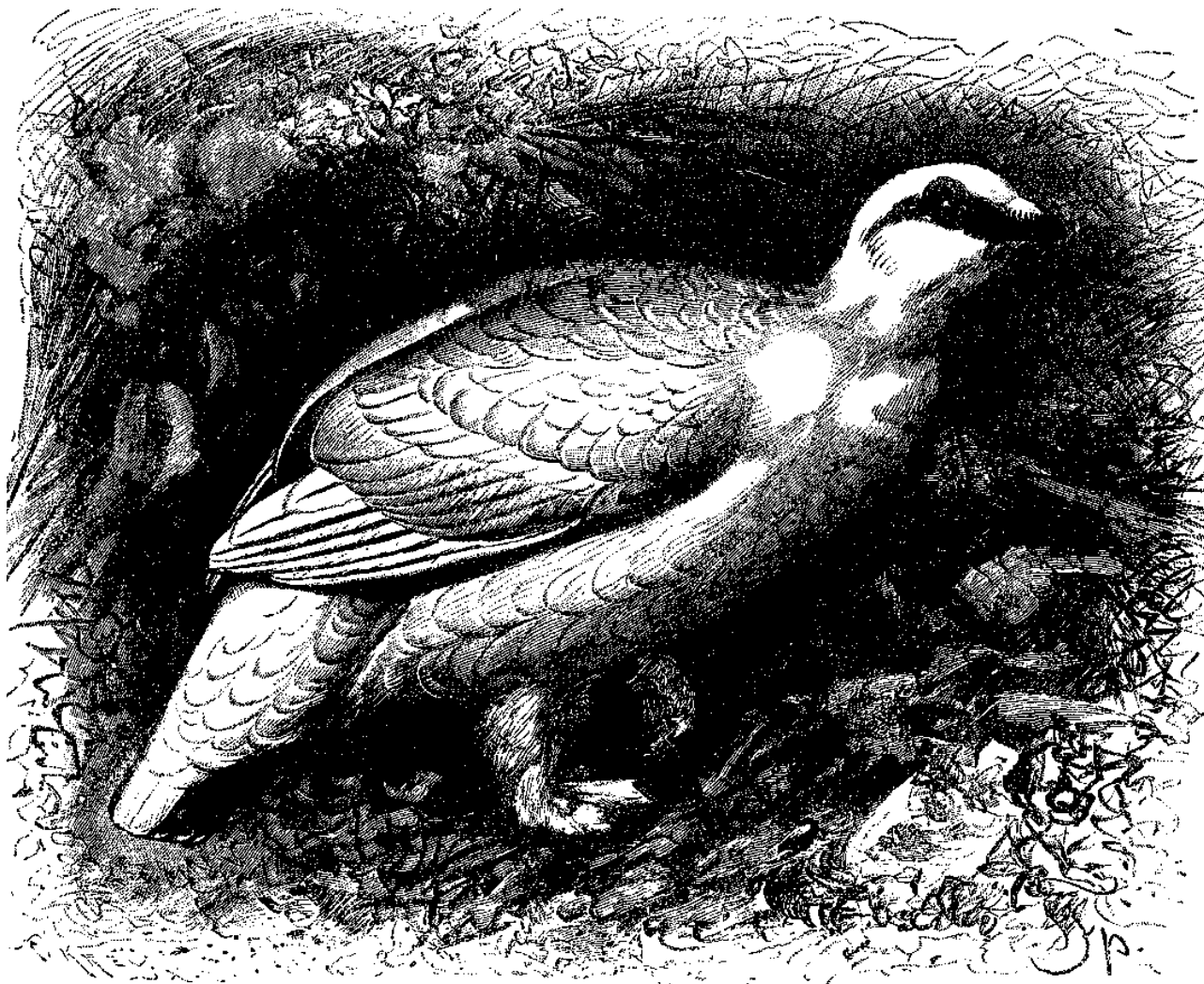
патов. При этом я должен заметить, что норвежцы приходят в ужас от англичан, которые без разбора и без жалости стреляют даже цыплят, пока они еще ростом с перепела или жаворонка, безразлично — годны они на что-нибудь или нет. Норвежские охотники не вязнут в глубоком лесу в самых негостеприимных и пустынных местах, не сваливаются в снежные пропасти, так как у них есть лыжи, на которых они ловко несутся, скользя даже по рыхлому снегу. Они не блуждают по беспредельным и однообразным снежным равнинам, так как слишком хорошо знакомы с родными фиордами. Часто та или другая гора служит им приметой, по которой, сбившись с дороги, все же возможно найти обратный путь. Конечно, следует сказать, что охотник должен быть сильным человеком, не бояться трудностей и не терять присутствия духа даже в густом тумане. Зимой пользуются ружьем реже, чем сетями и силками уже по тому одному, что порох довольно дорог. Место пребывания белых куропаток охотникам хорошо известно и они расставляют сети между березовыми кустами, куда куропатки приходят искать корм. В каком огромном количестве их иногда ловят, можно судить по тому, что один купец в одну зиму мог собрать и переслать 40000 куропаток. Эта дичь идет не только в Стокгольм и Копенгаген, но даже в Германию и Великобританию. Мясо молодых белых куропаток по вкусу не уступает мясу серых и, кроме того, отличается известной пикантностью. Мясо старых птиц нужно долго мочить, чтобы получить хорошее жаркое.

Кроме человека всевозможные хищные животные преследуют куропаток, не уменьшая в значительной степени их числа. Особенно сильно они страдают от хищных птиц в бесснежные зимы в болотах Литвы.

Тундрная куропатка (*Lagopus mutus*). Смотри по местным условиям своей родины, птица эта представляет множество разновидностей. Даже в одной и той же местности летнее оперение ее бывает различно. На Швейцарских Альпах она в разные времена года так изменяется по цвету, что, по словам Шинца, каждый месяц меняет свой наряд. Глаза темно-карие, клюв черный. Длина птицы 35 см, размах крыльев 18, а хвоста 10 см.

Куропатки, живущие на севере, по цвету летнего оперения совершенно походят на те скалы, где они селятся. Они обитают в Альпийских горах по всему их протяжению, на Пиренеях, в горах Шотландии, на всех высоких горных вершинах Скандинавии, в Исландии, в горах северной Сибири и вообще северной Азии, в Северной Америке и в Гренландии. Из Альп они иногда залетают в Шварцвальд, из Пиренеев на горы Астурии, Галиции и вероятно из континентальной Азии даже в Японию, если верно, что рисунок, сделанный одним из тамошних жителей, снят с птицы, действительно убитой в Японии. На севере тундрная куропатка встречается на всякой твердой земле, будь это материк или остров значительной величины.

В противоположность белой куропатке тундрная куропатка живет только на голых местах, поросших кустарником. Поэтому в Альпах обитает выше пояса лесов, близ снегов и льдов, в Норвегии на голых вершинах, покрытых валунами, только в Исландии и Гренландии для гнездования она спускается в более низкие места и даже в низменности непосредственно вблизи моря. Из сообщений Раде следует заключить, что в Восточной Сибири она селится только на высоких горах.

Тундряная куропатка (*Lagopus mutus*)

Тундряная куропатка резко отличается от своих родичей по образу жизни. Нрав ее спокойнее, а умственные способности ограниченнее. По бегу и полету они почти равны, даже можно сказать, что у тундряной куропатки эти движения еще легче, нежели у белой. Вообще она редко летит сразу подолгу, там же, где она еще не напугана преследованиями, почти никогда. В одном только она, кажется, решительно превосходит всех своих родичей. «Я несколько раз замечал, — говорил Гольбель, — что эта куропатка может плавать не только побуждаемая опасностью, но иногда даже и без особой необходимости. В сентябре месяце 1825 года мы стояли с нашей баркой у берегов Гренландии, в так называемой юго-восточной бухте; несколько дней все было окутано туманом до того, что несколько куропаток приблизились к судну. Одна из них так стремительно наткнулась на парус, что была отброшена и упала в воду. Погода стояла тихая, и я велел спустить лодку, думая поживиться упавшей птицей. Но птица с необыкновенной легкостью поднялась с воды и улетела. В следующую зиму мне случилось видеть, как две куропатки при 10 градусах мороза поднялись с утесов близ Годхавна и, не задумываясь, спустились на воду. Кроме того, я видел, как они купались и даже плавали в неглубоких горных водоемах». Голос тундряной куропатки особенный, и ничуть не похож на голос других куропаток.

Описывая свою первую охоту на тундряных куропаток, Бойе замечает: «Они, как окаменелые, ожидали приближения охотника на скале, которая была скудно покрыта альпийскими растениями, и потом полетели без криков, производя только сильный шум взмахами крыльев». «Их необыкновенная лень, — говорит он далее, — составляет резкий контраст между ними и белыми куропатками. По-видимому, самцы сидят целый день смирно и неподвижно около своих наседок, выбирая почти всегда самые крутые и отвесные места, будто любясь с вершины обрыва самыми привлекательными картинами». Фабер рисует тундряную куропатку как птицу «необыкновенно смелую и глупую», Гольбель находит гренландских куропаток «очень простоватыми, доверчивыми». Записывая свои наблюдения, я высказался почти теми же словами, как Бойе. «Первые два самца, убитые мной, были поразительно неосторожны: они не обнаруживали ни малейшего страха, не улетали, а, напротив, ожидали охотника, по-видимому, с величайшим удивлением». Точно так же они себя держат и на Альпах. «В туманную погоду, — пишет Шинц, — чаще всего они бегают по земле и

воображают, что достаточно защищены от всяких преследований; но, впрочем, они и при теплой ясной погоде очень доверчивы». И даже тут, по словам Чуди, «на обнаженных горах подпускают к себе человека на расстояние 10 шагов». При холодной погоде они пугливее, зимой собираются в более или менее большие стаи.

Пища их состоит главным образом из растений. У куропаток, живущих в Альпах, зоб набит листьями ползучей ивы и вереска, почками ели и рододендронов, ягодами брусники, черники и ежевики, различными цветами и т. п. На севере они питаются почками и листьями карликовой ивы и березы, листовыми и цветочными почками разных северных растений и ягодных кустов, растущих на этих высотах, а также ягодами. За недостатком другой пищи, глотают кусочки лишая, которые соскабливают с камней. Если наблюдения Фабера справедливы, то они заготавливают себе запасы на зиму.

Бедность и негостеприимность мест, где куропатки селятся, нередко пагубны для птиц, живущих в Альпах. Хотя они очень невзыскательны и хорошо умеют переносить бури и непогоды, все же всех невзгод преодолеть не могут. Если зимой при безветрии снег валит целый день, наша птица не подвергается большой опасности; если с гор скатываются лавины, то немало птиц бывает раздавлено глыбами снега; когда же снег покрывается крепкой ледяной корой, то множество куропаток хиреют и околеваяют с голода. Но не одна только природа относится жестоко и даже враждебно к невинным существам, часто еще хуже с ними поступает человек и остальные хищники. Тысячи и сотни тысяч куропаток погибают ежегодно; некоторые делаются добычей вооруженного охотника и не меньше птиц отсчитывают себе на зубы лисицы и россомахи, многие куропатки истекают кровью в когтях кречетов и белых северных сов.

Семейство трехперстковые

Трехперстки небольшие птицы с вытянутым туловищем, характеризуются следующими признаками. Клюв средней длины, тонкий, прямой, сжатый с боков с выпуклой спинкой и слегка загнутым концом. Ноздри имеют боковое положение и отчасти прикрыты голыми кожистыми щитками. Слабые ноги с длинной плюсной и тремя или, в виде исключения, четырьмя пальцами. Закругленные крылья средней длины, короткий хвост из 10-12 рулевых перьев почти скрыт под кроющими перьями.

Трехперстки распространены по всему Восточному полушарию и не встречаются в Западном. По-видимому, Австралия является центром области распространения семейства: здесь живет больше видов, чем во всех остальных частях света, вместе взятых; они не только населяют все известные до сих пор части материка, но распространены также по островам, прилежащим к материку и даже к Тасмании. Местопребыванием им служат равнины, каменистые обрывы и склоны гор, густо поросшие кустарниками и травой. Трехперстки ведут настолько скрытый образ жизни, что, кроме периода спаривания, их можно встретить очень редко, если не предпринимать специальной охоты за ними. Они прячутся в густой траве, пока только возможно, и, наконец, вылетев из-под самых ног охотника, поднимаются невысоко, пролетают с быстротой стрелы в прямом направлении около 100 метров и вдруг опять опускаются на землю.

В период спаривания оживляются, но и тогда их можно только слышать, а не видеть. Половое чувство возбуждает оба пола в высшей степени и вызывает в каждом из них борьбу; замечательно, что не только самцы, но и самки ожесточенно дерутся между собой, у некоторых видов борьба происходит, по-видимому, между одними самками. По рассказам Жердона, все самки очень драчливы, и это используют в южной Индии им же во вред. Ручную самку сажают в западню, которую ставят в подходящем месте на земле. Всякая самка, услышав призывный голос сидящей в западне птицы, стремительно подлетает к ней с целью сразиться с назойливой соперницей, попадает в самую опасную часть западни, в пылу драки сбивает подпорку и оказывается вдруг окруженной со всех сторон решеткой. Захлопываясь, дверца задевает колокольчик, который извещает ловца о добыче; он прибегает, вынимает из клетки пойманную птицу и снова устанавливает западню; снова прилетает самка, затем еще одна, и при удаче один человек может наловить в течение дня до 20 штук этих ревнивых птиц. Таким способом ловятся исключительно самки трехперсток и в большинстве случаев такие, которые имеют зрелое, готовое к кладке яйцо. «Мне не раз сообщали, — говорит Жердон, — что 8 или 10 пойманных таким образом птиц неслись раньше, чем их успевали принести домой».

В прежнее время думали, что трехперстки живут в многобрачии; все новейшие наблюдатели указывают как раз противоположное, а некоторые утверждают, что самец и самка верны друг другу. Для постройки гнезда, состоящего из простого слоя соломинок и травяных листьев, самка отыскивает небольшое, хорошо скрытое углубление почвы. Кладка состоит из 4-7 яиц. Оба ли родите-

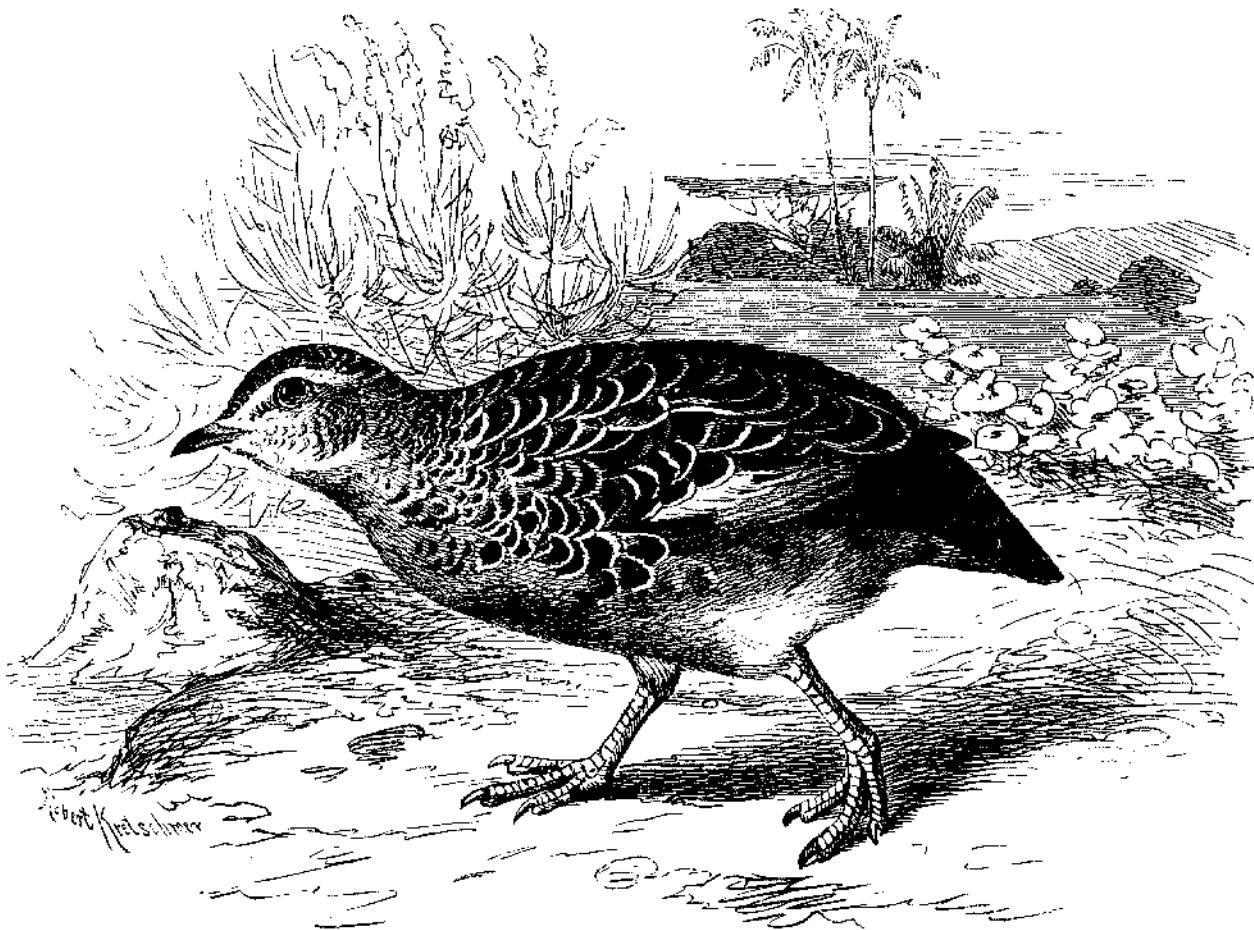
ля насиживают, или эта забота лежит на одной самке, неизвестно; во всяком случае, достоверно, что и самец принимает участие в воспитании птенцов.

Благодаря необыкновенной драчливости трехперсток, азиатские народы издавна держат их в клетках и пользуются ими для потешных боев. Даже старые птицы легко привыкают к неволе и не слишком прихотливы в пище. В южной и восточной Азии их кормят главным образом вареным рисом, хотя лучше не лишать их животной пищи, так как на свободе они питаются и разными семенами, и разными насекомыми; жадность, с которой они съедают последних, доказывает, насколько необходима им животная пища.

Африканская трехперстка (*Turnix sylvatica*) принадлежит к наиболее крупным видам семейства. Длина самца достигает 15 см, длина крыла 8, длина хвоста 4 см; самка заметно крупнее и тяжелее самца; длина ее 19 см, длина крыла 9, длина хвоста 4 см. Оба пола несколько не различаются по окраске.

Эта птица, мало известная и по сей день, распространена по всей северо-восточной Африке, от границ Египта до Адриатического моря и от Гибралтарского пролива до Сенегала, а может быть, и далее к югу. К северу область ее распространения захватывает Испанию и Сицилию. Если она и была найдена еще дальше на севере, то только в качестве случайного гостя. Говорят, что трехперстка нередко встречается в южной Франции и будто бы даже была убита около Оксфорда в Англии. В южной Испании и Португалии она, может быть, распространена гораздо шире, чем установлено до сих пор; в Сицилии*, насколько теперь известно, тоже встречается в различных местностях. Очень трудно судить о числе экземпляров, живущих в данной местности: она ведет до того скрытый образ жизни и ее так трудно найти, что нелегко сказать, часто она встречается или редко. Неизвестно даже, кочует она или нет. В пользу последнего мнения склоняются английские исследователи, производившие наблюдения в Испании; в Андалузии держатся противоположного мнения, прибавляя, что трехперстка является проводником для перепелов, ведет их в Африку и играет в их эмиграциях такую важную роль, что в случае ее гибели перепела уже не могут одни переправиться в Африку. Понятно, что такого рода рассказы лишены всякого основания и показывают только, как мало знают испанцы о нашей птице.

** В наши дни в Европе трехперстка сохранилась только на юге Испании, в остальных районах европейского континента, перечисляемых Бремом, она давно истреблена.*

Африканская трехперстка (*Turnix sylvatica*)

Образ жизни трехперстки всего лучше описал Лош, который много лет проживал в Алжире и имел немало случаев наблюдать ее. И здесь она населяет местности, густо поросшие кустарником. Каждая пара живет самостоятельно и никогда не соединяется в общества; по крайней мере, встречаются птицы только парами. Трехперстка очень осторожна и пуглива, старается всегда вовремя предупредить опасность. Она пользуется своими крыльями только в случае крайней необходимости, но бежит, если вспугнуть ее, так долго, как может, и прячется в почти непроницаемые кусты, залезая в такую чащу, что ее можно достать оттуда только рукой или при помощи хорошей собаки. Пища состоит из насекомых и семян приблизительно в одинаковых количествах. Самка строит гнездо в траве или в кустах. Оно представляет маленькое углубление в почве, выстланное, а иногда и нет, сухой травой и всегда расположенное в таком скрытом месте, что его крайне редко удается найти.

Трехперстка выводит, по-видимому, два поколения птенцов в течение года. Кладка состоит из 4-5 яиц, 24 мм в продольном диаметре и 18 мм поперечном, довольно густо разрисованных по серовато или желтовато-белому фону бледно-пурпуровыми или темно-бурыми пятнами. Во время насиживания оба родителя сменяют друг друга и, в случае гибели самки, самец принимает на себя все материнские заботы*.

** У трехперсток система брачных отношений представляет собой полиандрию, при которой самка спаривается последовательно с несколькими самцами. Самка откладывает яйца, забота о гнезде и птенцах целиком лежит на самцах. При полиандрии самки обычно конкурируют за самцов и за территорию и являются более активным и агрессивным полом.*

Как только птенцы становятся самостоятельными, они покидают родителей, и те приступают к выводу второго поколения.

Птенцы покидают гнездо, едва обсохнув.

Сначала они окружены самыми нежными заботами обоих родителей, созывающих детей посредством тихого «кру». Кроме этого призывного крика трехперстка издает в утренние и вечерние сумерки своеобразный низкий, дребезжащий звук, который можно сравнить с известным каркающим криком ночной цапли с той только разницей, что он слабее его и менее громок.

Семейство журавлиные

Благороднейшими представителями отряда журавлеобразных мы считаем журавлей. Признаки их следующие. Сравнительно длинное, почти цилиндрическое, но сильное и не сжатое с боков тело. Длинная, тонкая шея, маленькая голова красивой формы. Клюв довольно крепкий, прямой, несколько сжатый с боков и заостренный, с тупой спинкой, длиной равной голове или немного ее превосходящий, мягкий в своей основной части и твердый на конце. Очень длинные сильные ноги, голые далеко выше плюсны, с четырьмя пальцами; короткий, маленький задний палец сочленяется так высоко, что на ходу птицы он не касается земли; наружный и средний передние пальцы соединены толстой перепонкой, доходящей до их первого сочленения; когти короткие, плоско-загнутые с тупыми краями. Большие, длинные крылья, в которых третье маховое перо самое длинное, очень широки. Довольно короткий или закругленный хвост состоит из 12 перьев. Обильное, плотно прилегающее, жесткое оперение, часто оставляющее голые места на голове и шее, иногда видоизменяется в красивые перья: у некоторых форм перья удлинены на передней стороне шеи, у других они здесь совсем исчезают. Оба пола не различаются заметно по окраске, но бывают разной величины; после первой линьки молодые получают оперение старых птиц, но гораздо позже приобретают украшающие перья в полном их составе.

Каждая часть света населена особыми видами журавлей, наибольшее число их водится в Азии. Местопребыванием служат большие болота и трясины, предпочтительно такие, которые граничат с обработанными полями; журавли с таким же успехом находят себе пищу на полях, как и на болоте. Они мерно, но грациозно шагают, иногда забавляются прыжками, похожими на танцы, но сохраняют известное достоинство в движениях; довольно глубоко заходят в воду, умеют плавать, легко, красиво и большей частью высоко летают, прямо вытянув шею и ноги, часто парят, описывая большие круги. Голос их громкий, пронзительный. Они умны и понятливы. Журавли деятельны с раннего утра до позднего вечера, но отыскиванию пищи посвящают всего лишь несколько утренних часов, а остальное время — своей общественной жизни. Свой далекий перелет в тропические страны они совершают почти без перерыва днем и ночью, а потому и в поразительно короткий срок.

Все журавли едят насекомых и червей, мелких рыб и амфибий, разоряют иногда гнезда птиц, но, по-видимому, животная пища служит им только лакомством. Корм их состоит главным образом из различного рода семян, особенно зерен злаков, кроме того, из почек, кончиков листьев, корешков и клубней. Там, где журавлей много, набеги их на поля могут сделаться чувствительными.

Гнездо устраивается в низменных или болотистых местностях; кладка состоит из двух яиц, усеянных бурыми пятнами по зеленоватому фону. Оба родителя поочередно насиживают и вначале кормят птенцов, которые проводят, вероятно, в гнезде первые дни жизни, и только затем выводятся родителями.

Журавли имеют мало врагов. На месте зимовки некоторые попадают крокодилам, это я знаю по опыту; других животных, которые были бы для них опасны, я назвать не могу. Кое-где человек преследует журавлей ради мяса или ловит гнездовых птенцов, чтобы воспитать их. Они легко привыкают к неволе, вступают со своим хозяином в тесную дружбу и радуют его изяществом движений, привлекательностью нрава и поразительным умом. В Японии и Китае один из тамошних видов журавлей считается священной или, по крайней мере, уважаемой птицей.

Серый журавль (*Grus grus*). Оперение пепельно-серого цвета; горло и передняя часть темени черные, шея на боках беловатая; маховые перья черные. Глаза буро-красные, клюв при основании красноватый, на конце черно-зеленый, ноги черноватые. Длина достигает 140 см, размах крыльев 240, длина крыла 65, а хвоста 21 см.

Журавль этот живет в широком поясе Старого Света между низменными тундрами севера и средней Европой, и от восточной границы средней Сибири до Скандинавии включительно; отсюда он перелетает в Сиама и Индию через Китай или в среднюю и западную Африку. В Германии он гнездится только к востоку от Эльбы.

Наш серый журавль появляется в Судане стаями в октябре и располагается здесь на больших песчаных речных отмелях, которые возвышаются над поверхностью воды. В это же время и в таком же количестве его встречают в Индии, где он поселяется в подобных же местностях. В начале октября и конце марта можно наблюдать перелет журавлей большими обществами; они летят высоко в воздухе, строго сохраняя клиновидный строй, и только иногда кружат или рассыпаются в беспорядочную стаю. Возможно, что они опускаются на землю, но нигде не останавливаются надолго. Журавли держатся из года в год известного направления и, прежде всего, знакомых нам путей перелета птиц и отклоняются от них только в силу необычайных явлений. Перед осенним перелетом они собираются, подобно аистам, в известных местностях, откуда в какой-нибудь день с громким криком снимаются и летят затем без отдыха днем и ночью, пока не достигнут места зимовки. Прибывши сюда, они летят низко и находят подходящий их требованиям остров, не занятый еще другой стаей. Все время своего пребывания на чужбине они держатся большими стаями и принимают в свою среду родственные виды.

Вместе вылетают по утрам на поля, чтобы добыть пищу, и вместе возвращаются перед полуднем. День и ночь проводят на островах, забавляясь различными играми и постоянно очищая и приводя в порядок перья; наступающая теперь линька вызывает необходимость таких забот. Стаями они пускаются в обратный путь и прилетают на родину; здесь разбиваются на меньшие группы, а те на пары, которые расселяются по удобным для устройства гнезд местам, совершенно отличным от мест зимовки.

В Индии или Судане журавль береговая птица, на севере Европы или Азии он становится болотной птицей. Здесь журавль поселяется на больших болотах и трясинах и выбирает такие места, которые поросли невысоким тростником и осокой и дают, во всяком случае, широкий кругозор. Эти места служат ему для вывода птенцов, и отсюда он вылетает на поля, где добывает пищу в течение лета. Журавль избегает болот, трясин и топей, заросших высоким камышом или кустарниками, но обширность открытых болот, на которых он поселяется, затрудняет приближение человека и обеспечивает достаточную безопасность.

Все движения журавля красивы, проявления его высоко развитых способностей приковывают к нему наше внимание. Крупная, хорошо сложенная, подвижная, умная и понятливая птица отлично сознает свои выдающиеся способности и выражает это самыми разнообразными поступками. Журавль ходит мелкими, грациозными и мерными шагами, обыкновенно спокойно и с сознанием своего достоинства и только в случае опасности торопится и бежит. После одного, двух прыжков без труда поднимается на воздух, несколькими широкими взмахами сильных крыльев достигает желаемой высоты и летит, прямо вытянув шею и ноги, ровно и неторопливо, но быстро и решительно стремясь к намеченной цели. Его ум действительно достоин удивления. Он умеет замечательно быстро обсудить и оценить обстоятельства и сообразовать с ними свои поступки. Он не пуглив, но в высшей степени осторожен, и потому его очень трудно перехитрить. Журавли постоянно думают о своей безопасности; стая выставляет сторожей, на которых лежат заботы по ее охране; раз потревоженная стая высылает лазутчиков, прежде чем вернуться на место, откуда ее спугнули.

С истинным удовольствием наблюдал я в Африке, как осторожно действуют журавли, познакомившись с коварством человека. Они высылают сначала одного лазутчика, затем нескольких, которые тщательно высматривают и прислушиваются, нет ли чего подозрительного, и только после внимательного осмотра успокаиваются и возвращаются, чтобы известить всю стаю. Но их встречают еще с неполным доверием и, давши помощников, опять отправляют на рекогносцировку, и только тогда, наконец, вся стая следует за ними.

Серый журавль ест хлеба и посевы, обрывает кончики травы и полевых растений, очень любит горох, подбирает некоторые плоды, ловит червей и насекомых, особенно жуков, кузнечиков, сверчков и стрекоз, и кое-когда глотает лягушек или других амфибий. Зимующие в Судане стаи журавлей вылетают незадолго до восхода солнца в степные поля, засеянные дуррой, наполняют зернами желудок и пищевод до самой глотки и возвращаются на реку; напившись воды, они затем переваривают принятую пищу в течение целого дня. По самому умеренному расчету, журавли, зимующие на Белом и Голубом Ниле, истребляют около 100 тысяч гектолитров хлебов. Но такая потеря здесь вовсе нечувствительна, и никто не отказывает птице в пище; другое дело в густо населенной Индии, где спелое зерно имеет большую цену: здесь справедливо считают зимующих журавлей вредными птицами и косо на них смотрят, а потому всеми мерами преследуют и гонят их.

Прибывши на родину, каждая пара поселяется на болоте, в котором предполагает вывести птенцов, и в пределах известных границ не терпит другой пары, хотя приветствует каждую пролетающую стаю громким криком. Когда болота зазеленеют и на кустарниках покажется листва, журавли принимаются за постройку гнезда. На островок, кустик осоки, поваленный куст и вообще на место, возвышающееся над землей, они наносят сухие хворостинки и наслаивают на них без особого старания более или менее сухие соломинки и листья тростника, камыша, ситника и траву. В несколько углубленную середину этой постройки самка кладет два крупных, продолговатых яйца, около 94 мм в длину и 61 мм в толщину; яйца имеют плотную, крупнозернистую скорлупу, почти лишенную блеска; основной цвет ее то серо-зеленый, то буроватый, то светло-зеленый, и по этому фону она разрисована, впрочем, очень изменчиво серыми и красно-серыми маленькими пятнами, крапинами и черточками на крупных красно-бурых и темно-бурых пятнах. Оба родителя насиживают поочередно и вместе защищают гнездо от нападения врагов. Журавли никогда не выдают положения своего гнезда и выказывают, наоборот, удивительное умение скрываться в течение гнездового периода от глаз наблюдателя.

"Эта крупная птица, легко бросающаяся в глаза, — говорит Науман, — позволяет наблюдателю подозревать, что где-нибудь в болоте должно находиться ее гнездо; но она всегда умеет скрыть самое место его тем, что постоянно приближается к гнезду пешком и согнувшись, под прикрытием высоких растений и кустов. Если она слышит шум, сидя на гнезде, то уходит также крадучись, взлетает далеко от гнезда на открытом месте болота, и только тогда становится видимой. Поэтому гнездо журавля трудно найти. Очень трудно и подойти к нему, вследствие положения на топком болоте, если бы и удалось отыскать его благодаря счастливой случайности». Вместе с тем, журавль прибегает и к другому средству, чтобы скрываться. «Однажды, — рассказывает Гомейер, — я лежал, хорошо спрятавшись, около болота, где жила пара журавлей. Я наблюдал за грациозными движениями умных птиц, когда самка, не замечая меня и отбросив робость птицы и самки, приступила к тайнствам туалета. Она набрала в клюв грязи и стала мазать спину и кроющие перья крыльев, отчего эти части потеряли свой красивый пепельно-серый цвет, и приобрели землистый серо-бурый оттенок. Для пользы науки я убил красивую птицу и нашел, что перья верхней половины тела пропитались красящим веществом, так что я не мог удалить его даже тщательным отмыванием; оно так прочно пристало к перьям, может быть, благодаря действию слюны. Это сразу объяснило причину своеобразной окраски журавля в гнездовой период. Только на это время он принимает такую окраску, так как затем перья, вырастающие на смену выпадающим, сохраняют свой естественный цвет. Поэтому понятно, отчего мы не замечаем такого ржавого оттенка на всех северных журавлях, пролетающих через Германию: они успели сменить мелкое оперение». Это наблюдение Гомейера было вполне подтверждено химическим исследованием Мевеса.

Несмотря на толстые ноги, птенцы хорошо бегают и прекрасно умеют прятаться в густом ситнике или камыше. Родители стараются не выдать присутствия детенышей и занимаются ими только тогда, когда уверены, что никто их не видит. Подозревая опасность, они часто уводят птенцов очень далеко, например в поля, чтобы здесь спрятать их в хлебах.

Старых журавлей можно наверняка убить только из заранее устроенной засады, которая не возбуждала бы их подозрений. Только случайность и, разумеется, особые обстоятельства, как, например, крайний голод, могут заставить птиц забыть привычную осторожность. В прежние времена

их мясо ценилось выше и подавалось как жаркое на больших пирах за столом богатых охотников. Впрочем, мясо молодых действительно имеет недурной вкус; старых же журавлей можно назвать несъедобными. В Азии охотятся на все тамошние виды с соколами и другими способами ради их перьев.

В восточной Азии живет великолепный **стерх, или белый журавль** (*Grits leucogeranus*) 9 несколько экземпляров которого были убиты и в Европе. За исключением черных рулевых перьев и голой кроваво-красной головы, он совершенно белый. Глаза светло-желтые, клюв бледно-красный, ноги карминно-красные. Длина достигает 120 см, размах крыльев вдвое больше.

Даурский журавль (*Grus vipio*), водящийся в Забайкалье, также причисляется к европейским птицам, так как его встречали в южнорусских степях. Он отличается от серого журавля большими размерами голого поля на голове и закругленным хвостом. Оперение его почти равномерного буроватого пепельно-серого цвета, за исключением перьев хвоста и маховых, которые темного аспидного цвета. Глаза оранжево-красные, клюв при основании зеленый и буровато-черный на конце, ноги бледного розово-красного цвета. Длина достигает 136 см, размах крыльев 240, длина крыла 66, длина хвоста 23 см.

1 — Журавль-красавка (*Anthropoides virgo*) 2 — Венценосный журавль (*Balearica pavonina*)

Изящный журавль-красавка (*Anthropoides Virgo*) гнездится в среднеазиатских степях, перелетает в южную Индию, среднюю и южную Африку и чаще обоих предыдущих видов посещает Европу. Он отличается от своих родичей коротким округленным клювом, оперенной головой с двумя пучками длинных перьев позади, удлиненными перьями на нижней части шеи и тем, что верхние кроющие перья крыльев только значительно удлинены и много больше остальных, но не взъерошены и не закручены, как у серого журавля. Оперение, отличающееся своей мягкостью, светлого свинцово-серого цвета; передняя сторона шеи и украшающие ее перья, ниспадающие на грудь, темно-черные, пучки перьев на голове чистого белого цвета. Маховые перья серо-черные. Глаза карминно-красные, клюв грязно-зеленый при основании, далее рогового цвета, на конце бледно-красный; ноги черные. У молодых птиц нет украшающих перьев на голове и на шее. Длина достигает 85 см, размах крыльев 166, длина крыла 45, а хвоста 16 см.

Семейство трубачи

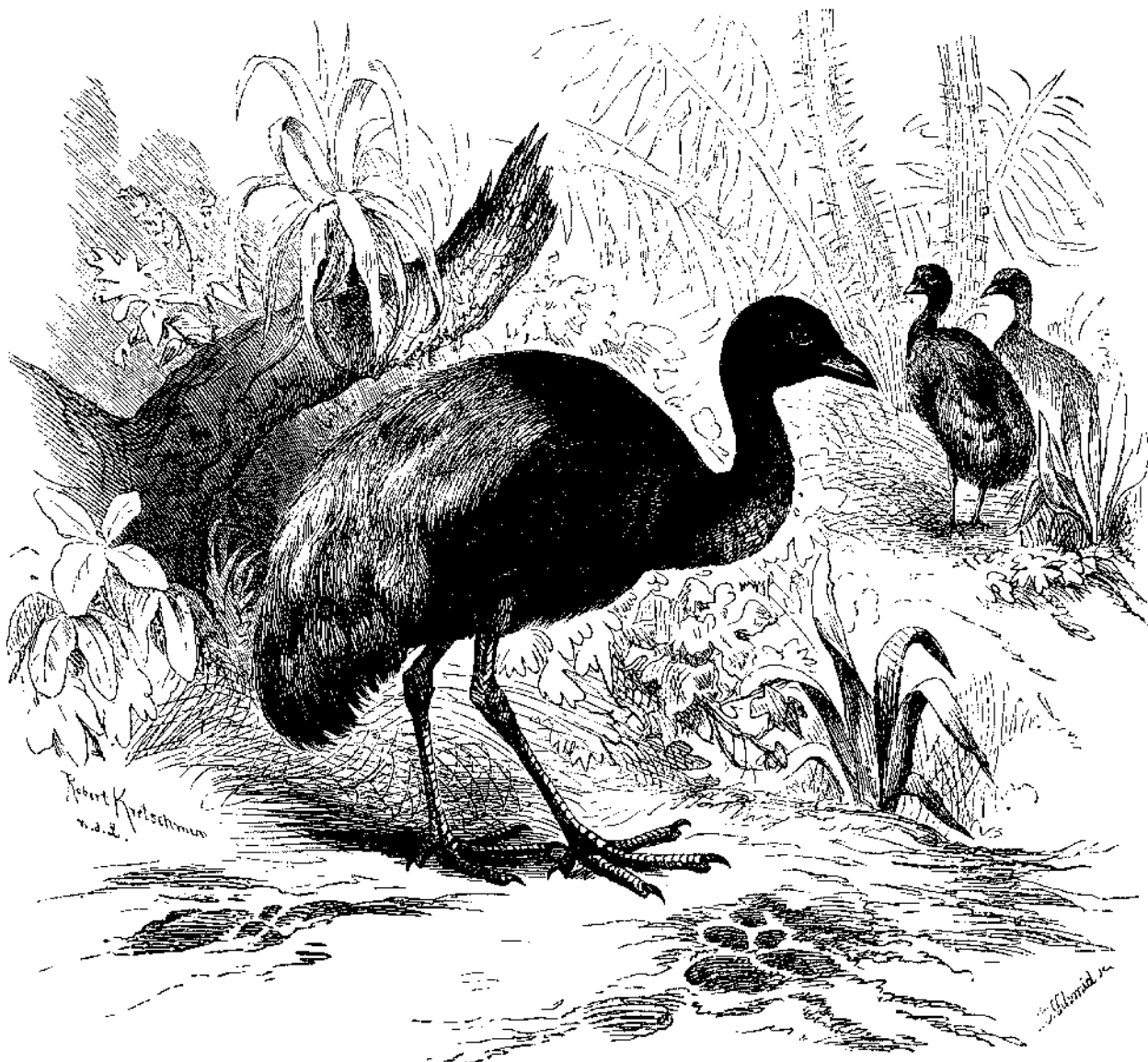
Серокрылый трубач (*Psophia crepitans*). Прежнее название птицы агами. Голова, шея, затылок, крылья, нижняя часть груди, брюхо и гузка черного цвета. Прибавочные крылья пурпурово-черные с голубым или зеленоватым отливом; плечевые перья у молодых маслянисто-бурные, у взрослых свинцово или серебристо-серые. Нижняя и верхняя части шеи стального голубого цвета с металлическим отливом. Глаза красно-карие, голое кольцо вокруг глаз мясо-красного цвета, клюв зе-

ле-новато-белый; ноги желтоватого мясо-красного цвета. Длина достигает 52, длина крыла 29, длина хвоста 3 см.

Родина трубача в Южной Америке к северу от Амазонки; по другую сторону этого громадного потока его замещает другой родич. Трубач живет только в лесах, здесь встречается повсюду и держится большими обществами, достигающими, по словам Шомбургка, до 100-200 штук. Эти стаи расхаживают медленно и с достоинством, пока их ничто не тревожит, развлекаются веселыми и смешными прыжками, но умеют очень быстро бегать и предпочитают этот способ передвижения. «Они так плохо летают, — говорит Шомбургк, — что, когда стае приходится преодолевать широкую реку, многие трубачи не долетают до противоположного берега, падают в воду и спасаются вплавь». Завидевши охотника, стая пугливо снимается, но конечно, никогда не улетает сразу на далекое расстояние; тяжелые птицы вскоре опять опускаются на землю или взлетают на невысокие ветки деревьев, откуда их легко подстрелить. Напугавши птиц, можно услышать их странный голос: сначала они издают резкий дикий крик, затем глухой шум, производимый ими с закрытым клювом. Этот шум, напоминающий барабанный бой, вовсе не неприятный, длится с минуту и постепенно слабеет; потом наступает минутная пауза, и затем опять крик и глухой шум. По мнению индейцев, барабанный бой действительно исходит из брюха, этого мнения придерживается каждый, кто видел кричащую птицу.

Пища трубача состоит из плодов, зерен и насекомых. Молодые предпочитают червей и жуков, старые легко привыкают к хлебным зернам всякого рода и печеному хлебу.

Трубач гнездится на земле, выкапывает, как курица, мелкое углубление у основания дерева и кладет туда 10 или более светло-зеленых яиц; птенцы, как настоящие выводковые птицы, чуть обсохнув, покидают гнездо вместе с родителями, но еще в течение нескольких недель сохраняют очень густой, длинный и мягкий гнездовый пух.

Серокрылый трубач (*Psophia crepitans*)

По словам Шомбургка, агами встречается во всех индейских поселениях на полной свободе и обыкновенно в роли сторожа и повелителя всех остальных домашних птиц. Он узнает людей, которые занимаются им, привязывается к своему хозяину, слушается его голоса, следует за ним как собака, расхаживает перед ним или пляшет кругом веселыми прыжками, выражая живую радость при возвращении хозяина после продолжительной отлучки или выказывая ревность к другим животным, с которыми ему приходится делить расположение своего господина. Он очень чувствителен к ласкам, позволяет, например, чтобы ему чесали голову и шею, и вызывает даже на такие ласки, которые неприятны другим птицам. Он оказывает почтение знакомым дома, смотрит недружелюбно на чужих, а некоторых лиц ненавидит. Властолюбие свое он показывает, впрочем, не только по отношению к домашним птицам, но и по отношению к собакам и кошкам; смело наступает на них, вероятно опасаясь за своих подопечных.

Семейство пастушковые

Птицы из семейства пастушковых распространены по всей земле. Это красивые болотные птицы с высоким, сильно сжатым с боков телом, средней длины шеей, маленькой головой. Ноги у них высокие, длиннопалые, всегда с сильно развитым задним пальцем; крылья довольно короткие, округленные, не доходящие до конца хвоста, когда сложены; хвост длинный, закругленный и состоит из 12 перьев; оперение густое, но гладко прилегающее.

Пастушки водятся на всем земном шаре и населяют болотистые или, по крайней мере, сырые местности. Некоторые из них живут в настоящих торфяниках, поросших камышом прудах и озерах, другие на лугах и хлебных полях, немногие в лесах. Они ведут скрытый образ жизни и стараются показываться на глаза как можно меньше, решаются взлетать лишь в случае крайней необходимости и мастерски умеют прятаться среди растений. Они все превосходно бегают, немногие порядочно плавают, некоторые даже ныряют; но все виды пастушковых принадлежат к самым плохим летунам. Их громкий, своеобразный голос раздается в вечерние и утренние часы, иногда в течение долгого времени без перерыва.

Чувства у этих птиц хорошо развиты, душевные способности не слишком слабые и нрав у них приятный. Очень немногие виды живут обществами. Они питаются растительными и животными веществами, едят семена и очень охотно, а по временам, может быть, и исключительно, едят насекомых, личинок, слизней, червей, яйца других птиц или даже маленьких гнездовых птенцов. Более крупные виды этого семейства — настоящие хищники, истребляющие даже взрослых мелких позвоночных. Гнездо строится поблизости от воды, часто над самой ее поверхностью в ситнике, осоке и камыше, и сплетено достаточно хорошо, чтобы в него не могла проникать вода; оно заключает от 3 до 12 яиц, усеянных темными пятнами и крапинками по белому фону; яйца насиживаются обоими родителями. Одеты шерстистым пухом птенцы принадлежат к выводковым. За пастушками собственно не охотятся, потому что эта охота даже с помощью хорошей легавой собаки обещает мало; но при случае их убивают, так как мясо очень вкусно.

Лысуха (*Fulica atra*). Преобладающий цвет ее оперения довольно равномерный аспидно-черный, на голове и шее более темный, на груди и брюхе более светлый, чем на спине. Глаза ярко-красные, клюв вместе с лобным щитом белый, передняя сторона плюсны красно-желто-зеленая. Первое оперение молодой птицы представляет смесь цветов светло-серого и черного, благодаря широким беловатым каймам на краях перьев, а нижние шейные перья имеют маслянистый отлив. Длина 47 см, размах крыльев 78, длина крыла 23, а хвоста 8 см.

Лысуха распространена по всей Европе и Средней Азии; кроме того, она встречается зимой по всей Африке, южной Азии и Австралии.

Лысуха встречается на всех подходящих для нее водных пространствах. Избегая рек и потоков, а также моря, она всего охотнее селится на озерах и прудах, берега которых заросли камышом и высоким тростником. На зимовку переселяется в южную Европу и северную и среднюю Африку на озера морского побережья и богатые водой болота, безразлично — пресноводные или соленые.

Сообразно устройству своих плавательных ног, лысуха держится больше на воде, чем на суше; но часто выходит и на берег, особенно около полудня, чтобы отдохнуть и почистить перья. Она может довольно хорошо бегать по ровному месту, хотя ее неуклюжие ноги мало для этого пригодны, но чаще и дольше плавает. Ноги ее — прекрасные весла, так как длина пальцев вполне возмещает недостаточную ширину плавательных перепонок. Умением нырять соперничает со многими плавающими птицами; она может опускаться на значительную глубину и передвигаться под водой на большие расстояния, работая своими крыльями как веслами. Летает она несколько лучше камышницы, но все-таки довольно плохо; поэтому редко решается подняться. Чтобы взлететь, ей

нужно сильно разбежаться; при этом она несется по поверхности воды, хлопая крыльями и так сильно шлепая ногами, что плеск слышится на далекое расстояние. Крик ее — резкое «кев» или «кюв» — напоминает лай собачонки; кроме того, она издает краткое, твердое «питц» и иногда глухое щелканье.

По нраву лысуха несколько отличается от близкой ей камышницы. Она так же мало пуглива, как и та, но осторожна и, прежде чем довериться, долго испытывает, узнает и различает людей. Селится нередко в непосредственном соседстве от жилья, около мельниц. В период спаривания каждая пара оберегает свои владения и не терпит в них никаких сожителей. Тотчас после вывода птенцов отдельные семьи соединяются в общества, которые мало помалу разрастаются в неисчислимые стаи. На зимних квартирах такие стаи буквально покрывают необозримые пространства на поверхности богатых пищей озер; но и здесь эти общества неохотно терпят в своей среде плавающих птиц других видов и в особенности стараются прогнать уток.

Пища лысухи состоит из насекомых, живущих в воде, их личинок, червей, мелких моллюсков и различных растительных веществ, находимых в воде. Разоряет ли она гнезда мелких птиц, подобно своим родичам, не доказано, хотя и не невероятно. Отыскивает пищу, плавая и ныряя, собирает ее с поверхности воды или достает со дна. Говорят, что на юге лысуха иногда выходит из воды в соседние поля за кормом. Наблюдения над пленными птицами согласуются с этим сообщением, так как они долго живут в неволе на одном зерне и считают его основной пищей, даже если им давать и рыбу.

Тотчас после прилета лысуха приступает к постройке гнезда, если поселяется на небольшом прудике; на больших же водных пространствах, где селится много пар, им приходится выдержать несколько битв, чтобы завоевать известное место. По словам Наумана, там, где птиц соберется много, нет конца дракам, возне, плеску и крику. Соседи очень часто переступают чужую границу, и законный хозяин стремительно и гневно бросается на пришельца. Согнувшись, щелкая клювами, противники наступают друг на друга и пускают в ход все оружие, которым располагают: колют клювом, бьют крыльями, топчут ногами, пока один из них не отступит. Гнездо располагается в камыше или около него у самой воды, нередко на перегнутых стеблях камыша; часто оно плавает на поверхности воды. Основа гнезда состоит из кусков камыша и соломин, а внутренняя выстилка из отборных материалов; стебли ситника и мятлика, тонкие соломинки и травинки иногда тщательно обработаны. В середине мая в гнезде находится 7-15 крупных яиц, в среднем 53 мм в длину и 36 мм в толщину. Тонкая, но прочная матовая скорлупа их очень изящно разрисована пепельно-серыми, темно-бурыми и черно-бурыми пятнами и крапинками по бледному глинисто-желтому или желто-бурому фону. Через 20 или 21 день после кладки появляются из яиц очень красивые птенцы, покрытые черным пухом, за исключением ярко-красной головы. Едва они успеют обсохнуть, как родители ведут их в воду; кормят, согревают под крыльями, предупреждают об опасности, даже мужественно защищают от врагов, вообще заботливо ухаживают за ними. Сначала птенцы держатся преимущественно в камышах или на берегу в безопасных местах; на ночь они обыкновенно возвращаются в гнездо. Потом постепенно отдаляются от родителей и становятся совершенно самостоятельными еще раньше, чем научатся хорошо летать.

Несмотря на то, что мясо лысухи по вкусу еще хуже мяса ее родичей, тем не менее, на нее кое-где усердно охотятся.

Камышница (*Gallimda chloropus*). Эту изящную птицу называют водяной курицей и камышницей зеленоногой. У нее конусовидный, сжатый с боков клюв с лобным щитом и острым мелко зубчатым краем. Ноги большие, длинные пальцы с широкой подошвой и лопастными перепонками; тупые крылья широкие, третье маховое перо у них всего длиннее; хвост короткий из 12 перьев и богатое, густое оперение в общем темного аспидно-серого цвета. Нижние шейные перья и спина оливково-бурые, гузка совсем белая. Глаза окружены тройным кольцом, внутри желтым, затем черновато-серым и снаружи красным. Клюв при основании сургучно-красный, на конце желтый; ноги желто-зеленые. Длина достигает 31 см, размах крыльев 60, длина крыла 20, длина хвоста 20 см.

Камышница распространена по всем частям света, хотя и отдельными устойчивыми разновидностями. В Европе, за исключением крайнего севера, она встречается повсюду.

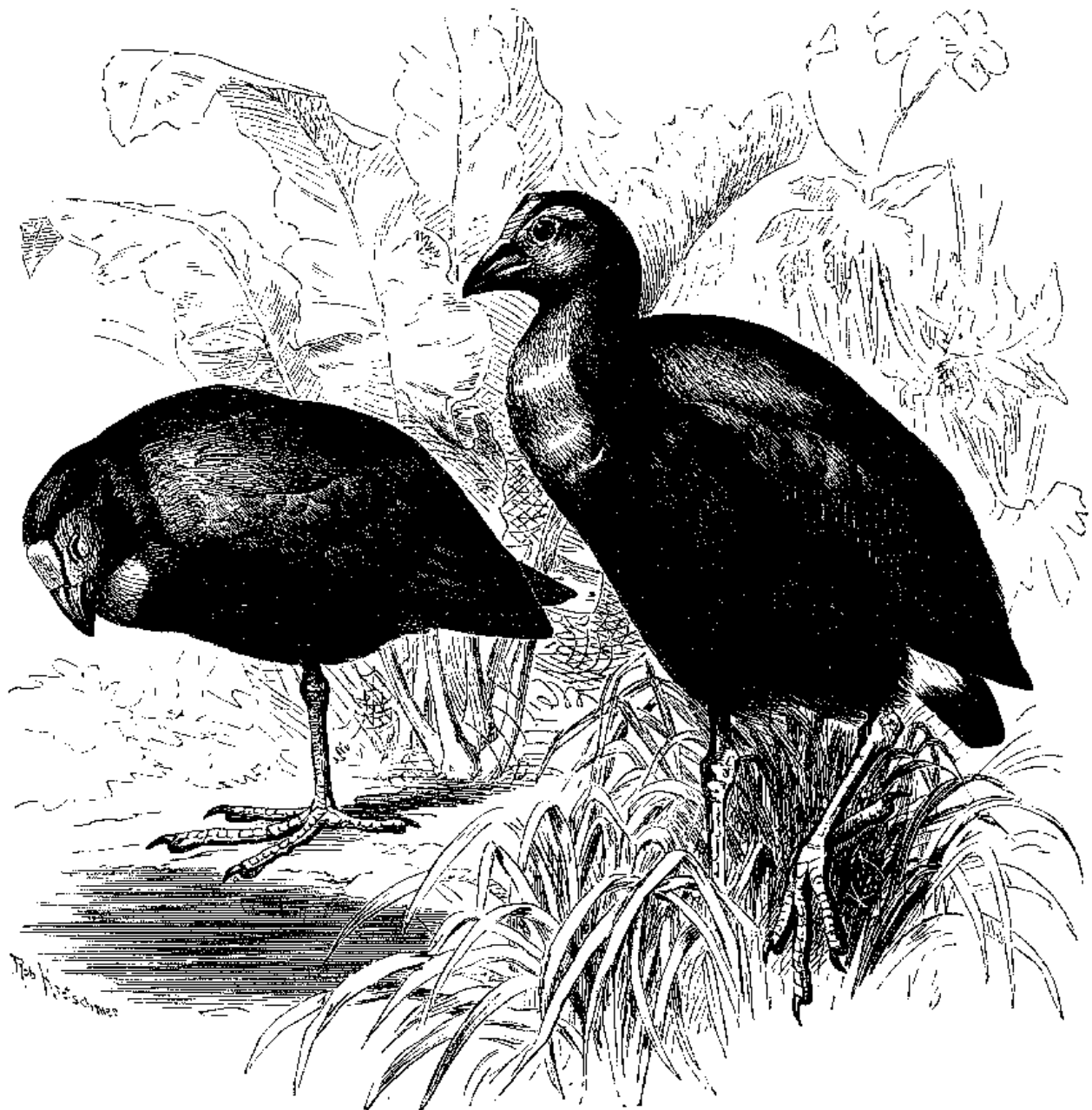
Любимым местопребыванием камышницы служат маленькие пруды, поросшие по краям камышом и осокой или, по крайней мере, закрытые тростником и кустарниками и частично покрытые плавающими водяными растениями. Каждая пара старается завладеть целым прудом, и только на более значительных водных пространствах селится несколько пар, каждая из которых строго придерживается своих владений.

"Если лебедь, — говорит Либе, — служит эмблемой гордого величия, то камышница является эмблемой грациозной подвижности. Одаренная, как едва ли какая-нибудь другая птица, краснолобая курочка ныряет так же ловко, как порхает в камыше и тростнике. Днем она плавает между листьями кувшинки и жабником почти так же легко и грациозно, как чайка, вылавливая кое-что то здесь, то там; а то нырнет и вытащит со дна пучок водяной крапивы или урути, чтобы отыскать на их поверхности раковин с горошинку или водяных насекомых. Вечером и ночью она охотно взбирается на тростник, захватывая своими длинными пальцами сразу по 3-4 стебля, притом так осторожно, что почти не производит шума. Если спугнут ее, она бежит, порхая по плавающим листьям водяных растений или, нырнув, как бы исчезает из пруда». При опасности она плавает под водой, быстро загребая крыльями, на минуту поднимается к поверхности, чтобы подышать, высунув из воды только клюв, и плывет дальше. Она летает вяло, тяжело порхая, медленно, почти по прямой линии, обыкновенно низко над поверхностью воды; только поднявшись на известную высоту, летит легче; при этом прямо вытягивает шею и ноги.

Водяная курица просыпается и начинает свою деятельность ранним утром и засыпает поздно. Весной каждой паре приходится выдержать продолжительные бои с другими парами, отыскивающими себе местожительство. Едва приблизится чужая камышница, самец, полуплавающая, полубегая по воде бросается на пришельца, распутив крылья и нагнув голову; он рубит клювом и царапает ногами, бьет крыльями и, если противник не отступает, зовет на помощь самку, пока, наконец, не прогонит пришельца. Такие драки случаются даже тогда, когда уже начата постройка гнезда. Гнездо обыкновенно висит в пучке камыша на перегнутом вниз листьях или плавает на поверхности воды между несколькими пучками, реже лежит на сухом бугре, в камыше. Кусочки дерева, дощечки, домики для гнезд уток и тому подобные материалы, плавающие на воде, идут в дело. Оба супруга строят сообща, иногда тщательно, но обыкновенно небрежно. Листья камыша, свежие и сухие, наслаиваются друг на друга и заплетаются сверху в виде корзины. Углубление гнезда глубокое, чашеобразное. По окончании постройки самка приступает к кладке. Яйца в числе 7-12 сравнительно велики, около 47 мм длиной и 29 мм толщиной, имеют плотную мелкозернистую скорлупу. Родители насиживают оба в течение 20-21 дня, самец, впрочем, только в то время, пока самка отыскивает пищу. Вылупившиеся птенцы остаются около 24 часов в гнезде, а затем выводятся на воду, где самец их радостно приветствует.

В Германии за водяными курами не охотятся, так как они умеют расположить к себе всякого, и мясо их так сильно отдает болотом, что вовсе не удовлетворяет избалованному вкусу; в южной Европе, напротив, не щадят и их.

Султанка (*Porphyrio porphyrio*). Очень большой лобный щит характеризует султанских куриц. Европейский вид этих птиц содержался древними римлянами и греками вблизи храмов и считался под покровительством богов. Это большей частью плотно сложенные птицы средней величины. Они имеют сильный, твердый, толстый клюв, очень высокий и длиной почти равный голове, большой лобный щит. Длинные сильные ноги с большими отдельными пальцами, крылья умеренной величины, четвертое маховое перо которых всего длиннее, для данного семейства сравнительно длинный хвост и гладко прилегающее, роскошно окрашенное оперение. Передняя часть головы и шеи красивого бирюзового цвета; задняя часть головы, затылок, брюхо и бедра темно-индигового цвета, который, переходя на нижнюю часть груди, спину и кроющие маховые перья крыльев, становится ярче. Гузка белая. Глаза бледно-красные; узкое кольцо вокруг глаз желтое, клюв и лобный щит ярко-красные; ноги красно-желтые. У молодых птиц спина голубовато-серая, а грудь и брюхо с белыми пятнами. Длина достигает 47 см, размах крыльев 83, длина крыла 24, длина хвоста 10 см.

Султанка (*Porphyrio porphyrio*)

Султанка живет в болотистых и богатых водой местностях Италии, Испании, Португалии, юга России, северо-западной части Африки и Палестины; она залетает нередко на север Италии и в южную Францию, несколько раз была замечена в Великобритании и один раз, в 1788 году, была убита в Мелхингене, в герцогстве Сигмаринген. Суровые зимы проводит в южной Испании и северо-восточной Африке; при более умеренной погоде она из года в год остается на своей родине.

Султанки населяют преимущественно болота, лежащие по близости хлебных полей, а часто и рисовые поля, которые, находясь постоянно под водой, превращаются в настоящие болота. По своим нравам они больше всего напоминают нашу водяную курицу, но отличаются от нее более гордой осанкой и исполненной достоинства мерной и красивой походкой. Они осмотрительно переставляют ноги, поднимая их, складывают пальцы, опуская, опять расправляют их так, чтобы они занимали возможно большую поверхность, и сопровождают каждый шаг встряхиванием хвоста. Султанки могут, впрочем, как водяная курица, нестись по волнистой поверхности плавающих растений, полупорхая, полубегая. Они очень хорошо плавают и идут в воду не только по необходимости, но очень охотно и часто сами; легко держатся на волнах и плывут, грациозно кивая головой. На лету отличаются от своих родичей только красотой оперения, но никак не ловкостью движений. Неохотно поднимаются на воздух, неловко перепархивают некоторое пространство и снова опускаются на землю, всего охотнее в камыш, осоку или хлеб, чтобы здесь спрятаться. Длинные красные ноги, свешенные на лету, очень украшают их и позволяют отличить на далеком расстоянии. Голос напоминает клохтанье и кудахтанье кур, а также голос камышницы, только он сильнее и глубже. Относительно душевных способностей этих птиц мнения наблюдателей расходятся. Собственно пугли-

выми их назвать нельзя; но они очень осторожны и, испытавши преследования, становятся необычайно трусливыми.

Султанки питаются обыкновенно одними растительными веществами, всходами хлебов и вообще травами, листьями и различными семенами, особенно рисом; но в период вывода птенцов они снуют по болотам, отыскивают и разоряют гнезда не только слабых, но и более сильных птиц. В этом отношении они очень вредны, и во всех болотах, населенных султанскими курочками, можно найти массу разбитых яичных скорлуп. Как хищные птицы или как кошка перед норой мыши, подстерегают они воробьев, которые лакомятся остатками их пищи. Одного удара сильного клюва достаточно, чтобы убить жертву; затем они разрывают ее на части, придерживая одной ногой, и ногой же подносят куски ко рту. Рыб они едят с жадностью.

В неволе все султанки легко приручаются ко всякой пище, привыкают ко всем домашним и мирно уживаются с курами, если только у тех нет цыплят. Если предоставить им больше свободы, они ходят по двору и саду или же по улице, приходят в комнаты, во время обеда выпрашивают себе остатки и становятся настоящим украшением двора; они долго живут в неволе и при хорошем уходе даже размножаются.

Обыкновенный погоныш, или болотная курочка (*Porzana porzana*). Длина болотной курочки достигает 21 см, размах крыльев 40, длина крыла 12, длина хвоста 6 см.

Наша болотная курочка выводит птенцов во всей Европе, средней и северной Азии, а зимует в южной Европе, северной и средней Африке и южной Азии. В богатых водой равнинах северной Германии она встречается во всех болотах и на всех сырых лугах, реже попадает в холмистых местностях, а в горах — только в очень немногих подходящих местностях. Она появляется на месте своего гнездования не ранее середины, большей частью в последних числах апреля и уже в конце августа откочевывает постепенно к югу, путешествуя днем и ночью, и в основном пешком; это дает возможность заметить ее в таких местностях, где она совершенно не встречается во время птенцового периода. Она выбирает летним местопребыванием преимущественно луга, прорезанные канавами и поросшие осокой, и настоящие болота и трясины, но свободную поверхность воды избегает.

Болотная курочка ведет скрытый образ жизни, прячась под защитой травы. Мало подвижная днем, она оживляется к вечеру, и ночью находится в полном разгаре деятельности. Если удастся подстеречь ее, можно заметить, что по своим движениям она напоминает коростеля, так же, как он, держится стоя, так же, как он, ходит, бегают, месит грязь и летает, при опасности дергает хвостом и т.д. Только в одном отношении она далеко превосходит своего родича: она отлично и столь же охотно, как и часто ныряет и плавает со вздернутым кверху хвостом, сопровождая каждое движение ног киванием головы, и в таком положении в высшей степени красива. Призывный голос ее, хотя и звонкий, более приближается к чириканью, чем к свисту; краткое «уйт», которое можно сравнить со звуком падения капли в наполненный жидкостью сосуд, служит выражением нежности, кажется общим обоим полам, а квакающим звуком выражается страх. Полагаясь на свое несравненное умение прятаться, она далеко не пуглива и часто подпускает к себе человека или собаку так близко, что они могут схватить ее; даже преследования почти не служат ей уроком.

Гнездо погоныша сплетено грубо и рыхло из листьев камыша и осоки или из стеблей ситника и разных трав и выстлано внутри более тонким материалом. Оно находится в мало доступных уголках гнездования, часто окруженных со всех сторон водой и никогда не бросающихся в глаза. Гнездо лежит на листьях и стеблях осоки и между ними; самка умеет с течением времени так хорошо скрыть его, что, насидев яйца в такого рода куполообразной беседке, остается совершенно недоступной даже для зоркого глаза красного коршуна. Кладка оканчивается в конце мая или в первых числах июня и состоит из 9-12 яиц вытянуто-овальной формы, около 33 мм в продольной диаметре и 24 мм в поперечном. Самец, по-видимому, принимает мало участия в насиживании, не обращает никакого внимания на птенцов: все заботы о них предоставляет самке. После трех недель усердного насиживания вылупляются из яиц птенцы в черном шерстистом пуховом оперении. Едва обсохнув, они бегут за самкой с первого дня жизни и во всем следуют примеру родителей; с ловкостью мыши шмыгают по траве, без колебаний идут в воду, плавают и ныряют и при опасности умеют так хорошо спрятаться и прижаться, что только безошибочное чутье хищных млекопитающих в состоянии отыскать их. Еще не оперившись, они покидают самку, расходятся и вступают на собственный страх в борьбу за существование.

Эта беззащитная птица имеет много врагов, а еще больше охотников за ее яйцами, так что сильного размножения ее только хватает на покрытие потерь. Ее редко стреляют, еще реже ловят, и то большей частью случайно при охоте за бекасами.

В прекрасные майские вечера с лугов и полей доносится странный трескучий звук, подобный тому, который получается, если проводить щепкой по зубьям гребешка. Этот звук раздается с небольшими перерывами до поздней ночи и с раннего утра до восхода солнца, притом редко с одного места, но большей частью то оттуда, то отсюда, хотя и в пределах известных границ. Птица, производящая этот треск, **коростель** (*Crex crex*), по-другому дергач, дергун, кречек. Отличительными признаками его служат: высокое, сильно сжатое с боков туловище, средней длины шея и довольно большая голова; гладкое, но не особенно густое оперение. Сверху оперение черно-бурого цвета с оливково-серыми пятнами; пепельно-серое на горле и передней стороне шеи; буро-серое с буро-красными поперечными пятнами на боках и буро-красное с желтовато-белыми пятнами на крыльях. Глаза светло-карие, клюв красноватого буро-серого цвета, ноги свинцово-серые. Длина достигает 29, размах крыльев 47, длина крыла 14, длина хвоста 2 см. Окраска самки менее яркая.

Коростель распространен по северной Европе и значительной части Средней Азии. В южной Европе он появляется во время перелета, но, по-видимому, гнездится лишь в исключительных случаях, да и во время перелета встречается там по одиночке. К моему большому удивлению, я нашел его раз в девственных лесах средней Африки. В Германии многие думают, что он предводительствует перепелами; греческие охотники также утверждают, что во главе каждой стаи перепелов находится коростель. На чем основано такое мнение, остается вопросом, так как коростель по образу жизни не имеет ничего общего с перепелами и даже перелетает не всегда одновременно с ними. Они путешествуют ночью и большую часть пути совершают, вероятно, пешком.

В выборе себе местопребывания коростель сообразуется с обстоятельствами. Он населяет плодородные местности, особенно равнины, не избегая, однако, и холмистых областей. Всего охотнее располагается на лугах, окруженных хлебными полями или лежащих поблизости, но одинаково не любит как слишком сухих, так и слишком сырых мест и, по-видимому, ему приходится долго искать, прежде чем найти себе вполне подходящее местожительство. После покоса он переселяется на хлебные поля, а во время жатвы уходит отсюда в кустарники, но не раньше, чем его выгонит коса.

Коростель скорее ночная, нежели дневная птица; по крайней мере, он умолкает в жаркие часы дня и кричит всю ночь, за исключением полуночи. «Чтобы оставаться хорошо скрытым, — говорит мой отец, — коростель устраивает себе в высокой траве особые ходы, в которых бегаёт с большим удобством, не шевеля ни травинкой. Этим объясняется, почему можно в короткий промежуток времени услышать его крик то там, то сям и почему его быстрое беганье не выдаетя движением травы. Он использует в качестве таких ходов канавки, прорезывающие луга и закрытые свешивающейся травой; здесь он находится в полной безопасности от преследований хищных птиц и многих хищных зверей. Коростель изумительно скоро бегаёт; при этом наклоняет голову вниз, вытягивает шею, придает телу горизонтальное положение и на каждом шагу кивает головой. Очень узкое тело позволяет ему быстро бежать в траве и хлебах даже там, где нет ходов, так как легко может пробраться всюду. Коростель летает быстро в прямом направлении и низко над землей, свесив вниз ноги, но пролетает лишь небольшие расстояния. Его очень трудно поднять, так как он хорошо понимает, что в густой траве находится в большей безопасности, чем на воздухе, и потому только легавая собака может заставить его взлететь. От человека почти всегда убегает. Коростель обладает особым умением прятаться не только в траве, хлебах и кустах, но даже под осокой и в валежнике, и обыкновенно его замечают только тогда, когда он уже убегает». Собаку коростель иногда подпускает к себе так близко, что ей удается схватить его при взлете. Поднявшись, он порхает, как молодая птица, впервые пробующая свои крылья, и как можно скорее опять опускается на землю.

Тотчас после прилета коростель приступает к размножению, оттого-то именно раздаётся почти непрерывно его «эррп-эррп-эррп» или «кнеррп-кнеррп». Нежным «кью-кью-кью» ласково зовет он самку, и та отвечает на его любовный зов подобным образом. Если другой самец переступит границы владений, он бросается на него со страшным злобным криком и прогоняет.

Парочка только тогда приступает к постройке гнезда, когда трава достигнет значительной высоты, в некоторые годы не раньше конца июня. Она выбирает сухое место в пределах своих владений и, выкопав здесь углубление или ямку, выстилает ее сухими листьями и стеблями трав, мхом и тонкими корешками. Число яиц колеблется между 7-9, но может дойти и до 12. Яйца относительно велики, имеют 37 мм в длину и 26 мм в толщину, красивой яйцевидной формы, с плотной, мелкозернистой, гладкой и блестящей скорлупой и усеяны мелкими глинисто-красными, бледно-красными, красно-бурыми и пепельно-голубыми пятнами по желтоватому или зеленовато-белому фону. Самка насиживает в течение трех недель и так усердно, что иногда ее можно снять с гнезда руками; она не убегает даже от косы и становится нередко жертвой материнской преданности. Птенцы, покрытые черным шерстистым пухом, вскоре выбегают из гнезда, но мать собирает их вме-

сте. Они отвечают на ее зов писком и собираются под ее крылья; испуганные, рассыпаются во все стороны, и в одно мгновение так хорошо прячутся, что их очень трудно найти. Несколько подросши, птенцы пробуют уже спасаться бегством и выказывают при этом столько же проворства, как раньше в умении прятаться.

В Германии коростеля стреляют при случае; в Испании и Греции его стреляют чаще и постоянно продают на базарах, так как мясо его считается очень вкусным блюдом.

Семейство лапчатоголовые

В Южной Америке, в восточной, западной и южной Африке живут странные маленькие птицы относительно положения которых в системе натуралисты до сих пор не согласны между собой; внутреннее строение их и особенное строение скелета доказывают близкое родство с пастушками. Ныряющие курочки, так зовут этих маленьких, стройно и сильно сложенных птиц. Тонкий и невысокий клюв имеет длину головы; на спинке он закруглен; лобного щита нет; ноги очень коротки и покрыты перьями до плюсны; пальцы длиннее плюсны и имеют широкие лопастные перепонки, которые образуют между передними пальцами короткую плавательную кожицу; только короткий задний палец не имеет перепонки; второе и третье маховые перья крыльев всего длиннее; сильный хвост состоит из 18 слегка закругленных перьев.

У **малого американского лапчатогола, или пикопара** (*Heliornis fulica*), голова и верхняя часть шеи черные; спина, крылья и хвост бурые; брови, горло и передняя сторона шеи белые; грудь и брюхо желтовато-белые. Глаза карие.

Клюв, рогового бледно-желтого цвета, в старости — красный, при основании с буроватой спинкой, на конце с черными пятнами, ноги красновато-желтые, плюсна с внутренней и задней стороны черная; все пальцы с черной полоской на каждом сочленении. Длина достигает 31, размах крыльев 82, длина крыла 14, длина хвоста 8 см.

Принц фон Вид дал довольно подробное описание ее образа жизни. «Пикопара, — говорит он, — живет в Бразилии и Парагвае и распространена, по словам Азары, до 25 градусов южной широты, следовательно водится в значительной части Южной Америки. Она часто попадает на всех реках восточной Бразилии, где держится в густой тени кустарников и водяных растений, покрывающих речные берега. Во всех тихих, уединенных местах наверное можно найти ее. Нередко она сидит на тонкой ветке в воде и отвешивает поклоны. Она питается семенами и водяными насекомыми, ловя которых, иногда, правда редко, погружает в воду переднюю часть туловища. Голос ее состоит из нескольких сильных растянутых горловых звуков, похожих издали на лай маленькой собачки.

Двух птенцов своих пикопара выводит в жаркое время года. Сначала они совершенно голы и прячутся под крылья родителей, удерживаясь там клювом. Однажды в декабре я убил самца, который носил под крылом только что вылупившегося еще совсем голого птенца. Когда птенцы подрастут, можно видеть их сидящими на спине у самки и ныряющими вместе с нею. Заметив опасность, или когда подойдут к ней слишком близко, птица взлетает, когда не имеет при себе птенцов, но скоро опять опускается в тень береговых кустов. При настойчивом преследовании она прячется в густых кустарниках берега или спешит к суше, чтобы здесь скрыться до минования опасности. Ныряет она только в крайних случаях, особенно подстреленная; она долго остается тогда под водой, хотя и значительно уступает в умении нырять гагаркам. Я находил пикопару на реках даже в девственных лесах».

Семейство кагу

Кагу (*Rhinocetus jubatus*), гнездящийся в Новой Каледонии, является единственным видом семейства того же имени. Тело сжатое, прямой клюв умеренной длины. Плюсна толстая и приблизительно вдвое длиннее среднего пальца; передние пальцы совершенно свободны, короткий задний палец прикрепляется высоко. Мягкое оперение серого цвета; длинные перья затылка рассучены; нижняя сторона тела светлого ржаво-бурого цвета. Хвост зеленый при основании и красно-бурый на конце; маховые перья украшены поперечными полосками — черными, белыми с черным рисунком под мрамор и отчасти бледными ржаво-бурыми.

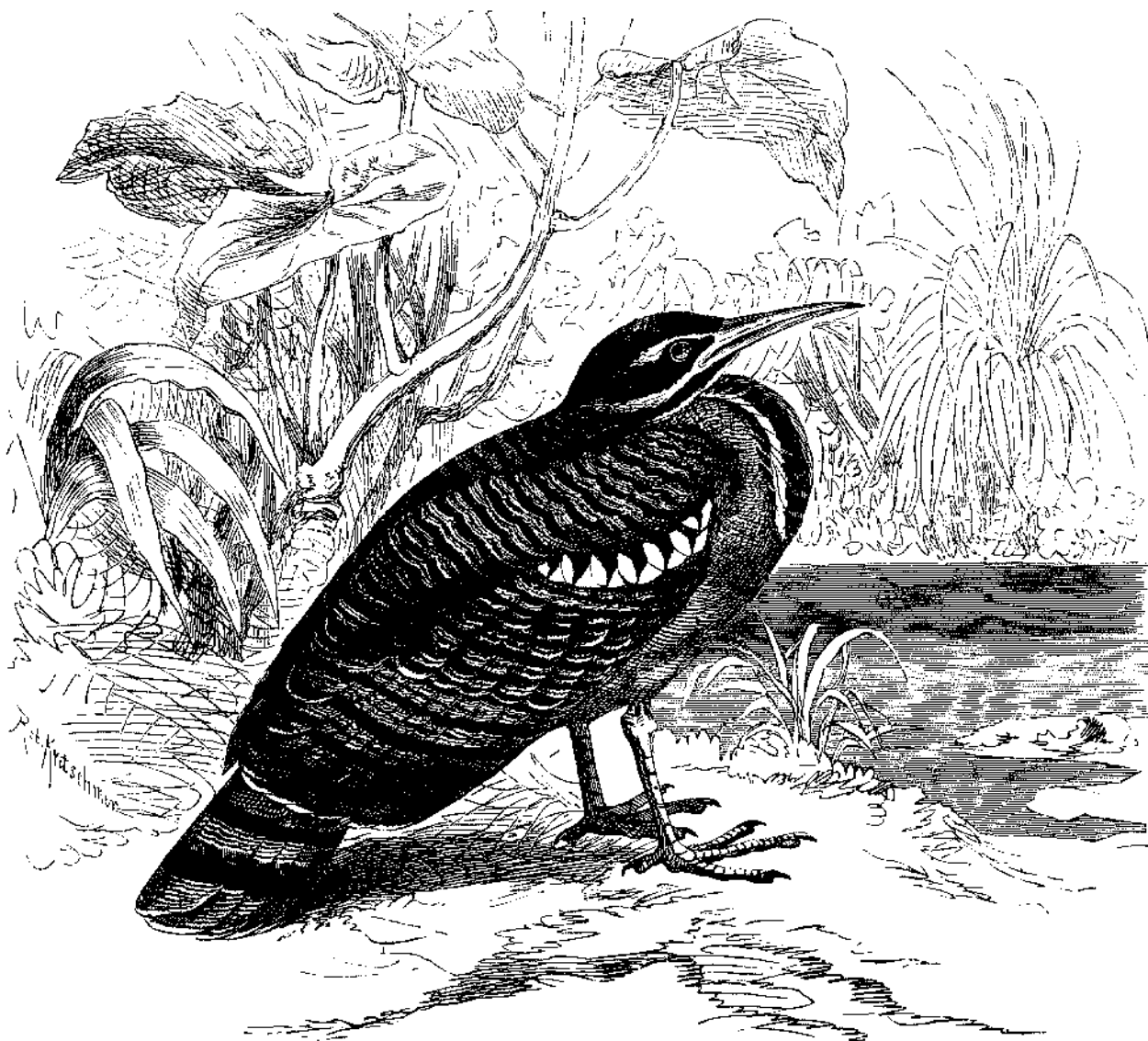
Кагу ведет ночной образ жизни и питается исключительно животными, особенно слизнями и червями.

Семейство солнечные цапли

У **солнечной цапли** (*Euryuga helios*) точное описание оперения невозможно, вследствие чрезвычайного разнообразия окраски и рисунков, и завело бы слишком далеко. Глаза красные, клюв желтого воскового цвета, ноги соломенно-желтого. Длина достигает приблизительно 42 см.

Только благодаря новейшим путешественникам мы имеем кое-какие сведения о жизни солнечной цапли на свободе. Эта птица, которую не без основания сравнивали с большой оперенной бабочкой, живет в северной части Южной Америки от Гвианы до Перу и от Эквадора до средней Бразилии, на морском побережье и берегах рек, особенно Ориноко, Амазонки. «Благодаря своему красивому оперению, представляющему смесь цветов серого, желтого, зеленого, черного, белого и бурого, — говорит Шомбургк, — солнечная цапля является одним из прекраснейших представителей фауны этой страны, где птицы вообще так богаты роскошными цветами, особенно когда она, как индюк, распустит хвост и крылья, которые блестят на солнце и играют цветами. Она встречается по одиночке, реже парами, в лесах, на местах, освещенных солнцем, но преимущественно на берегах рек. Питается мухами и другими насекомыми, которых ловит настолько ловко, что те редко ускользают от нее. Всегда подвижная, поворачивая постоянно голову во все стороны, она разыскивает добычу на земле и на листьях низких кустарников. Когда ее зоркие глаза заметят насекомое, она тотчас умеряет шаги, осторожно подступает, быстро вытягивает шею и притом так сильно, что в одно мгновение успевает схватить и проглотить жертву, не подозревающую даже близости врага». По словам Бэтса, солнечная цапля часто встречается на Амазонской реке, но ее не все замечают, так как птицу скрывает пестрая листва, и только призывный голос, тихий, протяжный свист, выдает ее присутствие. Веддель тоже говорит, что ему нечасто удавалось видеть эту птицу, но не потому, что она редка, а благодаря ее пугливости. Умея подражать крику, можно заманить цаплю в глубь леса. По словам Гудо, она чаще всего попадает в сумерки, так как именно в эту пору оживляется.

Кастельно называет солнечную цаплю дикой и злой, похожей по образу жизни и нравам на цапель. Если к ней приблизиться, она расправляет крылья и готовится к защите; на врага своего бросается иногда, как кошка. Несмотря на это, ее, вероятно, легко поймать и приручить, так как цапля встречается в ручном состоянии во всех поселениях индейцев и на дворах европейцев, живущих на ее родине, и пользуется особым почетом.

Солнечная цапля (*Eurypyga helios*)

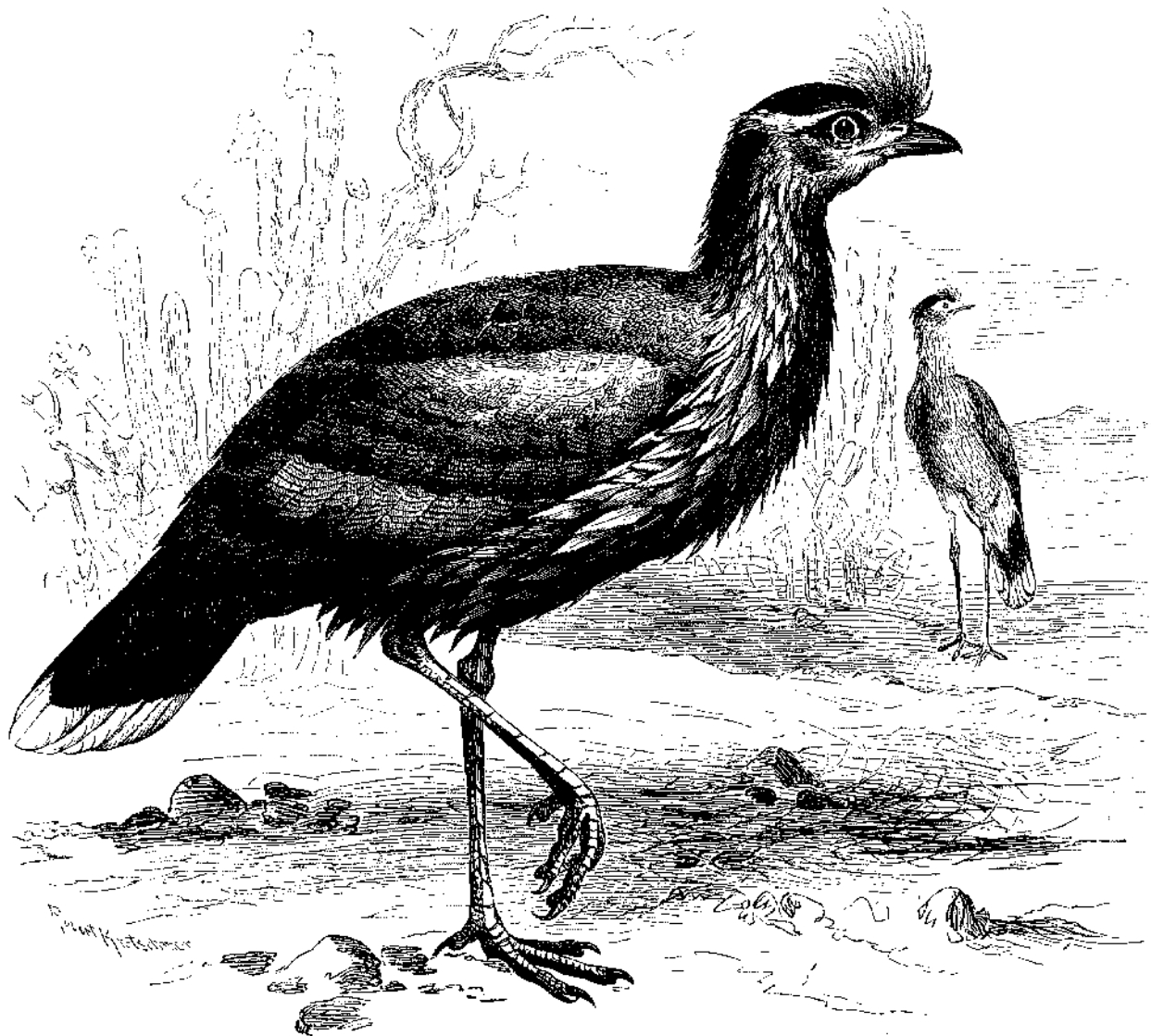
На Амазонке ее называют «паваоне» или павлином и пользуются этим именем как кличкой для пленных птиц, так как они приучаются следовать за хозяином, как собаки. Плаца видел в Сарайку экземпляр, проживший в неволе 22 года, а Шомбургк и Бэте подтверждают, что эту птицу держат очень охотно, благодаря легкости приручить и ее долголетию. В неволе она большей частью бегаёт на свободе, смешивается с домашними птицами, без всякого страха расхаживает перед собаками, но хорошо различает чужих животных и робко скрывается от незнакомых людей. Приятно наблюдать, как она охотится за насекомыми в комнатах и в поле, перед домом и на крыше. Бэте уверяет, что цапля позволяет детям играть с ней, откликается на зов и прибегает, чтобы взять из рук предлагаемую ей пищу.

Первые сведения о размножении птицы сообщил нам Гудо. Гнездо всегда расположено над землей на деревьях, на высоте 2 м; кладка состоит из двух яиц, усеянных более или менее крупными пятнами и отдельными точками темно-бурого цвета по суриково-красному фону. Птенцы покидают гнездо в августе.

Семейство сериемные

Оперение *сериемы* (*Cariama cristata*) серого цвета. Каждое перо разрисовано тонкими, светлыми и темными поперечными зигзагообразно-волнистыми линиями; на перьях передней части груди эти линии не доходят до стержня, благодаря чему вдоль него получается продольная полоса. Перья нижней части брюха не имеют рисунка. Удлиненные перья головы и шеи черно-бурые, маховые перья черные с беловатыми поперечными полосками на внутренней части опахала, перья прибавочного крыла с белыми концами; оба средних рулевых пера хвоста однородного серо-бурого цвета, остальные перья черно-бурые посередине и белые при основании и на конце. Глаза светло-желтого цвета, уздечка серовато-мясного цвета, голое кольцо вокруг глаз голубоватое, клюв кораллово-красный, ноги спереди красновато-бурые, с боков кирпично-красные. Самка отличается от самца более короткими перьями на затылке и желто-серым основным тоном окраски. Птенцы во всех существенных чертах похожи на самку. Длина достигает 82 см, длина крыла 37, длина хвоста 31 см.

Об образе жизни *сериемы* дали нам подробные сведения принц фон Вид и Бурмейстер, и их сообщения существенно дополнены в последнее время Гомейером, которому удалось наблюдать пойманную птицу; таким образом, мы можем в настоящее время похвалиться достаточным знакомством с этим странным животным, загадочным для многих исследователей. *Сериема* распространена по значительной части Южной Америки и живет на обширных, открытых пастбищах внутренней Бразилии, где небольшие возвышенности или равнины, поросшие травой, сменяются редкими кустарниками. Она встречается парами или, после гнездового периода, семействами штуки по 3—4, но видеть ее удается только там, где она не может спрятаться в траве. Ее окраска, по словам Бурмейстера, очень выгодна в сухих степях. Птица прижимается, услышав шум, и только время от времени несколько приподнимает голову; затем быстро бежит в траве, совершенно не показываясь. «Хотя я слышал птицу ежедневно в саваннах, — говорит Бурмейстер, — именно на раннем рассвете, лежа на своей постели, но никогда не видал ее лицом к лицу. Я часто слышал звук рядом с собой, но стоило мне броситься по его направлению, и все замирало, ничто не шевелилось не только птица, но и ни одна травинка». Аргентинского родича *сериемы*, называемого там «чунья», также чаще слышно, нежели видно; тем не менее, Бурмейстеру два раза удалось видеть его. Принц фон Вид говорит, что бег этой птицы похож на бег индюка; Бурмейстер прибавляет, что она бежит скорее лошади, бегущей рысью, и что последняя может догнать ее только галопом. Гомейер замечает, что на бегу птица сильно наклоняется вперед, придает туловищу и сложенному хвосту горизонтальное положение и плотно прижимает к телу крылья, несколько не распуская их. В спокойном состоянии шея втянута, передняя часть туловища приподнята и хвост опущен. Гомейер наблюдал, что *сериема* проводит ночь на деревьях и никогда на земле. Поднимаясь по дереву, она выказывает большую неловкость, и ей нужно много времени, чтобы добраться до намеченного места. Здесь она втягивает шею и подбирает ноги и проводит ночь, скорчившись таким образом. Бурмейстер также говорит, что она проводит ночь на вершинах деревьев умеренной высоты. На свободе, как и в неволе, часто раздаётся ее громкий, далеко слышимый голос. По мнению Бурмейстера, он звучит как лай и тьяканье молодой собаки, а по словам Гомейера, напоминает голос хищных птиц и необыкновенно пронзителен.

Сериема (*Cariama cristata*)

Пища сериемы состоит преимущественно из насекомых, водящихся в пампасах; она уничтожает также много змей, ящериц и т.п. Поэтому пользуется в Бразилии общим уважением, и закон запрещает убивать ее. Принц фон Вид, вскрывши желудок птицы, нашел его набитым кузнечиками; Бурмейстер причисляет к ее пище и сочные ягоды.

В период спаривания самцы ожесточенно дерутся из-за самок. Принц фон Вид непосредственно наблюдал эти драки в феврале. «Они преследовали друг друга в густом утреннем тумане и подошли к нам случайно так близко, что мы видели, как они быстро бежали с широко раскрытым клювом». Гомейер тоже упоминает о драчливости сериемы и описывает принимаемые птицей боевые позы. «Во время драки, — говорит он, — сериема делает бешеные прыжки, нахваливает шейные перья, надувается как хищная птица и при каждом прыжке распускает хвост веером и вместе с тем иногда, для удержания равновесия, то одно, то другое крыло. То прыжками, то бегом наступает она на противника и преследует его, сопровождая это смешными движениями. Собственно оружием ей служит клюв, которым она, время от времени, наносит противнику меткий удар и вырывает клочок перьев; ногами же она только толкает и топчет его, но никогда не царапает. Впрочем, эти ссоры серием между собой или с другими птицами не продолжительны и никогда не принимают злобного характера».

Гнездо устраивается на низком или не слишком высоком дереве. До одного из таких гнезд, найденного принцем фон Видом, можно было достать рукой. Оно состояло из сухих хворостинки, в беспорядке наложенных на ветви; слой глины или коровьего навоза служил подстилкой. В гнезде находились два яйца белого цвета с редкими ржаво-красными крапинами; яйца приблизительно равные по величине павлиньим яйцам. Птенцы покрыты густым пухом ржаво-желтого цвета с волнистым серо-черно-бурым рисунком; они проводят некоторое время в гнезде, но потом, говорят, изгоняются оттуда родителями.

«Хотя мясо этой птицы бело и так же вкусно, как и куриное, — продолжает принц фон Вид, — тем не менее, за ними редко охотятся. Благодаря пугливости, трудно подойти к птицам на расстояние выстрела; даже моим охотникам, засевшим около гнезда, не удалось перехитрить стариков. Как только сериема заметит что-нибудь необычайное, она сейчас же умолкает, и через несколько мгновений голос ее раздастся уже издали; иногда она прячется в кустах. Лучший способ охоты за этой птицей — преследовать ее верхом рысью и не терять из виду. Отрезав ей кругом путь к кустам и ускорив бег, наконец, удается утомить ее. Как только охотник заметит это, он быстро подъезжает к птице, которая мечется из стороны в сторону, и набрасывает на шею петлю или убивает выстрелом, если она успела подняться на дерево, пролетев недолго и низко над землей. Обыкновенно она прижимается к земле, и ее можно поймать руками живую. Я долго и тщетно ходил со своими охотниками, разыскивая эту птицу, пока не встретился мне случайно отважный плантатор на быстром жеребце. Он обещал устроить зрелищную охоту за сериемой и поскакал к птице, крик которой вдруг раздался, и погнался за ней. Мы с удовольствием смотрели, как всадник скорой рысью неотступно преследовал быструю птицу по пригоркам и холмам, через тихие долины и равнины, как он в высшей степени ловко перерезал ей путь к кустам и, наконец, принес нам красивую добычу живой».

Семейство дрофины

Дрофа (*Otis tarda*) самая большая из европейских птиц. Ее длина достигает свыше одного метра, размах крыльев 2,2-2,4 м, длина крыла около 70 см, хвоста — 28 см; вес птицы 14-16 кг. Голова, верхняя часть груди и часть крыла светлого пепельно-серого цвета. Спина по ржаво-желтому фону испещрена черными поперечными полосками; затылок ржавого цвета. Нижняя часть тела грязно-желто-белая. Маховые перья темные серо-бурые с узкими черно-бурыми наружными бородками и такими же кончиками; стволы их желтовато-белые. Перья предплечья черные, у корня почти чисто белого цвета. Рулевые перья прекрасного цвета с белыми кончиками и черными полосками перед ними; крайние из них почти белые. Борода состоит из 30 длинных, нежных, узких, расчученных серовато-белых перьев. Глаза темно-карие; клюв черноватый; ноги серовато-рогового цвета. Самка отличается заметно меньшей величиной, менее ярким оперением и отсутствием бороды; длина ее не превышает 70 см, а размах крыльев — 180 см.

Начиная с южной Швеции и средней России, дрохвы водятся во всей Европе и Средней Азии; в одиночку же и только зимой они попадают в северо-западной Африке. В Великобритании они совершенно истреблены, хотя иногда еще появляются в качестве перелетных птиц; во Франции они сделались очень редкими птицами; в Испании встречаются только в некоторых местностях. В Венгрии, Молдавии и Валахии, в Румынии, в южнорусских степях и во всей Средней Азии дрофы считаются самыми обыкновенными птицами; они встречаются также в Малой Азии, в северной Сирии, Палестине и Марокко*.

** В наше время в Европе дрофа сохранилась в Испании, Германии, Венгрии, Чехии, Словакии, Австрии, Сербии, Болгарии, Румынии, Молдавии, Украине и России. В других европейских странах она уже не встречается. Везде дрофа находится под охраной, она внесена в список глобально уязвимых видов и в Красные книги многих стран.*

Дрофа всюду предпочитает те местности, в которых занимаются хлебопашеством. Радде встречал ее, например, в тех местах, в которых резче всего проявлялся степной характер Средней Азии, гораздо реже, чем в Нижнеудинских и Баргузинских степях и в долине реки Селенги, хотя здесь местность холмистая или гористая. Но встречал именно потому, что и в тех, и в этих степях большое пространство земли засеяно хлебом. В Греции дрофа принадлежит к числу оседлых птиц всех равнин. В Испании она оживляет обширные плодородные пространства обеих Кастилии, Ла Манчи, Эстремадуры и Нижней Андалузии. На островах Средиземного моря встречается только изредка.

В России и в Средней Азии дрофа перелетная или, по крайней мере, кочевая птица. Она появляется здесь в известное время весной и остается на месте своего гнездовья только до августа, предпринимает, стало быть, ограниченное путешествие. Вальтер видал ее в Туркмении только как пролетную птицу, но слышал, что зимой там встречаются стаи дроф, по крайней мере, те, которые располагаются здесь на временный отдых во время своего пролета.

Дрофа избегает лесистых местностей, потому что она за каждым кустом видит засаду. Точно так же избегает близости жилищ. Кюльц рассказывает, что в Евпатории, во время продолжительного холода, он видел стаю дроф, пролетавшие так низко над городом, что каждый, по своему желанию, мог стрелять их из ворот своего дома.

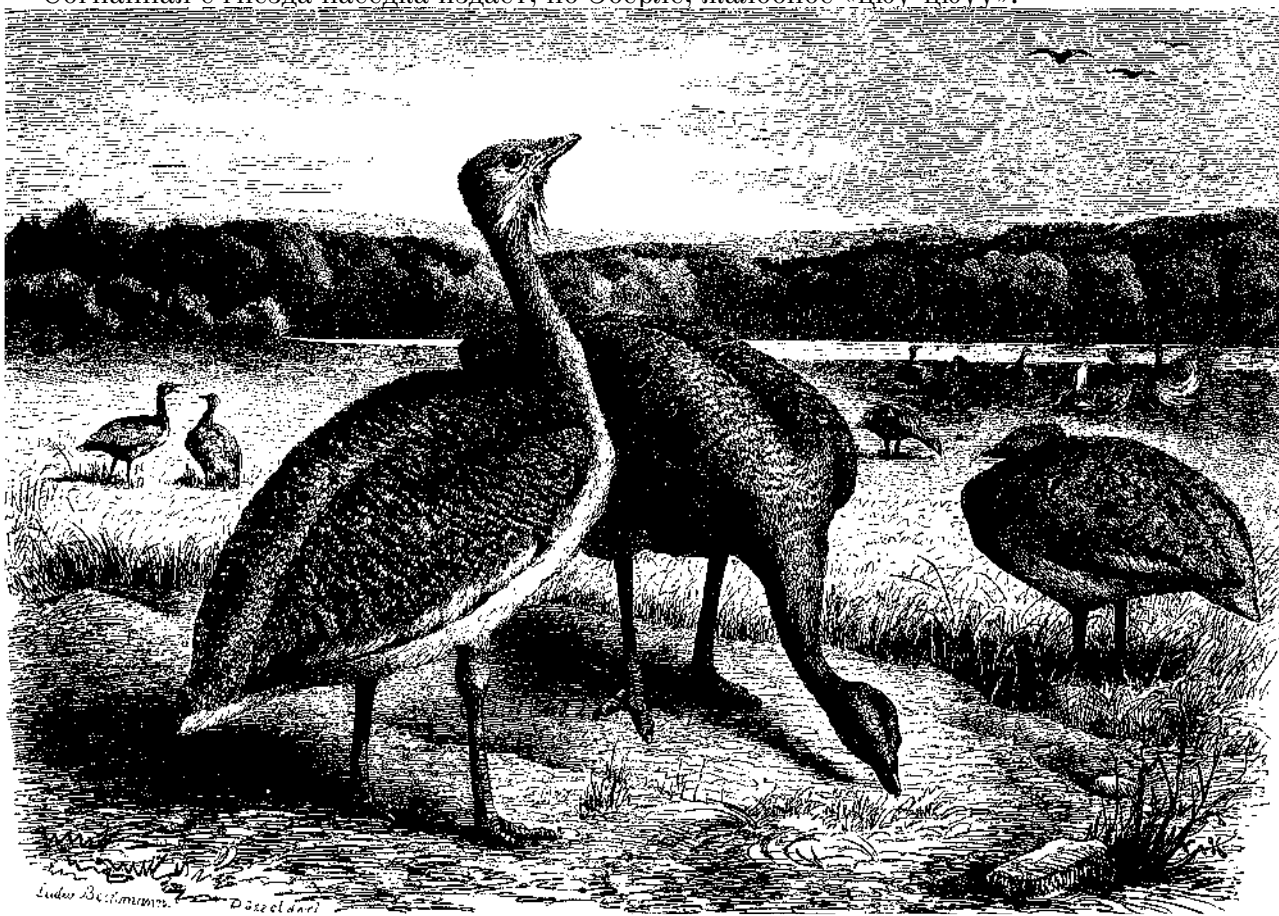
Походка дрофы медленная и размеренная, придающая птице известную сановитость; но, в случае необходимости, она может бежать так быстро, что ее с трудом настигает даже собака. Перед

взлетом она делает разбег в два-три маленьких прыжка, и затем уже поднимается на воздух, хотя не очень быстро, но без всякого усилия. Летит она, рассекая воздух медленными взмахами крыльев, но, когда достигнет известной высоты, устремляется так быстро, что охотник, желающий убить ее из винтовки, должен быть очень в себе уверен. Науман полагает, что ворона должна напрягать усилия, чтобы лететь наравне с дрофой; мне же лично никогда не случалось видеть, чтобы она летела так быстро.

При полете дрофа вытягивает шею и ноги, а тяжелая грудь ее несколько свешивается вниз; поэтому ее можно узнать еще издали. Когда целая стая дроф поднимается одновременно, то каждая птица держится на известном расстоянии от другой, как будто из страха задеть друг друга своими крыльями.

Голос дрофы, который она подает во всякое время, трудно выразить слогами; это тихое и своеобразное трещание, слышное только на самом близком расстоянии от птицы. В брачную пору Науман изредка слышал низкий глухой звук, будто в горле что-то бурлит, и сравнивает его со звуками «ху-ху-ху» домашнего голубя-самца.

Согнанная с гнезда наседка издает, по Эберле, жалобное «щю-щюу».

Дрофа (*Otis tarda*)

Опыт доказывает, что из всех внешних чувств у дрофы зрение самое развитое. От ее зоркого глаза ничто не укроется. «Дрофа уже издали, — говорит Науман, — усматривает грозящую опасность, в особенности, когда она представляется в виде подозрительной личности; охотник, надеющийся застать врасплох эту птицу, обыкновенно заблуждается, думая, что он настолько отдален от нее, что не может быть замечен. Напрасно он надеется, добравшись до холма или бугорка, под этим прикрытием приблизиться к птицам на расстояние выстрела.

В тот самый момент, когда он, по его мнению, скрылся из виду дроф, они обращаются в бегство. Завидев опасность, дрофы вытягивают шею, но случается, что и нет; тем не менее всякий, знакомый с их нравами, замечает, что даже в том случае, когда они напускают на себя наружное спокойствие, то перестают пастись, некоторые смиренно стоят на одном месте, другие беспокойно шныряют туда и сюда, но все стремятся к одному — спастись бегством. Каждый человек, внимательно рассматривающий дрофу, кажется ей подозрительным, будь он в образе крестьянина, пастуха или даже женщины. Можно подумать, что птицы на расстоянии более 300 шагов умеют читать по лицу человека, замышляет он против них что-нибудь злое или нет. Точно так же они умеют отличить ружье от всякой похожей на него простой палки».

Науман полагает, что обоняние у дроф развито очень мало. Ему не раз случалось сидеть в землянке среди них, а они самым беззаботным образом расхаживали вокруг его засады до того близко, что некоторых он легко мог схватить рукой; их не пугал даже запах табачного дыма, выходящего из отверстия, проделанного в землянке для ружья. Во всяком случае, обоняние у них действительно очень слабое; но то, что дрофы отлично слышат, не подлежит никакому сомнению.

Взрослая дрофа питается главным образом зелеными растениями, зернами и семенами, в молодости же почти исключительно насекомыми. Она ест все наши овощи, за исключением только картофеля, до которого обыкновенно не дотрагивается; всего же охотнее — молодой горох, капусту, не пренебрегает также сурепицей и горчицей, а в случае нужды ошипывает кончики обыкновенной травы. Зимой она питается преимущественно рапсом и злаками; летом, наряду с растительной пищей, ест и некоторых насекомых, хотя специально за ними не охотится, подстерегает, при случае, полевую мышь и поедает всякое подвернувшееся ей маленькое животное. Из наблюдений Эльснера вытекает, что дрофа только случайно разоряет гнезда. Всякую еду она берет клювом и разве лишь зимой раскапывает иногда ногами скрытую под снегом пищу. Для улучшения пищеварения глотает мелкие камешки. Жажду утоляет каплями росы, покрывающей утром траву.

Уже в феврале, по наблюдениям Наумана, в поведении свободно живущих дроф замечается существенная перемена. «С этих пор оканчивается регулярное посещение известных пастбищ, определенный полет дроф к этим лугам и обратно, и миролюбивое сожительство между собой. Ими овладевает какое-то беспокойство, пробуждающее их к кочевке с одного пастбища на другое во всякое время дня. Самцы начинают ссориться из-за самок, преследовать друг друга. Союзы становятся шаткими, однако совершенно не распадаются. При таких обстоятельствах нередко случается, что в самозабвении дрофы летают над деревьями и в деревьях, даже по самым оживленным местам, так низко от земли, как никогда в обычное время. С гордой осанкой, надувшись, как индюки, приподняв распущенный веером хвост, самцы расхаживают около самок, редко отлетают далеко и, опустившись, тотчас снова принимают прежнее положение». Горловой мешок до того раздувается, что шея самца становится вдвое толще обыкновенного. В начале любовной поры возбужденный самец расхаживает с чуть опущенными крыльями и косо приподнятым в виде крыши хвостом. Но вскоре им овладевает весь пыл любовной страсти: тогда он надувает шею, закидывает голову так далеко назад, что она совершенно лежит на затылке, расширяет и опускает крылья, причем все перья их обрацает вверх и вперед, так что последние плечевые перья почти закрывают голову сзади, а перья бороды — спереди; хвост отбрасывает так далеко вперед, что, строго говоря, видны только растопыренные нижние кроющие перья; наконец, верхнюю часть тела он пригибает книзу и в таком виде представляет собой какой-то удивительный перовой шар. Самонадеянность, заметная во всем его существе, выражается по временам в необыкновенной храбрости и в вызывающем задоре. Каждый самец служит для него теперь предметом ненависти и презрения. Он силится вызвать в нем чувство почтения, но так как и противник воодушевлен теми же побуждениями, то ему редко удается иметь успех, а потому волей-неволей приходится тотчас же начать бой. Смелые бойцы спешат друг к другу странными прыжками; для обеспечения победы пускается в дело вся сила клюва и ног. Ссорящиеся самцы преследуют друг друга даже на лету, причем делают в воздухе такие эволюции, каких нельзя было даже ожидать от них, и беспощадно долбят друг друга клювами. Но постепенно водворяется спокойствие. Сильнейшие самцы овладевают самками, и только слабенькая молодежь пытается еще с детским задором воспроизвести серьезное сражение, только что закончившееся у старших. С этих пор самец и самка держатся постоянно вместе; куда летит одна, туда же следует и другой*.

** Это не совсем так. Дрофы птицы полигамные, они образуют пары только на очень короткое время для спаривания. Спаривание происходит на току, самки устраивают гнезда без участия самцов. После спаривания парные отношения не поддерживаются.*

Гнездовье выбирается очень осторожно, причем старые пары относятся к этому делу еще заботливее молодых. Когда хлеб на полях поднимется уже настолько высоко, что может скрыть насиживающую самку, та выкапывает в земле небольшое углубление, выстилает его несколькими сухими стебельками, соломинками и былинками и кладет в него два или в виде исключения три небольших яйца, которые имеют 78 мм длины и 56 мм толщины; они короткой, овальной формы, с крепкой грубозернистой скорлупой без всякого блеска, по бледно-оливково-зеленому или матово-серо-зеленому фону рассеяны темные пятнышки и разводы. Дрофа приближается к своему гнезду обыкновенно с величайшей осторожностью, буквально подкрадывается к нему, очень редко показывается в это время и, лишь только заметит кого-нибудь, тотчас же прижимает плотно к земле шею, которую во время высидывания она держит прямо. Стоит только показаться неприятелю, как она

тотчас же невидимо проскальзывает в рожь; если опасность появляется совершенно неожиданно, то вспархивает, но тотчас же снова бросается в рожь и скрывается бегом между колосьями. Если человеку случится дотронуться голой рукой до яиц дрофы, то она никогда уже к ним не вернется. Точно так же она безвозвратно покидает гнездо, если заметит, что почва около него утоптана человеческими ногами**.

* * *Последние два утверждения не соответствуют действительности.*

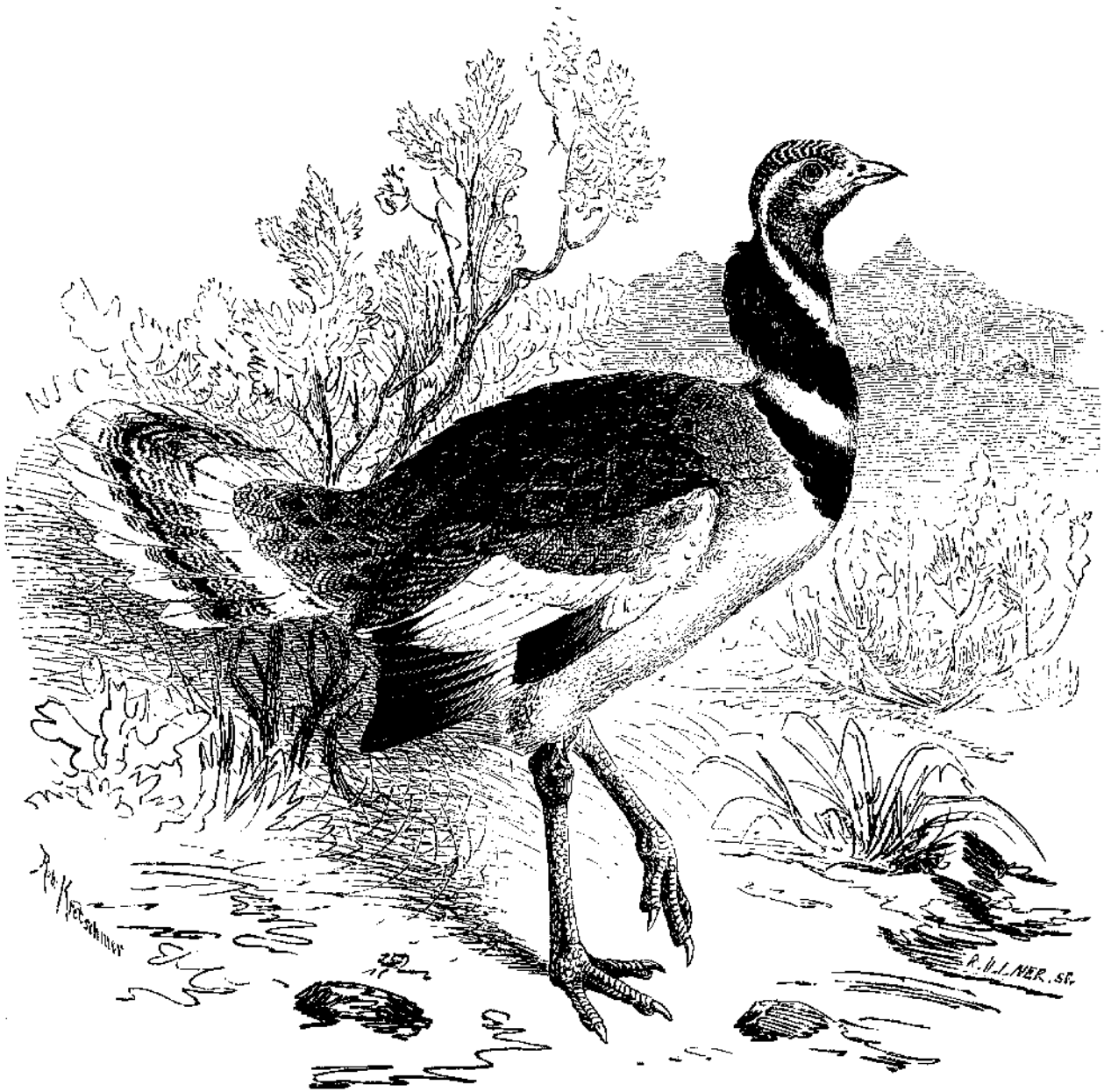
После тридцатидневного высидывания вылупляются шерстистые, буроватые, с черными пятнышками птенчики, которых самка обсушивает под крыльями и после того уводит. Она любит их с нежной самоотверженностью. Охраняя птенцов от врагов, обрекает себя на опасность. В испуге летает совсем близко около нарушителя своего покоя, прибегает к искусству притворяться, столь свойственному всякой самке и, когда ей посчастливится провести врага, она снова возвращается к своим птенцам, которые в это время сидят, плотно прижавшись к земле, находя защиту в полнейшем сходстве своего оперения с окружающим. Свое первое детство дрофы проводят исключительно во ржи, и только впоследствии, приняв известные предосторожности, когда никого не видно вокруг, самка выводит своих птенцов на открытые паровые поля, но при этом никогда не заходит настолько далеко, чтобы не успеть вовремя и быстро скрыться в найденном убежище.

Первая пища молодых дроф состоит из мелких жучков, кузнечиков и гусениц, которых мать отчасти выкапывает из земли, отчасти ловит. Вначале птенцы крайне беспомощны, ходят плохо и покачиваясь, и только уже впоследствии научаются сами отыскивать себе корм; в это время они начинают есть разную зелень, по словам Вангелина, преимущественно молодой горох. Только спустя месяц после появления на свет они становятся способными перепархивать небольшое расстояние; но еще через две недели начинают летать уже довольно хорошо и в сопровождении своих родителей пролетают дальние расстояния.

Охота за дрофами считается одной из приятнейших, а потому эти птицы всюду ревностно преследуются. В прежние времена для такой охоты употреблялось особенное огнестрельное оружие, настоящая адская машина, которая состояла из многих, связанных между собой, ружейных стволов, но, вследствие своей непомерной тяжести, требовала для перевозки тележку. Опытные охотники любят охотиться на этих птиц в период их спаривания, когда самцы гордо чванятся своей красотой, и подстреливают их тогда просто пулями. В это время охотники часто переодеваются крестьянами и идут с каким-нибудь кузовом или тачкой или берут крестьянскую рабочую лошадь и едут на ней или идут рядом, прикрываясь ее туловищем. Иные пытались перехитрить стаи дроф таким способом: брали крестьянскую телегу, накладывали в нее соломы, зарывались туда и подъезжали в таком виде как можно ближе к стае. Где хорошо знакомы с привычками дроф и знают их пролетный путь, там на них охотятся загоном, испугивают и гонят их по такому направлению, что они вскоре натываются на хорошо спрятанную цепь стрелков. На полях, где там и сям имеются естественные, не подозрительные для дроф прикрытия, также с успехом пользуются засадами. Молодых дроф в средней Европе нередко преследуют с помощью собак и убивают во время охоты на куропадок. В русских степях на них охотятся с борзыми, а в Азии — с соколами или прирученными холзанами. Поджидают также первых заморозков с туманами и в такую погоду выезжают на лошадях в степи для охоты; в это время крылья дроф покрываются ледяной корой, которая мешает птице действовать ими. В суровые морозы дрофы, по словам Кюльца, целыми стаями разыскивают жилища уединенно живущих татар, и в это время их ловят там без всякого труда. Разные западни и петли, которые местами расставляют для них, редко приводят к цели. Гораздо больше человека дрофам вредят четвероногие и пернатые хищники, которые в состоянии осилить старую птицу и безнаказанно унести беспомощных птенцов.

Мясо дроф совершенно несправедливо считается плохим. Хорошо приготовленные молодые дрофы представляют превосходное жаркое; да и старые птицы, если их для размягчения некоторое время продержат зарытыми в земле, не так дурны на вкус. Только совсем старых птиц, конечно, следует считать несъедобными; но их клейкое мясо доставляет, при варке, крепкий бульон и, тщательно освобожденное от жил и мелко истолченное, идет в качестве хорошей приправы на приготовление паштетов и битков.

Стрепет (*Tetrax tetrax*). Помимо меньшей величины и различной окраски отличается от дрофы немного удлиненными перьями по сторонам верхней части шеи и на задней части головы. Длина птицы всего 50 см, размах крыльев 95, длина крыла 26, а хвоста 13 см. У самок, которые еще меньше величиной, стороны головы желтоватые, передняя часть шеи и груди светло-желтоватая с черными полосками; нижние шейные перья испятнаны сильнее, чем у самцов, верхние кроющие перья крыла белые с черными пятнами; оперение нижних частей белое.

Стрепет (*Tetrax tetrax*)

В русских сибирских степях, которые следует считать центром области распространения этой птицы, она появляется иногда целыми массами, особенно во время перелета. «В первые дни весны, — говорит Кюльц, — сюда прилетают стрепеты, желанные гости, и притом, будто сговорившись, все разом в одну ночь, так что в один прекрасный день всюду видны целые стаи, тогда как еще накануне не замечалось ни одного. Вначале они держатся кучами по двенадцать и больше штук вместе, но потом, через несколько недель после своего прибытия, разделяются на пары»*. То же самое, вероятно, происходит и в Испании, так как и здесь стрепеты отлетают каждую осень, а весной снова появляются. Во время своих странствований стрепет попадает в местности, лежащие близ Атласских гор, и здесь зимует. В Египте он появляется редко: насколько мне помнится, в мои руки попался всего один экземпляр, убитый близ Александрии.

* *Стрепет, как и дрофа, полигам и постоянных пар не образует.*

Стрепет не так исключительно привязан к равнинам, как его более крупный родич — дрофа; он встречается и в гористых местностях. В Испании гнездовьем своим избирает преимущественно виноградники, не обращая внимания на то, где они лежат, в равнине или на склонах гор; помимо этого, он поселяется в обществе с авдоткой в пустынных испанских «кампо». В Венгрии живет в «пусте», в южной России, во всей Сибири и в Туркестане — в степях. Лес он избегает с таким страхом, что не только не гнездится вблизи, но даже при перелете, скорее сделает круг, нежели пролетит мимо. Избрав своим гнездовьем хлебное поле, стрепет иногда утром любит прилететь на клеверное или эспарцетовое поле и провести здесь часика два, после чего снова возвращается в ук-

ромную чащу волнующейся нивы. С наступлением жатвы, которая страшно беспокоит его, он вынужден перекочевывать с одной пашни на другую.

Взрослый стрепет питается большей частью насекомыми и червями, в особенности кузнечиками, жуками и различными гусеницами, не пренебрегая, впрочем, и растительной пищей. Желудки исследованных мною стрепетов я находил наполненными преимущественно насекомыми. Для улучшения пищеварения они также проглатывают маленькие кусочки кремня. Стрепеты кормятся несколько раз в день; ранним утром, вскоре после восхода солнца, их вернее всего можно застать в разгаре деятельности. Они выбирают обширные клеверные поля с открытым видом; здесь зарываются в самую середину и, зорко оглядевшись вокруг, старательно принимаются обрывать листья и отыскивать насекомых. Осенью они то здесь, то там подбирают семена, но это случается, впрочем, редко.

"Стрепет, — продолжает Тинеман, — птица красивого сложения, с приятным, приветливым нравом. Вследствие пугливости и осторожности ее, к сожалению, нельзя иначе наблюдать, как с помощью зрительной трубы из отдаленного укромного места. Как только она увидит человека, тотчас же неподвижно застывает на месте, вытянув шею вверх. При приближении человека шагов на 200 или 300, стрепет удаляется, затем начинает облетать приближающегося к нему человека, описывая над ним полукруг. По всей вероятности, для того, чтобы удостовериться в благонадежности его, так как стрепет отлично умеет отличить простого прохожего от подсматривающего наблюдателя и последнего, в свою очередь, от пагубного для него охотника. Большие глаза, обуславливающие прекрасное зрение, а также большие ноздри, свидетельствующие об отличном чутье, оказывают ему в этом случае большую услугу. Если же парочка находится где-нибудь внизу, то самец долгое время стоит торчком и озирается кругом, чтобы расследовать, нет ли где опасности, тогда как самка тотчас же принимается расхаживать, отыскивая корм. Если самке случится быть одной, то она проявляет такую же бдительность, как и самец, и отправляется промышлять пищу не прежде, чем убедится, что поблизости нет никакого врага. Семьи, скучившиеся в стаи или группы, увидев человека уже издали, улетают от него; отдельные же экземпляры, напротив, зачастую подпускают к себе человека на довольно близкое расстояние, они так плотно прижимаются к земле, что их можно совершенно проглядеть, и взлетают уже из-под самых ног человека. По всей вероятности, вследствие такой своей уверенности, некоторые стрепеты охотно задерживаются вблизи пасущихся дроф, однако никогда не вмешиваются в их стаи, но почтительно остаются в некотором отдалении, шагах примерно в 30-50.

Полет их — трепещущий со свистом и так походит на полет дикой утки, что несведущий человек летящего стрепета принимает обыкновенно за утку. Вытянув голову и шею вперед, а ноги назад, стрепет рассекает воздух быстрыми взмахами крыльев, при этом проявляет обыкновенно скрытые белые части крыльев и производит шум, отчасти похожий на звон бубенчиков едущей вдаль тройки. Только в октябре мне случилось видеть стрепетов, летающих обществами, причем медленными взмахами крыльев они описывали в воздухе большие круги, которые по красоте отнюдь нельзя сравнить со спиральным полетом аистов или соколов, так как круги эти имеют наклонное направление и очень неправильны. Эти полеты служат, очевидно, предварительным упражнением для дальнейшего путешествия, если не смотреть на них, как на прощание с родиной, на которую, прежде чем покинуть ее, им хочется еще раз бросить взгляд с высоты».

К сожалению, масса стрепетов теряет свои выводки при косье клевера, причем гибнут даже и некоторые самки, так что размножение птиц вследствие этого весьма незначительно. Стрепеты представляют собой превосходную дичь, поэтому их всюду ревностно преследуют. В Испании птиц подают к столу под названием «фазаны». В южной России для охоты на них пользуются чаще всего телегами. Когда самец увидит подъезжающую к нему телегу, то боязливо всматривается в необыкновенное явление; если телега приближается осторожно, то он отлетает на небольшое расстояние, и тогда весь труд охотника пропал, или плотно прижимается к траве, или смело остается на месте, вызывая охотника своим «терркс-терркс». В обоих последних случаях самец погиб.

В один из первых вечеров, проведенных мною в полуразвалившемся доме одного из предместьев Каира, я, к немалому своему изумлению, увидел, что с плоских крыш домов слетали какие-то большие птицы, которые направлялись к садовым кустам, где и исчезали. Прежде всего, я принял их за сов, но полет их был совершенно другой, к тому же громкий крик, который издавала одна из птиц, тотчас же вывел меня из заблуждения. Чем ближе надвигалась ночь, тем оживленнее становилось в саду, залитом ярким светом полной луны. В чаще апельсиновых деревьев шмыгали они точно привидения, исчезая так же внезапно, как и появлялись. Меткий выстрел дал мне должные разъяснения. Я бросился в сад и увидел, что убил хорошо знакомую мне по чучелам немецкую пти-

цу авдотку, или леженя ночную дрофу. Впоследствии мне представлялось немало случаев наблюдать это странное существо, так как я встречал его или одного из его родичей, который мало отличается от него образом жизни, во всех областях южной Европы и во всех странах северо-восточной Африки, исследованных мною.

Семейство поганковые

Поганки свойственны умеренным поясам, не распространяются далеко на север, но и на юг далеко не идут, живут на стоячих, в исключительных случаях и на медленно текущих водах, окаймленных по берегам камышом и тростником; в море они появляются временами и в виде исключения*.

** Это вовсе не так. Прибрежные мелководья морей — типичные места зимовок многих видов поганок.*

"Ни одна другая птичья порода, — говорит Науман, — не может быть названа с такой справедливостью водяной или водоплавающей птицей, как они, хотя до сих пор неизвестно ни одной из них, которая бы, по крайней мере, в известную пору не проводила большого или меньшего времени на суше. Гагаровые** выходят на сушу лишь в случае особенной необходимости, но и при этом держатся у самой воды, чтобы в случае чего тотчас же иметь возможность броситься в нее.

*** По современным представлениям, поганки совсем не родственны гагарам, они объединяются в самостоятельный отряд поганкообразных.*

Вода является необходимостью для всех их действий, даже для того, чтобы сесть с лету или подняться на воздух, так как они не могут сделать этого иначе, как после короткого пробега по водной поверхности. Вся жизнь их сводится к двум занятиям — плаванью и нырнью. В то время, когда другие водоплавающие птицы, вздумав оправиться, отдохнуть или погреться на солнышке, отправляются для этого на берег или другое твердое местечко, — гагаровые остаются на поверхности воды и все вышеназванное совершают плавая. Когда они предаются покою, их тело лежит на воде, подобно куску пробки, весьма мало погружившись; ноги всплывают кверху и кладутся вдоль крыльев на маховые перья; клюв они засовывают между спинными и плечевыми перьями. Таким образом, они предаются отдыху или сну в тихую погоду на спокойной глади вод, обыкновенно вдали от берега. Если же поверхность воды не совсем спокойна, и они могут опасаться быть пригнанными ветром к берегу, то опускают в воду свои ноги и мастерски умеют, вероятно, одним своеобразным движением удерживаться на одном и том же месте». Плывая под водой, они движутся так быстро, что идущий по берегу человек не поспел бы за ними. При этом вытягиваются в длину и гребут изо всей силы своих ног. Легкий толчок — и поганка уже под водой, еще движение снизу — и она снова на поверхности. Плывая, они держат тело в любом положении и могут погрузить его в воду на желаемую глубину.

Насколько легко им двигаться при плавании, настолько трудно бывает принять какое-либо положение или ходить, когда они попадут на сушу. «При этом, — как говорит Гейглин, — они держат себя прекурьезно и имеют весьма потешный вид. Тело принимает почти вертикальное, слегка согнутое положение; шея весьма сильно согнута наподобие буквы S; плюсны стоят, чуть-чуть отклоняясь от вертикальной линии, хотя снизу слегка оттопыриваются вперед. Таково их положение при стоянии и ходьбе». Взлететь с земли, по наблюдениям Наумана, они не могут, взлетают с воды, после продолжительного пробега. Длинная шея и голова при этом вытягивается прямо вперед, широкие ноги откидываются назад, а крылья хлопают проворно и быстро. Таким образом, они летят по прямому направлению, поднимаются вскоре на умеренную высоту и двигаются удивительно быстро. Ногами пользуются как рулем, почему и могут, по желанию, изменять направление своего полета; короткие крылья, однако, не позволяют им делать плавных движений; поэтому-то они, когда садятся и бросаются на воду в косом направлении, падают на ее поверхность с далеко слышным шумом. Впрочем, летом они очень неохотно решаются летать и в случае опасности обыкновенно стараются нырнуть.

По развитию внешних чувств поганки, вероятно, не уступают другим водоплавающим птицам; умственные способности, также, по-видимому, у них развиты. Они всегда недоверчивы, пугливы и хитры, могут даже распознавать неопасных людей или животных от опасных врагов.

Пищу поганок составляют рыбы, насекомые, лягушки и головастики. Свою добычу они добывают из глубины, но глотают ее только тогда, когда выплывут наружу. При этом случайно проглатывают песок и зеленые части растений.

Поганки живут всегда парочками, нежно любят друг друга, совершают перелеты совместно и возвращаются обратно на тот же пруд, на котором жили раньше. Здесь они строят свое плавучее гнездо, отличающееся от гнезд других птиц тем, что оно сплетено не только из сухого, но и из сы-

рого материала; таким образом, яйцам приходится лежать всегда в сырости и даже в воде. Гнездовой материал вытаскивается со дна, куда за ним птицы ныряют, укрепляется между несколькими старыми стеблями камыша и сплетается чрезвычайно нерадиво, так что походит скорее на натасканную кучу, чем на гнездо.

Кладка состоит из 3-6 яиц довольно больших, продолговатых, с крепкой и жесткой скорлупой, первоначально зеленовато-белого цвета. Самец и самка сидят на яйцах попеременно, но самка сидит дольше. Пока самка сидит на гнезде, самец плавает поблизости. Если гнездо оставляют оба, то предварительно всегда вылавливают со дна кучу полусгнивших водяных растений и покрывают ими яйца. По прошествии приблизительно трех недель насиживания вылупляются птенцы, даже из таких яиц, которые при насиживании большей частью лежали в воде; вылупившиеся птенцы тотчас же следуют за родителями. Плавать они умеют уже с первого дня своего появления на свет, нырять научаются в короткое время. Вначале, в случае опасности, старики всегда забирают их под крылья и ныряют вместе с ними; нередко они даже летят с птенцами, спрятанными в грудных перьях*.

** Это не совсем так. Поганки, скрываясь от опасности, часто ныряют вместе с птенцами, при этом птенцы прячутся у взрослых среди оперения на спине. Они также сидят в оперении спины, когда родители перелетают с ними.*

Когда птенцы захотят отдохнуть, то находят местечко для сна или отдыха на спине родителей. Влезание на это теплое и мягкое ложе удается им с трудом, но в этом случае родители приходят им на помощь. Они дают им знак держаться скученно, ныряют и выплывают под самыми птенцами, так что те оказываются сидящими у них на спине. Таким же образом старики и освобождаются от своего бремени, когда оно им надоеет или же, когда всем угрожает опасность. «Чтобы добыть корм своему небольшому выводку, пока он еще недостаточно вошел во вкус ныряния, — пишет мне Либе, — они отыскивают поросшее камышами место, собирают вокруг себя молодое поколение и сильно барахтаются в воде совершенно так же, как человек, желающий удержаться на глубоком месте. Через это они непрерывно баламутят воду, а вместе с тем выкидывают со дна на поверхность воды червей и личинок, и в распоряжении птенцов появляется обильный корм».

Пока поганки находятся на воде, они защищены от большинства опасностей; на лету же часто делаются добычей хищных птиц. Яйца их усердно уничтожают вороны и камышовые луны, быть может, даже водяные курочки и пастушки. Прежде этих милостивых птиц, служащих настоящим украшением каждого болотца и стоячих вод, били только к посту, но с тех пор, как вошло в моду употреблять их оперение в виде меховых украшений, началось беспощадное преследование поганок**. Во времена кремневых ружей убить большую поганку считалось искусством, так как при вспышке пороха они так быстро ныряли в глубину, что дробь не доставала их, хотя и падала на место, где они только что были. От наших современных ружей поганки более не уходят или уходят, но очень редко. Их постоянные ныряния и всплывания наружу, различные позы, принимаемые ими, и беззаботная доверчивость веселят всякого, кто их видит.

*** К счастью, эта мода давно канула в лету.*

Одной из красивых птиц является **чомга** (*Podiceps cristatus*). Ее называют в различных местностях большой поганкой, хохлатой поганкой, хохлатым нырком. В брачную пору на голове птицы замечается украшение в виде одного перистого пучка, разделяющегося наверху и образующего два рожка, и роскошного, длинного, состоящего из рассученных перьев воротника, охватывающего бока головы и горло. Верхние части тела блестящего черно-бурого цвета; зеркальце на крыльях, образуемое малыми маховыми перьями, область щек — белые; воротник ржаво-красный, с краю черно-бурый; нижняя часть тела блестящего атласно-белого цвета, с боков покрыта ржавыми и черно-сероватыми крапинками. Глаза карминно-красные; уздечка красная; клюв бледно-розовый; ноги с наружной стороны темного рогового цвета, на внутренней стороне — рогово-беловато-белые. В зимней одежде хохол и воротник еще не сформированы; к черно-бурому цвету верхних частей примешивается темно-серый. Самка отличается от самца меньшей величиной, но не окраской. Молодые не так красивы, как старики в зимней одежде, на голове и шее имеют полосатость; птенцы в пуховом оперении и с полосками серого и черного цвета. Длина взрослой птицы достигает 95 см, размах крыльев 66, длина крыла 18 см. Чомгу встречаются повсюду на всех подходящих озерах и водных пространствах Европы, чаще всего на южных озерах. На севере она появляется весной после таяния снега, в апреле, и остается на своей родине самое большое до конца ноября; там же, где море не замерзает, она перекочевывает к нему и остается зимовать; некоторые птицы, следуя направлению берегов, перелетают в южную Европу и северную Африку. В Греции и Испании чомга из года в год живет оседло; но число живущих там хохлатых поганок с каждой зимой заметно увеличивается, благодаря прибытию новых, перекочевывающих сюда с севера. В северо-западной

Африке эта птица все еще обычный гость; в Египте ее всегда встречают одиночками, притом редко. В Средней Азии и Северной Америке она такой же обыкновенный житель, как и в Европе, из Сибири совершает перелеты в южный Китай и Японию, а из Северной Америки до южных частей Соединенных Штатов.

Весной чомги появляются парочками, но осенью охотно соединяются в более крупные общества, в которых насчитывается иногда до 50 и более штук, и которые предпринимают сообща свое путешествие на юг. То, что птицы эти совершают свое путешествие ночью, нужно еще проверить. Но за то, что на юг они направляются Семейство поганковые 10 по крупным озерам и рекам, следуют по направлению морских берегов, высказалось большинство натуралистов.

Чомга (*Podiceps cristatus*)

Летом чомги перебираются на более обширные пруды или озера, местами поросшие камышом и тростником. Для них нужна довольно большая площадь водной поверхности, чтобы, по крайней мере, в середине они могли быть в безопасности от охотничьего дробовика. Чомги более, чем другие виды, придерживаются воды, тем более, что стояние и хождение для них более затруднительно, чем для их мелких сородичей. В плавании и нырянии они не уступают ни одному из последних; чего не могут достичь ловкостью, того добиваются терпением. По наблюдениям Наумана, в полминуты чомга проплывает под водой расстояние больше, чем в 60 м. Полет ее относительно быстр, направляется по прямой линии и производит далеко слышный шум.

Сильный крик хохлатых поганок бывает весьма разнообразен. Самец перекликается с самкой. Каждая пара владеет своим гнездовым районом, и там, где водная площадь дает возможность гнездиться нескольким или многим парам, перед началом птенцовой поры происходит немало драк; побежденным, в конце концов, приходится в бегстве искать спасения от преследования победителей.

"Чомги приступают к кладке, сообразуясь с тем временем, когда камыш поднимется на известную высоту. Гнездо устраивают около камыша, тростника или ситника близко от гран и цы этой растительности с чистой и участками воды и вдали от суши; часто оно кладется совершенно на открытом месте на воде и тогда прикрепляется к нескольким стеблям. Ширина его достигает около 30 см, высота приблизительно 15 см. Гнездовое ложе необыкновенно плоско, но со временем постепенно вдавливается под тяжестью садящейся на него птицы. В общем, такая постройка так напоминает сплетенные ветром плавучие пучки гниющих водных растений, что неопытный глаз никогда не догадается, что это гнездо птицы. Не только нужно удивляться тому, как могут эти сырые пучки удерживать на себе довольно тяжелых птиц, но и тому, что они не шелохнутся, даже когда птицы влезают или слезают». Чомга влезает на гнездо с известной осторожностью, как бы вскальзывая на него, но все-таки роняет в воду то или другое яйцо. Кладка состоит в среднем из четырех яиц, наполовину лежащих в сырости; они имеют около 52 мм длины и 35 мм в поперечнике, вначале бывают чисто белого цвета, но скоро становятся грязного глинисто-желтого. Самец и самка сидят на яйцах попеременно, необыкновенно прилежны в этом занятии, и проявляют к своему потомству горячую любовь.

Птенцов водят и самец, и самка, но обязанности сторожа самец главным образом берет на себя. Вначале птенчикам подносятся в клюве мелкие личинки насекомых, позднее таковые кладутся уже на воду, и одновременно птенцы обучаются нырянию. Чересчур крупную рыбу старики съедают сами, если видят, что птенцы не могут проглотить ее; впоследствии ловят для своих детей более мелких рыбешек. Если птенцы по неловкости роняют корм, старики его тотчас же подхватывают. Родители геройски защищают своих детей от пернатых хищников. Науман видел, как одна самка высоко выпрыгивала из воды, кидаясь на летавших мимо ворон и хищных птиц, щелкала или ударяла клювом, чем действительно отогнала хищников от своих птенцов. «Во время этой отчаянной борьбы самка испускает жалобные крики, в то время как самец, будь он даже неподалеку, только криками, видимо, разделяет боязнь самки за птенцов, но не имеет храбрости оказать действительную помощь».

На свободе чомги кормятся почти исключительно рыбами, хотя отнюдь не отказываются и от более или менее крупных насекомых, птицы эти могут принести некоторый вред в рыбных прудах, там, где разводятся рыбы; но вред этот весьма незначителен и вознаграждается приносимой чомгами пользой. Мясо этих птиц несъедобно, но шкурка весьма ценна и представляет собой настолько дорогой мех, что их преследование можно с известной точки зрения извинить. Охотник, который не слишком высоко ценит прибыль от убитых чомг, едва ли будет преследовать их, так как он невольно любит этими подвижными и странными созданиями.

Семейство поморниковые

Поморники отличаются от других чаек по внешнему виду и окраске. Туловище у них довольно толстое, голова маленькая, относительно короткий клюв имеет у основания восковицу; он довольно толстый, спереди сжат с боков, кончик верхней челюсти загнут сильным крючком, на нижней челюсти заметен угловатый выгиб. Ноги средней длины, пальцы относительно короткие с острыми, сильно загнутыми когтями и соединены большими перепонками. Крылья длинные, узкие и острые, не очень длинный хвост состоит из 12 перьев. Оперение обильное и густое, на нижней части тела похожее на мех; цвет его чаще всего темно-бурый, на котором у взрослых птиц редко, а у молодых часто замечаются светлые пятна.

Поморники живут по преимуществу в холодном северном поясе земли, большей частью на открытом море, а во время гнездования в тундре, на островах и берегах. Они ходят быстро и ловко, держа туловище горизонтально. Некоторые виды ходят почти так же хорошо, как и голенастые птицы. Поморники хорошо плавают, но все же чаще летают, причем полет их своеобразный и не похож на полет других морских птиц: они летают чрезвычайно смело, производя на воздухе разнообразные, удивительные повороты, часто парят и держатся на месте, трепеща крыльями. Голос их состоит из неприятного карканья, а птенцы издадут тихий писк. Они превосходят других чаек остротой внешних чувств, а также смелее и храбрее их. Как настоящие хищники, поморники нападают на тех животных, которых могут одолеть, и как истые разбойники до тех пор преследуют других птиц, пока те им не отдадут свою добычу. Они не принадлежат к числу хороших нырков и могут

схватывать только тех рыб, которые держатся у самой поверхности воды, но занимаются хищничеством точно так, как и другие чайки, и едят не только рыб, но и птиц, их яйца, маленьких млекопитающих, а иногда разных морских беспозвоночных животных; они осмеливаются нападать даже на молодых ягнят, выклевают у них глаза и мозг и выедают из трупа все, до чего могут добраться*; они питаются как живыми животными, так и падалью.

** Это, несомненно, преувеличение, основанно на рассказах фермеров, которые во всякой хищной птице видели врага, покушающегося на их собственность.*

Кроме того, поморники тщательно наблюдают за чайками, крачками, чистиками и другими морскими птицами. И как только последним удастся схватить добычу, тотчас же спешат к ним, и до тех пор мучат счастливого охотника, пока он со страху не выплюнет или не изрыгнет уже проглоченную добычу. Поморники необыкновенно ловко подхватывают пищу на лету, пока она еще не попала в воду. Подобный разбой навлекает на них ненависть всех других птиц, которые их боятся, как опасных хищников. Ни одна морская птица не гнездится по соседству с ними, ни одна не занимается охотой около залива или озера, где держатся поморники; каждая птица осторожно осматривается, когда приближаются эти разбойники; самые храбрые птицы тотчас нападают на них, как только увидят, а слабые улетают от них со страхом. Для своего гнезда поморники вырывают неглубокую круглую ямку в песке или во мху, растущем в тундре; в это простое гнездо они кладут два-три яйца**, обе птицы одной пары насиживают их по очереди, чрезвычайно заботливо относятся к своему потомству и смело защищают его при приближении врага.

** * Кладки поморников содержат обычно два яйца, в малокормные годы часто только одно. Кладки из трех яиц встречаются как редчайшее исключение.*

Птенцы сначала выкармливаются полу-переваренной мясной пищей, а впоследствии более грубым кормом. Если их не тревожить, то птенцы остаются несколько дней в гнезде, затем покидают его и проворно бегают, как и другие береговые птицы прячась при опасности между камнями и неровностями почвы. Научившись летать, они некоторое время порхают над землей, причем родители обучают их своему ремеслу, после чего они, наконец, вместе с родителями улетают в открытое море. Они делаются способными к размножению во второе лето своей жизни***.

** * * На самом деле поморники достигают половой зрелости на третье лето жизни.*

Северные жители отыскивают иногда яйца поморников, чтобы питаться ими, но другой пользы эти птицы не приносят, а потому все считают их вредными животными и преследуют всевозможными способами. Охота за ними не представляет трудностей, так как поморников легко привлечь на всякую приманку, и они точно так же мало боятся людей, как и животных.

Большой поморник (*Stercorarius skua*) может по величине равняться большому ворону: длина его — 57 см, размах крыльев 146, длина крыла 43, а хвоста 17 см. Средние перья хвоста как бы обрезаны, следовательно, каждое на конце имеет два прямых угла; они мало удлинены против остальных. Оперение серовато-бурое с красноватыми и бледно-серыми продольными полосками, у основания темных крыльев замечается белое пятно, глаза красновато-бурые, клюв у основания свинцово-серый, а на конце черный, ноги черновато-серые. Молодые птицы цветом оперения не отличаются от взрослых.

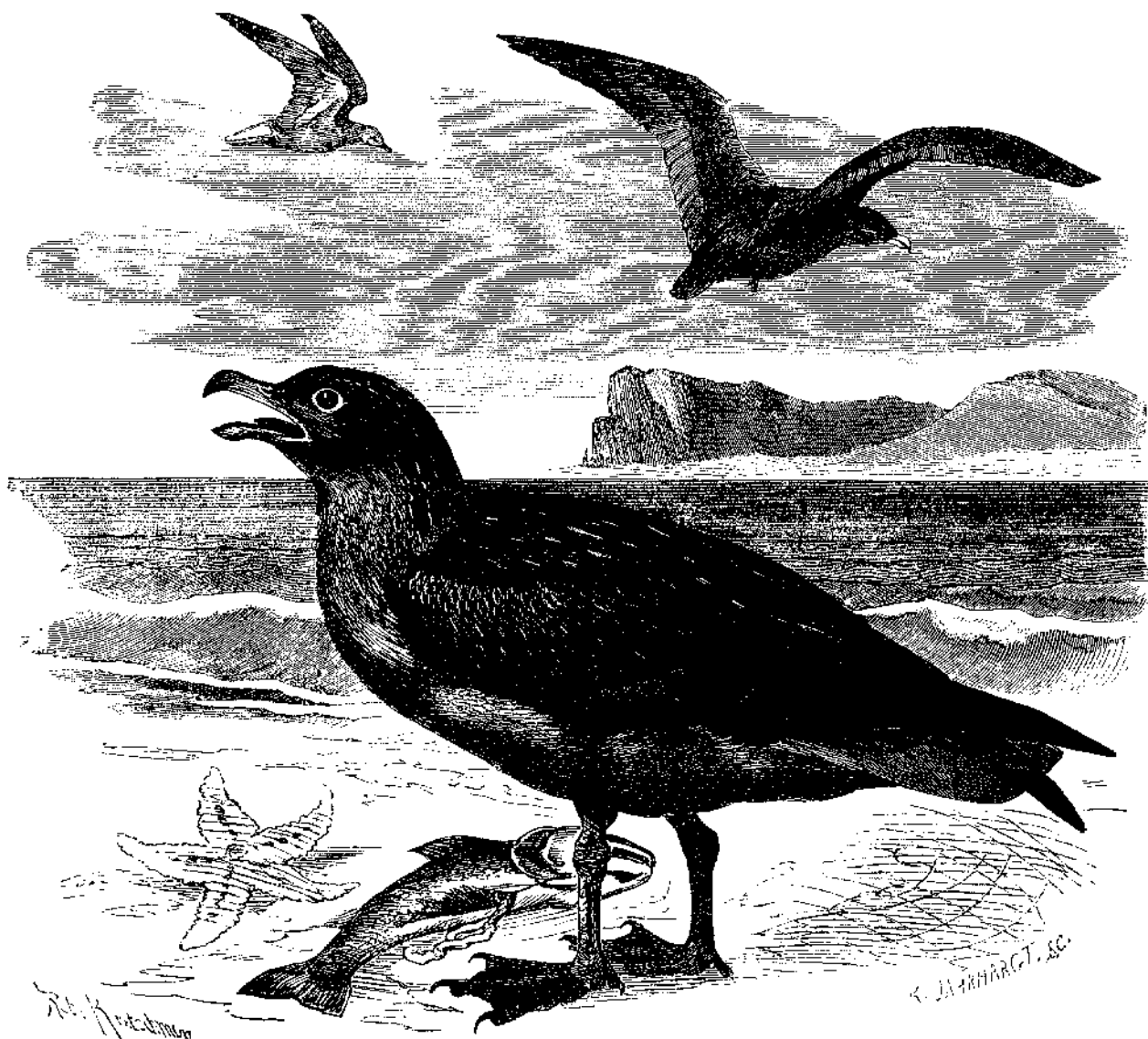
Родиной большого поморника считают пояс между 60 и 70 градусами северной широты, но его наблюдали также на морях более южной части умеренной полосы. В Европе он водится на Фарерских, Оркнейских, Шотландских и Гебридских островах, а также в Исландии*; отсюда он зимой пролетает к берегам Англии, Германии, Голландии и Франции. Большинство этих птиц, однако, остается на севере даже в холодное время года и отыскивает себе пропитание на открытом море.

** В наши дни большой поморник гнездится еще на Шпицбергене, в некоторых местах у побережья Норвегии и совсем недавно проник на побережье Кольского полуострова, острова Вайгач и Новая Земля.*

Большой поморник, который по образу жизни похож на других больших чаек, отличается от них проворством, разнообразием и ловкостью движений. Он бегают быстро, красиво и долго плавают, глубоко опустив грудь в воду, легко поднимается с воды или земли и летает, как большие чайки, но не столь равномерно, причем поражает своими смелыми и неожиданными поворотами, напоминающими полет хищной птицы. Иногда он парит, не двигая крыльями, иногда несется, как бы по наклонной плоскости, сверху вниз с изумительной быстротой. Голос его похож на низкое «ах-ах» или грубое «ия»; припадении на врага он громко выкрикивает «гох». По смелости, хищности и неуживчивости большой поморник похож на других поморников и превосходит этими качествами всех морских птиц. Это самый страшный морской хищник; он не водит дружбы ни с какими другими птицами; его все ненавидят, но лишь самые храбрые осмеливаются на него нападать. Как сильно

действует на других птиц смелость поморника, лучше всего видно из того, что даже самые большие морские птицы, превосходящие его силой, боязливо избегают его. Вследствие своей беспрестанной деятельности поморник всегда голоден, и потому он летает только для того, чтобы охотиться. Если он не видит вблизи других птиц, то решается сам добыть себе пищу, бросается в воду за рыбами, бегаёт по берегу и подбирает то, что выброшено волнами, или ищет в земле червей и насекомых. Но как только он издали увидит другую плотоядную морскую птицу, то спешит к ней, наблюдает и терпеливо ожидает, чтобы она поймала добычу. Тогда бросается на нее, как хищная птица на летящую дичь, и преследует с такой силою и ловкостью, с такою смелостью и наглостью, что бедная жертва поневоле принуждена выплюнуть только что пойманное животное.

Часто случается, что поморник схватывает и саму птицу. Граба видал, как поморник одним ударом раскроил череп тупику, а другие наблюдатели замечали, что он убивал чаек и олушей, разрывал их на части и по кускам проглатывал. Мертвые и больные птицы, которые плавают по морю, постоянно делаются добычей поморника; здоровые же птицы потому избегают той же участи, что при появлении поморника тотчас же ныряют в воду.

Большой поморник (*Stercorarius skua*)

На птичьих горах он немилосердно грабит гнезда живущих там птиц и таскает захваченные яйца и птенцов своим собственным детенышам. «Как только этот хищник приближается к гнездовью, — пишет Науман, — то тысячи птиц начинают издавать жалобные крики, но ни одна из них однако не осмеливается серьезно защищаться от поморника. Он схватывает первого попавшегося птенца, который страшно корчится в клюве хищника, и несчастная мать летит некоторое время за поморником, жалобно кричит, но помочь своему несчастному птенцу не может. Отлетев на некоторое расстояние, поморник спускается на воду, убивает свою добычу и проглатывает ее, а затем летит к своим птенцам, и отрывает только что проглоченную пищу. Таки м образом поморник дела-

ется настоящим бичом для птиц, живущих на общих гнездовьях. При нападении он пользуется, говорят, только своим клювом, но, вероятно, и острые когти при этом играют некоторую роль.

В середине мая парочки поморников отправляются на гнездовья, расположенные на плоских возвышенностях или на склонах гор, покрытых травой и мхом; здесь птицы устраивают себе гнездо, часто вертясь на одном месте и образуя таким образом небольшое углубление, а в первых числах июня кладут по два грязно-зеленых яйца с бурыми пятнами, которые имеют около 70 мм длины и 50 мм ширины. На гнездовье, которое посетил Граба, жили около 50 пар. Никакая другая птица не устраивает своего гнезда около поморника, так как все боятся этого опасного соседства. Самка и самец насиживают поочередно в течение четырех недель. В начале июля в большинстве гнезд уже можно найти птенцов, покрытых серовато-бурым пушком. Если приближается человек, то птенцы быстро покидают гнезда, спотыкаясь, бегут по земле и прячутся. Взрослые птицы поднимаются на воздух при приближении врага, страшно кричат и смело бросаются сверху на противника, причем не боятся ни людей, ни собак. Случается, что они при этом сильно ранят человека в голову, почему, по словам Граба, жители Фарерских островов иногда прикрепляют к своей шапке острый ножик стоймя, на который птица и натывается при нападении. Чем ближе подходишь к гнезду, тем теснее кружатся родители над непрошеным гостем и наконец бросаются на него по наклонной линии, так что поневоле приходится нагибаться, чтобы не получить рану в голову. Птенцы сначала выкармливаются моллюсками, червями, яйцами, причем родители отрывают то, что у них находится в зобе; впоследствии птенцы получают куски мяса, рыб, молодых птичек, пеструшек и прочее, а когда они делаются более самостоятельными, то охотно едят ягоды, которые растут недалеко от их гнезда; кроме того, как я сам имел случай наблюдать, они постоянно хватают комаров, которые их мучат и летают вокруг. Молодые достигают полного роста в конце августа, некоторое время они носятся недалеко от гнезда, а в середине сентября улетают в открытое море.

Более известен **длиннохвостый поморник** (*Stercorarim longicaudus*)*. Он заметно меньше и стройнее большого поморника и, кроме того, отличается значительно удлинненными и остроконечными средними хвостовыми перьями. Оперение у него однообразное дымчато-бурое с белыми или желтовато-белыми пятнами на лбу и горле. Причем этот цвет не зависит ни от возраста, ни от пола. Глаза карие, клюв черный, восковица темная свинцово-серая, ноги синевато-черные. Длина, включая удлиненные хвостовые перья, равняется 60 см, а без хвостовых перьев 50, размах крыльев 100-110, длина крыла 81, а хвоста 18 см.

** В настоящее время этот вид носит название короткохвостого поморника, и все о чем говорится в данном очерке, относится именно к короткохвостому поморнику.*

Длиннохвостого поморника можно считать за самый обыкновенный вид. Он водится в северных морях от Шпицбергена и Гренландии до средней Норвегии. Часто встречается в Исландии, на Фарерских и других островах, расположенных севернее Шотландии. Встречается на полуострове Лабрадор и острове Ньюфаундленд, а также в Беринговом и Охотском морях. Зимой он постоянно появляется на южных берегах Северного моря, а иногда залетает и внутрь материка. За исключением времени гнездования всегда живет на открытом море не только вблизи островов и шхер, но и, по-видимому, по целым неделям держится далеко от твердой земли.

Его походка, очень скорая, но не имеет в себе ничего особенного, при плавании поморник похож несмотря на темную окраску на маленьких чаек; при полете не только отличается от последних, но в известной степени и от своих родичей. Даже неопытный наблюдатель тотчас отличит длиннохвостого поморника от всякой другой известной ему птицы, когда только увидит его полет. Науман справедливо говорит, что его полет самый замечательный и разнообразный во всем птичьем царстве. Часто он летит некоторое время, как сокол: то медленно шевелит крыльями, то неподвижно парит на большом пространстве, затем опять качается с довольно прямо вытянутым телом, так что издали его вполне можно смешать с луном. Но вдруг он начинает необыкновенно быстро трясти или махать крыльями, потом стремится в дугообразном направлении вниз, снова поднимается наверх, образуя извивающуюся линию, состоящую из длинных и коротких дуг, падает с поразительной быстротой вниз, медленно взлетает снова вверх. Иногда кажется утомленным и вялым; иногда же в нем «как бы поселяется злой дух»: он вертится и поворачивается, бьется и трепещет, короче — производит быстро изменяющиеся и чрезвычайно разнообразные движения. Его крик звучит наподобие крика павлина, вроде «мау», громко и звонко; во время размножения слышны странные звуки, которые можно назвать даже пением, хотя они состоят из простых, но очень разнообразно оттененных слогов «ие-ие».

Его душевные свойства во многих отношениях согласуются с душевными свойствами большого поморника; длиннохвостый поморник так же смел, нахален, мужествен, завистлив, жаден и

хищен, как и вышеназванный. Длиннохвостый поморник лишь одним, по-видимому, от него отличается, он любит общество других птиц своего вида. За исключением времени насиживания этих птиц часто видишь маленькими обществами. Но в период гнездования они, в противоположность другим родичам, живут парами уединенно, и каждая отдельная парочка населяет свой участок. Маленькие чайки так же боятся длиннохвостого поморника, как крупные морские птицы боятся большого поморника; поразительно, однако то, что кулики, бекасы, сизые чайки постоянно гнездятся на одном с ними болоте.

Как на Лофотенских островах, так и на тундрах Самоедского полуострова я по целым неделям из дня в день наблюдал длиннохвостых поморников и при этом заметил, что они в продолжение лета ночью так же деятельны, как и днем. Часто мне казалось, будто они по целым часам охотились за насекомыми; несмотря на то, я находил в желудке убитых мною лишь маленьких рыб и пеструшек. Я никогда не наблюдал, чтобы они разоряли гнезда, но они всегда преследовали сизых чаек и заставляли их уступать только что пойманную добычу. Крачки и глупыши еще больше чаек страдают от них. Отнятая добыча едва ли составляет главную часть пищи длиннохвостого поморника, потому что его часто видишь занятым на болоте или морском берегу: или охотящимся за пеструшками и добывающим всевозможных червей и ягоды, или подбирающим морских животных, выкинутых на берег волнами.

В середине мая длиннохвостый поморник появляется на твердой земле, а именно в тундре, чтобы насиживать яйца. На более обширном болоте можно встретить от 50 до 100 пар; каждая отдельная пара ограничивает себе известное пространство и защищает его от других птиц этого вида. Гнездо стоит на кочке в болоте и представляет простое, но хорошо выровненное углубление. Яйца, которые редко находишь раньше середины июня, немного напоминают яйца некоторых бекасов, имеют в поперечнике около 55 мм длины, 42 мм толщины, с мелкозернистой скорлупой, мало блестящие и покрытые по темному маслянистому буро-зеленому фону темно-серыми и темными черными пятнами и точками, сетками и тонкими волособразными черточками. Науман говорит, что длиннохвостый поморник никогда не кладет более двух яиц; я же, смею уверить, часто находил в гнезде по три яйца. Обе птицы насиживают попеременно и выказывают самое сильное беспокойство, когда человек приближается к гнезду, издали стремятся навстречу нарушителю покоя, летают вокруг него, бросаются на землю, стараются привлечь его внимание к себе, начинают притворяться, со странным шипением прыгают и порхают по земле, взлетают, когда к ним подойдут, но тотчас же снова принимаются за прежние проделки. Но они все-таки не так нахальны, как более крупные виды их семейства, по крайней мере, я никогда не наблюдал, чтобы хоть одна парочка длиннохвостых поморников показала себя более смелой, чем почти одинаковые с ними по величине сизые чайки. Но они преследуют со смертельной ненавистью хищных птиц и даже чеглока обращают в бегство Жители Норвегии не считают себя особенными друзьями длиннохвостого поморника, они все-таки оставляют его в покое, хотя лишь потому, что они не хотят, охотясь за ним, тревожить на гнездовых других полезных птиц. Яйца его едят так же охотно, как яйца чаек; по вкусу они им не уступают. Только лапландцы охотятся за этой птицей ради мяса; они ставят удочки, на которые нацепляют кусок рыбы или птичьего мяса. Науман рассказывает, что один из его друзей подстрелил длиннохвостого поморника; птицы, к его великому изумлению, нападали на него или с безумной храбростью близко летали вокруг. Я никогда не наблюдал ничего подобного.

Семейство чайковые

Чайки могут быть довольно верно названы морскими воронами, так как очень похожи на этих птиц по своему образу жизни. Они имеют стройное, но плотное туловище и различную величину: мелкие виды — ростом с галку, а крупные достигают почти величины орла. Туловище у них довольно толстое, шея короткая, голова большая, клюв средней длины, с боков сильно сжат, до середины прямой, а на конце образует отлогий крючок, нижняя челюсть на конце ребристая, обе челюсти с острыми краями, и рот открывается почти до глаз. Ноги средней величины с тонкими плюснами, почти всегда четырехпалые и с перепонками между передними пальцами. Крылья широкие и длинные, но с острыми кончиками, первое маховое перо длиннее всех остальных. Хвост средней длины, широкий и на конце прямо обрезанный, только изредка с небольшой выемкой или с несколько удлиненной серединой; он состоит из 12 перьев. Кроющие перья на всем теле очень густые, а на груди и брюшке даже похожи на мех, очень мягкий и нежный. Окраска оперения большей частью светлая и приятная и вообще довольно однообразная, но различная по временам года и возрастам.

Чайки распространены по всем частям света и живут на всех морях. Только немногие виды далеко отлетают от земли, и если это случается, то скоро возвращаются обратно, так что их по справедливости можно назвать береговыми птицами. Для моряков они служат вернейшими пред-

вестниками земли, если они кружатся около корабля, то земля недалеко. Еще чаще, чем в открытое море, залетают они во внутренность материка, следуя течению больших рек и перелетая от одного водного пространства на другое. Некоторые виды, впрочем, предпочитают пресные воды и живут там, по крайней мере, перед гнездованием и во время его. Многие виды принадлежат к перелетным птицам, появляются на своей северной родине весной, там высиживают птенцов, а поздно осенью улетают на юг; другие виды кочуют. Перемещения эти имеют тесную связь с питанием птиц. Для всех чаек, без исключения, рыбы составляют самую любимую пищу. Но многие усердно гонятся и за насекомыми, и именно эти-то чайки и принадлежат к числу перелетных, так как недостаток пищи принуждает их странствовать, между тем чайки, которые живут около моря, весь год находят себе корм, если только море зимой не замерзает. Кроме рыб и насекомых, они едят и всяких других мелких морских животных, а также различные животные вещества. Они, как грифы, охотно питаются падалью, как хищные птицы, гонятся за живой добычей, отыскивают себе корм на берегу, как голуби и куры. Одним словом, выказывают такое же разнообразие приемов при отыскании пищи, как вороны, но еще жаднее и прожорливее их; они, по-видимому, всегда страшно голодны и потому кажутся ненасытными.

Внешний вид и окраска чаек привлекательны, движения их изящны, и образ жизни очень интересен. Осанка их на земле красивая и гордая, ходят они довольно скоро. Плавают лучше большинства других птиц этого отряда: точно клочья пены носятся по волнам, ярко выделяясь своей белизной от цвета воды, так что служат лучшим украшением для моря. При полете они нечасто и довольно медленно машут крыльями, но нередко и парят, точно ширококрылые соколы, продолжительно, легко и изящно; одним словом, все движения их по воздуху производятся легко, как бы играя. В нырянии чайки уступают крачкам, но все же так сильно кидаются в воду, что их легкое тело проникает на полметра ниже поверхности воды. Голос у них неприятный и состоит из сильных и слабых громких каркающих и трескучих звуков, которые издаются часто, если только у птицы замечается какое-либо возбуждение. Из внешних чувств, очевидно, более всех развиты зрение и слух; осязание также довольно хорошо развито; чайки выказывают присутствие вкуса тем, что очень разборчивы в пище, когда ее много, а об обонянии достоверного ничего сказать нельзя.

Чайки умные и понятливые птицы, которые замечают все, что вокруг них делается, и умеют приспособливаться к различным условиям; они мужественно вступают в бой с другими животными и выказывают много само-уверенности. Птицы одной пары очень привязаны друг к другу и нежно любят свое потомство; любят они и общество себе подобных, но все-таки завистливы, недоверчивы и недружелюбны относительно других птиц, и потому самая тесная дружба прекращается, когда дело дойдет до дележа корма. К людям они относятся недоверчиво всегда и везде, однако беспрестанно появляются по близости людских жилищ, посещают каждую гавань и каждую прибрежную деревню, кружатся около кораблей, которые уходят в море или приближаются к земле. Это делается осторожно, но постоянно, так как птицы знают, что вблизи людей всегда находятся отбросы, которыми они могут воспользоваться. Чем-нибудь обиженная или раненая чайка дает знать о своем горе другим птицам; между ними замечается полное единодушие, когда дело идет о том, чтобы сообща встретить какую-либо опасность или противостоять общему врагу. Хищные птицы, ворон и ворона преследуются всеми чайками, находящимися по соседству, и большей частью объединенными усилиями бываю обращены в бегство.

В обыкновенное время взрослые чайки иногда встречаются и поодиночке, но во время гнездования все виды образуют общества, которые иногда возрастают до несметной толпы. Гнезда устраиваются различно, смотря по местности: там, где нет недостатка в строительном материале, они выстилаются высохшими водорослями и лишаями, там же, где нельзя найти этих веществ, гнездо устраивается без всякой подстилки. Кладка состоит из 2-4 больших яиц правильной формы; скорлупа у них грубая, толстая, обыкновенно грязного зеленовато-бурого цвета с пепельно-серыми и темно-бурыми пятнами; яйца насиживаются по очереди и самкой, и самцом в течение 3-4 недель, причем в холодную погоду птицы сидят усерднее, чем в теплую. Они выказывают необычайную привязанность к своему потомству и подвергают себя всякой опасности, когда детенышам угрожают. Птенцы вылупляются из яиц в густом пятнистом пушке и оставляют гнездо там, где это возможно, уже в первые дни после появления на свет; в случае нужды они прячутся в углублениях почвы и даже спасаются в воде. Сначала родители кормят птенцов отрыгнутой полупереваренной пищей, впоследствии они получают только что пойманных животных и другие вещества. После вылета из гнезда птенцы еще некоторое время остаются с родителями, а затем покидают гнездовья и рассеиваются во все стороны.

На дальнем севере чаек причисляют не только к самым красивым, но и к самым полезным птицам, о них в некотором отношении заботятся точно так, как о других животных, появляющихся на так называемых птичьих горах. Яйца чаек считаются доходной статьей у многих норвежских землевладельцев, их охотно едят местные жители, а также пересылают их в другие страны, причем за них платят недешево; перья чаек заменяют у бедных жителей севера гагачий и гусиный пух, которыми богатые набивают свои подушки и перины. Мясо взрослых чаек считают съедобным только некоторые северные племена; птенцы же употребляются в пищу жителями Исландии и других мест, и представляют действительно съедобное кушанье, если хорошо приготовлены; однако яйца и перья всегда ценятся выше мяса. В некоторых странах ежегодно устраиваются большие охоты на чаек, но больше для кровожадного удовольствия, чем для того, чтобы пользоваться птицами. Чаек ловят различным образом: ставят силки на песчаные отмели, кладут рыбу на разложенные сети, устраивают удочки с какой-нибудь наживой, и всеми эти средствами большей частью достигают своей цели.

Одна из самых крупных чаек — **бургомистр** (*harm hyperboreus*). Нижние шейные перья и спина нежного голубовато-серого цвета. Большие маховые перья, которые при сложенных крыльях лишь немного выступают над хвостом, светлые голубовато-серые; все остальные части тела белые. Глаза соломенно-желтого цвета, клюв лимонно-желтый, нижняя половина клюва над выступающим наружным концом украшена красным продольным пятном; ноги бледно-желтые. Зимнее оперение на шее покрыто тусклыми буроватыми пятнами. Юношеское оперение покрыто по грязно-белому фону серыми или серо-бурыми полосами, волнами и пятнами; большие маховые перья светлые, буровато-серые. Длина тела около 75 см, размах крыльев 170, длина крыла 47, хвоста 22 см.

Родиной этих прекрасных птиц служит крайний север обоих полушарий; область странствования простирается до широты северной части Африки, большинство птиц, однако, уже зимует в Исландии и в северной Скандинавии или вообще не покидает родины.

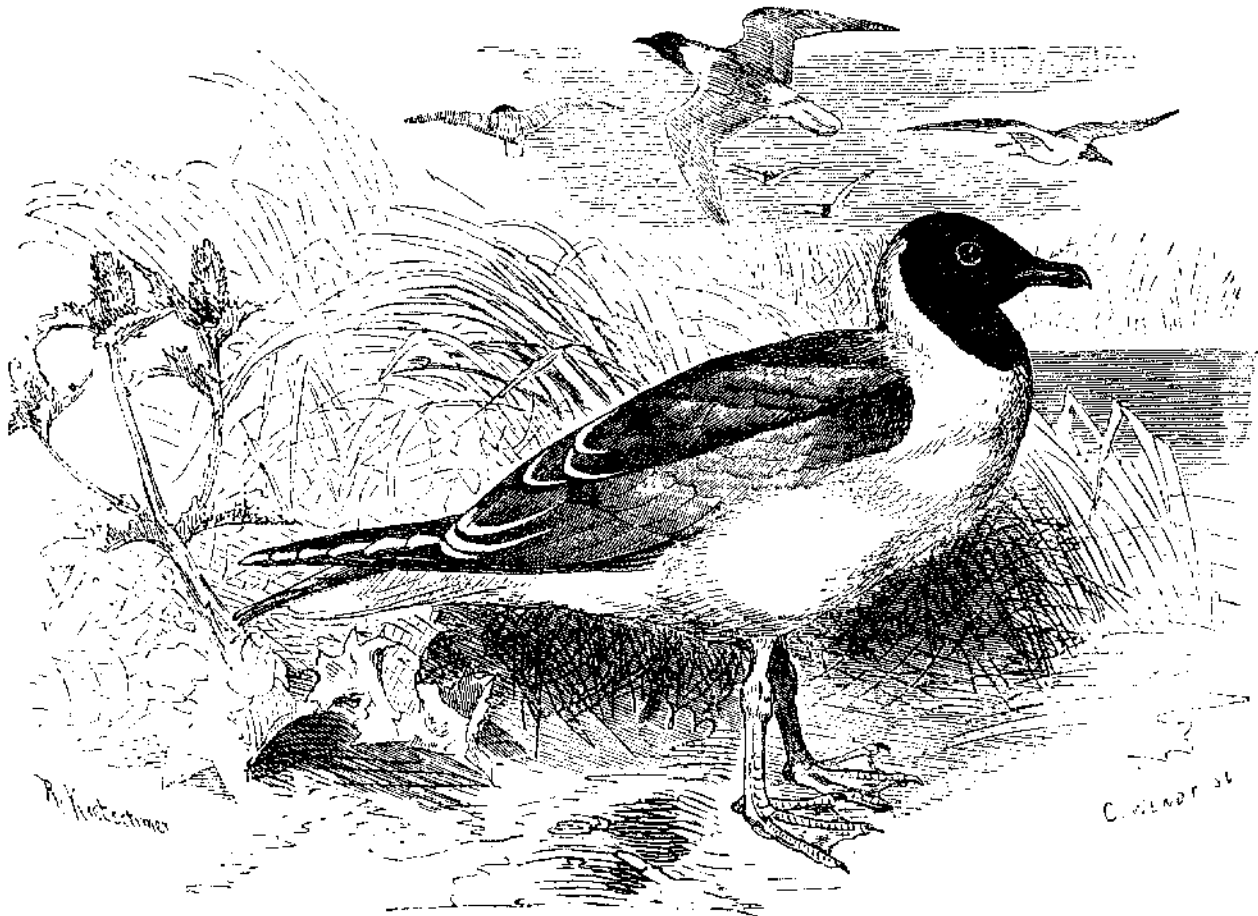
Гораздо далее распространена и потому более известна **обыкновенная, или озерная чайка** (*Lams ridibimbus*). Верхняя часть головы и передняя часть шеи дымчато-темно-бурого цвета. Затылок, нижняя часть тела, хвост и маховые перья, кроме кончиков, белого цвета, верхняя часть спины голубовато-серая, кончики маховых перьев черные. Глаза темно-карие, ободок вокруг глаз красный, клюв и ноги сургучно-красного цвета. При зимнем оперении верхушка головы нечерная, нижняя часть шеи серая, и за ухом замечается темно-серое пятно. Клюв и ноги бледнее, чем весной. При юношеском оперении верхняя часть тела буроватая. Длина тела 42 см, размах крыльев 94, длина крыла 31, хвоста 13 см.

Озерная чайка часто появляется только около 60 градусов северной широты* и гнездится до 30 градусов северной широты. Она обыкновенна на всех пресных водах Европы, Азии и Америки.

* *В настоящее время озерная чайка распространена к северу до 65 градусов северной широты.*

В прежние времена озерная чайка довольно часто встречалась на озерах и прудах Германии; в настоящее время она вытеснена из многих стран постоянно увеличивающейся обработкой земли, но все еще посещает их во время своего перелета. В южной Европе она остается из года в год; среднюю Европу покидает в октябре и ноябре, чтобы провести зиму в странах, расположенных у Средиземного моря. Ко времени таяния снегов она возвращается обратно, в благоприятные годы уже в марте или в первые дни апреля. Более взрослые птицы еще на зимних местобитаниях соединяются в пары и прилетают вместе на гнездовье; молодые, по-видимому, соединяются в местах гнездования здесь, а те которые еще неспособны к насиживанию, бродят по стране. Море они посещают лишь в продолжение зимы, так как очень редко случается, чтобы они насиживали на островах вблизи материка. Пресные воды, окруженные полями, составляют их любимое местопребывание.

Их движения в высшей степени грациозны, быстры и легки. Они ходят скоро и продолжительно, часто по целым часам следуют за пахарем или ловят насекомых на лугах и полях, плавают чрезвычайно красиво, хотя не вполне быстро, и летают спокойно, быстро, ловко, несколько медленно, однако без видимого напряжения, с разнообразными поворотами в воздухе.

Обыкновенная, или озерная, чайка (*Lams ridibundus*)

Эту чайку можно назвать осторожной и немного недоверчивой птицей; несмотря на это, она охотно селится вблизи людей, удостоверяется в своей безопасности и соответственно этому ведет себя. Во всех местностях, расположенных вблизи вод, где находятся гнездовья, чайку привыкли считать за полудомашнюю птицу; она беззаботно бродит даже между людьми, так как знает, что никто не причинит ей вреда; но она очень обижается на всякий нанесенный ей вред и не так легко забывает причиненное зло.

Со своими родичами чайки живут в большом согласии, хотя зависть и обжорство составляют господствующие черты их нрава; с другими птицами, напротив того, они неохотно вступают в сношение, поэтому, насколько возможно, стараются избегать общества, и объединенными силами нападают на тех, кто к ним приближается. Там, где озерные чайки вместе с другими видами населяют один и тот же остров, они яростно нападают на родичей, которые приближаются к их владениям, но и другие чайки встречают озерных чаек подобным образом. Хищные птицы, вороны, цапли, аисты, утки и тому подобные обитатели вод в их глазах считаются также врагами. Голос этих чаек до того неблагозвучен, что вполне объясняет данное им прозвище — «вороны». Каркающее «криэ» составляет призывный зов; обыкновенный голос раздается как «кек» или «шерр»; гнев выражается скрипящим «керрекекек» или хриплым «гирр», за которым следует криэ.

Главную пищу обыкновенной чайки составляют насекомые и маленькие рыбы; однако она не пренебрегает мышами, а также не оставляет без внимания и падаль. Она выкармливает птенцов почти исключительно насекомыми. Несмотря на свою слабость, чайка отважно нападает на довольно больших животных, и ловко разрывает большие куски мяса на маленькие кусочки. Она охотится в продолжение целого дня, то отдыхая, то летая. С внутренних вод летит на поля и луга, по целым часам следует за пахарем, чтобы собрать личинок майских жуков, несется близко над травой или над водой, чтобы поймать насекомых или рыб; возвращается к воде, чтобы напиться и выкупаться, переваривает довольно скоро пищу и снова начинает охоту. При отлете и прилете старается придерживать известные пути.

В конце апреля начинается насиживание, но только после того, как каждая пара с боем и криками избрала себе место гнездования. Озерная чайка никогда не насиживает одиноко, редко в небольшом обществе, а чаще всего очень большими стаями, состоящими из сотен и тысяч птиц, которые на маленьком пространстве как можно ближе теснятся друг к другу. Гнезда лежат на низких

кустах камыша или рогоза, окруженных мелкой водой или болотом, или на кучах сухого тростника, иногда и на болоте между травой; и, разумеется, лежат на недоступных местах. Постройка гнезда начинается тем, что отдельные пучки камыша и травы пригибаются вниз, затем приносятся камыш, тростник, солома, ими выстилается углубление. В начале мая каждое гнездо содержит 4-5* относительно больших яиц, имеющих в поперечнике 55 мм в длину и 36 мм в поперечнике, украшенных по бледно- маслянисто-зеленому полю красновато-пепельно- серыми и темно-буро-серыми пятнами, крапинами и точками; форма, окраска и рисунок бывают очень разнообразны.

* *Здесь явно вкралась ошибка. У озерной чайки, как и у большинства других чаек, в кладке обычно 3 яйца. Четыре яйца встречаются исключительно редко, гораздо чаще попадают гнезда с одним или двумя яйцами.*

Оба пола насиживают попеременно, однако только в продолжение ночи не покидают гнезда, так как солнечную теплоту полуденных часов считают вполне достаточной для нагревания яиц. После 18 дней насиживания** птенцы вылупляются; они оперяются через 3-4 недели.

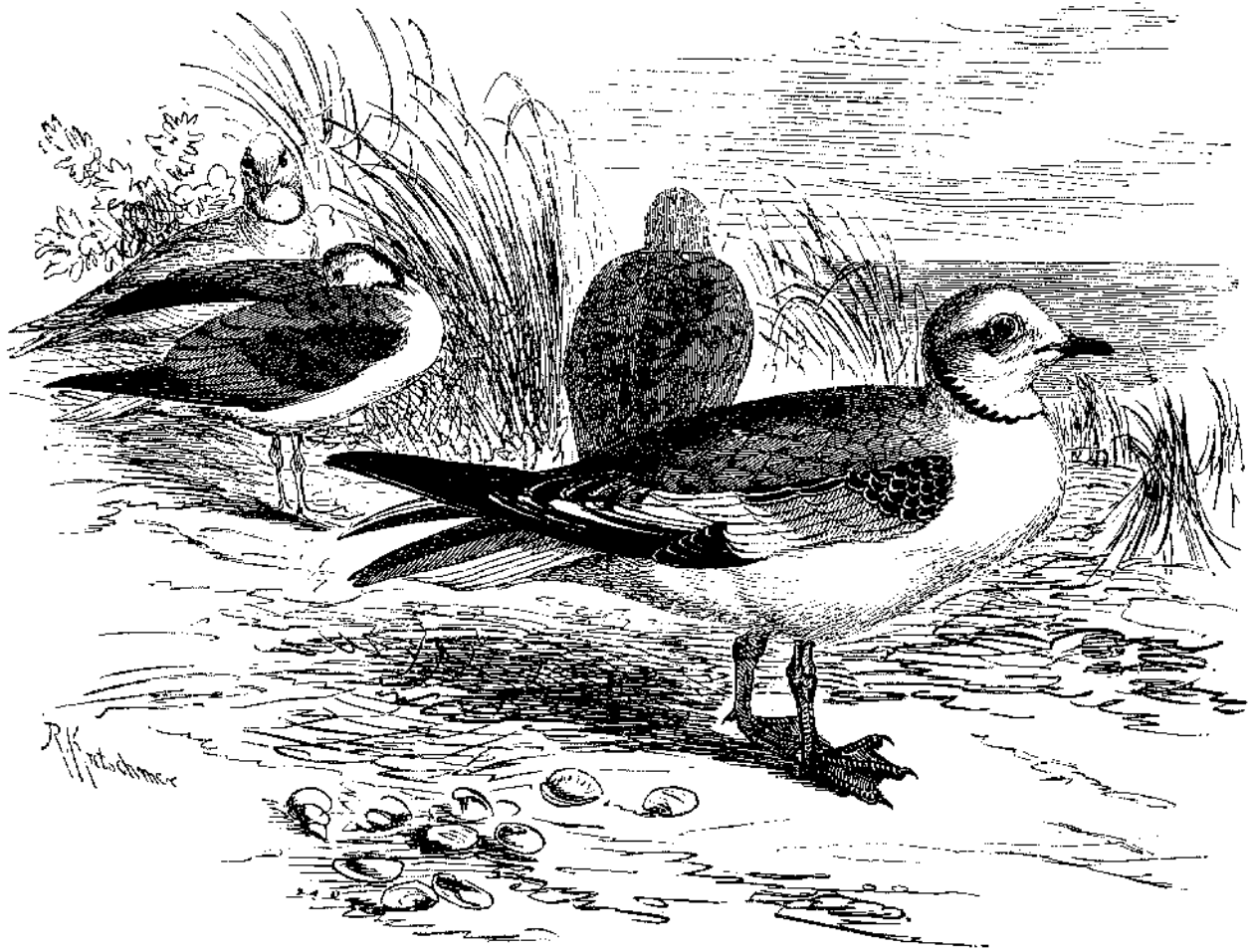
* * *На самом деле период насиживания озерной чайки составляет 23-26 дней.*

Там, где гнезда окружены водой, в первые дни жизни птенцы их не покидают; на маленьких же островах, напротив того, они охотно из него выбегают и весело снуют по твердой земле. Когда им исполнится неделя, они уже спускаются на воду; на второй неделе начинают порхать вокруг, на третьей становятся довольно самостоятельными. Их родители в высшей степени заботятся о птенцах и непрерывно за них опасаются. Каждая хищная птица, которая покажется вдали, каждая ворона или цапля тревожит их. В гнездовье поднимается невозможный крик, даже насиживающие птицы покидают свои гнезда, густая туча поднимается вверх; все устремляется на врага и прилагают все усилия, чтобы его прогнать. Они с бешенством устремляются на собаку или лисицу, тесно кружатся около приближающегося человека и очень радуются, когда враг отступает. Лишь малопомалу снова наступает некоторое спокойствие и сравнительная тишина.

В северной Германии есть обыкновение отправляться в определенные дни на охоту за безвредными чайками; против них открывается опустошительная война, которая стоит жизни многим сотням птиц, но зато и некоторые из участников побоища также получают заряд дроби. Бесполезное кровопролитие, которое под названием «охота за чайками» считается народным праздником, напоминает жестокие игры южных европейцев и ни в каком случае не имеет прощения., как прежде думали, а к полезным птицам, которые пока живут, приносят пользу нашим полям. Да, они ловят небольших рыбок, но это не имеет никакого значения перед огромным числом уничтоженных ими насекомых; следовательно, чаек нужно щадить даже тем людям, которые не обращают внимания на то, что эти птицы в значительной степени украшают наши пустынные озера.

Розовая чайка (*Lams rosea*). Она отличается своим клинообразным хвостом, средние перья которого длиннее других на 2 см. На тонком клюве едва заметен угловатый выступ нижней челюсти; плюсна довольно длинная, четырехпалые лапы средней величины. Цвет оперения нежнее и красивее, чем у всех остальных чаек; спина жемчужная или серебристо-серая, нижняя часть шеи, грудь и брюшко бледно-розовые, на середине шеи узкое черное ожерелье, наружное опахало первого махового пера черное, все остальные перья белые.

Веки и внутренность рта желтовато- красные, клюв черный, ноги карминно-красные. Длина тела 37 см, крыла 22, хвоста 14 см.

Розовая чайка (*Larus rosea*)

Розовая чайка была открыта в 1832 году Россом на островах Ледовитого океана в Северной Америке; однажды, именно 5 февраля 1858 года, ее убили на острове Гельголанд в Северном море. Образ жизни ее еще неизвестен*.

* Места гнездования розовой чайки тундры Сибири от восточного Таймыра до дельты Колымы. Образ жизни этого вида в период размножения хорошо изучен. Особенности биологии розовой чайки в зимнее время почти не изучены.

Семейство крачковые

Крачки могут считаться самыми лучшими летунами и нырками из всего семейства. Эта средней величины или маленькая птица, со стройным туловищем и твердым, прямым или по спинке слегка согнутым клювом, который бывает одной длины с головой; нижняя челюсть клюва также немного согнута. Ноги небольшие, четырехпалые с короткими, часто глубоко вырезанными перепонками и мало загнутыми, довольно острыми когтями. Крылья узкие и острые, хвост состоит из 12 перьев и всегда более или менее вилообразный. Оперение мягкое, плотно прилегающее, и в нем преобладают светло-серый, черный и белый цвета. Окраска мало отличается у самца и самки, но довольно сильно изменяется по временам года и по возрасту.

Крачки живут во всех поясах земного шара, держатся около моря или пресной воды и кочуют по берегам морей и рек. Некоторые виды предпочитают плоские голые берега моря, другие воду, заросшую растениями, некоторые населяют по преимуществу южные береговые леса.

Все крачки отличаются беспокойным подвижным нравом и беспрерывно деятельны от восхода солнца до его заката. Проводят ночь, лежа на берегу, а днем почти постоянно летают. Сидя, они держат туловище горизонтально или даже несколько наклоняют его вперед, так что кончики длинных саблевидных крыльев расположены выше прижатой к телу головы, поэтому они кажутся несколько красивее только тогда, когда сидят на возвышенных предметах: камнях, кольях и т.п. Ходят они, семеня ножками, и таким образом передвигаются лишь на небольшие расстояния; вследствие своей легкости они держатся на поверхности воды, как пробки, но не в состоянии плыть против волн, зато при полете выказывают замечательную ловкость. Когда они не торопятся, то тихо двигают крыльями, низко опуская их при каждом ударе, и тихо подвигаются вперед волнообразными линиями. В иных случаях они начинают скоро двигать крыльями и тогда несутся по воздуху с бы-

стротою стрелы. Чаще всего их видишь низко летящими над водой, причем они то поднимаются, то опускаются по наклонной линии с сильно прижатыми крыльями, и так глубоко ныряют в волнах, что почти все туловище погружают в воду. Затем они снова вылетают, потряхивают крыльями, чтобы сбросить с них капли, и снова носятся над водой. Из внешних чувств наиболее развиты зрение и слух. Наблюдения над их нравом показали, что они очень осторожны и пугливы, и почти не могут обойтись без общества себе подобных. Но завистливо относятся к удачной добыче своих товарищей, почему быстро подлетают к птице, как только видят, что она ныряет в воду, причем часто ошибаются и приближаются даже ко всякому светлomu предмету, который падает в воду. Из этого видно, что все их стремления направлены к добыванию корма, а обо всем остальном они заботятся лишь настолько, насколько предмет или явление может помочь или повредить добыванию пищи. Самец и самка очень дружно живут между собой и нежно любят свое потомство, так что, несмотря на свою обычную осторожность, подвергаются явной опасности, если дело идет о спасении яиц или птенцов.

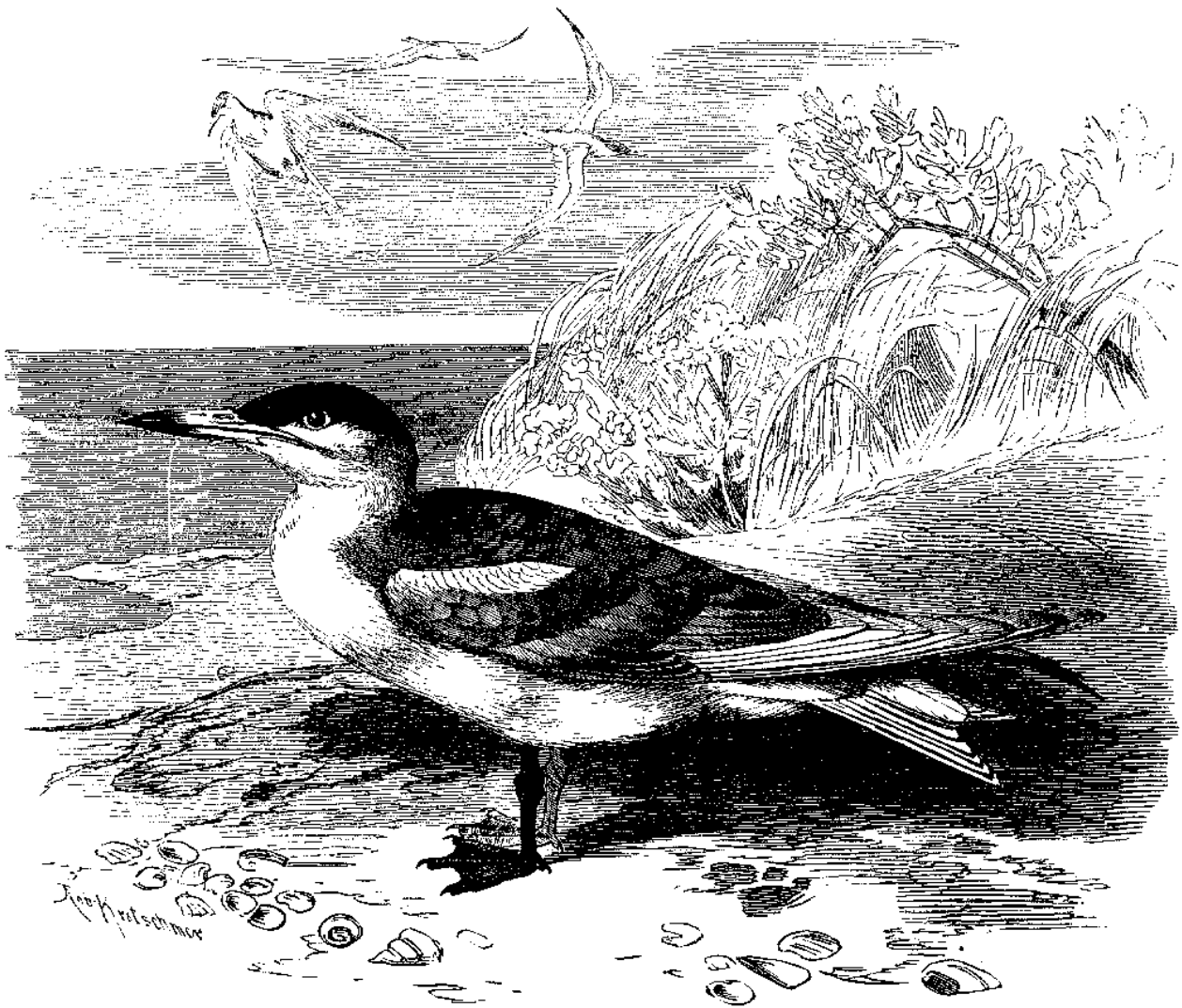
Главную пищу крачек составляют рыбы и насекомые; крупные виды едят, однако, маленьких млекопитающих, птиц, пресмы- кающихся и гадов, а мелкие виды — различных червей и других небольших морских животных. Чтобы схватить добычу, они летают близко над поверхностью воды, зорко глядят вниз и, когда заметят животное, то опускаются, несколько секунд парят над ним, чтобы вернее схватить, а затем быстро погружаются в воду и берут клювом.

Несколько недель до кладки яиц крачки из года в год собираются на месте гнездования, по возможности в одной и той же местности. Те, которые живут около моря, выбирают для этого песчаные отмели и острова, коралловые рифы, мангровые или другие прибрежные леса; птицы, живущие во внутренней части материка, избирают подобные же, но не столь голые местности на берегах озер и болот. Обыкновенно каждый вид гнездится в большом количестве отдельно от других видов, иногда же каждая пара поодиночке. Настоящее гнездо строят те виды, которые живут в болотах, прочие вырывают только небольшую ямку в песке, которую нельзя назвать и гнездом. У иных гнезда расположены по отдельности, у других стоят так тесно друг около друга, что насиживающие птицы буквально покрывают собой все побережье. Они должны повернуть свои головы в одном направлении, чтобы не мешать одна другой. Большинство кладет три яйца, некоторые четыре, другие только два, а те немногие, которые гнездятся на деревьях, лишь одно. Самец и самка насиживают попеременно, но в жаркое время дня предоставляют одному солнцу нагревать яйца. Птенцы вылупляются через 2-3* недели и покрыты сначала пестрым пушком; они в первый же день уходят из гнезда и бегают, пожалуй, еще скорее взрослых по берегу, причем нежные родители присматривают, наблюдают за ними и заботливо кормят. Растут они довольно скоро, но вполне взрослыми их можно назвать только тогда, когда они в совершенстве выучатся летать и приобретут все привычки своих родителей; тогда взрослые вместе с молодыми оставляют гнездовье и странствуют по берегам морей и озер.

** Обычно период инкубации крачек длится 3-4 недели.*

Все четвероногие хищники, которые могут добраться до гнезд крачек, таскают у них яйца и птенцов, в чем им помогают вороны и крупные чайки, а быстрокрылые хищные птицы гоняются и за взрослыми крачками. Некоторые чайки преследуют и мучат крачек, чтобы принудить их выплюнуть только что схваченную добычу. Человек также им сильно вредит, похищая у них вкусные яйца, но самих птиц не трогает, не употребляет в дело ни перьев, ни мяса. Недоброжелательные люди высчитывают каждую рыбку, схваченную крачками, и потому называют их вредными. Но при этом забывают о большой пользе, которую приносят птицы, уничтожая многочисленных насекомых. Так что польза от истребления вредителей вполне вознаграждает вред от уничтожения рыбок. Виды, живущие около моря, не приносят нам решительно никакого вреда, а все прочие радуют любителей природы своей красотой и проворством.

Первое место среди крачек занимает **чеграва** (*Hydroprogne caspia*). Ее называют и красноносой мартышкой. Она отличается большим сильным красным клювом, который длиннее головы, длинными саблевидными крыльями, хвостом с небольшою выемкой на конце и плотно прилегающим оперением. Верхняя часть головы черная, стороны шеи, нижняя часть тела и верхняя часть спины блестяще-белого цвета, плечи светло-серовато-голубые; кончики маховых перьев темнее, а рулевых перьев светлее прочего оперения верхней части тела. Глаза карие, клюв кораллово-красный, ноги черные. В зимнем наряде голова имеет смешанное оперение, черное с белым, а у молодых птиц на спине замечаются поперечные бурые пятна. Длина птицы 52 см, размах крыльев 130, длина крыла 42, а хвоста 15 см.

Чеграва (*Hydroprogne caspia*)

Настоящей родиной чегравы следует считать Среднюю Азию и юг Европы, но она, в виде исключения, гнездится в Померании и в некоторых местах голландского и французского морского побережья. Зимой показывается на южных берегах Средиземного моря и на озерах Нижнего Египта, а также на северных берегах Красного моря и Индийского океана, причем, следуя течению рек, залетает и во внутренние области Африки и Индии. Я ее часто видал в Судане; во внутренних частях западной Индии она, по словам Жердона, является постоянным зимним гостем; встречали ее и на западном берегу Африки.

Ее чаще всего можно видеть летящей на высоте около 15 м над поверхностью воды с опущенной вниз головой, на которой очень заметен блестящий красный клюв; она тихо машет огромными крыльями и время от времени падает в воду. Для отдыха птицы эти собираются на песчаных берегах и сидят здесь обществами рядышком, причем все головы обращены к воде. Общество крачек даже издали легко отличить от стаи чаек, так как они сидят, не двигаясь, между тем как чайки бегают по берегу. На морях и больших озерах чеграва, ловящая добычу, на несколько минут опускается на воду, но при этом обыкновенно держится на одном месте, не подвигаясь вперед, и скоро снова поднимается на воздух. Голос ее громче, грубее и резче, чем у других видов, но состоит почти из таких же звуков, очень неприятного «криэ» или «кряик».

Она сторонится человека, так как очень осторожна и пуглива.

Чегравы, по-видимому, менее общительны, чем другие крачки; хотя во время гнездования они живут стаями, но после этого времени охотятся сами по себе и соединяются только на местах отдыха. У них, по-видимому, сильно развита жадность и зависть, кроме того, они отличаются смелостью и драчливостью.

Главную пищу чегравы составляют рыбы. Она хватает и проглатывает довольно больших рыб, но при случае нападает и на береговых, и водных, особенно тогда, когда они плавают, и съедает их с таким же аппетитом, с каким маленькие виды крачек глотают насекомых. В Индии чеграва усердно охотится, по словам Жердона, за раками, хотя и здесь в большинстве случаев занимает

ся рыболовством. Шиллинг первый заподозрил ее в похищении яиц тех птиц, которые гнездятся на берегах, так как он замечал, что чайки и другие крачки взлетали с страшным криком, когда приближалась чеграва, яростно на нее нападали и старались прогнать, между тем она спокойно пролетала мимо и, по-видимому, вовсе не обращала внимания на преследование; другие наблюдатели подтвердили это.

Едва ли можно предположить, что соколы нападают на чеграв, так как эти последние отлично умеют защищаться своими сильными клювами, наносят им очень чувствительные удары и часто опасны даже охотникам, которые их ранили. Люди, впрочем, редко преследуют их, так как им нужны только их вкусные яйца. Эти яйца дают для владельца гнездовья очень хороший доход. Для неволи чеграва не годится, так как она сильно скучает, если не может летать, и очень неохотно питается мертвыми рыбами.

Семейство водорезовые

Туловище у птиц этого семейства вытянуто, шея длинная, голова маленькая, крылья очень длинные, хвост средней длины и виллообразный. Нижняя челюсть клюва гораздо длиннее верхней, и обе с самого основания так сплющены с боков, что их можно сравнить с лезвиями ножниц. Ноги довольно длинные, но тонкие и слабые, между передними пальцами замечается сильно выемчатая перепонка; оперение состоит из длинных жирных перьев, которые тесно прилегают к телу.

Семейство это состоит, насколько известно, из трех видов, но распространено в тропических странах Азии, Африки и Америки.

На среднем и верхнем течении Нила я познакомился с **африканским водорезом** (*Ruiphors flavirostris*) *

** Препрежнее название этого вида нильский ножеклюв.*

Лоб, передняя часть головы, хвост и нижняя сторона тела, как и кончики больших кроющих перьев на крыльях, белого цвета, верхняя часть головы, задняя часть шеи, затылок и верхние спинные перья черновато-бурые. Глаза темно-карие, клюв и ноги кораллово-красные. Длина птицы равняется 45 см, размах крыльев 110, длина крыла 34, а хвоста 7 см.

Хотя водорез летает хорошо и днем, но делает это лишь тогда, когда его вспугнут. Обычно он проводит день без движения на песчаных отмелях, причем или лежит, прижавшись брюхом к земле, или изредка стоит на своих коротких слабых ножках. В это время от него не слышно никакого звука и даже редко заметно какое-либо движение. Он оживает только при закате солнца, а в пасмурные дни уже в поздние послеобеденные часы; тогда он приподнимается и потягивается, расширяет крылья, начинает мелкими шагами похаживать взад и вперед и время от времени кричит; при наступлении ночи улетает искать пищу. Бесшумно летит он, изредка ударяя крыльями, над самой поверхностью воды, время от времени опускает нижнюю челюсть и ею бороздит воду, при этом схватывает плавающих на поверхности насекомых, которые, по крайней мере, на Ниле, образуют его главную пищу, хотя, вероятно, он не пренебрегает и маленькими рыбками. Полет его легкий и красивый, но тем своеобразен, что птица должна высоко поднимать крылья, чтобы их кончики не касались воды.

Относительно длинная шея позволяет птице летать над поверхностью воды, тело его при этом выше воды всего на несколько сантиметров, между тем как большая часть нижней челюсти опущена в воду. Водорез плавает только в случае крайней нужды, например, когда раненный падает в воду. Если на одной отмели живет много водорезов, то некоторые улетают за добычей очень далеко, так как другие мешают им в этом занятии. В средней Африке они редко покидают реку, на которой живут, а охотятся на соседних прудах, образованных дождями. На востоке и западе этой части света они, точно так же как и их американские родичи, посещают тихие морские заливы. Летящие птицы издают своеобразный жалобный крик, который едва ли можно передать слогами и который не похож на голос никакой другой птицы.

Около Донголы я нашел в мае гнездовье водореза. Меня привлекли на песчаный островок многие птицы, лежавшие, прижавшись брюхом к земле, а когда я подъехал к острову, то они стали так кружиться около меня, что нетрудно было догадаться, в чем дело. После непродолжительных поисков я, к моей великой радости, нашел готовые гнезда, состоящие из простых ямок в песке, но имевшие ту особенность, что от ямки во все стороны шли как бы лучи, состоящие из тонких, точно ножом нарезанных желобков; очевидно, что желобки эти были сделаны нижней челюстью водореза. Яйца, которые мы нашли и впоследствии бесспорно признали за яйца водореза, были очень похожи на яйца крачки; они относительно малы, около 42 мм длины и 26 мм ширины, правильной формы и имели скорлупу серовато-зеленую с желтоватым оттенком, на которой замечались светлые и темные, серовато-бурые и темно-бурые пятнышки и черточки. В каждом гнезде было от трех до пяти

яиц. Насиживают оба пола или этим делом занимается одна самка, я узнать не мог; точно так же не мог собрать наблюдений и относительно образа жизни птенцов, но, вероятно, что о птенцах можно сказать то же, что говорит Жердон о детенышах другого вида, живущего в Индии. «Интересное зрелище представляет толпа этих птенчиков, которые в числе ста или более штук чрезвычайно быстро побежали перед нами и, достигнув конца отмели, пробовали даже спастись в воде, причем некоторые просто спрятались в песке. Но плавать они еще не умели, по крайней мере, очень глубоко опускались при этом в воду». У американского вида заметили, что рост птенцов продолжается очень долго.

Семейство чистиковые

К чистиковым причисляют очень похожих между собой, хорошо ныряющих морских птиц, которые распространены по северным морям. Отличительные признаки их следующие: сильное туловище, короткая шея, толстая голова, умеренно-длинный клюв разнообразной формы. Ноги средней высоты, по сторонам сжатые, трехпалые, снабженные большими плавательными перепонками, крылья короткие, узкие, в иных случаях малоразвитые, хвост короткий и оперение мягкое, большей частью двухцветное.

Все чистиковые принадлежат Северному Ледовитому океану и прилежащим к нему бухтам и проливам, распространяются только местами южнее полярного круга*, хотя они во время своих зимних странствований ежегодно перелетают его.

** Чистиковые птицы принадлежат не столько Северному Ледовитому, но преимущественно северным частям Тихого и Атлантического океанов. В Атлантике многие из них распространены до Британии во Франции и до Ньюфаундленда в Северной Америке, а тонкоклювая кайра гнездится даже на северном побережье Испании вплоть до 42 градусов северной широты. В Тихом океане большинство видов чистиковых птиц также гнездится значительно южнее Северного Полярного круга, проникая к югу вплоть до Японских островов и самого юга США. Отдельные виды достигают полуострова Калифорния в Мексике, совсем немного не доходя до Северного тропика.*

Это настоящие морские птицы, которые собственно только в продолжение насиживания живут на земле, в остальное время все свои дела справляют над водою или в воде. Они плавают и ныряют чрезвычайно искусно, летают хорошо, ходят, правда, неохотно, однако довольно скоро, хотя большей частью скользят на ступнях, а не опираются на пальцы. Рыбы и раки, которые достаются с довольно значительной глубины, составляют их исключительную пищу. Все живут и охотно ловят рыбу вместе. На время насиживания соединяются в большие или меньшие стаи; некоторые виды соединяются в такие общества, которые насчитывают до ста тысяч пар. Чистиковые, в особенности гагарки, считаются жителями севера в высшей степени полезными птицами. Один вид вместе с тюленя м и составляет главное средство пропитания жителей большей части поселений южной Гренландии. Эти птицы по целым неделям и месяцам составляют главное, иногда исключительное кушанье тех людей.

Тупик (*Fratercula arctica*) может считаться одной из самых удивительных морских птиц. Эта птица средней величины, с короткой шеей, толстой головой и очень странно устроенным клювом. Если посмотреть на него сбоку, то он имеет треугольную форму, у основания шире, чем у лба и подбородка, необыкновенно сильно сжат с боков, окружен сзади рубцом из толстой кожи, который огибают углы рта; спереди на клюве замечаются несколько бороздок, кончик его не особенно острый, но с сильно режущим концом; ноги трехпалые с большими плавательными перепонками и очень длинными, на бок повернутыми когтями. Крылья небольшие, узкие с округленными короткими концами, шестнадцатиперый хвост очень короткий. На глазах замечательны голые веки, на нижнем крае которых замечается хрящеватый, удлиненный, горизонтальный отросток, а наверху треугольный вертикальный отросток. Верхняя часть головы, ожерелье и верхняя часть спины черные, щеки и горло пепельно-серые, нижние части тела белые, а бока серые или черноватые. Глаза темно-карие, ободок кругом глаза кораллово-красный, нижняя часть пальцев пепельно-серая, клюв на конце бледно-кораллово-красный, в бороздках еще бледнее, а у основания голубовато-серый; угол рта оранжево-желтый, ноги красные. Молодые птицы отличаются более низким клювом и менее ярким цветом оперения. Длина тела равняется 31 см, размах крыльев 62, длина крыла 17, а хвоста 6 см.

Тупик живет в Ледовитом океане, в северной части Атлантического океана до 80 градусов северной широты. Он встречается на европейских, азиатских и американских берегах, на севере Тихого океана заменяется другим сходным видом. В Ледовитом океане он живет в несметном коли-

честве, занимая летом своими гнездами все удобные места, причем на одной скале находят сотни тысяч и миллионы птиц*.

** Это, несомненно, преувеличение. Колонии тупиков никогда не достигают таких размеров. Обычно численность колоний от нескольких тысяч до немногих десятков тысяч птиц, лишь отдельные поселения тупиков достигали 100000 и более особей. В наши дни вся европейская популяция этого вида составляет 5-6 млн птиц.*

В южной Гренландии он не многочисленен, а дальше на север встречается в большом количестве**.

** * Данные сведения Брема основаны на опросах, и потому они не объективны. В Гренландии тупик немногочисленный вид наиболее обычен он в Исландии и на других островах Атлантического океана в бореальных широтах.*

На европейских берегах Ледовитого океана эти птицы самые многочисленные обитатели так называемых птичьих гор. К перелетным птицам тупика причислить нельзя, хотя зимой он часто показывается в более южных странах; строго говоря, он только перекочевывает от своих гнездовий в открытое море и оттуда снова к птичьим горам.

Во время моего путешествия в Лапландию я встретил или, по крайней мере, заметил тупика только на Лофотенских островах. Первое, что меня поразило в этой птице, это ее необыкновенно странный полет над самыми волнами, причем казалось, что она не летит над водой, а скользит по поверхности ее. Тупик при этом употребляет в дело не только крылья, но и ноги, быстро подвигается от одной волны к другой, так что похож на рыбу, которая наполовину плавает, наполовину летает. При этом он бьет крыльями и ногами по воде, плотно прилегает к каждой волне, описывает одну дугу за другой и таким образом подвигается вперед довольно быстро, но с заметным напряжением сил. Клюв при этом постоянно прорезывает воду, так что полет тупика сильно напоминает полет водореза. Поднявшись с воды, он летит по прямому направлению, быстро махая крыльями и так скоро, что охотнику трудно догнать его выстрелом. В плавании, вероятно, не уступает ни одному из своих родичей. Он свободно плавает по поверхности воды и, когда нужно, ныряет без видимого напряжения и, не производя ни малейшего шума, остается под водой до трех минут и, говорят, достигает до 60 м глубины. По твердой земле он ходит мелкими шажками и переваливаясь, но замечательно скоро, легко поднимается на воздух, прямо с места. Свободно падает с высоты на твердую землю; сидя, он почти всегда опирается на всю ступню и хвост или ложится прямо на брюхо. Даже в спокойном состоянии он, точно так, как его родичи, беспрестанно двигает головой направо и налево, как будто что-либо ищет или к чему-нибудь присматривается. Голос его похож на трещание других родственных птиц, но отличается очень низким тоном.

Я долгое время, так сказать, жил с тупиками, внимательно изучал птиц на гнездовьях и, должен признаться, что изучение их образа жизни доставило мне много удовольствия. Из всех птиц этого семейства я считаю тупика самой веселой и умной птицей. Его, конечно, можно, как думает Фабер, считать глупым и скучным, когда видишь, как он спокойно сидит перед своим гнездом. Но мнение об этой птице совершенно меняется, когда наблюдаешь ее в родной стихии, где она может показать все свои способности. Тупик и на воде не выказывает осторожности, в обыкновенном смысле этого слова, по той простой причине, что на его родине ни одному человеку не придет в голову на него нападать с лодки. Однако он делается осторожным, если замечает, что его преследуют, а под конец, как я сам, к своему удивлению, заметил, птица эта делается необыкновенно пугливой. По отношению к птицам своего вида он выказывает общительность и миролюбие. В случае нужды тупик умеет очень искусно и успешно воспользоваться острым клювом, ему приходится чаще других птиц употреблять его в дело, так как должен защищать свою нору от посещающих ее животных. Все тупики, которых я вынимал из их нор, очень сильно клевались.

Пища его состоит из мелких ракообразных и маленьких рыб; последние служат кормом для птенцов. Говорят, что на гнездовьях он ест также зеленые части растений, например листья ложечной травы; но собственных наблюдений я относительно этого привести не могу*.

** Практически более 90% в диете тупиков составляет рыба. Остальные корма встречаются как примесь. О целенаправленном потреблении тупиками растений вопрос окончательно не решен. Многие орнитологи считают, что растительные корма попадают в их пищеварительный тракт вместе с рыбой.*

Так как тупик везде гнездится вместе с кайрами и гагарками и, вероятно, нигде не образует отдельных гнездовий, то все, что можно сказать о насиживании яиц этими птицами, относится и к тупикам. В середине апреля или начале мая, смотря по тому, когда растает снег, тупики появляются на птичьих горах, и каждая пара отыскивает свою старую норку или вырывает новую. В этом

отношении тупик отличается от кайр и гагарок, так как никогда не кладет яиц на открытом месте. Не все птицы роют норы, а используют щели скал и темные углы, и только нужда заставляет приняться их за тяжелую работу; так, по крайней мере, мне показалось. На посещенных мною маленьких островках очень много тупиков гнездились под большими камнями, а также в расселинах и трещинах круто спускающихся скал; но для огромного количества птиц, конечно, не хватало естественных углублений, и потому тонкий слой торфа, покрывающий скалы, был везде разрыт.

Норы по ширине похожи на кроличьи, но редко делаются глубокими, а большей частью бывают такими короткими, что, заглянув в них, видишь сидящих птиц. Оба пола, кажется, в одинаковой степени работают при рытье нор. При этой работе они пользуются клювом и ногами, но как они копают, я сказать не могу, так как тотчас перестают, когда к ним приближаются**.

* * *Тупики выкапывают норы с помощью клюва.*

Во время копания они до того запылены или, лучше сказать, замазаны торфянистой землей, что цвет их оперения едва заметен, но перед насиживанием они тщательно очищаются. Самка кладет только одно, относительно большое яйцо, около 70 мм длины и 45 мм толщины. Скорлупа крупнозернистая и не гладкая, цвет ее сначала чисто белый, но от торфяной земли он скоро делается желтоватым и даже буроватым. Обе птицы насиживают поочередно, но время насиживания я точно определить не мог, а только слышал, что оно продолжается около 5 недель***.

* * * *Эти сведения довольно точны. Установлено, что период насиживания у тупика составляет 35-42 дня.*

Вылупившийся птенец покрыт длинным и густым пухом черного и светло-серого цвета. Детеныш, по-видимому, растет довольно медленно и остается более месяца в своей норе; затем, когда крылья у него вполне вырастут, он покидает гнездо и вместе с родителями летит на море. Оба родителя таскают ему издалека корм и в случае нужды самоотверженно защищают его сильными ударами клювов. Оба родителя одинаково нежно любят детеныша, и самец добровольно берет на себя все заботы воспитания, если самка случайно погибнет.

Владельцы птичьих гор отнимают у тупиков первое яйцо, если только смогут добраться до гнезда, но дают им высидеть второе, чтобы впоследствии схватить птенца, когда он уже вполне оперится; молодых птиц сейчас же едят или солят на зиму.

Во всех тех странах и морях, где живет тупик, встречается и **гагарка** (*Alea torela*). В брачном оперении верхние части тела и шеи черные, узкая полоска от клюва к глазу, каемка, образованная кончиками малых маховых перьев, грудь и брюшко — белые. В зимнем оперении белый цвет появляется на верхней части шеи и по сторонам головы; у птенцов цвета перьев не такие ясные. Глаза темно-карие, клюв черный с черной поперечной полосой, ноги также черные. Длина тела 42 см, размах крыльев 70, длина крыла 21, а хвоста 9 см.

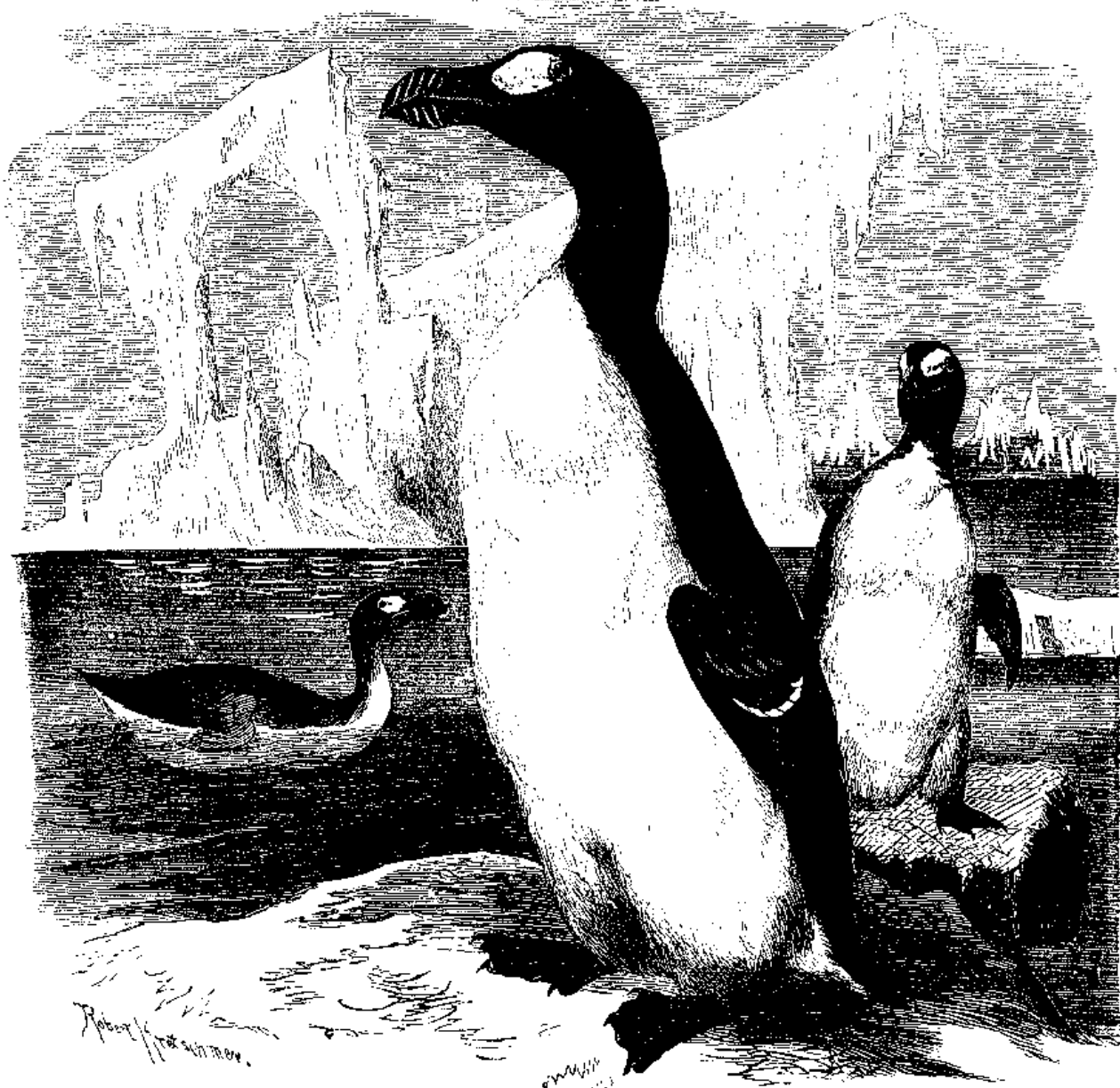
По образу жизни и привычкам гагарка так похожа на тупика, что почти все то, что сказано о первом, можно отнести и к последней. Гагарка вполне морская птица, круглый год встречается на тех же местах, что и тупик, однако охотно странствует из одной части моря в другую. Зимой часто посещает фьорды Норвегии, где летом ее никогда не видно; она появляется ежегодно на морских берегах Германии, Голландии и Франции, но в начале весны всегда возвращается на север для гнездования.

Еще в начале нашего столетия жила в большом количестве на далеком севере удивительная птица — **бескрылая гагарка** (*Pingitinis impennis*), которая теперь почти истреблена вследствие сильного преследования со стороны людей. Прежде исландцы и гренландцы питались ее мясом, ныне же шкура гагарки ценится чуть ли не на вес золота.

Кроме большого роста, птица отличается неразвитыми крыльями, в которых хотя и замечаются все маховые перья, встречающиеся у других птиц, но для летания они непригодны. Бескрылая гагарка ростом примерно с гуся, длиной около 90 см. О размахе крыльев не стоит говорить, вследствие их малого развития. Длина крыла колеблется между 17 и 20 см, а хвоста между 8 и 9 см. Оперение на верхней части тела блестяще-черное, на горле черно-бурое, над глазами замечается овальное белое пятно, нижняя часть тела и каемка на конце малых маховых перьев также белые. При зимнем оперении белый цвет распространяется и на горло, а у молодых и на одну сторону головы. Клюв и ноги черные.

До последнего времени думали, что эта птица и поныне живет на севере земного шара, но исследования Уоллея доказали нам противное; по изысканиям Стенструпа, оказывается, что в доисторические времена бескрылая гагарка встречалась в большом количестве на берегах Дании. Ничто нам не доказывает, что эта птица когда-либо встречалась на Шпицбергене, ее также не нашли на севере Америки. По словам Прейера, один экземпляр этой гагарки, убитой в Лабрадоре, хранит-

ся в Британском музее в Лондоне. Гольбельль сообщает, что последняя бескрылая гагарка была поймана в 1815 году на берегу Гренландии под 64 градусами северной широты около Фискернэса. Блазиус, однако, не отрицает сообщение Беникена, что в 1821 году под 70 градусами северной широты в Гренландии была убита еще одна из этих птиц. В 1790 году один экземпляр был убит в Кильской гавани, и потому эта редкая птица может быть причислена к немецкой фауне; в 1830 году, по словам Наумана, мертвая гагарка была выброшена морем на берега Нормандии.

Бескрылая гагарка (*Pinguinus impennis*)

Чаще всего, вероятно, она встречалась в Исландии и на Ньюфаундленде, хотя не на самом острове, а на окружающих шхерах и маленьких скалистых островах, которые постоянно находятся под сильным прибоем волн; эти скалы выбирались бескрылой гагаркой как безопасные места гнездования и в последнее время служили ей единственным убежищем. Многие из этих шхер и ныне носят название «гагаркины скалы», как доказательство того, что прежде там постоянно встречалась бескрылая гагарка.

Уже в прошлом столетии бескрылая гагарка встречалась здесь не особенно часто. В одной старой рукописи начала второй половины XVIII столетия Ньютон и Уоллей нашли описание скал около мыса Рейкьянес. В ней говорится о большом количестве птиц на скалах, но при этом добавлено, что гагарки там вовсе не так многочисленны, как исландцы думают, и что они занимают лишь шестнадцатую часть этих скал, так как вследствие малого развития крыльев не могут высоко на них подниматься. В одной части этой рукописи дается обстоятельное описание гагарки со всеми ее особенностями, и автор так подробно описывает яйца, как это может сделать только натуралист; кроме того, здесь приложен рисунок, изображающий скалу и двух людей, занятых ловлей гагарок.

Олафсон, который был в Исландии в 1458 году, рассказывал, что жители острова привозили с этих скал целые лодки яиц, из чего следует, что уже тогда предпринимались регулярные охотничьи поездки к вышеупомянутым скалам. Поездки эти, кажется, продолжались до начала нашего столетия, но во времена Фабера, в 1822 году, они прекратились, и туда ездили только изредка и случайно. Летом 1813 года один корабль ехал от Фарерских островов в Исландию; проезжая мимо вышеупомянутой скалы, экипаж увидел, что она покрыта птицами, остановился, так как погода это позволяла, и убил много гагарок, некоторые были привезены в Рейкьявик. Если сведения, сообщаемые тогдашними натуралистами, верны, то моряки перебили много гагарок, так как в Рейкьявик они привезли 24 бескрылые гагарки, не считая тех, которые дорогой были съедены и посолены. В 1814 году, по словам Фабера, один исландский крестьянин убил на небольших шхерах семь гагарок; до 1830 года их еще кое-где находили, но уже не истребляли большими массами. В 1830 году некто Гудмундзон предпринял две охотничьи поездки на остров Эльдей и на остров, называемый «Мучной мешок», и нашел на первом 12 или 13, а на втором 8 бескрылых гагарок, из которых большинство было им убито и приготовлено для коллекций. В следующем году тот же Гудмундзон снова ездил на охоту в те же места и добыл 24 экземпляра этих птиц, некоторые были доставлены живыми и сохранялись в неволе. Из этих гагарок потом одна дама сделала чучела (вероятно, госпожа Томсен или ее сестра, девица Леве, на которую ссылается Блазиус); Ньютон и Уоллей говорили с этой дамой по поводу птиц. В 1833 году было убито 13 птиц, в 1834 году — 9, в 1840 или 1841 году — 3, а в 1844 году — 2 гагарки. Последние две гагарки были, вероятно, вообще последними из этих птиц.

Многочисленные сообщения прежних мореплавателей и новейшие исследования доказывают, что бескрылая гагарка часто встречалась на Ньюфаундленде и соседних шхерах. Мы обязаны Стенструпу собранием древних, более замечательных известий об удивительном множестве «пингинов», как называют этих птиц в Америке, прежде встречавшихся на западных берегах Атлантического океана. Сообщения от XVI столетия указывают нам, что бескрылые гагарки были тогда очень многочисленны на Ньюфаундленде. Гайклейд рассказывает в письме от 13 ноября 1578 года, что на так называемом Пингвиновом острове было найдено большое количество этих птиц, и что их по доске нагнали в лодку столько, сколько лодка могла нести. «Мы увидели остров, пишет этот путешественник, — который называется Пингвинов остров, по имени птиц, гнездящихся там в неимоверном количестве; эта птица летать не может, так как ее крылья не в состоянии поднять тело, которое очень велико, не менее чем у гуся, и необыкновенно жирно. Французы на этом острове ловят много таких птиц и солят их; и мы могли бы сделать подобные запасы, если бы имели достаточно времени». Другие отчеты подтверждают это известие, но самое лучшее свидетельство в достоверности вышесказанного состоит в следующем: в 1841 году Петр Стувиц, норвежский натуралист, был послан на Ньюфаундленд своим правительством, чтобы познакомиться с тамошними условиями ловли трески; во время своих исследований он часто слышал от рыбаков, с которыми разговаривал, о том, что в прежнее время здесь встречалось множество птиц, которых местные жители называли пингинами. Он поместил это известие в своем отчете, но ученые его родины были этим сильно смущены, так как полагали, что пингины встречаются только в южном полушарии. Стувиц, узнав, что на родине сомневаются в справедливости его известия, решил посетить группу маленьких шхер, которые находятся при входе в бухту Бонависта, и здесь нашел остатки простых каменных оград, куда в прежнее время загоняли несчастных птиц, а в этих оградах целые груды костей пингинов. Он послал в Христианию некоторые из этих костей, там их признали за кости бескрылой гагарки, и таким образом недоразумение это было разъяснено. В 1863 году один американец получил позволение от правительства снять слой земли, находящийся на этих скалах, и перевезти эту землю в Бостон в качестве удобрения. При снятии замерзшего слоя почвы не только было найдено много костей гагарок, но на некоторой глубине нашли мумии этих птиц, которые прекрасно сохранились в слое торфа и льда. Ньюфаундлендский епископ получил, к счастью, две из этих мумий и, узнав их ценность, послал в Англию, и таким образом дал возможность Овену написать свое известное исследование о скелете бескрылой гагарки. Остров, о котором здесь идет речь, носит название острова Функа. Джон Мильн был там в 1874 году и собрал кости еще около 50 гагарок. В 1887 году из Америки туда был послан Лукас; он исследовал этот маленький остров, имеющий не более 20 м высоты над поверхностью моря; подтвердил все сообщения Стувица и смог собрать отдельные кости около ста птиц, из которых была составлена дюжина полных скелетов.

Блазиус в 1883 году составил список чучел и шкур бескрылой гагарки, сохраненных в различных музеях, причем оказалось, что известно 74 штуки, из которых три в Америке и 71 в Европе; из них 21 экземпляр в Великобритании и 20 в Германии.

Все наблюдатели утверждают, что птицы эти плавали с высоко приподнятой головой, но назад загнутой шеей и всегда ныряли, если их беспокоили. На скалах они сидели прямо, еще прямее, чем кайры и гагарки, ходили или бегали маленькими, короткими шагами, держа тело в отвесном положении, как люди; в случае опасности они бросались в море с 4 или 5 м высоты. Шум их более беспокоил, чем предметы, которые они могли распознать зрением.

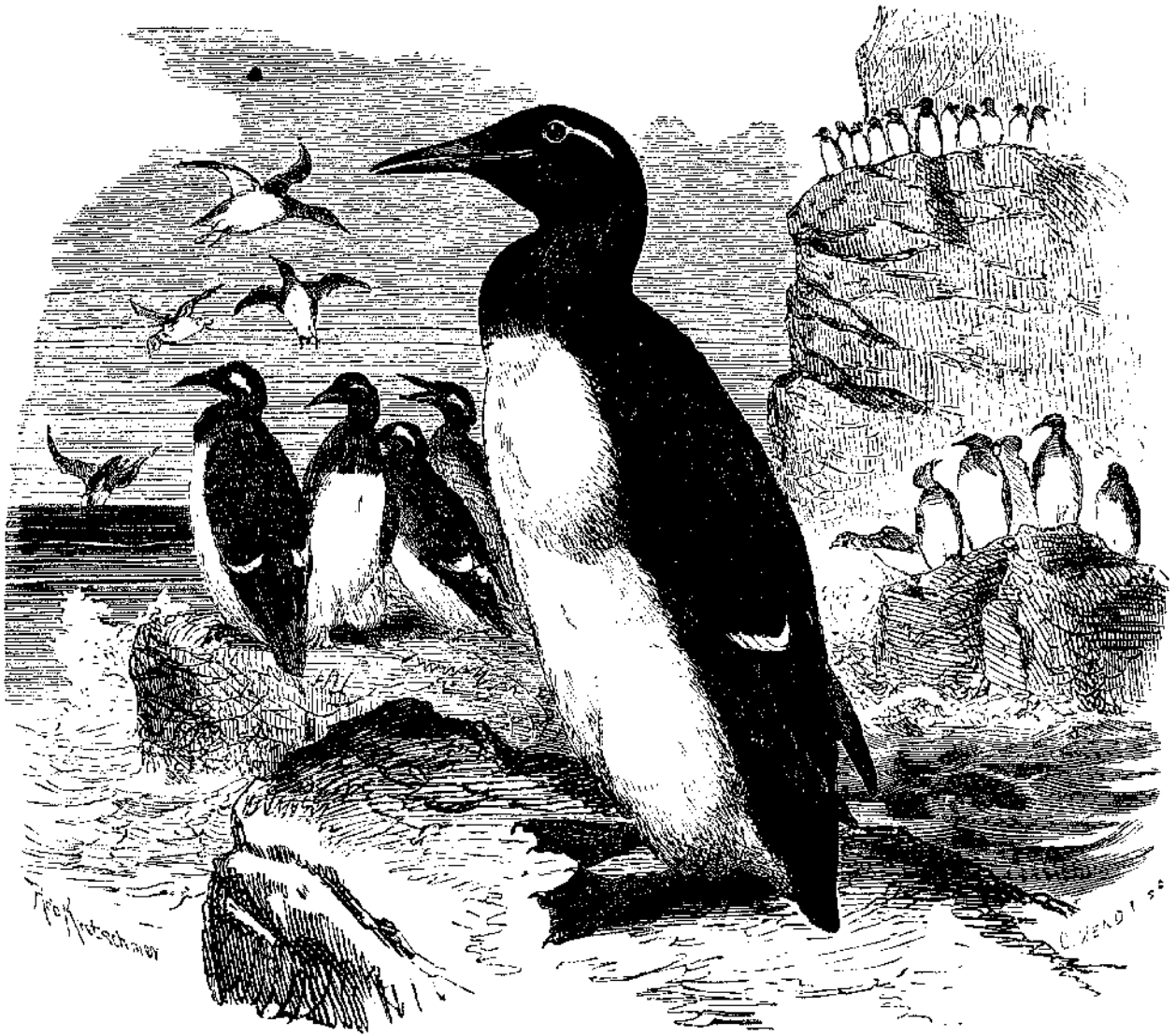
Говорят, что их пища состояла из различной по величине рыбы, но Фабрициус сообщает, что он нашел в желудке молодой птицы растительные вещества. Самка клала только одно яйцо в июне; оно отличалось от яиц других гагарок значительной величиной: это самое большое пятнистое яйцо, замеченное у европейских птиц. Длина его равнялась 120-130 мм, а наибольшая ширина 75-80 мм. Толстая скорлупа была матовая и имела заметные поры. Основной цвет серовато-белый, переходящий местами в желтоватый или зеленоватый, рисунок очень гагарок, и состоял из бурых или черных круглых и длинных пятен, волнистых полосок и других линий. Насиживанием занимались как самец, так и самка, но продолжительность времени насиживания неизвестна. Детеныш вылуплялся в темно-сером пушку, и родители очень скоро уводили его на море.

У толстоклювой кайры (*Uria lomvia*) голова, передняя часть шеи и верхняя часть тела бархатисто-бурые, кончики малых маховых перьев белые, так что образуется светлая полоса. Нижние части тела белые, бока бурые с продольными полосками. В зимнем оперении передняя сторона тела и щеки также отчасти белые. Глаза карие, клюв черный, ноги свинцово-серые, а снаружи темные. Длина равняется 46 см, размах крыльев 72, длина крыла 21, а хвоста 6 см.

Кайры живут в северных морях земного шара, но отдельные их экземпляры выводят птенцов и в умеренном поясе*, куда они перекочевывают зимой.

* *Умеренные широты населяет другой вид кайр — тонкоклювая кайра (Uria aalge).*

Кайры только в птенцовую пору держатся на земле, остальное время проводят среди открытого моря. Большая их часть из года в год придерживается одних и тех же местностей. Кайры плавают очень ловко, причем тело свое погружают в воду приблизительно до белых частей брюшка. Ныряют мастерски и в высшей степени проворно, ловко гребут под водой крыльями и ногами; они могут также в продолжение нескольких минут оставаться под водой. Летают быстро, со свистом перерезая воздух, но не любят пролетать за один раз далекие расстояния. При полете большей частью держатся над самыми волнами и только, когда отправляются на гнездовье, летят на значительной высоте. Бросаясь в воду с вершины своей горы, они скользят по воздуху почти без малейшего взмаха крыльями и низвергаются в море по прямой линии, при этом почти все держатся одного и того же направления, так что из поднимающихся и спускающихся птиц над горой образуется нечто вроде шатра. Помимо птенцовой поры, их никогда не увидишь летающими подобным образом. В другое время они больше плавают и ныряют или, самое большее, поднимаются на воздух коротким полетом и вскоре снова спешат погрузиться в волны. Походка их обыкновенно ползаящая, так как они неуклюже скользят на ступнях.

Тонкоклювая кайра (*Una aalge*)

Голос проявляется в непрерывном крикании и хныканье, которое, впрочем, звучит весьма разнообразными тонами. Молодые кайры свистят. О гнездящихся на Гельголанде кайрах Нолл говорит следующее: «Певунами кайр, конечно, назвать нельзя, но если их слушать с судна в спокойную погоду, то можно различить, что почти каждая птица издает разный звук и имеет свой особенный тон».

Всякий, хоть раз побывавший на птичьей горе, занятой кайрами, не станет больше удивляться тому, что эти птицы слывут глупыми. В самом деле, они выказывают себя необыкновенно беспечными или доверчивыми существами, особенно тогда, когда находятся на суше. Впрочем, и плавая, они зачастую подпускают к себе судно на очень близкое расстояние; на гнездовьях почти не обращают никакого внимания на человека. Здесь, совершенно спокойно, не возбуждая ни малейшего подозрения в птицах, можно подойти к ним на четыре шага; смело присесть, долго рассматривать их и тут же заниматься рисованием или записями; они и не подумают улететь. Несмотря на все это, внимательный наблюдатель успеет сделать заключение, что их только в известном смысле можно считать глупыми птицами. Человек, который вообще редко навещает кайр, не возбуждает их опасения; зато появление кречета сразу очищает всю птичью гору, а летящий вдали морской орел испугивает и обращает в бегство тысячи птиц. Из этого видно, что и кайры умеют распознавать своих врагов, а если они не избегают человека, то лишь потому, что не считают его за врага.

Местом своего гнездования они избирают круто вздымающиеся горные громады или отдельные скалы, которые возвышаются непосредственно на морском берегу и изобилуют карнизами, выступами и трещинами. Вероятно, вблизи этих скал море особенно богато рыбами и раками, составляющими главную пищу этих птиц. В исходе марта или в начале апреля кайры появляются большими и малыми стаями на горах, и вскоре после этого здесь начинается суэта. В это время птичью гору можно принять за колоссальный пчелиный улей. Тучи птиц постоянно окружают ее. Преиму-

щественно их много там, где имеются удобные места для сиденья; кайры сидят на всех выступах, углах, остриях и карнизах, выстроившись правильными рядами и обратив свои белые груди в сторону моря; сотни тысяч летают сверху вниз и снизу вверх; кроме того, масса птиц охотится и ныряет в море.

Пары связаны между собою тесной дружбой; пока не настанет пора кладки яиц, они милуются друг с другом клювами, трутся шеями, в одно и то же мгновение бросаются в море, сообща ловят рыбу и вместе возвращаются на гнездо, где они впоследствии дружно разделяют все заботы о выводе птенцов.

Самка кладет всего одно, но очень большое яйцо, около 85 мм длиной и 52 мм толщиной, оно круглой формы, с крепкой крупнозернистой скорлупой, по светлому фону которой рассеяны темные пятна; впрочем, внешний вид этих яиц до того разнообразен, что из сотни едва можно подобрать два совершенно одинаковых. Настоящего гнезда кайры не строят, а кладут яйцо большей частью без всякой подстилки прямо на голый камень, с которого не счищается даже крупный гравий. Тотчас же после кладки начинается высиживание. После 30-35 дней вылупляется птенец, который сначала походит скорее на серо-черный комок шерсти, чем на птицу; впрочем, он очень быстро вырастает, сбрасывает свой пуховый наряд и в течение месяца облекается в перья. В это время птенцы изменяют своим родным скалам ради моря. «Эта перемена, — говорит Науман, — сопряжена с явной опасностью, о чем наглядно свидетельствуют поднимающаяся среди семейства суета и боязливые крики. Под руководством стариков птенец одним прыжком бросается с обрыва в море. Ныряет в тот же момент, как только коснется в первый раз воды, и под водой находится в сопровождении родителей. А затем, когда вынырнет, с громким свистом робко прижимается к ним, как бы ища защиты и желая укрыться на их спинах. Но ему приходится продолжить знакомство с морской стихией, и после частых ныряний под руководством родителей птенец становится смелее. Многим птенцам этот первый прыжок в море со скалы обходится дорого, в особенности тем, которые, по несчастью, падают прямо на камень, где и разбиваются насмерть».

Такие птичьи горы регулярно осаждаются охотниками, которые собирают более или менее богатую добычу в виде яиц и птенцов. Яйца рассылаются довольно далеко по всему северу; а молодых птиц загоняют впрок на всю зиму. На Фарерских островах образовалась уже особая группа людей, птицеловов. Это очень отважные люди, не страшась никакой опасности, и смело смотрящие смерти в глаза. Они хорошо знают, что редко кому из них придется умереть спокойной смертью на собственном одре. Птицеловы влезают на гору и спускаются с нее при помощи длинных канатов. Чтобы достать до выступа, усеянного насидивающимися птицами, они раскачиваются на канатах и, перелетая через пропасти, ступают на узкие карнизы, доступные разве только птице, одним словом, из невозможного делают возможное.

В Гренландии кайр по зимам тысячами убивают с помощью огнестрельного оружия и, кроме того, добывают другим, чрезвычайно оригинальным способом. Пока не взломается лед, кайры имеют обыкновение ночевать на своих гнездовьях, где и проводят короткую ночь в крепком сне. По прибытии птиц гренландцы с осторожностью взбираются на гору и начинают их вспугивать внезапными криками и выстрелами; бедные кайры, не соображающие с перепугу, что море оковано льдом, без размышления бросаются вниз головой и на смерть разбиваются о лед. Кроме людей их непрерывно преследуют хищные птицы, вороны и чайки, а под водой также и хищные рыбы. Однако, несмотря на все эти преследования, численность их не уменьшается.

Мясо кайр темного цвета и, хорошо приготовленное, имеет своеобразный, довольно приятный вкус дичи, несколько напоминающий мясо уток, в чем мы сами успели убедиться.

Пойманные кайры, за которыми я ухаживал, без всякого затруднения принимались за корм и, по-видимому, не делали никакого различия между мелкой рыбой и крабами. Несколько часов в день они забавлялись плаванием по воде, но нырять, однако, не решались. Устав плавать, отправлялись на сушу и здесь, плотно прижавшись друг к другу, образовывали как бы одну кучу. Они никогда не скользили на пятках, а скорее ходили на пальцах, лишь изредка прибегая к помощи крыльев; в этом случае двигались в высшей степени грациозно, чрезвычайно быстро и ловко. В Берлинском аквариуме неоднократно представлялись случаи наблюдать их искусство в плавании и нырянии, любуясь сквозь стекла отведенного для них бассейна.

Семейство якановые

Одна из самых обыкновенных птиц Южной Америки — **желтолобая якана** (*Jacana spinosa*). Отличительные ее признаки следующие: легкое, красивое туловище, тонкий, стройный клюв с голой мозолью на лбу и голыми лопастями по углам рта; высокие, тонкие, длиннопалые ноги, когти которых почти одинаковой длины с пальцами; узкие остроперые крылья, между маховыми перьями ко-

торых третье самое длинное; на сгибе крыло снабжено крепким, вогнутым шипом, и, наконец, округленный хвост, состоящий из десяти мягких, нежных, немного заостренных перьев. Старая птица на голове, шее, груди и брюшке имеет черную окраску; на спине, крыльях и по сторонам брюшка — красно-бурю; маховые перья до самого черного конца своего — желтовато-зеленые; рулевые перья темные красновато-бурые. Глаза бледно-желтые; клюв красный, на конце желтоватый, голая мозоль на лбу, так же как и лопасти по углам рта — кроваво-красные; ноги свинцово-серые; шип на крыле желтый. Молодая якана от подбородка до гузки имеет желто-белую окраску; на верхней части головы и затылке — черную; на спинке — оливково-бурю. Длина ее тела 25 см, длина крыла 14, хвоста — 5 см, высота плюсны 55.

Желтолобая якана (*Jacana spinosa*)

От Гвианы до Парагвая якана водится на всех стоячих водах, покрытых местами широкими листьями водяных растений. Благодаря красивой внешности ее все любят и щадят; она селится в непосредственной близости от жилья, оживляя собой каналы на плантациях; по словам же принца фон Вида, якана главным образом водится в болотистых местах, на сырых болотистых лугах, в водных бассейнах по близости морского берега, а также и внутри материка или среди первобытных лесов. Она расхаживает по широким листьям, расстилающимся по водной поверхности, на которых держится очень легко, благодаря длинным пальцам своих ног. Хотя якана и слетает, когда заметит

быстро приближающуюся к ней лодку, но скоро снова садится на прежнее место. Она представляет в высшей степени привлекательное зрелище, когда с быстротой мысли несется по плотно сплетенным между собой листьям водяных лилий, занимаясь в то же время своим делом. Садясь, она высоко приподнимает красивые крылья и выставляет напоказ ярко-блестящие маховые перья, как будто с умыслом щеголяя всей своей красотой. Яканы, движущиеся в яркий солнечный день по широким зеленым листьям водяных растений, превосходят по красоте великолепный цвет этих последних. При опускании или перед самым взлетом слышится обыкновенно громкий, похожий на смех голос, служащий для других птиц предостережением; птица издает его еще тогда, когда, застигнутая врасплох, вынуждена искать спасения в бегстве. «Как только та или другая из них, — говорит Шомбургк, — заметит что-нибудь подозрительное, так немедленно вытягивает шею и испускает громкий звук; тогда все общество вторит ей и друг за другом устремляется в бегство».

Якана питается водяными членистоногими и их личинками, но не пренебрегает также семенами и, по-видимому, постоянно занята поиском пищи.

Гнездо ее представляет собой безыскусную постройку, которую она сооружает в болотах и по краям канав, но часто кладет прямо на голую землю 4-6 бледно-зеленоватых или голубоватых яиц, покрытых светло-бурыми крапинами*. Птенцы следуют за матерью вскоре после появления на свет.

** В кладке якай бывает от 3 до 6 яиц, но как правило, 4.*

Семейство ржанковые

Чибис (*Vanellus vanellus*) характеризуется четырехпальными ногами, тупыми крыльями и особым хохолком на голове. Хохолок состоит из длинных, узких перьев, образующих раздвоенный кончик. Самка отличается более коротким хохолком и белыми и черными пятнами на передней части шеи. Длина ее достигает 34 см, размах крыльев 70, длина ее крыла 22, хвоста 10 см.

Чибиса наблюдали во всех странах Старого Света, начиная от 81 градуса северной широты вплоть до северной Индии и северной Африки. Он одинаково обыкновенен как в некоторых местах Китая, так и в Великобритании, и каждую зиму совершает перелеты с родины на юг до областей, лежащих между северной Индией и Марокко; он летает на Фарерские острова, в Исландию и даже в Гренландию. Всюду, в Греции, Испании, в Малой Азии, северной Африке, в южном Китае и в Индии он появляется в большом количестве в конце октября, посещает долины рек, болотистые низменности или берега морей и в начале марта снова улетает на север. Из европейских областей наиболее изобилует чибисами, без сомнения, Голландия; чибис, будучи характерной для страны птицей, обычен в ландшафтах Голландии, также как каналы, пегие коровы, ветряные мельницы и высокие деревья, осеняющие домики голландцев.

Чибис — один из первых вестников наступающей весны, прилетает к нам приблизительно в одно время с веселым скворцом и полевым жаворонком, прилетает даже и тогда, когда еще господствует зима, в последнем случае он, бывает, вынужден вести довольно жалкое существование. У чибиса более, чем у других птиц, замечен тот факт, что некоторые стаи летят вперед, указывая главную пролетную дорогу и выбирая места для стоянок другим стаям*. Им иногда приходится очень горько, если погода вдруг переменится к худшему.

** Первые прилетные птицы вовсе не являются разведчиками дороги и условий для последующих. Обычно первыми прилетают птицы, зимовавшие наиболее близко от какой-то территории.*

Как только стая этих птиц основалась на родине, она распределяется по различным местобитаниям и начинает свою летнюю жизнь. Чибис не любит близости человека, почему и избегает селиться недалеко от его жилья.

Главным условием для гнезда является близость воды. На гнездовых чибиса можно видеть или слышать ежеминутно. Несмотря на осторожность, которая заставляла его в каждом существе, за исключением разве овец, видеть опасного врага, он почти непрерывно находится в движении и, так как любит больше летать, чем бегать, то для выражения различных чувств охотнее употребляет в дело крылья. Всего оживленнее ведут себя чибисы, когда яйца лежат в гнезде или когда птенцы еще беспомощны; в это время они различными маневрами стараются отдалить от гнезда приближающуюся опасность.

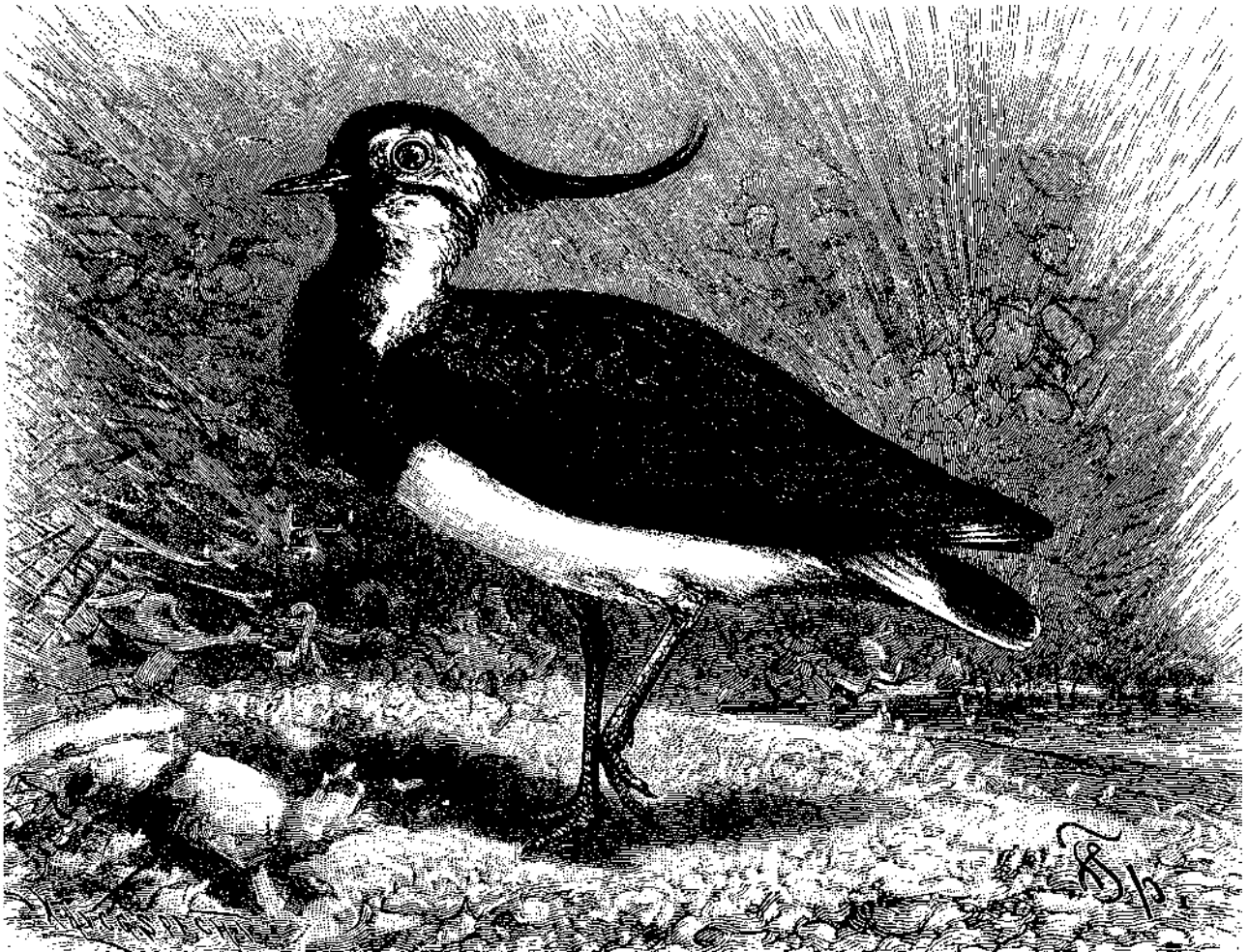
Полет чибиса превосходный и полон самых затейливых изворотов. Когда он несется над водой, то летит, тихо взмахивая крыльями; поднявшись высоко на воздух, начинает выкидывать различные фортели, словно этими странными движениями хочет выразить свои чувства. Если ему или птенцам грозит действительная опасность, он проделывает на лету самые головоломные штуки, то падает стремглав вниз чуть не до самой земли и немедленно вслед за тем снова тихо поднимается на

высоту, то бросается из стороны в сторону, то просто кувыркается. Сев на землю, он побеждает немало по ней и затем, поднявшись, снова начинает прежние упражнения.

Ни одна наша птица не летает так, как чибис, ни одна не умеет проделывать таким удивительным образом всевозможные движения крыльями, которые проделывает он. Походка его красива и проворна; бег может достигать значительной быстроты. На лету и бегая по земле, он постоянно играет своим хохолком, то держа его горизонтально, то высоко приподнимая. Чибис очень часто подает свой голос, который, хотя и нельзя назвать разнообразным, все же состоит из нескольких звуков, которые он выкрикивает на разный манер.

Чем больше наблюдают чибиса, тем все более убеждаются в его уме. Осторожность положительно делает ему честь. Он прекрасно знает, какому человеку можно доверять, а кого следует избегать. С пастухами и крестьянами ведет известную дружбу; охотника избегает с такой боязливостью, что положительно приходится убедиться в том, что он знаком с действием ружья. Неприятности никогда не забывает, и место, на котором постигло несчастье одного из родичей, на годы остается в памяти других птиц.

Ко всем четвероногим хищникам чибис выказывает самую глубокую ненависть, иногда проявляя при этом величайшую храбрость и даже безумную отвагу. Он с гневом бросается на легавую собаку, пронесаясь часто у самой ее головы так близко, что раздосадованное животное делает попытку схватить его. Точно так же нападают чибисы на лисицу и прогоняют ее. Но не всегда бывают победителями; лисица нередко схватывает наиболее смелого из атакующих и прикусывает его на глазах других птиц, которые, преисполненные ужаса, разлетаются во все стороны и вдали от места побоища криками оплакивают своего несчастного родича. Чибисы смело нападают на некоторых птиц: чаек, цапель и аистов, когда знают, что последние летают хуже их; однако они тщательно избегают тех пернатых хищников, которые превосходят их в искусстве летать. Весьма привлекательное зрелище представляют собой чибисы, нападающие на канюка, коршуна, лакомую до яиц ворону или орла: кажется, что они полны уверенности в победе, тогда как хищник ощущает страх. При этом один чибис подбадривает другого, и смелость их возрастает с числом атакующих, прилетающих на шум. Пернатого хищника они так отшельвают, что он предпочитает бросить охоту, чтобы только избавиться от крикунов. Чибисам остается беречься встречи с ястребами и благородными соколами. При виде этих хищников умные и ловкие чибисы ведут себя очень растерянно, издают жалостные крики, пытаются броситься в воду и пробуют спастись нырянием, но, если вода неглубока, то они пропали. Аисты и другие голенастые обыкновенно внимательно следят за чибисами и, благодаря этому, избегают от многих опасностей. Вот почему эту птицу греки зовут «доброй матерью».

Чибис (*Vanellus vanellus*)

Главную пищу чибиса, по-видимому, составляют дождевые черви; наряду с этим он ест личинок всякого рода насекомых, водяных и земных улиток и т.п. На водопой летает несколько раз на день и питает большую любовь к купанью.

В Германии чибисы особенно не преследуются, так как мясо их по справедливости считается безвкусным; южноевропейцы, однако, этого взгляда не разделяют и преследуют чибисов столь же усердно, как и других куликов. Впрочем, в Германии ставят на чибисов силки, и если повести это дело с умением, можно рассчитывать на обильную добычу. Яйца их и у нас в почете.

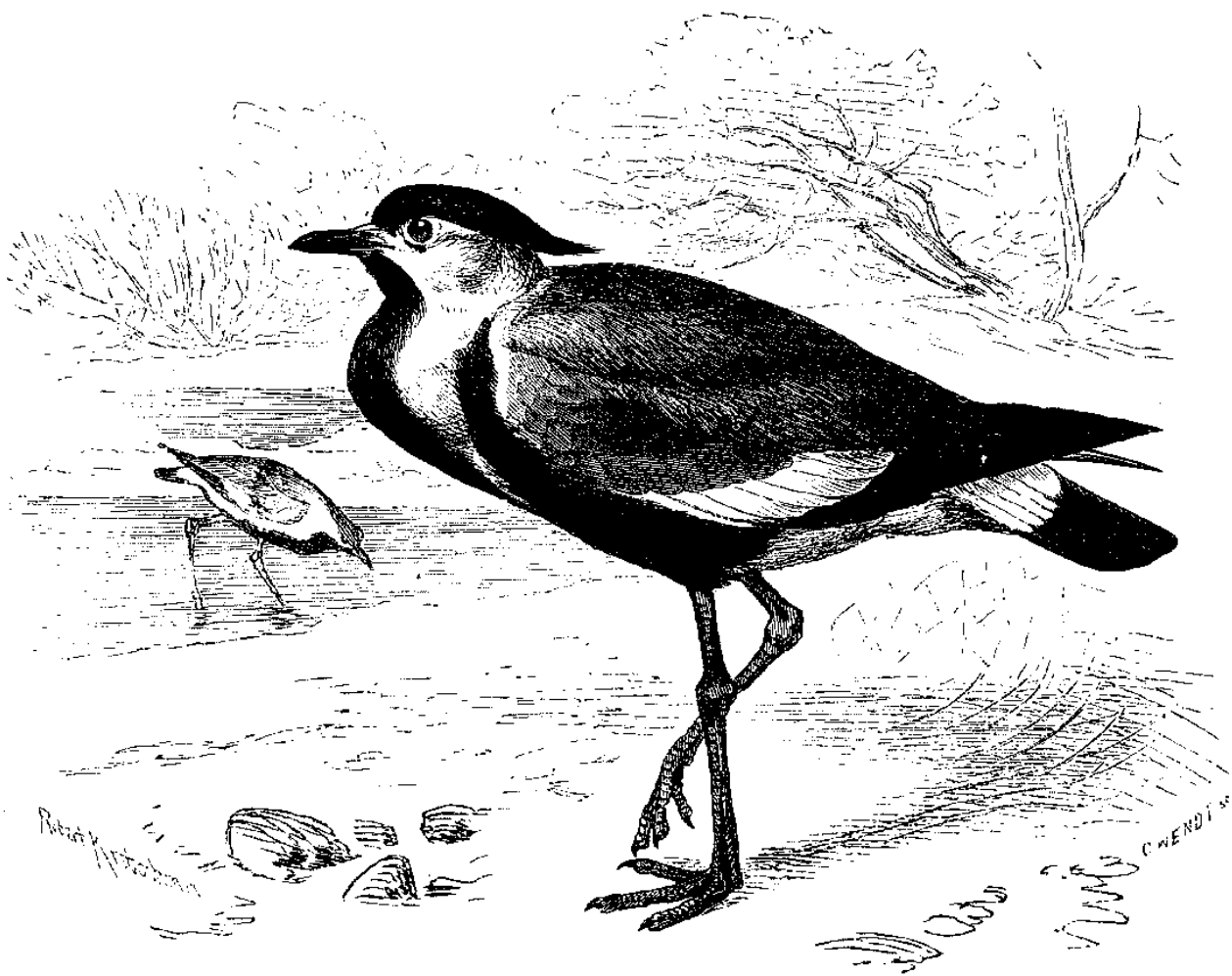
Путешественник, едущий по Нилу, уже в первые дни своего пути знакомится в стране фараонов с одной птицей, которую он может просмотреть или не услышать только случайно. Эта птица — **шпорцевый чибис** (*Hoplopterus spinosus*). Характерными признаками его будут: клюв как у чибиса, тонкие, трехпалые ноги, острые шпоры на сгибах крыльев, относительно заостренные крылья и, наконец, тупой хохолок на затылке. Окраска оперения не изменяется ни с полом, ни с возрастом. Нижние шейные перья серо-бурого цвета; голова и нижние части тела черные, бока головы, шеи, брюхо, зашеек и область надхвостья белые. Длина птицы достигает 30 см, длина крыла 18, хвоста 9 см.

По мнению Адамса, шпорцевый чибис и есть крокодиловый сторож, но он ничем не подтверждает этого мнения. Арабы, однако, зовут крокодиловым сторожем другую птицу, а шпорцевого чибиса называют «зиззак», по издаваемому им крику.

Из всех птиц Египта шпорцевый чибис — самая обыкновенная. Его видишь повсюду, где только присутствие пресной воды делает его пребывание возможным, так как он практически никогда не отдалается от воды. Но чибис очень неприхотлив в своих требованиях и водится даже на тех полях, которые временно бывают покрыты водой; такие места, во всяком случае, ему нравятся. Морских берегов он, по-видимому, избегает; держится на берегах озер с застойной или солончаковой водой. В знойной Нубии он попадается реже, а на востоке Судана и в Абиссинии лишь одиночками; однако он еще довольно регулярно встречается по рекам и озером северной половины центральной Африки.

По своему поведению шпорцевый чибис сходен с европейским чибисом, но, по-видимому, менее общителен и держится больше парочками. Но пары живут совсем близко одна от другой, и на

короткое время охотно соединяются. Мало найдется других птиц, которые бы так надоедали натуралисту тем, что попадают повсюду, как шпорцевый чибис. Вначале вас бесконечно веселит их бодрая, оживленная деятельность, их быстрый бег, их легкий, изящный полет, их громкий, если не совсем благозвучный, то не лишенный и некоторой приятности крик, их смелость и боевой пыл, но вскоре они делаются положительно ненавистными. Они умеют, собравшись массами, испортить весь день охотнику или натуралисту, так как являются сторожевыми птицами не только для одних береговых, но и для всех птиц вообще. От них ничто не ускользает. Охотник, четверть часа бродивший по болоту и озерам, увидев прекрасного фламинго или пеликана, начинает подкрадываться к нему, ползя на животе, и вдруг с величайшей досадой замечает, что за ним следит пара вездесущих чибисов. Надежда овладеть добычей, уже бывшей почти в руках, ускользает: большими кругами летают эти возмутительные птицы над головой охотника, громко крича свое «зикак-зикак», дерзко кидаются на него сверху и поднимают все пернатое население озера, побуждая к бегству осторожных птиц. В ярости охотник вскакивает на ноги и очень часто с досады сбивает выстрелом одного из этих надоедливых крикунов. Точно так же это происходит и ночью, так как слова одной арабской саги, что «зикак» никогда не спит и не ищет покоя, очевидно, основаны на наблюдениях над этой птицей.

Шпорцевый чибис (*Hoplopterus spinosus*)

Пища шпорцевого чибиса приблизительно та же, что и у его европейского родича; в желудках убитых находят всевозможных насекомых, червей, моллюсков и песок. От этой пищи мясо принимает в высшей степени неприятный вкус, и как у европейцев, так и у египтян «зикак» считается несъедобным.

Золотистая ржанка (*Pluvialis apricaria*). Верхняя часть тела имеет золотисто-зеленовато-желтый оттенок, так как у всех перышек каемки такого цвета. Этот золотисто-зеленый оттенок еще более заметен при зимнем оперении. Темя, затылок, нижняя часть шеи и спина черного цвета, но все перья с золотисто-зелеными каемками, пятнышками и острыми кончиками; лоб, брови, стороны шеи, груди и брюшка белого цвета; гузка и нижние кроющие перья хвоста также белые. Малые маховые перья темно-бурого цвета, большие маховые перья имеют на черном фоне золотисто-зеленые поперечные полосы, нижние кроющие перья крыльев белые, а около сочленения крыла имеют бу-

роватый опенок. Перья у основания крыла чисто белые, рулевые перья черновато-бурые с 7-9 светлыми полосками. Глаза темно-бурые, клюв черный, ноги серовато-черные. Длина этой птицы 26 см, размах крыльев 58, длина крыла 18, а хвоста 8 см.

Золотистая ржанка — типичная птица тундры. Когда путешествуешь по болотам, покрывающим весь север земного шара, то со всех сторон слышишь меланхолический, почти жалобный голос этой птицы, видишь их парами, семействами, небольшими стайками или многочисленными обществами, смотря по времени года. Ее там встречаешь повсюду, куда ни оглянешься, так как одна пара живет близко от другой, и охотник, который их преследует, может с утра до вечера заниматься охотой. Большинство птиц летит на юг из Лапландии и Финляндии до берегов Средиземного моря и в юго-западную Африку, из северной Азии в Индию и Китай и из самых северных стран Америки на юг Соединенных Штатов и даже в Бразилию*. Перелет совершается обыкновенно обществами и преимущественно ночью. Во время своего странствования ржанки летят очень высоко, иногда без заметного порядка, но чаще клином, как журавли. Днем такая стая отдыхает в удобной местности, обыкновенно на полях, чтобы поискать корм, а если погода теплая, то остается и на целую зиму.

* *Золотистая ржанка населяет северные районы от Скандинавии до востока Таймыра, но кроме нее в тундрах на севере Азии и Северной Америки обитают еще два близких и внешне похожих вида. Север Азии от Ямала до Чукотки населяет бурокрылая ржанка (*Pluvialis fulva*), летающая зимовать в Китай, а Северную Америку американская ржанка (*Pluvialis dominica*), зимующая на юге США и в Южной Америке.*

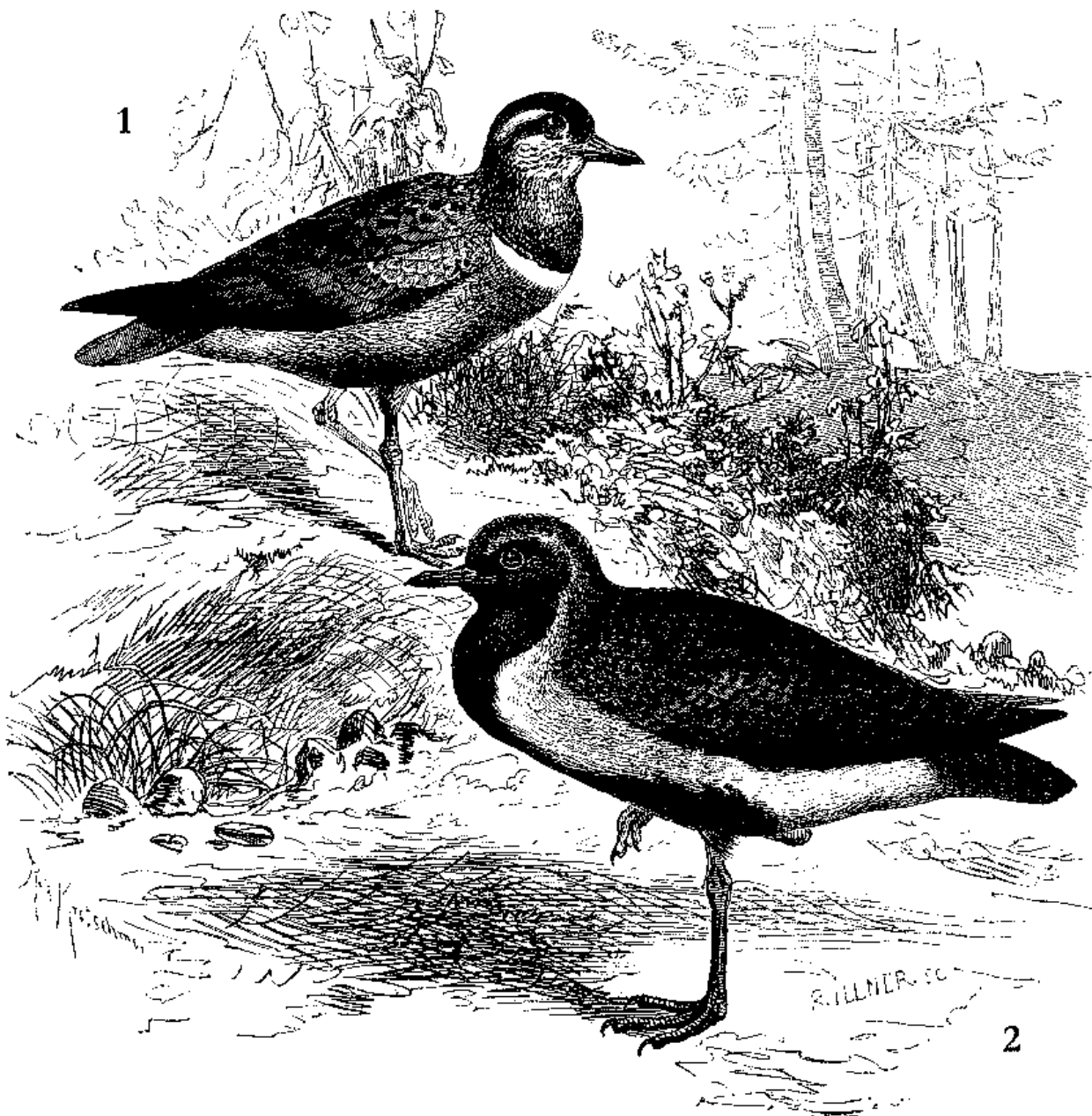
По своему образу жизни ржанка мало отличается от других видов семейства. Это веселая, пугливая птица, которая может красиво ходить или быстро бегать по земле, причем останавливается отдохнуть только после очень продолжительной пробежки. Она ловко и скоро летает, при перелете на большие расстояния несется по воздуху подобно быстрому голубю, а вблизи гнезда любит выделять красивые повороты и другие фокусы. Благозвучный и чистый свист ее может быть передан слогом «тлюи» и звучит очень приятно, несмотря на меланхолическую интонацию; во время спаривания голос этот переходит в трель, похожую на пение, и которую можно передать слогами «талюдль-талюдль-талюдль- талюдль». Внешние чувства и душевные способности этой птички развиты хорошо. Она отличается любовью к обществу себе подобных, миролюбием, привязанностью самцов и самок друг к другу, нежностью к птенцам и другими хорошими качествами. Главная ее пища состоит из червячков и личинок насекомых; летом она почти исключительно ест комаров во всех стадиях развития, а во время перелета — земляных червей, жучков и разных насекомых; для лучшего пищеварения часто глотает мелкие кусочки кварца. Вода ей необходима как для питья, так и для купания и, вероятно, она каждый день оmyвает свои перышки.

Для гнезда служит небольшая и неглубокая ямка, которая выкапывается самкой* и в которую в виде подстилки кладется только несколько тонких травинок.

* *Ямку для гнезда делают как самка, так и самец.*

Кладка состоит из обыкновенного числа относительно очень больших яиц, 46 мм длины и 35 мм толщины, которые отличаются своей гладкой матовой и мелкозернистой скорлупой; основной цвет их грязно- или бледно-оливково-зеленый, на котором замечаются множество черно-бурых или красновато-бурых пятнышек. Кладка оканчивается или раньше, или позже, смотря по тому, находится ли место гнездования севернее или южнее. Птенцы покидают гнездо уже в первый день своей жизни. Они появляются на свет с врожденным умением прятаться, свойственным всему семейству этих птиц. Пока птенцы еще не выросли, оба родителя забывают всякую осторожность и действительно трогательно заботятся о своем потомстве. Если первые яйца бывают похищены, то парочка решается на вторую кладку, но в большинстве случаев самка несет только раз в году.

На севере соколы преследуют взрослых ржанок, а песцы, росомахи и другие куницы, канюки, вороны и чайки уничтожают птенцов, причем чайки чаще всего таскают яйца. Во время зимнего перелета этих птиц преследуют все хищники. Во время перелета ржанки очень осторожны относительно охотников, во всяком случае, умеют их отличить от мирных крестьян и пастухов. Мясо ржанок считается вкусным, хотя осенью оно немного отзывается ворванью.

1 — Хрустан (*Eudromias torinellus*) 2 — Золотистая ржанка (*Pluvialis apricaria*)

Хрустан (*Eudromias morinellus*) имеет оперение соответствующее по цвету горной каменистой местности. Верхняя часть тела черноватая с ржаво-красными каемками на перьях; серая голова отделяется от груди черной и белой полосками; грудь ржаво-красная, середина нижней ее части черная, брюшко белое; над глазами проходит широкая светлая полоска, которая замыкается на затылке. Глаза темно-карие, клюв черный, ноги зеленовато-желтые. Осенью верхняя часть тела темно-пепельно-серая, верхняя часть головы черноватая с ржаво-желтым рисунком, полоска над глазами бледно-ржаво-желтая, верхняя часть груди серая, а прочие нижние части белые. Самка похожа на самца, но не так красива. Длина — 23 см, размах крыльев 46, длина крыла 15, хвоста 7 см.

Семейство шилоклювые

Во всех областях, прилежащих к Средиземному морю, особенно часто в северной Африке, а так же и в Азии, живет **ходулочник** (*Himantopus himantopus*). Клюв его длинный и слабый, к концу утончающийся, прямой, по спинке округлый, согнутый книзу, мягкий только у конца. Ноги трехпалые, необыкновенно длинные, слабые и высокие. В весеннем оперении задняя часть головы, узкая полоска на затылке и нижние шейные перья — черные с зеленоватым блеском; хвост пепельно-серый; все остальные части тела белые, с передней стороны с нежным розово-красным налетом. У самок окраска менее яркая, хвост еще менее блестящий, на затылке темный цвет шире, но матовее. В зимнем оперении черный цвет головы и затылка пропадает, переходя в серый оттенок. Глаза кра-

сивого карминно-красного цвета; клюв черный; ноги бледно-карминно- или розово-красного цвета. Длина птицы достигает 38 см, размах крыльев 70, длина крыла 23, хвоста 8 см.

Ходулочник живет в южной Европе, Средней Азии и северной Африке. Он селится на многих, но далеко не на всех пресных водах трех южных полуостровов Европы, обитает в южной России и к югу от сибирской границы*, по всей Средней Азии и Индии.

** В наши дни ареал ходулочника более широк, чем во времена Брема: этот кулик заселяет всю Францию, гнездится в Нидерландах, местами в Германии и дважды в Великобритании. заселяет юг Западной Сибири почти до южных границ лесной зоны.*

Здесь, как и в Персии, Египте, северо-западной Африке и даже в Сардинии, он бывает из года в год. В местах его гнездовой, лежащих более к северу, он появляется в конце апреля или в начале мая и остается в этой области самое большее до конца сентября. Во время своего перелета пролетает всю Африку вплоть до Капской земли и всю Азию до острова Люсон. Немногие пары, гнездящиеся в Германии, для своего местопребывания выбирают большие, лежащие в стороне болота и ведут такой тихий образ жизни, что их можно заметить только случайно; в Египте же, напротив, ходулочники живут в непосредственной близости селений и даже в них самих. Если в селении есть какой-либо бассейн для водопоя или купания буйволов, то можно с уверенностью встретить на нем целую компанию бегающих ходулочников. Это хороший случай для наблюдения за птицами, которые обыкновенно бывают очень осторожны; здесь же они спокойно подпускают человека на несколько шагов.

Ходулочник очень любит места с соленой водой, хотя исключительно их и не придерживается. Морской птицей его назвать нельзя. Во всяком случае, иногда он встречается и на морском берегу, где бродит между шилокловками; обыкновенно же его встречают на небольших прудах и водоемах, местами покрытых тиной, а в птенцовую пору на больших болотах. Своей общительностью он превосходит всех наиболее родственных ему птиц: парочками его видят только в пору размножения, в течение же всего остального времени он держится стайками из 6-12 штук, зимой, как уже упомянуто, многочисленными стаями.

Походка этих птиц отнюдь не ковыляющая, как это можно было бы предположить, напротив — она легка, красива, шаги мерные, птица быстро передвигается вперед, благодаря длинным ногам; полет необыкновенно легок и красив, ловок и изящен. При взлете ходулочник быстро хлопает крыльями, но, достигнув известной высоты, летит тише и спокойнее; перед тем как сесть, плавно описывает один или несколько кругов. Длинные ноги при полете всегда вытянуты назад, при этом общий вид летящего ходулочника так оригинален, что его всегда узнаешь.

Насекомые, по-видимому, составляют исключительную пищу ходулочников. Их постоянно видишь занятыми такой ловлей, причем они то схватывают насекомых с поверхности воды, то ищут их в иле, то ловят на лету. Насколько я мог наблюдать, они ловили мух, комаров и жуков.

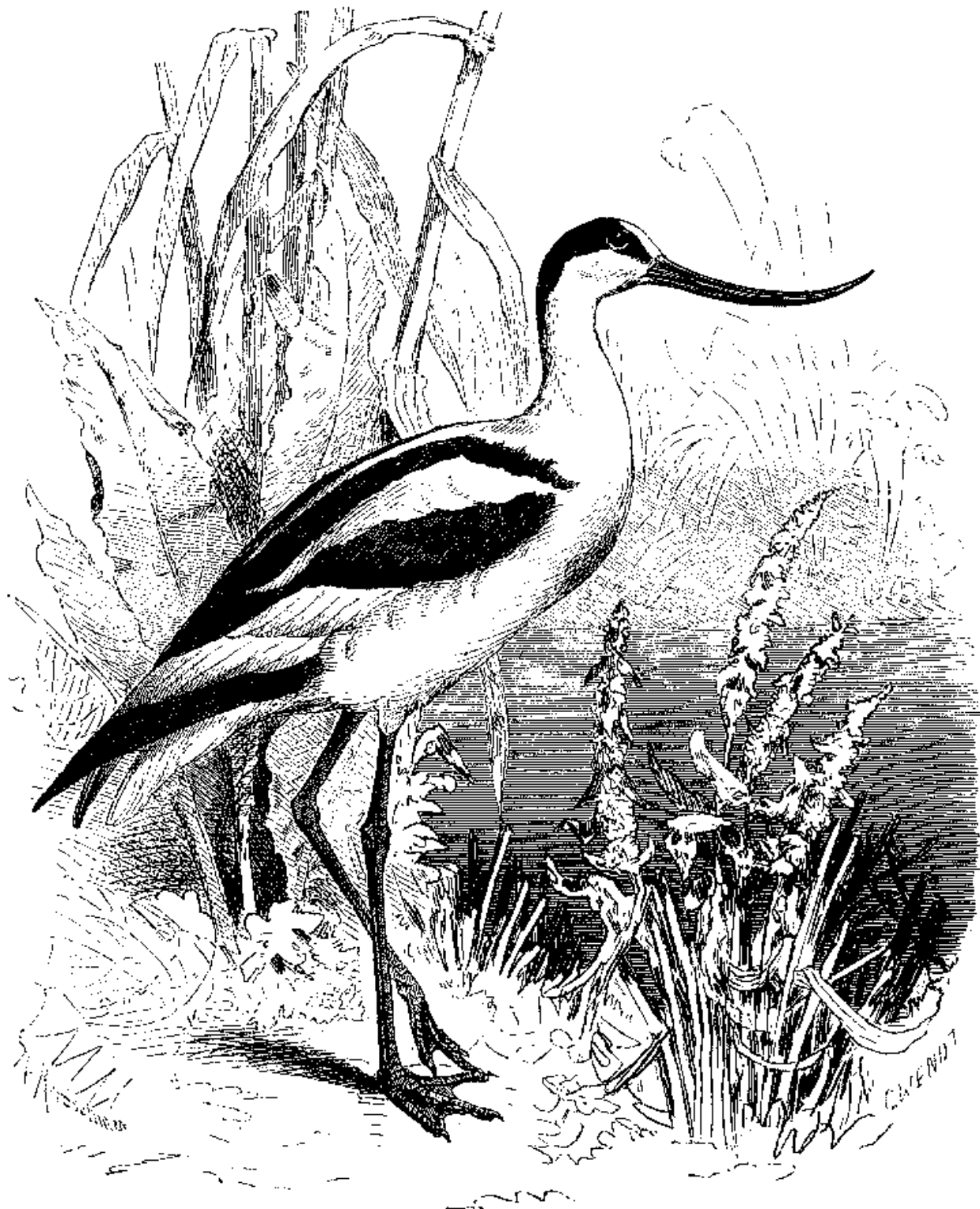
Гнезда ходулочника, к сожалению, мне лично видеть не удалось, яйца же держал в руках. В Египте он гнездится в апреле и мае, а в Индии гораздо позже; гнезда они чаще всего устраивают общественно. Местом для гнезда служит какое-нибудь природное углубление среди зарослей камыша, лежащее выше уровня воды; иногда птица приносит несколько камешков для укрепления стенок, а затем рыхлое дно скудно выстилает несколькими стебельками. Яйца имеют приблизительно форму яиц наших чибисов и почти такой же величины: длина их равна около 45 мм, поперечник 30 мм. Самка насиживает усердно; оба родителя жалобно кричат, если подойти близко к гнезду. Молодые оставляют гнездо тотчас по появлении; несколькими неделями позднее они уже вполне оперены.

Жители Венгрии охотятся за «аистовым куликом», как они называют ходулочника, хотя мясо его нельзя назвать особенно вкусным; по моим же наблюдениям оно и съедобно-то только зимой. В неволе ходулочников я никогда не видел.

Шилокловка (*Recurvirostra avosetta*) имеет простое, но красиво окрашенное оперение. Верх головы, затылок, зашеек, плечи и большая часть крыла — черные; два большие поля на крыльях, образованные более короткими плечевыми перьями, задние малые маховые перья, кроющие перья больших маховых и все остальное оперение — белое. Глаза красновато-бурые; клюв черный; ноги пепельно-серые. У молодых черный цвет имеет буроватый оттенок, и перья крыльев отличаются ржаво-серыми каемками. Длина взрослой птицы достигает 43 см, размах ее крыльев 74, длина крыла 22, хвоста 7 см.

В Старом Свете шилокловка найдена повсюду, начиная со средней Европы. Она живет как на берегах Северного и Балтийского морей, так и на соленых озерах Венгрии и Средней Азии; с этих мест она посещает пролетом всю южную Европу и Африку до Капской земли, оттуда же —

южный Китай и Индию. В местах, где она водится, встречается большей частью в значительном количестве. В средней Европе появляется в апреле; обратный отлет ее начинается в сентябре.

Шилоклювка (*Recurvirostra avosetfa*)

Шилоклювка — настоящая морская птица, она редко покидает морской берег и делает это по собственному желанию только тогда, когда ей удастся найти какое-нибудь озеро с соленой водой. Внутри материка она принадлежит к числу редких явлений*.

** Это не совсем так. В Средней Азии, например, шилоклювка обычный обитатель внутренних мелководных соленых водоемов.*

Местопребыванием ее служат сырые морские берега или берега озер с тинистой почвой; поэтому случается, что в одной местности она известна всякому, в нескольких же километрах уже бывает только редким гостем. На море, по словам Наумана, меняет свое местопребывание, сообразуясь с приливами и отливами. Птицы эти — одно из истинных украшений моря. При спокойном хождении или стоянии шилоклювка держит тело большею частью горизонтально и подбирает шею на-

подобие латинского S. Походка ее легкая и относительно скорая, хотя за один раз она редко проходит большие расстояния; полет, правда, не такой скорый, но все еще достаточно быстрый и притом настолько своеобразный, что птицу легко можно узнать на всяком расстоянии, так как она широко машет своими выпуклыми крыльями, то поднимающимися высоко кверху, то опускающимися книзу, подбирает шею и вытягивает свои длинные ноги назад. Благодаря очень хорошо развитым плавательным перепонкам, она может передвигаться на глубоких местах, плавает легко и ловко и делает это без особенной причины. Ее свистящий голос звучит несколько уныло, но отнюдь не лишен приятности. Призывный крик похож на «кюи» или «дютт», в пору спаривания птицы издают жалобное и часто быстро повторяемое «клиу».

Обыкновенно шилоклювку видят или стоящей в воде, или медленно бродящей по ней, с постоянными кивками и движениями в разные стороны головой; здесь она отыскивает пищу, нередко погружает всю голову в воду или тинистое дно, причем часто окунается наполовину, как утка. Клювом она пользуется несколько иначе, чем другие болотные птицы. Она, по выражению Наумана, «как саблей» движет им из стороны в сторону, подхватывая плавающую добычу, удерживая ее кромками нижней поверхности клюва, а затем проглатывает. Эта оригинальная птица, медленно продвигаясь вперед, бороздит своим клювом по лужам, оставшимся после отлива, и буквально кишущим мелкими животными; покончив с одной, она переходит к другой. Часто с одной лужей возится час и более. Обыкновенно вначале кладет свой клюв на воду или на разжиженный ил, несколько секунд копается в нем, как утка, после чего стремительно начинает взмахивать клювом. Впрочем, последнее движение, как это можно было наблюдать на пойманных экземплярах, служит только для того, чтобы расшвырять ил и обнажить добычу, а не для того, чтобы захватывать ее. Я все-таки видел некоторых птиц, которые косили своим клювом по низкой сырой траве или ловили в воде плававшую добычу. Я шилоклювок наблюдал часто и внимательно, но думаю, что на илистых озерах они гораздо чаще копаются клювом в иле, подобно уткам, чем косят им, как саблей.

Шилоклювка, живя всегда обществами, очень пуглива и во всех случаях улетает при приближении человека. Подходя к месту, где сотни этих птиц усердно занимаются ловлей добычи, можно заметить, как по первому предостерегающему крику все они становятся беспокойными и тотчас же вплавь или вброд удаляются на глубокое место, или снимаются, успокаиваясь только тогда, когда будут вне выстрела.

Пойманные шилоклювки требуют заботливого ухода и обильного корма из личинок насекомых или муравьиных яиц и при этих условиях живут в клетках годы.

Семейство кулики-сороки

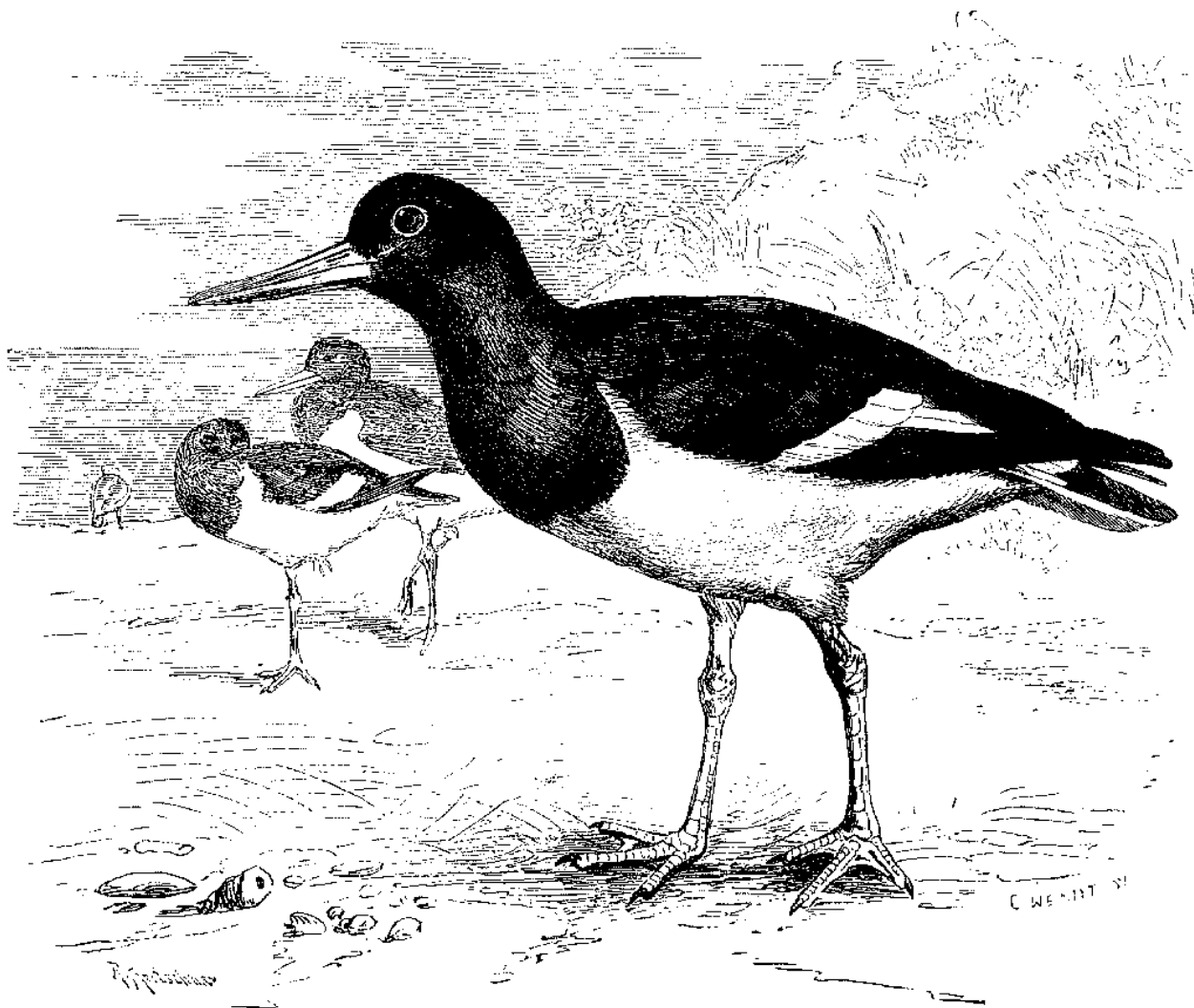
Кулик-сорока (*Haematopus ostralegus*) отличается приземистым туловищем и большой головой; клюв у него длинный, прямой, сильно сжат с боков, спереди клиновидный и очень твердый; ноги средней длины и очень сильны; на лапе три коротких и широких пальца, между средним и наружным пальцами замечается большая перепонка. Крылья средней длины, острые; хвост довольно короткий, сзади срезан прямо и состоит из 12 рулевых перьев. Оперение на верхней части тела, передней части шеи и на зобе черное со слабым металлическим отливом; нижняя часть спины, надхвостье, место под глазами, грудь и брюшко белые; большие маховые и рулевые перья у основания белые, а в остальной части черные. Глаза ярко кроваво-красные, у краев оранжевые, а голое колечко около них сурикового цвета; клюв такого же цвета, но имеет светлый кончик; ноги темно-красные. Длина птицы 42 см, размах крыльев 82, длина крыла 25, а хвоста 11 см. Самка немного меньше ростом, и черный цвет на груди у нее занимает меньше места. При зимнем одеянии на горле замечается белое полулунное пятно.

Кулик-сорока встречается на всех европейских морских побережьях, особенно там, где они каменисты. Его находят также на островах Северного моря, берегах Ледовитого океана и, что всего удивительнее, около больших сибирских рек, например, по нашим собственным наблюдениям, по нижнему течению Оби. В южную Европу он прилетает зимой, но не очень часто, так как его странствования во многих отношениях своеобразны. Так, например, он улетает каждую осень с берегов Северного моря, в Исландии же перелетает только с северного побережья на южное. Объясняется это очень просто тем, что эта птица остается весь год на тех берегах, которые омываются Гольфстримом, а улетает с тех берегов, где вода зимой замерзает. Во время перелета кулик-сорока по возможности держится берегов, не задумываясь, перелетает морские пространства, но очень неохотно летит через материк, почему во внутренних частях Европы принадлежит к числу редких птиц.

Хотя по виду эта птица кажется неуклюжей и тяжелой на подъем, но на самом деле она очень подвижна. Кулик-сорока бегаёт с короткими отдыхами, обыкновенно не очень торопясь и сменяя ногами, но в случае нужды может бегать очень быстро. Благодаря своим широкопалым лапам,

легко держится на самом мягком иле; прекрасно плавает, скоро и сильно летает, большей частью по прямой линии, но также и дугами со смелыми поворотами, причем чаще парит, чем другие береговые птицы. Голос его похож на свистящее «гиип» и слышен очень часто; иногда он сопровождается продолжительным «квиррррр»; случается, что этот звук произносится порывисто и тогда звучит как «квик-квик, кевик-кевик». На месте гнездования он удивительно благозвучно поет трелями, что повторяется несколько раз и продолжается долго.

Благодаря своему поведению, он очень заметен среди других птиц. Ни одна птица на побережье не может сравниться с ним по беспокойной деятельности, смелости, драчливости при постоянно хорошем расположении духа. Когда он сытно поел и немного отдохнул, то начинает гоняться за другими куликами и дразнить их, так как не в состоянии долго сидеть на одном месте и долго оставаться спокойным. Подобные забавы часто переходят в серьезные драки, так как каждая птица старается отомстить за нанесенную ей обиду. Кулики зорко наблюдают за каждой прилетающей или улетающей маленькой птичкой, а больших, например уток и гусей, встречают и провожают громким криком. На берегу часто появляются птицы, которых кулики-сороки привыкли считать своими врагами или, по крайней мере, нарушителями своего спокойствия. Как только приближается подобная птица, например ворона, ворон, большая хищная птица или крупная чайка, то один из куликов тотчас же подает сигнал к нападению, а все другие громко кричат, чтобы дать знать о его появлении другим птицам, бегут к неприятелю и с удивительной смелостью бросаются на пришельца. В этом случае они очень похожи на чибисов, но имеют лучшее оружие и потому дерутся с большим успехом. Само собой разумеется, что прочие жители берега скоро начинают понимать значение их крика, например, отличают призывный голос кулика от крика предостережения. Там, где встречаются морские кулики, они играют самую важную роль на побережье и в известном смысле управляют образом жизни всех других мелких береговых птиц. Эти хитрые создания везде осторожно избегают человека. Они узнают рыбаков, пастухов и знают, что эти люди на них не нападают, и потому спокойно позволяют им приближаться, но всех других людей они встречают недоверчивыми взглядами и позволяют охотнику только в первый раз приблизиться к ним на расстояние выстрела; второй раз их уже не обманешь.

Кулик-сорока (*Haematopus ostralegus*)

Почему по-немецки и по-французски эту птицу называют «устричный ловец» трудно понять, так как она никогда не ест устриц. Кулик-сорока охотно питается мелкими мягкотелыми, съедает при случае и большого моллюска, который лежит мертвым на берегу, но живую устрицу он не в состоянии открыть*.

** Местами на морских побережьях основным кормом куликов-сорок служат двустворчатые моллюски-мидии, которых в обиходе неправильно называют устрицами. Раковины мидий кулики-сороки с успехом открывают, раздвигая сомкнутые створки своим мощным, твердым и заостренным наподобие отвертки клювом и перерезая им мускул-замыкатель раковины моллюска.*

Пища его главным образом состоит из мелких червяков, и, вероятно, он кормится преимущественно червяками пескожилами. Без сомнения, не пренебрегает маленькими раками, рыбками и другими морскими животными, а когда около берега пасется скот, то ловит и насекомых, водящихся около стад. Он часто переворачивает камни и большие раковины.

Легче всего приблизиться к куликам, когда они спят в полуденные часы, но их внешние чувства так сильно развиты, что и тогда к ним нужно подходить очень осторожно, так как они уже издали слышат шаги приближающегося человека. Охота затрудняется еще тем, что их не так легко убить выстрелом дробы. Впрочем, серьезно охотятся за куликами только естествоиспытатели и начинающие неопытные охотники, потому что мясо их совсем не годится для пищи, вследствие того, что приобретает очень неприятный вкус от их корма. Яйца, напротив, считаются очень большим лакомством. Любители иногда ловят этих веселых птиц живыми, чтобы держать в неволе.

Семейство бекасовые

Характерными признаками птиц этого семейства будут следующие. Тело их цилиндрическое, голова сильно выпуклая, средней величины, клюв тонкий, ноги слабые. Тонкие, крылья заостренные, задний край их с более или менее серповидной выемкой, а перед первым большим маховым пером имеется добавочное маленькое, узкое маховое перышко; хвост короткий, сильно округленный. Оперение отличается большой мягкостью.

Все принадлежащие к этому семейству птицы живут в сырых, болотистых местностях; летом держатся парочками, осенью и зимой стайками, выказывают друг к другу большую привязанность или, по крайней мере, охотно держатся вместе. Они питаются насекомыми, их личинками, червяками, моллюсками и ракообразными. Кладка состоит из четырех грушевидных яиц землистого цвета; вылупившиеся птенцы скоро покидают гнездо. Родители ходят с выводками пуховых птенцов, пока последние не становятся в состоянии отыскивать пищу самостоятельно. Все бекасовые птицы, живущие у нас, принадлежат к перелетным; бекасовые птицы, живущие в южных широтах, — к кочевым.

Обыкновенный бекас (*Gallinago gallinago*)

Главным представителем этого семейства является **вальдшнеп** (*Scolopax rustieofa*), характеризующийся следующими признаками. Клюв его довольно длинный, на конце округленный, ноги низкие, плотные, выше плюсны оперенные, маленький задний палец имеет короткий коготь. Крылья довольно круглые, тупые, хвост состоит из 12 рулевых перьев. Оперение передней части головы — серое, верхняя часть головы, затылок и затылок имеют четыре бурых и столько же ржаво-желтых поперечных полосок, верхние части тела сверху ржавого цвета с ржаво-серыми, ржаво-желтыми, серо-бурными и черными пятнышками, горло беловатое, нижняя часть тела серо-желтоватого и бурого волнистого оттенка. Маховые перья покрыты ржавыми пятнами по бурому фону, рулевые перья такими же, но по черному фону. Очень крупные глаза бурого цвета, клюв и ноги серого рогового цвета. Длина птицы достигает 32 см, размах крыльев 58, длина крыла ее 21, хвоста 9 см; вес птицы, по Гофману, в среднем равняется от 308 до 309,7 г, но может колебаться между 250 и 406 г.

За исключением некоторых островов на севере, вальдшнеп является обычным гостем всех областей Европы, всего севера Азии, Средней Азии, также Мадейры, Канарских и Азорских островов; иногда залетает в Исландию и был встречен на Ньюфаундленде.

Эти птицы предпочитают держаться в крупных и густых лесах, нежели в небольших зарослях кустарника, вероятно потому, что крупные леса предоставляют для них более защиты, нежели мелкие, впрочем, они посещают и мелкие, и весьма охотно. В бедных лесами областях вальдшнепы нередко опускаются в кустарники садов или в одиноко разбросанные кусты.

Вальдшнеп (*Scolopax rusticola*)

Вальдшнепы, по-видимому, ни одному дереву не отдают особенного предпочтения, и в хвойных лесах их встречают столь же часто, как и в лиственных. Главное для их жизни — наличие сырой мягкой лесной почвы, в которой они могли бы рыться клювами. В этом отношении их потребностям соответствуют необъятные леса севера, состоящие большей частью из сосен. Сосновые боры песчаных областей не представляют благоприятных условий для их пребывания.

Наблюдения над ежедневной или семейной жизнью вальдшнепов далеко не легки, так как они чрезвычайно боязливы и недоверчивы. Днем они никогда не показываются на открытых местах; если же вынуждены спуститься на таковые, то, распластавшись, плотно прижимаются к почве, причем окраска их оперения сливается с цветом земли, как это замечается у серой куропатки. Если в лесу очень тихо, то может случиться, что и днем увидишь их бегающими по земле, но в подобных случаях они всегда выбирают места, где по возможности могут считать себя скрытыми от яркого света, по всей вероятности, для них неприятного. Только с наступлением сумерек становятся смелее и начинают свою беготню. В спокойном состоянии они подтягивают шею, держат тело горизонтально и опускают к земле кончик клюва. Ходят, сгорбившись, крадучись, мелкими шажками, немного торопливо и не останавливаясь, но зато полет их во всех отношениях превосходен. Вальдшнепы могут пролететь, не задевая, сквозь густейшую чащу ветвей; соразмеряют быстроту своего полета с обстоятельствами и, то торопя, то умеряя его, ловко несутся в любом направлении. Иногда они круто поднимаются вверх, но никогда, по крайней мере днем, не поднимаются высоко на воздух и, насколько возможно, избегают открытых пространств, при полете издают глухой кряхтящий звук, но которому их узнает всякий охотник, даже если и не видит самой птицы. Обыкновенно вальдшнеп, напуганный днем выстрелами охотников, вечером взлетает с места почти вертикально и затем летит, как только может быстрее.

Совершенно иной полет этой птицы, когда она «тянет», т.е. проделывает свои воздушные упражнения, чтобы доставить удовольствие самке. В это время вальдшнеп приподнимает все перья, почему выглядит гораздо крупнее, чем есть на самом деле, пролетает чрезвычайно тихо, слабо взмахивая крыльями, и скорее становится похожим на сову, нежели на какую бы то ни было болотную или голенастую птицу*. Если два вальдшнепа-самца налетят друг на друга, между ними начинается оригинальная борьба в воздухе. Они долгое время гоняются один за другим, взаимно нанося удары клювами, иногда в полном смысле схватываются и мешают друг другу лететь. Случается, что три вальдшнепа образуют настоящий клубок и при падении вниз запутываются в густых ветвях. Эти драки, аналогичные токованию, начинаются уже во время полета; вначале они длятся короткое время, позднее на местах гнездования становятся более продолжительными, но с наступлением сумерек обыкновенно оканчиваются.

** На самом деле только кажется, что во время тяги вальдшнеп летит медленно. Замеры скорости его движения показали, что она равняется 7 м/с. Функция токового полета («тяги») самца вальдшнепа привлечение самки.*

Первое время живого вальдшнепа можно счесть за глупую птицу, но это большая ошибка: он не только осторожен, но, сверх всякого ожидания, прямо-таки умен и, по крайней мере, хитер. Он очень хорошо понимает ту защиту, которую доставляет его оперение, подходящее под цвет земли или древесной коры, и мастерски умеет выбирать места для укрытия. Зоркий глаз самого испытанного и опытного охотника может просмотреть вальдшнепа, притаившегося в густой листве, среди сухого древесного валежника, возле свалившегося на землю куска коры или у торчащего корня дерева, и только в счастливом случае птицу можно открыть по ее крупным глазам. В таком положении он остается столько времени, сколько того требует осторожность. Когда же его преследуют, часто подпускает охотника на несколько шагов и затем вдруг снимается, при этом не иначе, как по другую сторону куста, и всегда с таким расчетом, чтобы между ним и охотником был куст или дерево. Перед тем, как садиться, вальдшнеп часто описывает широкую дугу, но, достигнув чащи, забирается еще дальше, иногда даже делает зигзаг и нередко так ловко обделывает дело и прячется, что охотник начинает искать его там, куда он и не садился.

С наступлением вечерних сумерек вальдшнеп вылетает на кормежку на широкие лесные прогалины, луга и на лесные болота или держится по близости этих мест. Здесь хорошо спрятавшийся наблюдатель, о присутствии которого птица совершенно не подозревает, может видеть, как вальдшнеп своим длинным клювом переворачивает и ворошит опавшую листву, открывая спрятавшихся под ней личинок, жуков и червяков, или «торкает» клювом серую, рыхлую почву, делая одно отверстие вплотную с другим. Точно таким же образом он поступает со свежей трухой от коры, наполненной всевозможными личинками. Обыкновенно вальдшнеп не застывает долго на одном

месте, а перелетает с одного на другое. Его пищу составляют личинки различных насекомых, сами насекомые, мелкие голые слизняки, в особенности дождевые черви. В неволе, если вначале ему в достаточном количестве доставлять дождевых червей, он мало-помалу привыкает и к вымоченной в молоке булке, и к муравьиным яйцам. Он очень скоро научается бурить в мягком дерне, даже если был взят из гнезда молодым, и не имел случая познакомиться с этим способом добывания пищи.

Самец, по-видимому, мало заботится о самке, однако присоединяется к ней, когда птенцы вылупятся и выбегут из гнезда*.

** Специальными исследованиями с индиви- дуальным мечением птиц показано, что насиживает яйца и заботится о птенцах у вальдшнепа только самка, самцы не участвуют в воспитании потомства.*

Обе птицы выказывают заботу о своей семье, пугливо взлетают при приближении какого-либо врага, летят от него, испуская испуганное «дак-дак», однако описывают при полете лишь небольшой круг и снова падают на землю по близости гнезда. Молодые в это время так хорошо прячутся во мху и в траве, что без собаки их найти почти невозможно. Многочисленные охотники, а между ними и очень внимательные наблюдатели, видели, как старые вальдшнепы в минуту большой опасности уносили своих птенцов, взяв их когтями, или прижав их шеей и клювом к груди, или захватив клювом, или зажав между бедрами**.

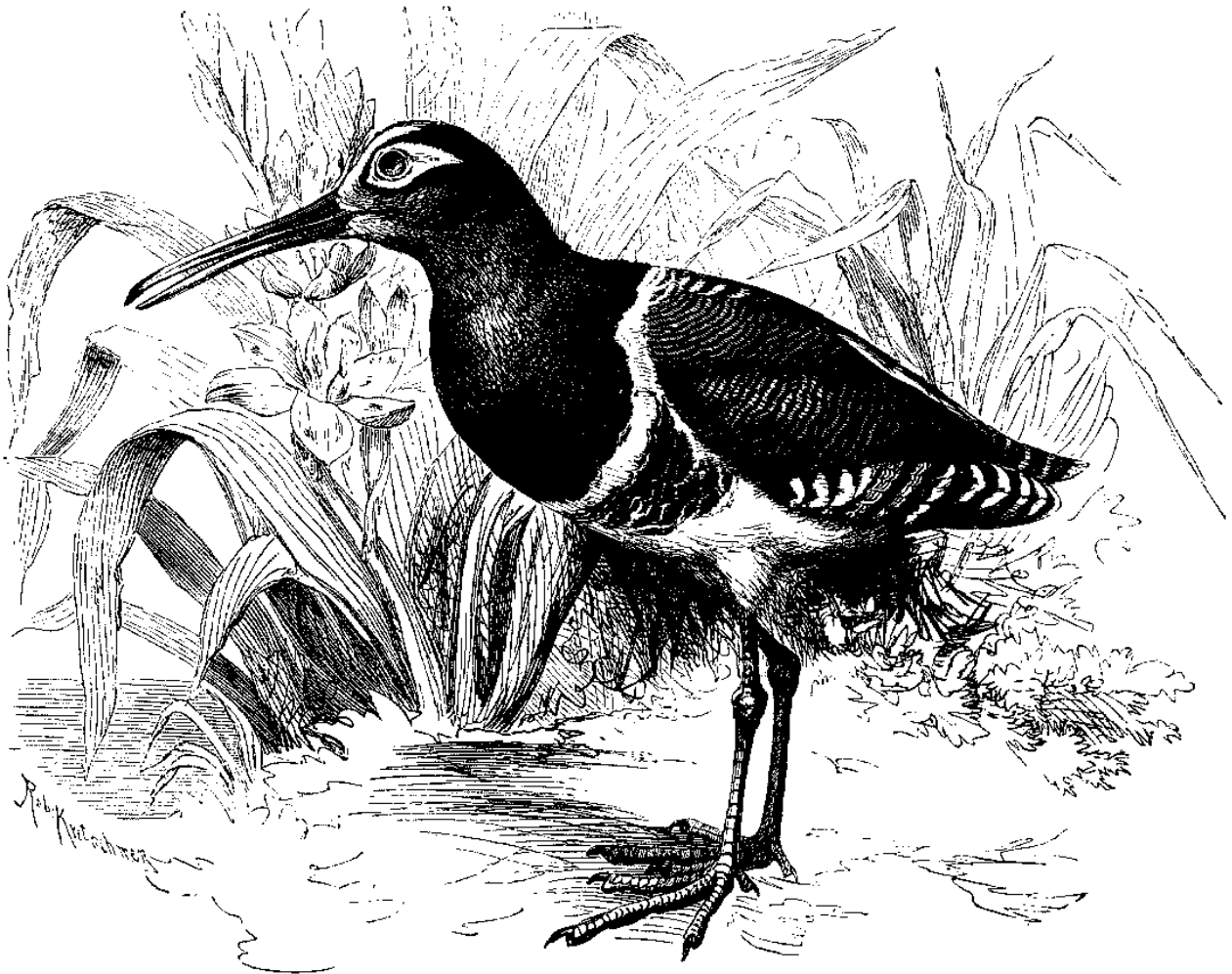
** * Действительно, есть очень редкие наблюдения, когда при опасности взрослые вальдшнепы переносили птенцов на другое место, зажав их между ногами, но случаи переноса птенцов в клюве, видимо, выдуманы. Клюв у вальдшнепа мягок и не настолько прочен, чтобы зажать в нем и удерживать птенца.*

Они взлетали и относили своих цыплят в более безопасное место. Однако окончательно все-таки не выяснено, каким из вышеупомянутых способов эти птицы переносят своих детенышей. На третью неделю своей жизни птенцы начинают перепархивать и, хотя они не вполне еще научились летать, становятся уже самостоятельными.

Врагами вальдшнепов, их птенцов и яиц являются дикие и домашние кошки, куницы, ястребы и перепелятники, благородные соколы, сойки и сороки. Охотятся за ними только на пролете, а жители юга — и во время зимовки птиц, несмотря на то, что их мясо тогда бывает жестко и твердо. Охота на тяге принадлежит к числу самых приятных для истого охотника; немало удовольствия доставляет собой и охота на выводков. Местами эту прекрасную дичь ловят птичьим клеем, тенетами, петлями, силками и другими способами.

В Африке я познакомился с **цветным бекасом** (*Rostratula bengalensis*). Верхние части оперения самца черно-серые; продольная полоска посередине головы, надбровные и плечевые полосы — желтоватые. Верхние части крыла имеют бурый фон, покрытый волнистым рисунком; передняя часть шеи и верх грудки темного черно-серого цвета с белым волнистым рисунком; остальные нижние части белые. Маховые и рулевые перья украшены золотисто-желтыми глазчатыми и черными поперечными пятнами. У самок верхняя часть тела темно-бурая, неравномерно исчерченная поперечными зелено-черными полосками. Голова бурого цвета с зеленоватым отблеском, брови желтовато-белые. Полоска, идущая посередине головы, желтоватая; шея коричнево-бурая; передняя часть грудки черно-бурая, перехват, идущий от шеи к плечам, белый. Маховые и рулевые перья покрыты зеленым и черным волнистым рисунком и украшены золотисто-желтыми пятнами; кроющие перья крыльев зеленоватого цвета с мелкими черными полосками. Глаза у этих птиц карие; клюв у конца киноварно-красного цвета, у основания — темно-зеленый; ноги светло-зеленые. Длина самцов достигает 24 см, самок 26 см; размах крыльев у первых 42, у вторых — 47 см, длина крыла их 14, а хвоста 5 см.

Область распространения цветного бекаса простирается на большую часть Африки и южной Азии. Я находил их по берегу озера Мензала и в Нижнем Египте, а одиночных бекасов и в Судане. Другие натуралисты видали их в Сенегале, у Мозамбика и на Мадагаскаре, а экспедиция Гюсфельдта встречала их и в Нижней Гвинее. Кроме того, этот бекас водится в Японии, Китае и Индии, на Цейлоне и на Зондских островах, равно посещает и южную Австралию. По моим исследованиям, он не совершает перелетов. Так, его одновременно встречают в Нижнем Египте и в Восточном Судане. Он живет на болотах и топях, на заливных полях, однако держится и в кустах, даже в камышах, причем довольствуется для жизни самым небольшим клочком подходящего места. Весной цветные бекасы держатся парочками, позднее соединяются в небольшие стайки из 4-6 штук.

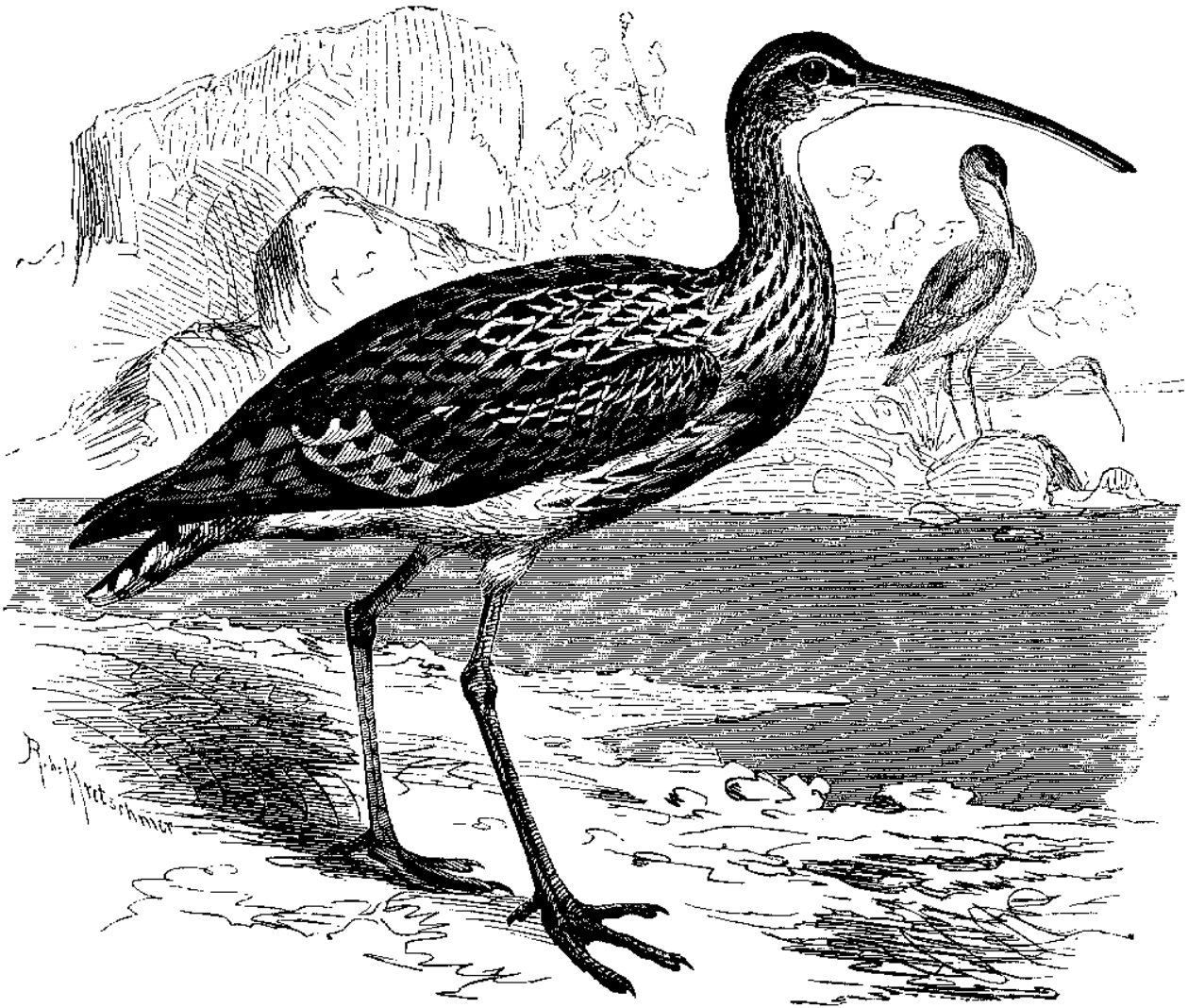

Цветной бекас (*Rostratula bengalensis*)

Образом жизни бекасы в существенных чертах напоминают куликов, но больше похожи на пастушков. Это ночные или сумеречные птицы. По возможности, прячась, они бегают между скрывающими их растениями, редко показываются на открытых местах и, если уж им приходится перебежать одно из таких мест, то как можно скорее спешат добраться до спасительной чащи. Их бег очень быстр, какова бы ни была почва, но которой они бегут, твердая или топкая. Но тем хуже их полет; все наблюдавшие мною цветные бекасы вырывались из-под самых моих ног, скорее перепархивая, чем летя, двигались вперед низким, неуклюжим и ковыляющим полетом и через несколько мгновений снова садились. Порхание этих жалких летунов несколько не похоже на ловкий и искусный полет наших бекасов: даже водяные пастушки и коростели летают лучше их. Призывный голос, слышащийся весной, — это громкий, двусложный крик, который я передают слогами «нэки-нэки».

О размножении этих бекасов я не мог узнать ничего определенного.

Большой кроншнеп (*Numenius arquatus*). Длина его достигает 70-75 см, размах крыльев — 125 см, длина крыла — 32, хвоста — 12, клюва — 18-20 см. Оперение верхних частей тела бурое со светлыми ржаво-желтыми каемками. Нижняя часть спины белая с бурыми продольными пятнами, нижняя часть остального тела ржаво-желтая с бурыми стержнями перьев и продольными пятнами. Маховые перья черные, с белыми каемками и пятнами; три первые пера на внутренних опахалах имеют белые каймы, остальные снабжены зубчатыми, более светлыми пятнами. Рулевые перья имеют черно-бурые поперечные полосы. Глаза темно-карие, клюв черный, у основания нижней половины оливково-серый, ноги свинцово-серого цвета. Молодые отличаются от старых коротким клювом и более бледными пятнами оперения нижних частей тела.

Большой кроншнеп (*Numenius arquatus*)

Средний кроншнеп (*Numenius phaeopus*) на одну четверть менее большого кроншнепа. Длина его достигает 52 см, размах крыльев 90, длина крыла 24, хвоста и клюва 11 см. Оперение, в общем, сходно с оперением вышеописанного вида.

Тонкоклювый кроншнеп (*Numenius tenuirostris*) отличается от среднего кроншнепа, которому по величине приблизительно равен, заметно более тонким клювом, более светлой окраской всего оперения, иногда цветом нижних шейных перьев. Его темя покрыто по ржаво-желтому фону черно-бурыми пятнами, по бокам груди и в паху — большие яйцевидные или ромбические пятна, белые хвостовые перья, украшены ясно очерченными черными поперечными полосами.

В Европе нет ни одной области, в которой не наблюдали бы большого кроншнепа: на севере он гнездится, на юге бывает во время своего пролета. Регулярно появляется на большей части Азии; в Африке, как и в Индии, прилетает в сентябре и остается до марта. В северо-западной Америке он тоже не принадлежит к числу редких птиц*.

* В Северной Америке обитает не большой кроншнеп, а похожий американский кроншнеп (*Numenius americanus*). Это вид отличается от большого кроншнепа более охристым оперением и более длинным клювом.

В Германии появляется в апреле и лёт его продолжается до начала мая, но уже в конце июля кроншнеп возвращается обратно, бесцельно летает повсюду и, наконец, в сентябре улетает на зимовку. Конечно, если погода благоприятна, то при случае зимует в северных странах, в Германии реже, в Великобритании и на Фарерских островах чаще. В Греции, по словам графа фон Мюле, а в Испании, по моим личным исследованиям, одиночных кроншнепов встречают круглый год. Средний кроншнеп в гнездовую пору живет в тундрах далекого севера**, совершает такие же далекие перелеты, как и другие виды, поэтому, как и большой кроншнеп, должен быть причислен к птицам-космополитам***.

** * Кроме тундр этот кроншнеп также широко населяет обширные верховые болота лесной зоны.

* * * *Видами-космополитами* обычно называют виды, которые гнездятся практически на всех континентах земного шара, кроме Антарктиды. Поэтому данное причисление среднего кроншнепа к космополитам не вполне обоснованно.

По образу жизни все виды так походят друг на друга, что будет совершенно достаточным, если я ограничусь описанием образа жизни большого кроншнепа. Из всех куликов он наименее разборчив в выборе местопребывания. Для него всякое место хорошо, будь то берег моря или внутренние реки и озера, равнины или холмистая местность. С мокрых мест он летит на совершенно сухие, с сухих — на поля или луга, с них снова к воде, словом, как ему вздумается. Он то держится вместе с бекасами, то живет в одной местности с авдотками. Его встречают всюду, но никогда регулярно. Во время своих перелетов, совершаемых им одинаково днем и ночью, он следует общим пролетным путям, хотя и оставляет реки и озера на несколько миль в стороне и, не задумываясь, перелетает через горы средней высоты. На озерах представляет обычное явление. Подобно ибисам, он ловит в степях кузнечиков или, как в Нубии, отыскивает корм по скалистым берегам Нила. Все экземпляры, убитые Пехуэлем Леше в Нижней Гвинее на берегу моря и в лагунах, питались исключительно крабами****.

* * * * *Упоминание о наблюдениях кроншнепа в Новой Гвинее относится к дальневосточному кроншнепу (*Nimenius madagascariensis*) — виду, также похожему на большого кроншнепа, но отличающегося от последнего гораздо более длинным клювом и некоторыми другими морфологическими и поведенческими особенностями.*

Я наблюдал кроншнепа на его гнездовьях в Лапландии и Сибири, Белом и Голубом Ниле, в Египте, Греции, Испании и Германии, видел его при различных условиях и убедился, что он всегда остается одним и тем же. Он пуглив, осторожен, недоверчив, полон сознания собственного достоинства и все-таки боязлив. Будучи более общительной птицей, чем другие кулики, охотно объединяется в небольшие общества, и его осторожность всегда собирает вокруг него стаи других, менее понятливых голенастых птиц. Человека избегает всюду, даже в местах гнездования, хотя там он выказывает себя несравненно менее пугливым, чем где-либо в других местах. На южных озерах становится невыносимым, так как здесь он для охотника еще более неприятный страж, чем чибис. Кроншнеп постоянно взлетает, не только во время близкой опасности, но даже если издали увидит что-либо подозрительное. При этом он очень хорошо распознает опасных для него людей от неопасных. Подпускает к себе пастуха и крестьянина и улетает от всякого более или менее необычного для него человека. Моим помощникам удавалось убивать кроншнепов гораздо чаще, чем мне, хотя я и прилагал все старания перехитрить это лукавое создание.

Осанкой, походкой, полетом и голосом кроншнеп выгодно отличается от остальных куликов. Он ходит крупными шагами, но легко и красиво, «поступью джентльмена», как выражается Науман; если ему нужно идти быстро, то удваивает ширину шагов, но не число их. Он часто бродит по брюхо в воде и плавает хорошо и непринужденно. Полет его, хотя и не особенно быстрый, но ровный, правильный, ловкий и иногда сопровождается самыми разнообразными поворотами. Перед тем, как сесть, кроншнеп обыкновенно некоторое время кружится в воздухе; опускаясь со значительной высоты, он складывает крылья и камнем, со свистом, несется стремглав вниз, однако, несколькими взмахами крыльев и распустив их, вовремя удерживается от удара о землю, на которую и садится после некоторого ковыляния в воздухе. Голос его состоит из округленных, полных, звучных тонов, которые можно передать слогами «таю-таю» и «тлаюид-тлаюид». Перекликаясь, кроншнепы издают «тви-тви»; крик страха — кряхтящее «крэ» или «крю».

Гнездо кроншнепа — простая ямка среди мха или осоки, которая, по-моему, просто выминается и выравнивается, а не выкапывается птицей. В одних гнездах я нашел скудную подстилку из натасканного растительного материала; в других она состояла из мха. Четыре яйца, крупнее утиных, размером около 66 мм в длину и 46 мм в толщину. Они имеют грушевидную или округлую форму, не слишком гладкие, лишены глянца. По грязному оливково-зеленому фону с желтоватым и буроватым отливом покрыты темно-серыми пятнами и крапинками, а также зеленоватыми чернотами пятнами, штрихами и завитками. Самец и самка, по-видимому, сидят на яйцах попеременно, проявляют горячую любовь к своему потомству и, при виде врага, подвергают себя опасности. Молодые, как только можно, скорее уводятся в места, заросшие высокой травой.

Пищу взрослых кроншнепов составляют насекомые, самые разнообразные и во всех стадиях развития, червяки, ракушки, рачки, также рыбешки и гады, наконец, всевозможная растительная пища, в особенности ягоды; молодые едят только насекомых, а на севере исключительно комаров и их личинок.

Охота за кроншнепами нелегка, и помочь охотнику может только случай. Более благоприятные результаты получаются от ловли этих птиц на гнезде; их ловят из шалаша, как бекасов. Кроншнеп для завязанного птицелова является такой же желанной добычей, как для охотника глухарь или олень. Необыкновенная осторожность и понятливость птицы требуют со стороны ловца самого строгого внимания. Он не смеет пошевеливаться в своем шалаше, должен хорошо подражать голосу птицы, притом избегать выкрикивать не вовремя или затягивать этот крик. Такая охота является хорошим испытанием терпения и заставляет ловца выжидать птиц долго, при этом нередко понапрасну. «Зато не малая бывает и радость птицелова, когда пять, шесть и даже больше кроншневов одновременно запутаются в сетях».

Мясо кроншневов недурно, но по вкусу уступает мясу бекасов; при этом оно хорошо только поздним летом, но не осенью или весной. Кроншнепы, убиваемые зимою в Африке, годятся разве только на суп.

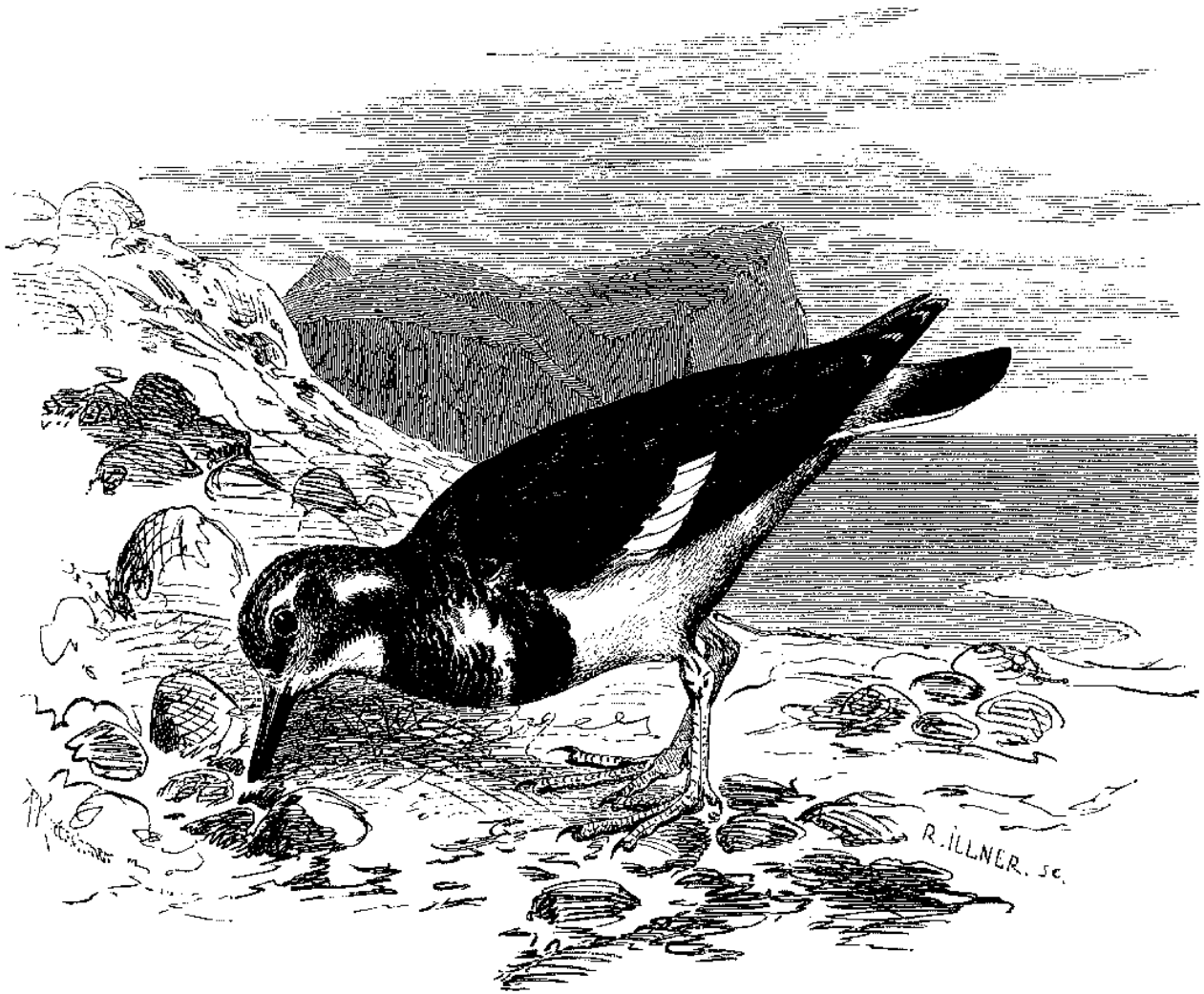
Между мелкими птицами, которые живут на берегах моря, иногда замечаешь очень красивую и проворную птичку, которая отличается от других не только своей внешностью, но также и своеобразным поведением.

Камнешарка (*Arenaria interpres*), о которой я хочу говорить, встречается почти по всему земному шару. На берегах Исландии и Скандинавского полуострова, в Греции, южной Италии и в Испании, в Австралии, Северной Америке и в Бразилии, в Египте и у мыса Доброй Надежды, в Китае и в Индии. Птицу эту видишь чаще всего около моря и только во время перелета, и то лишь поодиночке, около рек и озер.

Туловище у камнешарки довольно плотное, голова сравнительно большая, лоб выпуклый, клюв короче головы, конусообразный, сверху немного загнутый, на спинке плоский и везде твердый. Ноги не очень высокие, но сильные, лапы четырехпалые, крылья длинные и острые. Хвост, скорее короткий, состоит из 12 рулевых перьев, на конце слегка округленный. Оперение довольно густое, но плотно прилегающее и отличается пестрой окраской. Длина достигает 24 см, размах крыльев 48, длина крыла 15, а хвоста 6 см.

Следует предположить, что камнешарка при перелете преимущественно держится берегов, ее редко встречают в глубине материков. Как на севере, так и на юге Европы можно заметить, что перелет этих птиц совершается так же регулярно, как и у других береговых птиц. На Скандинавском полуострове, в Исландии и Гренландии камнешарки появляются в первых числах апреля, их прилет тянется до середины мая, а покидают эти страны уже в конце августа.

В это же самое время птиц замечают на северных и на южных берегах Средиземного моря. В летнем своем местопребывании камнешарки живут парочками и только во время перелета маленькими стайками; зимой они иногда соединяются с маленькими песочниками. Стаи эти только тогда удаляются от морского берега, когда вблизи есть озеро с соленой водой.

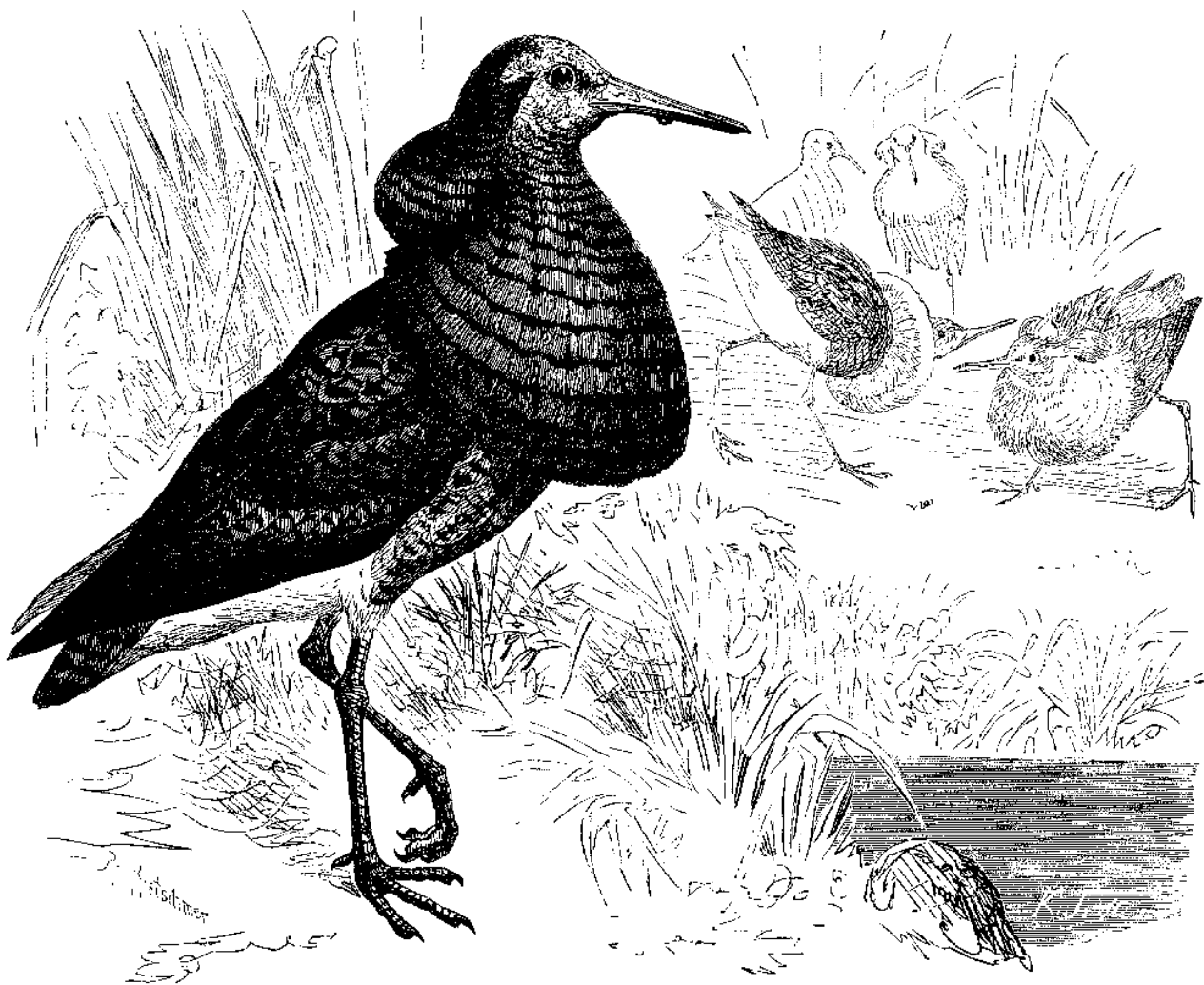
Комнешарка (*Arenaria interpres*)

Камнешарки отличаются красотой оперения, живостью, подвижностью и веселым нравом. Их редко видишь в спокойном состоянии, разве только среди дня они дремлют несколько минут, сидя на одном месте. В остальное время они в постоянном движении от раннего утра до заката солнца и часто даже ночью. Когда камнешарки отыскивают корм, то ходят довольно тихо, семеня ножками, но могут чрезвычайно быстро передвигаться на большие расстояния; обыкновенно они пробегают некоторое пространство сразу, затем на минутку останавливаются на каком-нибудь возвышении и снова бегут дальше.

Камнешарка летает так же хорошо, как и все ее родичи, с быстротой стрелы несется по воздуху, ловко поворачивается и двигается так же хорошо над землей, как и на значительной высоте. На морском берегу камнешарка принадлежит к числу самых осторожных птиц. Она охотно пользуется предостережениями других, более крупных береговых птиц, но когда находится в обществе маленьких песочников, то сама берет на себя роль сторожа, так что ее слушаются. При преследованиях делается очень пугливой.

В деятельности она все время отыскивает корм, который состоит из мелких морских животных, преимущественно червей и небольших мягкотелых. Чтобы достать их, роется в песке и переворачивает камни, отчего и происходит ее название. Она, без сомнения, схватывает и насекомых, которые находятся на берегу, там, куда волны не достают. Настоящей областью ее питания следует считать береговую полосу, которая высыхает только во время отлива.

Камнешарка устраивает гнездо охотнее всего на небольших плоских песчаных островках или на каменистых местах побережья. Самое гнездо состоит из ямки, застланной несколькими сухими травками. Кладка состоит из четырех яиц, имеющих 40 мм длины и 30 мм ширины; у них гладкая скорлупа серовато-бурого, желтовато-оливкового или синевато-зеленого цвета с темно-бурыми, серыми и черновато-оливковыми пятнами, точками и завитками, которых бывает больше на тупом конце.

Турухтан (*Philomachus pitgnax*)

Очень интересная птица **турухтан** (*Philomachus pitgnax*). Клюв его равен длине головы, прямой, у кончика слегка согнутый, но не расширенный, по всей длине мягкий. Ноги высокие и тонкие, четырехпалые; средний палец с наружным соединены маленькой перепонкой, задний палец короткий и сочленяется довольно высоко. Крылья средней длины и заостренные. Хвост короткий, плоско закругленный. Мягкое и густое мелкое оперение к телу прилегает большей частью гладко; весной самцов украшают большие боевые воротники, покрывающие их шею и грудь. Самцы отличаются от самок, они на треть крупнее и в брачную пору имеют оперение в высшей степени разнообразное по цвету. Около клюва у них вырастают своеобразные бородавки, осенью пропадающие вместе с воротниками. Описание, которое было бы общим для всех турухтанов, дать невозможно. Верхняя сторона крыльев — темно-буро-серая, хвост черно-серый с черными пятнами на шести средних перьях, брюхо белое, остальное оперение бывает чрезвычайно разнообразно по окраске и рисунку. Воротник, окружающий большую часть шеи, состоит из жестких, крепких, около 5 см длиной перьев. Фон его черно-синего, черного, черно-зеленого, темно-ржаво-бурого, красно-бурого, ржавого, белого и других цветов; при этом он бывает покрыт такими разнообразными, светлыми или темными пятнами, полосами, разводами или рисунками, что трудно найти двух самцов, которые были бы похожи друг на друга. Исследования показали, что у одной и той же птицы каждый год на пере появляется один и тот же рисунок и одна и та же окраска. Грудные перья бывают одного рисунка с воротником или окрашены иначе. То же относится к окраске спины. Длина птицы достигает 29-32 см, размах крыльев около 64, длина крыла ее 19, хвоста 8 см. Оперение самок не меняется. Верхние части тела у них серого цвета, который более или менее отливает красным и покрыт темными пятнами; лицевая часть и лоб обыкновенно светло-серые; перья верхушки головы серые с продольными буро-черными пятнышками. Затылочные перья серые, перья спины и плеч имеют буро-черное среднее поле и ржавые края; перья на горле и под глоткой серые, оперение брюха более или менее белого цвета. Длина самки достигает 26 см при размахе крыльев в 57 см.

Отечество турухтанов — север Старого Света; одиночные экземпляры, впрочем, залетали и в Северную Америку. На своем пролетном пути эти птицы не только посещают все европейские и

азиатские области, но и всю Африку; их убивали на Капской земле, в Сенегале и на верхнем течении Нила. Очень обширные плоские болота обыкновенно служат пристанищем для турухтанов. Их часто можно видеть на морском берегу, хотя настоящей морской птицей назвать нельзя. Они следуют долинам рек от моря и до далеких областей внутри материков, держатся большей частью вблизи этих рек, но иногда отлетают довольно далеко от их берегов и встречаются на полях и даже в степях.

До птенцовой поры и после высиживания поведение самцов и самок совершенно одинаково. Походка их красивая, скорее шагающая, нежели бегающая, поступь гордая и полная достоинства; полет очень быстрый, но плавный и отличающийся легкими и быстрыми поворотами. Едва покажется заря, как они, подобно родственным видам, уже веселы и бодры, и так вплоть до глубокой ночи, а при луне деятельны и всю ночь; таким образом, отдыхают и спят они самое большее в полуденные часы. Утром и вечером усердно заняты отыскиванием корма, который состоит из различных водяных животных; впрочем, они едят и наземных насекомых, червяков, а также и различные семена. Отыскивая корм, турухтаны ведут себя тихо и молчаливо, всецело поглощенные важным занятием; в это время разве только при взлете можно услышать их очень слабый крик, оживленное «как-как». С наступлением ночи они становятся более деятельными и часто долгое время носятся повсюду, по-видимому, ради собственного удовольствия.

Поведение турухтанов совершенно изменяется, когда наступает пора спаривания. В это время они вполне оправдывают свое латинское название (*ripnax* — «боевой»). Между самцами начинаются непрерывные драки, возможно даже, что не из-за самок, а из-за всякой мухи, жучка, червячка, из-за места, — словом, из-за всего, а в сущности, не из-за чего. Близко от них самки или их нет рядом, находятся сами самцы на свободе или томятся в неволе, пойманы они несколько часов тому назад или уже годы прожили в клетке — все это для турухтанов не имеет значения. Когда приходит время, они пускаются между собой в драки, дерутся во всякое время дня, дерутся решительно при всех условиях. Там, где турухтаны в изобилии, они собираются на особые места, которые расположены друг от друга шагов на 500-600. Такие места посещаются дерущимися турухтанами ежегодно, и от постоянного пользования почва этих площадок становится отличной от почвы окружающего леса. Местом боя избирается слегка возвышенная, всегда сырая, покрытая короткой травой площадка от 1,5 до 2 м в поперечнике. Такое место несколько раз в день посещается известным количеством самцов. Здесь каждый поджидает своего противника и вступает с ним в драку. Пока воротниковые перья на шее туртухтана не выросли, на такой площадке его не увидишь, но лишь только он оденется в полный брачный наряд, то с удивительной настойчивостью придерживается раз выбранного места.

Иногда на месте боя присутствует и самка. Она занимает такое же место, как и самцы, бегаёт кругом между ними, но никогда не вмешивается в драку и скоро опять улетает прочь. Тогда может случиться, что какой-нибудь самец последует за ней, и некоторое время они проведут вместе. Однако вскоре он снова возвращается на поле битвы, более не заботясь о самке. Никогда не бывает, чтобы самцы гонялись один за другим во время полета. Драки происходят только на избранных аренах, вне которых царствует полный мир.

Гнездо редко устраивается вдали от воды, чаще помещается на какой-нибудь кочке в болоте, представляя собой не более как ямку, скудно выложенную твердыми стебельками и травинками. Кладка состоит из четырех, реже трех яиц значительной величины, около 40 мм в длину и 32 мм в поперечнике. Они оливково-буроватого или зеленоватого цвета с красновато-бурыми или черноватыми пятнами, покрывающими поверхность яйца у тупого конца гуще, чем у острого. Самка сидит на яйцах одна, высиживая птенцов 17-19 дней*. Она очень любит свое потомство и возле гнезда прибегает к тем же уловкам, что и другие кулики; птенцы ведут тот же образ жизни, что и родственные виды. Самец не заботится о своем потомстве.

** Подробными наблюдениями установлено, что период насиживания у турухтанов составляет 22-23 дня.*

Ни одного кулика нельзя поймать с такой легкостью, ни один кулик не привыкает так легко к неволе, как турухтан. Стоит поставить силки на месте боев, и самец непременно попадет в них; турухтанов ловят часто и в большом количестве в сачки для ловли бекасов. В клетках они тотчас же свыкаются, без всяких колебаний принимаются есть и живут очень хорошо.

Кроме человека, турухтанов преследуют все известные четвероногие и пернатые враги мелких птиц; в особенности многие делаются добычей хищных птиц. Яйца и птенцы гибнут при разливах. Мясо турухтанов вкусно, яйца их собирают на еду.

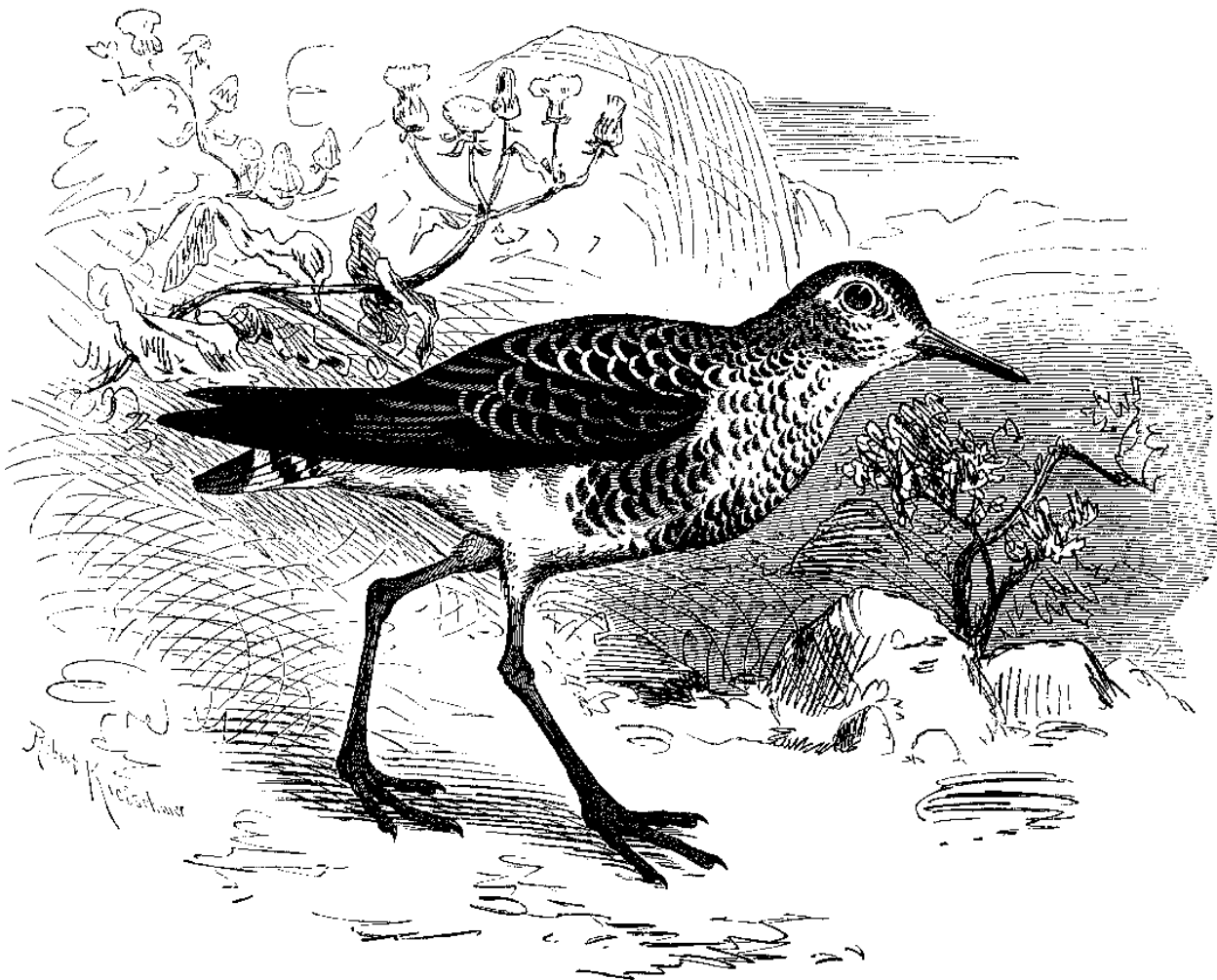
Песчанка (*Calidris alba*) отличается от родственных видов отсутствием заднего пальца. Длина ее достигает 18 см, размах крыльев 38, длина крыла 12, хвоста 5 см.

Отечеством этой милой птички служит север всего земного шара, местом пребывания — берега морей и океанов. Отсюда зимой она совершает перелеты на юг и зимует в Греции, Испании, Египте, Китае; однако улетает и в более южные широты, особенно в южную Азию, среднюю Африку, Бразилию. Она вообще не наблюдалась до сих пор только в Австралии*.

* *В настоящее время песчанки зимуют и в Австралии, особенно много их на западном побережье этого материка.*

Внутри материков она показывается редко, следуя во время перелетов, по-видимому, направлению морских берегов. На зимовках песчанка живет более или менее многочисленными обществами, летом же парочками.

Походка ее красива и проворна, полет изящен, ловок и быстр, сходен с полетом речной ржанки. Летая с места на место, песчанка ведет себя тихо, всегда занята; она несколько спокойнее своих сородичей, но столь же беззаботна и доверчива.

Песчанка (*Calidris alba*)

Часто примешивается к стае песочников или вообще к кучке береговых птиц; при виде человека ощущает мало страха. Голос песчанки простой, свистящий, отрывистый, тихий призывный крик, который можно передать слогами «при» или «шри». Крик этот, смотря по обстоятельствам, звучит по-разному и имеет разное значение.

Как и другие родственные ей виды, песчанка ест всевозможных мелких животных. На берегу у самой линии морского прибоя можно видеть кучку песчанок; дождавшись приливной волны, они вместе с ее отливом бегут вслед за ней к морю и вновь удирают от нового приливного вала. Это бегание продолжается часами. Однако их можно встретить и вдали от воды, где они усердно заняты, тыкая нос то туда, то сюда, и так углубляются в это занятие, что, прежде чем заметить человека, подпускают его всего на несколько шагов; только тогда они пугаются и улетают прочь.

Так как песчанка гнездится исключительно на севере, то о размножении ее нам еще пока ничего не известно*. Яйца имеют глинисто-желтый или зеленоватый фон и покрыты несколькими

слабыми пурпурово-буроватыми пятнышками и довольно неправильными желтовато-бурыми крапинками.

** Сейчас о размножении песчанки известно больше, чем во времена Брема, тем не менее она по-прежнему остается малоизученным видом куликов.*

На морском берегу за песчанками охотятся так же, как и за всеми мелкими береговыми птицами, и часто один выстрел укладывает много этих беззаботных пташек.

Семейство тиркушковые

"Когда крокодил лежит на земле с открытой пастью, — рассказывает Плиний, пользуясь сообщением Геродота, — то туда влетает птичка трохил и очищает ему пасть. Это нравится крокодилу, и потому он щадит птицу и даже еще шире открывает пасть, чтобы птице не пришлось погибнуть, когда она захочет вылезти. Птица эта невелика, не больше дрозда; она держится вблизи воды и предупреждает крокодила о приближении ихневмона, причем прилетает к нему и, отчасти голосом, отчасти клеванием в морду, будит это животное». Это сообщение, которое следовало бы отнести в область басен, имеет, однако, основание, так как и ныне замечается дружба между крокодилом и его сторожем, как называют арабы эту птицу.

Египетский бегунок (*Pluvialis aegyptius*). Телосложение у него приземистое, голова средней величины, относительно меньше, чем у ржанок, клюв величиной более половины длины головы и довольно толстый. Ноги значительно ниже, чем у других ржанок, но все же довольно высокие, а лапы трехпалые. Крылья настолько длинны, что когда сложены, то достигают конца хвоста; хвост средней длины, слабо округленный. Перья на задней части головы образуют короткий хохолок. Длина достигает 22 см, длина крыла 13, хвоста 7 см. Самка только немного меньше самца.

Изображение египетского бегунка часто встречается на древнеегипетских памятниках; он и теперь еще очень обыкновенен в Нильской долине. От Каира вверх по течению реки его можно встретить везде на удобных местах. Его область распространения на юг простирается настолько, насколько я сам туда проникал, но я его видал только около самого Нила, и потому можно считать берега этой реки за его родину на северо-востоке Африки. Впрочем, его видели и около рек западной Африки, а изредка и в Палестине, но встречали ли его в Европе, еще неразрешенный вопрос. Во всяком случае его нельзя считать ни перелетной, ни кочующей птицей*.

** Египетский бегунок распространен в Африке к югу от Северного тропика до Великих озер и бассейна р. Конго. В Палестину и в Европу он очень редко залетает.*

Если возможно, то он избирает местопребыванием песчаную отмель и до тех пор остается там, пока поднятие воды его оттуда не прогонит.

Трудно себе представить путешественника, которому не бросилась бы в глаза эта красивая, живая, ловкая и крикливая птица. Она очень заметна, когда бегаёт по берегу Нила со свойственной этому семейству быстротой, но еще заметнее, когда летит над водой, причем видна вся красота ее крыльев, испещренных черными и белыми полосками. Бег чрезвычайно скорый, но не порывистый; полет, благодаря острым крыльям, очень быстрый и, по-видимому, несколько не утомляет птицу, хотя очень далеко она никогда не летает.

Египетский бегунок почти всегда летает от одной песчаной отмели к другой и при этом держится низко около самой воды. Во время полета слышен его громкий свистящий голос, состоящий из нескольких тонов, которые можно передать слогами «чип-чип-хойт». Но птица эта кричит и в спокойном состоянии, и во время бега, она гораздо более говорлива, чем ее родичи.

Арабы совершенно справедливо называют бегунка «крокодиловый сторож», хотя он оказывает услуги не только крокодилу, но и всем другим животным, которые желают пользоваться его предостережениями. Каждый корабль, каждый приближающийся человек, каждое большое млекопитающее привлекают его внимание, и он спешит громким криком оповестить об этом окружающих. Бегунок замечательно хитер и понятлив и имеет удивительную память. Кажется, что он вовсе не боится опасностей, потому что очень хорошо понимает степень их важности; он действительно живет в дружбе с крокодилом, но не потому, что это прожорливое пресмыкающееся питает к нему какие-либо нежные чувства, а потому, что бегунок умеет приноровиться к опасному соседству вследствие своей внимательности и проворства. Так как он постоянно живет на тех же песчаных отмелях, где греется на солнце крокодил, то и научился жить в полной безопасности около этого хищного животного. Он без опасения бегаёт взад и вперед по спине чудовищного пресмыкающегося, как будто двигается по зеленому дерну. Спокойно клюет насекомых и пиявок, которые собираются сосать крокодила, осмеливается даже чистить зубы своему гигантскому приятелю, в буквальном смысле этого слова выклеывает кусочки пищи, засевшие между зубами. Ест животных, которые

присосались к губам и деснам крокодила. Все это я видел несколько раз. В обращении с орланом бегунок выказывает столько же смелости, сколько и рассудительности, он похож на воробья.

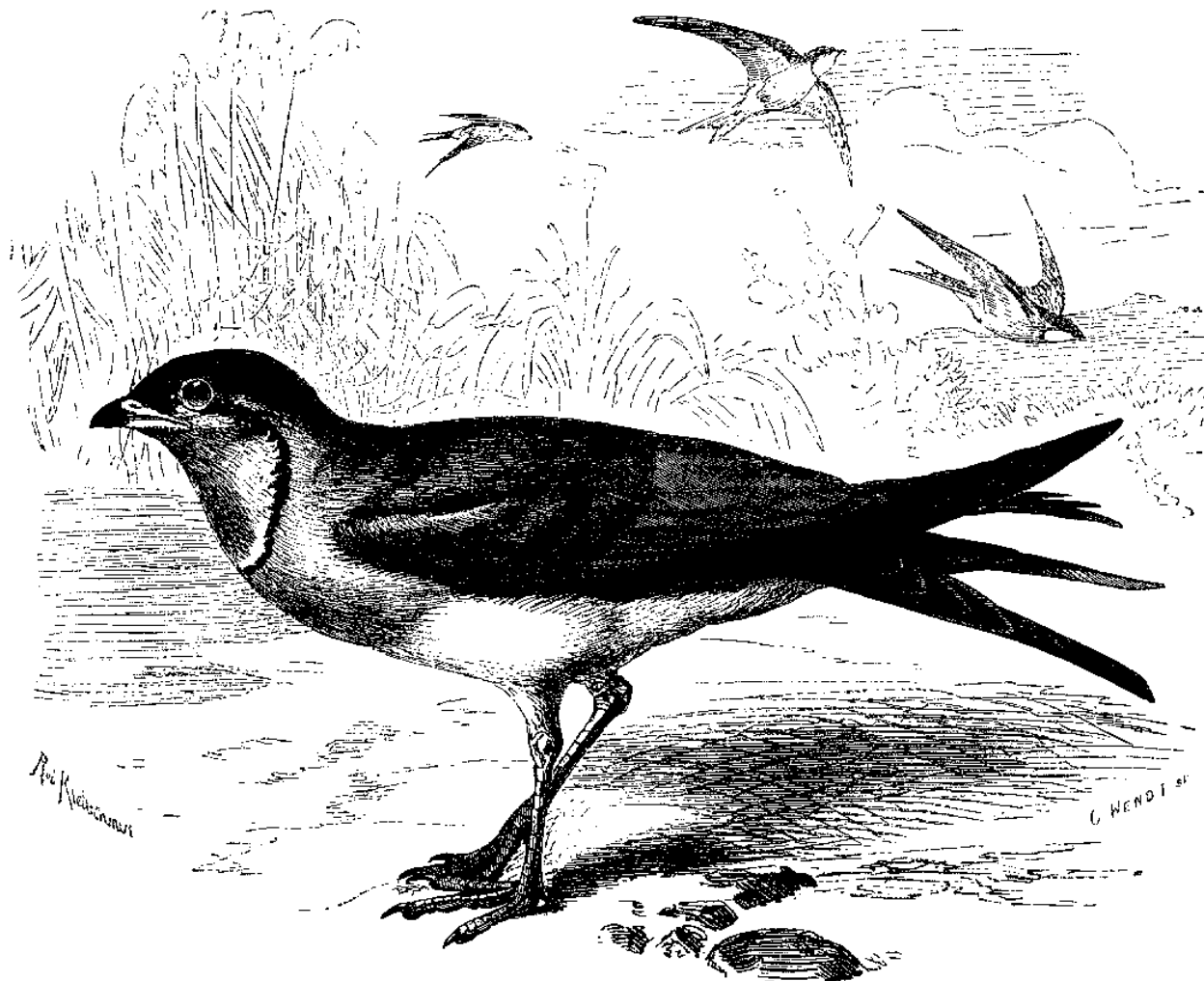
который залетает в клетку с пойманными орлами и, по-видимому, равнодушно собирает крошки на глазах хищной птицы. Заслуга крокодилового сторожа в том, что он в высшей степени внимателен и хорошо понимает степень опасности. Крик, который он издает при виде всякого незнакомого и, по-видимому, опасного существа или предмета, будит спящего крокодила и заставляет искать спасения в более безопасной для него стихии.

Обыкновенная пища бегунка состоит из различных животных, но возможно, что он иногда ест и зерна. Он клюет всевозможных насекомых, жуков, живущих в песке, мух, водяных пауков, червяков, маленьких улиток, рыб.

Луговая тиркушка (*Glareola pratincola*) встречается во всех странах около Средиземного и Черного морей, на равнинах по Дунаю и Волге, в степях южной России и Сибири*.

* В степях Сибири луговая тиркушка не живет. Здесь ее заменяет близкий вид — степная тиркушка (*Glareola nordmanni*), которая отличается от луговой черным исподом крыльев.

Длина ее равняется 26 см, размах крыльев 59, длина крыла 19, а хвоста 10 см. Оперение верхней части тела бурое с жирным оттенком, затылок ржаво-бурый с грязным оттенком, плечи и кроющие перья с металлическим отливом, надхвостье, нижняя часть груди и брюшко белые, верхняя часть груди грязно-буроватая.

Луговая тиркушка (*Glareola pratincola*)

Красновато-желтое горло окружено бурой каемкой, большие маховые перья и их кроющие — черные, малые маховые перья у конца сероватые с узкой белой каемкой, нижние кроющие перья крыла темного, каштаново-бурого цвета, рулевые перья черновато-бурые, у основания белые, крайние — с белыми каемками на наружных опахалах, а средние имеют такие каемки на конце. Глаза темно-карие, клюв черный, около угла рта кораллово-красный, ноги черно-бурые. Самец и самка очень похожи друг на друга.

Степная тиркушка (*Glareola nordmanni*), которая живет в степях около Черного моря, отличается от луговой тиркушки более высокими плюснами и черно-бурой окраской нижних кроющих перьев крыла*.

** В наши дни степная тиркушка стала очень редким видом Причерноморских степей. Основная область ее гнездования располагается в степной и полупустынной зонах Нижнего Поволжья, Казахстана, Приуралья и юга Западной Сибири.*

Область распространения обеих тиркушек простирается далеко за пределы Европы. Они при перелетах посещают все страны средней и южной Европы, Среднюю и южную Азию и всю Африку. Луговая тиркушка появляется ежегодно в Египте в числе многих тысяч, и потому была известна древним египтянам, очень часто изображалась на древних памятниках, причем обозначалась там как птица, за которой охотятся; например, по древней могильной надписи видно, что один богатый египтянин Пта-Хотен в течение жизни убил 111 000 тиркушек.

Тиркушка прекрасно бегаёт, но ещё лучше летает. Бег её происходит с остановками, вроде того, как у ржанок, но с тем различием, что тиркушка при этом машет хвостиком, как каменка. Полёт её похож на полёт щурки и отличается быстротой, красивыми изгибами, быстрыми поворотами и чрезвычайно большим разнообразием движений. Голос может быть передан слогом «клит», к которому присоединяется иногда жужжащее «кёрр». Среди внешних чувств наиболее развито зрение, о чём можно догадаться по большим глазам и по всем действиям живой птицы.

Во время гнездования видишь, как эти красивые, безвредные птички попарно, бегая или летая, охотятся за насекомыми: жуками, мелкими бабочками, большими комарами, коромыслами и кузнечиками. Бегом они охотятся довольно часто и делают это на манер бегунков, но с той особенностью, что тиркушки иногда прыгают до метра вышины, чтобы поймать летящее насекомое; ещё чаще они охотятся, летая с такою ловкостью и проворством, которые немного уступают полету ласточек. Они неустанно носятся взад и вперед над болотными камышами, засеянными полями, а особенно клеверными лугами, внезапно бросаются вниз, открывают широкий клюв и ловят насекомое одинаково ловко, летит оно или сидит на высокой траве, причем щелканье клюва тиркушек очень хорошо слышно. Тиркушки глотают целиком всех съедобных животных совершенно так, как это делает козодой. Они похожи на козодоев ещё тем, что часто охотятся поздно вечером, так что их можно скорее назвать сумеречными, чем дневными животными. В полуденные часы всегда спят, сидя около своего гнезда, а во время перелета спят, усевшись длинными рядами на берегу реки или моря.

Для устройства гнезда тиркушки предпочитают сырые берега болот, не заросшие деревьями пастбища в степях или такие поля, которые возделаны только отдельными местами. Гнездо состоит из ямки, выстланной травой и корешками; в кладка четыре яйца*.

** Четыре яйца в кладках тиркушек встречаются далеко не часто. Обычно эти птицы откладывают только три яйца, и довольно обычны кладки из двух яиц.*

Тиркушки любят свое потомство так же нежно, как большинство других голенастых птиц, и употребляют все средства, чтобы спасти яйца и птенцов от нападений врага. Птенцы очень скоро покидают гнездо, в первые же дни своей жизни умеют отлично прятаться; они скоро вырастают и приобретают внешность и привычки взрослых.

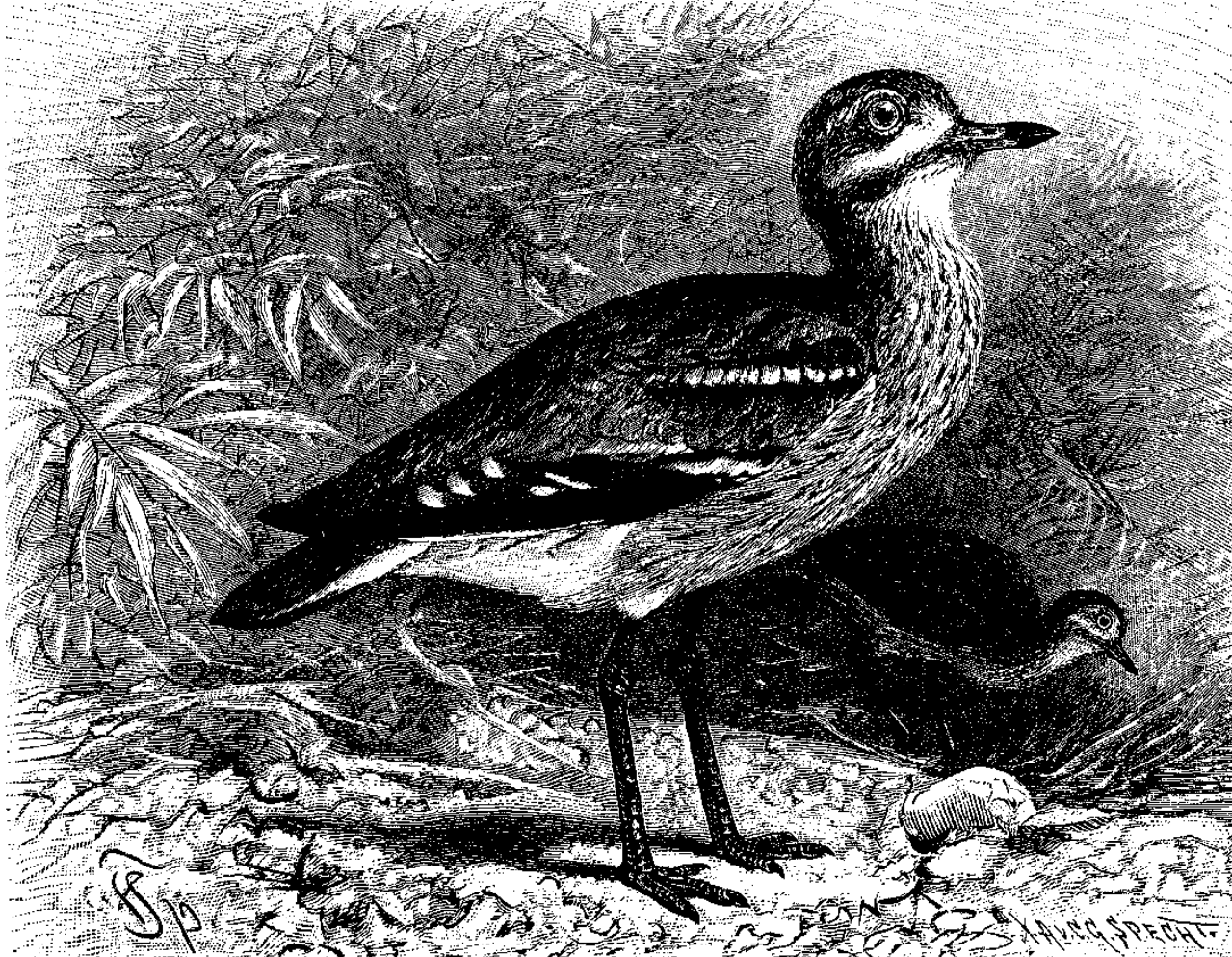
В Венгрии и России беспощадно собирают яйца тиркушек, в Греции преследуют и самих птиц из-за мяса, которое осенью очень жирно и потому очень вкусно.

Семейство авдотковые

Авдотка (*Burhinus oedicnemus*), по-другому, лежень, имеет в длину 45 см, размах крыльев достигает 80, длина крыла 25, а хвоста 13 см. Оперение всей верхней части тела такого же цвета, как у жаворонков; перья ржаво-серые с черно-бурыми полосками посередине; лоб, местечко около глаз, полоски над глазами и под ними — белые. Белая полоска проходит и по верхней части крыла. Нижняя часть тела желтовато-белая, маховые перья черные, рулевые перья тоже черные, только края их и кончики белые. Глаза золотисто-желтые, клюв желтый с черным кончиком; ноги соломенно-желтого цвета; веки также желтые. У молодых птиц преобладающая окраска — ржавый цвет.

Родиной авдоток считаются страны южной Европы, северной Африки и Средней Азии, где имеются настоящие пустыни или, по крайней мере, степные пространства. Все страны по Средиземному морю, Сирия, Персия, Аравия, Индия и другие оказывают приют множеству этих птиц. В Венгрии, Австрии и Германии в них также недостатка нет; они встречаются даже в Голландии, Великобритании, Дании и южной Швеции, где их, по крайней мере для Германии, следует причислить к постоянно встречающимся птицам, так как они из года в год водятся на одних и тех же местах. Поздней осенью авдотка покидает северные страны, перелетает на юг Европы или в другие местности соответствующей широты, а весной возвращается обратно. Живущие около Средиземного моря авдотки уже не странствуют, а просто, как оседлые или кочевые птицы, из года в год путешествуют по одной и той же области. Местожительства этой птицы весьма разнообразны хотя всегда имеют

пустынный характер. Арабы уверяли меня, что хорошо известная им птица, которую они называют «караван», не только днем садится на мечети, фабрики и другие здания, плоские крыши которых редко или никогда не посещаются людьми, но даже гнездится там. По тому, что я сам наблюдал, у меня нет никаких оснований сомневаться в справедливости этих рассказов. Только в одном отношении наша авдотка при всех обстоятельствах остается верной себе: ее местожительство должно быть или с далеко открывающимся горизонтом, или с надежным убежищем.

Авдотка (*Buhinus oedicnemus*)

Авдотка — большая любительница одиночества; она нисколько не заботится о себе подобных и мало способна ужиться с другими созданиями; тем не менее, внимательно изучает своих соседей и сообразно этому согласует свое дальнейшее поведение. Авдотка никому не доверяет; любое другое животное кажется ей, если не подозрительным, то заслуживающим наблюдения. Таким образом, она вечно всматривается в то, что происходит вокруг, и редко ошибается. Днем ее трудно увидеть, разве только случайно, так как она гораздо раньше замечает приближающегося к ней человека, чем он ее. Если авдотка находится на обширной, ровной поверхности, то плотно прижимается к земле и тогда, благодаря своему одноцветному с землей оперению, становится совершенно незаметной. Если же для прикрытия поблизости есть чаща, то она бежит к ней, но не прячется, а проворно пробегает через кустарники и выходит с противоположной стороны опять-таки на открытое поле. В степи или в пустыне она сначала прижимается к земле, но если убедится, что враг приближается, тотчас поднимается и, не прибегая к помощи крыльев, бежит вперед, время от времени оглядываясь, бежит так быстро, что опережает охотника на расстояние выстрела. Всаднику она так же редко дает обмануть себя, так как отлично понимает, насколько он для нее опасен.

Походка авдотки, пока она не спешит, неповоротливая и трусящая, но может превратиться в быстрый бег; полет ее нежный и мягкий, даже довольно ловкий, но только в редких случаях продолжительный. С наступлением ночи она становится оживленной, беспокойно бегаёт и летает взад и вперед, издает крики, легко, точно играя, поднимается на значительную высоту и демонстрирует такое искусство в летании, какого в ней нельзя было даже подозревать. Быстрыми шагами, подобно тени, скользит по земле, то появляясь на мгновение в полосе лунного света, то снова блуждая, невидимо, как привидение, в неосвещенных местах. Голос авдотки звонко раздаётся в тихую ночь, особенно во время полета, когда птица летит высоко над землей.

Авдотка питается червями, насекомыми во всех стадиях их развития, улитками и другими мягкотелыми, лягушками, ящерицами и мышами; яйца и птенцы других пернатых также, по всей вероятности, не застрахованы от ее нападений. Полевых мышей она, по словам Наумана, подстерегает как кошка и очень ловко ловит их на бегу; поймавши, прежде всего наносит им сильный удар клювом, затем схватывает, вторично колотит уже о землю до тех пор, пока не раздробит все кости, и наконец, буквально раздавивши, проглатывает. Насекомых она тоже предварительно убивает, а затем уже проглатывает. Для облегчения пищеварения глотает крупные песчинки.

В конце апреля можно видеть гнездо, маленькое углубление в песке, а в нем, без всякой подстилки 3—4 яйца, величиной приблизительно с куриные. Самка насиживает яйца в течение 16 дней, самец же в это время старательно оберегает ее*.

** Как правило, кладка авдотки состоит всего из двух яиц, бывают кладки из одного или трех яиц, но очень редко. Четыре яйца откладывают две самки. Это установлено специальными исследованиями биологии размножения авдоток.*

Как только птенцы совершенно обсохнут, они тотчас же пускаются вслед за родителями и больше уже не возвращаются в гнездо. Вначале оба родителя дают своим птенцам готовую добычу, но по прошествии некоторого времени приучают их к самостоятельной охоте. Птенцы при малейшей опасности тотчас же прижимаются к земле, где всякая неровность служит им защитой. Хищника родители стараются как-нибудь отвлечь; но опытному охотнику они выдают свое убежище шумливой беготней вокруг этого места.

Старую авдотку очень трудно обмануть настолько, чтобы подкрасться к ней на расстояние выстрела. В Индии или в Сахаре для ловли употребляют кречетов; но такого способа ловли, который обеспечивал бы верный успех, еще никто не знает.

Семейство рябковые

Образующие самостоятельное семейство рябки представляют не что иное, как голубей, приспособленных к жизни в пустыне. Их своеобразная родина, безлесная и бедная растительностью равнина, будь то совершенная пустыня или степь, пустынное поле или заброшенная местность, как бы отражается в этих птицах. Любимые детища пустынь, рябки имеют не только одеяния, вполне приспособленные к жизни на голых равнинах, но и ту подвижность, которая позволяет им отыскивать пропитание в этих неплодородных местностях.

Благодаря своим длинным крыльям и большому хвосту, они кажутся стройными, но на самом деле сложены очень плотно. Туловище короткое, грудь выпуклая, шея умеренной длины, голова небольшая и красивая, клюв маленький, короткий, слегка загнутый на верхушке и немного утолщенный на нижней челюсти около кончика; он очень незначительно сжат с боков, так что кажется кругловатым. Ноздри расположены у основания клюва и скрыты под лобными перьями; они могут наполовину закрываться особой перепонкой и открываются кверху. Ноги небольшие, со сравнительно короткими плюснами и очень короткими пальцами, а у представителей одного из видов они совсем мало развиты. Все передние пальцы соединены до первого сустава и далее перепонкой, можно даже сказать, что они сросшиеся и оторочены перепонками. Задний палец или недоразвит и прикрепляется очень высоко, или вовсе отсутствует. Когти короткие, слабо изогнутые, тупые и широкие. Крылья с короткой плечевой костью, маховая же часть очень длинная; маховые перья, начиная с первого, равномерно укорачиваются. Хвост, состоящий из 14-18 перьев, иногда закруглен, обыкновенно клиновидно заострен, и два средних пера его гораздо длиннее остальных. Оперение состоит из довольно коротких, широких, закругленных и очень жестких перьев, придающих телу гладкий вид, хотя они и не прилегают к нему особенно плотно. Окраска, подходящая для жителя пустыни, вполне соответствующая цвету почвы, большей частью напоминающая песок; узоры обыкновенно чрезвычайно красивые и разнообразные. Самец и самка в большинстве случаев отличаются друг от друга. Вполне оперившиеся птенцы похожи на мать, но очень скоро приобретают окраску взрослых птиц.

Рябки водятся только в Старом Свете и преимущественно в Африке, хотя нельзя сказать, чтобы в этой части света встречалось наибольшее количество видов. Их родина так же обширна, как и пустыня; поэтому они наиболее многочисленны в Африке, но имеют также представителей в Азии и попадают даже у нас в Европе, хотя только в той ее части, которая напоминает Африку. Во всех частях света, кроме Европы, имеются свои особые виды, некоторые из них распространены по огромным районам и встречаются в качестве оседлых птиц, а иногда переключиваются и в такие страны, где они прежде совсем не были известны. Почти все виды живут из года в год на одном и том же месте, или, по крайней мере, в одном и том же районе. Но удивительная способность летать

позволяет им без затруднения переноситься на тысячи километров, а особые, еще неизвестные нам причины заставляют их улетать иногда далеко за пределы области распространения.

Немногие птицы умеют так оживлять пустынные местности, как рябки. Среди самой бесплодной пустыни, где только встречаются молчаливые степные бегунки да слышится печальный голос жаворонка, перед путешественником вдруг поднимается с шумом и гамом говорливая, можно сказать, даже болтливая стая этих интересных птиц. Это настоящие жители пустыни. Там, где природа создала хоть какие-нибудь изначальные условия для существования, уже встретишь рябков, можно даже сказать, что именно они извещают нас о существовании таких условий. Часто бывает совершенно непонятно, каким образом они могут находить себе пропитание. Несмотря на то, что им приходится ежедневно летать на водопой, отдаленность воды от той местности, где они ищут пищу, по-видимому, не смущает их; перед сном рябкам ничего не стоит сделать экскурсию, на которую мы потратили бы целый день и даже более. Охотнику или наблюдателю рябки попадают на глаза преимущественно в то время, когда летят на водопой; собравшись в громадную стаю, они летят густой вереницей, издавая крик «кадда-кадда» (так кричат почти все виды их). Даже самый близорукий глаз и самое тупое ухо не могут не заметить их. В другое время далеко не так легко увидеть этих птиц: окраска, приспособленная к пустыне, превосходно защищает их и делает незаметными даже для опытного глаза.

Таким образом, стаи рябков держатся вместе до тех пор, пока не наступит период спаривания и в дело не вмешается любовь. Тогда они разделяются на небольшие группы, а те — на отдельные парочки, из которых каждая выбирает себе удобное местечко на песчаной почве и выкапывает небольшое углубление. Положивши здесь несколько яиц, самка вся отдается высиживанию. Таким образом выводятся одно или два поколения, затем птицы опять собираются в стаи и начинают вести прежний образ жизни, если только этому не помешают какие-нибудь особые обстоятельства.

Саджа (*Syrhaptus paradoxus*), зовется также копыткой, степной курочкой. Достигает 39 см в длину без удлинённых перьев хвоста; размах крыльев 60 см, не считая удлинённых концов маховых перьев. Длина крыла 18 см, длина хвоста 12 см, а вместе с длинными средними перьями около 20 см. Самка немного меньше и тоньше самца.

Паллас описал сажу в 1770 году, но он ничего не сообщает об ее образе жизни и замечает только, что она встречается в степях восточной Татарии. Эверсман несколько точнее определяет ее область распространения и сообщает, что она водится только в степи, к востоку от Каспийского моря до Джунгарии и что на западе она редко встречается севернее 46 градусов северной широты, на востоке встречается гораздо севернее, например, в горных степях южного Алтая, и по верхнему течению Чу и близ китайских форпостов.

Саджа (*Syrrhaptes paradoxus*)

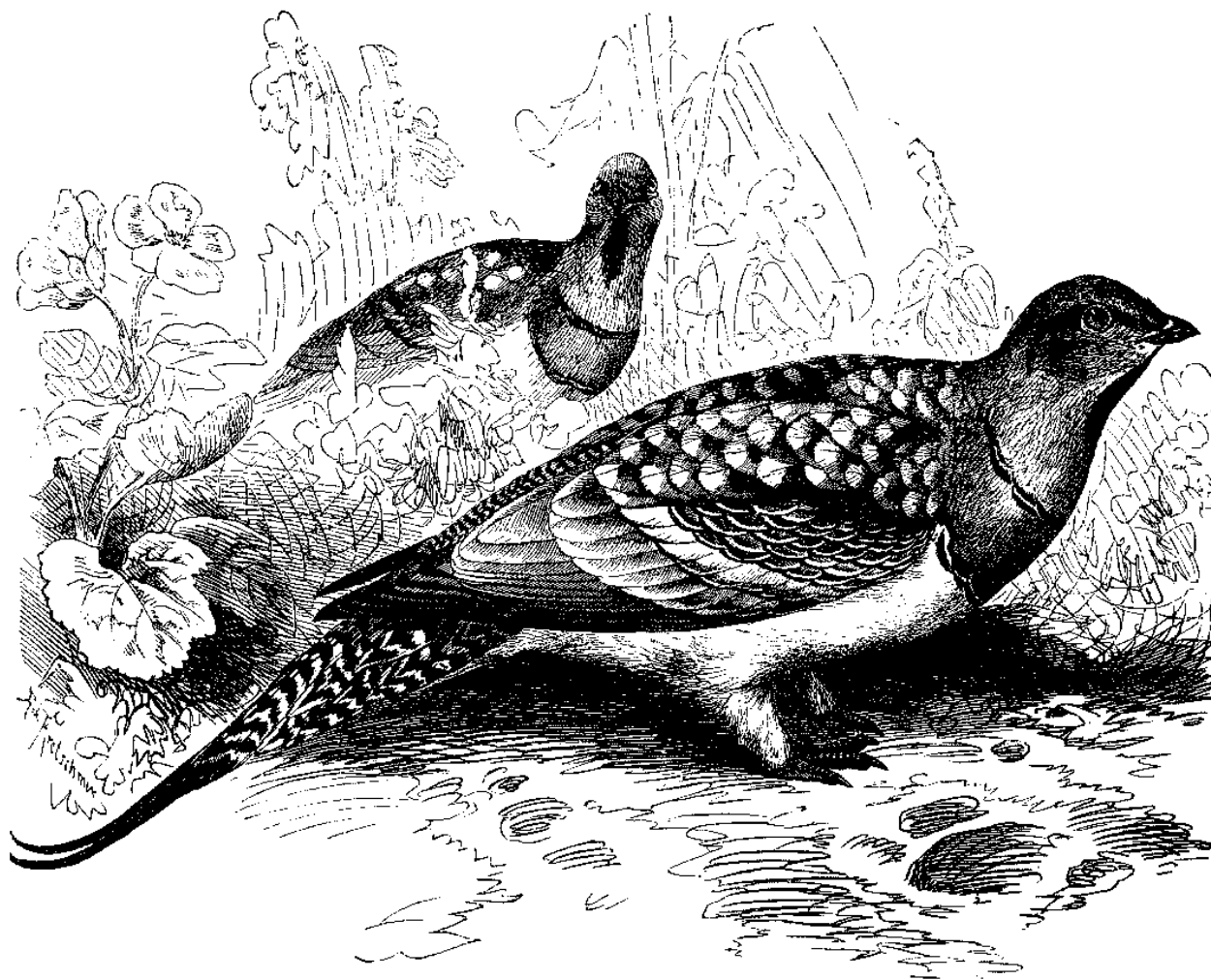
Богданов сообщает, что степная курочка распространена вдоль всего восточного берега Каспийского моря, особенно в Устюрте. Миссионер Гук дал описание этой птицы и ее образа жизни, представляющее смесь правды с вымыслом, и только Радде и Свинхое впервые дали о ней точные сведения. Описание Радде вполне подтверждает и Пржевальский.

Наши сведения об образе жизни саджи значительно обогатились уже через год после появления сочинения Радде, благодаря странному случаю. Уже в 1866 году Шлегель и Мур несомненно доказали, что отдельные экземпляры этих птиц залетали в среднюю Европу; их убивали на дюнах Голландии и в Англии, и, если верить сообщению Коллетта, то в середине августа 1861 года близ Мандала в Норвегии была замечена стая курочек, штук в 14-15, и несколько из них были убиты. На такие отдельные экземпляры смотрели как на случайно залетевших гостей и не придавали особенного значения их неоднократным посещениям. Нечто подобное случилось, по словам Свинхое, осенью 1861 года в северном Китае, но здесь пришлось иметь дело не с несколькими, случайно залетевшими экземплярами, а с целой громадной стаей этих птиц, опустившихся на равнины между Пекином и Тьенцином. Китайцы ревностно преследовали этих чужестранных посетителей, хорошо известных у них под названием «садуки» — песочные куры, и рассказывали Свинхое, что они часто ловят этих птиц в сети и убивают из пищалей. После того, как выпал обильный снег, ловля стала до того прибыльна, что рынок Тьенцина был решительно завален ими. Стоило только расчистить от снега некоторые места в степи, расставить здесь сети, и можно было быть вполне уверенным в богатой добыче. Тем не менее, птицы были пугливы, особенно когда держались на земле; летая же, иногда приближались к охотнику. Туземцы знали, что родина степных курочек находится на обширных равнинах, по ту сторону знаменитой стены.

Чернобрюхий рябок (*Pteroeles orientalis*) — один из самых крупных видов этого семейства. Голова и задняя часть шеи красновато-серые; затылок темнее передней части головы. Нижние шейные перья бледно или темно-желтые с аспидными пятнами, расположенными так, что на конце каждого пера образуется охристо-желтое кругловатое пятно, ограниченное более темной полосой. Горло охристо-желтое, а идущая через него полоса буро-черная. Грудь красновато-серая, а резко обрисовывающаяся грудная полоска — черная или буро-черная, так же, как и брюшко. Оперение ног окрашено в темный буро-желтый цвет. Глаза темно-карие, клюв грязно-синий, неоперенная часть ног темная сине-серая. В длину достигает 35 см; размах крыльев 70, длина крыла 23, длина хвоста 11 см. У самки вся спина и бока шеи песочно-желтые, и на каждом из перьев спины по несколько черно-бурых поперечных полосок. На каждом пере головы, затылка, шеи и передней части

груди есть темные пятнышки, имеющие вид капель. Горловая и грудная полосы только слегка обозначены; брюшко тоже буро-черное, но светлее, чем у самца. По моим измерениям, между обоими полами нет почти никакой разницы в росте.

Белобрюхий рябок (*Pterocles alchata*) несколько меньше чернобрюхого, зато окраска более яркая. Самец имеет в длину 37 см, благодаря удлинненным хвостовым перьям, размах крыльев 60, длина крыла 19, а хвоста — 13 см.

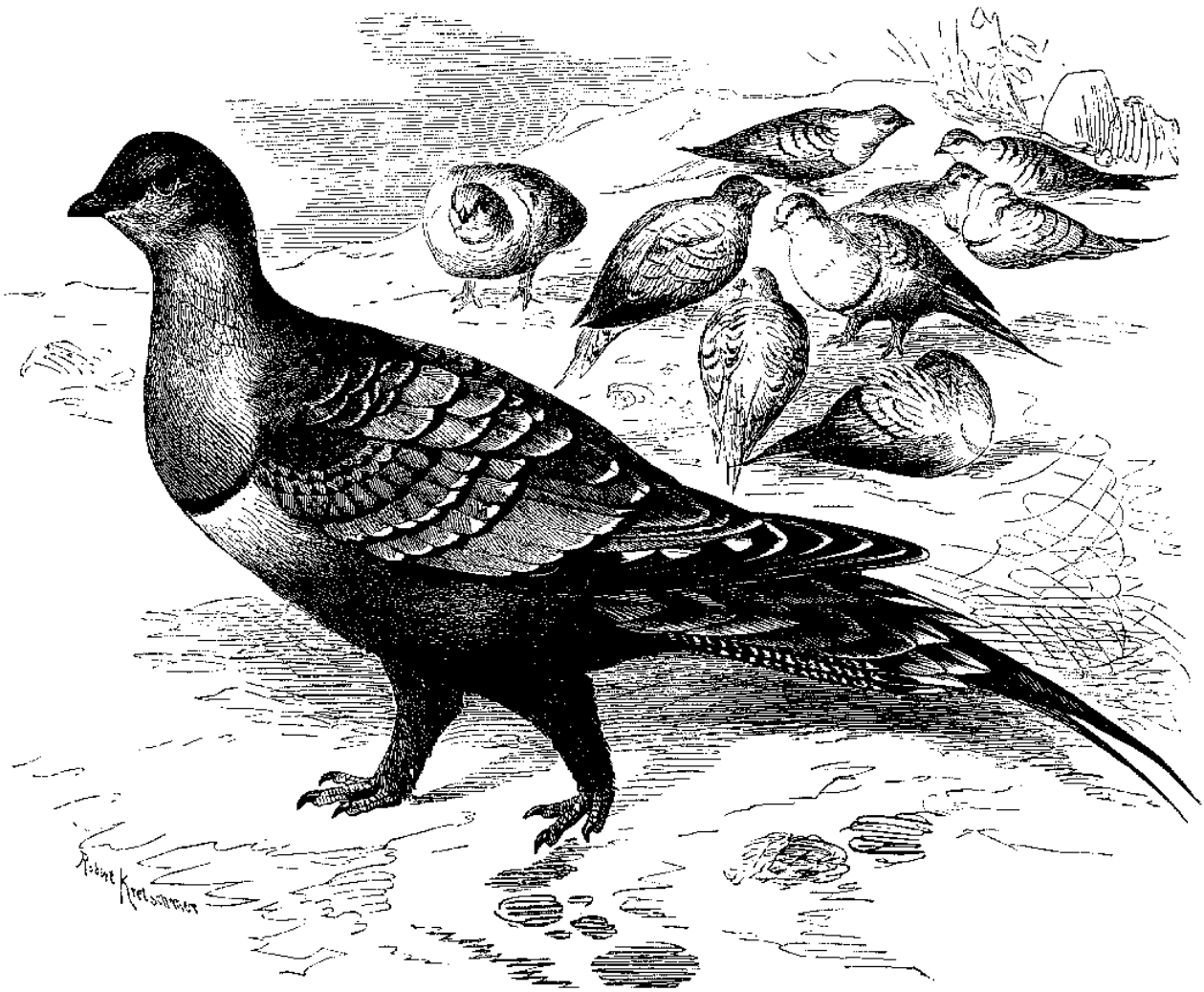

Белобрюхий рябок (*Pterocles alchata*)

Подражательная песчаная окраска достигает полного совершенства у третьего вида описываемых нами птиц, называемого **сенегальским, или пустынным, рябком** (*Pterocles exiustus*). Общий цвет его оперения — красивый красновато-буланый, переходящий на щеках и кроющих перьях крыла в ярко-желтый, а на спине приобретающий зеленоватый отлив. Цвет этот отделяется узкой черной полоской, начинающейся на боках шеи и проходящей поперек верхней части груди, от темной шоколадно-бурой нижней части груди и брюшка.

Оперение нижних покровных перьев хвоста светло-желтое. На конце небольших покровных перьев крыла находится по шоколадно-бурому пятну, имеющему вид полосы. Глаза темно-карие; широкое голое кольцо вокруг глаза лимонно-желтое; клюв и пальцы свинцового цвета.

Птица достигает 33 см в длину, размах крыльев 60, длина крыла 19, хвоста 14 см. У самки светло-желтый фон верхней части испещрен более темными пятнами и полосками; голова (кроме горла и области уха), затылок и шея серовато-буро-желтые с темными пятнами, напоминающими капли. Грудная полоса едва заметна; брюшко бурое с черными полосами; средние рулевые перья только немного длиннее других.

Сенегальский рябок (*Pterocles exustus*)

Чернобрюхий и обыкновенный рябок живут приблизительно в одних и тех же местностях, сенегальский рябок водится в более южных странах. Из европейских стран только Испания может считаться родиной рябков; хотя чернобрюхий рябок и встречается в других странах южной Европы и даже в средней Германии, но как его, так и другие виды, иногда появляющиеся здесь, следует считать только случайными залетевшими сюда гостями. Как и следует ожидать, родина этих птиц обнимает очень обширную полосу Старого Света. Чернобрюхий рябок и белобрюхий рябок встречаются во всех пустынных местностях северо-западной Африки, к востоку — до Туниса; они распространены также в большей части Азии, а именно по всему степному району, и, по крайней мере, зимой регулярно появляются в Индии. Впрочем, здесь так же, как и в северо-восточной и центральной Африке представителем описываемого нами семейства является также сенегальский рябок, выводящий в этих странах птенцов. Вальтер в марте 1887 года наблюдал рябков во время перелета их на Амударье в течение нескольких недель. Вот что он говорит об этом случае: «Стаи штук в 8-60 и до 80 летели тогда одна за другой через Амударью с утра до вечера, направляясь как раз с юго-запада на северо-восток. Во время периода размножения эти рябки, очевидно, живут у подножия Бухарских гор. Невозможно хоть приблизительно определить число быстро пролетающих птиц. Во всяком случае, не будет преувеличением говорить о сотнях тысяч и даже миллионах их. Своеобразный крик и свистящий шум от ударов крыльев покрывали все остальные звуки, обыкновенно слышимые в этой местности. Ночью все стихало, но рано утром снова подымался шум». Эти рябки должны быть причислены к наиболее характерным для Испании птицам и в некоторых провинциях Иберийского полуострова встречаются так же часто, как в Азии и Африке. В Испании рябки водятся в Андалузии, Мурсии, Валенсии, в обеих Кастильях и Арагонии; но в каждой провинции обыкновенно преобладает какой-нибудь один вид. То же самое можно сказать об Африке, а, по словам Жердона, и об Индии: различные виды живут по соседству друг от друга, но не вместе.

Все рябки живут исключительно в пустынях или степях; на полях они появляются только после жатвы. Любимым их местопребыванием служат равнины, покрытые сухой и жесткой африканской травой, в особенности запущенные поля. В Испании водятся в таких же местах; здесь они

встречаются главным образом в так называемых кампо, т.е. поросших мелкой травой равнинах, представляющих собой почти ту же пустыню. Рябки старательно избегают лесистых местностей и, наоборот, по-видимому, очень хорошо чувствуют себя в местах, поросших низким и редким кустарником, как это бывает в африканских степях. Они боятся густого леса, подвергаются в нем опасности, так как при очень быстром полете довольно неповоротливы на лету; там, где возвышаются только отдельные кусты и деревья, птицы эти имеют достаточно пространства, чтобы двигаться вполне свободно. Они всегда избирают для своего местопребывания такие местности, цвет почвы которых как можно более подходит к окраске их оперения. Красноовато-серая окраска чернобрюхого рябка чрезвычайно сходна с цветом глинистых кампо Испании и пестрых степей Азии, а ярко-желтый цвет оперения сенегальского рябка трудно отличить от почти золотистого песка пустыни.

Что касается до характера и поведения, то все рябки чрезвычайно сходны друг с другом.

Как заметил Гааке, рябки могут надувать зоб подобно голубям. Голос их настолько характерен, что его невозможно смешать с голосом других птиц. Арабское название белобрюхого рябка — «кхата» или вернее «кхадда» есть подражание крику, издаваемому ими на лету: когда же бегают по земле, то издают гораздо более нежные и тихие звуки, при помощи которых они, по-видимому, переговариваются друг с другом.

Относительно развития внешних чувств и духовных способностей рябков трудно высказать вполне определенное мнение. В том, что у них острое зрение, скоро убеждается всякий охотник; что у них хорошо развит слух, видно из того, как внимательно они прислушиваются к самому незначительному шуму, особенно к доносящемуся издали призывному крику своих сотоварищей; но насколько развиты у них другие органы чувств, я не решаюсь сказать.

Только там, где рябков преследуют, они бывают пугливы. Среди пустыни, где редко встречаются люди, они подпускают к себе на расстояние всего нескольких шагов человека, едущего на верблюде. Даже пешеходу нетрудно приблизиться к ним, если только он вовремя заметил их и употребил хитрость, всегда пускаемую в ход охотниками, т.е. сделал вид, что проходит мимо, не обращая на них внимания. Но именно заметить-то их и трудно. Нужно иметь очень острое зрение для того, чтобы увидеть этих птиц. Я охотился сотни раз на рябков, но каждый раз должен был изумляться их умению скрываться от взоров. При этом подражательная окраска оказывает им большие услуги. Рябку стоит только прижаться к земле, цвет которой передает его оперение до мельчайших тонкостей, а затем сидеть спокойно на месте, и тогда он как бы совсем сливается с окружающей почвой, нет никакой возможности отличить его от земли. Каждая пролетающая хищная птица, каждое живое существо, появляющееся поблизости этих птиц и почему-либо кажущееся им подозрительным, «превращает» сотни рябков в сотни простых кучек, настолько похожих на песок, что каждый раз поневоле удивляешься, когда видишь, как с места, где раньше не замечал ничего, кроме песка, с шумом поднимается стая больших птиц.

Пища рябков состоит почти исключительно из семян. Там, где по близости пустыни есть поля, им нетрудно собирать зерна; так, например, во всей северо-восточной Африке они целыми месяцами питаются одной только дуррой; в Испании опустошают поля, засеянные пшеницей, маисом и викой; в Индии после жатвы появляются на высушенных солнцем рисовых полях. Но в пустыне и степях более или менее обильную пищу им доставляют только колосья немногих видов трав, и совершенно непонятно, каким образом им удастся здесь наполнить свой обширный зоб. Я не знаю, едят ли они насекомых; насколько мне помнится, я всегда находил в их желудке одни только зерна.

В южной Европе и северной Африке рябки размножаются в начале дождливого времени года, заменяющего здесь весну; в южной Индии, по словам Жердона, период размножения приходится на месяцы между декабрем и маем, а в средней Индии он начинается несколько позже.

Жердон утверждает, что кладка состоит из трех или четырех яиц*.

* Обычно в кладках рябков три яйца, довольно часто находили гнезда с двумя яйцами, четыре яйца в гнезде встречаются исключительно редко.

По описанию арабов гнездо рябков представляет незначительное углубление, вырытое в песке и не снабженное никакой подстилкой. Ирби замечает, что яйца рябков были найдены им в местности, совершенно лишенной деревьев и что они лежали прямо на песке, так что собственно нельзя и говорить о настоящем гнезде. Яйцо чернобрюхого рябка имеет 48 мм в длину, яйцо его белобрюхого родича — 44 мм; поперечник яиц их равняется 32-28 мм.

Злейшим врагом рябков, как и многих других птиц, является человек. Я слышал, что им опасен сокол, а ночью также степная лисица. Пока они еще не сделались пугливыми, добыть их бывает нетрудно, так как обыкновенно они слишком полагаются на свою подражательную окраску. Я помню, что однажды убил 14 штук одним выстрелом. Совсем иначе держат себя рябки в тех местах, где

их сильно преследуют; здесь, чтобы охотиться на них, приходится отыскивать место, куда они летают на водопой, и поджидать в засаде.

"Так как испанцы любят мясо рябков, — говорит брат мой Рейнгольд, — то этих птиц всячески преследуют, и они становятся, вследствие этого, очень пугливыми и осторожными. Их стреляют всегда из засады на тех местах, куда они летают на водопой «.

Ловля рябков, по-видимому, выгоднее охоты на них с ружьем. «Рябки, — говорит Болле, — благодаря своим коротким ножкам, никогда не переступают добровольно через более или менее крупные камни, а всего охотнее бегают по совершенно ровным местам. Поэтому, если устроить им дорогу к воде, расположить камни в два ряда так, чтобы между ними оставался проход, как раз достаточно широкий, чтобы по нему могла пройти рябок, и укрепить на этой дороге несколько петель, то многие из птиц попадают живьем».

В неволе эти обыкновенно пугливые птицы становятся очень ручными. «Я содержал, — рассказывает мой брат, — пару рябков в своей комнате больше года. Большую часть дня они проводили вне клетки, бегая на свободе, и им не приходило в голову улететь через открытое окно, хотя они взлетали на стол, бегали по нему, подбирали крошки или ели у меня из рук. Рано утром меня будил самец своим криком, очень напоминающим воркование голубя; часто я слышал этот крик и ночью, из чего можно заключить, что рябки и на свободе бодрствуют по ночам. Очень забавно было смотреть, как самка, после того как она вполне ознакомилась со своим местом заключения и всем окружающим, обращалась с незнакомыми людьми и животными. Если к ней подходил кто-нибудь незнакомый, то она оттопыривала головные и спинные перья, издавала сердитое «гур-гур-гур» и, вытянув шею, направлялась на пришельца, а если он не отступал, то клевала его в ноги или руки, награждая при этом сильными ударами крыльев. Собак и кошек она всегда прогоняла таким образом из комнаты. Самец реже вел себя так воинственно и только, если его загоняли совсем в угол, защищался клювом и крыльями. С другими птицами мои рябки жили в мире. Я держал их вместе с жаворонками, дроздами и другими маленькими птицами и никогда не случалось, чтобы они поссорились или чтобы рябки воспользовались правом сильного». Чернобрюхие рябки, которых я содержал, без всякого неудобства или вреда для здоровья переносили холод в 25 градусов по Цельсию. Гораздо вреднее холода для них сырость. К дождю они очень чувствительны, и потому в дождливые дни их следует держать в закрытом помещении, так как они слишком глупы для того, чтобы войти в клетку, в которой ночуют, и спрятаться в ней от дождя.

Семейство голубиные

Голуби — птицы средней величины с маленькой головкой, короткой шеей и обильным и жестким оперением. Жесткое и твердое оперение прилегает довольно гладко: отдельные перья его сравнительно велики, широко закруглены, снизу пушисты. В оперении преобладают нежные краски, хотя встречаются яркие и светлые цвета; именно, на шее и покровных перьях крыльев они переливаются великолепным металлическим блеском. Самец и самка у большей части видов мало различаются один от другого; птенцы же, наоборот, всегда значительно отличаются от родителей. Относительно величины можно сказать, что исполин среди известных нам до сих пор голубей равняется небольшой индейке, а карлик — приблизительно жаворонку.

Голубиных птиц можно назвать высокоодаренными существами. Они могут ходить неутомимо, хотя и не очень скоро, но при каждом шаге кивают головой, потому что у них низкие ноги. Некоторые виды голубиных бегают, подобно куриным, очень скоро, другие кажутся на земле неловкими, и, напротив, очень ловко передвигаются среди ветвей деревьев. Те, которые лучше всех ходят, летают хуже других. Большинство голубиных, впрочем, отличается очень быстрым и сильным полетом, способным на ловкие повороты в воздухе, обыкновенно сопровождаемым громким свистящим шумом. Что голуби по доброй воле иногда плавают — я сам видел в Египте, а что они, в случае крайней нужды, и ныряют — узнали Науман и Гомейер. Голос их в общем у всех сходен, и только у небольшого количества видов отличается довольно сильно. Большинство голубей издает отрывистые, глухие, низкие звуки, в которых преобладает слог «рук» или «руке», другие воркуют, т.е. издают нежно дрожащие звуки, некоторые виды стонут или смеются; одни издают чрезвычайно благозвучные, полные, законченные тоны, другие же ворчат отвратительно.

Из внешних чувств, без сомнения, выше всего стоит зрение, о чем свидетельствуют большие, выразительные, красивые по форме и цвету глаза голубя. Едва ли менее хорош и слух; есть основание предполагать, что вкус, обоняние и осязание также очень хорошо развиты. Душевные способности голубей часто преувеличивают, так как добродушие и кротость их нрава скорее кажущиеся, нежели действительно существующие качества. Голуби обыкновенно робки и осторожны, но никогда не умеют, как другие птицы, отличить настоящую опасность от кажущейся, всегда предпочита-

ют верное неверному, и потому так же боязливо избегают крестьянина или пастуха, как и охотника. Приручить их настоящим образом очень трудно, так как сообразительность довольно слаба, и память невыдающаяся.

Нрав птиц кажется настолько привлекательным, что еще в глубокой древности их считали эмблемой кротости и даже олицетворяли ими отвлеченные понятия. Беспристрастному взгляду нрав голубей предстает в менее привлекательном свете. Их добродушие, конечно, никто не станет оспаривать, а каждое чувствительное сердце, без сомнения, будет весьма тронуту обоюдной нежностью птиц одной пары, взаимное клеванье которых так напоминает наши поцелуи. В действительности, многие не без основания сомневаются в прославленной супружеской верности голубей, а самоотверженной привязанности к детям, по крайней мере у многих видов, совсем не заметно. Многие, но никак не все голуби, живут парами. Остаются ли птицы одной пары верны друг другу в продолжении всей жизни, как это обыкновенно предполагают, подлежит сомнению. Существуют также наблюдения, которые вовсе не говорят в пользу их взаимной верности. Бессердечие некоторых голубей относительно своего потомства кажется нам поистине отвратительным. Они покидают не только кладку, но даже и едва вылупившихся птенцов, как только их потревожат и возбудят в них недоверие.

Голуби — обитатели всего земного шара в самом широком смысле этого слова. Они живут во всех частях света и во всех поясах, на высотах и низменностях, но всегда преимущественно в лесах. Лишь немногие их виды селятся на бесплодных скалах. Близость воды они любят и избегают безводных пространств, хотя нельзя сказать, чтобы их там вовсе не было, так как сильный полет дает им возможность посещать ежедневно отдаленные места для водопоя. Голуби больше всего населяют острова, нежели большие материки, особенно их много на островах Тихого океана. Относительно их местопребывания можно заметить, что различные виды поделили между собой различные местности. В то время, как одни из них исключительно селятся на деревьях и только разве для питья слетают на землю, другие проводят всю жизнь на земле или поднимаются только на короткий срок на низкие ветки. Первые населяют темные леса, вторые селятся в редких степных кустарниках; некоторые живут только на скалах, в низком густом кустарнике, исключительно на маленьких островах и т.д.

Все виды, живущие на севере, — перелетные, а живущие на юге, — кочевые или оседлые птицы. Последние изредка живут маленькими обществами, обыкновенно же парами; другие соединяются только на время перелета большими стаями; некоторые образуют в течение целого года большие общества, а многие виды собираются такими огромными массами, что, по достоверной оценке, превосходят все прочие обычные сборища птиц. Путешествия редко бывают далекие; сизые голуби, например, улетают не далее северной Африки, большей частью остаются в южной Европе.

Пищу птицы берут почти исключительно из растительного царства. Правда, в зобу некоторых видов находили маленьких улиток, червяков и гусениц. Семена и клубни всевозможных растений составляют пищу большинства; некоторые питаются ягодами и лесными плодами.

Пищу просто срывают или снимают с ветки, редко добывают посредством раскалывания (например, стручков бобов) или другими усилиями, еще реже выскребают ногами, а чаще выклевывают. Найденную пищу до проглатывания не раздробляют. Многие виды любят солончаковую землю и потому обыкновенно появляются на местах, содержащих в себе соль, по наблюдениям Снэля, преимущественно в то время, когда у них есть птенцы. Те виды, которые едят твердые зерна, проглатывают для ускорения пищеварения маленькие кусочки кварца и другие твердые тела, а самки, в период кладки, также и известку. Голубям нужно много воды, которая служит не только для утоления жажды, но и для того, чтобы в ней разбухали твердые зерна.

Гнезда закладывают различно: в ветвях деревьев и кустов, высоко и низко над землей, в пещерах скал и в дуплах деревьев, на толстых сучьях или пнях, редко на самой земле. Жалкая постройка из немногих сухих хворостинок, наложенных рыхло и беспорядочно одна на другую часто так непрочна, что нельзя понять, как такое гнездо может противостоять ветру и непогоде. Кладка состоит из двух белых яиц. В период спаривания самец очень усердно добывается расположения самки: воркует, стонет, смеется, подходит, нагибаясь, наклоняет голову, вертится, бегаёт взад и вперед со странными движениями, взлетает с хлопающим звуком вверх, и тихонько спускается опять вниз, клюется со своей самкой, между прочим снимает с нее вшей, и вообще выказывает всякими знаками и телодвижениями сильное волнение. В высиживании яиц принимают участие самец и самка.

Птенцы вылупляются через 14-20 дней: это маленькие, беспомощные, слепые создания, скудно одетые желтым пушком, остающиеся в гнезде до тех пор, пока научатся летать. Сначала

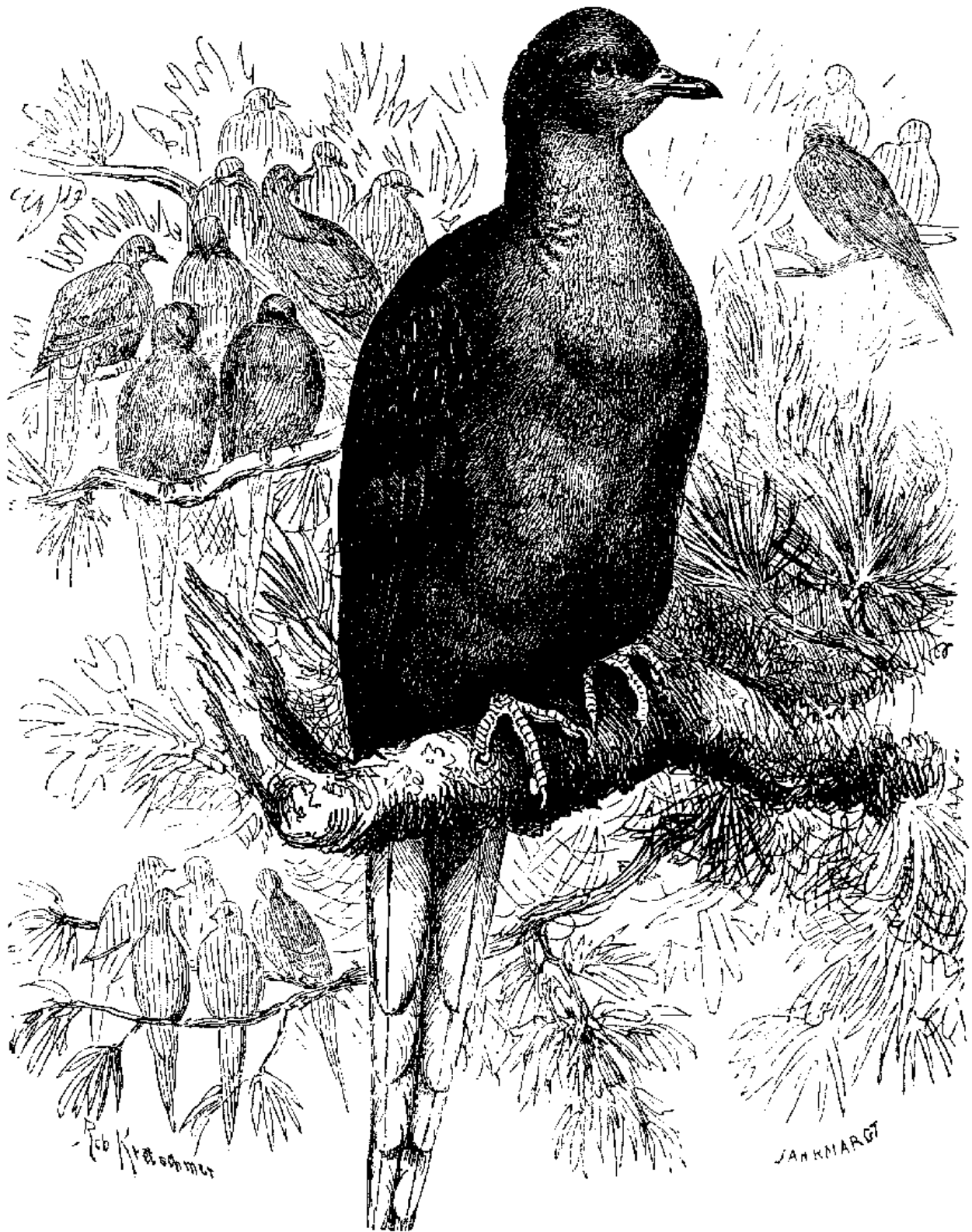
они кормятся творожистым веществом, выделяющимся из стенок зоба самки, позднее же размягченными, и, наконец, твердыми семенами, которые родители кладут, или скорее запихивают им в рот. Дальнейшее их развитие после вылета из гнезда занимает немного времени, так как большинство видов уже к концу первого года жизни способны к размножению.

Все голуби, по крайней мере живущие у нас, могут считаться полезными птицами. Снэль после тщательных и усердных наблюдений убедился, что хотя некоторые виды и срывают зерна злаков, которые, может быть, и без них бы погибли, но в общем питаются почти исключительно семенами различных вредных для хозяйства сорных трав и тем приносят неоцененную пользу. Тот же наблюдатель нашел в зобу убитого им домашнего голубя 3 582 зерна мышиного горошка и вычислил, что один голубь с одним птенцом ежегодно уничтожает до 800 000 этих зерен. Добросовестные наблюдения Снэля устраняют все упреки, делаемые голубям, и всякое подозрение в приносимом вреде, которое иногда на них возводят.

Из голубиных прежде всего назовем **странствующего голубя** (*Ectopistes migratorhis*). Он плотно сложен, с длинной шеей и маленькой головой. Общий цвет перьев аспидно-синий, с нижней стороны красновато-серый; бока блестящего пурпурово-фиолетового цвета, брюшко и гузка белые. Глаза ярко-красные. Клюв черный, ноги кровавого красного цвета. У самки, которая меньше самца, преобладает пепельно-бурый цвет. Длина самца 42 см, самки 39, размах крыльев 65 и 60, длина крыльев и хвоста около 21 см.

Странствующий голубь встречается во всех штатах Северной Америки от Гудзонова залива до Мексиканского и от Скалистых гор до восточного побережья. В восточных штатах они появляются, по словам Гергардта, огромными массами, и потому описания их нравов и привычек, переданные нам даже самыми достоверными наблюдателями, кажутся европейцам совершенно невероятными. Им, например, приходится слышать, что в Северной Америке стаи диких голубей закрывают солнце, портят на целые мили леса своим вредным пометом, обламывают толстые сучья деревьев, садясь на них в слишком большом количестве, доставляют не только людям, но даже свиньям и различным хищникам пищу на целые недели и действительно наносят страшный вред полям и лесам.

"Странствующий голубь, которого в Америке называют диким голубем, — говорит Одюбон, — двигается с необыкновенной скоростью, с помощью быстро повторяющихся ударов крыльями по воздуху. Он часто делает большие круги в воздухе, поддерживая себя на лету обоими поднятыми под прямым углом крыльями, пока не спустится на землю. Тогда он ударяет друг о друга концами крыльев, чем производит шум, слышимый на 30-40 м. Опускаясь, голубь умеряет быстроту полета частыми ударами крыльев, чтобы получить возможность спокойно ухватиться за ветку или встать ногами на землю.

Странствующий голубь (*Eetopisles migratorius*)

Я начал с описания полета голубей потому, что именно он лучше всего определяет привычки этих птиц. Перелеты их происходят исключительно в поисках пищи, а вовсе не для того, чтобы избежать суровой зимы северных широт или чтобы отыскать себе удобное место для кладки и высиживания яиц. Поэтому они нигде не устраиваются оседло, но остаются там, где находят себе пищу. При благоприятных обстоятельствах они живут иногда годами там, где их прежде никогда не видели, потом внезапно исчезают и возвращаются только по прошествии нескольких лет. Необыкновенная сила их крыльев дает возможность совершать удивительные перелеты; эта способность была доказана в Америке многими достоверными фактами. Случалось убивать в окрестностях Нью-Йорка голубей, зобы которых были наполнены рисом, между тем как есть последний они могли только в полях Джорджии и Каролины. Имея же в виду, что пищеварение их совершается так быстро, что принятая ими пища в течение 12 часов совершенно переваривается, мы должны прийти к

заклучению, что эти голуби пролетели за шесть часов от 300 до 400 английских миль, или по миле в минуту. Следовательно, при такой быстроте полета они могут долететь до Европы за три дня. Кроме этой силы полета голуби одарены еще очень развитыми внешними чувствами, что дает им возможность во время самого быстрого полета обозревать окрестности и находить себе пищу. Я наблюдал, что, пролетая над неплодородной местностью, они держались очень высоко над землей, между тем как в плодородных и лесистых районах часто опускались очень низко».

"По дороге в форт Франк, — рассказывает Вильсон, — я проходил лесом и видел, как через него утром пролетали голуби, направляясь к востоку. Около часу пополудни они стали возвращаться такими огромными стаями, что я не мог вспомнить, чтоб когда-либо видел такую массу птиц. Просека вблизи бухты Берзоэ дала мне возможность наблюдать за ними, и то, что я здесь увидел, привело меня в совершенное изумление. На высоте ружейного выстрела быстро и непрерывно неслись надо мной голуби в несколько слоев, так близко прижимаясь друг к другу, что одним выстрелом можно было бы убить их множество. Направо и налево, насколько хватало зрения, тянулась эта необозримая стая и везде казалась одинаково густой и сплошной. Желая исследовать, как долго продолжится это зрелище, я посмотрел на часы и сел на землю, чтобы наблюдать за пролетающими стаями. Было четверть первого, и я просидел с того времени дольше часа и все-таки не заметил, чтобы количество летящих голубей уменьшалось; казалось, напротив того, оно еще все росло; вместе с тем увеличивалась и быстрота полета птиц; между тем я принужден был продолжать свой путь, чтоб дойти вовремя до форта. Около четырех часов пополудни я пересек реку у форта, но живой поток над моей головой казался таким же многочисленным и широким, как и прежде. Гораздо позже я заметил отдельные большие стаи голубей, которым требовалось от 6 до 8 минут, чтобы пролететь над моей головой; за ними следовали опять другие стаи, летевшие все по тому же направлению, т.е. на юго-восток. Так продолжалось до шести часов вечера. Огромная ширина пролетающей стаи могла дать понятие о соответствующей обширности их места гнездования».

"Когда осенью 1813 года, — говорит Одюбон, — проходил по берегу Огайо, по сухим равнинам, немного южнее Гарденсбурга, то заметил стаю странствующих голубей, которая неслась с северо-востока на юго-запад. Так как количество их показалось необыкновенно большим, то мне пришло на ум сосчитать стаи, пролетевшие перед глазами в течение одного часа. Поэтому я сошел с лошади, сел на возвышенность и при каждой пролетающей стае делал карандашом значок на бумаге. Но скоро увидел, что задуманное неисполнимо, так как птицы появлялись неисчислимыми массами. Встав на ноги, сосчитал сделанные мной значки и нашел, что в течение 21 минуты я сделал их 163. Я продолжил путь и заметил, что число голубей все прибавлялось. Воздух был положительно наполнен голубями, и полуденное солнце было совершенно ими закрыто, точно при затмении. Помет их падал массой, будто снежные хлопья, и шум крыльев действовал на меня усыпляющим образом. Пока в ожидании обеда я сидел в гостинице Юнга при слиянии Солт Ривера с Огайо, я увидал бесчисленные легионы голубей, которые тянулись от самого Огайо до виднеющихся вдали лесов. Ни один голубь не спустился на землю, так как во всей этой местности не оказалось ни одного ореха или желудя. Поэтому они летели так высоко, что попытки попасть в них из моей превосходной винтовки оказались напрасными: выстрелы даже не тревожили их. Невозможно описать всю красоту их поворотов в воздухе, когда сокол старался ухватить одного голубя из стаи. С громовым шумом спускались они тогда мгновенно с высоты, сплотившись целой массой как живой поток; они неслись неудержимо вперед плотной, волнообразной ломаной линией, ниспадали до самой земли и со страшной быстротой летели над ней, касаясь ее крыльями; потом подымались опять отвесно к небу, подобно громадной колонне, и, достигнув прежней высоты, опять выравнивались в одну линию.

напоминающую своими изгибами какую-то исполинскую змею. Перед закатом солнца приехал я в Луисвилль, который отстоял от Гарденсбурга на 55 миль. Голуби все еще неслись надо мной непрерывными стаями, и так продолжалось безостановочно целых три дня.

Все население взялось за оружие. У берегов Огайо толпились мужчины и мальчики и безостановочно стреляли в птиц, которые здесь, для перелета через реку, опустились ниже. Целые массы их были убиты, и все население в продолжении недели питалось одним голубиным жиром и мясом, и все разговоры вертелись около того же сюжета. Воздух же был насыщен испарениями, свойственными этому виду птиц.

Я предполагаю, что не совсем бесполезно будет определить число голубей в такой стае и количество уничтожаемой ими пищи. Принимая в расчет, что подобный пролет бывает шириной в целую милю (что вовсе не преувеличено) и что при известной нам быстроте он летит безостановочно в течение трех часов, то получается параллелограмм в 180 английских квадратных миль. Полагая

только по два голубя на один квадратный метр, окажется, что стая состоит из 1 115 136 000 штук странствующих голубей, а так как каждый голубь уничтожает по полпinte пищи ежедневно, то оказывается, что вся стая требует до 8 712 000 бушелей (около двух миллионов четвертей) ежедневно. Вильсон делает подобный же расчет и приходит к заключению, что стая содержит до двух миллиардов голубей и ежедневно нуждается в 17 424 000 бушелях разных питательных зерен.

Осмотрим теперь одно такое место ночлега, хотя бы, например, на реке Зеленой в Кентукки, которое я часто посещал. Оно находилось в высоком лесу, в котором весьма мало росло кустарника. Я проскакал по нему целых 40 миль и удостоверился, проехав вдоль и поперек, что ширина его была более трех миль. Когда я в первый раз посетил этот лес, то узнал, что голуби ужи почти 14 дней назад захватили его в свое владение. Я прибыл туда за два часа до заката солнца. Голубей почти не было видно, но на опушке леса расположилось множество людей с лошадьми и повозками, оружием и всякими снарядами. Два сельских хозяина пригнали сюда, за 100 миль, стадо в 300 свиней, в намерении накормить их голубиным мясом. Всюду можно было видеть людей, занятых солением голубиного мяса, и всюду лежали целые кучи убитых птиц. Падающий сверху, как густой снег, помет покрывал уже землю на несколько сантиметров на всем протяжении места отдыха голубей. Многие деревья, стволы которых имели до 60 см в поперечнике, сломались у самой земли, и большие сучья самых высоких и крепких из них были сорваны, как будто здесь свирепствовал сильный ураган. По всем признакам можно было догадаться, что количество гнездящихся здесь птиц превосходило всякое понятие. Когда подошло время появления голубей, поджидающие их враги стали почти боязливо приготавливаться к их встрече. Многие люди появились с горшками, содержащими серу, другие со смоляными факелами, третьи с луками и стрелами, остальные с огнестрельным оружием. Солнце уже зашло за горизонт, а мы еще не видели ни одного голубя; но все было уже готово к принятию их, и все глаза устремлены были к небу, просвечивающему сквозь листву высоких деревьев. Вдруг раздался общий крик: «они летят!». И они действительно летели, хотя еще в отдалении, но шум, производимый их крыльями, напоминал завывание снежной бури в снастях корабля. Когда они, наконец, появились, и стая неслась над моей головой, я почувствовал сильное движение воздуха. Тысячи голубей были мгновенно убиты длинными жердями, но на их место тотчас появились новые. Тогда зажглись огни, и нашим глазам представилось насколько великолепное и чудное, настолько и отвратительное зрелище. Голуби, прилетавшие тысячами, садились всюду, пока вокруг сучьев и ветвей не образовались плотные массы. По временам под их тяжестью с шумом подламывались ветки, убивая целые сотни сидящих под ними птиц, которые массами падали на землю. Тогда началось общее смятение и замешательство. Совершенно бесполезно было говорить или даже кричать ближайшему соседу. Даже ружейные выстрелы замечались только по вспыхиванию заряда в конце ствола.

Никто не отваживался ступить на место побоища. Свиньи были загнаны за особый плетень, так как их дело, т.е. подборание мертвых и раненых голубей, — должно было начаться со следующего утра. Между тем настала полночь, а голуби все еще прибывали, не уменьшаясь в количестве. Суматоха таким образом продолжалась целую ночь. Мне очень интересно было знать, как далеко можно было слышать шум побоища, и я послал человека для исследования этого дела. Он вернулся с известием, что шум был слышен на расстоянии трех миль. Только к рассвету суматоха наконец улеглась. Задолго до того времени, когда можно было ясно различать предметы, голуби стали отлетать, но совершенно в другом направлении, чем то, откуда они прилетели. К рассвету исчезли все голуби, которые могли еще лететь. Тут послышались завывания волков, лисиц, кугуаров, медведей, полоскунов и двуутробок, бродящих кругом побоища, между тем как орлы и ястребы слетались для оспаривания у них добычи. Но теперь и люди, виновники побоища, принялись подбирать убитых, умирающих и раненых голубей. Их складывали в кучи, пока каждый человек не набрал себе столько, сколько ему было нужно; тогда напустили свиней, которые истребили остальное».

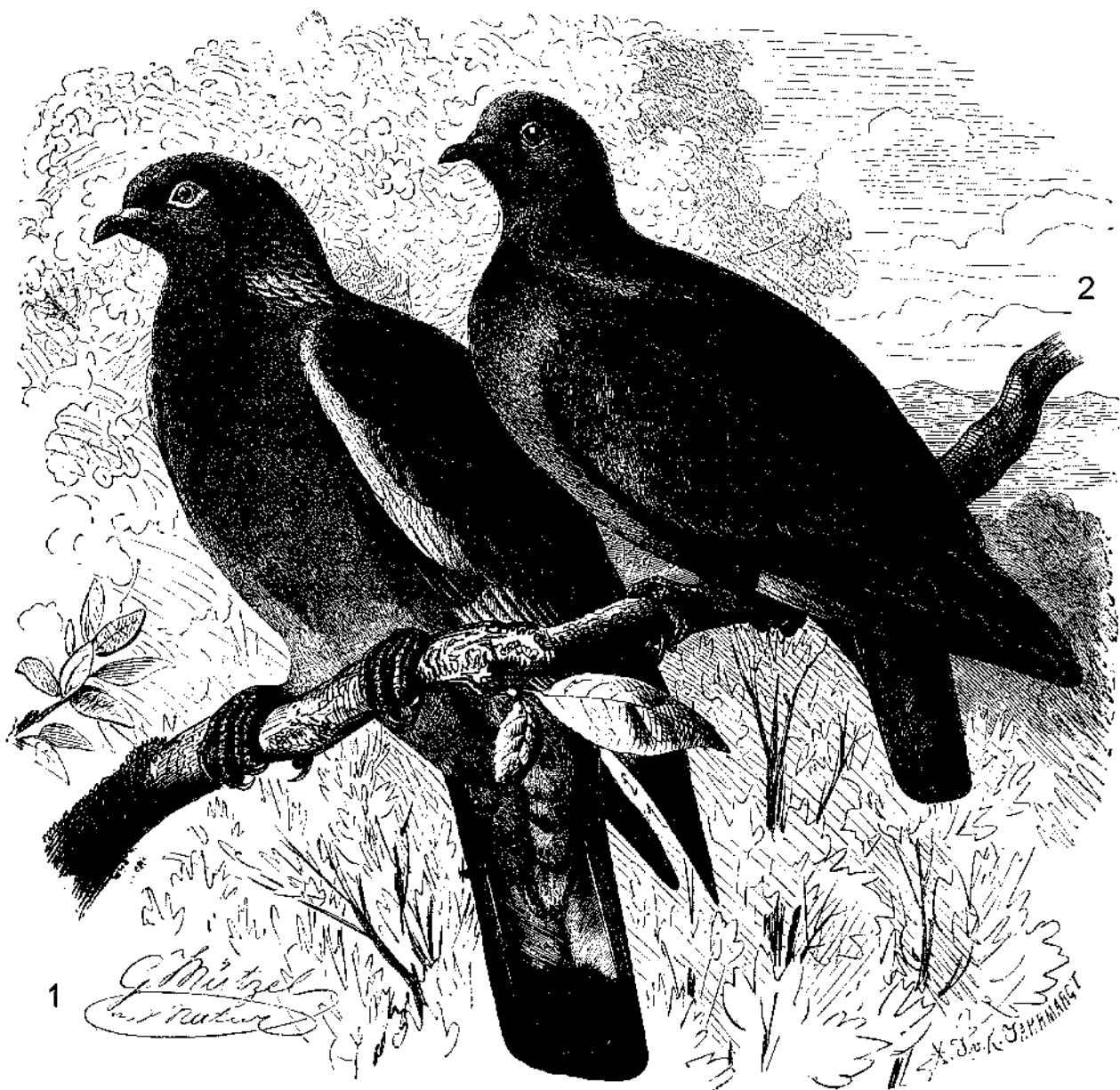
Точно такое побоище происходит на местах размножения голубей.

Следовало бы предположить, что подобные варварские побоища должны привести к совершенному уничтожению этого вида голубей. «Но долготелым опытом я убедился, — замечает Одюбон, — что ничто, кроме совершенной вырубki лесов, не может привести к окончательному истреблению их». В 1805 году прибыли в Нью-Йорк маленькие суда, нагруженные странствующими голубями; штука продавалась по одному центу. Одюбон сообщает, что один птицелов в Пенсильвании поймал однажды в свою западную около 500 дюжин голубей и иногда покрывал сетью до 20 дюжин птиц зараз. Еще в 1830 году их привозили на рынок Нью-Йорка в таком множестве, что они лежали везде целыми кучами.

В неволе странствующие голуби живут при надлежащем уходе многие годы, размножаются тоже легко, но в настоящее время редко появляются в наших зоологических садах*.

* Странствующий голубь относился к самым многочисленным птицам земного шара. Непрекращавшееся целенаправленное истребление этого вида в Северной Америке привело к тому, что самый многочисленный вид птиц Земли был полностью уничтожен к началу нашего столетия. Последний дикий странствующий голубь был убит в 1900 году в штате Огайо, последний голубь этого вида, содержащийся в неволе, умер в 1913 году в зоопарке г. Цинциннати.

К распространенному везде роду принадлежит и **вахирь** (*Columba palumbus*). Оперение его на затылке, голове и горле темно-голубое; на верхней части спины и крыльях темно-серо-голубое, на нижней части спины и гузке светло-голубое, на голове и груди красновато-серое, на остальной нижней части светло-серовато-голубое и только на нижней части брюшка белое; нижняя часть шеи украшена с обеих сторон блестящими белыми пятнами и имеет металлический отблеск. Самка отличается от самца меньшим ростом, а молодые птицы — не такими яркими цветами. Глаза бледно-серо-желтые, клюв бледно-желтый, у корня красный, ноги голубовато-красные. Длина достигает 43 см, размах крыльев 75, длина крыла 23, длина хвоста 17 см.

1 — Вяхирь (*Columba palumbus*) 2 — Клинтух (*Columba oenas*)

С 65 градуса северной широты вахирь распространяется по всей Европе. Относительно его странствований можно сказать, что он долетает до севера-запада Африки, но никогда не встречается на северо-востоке этой части света. В южной Европе он уже гораздо реже появляется, чем в Германии; в Испании, по нашим наблюдениям, водится большими стаями.

Вяхирь — настоящая лесная птица. Его можно встретить во всяком большом или малом, хвойном или лиственном лесу, в горах и равнинах, близ деревень или вдали от человеческого жи-

ля; но, по-видимому, он предпочитает все-таки хвойные деревья, вероятно вследствие того, что семена елей, пихт и сосен составляют его любимую пищу. В исключительных случаях он селится и среди деревень и даже многолюдных городов на отдельно стоящих деревьях: я видел их даже вьющими гнезда на бульварах Дрездена и Лейпцига, так же как и в садах Парижа, Берлина и Йены. На севере своей области распространения он — перелетная птица, весьма правильно отлетающая и снова прилетающая, а в южной Германии, в особенности в Испании и Италии — оседлая птица. Живущие в Скандинавии голуби зимуют большей частью в южной Англии и Ирландии; те, которые переселяются из Германии, отлетают только до юга Европы и зимуют иногда в таких странах, где целыми неделями стоит суровая, неприятная погода.

Нравы и обычаи этого вида описаны впервые особенно верно и подробно моим отцом. «Вяхирь чрезвычайно быстрая и осторожная птица; он ходит хорошо, но не очень скоро, причем держит тело то горизонтально, то совсем прямо и беспрестанно двигает шеей. Садится он то на самую вершину дерева, то прячется в самую густоту ветвей. У него есть излюбленные деревья, на которых его можно увидеть почти каждое утро; деревья эти или самые высокие, или отличаются сухой вершиной. Полет его красивый, ловкий, быстрый; при начале его слышится хлопанье, а потом свист в воздухе. Уже издали можно узнать летящего вяхиря не только по величине, но и по длинному хвосту и белому пятну на крыльях.

Чтобы дать верное понятие о поведении и нравах этого голубя, мы опишем вкратце его образ жизни. Просыпаются они еще до рассвета, и самец направляется к своему любимому дереву. Здесь, среди полутьмы, начинает он ворковать. При этом крепко сидит на ветке, надувает и ворочает во все стороны шею. Каждое воркованье повторяется три-четыре раза и, чем больше разгорячается голубь, тем чаще один за другим раздаются звуки. Живущие поблизости самцы слетаются на этот зов, садятся на соседние деревья и начинают взапуски ворковать. Но замечательно то, что на небольшом расстоянии друг от друга воркуют обыкновенно три самца, редко два, но никогда число их не достигает четырех. Сидят они обыкновенно при этом на самых высоких деревьях и нередко на верхушках. Самое сильное воркованье слышится в тихое, теплое утро; но мне случалось слышать его и в дождь и во время позднего весеннего снега, от апреля до августа, и сильнее всего в то время, когда парочка приступает к новой кладке.

Весной и летом вяхири живут обыкновенно парами, редко маленькими обществами и еще реже стаями. При спаривании, которому воркованье служит прелюдией, самец выказывает страшную суетливость. Он не сидит спокойно ни минуты, без всякой надобности летит с места и поднимается вверх по косому направлению, так сильно хлопая крыльями, что звук этот слышится издали; после того он опять спускается вниз; заигрывание это продолжается часто довольно долгое время. Самка летит иногда вслед за ним, но по большей части ждет его спокойно на месте, так как самец, описавши большой круг в воздухе, обыкновенно возвращается на свое любимое место. Я никогда не замечал, чтобы два самца дрались между собой. Обе птицы собирают материалы для гнезда, но самка обрабатывает их. Гнездо устраивают высоко и глубоко среди листвы дерева. Я находил их на соснах, елях, дубах, буках, ясенях и липах на высоте от 3 до 30 м, обыкновенно на тонких деревьях в густой чаще или у ствола толстых деревьев, и всегда тщательно скрытые от глаз. Гнездо состоит из сухих или свежих веток сосны, ели и бука, но так слабо и плохо построено, что яйца просвечиваются снизу; оно совсем плоско, углублено только в том месте, где лежат яйца и имеет в диаметре 30-40 см. Но несмотря на свое плохое устройство, гнездо вяхиря очень прочно и может противостоять всякой погоде. Мне никогда не приходилось находить подобного гнезда, сброшенного на землю бурей. Но вяхирь часто вовсе не вьет самостоятельного гнезда, а овладевает покинутым беличьим гнездом, которое сверху сглаживает и иногда обкладывает хворостом. Я однажды тоже нашел яйца этого голубя в старом сорочьем гнезде, верхняя часть которого была унесена его хозяевами на место сооружения нового гнезда. С половины апреля до половины июля я постоянно находил гнезда, с двумя ярко белыми продолговатыми, почти одинаково закругленными с обоих концов яйцами, 39 мм длины и 29 мм толщины с тонкой, шероховатой шелухой.

К уже вылупившимся птенцам любовь родителей бывает сильнее, однако же все-таки не так сильна, как у других птиц. Я взял однажды молодого голубя из пары еще не совсем оперившихся птенцов, чтоб воспитать его у себя, но родители так были этим огорчены и рассержены, что перестали кормить и оставшегося у них птенца. Пока голубята еще без перьев, родители поочередно и постоянно согревают их под своими крыльями; позднее, до самого вылета из гнезда, согревает их уже одна самка только ночью или в дождливые и холодные дни. Пока птенцы еще малы, родители кормят их творожистым веществом из своего зоба; когда же они уже оперились — размягченными в

зобу семенами. Родители недолго кормят птенцов после вылета их из гнезда, потому что они сами очень скоро выучиваются искать себе корм и избегать всяких опасностей.

Любимой пищей вяхиря служат семена хвойных деревьев: ими очень часто набит зоб убитых летом голубей. Они их отыскивают не только на земле, выклевывают и из раскрывшихся чешуек еловых шишек. Кроме того, голубь ест еще разные хлебные зерна, в исключительных случаях улиток и дождевых червей, а поздней осенью и бруснику». По словам Наумана, вяхирь находит и в лиственных лесах любимую пищу в виде желудей. Эти наблюдения совершенно соответствуют тому, что я слышал и видел сам в Испании, где плоды вечнозеленого дуба составляют главнейшую пищу зимующих там вяхирей.

Они очень осторожны и не доверяют ни одному человеку, каким бы добродушным он ни казался. Осторожность эта спасает их от большей части преследований и служит причиной тому обстоятельству, что этот вид голубей до сих пор еще не истреблен, а, напротив того, все размножается. Кроме человека, эта осторожная птица почти не имеет опасных врагов. Впрочем, ястреб, сапсан и большие сородичи этих птиц ловят старых голубей, а дикая кошка, куница, белка, иногда копчик, а ночью филин часто бывают страшны молодым птицам.

Клинтух (*Columba oenas*) водится почти во всех странах, где живет и вяхирь, только он встречается реже его по той простой причине, что для устройства своего гнезда связан со старыми дуплистыми деревьями. Он живет во всех лесах, нередко даже на одиноко стоящих в поле деревьях, если в них есть удобные углубления для устройства гнезда. Чаще всего я видел их на низовьях Дуная в лесах, состоящих почти исключительно из ивы. Он тоже зимует в южной Европе, и только изредка небольшие их стаи залетают в северо-западную Африку.

Клинтух не так быстр при полете, как вяхирь, но движения его не менее проворны; он ходит лучше и держится прямее вяхиря. Летает он ловко, причем вначале слышится хлопающий звук, а потом звонкий сильный свист; опускается он на землю, тихо паря в воздухе, уже без всякого шума. Своим голосом, т.е. воркованием, он значительно отличается от вяхиря и сизого голубя. Он кричит просто: «гу-гу-гу».

Парочка клинтухов представляет образец самой нежной супружеской любви. Самец чрезвычайно привязан к своей подруге, находится почти постоянно около нее, забавляет ее своим воркованием, пока она сидит на яйцах, и улетает с ней вместе, если ее сгонят с гнезда. Тотчас по прибытии своем на родину парочка выбирает себе удобное углубление для гнезда, и уже в начале апреля находят в нем первую кладку, состоящую из двух белых яиц длиной 36 мм и толщиной 27 мм. Оба родителя самоотверженно сидят на яйцах. «Насколько вяхирь, — говорит мой отец, — равнодушен к своим яйцам, настолько же клинтух привязан к своим. Они так крепко сидят на яйцах, что самку можно снять руками с гнезда, после чего она с опасностью для жизни опять отыскивает его. В нее можно даже стрелять в упор, прежде чем она решится бросить яйца».

Все враги вяхиря опасны и клинтуху. Многие гнезда разоряют лесные куницы и горностаи, хотя не раз замечено мирное проживание клинтуха в самой близости с хищными разбойниками, которая кажется почти невероятной. Отец рассказывал мне, что близ места моего рождения срубили дуб, в нижнем дупле которого нашли двух куниц, а в другом углублении, повыше первого, сидела парочка молодых клинтухов. Не думаю, чтобы подобное соседство могло часто встретиться.

Самый важный для человека голубь — это **сизый голубь** (*Columba livia*), который должен считаться прародителем домашнего голубя. Длина достигает 34 см, размах крыльев 60, длина крыла 21, а хвоста 11 см.

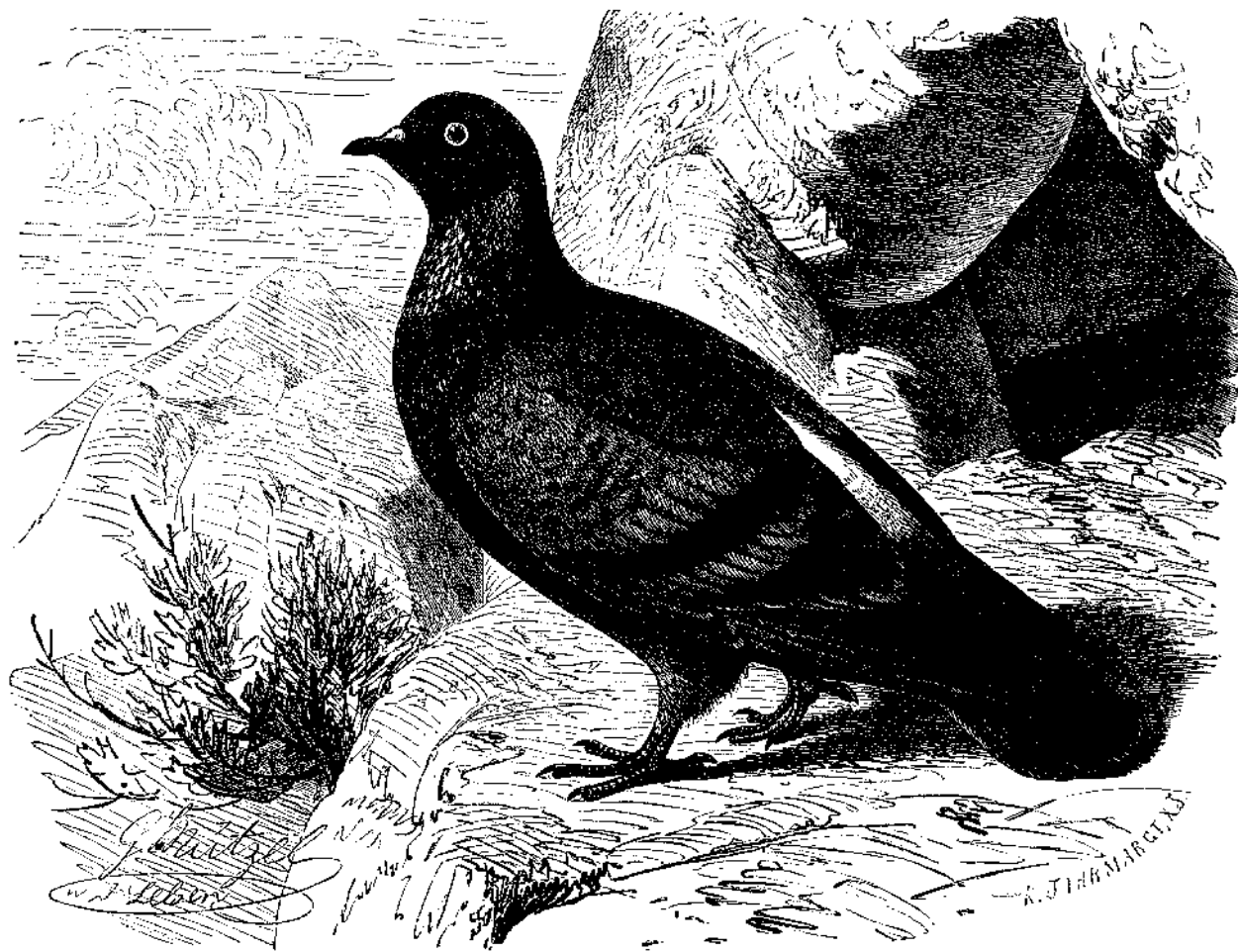
Область распространения сизого голубя ограничивается в Европе несколькими северными островами и берегами Средиземного моря, но охватывает, кроме того, почти всю северную Африку, Палестину, Сирию, Малую Азию и Персию, также как и некоторые части Гималайского хребта. Он постоянно живет в различных местностях вдоль западного берега Шотландии, в особенности на Гебридских островах, а также на Оркнейских, Шетландских и Фарерских и на маленьком скалистом острове Реннесэ, близ Ставангера, у юго-западного берега Норвегии. Сизый голубь населяет все удобные для него местности на крутых склонах скал средиземноморского побережья Греции, Италии, Франции и Южной Испании*.

** Со времен Брема сформировались синантропные популяции сизого голубя, связанные с поселениями человека, которые расселились по всей Европе, Северной Америке и большей части Азии, а также по многим крупным городам Африки, Южной Америки и Австралии. В Европе синантропные сизые голуби обитают практически во всех более или менее крупных городах и сельских населенных пунктах.*

В окрестностях Триеста голуби живут везде в удобных местах, а именно на горе Карст в подземных воронкообразных углублениях, часто глубоко под землей; в Истрии, Далмации, Италии, Греции и Малой Азии, также на греческих островах и скалах у самого моря и на высочайших горах. На Канарских островах появляется он, по словам Болле, во множестве не только вдоль берегов, но и внутри островов. В Египте я часто видал их на отвесных скалах, вблизи быстрых потоков, но попадались мне тоже целые стаи среди пустыни, где можно было только удивляться, каким образом такая масса птиц находила себе пищу в этой бедной стране. Далее в глубине материка они попадают уже реже; однако их можно еще встретить на удобных местах, а высокие скалы, с отвесными стенами, всегда служат им надежным приютом. В Индии сизый голубь принадлежит к числу самых обыкновенных птиц, вьет гнезда в пещерах и углублениях скал и утесов, по возможности близ воды и часто в сообществе стрижей. Здесь, как и в Египте, этот голубь живет в полудиком состоянии и населяет все старые постройки, городские стены, пагоды, храмы в скалах и тому подобные здания или селится в башенках, собственно для него выстроенных.

На юге сизые голуби — оседлые птицы; на севере зимний холод принуждает их к перелету. Они собираются перед отлетом в большие стаи, которые, по-видимому, не разъединяются и в чужой стороне. Весьма вероятно, что мы часто видим подобные пролетающие стаи, но не узнаем их, а принимаем за домашних голубей.

Поведение сизых голубей почти ничем не отличается от поведения домашнего голубя. Он проворнее и быстрее летает, чем домашний голубь, и постоянно избегает людей; во всем остальном нравы потомков представляют верный снимок нравов их предков.

Сизый голубь (*Columbo livia*)

Пищу сизых и домашних голубей составляют семена рапса, репы, чечевицы, гороха, льна, а прежде всего зерна трудно уничтожаемой вредной травы, известной как птичий горох. Их до сих пор считали вредными животными, потому что они очень прожорливы и могут причинить довольно значительные убытки; но когда мы примем во внимание, что они едят семена только во время посева, то придется судить их менее строго; кроме того, съедая семена вредных трав, они с избытком вознаграждают причиненный ими вред. Не подлежит никакому сомнению, что они приносят нам гораздо больше пользы, чем мы думаем.

В начале весны самец воркует очень усердно, становится задорным относительно других самцов, и отвоевывает себе не без труда самку, к которой выказывает величайшую нежность. «Од-

нажды соединившаяся пара, — говорит Науман, — не расстается всю жизнь и остается вместе даже после времени размножения. Исключения из этого правила редки».

Оба яйца, составляющие кладку, имеют продолговатую форму и гладкую, блестящую чисто-белую скорлупу. Обе птицы сидят попеременно на яйцах. Через 16-18 дней яйца созрели, и слепые беспомощные птенцы вылупляются из них один за другим в продолжение 24-36 часов. Первое время родители кормят их кашицей, образовавшейся у них в зобу; позднее они получают размягченные, а наконец, и твердые зерна, вместе с маленькими камешками и кусочками глины. Недели через четыре птенцы уже совершенно оперились и вместе с родителями вылетают из гнезда; несколько дней спустя они уже совершенно самостоятельны, и тогда старые птицы приступают к новой кладке.

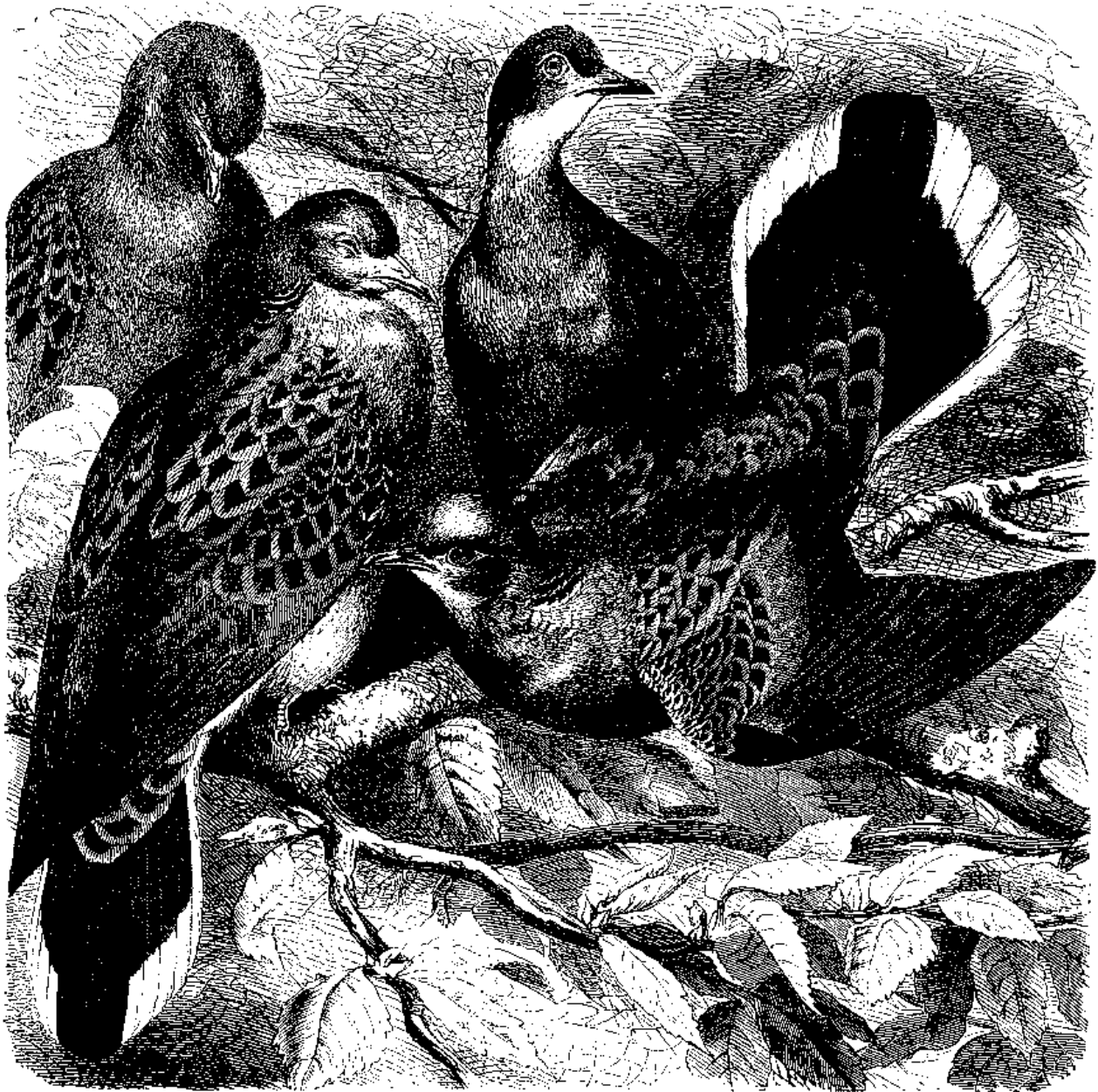
У сизых голубей те же враги, как и у других видов этого семейства; у домашних, конечно, их больше, чем у сизых, потому что последние не только лучше знают своих врагов, но и лучше умеют избегать их. У нас самыми злейшими их врагами можно считать куницу, сапсана и ястреба; на юге их заменяют другие хищные их сородичи. Голуби до того боятся хищных птиц, что иногда для своего спасения прибегают к весьма странным средствам. Так, например, Науман видел однажды, как сизые голуби, спасаясь от преследований сокола, бросались в пруд и даже в море, ныряли и, вынырнув в совершенно другом, отдаленном месте, продолжали далее свой путь*. Известно тоже, что голуби часто спасаются внутри домов, причем разбивают оконные стекла.

* *Наблюдения ныряющих голубей, несомненно, относятся к области фантастики.*

Обыкновенная горлица (*Streptopelia turtin*) отличается стройным телом, прямым, несколько утолщенным клювом, длинными ногами со слабыми пальцами, длинными крыльями. Перья верхней части тела ржаво-буро-серые, по краям бурые, посередине покрыты черными и пепельно-серыми пятнами, темя и задняя часть шеи серовато-голубые; боковые части шеи украшены четырьмя черными поперечными полосками с серебристыми краями, передняя часть шеи, зоб и верхняя часть груди винно-красного цвета; нижняя часть тела голубовато-красно-серого цвета, переходящего мало помалу в беловато-серый. Глаза буровато-желтые, кольцо около глаз голубовато-красное, клюв черный, ноги карминно-красного цвета. Длина ее достигает 30 см, размах крыльев 52, длина крыла 18, длина хвоста 12 см.

Горлица распространена на большей части Европы и Азии, зимой же пролетает большие пространства по направлению к югу.

Ее красота уже располагает в ее пользу и привлекает всех. Мягкие нежные оттенки оперения так красиво переходят одни в другие и сгруппированы с таким вкусом, что на нее всякий смотрит с удовольствием. Нрав у горлицы также чрезвычайно привлекательный, хотя нельзя не сознаться, что его обыкновенно прославляют выше меры. Грациозные движения, вся осанка и нежное воркование подкупают наблюдателя, а Семейство голубиные 56 когда он видит нежность, с которой самец обращается со своей самкой, то сочтет себя в праве признать эту птицу самой благонаправленной из всех.

Обыкновенная горлица (*Streptopelia turtur*)

Нежный и приятный голос горлицы хорошо передается латинским ее названием. Строго говоря, воркование — это высокое монотонное ворчание, состоящее из звуков: «тур, тур», которые часто повторяются, но это «тур, тур» так благозвучно, что нравится всякому. Голубь обыкновенно воркует, сидя на верхушке сосны.

пихты, ели, березы, а на юге на любом кусте или на сухой вершине или выдающейся ветке какого-либо более высокого дерева; при этом он надувает шею и немного опускает вниз голову и клюв. Если подойти к нему близко, то можно услышать, что между воркованием он вставляет легкое щелканье, которое происходит, может быть, от быстрого вдыхания. Воркование — это любовная песнь голубя, и он поет ее главным образом во время любовного возбуждения перед спариванием.

Пищу горлицы составляют семена самых разнообразных растений, в особенности сосны, ели, березы, ольхи, мака, а осенью молочая; также съедают они и маленьких улиток. Горлицы приносят пользу полям тем, что уничтожают семена сорных трав, и потому незначительный вред, который они причиняют, подбирая семена конопли, льна, проса, рапса, гороха, чечевицы, вики, едва ли следует принимать в расчет. За час до полудня и вечером горлица непременно отправляется на водопой и часто улетает за четверть мили от своего жилища, отыскивая хорошую ключевую воду, которую она очень любит.

Размножение начинается вскоре после прилета горлиц в апреле, самое позднее в мае, и продолжается до августа, так как горлица, при благоприятных обстоятельствах, высиживает птенцов несколько раз в году*.

* В южных районах нашей страны горлицы обычно имеют два цикла размножения, на севере, естественно, только один. Для самых южных районов гнездования горлиц (Африка, Средний Восток) горлицы размножаются до трех раз в году.

Гнездо, построенное обеими птицами на незначительной высоте, на лиственном или хвойном дереве, сплетается без особого искусства из сухого хвороста, вереска и корешков; оно плоское, но там, где откладываются яйца, немного углублено: оно обыкновенно так дурно построено, что снизу через щели можно ясно видеть два яйца и сидящую на них голубку. Но самое место, где расположено это гнездо, защищает его от опустошительного влияния бури, которая непременно снесла бы его, если бы оно находилось на более открытом месте. Оба яйца, продольный диаметр которых 29 мм, а поперечный 23 мм, высиживают попеременно обе птицы**, а вылупившихся птенцов они не покидают даже в случае явной опасности для жизни.

* * Как правило, все заботы по насиживанию лежат на самке, самец лишь иногда подменяет ее.

Выкармливают этих птенцов так же, как и птенцов других голубей.

Ловкость и быстрота полета спасают горлицу от многих врагов. Она улетает от большинства хищных птиц, и только птенцы страдают иногда от разного рода хищников.

Кроме обыкновенной горлицы, ни один другой вид, исключая сизого голубя, не содержится так часто в неволе, как близко ей родственная **смеющаяся горлица** (*Streptopelia risofid*). Она бланжево-желтого цвета; спина темнее, а голова, горло и брюшко более светлые; маховые перья черноватые, затылочное кольцо черное, глаза светло-красные, клюв черный, ноги карминово-красные. Длина ее равняется 31 см, размах крыльев 52, длина крыла 17, а хвоста 13 см.

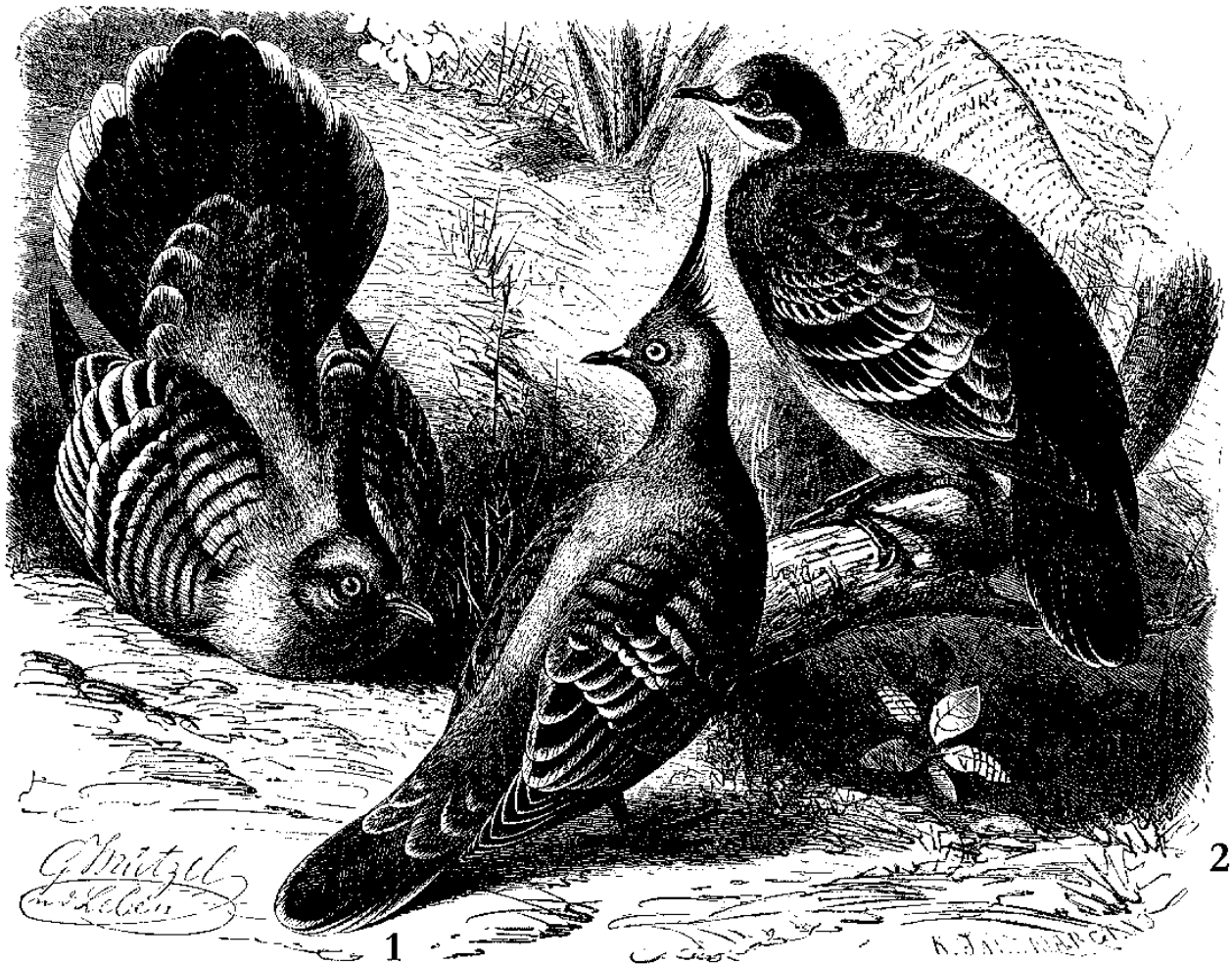
Места обитания смеющейся горлицы составляют северо-восточная Африка и Индия*; в степных зарослях я встречал их иногда в бесчисленном количестве.

* В Индии распространен другой, сходный вид называемый просто *кольчатой горлицей* (*Streptopelia decaocto*).

На основании моих наблюдений, смеющаяся горлица предпочитает жить в сухих пустынных местностях. Она очень часто встречается к югу от средней Нубии, а во внутренней Африке принадлежит к числу самых обыкновенных представителей семейства голубиных. При проезде через Самхару или какой-либо другой район внутренней Африки почти с каждого куста постоянно слышишь смех и воркование этих горлиц.

Хохлатый бронзовокрылый голубь (*Ocyphaps lophotes*) отличается сравнительно тонким туловищем, коротким, сильно выгнутым на конце клювом, низкими ногами, средние пальцы которых равны длине плюсны; довольно длинными острыми крыльями. Длина равняется 15 см, длина крыла и хвоста также по 15 см.

"Вследствие изящной внешности и своеобразного длинного хохла, — говорит Гульд, — этого голубя можно считать одним из самых красивых голубей Австралии; пожалуй, это даже самая красивая птица всего семейства. По-видимому, он предпочитает болотистые места, так что его присутствие считается верным признаком богатой водой местности. Самым близким к морю местом, где я встречал его, была река Муррей; здесь он попадает очень часто. Они собираются в большие стаи, которые, прилетая во время сухого времени года к озерам или берегам рек, выбирают какое-нибудь одно дерево или куст, на который и опускаются. В большом количестве они сидят друг возле друга, и все вместе слетают к воде такой густой стаей, что одним выстрелом можно убить несколько десятков птиц.

1 — Хохлатый бронзовокрылый голубь (*Coccyphaps lophotes*) 2 — Обыкновенный бронзовокрылый голубь-фапс (*Phaps chalcoptera*)

Полет их отличается от полета всех других видов чрезвычайной быстротой. Взлетая, они делают несколько быстрых взмахов крыльями, а затем поднимаются, по-видимому, уже не шевеля ими». Гульд полагает, что хохлатый бронзовокрылый голубь, как обитатель внутренних; райнов страны, может редко попадаться на глаза наблюдателю. С тех пор этого красивого голубя часто привозили в Европу, и теперь он украшает клетки всех наших зоологических садов. Здесь он выдерживает неволю при самом простом уходе и размножается. По свидетельству Гааке, он легко переносит длинные суровые зимы.

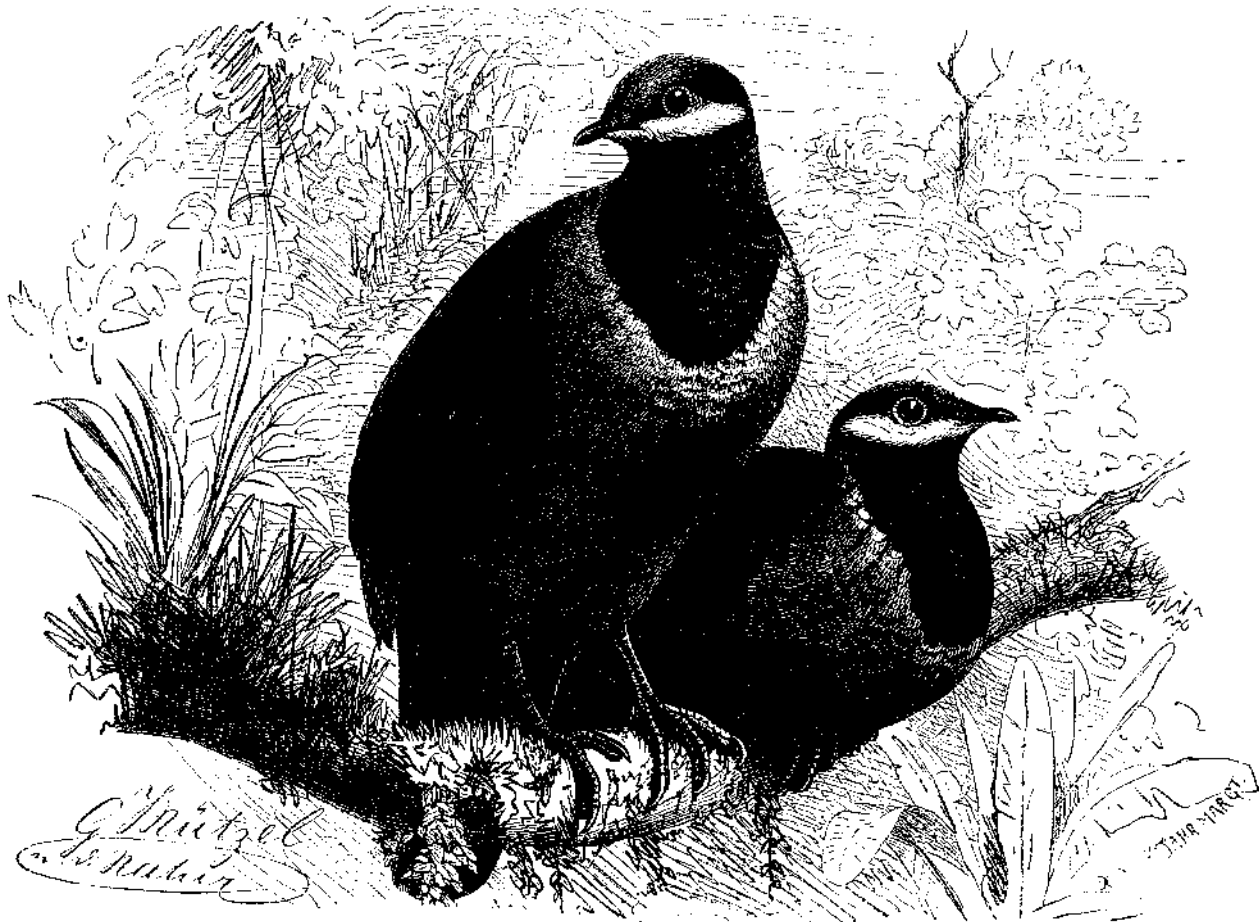
У другого вида, **обыкновенного бронзовокрылого голубя-фапс (*Phaps chalcoptera*)** верхняя сторона туловища бурая, затылок темно-бурый, нижняя сторона винно-красная, к брюшку переходящая в сероватый цвет; передняя часть головы полоса под глазом и на горле — желтовато-белые, бока шеи серые. Покровные перья крыльев украшены продолговатыми медно-красными переливчатыми пятнами; на двух или трех маховых перьях блестящие зеленые пятна. Средние покровные перья хвоста бурые, остальные — темно-серые. Глаза темно-красновато-бурые, клюв черновато-серый, ноги карминово-красные. У самки нет светлой лобной полосы; оперение ее более сероватое и зеркальца меньше. Птица имеет 34 см в длину, длина крыла 19, а хвоста 13 см.

Этот голубь принадлежит к числу тех австралийских птиц, которые попадались в руки уже первым исследователям. По-видимому, он распространен и по всему матерiku, но в некоторых местностях встречается только в качестве перелетной птицы. Пустынные местности, поросшие низким кустарником или травой, составляют его любимое местопребывание.

Синеголовый земляной голубь (*Starnoenas cyanocephala*) плотно сложен, клюв у него толстый, высокий и широкий, выпуклый на верхушке; ноги совершенно куриные, длинные с толстыми плюснами и короткими мясистыми пальцами, снабженными большими изогнутыми когтями. Крылья короткие, большие маховые перья узкие, саблевидно изогнутые и заостренные. Хвост умеренно длинный и закругленный. Оперение обильное и несколько жесткое. В длину земляной голубь имеет 31 см; размах крыльев 44 см; длина крыла так же, как и хвоста 13 см.

Местом обитания этой великолепной птицы следует считать Кубу, откуда она распространяется к северу до Флориды, к югу до Венесуэлы и, по словам Бурмейстера, встречается вплоть до

высоких местностей Бразилии по течению Амазонки, но южнее этого не попадает. Она живет также на Ямайке, но на остальных Антильских островах, по-видимому, отсутствует. Одюбон встретил несколько этих голубей во Флориде в мае и видел также парочку вскормленных с молодости в неволе, вероятно, взятых из гнезда, но не мог ничего узнать относительно жизни их на воле. Только Рикор и после него Гундлах дают нам более подробные сведения об этих красивых птицах, бывших известными уже старейшим орнитологам.

Синеголовый земляной голубь (*Starnoenas cuculiceps*)

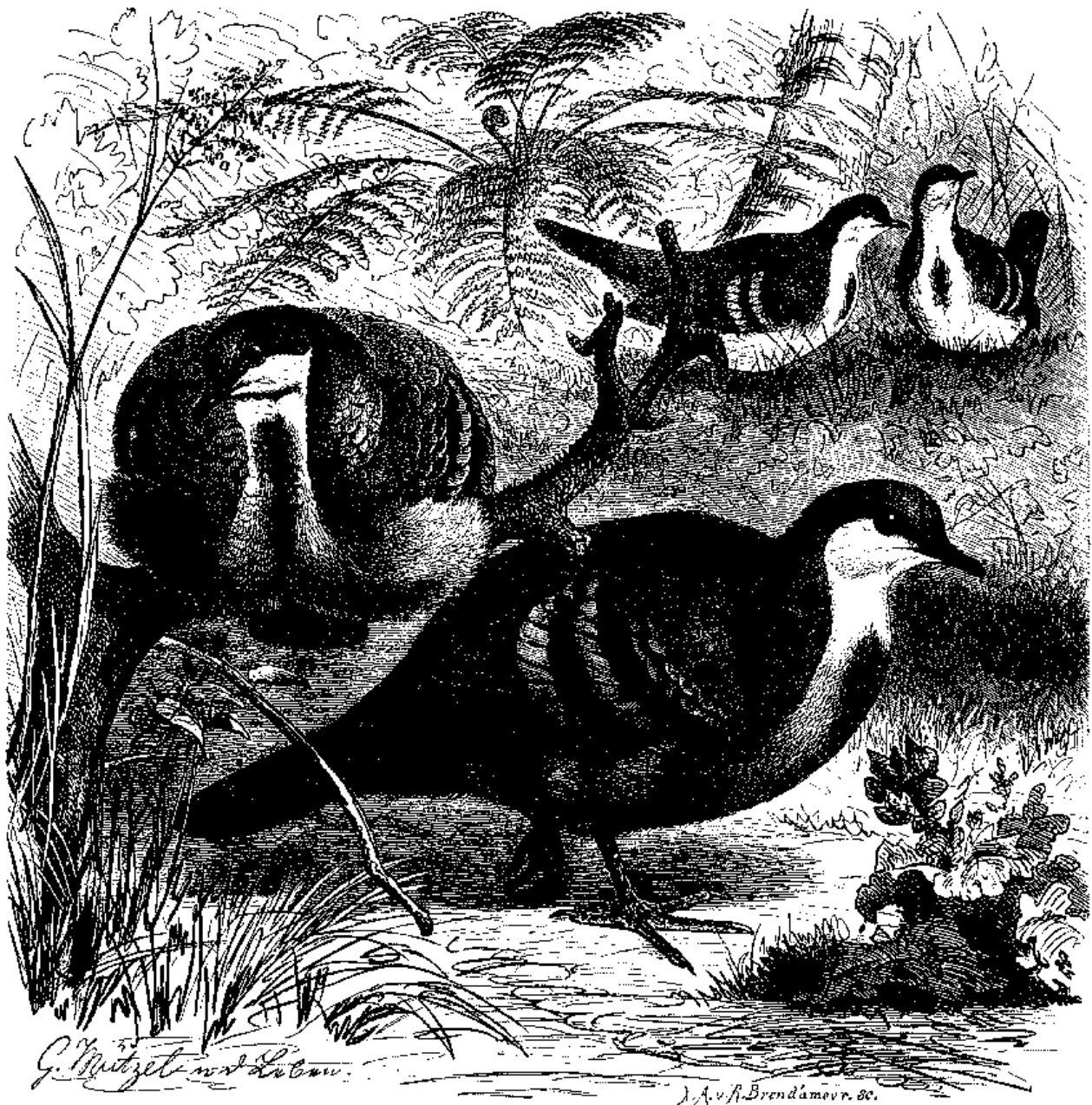
"Земляной голубь, — говорит Рикор, — живет очень уединенно в девственных лесах Кубы. Наблюдать его в высшей степени трудно, так как непрерывно ведущаяся расчистка лесов прогоняет этих голубей; кроме того, их постоянно преследуют, так как креолы очень ценят как прекрасное мясо, так и выгоду, получаемую от продажи, и потому истребляют их при всякой возможности. Чтобы охотиться за этой птицей, нужно быть на месте уже рано утром, потому что с восходом солнца она имеет обыкновение лететь по направлению к востоку и садиться на верхние ветви самых высоких деревьев. Роса, выпадающая на Антильских островах по ночам в большом количестве, промачивает перья голубя, словно дождь, и принуждает его обсушиться; поэтому-то он и летит навстречу первым лучам выходящего солнца. Позднее можно встретить земляного голубя в лесной чаще на самых густолиственных ветвях, которые он выскивает, чтобы укрыться от дневного жара, особенно часто вблизи рек, к которым он прилетает, чтобы утолить жажду. Тогда он бывает менее робок, чем утром, может быть, потому, что под прикрытием листвы считает себя в безопасности, а может быть, и потому, что дневной жар уменьшает его обычную живость. Но если в полдень легче подкрасться к нему, то тем труднее бывает его заметить; охотник в это время не с таким увлечением преследует птицу, так как полуденный зной так же неприятен для него, как и для дичи. Особенно часто можно застать земляного голубя в известное время на сахарном горохе, из стручков которого он вылушивает зерна». Более содержательны сообщения Гундлаха. Этот голубь — настоящая оседлая птица Кубы; он нередко встречается в больших лесах, особенно там, где каменистая почва; но его никогда не увидишь ни в поле, ни в саваннах. Он ходит, втянув шею и подняв хвост, медленно шагая, и ищет на земле семена, ягоды и иногда маленьких улиток, а также роется в сухих, опавших листьях. Насытившись, он садится на горизонтальный, безлистный сук или на какое-нибудь растение, чтобы отдохнуть. Время от времени издает призывный крик, состоящий из двух звуков — «ху-уп», из которых первый протяжный, а второй, наоборот, очень короток; кроме того,

слышится как бы тихое бормотание. По крику этого голубя очень трудно судить, на каком расстоянии он находится, так как кажется, что крик этот то приближается, то отдаляется. Полет его начинается очень шумно, совершенно сходно с полетом перепела.

У жителей Кубы без белого превосходного мяса этих голубей не обходится ни один парадный обед. Поскольку за ними усиленно охотятся, то год от года их становится все меньше. Для ловли их местные жители употребляют приманных птиц или, за неимением таковых, особые свистки для приманивания.

Круглая, имеющая около 3 м в поперечнике сетка, к которой внизу, в виде груза привязано кольцо из вьющихся растений, укрепляется на совершенно открытом, хорошо расчищенном месте в лесу при помощи длинной веревки, перекинутой через сук и достигающей до того места, где прячется птицелов. Сетку подтягивают на такую высоту над землей, чтобы приманиваемые птицы могли подбегать под нее со всех сторон. Приманную птицу привязывают на короткой веревочке на середине находящегося под сетью места, которое усыпают маисом. Призывный крик привязанного земляного голубя или звук свистка привлекают сизых голубей, и птицелову остается только вовремя опустить на них сеть. Он продает их живыми местным торговцам, которые держат птиц в больших клетках и кормят до тех пор, пока не представится случай сбыть их.

Кровавогрудый куриный голубь (*Gallinolumba luzonica*) водится на Филиппинских островах. Относительно жизни его на воле известно только, что он населяет леса, много движется по земле и что местные жители часто ловят его в силки и приручают. Все упоминающие о нем путешественники говорят более или менее подробно о кровавом пятне на его зобу и уподобляют его ране, нанесенной кинжалом, а самого голубя иногда сравнивают с пеликаном, хотя такое сравнение совсем неудачно. Но ни один из этих путешественников не сообщает ни малейших сведений относительно образа жизни этих птиц.

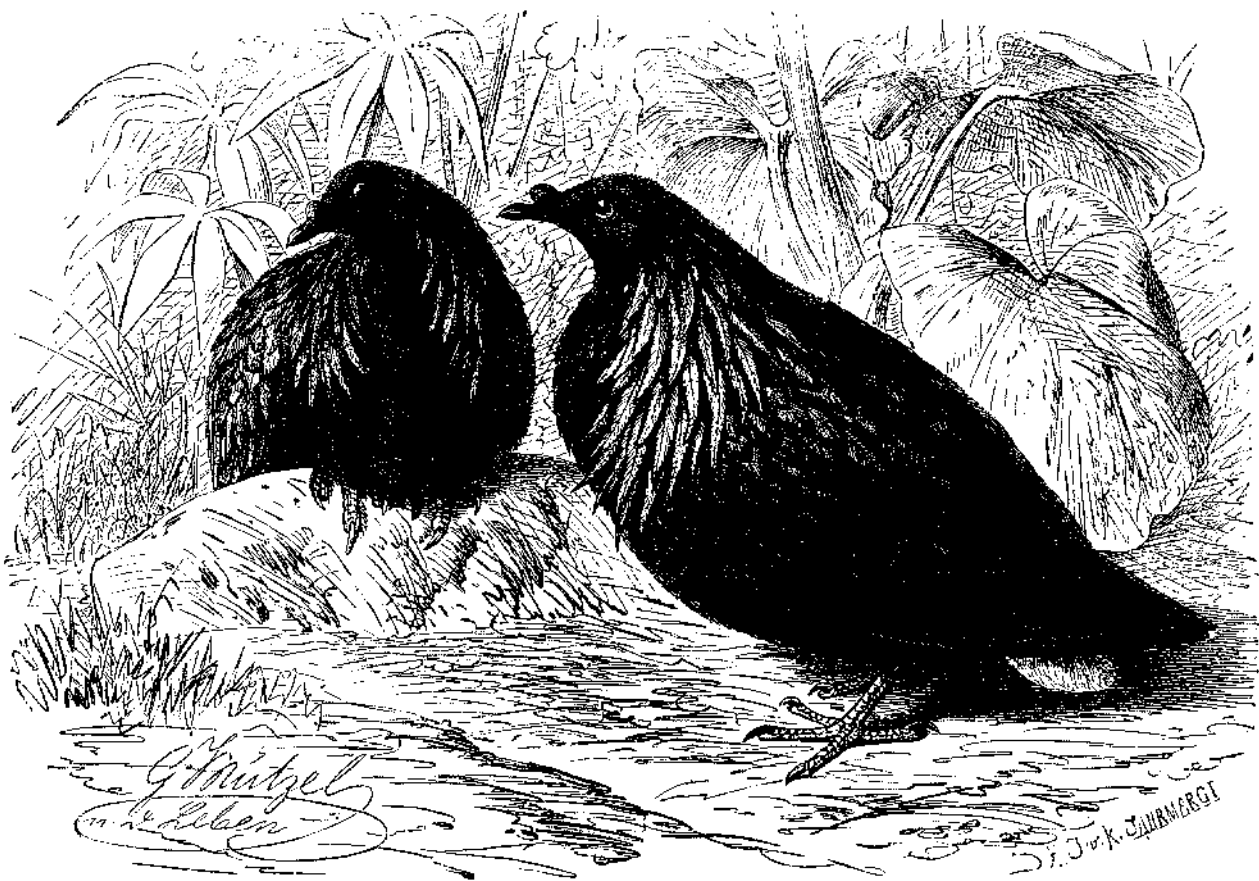

Кривоногий куриный голубь (*Gallicolumba luzonica*)

К самым великолепным представителям семейства голубиных следует причислить **Никобарского, или гривистого, голубя** (*Caloenas nicobarica*). Он очень плотно сложен; на крепком клюве у самого лба находится мягкая шарообразная бородавка; ноги, совершенно напоминающие куриные, сильны, с высокими плюснами и короткими пальцами. Крылья чрезвычайно сильно развиты, очень длинные и широкие. Хвост, состоящий из 12 широких перьев, слегка закруглен; оперение обильное и в области шеи удлиняется настолько, что образует ниспадающую гриву. Голова, шея, вся нижняя сторона и маховые перья черно-зеленые; перья нижней стороны снабжены каемками василькового цвета. Длиннейшие шейные перья воротника, спина, надхвостье и покровные перья крыльев травянисто-зеленые с металлическим отблеском, более короткие перья воротника с золотистым блеском, а перья хвоста — чисто белые. Глаза светлого красно-бурого цвета, клюв черный, словно кожаный, ноги красновато-пурпуровые. У молодых экземпляров оперение менее блестящее и хвостовые перья черные. Длина этой птицы 36 см, размах крыльев 75, длина крыла 25, а хвоста 7 см.

Голубь этот встречается на всех островах близ берега Новой Гвинеи до Филиппинских островов, особенно на маленьких необитаемых островках, все равно — лежат ли они вблизи материка или среди открытого моря. Он принадлежит к видам, живущим почти исключительно на земле, и полет его кажется тяжелым; он может, однако, пролететь, не утомляясь, несколько сот километров. Некий Дювенбоден рассказывал Уоллесу, что он видал, как один такой голубь летел к коралловому островку, находившемуся на расстоянии 100 морских миль от Новой Гвинеи и всех других остро-

вов; однако, еще не долетев до берега, он упал от истощения в воду и был спасен вышеупомянутым наблюдателем.

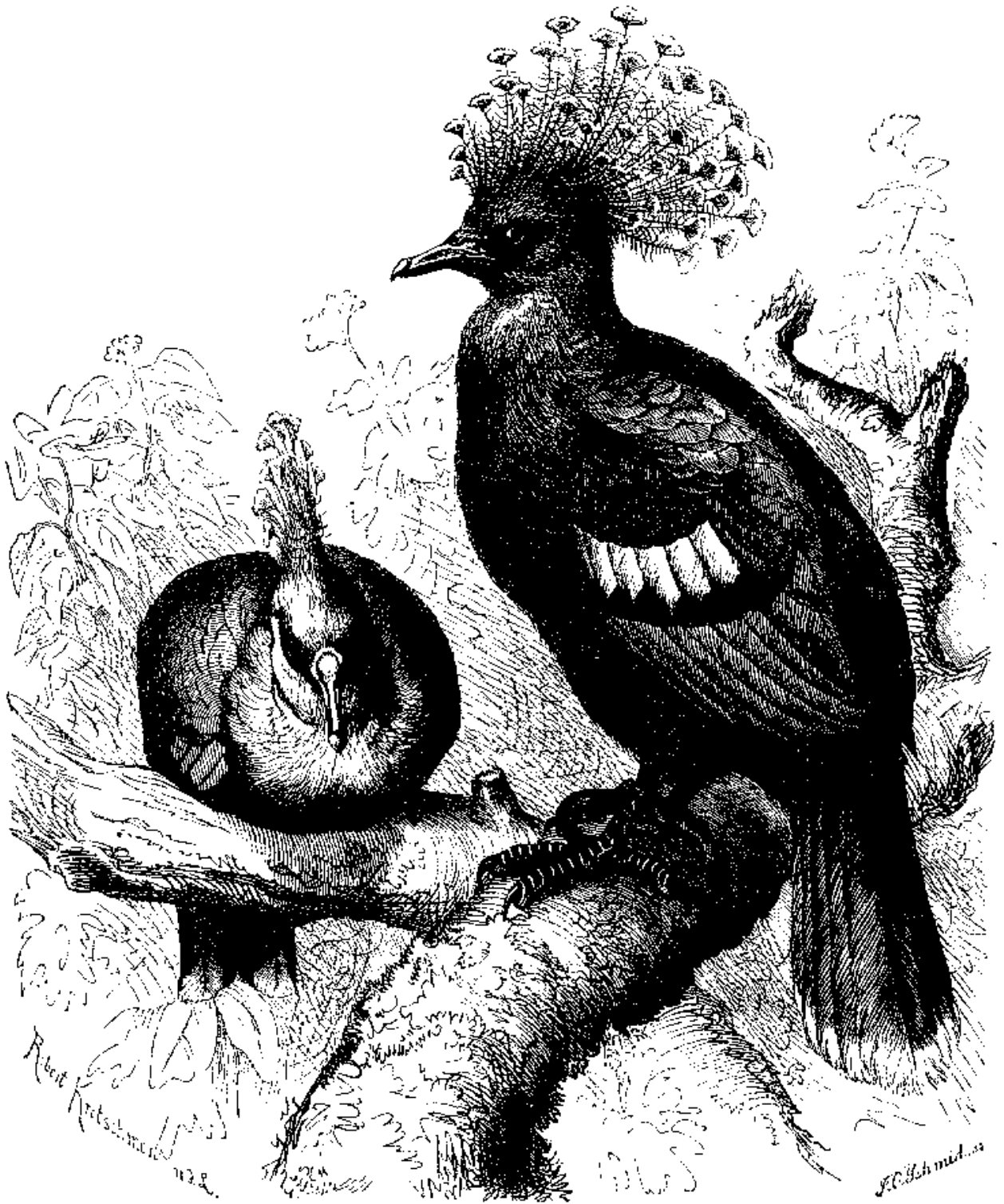
Никобарский голубь (*Columba nicobarica*)

Всюду, где водится этот голубь, он встречается довольно редко или, по крайней мере, никогда не попадает большими стаями. По уверению путешественников, он питается семенами, ягодами и маленькими плодами, не пренебрегая, однако, и животной пищей. Гнездо устраивает на земле. Европейцы, поселившиеся на родине этих голубей, часто содержат их в неволе, но в Европу их привозят не так часто, как было бы желательно.

Голубой венценосный голубь (*Goura cristate*) имеет в длину 75 см, длина крыла 38, а хвоста 26 см. Общий цвет оперения светлый аспидно-голубой; спина, крылья и хвост несколько темнее.

У **веероносного голубя Виктории (*Goura victoria*)** преобладает также аспидно-голубой цвет, но нижняя сторона у него окрашена в каштаново-бурый цвет, полоска на крыльях серовато-синяя, а широкая кайма на хвосте беловато-серая. Кроме того, перья хохла не просто распушены, но усажены еще на концах маленькими бородками, имеющими вид продолговатых треугольников. Глаза киноварно-красного цвета, ноги — телесного.

Уже в 1699 году старый наблюдатель Дампьер видал венценосных голубей на их родине; позже значительное количество их было перевезено в Ост-Индию и на Зондские острова, где они содержались на дворах как куры. Несколько экземпляров были перевезены также в Голландию и украшали здесь коллекции богатых любителей. Но до последнего времени мы не знали почти ничего об их жизни на воле, да и в настоящее время сведения наши еще очень неполны.

Веероносный голубь Виктории (*Goura victoria*)

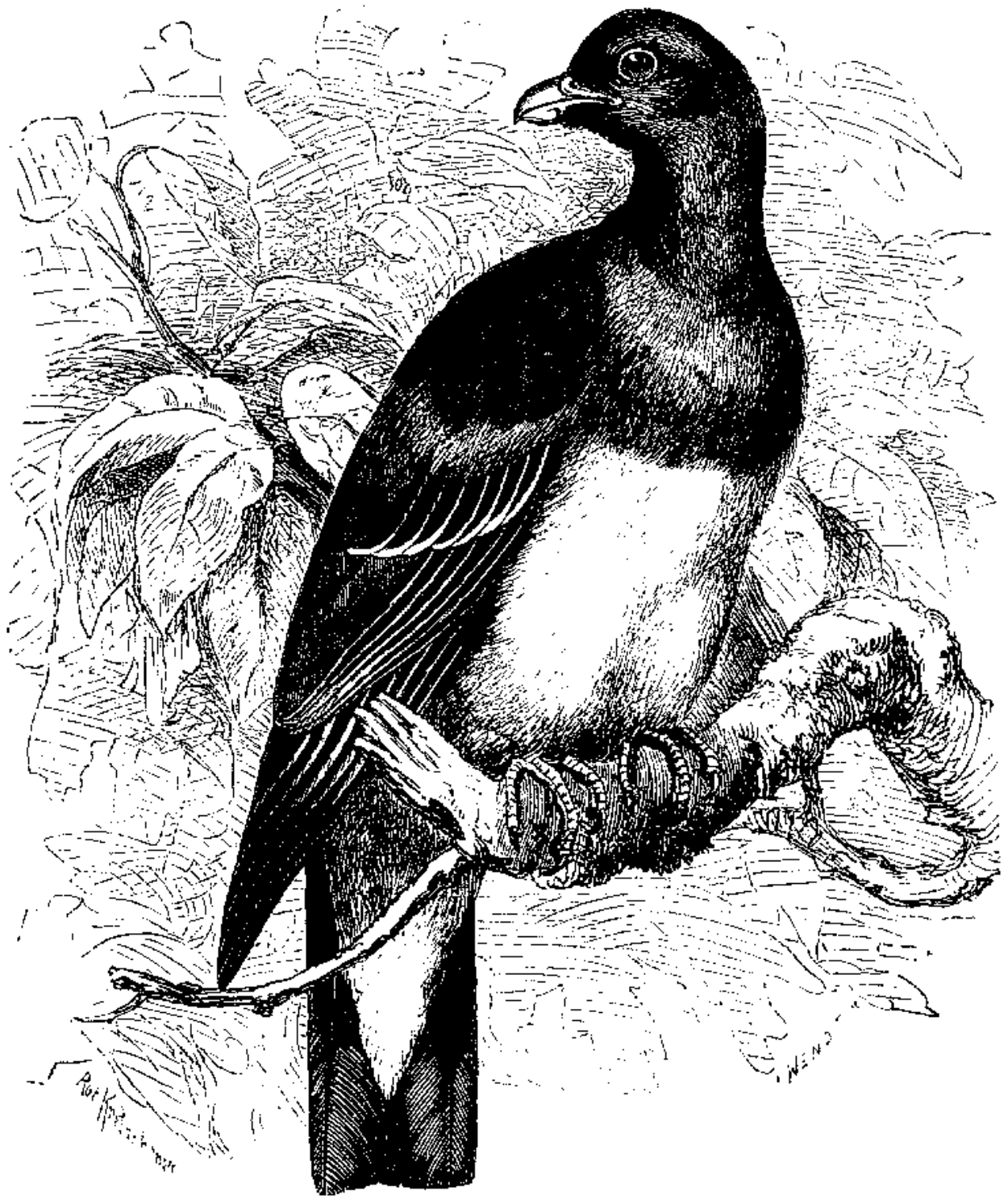
"Голубой венценосный голубь, — говорит Розенберг, — живет в огромном количестве на побережье Новой Гвинеи, а также на островах Вайгиу, Салавати и Мизуль. Образом жизни он напоминает фазана, странствует небольшими стаями по лесу и охотно держится на земле». Уоллес часто встречал его в Новой Гвинее бегающим по лесным дорожкам, так как большую часть дня он проводит на земле, питаясь опавшими плодами; только если его спугнуть, он перелетает на одну из нижних ветвей соседнего дерева, которую выбирает также и для ночлега. «Подстрелить венценосного голубя, — продолжает Розенберг, — дело вовсе не трудное. Поднимаясь по верхнему течению реки Каруфы, на западном берегу Новой Гвинеи, мы убили с лодки сидевшую в гнезде самку. Гнездо состояло из плохо переплетенных ветвей, и в нем мы нашли только что вылупившегося птенца. В Дора венценосного голубя называют «Мамбрук», на юго-западном побережье — «Тити». Его довольно часто привозят живым на острова Амбоину, Яву и Банду, а оттуда в Европу, что повело к ложному заключению, будто этот голубь водится на упомянутых островах. Венценосный голубь Виктории, по-видимому, более редкая птица и населяет южные местности Новой Гвинеи».

К самым великолепным, отличающимся красивой окраской, следует причислить шишкоклювого голубя (*Alcedo pulcherrinnis*). Он плотно сложен, передняя часть лица, равно как и область глаз, — голые. Область носа и передняя часть щек покрыты большими кожистыми наростами и бородавками; кроме того, с обеих сторон лба находится по кожистой лопасти, у которой посередине имеется неглубокая выемка. Клюв у него короткий, ноги маленькие и слабые, крылья умеренной длины, третье маховое перо самое длинное из всех. Хвост короткий и слегка закругленный, перья головы имеют волосистое строение; на шее перья удлинены, заострены, раздваиваются и расположены полосами; прочие части покрыты большими перьями. Перья головы, напоминающие волосы, окрашены в кровавый вишневый или грязно-карминовый цвет; задняя часть головы, затылок, шея и зоб голубоватого пепельно-серого цвета; верхняя часть спины и верхняя часть груди жемчужно-серые; все же прочие части окрашены в темный пурпурово-индиговый цвет. Клюв грязно-оранжевый, неоперенная часть головы яркая киноварно-красная, глаза лимонно-желтые, ноги темно-серые. В длину этот голубь имеет 26 см, длина крыла 15, длина хвоста 8 см.

Шишкоклювый голубь так же, как и его родичи, водится на Сейшельских островах, а именно на островах Маэ, Силуэт, Праслен, Марианна и Фелисито. Относительно его образа жизни нам ничего неизвестно. О родственниках ему видах сообщают, что они держатся в высокоствольных лесах обществами в 6-8 штук, питаются разными плодами, особенно плодами дикой финиковой пальмы, во время уборки риса появляются в небольшом количестве на плантациях и здесь, при обильной пище, скоро жиреют.

Перейдя первый высокий горный хребет на восточно-африканском берегу и оставив за собой пустынные низменности Самхары, путешественник вступает в покрытые богатой растительностью долины, где из всех звуков чаще всего слышится звонкий голос сорокопуга. Здесь повсеместно можно встретить самого красивого из всех голубей северо-восточной Африки; громкий свистящий шум, который производит крыльями на лету спугнутая стая этих голубей, или странные, напоминающие вой, звуки, которые можно передать приблизительно слогами «ги-га-гу», должны поневоле обратить на себя внимание даже самого неопытного натуралиста.

Вааш, желтобрюхий зеленый голубь (*Trogon waalia*) сложен плотно, крылья у него длинные, хвост короткий. Клюв короткий, крепкий; верхняя половинка его загнута крючком, у основания он голый. Плюсны сравнительно короткие, большей частью оперены; ноги отличаются широкой подошвой и короткими пальцами.

Желтобрюхий зеленый голубь (*Tropop waalia*)

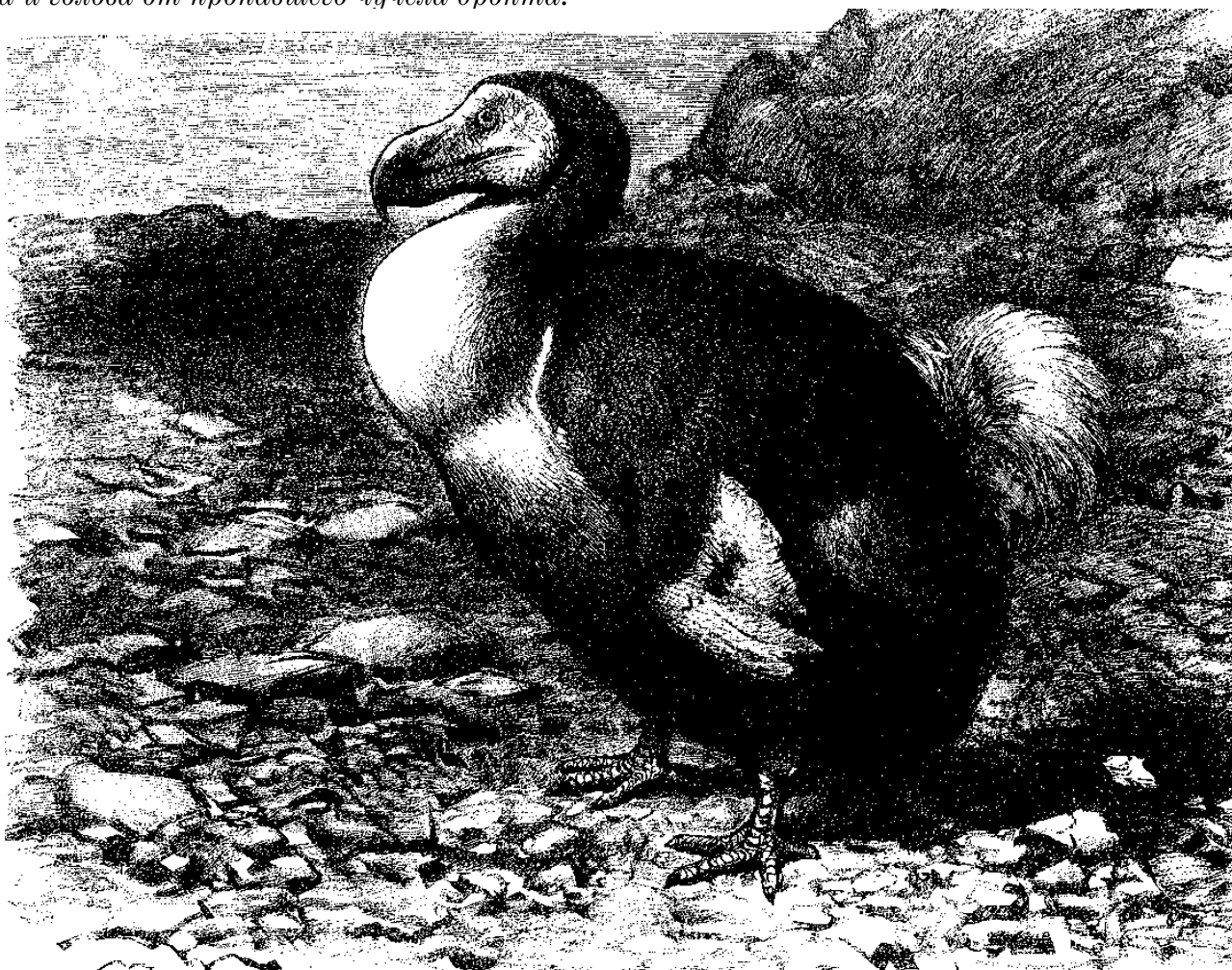
Крылья острые, хвост прямо обрубленный. Окраска оперения великолепна. Верхняя сторона бледная оливково-зеленая, нижняя — светло-желтая; голова, шея и грудь пепельно-серовато-зеленые, плечи винно-красноватые, покровные перья крыльев черноватые с широкой светло-желтой каемкой, маховые перья черноватые с еще более светлыми каемками, пулевые перья пепельно-серые, снизу от корня и до середины черные, а от середины до кончика серебристо-серые. Вокруг глазного яблока идет узкое ярко-голубое кольцо; остальная радужная оболочка пурпурово-красная, неоперенное кольцо вокруг глаза голубовато-серо-красное; клюв у корня белый с голубоватым отливом, на кончике же бледно-красный, восковица грязного кораллово-красного цвета, ноги темного оранжево-желтого. Длина равняется 31 см, размах крыльев 55, длина крыла 17, длина хвоста 11 см. Самка окрашена точно так же, как самец, и отличается от него только меньшей величиной.

Ваали распространен по всей средней Африке от берегов Индийского океана и Красного моря до западноафриканских островов. Я не считаю этого голубя перелетной птицей, и все новейшие

наблюдатели, по-видимому, придерживаются того же мнения. По моим наблюдениям, ваали живут небольшими семействами в глубоких горных долинах и на граничащих с горами низменностях Самхары, где вполне проявляется все великолепие тропических стран. Высокоствольные мимозы, окруженные терновником и переплетенные четырехгранными побегами вьющихся растений, являются в Самхаре любимым местопребыванием этих голубей; в горных же долинах великолепные тамаринды, густолиственные кигелии и, наконец, тенистые вершины огромных сикомор представляют для них еще более удобное жилище.

Маврикийский дронт (*Raphus cucullatus*)*

** Отряд голубеобразных включал в себя ранее еще одно, ныне исчезнувшее, семейство дронтовых (Raphidae). Это были крупные нелетающие птицы, размером примерно с индейку, массой до 20 кг. Они обитали на Маскаренских островах. Гнездились на земле, в кладке было одно яйцо. Питались эти исполинские «голуби» растительными кормами: плодами, семенами, почками и листьями. Корм собирали на земле. После заселения островов людьми дронты были быстро истреблены. Завезенные на острова собаки, кошки и свиньи способствовали их истреблению, уничтожая кладки и птенцов. На о. Маврикий дронты исчезли в 1680 — 1690 годах, на о. Реюньон (бывший о. Бурбон) — исчезли в середине XVIII века и на о. Родригес — в начале XIX века. В настоящее время в музеях мира осталось лишь несколько неполных скелетов, а также лапа и голова от пропавшего чучела дронта.*

Маврикийский дронт (*Raphus cucullatus*)

Там, где есть группа из 3 или 4 таких деревьев, почти всегда можно увидеть ваали, и даже некоторые отдельные сикоморы служат для них местом утренних и вечерних сборищ, в их же тени они отдыхают во время полуденного зноя. Кое-где эти птицы встречаются парами, но обыкновенно они собираются в небольшие стаи по 8-20 штук; в большом количестве мне никогда не приходилось их встречать.

Голубь этот действительно представляет большое сходство с попугаями. Уже одни цвета его оперения — чудный зеленый и ярко-желтый напоминают нам этих птиц. К этому присоединяется еще своеобразное лазанье по деревьям и странные позы, принимаемые ими. Даже опытный охотник нередко ошибается и думает, что перед ним действительно попугай. Надо еще упомянуть о следующей совершенно своеобразной особенности ваали: иногда он ложится плашмя на сук, совсем

почти как спящий козодой. Полет его быстрый и порывистый, но твердый и сопровождается громким и свистящим шумом крыльев, отличающимся от подобного же шума всех других голубей. Только его голос представляет мало приятного, напротив, даже напоминает несколько вой. Дрожащих или воркующих звуков я совсем не слышал.

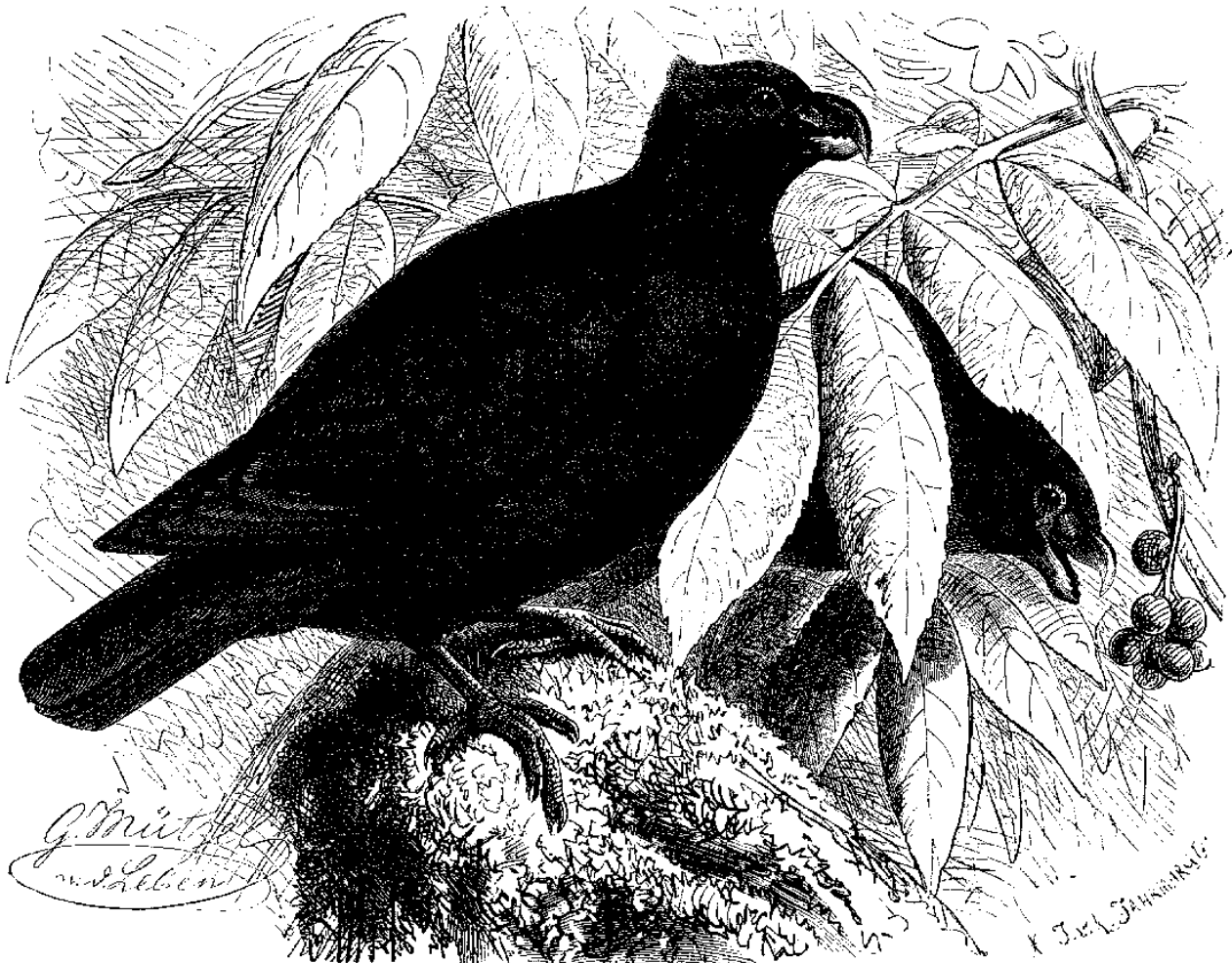
В желудках убитых мной экземпляров я находил всевозможные ягоды, и местные жители говорили, что голуби эти водятся только там, где есть деревья и кусты, приносящие ягоды. Как совершенно верно замечает Гейглин, ваали ищет пищу преимущественно на диких фиговых деревьях, покрытых роскошной листвой и изобилующих плодами. На таких деревьях, он поселяется на более или менее продолжительное время, и валяющиеся на земле или постоянно падающие с дерева куски плодов выдают его присутствие даже тогда, когда густая листва скрывает его от глаза. Когда созреют фиги, часто весь клюв ваали бывает вымазан желтым соком этих плодов, и жир его также принимает желтоватую окраску. С этими наблюдениями относительно рода пищи ваали согласуется и то, что этот голубь никогда не спускается на землю; по крайней мере я видел его только на верхушках деревьев.

Левальян говорит, что ваали гнездятся в дуплах, на довольно высоких кучах мха и сухих листьев, и что самка кладет четыре желтовато-белых яйца. Конечно, я не могу опровергнуть это сведение личными наблюдениями, но все же считаю их ошибочными. Если ваали и гнездится в дуплах, то во всяком случае он не делает в них куч из мха и листьев, а также не кладет и четырех яиц вместо обычных двух.

Охота на ваали только тогда бывает легка и удачна, если удастся открыть одно из любимых им деревьев и спрятаться под ним; птица эта так боязлива или, по крайней мере, осторожна, что нелегко подпускает к себе охотника.

Зубчатоклювый голубь (*Didunculus strigirostris*). Сложен он плотно, голова большая; вышина клюва гораздо более значительна, чем ширина. У основания верхняя часть клюва слегка загнута кверху, далее же равномерно и сильно изогнута книзу и образует острый крючок на конце; на краях ее нет ни зубцов, ни выемок. Нижняя половина клюва также выгнута книзу, но спереди она косо притуплена и с каждого края снабжена выемками, образующими три зубца; самый край слегка выгнут книзу. Длина зубчатоклювого голубя 33 см, размах крыльев 63, длина крыла 18, длина хвоста 8 см.

Первый такой голубь был приобретен леди Гарвей на аукционе австралийских товаров. На этом основании он был принят за австралийскую птицу, изображен и описан Гульдом в его сочинении о птицах Австралии. Позже мы получили сведения об области распространения и образе жизни этой птицы от Пиля, Вальполя, Беннета, Стера, Рамзая и Греффе; наконец ее доставили даже живой в Европу.

Зубчатоклювый голубь (*Didunculus strigirostris*)

Насколько известно, зубчатоклювый голубь водится исключительно на двух из островов Самоа, а именно на Уполу и Савайи, да и здесь он встречается только в некоторых небольших районах. Он обитает в поросших лесом гористых местностях на известном расстоянии от берега моря. По сообщению Вальполя, голуби эти водились прежде в большом количестве на острове Уполу, так что путешественник этот питался главным образом их мясом. Обыкновенно их приходилось встречать парами, но иногда и стаями штук до девяти. По образу жизни они совершенно напоминают других голубей и летают, ходят, воркуют и высиживают точно так же, как и последние. В настоящее время зубчатоклювый голубь уже только изредка попадает на острове Уполу и притом не столько потому, что местные жители используют огнестрельное оружие, сколько вследствие их пристрастия к кошкам, которые отчасти одичали и производят большие опустошения среди этих птиц, не страдавших прежде ни от одного хищника. Аборигены называют этого голубя «манумеа» (красная птица) и так высоко ценят его превосходное мясо, что ежегодно предпринимают большие экскурсии в горы исключительно для того, чтобы наловить манумеа. Но кошки преследуют этих голубей и в горах, куда они переселились. Греффе утверждает, что зубчатоклювые голуби живут здесь преимущественно на больших деревьях, напоминающих ясень и называемых «мауке», и питаются главным образом их кожистыми мясистыми плодами, содержащими трехгранные красные семена. Громкий крик птиц выдает их присутствие на этих высоких густолиственных деревьях, но кроме туземцев почти никто не в состоянии заметить и подстрелить их среди густой чащи ветвей.

Семейство попугаевые

Распространенный в тропических странах, богатый видами, отряд попугаев представляет собой замкнутую группу. Их телосложение и резкое отличие от других птиц свидетельствуют о древнем происхождении этой группы.

Самым характерным признаком у попугаев является их клюв, который нельзя спутать ни с одним клювом других птиц, как бы сходны они ни были. Штауде, пытавшийся установить естественную классификацию птиц, назвал попугаев шароклювыми. И это название выбрано им отнюдь не случайно. При поверхностном осмотре клюв попугаев действительно похож на клюв хищных птиц, хотя на самом деле он значительно толще и сильнее последнего, относительно выше и в общем пропорциональнее. У основания его на верхней половине находится восковица, т.е. неоперен-

ное, но и не роговое место, лежащее наподобие седла на основании клюва. За исключением попугаев из птиц с такой восковицей можно назвать только дневных хищных птиц и сов.

Не менее характерны и другие части тела попугаев, а равно и внутреннее строение их тела. Ноги, пишет Бурмейстер, у них «толсты, сильны, мясисты, но никогда не бывают высоки; плюсна гораздо короче среднего пальца и всегда покрыта маленькими чешуйчатыми табличками. Пальцы довольно длинные, наружный и внутренний обращены назад; все они снабжены крепкими подошвами, а на конце особым утолщением. Подобно плюсне, на верхней стороне они покрыты чешуйками; последние к концу постепенно увеличиваются и на последнем суставе у когтя переходят в табличчатые или поясковые щитки. Когти не длинны, носильно согнуты и довольно остры, хотя и не сильны. Внутренний передний палец имеет обыкновенно самый маленький коготь, а коготь большого пальца немного больше последнего. Самый большой принадлежит наружному переднему пальцу, однако коготь заднего наружного по величине ему уступает немного». Крылья, по Финшу, у попугаев вообще очень развиты. Они большие и заостренные; маховые перья их, число которых колеблется между 19 и 22, но большей же частью равно 20, снабжены крепкими стержнями и широкими опахалами; к концу они суживаются или закругляются. Двенадцать хвостовых перьев различаются как по форме, так и по длине, почему и форма самого хвоста бывает различной.

Мелкое оперение попугаев состоит из небольшого числа разрозненно усаженных перьев с относительно большим добавочным стержнем; под ними находится пух. Окраска оперения при всем ее разнообразии имеет, однако, много общего у птиц этого отряда. Преобладающим цветом является более или менее роскошный травянисто-зеленый; хотя есть попугаи и с гиацинтово-голубой, пурпурово-красной, золотисто-желтой окраской. Замечательно распределение цветов на оперении этих птиц. Особенно характерно присутствие резко ограниченных окрашенных полей и бросающееся в глаза разнообразие цветов. На одной и той же птице мы видим часто дополняющие друг друга цвета спектра (голубовато-фиолетовый, темно-синий, светло-голубой и зеленый наверху и светло-желтый, оранжево-желтый, пурпурово-красный внизу). Самцы и самки по большей части, однако отнюдь не всегда, окрашены одинаково; молодые птенцы по окраске обычно мало отличаются от взрослых птиц, хотя бывают и исключения.

Особенно интересным у попугаев является язык, характерный не только своей короткостью, толщиной и мягкостью, но и присутствием иногда на его конце бесчисленных нитевидных сосочков.

Итак, с какой бы стороны мы ни рассматривали попугаев, мы видим в них совершенно самостоятельную группу птиц, резко отличающуюся от других представителей класса. Подобную группу мы называем отрядом, т.е. определяем ее как нечто стройное и целое, которое не может быть включено в другие группы птиц.

Самостоятельное положение отряда попугаев обуславливается, однако, не исключительно одним строением их тела, но находит подтверждение и в образе их жизни, а именно в поведении, манерах, привычках и обычаях. Уже заранее должно предполагать тесную зависимость между организацией этих птиц и образом их жизни.

Крупные виды попугаев взлетают тяжело, но дальнейший полет их быстр; мелкие виды более проворны. Полет одних видов волнообразный, полет других же напоминает зигзаги. Стая несущихся какаду образует красивые дуги, только земляные попугаи редко употребляют в дело свои крылья.

Многие попугаи выказывают себя неловкими в движениях по земле и больше прыгают по ней, нежели ходят. Исключения составляют земляные попугаи, которые бегают по земле столь же быстро и ловко, как и береговые птицы. Так, бег австралийского земляного попугая можно сравнить с бегом кулика, а об одном травяном попугае Гульд говорит, что этот попугай бегают по земле, подобно ржанке. По сучкам попугаи прыгают с трудом, чего отнюдь нельзя сказать про их движения в ветвях вообще. Дальние пространства они пролетают, небольшие же проходят, карабкаясь по ветвям, причем иные проделывают это довольно тяжеловесно. Одни попугаи при лазании употребляют в дело клюв и ноги, другие только ноги. Достоверно, что птицы эти весьма ловко пользуются своими ногами и клювом, причем несравненно лучше остальных птиц. Первые заменяют им руки, по крайней мере, попугаи пользуются ими точно руками. Клюв, который у большинства птиц заступает место рук, у них более подвижен. Попугаи пользуются им для того, чтобы поднять с земли тот или иной предмет, сорвать и разгрызть плоды, для защиты во время нападения. Кроме того, он служит им, подобно тому, как резцы грызунам, для обламывания сучков, раскусывания и прокусывания их и, наконец, является вспомогательным органом при лазании.

Голос попугаев сильный, часто пронзительный, однако не вполне лишен благозвучия. У некоторых видов он очень гибок и выразителен. Пронзительный крик многочисленного общества по-

пугайчиков положительно режет ухо. Шум и гам, производимые стаей карликовых попугаев, можно сравнить со стуком в кузнице, где выделываются косы. Некоторые виды издают лающие звуки, другие — свистящие, третьи — ворчливые, четвертые — тихие мурлыкающие; одни испускают короткий, ясный крик, другие — квакающий, иные же подают звонкий призывной голос. Некоторые виды распевают перед своими самками такие милые песенки, что не будь они попугаями, их можно было бы причислить к певчим птицам; другие выучиваются насвистывать песни с такой чистотой, что могут пристыдить любого снегиря. Способность попугая перенимать голос и слова человека хорошо известна. В этом они превосходят всех других птиц, достигают изумительного, невероятного искусства. Можно сказать даже, что это не болтовня, а настоящая речь. Да будут правильно поняты мои слова: я, конечно, не хочу сказать, что попугаи понимают или в состоянии понимать повторяемые ими слова, что они умеют различать фразы и составлять их, но я утверждаю, что птицы эти умеют при удобном случае правильно применить заученное, например, сказать на утреннее приветствие знакомого человека, если их тому выучили, подходящее «доброе утро», а не «добрый вечер».

За исключением Европы, попугаи живут во всех частях света. Из 429 видов, установленных в 1889 году Маршаллом, 161 живет в Америке, 203 — в Австралии и на островах Океании, 25 — в Африке и 40 — в Южной Азии, включая сюда и Зондские острова. Новые открытия немного увеличили число известных видов, но соотношение чисел распределения не изменилось*. Большинство видов принадлежит к жаркому поясу.

** В настоящее время орнитологами признается 324-328 ныне живущих видов и 15 видов попугаев, которые уже вымерли или истреблены.*

Попугаи благодаря своей яркой окраске весьма заметны в лесах. «Своим богато окрашенным оперением, — замечает принц фон Вид, — попугаи украшают темную сень тропических лесов». «Невозможно описать, — сообщает Гульд, — как очаровательны некоторые попугаи, особенно ярко окрашенные в красный цвет, когда они носятся над серебристой листвой австралийских акаций. Их великолепное оперение чудно выделяется на фоне окружающего». «Какаду, — восклицает Митчелль, — превращают вершины деревьев в чудные райские рощи». «Я видел ветви деревьев, — пишет Одюбон, — сплошь покрытые попугаями».

Да и чем были бы эти чудные тропические леса без попугаев? Мертвый сад волшебника, безмолвная равнина, пустыня! Кто, как не эти красивые птицы вносят веселое разнообразие в лесную жизнь, одинаково лаская слух и зрение жителей! За исключением периода птенцовый поры попугаи живут стаями. Местом своего жительства они выбирают какой-нибудь участок леса и отсюда изо дня в день совершают полеты на дальние расстояния. Колонии живут в тесной дружбе между собой, сообщая переносят все жизненные невзгоды. Ранним утром они одновременно покидают свой ночлег, садятся на какое-нибудь дерево или поле, чтобы воспользоваться их плодами, выставляют сторожей, на обязанности которых лежит радеть о безопасности всего общества, и чутко следят за предостерегающим криком последних. Во время бегства птицы держатся довольно близко друг к другу, а в случае опасности дружно защищаются. На ночлег прилетают все вместе и пользуются им по возможности сообща.

Насущной потребностью попугаев, после удобного места для ночлега, является густые вершины деревьев, которые служат им не столько защитой от непогоды, сколько хорошим укрывным местом, где можно прятаться. Во всяком случае, прежде всего они любят тепло, хотя и не боятся холода и сырости. «Во время сильных тропических непогод, следствием которых является иногда необычный сумрак, — говорит принц фон Вид, — попугаев часто видишь сидящими неподвижно на сухих вершинах деревьев. Не обращая внимания на текущую по их перьям воду, они бодро и весело кричат. Несмотря на присутствие поблизости густой листвы и толстых сучков, где они могли бы найти защиту от непогоды, птицы предпочитают мокнуть под ливнем теплого дождя. Они, по видимому, находят в этом удовольствие. Но как только дождь перестает, попугаи первым делом заботятся о просушке своих перьев». Серые африканские попугаи также любят дождь и делаются гораздо веселее и крикливее, когда попадают под ливень или, вообще, когда в воздухе пахнет дождем. При хорошей погоде, как я убедился в том, эти птицы предпочитают держаться в густых деревьях. Они прекрасно знают, какую верную защиту представляют для них, окрашенных в цвета листвы, густолиственные вершины деревьев. В такой листве попугаев заметить нелегко. Можно знать, наверное, что на одном дереве уселось, быть может, одновременно 50 штук этих птиц, и, тем не менее, не видеть ни одной. Прячась, попугаи не только прибегают к помощи покровительственной окраски их оперения цвета листвы, но и употребляют в дело свойственную почти всем им хитрость. Так, если один из стаи, вовремя заметивший приближение врага, подает сигнал, то все остальные тотчас же смолкают, возвращаются в глубь верхушки, бесшумно карабкаясь, перебираются на противопо-

ложную от врага сторону вершины дерева и улетают прочь. И только уже на расстоянии вне выстрела издают свой громкий крик, по-видимому, больше подсмеиваясь над удачно проведенным неприятелем, чем для переключения между собой. Так ведут они себя в особенности тогда, когда собираются на какое-нибудь дерево пообедать. И вообще, все свои воровские проделки попугаи совершают с подобающей хитростью и осторожностью.

Пища попугаев состоит преимущественно из плодов и семян. Однако есть виды, которые питаются почти исключительно соком цветов и цветочной пылью, а может быть, еще и насекомыми, которых находят в цветочных венчиках; ары и клинохвостые попугаи наряду с плодами и зернами едят почки и древесные цветы, а некоторые какаду охотно питаются личинками насекомых, червями и тому подобным. Вообще мне совсем не кажется невероятным, что крупные виды этого отряда питаются животной пищей больше, чем мы то полагаем. Едва ли можно удивляться сведениям о попугае кака. Замечено, что по крайней мере некоторые из этого вида являются настоящими плотоядными птицами и едят даже падаль. Однако основной пищей попугаев остается все-таки растительная.

Опустошения, производимые попугаями на полях и в садах, невероятно велики и вызывают со стороны человека ревностное противодействие им. Мало что недоступно этим птицам, а нет ничего, что было бы вполне защищено от их Семейство попугаевые 12 нападений. «Попугаи, в особенности большие араны*, — говорит принц фон Вид, — разгрызают своим огромным, сильным и подвижным клювом самые твердые плоды и орехи; однако также хорошо справляются они со скользкими плодами или мелкими зернами». Желобкообразные и зазубренные бороздки верхней половинки клюва помогают попугаям удерживать скользкую или мелкую пищу, причем существенную помощь при этом оказывает им их язык. В одно мгновение разгрызается орех, вымолочивается колос ил и вышелушивается зерно. То, с чем не справляется клюв, могут справиться ноги, и ловко схваченная ногами пища исправно отправляется в рот. Попугаи, подобно обезьянам, опустошают гораздо больше, чем съедают.

* *Сейчас эти попугаи известны под названием ары.*

Наевшись, попугаи летят на водопой или выкупаться. Пьют они много. По словам Одюбона и Шомбургка, попугаи употребляют также соленую воду или, по крайней мере, такую, которая по нашим понятиям непригодна для питья. Кроме случайных купаний под дождем, они купаются и в лужах. По сообщению Левальяна, попугаи полощутся так, «что капли падают на них дождем». По наблюдениям Одюбона, они охотно ворошатся в песке, причем исправно запыляют свое оперение и нередко для этой цели залезают в норы крупных зимородков. Они выискивают также солончаковую почву и летают на лесные солончаки.

Период размножения попугаев приходится на те месяцы, которые на их родине соответствуют нашей весне и предшествуют времени созревания плодов. Все виды, об образе жизни которых мы имеем сведения, живут парами, и самец с самкой скреплены узами самой горячей и самой верной взаимной любви. Совершенно точно названы некоторые виды попугаев «неразлучными». С таким же правом можно применить этот эпитет и к остальным попугаям. Более крупные виды выводят птенцов, по-видимому, лишь раз в году и кладут только по два яйца; однако австралийские серые попугаи и другие широкохвостые попугаи вообще уклоняются от этого правила: они регулярно кладут 3-4, некоторые даже 6-10 яиц и выводят птенцов, как это можно заключить по наблюдениям над попугаями, жившими в неволе, 2-3 раза в году. Какаду и другие виды кладут также постоянно более двух яиц, но выводят птенцов только раз в год. Яйца попугаев всегда белого цвета, гладкие и округлые.

Предпочитаемые попугаями дупла деревьев не являются исключительными местами для гнезд. Некоторые американские виды гнездятся в земляных норах или в скалах; индийские попугаи, по словам Жердона, часто выбирают для гнезд углубления в старых строениях, пагодах, гробницах, домах и т.д. Попугай-монах устраивает рыхлое гнездо из толстых ветвей; земляные попугаи кладут яйца прямо на голую землю.

Яйца насиживаются обыкновенно и самцом, и самкой попеременно*.

* *У некоторых видов попугаев насиживанием заняты только самки.*

У мелких видов, как, например, у волнистого попугайчика, время высидывания длится 16-18 дней; у других попугаев на это уходит 19, 23, 25 дней; сколько времени высидывают свои яйца ары — неизвестно**.

** *Ары и другие крупные попугаи высидывают яйца около или 30 дней.*

Птенцы вылупляются весьма беспомощными, но развиваются чрезвычайно быстро. Вначале они скудно покрыты пухом; по прошествии 5-6 дней появляются первые пеньки перьев; на 8-м или

18-м дне их жизни птенцы делаются зрячими. Птенцы волнистого попугайчика оставляют гнездо через 33 дня, а двумя днями позже уже летают по окрестностям.

Оба родителя приносят корм для птенцов и продолжают кормить их некоторое время и по вылете их из гнезда. Пища, если таковая состоит из зерен, предварительно размягчается в зобу и затем уже кладется в рот птенцов.

Очень возможно, что большинство попугаев умирает чаще от старости, нежели насильственной смертью. Из врагов самым опасным для них является человек. Благодаря своей хитрости попугаи умеют избегать встречи с хищными животными. Мелкие виды попугаев часто делаются добычей соколов и лазящих хищных млекопитающих. Более крупные виды, защищаясь, с успехом пускают в дело свой клюв. Однако против козней человека им не помогают ни хитрость, ни храбрость. В конце концов, они становятся жертвой его бесчисленных ловушек.

Попугаев преследуют повсюду, и везде за ними усердно охотятся. В одних случаях это делается ради добычи, в других — чтобы защититься от них. Последнее является необходимым там, где плантации граничат с лесами, в которых обитают попугаи. Чилийцы, заметив на полях птиц, быстро подбегают к ним и гибкими палками бьют взлетающую стаю.

Австралийцы спугивают попугаев с мест их ночлега и бросают в кружащиеся стаи бумеранги. Некоторые смельчаки туземцы спускаются по отвесным скалам, в которых гнездятся южноамериканские виды попугаев, и крючьями вытаскивают птенцов из гнездовых нор. Начинаящие охотники и промышленники обыкновенно подкрадываются к птицам, когда те заняты едой. Молодых птиц достают также с деревьев, и если на последние невозможно залезть, их срубают. Кроме этого, попугаев ловят сетями, на прутья, намазанные клеем, и т.п. Мясо убитых попугаев, хотя твердо и жестко, но в пищу употребляется, по крайней мере, из него приготавливают крепкий бульон. Шомбургк по собственному опыту считает суп из попугаев превосходным кушаньем. Чилийцы же им положительно объедаются. Американские индейцы и австралийские дикари также усердно преследуют попугаев ради их мяса.

Еще чаще за попугаями охотятся из-за их красивых перьев. «Ничего нет удивительного в том, что дикарям очень нравится этот столь простой и красивый убор, — считает принц фон Вид. — Путешественники не раз описывали красоту этих грубых украшений, которые надевали на себя некоторые племена. Дикари Бразилии особенно славятся своим искусством пользоваться перьями попугаев: именно им приписывали умение красить их с помощью крови лягушки». Вышеупомянутый естественный воиспытатель, однако, считает это за выдумку, основанную, быть может, на небылицах, придуманных самими же дикарями и рассказанных лековерным европейцам.

Польза, которую приносят нам попугаи, — почти равнозначна той, которую мы извлекаем из обезьян. Не говоря уже о мясе и шкурках этих птиц, что идут в употребление, попугаи служат нам хорошими комнатными друзьями. Мы быстро привыкаем к ним, несмотря на их проказы, прощаем им их режущий ухо крик и слишком частое злоупотребление своим разрушительным клювом, который, как это ни покажется невероятным, иной раз не щадит даже и железа. Все это искупается красотой их оперения и понятливостью.

Приручение попугаев некоторым образом напоминает порабощение человеком домашних животных. Начало его относится к древнейшим временам. На древнеегипетских памятниках, как я узнал от Дюмихена, изображения попугаев еще отсутствуют. В Библии также об этих птицах не упоминается, но в Индии Онезикрит, полководец Александра Великого, нашел их ручными у туземцев и привез некоторых в Грецию в качестве домашних птиц. Позднее попугаи часто привозились в Рим. Плиний весьма наглядно описывает их поведение, но трактует всегда об одном только виде — об ожереловом попугае. Красотой и умом попугаи пленили римлян настолько, что увлечение это было осмеяно публично на форуме. «О несчастный Рим! — восклицал суровый цензор Марк Порций Катон. — До каких времен мы дожили: на своих половинах женщины вскармливают собак, мужчины носят на руках попугаев!» Попугаев сажали в клетки из серебра, панциря черепахи и слоновой кости, держали для них особых учителей, главным образом птиц выучивали произносить слово «цезарь». Цена за говорящего попугая иногда превышала стоимость раба. Овидий даже воспел в стихах одного попугая. Гелиогабал, правда, не нашел ничего более драгоценного для угощения своих, гостей, как блюдо из голов попугаев. Во времена правления Нерона были известны, по всей вероятности, только индийские виды; позднее могли быть ввезены и африканские попугаи. Во времена Крестовых походов эти птицы украшали собой клетки в домах германских богачей.

При открытии Америки первые европейцы уже встречали ручных попугаев в хижинах туземцев. Когда в 1509 году под предводительством Никуэза и Охеда испанцы намеревались напасть врасплох на Карабскую деревню Юрбако, расположенную на Дариенском перешейке, сидевшие на

верхушках деревьев чуткие попугаи предупредили о приближении врага своим криком и тем самым дали возможность туземцам вовремя обратиться в бегство. По словам Шомбургка, местные жители Южной Америки и теперь еще держат на свободе своих ручных попугаев и не подрезывают у них крылья.

В сравнении с той свободой, которой пользуются ручные попугаи индейцев, летающие всюду около хижины, птицы, отправляемые в Европу, конечно, подвергаются печальной участи. Хуже всего им приходится до тех пор, пока они еще не прибыли на место своего окончательного назначения. Житель девственных лесов, который ловит их, чтобы выменять на какой-либо товар из Европы, передает попугаев в первом же портовом городе в руки какого-нибудь матроса, не имеющего ни малейшего представления ни об уходе за птицей, ни о соответствующем для нее корме. Только чуть больше половины всех попугаев, попавших на корабль, выносят далекое путешествие по океану, а из тех, что благополучно доехали до Европы, еще многие гибнут в темных, грязных, зараженных лавчонках разных торговцев. И лишь после того, как за попугаями начнут надлежащим образом ухаживать, судьба их улучшается, но к тому времени они часто становятся угрюмыми, недоверчивыми, буйными, неприятными, и требуется долгий уход, чтобы исправить в них эти дурные качества.

Но попугай умен и скоро научается применяться к новым условиям жизни. Прежде всего, он привыкает к всевозможной пище. Вместо сочных плодов и зерен его родных лесов ему предлагают иную пищу. Чем больше он ест ее, тем больше она ему нравится. Вначале он довольствуется коноплей и канареечным семенем, но вскоре становится требовательнее. Если его баловать сладостями, из него выходит исправный лакомка, которого простая пища уже не удовлетворяет. Попугая можно приучить почти ко всему, что ест человек, даже к кофе, чаю, вину, пиву и т.п. Случается, что он бывает навеселе, когда выпьет чего-нибудь хмельного. Впрочем, вышесказанное не относится к мелким видам отряда: никакой другой пищи, кроме зерен и зелени, они не принимают.

Среди попугаев так же, как и среди других высших животных, между особями одного и того же вида одни оказываются более, другие менее понятливыми. Один попугай выучивается скоро и многому, другой медленно и малому, третий же вовсе ничему не выучивается. Здесь, впрочем, очень много значит правильное обучение. Большим подспорьем в нем служит превосходная память попугаев. Они помнят однажды заученное в течение нескольких лет.

Значительная понятливость попугая проявляется и в других случаях, я бы сказал даже — всегда. Он не только различает, как многие другие птицы, мужчин от женщин, друзей от врагов, но и понимает людей вообще. Часто приходится удивляться умению попугаев распознавать людей. При воспитании и обучении попугаев все это нужно принимать во внимание. Как и всякое существо, воспитывающееся под влиянием другого высшего существа, попугай требует известной правильности в обучении, и при всей ласковости с ним необходима и некоторая строгость, иначе он будет портиться, а не совершенствоваться. Как чрезмерная мягкость в обращении, так и излишняя строгость портят его одинаково. Одиноким дамам, воспитывающим попугаев, часто делают их совершенно неприятными птицами потому, что обращаются со своими питомцами слишком мягко и снисходительно.

Богатая своеобразными птицами Новая Зеландия является родиной таких замечательных попугаев, как **нестор-кака** (*Nestor meridionalis*), которого маори называют кака, и **кеа** (*Nestor notabilis*).

Длина кака 47 см, размах крыльев 83, длина крыла 28, а хвоста 18 см. Кеа больше его сорочича: его длина 50 см, длина крыла 32 см, а хвоста 20 см. В оперении преобладает оливково-зеленый цвет. Плечи и крылья ярко-красного цвета с бурными кончиками, глаза темно-карие, клюв желтовато-бурый, ноги желтовато-оливковые.

Область распространения кака — большая часть западных Новозеландских гор, от подошвы вверх до границы высокого леса. Область же распространения кеа ограничивается полосой южных гор между 1500 и 2000 м высоты, откуда он спускается в долины только во время суровой зимы. Дикая горная цепь, многоводные, быстрые и шумные реки преграждают путь путешественнику и доставляют этим птицам полную безопасность. отвесные скалы, пещеры и ущелья представляют удобные места для приюта и гнезд, а богатые растительностью поляны каждое лето украшаются великолепными цветами и дают им пищу в изобилии. Только с одним новозеландским благородным соколом делят попугаи эту дикую местность. Кроме упомянутого нами врага, они встречаются здесь разве что еще одного — суровую зиму.

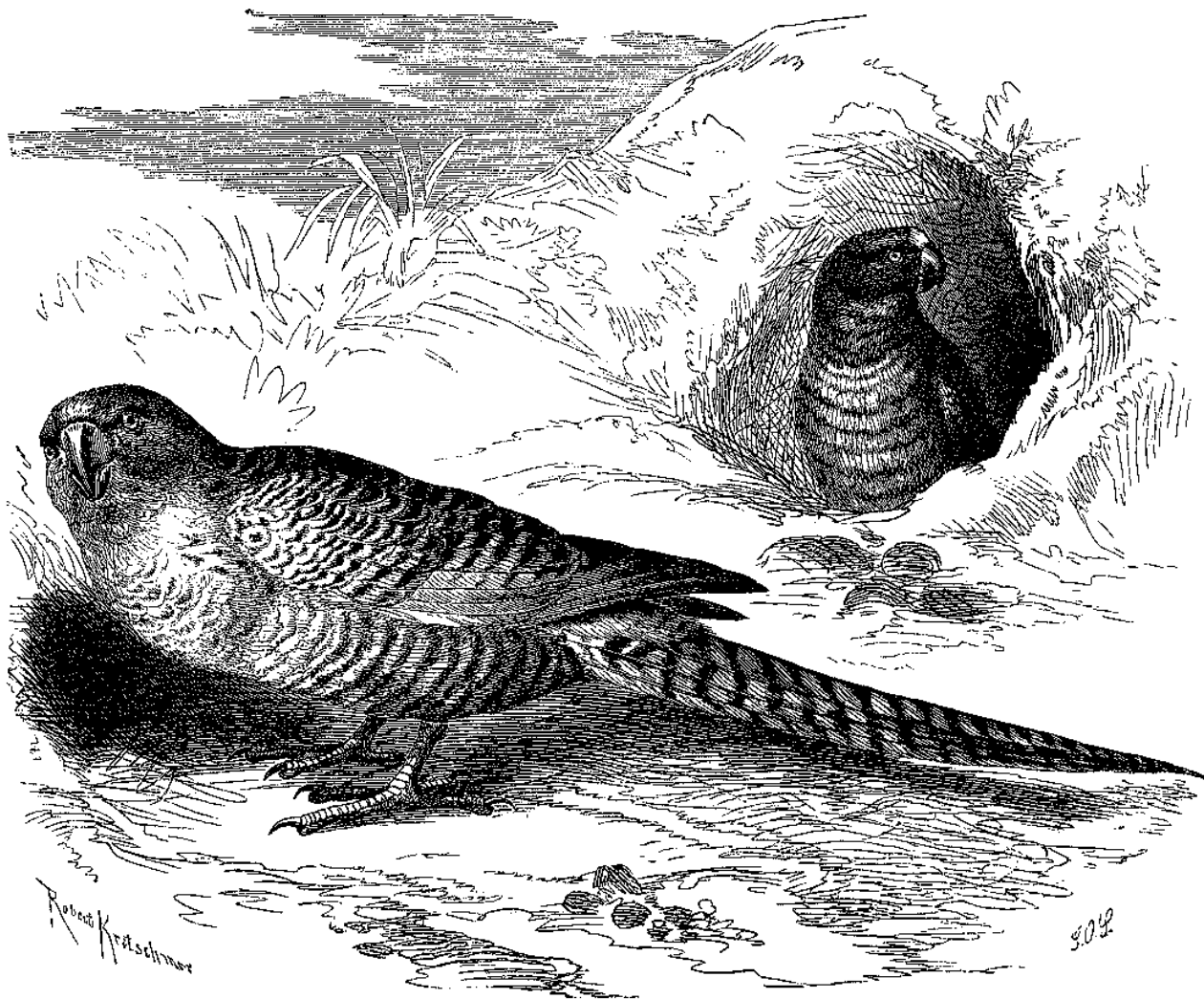
Насколько кака можно назвать древесной птицей, настолько справедливо будет назвать кеа птицей земляной. Первый так же, как и большая часть попугаев, тяжело движется по земле, под-

прыгивая, наподобие наших ворон, но только неуклюжее их. На деревьях он чувствует себя совершенно как дома, лазает вверх и вниз с замечательной ловкостью и с поразительной быстротой может проплясать вдоль ветки вверх и вниз; кеа же, наоборот, бегаёт по земле со скоростью австралийских земляных попугаев или носатых какаду и едва ли может быть назван древесной птицей.

Оба этих вида, как и вообще все попугаи, имеют склонность к общительности. Не только птицы одной пары, но и все птицы одного вида живут дружно между собой. Охотник, странствующий по лесу, к немалому своему удивлению замечает, что попугаи слетаются со всех сторон на испуганный крик раненного им попугая. Молчаливый до сих пор лес вдруг оглашается общим криком все прибывающих к тому месту птиц, и по их оживленным телодвижениям можно видеть, какое искреннее участие они принимают в судьбе своего товарища. За исключением подобных случайностей, жизнь их не представляет ничего замечательного.

Земляной попугай (*Pezoporus wallicus*) величиной с дрозда и отличается пестрым, хотя и не очень разнообразным оперением. Основной цвет оливково-травяной.

По сообщению Гульда, земляной попугай распространён по всей Южной Австралии, включая и Тасманию. Бесплодные песчаные ландшафты, поросшие жесткой травой, или болота, заросшие камышом, являются его постоянным местопребыванием. Здесь; живет он по одиночке и парами, очень уединенно, так что без собаки его трудно найти. Бегаёт попугай в траве, как кулик, чрезвычайно быстро и неумимо, ловко пользуется всякой неровностью почвы, чтобы спрятаться. При случае плотно прижимается к земле, подобно куропаткам или болотным птицам, в надежде, что его не заметят. Однако же застигнутый врасплох, он быстро взлетает в воздух, стремительно несется невысоко над поверхностью земли, делая на лету различные повороты, также быстро падает опять на землю и поспешно бежит дальше. Собаки делают над ним стойку, так что охотник, преследующий его или другую болотную птицу, никогда не знает, стоит ли собака над земляным попугаем или над куликом.

Земляной попугай (*Pezoporus wallicus*)

Земляной попугай откладывает яйца на голую землю; высиживают же их попеременно оба родителя. Молодые птицы очень скоро становятся похожими на родителей и, сделавшись самостоятельными, отделяются от них.

Мясо земляного попугая, в противоположность всем остальным видам, считается необыкновенно вкусным; оно нежнее мяса кулика и напоминает мясо перепелки, но отличается особым вкусом, так что охотнику одинаково приятно принести с охоты и бекаса, и этого попугая.

Среди многочисленных попугаев, живущих в Австралии, какаду занимают выдающееся место. Отличительным признаком их является большой подвижный хохол на голове; этим они отличаются от всех других сородичей, за исключением нимфы.

Область распространения какаду простирается от Филиппинских островов до Новой Зеландии и от островов Тимора и Флореса до Соломоновых островов. Почти все виды какаду соединяются в большие, иногда даже огромные стаи, которые населяют различного рода леса и рощи и оттуда налетают на окрестные поля и луга. Громадные стаи какаду представляют собой великолепное зрелище, и даже натуралисты охотно присоединяются к восторженным похвалам, расточаемым обыкновенно этим птицам путешественниками.

По образу жизни и движениям какаду похожи на прочих попугаев, но принадлежат к числу приятных птиц этого отряда. Однако когда они живут огромными стаями, то их резкий голос может сделаться настолько оглушительным, что люди начинают проклинать их присутствие. Но если имеешь дело с одной птицей, то почти всегда подружись с ней и полюбишь ее. Все какаду умны и понятливы, а у большинства из них серьезный и кроткий нрав. Им свойственны большое любопытство и хорошая память, а некоторые виды отличаются индивидуальными, им только присущими, способностями. Одно лишь дурное обращение делает этих птиц недоверчивыми и сердитыми. Следует опасаться возбудить в какаду неприязнь к себе, так как его прекрасная память сохраняет в течение многих лет полученные впечатления. Он с трудом забывает нанесенные ему обиды или даже вовсе не забывает их, и однажды возникшее недоверие почти никогда не проходит. Нередко случается, что у обиженной птицы появляется стремление к мщению, и она нападает на того, кто прежде ей сделал зло. Это почти единственная неприятная черта какаду. Вообще же у него преобладает кроткий нрав. Он требует любви, и сам стремится полюбить кого-нибудь и выказывает это своему воспитателю самым ясным образом.

Голос какаду громкий и неприятный, его трудно описать словами. Как и другие попугаи, какаду живут на свободе группами, которые сохраняют некоторую связь даже во время гнездования. Они проводят ночь, спрятавшись в листве высоких деревьев, и встречают утро очень громким криком, который слышен издали. Затем они снимаются с места и летят, паря и скользя по воздуху, редко махая крыльями, на какое-нибудь засеянное поле или другое место, где надеются найти обильный корм. По возможности попугаи съедают весь корм, до которого могут добраться. Главную пищу их составляют плоды, зерна и семена. Кроме того, они едят небольшие клубни и луковицы, которые искусно выкапывают из земли своей длинной и крючковатой верхней частью клюва. Грибы они также съедают и совсем, как куры, глотают небольшие камешки, вероятно для того, чтобы способствовать размельчению пищи, что свойственно вообще всем зерноядным. Птицы эти могут нанести ощутимый вред недавно засеянным полям и огородам, где зреет кукуруза. За исключением полуденных часов они деятельны в течение целого дня и очень внимательны ко всему, что вокруг них происходит. Как только стая насытилась, она возвращается на место отдохновения в лес и сидит там, можно сказать, довольно тихо, пока пища переваривается. Затем попугаи еще раз летят на поля, а с наступлением ночи отправляются на покой на свое обычное место.

Так живут стаи до времени гнездования, когда происходит разделение на пары, и каждая из них отыскивает себе удобное углубление для гнезда. Гнездо может находиться в дуплах деревьев, в выгнивших толстых сучках, а также в трещинах скал. Крутые скалистые берега южно-австралийских рек ежегодно служат местом гнездования многих тысяч какаду точно так, как на берегах северных морей подобные скалы служат приютом для целых стай чаек. Кладка состоит из двух, редко из трех чисто белых немного остроконечных яиц, которые по величине примерно равняются яйцам наших карликовых кур, но отличаются от них своею глянцевицостью*.

** Некоторые виды какаду имеют кладки до 5 яиц.*

Вследствие огромного вреда, приносимого стаями какаду сельскому хозяйству, их усердно преследуют на родине и убивают во множестве. Некоторые путешественники рассказывают, что как только какаду заметят враждебные намерения человека, то делаются необыкновенно осторожными. Они тогда с большою хитростью совершают свои хищнические набеги, и их трудно бывает удержать от посещения засеянных полей. Туземцы охотятся на какаду своеобразным способом. «Трудно

представить себе более привлекательное зрелище, чем охоту австралийцев на этих птиц, — говорит Грэй. — Они пользуются для этого туземным оружием, известным под названием «бумеранг». Бумеранг — это плоская серпообразная дощечка из твердого дерева, которая бросается рукою на расстояние 30 м. Кружась, она прорезает воздух и, несмотря на многие отклонения от прямого пути, довольно верно достигает цели. Туземец ищет большую стаю какаду по полям и лесам и охотнее всего пробирается к реке или озеру, которые окружены высокими и густыми деревьями. Какаду особенно любят подобные места, их можно встретить здесь несметными стаями, причем попугаи то лазают по ветвям деревьев, то перелетают с дерева на дерево. Туземец со всевозможными предосторожностями подползает к такому озерку, пробирается от дерева к дереву, прячется за кусты, одним словом, всеми силами старается как можно меньше напугать осторожных птиц. Однако, несмотря на то, что его легкие шаги не производят почти никакого шума, какаду все-таки замечают его, их всеобщее смятение указывает на приближение опасного врага. Птицы чувствуют, что им грозит опасность, но еще не вполне уверены в значительности ее. Охотник тем временем доходит до воды и здесь, более не скрываясь, показывает свою темную голую фигуру. Белые птицы с раздражающими уши криками поднимаются в воздух, и туземец в то же мгновение бросает свое оружие. Бумеранг удивительными изгибами пересекает воздух над водою, поднимается все выше и попадает в середину стаи. Охотник бросает второе, третье, четвертое оружие... Смущенные птицы напрасно стараются избежать ударов: неправильный полет бумерангов сбивает их с толку и затрудняет движения. Многие получают удары бумеранга: некоторым он попадает по шее, другим ломает крылья. Раненые птицы с громкими криками падают на землю и становятся добычей темнокожего охотника. Тогда только остальная часть стаи приходит в себя, с ужасом улетает и прячется в верхушках высоких деревьев».

Мясо какаду считается довольно вкусным; особенно славится бульон из этих птиц.

Какаду часто ловят живыми и привозят к нам в Европу. Попугаи эти очень хорошо переносят неволю и неприхотливы в еде, почему их можно без труда перевозить на большие расстояния. При хорошем уходе какаду может прожить в Европе очень долго: известны случаи, когда какаду доживали в клетке до 70 лет. Содержание его доставляет мало хлопот, так как он понемногу приучается есть все то, что ест человек.

В Новой Гвинее, северной оконечности Австралии и на соседних островах живет **черный какаду** (*Probosciger aterrimus*).

Птица эта принадлежит к числу самых больших попугаев, и клюв у нее огромнейший, какой только можно себе представить. Этот чудовищный клюв крупнее головы. Длина клюва гораздо больше его вышины, он сжат с боков, верхняя часть его согнута полукругом и оканчивается длинным тонким и повернутым внутрь острием. Верхняя часть клюва перед концом снабжена выступом в виде прямого угла, в который упирается нижняя часть клюва, которая не обхватывается верхней и отличается широкими сторонами и кончиком, срезанным под прямым углом. В Новой Гвинее черного какаду называют «расмолос». По росту он крупнее большинства ара. Оперение у него однообразно черное с небольшим зеленоватым отливом, но у живых птиц почти всегда сероватое, так как оно покрыто белой пылью. Голые морщинистые щеки окрашены в красный цвет. Хохол состоит из длинных узких перьев, цвет которых скорее сероватый, чем черный.

Черный какаду (*Probosciger aterrimus*)

О жизни этой птицы на свободе мы знаем еще очень мало. Мак Джилливрей нашел его вблизи предгорий полуострова Йорк в довольно большом количестве. Он жил здесь на высочайших камедных деревьях, издавал громкий крик, похожий на «вит-вит», был очень пуглив и питался преимущественно небольшими пальмовыми орешками (в желудке убитых птиц нашли эти орешки и кусочки кварца). «Черный какаду, — говорит Розенберг, — не редок на островах Новой Гвинеи. Чаще всего он сидит на верхушках высочайших деревьев, постоянно находится в движении и, лазая или высоко летая, кричит очень громко хриплым голосом, совершенно отличным от голоса белых какаду. Туземцы берут молодых птиц из гнезда, выращивают их, а затем продают торговцам. В неволе попугаи охотнее всего едят орешки Канарского дерева, очень крепкую оболочку которых они ловко раскусывают».

Уэллэс наблюдал этого попугая на островах Ару. «Он живет здесь в низменностях лесов, встречается поодиночке или по два-три экземпляра; летает тихо, бесшумно; питается различными плодами и семенами, по преимуществу орехами Канарского дерева, растущими на высоких деревьях, которые произрастают в большом количестве на этих островах. Тот способ, который он употребляет для того, чтобы раскусывать орехи, указывает отчасти на опыт, отчасти на навык, приобретенный им вследствие того, что эти орехи служат ему основным кормом. Скорлупа этого почти трехгранного ореха необыкновенно тверда и гладка, так что может быть разбита лишь ударом тяжелого молота. Черный какаду захватывает конец ореха в клюв, придерживает его языком и вырезает поперечное отверстие в скорлупе, пропилив ее острым краем нижней части клюва. Затем он захватывает орех когтями, откусывает кусок и укладывает его в глубоком желобке нижней части клюва; орех не выскальзывает, потому что он обернут в зеленый лист наружной плодовой оболочки. Попугай всовывает край нижней части клюва в отверстие ореха и сильным движением головы отламывает большой кусок скорлупы. Затем снова берет орех, всовывает длинный острый конец верхней части клюва внутрь его, отламывает один кусочек ядра за другим и съедает их. Таким образом, каждая часть своеобразно устроенного клюва находит себе применение. Вместо резкого крика белых какаду черный издает лишь жалобный свист».

Ближайшими сородичами описанного выше вида следует считать **траурных какаду** (*Calyptrorhynchus fimereas*)⁹ которые почти все крупного роста, величиною с галку или ворона; благодаря своим длинным крыльям они кажутся больше, чем есть на самом деле.

2

1 — Траурный какаду (*Calyptorhynchus fimbriatus*) 2 — Носатый какаду (*Cacatua tenuirostris*)

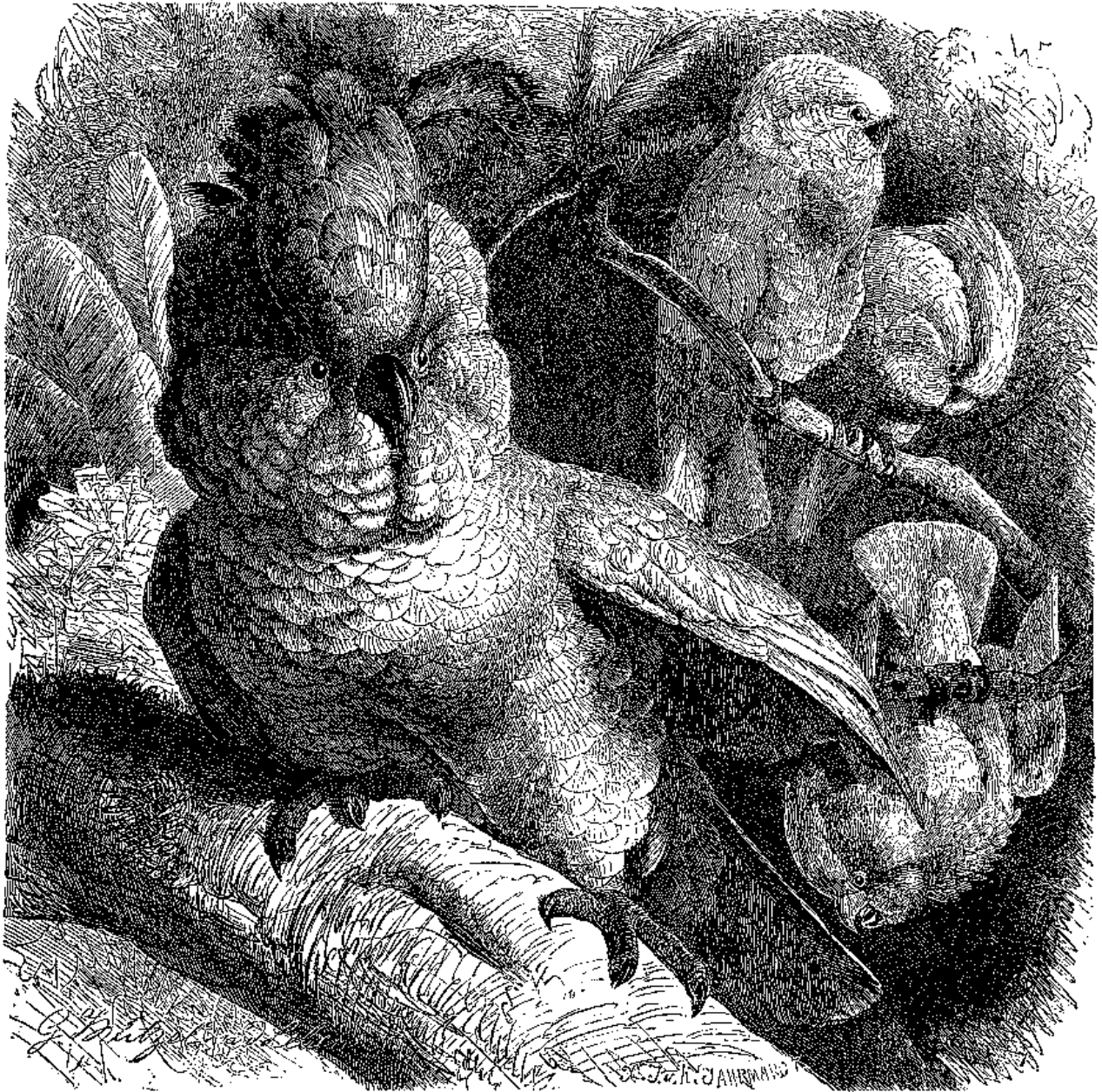
Замечательно большой клюв их по высоте своей больше ширины, имеет форму полукруга, и короткий кончик его загнут назад; верхняя часть клюва у основания широкая и сильно закругленная, спинка ее образует острое ребро, кончик сжат с боков, и на нем замечается глубокая, но совершенно закругленная выемка. Нижняя часть клюва не так высока, как верхняя, очень широка, имеет чрезвычайно широкий передний край; стороны нижней части прямые, а у конца загибаются наверх крючком.

Шлемоносный какаду (*Calloscephalon fimbriatum*). Птица эта размером с какаду среднего роста, оперение шиферно-черное со светлыми волнистыми поперечными полосками, происходящими вследствие того, что каждое перышко на конце имеет узкую серовато-белую каемку. Голова, затылок, щеки и хохол великолепного малиново-красного цвета.

О жизни этого попугая на свободе мы знаем еще очень мало, и о жизни его в неволе я также многого сказать не могу, хотя часто видел его у торговцев птицами и в зоологических садах. Гульд говорит, что он живет на южной оконечности Австралии, некоторых соседних островах и в северных местностях Тасмании. Попугай встречается там на верхушках самых высоких деревьев, питается семенами различных видов деревьев. Перон встречал его на острове Кинг, а экземпляр, находящийся в Сиднейском музее, убит около залива Моретон.

Молуккский какаду (*Cacatua moluccensis*), которого индусы называют голаби-какатуа, принадлежит к числу самых крупных какаду; имеет белое оперение со слабым розовым отливом и мясо-красный хохол 17 см вышиной. Основные части маховых и рулевых перьев с нижней стороны желтые, глаза темно-карие, голый ободок вокруг глаз синевато-серый или синевато-белый, клюв и ноги черные с серым налетом, который у живых птиц переходит в фиолетово-синий. У птиц, живущих на свободе, по сообщению Розенберга, бледно-розовый цвет приобретает с возрастом такой яркий оттенок, какой никогда не бывает у какаду, живущих в неволе.

О жизни на свободе молуккского какаду дает нам подробные сведения Розенберг. «Молуккский какаду, — пишет этот опытный путешественник, — встречается исключительно на острове Церам. Редко перелетает он на расположенный несколько южнее остров Амбоин, где я лишь однажды встретил его и убил. На этом острове у жителей Церама он носит название каталла. На родине своей он принадлежит к числу самых обыкновенных птиц и оживляет леса этого не очень богатого птицами острова, встречаясь как на морском берегу, так и внутри страны, как на равнинах, так и в горных районах. Этот красивейший из всех какаду представляет собой на свободе великолепное зрелище. Летает он быстро, по прямому направлению, крыльями машет шумно; иногда во время полета кричит, в особенности тогда, когда его испугнут.

Молуккский какаду (*Cacatua moluccensis*)

Этого какаду можно видеть как на земле, так и на верхушках высочайших деревьев, причем он всегда чем-нибудь занят и очень заботится о своей безопасности. В безлюдных горных лесах его довольно легко обмануть, но в населенных людьми местностях, особенно там, где его часто преследуют, он необыкновенно пуглив. Его видишь обыкновенно парами, а после гнездования и стаями. Когда какаду собираются ограбить какую-нибудь плантацию, то делают это всегда большим обществом. По словам туземцев, самец всю жизнь остается верным одной самке. Питается он семенами, хлебными зернами и различными древесными плодами.

В конце сухого времени года самка отыскивает себе подходящее дупло, более или менее старательно расширяет его и кладет на подстилку из щепок и гнилья 3-4 блестяще-белых яйца около 4 см длиной, которые насиживает в течение 25 дней. Птенцы уже в гнезде получают оперение своих родителей. Туземцы, которые мастера лазать по деревьям, часто вынимают птенцов из гнезд, воспитывают их, а затем продают. На Цераме птицы эти стоят по одному голландскому гульдену и даже меньше, а на Амбоине 2-3 гульдена».

Из австралийских видов особенно выделяется своей красотой **какаду-инка** (*Cacatua leadbeaten*), которого туземцы называют яккул. Его белое оперение на передней части головы, на лбу и на сторонах шеи, а также на средней и нижней части крыльев, на середине брюшка и в основной части внутренних опахал рулевых перьев с розовым оттенком, а под крыльями красивого лососевого цвета.

Какаду-инка (*Cacatua leadheateri*)

Особенно красив у него хохол: отдельные перья у основания ярко-красного цвета, по середине с желтыми пятнами, а на конце белые. При опущенном хохле заметны только белые кончики, но как только птица приподнимет свои головные перья, то является ярко-красный цвет, а средние желтые пятна образуют полосу, отчего хохол делается еще красивее. Глаза у попугая светло-карие, клюв светлого рогового цвета, а ноги темно-бурые. Самка отличается менее ярким оперением нижней части тела, и желтые пятнышки на перьях хохла у нее мельче. По размеру инка меньше моллукского попугая, и туловище у него стройнее.

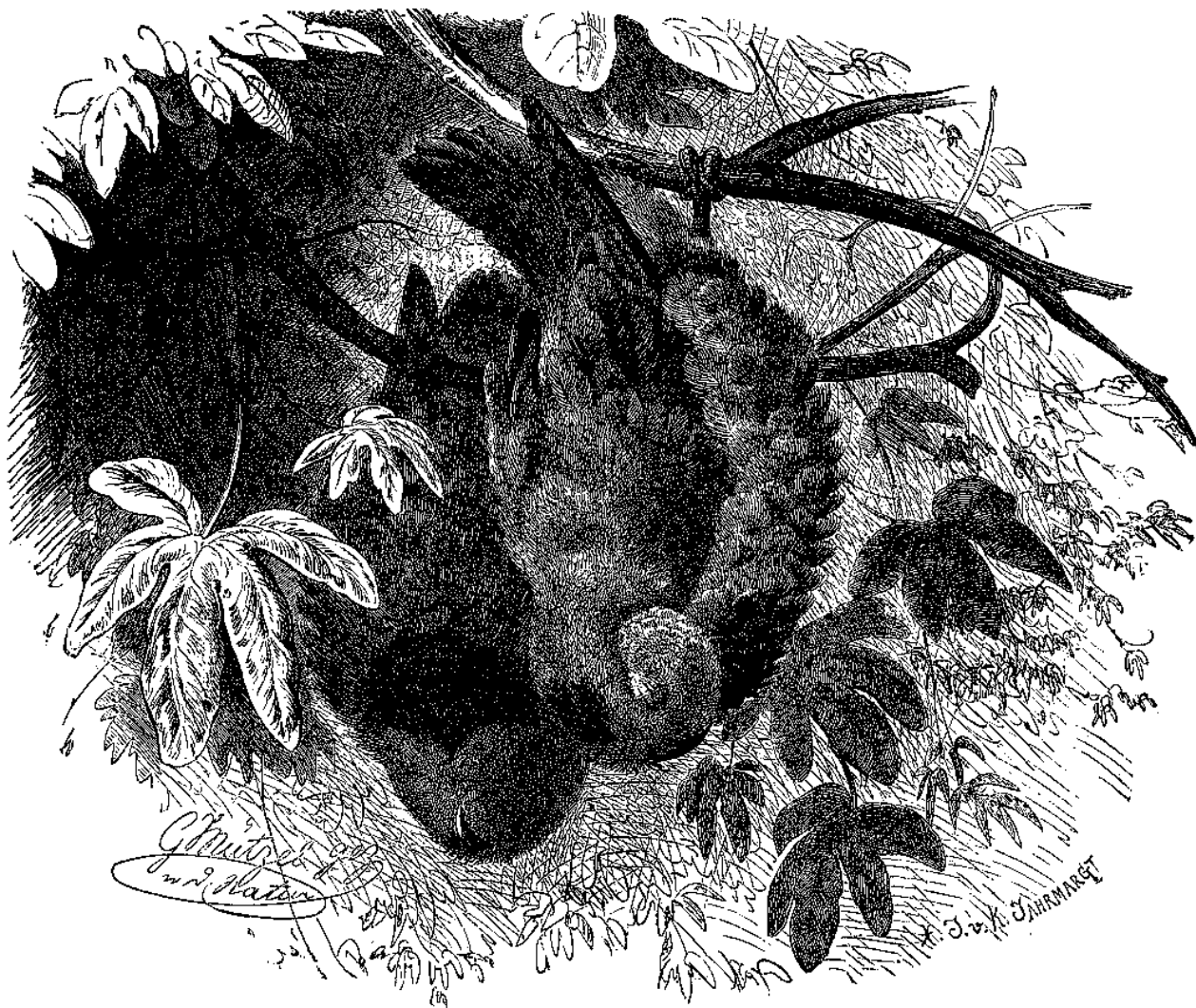
Дятловый попугайчик Скэлэтера (*Micropsitta pusio*) по росту нем ного более чирика. Оперение травянисто-зеленого цвета, нижние части тела светлее, верхняя часть головы желтая, уздечка и место вокруг глаза желтовато-бурые; кроющие перья крыльев черные с широкими зелеными каймами. Черные большие маховые перья имеют узкие зеленые каемки, малые маховые — широкую зеленую каемку на внутренних опахалах; последние маховые перья совсем зеленые. Рулевые перья черные и на конце внутреннего опахала желтое пятно; оба средних рулевых небесно-голубого цвета, а обе наружные пары перьев имеют с внешней стороны узкие зеленые каемки; нижние кроющие перья хвоста желтые, а к концу зеленовато-желтые. Клюв серовато-черный, ноги серовато-бурого цвета. Оба пола по оперению не различаются.

Первые две птицы этого вида, которых Куа и Гэмар привезли из кругосветного путешествия, попали к нам совершенно случайно: один из их охотников выстрелил в птицу, сидящую на дереве, но вместо нее убил этих двух, до той поры вовсе неизвестных попугаев. Лишь в последние годы многие из этих птиц попали в наши музеи, и мы получили от Бернштейна, Розенберга, Уэллеса и, наконец, Беккари кое-какие незначительные сведения об их образе жизни на свободе. Кроме последнего наблюдателя, все другие согласны в том, что этого попугайчика очень трудно заметить и убить, потому что он постоянно держится на верхушках густолиственных деревьев. Только Беккари замечает, что если знаешь любимые деревья дятловых попугайчиков, то их нетрудно найти и застрелить.

Я опишу попугая, которого мне посчастливилось держать в клетке в течение двух лет. Малайцы его называют серендак, синдада и бурунг слинде, яванцы — цилиндит, суматранцы — сериндит, а даяки — тализок. **Серендак** (*Loriculus galgahts*) размером не более нашего полевого воробья. Оперение главным образом зеленое. На верхушке головы находится круглое ярко-синее пятно, на спине — оранжевое треугольное пятно, обращенное вершиной назад, на горле — продолговато-овальное поперечное ярко-малиновое пятно; надхвостье и верхние кроющие перья хвоста также малиновые. На задней части спины через надхвостье проходит узкая желтая поперечная полоска. Нижние перья на голени имеют желтые каемки. Маховые перья у основания черные, а на конце точно такие, как и рулевые перья, — голубые, цвета морской воды; нижние кроющие перья крыльев зеленые. Глаза темно-карие, клюв черный, восковица светло-серого цвета, ноги желтовато-серые. Оперение самки несколько бледнее, чем самца; вместо голубого у нее зеленое пятно на темени, а на спине небольшое голубовато-зеленое пятно; красного шейного пятна у нее нет. У молодых оперение темнее, теменное пятно лишь обозначено, а на спине и горле цветных пятен вовсе нет.

Насколько известно, серендак живет исключительно на островах Калимантан, Суматра, Банка и южной оконечности полуострова Малакка. Соломон Мюллер, который наблюдал этих хорошеньких птичек в южной части Калимантана, приводит лишь некоторые сведения о жизни их на свободе. Этот деятельный и сведущий путешественник видел этих попугаев у даяков. Они держат их обыкновенно по несколько штук вместе в большой цилиндрической клетке из бамбуковых палочек, которая может вертеться вокруг оси. Попугайчики лазают по ней, и она приходит в движение (вроде беличьего колеса). Но на свободе попугайчики питаются древесными почками, нежными побегами и цветами, в основном цветками эритриний. В неволе птиц кормят вареным рисом, а иногда сырыми бананами, которые, говорят, они едят охотно. Кроме того, Мюллер сообщает, что этих маленьких птичек очень трудно заметить среди зелени и красных цветков эритриний.

К счастью, мне удавалось несколько раз покупать живых серендаков, а одна парочка жила у меня около двух лет. Эти попугайчики так же, как и ближайšie их сородичи, бесспорно, принадлежат к числу самых приятных комнатных птиц. Нрав у них в высшей степени приятный, они очень доверчивы и деятельны, но не чрезмерно; они поют и болтают, болтают и поют, но никогда не беспокоят резкими и раздражающими ухо криками. Все движения их необыкновенно легки и грациозны. Бегают они по земле быстро, мелкими шажками, с боку на бок не переваливаются; безбоязненно прыгают на довольно большое для их коротких ножек расстояние; по решеткам лазают скоро и ловко, пользуясь при этом как ногами, так и клювом.

Серендак (*Loriculits galgithts*)

Полет их, который я мог наблюдать лишь в ограниченном пространстве — в большой клетке, легок и совершается без труда, хотя крылья при этом двигаются очень быстро. Во время отдыха они редко садятся на ветки, как это делают другие птицы. В большинстве же случаев, а во время сна постоянно, принимают положение спящих летучих мышей, причем прицепляются ногами к верхней решетке клетки или сухому сучку и свешивают вниз не только туловище, но и голову, так что спина, шея, темя и клюв образуют прямую линию. Хвост же, вероятно, для того, чтобы не касаться сучка, приподнят вверх, оперение беспорядочно нахохлено. Хорошенькие птички тогда имеют совсем другой вид, не как обычно, они кажутся гораздо толще и принимают почти шарообразную форму. Часто попугаи висят на одной ноге, а другую втягивают так, что видны только скрюченные когти. Иногда они меняют ноги, чтобы дать отдохнуть той, на которой тело долго висело. Если их испугнуть, то они тотчас же бросаются к потолку, как бы чувствуя себя в большей безопасности в висячем положении. На весу попугайчики иногда чистят себе перышки и тихим болтанием выражают свое довольство, однако, сидя они чистятся и болтают чаще. Если птица чувствует потребность испражниться в висячем положении, то нагибает более обыкновенного хвост, туловище наклоняет вперед дугою и выбрасывает на 30 см комочек помета, который окружен слизью. Во время совершенного покоя и сна тело ее еще больше надувается, а веки смыкаются так, что остается небольшая щель. Едва ли необходимо говорить, что серендак может принимать и другие положения, свойственные попугаям; он лазает одинаково хорошо, как головою вверх, так и вниз. Однако чаще всего видишь этих птиц в висячем положении, и оно так характерно, что им совершенно справедливо дали название попугаев-нетопырей*.

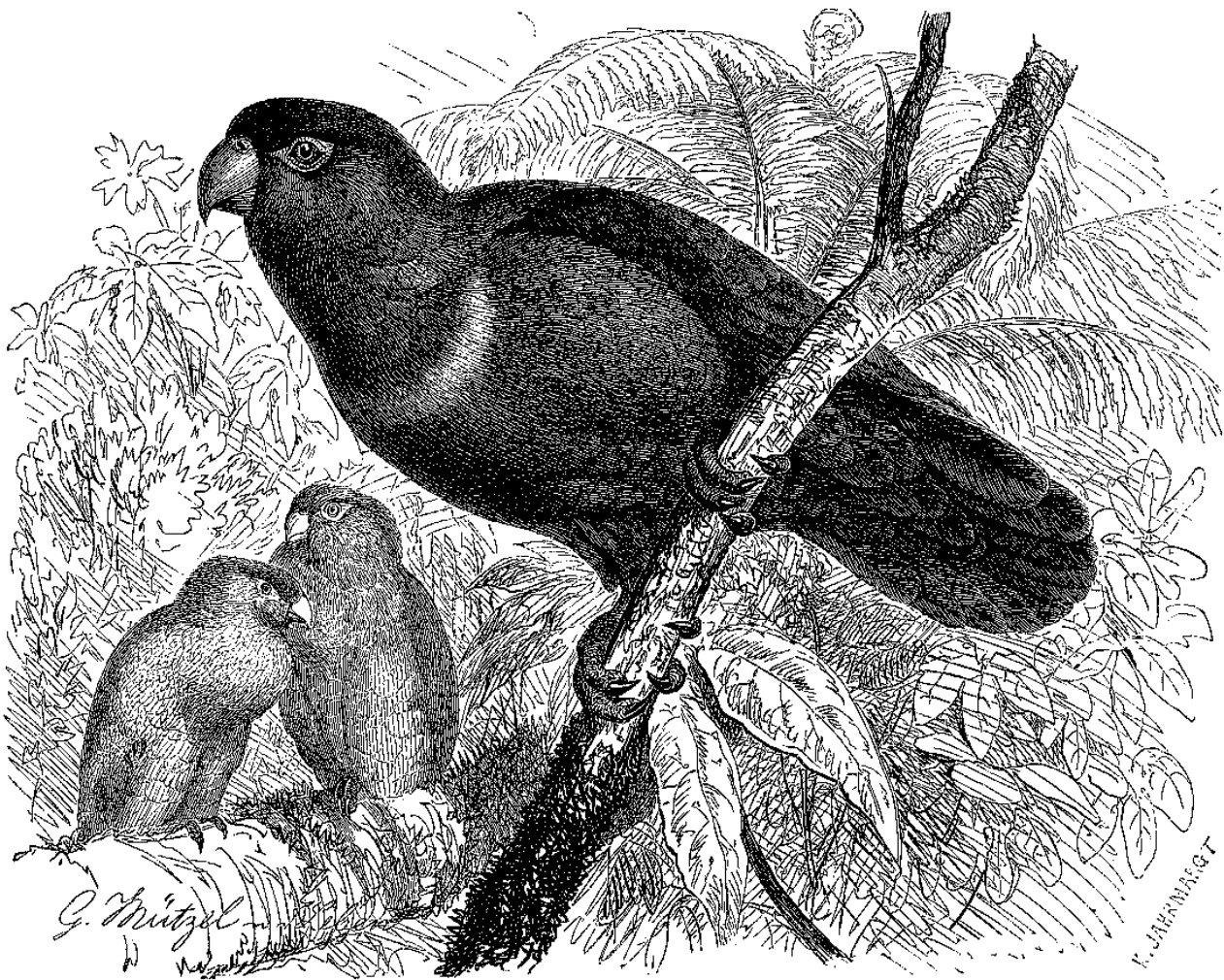
* Эти попугаи вполне заслуженно называются также висячими попугаями. Данное название сейчас общепринято, и под ним объединяют 12 мелких попугаев, включаемых в один род — *Loriculus*.

Душевные способности серендака находятся примерно на той же степени развития, что и у других попугайчиков. Они кротки и сознательно доверчивы, скоро научаются узнавать своего воспитателя и членов его семейства, не пугаются их, когда те приближаются к клетке, а продолжают

спокойно сидеть или висеть. Они даже не переменяют положения, когда клетку переносят с места на место. Очень хорошо различают чужих людей и относятся к ним с доверием, но появление собаки производит между ними большое смятение.

Я кормил своих серендаков обыкновенным канареечным кормом, который им давали еще во время переезда по морю, а также плодами, разрезанными на маленькие кусочки, и муравьиными куколками. При этом они чувствовали себя хорошо и благополучно вылиняли, не уменьшив своей живости и не изменив цвета оперения, однако к размножению не приступали.

Пурпурношапочный широкохвостый лори (Lorius domicellus). Жители Амбоины называют касторизэ, а в Цераме — лори или нинри. Обладает сильным клювом, высота которого равна длине; он сжат с боков, имеет закругленную спинку и сильно загнутый, свешивающийся кончик, перед которым замечается отлогая выемка. У нижней части клюва край прямой. В оперении преобладает великолепный малиново-красный цвет; лоб и плечи совершенно черные, к затылку темно-фиолетовые; на зобу находится широкий ярко-желтый щит, который доходит иногда до груди. Крылышко синее, и каждое перо имеет по краю белую каемку. Самое крыло темно-зеленое, а около плеча грязного оливково-бурого цвета. Большие маховые перья на внутренней стороне желтые и только на нижней трети — черные. Малые маховые перья, за исключением двух последних зеленых, — внутри совсем желтые. Маленькие кроющие перья нижней части крыла и оперение нижней части бедра васильково-голубого цвета. Около зрачка заметно узкое желтое кольцо, а прочая часть радужной оболочки карая, клюв ярко-оранжевый, ноги серовато-черные. Оба пола по окраске оперения сходны, молодые окрашены темнее: перья верхней части туловища у основания зеленые, и желтого цвета на груди нет. По словам Розенберга, изменения в цвете встречаются довольно часто, например, пятно на темени может быть розовое, а крылья — желтыми.

Пурпурношапочный широкохвостый лори (Lorhis domicellus)

Благодаря любезности названного натуралиста, могу сообщить следующие сведения о жизни на свободе широкохвостого лори. «Эта красивая птица живет исключительно на Амбоине и Цераме и так же, как другие виды, не встречается на Калимантане и в Азии. Но на родине своей этот лори довольно обыкновенен. Его можно видеть и в первобытном лесу, и около жилищ человека, но в горах Церама, по крайней мере, я никогда его не встречал. Я их часто видел быстро летевшими не-

большими стайками над городом Амбоина, причем они описывали красивые дуги, и их легко было узнать по крику и красивому, блестящему на солнце оперению. Пища лори состоит из сладкого сока цветов и плодов, особенно пизанга. Гнезда они устраивают в дуплах деревьев. Яйца, как и у других попугаев, блестяще-белые, по размеру немного больше яиц нашего черного дрозда.

На Амбоине ни одна птица не встречается так часто в неволе, как широкохвостый лори, а в самом городе нет ни одного дома или даже хижины, в которых бы его не было. Это любимая птица местных жителей, и она заслуживает этого, как по своей красоте и кротости, так и по способности многому научиться. Он довольно скоро выучивается говорить и составляет тогда гордость своих воспитателей. Ученую птицу нельзя купить дешевле 8-10 голландских гульденов, между тем как необученные попугаи продаются за 1-2 гульдена. Бывают, однако, глупые и коварные лори. В неволе птиц кормят сырым и вареным рисом, разбухшим в воде саго и плодами пизанга, а кроме того, дают ежедневно свежей воды, так как они много пьют и часто купаются, причем опрыскивают себе очень сильно все оперение». При хорошем уходе лори живут у нас в клетках подолгу, но уход за ними не легок.

Многоцветный лорикет (*Trichoglossas haematodus*) по росту равняется примерно Каролинскому попугаю. Голова, щеки и горло у него фиолетово-синие, задняя часть шеи, передняя часть спины, надхвостье и хвост темно-зеленые, перья средней части спины у основания красные, а посередине желтые. Перья затылка желтовато-зеленые и образуют неясное ожерелье. Зоб, грудь и нижние кроющие перья крыльев ярко-красного цвета, с неправильными широкими темными полосками. Стороны груди ярко-желтые. Перья брюшка темно-синие, у основания красные, на сторонах брюшка — красные с синими пятнами на концах. Бедрa, голени, окружность заднего прохода и нижние кроющие перья хвоста травянисто-зеленые. Каждое из этих перьев у основания красное, затем желтое, а на конце зеленое. Маховые перья внутри черные, а посередине с широким желтым пятном. Рулевые перья внутри лимонно-желтые, у основания немного красноватые, Радужная обложка оранжевого цвета, клюв кроваво-красного; восковица темно-бурая, ноги бледно-бурые.

Хотя Гульд и считает родиной многоцветного лорикета только южную Австралию, но он встречается на всей материке и даже в Тасмании, где особенно многочислен, потому что камедные деревья ему доставляют здесь пищу в изобилии. Попугай так привязан к камедным деревьям, что в других лесах его и не увидишь. Те деревья, на которых недавно распустились цветы, лорикет предпочитает всем прочим, потому что на них больше сладкого сока. Трудно описать словами все великолепие цветущего леса камедных деревьев, ветви которых покрыты, кроме того, другими попугаями и иными видами медососущих птиц. Можно встретить три-четыре вида лорикетов, сидящих на одной ветви и сообща сосущих мед из цветов. Еще труднее описать словами тысячеголосый крик и страшный шум, производимый этими птицами, когда они разом поднимутся с дерева, чтобы перелететь в другую часть леса. Подобные стаи нужно видеть и слышать самому, чтобы составить о них понятие.

Калай полагает, что этот лорикет питается исключительно сладким соком цветов и даже в неволе никогда не ест семян, почему содержание его в клетках весьма затруднительно. Указание это не совсем верно, так как в последнее время многоцветный лорикет все чаще и чаще привозится в Европу и содержится в клетках. Несколько десятков лет тому назад их вовсе у нас не было, но вдруг их привезли довольно много за раз и стали продавать под различными названиями.

По моему, правда, не очень богатому опыту, я должен согласиться с тем, что клинохвостые попугаи действительно плохо уживаются в неволе, но бывают и исключения. Так, г-н министр Гесслер писал мне, что у него пять лет кряду жил многоцветный лорикет, который отличался отменным здоровьем и даже отложил 6 яиц. Корм попугая состоял из конопляного семени, тертого нежирного мяса, тертой свеклы и сахара, смешанных вместе поровну. Попугай с жадностью набрасывался на приготовленный корм и съедал его до последней крохи, что доказывает пригодность этой пищи для этих птиц. Насекомых, которых ему предлагали, он отбрасывал в сторону и даже выплевывал, если их клали ему в рот.

Самый замечательный вид попугаев — какапо. ночная птица Новой Зеландии, которая поразительно напоминает сову.

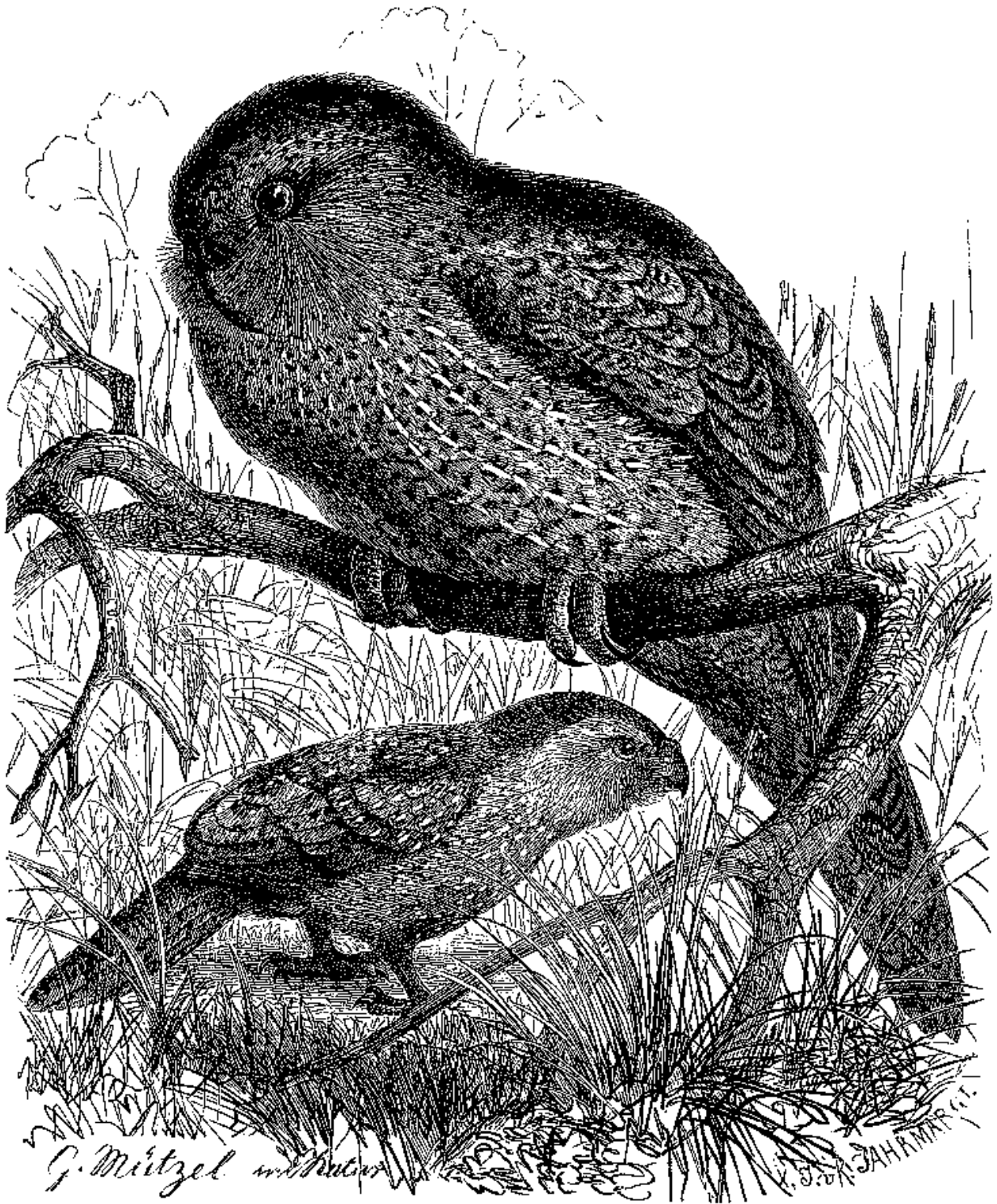
Совиный попугай, или какапо (*Strigops habroptilm*), принадлежит к большим попугаям и из-за густоты своего оперения по величине почти равняется сове. У самца верхняя часть тела ярко-зеленая. Расходящийся лучеобразно, как у сов, венчик перьев, закрывающий лоб и ушную область, так же, как и подбородок — бледно-желтый, и только около уха принимает светлый зеленовато-коричневый оттенок.

Несмотря на то, что Новая Зеландия нам давно знакома, только последним исследователям ее удалось обнаружить какапо и собрать сведения о его образе жизни. Прежде всего, стали известны зеленые перья и голова этой замечательной птицы, которыми украшали себя туземцы. Трудности наблюдения над попугаями вызваны их местом жительства и образом жизни. Видимо, по этой причине первое чучело какапо было привезено в Европу только в 1845 году. Но в последнее время мы уже довольно хорошо познакомились с этим попугаем и вместе с тем слышали несколько раз высказанное опасение, что его в скором времени постигнет участь дронты и он будет истреблен. В самом деле птица эта встречается в изобилии только в отдаленных горных долинах на Южном острове Новой Зеландии, на Северном же почти истреблена, так что выраженные опасения на этот счет имеют действительно некоторое основание*.

** В настоящее время какапо сохранился только на Южном острове Новой Зеландии, и численность его продолжает сокращаться. Причины этого не вполне ясны, и их связывают с хищничеством завезенных в Новую Зеландию крыс и горностая.*

Гааст, Лейель и Грэй сообщили нам многие подробности о жизни какапо, которые я и соединяю здесь в одно общее описание. «Хотя обыкновенно предполагают, — говорит Лейель, — что какапо встречается иногда и на высоких горах в середине Северного острова Новой Зеландии, однако единственное место, где я видел эту птицу при исследовании берегов Новой Зеландии, был юго-запад острова. Там, в глубоких заливах, которые врезаются в эту часть острова, можно встретить их в значительном количестве. Они населяют здесь сухие склоны холмов или плоские пространства близ берегов рек, где деревья высоки и леса свободны от папоротника и мелкого кустарника.

Первое место, где мы увидели какапо, была гора, возвышавшаяся на 1300 м над уровнем моря. Однако мы находили его — и притом целыми обществами — и на ровных местностях у речных устьев близ самого моря «.

Совиный попугай, или какапо (*Strigops habroptilus*)

"Чрезвычайно замечательно, — подтверждает и дополняет Гааст, — что какапо никогда не встречается на восточных склонах гор, за исключением долины реки Макароро, образующей озеро Ванак, хотя и тут растут высокие леса. По-видимому, он ограничивает свое местопребывание только западной стороной главной горной цепи, переходит по узкой лесистой полосе, соединяющей истоки реки Гааст с истоками Макароро, и доходит до впадения этой реки в озеро Ванак; недостаток лесов, вероятно, препятствует его дальнейшему распространению. В долине реки Макароро и в береговых ее лесах какапо встречается довольно часто, несмотря на то, что здесь работают дровосеки. Расположившись лагерем на опушке леса, мы постоянно слышали крик какапо; но никто из рабочих не подозревал близкое нахождение такой большой птицы, хотя пронзительный, звонкий крик ее часто возбуждал их внимание. Гораздо реже встречается она в долине Вилькин, где я, кстати сказать, нашел следы диких собак. В долине Гунтер, отделенной от этих местностей не слишком высокой цепью гор и несколькими холмами, нет следов какапо, несмотря на то что большие буковые деревья явились бы для него довольно удобным местожительством» «В таких местно-

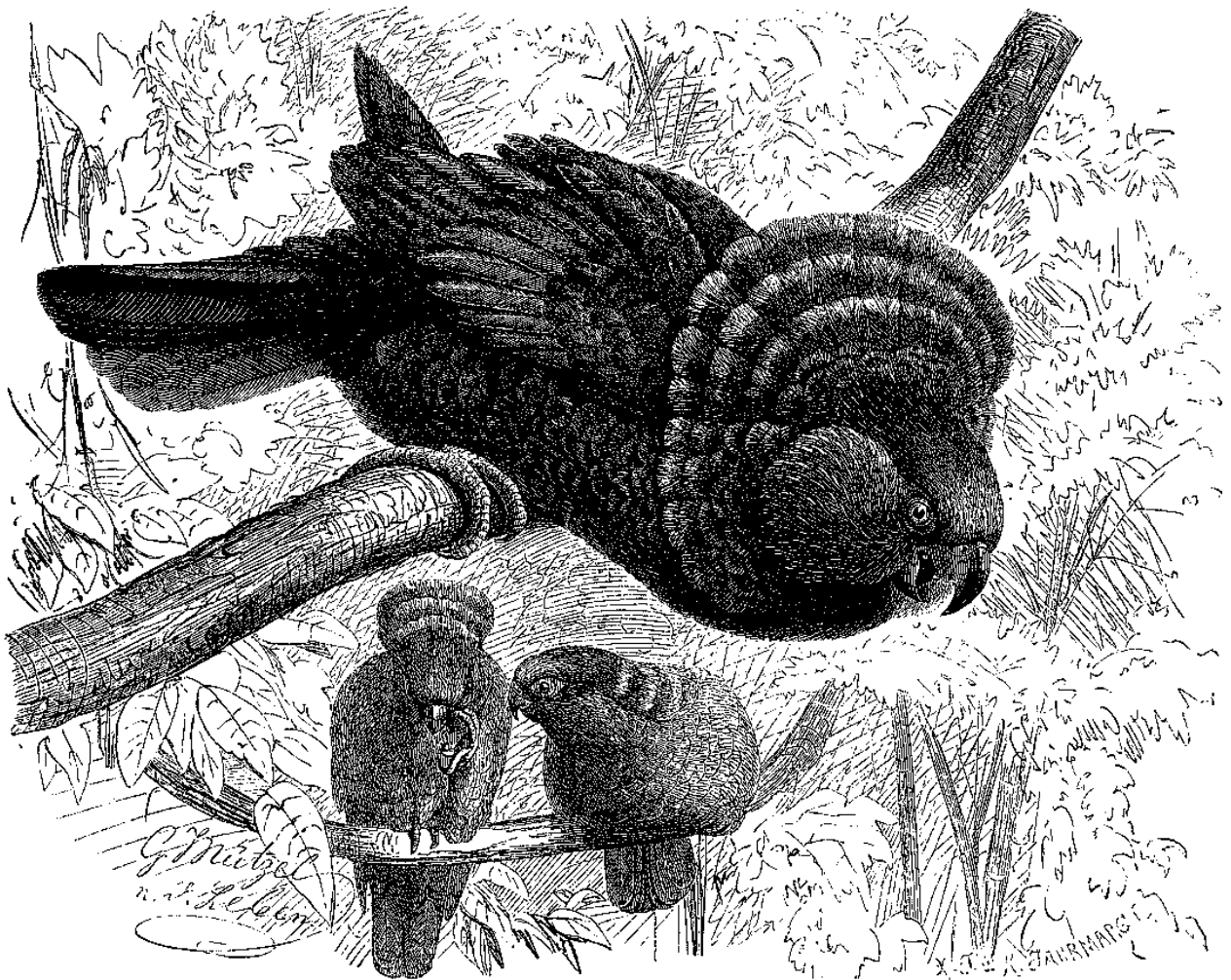
стях, — продолжает Лейель, — мы часто замечали следы какапо. Они имеют около 30 см длины, правильно отпечатаны до краев, которые на 5-7 см углубляются в мох и обыкновенно пересекают друг друга под прямым углом. Очертание их так своеобразно, что они иногда удивительно походят на человеческие следы, и мы действительно думали сначала, что где-то поблизости были туземцы». «Какапо живет в углублениях под корнями деревьев, иногда его находят также под сводами нависших скал. Так как корни многих видов новозеландских деревьев несколько поднимаются над землей, то под ними очень часто встречаются углубления; но нам казалось, что те углубления, в которых мы находили какапо, были отчасти увеличены самими птицами, хотя мы нигде не находили вырытой земли». Гааст приходит к тому же заключению. «Хотя все различные места жительства какапо, которые я исследовал, были натуральными углублениями, однако я нашел одно, которое было вырыто. На северном берегу реки Гааст, близ устья реки Кларк, вследствие размытия берегового песка образовался обрыв в 2-3 м вышиной. В этом обрыве, почти под самой поверхностью земли, были видны круглые отверстия, в которые собака пролезть не могла. Она тотчас принялась обнюхивать поверхность почвы и рыть землю. Вскоре собака добралась до конца норы, откуда и вытащила птицу. Эти углубления были, конечно, сделаны искусственно, поэтому весьма вероятно, что птица эта способна рыть землю». У нор этих — часто два отверстия, а растущие над ними деревья почти всегда имеют внизу дупла.

Днем можно увидеть какапо не иначе, как выгнав его из норы. «Чтобы отыскать какапо, — говорит Лейель, — мы были вынуждены прибегать к помощи собак. В прежнее время, когда эта птица встречалась еще во множестве в населенных местах острова, туземцы охотились за нею ночью при свете факелов. В настоящее время только одни полудикие собаки, живущие в северных частях острова, постоянно гонятся за какапо, так что он там почти истреблен. Говорят, что дальнейшему распространению этих собак препятствует река и что окончательного истребления какапо можно опасаться только в том случае, если собакам удастся переплыть через реку. Хотя какапо умеет весьма чувствительно пускать в ход свои когти и клюв и смело защищается, тем не менее, он все-таки становится жертвой своего четвероногого неприятеля. Видимо, там, где водятся дикие собаки, какапо рано или поздно грозит судьба дронта».

"Вероятно, вследствие растительной пищи, которую поедают какапо, их жир тверд и бел, а не желтоват и мягок, как у других птиц, а мясо тверже и вкуснее, чем у других видов попугаев, и отличается превосходным вкусом. Меня извинят, надеюсь, если я замечу, что эта птица может служить весьма лакомым блюдом для путешественника, и я очень сочувствую старому маори с западного берега, у которого слюнки текли при одном упоминании о какапо».

О размножении какапо Лейель сообщает следующее. «Проведя вторую половину февраля и начало марта в отечестве какапо, я часто находил в их норах одного, редко двух птенцов. Однажды я нашел рядом с птенцом и гнилое яйцо. По большей части, хотя не всегда, вместе с молодой птицей сидела в норе старая. Настоящего гнезда у какапо вовсе нет. Он выкапывает себе неглубокую ямку в сухой сердцевине сгнившего дерева. Яйцо его, величиной с голубиное, чисто белого цвета. Птенцы, которых мы находили, были разных возрастов: одни почти оперившиеся, другие едва покрытые пухом».

Веерный попугай (*Deropterus accipitrinus*). Оперение задней и боковых частей шеи его, всей верхней части тела и бедер — блестящего темно-зеленого цвета. Передняя и верхняя части головы светлого буро-желтого цвета, напоминающего цвет кофе с молоком. Виски, область уха, уздечка, бока головы и подбородок — бледно-буроватые с разбросанными по ним бледно-белыми стержневыми полосками и пятнами. Оперение задней части головы и затылка — темно-красное, отливающее фиолетовым цветом.

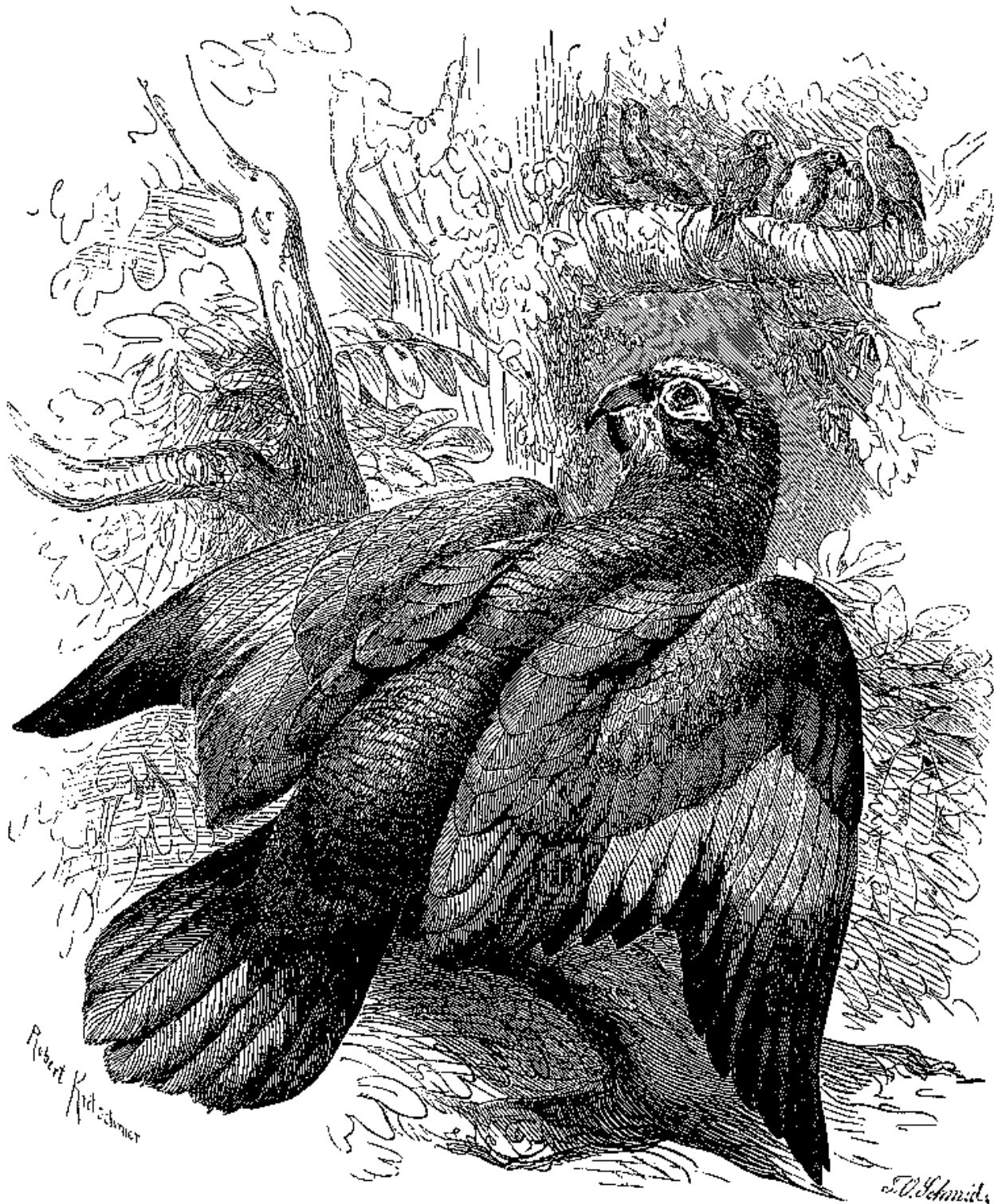
Веерный попугай (*Deropterus accipitrinus*)

Оно образует очень удлиненный, подвижный, распускающийся веером воротник, состоящий из широких перьев. Каждое перо затылка имеет бледно-бурое основание и на конце украшено широкою синею каймой. Вся нижняя часть тела окрашена и украшена точно таким же образом, за исключением грудных боковых перьев, снаружи зеленых. Большие маховые перья и кроющие их перья совершенно черные, передние же малые маховые только в основной половине внутреннего опахала черные, последние три пера — зеленого цвета. Хвостовые перья, за исключением наружных (внутри черных, снаружи сине-черных), зеленые, как и спина; внутри они имеют матово-черные каемки. Нижние кроющие перья хвоста зеленого цвета. Зрачок бурый; клюв, ноги и голые ободки вокруг глаз выглядят буро-черными. Длина птицы достигает 27 см, длина крыла 18, хвоста 14 см.

Насколько известно, веерный попугай живет преимущественно в рощах на Амазонке, в Суринаме и Гвиане и, по-видимому, встречается реже других попугаев. Спик встретил его на Амазонке. Шомбургк упоминает о нем в известном описании своего путешествия только два раза. Он нашел этого попугая в Рупунуни и в хижинах племени Варрау (прирученным). Хотя он в одном месте и упоминает, что бесчисленная масса этих милых попугаев оживляла собой пальмы савари, приветствовала путешественников пронзительным криком и тем самым доставляла удобный случай для наблюдений над ними, однако в общем Шомбургк сообщает об этих птицах весьма немного. «В гневе эта птица, без сомнения, является одним из красивейших попугаев, так как при этом она поднимает свои блестяще окрашенные затылочные перья и образует вокруг головы правильный круг. Колонисты зовут этого попугая «хна»; название это вполне передает его крик». Из научного описания путешествия этого натуралиста мы узнаем, что веерный попугай предпочитает селиться в невысоких лесах, вблизи поселений, что он очень доверчив, легко приручается, но живет недолго и неспособен к обучению, гнездится в дуплах деревьев и кладет от 2 до 4 яиц.

Венесуэльский амазон (*Amazona amazonica*), курика и папагайо креолов. Длина птицы достигает 35 см, размах крыльев 56, длина крыла 19, хвоста 10 см. Оперение темного травянисто-зеленого цвета, на затылке перья на концах снабжены черноватыми каймами. Широкий край лба лилово-синий, верх головы и верхние части щек — ярко-желтые, сгиб крыла зеленый, место сочленения кисти желтое. Большие маховые перья, за исключением первого черного, имеют матово-

зеленые основания наружных опахал, остальная часть опахал индигово-синяя. Основания второго, третьего и четвертого малых маховых перьев — зеленые, середина их — киноварно-красного цвета, концы — индигово-синие.

Венесуэльский амазон (*Amazona atazonica*)

Остальные же из этих перьев, за исключением двух последних зеленых, снаружи зеленого цвета, внутри черного, а на конце синего цвета. Нижние кроющие перья крыльев — зеленого цвета. Четыре наружных хвостовых пера внутри красного цвета, снаружи темно-зеленые и имеют темно-зеленые концы. Пятое рулевое перо на внутреннем опахале имеет красное пятно, на втором и третьем рулевых перьях пятна такого же цвета, но у основания и по стержню эти пятна бледнее. Красный цвет остальных рулевых перьев пересекается широкой зеленой поперечной полоской. Нижние кроющие перья хвоста окрашены в желто-зеленый цвет. Хвостовые перья, если на них смотреть снизу, имеют две полосы на матовом киноварно-красном фоне: одну поперечную посередине зеленого цвета, другую широкую концевую желто-зеленого цвета. Зрачок киноварно-красного

цвета; клюв рогового желтого цвета; на конце темно-бурый; ноги буроватые. В неволе эти попугаи легко изменяют свою окраску, и тогда у них появляются иногда очень красивые переливы цветов.

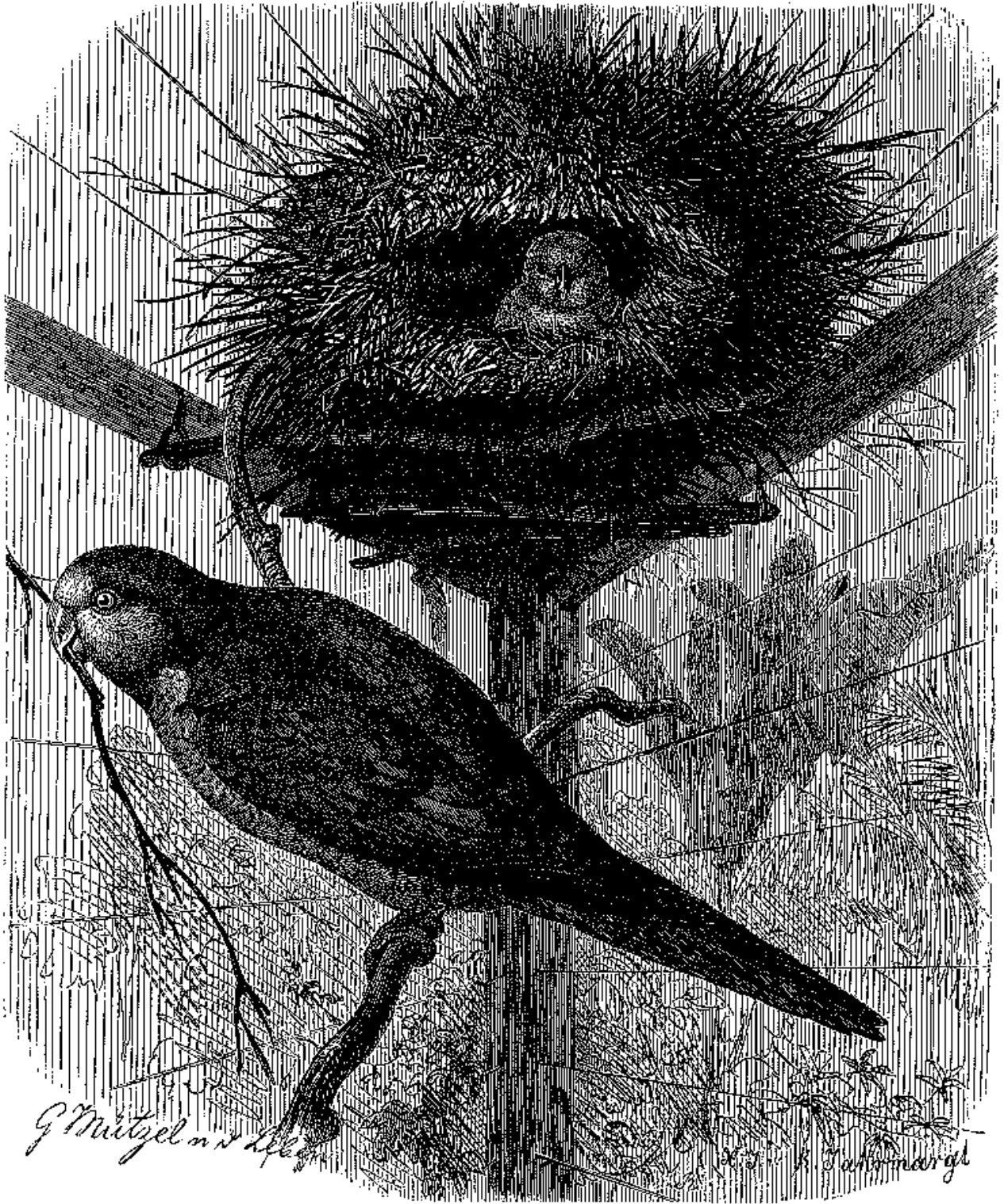
Область распространения амазонского попугая простирается от средней Бразилии до британской Гвианы и Тринидада, к западу же продолжается до Боготы, Эквадора и Венесуэлы.

"Во всех посещенных мною областях восточного берега Бразилии, — говорит принц фон Вид, давший такое прекрасное описание вида курика, или курике, — этот попугай был одним из самых обыкновенных. Я всюду находил их во множестве там, где густые девственные леса граничат с болотами, поросшими мангровыми деревьями, и устьями рек. Они одинаково гнездятся как здесь, так и там, но, по-видимому, особенно любят плоды мангрового дерева. Этих попугаев уже во множестве встречают в окрестностях Рио-де-Жанейро в тех местах, где растут большие леса, а также по северным рекам на Параибе, Эспириту-Санто, Бельмонте. Мы находили их повсюду и в особенности по утрам и вечерам слышали их громкие голоса на болотах, по устьям рек с кустов, часто наполовину залитых приливом. Эти кусты по бразильским рекам являются чем-то вроде наших европейских ивовых зарослей, только бразильские деревья обыкновенно выше, почему попугаи часто гнездятся в их толстых дуплистых сучьях или стволах.

В птенцовую пору курике летают парами, обыкновенно очень высоко, причем громко кричат и перекликаются. Кроме поры спаривания, они держатся всегда обществами, иногда очень многочисленными. Я видел такие бесчисленные общества короткохвостых попугаев в лесах Мукури и в других местах. Они наполняли собой весь лес и оглашали его своими громкими криками. Здесь же собиралось одновременно несколько видов этих птиц. Пролет одной только стаи и тот длился долго. Крик собравшихся птиц звучал весьма оригинально. Одна стая сгоняла с дерева другую, и это постоянное беспокойство придавало крикам птиц еще более оживления. Такие собрания попугаев бывают довольно многочисленны, но их все-таки нельзя сравнить с огромными стаями перелетных голубей в Северной Америке. Если попугаи сядут на какое-нибудь высокое, густолиственное дерево девственного леса, их часто бывает трудно разглядеть на нем: зеленый цвет является для них защитой. Однако присутствие птиц заметно по падающим с дерева зернам и шелухе плодов. Во время еды они ведут себя тихо, но стоит их чем-либо напугать, как они тотчас же испускают громкий крик. Их убивают во множестве, так как они являют собой сытную пищу: суп из попугая — излюбленное блюдо не только в Бразилии, но и в Суринаме».

Калита (*Myiopsitta monachus*) носит у южноамериканцев, кроме этого названия, еще другое — которра. Длина его тела достигает 27 см, длина крыльев — 15, а хвоста — 12 см. Общая окраска его оперения — травянисто-зеленая с серым налетом.

Главным местом распространения калиты, по-видимому, следует считать Ла-Платскую низменность; простирается же она по Парагваю, Уругваю, Аргентине, Боливии, быть может, даже по юго-западной части Бразилии, а к западу до Мату-Гросу. О жизни этих попугаев на воле подробных сведений опубликовано не было, только о гнездовании их мы знаем несколько больше, нежели о гнездовании других попугаев.

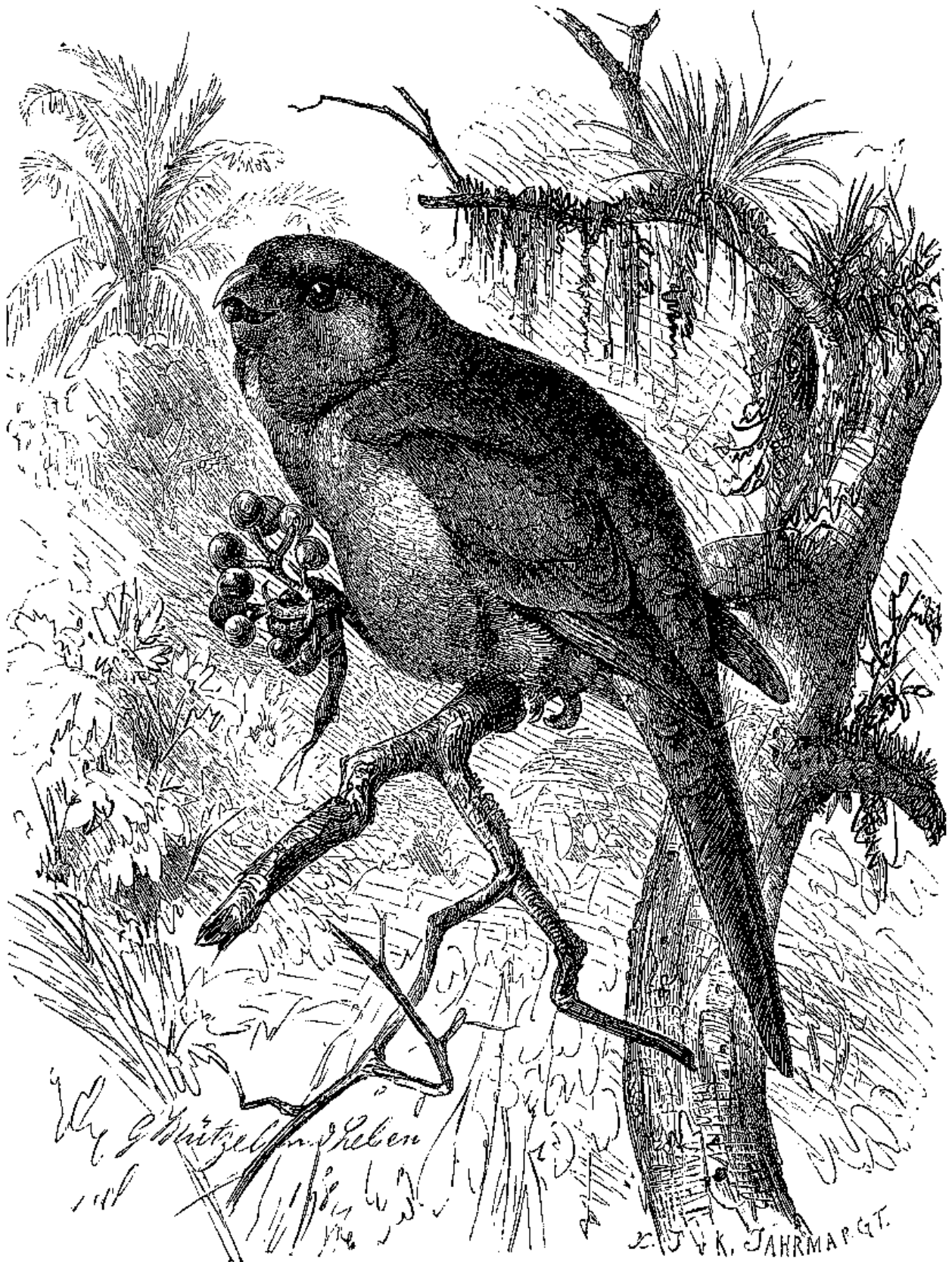
Калита (*Myiopsitta monachus*)

Из немногих сведений, доставленных путешественниками, в особенности Ренггером и Дарвином, явствует, что калита принадлежит к самым обыкновенным птицам в Парагвае и восточной Банде. За исключением птенцовой поры, попугаи эти носятся по стране стаями по 50-200 штук и в это время чрезвычайно много вредят посевам злаков, в особенности маисовым полям, почему и подвергаются самому беспощадному преследованию. По сообщениям Ренггера, они прилетают в таких огромных количествах и притом так назойливы, что, несмотря на выставленных против них караульчиков, которые целый день ходят по полям, разогнать этих птиц нет никакой возможности. В защиту от этих обжорливых пернатых воров пускаются в ход все средства. Их ловят огромными массами, и за каждую дюжину голов этих попугаев ловцу выдается определенная премия. Дарвин рассказывает, что в колонии Сакраменто на Ла-Плате в один год их было убито не менее 2500 штук.

Размножение калиты представляет собой особенный интерес, так как, насколько нам известно, это единственный попугай, который строит на деревьях большие свободнолежащие гнезда.

Первые упоминания об этом мы встречаем у Азара. Он пишет, что гнезда калиты представляют собой крупные постройки, иногда длиной 1 м в поперечнике, прикрытые сверху, внутри набитые травой. Причем, прибавляет он, на одном и том же дереве часто встречается несколько гнезд, и одно гнездо может служить одновременно нескольким самкам. Сообщение этого ученого путешественника показалось некоторым натуралистам таким неправдоподобным, что они сочли долгом отнестись к нему с недоверием. Однако сведения, сообщенные Азарой, были подтверждены другими путешественниками. На одном из островов Параны Дарвин нашел много гнезд калиты. причем одна группа их была настолько скучена, что в целом гнезда представляли собой массу наваленного хвороста. Кастельно, подобно Азару, наблюдал несколько самок, гнездившихся в одном и том же гнезде. Бродя по болотам Ярайа, он натолкнулся на необыкновенно большое, выстроенное из небольших прутьев гнездо, снабженное 4-5 входными отверстиями. Гнездо это служило жилищем многочисленной стаи попугаев, обыкновенно встречающихся на болотах. У местных жителей они носят название «болотный попугай». Такие же гнезда видел и Бурмейстер. «За отсутствием другого занятия, — говорит он в описании своего путешествия по штатам Ла-Платы, — я смотрел на одиноко стоявшие высокие, лишенные листьев деревья, которые считал засохшими. Среди ветвей их, переплетаясь между собой и образуя одну общую массу, висели прутья, солома и хворост, присутствие и назначение которых для меня было непонятно, так как для птичьих гнезд их масса была слишком велика и слишком свободно висела. Однако спутники мои уверяли, что это, тем не менее, были гнезда и именно постройки зеленого попугая с серым горлом, который в стране носит название «калита». Птицы эти имеют обыкновение строить свои гнезда общественно, почему постройки эти в общей сложности и принимают такой большой объем. Вскоре я заметил и самих птиц, парочками прилетавших улетавших из гнезда» Сколько времени длилось насиживание, по этим наблюдениям прослежено быть не могло. За достоверное можно принять сообщение о том, что от кладки до вылета птенцов проходит не менее 40 дней.

К числу наиболее крупных видов принадлежит **тирика** (*Brotogeiyys tirica*). Основной цвет этого вида травянисто-зеленый, сверху он немного темнее, на лбу, за щеками и на нижней стороне светлее; нижние кроющие перья крыльев почти желтого цвета. Самка отличается более матовой окраской.

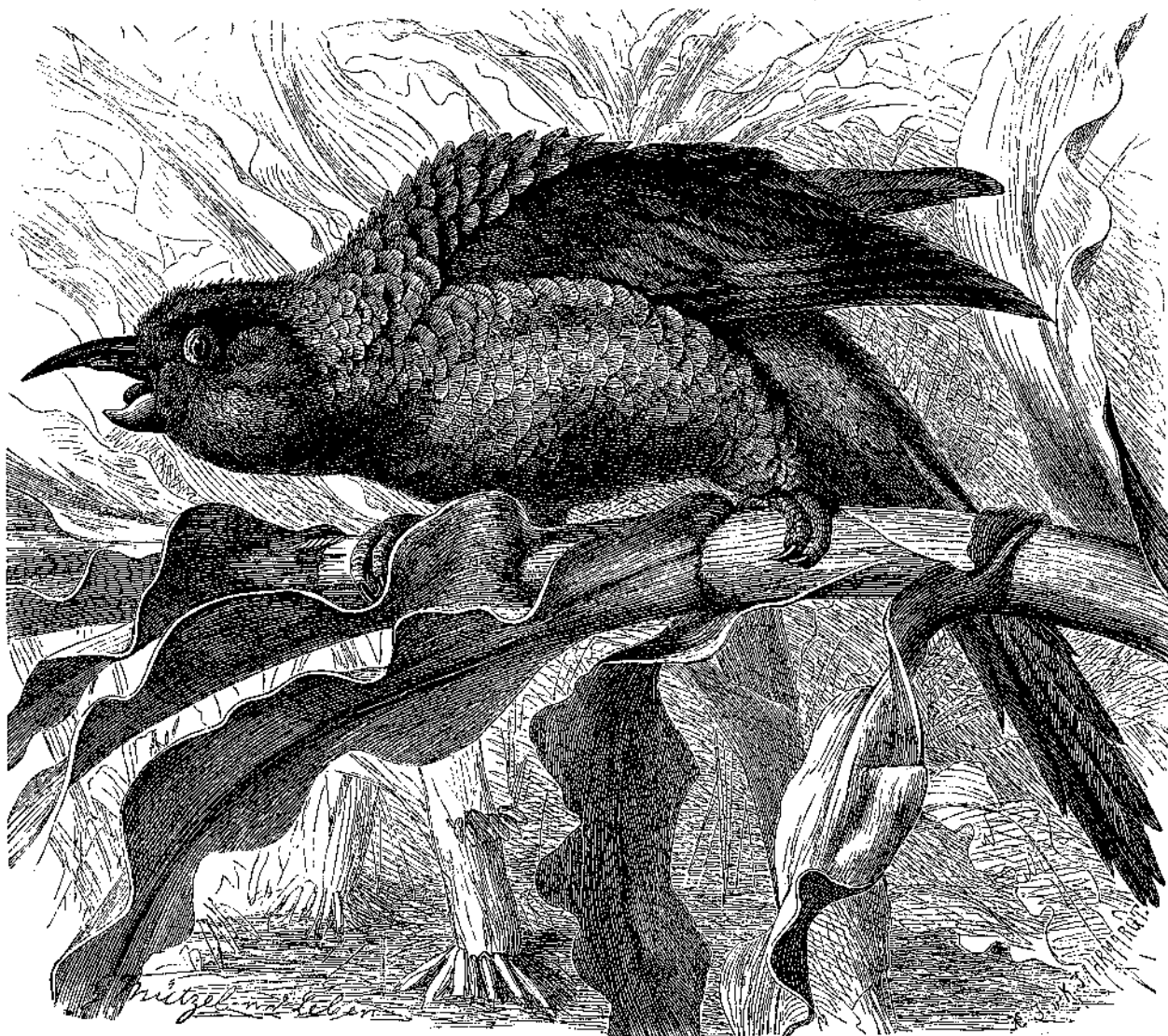

Тирика (*Brotogeis tinea*)

Тирика распространен по большей части в восточных областях Южной Америки, населяет всю береговую лесистую область Бразилии, а также встречается в лесах Гвианы. В восточной Бразилии он принадлежит к числу самых обыкновенных птиц, живет многочисленными стаями и иногда в сообществе с мелкими клинохвостыми попугаями, однако никогда с ними не смешивается. Летают тирики с быстротою стрелы от одной рощи к другой, издают короткий, резкий, звонкий крик, который бывает очень разнообразен. Когда эти попугаи соберутся с другими, то они производят положительно оглушающий шум. На рисовых и маисовых плантациях эта небольшая птичка является одним из самых неприятных гостей; приносит им много вреда, почему и терпит от поселян бес-

пощадное гонение. Так как тирики мало пугливы, то они часто попадают под выстрелы. А вследствие того, что попугаи выказывают большую привязанность к своим собратьям, некоторые из них делаются жертвами этой дружбы. Их ловят на клеевые прутики при помощи птицы-приманки и затем содержат в клетках. Благодаря своему кроткому нраву и легкой приручаемости, они принадлежат к числу весьма излюбленных домашних птиц бразильцев. Обыкновенно их держат привязанными на цепочке к шесту, который прикрепляется снаружи дома.

Длинноклювый попугай (*Enicognathus leptorhynchus*) носит у чилийцев название «чорой». Этот попугай большую часть времени проводит на земле, у него чрезвычайно вытянутый, длинный, заостренный клюв. По строению крыльев и хвоста он имеет сходство с ближайшими сородичами, другими клинохвостыми попугаями, хотя отличается от них своим клювом.

Длинноклювый попугай (*Enicognathus leptorhynchus*)

Клюв этот средний по толщине, узкий и весьма удлинённый. Верхняя половинка его в длину в два раза больше, чем в высоту, согнута очень мало, сплюснута с боков по спинке, широко округлена и вытянута в длинный суживающийся, почти горизонтально направленный кончик, у основания которого находится ясный зубовидный вырез. Нижняя половинка такой же высоты, как и верхняя, с боков сплюснутая, округленная по нижним краям и со слегка согнутыми кверху краями расщепта. Оперение жесткое, преобладающий цвет его — оливково- травянистый, а на нижней части — оливково-зеленый. Край лба, перышки по восковице, уздечка и узкие края вокруг глаз — темного медно-красного цвета. Таким же цветом подернуты и средние перья брюшка, благодаря чему на нем замечается неясное красное пятно. Перья верхней части головы имеют на концах широкие черные каймы. Большие маховые перья и их кроющие снаружи голубовато-зеленые с черными краями и черноватыми оторочками на концах. Наиболее длинные кроющие перья крыльев и маховые перья снизу серовато- черного цвета с бледным оливково-желтым оттенком по краям внутренних опахал. Рулевые перья как снизу, так и сверху темного медно-красного цвета. Радужная оболочка глаза золотисто- желтая. Клюв и ноги голубовато-серые. У самок оперение несколько

мутнее, и красноватое пятно на брюшке меньше и бледнее. Не редка особая — желтая разновидность длинноклювого попугая, которого чилийцы зовут «rey de choroy», т.е. «король чороев». Длина всей птицы достигает 38 см, длина ее крыльев 20, хвоста 17 см. Таким образом, попугай этот размером приблизительно с нашу галку.

О жизни этого попугая на воле известно пока мало. Однако мы уже знаем, как он применяет к делу свой удивительный клюв. Этими сведениями мы обязаны Беку, Гэю и Ландбеку. Птица эта очень обыкновенна. Стаи ее многочисленны и состоят порой из многих сотен и тысяч попугаев, крик которых действует оглушающим образом. По словам Гэя, он часто мешал ему спать, когда тот был вынужден проводить ночь на воздухе, Местом жительства длинноклювых попугаев служат леса. Однако отсюда в поисках корма они совершают путешествия. С начала октября по апрель попугаи летают в Вальдивию. В это время каждое утро там появляются их стаи, летящие с севера, а вечером те же стаи возвращаются обратно. Эти перелеты, как у большинства попугаев, следуют по определенным маршрутам, и каждая стая летит в том же направлении, что и предыдущая. Чорои чаще встречаются на земле, нежели на деревьях. Их часто можно видеть в большом количестве в пампасах или, что бывает реже, на полях. Эти птицы являются самыми опасными врагами пшеничных и маисовых посевов, так как они одинаково ловко умеют вытаскивать из земли своим почти прямым клювом, как всходы пшеницы и маиса, так и корни трав, которые и составляют их главную пищу. К великой досаде плантаторов они никогда не упустят случая пограбить и налетают даже на плодовые сады, где портят яблоки исключительно ради зерен. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они заслужили ненависть чилийских поселян и преследуются ими самым ревностным образом. От Ландбека мы узнали, что они гнездятся в дуплах деревьев, тогда как другой вид чилийского попугая роет норы до 3 м глубиной. По словам Бека, молодые длинноклювые попугаи выращиваются в неволе без особого труда. Мясо этих птиц жестко и твердо.

К клинохвостым попугаям принадлежит единственный попугай, живущий в Северной Америке и получивший название **Каролинского попугая** (*Comiropsis carolinensis*) по имени своей родины. Длина его достигает 32 см, размах крыльев 55, длина крыла 18, хвоста 15 см. Основная окраска приятного темного травянисто-зеленого цвета, по обыкновению на спине темнее, а на нижней стороне желтее. Лоб и щеки — красновато-оранжевые, тот же цвет и на затылке, плечах и маховых перьях, тогда как зашеек чистого золотисто-желтого цвета. Более длинные кроющие перья крыльев снабжены оливково-зелеными кончиками. Маховые перья травянисто-зеленого цвета, внутри пурпурово- черные. Последние малые маховые перья и плечевые перья на конечной половине — оливково-буровато-зеленые. Хвостовые перья темно-зеленого цвета, вблизи стержней голубого, изнутри имеют черноватые, серо-желтые каймы; снизу эти перья темного серо-желтого цвета, снаружи — черноватые. Глаза серо-карие; клюв рогово-беловатый, бледный; ноги желтовато- мясного цвета. Самки окрашены бледнее. Птенцы же имеют один сплошной зеленый цвет, кроме передней части головы. Она окрашена в оранжевый цвет.

В прежнее время Каролинский попугай в Северной Америке добирался до 42 градуса северной широты и, по-видимому, хорошо переносил суровую зиму тех мест. По уверению Вильсона, он был весьма удивлен, повстречав во время одной февральской снежной бури стаю этих попугаев, летевшую с громкими криками вдоль берега Огайо. Отдельные экземпляры каролинских попугаев встречаются местами еще севернее и даже вблизи города Албани. В настоящее время дело обстоит иначе.

ского попугая. Вместе с тем попугай нападает и на плантации, часто принося им большой вред, так как он больше портит, чем ест.

Описание Каролинского попугая принцем фон Видом совпадает с предыдущим. Весенними месяцами он находил этих птиц на Миссисипи, часто огромными стаями, хотя они и терпели самое ревностное преследование со стороны их непримиримых врагов — плантаторов. В низовьях Миссури их еще встречают, в верхнем же течении уже нет. Индейцы, живущие близ форта Унион, носят шкурки этих птиц в качестве головных украшений. Попугаи, жившие у принца фон Вида, брали пищу с первых же дней и вскоре становились ручными. Вначале они кусали тех, кто брал их на руки, но скоро привыкли к людям. Один из пленников нашего натуралиста кончил жизнь весьма печально. Он был пойман во время холодного времени года и усердно искал в комнате тепла, вначале греясь в лучах солнца, позднее же — у камина. Но огонь оказался для него пагубным: от жара он получил воспаление в мозгу и умер.

В последние годы наши торговцы привозили так много живых Каролинских попугаев, что цена на них упала до нескольких марок. Однако таких пленников только изредка видишь в зоологических садах и в клетках любителей*.

** Опасения за судьбу Каролинского попугая, описанные в очерке о нем, к сожалению, оправдались. Беспощадное преследование привело к тому, что этот вид исчез с лица Земли. Последнее известие о каролинском попугае относится к 1920 году.*

Самыми большими из попугаев являются араны, или ары — попугаи, величиной от галки до ворона. Отличительными признаками их будут следующие: очень сильный, необыкновенно большой клюв, с боков сжатый, с сильно округленной спинкой и свешивающимся вытянутым концом; голое место на передней части головы, захватывающее собой уздечку, ободок вокруг глаза и переднюю часть щек, в более редких случаях ограничивается складчатой кожей вокруг нижней половинки клюва; очень длинный хвост. Голые бока головы часто покрыты короткими, далеко отстоящими друг от друга рядами перышек. Крылья длинные и заостренные; кончик крыла сильно вытянут вперед. Хвост длинный, клиновидный; наружные перья его равняются приблизительно одной трети длины средних. Плотное, жесткое оперение особенно ярко блестит зелеными, красными и голубыми цветами. Самцы и самки друг от друга не отличаются, молодые же попугаи отличаются от старых очень мало.

Ары распространены от северной Мексики до южной Бразилии и Парагвая, но не доходят до Чили. В Андах некоторые виды живут на высоте 3500 м. Большинство видов населяют девственные леса, вдали от человека и его жилья. С распространением культуры они отесняются все далее и далее и встречаются уже реже. В отличие от большинства других попугаев ары живут парами, иной раз совершенно изолированно от других парочек, чаще же имеют друг с другом сношения, когда по окончании птенцовой поры летают небольшими группами; но такие общества только в редких случаях становятся большими стаями*.

** Это не совсем так. Вне периода размножения многие ары ведут стайный образ жизни, и скопления их бывают весьма велики.*

Каждая пара очень привязана к месту своего жительства, мало от него отдалается, но часто совершает ежедневные экскурсии из центрального пункта своего местожительства. Таким центральным пунктом, вероятно, нужно считать дерево, на котором находится гнездо ар. Одна и та же пара из года в год предпочитает гнездоваться на том же дереве. Об этом было известно уже древним перуанцам и, как в настоящее время для индейских племен Гвианы и Бразилии, так и для них, эти деревья служили своеобразным источником дохода. Такие деревья с гнездами переходили по наследству от отца к сыну. Как ни скромны требования ар в выборе деревьев для гнезда, птицам все-таки необходимы широкие дупла; деревья же с такими дуплами в девственном лесу очень редки, да и птицы эти держатся только в известных областях. Пищей им служат различные древесные плоды родных лесов. Однако попугаи нападают и на поля, и там, где ары встречаются часто, они приносят значительный вред. В весенние месяцы птицы откладывают в свое старое гнездо 2 яйца, которые высидывает, по-видимому, одна самка, хотя оба родителя проявляют в отношении своих птенцов такую горячую любовь, какая замечается между птицами одной пары. Как и в давние времена, индейцы вынимают молодых ар из гнезд и воспитывают их у себя; за старыми же птицами, как издавна, так и теперь, охотятся ради их роскошных перьев.

Думаю, будет совершенно достаточно, если я опишу в настоящем издании лишь самых крупных попугаев, притом тех, которые чаще всего живут в наших клетках.

По своей величине и красоте выше всех попугаев стоит **гиацинтовый ара** {*Anodorhynchus hyacinthinus*). Эта прекрасная птица примечательна своим крупным клювом, у нее одноцветная

темная кобальтово-синяя окраска, немного более светлая на голове и шее. Основания перьев — серые, а внутренние опахала маховых перьев имеют черноватые края. Маховые, рулевые перья и большая часть нижних кроющих — блестящего черного цвета с такими же стержнями. Глаза темно-карие; большой голый глазной ободок и очень широкий участок голой кожи вокруг нижней половинки клюва — ярко-оранжевые. Клюв черный, ноги черновато-бурые. Длина птицы достигает 1 м, длина крыльев 42 см, хвоста 58 см.

Гиацинтовый ара (*Anodorhynchus hyacinthinus*)

Область распространения гиацинтового ары ограничивается северной частью средней Бразилии. Однако внутри этого района ара встречается только одиночками, и поэтому принадлежит к числу редких птиц на наших зоологических рынках.

Более обыкновенен и более распространен другой вид — **красный ара** (*Ara tacaou*). Эта столь же красивая птица достигает в длину 86 см, размах крыльев 1,05 м, длина крыльев ее равна 40, хвоста — 32 см.

Мелкое оперение ее пурпурово-красного цвета, на лбу и в области уха несколько светлее; задняя часть спины, надхвостье, верхние и нижние кроющие перья хвоста — красивого небесно-голубого цвета. Большие и малые маховые перья, их кроющие и крыловые сгибы — цвета берлинской лазури, причем первые на внутренних опахалах имеют широкие черноватые края. Наиболее длинные верхние кроющие перья крыльев и перья плеч — оранжево-желтые с зелеными пятнами на концах. Рулевые перья — пурпурово-красные с кончиками небесно-голубого цвета; обе пары самых наружных — темно-синего цвета. Нижние кроющие перья крыльев и нижняя сторона маховых и рулевых перьев — блестящего пурпурово-красного цвета. Глаза желтовато-белые, голые части

щек — буроватого мясного цвета; верхняя половинка клюва белого рогового цвета, а у края основания имеет черное треугольное пятно, нижняя половинка черная; ноги серовато-черные.

Красный ара распространен в северных странах Южной Америки, от Боливии и северной Бразилии до Гватемалы и Гондураса, однако попадает в Перу и Мексику.

С только что описанным видом часто путают **зеленокрылого ару** (*Ara chloroptera*), хотя он довольно заметно отличается своим темным пурпурово-красным оперением и зеленым цветом верхних кроющих перьев крыла и плеч. В средней и южной Бразилии он занимает место араканги, но далеко распространяется как на север, так и на юг и запад.

Последним я упомяну **сине-желтого ару** (*Ara araraipa*). Все верхние части тела этого ары и кроющие перья хвоста — темно-голубого цвета; бока шеи и нижние части — ярко-оранжевые: полоска, охватывающая задние части щек, и подбородок — черные. Глаза зеленоватого, жемчужно-серого цвета; голые боковые части головы — буроватого мясного цвета. Клюв черный; ноги буровато-черные. Длина птицы достигает 97 см, длина ее крыла 40, а хвоста 52 см. Область распространения та же, что и у красного ары.

Ары принадлежат к числу птиц, типичных для девственных лесов. Их излюбленным местопребыванием являются долины и леса, прорезываемые руслами рек. Некоторые виды не ограничиваются только лесом, но встречаются и в сухих, высоких областях, выжженных солнцем; их крик встречает путешественника и в диких скалистых горах провинции Багии. «Во время плавания по рекам, окаймленным густым прибрежным лесом, — говорит принц фон Вид, — вы встречаете этих красивых птиц и тотчас же узнаете их по голове, величине и длинному хвосту, когда, взмахивая своими длинными, большими крыльями, они медленно и плавно летят в далекой темно-голубой выси». Путешественники имеют обыкновение весьма преувеличивать сведения, касающиеся этих, столь интересных для европейцев птиц. Так, Ватертон упоминает о величественном зрелище, которое представляют тысячи ар, летящие высоко в воздухе, тогда как принц фон Вид и все остальные ученые натуралисты утверждают, что никто не видел, чтобы ары собирались в таком количестве.

"Образ жизни этих красивых птиц, — продолжает принц фон Вид, — в общем не отличается от образа жизни других попугаев».

В своей «Естественной истории попугаев» Левальян говорит, что ары глупые птицы, не боящиеся выстрела охотника. Однако принц фон Вид сообщает: «На основании собственных наблюдений я должен заметить, что в безлюдных лесах Бразилии, где ары очень многочисленны, их причисляют к числу самых пугливых и хитрых птиц». Насколько верен взгляд бразильцев, доказывают пойманные и доставленные нам ары. Нужно быть слепым, чтобы не замечать их высокой степени одаренности. У них нет той оживленности и бодрости, которые свойственны другим их сородичам, но было бы совершенно несправедливо считать их неповоротливыми и вялыми. В сравнении с другими попугаями они кажутся птицами спокойными, осмотрительными и строгими. В недостатке развития нежных чувств и понятливости упрекнуть их может только тот, кто их не наблюдал. Они не только добродушны и привязчивы, но проявляют много нежности, как супружеской и родительской, так и в отношении того, кто о них заботится.

Главную пищу ар составляют плоды, орехи и семена деревьев девственных лесов. Их клюв весьма приспособлен для разгрызания самой твердой скорлупы плодов различных пальм. Однако по временам ары посещают и плантации. Подобно другим плодоядным птицам девственного леса, они, за исключением поры размножения, следуют по пути вызревания плодов. При этом случается, что во время своих перелетов они достигают границы девственного леса и тогда опустошительно нападают на поля и плодовые плантации. Их хищнические набеги очень наглядно описывает Шомбургк. «Найдя какое-нибудь созревшее поле, они выставляют вокруг него сторожей на ближайших деревьях. Несмолкаемые до тех пор шум и дикое карканье стихают, только временами слышатся сдержанные ворчливые или шуршащие звуки. Если к этой, занятой грабежом, компании приближается какое-нибудь внушающее подозрение существо, первый заметивший его страж издает тихий предостерегающий крик, на который пернатые вору отвечают сдержанным карканьем, показывая тем, что предупреждение ими принято к сведению. Если опасность становится очевидной, сторож с громким карканьем слетает со своего поста, а вместе с ним с диким криком поднимается и вся стая, ища спасения в быстром бегстве»¹¹.

"В пору спаривания, — рассказывает принц фон Вид далее, — ары обыкновенно разыскивают то же гнездо, которое они занимали ранее, по крайней мере, делают это в том случае, если их никто на этом гнезде не тревожил. В течение многих лет их видят гнездящимися все на том же месте. Для своего гнезда попугаи выбирают в лесу дуплистое дерево, очень широкое в обхвате, с дуплистым суком или выгнившей щелью, которую они увеличивают до надлежащей ширины своим

сильным клювом. Сюда самка кладет 2 белых яйца, как и большинство других видов попугаев». Птенцы не просят корма криками, но, чувствуя голод, стучат в стенку дупла. На первых порах, как и у всех попугаев, птенцы ар имеют весьма некрасивый и беспомощный вид, но и после вылета из гнезда они еще долгое время находятся под надзором и на попечении родителей. Туземцы вынимают их обыкновенно прежде, чем они получают полное оперение: тогда они становятся очень ручными.

Пойманные ары уже издавна были любимыми птицами индейцев. «Весьма приятно было видеть, — говорит Гумбольдт, — вокруг индейских хижин ручных ар, летавших по полям, подобно нашим голубям. Эти птицы служат большим украшением птичников индейцев. Они не уступают в роскоши оперения ни золотистым фазанам, ни павлинам, ни гокко, ни другим лесным куриным. Уже Колумбу бросился в глаза обычай индейцев заниматься разведением попугаев — птиц, принадлежащих к семейству, так далеко отстоящему от куриных. И уже во время открытия Америки он обратил внимание, что туземцы Антильских островов едят вместо кур ар и других крупных попугаев».

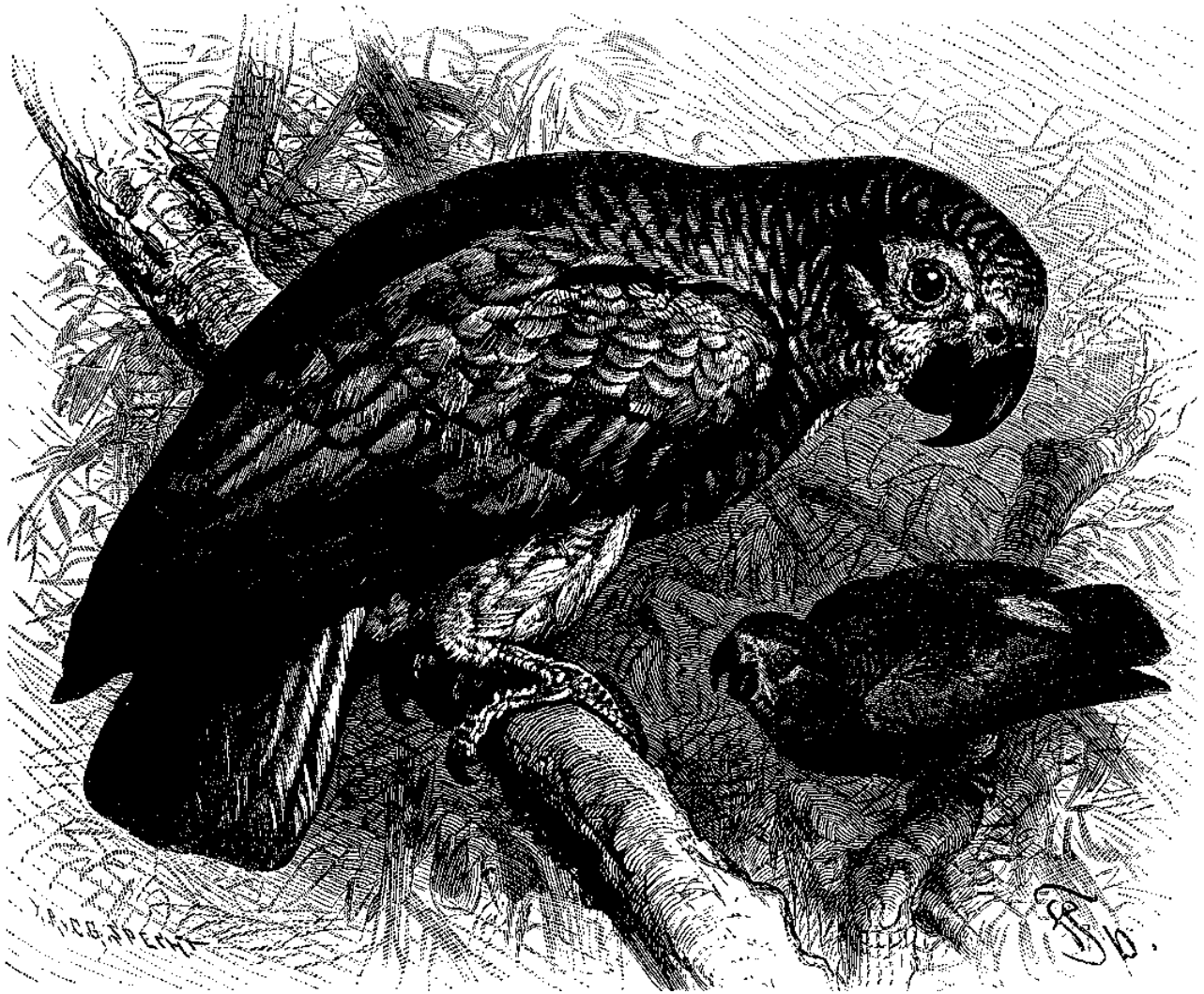
Держать ар всегда представляет некоторую опасность, так как они довольно часто пускают в дело совсем нежелательным образом свой ужасный клюв. Однако некоторые становятся весьма ручными.

Ары редко выучиваются говорить так же хорошо, как и другие попугаи, но они отнюдь не лишены этого дара.

Ары, за которыми ухаживают надлежащим образом, доживают в клетках до глубокой старости. Азара приводит достоверный пример, когда ара прожил 44 года в одной семье, одряхлел от старости и, в конце концов, мог переваривать только вареный маис.

Охота на ар одинаково ревностно ведется как туземцами, так и белыми. Европейский охотник считает себя уже счастливым, если метким выстрелом убьет одну из этих роскошно оперенных птиц. Если охотнику удастся заполучить раненную им добычу, он может поздравить себя с излюбленным блюдом. Мясо ар напоминает говядину, у старых птиц оно жестко, в холодное время года часто бывает очень жирным и дает крепкий навар. Красивые перья этих попугаев используются по-разному. Охотник, убивший ару, обычно украшает свою шапку его красными и голубыми маховыми и рулевыми перьями. Бразильцы употребляют маховые перья для писания. Многие дикие племена делают из перьев различные украшения, пестрыми маховыми перьями они большей частью оперяют свои стрелы. В настоящее время многие из индейцев украшают свой костюм роскошным оперением ар. В прежнее время племя лингоа-герал, теперь до известной степени просвещенное, делало из таких перьев разные украшения, которые они до каждого употребления в дело прятали в заклеенные воском бурачки. Тупинамбы восточного берега, жившие в местах, посещенных мною, приступали особенно торжественно к празднику по поводу предстоящего убиения или съедения взятого в плен неприятельского воина. Палач, несший дубину, был вымазан особой смолой и обсыпан мелкими перьями ар. На голове его находилась корона из хвостовых перьев этих красивых птиц. Перья ар у этих дикарей были символом войны. Даже в настоящее время эти дикие племена любят эти столь простые и красивые украшения. Миссионерам-иезуитам стоило большого труда вывести из употребления эти перья у береговых племен, ныне уже вышедших из дикого состояния.

Самым разумным и легко поддающимся обучению из всех попугаев является всем известный **серый попугай, или жако** (*Psittacus erithacus*). Характерными признаками его будут следующие: сильный клюв; длинные крылья с хорошо развитыми крыловыми концами; средней длины, почти ровно срезанный хвост; оперение, состоящее из крупных перьев. Ноздри, восковица, уздечка и ободок вокруг глаза у него не оперены. В оперении жако различаются только два главных цвета: хвост пурпурово-красный, остальные же перья пепельно-серого цвета с несколько более светлыми краями.

Жако (*Psittacus erithacus*)

Иногда встречаются экземпляры с роскошной окраской, у которых малые маховые перья и другие части оперения покрыты красноватым налетом. Однако таких птиц редко привозят в Европу, так как торговцы, живущие на западном берегу Африки, ценят их очень высоко, называют королевскими попугаями и обыкновенно оставляют у себя. Зрачок старого жако желтого цвета; клюв черный; ноги свинцово-серые. Самец немного крупнее самки. Длина птицы достигает 31 см, размах крыльев 65, длина крыла 22, хвоста 8 см.

Область распространения серого попугая в Западной Африке простирается от Золотого берега до Бенгуэлы, на остров Фернандо По и Принцевы острова, доходит до озера Чад и почти до водораздела северной половины государства Конго, таким образом совпадая с областью распространения масличной пальмы. В нижних частях Анголы и Бенгуэлы и в южных частях государства Конго жако, по-видимому, не встречается. Там, где этот попугай распространен, он попадает почти всюду, где только есть довольно скученные и крупные леса или совершенно заросшие, далеко тянущиеся лесные чащи.

Нижеследующим описанием читатель и я обязаны Рейхену, наблюдения которого над серыми попугаями существеннее и подробнее, нежели наблюдения других лиц. Он был настолько любезен, что отдал это описание в мое распоряжение.

"Куда бы вы ни свернули, всюду вас сопровождает крик серого попугая. Они совершенно обыкновенны в Западной Африке, а именно на Золотом берегу, в дельте Нигера, в Камеруне и Габоне. Здесь в непроходимых лесах, на топиях и болотах речных устьев природа предоставила им такое безопасное и подходящее местожительство, что они могут не опасаться преследования со стороны туземцев и немногих других опасных для них врагов. Главным местом их гнездования являются мангровые леса по близости берега. Попугаи пользуются уже существующими дуплами деревьев или же расширяют дупла сучков с помощью своего сильного клюва настолько, чтобы в них можно было гнездиться. В птенцовую пору парочки живут более или менее отдельно одна от другой. Пора эта приходится на месяцы дождей и соответствует, в зависимости от того, южнее или севернее находится их место жительства, нашим летним или зимним месяцам. По окончании птенцо-

вой поры они вместе с молодыми присоединяются к другим попугаям, образуя стаи, и уже сообщаются по окрестностям, сообщая отправляются за кормом и сообщая летают на ночлег. Жако выбирают для ночлега высочайшие деревья и собираются на них каждый вечер. Такие ночлеги становятся скоро заметными. Далеко по округе раздаётся каркающий крик прибывающих попугаев, и только с наступлением сумерек эти крики замолкают совершенно. Ранним утром крики поднимаются снова и на этот раз свидетельствуют об общем отлете. Не переставая шуметь, каркать и испускать пронзительные возгласы, серые попугаи летят вглубь страны, чтобы полакомиться на маисовых полях Нигера, преимущественно расположенных на высоких долинах. Полусозревший маис составляет их излюбленную пищу, и опустошения, производимые ими на маисовых полях, оказываются ужасными. Только перед заходом солнца они направляются на места своих ночных сборищ.

Полет серых попугаев ни в коем случае нельзя назвать проворным. Коротко и быстро взмахивая крыльями, они летят по прямому направлению туда, куда им нужно, и имеют вид птиц, испуганных и каждую минуту боящихся упасть».

Сведения о гнездовании серых попугаев мы находим у Кейлеманса. На Принцевых островах, сообщает этот путешественник, время гнездования приходится на декабрь после поры дождей. Гнездом попугая служит большей частью какое-нибудь глубокое дупло дерева. Самка кладет до пяти чисто белых яиц, не вполне овальной формы, на тупом конце слегка, на остром сильно закругленных. Так как эти птицы гнездуются в непроходимых лесах, то гнезда их найти нелегко. В одном районе часто гнездуются несколько сотен пар, но при этом большею частью на одном дереве находится только одно гнездо. Старики хорошо умеют защищать своих птенцов и находят поддержку у своих братьев. Туземцы не вынимают из гнезд молодых, будучи уверены, что в гнезде этих попугаев страшный жар, способный обжечь пальцы, если опустить руку в дупло с гнездом.

"Среди пернатых хищников, — продолжает Рейхенов, — одним из опасных врагов серых попугаев является, по-видимому, грифовый орлан. Я много раз видел его преследовавшим этих попугаев, и по их сильно испуганному виду мог убедиться, насколько они боялись его. Не было никакого сомнения, что орлан, несмотря на то, что сам не принадлежит к числу хороших летунов, мог свободно настичать и схватывать этих неловких на лету попугаев».

Жаркое из серого попугая, приготовленное особым способом, очень хвалит Дорн. По его словам, оно необыкновенно вкусно. Рейхенов, наоборот, отдает предпочтение супу из хорошо сваренного очень жирного жако. Мясо же, говорит он, жесткое и не поддается ни острому ножу, ни крепким зубам, хотя с виду похоже на говядину. Другие путешественники также подтверждают, что мясо серого попугая жестко и годится только для варки супа. Туземцы же разделяют мнение Дорна, но они едва ли могут быть компетентны, так как африканцы большей частью не требовательны в отношении случайно перепавшей им мясной пищи. Впрочем, за жако охотятся не столько ради мяса, сколько из-за его красных хвостовых перьев, так как все негры употребляют их в качестве военного украшения головы и иным образом или же готовят из них различные амулеты.

Туземцы ловят жако, приручают и выучивают говорить, а также пользуются им как предметом обмена и торговли. Денхам, Клаппертон и Гюрней привезли в Англию живых серых попугаев с озера Чад. Гейглин встретил этого же попугая в стране Ниам-Ниам и в Бонго. Все путешественники, посетившие западные берега Африки, видели его у туземцев, у одних племен чаще, у других реже.

Серый попугай считается одной из любимейших комнатных птиц и вполне заслуживает выказываемое ему расположение. Его кротость, понятливость и привязанность к своему хозяину вызывают удивление. О нем знают во многих странах, о нем говорится во всякой естественной истории и даже вообще во всякой книге, где только есть часть, посвященная описанию жизни животных. Множество милых сценок из жизни жако стали сюжетами для картин. Уже Левальян подробно рассказывает об одном сером попугае, жившем у амстердамского купца, и прославляет достоинства этой птицы. «Карл, так звали попугая, говорил не хуже Цицерона, и я мог бы наполнить целый том прекрасными изречениями, которые я слышал от него и которые он повторял мне, не пропуская ни одного слога. По приказанию он приносил ночной колпак и туфли своего хозяина и звал служанку, если она была нужна в комнате. Его любимым местопребыванием стал магазин, и здесь попугай оказался очень полезен. Так, если в отсутствие хозяина в лавку входил посторонний, попугай кричал до тех пор, пока кто-нибудь не приходил. Он имел превосходную память и точно заучивал целые фразы голландских изречений. Только на 60-м году жизни в неволе память его ослабла, и он ежедневно забывал что-нибудь из того, что знал прежде. С этих пор он уже повторял не более половины фразы, перемещал даже слоги и путал слова одной фразы со словами другой».

После Левальяна о жако писали многие. Собрался, таким образом, более или менее ценный материал. Наблюдения ясно показали, что почти все пернатые пленники обладают одними и теми же качествами. Но и между ними попадались жако с исключительными способностями. Один из таких попугаев, быть может, самый понятливый из всех, много лет прожил в Вене и Зальцбурге и нашел внимательного и прилежного наблюдателя. Сообщения последнего уже не раз были опубликованы, однако я считаю своим долгом дать им место и в настоящей книге. Ленц, безусловно, прав, говоря, что с тех пор, как птицы живут на земле, не было еще ни одного попугая или какой-либо другой птицы, которые превосходили бы упомянутого попугая искусством и умом. Эта удивительная птица была куплена в 1827 году за 25 гульденов у одного капитана в Триесте министерским советником Андреасом Мехлетаром по поручению каноника Зальцбургского капитула Иосифа Мархнера, а в 1830 году перешла во владение к церемониймейстеру капитула Ганиклу. Последний регулярно давал попугаю уроки перед обедом от 9 до 11 или вечером от 10 до 11 часов. Кроме того, он вообще много занимался с ним и добился, таким образом, высокого умственного развития попугая. После смерти Ганикла жако был продан за 150 гульденов, а в 1840 году вторично перепродан уже за 370 гульденов. Друг моего покойного отца граф Гурси Друатомон первый оповестил об этой птице в 1835 году в «Изисе» Окена. Клеймарн, последний владелец попугая, по просьбе Ленца дополнил это сообщение, и Ленц суммировал следующим образом все известное об этой птице.

"Жако обращает внимание на все, что совершается вокруг него, умеет всему дать известную оценку, дает правильные ответы на вопросы, делает все, что ему приказывают, приветствует проходящих, здоровается с идущими мимо, только утром говорит «доброе утро», а вечером — «добрый вечер», просит есть, когда он голоден. Каждого члена семьи он называет по имени и к одним из них расположен больше, чем к другим. Если попугай хочет позвать меня, то кричит: «Папа, поди-ка сюда!» Говорит ли он, поет ли или свистит, все это он исполняет так же чисто, как человек. Иногда, в минуты увлечения, он становится импровизатором, и его речь напоминает собою речь оратора, которую слышат издали и потому не понимают.

Вот перечень того, что говорит, поет и высвистывает жако: «Доброе утро, ваше преподобие». — «Ваше преподобие, прошу дать мне миндалю». — «Хочешь миндалю? Хочешь орех? Получи-ка кое-что. Вот тебе кое-что». — «Капитан! Здравствуйте, капитан!» — «Покорный слуга, госпожа архитекторша». — «Мужик плут, плут, мужик, уйдешь ли, разбойник? Уйдешь ли, уйдешь ли домой, уйдешь ты или нет? погоди же, мошенник!» — «Эй ты бродяга, мошенник, пройдох!» — «Славный попка, добрый попка». — «Ты, брат, славный паренек, молодец паренек!» — «На-ка кукурузы, на-ка кой чего». — «Нани! Нани!» «Господин сосед, подождите! Подождите, господин сосед!» Если кто-нибудь стучит в дверь, попугай кричит очень громко, ясно и совершенно человеческим голосом: «Войдите, войдите. Мое почтение, господин Брэй. Покорный слуга! Рад вас видеть, очень рад вас видеть». Он и сам стучит в дверь, выкрикивая те же слова. Попугай очень хорошо подражает кукушке. «Поцелуй меня! Хорошенько поцелуй: получишь за это миндаль». — «Смотри туда!» — «Выходи!» — «Лезь наверх, иди туда!» — «Мой милый попка!» — «Браво, брависсимо!» — «На молитву, идем на молитву!» — «Идем обедать!» — «Идем к окошку!» «Иероним, вставай!» — «Я иду, да хранит тебя Бог!» — «Многая лета императору! Многая лета!» «Куда идешь? Виноват, я думал, вы птица». Если он что-нибудь погрызет или испортит, то говорит: «Не смей грызть, сиди смиренно! Что ты натворил?» — «Что ты натворил? погоди, плут, погоди, мошенник, я тебя поколочу!» — «Попка, здорово, как живешь?» — «Ты что-то ешь?» — «Хорошего аппетита!» — «Пет, пет! Покойной ночи!» — «Попка может выйти. Ну, выходи, ну!» — «Попка, пли, пли, попка!» И вслед за тем он стреляет, громко выкрикивая: «Пу-у!» — «Гугу! Гугу!» — «Пошел домой! Пойдешь ли ты домой? Ало марш! Сейчас марш домой! погоди я тебя поколочу». Он звонит в колокольчик, повешенный в его клетке, и громко кричит: «Кто звонит? Кто звонит? Попка звонит». — «Какаду, какаду!» — «Га-га-га-га! Я тебе! Что за га? Ах ты!» «Вот пес, славный пес, отличный пес!» — и он свистит собаке. Далее попугай говорит: «Как кричит собака?» — и начинает лаять. После этого он говорит: «Свистни собаку!» — и свистит. Если ему приказывают: «Пли», — он кричит: «Пу-у!» — и затем отдает настоящую команду: «Стой! Равняйся! Стой! Равняйся! Оправьсь! Ртовсь! На прицел! Пли! Пу-у! Браво, брависсимо!» Иногда попугай командует: «Пли» — и кричит непосредственно после слов «г'товсь, на прицел!»: «Пу-у», но уже не прибавляет «браво, брависсимо», как бы сознавая свою ошибку. «Храни вас Бог, а Dio! Храни вас Бог!» — говорит он людям, уходящим из комнаты. «Как? Меня за шиворот? Как? За шиворот?» При этом он поднимает ужасный крик, как будто его действительно трясут за шиворот, и затем вновь кричит: «Как? Меня за шиворот? За шиворот? Постой, негодяй! Меня за шиворот?» «Да, да. Да, так-то все на свете! Именно так, именно так!» — и он начинает отчетливо хохотать. «Попка болен, бедный попка болен». — «Слышишь

Ганса?» — «Гугу, гугу! Попка здесь!» — «Постой, как схвачу тебя за шиворот!» Когда он видит, что накрывают на стол или слышит это из других комнат, он тотчас же выкрикивает: «Идем обедать! Ало марш обедать!» Когда его хозяин завтракает во второй или третьей комнате, он кричит: «Какау (какао), на-ка какау, на-ка кой чего!» Когда попугай во время церковной службы слышит звон соборных колоколов, он кричит: «Я иду, слава Господу, я иду!» Если хозяин его уходит не в церковь, то попугай, хотя бы он все время до того молчал, когда отворяют двери, кричит и почти каждый раз самым сердечным тоном: «Храни тя Господь!» Но если при этом присутствуют посторонние, он выкрикивает уходящему с ними хозяину: «Храни вас Господь!» Если попугай ночью находится в спальне своего хозяина, то молчит все время, пока тот спит. Если же он проводит ночь в другой комнате, то с наступлением утра начинает говорить, петь и свистать.

У хозяина жако был перепел. Когда весною тот впервые начал выделывать свое «подь подь», попугай обернулся к нему и закричал: «Браво, попка, браво!» Чтобы посмотреть, можно ли выучить попугая что-либо петь, в начале подбирали к мелодии такие слова, которые он мог произносить без труда, как, например, следующие: «Тут ли милый попка? Тут ли бравый попка? Тут ли славный попка? Тут ли попка? О, да! О, да!» Позднее он выучился петь песенку: «О Питциги, о Питциги, поиграй за меня в свирель, поиграй за меня в свирель, дуй, дуй, дуй, дуй за меня в свирель!» Он может подражать аккордам, очень бегло и чисто высвистывает гамму от начала до конца и обратно, исполняет и другие вещички, выделывает трели. Но все это он поет и свистит не всегда в одном и том же тоне, но иногда берет целым тоном выше или ниже, нисколько не фальшивя. В Вене попугай даже выучился высвистывать одну арию из оперы «Марта», и так как при этом его учитель приплясывал в такт, то он перенял и самый танец, по крайней мере, во время пения поднимал то одну, то другую ногу, презабавно покачивая головой в разные стороны.

В 1853 году Клеймарн умер. Жако начал прихварывать, по-видимому, от тоски по своему хозяину. В 1854 году попугай, совсем ослабевший, был положен в маленькую кроватку. За ним ухаживали весьма внимательно. Жако все еще прилежно болтал и часто говорил печальным тоном: «Попка болен, болен бедный попка». Вскоре он умер».

При хорошем уходе и простой пище жако могут прожить очень долго. У амстердамского купца Миннинг-Хейзена попугай жил в неволе 32 года, затем по наследству достался другому владельцу, у которого прожил еще 41 год. За 4 или 5 лет до своей смерти он совсем одряхлел: его живость и душевные способности, особенно память, стали убывать и, наконец, совсем исчезли. Последние два года он уже не мог сидеть на жердочке, а сидел, сгорбившись, на полу. Под конец он перестал сам брать пищу, и его пришлось кормить, как птенца. Он стал очень неправильно линять и, постепенно дряхлея и слабея, скончался.

Из всех мне известных видов неразлучных попугаев, или неразлучников, которые отличаются коротким и сильно закругленным хвостом, мы займемся описанием **розовощекого неразлучника** (*Agarornis roseicol/is*). Он принадлежит к числу крупных видов: длина его 17 см, длина крыла 10, а хвоста 5 см. Преобладающим цветом оперения является прекрасный травянисто-зеленый, который становится несколько светлее на нижних частях тела, а на боках принимает желтоватый оттенок.

Розовощекий неразлучник (*Agapornis roseicollis*)

Полоска на лбу и брови бледно-малинового цвета; уздечка, щеки, ушная область и горло нежного персикового цвета или бледно-розового, причем на горле этот цвет незаметно переходит в зеленый. Надхвостье и кроющие перья хвоста небесно-голубого цвета, маховые перья снаружи зеленые, к концу темнее, почти черные, снизу черноватые; внутренние бородки имеют неясную голубоватую каемку. Два средних рулевых пера — зеленые, прочие рулевые перья также зеленые, но на конце принимают голубоватый оттенок; в конце у них замечается черноватая поперечная полоса, а у основания ярко-красное пятно. Зрачок темно-карий, клюв желтый, как воск, а на конце зеленоватый; ноги голубовато-зеленые. Молодые птицы отличаются от родителей тем, что оперение у них более темное и на лбу нет красной полоски. Самка одинакового цвета с самцом.

Родиной розовощекого неразлучника следует считать юг и юго-запад Африки, именно Кафрскую область, а также Наму, Дамару и Анголу. Однако птица эта, как сообщает Кирка, встречается и на юго-востоке, на берегах Замбези. По словам Ортлена, буры очень любят этого попугайчика и часто держат его в клетках. О его жизни на воле сообщает, насколько мне известно, только Андерсон. «Этот красивый маленький попугайчик распространен по всей области Дамара и Большой Нама, но его находят также около озер Окаванго и Нгами. Он встречается всегда небольшими стаями вблизи озера или реки. По крайней мере, раз в день он отправляется к водоему и может служить надежным путеводителем жаждущему путнику. Если только последний сумеет воспользо-

ваться этим указанием, то найдет иногда очень незначительный ключ, который бывает часто расположен в каком-нибудь закрытом месте. Розовощекий неразлучник летает очень быстро; маленькие стаи с быстротой стрелы перелетают с места на место, когда ищут себе корма или направляются к водопою. Во время своего быстрого полета попугаи громко кричат, что случается также и тогда, когда их испугают. Пища их состоит из ягод и мягких семян.

Попугаи эти не строят своих гнезд, а захватывают гнезда других птиц, особенно общественного ткача. Я не могу сообщить, прогоняют ли они настоящих владельцев или пользуются покинутыми гнездами, но я видел, что эти попугайчики гнездятся вместе с общественными воробьями под одной кровлей. Яйца у них чисто белые и более удлиненной формы, чем у дятлов».

Зелено-красный попугай (*Eclectus roratus*) ростом заметно крупнее серого и окрашен в ярко-зеленый цвет, который сверху несколько темнее, чем снизу. Стороны груди, покровные перья основания крыла и нижние покровные перья самого крыла малиново-красного цвета. Крылышко и малые покровные перья предплечья светло-голубые, большие покровные перья ярко-синего цвета с черной каемкой внутри, малые маховые перья от основания до середины — зеленого, а на конце темно-голубого цвета. Три задних пера из них сплошь зеленые. Наружные рулевые перья темно-индигового цвета, внутри с черными каемками, четвертое и пятое рулевое перо на конце синие, а остальная часть их зеленая. Зрачок глаза оранжево-желтый, верхняя часть клюва кораллово-красная, а у основания желтого воскового цвета, нижняя часть клюва и ноги — черные. У самки голова, шея, грудь и нижние кроющие перья хвоста малиново-красного цвета, а спина, крылья, хвост и гузка вишнево-красного; конец хвоста светло-красный; окружность глаз, полоска на затылке, брюшко, края крыльев и нижние кроющие перья крыла — голубые; клюв черный.

Об образе жизни этих попугаев на воле у нас мало сведений. Известна лишь область их распространения. Они встречаются на островах Тернате, Гальмагера и Батьян; кроме того, в Новой Гвинее, на Гуэбэ, Вайгео и Мизоль. Из наблюдений Мартенса можно заключить, что эти попугаи не так общительны, как другие, так как в лесу их видишь чаще поодиночке, чем стаями. То же самое наблюдал Гааке в Новой Гвинее. Со слов одного малайца Мейер сообщает, что зеленые и красные попугаи сидят по очереди на яйцах одного и того же гнезда*.

* *Малаец, рассказавший об этом факте Мейеру, видимо, не знал, что самцы и самки зелено-красного попугая резко отличаются по окраске.*

Они довольно легко делаются ручными и даже привозятся к нам. Но характер их почти всегда испорчен. Однако они привязываются к своим воспитателям, которые сумели победить их первоначальное недоверие, и даже выучиваются говорить. Но они не переносят долго неволи и часто околевают от неизвестной причины, поэтому их считают более нежными созданиями, чем других попугаев той же величины.

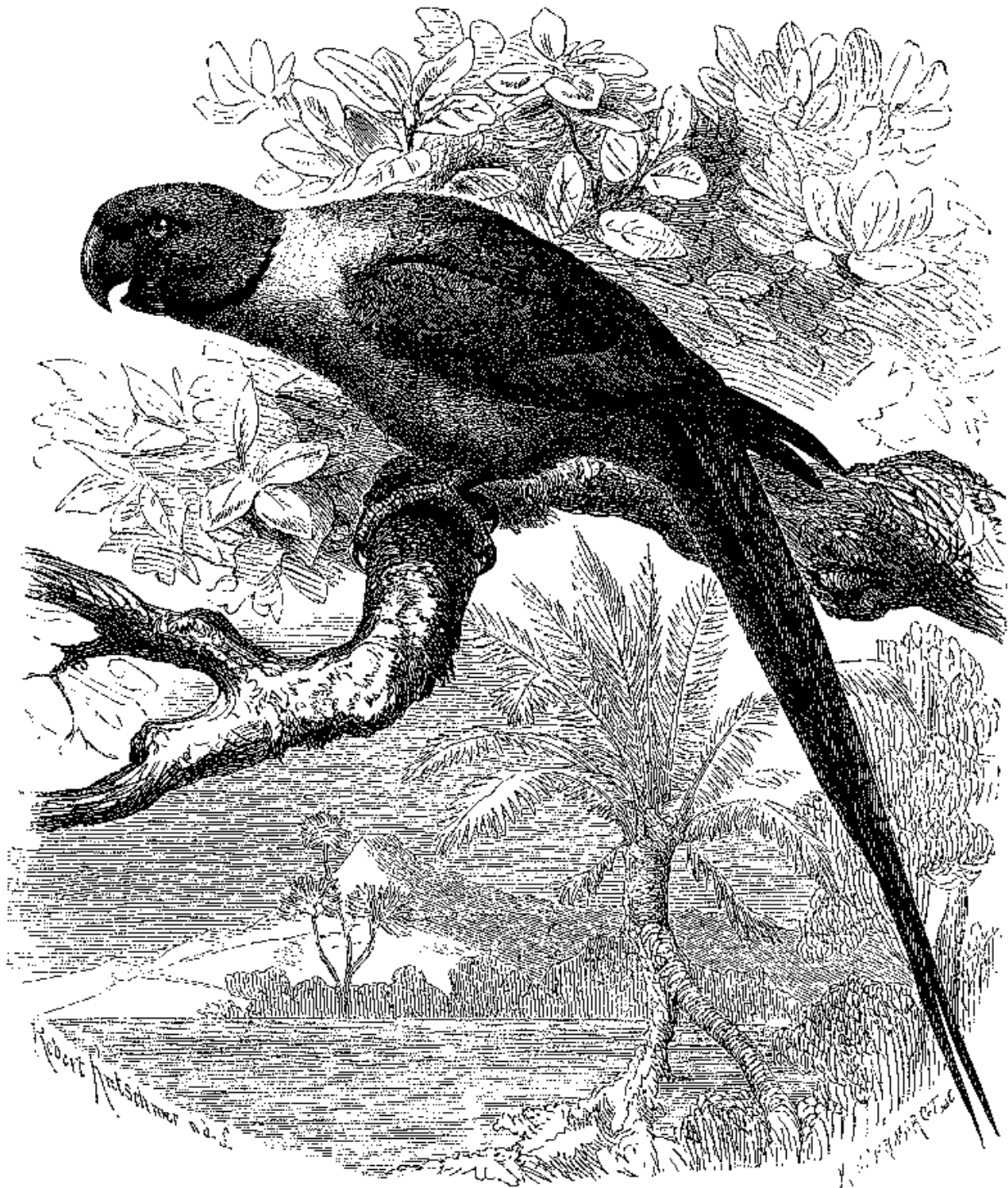
Ожереловый попугай Крамера (*Psittacula kramen*) у индусов носит названия тига, тия, голлар, лейбар, рагу и киру, у арабов — дура и бабачан, а у абиссинцев — герзей. Это очень грациозная и приятно окрашенная птица средней величины. Длина самца 35 и 40 см, из которых более 25 см занимает хвост, длина крыльев от сочленения до кончика всего 15 см. Цвет оперения — ярко травянисто-зеленый, часто переходящий в желтоватый; цвет этот ярче всего на темени, бледнее на брюшке и темнее на крыльях. С обеих сторон шеи и на щеках оперение принимает нежно-лиловый или небесно-голубой цвет, который отделяется от зеленого цвета груди узкой черной полоской и великолепной широкой ярко-розовой полосой. Хвостовые перья — травянисто-зеленые с ярко-желтыми внутренними опахалами и голубыми кончиками. Оба средних рулевых пера — голубые. Нижние стороны крыльев и хвоста желтовато-зеленые. Зрачок желтовато-белый, узкая радужная оболочка — красная, клюв красный с темным кончиком на верхней его части; ноги серые. Оба пола по оперению друг от друга не отличаются; молодые птицы до первой линьки отличаются более бледным и равномерным светло-зеленым цветом.

Область распространения ожерелового попугая обширнее, чем других попугаев. Он встречается как в южной Азии, так и в Африке. Правда, африканские ожереловые попугаи отличаются от азиатских меньшим ростом, более насыщенным желтовато-зеленым цветом оперения, более широкой полосой, идущей от углов рта, голубоватым отливом на верхушке головы и тем, что ожерелье посередине прервано.

В Индии и на Цейлоне ожереловый попугай принадлежит к числу самых обыкновенных птиц, живущих по преимуществу, но не только, на равнинах. Здесь, по словам Блайта, он предпочитает местности, где земля обработана. Это единственный индийский попугай, который ищет соседства с человеком. Он гнездится и выкармливает своих птенцов не только в садах и рощах, но и на деревьях, растущих вдоль дорог и шоссе, а также в углублениях стен различных зданий и в ще-

лях каменных оград. В некоторых местах он живет вдали от леса и довольствуется теми немногими деревьями, которые жители города или деревни посадили около домов ради плодов или для тени. В одних индийских городах эти птицы, словно галки, сидят на крышах домов, в других выбирают себе для отдохновения деревья на площадях и не обращают внимания на происходящий под деревьями шум от базара.

Ожереловый попугай сильно грабит плодовые сады и производит большие опустошения на посеянных полях. Он прицепляется к сучьям деревьев и срывает плоды еще до их вызревания и вытаскивает зерна из колосьев еще раньше, чем они успевают окрепнуть.

Ожереловый попугай Крамера (*Psittacula krameri*)

Когда жатва свезена в гумно, то он, как наши голуби, ищет зерен в обмолоченной соломе на току и, как каролинский попугай, прилетает к скирдам, чтобы там поживиться зернами. Иногда попугаи собираются в большие стаи и отправляются довольно далеко. Если подобная стая увидит на пути дерево со спелыми плодами, то, конечно, не пролетит мимо, а будет долго кружиться над ним с распростертыми крыльями и развернутым хвостом. Наконец, вся стая садится на дерево, и все плоды его уничтожаются в самое короткое время. Иногда эти птицы присоединяются к стаям других

попугаев и вместе с ними рыщут по стране в поисках корма. Попугаи, без сомнения, вредят садам и полям, и только благодаря добродушью индусов и их любви к животным, птиц здесь не преследуют.

Путешественнику в этих странах было бы трудно не заметить ожереловых попугаев. Натуралист, прежде всего, отличает этих птиц по их резкому крику, который пересиливает всякие другие звуки в лесу, и бывает потому заметнее, что попугаи всегда живут более или менее многочисленными стаями. Подобная стая часто соединяется с другими и образует таким образом очень многочисленное общество. Для постоянного местожительства она обыкновенно избирает себе группу тамариндовых или других густых деревьев и оттуда ежедневно предпринимает странствования по окрестностям. В ранние утренние часы птицы большею частью довольно спокойны, но скоро после восхода солнца они с криком и карканьем летят за пищею, и тогда видно, как стаи быстро несутся над лесом.

Африканские леса довольно бедны плодоносными деревьями, но роскошная растительность в тени деревьев изобилует различного рода семенами, что и привлекает попугаев на землю. Только когда созревают маленькие круглые плоды африканского дерна и нежные стручки тамаринды становятся съедобными, попугаи уже не спускаются на землю или делают это очень редко. Весьма вероятно, что они едят и животную пищу. По крайней мере, я часто видел, как они чего-то искали около муравейников и термитовых построек, и у пленных птиц я также замечал стремление к мясной пище. Этих попугаев редко встретишь на засеянных полях, которые жители внутренней Африки устраивают у опушки леса. В клетках этих птиц можно кормить семенами тамошних посевных растений. На воле им, однако, лесные плоды и семена нравятся больше, чем хлебные зерна. Стаи до полудня заняты отыскиванием пищи. После этого они летят на водопой, а затем садятся на какую-нибудь густую верхушку дерева, чтобы отдохнуть там несколько часов. При этом попугаи болтают и громко кричат, так что общество это очень заметно, но отыскать его все-таки трудно.

Насколько ловко и быстро эти попугаи летают, настолько медленно, неуклюже и беспомощно движутся они по земле, да и лазают они по ветвям не особенно искусно. Полет у них очень быстрый, но, по-видимому, он утомляет их. По крайней мере, полет требует частых ударов крыльями и в непродолжительное парение переходит лишь тогда, когда попугай собирается садиться. Из одного удовольствия попугай этот никогда не летает. Он всегда летит к определенной цели и тотчас садится, как только цель достигнута.

От Жердона мы узнаем, что ожереловый попугай гнездится в Индии с января до марта. Внутри Африки это происходит в дождливые месяцы года. В Индии, как уже было сказано, он устраивает гнезда не только на деревьях, но и в разных углублениях, даже в зданиях. В Африке же попугаи эти гнездятся только на деревьях.

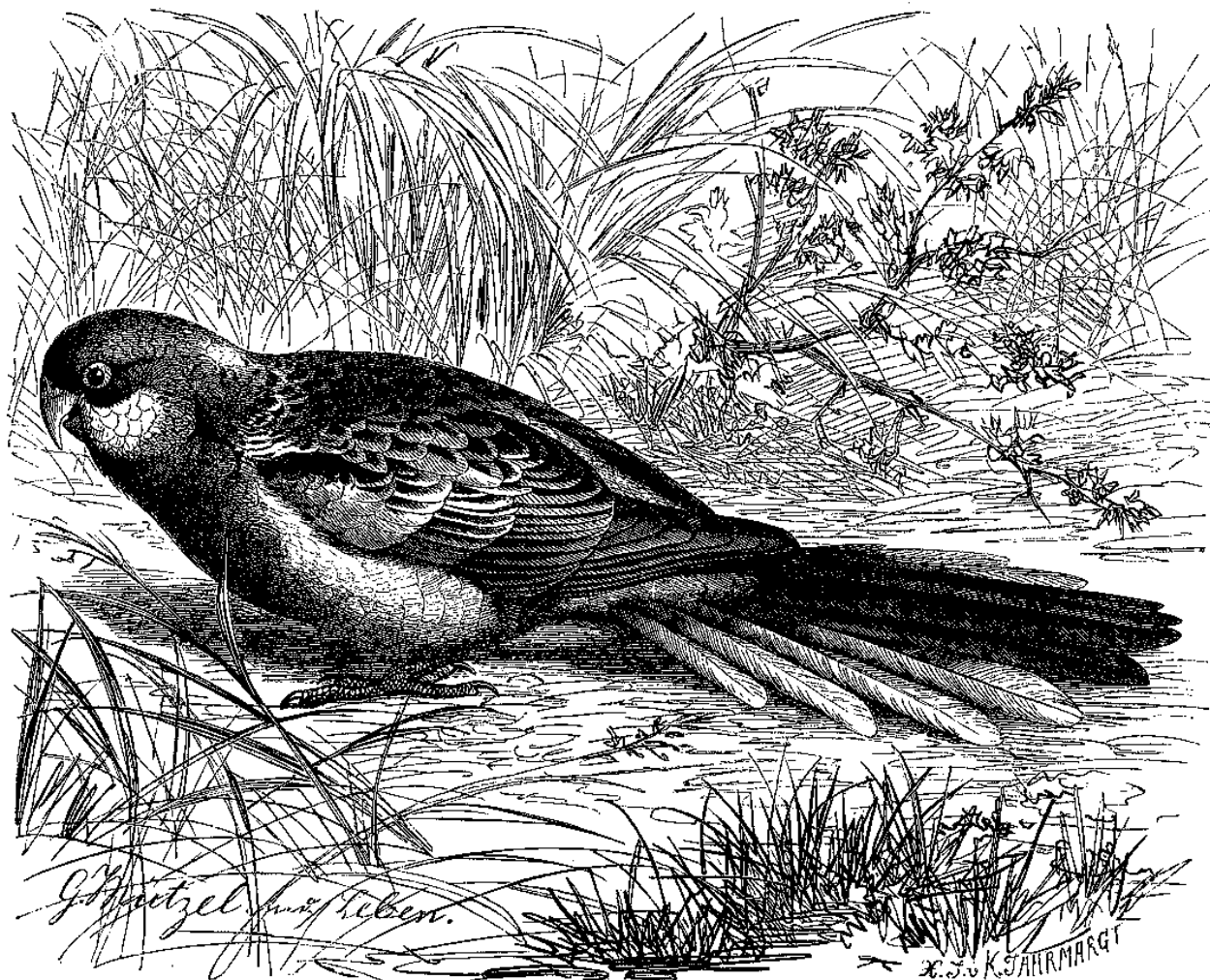
Несмотря на крепкий клюв и сильные лапы, ожереловые попугаи много терпят от больших хищных птиц и, по уверению индийских наблюдателей, они делаются добычею даже менее ловких хищников. Филлипс замечает, что местный коршун часто набрасывается на них, когда они сидят на деревьях, и утаскивает то одного, то другого, а также, что на этих попугаев нередко нападают крупные совы. Андерсон, напротив, только один вид сокола* считает за их злейшего врага. «Маленькие стайки попугаев, — рассказывает он, — летели мимо меня к своим вечерним убежищам, как вдруг, к моему удовольствию, сокол бросился на них и пронесся в нескольких шагах от головы моей лошади. Он три раза повторял свое нападение, и попугаи всякий раз теснились в страхе и смятении друг к другу и падали в борозды поля, через которое я ехал. Как только попугаи поднимались, то сокол снова повторял свое нападение, но неудачно, так что, наконец, он, очевидно, не в духе, уселся на сучок близ стоящего дерева». В Африке я не видал подобной охоты, но не сомневаюсь в том, что и там местные соколы нападают на ожереловых попугаев.

* Имеется в виду один из подвигов сапсана (*Falko peregrinus peregrinator*), которого некоторые ученые считают самостоятельным видом.

В тех странах Африки, где мне случалось бывать, только натуралисты охотятся на ожереловых попугаев, когда хотят получить их для своих коллекций. Туземцы никогда не нападают на них с оружием и ловят попугаев живыми, если надеются их выгодно продать. Несмотря на многочисленность попугаев, не очень-то легко застрелить этих птиц: хитрость их способна обмануть и опытного охотника, старания которого часто бывают неудачны.

Обыкновенная розелла (*Platycercits eximius*), называемая австралийскими колонистами розелла, а туземцами Нового Южного Уэльса — бундулок, — попугай величиной с крупного дрозда, то есть около 32 см длиной. Голова, горло и грудь так же, как и нижние кроющие перья хвоста — яркого багряно-красного цвета, причем все перья здесь у основания желтые. Задняя часть шеи и стороны ее, верхняя часть спины и плечи — черные, с широкой бледно-желтой каймой. Нижняя

часть груди ярко-желтая, стороны груди также желтые с черными пятнами посередине каждого пера. Брюшко, бедра, надхвостье и верхние кроющие перья хвоста красивого светло-зеленого цвета с серовато-желтым налетом. Крылья темно-бурые, а снаружи темно-синие. Большие маховые перья великолепного фиолетово-синего цвета, а последние Ъ—А из малых маховых перьев снаружи имеют светло-зеленые каемки. Снизу все маховые перья серовато-черные. Оба средних рулевых пера темного оливково-зеленого цвета, а к концу синевато-зеленого. Прочие рулевые перья на одной половине темно-синие, на другой фиолетово-синие, а на кончике белые.

Обыкновенная розелла (*Platycercus eximius*)

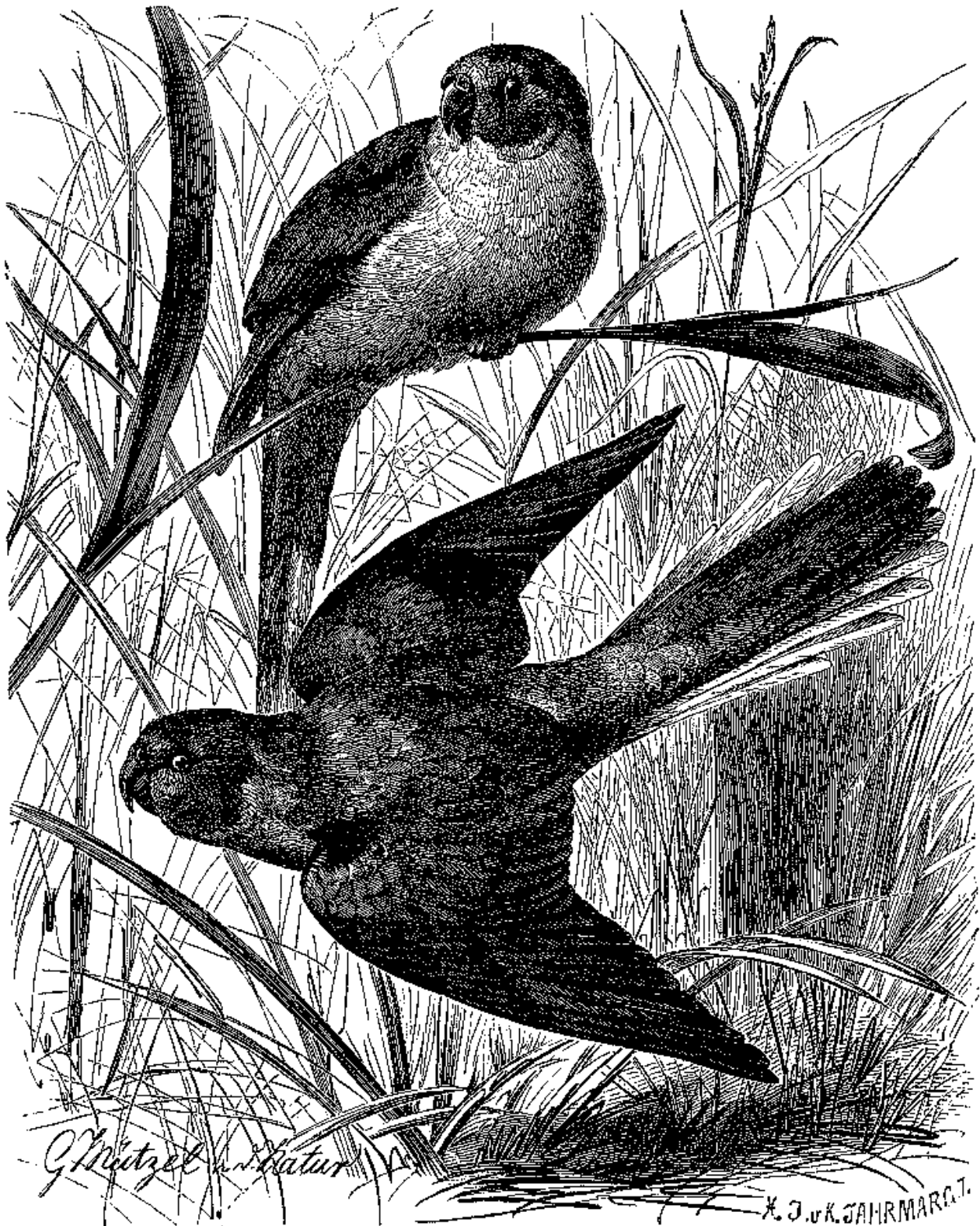
От верхней части клюва до ушей замечается белое пятно, а на середине крыла большое черное пятно. Глаза темно-карие, клюв и ноги темно-бурые.

Этот красивый попугайчик живет в Южной Австралии, Новом Южном Уэльсе и Тасмании. Он здесь очень обыкновенен, но населяет лишь известные местности, ограниченные иногда ручейком, через который попугаи почти никогда не перелетают. Розеллы, как правило, не собираются в большие стаи, а встречаются лишь семействами или маленькими стайками. Любимым местопребыванием им служат открытые местности, ровные или холмистые, где местами растут высокие деревья или группы кустарников. Эти деревья тогда делаются центральными пунктами их местопребывания, откуда они разлетаются по песчаным равнинам или прогалинам лесов в поисках корма. Попугаи в местах своего обитания ведут себя так же, как наши воробьи на улицах. Если их спугнуть, то они садятся лишь на соседнее дерево, чтобы тотчас же снова спуститься на землю. Путешественники уверяют, что впечатление, производимое этими птицами на уроженцев севера, трудно описать словами.

Розелла летает волнообразными линиями, быстро взмахивая крыльями, но редко пролетает сразу большие пространства, так как, по-видимому, быстро устает. Тем проворнее прыгает он по земле, где по ловкости движений мало уступает воробьям. Голос его, как у большинства сородичей, состоит из очень приятного свиста, который можно почти назвать пением. Пища состоит из различных зерен, по преимуществу из семян злаков, но при случае, говорят, он ест и насекомых. Время гнездования — от октября до января. Самка кладет 7-10 продолговатых яичек в дупло толстого сучка камедного или какого-нибудь другого большого дерева. Яйца довольно толстые, почти оди-

наково округленные с обоих концов, 25 мм длиной и 21 мм шириной, бледного серовато-желтого цвета, а на свет они кажутся зеленовато-белыми. Дупло иногда бывает очень большой глубины, но это не мешает розелле пользоваться им.

Чаше других встречается **лазурный травяной попугайчик** (*Neophema pulchella*). Вся передняя часть головы его до глаз и кроющие перья верхней части крыла небесно-голубого цвета, за исключением каштаново-бурого пятна, находящегося на предплечье и образованного самыми мелкими кроющими перышками. Плечи, спина и прочие верхние части травянисто-зеленого цвета. Вся нижняя сторона тела от подбородка до нижних кроющих перьев хвоста ярко-зеленого цвета. Обе стороны брюшка и грудь — с зеленым налетом. Маховые перья черные, наружные опахала темно-синего цвета с узкой зеленой каемкой. Оба средних рулевых пера зеленые, наружные почти по всей длине ярко-желтые, только у основания зеленые и черные, причем эти последние цвета к середине хвоста занимают больше места. Радужная оболочка карая, клюв черноватый, ноги светлого буровато-серого цвета. У самки щеки, подбородок, зоб и грудь желтовато-зеленые, и красновато-бурое пятно на предплечье менее ясно. Молодые попугайчики похожи на самку, различие в окраске обоих полов делается заметным скоро после вылета птенцов из гнезда.

Лазурный травяной попугайчик (*Neophema pulchella*)

По сообщению Гульда, эти птицы живут в пустынных береговых местностях Австралии, встречаются большими или маленькими стаями. В начале весны они появляются, высиживают детенышей, а после гнездования опять исчезают, удаляясь вглубь страны. При благоприятных условиях, именно когда злаки дают большое количество семян, стаи эти собираются в огромнейшие толпы и наполняют собой густые заросли высоких трав. Как большинство прочих австралийских попугаев, лазурные попугайчики проводят значительную часть времени на земле, отыскивая там себе корм. Бегают они с ловкостью маленьких болотных птиц, быстро семена ножками, по-видимому, без всякого напряжения. Благодаря своему умению лазать, попугаи ловко переходят через рвы и неровности почвы. Летают они красивыми дугообразными линиями, несясь по воздуху с быстротой стрелы, но большей частью низко над землей. Только иногда они поднимаются в высоту.

Нимфа (*Nymphicus hollandicus*), которого колонисты в Австралии называют какаду, по размеру похож на наших крупных дроздов, но кажется больше из-за длинного хвоста. Оперение очень пестрое и красивое: основным цветом его можно считать темный оливково-серый цвет, который на нижней стороне тела переходит в чисто серый. Верхняя часть головы, уздечка и задние части щек — бледного соломенно-желтого цвета, перья хохолка также бледно-желтые, но с серыми кончиками. Радужная оболочка темно-каряя, голый ободок вокруг глаза серый, клюв серовато-черный; ноги серовато-бурые.

Гульд, которому мы обязаны жизнеописанием нимфы, находил эту красивую птицу в большом количестве во внутренней части Австралии. У берегов она встречается реже. По крайней мере, по сравнению с тысячами этих птиц, которых можно видеть на внутренних плоскогорьях, очень немногие замечаются на равнинах между высокими хребтами гор и морем. На востоке Австралии нимфы, по-видимому, встречаются чаще, чем на западе. Летом они гнездятся на плоскогорьях, расположенных по верхнему течению Гунтера, Пиля и других рек, текущих на север, там, где находятся их любимые деревья. После гнездования они собираются в бесчисленные стаи, покрывающие на большом пространстве почву или сажающиеся на сухие ветви камедных деревьев, расположенных около воды. В сентябре эти стаи предпринимают странствования и показываются тогда на местах своего гнездования. В феврале и марте они снова возвращаются на север. Попугайчики эти питаются семенами трав и без воды обходиться не могут, почему держатся всегда вблизи рек и гнездятся в лесах, расположенных по их берегам.

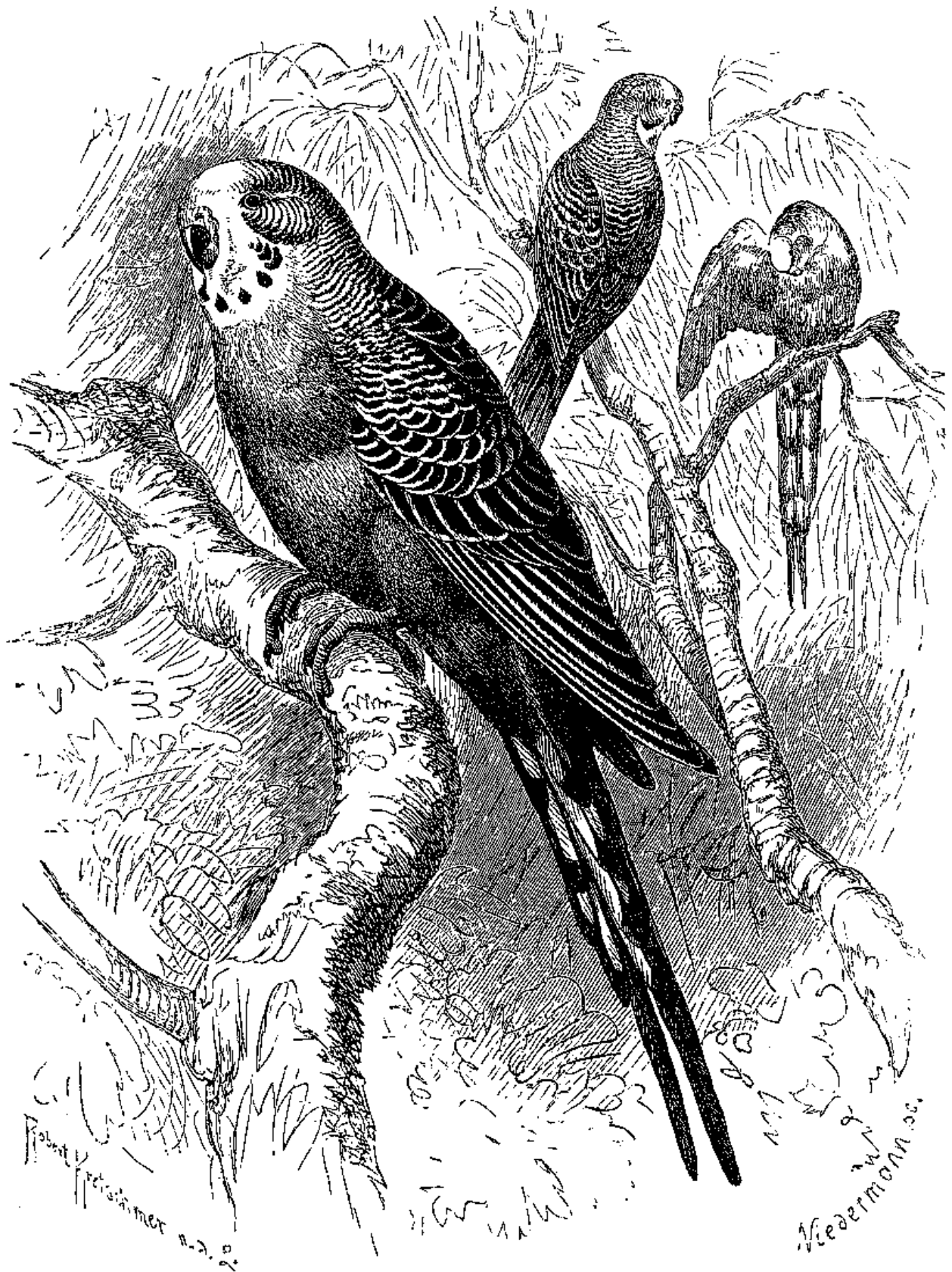
Нимфы очень проворны, ловко бегают по земле, хорошо лазают и летают, хотя не особенно быстро, но легко. Часто совершают разом большие перелеты. Они мало боятся людей. Если их спугнуть с земли, то они летят к ближайшему дереву и садятся там на сухие ветки. Когда им кажется, что опасность миновала, то они снова слетают на землю. Вообще они совсем не пугливы, и потому их часто убивают и ловят, как из-за их вкусного мяса, так и вследствие того, что они очень милы и приятны в клетках. 5—6 белых яичек, составляющих кладку, имеют около 2 см длины.

Из всех попугаев, которых мы держим в клетках, более других обращает на себя внимание маленький австралийский попугайчик, которого я собираюсь описать. Попугайчики обычно восхищают нас красотой своего оперения, а волнистый попугайчик, о котором идет речь, своей миловидностью и приятным нравом. Он также очень красив, но его приятный нрав превосходит красоту его оперения. Он служит украшением любой комнаты и скоро приобретает любовь даже черствого человека. **Волнистый попугайчик** (*Melopsittacus undulatus*) принадлежит к числу самых маленьких попугаев, но кажется больше вследствие длинного хвоста.

Длина попугая 20-22 см, размах крыльев 26-27 см, длина крыла 9, а хвоста 10 см. Длинный хвост имеет ступенчатое строение, так что крайняя пара перьев в три раза меньше средних, которые по длине значительно превосходят остальные. Оперение необыкновенно мягкое и красиво окрашенное. Окраска у самца и самки почти одинаковая, и молодые птицы мало отличаются от взрослых.

Шау — первый натуралист, описавший волнистого попугайчика, а Гульд — первый путешественник, который сообщил нам сведения о его жизни на свободе. Теперь мы знаем, что эта птица живет огромными стаями внутри Австралии, а именно на равнинах, поросших травой. Питается семенами злаков. Все наблюдатели, ознакомившиеся с его жизнью на воле, восхищаются им точно так, как и любители, которые содержат его в клетках.

Когда Гульд посетил в декабре равнины внутренней части Австралии, то увидел себя окруженным волнистыми попугайчиками и решил остаться там на некоторое время, чтобы иметь случай наблюдать их нравы и привычки. Они прилетали стаями в 20-100 штук к маленькой лужице, чтобы напиться, а затем в известное время улетали на луга, чтобы собирать свой корм, состоящий исключительно из семян различных трав. Чаще всего они прилетали к воде рано утром и вечером, перед наступлением сумерек.

Волнистый попугайчик (*Melopsittacus undulatus*)

Во время полуденной жары они без движения сидели под листьями камедных деревьев, в дуплах которых в это время года проживали парочки, насиживающие яйца. Пока попугаи смирно сидели на деревьях, их трудно было заметить, но когда они собирались лететь на водопой, то открыто усаживались целыми массами на сухие сучки камедных деревьев и на те ветви, которые были ближе к воде. Движения их быстры и изящны. Летают они прямо и удивительно быстро, как ласточки и соколы. Их полет вовсе не похож на полет прочих попугаев. По земле они ходят относительно хорошо, а по ветвям лазают с некоторою ловкостью. При полете издают резкий крик. Во время сиде-

ния попугай забавляются нежным щебетанием, которое нельзя назвать пением только потому, что голоса множества птиц смешиваются и образуют хаотическое сочетание тонов.

Волнистые попугайчики живут группами и во время гнездования, хотя парочек очень легко узнать, так как они всегда держатся вместе. Гнездо бывает расположено в отверстиях и трещинах камедных деревьев и в декабре содержит от 4 до 6 беловатых и довольно закругленных яиц. В конце декабря птенцы обыкновенно уже вылетают из гнезда и могут сами о себе заботиться. По окончании гнездования стаи предпринимают свои странствования. Они летят с юга на север и возвращаются к местам гнездования лишь тогда, когда созревают семена трав. В Южной Австралии они появляются весной, которая по времени совпадает с нашей осенью, с той же правильностью, как и наши перелетные птицы. Туземцы говорят, что иногда эти птицы появляются в странах, где прежде они никогда не показывались. Это очень правдоподобно, если иметь в виду легкость и быстроту их полета.

Большим преимуществом волнистого попугайчика следует считать его неприхотливость: ни одна комнатная птица не требует столь малого разнообразия в корме, как этот попугайчик. Он может довольствоваться одной и той же пищей в продолжение года и дольше. В Европе вместо австралийских семян ему дают чечевицу, канареечное и льняное семя, и он вполне довольствуется этим кормом. Попытки приучить его к другим семенам остались без успеха, но он охотно ест сочные листья салата, капусты и другую зелень. Сначала он отказывается от плодов, сахара и иных лакомств, но потом понемногу приучается к ним, несмотря на то, что любит сухой корм. Волнистый попугайчик редко пьет и иногда по неделям не подходит к воде, но все-таки не следует забывать снабжать его клетку холодной водой. Кроме того, ему необходимы соль, известь и песок. Понятно, что легкость содержания этих попугаев сильно способствует тому, чтобы их любили.

Но волнистый попугайчик умеет снискать себе любовь человека и другими способами. По своей понятливости он стоит, без сомнения, несколько ниже крупных попугаев, однако различие это не очень заметно. Большинство других попугаев, даже те виды, которые хорошо подражают человеческому голосу, несмотря на свою любезность, делаются порой несносными из-за своего оглушительного крика. Научаясь разговаривать со своими воспитателями, они часто не могут отказать себе в удовольствии пошуметь и немилосердно покричать в перерывах между отдельными словами и фразами. Немногие люди способны долго переносить это неприятное свойство попугаев. Волнистые попугайчики ведут себя иначе: они тоже голосисты, но никогда не пользуются своим голосом для бестолковых криков, и голос их всегда приятен. Самца волнистого попугайчика можно с уверенностью причислить к певчим птицам: его болтовню нельзя назвать простым щебетанием, это настоящая, хотя и скромная, но очень приятная песенка. Волнистый попугайчик хорошо выучивается подражать пению других певцов и воспроизводит их с удивительным искусством. Некоторые из них выучиваются выговаривать несколько слов.

Семейство тураковые

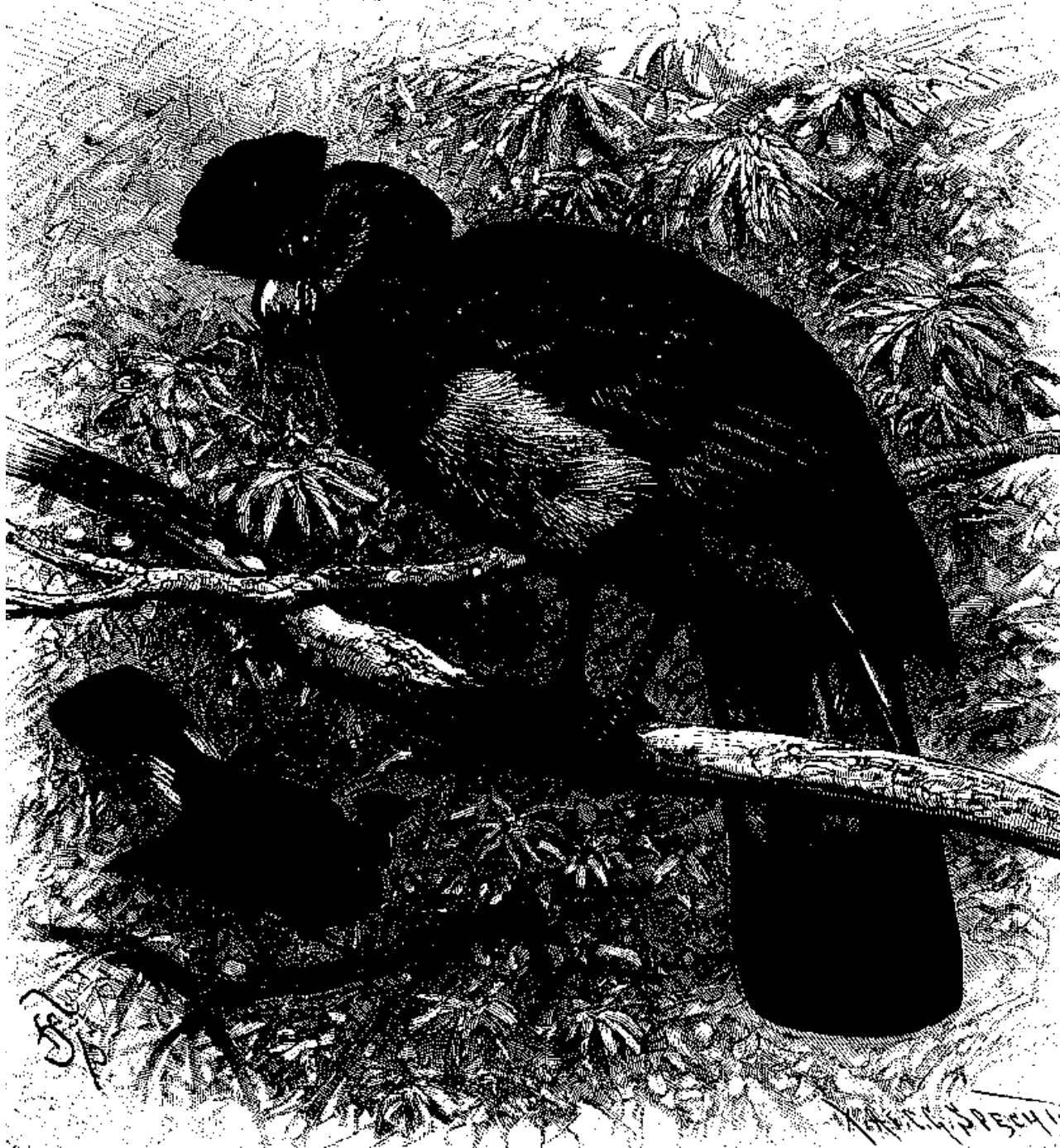
Птиц этого семейства, в котором насчитывается только 20 видов, называем мы еще бананоедами, несмотря на то, что это, кажется, весьма мало им подходит, так как они едва ли могут питаться бананами. По величине турако занимают среднее место между вороной и сойкой. Тело у них вытянутое, шея короткая, голова средней величины, клюв короткий, крепкий и широкий, у верхнего края резко загнутый, у нижнего слегка отогнут книзу, у расщепа зазубрен. Средней длины крылья сильно закруглены, четвертое или пятое маховые перья длиннее других. Хвост довольно длинный и округленный, ноги сильные, относительно высокие и непарнопалые: три пальца обращены вперед, один назад. Перья мягкие, у некоторых видов окрашены великолепными цветами.

Распространены турако в больших сплошных лесах и узких полосах лесов, растущих по берегам рек в средней и южной Африке. В безлесных местностях их совсем не видно. Они живут обществами, т.е. маленькими стаями, в которых, по моим собственным наблюдениям, бывает от трех до пятнадцати птиц. Держатся они по большей части на ветках деревьев, но спускаются иногда и на землю. Некоторые из них часто облетают довольно большие пространства, но путешествия эти имеют какой-то суетливый, беспокойный характер и сопровождаются ужасным шумом и криком. Летают они не особенно красиво, но, судя по коротким крыльям, могут делать разнообразные повороты в воздухе. Движения их среди ветвей деревьев очень ловки.

Растительные вещества составляют главную, если не исключительную пищу турако. Они едят почки листьев, плоды, ягоды и зерна, которые собирают в верхушках деревьев, в кустах и на земле. Само собой разумеется, что этой пищей обуславливается и их местопребывание. Они преимущественно населяют страны, богатые водой и плодами. Благодаря этой пище они легко привыкают к неволе и при известном уходе живут у нас годами. Некоторые виды их принадлежат к самым

приятным комнатным птицам и нравятся великолепием своего оперения и веселым и непритязательным нравом.

В ближайших к экватору местностях западной Африки живет **исполинский турако** (*Corythaeo/a cristata*). Птица эта размером с фазана, общая величина ее 65-75 см, а длина крыльев 35-40 см. Ее красивое, блестящее оперение на спине и шее ярко-лазоревого и синего цвета, на груди зеленовато-желтого; брюшко, бедра и гузка окрашены в ржаво-красный цвет.

Исполинский турако (*Corythaeola cristata*)

Смотря по освещению особенно ярко выступает красота ее красок, которые после смерти птицы тускнеют, как вообще значительно пропадает густота и яркость всего оперения. Перья хвоста голубые, но на концах черные с голубыми каймами. Середина крайних перьев хвоста украшена широкой зеленовато-желтой полосой.

Птица эта, замечательная как красотой своей, так и нравом и голосом, живет в обширных лесах, в горах и долинах; иногда она залетает в саванны, где растут деревья, когда там поспевают плоды и ягоды.

Свое присутствие он выдает чрезвычайно громким и раскатистым криком, доставившим ему среди туземцев имя «коко». Этот крик состоит из двух частей, которые он издает, еще сидя на месте, тогда как во время полета он повторяет только последний звук. Первая часть напоминает крик павлина, но благозвучнее и протяжнее, идет нисходящей гаммой. Его можно отчасти передать зву-

ками «куруи». Вторая часть этого крика звучит «кок-кок-кок», произнесенным быстро, но отдельно, 8 или 10 раз подряд. Именно это «кок», раздающееся постоянно с одинаковой звучностью и силой, слышится на далекое пространство.

Жизнь этих красивых и приятных птиц доставляет наблюдателю много удовольствия. Шумно ударяя крыльями, они направляются по прямой линии над водой от одного лесистого берега к другому или бегают необыкновенно ловко, кокетливо танцуя вдоль веток деревьев, прыгают по ним вверх и вниз и находятся в постоянном движении. Днем можно видеть, как они в одиночку или парно отыскивают себе пищу, которая, по-видимому, состоит из почек листьев и ягод; при этом постоянно раздается их крик. После заката солнца они любят собираться вместе. Вскоре один из турако подает голос, сидя на вершине высокого дерева близ воды или лесной поляны, и по окрестности раздается его «куруи-куруи-куруи — кок-кок-кок». Прочие вторят ему; запевала подлетает к ним или все остальное общество собирается вокруг него. Крики не умолкают, а между тем к первому запевале присоединяется второй, третий, четвертый, а иногда также и по двое зараз, пока их соберется на вершине дерева 10-15. Они бегают взад и вперед, преследуя друг друга до самых концов веток, или тихо сидят, доверчиво прижавшись друг к другу. Случается, что все общество разом поднимается с места, испуская громкое «кок-кок», перелетает к другому дереву и потом сейчас же летит дальше. Таким образом, они до самой ночи находятся в постоянном движении, даже и в то время, когда другие птицы уже спят, и часто слышится еще час спустя с вершины избранного ими пристанища тихое и одинокое «куруи».

Турако не только подвижные, но осторожные и бдительные птицы, поэтому их очень трудно подстеречь, разве только утром, когда они, голодные, отыскивают себе пищу в лесу; их большей частью подстерегают и убивают во время случайного перелета через реки. Это еще легче вследствие того, что они не могут делать быстрых поворотов на лету и, таким образом, избежать даже явной опасности. Лучше их подпускать к себе ближе, так как их может убить только очень сильный заряд. Во время ночного покоя они сидят слишком высоко, и в них невозможно попасть дробью. Мясо у них сухое и жесткое, но из него можно варить вкусный бульон.

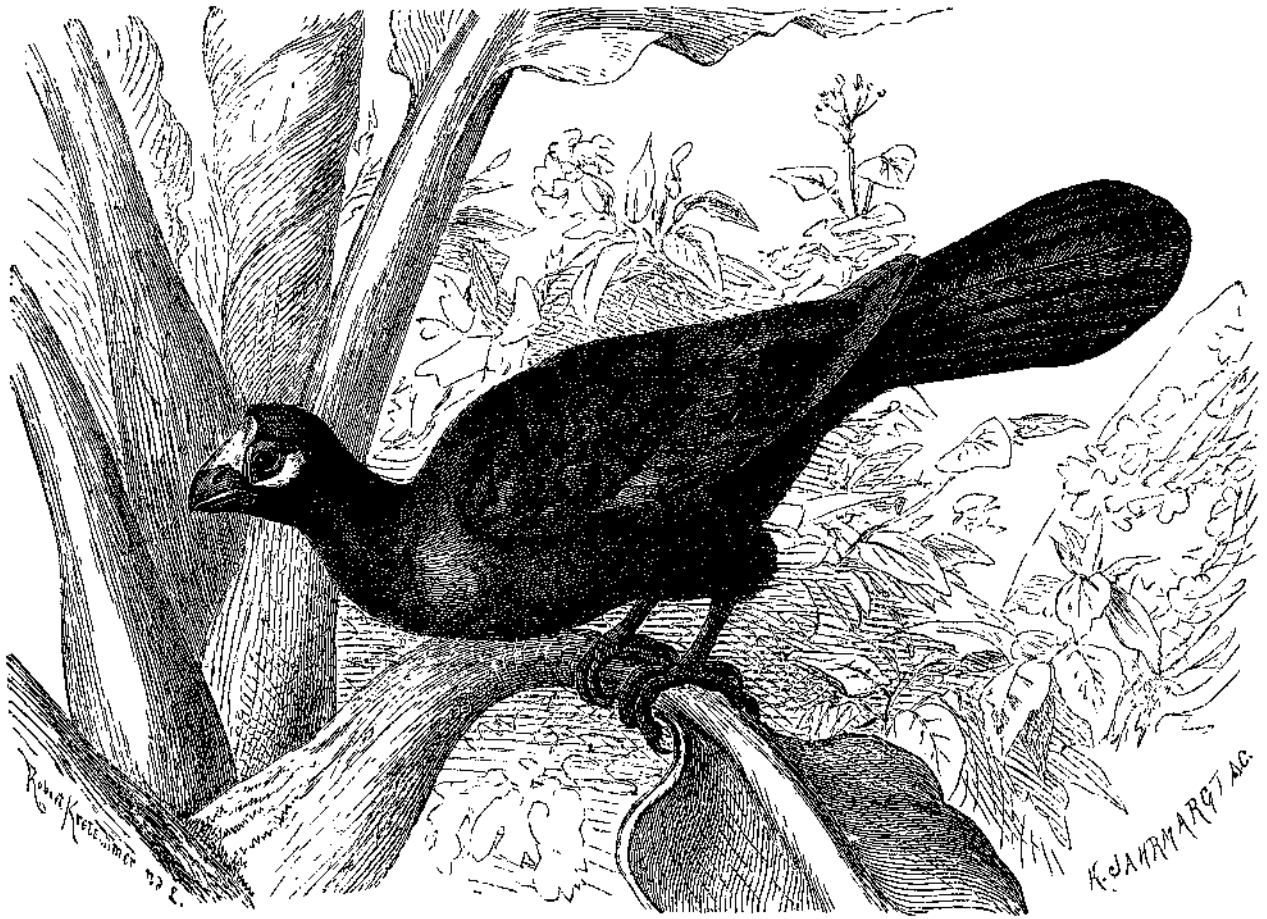
Туземцы уверяют, что турако быстро погибают в неволе, потому что не могут перенести потерю свободы».

В лесах Агры, на Золотом берегу немецкий натуралист Изерт открыл в конце прошлого столетия первого представителя птиц, которых мы назовем за ним настоящими бананоедами.

Птицы эти отличаются от прочих своих родичей главным образом строением клюва: спинка верхней челюсти непосредственно переходит в роговую пластинку: она покрывает большую часть лба и спускается отсюда отлогим сводом до самого кончика клюва, который крючком загибается над слабо развитой нижней челюстью, вследствие чего клюв кажется очень выпуклым. Края его зазубрены; ноздри лежат совершенно свободно на передней части верхней половинки клюва. Уздечка и кольцо вокруг глаз не покрыты перьями. Ноги короткие, но сильные, крылья средней длины, малые маховые перья несколько короче больших маховых. Хвост относительно короткий, широкий и на конце закруглен.

"Может показаться преувеличением, — говорит Свайнсон, — если я настоящего бананоеда назову князем пернатого мира. Другие птицы красивы, изящны, блестящи, но окраска перьев настоящего бананоеда — просто царская. Преобладающий блестящий пурпурово-черный цвет замечательно выигрывает рядом с великолепным ярко красным цветом крыльев. Клюв, хотя и довольно большой, кажется умеренным, потому что не устроен так фантастически, как у птиц-носорогов, не так чудовищно велик, как у перцеядов; темно-желтый, переходящий в ярко-красный цвет клюва только возвышает красоту оперения этой птицы».

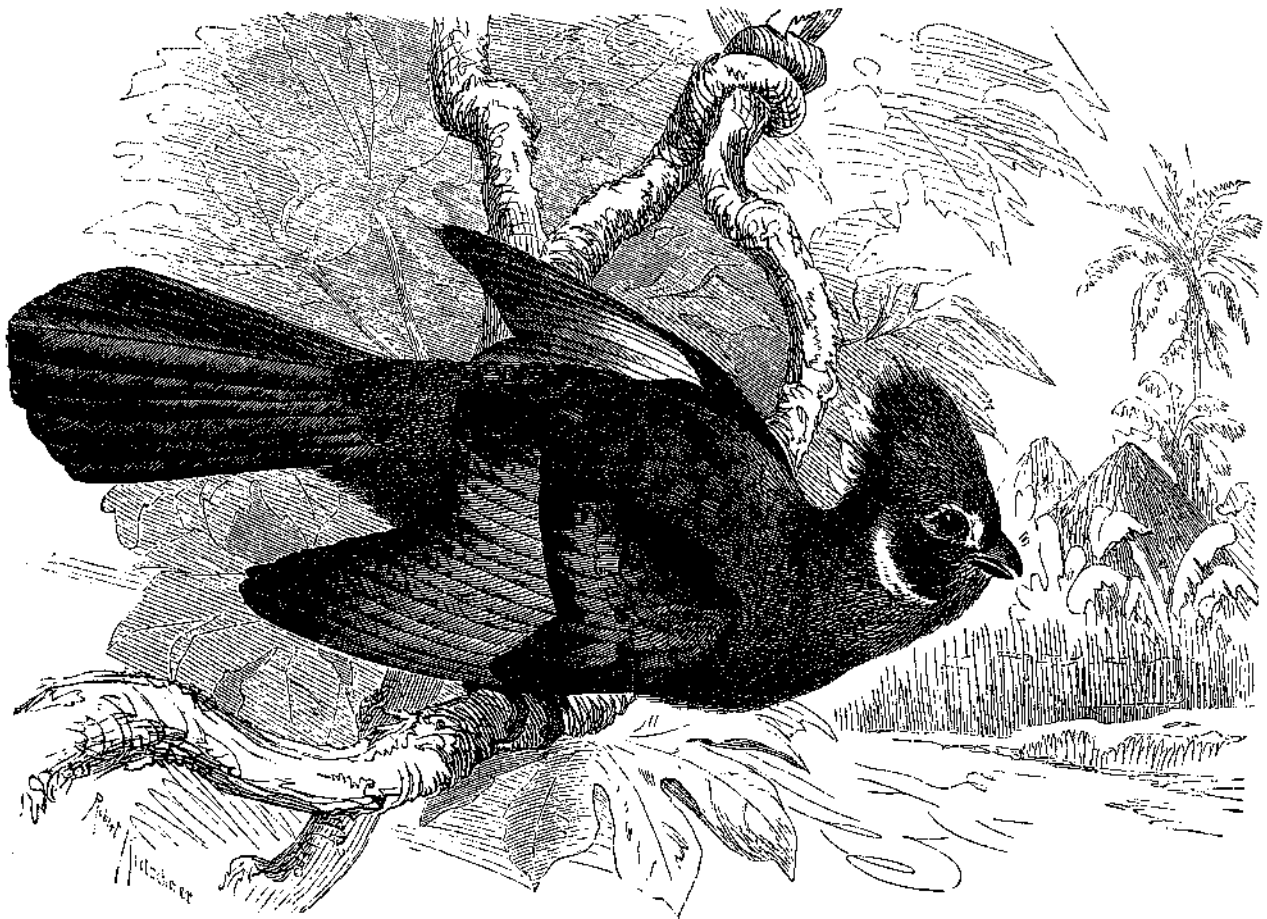
Длина **фиолетового турако** (*Musophaga violacea*) доходит до 50 см; длина крыльев 22 см, длина хвоста такая же. Нежные и мягкие перья, покрывающие темя, великолепного красного цвета, блестят, как бархат; остальные перья темно-фиолетовые, почти черные, за исключением нижней стороны туловища, которая при с вете отл и вае т вел и кол е п н ы м те м н ы м зеленовато-стальным цветом. Маховые перья ярко-красные с лиловым отливом, на концах переходят в темно-фиолетовый цвет.

Фиолетовый турако (*Musophaga violacea*)

Не покрытое перьями место вокруг глаз карминово-красного цвета, под ним блестящая белая полоса, кончик клюва тоже карминово-красный, ноги черные; глаза карие. У молодых птиц нет бархатистых красных перьев на темени, в остальном они сходны со старыми. Фиолетовый турако водится в Верхней и частью в Нижней Гвинее.

В Абиссинии живет **белощекий, или шлемоносный, турако** (*Tauraco leucotis*). Шлем его состоит из широкого, наклоненного назад и сзади прямо обрезанного пучка перьев темно-зеленого цвета; остальная часть головы, верхние и нижние шейные перья и часть туловища до брюшка прекрасного зеленого цвета; брюшко и нижняя сторона туловища темного пепельно-серого цвета; другие части спины голубовато-шиферного с зеленовато-стальным отливом; рулевые перья черные с таким же отливом, маховые перья, за исключением последнего малого махового пера, темного карминово-красного цвета, наконец, пятно перед глазом и другое, идущее почти отвесно вниз от уха к шее, чисто белого цвета. Кругом глаза замечается кольцо, состоящее из маленьких бородавок киноварно-красного цвета. Клюв на конце кроваво-красный, а на конце верхней его челюсти до ноздрей зеленого; ноги зеленовато-бурые. Длин доходит до 45 см, размах крыльев 57, длина крыльев 17,5, хвоста 21,5 см. Самка меньше, в остальном же ничем не отличается от самца.

Белощекий турако (*Touraco leucotis*)

Во время моей охотничьей поездки по Абиссинии я несколько раз имел случай наблюдать шлемоносного турако. Он встречается только довольно высоко на горах, едва ли когда-нибудь ниже 600 м высоты, а иногда даже на 2600 м в богатых лесом и водой долинах, где растет канделябровый молочай. Живут они стаями или маленькими семействами, наподобие соек. Этот турако неутомим и беспокоен, днем постоянно летает взад и вперед, но всегда возвращается к известным деревьям той же области, именно сикоморам или тамариндам, которые бывают окружены мелкими деревьями. Такие деревья служат некоторым образом местом свиданий целого общества: здесь собираются птицы одной группы, которые временно рассеялись для добывания пищи.

Если заметить такое дерево и встать под ним в полдень или под вечер, то нетрудно наблюдать за этими восхитительными птицами. Вновь прибывающих очень скоро можно заметить, когда они перескакивают с ветки на ветку или, как бы приплясывая, бегают вдоль сучьев и выпускают своеобразный глухой крик. Это звук трудно передать. Он похож на голос чревоушателя и вначале заставляет наблюдателя ошибиться относительно расстояния, на котором кричит птица.

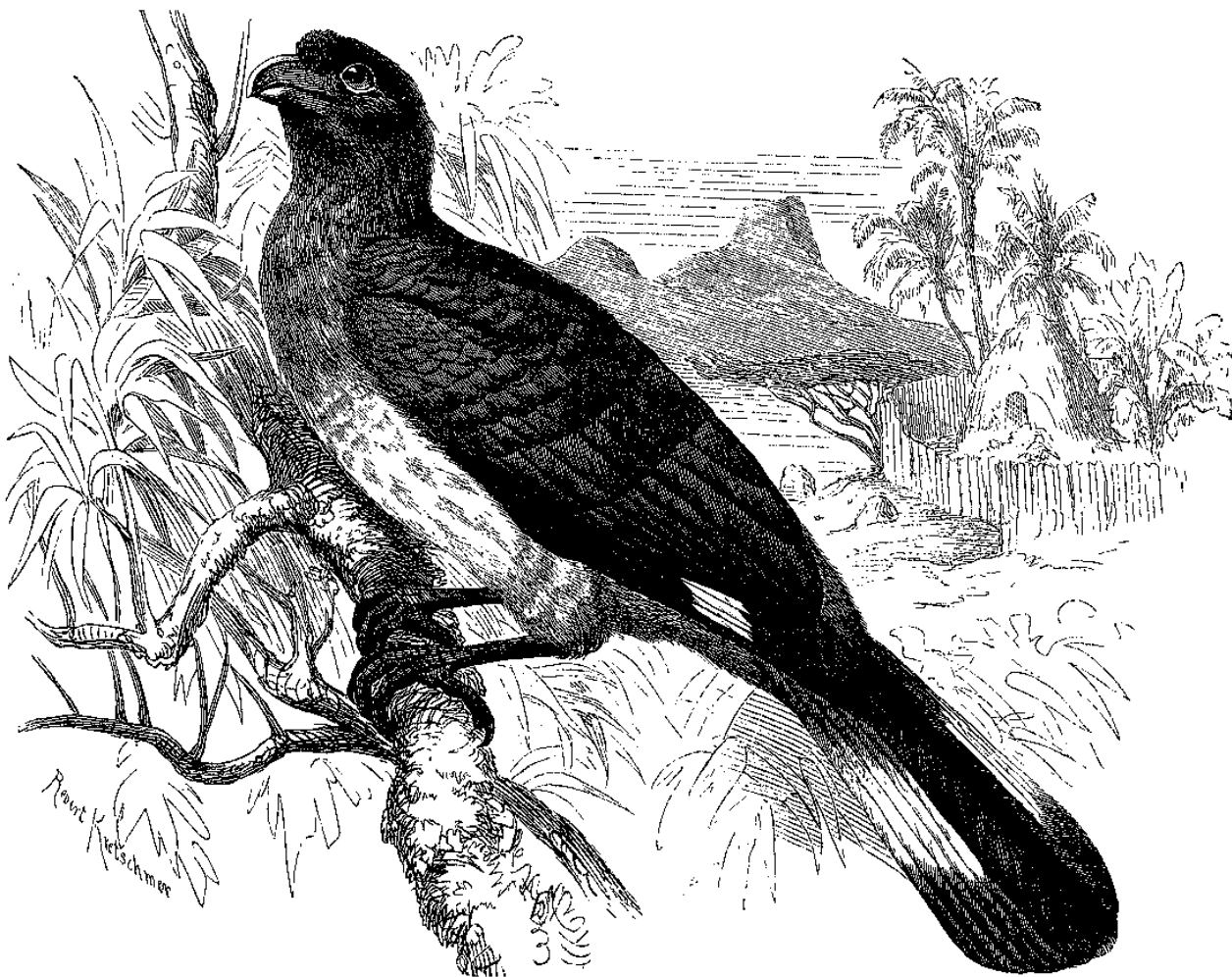
Шлемоносный турако проводит большую часть своей жизни в ветвях деревьев. Только на несколько минут спускается он на землю, обыкновенно там, где низкие молочаи покрывают все выступы, чтобы схватить какую-нибудь пищу. Затем быстро поднимается и спешит к соседнему дереву, остается тут некоторое время и летит дальше, к следующему дереву, или опять на землю. Вся стая делает то же, но не одновременно. Один за другим покидают они дерево без звука и без шума, но все точно следуют за первым и быстро собираются снова. На вершинах деревьев этот турако замечательно ловок. Он очень скоро перепрыгивает с ветки на ветку или бегаёт по одной и той же ветке до самого ее конца. Достигнув его, он осторожно оглядывается кругом и летит к другому низкому дереву или же возвращается к вершине первого. Полет его напоминает полет сойки или дятла.

В желудке убитых мною шлемоносных турако я находил только растительные вещества, именно ягоды и семена. К некоторым кустарникам, на которых только что созрели ягоды, турако часто слетали, но оставались на них очень короткое время. Они, очевидно, только лакомились плодами и затем спешили укрыться в своих безопасных древесных убежищах. Лефевр находил в желудках убитых им шлемоносных турако маленьких пресноводных улиток, а Гейглин считает гусениц и насекомых вообще их главной пищей.

Об опасности, которой подвергаются на свободе турако, я не мог собрать никаких наблюдений. Можно предположить, что разные кобчики и благородные соколы его родины гоняются за ним: на это указывает по крайней мере его большая осторожность, старание спрятаться в густых ветках, его полет в одиночку и боязливое, непродолжительное пребывание на земле. Но ничего более верного об этом я узнать не мог. Абиссинцы не преследуют шлемоносных турако, и еще менее приходит им в голову держать их в неволе. Быть может, вследствие этого шлемоносный турако обыкновенно не боится европейцев. Но он становится пугливым, как только заметит преследование.

Гугука, или полосатый бананоед-подорожник (*Crinifer zonurus*). В последнюю поездку в Абиссинию я встретил гугуку в ее родных лесах. Длина ее доходит до 51 см, размах крыльев 73 см, длина крыльев, так же как и хвоста — 25 см. Самка немного больше самца, в остальном совершенно одинакового с ним сложения и так же точно окрашена. Вся верхняя сторона туловища почти ровного темно-бурого цвета, нижняя сторона начиная от верхней части груди — светло-пепельная с буроватыми полосами вдоль стержней перьев.

Гугука, кажется, очень распространенная птица. Рюппель находил ее во многих провинциях Абиссинии, я довольно часто встречал ее в стране Богосов; другие путешественники встречали ее на верхнем течении Голубого Нила.

Гугука, или полосатый бананоед-подорожник (*Crinifer zonurus*)

Гейглин, который познакомился с ней у истоков Белого Нила, указывает на нее, как на самого обыкновенного бананоеда северо-восточной Африки, и говорит, что она живет преимущественно в лесной полосе на высоте 600-2000 м над уровнем моря, а в этой полосе — имению на высоких деревьях вдоль берегов; я находил ее также вблизи маленьких ручейков, сбегających в море с горных хребтов.

Тогда как белощекий турако кричит тихо, как чревовещатель, гугука старается как будто перекрыть даже обезьян. Крик ее сбивает с толку иногда даже опытного охотника, заставляя его предполагать, что целая стая мартышек заметила что-нибудь ужасное и возвещает о том всему свету. Ее голос очень похож на оригинальные горловые звуки, испускаемые вышеупомянутыми обезьянами. Он звучит громко и пронзительно, вроде «гу-гу-гук-ги-гак-га- гирр-гирр-гу-ги-ге-гу», но так как все кричат вместе, то звуки эти сливаются в настоящий вой. Маркиз Антинори справедливо

называет ее самой крикливой птицей восточной Африки. Если идти в лесу на эти крики, то можно увидеть на одном из самых высоких деревьев сидящих вместе самцов и самок; иногда птицы сидят маленькими семействами, но и в них все-таки заметны отдельные пары. Если подойти к ним поближе, такое общество легко наблюдать.

В образе жизни гугука имеет много общего с шпорцевой кукушкой и калао. Она летает совсем так же, как и последняя, именно обрывисто, но не любит лететь далеко, большей частью с одного высокого дерева к другому, садится высоко в их вершинах, держась очень прямо, начинает вилять хвостом и вдруг вскрикивает так, что крик этот раздается по всему горному хребту. По словам Гейглина, члены одного семейства постоянно играют и спорят между собой и преследуют друг друга с одного дерева на другое, как бы бранясь и хихикая. Редко можно увидеть гугуку спокойно сидящей на дереве; большей частью она постоянно находится в движении, часто и очень ловко бегают по веткам взад и вперед, приседая и кивая головой, съедая на ходу что-нибудь попавшееся по дороге и не более одного мгновения отдыхая от своей бешеной суетни. Гейглин говорит, что обыкновенно она не робка; я замечал обратное и нахожу ее очень осторожной. Только непосредственно около селений гугука делается менее робкой; там она уже привыкла к человеку и его нравам. Пища ее состоит из ягод всякого рода, и за этими-то ягодами слетает она к низким кустарникам в ранний утренний или поздний вечерний час. Остальную часть дня она проводит на деревьях, а в полдень отыскивает самые тенистые и просиживает в их листве жаркую часть дня.

Семейство кукушковые

Кукушки отличаются слегка согнутым, обыкновенно довольно тонким и расширенным у основания клювом, одинаковой длины с головой, короткими или средней длины парнопалыми ногами, длинными, узкими и острыми крыльями, длинным, округленным или клиновидным, заостренным десятиперым хвостом и, наконец, густым, хотя не особенно крупноперым оперением, сидящем в коже довольно слабо. Относительно окраски полы обыкновенно мало отличаются друг от друга; молодые заметно отличаются от старых.

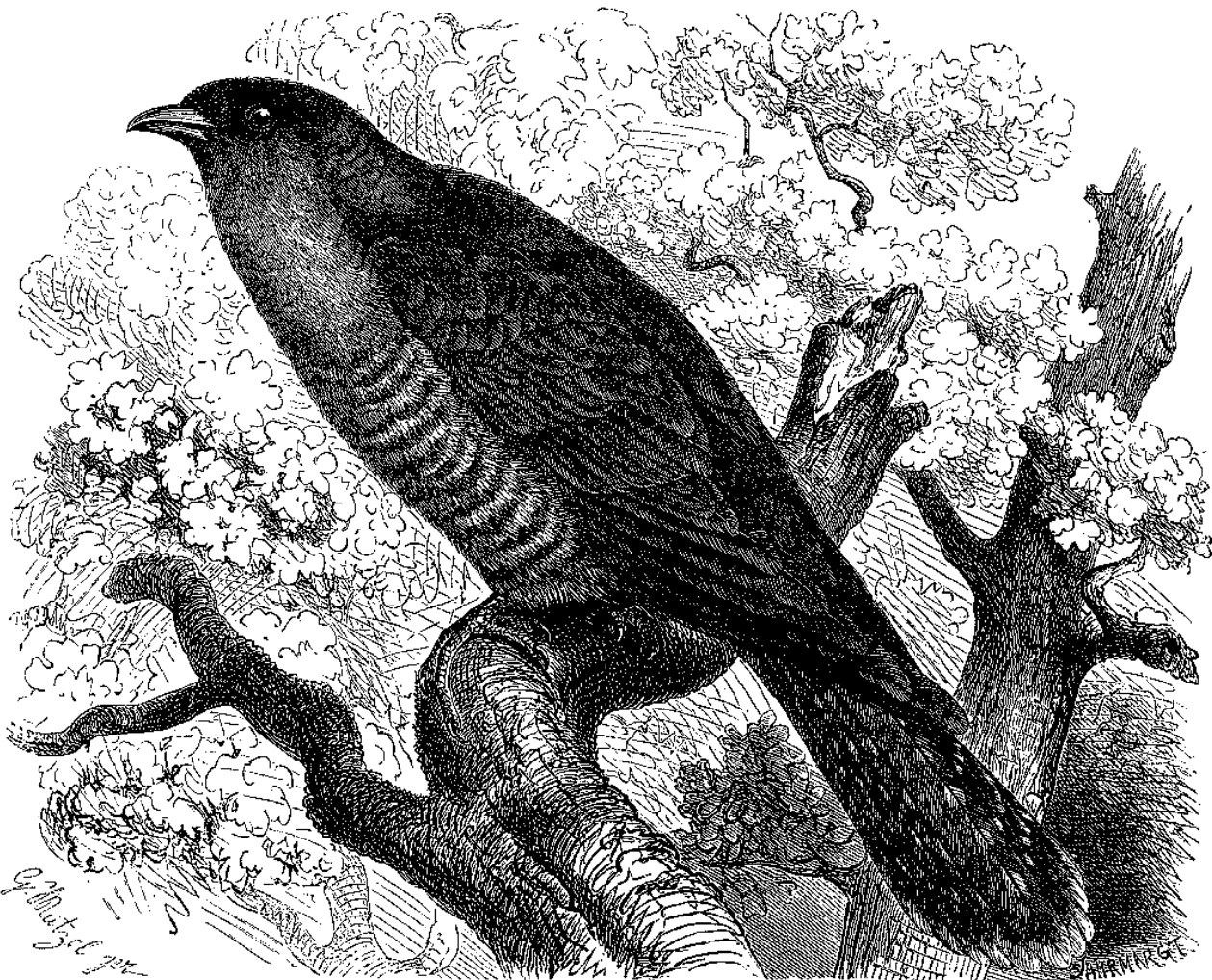
Виды семейства кукушковых числом около 130, распространены в Старом Свете и Австралии. Они особенно многочисленны в Индии и Африке. Все без исключения живут в лесах и отдаляются от лесистых местностей только по временам. Они встречаются всюду, где только существует лес, безлесных же пространств избегают. Северные виды странствуют, южные в крайнем случае перелетают с места на место в известном районе. Пища их состоит почти исключительно из насекомых, особенно из личинок, но преимущественно из мохнатых гусениц, которыми пренебрегают остальные птицы. Волоски этих гусениц при пищеварении так крепко втыкаются в стенки желудка, что последние кажутся волосатыми. Про крупные виды этого семейства говорят, что они не пренебрегают мелкими позвоночными, например ящерицами, и все они, может быть, не совсем напрасно, считаются грабителями гнезд. Все не только не занимаются сами высиживанием яиц, но навязывают уход за потомством другим птицам, кладя свои яйца в их гнезда*. При этом кукушки обыкновенно вынимают одно яйцо из гнезда избранных приемных родителей, при случае и съедают его. Этот факт часто отрицали, но он не подлежит никакому сомнению вследствие многих имеющих наблюдения. Относительно причины, почему кукушка не высиживает сама яиц, до сих пор не могли найти ни одной убедительной причины.

** Это не так. Для большинства кукушек свойственна моногамия, но для некоторых — гнездовой паразитизм, формы которого различны. Одни кукушки лишь занимают чужие гнезда, но насиживают яйца и выкармливают птенцов сами; у других 2-3 пары строят общее гнездо, куда самки откладывают яйца, а затем насиживают и выкармливают птенцов; обыкновенная кукушка подгадывает яйца в гнезда других птиц.*

Должны ли мы смотреть на кукушек, как на полезных или как на вредных птиц? Они, бесспорно, оказывают большие услуги, поедая волосатых гусениц, но также несомненно, что они причиняют некоторый вред подкладыванием своих яиц, так как воспитание молодой кукушки у тех видов, которые кладут яйца в гнезда более маленьких птиц, всегда ведет за собой гибель семейства воспитателей. Конечно, на это можно возразить, что одна кукушка больше истребит насекомых, чем пять или шесть маленьких певчих птичек, и таким образом будет справедливее, если мы будем покровительствовать кукушкам.

Обыкновенная кукушка (*Cuculus canorus*) отличается стройным телом, маленьким, слабым, слегка загнутым клювом, длинными острыми крыльями, очень длинным округленным хвостом, короткими, частью покрытыми перьями ногами и довольно мягким темным оперением. Самец на верхней стороне тела пепельно-голубой или темно-серый; на нижней стороне тела серо-белый, с черноватыми поперечными волнистыми полосками; горло, щеки, зоб и бока шеи, вниз до груди, чисто пе-

пельные. Глаза ярко-желтые, клюв черный, желтоватый при основании; ноги желтые. Старая самка похожа на самца, но имеет на затылке и на боках нижней части шеи малозаметные красноватые линии. У молодых птиц сверху и снизу поперечные волны. Длина птицы 37 см, размах крыльев 64, ширина 19, длина хвоста 17 см. Самка на 2-3 см короче и уже.

Обыкновенная кукушка (*Cuculus canorus*)

В Европе, Азии и Африке мало местностей или стран в которых бы не встречались кукушки. Как гнездящая птица она населяет север Старого Света, от Китая и Приамурского края до берегов Португалии, и от Нордкапа до Сирии, Палестины и Алжира или до среднеазиатских степей и гор, а также до Персии. Отсюда она странствует на юг: из Сибири через Китай и всю Индию до Зондских островов и до Цейлона, а из Европы до южной Африки.

Несмотря на то, что кукушка — древесная птица, она все-таки живет не исключительно в лесу, а также мало руководится в выборе своего жительства деревьями, растущими в лесу. Встречается и в степях южной Сибири, и на имеющем скудную древесную растительность высоком плоскогорье восточной Персии или же в высоких Альпах, выше границы лесов. По моим наблюдениям, собранным в трех частях света, видно, что местожительство кукушки определяется главным образом изобилием мелких птичек, которые могли бы служить будущими приемными родителями ее птенцов. Если она видит, что это условие существует, то довольствуется очень немногими деревьями, низкими кустами, зарослями и тростниками; если даже и последние отсутствуют, всегда находишь, что число кукушек растет в одинаковом отношении с числом выбираемых ими воспитателей, и тем больше растет, чем изобильнее один из видов последних гнездится в известной области. Поэтому кукушка больше любит смешанные леса, чем леса, где преобладают деревья одного вида, и поэтому она чаще встречается поблизости топких мест, болот и вообще сырых низменностей, чем в каком-либо другом месте.

Каждый самец кукушки выбирает себе довольно обширную область и упорно защищает ее от какого-нибудь соперника. Если кукушку вытеснят, то она поселяется поблизости победителя и тогда почти ежедневно затевает с ним драку. Науман доказал опытами, что каждая кукушка прилетает опять на свое прошлогоднее местожительство: он знал одну кукушку, которая отличалась от

остальных своих сородичей замечательным голосом, и выяснил, что она в течение 32 лет каждую весну являлась в той же области.

Мои передразнивания криков кукушек, которые я повторяю каждую весну и при каждом удобном случае, сделали для меня ясным, что число самок гораздо меньше числа самцов. В среднем на каждую самку приходится по крайней мере по два самца. В то время как последние всегда остаются в пределах известной области, самка не обращает внимания ни на какие границы, а пролетает в течение всего лета или, по крайней мере, во время периода спаривания через области различных самцов.

Между известными мне видами обыкновенная кукушка самая быстрая, беспокойная и живая птица. Она находится в движении с утра до вечера, в Скандинавии — даже в течение большей части ночи. Странное впечатление производил на меня во время моих ночных охот крик кукушки после 11 часов вечера и еще до первого часа утра. Гольц уверяет, что слышал его на острове Готланде еще в полночь, вперемешку с совой, и может легко случиться, что она даже и в это время не отдыхает. Я же все-таки всегда находил во время моих частых путешествий на крайний север, что в настоящую полночь, приблизительно от 11,5 до 12,5 часов, она молчит, значит, вероятно, предается сну. Во время своих кочевок она беспрестанно ест, так как столь же прожорлива, сколь подвижна и криклива. Она летает легко и красиво, как сокол, но все-таки не может сравниться с ним по скорости, не будучи даже в состоянии соперничать в этом отношении с горлицей; полетавши, она садится на ветку и высматривает добычу. Если она подметила ее, то спешит к ней двумя ловкими взмахами крыльев, хватая ее и возвращается на прежнее место или летит на другое дерево и повторяет тут то же самое.

Впрочем, кукушка ловка только на лету, а во всем остальном неуклюжа. Она вовсе не умеет лазать, но и в ходьбе чрезвычайно медленна.

вообще может двигаться по плоской земле только прыжками. Она ловчее в ветвях, несмотря на то, что и здесь неохотно покидает однажды выбранное место и делает это только улетаю. Весной она никогда не забывает издать много раз подряд громкий крик после того, как уселась, а когда в ней пробуждается любовь, то она даже злоупотребляет своим голосом, так что под конец буквально хрипит. Почти на всех языках ее имя является подражанием этого крика.

Вначале кукушка редко кричит усердно; настоящий крик начинает раздаваться только тогда, когда она уже насладились любовными радостями. Пока кричит, она несколько опускает расширенные крылья, но зато поднимает немного выше горизонтальной линии хвост, надувает горло, выкрикивает свое «ку-ку» и вертится туда и сюда на сучке, пока не издаст его 15, 20, 30, 40, даже 60 раз и больше, один за другим; обыкновенно она еще несколько раз перевертывается и таким образом выкрикивает свой крик и имя, ворочаясь, как флюгер, на все стороны. Если во время пения ее дразнят маленькие птички, а именно, если одна из них толкнет ее, когда она сидит, надувшись, на сучке, то она прерывает крики и каждый раз отбрасывает последний слог.

Насколько эта птица ленива в отношении заботы о потомстве, настолько она влюблива. Несмотря на то, что она встречает взаимность, любовь, по-видимому, совершенно сводит ее с ума. Она буквально доходит до иступления во все время спаривания и так беспрерывно кричит, что теряет голос, беспрестанно летает по всей своей области и в каждом другом самце видит соперника и злейшего противника.

Для того, кто наблюдал самца кукушки, не будет подлежать никакому сомнению, что между двумя самцами, которые слышат друг друга, существует явная ревность; она проявляется при каждом удобном случае. Кукушка, которая до этого времени безобидно кричала на весь свет свое красиво звучащее имя, начинает волноваться, как только слышит настоящий или поддельный голос соперника. В такие моменты ее движения становятся живее, отдельные возгласы и фразы беспрерывно следуют друг за другом. С внимательным взором и прислушиваясь, птица эта более, чем обыкновенно, нагибается вперед и при каждом отдельном крике поворачивается то направо, то налево, чтобы точно узнать направление, по которому доносятся до нее столь ненавистные звуки. Если приближается вторая, то битва начинается тотчас же. Науман говорит, что кукушка не терпит другого самца в своей области или поблизости своей самки и старается его выгнать сильными ударами клюва. Впрочем, я не видел, чтобы они делали последнее, но всегда только замечал, что оба соперника преследуют друг друга, быстро летая и бросаясь один на другого; потом они опускаются, снова начинают кричать и затем опять начинают такое же преследование; но драки подтверждаются и другими наблюдателями.

Крик кукушки, как это мне позволяют с верностью предполагать мои наблюдения, прежде всего имеет целью приманить самку. Если она пролетает через область самца, задумав важные де-

ла, то, по-видимому, не обращает никакого внимания на его любовные взгляды, но прокрадывается через ветки, обращаясь то к одному дереву или кусту, то к другому. Если же, напротив, она удачно пристроила свое яйцо и если она сама ищет любовных приключений, то отвечает самцу, подлетает к нему как можно ближе, издавая свой стройный, звучный, хихикающий или смеющийся призывный крик.

Спаривание совершается обыкновенно на сухом сучке вершины дерева или на каком-либо другом открытом и высоком месте, а в степях Туркестана на плоской земле, всегда с большим шумом, повторяемыми криками и хихиканьем.

Уже древним было известно, что кукушка кладет свои яйца в чужие гнезда. «Высиживание яйца кукушки и выращивание вылупившегося из него птенца, — говорит Аристотель, — совершается той птицей, в гнездо которой положено яйцо. Приемный родитель, как говорят, выкидывает своих собственных птенцов из гнезда и дает им умереть с голода в то время, как выращивает молодую кукушку. Другие рассказывают, что он убивает своих детей, чтобы ими кормить кукушку, так как этот птенец в своей молодости до того хорош, что мачеха ради него презирает собственных детей. Большую часть сообщаемого здесь видели, как говорят, собственными глазами; только рассказы о том, каким образом погибают птенцы высиживающей птицы, не всегда согласуются: одни говорят, что старая кукушка возвращается назад и съедает птенцов гостеприимной птицы, другие утверждают, что, так как молодая кукушка превосходит величиной своих собратьев, то она все у них выхватывает, и потому они должны умереть с голода; наконец, третьи думают, что она, как самая сильная, съедает их сама. Кукушка, конечно, хорошо делает, что таким образом устраивает детей, потому что она отлично сознает свою трусость, вследствие которой не может защищать птенцов. Она настолько труслива, что всем маленьким птичкам доставляет удовольствие ее щипать и гонять». Мы увидим, что описание это во многих отношениях справедливо, но я сначала должен признаться, что нам и до сих пор еще не вполне известна жизнь кукушек.

Добытые наблюдениями сведения относительно размножения этой птицы заключаются в следующем: кукушка поручает свои яйца для высиживания множеству различных певчих птиц. Уже в настоящее время мы знаем приблизительно 70 видов приемных родителей, но не подлежит сомнению, что число это при ближайшем исследовании всей области распространения этой удивительной птицы существенно увеличится*.

** В настоящее время известно 150 видов птиц, в гнезда которых кукушка откладывает свои яйца. Однако в основном она паразитирует на 20-30 видах.*

Насколько мне известно, не считая азиатских воспитателей, кукушкины яйца находили в гнездах снегиря, зяблика, горного зяблика, коноплянки, чечетки, зеленушки, воробья, обыкновенной, тростниковой и луговой овсянок, просянки, завирушки, хохлатого, степного, полевого жаворонков, сороки, сойки, сорокопута и жулана, соловья, варакушки, зарянки, горихвостки-чернушки и обыкновенной горихвостки, лугового и черноголового чеканов, ушастой и черногорлой каменок, каменного, певчего и черного дроздов, пестрогрудки, славки-черноголовки, садовой славки, славки-мельничка, пеночек — веснички, теньковки и трещотки, пересмешки, дроздовидной камышовки, садовой, болотной и тростниковой камышовок, обыкновенного и речного сверчков, коноплянки, лугового, краснозобого, лесного, полевого, степного и шпорцевого коньков, белой, желтой и горной трясогузок, обоих видов корольков, пищухи и мухоловки-пеструшки, большой синицы, горлицы, вяхиря, даже гагары. Между этими птицами камышовки, трясогузки, славки предпочитают, а гнездами других пользуются только в крайней нужде, может быть, даже по ошибке.

Яйца кукушки в сравнении с ее величиной необыкновенно малы, едва больше воробьиных, мало различны по форме. Кончики их неодинаковы, больший диаметр лежит ближе к полого-округленному толстому концу, тогда как тонкий круто усечен. Яйца имеют нежную, хрупкую и блестящую скорлупу, поры которой нельзя заметить простым глазом, и когда они свежи, имеют большей частью более или менее яркий желто-зеленый фон; по этому фону пестрят фиолетово-серые или матово-зеленоватые пятна, а по ним — бурые, резко очерченные крапинки. Они бывают то больше, то меньше, и вообще такого разного вида и так окрашены и разрисованы, как ни у одной другой птицы, образ размножения которой нам известен. Смотря по различным местностям, преобладает то один, то другой цвет. Каждая самка кладет по одному яйцу в одно и то же гнездо, обыкновенно тогда, когда в нем уже находятся яйца воспитателей. Вероятно, она кладет яйца в гнезда только одного вида, а в гнезда других птиц лишь в случае крайней нужды. Бальдамус впервые разъяснил этот факт.

Не подлежит почти никакому сомнению, что самка кукушки по возможности всегда выбирает гнезда тех же самых перелетных птиц; по крайней мере, кажется весьма вероятным, что она отыскивает гнезда тех птиц, в которых сама выросла.

Еще ранее, чем яйцо созреет для кладки, самка летает, чтобы отыскать гнездо. При этом она не сопровождается самцом, так как последний вообще, кажется, не очень-то заботится о своем потомстве. Отыскивание гнезд совершается очень различным манером: самка присматривает гнезда, летая или лазая в кустах, или наблюдая птичку еще во время постройки гнезда.

После того, как самка снесла яйцо, она все еще смотрит на гнездо, несколько раз возвращается к нему и выкидывает из него яйца, даже птенцов, кроме своих собственных. Вальтер отрицает эти показания. «Кукушка, — говорит он, — имеет репутацию разорителя гнезд, который не только выкидывает из гнезда яйца, но также при случае одно-другое проглатывает. Если же исследовать это основательно, то она вовсе не является тем варваром, которым кажется. Она не поступает иначе, чем другие птицы. Каждая птица при постройке гнезда кружится, чтобы придавить неровности и округлить гнездо, и делает это еще до кладки яиц. То же делает и кукушка. Чужие яйца, лежащие в гнезде, составляют для нее только неровности. Она вертится в нем кругом с сжатым телом и этим кружением выкидывает яйца или втискивает их в дно гнезда. Если она не может этого сделать, то удаляет яйца клювом, так же, как и другие птицы выбросили бы нечто, не принадлежащее к гнезду. Яйца мелких птиц очень хрупки, и если кукушка и свои собственные яйца иногда разбивает, перенося их в гнездо, то это еще легче случается с хрупкими чужими яичками, которые она к тому же не обязана беречь. Если она разбивает яйцо и содержимое выливается ей в клюв, то она это, конечно, проглатывает».

Вальтер приводит целый ряд доказательств в пользу своего мнения. Как и другие, он несколько раз находил в гнездах, содержавших кукушкино яйцо и отличавшихся рыхлой и глубокой выстилкой, яйцо высиживающей птицы, вдавленное в дно гнезда; он по крайней мере один раз наблюдал верчение и поворачивание кукушки, а также видел, как последняя разбила свое собственное яйцо, приподнимая его клювом. Пэсслер же и другие утверждают, напротив, что видели, как самка кукушки каждый раз выкидывает по одному яйцу воспитателей из гнезда, а позже уносит вылупившихся из яйца птенцов. На это Вальтер очень справедливо возражает, что в гнезде не может быть вылупившихся птенцов и они, следовательно, не могут быть унесены, если самка кукушки изо дня в день аккуратно посещала гнездо и удаляла яйца; что если кукушка несколько раз возвращается к гнезду, чтобы украсть яйцо, то их число должно уменьшиться, чего, как это доказывает опыт, вовсе не случается. «Я еще никогда не замечал, — говорит он, — при последующих посещениях гнезда, содержавшего кукушкино яйцо, уменьшения в числе яиц, а часто даже увеличение. Обыкновенно птицы не кладут полного числа яиц, когда кукушка положит свое яйцо в гнездо, потому что чужое яйцо и без того слишком переполняет его. Но все-таки я каждый год находил одну или две полные кладки. Обыкновенно они кладут после того, как было положено яйцо кукушки, т.е. в том случае, если кукушка еще не нашла яиц в гнезде, еще три яйца, и тогда только начинают высиживать».

Период размножения кукушки продолжается все время, пока она кричит, т.е. меняется не только по преобладающей в данном году погоде, но и по положению местности, например, на севере или в высоких горах оно начинается позже, но зато дольше продолжается, чем на юге или в долинах. Размножение кукушки, как и вся ее жизнь, принаравливается к гнездованию мелких птиц.

На счет продолжительности времени, необходимого для созревания яиц кукушки, имеются различные мнения. Тогда как большинство считает, что между кладкой каждого яйца проходит от 6-8 дней, Вальтер уверяет, что он совершенно достоверно убедился на двух кукушках, что они клали по крайней мере по два яйца в неделю, и прибавляет к этому другие наблюдения, кажущиеся очень доказательными. Но этот же наблюдатель узнал, что самка иногда нуждается в 6 днях, чтобы положить второе яйцо, следующее за первым, и заключает из этого, что зоологи наблюдали верно, когда определяли промежуточное время в 6-8 дней. Но он все-таки думает, что долгое время обозначает истощение, которое мы замечаем у всех несущихся птиц. Если бы можно было доказать, что самка кукушки на самом деле каждые 3-4 дня кладет по яйцу, то оказалось бы, что она во время своего размножения сносит необыкновенно большое число, приблизительно 20-24 яйца*.

** Это действительно так. Специальными наблюдениями доказано, что кукушки откладывают до 20 яиц, но с интервалом не 3-4 или 6-8 дней, а всего лишь 1-3 дня. Площадь территории, на которой самка подкладывает свои яйца в гнезда других птиц, составляет 2 км²*

Все птицы, на долю которых выпадает сомнительная честь выращивать кукушек, напротив того, неоспоримым образом выказывают свой страх и изо всех сил стараются отогнать кукушку.

Они очень хорошо знают ее привычку и нисколько не ошибаются в своих суждениях. Ни одна из них не принимает ее за ястреба. Это становится очевидным для самого простого и неопытного взгляда при беспристрастном наблюдении. Насколько мелкие птички дразнят соколов, насколько с явным боязливостью и шумными криками некоторые из них преследуют даже ястреба, настолько же различно держат они себя при своих нападениях на кукушку. Как я очень часто наблюдал, они преследуют кукушку не только на лету, но также и тогда, когда она смиренно сидит и кричит на своем дереве. Они показываются около нее, без сомнения, привлекаемые хорошо известным им криком, и стараются на лету столкнуть ее, держатся даже около нее, трепещут крыльями, как они это делают с совами, но никогда с ястребами. Это совершается с полной уверенностью в безопасности, с такой дерзостью и продолжительностью, что они не только мешают кричать кукушке и заставляют ее оборвать свой голос, но буквально принуждают ее защищаться. Она это делает, но защита редко увенчивается успехом, так как маленькие птички снова бросаются на нежеланного гостя и под конец все-таки принуждают его покинуть свое место, после чего только и начинается настоящая охота. Если же кукушка приближается к гнезду, то его владельцы криками и беспокойством, которые всем вполне понятны, извещают о большом страхе относительно опасности, угрожающей их потомству. Кукушка также вовсе не любит класть яйцо в присутствии будущих приемных родителей. Она прилетает как вор, большей частью ночью, справляет свое дело и быстро улетает, как только его окончила*. Но замечательным кажется то, что те самые птицы, которые ненавидят всякое беспокойство и перестают высидывать, если кто-нибудь тронет их яйца, не выкидывают кукушкино яйцо из гнезда, но продолжают нестись. Они ненавидят самку-кукушку, но все-таки не отказываются от забот об ее яйце и потомстве.

** Кукушка все-таки дневная птица и подкладыванием яиц занимается, конечно же, днем (что многие исследователи наблюдали непосредственно, и даже снят фильм об этом). Подкладка яиц происходит, разумеется, в отсутствие владельцев гнезда.*

Молодая кукушка выходит из яйца в очень беспомощном виде. Насколько беспомощна только что вылупившаяся птица, настолько она и прожорлива. Она требует больше пищи, чем могут добыть воспитатели, и выхватывает ее, если в это время еще находятся в гнезде ее названные братья, у них перед самым клювом, наконец, выкидывает их из гнезда, если они не умирают с голоду или если кукушка не уберет или не убьет их. Отсюда ясно, что в гнезде всегда находишь только одну, уже довольно большую кукушку**.

*** Поскольку период инкубации яиц кукушки короче, чем у птиц-хозяев, вылупившийся кукушонок выбрасывает все яйца или маленьких птенцов своих приемных родителей. Сам процесс выбрасывания неоднократно запечатлен на киноленте и демонстрировался во многих фильмах о природе.*

Милосердие мелких птичек, которое обнаруживается и в этом случае, выказывается в ярких красках при выкармливании молодой кукушки. С трогательным усердием они несут этому прожорливому уроду, оставшемуся на месте их собственных погибших птенцов, пищу в избытке, приносят ему жучков, мух, комаров, маленьких гусениц, червей и мучаются с утра до вечера, не имея возможности набить ей рта и заставить замолкнуть ее вечное хриплое «циз-цизис». После вылета они также целыми днями следуют за ней, так как она не позволяет себя водить, но летает, куда ей вздумается, и верные воспитатели должны за ней следовать. Иногда случается, что кукушка не в состоянии протиснуться через узкое отверстие древесного дупла; тогда ее приемные родители остаются даже до поздней осени и кормят ее непрерывно.

Наблюдались самки трясогузки, которые еще кормили своих воспитанников в то время, когда все их родичи уже пустились в странствование к югу.

Взрослая кукушка имеет мало врагов. Ловкость полета спасает ее от преследований большинства соколов, а от лазающих хищников она, вероятно, всегда уходит. Она терпит от мелких птиц, и не только от тех видов, которым она аккуратно поручает свое потомство, но также и от других. На первом плане, как и должно ожидать, взяты с нею храбрые трясогузки. Я видел, как иволга, наши сорокопуть, серая мухоловка, пеночки и наконец славки нападали на нее. Кроме таких врагов и различных мучающих ее паразитов, взрослая кукушка терпит еще от самых ловких хищных птиц, но все-таки реже, чем кажется сначала. Но зато, когда она еще находится в гнезде, она подвергается нападению многих врагов. Лисицы, кошки, куницы, ласки, вороны, сойки и другие разорители гнезд еще легче подмечают эту большую птицу, чем законное население такого гнезда, и уносят ее, как лакомую добычу. Также и человек кое-где присоединяется к названным врагам кукушки, по незнанию и заблуждению. По понятию народа, кукушка зимой превращается в ястреба, потому что истребление ее кажется скорее подвигом, чем проступком. Когда эта озорница сча-

стливо вылетела из гнезда и сделалась самостоятельной, она ведет довольно обеспеченное существование. Обыкновенно тогда она остерегается человека, и тому, кто не сумеет точно подражать ее голосу, бывает трудно к ней приблизиться. Еще труднее поймать живьем взрослую кукушку. Я не знаю ни одного способа ловли, который бы верно вел к этой цели. Но все-таки такие способы должны иметься, так как в Греции, где кукушек едят и где на них смотрят, как на лакомый кусок, приносят в конце июля на базары жирных кукушек, которые ловятся же каким-нибудь способом.

Я с некоторым правом прошу у всех пощады для кукушки. Леса обойтись без нее не могут, потому что она способствует не только их оживлению, но также и их сохранению. Мы привыкли думать, что весна начинается с криком кукушки, а разум говорит нам, что этот звучный крик имеет еще совершенно другое, более серьезное значение. «Какое человеческое сердце, если оно не закоренело в постыдном эгоизме, — говорит Гомейер, — не чувствует себя одушевленным, когда первый зов кукушки звучит весной? Молодые и старые, бедные и богатые слушают с одинаковым удовольствием ее звучный голос. Если бы можно было считать кукушку за настоящую предвестницу весны, то уже поэтому она была бы достойна пользоваться защитой человека. Кроме этого, она самая главная истребительница многих вредных насекомых, которые не имеют других врагов».

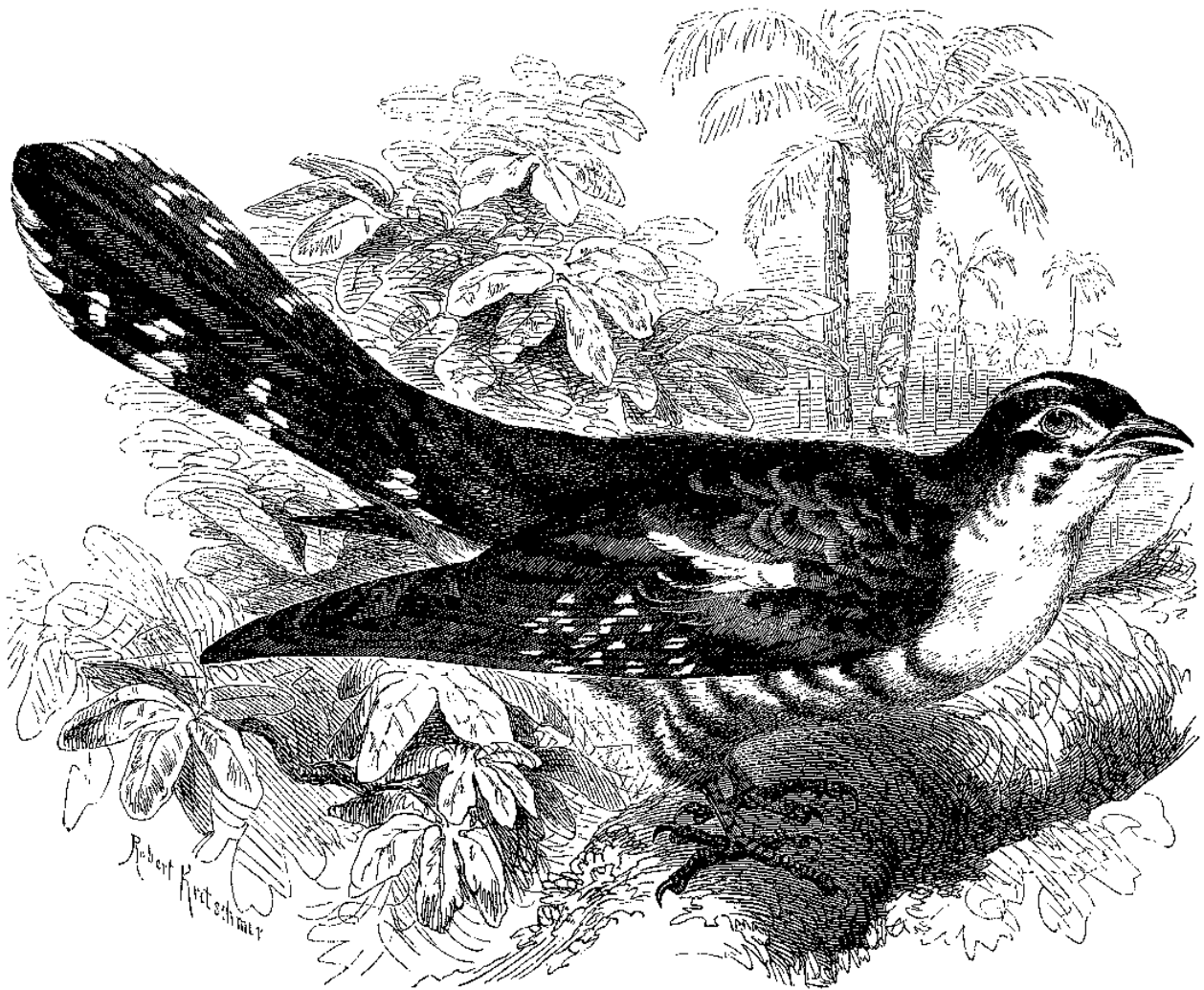
Кто основательно наблюдал лес, обьединенный гусеницами, тот всегда заметит, что кукушки, не занятые в это время размножением, из далеких и близких местностей прилетают к этому лесу, чтобы удовлетворить свой почти ненасытный голод. Раз этот бич появляется, конечно, и кукушки не могут ему воспрепятствовать; но они ограничивают и уменьшают его влияние, может быть, даже не дозволяют ему развиться, и это исполняют очень хорошо. А потому сохранить, насколько возможно, лесу — его защитника, нам — вестника весны, защитить его и заботиться о нем составляет долг каждого умного человека, и мы должны выступать везде и всегда против слепого заблуждения тех, которые думают, что эта птица может принести нам вред.

Самые великолепные кукушки населяют экваториальные страны Африки, Азии и Новой Голландии*.

**Старое название Индонезии, когда она была колонией Голландии.*

Название «золотистые кукушки» еще недостаточно обозначает их красоту, потому что их оперение блестит такими великолепными красками, каких не могут произвести сочетания металлов. Эта роскошь цветов — одна из их главных примет, может быть, самая главная из всех. Они очень маленькие, вытянутые, длиннокрылые и длиннохвостые птички.

Золотистая кукушка, или дидрик (*Chrysococcyx cuprens*), на всей верхней части тела, за исключением некоторых светлых мест, блестящего золотисто-зеленого цвета, с медным отблеском; многие перья имеют на краях голубоватый оттенок и одно или два таких же пятна. Вдоль середины темени, спереди и сзади глаза, проходит белая полоса; другая, окаймленная золотисто-зеленым цветом, отходит от ротового угла. Вся нижняя часть — светло-бурая или желтовато-белая, но этот цвет так нежен, что в полной красе он бывает только непосредственно после линьки, при солнце выпцвевает в белый цвет. Боковые, хвостовые и нижние кроющие перья крыльев — зеленоватые, первые большие и малые маховые перья, а также наружные рулевые имеют по темно-зеленому фону белые полосы. Глаза ярко-желто-бурого цвета, а у самца во время спаривания карминово-красные; веки красно-коралловые, клюв темно-синий, ноги светло-серо-голубые. Длина птицы 19,5 см, размах крыльев 33, длина крыла 11, хвоста 8,5 см. Самка немножко меньше, не так красива и отличается от самца пятнистыми нижними частями тела.

Золотистая кукушка (*Chrysococcyx aureus*)

Левальян первый сообщил кое-что об образе жизни золотистой кукушки. «Я ее встречал, — говорит он, — в большей части южной Африки, от Слоновой реки до страны маленьких Намаков, и даже в таком множестве, что я бы мог убить тысячи их. Я вижу из своей записной книжки, что я и мой верный Клаас убили 210 самцов, 113 самок и 103 птенца». В средней Африке, где эту птицу наблюдали Рюппель, Гейглин, маркиз Антинори и я, она далеко не так распространена. Насколько я помню, я ее встречал всегда только в первобытном лесу. В моих путевых записках ясно замечено, что она встречается только в самых высоких и густых деревьях леса. Она выбирает местожительство в горах на лесистых и солнечных скатах между 300 и 2000 м над уровнем моря. Ее нетрудно отыскать, потому что самец легко замечается или благодаря своему крику, или ссорам с другими представителями своего вида. Его призывный крик — громкий, походящий на звук флейты свист, который Левальян выражает слогами «дидадидидрик», Гейглин — «уидуидуиди», Фишер — «тютютю». Тейсц, который эту птицу наблюдал особенно в западной части Конго, просто говорит об ее крикливом свисте, который ясно звучит в этих всегда довольно безмолвных лесах и кустарниках. Самка, по-видимому, издает только тихий тон, звучащий, как «виквик»; им же она отвечает влюбленному самцу и приманивает его. В любовное время самцы, число которых, по-видимому, едва превышает численность самок, почти так же ревнивы и драчливы, как и самцы обыкновенной кукушки.

В желудках птиц, исследованных Фишером, находились довольно большие волосатые гусеницы, из чего можно заключить, что золотистая кукушка в этом отношении похожа на своего европейского родича.

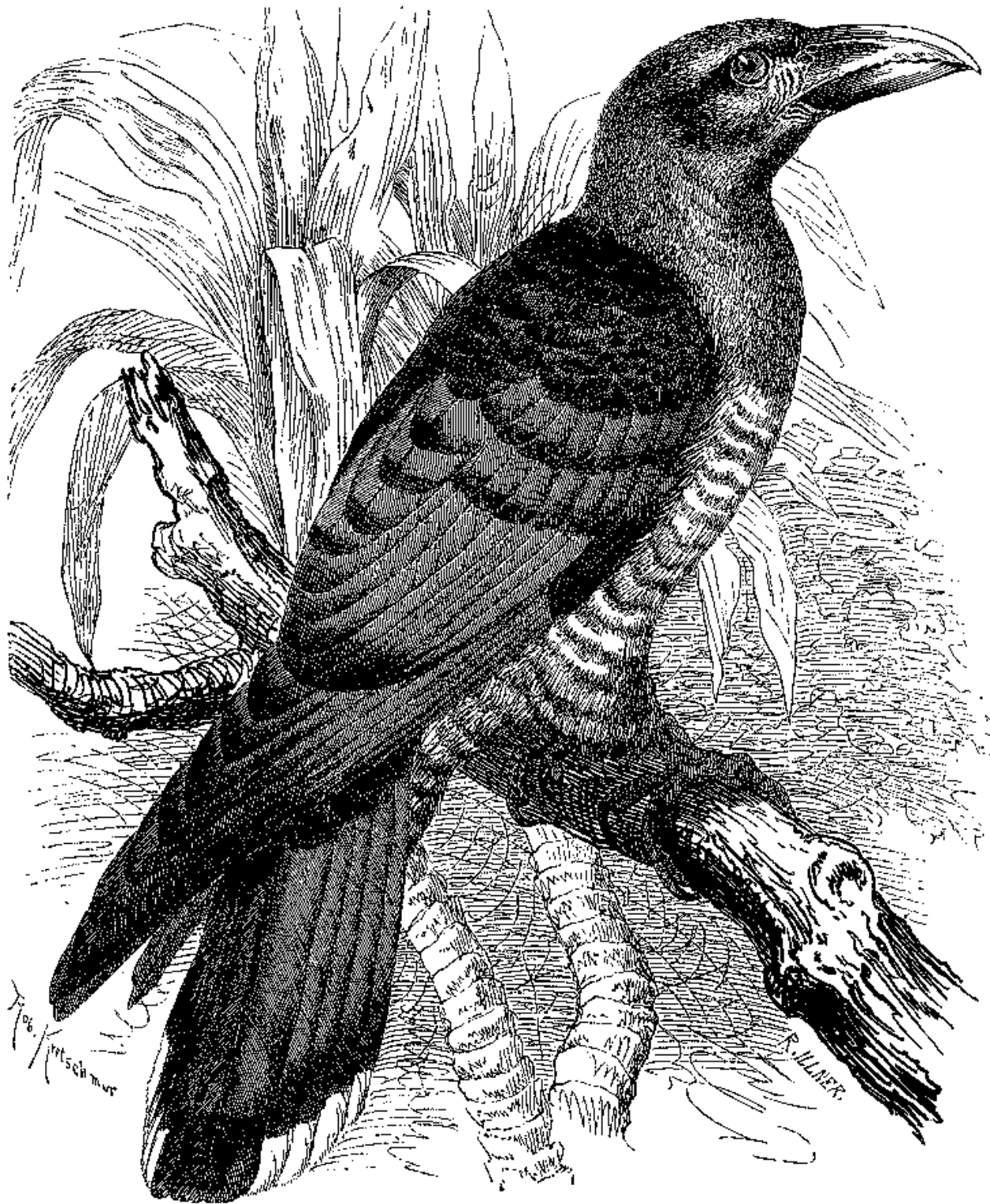
Как показывает Левальян, он нашел 83 яйца золотистой кукушки в гнездах насекомоядных птиц, и уверяет, что наблюдал, будто самка также носит в клюве свое яйцо в гнезда птиц, выбранных ею для воспитания своего потомства.

Исполинская кукушка (*Scythrops novaehollandiae*) на голове и шее красивого пепельного цвета; верхняя часть тела, с крыльями и хвостом включительно, серо-бурые. Глаза карие, кольцо около глаз пурпурово-красное, клюв желтовато-рогового цвета, ноги оливково-бурые. Самка отличается от самца несколько меньшей величиной. Длина птицы 65 см, длина крыла 34, хвоста 26 см.

По письменному сообщению Розенберга, исполинская кукушка населяет не только Австралию, но находится также в Новой Гвинее, на Сулавеси, Тернате, Цераме и островах Ару*.

** В Новой Гвинее и Индонезии исполинская кукушка только зимует.*

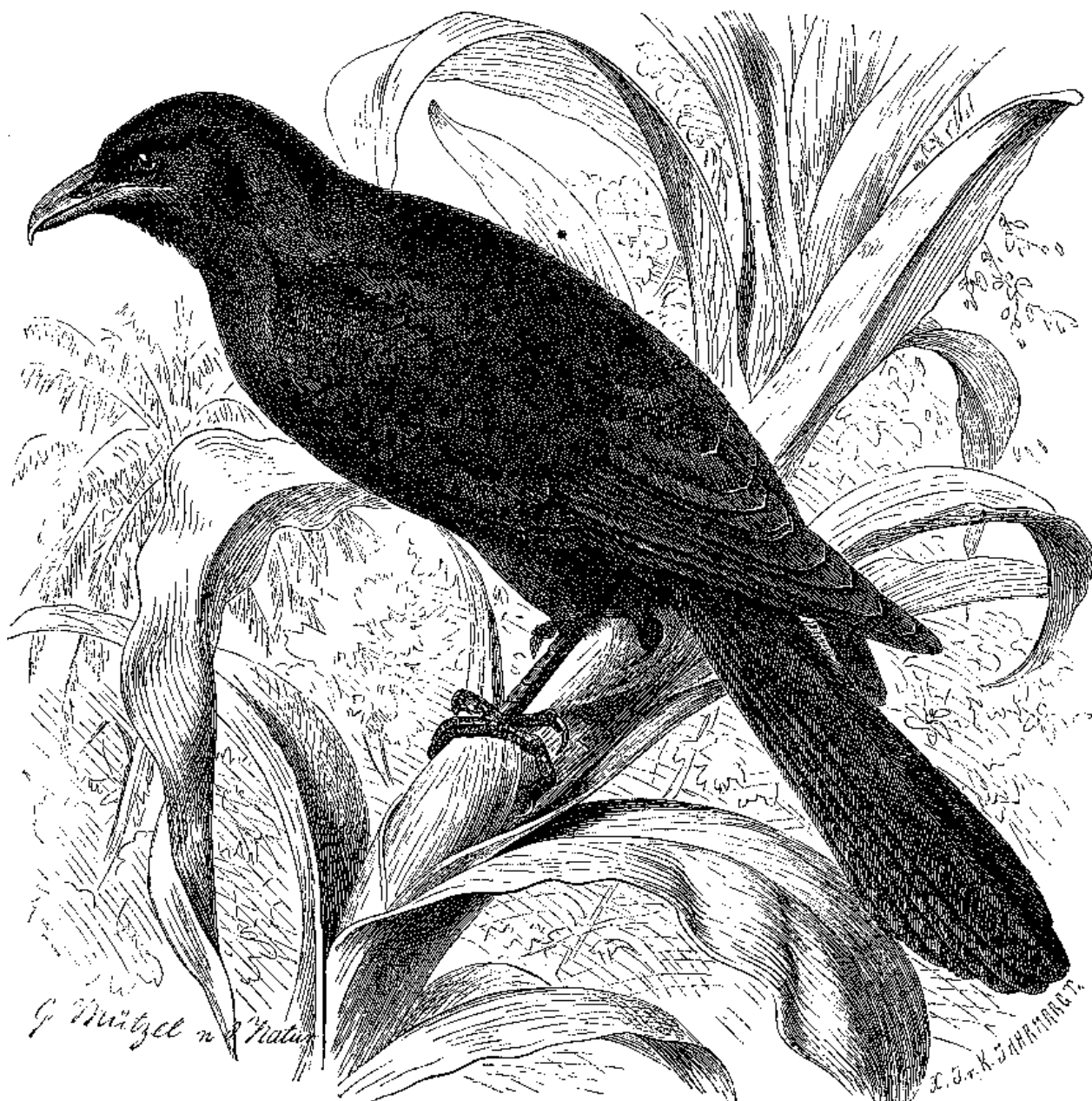
Гульд видел ее в Новом Южном Уэльсе, где она является как перелетная птица, прилетающая в октябре и улетающая опять в январе. Латам говорит, что обыкновенно ее можно видеть рано утром и вечером, иногда маленькими стаями в 7-8 штук, но чаще попарно. Ее поведение и привычки, движения, образ кормления и способ размножения доказывают существенным образом ее принадлежность к кукушкам. Первую исполинскую кукушку, которую Беннет убил в ботаническом саду Сиднея, он принял сначала за сокола. Как и последний, она высоко летала кругами, иногда прерывала это движение, чтобы парить, потом медленно опускалась, продолжала летать близко над верхушками высоких камедных деревьев и казуарников, а также облетала вокруг этих деревьев, описывая полные круги, или же перелетая от ветки до ветки и около них приостанавливаясь, чтобы отыскивать кузнечиков и других больших насекомых. Она несколько раз нападала на них, хватала их с листьев или даже со стволов деревьев, при случае громко и пронзительно крича и паря с распущенными крыльями перед выдающимися ветками; все это делалось совершенно так, как это делают обыкновенно соколы. Только после того, как она проделала самые различные упражнения такого рода и обеспечила себе утренний корм, она опустилась на очень высокий сучок, с которого и была убита. Желудок птицы, о которой упоминает Беннет, содержал массу золотистых жуков и больших кузнечиков. В желудках других исполинских кукушек были найдены, кроме насекомых, также плоды и семена, особенно семена красного камедного и перечного деревьев.

Исполинская кукушка (*Scythrops novaehollandiae*)

Насчет размножения подробных сведений пока нет, но можно все-таки предполагать, что и исполинская кукушка вверяет свои яйца чужим родителям.

На южноазиатских островах и в Полинезии водятся кукушки, которых называли мелкими ту-кановыми кукушками.

Коэль (*Eudynamis scolopacea*)

Коэль (*Eudynamis scolopacea*). Самец блестящего зеленовато-черного цвета, самка блестящего темно-зеленого с белыми крапинками на верхней части тела; крылья и хвост окаймлены белым; снизу они белые с черными пятнышками, которые в области шеи имеют продолговатую форму, а в грудной области — сердцевидную. Глаза пурпурово-красные, клюв бледно-зеленоватый, ноги аспидно-синего цвета. Длина самца 41 см, самки 46 см, размах крыльев самца 60, самки 63, длина крыла 19 и 21 см, хвоста столько же.

"Эта хорошо известная птица, — замечает Жердон, — встречается во всей Индии, от Цейлона до Бирмы, и кроме того еще на Малайских и Филиппинских островах. Она населяет сады, рощи, аллеи и редкие леса, ест почти исключительно различные плоды, а именно фиги, бананы и т.п., и держится все-таки маленькими стаями, несмотря на то, что необщительна. Она несколько не пуглива, но придерживается уже нам известного спокойного, скромного образа жизни обыкновенной кукушки, пока находится в ветвях, и начинает громко кричать, как только полетит. Ее полет отличается от полета кукушки, он не так покоен и ровен и требует большего числа ударов крыльев. Во время размножения коэль становится шумным, и его можно услышать во всякое время, даже посреди ночи, когда он издает непрерывно свой хорошо известный крик «каэл-каэл», который становится постепенно громче и громче. Впрочем, самец имеет другой звук, звучащий как «хувиху» или «хэхо», а когда он летит, издает еще третий крик, который несколько звучнее».

Блайт рассказывает об этой птице подробно. Коэль, хотя вообще похож на кукушку по своим движениям, а также тем, что он обыкновенно перелетает с дерева на дерево, однако не особенно пуглив и позволяет приблизиться человеку, сидя спокойно и не обращая ни на что внимания, осо-

бенно во время еды. Когда становишься под дерево, покрытое плодами, можно убить такое количество птиц, что едва хватает времени, чтобы заряжать ружье. Различные народные наименования его, как и можно ожидать, подражают его крику, похожему на крик кукушки, и если его слушать из некоторого отдаления, то он радуется своими бесконечными повторениями во все часы дня или ночи, но под конец надоедает всем европейцам. Туземцы думают иначе. Они восхищаются этой птицей преимущественно из-за ее голоса, поэтому постоянно содержат ее в клетках и наслаждаются так же, как мы самими хорошими певунами. Вследствие этого пленный козель теряет скоро всякую робость и не сидит молчаливо и надувшись, как наша кукушка, а издает свой громкий голос в неволе так же усердно, как и на свободе.

"Самка этой столь известной в Индии птицы, — продолжает Блайт, — кладет, по-видимому, свое яйцо исключительно в гнезда обоих индийских видов ворон (*Corvits splendens* и *Curvus macrorhynchos*). Яйца ее составляют такое обыкновенное явление, что один человек принес нам зараз 5-6 яиц, из которых каждое лежало в особом гнезде. Очень часто находят в гнездах ворон только по одному яйцу этого паразита, и есть некоторое основание думать, что козель разбивает яйца вороны, в гнездо которой он хочет положить свое собственное. Но еще остается недоказанным, имеет ли молодой козель «инстинкт» выкидывать из гнезда могущих в нем быть сожителей. Я сильно сомневаюсь в этом. Впрочем, кажется, что вороны очень хорошо замечают, когда козель им подсовывает свое яйцо».

Мы узнаем из наблюдений Свинхэ, что козель несколько не ограничивается в выборе воспитателей своих детей птицами, названными упомянутыми выше исследователями, но кладут яйца также в гнезда других птиц, хотя все-таки отдаленных родственников вороны.

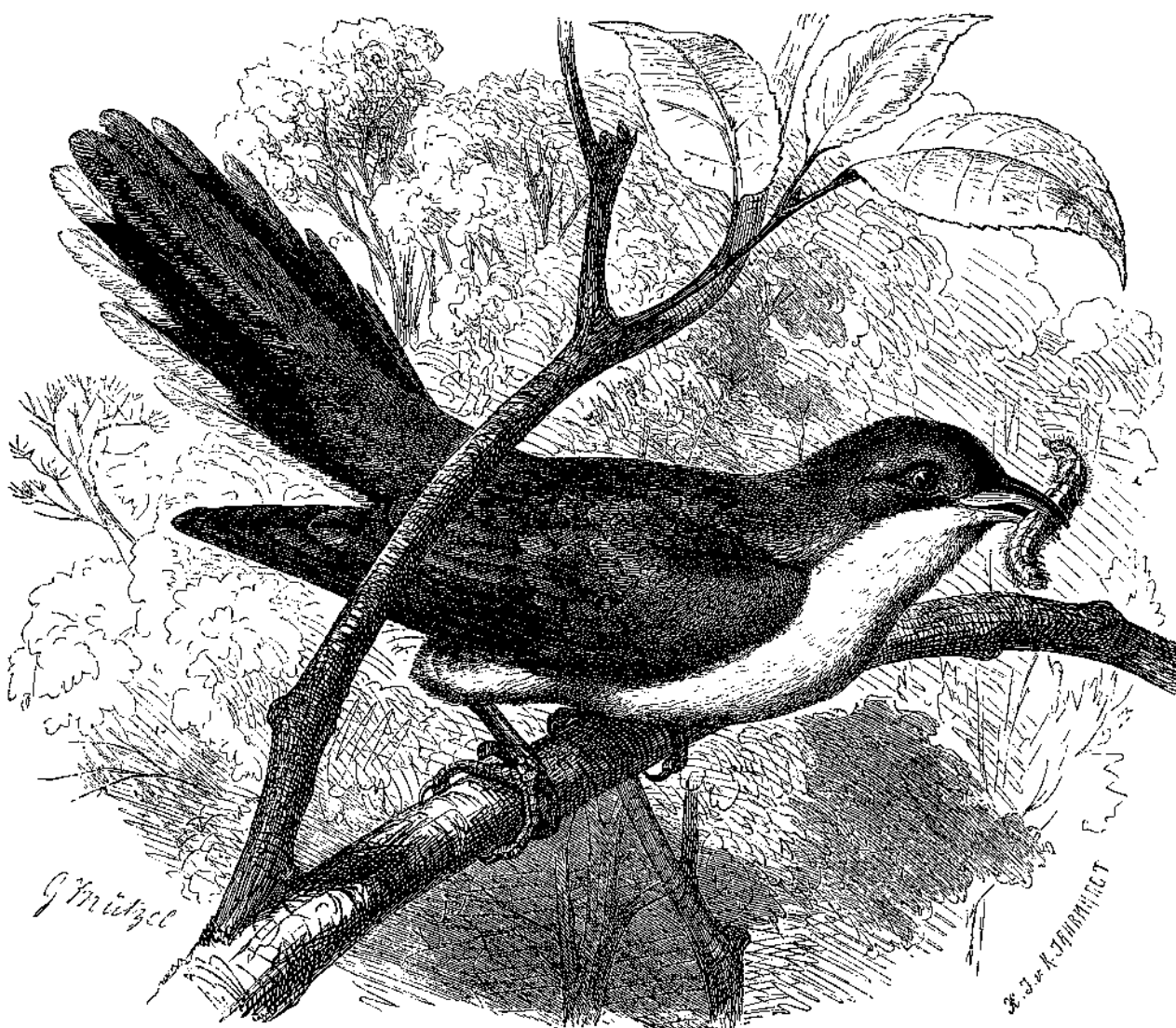
Желтоклювая кукушка (*Coccyzus americanus*) стала нам известна по наблюдениям Вильсона, Одубона, Нутталля, Ньютона, Бревера, Кауса и других исследователей.

"Иностранец, — говорит Вильсон, — посещающий Соединенные Штаты и в мае и июне проходящий через леса, слышит иногда низкие горловые тоны, похожие приблизительно на слоги «кау-кау»; они сначала издаются медленно, потом скорее, и так быстро оканчиваются, что звуки сливаются. Он может эти тоны слышать часто, не замечая птицы, которая их производит, потому что она пуглива, любит одиночество и всегда отыскивает себе для местожительства самые густые кусты. Это и есть желтоклювая кукушка, летняя птица Соединенных Штатов, которая обыкновенно прилетает в середине или же, дальше к северу, в конце апреля, даже в начале мая; она остается здесь до половины сентября и тогда перелетает в среднюю Америку большими стаями, чтобы там перезимовать». Эта птица распространена в Соединенных Штатах от Канады до Флориды и от берегов Атлантического до берегов Тихого океана, а также встречается и даже часто является гнездящейся птицей в юго-западном Техасе и на всех главных островах Вест-Индии. В южных частях этой области эти кукушки, вероятно, принадлежат к кочующим птицам, а на севере относятся к перелетным. Стаи, которые образуются в случае странствования, далеко растягиваются, но отдельные особи не имеют между собой связи, несмотря на то, что одна птица этого общества следует за другой. Если эти странствующие стаи настигаются бурями, то может случиться, что они спасаются на Антильских островах и тогда буквально переполняют большие пространства.

Весной в Северной Америке можно везде услышать желтоклювую кукушку, и если знать ее привычки, то делается легко ее и наблюдать, так как она нигде не составляет редкости, а в подходящих местах встречается даже часто. Большинство пар поселяется, конечно, в лесу, но очень многие приискивают убежище в непосредственной близости жилищ, например, в садовых деревьях, и здесь самец скоро выдает себя горловым криком «кау-кау» или «кук».

Желтоклювая кукушка — лазающая, а не бегающая птица. В ветвях деревьев она движется с ловкостью синицы, а на землю спускается редко, и когда она здесь начинает прыгать, то делает это необыкновенно неуклюже. Ее полет быстр и бесшумен, но все-таки редко простирается далеко, чаще же прерывается у первого удобного дерева, так как эта птица, по-видимому, чувствует себя более всего в безопасности среди густых верхушек деревьев.

Пища желтоклювой кукушки состоит из насекомых и плодов, а именно из бабочек, кузнечиков, волосатых гусениц бабочек и т.п., а осенью из различных ягод. Вероятно, не без основания подозревают, что она разоряет гнезда более мелких птичек.

Желтоклювая кукушка (*Coccyus americanus*)

Способ размножения представляет нечто удивительное в том отношении, что эта птица все-таки не может совсем отречься от своей кукушечьей природы и, по крайней мере, иногда кладет яйца в гнезда других птиц. Еще замечательно то, что самка тотчас же начинает высидывать яйца, как только она их снесла, и поэтому птенцы не вылупляются одновременно. Гнездо состоит из немногих сухих сучков и травы, весьма простое, плоское, похожее на гнездо обыкновенных голубей и так же прикреплено на горизонтальной ветке, часто не выше человеческого роста от земли. Яйца, в числе 4-5, продолговатые и ярко-зеленого цвета.

По довольно подробным наблюдениям Нутталля, желтоклювая кукушка обыкновенно покидает яйца, если до них дотрагивались прежде, нежели она начала их высидывать, но выказывает самую нежную любовь к своим птенцам и так близко подлетает к человеку, беспокоящему гнездо, что ее можно поймать рукой. Как и у многих других птиц, в таком случае тот или другой из родителей припадает к земле, порхает, шатается, представляется расслабленным и употребляет обыкновенные хитрости, чтобы отманить нарушителя спокойствия от гнезда. Пока самка высидывает, самец остается вблизи, верно караулит ее и предостерегает самку от каждого приближающегося врага. После вылупления птенцов оба родителя соединяются и до самопожертвования усердствуют, чтобы вырастить свое прожорливое потомство. В Америке желтоклювая кукушка редко преследуется, и это объясняет ее непугливость. Впрочем, она скоро замечает, хотят ли ей добра или зла: опыт научает и ее. Одюбон говорит, что она часто делается жертвой кречета.

Хохлатая кукушка (*Clamator glandarius*) пепельного цвета на голове, бурая на спине, серовато-белая на нижней части теки, горло, бока шеи и передняя часть груди красновато-серо-желтые. Длина приблизительно 40 см, размах крыльев 21, длина хвоста 22,5 см. К несчастью, я не могу дать точных измерений, хотя тщательно измерял несколько пар.

Африку можно считать настоящей родиной хохлатой кукушки. В Египте и Нубии она, смотря по местности, обыкновенна, нередко встречается в западной Африке, в соседней Аравии и Палестине, в некоторые годы очень распространена в Персии, а в другие очень редко попадает; в Ал-

жире она также встречается и отсюда более или менее регулярно перелетает в Европу. В Испании она является как гнездящая птица; в Греции, кажется, встречается реже и, по наблюдениям, имеющимся до сих пор, попадает там только случайно; в Италии ее также часто наблюдали. Вероятно, ее можно видеть во всей южной Европе почти ежегодно на удобных местностях. Впрочем, без сомнения, странствуют так далеко на север только те, которые поселились в Европе, так как в Египте живущие птицы не покидают своей родины в месяцы, соответствующие нашей зиме.

В Египте хохлатая кукушка решительно предпочитает небольшие рощи мимоз, которые кое-где попадаются в Нильской долине. Очень часто рощица, которую легко можно обойти в четверть часа, дает приют 8-10 парочкам или по крайней мере самцам, между тем как обыкновенно можно пройти или проехать большие пространства, не встретив ни одной хохлатой кукушки. В Палестине, где эта птица не менее часто встречается, чем в Египте, она населяет, по словам Тристрама, преимущественно негустые лесные насаждения, особенно дубовые рощи, появляется в них около конца февраля и покидает их в середине осени. Подобные же местности дают ей приют в средней части северной Африки и в Испании. Они особенно заметны, когда, подобно соколу, быстро и ловко пролетают между верхушек деревьев. По весьма понятным причинам хохлатая кукушка избегает пустынь и высоких гор и не любит безлесных степей. В противоположность обыкновенной кукушке хохлатую редко можно встретить в одиночестве. Имеет ли время кладки какое-нибудь влияние на ее общественность, я не в состоянии сказать; могу только сообщить, что именно во время кладки я встречал хохлатых кукушек в сообществе им подобных, но птицы жили вовсе не мирно между собою.

В своем образе жизни и нравах хохлатая кукушка имеет весьма мало сходства с обыкновенной. Полет их, правда, несколько схож, но во всем прочем обе птицы существенно отличаются друг от друга. Они обе очень подвижные, но хохлатая кукушка довольствуется, как уже замечено нами выше, гораздо меньшим пространством, чем обыкновенная. Она так же непостоянна, однако чаще возвращается на старое место; она ревнива, но далеко не доходит до такой слепой ярости, как обыкновенная кукушка, у которой это чувство похоже на безумие. Само собою разумеется, что влюбленные самцы запальчиво преследуют друг друга, причем сильно кричат и борются между собою; но все же она ведет себя более прилично, чем обыкновенная кукушка.

Полет хохлатой кукушки чрезвычайно быстрый и ловкий, так как птица несется с проворством ястреба сквозь самые густые чащи.

не останавливаясь ни на одно мгновение. На землю она спускается чрезвычайно редко; я, по крайней мере, никогда не видал ее на земле, но наблюдал, как она на лету ловит насекомых. Спугнутая с места, она спасается на другое дерево, проникает в чашу его верхушки и там выжидает приближения преследователя. Заметив опасность, она незаметно проскальзывает между веток, покидает дерево с противоположной стороны и направляется к другому дереву. Таким образом она долго может дурачить охотника. Ее голос напоминает крик сороки. Пение состоит из правильно и часто повторяющихся один за другим громких звуков, которые нельзя смешать с голосом другой птицы, и которые слышны на далеком расстоянии.

В желудке убитых нами хохлатых кукушек мы находили разного рода насекомых и гусениц, а Аллен и его спутники — преимущественно сверчков. Гейглин говорит, что бабочки, гусеницы, пауки, кузнечики и жуки составляют обыкновенную пищу этих птиц, и замечает, что желудки их так же часто, как и у обыкновенных кукушек, бывают набиты гусеничным пухом.

Весьма важное значение придаем мы вопросу, вьет ли хохлатая кукушка сама себе гнездо или подкладывает свои яйца для высиживания другим птицам. Поэтому мне было чрезвычайно важно разъяснить это обстоятельство на месте, но, несмотря на мое многолетнее пребывание в Африке, мне долго не удавалось узнать что-нибудь положительное об этом предмете.

2 марта 1852 года я довольно долгое время преследовал хохлатую кукушку в одном саду около Фив, в Верхнем Египте. Она дразнила меня своим обычным образом и заставила целые полчаса бегать за ней. Наконец я увидел, как она проскользнула в большое гнездо, находившееся на особенно высоком дереве. Само собою разумеется, что с той минуты я старался не тревожить птицы. Четверть часа спустя она опять вылетела из гнезда и совсем удалилась из той местности. Я влез на дерево и увидал, что то было гнездо серой вороны, в котором лежало шесть яиц; одно из них оказалось раздавленным. Между ними я заметил с первого взгляда два меньших по величине яйца, которые нельзя было принять за вороньи, хотя они по величине и цвету очень подходили к ним. Вынутые из гнезда яйца были с большими предосторожностями отнесены к барке, где мы их сравнили с тщательно сохранными осколками первого яйца кукушки. К моей великой радости я нашел, что они совершенно ему соответствовали. По величине они почти равнялись сорочьим яйцам, а по

форме кукушечьим. «Цвет их, — описывает Бедкер, — светло-голубовато-зеленый, рисунок же состоит из пепельно-серых, коричневато-серых очень частых пятнышек, которые к тупому концу образуют как бы венчик. Кроме этого основного рисунка на них встречаются еще несколько темно-коричневых точек. С вороньими или сорочьими яйцами сравнить, а тем более смешать их нельзя, так как форма, поверхность скорлупы, рисунок и даже зеленоватый основной цвет их производят на первый взгляд совершенно другое впечатление, чем последние».

Одно это наблюдение уже достаточно определило бы способ размножения хохлатой кукушки; но 12 марта мне посчастливилось сделать второе открытие, которое придало еще больший вес первому. В одном деревенском саду, в котором, как обыкновенно бывает в Египте, густо росли деревья, я был вызван однажды на охоту громким и неприятным криком старой кукушки «киек-киек-киек-киек». Я застрелил обоих родителей, но скоро заметил еще одну хохлатую кукушку, не совсем еще оперившегося птенца, которого кормили и защищали две серые вороны*. С той поры я приказал исследовать все вороньи гнезда и был действительно счастлив, 5558 'емейство кукушковые 61 что в одном из них 19 марта нашел еще одно кукушкино яйцо.

* *Хохлатая кукушка паразитирует преимущественно на врановых, подкладывая свои яйца в гнезда сорок (*Pica pica*), серых (*Corvus cornix*) и черных ворон (*Corvus corone*), ворона (*Corvus corax*), голубой сороки (*Cyanopica cyanus*).*

Об одном индийском виде кукушек — **бан-кокил** (*Phoenicophaem tristis*), сообщает нам Жердон. Отличительные признаки этой птицы следующие: сильно сжатый сверху и внизу изогнутый клюв, средней величины ноги с короткими пальцами, снабженными острыми когтями, короткие крылья, и, наконец, очень длинный ступенчатый хвост. Бан-кокил с верхней стороны темно-серо-зеленый, голова и затылок серые, маховые перья и хвост блестяще-зеленые, каждое маховое перо на конце белое; подбородок и горло пепельно-серые с черными черточками; передняя часть шеи и грудь бледно-серые, нижняя часть груди и окружность голого глазного кольца — белые. Это белое кольцо окаймлено сверху узкой черной полоской с белыми и черными точками; наконец, уздечка черного цвета.

Бан-кокил (*Phoenicophaeus iristis*)

Глаза темно-карие, кольцо около глаз ярко-красное. Клюв прекрасного яблочно-зеленого цвета, ноги зеленовато-аспидно-синие. Длина тела достигает 60 см, длина крыла 17,5 а хвоста 42 см.

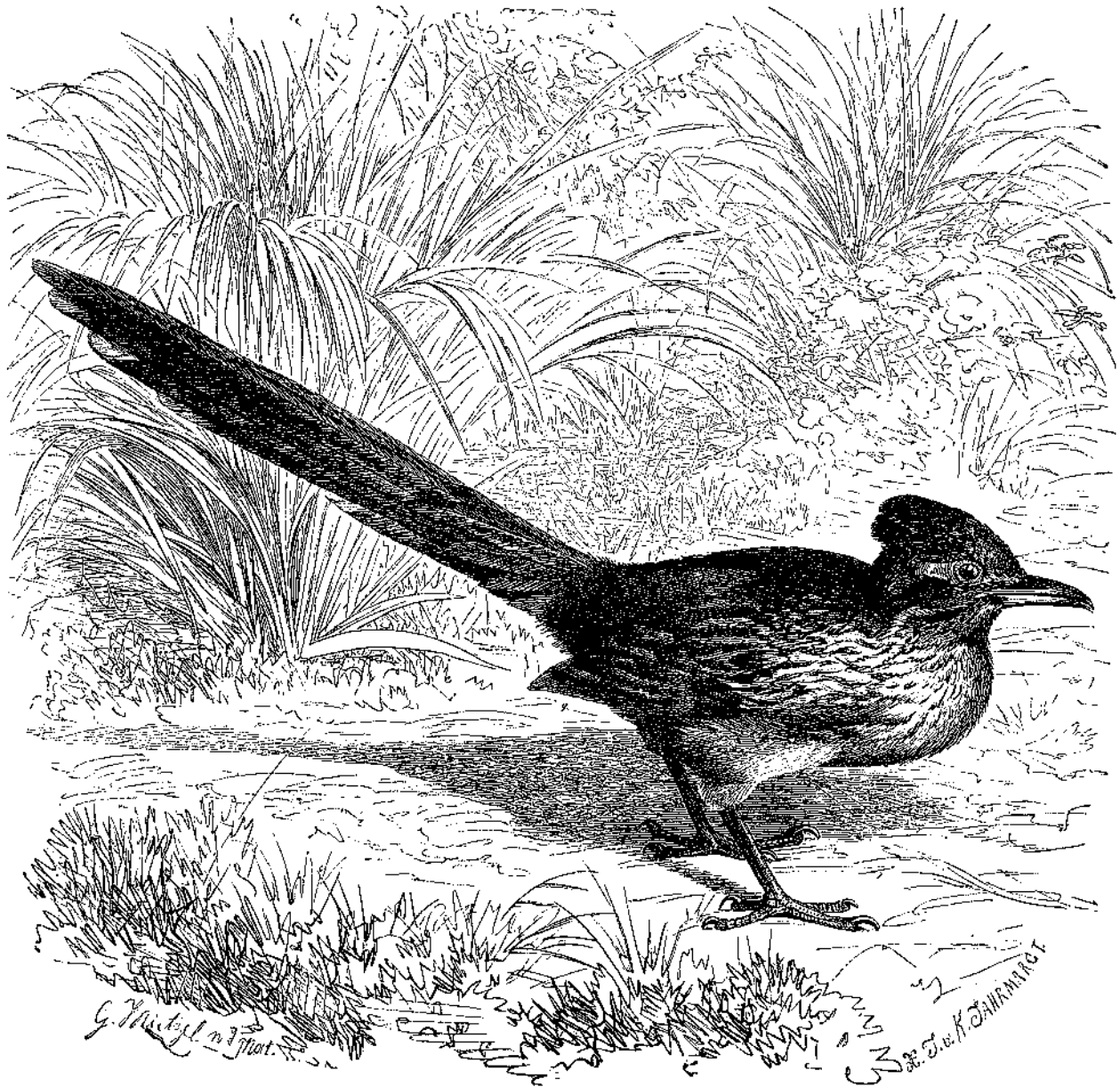
"Эта хорошенькая птица, — говорит Жердон, — водится в Бенгалии, средней Индии, в теплых долинах Гималайских гор, также в Ассаме, Бирме и на Малаккском полуострове, где она встречается в большом количестве. Я их обыкновенно встречал поодиночке и видел, как они носятся по лесам взад и вперед, гоняясь за стрекозами, кузнечиками и тому подобными насекомыми. В Сиккиме встречаются они только в теплых долинах, около 1000 м над уровнем моря. Мне однажды принесли два продолговато-круглых, чисто белых яйца, но самого гнезда, которое, как мне говорили, состоит из кучи ветвей и кореньев, я никогда не видал. Третье яйцо я вынул из яйцевода убитой мною самки». Блайт замечает, что птица выдает свое присутствие однозвучным, несколько раз повторенным звуком «чук». Некоторые естествоиспытатели утверждают, что эти кукушки едят и плоды, но Жердон решительно заявляет, что он никогда этого не видал. Вот почти все, что мы можем сообщить относительно образа жизни этих красивых птиц; потому я считаю излишним упомянуть здесь о других видах того же рода.

Большая, или калифорнийская, кукушка-подорожник (*Geococcyx californianus*), принадлежит к самым крупным видам этого семейства; общая длина 50-60 см, из которых 31-35 см приходится на хвост; крылья же достигают только 17 см длины. Оперение пестрое, но не яркое.

Кукушка-подорожник распространена везде, начиная от южной Калифорнии и Техаса до самой Мексики, и хорошо известна благодаря своей оригинальной наружности и своеобразному образу жизни. Как туземцы, так и переселенцы дают ей множество названий: в Мексике «мужичок» или «подорожник», в Техасе — «степной петух», в Калифорнии ее зовут «земляная кукушка». Короткие крылья не позволяют ей совершать большие перелеты, благодаря своим длинным ногам она необычайно скоро движется по земле. Поэтому кукушка-подорожник принадлежит к оседлым птицам в полном смысле этого слова, и только в крайних случаях меняет однажды избранное ею место жительства на другое.

Птицы эти очень необщительны; каждая из них живет отдельно и по возможности тихо и скрытно, совсем почти не удаляясь от своего местожительства. Здесь можно видеть, как она спокойно и невозмутимо бродит, приподняв хвост и слегка наклонив переднюю часть тела.

Совершенно иначе движется эта птица в минуты опасности. На бегу она не уступит ни одной беговой лошади; по крайней мере, в этом отношении с ней не может сравниться ни одна птица Северной Америки. Она в состоянии, прыгая, приподняться над землей на 3 м и для поддержания в воздухе своего тела только на минуту распускает крылья, но переносится таким образом через огромные пространства. Она может и довольно скоро летать, но короткие крылья не позволяют ей держаться выше 2 м над поверхностью земли. Этот своеобразный способ передвижения побуждает иногда мексиканцев на травлю, которая предпринимается, конечно, не столько ради мяса кукушки, сколько с целью выказать искусство ездока в погоне за столь быстрой птицей. Полковник Мак-Калль рассказывал, что он однажды на дороге заметил эту кукушку и ради удовольствия помчался за ней. Птица находилась перед его лошадей на расстоянии ста шагов и тотчас пустилась бежать, когда увидела за собой погоню. Более 400 шагов преследовал Мак-Калль кукушку по узкой дороге, по которой она неслась прыжками, вытянув шею и слегка раскрыв свои, коротенькие крылья, но догнать ее все-таки не мог. Когда она, наконец, скрылась в чаще леса, охотник уже находился от нее в 50 шагах. Дрессер уверяет, что он тоже часто гнался за этой птицей, но никогда не видал, чтобы она, даже при самом поспешном бегстве, пускала в ход свои крылья.

Большая, или калифорнийская, кукушка-подорожник (*Geococcyx californianus*)

Всевозможные насекомые и мягкотелые, в особенности улитки, составляют пищу кукушки-подорожника. Улиток она обыкновенно очищает от раковины на открытых местах, так что в лесах, населенных этими кукушками, часто находят остатки ее обеда. Эта кукушка нападает и на позвоночных, в особенности на пресмыкающихся, и считается у мексиканцев самой главной истребительницей страшной и ненавистой им гремучей змеи, с детенышами которой она справляется, говорят, легко. Благодаря своему искусству в прыганье эта кукушка не упускает и крылатой добычи, и вообще в прожорстве и хищности, так же как и в ловкости при добывании добычи, ни малейшим образом не уступает другим членам своего семейства. Единственные звуки, которые нам до сих пор удалось услышать от кукушек-подорожников, — слабый, редко испускаемый крик или воркование, совершенно схожее с воркованием голубей и сопровождаемое приподнятием хохла и хвоста.

О способе размножения этой птицы мы не имеем точных сведений. Герман нашел искусно сплетенное из ветвей гнездо, в котором находились два больших белых яйца, между листьями кактуса.

Расположение, которым пользуется кукушка-подорожник у мексиканцев, объясняется той легкостью, с которой она превращается в полудомашнюю птицу. Ее часто держат в неволе, и она в короткое время так привыкает к изменившимся обстоятельствам, что ей можно не только позволять свободно ходить по дому, но даже гулять по двору и саду. Привыкнув, она скоро становится совсем ручной и оказывает действительные услуги, поедая мышей, маленьких змей и других пресмыкающихся, так же как и жуков, и других вредных животных. Мясо же ее приносит более мнимую, чем действительную пользу, так как употребляется мексиканцами как целебное средство против разных болезней. Это мнение доставляет кукушке-подорожнику почетное звание домашней птицы, но час-

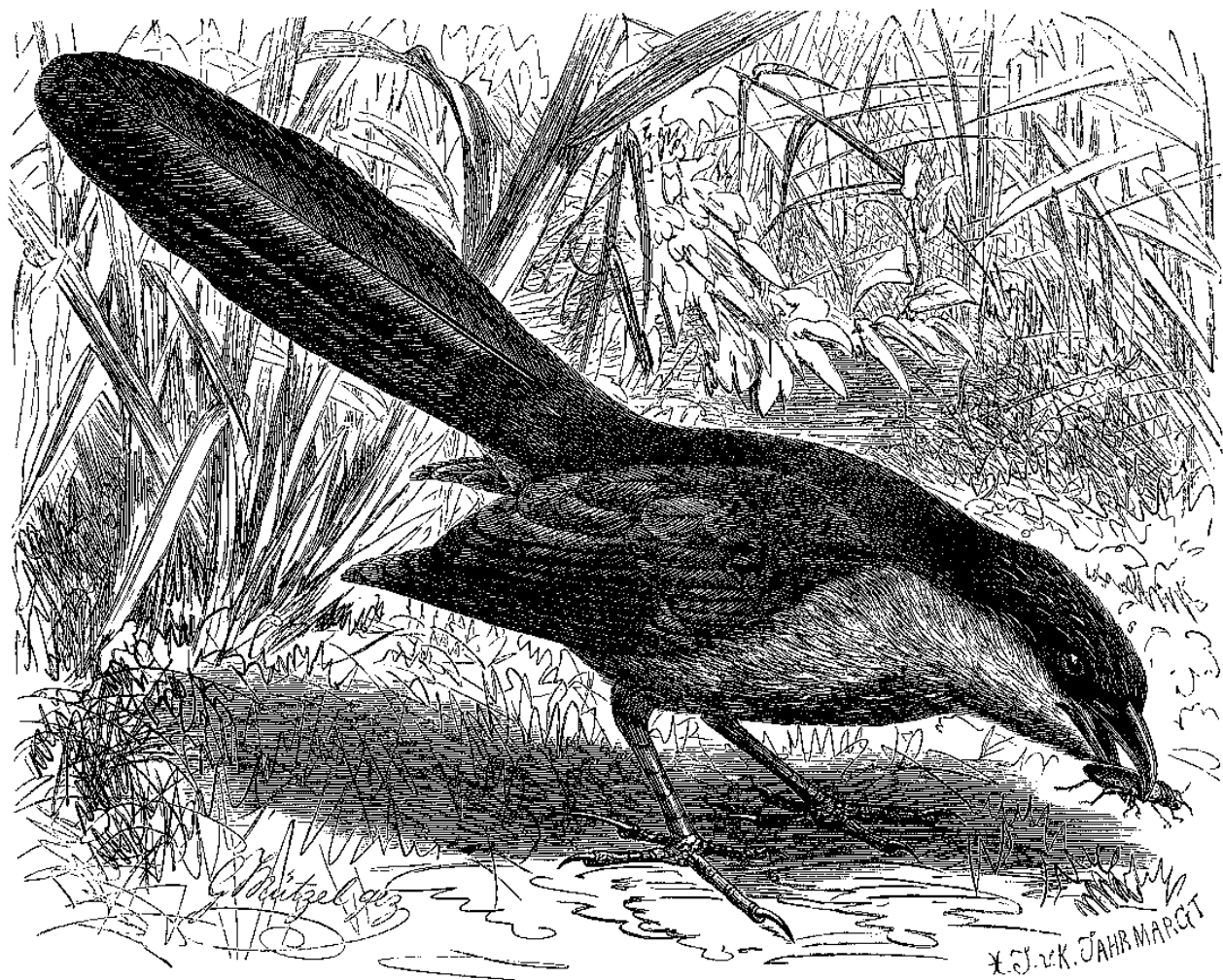
то стоит ей жизни. Заметили тоже, что некоторые кукушки, подобно кошкам, довольно долго играют пойманной добычей, а потом проглатывают ее целиком.

В Африке, Ост-Индии, Австралии и на Малайских островах живут кукушки, которых зовут шпорцевыми кукушками.

Во время пребывания в Африке я часто встречал там один вид этих кукушек, **сенегальскую шпорцевую кукушку** (*Cehtropus senegalemis*). Она принадлежит к видам с сравнительно коротким хвостом и большей частью красновато-бурым оперением. Длина ее 37 см, размах крыльев 43, длина крыла 14, хвоста 19,5 см; размеры эти, впрочем, не всегда одинаковы.

В удобных местностях северной и западной Африки сенегальская кукушка встречается довольно часто, в Египте и Нижней Гвинее она представляет даже весьма обыкновенное явление. Здесь она живет почти исключительно в больших камышовых зарослях, в Судане — в непроходимых чащах, так как может, подобно крысе, пролезать сквозь непроницаемые кусты, не обращая внимания на шипы, которыми иногда они бывают усеяны. Она лазает и проскальзывает, пробирается и протискивается сквозь самую густую чащу, точно мышка, от времени до времени опять появляется наружу, приподымается на известную высоту, где почти неподвижно сидит некоторое время, осматриваясь кругом, потом исчезает опять в кустах или медленно летит, паря и скользя по воздуху и почти не шевеля крыльями, от одного куста к другому, если, впрочем, не предпочтет пробежать этот путь на ногах.

Сенегальская кукушка имеет в образе жизни мало сходства с обыкновенными кукушками, так как любит уединение, старается остаться незамеченной и все свои дела ведет по возможности тайком. Ее пища состоит из разных насекомых, преимущественно муравьев, которыми она иногда отвратительно пахнет. Впрочем, немаловажную часть ее добычи составляют улитки и другие мягкотелые, так как все кукушки очень жадны до такого рода пищи. Сенегальская кукушка живет парами; когда увидишь одну птицу, можно быть уверенным, что другая покажется в скором времени. Только молодые птицы кочуют одиноко долгое время, может быть, даже целый год. Гнездо мне удалось найти только раз на Дельте, в густой вершине оливкового дерева. Оно состояло почти исключительно из плодовых оболочек початков маиса и содержало (в конце июля) четырех полувзрослых птенцов, из которых мы одного довольно долго держали в неволе на самой обыкновенной пище.

Сенегальская шпорцевая кукушка (*Centropus senegalensis*)

В северной Африке никто не думает преследовать сенегальскую кукушку; к ней относятся с таким же равнодушием, как и к другим птицам. Говорят, что в восточной Африке на нее (или на одного из ее родичей) смотрят весьма неблагоприятно, вероятно, вследствие того, что ее вонючее мясо нельзя употреблять в пищу. Каковы враги этой птицы, я сказать не могу; только я никогда не видел, чтобы сокол ее преследовал. Лучшей ее защитой служат те колючие кусты, в которых она живет.

Фазанья шпорцевая кукушка (*Centropus phasianus*) преимущественно окрашена в черный цвет и отличается особенно ярко блестящими стволами перьев. Самка, которая больше самца, не отличается от него цветом оперения. У молодых кукушек оперение с верхней стороны красноватобурое, с нижней — бледно-серое. Длина тела 63 см, длина крыла 26, хвоста — 37 см.

Образ жизни их описан Гульдом. Фазанья кукушка водится в болотистых местах, густо поросших кустарником, травой и камышом, и держится там почти постоянно на земле, по которой бегает с необычайной легкостью.

Фазанья шпорцевая кукушка (*Centropus phasianus*)

Лишь в крайнем случае она взлетает на высокие деревья, и то вначале на нижние ветки, и только мало-помалу взбирается, перепрыгивая, с одной ветки на другую, на самые верхние сучья. Достигнув верхушки дерева, она лениво перелетает на другое дерево.

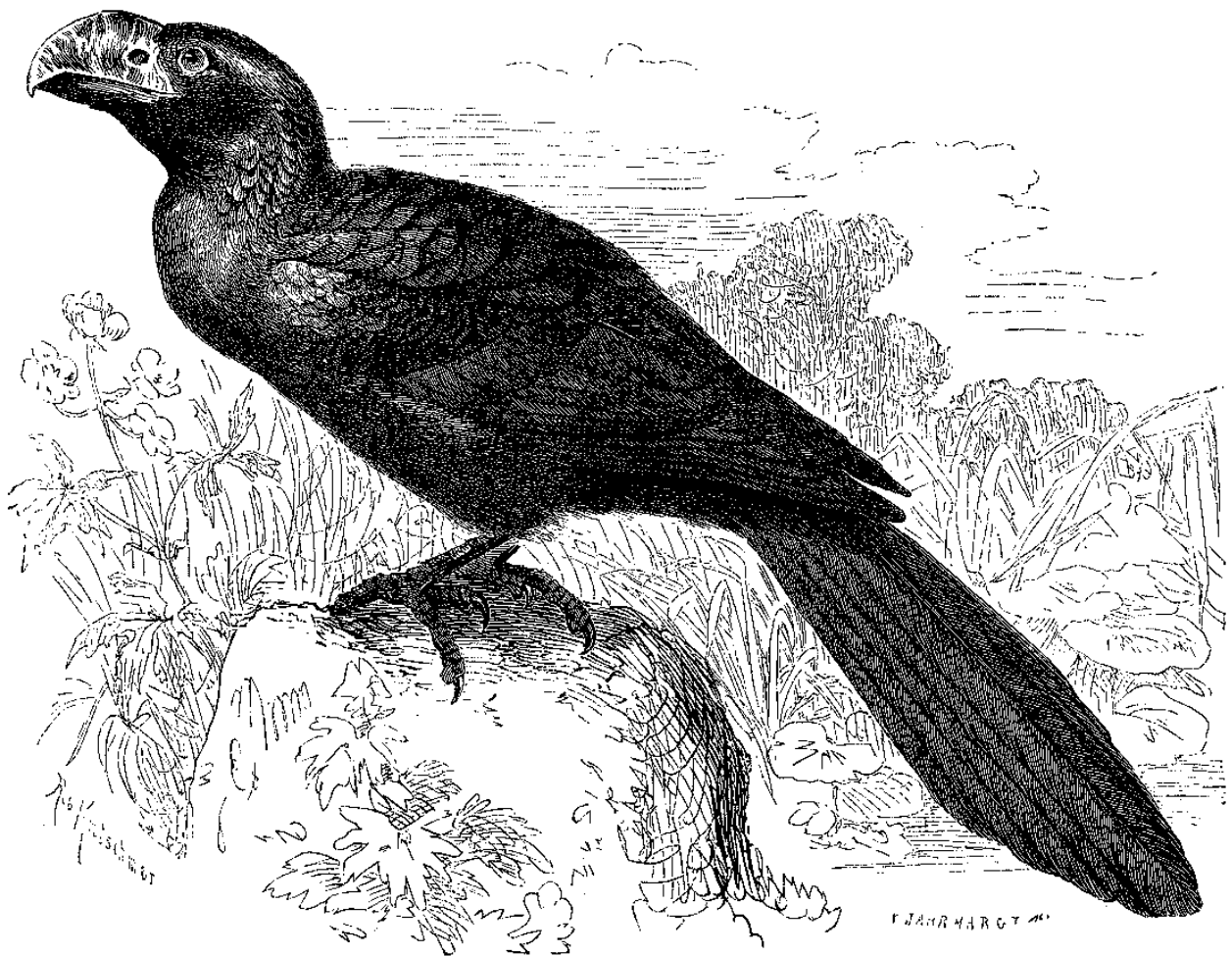
Большое гнездо располагается среди кустов травы, иногда между листьями пандануса; оно состоит из сухих трав, покрыто сводом и снабжено двумя отверстиями, из которых самка во время высиживания высовывает хвост и голову. 3-5 яиц, составляющие кладку, грязно-белого цвета, почти круглые и шероховаты на ощупь.

Самый известный и распространенный вид составляет **кукушка-ани, или гладкоклювая кукушка** (*Crotophaga*). Длина его 35 см, размах крыльев — 40, длина крыльев — 13, хвоста — 17 см; следовательно ани, несмотря на свой длинный хвост, по величине едва равняется обыкновенной кукушке. Очень черные перья крыльев и хвоста имеют стальной отлив, перья головы и шеи оканчиваются широкими медно-бурыми краями, нижние шейные перья, плечевые, зобные и грудные — широкими синевато-черными краями. Клюв от самого корня снабжен высоким, острым ребром с легкой выемкой перед кончиком, по бокам гладкий и без продольных полосок; цвет клюва, как и ног, черный, цвет глаз — серовато-бурый.

Ани распространен в большей части Южной Америки, к востоку от Анд. Область его жительства простирается от востока Бразилии до средней Америки, включая Вест-Индию и Антильские острова. Случайно он встречается на юге Соединенных Штатов Америки. В Бразилии живет везде, где открытые пастбища чередуются с кустарником и мелким лесом, но решительно избегает больших лесов; в Гвиане его хриплый крик встречает путешественника при выезде из селения; на Ямайке его можно видеть на равнинах, в особенности в тех степях и пастбищах, которые посещаются стадами лошадей и рогатого скота.

Нрав его довольно приятен. «Ани, — говорит Гилль, — один из моих любимцев. Другие птицы появляются только в известное время года, эти же постоянные обитатели полей, и их можно видеть целый год. Везде, где только есть открытое место, пастбище, обнесенное деревьями или кустарником, можно найти эту общительную птицу. Дерзкие и, по-видимому, небоязливые, ани никогда не пропускают появления человека, не возвестив о нем громким криком. По окончании грозы они первые покидают чащу, чтобы обсушить свои перышки и снова затем появиться в открытом поле; даже всегда готовый петь пересмешник не появляется раньше их. «Кви-еч, кви-еч» раздается из ближнего куста, и маленькая стая ани показывается с далеко вытянутым хвостом, спеша к тому месту, где свежесть и сырость земли вызвали наружу насекомых. Солнце бросает на равнину свои косые лучи, морской ветер распространяет свежесть, и боязливо повторяемое «кви-еч, кви-еч» раздается снова. Сокол бесшу м но крадется по краю кустарника, а иногда парит над саванной, но сторожевой крик черных птиц уже давно известил об опасности все население полей; не раздается более ни одного звука, не шевелится ни одно крыло.

В очень жаркие дни, когда даже роса не падает на землю и растения как бы изнемогают от зноя, можно видеть кукушек-ани, стремящихся в послеполуденный час к рекам и разделяющимся там на маленькие общества. Отыскав такое место, где вырванное с корнем дерево упало в воду, они, сидя в самых разнообразных положениях и подняв вверх хвост, пьют с веточек или тихо и глубоко-мысленно чистят свои перья и занимаются еще чем-нибудь на песке у берега. Здесь они остаются до солнечного заката, затем, промешкав еще немного, улетают отсюда все по знаку, данному одним из них, что пора отправляться на покой». Другие наблюдатели выражаются о них в том же роде. «Это в высшей степени привлекательные создания, — пишет Шомбургк, — за вечно хлопотливой жизнью которых можно наблюдать целыми часами. Торопливо прыгают они вокруг стада или шныряют по траве, разыскивая кузнечиков и других насекомых. Когда же дело доходит до бегства, то проворство покидает их, потому что мышцы крыльев у них недостаточно сильны и скоро отказываются им служить. Чаще всего они встречаются около лесов и в кустарниках, растущих вдоль рек в саваннах, где они с диким шумом перелетают с одного куста на другой; реже — в открытых саваннах или лесной чаще».

Ани (Crotophaga)

Их движения ни в каком случае нельзя назвать неловкими. По земле они обыкновенно прыгают, случается видеть их и бегающими, причем они широко выставляют попеременно одну ногу перед другою. По веткам они лазают одинаково скоро вверх и вниз головой.

Спустившись на кончик одной из главных веток, они легко достигают середины вершины, быстро пробегая по ветке, тщательно обыскивают дерево, ища там насекомых, и улетают с противоположной стороны или поодиночке в том же порядке, или вдруг все вместе с громким криком. Полет их тяжелый, медленный и неровный; летящий ани выглядит очень странно, потому что прямо вытягивает свое тонкое туловище с длинным хвостом, большой головой и сильным клювом и едва шевелит крыльями, так что, по словам Госсэ, более похож на рыбу, нежели на птицу.

Особенный призывный крик, который слышится ежеминутно, звучит, по мнению Киттлица, как «тру-и», по словам Азары — «квоои», или «аани», принца фон Вида — «ани» или «аи» по Гундлаху — «иу-дио»; звук, без сомнения, неприятный, почему поселенцы, по словам Шомбургка, называют обыкновенно эту птицу «старой ведьмой».

Пища их смешанная. Пресмыкающиеся, насекомые и черви, вероятно, составляют ее основу, по временам же они придерживаются исключительно плодов. Натуралисты находили в желудках убитых ани остатки разных насекомых — стрекоз, бабочек, мух и тому подобных, но вместе с тем и различные ягоды и плоды. С коров они снимают паразитов, поэтому-то и встречаются часто на пастбищах. Их можно видеть бегающими по спине животного, причем последние не выражают никакого неудовольствия; иногда даже несколько птиц сидят одновременно на быке, все равно, лежит ли он смиренно или передвигается с места на место. Госсэ наблюдал за тем, как деятельно они освобождали корову от ее мучителей; другие путешественники тоже подтверждают дружбу их с рогатым скотом. Впрочем, они страшны не только бегающим насекомым, а преследуют и летающих. «В декабре, — говорит Госсэ, — я видел, как маленькие общества ани слетали с веток, без сомнения, для того, чтобы ловить летающих насекомых. Однажды в марте или в мае мое внимание было привлечено несколькими птицами, которые преследовали большую бабочку, а еще раз я видел одного ани, несшего в клюве стрекозу. Я замечал также, что иногда они преследуют и маленьких ящериц».

О способе размножения этих птиц мы имеем подробные, но не совсем согласные между собой сведения.

Относительно человека они ведут себя различно. Перед всадниками они или вовсе не обращаются в бегство, или улетают только при значительном их приближении, в особенности, если всадник придержит лошадь; к пешеходам они имеют меньше доверия. Там, где они имеют мало сношений с людьми, смелость их становится почти невероятной. «Подобно многим птицам этих пустынь, — передает А. фон Гумбольдт, — они так мало боятся людей, что дети часто ловят их руками. В долинах Арагуа, где их очень много, птицы эти среди бела дня садились на наши гамаки в то время, когда мы в них лежали». Только свиста, как уверяет Шомбургк, они не могут выносить; по крайней мере, они улетают мгновенно, как только услышат свист. На них обыкновенно не охотятся, за исключением разве некоторых жителей Кубы, которые едят их мясо, несмотря на его особенный запах, и даже прописывают его выздоравливающим как целебное и возбуждающее аппетит средство.

Отряд совообразные

Совы отличаются необыкновенно большой, к затылку постепенно расширяющейся головой, густо обросшей перьями, очень большими глазами, смотрящими прямо вперед и окруженными лучистым кольцом из перьев (лицевой венчик), широкими и длинными вогнутыми крыльями и большей частью коротким хвостом. Клюв с самого основания сильно загнут книзу, оканчивается коротким крючком и не имеет никаких зазубрин. Восковица короткая и всегда прикрыта длинными щетинистыми перьями, окружающими основание клюва. Средней величины ноги обыкновенно оперены почти до самых когтей; пальцы сравнительно коротки и почти равны между собой по длине, однако задний прикрепляется немного выше, чем прочие; наружный палец вращательный, т.е. свободно может обращаться то вперед, то назад. Когти большие, длинные, сильно загнутые, очень острые и в поперечном разрезе почти круглые. Отдельные перья велики, длинны, широки, к концу закруглены, очень тонко рассучены, почему очень мягки и гибки; перья лица меньше и жестче, они образуют вокруг глаз как бы венчик, состоящий из пяти рядов перьев, что и придает голове совы большое сходство с кошачьей. Обыкновенно тусклое, но в исключительных случаях довольно яркое, даже ослепительное оперение почти всегда очень близко подходит к цвету окружающей среды и к коре деревьев, однако рисунок бывает иногда очень изящный и разнообразный.

Органы чувств у сов заслуживают особенного внимания. Глаза необыкновенно велики и так выпуклы, что образуют полушария. Самый глаз внутри чрезвычайно подвижен, так как зрачок расширяется и суживается при всяком вдыхании. Наружное отверстие уха у большей части сов окружено складкой кожи, которая сбоку окружает глаз и может быть приподнята и опущена.

Совы живут во всех частях света и населяют все пояса, страны и местности, от холодных северных стран до самого экватора и от морского берега до 5000 м высоты над уровнем моря. На юге живет большое число видов, но и на севере их тоже немало. Настоящим местопребыванием сов служат леса, но они живут и в степях, пустынях и безлесных горах, населенных местностях и городах. Их зовут ночными хищниками, но это выражение требует некоторого пояснения. Без сомнения, большая часть из них начинает свою охоту только в сумерки, однако они и днем довольно подвижны и даже в самый полдень отправляются за добычей. Зрение, чрезвычайно острое на небольших расстояниях, необыкновенно тонкий слух и мягкое оперение дают возможность сове успешно охотиться и после наступления темноты. Беззвучно несется она невысоко над землей, так что шум собственных движений не мешает ей прислушиваться к малейшему шороху и видеть, несмотря на темноту, самое маленькое млекопитающее.

Глаза сов не так чувствительны к дневному свету, как может показаться с первого взгляда. Во всяком случае мнение, что они ничего не видят днем, лишено всякого основания. Филин днем отлично узнает каждого дневного хищника, если даже летит на огромном от него расстоянии.

Странное строение крыльев и мягкое оперение заставляет предполагать у сов некоторую особенность в способе летания. Бесшумный полет их сравнительно медленный и представляет нечто среднее между парением и порханием, но некоторые дневные совы то поднимаются, то опускаются, описывая в воздухе дуги на манер дятлов. Полет этот весьма быстро подвигает их вперед, но, по-видимому, скоро утомляет, почему и не может долго продолжаться. Только во время больших перелетов совы поднимаются метров на сто над землей и движутся, сильно ударяя крыльями или паря в воздухе. На земле они большей частью очень неловки, но длинноногие совы так хорошо ходят, что даже могут, конечно с помощью крыльев, на бегу ловить добычу. Среди ветвей деревьев все совы очень ловки, некоторые лазают, странным образом припрыгивая и перескакивая с ветки на ветку. Они любят принимать самые разнообразные позы, то съеживаться, то вытягиваться, двигают, наклоняют и поворачивают голову самым удивительным и забавным для зрителя образом и, подобно ленивцам, могут поворачивать лицо совершенно назад.

Голос сов обыкновенно громкий, но редко приятный. Сердитое хлопанье или шелканье клювом, хриплое фырканье служат, как правило, выражением их душевного состояния; настоящий голос сов можно слышать только ночью или в минуты крайней опасности. В умственном отношении они стоят ниже большей части дневных птиц. Некоторые виды веселостью и подвижностью вводят наблюдателя в заблуждение относительно своих душевных способностей; в общем, за небольшими исключениями, их никак нельзя причислить к умным птицам. Они все пугливы, но неосторожны, едва ли умеют отличить настоящую опасность от воображаемой, редко знают своих друзей и в каждом новом лице видят врага, привыкают, правда, к известным местностям, но никогда не выучиваются ничему, что требует некоторого умственного напряжения. Они ужасно вспыльчивы, в высшей степени свирепы, равнодушны и жестоки. С другими птицами своего вида они живут в мире и дружбе, пока не замешается в дело какая-нибудь страсть, например жадность; они совершенно спокойно съедают товарища, с которым прожили долгие годы в дружбе, когда с ним случится беда. Я держал иногда до 10-12 серых и ушастых сов в одной большой клетке. Ни одна сова не нападала на другую, пока все находились в полной силе; но как только один член общества заболел и старался забиться в какой-нибудь угол, вся толпа бросалась на него, душила и пожирала. Птенцы, вышедшие из одного гнезда, нередко нападают друг на друга, и побежденный бывает убит и съеден.

На воле совы едят только ими самими убитую добычу. Все наблюдатели сходятся в мнении, что они никогда не дотрагиваются до падали. По большей части совы нападают на маленьких млекопитающих, но самые сильные хватают и довольно больших, даже хищных, млекопитающих или преследуют птиц, подобно соколам; некоторые из них питаются рыбой, другие насекомыми. Совы редко вредят людям, напротив того, большая часть приносит нам пользу. Из тщательных наблюдений мы узнаем, что немецкие совы едва ли преследуют других животных, кроме мышей, и что их деятельность в этом отношении весьма успешна. Именно в то время, когда противные грызуны веселее всего разыграются, принимаются и совы за свое дело. Неслышно парят они над землей, внимательно исследуя находящуюся под ними местность, и замеченная с высоты мышь почти наверное бывает изловлена. Успеху охоты значительно способствуют короткие подвижные пальцы и сильно загнутые острые когти сов. Захвативши добычу, сова тотчас летит в укромное место и там принимается за еду.

Большая часть сов может целыми месяцами жить без воды, вероятно, вследствие того, что они довольствуются кровью своих жертв. Однако они все-таки пьют охотно и нуждаются в воде для купания. Пищеварение совершается очень быстро; острый желудочный сок разлагает всякую пищу в короткое время. Кости, волосы и перья скатываются в желудке в круглые комки, которые птица потом извергает с помощью чрезвычайно потешных телодвижений: она страшно раскрывает клюв, низко опускает голову, переступает с ноги на ногу, щурится, давится, трясется всем телом и извергает наконец вышеупомянутый комок, или погадку. Альтум исследовал множество погадок и нашел, что немецкие совы питаются преимущественно мышами и землеройками, но в исключительных случаях крысами, кротами, ласками, птицами и жуками. В 706 погадках сипухи он нашел остатки 16 летучих мышей, 240 домашних мышей, 693 полевых мышей, 1580 землероек, 1 крота и 22 мелких пташек. В 210 погадках серой неясыти обнаружены остатки 1 горноста, 48 мышей, 296 полевых мышей, 1 белки, 33 землероек, 48 кротов, 18 мелких птиц и 48 разных жуков, не говоря уже о бесчисленном количестве майских. В 25 погадках ушастой совы нашлись остатки 6 мышей, 35 полевых мышей и 2 птиц; в 10 погадках неясыти — 10 полевых мышей, 1 землеройки и 11 жуков. Подобные же результаты имели и другие исследования. Так, например, Иекель нашел в 65 погадках остатки 93 мышей разных видов, а Видеман в 250 погадках — остатки 625 мышей, 1 землеройки, 1 крота и 2 маленьких птиц. Эти цифры служат лучшим доказательством пользы, приносимой совами. Большие виды сов действительно грешат тем, что охотятся за зайцами, куропатками и другою дичью, а малые виды — гоняясь за полезными землеройками, но польза, приносимая ими, далеко превышает вред, из чего следует, что эти хищные птицы должны быть тщательно оберегаемы.

Одни виды сов гнездятся в дуплах, другие — в расщелинах скал или отверстиях стен, иные устраиваются в подземных норах различных млекопитающих или в покинутых гнездах соколов и ворон. Сюда при благоприятных обстоятельствах сносится какой-нибудь строительный материал; но обыкновенно гнездящаяся сова не трудится над улучшением подстилки и кладет яйца прямо на дно найденного гнезда. Число яиц колеблется между 2 и 12; в исключительных случаях в гнезде находят только одно яйцо. Сами яйца очень схожи между собой: они кругловатые, с мелкозернистой скорлупой белого цвета. Все совы выказывают сильную любовь к своему потомству, защищая

его от всяких врагов с замечательным мужеством. Молодые птицы долго сидят в гнездах и ночью оглашают окрестности неприятным криком. Крик этот особенно часто слышится в то время, как они уже начинают вылетать из гнезда и порхать кругом его. Мнение моего отца, что они этим криком постоянно подают голос родителям, кажется мне вполне справедливым.

К сожалению, совы имеют много врагов. Все дневные птицы ненавидят их и как будто желают отомстить этим ночным разбойникам за те нападения, которые делаются ими ночью. Почти все дневные хищные птицы мечутся, как сумасшедшие, при виде большой совы. Такое же возбуждение выказывают и малые птицы, выражая это громким чириканьем и криком, которые, по-видимому, должно принять за брань и ругань. Весь лес приходит в волнение, как только где-нибудь заметят присутствие совы. Одна птица подает голос другой, и бедной ночной птице приходится плохо, так как сильные дневные птицы сердито нападают на нее. Человек с своей стороны слишком часто примыкает к их врагам; многие, считающие себя образованными, думают совершить геройский подвиг, убивая сов во время их сна, и редко случается, чтобы кто-нибудь оказал им покровительство.

В клетке действительно ручными становятся лишь те совы, которых вынимают из гнезда в очень ранней молодости, выкармливают и ласково с ними обращаются.

Семейство сипуховые

Некоторые орнитологи склонны считать всех сипух принадлежащими к одному виду **обыкновенная сипуха** (*Tyto alba*). У сипухи верхняя часть тела на темно-пепельно-сером, по бокам задней части головы и затылка на красно-желтоватом фоне разрисована крайне маленькими черными и белыми продольными пятнами. Верхние кроющие перья крыльев темного пепельно-серого цвета с более светлыми волнистыми полосками, украшены черными и белыми продольными крапинками; нижняя сторона крыльев на темно-ржаво-желтом фоне испещрена бурыми и белыми пятнами. Лицевой венчик ржавого цвета или ржавого в верхней половине и ржаво-белого в нижней. Маховые перья ржавого цвета, на внутренней бородке беловатого, с тремя или четырьмя более темными поперечными полосками, а на наружной бородке с темными пятнами. Ржаво-желтые хвостовые перья имеют три или четыре черноватых поперечных полосы и широкую темно-пепельную полосу с белым неясным рисунком на кончике. Глаза темно-бурые; клюв и восковица красновато-белые, голая часть ног грязного голубовато-серого цвета. Самка окрашена обыкновенно несколько тусклее, чем самец. Длина равна 32 см, размах крыльев 90, длина крыла 28, хвоста 12 см.

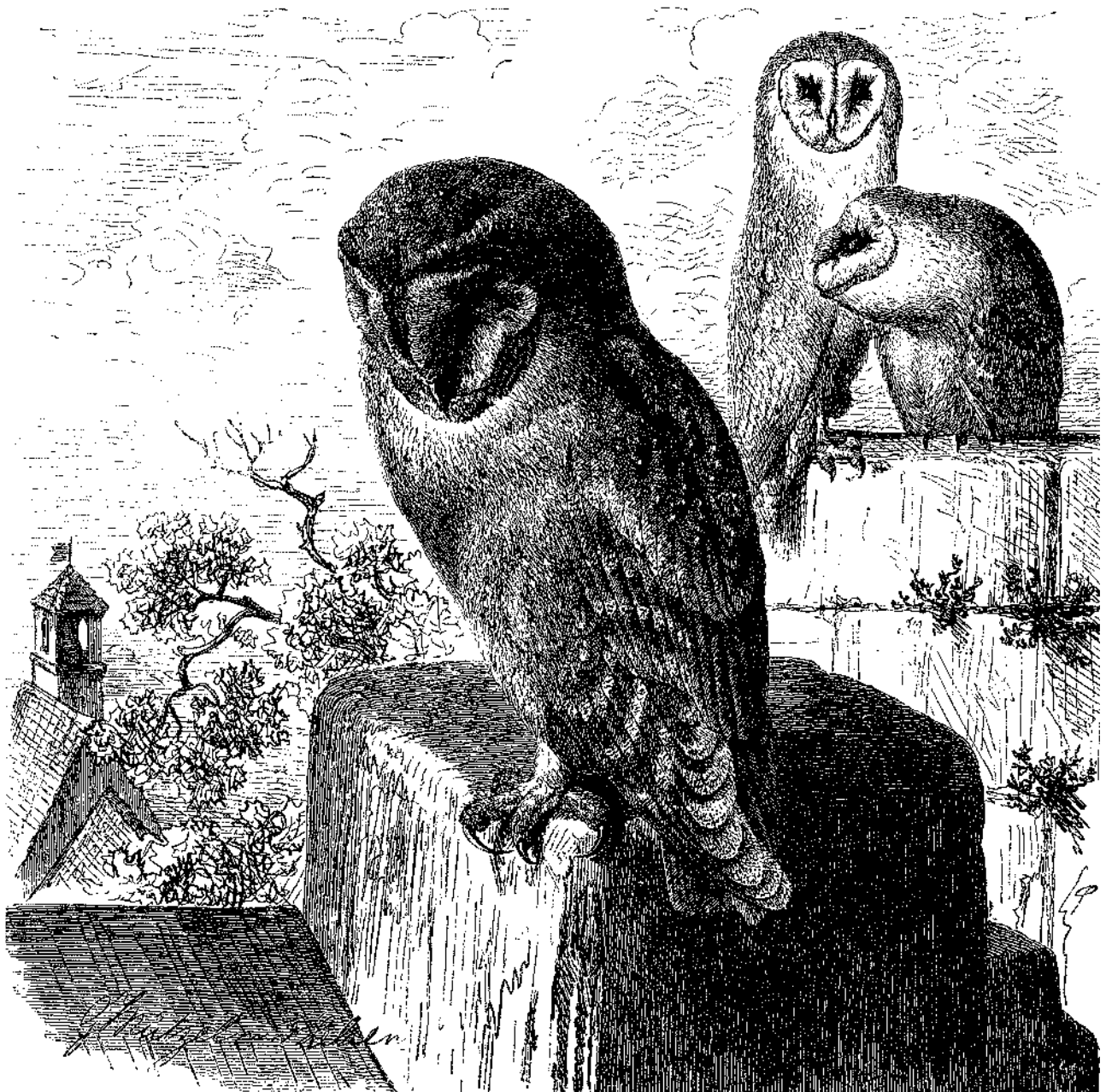
Церковные башни, замки, старые постройки и крепости составляют в Европе любимое, если не исключительное, местопребывание сипухи, которая первоначально селилась на скалах и в дуплах деревьев; птица эта распространена по всей средней и южной Европе, Малой Азии и северной Африке. Начиная с крайнего севера нашей части света ее не встретишь лишь в значительных горных лесах; точно так же она избегает и высоких гор выше пояса растительности. Это оседлая птица, которая даже не кочует. Там, где мы теперь находим сипух, они жили с незапамятных времен. Только более молодые птицы показываются иногда вне охотничьей области старых; они должны устроить себе постоянное жилище и для этой цели предпринимают более значительные экскурсии. Днем они спокойно сидят в темном углу здания, на балках башен или колоколен, в нишах стен, голубятнях и тому подобных местах. Звуки колоколов в непосредственной близости от того места, где они спят, влетание и вылетание голубей той голубятни, в которой они поселились, несколько не беспокоят их, они так же хорошо привыкли к людям и их деятельности, как к шуму голубей, с которыми живут в дружбе. Когда они сидят, то похожи на других сов, но бросаются каждому в глаза своим тонким высоким сложением и особенно не поддающимся описанию сердцевидным лицом, которое способно к самым удивительным гримасам.

Человеку никогда не удастся застать сипуху врасплох: самый незначительный шум достаточно, чтобы разбудить ее. При виде наблюдателя сипухи обыкновенно высоко приподнимаются и начинают тихонько покачиваться на ногах вправо и влево. Дело не обходится и без нескольких гримас, но все движения продолжительнее и медленнее, чем у большинства остальных сов. Если предполагаемая опасность слишком приближается к ним, то они улетают, причем обнаруживают, что и днем могут видеть очень хорошо. После солнечного заката они покидают здания через определенное, хорошо известное им отверстие, которое умеют безошибочно находить и днем и которым умеют ловко пользоваться, и тихо, как привидения, начинают носиться низко над землей своим колеблющимся полетом.

Хриплый писк возвещает о приближении сипухи; крик этот может внушать большой страх суеверным людям. Если обратить внимание в ту сторону, откуда раздается писк, то наверное увидишь и саму бледную птицу, так как она бесстрашно летает вокруг гуляющего вечером человека и часто, как тень, пролетает около самой его головы. В ясные лунные ночи сипухи беспрерывно ле-

тают до самого восхода солнца, отдыхая от времени до времени на зданиях, а затем продолжая ревностно охотиться; в более темные ночи они разбойничают лишь вечером и к Утру- Мыши, крысы, землеройки, кроты, мелкие птицы и большие насекомые составляют пищу сипухи. Ее часто обвиняли в том, что она будто бы производит бесчинства в голубятнях, но этому противоречит равнодушные голубей по отношению к их странному товарищу. «Я очень часто видел, — говорит Науман, — как сипуха вылетала и влетала между моими голубями. Голуби скоро привыкли к этому гостю и не заботились о нем; ни яйца их, ни птенцы никогда не подвергались нападениям сипухи; точно так же никогда не находил я ни малейшего следа нападения сипухи на взрослого голубя. Часто случалось весной видеть пару их много вечеров сряду на моем дворе; по-видимому, они хотели выводить птенцов на голубятне. Когда к вечеру начинало смеркаться, они, играя, вылетали и влетали почти непрерывно, издавали то в самой голубятне, то около нее свою зловещую ночную музыку, и ни один голубь не трогался с места. Когда тихо поднялись днем на голубятню, можно было видеть, как совы спокойно и доверчиво сидели и спали среди голубей на жерди или в углу, а около них лежала кучка мышей. Дело в том, что в случае хорошей охоты, а, может быть, также предчувствуя дурную погоду, они собирают запасы, чтобы не страдать от голода в слишком темные и бурные ночи, когда они не могут охотиться».

В Испании сипуха подвергается тяжкому подозрению будто бы она выпивает масло в неугасимых лампадах в церквах. Достоверно то, что весьма годное для употребления оливковое масло часто исчезает из лампад, но установить, кто именно в этом виноват, до сих пор не удалось; молва утверждает, что виновен тут дьячок, а не совы. С этим недоразумением, падающим на сипух, связано в Испании любимое пользование этой птицей для медицинских целей. Убивают сипуху, варят ее целиком в масле и получают таким образом великолепно действующее лекарство против разных болезней. Его, правда, редко прописывают врачи, хотя оно есть или по крайней мере должно быть в каждой аптеке; тем не менее оно очень употребительно в народе.

Сипуха (*Tyto alba*)

Относительно размножения сипухи сделаны замечательные наблюдения. В более старых естественных историях говорится, что время размножения падает на апрель и май; это правило имеет, однако, исключения. Неоднократно находили молодых сипух в октябре и ноябре, находили в это время и яйца, которые очень ревностно высидывала самка. Любовь возбуждает даже сипуху и водушевляет ее к оживленному крику. Обе птицы, играя, гоняются друг за другом с башни на башню. Сипухи не устраивают настоящего гнезда; 6-9 продолговатых, покрытых шероховатой скорлупой, неблестящих яиц длиной 40 мм и шириной 30 мм лежат без всякой подстилки в удобном углу на мусоре и обломках. Птенцы сипух, как и всех их родичей, сначала чрезвычайно безобразны, но родители необыкновенно любят их и обильно снабжают мышами.

Так как сипуху, безусловно, следует причислять к самым полезным птицам, то внимания всех рассудительных людей заслуживает предположение Ленца. «Для сипухи и домового сыча следовало бы всюду на крышах деревенских и городских домов делать особые приспособления к устройству гнезд и жительства. На каждой вершине фронтона на моих постройках есть отверстие, достаточное по величине для голубя. Оно ведет в приделанный внутри ящик, в котором справа и слева имеется по месту для гнезда. На него не должен падать свет от входа; птица поэтому должна пройти от входа на полметра в глубину ящика по дощатому ходу, повернуть там направо или налево и таким образом добраться до одного или другого гнезда; вход в каждое гнездо, следовательно, защищен от света. Со стороны, обращенной внутрь дома, весь ящик крепко сбит гвоздями, чтобы кто-нибудь не мог открыть его и нарушить покойную жизнь маленького питомника. Если вместо сов там поселятся голуби, то и это не беда; ящик открывают, когда его надо вычистить, и потом

снова закрывают. В каждой верхушке фронтона больших амбаров в Голштинии находится обыкновенно по отверстию, через которое удобно может пробраться сипуха. По исследованиям Клаудиуса, голштинский крестьянин никогда умышленно не нарушает покоя своей совы и защищает ее от преследования. Птицы по желанию влетают и вылетают, весело охотятся за мышами внутри и вне амбара, отлично уживаются с кошками и строят гнездо в темном помещении.

Во многих местностях народ думает, к сожалению, иначе: это полезное животное — для него птица, предвещающая несчастье; если она влетает в дом и вылетает из него или издает свой голос с вершины крыши, то наверное возвещает этим смерть одного из обитателей».

Семейство настоящие совы

Серая неясыть (*Strix aluco*). Голова у нее чрезвычайно велика, а ушное отверстие меньше, чем у других видов этого семейства. Шея толстая, тело плотное, большой клюв, лишенный зубцов, сильно согнут; сильные, густо усаженные перьями короткопалые ноги средней длины; в крыльях четвертое маховое перо длиннее остальных; хвост короткий. Основной цвет оперения темно-серый или светлый ржаво-бурый; спина обыкновенно окрашена темнее, чем нижняя сторона, крылья разрисованы правильно расположенными светлыми пятнами. У ржаво-рыжеватой разновидности каждое перо у корня пепельно-желтоватое, к концу очень светло-ржаво-бурое с темными крапинками и темно-бурыми продольными черточками, крылья с темно-бурыми и красноватыми волнистыми полосками, хвост, за исключением средних перьев, с бурыми полосками; затылок, область уха и лицо пепельно-серые. Клюв свинцово-серый, глаза темно-бурого цвета, край век мясо-красный. Длина 40-48 см, размах крыльев около 100, длина крыла 29, хвоста 18 см.

Область распространения серой неясыти простирается от 67 градуса северной широты до Палестины. Чаще всего встречается она в средней Европе, реже в восточной, южной и западной. В Италии, особенно на западе и в средней части страны, она еще обыкновенна, в Греции, а также в Испании представляет крайне редкое явление*.

** В наши дни распространение и численность серой неясыти в Европе несколько изменились. Сейчас к северу она распространена не далее 63-64 градуса северной широты в Скандинавии и не заходит за 60-ю параллель в России. В большинстве стран Европы, она обычна, в том числе и в Греции, а в Испании даже многочисленна.*

В Сибири, насколько до сих пор известно, ее вовсе нет**; в Палестине, особенно на ливанских кедрах, Трастам встречал ее постоянно. Летом она сидит, тесно прижавшись к стволу, на покрытых листьями верхушках деревьев; зимой предпочитает прятаться в дуплах деревьев, а потому избегает лесов, состоящих из молодых и недуплистых деревьев.

*** Это не соответствует действительности. Серая неясыть обитает в Сибири, преимущественно на территории Западно-Сибирской равнины, в полосе между 58 и 54 градусами северной широты.*

Серая неясыть так упорно держится высокого дерева, которое окажется подходящим для нее, что, по словам Альтума, ее можно при каждой прогулке вспугнуть, стуча по дереву. Такие совиные деревья стоят как среди леса, так и на опушке его, даже в местах, прилегающих к дорогам, по которым много ездят. Решающее значение при выборе местопребывания имеет, кроме того, большее или меньшее обилие подходящей добычи. Где есть мыши, там серая неясыть наверное поселится, если только обстоятельства до некоторой степени благоприятствуют этому; где мышей мало, там она или вовсе не живет, или, проживши, выселяется. Людей она не боится и потому селится даже в жилых постройках. Тогда можно видеть, как серая неясыть сидит ночью на гребнях крыш, трубах, изгородях садов и т.п. и осматривает с них свою охотничью область.

Серая неясыть ест почти исключительно мышей. Науман наблюдал, правда, что одна из этих птиц напала ночью на сарыча, так что этот последний должен был искать спасения в бегстве; он узнал далее, что другая неясыть на глазах у его отца унесла из петли свиристеля, и мы знаем, наконец, что серая неясыть не щадит молодых голубей в голубятнях, которые она от времени до времени посещает, а также спящих на земле или высиживающих птиц, но мыши, главным образом полевые и лесные, как и землеройки, остаются все же ее главной пищей. Мартин нашел в желудке исследованной им серой неясыти 75 больших гусениц соснового шелкопряда.

Никакой другой сове не приходится так много терпеть от мелких птиц, как серой неясыти. Все, что имеет крылья, порхает вокруг замеченного страшилища; все, что может петь или кричать, издает голос. Певчие и черные дрозды, мухоловки, пеночки, зяблики, завирушки, корольки и все другие живущие и летающие в лесу птицы носятся вокруг то с жалобными криками то с насмешливым пением, пока она наконец не поднимется и не улетит.

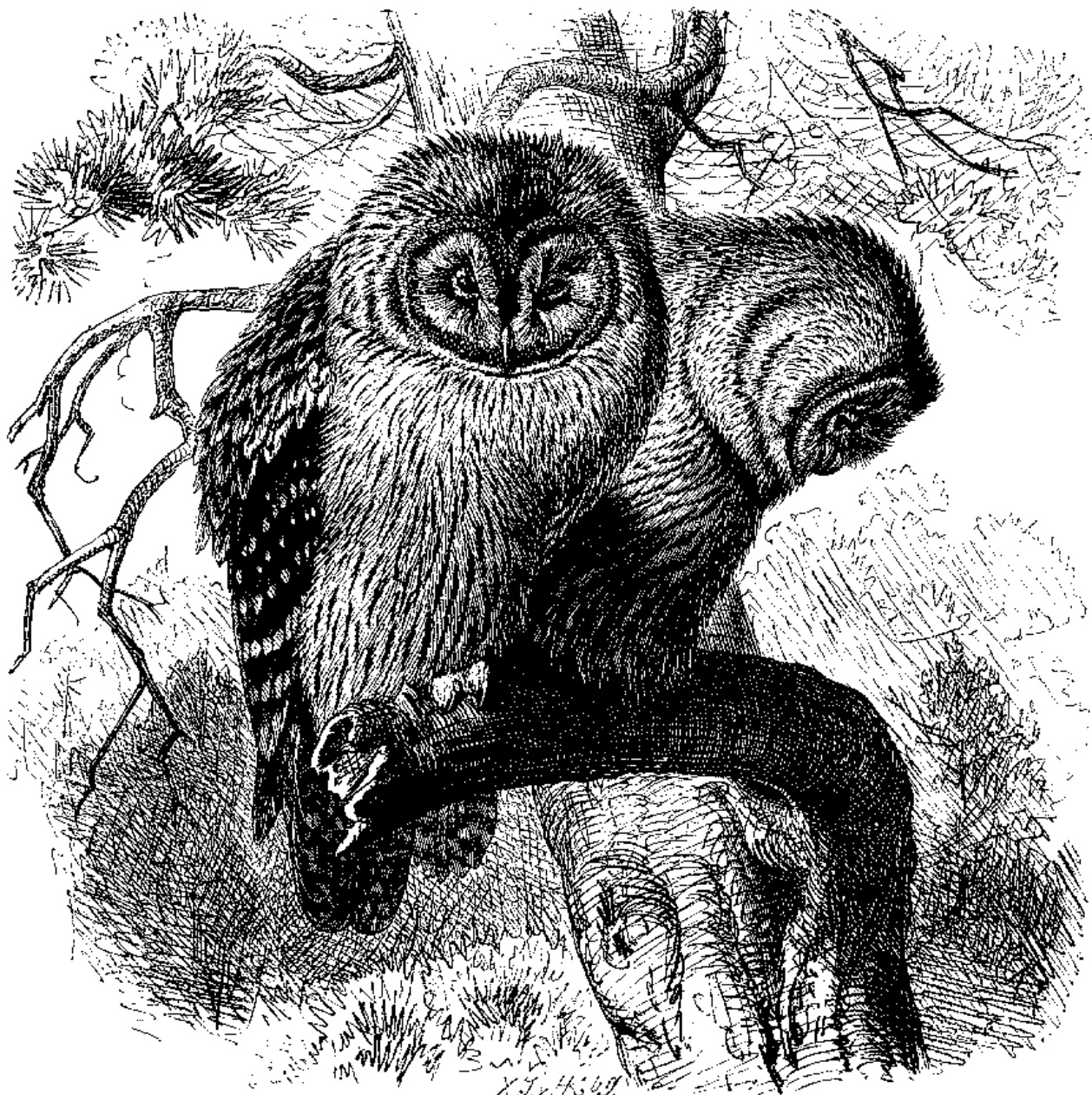
Пойманные серые неясыти могут сделаться очень ручными.

Длиннохвостая неясыть (*Strix uralensis*) — одна из самых крупных неясытей. Длина ее 65-68 см, размах крыльев около 120, длина крыла 40, хвоста 32 см. На основном тускло-серовато-белом фоне на верхней стороне выделяются темно-бурые продольные полосы, на всех перьях имеются посередине бурые, продольно расширяющиеся книзу пятна, которые еще более заметны благодаря черно-бурым стержневым полоскам. Между самцом и самкой нет никакого различия, о котором стоило бы упоминать; напротив, встречаются темные, то светло-, то черно-бурые разновидности, а сибирские птицы темно-бурого цвета, веки темного вишнево-красного, клюв воскового желтого.

Паллас открыл длиннохвостую неясыть на Урале; позднейшие исследователи находили ее почти во всей восточной Европе, а также в Средней Азии*, от Урала до Тихого океана.

* *Собственно, в Средней Азии в ее современном понимании длиннохвостая неясыть не живет (иногда залетает), но в Азии она распространена широко в равнинных и горных лесах Сибири, Алтая и Дальнего Востока.*

Ее не раз убивали в Германии. Вероятно, она встречается вообще не так редко, как полагали до настоящего времени; скорее можно думать, что она тихо и незаметно живет в обширных лесах недалеко от границ нашего отечества или что ее смешивают с серой неясытью и потому не замечают ее присутствия. В Австрии, Венгрии, Польше, России и Финляндии она не очень редка; в Трансильвании она тоже настолько часто встречается, что опытные охотники нередко видят ее в лесу.

Длиннохвостая неясыть (*Strix uralensis*)

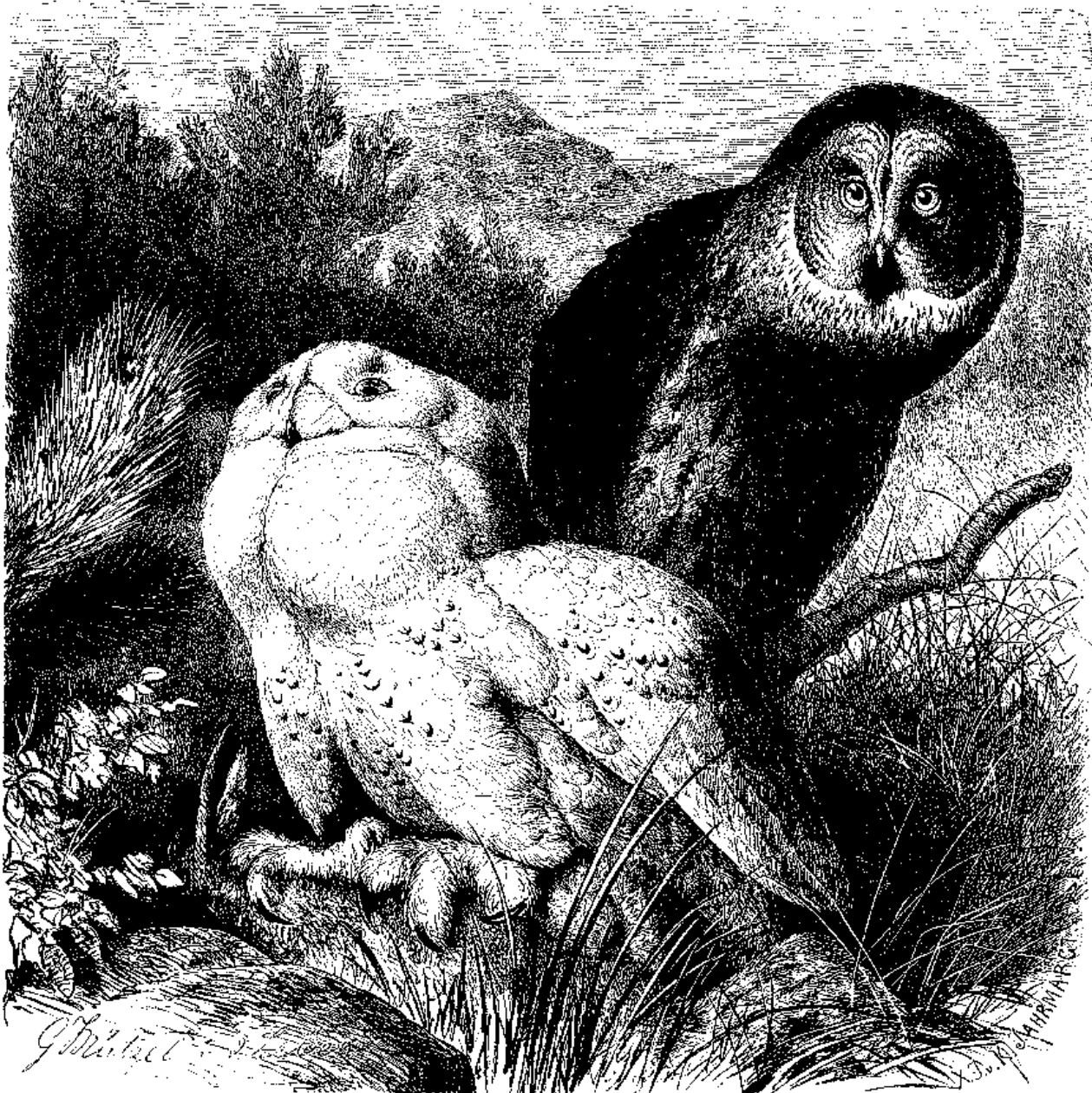
Известно, что она живет как на скалах, так и в старых высокоствольных лесах, и, несмотря на громкий, далеко раздающийся голос, ведет здесь довольно скрытую жизнь, а осенью чаще на-

блюдается на равнинах, в маленьких рощах или даже в открытом поле. Известно далее, что она превосходно видит даже днем и, в противоположность родственной ей серой неясыти, иногда занимается охотой в это время. Мы знаем также, что она очень не любит, чтобы ее беспокоили, и если предполагает опасность, то тотчас же меняет местопребывание. Наконец, наблюдение, сделанное братом Наумана, заставляет предполагать, что она по смелости едва ли уступает дневным совам. Это поразительным образом доказала сова, которую названный наблюдатель видел в 1819 г. в Ангальтском герцогстве. Сначала она преследовала обыкновенного сарыча и беспрестанно бросалась на него, пока оба не скрылись в лесу. Вскоре затем наблюдатель увидел из лесу, что она снова вылетела на поле и напала на цаплю. Последняя с жалобным криком искала спасения в бегстве, но отражала клювом сильные, быстро повторяемые удары неясыти. Та все кидалась на цаплю с высоты около 3 м и гнала ее таким образом добрую четверть часа. Поведение ее походило до известной степени на поведение сарыча, с которым она сходна и в том отношении, что летает с шумом и по временам парит. Битва между нею и цаплей происходила, когда солнце только что зашло. Оба бойца скрылись наконец вдаль, но еще долго наблюдатель мог слышать хриплые крики цапли. Отсюда можно заключить, что длиннохвостая неясыть не ограничивается охотой на мышей и других мелких грызунов, но также распространяет ее на более крупных млекопитающих и птиц: зайцев, кроликов, рябчиков и белых куропаток.

Третий вид, о котором надо еще упомянуть здесь, — **бородатая неясыть** (*Strix nebulosa*), одна из самых крупных сов. Длина ее 70 см, размах крыльев 140, длина крыла 48, хвоста 28 см. Она такого же сложения, как серая неясыть, но стройнее и с относительно более длинным хвостом, а особенно отличается густым оперением и большим округлым венчиком с правильным рисунком. Преобладающий цвет оперения верхней стороны тусклый серо-бурый, каждое перо испещрено темно-бурыми зубчатыми стержневыми пятнами и беловатыми прямыми или червеобразно изогнутыми поперечными полосками. Венчик, состоящий из рассученных серовато-белых перьев, местами с ржаво-желтым налетом и с черноватыми полосками, представляет на серовато-белом фоне 8-10 очень правильно концентрических, окружающих глаз матово-черных кругов; область горла имеет одноцветное черное пятно в виде бородки, которое еще более выделяется благодаря белому цвету по бокам его. Относительно маленькие глаза имеют блестящую ярко желтую радужную оболочку и красно-буроватые веки; клюв воскового желтого цвета. Молодые птицы похожи на старых.

Белая, или полярная, сова (*Nyctea scandiaca*) бывает длиной в 68-71 см, размах крыльев 146—156 см; длина крыла равна 45, хвоста 26 см. Цвет различен, смотря по возрасту. Очень старые птицы белые, иногда почти без пятен или с поперечным рядом бурых пятнышек на передней части головы и отдельными пятнами на больших маховых перьях. Птицы среднего возраста разрисованы на белом фоне бурыми поперечными, а на голове такими же продольными пятнами, более молодые птицы еще сильнее покрыты пятнами и совершенно пестры, как сверху, так и снизу. Глаза великолепного желтого, клюв рогового черного цвета. Белая сова отличается крайне густым оперением плюсны и пальцев.

Вместо подробного указания всех местностей и стран, в которых живет белая сова, мне достаточно сказать, что она обитательница тундры, но многократно наблюдалась и далее на севере, насколько проникали к полюсу путешественники. По Мальмгрену, Гейглину, Коксену и другим, она встречается на северо-западном и южном берегах Шпицбергена. Хэденстрем сообщает, что она встречается на Новосибирских островах. В тундре она не везде живет в одинаковом количестве, присутствие ее находится в зависимости от обилия или относительной редкости пеструшек. Затем она больше всего любит покой и одиночество и потому избегает местностей, часто посещаемых ее злейшим врагом — человеком.

Белая, или полярная, сова (*Nyctea scandiaca*)

Поэтому она больше встречается в Америке, Лапландии и северо-западной России, чем в северо-восточной России и Сибири, где, по крайней мере в тех местностях, по которым мы проехали, за ней ревностно охотятся из-за ее мяса. В течение лета она главным образом держится на северных горах; зимою спускается в низележащие местности, и если снег выпадает на ее родине очень обильно и пищи становится мало, то она переселяется на юг.

Белая сова представляет в тундре красивое явление. Во время нашего путешествия через Самоедский полуостров* мы не раз имели случай видеть эту великолепную птицу. Хотя она здесь и менее обыкновенна, чем можно было ожидать, судя по перьям, которые находишь на всех стоянках остяков, но встречается во всей области в качестве птицы, выводящей птенцов. От других сов, а особенно от очень обыкновенной в тундре болотной совы, ее легко отличить, и вообще ее можно узнать на всяком расстоянии.

* *Имеется в виду полуостров Ямал.*

Помимо ослепительного цвета, который особенно бросается в глаза днем, и значительной величины белую сову можно отличить по коротким, широким, сильно закругленным крыльям. Она летает днем, как ночью, и бывает иногда живее в послеобеденные часы, чем в утренние или вечерние сумерки. В качестве сторожевого пункта она выбирает вершины гор или холмы, сидя на которых часто издает свой далеко слышный гогочущий голос, похожий на крик морского орла. Здесь она остается иногда по часу, затем улетает, попеременно ударяя крыльями, паря, поднимается, если хочет перелететь далеко, по винтовой линии на значительную высоту и опускается к другому холму, чтобы снова с него осмотреть окрестности. Область, в которой она живет и охотится, по-видимому,

не очень обширна, так как мы могли наблюдать ее в течение целого дня почти на одних и тех же местах. Хотя тундра Самоедского полуострова населена скудно, белая сова все же оказывается очень боязливой, по крайней мере она не подпускает человека на расстояние выстрела.

Мелкие грызуны, прежде всего пеструшки, а, кроме того, пищухи, ондатры и т.п., составляют пищу белой совы; но она убивает также животных величиной с зайца. Собравшись стаями, белые совы следуют за переселяющимися пеструшками; парами или поодиночке они угрожают пернатой дичи всякого рода. Белых куропаток белая сова преследует со страстью, вытаскивает подстреленных на глазах у охотника даже из ягдташа**; тетерева, утки и дикие голуби также не находят себя в безопасности от ее нападений, рыбы тоже не защищены от нее.

* * *Безусловно, это преувеличение. Белые совы не настолько смелы и неосторожны, чтобы выхватить добычу из ягдташа охотника.*

"Раз утром, — рассказывает Одюбон, — я сидел поблизости водопадов Огайо в засаде, чтобы стрелять диких гусей, и имел при этом случай видеть, как белая сова ловит рыбу. Она лежала, подкарауливая, на скале, обратив к воде низко опущенную голову, так спокойно, что можно было бы счесть ее за спящую. Но в то мгновение, как рыба неосторожно поднималась на поверхность воды, она с быстротою молнии погружала лапу в воду и всегда вытаскивала на сушу удачно схваченную рыбу. С ней она удалялась затем на несколько метров, съедала и возвращалась на прежний сторожевой пункт. Добыв более крупную рыбу, она схватывала ее обеими лапами и отлетала с ней далее обыкновенного. Иногда их соединялось две, чтобы съесть добычу; обыкновенно это бывало в том случае, когда рыба, пойманная одной из них, была велика». Во время охоты белая сова подлетает к каждому предмету, который увидит в воздухе. «Я заставил, — рассказывает Гольбельль, — однажды такую сову следовать за мной на протяжении почти четверти мили при лунном свете, бросая от времени до времени на воздух свою шапку».

Размножение белой совы бывает летом. В июне находят яйца, которых она кладет больше, чем какая-либо другая сова. Не раз находили по 7 штук в одном гнезде, но лопари единогласно утверждают, что белая сова кладет и по 8-10 яиц*.

* *Максимально известно 13 яиц в кладках белых сов.*

Коллетт подтверждает последнее указание и замечает, что размножение белой совы, как и вся ее жизнь, соответствует количеству пеструшек, так что она не только выводит обыкновенно птенцов там, где эти грызуны особенно размножились, но также кладет больше яиц в те годы, когда пеструшек много. Как кажется, самка начинает уже высидывать в то время, когда не кончила кладку, так как в некоторых гнездах находят птенцов заметно различной величины. Яйца длиной около 55 мм, толщиной 45 мм, грязно-белого цвета. Гнездо представляет плоское углубление в земле, выстланное небольшим количеством сухой травы и несколькими перьями, принадлежащими самой высидывающей птице. Самка крепко сидит на яйцах и очень близко подпускает к себе человека, которого в другое время избегает, и прибегает даже к притворству: бросаясь на землю, словно подстреленная и не могущая летать, остается лежать некоторое время, как мертвая, с растопыренными крыльями. Пока самка высидывает, самец, сидя поодиночке на удобном сторожевом пункте, зорко озирается и предостерегает подругу при малейшем признаке опасности громким криком; услышав этот крик, самка оставляет гнездо и вместе с самцом, подобно ему, не переставая кричать, целые часы летает вокруг гнезда. При этом самец проявляет всю свою смелость, бешено бросается на пришельца и еще яростнее на сопровождающую его собаку, и его с трудом можно отогнать; самка редко рискует жизнью, подобно ему. В Европе серьезную опасность для белой совы представляют лишь естествоиспытатели и охотники, которым доставляет особенное удовольствие убить такую большую птицу. Напротив, в тундре Самоедского полуострова местные жители преследуют ее, ловят с помощью гигантских силков и с удовольствием едят ее мясо.

В северных странах Старого Света живет **ястребиная сова** (*Surnia ulula*). Она отличается широкой, низкой головой с плоским лбом и узким лицом, без настоящего венчика и кружка перьев вокруг глаз, довольно большими, относительно острыми крыльями и длинным клиновидным хвостом. Клюв короткий, крепкий, больше в высоту, чем в ширину, согнут, начиная от основания, крючок загнут вниз над нижней половинкой клюва приблизительно на 9 мм, расщеп клюва несколько выемчатый, кончик нижней челюсти с глубокой вырезкой.

Ястребиная сова (*Surnia ulula*)

Голені оперены до пальцев; эти последние коротки и вооружены острыми когтями. Глаза велики. Оперение густое, мягкое и блестящее, но прилегает гораздо плотнее, чем у большинства ночных сов. Длина 39-42 см, размах крыльев 76-81, длина крыла 23, хвоста 16 см.

Об образе жизни, поведении, пище и размножении ястребиной совы существует несколько рассказов, но самые подробные и лучшие наблюдения были произведены не естествоиспытателями, которые видели ястребиную сову на ее родине, а моим отцом в Германии. Сам я, к сожалению, не мог ближе наблюдать эту сову, вовсе не редкую на крайнем севере. Я могу сказать лишь кое-что об

ее полете, о чем не говорится в других местах. Она летает не так, как другие известные мне совы, а как лунь; надо даже хорошенько всматриваться, если хочешь отличить ее на большом расстоянии от лугового луня. Увидев белую сову несколько раз, ее можно узнать не только по более толстой голове, но также, и еще вернее, по полету, который все-таки отличается от полета луня. Она не качается, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, паря, поднимает выше крылья и при этом чаще махает ими. Полет ее отличается мягкостью и менее вынослив, в общем, заметно медленнее, чем полет луня; наконец, она очень часто встряхивается и часто садится отдыхать во время охоты.

Почти ни одна лесная птица не защищена от ее нападения, Вильрайт видел, как она убила на лету несчастную сойку, свою обычную соседку, и не раз заставлял ее пожирающей белую куропатку, вес которой почти вдвое превышает ее собственный. Различные птицы, пеструшки и лесные мыши, а также насекомые составляют ее обыкновенную пищу. Она бросается вниз, как сокол, с своего высокого сидения, чтобы напасть на одного из мелких грызунов, крепко схватывает его, пронзает или душит острыми когтями и переносит затем на удобное сидение, часто долго выбирая его, чтобы съесть здесь добычу. Если лесные птицы, особенно сойки, вороны, синицы, дразнят ее, то она долго выносит это, но затем внезапно бросается в середину противников и схватывает одного из них. Только против сорок, которые с громким криком окружают и дразнят ее, она, по-видимому, ничего не может поделать.

Мохноногий сыч (*Aegolius funereus*) так похож на домового сыча, что легко смешать этих птиц. Отличительными признаками его служат: очень широкая голова с чрезвычайно большими ушными отверстиями и полным венчиком перьев на лице, закругленные крылья, довольно длинный хвост, короткие ноги, покрытые необыкновенно густыми и длинными перьями, и мягкое, шелковистое оперение. Венчик беловато-серый с черной тушевкой, верхняя сторона тела мышино-серого цвета и разрисована большими беловатыми пятнами, нижняя сторона белая, с ясными и затушеванными мышино-бурыми поперечными пятнами. Маховые и хвостовые перья мышино-серые с белыми разорванными поперечными полосками, 5-6 которых находятся на рулевых перьях. Клюв рогового желтого цвета, глаза ярко-золотисто-желтого. Молодые птицы одноцветные, кофейно-бурого цвета, на крыльях и хвосте с беловатыми пятнами. Длина 23-25 см, размах крыльев 56, длина крыла 18, хвоста 11 см.

Северная и средняя Европа, северо-западная Азия и Северная Америка от Невольничьего озера до северной границы Соединенных Штатов составляют, насколько известно до настоящего времени, область распространения мохноногого сыча; но так как, кроме того, его находили в Непале, то можно принять, что он гораздо шире распространен в Азии, чем можно было установить до сих пор, и, вероятно, встречается во всех более значительных лесах средней Европы, Азии и Северной Америки.

Мохноногий сыч гнездится в дуплах деревьев и кладет в апреле или мае 3-4 яйца, которые меньше и с более нежной скорлупой, чем яйца домового сыча, имеющего приблизительно тот же рост.

1 — Мохноногий сыч (*Aegolius funereus*); 2 — Воробьиный сыч (*Glaucidium passerinum*)

Мыши составляют для сыча любимую дичь; он ловит и землероек, и насекомых, а при случае также мелких птиц и летучих мышей. Что он не вытаскивает последних из их убежищ, как полагает Науман, а ловит на лету, можно считать доказанным на основании наблюдений, сделанных мной над другой совой — сплюшкой.

Кроме человека лишь немногие животные могут становиться опасными для него: ласка и другие грабители гнезд — для молодых, а более крупные совы, быть может, и для старых птиц. Мелкие птицы ненавидят и дразнят его.

Домовый сыч (*Athene noctua*) — птица привлекательная, но тем не менее пользующаяся очень дурной славой, принадлежит к числу более мелких сов нашего отечества. Длина его 21-22, размах крыльев 52-55, длина крыла 14, хвоста 8 см. Верхняя сторона тела темного мышино-серобурого цвета с неправильными белыми пятнами, лицо серовато-белое; нижняя сторона беловатая, с бурими продольными пятнами до заднепроходного отверстия; маховые и хвостовые перья одного цвета, с верхней стороны испещрены ржаво-желтовато-белыми пятнами, благодаря чему на хвосте образуется пять неясных поперечных полос. Глаза серо-желтого цвета, клюв зеленовато-желтого, ноги желтовато-серого. Молодые птицы темнее старых.

Начиная с южной Швеции домовый сыч распространен по всей Европе и большей части Азии до Восточной Сибири. Он населяет всю Германию, Данию, Голландию, Бельгию, Францию, Испанию, Австрию, Венгрию, южную Россию, страны по Дунайской низменности и Турцию, а также южную Сибирь и Туркестан, встречается не везде в одинаковом количестве, но чем дальше на юг, тем чаще, и принадлежит на всех трех южных полуостровах Европы к самым обыкновенным хищным птицам. В горах Испании он поднимается до 2000 м, но спускается ниже при наступлении зимы.

Домовый сыч не принадлежит к числу редких птиц. Там, где плодовые сады с высокими деревьями окружают деревни, он встречается почти всегда, но селится и среди города, на башнях и чердаках, в подвалах, склепах и других удобных местах. Внутри больших лесов домовый сыч не се-

лится, хвойные леса тоже не любит, напротив, рощи очень нравятся ему. Людей и их движения он не боится. День он проводит, спрятавшись в своем убежище, а ночью человек, несмотря на наше просвещение, часто боится сыча больше, чем сыч человека. В высшей степени смешно, что мы и теперь еще не ушли дальше некоторых индейских племен, которые видят в сыче сверхъестественное существо и благодаря этому часто позволяют обманывать себя более умным людям. Во многих местностях Германии эта действительно очень привлекательная птица считается существом, предвещающим несчастье. Многие не дают себе труда испытать сами, а верят тому, что рассказывают глупые бабы. Они, видите ли, своими глазами видели, как сыч подлетал ночью к окну комнаты больных, и слышали собственными ушами, как он приглашал больных явиться на кладбище, понятно, в виде трупов. Верно то, что эта безобидная птица, привлеченная светом, подлетает к освещенным комнатам, усаживается из любопытства на подоконник и, быть может, издает при этом даже свой неприятный крик. Так как домовый сыч кричит то тихо и как бы вполголоса «бу-бу», то громко и резко «квев-квев-кебель-кебель», то, наконец, «кувитт-кувитт», народ переводит себе эти звуки, и именно последние, по-своему и совершенно ясно слышит в них «пойдем вместе на кладбище» или «пойдем вместе, пойдем вместе, принеси с собою заступ и лопату». И это достаточное основание для того, чтобы относиться к сычу с отвращением. Уже в южной Европе никому не приходит в голову смотреть на сыча неблагосклонно. Он там так обыкновенен, что с ним познакомились, благодаря этому он стал там любимцем и старого и малого. В Италии все его любят и даже заботятся о нем, в Греции он еще и теперь считается высокоодаренной птицей и пользуется там таким почетом, что королю Отгону при его первом приезде вручили живого сыча в качестве приветственного подарка. Не менее ценят его в Палестине, где считают птицей, предвещающей счастье, никогда не преследуют, а, напротив, охраняют и заботятся о нем.

Домовый сыч заслуживает симпатии человека. Это очень милое создание. Его нельзя считать настоящей дневной совой, но он не так боится света, как другие совы, и умеет очень хорошо управляться днем. Он никогда не спит так крепко, чтобы его можно было застать врасплох; самый незначительный шорох будит его, а поскольку он и днем превосходно видит, то заблаговременно обращается в бегство. Полет его состоит из ряда дуг, как у дятла, но быстр и позволяет сычу с величайшей ловкостью пролетать сквозь густые ветви. Сидит он обыкновенно скорчившись, но, увидев что-нибудь подозрительное, высоко приподнимается, вытягивается, насколько может, делает поклоны, внимательно вглядывается в интересующий его предмет и при этом кривляется самым странным образом. В его взгляде заметно что-то хитрое, лукавое, но не злое, а даже привлекательное. Тот, кто знает его, поймет, что греки могли видеть в нем любимую птицу богини мудрости. Его можно считать одной из самых умных сов.

Уже до заката солнца домовый сыч начинает кричать, при наступлении сумерек обыкновенно принимается за охоту. В ясные ночи его можно видеть до самого утра в почти непрерывном движении или по крайней мере слышать его голос.

Домовый сыч (*Athene noctua*)

Он странствует при этом по небольшой области, приближается ко всему, что возбудит его внимание, охотно облетает костер одинокого охотника или путника или подлетает к ярко освещенным окнам, страшно пугая суеверных людей. Охотится он главным образом за мелкими млекопитающими, птицами и насекомыми. Ловит летучих мышей, землероек и мышей, жаворонков, вьюрков, кузнечиков, жуков и т.п. Главной его добычей во всяком случае остаются мыши.

В апреле или мае домовый сыч приступает к размножению. В это время он особенно беспокоен, много кричит и шумит, даже днем, как бы усердно приглашая всякого за ним следовать. Настоящего гнезда он не строит, а выбирает подходящее углубление в скалах, под камнями, в старых зданиях, деревьях, при недостатке мест, удобных для гнездовья, — нору кролика, у нас часто в непосредственной близости от людских жилищ, на юге Европы даже в самых жилищах и кладет 3-7 почти круглых яиц прямо на землю. Затем он в течение 14-16 дней насиживает так усердно, что его едва можно прогнать с гнезда*.

* На самом деле период инкубации у домового сыча длится 27-28 дней, при небольшом размере кладки 23-25.

Птенцы выкармливаются мышами, мелкими птицами и насекомыми. Как скоро птенцы оперились и в состоянии оставить гнездо, их родители отлетают, по словам Робсона, каждый вечер на некоторое расстояние к какому-нибудь высокому месту, на котором можно сидеть, и кричат громко и резко, вроде черных дроздов.

Они делают это до тех пор, пока птенцы не вылетят из гнезда и не подлетят к ним.

Тетеревятник и перепелятник душат домового сыча, когда могут поймать; ласка таскает его яйца; вороны, сороки, сойки и все мелкие птицы преследуют его с яростным криком. На этой основан один способ ловли птиц, который часто применяется в Италии. Выставляют привязанного сыча, а вокруг него прутья, намазанные клеем, на которые во множестве ловятся мелкие птицы. «Чтобы не иметь недостатка в сычах, — рассказывает Ленц, — итальянцы заботятся о хороших, темных местах для высиживания под крышами своих домов и об удобном доступе к ним. Из гнезд берут и воспитывают лишь столько птенцов, сколько нужно для дома или для продажи на рынке; остальных оставляют в покое. Ручные сычи представляют собой истинных домашних друзей итальянцев, часто свободно ходят с подрезанными крыльями по дому, двору и саду, ловят всюду мышей; особенно

охотно их сажают в хорошо огороженные сады, где они истребляют улиток и других докучливых животных, не принося с своей стороны ни малейшего вреда».

В Австрии часто употребляют домового сыча для охоты и говорят, что достигают с ним самых лучших результатов. Сыч оказывает те же услуги при ловле мелких птиц, как филин при охоте на соколов. Каждая птица, которая сознает в себе достаточную ловкость, наверное явится около ненавистного существа, чтобы дразнить его и издеваться над ним. Сойки и сорокопуть задевают его часто очень чувствительно. Последние при виде сыча забывают весь страх, прилетают один за другим часто издали и не улетают даже тогда, когда увидят, что тот или иной из товарищей испытал печальную участь. Прежние голландские соколятники добывали сорокопутов, необходимых для ловли соколов, всегда с помощью сыча.

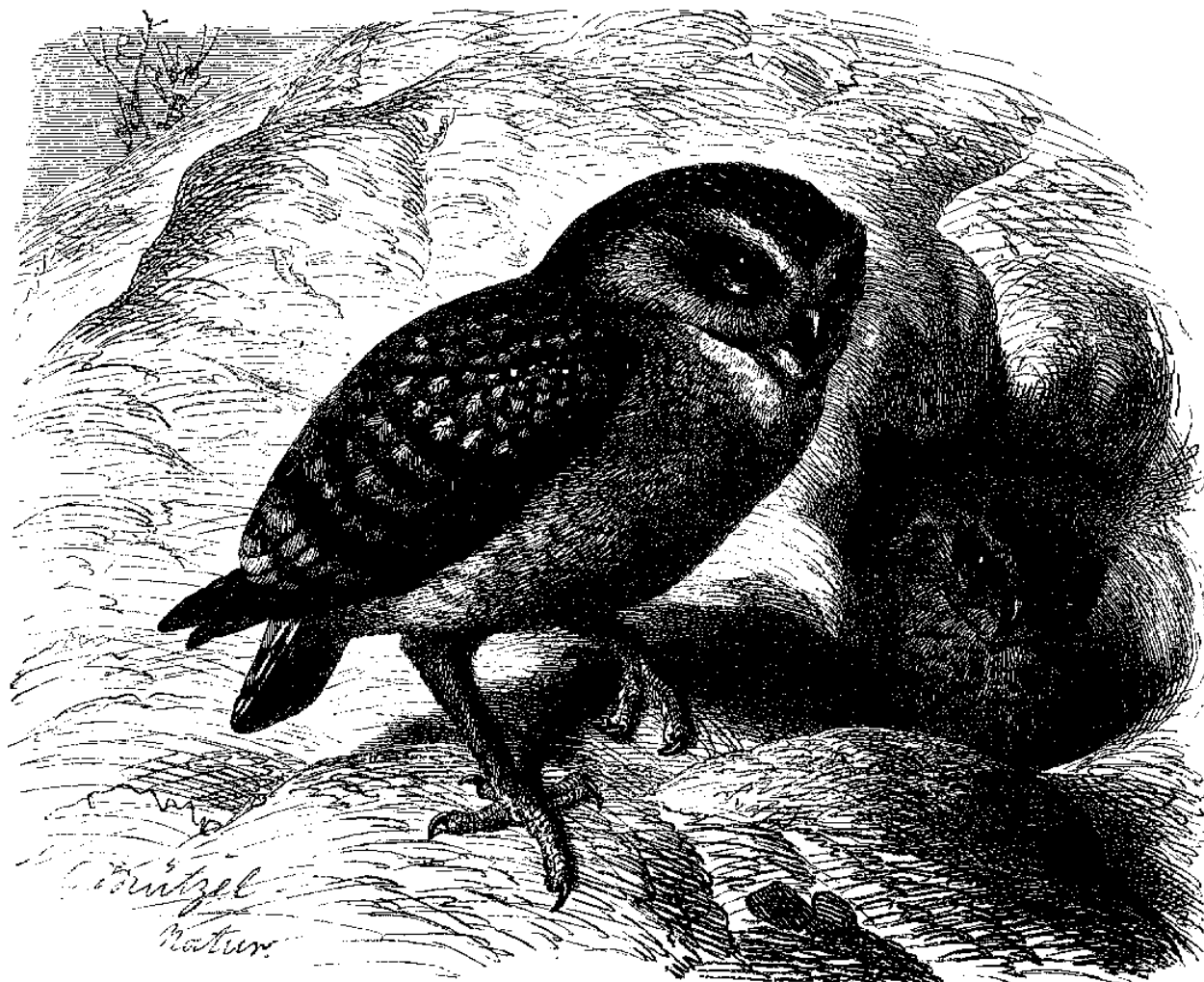
В Южной Америке живет **кроличий сыч, или пещерная сова** (*Athene eunieularia*). Оперение ее на верхней стороне красновато-серо-бурое и испещрено продолговато-округлыми белыми крапинами; подбородок и брови белые; нижняя часть шеи красновато-желтая с серо-бурыми пятнами, грудь серо-бурая с желтыми пятнами, нижняя часть брюха желтовато-белая, без пятен. Глаза желтые, клюв бледно-зеленовато-серый, ноги тоже бледно-зеленовато-серые, но подошва пальцев желтоватая. Длина 23 см, размах крыльев 50, длина крыла 16, хвоста 7 см.

Пещерные совы принадлежат к числу птиц, характерных для Америки. Они населяют пампасы и льяносы на юге и прерии на севере и там, где не подвергаются преследованию, бывают очень обыкновенны. Путешественник, вступающий на лишенные деревьев равнины, видит этих замечательных птиц, сидящих попарно на земле, обыкновенно на холмиках, образовавшихся из земли, вырытой млекопитающими при устройстве нор. Эти норы и служат настоящим жилищем совы, и довольно часто она живет в них вместе с законным хозяином или же со своими страшнейшими врагами — ядовитыми змеями. Поблизости от Буэнос-Айреса пещерная сова живет, по Дарвину, исключительно в норах вискачей, в Бразилии она гнездится в норах муравьедов и броненосцев, в Северной Америке встречается в так называемых селениях луговой собачки. Норы, в которых еще живут роющие млекопитающие, отличаются от обитаемых совами опрятностью и порядком, между тем как сова часто, даже почти всегда, встречается в заброшенных постройках этого рода. Но случается видеть, как луговые собачки, совы и гремучие змеи выходят и входят через одно и то же отверстие, и достоверно известно, что отношения между млекопитающими и птицами совершенно мирные.

Из всех описаний жизни пещерных сов я ставлю гораздо выше остальных то, которым мы обязаны Гудзону. «В Аргентинских штатах, — говорит последний, — эта хорошенькая сова встречается всюду в открытых местностях, так как она избегает лесов и даже местностей, где часто попадаются рощи. Она видит превосходно даже днем и вовсе не боится дневного шума. Если кто-нибудь к ней приближается, то она пристально смотрит ему в лицо, следит за ним глазами, куда бы он ни повернулся, при этом поворачивает свое лицо, в случае надобности, даже на спину. Если к ней приблизиться на несколько шагов, то она горбится, точно играя, издает несколько раз короткий крик, за которым следуют три отрывистых звука, и поднимается, но отлетает самое большее на 15-20 м, чтобы снова опуститься, обратившись лицом к пришельцу. Как только она усядется, то повторяет свои поклоны и крик, но затем выпрямляется, приподнимается и делает такие гримасы, как будто бы была чрезмерно удивлена, что ее обеспокоили. Днем она летает, не переставая ударять крыльями, над самой землей, но прежде чем садиться неизменно круто поднимается вверх, чтобы затем еще круче опуститься на землю. Если ей приходится снова и снова взлетать, то это скоро до такой степени утомляет ее, что она прибегает к своим проворным ногам. Поэтому верхом на лошади ее можно догнать и поймать минут в 15-20. Каждая пара весь год живет неизменно вместе и днем сидит обыкновенно у входа в нору вискачей, причем самец и самка сидят так близко, что почти касаются друг друга. Если их испугать, то или взлетают оба, или же поднимается лишь самец, а самка скрывается в норе.

Поблизости всех поселений, где живут европейцы, пещерная сова крайне обыкновенна и в высшей степени доверчива; но во всех тех местностях, где охотится индеец, это во всех отношениях другая птица. Здесь она уже издали поднимается при появлении человека с таким же страхом и осторожностью, как всякая пернатая дичь, которую много преследовали, всегда взлетает на значительную высоту и улетает часто на такое расстояние, что совершенно скрывается из глаз путешественника, прежде чем снова опуститься на землю. Такое поведение, несомненно, следствие сильной ненависти к ней всех племен, населяющих пампасы; по отношению к этой сове индейцы держатся всех суеверий, которые вообще так широко распространены здесь. «Сестра злого духа» — одно из имен, которые они дают этой хорошенькой птице. Когда только могут, они преследуют пе-

черную сову, пока не убьют ее. Уже одного присутствия этой безобидной птицы достаточно, чтобы испугать их, и никогда индеец не расположится на ночлег там, где видел, что сидела сова.

Кроличий сыч, или пещерная сова (*Athene cunicularia*)

Как скоро равнины заселяются белыми, наша сова оставляет всякий страх и осторожность и становится настолько же доверчивой, насколько прежде была подозрительной. Превращение той местности, где она живет, в поле и луг мало беспокоит ее.

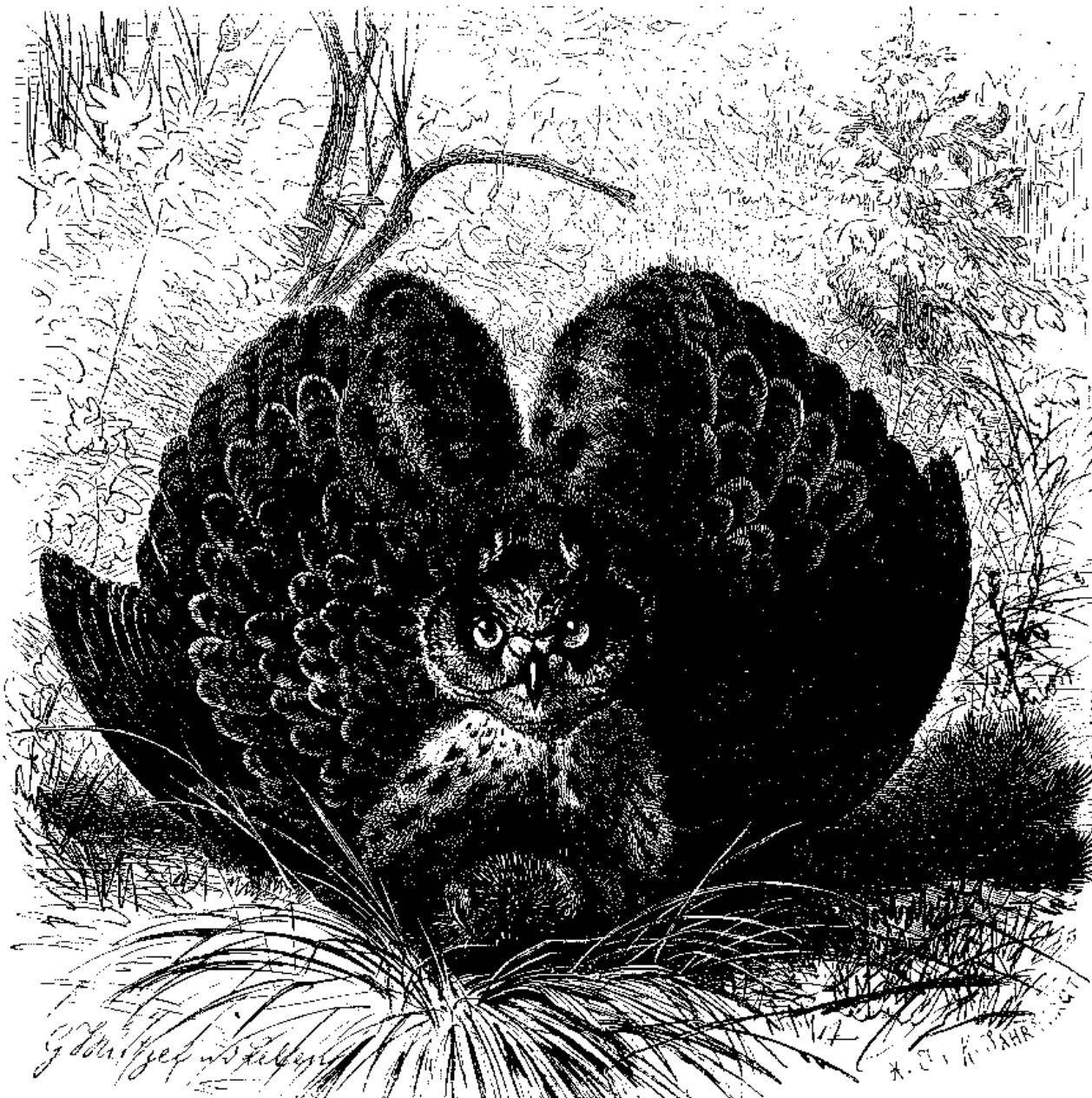
Если плуг засыплет вход в нору, то сова вырывает себе новую на окраине поля или на межах, а если не находит там места, то роет по сторонам дороги, все равно, происходит ли по ней большое движение или нет. Здесь она становится настолько ручной, что всадник легко мог бы убить ее кнутом. Несколько пар живут поблизости моего дома; если кто-нибудь из нас выезжает из дому верхом, то все они продолжают сидеть перед своими норами, пока не окажутся на расстоянии 3-4 м от копыт лошади, самое большее — щелкают клювом, топорщат свое оперение, но не думают улетать.

Иногда случается видеть, как эти совы охотятся и днем; это бывает в том случае, если какая-нибудь добыча пролетает близко и подает надежду на легкий лов. Я часто забавлялся, катая мимо их нор комки земли; они тотчас же бросаются за таким предметом и убеждаются в своей ошибке лишь тогда, когда уже крепко схватили комок земли или камень. Во время вывода птенцов особенно когда эти последние подрастают, эти совы настолько же деятельны днем, как и ночью. В жаркие ноябрьские дни здесь появляются в бесчисленном множестве навозные жуки и побуждают к преследованию как своим обилием, так и громким жужжанием на лету. В это время всюду можно видеть, как пещерные совы ревностно охотятся, но при этом нередко неуклюже падают на землю, так как, подобно всем совам, имеют привычку схватывать добычу по возможности обеими лапами и должны помогать себе крыльями, чтобы сохранить равновесие; последнее, однако, часто не удается им, и они, шатаясь, падают тогда в траву. Если счастливо схваченная добыча мала, то немного погодя они съедают ее тут же; если же она велика, то они поднимаются, часто не без усилия, с земли и отлетают со своей жертвой на некоторое расстояние, как будто затем, чтобы иметь по дороге время умертвить схваченное животное.

Когда наступает ночь, они поднимаются одна за другой на воздух, и тогда видно повсюду, как эти хорошенькие совы, покачиваясь, парят над землей на высоте около 40 м. Увидев добычу, они вертикально падают толчками вниз, причем, точно раненые, покачиваются и порхают, пока не достигнут высоты приблизительно 10 м над землей, еще раз всматриваются в добычу, снова покачиваются несколько секунд и затем скользят книзу. Они охотятся за каждым живым существом, которое надеются одолеть. Если добыча обильная, то они оставляют нетронутыми голову, хвост и ноги пойманной мыши, точно так же, как они во всяком случае пренебрегают задними частями лягушки или жабы, хотя это самые сочные и мясистые части. Змей длиной до 50 см они убивают ударами клюва, причем мужественно бросаются на них, пока не умертвят своей жертвы; от ядовитых змей они, по-видимому, защищаются во время таких нападений, протягивая вперед крылья. Немногие из них, поселившиеся около ферм, становятся опасными для домашней птицы и уносят днем цыплят. Если добыча в изобилии, они убивают больше, чем потребляют, напротив, в суровые зимние дни им приходится терпеть нужду. В это время они часто появляются около жилищ и охотно довольствуются каждым кусочком мяса, который находят, хотя бы он был стар и сух, как пергамент.

Хотя эти совы в большинстве случаев пользуются норами вискачей, они вырывают их себе и сами. Нора, длина которой колеблется от 1 до 4 м, изогнута и расширена на заднем конце. Здесь находится гнездо, состоящее из сухой травы и шерсти, а нередко и исключительно из лошадиного навоза. Кладка состоит из 5 почти круглых яиц белого цвета. Даже после того, как самка начала класть яйца, она продолжает приносить в нору лошадиный навоз, пока не покроет им плотно весь пол норы и некоторое пространство перед ней. На следующую весну сова выскребывает всю свободную землю и приводит снова в порядок нору, которая служит гнездом в течение нескольких лет. Нора всегда грязна, всего больше во время вывода птенцов или когда добыча бывает в изобилии. В это время пол норы и некоторое пространство перед входом покрыты не только пометом и погадками, но также остатками кожи и костей, надкрыльями жуков, перьями, задними ногами лягушек во всех стадиях гниения, большими волосистыми пауками пампасов, остатками наполовину съеденных змей и других непривлекательных животных. Но вся эта падаля внутри отвратительного жилища совы и перед ним достаточно ясно говорит о той важной роли, которую она играет в природе. Молодые птицы оставляют норы прежде, чем научатся летать; они греются на солнце и получают пищу от родителей. Если к ним приблизиться, то они обнаруживают крайнее возбуждение, щелкают клювом и, по-видимому, неохотно удаляются наконец в нору. Лишь только они научатся летать, они пускают в дело крылья, чтобы избавиться от опасности. Старые и молодые птицы живут часто вместе 4-5 месяцев».

Упоминаемый в различных сказаниях «король ночи» — это **филин** (*Bubo bubo*). Длина его 63-77 см, размах крыльев от 150 до 176, длина крыла 45, хвоста 25-28 см. Очень обильное и густое оперение испещрено на верхней стороне темным ржаво-желтым и черным цветом, горло желтовато-белое, нижняя сторона тела ржаво-желтая с черными продольными полосками; ушные пучки перьев черные с желтой каймой на внутренней стороне. Собственно, в оперении перемешаны лишь два цвета: более или менее яркий красновато-серый и черный. Клюв темный, голубовато-серый, голые ножные щитки светло-голубовато-серые, глаза великолепного золотисто-желтого цвета, на наружном краю красноватого. Самка немного крупнее. Молодые птицы обыкновенно более желтоватого цвета. В северной Азии, а также в Испании оперение филина светлее. Из Китая я получил живого филина, который был несколько меньше и темнее, чем водящийся у нас. Подобные уклонения едва ли дают нам право считать этих птиц за особые виды.

Филин (*Bubo bubo*)

Область распространения филина простирается по всей северной части Старого Света. В Германии он еще встречается, хотя и истреблен во многих местностях. Населяет он Австрию, Венгрию, Скандинавию, всю Россию, Дунайские низменности, Турцию, Грецию, Италию, Испанию и южную Францию; его нельзя, однако, назвать обыкновенным где бы то ни было. Он реже в Бельгии и Дании и почти истреблен в Великобритании*.

** В нашей стране, особенно в лесной ее части, филин тоже стал редок, причем до такой степени, что его пришлось включить в Красную книгу России.*

В Африке область, в которой он живет, ограничивается Атласом, хотя в виде исключения он встречается и в Египте. Напротив, в Азии он водится, начиная с Малой Азии и Персии до Китая, и от северной границы лесов до Гималайских гор, не избегая степей, во всех странах и равнинах, фауна которых нам точнее известна. Об этом филине в Закаспийском крае Вальтер рассказывает следующее: «В одной лавке в Красноводске мы нашли в феврале 1886 года восемь шкурок филина. Два мертвых экземпляра, которых мы случайно нашли в Голодной степи, были тоже очень светлы. Филин гораздо чаще живет в горах, мы часто встречали его на Куба-даге около Красноводска, много раз видами его в ущелье Сульфигар. На равнине, где он встречается несравненно реже, его находили мертвым около Чикишляра на морском берегу и при Дорт-кую в глубоком песке. В развалинах Старого Мерва он был нередок». Он не странствует и остается из года в год на месте вывода птенцов.

Филин предпочитает гористые местности, так как они доставляют ему самые лучшие укромные уголки; он встречается и на равнинах, преимущественно там, где есть большие леса. Леса с

крутыми скалами особенно нравятся ему, и в некоторых удобных местностях он живет с незапамятных времен. Может случиться, что его истребят, и в данной области филин не встречается годами; затем вдруг оказывается, что здесь опять поселилась пара, обыкновенно на том же самом месте, и остается, пока позволят люди. Не слишком редко случается, что пара селится в непосредственной близости от населенных мест. Тем не менее филин всегда осторожен. Днем его редко можно видеть, так как его цвет превосходно соответствует цвету скал, а также коре деревьев; однако случается, что его открывает какая-нибудь маленькая певчая птица, криком сообщает об этом всему населению леса, привлекает других крикунов и таким образом выдает его. Ночью его замечаешь чаще, а весной в пору любви он становится очень заметным благодаря своему замечательному и далеко раздающемуся крику.

Его охотничья жизнь начинается лишь тогда, когда ночь совершенно наступила. Днем он сидит неподвижно в пещере скалы или на верхушке дерева, обыкновенно гладко прижав к телу перья и несколько заложив назад перистые уши, более или менее, но редко совсем закрыв глаза и предаваясь полудремоте. Достаточно самого ничтожного шума, чтобы разбудить его. Он поднимает тогда свои пучки перьев, поворачивает голову, то приподнимается, то наклоняется вперед и моргает в ту сторону, где заметил что-нибудь подозрительное. Если филин боится опасности, он мгновенно улетает и пытается найти более скрытое убежище. Если день прошел без всякой тревоги, к закату солнца он оживляется, тихо слетает, по большей части направляясь сначала к скале или высокому дереву, и издает здесь, обыкновенно весной, свое глухое, но далеко слышное «буху». В ясные лунные ночи он кричит чаще, чем в более темные, а перед временем спаривания — почти непрерывно целую ночь. Крик его страшно отдается в лесу, так что, по выражению Ленца, «у суеверных людей волосы становятся дыбом». Крик этот дает знать, что филин деятелен и летает в течение всей ночи. Он слышен в лесу то здесь, то там до утра. Это зов и любовная песнь; напротив, бешеное хихиканье, громкий визг, сопровождаемый энергическим фырканием и щелканьем клювом, выражает злобу и досаду. Во время спаривания может случиться, что два самца горячо спорят из-за любви самки, и тогда можно слышать все описанные звуки вперемешку.

Охотится филин за самыми различными позвоночными, большими и малыми. Ночью он настолько же ловок, как силен и мужествен, и потому вовсе не боится испытать свою силу и на более крупных существах. Паря так же тихо, как и его родичи, он носится обыкновенно низко над землей, но с легкостью поднимается на значительные высоты и движется так быстро, что обыкновенно может поймать разбуженную и испуганную птицу. Что он нападает на зайцев, кроликов, глухарей, тетеревов, рябчиков и куропаток, уток и гусей, а потому приносит вред, что он не щадит ни слабых дневных хищных птиц, воронов и ворон, ни более слабые виды своего семейства и вовсе не боится иголок ежа — это несомненно. В высшей степени вероятно, что он сначала испугивает и обращает в бегство спящих птиц, хлопая крыльями или щелкая клювом, и затем легко ловит их на лету. Однако большой вопрос, действительно ли он более вреден, чем полезен. Мыши и крысы могут считаться той дичью, которую он преследует всего ревностнее.

В первые месяцы года, обыкновенно в марте, филин преступает к размножению. Он настолько же верный, насколько нежный супруг. Гнездо находится в пещерах скал, в углублениях в земле, в старых зданиях, на деревьях, даже на ровной земле или в камыше. Если только возможно, он селится в старом гнезде и в таком случае едва дает себе труд немного поправить его. Если ему не повезло в этом отношении, то он натаскивает несколько ветвей и хворосту, немного выстилает их, довольно, впрочем, плохо, сухими листьями и ветками или же и вовсе не обременяет себя подобными работами, а просто кладет на землю 2-3 округленных белых яйца с шероховатой скорлупой. Самка высиживает очень усердно, и, пока она сидит на яйцах, ее кормит самец. Оба родителя приносят птенцам столько пищи, что они не только никогда не терпят нужды, а, напротив, всегда снабжены ею более чем в избытке. В случае опасности родители защищают птенцов самым мужественным образом и сильно нападают на всех хищных животных, а также на людей, если они приближаются к ним. Кроме того, замечали, что старые филины переносили своих птенцов в другие гнезда, если считали, что первое гнездо не представляет достаточной безопасности.

Ни одна из сов не возбуждает такой общей ненависти, как филин. Почти все дневные птицы и даже некоторые совы дразнят его и издеваются над ним, лишь только его увидят.

Филин (*Bubo bubo*), атакуемый мелкими певчими птицами днем.

Дневные хищные, увидев филина, увлекаются до того, что позволяют себе различные неосторожности, а вороны постоянно следуют за ними. Однако все эти враги, кроме человека, едва ли

могут быть опасны для филина. Как узнал Вальтер, «перья филина пользуются почетом у киргизов и охотно покупаются. Пухом и грудными перьями они украшают свои чепраки».

В неволе филин выживает при надлежащем уходе многие годы. Обыкновенно он и по отношению к тому, кто ежедневно дает ему корм, остается таким же злобным и бешеным, как относительно всякого другого, кто приближается к его клетке; однако все же возможно приручить филинов, вынутых из гнезда очень рано, если ими много заниматься. Я довел одного мягким обращением до того, что мог носить его на руке, гладить, брать за клюв и вообще возиться с ним, не подвергаясь никакой опасности. У Мевеса в Стокгольме я видел другого филина, который не только позволял себя брать и гладить, но также слушался, когда его звали по имени, отвечал и приходил на зов. Его можно было даже выпускать на свободу, так как он, хотя и предпринимал маленькие экскурсии, но никогда не улетал, а всегда добровольно возвращался к своему хозяину.

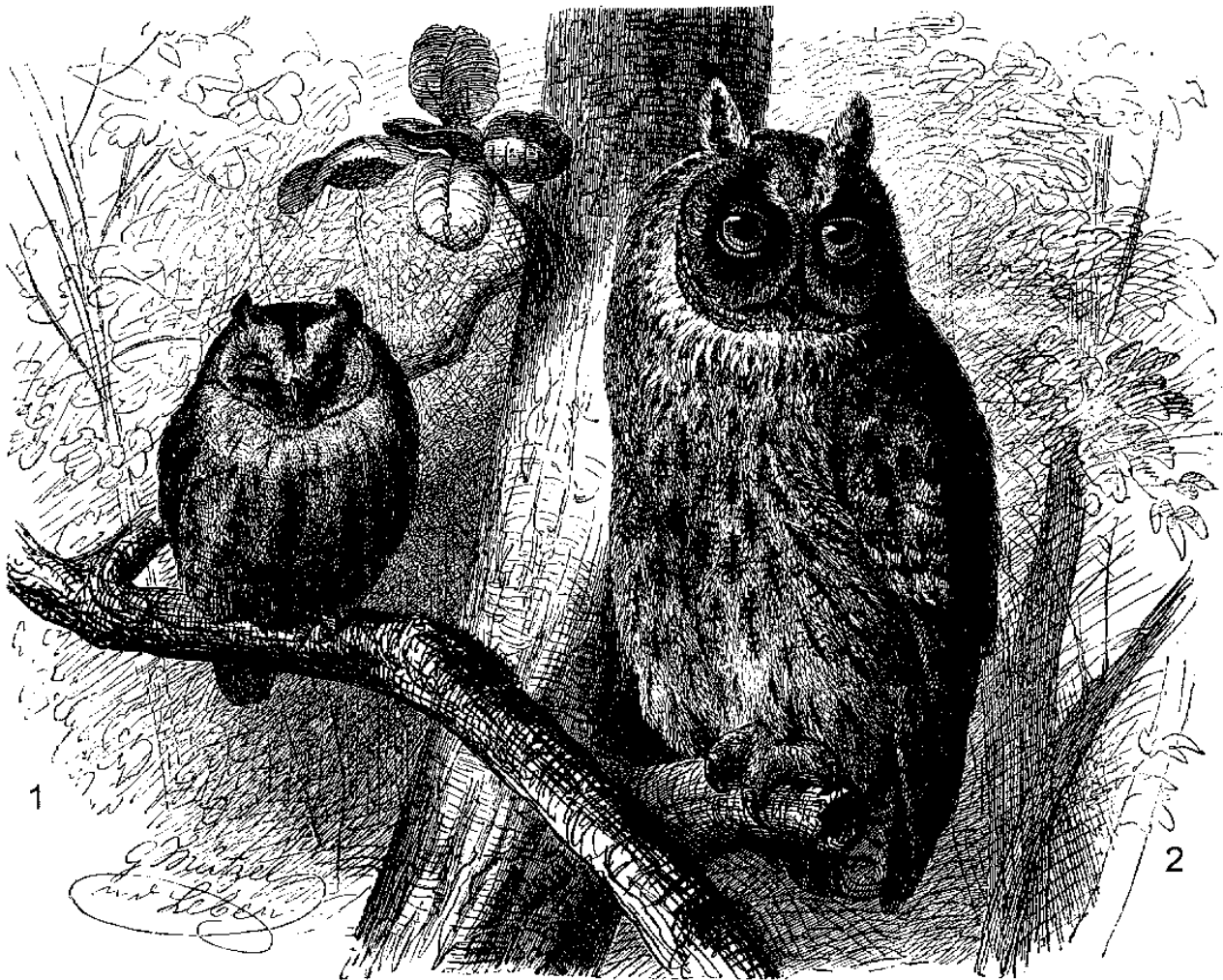
Ушастая сова (*Asia otus*) — это филин в малом виде, но отличается более тонким туловищем, более длинными крыльями, в которых второе маховое перо длиннее других, более короткими ногами, более длинными перистыми ушами и очень развитыми ушными раковинами. По цвету ушастая сова очень сходна с филином, но ее оперение светлее. Клюв черноватый, глаза ярко-желтые. Самки несколько темнее, молодые окрашены менее ярко, чем самец. Длина птиц 34-35 см, размах крыльев 91-98, длина крыла 29, хвоста 15 см.

Начиная с 64 градуса северной широты ушастая сова распространена по всей Европе, а также по всему северному краю лесного пояса Азии, от Урала до Японии. К югу она становится реже, а северо-восточную Африку, Канарские острова и северо-западную Индию посещает, вероятно, лишь на перелете; напротив, на Мадейре она еще гнездится. Можно не приводить более точных данных, так как в указанных границах она встречается всюду в удобных местах. Она заслуживает свое немецкое название (*Waldhreule* — лесная ушастая сова), так как обыкновенно встречается лишь в лесу. Ночью она, правда, появляется и около живых мест, во время своих скитаний укрывается днем и в густо заросшем плодовом саду или даже на открытом поле, но это — исключения. Трудно сказать, любит ли она более хвойный или лиственный лес; ее одинаково часто можно встретить и там, и тут.

По образу жизни и поведению ушастая сова существенно отличается от филина. Днем она ведет себя совершенно так же, как он, приблизительно в то же время и таким же образом вылетает на охоту, но она гораздо общительнее и не такая сердитая, как ее большой родич, и редко бывает боязлива. Только во время вывода птенцов она держится парами; как скоро птенцы выросли, она соединяется с другими птицами того же вида в стаи, которые иногда могут быть очень многочисленными. К осени эти общества начинают кочевать по стране туда и сюда, и в это время ушастых сов встречают в удобных местах очень часто. Я видел стаи по двадцати и более птиц, которые располагались почти на одном и том же дереве. Еще более многочисленные общества собираются далее южнее, например, в Австрии и Венгрии. Они, конечно, не кочуют, как куропатки или скворцы, близко друг около друга, а обнаруживают свою связь лишь тем, что очень часто сидят близ друг друга на относительно малом пространстве.

Для меня не подлежит никакому сомнению, что не только общительность, но также обильно встречающаяся в данной местности пища заставляет ушастых сов собираться в такие многочисленные стаи. На местах вывода птенцов они тоже встречаются то в более значительном числе, то лишь парами, смотря по тому, много ли в этом году мышей. Охотятся они главным образом за мелкими млекопитающими, прежде всего за лесными и полевыми мышами, а также за землеройками. Не шадят они и зазевавшейся птички, а при случае схватывают и большую или утомленную куропатку, но это исключительные случаи. Вальтер сомневается, чтобы ушастая сова ела землероек, так как одна, которую он держал, хотя и брала их, но тотчас бросала, если трогала их языком. Тем не менее нельзя сомневаться в этом факте, так как Альтум нашел остатки землероек в погадках ушастых сов. За мышами ушастая сова охотится главным образом на лесных опушках или полянах, но иногда решается и на более далекие вылеты на соседние поля.

Если видишь ушастую сову днем в самой густой тени леса, то, конечно, придешь к заключению, что она боится света и что солнце ослепляет ее и мешает ей видеть: она сидит на ветви, крепко прижавшись к стволу и высоко поднявшись, плотно прижав к телу все перья и немного приоткрыв оба глаза или лишь один, чтобы, мигая, смотреть вниз на подозрительного пришельца; кроме того, эта сова всегда отправляется на охоту лишь после наступления сумерек. Такой вывод, однако, не соответствует действительности.

1 — Сплюшка (*Otus scops*); 2 — Ушастая сова (*Asio otus*)

Старые, оставленные гнезда вороны, вяхиря, белки или дневной хищной птицы служат ушастой сове колыбелью для птенцов. Об улучшении найденного гнезда она не думает, кладет в марте четыре круглых белых яйца без всякого приготовления на дно найденного гнезда и насиживает их очень усердно в течение трех недель; в это время ее кормит самец*.

** Кладки ушастых сов могут содержать от 1 до 6 яиц, но обычно их 3-5.*

Птенцы требуют много пищи, постоянно кричат и пищат, как будто бы они всегда голодны, и побуждают нежных родителей к непрерывной охоте за мышами. К сожалению, они слишком часто выдают себя своим криком злым и глупым людям и в таком случае погибают.

Ушастая сова очень ненавистна всем дневным птицам, и ее дразнят, как только она покажется. Разумный человек не трогает ее и поступает хорошо, так как всякое покровительство, оказываемое ей, полезно лесу. Напротив, безрассудный охотник-мальчишка убивает сову, лишь только увидит на дереве, прибавляет гвоздями к воротам и, пожалуй, хвалится еще своим геройством. Ему можно сказать, что ушастая сова полезна до тех пор, пока жива. Потребность в пище у нее, правда, незначительна, но голодна она или нет, все-таки не может, увидев мыш, не броситься на нее, а потому и ловит мышей больше, чем съедает. В случае удачи сова относит мышей в скрытое местечко и достает их оттуда, если ей не посчастливится на охоте. Лишь в случае очень сильного голода она тотчас съедает убитую мыш, обыкновенно же отрывает ей голову и уносит остальное, хотя бы на короткое время, в укромное место. Но если пара имеет птенцов, то приносит столько мышей, сколько может наловить, обкладывает ими все гнездо после того, как птенцы насытятся, и таким образом проявляет изумительную деятельность по сравнению с своей величиной.

Болотная сова (*Asia flammeus*) настолько похожа на ушастую, что их часто смешивают.

Болотная сова (*Asia flammeus*)

Голова ее, однако, меньше или, по крайней мере, кажется меньше; короткие перистые уши состоят лишь из 2-4 перьев; крылья относительно длинны и выдаются гораздо дальше хвоста.

Основной цвет приятный бледно-желтый, венчик беловато-серый, перья головы и тела разрисованы черными стержневыми черточками, которые идут вниз до груди, а на брюхе становятся уже и длиннее. Глаза не темно-, а бледно-желтые; клюв рогового черного цвета. Молодые птицы темнее старых. Длина равна 36 см, размах крыльев приблизительно 98, длина крыла 28, хвоста 15 см.

Болотная сова, первоначально обитательница тундры**, в буквальном смысле слова космополитка.

** * Это не совсем так. Болотную сову скорее стоит назвать птицей открытого ландшафта. Она характерна не только для тундры, но и для лесостепи, степи с куртинами кустарников, лугов, пустошей. Она сильно зависит от численности мелких грызунов и всегда появляется там, где их много, исчезая при сокращении обилия мелких млекопитающих.*

Принужденная каждую осень покидать эти пустынные места и предпринимать странствования, она посещает прежде всего северные части света, пересекает при этом всю Европу и Азию, перелетает из них в Африку и, вероятно, из Азии на Сандвичевы острова, кочует также по Америке от крайнего севера до южной оконечности. Правда, в этих пределах ее видали не везде, например, не наблюдали ни в Австралии, ни в южной Африке.

Сплюшка (*Otus scops*) имеет в длину 15-18 см, размах крыльев 46-51, длина крыла 14, хвоста 7 см. На верхней стороне преобладает красно-бурый цвет с пепельно-серым оттенком.

По сравнению с незначительной величиной сплюшка довольно опасный хищник. Охотится она главным образом за мелкими позвоночными, но не за насекомыми, как можно бы подумать*.

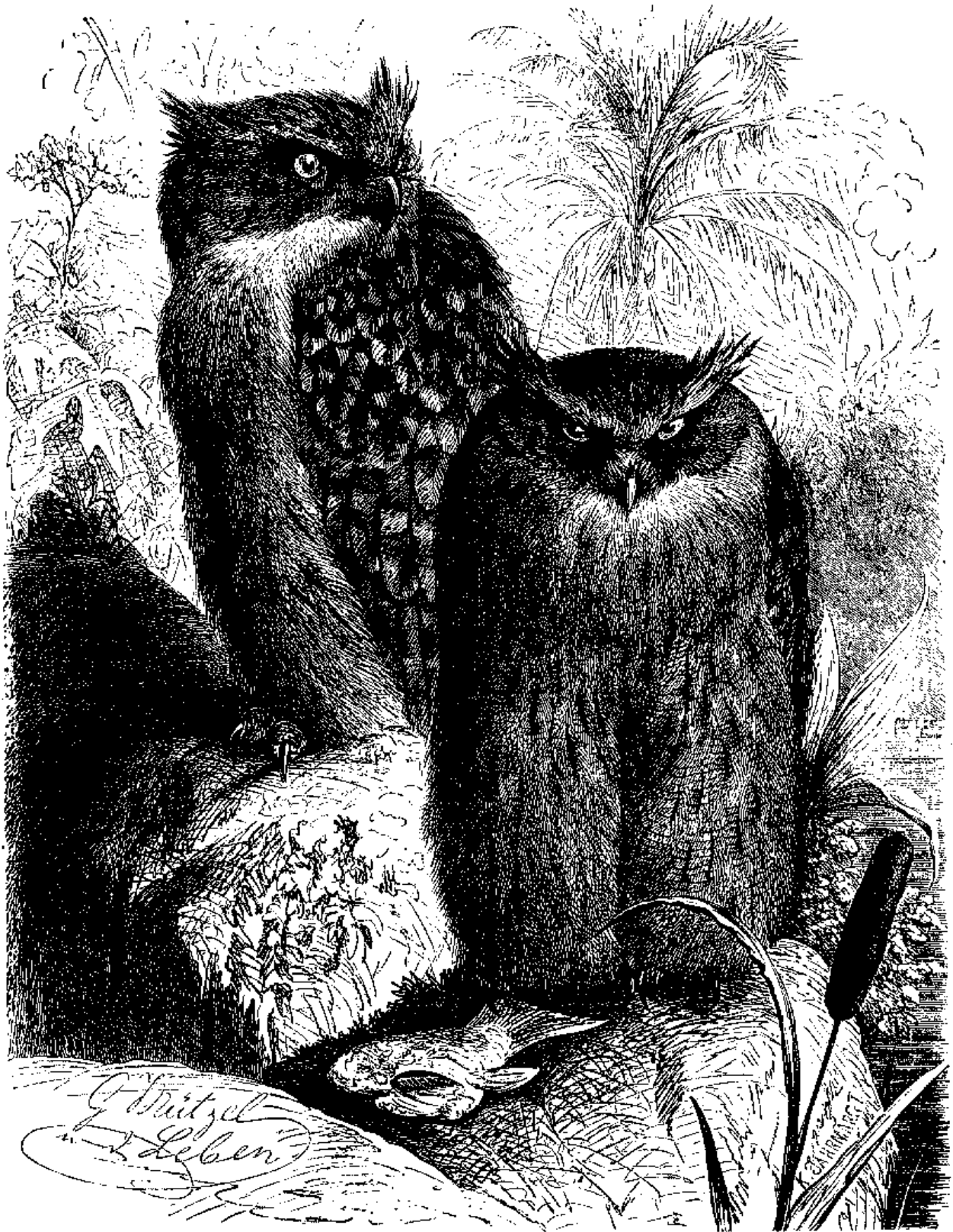
** Тем не менее к основной пищей сплюшки обычно служат насекомые.*

В желудке убитых я находил главным образом мышей, но те сплюшки, которых я держал в неволе, нападали и на маленьких птиц и убивали их, а одна из них, которую я пустил свободно летать по комнате, с большой быстротой и ловкостью поймала у меня на глазах летучую мышь, влетевшую через открытую дверь, и мгновенно задушила ее.

Гнезда, по уверению тех испанцев, кто мог сообщить мне сведения об этом, находятся в дуплах деревьев и заключают не ранее, чем к концу мая, маленькие, круглые белые яйца, длина их 31, а ширина 26 мм. Мы достали одного слепого птенца, несколько дней спустя — трех; мы заботливо ухаживали за ними и они, после непродолжительного пребывания в неволе, стали совсем ручными: не только позволяли трогать себя, но даже носить на пальце по комнате, брали предлагаемую пищу из рук и чрезвычайно забавляли нас своим веселым шаловливым характером. Свирепого фырканыя я не слышал никогда, слабое щелканье клювом — лишь в начале неволи. Но понемногу эти маленькие птицы становились самостоятельными и одна за другой улетали на волю, несмотря на заботливый присмотр.

Бурый рыбный филин (*Ketupa zeilonemis*) мало уступает по величине филину, длина его 60 см, размах крыльев 120, длина крыла 42, хвоста 21 см. Оперение сверху винно-красновато-ржавое; перья головы и затылка, а также ушные пучки — с продольными темно-бурыми полосками, спинные перья и кроющие перья крыла окрашены смесью бурого и бледно-желтого цвета. Глаза оранжево-желтые, клюв бледного рогового желтого цвета; ноги грязно-желтого.

Рыбный филин встречается по всей Индии, а также обыкновенен на Цейлоне, но, очевидно, распространен гораздо шире, так как его убивали и в Китае, и в Палестине. Он живет главным образом в группах деревьев и в мелком лесу, поблизости селений, по крайней мере прячется здесь днем, сидя, подобно другим совам, у самого ствола на верхушке какого-нибудь дерева с густой листвой.

Бурый рыбный филин (*Ketupa zeilonensis*)

Хотя без нужды он не оставляет своего убежища раньше начала сумерек, но, по-видимому, дневной свет так же мало мешает ему видеть, как его родичам. По крайней мере несколько рыбных филинов, которых я держал в неволе, умели очень искусно ловить и днем ящериц, змей, крыс и других животных, случайно попавших в их обширную и вовсе не темную тюрьму. По словам туземцев, на свободе они охотятся также за курами и другими птицами. Напротив, Жердон говорит, что рыбный филин направляется обыкновенно к ближайшей воде, все равно, пруд ли это, ручей или река. Здесь можно видеть, как он сидит на свешивающейся над водою скале или на сухом дереве и подкарауливает рыб. Ходжсон первый наблюдал, что рыбный филин ест рыб; Жердон нашел, что он, быть может, даже предпочитает им крабов. Туземцы уверяют, что он нападает также на кошек и убивает их.

Его грубый и глухой голос звучит часто как смех, от которого волосы становятся дыбом: «ха-хау-хау-хо», и всегда нагоняет страх на боязливых людей, удручающее впечатление производит и сама местность, избираемая рыбным филином.

Сингалезцы часто держат рыбного филина в неволе, а потому он иногда попадает и в наши клетки, но все-таки принадлежит к редкостям.

Семейство гуахаро

В глубоких скалистых пещерах или ущельях средних областей Америки живет чудесная птица, которая по строению и образу жизни имеет главные отличительные признаки козодоев, но как особое семейство.

Гуахаро (*Steatornis caripensis*) достигает в длину 55 см при размахе крыльев вдвое больше. Туловище его очень стройное, голова широкая; клюв более длинный, чем широкий, и не закрыт перьями, круто выгнут, конец его сильно загнут вниз и имеет по краям зазубрины. Ноги очень сильные, плюсна короткая и голая, без щитков; крылья очень длинные с далеко выступающим острием. Хвост гораздо короче крыла, сильно округлен и состоит из жестких, на конце широких перьев. Остальное оперение твердое и жесткое; на уздечке образуются длинные, выше клюва стоящие щетинки, так что лицо, как у сов, окружено венчиком из перьев. Веки также усажены маленькими щетинками, которые защищают большие полукруглые глаза. Под кожей лежит слой жира, так плотно окружающий внутренности, что они как бы плавают в нем. Оперение красивой каштаново-бурой окраски. Глаза темно-бурые, клюв красновато-бурый, ноги желто-буроватые. Полы не отличаются друг от друга по окраске.

Гуахаро (*Steatornis caripensis*)

А. Гумбольдт наблюдал гуахаро в 1799 г. в большой скалистой пещере Карипе; позднейшие путешественники находили его и в других темных скалистых ущельях или пещерах, которые часто попадаются в горах. Сведения, полученные нами об образе жизни и привычках этой замечательной птицы, довольно обстоятельны, хотя многое еще остается неразъясненным. Несомненно одно: мы

не знаем ни одной птицы, которая жила бы так, как гуахаро. Это можно видеть из нижеследующего описания, составленного по важнейшим известиям, заимствованным от Гумбольдта, Функа, Гросса и Геринга.

"В одной стране, — говорит Гумбольдт, — где существует большая склонность к чудесному, есть пещера, из которой вытекает ручей и где живут тысячи ночных птиц; на жире их миссионеры жарят себе кушанья, что служит, понятно, неистощимым предметом разговоров и споров. Стоит только чужестранцу ступить ногой на землю в Кумане, как ему начнут рассказывать про пещеру гуахаро, имеющую, как говорят, протяжение в несколько миль.

Пещера, которую туземцы называют жировой ямой, лежит не в самой долине Карипе, а около трех миль на юго-запад от монастыря. Она впадает в боковую долину, идущую к Сьерра-де-Гуахаро. 18 сентября мы отправились в Сьерру в сопровождении индейских алькадов и большинства монахов. Узкая тропинка вела сначала в продолжение полутора часа к югу по веселым равнинам, покрытым прекрасной травой; затем мы свернули на запад, держась берегов маленькой реки, вытекающей из пещеры. Приходилось идти в продолжение трех четвертей часа вверх, то прямо вброд по реке, то пробираясь между рекой и скалой по очень скользкой болотистой почве. Многочисленные земляные обвалы и поваленные деревья, через которые мулы пробирались с великим трудом, делали эту часть пути очень утомительной.

Находясь уже у подножия высокой горы Гуахаро, всего в 400 шагах от пещеры, нельзя еще видеть входа в нее. Ручей бежит по ложбине, вырытой самой водой, и путнику приходится идти под навесом скал, так что неба совсем не видно. Дорога извивается вместе с рекой, и только при последнем повороте впервые видишь перед собой отверстие пещеры. Вид кажется величественным даже для таких глаз, которые уже привыкли к красоте высоких Альп; в высшей степени своеобразный отпечаток придает устью этого подземелья роскошная тропическая растительность, окружающая его. Пещера Гуахаро открывается в отвесном скалистом обрыве. Вход обращен к югу; он представляет собой свод в 25 м ширины и 22 м высоты. На скале над гротом высятся исполинские деревья; мамея и американская гениппа простирают свои ветви с широкими блестящими листьями прямо к небу, тогда как ветки курбарилы и эритрины, простираясь в ширину, образуют густой зеленый свод. Лотосы с сочными стеблями, оксалисы и орхидеи редкостного вида растут в сухих расщелинах скал, колеблемые ветром ползучие растения сплетаются над входом в пещеру в красивую гирлянду. Какая противоположность между этой пещерой и какой-нибудь северной, осененной дубами и мрачными лиственницами! Это растительное великолепие украшает не только наружную сторону свода, но проникает и в преддверие самой пещеры. Мы с изумлением увидели, что берега ручья даже в подземелье были окаймлены великолепными геликониями с листьями, как у бананов, пальмами-прага и древовидным арумом. Растительный мир проник в самую пещеру Карипе, равно как и в глубокие расселины скал в Андах, в которых царит вечный полумрак, рассеивающийся только в 30-40 шагах от входа. Мы измерили путь посредством веревки и прошли внутрь пещеры около 150 м, прежде чем явилась необходимость зажечь факелы. Дневной свет проникает так далеко потому, что пещера образует только один проход, идущий по направлению с юго-востока на северо-запад. Там, где дневной свет начинает уже меркнуть, слышатся хриплые крики ночных птиц, которые, как полагают туземцы, живут только в этих подземных пространствах.

Трудно составить себе понятие о том странном шуме, который производят в темной внутренности пещеры тысячи этих птиц. Его можно сравнить только с карканьем наших ворон, живущих обществами в северных хвойных лесах и гнездящихся на деревьях, вершины которых срастаются между собой. Пронзительные крики гуахаро отражаются от свода скалы и в виде эха возвращаются обратно из глубины пещеры. Индейцы показали нам гнезда этих птиц, подвязавши предварительно факелы на длинные палки. Они торчали на высоте 20-23 м над нашими головами в воронкоподобных отверстиях, и свод положительно был покрыт ими. Чем глубже забирались мы в пещеру, чем больше вспугивали птиц светом своих факелов, тем оглушительнее становился шум. Едва только минуты на две успокаивалось вокруг нас, как вдали снова раздавался жалобный крик птиц, гнездившихся в других ходах пещеры. Таким образом хоры постоянно сменяли друг друга.

Гуахаро покидают пещеру с наступлением ночи, особенно при лунном свете. Они едят очень твердые семена, и индейцы утверждают, что они никогда не прикасаются ни к жукам, ни к ночным бабочкам. В самом деле, стоит только сравнить клюв гуахаро с клювом козодоя, чтобы убедиться, что образ жизни этих двух птиц должен быть совершенно различным*.

* Основной пищей гуахаро являются плоды различных пальм и лавровых с большим содержанием масел.

Каждый год около Иванова дня индейцы ходят в пещеру Гуахаро с палками и разоряют большую часть гнезд. Всякий раз они убивают не одну тысячу этих птиц, причем старые, как бы желая вступить за свое потомство, с страшным криком носятся над головами индейцев. Птенцов, которые падают на землю, потрошат тут же на месте. Их брюшина сильно проросла жиром, и такой же слой жира идет от груди до зада, образуя между ногами птицы нечто вроде желвака. Что зерноядные птицы, не подверженные влиянию дневного света и мало упражняющие свои мускулы, способны к такому ожирению, мы видим на давно известных приемах откармливания гусей и кур; каждому известно, как темнота и покой способствуют ожирению. Ко времени «жировой жатвы», как говорят в Карипе, индейцы строят из пальмовых листьев хижины при входе или в преддверии пещеры. Мы нашли остатки их. Здесь они топят жир молодых, только что убитых птиц и сливают его в глиняные сосуды. Этот жир известен под названием сала или масла гуахаро. Он полужидкий, прозрачный, без всякого запаха и до того чист, что его можно сохранять больше года, и он не горкнет. На монастырских кухнях в Карипе не употребляют никакого другого масла, кроме этого, добытого из пещеры, и мы не заметили, чтобы кушанье получало от него какой-нибудь неприятный запах или вкус.

Количество добываемого жира вовсе не соответствует тому кровопролитию, которое индейцы ежегодно совершают в пещере. Добывается, кажется, не более 150-160 бутылок чистого жира; остальной, менее чистый жир сохраняется в глиняных сосудах. Эта отрасль промышленности туземцев напоминает сбор голубинового жира в Каролине, где его в былые времена добывали более тысячи бочек. Употребление жира гуахаро известно в Карипе уже исстари, миссионеры же только упорядочили его производство. Члены одной индейской семьи утверждают, что они происходят от первых поселенцев долины и потому должны считаться единственными законными владельцами пещеры; они предъявляют свое исключительное право на жир, но благодаря участию в этом промысле монастыря права этих законных наследников признаны только как почетное звание. По системе, установленной миссионерами, индейцы обязаны доставлять масло гуахаро для неугасимых церковных лампад, все же остальное, как утверждают, покупается у них.

Все гуахаро давно бы уже были истреблены, если бы сохранению их не способствовали некоторые благоприятные обстоятельства: по своему суеверию индейцы редко отваживаются заходить далеко в глубину пещеры; кроме того, птицы эти гнездятся и в соседних пещерах, куда, по недоступности их, не проникает человек. Очень может быть, что население большой пещеры постоянно пополняется новыми пришельцами из поселений в маленьких пещерах, иначе миссионеры не имели бы оснований утверждать, что до сих пор незаметно, чтобы количество птиц убавлялось.

Молодых гуахаро пробовали привозить в гавань Кумана; они жили там несколько дней без пищи, так как зерна, предлагаемые им, были им не по вкусу. Когда в пещере потрошат птенцов гуахаро, то в желудке и зобе у них находят множество твердых сухих семян, которые под названием «семян гуахаро» известны как общераспространенное здесь средство против перемежающейся лихорадки. Птенцам эти семена приносят старые птицы. Индейцы старательно собирают их и дают больным в тяжелых случаях заболевания лихорадкой.

Пещера Карипе имеет на протяжении 462 м одно и то же направление, ширину и высоту. Нам стоило много труда заставить индейцев пройти в глубь пещеры дальше ее передней части, которой они ограничиваются при ежегодном посещении пещеры во время сбора жира. Потребовалось серьезное влияние монахов, чтобы убедить их проникнуть в то место пещеры, где почва вдруг круто поднимается под углом в 60° и где ручей образует подземный водопад.

Чем ниже становился свод, тем пронзительнее раздавался крик гуахаро; под конец никакие увещания не помогали заставить индейцев идти дальше. Мы должны были подчиниться трусости своих проводников и вернуться. Впрочем, всюду мы видели то же, что и вначале.

Эта обитаемая ночными птицами пещера считается индейцами за страшное и таинственное место, где, по их глубокому верованию, живут души их предков. Человек, говорят они, должен питать страх к тем местам, которые не освещаются ни солнцем Цис, ни луной Нуна. Отправиться в Гуахаро значит то же самое, что отправиться к праотцам, т.е. умереть. Поэтому индейские колдуны (пиахе) и отравители (имороны) производят свои ночные колдования при входе в пещеру, чтобы заклинать верховного злого духа Иворокиамо. Таким образом, древнейшие народные мифы под всеми поясами земного шара почти одинаковы, в особенности те, которые относятся к двум силам, управляющим миром: к местопребыванию душ после смерти человека и к страшному суду. Пещера Карипе то же самое, что тартар у греков, а гуахаро, с жалобным криком летающие над водою, напоминают стигийских птиц».

От Функа, также посетившего эту пещеру, мы узнаем, что с наступлением темноты гуахаро покидают свою пещеру и, щелкая клювами, вылетают за пищей с криком, напоминающим карканье ворон. Пища их состоит исключительно из плодов. Они проглатывают плоды величиной с голубиное яйцо, зерна же их выбрасывают. Гнезда их слеплены из глины и имеют форму чашки; кладка состоит из 2-4 яиц. Один гуахаро вместе с гнездом и яйцами был прислан Готесье в Парижскую академию; при этом было сделано наблюдение, что гнездо состояло из погадок, заключающих в себе остатки плодов, которыми питались птицы.

Гуахаро летает легко и быстро, без частых взмахов крыльями, причем веерообразно распускает крылья и хвост. Каждое другое движение его крайне беспомощно. На лету, а еще чаще в возбужденном состоянии он испускает хриплые, каркающие, но все же громкие звуки, которые до такой степени своеобразны и резки, что даже при более веселой обстановке показались бы неприятными и зловещными. Пища гуахаро, без сомнения, состоит из плодов, семена которых не отрываются ими, а выделяются вместе с пометом. Вокруг гнезда от прожорливых птенцов накапливаются постепенно целые кучи помета и зерен, которые иногда достигают 25 см высоты и кажутся тогда как бы стенками большого сосуда. Из глины и тому подобных веществ гуахаро никогда не строит своего гнезда.

Белые, грушевидные яйца он кладет без всякой подстилки прямо в трещинах скалы. Самцы и самки насиживают яйца попеременно. Прожорливость их просто изумительна. В возбужденном состоянии они яростно нападают друг на друга, хватают клювом все, что попадется поблизости, даже собственные ноги и крылья, и только с великим неудовольствием оставляют раз схваченное. Гросс пробовал воспитывать некоторых птенцов, взятых прямо из гнезд, но не мог доставить им соответствующей пищи и потому через несколько же дней лишился всех своих пленников.

Семейство лягушкороты

Исполинский белоног (*Podargus strigoides*) по величине равняется вороне. Оперение всей верхней стороны по темному серо-бурому фону как бы окраплено очень мелкими серовато-белыми и черными крапинами; на плечах оно разрисовано по серовато-белому фону пятнышками; верхняя часть головы, нижние шейные перья и кроющие перья крыла испещрены тонкими, ясно выступающими, черными стержневыми черточками. Клюв светло-бурый с пурпуровым налетом; ноги масляно-бурые; глаза желтовато-бурые.

Гульд и Верро дали нам довольно обстоятельные сообщения о жизни исполинского белонога. «В Австралии водится, — говорит Гульд, — многочисленная группа ночных птиц этой породы, которые, по-видимому, назначены для того, чтобы мешать распространению древесных кузнечиков. Это трусливые и ленивые существа, добывающие себе пищу не искусством летания, а простым обыскиванием ветвей. Когда они не заняты ловлей, то сидят на открытых местах, на корнях деревьев, на перилах, на крышах, также на кладбищенских памятниках, вследствие чего суеверные люди считают их за предвестников смерти, чему немало способствует их неприятный хриплый голос. В отношении размножения они резко отличаются от своих родичей, так как строят себе плоское гнездо из мелкого хвороста на горизонтальных ветвях деревьев».

Исполинский белоног принадлежит к наиболее обыкновенным птицам Нового Южного Уэльса, и потому его вовсе не трудно наблюдать. Это одно из самых сонливых созданий: разбудить его труднее, чем кого-либо. Все время, пока светит солнце, он спит, забившись где-нибудь в ветвях, плотно прижавшись телом к месту своего сидения, поджавши шею и запротавши голову в плечевые перья, притом так неподвижно, что походит скорее на узловатый сук, чем на птицу. Следует обратить внимание на то, что он садится всегда поперек, а не вдоль ветви. Он держится так смиренно и цвет его оперения так подходит к внешнему виду коры, что необходим большой навык, чтобы заметить эту крупную птицу среди белого дня, хотя она никогда не прячется, а сидит всегда на открытых сучьях, лишенных даже мелких веток.

Исполинский белоног (*Podargus strigoides*)

Совершенно иной становится птица с наступлением ночи. В сумерки она просыпается от сна и, потянувшись как следует, начинает расправлять перья и приглаживать их, после чего принимается летать. Теперь она является совершенной противоположностью того, что представляла собой днем; мы видим живое, бодрое, деятельное, проворное и ловкое во всех своих движениях существо, неутомимо занимающееся ловлей добычи. Быстро носится белоног с ветви на ветвь, подбирая на них сонных кузнечиков и цикад; подобно дятлу, он стучит клювом по коре, чтобы выгнать спрятавшихся под ней насекомых, и даже забирается в дупла деревьев, чтобы раздобыть себе там пищи. Нельзя сказать, чтобы исполинский белоног особенно хорошо летал; его полет довольно короток и прерывист, что зависит от сравнительно коротких маховых перьев, но и неловким его назвать нельзя, так как он летает, забавляясь, для собственного удовольствия, с дерева на дерево. С наступлением ночи эта забава кончается, и птица копошится лишь в ветвях деревьев, тщательно обыскивая их.

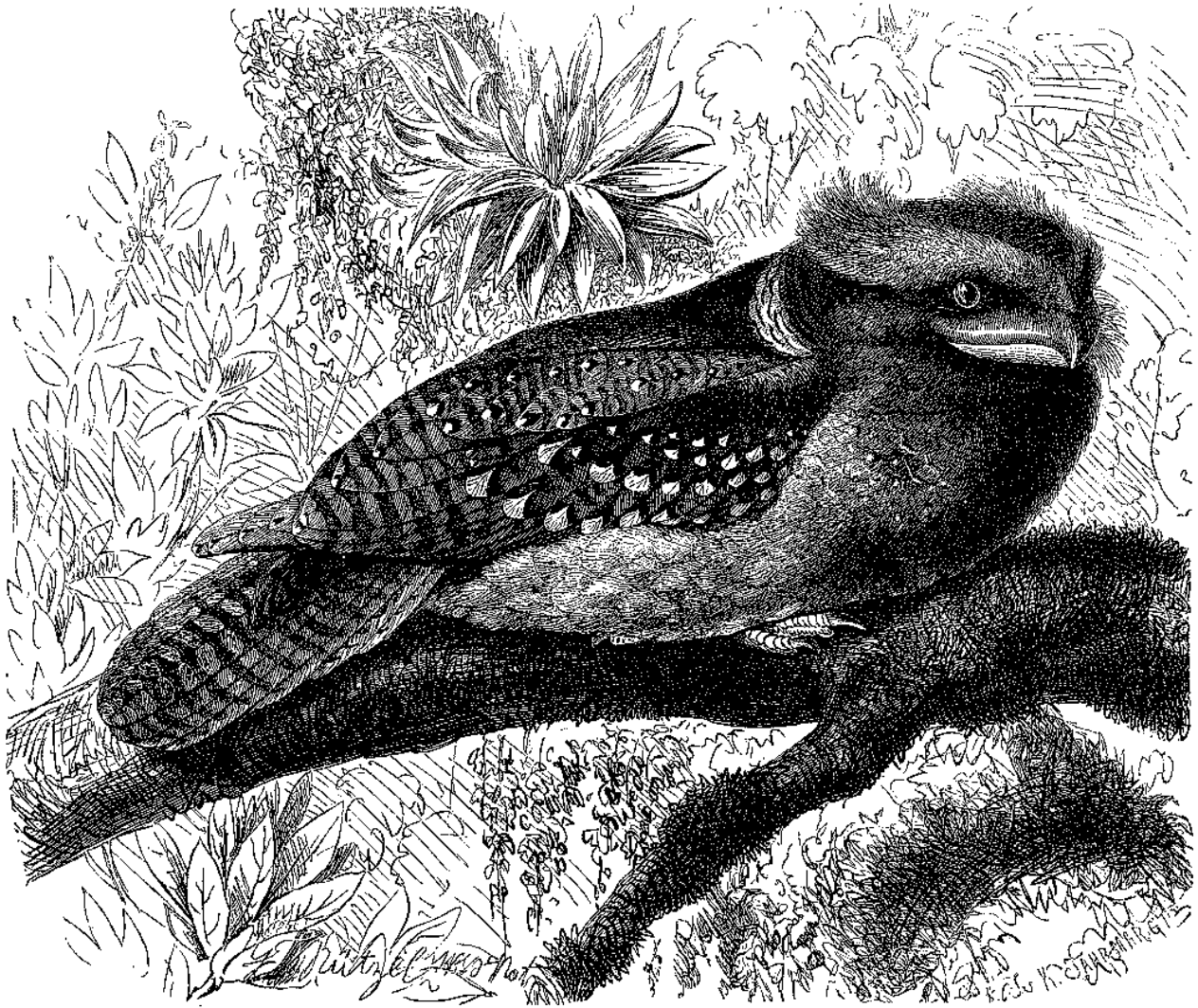
Гульд полагает, что исполинский белоног ест только насекомых; Верро, напротив, уверяет, что он пользуется и другой добычей. Зимой они вытаскивают запрятавшихся насекомых из трещин и расщелин деревьев; если этой пищи им не хватает, они отправляются в болота и там охотятся за слизнями и другими мелкими водяными животными. В период размножения они похищают молодых птенцов, убивают их, если они кажутся им слишком большими, подобно древесному зимородку хватая их клювом и несколько раз ударяя по суку, и затем проглатывают целиком убитую птичку. Охота их продолжается только во время сумерек; в темную ночь они сидят смирно на одном и том же суку. За несколько часов перед рассветом они принимаются охотиться во второй раз, напоминая этим козодоев.

Голос у самца громкий и неприятно поражающий того, кто его слышит в первый раз. По мнению Верро, он похож на воркование голубей. Всего громче и усерднее белоноги кричат, само собой разумеется, в пору любви. Тогда их крик является вызовом к бою. Едва только подлетает другой самец, как поднимается жестокая драка, которая длится до решительного поражения одного из соперников. Время размножения приходится на июль и август. Маленькое плоское гнездо строится из тонких прутиков обеими птицами. Оно представляет собой плохую постройку, которая внутри выстлана лишь несколькими травинками и перышками, лежит обыкновенно очень низко, всего на 2 м над землей в разветвлении древесного сука, так что его легко достать рукой.

Снизу можно видеть, как у некоторых голубей, 2-4 продолговатых, чисто-белых яйца, которые просвечивают сквозь плетение гнезда. Труд насиживания разделяют обе птицы: самец насиживает обыкновенно ночью, а самка днем. Заботы о вылупившемся семействе несет на себе один самец. Если гнездо слишком подвергается действию солнечных лучей или если птенцы настолько уже велики, что матери не накрыть их всех, то родители вынимают их из гнезда и переносят в дупло дерева. Эта заботливость тем замечательнее, что сами родители на местах своего отдохновения беспощадно подвергают себя влиянию всякой непогоды. В начале ноября птенцы покидают гнездо, но в действительности еще долгое время живут в обществе своих родителей.

Ушастый лягушкорот, или ушастый белоног (*Batrachostomits auritus*), отличается как своеобразием оперения, так и красотой его. По обеим сторонам головы в ушной области над глазами и позади их растет пучок длинных, несколько рассученных перьев, возвышающихся над остальными перьями головы; они почти совершенно закрывают глаза и придают всей голове несоразмерно большую величину. Оперение верхней стороны светло-ржавое с тонким черным рисунком зигзагами; на затылке красуется белая серповидная повязка; на плечах пестреют большие белоголубоватые пятна, которые резко выступают вследствие черных полукругов на концах некоторых перьев; на лбу и позади глаз желтые подпалины; середина горла, передняя часть шеи и брюшко белые, местами перерезанные зигзагами; грудь ржавого цвета с белыми и черными пятнами; сильно ступенчатый хвост светло-ржавый с 7-8 темными полосками, отороченными черным, и со многими черноватыми зигзагами; маховые перья украшены такими же полосками.

Глаза чистого серо-желтого цвета, как у многих хищных птиц; клюв светло-желтый; ноги буроватые.

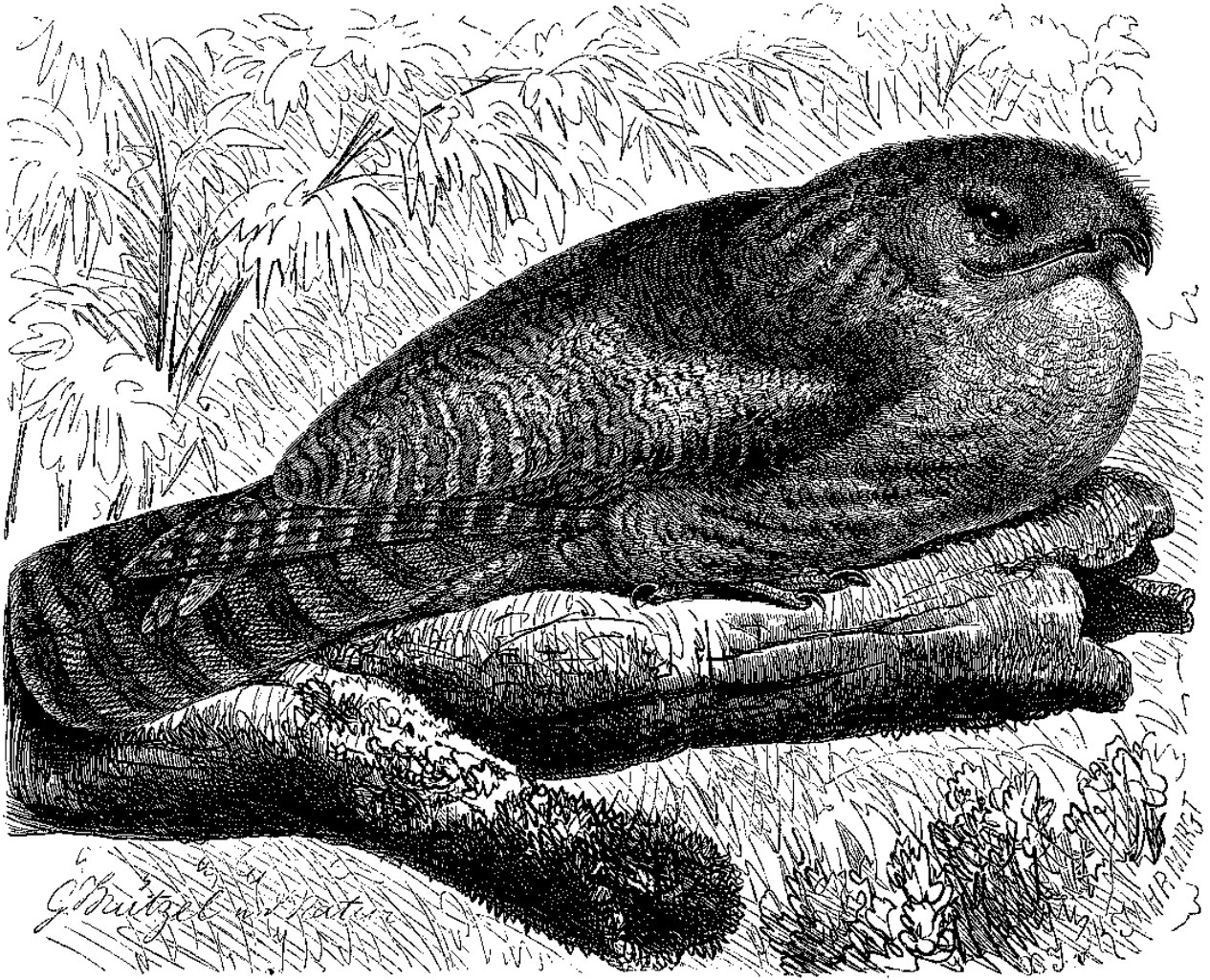
Ушастый лягушкорот (*Batrachostomus auritus*)

Первые известия о местожительстве и размножении этой удивительной птицы нам сообщил Бернштейн. Настоящей родиной ушастого лягушкорота следует считать лесные чащи, столь обыкновенные в Индии на высоте 1000 м над уровнем моря. В населенных странах этот натуралист никогда не встречал его, и, по уверению туземцев, его действительно нет ни там, ни в низко лежащих равнинах. Бернштейн ничего не мог сообщить ни об образе жизни, ни о голосе, ни о нравах этой птицы.

Семейство исполинские козодои

Исполинский лесной козодой (*Nyctibius grandis*). Длина этой птицы, по измерению принца фон Вид, достигает 55 см, размах крыльев 125, длина крыла 40, хвоста 27 см. Оперение верхней части тела по чало-белому фону испещрено очень тонкими темными поперечными черточками в виде зигзагов, ржаво-бурыми каемками на концах перьев и темными стречневыми полосами. Клюв желтовато-рогового серого цвета, глаза темно-карие, ноги желтовато-серые.

Исполинский козодой встречается, по-видимому, во всех лесах Южной Америки: его ловили как в Кайенне, так и в Парагвае. По всей вероятности, он не так редок, как привыкли думать, однако все же его трудно найти днем, да и ночью наблюдать нелегко. Его оперение, сходное с цветом древесной коры, служит ему надежнейшей защитой против зоркого глаза охотника или какого-либо другого врага, а его неподвижность еще более затрудняет нахождение его. Азара описывает под названием урутау родственный вид козодоев и говорит, что он избирает местом своего сидения конец засохшего сука; при этом он садится так, что голова его свешивается за конец сука, вследствие чего тот кажется длиннее, и, несмотря на это, птицу все-таки крайне трудно заметить. Но раз это удалось, то достать сонную птицу не представляет уже никакого труда, если только она избрала место своего отдохновения не слишком высоко.

Исполинский лесной козодой (*Nyctihus grandis*)

О другом виде принц фон Вид рассказывает, что его люди однажды убили такую птицу палкой, и подтверждает этим указания Азара, который говорит, что парагвайские охотники ходят на исполинского козодоя в полдень и

набрасывая ему через голову петлю, сталкивают его с дерева. Бурмейстер слышал то же самое. Он заметил одного козодоя, сидящего на верхушке высочайшего дерева, и несколько раз выстрелил по нему, но никак не мог заставить птицу слететь с дерева. Госсе достал одного исполинского козодоя или, как эту птицу называют на Ямайке, одного поту, который был сбит с места своего сидения просто камнем, а несколько позже — другого, который с таким упорством держался на раз избранном месте отдохновения, что его нельзя было прогнать не только спугиванием, но даже выстрелом, взъерошившим его перья. После усиленных нападений он, наконец, каркая, слетел с места и направился в лес, но на следующий вечер снова преспокойно уселся на излюбленное местечко и за то пал от меткого выстрела, как жертва своего упрямства.

Совершенно иначе держит себя птица в сумерки. В это время она так же ловка и подвижна, как и прочие козодои. Во время охоты козодои, как сообщает Азара, редко садятся на землю, а если это случается, то они распускают при этом крылья и опираются на них и на хвост без помощи ног. Госсе нашел в желудке вскрытого им поту только остатки различных жуков и других крупных насекомых. Но это нельзя считать единственной добычей, которую истребляет исполинский козодой. Эйлер узнал об одном виде от одного наблюдателя, что они занимаются охотой и днем, притом совершенно своеобразным способом. Рассказчик встретил эту птицу на одном пастбище, где она, по-видимому, неподвижно сидела на древесном стволе. При ближайшем наблюдении он заметил, как птица время от времени раскрывала пасть и приманивала этим мух, которые в множестве садились на клейкую слизистую оболочку рта. Когда численность насевших насекомых была уже изрядная, птица закрывала свою широкую пасть и проглатывала попавшую добычу. Эту прибыльную ловлю она возобновляла по прошествии некоторого времени и постоянно с закрытыми глазами, но стоило наблюдателю лишь чуть-чуть дотронуться до нее, как она тотчас же улетала.

Азара говорит, что урутау гнездится в дуплистых деревьях, а Бурмейстер уверяет, что он кладет свои два бурых, с темными пятнышками яйца на широких гнилых древесных сучьях, прямо

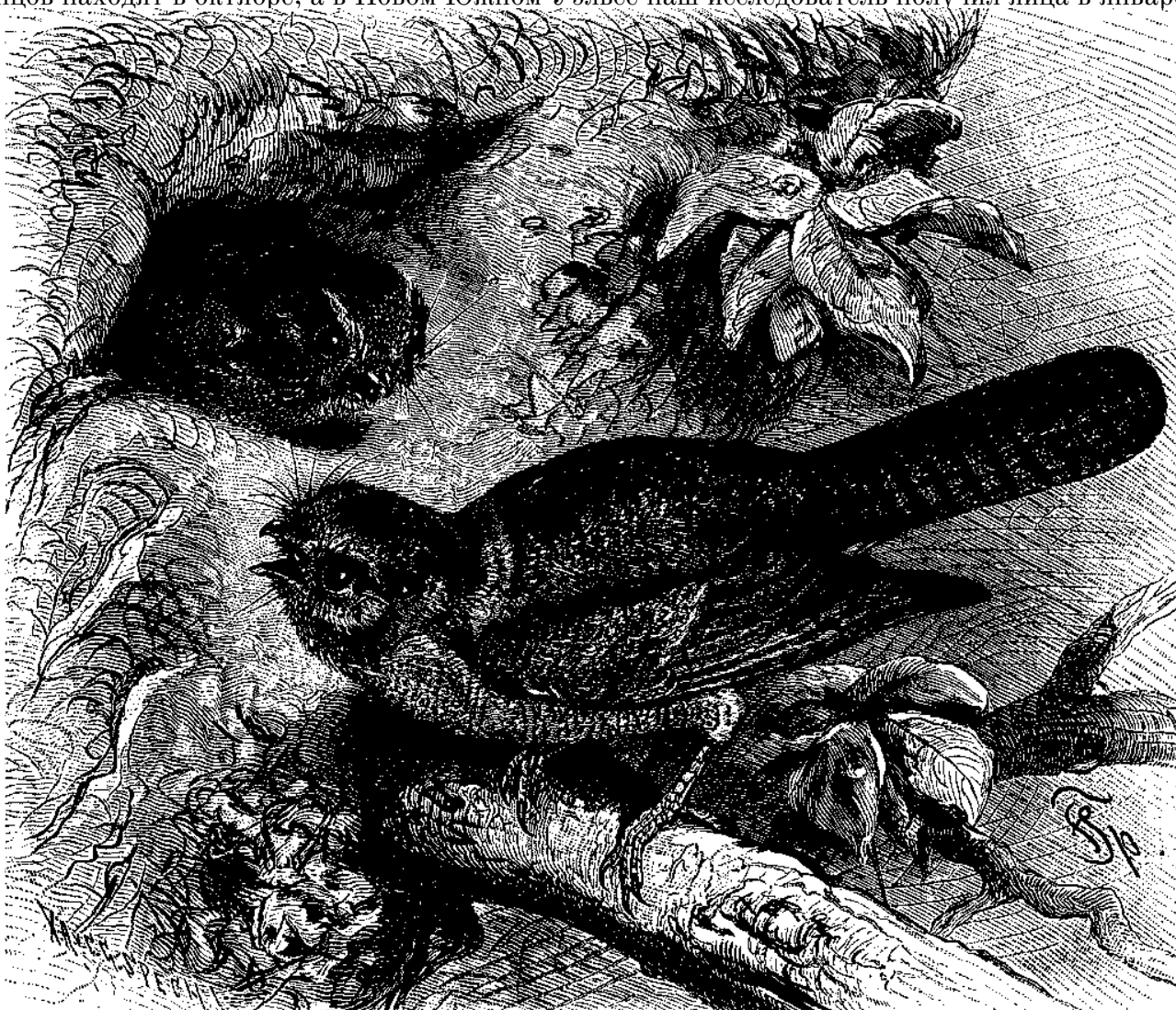
на голом дереве. Бурмейстер достал себе одно яйцо. Оно было продолговато-круглое, на толстом конце немного тупее, чем на остром, без всякого блеска и по чисто-белому фону усеяно крапинками, которые на одном конце сливались гуще.

Семейство совиные козодои

Австралийский совиный лягушкорот (*Aegotheles cnstatus*) по величине и внешнему виду напоминает нашего сыча. Длина его 25 см, размах крыльев немного больше 30 см.

Относительно образа жизни этой птицы наблюдения сделаны Гульдом. Он встречал совиного козодоя по всей южной Австралии и Тасмании как оседлую птицу, которая живет и в береговых кустарниках, и в редких лесных зарослях внутри страны. Поведением своим он напоминает как сыча, так и козодоя. Днем совиный козодой держится в дуплах деревьев, преимущественно камедных, в которых так хорошо скрывается, что присутствие его нельзя даже подозревать. Впрочем, одно странное обыкновение этой птицы дает сведущему человеку средство открыть ее убежище: стоит только постучать по стволу ее любимого дерева, как маленький обитатель в одно мгновение очутится у отверстия дупла, с любопытством стараясь выведать причину тревоги. Если он убедится в своей безопасности, то снова забирается в дупло и остается там спокойно 5678 Семейство совиные козодои 28 сидеть до тех пор, пока его вновь не потревожат.

Гульд утверждает, что совиный козодой выводит птенцов два раза в году. В Тасмании их птенцов находят в октябре, а в Новом Южном Уэльсе наш исследователь получил яйца в январе.

Австралийский совиный лягушкорот (*Aegotheles cnstatus*)

Настоящего гнезда совиный козодой не строит, он кладет 4-5 кругловатых, чисто-белых яиц, без всяких околичностей, прямо на рухлядь дупла.

Семейство настоящие козодои

Козодои — столь замечательные птицы, что их нельзя не узнать или смешать с другими родичами. Всюду, где встречаются козодои, они останавливали на себе внимание человека, всюду приобретали значение и подавали повод к своеобразным мнениям. На это указывает, между прочим, разнообразие и значение названий, которые носят эти птицы. Они образуют весьма многочис-

ленное семейство, резко отграниченное от других. Их обычное немецкое название — «ночные ласточки», хотя о сходстве между ними и ласточками можно говорить только относительно общих поверхностных признаков: ближайшее же сравнение этих групп приводит к существенным различиям.

Как внешнее, так и внутреннее строение козодоев в высшей степени своеобразно. Величина их крайне неопределенна. Некоторые виды величиной почти с ворону, другие же едва с жаворонка. Туловище их вытянутое, шея короткая, голова объемистая, широкая и плоская; глаза большие и очень выпуклые; клюв относительно маленький, назади необыкновенно широкий, но короткий, спереди сильно суженный и крайне плоский; челюсти, напротив, чрезвычайно удлинены, и потому рот у них шире, чем у какой-либо другой птицы. Ноги обыкновенно слабые, с короткими плюснами, которые покрыты мозолистой кожей на задней стороне; спереди плюсны покрыты щитками, вверху большей частью оперены, но иногда совсем голые. Пальцы, за исключением очень развитого среднего, короткие и слабые. У всех видов средний палец вооружен длинным и зубчатым когтем. Маховые перья длинные, узкие и острые. Хвост состоит из 10 перьев, имеющих весьма различную форму. Оперение вроде совиного — мягкое и длинное, узор его необыкновенно нежный и красивый, окраска же темная и не бросающаяся в глаза; ее можно уподобить цвету древесной коры. Замечательны щетинки, окружающие рот, а также короткие, тонкие и густые ресницы, защищающие глаза. У некоторых видов самцы имеют особенное украшение: удлинненные и большей частью весьма своеобразно устроенные перья, которые выходят не только из хвоста, как обыкновенно, но также и из крыльев, представляя таким образом преобразованные маховые перья.

Родиной козодоев служат все страны земного шара, за исключением тех, что лежат в холодном поясе. В Европе встречаются только два вида, в Северной Америке — не более четырех; но уже в средней Америке и в Африке число видов значительно увеличивается. То же самое относится к соответствующим местностям Азии; не бедна этими птицами и Австралия. Область распространения отдельных видов довольно обширна, но местожительство их ограничивается только некоторыми благоприятными для них местностями. Большая часть всех козодоев живет в лесу или по крайней мере скрывается там для отдыха; некоторые виды, напротив, предпочитают степи, а другие — даже пустыни или пустынные каменистые отлогости и тому подобные местности. В горах те виды, которые там живут, поднимаются до значительных высот: так, обыкновенных козодоев можно встретить в Альпах до 1800 м, африканских в Абиссинии на высоте до 4000 м; в горах Колорадо козодой поднимаются более чем на 3000 м над уровнем моря.

Основная окраска оперения козодоев стоит в зависимости от того или другого места их жительства. Все лесные козодой имеют бурое оперение, вполне подходящее к цвету древесной коры; виды, живущие в пустынях или степях, — песочного цвета. Впрочем, общий характер окраски каждого вида почти одинаков, и потому Свайнсон утверждает, что кто видел одного козодоя, тот видел их всех.

Оседлыми птицами можно, по всей вероятности, считать только те виды, которые живут в лесах экваториальных стран. Все прочие принадлежат к перелетным, а все северные виды — к регулярно странствующим. Они появляются на своей родине довольно рано весной и пребывают там до начала осени. Странствования их простираются до далеких пределов: обыкновенные козодой залетают даже во внутреннюю Африку.

Большинство козодоев питаются исключительно разными насекомыми, но некоторые виды к этой пище прибавляют всевозможных мелких позвоночных. Все козодой в высшей степени прожорливы и потому оказывают большую услугу нашим лесам. С ловкостью сокола или ласточки они летают то низко, то высоко над свободным пространством, кустарником или верхушками деревьев, кружат над ними, чрезвычайно грациозно колеблясь при этом на воздухе, и во время полета схватывают подвернувшееся насекомое или подбирают тех, которые спят на листьях и стебельках, и даже тех, что просто сидят на земле. Их широкий рот позволяет им проглатывать очень крупных жуков, и потому они нападают преимущественно на те виды этих насекомых, которых щадят другие птицы. Обыкновенные козодой могут, например, проглотить один за другим до дюжины и более майских и июньских жуков и в состоянии также схватить своим широким ртом больших навозных жуков, даже копров (*Copris*), самых крупных ночных бабочек, сверчков и кузнечиков.

Для лучшего пищеварения некоторые, по крайней мере насекомоядные виды, глотают мелкие камешки, которые они собирают в кремнистых местах. Охота их начинается обыкновенно с наступлением ночи, производится в продолжение нескольких часов, затем прерывается, а на рассвете снова возобновляется. Еще прежде, чем солнце покажется на небе, козодой отправляются на покой. Но и при этом бывают исключения. Американские виды охотятся нередко среди белого дня, и не только в темных лесах, но даже на открытых местах, при ярком солнечном свете. Иные садятся

днем на опрокинутые деревья или прямо на землю, а также на выступы скал в темных пещерах, или, вернее сказать, не садятся, а ложатся, так как они до того плотно прижимаются к месту, что кажутся гораздо больше в ширину, чем в высоту.

Все козодой выказывают свою подвижность только на лету; к ветвям они просто прилепляются, а на земле скорее лежат, нежели сидят. Походка их похожа на весьма жалкое припрыгивание; полет же, напротив, представляет собой нечто среднее между полетом ласточки и сокола, отличается легкостью и грацией, ловкостью и изяществом. На значительную высоту козодой взлетают неохотно не потому, что не в состоянии этого сделать, а по той причине, что ниже над землей они скорее достанут себе добычу, нежели на значительной высоте. Но во время дальних перелетов они зачастую держатся высоко над землей; те виды, которые летают днем, в особенности любят охотиться в верхних слоях воздуха.

Между внешними чувствами первенствующее место занимает зрение, что можно заключить по большим глазам: после зрения более всего развиты слух и осязание. Развито ли у них обоняние, — мы с достоверностью сказать не можем, но относительно вкуса имеем полное основание утверждать, что он у них должен быть плох.

Умственные способности их незначительны, хотя, может быть, и не в такой степени, как обыкновенно думают. Сонный козодой, которого мы стали бы наблюдать днем, производит во всяком случае неприятное впечатление.

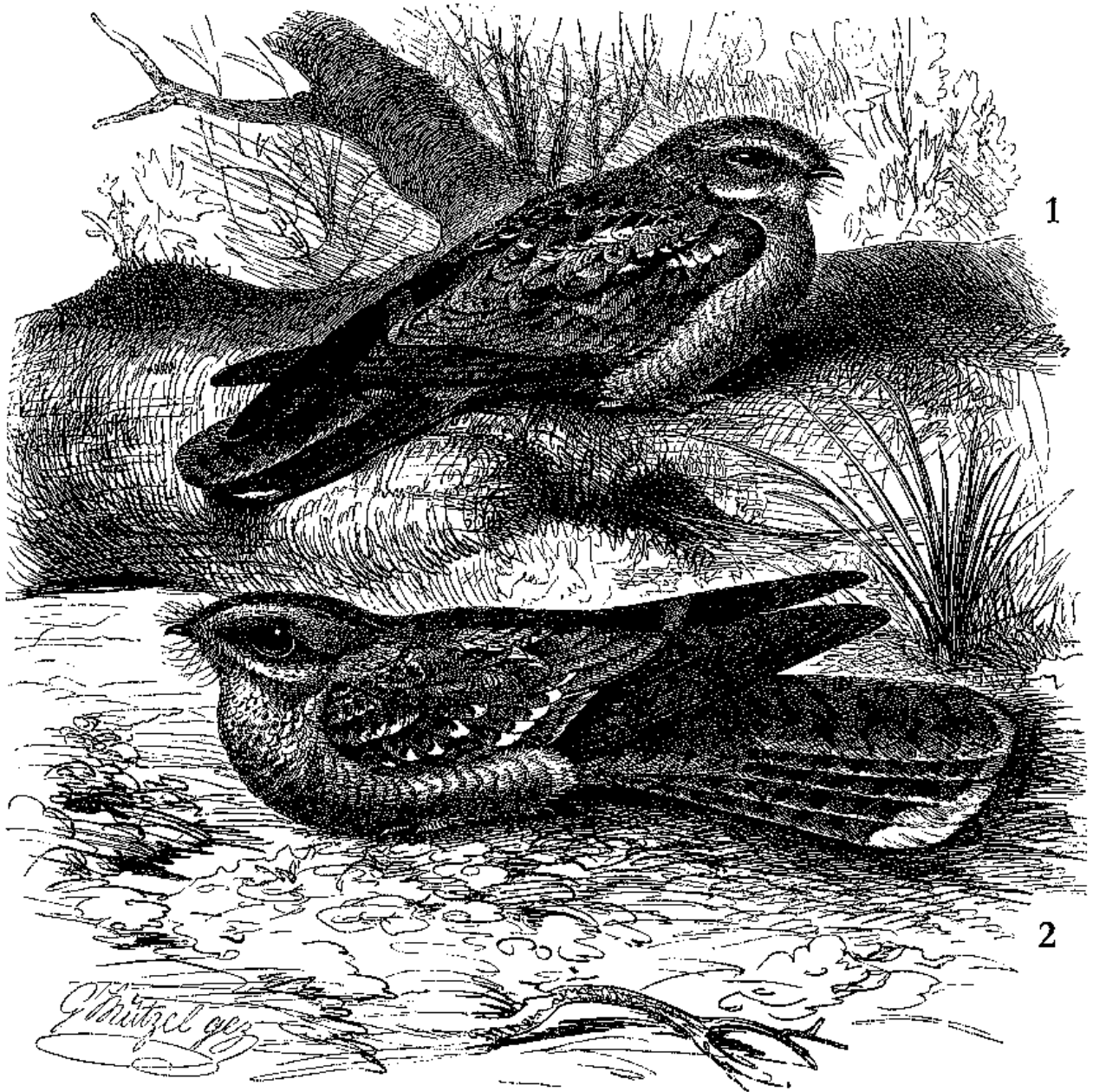
Настоящего гнезда козодой не строят. Они кладут яйца без всякой подстилки прямо на голую землю и не заботятся даже выкопать для этого в земле хотя бы небольшое углубление. Численность кладки обыкновенно весьма незначительна: большинство козодоев кладут только по два яйца, а многие даже по одному. Насиживают, по всей вероятности, только самки, но оба родителя выказывают одинаково живое участие к своему потомству и защищают его как только могут. Некоторые весьма странным образом оберегают яйца; Одюбон сообщает нам, что они прячут их в своем громадном рту и перетаскивают в другое, кажущееся им более безопасным, место в лесу, где и продолжают насиживание. Птенцы вылупляются из яиц одетыми в довольно густой пушок; сначала они выглядят очень некрасивыми благодаря толстой голове и огромным глазам, но скоро вырастают и получают оперение родителей. Насколько нам известно, все виды горячо любят своих детенышей и защищают их всеми силами.

Число врагов, опасных для козодоев, относительно невелико. Человек, знакомый с ними, не преследует их. Подобная пощада оказывается вовсе не потому, что за этими птицами признается польза, а скорее по той причине, что в козодоях видят крайне неприятную птицу, убиение которой может повести за собою печальные последствия. Так, по крайней мере, думают индусы, а также краснокожие и негры, населяющие среднюю Америку; с ними согласны испанцы и многие африканские племена. Простой народ в Германии смотрит на это безобидное создание с не доброжелательством, так как держится того мнения, что широкая пасть козодоев создана ни для чего другого, как для доения коз. Грубый люд убивает эту птицу часто из простой кровожадности. В средней Европе наравне с человеком козодоев преследуют хищные звери и птицы, а также большие змеи; впрочем, вред, наносимый им всеми этими животными, не имеет большого значения.

Обыкновенный козодой (*Caprimulgus europaeus*) более всего подходит к общему описанию, данному выше. Длина его достигает 26 см, размах крыльев 55, длина крыла 19, хвоста 12 см.

Область распространения козодоев простирается от средней Норвегии через всю Европу и западную Азию; зимой же он посещает все страны Африки, так как отыскивает себе зимнее пристанище, по-видимому, на юге земного шара.

На юго-западе Европы, в особенности в Испании, этот вид заменяется другим — **красношейным козодоем** (*Caprimulgus ruficollis*). Он заметно больше: длина его 31 см, размах крыльев 61, длина крыла 20, хвоста 16 см.

1 — Обыкновенный козодой (*Caprimulgus europaeus*); 2 — Красношейный козодой (*Caprimulgus ruficollis*)

Если не самый обыкновенный, то во всяком случае наиболее известный в Северной Америке вид козодоев, это **жалобный козодой** (*Caprimulgus vociferus*). Птица эта по величине близко подходит к обыкновенному козодою. Оперение ее крапчатое: по черно-бурому фону пестреют ржавые и сероватые крапины.

Эта общеизвестная в Америке птица распространяется по всей восточной части Соединенных Штатов, а зимой залетает также в Мексику и Южную Америку.

Жалобный козодой (*Caprimulgus vociferus*)

Лирохвостый козодой (*Macropsalis creagra*) достигает в длину от 68 до 73 см, так как крайние хвостовые перья почти втрое длиннее туловища; длина крыльев 24, хвоста 50-55 см. По Бурмейстеру, основная окраска оперения темно-бурая.

Лирохвостый козодой (*Macropsalis creagra*)

По сообщениям Бурмейстера, лирохвостые козодой живут одиноко в густых лесах и, по-видимому, нигде не бывают особенно многочисленны. По словам Азары, некоторые виды иногда залетают в Парагвай, там также держатся в лесах и, подобно другим козодоям, любят летать низко над водой ручьев.

Вымпеловый козодой (*Semiophorus vexillaris*) немного больше нашего козодоя. Этот вид живет в экваториальных странах внутренней Африки.

Описание жизни всех козодоев в общем есть не что иное, как повторение того, что нами было сообщено раньше о птицах этого семейства. Как уже сказано, большая часть всех козодоев принадлежит лесам, однако вовсе не заповедным, дремучим первобытным лесам: они избирают для гнездования такие леса, где густо поросшие места сменяются большими прогалинами. Степные рощи Африки, в которых кое-где только рассеяны деревья или кусты, остальное же пространство заросло высокой травой, должны казаться козодоям настоящим раем; об этом свидетельствует, по крайней мере, необыкновенная их скученность в таких местах. Южно-европейские леса, очень часто напоминающие собой подобные степные рощи нравятся им гораздо более северных дремучих лесов; козодой пугливо избегает наших лиственных лесов, хотя, без всякого сомнения, они гораздо богаче насекомыми, чем хвойные, в которых эта птица проводит лето. Во время полета они появляются во всяких лесах и садах, но при гнездовании на севере держатся исключительно хвойных лесов.

Южно-европейский вид, красношейный козодой, отлично уживается на горных утесах, где каменистые местности сменяются скудной растительностью, но довольно часто гнездится и в лесных зарослях, особенно в масличных лесах.

Признано, что козодой для отдыха чаще всего садится на землю и только в виде исключения на ветви деревьев. Все виды предпочитают садиться на деревья преимущественно ночью, хотя между ними есть такие, что и день проводят на ветвях. Причину такого предпочтения земли перед деревьями отгадать нетрудно. Козодой предъявляет особенные требования к той ветке, на которую намерен опуститься, так как ему нужно, чтобы избранное им место отдохновения было во всех отношениях удобно. Как я уже заметил выше, ни одна из этих птиц не садится, подобно другим видам, поперек ветки, а всегда вдоль ее, так что тело птицы приходится параллельно с ветвью и опирается на нее. Козодой садится на ветвь обыкновенным образом, как другие птицы, только тогда, когда его испугнут, и он спасается на дерево; но подобное сидение ему так неприятно, что он как можно скорее ищет себе другое место. Зазубренные когти средних пальцев и обращенные внутрь задние пальцы дают птице возможность крепко держаться в таком положении, но при этом все-таки требуется, чтобы ветка была довольно толстая, без сучков и в некоторой степени шершавая или развилитая; тогда только птица найдет ее для себя удобной.

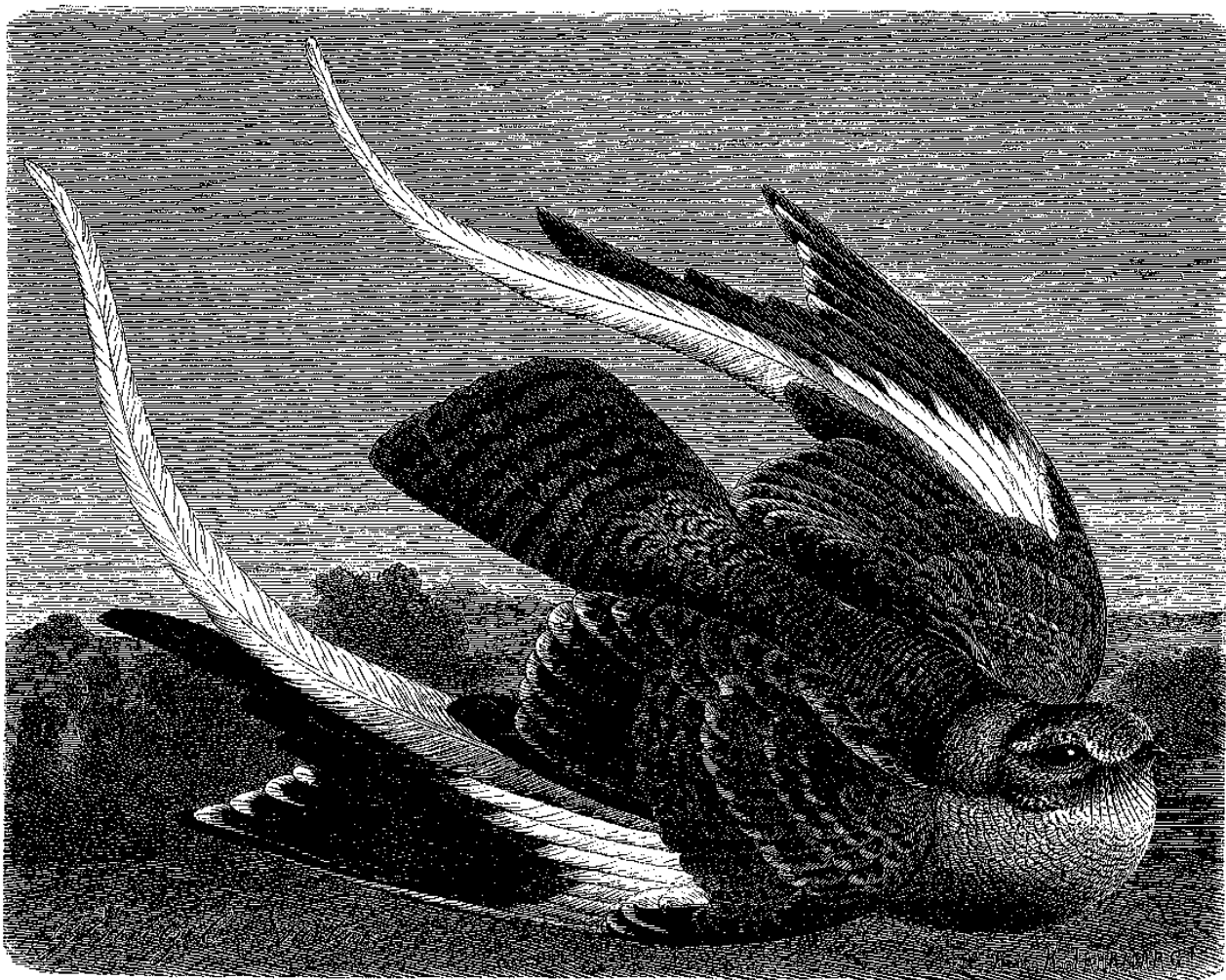
Не менее охотно козодой избирают местом своего отдохновения большой, сверху плоский камень. На таком камне, удовлетворяющем всем требованиям и освещаемом по временам солнцем, всегда можно найти козодоя, если только хоть раз видели там одного из них. В Африке, а также во всех других жарких странах козодой настолько же избегают солнца, насколько у нас, в средней Европе, ищут его, и прячутся для сна где-нибудь за стволом дерева или куста. Во время сна козодой совершенно закрывает свои большие глаза; очевидно, его тонкий слух своевременно предупреждает его о приближающейся опасности.

Полет козодоя необыкновенно разнообразен, смотря по времени дня и по возбуждению птицы. Днем он больше порхает неуверенно и как будто неповоротливо, даже беспорядочно; можно думать, что это несется какой-то легкий предмет, внезапно подхваченный ветром, гонимый им и снова брошенный на землю. Совершенно иначе летает козодой ночью. С последними лучами вечерней зари, угасающей на западе, он отправляется на охоту. Перед этим он уже приободрился, в минуту привел в порядок свои перья и огляделся во все стороны; летит он после этого быстро, ловко, скользящим полетом, направляя его в местности с редкой лесной растительностью или летя прямо над прогалинами.

Во все время охоты полет козодоя меняется: то он плавно парит в воздухе наподобие ласточки, и крылья у него почти в таком же высоком положении, как у летящего коршуна, то вдруг быстрыми взмахами крыльев стремительно бросается в сторону. При этом козодой выделяет в воздухе всевозможные эволюции, почти с такой же ловкостью, как обыкновенная ласточка. При особенных обстоятельствах он, трепеща крыльями, долго держится на одном месте, когда, например, что-либо особенное привлекает его любопытство и побуждает внимательно присмотреться. Таким образом продолжается до тех пор, пока спустившаяся ночь не заставит его прекратить охоту. Так как козодой проглатывает относительно громадные куски, например, майских и крупных навозных жуков, огромных ночных бабочек, притом целыми дюжинами, то желудок его наполняется очень скоро и дальнейшая охота становится для него бесполезной. В ожидании процесса пищеварения птица некоторое время сидит на ветке; но как только живьем проглоченные и не так-то легко лишающиеся жизни насекомые успокоятся навсегда и там очистится место для новой пищи, козодой снова принимается за охоту, и таким образом дело продолжается всю ночь, если только она не очень темная и

бурная. Всего оживленнее козодой летают на утренней и вечерней заре; собственно, по ночам я никогда не видал и не слышал их, даже в экваториальных странах, где ночи очень теплые.

Всесильная любовь производит свое магическое действие и на козодоев, кажущихся с первого взгляда тупоумными. Что два самца могут затеять горячий спор из-за обладания самкой и при этом, насколько хватит сил, потрепать друг друга, об этом нечего и распространяться. Но стоит обратить внимание на то, что все козодой в период размножения производят на воздухе особе иные эволюции. Даже наши европейские козодой способны увеселять нас своими играми на воздухе в период любви. Каждое движение их в это время дышит страстью и становится более быстрым, отважным и гордым. Не довольствуясь этим, козодой еще хлопает крыльями, как влюбленный голубь, стремительно бросается вниз, производя при этом особенный шорох, или кружится, скользя по воздуху, над спокойно сидящей самкой, щеголяя своим искусным полетом. Каждый вид сопровождается свое любовное заигрывание чем-нибудь особенным, но поразительнее всех ведут себя в этом случае виды, живущие в средней Африке и Южной Америке, отличающиеся своеобразным развитием перьев. Я не знаю ни одного обстоятельного описания полета лирохвостого козодоя, но могу легко представить себе, что самцы этого вида должны в самом деле производить удивительное впечатление. Я до сих пор с истинным восторгом вспоминаю о тех весенних вечерах в средней Африке, когда в степи, в деревне или в городе перед нашими восхищенными глазами появлялись длиннохвостые козодой в разгаре своего любовного одушевления.

Вымпеловый козодой (*Semiophonts vexiltarius*)

Голос козодоя весьма разнообразен. Некоторые виды издают преимущественно какое-то мурлыканье, другие же — более или менее благозвучные тоны. Если днем неожиданно вспугнуть нашего козодоя, то можно слышать от него слабое, хрипкое «дак-дак»; при опасности он тихо и слабо фыркает, подобно сове. В период спаривания раздается его своеобразная любовная песнь; она состоит всего из двух звуков, которые правильнее было бы назвать шуршанием, но зато поется с удивительным постоянством. Можно предположить, что козодой производят эти звуки таким же образом, как наша домашняя кошка свое известное мурлыканье. Сидя на верхушке дерева или на удобном сучке, птица начинает выделять свое далеко раздающееся «еррррр», за которым следует более низкое «оерррр» или «оррр». Последнее производится, очевидно, при выдохании, первое же —

при выдыхании, так как то продолжается всего одну секунду, а это — четыре. Но когда козодой поет с полным увлечением, то продолжительность одного колена длится от 40 секунд до 5 минут. Самка мурлычет так же, как самец, только гораздо реже и всегда очень тихо, так как у нее это является выражением нежности. На лету оба пола издают одинаковый призывный крик, звучащий слогами «хэйт-хэйт».

Все виды, живущие на севере земного шара, а также те, которые населяют области, где бывает резкий переход от одного времени года к другому, в неблагоприятные для их питания месяцы покидают места своего гнездования и с большим или меньшим постоянством перекочевывают в другие области: таким образом, некоторые козодой могут считаться перелетными птицами. Соответственно роду и количеству потребляемой пищи обыкновенный козодой появляется на родине довольно поздно, редко в середине, большей частью в конце апреля, а в горных странах или на севере даже в начале мая, и в конце августа мало-помалу снова покидает нас. В противоположность многим другим птицам он странствует медленно и с известным удобством, хотя, благодаря своей способности хорошо летать, он легко перелетает дальние расстояния и даже моря, притом иногда без всякой существенной необходимости. Весной часто можно видеть пролетных козодоев, большей частью одиночно или, самое большее, парами; осенью же они держатся более или менее многочисленными стаями, и, чем дальше к югу, тем стаи все увеличиваются.

По-видимому, все козодой выводят птенцов только раз в году. Само собою разумеется, что время размножения их различно, находясь в зависимости от местожительства того или другого вида; однако оно совпадает обыкновенно с весной соответствующей местности. Самец ревностно старается завоевать любовь самки и пускает в ход все свое летательное искусство, чтобы понравиться ей. Самка кладет два яйца в возможно укромном месте, всего чаще под кустами, ветви которых спускаются до самой земли, а впрочем, также на мшистом пне, в пучках травы и в тому подобных местах, но всегда прямо на землю, и там, где никто никогда не сыщет его. Обыкновенный козодой с особенною любовью выбирает местечко и складывает там тонкие стружки дерева или кусочки лыка, а также осыпавшуюся хвою и тому подобные вещества. Настоящего гнезда он никогда не строит и даже не заботится о том, чтобы расчистить как следует место гнездования. Оба пола проявляют горячую любовь к потомству и, по всей вероятности, занимаются насиживанием попеременно. При опасности насиживающий козодой прибегает к обыкновенным хитрым уловкам более слабых птиц: порхает, будто подстреленный, над самой землей, подставляет себя мишенью для врага, заманивает его все дальше и дальше от гнезда и внезапно сильными взмахами крыльев взлетает ввысь, чтобы, сделав крутой поворот, вернуться к своему гнезду.

Взлупившиеся птенцы в продолжение целого дня сидят под крыльями родителей. Мой отец видел, что один из родителей сидел на птенцах даже тогда, когда птенцы почти уже могли летать. Весьма понятно, что кормление выводка происходит только ночью. Вначале птенцы получают нежных насекомых — больших комаров и ночных бабочек; впоследствии им дают более грубую пищу, и, наконец, они сами должны вести охоту под присмотром и руководством родителей.

Только в южной Европе, где утилизируются для желудка почти все живые, по крайней мере все съедобные, существа, козодой ловят для кухни. В Германии, кроме натуралистов, его преследуют, по счастью, одни только мальчишки. И этому нельзя не порадоваться, так как все козодой приносят для хозяйства одну лишь пользу и ни малейшего вреда, вследствие чего и заслуживают всеобщего покровительства. Всякий, кто по личному опыту ознакомится с жизнью и привычками этой птицы, должен полюбить ее, и нужно быть полнейшим невеждой и суевером, чтобы поверить хотя одному слову из всех тех сказок, которые есть порождение досужей фантазии таких же невежд. Здесь, как и всегда, непостижимое возбуждает воображение глупцов и заставляет их сочинять нелепые истории, которые принимаются за чистую монету другими такими же глупцами. Как это ни смешно, находятся еще и в настоящее время люди, которые понимают немецкое название козодой (*Nachtschatten*) в буквальном смысле слова и считают его действительно «тенью ночи» или какого-нибудь другого волшебного, необъяснимого существа. Для этих беззащитных и полезных птиц довольно уже и того, что в Греции и Италии, где они считаются за вкуснейших из всех птиц, их ревностно преследуют во время пролета, а у нас, в средней Европе, им приходится много терпеть от различных хищников, как среди млекопитающих, так и птиц! От описанных видов семейства довольно существенно отличаются, в особенности своим образом жизни, сумеречные козодой. Самый известный их представитель — **виргинский сумеречный козодой** (*Chordeiles minor*), по величине приблизительно равный обыкновенному козодой. Длина его 22 см, размах крыльев 55, длина крыла 20, хвоста 11 см. Оперение с обеих сторон буро-черное, на верхней части головы и плечах перья имеют ржавые каемки.

Виргинский сумеречный козодой (*Chordeiles minor*)

По исследованиям американских натуралистов стало известно, что эта птица населяет все Соединенные Штаты, от Флориды и Техаса до самого крайнего севера и от берегов Атлантического океана до берегов Тихого; равным образом она выводит птенцов в Вест-Индии, а во время своего пролета посещает и Южную Америку. В штатах средней Америки сумеречный козодой появляется около первого мая, в северных же редко до начала июня и покидает место своего гнездования также довольно рано, большей частью уже к началу сентября, самое позднее — в конце этого месяца. На Кубе, пролетом с юга, он, по словам Гундлаха, встречается в апреле и с этих пор во множестве населяет все пустоши, но в августе или в начале сентября снова незаметно исчезает; на Ямайке же он остается зимовать. Местом своего пребывания он избирает различные местности: области, покрытые редким лесом, степи, пустоши или города и села, низменности и возвышенности, на которых он поднимается до высоты 3500 м над уровнем моря.

Различие в образе жизни сумеречных и других козодоев до такой степени значительно, что Риджвай даже высказывает удивление, как тех и других можно соединять в одно семейство.

Сумеречный козодой не столько ночная, сколько сумеречная птица, которая своими действиями и поступкам и напор и нает скорее стрижа, чем козодоя. Охотится он в утренние и вечерние часы, притом совершенно за другой добычей, чем прочие козодои. Как только сумерки окончательно перейдут в ночную темноту, его охота оканчивается, и он отправляется на покой. Такие же указания, хотя без подобных выводов, были сделаны уже Одюбоном. «Сумеречный козодой обладает легким и продолжительным полетом. В пасмурную погоду он деятелен в продолжение целого дня. Движения его крыльев в высшей степени изящны, а игривость, которую он обнаруживает при полете, привлекает каждого. Птица скользит по воздуху с невероятной быстротой, стремительно поднимается вверх или, трепеща крыльями, останавливается на известной высоте, как бы намереваясь нечаянно броситься на добычу, а затем принимает прежнее направление.

Таким образом сумеречный козодой кружится по воздуху, испуская громкие крики при каждом неожиданном обороте или стремительно опускается вниз, то снова взлетает наверх, то спять опускается, то летит над самой поверхностью воды, то взвывается над самыми высокими деревьями или вершиной горы. В пору любви полет его становится еще привлекательнее. Удивительными эволюциями, отличающимися замечательною грацией и быстротой, самец старается выразить избранной подруге свою любовь или ловкостью затмить какого-нибудь соперника. Часто он поднимается на 100 м над землей; тогда его крик становится тем громче и учащеннее, чем выше он взвывается; затем он снова стремительно бросается по косому направлению вниз с полуразвернутыми крыльями и хвостом и при этом с такой невероятной быстротой, что ожидаешь увидеть его разбившимся о землю; однако как раз вовремя, иногда всего за несколько метров от земли, он успеет распустить крылья и хвост и продолжает лететь дальше обыкновенным способом».

При этом низвержении с высоты замечается особенный шум, производимый, по мнению Гундлаха, совершенно таким же способом, как известное бляение бекаса, а именно посредством сотрясения маховых и рулевых перьев. «Иногда, — продолжает Одюбон, — когда несколько самцов гоняются за одной и той же самкой, зрелище становится чрезвычайно занимательным. Игра, однако, скоро прекращается: как только самка сделала выбор, счастливый избранник немедленно прогоняет своих противников. В ветреную погоду и при наступающей темноте сумеречный козодой летает ниже, быстрее и неправильнее, и тогда в продолжение долгого времени преследует на своем пути насекомых, высмотренных издалека. Когда совсем стемнеет, он опускается на дом или дерево и остается здесь всю ночь, издавая время от времени свои крики. Крик звучит как «претекетек». Пища его состоит главным образом из очень мелких насекомых, именно из различного рода комаров, которых он истребляет несметное количество. В этом отношении, как и по способу охоты, сумеречный козодой совершенно похож на стрижа; его переходное положение между этими последними и козодоями выражается, таким образом, не только в строении, но и в образе жизни.

Размножение происходит в последних числах мая; два серых с зеленовато-бурыми и фиолетово-серыми крапинками яйца кладутся без всякой подстилки прямо на землю. В открытых местах самка выбирает себе где-нибудь удобное местечко — в поле, на зеленом лугу, в лесу и т.п. Во время насиживания самка при опасности проявляет не только настоящее мужество, но и известную хитрость с целью отвлечь врага от любимого выводка притворной хромотой.

Птенцы выходят на свет в темно-буrom пуху и вскармливаются обоими родителями. Когда они подрастут, вся семья сидит вместе, рядом, но так тихо и неподвижно, что даже самому лучшему их другу и покровителю очень трудно бывает отличить их от одноцветной с оперением земли».

Мало-помалу и в Америке распространяется убеждение, что сумеречный козодой со своими родичами принадлежит к полезнейшим птицам, а потому несправедливо его преследовать. Если его еще преследуют, то исключительно из забавы, с целью упражняться в стрельбе влет, а не для того, чтобы воспользоваться самой убитой птицей, Одюбон удостоверяет, что мясо этого козодоя вполне съедобно; оно бывает особенно вкусно осенью, когда птица отъестся и сделается жирной; но все же охота на него вовсе не в состоянии вознаградить потраченный труд и издержки. Кроме человека этой умной и быстролетной птице вредят более ловкие соколы.

Семейство стрижи

Стрижи — маленькие птицы, но с плотным, сильным и вытянутым туловищем, короткой шей и широкой, довольно плоской головой, которая оканчивается маленьким, очень коротким, слабым, треугольным, на конце сплюснутым и несколько согнутым клювом; челюсти клюва так глубоко расщеплены, что рот может раскрываться чрезвычайно широко. Крылья узкие и изогнуты в виде сабли вследствие того, что маховые перья имеют кривизну; больших маховых перьев 10, из которых первое обыкновенно самое длинное и только у некоторых видов несколько короче второго. Малых маховых перьев бывает 7 или 8, концы у них округлены и с небольшими выемками, между тем как у больших маховых перьев концы острые. Хвост постоянно состоит из 10 рулевых перьев, но имеет различную форму: иногда длиннее, иногда короче, вырезка на конце бывает или глубокая, или небольшая. Ноги короткие, но довольно сильные; короткие пальцы оканчиваются сжатыми с боков, сильно изогнутыми и очень острыми когтями. Оперение в большинстве случаев состоит из мелких и довольно жестких перьев; оно обыкновенно одноцветное и темное, но в исключительных случаях имеет блестящий металлический цвет, как у колибри.

По мнению Нича, стрижи хотя и похожи по внешнему виду, а также по некоторым особенностям внутреннего строения на ласточек, но во многом отличаются не только от них, но и от всех других птиц.

Стрижи распространены по всему свету и живут во всех климатических поясах, за исключением холодного; встречаются также на различных высотах от морского берега до снежной линии. Они поселяются как в лесах, так и в безлесных странах, преимущественно же в горах и городах, так как скалы и стены доставляют им самые удобные места для устройства гнезд.

Стрижи более всех других птиц живут в воздухе и деятельны с раннего утра до поздней ночи; силы их, по-видимому, никогда не ослабевают, и ночной покой ограничивается лишь немногими часами. Прекрасный летательный аппарат дает им возможность без затруднения пролетать такие пространства, что если их сложить вместе, то окажутся сотни километров. По полету они отличаются от ласточек тем, что летают в высоких слоях атмосферы, а некоторые виды поднимаются до такой высоты, что совершенно ускользают от нашего взора. Их можно узнать издали: когда крылья распушены, то они похожи на серп луны и двигаются так быстро и сильно, что более напоминают порхание насекомых и колибри, чем полет других птиц. Иногда стрижи несколько минут сряду дви-

гаются в воздухе, лишь слегка поворачивая крылья и хвост и так мало изменяя положение этих летательных органов, что мы их едва замечаем; несмотря на это, они, однако, с быстротой стрелы носятся в воздухе. Стрижи мастерски умеют поворачиваться и кружиться на лету, но по красоте движений стоят далеко ниже настоящих ласточек. На земле это самые беспомощные существа: они не способны ни ходить, ни даже ползать. Зато они лазают, если не очень искусно, то по крайней мере сносно, по стенам и скалам, пролезая вверх и вниз в щели и трещины.

Их усиленная деятельность обуславливает большую потерю и соответственно этому необыкновенно сильный обмен веществ. Стрижи гораздо прожорливее ласточек и уничтожают в один день сотни тысяч насекомых, составляющих их исключительную пищу. Даже самые крупные виды этого семейства, туловище которых достигает размера тела дрозда, питаются главным образом мелкими насекомыми, носящимися высоко в воздухе и, вероятно, нам еще очень мало знакомы. Сколько нужно съесть стрижу насекомых в один день, чтобы насытиться, мы указать не можем, но смело можем предположить, что количество пищи должно быть значительное, так как привычки этих птиц ясно доказывают, что стрижи летают только для того, чтобы ловить себе добычу.

По большим глазам, лишенным ресниц, можно догадаться, что зрение у стрижей развито лучше других внешних чувств, за ним, по всей вероятности, следует слух, а о других чувствах мы сказать ничего не можем. Стрижи живут обществами, но вовсе не миролюбивы. Напротив того, это задорные и драчливые создания, часто ссорящиеся не только с себе подобными, но и с другими птицами. Их нельзя назвать ни умными, ни хитрыми: в характере их преобладает необыкновенная вспыльчивость, которая иногда даже заставляет забыть собственную безопасность.

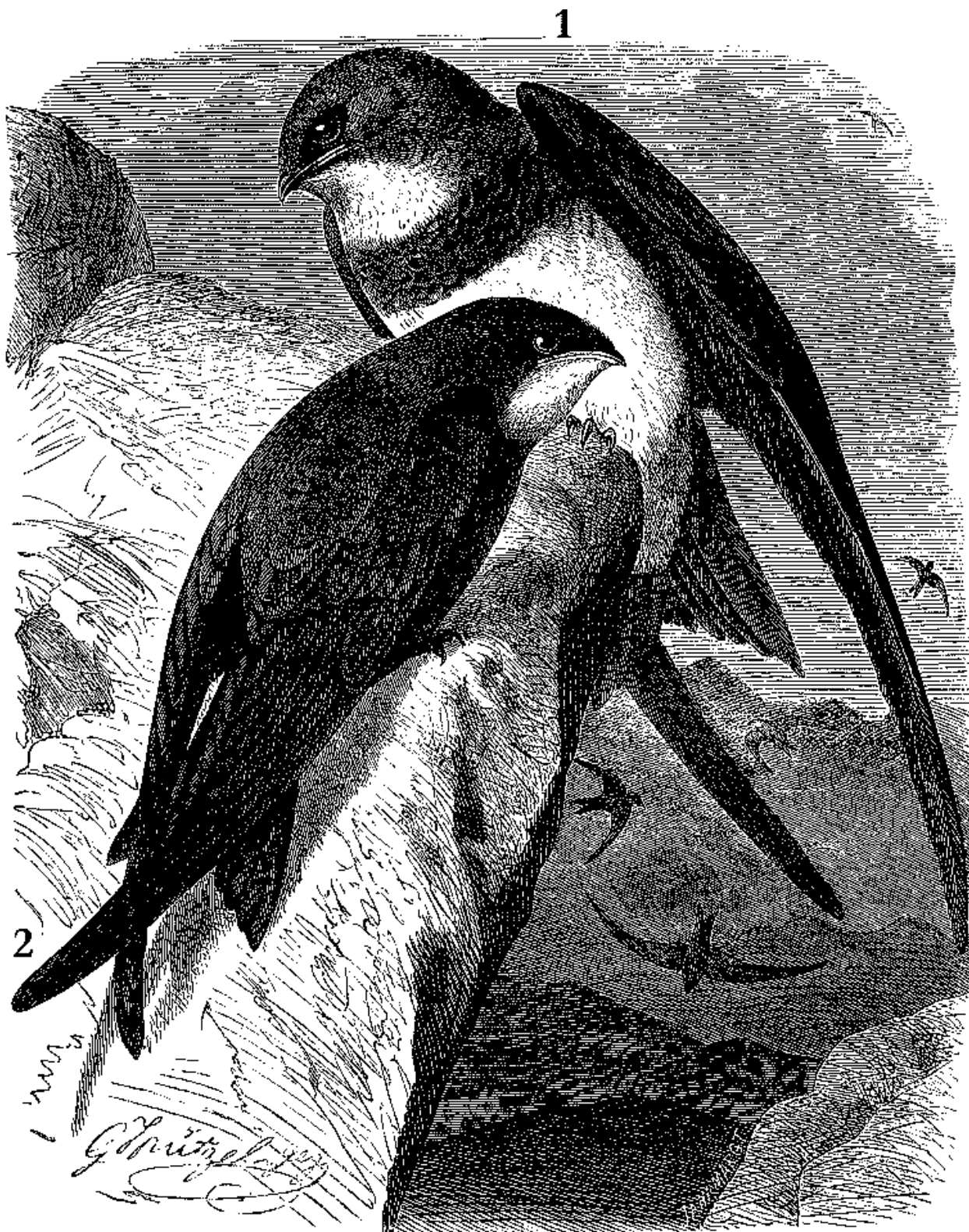
Все стрижи, живущие в умеренном поясе, принадлежат к перелетным птицам, а те, которые водятся в тропических странах, могут быть названы бродячими. Перелет их, по крайней мере у некоторых видов, совершается с большой регулярностью. Они появляются в своем отечестве почти всегда в определенный день и покидают родину также в известное время, однако срок пребывания их очень различен, смотря по видам.

Перелетные стрижи начинают строить гнезда тотчас по возвращении на родину; их пребывание продолжается так недолго, что гнездование, высидывание и воспитание птенцов занимают значительную часть этого времени. Гнезда же их отличаются от всех других птичьих построек; только немногие виды строят аккуратные гнезда, похожие на гнезда ласточек; остальные лишь сносят в углубления кучу всякого материала, нужного для постройки гнезда, который располагается совершенно неправильными слоями. Но во всех гнездах материалы скрепляются и покрываются клейкой, скоро твердеющей слюной. У некоторых видов гнездо почти исключительно состоит именно из этого материала. Кладка содержит одно или несколько светлоокрашенных яиц слегка цилиндрической формы. Насиживает одна самка, но оба родителя выкармливают детенышей. Каждая пара выводит детенышей только раз, изредка два раза в году.

И у стрижей есть враги, но число их незначительно; необыкновенно быстрый и легкий полет спасает их от многих нападений, и лишь самые быстрокрылые соколы в состоянии поймать стрижа на лету. Пока птенцы еще беспомощно лежат в гнезде, они бывают жертвой небольших лазающих хищников; человек также иногда захватывает гнезда и птенцов некоторых видов этих птиц.

Белобрюхий стриж (*Apus melba*) достигает длины 22 см, размах крыльев 55-56 см, длина крыла 20 см, хвоста — 8,5 см. Вся верхняя часть тела, стороны головы и нижние кроющие перья хвоста темного дымчато-бурого цвета. Подбородок, горло, грудь и окружность заднего прохода — белого цвета, но на верхней части груди заметна бурая полоска, которая начинается между основанием клюва и плечом и на середине груди заметно утончается. Глаза темно-карие, клюв черный, голые части ног также черные.

Центром области распространения этой птицы следует считать бассейн Средиземного моря. Отсюда она простирается, с одной стороны до берегов Португалии, Пиренейских и Альпийских гор, с другой — до Атласа и горных стран Малой Азии; на восток она распространяется через Каспийское и Аральское моря до северных Гималаев. При случае, однако, белобрюхий стриж гнездится и довольно далеко от границ этой обширной области распространения: например, по наблюдениям Гейглина, он встречается в высоких горах Абиссинии; по словам Жердона, он селится и кое-где в Индии — на скалах, отвечающих его требованиям. Но нигде в вышеназванных странах белобрюхий стриж не может считаться оседлой птицей; в северных частях это перелетная птица, а в более южных — по крайней мере, бродячая.

1 — Белобрюхий стриж (*Apus melba*); 2 — Черный стриж (*Apus apus*)

Весною он появляется на южных берегах Европы гораздо раньше своего родича, черного стрижа; в Сирию он, по наблюдениям Тристрама, прилетает уже в середине февраля; в Грецию, по Крюперу, в конце марта и, немного позднее, в Швейцарию. Если же, что случается нередко, после их возвращения становится снова холодно и несколько дней сряду бывает мороз или снег, то многие стрижи погибают.

"Никто не может уничтожить у жителей Капри, — говорит Болле, — издавна существующего убеждения, что белобрюхие стрижи не улетают, как прочие птицы, зимой за море, а зимуют в ущельях самого острова. Добрые люди эти держатся еще зоологических сведений Аристотеля. Отчего, не без хитрости спрашивают они, стрижи по целым дням ловят мух и сносят их в расщелины скал даже тогда, когда у них нет детенышей?" Белобрюхого стрижа совершенно справедливо называют альпийским стрижем, хотя в средневропейских Альпах он никогда не встречается в таком

большом количестве, как на юге, где иногда собирается несметными стаями. Гиртаннер перечисляет целый ряд скал, где эти птицы гнездятся и куда ежегодно возвращаются. На всех высоких горах Швейцарии находятся такие места, где он селится, но чаще всего птицы эти встречаются в южных частях Альп. Хотя этот стриж предпочитает всем другим местностям скалы, находящиеся у самого моря или вблизи его, он селится иногда на высоких постройках, раз освоившись с ними, и постоянно возвращается туда с настойчивостью, свойственной всем стрижам. Подобное гнездовище находится, между прочим, на некоторых церковных башнях в Берне, Фрибурге и Бургдорфе, а также на башнях в Португалии, на мечетях Константинополя и некоторых крымских монастырях, расположенных высоко в горах.

Хотя нравы и привычки белобрюхого стрижа в главных чертах сходны с нравами и привычками более знакомого нам черного стрижа, образ жизни в некоторых отношениях отличается. Существует несколько хороших его описаний, и в последнее время они значительно пополнены наблюдениями немецких, английских и итальянских натуралистов. Однако все необходимые сведения об этом стриже можно найти в описаниях Болле и Гиртаннера, у которых мы и заимствуем ниже следующее.

"Скоро после возвращения на старое гнездовище, — говорит Гиртаннер, — стриж начинает исправлять старые гнезда и строить новые. Материал для гнезда стрижи собирают на воздухе, так как на землю они почти никогда не садятся вследствие трудности снова подняться. Это былинки, сено, солома, листики и другие предметы, которые ветер поднимает с земли, а стрижи схватывают на лету. Кое-что они хватают, стремительно пролетая над поверхностью воды или земли; они также прицепляются к стенам и скалам и оттуда собирают мох и траву. Цемент, которым скрепляются материалы гнезда, стрижи не берут с земли, как родственные им ласточки, а имеют его всегда при себе: он состоит из выделения очень крупных слюнных желез полужидкой массы, по густоте похожей на насыщенный раствор гумми-арабика.

Несмотря на все мои старания, я не мог достать гнезда стрижа, взятого со скал. Все мои сведения о способе постройки гнезда этих птиц основываются на сравнении шести гнезд, взятых с соборной башни в Берне и находящихся в собрании Штелькера. Прежде всего бросается в глаза необыкновенно малая величина гнезд в сравнении с ростом птицы. Гнездо имеет вид неглубокой круглой чашки, шириной сверху от 10-12 см при 4-6 см вышины и около 3 см глубины во всех гнездах. Если эта птица помещается в таком маленьком гнезде, то оно и не может быть более глубоким, так как стрижу, при его коротких ногах и длинных крыльях, было бы очень неудобно сидеть; при малой глубине птица может, несмотря на свои длинные крылья, доставать ногами до дна гнезда. Если на гнезде сидят оба родителя или выводок даже не очень взрослых птенцов, то гнездо под ними делается совсем незаметным. Но маленькое туловище стрижа и не требует очень большого гнезда, а чтобы не вывалиться из него, как молодые, так и взрослые крепко прицепляются когтями в войлокообразное дно.

Тщательное исследование подобного гнезда показывает, что оно строится следующим образом. На выбранное место, например на балке башни, в углублении стены или скалы, наносится различный материал, состоящий из соломы, сухой травы, листьев и т.д., располагается в виде круга или в беспорядке и так крепко приклеивается слюною к основанию, что при снятии гнезда приходится нередко отрывать щепки от гнилой балки. Нижний край гнезда сплетается плотнее и из более крупных соломинок и крепко приклеивается к нижнему слою; при этом птице часто приходится, приспособляясь к форме углубления, отказаться от постройки совершенно круглого гнезда. Если стенка гнезда сойдется со стеной углубления или расщелины, то она и к ней крепко приклеивается.

Виденные мною гнезда построены почти исключительно из очень плотной войлокообразной массы, состоящей из травы, оболочек от почек различных растений и перьев самих стрижей; кусочки бумаги и корешки встречаются очень редко. Верхний край сплетается плотно из стебельков травы и перьев, ему придается по возможности округленная форма и только в крайнем случае полукруглая или угловатая. Внутренность гнезда не заключает в себе никакой особой подстилки. Там, где в материале гнезда остаются промежутки, птица всовывает согнутое перо и приклеивает его слюной. Слюна употребляется главным образом при прикреплении гнезда к основанию, при постройке верхнего края и нижнего слоя, а также для смазки всего углубления. Таким образом верхний край приобретает, как, впрочем, и все гнездо, большую твердость и делается даже глянцевитым, так как слюна на воздухе очень быстро твердеет».

Кладка начинается обыкновенно в начале июня, часто ранее, чем гнездо вполне закончено; яйца кладутся через два дня по одному, пока их не наберется 3-4*. Яйца, по словам Гиртаннера, молочно-белого цвета, без глянца, и похожи на гипсовые, даже на ощупь; скорлупа состоит из не

очень мелкозернистой массы. На толстом конце яйца заметны довольно большие известковые желваки, а вся поверхность покрыта видимыми простым глазом порами. Форма яйца бывает различна, от вытянутой и постепенно суживающейся к концу до довольно широко овальной. Длина 10 яиц, которые Гиртаннер выбрал из 40 штук, колеблется между 29 и 33 мм, а ширина между 19 и 22 мм. Белоброхий стриж точно так же, как и черный, выводит птенцов лишь один раз в году.

** Бывает, что кладки белоброхих стрижей содержат всего по 1—2 яйца.*

Вероятно, ни один наблюдатель, который знакомился с белоброхим стрижем, живущим на свободе, не может отрицать глубокого впечатления, которое эта птица производит на всякого нового человека. Впечатление это в сильной степени увеличивается великолепием и красотой природы тех мест, где живут эти гордые и сильные обитатели воздуха.

Мне случилось видеть белоброхих стрижей в такой величественной местности, какую себе можно представить: на вершине горы Монсеррат в Каталонии. Эта гора возвышается на 1500 м над окружающей равниной, состоит из многих тысяч скалистых конусов, которые нагромождены друг на друга и оканчиваются стоящими один подле другого огромными обелисками. Между ними находятся глубокие ущелья, образующие страшные пропасти, а вокруг простирается широкая богатая равнина. На севере виднеются снежные вершины Пиренеев, которые блестят и сверкают при вечернем освещении; на востоке взор видит темно-голубое Средиземное море, где вдали поднимаются Балеарские острова, полузакрытые легким туманом; во все другие стороны глазам представляются лишь разорванные горные ущелья и цепи возвышенностей. На одном из только что названных обелисков белоброхия стрижи устроили себе гнездовище и дозволили черным стрижам устроиться тут же поблизости.

Никто из нашего маленького общества охотников, которые отправились в горы для наблюдения за птицами и собирания коллекций, не мог противостоять искушению пострелять по этим стрижам, которые поселились на «коне Святого Фердинанда», как называет народ эту столпообразную скалу. Гнезда стрижей находятся на верхушке скалы, высоко над отвесно спускающейся стеной ущелья. Я приблизился к этому месту по узкой выдающейся скале, которая была соединена с другими горами как полуостров на море или угловая башня гигантского замка, чтобы оттуда удобнее приблизиться к осторожным птицам. Когда я взглянул на страшную пропасть, зияющую под моими ногами, то увидел, что она простирается далеко вниз, до самой подошвы скал, где в долине шумит быстрая речка Льобрегат. Несмотря на то, что я не подвержен головокружениям, все же я не осмелился взглянуть по другую сторону узкой тропинки, на которой находился: мне стало страшно. Брошенный камень очень долго летел до дна пропасти; звук от удара о скалы долетал до нас лишь по прошествии девяти секунд. Очень много стрижей целыми рядами носились в узком ущелье, отделяющем нашу скалу от прочей массы гор, и только на глубине этого ущелья мы могли находить убитую нами добычу. Но мне не удалось застрелить ни одной из этих птиц: огромные массы расположенных кругом меня скал так обманывали глаз, что он терял всякое понятие о расстоянии. После нескольких неудачных выстрелов я уселся на камень, положил ружье у своих ног и довольствовался тем, что следил глазами за чудными птицами.

Когда видишь высоко летающего над собой стрижа, то полет его невольно сравниваешь с полетом сокола: он долго парит, не двигая крыльями. Затем следует несколько быстрых ударов крыльями, между которыми он внезапно падает вниз, отвесно или спускаясь дугой. Часто от большого общества, которое то рассеивается, то снова собирается, отделяется парочка и, играя, высоко подымается в воздух. Стрижи находятся в постоянном движении до вечерних сумерек, а затем меняют свое местопребывание и занятие. Вечером над всеми обработанными местностями, которые расположены не очень далеко от моря, особенно над виноградниками и плодовыми садами, стрижи летают тихо, плавно и низко, точно ласточки; каждая птица держится отдельно и не заигрывает с товарищами, а занимается ловлей насекомых. Особенно усердно занимаются они этим делом при закате солнца, что доказывает предпочтение к ночным насекомым.

В этом отношении белоброхий стриж резко отличается от черного, который именно вечером чаще всего собирается большими и крикливыми стаями.

В высшей степени интересно не только первое впечатление, но и наблюдение над ежедневной жизнью и движениями белоброхого стрижа. «Окрестности старой башни, — так описывает Гиртаннер, — или горной цепи необыкновенно оживляются этими птицами, которые, хотя живут обществами, но очень дики, любят ссориться и находятся в постоянном движении. Даже в течение целой ночи в углублениях, служащих для помещения гнезд стрижей, постоянно слышатся шум и ссоры, так что трудно представить себе, когда эти птицы пользуются ночным покоем для сна; утром же, когда взойдет солнце, шум еще усиливается. Лишь только сумерки слабо осветят темные щели

скал, как жители их уже просыпаются и готовятся к отлету. Они с трудом ползут к отверстию пещеры или щели, прижимая грудь к земле и усердно помогая себе крыльями, но как только добредут до выхода, то все трудности преодолены. Распустивши свои неутомимые крылья, они бросаются в глубину с резким криком, который от времени до времени переходит в громкую трель, и целые стаи этих таинственных созданий носятся над спящим еще городом или темным, безмолвным ущельем.

Стая стрижей поднимается в воздухе до такой высоты, что делается незаметной для невооруженного глаза, словно внезапно исчезает из той местности, где находятся гнезда. Но вот птицы стали снова заметны: высоко над нашими головами белеют их снежно-белые брюшки и блестящие крылья, точно снежные хлопья при солнечном свете. Вдруг они появляются около своих гнездовищ на скале и кружатся там, играя и перегоняя друг друга. Таким образом проводят стрижи все утро, если только погода хорошая, и главная цель их полета, конечно, состоит в ловле насекомых. Когда наступает полуденный жар, стаи стрижей прячутся в щели и предаются покою, так как сильную жару они плохо переносят и это время охотнее всего проводят в своих прохладных убежищах. Стрижи, очевидно, тогда спят, по крайней мере они не издают никакого звука и оживляются снова только вечером.

В пасмурную и дождливую погоду шумливые стрижи охотнее всего сидели бы дома, но добывание пищи заставляет их совершать полеты. В этом случае стрижи летают молча, поодиночке, усердно преследуя насекомых над лугами или пролетая над ручьем, где легко схватить стрекоз; тогда гордого жителя горных ущелий почти нельзя узнать, так молчаливо летает он по долине, чтобы наскоро утолить свой голод. Когда в Альпах наступает холодная погода или разражается гроза, стриж показывается в долине. После долгой засухи стрижи очень рады теплоте дождю; они пьют и купаются на лету, кружатся над своими гнездовищами и всячески поворачиваются на воздухе, чтобы дождь смыл с них докучливых паразитов; даже сидящие на яйцах стрижи не могут отказать себе в этом удовольствии.

Подобная беззаботная жизнь продолжается до тех пор, пока не кончилась кладка яиц, насиживание которых уничтожает безграничную свободу стрижей. Но когда птенцы вылупились, вся деятельность родителей направлена на добывание для них необходимой пищи. Птицы неутомимо носятся по воздуху, широко раскрыв свою пасть, и бросаются на всякое насекомое, которое им попадает на пути. Скоро много мелких насекомых прилепляются к липкому небу птицы, так что во рту образуется большой комок. Тогда стриж летит к гнезду и запикивает пищу глубоко в пасти голодных птенцов. Кормление детенышей продолжается от 7 до 8 недель, так как птенцы вылетают, лишь когда могут без предварительных летательных упражнений прямо броситься в глубину и сразу носиться по воздуху. Яйца насиживаются попеременно обоими родителями, и птенцы вылупляются через три недели после того, как положено последнее яйцо. Они при рождении уже вполне покрыты серым пухом, как молодые хищные птицы. Выращивание птенцов подвигается довольно медленно, вероятно, вследствие трудности доставления им достаточного количества пищи. Птенцы оставляют гнездо гораздо ранее первого вылета; они привешиваются к стенам углубления или пещеры, где расположено гнездо, и остаются в этом положении по целым часам; здесь их кормят родители. Вылетают они из гнезда лишь в конце, редко в середине мая и очень скоро достигают такой же ловкости полета, как и взрослые. Это им необходимо, так как приближается время отлета на юг».

Белобрюхий стриж под защитой недоступности своих гнездовищ и вследствие очень высокого и быстрого полета живет обыкновенно в полной безопасности. Стаи их страдают лишь от холода и голода. Как и черные стрижи, белобрюхие сильно дерутся между собой, и один противник так сильно вцепляется когтями в другого, что оба часто падают на землю, где обыкновенно и погибают.

В Швейцарии никто не преследует стрижей, если только они не нужны для естественнo-исторических целей; в Италии же и Греции еще до сих пор, как во времена Геснера, стрижей ловят на удочку на лету. «Мальчик лежит на верхушке крутой скалы или на высокой крыше, — рассказывает Болле, — и по возможности прячется. Он держит в руках длинный прут, к концу которого привязана длинная голубая нитка, а на конце ее между перышками и ватой спрятан небольшой крючок; он качается на воздухе между другими нарочно бросаемыми перышками. Хватая перо для постройки гнезда, стриж попадает на удочку и таким образом ловится».

В Португалии поступают, как мне сообщает Рей, совершенно таким же образом. В Греции, по словам фон дер Мюле, протягивают бечевку между двумя высокими предметами и к ней привязывают лошадиные волосы и пух с маленькими крючками; птицы, собирающие материал для гнезда, таким образом попадают на крючки. Охотники становятся также на верхушке скалы, где сильно дует ветер, и стреляют в мимо летящих стрижей, чтобы продавать их на рынке. Кроме подобной,

если можно так выразиться, мальчишеской охоты, белобрюхий стриж погибает иногда в когтях некоторых соколов. На острове Капри сапсан (*Falco peregrinus*) живет в ближайшем соседстве со стрижами, и Болле думает, что едва ли он преследует их; однако быстро летающий хищник наверно их ловит, что подтверждается многими наблюдениями. Кроме того, стрижа беспокоят еще всевозможные паразиты, от которых он страдает главным образом во время насиживания яиц.

Выше мы уже упоминали о ближайшем родиче белобрюхого стрижа **черном стриже** (*Arus arus*), который достигает 18 см длины при 40 см размаха крыльев; длина крыла 17 см, хвоста 8 см. Оперение у него однообразного дымчато-темно-бурого цвета с зеленоватым металлическим отливом, который всего заметнее на нижних кроющих перьях шеи и на плечах. Подбородок и горло украшены округленным белым пятном; глаза темно-бурого цвета, клюв черный, ноги светло-бурые. Оба пола по оперению друг от друга не отличаются, а птенцы несколько светлее, и перья у них имеют очень узкие грязно-белые каемки на концах.

Черный стриж с начала мая до августа летает с громким криком по улицам городов средней Европы и кружится там около верхушек старых колоколен. Птица эта имеет большую область распространения: я находил ее во всех странах Европы, которые мне случилось посетить, от башни Дронтгеймского собора до башен зданий в городе Малаге. Другие наблюдатели видали ее в большей части северной и средней Азии. В некоторых частях Персии этот стриж встречается как обыкновенная летняя птица и в большом количестве гнездится в известных местах, например, в окрестностях Шираза. Зимой он живет в Африке и южной Индии, причем пролетает через всю Африку с севера до юга.

Черный стриж первоначально был, вероятно, исключительно обитателем скал, но с течением времени он привык к постройкам человека и теперь живет повсюду в городах и деревнях. Сначала он селился только в высоких старых постройках, особенно на башнях, но когда в этих местах не стало хватать впадин и щелей, птица была принуждена искать для гнезд естественные и искусственные углубления в деревьях и таким образом сделалась обитательницей лесов. Стриж принадлежит к числу тех, вовсе не малочисленных птиц, количество которых в средней Европе постоянно увеличивается, и потому во многих местах он теперь страдает от недостатка мест для гнездования. Там, где он может найти удобные для жительства скалы, гнездится он охотно и поднимается на горах до высоты около 2000 м над поверхностью моря.

Черного стрижа узнает даже человек, мало знакомый с естественными науками. Его движения, полет и привычки резко отличаются от полета ласточек. Как и его родичи, это в высшей степени живая, беспокойная птица, которая постоянно находится в движении. Воздух следует считать его царством, там проводит он, можно сказать, всю свою жизнь. С самого начала утренней зари до вечерних сумерек он летает по воздуху большими кругами, большую часть очень высоко, и спускается ближе к земле только вечером и в дождливую погоду.

Никакая другая живущая в Германии птица не превосходит в полете черного стрижа. Птица эта замечательна как по силе и ловкости полета, так и по неутомимости. Хотя стриж не может так красиво и быстро поворачиваться на лету, как ласточки, зато он носится по воздуху с удивительной быстротой. Его узкие серпообразные крылья двигаются так сильно и скоро, что очертание летающей птицы делается не очень ясным. Иногда стриж внезапно распускает крылья и парит, почти не двигая ими. Полет этот кажется столь величественным и удивительным, что при этом забываешь все не совсем приятные качества этой птицы и любишь ее неутомимым летуном. Он принимает во время полета всевозможные положения: одинаково ловко поднимается вверх и вниз, поворачивается, легко описывает крутые и очень пологие дуги, то почти касается воды своими перьями, то в одно мгновение исчезает на невообразимой высоте.

Стриж петь не умеет, а только кричит; голос у него резкий, громкий и может быть передан слогами «спи-спи» или «кри-кри». При каком-либо возбуждении крик его раздается так часто и громко, что может надоесть, а когда многочисленная стая носится по улицам, то они иной раз шумят самым немилосердным образом. Во время сна в своих гнездовищах щебечут как взрослые, так и птенцы.

Черный стриж питается очень мелкими насекомыми, но какими, трудно узнать, так как у убитой птицы можно найти лишь полупереваренную или по крайней мере сильно раздавленную пищу. Во всяком случае, можно смело утверждать, что насекомые, которыми питаются стрижи, по большей части летают очень высоко и лишь в совершенно ясную погоду. Этим можно объяснить поздний прилет стрижей и то, что они появляются и проживают в разных местностях в различное время. Нам известно, что стриж, как и его родичи, ловит всякого рода летающих насекомых, например слепней, жуков, маленьких бабочек, комаров, мошек и стрекоз; остатки этих насекомых на-

ходят в выплевываемых ими погадках. Купается он, по всей вероятности, только на воздухе, во время дождя, так как никогда не окунается в воду, как это делают ласточки. Его неутомимую деятельность следует приписать исключительно постоянному голоду, однако в крайнем случае он может удивительно долго поститься.

Все виды стрижей имеют мало врагов. За ним гоняется разве что чеглок (*Falco subbuteo*), так как другим хищным птицам трудно поймать столь быстрокрылую и никогда не садящуюся на открытых местах птицу. Во время его зимних странствований ему угрожают другие виды соколов. К детенышам иногда забираются сони и другие лазающие грызуны, но, вероятно, в том случае, когда гнездо находится в скворечниках или дуплах деревьев. На юге Европы эта полезная птица подвергается самым незаслуженным преследованиям. Сави говорит, что мясо молодых стрижей там считается очень вкусным, и потому гнезда во многих местах разыскиваются. Чтобы добыть себе это лакомство, жители часто устраивают для стрижей места гнездования на высоких башнях и стенах, притом так, чтобы люди могли легко добираться до гнезд изнутри. Перед тем, как птенцы вылетят, их вынимают из гнезд, оставляя в каждом только по одному, а затем жарят и съедают.

Саланганами называют стрижей, которые уже несколько столетий назад были известны своими съедобными гнездами, но с которыми и поныне натуралисты еще очень мало знакомы. Их признаками можно считать очень малую величину, короткий, сильно крючковатый клюв и слабые ноги с обращенным назад четвертым пальцем; крылья довольно длинные, второе маховое перо самое большое, хвост средней величины, на конце тупой или слегка вырезан. Оперение довольно жесткое и окрашено очень просто.

Наиболее известна **серая салангана** (*Callocalia vanicorensis*). По размеру эта птица не больше нашей береговой ласточки: длина ее 13 см, размах крыльев 30, длина крыла 12, хвоста 6 см. Верхняя часть тела имеет дымчато-черно-бурый цвет с металлическим отливом, нижняя часть дымчато-серо-бурого цвета. Рулевые перья сверху несколько темнее и однообразно черные, хвост на конце слабо вырезан; глаза темно-бурые, клюв и ноги черные.

Прежде думали, что салангана живет только на Зондских островах, потом узнали, что она встречается и в горах Ассамы, в Нильгирийских горах, в восточной части Индии, в Сиккиме, Ассаме, вдоль восточного берега Бенгальского залива, в Сиаме, Кохинхине, на Цейлоне. Никобарских и Андаманских островах*. Об этом виде много писали и сочиняли. «На берегах Китая, — писал когда-то Бонциус, — ко времени высиживания яиц прилетают из внутренности страны к приморским скалам маленькие птички из породы ласточек и собирают в морском иле у подошвы скал липкое вещество, может быть, китовую амбру или рыбью икру, и из этого вещества строят свои гнезда. Китайцы отрывают эти гнезда от скал и в большом количестве привозят в Индию, где за них платят большие деньги, варят в курином или бараньем бульоне, и в таком виде гастрономы считают это кушанье лучше всех других».

* *Серая салангана живет на о-ве Калимантан, полуостровах Малакка и Индокитай, на территории Индийского субконтинента и прилегающих о-вах она не встречается. В этих регионах живут другие виды рода саланган: в Гималаях и Бангладеш гималайская салангана (*Callocalia brevirostris*), на Андаманских и Никобарских о-вах — белобрюхая салангана (*Callocalia esculenta*) и салангана-водорослед (*Callocalia fucifaga*). Гнезда последней также широко используют в пищу. Всего определено 13 видов саланган, гнезда только некоторых из них сделаны исключительно из слюны и употребляются в пищу.*

Это мнение почти без изменения сохранилось и до нашего времени: почти все путешественники полагают, что материал для съедобных гнезд получается из моря или его произведений. Кемпфер утверждает, со слов китайских рыбаков, что съедобные гнезда не что иное, как особо «приготовленное» ласточками мясо большой каракатицы. Румф описывает маленькое, полупрозрачное, мягкое, хрящеватое растение, которое очень гладко и слизисто, окрашено в белый и красный цвет и липкое, как клей; оно растет на берегу моря на небольших камнях и пустых раковинах; ему говорили, что это растение и служит материалом для постройки гнезд саланганы, но он сомневается в справедливости этого и считает более вероятным, что салангана выделяет материал для гнезда из своего собственного тела.

Пуавр уверял в свое время Бюффона, что между Явой и Кохинхиной, а также между Суматрой и Новой Гвинеей поверхность моря бывает покрыта веществом, похожим на размягченный клей, и что вышеупомянутые ласточки собирают этот материал для своих гнезд. Рэффлс подтверждает мнение Румфа и считает материал для гнезд выделением птицы, которое выплевывается с таким усилием, что к нему иногда примешивается кровь. Марсен исследовал материал, из которого состоят гнезда саланганы, и нашел, что он представляет нечто среднее между желатином и белком.

Он долго не распускается в горячей воде и разбухает в ней только через несколько часов, а при высыхании снова делается твердым, но хрупким, так как некоторое количество студенистого вещества остается в воде. О других мнениях не стоит распространяться, они основаны большей частью на предположениях, не имеющих большого значения. Подробные исследования Бехштейна объяснили нам в точности, из какого вещества состоят съедобные гнезда саланганы.

"Не следует удивляться, — считает этот исследователь, — что у нас образовалось так много различных взглядов на вещество, из которого состоят съедобные гнезда саланганы, потому что вряд ли можно было надеяться напасть на путь истины, относясь с полным доверием к сведениям, сообщаемым невежественными и суеверными туземцами, или делая слишком поспешные заключения из внешнего сходства этих гнезд с совершенно другими веществами. Достигнуть цели можно было только путем собственных беспристрастных наблюдений над птицами на местах гнездования. Однако это сопряжено со значительными затруднениями, так как они гнездятся в темных, малодоступных пещерах, в которых часто с трудом можно различить ближайшие предметы, а тем более трудно наблюдать чрезвычайно подвижных птиц. Впрочем, это относится к серой салангане. Гораздо легче наблюдать другой вид, который водится на Яве и называется кузаппи. Эти птицы выют гнезда в более доступных местах или в передних светлых частях пещер, заселенных также саланганями, или даже на совсем открытых местах, нависших скалах и т.п. Мне посчастливилось наблюдать их несколько раз во время устройства гнезда, между тем как с саланганями, по вышеприведенным причинам, это удавалось гораздо реже и не так основательно.

Серая салангана (*Calloccia vanicorensis*)

Съедобные гнезда давно известны по внешнему виду, и многие древнейшие писатели давали нам их точное описание. В общем они имеют вид четверти яичной скорлупы, если представить себе ее разрезанную на четыре равные части по длине.

Сверху они открыты, а скала, на которой они прикреплены, образует заднюю стенку гнезда. Само гнездо чрезвычайно тонко, но его верхний, свободный край расширяется сзади, там, где прикасается к скале, и образует с обеих сторон крылообразные придатки различной толщины, которые, соединяясь с камнем широким плоским основанием, образуют главную опору для гнезда. Последнее, при тонкости стенок, состоит из прозрачного, беловатого или коричневатого клееобразного вещества, в котором можно ясно различить поперечную штриховку даже после поверхностного наблюдения. Поперечные полоски идут волнообразно, более или менее в одном направлении, и явно образовались от постепенного наложения вещества гнезда. Только по ним можно судить о постепенном нарастании гнезда.

Темные, коричневатые, более дешевые в торговле гнезда считают старыми, в которых были высижены и выращены птенцы, а белые, более дорогие, — вновь устроенными. Некоторые припи-

сывают их двум различным видам птиц; я не берусь решить этого вопроса, потому что не мог достать птицы, пойманной на коричневом гнезде. Однако многочисленные переходы от совсем коричневых к совершенно белым гнездам, а также их вполне одинаковое строение говорят в пользу того мнения, что это гнезда одного и того же вида. У некоторых гнезд можно заметить на внутренней стороне ячеистое или сетчатое строение, что, по всей вероятности, происходит от утолщения и стягивания первоначально влажного вещества гнезда при высыхании его. Наконец, как случайная примесь к веществу гнезда кое-где попадаются отдельные маленькие перышки.

В это гнездо без всякой подстилки птица кладет два, иногда три белых, блестящих, продолговатых, заостренных яйца. В длину они достигают 20 мм, в ширину 14 мм.

Гнездо кузаппи по внешнему виду совершенно походит на гнездо саланганы. Существенно оно отличается тем, что состоит преимущественно из стебельков растений и подобных предметов, а упомянутая своеобразная клееподобная или роговидная масса служит только для того, чтобы соединять и прикреплять гнездо к скале. Наибольшее количество этого вещества находится в задней части гнезда, особенно на тех боковых его выступах, о которых было сказано выше. Впрочем, эти последние встречаются реже, чем у гнезд другого яванского вида, а иногда совершенно отсутствуют, если остальной строительный материал настолько крепок, что не нуждается в поддержке. У меня есть значительное число таких гнезд, которые были найдены на чердаке под самой крышей одного из публичных зданий в Батавии. Они все сделаны из тоненьких, очень гибких цветочных стебельков, лошадиных волос и отдельных травинок, которые лежат друг на друге почти в одном направлении, не переплетаясь между собой, как в гнездах других птиц. Для того, чтобы скрепить все эти материалы, птице понадобилась все та же клееобразная или роговидная масса, которой и покрыто все гнездо, особенно у задней своей части. Три других гнезда я нашел под нависшей скалой. Они были сделаны из других растительных веществ, которые легко скреплялись и переплетались между собой. Поэтому здесь птица употребляла малое количество клейкого вещества; оно было главным образом у задней части гнезда: им было прикреплено гнездо к скале, и растительные материалы были также покрыты тонким слоем клея».

Бехштейн обращает внимание на поразительное развитие слюнных желез, именно подъязычных, и высказывает предположение, что именно они выделяют цемент гнезда. Кроме того, он убедился в том, что эти железы только во время вывода детенышей разбухают и образуют два больших желвака, а во время кладки яиц опять опадают и делаются меньше, чем у других птиц. «Железы отделяют в изобилии густую, тягучую жидкость, которая скопляется в передней части рта, вблизи выводных протоков желез, под языком. Жидкость, собственно, слюна, очень походит на насыщенный раствор аравийской камеди и, подобно ему, так тягуча, что ее можно вытягивать изо рта довольно длинными нитями. Если прикрепить конец нити к палочке и медленно вращать последнюю вокруг своей оси, можно вытащить изо рта и даже из выходных протоков желез всю накопившуюся там слюну.

Она очень скоро сохнет на воздухе и тогда ничем не отличается от того своеобразного вещества, из которого состоят гнезда. Совершенно сходной с ним является эта слюна и под увеличительным стеклом. Листы бумаги она склеивает, как аравийская камедь. Травинки тоже можно намазать ею и склеить.

Я часто наблюдал, как птицы, приступая к постройке гнезда, летают несколько раз на выбранное место и кончиком языка прикрепляют слюну к камню. Они повторяют это 10-20 раз сряду и в промежутках не улетают дальше нескольких метров. Из этого следует, что они имеют при себе заранее собранный материал для постройки, а не приносят его каждый раз. Таким образом они описывают на избранном месте полукруг в форме подковы. Густая масса быстро сохнет и образует прочное основание для строящегося гнезда. Затем кузаппи пользуется, как было сказано выше, различными растительными веществами, которые она покрывает и скрепляет своей слюной, а салангана продолжает постройку только из одной слюны. По мере того как постройка гнезда подвигается вперед, птица прицепляется к нему и ворочает головку то в ту, то в другую сторону, чтобы прикрепить слюну на край отвердевшей части гнезда; отсюда и происходят вышеупомянутые волнообразные полосы. При этом легко может случиться, что к слюне, не успевшей высохнуть, прилипают отдельные перышки и являются случайною примесью к строительному материалу гнезда. Вероятно, раздражение, причиняемое распухшими железами, заставляет птиц нажимать их, чтобы выдавить оттуда содержимое. При трении птица легко может поранить себя и вызвать несколько капель крови: этому обстоятельству обязаны своим происхождением незначительные следы крови, замечаемые иногда на гнездах. Впрочем, я должен еще заметить, что выделение слюны, как и во многих других железах, стоит в прямом отношении к количеству принимаемой пищи. Когда я не-

сколько дней подряд хорошо кормил своих птиц, они выделяли слюну в большом количестве, и, наоборот, выделение делалось ничтожным, если они голодали несколько часов. Это подтверждают все другие наблюдения, особенно же то обстоятельство, что иногда птицы строят свои гнезда скорее и лучше, чем в другое время. В первом случае животные имели, по всей вероятности, избыток в пище, во втором — недостаток».

К таким наблюдениям добавлений не требуется. Теперь мы в точности знаем, какое вещество едят гастрономы, лакомясь знаменитыми индийскими гнездами.

О жизни самой саланганы мы не имеем стольких подробностей. Самым обстоятельным описанием мы обязаны Юнгхуну; но он изображает нам не собственно птицу, а скорее места ее пребывания.

Салангана водится во многих местах на острове Ява. Поселения птиц во внутренних областях острова находятся в известковых горах Преангского регентства, на высоте 600-800 м, приблизительно на одинаковом расстоянии от северного и южного берегов. Здесь населены саланганями шесть пещер, а около Каранг-Болонг девять. У пещеры Геда высота обрывистого берега достигает 25 м от уровня моря во время отлива; береговые скалы образуют небольшую бухту, а на высоте 8 м над морем находится выступ, до которого с края берега отвесно спускается лестница из ротанга (испанского тростника). Эта лестница состоит из двух боковых тростниковых канатов, связанных друг с другом на расстоянии 50 м поперечными деревянными перекладинами. Верхняя стенка входа в пещеру лежит, однако, только на 3 м выше уровня моря; вода даже во время отлива.

покрывает пол пещеры, а во время прилива вход в пещеру каждый раз закрывается набегающей волной. Собиратели гнезд поэтому могут проникать во внутренность пещеры только во время отлива и то при очень спокойной и низкой воде. Но и тогда это было бы невозможно, если бы скала, образующая свод пещеры, не была пробуравлена и пробита множеством отверстий. В этих выбоинах на выдающихся уступах укрепляется самый сильный и отважный собиратель гнезд, который первым спускается в пещеру; он привязывает к этим уступам канаты, которые спускаются с потолка на 1,5-2 м. К их концам прикрепляются другие длинные тростниковые канаты, которые висят под потолком почти в горизонтальном положении, и, то поднимаясь, то спускаясь, образуют фестоны, тянущиеся через всю пещеру, шириною в 50 м, точно висячий мост. Пещера Дахар имеет в ширину 15 м, а в длину 150 м. Ее вход лежит только на 4 м над поверхностью моря.

Прежде чем вывесить лестницы для собирания гнезд и спуститься в ужасное соседство пенящегося моря, возносят торжественную молитву богине, которая называется по-разному в различных частях острова; однако это все та же богиня Дурга, супруга бога Шивы, служащая в глазах яванцев символом производительной силы, плодородия и неисчерпаемого изобилия природы. Почитание этой богини и обращение к ней остались еще у нынешних яванцев, хоть они исповедуют ислам.

По уверениям собирателей гнезд, в Бандонгских пещерах птицы выводят птенцов четыре раза в год, и во время вывода половина их остается постоянно в пещере. Самец и самка высиживают яйца сообща, сменяя друг друга через каждые шесть часов, и все пары занимаются этим одновременно, так что разница между временем высиживания яиц различными парами не бывает более 10 дней. Саланганы никогда не пользуются два раза одним и тем же гнездом, а для каждой кладки яиц строят себе новое гнездо, хотя они должны работать над ним целый месяц. Старое гнездо делается вонючим и отпадает.

Собирают гнезда три или четыре раза в году; в Бандонгских пещерах первый раз в апреле или мае, второй раз в июле или августе, третий раз в ноябре или декабре. При начале сбора птенцы вылетели только из половины гнезд. В другой половине находят часть неоперившихся птенцов, частью яйца. Первых едят, вторые выбрасывают; т.е. половина вывода погибает при каждом сборе гнезд; несмотря на это, число саланган не уменьшается, но и не увеличивается там, где собирают гнезда только три раза в году и таким образом оставляют лишь один выводок. В Бандонгских пещерах первый сбор считается худшим, второй — самым лучшим, а третий — довольно хорошим. Сбор начинается, когда в большинстве гнезд у птенцов появились уже стрежни перьев. До этого времени, которое называется временем созревания гнезд, несколько собирателей гнезд отправляются в пещеры каждый день, чтобы узнать, в каком состоянии находятся гнезда и их содержимое. Те гнезда, в которых сидят птенцы с едва пробивающимися перьями, считаются лучшими и составляют товар первого сорта, гнезда с совсем голыми птенцами составляют второй сорт и, наконец, гнезда с яйцами — третий сорт. Гнезда с оперившимися птенцами черны и не годятся к употреблению.

Шесть Бандонгских пещер доставляют каждый раз 3380 гнезд, так что в них живет по крайней мере 6760 птиц. Число гнезд, собираемых в Каранг-Болонге, доходит до 500000, а если

разделить это на три сбора, то окажется, что в пещере Каранг-Болонг должно жить более 33000 саланган. Эти сведения Юнгхун почерпнул в 1847 году из сообщений различных собирателей гнезд, особенно же из отчетов надзирателя пещер Каранг-Болонг. Собиратели гнезд образуют здесь как бы касту, занятие которой передается по наследству, от отца к сыну.

Гнезда саланганы собирают и в других местах, собственно, на всем Индонезийском архипелаге.

Все вышеизложенное дополняется в некотором отношении сообщениями Аберкромби, который в 1885 году посетил пещеры на холме Гомантон, на острове Борнео (Калимантан). На Гомантоне саланганы вместе с летучими мышами живут в двух пещерах, лежащих одна над другой, из которых нижняя образует помещение в 130 м, а верхняя от 200-300 м вышиной. Здесь гнезда собираются тем же способом, даже на самой головокружительной высоте потолка.

Семейство хохлатые стрижи

Птицы этого семейства живут в Восточной Индии и на расположенных около нее островах, в Австралии и Африке. Они отличаются удлиненным туловищем, коротким клювом, очень длинными крыльями, в которых два первых маховых пера одинаковой длины, вилообразным хвостом, ногами, устроенными так, как ноги ласточки, и, наконец, хохлом на голове.

Один из видов называется по его крику **клекхо, или хохлатый древесный стриж** (*Нemiprosne longipennis*); длина его 18 см, длина крыла 15, хвоста 8 см. Образованный из широких перьев приподнятый хохолок на передней части головы, темя, нижние покровные перья шеи, плечи и покровные перья крыльев темно-черновато-зеленые со слабым металлическим отливом; концы перьев крыла имеют стальной отлив; надхвостье и верхние кроющие перья хвоста светло-серые, маховые и кроющие перья больших маховых перьев черные с синеватым отливом, а задние маховые и кроющие перья крыла имеют зеленый металлический блеск. Ушная область украшена темным ржаво-красным пятном; подбородок, горло, зоб, шея и стороны туловища серого цвета; нижние кроющие перья крыла черновато-зеленые; рулевые перья, образующие глубокую развилину, черного цвета у основания с зеленым, а у конца с синеватым отливом. Глаза темно-карие, клюв черный, ноги серые. У самки нет красного пятна около уха.

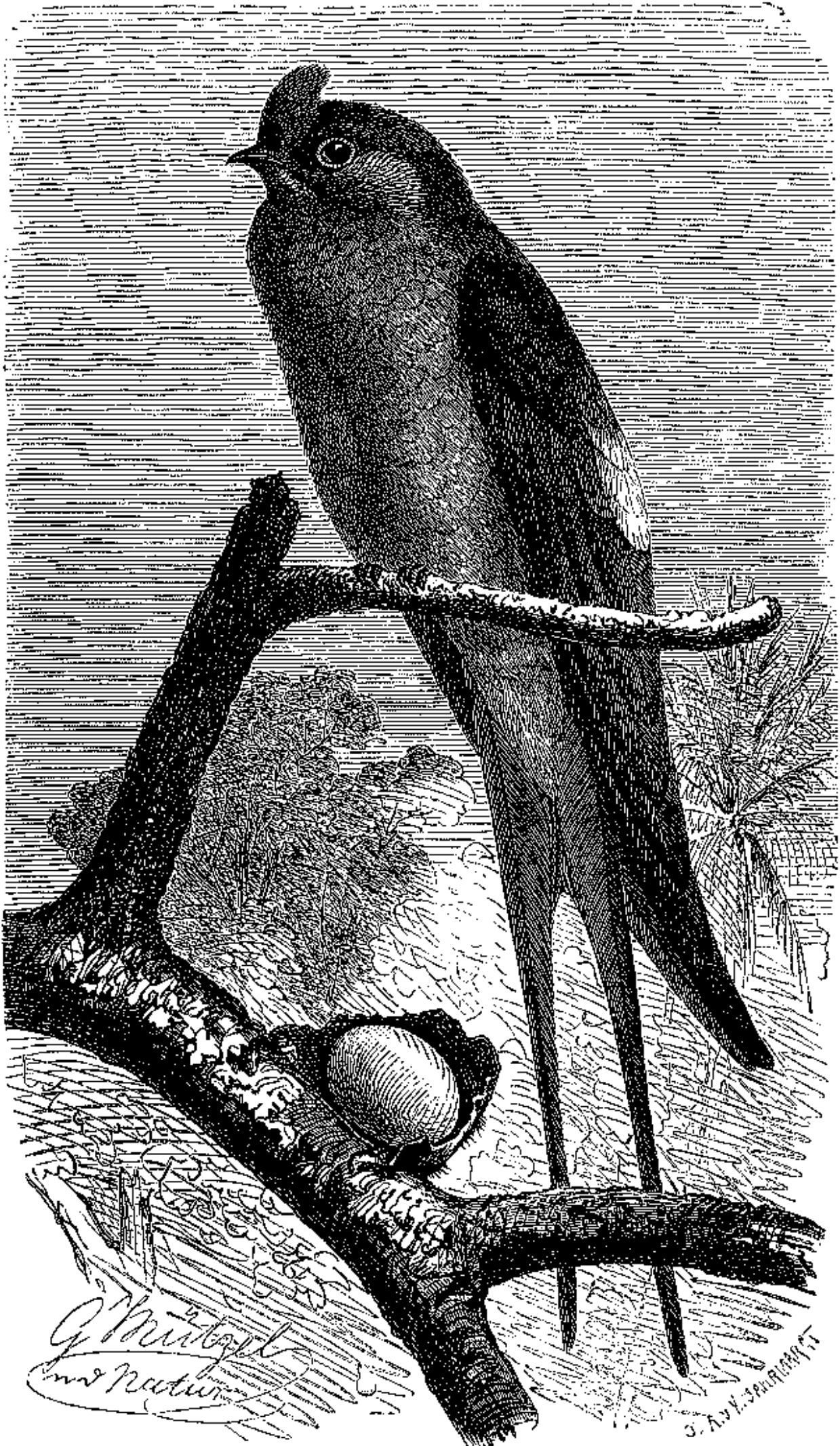
Область распространения этого вида простирается на Зондские острова: Яву, Суматру, Калимантан, Банка, а также на Малаккский полуостров*.

* *Описанный Бремом ареал относится к малому хохлатому стрижу (Нemiprosne comata), тогда как клекхо обитает еще и в Индии и на Индокитайском п-ове. В этом очерке, видимо, случилась какая-то путаница, поскольку вначале приведено верное латинское название клекхо, а потом указан ареал другого вида, и далее в тексте упоминается как другой вид все тот же клекхо.*

Все хохлатые стрижи по образу жизни отличаются от своих родичей прежде всего устройством гнезд. Они живут в джунглях и подобных лесных чащах, особенно таких, которые расположены на равнинах, охотно садятся на деревья. Один из индийских видов этих стрижей встречается, по словам Жердона, иногда очень многочисленными стаями, но обыкновенно маленькими обществами, причем птицы или сидят на сухих и безлистных деревьях, то приподнимая, то опуская свой хохолок, или быстро летают, охотнее всего вблизи воды; во время полета они громко кричат, вроде попугаев, так что выдают себя этим криком наблюдателю еще раньше, чем он их увидит. Голос индийского вида передают слогами «кия-кия-кия», но его можно слышать только тогда, когда птица летает; во время же сидения она издает короткую песенку, которую старались передать слогами «чифель-чафель-клехо-клехо».

О способе гнездования клекхо, которого малайцы называют манук педанг (меченосная птица), подробно рассказывает Бехштейн. «Эта птица строит гнездо столь своеобразным и удивительным способом, что другое подобное гнездо едва ли можно найти. Между тем как другие стрижи гнездятся в углублениях и щелях каменных стен скал, эта птица избирает местом для устройства гнезда отдельно стоящие ветки на высоких деревьях. Если выбор места удивителен для птицы из семейства стрижей, то еще более удивительно отношение между величиной самой птицы и ее гнезда и яйца. Гнездо своей более или менее полукруглой формой и веществом, из которого сделано, несколько напоминает гнездо саланганы, но гораздо меньше и более плоско.

Измеренные мною гнезда были не более 3-4 см ширины при 1 см глубины.

G. M. Wood
and Nature

S. A. W. 1881

Клехо, или хохлатый древесный стриж (*Hemiprocne longipennis*)

Гнездо всегда бывает прикреплено к горизонтальной ветке, имеющей около 2 см толщины, которая образует заднюю стенку гнезда; оно прикреплено сбоку и имеет вид плоской удлиненно-полукруглой чашки, ровно такой величины, чтобы там могло поместиться единственное яйцо. Стенки гнезда очень тонки и нежны, не толще пергамента. Они состоят из перьев, отдельных кусочков древесных лишаяев и древесной коры; все это слеплено клейким веществом, без сомнения, как и у саланган, слюной птицы, причем следует заметить, что и у хохлатых стрижей во время постройки гнезд слюнные железы сильно распухают. Малая величина и хрупкость гнезда не позволяют клехо сидеть на нем: птица сидит на сучке и своим животом прикрывает гнездо и находящееся в нем яйцо. Величина яйца соответствует росту птицы, около 25 мм длины и 19 мм толщины. Оно имеет правильную овальную форму, так что нет возможности отличить тонкий конец от толстого. Цвет его бледно-зеленовато-голубой, который впоследствии делается еще бледнее, так что под конец яйцо кажется белым со слабым голубоватым отливом. По моим наблюдениям, клехо выводит детенышей два раза, причем насиживание происходит скоро одно после другого, в мае и июне, но птица не пользуется оба раза одним и тем же гнездом.

Вследствие очевидного несоответствия величины птицы и гнезда мне любопытно было увидеть птенца, который через несколько дней после вылупления, вероятно, не мог уже помещаться в маленьком и хрупком гнезде. Как я и ожидал, детеныш едва помещался в гнезде, и скоро ему там стало совсем тесно. Он тогда вылез оттуда и занял то же положение, какое имела насиживающая самка, т.е. сидел на сучке и только животом опирался на гнездо. Сидя в таком беспомощном положении на ветке, птенец легко бы сделался жертвой каждой хищной птицы, например, вороны и других, если бы не скрывался от их глаз очень странным способом, напоминающим в некотором отношении положение испуганной выпи. Птенец не только не покидает своего места на сучке до тех пор, пока вполне не вырастет, но лишь только увидит что-либо подозрительное, инстинктивно поднимает шею кверху, прижимается к сучку так, что ног его не видишь, нахохливается и в этом положении сидит неподвижно: тогда очень легко не заметить птенца и принять его за сучок, покрытый лишаями, так как его оперение, состоящее из смеси темно-зеленых, белых и бурых перьев, удивительно способствует подобному обману зрения. Даже когда птенец был почти взрослый и я приказал отпилить сучок вместе с гнездом, он принял вышеописанное положение и сидел смирно, не выказывая никаких признаков жизни, между тем как другие птенцы в подобном случае широко раскрывают пасть и громко кричат».

Семейство колибри

"Между всеми другими существами колибри, несомненно, самые красивые по строению тела и по великолепному оперению. Драгоценные камни и металлы, которым человек придает особый блеск своим искусством, нельзя и сравнивать с этими живыми самоцветными камнями. Этих маленьких птичек следует решительно считать образцовыми произведениями природы. Она наградила их всеми своими дарами, между тем как раздала их только поодиночке прочим птицам. На долю этой крошечной любимицы досталось все: легкость, быстрота, ловкость, прелесть движений и богатый наряд. Оперение ее блестит изумрудами, яхонтами, топазами, и она никогда не пачкает его земною пылью, так как в течение всей своей вполне эфирной жизни разве только случайно касается земли. Она постоянно носится по воздуху, перелетает от цветка к цветку и, питаясь их соками, соперничает с ними в блеске и свежести красок. Колибри живут только в тех странах, где растения цветут весь год, и те виды этого семейства, которые летом залетают в умеренный пояс, остаются там очень недолго.

Они, по-видимому, летят за солнцем, подвигаясь с ним на север и на юг и на крыльях зефира следуя за вечно возобновляющейся весной».

Так со свойственным ему красноречием пишет Бюфон; однако и все последующие натуралисты, даже самые серьезные, вместе с ним восхищаются этими прелестными птицами. «Каждый остановится, — говорит Одюбон, — пораженный восхищением, увидев одно из этих маленьких чудных созданий, когда оно, шурша крыльями, прорезывает воздух, поддерживается на нем как бы с помощью магической силы или перелетает с цветка на цветок, сверкая, как кусок радуги, столь же прелестное, как и это световое явление». — «Колибри, — сообщает Уатертон, — может быть назван настоящей райской птицей: он носится по воздуху с быстротой мысли, то он на расстоянии руки от человеческого лица, то через мгновение исчезает и вдруг снова появляется и порхает от одного цветка к другому. Иногда он похож на рубин, иногда на топаз, затем блещет изумрудом или сверкает как полированное золото». — «На всем земном шаре, — говорит Бурмейстер, — нет семейства

птиц, которое по красоте оперения, стройности телосложения и разнообразию видов могло бы сравниться хотя в некотором отношении с этой замечательной и разнообразной группой американских птиц. Нужно наблюдать эти чудные существа живыми в их отечестве, чтобы вполне понять всю прелесть этих созданий».

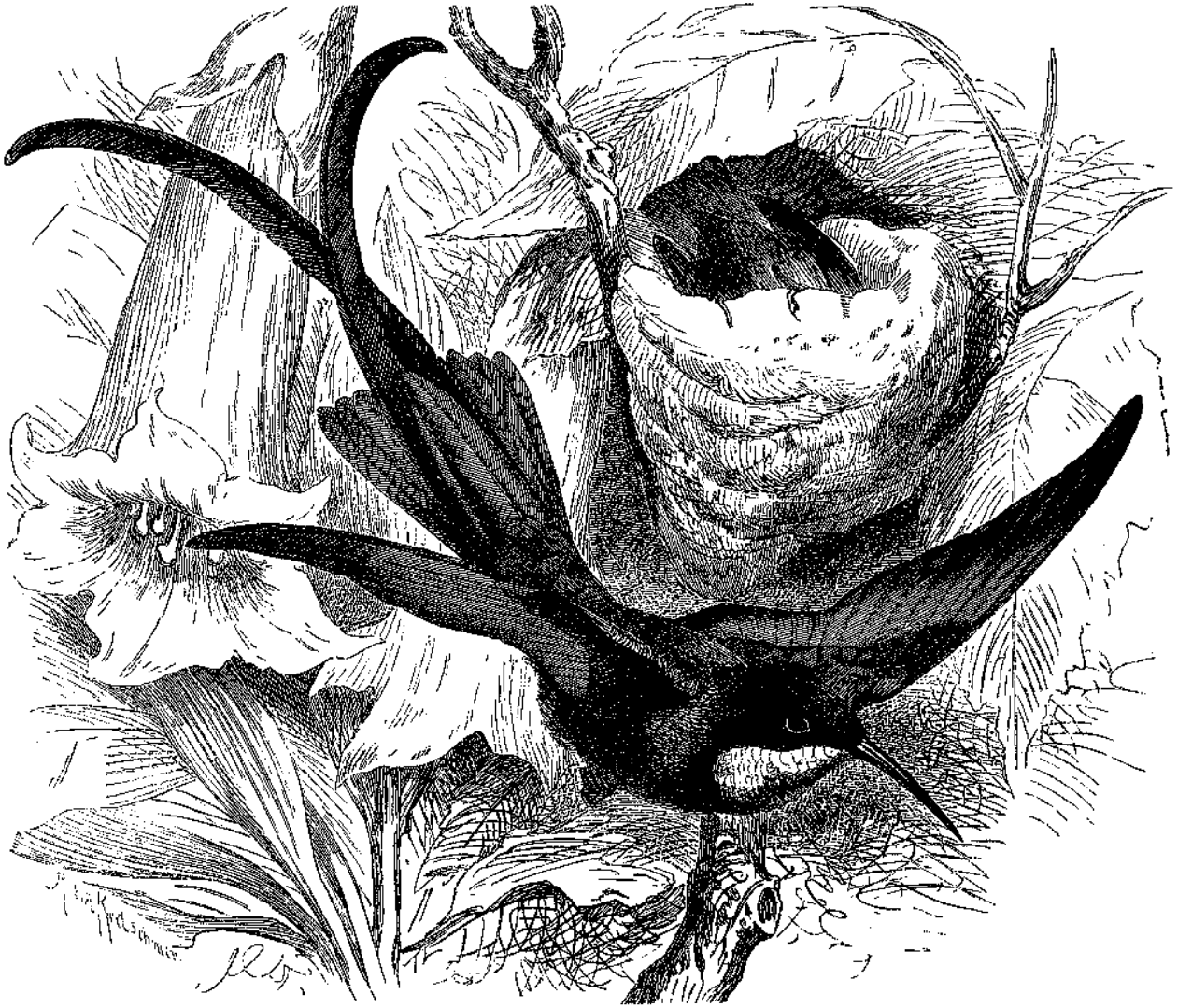
Величина колибри колеблется в довольно больших границах, так как некоторые из них ростом с маленькую мухоловку, а другие не больше шмеля. Туловище по большей части вытянутое или по крайней мере кажется таковым, так как хвост почти всегда длинный; у тех же видов, которые имеют мало развитой хвост, тотчас же бросается в глаза плотное и сильное телосложение. Клюв у них шиловидный, тонкий, длинный, на конце заостренный, прямой или слегка согнутый, иногда такой же длины, как голова, иногда длиннее, иногда по длине равняется туловищу, а изредка еще длиннее его. Ножки колибри необыкновенно малы и нежны. Плюсна иногда оперена, но оперение это мало заметно, так плотно прилегает оно к телу. Пальцы или совершенно отдельные, или у основания соединены перепонками; они покрыты короткими щитками; когти чрезвычайно остры, тонки и почти такой же длины, или же длиннее самих пальцев.

Крылья очень длинные, большей частью узкие и слегка согнуты в виде серпа.

Первое маховое перо всегда длиннее других, ствол его толще, чем у других перьев, и еще замечателен тем, что нижняя часть его, по крайней мере у некоторых видов, очень расширена. В кистевой части крыла бывает 9, чаще 10 маховых перьев, а на локтевой всего 6. Хвост состоит всегда из 10 перьев, но форма его очень разнообразна. Многие виды имеют вилообразный хвост, и наружные перья гораздо длиннее средних, у некоторых видов превосходят их в шесть раз или еще более; у других наружные перья только немного длиннее средних. Часто случается, что рулевые перья совсем плохо развиты, так что скорее могут быть названы иглами, а не перьями. Нередко замечается, что хотя хвост вилообразный, но наружные перья закруглены и кончики их образуют дуги. У некоторых, наконец, хвост просто закруглен, и тогда средние перья самые длинные. Оперение довольно твердое и в сравнении с величиною птицы очень густое; в нем почти не замечается пушистых перьев, и оно не прикрывает все тело равномерно, а в некоторых местах перья удлинены. Так, например, у некоторых колибри бывают на голове большие или маленькие хохолки, у других перья на шее образуют воротник или под нижней челюстью нечто вроде бороды. Глаза всегда окружены довольно широким голым колечком. На краях век вместо ресниц растут маленькие чешуевидные перышки. Оперение бывает различным по возрастам и полам, причем различие это замечается не только в окраске, но и в особых украшающих перьях.

Мы в настоящее время еще слишком мало знакомы с образом жизни колибри, чтобы указать на различия, существующие в этом отношении между отдельными видами этих птиц. Все составленные до сих пор жизнеописания относятся более или менее ко всем колибри вообще. Я постараюсь здесь вкратце изложить все известное мне об этих птицах, но считаю нужным сначала несколько подробнее описать главные виды. Напрасно было бы стараться дать читателям достаточно полное понятие о богатстве форм этого семейства птиц. Недостаток места поневоле принуждает меня к известной краткости, и поэтому совершенно все равно, опишу ли я много или мало отдельных колибри, которых делят теперь на 70 родов и около 400 видов*. Кто желает более подробно познакомиться с колибри, тот должен взяться за изучение специального сочинения о них Гульда или подробной немецкой зоологии Рейхенбаха. В первом из этих сочинений все виды не только изображены, но и описаны, а во втором можно найти по крайней мере изображения большинства этих красивых птичек.

* *Сейчас систематики выделяют 112-116 родов и 312—320 видов колибри* Общепонятное разделение колибри на группы и роды довольно затруднительно. Это происходит не только из-за огромного количества видов и недостаточного знакомства с ними, но также вследствие малого роста этих птиц, который препятствует точному определению различий, зависящих от возраста и пола.

Топазовый колибри (*Toraza pella*)

Орлиноклювый колибри (*Eutoxeres aquila*) и его родичи отличаются главным образом серповидно изогнутым, довольно толстым клювом и клинообразным хвостом. Описываемый вид на верхней части тела имеет зеленую окраску, а снизу буровато-черную. На горле замечаются темные серовато-желтые продольные пятнышки, на груди беловатые; верхняя часть головы и маленький хохолок буровато-черные, на задней части головы и на надхвостье перья имеют коричневую каемку; маховые перья пурпурово-бурого цвета; последние малые маховые перья с белыми пятнами на конце, рулевые перья блестяще-темно-зеленого цвета, концы их белые, а самые кончики черноватые. Белая каемка хвоста к сторонам делается шире. Верхняя часть клюва черная, нижняя почти до конца желтоватая. Птица эта живет в Боготе (Колумбия).

Орлиноклювый колибри (*Eutoxeres aquila*)

Один из самых великолепных видов колибри — андская горная звезда (*Oreotrochilus chimborazo*). У самца голова и горло блестяще-фиолетово-голубого цвета, спина серовато-оливково-бурая, брюшко белое, а по сторонам светло-бурое. Посередине горлового щитка находится удлиненное треугольное пятно металлически-зеленого цвета, которое отделяется от белого брюшка бархатистой черной полосой. Маховые перья пурпурово-бурые, средние рулевые темно-зеленые, у прочих рулевых перьев наружная часть опахала зеленовато-черная, а внутренняя часть белая; клюв и ноги черные. Самка сверху оливково-зеленого цвета, внизу оливково-бурого, перья здесь имеют светлые каемки, и потому оперение брюшка кажется волнисто испещренным. Грудь у самки белая, но кончик каждого пера светло-бурый. Средние рулевые перья блестящего темно-зеленого цвета, прочие светло-зеленовато-бурые, а у основания белые. Три наружных рулевых пера с каждой стороны имеют по белому пятну на конце внутреннего опахала. Длина тела 12,5 см,

хвоста 6 см. Птицу эту встречали только на Чимборасе, на высоте от 4000-5000 метров. Родственные виды живут на других вершинах Анд.

Топазовый колибри (*Troza pella*) по великолепию своего оперения может соперничать со всеми другими колибри. Темя и полоса, окружающая горло, бархатисто-черные, туловище медно-красное, переходящее в гранатово-красное с золотистым отливом; горло золотистое, при одном освещении отливающее смарагдово-зеленым, при другом — топазово-желтым цветом. Хвостовые покровные перья зеленые, маховые перья красновато-коричневые, внутренние ржавого цвета, средние рулевые перья зеленые, следующие за ними, которые на 8 см длиннее их, каштановые, а наружные — красновато-коричневые. Самка в главных частях зеленая с красноватым горлом, ее окраска менее блестящая, чем окраска самца. Длина этого колибри, вследствие выступающих хвостовых перьев, больше 20 см.

Топазовый колибри, кажется, населяет одну только Гвиану*, живет он на тенистых берегах рек. Второй, очень похожий вид живет в верховьях Амазонки.

* *Топазовый колибри найден также в Эквадоре, Венесуэле и на востоке Бразилии.*

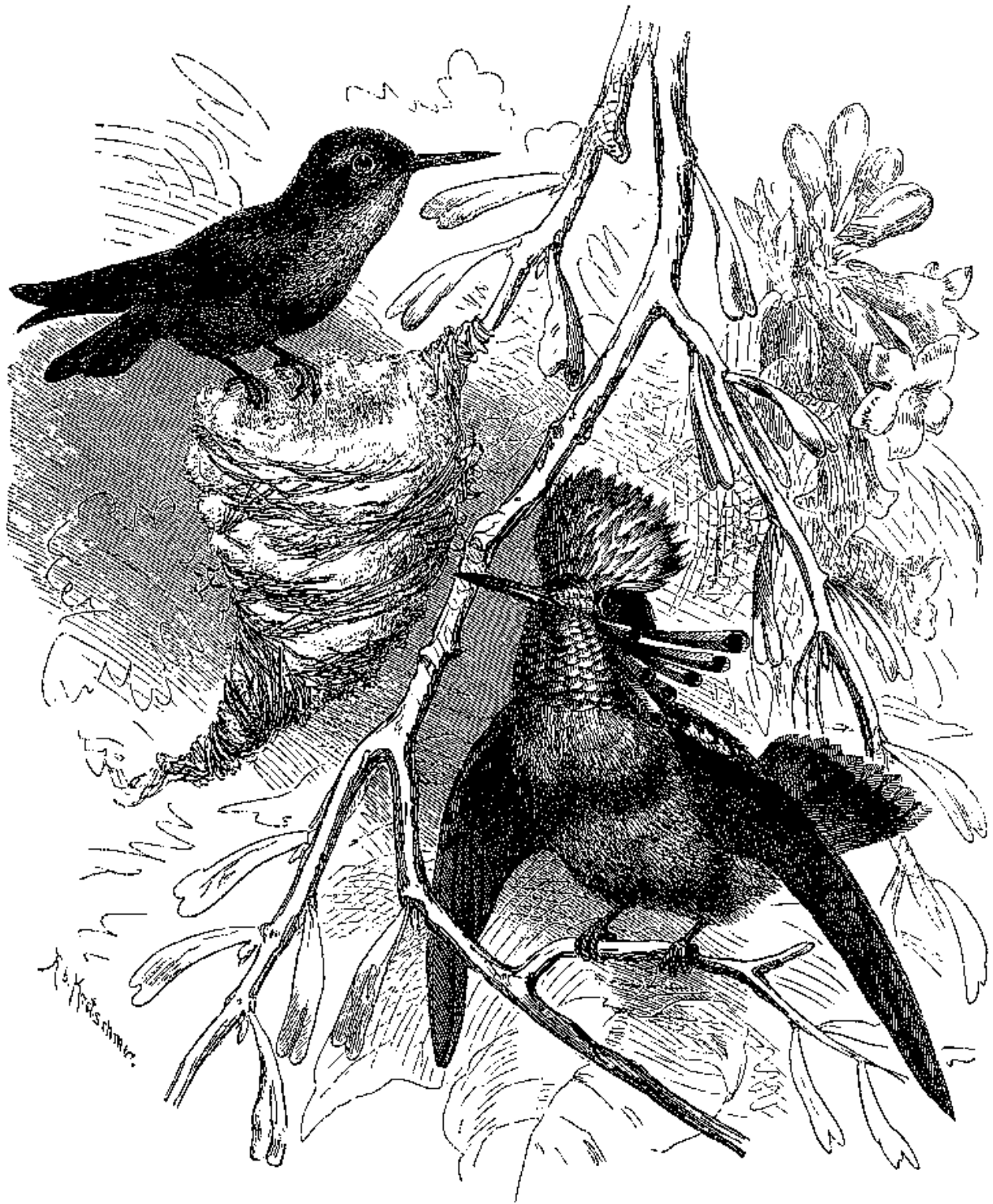
Самый известный относящийся сюда вид — **черноухий колибри-фея, или ушастый колибри** (*Heliothrix aurita*). Спина и бока у него ярко-зеленого цвета, у взрослых птиц с золотым отливом, маховые перья черновато-серые с фиолетовым отливом; нижняя часть тела чисто белого цвета, три наружных рулевых пера с каждой стороны также белые, средние же рулевые перья блестящего синевато-стального цвета.

Под глазами начинается бархатисто-черная полоса, которая, направляясь назад, расширяется и на конце образует каемку синевато-стального цвета. У самца хвост очень длинный и наружные перья его значительно короче других. Самка отличается коротким, широким и на конце округленным хвостом, все перья которого одинаковой длины. Длина тела у самца 15 см, у самки 11 см, длина хвоста у самца 6,5 см, у самки 2,8 см.

По словам принца фон Вид, черноухий колибри в Бразилии довольно редок, а, по Бурмейстеру, он встречается по всей лесной береговой полосе восточной части Южной Америки на юг до Рио-де-Жанейро. В Гвиане он заменяется очень сходным видом; прочие виды живут на западе Южной Америки**.

* * *Сейчас в этом роде выделяют всего 2 вида. Описанный в тексте черноухий колибри заселяет бассейн Амазонки.*

Который из видов самый красивый — трудно сказать они все прелестны. Для описания я выберу **великолепного эльфа** (*Lophornis ornata*). Туловище этого колибри покрыто бронзово-зелеными перьями, удлинённые перышки хохолка красновато-коричневые; по задней части спины проходит узкая белая полоса; передняя часть головы около клюва зеленая с сильным металлическим блеском. Перья воротника, которые постепенно увеличиваются кверху, светло-красно-бурого цвета с блестящими зелеными кончиками. Маховые перья имеют темно-пурпурово-коричневую окраску, рулевые перья — темно-красно-бурюю.

Великолепный эльф (*Lophornis ornata*)

Клюв мясного красного цвета с бурым кончиком. У самки все цвета более тусклые и вовсе нет хохолка, воротника и блестящего пятна около клюва.

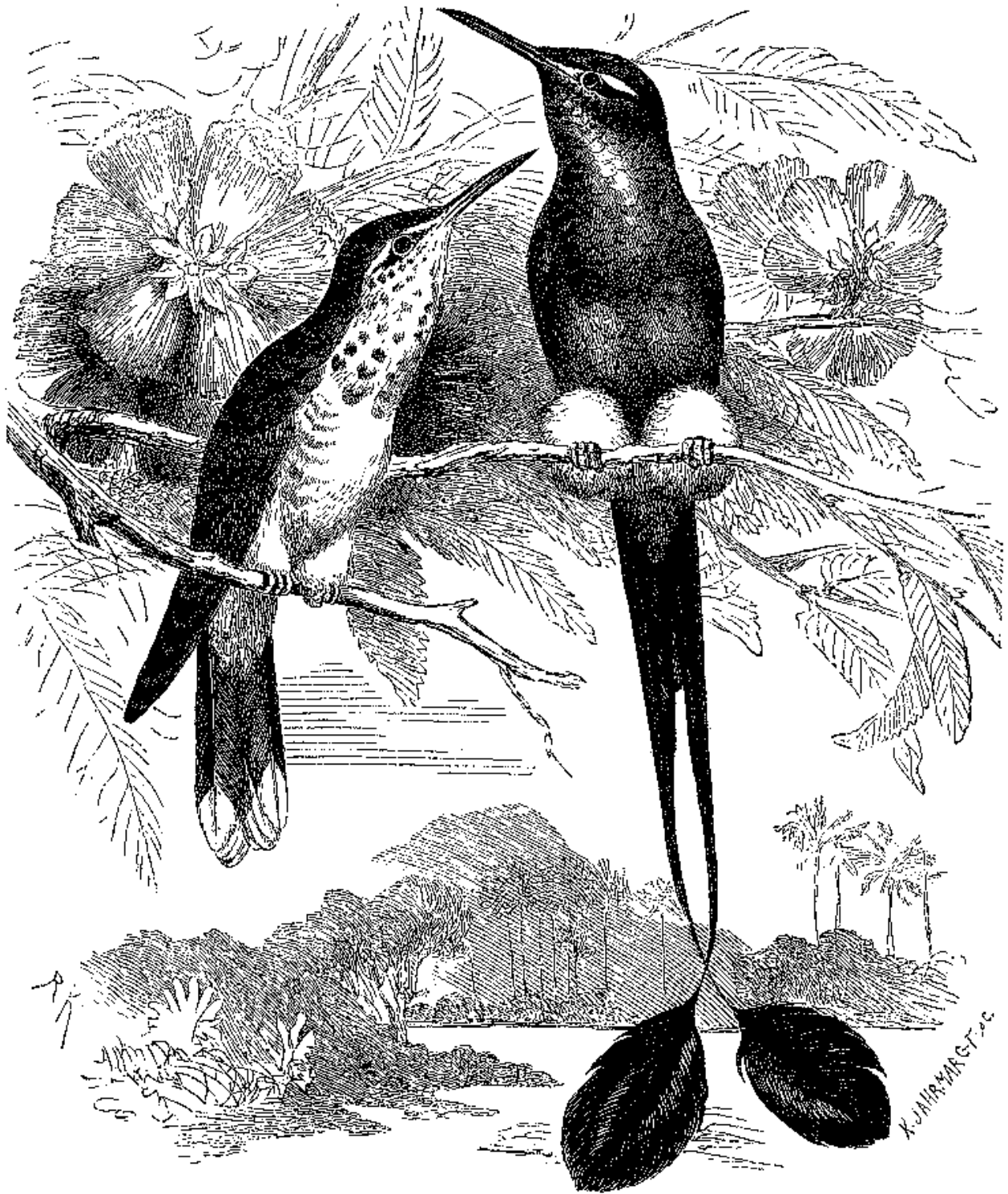
Рогатый колибри (*Heliactin cornuta*) медно-зеленого, не очень блестящего цвета; верхняя часть головы синевато-стального; надглазные лопасти многоцветные и переходят снаружи внутрь от фиолетового в зеленый, желтый, оранжевый и красный цвет. Горло и передняя часть шеи и щеки бархатисто-черного цвета; нижняя часть шеи, брюшко, гузка и боковые рулевые перья белые; маховые перья серые.

Рогатый колибри (*Heliactin cornuta*)

У самки нет надглазных лопастей и шейного щитка. Горло у нее ржаво-желтое; на наружных белых рулевых перьях проходит около середины черная полоса. Клюв черный. Длина тела 12 см, длина крыла 5,3 см, а хвоста 5-6 см. По словам Бурмейстера, этот красивый колибри очень обыкновенен в травянистых степях внутренних частей провинции Минас-Жерайс (Бразилия).

Знаменщик Ундервида (*Ocreatus underwoodi*) имеет верхнюю часть тела, брюшко, бока и нижние кроющие перья медно-зеленого цвета, горло и верхнюю часть шеи — ярко-золотисто-изумрудного цвета, маховые перья пурпурово-коричневые, рулевые — бурые, пластинки на концах наружных рулевых перьев черные с зеленоватым отливом.

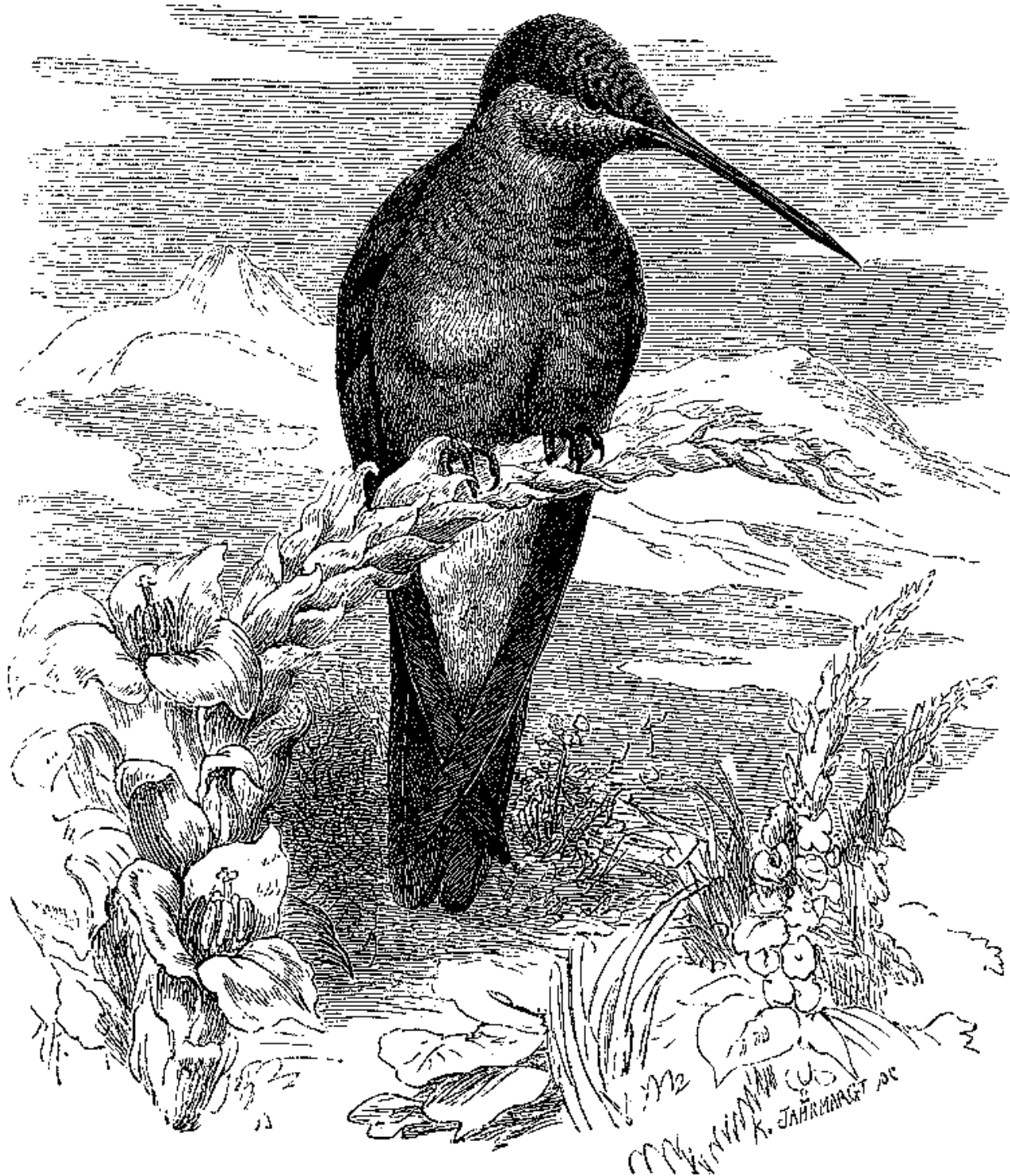

Знаменщик Ундервида (*Ocreatus underwoodi*)

Длина тела 15 см, крыльев 4,5 см, хвоста 9 см. Самка сверху медно-зеленого цвета, снизу белого с зелеными пятнами. Нижние кроющие перья хвоста буроватые, рулевые перья почти одинаковой длины и имеют на конце белые пятна. Эта красивая птица встречается в северной части Южной Америки от Бразилии до Венесуэлы и живет здесь как на берегах моря, так и на горах до 2000 метров высоты*.

* *Этот вид живет в Андах.*

Исполинский колибри (*Patagona gigas*) по величине примерно равен нашему стрижу. Верхняя часть тела бледно-бурая с зеленым отливом, нижняя красновато-бурая, надхвостье серовато-желтое; голова, передняя часть груди и спина покрыты темными тонкими волнистыми полосками. Маховые перья темно-бурые, рулевые имеют ту же окраску, но с зеленым отливом; длина тела 21 см. Этот довольно заметный колибри живет в большей части западных стран Южной Америки*; на крайнем юге этой части света он представляет собой перелетную птицу, которая в известное время года появляется, а затем улетает.

Исполинский колибри (*Patagona gigas*)

** Обитает в основном в Андах, от Эквадора до Чили и запада Аргентины.*

Его встречали на высотах 4000-5000 м над поверхностью моря.

Колибри-сафо (*Sappho sparganura*) на верхней стороне тела карминово-красного цвета, голова и нижняя часть тела зеленая с металлическим отливом, горло светло-зеленое, очень яркое, задняя часть брюшка светло-бурая. Маховые перья пурпурово-коричневые, рулевые коричневые, у основания ярко оранжево-красные, а кончики темно черно-бурые.

Колибри-сафо (*Sappho spargamtra*)

Самка сверху зеленая, снизу также зеленая с серыми пятнами; хвост у нее короче и перья его бледно-красные. Колибри этот живет в Боливии.

Колибри-мечеклюв (*Ensifera ensifera*) имеет самый большой клюв среди всех колибри, и потому его трудно смешать с другими птичками этого семейства. Длина клюва равняется длине туловища, он слегка загнут вверх, перед концом несколько утолщен, крылья относительно короткие и широкие, хвост средней длины и с вырезкой сзади. Оперение на верхней стороне зеленого цвета, голова медно-красная, нижняя сторона тела, горло и середина спины бронзово-зеленого цвета, бока ярко-светло-зеленые, за каждым глазом маленькое белое пятно. Маховые перья пурпурово-коричневого цвета, рулевые темно-бурые с металлическим блеском. Клюв черно-бурого цвета, ноги желтовато-бурые. Длина тела 22 см, из которых на клюв приходится 10 см, длина крыльев 8 см, хвоста 6 см. Самка на верхней стороне более бледного цвета, на нижней стороне белого с бурыми пятнами. Слабый металлический блеск замечается только на боках; длина ее 17 см, клюв 8 см. Мечеклюв водится в горных странах Венесуэлы и Квито. Геринг находил эту птицу в Венесуэле на высотах от 2000-3000 метров над поверхностью моря, на кустах, растущих под деревьями больших лесов.

Колибри-мечеклюв (*Ensifera ensifera*)

Колибри живут только в Америке и более других птиц характерны для этой части света. Они встречаются здесь везде, где только могут расти цветы, от Ситки до мыса Горн. Североамериканский вид колибри встречается на востоке даже на Лабрадоре*; западный североамериканский вид — **рыжегорлый колибри, или рыжий селасфорус** (*Selasphorus rufus*) появляется на берегах реки Колумбии и проникает даже до реки Фрейзер и пролива Хуан-де-Фука.

** Речь идет об обыкновенном, или рубиновогорлом колибри (Archilochus colibri).*

Эти, по-видимому, слабые птички встречаются даже на Огненной Земле. Колибри распространяются в Америке не только по всем широтам, но поднимаются и высоко в горы: в Андах они порхают около самой границы вечных снегов, в поясе, расположенном между 4000 и 5000 м над поверхностью моря; они посещают кратеры действующих и потухших вулканов, куда едва ли проникает другое позвоночное животное. Смелые натуралисты, забравшиеся на высокие горы для научных исследований, находили колибри, высиживающих яйца, на таких высотах, где снежные бури сильно затрудняли восхождение и где, по мнению натуралиста, могли встречаться только кондоры.

Вообще следует предположить, что каждая страна и каждая местность имеет свои виды колибри. Горные колибри, живущие на высотах, почти никогда их не покидают и только в случае очень дурной погоды спускаются до высоты 900-1200 м; те же виды, которые обыкновенно встречаются в жарких долинах, где почти никогда ветер не охлаждает воздуха, ни в каком случае не поднимаются на высоты. Однако не только отдельные горы и долины, но многие леса и степи, а иногда даже еще более ограниченные местности имеют свои виды колибри.

Уже из различного строения клюва колибри можно заключить, что почти каждый вид колибри обыскивает только определенные цветы и из других себе добычи достать не может. Впрочем, некоторые виды не очень разборчивы.

Вследствие зависимости колибри от флоры оказывается, что тропические страны Америки особенно богаты ими. По Валласу, 275 живут в экваториальных странах Южной Америки, 100 (отчасти те же виды) в тропических странах Северной Америки. Однако ошибочно было бы предполагать, что колибри предпочитают леса низменностей, где растительная жизнь достигает своего высшего развития. Удивительные цветы этих лесов, без сомнения, не пренебрегаются ими, напротив, по крайней мере в известное время года колибри порхают над ними и тщательно обыскивают их, но количество видов этих птичек зависит не от обилия цветов, а от их разнообразия. Согласно последним исследованиям, следует принять, что самое большое число видов колибри встречается в гористых странах южной и средней Америки.

Особенно благоприятной страной для колибри, по-видимому, является Мексика: она служит отечеством более чем пятой части всех до сих пор известных видов этих птиц, и можно предсказать, что, когда эта мало исследованная страна будет лучше известна, там будет найдено еще несколько новых видов колибри*.

** На самом деле предположения Брема неверны. В Мексике обитает примерно 60 видов колибри, тогда как в экваториальной зоне Южной Америки — более 160.*

Мексика соединяет все благоприятные условия для такого разнообразия форм; она заключает в себе все возможные климатические условия, так как в ней находятся высокие горы, на различных высотах которых можно постоянно найти климат, соответствующий всем временам года и всем поясам. Наблюдатель, посещающий эту чудную страну, постоянно окружен порхающими блестящими колибри. Он находит их как в жарких равнинах, так и на снежных высотах, где большое обилие влаги обуславливает появление роскошной тропической растительности, в тех местах, где выжженная солнцем пустыня производит лишь один кактус, и даже там, где еще лежит не вполне остывшая лава, вытекшая из кратера вулкана. «Они украшают, — говорит Гульд, — своей неподражаемой роскошью оперения трещины вулканических пород, оживляют страны, куда люди никогда не заглядывают, они придают некоторую жизнь холодной пустыне». Однако любимым местопребыванием колибри во всяком случае остаются луга со множеством цветов, цветущие кусты прерий и сады. Здесь можно видеть, как они носятся над растениями, порхая с цветка на цветок, и ищут в них добычу с пчелами и бабочками, высасывающими сладкий сок из цветов.

Еще с точностью неизвестно, можно ли считать вполне оседлыми птицами тех колибри, которые не предпринимают дальних перелетов. Можно предположить, что ни один вид не живет постоянно весь год в одной местности; все они перелетают с места на место, смотря по времени года, а главным образом по времени цветения различных растений, так что, кроме периода гнездования, они постоянно странствуют. Все наблюдатели, которые долго жили в одном месте, единогласно подтверждают, что отдельные виды колибри они видали лишь в известные времена года. По всей вероятности, все колибри более или менее странствуют с места на место. Птицы, живущие на высотах, в известное время года принуждены спускаться в долины для приискания добычи, а те, которые живут в местах, где царствует вечная весна, т.е. растительность постоянно обновляется и весь год можно найти цветы, все-таки кочуют с места на место, смотря по тому, где больше цветущих растений.

Эти перемещения, однако, не могут называться настоящими перелетами. Регулярно перелетают только те виды, которые живут в северном и южном умеренном поясе. Они появляются там, как у нас ласточки, остаются все лето, устраивают гнезда, высиживают детенышей и при наступлении холодного времени года улетают снова в теплые страны.

Если хочешь изучить жизнь этих птичек, то прежде всего надо познакомиться с их полетом: он, так сказать, определяет всю жизнь их и вполне характеризует колибри. Ни одна птица не летает так, как они, и, следовательно, их по полету нельзя и сравнивать с другими птицами. «Пока я их сам не видал, — говорит Соссюр, — я не мог себе представить, чтобы птица могла так быстро двигать крыльями, как это делают колибри. Они носятся по воздуху, то подвигаясь вперед с быстротой молнии, то держась на одном месте. Полет их двоякого рода: во-первых, движение вперед с быстротой стрелы, а во-вторых, парение на одном месте. Понятно, что последнее движение требует наибольшего напряжения сил, потому что колибри, чтобы удержаться в равновесии, должен с одинаковой силой двигать крыльями как вверх, так и вниз. Движение это так быстро, что крылья, наконец, делаются совсем незаметными».

Все другие наблюдатели описывают полет колибри подобным же образом. «Как удивительна, — говорит Гульд, — должна быть организация этих птичек, дающая им возможность производить водить и так долго продолжать дрожательное движение их крылышек! Полагаю, что нельзя сравнивать это движение ни с чем другим, что я до сих пор видал, и оно мне казалось скорей всего похожим на физический аппарат с заведенной пружиной. Эта особенность полета произвела на меня особенно сильное впечатление, так как я ожидал совершенно другого. Птица эта не махает славно крыльями, как ласточка или стриж, но постоянно трепещет ими с удивительной быстротой, когда перелетает с цветка на цветок или проносится по воздуху на большое расстояние над деревьями или над рекой. Когда колибри останавливается около какого-нибудь предмета, то движения крыльев его так быстры, что глаз не может уследить за их движениями, и по сторонам тела птички видишь только туманный полукруг».

По существующим описаниям нельзя себе составить ясного понятия о направлении полета колибри и о тех фигурах, которые он описывает в воздухе. Быстрота движений так значительна и туловище колибри так мало, что наблюдения делаются почти невозможными. Одюбон утверждает, что североамериканские колибри прорезают воздух волнообразной линией, иногда поднимаются вверх, образуя угол около 40° , а затем спускаются снова по дуге; но при этом он добавляет, что совершенно невозможно следить за летящей птицей более 50-60 м, даже вооружившись хорошим биноклем.

Глядя на них, беспрестанно приходит мысль рассматривать колибри как оперенную бабочку, и это следует понимать не в переносном, а в прямом смысле. «При первых моих шагах на равнинах острова Ямайки, — говорит Соссюр, — я заметил земное насекомое, которое быстро полетело к кусту и стало летать с одной ветви на другую. Я был поражен той необыкновенной ловкостью, с которой это животное увертывалось от моей сетки, но удивление мое еще увеличилось, когда, поймавши его, я заметил, что это вовсе не насекомое, а птица. На самом деле, как внешний вид, так и движения и образ жизни колибри совершенно такие же, как у насекомых». Другие наблюдатели точно так же ошибались, как и Соссюр. Гульд долго убеждал одного господина, побывавшего в Америке, что он в Англии видит перед собой бабочку, а не колибри, а Бэте уверяет, что ему только после продолжительного рассматривания удалось отличить от колибри бабочку титания, которая водится около Амазонки. Индейцы и негры, и даже некоторые белые считают титанию и колибри за одно и то же животное: они видели превращение гусеницы в бабочку и из этого выводят, что и бабочка может легко превратиться в птичку.

Но удивительнее всего то, что сами колибри в некоторых бабочках видят себе соперников. По наблюдениям Соссюра, колибри устраивают настоящие бои с бабочками, преследуют их с цветка на цветок, бросаются на них, чтобы прогнать, и часто разрывают им крылья. Нападения эти происходят, очевидно, из зависти, из-за жадности над кормом, но очень характерны как для преследователей, так и для преследуемых. Некоторые наблюдатели полагают, что внешние чувства и душевные способности колибри почти такие же, как у бабочек, но при этом, несомненно, их обманывает невинное выражение глаз колибри и доверчивость этих птиц. Необыкновенная ловкость и быстрота движений придают колибри такую уверенность, которая в высшей степени поражает наблюдателя. «Пока наблюдатель остается спокойным, — говорит Бурмейстер, — до тех пор и колибри смотрит на него светлыми глазками и выказывает большое спокойствие, но как только пошевелится, птичка тотчас же исчезает».

Когда эти птички устанут от продолжительного полета, то отыскивают себе на деревьях подходящее место для отдохновения. Для этого они предпочитают тонкие сухие веточки или такие, на которых нет листьев на протяжении нескольких сантиметров; к подобным веткам они постоянно возвращаются и так регулярно их посещают, что, по словам Гундлаха, удобнее всего остановиться вблизи подобного места, чтобы наблюдать колибри.

Земля для них точно так же чужда, как и для ласточек: здесь они совершенно беспомощны, так как ходить не могут. Несмотря на это, колибри садятся на землю, например, когда они слетают вниз напиться.

По давно сложившемуся мнению, ни один колибри не может петь. Это, по-видимому, верно, однако существует целый ряд наблюдений, которые утверждают противное. Принц фон Вид говорит, что голос колибри состоит из едва заметных тихих звуков, а в другом месте упоминает, что он слышал у колибри громкий, но короткий призывный звук. Бурмейстер с своей стороны замечает: «Колибри нельзя назвать немymi птицами; когда они садятся на какую-нибудь сухую ветку и там некоторое время отдыхают, то иногда бывает слышен их слабый чирикающий голос. Я часто слышал их и наблюдал птичек, сидящих надо мною в тени между листьями: при издании звука они на мгновение раскрывали клюв и высовывали тонкий расщепленный язык на три сантиметра изо рта». Большинство других наблюдателей говорят только о грубых и резких звуках, которые могут быть переданы как «тир-тир-тир» или «цок-цок-цок».

Внешние чувства колибри развиты хорошо и довольно равномерно. Все наблюдатели согласны в том, что зрение у колибри очень острое. Это можно заметить по их движениям во время полета, особенно когда видишь, как они хватают на лету совсем маленьких, для нашего глаза невидимых насекомых. Также можно предположить, что слух у них развит не хуже, чем у других птиц, хотя точных наблюдений об этом пока не существует. Чувство осязания, наверно, развито очень хорошо, так как без него этим птицам невозможно бы было доставать себе пищу из глубоких венчиков цветов. «Колибри не знают, — говорит очень верно Бурмейстер, — заключает ли цветок что-либо годное для них; поэтому они, порхая, парят над ним, всовывают свой язычок в глубину венчика и постоянным движением крыльев удерживаются в этом положении, пока основательно не исследуют один цветок за другим». Язык при этом производит почти такую же работу, как у дятлов: он исследует все скрытые уголки, недоступные для других внешних чувств. Тонкое осязание тотчас же замечает добычу и указывает языку, что следует схватить. Развитие вкуса доказывается тем, что все колибри любят сладкое. Об обонянии нельзя сказать ничего определенного, но мы имеем право предположить, что и это чувство не очень слабое.

Наблюдения над этими маленькими птичками труднее, чем над другими, и потому мнения натуралистов довольно разноречивы. Пока колибри двигаются на свободе, познакомиться с ними можно лишь поверхностно. Порывистость и быстрота их движений, беспокойный живой нрав, незначительная величина и большое число экземпляров значительно затрудняют наблюдения. Однако можно легко убедиться, что колибри очень хорошо умеют отличать друзей от врагов, полезное от вредного, а также что они делаются более доверчивыми, когда их не беспокоят, и, напротив, пугливыми и осторожными при преследовании. В большинстве случаев они выказывают доверчивость, которая часто им приносит вред, но это происходит вследствие их необыкновенной ловкости и уверенности во всех своих движениях. Они, если можно так выразиться, убеждены в том, что могут вовремя избегнуть всякой опасности, и если дело касается их естественных врагов, то эта уверенность вполне основательна. Слишком большое доверие к человеку, конечно, часто их обманывает, а потому они и делаются нередко жертвами своей излишней смелости.

Прежде чем перейти к описанию их образа жизни, необходимо разъяснить вопрос о пище колибри, потому что именно пища, как уже несколько раз было сказано, в значительной степени влияет на него. Прежде думали, что колибри питается сладким соком цветов или по крайней мере что этот сок составляет главную часть их пищи. «Совершенно естественно, — говорит принц фон Вид, — что при описании путешествий мы часто находим известия об этих маленьких птичках, отличающихся столь привлекательными свойствами, но странно, что до сих пор многие важные сведения о жизни колибри погружены были для нас в какой-то полумрак. К этим неразъясненным вопросам относится и питание их». Понятно, что этим милым созданиям, которые опускают свой длинный тонкий клюв в глубокие венчики цветов, приписывали и пищу, состоящую из сладкого цветочного меда. Так как считали, что их длинный язык имеет вид трубочки, то предполагали, что колибри высасывают им сладкий сок из цветов, о чем и до сих пор читаешь во многих сочинениях. Азара, в других случаях очень добросовестный натуралист, сам не наблюдал этой важной части их образа жизни и потому остался при прежнем ошибочном мнении о питании колибри. Он имел полную воз-

возможность делать точные наблюдения по этому вопросу, но его можно упрекнуть в том, что он довольствовался изучением внешнего вида этих птичек; в противном же случае он, без сомнения, вернее бы обсудил вопрос об их пище. Некоторые другие исследователи заметили ошибку, допущенную старыми натуралистами, и между ними прежде всего следует назвать Бадье, который первый указал на то, что колибри питаются насекомыми.

Этот натуралист еще в 1778 году писал, что для него совершенно понятно, почему все колибри, которых кормили сахарной водой и сиропом, в скором времени околевали, так как они только случайно проглатывают медовый сок из цветов, а в действительности питаются очень маленькими жучками, которые держатся на дне венчика и едят находящийся там мед. Он убивал и анатомировал различных колибри и у всех находил в желудке остатки жуков и пауков. Двух колибри он содержал в неволе и в течение шести недель кормил патокой и мелко толчеными сухарями; но они делались все слабее и скоро умерли, а при исследовании оказалось, что в их пустых кишках находился кристаллический сахар. Брандес около того же времени переводил естественноисторическое описание Чили, составленное Молиной, и пришел к тому же убеждению, что и Бадье.

Более подробные сведения сообщил Вильсон в 1810 году. «До сих пор предполагали, — говорит он, — что колибри питаются сладким соком растений, и только один или два наблюдателя заметили, что они находили кусочки насекомых в желудке этих птиц, причем появление их объясняли случайностью. Вследствие трудности наблюдения и анатомирования колибри для европейцев мнение это сделалось всеобщим. Я, со своей стороны, могу говорить об этом вопросе с некоторой уверенностью. В прекрасные летние вечера мне случалось видеть, как колибри по полчаса гонялись за мелкими, носящимися в воздухе насекомыми, как это делают у нас мухоловки, но с такой ловкостью в полете, которая далеко превосходит наших отечественных птиц. Я анатомировал большое количество этих птичек и рассматривал содержимое их желудка в увеличительное стекло, и в трех случаях из четырех находил, что это содержимое состояло из мелких кусочков насекомых, причем часто случалось находить очень маленьких жучков целиком. Наблюдения моих друзей вполне согласуются с моими. Все знают очень хорошо, что колибри особенно любят большие цветы, похожие на колокольчики, но именно эти цветы и служат местопребыванием мелких насекомых». Буллок (1825) вполне согласен с мнением Вильсона.

Из новейших наблюдателей об этом предмете подробно сообщают Госсе и Бурмейстер. «Колибри питаются, — говорит первый из них (1847), — как я убедился из собственных наблюдений, почти исключительно насекомыми. Я допускаю, что они вместе с тем пьют и сладкий сок цветов, и знаю, что в неволе их можно некоторое время продержать, кормя медом и сахаром; но что они могут довольствоваться исключительно этой пищей и сохранить при этом свою силу, я решительно сомневаюсь».

Я намеренно привел выписки из сочинений хороших натуралистов по вопросу о пище колибри, но должен заметить, что одно сообщение из вышесказанного требует еще подтверждения. Теперь едва ли кто может поверить, что колибри высасывают сок из цветов, но нижеследующее сведение, приводимое Бурмейстером, возбуждает новый вопрос. Этот натуралист, как при описании своего путешествия, так и в систематическом изображении фауны Бразилии положительно утверждает, что колибри никогда не ловят насекомых на лету. Он соглашается с Буллоком относительно того, что колибри хватают пауков, но с большой уверенностью отрицает справедливость согласных между собой мнений вышеназванных натуралистов, с сочинениями которых он, без сомнения, знаком. «Я сам видал, — говорит он, — как колибри схватывают маленьких мух с паутин, паря над ними точно так, как и над цветами, и мог ясно рассмотреть, как птичка, то подвигаясь к паутине, то отдаляясь от нее, выклевывала одну муху за другой. Пауки редко мешают птицам в этом занятии и даже прячутся, так как, если они неосторожно покажутся, то колибри не задумается и их схватить, особенно маленьких».

Питание колибри насекомыми, таким образом, вполне доказано, и в этом теперь никто не может сомневаться. Но колибри никогда не ловят насекомых на лету, и именно вследствие того, что они не могут этого делать, они принуждены вытаскивать их из венчиков цветов. При этом попадает к ним на язык и мед, но это, без сомнения, только приправа, а не главная цель их поисков языком на дне цветков. Следовательно, поэтическое выражение, что колибри целует цветы, не вполне справедливо. Колибри не довольствуется поцелуем, а в цветах ищет и пропитания. Почему эти маленькие птички не ловят свою добычу на лету, как это делают многие наши пташки, легко объяснить, если сравнить тонкий, длинный, с узким отверстием клюв колибри с широким коротким клювом ласточки. Все птицы, которые ловят насекомых на лету, имеют короткий, плоский клюв, широкий зев и длинные щетинки у углов рта. Мы замечаем, что признаки эти находятся в прямом отношении с ве-

личиной добычи и ловкостью, с которой птицы хватают ее. Поэтому птица, у которой, как у колибри, клюв имеет признаки совершенно противоположные трем вышеназванным, не может ловить насекомых на лету: она должна их вытаскивать из щелей древесных стволов, как это делают дятлы, или хватать со дна цветов, как это мы замечаем у колибри. В обоих случаях необходим длинный язык, который у дятлов прикреплен к длинным нитевидным отросткам язычной кости, и у колибри имеет почти такое же строение». Из этих слов Бурмейстера ясно видно, что он не наблюдал, как колибри ловит насекомых на лету, но ничего другого из его сообщения вывести нельзя. Вильсон, Одюбон и Госсе слишком хорошие наблюдатели, чтобы можно было сомневаться в достоверности сообщаемых ими сведений.

Страна и местность, где живут колибри, растущие там и доставляющие им пищу цветы и другие внешние условия имеют, конечно, большое влияние на образ жизни различных колибри, но и привычки отдельных видов между собой довольно значительно отличаются. Почти все колибри настоящие дневные птицы.

Некоторые путешественники, между ними Спикс и Мартиус, говорят о целых роях колибри, другие же утверждают, что колибри появляются лишь поодиночке. «Я могу из собственного опыта сказать, — говорит принц фон Вид, — что оба эти мнения верны, так как часто мы в течение нескольких минут убивали очень много колибри одного и того же вида около цветущего дерева, хотя обыкновенно они показываются только поодиночке». Штедман рассказывает, что около некоторых деревьев он видел разом такую массу колибри, что слышно было общее жужжание, как от целого роя ос. То же самое рассказывал мне Рэль, который более 20 лет жил в Венесуэле; онч впрочем, замечал, что появление колибри целыми роями происходит только тогда, когда дерево в начале цветения внезапно покрывается большим количеством цветов. Обыкновенно же колибри появляются лишь один за другим, причем каждый экземпляр остается на одном месте очень короткое время.

В сравнении со своей крошечной величиной это в высшей степени раздражительные и гневные создания. Они вовсе не признают своей слабости, но так самоуверенны, смелы и дерзки, что, когда им это кажется необходимым, нападают на других животных. Они бросаются с яростью на маленьких сов, довольно больших соколов и даже с очевидной дерзостью приближаются к человеку. Вблизи своего гнезда они поднимаются в воздух на значительную высоту и оттуда стремительно падают вниз с своеобразным свистом, происходящим от быстрого движения их крыльев. При этом они стараются упасть как можно ближе к предмету, возбуждавшему их гнев, очевидно желая его напугать. Впрочем, иногда они прямо вступают в драку и пытаются употребить в дело свой длинный и тонкий клюв. Буллок, который также рассказывает об их нападениях на соколов, полагает, что они направляют острый, как игла, клюв на глаза других птиц и этим заставляют тех обратиться в бегство. На самом деле происходит, вероятно, так: сокол в борьбе с ними теряет мужество, потому что, вследствие их быстрых движений, не может их рассмотреть и чувствует относительно их свою беспомощность. В высшей степени интересно, должно быть, видеть, как столь больших птиц обращают в бегство малозаметные карлики.

Кроме времени гнездования, когда колибри храбро нападают на каждое живое существо, приближающееся к их гнезду, птицы эти относятся в высшей степени доверчиво к человеку. Они вовсе не пугливы, позволяют рассмотреть себя вблизи, спокойно летают туда и сюда перед самым лицом наблюдателя и совершенно беззаботны, пока человек стоит спокойно. Госсе говорит, что они очень любопытны и тотчас приближаются к предмету, который привлекает их внимание. Гундлах рассказывает, что они часто обыскивают цветы букета, который дамы держат в руках; Одюбон и после него Бурмейстер сообщают, что колибри часто прилетают в комнаты, привлеченные поставленными там букетами.

Ныне еще не вполне известно, остаются ли пары соединенными в течение всего года или оба пола сходятся только во время гнездования. Выводят они детенышей в различное время, смотря по местности. Те виды, которые перелетны, строят гнезда весной, а те, которые живут в средней Америке, делают это, когда наибольшее число растений находится в цвету. У некоторых видов, по видимому, гнездование вовсе не связано с известным временем года: Госсе положительно утверждает, что он во все месяцы находил гнезда с яйцами хохлатого колибри. «По моим наблюдениям, — говорит он, — большинство колибри выводят детенышей в июне, между тем как Гиль говорит, что это чаще всего происходит в январе. По всей вероятности, большинство видов кладут яйца два раза в год».

Все виды колибри выют сходные гнезда и кладут лишь по два беловатых, длинных и довольно больших яйца. «Сходство этих маленьких и красивых гнезд так велико, — говорит Бурмейстер, — что я нахожу излишним описывать их в отдельности, хотя каждый вид относительно материала для

постройки гнезд имеет свои особенности. Однако различие это следует скорее приписать местным условиям, именно находящимся в данной местности веществам, из которых можно строить гнездо».

Общие признаки всех гнезд примерно следующие: главным материалом для постройки служит растительный хлопок, но далеко не всегда настоящая вата; к этому хлопку примешиваются другие твердые растительные вещества, например древесные лишай, сухие нежные травы и бурые чешуйки папоротников. У некоторых гнезд мы встречаем все эти материалы вместе, а у других только часть из них. Лишай, употребляемые в дело, бывают очень различны, но каждый вид колибри, по-видимому, предпочитает известный сорт лишая другим и только его использует при постройке гнезда. Самым удивительным в этом отношении следует считать постройку одного солнечного колибри, гнездо которого свито из нежных стебельков мха и листьев без всякого хлопка. Гнездо это снизу оканчивается очень вытянутым острием, и для его постройки, между прочим, употребляется красный бразильский лишай; гнездо поэтому получает снаружи очень красивый вид, но что еще страннее — красящее вещество, заключающееся в лишаях, выделяется вследствие теплоты насиживанияющей птицы и окрашивает даже яички в ярко-пунцовый цвет, что в высшей степени поражает натуралиста, который находит подобное гнездо. Особенно удивительна равномерность и яркость окрашивания этих яичек: на них не заметно ни светлых, ни темных пятен, несмотря на то, что лишай не служит равномерной подстилкой для всей внутренней подстилки гнезда; он, как и у других видов, лишь примешан ко мху и вплетен так, что только один конец входит внутрь, а другой висит снаружи гнезда в виде мягкой лопасти.

Гнезда колибри отличаются не только по постройке, но и по месту, где они устраиваются, и по расположению, причем некоторые виды постоянно строят гнезда на одинаковых местах. Например, гнездо белошейного колибри, которое можно видеть даже в садах предместья Рио-де-Жанейро, устраивается всегда на горизонтальной раздваивающейся ветке. Оно как бы вдвинуто сверху в развилину, так что ветки от него продолжают в горизонтальном или немного наклонном кверху направлении. Я находил много таких гнезд и, как мне кажется, заметил, что птица выбирает дерево с некоторой обдуманностью, причем предпочитает определенные деревья и на других гнездах не строит. Большинство видов, однако, втискивают свое гнездо между отвесно торчащими соломинами или тонкими ветвями. Я собрал несколько таких гнезд, которые расположены между крепкими стеблями различных диких злаков, так что несколько соломинок служит для них подставками.

Шомбургк говорит, что гнездо колибри-топаза обыкновенно расположено на виллообразных разветвлениях деревьев, которые наклоняются над рекой, или на висящих стволах вьющихся растений. «Снаружи гнездо имеет цвет дубленой кожи и построено из массы, похожей на трут. Чтобы яички или птенцы не вывалились из этого гнезда, когда ветер качает тонкие ветви, осторожные родители снабдили гнездо широкой каймой, край которой загнут внутрь». Из наблюдений Сальвина оказывается, что по крайней мере у некоторых видов колибри самец участвует в устройстве гнезда, так как колибри, который на его глазах схватил клочок ваты почти из-под рук, был самец. В большинстве же случаев главную часть работы, по-видимому, исполняет самка; об этом нам повествует Госсе по собственным наблюдениям. Он рассказывает, что при отыскании гнезд и яиц он вдруг услышал шум от полета колибри и увидел самку, которая несла в клюве большое количество растительного хлопка.

Одубон говорит, что из яичек колибри птенцы вылупляются через 10 дней, через неделю становятся довольно большими, но выкармливаются родителями еще в течение одной недели. Сведения это, кажется, не совсем верно: мы знаем от других натуралистов, что детеныши колибри при вылуплении из гнезда бывают голы и слепы и так беспомощны, что едва умеют открывать клюв, чтобы принимать приносимую родителями пищу. По Бурмейстеру, они вылупляются только после 16-дневного насиживания, открывают глаза только через 14 дней и могут летать через 4 недели, а до тех пор остаются в гнезде, которое расширяется матерью по мере того, как детеныши растут*.

** Установлено, что длительность насиживания у колибри варьирует от 14 до 19 дней, птенцы остаются в гнезде 20-25 дней.*

Все американцы очень любят колибри за его красоту и миловидность и потому охотятся за ними только тогда, когда об этом просит европеец, собирающий коллекции. В прежних описаниях путешествий и естественно- исторических сочинениях говорится, что в них стрелять можно песком или водой. Одубон пробовал и нашел, что заряд из воды только грязнит ружье, а колибри не убивает. Мельчайшая дробь пригодна для охоты на колибри, но при этом необходимо точно измерить заряд и стрелять на должном расстоянии. В других отношениях охота эта вовсе не трудна и не требует особого искусства. Следует встать под цветущее дерево и в соответствующий момент выстрелить в колибри, который порхает над цветком. Подобным способом можно в течение утра убить их

сколько хочешь. Мертвые птички, впрочем, имеют значение только для натуралистов, так как прошли уже те времена, когда знатные мексиканцы украшали свои платья перьями колибри. Впрочем, и теперь в моде украшать дамские шляпы чучелами этих прелестных птичек, а на Всемирной выставке в Париже в 1878 году можно было видеть корсаж дамского бального платья, сшитый из блестящих грудок колибри**.

* * *В результате массового истребления в прошлом веке численность многих колибри была подорвана. Сейчас введен запрет на международную торговлю этими птицами, некоторые виды находятся на грани исчезновения и внесены в Красную книгу Международного союза охраны природы (МСОП).*

Кроме человека, колибри, кажется, не имеет других врагов. Едва ли можно предположить, что они часто делаются жертвами хищных птиц или хищных зверей, так как превосходят их в скорости движений. Птенцы колибри, однако, могут служить добычей лазающих хищников и птиц, которые разоряют гнезда: это видно уже из того, что взрослые колибри с яростью нападают на этих разорителей гнезд. Вообще же следует предположить, что эти живые яхонты чаще всего околевают естественною смертью, что можно заключить из большого числа их, хотя размножаются они не особенно сильно. Прежде много занимались мифическими врагами колибри; рассказывали, например, что большой паук, так называемый птицеяд, ловит колибри в свою паутину и высасывает из них кровь точно так, как у нас крестовик умерщвляет мух. Но наши сведения о жизни колибри заставляют сомневаться в правдоподобии этих рассказов, сообщаемых Сибиллой Мериан и Пализо де Бовуа, хотя нельзя отрицать возможности того, что маленький колибри может запутаться в толстую паутину и быть убитым большим пауком.

Однако колибри не так глупы: они очень хорошо знают опасность подобных сетей и не только умеют избегать их, но даже пользуются паутиной для своего питания, как это выше описано Буллоком.

Семейство птицы-мыши

Все представители семейства очень похожи между собой. Туловище у них удлиненное, почти цилиндрическое, мускулистое, клюв короткий, толстый, у основания загнутый крючком, а на конце несколько сплюснутый с боков. Верхняя челюсть образует небольшой крючок над нижней. Ноги имеют короткие плюсны, но длинные пальцы; крылья короткие и сильно закруглены, хвост более чем вдвое длиннее туловища. К особенностям этих птиц относятся устройство ног и особое строение оперения. Все четыре пальца на ногах могут быть обращены вперед, но оба крайних пальца иногда обращены и назад; оперение, покрывающее тело, необыкновенно нежно, и отдельные бородки перышек похожи на волосы млекопитающих. Двенадцать длинных рулевых перьев, напротив того, поражают своей удивительной твердостью*. Каждое из этих перьев состоит из очень крепкого стержня, по сторонам которого расположены узкие и твердые бородки. Средние рулевые перья по крайней мере в 4 раза длиннее наружных, так что хвост принимает ступенчатый вид, едва ли встречающийся у других птиц. Преобладающим цветом оперения является трудно определяемый изжелта-серый, который переходит более или менее в красноватый или пепельно-серый. Цвет и строение оперения и послужили главным образом причиной, что этих птиц называли птицами-мышами. Во время моего путешествия в Африку я познакомился с двумя видами этих странных птиц, но нашел, что они настолько похожи между собой по привычкам и образу жизни, что достаточно описать один из них, чтобы познакомиться со свойствами всего семейства.

* *Здесь вкралась какая-то ошибка. На самом деле хвост птиц-мышей содержит всего 10 рулевых перьев.*

Длиннохвостая птица-мышь (*Colins macrourus*) достигает длины 34 см, размах крыльев 29, длина крыла 10, а хвоста 24 см. Преобладающим цветом является нежный рыжевато-серый, который на темени принимает более желтый оттенок, а на подбородке и середине горла грязновато-белый; нижняя часть груди рыжевато-серая; на середине затылка замечается ярко-голубое пятно. Плечи и покровные перья крыльев пепельно-серые. Маховые и рулевые перья у основания окрашены в коричнево-красный цвет, а на конце в землистый бурый. Глаза красно-бурые и окружены блестящим малиново-красным голым местом, которое доходит до основания клюва и образует род уздечки; клюв на конце черный, ноги кораллово-красные. Самка и самец по окраске друг от друга не отличаются.

Область распространения длиннохвостой птицы-мыши занимает большую часть Африки: на северо-востоке от южной Нубии и страны Богосов до области истоков Нила, а на западе от Сенегамбии до области Дамара. Я прежде всего нашел ее в южной части степи Баюда, а затем во всех частях восточного Судана, где мне пришлось побывать. Гейглин находил эту птицу как в равнинах,

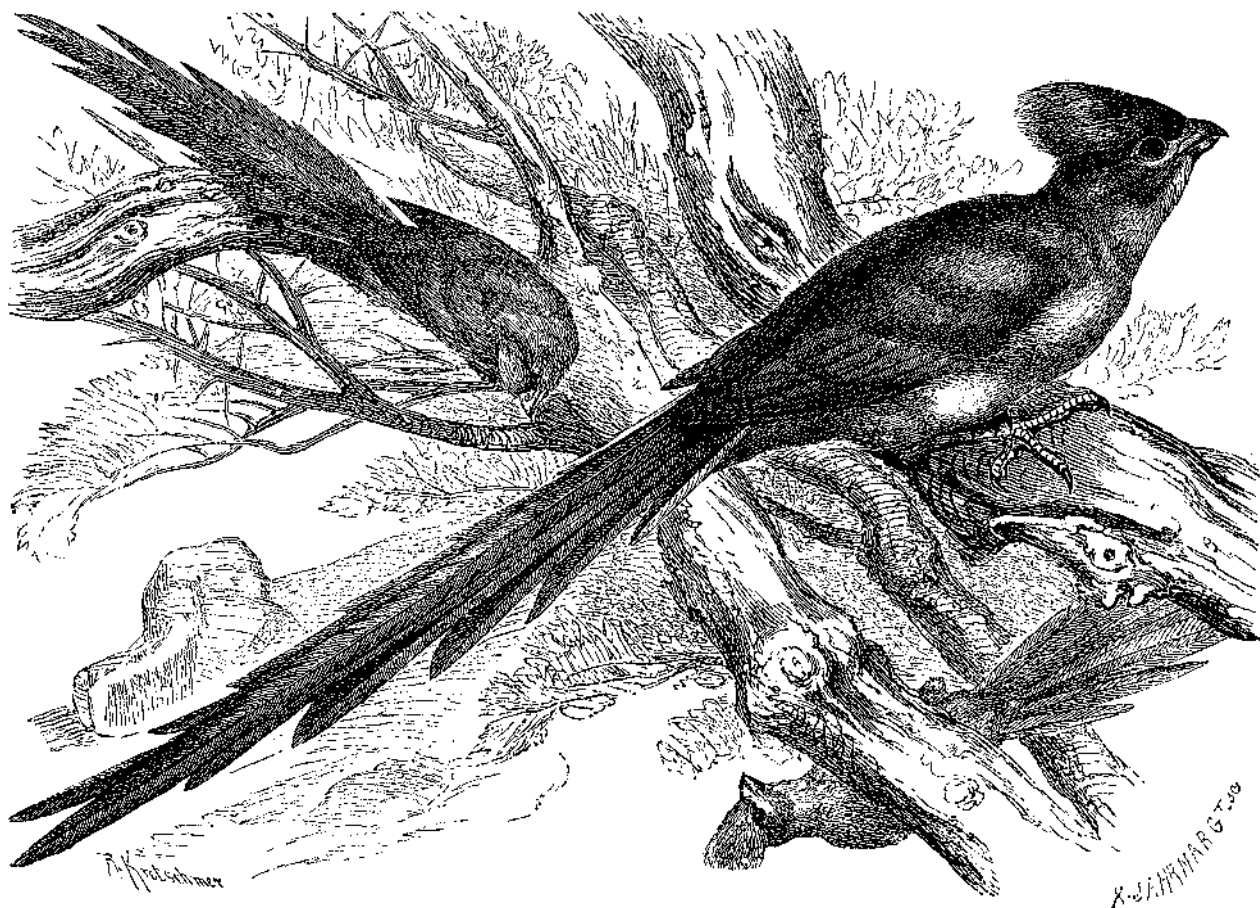
так и на горах Абиссинии до 2000 м высоты, но в верхних частях Белого Нила ее уже не встречал, почему полагает, что птицы-мыши далеко на юг не залетают.

Птицы-мыши, по-видимому, живут только в Африке, так как предположение старых писателей, что их находили также и в Индии, до сих пор еще не подтвердилось*. Они живут в средней и южной Африке, а на севере их совсем нет, хотя любимые ими деревья хорошо произрастают и там; их стаи можно встретить только на лесистых равнинах средней Африки. В некоторых местах первобытного леса они довольно обыкновенны и часто встречаются в городах внутренней Африки и на фермах Капской провинции.

* *Птицы-мыши действительно распространены исключительно в Африке к югу от Сахары. Они образуют самостоятельный особый отряд (Coliiformes) древнего происхождения с неясными родственными связями.*

Левальян был первым натуралистом, который подробно описал этих удивительных птиц. Он рассказывал о них много странного, так что все относилось к его показаниям недоверчиво и до сих пор еще не верят его рассказам, а между тем едва ли его сообщения ложны.

Все длиннохвостые птицы-мыши живут семействами или маленькими обществами, обыкновенно по шести вместе. Они селятся в садах или в лесу и ежедневно облетают с известной правильностью довольно большое пространство. Для жилища они избирают ту часть своего участка, где больше всего густых кустарников. Тому, кто не познакомился по личным наблюдениям с растительным царством тропических стран, трудно составить себе понятие о тех деревьях и кустарниках, которые наиболее удобны для жительства птиц-мышей. Густой куст или ветвистое дерево, кроме того, еще покрытые шипами, настолько обрастают паразитирующими растениями, что от настоящего дерева разве кое-где замечается ветвь, проникающая сквозь посторонние растения. Сеть, образованная этими ползучими растениями, так густа, что не только непроницаема для человека и других млекопитающих, но в ней даже трудно прорезать отверстие большим охотничьим ножом. Птица, которая прячется в такой куст, найдет здесь полную защиту от выстрела охотника, который ни в каком случае не мог бы найти в этой чаще убитое животное, даже если бы употребил на это все свои старания. Лианы и другие чужеродные растения закрывают собой значительные части тропического леса, так что туда никто проникнуть не может, и внутренность этих скрытых убежищ остается всегда тайной для человека. Описываемые нами странные птицы селятся и двигаются в самых густых кустарниках подобного рода. Ни одна птица не в состоянии проникнуть туда, куда свободно пролезает птица-мышь, причем движения ее очень напоминают то животное, от которого она заимствовала свое название. Она, как мышь, шмыгает через самые незначительные отверстия и пролезает между ветвями, расположенными так близко друг к другу, что туловище птицы едва-едва между ними помещается. Общество птиц-мышей появляется на поверхности такого куста и на короткое время здесь прицепляется; затем птицы находят отверстие и в одно мгновение исчезают во внутренности чащи. Если есть возможность обойти этот куст, то через некоторое время можно заметить на противоположной стороне высунувшуюся головку птицы, затем ее туловище и наконец появляется и вся птица. Раздается громкий крик, и стая быстро перелетает ко второму кусту, где исчезает точно таким же образом. Наблюдателю трудно понять, как птицы могли проникнуть во внутренность куста: для этого нужна истинно мышиная ловкость. Полет птиц походит то на порхание, то на парение с распушенными крыльями и несколько расширенным хвостом, который похож на шлейф. Левальян очень удачно сравнивает стаю этих птиц с летящими стрелами, и, действительно, летящая по воздуху птица-мышь очень похожа на пущенную стрелу. Птицы эти никогда не поднимаются на значительную высоту и точно так же никогда не садятся на землю. Вся стая во время полета кричит сообща, насаждая отдельная птица издает трескучий звук, похожий на слоги «кирр-кирр» или «три-три», но так как все кричат вместе, то все смешивается в непередаваемый словами шум.

Длиннохвостая птица-мышь (*Colinus macrourus*)

Левальян рассказывает, что птицы-мыши для отдыха привешиваются по несколько вместе гроздеобразно к ветвям, причем одна птица прицепляется к другой наподобие роящихся пчел, и свешиваются головами вниз. Я сам этого никогда не видал, но Верро утверждает, что наблюдал, как одна птица привешивается одной лапой, другая прицепляется к первой, третья схватывает свободную ногу второй и таким способом образуются цепи в 6-7 штук птиц, которые висят на одной ветви; таким образом Верро вполне подтверждает слова Левальяна*. По моим наблюдениям, птицы-мыши во время сна принимают совершенно своеобразное положение, не захватывают только сучок пальцами, но ложатся на него всей грудью. Так как в подобном положении пяточные суставы сильно согнуты и основания пальцев плотно прилегают к туловищу, то можно действительно подумать, что птица висит на ветке, а на самом деле она только лежит на ней. Двигаясь по ветвям, птицы-мыши часто принимают такое же положение, как синицы, т.е. привешиваются к ветвям снизу, но остаются в таком положении лишь короткое время.

* Подобного рода информация Левальяна и Верро относится к разряду басен, почерпнутых из рассказов туземцев. Ничего подобного при изучении биологии птиц-мышей не выявлено.

Левальян дальше рассказывает, что птиц-мышей очень нетрудно словить, если только узнаешь, где они ночуют: стоит только ночью или рано утром подойти к кусту и захватить весь клубок спящих птиц. Они находятся в таком оцепенении, что ни одна из них не улетает. Считаю почти излишним сказать, что я не верю в возможность подобного оцепенения птиц и мои собственные наблюдения ни в чем не подтверждают подобного странного поведения птиц. Птицы-мыши действительно не очень пугливы. Их можно назвать очень доверчивыми, но они все-таки не так глупы, чтобы позволить себе схватить руками. Их пребывание в густых кустарниках, которые недоступны врагам, делает их очень неосторожными, но, однако, они умеют хорошо отличить опасное животное от неопасного, а залетевши в сады, они делаются даже довольно пугливыми.

Пища птиц-мышей состоит, по-видимому, только из растительных веществ. Я прежде думал, что они едят и насекомых, но во время моего последнего путешествия в Абиссинию я исследовал желудки всех убитых мной птиц-мышей и находил в них только листья, почки, кусочки плодов и мягкие семена. В садах они нападают на винные ягоды и виноград, а по наблюдениям Гартмана, едят также сладкие лимоны. При еде они принимают различные положения, как наши синицы привешиваются к ветвям снизу или к самим плодам.

Гнезда этих птиц были описаны прежде всего Левальяном, а позднее Гюрнеем, Гартманом, Андерсоном и Гейглином. Первый из них говорит, что гнездо имеет форму конуса, свито из разных корней или же выложено внутри и привешено в самом густом кустарнике, причем одно гнездо висит около другого, так что общение птиц не прекращается даже во время размножения**.

* * *Специальные исследования эти наблюдения Левальяна не подтвердили.*

По Гартману, гнездо свито из степной травы, волокон луба, шерстистых листьев и цветочных стеблей, а внутри выстлано растительным пухом; Гюрней же говорит, что гнездо снаружи покрыто зелеными свежими листьями, и полагает, что таким образом получается известная степень сырости, которая необходима при высиживании яиц. Гейглин нашел гнезда птиц-мышей в дождливое время года в садах Хартума; они были привешены к гранатовым кустам и виноградным лозам, были очень малы, плоски, неплотно сплетены и состояли из сухой травы, соломы, луба и корней. В этих гнездах находят 2-3 довольно тупых яйца с тонкой белой скорлупой, покрытой немногими, но очень яркими бурыми пятнышками и полосками; длина их 17 мм, а ширина 14 мм. Андерсон также утверждает, что птицы-мыши всегда несут по три яйца. Других наблюдений о размножении этих птиц привести нельзя*.

* *Кладки птиц-мышей могут состоять из 2-8 яиц, но кладки из 6-8 яиц, по всей вероятности, снесены двумя самками, поскольку есть наблюдения о насиживании двумя самками одного гнезда. Насиживание длится 12-14 дней, птенцы оставляют гнездо через 14-16 дней, но после еще 2 недели докармливаются родителями.*

В Капской провинции усердно ловят птиц-мышей, во-первых, потому, что они вредны для садов, а во-вторых, потому, что у них вкусное мясо. Их часто ловят и живыми, но Левальян говорит, что в клетках птицы не особенно привлекательны. Другие наблюдатели, однако, высказывают иное мнение и утверждают, что в неволе эти птицы довольно живы и занимательны.

Семейство трогоновые

Это птицы меланхолического темперамента, у которых, однако, спокойный и вялый образ жизни соединяется с замечательной красотой оперения. Это семейство распространено по всем тропическим странам Старого и Нового Света. Характерными признаками этих птиц будут следующие: тело вытянутое, но густо оперенное; клюв очень короткий, широкий, трехгранный, сильно согнутый, с режущим концом. Ноги очень маленькие, слабые, с короткой плюсной, тонкие и короткопалые; внутренний и задний пальцы их обращены назад. Крылья короткие и сильно округленные; маховые перья узкие, заостренные, с твердыми стержнями и серповидно согнутые. Хвост длинный, двенадцатиперый; три наружных пера его с каждой стороны укорачиваются, тогда как шесть средних приблизительно равной длины. Оперение очень мягкое, весьма пушистое, имеет чудный металлический блеск и переходит у основания клюва в щетинки.

Чудная красота оперения этих удивительных птиц издавна обращала внимание натуралистов и простых людей, тогда как их образ жизни не представляет собой ничего, что заслуживало бы внимания.

Лениво и задумчиво сидят они на каком-нибудь сучке и посматривают вокруг. Пролетающее насекомое заставляет их слететь; они преследуют добычу с большим проворством, ловят ее весьма ловко и затем снова возвращаются на место отдыха. Однако пищей им служат не только насекомые, но и плоды; некоторые даже питаются исключительно растительной пищей и при этом прибегают к тому же способу, как при ловле летящей добычи: слетают со своего места к какому-нибудь плоду или ягоде, срывают ее, проглатывают и вновь возвращаются на прежнее место.

Достоин внимания еще и то, что красота оперения, описать которую словами невозможно, менее прочна, чем у всех других птиц. Цвет перьев чрезвычайно не прочен: он пропадает на чулах уже по прошествии короткого времени, если последних выставить на свет.

Один из самых известных южноазиатских трогоновых — **азиатский трогон** (*Harpactes fasciatis*). У самца верхняя сторона окрашена в каштаново-бурый цвет, голова и шея аспидно-черные, горло и зоб светло-аспидно-серые, кроющие перья крыльев исчерчены черными и белыми полосками. Грудь и нижние части тела пурпурово-красные. Зоб отделяется от груди ослепительно белой полосой. Кольцо, начинающееся от уха и идущее по затылку, такого же красного цвета, как и грудь. Небольшое обнаженное место у глаза — цвета голубой эмали. Средние перья хвоста того же цвета, как и спина, наружные же черного и белого цветов. Глаза темно-бурые, клюв темно-синий, ноги светло-зеленовато-голубого цвета. У самки на голове нет темного рисунка. Верхние малые маховые и кроющие перья ее снабжены нежными черными и бурыми поперечными полосками, а нижняя часть тела вместо красного цвета имеет охрово-желтую окраску. Длина птицы достигает 31 см, размах крыльев 41, длина крыла 13, а хвоста 15 см.

По Жердону, азиатский трогон живет в Малабарских лесах от крайнего юга до Гатских гор, а также в некоторых лесах средней Индии и Цейлона до 1000 м над уровнем моря. Она предпочитает высокие пояса, начиная приблизительно с 600 м, и держится всегда в самых густых чащах лесов.

Нарина, или уздечковый африканский трогон (*Apalodemia narina*). Самец африканского трогона имеет следующие признаки: вся верхняя часть его, включая малые кроющие перья крыльев и средние рулевые хвоста, горло и шея — роскошного, блестящего золотисто-зеленого цвета. Нижняя часть груди и брюхо — темно-розово-красного. Большие кроющие перья крыльев серые с черноватыми поперечными полосами. Маховые перья черные с белыми стержнями. Самые крайние хвостовые перья имеют белые наружные опахала; внутренние же опахала их черноватые. У самки все цвета мутные, лоб и горло буро-красные, маховые перья буро-черные.

Нарина, или уздечковый африканский трогон (*Araloderma narina*)

Левальян открыл африканского трогона в лесах южной Африки; позднее Рюппель нашел его в лесистой полосе вдоль берегов Абиссинии, Гейглин — в горной стране Фазогл и на Белом Ниле, Рис — в Агвапиме, Дю-Шалью — на берегах Муни, Кирк — на юге Мозамбикского пролива, Монтейро — в Бенгуэле. Мне посчастливилось видеть эту роскошную птицу всего один только раз, а именно в долине Мензы в нескольких километрах от берегов Красного моря, но, по моему мнению, она там не так редка, как полагают путешественники, так как наблюдать эту птицу в высшей степени затруднительно благодаря тому, что она держится на горных откосах. Какое-нибудь ущелье, пролетаемое ими в несколько мгновений, отвесная скала, по которой они лазают на высоте 50 м, являются для наблюдателя непреодолимыми препятствиями. Жюль Верро говорит, что он находил трогона в южной Африке, преимущественно в больших лесах, к востоку от предгорий мыса Доброй Надежды. Здесь они спокойно живут одиночками на высочайших деревьях, отправляясь на добычу только в утренние и вечерние часы и пугливо улетаая при приближении человека.

В жизни и поведении этих птиц столько оригинального, что их невозможно не заметить. Сидя, они держатся совершенно прямо, прижав голову к плечам и свободно опустив хвост книзу. Полет их плавен и бесшумен, взмахи крыльев мягкие, и, на сколько я мог заметить, на лету они не делают никаких поворотов. «В пору любви, — говорит Левальян, — нарины-самцы издают как бы болезненный крик; в остальное время года они молчаливы». Верро подтверждает это и называет их голос звонким и протяжным криком. Однако, кроме этого крика, птицы издают и другой звук, а именно глухой, напоминающий голос чревоушителей. Нередко их голос слышится как бы вдали, тогда как птица сидит совсем близко. Это сообщение я могу подтвердить, так как ясно слышал эти глухие звуки, не понимая сначала их происхождения. Левальян уверяет, что африканского трогона можно приманить, если подражать крику совы или свистеть, приложив к губам лист, а эти звуки похожи на те, которые наблюдали натуралисты у южноамериканских видов. Пища птиц состоит преимущественно из бабочек, богомолов и мух. Впрочем, Верро находил, хотя и очень редко, в желудках убитых им птиц остатки жуков. По словам Левальяна, африканский трогон гнездится в дуплистых деревьях и кладет четыре почти круглых яйца белого цвета, но пока из последних невыпущено содержимое, они кажутся красноватыми. По словам Верро, число яиц бывает два, редко три. Для высиживания необходимо 20 дней. Приблизительно во столько же дней вырастают птенцы. Но по вылете из гнезда последние еще довольно долгое время остаются с родителями.

Гватемальский квезаль (*Pharomachrus macinno*) — самый красивый из всех птиц этого семейства. Он характеризуется пышным, состоящим из рассученных перьев, сжатым с боков, высоким полушаровидным шлемом и необыкновенно развитыми кроющими перьями, которые волнами ниспадают с крыльев и хвоста. Преобладающая окраска оперения — блестящая смарагдово-золотисто-зеленая. Грудь и остальные нижние части яркого пурпурово-красного цвета; маховые перья и их кроющие, а равно и четыре средних хвостовых пера — черные; остальные рулевые перья белые. Первый ряд верхних кроющих перьев крыла заметно удлинен, состоит из узких, острых, в общем напоминающих пальмовый листок перьев и окрашен в золотисто-зеленый цвет, как и верхние необыкновенно развитые кроющие перья хвоста, у которого оба средних пера могут достигать 80 см в длину. Глаза темного орехово-бурого цвета; веки черные; клюв желтый, у основания оливково-бурый; ноги буро-желтые. Самка отличается лишь слабо развитым хохлом и гораздо менее длинными кроющими перьями, которые, однако, далеко превосходят длину рулевых перьев. Длина птицы достигает 42 см, длина крыла 21, а хвоста 22 см. Самые длинные кроющие перья хвоста длиннее рулевых перьев на 65 см.

Семейство зимородковые

По имени одной из самых красивейших птиц нашего полушария, которую прославили в разных сказках и преданиях, дали совсем неподходящее название многочисленному семейству зимородковых. Большинство относящихся сюда птиц живут в жарком поясе земного шара и не имеют понятия о зиме. Зимородковые характеризуются следующими признаками: тело их плотное, шея короткая, голова крупная, крылья короткие или средней величины, хвост самое большее средней величины, клюв длинный, сильный, прямой, угловатый, острый. Ноги очень малы, трех- и четырехпалые; оперение гладкое, большей частью ярко окрашенное, почти одинаковое у самцов и самок и мало отличающееся у птиц разных возрастов.

Зимородковые — космополиты и распространены довольно равномерно во всех частях света, хотя в настоящее время это семейство богаче всего видами только в жарком поясе. Многие виды этого семейства предпочитают селиться около больших или маленьких водных пространств, но не

все виды тяготят к воде; напротив, немало, может быть, даже большинство являются лесными птицами, и их образ жизни имеет мало схожего с образом жизни зимородковых, любящих воду. Само собой понятно, что, с одной стороны, такое несходство находится в тесной связи со своеобразной организацией, а с другой — выражается в свойстве оперения.

Зимородки-рыболовы характеризуются длинным, прямым клювом и всегда очень гладким, плотно прилегающим жирным оперением. Все виды селятся вблизи воды и, следуя водным пространствам, забираются, с одной стороны, на высокие горы до тех мест, где еще есть рыба, с другой — до берегов моря. Возле воды они живут поодиночке и самое большее парами; как и все птицы-рыболовы, это тихие, угрюмые создания, которые избегают, насколько возможно, общения с подобными себе или другими птицами и в каждом живом существе видят если не врага, то помеху их рыбному промыслу. Они остаются на одном месте лишь постольку, поскольку их вынуждают к тому заботы о потомстве; в остальное время они постоянно летают, занимаясь ловлей рыбы, и некоторые виды облетают значительные пространства.

Способности их своеобразны. Ходить они почти не умеют, летают также не искусно и только в воде выказывают себя весьма ловкими: удивительным образом ныряют и умеют немного плавать. Из органов чувств у них лучше всего развиты зрение и слух. Умственные способности их на низкой ступени развития. Самая выдающаяся характерная черта птиц — безграничная недоверчивость. Умными их назвать нельзя, но они не лишены и достоинств, так как по крайней мере проявляют большую привязанность к своим птенцам.

Пищу зимородков-рыболовов составляют рыбы, насекомые, раки и т.п. Голых гадов, пресмыкающихся и других позвоночных, часто служащих кормом родственным им зимородкам-альционам, они никогда не ловят. Сидя спокойно и тихо на какой-нибудь удобной ветке над водой или, подобно крачкам-рыболовам и чайкам, летая над водой то вверх, то вниз, они смотрят в глубину и внезапно бросаются на замеченную рыбу, при этом обыкновенно исчезают под поверхностью воды, затем сильными взмахами крыльев выплывают наружу и возвращаются на старое место. Здесь они ждут, пока схваченная ими рыба уснет, или ускоряют ее смерть, ударяя ею по суку, и проглатывают ее с головы всю целиком. После этого они продолжают ловлю.

Размножение зимородковых довольно значительно, так как все виды выводят многочисленное потомство. Для гнезд они выбирают отвесные обрывы, в которых вырывают глубокие норки, расширяя задний конец такой норки в собственно гнездовую камеру. Гнезд они не строят, но мало-помалу отырают такое количество погадок, состоящих главным образом из рыбьих косточек, что со временем в гнезде образуется подстилка.

Человеку зимородки не приносят никакой пользы, но зато и никакого вреда. В богатых рыбой местностях масса пищи, которая требуется для них, не имеет никакого значения, а вид, живущий у нас, так мал, что едва ли можно говорить о каком-либо убытке, приносимом им человеку.

Плутарх говорит, что зимородок — альциона — самое умное и почтенное из всех морских животных. Так, он говорит: «С каким соловьем сравним мы ее пение, с какой ласточкой — ее быстроту, с каким голубем — любовь, которую она питает к своей самке, с какой пчелкой сравним ее прилежание?» И дальше: «Что же касается до ее ума и искусства, выказываемого при постройке гнезда, то они достойны удивления. Альциона устраивает гнездо единственным орудием — своим клювом; она устраивает его наподобие кораблика, так как оно так сложено, что волны не могут его ни потопить, ни перевернуть. Она сплетает из маленьких рыбьих косточек род ткани, так что одни кости лежат прямо, как основа, а другие, как уток, проплетаются насквозь; ткань эту она сгибает, образуя округленные бока, и делает гнездо продолговатым, точь-в-точь как военный корабль. Когда же она все таким образом устроит, то гнездо плотно прикрепляется к берегу и волны ударяют в него, колеблют и даже захлестывают, а птица прикрепляет гнездо еще крепче, так что его нелегко ни разломать, ни оторвать камнем или железом. Самое замечательное в нем — это дверцы, устроенные и установленные так, что птица только сама может войти в них, для других же дверцы незаметны и неизвестны. Через них ничто не может проникнуть, даже вода, так как вход в гнездо сделан из набухающей, как губка, материи. Разбухая, эта масса запирает вход, и ничто не может проникнуть в гнездо. Когда птица хочет войти, она выжимает эту массу, и вытекшая вода открывает ей доступ. Аристотель говорит, что гнездо альционы выглядит вроде морского шара, сплетенного из морских цветов (актиний) и различных водорослей, что оно светло-красного цвета и похоже на ковшик с длинной шейкой. Самое большое из таких гнезд больше греческой губки. Оно заделано и заклеено отовсюду и имеет вид губки, наполненной водой; в некоторых местах цельное, в других с отверстиями, но при этом оно способно противостоять всякому острому орудию настолько, что его едва можно разрубить. Предполагают, что такое гнездо устраивают из острых рыбьих косточек, так

как альционы питаются рыбой. Гнездо устраивают в семь первых дней. В семь же следующих кладут пять яиц, высиживают их и выводят птенцов. Самка настолько любит своего самца, что живет с ним вместе не только в одно известное время в году, как другие птицы, но неразлучна с ним всегда. Когда же самец от старости делается бессильным и едва может двигаться, она берет на себя заботы о нем, кормит его, ухаживает за ним с таким усердием, что никогда не оставляет его, даже носит с собой на спине, помогает во всем и полезна ему до самой смерти. Когда самец умирает, самка больше уже не ест и не пьет, отчего и сама скоро погибает, а перед смертью поет прощальную жалобную песнь. Но я не желал бы, чтобы мне или кому-нибудь другому привелось слышать этот крик, так как он предвещает заботы, несчастье и даже самую смерть.

Альциона, как и птенцы ее, обладает приятным запахом, очень похожим на приятный запах мускуса. Мясо их не гниет даже после смерти. Полагают, что она сама снимает с себя кожу или вынимает оттуда внутренности ежегодно, как бы линяя еще при жизни. Купцы, продающие сукно, кладут в него кожу альционы, чтобы оно имело способность противостоять моли. Где бы ни лежало такое гнездо, в комнате или в доме, везде проявляется это свойство его; мне это рассказывали люди, испытывавшие его на деле, хотя я тому мало верю. Некоторые говорят, что молния не ударяет в тот дом, где будет находиться гнездо альционы. Если же такое гнездо положить возле сокровищ, оно умножает их и гонит от людей нищету».

Так рассказывает доверчивый Геснер, сопоставляя удивительные и невероятные сообщения древних. Замечательнее же всего то, что такие сказки удержались и до новейшего времени и им верили по крайней мере отчасти, так как и в наши дни многие народы рассказывают про зимородковых почти такие же басни. Как в свое время наши предки верили, что эта чудесная птица, будучи даже мертвой, защищает от молнии, увеличивает спрятанные сокровища, всякого, носящего ее кожу, одаряет красотой, миловидностью, приносит в дом мир и безветрие на море, привлекает к себе рыб и потому улучшает рыболовство, — так в наше время у некоторых народов Азии из уст в уста передаются чудесные истории про этих птиц. Перьям зимородковых приписывают свойство привораживать любовь, а клюву — целительную силу. В наших глазах подобные сказки, конечно, ровно ничего не значат, но птица, которую они прославляют, тем не менее заслуживает всеобщего внимания.

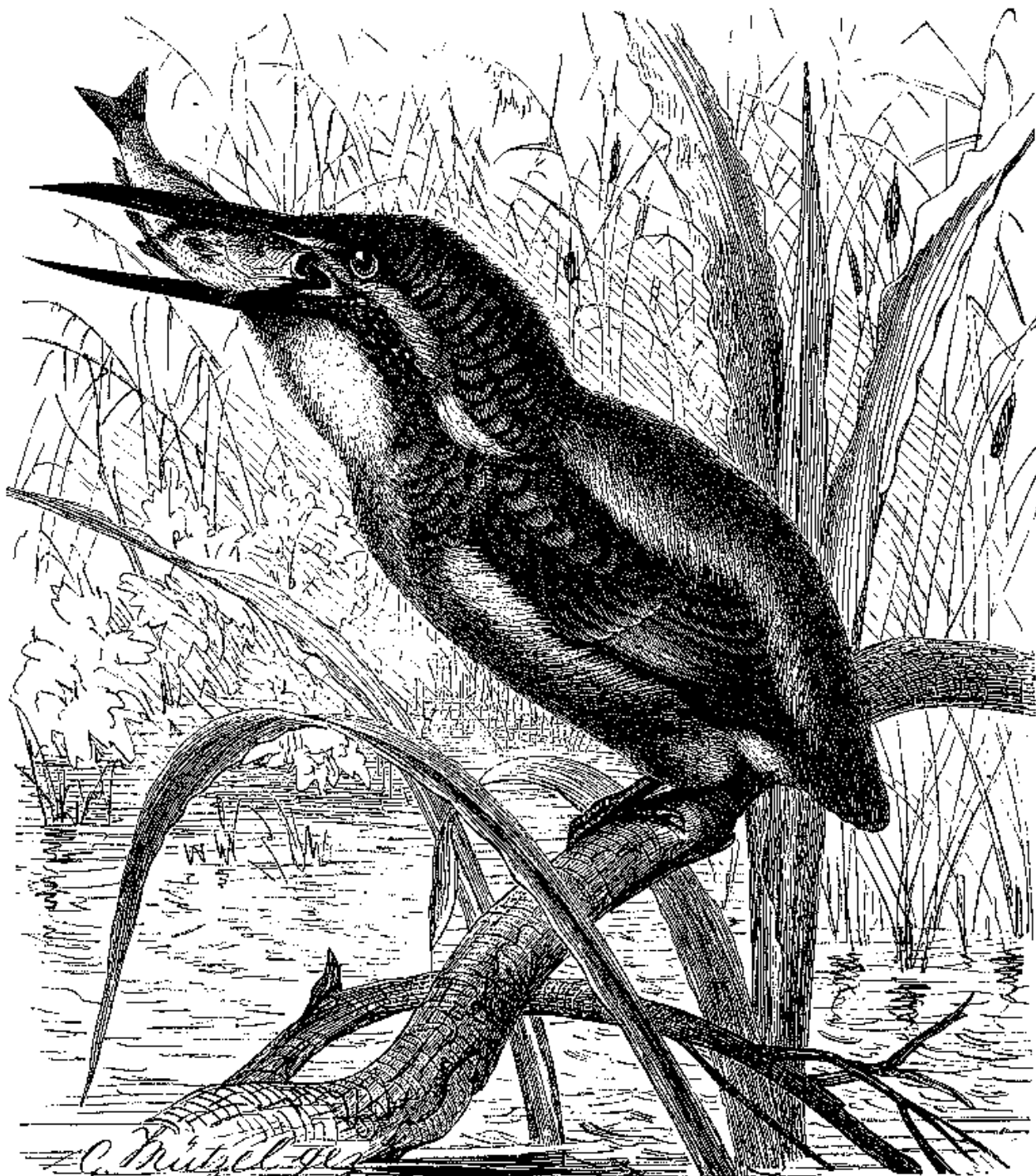
Обыкновенный зимородок (*Alcedo atthis*) отличается следующими признаками: ноги очень маленькие и короткие; из трех передних пальцев — средний сросся до второго сустава с почти таким же длинным наружным, а с более коротким внутренним пальцем — до первого сустава; задний палец очень маленький. В коротком и довольно тупом крыле третье маховое перо превосходит длиной остальные. Хвост состоит из 12 маленьких, коротких перьев. Оперение густое, не плотно прилегающее, рассученное, но твердое, великолепно окрашенное, сверху с металлическим, снизу с шелковистым блеском. Перья на затылке удлиняются в маленький хохолок. Верхняя часть головы и затылок окрашены по темно-зеленовато-черному фону узкими голубыми, частыми поперечными линиями; плечи, надкрылья и наружная часть опахала буро-черных маховых перьев — темно-зеленого цвета; покровные перья крыла украшены на кончиках кругловатыми голубыми пятнышками. Средние части верхней стороны тела — красивого бирюзового цвета; полоса, проходящая через темную уздечку, и продолговатое пятно на нижнем краю глаза и расширяющееся за область уха, а также и вся нижняя часть тела и нижние покровные перья хвоста и крыльев — ярко-ржаво-кирпичного цвета; подбородок и горло ржаво-желтовато-белые; широкая полоса, направляющаяся вниз от основания клюва и проходящая под пятном кирпичного цвета в области уха, концы верхних перьев на боках груди, боковые покровные перья хвоста и хвостовые перья на конце — темно-голубого цвета. Радужина темно-карая, клюв черный, основание нижней челюсти клюва красное; маленькие ноги сургучно-красные. Длина 17 см, размах крыльев 27-28, длина крыла 7, хвоста 4 см. Обыкновенного зимородка нельзя смешать ни с какой другой европейской птицей, но возможно смешать с иноземными видами это семейства.

Вся Европа, от Ютландии, Дании, Лифляндии и Эстляндии до юга, а также и западная часть Азии составляют родину обыкновенного зимородка. В Испании, Греции и на греческих островах он встречается еще часто. В восточной Азии заменяется родственным ему видом, на который некоторые исследователи смотрят как на разновидность*.

* В настоящее время доказано, что упоминающиеся Бремом формы, населяющие Индонезию, Индостан, восточную Азию, относятся к одному виду (*Alcedo atthis*), но образуют особый подвид *Alcedo atthis hengalensis*.

В северо-западной Америке он, вероятно, также встречается как гнездящаяся птица; он аккуратно посещает северо-восточную Африку в зимнюю пору, но, однако, там не гнездится. То же

самое можно сказать, насколько это до сих пор установлено, и про Канарские острова. Даже и в Греции ни одного раза не находили до настоящего времени гнезда и яиц этой птицы, несмотря на то что здесь она также часто встречается в зимние месяцы**. Из этих временных появлений на юге ее области распространения можно вывести заключение, что значительная, по всей вероятности, даже большая часть северных зимородков странствует, может быть, даже совершает правильные перелеты.

Обыкновенный зимородок (*Alcedo atthis*)

Обыкновенно зимородка видишь только тогда, когда он с быстротой стрелы летает над поверхностью воды; только очень опытный глаз может заметить его сидящим. Именно поблизости населенных мест или вообще оживленной местности он выбирает себе всегда по возможности скрытые местечки и уголки для отдыха, выказывает в этом большую ловкость и, по-видимому, очень хлопочет, пока не найдет подходящего сторожевого пункта. Что избираемые места действительно удобны, следует уже из того, что все зимородки, посещающие реку, всегда выбирают себе одни и те же убежища для сидения. Таких общеизлюбленных местечек, — говорит Науман, — встречается всегда несколько в известной области, но часто они находятся на довольно большом расстоянии друг от друга. Они расположены всегда очень низко, редко выше 60 см над поверхностью воды, и всегда

в уединенных местах. Но в безлюдных, от человеческих жилищ весьма отдаленных местностях зимородок выбирает себе также часто более открытые места, на которых его можно заметить уже издалека. На более же высокие, свободные сучки или даже на верхушки высоких деревьев взлетает он только тогда, когда наступает время спаривания». Ночь он проводит под нависшим берегом или даже в норе. Каждый отдельный обыкновенный зимородок или по крайней мере каждая пара завладевают, впрочем, известной областью и защищают ее с упорством.

Если какая-нибудь птица может быть названа «сидячей птицей», то это именно зимородок. Он сидит буквально половину дня неподвижно на одном месте, всегда тихо, со взором, устремленным на воду, спокойно дожидаясь добычи, «хладнокровный до самого сердца», как настоящий рыболов. «Его маленькие ножки, — говорит Науман, — годны, по-видимому, только для сидения, а не для ходьбы, потому что он ходит очень редко, и в этом случае делает только несколько шажков разве по небольшой плоскости камня или пня, но никогда не по земле». Если ему не мешают, он только тогда перемещает свое место, когда отчаивается с него поймать что-нибудь. Если счастье ему благоприятствует, то он большую часть дня проводит на одном и том же сторожевом poste. Если терпеливо его наблюдать, то видишь, что он вдруг вытягивает шею, пригибается вперед, так что его клюв направлен почти вертикально вниз, и вдруг, как лягушка или, вернее, как стрела, бросается в воду, не используя при этом крыльев. Обыкновенно он совсем исчезает под водой, но вскоре, сделав несколько ударов крыльями, опять поднимается на поверхность воды, снова летит назад на свое место, отряхивает перышки от воды, пожалуй, чистит их немножко и принимает прежнее положение. Если он напрасно несколько раз старался поймать добычу или если просто не видит никакой рыбки, то наконец решается переместить место. Полет, как кажется, требует от зимородка напряжения всех его сил, потому что короткие крылья еле могут поддержать тяжелое тело и птица должна так скоро ими двигать, что нельзя различить отдельных движений. Несмотря на это или, может быть, именно поэтому, полет зимородка порывисто быстр, но также и весьма однообразен. Зимородок несется, пока может, по прямой линии, всегда одинаково высоко над водой, а поворачивается и изменяет направление только следуя изгибам речки; по крайней мере он очень неохотно решается покинуть реку или ручей. Такой полет с трудом простирается дальше 500 или 600 шагов; если зимородку не мешать, он никогда не полетит дальше, как до ближайшего излюбленного места сидения.

Пища его состоит предпочтительно из мелких рыбок и раков, но также и из насекомых, которыми преимущественно выкармливают птенцов. Зимородок обжорлив и нуждается для своего насыщения больше, чем обыкновенно думают. Если вполне удовлетворить потребности его желудка, то ежедневно от 10-12 рыбок — с палец длиной каждая — должны сделаться его жертвами. Относительно видов рыбы он неразборчив, скорее ловит каждую, которую может поймать, и даже умеет справиться с довольно большой добычей. Он ловит только клювом; поэтому часто промахивается и должен иногда очень стараться, прежде чем поймает добычу. Манера и способ его ловли требуют рассудительности в выборе мест, потому что вода, где он ловит, не должна быть слишком мелка, иначе он мог бы ушибиться вследствие силы своего толчка, но также и не слишком глубока, потому что тогда охота его была бы часто неудачная.

Размножение обыкновенного зимородка стало впервые известным наблюдениями Лейслерса и моего отца. «Как только зимородок оперился в конце марта или в начале апреля, — продолжает мой отец, — он отыскивает себе место для гнезда. Для этого он выбирает всегда сухой, отвесный, совершенно лишенный травы берег, на который ни водяная крыса, ни ласка, никакой другой хищник не могут взобраться. На этом берегу, похожем на вертикальную стену, зимородки выдалбливают на расстоянии 30-60 см от верхнего края круглое углубление, имеющее обыкновенно 5 см в диаметре и 0,5-1 м глубины, которое идет несколько приподнимаясь и имеет у выхода две бороздки. К заднему концу это отверстие расширяется и образует в виде печурки кругловатую нору, которая имеет 8-10 см в высоту и 10-13 см в ширину. Эта нора выстлана, как будто вымощена, снизу рыбными косточками, неглубока, суха и гладка сверху, как и у выхода. На рыбных косточках лежат 6-7 больших, почти круглых, блестяще-белых яиц, которые кажутся красно-желтыми вследствие просвечивающего желтка. Эти яйца самые красивые из всех, которые я знаю, и так гладки, так блестящи, а если вылить содержимое, так белы, что похожи на самую прекрасную эмаль. По величине они почти равняются яйцу певчего дрозда, так что я решительно не понимаю, каким образом зимородок может их всех покрыть и согреть своими короткими и жесткими перьями.

Замечательно, как усердно высидывающий зимородок сидит на яйцах или голых птенцах. Можно сколько угодно колотить по берегу, он не вылетит, остается на яйцах даже тогда, когда начинаешь расширять дыру, и только тогда покидает свое потомство, когда опасность совсем над го-

ловой. Я находил яйца в середине мая и в начале июня. Самец выбирает себе довольно далеко, на расстоянии 100-300 шагов от гнезда, место для сидения, на котором он проводит ночь, а также и часть дня».

Науман говорит, что в некоторых гнездах находил до 11 яиц, и сообщает еще некоторые сведения насчет юношеской жизни этих птиц. «Самка высиживает одна, и самец приносит ей, пока она почти непрерывно сидит на яйцах в течение 14-16 дней*, не только рыбок для пищи, но уносит притом также и ее помет из гнезда, что впоследствии оба родителя проделывают также с погачками птенцов.

** Длительность насиживания у зимородков составляет 19-21 день.*

Птенцы, недавно вылупившиеся из яиц, совершенно голы, в течение нескольких дней слепы и такой различной величины, что бывали случаи, когда рост последнего из высиженных птенцов едва доходил до половины роста остальных. Их голова большая, но клюв еще очень короткий, и нижняя часть его обыкновенно на две линии длиннее верхней. Они в высшей степени беспомощны, голова у них часто дрожит, иногда они открывают огромную пасть, тихо шипят, когда голодны или во время кормления, и переползают друг через друга, как черви. В это время старики их выкармливают личинками насекомых и особенно стрекозами-коромыслами, у которых они сначала отбивают голову и крылья. Позже птенцы также получают мелких рыбок, и у них мало-помалу вырастают крылья. Вообще они долго сидят в гнезде, пока не станут способны летать, и их кормление доставляет старикам много труда, вследствие чего они в это время необычайно живы и деятельны. Вылетевших птенцов провожают в самые тихие уголки берега, особенно в кусты, заросли или между подмытыми водой корнями деревьев, стоящих на берегу, так что все семейство располагается в маленьком местечке, недалеко один от другого, и все так спрятаны, что их нелегко заметить с берега. Проходит долгое время, пока они выучиваются ловить рыбу».

Неизвестно, преследует ли зимородка какой-нибудь хищник. Взрослый спасается от многих преследований, которым подвержены другие птицы, своим образом жизни, и гнезда их расположены так, чтобы ласка или водяная крыса не могли в них забраться. В общем человек также мало преследует зимородка, не из добродушия и любви к животным, а потому, что этот пугливый малый остерегается каждого и охота на него слишком затруднительна для малоопытных стрелков. Сведущий человек, который знает его привычки, убивает его без особенного труда и умеет также овладеть и живой птицей. Не всегда удается приучить к неволе это красивое существо. Зимородков, взятых из гнезда птенцами, можно выкормить мясом и рыбой, и в таком случае они живут долгое время; пойманные взрослыми, они буйны и боязливы, часто пренебрегают пищей и скоро умирают. Но и тут нет недостатка в исключениях. По крайней мере мне удавалось не один раз приучать пойманных уже взрослыми зимородков и заставить их жить долгое время. Я терял их всегда только вследствие несчастных случаев. В Лондонском зоологическом саду существуют для зимородков и других водяных птиц особенно приготовленные места. Там устроена большая клетка, дно которой частью образует глубокий бассейн, а ее стенки представляют все удобства, необходимые птицам. Бассейн кишит рыбками, и над ним расположены удобные жердочки: одним словом, все устроено так хорошо, как это только возможно. Зимородки, живущие в такой клетке, чувствуют себя прекрасно. Тут они могут почти так же распорядиться, как и на своих ручьях, по крайней мере ловят рыбу совершенно таким образом, как и на свободе. Я могу смело утверждать, что эта птичка, которую я здесь видел в первый раз в неволе, привлекала меня более, чем всякое другое животное этой необыкновенно богатой коллекции.

Малый пегий зимородок (*Ceryle rudis*), тот самый, который из Египта и Сирии несколько раз залетал в Европу. Цвет его очень скромный; оперение на верхней части тела черное, с белыми пятнами, на нижней же части тела чисто-белое, за исключением одной или двух полосок на груди и нескольких темных пятен на клюве. Черные перья верхней части головы и затылка имеют узкие белые боковые каемки; плечевые перья, надхвостье и кроющие перья крыльев — широкие белые края. Белый цвет на голове и боках шеи прерван широкой черной полосой, начинающейся у ротового угла, проходящей через область уха и идущей вниз по бокам шеи. Перья хвоста на конце белые и украшены широкой черной поперечной линией. Глаза темно-карие, клюв черный, ноги бурые. Длина 26 см, размах крыльев 47, длина крыла 18, а хвоста 8 см. Самка безошибочно отличается от самца тем, что имеет только одну полоску на груди, в то время как самец имеет две полоски.

Малый пегий зимородок (*Ceryle rudis*)

Малый пегий зимородок очень распространенная птица. Он встречается почти во всех странах Африки, в Сирии, Палестине, Персии, а также в Индии и южной Азии. В Европе же его несколько раз наблюдали насколько я знаю, только в Греции и Далмации*. Вероятно, здесь он встречался гораздо чаще, чем думали до сих пор. Он обыкновенен в странах бассейна Нила, и поэтому я мог познакомиться с ним лично.

** Известен случай залета этого вида и в Россию, в низовья Волги.*

Я еще хорошо помню то удивление, которое приготовил мне малый пегий зимородок, как только я успел ступить на африканскую землю. Уже в канале Махмудия, соединяющем Александрию с Нилом, я несколько раз замечал большую птицу, похожую по полету на пустельгу, которая летала, трепеща крыльями на воздухе, или сидела на длинных жердях водокачальных машин, и не мог себе объяснить, к какому виду она принадлежит. Удачный выстрел разъяснил мне эту загадку, и я с настоящим восхищением осмотрел добытого малого пегого зимородка, который в то время в моих глазах был большой редкостью.

Обыкновенно этот зимородок сидит на упомянутых жердях водокачальных машин, обратив свою белую грудь к реке. Если непосредственно у берега Нила стоит пальма или мимоза с удобными для сидения ветками, то он и здесь отдыхает, а также охотно опускается на жерди водочерпальных колес, которые передвигают быки, производя известную и ненавистную всем путешественникам «нильскую музыку». Малый пегий зимородок ни разделяет робости своего красивого европейского родича. Он чувствует себя в безопасности на своей родине, потому что знает, что может довериться египтянину и что ему нечего его бояться. Малый пегий зимородок показывает много странностей, которые удивляют новичка, но самое замечательное — это его доверчивость к человеку. Парочки постоянно держатся вместе, и там, где сидит один, обыкновенно отдыхает и его подруга. Обыкновенно обе птицы сидят, высматривая, прижавшись друг к другу на одном сучке.

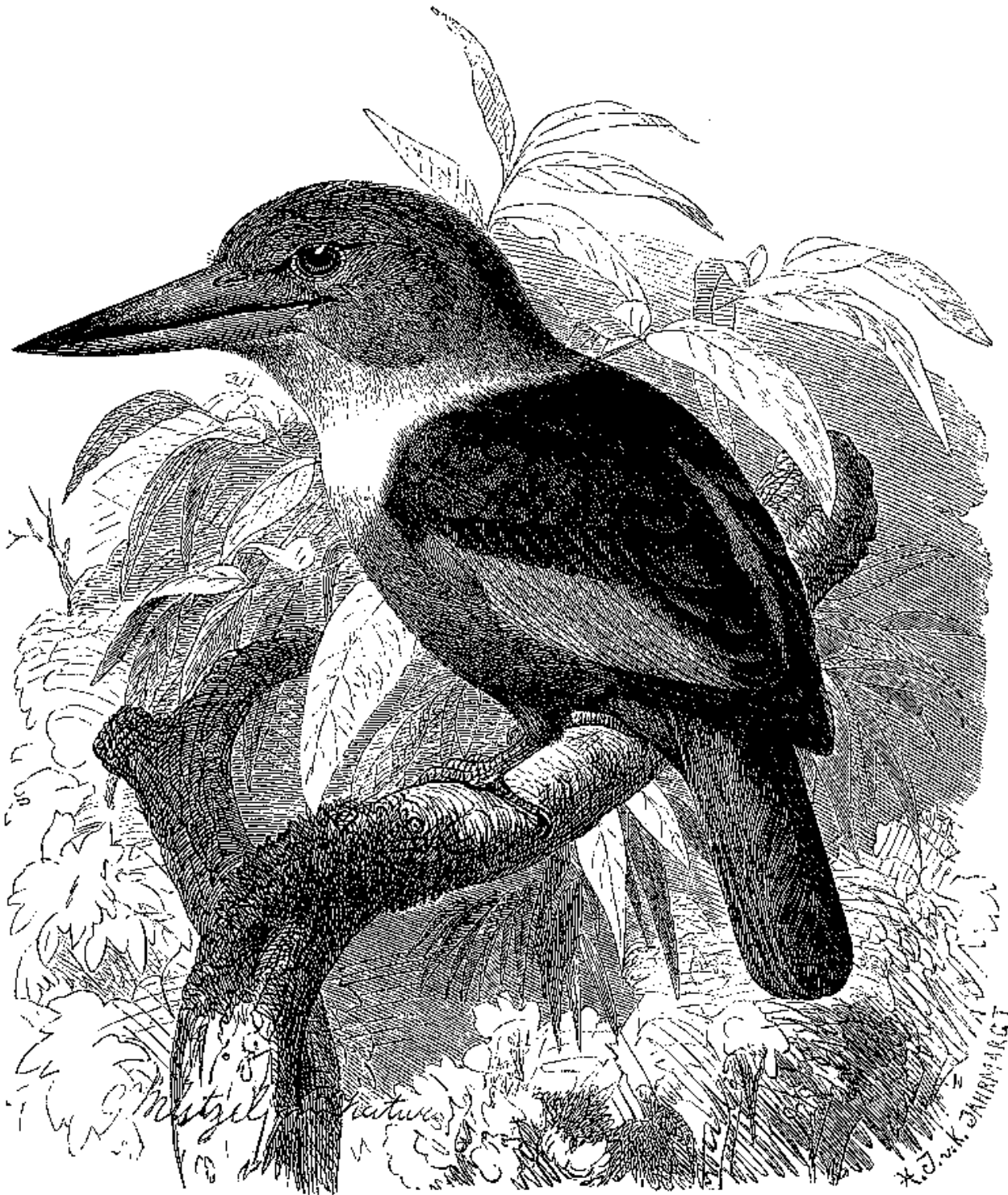
Свою рыбную ловлю эта птица ведет так же правильно, как и обыкновенный зимородок, когда обычные приемы его оказываются недостаточными, другими словами, не с высокого места, но паря над водой и бросаясь в нее с высоты. Полет малого пегого зимородка совершенно отличен от полета обыкновенного зимородка. Хотя он двигает так же быстро крыльями, но он не трепещет ими, и можно легко отличить их отдельные удары. Поэтому самый полет хотя и не так быстр, как у обыкновенного зимородка, но гораздо более ловок, т.е.

разнообразнее. Обыкновенный зимородок мчится точно спущенная стрела, малый пегий зимородок летит почти как сокол, качается и поворачивается по желанию, держится, паря, по целым минутам, отлетает опять дальше, если во время своей остановки не замечает никакой добычи, и там снова начинает парить. Когда он бросается на добычу, то плотно прижимает крылья к телу и кидается по несколько косому направлению с быстротой стрелы в воду, исчезает в волнах и после некоторого времени опять появляется, сильно ударяя крыльями. Пирсон говорит об индийском зимородке, что он так долго остается под водой, что круги, образованные его падением, успевают сгладиться. Жердон сомневается в этом показании, и я должен вполне с ним согласиться, так как не думаю, чтобы этот зимородок когда-нибудь оставался под водой 15-20 секунд. Но нередко также и во время полета, следовательно, под очень малым углом, он бросается в воду и затем так скоро опять подымается, что кажется, как будто он отскочил от поверхности воды. Жердон утверждает, что никогда не видал ни одного зимородка, который бы возвратился из воды без добычи; я же могу уверить, что это все-таки случается очень часто. Весьма вероятно и притом очень понятно, что малый пегий зимородок ловчее обыкновенного зимородка; несмотря на это, он часто промахивается, потому что так же часто ошибается относительно глубины воды, в которой плавают замеченная им рыба. Если ловля была удачна, то он тотчас же летит к своему обыкновенному месту отдыха и здесь проглатывает пойманную добычу, часто после того как он несколько раз ударит ее о сучок, как делают другие его родичи. Днем он обыкновенно тих, а к вечеру делается более живым, выказывает даже некоторое желание играть, и тогда также часто слышится его голос: громкий, крикливый, много раз повторяемый крик, которого я не могу изобразить буквами.

Когда вода в Ниле очень подымается, малый пегий зимородок принужден покинуть свою любимую реку, потому что тогда вода становится такой мутной, что он не может больше видеть в ней рыбу. Впрочем, многие каналы Египта в это время достаточно заменяют ему реку. В них вода уже до некоторой степени очистилась, и рыбная ловля идет так же успешно, как и на другом месте. Этим-то я и объясняю себе, что эта птица гораздо чаще встречается в дельте Нила, где пропасть каналов, чем в Верхнем Египте и Нубии.

Я не могу сказать, каких врагов имеет малый пегий зимородок, кроме натуралистов. Я никогда не видал, чтобы хищная птица пыталась напасть на зимородка, и не знаю никакого другого хищного животного, которое могло бы быть ему опасно.

Сероголовая альциона (*Halcyon leucocerphala*) по величине только немного уступает малому пегому зимородку: ее длина 22 см, длина крыла 10, хвоста 6,5 см.

Сероголовая альциона (*Halcyon leucocerphala*)

Оперение хотя и отличается меньшим блеском и красотой, чем у многих родственных видов, но все-таки достаточно ярко и красиво. Верхняя часть головы и затылок бледно-буроватые, а задняя часть шеи светлее, бока шеи и передние части тела до груди белые, остальные нижние части тела темно-кирпично-красно-бурые; передние спинные перья, плечи и покровные перья, как и маховые, — черные; последние, на наружной части опахала, покровные перья предплечья и угловые перья, надхвостье и хвост — блестяще-эмалевого голубого цвета. Глаза карие, клюв и ноги красные.

Сенегальская альциона (*Halcyon Senegalensis*) с островов Зеленого Мыса отличается от альцион материка тем, что верхняя часть головы у нее почти такая же белая, как и затылок, и поэтому некоторые исследователи смотрят на нее как на особый вид.

Открыли эту птицу в западной Африке, но позже и на островах Зеленого Мыса, а также и по всей средней Африке до Абиссинии. Гейглин считает местом жительства сенегальской альционы берега Красного моря, плоскогорье Абиссинии до 2000 м высоты. Голубой и Белый Нил к западу до Джюра. Я часто встречал эту птицу в лесах Голубого и Белого Нила, но не встречал на берегах Красного моря.

Насколько помнится, я обыкновенно видел эту странную птицу всегда в одиночку, но все-таки иногда и стаями в пределах небольшого района. Обыкновенно она встречалась чаще в низовьях речек, нежели в более скудных лесом степных местностях; во время дождей можно было ее встретить повсюду также и в этих местностях.

По образу жизни сенегальская альциона похожа на шурок и на мухоловок. Она целый день перелетает с ветки на ветку, пока с этого сторожевого пункта может доставать добычу и пока ее не потревожат. Но эта настойчивость отнюдь не основывается на неспособности, а только на лени и равнодушии. Она не обнаруживает ни малейшего страха относительно человека. Пища, по-видимому, состоит почти исключительно из кузнечиков; по крайней мере в известное время эти насекомые, наверное, составляют ее основную пищу. Но она все-таки обращает некоторое внимание и на жуков, которые летают вокруг цветущих мимоз, а иногда также пробует ловить и бабочек, которые порхают около нее. Гейглин говорит, что эта птица скорее является рыбоедом, нежели охотником до кузнечиков и жуков. Я должен заметить, что никогда не наблюдал ее ловящей рыбу, даже не видал ее поблизости воды, в которой водится рыба. Болле нашел в зобу одного родственного вида кусок ящерицы, и поэтому можно заключить, что эта птичка также охотится и за такого рода дичью.

Смеющаяся кукабарра (*Dacelo novaeguineae*). Эта птица не только знакома каждому европейцу, который побывал в Австралии, но в новейшее время ее так часто привозили в Европу, что теперь ее можно найти во всяком зоологическом саду. Длина птицы $A5^{-1}$ см, размах крыльев 65, длина крыла 21, а хвоста 16 см.

Смеющаяся кукабарра (*Dacelo novaeguineae*)

Смеющаяся кукабарра была замечена уже первыми путешественниками и исследователями, которые посетили Австралию, но стала известной только благодаря новым исследованиям, а именно наблюдениям Гульда. «С этой птицей, — говорит Гульд, — должен познакомиться каждый житель Нового Южного Уэльса или каждый путешественник, так как не только ее величина бросается в глаза, но и необыкновенный голос привлекает внимание. К тому же она нисколько не боится людей, напротив, если какой-либо предмет возбуждает ее любопытство, она приближается, чтобы рассмотреть его. Так, она часто появляется на сухом сучке ближайшего дерева, под которым расположились путешественники, и наблюдает с большим вниманием, как разводят огонь или как готовят обед. Впрочем, ее присутствие редко замечают прежде, чем она издаст свой горловой смех, который вызывает у слушателей восклицание: «Ах, смотрите, вот наш старый друг, смеющийся Ганс». Тоны, которые она издает, так замечательны, что каждый натуралист, писавший об Австралии, упоминает о них. Келли говорит, что слышишь ее громкий крик и хохот на значительном расстоянии и что именно поэтому, вероятно, она и получила свою кличку. Крик этой птицы, уверяет капитан Стюарт, звучит, как хор диких духов, и пугает путешественника, который чувствует себя в опасности, в то время как виновница страха уже язвительно хохочет и смеется над ним. Этот странно звучащий смех, говорит Беннет, начинается тихо и усиливается до высоких и громких тонов и часто слышится во всех частях селения. Его слышно в сумерки и вечером, когда солнце опускается на запад, точно пожелание доброй ночи для всех, которые хотят это слышать».

Смеющаяся кукабарра не встречается на Тасмании или в западной Австралии и, кажется, исключительно принадлежит юго-восточной части этого материка*.

* *Кукабарра была завезена европейскими колонистами на Тасманию и в западную Австралию и хорошо прижилась там.*

Она нисколько не привязана к той или иной местности, но посещает как густые кусты вдоль берега, так и редкие леса высот. Обыкновенной, впрочем, ее нельзя назвать нигде. Она находится везде, но всегда только поодиночке. Ее пища смешанная и всегда животная. Предпочитает пресмыкающихся и насекомых, а также и крабов. Она быстро бросается на ящериц, и вовсе не редкость видеть ее летящей к своему месту с змеей в клюве. Эта птица похищает также мелких млекопитающих. Гульд однажды убил птицу этого вида только для того, чтобы рассмотреть, что она несла в клюве, и нашел, что она поймала редкую двуутробку. Должно думать, что она не щадит и молодых птиц, а именно может быть опасной для гнезд. В воде смеющаяся кукабарра, по-видимому, не нуждается; находят на свободе живущую птицу, как уже сказано, даже в самых густых лесах, а пойманные не оказывают особенной склонности к воде ни ради питья, ни ради купания.

Время размножения падает на август и сентябрь. Пара отыскивает тогда подходящее дупло в большом камедном дереве и кладет великолепные, жемчужно-белые яйца на труху в глубине этого дупла. Когда птенцы вылупились, старики храбро и бесстрашно защищают свое гнездо и буквально нападают на того, кто хочет похитить выводок, нанося ему довольно серьезные удары клювом.

Я еще считаю долгом упомянуть, как достойное замечание, что эти птицы обыкновенно совсем пренебрегают рыбой. Это лесной охотник, а не рыболов, как его родственники.

Семейство тодиевые

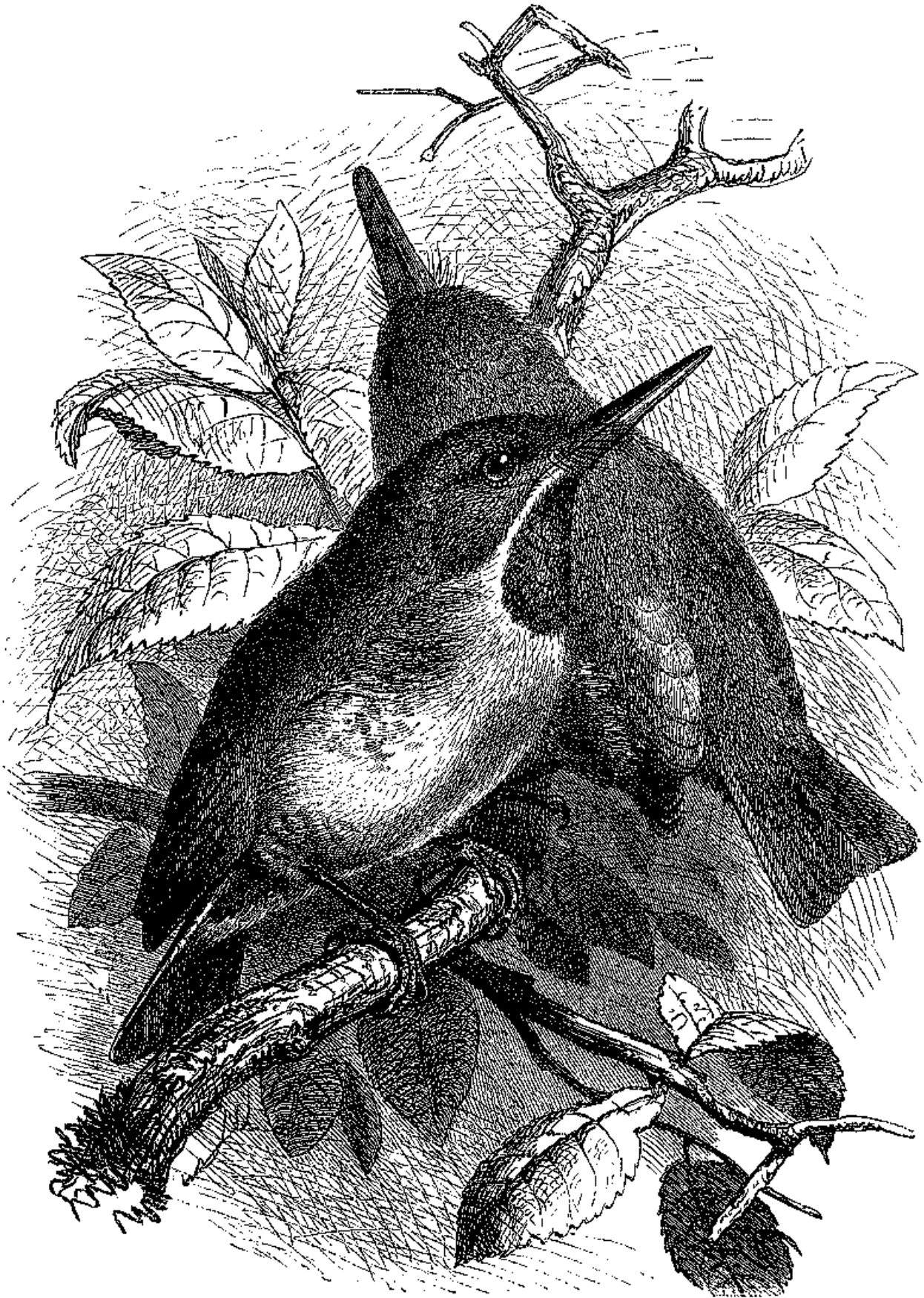
(*Todidae*)**

* * *В семейство (*Todidae*) входит всего 5 видов птиц. Они распространены только на Больших Антильских островах Кубе, Гаити, Ямайке, Пуэрто-Рико.*

У ямайского тоди (*Todus todits*) все верхние части тела, включая бока головы и шеи, также и хвост, равно как и наружные части опахала черных маховых перьев, — окрашены в великолепно-блестящий зеленый цвет, а на нижнем краю глаз имеется очень узкая красная кайма. Перья подбородка и горла — ярко-пунцово-красного цвета, а на конце окаймлены весьма узкой полосой серебристо-белого цвета; все горловое пятно окаймлено по бокам продолговатой, сначала белой, в нижней половине нежно-серо-голубой полоской, которая начинается от ротового угла; снизу же пятно ограничено другим белым пятном. Бока зоба и груди — зеленоватые, бока бедер, нижние покровные перья хвоста — бледно-желтоватые; грудь и середина живота — желтовато-белые, наконец, несколько перьев, образующих пучок по сторонам брюшка, на конце — нежного розово-красного цвета. Глаза бледно-серые, клюв рогового красноватого цвета, нижняя челюсть желтоватая, ноги буро-красные или цвета мяса. Длина птицы 12 см, размах крыльев 17, длина крыла 4,5, а хвоста 3,8 см. Область распространения ограничивается островом Ямайка.

Относительно образа жизни этих чрезвычайно красивых и замечательных птиц мы до настоящего времени имеем очень мало сведений и познакомились с ними только благодаря Госсе и Гундлаху.

"Во всех местностях Ямайки, которые я объехал, — говорит Госсе, — тоди оказывается очень обыкновенной птицей. Он встречается везде на вершинах Блюфильдских гор, на высоте приблизительно 1000 м и особенно там, где чащи почти непроходимы. Его блестящее зеленое одеяние и бархатисто-красное горло быстро привлекают к нему внимание, и он позволяет каждому приблизиться к себе, так как это необыкновенно ручная птичка, хотя, как кажется, скорее по своему равнодушию, чем по большой доверчивости. Если его спугнуть, то он летит в крайнем случае не далее следующего сучка. Вследствие этой доверчивости он вообще очень любим и получил массу ласковых названий.

Ямайский тоди (*Todus todus*)

Я никогда не видал тоди на земле. Он прыгает между ветками и листьями, ищет здесь маленьких насекомых и при случае издает свой жалобный или шипящий крик. Еще чаще его можно видеть сидящим спокойно на сучке с вытянутой головой, клювом, направленным кверху, и с нахохленными перьями, вследствие чего он кажется гораздо больше, чем на самом деле; в таком положении он кажется до крайности глупым; но это более кажется, чем есть на самом деле, так как если наблюдать его вблизи, скоро замечаешь, что его светло-блестящие глаза поворачиваются то туда,

то сюда и что время от времени он ненадолго взлетает, схватывает что-то в воздухе и возвращается опять на свой сучок, чтобы здесь проглотить пойманное. Ему не хватает сил летать за насекомыми; но он ждет до тех пор, пока они не влетят в пределы известной области, и тогда он без промаха ловит их. Я никогда не видал, чтобы тоди питался растительной пищей, хотя мне иногда и случалось находить в его желудке между жуками и перепончатокрылыми маленькие семена. Один тоди, живший у меня в клетке, с неразумной жадностью хватал червей, сильно колотил их о жердочки, чтобы разделить на куски, и затем глотал их; другой, которого я поймал сеткой и пустил свободно летать по комнате, тотчас же начал охотиться за мухами и другими маленькими насекомыми и продолжал это занятие с таким же терпением, как и успехом, с раннего утра до сумерек. По моему расчету, тоди этот каждую минуту ловил что-нибудь; и это может дать понятие о необыкновенном количестве насекомых, которых он истребляет. В комнате, в которой он жил, стояла вода в чашке; но я никогда не видел, чтобы он пил, несмотря на то что он иногда садился на край этой чашки; он даже и тогда не пил, когда всовывал свой клюв в воду.

В Ямайке не привыкли приручать птиц, иначе тоди уже давно бы сделался любимой комнатной птицей. Впрочем, и при жизни на свободе он привлекает к себе внимание даже самого равнодушного человека, и каждый европеец радуется, как только его завидит. Когда он сидит между зелеными листьями, его едва можно отличить от последних, так как он сам похож на листок; но как только он изменяет положение и поворачивает горлышко к солнцу, оно блестит, как горящий уголь, особенно тогда, когда птица его раздувает.

Тоди гнездится в земляных норах, как и зимородки; мне показывали такие норы, но сам я никогда не мог исследовать гнезда и яиц и поэтому должен здесь передать наблюдения моего друга Гилля. После нескольких сообщений насчет своеобразного вида этой птицы Гилль рассказывает, что при помощи своего клюва и своих ног он выкапывает себе нору в вертикальных обвалах земли. Эта нора вначале извивается и простирается приблизительно на 20 или 30 см в глубину, а сзади расширяется в углубление, имеющее форму хлебной печки, которое довольно аккуратно выложено корешками, сухим мхом или растительными волокнами. Кладка состоит из 4-5 серых яиц, с бурными пятнышками*. Птенцы остаются в норе, пока не оперятся».

** В кладке у тоди обычно 2-3 яйца, редко 4.*

"Тоди живет, — говорит Гундлах, — в лесах и кустах, особенно на отлогих местах; на таких местах он очень обыкновенен; его не всегда легко заметить, когда он сидит смирно, если только не услышишь его крик и не пойдешь по этому направлению и таким образом не найдешь птицы. Этот крик, за который птица и получила свое название, звучит как «то-то-то». Тоди нисколько не пуглив, и поэтому можно к нему подойти на близкое расстояние и даже поймать его сеткой для бабочек. Он никогда не изменяет своего положения и всегда садится на горизонтальный сучок или же на вьющееся растение, выставляет боковые перья в виде подпорок для крыльев и иногда кивает головой. Он ловит мух, как мухоловки».

Насчет гнездования, благодаря Гундлаху, мы имеем самые верные сведения. Весной, а именно в мае, птичка начинает строить свое гнездо. Гундлах видел, как одна из этих птичек летала к земляной стене в лощине и работала клювом при выкапывании норы. Приблизительно после двух недель он нашел гнездо законченным. Нора простиралась приблизительно на 10 см глубины по прямой линии внутрь, потом поворачивалась и расширялась для помещения собственно гнезда. В одном гнезде находилось 3 яйца, в другом 4, чисто белого цвета и имеющих 16 мм длины и 13 мм ширины. Впрочем, по недостатку удобного места тоди гнездятся также и в дуплах деревьев: это сообщает Гундлах согласно с Госсе.

Семейство шурковые

К числу красивейших птиц Старого Света причисляют различные виды шурок, в существенных чертах так похожих друг на друга, что сказанное об одном из них будет относиться, с немногими изменениями, и к другим. Не узнать их или смешать с другими невозможно. Их тело очень вытянуто; клюв длиннее головы, довольно крепкий у основания, заостренный, слегка согнутый сверху и снизу и немного более длинной, но не загибающейся верхней половинкой. Ноги очень малы и коротки; из трех обращенных вперед пальцев наружный сросся со средним до второго сустава, а последний с внутренним до первого сустава, почему и подошва оказывается широкой. Когти довольно длинные, согнутые, острые. Крылья длинные и острые. Хвост длинный, ровно срезанный или более или менее развилыстый или же слегка закругленный; оба средних пера его у многих видов удлинняются до двойной длины остальных рулевых перьев. Оперение короткое, отчасти плотное, окраска его почти без исключения роскошная и пестрая, хотя отдельные цвета обыкновенно обра-

зуют большие участки. Оба пола почти не разнятся в окраске, и более простой наряд молодых уже на втором году переходит в одежду родителей.

Область распространения щурок — теплые страны Старого Света, и только единственный вид живет в Австралии. Они населяют весьма разнообразные местности, но никогда не живут в таких, где совершенно отсутствуют деревья. Начиная от берегов моря они встречаются до высоты 2000 м и, по-видимому, нельзя сказать, чтобы одни виды предпочитали низменности, другие возвышенные места. Щурки, живущие ближе к северу, совершают правильные перелеты, южные виды живут оседло или кочуют. Все виды без исключения в высшей степени общественные и необыкновенно миролюбивые птицы. Отдельные виды соединяются не только с подобными себе, но даже с родственными видами, в особенности во время перелетов. Они образуют тогда общие стаи и так перемешиваются, что нет возможности различить разные виды.

Своим образом жизни эти красивые птицы походят на ласточек, но во многом также и на мухоловок. В хорошую погоду видишь их или по крайней мере наиболее крупные виды семейства летающими далеко в вышине, в поисках за добычей; в пасмурную погоду, а также в птенцовую пору они обыкновенно сидят на выдающихся ветвях деревьев и отсюда занимаются своей охотой. На землю щурки садятся редко, самое большое в том случае, если думают поймать замеченное насекомое; напротив, они часто пролетают у самой поверхности воды, как это делают ласточки. Ночь они проводят в ветвях густых древесных вершин, а в гнездовую пору в своих гнездах.

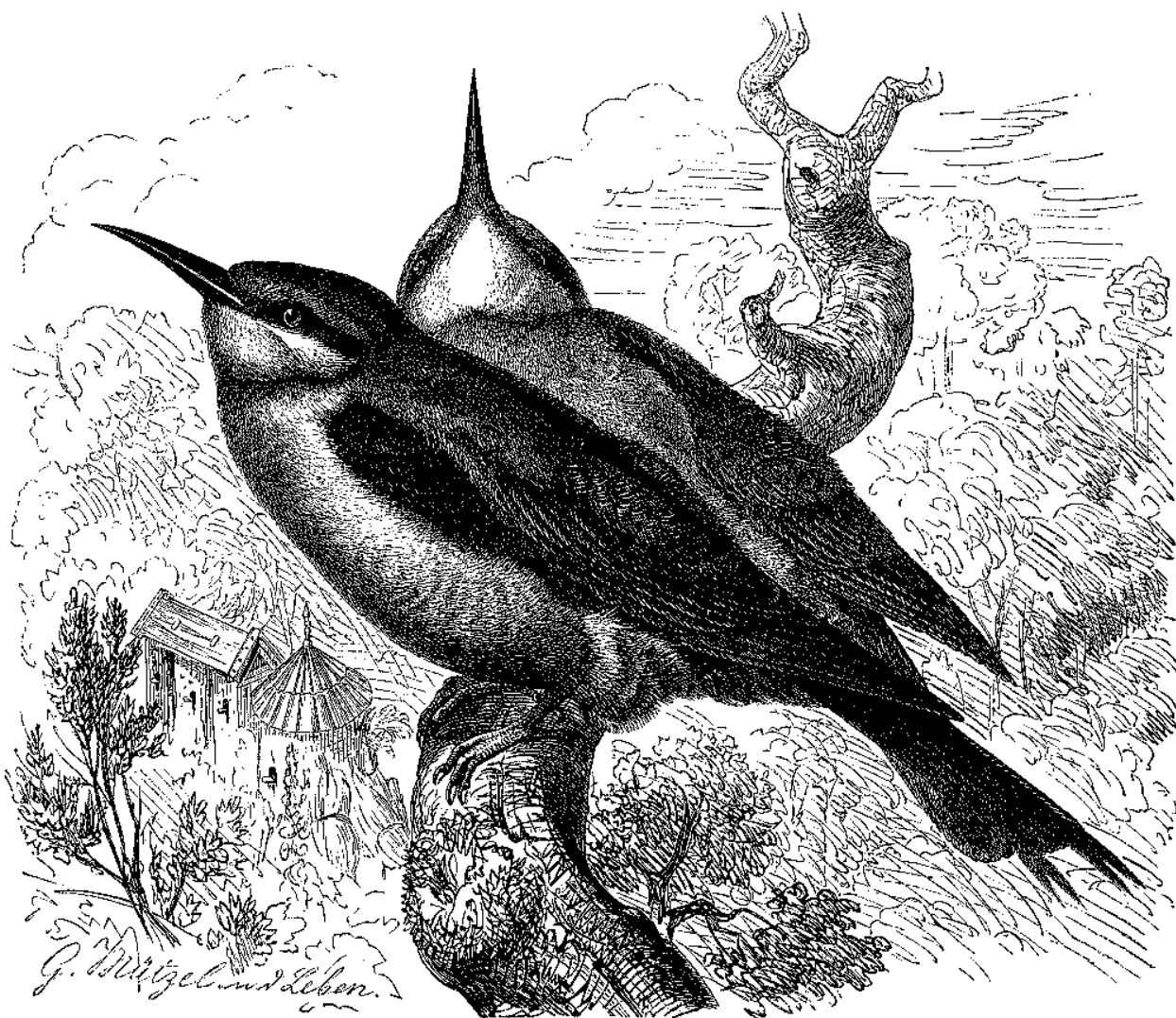
Щурок просмотреть невозможно. Они умеют оживить местность. Едва ли может быть что-либо красивее этих птиц, носящихся по воздуху то соколом, то ласточкой. Они постоянно приковывают к себе взор, находятся ли они в движении, сидят ли после своего грациозного полета где-нибудь на ветке или на земле. В последнем случае или когда они носятся перед глазами наблюдателя, их роскошное оперение одинаково выказывается в полной красе. Когда они, что иногда случается, сотнями и тысячами тесной гурьбой сядут на одно дерево, куст или на землю, то местность удивительно украшается их присутствием. Но все-таки больше всего приковывает взор их чудный полет. Спокойно и непрерывно, легко и красиво, без всякого видимого усилия, носится щурка на любой высоте. Мгновенно и со значительной высоты, стремглав, падает одна из них отвесно на землю, чтобы схватить пролетающее мимо насекомое, замеченное ее зорким глазом; несколько мгновений спустя она снова взвилась на прежнюю высоту и с громким и частым «гуэп-гуэп», — криком, общим для всех видов, — летает уже с остальными подругами. За несколькими сильными ударами следует плавное движение с полураспущенными крыльями, причем птица подвигается вперед с такой большой скоростью, что напоминает пущенную стрелу. Не менее привлекательны бывают эти милостивые создания и там, где они живут оседло. Их видишь сидящими парочками на выдающихся низких сучках. Время от времени самец и самка нежно перекликаются; одна из щурок вдруг слетает и во время быстрого и короткого полета ловит пролетающее мимо насекомое. В то время как одна отправилась на добычу, другая спокойно сидит, дожидаясь ее возвращения. Я никогда не видел, чтобы две щурки ссорились из-за добычи, никогда не замечал, чтобы между ними происходила борьба по какому бы то ни было поводу.

Пища щурок состоит исключительно из насекомых, которых они обыкновенно ловят на лету, но в исключительных случаях и с легко доступных листьев и даже прямо с земли. Удивительно то, что щурки едят и ядовитых насекомых. Произведенные опыты достаточно доказали, что укол пчелы или осы смертоносен для большинства птиц; точные наблюдения показали, что почти все птицы, ловящие таких насекомых, отрывают их жало перед тем, как съесть их; щурки же, напротив, глотают свою опасную добычу без всяких предварительных приготовлений.

Все щурки гнездятся общественно, и притом в норах, глубоко вырытых в горизонтальном направлении в крутых земляных обрывах. Все виды и в гнездовую пору любят сообщество себе подобных, почему гнездовья почти без исключения образуют весьма заселенные колонии. Собственно помещение для гнезда имеет вид котловидно расширенного пространства в заднем конце хода. Самое гнездо не обделывается, и кладка, состоящая из 4-7 чисто-белых яиц, большей частью лежит прямо на песке. Только из откусанных крыльев насекомых или оторванных погадок мало-помалу образуется нечто вроде подстилки, так сказать, подушечки для птенцов.

В Египте, в качестве регулярного летнего гостя, живет только один вид этого семейства — **золотистая щурка** (*Merops apiaster*). Этот вид принадлежит к самым крупным в семействе. Длина птицы достигает 26 см, размах крыльев 45, длина крыла 14, хвоста 10-11 см. Оперение лба белого цвета; передняя часть головы и полоска, проходящая через глаз, голубого цвета моря с зеленым отливом; узкая полоска, идущая над уздечкой, пересекая глаз до области уха, отороченная другой каемкой — узкой, белой и переходящей в голубой цвет, — окрашена в черный цвет. Участок, за-

хватывающий подбородок и горло и ограниченный снизу узкой черной поперечной полосой, — ярко-желтого цвета. Верх головы и затылок темно-каштановые, задняя часть шеи и кроющие перья крыльев такие же, но светлее. Плечи, передние спинные перья и надхвостье переходит в коричнево-ржаво-желтый оттенок. Нижняя часть тела окрашена в прекрасный зеленовато-синий цвет. Верхние кроющие перья хвоста голубовато-зеленые, за исключением обоих удлиненных, суживающихся к концу, черных средних перьев. Большие маховые перья зелено-синие, на конце черные; малые же маховые коричнево-каштаново-бурые, перед широким черным концом зелено-синие, как и предыдущие; малые кроющие перья крылового сгиба темно-зеленые; нижние кроющие перья крыльев бледно-ржаво-темного цвета. Самка почти такая же, как и самец; молодые отличаются от стариков желтым налетом на лбу, более бледной окраской, маленькой поперечной полоской под желтым горлом, зеленоватым верхом и голубым цветом нижних частей тела. Глаза щурок роскошно карминово-красного цвета, клюв черный, ноги красноватые.

Золотистая щурка (*Merops apiaster*)

На юге Европы то там, то сям появляется другой вид этого семейства — **зеленая щурка** (*Merops superciliosus*). Оперение ее темно-травянисто-зеленое, кажущееся снизу больше малахитово-зеленым, иногда с голубым налетом, сверху же оливково-бурым, а на верхней части головы и на затылке — более или менее бурым. Лоб белый с желтоватым оттенком; перед головы, широкая глазная полоска и другие полоски под черной полосой уздечки — красивого голубого цвета; подбородок желтый, а середина горла украшена красивым каштаново-бурым пятном. Маховые и рулевые перья имеют зеленую, отсвечивающую синим окраску, первые к тому же имеют черные концы и коричнево-бурые внутренние опахала; оба средних рулевых пера характерны далеко выдающимися краями. Величиной, цветом глаз, клювом и ногами зеленая щурка сходна с золотистой.

Область гнездования этой птицы тянется от Каспийского моря до Персии, Малой Азии и северной Африки, область же распространения, напротив, следуя полосе лесов, идет через всю Африку.

Движения и привычки, обычаи и пища, кочевки, гнездование, короче — весь образ жизни обеих щурок так похож один на другой, что я никогда не мог найти никакой разницы между ними. Поэтому совершенно будет достаточно, если я ограничусь описанием образа жизни первой из них.

Жалящие насекомые, по-видимому, являются излюбленной пищей щурок, так как они одинаково собирают контрибуцию с пчелиных ульев и грабят гнезда ос, шмелей и шершней. Многие наблюдали, как щурка опускается по возможности ближе к осиному гнезду и мало-помалу перелавливает всех обитателей его. Но она не отказывается и от кузнечиков, цикад, стрекоз, оводов, комаров, мух и жуков, склевывает последних даже с кустов и цветов, хотя обыкновенно охотится только за летающей добычей и хватает каждое летящее мимо и замеченное ею насекомое, само собой разумеется, если она может его проглотить. Неперевариваемые надкрылья и другие жесткие части добычи она отрывает в виде погадок.

Птенцовая пора начинается в конце мая. Для устройства своего гнезда щурка охотнее всего избирает песчаный или глинистый берег реки. Здесь она начинает рыть круглую дыру от 5 до 6 см в диаметре. Она идет в горизонтальном или слегка косом вверх направлении и образует в общем нору, которая может быть 1-2 м глубиной. Конец хода расширяется в камеру 20-25 см длиной, 10-15 см шириной и 8-10 см высотой, на дне которой в июне самка откладывает 5-8 круглых, блестящих белых яиц. Иногда, по словам Сальвина, вырывают еще одну камеру позади первой, соединяющуюся с ней ходом около 30 см длиной. Если в данной местности нет отвесных земляных стен, щурки, худо ли, хорошо ли, решаются рыть косые ходы на плоской почве.

Некоторые наблюдатели находили в гнездах щурок подстилку из мха и прутиков; со своей стороны я могу уверить, что во всех гнездах, которые обыскивал, я не находил и следа гнездового материала. Из надкрыльев, ног и т.п., которых птенцы не едят и которые отрывают и высиживающие родители, внутри гнездовой камеры мало-помалу образуется нечто вроде ложа, так что птенцы по крайней мере не совсем лишены подстилки. Одна ли самка высиживает яйца или ее сменяет самец, до сих пор не могло быть установлено*; достоверно известно только, что оба родителя принимают участие в воспитании детенышей и усердно носят им корм.

* У щурок кладку насиживают и самка, и самец.

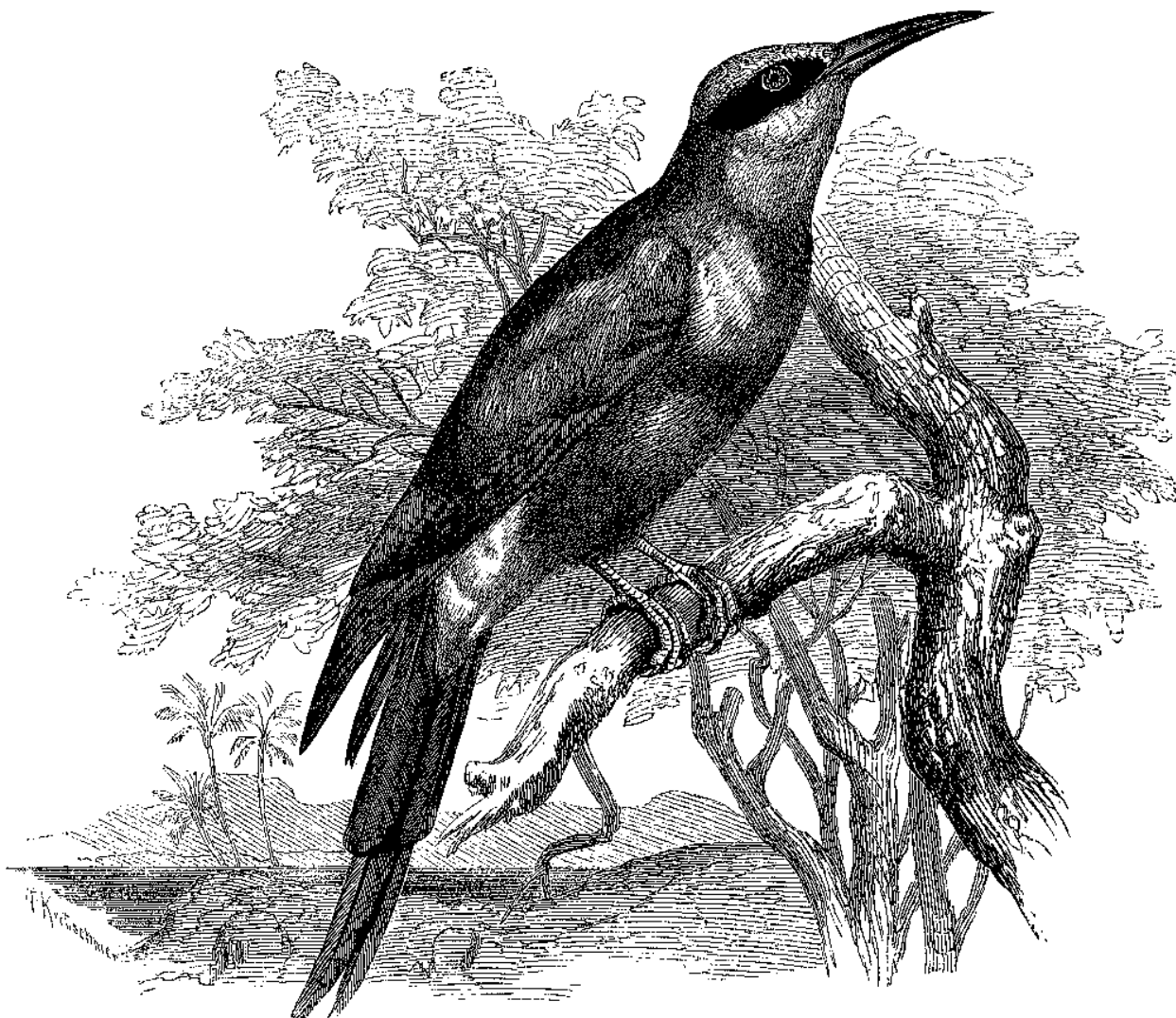
Уже в конце июня видишь птенцов, летающих вместе со стариками, которые кормят их. Сначала семья, по всей вероятности, возвращается в свою гнездовую норку (по крайней мере Полис наблюдал, как три или четыре щурки влетали в одну и ту же норку); немного недель спустя молодые уже ведут себя как старые, а ко времени отлета поведением своим они ни в чем не отличаются от взрослых.

Очевидно, что на щурок не везде смотрят благосклонно. Грабеж, который они позволяют себе, возбуждает гнев пчеловодов и вызывает с их стороны беспощадное преследование. Щурка редко выказывает пугливость, и, по крайней мере вблизи добычливого места, ее нелегко отогнать даже выстрелами. Только частые преследования делают ее осторожнее и затрудняют охоту на нее. В Греции в последние месяцы лета, по словам Линдермайера, графа фон дер Мюле, Крюппера и других, убивают необыкновенно много щурок, считающихся особенно вкусным и лакомым блюдом. В южной Испании, особенно в Севилье и Кордове, осенью на рынки также приносят десятками и мешками убитых и пойманных щурок, предназначенных для еды. В Кандии их ловят на удочки способом, о котором писал Геснер. «Красота этих птиц до того прельщает мальчиков острова Крит, что они ловят их, как ласточек. Они насаживают на крючок кузнечика и привязывают к крючку длинную нитку, которую держат за один конец, предоставляя насаженному на другом конце прыгать и летать. Птица, завидя его, проглатывает и таким образом бывает поймана».

По мнению Геснера, мясо щурок не представляет собой приятного кушания, но является хорошим медицинским средством. «Щурок не употребляют в пищу, так как мясо их грубо, плохо переваримо и вредно, но оно очень полезно при сильном пучении живота. Желчь птиц, смешанная с маслом из незрелых оливок, чернит волосы».

Между африканскими видами особенного упоминания заслуживает **нубийская, или красная щурка** (*Merops nubicus*), так как она столь же характерна по своей окраске, как и по образу жизни. Преобладающая окраска этой щурки темно-пурпурово-красная, более темная на маховых перьях и хвосте и более светлая на голове и груди. Надхвостье, верхние и нижние кроющие перья хвоста ее ярко-бирюзово-голубые. Нижняя часть горла смешенного голубовато-зеленого цвета; широкая полоса, идущая над уздечкой до области уха, черная. Маховые перья снабжены широкими черными концами; первые большие маховые перья имеют перед концом более темную голубовато-зеленую полоску; все же маховые перья на внутреннем опахале снабжены коричнево-ржавой каймой. Глаза, как и у других щурок, яркого карминово-красного цвета; клюв черный; ноги бурозеленые. Длина

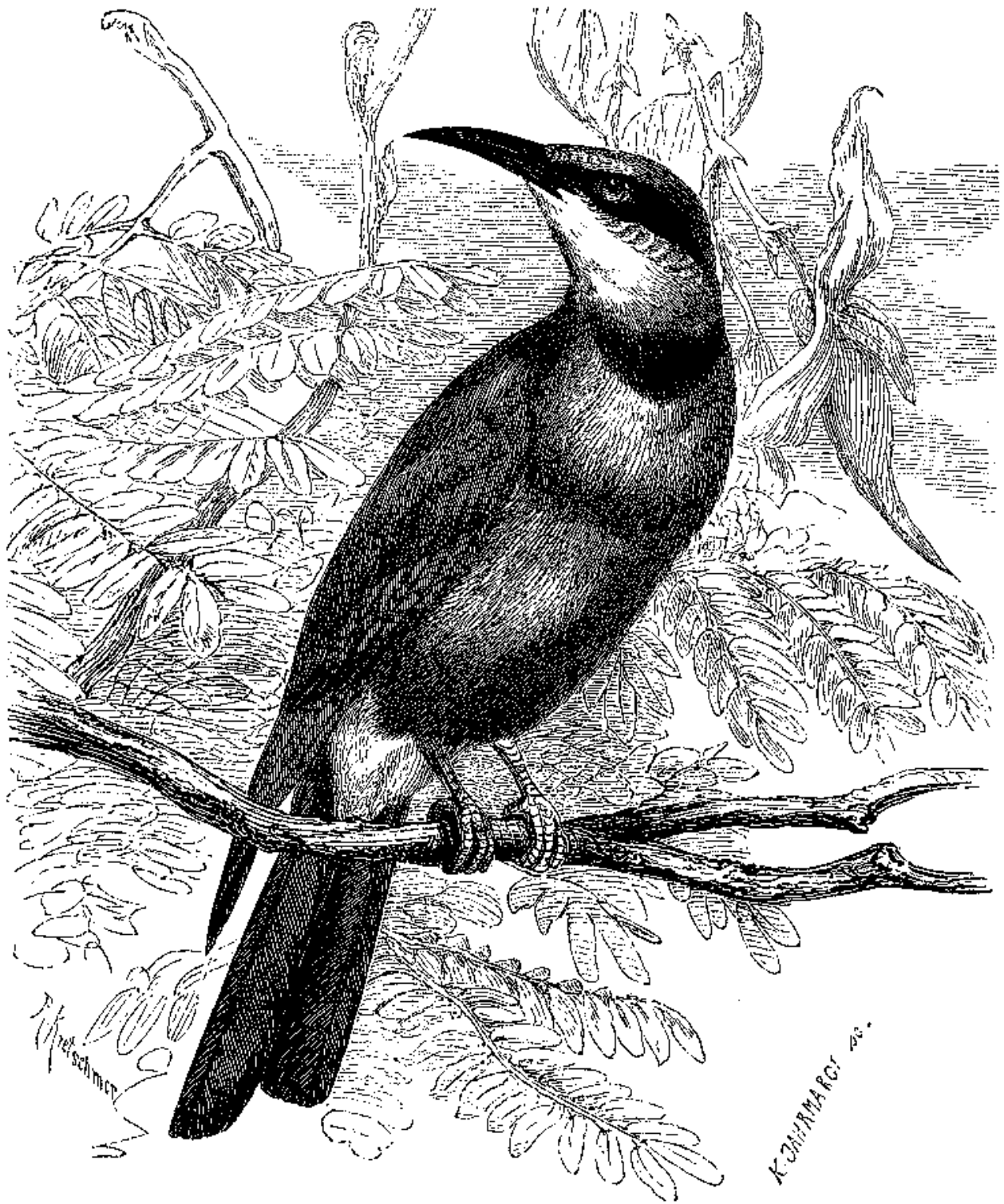
птицы достигает 34 см, длина крыла 15, обоих средних перьев хвоста 19, остальных рулевых 11,5 см.

Нубийская, или красная щурка (*Merops mtbicus*)

Австралия дает приют, насколько до сих пор известно, только единственному виду этих птиц, **радужной щурке** (*Merops ornatus*). Верхние части ее нежно-зеленого цвета; верх головы, затылок и маховые перья красно-бурые; верх спины и надхвостье бирюзово-голубые; нижние части тела бериллово-зеленые; горло ярко-желтого цвета и отделяется от груди темной полосой. Гузка голубая; уздечка бархатисто-черная с лазоревой оторочкой снизу. Длина птицы достигает 20 см, длина крыла 11, хвоста 8 см.

Об образе жизни этой щурки сообщает Гульд. Он нашел ее на юге Австралии и в Новом Южном Уэльсе. В этих местах и на Лебяжьей реке она очень обыкновенна. Она предпочитает открытые, сухие и редкие леса, садится почти без исключения на сухой, лишенной листьев ветке и с нее охотится за насекомыми. К вечеру эти щурки собираются по берегам рек обществами из сотен птиц. Их поведение имеет столько привлекательного, что в Австралии они заслужили всеобщую любовь. Они особенно заметны, благодаря необыкновенной красоте оперения, изящным формам и милостивому полету. К тому же они являются предвестниками весны: в Новом Южном Уэльсе они появляются в августе и остаются до марта; затем они поворачивают на север и большими массами пролетают все области северной Австралии, а также и соседние острова; отдельные парочки даже должны там выводить птенцов. Гаак встретил их в конце сентября внутри Новой Гвинеи. Гнездованием они не отличаются от других видов щурок.

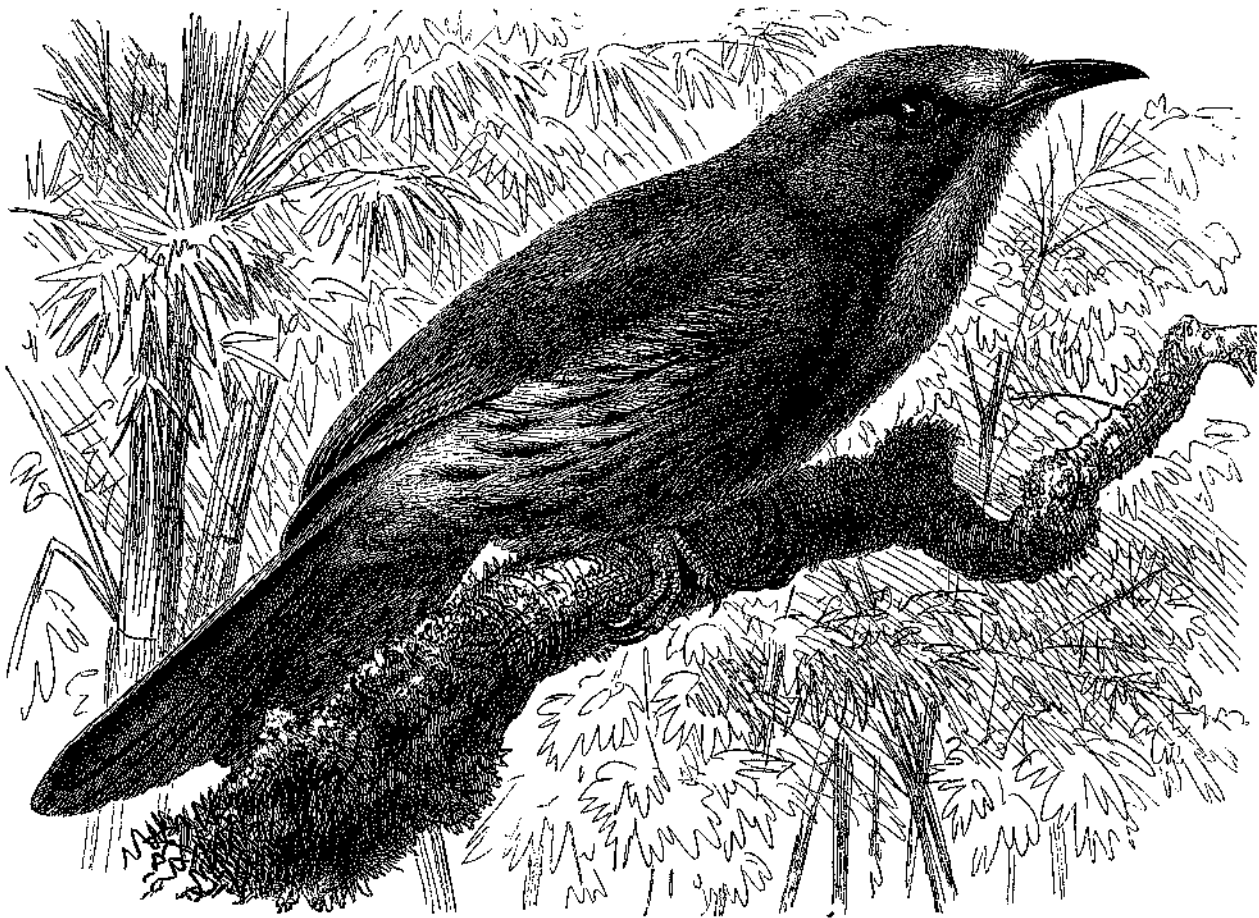

Радужная щурка (*Merops ornatus*)

Характерными признаками ночных щурок следует считать: средней величины, сильный, согнутый клюв; средней величины крылья, четвертое маховое перо которых самое длинное; длинный, почти ровно срезанный хвост и довольно густое, мягкое оперение, удлинняющееся в области шеи и груди в своеобразные, твердые перистые образования.

Синебородая ночная щурка (*Nyctornis atherstoni*) достигла величины нашей сизоворонки. Длина ее равна 37 см, размах крыльев 47, длина крыла 14, наконец хвоста — 16 см. Преобладающая окраска оперения — прекрасный темно-зеленый травяной цвет, переходящий на нижних кроющих перьях хвоста и крыльев в однообразный ржаво-желтый, а на затылке в красивый голубой. Некоторые сильно удлинненные перья, отделяющиеся от горлового участка, — темно-синие, светлее вокруг краев; те же, которые выступают на груди и на остальных нижних частях, — ржаво-желтые, продольно исчерченные. Широкие внутренние края маховых и хвостовых перьев, а потому и самые маховые и рулевые перья имеют ржавую бледно-желтую окраску, если на них смотреть снизу. Радужина темно-желтая; клюв свинцово-серый, на конце черный; ноги темно-зеленоватые.

В первый раз эту шурку послал натуралисту Джердину Атертон, сообщая, что птицы эти живут одиночками в бамбуковых лесах внутренней Индии и ведут ночной образ жизни. На этом сообщении и было основано странное и, как показали позднейшие исследования, неверное название, данное птице (ночная шурка). Теперь, благодаря исследованиям Ходжсона и Жердона, мы знаем, что ночная шурка живет в больших, привольных лесах Индии, начиная с долин и до 1000 м высоты.

Синебородая ночная шурка (*Nyctiornis athertoni*)

По сообщениям Ходжсона, она является единственным существом, которое ищет самые тенистые места леса и оттуда, сидя спокойно на высоком дереве, высматривает добычу, ловит ее на лету тем же способом, как и ее родичи, и снова возвращается на свою ветку. Она никогда не покидает тенистого леса, и такому местопребыванию вполне соответствует ее спокойный, тихий, чтобы не сказать меланхолический, образ жизни. Пища состоит из пчел и родственных им насекомых, которых она ловит в большом количестве, кроме того, из жуков и им подобных и, по всей вероятности, из всех тех насекомых, которые пролетают мимо. О способе ее размножения до сих пор ничего определенного неизвестно. Местные жители уверяют, что она гнездится в дуплах деревьев.

Этими немногими данными ограничиваются все имеющиеся сведения об этой столь же красивой, как и редкой птице.

Семейство куроловые

Курол, или кирумбо (*Leptosomus discolor*), достигает в длину 43—45 см при 26 см длины крыла и 19 см хвоста. Передняя часть его головы, шея, зоб и передняя часть груди темного синевато-серого цвета, темя с небольшим хохолком — черное; спина, мелкие кроющие перья крыльев и плечевые — металлически-зеленые с чудным медно-красным блеском; на больших кроющих перьях крыла медно-красный отлив ярче; нижняя сторона серая с примесью белого на брюшке и под кроющими перьями хвоста. Маховые перья матово-черные; малые маховые перья с медно-красным отливом; хвостовые перья черноватые с ярким зеленым металлическим блеском и слабым медно-красным отливом. Глаза карие, клюв черный, ноги темно-желтые. У самки голова и шея красно-бурые с черными перевязями; спинка бурая с красновато-бурыми пятнышками и зеленоватым и медно-красноватым блеском; кроющие перья крыла черные с каштаново-бурыми пятнышками; малые маховые перья с красно-бурыми краями и полосками и медно-красноватым отливом; рулевые перья бурые, к концам, окаймленным ржаво-красноватым цветом, все темнее и темнее; нижние части по светло-

красновато-чалому фону разрисованы на концах отдельных перьев кругловатыми с черным блеском пятнами.

Насколько куро́лы выдаются строением и окраской, настолько же своеобразны и их нравы, привычки и образ жизни, о которых дают более или менее обстоятельные сведения Грандидье, Ньютон, Рох, Поллен и Дам. Эта птица не из редких в северо-восточных, северо-западных и южных частях Мадагаскара, встречается также на Майотте и Иоганне, принадлежащим Коморским островам. Среди местных жителей Мадагаскара куро́л известен под различными названиями. В Ветсимараке его зовут «циромбо», в Сакалаве — «треотрео», подражая этим названием его жалобному крику. По временам его встречают обществами от 10 до 12 штук, которые держатся преимущественно по опушкам лесов; в другое время в подобных же местах их можно встретить целое множество, но разделенное на маленькие группы, в которых численность самцов в такой степени перевешивает количество самок, что, по мнению Поллена, на одну самку приходится по крайней мере три самца.

Куро́л во всех отношениях своеобразная птица, хотя умным его назвать нельзя. Его крик, который можно выразить слогами «тюху-тюху-тюху», звучит непрерывно и под конец с такой силой, что очень надоедает. При этом куро́л так раздувает горло и вытягивает шею, что эти части тела принимают вид висящего мешка. Но насколько энергичен он в призывных криках, настолько же ленив и туповат, когда сидит на ветви дерева. Он держится здесь неподвижно в очень отвесном положении, словно чучело, и не только подпускает к себе охотника на расстояние выстрела, равнодушно взирая на исчезновение того или другого члена их общества, но в буквальном смысле слова позволяет убить себя, не помышляя о побеге. Это особенно заметно тогда, когда несколько самцов преследуют одну самку; если одного из них в это время убивают, то другой и не думает скрываться, а довольствуется самое большее тем, что перепорхнет с одной ветки на другую. Совершенно иным показывает себя куро́л тогда, когда он летает и поднимется на значительную высоту. Здесь он держит себя с такой же резвостью, как сизоворонка, то быстро взвизгивает на воздух, вылетая из определенного места в лесу, то, сомкнув крылья, стремглав летит вниз, издавая по временам свист.

По изысканиям Поллена, куро́л питается преимущественно кузнечиками, но охотится также за хамелеонами и ящерицами, от которых его мясо приобретает неприятный запах, похожий на тот, который свойствен кукушкам.

Что такая выдающаяся птица привлекает к себе внимание местных жителей, это понятно, но трудно объяснить себе, почему куро́л играет такую важную роль в священных песнях и молитвах мадагаскарцев.

Семейство момотовые

Один из известнейших видов этого семейства **синешапочный, или большой, момот** (*Momotm momota*). Край лба, уздечка и область глаза, как и круглое пятно на темени, — черные; край лба спереди небесно-голубого, сзади темно-ультрамаринового цвета; пятно на ухе сверху и снизу окаймлено узкой голубой полоской; зашеек и нижняя часть тела зеленые, с ржаво-коричневым оттенком; красно-бурые перья затылка составляют поперечное пятно; несколько удлиненных, широких черных перьев на середине горла окаймлены узкой небесно-голубого цвета полоской; спина, крылья и хвост — темно-зеленые; маховые перья внутри — черные; большие маховые перья снаружи — зеленовато-голубые; перья хвоста на конце с широкой темно-синей каймой; оба средних пера в своей широкой, выдающейся конечной области с более яркой каймой и черным краем на конце. Глаза красно-бурые, клюв черный, ноги буровато-серого рогового цвета. Длина птицы 50 см, длина крыла 17, длина хвоста 28 см.

По словам Бурмейстера, момот населяет лесистые области северной части Бразилии и здесь общеизвестен. Шомбургк находил его часто в Гвиане и имел случай долго его наблюдать. «Уже до восхода солнца, — говорит он, — раздается из дремучего, первобытного леса жалобный и печальный, но при этом отчетливый «гуту-гуту» момота и извещает дремлющую природу о наступлении дня. Эта замечательная птица избегает каждого светлого места в первобытном лесу и никогда не долетает до опушки, хотя момот несколько не пуглив. Он позволяет каждому наблюдателю подойти вплотную к себе, прежде чем слетит на один из нижних сучков, составляющих его излюбленные места сидения. Как только он уселся, то издает свой грустный «гуту-гуту», при первом звуке поднимая хвост вверх, и опять опуская его при втором. Эти движения очень похожи на движения трясогузки.

Для постройки гнезда момот отыскивает круглое или яйцевидное углубление на склоне холма или на другой возвышенности. Самец и самка правильно сменяют друг друга при высидивании, но как ни умеренна и ни серьезна эта птица во всех движениях, все-таки время сидения на гнезде

кажется ей довольно долгим и, просидев на яйцах смирно едва 3-4 минуты, она начинает вертеться кругом, затем опять успокаивается на время, и потом вновь начинает свои повороты. Вследствие этого постоянного движения и вертлявости бородки обоих длинных хвостовых перьев путаются и стираются о края углубления. Едва только подлетит сменяющий ее супруг, как освобожденная птица, заботящаяся больше всего о чистоте и красоте оперения, летит на ближайший сучок, чтобы опять привести в порядок запутанные бородки; но это ей, конечно, удастся большей частью только при полном уничтожении самих бородок. Вследствие этого и замечается то пустое пространство, которое подало повод к столь многим предположениям и которое каждый раз указывает на возраст птицы. У совсем старых птиц это голое место ствола простирается до самого конца, в то время как молодая, годовая птица, еще не высидившая, имеет на всем протяжении неповрежденные и невытертые опахала».

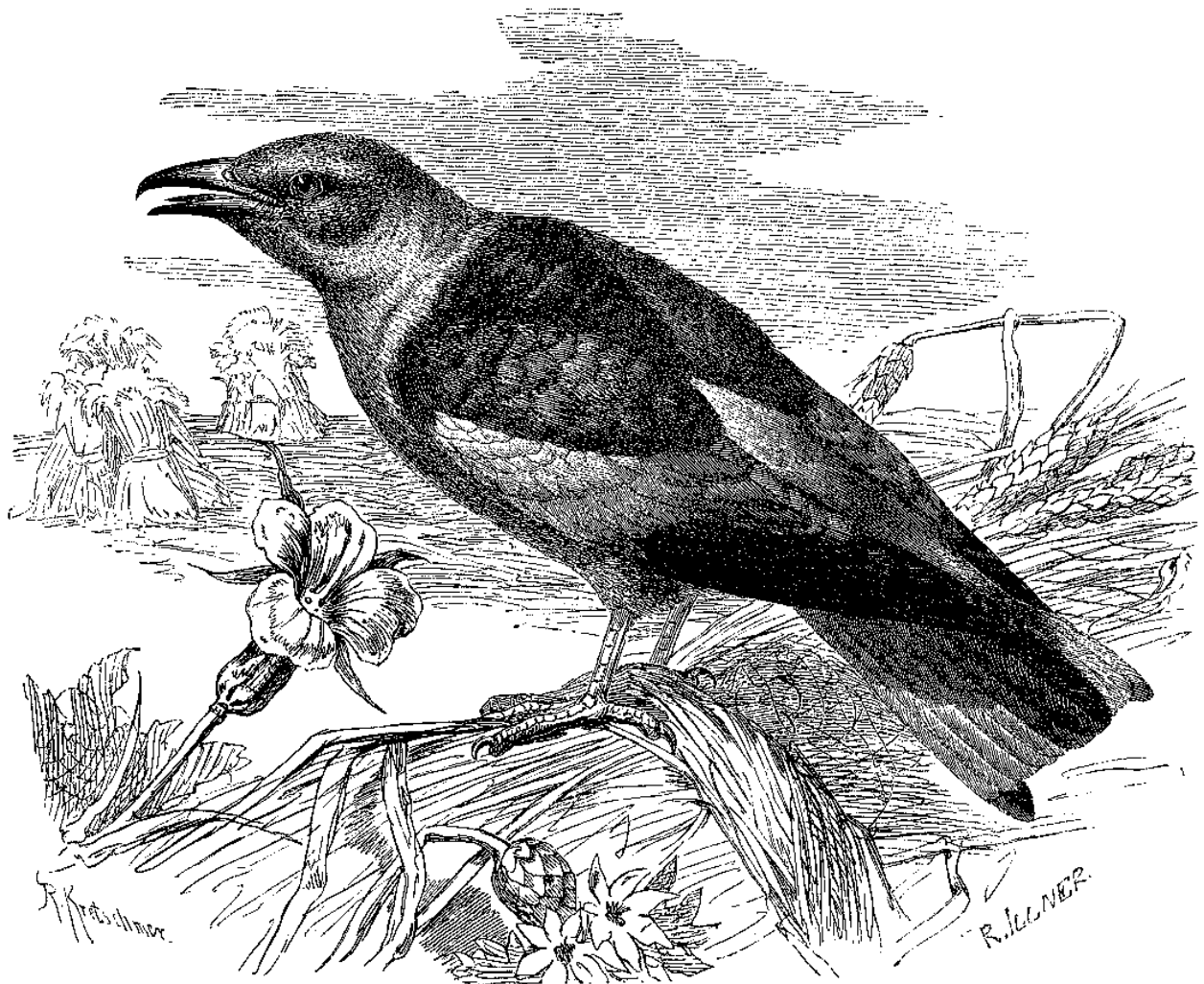
Семейство сизоворонковые

Обыкновенная сизоворонка (*Coracias garririus*). Начиная со Скандинавского полуострова и дальше на юг сизоворонка живет по всей Европе*; впрочем, она во время перелета попадаетея во всей Африке и в южной Азии.

** В последнее время распространение сизоворонки в Европе сильно сократилось. Она уже не обитает не только в Скандинавии, но и в Дании, Швейцарии, Бельгии, Австрии, в Германии она сохранилась только у границы с Польшей, а во Франции лишь на самом юге вдоль побережья Средиземного моря, не стало сизоворонки также в северной Испании.*

Радде наблюдал ее нечасто в Восточной Сибири, но она встречается больше в Азии, начиная с южного Алтая до Кашмира и северной Индии и, кроме того, выводит птенцов в Малой Азии, Персии и северо-западной Африке. Северную Россию она посещает крайне редко. В южной России, Испании, Греции, Малой Азии и Алжире встречается очень часто в соответствующих местах; в Греции образует настоящие колонии; в Испании мы также наблюдали ее многочисленные стайки. По Жердону, в Индии она водится только в северо-западных провинциях.

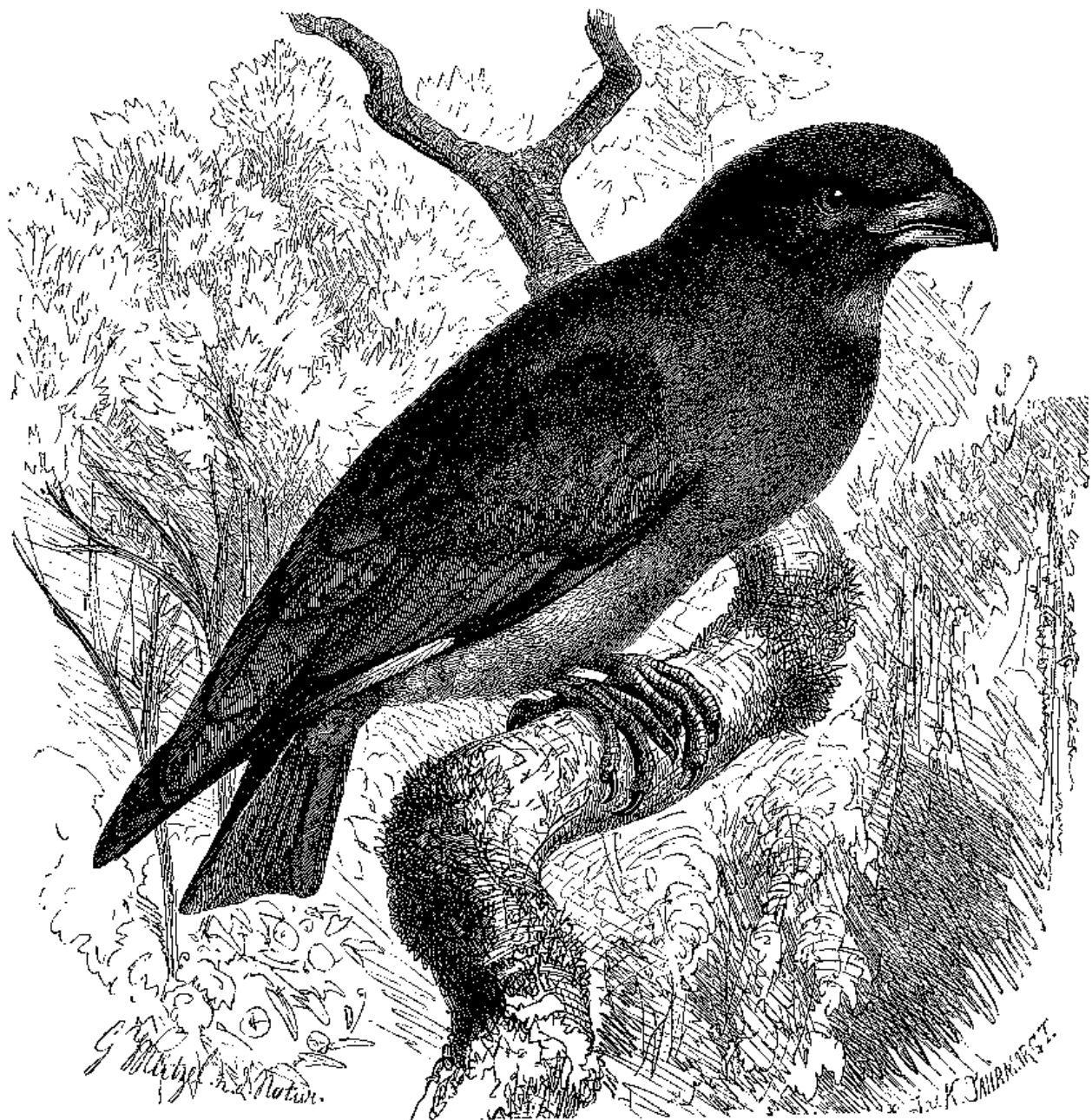
У нас, в средней Европе, сизоворонка пугливо избегает близости человека; в южных областях хотя при выборе гнездовья она и отдает предпочтение спокойным местностям, однако в общем не боится мирного благонамеренного местного жителя. Для устройства гнезда старые сизоворонки в южной Европе подходящие деревья находят еще реже, чем у нас; но зато здесь нет недостатка в развалинах старых или заброшенных зданий, а в случае нужды и в крутых курганах, наконец, просто в утесах, где они всегда найдут соответствующее их надобностям углубление. На этом основании там их можно встретить гораздо чаще, чем у нас, даже в тех местностях, которых они у нас избегают. Надо отдать должную справедливость высокому развитию чувств сизоворонки; относительно же понятливости и характера суждения весьма разнятся; однако сизоворонку несомненно следует считать умной птицей. Она отлично понимает и различает действительную опасность от воображаемой, но ее скорее можно назвать недоверчивой, нежели пугливой. Где она уверена в защите со стороны человека, там близко подпускает его к себе; там же, где ей приходится терпеть от преследования, она улетает уже издали и держит себя крайне осторожно.

Обыкновенная сизоворонка (*Coracias garnilus*)

Смотря по местности, гнездо устраивают различным способом, однако углубление его всегда выстлано одним и тем же материалом: нежными кореньями, стебельками, волосами животных и перьями. Кладка состоит из 4-6 блестящих белых яиц. Оба пола насиживают попеременно и так усердно, что их можно снять с яиц прямо руками. Птенцов выкармливают насекомыми и личинками, они скоро вылетают из гнезда, но еще долго после того остаются под руководством родителей, а осенью вместе с ними пускаются в зимнее путешествие. Против неприятеля, угрожающего детенышам, родители действуют мужественно, не задумываясь подвергают собственную жизнь опасности.

Восточный широкорот (*Eurystomus Orientalis*) имеет чрезвычайно обширную область распространения. Он населяет всю Индию и южную Азию, как материк, так и больше острова, Цейлон, Зондские, Филиппинские, Молуккские и на востоке доходит через Сиам и Китай до Амура, а на юге, через Новую Гвинею, до южной Австралии. В Индии он, по Жердону, живет у подножия Гималайских гор, в нижней Бенгалии и Ассаме, но не в южных областях, а если и попадает там, то лишь изредка; на Цейлоне, по Лайярдю, он водится в различных местностях. В других частях области своего распространения он встречается местами также нередко. Гульд находил его в Новом Южном Уэльсе, а от Эльзея узнаем, что он весьма обыкновенен также в бассейне Виктории. В Новом Южном Уэльсе восточный широкорот — перелетная птица, которая появляется весной и, вскормив птенцов, снова улетает на север. В других областях их местожительства, вероятно, происходит то же самое.

Восточный широкорот (Eutystomus orientalis)

Когда широкорот желает поймать насекомое, он садится обыкновенно почти торчком на сухой сучок дерева, преимущественно поблизости от воды, и осматривается кругом до тех пор, пока какое-нибудь насекомое не привлечет его внимания; тогда он бросается на свою жертву, овладевает ей и возвращается на прежнее место. В другое время его можно видеть почти только на лету, обыкновенно попарно. Тогда он носится вокруг вершины дерева, удивляя наблюдателя быстротой своих поворотов. Во время полета ясно видны серебристо-белые пятна в середине крыльев, вследствие чего эта птица и получила еще одно местное название — «доллар-птица». В пасмурную погоду широкорот производит много шума и в особенности при полете издает какой-то своеобразный дребезжащий крик. Говорят, что он похищает из гнезда молодых попугайчиков и убивает их; однако Гульд не подтверждает этого, так как в желудке убитых находил постоянно только остатки жуков.

Семейство удоновые

Удод (*Uruba erops*) характеризуется следующими признаками: тело вытянутое; клюв очень длинный, ноги довольно сильные с короткими плюснами и тупыми когтями. Крылья большие и широкие, сильно округленные. Хвост средней длины, широкоперый, на конце ровно срезанный. Оперение мягкое, рыхлое и на голове удлинено в хохолок. Оперение верхних частей глинистого цвета; середина спины, плечи и крылья снабжены черными и белыми поперечными полосами. Перистый хохолок темного ржаво-желтого цвета; каждое отдельное перо его с черным кончиком. Нижние части яркого глинистого цвета, бока брюха с длинными продольными черными пятнами. Хвост чер-

ный с белой перевязью около середины. У самки все цвета немного грязнее, чем у самца; у молодых хохолок меньше. Глаза темно-бурые; клюв черного рогового цвета; ноги свинцово-серые.

Длина птицы достигает 29 см, размах крыльев 45, длина крыла 14, а хвоста 10 см.

Удод живет в средней и южной Европе, по всей Сибири и Китаю, в западной Азии и северной Африке, редкий гость для Англии, но залетает иногда на север Скандинавии и на Шпицберген. Зимой его встречают по всей Африке, точно так же он принадлежит к регулярным зимним гостям Индии. У нас предпочитает равнины, более или менее густо поросшие деревьями. Особенно любит местности, в которых поля и луга идут попеременно с рощами, или такие, где по межам полей стоят одинокие, высокие деревья. В южной Европе он держится преимущественно в виноградниках; в Африке его можно видеть в каждом селении и даже в центре города.

Поведение удода своеобразное, но не неприятное. Он осторожен и пуглив, зачастую тщательно избегает человека и доверчив, собственно, только к пастухам; основная черта его характера — безграничная трусливость. Птица настолько умна, что чувствует себя вполне безопасной, если видит человека или домашнее животное, но в то же время уже собака кажется ей подозрительной, кошка заставляет быть настороже, летящая мимо ворона внушает опасение, а коршун или вовсе не страшный гриф приводят ее в неопределимый ужас. Удод мгновенно прижимается тогда к земле, расширяет крылья и хвост кружком, откидывает голову назад, поднимает клюв вверх и пребывает в этом положении с целью обмануть хищника, пока не минует опасность.

Удод (Урира еропс)

Науман утверждает, что удод пугается каждой ласточки, быстро пролетающей около него, что он при этом вздрагивает и быстро распускает хохолок. Обыкновенно удод его не распускает, а держит кончиком назад, но двигает им взад и вперед, когда сердится, и расширяет его, когда сидит, отдыхая на дереве или когда издает свой крик. В пору спаривания он играет хохолком и тогда, когда бегаёт по земле, а иногда даже и на лету распускает и складывает его, как это делают, играя веером. Он ходит по земле, ловко шагая, а не прыгая; напротив, в ветвях он двигается мало и самое большее, что бегаёт взад и вперед по горизонтальным сучкам. На лету он попеременно то быстро, то медленно машет крыльями, отчего его полет кажется пугливым, и он как будто движется толчками. Перед опусканием он несколько мгновений парит и при этом опускает хохолок.

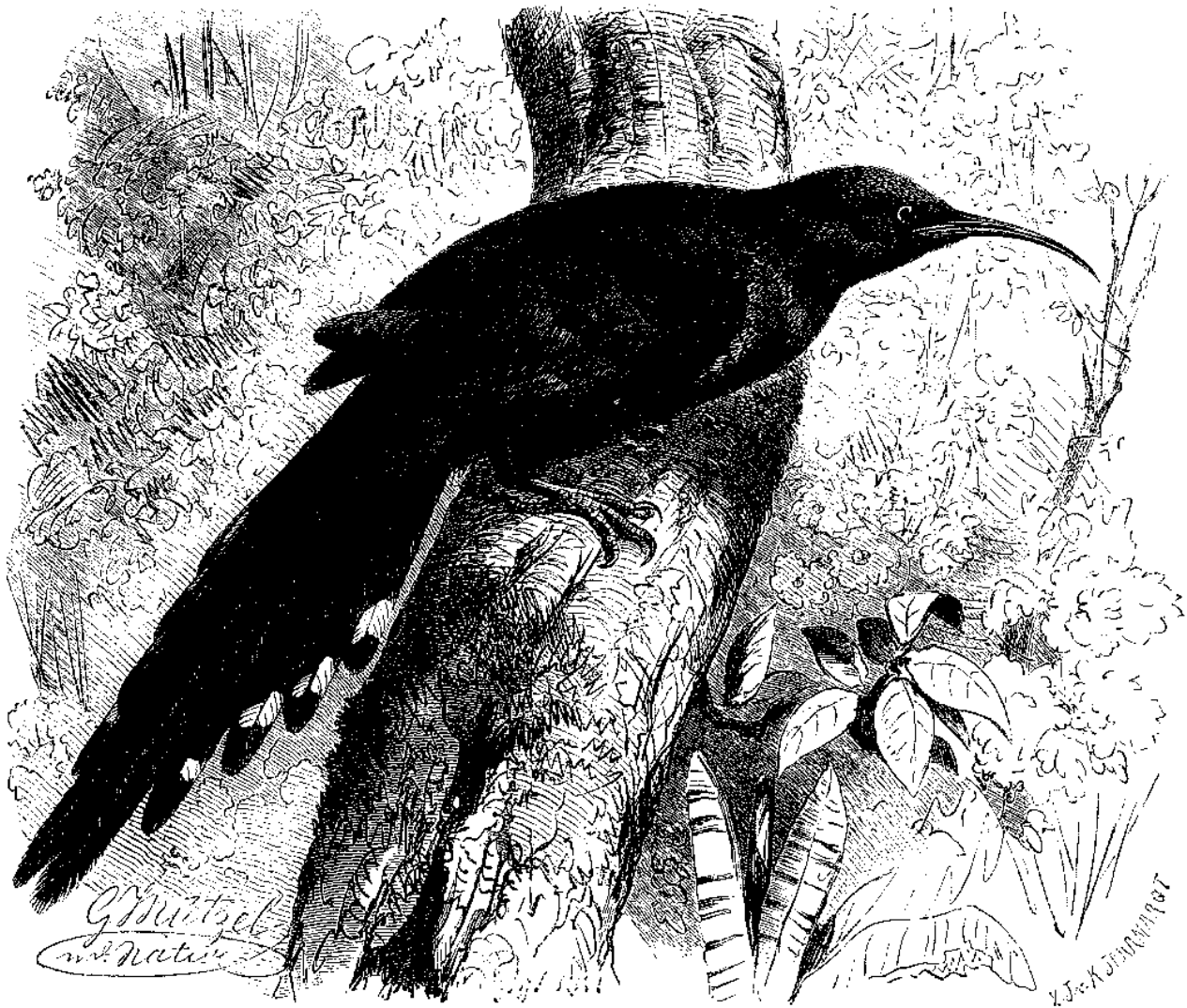
Пищу удода составляют различного рода насекомые, которых он собирает на земле и вытаскивает или вытягивает из дыр с помощью длинного языка. Навозных и трупных жуков, мясных мух, личинок и других навозных насекомых он, по-видимому, предпочитает и не отказывается также от майских и июньских жуков, бронзовок, кузнечиков, сверчков, муравьиных яиц, гусениц и т. п. Свою добычу вытаскивает с большой ловкостью из укромных уголков, добывает их часто с большим трудом, долбя и стуча, подобно дятлу. «На том месте, где он обыскал помет стада или диких животных, — говорит Науман, — или где он некоторое время ловил майских жуков, — видно много маленьких дырочек, просверленных в земле его мягким клювом. Тот же клюв служит ему для убивания больших жуков и для отрывания их жестких подкрылий, ног и брюшных щитков. Он до тех пор клювом ударяет жука о землю, пока эти части не отлетят, а затем обработанное таким образом насекомое отправляет в глотку». Клюв удода очень удобен для схватывания, но для того, чтобы проглотить пойманную добычу, птице необходимо подбросить ее кверху и затем уже ловить.

В Европе для гнезда удода чаще всего выбирают дупла деревьев, хотя не пропускают без внимания какую-нибудь дыру в стене или трещину скалы, кажущуюся им подходящими. В Египте они гнездятся почти всегда в стенных трещинах и очень часто в подходящих углублениях обитаемых построек. Вообще они не затрудняются выбором места для своего гнезда. В наших краях они довольствуются в случае нужды каким-нибудь потаенным местечком прямо на земле. В степных областях кладут свои яйца даже между костями падали. Паллас нашел однажды гнездо с семью птенцами в грудной клетке человеческого скелета. Дупло дерева обыкновенно не выкладывает ничем, но иногда кое-какими стебельками и корешками, а также и коровьим навозом. Гнезда, помещенные на земле, выстилает всевозможными сухими стебельками, нежными корешками и прутиками и точно так же прикрашивает навозом. Кладка состоит из 4-10 сравнительно маленьких, приблизительно 27 мм длины, 17 мм толщины, весьма продолговатых яичек, с чрезвычайно нежными белыми точечками по грязному бело-зеленому или желтовато-серому фону. Иногда пятен вовсе нет и вообще яйца очень разнообразны по окраске. До начала мая редко найдешь полную кладку, так как удод кладет яйца только раз в году. Яйца высиживает с чрезвычайным самоотвержением только самка в продолжение 16 дней; о птенцах заботливо пекутся оба родителя, выкармливают их личинками и жуками и руководят, направляют, учат и предостерегают их еще долгое время после вылета.

Немцы называют удода «вонючей птицей», и действительно, в птенцовую пору удод вполне оправдывает это народное прозвище, так как он и птенцы в это время воняют невыносимым образом. Сидящая на яйцах самка редко берет на себя труд выкинуть собственный помет, а гнездо с птенцами никогда не вычищается. Вонь привлекает мух, которые кладут свой яички в навоз, и, таким образом, гнездо в конце концов кишит личинками. Само собой разумеется, хуже всего воняют птенцы, однако и родители мало уступают им, и только много недель спустя после вылета из гнезда как те, так и другие теряют пропитавший их запах. Когда птенцы совершенно вырастут, от этого запаха так мало остается, что их, как и их родителей, можно есть без отвращения. В это время они очень жирны и необыкновенно вкусны.

Семейство древесные удоды

Самым привлекательным из тех видов, которых я мог изучить, следует считать, без сомнения, **красноклювого лесного удода** (*Phoeniculus porphyreus*). Основной цвет его оперения — прекрасный металлически блестящий синий, отсвечивающий то темно-зеленым, то пурпуровым оттенком.

Красноклювый лесной удо́д (*Phoeniculus purpureus*)

На внутреннем опахале первых трех маховых перьев находится по одному белому пятну, на шести следующих перьях — по два. Такое же украшение и на хвостовых перьях: у них также около концов находятся белые крестообразные пятна. Глаза бурые, клюв и ноги кораллово-красные. Самка меньших размеров и оперение ее менее блестяще. Птенцы темно-зеленого цвета, ближе к черному, и почти совершенно лишены блеска; их клюв красновато-черного цвета. Длина красноклювых удо́дов достигает 45-47 см, размах крыльев 48, длина крыла 16, а хвоста 24 см.

По моим исследованиям, красноклювый удо́д живет в северо-восточной Африке не севернее 16 градуса, но к югу от этой параллели находится повсюду в высокоствольных лесах. Кроме того, его находили по всему восточному побережью до мыса Доброй Надежды, затем повсюду в средней Африке, куда проникли европейцы, и, наконец, даже в западной Африке. Он принадлежит к числу обитателей леса и лишь иногда показывается на полянах; однако и тут не покидает деревьев. В безлесных равнинах никогда не встречается, так как только в редких случаях слетает на землю. С криком и шумом шмыгает, летает и лазает по лесу компания этих красивых птиц, редко состоящая менее чем из 4 и более чем из 10 штук. Спик, впрочем, говорит о стаях из 15-20 штук. Стайка живет очень дружно. Что начнет делать один, то перенимают другие. При отлете все общество кричит, перебывая друг друга, так что становится невозможным различить отдельных звуков. Левальян пробует передать горловой звук, произносимый птицей с удивительной скоростью, посредством «га-га-га-га-га».

Пока общество ничем не встревожено, оно перелетает с одного дерева на другое и с куста на куст. Кто-нибудь из них прицепится внизу к шероховатой коре какого-нибудь ствола и лезет по ней вверх, другой следует за ним, и вскоре вся стая таким образом оказывается на одном и том же стволе. По косому стволу красноклювый удо́д лазает если и не с ловкостью дятла, то с неутомимостью многих лазающих птиц; на отвесном стволе держится, по крайней мере некоторое время, уцепившись за кору, и при этом, всовывая в каждую трещину нежный и изящный клюв, обыскивает все потаенные уголки насекомых. Хвост не служит ему опорой при лазании, но от лазания скоро изна-

шивается, поэтому же и опахала перьев редко выглядят гладкими. На обыкновенного удода красноклювый похож тем, что часто ест навозных и трупных жуков, а на дятла тем, что он особенно любит разных муравьев. Гюрней нашел, что он ест и клопов; к пище красноклювого удода Монтейро причисляет гусениц и маленьких жуков; по моим наблюдениям, он в известное время питается исключительно муравьями и в особенности крылатыми. Из-за своей пищи он приобретает в высшей степени неприятный запах, который меняется, смотря по роду пищи. Обыкновенно он пахнет муравьями, но совсем нередко, подобно обыкновенному удоду, воняет навозом, а иногда от него несет очень неприятным запахом мускуса. Движения красноклювого удода сравнительно ловки. Несмотря на короткие ноги, птица бежит вовсе не так плохо, как можно было бы ожидать, а в лазании она довольно искусна. Полет удода состоит из нескольких быстрых взмахов крыльями и следующим за ними плавным движением: нередко на лету он описывает дуги.

Я мало знаю других птиц, которые жили бы так дружно между собой, как красноклювые удоды. Относительно их гнездования Левальян сообщает, что самка откладывает 6-8 синевато-зеленых яиц в дупле дерева на рыхлое гнилье, высиживает их попеременно с самцом и еще долгое время возвращается в то же дупло вместе с вылетевшими птенцами*.

** Эти сведения Левальян почерпнул, скорее всего, от местных жителей. Они во многом не подтвердились впоследствии. Специальными исследованиями установлено, что кладка красноклювого удода содержит всего 2-3 яйца и насиживает их одна самка, самец ее кормит.*

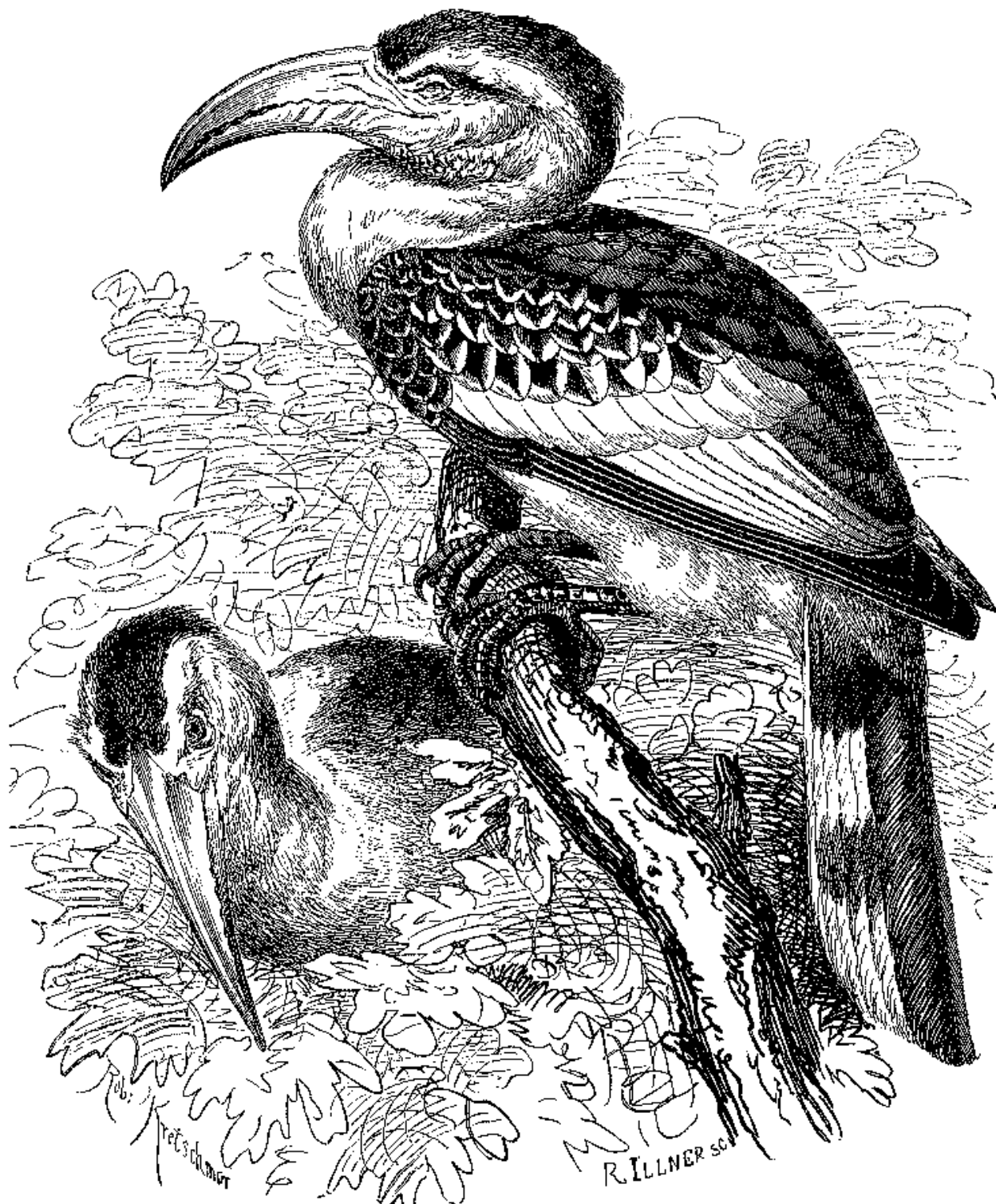
Стоит только вечером проследить за их громкими криками, и легко найдешь этих любопытных, мало пугливых птичек, и можно видеть, как вся семья возвращается в ночное убежище.

Кроме этого Левальян еще сообщает, что красноклювые удоды иногда собираются около человека, собаки или какого-нибудь другого животного и с громкими криками следуют за ним с дерева на дерево.

Семейство птицы-носороги

Начиная от 17 градуса северной широты, к югу по большей части Африки, распространен **серый токо** (*Tockus nasutus*). Это один из самых маленьких видов семейства; его легко отличить, но нелегко описать в коротких словах. Длина птицы достигает 46 см, размах крыльев 57, длина крыла 17, хвоста 19,5 см. Одинаково окрашенные самки значительно меньших размеров.

Во всех лесах Абиссинии, восточного Судана и Кордофана, а также во всех соответствующих областях средней, восточной и южной Африки токо принадлежит к числу тех птиц, которых можно видеть и слышать изо дня в день. Его встречают, хотя реже, в негустых рощах степей и постоянно, местами очень часто, в приречных низменностях, где лес состоит из высоких деревьев. В горы, по наблюдениям Гейглина, он залетает до 2000 м. Это не перелетная птица, хотя часто, в обществе с близкими ему сородичами, далеко кочует по стране.

Красноклювый токо (*Tockus erythrogastrus*)

Как большинство птиц-носорогов, серый токо является вполне древесной птицей, лишь очень неохотно спускающейся на землю, может быть, даже только тогда, когда вынужден искать там пропитание при недостатке ягод и древесных плодов. Его любимым местопребыванием являются распространенные деревья области; на них он и его сородичи, с которыми он охотно смешивается, появляются с большой регулярностью. Он любит держать себя открыто и для этого садится возможно выше на кончики самых верхних ветвей. С ветки на ветку прыгает довольно неуклюже, но по одному и тому же сучку бегаёт ловко. Его полет напоминает отчасти полет дятла, но настолько своеобразен, что токо можно узнать еще издали. Несколько быстрых взмахов крыльями уносят птицу на известную высоту, с которой она опускается по очень крутой дуге, опустив книзу клюв; затем снова взвивается и снова несется вниз. При этом хвост ее попеременно то расширяется, то складывается. Название птицы есть подражание ее голосу, так как он состоит из единственного громкого крика, повторяемого часто и отрывисто несколько раз один за другим, так что в общем все это может длиться минуту. Каждый отдельный звук сопровождается кивком головы, но к концу

крик становится учащеннее, и птица должна прилагать много старания, чтобы не забыть скрепить кивками все отдельные тоны, что она и исполняет добросовестно. Гейглин изображает голос токо слогами «тлуидиу-тлуидиу-диутлу» со всевозможными перестановками и повышениями и замечает, что иногда птицы, будучи испуганными, в одних случаях издают глухое, короткое «шарр», в других оживленное стрекотание.

О гнездовании серого токо дал превосходные сведения Ливингстон, и сообщенное им было полностью подтверждено Кирком и Андерсоном. «Нам нужно было, — так рассказывает знаменитый путешественник, — пересечь большие мопановые леса, и мои люди наловили много птиц, называемых корвэ, прямо с их гнезд, которые находились в дуплах мопановых деревьев. 19 февраля мы натолкнулись на гнездо одной корвэ, которое как раз должно было быть занято самкой. Гнездо оказалось замазанным с обеих сторон глиной, но оставлено было сердцевидное отверстие как раз такой величины, чтобы пропустить тело птицы. Внутреннее помещение постоянно имело довольно обширное продолжение кверху, где птица и пробовала спастись, когда мы хотели ее поймать. В одном из гнезд мы нашли белое яйцо, похожее на голубиное, а второе птица снесла уже будучи в наших руках. В яйцевом я нашел, кроме того, еще четыре оплодотворенных яйца».

"В первый раз я увидел эту птицу во время рубки одного леса в Колобонге. Один из сопровождавших меня местных жителей вдруг крикнул: «Вон гнездо корвэ!» Я ничего не увидел, кроме трещины небольшого дупла в стволе; она имела приблизительно 1 см в ширину и 7-10 см в длину. Думая, что слово «корвэ» обозначает какое-нибудь маленькое млекопитающее, я с напряженным вниманием ждал, что вытащит оттуда туземца. Он разломал твердую, окружавшую трещину глину, запустил руку и вытащил взрослого токо. Он рассказал мне тут же, что самка, забравшись в гнездо, должна сидеть там очень долго, пока насиживает. Самец замуравливает вход и оставляет одно только небольшое отверстие, через которое запертая птица просовывает клюв, чтобы брать корм, доставляемый ей самцом. Самка выкладывает гнездо собственными перьями, кладет яйца, высиживает их и остается с молодыми, пока они не станут на взлет. В продолжение всего этого времени, длящегося два-три месяца, самец ревностно занят кормлением своей подруги и птенцов. Обыкновенно последние от этого становятся очень жирными, почему являются лакомым блюдом для аборигенов, бедный же самец остается жалким и исхудалым часто до такой степени, что при внезапном наступлении дождливой погоды от слабости падает с дерева и умирает. Я не имел случая узнать точный срок такого «пленения». Когда спустя восемь дней, я опять увидел то же дерево, отверстие было уже снова замуравовано; оказалось, что несчастный вдовец нашел утешение с новой подружкой. Мы оставили в покое обоих. Судьбе было угодно, чтобы я больше не был на том месте».

Как представителя индийских видов этого семейства первым нужно упомянуть **двурогого, или большого индийского, калао** (*Buceros bicornis*).

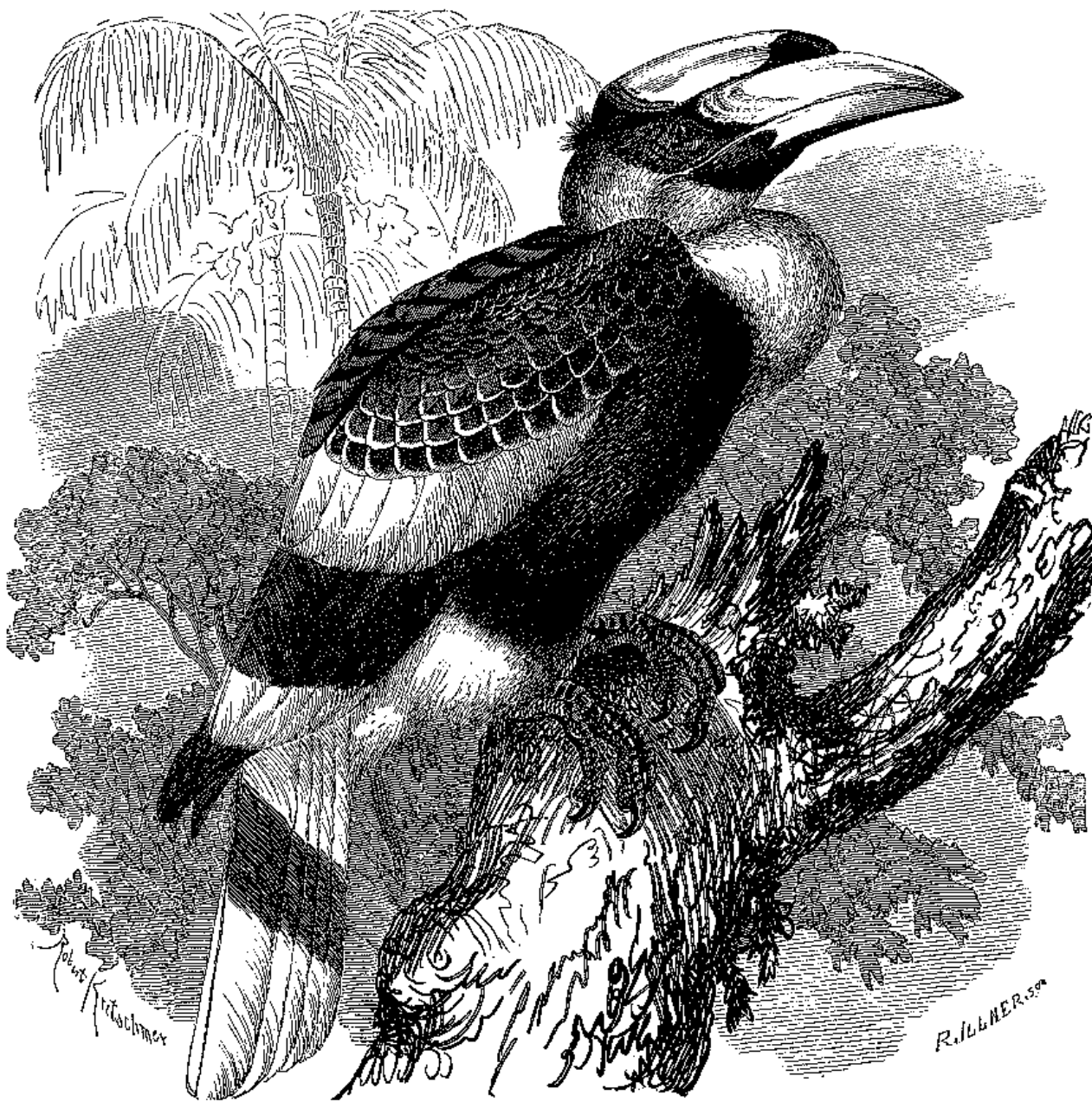
Оперение его главным образом черного цвета. Шея, концы верхних кроющих перьев хвоста, брюхо и нижние кроющие перья хвоста, пятна на крыльях, основания больших маховых перьев, концы всех маховых вообще и, наконец, рулевые перья, за исключением широкой черной перевязи перед концом, — все это более или менее чистого белого цвета. Нередко шейные и крыловые перья выглядят желтоватыми вследствие сильного окрашивания жиром копчиковой железы. Глаза пурпурово-красные. Верхняя половина клюва, включая нарост, — красного цвета, переходящего в желтый восковой; нижняя половина желтая, на конце красная; основание клюва бледно-черное, голая кожа у глаз черная; ноги темно-бурые. Длина птицы достигает 1,2 м, длина крыла 50-52 см, длина хвоста 44, клюва 26 см; от заднего края нароста до конца клюва 34 см, нарост же 20 см в длину и 8,5 см в ширину.

Двурогий калао распространен по высоким лесистым местностям Индии, от крайнего юга до Гималаев и от Малабарского берега до Ассама, Аракана, Тенассерима, Бирмы и Малайского полуострова, впрочем, встречается и на Суматре. По словам Жердона, он живет в Индии на горных склонах до 1500 м над уровнем моря, большей частью парами, реже небольшими стаями; по Ходжсону, которому принадлежит мастерское по форме и содержанию описание местонахождения и образа жизни этой птицы, он населяет все горные цепи между Харидваром на западе и Ассамом на востоке, однако проникает, следуя по бассейнам рек, далеко в глубь гор, но в таких случаях держится исключительно в долинах и никогда не забирается на голые вершины соседних гор.

Художественно и сжато описывает Ходжсон местожительство и образ жизни двурогого калао. Птица эта преимущественно выбирает для своего местопребывания открытые и заросшие чащи, если таковые находятся среди лесов поблизости рек. Она живет общественно и настолько же характерна спокойными привычками и движениями, как и самоуверенностью и достоинством. На вершинке какого-нибудь высокого дерева фантастической формы видишь крупных, удивительных и

полных сознания собственного достоинства птиц, сидящих по часу неподвижно, подогнув и почти спрятав между крыльями шею и прижавши живот к самым пяткам. При случае одна из них слетает, обыкновенно в сопровождении одного или двух товарищей, и, пролетев короткое расстояние, садится на другое высокое дерево. Насколько мог наблюдать Ходжсон, калао никогда не опускаются на землю и не садятся хотя бы на низкое дерево. Обыкновенно 20 или 30 таких птиц сидят в непосредственной близости, шесть или восемь на одном и том же дереве, конечно, если оно велико, и здесь они проводят по часу с невозмутимостью и достоинством судей, время от времени издавая полуподавленный крик, столь же странный, как их фигура и манеры. Эти крики напоминают кваканье огромной лягушки и лишь немного громче его.

Все остальные наблюдатели в существенных чертах согласны с этим описанием; однако Жердон замечает, что он никогда не видел ни в южной Индии, ни в Сиккиме стай более чем из пяти и шести штук, да и самих птиц видел только изредка. Он характеризует двурогого калао вообще как спокойное существо, которое лишь время от времени испускает низкое, но не громкое карканье, при этом прибавляет, что в том случае, когда птицы сидят компанией, он вовсе не слышал, чтобы они издавали грубые и неприятные звуки.

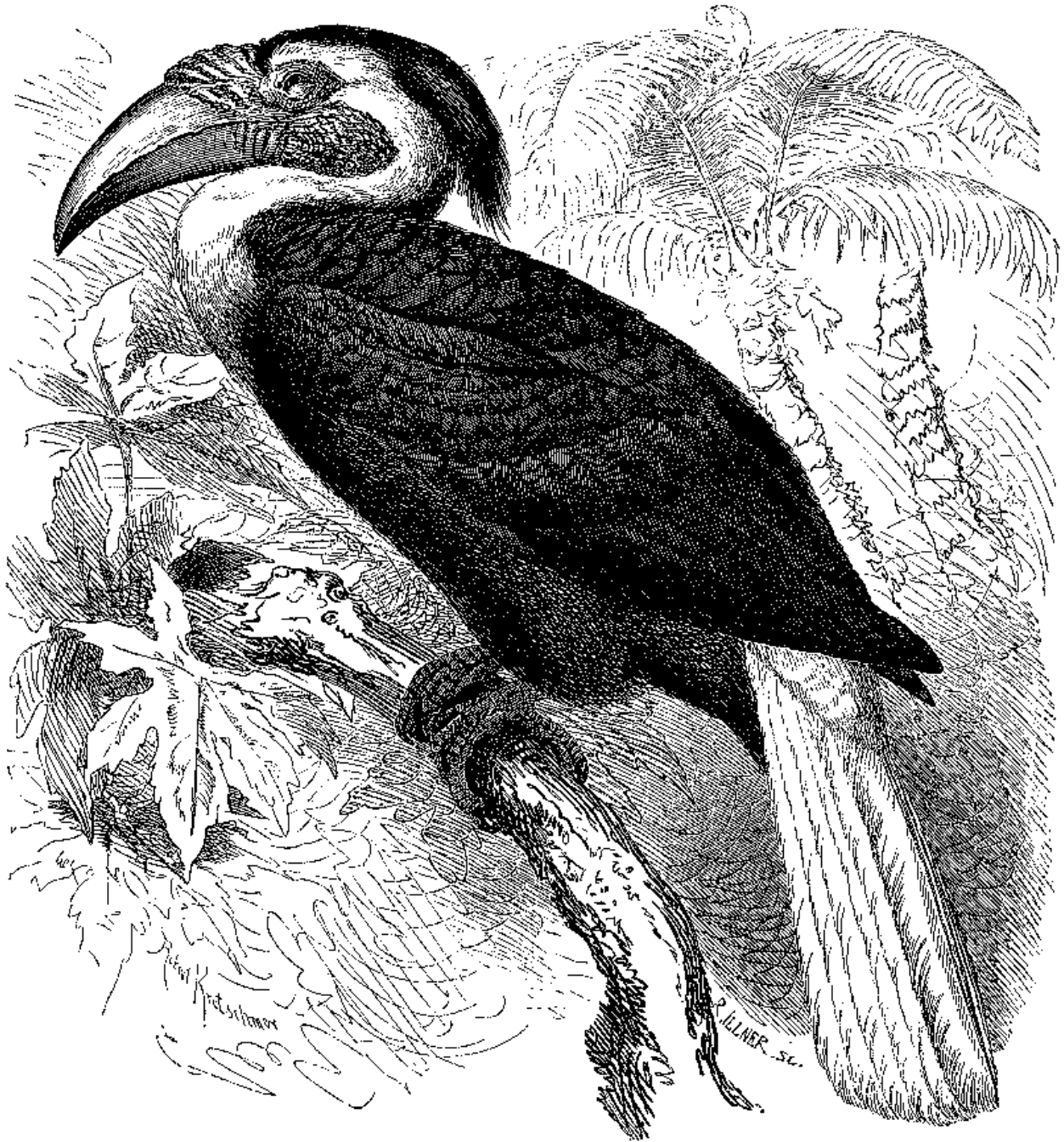
Двурогий, или большой индийски, калао (*Buceros bicornis*)

Ходжсон полагает, что калао можно считать исключительно плодоядной птицей. «Что он бывает таковым, по крайней мере в известное время, — говорит этот автор, — это вне всякого сомнения, так как желудки пяти или восьми птиц, которых я убил и исследовал в январе или феврале, заключали в себе исключительно плоды священных смоковниц. Все наблюдатели заметили, что калао питается плодами этого дерева и фигами вообще, как дикими, так и растущими в садах, предпо-

читая эту пищу всякой другой. Однако они не ограничиваются только фидами, но при случае едят и другие плоды». Для плодовых садов, по словам Гюрнея, калао иногда бывают очень вредны. Об их гнездовании существует много наблюдений. «Когда самка, — говорит Масон, — положит свои 5-6 яиц, самец так плотно замуравливает ее, что она может просунуть в отверстие только свой клюв. Так проводит она птенцовую пору и может поплатиться жизнью, если вздумает ломать свою тюрьму. Чтобы вознаградить ее за потерю свободы, самец усердно доставляет ей плоды и приносит их целыми, так как самка не дотронется до обкусанного плода». Едва ли следует прибавлять, что последняя часть сообщения Масона основывается на выдумках или на доверии к баснословным рассказам туземцев; первая же часть сказанного им совершенно верна. Тиккель дополняет сообщенное Масоном. «16 февраля, — рассказывает он, — я узнал от жителей селения Карэн, что в дупле одного соседнего дерева устроил гнездо большой индийский калао и что уже несколько лет пара гнездится все на том же месте. Я посетил это гнездовье и заметил, что дупло находилось в почти прямом стволе дерева, лишенном сучков метров на 15 от земли. Дупло было замуравлено глиной так, что оставалось лишь маленькое отверстие, через которое самка просовывала клюв и могла брать от самца корм. Один из сельчан с большим трудом взобрался на дерево, вколачивая в ствол бамбуковые палочки, и начал разламывать глиняную замазку. Во время этого занятия самец испускал громкие, хриплые звуки, порхал вокруг и подлетал почти вплотную к нам. Местные жители, по-видимому, испугались и уверяли, что он может на пасть на них, так что мне стоило большого труда уговорить их не убивать птицу. Когда дупло было достаточно раскрыто, один из них просунул внутрь руку, но птица так сильно укусила его что быстро вытащил руку обратно и чуть не упал с дерева. Обернув руку несколькими тряпками, ему удалось вытащить птицу. Это было поистине жалкое существо, отвратительное и грязное. Снесенная вниз и пущенная свободно по земле, птица прыгала по ней, не имея возможности лететь, и пугала окружающих людей своим клювом. Наконец она залезла на маленькое деревцо и осталась там сидеть, так как была слишком беспомощна, чтобы употребить в дело крылья и присоединиться к самцу. В глубине дупла, приблизительно на 1 м ниже входа, на рыхлом гнилье, кусочках коры и перьях лежало единственное, грязное, светло-буроватое яйцо. Кроме того, дупло было наполнено массой гнилых ягод. От жира своей копчиковой железы самка приняла желтую окраску».

Дальнейшее развитие молодых двурогих калао, оказывается, также протекает медленно; по крайней мере Ходжсон уверяет, что они достигают полного развития только на четвертом или пятом году. Блайт, напротив, на основании наблюдений над пойманными двурогими калао говорит, что для полного развития этого калао достаточно трех лет.

В дополнение ко всему предыдущему следует привести здесь превосходное описание образа жизни **папуасского калао** (*Aceros plicatus*), сделанное Бернштейном. Этот калао главным образом характеризуется тем, что вместо верхней половины рога он имеет мясистое морщинистое возвышение. Его маховые перья средней величины, хвост довольно сильно закруглен, ноги короткие и сильные. Оперение черное, за исключением охрово-желтой головы и шеи, но хвост белый, клюв светлого рогового цвета, голое горло и голые места у глаз светло-голубые. У молодых птиц нет складчатого нароста, так как он развивается только с возрастом. Так как глубокие поперечные борозды нароста у всех птиц одинаковы по числу, то прежде думали, что каждый год вырастает новая складка и по их числу можно определить возраст птицы. Это обстоятельство дало повод к названию, данному ему европейцами, — годовая птица.

Папуасский калао (*Aceros plicatus*)

Самый прославленный из всех африканских птиц-носорогов — **абиссинский рогатый ворон** (*Bitcorvius abissinicus*). Он принадлежит к числу самых крупных видов семейства, крепко сложен, с короткими крыльями и хвостом, но с довольно высокими ногами. Его клюв очень большой, слабо согнутый, сплюснутый с боков, с тупым концом, с несмыкающимися посередине половинками клюва и украшенный только одним, хотя довольно высоким наростом над основанием верхней половинки клюва. Этот нарост начинается на середине темени и продолжается приблизительно до первой трети всей длины клюва, спереди бывает или открытый и продолжается дальше в форме трубки, или же закрытый. Глаза и область горла — голые и очень ярко окрашенные. Оперение, кроме десяти желтовато-белых маховых перьев, блестящего черного цвета. Глаза темно-бурые; клюв черный, за исключением пятна на верхней половинке, которая в задней части — красного цвета, а спереди желтого; глазной ободок, как и горло, темно-свинцово-серые, последние с ярко-красной каймой. Самка отличается главным образом немного меньшей величиной и менее развитым голым пятном на горле. Длина птицы, по моим собственным измерениям, достигает 1,13 м, размах крыльев 1,83 м, длина крыла 47 см, а хвоста 35 см.

Абиссинский рогатый ворон (*Bucorvus abyssinicus*)

Абиссинский рогатый ворон живет в северо-восточной и северо-западной Африке. Он везде встречается одинаково часто и больше живет в лесистых степях и горах, чем в настоящих девственных лесах или в беслесных областях. В Абиссинии, по Гейглину, он заходит в горы до 4000 м высоты, но чаще попадает в пояс между 1000 и 2000 м. По окончании птенцовой поры абиссинские рогатые вороны собираются иногда многими парами с птенцами и их иногда можно видеть летающими стаей в 10-12 штук. По словам Монтейро, внутри Нижней Гвинеи местные виды абиссинских рогатых воронов сбиваются даже в стаи из сотни птиц, но, конечно, это случается лишь в редких случаях. Обыкновенно же они живут парами и не присоединяются к сородичам; кроме того, они не представляют собой древесных птиц в настоящем смысле этого слова, но ходят по земле подобно воронам, ища на ней свою пищу, и взлетают на деревья, только будучи спугнуты или избирая их местом отдыха. По словам Гейглина, для таких мест они предпочитают одиноко стоящие густолиственные высокие деревья на полянах, лугах или долинах, представляющих возможность далеко видеть вокруг.

Эта птица так заметна, что ее знает каждый местный житель, и повсюду она заслужила известное уважение. В возбужденном состоянии, в особенности самцы, ведут себя очень странно, распускают и складывают хвост совершенно так, как это делают индейские петухи, надувают горловой мешок, волочат по земле крылья и вообще принимают грозный вид. Походка этих птиц похожа на походку ворон, но слегка переваливающаяся, полет отнюдь не слабый, как утверждают некоторые, напротив — легкий и красивый, а когда птица поднимается на известную высоту, становится парящим. Однако абиссинский рогатый ворон не любит за один раз пролетать большие расстояния и, будучи спугнутым, скоро снова садится.

В желудке одного убитого мной самца я нашел среди навозных жуков и кузнечиков несколько червей и довольно большого хамелеона. Гюрней полагает, что птица питается улитками, ящерицами, лягушками, крысами, мышами, различными кузнечиками, жуками и другими насекомыми; Монтейро же думает, что он ест гадюк, птиц, яйца, жуков, маниоковые корни и земляные орехи. «Он занимается охотой, — говорит Гюрней, — всего охотнее там, где трава выжжена, стучит своим сильным клювом по твердой почве, поспешно переворачивает комки земли так, что с них летит пыль, хватая пойманное насекомое, бросает его на воздух, ловит его снова и препровождает в горло. Больших змей птица убивает следующим образом: когда какая-нибудь из таких птиц нашла подобное пресмыкающееся, она приходит с двумя-тремя другими товарищами, приближается сбоку, растопырив маховые перья, и дразнит этим змею, но вовремя мгновенно поворачивается назад, наносит змее сильный удар клювом и снова выставляет перед собой свой оперенный щит. Такие нападения повторяются до тех пор, пока змея не будет убита. Если же последняя начнет нападать сама, птица раскрывает оба крыла и защищает ими голову и наиболее опасные для уязвления части». Маркиз Антинори считает эту птицу, на основании наблюдений и исследования ее желудка, всеядной в обширном смысле этого слова и говорит, что она не только вырывает из земли всевозможные растения, но и охотится за различными животными.

По собственным исследованиям я знаю, что абиссинский рогатый ворон гнездится в дуплистых деревьях, а от Гейглина — что самка кладет маленькие, круглые, белые яйца с шероховатой скорлупой. О том, из одного или из нескольких яиц состоит кладка и замуравливается ли самка, насколько мне известно, еще вовсе нет сведений. Найденное мной дупло дерева не носило на себе никаких следов подобной работы и заключало в себе только одного птенца*. Последний был почти на взлете и окрашен в черный цвет вплоть до средней части маховых перьев. У основания клюва не было еще никаких следов рога.

** По современным данным, рогатые вороны устраивают гнезда обычно в дуплах баобаба, кладка содержит всего два яйца, которые насиживаются обоими полами.*

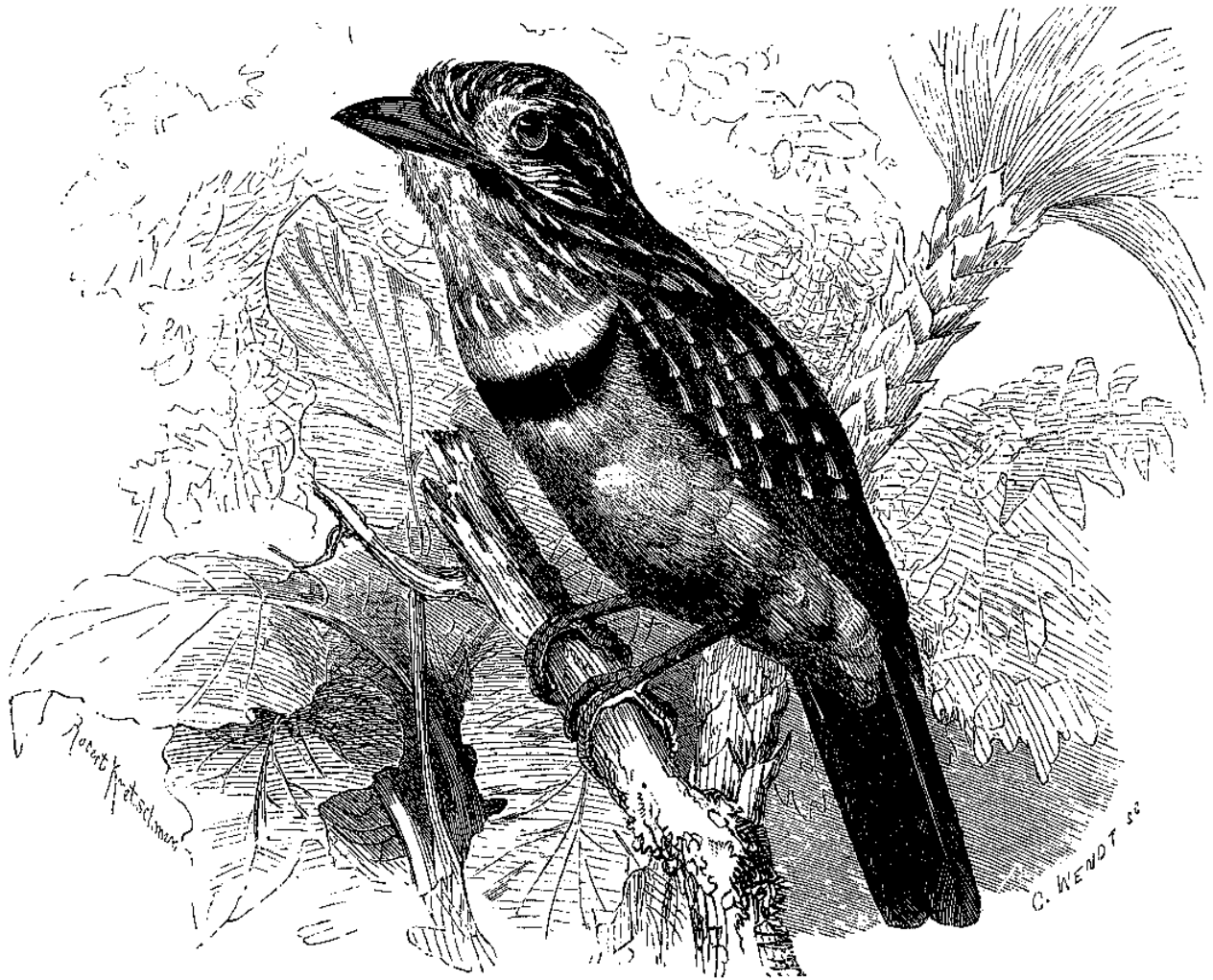
Семейство пуховковые

Это весьма ленивые и скучные существа, они составляют не очень многочисленную, но и не очень бедную группу, принадлежащую исключительно к экваториальным странам Южной Америки.

Все пуховковые живут в лесах в одиночку или парами и редко только на время соединяются небольшими обществами. Они неохотно селятся около человеческих жилищ, а носятся взад и вперед по уединенным лесам. Нравы их не представляют ничего интересного, так как вялость, лень и глупость — самые выдающиеся черты характера. Тихо и одиноко сидят они на сухих ветках под самой вершиной деревьев, неподвижно поджидая пролетающую мимо добычу. Не двигая ни одним мускулом и вообще ничем не выказывая волнения, они близко подпускают к себе наблюдателя, и только когда тот дотронется до ближайших к ним веток, они перелетают на соседнее дерево, чтобы принять там прежнюю унылую позу. Пища состоит из насекомых, которых они умеют ловить, не сходя с ветки. Некоторые виды любят сидеть высоко на деревьях, другие близко к земле, но на самую землю спускаются редко. Однако говорят, что некоторые виды гнездятся в норах, выкопанных ими самими в земле.

Траппист, или белогрудая малакоптила (*Malacoptila fusca*), имеет голову и спину темно-бурые, с ржаво-желтыми полосами; нижняя часть тела бледно-серая, большое серповидное пятно на нижней части шеи чисто-белого цвета, широкая грудная полоска под ним черная, маховые и рулевые перья темно-серовато-бурые. Глаза красновато-карие; клюв и ноги черные. Молодые птицы отличаются от старых более мутными цветами и не очень резкими полосками на стволах перьев, а серповидное пятно на шее имеет светло-желтый налет. Длина достигает 20 см, размах крыльев 31, длина крыла 8,5, а хвоста 8,5 см.

"Эти пуховки, — говорит принц фон Вид, — самые обыкновенные обитательницы лесов юго-западной Бразилии. Я находил трапписта уже около Рио-де-Жанейро во всех густых лесах и тенистых кустарниках, даже около самых жилищ; он смиренно сидел или подпрыгивал на низких ветках или на земле, подкарауливая себе добычу. Я постоянно видел эту печальную птицу, почти неподвижно сидящую на месте и никогда не слышал ее голоса». «Он появляется, — прибавляет Бурмейстер, — даже в деревенских садах, где сидит около дорожек, весной парами, не двигаясь и не выказывая никакого внимания к окружающим его предметам.

Траппист, или белогрудая малакоптила (*Malacoptila fusca*)

Впечатление, производимое этой необыкновенной птицей, очень странное. Ее белое горловое пятно светится еще издали среди лесной чащи, а когда подойдешь ближе, то увидишь, что птица сидит неподвижно, точно сонная, но вместе с тем как бы в недоумении рассматривает путешественника огромными вытаращенными глазами. Глупость и равнодушие так ясно выказываются во всем их поведении, что никому не приходит в голову удивляться данной им бразильцами кличке «Joao doído» (Ванька-дурак). Для орнитолога он интересен, так как соединяет в себе смелых и подвижных, шумных кукушек и их темное оперение, с ленивым нравом козодоев — явление во всяком случае замечательное. Мне не случалось видеть гнезда этой птицы. Принц фон Вид тоже ничего о нем не сообщает. В желудке ее я нашел, кроме остатков других маленьких животных, большую дневную бабочку, которая, свернувшись, наполняла почти весь желудок».

Семейство якамаровые

У **зеленой якамары** (*Galbula galbula*) верхние части тела и грудь превосходного золотисто-зеленого цвета, нижние части тела ржаво-красного цвета, боковые перья хвоста ржаво-красные с зелеными концами, горло у самцов белое, у самок ржаво-желтое. Глаза карие, длинный тонкий клюв, уздечка и голое кольцо около глаз — черные, ноги буровато-телесного цвета. Длина, согласно измерениям принца фон Вид, достигает 21,5 см, длина крыла 8, а хвоста 9 см.

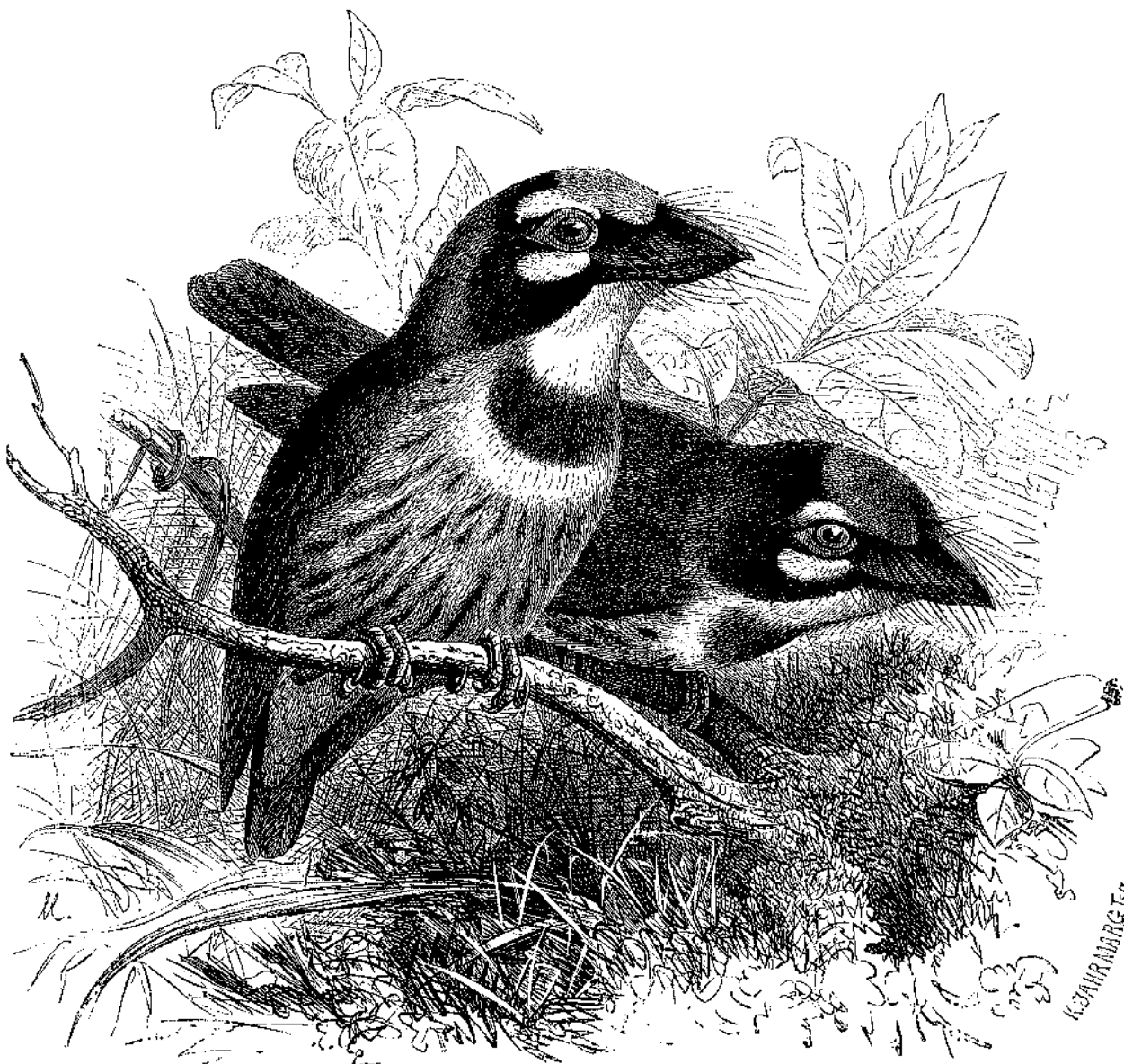
Якамара населяет леса всего побережья Бразилии и встречается везде довольно часто. По мнению принца фон Вид, эта красивая птица имеет во многих отношениях большое сходство с колибри, и это сходство осознается даже местными жителями, которые прозвали якамара «большим колибри». Она живет, подобно своим сородичам, одиноко и тихо в сырых местах, поросших лесом и тенистым кустарником; сидит обыкновенно у воды на самых нижних ветках, летает быстро, но не далеко, и вообще скучная, тихая и ленивая птица, которая, по-видимому, избегает всякого передвижения. Терпеливо ждет приближения насекомого, быстро набрасывается и ловит его на лету, а потом так же быстро возвращается на старое место. По уверению Шомбургка, якамара в состоянии целыми часами просиживать, не двигаясь, в ленивом покое; голос ее громкий, звонкий, часто повторенный звук, но вовсе не приятное пение, как думал Бюффон. Гнездо якамары и их родичи устраи-

вают в круглых береговых норах. Так по крайней мере утверждает принц фон Вид, который, впрочем, сам никогда не находил подобных гнезд.

Семейство бородатковые

Представителем азиатских видов этого семейства я избрал **красноголового бородастика** (*Megalaima haematocephala*), так как его образ жизни до некоторой степени изучен. Оперение сверху темно-оливково-зеленое; эта окраска на наружных каймах черных маховых перьев переходит в темный зелено-синий цвет. Передняя и верхняя части головы — пурпурово-красные. Затылок и бока головы — черные. Узкая полоска над глазом и широкая полоса под ним, подбородок и горло — желтого цвета серы; поперечная полоска, оторачивающая горло снизу, — темно-пурпурово-красного цвета; полоса, в свою очередь огибающая эту последнюю, — оранжево-желтая. Все остальные нижние части — желтовато-белые, покрытые широкими яблочно-зелеными продольными пятнами по стержням. Глаза темно-бурые, клюв черный, ноги красного кораллового цвета. Длина достигает 17 см, размах крыльев 29, длина крыла 8,5, а хвоста 4 см.

Красноголовый бородастик распространен, по словам Жердона, по всей Индии, Кохинхине, Цейлону, на Малайских островах, особенно на Суматре, и на Филиппинских, но отсутствует в Гималаях и Пенджабе.

Красноголовый бородастик (*Megalaima haematocephala*)

Красноголовый бородастик (*Megalaima haematocephala*) Он обыкновенен всюду, где есть деревья, живет в высокоствольных лесах, рощах, на бульварах и в садах и без всякого страха прилетает к домам, нередко даже садится на них. Некоторые натуралисты говорят, что он лазает по деревьям подобно дятлу, но Жердон утверждает, что он никогда этого не замечал и сомневается, чтобы какой-нибудь бородастик вообще двигался таким образом. Голос этого бородастика громкий, похожий на слог «дук-дук». Этот крик птица обыкновенно издает, сидя на вершине дерева и сопро-

вождая каждый звук кивком головы то в одну, то в другую сторону. Из-за голоса и движений головы эта птица получила название «кузнеца», которое очень в ходу как у европейцев, так и у индийцев.

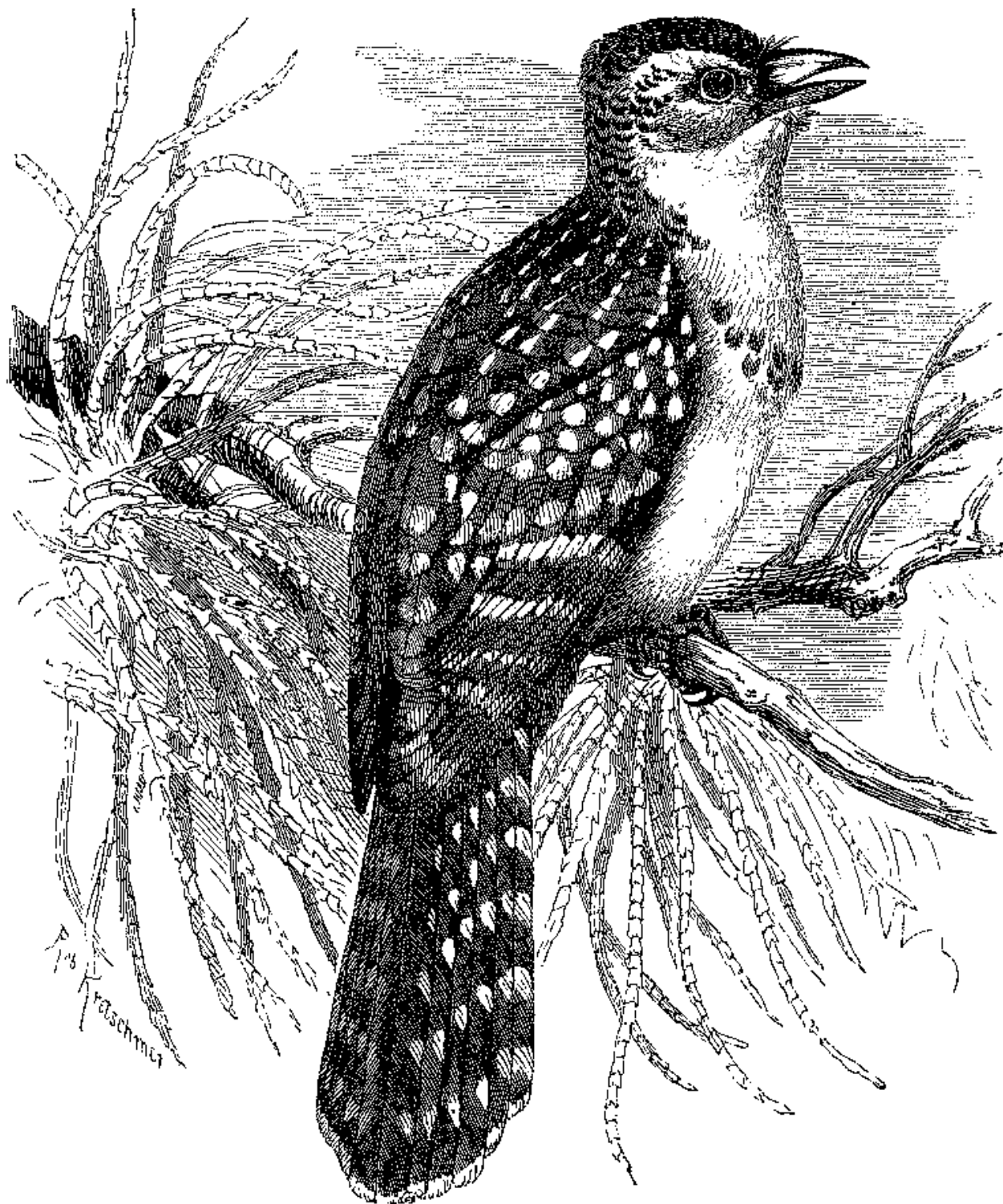
Пищу птицы составляют различного рода плоды, а иногда, быть может, и насекомые.

О размножении красноголовых бородастиков я могу сказать очень мало. Гнезда устраивают в дуплах деревьев, и одно и то же дупло, вероятно, служит для этого несколько лет подряд. Кладка состоит из двух, а может быть и больше, яиц белого цвета*.

** У этого вида бородашок кладка состоит из 2—4 яиц, вообще у представителей семейства бородастковых — из 2-5 яиц.*

Из африканских бородачей больше всего понравился мне **жемчужный трахифонус** (*Trachyrhynchus margaritatus*). Он принадлежит к группе украшенных бородачей. Их характерные признаки: клюв тонкий, средней длины, ноги сравнительно высокие, средний палец короче плюсны, крылья довольно длинные, хвост довольно длинный и округленный.

Оперение верхних частей умбро-бурого цвета с белыми крапинками и полосками. Глаза темно-красные; клюв светло-красный; ноги свинцово-серые. Длина тела достигает 19 см, длина крыла 9 см.

Жемчужный трахифонус (*Trachyphonus margaritatus*)

К югу от 17 градуса северной широты жемчужный трахифонус не был редкостью во всех посещенных мной областях северной Африки, а в лесах и садах Сеннара и Кордофана по крайней мере кое-где был довольно обыкновенным явлением. Следует упомянуть, что птица делает все зависящее от нее, чтобы быть замеченной. Она заявляет о своем присутствии сама и умеет оживить сады степных и лесных деревень африканских низменностей. Они встречаются обыкновенно парочками, но в птенцовую пору и маленькими обществами. Жемчужные трахифонусы никогда не прячутся, подобно другим африканским бородачам, но живут открыто. Особенно в утренние или вечерние часы они взлетают на самую верхушку некоторых деревьев и весело и радостно покрикивают оттуда. Лишь только две птицы разного пола встретятся на одном дереве, обе начинают свою оригинальную песенку, которая, по моему мнению, состоит из слогов «гукгук-гирре-гирре-гукгук». Голоса обоих певцов настолько смешиваются друг с другом, что получается настоящий сумбур, и песня становится такой путаной и неясной, что отдельных звуков уже различить нельзя. Получается какое-то «гудение», как совершенно справедливо заметил Гартман. «Во всяком случае, — говорит

этот натуралист, — песнь жемчужного трахифонуса является одним из самых странных и характерных звуков этой местности». Но поэтому-то, а может быть и благодаря одушевлению, влагаемому в эту песню, невольно разделяешь с певцом его наслаждение. Впрочем, он совсем не любит, чтобы его подслушивали любознательные белые люди, по крайней мере он мгновенно умолкает, лишь только увидит приближающегося к его месту европейца и обыкновенно вовремя улетает прочь, так что наблюдать жемчужного трахифонуса на достаточно близком расстоянии — дело не такое легкое.

Во всем остальном птица живет подобно другим видам его семейства. Бородач не спеша порхает по вершинам деревьев, ест насекомых, добирается до плодов и собирает семена. Он лазает плохо, летает, то махая крыльями, то паря, далеко летать не любит, а предпочитает больше покой и упорно держится однажды избранного места. Но, по-видимому, границы его распространения простираются шире, чем у других бородачковых.

Семейство медоуказчиковые

Представители этого семейства, которых известно около 12 видов, принадлежат главным образом к птицам Африки, только два вида семейства наблюдались вне этой части света, в Сиккиме и на Борнео. Они живут в лесистых областях, обыкновенно парочками, весьма редко маленькими стайками и, перепархивая с дерева на дерево, издают при этом звучный, приятный крик. «Несмотря на их незначительную величину и незаметную окраску, — говорит Гейглин, — их легко заметить и увидеть издали благодаря особенному полету и белому цвету наружных рулевых перьев». Они принадлежат к самым популярным птицам Африки, так как в местах жительства известны решительно всякому. Уже первые путешественники упоминают об особенно странном качестве медоуказчиков, которым они, по-видимому, обладают все поголовно. Обо всем необыкновенном, что остановит их внимание, они оповещают других животных, в особенности человека, смело и дерзко летя к нему навстречу и приглашая криками и мимикой следовать за собой. «О том, что зовом своим они часто приводят к пчелиным роям, знает каждый туземец Африки, от Капской провинции до Сенегала и от западных берегов до Абиссинии. Но столь же часто птица приводит следующего за ним человека к падшим животным, наполненным личинками насекомых, и преследует своим криком львов или леопардов, короче — указывает все, что привлечет его внимание». Последнее мнение, на основании своих многолетних наблюдений, Барбер принимает с оговоркой. Он, как и его выросшие в южной Африке сыновья, всегда убеждался, что медоуказчики в то время, когда вели их к пчелиным ульям, дорогой ни на что внимания не обращали.

Об их размножении мы получили достоверные сведения только в недавнее время; старые сообщения оказались ложными. Мы знаем теперь, что медоуказчиковые принадлежат к числу таких птиц, которые не заботятся о выводе своих птенцов, предоставляя это надзору и заботам других птиц.

Из известных до сих пор наблюдений путешественников явствует, что все виды медоуказчиковых в общем ведут одинаковый образ жизни. Поэтому будет вполне достаточно, если я опишу только один вид семейства и приведу сведения об их образе жизни, сообщенные путешествовавшими по Африке натуралистами.

Большой медоуказчик (*Indicator indicator*) имеет сверху серо-бурую окраску, снизу серовато-белую; горло черное, пятно в области уха серовато-белое. На плечах замечаются желтые пятна; на некоторых перышках бедер — продольные черные полосы. Радужная оболочка бурая, глазной ободок свинцового цвета; клюв желтовато-белый; ноги буровато-серые. Длина птицы достигает 18 см, длина крыла 11,5, а хвоста 7 см.

Большой медоуказчик (*Indicator indicator*)

Начиная с юга этот вид распространен на большей части Африки до 16 градуса северной широты, но, по-видимому, он, как и его сородичи, в известных областях, например, в Восточном Судане или в Абиссинии, бывает временно, следовательно, является здесь перелетной птицей.

Первые сведения о медоуказчиках были сообщены Лудольфи в 1681 году. Он уже знал, может быть и не на основании личных наблюдений, что птица обо всем, что останавливает ее внимание, оповещает человека, и не только об одних пчелиных ульях, но и о диких буйволах, слонах, тиграх и змеях, что она буквально приводит доверившегося ей охотника к открытому ею животному или предмету. Лобо, описание путешествия которого было издано в 1728 году, снова говорит об интересующей нас птице. «Морок, или медовед, — пишет он, — обладает особым талантом находить мед и пчел всевозможных пород, которые в огромном количестве водятся в Эфиопии. Одни из них живут как ручные — в особых корзинах, другие держатся в дуплах деревьев, третьи — в ямах и норах под землей, которые они заботливо содержат в чистоте и так искусно скрывают, что их трудно отыскать даже и тогда, когда они устроены поблизости проселочной дороги. Мед, который они собирают, столь же превосходен, как мед домашних пчел, он только немного чернее последнего. Я мог бы даже подумать, что это тот самый мед, которым питался Иоанн Креститель в пустыне. Когда морок выследит какое-нибудь гнездо пчел, он садится на проселочной дороге, хлопает крылышками, поет, если он кого-нибудь увидит, стараясь быть понятым и убедить последнего следовать за собой и ждать, пока он укажет ему пчелиное жилище. Если он заметит, что за ним следуют, он перелетает с дерева на дерево, пока не приведет к тому месту, где найден мед. Абиссинец выбирает мед, но никогда не преминет оставить добрую часть его птице».

После вышеупомянутого путешественника в конце прошлого столетия Шпаррман дал полное описание странного поведения медоуказчиков, и его данные были только подтверждены всеми последующими натуралистами.

"Медоуказчик, — говорит Шпаррман, — заслуживает, чтобы я здесь описал подробнее его оригинальную жизнь. Благодаря своим размерам и величине, он почти не приметен, так как при беглом взгляде напоминает обыкновенного серого воробья, хотя немного больше и бледнее последнего, имеет по маленькому желтому пятнышку на каждом плече и в окраске его гузки очень заме-

тен белый цвет. Если он открывает место, где находится гнездо пчел, то делает это из эгоистических целей: мед и личинки пчел составляют его любимое кушанье, и он знает, что при разорении пчелиного гнезда всегда кое-что теряется и перепадет, следовательно, ему или будет заботливо оставлено ему в награду за оказанную услугу». На это Левальян совершенно справедливо возражает, что те медоеды, которые живут в лесах, где нет людей, не могут рассчитывать на такое вознаграждение за услугу, а все-таки живут, что таким образом птица вовсе не умышленно услуживает человеку, но просто он пользуется ее способностью находить мед. «Ко всему этому, — продолжает Шпаррман, — следует добавить, что в способ, которым эта птица совершает свои предательские проделки, она влагает много соображения и делает это удивительным образом. Утро и вечер — время, по-видимому, особенно подходящее для ее деятельности; по крайней мере в это время она проявляет больше рвения, привлекая внимание бушменов и готтентотов своим чирикающим «ехерр-херр». Тогда идут к птице, которая летит, не торопясь, по пути к ближайшему пчелиному рою, не переставая издавать свой призывный крик. За ней следуют, избегая шума и большой компании, чтобы не испугать своего проводника; лучше в этом случае изредка отвечать птичке, как это делал один из моих хитрых бушменов, тихим, слабым свистом в знак того, что за ней следуют. Я заметил, что в тех случаях, когда пчелы были далеко, птичка делала остановки, но после продолжительного полета, чтобы тем самым подождать охотника за медом и затем снова манить его за собой; но когда они подходили уже близко к улью, расстояния, пролетаемые ею, становились все короче, а крик ревностнее и чаще. Когда же наконец она подлетала к самому пчелиному гнезду, которое могло помещаться или в расселине какого-нибудь холма, или в дуплистом дереве, или в подземных ходах, то секунду вилась над ним и безмолвно садилась обыкновенно на соседний куст так, чтобы ее не было видно, и высматривала, что будет дальше и не перепадет ли ей кое-что из добычи. Возможно, что она, прежде чем спрятаться, вьется таким образом над гнездом каждый раз более или менее продолжительное время, хотя это не всегда можно заметить. Но что бы там ни было раз птичка замолкла, можно быть всегда уверенным, что пчелиное гнездо находится где-нибудь очень близко. В одном месте, где мы провели несколько дней, мои готтентоты много раз следовали приглашению одного несколько боязливого медоуказчика, прежде чем сумели выследить пчелиное гнездо, к которому он их привел. Когда таким образом, по указанию птички, найдут гнездо и выберут из него мед, ей обыкновенно из признательности оставляют значительную часть наиболее плохих сотов с сидящими в них личинками. Такие соты как раз являются наиболее лакомыми для птицы, но и готтентоты, в свою очередь, вовсе не считают их самыми плохими. Мой спутник говорил мне, что, если идут специально за добыванием меда, в первый раз не следует быть слишком щедрым по отношению к этой услужливой птичке, но оставить ей ровно столько, сколько требуется для удовлетворения ее аппетита, так как благодаря этому, в ожидании еще большей награды, птичка приведет вас еще к одному улью, если таковой находится где-нибудь по соседству».

Плотное крепкое оперение и толстая кожа медоуказчиков приходятся весьма кстати, т.е. прекрасно защищают птиц от жаления пчел. Понятно, что последние не позволяют себя грабить добровольно, но о смертельном исходе борьбы между медоуказчиком и пчелами никто из новейших наблюдателей ничего не говорит.

Кроме личинок пчел, ос, шмелей и вышеупомянутых гусениц, медоуказчики, без сомнения, преследуют столь же усердно и других насекомых.

Левальян уверяет, что самка медоуказчика кладет 7-8 белых яйца на рыхлое дно в дупле дерева и высиживает яйца вместе с самцом. Это сообщение с достаточной убедительностью было признано ложным по наблюдениям братьев Верро. Эти натуралисты находили, с чем соглашается и Гартлауб, яйца и птенцов различных медоуказчиков, живущих в южной Африке, в гнездах сорокопутов, дятлов, иволг и тому подобных птиц. Самка сносит свое блестящее белое яйцо на землю и несет его в клюве в выбранное заранее чужое гнездо, выбросив предварительно оттуда одно яйцо. Когда молодой медоуказчик немного подрастет, по наблюдениям Верро, приблизительно через месяц, старики начинают его кормить сами и приглашают его оставить гнездо приемных родителей*.

Верро наблюдал, как одна самка положила свои три яйца в гнездо трех различных маленьких птиц.

* Это высказывание не соответствует действительности. Птенцы медоуказчиков выкармливаются от начала до конца приемными родителями. У некоторых видов птенец медоуказчика, так же как и кукушата, выбрасывает из гнезда птенцов хозяина, у других — растет с ними вместе.

Семейство тукановые

Это птицы с довольно легким, но несоразмерно большим клювом, пилообразно зубчатым по краям расщепа. Они имеют всего десять рулевых перьев. Уздечка и глазная область их голые. Тукановые, в количестве около 60 видов, распространены в тропических странах Америки.

Образ жизни тукановых, по утверждению Бурмейстера, лучше всего описан принцем фон Вид, поэтому проще всего привести здесь слова этого выдающегося исследователя.

"В девственных лесах Бразилии тулканы наряду с попугаями принадлежат к числу самых обыкновенных птиц. В холодное время года их всюду бьют массами на еду. Для чужестранного путешественника они представляют еще больший интерес, нежели для местного жителя, который пригляделся как к чрезвычайно странной форме, так и к блестящему оперению этих птиц, потому что их оперение отличается яркими, ослепительными цветами по угольно-черному фону. Даже радужная оболочка глаза, ноги и колоссальный клюв окрашены в яркие цвета. Я никогда не находил гнезда тукуна. Между тем бразильцы меня уверяли, что он кладет два яйца в дупле дерева или сука, и это мне кажется вероятным, так как большинство тамошних птиц кладут по два яйца**. Они любопытны, как вороны, сообща преследуют хищных птиц и собираются в больших количествах, чтобы дразнить врага. Их полет я бы не назвал тяжелым, как это делает Соннини, но это, может быть, относится лишь к самому большеклювому из всех тукановых, большому тукуну, которого я никогда не видел летающим.

* * *Кладки разных видов тукановых состоят из 1—4 яиц.*

Туканы летают высоко и далеко, описывая плавные дуги, причем не замечается никакого особенного напряжения, ни такого положения, которое отличало бы их от других птиц. Во время полета они держат голову и клюв вытянутыми горизонтально, а не летят с подтянутой шеей, как говорит Левальян. Уатертон ошибается, утверждая, что большой клюв служит им помехой и они его опускают вниз, так как мне очень часто случалось видеть, как легко и быстро эти птицы помахивали своим клювом на верхушках лесных деревьев и затем снова спешили в густую тень. Является ли большой тукуан в этом случае исключением? Я сомневаюсь в этом, так как клюв его настолько легок, что он, по-видимому, для него не тяжелее, чем маленький клюв для дятла. Голоса различных тукановых несколько различны для каждого вида. Азара говорит, что у наблюдавшихся им видов он звучал как слог «рак». Это могло относиться к большому тукуну; у тех видов, которых я наблюдал, крик звучал совсем иначе.

Американские дикари часто употребляют красивые пестрые перья этих птиц для украшения, в особенности оранжевую грудь, которую они снимают и прикрепляют целиком к своей одежде».

Самый большой вид этого семейства — большой тукуан, или токо (*Rhamphastos toko*). Оперение его равномерно-черное, надхвостье светло-красно-красное; щеки, горло, защечная и передняя часть шеи, а также верхние кроющие перья хвоста — белые, на живой птице слегка желтоватого оттенка. Весьма крупный, высокий клюв ярко-оранжевого цвета, края его имеют несколько зазубрин; к спинке и на конце нижней половинки — огненно-красный; конец верхней половинки и края расщепа перед головными перышками — черные. Перед глазом треугольное пятно желточно-желтого цвета. Глазной ободок кобальтово-синий, радужная оболочка бутылочно-зеленого цвета; ноги светло-голубые. Длина достигает 57 см, длина крыла 23, а хвоста 14 см — БОЛЬШОЙ тукуан живет в возвышенных частях Южной Америки от Гвианы до Парагвая включительно, но попадает и в средней Америке.

Тукановые держатся обыкновенно высоко на верхушках лесных деревьев. Там они скачут по вершинам в поисках пищи с большей ловкостью, чем то можно было бы предположить, или, отдыхая, сидят на самых верхушках высоких деревьев и выпускают оттуда трещащие и свистящие звуки. В дневной жар они прячутся в листве, а в особенно жарких лесных долинах показываются, по словам Чуди, только к закату солнца и по крайней мере только тогда становятся оживленными, деятельными и шумливыми. На землю спускаются редко, по всей вероятности, только напиться или собрать упавшие древесные плоды или семена. Полет их сравнительно недурной. Они плавно несутся с одной верхушки дерева на другую, напротив, если перелетают большие расстояния, то подвигаются короткими отрывистыми толчками, причем держат голову несколько согнутой книзу, вероятно вследствие несоразмерной величины клюва. «Иногда, — замечает Бэте, — их видишь сидящими по целым часам маленькими стайками из 4-5 штук на верхних ветвях какого-нибудь высочайшего дерева и слышишь странный концерт, даваемый ими. Один из них, сидящий выше других, является как бы дирижером всех этих дисгармонических звуков; двое из остальной компании, чередуясь, кричат на разные лады». Даже и тогда, когда они прячутся в густых сплетениях ветвей, часто слышатся их призывные крики. По уверению индейцев, они особенно крикливы перед предстоящим дождем и поэтому служат хорошими предсказателями погоды.

Все виды тукановых могут считаться подвижными, веселыми, пугливыми, но и любопытными птицами. С чрезвычайной осторожностью они избегают людей, и подкрасться к ним могут только очень опытные охотники; они дразнят последних тем, что, подобно нашим сойкам, не отлетают от них далеко, но в известный момент слетают и всегда снова выбирают такие места, приближение к которым затруднительно. Но когда нужно подразнить какую-нибудь хищную птицу, например сову, тулканы мгновенно появляются тут как тут.

Относительно пищи туланов по настоящее время еще господствуют различные мнения. Шомбургк настойчиво утверждает, что они питаются только плодами, Бэте также говорит, что плоды, без сомнения, служат их главной пищей и что длинный клюв облегчает срывание плодов, так как он позволяет хватать пищу на большом расстоянии. Напротив, Азара утверждает, что тулканы ни в каком случае не ограничиваются растительной пищей, но истребляют также много птиц. Внущая сильный страх своим огромным клювом, они прогоняют с гнезд маленьких птиц и уничтожают яйца, молодых, даже птенцов ара, и что в дождливую пору, когда твердые гнезда печника становятся мягкими, они нападают и на них, разбивают их и вытаскивают птенцов. А. фон Гумбольдт сообщает, что они едят рыбу. В верности этих сообщений я совершенно убежден, так как все тулканы, которые до сих пор наблюдались в неволе, не только не задумываясь брали животную пищу, но даже преследовали мелких позвоночных с сильным рвением: видно было, что они совершают нечто вполне свойственное им. Маленькая птичка, заключенная в одном помещении с ними, делается рано или поздно их добычей, как бы велика ни была клетка и сколь лакома ни была бы предлагаемая им пища. Они выжидают удобного случая, внезапно протягивают свой огромный клюв, с необыкновенной ловкостью схватывают даже на лету приблизившуюся к ним маленькую птичку, убивают ее на месте и съедают с очевидным удовольствием. Азара замечает еще, что они подкидывают на воздух плоды, куски мяса и птичек, подобно тому, как жонглеры шары, и ловят все это до тех пор, пока оно не примет положения, удобного для проглатывания. Пехуэль-Леше также наблюдал, что они частенько, если не постоянно, проделывали это со своей пищей; остальные наблюдатели такого способа еды не видели. Шомбургк говорит, что он не замечал этого ни у свободно живущих, ни у пойманных птиц. «Брать свой корм с земли — вещь во всяком случае трудная для этой оригинально сложенной птицы; раз она его схватила, она поднимает свой клюв перпендикулярно кверху и проглатывает его без всякого предварительного подкидывания».

После долгих и многих наблюдений я должен согласиться с Шомбургком. Капельно описывает процедуру питья тулана. Он погружает в воду кончик большого клюва, наполняет его, сильно втягивая в себя воздух, и затем приподнимает клюв кверху несколькими порывистыми движениями. Я должен прибавить к этому безусловно верному описанию, что я никогда не замечал этих порывистых движений. Птица наполняет водой клюв, как совершенно верно передает Капельно, но затем медленно поднимает голову кверху, подобно пьющей курице, и дает воде стечь в горло.

О размножении тулановых нет еще надлежащих сведений. Они гнездятся в дуплах деревьев и кладут по два яйца. Птенцы скоро приобретают красивое оперение родителей, но клюв принимает свойственную ему красивую окраску только на втором или третьем году.

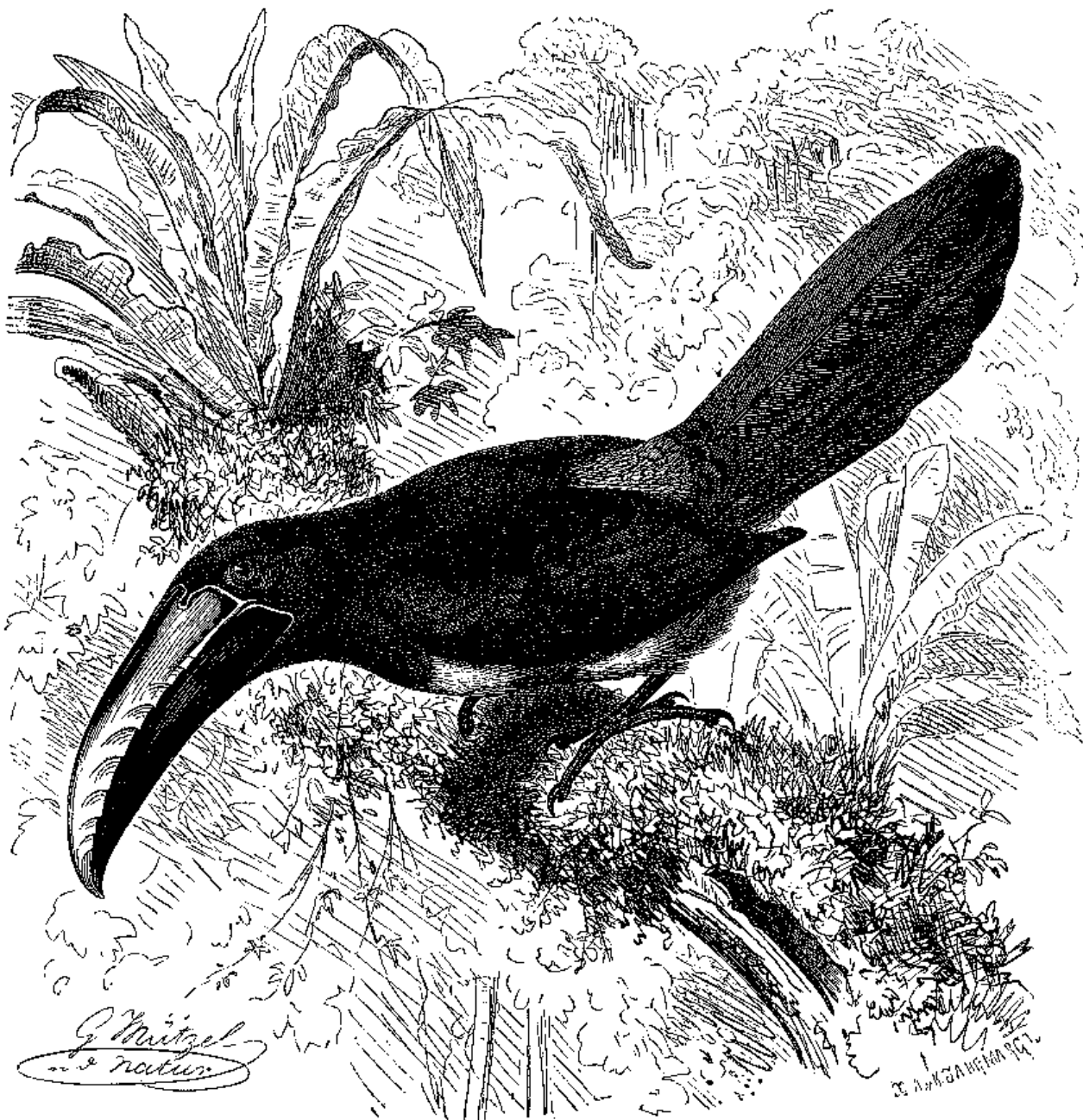
Всех тулановых в Бразилии преследуют очень усердно как из-за их мяса и красивых перьев, так и для приручения этих странных птиц. «В один день, — замечает принц фон Вид, — мы убивали их большое количество и ели их мясо, напомилавшее воронье». Бурмейстер уверяет, что мясо туланов — прекрасное кушанье, что, приготовленное с рисом, оно было превкусно и напоминало хороший суп из голубей. Шомбургк называет их мясо попросту съедобным. По словам Бэтса, жители Эга, местечка на берегу Амазонки, устраивают охоту на туланов, когда последние, соединяясь в большие стаи, появляются в окрестных рощах. «Каждый эгасец, который может раздобыть к этому времени какое-нибудь оружие, идет с ним в лес и убивает нескольких таких птиц для улучшения своего стола, так что в июне и июле почти вся Эга кормится одними туланами. Целую неделю какая-нибудь семья ежедневно имеет за столом вареных или жареных туланов. В это время они чрезвычайно жирны, и мясо их необыкновенно нежно и вкусно».

Шомбургк дает интересные сведения об употреблении цветных перьев туланов. Он описывает встречу с племенем майонконгов: «Изящнейшее украшение из широких головных повязок состояло большей частью из красных и желтых перьев, которые находятся на надхвостье тулановых. Так как в настоящее время не только майонконги, но и другие племена делают как свои головные покрывала, так даже целые плащи из этих перьев, то оба вида тулановых, которые преимущественно преследуются, будут вскоре совершенно уничтожены. Чтобы избежать совершенного истребления этих птиц, доставляющих им украшения на одежду, местные жители прибегают к весьма остроумному способу, стреляя для этой цели в птиц очень маленькими и весьма слабо отравленными

стрелами. Рана, причиняемая такой стрелой, слишком незначительна, чтобы убить, а слабый яд лишь ошеломляет раненую птицу. Она падает вниз, желаемые перья выдергивают, и через некоторое время птица снова приходит в себя, быть может, для того, чтобы еще несколько раз быть подстреленной и ограбленной».

Ошейниковые арасари (*Pteroglossits torquatus*). Основной цвет его оперения — темно-зеленый с металлическим отливом. Голова и шея черные с темным буро-фиолетовым налетом на щеках. Нижняя часть груди и брюхо бледно-зелено-желтые; полоса, идущая посередине брюха, и надхвостье вплоть до спины — красные. Хвост черно-зеленый, если смотреть сверху, и серо-зеленый, если смотреть снизу. Глаза бурые; голые части около глаз — аспидно-черные. Верхняя половинка клюва желтовато-белого цвета и только ротовой угол у приподнятого края и округлая спинка — черные; напротив, нижняя половинка совершенно черная с белыми краями у основания. Ноги зеленовато-серые. Длина птицы достигает 44 см, длина крыла 16, а хвоста 17 см.

"Арасари, — говорит принц фон Вид, — в большом количестве живут во всех посещенных мной девственных лесах Бразилии и в главных чертах ведут тот же образ жизни, что и большой тукан. Их видишь часто сидящими на самых верхних крепких ветвях высокого дерева леса, откуда они испускают короткий, двухтонный призывный крик, отчасти похожий на «кулик-кулик». В брачную пору они живут парами, в остальное время летают небольшими обществами в поисках плодов. В холодное время, особенно в период созревания большинства плодов, они покидают леса и приближаются к берегам и плантациям, где в это время их бьют в большом количестве.

Ошейниковые арасари (*Pteroglossits torquatus*)

Мясо арасари вкусно, а в холодное время года и жирно. Птицы эти летают волнообразно и толчками, подобно всем тукановым, и во время полета мало машут крыльями. Сидя на месте, они подергивают хвостом подобно нашим сорокам. Их гнездо с двумя яйцами или птенцами находится в дупле дерева или сука. Завидя хищную птицу, в особенности сову, они собираются стаями, чтобы преследовать ее».

От Шомбургка, кроме того, узнаем, что индейцы очень часто ловят и приручают арасари, и птицы скоро становятся доверчивыми. По словам Пеппига, туземцы считают массу, соскобленную с клюва, и бахромчатый язык птицы верным средством против одышки и судорог.

Семейство настоящие дятлы

Настоящие дятлы отличаются следующими признаками: тело вытянутое, клюв крепкий, обыкновенно прямой, конусовидный или долотообразный с вертикально расположенным острием на конце. Ноги короткие, крепкие и загнутые внутрь, длинные пальцы расположены попарно, передняя пара срослась до половины первого сустава. К настоящему заднему пальцу, самому маленькому, присоединяется наиболее длинный наружный передний палец; случается, впрочем, что задний палец недоразвит или даже совершенно отсутствует, так что на ноге бывает только три пальца. Все пальцы вооружены большими, крепкими и острыми когтями полулунной формы. Крылья средней длины и несколько округлены; большие маховые перья числом 10 — узкие и острые; малых маховых перьев от 9 до 12, они несколько шире и обыкновенно немного короче больших. Особенно замечателен у дятлов хвост. Он состоит из десяти больших и двух малых боковых перьев, лежащих над первыми. Два средних хвостовых пера длиннее и крепче остальных. Стволы их утолщаются к концу, чрезвычайно гибки и упруги. В оперении почти совершенно отсутствует пух и преобладают кроющие перья. Они снабжены небольшими пушистыми прибавочными перьями. В окраске дятлов, несмотря на все ее разнообразие, есть много общего; так, например, голова украшена обыкновенно пятном красного цвета, оба пола отличаются друг от друга главным образом величиной или же присутствием или отсутствием этого головного украшения. Более всякой другой группы птиц дятлы допускают подразделение по окраске и потому их называют черными, зелеными, пестрыми и т.д.

Внутреннее строение дятлов так же своеобразно, как и наружное. Очевидно, что строение ног, клюва, языка и хвоста дятла чрезвычайно приспособлено к особенностям его образа жизни. Своими цепкими когтями он привешивается без малейшего труда к отвесным стволам дерева, а хвост предохраняет его от соскальзывания вниз. Когда дятел опирается на хвост, то к стволу прижимаются не только кончики восьми главных перьев, но и концы почти всех перьев, ставшие как бы самостоятельными, а также жесткие бородки трех средних перьев каждой стороны, которые находят прочную опору в самой ничтожной неровности. Крепкий острый клюв отлично приспособлен к долблению, причем хвост также является подспорьем, служа как бы пружиной. Наконец, тонкий, нитевидный язык проникает в любое отверстие и, благодаря чрезвычайной подвижности, может следовать за всеми изгибами проточенного насекомым хода.

За исключением Австралии и Мадагаскара*, дятлы распространены повсеместно и даже в северных странах представляют далеко не редкое явление.

** Дятлы также отсутствуют в Новой Зеландии, на Новой Гвинее и некоторых островах Полинезии.*

"Число их, — говорит Глогер, — бывает тем больше, чем лесистее страна и чем богаче в ней лесная растительность». Настоящим раем для них являются обширные, непрерывно тянущиеся девственные леса тропических стран или, точнее, Южной Америки и Индии, так как в Африке встречаются лишь немногие, и притом исключительно мелкие, виды дятлов. В бразильских лесах они принадлежат, по словам принца фон Вид, к самым обыкновенным и распространенным птицам. Повсюду находятся сгнившие старые стволы, повсюду есть богатый запас насекомых для этих одиноких обитателей лесов. Почему они не встречаются на Мадагаскаре и в Австралии, трудно понять. Мнение Глогера, что дятлы избегают деревьев с жесткой корой и очень твердой древесиной, может быть и справедливо, но все же такое объяснение не устраняет некоторых возражений, так как, во-первых, в лесах этих стран растет много деревьев, которые не отличаются вышеуказанными свойствами, а во-вторых, в этих лесах живут другие лазящие птицы, которые, по-видимому, еще менее дятлов приспособлены к подобной растительности. В западной Европе они встречаются в лесах, древесных питомниках и садах почти всегда в одиночку, так как они весьма необщительны с другими птицами своего вида и только изредка присоединяются к небольшим лесным кочевым птицам, которым они тогда служат проводниками, но притом они лишь иногда встречаются с другими видами того отряда или семейства, к которому принадлежат сами. Конечно, бывает, что удастся увидеть на одном и том же дереве два-три различных вида дятлов; но в таком случае каждый из них зани-

мается своим делом, не обращая ни малейшего внимания на случайных сотоварищей. Зато случается, что обилие корма собирает в какой-нибудь местности много дятлов одного и того же или даже различных видов.

Область распространения отдельных видов дятлов бывает и весьма ограничена, и весьма обширна.

Образ жизни всех дятлов в главных чертах весьма сходен. Большую часть времени они проводят, лазая по деревьям, и даже во время сна привешиваются в том же положении, как и при лазании, к внутренним стенкам дупла, т.е. к отвесной плоскости. На землю дятлы слетают очень редко и тогда прыгают по ней в высшей степени неловко. Они неохотно пролетают большие расстояния, но это происходит, вероятно, не столько оттого, что им трудно долго летать, сколько вследствие их беспокойного нрава, неугомонности, которая заставляет их исследовать чуть не каждое дерево, попадающееся на пути. Дятел летит по глубоко волнообразной линии. Быстрыми ударами крыльев он, так сказать, взбирается по восходящей дуге одной из волн, потом вдруг плотно прижимает крылья к туловищу и быстро, крутыми дугами летит вниз, затем снова следует поднятие. Подлетев к дереву, он спускается обыкновенно очень низко, подвешивается к стволу на высоте нескольких метров от земли, большими, быстро следующими друг за другом скачками лезет вверх, иногда также в сторону или по винтовой линии вперед и вверх. Изредка он пятится назад, но никогда не спускается головой вниз; на горизонтальные сучья он забирается редко, а если и делает это, то не бежит по ним, а всегда лазает, подвесившись к их нижней поверхности. Подвешиваясь к дереву, он загибает далеко назад грудь, шею и голову и во время прыжков кивает головой.

Долбя клювом, дятел откалывает, смотря по своей силе, большие или меньшие куски коры, открывает таким образом убежище насекомых, вытаскивает их языком и проглатывает. Каким образом он делает это, мне до сих пор не удалось вполне уяснить, несмотря на старательные наблюдения над ручными дятлами. Благодаря такой подвижности и гибкости языка дятел имеет возможность преследовать насекомых даже в проточенных ими поперечных ходах, вытаскивать их оттуда и съедать. Поэтому-то дятел и является одним из лучших охранителей леса.

Любимую пищу большинства дятлов составляют различные насекомые на всех стадиях их развития, преимущественно такие, которые живут в деревьях, скрываясь под корой или в самой древесине; некоторые виды едят также разные ягоды и семена и даже устраивают кладовые. Большой пестрый дятел, который очень любит лакомиться сосновыми семенами, обыкновенно стаскивает шишки в определенное место, где ему всего удобнее выклевать из них семена. Такие места, часто покрытые огромным количеством шишек, называются «дятловые кузницы». Дятел подыскивает себе дерево, в котором есть подходящая по величине дыра, или щель, или бокаловидное углубление, а иногда и сам выдалбливает таковое. В углубление он ущемляет за толстый конец принесенную им зрелую шишку и начинает отщеплять от нее клювом чешую, чтобы достать из-под нее семена. Обыкновенно, еще не совсем покончив с одной шишкой, он вытаскивает ее из углубления и приносит другую. Около бывшей дыры в употреблении «дятловой кузницы» накапливается иногда порядочная куча шишек, так что их можно собирать корзинами. О некоторых американских видах дятлов рассказывают, что они порой грабят гнезда других птиц, поедают их яйца и птенчиков или относят их своим птенцам. Но все подобные рассказы далеко не достоверны и нуждаются в подтверждении более точными наблюдениями.

Дятлы оживляют лес не только своим криком, они производят еще музыку иного рода: «барабанят, гремят, жужжат, дребезжат, трещат», когда, подвесившись к сухому суку, быстрыми ударами клюва приводят его в колебательное движение. Этим вызывается громкий звук, который, смотря по толщине ветви, бывает то выше, то ниже, а иногда слышен в лесу на расстоянии 1-1,5 км. Обыкновенно такое трещание прерывается длинными паузами. Визе полагает, что эти странные музыкальные упражнения дятлов находятся в известной связи с изменениями погоды, так как он вообще считает дятлов самыми лучшими предсказателями погоды. Он, впрочем, думает, что дятлы иногда поднимают такой стук еще для того, чтобы сильным сотрясением выгнать из сучка находящихся в нем насекомых. Но этот исследователь, несомненно, ошибается, так как все остальные наблюдения указывают на то, что дятел-самец извлекает такие звуки для того, чтобы доставить этим удовольствие самке. Насколько мне известно, до сих пор никому не случалось заметить, чтобы самка дятла выражала свои чувства таким же образом, как это делает самец. Во всяком случае достоверно то, что последний, барабаня по сучку, как это было только что описано, вызывает на бой других самцов, которые, услышав этот звук, прилетают издалека, чтобы сразиться с соперником; подражая этому звуку, можно легко приманить к себе много дятлов.

Таким образом, дятел и свои чувства до известной степени выражает употреблением важнейшего из своих органов. «Если дятлы-самцы, — говорит В. Маршалль, — не особенно хорошие певцы, то многие из них зато оказываются отличными виртуозами по части инструментальной музыки. Так как с самого рождения жизнь их вращается преимущественно около дерева, то понятно, что «ксилофон» является их любимым инструментом, на котором они и играют успешно и с большим терпением весной, а иногда, в хорошую погоду, и осенью. Народ давно обратил внимание на эту музыку, но давал ей ложное объяснение; уже во время Геснера ее считали не любовной серенадой, а предзнаменованием дождя. Эта странная привычка пользоваться сучком в качестве музыкального инструмента, должно быть, искони веков составляла особенность дятлов: они проявляют ее повсюду, от полярного круга до южной части Южной Америки и до Цейлона».

Гнездо находится всегда в древесном дупле, выдолбленном самим дятлом; в сущности, гнездом служит просто дно дупла, выстланное несколькими щепочками. Кладка состоит из 3-8* очень блестящих, чисто-белых яиц, которые высидиваются обоими полами. Птенцы начинают ловко лазать по деревьям раньше, чем станут похожи по оперению на взрослых птиц. Когда они начнут вылетать из гнезда, родители некоторое время летают вместе с ними, но потом безжалостно прогоняют их прочь.

** У некоторых видов дятлов кладки могут состоять из 9-13 яиц.*

Надо настоятельно втолковывать и напоминать людям, что дятлы приносят нам пользу и никогда не причиняют ни малейшего вреда. Бехштейн был первым натуралистом, восставшим против их истребления и совершенно основательно утверждавшим, что после многолетних исследований и наблюдений ему не удалось заметить в дятлах решительно ни одного вредного качества. Все позднейшие исследователи, сами изучавшие образ жизни дятлов или по крайней мере относившиеся с доверием к чужим наблюдениям, утверждали то же самое. Однако и до сих пор попадаются люди, думающие, что дятел своим долблением может приносить вред деревьям.

Правда, некоторые дятлы, особенно черные и зеленые, охотно едят муравьев во всех стадиях развития, а иногда даже питаются исключительно ими; правда также, что другие, особенно пестрые дятлы, а может быть, и некоторые другие из их европейских родичей, во время созревания семян на деревьях питаются преимущественно ими, а также орехами. Но в тех наших лесах, за которыми существуют уход и надзор, муравьи еще настолько многочисленны, а деревья приносят такое огромное количество семян, что вред, причиняемый в этом отношении дятлами, не может иметь никакого значения. Я далек от того, чтобы недостаточно ценить полезные качества муравьев, но, кажется, следует напомнить, что самые полезные из муравьев — большие лесные, размножаются во всех лесах, в которых они находят для этого подходящие условия. Нигде еще не было замечено, чтобы дятлы задерживали размножение этих насекомых. Я согласен с тем, что в местностях, где сосна не принадлежит к числу наиболее распространенных деревьев, пестрые дятлы благодаря страсти к ее семенам могут уменьшить сбор сосновых шишек, но я утверждаю, что там, где есть действительно большие сосновые леса, все пестрые дятлы, вместе взятые, не в состоянии существенно уменьшить неограниченную, если можно так выразиться, плодовитость сосны.

Еще меньшее значение имеет тот вред, который причиняют дятлы, долбя деревья. Все лесничие и натуралисты, исследовавшие дупла, выдолбленные дятлами, единогласно утверждают, что дятлы, устраивая помещение для спанья или высидивания яиц, всегда выбирают для этого дерева с гнилой сердцевиной, хотя бы с виду они и казались совершенно здоровыми. В местностях, где подходящих деревьев мало, им, быть может, и случается долбить совершенно здоровые стволы деревьев с мягкой сердцевиной, в особенности осины, тополи и ивы. Но всюду, где эти деревья растут в большом количестве, как, например, в некоторых местностях Европейской России и Сибири, вред, приносимый дятлами, очень незначителен. «Дятел, — как говорит Гомейер, — своим долблением не вызывает гниения деревьев, он только указывает на те из них, которые уже подгнили».

Если добросовестно и беспристрастно оценить пользу и вред, приносимые дятлами, то не может быть ни малейшего сомнения относительно того, на чьей стороне перевес. Некоторые могут немного повредить нам, но все это опять-таки ничто в сравнении с той громадной пользой, которую нам оказывают эти птицы.

Итак, я считаю долгом просить о защите и свободном житье, охранении и пощаде этих полезнейших и важнейших из всех наших лесных сторожей. У них и без того довольно врагов. Их преследуют не только хищные животные и птицы, но и неразумные люди, особенно мальчишки, которым они часто служат мишенью.

Вертишейка (*Yunx torquilla*) сверху пепельно-серая с темными волнистыми пятнами и крапинками; нижняя часть ее белая и скудно покрыта темными треугольными пятнышками, горло и

нижняя часть шеи в поперечных волнистых полосах по желтому фону, от темени до нижней части спины тянется черноватая продольная полоска. Остальной рисунок верхней части тела состоит из черноватых, ржаво- и светло-бурых пятен. Глаза желто-бурые, клюв и ноги зеленовато-желтые. У молодых окраска бледнее, рисунок грубее и глаза серо-бурые. Длина достигает 18 см, размах крыльев 29-30, длина крыла 9, хвоста 6,5 см.

Вертишейки населяют половину земного шара, но родина их лежит на севере, т.е. в средней Европе и в средней Азии. К северу область распространения этих птиц тянется до средней Скандинавии и заходит в Финляндию, к востоку же до Приамурских областей включительно. В средней и южной России она повсюду обыкновенна и даже в степях представляет собою обычное явление; в Даурии встречается не реже, чем в Европе. Как далеко она распространяется на юг, с определенностью сказать нельзя; могу только одно отметить, что там она более редка. Например, на низменностях Испании, по моим наблюдениям, она не является гнездящейся птицей; то же самое, по-видимому, и в Греции*.

** В нынешнее время вертишейка в небольшом количестве гнездится на юге Испании и в Греции, кроме полуострова Пелопоннес.*

Вертишейка появляется только тогда, когда наступит полная весна, и снова покидает нас ранее, чем пройдет лето. При хорошей весенней погоде она прилетает уже между 10 и 15 апреля, но обыкновенно между 20 и 30 апреля, иногда даже в первых числах мая, остается на своих местах гнездования до начала августа, редко дольше. После этого начинается ее перелет, и если позже этого, до сентября, случается видеть еще некоторых из них, нужно считать их за такие экземпляры, которые вывели птенцов на севере и находятся в нашей стране пролетом. Перелет их совершается ночью; они даже собираются осенью маленькими стайками, отправляясь сообща в дальний путь; чего не бывает, когда они возвращаются к нам, они летят разбившись. Однако еще и весной в Египте или Судане видишь сборища этих столь необщительных в другое время птиц.

В местах своего гнездовья вертишейка выбирает области, богатые старыми деревьями, однако не сплошь заросшие ими. Любимым местопребыванием ее служат полевые рощи, сплетающиеся кустарники или плодовые деревья. Она не боится человека и охотно поселяется в непосредственной близости домов, например, в садах, если только в одном из деревьев найдется подходящее дупло, которое могло бы служить ей помещением для гнезда.

Там, где живет вертишейка, ее очень легко заметить, по крайней мере весной, так как ее голос нетрудно слышать, тем более что самка всегда аккуратно отвечает на зов самца. Стоит только пойти на повторяемое часто, раз двадцать, «вии-ид-вии-ид», и вскоре заметишь эту удивительную птичку. Она сидит или на ветке какого-нибудь дерева, или прицепившись к стволу его, или на земле, довольно спокойно, но отнюдь не неподвижно. Лишь только она увидит, что за ней наблюдают, она тотчас же в полной мере оправдывает свое название, выказывая изумительную способность вертеть шеей. Нельзя сказать, чтобы она была неуклюжа или неловка, но она ленива и двигается только тогда, когда это необходимо. В ней вовсе не замечается неумимости и резвости дятлов и других лазящих птиц. Ноги служат ей для того, чтобы прицепляться, но, по-видимому, совсем не пригодны для лазания. По земле она скачет грузными прыжками и, полетев, вскоре опять направляется к какому-нибудь дереву. С высоты она долетает, стремглав, почти вплотную к самой земле, пролетает здесь быстрыми взмахами крыльев некоторое расстояние по прямой линии и снова большой правильной дугой поднимается кверху.

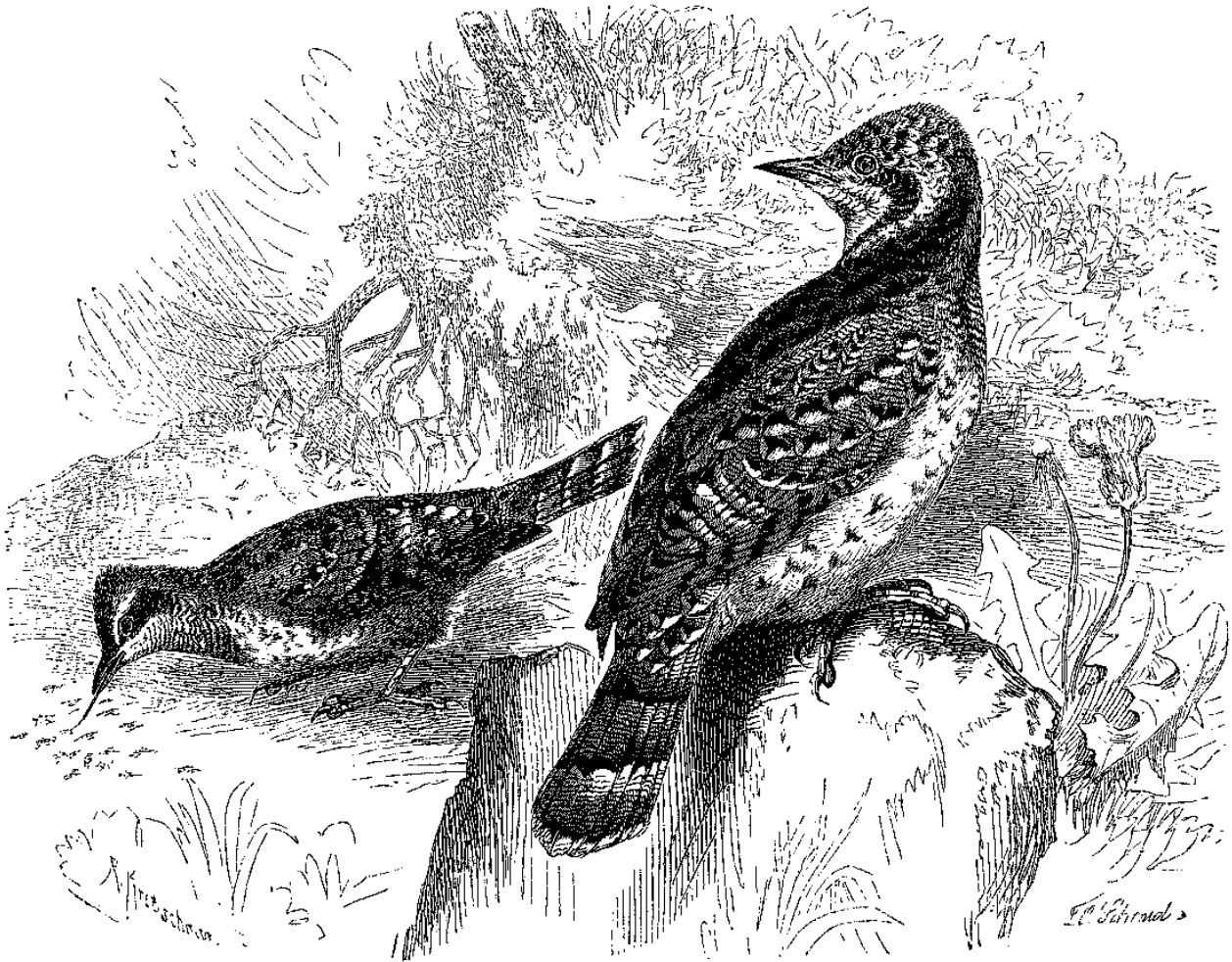
Все необыкновенное раздражает вертишейку, заставляет строить гримасы, которые становятся тем страннее, чем больше она бывает испугана каким-нибудь явлением. «Она вытягивает шею, — говорит Науман, — нахохливает головные перья и распускает хвост веером, и все это сопровождается медленными повторяющимися киваниями, или она вытягивает все туловище, наклоняется вперед, в особенности когда сердится, закрывает глаза и двигает горлом наподобие древесной лягушки, испуская странное глухое воркотание. Под влиянием страха, например, когда она поймана и ее хотят взять в руки, она делает такие удивительные гримасы, что незнакомый с ними должен если не испугаться, то все-таки удивиться. С нахохленными перьями головы и наполовину закрытыми глазами, она особенно вытягивает шею и очень медленно двигает ею подобно змее, так что голова двигается волнообразно, а клюв то назад, то вперед». Не подлежит никакому сомнению, что этим вертишейка хочет напугать своего врага или нападающего на нее.

Кроме вышеупомянутого «вии-ид-вии-ид», вертишейки испускают и другие крики. В гневе самец кричит «вэд вэд», в страхе оба пола испускают отрывистый слог «шэк», в возбуждении, по крайней мере самки, шипят по-змеиному. Молодые, пока они находятся в гнезде, трещат подобно сверчкам.

Испанцы правы, называя вертишейку «forminguero», что по-русски означает муравьедка, так как муравьи, которых она добывает как на земле, так и на деревьях, в действительности представляют ее главную пищу. Вертишейки уничтожают все мелкие виды их, но охотнее едят куколок, чем самих насекомых. При случае они питаются гусеницами и другими личинками или куколками, но муравьев предпочитают всему.

Язык, который может вытягиваться в длину, как ни у одного из дятлов, оказывает им большую услугу при добывании пищи. Подобно муравьедам, они просовывают его в трещины и отверстия в глубь муравьиной кучи, ждут, пока рассерженные насекомые не вопьются в мнимого червяка или не пристанут к клейкой слизи, и затем одним движением втягивают язык в клюв. Я несколько раз, но тщетно, старался рассмотреть у пойманных вертишеек, которых я всегда воспитывал с большой любовью, каким образом они схватывают пищу. Лишь только клюв немного раскроется, язычок высовывается наружу, ощупывает куколку или молодого червяка и, как молния, втягивается назад со схваченной добычей. Каким образом, однако, пристаёт она к языку, узнать нельзя даже при внимательном осмотре, приблизив глаз к птице на несколько сантиметров.

Относительно помещения для гнезда вертишейка очень неприхотлива. Она требует лишь очень узкого входного отверстия, чтобы любой хищник не мог быть опасен ей или ее потомству. На значительной или небольшой высоте находится отверстие, ей, по-видимому, все равно. Если на одном и том же дереве имеются несколько дупел, то она, как замечает Науман, обыкновенно предоставляет верхние другим птицам — полевым воробьям, горихвосткам и синицам, вступить в ссору с которыми она не всегда может; сама же помещается в одном из самых нижних и живет в полном мире со всеми сожителями. В случае крайней необходимости строит гнездо снаружи в каком-нибудь углублении верхушки старой ивы. Обыкновенно помещение для гнезда она освобождает от всякого сора, вычищает и на разрыхленном месте устраивает довольно плоское гнездовое ложе. Затем в середине мая самка кладет 7-12 маленьких притуплённых яичек, чисто-белого цвета. На выведение птенцов она тратит около 14 дней и большую часть времени насиживает одна, так как самец сменяет ее только в полуденные часы, зато он высидывает их с чрезвычайным рвением. Вылупившиеся из яиц птенцы почти голые или покрыты редким серым пушком, однако вырастают довольно быстро, так как оба родителя прилагают все старания, чтобы доставить им больше корма. Но гнездо птенцы оставляют только тогда, когда вполне научатся летать. Как ни заботливы родители по отношению к своему потомству, они не радеют о чистоте гнезда. Родители еще долгое время руководят и обучают молодых, вылетевших из гнезда. Только в середине июля согласно жившая до сих пор семья разбивается, и каждый начинает жить в одиночку до зимнего отлета.

Вертишейка (*Yunx torquilla*)

Безвредные вертишейки имеют опасных врагов в лице перепелятников, сорок, соек, кошек, куниц и ласок, и очень многие становятся жертвами этих хитрых хищников. К сожалению, слишком часто они также делаются легкой добычей неопытных охотников, и с тех пор, как на них открылось гонение, никто уже не защищает установленного учеными взгляда о полезности этой птицы. Со своей стороны я горячо и настойчиво отстаиваю этот взгляд. Я прекрасно знаю, что они питаются преимущественно муравьями и хотя последние в общем приносят нам пользу, но вред, причиняемый вертишейками муравьиным постройкам, настолько незначителен в сравнении с массовыми появлениями вышеупомянутых насекомых, что птиц этих, говоря серьезно, никто не может причислить к числу вредных. Убивать же за это птичку — грех, считать ее «странные и неприятные подергивания и гримасы, ворочание головой и закрывание глаз» за признаки и несомненные доказательства нечистой совести, как это сделал Гредлер, есть шутка, которая очень легко может повести к недоразумению. Право, если разобрать мнения всех тех, которые так пекутся о животных, то в каждом из них можно увидеть врага или возвести маловажный проступок того или другого животного в степень чрезвычайного злодеяния! А так как в настоящее время невежественный человек в большинстве случаев находит больше удовольствия в разрушении, чем в созидании, такие подозрения могут иметь пагубное влияние. Поэтому-то я считаю своим долгом вступить за вертишеек.

У **зеленого дятла** (*Picus viridis*) верхняя часть головы, затылок и широкое, с узенькой черной каемкой пятно у углов рта окрашены в ярко-красный цвет, который на темени имеет серый оттенок, верхняя сторона туловища оливково-зеленого, травяного цвета, у крыльев же несколько более коричневатый оттенок; надхвостье и верхние покровные хвостовые перья блестящие оливково-желтые. Ушная область, подбородок и горло белые с грязновато-зеленым оттенком; бока шеи и нижняя часть туловища желтовато-зеленовато-белые. Черные хвостовые перья украшены пятью семью оливково-бурыми неясными поперечными полосами. Глаза у старых голубовато-белые, у молодых — темно-серые. Клюв грязного свинцово-серого цвета с черным кончиком; ноги — зеленовато-свинцово-серые. Длина птицы 31 см, размах крыльев 52, длина крыла 18, а хвоста 12 см.

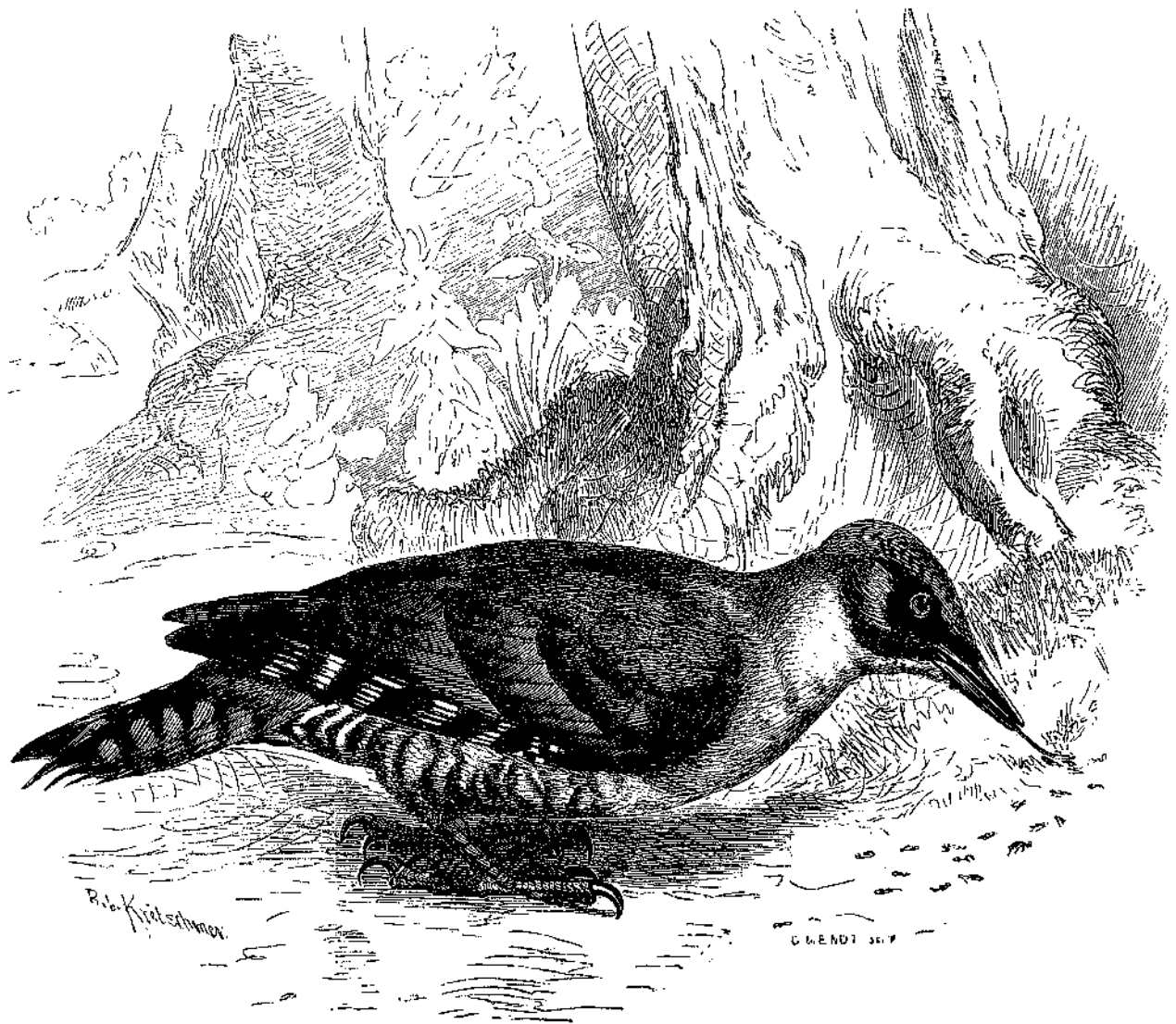
Зеленый дятел принадлежит к наиболее распространенным видам. Он водится в большем или меньшем количестве повсеместно в Европе, за исключением разве Испании и северной окраины, за-

нятой тундрами. Блакфорд встретил этого дятла в Персии*; в Египте же он не водится, хотя мой отец, Науман, Глогер и другие утверждают противное.

** В наши дни распространение зеленого дятла несколько иное, чем во времена Брема, В Лапландии и в целом в Финляндии он сейчас не встречается, также значительно отступил его ареал к югу в Швеции и России. Зато в Испании зеленый дятел распространен теперь повсеместно. В Иране (в прошлом Персия) зеленый дятел обитает только в лесах хребта Эльбурс и гор Загрос.*

На севере он распространен до Лапландии.

Во многих местностях Германии зеленый дятел — общеизвестная птица, в других же он или совсем не водится, или попадает только изредка во время своих зимних кочевок. Далее на востоке он встречается реже, например, в России распространен гораздо менее, чем серый дятел. В горах встречается повсюду на высотах до 1500 м над уровнем моря. Во время высиживания дятлы держатся в каком-нибудь одном, более или менее обширном районе, не залетая обыкновенно особенно далеко. Осенью эту местность покидают сначала высиженные ими птенцы, а при сильных холодах и обилии снега и взрослые дятлы. Кочевки начинаются, как только птенцы станут самостоятельными, и прекращаются только следующей весной при приближении периода размножения; в них не замечается никакой регулярности и они не ограничиваются определенными полосами. В некоторые зимы птенцы не кочуют вовсе, в другие же залетают очень далеко, поворачивают на юг и, вероятно, иногда достигают даже южных границ Европы, так как существуют указания на то, будто бы, например, в Македонии зимой бывает больше дятлов, чем летом. Подобно всем сородичам, дятлы в Германии кочуют обыкновенно поодиночке, но иногда собираются более или менее значительными обществами. Так, Шахту случилось однажды под Рождество увидеть на одном лугу дятлов; они большими прыжками скакали, отыскивая себе пищу, но, заметив приближавшегося к ним человека, разлетелись во все стороны. Оберндерфер, большой знаток живущих в Германии птиц, как сообщает Мартин, будто бы видал даже стаю больше чем в 100 штук, состоявшую на три четверти из зеленых дятлов и на четверть из седых; стая эта расположилась среди луговой долины на пространстве около четверти гектара.

Зеленый дятел (*Picus viridis*)

Нельзя сказать, чтобы зеленый дятел был лесной птицей. В чистом хвойном лесу он попадает очень редко, в лиственном же встречается чаще; всего охотнее живет в местностях, где лесные насаждения чередуются с открытыми полянами.

Зеленый дятел выказывает ту же неугомонность и неутомимость, как и его родичи; он лазает так же хорошо, как и они, а своим умением ходить по земле превосходит других дятлов; он много движется по земле и прыгает здесь очень ловко. Полет его тяжелый, шумящий и отличается от полета других дятлов тем, что представляет очень глубокие волнообразные линии. Крик их — звонкое, далеко слышное «глюк» — при частом повторении бывает похож на громкий хохот; нежность они выражают звучным «гюк», «гэк» или «кип», а страх — в высшей степени неприятным резким криком. Зеленый дятел, по-видимому, никогда не барабанит, как это делают другие дятлы; по крайней мере мне никогда не приходилось слышать этого.

Жизнь этой птицы протекает приблизительно следующим образом. Как только утренняя роса несколько высохнет, дятел оставляет ночное убежище, весело кричит и пускается странствовать по своей области. Он перелетает с одного дерева на другое с определенной последовательностью, но не настолько строгой, чтобы можно было заранее с точностью указать место, где он появится в известное время. Деревья обыскивает всегда снизу вверх и при этом редко поднимается по сучьям. Если приблизиться к дереву, на котором зеленый дятел занят своим делом, то он быстро перебегает на противоположную сторону, по временам выглядывает, высовывая голову из-за ствола, лезет выше и вдруг незаметно покидает дерево, обыкновенно выражая свою радость по поводу удавшегося бегства громким, ликующим криком. До полудня он находится в непрерывной деятельности и успевает осмотреть в предобеденные часы не менее ста деревьев, не пропуская при том ни одной из попадающихся ему на пути муравьиных куч. Деревья с твердой сердцевиной он долбит гораздо менее других дятлов, зато нередко выдалбливает глубокие отверстия в балках деревянных строений и в глиняных стенах. Летом, когда трава на лугах уже скошена, много бегает по земле, ища червей и

гусениц; зимой посещает склоны, с которых стаял снег, и выскивает здесь запрятавшихся насекомых. Дятел этот неприхотлив, однако предпочитает всякой другой пище красных муравьев и, чтобы добыть их, летает далеко по полям.

Муравьев он ловит с большей ловкостью, чем все другие дятлы, так как язык его сравнительно длиннее, и благодаря его клейкости зеленый дятел может пользоваться им точно таким же образом, как муравьед. «Насколько зеленые дятлы лакомы до муравьев и муравьиных куколок, — пишет мне Рейхенов, — я мог убедиться, гуляя по изобилующим муравьиными кучами лесам, находящимся близ Вецлара. Мягкие кучи — вследствие собственной тяжести и гниения деревянных частиц, входящих в их состав, а также вследствие влияния дождя — становятся настолько плотными, что зеленому дятлу приходится острым клювом проделывать отверстие, чтобы добраться до любимой пищи. Зимой муравьи находятся глубоко под землей, и тогда голодный дятел, чтобы добраться до полусонных насекомых, выдалбливает в куче отверстие глубиной до 30 см. Во время такого занятия он, конечно, не может особенно хорошо следить за тем, что делается вокруг; голод заставляет забыть свойственную ему в другое время осторожность, и тогда какому-нибудь хищнику, вероятно, нетрудно бывает завладеть им. Веберу, с которым мне приходилось прежде охотиться, удалось поймать руками совершенно здорового зеленого дятла, которого он застал трудящимся над муравьиной кучей. Подобные факты сообщают и другие наблюдатели, хотя кажется очень странным, что такая осторожная при других условиях птица так легко попадает впросак. Кроме муравьев зеленый дятел ест также гусениц, многих бабочек и жуков, особенно личинок дровосеков и гусениц ивового бражника».

В конце февраля он поселяется в том месте, где намерен закладывать гнездо, но только в апреле самка принимается за его устройство. В марте можно видеть обоих супругов, постоянно летающих вместе, причем самец бывает сильно возбужден. Он садится на верхушку высокого дерева, сильно и часто кричит и, играя, гоняется за самкой, перелетающей с дерева на дерево. Для устройства гнезда зеленый дятел обыкновенно выбирает дерево или с совершенно прогнившей сердцевинной или с готовым дуплом, отыскивает место, где выгнил боковой сук, и расширяет это место. Оба супруга работают вместе и весьма прилежно, так что через две недели дупло бывает уже готово. Круглый вход так мал, что птица едва может проскользнуть в него. Самое дупло достигает 25-30 см глубины и приблизительно 15-20 см ширины. Кладка состоит из 5-9 продолговатых, гладких яиц блестящего белого цвета. Оба супруга высиживают птенцов попеременно в течение 16-18 дней. Оба также попеременно согревают их и деятельно добывают им пищу. Птенцы, такие же безобразные, как и у других дятлов, развиваются быстро и на третьей неделе уже выглядывают из отверстия дупла. Несколько позже они принимаются лазать по всему дереву, а потом облетают вместе с родителями местность, в которой живут, но в течение некоторого времени еще возвращаются каждый вечер в родное гнездо. С каждым разом они отлетают все дальше и дальше, и под конец семейство, которое все еще держится вместе, уже не возвращается домой, а ночует где-нибудь в другом дупле. С октября общество дробится: птенцы становятся самостоятельными, и каждый сам по себе добывает себе пропитание.

Из хищных птиц зеленому дятлу бывает действительно опасен только ястреб-тетеревятн и к. От соколов, нападающих, как известно, только на летящих птиц, их защищают стволы деревьев, за которые они тотчас же прячутся и по которым лазают так быстро, что птице, менее ловкой, чем ястреб, здесь до них не добраться. Ястреб же может делать на лету такие крутые повороты, что он и тут может схватить зеленого дятла. При виде этого опасного хищника точно так же, как и при виде кобчика, зеленый дятел всегда кричит от страха. Другие большие лесные птицы иногда также нападают на него, но с ними у этого дятла дело никогда не доходит до серьезной драки.

Со стороны человека зеленому дятлу приходится терпеть не больше преследований, чем другим птицам того же семейства, хотя иногда ему случается навлечь на себя месть какого-нибудь пчеловода, у которого он попортил ульи. Но хуже всяких врагов бывает для этих дятлов зима. Когда глубокий снег покрывает землю, для них скоро наступает голод, и только в тех местах, где они могут в изобилии доставать насекомых, прячущихся в гнилой сердцевине больших деревьев, они в состоянии благополучно прожить зиму. Когда холода наступают внезапно и выпадет глубокий снег, их часто можно встретить в старых высокоствольных лесах, где их иногда собирается огромное количество. Так, Снэль сообщает, что в зиму 1860 года в один старый дубовый лес слетелись почти все дятлы, жившие по соседству. «Каждый день, — говорит он, — с утра до вечера здесь слышался стук и шум, свист и крик, что даже самые равнодушные крестьяне, проходя мимо, обращали на это внимание и останавливались». В тех местностях, где нет подобных лесов, после суровых зим замечается значительное уменьшение количества дятлов.

Близким родственником зеленого дятла оказывается **седой дятел** (*Picus canus*). По величине он мало уступает зеленому дятлу: 30 см в длину, размах крыльев не более 50, длина крыла 15, а хвоста 11 см.

Область распространения седого дятла значительно обширнее, чем зеленого. Она охватывает большую часть Европы, за исключением Великобритании, всю Сибирь, гранича на востоке с Японией, а на юге с Персией*.

** Это не совсем так. Седой дятел далеко не доходит до Ирана, южная граница его ареала проходит от восточного побережья Черного моря через низовья Дона, Среднее Поволжье и далее примерно по границе между Россией и Казахстаном через верховья Енисея, север Байкала до Приморья. Южнее эти дятлы могут появляться на кочевках, однако седой дятел в принципе оседлая птица.*

Если зимы теплые, то парочка седых дятлов, облюбовав какую-нибудь местность, окончательно поселяется в ней и из года в год выводит здесь птенцов; впрочем, иногда ей случается путешествовать и за границы этой местности. Суровые зимы, напротив, заставляют этих дятлов по тем же причинам, что и зеленых, пускаться в дальние путешествия.

Характером и поведением седой дятел настолько напоминает ближайшего родича, что нужна значительная опытность, чтобы суметь отличить их друг от друга.

Седой дятел также питается преимущественно муравьями и особенно любит лакомиться некоторыми их видами; там, где эти виды муравьев встречаются редко, наверное уже не поселится на лето ни один седой дятел. И зимой он также старается добыть себе этих муравьев. Поэтому не удивительно, что ему приходится переселяться, когда земля покрывается таким глубоким снегом, что ему бывает трудно или совсем невозможно добраться до любимой пищи. Долбя деревья, он вытаскивает из них всех насекомых и личинок, которые ему попадают, а если летом ему случится наткнуться на голых гусениц, то поедает и их. Полдней осенью и зимой он питается, кроме того, и растительной пищей. Мой отец находил иногда в желудке седого дятла ягоды бузины, а Снэль — рябину.

Период размножения наступает для седых дятлов несколько позже, чем для зеленых, но гнезда те и другие вьют совершенно одинаково. Седой дятел сам выдалбливает дупло и выказывает при этом замечательную неутомимость. Входное отверстие настолько узко, что дятел с трудом может проскользнуть в него; самое же дупло имеет часто 30 см или по меньшей мере 25 в глубину, 15—20 см в ширину и выдолблено очень гладко. На яйцах дятлы сидят с таким упорством, что нередко удается поймать их в самом гнезде.

Кроме человека, седого дятла преследуют еще только самые крупные из представителей семейства соколиных, особенно тетеревятник и перепелятник; последний, впрочем, хотя и нападает на этого дятла, но вряд ли может одолеть его, между тем как тетеревятник справляется с ним так быстро, что он не успевает даже проявить ни малейшего сопротивления. Пожалуй, еще опаснее ястреба бывает для дятлов суровая зима.

В Америке существует группа зеленых дятлов, называемая шилоклювыми дятлами. Все они отличаются тонким, обыкновенно заметно изогнутым плоским клювом.

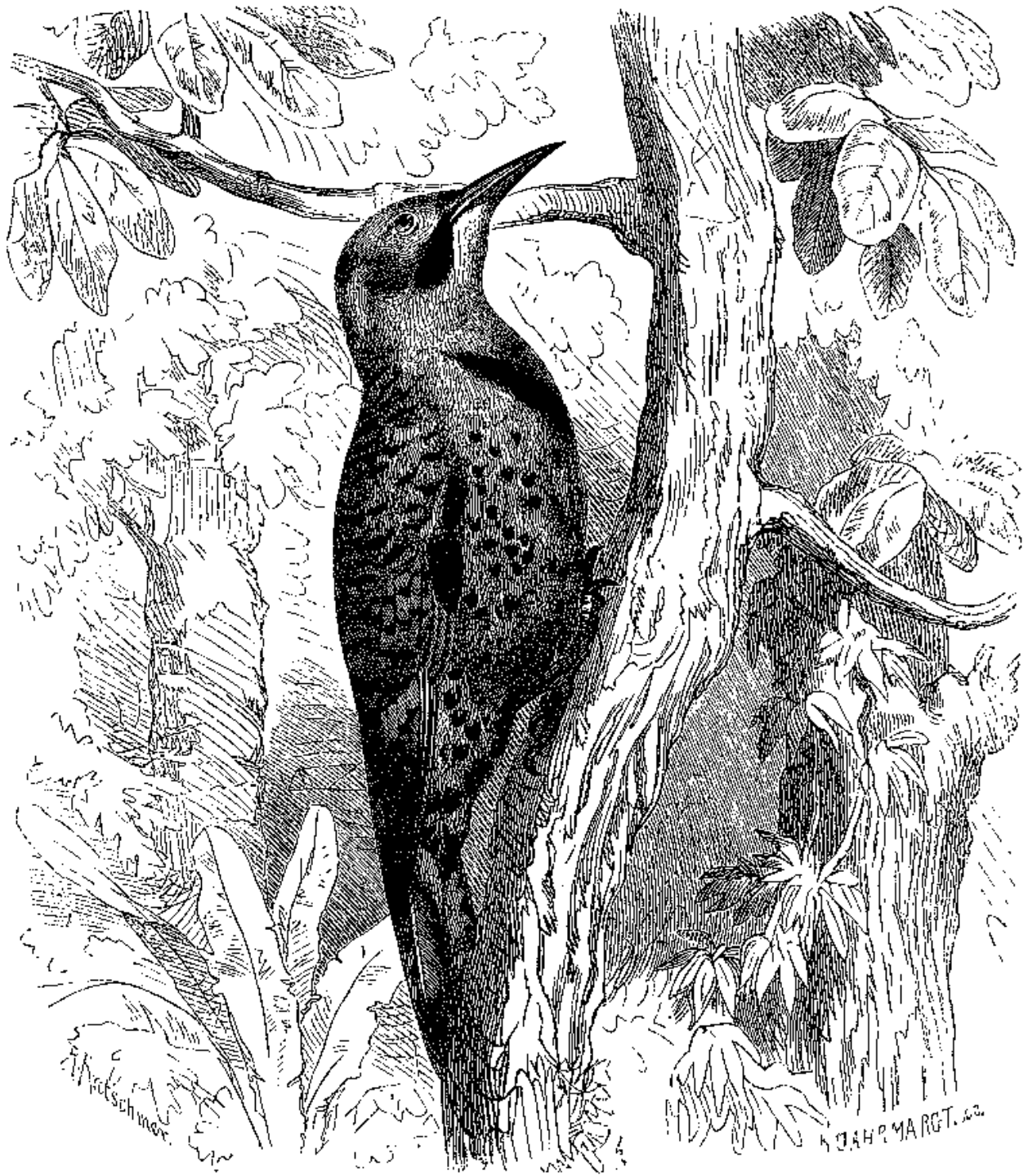

1 — Седой дятел (*Picus canus*) 2 — Белоспинный дятел (*Dendrocopos leucotos*)

Из этих видов наибольшей известностью пользуется **золотой шилоклювый дятел** (*Colaptes auratus*), птица, немного уступающая по величине нашему седому дятлу. Верхняя часть головы и задняя половина шеи у него пепельно-серые; уздечка, полоска около глаза, виски, боковые части головы и шеи, подбородок и горло окрашены в желтовато-винно-красный цвет; большая полоса около углов рта и широкое, имеющее форму полумесяца, пятно на нижней части шеи — черные. Все оперение верхних частей, за исключением белого надхвостья, чало-коричневое с черными поперечными полосами; на верхних кроющих перьях хвоста также широкие черные поперечные полосы. Нижние части, начиная от черного пятна на шее, — белые; грудь и бока желтовато-винно-красноватые с большими круглыми черными крапинками, напоминающими капли; на затылке ярко-красное подковообразное пятно. Глаза светло-коричневые; клюв сверху коричневый, снизу синеватый; ноги серо-синие. У самки нет черной уздечки. У молодых птиц окраска более грязная; кроме того, они отличаются от старых еще тем, что затылочное пятно у них светло-красное и более узкое, чем у последних. Длина 32 см, размах крыльев 42, длина крыла 16, а хвоста 12 см.

Золотой шилоклювый дятел распространен по всей восточной части Соединенных Штатов Америки, его встречали даже в Гренландии. В южных штатах США он является оседлой или кочевой птицей, в северных же эта птица перелетная, являющаяся в свое летнее местопребывание многочисленными обществами и остающаяся здесь от марта или апреля до сентября или октября, смотря по географическому положению избранной ими местности. Одюбон утверждает, что эти дятлы странствуют по ночам, о чем можно достоверно заключить по их своеобразному крику, слышному время от времени, а также по весьма характерному шуму, который они производят на лету своими крыльями. В тех местностях, где водится золотой шилоклювый дятел, он встречается всегда в огромном количестве, а потому его можно считать если не самым распространенным, то во всяком случае одним из наиболее обыкновенных видов дятлов, живущих в Северной Америке.

Образ жизни золотого шилоклювого дятла описан Вильсоном, Одюбоном и другими исследователями. «Едва только начинающаяся весна, — говорит Одюбон, — призовет птиц к супружеским обязанностям, как с вершин высоких деревьев раздаются голоса золотых дятлов, приветствующие наступление благодатного времени года. Голос дятла чрезвычайно радостен; он несколько напоминает продолжительный, веселый, звонкий смех. Каждая пара тотчас же начинает долбить какое-нибудь дерево, чтобы построить жилище для себя и будущего потомства. Оба они работают чрезвычайно усердно и, по-видимому, с большим удовольствием.

Золотой шилоклювый дятел (*Colaptes auratus*)

Когда работой занят самец, самка садится рядом с ним и посылает ему привет за каждую щепку, которую тот выбросит клювом. Во время отдыха самец, по-видимому, чрезвычайно нежно разговаривает со своей подругой, а когда он устанет, то самка начинает помогать ему. Благодаря их обоюдным стараниям дупло в скором времени бывает выдолблено и закончено. Тогда они начинают любезничать друг с другом на ветвях, с наслаждением лазают вдоль стволов деревьев или вокруг них, барабанят клювом по засохшим сучьям, отгоняют своих родственников — красноголовых дятлов, защищают гнездо против пурпуровых скворцов, кричат, пересмеиваются. Не успеет пройти и двух недель, как самка отложит 4 или 6 блестящих белых яиц и, вероятно, радуется их белизне и прозрачности. Яйца имеют около 26-28 мм в длину и около 22-25 мм в ширину. Если многочисленное потомство доставляет счастье, то золотой шилоклювый дятел должно быть очень счастлив, потому что он выводит птенцов два раза в год». Последнее утверждение, если только вообще оно верно, относится, вероятно, исключительно к южным штатам США.

"Полет этого дятла, — говорит далее Одюбон, — быстрый и выносливый, а в сравнении с полетом других птиц того же семейства — порывистый, с короткими дугами. Перелетая с одного дерева на другое, он летит по прямой линии и только перед избранным им деревом спускается на не-

сколько метров, привешивается внизу и затем, подобно другим дятлам, быстро взбирается наверх. Если, как это часто случается, он сядет на ветку, то нагибает голову и издает звук «фликер», но только в том случае, если уверен в совершенной безопасности. Он превосходно лазает во всех положениях, какие только могут принимать дятлы. На земле, куда часто опускается, он прыгает очень ловко; обыкновенно спускается сюда только для того, чтобы схватить ягоду, кузнечика или зернышко или чтобы поискать в засохших корнях дерева муравьев и других насекомых. Он любит плоды и ягоды разного рода; особенное пристрастие питает, по-видимому, к яблокам, грушам, персикам и разным лесным ягодам. Не пренебрегает и зерном на полях, а зимой часто посещает скирды.

Опаснейшие враги золотого дятла — еноты и черные змеи. Первый нередко просовывает свою переднюю лапу в дупло и, если оно не слишком глубоко, вытаскивает яйца и выпивает их; при этом зачастую он завладевает и самой высиживающей птицей. Черные змеи довольствуются яйцами или птенцами. Разные виды соколов преследуют золотого дятла на лету, но в большинстве случаев ему удается спастись от них, укрывшись в какое-нибудь дупло. Чрезвычайно забавно бывает удивление сокола, когда птица, которую он только что собирался схватить, вдруг исчезает на его глазах. Если же дятел не может отыскать такого убежища, то он подвешивается к дереву и бегаёт вокруг его ствола по винтообразной линии с такой быстротой, что обыкновенно принуждает хищника отказаться от его преследования. Мясо золотого дятла высоко ценится многими охотниками и очень часто подается к столу, особенно в средних штатах США. Иногда его можно найти и на рынках Нью-Йорка и Филадельфии, но, с своей стороны, я должен признаться, что его мясо всегда казалось мне противным, так как имело запах муравьев. Даже в неволе эта птица не теряет природной живости и резвости. Она легко привыкает к корму, но зато в течение одного дня, забавляясь, напортит и наломает больше, чем могут поправить двое рабочих за два дня. Во всяком случае дятлы вовсе не такие глупые, куда негодные, бездарные птицы, как многие думают».

Очень мало изогнутым клювом обладает **красноголовый дятел** (*Melanerpes erythrocephalm*). Голова и шея у него ярко-красные, верхняя часть спины, маховые и хвостовые перья совершенно черные, задние маховые перья, надхвостье и вся нижняя сторона чисто-белые; у двух крайних пар хвостовых перьев на конце есть узенькая белая каемка. Глаза орехово-бурого цвета, клюв и ноги синевато-черные. Самка немного меньше самца и не так ярко окрашена, как он. В длину этот дятел достигает 24 см, размах крыльев — 44, длина крыла 12, хвоста — 6 см.

"Едва ли существует в Америке какая-либо птица, более известная, чем красноголовый дятел, — говорит Вильсон. — Он встречается до того часто, его трехцветное оперение так бросается в глаза, а воровские привычки так общеизвестны, что каждый ребенок может рассказать о нем". Красноголовый дятел распространен по всему северу Америки. По словам принца фон Вид, его можно видеть чуть не на каждом заборе, на стволах деревьев или на корнях их, где он часто ищет насекомых. «Его можно считать, — говорит Одюбон, — оседлой птицей Соединенных Штатов, так как в южной части их он встречается всю зиму, а летом выводит здесь птенцов. Большинство этих птиц, однако, улетает от нас в сентябре, и притом в ночную пору. Эти дятлы летят тогда вместе, но не соблюдая определенного порядка, так что напоминают бегущее врассыпную войско. При этом они точно для того, чтобы ободрить друг друга, издают особый резкий крик, который в другое время не слышно. На рассвете все общество опускается на верхушки засохших деревьев вблизи плантаций и остается здесь, отыскивая себе пищу до заката солнца. Тогда они опять, один за другим, снимаются с деревьев, и вся стая продолжает свой перелет.

За исключением дрозда-пересмешника я не знаю ни одной птицы, которая была бы так резва и весела, как этот дятел: вся жизнь его — одно сплошное веселье. Он повсюду находит в изобилии пищу и удобные гнездовья. Ничтожная работа, достающаяся на его долю, является для него источником новых наслаждений, так как он работает только для того, чтобы добыть себе что-нибудь особенно лакомое или же чтобы устроить помещение для себя, своих яиц или своего семейства. По-видимому, он нисколько не боится человека, хотя это его злейший враг. Если, сидя на столбе забора близ дороги или поля, он заметит идущего в его сторону человека, то медленно перебирается на противоположную сторону столба, прячется здесь и по временам осторожно выглядывает, как бы желая узнать намерения приближающегося. Если человек спокойно проходит мимо, то он вспрыгивает на верхушку столба и начинает барабанить по ней, как бы поздравляя себя с успешным результатом своей хитрости. Если снова приблизишься к нему, то он перелетает на ближайший или другой соседний с ним столб, подвешивается к нему и снова барабанит, как бы бросая вызов противнику. Нередко его можно видеть у нас на домах; он лазает по ним, долбит по крыше и затем слезает в сад, чтобы поворовать здесь лучшие ягоды, какие только найдутся.

Но что бы они ни делали, они всегда бывают веселы. Только что они успеют утолить голод, как собираются небольшими обществами на верхушках и ветвях засохших деревьев и отсюда очень своеобразно охотятся за пролетающими мимо насекомыми, бросаясь на них с расстояния 8-12 м и делая при этом иногда удивительно смелые повороты; схвативши добычу, они снова возвращаются на дерево, издавая радостный крик. По временам, играя, они чрезвычайно грациозно гоняются друг за другом, при этом описывая на лету изящные дуги, они выказывают всю красоту своего оперения и представляют тогда чрезвычайно привлекательное зрелище».

По словам Вильсона, самым страшным врагом птенцов красноголового дятла является черная ехидна. Змея эта часто взбирается на самые высокие деревья, проникает в мирное жилище дятлов, поедает яйца или беспомощных птенцов на глазах жалобно кричащих родителей; если гнездо достаточно велико, то, наевшись, змея сворачивается в нем и отдыхает, пока совершается пищеварение. Школьник, забравшись на дерево, часто чуть не с опасностью для жизни, испытывает горькое разочарование, когда, просунув руку в дупло, вместо ожидаемых птенцов хватает отвратительную змею. В этом случае ему остается только соскользнуть вниз по стволу и с ужасом бежать прочь от дерева.

Желна (*Dryocopus martini*) имеет однородную матово-черную окраску; только верхняя часть головы яркая карминово-красная у самца, у самки же она ограничивается одним местом на затылке. Глаза матового серно-желтого цвета; ноги — свинцово-серые; клюв жемчужно-серый. Молодые птицы очень мало отличаются от старых. В длину они имеют 47-50 см, размах крыльев 72-75 и длина хвоста 18 см.

Вся Европа, насколько она покрыта лесами, и Азия до северных склонов Гималайских гор могут считаться родиной желны.

Желна поселяется в больших, непрерывно тянущихся лесах, по возможности в таких, где ее не беспокоят люди и где хоть изредка попадаются высокие и толстые деревья. Так как любимая ее пища — рыжие муравьи, то она предпочитает хвойные леса лиственным, хотя живет и в последних, особенно в буковых лесах. Чем более дик и непроходим лес, тем приятнее это для желны и, наоборот, чем лучше он расчищен, тем неохотнее поселяется она в нем, хотя и тут, конечно, могут быть исключения. Горные леса Альп, в которых если не невозможно, то по крайней мере очень трудно вести правильное лесное хозяйство, и обширные, непрерывно тянущиеся на огромные расстояния леса Скандинавского полуострова, России, где бури и пожары производят большие опустошения, чем топор дровосека, представляют собой любимое местопребывание этих дятлов.

Как на юге, так и на севере нашей части света они избегают человека и только в исключительных случаях показываются вблизи населенных пунктов.

Желне больше чем всякой другой птице приходится страдать от недостатка удобных жилищ. В наше время уже мало встречается таких толстых деревьев, какие нужны ей для устройства помещения, в котором она могла бы ночевать и высидеть яйца, и потому эта птица совершенно исчезла из многих местностей, где прежде ее можно было видеть очень часто.

В тех лесах, где желна выводит птенцов, она живет из года в год в одном и том же очень небольшом районе: пространство в 600 гектаров для нее вполне достаточно. Парочка желны ни за что не потерпит, чтобы в пределах ее района поселилась другая такая же пара и, подобно другим дятлам, изгоняет из него даже собственных птенцов, когда они подрастут. Эти молодые птенцы и бьются в нужде отправляться в дальние странствования или по крайней мере перебиваться с места на место. Они иногда заселяют снова такие леса, которые прежде были совершенно покинуты этим видом дятлов. Если парочка их поселится в таком лесу, то сначала они кочуют в нем, перелетая на значительные расстояния, но мало-помалу район этих кочевок все сужается, и наконец они довольствуются пространством леса в 100-150 гектаров.

Поведение желны, которую народное предание связывает с чудодейственной разрыв-травой, впервые было подробно описано моим отцом, и с тех пор мы не приобрели в этом отношении почти никаких новых сведений. Поэтому в дальнейшем я буду придерживаться данного моим отцом описания. Наша желна чрезвычайно резвая, быстрая на лету, пугливая, ловкая и сильная птица. Ее видишь то в одном месте леса, то в другом, и, перелетая таким образом с места на место, она успевает облететь весь свой район часто за очень короткое время. Об этом можно с достоверностью судить по ее крику, который в течение нескольких минут раздается из различных мест. Полет этого дятла значительно отличается от полета других его родичей; он летит не до такой степени толчками или по восходящим и нисходящим линиям, как другие дятлы, а по слегка волнообразной линии, почти прямо вперед, причем широко раскрывает крылья и сильно машет ими, так что кажется, будто кончики маховых перьев загибаются. Вообще полет желны спокойнее и, по-видимому, утомляет

ее менее, чем других дятлов; поэтому, когда она летит, то слышится не похожий на жужжание звук, а какое-то особенное гудение, которое, по словам Наумана, особенно ясно бывает слышно при пасмурной, сырой погоде. Хотя желна и неохотно летит далеко, но иногда она все же пролетает, не отдыхая по пути, расстояния в 2 км и более. Летящая желна выглядит чрезвычайно красиво, особенно когда слетает с горы в глубокую долину.

Желна (*Dryocopus martini*)

Тогда она показывает всю быстроту своего полета; она устремляется вниз словно стрела и только изредка взмахивает крыльями и то, по-видимому, скорее для того, чтобы избежать попадающих ей на пути верхушек деревьев. По земле этот дятел прыгает довольно неловко, тем не менее он очень часто спускается вниз, в особенности с целью посещения муравьиных куч. В лазании и долблении он самый искусный из всех европейских дятлов. Лазаая, он всегда, как и все его родичи, сразу переставляет обе ноги, так что, собственно говоря, передвигается вверх по дереву прыжками и притом делает это с такой силой, что бывает ясно слышно, как когти его вонзаются в кору. Во время лазания он далеко отставляет грудь от дерева и выгибает назад шею.

Большие муравьи и их куколки, а также всевозможные древесные личинки, особенно личинки вредных жучков, живущие в хвойных деревьях, и самые эти жучки составляют пищу этого дятла. Но особенно любит он личинки больших древесных ос. Мне случалось находить в желудке некоторых из них исключительно эти личинки и еще непереваренные твердые головки их; кроме того, я находил еще в огромных количествах мучных червей, короедов, сосенных жуков и рыжих муравьев с их куколками. Башкиры, говорят, не любят этого дятла, потому что он, подобно им самим, отыскивает диких пчел и, продалбливая деревья, портит дупла, в которых они живут.

Спаривание происходит, смотря по более или менее благоприятной погоде, в первой или второй половине марта.

В начале апреля желны начинают делать приготовления к постройке гнезда. «Они закладывают его в дереве с выгнившей сердцевинной, там, где есть отверстие от сучка или обломанные и сгнившие в середине ветви. Самка сначала одна проделывает или расширяет извне входное отверстие до тех пор, пока станет удобно влезать и вылезать через него. Вслед за этим начинается выдалбливание самого дупла, причем дятлы проявляют немало ловкости и усердия. Это выдалбливание весьма затруднительно уже потому, что дятел не имеет достаточно места для того, чтобы размахнуться при ударе клювом. Мне часто приходилось наблюдать за ним во время этой работы. Иногда места так мало, что он может двигаться всего на каких-нибудь 2 см. Тогда удары звучат глухо, и выбрасываемые щепки бывают очень малы, но когда дятел расширит несколько дупло, то начинает отщеплять гораздо большие куски. Наибольшие из щепок, валявшихся около одной слегка подгнившей сосны, в которой устраивала себе жилище желна, достигали 15 см в длину, при ширине 3 см.

Самка работает над гнездом только в предобеденные часы, а после отправляется за пищей. Когда, наконец, после 10-14-дневной усиленной работы дупло бывает окончено, то обыкновенно оно имеет, считая от нижнего края входного отверстия, около 40 см в глубину и около 15 см в поперечнике, иногда на несколько сантиметров больше или меньше. Внутри оно отделано так гладко, что нигде не торчит ни одной щепки. Дно имеет форму сегмента шара, а не полушария, и все бывает покрыто мелкими щепочками. На них, обыкновенно уже в середине апреля, можно видеть 3-4, реже 5 и только очень редко 6 штук сравнительно маленьких яиц. В длину эти яйца 36-40 мм, в ширину 30-32 мм; они очень продолговаты, сильно закруглены наверху, вздуты посередине, тупы внизу; скорлупа очень гладкая, блестящего белого цвета, точно эмалевая.

Желна старается устроить свое жилище как можно выше. Я видел ее гнезда на высоте 15-25 м и только раз на высоте всего 7 м. Все те гнезда, которые мне приходилось видеть, были устроены в гладкоствольных буках или соснах, никогда в деревьях других пород. Подобными гнездами желны пользуются несколько лет подряд. Каждый год гнездо несколько исправляют, т.е. из него выбрасывают помет, оставшийся после птенцов, и откалывают несколько щепок. Этому дятлу чересчур утомительно строить новое помещение; кроме того, часто не находится и достаточного количества удобных деревьев, чтобы каждый год он мог класть яйца в новом дупле. Вновь выстроенное гнездо уже издали можно узнать по множеству щепок, валяющихся под ним на земле, часто на пространстве около 4 квадратных метров; даже под возобновленным гнездом также валяется обыкновенно несколько щепок. Это приложимо ко всем дятлам, и потому, если кто желает найти их гнездо, то ему стоит только смотреть на землю и искать на ней щепки. Я прибавлю, что хотя этот дятел в Германии повсюду чаще всего выбирает для устройства своего жилища бук и сосну, однако ему случается поселяться иногда и в других деревьях. Так, Мейеринк нашел гнездо в одном дубе, а Дыбовский упоминает, что в Сибири этот дятел поселяется в лиственницах. Отверстие дупла бывает чрезвычайно мало сравнительно с размерами самого дятла, так что удивительно, как он может проползть через него, не портя своего оперения.

Самец и самка сменяют друг друга во время насиживания, но самое время этой смены нельзя определить с точностью. Только что вылупившиеся птенцы бывают весьма непривлекательны. Только верхняя часть их тела покрыта очень редким черно-серым пухом, голова у них очень вели-

ка, а клюв несоразмерно толст. Они остаются в гнезде до тех пор, пока не научатся как следует летать; они лазают по стенкам дупла и часто выглядывают из него, высовывая голову в отверстие. Самка ночует вместе с птенцами, а самец проводит ночь в дупле, выдолбленном им в предшествующем году».

Белоклювый дятел (*Campephilus principalis*) величиной превосходит желну. Длина его 55 см, размах крыльев 80, длина крыла 28, а хвоста 19 см. Преобладающая окраска оперения блестяще-черная; несколько перышек над носовыми отверстиями и узкая полоса, начинающаяся от середины щек и тянущаяся, заметно расширяясь, вдоль боков шеи и плеч, а также задние большие и малые маховые перья — белые; виски и острый затылочный хохол, как и сам затылок, ярко-красные. Радужная оболочка желтая; клюв белый; ноги темного свинцово-серого цвета. Самка отличается от самца тем, что хохол у нее черный.

Область распространения белоклювого дятла — южная часть Соединенных Штатов и остров Куба. Живущего на острове дятла некоторые орнитологи считают отдельным видом, но это, по-видимому, неосновательно. В Северной Америке этот дятел встречается: в Северной и Южной Каролине, Джорджии, северной Флориде, Алабаме, Луизиане и Миссисипи, а также в восточном Техасе и лесах, растущих по берегам Арканзаса. На Кубе эти дятлы, по словам Гундлаха, живут в ее южной, западной и восточной частях, особенно в больших лесах, но как на материке, так и здесь они с каждым годом становятся все более редкими, так как их вытесняют отсюда и вырубка лесов, и преследования со стороны охотников.

Благодаря исследованиям американских орнитологов, в особенности Одюбона, мы имеем подробные сведения о жизни белоклювого дятла на свободе.

"Я очень желал бы дать хорошее описание любимого местопребывания белоклювого дятла; мне хотелось бы описать размеры этих огромных болот, осененных миллионами исполинских темных кипарисов, простирающих свои поросшие мхом ветви, как будто желая дать понять приближающемуся путнику, с какими препятствиями ему предстоит бороться, если он вздумает проникнуть глубже в эти, часто совершенно недоступные, местности. Такие болота тянутся на многие мили, и путь через них преграждается нагромождениями валежника, стволами упавших деревьев и множеством всевозможных ползучих растений, переплетающихся между собой. Я желал бы разъяснить свойства этой опасной почвы, ее топкость и мягкость, красоту покрывающего ее предательского ковра, сотканного из прелестнейших мхов, шпажника и водяных лилий; ковер этот расступается под ногой путника и грозит поглотить его; местами в нем есть просветы, наполненные темной, грязной водой. Я хотел бы дать моим читателям понятие о том тяжелом, наполненном миазмами воздухе, который, особенно в летнее время, как будто желает задушить проникающего сюда путешественника. Но всякая попытка нарисовать картину этих грандиозных и в то же время ужасных болот будет неудачна; только путем личных наблюдений можно познакомиться с ними. Я возвращусь поэтому к описанию знаменитого дятла с клювом будто из слоновой кости.

Полет этой птицы чрезвычайно красив, хотя она редко пролетает в один прием больше, чем несколько сот метров, разве когда ей приходится перелетать через широкую реку. Тогда белоклювый дятел несется по резко волнообразной линии, то широко раскрывая крылья, то быстро махая, чтобы ускорить замедляющийся полет. Перелет с одного дерева на другое, независимо от расстояния между ними, он совершает одним изгибом, причем, спускаясь с самой верхушки дерева, описывает на лету красивую дугу. В этот момент птица выказывает всю красоту своего оперения, и вид ее бывает восхитителен. Дятел этот никогда не кричит на лету, разве только в пору любви; но как только он привесится к нижней части древесного ствола и начинает взбираться вверх по нему, раздается его замечательно чистый, звонкий и приятный голос, слышный очень далеко. Крик его или призывный звук, который можно передать слогом «пэт», повторяется обыкновенно три раза, но птица эта кричит так часто, что в течение дня она молчит, можно сказать, всего несколько минут. К сожалению, эта привычка чрезвычайно облегчает ее выслеживание; между тем она и без того слишком часто подвергается преследованиям благодаря существованию совершенно ложного мнения, будто она вредит лесу. Кроме того, красивые перья хохла этой птицы представляют любимое воинское украшение индейцев, так что и краснокожие тоже ревностно охотятся за ней. Всевозможные путешественники также большие любители этого украшения и скупают у охотников на память головы великолепных птиц. Мне случалось видеть индейских старшин, у которых весь пояс был сплошь увешан клювами и хохолками белоклювых дятлов*.

** Сейчас фактически общепризнано, что королевский белоклювый дятел в результате непрекращавшегося преследования человеком полностью истреблен, но крайней мере в Северной*

Америке. Последний раз в США достоверно слышали их крик и видели птиц в 50-х годах нашего века. Полагают, что немного птиц могло сохраниться на Кубе.

Пища белоклювых дятлов состоит преимущественно из жуков, личинок и больших червей, но как только в лесах созреют ягоды, то птицы с жадностью поедают и их. Мне случалось видеть, что они подвешиваются к виноградным лозам в том же положении, как синицы. Дятел отыскивает также сливы персиммона (*Persimmonflaumen*), как только они поспеют, но он никогда не ест ни хлебных зерен, ни садовых плодов, хотя его и видят часто долбящим на деревьях, растущих среди полей. Сила его так велика, что одним ударом своего крепкого клюва он иногда откалывает куски коры длиной 15-18 см и, принявшись за работу на каком-нибудь сухом дереве, он в течение нескольких часов очищает от коры пространство 6-10 м².

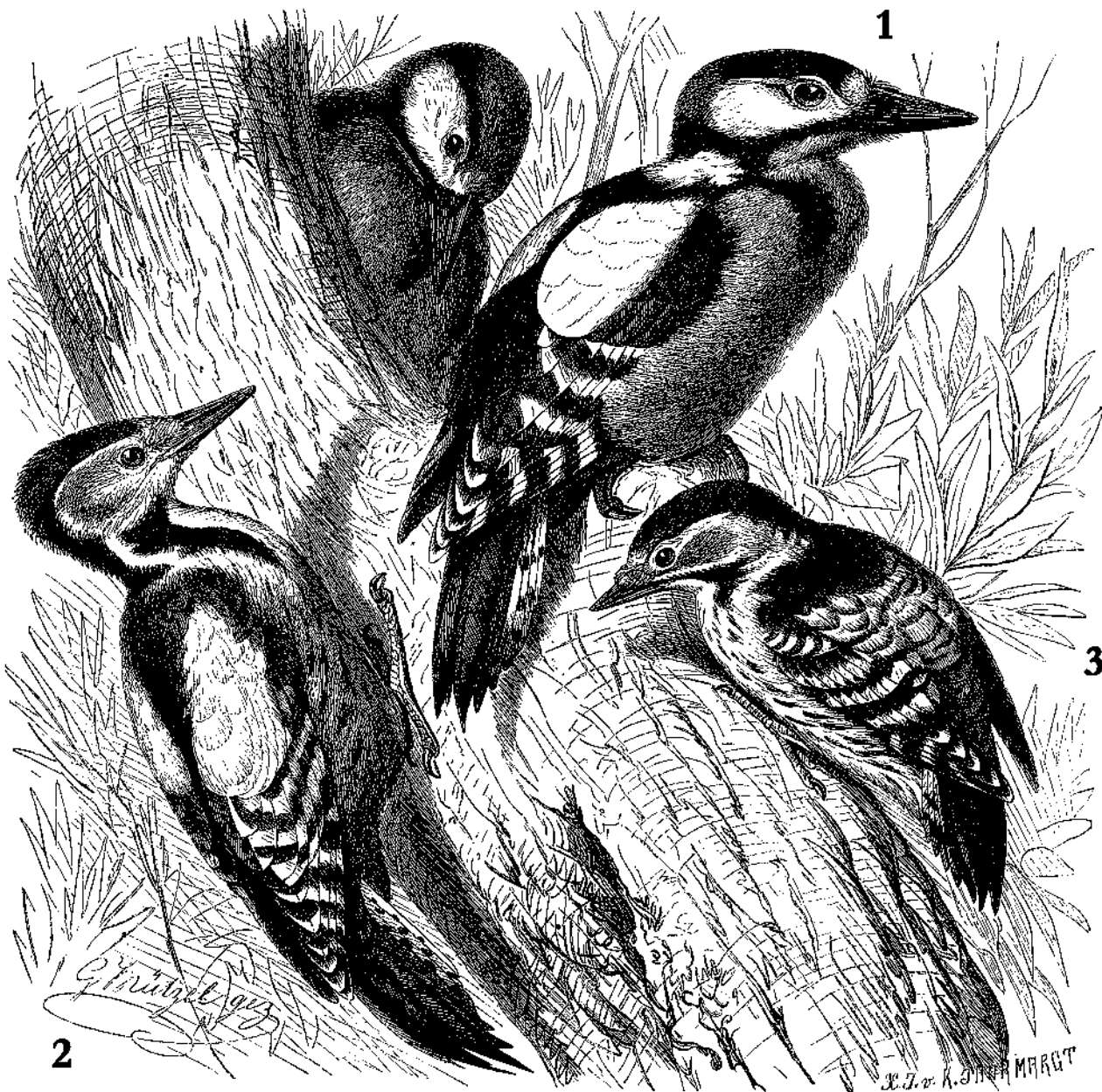

Белоклювый дятел (*Campephilus principalis*)

Вильсон пробовал держать белоклювого дятла в неволе, но оказалось, что это дело не легкое. Дятел, о котором идет речь, был уже старый, пойманный только после того, как его подстрелили. Он кричал, подобно маленькому ребенку, и своим криком до того испугал лошадь Вильсона, что она едва не убила седока. Когда исследователь ехал с этой кричащей птицей по улицам Уильмингтона, то все женщины, испуганные, выбежали на улицу или выглядывали из окон, чтобы узнать причину страшного шума, а перед гостиницей на исследователя посыпался целый град вопросов. В конце концов он снес дятла в свою комнату и оставил его там, чтобы пойти позаботиться о лошади. Вернувшись приблизительно через час, он увидал, что сильная птица уже успела почти освободиться.

Она забралась по переплету рамы наверх и долбила стену. Так как Вильсон хотел ее срисовать, то он простил ей попытку к бегству и, чтобы предупредить повторение ее, привязал дятла цепочкой к толстой ножке стола из красного дерева. Затем он опять ушел из комнаты, чтобы поискать для него корм. Возвращаясь, он еще на лестнице услышал, что дятел снова работает, а войдя в комнату, с ужасом увидел, что стол стоит уже не на четырех, а на трех ногах. Пока он срисовывал эту непокорную птицу, она нанесла ему несколько ран и вообще проявила такой свободолюбивый нрав, что Вильсон не раз думал о том, чтобы выпустить ее на волю. От предлагаемой пищи птица упорно отказывалась, так что уже на третий день умерла, не вынеся неволи.

Самым известным считается **большой пестрый дятел** (*Dendrocopos major*). Он вполне оправдывает свое название, так как оперение его действительно необыкновенно пестро. У самок пурпурового пятна на затылке нет. У молодых верх головы карминово-красный. Глаза буро-красные, клюв светло-свинцового цвета, ноги зеленовато-серые. Длина этих дятлов достигает 23-25 см, размах крыльев 46-48, длина крыла 16, а хвоста 8,5 см.

1 — Большой пестрый дятел (*Dendrocopos major*) 2 — Средний пестрый дятел (*Dendrocopos medius*) 3 — Малый пестрый дятел (*Dendrocopos minor*)

Местом обитания большого пестрого дятла служат вся Европа, Сибирь вплоть до Камчатки и Японии. Это самый обыкновенный из европейских дятлов и самый многочисленный среди азиатских видов. Я находил его во всех странах нашего полушария, где только путешествовал, в таких местах, где много лесов, за исключением Альп.

Большой пестрый дятел одинаково любит как лесные опушки, так и дремучий лес, но встречается и в полевых рощицах, а осенью и зимой появляется в садах. Он предпочитает сосновые леса, тополевые и ивовые заросли.

Летний район его местожительства не слишком обширен; осенью и зимой большие пестрые дятлы кочуют уже на большом пространстве и живут тогда в сообществе поползней, пищух, синиц и корольков. Летом дятел не терпит других дятлов, залетевших в район его местожительства. Во время кочевки эти птицы держатся деревьев. На свободе во время своих странствований они преследуют только одну цель и на свойственных их образу жизни местах они, конечно, заботятся только о том, чтобы отыскать себе больше пищи и при этом немножко посмотреть на окружающий их мир.

Пищу большого пестрого дятла составляют различные насекомые, их яйца, личинки, куколки, а также орехи и ягоды. Мой отец, а после него и Науман, основываясь на своих наблюдениях, уверяют, что эти дятлы не едят муравьев и не кормят птенцов их куколками. Напротив, Глогер говорит, что желудок одного пестрого дятла, убитого им в сильный мороз, был «исключительно и почти совершенно наполнен» крупными лесными муравьями. По наблюдениям моего отца, этот дятел — главный враг короедов, их личинок и яиц. Добывая их, он аккуратно откалывает куски сосновой коры. Я часто с удовольствием наблюдал за этим. Птица бегаёт по стволам с отставшей корой и трещинами, всовывает клюв и язык под кору и отщемляет ее, если не может добраться до насекомых. Я осматривал падавшие куски коры и всегда находил их источенными короедами. Пестрый дятел ест также всякого рода гусениц, вредных для лесных деревьев, и выкармливает ими своих птенцов. Это настоящий охранитель лесов и его должно всякими способами щадить. В этом мнении сходятся почти все наблюдатели. «Когда дятел долбит тонкие сучки, — добавляет Науман, — можно заметить, как он часто внезапно шмыгает на другую сторону, чтобы не упустить насекомых, вспугнутых его долблением и убегающих туда, так как эти последние поступают точно так же, как и дождевые черви при приближении крота. Как те, так и другие хорошо чувствуют близость своего смертельного врага».

В то время, когда вызревают семена хвойных деревьев, он предпочитает питаться ими, хотя добывать их для него дело не особенно легкое. «Когда он захочет полакомиться сосновыми семечками, — сообщает мой отец, — он предварительно выдалбливает углубление на верхней стороне расколотого или сухого сучка так, чтобы в него могла поместиться половина сосновой шишки. Когда углубление готово, пестрый дятел летит на вершину дерева и карабкается с сучка на сучок по какой-нибудь ветке, чтобы удобнее заполучить шишку, схватывает ее за стебелек и откусывает, но так, чтобы он мог еще задержать ее в клюве, затем тащит ее к описанному углублению и помещает так, чтобы конец ее торчал кверху. Тогда он придерживает ее внутренними передними пальцами и долбит по верхушке шишки до тех пор, пока крышечки не расщеплятся и семечки могут быть вышелушены. Покончив с одной шишкой, на что он тратит 3-4 минуты, он добывает вторую таким же образом, но до тех пор не выкидывает прежней шишки, пока не понадобится вставить в углубление новую. Мне кажется, что он делает это для того, чтобы иметь возможность еще раз обыскать прежнюю шишку, если он не найдет новой, так как дочиста шишку он не выедает, как это делают клесты. В таком занятии он часто проводит большую часть дня и почти все на одном и том же дереве. В моем лесу есть сосна, на которой один и тот же дятел занимался этим несколько недель. Если он может выбрать более мягкую породу деревьев, как это, например, бывает почти всюду в русских лесах, то предпочитает ее всем твердым породам, так что можно сказать почти с определенностью, что вы заметите его углубление для гнезда на каждой из растущих между елями и соснами осине, тополе или ветле. Такое дупло с гнездом почти всегда находится на значительной высоте, обыкновенно на 10 м и выше, реже ниже над землей. Входное отверстие гнезда так мало, что птица может только влезть и вылезть; внутреннее помещение книзу от входа обыкновенно почти 30 см глубиной и около 15 см в поперечнике; внутри это помещение так же гладко выработано, как и в гнездах других дятлов, и внизу выложено мелкими щепочками. Кладка состоит из 4-5, редко 6 маленьких, продолговатых яиц с очень нежной мелкозернистой скорлупой блестящего белого цвета. Самец и самка сидят на яйцах попеременно, высиживают птенцов через 14-16 дней* и самоотверженно выкармливают их, вначале весьма беспомощных и уродливых, из-за непропорциональности частей тела. Они очень любят свое потомство, сердито кричат, если что-либо ему угрожает, и не удаляются от гнезда. Но и после того, как птенцы вылетят из гнезда, родители продолжают руководить ими и кормить их еще долгое время, пока последние не станут в действительности самостоятельными и в состоянии промышлять себе пищу без посторонней помощи».

* Согласно современным данным, кладки большого пестрого дятла содержат от 3 до 8 яиц, обычно 4-7, время инкубации 12-13 дней.

Большие пестрые дятлы иногда становятся добычей голубятников и перепелятников, однако в лесу они умеют спасаться от этих страшных врагов благодаря ловкости, с которой карабкаются

вокруг стволов и укрываются в расщелины. Птенцов истребляют ласки и белки. К последним, по словам Наумана, они питают особенную ненависть и преследуют пугливыми криками, когда заметят их вблизи гнезда.

В лиственных лесах долин вместе с пестрым дятлом водятся несколько меньших размеров и более красивый **средний пестрый дятел** (*Dendrocopos medius*). Длина его 21 см, размах крыльев 40, длина крыла 13, хвоста 8 см; окраска и рисунок оперения весьма красивые.

Средние пестрые дятлы принадлежат к числу немногих птиц, которые только в некоторых местах встречаются за границами Европы. Область их распространения на севере простирается до средней Швеции*, на юго-востоке — до Малой Азии, на востоке до Бессарабии, на юге до Греции, Италии и Испании, на западе до берегов Атлантического океана. В Германии и Франции средний дятел водится отнюдь не повсеместно, но всегда в определенных районах и преимущественно в лиственных лесах.

* *В наши дни средний пестрый дятел исчез из Швеции.*

Даже среди своих родичей средний дятел красиво выделяется пестрой красотой наряда и сочетанием резких цветов черного и белого с ярким красным. Веселостью он превосходит все другие виды. Его движения проворнее и быстрее движений большого пестрого дятла.

Третий встречающийся по всей Германии, хотя не повсеместно, пестрый дятел — **малый пестрый дятел** (*Dendrocopos minor*). Это карлик из европейских дятлов и один из самых маленьких членов своего семейства вообще. Длина малого пестрого дятла всего 16 см, размах крыльев 30, длина крыла 7, хвоста 6 см.

Область распространения малого пестрого дятла по крайней мере столь же обширна, как и большого. Он живет по всей Европе от Лапландии до крайнего юга, а также в Азии до Приамурских областей включительно, кроме того, в отличие от большого пестрого дятла он встречается в лесах северной части западной Африки.

Этот дятел, как совершенно справедливо замечает Науман, принадлежит к числу самых резвых и проворных птиц своей группы. С большой ловкостью он скачет вверх по стволам деревьев, обегает вокруг, лазает всегда головой кверху, изредка пятясь назад, и карабкается по сучьям до концов ветвей в человеческий палец толщиной. Он много долбит и стучит по деревьям и столь же искусен в выдалбливании помещений для ночлегов или гнезда, как и крупные виды дятлов, только всегда выискивает наиболее мягкие места деревьев. В старых дубах он нередко устраивает такие помещения на нижней стороне наклонных или почти горизонтальных кривых ветвей. Иногда он садится на тонкие ветви поперек, как другие птицы, но при этом не держится так прямо.

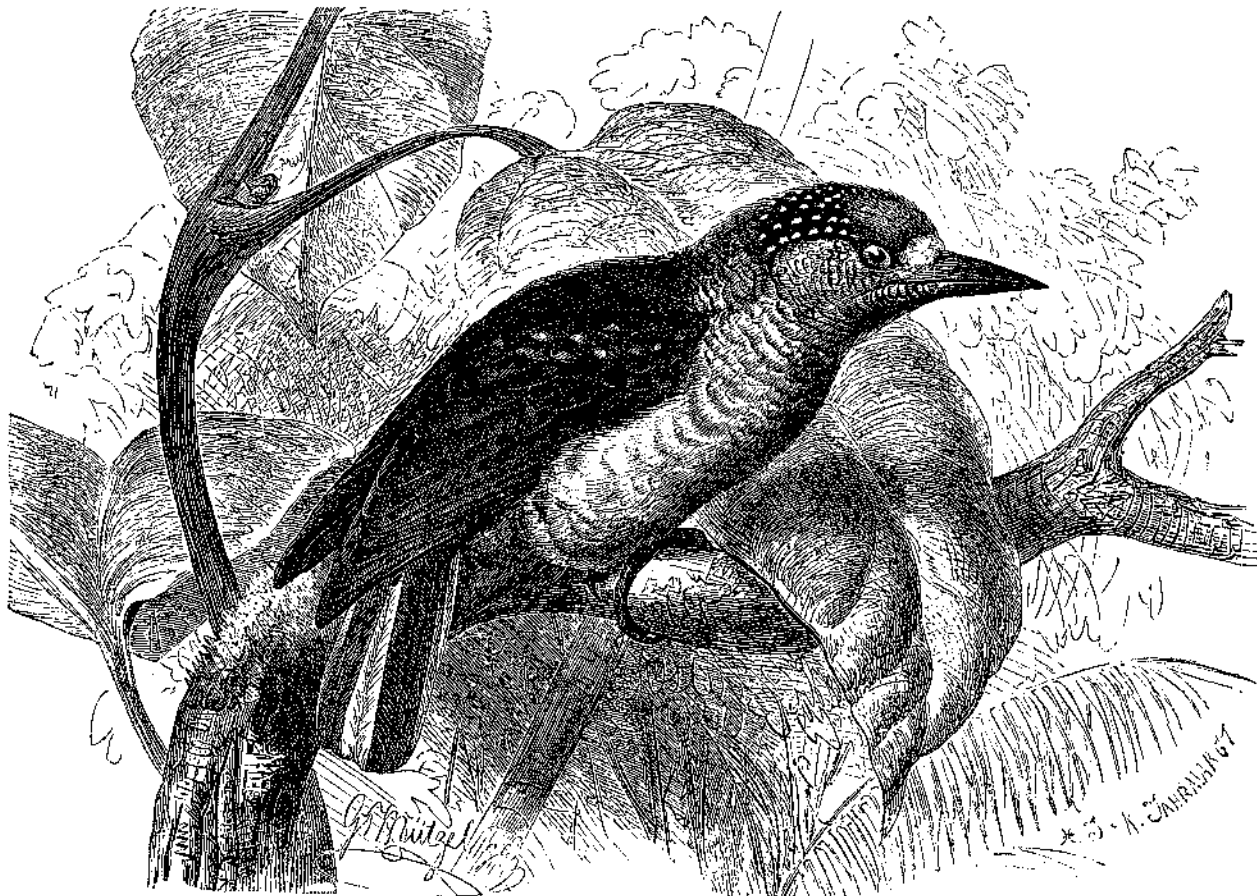
Пища малого пестрого дятла, по-видимому, состоит из одних насекомых, и в желудках этих птиц не находят ничего другого ни осенью, ни даже зимой. По наблюдениям Вальтера, на свободе они едят только личинок насекомых, червячков и другую мягкую животную пищу, пренебрегают мухами и жуками и даже теми муравьиными куколками, которыми были вскормлены птенцы. Поэтому они и являются необыкновенно полезными птицами. «Не только для лесных деревьев, — говорит Науман, — но и для плодовых присутствие этих птиц поистине благо. Их видишь постоянно клюющими на деревьях и сучках и почти всегда занятых едой, а при последующем исследовании их желудки бывают настолько переполнены всякого рода часто крошечными губителями деревьев, что невольно приходишь в изумление».

К счастью, малый пестрый дятел менее других дятлов подвергается преследованию, так как он не так заметен для невежественного человека или быстро скрывается от его взора, а те, кто его знают, и без того считают его за друга. Конечно, с другой стороны, доверчивость подвергает его различным опасностям. Точно так же его можно подманить раздражительными постукиваниями или долблением.

Само собой разумеется, что те же враги, которые опасны для остальных видов дятлов, преследуют и малых пестрых дятлов. Одни делают добычей врагов, другие же укрываются от них благодаря своей замечательной ловкости. Их беззаботная доверчивость часто служит причиной того, что они становятся жертвами неопытных, но жестоких стрелков. Однако нельзя сказать, чтобы количество их уменьшалось, так как, к счастью, зима реже доводит их до большой нужды, чем других дятлов, а гнезда их в большинстве случаев ускользают от взора собирателей птичьих яиц.

У **хохлатого дятелка** (*Picimmm cirrhatiis*) верхняя часть головы черная, с нежными белыми крапинками; остальной верх серо-бурый. Нижние части с поперечными полосами белого и черного цветов. Лоб и передняя часть темени у самцов красные, у самок с белыми пятнышками, как и остальное темя. Черно-бурые маховые перья оторочены желтоватым цветом, кроющие перья — светлой каймой. Рулевые перья хвоста черные, боковые имеют широкие белые полосы на наружных

опахалах, оба средних — такие же полосы на внутренних опахалах. Глаза серо-бурые; клюв у основания свинцового цвета, на спинке и конце черноватый. Ноги свинцово-серые. Длина достигает 9 см, размах крыльев 15, длина крыла 4,8, а хвоста 2,5 см.

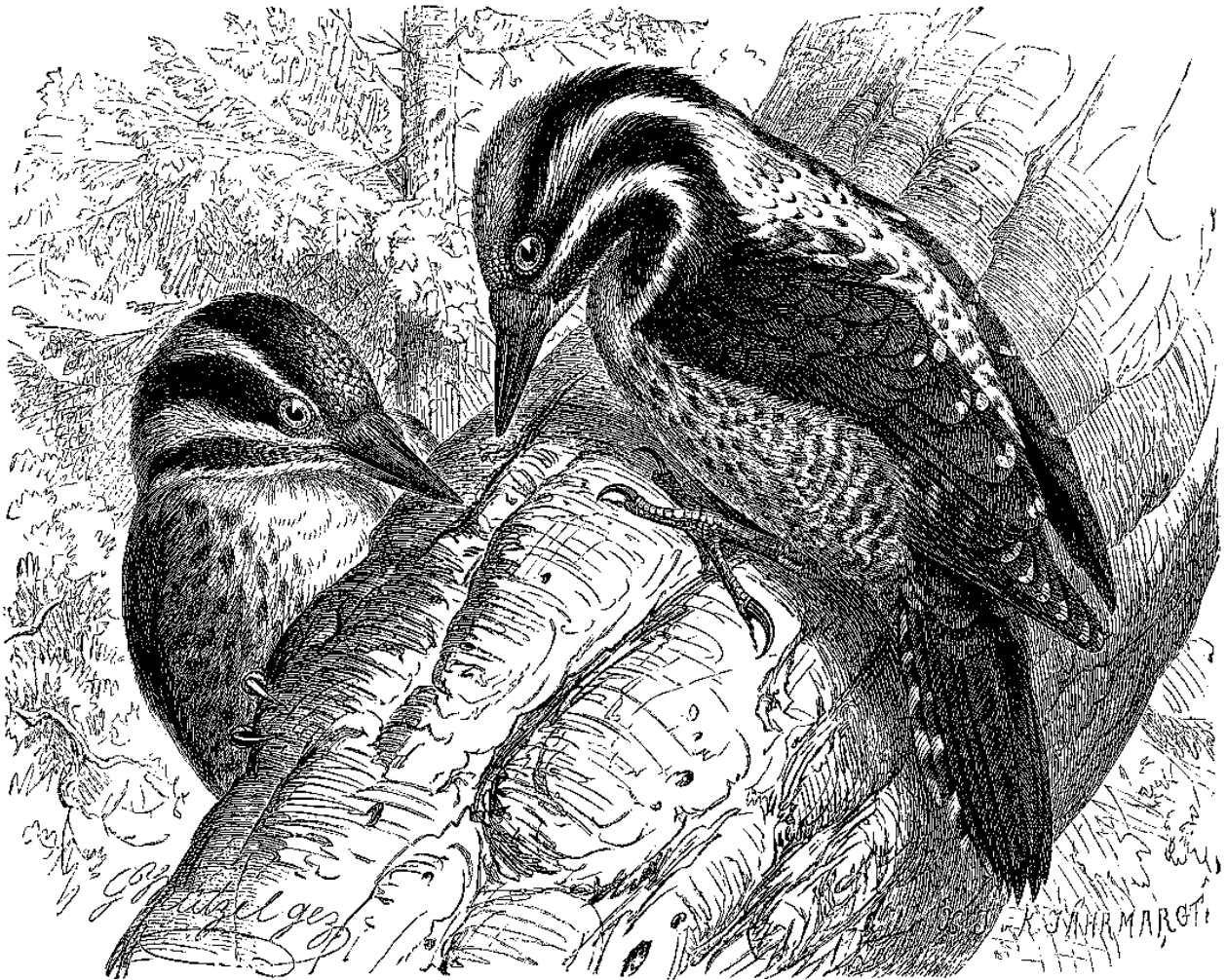

Хохлатый дятелок (*Picumma cirrhatus*)

Хохлатый дятелок встречается нередко во всех береговых лесах Гвианы и Парагвая и часто появляется вблизи селений. Летом он живет парами, в холодную пору небольшими обществами, кочующими на довольно большие расстояния. По словам принца фон Вид, по образу жизни карликовый дятел сходен с другими дятлами и в поисках насекомых и их личинок бегаёт вокруг стволов. Бурмейстер, напротив, утверждает, что их образ жизни совершенно похож на образ жизни корольков.

Особой группой, населяющей северные страны, являются трехпалые дятлы — пестрые дятлы с трехпалыми ногами, оба передних пальца которых немного короче заднего пальца **Трехпалый дятел** (*Picoides tridactylus*). Почти одинаковой величины с большим пестрым дятлом и имеет не столь яркое, но такое же пестрое оперение. Перышки, покрывающие переднюю часть головы около клюва, белые с черными кончиками; на остальной части головы перья белые с черными стволами, на темени — яркого лимонно-желтого цвета. У самки темя не желтое, а такое же, как передняя часть головы, т.е. белое с черными продольными полосками.

Область распространения трехпалого дятла заслуживает особого рассмотрения, так как в средней и южной Европе он встречается исключительно на самых высоких вершинах и на горах средней высоты, на севере же этой части света его можно встретить повсеместно, точно так же, как и в Азии, где он живет к востоку вплоть до Камчатки и Сахалина, к северу до границы лесов и к югу до Тянь-Шаня.

Трехпалый дятел (*Picoides tridactylus*)

Как настоящая горная птица, этот дятел спускается на низменности и равнины только в том случае, если климатические условия и флора имеют в них такой же характер, как в высоких гористых местностях, как это бывает, например в северных лесных областях на границе тундры. В пределах Германии он выводит птенцов только в Баварских Альпах; впрочем, многие наблюдения заставляют думать, что он или временами появляется в горах Силезии и Богемском лесу, или постоянно живет и размножается там, хотя и встречается очень редко. Достоверно известно, что трехпалый дятел обитает в Альпийских горах, начиная с Приморских Альп и до восточных их отрогов, в Карпатах где, по словам графа Водзицкого, он, как и на Камчатке, является самым распространенным из дятлов, в Трансильванских Альпах, на Кавказе и на всех Скандинавских горах, от южной оконечности полуострова и до 70 градуса северной широты. Он водится в северной России, на Урале и на всех горах, а также в лесах Азии в вышеуказанных пределах. По-видимому, он нигде не встречается в большом количестве, и каждая пара занимает довольно обширную область; впрочем, нужно заметить, что те леса, в которых он поселяется, очень трудно подвергнуть подробному исследованию.

Поведением и характером трехпалый дятел напоминает большого пестрого; по крайней мере, между теми представителями этих видов, которых я наблюдал в Лапландии и Сибири, мне не удалось найти никакой разницы. Трехпалый дятел такой же резвый, ловкий, смелый и неутомимый, своим полетом также напоминает большого пестрого дятла; голоса их очень сходны, но, по словам Гиртаннера, у трехпалого дятла тон голоса более низкий. Он барабанит подобно большому пестрому дятлу, так же жаден, и потому его тоже можно подманить, подражая его постукиванию по дереву; словом, эти дятлы сходны во всех отношениях.

Отряд воробьинообразные

К воробьинообразным относится более половины всех птиц. Вследствие громадного числа существующих видов и большого разнообразия их внешности очень трудно перечислить общие признаки птиц этого отряда. Размер их колеблется гораздо значительнее, чем птиц других отрядов (сравните, например, рост черного ворона и королька); не меньшее разнообразие признаков представляют нам строение их клюва и ног, крыльев и хвоста, оперение и окраска его.

Воробьинообразные распространены по всему земному шару и образуют значительную часть птичьей фауны всех широт и всех высот. Они живут в самых разнообразных климатах: в ледяных полях северных стран и высоких гор и в жарких низменностях тропических стран. Они обитают в лесах, на полях, в густых камышах болот и даже в пустынях с жалкой растительностью. Они одинаково хорошо себя чувствуют как в многолюдных городах, так и в безлюдных степях. Их можно встретить везде, где только есть малейшая возможность для существования. Даже на пустынных скалистых берегах Ледовитого океана они находят себе пристанище и пищу. Одни лишь хищные птицы имеют почти такую же обширную область распространения, как воробьиные, правда, сии последние встречаются в более многочисленных видах и экземплярах и потому гораздо заметнее. Только море не привлекает воробьиных: это дети суши. Они встречаются везде, где есть растительность. В лесах они более распространены, чем в безлесных странах; в тропиках они гораздо многочисленнее, чем в умеренном и холодном поясах. Однако и это правило для большинства из них относительное. Многие виды живут исключительно или почти исключительно на земле, во всяком случае большинство этих птиц не избегает поверхности земли. Очень немногие из воробьиных чуждаются близости человека. В основном же они, напротив, напрашиваются к нему в захребетники, доверчиво посещая его дома и дворы, сады и огороды. Ни одна из птиц этого отряда не стала бы избегать соседства с человеком, если бы люди не относились к ним иногда враждебно, прогоняя их или уничтожая места, удобные для их пребывания.

Способности воробьиных действительно замечательны, и душевные качества их так же совершенны, как и организация их тела. Не все воробьиные принадлежат к отличнейшим летунам, но некоторые из них могут поспорить в этом отношении с птицами других отрядов. А все-таки большинство из них летает лучше многих птиц. Почти все воробьиные передвигаются по земле легко и проворно, причем одни шагают, другие быстро семенят ногами, а третьи прыгают. Сквозь густые кусты эти птицы пробираются с проворством мыши. Они лазают, качаются, кувыркаются и выделывают разные другие фокусы на стволах, сучьях и ветвях деревьев. Большинство из них избегают воды, но некоторые с удовольствием бегают по дну не очень глубоких водоемов или пролетают через пенные воды водопадов.

Внешние чувства у воробьиных хорошо развиты. Выше всех стоит зрение; слух и осязание, по-видимому, также очень тонки. Присутствие вкуса отрицать нельзя, но большого значения он, вероятно, не имеет; обоняние заметно только у некоторых, так что оба этих чувства следует считать развитыми довольно слабо. Большинство воробьиных отличается понятливостью, живым характером. Тот, кто знает этих птиц, никак не может назвать их слабоумными, так как они ежедневно своими действиями доказывают обратное. Уже чудные песни этих птичек, которые нам так нравятся, прекрасно свидетельствуют об этом. Понятливость их обуславливается прекрасной памятью, которая замечается у большинства из них.

Понятно, что таким живым и страстным птичкам необходима постоянная деятельность. Они совершенно не способны к созерцательному бездействию: с раннего утра и до позднего вечера птички двигаются и занимаются своими делами без устали, причем упражняют все свои способности. Совершенно бездеятельными они остаются лишь во время сна. В другое время непременно чем-нибудь заняты, в крайнем случае тем, что чистят себе перышки. Значительную часть дня они посвящают отыскыванию пищи и почти столько же времени занимаются самым приятным для них и для нас делом — пением, в чем большинство из них большие мастера.

Многообразным способностям, которыми одарены воробьиные, соответствуют их образ жизни, поведение, питание, размножение и другие стороны их деятельности. Их образ жизни, привычки весьма разнообразны, как и их внешность. Большинство из них живут группами, поодиночке птиц можно встретить только случайно. В период насиживания они живут парами, а в прочее время собираются в стаи, которые иногда так возрастают в числе, что образуют несметные толпы.

Строго говоря, все воробьиные принадлежат к числу хищных птиц, хотя этот термин нельзя принимать в обычном его смысле. Большинство из них питаются, если не исключительно, то по преимуществу, другими животными: насекомыми, личинками и червями. А крупные виды этого отряда могут быть названы настоящими хищниками, которые не ограничиваются ловлей мелких животных и даже соперничают в этом отношении с соколами и совами, выказывая при этом ловкость, мужество и хитрость. Однако почти все птицы этого отряда, которые питаются другими животными, едят, кроме того, плоды, ягоды и зерна. Вместе с тем птицы, питающиеся зернами, никогда не отказываются при случае от ловли насекомых. Таким образом, правильнее будет назвать их всеядными птицами. Хотя немногие из них заслуживают это название, но между ними есть и такие, которые питаются всем съедобным и не затрудняются в выборе пищи.

Независимо от того, кормятся ли эти птицы растительной или животной пищей, с наступлением зимы они не улетают в теплые страны и в холодное время года находят себе пропитание.

Для большинства воробьиных время любви наступает весной, то есть в ту пору, когда у нас, в умеренном поясе, природа пробуждается от долгого зимнего сна, а в тропических странах наступает дождливый сезон. Среди этих птиц, однако, встречаются виды, которые мало внимания обращают на весну и высидывают детенышей даже в зимние морозы холодных стран и в жаркое сухое время года в тропиках. Большинство все-таки признают в весне самое лучшее время для гнездования и вывода детенышей. Гнезда они строят различными способами, и можно с уверенностью сказать, что к этому отряду принадлежат самые лучшие строители, настоящие мастера в искусстве постройки гнезд. Кладка состоит из 4-12, а иногда и больше яиц, чаще всего пестрых*. Оба родителя насиживают яйца и кормят птенцов. Часто летом происходит вторая, а иногда и третья кладка.

** У некоторых австралийских воробьиных птиц кладки состоят всего из одного яйца, в то же время некоторые виды синиц откладывают до 15—16 яиц. Наиболее обычная величина кладки воробьиных 4-6 яиц.*

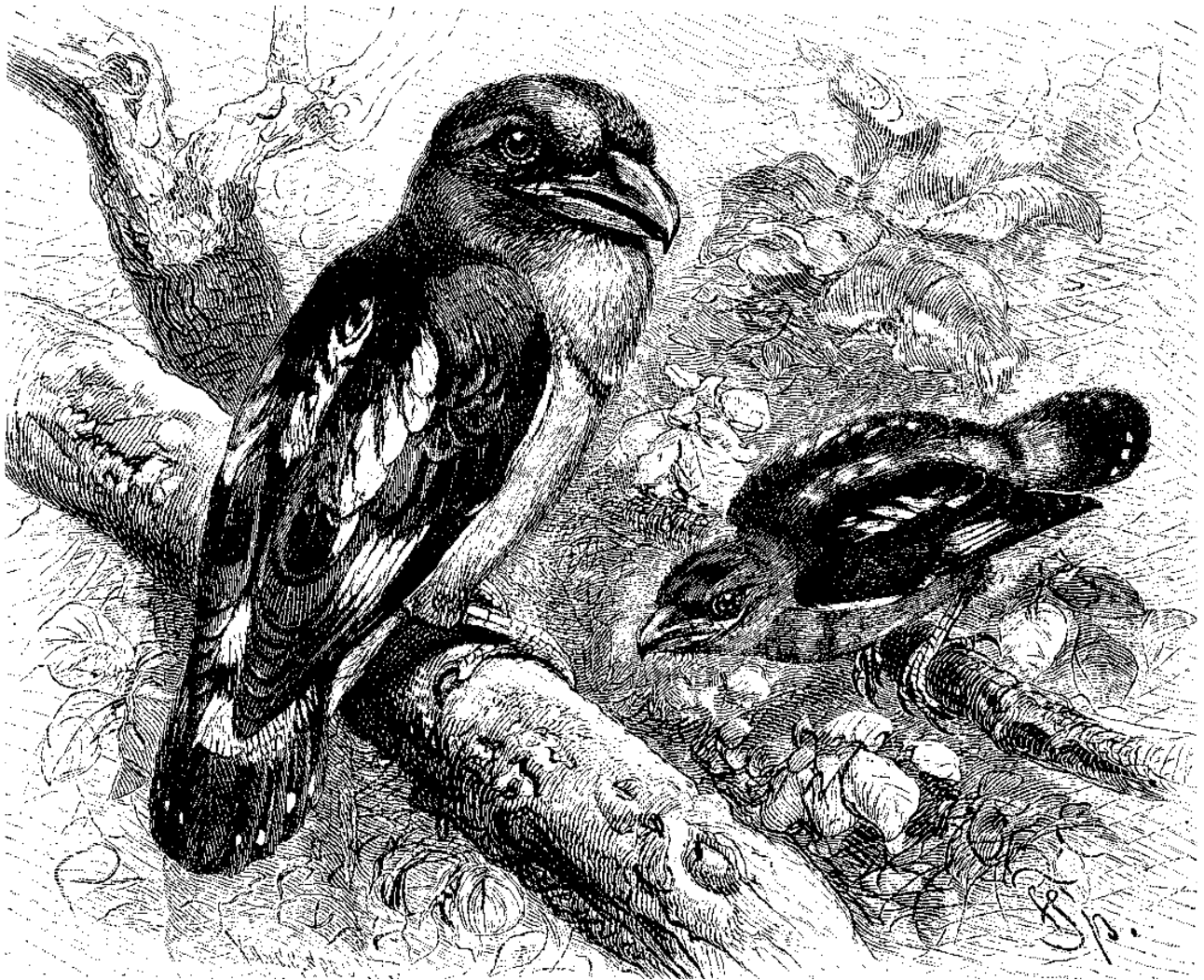
Воробьиных следует считать по преимуществу полезными птицами. Встречаются между ними, конечно, и такие, которые приносят нам более вреда, чем пользы, но их так мало, что вред от них в сравнении с пользой, приносимой большинством других птиц этого отряда, весьма незначителен. Воробьиные приносят пользу растительности тем, что уничтожают вредных насекомых, личинок, улиток и слизняков. Кроме того, своим чудным пением они так оживляют наши леса, рощи и сады, что весна действительно делается весной только при их содействии. Нам было бы неприятно лишиться этих певцов даже и в том случае, если бы они оказались вредны, но именно лучшие певцы приносят нам наибольшую пользу, а вредные птицы почти всегда и поют плохо.

Много воробьиных убивают для еды, но еще больше их ловят, чтобы держать в клетках как комнатных друзей человека. Именно птицы этого отряда в основном содержатся в клетках. Их по праву можно назвать домашними. Своим пением зимой они напоминают нам о весне. Сентиментальные особы часто сокрушаются и жалуются на несчастную судьбу бедных птичек, содержащихся в клетках, но забывают при этом, что певчие птицы, как и другие домашние животные, должны служить для пользы и удовольствия человеку. Странно, что никто не жалеет млекопитающего, которого воспитывают, откармливают, а затем режут и съедают. Между тем сокрушаются о птице, за которой хозяин ухаживает с особенной любовью и содержит в клетке в возможно лучших условиях, чтобы заставить ее забыть лишение свободы и получить от нее взамен удовольствие слушать ее чудные песни. Я полагаю, что из-за этих жалоб не следует изменять того, что уже вошло в обычай, и лишать себя удовольствия держать в клетках певчих птиц и за ними ухаживать. Тех же людей, которые не понимают радостей, доставляемых нашими пернатыми друзьями, следует только глубоко пожалеть.

Семейство рогоклювые, или ширококлювые

Родиной рогоклювов являются Индия и Малайские острова. Немногие известные нам виды населяют густые леса и, как кажется, предпочитают такие, которые лежат вдали от людских поселений.

Яванский рогоклюв (*Eurylaimus javanicus*). Оперение в основном сероватого винно-красного цвета, который на спине переходит в черный, окаймленный желтым. Верхняя часть головы и область горла из-за пепельно-серых кончиков перьев выглядят красновато-серыми, задняя часть шеи и затылок красного цвета, передняя часть шеи, грудь и остальные нижние части винно-красного. Узкая полоска на груди черная с ясным красноватым отливом. Шейные нижние перья, плечи и середина надхвостья черные. Наружные части опахала малых маховых перьев и внутренние части опахала средних спинных до самого корня, средние перья на конце надхвостья и края конечной части крыла, задние и нижние покровные перья крыла, а также узкие серповидные пятна наружных частей опахала малых маховых перьев яркого серно-желтого цвета.

Яванский рогоклюв (*Eurylaimus javanicus*)

Остальные части маховых перьев темного буровато-серого цвета. Рулевые перья черные. На внутреннем крае опахала всех перьев около кончика — узкое белое поперечное пятно. Оба средних рулевых пера не имеют таких пятен, которые на наружных перьях, напротив того, проходят по обеим сторонам опахала. Клюв черный и блестящий; верхний же и боковые его края серовато-белые; ноги желто-коричневые. Самцы от самок, кажется, не отличаются. Молодые птицы имеют на нижней стороне тела по серому фону бледно-желтые пятнышки в виде капель, на верхней же части концы перьев покрыты по черному полю неправильными пятнами и крапинами серно-желтого цвета. Длина птицы 22 см, длина крыла 12, а хвоста 7 см.

По словам Рэффлса, яванский рогоклюв живет преимущественно на берегах рек и прудов, питается насекомыми и червями. Гнездо висит на ветке над водой. Гельфер сообщает, что рогоклюв живет группами по 30-40 птиц на самых высоких лесных деревьях и до того бесстрашен или глуп, что можно перестрелять одну за другой всех птиц стаи.

Семейство питтовые

Представителем этого семейства можно назвать **синекрылую питту** (*Pitta brachyura*). Спина, плечи и кроющие перья крыльев сине-зеленые. Удлиненные верхние покровные перья хвоста светло-голубые. Линия бровей, подбородок, грудь и бока шеи под ушами белые. Нижние части тела, за исключением ярко-красного пятна на нижней части брюшка и порошицы, буровато-желтые. Средняя полоска, проходящая по голове, и линия уздечки, проходящая через глаза, черные. Маховые перья черные с беловатым кончиком. Первые шесть больших маховых перьев также с белыми пятнышками. Малые маховые перья снаружи окаймлены сине-зеленым цветом. Рулевые перья черные, на конце темно-синие. Глаза орехового цвета, клюв черный, ноги красновато-желтые. Длина 18 см, длина крыла 11, хвоста 4 см.

Синекрылая питта распространена по всей Индии и Цейлону, встречается часто*.

* В настоящее время на большей части территории Индии и Цейлона этот вид истреблен. Он сохранился кое-где на севере Индии.

Все питты предпочитают те части леса, которые густо заросли кустарником; некоторые из них поселяются на каменистых скатах гор, скудно покрытых низким тернистым кустарником. Большинство живет в девственных лесах Зондских островов, которые для европейца могут считаться недоступными. Эти места делают в высшей степени затруднительными не только охоту за ними, но и наблюдения.

Их движения, говорят, очень изящны. Уоллес сообщает, что «питты, по-видимому, никогда не спешат, но это, вероятно, обозначает только то, что они редко летают. Они скачут большими прыжками по земле, при случае садятся на пень или куст, и только, когда их настойчиво преследуют, они перелетают на большие расстояния по прямому направлению и бесшумно». Бернштейн замечает, что в своем поведении они обнаруживают отдаленное сходство с каменным дроздом, двигаются по земле большими прыжками и каждый раз, когда на мгновение останавливаются, шевелят коротеньким приподнятым хвостиком. Они охотно садятся на различные выступы, камни и т. п., чтобы с них лучше высматривать насекомых, которых они нередко преследуют, делая несколько прыжков. Жердон называет их плохими летунами и считает возможным, что ураганы относят этих птиц в страны, в которых они обыкновенно не встречаются.

Сиieкрылая питта (*Pitta brachyura*)

Обычно питта живет в одиночку, но случается, как исключение, что они соединяются по несколько штук. Жердон видел вместе 34 птицы. Крик их, который, впрочем, слышится редко, так странен, что его легко можно отличить от голоса любой другой птицы. «Он состоит, — говорит Уоллес, — из двух свистящих тонов, одного короткого и другого длинного, следующего непосредственно за первым. Когда эти птицы чувствуют себя в полной безопасности, они повторяют свой крик в течение 1—2 минут».

Пищу питт составляют различные виды насекомых, а именно жуки и сетчатокрылые, черви и т.п. Предполагалось, что муравьи составляют главную пищу питт, но Уоллес говорит, что он никогда не находил этих насекомых в желудках убитых им экземпляров, а также не видел этих птиц, охотящимися за муравьями. Гульд находит возможным, что австралийские виды наряду с насекомыми едят также ягоды и плоды, но не мог сделать точных наблюдений на этот счет. Питты напоминают дроздов тем, что собирают пищу только с земли, а оляпок — тем, что они часто, погрузив ноги до пяток, ходят по воде и здесь занимаются охотой.

Все виды, о размножении которых имеются сведения, строят свое незатейливое гнездо, состоящее из тонких сучьев и слабо сплоченных стебельков, на земле или непосредственно над ее поверхностью.

Высиживают ли оба пола, или предается этому занятию одна самка, в наше время еще неизвестно. Но мы хорошо знаем, что оба родителя необыкновенно любят своих птенцов и при приближающейся опасности стараются отвлечь внимание врага от них общеизвестным притворством.

Ходжсон говорит, что вид, встречающийся в Непале*, очень легко поймать. Штранге уверяет, что австралийский вид можно приманить очень близко, к самому стволу ружья, передразниванием крика этой птицы. На островах Ару папуасские мальчики, живо проползая между кустами и ловко пользуясь своими маленькими луками, с большим успехом занимаются охотой на живущих там питт. Опытный охотник, говорит Уоллес, замечает появление питты сначала по шороху листьев, потом видит, как мелькнет птица, если она при своих легких движениях освещена выгодным образом. Если он неосторожно повернется, то блеск в виде молнии показывает ему, что его дичь улетела в безопасное место.

* Это непальская питта (*Pitta nivalensis*).

Сай (*Arbelorhina cyanea*) отличается саблевидно согнутым клювом, по длине равным голове птицы. Сай великолепного блестяще-голубого цвета; темя отликает сине-зеленым; спина, крылья и хвост, как и полоса, проходящая через глаза, черные; маховые перья окаймлены желтым. Глаза серовато-карие, клюв черный и ноги ярко-оранжево-красные. У самки верхняя сторона зеленая, как у чижа, снизу бледно-зеленая; шея беловатая. Длина птицы достигает 12 см, длина крыла 6, а хвоста 3 см.

Распространена на большей части Южной Америки от восточной Бразилии до Кайенны, попадает также на острове Куба. «Из всех мест, мной посещенных, — говорит принц фон Вид, — сай нигде не встречается так часто, как в провинции Эспириту-Санту. Во время размножения мы находили их парами, а вне его они собирались в небольшие стаи по 6-8 штук и весело летали по верхушкам деревьев. В их желудках попадались больше всего остатки плодов и насекомых. Громкого звука и хорошего пения мы от них не слышали: они, говорят, издают лишь довольно тихое чирканье. Их призывный голос есть часто и быстро повторяемый короткий звук. Они вроде наших синиц весело порхают и прыгают с ветки на ветку, постоянно в движении и долго на одном и том же месте не держатся. Очень часто соединяются с другими маленькими птицами, например с танаграми. Когда созреют сочные плоды, то они усердно поедают их». Шомбургк в главных чертах подтверждает эти сообщения принца. Никак не дополняя их, он упоминает в описании своего путешествия лишь то, что родственный вид последних убивают дикари, делающие из их блестящих перьев себе украшения.

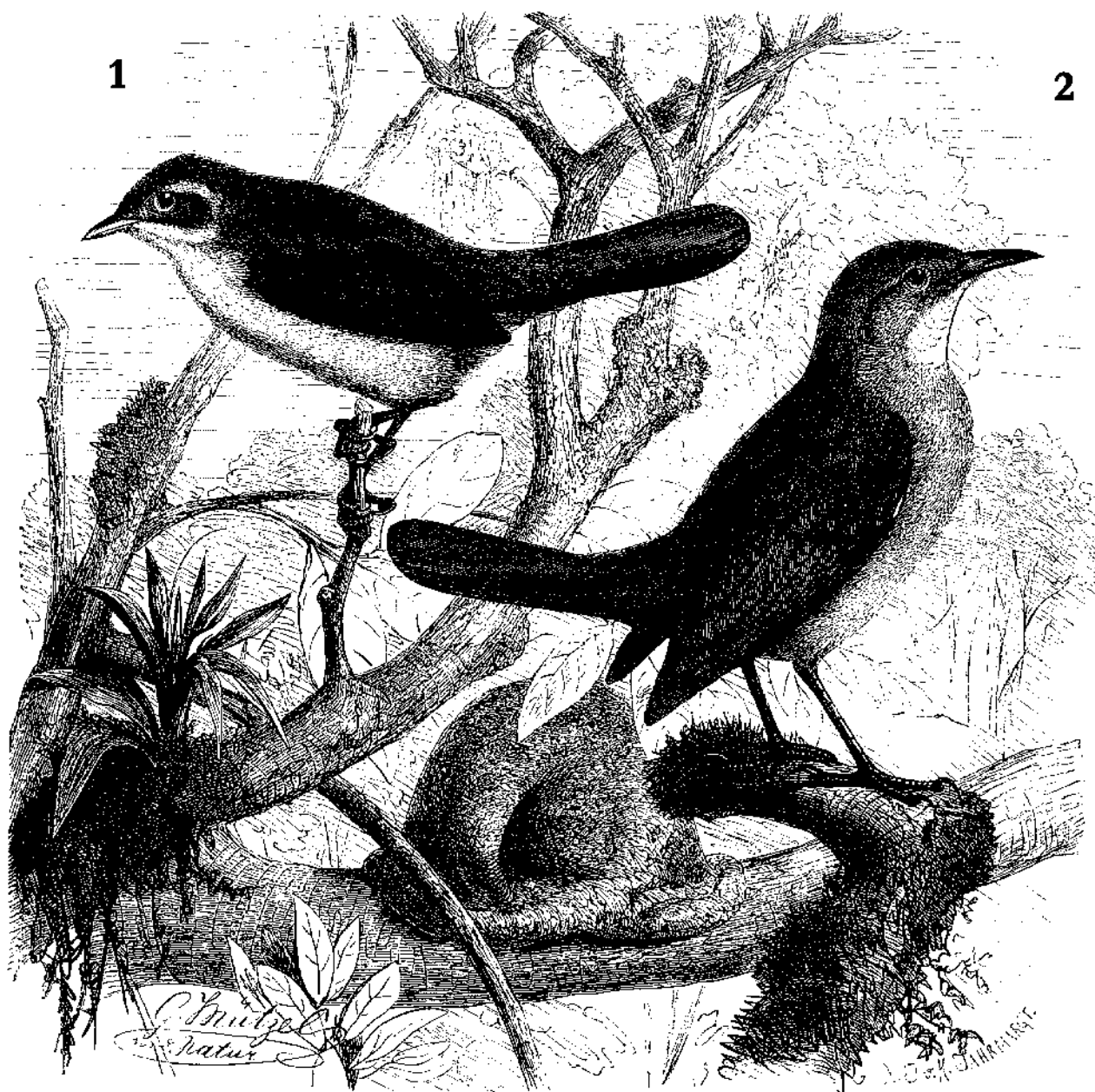
Семейство печниковые

"Если перейти, — говорит Бурмейстер, — высокие горные цепи Бразилии, отделяющие богатые лесом береговые области от внутренних травяных пампасов и спуститься в холмистую долину Рио-Веллас, то по дороге всюду встречаешь на высоких деревьях, одиноко стоящих около жилищ колонистов, большие дынеобразные глиняные комы. Они стоят на горизонтальных ветвях толщиной в руку и имеют по сторонам и сверху правильные своды. На первый взгляд, эти глиняные комы кажутся в высшей степени странными. Их можно сначала принять за гнезда термитов. Однако величина и поразительная гладкость говорят против этого предположения. Гнезда термитов имеют очень неровную поверхность, они никогда не строятся на одной ветви, а наоборот, осторожно прислонены к развилине, образованной ветвями. Но как только убедишься в правильной форме этих глиняных комов, то скоро можно определить и их назначение. Нельзя не заметить большой яйцеобразный леток, и если внимательно всмотреться, то можно иногда разглядеть влетающую и вылетающую из него маленькую красно-желтую птичку и таким образом догадаться, что эта удивительная постройка — птичье гнездо. Так оно и есть на самом деле, это гнездо печника, которого каждый минейро (рудокоп) знает под именем «глиняного Ваньки» (*Joao de barro*) и на которого смотрит с особенным доброжелательством».

Рыжий печник (*Furnarius rufus*) окрашен сверху в ржавый буро-красный цвет. На голове и на шейных нижних перьях цвет тусклее. Крылья сверху бурые, снизу светлее. Середина горла белая. От глаз назад идет яркая ржаво-желтая полоса. Маховые перья серые, большие маховые перья у основания на некотором пространстве имеют бледно-желтую кайму. Рулевые перья ржавого желто-красного цвета. Глаза желто-бурые; клюв бурый; нижняя челюсть у основания беловатая; ноги бурые. Длина печника 19 см, размах крыльев 27, длина крыла 10, а хвоста 7 см.

По свидетельству д'Орбиньи, рыжий печник живет приблизительно так, как наши дрозды: лазает по ветвям и прыгает по земле. На ветвях он очень оживлен и весел, и его удивительный голос раздается часто. Его встречают обыкновенно парами, которые живут большей частью особняком, но иногда случается, что самец или самка присоединяются на некоторое время к другим птицам. Тогда, говорит д'Орбиньи, очень смешно бывает смотреть на самца, который осторожно приближается к своим соперникам, но драться с ними, однако, не осмеливается. Пища печников состоит из насекомых и семян. По словам же Бурмейстера, только из насекомых, которых они поднимают с земли, так как никто не видел печника, гонящегося за ними по веткам или преследующего летящих насекомых. По земле печник передвигается очень проворно, большими скачками. Полет же вследствие коротких крыльев не скорый и никогда не бывает продолжителен.

Голос, по всей вероятности, замечателен, так как все писатели упоминают о нем, одни с похвалой, другие менее благосклонно. «Его громкий, далеко слышный голос, — говорит Бурмейстер, — звонок и резок. Обыкновенно кричат обе птицы, сидя где-нибудь на доме или дереве, но с различной интонацией: самец кричит чаще, самка значительно тише и терцией ниже. Этот способ пения поразителен. Когда слышишь его в первый раз, то приятным не назовешь, в особенности если птицы перебивают ваш разговор. В саду моего друга Лунда это случалось ежедневно со мной. И часто, когда птицы начинали свой крик, мой гостеприимный хозяин говорил мне: «Дайте сначала им накричаться, они все равно не дадут нам сказать ни слова».

1 — Рыжелобая кустарниковая мягкохвостка (*Phacellodomus rufifrons*) 2 — Рыжий печник (*Fitrnarius rufus*)

Рыжий печник считается у бразильцев священной, истинно христианской птицей, потому что, как утверждают, по воскресеньям он не строит гнезда и отверстие всегда обращает на восток. «То, что последнее показание неверно, — говорит Бурмейстер, — я скоро заметил сам и убедил в этом многих туземцев, которых для этого созвал на совет. Поверье же, будто бы эта птица не работает по воскресеньям, имеет, конечно, основание, ведь она строит гнезда очень быстро. Если печник начал гнездо не в само воскресенье, то оно бывает готово раньше, чем наступит следующее».

"Сама постройка гнезда такой маленькой птичкой, — продолжает он, — работа, действительно достойная удивления. Место, куда она его прикрепляет, обычно горизонтальное. Иногда это немного наклонная часть древесной ветки толщиной 8 см или более. Очень редко находят гнезда на других местах: крышах, высоких балках, крестах церквей и т.д. Самец и самка строят его вместе. Сначала они кладут горизонтальное основание из глины, которая в большом количестве водится в деревнях, на дорогах и превращается в дорожную грязь после первых проливных дождей, совпадающих со временем постройки гнезда. Птицы делают из нее шаровидные комочки величиной с ружейную пулю, носят их на дерево и там расправляют клювом и ногами. Обыкновенно в глине попадают и растительные вещества. Когда основание достигло 20-22 см в ширину, парочка начинает возводить стенку, которая напоминает собой согнутую дугу. После того, как стенка готова, птицы дают ей просохнуть, а затем продолжают постройку тем же порядком, соединяя обе стороны в виде свода. В одной из боковых стенок остается круглое отверстие, которое сначала имеет вид круга. Позднее оно замазывается с одной стороны так, что превращается в полукруг. Это — леток, продольное отверстие которого составляет 7-10 см в высоту и 5 см в ширину. Летка другой формы я не видел.

Отверстие всегда находится, если стоять прямо перед гнездом, на левой половине передней поверхности. Внутренний край отверстия прямой и отвесный, наружный дугообразно вырезан. Готовое гнездо похоже на маленькую русскую печь 15-18 см высотой, 20-22 см шириной и 10-12 см глубиной. Его глиняная стена бывает толщиной от 2,5 до 4 см, следовательно, внутреннее углубление включает в себе пространство, высота которого 10-12 см, длина 12-15 см и ширина 7-10 см. (Одно почти готовое гнездо, которое я взял с собой, весило 4,5 кг.) В этом углублении птица устраивает себе настоящий дом, вставляя внутрь от прямого края отверстия отвесную неполную перегородку, от которой поперек дна гнезда идет маленький порог. Это место для высиживания птенцов. Оно тщательно выкладывается вокруг сухими стебельками травы, вплетенными в них перьями, пучками хлопка и т.д. Теперь жилище рыжего печника готово. Птичка кладет туда 2-4 белых яйца, и обе птицы высиживают и кормят своих птенцов. Первое гнездо устраивается в конце августа; высиживание совпадает с началом сентября. Вторая кладка происходит еще позднее в том же году».

В Южной Америке наших синиц и пищух напоминают древолазы. Большинство видов этого подсемейства телосложения стройного, короткокрылые и длиннохвостые. Клюв величиной почти с голову, довольно толстый, прямой или согнутый; ноги средней высоты с короткими пальцами, вооруженными короткими, мало изогнутыми когтями. Хвост состоит из двенадцати сильно ступенчатых перьев.

Все древолазы принадлежат к континентальным птицам Южной Америки. Они живут исключительно в лесах и только время от времени выходят на открытые местности. Весьма живо и проворно пролезают они через темные низкие кустарники, вспрыгивают на ветки и ходят по ним, как наши синицы, или привешиваются снизу, но никогда не лазают по стволам вверх и вниз, подобно дятлам и пищухам. У одних видов громкий голос, другие издают короткий, довольно тихий призывный звук. Все без исключения охотятся за насекомыми почти таким же образом, как и наши синицы. Многие вьют висящие и закрытые сверху гнезда.

Один из самых известных видов — **дятловый древолаз** (*Dendrocincla anabatina*, или *firiiginosa*). Отличительные признаки его заключаются в коротком, сильно сжатом, довольно прямом, лишь на конце слабо загнутом клюве, в высоких ногах с толстой плюсной, округленных крыльях и хвосте, состоящем из узких мягких, на конце широких и закругленных перьев. Оперение верхней части тела светлой коричневато-оливково-серой окраски, нижней — бледного коричневатого цвета. Лоб темного ржаво-бурого цвета, полоса над глазами белая, маховые перья серо-бурые с бледно-красным оттенком на передней бороздке пера. Глаза пепельно-серые; клюв сверху темного серо-бурого, снизу беловато-серого рогового цвета; ноги голубоватого рогового цвета. Длина птицы 17 см, длина крыла 6, хвоста 7 см.

"Гнездо дятлового древолаза я находил в середине февраля и постоянно на низких, тонких боковых ветках деревьев средней высоты. Это гнездо образует продолговатый большой веник из

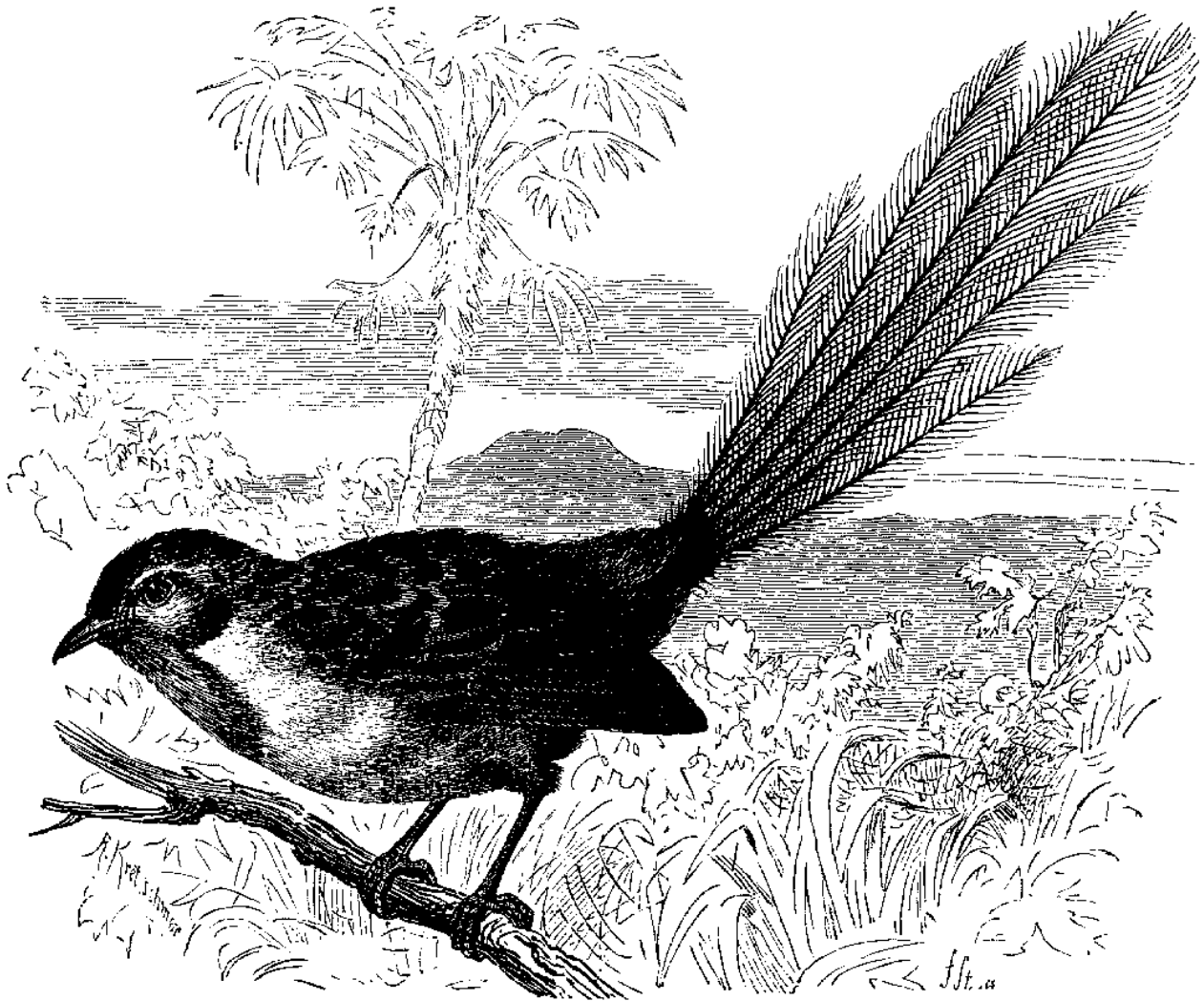
короткого хвороста, большей частью толщиной в полпалыда, который различным образом переплетен между собой и навален друг на друга. Кончики прутьев неаккуратно торчат во все стороны, так, что к гнезду, которое иногда бывает в один метр и длиннее, очень трудно прикоснуться. Весь хворост скреплен разнообразными тонкими растениями. Около дна сделан маленький круглый вход; настоящее же гнездо из мха, шерсти, ниток, лыка и сухих трав свито в наружном большом пучке хвороста. Если его разорвать, то найдешь в нем маленькое, закрытое сверху гнездышко, где птице очень тепло и мягко и где она чувствует себя в безопасности. Птица ежегодно увеличивает свое гнездо, пристраивая во время гнездования к прошлогодним ветвям новый пучок хвороста, в котором она вьет еще одно маленькое гнездышко. Эта странная постройка большей частью так тяжела, что человек едва может держать ее на весу. Если раскрыть эту удивительную постройку, то сверху всегда найдешь новое гнездо, а под ним целый ряд старых построек, в которых часто живут самцы».

Свайнсон, впервые описавший это гнездо, уверяет, что оно придает пейзажу тех мест особый характер. Кладка состоит из четырех кругловатых чисто белых яиц.

Семейство малюры, или австралийские славки

Краснолобый мягкохвостый малюр (*Stipiturus malachurns*) отличается своеобразным строением хвоста, состоящего только из 6 рулевых перьев с расщепленными бородками, которые у самца чрезвычайно развиты. Верхняя часть тела коричневая, с черными долевыми полосами. Верхушка головы ржаво-красная, горло бледно-серое. Нижняя часть тела ярко-красная. Маховые перья темно-бурые с красно-бурой каймой. Рулевые перья темно-бурые. Глаза красновато-бурые, клюв и ноги коричневые. У самки по темени проходят темные полосы, горловая область красная, а не серая. Длина тела 17 см, длина крыла 6, а хвоста 9 см.

Жизнь этой птицы, хорошо известной жителям Австралии, довольно обстоятельно описана Гульдом и Рамзаем. Мягкохвостый малюр обитает в болотистых местностях южной Австралии, от Моретонского залива на восточном берегу до Лебяжьей реки на западном берегу, и в Тасмании. Всюду, где он водится, его можно встретить в большом количестве. Он живет обыкновенно парами или небольшими семьями, всегда у самой земли, среди густых пучков травы, в которой умеет так хорошо спрятаться, что его не сразу заметишь. Его короткие круглые крылья совсем не приспособлены для летания, а когда трава мокра от росы и дождя, то он и вовсе не может употребить их в дело.

Краснолобый мягкохвостый малюп (*Stipiturus malachwus*)

Поэтому птица эта почти никогда не летает, а возлагает всю надежду на быстроту своих ног. Чрезвычайно проворная и подвижная, прыткая и ловкая в своих движениях, она так же стремительно носится по земле, как порхает и прыгает между стебелькам и травы.

Необыкновенная легкость, с какой она извивается и поворачивается на бегу, делает тщетным почти всякое преследование. Когда погоня бывает уже слишком близка, она мгновенно исчезает благодаря своему умению прятаться. Летает только в случае крайней необходимости; если попробовать ее вспугнуть, она немного пролетит над самыми верхушками трав и потом вдруг бросается с высоты вниз. Иногда она садится на верхушку стебелька, чтобы оттуда обозреть свое местожительство. Сидя спокойно, птица поднимает хвост кверху, а при случае даже загибает его на спину вперед, но при беге она держит его горизонтально. В пору любви самец издает короткое, но приятное щебетанье; призывный звук его — тихое чириканье.

Рамзай однажды в конце сентября, после долгих и тщательных наблюдений за этой весьма обыкновенной в той местности птичкой, нашел совершенно случайно гнездо мягкохвостого малюра. Оно было чрезвычайно искусно спрятано в кустике травы и имело яйцевидную форму. Входное отверстие было так велико, а углубление так незначительно, что яйца, при сильном движении, должны были неминуемо выкатиться из него. Оно состояло снаружи из корешков, внутри из тонких стеблей и обложено было слоем мха. Свито было оно редко, даже непрочное. Лежащие в нем три яичка были густо покрыты по чисто белому фону мелкими ярко-красными точками, которые особенно сгущались к толстому концу. Самка сидела очень усердно и, вспугнутая с места, тотчас возвращалась обратно.

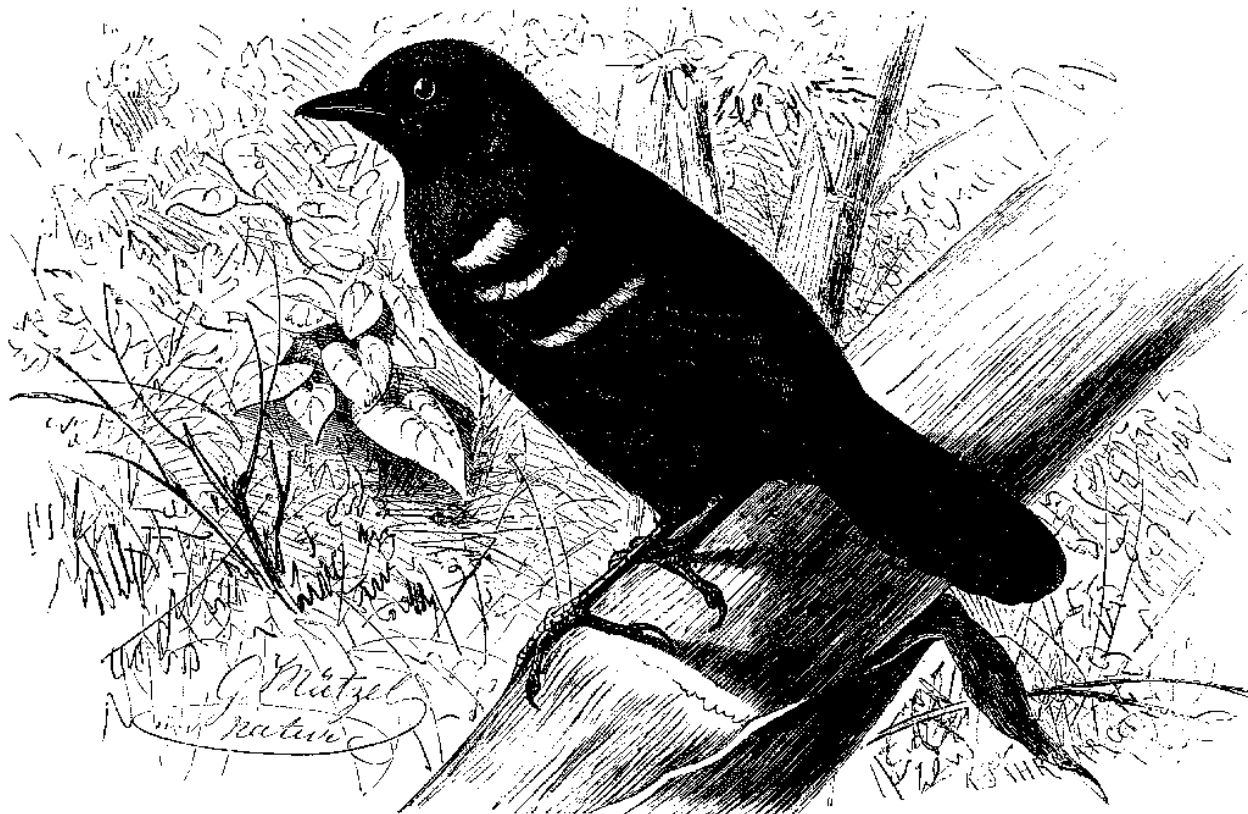
Семейство муравьеловковые

Муравьеловки населяют Южную Америку. Они напоминают как наших дроздов, так и славок, и сорокопутов. Отличительным признаком для всех видов, по словам принца фон Вида, является то, что ноги их развиты в ущерб крыльям.

Главную пищу муравьеловок составляют насекомые, но некоторые не пренебрегают даже растительными веществами. Насекомых они собирают преимущественно с земли, переворачивая

клювом опавшие листья; иные же птицы для скорости разгребают их, подобно курам, ногами. Они любят муравьев, хотя нельзя сказать, чтобы это была их основная пища.

Одна из самых известных — **муравьеловка огнеглазая** (*Pyrig/ena leucoptera*), имеет прямой, довольно толстый, почти конусовидный клюв, с крючковатым концом, перед которым находится неглубокая выемка; высокие, толстые ноги; широкие, но не очень длинные пальцы, которые снабжены довольно короткими, тонкими, изогнутыми когтями; средней длины крылья и довольно длинный закругленный хвост. У самцов огнеглазых муравьеловок клюв, ноги и большая часть оперения черные, кроющие перья крыльев около крылышка белые, а большие кроющие перья окаймлены белым. Глаза, судя по названию птицы, темного огненно-красного цвета. Самка оливково-бурая, на горле и на затылке бледно-желтая. Длина птицы 18 см, размах крыльев 23, длина крыла 8, длина хвоста 7 см.

Муравьеловка огнеглазая (*Pyriglena leucoptera*)

Огнеглазая муравьеловка часто встречается в лесах Бразилии, она прячется в густых и темных кустарниках больших лесов. Ее огненно-красный глаз сильно отличается от черных, как уголь, перьев, и уже по одному этому птицу легко заметить. Голос напоминает свистящее щебетание.

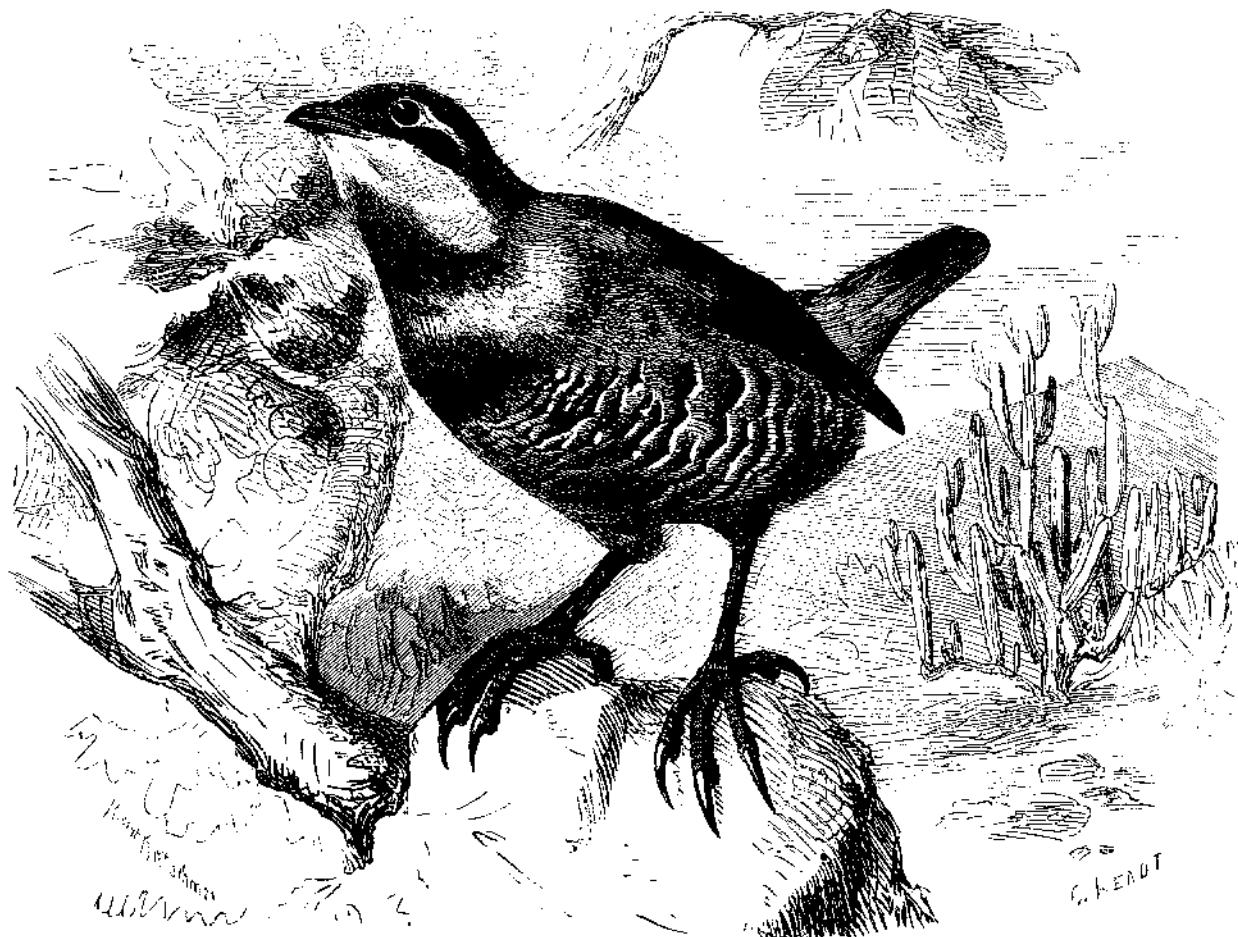
От Киттлица мы узнаем, что эта птица большая охотница до муравьев. «Я встретил в чаще леса, рассказывает он, огромное количество больших черных муравьев, которые как раз в это время трудились вокруг обломка бамбукового ствола. А тем временем самцы и самки огнеглазых муравьеловок хватили их с большой жадностью и быстротой. Несмотря на пугливость, которые эти птицы обыкновенно выказывают, и быстроту, с которой они умеют скрыться от выстрела, их страсть к муравьям была настолько велика, что даже выстрелы пугали их только на мгновение. Поразительнее всего было то, что я нашел в желудке убитых птиц почти исключительно остатки кузнечиков и других прямокрылых. Поэтому муравьи, по всей вероятности, составляют для этих птиц скорее лакомство, нежели настоящую пищу». Другие натуралисты также утверждают, что около муравьев охота на этих обычно столь осторожных птиц чрезвычайно легка. Гораздо труднее вытащить убитую птицу из середины многочисленного скопления муравьев, не подвергая себя укусам озлобленных насекомых.

Семейство тапаколовые

Турко (*Pterotochos megarodius*). Его оперение на верхней части тела темное оливково-бурое, на надхвостье же красно-бурое. Полоса на висках, подбородке и нижняя область щек белые, уздечка и ушная область темно-коричневые. Нижняя часть тела оливкового ржаво-коричневого цвета. Стороны брюшка и бедер разрисованы узкими черноватыми и широкими белыми поперечными полосами, нижние покровные перья хвоста бледно-бурыми, грудь и середина брюшка по белова-

тому фону — узкими темно-бурыми поперечными полосами. Маховые перья снаружи имеют ржаво-коричневые каемки, хвостовые перья темно-коричневые. Глаза темно-карие, клюв черно-бурый, ноги также черно-бурого цвета. Длина тела приблизительно 27 см, длина крыла 10, хвоста 9 см.

Образ жизни этой птицы требует еще тщательного расследования. «Хотя эта замечательная птица живет обычно уединенно, — говорит Киттлиц про тюрко, найденного им вблизи Вальпарайзо, — однако она дает знать каждому естествоиспытателю о своем присутствии на косогорах, покрытых особым видом бамбука, трескучими и шипящими криками, издаваемыми один за другим через неравномерные промежутки времени. Крики эти, поначалу очень громкие, мало-помалу делаются тише. Тапаколо и его сородичи представляют собой удивительное зрелище, когда они внезапно выскакивают из чащи, помогая себе бежать короткими, неспособными к летанию крыльями, показываются на мгновение на каком-нибудь выступающем предмете у опушки чащи, достигнув его неожиданным, очень большим скачком. Делая такой же скачок, они вдруг снова исчезают». Дарвин сообщает о них несколько подробнее: «Между птицами Чили самые замечательные — это две трясогузки. Первая, называемая чилийцами тюрко, встречается часто. Она живет на земле, защищенная кустами, которыми покрыты сухие и голые холмы. Можно часто видеть, как эта птица, с ногами, похожими на ходули, и поднятым вверх хвостом, необыкновенно быстро и шумно пробегает от одного куста к другому. В самом деле, не надо иметь много фантазии, чтобы поверить, что эта птица как бы стыдится самое себя и знает о своем смешном виде. Когда видишь ее в первый раз, так и хочется воскликнуть: «Худо набитое птичье чучело убежало из музея и снова ожило!» Только в исключительных случаях она летает. Она ведь почти не бегает, а только прыгает. Разнообразные громкие звуки, которые издает тюрко, когда прячется в кустарнике, так же странны, как и вся ее внешность. Она вьет свое гнездо в глубокой норе под землей.

Тюрко (*Pteroptochos megapodius*)

Один родственник тюрко вид называется **птица лайка** (*Pteroptochos tarnii*), у туземцев — гид-гид. Это название очень подходит к птице, так как никто определенно не может различить, лает ли в лесу маленькая собачка или кричит птица. Иногда лай слышен совсем близко, но напрасны старания обнаружить виновника. Хотя при других обстоятельствах гид-гид без страха подходит к людям на близкое расстояние.

Оба вида вьют свои гнезда на земле под гниющими ветвями. Почва там чрезвычайно сыра, по этой причине они и не вырывают ям.

Семейство тиранновые

Каролинский тиранн (*Tyrannus tyrannus*) причисляется к видам средней величины этого семейства. Длина его 21 см, размах крыльев 36, длина крыла 12, длина хвоста 9 см. У него мягкое и блестящее оперение, удлиняющееся на голове наподобие хохолка. Сверху оно темно-серое, на голове более темное, снизу серовато-белое, на груди с пепельно-серым налетом. Узкие перышки хохолка великолепного огненно-красного цвета, окаймлены желтой полоской. Шея и горло белые. Маховые и рулевые перья буровато-черные, последние к концу темнее и, как и кроющие перья крыльев, на конце белые. Глаза темно-бурые, клюв черный, ноги серовато-голубые. У самки оперение тусклее и темнее.

"Каролинский тиранн, — рассказывает Одюбон, — один из самых привлекательных летних гостей Соединенных Штатов. Он появляется в Луизиане приблизительно в середине марта. Многие птицы остаются там до середины сентября, но большинство улетают на север страны. Первые дни после прилета он кажется утомленным и скучным. Но как только к нему возвращается его необыкновенная живость, то его пронзительный переливающийся голос слышен повсюду. Он редко живет внутри леса, предпочитает больше поля, берега рек и фруктовые сады, окружающие дома плантаторов. Здесь его удобнее всего наблюдать».

Когда приближается время высиживания детенышей, полет этих птиц изменяется. Супруги тогда летают на высоте 20-30 м над землей, сильно трепещут крыльями, при этом они безостановочно издают громкий крик. Самка следует за самцом, и оба, по-видимому, высматривают место для гнезда. Между тем они обращают внимание и на насекомых, сворачивают за ними со своей дороги то в одну сторону, то в другую и искусно, с размаху, схватывают высмотренных мух или бабочек. Утомившись, обе птицы садятся рядом на ветку, чтобы отдохнуть. Когда место гнездования найдено, счастливая парочка отыскивает на земле сухие ветки, поднимается с ними до горизонтального сука и устраивает на нем основание колыбели для своих птенцов. Туда складываются клочья хлопка, пакля, шерсть и другие подобные материалы, которые придают гнезду подобающую прочность. Внутренние стены выкладываются довольно плотно тонкими корешками и конскими волосами.

В готовое гнездо самка кладет 4-6 яиц длиной около 25 мм и толщиной 19 мм, с неправильными коричневыми крапинками по красновато-белому полю, и начинает насиживать. Самец же в это время сидит на ветке около своей любимой подруги и, по-видимому, не имеет другой мысли, как только защищать и оберегать ее от всякой опасности. Приподнятые перья на его голове и белая грудь блестят под лучами солнца. Так сидит он на своем посту и прилежно смотрит по сторонам. Если заметит ворону, коршуна или орла, то внезапно взлетает, приближается к этому, без сомнения, довольно опасному противнику и с яростью нападает на него, издавая воинственный крик. Он бросается на противника сверху, падает несколько раз подряд ему на спину и старается вцепиться в нее. Таким образом следует он за менее ловким врагом, постоянно оглушая его ударами клюва, на расстояние почти один километр до тех пор, пока не считает свою обязанность оконченной. Тогда каролинский тиранн оставляет его и спешит обратно к гнезду, трепещет по обыкновению крыльями и издавая трели. Только немногие соколы приближаются к месту его гнездования. Даже кошка не рискует тревожить эту птицу.

Если она и в самом деле появится, то маленький воитель, как храбрый орел, бесстрашно бросится на нее и буквально ошеломит ее постоянными нападениями со всех сторон, так что перепуганная кошка обратится в бегство и со срамом отправится восвояси.

1 — Каролинский тиранн (*Tyrannis tyrannus*) 2- Большой кискад, или бентеви (*Pitangus sulphuratus*)

Там, где много клеверных полей, можно часто видеть Каролинского тиранна, который парит над ними, затем опускается между цветами, снова поднимается и схватывает испуганное насекомое. Иногда он изменяет этот способ охоты, летая то туда, то сюда странными зигзагами, поворачиваясь то вверх, то вниз, как будто намеченная им добыча прилагает все искусство летания, чтобы избавиться от него. К августу птица становится молчаливой. Прилетает на поля и луга и высматривает там, сидя на высоком месте, насекомых, за которыми гоняется уже без всяких проделок. С пойманной добычей птица возвращается на тот же или подобный пост, умерщвляет ее и пожирает. В это же время она часто пролетает над большими потоками и озерами, преследуя насекомых. Подобно ласточке, скользит она над водой, чтобы напиться. В очень жаркую погоду птица окунается в волны, после чего садится на низкую прибрежную ветку и стряхивает воду со своего оперения.

Каролинский тиранн покидает Луизиану раньше других летних гостей. Во время перелета он поспешно стремится вперед, быстро взмахивая крыльями 6 или 7 раз подряд, а затем летит, не двигая крыльями, на протяжении нескольких метров. В начале сентября Одюбон видел стаи из 20-30 птиц, летящих подобным образом. Они были вполне безгласны и полетом своим напоминали дроздов. Птицы эти продолжают перелет также и ночью, и к 1 октября в Соединенных Штатах не найдешь ни одного тиранна.

Мясо Каролинского тиранна нежное и вкусное. Именно по этой причине его и убивают, а вовсе не потому, что эти птицы, как говорят, пожирают пчел. Жители Луизианы сами охотно едят этих истребителей пчел.

Один из самых известных бразильских тираннов — **большой кискад** (*Pitangus sulphuratus*), называемый также бентеви из-за своего очень отчетливого крика. У него характерный клюв длиной с голову, который более высок, чем широк, и почти конусовидной формы. На хребте клюв закруглен, на конце снабжен большим крючком и около него тонким, но острым зубцом. Ноги сильные, с толстыми и высокими плюснами. Крылья относительно длинные, а хвост немного вырезан. Пальцы длинные, когти серпообразные. Клюв окружен щетинками, которые идут около всего основания клюва, а около угла его сильно утолщаются. Оперение жесткое и мелкоперое. Длина птицы 26 см, длина крыла 13, хвоста 8 см. Оперение верхней стороны тела зеленоватого оливково-бурого цвета, хохол на темени, равно как и нижняя сторона тела, серно-желтого цвета. Лоб, брови, горло и передняя часть шеи белые. Остальная часть темени, уздечка и нижняя часть щек черные. Кроющие перья крыльев, маховые и хвостовые перья окаймлены ржаво-красными полосками, маховые перья и на внутренней стороне широко окаймлены ржаво-желтыми полосками. У молодых птиц окраска оперения бледнее, темя совсем черное, оперение крыльев и хвоста окаймлено широкой ржаво-красной полоской.

Большой кискад — одна из самых распространенных птиц Южной Америки, населяет северную Бразилию, Гвиану и Тринидад. Обитает в тех местах, где открытые поля сменяются кустарником. Его видишь буквально на каждом дереве и повсюду слышишь его громкий пронзительный голос. Он не боится жилищ человека. Его можно встретить в поселениях, на опушках леса, а также на выгонах, где пасется рогатый скот. Одинокое стоящее дерево, куст, высокий камень, земляная глыба, даже ровная поверхность земли или самые густые ветки на вершине дерева служат ему местом наблюдения, с которого он высматривает добычу. Это — беспокойная, живая, любопытная и задорная птица, с громким криком ревниво преследующая свою самку и часто из-за нее вступающая в драку с самцами. Шомбургк утверждает, что большой кискад непрерывно затевает ссоры с другими птицами своего вида.

Главную его пищу составляют все-таки насекомые. Принц фон Вид нашел в его желудке лишь остатки жуков и кузнечиков. Охоту за этой добычей большой кискад производит совсем так же, как и его сородичи. Он смотрит со своего места наблюдения по сторонам, летит за намеченным насекомым, с поразительной уверенностью ловит даже самое быстрое из них, возвращается обратно на свой пост и там пожирает добычу. С большими насекомыми он играет, как кошка с мышью, по нескольку минут, прежде чем съесть их. Как и другие насекомоядные, он по временам ест и ягоды.

Перед, спариванием самец постоянно летает за избранной им самкой, выказывая все свое искусство летания, играет хохолком, постоянно кричит — одним словом, старается быть любезным. После того как птицы спарились, они приступают к постройке гнезда, которое устраивают довольно искусно. Принц фон Вид нашел его весной, в конце августа или в начале сентября, в развилине ветвей густого куста. Оно имело вид толстого, большого, круглого комка из мха, листьев, стебельков и перьев, спереди у гнезда находилось маленькое круглое отверстие. Кладка у этой птицы обычно состоит из 3-4 яиц бледно-зеленоватого цвета с черными и сине-зелеными пятнышками, более густо расположенными у тупого конца. Само собой разумеется, что большой кискад во время насиживания становится задорнее и храбрее, чем когда-либо: около своего гнезда он истинный тиранн.

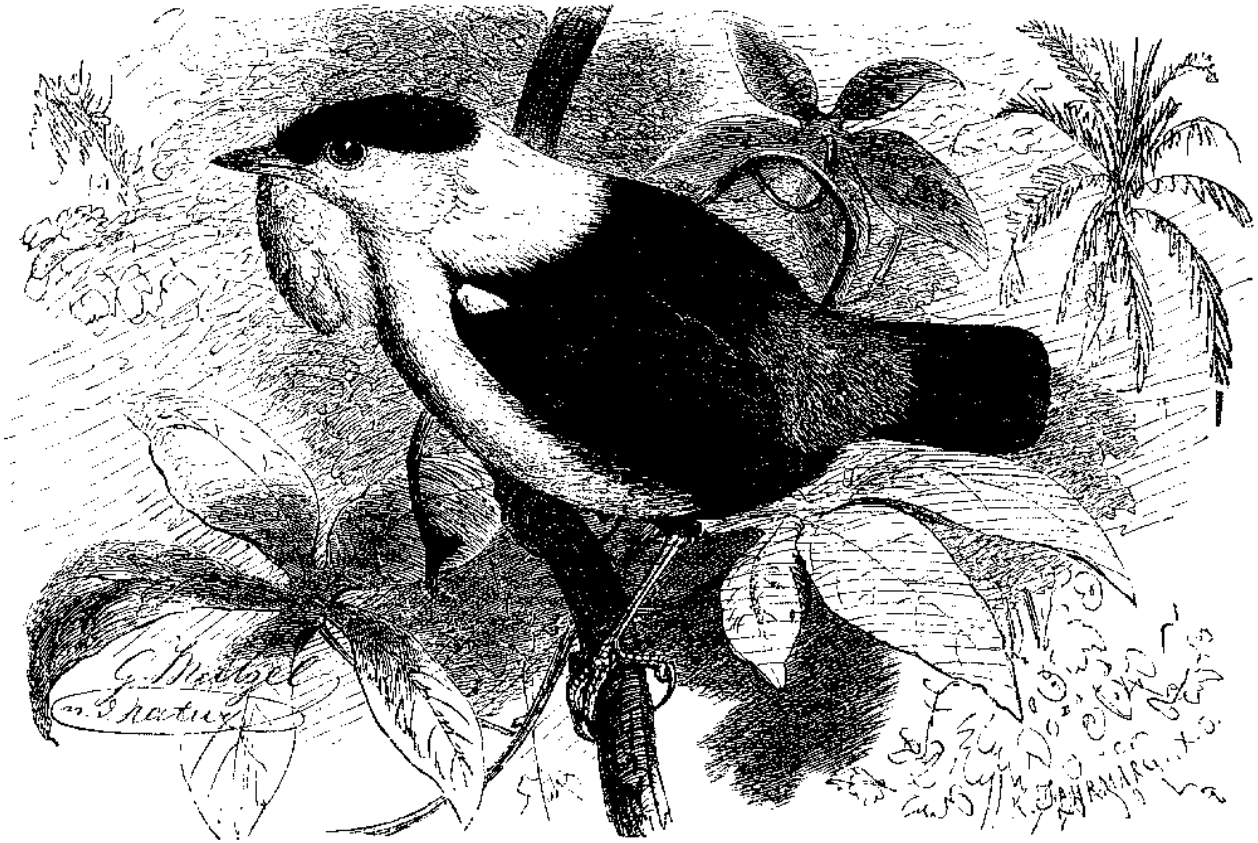
Семейство манакиновые

Пипры, называемые также манакинами, населяют Южную и Центральную Америку.

По своему образу жизни и нраву пипры больше всего напоминают наших синиц. Они живут парами или маленькими группами, прыгают с ветки на ветку, и если их вспугнуть, то улетают, но не далеко. Они веселы и беспокойны и, конечно, могут оживить лес своим присутствием. Как и большинство птиц девственных лесов, пипры предпочитают сырые леса и почти со страхом избегают безлесных, равно как и открытых местностей речных берегов. В утренние часы их встречаешь небольшими группами в соседстве с другими птицами. К полудню эти общества разъединяются, и каждая птица ищет уединения в самой густой тени деревьев.

Пение их невыразительно, довольно тихое, но приятное. Призывный голос похож на свист. Питаются они насекомыми и плодами. Для некоторых главную пищу, по-видимому, составляют ягоды. Из-за них эти обыкновенно осторожные птицы приближаются к человеческим жилищам.

Белобородый короткокрылый манакин (*Manacus manacus*). Плюсны длинные, первое большое маховое перо серпообразно загнуто, оперение мягкое, на подбородке оно сильно удлинено наподобие бороды. Темя, спина, крылья и хвост черные; надхвостье и гузка серые; горло, шея, грудь и живот белые. Глаза серые, клюв свинцового цвета, на нижней челюсти беловатый, ноги бледного желтовато-мясного цвета. Длина его 12 см, размах крыльев 18, длина крыла 4,5, хвоста 2,8 см.

Белобородый короткокрылый манакин (*Manacus manacus*)

"Эта хорошенькая маленькая птичка, — говорит принц фон Вид, — населяет большую часть Южной Америки. Ее встречают уже в Гвиане, а в южных странах, по которым я путешествовал, она обитает во множестве. Манакин живет в густых девственных лесах и кустарнике. За исключением времени спаривания, он странствует маленькими, но часто и многочисленными группами по кустарникам, живет по большей части близко от земли. Птичка эта очень жива и постоянно в движении; у нее непродолжительный, но быстрый порывистый полет, во время которого она издает громкое жужжание, которое можно сравнить с шумом веретена в прялке. Это жужжание происходит от быстрого движения кистевой части крыла».

Когда манакин движется, то часто слышен также его голос — щелканье как бы от расколотого ореха, за которым следует трещаний, а затем низкий жужжащий звук.

Внимание бразильцев было привлечено одной особенностью манакина — когда он надувает зоб, покрывающие его перья топорщатся вперед наподобие бороды. Отсюда происходит название этих птиц в Бразилии — «топо», то есть монах. Пища этих птиц, по-видимому, смешанная, она состоит из ягод и насекомых. Гнезда у них такие же, как и у прочих видов. Как манакин высидивает птенцов, мне достоверно не известно.

Семейство котинговые

Ампелиды относятся к крупным формам этого семейства. Величина их колеблется между величиной вороны и дрозда. Тело толстое, шея короткая, голова большая, крылья средней длины, немногострунные. Хвост, состоящий из 12 перьев, довольно короток и на конце тупой. Клюв бывает различной формы, но у основания он плоско сжат, хребет тупой, кончик также плоский и загнут вниз, а около него замечается маленькая вырезка, в которую вкладывается зубец нижней челюсти. Ноги толстые и короткие, приспособлены лишь для сидения, в очень малой степени для ходьбы. Оперение жесткое, не особенно длинноперое и плотно прилегает к телу.

Ампелиды населяют девственные леса Южной Америки, питаются исключительно сочными плодами, живут обыкновенно поодиночке и лишь изредка обществами, ленивы и глупы. Эти дикие и пугливые птицы редко издают какой-либо звук, но некоторые виды отличаются поразительными голосами, вследствие чего они стали хорошо известны туземцам.

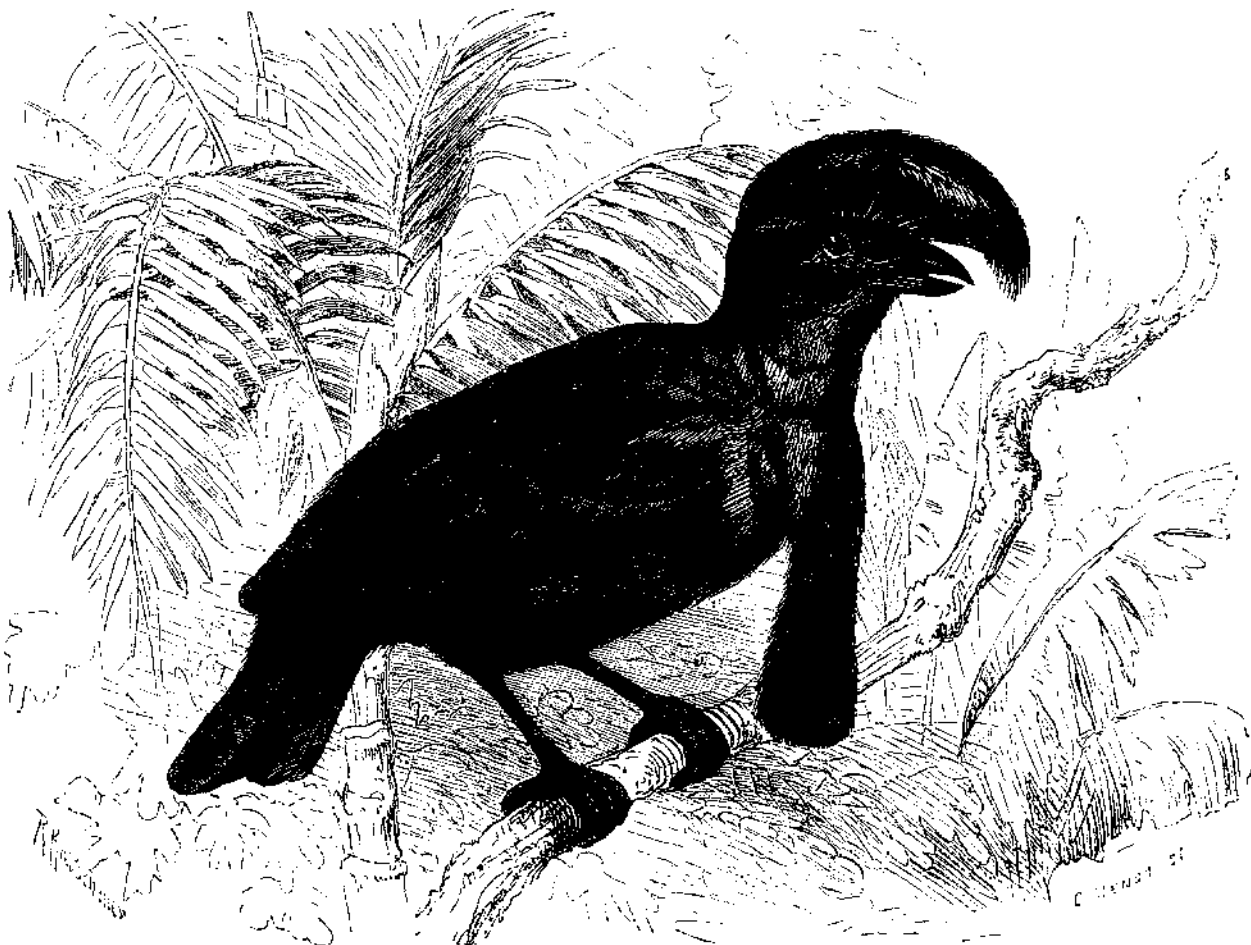
Котинга-капуцин (*Perissocephalus tricolor*). Его большой толстый клюв вполне походил бы на клюв вороны, если бы не был более плоским. Ноги отличаются от ног вороны короткой и толстой плюсной и относительно длинными пальцами; довольно острые крылья спускаются до половины короткого хвоста. Основание клюва, уздечка, лоб, темя, область глаз и горло без оперения. Окраска

ржаво-бурая, на спине немного отликает оливково-зеленым. Маховые и хвостовые перья темно-коричневые. Цвет верхних малых маховых перьев красноватый. Самые верхние кроющие перья крыльев зелено-коричневые. Передняя часть головы, клюв и ноги черные, глаза темно-коричневые. Длина этой птицы 42 см, длина крыла 23, а хвоста 10 см.

Относительно образа жизни этой птицы нет еще подробных сведений. Мы знаем лишь, что капуцин населяет уединенные леса северной Бразилии и Гвианы и поднимается самое большее на 400 м над поверхностью моря. Здесь можно встретить птиц, сидящих парочками на высоких деревьях. Крик, который издает эта странная птица через правильные промежутки времени, напоминает мычание тельника и слышен издали. Пищу его составляют исключительно плоды. В характере птицы, кажется, нет ничего привлекательного, по крайней мере путешественники не сообщают о ней ничего интересного.

Зонтичная птица (*Cephalopterus ornatus*) отличается большим шлемовидным пучком перьев на голове, который может приподниматься, и круглой, со всех сторон оперенной кожистой лопастью на нижней части шеи. Оперение почти повсеместно черное, хохолок синевато-черный, нижние шейные перья окаймлены темными зеленовато-черными каймами; маховые и рулевые перья черные. Все более мелкие перья имеют у основания белые стволы. Глаза серые; верхняя половина клюва черно-бурая, нижняя — серо-коричневая; ноги матово-черные. Длина птицы 51 см, длина крыла 26, длина хвоста 18 см. Самка значительно меньше, ее хохолок не так велик, горловая лопасть короче, оперение менее блестящее.

Зонтичная птица населяет восточный склон Перуанских Кордильер и поднимается на высоту 1000 м над уровнем моря. Область распространения — от верхней части Амазонки до Рио-Негро и южнее до границы Чили. Если ехать вверх по течению реки, то ее можно заметить уже вблизи устья Мадейры. Как сообщает Валлас, она обитает на островах, живет в основном маленькими группами на вершинах самых высоких деревьев. Пища зонтичной птицы состоит, по словам Чуди, из плодов различных деревьев, по Бэтсу — также из насекомых, особенно из жуков и пауков. Плоды величиной со сливу птица проглатывает целиком и только потом выплевывает косточки, насекомых же перед тем, как проглотить, разделяет на части.

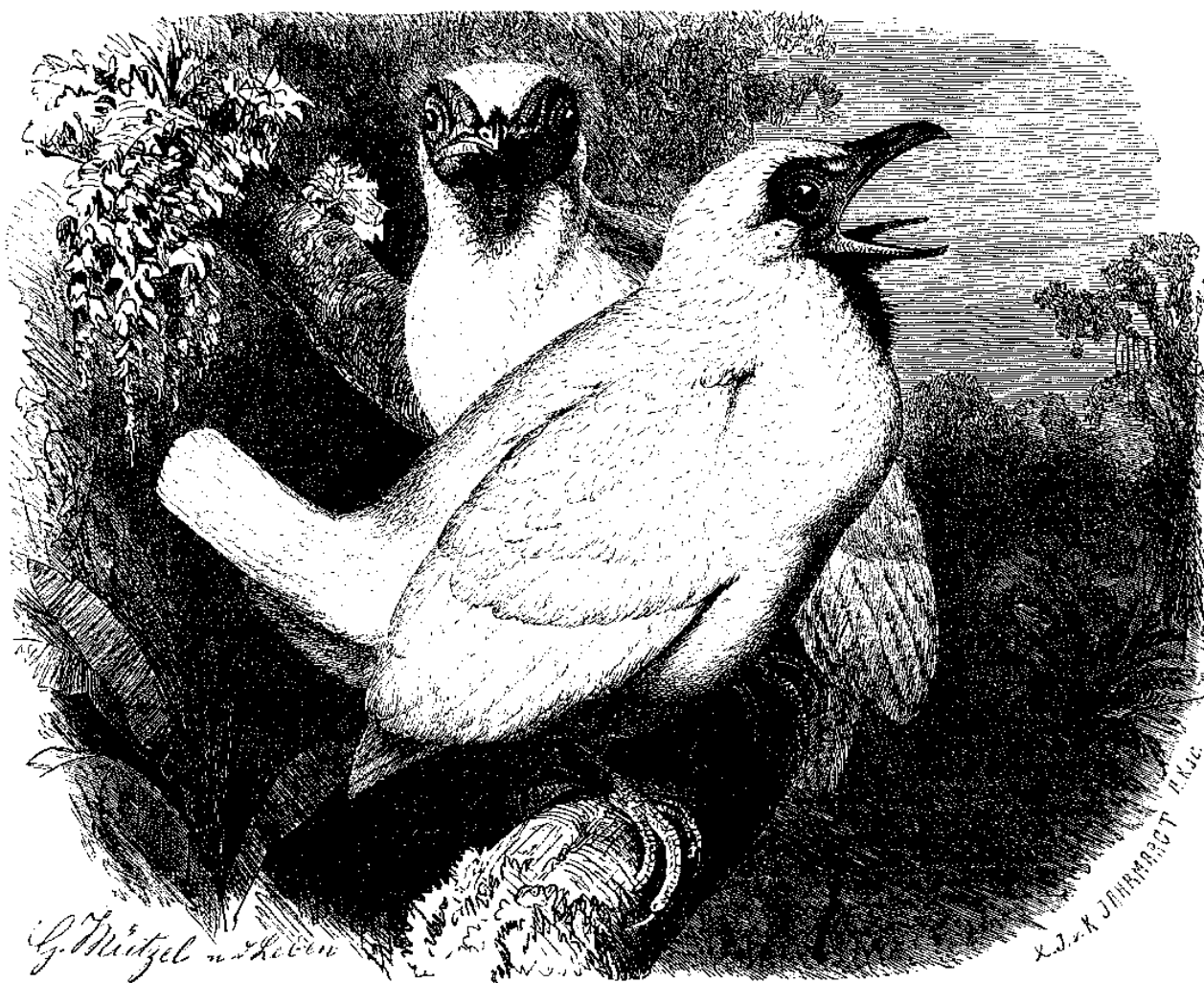
Зонтичная птица (*Cephalopterus ornatus*)

Крик, который она издает ранним утром или перед заходом солнца и из-за которого и получила название «воловья птица», ужасен и похож на мычание вола. Перед тем, как закрыть, птица

расширяет свой хохолок, вытягивает и болтает пустой, висящей на груди лопастью, кивает головой и затем лишь издает свой рев. Когда несколько птиц соединяются и начинают одновременно реветь, то прежде всего подумаешь, что это стадо коров, а не птицы. Неискусное гнездо, свитое из прутьев, находится на вершине самых высоких деревьев; кладка состоит из двух белых яиц.

Гораздо больше капуцинов и зонтичных птиц нам известны звонари. Они принадлежат к более мелким птицам, и наибольший из них величиной с голубя. Оперение густое и мелкоперое. Окраска у самца и самки различна. Замечательны кожистые наросты в области клюва, которые, как у индюков, то удлиняются, то укорачиваются.

Птица-колокольчик, или гологорлый звонарь (*Procnias nudicollis*), по-испански «харрадор» (кузнец), белоснежного цвета. Голая уздечка и горло у нее яркого цвета медной затени, глаза серебристо-белые, клюв черный, ноги мясного цвета. Самка меньше самца. Оперение на темени и горле у нее черное, верхняя сторона туловища зеленого чижового цвета, нижняя — желтого, покрыта в длину черными пятнами, а на шее беловатыми и желтоватыми полосками. Молодой самец в первый год похож на самку, потом покрывается пятнами и на третий год получает свое настоящее оперение. Старые самцы, как показали мои наблюдения над пойманными птицами, получают после каждой линьки зеленое оперение, которое становится белым лишь в процессе выцветания. Длина их 26 см, размах крыльев 50, длинна крыла 16, а хвоста 7 см.

Птица-колокольчик (*Procnias nudicollis*)

Звонарь (*Procnias alba*) отличается от описанного вида тем, что такой же чисто белый самец имеет у основания клюва пустой черный мускулистый нарост, который покрыт несколькими перышками и может произвольно вытягиваться и втягиваться. В первом случае он торчит в виде рога, в последнем же, как и нарост на клюве индюка, висит сбоку клюва.

Вышеупомянутые виды живут в Южной Америке. Гологорлый звонарь населяет Бразилию и часто встречается в тамошних лесах. Звонарь обитает в Гвиане. Образ жизни этих птиц в главных чертах очень сходен. Благодаря наблюдениям Уатертонга, принца фон Вида и Шомбургка мы получили подробные сведения об их нравах и образе жизни.

"Эта замечательная птица, — говорит принц фон Вид о гологорлом звонаре, — как по своему ослепительно белому оперению, так и вследствие громкого, чистого, звучного голоса может

считаться особенностью великолепных бразильских лесов. Она распространена повсюду, где есть большие леса, в которых, по-видимому, она предпочитает самые темные чащи. Однако гологорлый звонарь не везде встречается в одинаковом количестве и, кажется, особенно любит горные леса. Его голос похож на чистый звук колокольчика, который птица издает отдельно с небольшими промежутками, а иногда часто, несколько раз подряд. Тогда он похож на звук, издаваемый кузнецом, когда тот бьет молотом по наковальне. Звук этот слышен в любое время дня очень часто и на далеком расстоянии. Обыкновенно несколько птиц собираются вместе и поочередно стараются перещегоолять друг друга пением. Одна из них кричит громко и ясно одним простым звуком, другая часто повторяет звенящий тон. Если вместе соберется большое число этих птиц, то получается в высшей степени странный концерт.

Обычно гологорлый звонарь садится на самую высокую сухую ветку большого дерева и оттуда кричит своим звучным металлическим голосом. Эта ослепительно-белая птица отчетливо вырисовывается на темно-голубом небе, но на такой высоте ее не достать выстрелом. Она тотчас слетает, как только заметит какой-нибудь незнакомый предмет. В тех местах, где лес невысок, птицы сидят в густой темной листве, откуда раздается их «голос», но нельзя разглядеть белоснежное оперение».

"Среди чащи леса, — сообщает Уатертон, — обыкновенно на сухой ветке старого дерева и почти всегда на высоте вне выстрела можно заметить звонаря. Никакой другой крик или пение крылатого обитателя леса не может поразить так, как голос звонаря. Как и весьма многие представители класса пернатых, он приветствует утреннюю и вечернюю зарю пением, но даже тогда, когда полуденный зной распространяет повсюду безмолвие и заставляет молчать всех тварей, он все еще выкрикивает в лесу свои веселые звуки. Сначала слышится звон, затем наступает минутная пауза, потом опять следует как бы удар колокола и снова пауза, и так третий раз. После этого 6 или 8 минут он молчит, а затем снова начинает. Актеон прервал бы свою самую горячую охоту, сам Орфей прекратил бы свое пение, чтобы послушать эту птицу: так сладок и очарователен звук ее голоса».

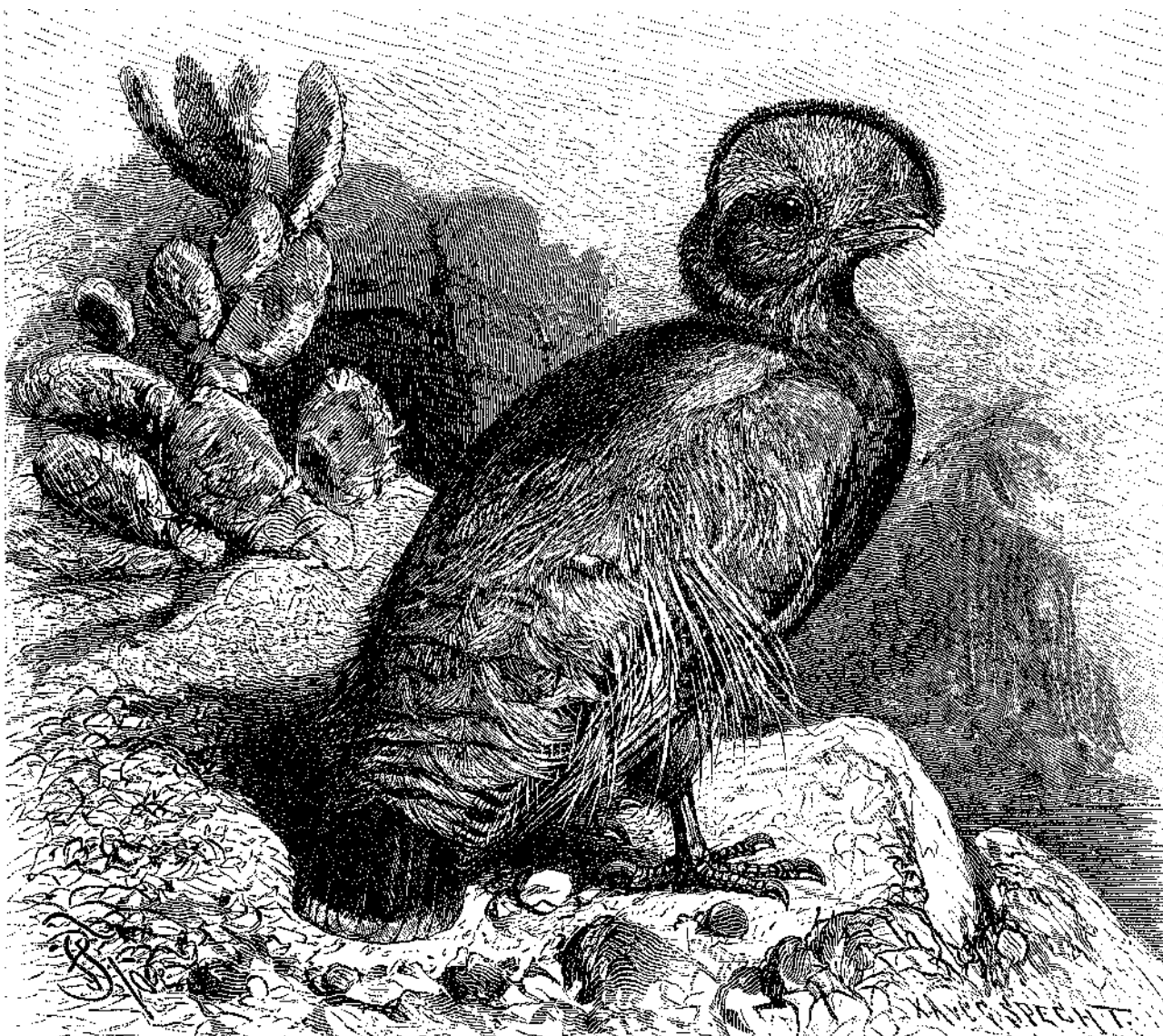
Ягоды и плоды составляют, по-видимому, обычную пищу этих птиц. Принц фон Вид никогда не находил насекомых в желудках убитых его спутниками звонарей, которых он исследовал. Шомбургк же, напротив, утверждает, что заметил в желудке звонаря остатки жуков. Красные ягоды и плоды, похожие на вишни, иногда даже вид мелких бобов составляли пищу тех птиц, которых исследовал принц фон Вид.

"Неизвестно, — говорит Уатертон, — в какой части Гвианы звонари вьют свои гнезда». Шомбургк подтверждает это сообщение. «Индейцы, — говорит он, — не знают ни места расположения гнезд, ни времени насиживания этих птиц, однако утверждают, что звонари насиживают яйца не в Гвиане и появляются в стране только после вывода птенцов». Принц фон Вид тоже не мог найти гнезда звонаря и получить о нем сведения от бразильских охотников, но думает, что оно находится между ветвями густолиственных деревьев и искусно свито*.

** Эти птицы гнездятся обычно в горных тропических лесах, лишь после гнездования спускаются в равнинные леса. Насиживают кладку и заботятся о птенцах только самки. В кладке 1 яйцо.*

Гвианский скальный петушок (*Rupicola rupicola*). Оперение самца яркое оранжево-красное. Перья теменного гребня темного пурпурово-красного цвета. Большие покровные перья крыльев, маховые и хвостовые перья, основной цвет которых коричневый, на конце окаймлены беловатыми полосками. Все маховые и хвостовые перья, кроме того, у основания покрыты большими пятнами. Самка и молодые птицы одноцветно-коричневые; нижние покровные перья крыльев оранжево-красные, перья надхвостья и хвоста ярко-оранжево-бурые, гребень меньше, чем у самца. Глаза оранжево-красные, клюв бледно-желтого рогового цвета, ноги желтовато-мясного. Длина самца 31 см, длина крыла 18, а хвоста 10 см. Самка значительно меньше.

Родиной скальных петушков являются горные районы Гвианы и самые северные части Бразилии. Местопребыванием им служат горные леса и плоскогорья. На равнинах они никогда не встречаются. Особенно охотно поселяются скальные петушки около водопадов, и чем каменистее речное русло, тем больше оно им нравится. В июне и июле они спускаются со своих скалистых вершин. В это время на лесных деревьях поспевают плоды, которыми они охотно питаются.

Гвианский скальный петушок (*Rupicola rupicola*)

Многие путешественники сообщают сведения об образе жизни этих странных птиц. А. фон Гумбольдт наблюдал их на берегах Ориноко. Братья Шомбургк находили их в британской Гвиане на больших скалистых Канукских горах и на песчаниковых скалах Венаму, где они часто встречаются и живут группами, но положительно избегают близкого сношения с другими птицами. «Взойдя снова на крутую возвышенность, — говорит Шомбургк, — которая была почти непроходима из-за огромных гранитных утесов, поросших мхом и папоротниками, мы вышли на маленький, почти совсем ровный участок земли без травы и кустов. По знаку одного из индейцев я должен был замолчать и спрятаться за ближайший куст, куда и они скрылись без всякого шума. Прошло несколько минут, и я услышал вдалеке голос, походивший на крик кошки. Я решил, что идет охота на какое-нибудь млекопитающее. Только что прозвучал этот голос, как вдруг я услышал его около себя: это один из моих индейцев очень похоже его повторил. Отвечающий издали все больше и больше приближался к нам. Наконец, на этот зов начали отвечать со всех сторон. Хотя индейцы и предупредили меня, что я должен быть наготове, но первый скальный петушок так поразил меня, что я совсем позабыл выстрелить. С быстротой наших вальдшнепов эти восхитительные птицы перелетели через кусты, присели на мгновение, чтобы увидеть звавшего их товарища, и так же быстро скрылись, как только убедились в своем заблуждении. Нам посчастливилось убить их семь штук. Хотя я и получил этих птиц, но так и не стал очевидцем их танцев, о которых мне много рассказывал мой брат и индейцы.

После нескольких чрезвычайно утомительных дневных переездов мы достигли наконец страны, где должны были увидеть эту пляску. Мы сделали остановку, чтобы перевести дух, и вдруг услышали призывные голоса скальных петушков. Два вооруженных индейца тотчас же начали подкрадываться к птицам. Вскоре один из них возвратился и знаками дал мне понять, что я должен следовать за ним. Мы проползли сквозь кустарник несколько тысяч шагов с величайшей осторожностью. И тут я увидел другого индейца, лежащего на земле, а вместе с тем и блестящее оранжевое

оперение петушка, светящееся сквозь кустарник. Я осторожно лег около индейца и был свидетелем одного из самых привлекательных зрелищ. Целое общество этих великолепных птиц танцевало в это время на гладкой плоской поверхности огромной скалы. На кустарнике, окружавшем ее, сидело около двадцати, очевидно, очарованных зрителей, самцов и самок, а в это время по ровной поверхности утеса ходил самец. Движения его казались очень странными. Эта смешная птица раскрывала крылья, запрокидывала голову во все стороны, царапала ногами твердый камень, с большим или меньшим проворством подпрыгивала, причем прыжки совершала постоянно с одного места, распускала хвост колесом, снова начинала прохаживаться вокруг площадки. Так она двигалась до тех пор, пока не устала. Тогда птица издала звук, не похожий на ее обычный крик, взлетела на ближайшую ветку, а ее место занял другой самец, который также выказывал свое танцевальное искусство, чтобы через некоторое время, устав, уступить место новому петушку». Шомбургк, кроме того, упоминает, что самки, которые сидят между отдыхающими самцами, неумоимо смотрят на это зрелище и издают при возвращении уставшего самца одобрительный крик. «Очарованный этим зрелищем, — продолжает Шомбургк, — я не заметил коварного намерения лежащего около меня индейца, как вдруг два выстрела испугали меня. Беспечное общество в нестройном бегстве рассыпалось по всем сторонам, оставив на месте веселой пляски четырех убитых товарищей».

Индейцы, кажется, очень любят держать петушков в неволе и в Параруме предлагали их Гумбольдту. Петушки сидели в маленьких хорошеньких клетках, сделанных из черешков пальмовых листьев. Шомбургку приходилось видеть даже ручных птенцов, но не взрослых самцов с их великолепным оперением. На основании чего он и предположил, что скальные петушки не выносят продолжительного заключения. Их великолепные шкурки очень ценятся, индейцы изготавливают себе из них фантастические украшения. Бразильский император во время больших празднеств носил плащ, сделанный из шкурок скальных петушков. По уверениям Шомбургка, индейцы одной местности обязуются ежедневно вносить, в виде подати, известное количество шкурок, что, по-видимому, может привести к уничтожению этих красивых птиц. Оранжево-красное мясо их очень вкусно.

Синяя котинга (*Cotinga amabilis*), называемая в Бразилии крейоа и циркуа. Господствующая окраска оперения темная ультрамариново-синяя, которая вследствие местами заметных корневых частей пера то здесь, то там имеет темные пятна. Нижняя часть тела, за исключением темно-синей поперечной полосы на зобе, темная фиолетово-синяя. Маховые и хвостовые перья черные, снаружи узко окаймлены зеленовато-голубым цветом. Глаза карие, клюв темно-бурый, ноги темно-бурого цвета. У самки оперение преимущественно бурое, перья на груди окаймлены белым, а на животе желтым. Птенцы похожи на самок, молодые самцы, однако, очень скоро получают свой синий налет, а затем и голубую каемку на перьях. Длина птицы 21 см, длина крыла 15, а хвоста 7,5 см.

Синяя котинга населяет прибрежную часть Бразилии. В основном ведет такой же образ жизни, как и ее сородичи. Эту прекрасную птицу принц фон Вид считает лучшим украшением южноамериканских девственных лесов. Великолепное оперение взрослого самца восхищает даже дикие народы, которые употребляют его перья на головные уборы и украшения.

Все котинги отличаются тихим меланхолическим нравом, подолгу сидят неподвижно, обладают совсем не мелодичным голосом и питаются не насекомыми, а исключительно плодами и ягодами. В холодное время года, когда деревья отягощены плодами, они перелетают, соединившись в небольшие стаи, с места на место, приближаются к морскому берегу и открытым местностям, где их и убивают в большом количестве ради перьев и жирного мяса. Синяя котинга обитает в больших девственных лесах, лежащих близко к экватору. По своему нраву она очень похожа на нашего свиристея; как и последний, глупа, ленива и ее так же легко застрелить. Обычно издает короткий призывный звук, но иногда, возможно, громко кричит.

Принц фон Вид рассказывал, что он видел шкурки синей котинги у духовных лиц, которых он посетил в Бразилии. Они собрали более 40 шкурок для того, чтобы отослать их в женские монастыри в Бахию, где они использовались для выделки изящных рукоделий. Наш уважаемый естествоиспытатель сообщил также, что великолепная окраска их оперения превращается в оранжево-желтую, если шкурку нагревать над угольной жаровней. Относительно размножения этих птиц я не имею никаких сведений*.

* Настоящая синяя котинга имеет маленькое блюдцеобразное или чашевидное гнездо, в кладке 1—2 яйца, насиживаемые только самкой. Птенцов выкармливает также одна самка.

Семейство траворезовые

Уже Молина, первый естествоиспытатель, описавший Чили, упоминает об одной замечательной южноамериканской птице. Он сообщает об ее образе жизни чрезвычайно странные вещи.

«Косец, — говорит он, — питается травами, но имеет дурное свойство съесть их не раньше, как скосив стебель около самого корня. Иногда он срезает растение лишь для препровождения времени, не съедая у него ни одного листочка. Вследствие этого туземцы преследуют его безостановочно и дают хорошее вознаграждение мальчишкам, которые вынимают из гнезд его яйца. Но так как это преследование ему известно, то он вьет свое гнездо на самых густых деревьях и в тенистых мало посещаемых местах. Несмотря на эту осторожность, число этих птиц сильно уменьшилось, и по тому рвению, с которым туземцы стараются уничтожить их, можно заключить, что они долго не существуют, если их потомство не постарается изменить своей дурной привычки».

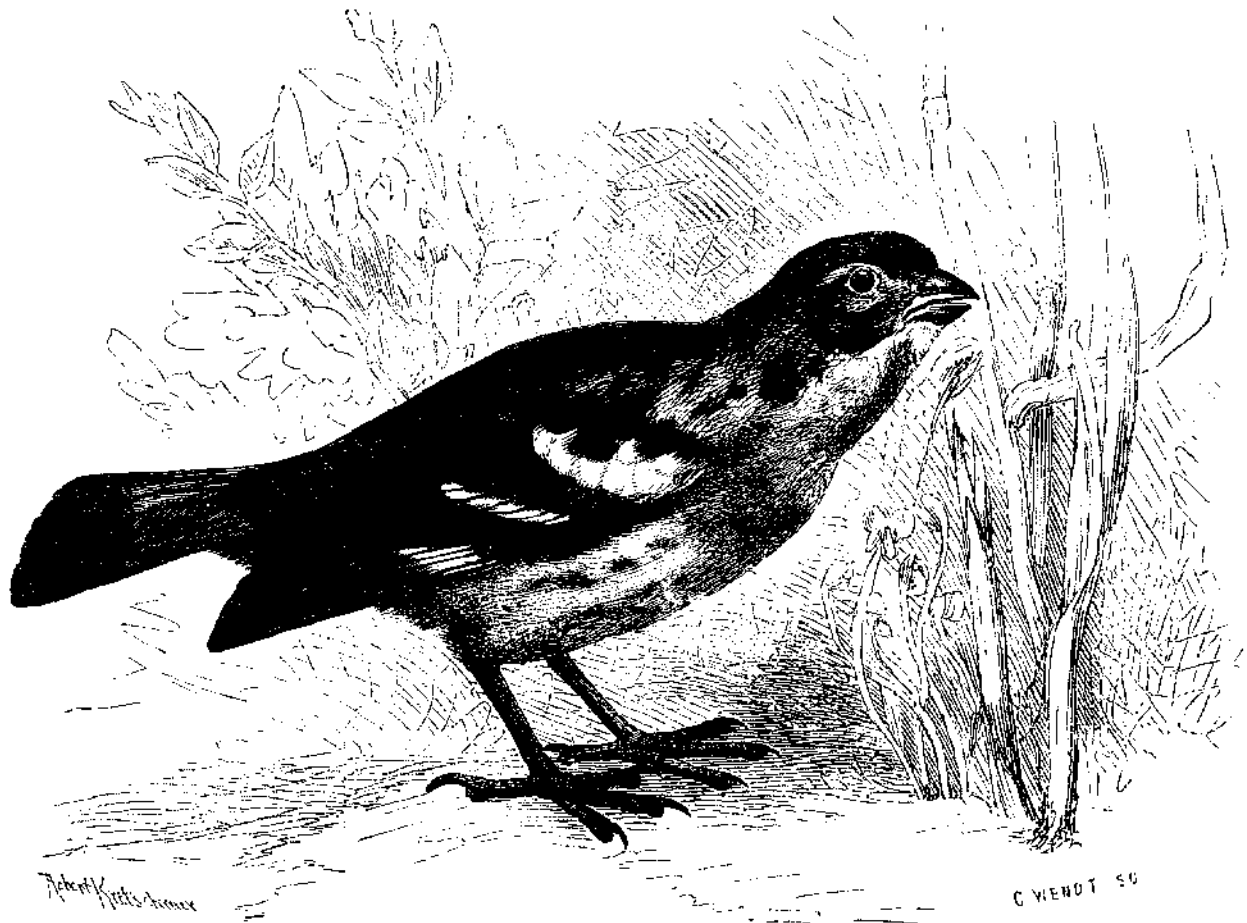
Долгое время вред, приносимый этой птицей, считали выдумкой, которая рассказывается чужеземцам и доверчиво принимается ими на веру. Новейшие же наблюдения показывают, что по крайней мере часть этих рассказов близка к правде. Бэк, Киттлиц, д'Орбиньи и Ландбек подтверждают в некоторой степени мнение Молины.

Вот как Молина описывает **чилийского травореза** (*Ptytotoya rara*), рариту или рару чилийцев, называемого так по его крику. Длина птицы 17 см, размах крыльев 29, длина крыла 9, а хвоста 6 см. Верхняя сторона темная, оливково-зеленая, каждое перо украшено на стволе черноватой полосой, а по краям широкой желтой каемкой. Нижняя сторона тела желто-зеленая с несколько более темными полосами вдоль стволков. Лоб ржаво-красный, голова темнее, с черными полосами на стержнях перьев; горло и живот желтые; верхняя часть груди ржаво-красная, хвостовые перья также ржаво-красные, но верхняя треть их темнее. Маховые перья темно-серые, почти черные, окаймлены двумя белыми полосками, которые образуются концами кроющих перьев. Перья хвоста на наружной части опахала и на конце темнее, на внутренней же части опахала ржаво-красные. У самки все цвета бледнее и серее. Клюв и ноги черновато-серые; радужная оболочка глаза ярко-карминного цвета.

"Мы часто находили косцов, — говорит д'Орбиньи, — на восточном склоне Андов* в Боливии, постоянно в сухих пустынных местностях умеренного пояса, на холмах и равнинах, но никогда в жарких, сырых долинах, покрытых кустарником, куда они, по-видимому, не спускаются.

* *Д'Орбиньи описывает другой вид травореза красногрудого травореза (*Ptytotoya rutila*).*

Можно сказать, что чилийский траворез живет в полосе злаков, так как мы никогда не видели его ни севернее, ни южнее этой границы. Он держится около населенных местностей и весьма обыкновенен. Его видишь в течение всего года поодиночке, парами или маленькими стайками. Эти птицы охотно посещают виноградники и сады, опустошают плантации, обламывая молодые побеги, причем производят это без всякого страха, потому что до сих пор жители снисходительно позволяли маленьким обжорам грабить себя. Их полет не высок и никогда не бывает продолжительным. Мы ни разу не видели, чтобы траворез спускался на землю. Его часто повторяющийся крик неприятен. Он звучит как скрипящий шум пилы».

Чилийский траворез (*Ptytotoma rara*)

Бэк и Киттлиц дополняют эти сведения. «Только начал поспевать виноград, — говорит последний, — как в нашем саду появились многочисленные птицы, которым эти ягоды служили пищей. В одном из садов, который, по-видимому, был запущен, я поймал одну за другой не менее шести птиц этого вида. Желудок у всех был наполнен виноградом и остатками зеленых листьев. Зубчатые края клюва окрашены зеленым. Я никогда не видел эту птицу на земле, а по большей части на вершинах довольно высоких плодовых деревьев». Бэк также говорит о вреде этих птиц: «Их зазубренный клюв — ужасное орудие для истребления молодых побегов, для которых он в высшей степени пагубен. Обычно птица отправляется за добычей утром и вечером в сумерки. Добыча состоит преимущественно из молодых растений, которые она скашивает под самый корень и соком которых ее клюв часто бывает окрашен в зеленое. Не удивительно, что эту птицу ненавидят, боятся и преследуют. Ландбек, например, истреблял всех тех, в которых только мог попасть из своего ружья, так как некоторые нежные растения в его саду были уже уничтожены этими косцами. Днем птицы чаще всего сидят на вершинах кустов и деревьев и на кольях заборов, и к ним нетрудно подкрасться и убить их. На земле они охотно прячутся в бороздах. Если бы эти птицы появлялись такими же стаями, как и другие воробьиные, то в деревне не осталось бы ни одного плодового растения. Пища, которую они употребляют, заставляет их жить вблизи обработанных мест. Зимой они улетают, куда — я еще не знаю».

О времени вывода детенышей у этих птиц новые естествоиспытатели ничего не сообщают. Молина же упоминает вскользь, что яички их белого цвета с красными крапинами*.

* Молина сообщает неверную информацию, полученную скорее всего из рассказов индейцев. На самом деле яйца траворезов зеленовато-синего цвета с темными пятнами.

Семейство лирохвостовые

Большая птица-лира (*Mepia novaehollandiae*). Основной цвет перьев темный, коричнево-серый с красноватым отливом на надхвостье. Подбородок и зоб красные; нижняя часть тела буровато-пепельная, на брюшке светлее. Малые маховые перья и крайние рулевые красно-коричневые. Хвост сверху черновато-бурый, снизу серебристо-серый; крайние рулевые перья, имеющие форму лиры, темно-серые; кончики их бархатисто-черные с белой бахромкой. Внутренние бороздки имеют попеременно черно-бурые и ржаво-красные каемки; средние хвостовые перья серые, остальные — черные. Длина самца 130 см, длина крыла 29, хвоста 70 см. Самка значительно меньше, цвет ее

перьев грязно-коричневый, на брюшке переходящий в серый. Молодые самцы до первой линьки по окраске похожи на самку.

Гульд достаточно подробно сообщил нам о жизни лирохвоста, а благодаря исследованиям Бэкера и Рамзая мы имеем сведения и о его размножении. Родина лирохвоста — Новый Южный Уэльс, к востоку до залива Моретон и к юго-западу до Порт-Филиппа. Живут эти птицы среди густых зарослей кустарника, в местностях холмистых или скалистых. «Лазание по этим горам, — говорит один охотник за лирохвостами, не только трудно, но и в высшей степени опасно. Расселины и ущелья прикрыты полусгнившими растениями, в которые нога уходит, как в снег, по колено. Один неверный шаг и человек исчезает или, как клин, защемляется между трещинами скалы. Счастье, если он может употребить в дело свое оружие и выстрелом в голову избавить себя, таким образом, от медленной смерти, так как о помощи нечего и думать». В подобных местах лирохвоста можно слышать повсюду, но только именно слышать. Гульд проводил целые дни в кустах, был окружен птицами, слышал их звонкие чистые голоса, но не мог увидеть ни одной из них.

Трудность приблизиться к этой осторожной птице и вступить с нею, так сказать, в сношение объясняют, почему, несмотря на множество охотничьих рассказов, которые сообщали нам путешественники, мы не могли еще составить себе ясного представления об их образе жизни, поведении, привычках и нравах. Все наблюдатели согласны между собой только в том, что эта птица проводит большую часть жизни на земле и чрезвычайно редко летает. При быстром беге лирохвост напоминает фазана: вытягивает голову, складывает хвост и держит его горизонтально, так как только в таком положении он может пробираться через густые заросли, не повредив своего великолепного наряда. Эти птицы гораздо деятельнее утром и вечером, но в период размножения их также можно видеть в полуденное время на любимых местах. Самцы сгребают небольшие круглые холмики из земли, садятся на них, подобно токующим тетеревам, и топчутся, не переставая, на этих холмиках, поднимают хвост кверху, чрезвычайно красиво распускают его и, кроме того, выражают свои чувства самыми разнообразными звуками. Голос у них, вполне соответствующий хорошо развитым певчим мускулам, чрезвычайно гибкий; призывный голос — громкий, звучный и пронзительный. Пение лирохвоста в зависимости от местности очень различно, так как состоит из собственных и заимствованных звуков. Это своеобразное пение напоминает какое-то странное чревовещание, которое можно слышать, лишь подойдя довольно близко к певцу. «Птица эта, — говорит Бэкер, — обладает в высшей степени даром звукоподражания.

Большая птица-лира (*M пига novaehollandiae*)

Чтобы дать понятие, как велика эта способность, я расскажу следующее. В Джипсланде, недалеко от южного склона Австралийских Альп, расположен лесопильный завод. Там в праздничные дни, когда кругом тихо, можно слышать далеко в лесу лай собаки, человеческий смех, пение и карканье разных птиц, крик детей и среди всего этого раздирающий душу звук, производимый при оттачивании пилы. Все эти звуки издаются одним и тем же лирохвостом, находящимся неподалеку от лесопильной машины». В период размножения любовь к подражанию усиливается. Лирохвост заменяет тогда, подобно пересмешникам Америки, целую стаю поющих птиц. С другими птицами и животными он ведет себя в высшей степени осторожно, человека же, по-видимому, избегает больше всех.

Пища лирохвостов состоит в основном из насекомых и червей. Гульд находил преимущественно тысячножек, жуков и улиток в желудках птиц, убитых им или его товарищами на охоте. Значительную часть пищи птица добывает, роясь в земле. При этом она выказывает столько же силы, сколько и ловкости, так как, несмотря на то, что разбрасывает землю в стороны, а не назад, она сдвигает с места комья земли и камни весом до 4 кг, чтобы добыть спрятавшихся насекомых. Она питается также и семенами, впрочем, вероятно, только в определенное время. Непереваренные остатки лирохвост извергает в виде погадок.

По наблюдениям Бэкера, период размножения у этих птиц наступает в августе, по наблюдениям Рамзая, напротив, лирохвост уже в мае приступает к постройке гнезда и кладет одно яйцо в июне и самое позднее в июле*.

** Период размножения у этих птиц длится с мая по октябрь, пик приходится на июнь — июль.*

Гнездо строится из самых разных материалов, в зависимости от того, какой из них легче достать в данной местности. Гнездо большое, продолговатое, по форме напоминает яйцо, снабжено крышей и имеет 60 см в длину и 30 см в ширину. Издалека его можно принять за кучку сухого хвоста. Боковое отверстие служит для входа внутрь гнезда, на вид очень небрежно построенного. В действительности же оно весьма прочное и служит птицам иногда по нескольку лет. Лирохвост выводит птенцов только раз в год и кладет только одно яйцо величиной с утиное; длина его около 60 мм, ширина около 40 мм. Яйцо светло-пепельного цвета со слабо обозначенными темно-бурыми пятнышками.

Самка одна высидывает яйцо. Самец не только не кормит ее, но, по-видимому, даже не посещает, поэтому она оставляет гнездо в полуденное время довольно надолго. Высидывание длится почти целый месяц**. Возвратясь к гнезду, самка вползает внутрь через отверстие, пятясь, и этим так стирает свои хвостовые перья, что по ним можно узнать, как давно она высидывает.

*** На самом деле период насиживания у лирохвоста занимает 45-50 дней.*

Птенец оставляет гнездо не ранее чем через 8-10 недель.

Гульд и другие наблюдатели называют лирохвоста самой пугливой птицей на всем земном шаре. Треск ветки, падение маленького камня, самый ничтожный шум заставляют его мгновенно обратиться в бегство и делают тщетными все усилия охотника, которому приходится не только перелезть через скалы, поваленные стволы деревьев, пробираться между ветвями, но и проделывать все это с крайней осторожностью. Вдобавок ко всему он может двигаться лишь тогда, когда птица занята, то есть когда она роется в опавших листьях или поет. Охотник должен внимательно следить за каждым движением лирохвоста, и притом быть совершенно неподвижным, так как малейшее движение, замеченное птицей, спугивает ее точно так же, как и шорох. Весьма полезной в этом случае оказывается дрессированная собака. Она делает стойку над птицей и тем отвлекает ее внимание от охотника. Жители лесов при охоте на лирохвоста пускают в ход следующую хитрость: они прикрепляют к шляпе хвост самца, прячутся в кусты и двигают особенным образом головой, на которую надет оригинальный головной убор, до тех пор, пока лирохвост не заметит его. Птица, думая, что другой самец забрался в ее владения, бросается на мнимого соперника и попадает, таким образом, под выстрел. Некоторые охотники выучивают призывный крик лирохвостов и, в точности подражая ему, приманивают таким способом самцов*.

** Несмотря на большую осторожность лирохвостов, численность их уменьшается. Эта птица включена в Красную книгу МСОП.*

Семейство жаворонковые

Жаворонок — это птица отряда воробьиных, имеет крепкое телосложение. Голова у нее большая, клюв короткий или средней длины и различной толщины, ноги довольно короткие, пальцы средней длины; из них задний часто бывает снабжен шпоровидным когтем. Крылья длинные и очень широкие; хвост не особенно длинный или даже короткий, на конце прямо обрублен. Оперение зем-

листоного цвета, которое сильно различается у птиц разного возраста и почти не отличается у обоих полов.

Хотя жаворонки, которых насчитывается до 110 видов***, встречаются во всех странах света, но водятся они главным образом в Старом Свете.

* * * Согласно современным представлениям сейчас насчитывают 78-79 видов жаворонков.

В северной и южной области Нового Света и Австралии распространен лишь один вид жаворонков****.

* * * * В Австралии обитает 2 вида жаворонков.

Местопребывание их — различные открытые пространства: поля, пустыни, степи. Благодаря пению жаворонков некоторые азиатские степи, отличающиеся зачастую весьма большим однообразием, приобретают оживленный вид, кажутся не такими скучными. Парочки одного вида живут в непосредственной близости друг от друга, и весной их совместное пение во всякое время дня увеселяет ухо путешественника. Все жаворонки, живущие на севере, принадлежат к перелетным или, по крайней мере, кочующим птицам. Те, что обитают на юге, — к оседлым или бродячим. Очень далеко они не улетают, и пребывание их на чужбине непродолжительно. Жаворонки первыми прилетают к нам весной и остаются у нас до глубокой осени.

Среди воробьиных птиц они лучшие ходоки, хотя полет их так же замечателен. Если они спешат, то летят весьма быстро, описывая в воздухе большие дуги. Во время же пения, напротив, жаворонки, вспархивая, сразу взмывают к небу, описывая большую спираль; опускаются сначала медленно, а затем вдруг, сложив крылья, камнем падают на землю. Большинство жаворонков хорошие, а некоторые просто замечательные певцы. Песня, которую они поют, небогата звуками, но чрезвычайно разнообразна. Небольшое число звуков, составляющих их пение, соединяется во множество ладов, образуя каждый раз нечто новое. Все виды обладают способностью подражать пению других птиц. Степные жаворонки поют песни, в сущности сходные между собой, потому что каждый из них перенимает и учится у другого.

Пища жаворонков состоит из насекомых и растительных веществ. Летом они питаются жуками, маленькими бабочками, кузнечиками, пауками и личинками. Осенью и зимой едят хлебные зерна и семена растений, весной — насекомых и молодые растения, главным образом хлебные побеги. Зерна они глотают с шелухой и поэтому заглатывают постоянно песок и небольшие камешки, которые способствуют размельчению пищи. Пьют росу, сохранившуюся на листьях, но долгое время могут обходиться и совершенно без воды; они не купаются в ней, а барахтаются в песке.

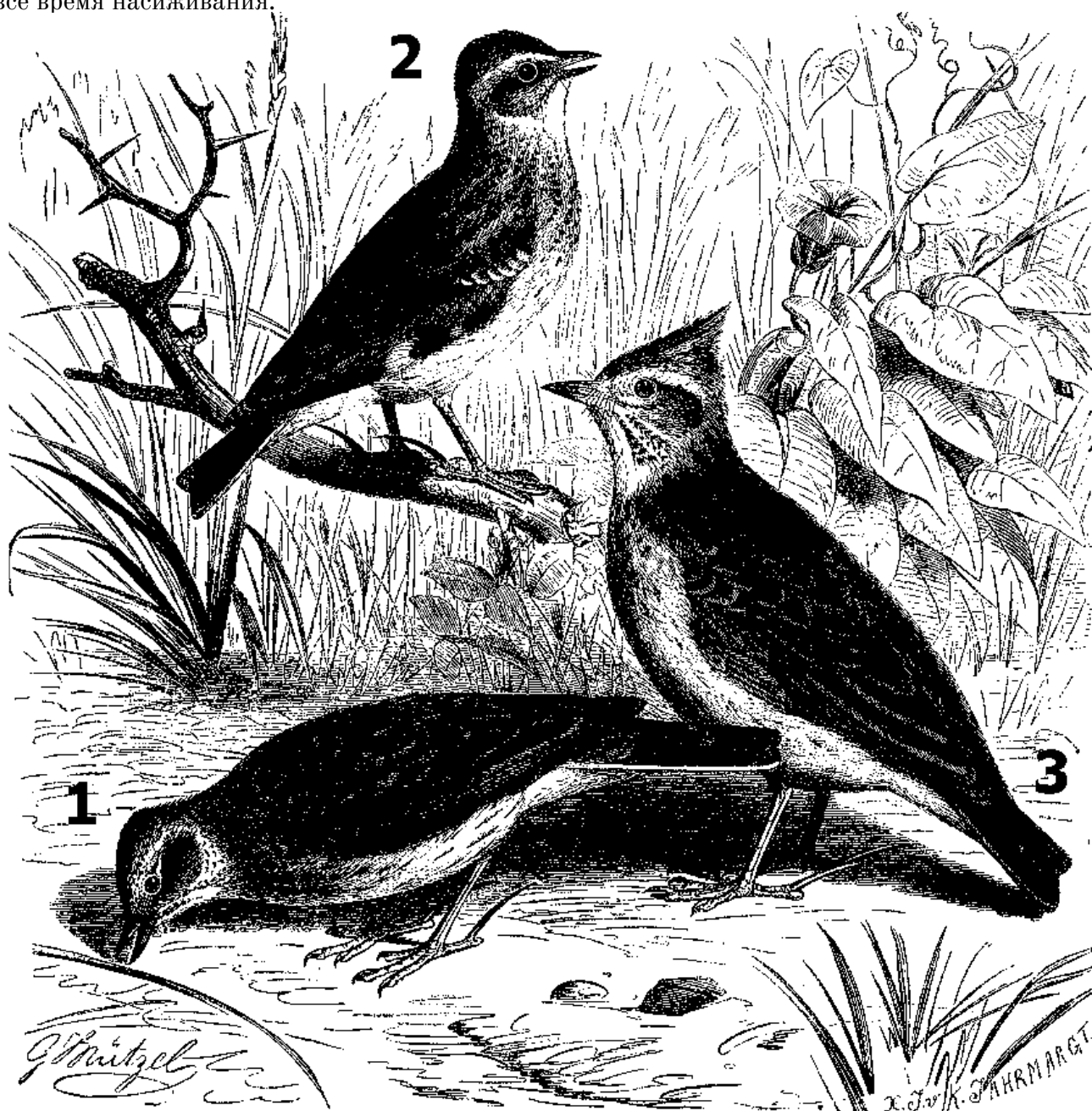
Плохонькое, свитое из одного цвета с почвой стебельков и листьев и поэтому превосходно скрытое гнездо жаворонков находится всегда в углублении, выкопанном ими в земле. Первая кладка состоит из 4—6, вторая из 3—5 яиц.

Всевозможные хищники — млекопитающие, птицы и пресмыкающиеся, а также человек — являются врагами жаворонков. Но они размножаются до того быстро, что потери, понесенные ими в своем составе, легко восполняются; их численность постоянно увеличивается даже при развитии земледелия.

Полевой жаворонок (*Alauda arvensis*) отличается относительно стройным телосложением. Длина его достигает 18 см, размах крыльев 32, длина крыла 10, хвоста 7 см. Перья верхней части тела землисто-бурого цвета, окаймленные на боках бледно-бурой полоской и испещренные пятнами более темного бурого цвета. Уздечка, брови и подбородок буровато-белые. Нижняя часть щек и ушная область ржаво-бурого цвета с темными полосками. Горло, голова, верхняя часть груди и бока такой же окраски, только с более широкими полосками. Нижняя часть тела рыжевато-белого цвета. Маховые перья черно-бурые, причем первое маховое перо с белой каймой, остальные с узкой каймой ржавого цвета, которая у малых задних маховых перьев и их покровных перьев расширяется и на конце также образует ржаво-бурую кайму, благодаря чему получают две поперечные, более светлой окраски полосы. Малые задние и большие передние маховые перья на конце белого цвета; нижние покровные перья крыльев черно-бурые. Рулевые перья буровато-черные, окаймленные с внешней стороны бледно-бурым цветом. Самые же крайние перья — белые с широкой черной внутренней каймой, которая на втором перье с обеих сторон доходит до ствола. Глаза темно-карие, клюв буровато-рогового цвета, ноги желто-буроватые.

Вся Европа, включая северную Норвегию и Россию, и внутренняя часть Азии, от лесной границы на южных горах до гор, окружающих степи на севере, считаются родиной жаворонков, которые в зимнее время добираются до северной Африки и южной Индии. В Туркмении Вальтер наблюдал их во время перелета только в феврале и марте.

Для нас полевой жаворонок является предвестником весны, потому что он прилетает во время таяния снега. К концу марта эти птицы уже большей частью занимают свои места, живут на них в продолжение всего лета и только поздней осенью приступают к своему зимнему путешествию и перелетают на юг Европы и уж никак не дальше северной Африки. Эта птица непостоянная: в редких случаях остается подолгу на одном и том же месте, беспрестанно перебегает и перелетает с места на место, ссорится и дерется с другими жаворонками и, между прочим, поет или издает свой призывный звук. Ходит полевой жаворонок хорошо. При тихой походке нагибается на каждом шагу вперед. Во время бега движениями своими напоминает кулика. Летает прекрасно, но по-разному, в зависимости от той цели, которую он преследует. Во время быстрого полета он подвигается вперед большими дугами, при этом он то складывает крылья, то снова быстро трепещет ими. Во время пения его полет, как всем известно, отличается медленностью, он часто как бы парит и равномерными ударами крыльев поднимается все выше и выше. На земле жаворонок нередко становится на земляные кочки, небольшие бугорки или камни, иногда садится на верхушку куста, дерева или столба и часто возвращается к своим излюбленным местам. Его призывный крик заключается в довольно приятном звуке «геррр» или «геррел», к которому присоединяются «трит» или «тип». Около гнезда слышится звонкое «титри», гнев выражает он трескучим звуком «шерререрр». Всем известная песня жаворонка, радующая сердце и оживляющая поля и луга долин и холмистых местностей и даже не особенно топкие болота, начинается сразу после его прилета и продолжается во все время насживания.

1 — Полевой жаворонок (*Alaiida arvensis*) 2 — Лесной жаворонок (*Lullula arborea*) 3 — Хохлатый жаворонок (*Galerida cristata*)

Неутомимее всякой другой птицы поет он, не умолкая, с раннего утра и до вечерних сумерек. Его песня состоит пусть из немногих, но зато звонких, чистых и сильных звуков, то звенящих и рассыпающихся трелями, то звучащих тонким свистом. Вариации эти различными певцами исполняются весьма разнообразно, а некоторые артисты обогащают их еще и некоторыми звуками, заимствованными у других птиц. Щебечут даже самки, а молодые самцы, всего несколько недель тому назад покинувшие гнездо, тоже начинают испытывать свои голосовые силы. Жаворонки, вынутые из гнезда в молодости, часто выучиваются в точности перенимать пение других птиц.

С остальными видами полевой жаворонок живет в мире только во время перелета и на зимних квартирах. Пока самец одной парочки увлечен любовью, он дерется со всяким самцом, который попадается ему на глаза, и часто весьма упорно. Оба бойца хватают и треплют друг друга, но весьма нередко в драку вмешивается третий самец, и тогда они, сцепившись втроем, кружась, падают с высоты на землю. Здесь драка прекращается, но в следующее мгновение возобновляется снова. Иногда два соперника нападают друг на друга на земле, при этом они принимают позы, сходные с позами дерущихся петухов. Драки происходят с большим ожесточением, хотя, конечно, без существенного вреда для кого-либо из сражающихся. Победенный принужден улететь, победитель же с веселым криком возвращается к своей самке, которая, по словам Наумана, весьма нередко принимает участие в потасовках самцов. Вследствие этих ссор место гнездования жаворонка занимает больше территории, чем нужно. У нас на пространстве сто квадратных метров едва ли насчитывается более двух парочек, тогда как в степях на такой же территории живет втрое больше парочек жаворонков, причем разных видов. Самцы этих парочек хотя и ссорятся, но все-таки относительно мирно живут друг около друга.

Гнезда жаворонки свивают обыкновенно на хлебных полях, лугах, но иногда также и в болотистых местностях на возвышенных буграх, поросших травой или осокой и окруженных со всех сторон водой. Небольшое углубление, в котором помещается гнездо, в случае нужды выкапывают оба жаворонка или иногда просто углубляют и подновляют его. Затем самка при помощи самца свивает в нем из старых соломинок, травы, нежных корешков и стебельков незатейливое гнездо, иногда еще выкладывает его внутри конскими волосами. Кладка состоит из 3—6 желтовато-зеленых или красновато-белых яиц, достигающих 22 мм в длину и 15 мм в ширину и покрытых множеством серовато-бурых или серых пятен, образующих различные узоры. Самец и самка сидят на яйцах по очереди и насиживают их в течение 15 дней*.

** Период насиживания у полевого жаворонка составляет 11 дней, причем насиживает только самка.*

Когда птенцы научатся бегать, то покидают гнездо. Родители приступают ко второй, а в теплом время и к третьей кладке, после того как птенцы делаются самостоятельными **.

*** В наиболее оптимальных, южных частях ареала жаворонка некоторые пары могут иметь даже 4 выводка за сезон.*

Кроме маленьких четвероногих хищников, начиная с домашней кошки и кончая лисицей и лаской, птенцов жаворонков истребляют также ястребы, вороны, дрофы, аисты; настоящие соколы, голубятники и кобчики опасны и старым жаворонкам. Как ведут себя жаворонки при виде голубятника, самого страшного их врага, я сообщу в другом месте. Особенного внимания заслуживает тот факт, что человек, промышляющий охотой на жаворонков, является далеко не самым злостным истребителем этих птиц по сравнению с перечисленными врагами. Процветающее земледелие не уменьшает численности полевых жаворонков, а напротив, способствует их размножению. В Новой Зеландии, например, жаворонки прижились и быстро размножились. И теперь земледельцы жалуются на вред, который приносят эти птицы, уничтожая хлебные всходы. Причем, как говорят, пение их ухудшилось настолько, насколько увеличился вред от них. Эти птицы были завезены также и в Америку. Первую неудачную попытку предприняли лет тридцать назад в штате Делавэр. Вторая, увенчавшаяся небольшим успехом, была сделана двадцать лет назад близ Нью-Йорка. В Нью-Джерси же, где, по словам Нерлинга, Исаак Энгланд в 1881 году выпустил разом 42 парочки, попытка эта увенчалась большим успехом. Кроме того, по словам Дрессера и Шарпе, наш полевой жаворонок наблюдался и в Гренландии, и на Бермудских островах.

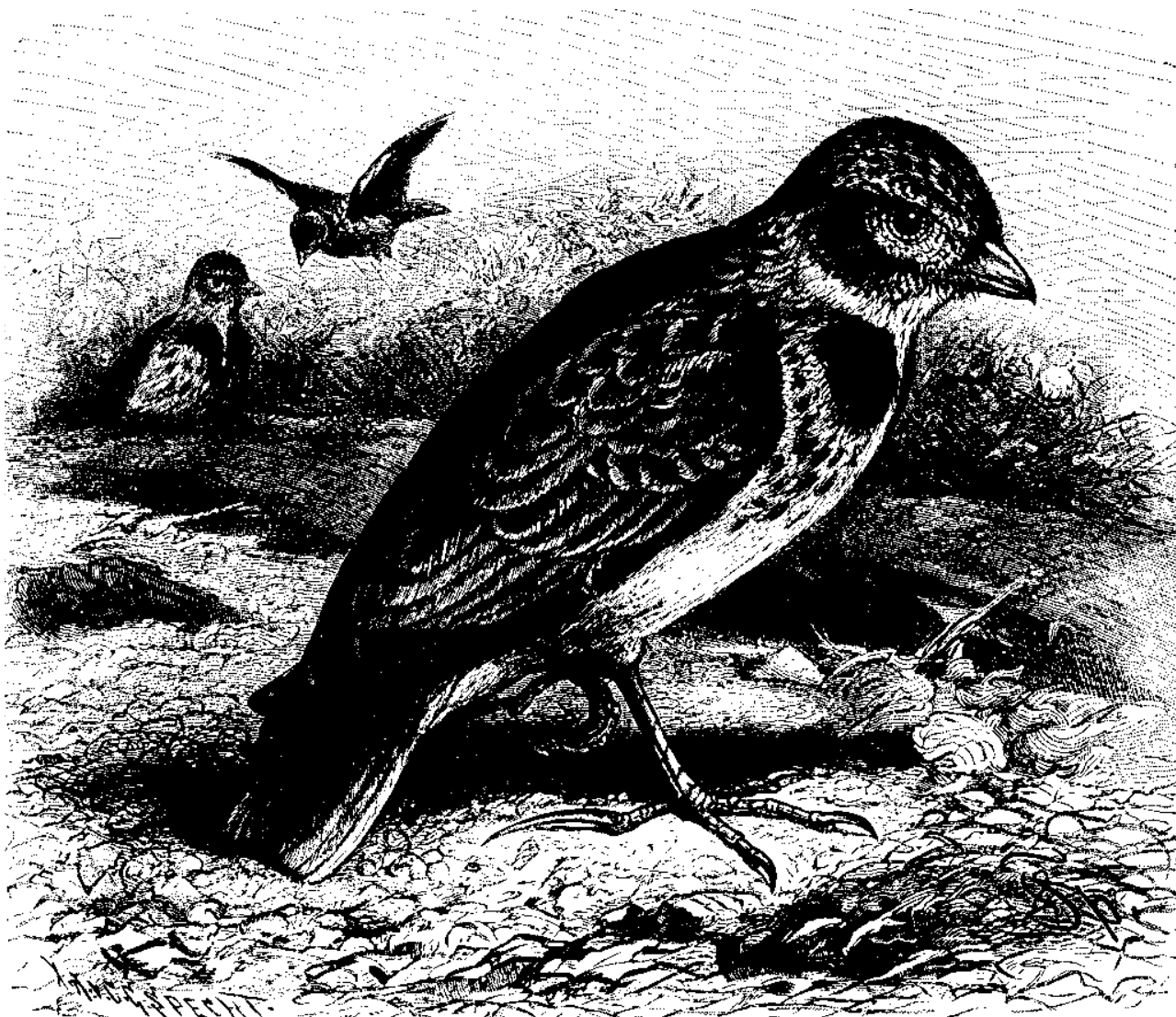
Степной жаворонок (*Melanocorypha calandra*) считается превосходным певцом. Отличается сильным сутуловатым туловищем, необыкновенно большим и толстым клювом, длинными сильными

ногами с относительно длинными пальцами, вооруженными сзади очень большим когтем. Длина тела достигает 21 см, размах крыльев 44, длина крыла 13, а хвоста 7 см.

Родиной степного жаворонка является южная Европа, в особенности Средиземноморье: Италия, Далмация, Греция, южная Италия и Испания, а также северо-западная Африка и степи Туркестана. Из этих областей он перекочевывает иногда в северо-восточную Африку и очень редко — в страны, лежащие по верхнему течению Нила. Обитает также в Палестине, Персии, Средней Азии и северо-западных провинциях Индии. Охотнее всего селится на сухих безводных полях или обширных выгонах, в Азии же — в степях, в которых он значительно превосходит как по количеству экземпляров, так и в других отношениях.

По своему образу жизни степные жаворонки в сущности не отличаются от наших полевых жаворонков. В период размножения они также живут парочками в определенном районе, из которого ревностно изгоняют всех представителей своего вида. По окончании периода размножения птицы сбиваются в стаи, которые иногда достигают довольно значительных размеров. В лесистых равнинах у верховья Голубого Нила я встретил однажды подобную стаю, численность которой, вероятно, превышала тысячу штук. Характерным отличием степных от наших и всех прочих известных мне жаворонков является их походка. Во время ходьбы они держатся чрезвычайно прямо. Степные жаворонки замечательны также своим превосходным пением. Всякий, кто слышит их пение первый раз, в изумлении останавливается, чтобы с восторгом внимать ему. Их песня отличается от песен известных мне жаворонков прежде всего разнообразием звуков, а так же большой полнотой и силой исполнения. В своих песнях степные жаворонки соединяют, перемешивают и переиначивают песни других жаворонков, живущих в степях, и передают их уже в облагороженном виде. Благодаря этому, а также их могучему голосу их пение выделяется среди прекрасного пения других жаворонков, которое весной непрерывно льется из поднебесья на землю. Но не все степные жаворонки достигают в этом полного совершенства, так как не все приноравливают свои неистощимые голосовые данные к пению, приятному для человеческого уха. Однако некоторые из них прямо-таки несравненные мастера своего дела.

"Насколько степной жаворонки превосходит остальных представителей своего семейства величиной, — говорит Цетти, — настолько же он превосходит их и пением.

Степной жаворонок (*Melanocorypha calandra*)

В этом отношении степной жаворонок может поспорить с любой другой птицей. Его обычный голос мне кажется не особенно приятным щебетаньем, но благодаря способности к подражанию жаворонок воспринимает все, что ему приходится слышать, а его артистическое горло воспроизводит слышанное в улучшенном виде. Он представляет собой эхо всех птиц. Достаточно вместо других птиц послушать его.

Степной жаворонок одинаково подражает как крику хищных птиц, так и мотивам певчих, его голос рассыпается на тысячи переплетающихся между собой звуков и трелей. Он выучивает все, что ему сыграешь; для флейты трудно найти ученика лучше его. Жаворонок нисколько не кичится своими способностями, но поет с утра до вечера. Вполне достаточно одну птицу этого вида поместить в клетку у окна, чтобы чудесными звуками наполнилась вся окрестность. Она является радостью и гордостью своего хозяина, ею восторгаются все прохожие».

Чтобы поймать этого певца, которого, кстати, в Испании очень любят и ценят, ловцы идут ночью на поляны. Некоторые из них несут пастушьи колокольчики, другие потайные фонари, остальные — ручные сетки. Жаворонков ослепляют светом фонарей, но те, слыша звук колокольчиков, поддаются обману, воображая, что к ним приближается стадо рогатого скота или баранов. Прижавшись к земле, птицы спокойно ожидают приближения ловцов, которые покрывают их сетями или даже попросту берут руками. Мой брат однажды присутствовал при подобной охоте.

В степях восточной Европы и северной Азии наряду с этим жаворонком встречается более мелкий вид **белокрылый жаворонок** (*Melanocorypha leucoptera*).

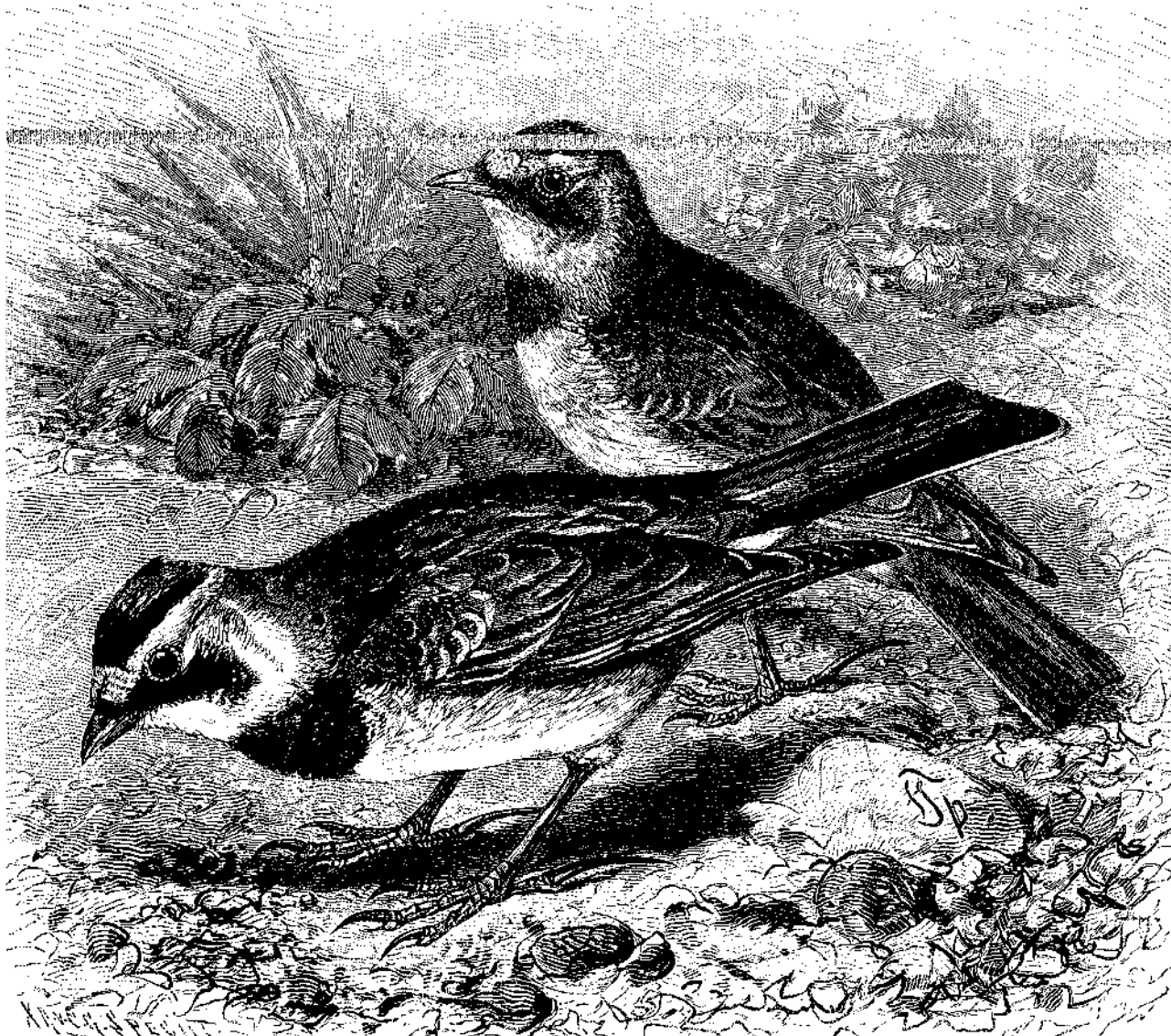
В азиатских степях вместе со степным жаворонком живет приблизительно одинаковой с ним величины **черный жаворонок** (*Melanocorypha yeltoniensis*), который иногда залетает и в Западную Европу. Его осеннее оперение совершенно черное. Шейные нижние перья, плечи, малые задние маховые и хвостовые перья окаймлены на конце ясной полосой бледно-желтого цвета, на перьях же обеих сторон груди эта полоса не столь ясная. К весне бледно-желтые каймы становятся ярче, и птица делается совсем черной. Глаза у нее темно-голубые, клюв серого рогового цвета, ноги черные. У

самки верхние части тела бледно-буроватые с темными полосками, нижние части тела белые с черноватыми полосками, сливающимися по сторонам в большое пятно. Живот буроватый и покрыт черными полосками, маховые и хвостовые перья черно-бурые, окаймленные снаружи черно-бурой полосой, первые маховые и хвостовые перья снаружи по обеим сторонам белые. Длина тела достигает 30 см, крыла 14, хвоста 8 см.

Солончаковые степи Средней Азии из года в год служат постоянным местопребыванием этим жаворонкам. По-видимому, они не перекочевывают на большие расстояния, но в холодное время года отыскивают себе места, на которых недолго лежит снег. Эверсман видел этих птиц зимой огромными стаями. Радде также встречал их в весьма большом количестве. Во время нашего путешествия по Сибири мы видели черных жаворонков в степях довольно часто, так что я мог составить себе представление, хотя и не совсем полное, об их летнем образе жизни.

Они ни в коем случае не живут только на черноземной почве, как это следовало бы ожидать, но селятся в самых разнообразных местностях, хотя опять-таки далеко не везде. На мой взгляд, их можно отнести к одним из самых прелестнейших птиц, населяющих степь. Там, где жаворонки встречаются, они живут парочками, довольно далеко друг от друга. Большие черные птицы, уже издали заметные на светлой почве, являются своеобразным украшением местного ландшафта. Черный жаворонок, как и другие жаворонки, бегают быстро, мелкими шагами, летает низко, поспешно, со многими изгибами, часто махая крыльями. Высокий же полет его чрезвычайно своеобразен. Хотя черный жаворонок и походит более всего на степного жаворонка, но тем не менее он отличается от него каким-то особенным, только ему свойственным порханием, когда опускается с высоты на землю.

Одним из прелестнейших видов этого семейства должен считаться **рогатый жаворонок** (*Eremophila alpestris*), который имеет чрезвычайно густое оперение, замечательное своей пестротой и тем, что около ушей находится два пучка перьев. Длина птицы достигает 17 см, размах крыльев 32, длина крыла 11, хвоста 7 см.

Рогатый жаворонок (*Eremophila alpestris*)

Этого жаворонка называют еще «альпийский жаворонок». Это название он получил не по Швейцарским, а по северным Альпам. Рогатый жаворонок является жителем тундр, который в настоящее время гнездится в этом крае повсюду. Он одинаково хорошо чувствует себя как в Старом, так и в Новом Свете. Благодаря Вальтеру нам стало известно, что единичные экземпляры рогатого жаворонка встречаются летом даже в Закавказье и на восточной стороне Каспийского моря — у Красноводска. «Таким образом, — пишет Вальтер, — эта птица живет в местностях, лежащих более чем на 20 м ниже уровня моря». Птенцы, способные летать и уже сбившиеся в стаи, встречались здесь в конце мая*.

* *Полупустынные и пустынные районы Казахстана. Средней и Центральной Азии населяют рогатые жаворонки, относящиеся к особым подвидам, адаптированным к жизни на засушливых территориях.*

Рогатый жаворонок в прежние времена принадлежал к редким птицам в северо-западной Европе, но в последнее пятидесятилетие стал очень распространенным и в настоящее время в северной Скандинавии представляет собой обычное явление. По моим наблюдениям, он не живет в высоких горах Лапландии, но обитает там на морском берегу и самое большее поднимается на высоту 150 м над уровнем моря. Однако здесь жаворонок встречается только на каменистой почве. Он селится как в безлюдных районах, так и в непосредственной близости от жилищ. В конце октября птица покидает тундры Лапландии, в середине сентября — те области, где гнездится. В Сибирь возвращается почти всегда в начале мая, а в Лапландию прилетает в середине апреля. К концу этого месяца парочки, живущие в Финмаркене, уже свивают гнезда и обыкновенно откладывают яйца. Во время своих зимних перелетов эти птицы постоянно посещают берега Балтийского моря. С тех пор, как они поселились в Финмаркене, это случается чаще прежнего.

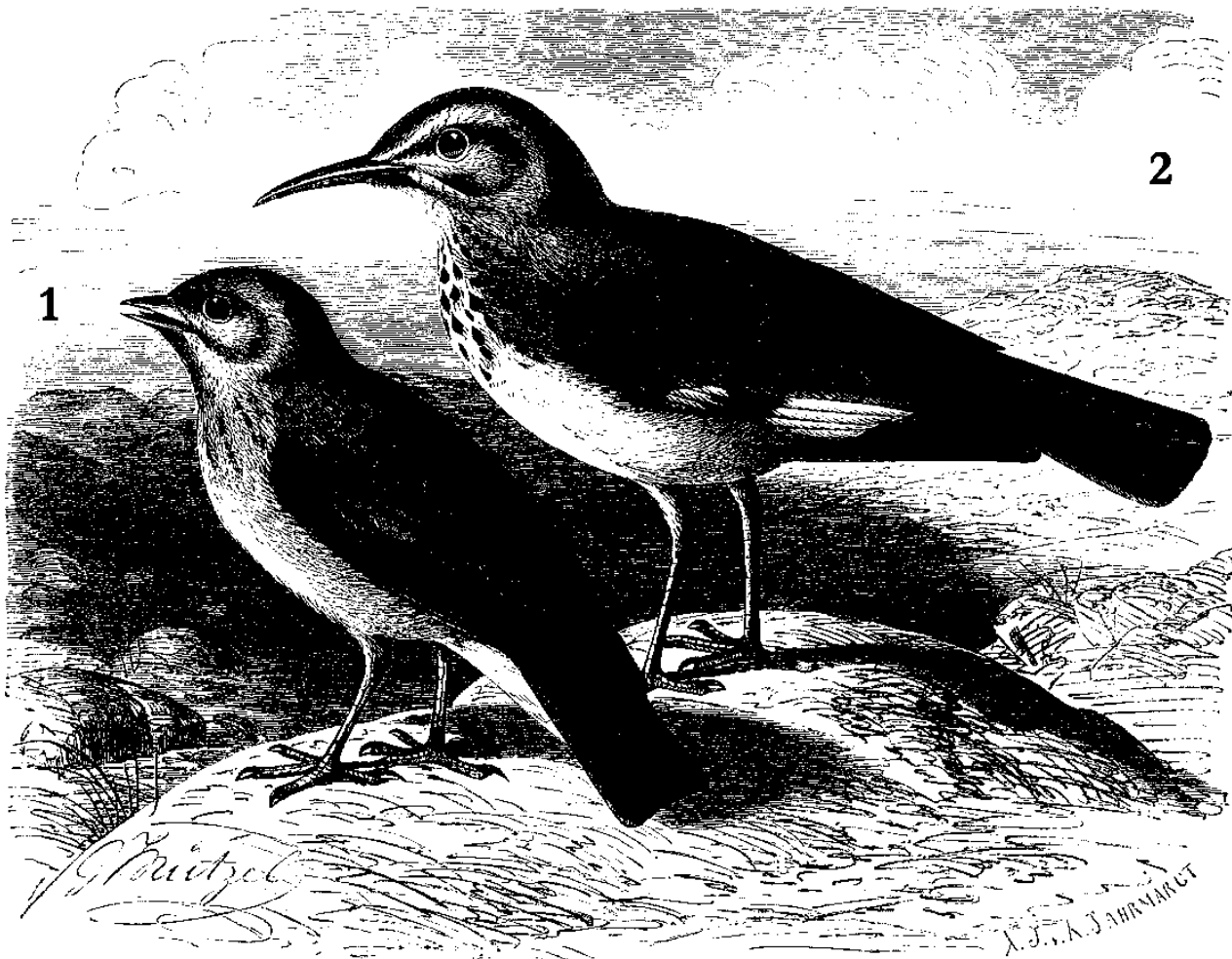
По своему образу жизни и привычкам рогатый жаворонок до того похож на полевого, что я между ними не мог найти существенной разницы. Только я никогда не замечал, чтобы он во время пения поднимался на воздух. Свою простенькую песню жаворонок поет, гораздо чаще сидя на камне или на сучке дерева. По словам же Коллета, рогатый жаворонок поднимается на воздух и во время пения, причем поет совершенно иначе, чем сидя. Пища его состоит из растительных веществ, в основном семян, а также из насекомых, главным образом комаров и их личинок, которыми изобилуют все тундры и которыми он вскармливает своих птенцов. Его довольно искусно свитое гнездо находится в глубине почвы, внутри оно весьма чисто выложено тонкими стебельками и даже растительным пухом и нежной шелухой семян. Отыскать такое гнездо в тундре чрезвычайно трудно. Кладка состоит из 4-5 желтоватых яиц, около 22 мм длиной и 17 мм толщиной, покрытых необыкновенно тонкими полосками более темного цвета, которые на толстом конце часто образуют как бы венчик. Насиживает ли яйца одна самка или обе птицы поочередно, я не знаю**, но, во всяком случае, мне известно, что снежные жаворонки не любят, когда их гнезда трогают, и часто из-за этого покидают гнездо и яйца.

* * *У рогатого жаворонка насиживает кладку только самка.*

В пустыне существует особый вид жаворонков, окраска которых совершенно сливается с цветом песка. Пустынные жаворонки отличаются толстым клювом, короткими пальцами, из которых задний вооружен коротким прямым когтем, длинными острыми крыльями, относительно большим, посередине в большей или меньшей степени выемчатым хвостом и окраской пестрого или светло-желтого цвета.

Пустынный жаворонок (*Attotapes deserti*). В длину достигает 16 см, размах крыльев 23, длина крыла 9,5, хвоста 6,5 см.

Область распространения жаворонка занимает большую часть северной и северо-восточной Африки, западную Азию и среднюю Индию. Иногда, хотя и очень редко, он залетает в южную Европу.

1 — Пустынный жаворонок (*Ammomanes deserti*) 2 — Большой удодовый жаворонок (*Alaemon alaudipes*)

Пустынные жаворонки не боятся людей. Мне доставляло истинное удовольствие подходить к ним на близкое расстояние, и я с восторгом смотрел, как они с полным доверием входили в палатку пастуха-кочевника, временно остановившегося около колодца. Арабам и в голову не приходит прогонять этих доверчивых птиц, да и европейцы тоже до того привязываются к ним, что ни за что не хотят убивать их.

Большой удодовый жаворонок (*Alaemon alaudipes*) бледного красновато-желтого цвета. Длина тела достигает 22 см, крыльев 12, хвоста 9 см.

Область распространения удодовых жаворонков, которых несколько раз случилось убивать и в южной Европе, занимает всю северо-восточную Африку, западную Азию, Палестину, Персию и Синд. В пустынях северо-восточной Африки они встречаются довольно часто, в травянистых же степях я их никогда не замечал. В особенно большом количестве я их наблюдал между Каиром и Суэцем. Я их никогда не встречал стаями, но обыкновенно или парочками, или, в крайнем случае, небольшими семейками из 4-6 штук. Парочки живут близко друг к другу и, по-видимому, весьма часто и миролюбиво посещают соседей.

Удодовые жаворонки бегают вприпрыжку и необыкновенно быстро, почти как пустынные беговые птицы, так что их бег скорее похож на походку бегунка, чем на жаворонка. Летают они легко, часто парят, а еще чаще летят совершенно прямо; на воздух поднимаются не медленно, подобно прочим жаворонкам, но возносятся на высоту весьма быстро, делая частые взмахи крыльями. Достигнув высоты, жаворонки несколько мгновений парят на одном месте, а затем вдруг, сложив крылья, падают на землю или на кустик, с которого сейчас же спрыгивают и поспешно бегут дальше. При случае они повторяют эту забаву несколько раз подряд с короткими промежутками. Мне кажется, что подобные воздушные фокусы исполняются одними самцами и являются как бы игрой, затеваемой для того, чтобы порадовать самку. Парочки между собой живут необыкновенно дружно: они постоянно бегают рядом и поднимаются на воздух почти одновременно. По-видимому, желание одного для другого закон. Человека удодовые жаворонки не боятся нисколько. К станционным домам железной дороги между Каиром и Суэцем они приближаются с доверчивостью хохлатых жаворонков: я несколько раз встречал их внутри обширных дворов этих построек. Они близко

подпускают к себе охотника, но в случае преследования вскоре делаются необыкновенно пугливыми. Их голос состоит из грустного, жалобного свиста, пение, собственно, заключается только в повторении нот призывного крика, к которому присоединяется трель. Могу еще добавить, что эти птицы так же, как и прочие, распространенные в пустыне, по-видимому, способны обходиться совсем без воды, так как их часто встречаешь на расстоянии многих километров от нее.

В желудке убитого мной удодового жаворонка я нашел только насекомых. Несмотря на это, я не могу утверждать, что эти птицы пренебрегают семенами.

Семейство ласточковые

Ласточковые — это маленькие, красиво сложенные, широкогрудые птички с короткой шеей и плоской головой. Клюв короткий, плоский, гораздо шире у основания, чем на конце, и поэтому почти треугольный, с немного согнутым концом надклювья. Ротовое отверстие простирается до глаз. Ноги короткие, слабые и снабжены маленькими коготками. Крылья длинные, узкие и острые. Хвост всегда раздвоенный, часто очень глубоко. Перья короткие, плотно лежащие; на верхней стороне — большей частью с металлическим блеском. Оба пола мало отличаются между собой в окраске. Птенцы же, напротив, в течение короткого времени несколько отличаются по окраске от своих родителей.

Ласточковые, нам известно приблизительно 120 видов* этого семейства, распространены по всем странам света, на всех широтах и высотах, хотя севернее Полярного круга встречаются по одиночке и едва ли выводят там птенцов.

** В настоящее время признается существование 77 видов ласточек, объединяемых в 17 родов.*

Многие из них ищут себе убежища в жилищах человека, другие поселяются на отвесных скалах и обрывах, некоторые выбирают деревья для постройки гнезда. Все виды, гнездящиеся в странах, где зима по температуре очень отличается от лета, принадлежат к перелетным птицам, те же, что живут в странах, где зима мало отличается от лета, в крайних случаях перелетают с места на место в пределах области. Некоторые естествоиспытатели утверждали, что отдельные виды ласточек зимуют в холодных странах, зарывшись в ил, и даже впадают в зимнюю спячку. Подобные утверждения не имеют, однако, под собой никакого основания. Наши среднеевропейские ласточки улетают во внутреннюю Африку и даже добираются до самых южных ее стран. Я сам в течение моего пятилетнего пребывания на этом материке видел их летящими на юг или возвращающимися на север. Я еще могу допустить, что при внезапно наступающем холоде весной или осенью некоторые ласточки могут искать убежища в норах, но о настоящей зимней спячке, конечно, не может быть и речи, несмотря на утверждения всех «достоверных свидетелей», начиная с Аристотеля и кончая некоторыми современными наблюдателями.

Ласточек справедливо считают благородными птицами; как в физическом, так и в нравственном отношении они хорошо одарены. Большую часть жизни они проводят в полете. Походка их на земле очень неловкая, но все-таки она гораздо лучше, чем неуклюжее ползание, по-видимому, очень близких к ним стрижей**. Для отдыха ласточки охотно садятся на деревья, выбирая при этом тонкие безлиственные ветки и сучки, которые не мешают им прилетать и улетать. Все ласточки причисляются к певчим птицам. Пение их представляет собой приятное щебетание, радующее каждого. Ласточки не только веселые, общительные, уживчивые, но также умные и понятливые птицы. Они не просто смелы, но даже храбры. Ласточки внимательно изучают обитаемую местность, приучаются отличать друзей от врагов и доверяют только тем, кто этого достоин. Их жизнь и привычки пленяют нас. Их доверчивость сама обеспечивает им защиту и гостеприимство даже у самых грубых людей.

** * На самом деле это не так. Стрижи и ласточки обладают только внешним морфологическим сходством, поскольку? и те, и другие ловят насекомых в воздухе. На самом же деле их анатомия показывает, что эти птицы совсем не родственники, поэтому их помещают в разные отряды.*

Все ласточки принадлежат к насекомоядным птицам. Они преследуют и ловят преимущественно двукрылых, сетчатокрылых и перепончатокрылых, большей частью мух и комаров, но также маленьких жуков и т. п. Охотятся ласточки только на лету и не в состоянии собирать сидящих насекомых. Они глотают пойманную добычу, не размельчая ее. Пьют ласточки на лету и купаются так же. Рея непосредственно над самой поверхностью воды, они внезапно опускаются и погружают в воду клюв или часть тела, затем обсушиваются, потряхивая или подергивая перышками.

Большинство видов строит искусные гнезда, наружные стенки которых состоят из комков глины, слепленных клейкой слюной. Другие с большим трудом выкапывают себе отверстия в твер-

дой почве земляных обрывов, расширяют их на конце и закладывают там гнездо, состоящее преимущественно из сложенных в беспорядочную кучу перьев. Они кладут 4-6 яиц, которые высидит одна самка*.

* *Кладки разных видов ласточек содержат от 1 до 8 яиц, у тропических видов в гнезде обычно по 2 — 3 яйца, у видов более северных широт — по 4 — 6. У колониальных видов ласточек в насиживании участвуют попеременно и самец, и самка.*

Благодаря своей ловкости в полете ласточки избегают многих врагов, преследующих мелких птичек. Однако во всех странах существуют соколы, которые умеют ловить самых быстрых ласточек. Кроме того, кошки, куницы, ласки, крысы и мыши разоряют птичьи гнезда, они также нападают на неловких еще молодых ласточек. Человек обычно не причиняет вреда этим полезным и во многих странах священным птицам, но, напротив, защищает их.

Деревенская ласточка (*Hirundo rustica*). Ее длина 18 см, размах крыльев 31, длина крыла 12, длина хвоста 9 см. Верхние части и широкий пояс на зобе черно-синие, с металлическим отливом. Лоб и горло ярко-каштанового цвета. Остальные нижние части тела светлого ржаво-желтоватого цвета. У самки все цвета бледнее, нежели у самца, а у молодых птиц с сильно матовым оттенком.

Область гнездования деревенской ласточки занимает всю Европу, но не выходит за Полярный круг, распространяется также на западную и Среднюю Азию, а область странствования ее сверх того занимает еще и Африку, южную Азию и большие острова в южном полушарии. Деревенская ласточка с самой глубокой древности добровольно привязалась к человеку и приютилась в его доме. И если только человек ей дозволяет, она селится и во дворце, и в хижине. Только там, где надлежащие помещения отсутствуют, ласточка довольствуется подходящими выступами на крутых скалах, которые, впрочем, она во всякое время года готова сменить на первый прочно стоящий дом, даже построенный в пустыне. Она пробует приютиться и на юртах кочевников. Ее привязанность к человеческим жилищам обеспечила ей нашу любовь, а ее ежегодные странствования в северных странах издревле приучили народ считать прилет ласточки предвестником радостной весны, а отлет — началом скучной осени.

Деревенская ласточка, как пишет Науман, чрезвычайно живая, смелая, резвая птичка, всегда очень нарядная, веселый характер которой портится с наступлением дурной погоды, следствием которой является недостаток пищи. «Несмотря на кажущуюся нежность и миниатюрность, она выказывает все-таки в некоторых своих действиях много энергии. Ее полет и поведение во время его, поддразнивание других ласточек и храбрость, с которой она преследует хищных птиц и зверей, доказывают это. Она летает быстрее, разнообразнее и ловче всех наших ласточек. Деревенская ласточка парит и носится, устремляясь вперед, или летит, припархивая, бросается с быстротой молнии то вбок, то вверх, то вниз. Вдруг падает, описывая короткую дугу, почти до земли или до зеркальной поверхности воды, затем поднимается таким же образом до значительной высоты. Все это выделяет она с такой ловкостью, что приводит вас в изумление. Эта птичка может даже перевертываться на лету. Она с большим искусством пролетает сквозь узкие отверстия, не задевая стенок. И умеет на лету купаться, для чего и носится над самой поверхностью воды, быстро окунается, остается мгновение в воде и, отряхиваясь, летит дальше. Такое купанье, прерывающееся на несколько мгновений ее полет, она повторяет несколько раз, и ванна окончена».

Среди органов чувств у ласточки на первом месте стоит зрение. На довольно большом расстоянии она видит маленькое насекомое, когда оно летит, и преследует его, руководясь только зрением. Слух у нее тоже хорошо развит, и, конечно, ей нельзя отказать в осязании, т.е. в способности ощущать. Относительно же обоняния и вкуса мы не имеем никаких данных. Ее умственные способности, может быть, часто преувеличивают. Это объясняется тем, что у ласточки на самом деле наблюдается обдуманность и понятливость. Она верно оценивает обстоятельства и явления, ясно отличает друга от врага, миловидно дразнит опасных для нее животных и дружелюбно живет с теми, кого по опыту считает безвредными.

1 — Деревенская ласточка (*Hirundo rustica*), 2 — Воронок (*Delichon urbica*)

Различные мелкие виды насекомых, преимущественно двукрылые и сетчатокрылые, а также бабочки и жуки составляют пищу этой ласточки. Пчел с ядовитым жалом она не ест. Ласточка охотится только на лету и неспособна ловить сидячую добычу. Поэтому она находится в большой нужде в случае продолжительного ненастья, которое заставляет насекомых скрываться в своих убежищах. Ласточка тогда робко старается, летая очень близко от сидящих насекомых, вспугнуть их и заставить полететь. В зависимости от погоды и времени дня она охотится или в высших, или в низших слоях воздуха, вследствие чего люди считают ее предвестником погоды. Хорошая погода доставляет птице богатую добычу, что делает ее бодрой и веселой, дурная погода, напротив, заставляет ее голодать, ласточка становится тихой и грустной. В результате своей чрезвычайной

подвижности она нуждается в несоразмерно большом количестве пищи и ест все время, пока летает.

Деревенская ласточка располагает и строит гнездо иначе, чем другие родственные виды. Когда это возможно, она строит гнездо внутри здания, так что оно сверху защищено крышей. Перекладина на крыше скотного двора, или сени крестьянской избы, или чердак, куда не доходит метла служанки, или всякое другое место, удовлетворяющее скорее вкусу художника, нежели чувству чистоплотной хозяйки, — одним словом, обветшалые, развалившиеся, защищенные от сквозного ветра и непогоды углы — вот места, выбираемые ласточкой для постройки гнезда. Может случиться, что в подобных местах поселяются целые компании. Самое гнездо прикрепляется на балке или преимущественно на неровностях стены или на местах, заделанных выступающими планками. Гнездо походит на четвертушку пустого шара. Стенки его утолщаются близ места прикрепления, а в общем горизонтальный край гнезда у стены по большей части несколько приподнимается. Ширина гнезда приблизительно 20 см, глубина 10 см. Материалами для его постройки служит глинистая или, по крайней мере, жирная земля, собранная в комочки, покрытые слюной и осторожно склеенные. Ласточки редко употребляют другие материалы. Впрочем, я получил гнездо, которое исключительно состояло из размельченного костяного угля, склеенного обычным образом. Тонкие стебельки и волосы, вплетенные в стенки гнезда, служат для упрочения постройки. Главным же цементом является слюна. В хорошую погоду пара ласточек оканчивает постройку стен гнезда в течение восьми дней. Затем внутренность его выстилается тонкими стебельками, волосами, перьями и другими мягкими веществами, и вот колыбель для птенцов готова. Гнездо ласточек, построенное в защищенном месте, служит им долгие и долгие годы, причем не только самим строителям, но и последующим поколениям. Кое-какие недостатки в постройке тщательно исправляются парочкой до начала высиживания яиц. Внутренняя выстилка каждый раз аккуратно возобновляется. В остальном же постройка не изменяется во все время ее существования. В мае самка кладет 4-6 нежных яичек 20 мм длиной и 14 мм шириной, с тонкой скорлупкой, покрытых по чисто белому фону пепельными и красно-бурыми пятнышками. Высиживает она их без помощи самца и при хорошей погоде через 12 дней выводит птенцов. При дурной, особенно холодной и дождливой погоде она должна покидать яйца на несколько часов, чтобы достать себе необходимую пищу, и тогда может случиться, что птенцы выведутся только через 17 дней. Широкоротые птенцы прилежно выкармливаются обоими родителями, растут быстро при благоприятных условиях, скоро начинают выглядывать через край гнезда, и если все идет удачно, уже на третьей неделе своей жизни могут следовать за родителями. Затем родители кормят их еще некоторое время.

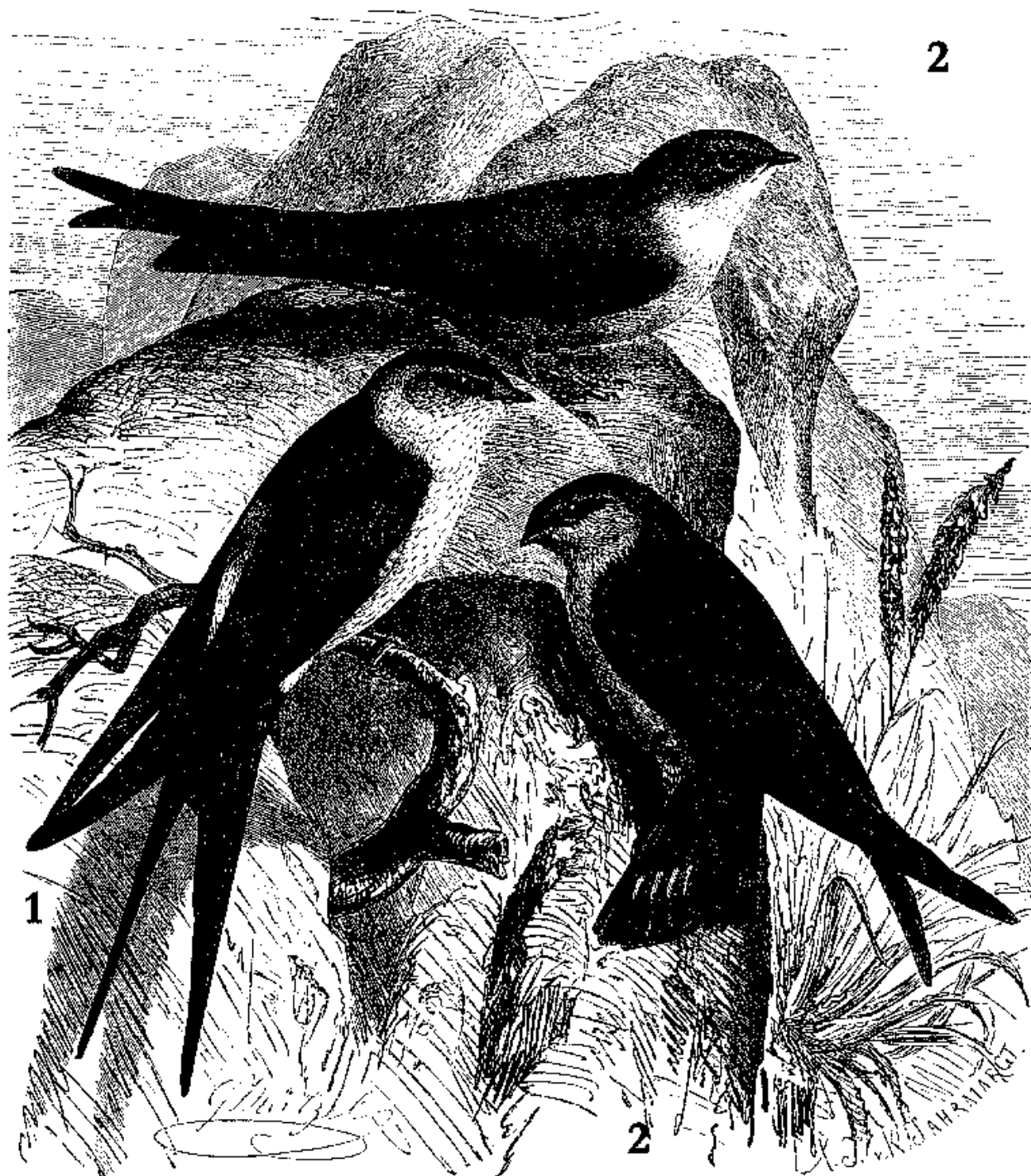
Несмотря на природную ловкость и привязанность к человеку, ласточке угрожают многие опасности. В германской деревне самым опасным для нее является чеглок. В южной Азии и средней Африке эту роль исполняют его сородичи. Ласточкам досаждают все животные, живущие в домах, а более всего крысы и мыши. Иногда к этим врагам присоединяется и человек. В Италии и Испании негодные охотники ежегодно убивают сотни тысяч ласточек, хотя испанская пословица гласит: кто убивает ласточку, тот убивает свою мать.

Рыжепоясничная ласточка (*Hirundo daurICA*). По образу жизни, поведению, привычкам и физическим данным рыжепоясничная ласточка очень похожа на деревенскую, с той разницей, что она лишь в исключительных случаях решает сменить обычное свое место гнездования и большей частью строит свое жилище по-старому, в отверстиях скал. Вследствие этого рыжепоясничная ласточка селится исключительно в тех странах, где крутые стены обрывов предоставляют ей удобное место для жительства, причем занимает скорее нижние, чем верхние уступы гор.

Городская ласточка, или воронок (*Delichon urbica*). Ее длина 14 см, размах крыльев 27, длина крыла 10, длина хвоста 7 см. Оперение на верхней части тела сине-черное, на нижней и на надхвостье белое. Глаза темно-карие, клюв черный, ноги телесного цвета там, где они лишены перьев. У птенцов черный цвет на верхней части тела более матовый, а белый на горле не так чист, как у старых птиц.

Населяет городская ласточка почти те же места, что и деревенская ласточка, но распространяется несколько дальше к северу. Кроме Европы она населяет еще в том же количестве большую часть Сибири. Из своей родины городская ласточка улетает во внутреннюю Африку и в южную Азию, чтобы там провести зиму. На юг Европы она прилетает несколькими днями позже деревенской ласточки, но зато остается дольше; мы видели ее еще 2 ноября, летавшую над Альгамброй. Все-таки городскую ласточку замечают во время перелета в Африку в обществе ее сородичей. Весной она прилетает в одиночку. Перед осенним путешествием ласточки собираются в большие общества, которые иногда вырастают в неисчислимые стаи, толпящиеся на крышах высоких зданий. В

пусть они пускаются обыкновенно после заката солнца. Во время этого путешествия городские ласточки, вероятно, отдыхают и в лесу на деревьях.

1 — Рыжепоясничная ласточка (*Hirundo daurica*) 2 — Скалистая ласточка (*Ptyonoprogne rhipetris*)

По своему нраву городская ласточка имеет ышое сходство с деревенской, но при тщательном наблюдении она все-таки отличается от последней. «Городская ласточка кажется серьезнее, рассудительнее и глупее деревенской ласточки, — говорит Науман. — Она не так доверчива, но не пуглива, летает не слишком быстро, но все-таки довольно скоро, парит чаще, чем деревенская, и большей частью летает выше. Полет городской ласточки мягкий, не чрезмерно быстрый и переменчивый, но все-таки с очень разнообразными поворотами и изгибами то вверх, то вниз». При пасмурной погоде она часто взлетает на необыкновенную высоту и охотится, как и стрижи, в этих слоях воздуха за добычей. Голос городской ласточки легко отличить от голоса деревенской. Призывный крик звучит как «шер» или «скрю», страх выражается двусложным «скир». «Пение, — как говорит Науман, — состоит из длинных, монотонных, постоянно повторяющихся переливов и не особенно приятных тонов. Оно принадлежит к самым плохим птичьим напевам».

Про пищу городской ласточки можно сказать почти то же самое, что и про пищу деревенской ласточки. Впрочем, нам известно только очень небольшое количество насекомых, преследуемых ею. Те насекомые, которых она ловит, по-видимому, во множестве, охотясь в высоких слоях воздуха, нам совершенно неизвестны. Городская ласточка так же, как и деревенская, не ловит насекомых с жалом; ядовитое жало было бы для нее смертельным. «Я поднес однажды, — говорит Науман, — одной очень голодной молодой ласточке живую пчелу, но едва только ласточка успела схватить ее, как была ужалена в горло. Она тотчас отбросила от себя пчелу, сделалась печальной и менее чем через две минуты испустила дух».

Городская ласточка гнездится в городах и деревнях исключительно на зданиях, в малонаселенных странах на обрывах скал. Я сам это видел в Испании. Встречали ее и на меловых скалах острова Рюгена. По словам Шинца, городская ласточка устраивает свои гнезда также на скалах Швейцарских Альп. Во всяком случае, она выбирает себе место, защищенное сверху, так, чтобы капли дождя не попадали в гнездо, чаще всего — под карнизами, выступами крыш и навесами, в углублениях окон и дверей. Иногда ласточка поселяется в углублении на стене и залепляет вход, оставляя одно летное отверстие. Гнездо ее отличается от гнезда деревенской ласточки тем, что оно, кроме летного отверстия, застраивается со всех сторон и не открыто сверху, как у последней. Форма полушария преобладает, но может изменяться в зависимости от обстоятельств. Постройка гнезда совершается с большим усердием и редко кончается раньше 12-14 дней. Обычно гнезда строятся близко друг от друга.

Самка кладет 4-6 совершенно белых яиц, с тонкой скорлупой, имеющих 18 мм в длину и 13 мм в ширину, которые высидиваются в течение 12-13 дней одной только самкой*. Самец в хорошую погоду обильно кормит свою самку. При дурной погоде, напротив, самка вынуждена время от времени оставлять яйца, и тогда высидивание продолжается дольше. Рост птенцов также зависит в значительной степени от погоды. В сухое лето родителям нетрудно доставлять им нужное количество насекомых, однако в неблагоприятные годы они нередко испытывают нужду и голод. В случае ранней холодной осени родители вынуждены оставлять своих птенцов умирать с голоду и отправляться в теплые края.

** Срок насиживания у воронков варьирует от 11 до 19 дней в зависимости от погоды. Насиживают яйца оба партнера, но роль самки несколько больше.*

Злейшие враги городской ласточки — дербник и чеглок. Гнезда разоряют также совы и сычи, иногда ласки, крысы и мыши. Старых и молодых птиц мучают разные паразиты. От других же врагов они спасаются благодаря своей ловкости. Правда, с одной птицей, а именно с воробьем, им приходится выдерживать упорные бои, причем дерутся они не на жизнь, а на смерть. «Как только ласточки отстроят свое гнездо, — говорит Науман, — воробьиный самец тотчас же овладевает им, без церемоний залезает в гнездо и затем дерзко выглядывает из летного отверстия, между тем как ласточки, соединившись со своими соседками, ничего не могут сделать против подобного насилия. Они только летают с боязливыми криками вокруг гнезда и угрожают клювом, но не смеют на самом деле задеть пролазу. Таким образом часто проходит несколько дней. Наконец ласточка улетает, оставляя гнездо воробью, который тогда скоро устраивает его по-своему: выстилает разными мягкими веществами, так что всякий раз из летного отверстия свешиваются длинные нитки и стебельки, указывающие на окончательно совершившуюся перемену владельцев».

Полевые воробьи также охотно селятся в гнездах ласточек, если это возможно. Рассказы о том, будто ласточки из мести замуровывают воробья, — глупая сказка. Он, конечно, без труда может освободиться. Единственное средство защиты ласточек состоит в том, что они делают летное отверстие до того узким, что сами едва могут протиснуться в него. Тогда вход уже совершенно невозможен для более толстого воробья, и гнезда, выстроенные таким образом, защищены от его нападений».

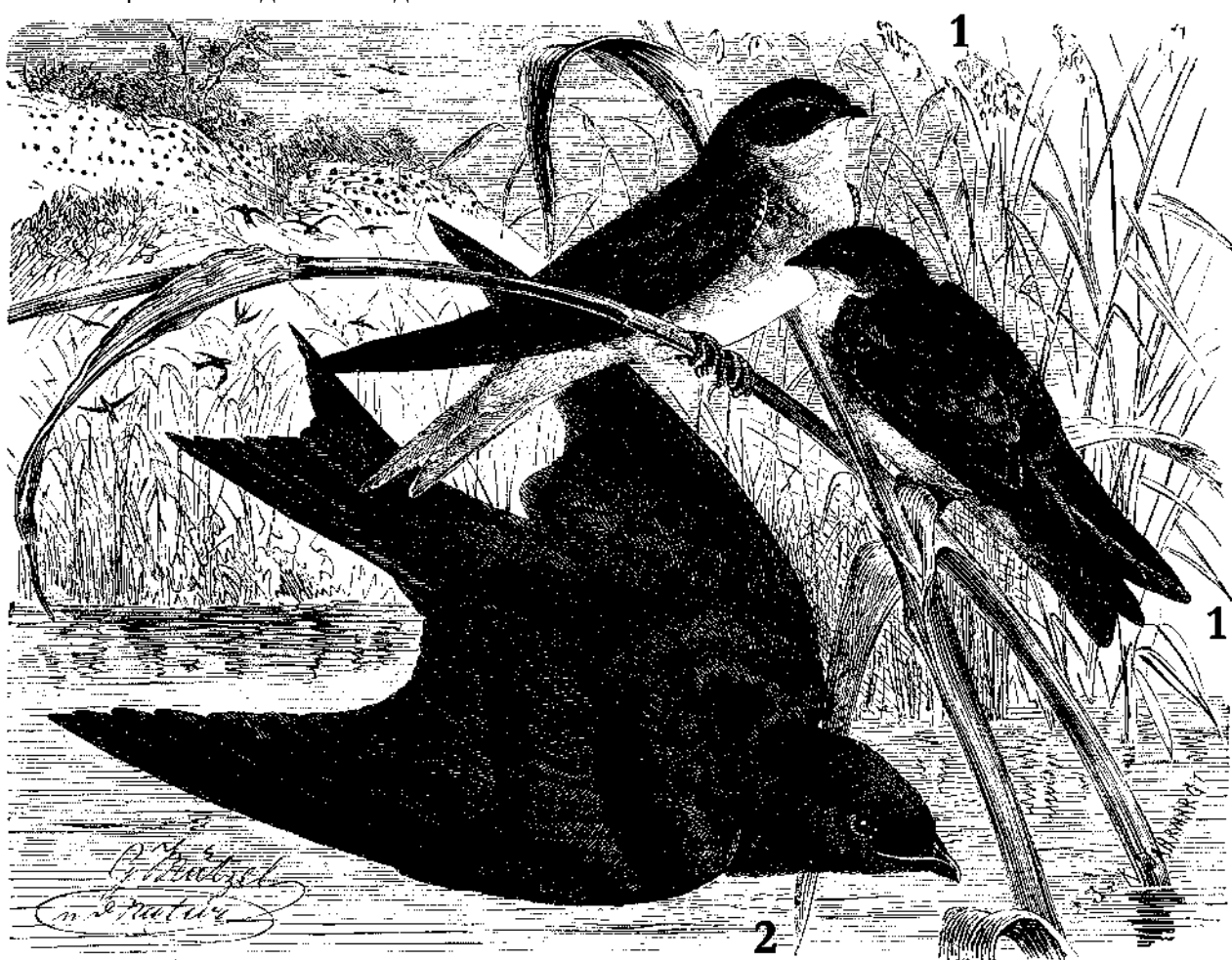
В Германии городская ласточка также пользуется всеобщим уважением, но в Италии и Испании, напротив, мальчишкам доставляет удовольствие ловить птицу на тонкую удочку, наживив ее перышком. Ласточка старается поднять это перо для своего гнезда, попадает на крючок и затем самым ужасным образом бывает замучена негодными сорванцами.

Береговушка (*Riparia riparia*). Она была известна уже древним, которые очень странным образом объясняли себе ее деятельность. «На устьях Нила, близ Геркалии в Египте, — говорит Плиний, — ласточки строят гнездо около гнезда и таким образом возводят против наводнений реки непреодолимый вал длиной почти в целую стадию, который едва мог бы быть воздвигнут человеческой рукой. В этом самом Египте лежит около города Коптоса один из островов, посвященных Изиде, который с большим трудом ежегодно укрепляется ласточками для того, чтобы Нил не мог подмыть

его. С началом весны они укрепляют переднюю сторону острова мякиной и соломой и продолжают свою работу в течение трех дней и ночей непрерывно, и так усердно, что многие из них умирают от изнеможения. Каждый год эта работа снова ими возобновляется». Легко заключить, что поводом создания этой легенды послужили гнезда береговушки.

Эта ласточка принадлежит к самым малым видам своего семейства. Ее длина не более 13 см, размах крыльев 29, длина крыла 10, длина хвоста 5 см. Оперение сверху землисто-бурого цвета; снизу — белого с буро-пепельной поперечной полоской в области груди. Самец и самка похожи друг на друга. Птенцы окрашены немного темнее.

Ни один вид ласточковых не распространен так, как береговушка. Она гнездится во многих областях, за исключением Австралии, Полинезии и Южной Америки. Соответственно своему названию она селится преимущественно там, где находит крутые берега, часто довольствуется отвесным земляным обрывом. В местах своего обитания береговушка встречается довольно часто. Однако нигде я не видел такого огромного количества их, как по среднему и нижнему течению Оби, где они образуют колонии из нескольких тысяч пар гнездящихся птичек. В Германии тоже редко встретишь меньше 5-10 пар, живущих на одном обрыве, обычно — от 20 до 40, а в исключительных случаях сто и более. Здесь они с большим трудом и усилием выкапывают в твердой земле глубокие норы для гнезд, причем всегда на большой высоте, а всего охотнее под верхним краем обрыва, чтобы во время наводнения вода не залила их.

1 — Береговушка (*Riparia riparia*) 2 — Пурпуровая лесная ласточка (*Progne subis*) Береговушка очень приятная, живая, подвижная птичка, которая по своему нраву напоминает городскую ласточку. Она похожа на нее главным образом своим мягким, плавным полетом. Обыкновенно береговушка держится в низких слоях воздуха, преимущественно близко к поверхности воды, порхая туда и сюда. Редко поднимается на значительную высоту. Когда ласточка летит, то так покачивается из стороны в сторону, что полет ее можно сравнить с полетом бабочки, однако ласточка летает ловко и способна к быстрым поворотам. Голос у нее нежнее, чем у городской ласточки, и напоминает слабое «шерр» или «церр». Пение же состоит из повторения этих звуков, связанных между собой другими. Береговушка неохотно отделяется от

своей колонии, охотится в непосредственной близости от нее и весьма оживляет собой пустынные речки, где нет других птичек. Ее гнезда привлекают взгляд каждого путника, посетившего эти края. С утра до вечера летают сверху вниз почти беспрерывно сотни и даже тысячи этих маленьких живых птичек, исчезают в норах, опять показываются, и так продолжается почти весь день. Они почти не боятся человека. С другими же птицами или животными ведут себя мирно, но боязливо.

Пурпуровая лесная ласточка (*Progne subis*). Живет в Европе. Ее длина 19 см, размах крыльев 40, длина крыла 14, длина хвоста 7 см. Оперение равномерно густого сине-черного цвета с ярким пурпуровым отливом. Маховые перья и перья хвоста черновато-бурые. Глаза темно-карие, клюв черно-бурый, ноги пурпурово-черные. У самки голова буровато-серая, с черными пятнами, остальная верхняя часть тела, как у самца, но несколько серее, с черными продольными полосками.

Об образе жизни пурпуровой ласточки американские исследователи писали подробно, так как и там эта птичка всеобщая любимица. Ее не только оберегают, но и устраивают разные приспособления, чтобы заставить поселиться поблизости от жилищ.

По сообщениям Одюбона, пурпуровая ласточка появляется в Новом Орлеане между 1 и 9 февраля, иногда несколькими днями раньше, но чем севернее расположена местность, тем позже, только к началу мая. В штатах Северной Америки она обыкновенно остается приблизительно до середины августа, а затем опять летит на юг. В определенное время пурпуровые ласточки собираются в стаи от 50 до 100 и более птиц на колокольне церкви или на ветвях большого засохшего дерева, и оттуда все вместе пускаются в путь.

В общем, по полету пурпуровая ласточка больше похожа на городскую, чем на какую-либо другую ласточку. По крайней мере, ее полет не может сравниться с полетом американской деревенской ласточки. Он довольно быстр и красив и превосходит по быстроте полет других птиц, за исключением своих сородичей. Хотя она и совершает большую часть своих дел на лету: охотится, пьет и купается, но тем не менее часто спускается на землю. Несмотря на свои короткие ножки, двигается довольно ловко и может ловить на земле насекомых. Ласточка выказывает некоторую ловкость даже в ветвях деревьев, на которые она часто садится. С хищниками ведет себя так же, как и деревенская ласточка, однако выказывает больше дерзости: преследует кошек, собак, соколов, ворон и коршунов, бросается злобно на пролетающих хищников и преследует их, пока не выгонит из окрестностей гнезда. Пение ее не особенно благозвучное, но приятное. Щебетание самца, которое он издает в честь своей самки, занимает и радует еще потому, что оно слышится в начале утра и в некоторой степени является приветствием дня.

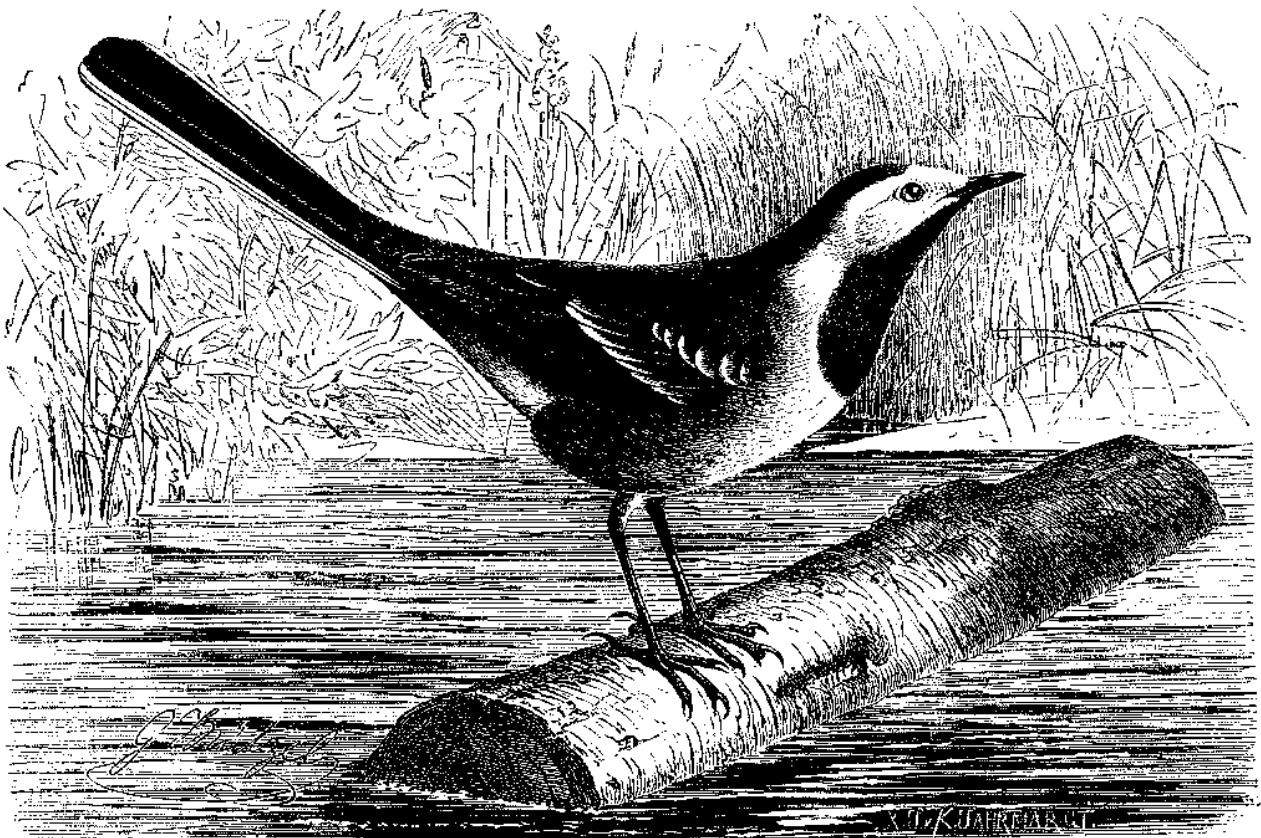
В большинстве штатов средней Америки пурпуровая ласточка строит свои гнезда в дуплистых деревьях далеко от людей, но часто для нее устраивают особые жилища вроде наших скворечниц или вешают на деревья пустые тыквы с отверстием для входа. Она охотно селится в таких помещениях. Пурпуровая ласточка, как и стрижи, не терпит поблизости от своего жилища других птиц, которые гнездятся в таких же условиях, и поэтому выгоняет их.

Семейство трясогузковые

Трясогузки обитают исключительно в Старом Свете. Их можно встретить во всех поясах и широтах и на всякой высоте над уровнем моря. Селятся обычно в местностях, изобилующих водой. Некоторые виды удаляются от воды только во время перелета, другие же хотя и появляются в сухих местах в поисках пищи, но всегда возвращаются к воде. Северные виды этого семейства — перелетные птицы, южные принадлежат к кочующим, наконец, некоторые единичные виды — к оседлым птицам. На севере трясогузки появляются в начале года и остаются там до поздней осени, хотя иногда переселяются оттуда далеко на юг. Их движения грациозны и миловидны. Ступают они обыкновенно осторожно, кивая при каждом шаге головой. Свой длинный хвост трясогузки держат либо в горизонтальном положении, либо слегка приподнятым и постоянно то поднимают, то опускают его, оправдывая этим данное им прозвище. Полет у них дугообразный, т. е. они то опускаются, то поднимаются. Это происходит вследствие того, что трясогузки поочередно то быстро двигают крыльями, то складывают их. Голос их не особенно благозвучен, пение простенькое, хотя не без приятности. Пища состоит из всевозможных насекомых или их личинок, а также из низших водяных животных. Гнездо представляет собой плохую постройку из прутиков, корешков, травянистых стебельков, соломинок, мха, сухих листьев и пр. Внутри оно выложено шерстинками и другим подобным мелким материалом. Свивается в норах или углублениях, но всегда поблизости от воды. Яичная скорлупа нежна и покрыта мелкими пятнами по светлому или сероватому фону.

Большинство трясогузок благодаря своей милевидности и доверчивости способны расположить к себе самые черствые сердца. Поэтому среди людей они вряд ли имеют врагов, но зато их преследует множество хищных животных. Кроме того, они подвержены различным опасностям, что обусловлено их местопребыванием. Тем не менее численность трясогузок постоянно увеличивается, так что потери, претерпеваемые ими в своем составе, не столь ощутимы.

Представителем всего семейства является в известном смысле **белая трясогузка** (*Motacilla alba*). В длину она достигает 20 см, размах крыльев 28, длина крыла равна 8,5, хвоста 9,8 см. Трясогузка населяет всю Европу, включая Исландию, а также Гренландию, западную и среднюю Азию. Зимой она проникает даже внутрь Африки, хотя отдельные экземпляры зимуют в южной Европе. В Германии белые трясогузки появляются в начале марта, а при благоприятной погоде зачастую уже в конце февраля. Покидают они нас лишь в октябре, а иногда и позднее. Трясогузки избегают высокоствольных лесов и гор за лесной границей. В общем же селятся буквально повсюду. Они хорошо уживаются с человеком, охотно гнездятся вблизи его жилищ, приспосабливаются ко всяким обстоятельствам и потому очень обыкновенны даже в больших городах. Подвижные, беспокойные и в высшей степени бодрые, трясогузки находятся в движении с самого утра и до позднего вечера. Только во время пения они действительно сидят неподвижно на одном и том же месте, выпрямившись и опустив хвостик. Вообще же они постоянно бегают взад и вперед. Если же и сидят на месте, то все равно двигают хвостиком. Ходят они довольно скоро и ловко, причем туловище и хвост вытягивают горизонтально, а шею несколько втягивают. Летают легко и быстро, то поднимаясь, то опускаясь, длинными дугообразными линиями, причем большей частью низко над водой или землей на небольшие расстояния. Однако могут сразу пролететь большое расстояние. Желая сесть, внезапно опускаются вниз и лишь над самой землей расширяют хвост, чтобы несколько ослабить силу падения. Их призывный голос заключается в нежном «цивии», иногда в более протяжном «цизис» или «циувис»; свою нежность они выражают тихим звуком, похожим на «квирири». Пение, исполняемое ими во время покоя, бега или полета, хотя и довольно просто, но не лишено приятности. По отношению к другим птицам они выказывают мало расположения, скорее относятся к ним неприязненно. Часто ссорятся с подорожниками, зябликами и жаворонками и нападают даже на хищных птиц. «Когда трясогузки замечают хищника, говорит мой отец, — они долго преследуют его со страшным криком, чем предупреждают всех остальных птиц об угрожающей опасности и нередко заставляют, таким образом, какого-нибудь ястреба отказаться от своей охоты. В таких случаях я нередко удивлялся их храбрости и ловкости. Думаю, что разве, только самые быстрые соколы могут с ними что-либо поделать. Обратив в бегство какого-либо хищника, трясогузки испускают громкие радостные крики, после которых снова рассеиваются во все стороны. Они враждебно относятся также к филину, вьются вокруг него с громкими криками, но вскоре разлетаются, так как филин сидит упорно на месте».

Белая трясогузка (*Motacilla alba*)

Белая трясогузка находит себе на берегах, в тени, на камнях, в навозных ямах, на крышах домов и в прочих местах всевозможных насекомых, их личинок и куколок. Во время пахоты трясогузка следует по пятам за пахарем и подбирает вырытых насекомых. Если она бегаёт около ручья или вообще где-либо на земле, то постоянно озирается по сторонам. Когда пролетает какое-нибудь насекомое, птица тотчас же поднимается на воздух, преследует его и почти всегда схватывает.

Вскоре после прилета весной каждая парочка избирает себе отдельное владение, причем дело никогда не обходится без ссор и драк с прочими представителями своего вида, потому что каждый холостой самец старается отбить у другого его самку. Оба соперника со страшным криком носятся друг за другом, опускаются иногда на землю и, приняв воинственные позы, злобно бросаются друг на друга, точно петухи. Один из бойцов уступает, и победитель, завоевавший самку, начинает выражать свою радость. С необыкновенной грацией и миловидностью обходит он самку, распускает поочередно то хвост, то крылья и своеобразно трепещет ими. За этой любовной сценой обычно следует спаривание. Гнездо свивается во всевозможных местах: в расселинах скал, ственных щелях, в углублениях почвы, под корнями деревьев, на стропилах, чердаках, в поленищах дров, в кучах хвороста, дуплах, на верхушках ив и даже в лодках. Основание гнезда состоит из толстых корешков, хворостинок, травянистых стебельков, сухих листьев, мха, кусочков дерева, соломы и пр. Верхняя часть гнезда строится из нежных стебельков, длинных листьев и тонких корешков.

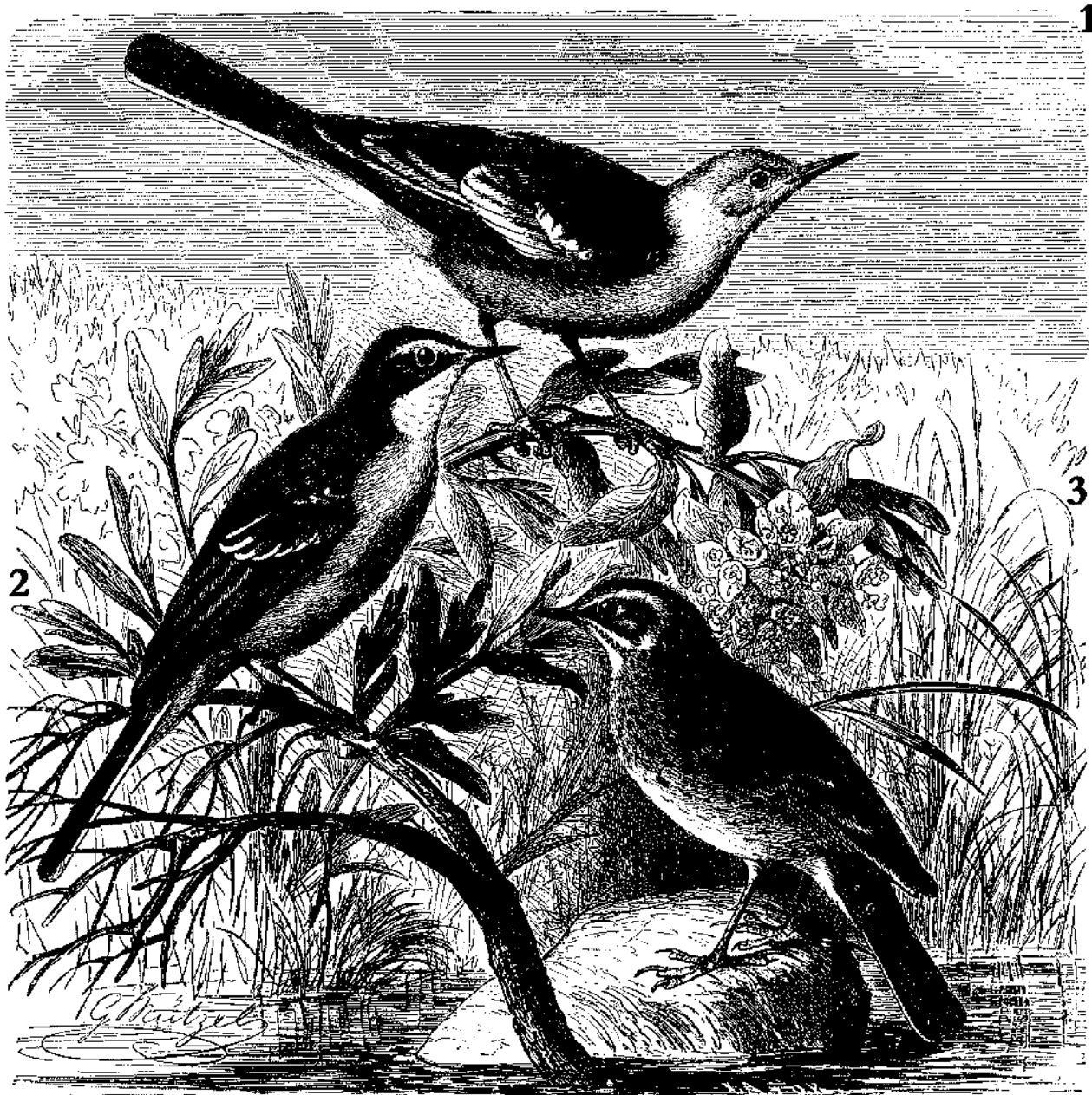
Подстилкой же служат комочки шерсти, конский волос, различные растительные волокна, сосновые лишай и прочий подобный мягкий материал. Кладка состоит из 5-8 яиц. Яйца достигают 19 мм в длину и 15 мм в толщину, серого или синевато-белого цвета, покрыты частыми, но мелкими темными или светлыми пепельно-серыми пятнами и черточками, которые бывают ясно обозначены или не очень. Самка насиживает одна, но в воспитании птенцов принимают участие оба родителя. Птенцы развиваются быстро.

Осенью белые трясогузки каждый вечер улетают на поросшие камышами пруды и здесь среди ласточек и скворцов выискивают себе местечки для ночлега. Впоследствии все семейства, населяющие эту местность, соединяются в более или менее многочисленные стаи, численность которых иногда достигает тысячи штук. Затем эти огромные полчища все вместе приступают к переселению: днем они перебираются с одного выгона или недавно вспаханного поля на другое, постоянно придерживаясь при этом выбранного направления, когда же наступает ночь, стаи поднимаются и с громкими криками уносятся в юго-западном направлении.

Желтая трясогузка (*Motacilla flaya*), другое название — плиска. Средняя длина ее 17 см, размах крыльев 25, длина крыла 8, а хвоста 7 см. Верхняя часть головы, уздечка, ушная область,

затылок и задняя часть шеи, за исключением узкой белой полосы, которая тянется над глазами и доходит до висков, пепельного цвета; остальные верхние части оливково-зеленого цвета.

На севере желтые трясогузки — перелетные птицы, которые прилетают гораздо позднее настоящих трясогузок, самое раннее в начале, большей же частью в конце апреля и даже в первых числах мая, а в августе, самое позднее в сентябре, предпринимают свои зимние путешествия. Помимо тундр, где живут сотни тысяч этих любителей болот, местами вывода птенцов являются сырые местности или временно затопленные низменности. «Там, где желтые трясогузки высиживают яйца, — говорит Науман, — летом не найдешь ни одного посева рапса, ни одного сколько-нибудь значительного пространства, засеянного горохом, бобами или викой, ни одного клеверного поля, ни одного жирного луга и ни одного безлесного, густо поросшего травой заболоченного пространства. В некоторых топях этих птиц живет невероятное множество. В низменных местах, где, кроме роскошных хлебов и сочных полевых злаков, трясогузки находят еще и воду, на болотах и лугах, где пасется скот, они имеют все, что только могут пожелать, и потому встречаются там довольно часто».

1 — Желтоголовая трясогузка (*Motacilla citreola*) 2 — Желтая трясогузка (*Motacilla flava*) 3 — Луговой конек (*Antlants pratensis*)

Движениями своими желтые трясогузки походят на белую трясогузку. Они отлично бегают, но особенно ловко летают. Когда эти птицы перелетают небольшие пространства, то кажется, что они не летят, а скачут, тогда, как во время больших перелетов птицы несутся с необыкновенной быстротой. Я нередко наблюдал, как они, порхая или трепеща крыльями, довольно долгое время держатся в воздухе над одним и тем же местом, а затем, сложив крылья, почти в вертикальном на-

правлении падают на землю с довольно значительной высоты. Пение их похоже на пение белой трясогузки, но только еще однообразнее.

На местах насиживания желтые трясогузки затевают ссоры почти со всеми маленькими птицами, которых заметят. «Как только, — говорит Науман, — какой-нибудь чужой приблизится к их владениям, они тотчас же начинают обнаруживать враждебное отношение к нему. В тех лесах, где много валежника, поведение их часто обращало мое внимание. Например, они с такой энергией преследовали камышевку, а более всего кизиловку, что много раз мешали мне охотиться за ними. Как только птица вылетала из осоки, на нее тотчас же бешено нападали несколько трясогузок, клевали ее и не давали ей садиться поблизости. Впоследствии они привыкли друг к другу и мирно гнездились в близком соседстве».

Гнездо желтой трясогузки расположено на земле, между травой, хлебными или болотными растениями, большей частью в небольшом углублении, а иногда также под корнями. Тонкие корни, стебельки, листья и зеленый мох образуют рыхлую естественную ткань; соломинки, клочки пуха чертополоха, шерсти, несколько перьев и конский волос составляют внутреннюю выстилку гнезда. Кладку составляют 4-6 яиц с тонкой скорлупой. Яйца эти длиной в среднем 18 мм и толщиной 13 мм бывают грязно-белого, желтоватого, красноватого или сероватого цвета, покрыты серыми или серовато-коричневыми, а также ржавыми и фиолетовыми крапинками, штрихами и расплывшимися пятнами. Самка одна высидывает яйца в течение 13 дней. Родители очень боятся за своих птенцов, однако своим боязливым криком и необыкновенной смелостью сами указывают человеку гнездо. Птенцы сначала ловко прячутся в траве, но скоро начинают летать так же хорошо, как и взрослые птицы. До отлета все птицы бродят там и сям. Затем в один прекрасный осенний день взрослые и молодые предпринимают зимнее путешествие. С этого времени желтую трясогузку можно видеть и слышать повсюду, даже в горах. Перелет, по-видимому, совершается очень быстро. Многие из птиц зимуют в Египте, но большинство улетает в самый центр Африки. Здесь в зимние месяцы можно видеть этих прелестных птичек, снующих около рогатого скота, овец, коз, верблюдов, лошадей, лошаков, ослов, а пастбища ими просто кишат. Вместе с пасущимся скотом желтые трясогузки отправляются в степь и возвращаются обратно на водопой. Там, где птички не могут бежать рядом со своими четвероногими друзьями, они летят. Один из самцов подчас быстро взлетает на первый ближайший куст и поет свою незатейливую песенку, после чего он торопливо догоняет стаю, которая, подобно рою пчел, окружает стадо.

Коньков, или щевриц, следует рассматривать как переходную форму от славковых птиц к жаворонковым. Прежде они причислялись к жаворонковым*.

* По современным представлениям, коньки наиболее близки к завирушкам (*Prunellidae*) и ткачиковым (*Ploceidae*).

Признаками их служат: стройное тело, прямой, узкий у корня шилообразный клюв с загнутыми краями и неглубоким надрезом перед кончиком верхней челюсти клюва, который образует незначительный крючок. Ноги у них высокие со слабыми пальцами, но снабжены большими когтями, из которых один, задний, удлинен в виде шпоры, как у жаворонков; крылья средней длины. Хвост средней длины, оперение прилегает к телу и имеет землистый или травяной цвет. У самок и самцов окраска одинаковая и не зависит от возраста, хотя немного меняется, смотря по времени года.

Коньки распространены по всему земному шару. Большую часть жизни они проводят на земле и только по временам садятся на деревья. Это — подвижные, веселые, проворные птицы, бегают быстрыми шагами, причем слегка потряхивают хвостом. Когда им приходится пролетать значительные пространства, они летят быстро и легко и во время полета описывают дуги. Если же коньки поднимаются кверху, чтобы петь, то порхают и парят в воздухе. Призывный голос их писклив, пение простое, но приятное. Питаются они насекомыми, главным образом жуками, мошками, мухами, комарами, улитками, древесными вшами, а также пауками, червями и маленькими водяными животными и даже мелкими семенами. Птицы обычно собирают насекомых на земле и только иногда, в виде исключения, гоняются на лету за пролетающей мимо добычей. Гнезда строят на земле, главным образом из сухих травинки и травянистых корней, слабо соединенных другими растительными веществами, а внутренность гнезда выкладывают шерстью и волосами. У яиц на темном фоне выступает нежный, неясный рисунок, состоящий из точек, пятен и штрихов. Насиживает яйца, по-видимому, одна самка, но оба родителя чрезвычайно любят своих птенцов. Большинство выводит гнезда несколько раз в год.

Лесной конек (*Anthitis trivialis*). Длина достигает 17 см размах крыльев 29, длина крыла 8,5, а хвоста 6,5 см.

Лесистые местности Европы и Сибири служат лесному конику летним убежищем, а степные леса Африки и склоны Гималайских гор — зимним. Пространства, бедные лесом, он посещает только во время своего перелета. Лесные полянки, свежие порубки и просеки служат ему местом гнездования. Гнездится он также и в тех местах, которые ежегодно затопляются. Во время опасности лесной конек садится на дерево и даже бегаёт по ветвям, чего луговой не делает никогда. Будучи менее общительным, чем луговой конек, он живёт большей частью уединенно и только осенью собирается семействами. Обычно он выказывает мало привязанности к обществу, а весной становится прямо-таки необщительным. Призывный голос его трудно передать словами.

он приблизительно напоминает звук «зрит»). Нежность конек выражает тихим «зиб-зиб-зиб». Пение его лучше пения всех других коньков, оно сильное и приятное, имеет сходство с пением канарейки, но отличается полнотой и чистотой звука и разнообразием мелодии. Оно состоит из трелеобразных, громко свистящих, быстро следующих друг за другом колен, которые образуют единое целое и оканчиваются обыкновенно нежно замирающим «циа-циа-циа». Самец поёт очень прилежно, для чего садится на сучок или верхушку какого-нибудь дерева, затем, порхая, поднимается на воздух и прежде, чем кончить свою песню, тихо опускается на прежнее место или на верхушку соседнего дерева и здесь издает последние звуки. Гнездо, которое всегда хорошо спрятано на земле, в небольшом углублении под кустом или глубоко в траве и вереске, построено плохо и только внутри выстлано с некоторой тщательностью. Кладка состоит из 4—5 яиц длиной в 20 мм, толщиной 15 мм, покрытых по красноватому, сероватому или синевато-белому фону более темными точками, штрихами, черточками, жилками и мраморными пятнами. Самка с большим усердием сидит на яйцах. Родители нежно любят своих детенышей, которые покидают гнездо еще до того, как научатся летать.

Содержать лесных коньков в неволе достаточно легко, они быстро становятся ручными и доставляют хозяину истинное наслаждение, как милостью своих движений, так и прекрасным пением. А поют они, если взять их из гнезда молодыми, так же хорошо, как и на воле.

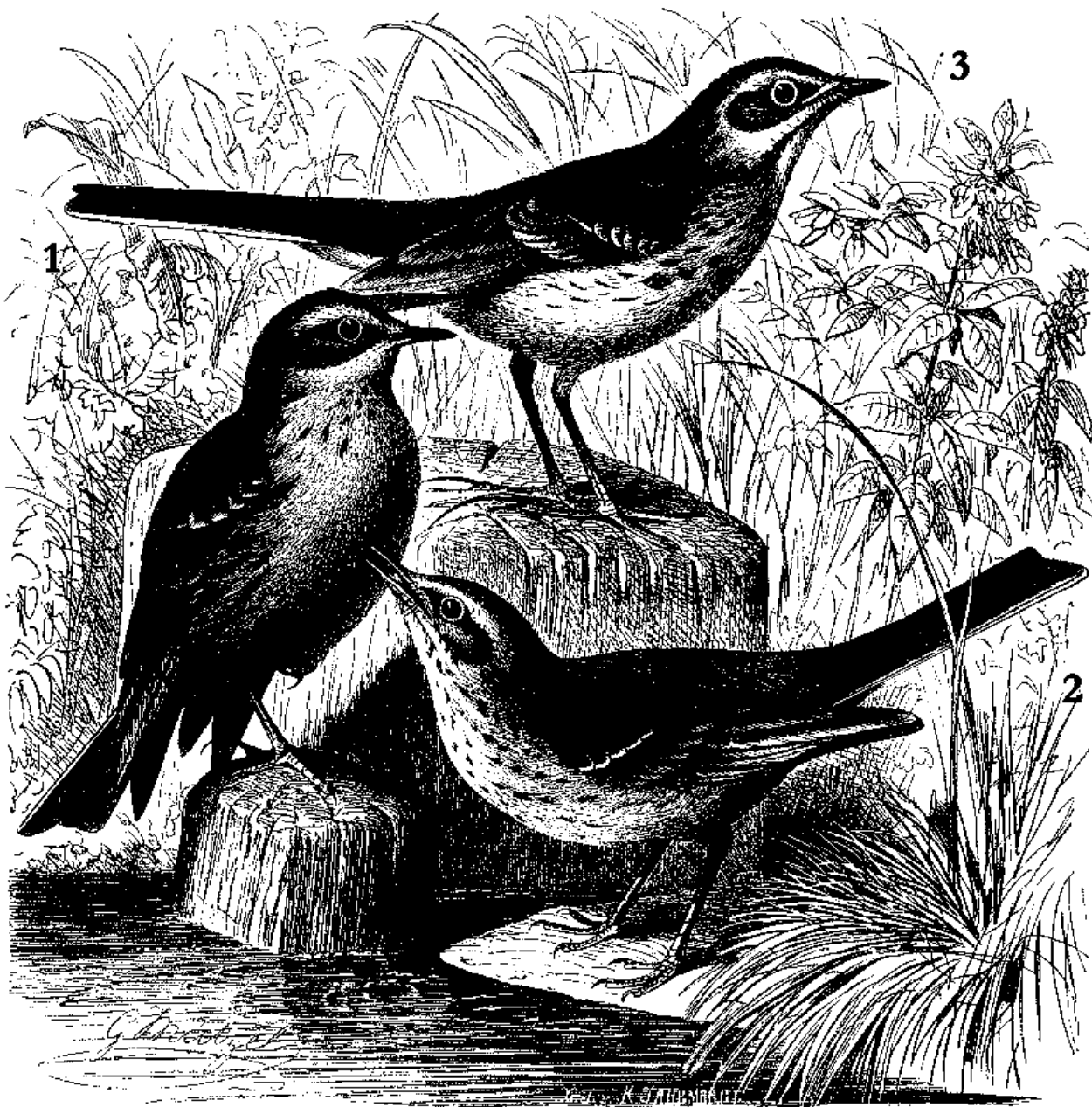

Лесной конек (*Ant hits trivial is*)

Горный конек (*Anthns spinoletta*). Длина достигает 18 см, размах крыльев 30, длина крыла 9, а хвоста 7 см.

Область распространения горного конька — средняя и южная Европа, западная и восточная Азия до Китая. Зимой он перелетает в Малую Азию, Палестину и северную Африку.

"Горный конек, — пишет Глогер, — живет высоко, на вершинах гор, где уже прекращаются древесные леса и растут почти лишь одни приземистые сосны, а часто еще выше. Здесь он встречается, безусловно, повсюду, где произрастают низкие деревья. Горный конек селится и далее, приближаясь к снеговой линии до тех пор, пока эти деревья не исчезнут совершенно. В Швейцарии он даже поднимается далеко за эти пределы на скалы, совершенно лишенные растительности. Его привлекают богатые водой Альпы, где из-под глетчеров и из тающих снежных масс вытекают холодные ручьи. Впрочем, он живет здесь как на сухих, голых горных вершинах, так и в перерезываемых бесчисленными ручьями лесах, где растут приземистые сосны. Его можно встретить равным образом как на высочайших, покрытых кое-где землей скалах и каменных, высотой с башню, стенах, так и там, где почти нет камня, но где растут карликовые сосны; как на самых крутых склонах долин и в глубочайших пропастях, так и на совершенно плоских местах горных лугов, но охотнее всего он, конечно, селится там, где находит все эти условия вместе». Здесь он собирает на земле свою пищу, состоящую из различных насекомых, червей и мелких водорослей.

1 — Степной конек (*Anthits novaeseelandiae*) 2- Горный конек (*Anthus spinoletto*) 3- Полевой конек (*Anthus campestris*)

До наступления сурового времени года его можно видеть отдельными парами, которые всегда необыкновенно пугливы. Зато, когда эти птицы с птенцами, то, по-видимому, из любви к ним оставляют свою обычную робость: озабоченно летают и прыгают вокруг своего врага сколько есть сил, кричат «спиб-спиб», а в сильном испуге — «гелик-глик», при этом высоко поднимают и опус-

кают хвост и сердито ерошат перья. В обычное время горные коньки кричат «цгипи-цгипи». Песня их, которая слышится до конца июля, очень приятна, хотя уступает песне лесных коньков. Она раздается в постепенно ускоряющемся и под конец в весьма скором темпе. Коньки начинают пение, быстро поднимаясь на воздух, некоторое время продолжают петь, спокойно паря в воздухе, а затем быстро вкось опускаются на землю с неподвижно распростертыми крыльями и кончают песню, лишь усевшись на верхушке куста, на обломке камня, на скале или на земле. Горный конек очень редко поет сидя, это бывает только тогда, когда пасмурные облака покрывают весь горизонт густым туманом.

Гнездо свое он свивает в более открытых местах, чем остальные коньки. Оно находится в широких расселинах скал, между камнями под высоким кустом, под большими старыми корнями и сучьями приземистых сосен или под старым тернистым кустарником, так что над гнездом образуется естественный покров против снега и дождя. Кладка состоит из 4-7 яиц длиной в 23 мм, толщиной в 16 мм. Они покрыты по голубоватому или грязно-белому фону темно-коричневыми, серо-бурыми, черно-бурыми и серыми, большей частью сплошными узорами, как и у всех коньков. Отчасти они также похожи на яйца некоторых домашних воробьев». На Альпах, по словам Чуди, горные коньки, выводящие птенцов, часто страдают от суровой весны. «Нередко случается, а иногда и несколько лет подряд, что поздно выпавший снег покрывает гнездышко с яйцами, прогоняет сидящую на яйцах самку, даже убивает и засыпает ее или принуждает ее свить себе впоследствии новое гнездо. Птенцы, неспособные летать, часто умирают от снега и мороза».

Полевой конек (*Anthus campestris*). В длину достигает 18 см, размах крыльев 28, длина крыла 8,3, а хвоста 6,6 см.

Область распространения полевого конька, за исключением самых северных тундр и Великобритании, занимает всю Европу, среднюю и южную Азию и северную Африку, включая сюда и Канарские острова*.

* *Не так давно остановлено, что коньки, гнездящиеся на Канарских островах, сильно отличаются от полевых коньков, и поэтому они выделены в самостоятельный вид — конек Бертелота (*Anthus Berthelotii*).*

Сухие, каменистые и пустынные местности он предпочитает всем другим, вследствие чего на юге Европы встречается в гораздо большем количестве, чем на севере.

Своими движениями полевой конек очень напоминает как жаворонков, так и трясогузок. Во время бега он держится почти в горизонтальном положении. Бегаёт, часто потряхивая хвостиком. Время от времени он появляется на возвышенном месте, отдыхает там в течение нескольких секунд, затем, слегка выпрямившись, осматривается по сторонам и снова продолжает бег. Летит он по круто изогнутой змеевидной линии, попеременно быстро делая взмахи крыльями. Перед тем, как опуститься на землю, конек обыкновенно некоторое время парит, но случается также, что, сложив крылья, почти вертикально падает с высоты на землю.

У нас эти коньки очень пугливы, на юге же в некоторых местностях, напротив, менее робки, хотя, однако, при всяких обстоятельствах осторожны. В отношении голосовых средств они уступают прочим конькам. Пища их состоит из всевозможных мелких животных и, вероятно также, из мелких семян.

Степной конек (*Anthus novaeseelandiae*). Это самый крупный из всех встречающихся в Европе коньков. От полевого конька легко отличается чрезвычайно длинным, почти прямым когтем на заднем пальце ноги. Длина его тела достигает 20 см, размах крыльев 31, длина крыла 10, а хвоста 8 см.

Родина степных коньков — степные местности восточной Азии, включая северную часть Китая. Отсюда эти птицы каждую зиму переправляются на юг и поселяются в южном Китае и во всей Индии, главным же образом в нижней Бенгалии, где в чрезвычайно большом количестве встречаются во время наших холодных месяцев. Многих из них там ловят и продают на рынке в Калькутте под именем «ортолан». Эти птицы улетают также в западном направлении и, может быть, ежегодно посещают все острова Северного моря, также Данию, южную Швецию, Великобританию, Голландию, западную Францию, Испанию, Португалию и северо-восточную Африку. Говорят даже, будто они поселились в Голландии и стали здесь гнездиться в дюнах*.

* *Это не так. Несмотря на то, что степные коньки регулярно появляются в Европе осенью, их гнездование там ни разу установлено не было.*

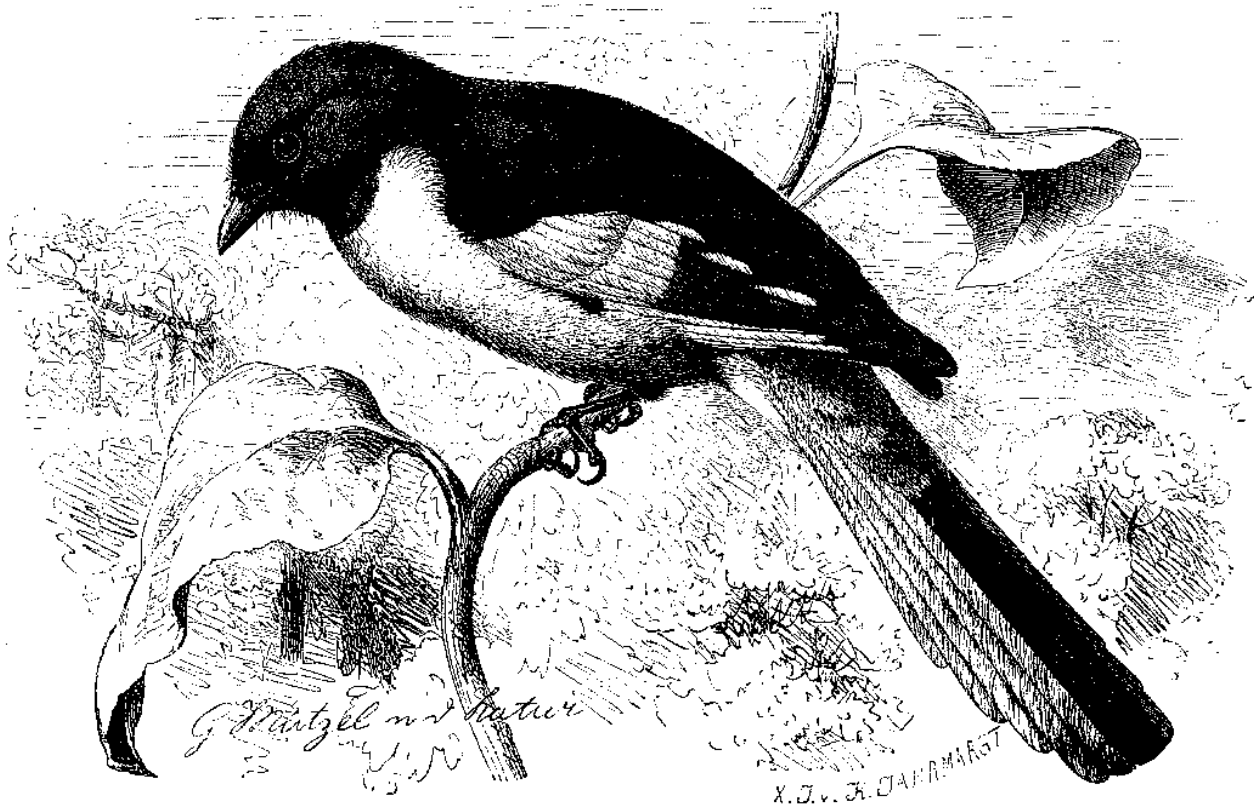
По образу жизни степные коньки, по-видимому, мало отличаются от своих сородичей.

Семейство личинкородные

Представителем этого семейства можно назвать **черно-красного длиннохвостого личинкоеда** (*Pericrocotus* sp.). ****

* * * * * Описание личинкоеда, приведенное Бремом, не позволяет точно идентифицировать вид. На указанной Бремом территории обитают 3 вида личинкоедов, в целом практически неотличимых по окраске. Отличия заключаются в характере расположения красного (или желтого у самок) цвета на внешней части крыла. Это мог быть короткоклювый длиннохвостый личинкоед (*Pericrocotus brevirostris*), либо черно-красный длиннохвостый личинкоед (*Pericrocotus ethologus*), либо огненнобрюхий длиннохвостый личинкоед (*Pericrocotus flammeus*).

Длина самца 23 см, размах крыльев 32, длина крыла 11 и хвоста 11 см. У самца верхняя часть тела, маховые перья и оба средних хвостовых пера блестящего сине-черного цвета. Спина, широкая полоса на крыльях, образованная пятнами на наружной стороне опахал маховых перьев и нескольких покровных перьев, боковые перья хвоста и вся нижняя часть тела, начиная с груди, блестящего пурпурово-красного цвета. У самки все цвета более сероватые, передняя часть головы, спина и верхние покровные перья хвоста зеленовато-желтые, маховые перья черные с желтыми пятнами, средние перья хвоста имеют темно-желтый конец, остальные перья ярко-желтые, с более темным поперечным узором. Глаза карие, клюв и ноги черные.

Черно-красный длиннохвостый личинкоед (*Pericrocotus ethologus*)

Отечество этой великолепной птицы является большая часть северной Индии от Гималаев до Ассама, северо-западные и средние провинции: Бенгалия, Ассам, а также северная Бирма и южный Китай. Главное местопребывание ее, по Уайтсу, леса, расположенные на высоте приблизительно 2000 м над уровнем моря. Подобно другим видам этого семейства, личинкоед соединяется в небольшие стаи, которые проводят целый день в ветвях, собирают насекомых с листьев и цветов или ловят их, как синицы, на нижних ветках. По временам, хотя и редко, они взбираются наверх или же спускаются на землю. Крик у них резкий, но приятный. Жердон, у которого я заимствую вышесказанное, сообщает, что эти птицы преимущественно обитают в не очень густых верхушках деревьев, большей частью группами по 5-6 штук, причем самцы и самки часто держатся раздельно. Они живо прыгают и ловят насекомых или преследуют их, подобно настоящим мухоловкам, на лету. Кормятся, по-видимому, бабочками. Одно гнездо, принесенное Жердону, было выстроено довольно старательно из корней, волокон и мха, в нем лежало три яйца, покрытых по белому фону небольшим количеством кирпично-красных пятнышек. По Ходжсону, время размножения у личинкоедов начинается в апреле; красивое, в форме бокала, гнездо выстроено из мха и тонких корешков и убрано лишайником и паутиной; оно помещается на каком-нибудь тонком сучке дерева. Яйца, найденные

Хуттоном, были разрисованы по бело-серому фону желто-бурым и темным пурпурово-красным цветом.

Неволю эти птицы, по-видимому, не переносят. По крайней мере, Гамильтон уверяет, что в клетке они скоро начинают скучать и умирают.

Семейство бюль-бюли

Благодаря Крюперу мы узнали, что один вид этого семейства — **желтоспинный бюль-бюль** (*Русноnotus xanthopygos*), часто встречающийся в Сирии, Палестине и Аравии, а также обитающий на Кипре и Родосе, довольно распространен и в Европе, а именно на Цикладских островах. Голова у него черная, вся спина землисто-бурого, а зоб темно-бурого цвета; окраска нижней части тела белая с неясными сероватыми пятнами; нижние покровные перья хвоста ярко-желтые; маховые и хвостовые перья коричневые, причем внешняя сторона маховых перьев по краям несколько светлее. Глаза карие, клюв и ноги черные. Длина тела достигает 20 см, размах крыльев 30, длина крыла 9, хвоста 8 см.

Второй вид этого семейства — **бородатый бюль-бюль** (*Русноnotus barbatus*), живущий на берегах Нила, меньше желтоспинного и отличается от него буроватой окраской нижних покровных перьев хвоста.

Во время моих путешествий по Африке и Аравии я видел оба вида на воле, но при этом тщательно наблюдал лишь одного бородатого бюль-бюля. Позднее у меня одновременно содержались в клетке оба вида, причем я убедился, что они во всех отношениях похожи друг на друга. Поэтому достаточно, если я при дальнейшем описании ограничусь вторым видом.

Бюль-бюль бородатый был открыт Эренбергом в Файюме, а затем нашел его там и я, но в этой относительно северной полосе его следует причислить к весьма редким явлениям. Эта птица чаще встречается начиная с 25 градусов северной широты. Уже в северной Нубии она обитает в каждой мимозовой роще. В восточном Судане бородатый бюль-бюль принадлежит к обыкновеннейшим птицам страны. Здесь его равно привлекают как густые девственные леса, так и сады, как степные мимозы, так и низкие кустарники высоких гор. Однако он любит, чтобы дерево или кустарник, которые он избрал для своего местопребывания, были покрыты густой листвой, и поэтому в окрестностях Нила предпочитает сикоморы всем остальным деревьям.

Человек, привыкший следить за голосами птиц, весьма скоро должен обратить внимание на этого бюль-бюля. Это прелестное, бодрое и живое существо поселяется в непосредственной близости от человека и без боязни порхает над хижинами туземцев или около них. Песня, приковывающая внимание более всех остальных, принадлежит ему. Бородатого бюль-бюля причисляют к лучшим певцам северной Африки. Из тех немногих тропических птиц, которые действительно могут соперничать с нашими певцами, ни одна не может сравниться с ним. Поет он громко, благозвучно и довольно разнообразно. Его песня во многих отношениях напоминает собой пение наших дроздов, но имеет какой-то особый оттенок, который трудно передать словам и. Бородатый бюль-бюль двигается среди ветвей с необыкновенным искусством и проворством, да и на земле он прыгает довольно ловко. Только полетом своим эта птица похвастаться не может, потому что летает припархивая и неуверенно. Когда цветут мимозы, бородатый бюль-бюль питается исключительно жучками, скрывающимися внутри маленьких желтых цветочков этих растений. Он вытаскивает жучков из самой глубины цветков, вследствие чего передняя часть его головы от пыльцы, покрывающей лепестки, становится серно-желтого цвета, что сообщает ему очень странный вид. Кроме жучков, бородатый бюль-бюль собирает также гусениц и гоняется за пролетающими бабочками. Во время созревания плодов он ест ягоды и другие плоды и потому может причинять весьма серьезный вред садам.

1 — Желтоспинный бюль-бюль (*Pycnonotus xanthopygos*) 2 — Бородатый бюль-бюль (*Pycnonotus barbatus*)

В Индии бюль-бюлей часто приручают. Правда, это делают не ради их пения, но ради их склонности к дракам. На Цейлоне бои бюль-бюлей служат обыкновенным развлечением туземцев. Молодых самцов, как только их можно отличить от самок, вынимают из гнезда, привязывают к веревочке и научают во всякое время возвращаться на руку хозяина. Когда они выдрессированы, бойцов сводят. Во время боя птиц также держат на привязи, чтобы их можно было в случае чего разнять: воинственные птицы дерутся с таким мужеством и увлечением, что одна из них умертвила бы другую, если бы они были предоставлены самим себе.

Семейство сорокопутовые

Сорокопутовые составляют семейство, в котором насчитывают почти триста видов, распространенных по всей земле. Оно характеризуется сильным, с боков сжатым, ясно зубчатым, крючкообразно загнутым клювом, короткими, широкими, закругленными крыльями и довольно длинным ступенчатым, состоящим из 12 перьев, хвостом. Оперение обыкновенно густое, несколько рыхлое и мягкое; окраска его красивая и разнообразная, у некоторых же видов весьма однородная.

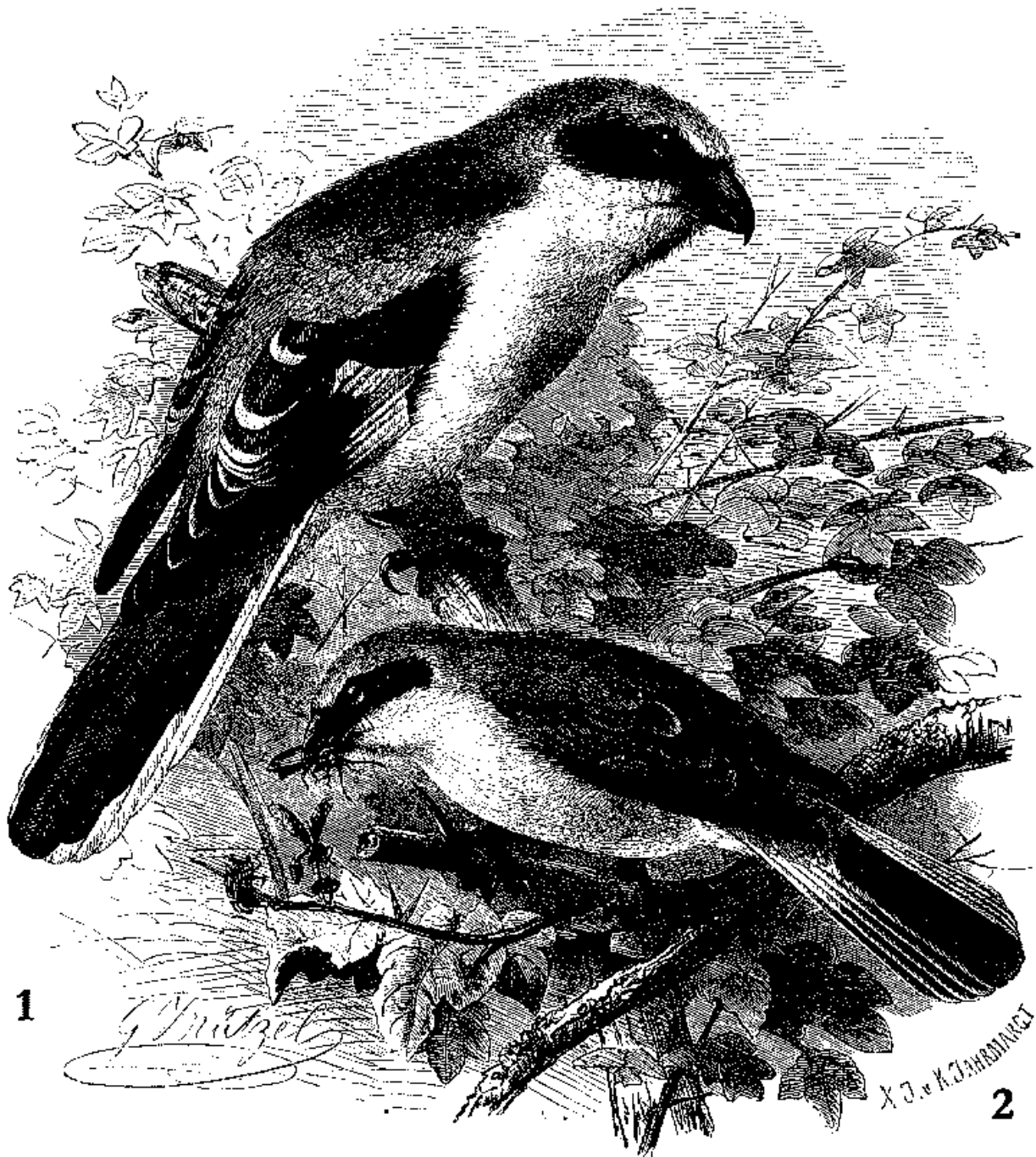
Местообитание сорокопутов — маленькие леса, окруженные полями и лугами, живые изгороди и кусты на полях, сады и отдельно стоящие деревья, а самые высокие верхушки ветвей служат им для сидения и отдыха. Большинство северных видов — летние птицы, регулярно странствующие и долетающие в своих странствованиях до средней Африки. Образ жизни и привычки сорокопутов напоминают хищных птиц. Несмотря на свою незначительную величину, они принадлежат к самым смелым и кровожадным хищным птицам. Сорокопуты захватывают и ловят птиц более ловких, чем они сами. Способности их не особенно замечательны: полет плохой и неправильный, походка прыгающая, голос монотонный, об их пении, собственно, и говорить не стоит. Однако они значительно исправляют его, подслушивая, по-видимому, с большим старанием песни других птиц или, по крайней мере, отдельные строфы и тоны и все мало-помалу выученное соединяют и сливают

странным, но довольно удачным образом. Некоторые виды, благодаря этой привычке, стали любимыми певчими птицами, радостью и гордостью некоторых птицеловов.

Сорокопуть преимущественно охотятся за насекомыми. Но большинство видов преследует также мелких птичек. Сорокопуть опасны тем, что большая часть пташек не обращает на них внимания и удостаивает незаслуженного доверия. Они сидят несколько минут спокойно среди других певчих птиц, даже поют вместе с ними, так что те делаются совершенно доверчивыми, потом вдруг поднимаются, хватают неожиданно одну из сидящих поблизости птичек и душат ее не хуже любого хищника. Сорокопуть имеют странную привычку накалывать пойманную добычу на острые шипы. Там, где живет парочка этих птиц, часто можно видеть сохранных таким образом насекомых, даже маленьких птичек или пресмыкающихся.

Гнездо, представляя собой довольно искусную постройку, помещается в самом густом кустарнике или, по крайней мере, в самых густых ветвях и большей частью украшено зелеными частями растений. Кладка состоит из 4-7 яиц, которые насиживает исключительно самка, между тем как самец принимает на себя прокормление своей подруги. Вылупившихся птенцов кормят оба родителя. Они необыкновенно любят своих детенышей, при опасности чрезвычайно храбро защищают их и после вылета из гнезда еще долгое время водят, провожают, учат. Только поздней осенью, по всей вероятности уже на зимних квартирах, молодые выходят из-под родительской опеки.

Самый достойный представитель этого семейства **серый сорокопуть** (*Lanius exubitor*). Его длина 26 см, размах крыльев 36, длина крыла 10, хвоста 12 см. Оперение на верхних частях тела, за исключением длинного белого пятна на плече, равномерно светло-пепельного цвета, а на нижних чисто белое. Широкая черная полоса с белыми краями проходит через глаза. На крыле большие маховые перья от корня до половины, а также малые маховые перья у самого корня и верхние малые маховые перья на конце и внутренней части опахала белые, но на остальном своем протяжении маховые, равно как и их покровные перья, — черные.

1 — Серый сорокопут (*Lanius excubitor*) 2 — Жулан (*Lanius collurio*)

В хвосте оба средних пера черные, однако на прочих перьях этот цвет постепенно исчезает и заменяется господствующим чисто белым цветом; пятое наружное перо, за исключением большого черного пятна на середине внутренней части опахала, и крайнее перо, за исключением черной полоски ствола, — совершенно белые. Глаза карие, клюв черный, ноги свинцово-серые. Самка отличается не столь чистыми цветами, а птенцы — слабым волнистым узором, который особенно ясен на груди.

Серый сорокопут живет, кроме, может быть, крайнего юга, во всех странах Европы и в большей части Азии как оседлая или кочевая птица, а в северной Африке и южной Азии — как пролетная. Чаще всего его можно увидеть от сентября до ноября и от февраля до апреля, потому что он тогда кочует. Зимой птица охотно подлетает к деревьям, а летом держится парами по опушкам лесов и на одиноко стоящих деревьях открытых полей. Полевые рощи и лесные опушки, граничащие с выгонами, составляют ее любимые места. Здесь она устраивает обыкновенно и свое гнездо. В горах серый сорокопут попадает так же часто, как и на равнинах, и отсутствует только на высоких Альпах и в болотистых местностях*.

* Это не совсем так. В таежной зоне нашей страны серый сорокопут характерная птица верховых болот.

Кто однажды познакомился с ним, тот не перепутает его с другими сородичами, так как он отличается от них и нравом, и величиной. Обыкновенно его замечают на верхушке высокого дерева или куста. Там он сидит довольно неподвижно либо выпрямившись и свесив хвост, либо расположив свое тело горизонтально. Взор его неумолимо бежит кругом, от его внимания не ускользает ни пролетающий хищник, ни движущееся на земле насекомое. Всякую хищную птицу он встречает криком, храбрым нападением и задорным преследованием. Не без основания немцы называют серого сорокопута сторожем, потому что его предупредительный крик указывает всем прочим птицам на приближение опасности.

Если он заметит какое-нибудь маленькое животное, например мышонка, то бросается на него сверху и старается схватить его, даже бежит некоторое время за ним по земле. Сорокопута нередко можно видеть парящим. Он подолгу остается на одном месте, а затем вдруг, как сокол, бросается на землю, чтобы поднять подмеченную добычу. Зимой птица часто садится среди воробьев, греется с ними на солнце, высматривает себе одного из них на съедение, а затем вдруг стремительно набрасывается на него, схватывает сбоку, убивает ударами клюва и душил когтями. Потом тащит свою жертву, придерживая ее то клювом, то ногами, в безопасное место и насаживает ее, если не слишком голодна, на шипы или острые сучки, а иногда на кончик тонкого шеста. Мало-помалу сорокопуд съедает ее, отдирая небольшие куски и проглатывая их один за другим. Его храбрость так же велика, как и его дерзость. Когда птицу мучит голод, несмотря на свою обычную осторожность, она может схватить добычу в присутствии человека. Иногда при этом сорокопуд до того мало внимания обращает на человека, что его можно поймать рукой. Мой отец видел, как серый сорокопуд напал на черного дрозда, Науман наблюдал, как он преследовал рябинников и даже напал на пойманных в силки рябчиков. Молодые птицы, только что покинувшие свои гнезда, сильно страдают от него. Будь у него столько ловкости, сколько отваги и храбрости, он стал бы одним из самых страшных разбойников. На счастье, ему часто не удается предпринятая охота на мелких слабых птичек. Однако он остается опасным противником всех маленьких птиц.

Полет серого сорокопуда не особенно ловок. « Когда он перелетает с одного дерева на другое, — говорит мой отец, — он бросается косо вниз, летит обычно на расстоянии нескольких метров над землей и затем вновь взлетает на верхушку дерева или куста. Его полет сильно отличается от полета других птиц. Сорокопуд описывает явственную волнообразную линию, ускоряя полет быстрыми ударами крыльев и расширением маховых перьев, и летит довольно быстро, но зараз пролетает только небольшие расстояния. Более полукилометра он пролетает редко и никогда больше одного километра. Его органы чувств очень развиты, в высшей степени зрение, но слух тоже превосходен: малейший шорох возбуждает внимание этой чуткой птицы. Не подлежит никакому сомнению, что сорокопуд умен, но в еще большей степени отличается он своей страстностью. Сорокопуд необыкновенно сварлив, охотно дерется с другими птицами, старается прогнать со своей территории любую птицу, выказывает сильную вражду к хищникам, но особенно ненавистно относится к филину.

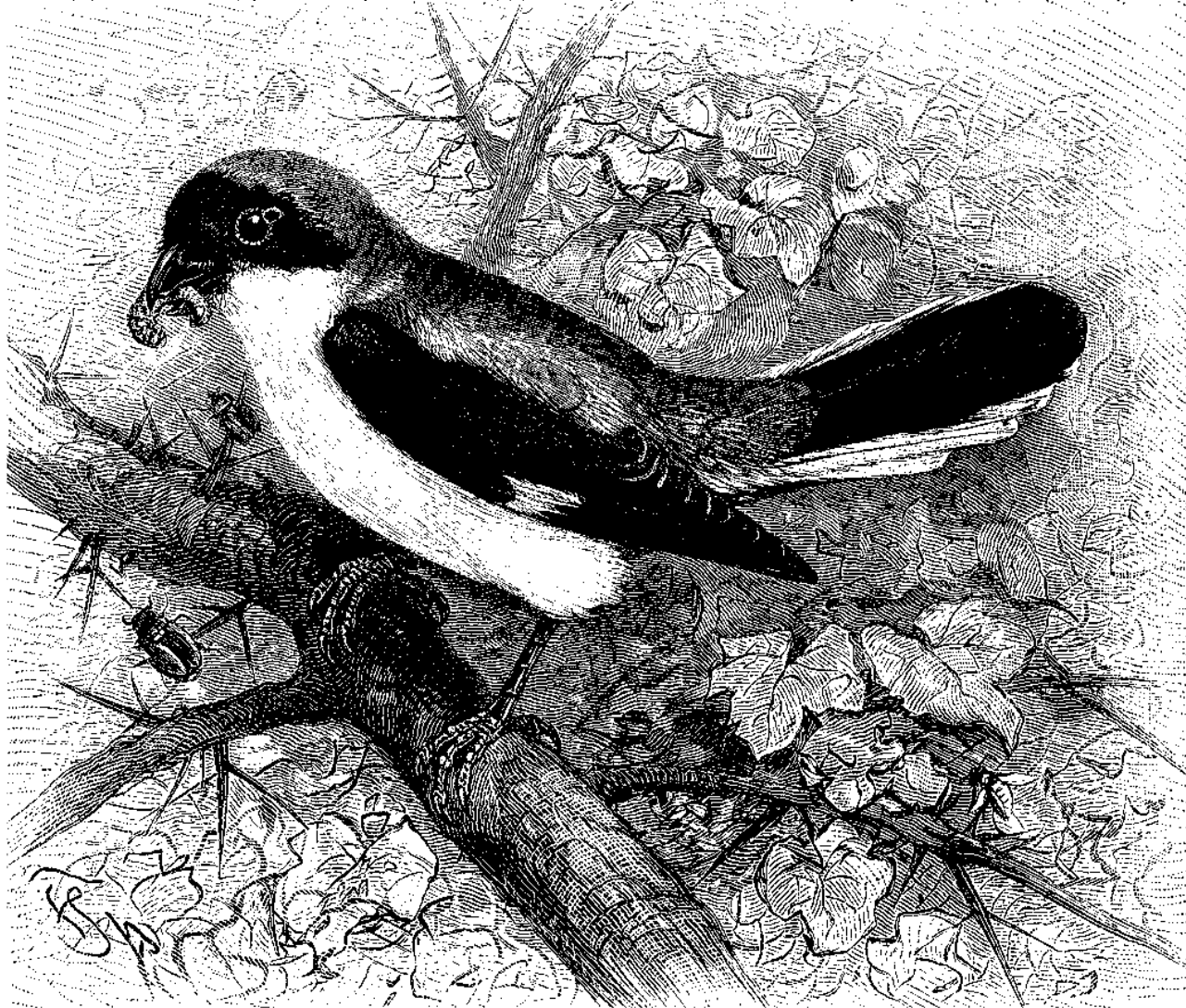
В апреле парочка приступает к размножению. На опушке рощи, в саду или кустарнике она выбирает себе удобное дерево (это может быть куст боярышника или дикое плодовое дерево) и сносит сюда сухие стебельки, хворостинки, земляной и древесный мох для постройки довольно искусного и относительно большого гнезда, полукруглая чашка которого плотно выстилается соломой, стебельками травы, шерстью и волосами. Сорокопуды кладут от 4 до 7 яиц, длина которых 28 мм, ширина 20 мм, а цвет — зеленовато-серый с оливково-буроватыми и пепельными пятнышками; яйца высиживаются в течение 15 дней. В начале мая вылупляются птенцы, и тогда родители притаскивают им жуков, кузнечиков и других насекомых, а позднее множество мелких птиц и мышей и защищают их с опасностью для собственной жизни, забывая всякий страх. Они кормят их еще долгое время после вылета из гнезда и водят вместе с собой до поздней осени.

Ястреб и кобчик такие же свирепые, как и сам сорокопуд, самые злейшие враги этой птицы. Он их хорошо знает, по возможности остерегается, но не всегда может удержаться от желания подразнить их и в подобных случаях становится жертвой этих более сильных хищников. Кроме того, мучат сорокопуда еще различные паразиты. Человек ловит его легко только с вороньего шалаша или на точек. Там, где на большом расстоянии не встречается деревьев, его можно без труда поймать, привязав к палке средней высоты кустик, усеянный клейкими прутьями, или же высмотрев его любимые места пребывания и обставив его клейкими прутьями.

В неволе сорокопуд делается скоро ручным, научается узнавать своего хозяина, приветствует его радостным криком и повторяет ему свои смешные напевы с довольно большой выдержкой,

хотя и не так продолжительно, как другие родственные ему виды. В прежние времена его даже приучали подманивать других птиц, но еще чаще его употребляли при ловле соколов.

Все ровные местности, где преобладает лиственный лес, служат убежищем **чернолобому сорокопугу** (*Lanius minor*). Это один из самых красивых видов семейства. Его оперение на верхней стороне тела светло-пепельного цвета, на нижней белого. Грудь оттенена розоватым цветом, лоб и уздечка черные, равно как и крылья, за исключением белого пятна, которое распространяется по большей части девяти первых больших маховых перьев, и узкой белой каемки на малых маховых перьях. Четыре средних рулевых пера также окрашены, но следующие за ними почти до половины белые. Остальные же рядом с темным стволom имеют еще черные пятна на внутренней части опахала, а самые крайние — чисто белого цвета. Глаза карие, клюв черный, ноги сероватые. У молодых птенцов лоб грязно-белого цвета, нижние части тела желтовато-белые с серыми поперечными полосками. Длина 23 см, размах крыльев 36, длина крыла 12, а хвоста 9 см.

Чернолобый сорокопуг (*Lanius minor*)

В числе птиц, возвращающихся весной, чернолобый сорокопуг является одним из последних: он прилетает только в начале мая. Обратное путешествие сорокопуг предпринимает раньше других, обыкновенно в конце лета, в августе. Уже в сентябре эта птица встречается в лесах Верхнего Нила и, вероятно, во всей средней Африке, потому что зимует только здесь. В южной России сорокопуг весьма обыкновенен; северную Европу он избегает совершенно. Его любимое местопребывание деревья, высаженные вдоль дорог, фруктовые сады, а также маленькие полевые рощи, изгороди и тесно стоящие кустарники. Однако он часто отсутствует в местностях, которые, казалось бы, отвечают всем его жизненным условиям, и мало-помалу пропадает с тех территорий, на которых раньше часто встречался, и это не может быть объяснено никакими видимыми причинами.

Все наблюдатели сходятся со мной в том, что чернолобый сорокопуг принадлежит к самым милым и безвредным видам своего семейства. Он весьма приятным образом оживляет ту область, в которой живет, потому что он подвижнее, живее и беспокойнее всякого другого сорокопуга и своей стройной фигурой и более острыми крыльями легко отличается от серого сорокопуга. Чернолобый

сорокопут отличается от него еще и тем, что является гораздо меньшим хищником. Науман уверяет, что никогда не видел его преследующим птицу, но знает его только как охотника за насекомыми. Бабочки, жуки, кузнечики, их личинки и куколки составляют добычу этого сорокопута. Он сидит на верхушках деревьев, кустов, на одиночно стоящих шестах, камнях и других возвышенных предметах и высматривает свою добычу. Если нет подобных сторожевых пунктов, он поднимается в воздух и парит, а как только примечает добычу, бросается вниз на землю, схватывает насекомое, убивает его и возвращается с ним на верхушку ближайшего дерева, чтобы там съесть. Это совершается обыкновенно без всяких приготовлений, так как он режет своих родственников накалывает перед едой пойманных животных на шипы и концы ветвей.

Ястреба и кобчики преследуют взрослых чернолобых сорокопутов; вороны и сороки истребляют их выводки, несмотря на храбрость, оказываемую родителями. Человек, познакомившийся с этой птицей, не преследует ее, и если ловит, то исключительно для содержания в неволе. Пойманные сорокопуть радуют красотой и способностью подражать.

Самый известный между нашими сорокопутами — **обыкновенный жулан** (*Lanius collurio*). Голова, задняя часть шеи, надхвостье и кроющие перья хвоста имеют светло-пепельный, а остальные верхние части тела красивый буро-красный цвет. Узкая полоска на лбу, наверху и внизу окаймленная белым уздечка — черные. Нижняя часть щек, подбородок, горло и нижние кроющие перья хвоста белые. Остальные нижние части тела светлого розовато-красного цвета. Большие маховые и малые маховые перья буроватого серо-черного цвета, окаймленные светло-коричневой полоской. Средние перья хвоста черно-бурые; следующие при основании, на три четверти длины белые и только на конце черные. Глаза карие, клюв черный, ноги серо-черные. Самка сверху ржаво-серого цвета, а на нижней стороне имеет на беловатом фоне бурые волнистые полоски. Птенцы похожи на нее, но имеют на верхней части узор из светлых пятнышек. Длина птицы 18 см, размах крыльев 18, длина крыла 9, хвоста 7 см.

Из всех сорокопутов жулан самый распространенный. Он населяет почти всю Европу от Финляндии и России до южной Франции и Греции, водится также и в средней части Сибири. В Испании жулан — большая редкость; но, говорят, он и тут встречается в северо-западных провинциях как гнездящаяся птица. В Греции жулан гнездится только на самых высоких горах. Во время своих зимних перелетов он встречается по всей Африке и в наши зимние месяцы составляет обычное явление в лесах внутренней Африки, в береговых странах, в южной Африке и даже на прилежащих к материкам островах. Здесь при обильной пище жулан переживает линьку, которая происходит у него в декабре и январе, и только тогда возвращается назад. У нас он редко появляется до начала мая и остается обыкновенно только до половины августа.

Всевозможные кусты, граничащие с лугами и выгонами, сады и плантации деревьев составляют местопребывание жулана. Густые изгороди являются, по-видимому, необходимым условием его комфорта. Стоит только уничтожить подобные изгороди, и жулан оставляет ту местность, в которой он прежде водился во множестве. Но жулан неприхотлив, и даже один густой куст в поле удовлетворяет его совершенно. В течение многих лет он строит свое гнездо на одном и том же месте и упрямо оберегает его от посягательств других птиц, особенно от другой пары того же вида. В случае необходимости жулан может поменять обстановку и поселиться во фруктовых садах той же местности или переместиться в глубь леса. Так как жулан легко примиряется с обстоятельствами, то он быстро размножается и причисляется теперь, к ужасу маленьких певчих пташек, к самым обыкновенным птицам многих немецких земель.

Жулан — смелая, храбрая, беспокойная птица.

Даже когда он сидит, то постоянно повертывает голову во все стороны и при этом машет хвостом сверху вниз. Самые высокие верхушки кустов и деревьев составляют его сторожевой пункт, с которого он осматривает свои владения. Птица возвращается сюда после каждой экскурсии. Согнанный со своего места, жулан бросается с высоты и падает почти до самой земли, летит низко над ней и тогда только взлетает, когда хочет снова усесться. Он неохотно летит далеко в один прием, часто отдыхает понемногу на всяком удобном месте и только после этого продолжает свой путь. Его призывный крик — довольно ясно издаваемое «гек-гек-гек» или трудно передаваемые «зе» и «гре». Оба звука издаются с различным выражением и означают либо радостные, либо боязливые чувства. Подобные звуки служат ему для предостережения неопытных птенцов. Некоторые самцы издают исключительно эти звуки. Другие причисляются к превосходнейшим певцам. Жулан обладает удивительной способностью подражать голосу других птиц.

Чем старше становится самец, тем совершеннее становится его дарование. «Если какой-нибудь певец, — сообщает граф Гурси моему отцу, — и заслуживает названия пересмешника, то

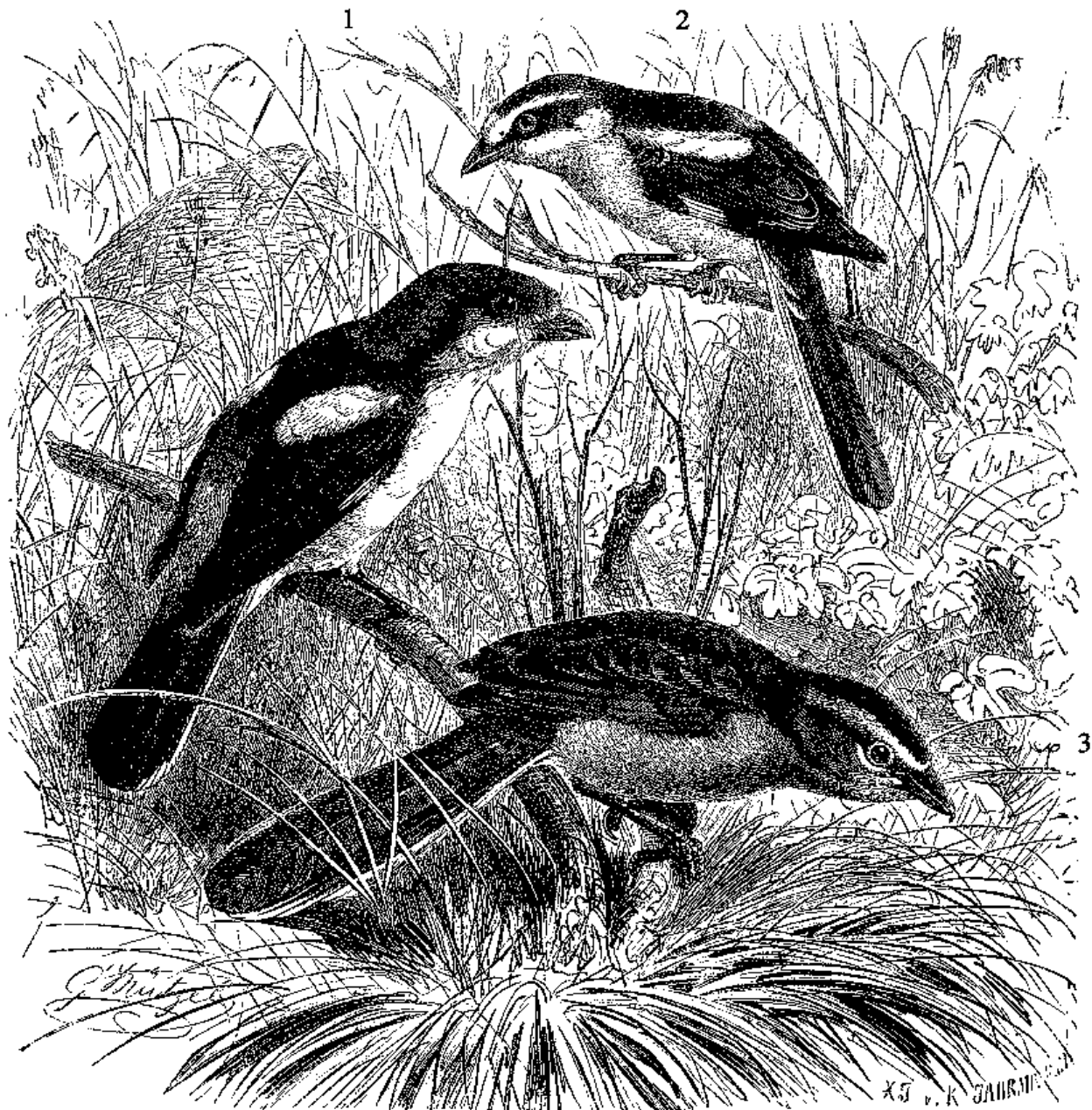
это жулан. По моему мнению, у него нет собственной песни, за исключением нескольких грубых строф, и поэтому, будучи воспитан в неволе, он довольно плохо поет, потому что растет, не слыша других хорошо поющих птиц. Пойманные жуланы не легко делаются ручными. Но если жулан был пойман в таком месте, где его окружали только хорошо поющие птицы, то трудно найти для комнаты более приятного певца, так как он охотно исполняет свои разнообразные песни, удивительно похожие на песни своих учителей. Жалко только, что почти каждый жулан примешивает к своему прекрасному пению несколько неблагозвучных тонов! В особенности кваканье лягушки заучивается почти всеми жуланами. Жулан, который теперь у меня живет, превосходная птица и подражает прелестным образом песне соловья, полевого жаворонка, ласточки, славки-черноголовки, овсянки, крику дрозда и рябчика, и до того он превосходно сливает эти звуки, что между ними не замечаешь никакого перехода. Кроме этого он еще лает, как собака. Иногда жулан еще поет в сентябре и начинает петь снова 16 ноября.

К сожалению, эта веселая и способная птица навлекает на себя в сильной степени нерасположение человека. Жулан один из злейших врагов мелких певчих птиц. Конечно, насекомые составляют его главную пищу, он энергично преследует жуков, кузнечиков, бабочек и, вероятно, гусениц, убивая их даже тогда, когда бывает сыт. Жулан преследует также всех мелких позвоночных, которых только может одолеть. Он ловит мышей, птиц, ящериц и лягушек. Жулан живет среди певчей пернатой компании наших садов и кустарников, нанося ей сильнейший вред. Там, где поселилась пара жуланов, мало-помалу исчезают все малиновки и другие населяющие сады певцы, даже те, которые гнездятся в углублениях почвы. Жулан умеет очень хорошо отыскивать гнезда, и если нашел одно из них, то уж, наверное, утащит всех птенцов. Науман наблюдал, как он душил и уносил молодых малиновок, желтых трясогузок, лесных коньков и жаворонков, как он нападал на пойманных в силки птиц, как пробовал вытащить яблоков из клетки. Другие наблюдатели заметили то же самое.

Как и все виды этого семейства, жулан имеет привычку, прежде чем приниматься за еду, накалывать пойманную добычу на шип или какую-нибудь острую ветку. Он собирает, говорит Науман, даже совершенно насытившись, большие запасы и зараз поедает их, как только опять проголодается. Так, в хорошую погоду можно найти наколотыми на шипы только жуков, насекомых и маленьких лягушек, а в холодную целые ряды убитых птенцов. Мне самому несколько раз случилось находить между ними даже уже оперившихся и вылетевших из гнезда малиновок и ласточек. Мозг птичек составляет, по-видимому, его лакомство, так как у большей части птиц, которых я находил наколотыми, был прежде всего выклеван мозг из головы. Если потревожить жулана во время еды, то он все оставляет засыхать. Маленькие лягушки, которых находят у него довольно часто, насажены всегда странным образом через рот.

В неволе жулан живет несколько лет только при хорошем уходе. С прочими птицами этот разбойник так же плохо уживается, как и другие птицы этого семейства, а в общих клетках нападает даже на птиц, которые вдвое больше его; мало-помалу замучивает дроздов и скворцов до смерти, несмотря на то, что последние по мере сил пробуют защищаться.

Красноголовый сорокопуд (*Lanius senator*) встречается в Германии. Его длина 19 см, размах крыльев 29, длина крыла 9, хвоста 8 см. Лоб и передняя часть головы, широкая линия уздечки, продолжающаяся в виде боковых полосок шеи, мантия, крылья и хвост черные. Верхняя часть головы и затылок ржаво-бурые.

1 -Красноголовый сорокопут (*Lanius senator*) 2 -Маскированный сорокопут (*Lanius nubicus*) 3 -Чагра (*Tchagra senegala*)

По своему поведению и образу жизни красноголовый сорокопут очень похож на жулана, но, по-видимому, не так кровожаден, несмотря на то, что не пренебрегает мелкими позвоночными. Главную пищу его составляют насекомые. Тем не менее он несколько не щадит позвоночных, если ему представляется удобный случай их поймать, и гнезда он разрушает не менее жестоко, чем его сородич. Эту птицу тоже причисляют к пересмешникам, так как она самым обманчивым образом подражает голосам птиц, живущим вокруг нее, комбинирует их, составляя, таким образом, песню, которая приводит в восторг некоторых любителей.

В Греции, но чаще в Египте и Нубии рядом с упомянутым видом живет еще один вид семейства **маскированный сорокопут** (*Lanius nubicus*).

Этот сорокопут принадлежит к самым редким птицам в Греции, но в Малой Азии и Палестине так же обыкновенен, как и в южном Египте или средней Нубии. Тут он живет, по моим наблюдениям, из года в год.

Часто говорили, что **сорокопут-чагра, или сенегальская чагра** (*Tchagra senegala*), встречается в Испании. Однако все исследования, которые я предпринимал, доказали мне неверность этих утверждений. Чагра имеет вытянутое туловище. Клюв у нее стройный и слабо загнутый; ноги с высокой плюсной и слабые; крылья короткие и сильно закругленные, хвост длинный и крупноступенчатый. Оперение на затылке буровато-серое, на нижних частях тела светло-пепельное. Глаза крас-

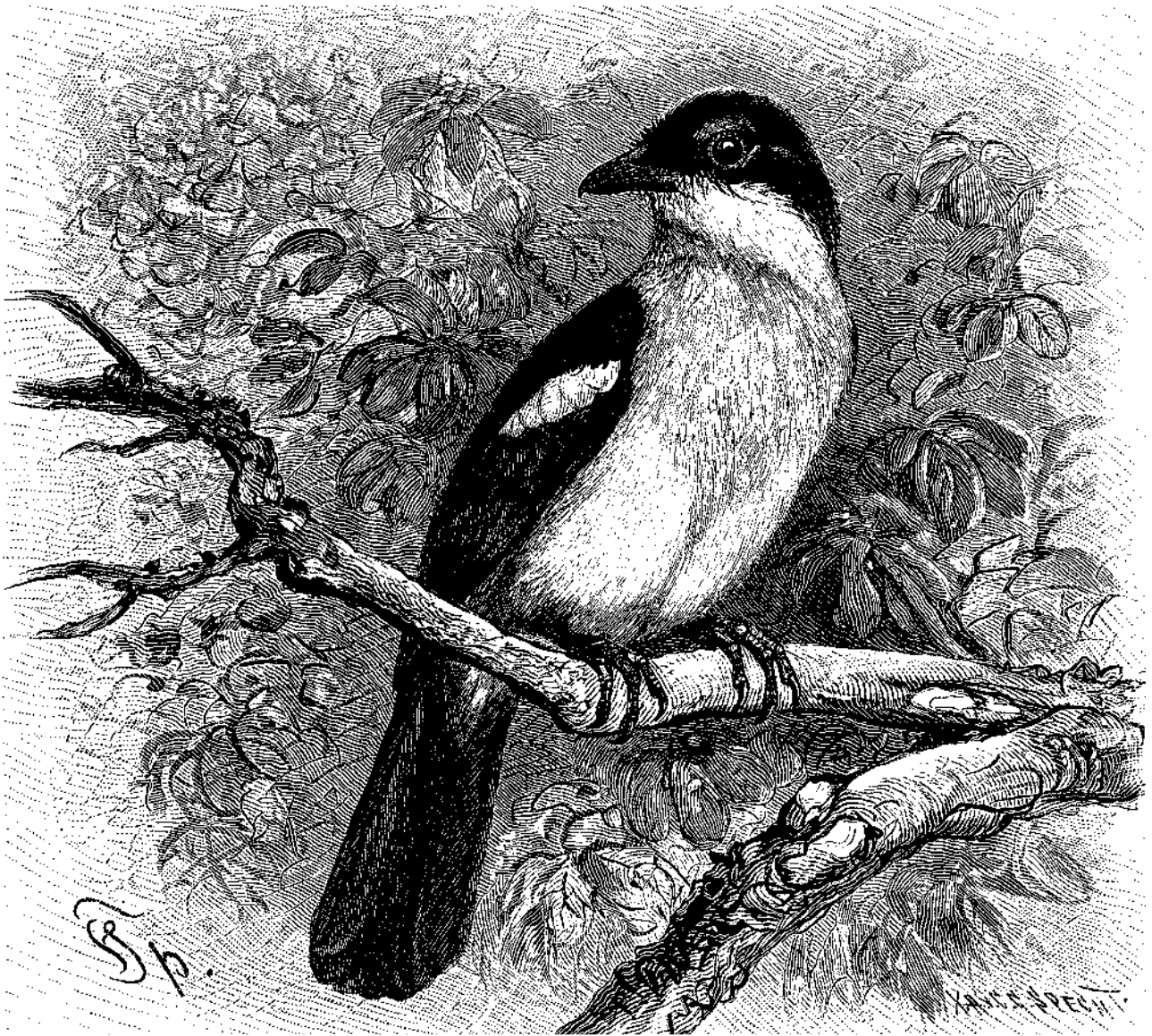
но-бурые, клюв черный, ноги свинцово-серые с зеленоватым оттенком. Длина 21 см, размах крыльев 26, длина крыла 8, хвоста 9 см.

Чагра распространена по всей Африке, за исключением северо-восточных ее областей. Здесь, в районе 18 градусов северной широты, эта птица не встречается, но попадается в Атласских горах. В Абиссинских горах она поднимается, по словам Гейглина, приблизительно на высоту до 2000 м над уровнем моря. Ее образ жизни существенно отличается от образа жизни ее сородичей. Она живет только в самых густых кустах и непосредственно над землей, а не на верхушках деревьев, хотя и взлетает на них при упорном преследовании. Излюбленное место ее охоты ровная поверхность земли. По ней она бегаёт с такой ловкостью, как ни один сорокопут. Когда встречаешь ее в первый раз, думаешь, что видишь дрозда, а не сорокопута. Чагра обычно прячется в траве под низким тернистым кустарником и, когда наконец удается заставить ее подняться, то она быстро летит, со свистом ударяя по воздуху крыльями, после чего следует непродолжительное парение близко над землей вплоть до другого куста. Она живет парами или поодиночке.

Эфиопский певчий сорокопут (*Laniarius aethiopicus*). На всей верхней стороне тела, за исключением белой полоски на крыльях, оперение черного цвета. На нижней стороне белого с краснорозовым оттенком. Глаза красно-бурые, клюв черный, ноги сине-серые. Длина 35 см, размах крыльев 33, длина крыла 10, длина хвоста 9 см.

По своему образу жизни певчий сорокопут имеет, бесспорно, больше сходства с дроздами, чем с сорокопутами. Не помню случая, чтобы я его когда-нибудь видел на ветке высматривающим насекомых по обычаю сорокопутов. Он с большим проворством бегаёт внутри кустов по веткам, основательно обыскивая листья и сучки и добывая себе пищу. На земле его видно реже, но иногда случается, что он и здесь прыгает, но при малейшей помехе немедленно взлетает опять на густые верхушки деревьев. Полет певчего сорокопута плохой и значительно отличается от полета других сорокопутов. Он состоит из быстро повторяемых ударов крыльями, которые едва прерываются скользящим парением. Самая замечательная особенность в жизни этих птиц их манера петь.

Тут, собственно, нет песни, а есть отдельные тоны, замечательные по своей звучности и довольно часто повторяющиеся. Они сообща издаются самцом и самкой. Крик певчего сорокопута состоит из трех, реже из двух, чистых, как колокольный звон, звуков, которые простираются приблизительно в пределах одной октавы.

Эфиопский певчий сорокопут (*Laniarius aethiopicus*)

Он начинается тоном средней высоты, за которым еле дует более низкий, затем опять значительно более высокий тон. Два первых образуют собой терцию, два последних октаву. Эти три звучных тона, похожие на удар колокола, издаются только самцом. Непосредственно за ними следует ответ самки, неприятный писк или карканье, которому трудно подражать и который еще труднее описать.

К сожалению, я не в состоянии сказать с уверенностью, каких насекомых предпочитают певчие сорокопуть. Рюпфель говорил, что они кормятся в определенное время преимущественно муравьями, но при этом преследуют различных жуков, гусениц и личинок. Грабят ли они гнезда, еще не установлено. Мне кажется это невероятным. Способ их размножения также пока неизвестен.

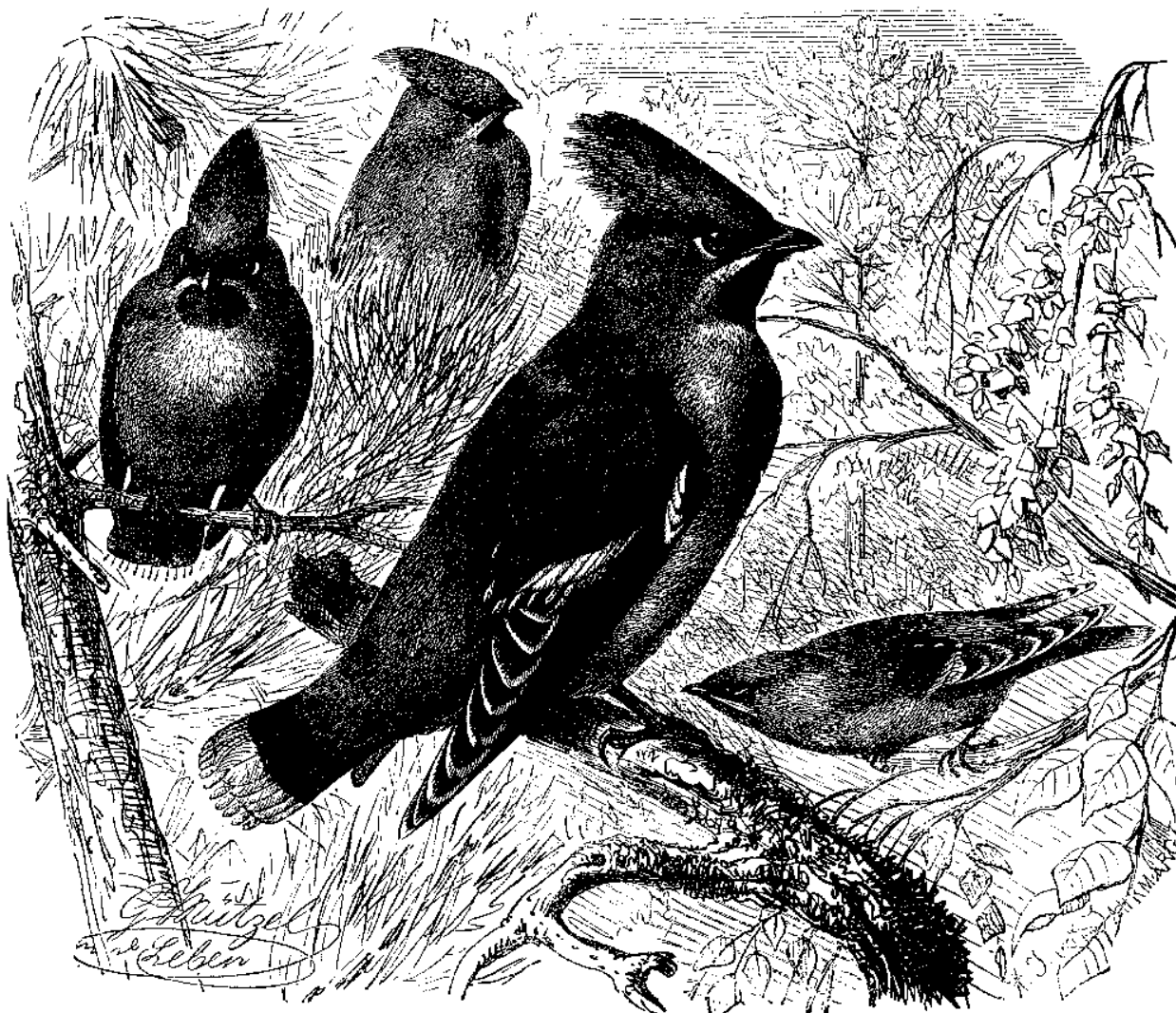
Семейство свиристелевые

Свиристель (*Votbucilla garrulis*). Оперение красновато-серого цвета, которое на верхней части тела обычно темнее, чем на нижней, где оно переходит в серовато-белый цвет. Лоб и гузка красновато-бурые. Подбородок, горло, уздечка и полоска над глазом черные; большие маховые перья серовато-черные, на конце наружной части опахала со светлыми золотисто-желтыми пятнышками, а на внутренней части опахала с белой каймой; малые маховые перья оканчиваются широкими роговыми или пергаментообразными кончиками красного цвета. Рулевые перья черноватые, на конце золотисто-желтые; они заканчиваются кончиками такого же цвета, как и малые маховые перья. У самки цвета не так резки и роговые пластинки менее развиты. Птенцы темно-серые, многие перья со светлой каймой; лоб, полоса от глаза до затылка, полоска вдоль бледно-желтого горла и нижняя часть надхвостья беловатые. Нижние покровные перья хвоста грязного ржаво-красного цвета. Длина 20 см, размах крыльев 35, длина крыла 12, длина хвоста 6 см.

Свиристель распространен на севере Европы, в Азии и Америке. Обширные леса на севере нашего материка, состоящие из одних сосен или из сосны и березы, можно считать его настоящей родиной. Он покидает их только тогда, когда глубокий снег принуждает его к этому. Собственно

говоря, его следует считать кочевой птицей, которая зимой перелетает с места на место в пределах довольно ограниченной территории. В случае крайней нужды он переступает ее границы и становится тогда перелетной птицей. Во всех странах, лежащих севернее Германии, в русских и польских лесах или в лесах южной Скандинавии он встречается почти каждую зиму.

Во время своего пребывания на чужбине в более южных местностях свиристели всегда соединяются в стаи. В зависимости от количества пищи они остаются там на долгий или короткий срок. Иногда зимой в продолжение нескольких недель и даже месяцев свиристелей встречают в большом количестве в местностях, где они вообще очень редки, и это, вероятно, случалось бы гораздо чаще, если бы их не преследовали так безжалостно. Красота этих птиц до того мало ценится необразованными, грубыми людьми, что они убивают их. Возможно также, что эти бедные птицы страдают из-за одного старого поверья. Раньше на свиристелей смотрели как на предвестников тяжких войн, большой дороговизны, различных заразных болезней и других бедствий и думали, что хорошо поступают, ненавидя и преследуя их.

Свиристель (*Bombusilla garrulus*)

Свиристель не принадлежит к числу подвижных птиц. Это скорее ленивая, неповоротливая птица, способная только много есть и поэтому неохотно оставляющая однажды выбранное место. Всюду, где он находит пищу, свиристель бывает очень смел или, лучше сказать, доверчив. Он может залететь в деревню или даже в городские аллеи, нимало не заботясь о своей безопасности. Однако свиристель не так глуп, как кажется сначала, а продолжительные преследования сделали его осторожным и робким. С другими птицами он ведет себя мирно, относится к ним равнодушно или вовсе не обращает на них внимания. С родственными видами живет в большой дружбе, пока находится на зимней квартире. На землю спускается только тогда, когда хочет пить. По земле прыгает очень неловко и никогда не остается на долгое время. По ветвям же, напротив, лазает свободно, то вверх, то вниз, когда хочет есть. Во время полета свиристель описывает большие дугообразные линии, летает легко, красиво и сравнительно скоро, быстро двигая попеременно обоими крыльями.

Призывный крик его представляет собой странную шипящую трель, которую невозможно передать словами. Мой отец говорит, что призывный крик свиристея напоминает треск несмазанной тачки, и это сравнение мне кажется удачным. Кроме призывного крика по временам слышится похожий на флейту свист, который, по словам Наумана, звучит, как звук, происходящий из полового ключа, если тихо дуть в него. Звук этот, по-видимому, выражает у свиристея нежные чувства. Пение тихое и неважное, но исполняется с большим усердием и, должно быть, с сильным напряжением. Самки поют почти так же хорошо или, вернее, почти так же дурно, хотя и не так постоянно, как самцы. Они распевают свои песни в течение почти всего года, а зимой приветствуют своим пением каждый луч солнца.

На родине в течение лета главную, если не исключительную пищу свиристея составляют бесчисленные стаи комаров, но зимой свиристея должен довольствоваться иной пищей, преимущественно ягодами. За насекомыми он охотится совершенно так же, как мухоловки, ягоды же собирает с кустов не торопясь и поднимает их иногда с земли. Странно, что пойманные свиристеи не обращают внимания на предлагаемых им насекомых.

До последнего времени способ размножения свиристея был неизвестен. Только в 1857 году 16 июня Уоллею удалось найти гнездо и яйца; впрочем, его егеря сделали это открытие еще раньше, в предыдущем году. Уоллей дал себе слово не возвращаться в Англию без этого гнезда и не щадил ни себя, ни денег для достижения этой цели. После того, как нашли первые гнезда, по-видимому, половина населения Лапландии принялась за поиски, и уже летом 1858 года было собрано более 600 яиц. Гнезда всегда располагаются на соснах, не слишком высоко над землей. Они хорошо спрятаны в ветвях и большей частью состоят из древесного лишайника. В их наружную стенку вплетаются несколько сухих веточек, а внутри они выложены стебельками травы и перьями*. Свиристея кладет от 4 до 7 яиц, обыкновенно 5, и кладка оканчивается на второй неделе июня. Яйца имеют приблизительно 24 мм в длину и 18 мм в ширину и покрыты по голубоватому или сине-белому фону редкими черными и фиолетовыми пятнышками и точками, которые расположены гуще на толстом конце, образуя здесь венчик.

** В тайге европейской части России свиристеи устраивают свои гнезда преимущественно на елях, а в Западной Сибири, где ель распространена нешироко, чаще на кедрах и лиственницах.*

В неволе свиристея смиряется со своей судьбой. Не выказывая особенной горести, он сейчас же принимается за еду. Птица многие годы проживает в клетке, поставленной в прохладном месте. Красота ее оперения и тихий нрав обычно доставляют радость людям. Держать свиристея в неволе можно посоветовать каждому, но убивать для удовлетворения собственного желудка кажется мне несправедливым, потому что на свободе он приносит много пользы, уничтожая вредных насекомых, а зимой свиристея становится превосходным украшением голых деревьев.

Семейство оляпковые

Оляпки населяют Старый и Новый Свет, где обитают преимущественно в северных краях, но встречаются также и в южных горах, например в Андах. По образу жизни немногие известные нам виды вполне сходны между собой, так что достаточно описать жизнь европейского вида, чтобы иметь понятие о жизни всех других птиц этого семейства.

Обыкновенная оляпка (*Cinclus cinclis*). Длина тела составляет 20 см, размах крыльев 30, длина крыла 9, длина хвоста 6 см. Голова, затылок и задняя часть шеи чало-бурые, перья остальной верхней части аспидно-серые с черными каемками. Горло, зоб и шея молочно-белые. Нижняя часть груди и брюшко темно-бурые. Верхняя часть груди красно-бурая. Самка во всем походит на самца, только меньше его ростом.

Обыкновенная оляпка населяет все гористые местности средней Европы, изобилующие водой. Вальтер не раз наблюдал оляпку также в Закаспийском крае «около чистых ключевых источников Атрека, по дороге к Северному Хорасану, в местечке Кошан». Во всех этих местностях оляпка составляет если не частое явление, то, во всяком случае, вполне заурядное. Ее излюбленными местами являются чистые, с тенистыми берегами ручьи, которыми так изобилуют высокие и средние горы Европы. Путешествуя по горам, оляпки добираются до источников рек, и те же самые речки приводят их на равнины, которых они в общем-то избегают. В таких местах оляпку не придется искать напрасно, разве только в том случае, если вода горного источника отравлена или загрязнена отходами фабрики. Птица эта упорно держится на однажды выбранном месте и не оставляет его даже в самые суровые зимы. В холмистой местности она выбирает реки и ручьи, не замерзающие зимой, потому что главным местом ее охоты бывает не берег, а вода. Именно поэтому оляпка предпочитает быстрые горные потоки, водопады и ключи, так как быстрое течение воды мешает

их замерзанию. Чем мощнее поток, тем больше он образует порогов и тем скорее привлекает он к себе оляпку. Но еще больше, чем сам водопад и образующийся под ним водоворот, она любит рубеж встречающегося здесь обыкновенно спокойного пространства воды, потому что водоворот загоняет сюда немало добычи. Каждая пара оляпок занимает участок ручья, по крайней мере, в два километра, шныряет в этих пределах из угла в угол и никогда не покидает потока. Там, где кончаются владения одной пары, сейчас же начинается участок другой, так что горный ручей бывает сплошь населен оляпками, с самого своего истока до места впадения в реку или озеро.

Оляпка принадлежит к наиболее привлекательным птицам. Она обладает удивительными свойствами. С проворством и ловкостью трясогузки бегают оляпки по камням, торчащим из воды. Так же, как пигалица или трясогузка, трясет хвостом и задней частью тела, прыгает с камней в воду, погружаясь в ручей все глубже и глубже, сначала до половины верхней части груди, затем до глаз, а потом еще глубже, пока вода не покроет ее. Очутившись на дне русла, она бодро идет по дну, будто по ровной земле, в течение 15-20 секунд, по течению или против него. Оляпка смело бросается в самый грозный водоворот, в самый бешеный водопад, ходит бродом или плавает, пользуясь своими коротенькими крыльями, словно веслами, можно сказать, летает под водой, перерезая крыльями отвесно падающую массу воды. Никакая другая птица не двигается так свободно в воде, как оляпка. Она не всегда погружается в воду постепенно, но очень часто прямо с высоты бросается в глубину, скорее как лягушка, нежели как зимородок. Полетом своим оляпка напоминает зимородка, но еще более, может быть, нашего крапивника. Вспугнутая оляпка летит, быстро взмахивая крыльями, постоянно на одной и той же высоте над водой, следуя за всеми извилинами ручья. Птица мгновенно останавливается, как только высмотрит на лету новое безопасное место для отдыха. Нередко случается, что, привлеченная какой-нибудь добычей, она стремительно бросается в воду. Когда оляпка замечает, что ее преследуют, то способна пролететь расстояние в 400-500 шагов; обыкновенно же она перепархивает с камня на камень. Если преследование становится серьезным и птичка понимает, что она в опасности, то покидает ручей, в водах которого до тех пор скрывалась. Оляпка круто взлетает, поднимаясь выше верхушек прибрежных деревьев, а иногда летит еще выше. При таких обстоятельствах бывает, что она бросает свое обычное направление, удаляется от русла ручья и летит вперед, описывая большие дуги, или возвращается к прежнему месту отдыха. В спокойном состоянии, по наблюдениям Гомейера, оляпка останавливается на лету, чуть-чуть покачиваясь, держится на одном месте какое-то время, а затем вдруг, сложив крылья, стремительно бросается в воду, где и исчезает.

Мы положительно можем утверждать, что зрение и слух по степени развития стоят у оляпки на первом месте, однако и другие органы чувств развиты хорошо. Она умна, осторожна, хитра, и если не пуглива, то во всяком случае везде и всегда зорко присматривается ко всему, что происходит вокруг нее. Она хорошо знает своих друзей и, может быть, еще лучше — своих врагов. От человека, забредшего в ее мирное убежище, она тотчас улетает. Против всевозможных хищных птиц оляпка принимает меры предосторожности. Но эта же самая птица, которая ведет себя весьма осторожно, как в горах Сьерра-Невады или под глетчерами Швейцарских Альп, так и в горных ручьях Лапландии, способна привыкнуть к людям и вообще становится доверчивой, если убедится, что ей не угрожает никакая опасность. Оляпка бывает частым гостем на мельницах, а на мельника и его работников смотрит как на своих друзей. Она нередко селится в деревнях, где чувствует себя вполне безопасно.

Обыкновенно, когда оляпку сгоняют с места, птица издает звук, похожий на «церр» или «церб».

Пение самца представляет собой тихую, в высшей степени приятную трескотню, состоящую из нежных мурлыкающих и щелкающих звуков. Оно напоминает отчасти пение варакушки, отчасти щелканье каменки, а Снелль очень удачно сравнил его с легким журчанием пробегающего по камням ручейка. Особенно усердно оляпка поет в ясные весенние дни и преимущественно в утренние часы, но ее не смущают и холода: она поет до тех пор, пока небо ясно. Оляпка поет и во время купания, и во время еды. С песней набрасывается на дерзкого соседа, нарушающего закон о пограничных владениях, с песней прихорашивает свои перышки и даже песней оканчивает свою веселую жизнь.

Пища оляпки состоит преимущественно из насекомых и их личинок. Мой отец нашел в желудках исследованных им оляпок комаров, водяных насекомых, поденок и различных жуков, а также частицы растений, проглоченные, по всей вероятности, случайно, и крошки дресвы, которые многие птицы глотают для пищеварения. Глогер первый открыл, что зимой оляпка ест также маленьких рыбок, вследствие чего мясо ее получает запах ворвани. «Мой знакомый мельник, мельни-

ца которого находилась в центре владений одной пары оляпок, наблюдал, как при сильном морозе они охотно ели застывший жир, которым смазывались втулки мельничных колес, причем они смело клевали его на глазах самого мельника».

Гомейер следующим образом описывает обыденную жизнь оляпки. Пока вода в горном ручье прозрачна и чиста, оляпка ведет обыкновенный образ жизни. Как только забрезжит на востоке первый луч утренней зари, оляпка уже на ногах и находится в непрерывной деятельности до самых сумерек. Поутру она усердно поет и не менее старательно охотится. Бывают иногда драки и ссоры с назойливым соседом, но это отвлекает ее от обычных занятий лишь на несколько минут, так как схватка скоро прекращается, а пролаза обращается в бегство. В полдень, когда солнце начинает сильно припекать, оляпка забирается в свои любимые укромные местечки между камнями или под нависшие выступы берега и сидит здесь, подремывая по целым часам, но и в это время она не упускает случая поймать что-нибудь съедобное, подвернувшееся под руку. К вечеру оляпка опять приободряется и энергично принимается за рыбную ловлю, охоту, ныряние и веселые песни. С наступлением ночи птицы отправляются к месту своего ночлега, устроенному в углублении, которое всегда можно найти по кучам помета, накопившемуся в нем. В течение всего дня оляпка бодрa, резва, оживлена и деятельна. Однако обстоятельства совершенно меняются, когда идут продолжительные дожди и вода в ручье, перед тем столь чистом, начинает мутнеть. Тогда ей становится трудно доставать необходимое количество пищи, и она должна для этого прибегать к особым хитростям. Оляпка покидает излюбленные места среди журчащего ручья и отправляется в те прибрежные уголки, где высокая трава свешивается над водой, или туда, где плавают на поверхности ручья водяные растения. Птичка начинает усердно охотиться, шныряя между этими растениями, подобно утке, а там, где вода глубока, плавает и выворачивает своим клювом каждый стебелек, каждый листок или веточку, чтобы собрать всех водяных животных, притаившихся на оборотной стороне. Если дождливая погода устанавливается надолго, то оляпке приходится испытывать настоящую нужду, которая повергает птицу в мрачное настроение. Тогда прекращается всякое пение, всякое бесполезное движение. В крайней необходимости она посещает тихие прибрежные бухты, которых обыкновенно избегает в хорошую погоду, и здесь приступает к охоте. Но как только вода просветляется и на небе снова показывается солнышко, хорошее расположение духа быстро возвращается к оляпке, и она снова делается такой же жизнерадостной, какой была прежде.

Уже несколько десятков лет тому назад отец мой сделал подробные сообщения о размножении оляпки, а впоследствии дополнил их. «Оляпка, — писал он, — выводит птенцов обыкновенно раз в год, в апреле, и только в виде исключения два раза. В начале этого месяца она начинает строить гнездо, а спустя две недели кладет яйца. Гнездо находится всегда около воды, преимущественно в тех местах, где над рекой нависают скалы, или есть ольховый ствол, или запруды образуют удобные углубления. Его можно также найти под мостами, плотами, в стенах мельницы, даже между лопатками мельничных колес, которые долгое время стояли в бездействии. Самое приятное для оляпки — это когда она может расположить свое гнездо так, чтобы перед ним вода падала с высоты. Тогда оляпка совершенно защищена от нападений кошек, куниц, хорьков и ласок и доступна разве только крысам. К одному такому гнезду, которое я заметил под колесами мельницы, я мог проникнуть лишь после того, как мельник из любезности ко мне спустил всю воду. Наружная часть гнезда оляпки состоит из прутьев, стебельков, корешков, листочков травы и соломинок, часто также из водяного, земляного мха, внутри выстлано листьями. Гнездо довольно рыхлое, но имеет толстые стенки с углублением и снабжено всегда узким входом, который обыкновенно образуется за счет того, что то углубление, где находится гнездо, наполняется почти полностью. Но если отверстие гнезда слишком велико, то оляпка, подобно крапивнику, устраивает над ним крышку и отдельный узкий вход. Тогда гнездо состоит большей частью из мха. В кладке обычно 4—6 яиц, которые имеют 22-26 мм в длину и 18-19 мм в толщину. Форма и величина их различны; скорлупа тонкая и гладкая блестяще-белого цвета с ясно обозначенными порами. Самка сидит на яйцах так старательно, что ее можно снять с них прямо руками. Но выводит она обыкновенно только двух, редко трех птенцов. Многие яйца у этой птицы подвергаются гниению, по всей вероятности, потому, что гнездо часто бывает влажным. Если не тревожить старых птиц в гнезде, они утрачивают свою робость и становятся доверчивыми, так что перестают пугаться человека. Особенно интересно наблюдать за ними, когда они, направляясь к своему выводку, перелетают через водопад».

Вдобавок к сказанному я упомяну еще, что оляпка иногда располагает свое гнездо на совершенно открытом месте: на гладком камне у самого берега. Но поскольку оно по цвету совершенно соответствует окружающим предметам, то его трудно заметить, и поэтому птенцы в нем так же защищены от нападений, как и в скрытом месте. Чузи, которому мы обязаны этим сообщением, рас-

сказывает, что вспугнутые им из подобного гнезда птенцы тотчас бросились в воду, нырнули и ловко поплыли под водой до ближайшего углубления в берегу, где и притаились. Птенцы, пойманные Чузи и снова пущенные им в воду, тотчас нырнули и, вытянув вперед шеи, поплыли, помогая себе ногами, причем крылышки служили им веслами. Птенцы так быстро двигались вперед, что в пять-шесть толчков уже достигли своего убежища.

Врагами оляпок являются рыскающие по ночам хищные животные, которые не стесняются прыгать в воду, когда дело идет о лакомой добыче. Выводки часто делаются жертвами кошек, но старые оляпки редко попадают им в когти. Хищные птицы благоразумно оставляют оляпок в покое, потому что они по опыту знают, что при первом их появлении те тотчас ныряют в глубину.

Семейство крапивниковые

Крапивник (*Troglodytes troglodytes*) может служить достойным представителем своего семейства. Длина его 10 см, размах крыльев 16, длина крыла 4,5, а хвоста 3,5 см. Оперение ржаво-бурого или ржаво-серого цвета, покрыто темно-коричневыми волнообразными линиями. Глаза карие, клюв и ноги красновато-серые. У самки все оттенки светлее.

Крапивник распространен не только во всей Европе от севера Скандинавии и России до самой оконечности Испании и Греции, но и в северо-восточной и Средней Азии.

Крапивник живет во всякой местности, где есть кустарник, но предпочитает долины, по которым течет ручеек. Подобно другим сородичам, он залетает в деревни и даже в городские сады и вьет гнезда рядом с жилищем человека, если только поблизости есть густые кусты, живые изгороди или, по крайней мере, большие кучи хвороста. Крапивник редко садится на высокие деревья; скорее можно видеть, как он почти у самой земли проскальзывает среди густого кустарника, исследует все уголки и углубления, прыгает по самой земле или перелетает с куста на куст. Время от времени он, однако, появляется где-нибудь на верхушке дерева и пребывает там, по-видимому, с явным удовольствием. «Крапивник, — говорит Науман, — превосходит почти всех птиц своей веселостью, беззаботностью, смелостью, а также искусством и быстротой, с которой он пробирается сквозь самый запутанный кустарник. Но смелость эта совершенно особого рода; она исчезает при малейшей опасности и превращается в безграничный страх, но так же скоро опять возвращается. Веселое расположение духа редко покидает его. Он так смело и быстро прыгает туда и сюда, как будто не терпит ни в чем нужды. Веселость не покидает его даже зимой, если погода не слишком скверная и солнышко хоть изредка показывается из-за туч. В то время как воробьи, наши постоянные оседлые птички, недовольные сильным морозом, нахохливаются и печальным своим видом выказывают неудовольствие и уныние, крапивник все еще весел и поет свою песенку, как будто на дворе весна». Он сгорбившись скачет по земле, так что его можно принять за мышонка, проскальзывает с удивительной ловкостью и быстротой сквозь щели и дырки, которые недоступны другим птицам, без устали перепрыгивает с изгороди на изгородь, с куста на куст и с одной кучи хвороста на другую, исследует все уголки и только разве что на минуту остановится, да и то в такой забавной позе: грудь опущена, а короткий хвостик вздернут. Если внимание его возбуждено чем-нибудь необыкновенным, он выражает свое волнение быстрыми поклонами, причем хвостик приподнят выше обыкновенного. Чувствуя себя в безопасности, крапивник беспрестанно поет или, по крайней мере, испускает свой призывный крик, только во время линьки он тише обыкновенного. Как только песня окончена, начинается опять шмыганье и исследование окрестностей.

Летает крапивник лишь в случае крайней необходимости. Обыкновенно он порхает, вздергивая крыльями, над самой землей по прямой линии. Перелетая большие расстояния, крапивник описывает в воздухе извилистую линию, состоящую из небольших дуг. Легко заметить, как ему трудно летать, если начать преследовать его в открытом поле. Быстро бегущий человек может, по словам Наумана, так его утомить, что он сам дается ему в руки. Крапивник, впрочем, так хорошо сознает слабость своего полета, что никогда добровольно не покидает спасительных кустов, и даже в тех случаях, когда захвачен неприятелем недалеко от гнезда, скорее решается проскользнуть в какое-нибудь отверстие, чем пуститься в опасный перелет по воздуху. Превосходное, чрезвычайно приятное пение его состоит из многих громких меняющихся тонов, которые прерываются довольно продолжительной, благозвучной трелью; под конец эта же трель опять звучит, но гораздо тише, и часто снова появляется уже в самом конце песни, птица как бы заканчивает ею свое пение. Звуки так сильны и полны, что удивляешься, каким образом такая маленькая птичка может издавать их. Зимой это пение необыкновенно сильно действует на расположение духа человека. Вся природа тиха и безжизненна, деревья голы, земля погребена под снегом и льдом, все другие птицы безмолвны и печальны, и только он один, почти самый маленький из них, всегда веселый и довольный, напевает свою вечную песенку, в которой как бы слышится: «Вернется же когда-нибудь весна!» Каждому,

даже самому жалкому и сухому филистеру, который не хочет понять поэтического взгляда на природу, приходят тогда на ум радостные мысли. Тот, у кого при зимней песне крапивника не забьется радостно сердце, — жалкий человек, не чувствительный к прекрасному.

Крапивник питается насекомыми, их личинками, паучками и другими мелкими животными, а осенью разными ягодами. Летом стол его обилен, он умеет найти себе пищу даже там, где другие птицы тщетно ищут ее. Зимой, однако, и ему приходится терпеть иногда нужду.

Гнезда крапивника весьма разнообразны по форме и материалу, да и сами места, выбранные им для постройки жилища, очень разные. Гнезда крапивника находили довольно высоко на деревьях и на самой земле, в углублениях почвы и в дуплах деревьев, в отверстиях каменных стен и в расщелинах скал, в хижинах угольщиков и под крышами домов, в тернистых кустарниках или под корнями деревьев, в кучах дров и в галереях рудников. Но всегда место для них выбрано весьма тщательно, особенно для первого весеннего гнезда, которое строится еще в то время, когда земля не успела покрыться богатой летней растительностью. Некоторые гнезда состоят из зеленого, другие из пожелтевшего мха, который так плотно сваян, что отдельные волокна кажутся склеенными. Форма гнезда шарообразная, и внутрь его ведет аккуратное сделанное отверстие. Некоторые гнезда походят на спутанную кучку листьев и выложены внутри перьями. Другие — не что иное, как починенные старые гнезда. Как бы то ни было, но гнездо крапивника всегда приспособлено к местным условиям, в соответствии с ними и выбран материал для постройки, так что иногда очень трудно разыскать это гнездо, несмотря на его огромную по сравнению с размером птички величину. Кладка состоит из 5-8 относительно больших круглых яиц, покрытых по чисто белому или желтоватому фону маленькими красновато-бурыми или ярко-красными точками, которые у толстого конца образуют венчик. Оба родителя сидят на яйцах поочередно в течение 13 дней*. Вместе выкармливают и воспитывают своих птенцов. Птенцы долгое время сидят в гнезде и, даже вылетев из него, еще длительное время держатся вместе.

* *Срок инкубации у крапивника варьирует от 12 до 20 дней, составляя в среднем чуть более 16 суток. Насиживает одна самка.*

Крапивника ловят в сети, западни или посредством сучьев, намазанных клеем, однако он не скоро привыкает к неволе. Но зато если его удастся приручить, то хозяин не нарадуется на это, даже в неволе, привлекательное создание. Мы не знаем ни всех опасностей, которым подвергаются крапивники на воле, ни всех их врагов, но не подлежит сомнению, что их очень много, так как иначе птичек этих было бы гораздо больше, чем мы видим их в действительности.

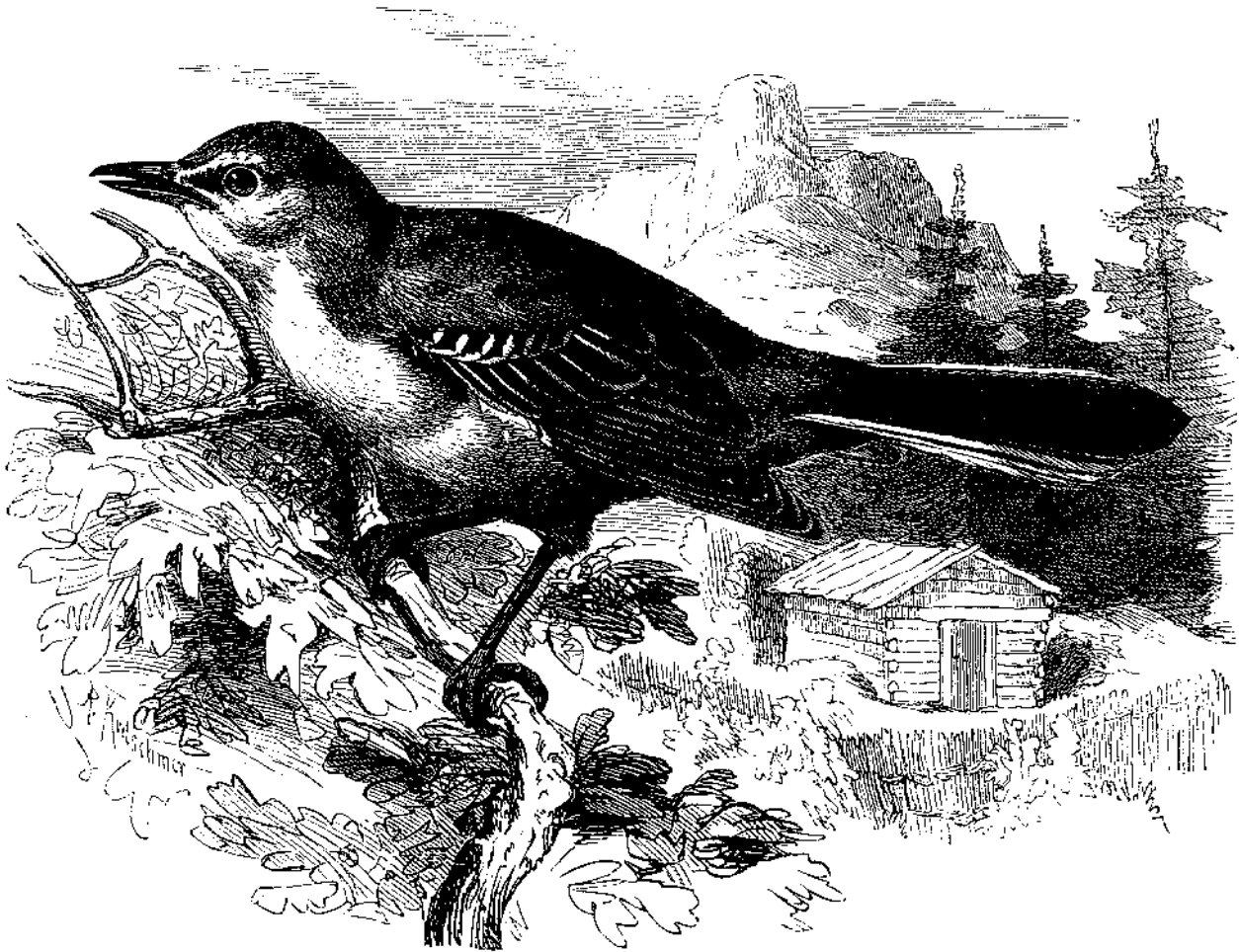
Семейство пересмешниковые

Из всех птиц этого семейства мы прежде всего выделим знаменитого **североамериканского певчего пересмешника** (*Mimus polyglottos*). Оперение верхней части тела серовато-бурое, уздечка и оперение по сторонам головы несколько темнее, нижняя часть тела блекло-бурая, подбородок и брюшко светлее, почти белые. Глаза бледно-желтые, клюв черно-бурый, ноги темно-бурые. Длина достигает 25 см, размах крыльев 35, длина крыла 11, хвоста 13 см.

Отечеством пересмешника можно считать Соединенные Штаты, от 40 градусов к югу до Мексики; но на юге он встречается чаще, чем на севере. Отсюда перелетает он постоянно осенью в более южные широты. Однако в Луизиане живет уже оседло, если не на одном и том же месте, то, по крайней мере, в том же штате.

Пересмешник живет на всевозможных кустах, в густых лесах, на плантациях и в садах. Без страха вьет он гнезда близ человека, пользуясь его покровительством. В особенности зимой держится он поблизости от человеческих жилищ.

Любимое его местопребывание — песчаные равнины на берегу реки или моря, поросшие низкими деревьями или кустами. В глубине лесов он встречается реже, и то разве во время перелета.

Североамериканский певчий пересмешник (*Mimus polyglottos*)

В движениях своих пересмешник походит на дроздов, но напоминает и пеночек. Он прыгает по земле, подобно дроздам, но при этом часто распускает хвост и так же быстро складывает его. Летаёт он небольшими дугами, причем опять то распускает, то складывает хвост. Одюбон уверяет, что эта птица, столь доверчивая к человеку на родине, на чужбине в первое время очень осторожна и пуглива и становится смелее, лишь пробыв некоторое время на одном месте. Не природное его пение, а подражательная способность доставила пересмешнику широкую известность и воодушевила американских на восторженные описания.

Вильсон и Одюбон единогласно уверяют, что пересмешника можно считать царем всех певчих птиц и что между ними нет ни одной равной ему по силе и разнообразию голоса. «В этом пении, — говорит Одюбон, — слышатся не звуки флейты или какого-либо другого музыкального инструмента, а чудесные естественные звуки. Полнота звука, разнообразие интонаций и переливов, сила голоса и блеск исполнения — просто неподражаемы! Вероятно, нет ни одной другой птицы, такими музыкальными способностями, какими одарила природа этого царя певцов. Многие европейцы утверждают, что песнь соловья по своей красоте равняется пению пересмешника. Я часто слышал обоих на воле и в клетке и не могу не сознаться, что отдельные трели у соловья так же прекрасны, как и у пересмешника. Но я никогда не позволю себе сравнить песнь соловья с вполне законченным исполнением пересмешника. Вильсон не заходит так далеко, а европейские знатоки птичьего пения совершенно другого мнения. «Огромной известности пересмешника, — говорит Гергардт, — больше всего способствовало его умение подражать чужим голосам. Так как в Новом Свете чрезвычайно мало хороших певцов среди птиц, то даже посредственное пение кажется прекрасным и превозносится до небес. Во всяком случае, похвалы Одюбона сильно преувеличены: европейский знаток птичьего пения не воскурил бы пересмешнику такого фимиама». Впрочем, Гергардт вполне подтверждает все отзывы американских наблюдателей об удивительной способности этой птицы к подражанию. «29 июня, — рассказывает он, — я заметил по соседству с собой поющего самца. Призывный голос и песнь американского крапивника составляли четвертую часть песни пересмешника. Он начал в тоне вышеупомянутой птицы, перешел к призывному голосу пурпуровой ласточки и вдруг крикнул соколом. Потом слетел с сухой ветки, на которой сидел до того времени, и на лету уже стал подражать призыву двцветной синицы и странствующего дрозда. После чего, приподняв

хвост и опустив крылья, стал бегать по изгороди и петь при этом, как мухоловка, горная трясогузка и танагра; к этому примешивался зов поползня. Затем взлетел на куст ежевики, сорвал с него две ягоды и закричал, как золотистый дятел и виргинская перепелка. Увидав кошку, пересмешник с громким криком бросился ей вслед и, обратив ее в бегство, опять взлетел на куст и снова принялся за свое пение». По словам Вильсона, голос пересмешника звучный, сильный и поддается всевозможным изменениям и переливам. «Ему доступны все звуки, от высоких и мягких тонов песни певчего дрозда до дикого крика коршуна. Пересмешник в точности передает темп и интонацию того певца, песне которого подражает, но превосходит его обыкновенно прелестью и силой исполнения. В лесах его родины ни одна птица не может соперничать с ним. Пение его разнообразно почти до бесконечности. Оно состоит из коротких тактов от 2 до 6 тонов, которые льются один за другим с необычайной силой и быстротой и раздаются иногда безостановочно в течение целого часа. Часто слушателю кажется, что поет целый хор птиц. Таким образом, певец вводит в заблуждение не только охотника, но и других птиц». Пение изменяется в зависимости от местности. В лесу пересмешник подражает голосам лесных птиц, вблизи человеческого жилья он вплетает в свою песню все те звуки, которые слышатся ему во дворе. Он весьма точно передает не только крик петуха, кудахтаье кур, гоготанье гусей, криканье уток, мяуканье кошки, лай собаки и хрюканье свиньи, но и скрип двери, визг флюгера и пилы, хлопанье мельничных колес и всякие другие звуки. Иногда пересмешник поднимает страшный переполох среди домашних животных: например, он свистит в уши спящей собаке совершенно так, как это делает ее хозяин, и тем заставляет ее вскакивать на ноги и бежать без оглядки к своему господину; приводит в отчаяние наседку, подражая писку испуганного цыпленка; пугает робкую домашнюю птицу, подражая крику коршуна, и вводит в заблуждение влюбленного кота, воспроизводя до неподражаемой верности нежный призыв кошки. В неволе пересмешники не теряют своих талантов; напротив, усваивают еще многие другие звуки и шумы, которые иногда самым забавным образом присоединяют к благозвучным нотам собственного голоса.

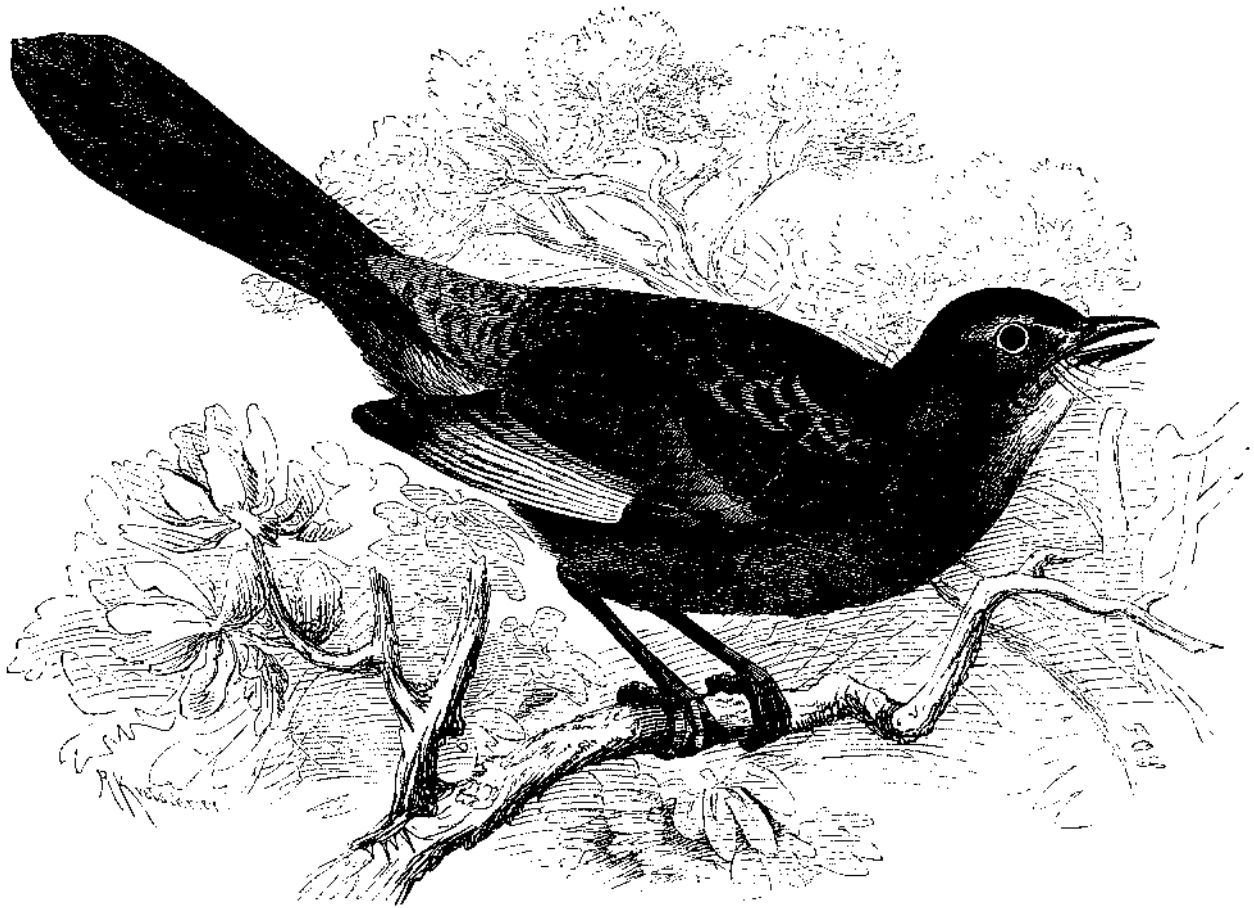
Я вырастил и слышал на своем веку многих пересмешников и все-таки нахожу, что ни один из них не мог даже сравниться в пении с нашими соловьями. Однако некоторые знатоки уверяли меня, что действительно бывают самцы, пение которых достигает неподражаемого совершенства.

Птица-кошка, или кошачий пересмешник (*Dumetella carolinensis*). Отличительные признаки ее следующие: слабый, несколько изогнутый, скорее высокий, чем широкий клюв, который на самом кончике значительно загнут; средней длины ноги с короткими пальцами. Крылья короткие и закругленные, хвост довольно длинный, состоящий из перьев равной между собой ширины, к концу они постепенно расширяются и закругляются под тупым углом. Длина птицы 22 см, размах крыльев 30, длина крыла 9, а хвоста 10 см. Оперение по большей части аспидно-серое, но середина брюшка несколько светлее, на темени и затылке черное, нижние покровные перья хвоста темного красновато-каштанового цвета; маховые перья черновато-коричневые.

Этот пересмешник населяет всю Северную Америку, от озера Виннипег до самой Флориды, и посещает зимой Центральную Америку, Вест-Индию и Багамские острова. В феврале он предпринимает свой обратный путь и появляется в это время во Флориде, Джорджии и Каролине. Не торопясь летит дальше и появляется к апрелю в Вирджинии и Пенсильвании. Наконец между первым и десятым мая прибывает в Новую Англию, где и поселяется на лето среди кустарников и плодовых садов.

Своим образом жизни и нравом кошачий пересмешник напоминает многоголосого пересмешника. Он такой же живой, беспокойный, любопытный и драчливый, только в пении значительно уступает ему. Хотя нужно сказать, что пение некоторых самцов богато переливами. Особенно замечательна подражательная способность кошачьего пересмешника, которая, как говорят, чрезвычайно забавна. Пение его также меняется в зависимости от местности, которую он населяет. В то время как, например, одна птица этого вида передает нам целые строфы из песни лучших певчих птиц, другая довольствуется точной передачей свиста куропатки, квохтанья наседки и писка цыплят или случайно услышанных ею крикливых, скрипучих и хриплых звуков, к которым она приплетает звуки собственной песни. Из всего этого образуется странное пение, не всегда, правда, одобряемое знатоками, но всегда забавное и увеселяющее слушателя. Свое название «птица-кошка» она получила от туземцев, вероятно, потому, что иногда подражает мяуканью кошки.

Кошачий пересмешник начинает вить свое гнездо раньше или позже, в зависимости от того, когда наступит лето. Для этого он выбирает самую гущу лесной чащи или скрытый кустарник и строит здесь на высоте 2—3 м над землей грубое гнездо, состоящее из тонких веток, сена, сухих листьев, кусочков коры и змеиной кожи, бумаги и тряпок.

Птица-кошка (*Dumetella carolinensis*)

Внутри оно выложено тонкими корешками. В это гнездо самка кладет 4-5 блестящих темно-зеленых яиц, 24 мм длиной и 17 мм толщиной и высиживает их с величайшей заботливостью. Самка и самец сидят на яйцах поочередно. С тем же единодушием посвящают себя оба родителя заботе о кормлении и воспитании птенцов. При виде врага выказывают большое мужество, смело нападают на опасных хищных животных, иногда даже на человека, причем жалобно кричат, пищат и почти всегда обращают в бегство нарушителя своего спокойствия. За первой кладкой следует вторая, а в благоприятные годы и третья.

Семейство завирушковые

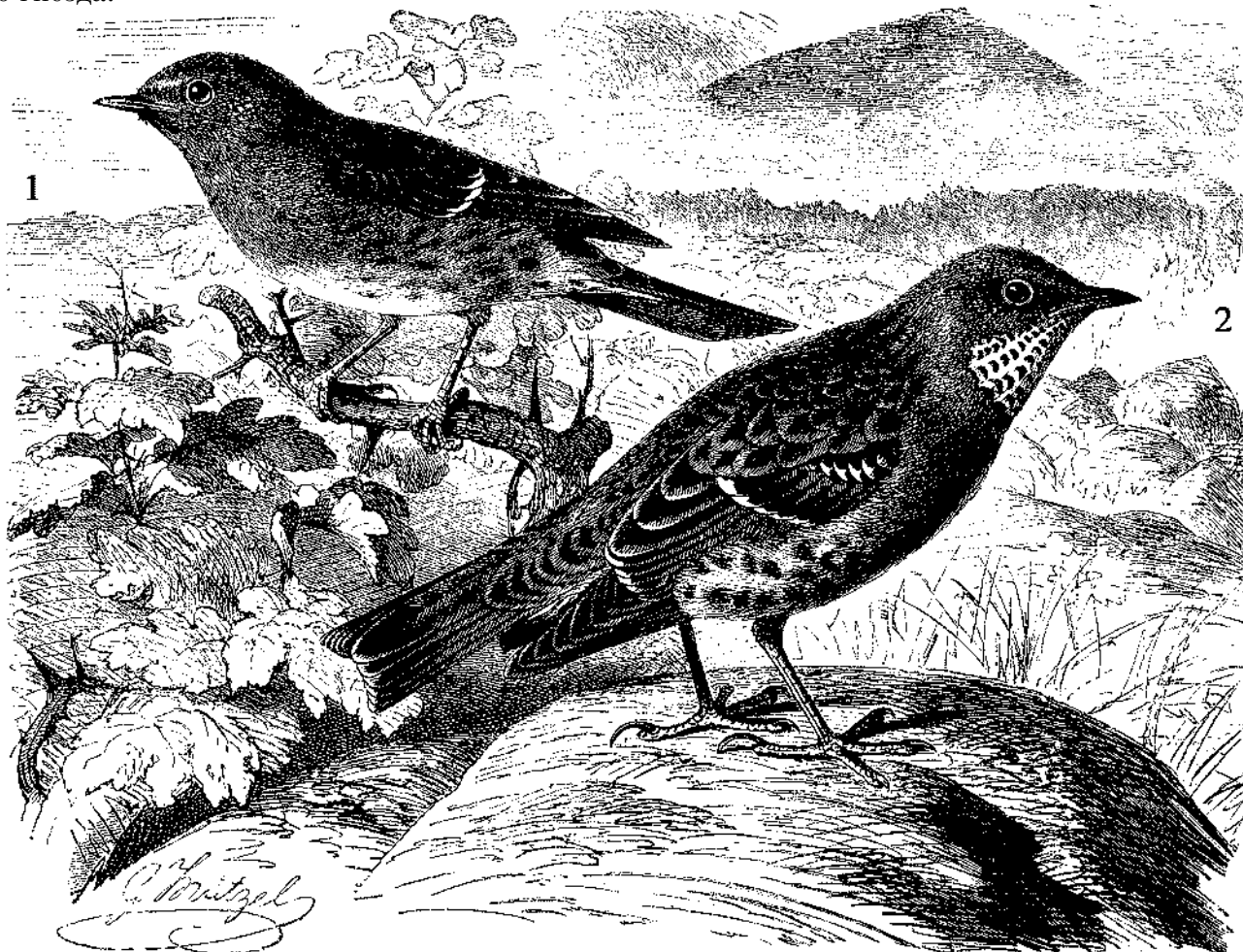
Лесная завирушка (*Prunella modularis*) имеет стройное туловище, слабый клюв, не очень большие крылья и довольно длинный хвост. Оперение на голове, шее, горле и зобе пепельно-серое, на подбородке серовато-белое; на груди и брюшке оперение беловатое, по сторонам туловища буроватое с темными долевыми полосками. Глаза светло-карие, клюв бурый, ноги красноватые. Длина птицы 15 см, размах крыльев 21,4, длина крыла 7,1, хвост 6 см.

Лесная завирушка выводит птенцов во всей Европе, начиная с 64 градуса северной широты до самых Пиренеев, Альп и Балкан; она встречается также и севернее, а зимой появляется на юге Европы, залетает даже в северную Африку и восточную Азию.

"Лесная завирушка, — говорит мой отец, — сильно отличается от других птиц, и знаток сразу узнает ее по движениям. Она с большой ловкостью прыгает не только в густом кустарнике, но также и по земле, проскальзывает во все закоулки, продирается сквозь высокую жесткую траву, роется в опавшей листве и во всем этом проявляет замечательное проворство. По земле завирушка прыгает с быстротой бегущей мыши. Обычное положение ее туловища горизонтальное, с приподнятым хвостом и согнутыми плюснами, но часто она приподнимает переднюю часть тела, шею вытягивает, а хвост опускает. Если ее испугнуть с земли, она вспархивает на ветку, осматривается по сторонам и покидает место только тогда, когда убедится, что опасность близка. Полет завирушки быстрый; она проворно машет крыльями и летит по довольно прямому направлению. Когда птица перелетает с одного куста на другой, то держится обыкновенно низко над землей, но если улетает с места, то поднимается высоко в воздух и удаляется. Она старательно прячется, когда отыскивает себе пищу, и, напротив, охотно выставляет себя напоказ, когда поет. Ее можно видеть тогда на верхушке сосны, впрочем, редко выше 20 м над землей, или на отделившейся от других ветви. Особенно она любит сидеть на самых верхних ветвях. Пение ее состоит из немногих звуков, перепу-

танных между собой и не особенно приятных». Летом лесная завирушка питается преимущественно насекомыми, особенно маленькими жучками и их личинками. При перелете же ест исключительно мелкие семена, а для пищеварения глотает иногда кусочки древесины.

В конце апреля лесная завирушка приступает к постройке гнезда. Самец в это время поет не умолкая, ожесточенно ссорится с соперниками, а впоследствии помогает самке в постройке искусного гнезда.

1 — Лесная завирушка (*Prunella modularis*) 2 — Альпийская завирушка (*Prunella collaris*)

Оно помещается обыкновенно в густых ветвях, чаще всего в низких соснах, приблизительно на высоте одного метра над землей. «В основание гнезда закладывается нескольких сухих ветвей, само же оно состоит исключительно из тонких зеленых стебельков мха, которыми иногда выстилается и внутренность гнезда. Обычно внутренняя выстилка жилища состоит из красноватых стебельков мха, отчего оно выглядит как бы выстланным волосами белчьего меха. Между стебельками мха часто попадаются древесные лишайники, отдельные стебельки вереска, а самое ложе внутри гнезда выстилается иногда тонкими сухими листочками травы, овечьей шерстью и перышками. В мае бывает первая кладка, а в июле вторая. Первая состоит из 4—6 голубовато-зеленых яиц, вторая обыкновенно из четырех. Яйца имеют 20 мм в длину и 14 мм в толщину. Они насиживаются в продолжение 12-14 дней, по всей вероятности, обоими родителями, которые с такой же любовью занимаются этим делом, с какой относятся и к выводку*.

* У лесных завирушек кладку насиживает только самка.

Во время опасности самка пускает в ход притворство. После первого выводка в июле бывает второй**.

** У некоторых пар бывает и третий выводок.

В альпийском поясе снежных гор южной Италии я, к моему великому удовольствию, впервые встретил один вид этого семейства, до сих пор известный мне только по описаниям, — альпийскую завирушку (*Prunella collaris*), которая живет на всех высоких горах Европы. То быстро скользя по разбросанным обломкам скал, то скрываясь в душистых кустах розмарина и тимьяна, то взлетая на какую-нибудь громадную глыбу, она распевала здесь свою тихую, благозвучную песенку, несмотря на бури и вьюги, которые так часто свирепствуют в горах в ноябре. Даже в таких условиях она бы-

ла оживлена, бодра, резва и проворна в своих движениях, вовсе не робка, а скорее доверчива — одним словом, производила на наблюдателя приятное впечатление. Мы встречали ее поодиночке или маленькими группами до самых снеговых полей, но в большем количестве — на солнечных склонах этих величественных гор. Иногда она спускается вниз, в долины, однако излюбленным местом ее обитания являются, по-видимому, вершины. И те птицы, которые днем порхали внизу, к вечеру снова собирались на вершинах гор. Отдельными стаями рассаживались они на ночлег на крутых скалах с отверстиями и расщелинами или в кустах и траве, где кроме них гнездились также альпийские вороны и горные голуби*.

* Имеются в виду альпийские галки (*Pyrrhocorax graculus*) и клушицы (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*).

Ранним утром стая покидала место своего ночлега, разделяясь на группы, и каждая птичка принималась за свое дело. Впоследствии мне часто приходилось встречать симпатичную птичку в Баварских Альпах. Это единственное место в Германии, где альпийская завирушка выводит птенцов.

В благоприятные годы завирушка выводит птенцов два раза. Так, в ее гнезде находили яйца ранней весной, а затем в конце июля. Гнездо устраивается в расщелинах и щелях, под обломками скал или в густых кустах альпийского рододендрона, всегда в таком месте, где оно прикрыто и защищено со всех сторон. Гнездо состоит из мха и стеблей травы, а внутри тщательно выстлано нежнейшим мхом или шерстью, иногда лошадиными или коровьими волосами. Кладку составляют 4—6 длинноватых голубовато-зеленых яиц с гладкой скорлупой. Они отличаются от яиц лесной завирушки только своей величиной: в долевом разрезе имеют 34 мм, а в поперечном 17 мм.

Альпийская завирушка легко свыкается с неволей, скоро становится чрезвычайно ручной и при соответствующем уходе может прожить несколько лет в клетке, услаждая слух хозяина своим приятным нежным пением.

Семейство дроздовые

Первая из этих групп может быть названа дроздовыми. Плюсна их спереди покрыта сплошной роговой оболочкой, а птенцы отличаются от взрослых крапчатым оперением. Дроздовые живут во всех частях света, Рейхенев относит к ним до 280 видов**.

* * Согласно современным представлениям систематиков, семейство дроздовых включает немногим более 300 видов птиц.

Дроздовые обитают в самых разнообразных местностях, хотя большая часть их предпочитает леса. Характерным признаком этих птиц можно считать то, что многие из них часто держатся на земле, независимо от того, покрыта она растениями или представляет собой скалистую и каменистую почву, расположена в тени или под палящими лучами солнца. Богато одаренные во всех отношениях дроздовые птицы приобрели расположение человека благодаря своему пению, которое почти всегда превосходно. Кроме того, они приносят только пользу и поэтому вполне заслуживают ту любовь, с которой люди относятся к ним. Пищу дроздовых составляют насекомые, их личинки, мягкотелые и другие мелкие земляные и водные животные, а летом и разные ягоды. Те из них, которые обитают в северных широтах, относятся к перелетным птицам, которые исчезают из наших стран ранней или поздней осенью, а весной снова возвращаются. Вскоре после прилета начинается гнездование. Гнезда и яйца их настолько разнообразны, что едва ли можно сказать о них что-либо общее; точно так же разнообразны и способы воспитания детенышей.

Врагами дроздовых следует считать всех хищных животных, живущих с ними по соседству. К их врагам относится и человек, который наносит им самый чувствительный вред, причем не только тем, что ловит взрослых и молодых птиц и держит их в клетках, иногда лакомится их мясом и забирает у них яйца, но и тем, что вытесняет птиц из любимых убежищ. Натуралисты и птицеловы-любители мешают размножению этих певчих птиц тем, что убивают их или ловят для содержания в неволе, а сельские жители и лесоводы ставят их в бедственное положение, уничтожая кусты и изгороди, чтобы обратить лес в пашню или придать ему однообразный и правильный вид. Содержание дроздовых в неволе следует не считать преступлением, а скорее оправдывать, если уход за птицами ведется сведущими людьми. Именно эти птички принадлежат к самым приятным сожителям, каких может приобрести себе человек, обреченный на затворническую жизнь в комнатах. Своевременно пойманные птицы при хорошем уходе скоро привыкают к утрате свободы, сводят тесную дружбу со своим хозяином, всячески стараются выказать ему свое расположение и привязанность, грустят, когда не видят его, ликут, когда он снова появляется — одним словом, вступают с человеком действительно в тесную связь. Но они требуют заботы и терпения, хотят быть понятыми, поэтому к ним следует приглядываться и внимательно наблюдать за ними. Те люди, которые хотят,

чтобы птичка как можно дольше прожила в клетке, должны сначала пойти к опытному птицеводу и поучиться у него содержать дрозда или соловья в неволе. Кроме того, необходимо беззаветно любить своего питомца и проявлять к нему большое терпение. Без этих качеств они не только лишат лесного певца свободы, но и похитят у него жизнь. Обычно этим грешат не опытные любители, а полные невежды, взявшиеся не за свое дело.

Выше всех прочих дроздовых стоят соловьи.

Они характеризуются ржаво-бурным цветом хвоста, а также небольшим красивым клювом, относительно мало развитыми щетинками около клюва и средней длины крыльями.

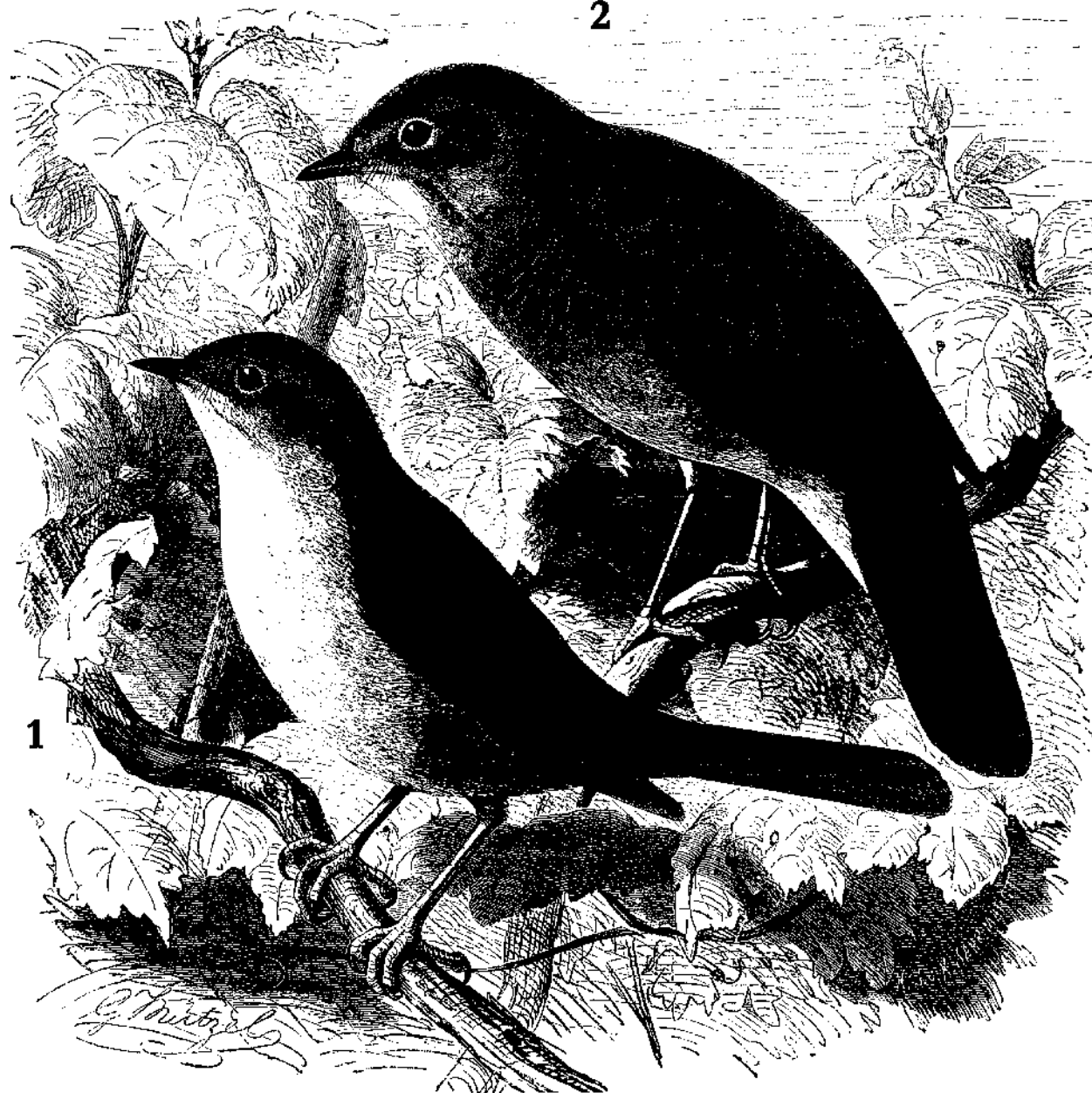
Наш прославленный **южный, или западный, соловей** (*Luscinia megarhynchos*) может быть описан коротко. Цвет перьев на верхней части тела красновато-буро-серый, темнее лишь на темени и на спине; нижняя часть тела светлого желтовато-серого цвета, середина груди и горло самые светлые. Глаза красновато-карие, клюв и ноги красновато-серо-бурые. Длина его равна 17 см, размах крыльев 25, длина крыла 8, а хвоста 7 см. Самочка несколько меньше самца.

Обыкновенный соловей (*Luscinia luscinia*) хотя и больше, а в особенности толще западного, но очень на него похож. Важными отличительными признаками его считаются следующие: первые маховые перья гораздо короче, чем у западного соловья, а верхняя часть груди покрыта большими и несколько туманными пятнами. Длина его 19 см, размах крыльев 28, длина крыла 9, а хвоста 8 см.

О распространении западного и восточного соловьев можно сказать следующее. Западный выводит детенышей во всей западной, средней и южной Европе. В Великобритании — только в Англии, очень редко в Швеции*. Он довольно распространен в северной, средней и южной Германии, часто встречается в Венгрии, Словении, Кroatии, Верхней и Нижней Австрии, Моравии, Богемии и на всех трех южнoевропейских полуостровах. Однако, по-видимому, не гнездится далеко на востоке и юге, но все же живет в южной России, Крыму, на Кавказе, в Малой Азии и Палестине, а на юге отечество его не распространяется далее Атласских гор.

** В наши дни южный соловей в Швеции не встречается.*

Соловей предпочитает равнины, но не избегает и гористых местностей, если только там встречаются лиственные деревья и кусты. В Швейцарии, например, он не редок на горах высотой до 1000 м; в Испании, по моим наблюдениям, он встречается еще на 600 м выше. Излюбленные места его обитания — лиственные леса с низкорослыми деревьями, а особенно местности, поросшие кустарником, с оврагами, где протекают речки или прорыты каналы, а также берега больших рек и озер и конечно же сады, в которых есть глухие уголки. Пары селятся рядом, однако каждая из них имеет свой участок, который строго охраняется и храбро защищается от вторжения остальных птиц. Если местность отвечает их требованиям, то соловьи там весьма обыкновенны. Меня поразило, что достаточно большое количество соловьев уживаются в одной местности или в одном саду.

1 — Южный соловей (*Luscinia megarhynchos*) 2 — Обыкновенный соловей (*Luscinia luscinia*)

Едва ли будет преувеличением утверждать, что в Испании, например, каждая изгородь и каждый куст в подходящем для соловьев месте служат им убежищем. У человека, имеющего музыкальный слух, навсегда останутся в памяти утренние прогулки на Монсеррате или вечерние часы отдохновения, проведенные за стенами Альгамбры. Там можно услышать одновременно до сотни соловьев, их песни раздаются повсюду. Вся обширная зеленеющая Сьерра-Морена может считаться огромным соловьиным садом, а таких гор в Испании очень много. Трудно постичь, как такой маленький участок, какой здесь приходится на долю каждой пары, способен пропитать этих требовательных птиц вместе с их многочисленным потомством.

Область распространения восточного соловья на севере и востоке граничит с местом жительства западного. Это самый обыкновенный соловей в Дании и единственный, встречающийся в Скандинавии, восточной Померании и во всей северной и средней России. Он заменяет западного соловья в Польше*, а может быть, и в Галиции.

* В Польше живут оба вида соловьев.

В незначительном количестве населяет среднее течение Дуная, на юге от Вены, и, наконец, за Уралом встречается во всех речных долинах Западной Сибири. Здесь он сохранил в полной мере всю чистоту, полноту и богатство звуков своей песни, которая разнообразием строф восхищает ухо путешественников так же, как прежде восхищала их предков.

Зимой оба соловья улетают в среднюю и западную Африку, а восточный, кроме того, и в южные страны Азии. По образу жизни соловьи настолько похожи между собой, что можно ограни-

читься жизнеописанием какого-нибудь одного из них. Так я и намерен поступить, имея, впрочем, в виду западного соловья. Там, где этот чудный певец пользуется некоторым покровительством человека, он селится в непосредственной близости от его жилища, вовсе не выказывает пугливости, скорее наоборот, бывает даже смел, и потому жизнь и действия его нетрудно наблюдать. По мнению Наумана, неподражаемому и прекрасному описанию которого я намерен следовать, нрав соловья может быть назван строгим и рассудительным. Движения его размеренны и исполнены достоинства, осанка благородная, и в этом отношении он превосходит всех других птиц нашего отечества. Обыкновенно соловей сидит на ветке, невысоко над землей, довольно прямо, приподняв хвост и опустив крылья так низко, что кончики их расположены ниже основания хвоста. Соловей редко прыгает по веткам. Если же это случается, то не иначе, как большими скачками.

По земле он скачет большими прыжками, вытянув ноги и вздернув хвост; по выражению Наумана, очень гордо, всегда в несколько приемов, между которыми бывают остановки для отдыха. Если внимание его чем-либо привлечено, то соловей несколько раз взмахивает хвостом, повторяя это движение при всяком удобном случае. Соловей летает быстро и легко, поднимаясь и опускаясь в воздухе дугами, маленькие же расстояния перелетает, порхая с куста на куст и покачиваясь из стороны в сторону. Днем никогда не носится над открытым полем. В том, что соловьи способны летать очень быстро, можно убедиться, глядя, как ревнивые самцы преследуют друг друга во время ссор.

Щелканье западного соловья, благодаря которому он приобрел наше особенное расположение, так благозвучно и богато тонами, что с успехом соперничает с голосами других птиц, кроме немногих его сородичей. По мнению Наумана, оно превосходно и своеобразно, отличается полнотой тонов, представляет собой такое приятное разнообразие и такую увлекательную гармонию, какой не находим мы у остальных птиц. С невыразимой приятностью мягкие флейтовые звуки сменяются громкими, жалобные — веселыми. Одна строфа начинается нежно, постепенно усиливается и снова замирает, переходит в тихое *piano*, другая, напротив, состоит из отдельных отчетливых и изящных, как бы отчеканенных нот. Таким образом, грустные тоны, которые можно сравнить с чистейшими звуками флейты, постепенно переходят в веселый мотив. Паузы усиливают чарующее действие этой мелодии, а господствующий в ней умеренный темп дает возможность вполне насладиться ее красотой. Слушая соловья, дивишься то разнообразию волшебных звуков, то их полноте и необычайной силе. Причем невольно приходит мысль, каким чудом столь маленькая птица может производить такие громкие звуки и как в ее горловых мускулах может заключаться столь большая сила? Некоторые строфы действительно поются так громко, что пронзительные звуки их причиняют боль ушам, если слушать их совсем близко. У самых лучших соловьев песня заключает в себе от 20 до 24 различных строф.

Вот как описывает соловьиное щелканье Тургенев.

"Хороший соловей должен петь разборчиво и не мешать колен, а колена вот какие бывают:

Первое: Пульканье — этак: пуль, пуль, пуль, пуль.

Второе: Клыканье — клы, клы, клы, как желна.

Третье: Дробь — выходит примерно, как по земле дробь просыпать.

Четвертое: Раскат — трррррр.

Пятое: Почти понять можно — плень, плень, плень.

Шестое: Лешева дудка, этак протяжно го, го, го, го, а там коротко: ту! Седьмое: Кукушкин перелет — кукушка как полетит, таким манером кричит. Сильный такой звонкий свист.

Восьмое: Гусачок: га, га, га, га.

Девятое: Юлиная стукотня: как юла — есть птица, на жаворонка похожая, — или как вот органчики бывают, такой круглый свист: фюиюиюиюию.

Десятое: Почин — этак: тии-вить, нежно, малиновкой. Это по-настоящему не колено, а соловьи обыкновенно так начинают. У хорошего нотного соловья оно еще вот как бывает: начнет — тии-вить, а там — тук! Это оттолчкой называется. Потом опять тии-вить... . тук! тук! Два раза оттолчка — и в пол-удара, этак лучше; в третий раз: тии-вить — да как рассыплется вдруг с... . с... . дробью или раскатом — едва на ногах устоишь — обожжет! « У немногих соловьев наблюдается такое разнообразие в пении. Местность оказывает очень сильное влияние на их пение, а так как молодые соловьи подражают старым, живущим вблизи, и учатся у них, то понятно, что в одной местности встречаются почти исключительно превосходные певцы, а в другой, напротив того, только посредственные. Старые самцы всегда щелкают лучше молодых, потому что и у птиц благородное искусство требует упражнения. Живее всего звучит песня, когда певца обуревают ревность. Она служит тогда оружием, которым каждый из противников старается наилучшим образом воспользо-

ваться. Обыкновенно говорят, что соловей — певец ночи. В целом это верно, хотя бывает, что они поют и днем. В порыве первых увлечений, еще прежде, чем самочка начинает нести яйца, чудное пение раздаётся во всякое время ночи, позднее оно слышится все реже и реже. Лес как бы затихает, кажется, будто певец несколько успокоился и возвращается к привычному образу жизни.

Некоторые любители предпочитают песню восточного соловья и совершенно справедливо прославляют трели его как нечто неподражаемое.

По-моему, Греснер точнее всех характеризует разницу между песней того и другого соловья. «Я долго прислушивался к соловьям, и мне удалось выяснить, что самые искусные певцы среди западных соловьев щелкают определенно отдельными строфами, воспроизводя их не всегда в одинаковом порядке и в различном ритме, смотря по настроению и по времени дня. Между тем как восточный соловей свойственные ему колена видоизменяет, так что едва ли можно говорить о какой-либо последовательности определенных тонов у него. Пение западного представляет известную мелодию, хотя бы и с отступлениями и вставками созвучий. Щелканье же восточного раздается речитативом, в котором маэстро разрешил исполнителю большие вольности, и тот ими воспользовался, так что нередко колена, повторенное им несколько раз, делается каждый раз неузнаваемым, оно зависит от настроения певца и от чувства, с которым тот его исполняет. Понятно, что впечатление получается сильнее, если вместо ожидаемых знакомых звуков и строф привычного размера из неисчерпаемого богатства тонов рождаются все новые и новые созвучия. Поэтому я ставлю восточного соловья выше западного, так как он не только певец, но и композитор и изменяет свою песню соответственно своему душевному состоянию».

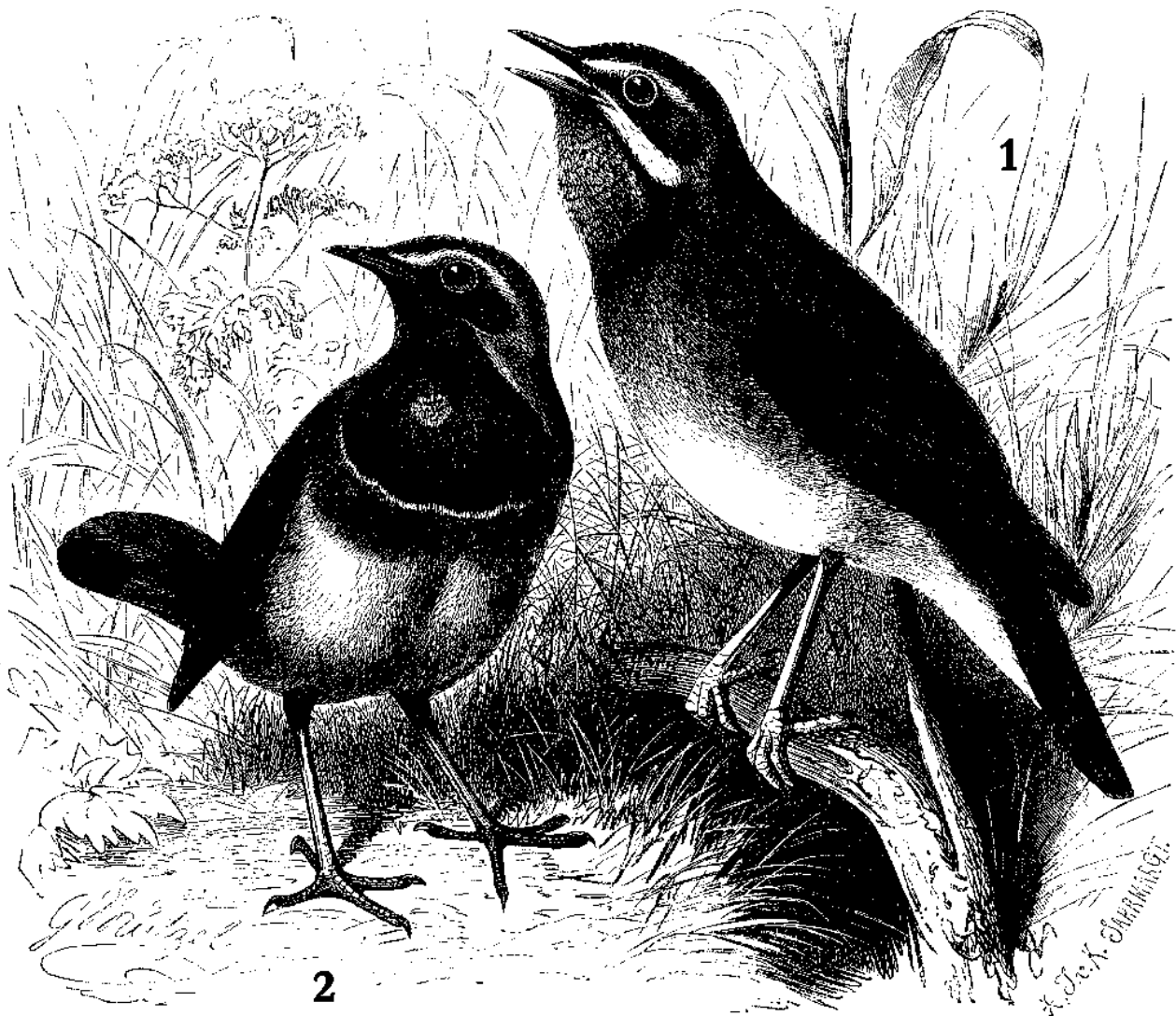
Ближайшими сородичами соловьев следует считать **варакушек** (*Luscinia svecica*). Туловище у них стройное, клюв вытянутый, перед ноздрями немного сжат, кончик имеет вид шила. Ноги у варакушек длинные и тонкие, крылья короткие и довольно округленные, хвост средней величины, оперение мягкое, цвет его различен в зависимости от пола и возраста.

У самцов верхняя часть тела землисто-бурого цвета, нижняя часть грязно-белого, по бокам с серовато-бурым налетом. Горло великолепного лазурево-синего цвета, иногда со звездой (пятном) другого цвета. Под горлом проходит черная полоса, отделенная от синего цвета узкой светлой каемкой. Над глазами — бровные беловатые полосы, которые соединяются между собой на лбу. У самки все цвета бледнее и грудной щиток мало заметен. Длина взрослой птицы около 15 см, размах крыла 22, длина крыла 7, а хвоста 6 см.

Виды варакушек отличаются главным образом по цвету горла. Например, краснозвездая, или шведская, варакушка имеет на синем горловом щитке коричнево-красное пятно, а белозвездая варакушка на том же месте — белое пятно, которое, впрочем, исчезает у очень старых экземпляров*.

** Все варакушки относятся к одному виду, который подразделяется на ряд подвигов. Как выяснено специальными исследованиями, цвет пятна на зобе не зависит от того, к какому подвиду относится птица, это всего лишь признак цветовой морфы варакушек.*

Белозвездая варакушка больше и толще краснозвездой. Самки, конечно, как выше сказано, бледнее самцов по оперению, но часто их трудно различить, так как старые самки делаются похожими на самцов. По образу жизни и привычкам оба вида в главных чертах сходны между собой.

1 — Соловей красношейка (*Luscinia calliope*) 2 — Варакушка (*Luscinia svecica*)

Варакушки летом живут на севере Старого Света, а зимой улетают в южную Азию и северную Африку. Краснозвездая варакушка в Германии гнездо не вьет, а гнездится в большом количестве в Скандинавии, северной Финляндии, северной России и Сибири. Белозвездая, напротив, встречается чаще на юге и западе. Насколько известно, в перечисленных странах она не замечена, а живет в северной Германии и Голландии. Оба вида посещают во время своих странствований всю Германию, а также южную Европу, северную и среднюю Африку, а краснозвездая варакушка еще среднюю и южную Азию, причем доказано, что эта птица перелетает через горы высотой 5000 м над уровнем моря, чтобы зимой найти убежище в Индии и других южноазиатских странах. В средней Европе они поселяются на берегах рек, ручьев и озер, заросших кустами, высокой травой и тростником, а на севере птицы эти живут в тундрах. Зимние месяцы они проводят на лугах, покрытых высокой травой, не очень мокрых болотах и прочих подобных местах. Варакушки не странствуют так далеко, как другие певчие птицы, а зимуют уже в нижнем и среднем Египте, в среднем Китае или северной Индии, однако иногда залетают в южные равнины Индии и в местности около верхнего течения Нила. Во время своих странствований они держатся известных путей, например речных долин, и отдыхают всегда в определенных местах. Весной самцы прилетают несколько раньше самок, а осенью самцы и самки всех возрастов улетают одновременно, сразу всем обществом*. Весной птицы при перелете держатся берегов рек и ручьев; осенью же не придерживаются этих естественных путей, а перелетают напрямик, отдыхая на полях, где хлеб еще не увезен, а одиночные экземпляры встречаются даже в пустынях. Для летнего местопребывания варакушки всегда выбирают сырые берега рек, густо поросшие кустами.

* Это не совсем так. Осенью начинают миграцию взрослые птицы, а оканчивают молодые.

Варакушки, как та, так и другая, очень милые птички, которые кажутся симпатичными любому наблюдателю. Нас привлекает не только красивая наружность этих птичек, но еще более их нравы, привычки и образ жизни. Как у большинства певчих птиц, мы замечаем у варакушки самое

счастливым сочетанием прекрасной наружности с хорошими внутренними качествами. Больше всего проворства она выказывает на земле: это настоящая наземная певчая птица. Она двигается по почве не шагами, а прыжками, которые так быстро следуют один за другим, что отдельных скачков не замечаешь, и двигающуюся по земле варакушку скорее можно принять за бегающую, чем за прыгающую птицу. При этом ей совершенно безразлично, лежит ли ее путь по сухому или по вязкому грунту, через открытые поляны или через самый густой кустарник и траву, так как она везде умеет пролезть. На ветвях птица только перепархивает с места на место и спокойно сидит там, где приютилась. Прыгающая по земле варакушка производит очень приятное впечатление: она прямо держится на ногах, хвостик приподнят, так что вся ее фигурка выражает самоуверенность, даже смелость. Полет у нее проворный, но не слишком быстрый, летает большими или меньшими дугами, но никогда продолжительно. Обыкновенно эта птичка поднимается только на один или два метра от земли и спускается на первый, встретившийся ей куст, чтобы продолжить свой путь по почве. По развитию внешних чувств и душевных качеств варакушка стоит на одном уровне с соловьем. Она очень понятлива и скоро замечает хорошие и дурные намерения существ, с которыми ей приходится встречаться. Обычно она смела и доверчива к человеку, но быстро делается пугливой и осторожной, если замечает, что за ней гоняются. Когда ее не беспокоят, то она выказывает необыкновенно жизнерадостное настроение и большую веселость. Если варакушка находит свое ежедневное пропитание, то бывает в хорошем расположении духа, подвижна, весела, а весной всегда готова петь. С другими птицами миролюбива, а себе подобных любит дразнить. Подобные игры часто превращаются в серьезные драки, особенно если в дело вмешиваются любовь и ревность. Тогда может случиться, что два самца вступят в поединок и будут драться с большим ожесточением до тех пор, пока один из них не ляжет на месте. Две варакушки, посаженные вместе в комнату или клетку, часто начинают ссориться и дерутся до тех пор, пока одна не околеет.

Пища этих птиц состоит из различных червей и насекомых, которых можно найти в сырых местах, где живут варакушки. Осенью они едят и ягоды. В тундрах краснозвезда варакушка питается летом почти исключительно комарами и их личинками.

Гнездо устраивает всегда близ воды, большею частью на берегах канав или ручьев, по словам Гинца, всегда на той стороне, которая освещается утренним или полуденным солнцем. Гнездо расположено на самой земле или невысоко над нею, иногда в ямке под каким-нибудь прикрытием между корнями или кустами. Оно довольно хорошо свито, относительно большой величины и сверху открыто. Основание его делается из сухих листьев ивы или прутьев, а внутри оно отделано соломинками и тонкими стебельками. В северных странах к этому материалу примешиваются волосы и перья. В середине мая в гнезде находят 5-7 светлых синевато-зеленых яичек с красновато-бурыми крапинками, буроватым налетом на тупом конце и очень нежной скорлупой; длиной они 20 мм, а шириной 16 мм. Насиживание продолжается около двух недель, причем на яйцах сидят попеременно и самец и самка*.

** У варакушек насиживает преимущественно самка, самец помогает ей, но лишь иногда.*

Птенцы, которых родители кормят разными червяками и мелкими насекомыми, оставляют гнездо раньше, чем могут летать, и сначала бегают по земле с проворством мышей. При благоприятной погоде родители, вероятно, приступают летом ко второй кладке**.

*** На севере лесной зоны и в тундре варакушки имеют только одну кладку в сезон.*

Условия местности, где живут варакушки, и проворство их спасают этих птичек от многих врагов, которые опасны другим певчим. Взрослые птицы во время насиживания, а в особенности их яйца и беспомощные птенцы, делаются зачастую жертвами лисы, других мелких хищников и крыс. От остальных же своих врагов варакушки, как взрослые, так и молодые, мало страдают. Необыкновенное проворство этой птички, а также умение ловко прятаться значительно затрудняют охоту с ружьем. Как только она замечает опасность, то с необыкновенной хитростью прячется в столь густые кусты или изгороди, что охотник никак не может увидеть ее. Но варакушка не в состоянии противостать искушению при виде жирного мучного червяка и потому легко попадает в самые простые западни.

Зарянка, или малиновка (*Erithacus rubecula*). Верхняя часть туловища темного оливково-серого цвета, брюшко сероватое, лоб, горло и верхняя часть груди желтовато-красные. Самочка немного бледнее самца. У птенцов на верхней части тела по оливково-серому фону расположены ржаво-желтые пятна у основания перьев, а на нижней части тела по матово-ржавому фону — серые пятна у основания перьев, которые, кроме того, имеют серые каемки по краям. Глаза у этой птички большие, коричневого цвета, клюв черновато-бурый, ноги красновато-рогового цвета. Длина птицы 15 см, размах крыльев 22, длина крыла 7, а хвоста 6 см.

Зарянка водится, кажется, только в Европе, по крайней мере, она не залетает далеко за границы этой части света*. Область гнездования ее простирается от 67 градуса северной широты до Малой Азии и от Атлантического океана до реки Оби. Во время своих перелетов она посещает северную Африку, Сирию, Палестину и Персию; большинство же зарянок улетает от нас на зиму в южную Европу.

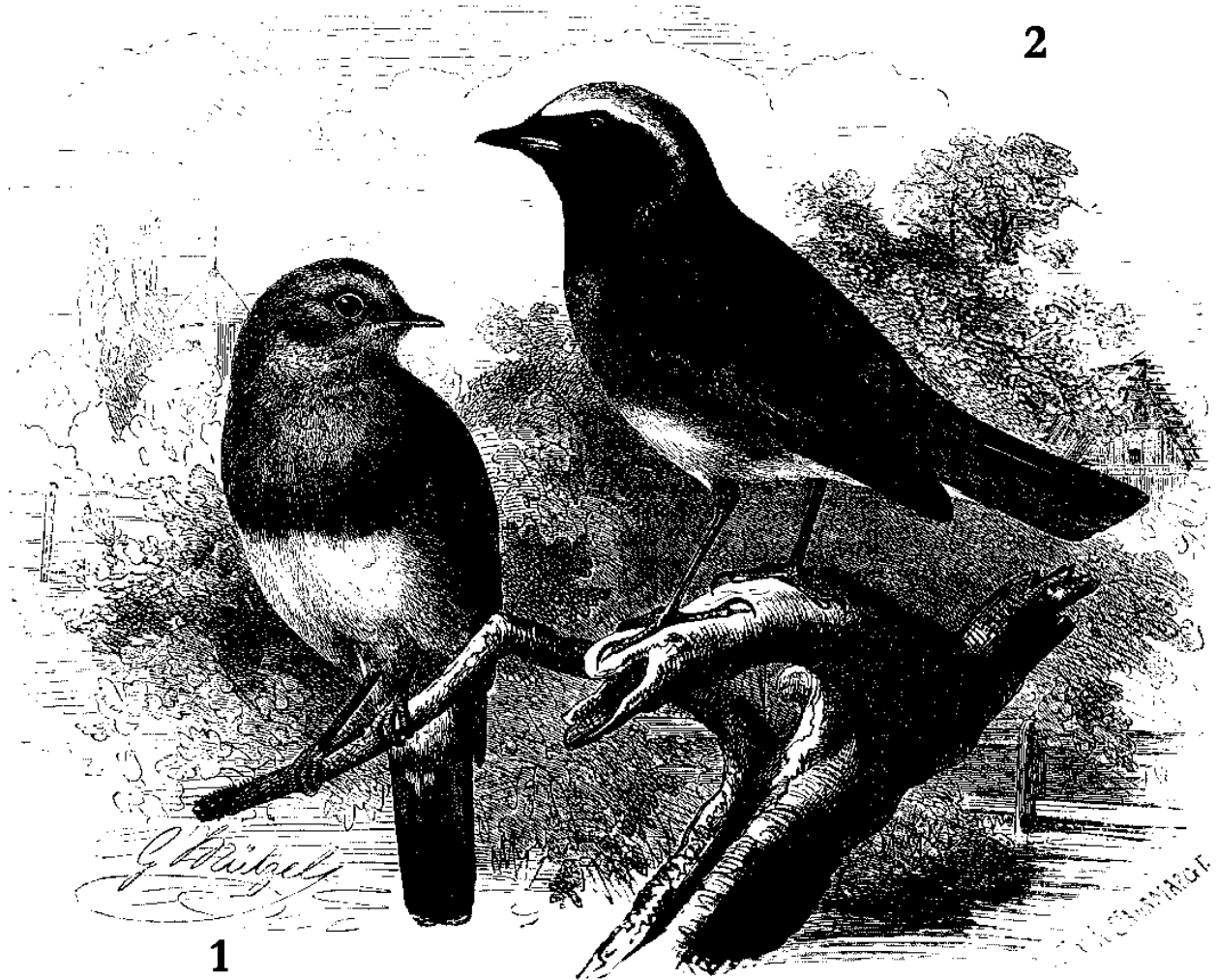
** Эти сведения в настоящее время не совсем верны. Сейчас зарянка распространена по всему югу Западной Сибири в пределах лесостепи, южной и средней тайги вплоть до истоков Оби. Однако в целом зарянка — вид европейского происхождения.*

Это премилая птичка постоянно выказывает свой живой и веселый нрав. Прыгая по земле, она держится очень прямо, несколько опустив крылышки, хвост располагает горизонтально, на ветках сидит согнувшись. Зарянка весьма быстро прыгает по земле, но большей частью делает остановки; таким же образом она двигается по горизонтальным сучьям, а с ветки на ветку перелетает. Зарянка летает хорошо, хотя и не вполне правильно. При небольшом расстоянии она то парит, то подсакивает на воздухе, а когда ей приходится пролетать большие пространства, то полет ее образует извилистую линию, состоящую из больших и малых дуг. Птичка охотно садится на видном месте, будь то конец ветки или даже земля, хотя и редко. Днем почти никогда не летает высоко на открытых местах, так как не уверена в своей безопасности, хотя на вид кажется очень смелой. Человека она едва ли боится, но хорошо знает своих врагов и при появлении их выказывает боязнь и опасение. Она не отличается мирным характером и не прочь подразнить других птиц, даже серьезно подражаться с ними, поэтому редко встречается. С другой стороны, некоторые наблюдатели отмечали у нее и хорошие черты. Говорят, зарянка выказывает сострадание и сочувствует несчастным. Она иногда воспитывает осиротевших птенцов других певчих птиц, которые еще не могут пропитать себя сами, и помогает больным реполовам.

В средней Германии зарянка появляется уже в середине марта, если погода мало-мальски сносная. Однако ей приходится еще много страдать от холода и голода до наступления настоящей весны. Зарянки летают очень высоко и поодиночке, при этом громко щебечут, а с восходом солнца опускаются в леса, кусты и сады, чтобы отдохнуть и найти пропитание. Как только они появляются в местах своего летнего пребывания, лес сразу же оглашается громким щебетанием, которое звучит как резкое «шник-ер-и-кик». Оно повторяется несколько раз и затем звучит в виде трели. С наступлением теплой весенней погоды начинается настоящее пение. Если пойти туда, откуда слышится пение, то на конце одной из высоких ветвей большого дерева можно увидеть самца. Он сидит прямо, гордо приподняв голову, с несколько опущенными крыльями и раздутым зобом, точно исполняет важнейшую работу своей жизни. Самец поет с утренней зари до наступления ночи, как весной, так и осенью. Зарянки ревностно защищают свой участок и не терпят в нем другой пары зарянок, однако участок одной пары граничит с местом обитания другой. Гнездо находится почти всегда в середине участка. Оно устраивается на земле или близ поверхности ее: в ямках, гнилых пнях, между корнями, во мху, густой траве, даже в пустых норках некоторых млекопитающих. Слишком большое помещение зарянка наполняет сухими листьями, внешние стенки гнезда делает из мха, сухих ветвей и листьев, а иногда из одного мха. Внутренность гнезда устилается тонкими корешками и соломинками, волосами, шерстью и перьями. Если ямка, в которой устроено гнездо, не представляет защиты от дождя, то над ним устраивается крышечка и входное отверстие делается сбоку. В конце апреля или в начале мая можно увидеть в гнезде 5-7 яичек, имеющих 20 мм в длину и 15 мм в ширину; скорлупка у них очень тонкая, желтовато-белого цвета и покрыта многочисленными мелкими ржаво-желтыми пятнышками. Самец и самка высидывают яйца по очереди*. Детеныши вылупляются через 14 дней, родители их усердно выкармливают, так что птенцы скоро вырастают. После вылета из гнезда они еще дней восемь остаются при родителях, которые учат их летать и добывать корм.

** Данное утверждение не верно. У зарянок кладку насиживает только самка.*

Сначала родители дают птенцам различных маленьких червячков, а позднее они получают ту же пищу, какую употребляют и взрослые. Она состоит из насекомых на различных стадиях их развития, пауков, улиток, дождевых червей и пр. Осенью и молодые, и старые едят лесные и садовые ягоды.

1 — Зарянка (*Erithacus rubecula*) 2 — Обыкновенная горихвостка (*Phoenicurus phoenicurus*)

По окончании воспитания птенцов, в июле или августе, зарянки линяют, а когда вырастают новые перья, то птицы начинают собираться к отлету. «Если во время перелета приблизиться к месту их сборища в лесу, — пишет Науман, — то на всяком кустике слышатся их голоса, которые сначала раздаются близко от земли, затем все выше и выше и, наконец, на верхушках деревьев. Потом, как только солнце сядет, в лесу уже ничего не слышно, щебетанье зарянок теперь раздается высоко в воздухе. У зарянок легко заметить, что они осенью летят к западу, где солнце село, а весной, наоборот, к месту восхождения солнца». Если летом трудно найти зарянок, то зимой они виднеются на каждом кусте, они живут во всех садах и на изгородях в высоких горах средней и южной Испании. У каждой птички свой участок, и она умеет его защитить. Но селятся зарянки здесь скромнее, чем на родине: каждая довольствуется только одним кустиком, и все общество образует как бы одну семью. Сначала зимние гости весьма молчаливы, но с восходом солнца к ним снова возвращается веселое настроение.

Обыкновенная горихвостка, лысушка, краснохвостка, калуферка (*Phoenicurus phoenicurus*). Она вполне заслуживает название «садовая горихвостка», так как живет в лесу и садах исключительно на деревьях. У старых самцов лоб, стороны головы и горло черные, остальная верхняя часть пепельно-серая; грудь, бока и хвост яркого ржаво-красного цвета; передняя часть головы и середина нижней стороны туловища белые. Самка сверху темно-серого цвета, снизу — серого; темная окраска горла у нее иногда едва заметна. У птенцов верхняя часть туловища серая, с ржаво-желтыми и бурными пятнышками, а серые перья нижней части туловища с ржаво-желтой каймой. Глаза бурые, клюв и ноги черные. Длина достигает 14 см, размах крыльев 23, длина крыла 8, а хвоста 6 см.

Горихвостка встречается во всех странах Европы, предпочитает в них лиственные леса на равнинах, но не избегает также и гористых местностей и потому поселяется на каждой, хоть сколько-нибудь подходящей для нее территории. На востоке область ее распространения доходит до Персии и Туркмении. Здесь ее наблюдал Вальтер. Эта птица показывается на Амударье в середине марта и в апреле. Далее на востоке встречаются другие близкие ей виды*.

** На востоке обыкновенная горихвостка распространена до Байкала, запада Монголии и Китая, а вот в Средней Азии, на Амударье, она встречается только на пролете.*

В Германии она появляется в апреле, в сентябре снова улетает и странствует по теплым странам до внутренней Африки и также до Индии**.

*** В Индии обыкновенная горихвостка не зимует, здесь ее заменяют сибирская горихвостка и другие близкие виды.*

Горихвостка, как уже было сказано, держится преимущественно на деревьях. Пение у нее лучше, благозвучнее и разнообразнее, чем у ее сородичей, тоны двух или трех строф, из которых оно состоит, нежны, похожи на звуки флейты, правда, немного меланхоличны, но тем не менее приятны. Она охотно подражает пению других птиц. Питается горихвостка соответственно своему местопребыванию, собирает добычу в основном с листьев и с земли. Гнездо строит обыкновенно в пустых деревьях и только в виде исключения в расщелинах стен или скал, но почти всегда в отверстиях и по возможности в таких, которые имеют узкий вход. Однако одно такое гнездо Вальтер нашел на земле, причем в такой местности, где не было недостатка в дуплах. Оно было прислонено к толстому стволу сосны. Гнездо было построено нерадиво из беспорядочно набросанных сухих корешков и стебельков, а внутри мягко выложено перьями. Горихвостка откладывает яйца во второй половине мая, от 5 до 8 штук, величиной 18 мм, а толщиной 13 мм, с гладкой скорлупой прекрасного голубовато-зеленого цвета. Второй выводок бывает в июле. Но для устройства второго гнезда парочка всякий раз выбирает новое дупло, а в следующее лето возвращается к прежнему гнезду.

Горихвостку держат в клетках. Поет она довольно прилежно и в продолжение почти круглого года, но вследствие своего однообразного вечно повторяющегося призывного звука «уить-уить, так-так» скоро надоедает. При всем том горихвостка приобрела себе среди любителей птиц верных друзей, которые охотно забывают ее докучливые призывные звуки ради грации ее движений, красоты окраски и опрятного содержания перьев.

Луговой чекан (*Saxicola ruberta*) — самый обыкновенный вид.

Верхняя сторона его тела черно-бурая с пятнами вследствие широких ржаво-серых краев кроющих перьев. Нижняя сторона ржаво-желтовато-белая; на подбородке, по сторонам передней части шеи, над глазами и по середине крыльев окраска перьев белая. У самки все цвета не такие ясные, брови желтоватые и светлые пятна на крыльях не так заметны. Глаза темно-бурые, клюв и ноги черные. Длина птицы 14 см, размах крыльев 21, длина крыла 9, а хвоста 5 см.

Черноголовый чекан (*Saxicola torquata*) несколько больше предыдущего вида и красивее окрашен. Верхняя сторона тела и горло у него черные, нижняя сторона ржаво-красная, надхвостье и задняя часть брюшка так же, как пятна на крыльях и по сторонам шеи, чисто белые. Самка сверху и на горле имеет серовато-черную окраску, на нижней стороне — ржаво-желтую; каждое перо верхней стороны с ржаво-желтыми краями.

Луговой чекан часто встречается на равнинах Германии и соседних стран, на севере — до 67 градуса. Кроме того, он попадает в северной и южной Европе, также в западной Азии, а зимой перелетает в Африку и Индию. В Германии он появляется в конце апреля и находится здесь самое большее до конца сентября. В Испании, напротив, его можно видеть в продолжение целого года, и даже в Великобритании он не улетает на зиму*.

** Приводимые сведения о распространении лугового чекана весьма неточны. На север, в Норвегию, этот вид проникает до 69-й параллели, в Великобритании он зимовать не остается, не зимует он также и в Индии, а только в Африке. В Азию луговой чекан проникает очень недалеко: он гнездится в Западной Сибири, на восток до верховьев Оби, в Закавказье, на востоке Турции и на самом западе Ирана.*

Черноголовый чекан в Германии встречается реже, чем его сородич, и то в основном в западной части страны. Кроме того, он водится в Европе и Азии во всех странах с умеренным климатом, на севере — до широты южной Швеции**, а зимой улетает на юг до внутренней Африки и Индии.

*** В наши дни черноголовый чекан на юге Швеции не живет, но еще встречается на юго-западе Норвегии.*

Любимым местопребыванием чеканов служат луга, перерезанные ручьями, или вообще по соседству с водой, граничащие с открытыми полями или лесом и поросшие низким кустарником. Чеканы избегают пустырей и держатся исключительно в обработанных местностях. Чем плодороднее край, тем чаще они там встречаются. Во время размножения они селятся на лугах, затем переправляются на поля и всего охотнее рассеиваются по картофельным полям и огородам. Там, где они

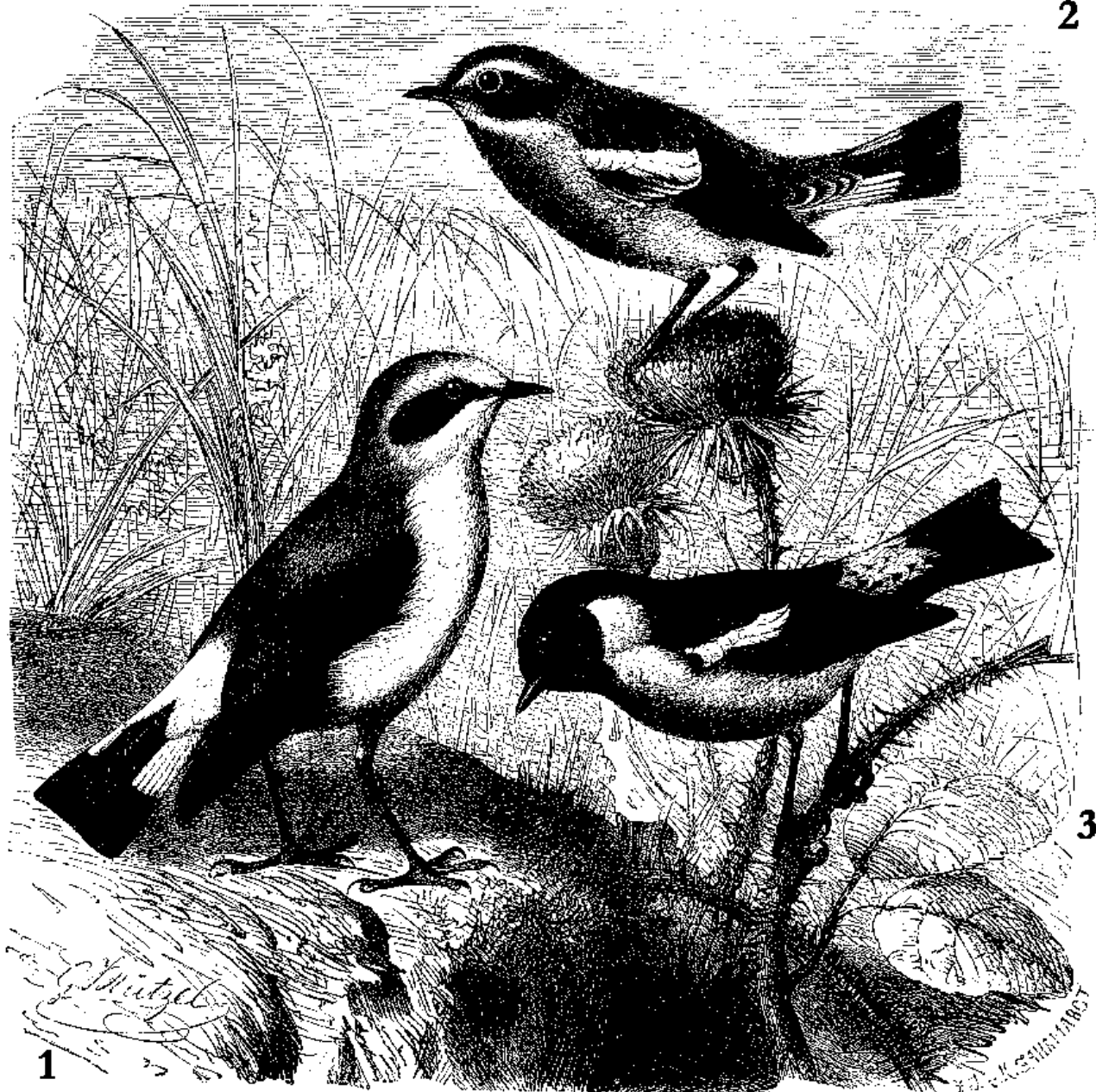
встречаются, их нельзя не заметить, потому что они всегда избирают для отдыха возвышенные места, с которых и высматривают себе добычу.

Надо признаться, что чеканы гораздо скучнее других видов этого семейства, хотя и принадлежат к резвым, подвижным, беспокойным и вертлявым птицам. По земле они прыгают быстрыми скачками, останавливаются на каждом возвышении, быстро наклоняются вперед и дергают хвостом. При полете описывают короткую дугу низко над землей, могут очень ловко поворачиваться и уверенно схватывать различных летающих насекомых. Целый день они проводят в труде: сидя на верхушках низкого куста или деревца, чеканы озираются во все стороны, затем стремительно бросаются вниз на землю, схватывают высмотренную добычу и возвращаются на прежнее место или летят на какой-нибудь другой возвышенный пункт. Их нельзя назвать вполне общительными, но все-таки они уживчивее других видов своего семейства, охотно сходятся с сородичами и даже с другими чуждыми им птицами и редко ссорятся. Их призывные звуки выражаются щелкающим «тца», к которому присоединяется обыкновенно слог «тек», так что в общем звучит как «тца-тек» или «тъя-удек». Прекрасное пение состоит из разнообразных коротких строф звучного и чистого тона, которые повторяются в различном порядке. К ним в зависимости от местности приплетаются голоса других птиц, например отрывочные мотивы из песен зеленушки, щегленка, коноплянки, зяблика, садовой славки и др. Луговые чеканы поют усердно до начала июля, начинают петь ранним утром, редко молчат в продолжение дня, так что пение их можно слышать до поздней ночи.

Пища чеканов состоит из насекомых, преимущественно из жуков, маленьких кузнечиков, гусениц, муравьев, мух, комаров и других, которых они выискивают на земле или ловят на лету. Гнездо обыкновенно находится на лугу в траве, большей частью в небольшом углублении, иногда под маленьким кустом и всегда тщательно скрыто, так что его весьма трудно найти. Обычно, если нет никакой помехи, пара выводит птенцов только раз в год.

У чеканов масса врагов. Все маленькие хищные животные, крысы и мыши угрожают птенцам, а наши кречеты также и взрослым чеканам. Человек обычно специально не преследует их, а скорее оказывает им покровительство. В Швейцарии распространено даже народное поверье, что на тех Альпах, где убьют черноголового чекана, коровы с того времени будут давать красное молоко. В неволе, хотя бы им и позволяли беспрепятственно летать по комнате, они скучают и держатся смиренно.

Каменка белохвостая (*Oenanthe leucura*) — одна из самых крупных птиц этого семейства. Длина ее достигает 20 см, размах крыльев 31, длина крыла 10, а хвоста 7 см. Окраска перьев, за исключением ослепительно белого конца хвоста и его верхних и нижних покровных перьев, ровного черного цвета со слабым блеском; маховые перья у корня светлого пепельно-серого цвета, а к концам черного. Белая полоса на хвосте на средних перьях занимает две пятых их длины, а на остальных суживается до 8 мм. Самка походит на самца, однако темные части оперения у нее не чисто черные, а буровато-черные.

1 — Обыкновенная каменка (*Oenanthe oenanthe*) 2 — Луговой чекан (*Saxicola ruberta*) 3 — Черноголовый чекан (*Saxicola toreliana*)

Испанские горы прекрасны, великолепны в своем роде, но не имеют ничего общего с природой севера. Их редко оживляет зеленый лес, на них не увидишь свежей лужайки, один небесный свод раскидывает над ними свой цветной плащ, одна только даль окутывает их своими туманами, одни только камни украшают их. Если выйти за пределы плодоносной зеленой равнины, по которой струится серебристый ручей, разливаясь на сотни запруд и обращая таким образом плодородный край в цветущую страну, и углубиться в горы, то сразу очутишься в пустыне. Может случиться, правда, что попадешь в «кампус», где правильными рядами растут вековые масличные деревья. Но и они не в состоянии рассеять впечатление пустыни, навеянное окружающей местностью. Эти рощи вскоре останутся позади. Нога ступает по твердой, кремнистой почве, сквозь которую только кое-где изредка дерзает пробиться тощее растеньице. Перед глазами — горы во всей своей дикой красе. Оторванные, прибитые сюда волной глыбы камней покрывают их подошвы и выходы долин. Между ними виднеются сочные зеленые кусты олеандров и низкие кустарники. На склонах гор растет розмарин и масса чертополоха, которые образуют здесь целый лес. Случается, что над горой пронесется коршун, может быть, даже орел. Кроме них разве что встретятся синий дрозд, горихвостка, ласточка или каменный воробей, все остальное кажется вымершим. Но вдруг раздается чистая песенка, которая заставляет устремить взор на определенное место: это самец белохвостой каменки напевает свою веселую песенку! Красивая птичка распространена в большей части Испании, но, кроме того, встречается в южной Франции, южной Италии, Греции и северо-западной Африке*. Везде, где водится белохвостая каменка, она живет в горах, начиная с подошвы и до 2500 м высоты. Воз-

можно, что летом птица поднимается еще выше и только зимой спускается в ложбины, где я и встречал ее в горах южной Испании. Любимым местопребыванием ее являются дикие разорванные скалы. Чем мрачнее утес, тем чаще можно встретить там каменку, хотя она не избегает и светлых известковых скал.

** В наше время белохвостая каменка в Гоеции и Италии не встречается. Во Франции обитает лишь в Пиренеях. Основной ареал этого вида сохранился только в Испании, Португалии и северо-западной Африке.*

Это умная, живая и осторожная птица может оживить самые пустынные горы. Движения самца очень забавны. Он буквально танцует на камне, когда вприпрыжку взбирается вверх по скалистой стене, распускает при этом хвост и крылья, кивает головой, повертывается и оборачивается во все стороны. Он с песнью взвивается на вершину и оттуда, распутив крылья и хвост, тихо спускается в ложбину, чтобы пропеть здесь последние строфы своей песни поблизости от самки, высмотренной с высоты. Если в горах попадается деревцо или куст кактуса, каменка охотно отдыхает на нем от своих песен и танцев. В другой раз местом своего отдохновения она избирает выдающиеся карнизы скал или большой камень.

К постройке гнезда каменка приступает довольно поздно, в середине или в конце апреля, а может быть, даже в начале мая**.

** * На самом деле в Испании белохвостая каменка приступает к размножению в середине марта, а в Марокко и Тунисе — уже в середине февраля.*

В подходящих для гнезда мест не бывает недостатка, так как в стенах высоких отвесных скал всегда можно найти углубление, еще не занятое каменным воробьем. Гнездо, предназначенное для многочисленного потомства, большое и состоит из плотно перевитых между собой стебельков травы и корешков. Внутри оно старательно выстлано козьими волосами. Кладка состоит обыкновенно из 4—5 яиц величиной 23 мм в длину и 17 мм в поперечном разрезе. Скорлупа их светлого голубовато-зеленого цвета с фиолетовыми и красновато-бурыми крапинами. Иногда в кладке бывает и 6-7 яиц.

В юго-восточной Европе живет, кроме того, **каменка-плясунья** (*Oenanthe isabellina*). Она несколько больше по величине, сверху оперение ржавого бледно-бурого цвета с более ярким надхвостьем, а снизу ржавого бледно-буро-желтого цвета. По временам в восточную Европу залетает из Азии **пleshанка** (*Oenanthe pleschanka*). Голова, передняя и задняя часть шеи, верхняя сторона тела и оба средних рулевых пера у нее черные, а остальные части — белые.

Каменистые и скалистые местности служат любимым местопребыванием всех перечисленных каменок. На возделанной земле они редкие гости, но постоянно встречаются там, где между полями разбросаны глыбы скал, возвышаются каменные стены или свалены кучи камней. В каменистой Швеции, в южной Германии и в Швейцарии весьма обычна **обыкновенная каменка** (*Oenanthe oenanthe*); на Скандинавском полуострове ее можно считать последним представителем животного царства, встречающимся на далеком севере. Я встречал там этих птиц решительно повсюду, куда ни заезжал. Я видел их в Лапландии и на глетчерах Гальдгеппинга, на Фурке в Швейцарии и на Гросглоккнере в Тироле. В Швейцарских Альпах они поднимаются выше пояса произрастания лесов. Это жители самых пустынных местностей и даже настоящей пустыни, их встречают среди раскаленных песков, где, по-видимому, иссякла всякая жизнь.

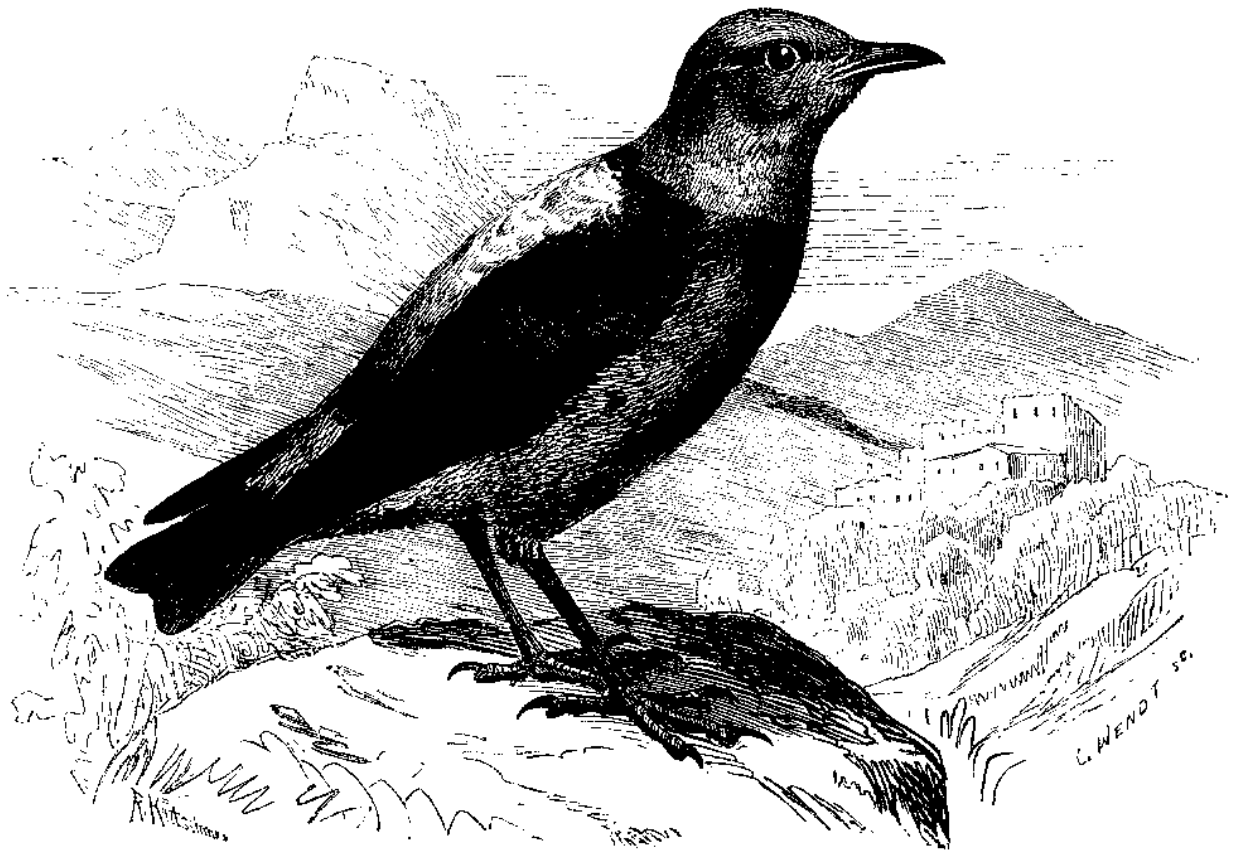
Полет каменки в высшей степени замечателен. Она летает над самой землей. Даже если птица сидит на какой-нибудь значительной высоте, то прежде спустится вниз, а затем уже летит. Во время полета она быстро машет крыльями и несется над землей, как будто по прямой линии, но на самом деле описывает короткую дугу до новой остановки, которая обыкновенно находится от первой на довольно большом расстоянии. На вершину своего места отдохновения она буквально карабкается, потому что подлетает к подошве, а потом уже взлетает наверх. Науман верно говорит, что летящая каменка, белое надхвостье которой выдается резче всего, напоминает собой несомое ветром гусиное перо. Только в пору любви каменка изменяет свой полет. Тогда она поднимается по косому направлению на 6-7 м в высоту, при этом все время поет, затем спускается опять по косому направлению с высоко поднятыми крыльями и оканчивает свою песню, сев на землю. Слегка свистящий призывный звук каменки «гиув-гиув» оканчивается, особенно когда птица находится в возбужденном состоянии, прищелкивающим звуком «так». Свообразное и не слишком приятное пение состоит большей частью из немногих строф, в которых призывные звуки перемешиваются с каркающими. Однако и среди каменок попадаются отдельные экземпляры, которые могут называться хорошими певцами. К тому же недостаток таланта они пополняют большим усердием и поют с небольшими перерывами с раннего утра до позднего вечера, а часто даже среди глубокой ночи.

Пища каменки состоит из маленьких жуков, бабочек, мух, комаров и их личинок. С высоты места своего отдохновения она озирает окрестности, ее зоркий глазок подмечает каждое живое существо, движущееся на земле или в воздухе. За ползающими насекомыми каменка охотится бегом, летающих же преследует высоко в воздухе, подобно горихвостке.

Гнездо устраивается обыкновенно в трещине скалы или в ямке между камнями, реже в куче дров, под старыми стволами, в земляных углублениях, под нависшими скалами или даже в дуплах деревьев. Оно всегда хорошо скрыто от посторонних глаз и обыкновенно защищено сверху. Гнездо представляет собой плохую постройку с толстыми стенками, беспорядочно сплетенную из тонких корешков, былинки и листочков травы и выстланную изнутри мягкой шерстью, волосами и перьями. Кладка состоит из 5-7 выпуклых яиц 21 мм в длину и 15 мм в поперечном разрезе, с тонкой светлоголубоватой или зеленовато-белой скорлупой. Только в виде исключения попадают яйца с бледными желто-красными крапинками. Высиживанием яиц занимается почти всегда одна самка, но воспитанию птенцов с одинаковым рвением посвящают себя оба родителя. Они относятся к своим птенцам с большой заботливостью. Пока самка сидит на яйцах, самец исполняет обязанности караульного: он постоянно стоит на страже невдалеке от гнезда и налетает на приближающегося врага с пугливым криком. Самка при большой опасности прибегает к притворству. Обыкновенно пара выводит птенцов только раз в год, а именно в мае. Вылетевшие из гнезда птенцы до времени зимнего отлета остаются при родителях и вместе с ними совершают свое путешествие. Они улетают в конце сентября, а в марте снова возвращаются.

Пестрый каменный дрозд (*Monticola saxatilis*) походит некоторым образом на обыкновенную горихвостку, но гораздо крупнее ее. Оперение на голове, передней части шеи, на затылке и надхвосте красивого голубовато-серого цвета, на спине бело-голубого или белого, на всей нижней части туловища великолепного ярко-ржаво-красного. У самок верхняя часть туловища по матово-бурому фону испещрена светлыми пятнами; передняя часть шеи белая, нижняя часть туловища бледного ржаво-красного цвета. Птенцы пятнистые. Глаза красно-бурые, клюв матово-черный, ноги красновато-серые. Длина птицы 23 см, размах крыльев 37, длина крыла 13, хвоста 7 см.

Каменный дрозд живет около Средиземного моря и потому встречается во всех высокогорных странах южной Европы. На севере он попадает только отдельными экземплярами, но его довольно регулярно можно встретить в Штирии, Каринтии, верхней Австрии, Тироле, Моравии и по Рейну, Майну и Мозелю. В виде исключения он попадает в Богемии, в Лаузицких горах, на востоке область его распространения доходит до южной Сибири. В Словении, Кroatии, Далмации, Турции и Греции каменный дрозд распространен во всех подходящих для него местностях. В Италии, Крыму, Малой Азии и Сирии считается обыкновенной птицей, но в Испании встречается только на высоких горах. За время своих перелетов он перебивает в большей части северной Африки.

Пестрый каменный дрозд (*Monticola saxatilis*)

Я встречал его даже в лесах Голубого Нила. На родине он появляется вместе с обыкновенной горихвосткой часто уже в середине марта, самое позднее в апреле и остается здесь до конца сентября или начала октября. Местопребыванием своим он избирает преимущественно виноградники или обширные каменистые долины с несколькими старыми деревьями.

Образом жизни и поведением своим пестрый каменный дрозд походит на наших горихвосток, с которыми он вообще имеет большое сходство. Он такой же осторожный, умный, оживленный и ловкий, так же не любит долго оставаться на одном и том же месте, целый день снует взад и вперед по твоему участку и несколько дольше держится только на излюбленных местах. По земле он бегают с ловкостью каменки, подобно ей или горихвостке постоянно кивает головой, танцует на скалах и больших камнях. Полет его легок и красив. Он летает немного дугообразно, перед тем как сесть, вертится и кружится, но всегда держится прямого направления. В нем достаточно ловкости и проворства, чтобы схватывать на лету разных насекомых. Его призывный голос состоит из щелкающего «так-так», напоминая таким образом голос черного дрозда и каменки. Испуг или тревога выражаются легким повторным «уит-уит». Пение его превосходно: оно разнообразно, громко и звучно. Но при всем этом нежно и приятно и отличается той особенностью, что в нем, смотря по условиям местности и вдохновению певца, встречаются целые строфы и колена из песен других птиц, например соловья, черного дрозда, певчего дрозда, славки, полевого и степного жаворонков, перепела, малиновки, зяблика, иволги, куропатки и даже петушиное «кукареку».

Пища каменного дрозда состоит из всевозможных насекомых, осенью также из ягод и плодов. Жуков он ловит большей частью на земле, летающих насекомых, подобно горихвостке, схватывает на лету и преследует их иногда на большом расстоянии.

Вскоре по возвращении на родину каменные дрозды спариваются и начинают строить гнездо. Кладка состоит в среднем из 4-6 яиц 28 мм в длину и 19 мм в толщину, с нежной одноцветной голубовато-зеленой скорлупой. Они очень похожи на яйца нашей садовой горихвостки. В насиживании яиц, а равным образом и в воспитании птенцов принимают участие оба родителя*.

* Это не совсем так. Насиживанием у пестрого каменного дрозда занята только самка, в воспитании птенцов участвуют оба родителя.

Из дроздов, выводящих птенцов в Германии, самый крупный по величине **деряба** (*Tardus viscivorus*). Длина его достигает 26 см, размах крыльев 44, длина крыла 14, а хвоста 11 см.

Область распространения дерябы охватывает все страны Европы, от крайнего севера до крайнего юга. Он держится во всяких больших лесах, но преимущественно в чернолесье. Из северных областей он перелетает в южные и западные и проникает даже в северо-западную Африку.

Певчий дрозд (*Turdus philomelos*) отчасти похож на предыдущего, только значительно меньше по величине. Длина его достигает 22 см, размах крыльев 34, длина крыла 11, длина хвоста 8 см.

Певчий дрозд живет в большей части Европы, а также в северной и средней Азии**, зимой часто залетает в северо-западную, а иногда и в северо-восточную Африку.

* * *Собственно в Средней Азии певчий дрозд не живет, но встречается во время миграций.*

Белобровик (*Turdus iliacus*) имеет в длину 22 см, размах крыльев 35, длина крыла 11, а хвоста 8 см.

Он выводит птенцов обыкновенно на крайнем севере Европы, а также в северных и восточных областях Азии и в северозападной части Гималайского хребта***, но случается, в виде исключения, что он вьет гнезда в южных странах. Он появляется обыкновенно вместе с рябинником и странствует до пределов северной Африки, хотя в большинстве случаев проводит зиму на юге Европы.

* * * *Это не соответствует действительности. В Гималаях белобровик не встречается.*

Рябинник (*Turdus pilaris*) имеет пеструю окраску. Голова, задняя часть шеи и надхвостье пепельно-серые; затылок и плечи грязного каштаново-бурого цвета; маховые перья и хвостовые — черные; кроющие перья крыльев снаружи и на концах пепельно-серые. Глаза бурые, клюв желтый, ноги темно-бурые. Самка немного бледнее самца. Длина птицы 26 см, размах крыльев 43, длина крыла 14, а хвоста 10 см.

Рябинник должен считаться коренной птицей севера Европы и Азии, где выводит птенцов преимущественно в березовых лесах*. Зиму он часто проводит на родине, а если улетает, то не дальше севера Африки, Палестины и Кашмира**.

* *В принципе не отмечено, чтобы рябинник отдавая особое предпочтение березовым лесам. Он с одинаковым успехом заселяет ивняки, осинники, опушки сосняков и смешанные леса с полянами.*

* * *На территории Кашмира зимовки рябинника в настоящее время не отмечены.*

На высоких горах живет **белозобый дрозд** (*Turdus torquatus*). Длина его достигает 26 см, размах крыльев 42, длина крыла 14, а хвоста 11 см. Оперение самца, за исключением широкого белого нагрудника в виде полумесяца, испещрено по матово-черному фону светлыми серповидными пятнами, которые образуются краями перьев.

Белозобый дрозд — исключительно горная птица и потому чаще всего встречается в Европе на высоких горах, реже — в горах средней высоты. В Скандинавии он так же обыкновенен, как и в Швейцарии. Нередко попадает в Баварских Альпах, Вогезах, на Шварцвальде, в Австрийских и Трансильванских Альпах, в Карпатах, на Кавказе и Уральских горах***, а также в Пиренеях и Сьерра-Неваде. И всюду он выводит птенцов.

* * * *А вот на Урале белозобый дрозд как раз и не живет. Брем включил эту горную систему в ареал белозобого дрозда, видимо, по аналогии с другими горами — и ошибся.*

При перелете белозобый дрозд пересекает все страны Европы, лежащие к югу от Скандинавии. Область странствия его ограничивается Атласскими горами.

Черный дрозд (*Turdus merula*) отличается от своих сородичей, хотя и не особенно резко, сравнительно короткими и тупыми крыльями. Оперение старого самца равномерно черное; глаза бурые, края век ярко-желтые, клюв оранжевый, ноги темно-бурые. У старых самок верхняя часть туловища матово-черного цвета, нижняя по черно-серому фону испещрена по краям светло-серыми пятнами. Длина птицы 15 см, размах крыльев 35, длина крыла 11, а хвоста 12 см.

Черный дрозд живет в Европе во всех подходящих для него местах, начиная от 66 градуса северной широты. Кроме того, он водится в западной Азии, северо-западной Африке, на Мадейре, на Канарских и Азорских островах. На южном Каспийском побережье, в Мазендеране черный дрозд, по словам Вальтера, считается самой обыкновенной птицей. Он встречается и далее на востоке, где повсеместно выводит птенцов, держась течения рек и в садах горных деревень. Только отдельные экземпляры, выросшие на крайнем севере, предпринимают зимой путешествие на юг, но и те перекочевывают на зиму не дальше юга Швеции.

Дрозды живут в разных странах и в различных условиях, но преимущественно в лесу. Не такие разборчивые, как мелкие певчие птицы, они селятся повсюду: не только в роскошных лесах плодоносных долин или девственных лесах тропических стран, но и в северных лесах, и в тощих кустарниках степей. Они находят себе пристанище, вполне удовлетворяющее их требованиям, даже за пределами произрастания лесов, непосредственно под глетчерами и между ними. Однако лишь

немногие виды остаются из года в год на том же месте. Большинство из них, как никто из других птиц, проявляют страсть к перелетам. Те дрозды, которые появляются у нас в качестве редких гостей, пролетают почти половину земного шара. Они прилетают с Дальнего Востока, Камчатки, пересекают даже Берингово море и попадают в Европу, перелетев всю Азию. «О некоторых из них, — говорит Науман, — можно подумать, что они перебрались к нам парочками или несколькими экземплярами, а затем испугались слишком дальнего путешествия назад. Когда наступившее время года пробудило в них стремление к размножению, они вывели птенцов и воспитали их на чужбине. Невольно удивляешься, представляя себе то необозримое пространство, которое пролетели они, и притом в такое короткое время, ведь на своем пути они неизбежно должны были колесить, а не лететь стремительно в одном направлении, так как встречались различные препятствия, к тому же требовалось время для отдыха и приискания себе необходимой пищи». Какая, собственно, причина побуждает дроздов совершать подобные путешествия, трудно сказать наверное.

1 — Деряба (*Turdus viscivorus*) 2 — Белобровик (*Turdus iliacus*) 3 — Певчий дрозд (*Turdus philomelos*) 4 — Рябинник 5 — Черный дрозд (*Turdus pilaris*) (*Turdus merula*)

Все дрозды очень даровиты, подвижны, ловки, умны. Они одарены тонкими чувствами, большим певческим искусством, всегда резвы, беспокойны и любят общество, хотя их нельзя назвать миролюбивыми существами. С раннего утра до позднего вечера видишь их в постоянном движении. Только полуденный жар некоторым образом ослабляет их деятельность. Движениями своими они во многом напоминают других певчих птиц. По земле они проворно прыгают большими прыжками. Если заметят что-нибудь особенное, то, подобно маленьким певчим птицам, спешат к этому месту, подняв хвост вверх, а крылья опустив книзу. По ветвям дрозды прыгают проворно и ловко, через большие же расстояния перепархивают с помощью крыльев. Полет дроздов превосходный. Испугавшись, большинство видов принимается довольно неуклюже порхать около земли или от одного куста к другому, если таковые имеются. Однако эти же птицы, поднявшись в высоту, несутся по воздуху с необыкновенной быстротой. Лучше всех летают певчие дрозды, белобровики и белозобые; хуже всех вследствие коротких крыльев — дерябы и черные дрозды. У дерябы полет кажется тяжеловатым и косым, но и он способен быстро перелетать большие расстояния.

тогда как черный дрозд несется над самой землей, летит с продолжительными перерывами и слабо машет крыльями, но при этом крайне быстро производит крутые повороты.

1 — Певчий дрозд (*Turdus philomelos*) 2 — Белозобый дрозд (*Turdus torquatus*)

Органы чувств развиты у дроздов равномерно. Они замечают на коротком расстоянии самое крохотное насекомое и, несясь высоко в воздухе, отлично различают все предметы, лежащие на земле. Слух у них тоже очень острый. Они не только прекрасно слышат, но и различают звуки, что можно видеть из их пения. О развитом вкусе дроздов говорит их любовь к лакомствам. Относительно остальных чувств мы не можем составить никакого мнения. В умственных способностях этой птицы никто не станет сомневаться. Они не только умны, но даже хитры, не только пугливы, но и расчетливо осторожны. Они смелы и вместе с тем недоверчивы, очень скоро понимают и судят довольно верно. Для обеспечения собственной безопасности дрозды умеют пользоваться всякими средствами. В лесу они исполняют обязанности сторожей, их услугами пользуются не только их собратья, но и другие птицы, и даже млекопитающие. Все сколько-нибудь замечательное, необыкновенное, новое привлекает их внимание. Они с явным любопытством приближаются к поразившему их предмету, чтобы лучше разглядеть его, но и тогда не отдаются легкомысленно на произвол судьбы, а держатся в благоразумном отдалении. Те дрозды, которые выросли в глухих безлюдных лесах севера, легко поддаются на обман: их можно завлечь на приманку или в ловушку, посадив туда их товарищей. Впрочем, опыт скоро научает птиц уму-разуму, и те, которые были раз обмануты, вторично таким же способом не попадут впросак. У большинства дроздов отмечается потребность жить в обществе.

По голосу и пению все дрозды более или менее похожи друг на друга, однако есть и различия. Призывный голос дерябы звучит как «шнерр» и весьма походит на тот звук, который производят, проводя палочкой по зубам гребенки. В возбужденном состоянии к этому «шнерр» прибавляется «ра-та-та». Если птица испугана, то слышится не поддающееся описанию карканье, которое издают большинство дроздов при таких же обстоятельствах. Призывный голос певчих дроздов состоит из сипло-свистящего, чуть слышного «цып», к которому часто прибавляется слог «так» или «тэк». При особенном возбуждении они издают более протяжный призыв, звучащий как «штикс-штикс-штикс». Призывный голос рябинника состоит из быстрого и резкого «чак-чак-чак», к которому присоединяется громкое «гри-гри», когда он зовет к себе других дроздов. Призывный голос белобровика звучит высоким «ци», за которым следует низкое «гак»; в испуге он издает трещащее «шерр» или «черр». Белозобый дрозд приманивает звуками «тэк-тэк-тэк», между которыми прорывается низкий звук «так», но и эта птица трещит подобно другим сородичам. Наконец, черный дрозд призывает к себе трелью «ри» и «трэнк»; при виде чего-нибудь подозрительного он издает звучное и пронзительное «дикс-дикс», а когда надо спастись бегством, за этим криком следует торопливое «гри-гих-гих». Все эти звуки, которые, само собой разумеется, могли быть выражены нами только приблизительно, при различных обстоятельствах значительно меняются. Но они совершенно понятны для всех дроздов, так как один вид отвечает на призывный голос других. Что же касается крика предостережения, то ему повинуются решительно все. Дрозды могут считаться лучшими певцами среди прочих певчих птиц, и первенство между ними в этом отношении принадлежит нашему певчему дрозду. Почти так же хорошо поет черный дрозд, за ним следует деряба и рябинник. Норвежец с гордостью называет певчего дрозда «северным соловьем», а поэт Велькер за его прекрасные песни — «лесным соловьем». Пение его разнообразно, звучно и мелодично. С нежными, как звук флейты, переливами перемешиваются, правда, чирикающие, негромкие и не совсем приятные тоны. Но это не портит прелести общего впечатления. Черный дрозд в пении почти не уступает певчему; у него есть много строф замечательной красоты, только его песня не такая веселая, как у даровитого сородича, а скорее торжественная и даже печальная. Песня дерябы состоит всего из пяти-шести строф, не особенно разнообразных, но зато полнозвучных, вследствие чего это пение также может считаться отличным. То же самое можно сказать про пение белобровика и белозобого дрозда. «Пение дроздов, которому, конечно, недостает роскошных переливов соловья, — говорит Чуди, — звучит веселым хором на тысячу ладов по всем лесам и вносит невыразимо радостную жизнь в строгую тишину горных ландшафтов». Замечательно поведение дрозда во время пения: его пение стоит, по-видимому, в разладе с его привычками. Многие птицы сопровождают свои песни оживленными движениями; дрозды же во время пения сидят совершенно смирно, и самая песнь их льется спокойно и торжественно, как церковное пение. Каждая отдельная строфа вполне закончена, каждый звук округлен; при этом пение дрозда более приспособлено к лесу, чем к комнате. Как у большинства хороших певцов, самцы стараются перещеголять друг друга в пении. Стоит только одному дрозду начать свою песню, как другой, услышав его, тотчас спешит присоединиться к нему. Поэтому один, так сказать, учится у другого. Талантливые ученики обучают прекрасных учеников, плохие — губят целое поколение. Особенно легко черный дрозд перенимает звуки от других своих собратьев, даже от чужестранных птиц, и становится иногда настоящей пересмешкой.

Пища дроздов состоит из насекомых, слизней и червей, а осенью и зимой также из ягод. Все дрозды собирают себе пищу большей частью с земли и потому ежедневно проводят здесь по нескольку часов. Из лесу они слетаются на луга и поля, на берега рек и ручьев и на другие места, обещающие им добычу. Здесь они подбирают прямо с земли или роются клювом в опавшей листве, чтобы раздобыть себе еду. На пролетающих мимо насекомых они мало обращают внимания, хотя некоторые дрозды при случае не без ловкости охотятся на них. Большинству видов чрезвычайно нравятся ягоды, причем вкусы их разнятся: одни дрозды любят один сорт ягод, другие — другой. Так, деряба до крайности падок на омелы, повсюду ищет ее и ожесточенно ссорится из-за нее с другими дроздами. Уже древние утверждали, что омела размножается благодаря дроздам, и надо признать, что это мнение имеет достаточно оснований. Белозобый дрозд тотчас же после вывода птенцов пускается со своим семейством на выискивание черничника и ест такое множество черники, что мясо его становится синим, кости — красными, а оперение пятнистым. О том, что рябинник вполне заслуженно носит свое прозвище, и говорить не приходится: он зимой усердно выискивает рябину и так много поедает оставшейся на ней ягоды, что мясо его приобретает своеобразный вкус. Кроме того, все дрозды едят землянику, малину, ежевику, красную смородину, красную и черную бузину, бруснику, черемуху, крушину, вишню, виноград и т. п.

Вскоре после своего прибытия на родину дрозды при н и м аются за устройство гнезд. Впрочем, у тех, которые живут на севере, время размножения наступает не раньше начала июня. Многие виды, в том числе рябинники и белозобые дрозды, сохраняют свою общительность и во время сидения на яйцах, тогда как другие в период размножения уединяются и ревниво охраняют отвоєванный участок. Расположение гнезд бывает различно, в зависимости от вида и местопребывания наших птиц. Само же гнездо в существенном у всех одинаково.

Нередко бывает, что дрозды буквально нападают на приблизившихся неприятелей, бросаются на них и летают над самыми головами, стараясь запугать их. Если храбрость не помогает, то они пускаются на хитрости, притворяются больными и хромыми и делают вид, будто с великим усилием порхают и прыгают по земле. Таким способом они уводят неопытного врага все дальше и дальше от гнезда, и, когда цель достигнута, торжествующе вспархивают и стремительно улетают обратно к своим птенцам. После 14-16-дневного усердного насиживания из яиц вылупляются птенчики. В продолжение трех недель родители кормят их насекомыми и окружают всевозможными заботами. Затем птенцы становятся способными летать. Через несколько недель после вылета из гнезда птицы начинают линять, и к наступлению зимнего отлета они уже одеты в новое оперение.

За исключением черных дроздов, все наши дрозды осенью покидают свою родину и перекочевывают в южные края. Для видов крайнего севера уже Германия может служить местом зимовки, но громадные стаи птиц тянутся обыкновенно в южную Европу. Здесь во время зимних месяцев всюду кишат дрозды. Все дрозды совершают зимние путешествия многочисленными обществами, иногда громадными стаями, в которые собираются на севере. Они летят необыкновенно высоко, по всей вероятности, на высоте более 2000 м. Во время путешествия такие стаи разбиваются на отдельные небольшие группы, но между ними сохраняется некоторая связь, так что при случае они рассаживаются на нескольких квадратных километрах и каждый большой куст имеет своего жителя.

"Если бы я был судьей, то право первенства присудил бы между птицами дрозду, а среди четвероногих — зайцу», — говорил римский поэт Марциал, восхваляя превосходное мясо дроздов. Другие натуралисты прежних времен уверяют, что этой птицей можно с успехом пользоваться как лекарственным средством против некоторых болезней, они даже с точностью описывают способ приготовления такого лекарства. Можно предположить, что дрозды уже в те давние времена истреблялись в таком же количестве, как и теперь, хотя тогда, может быть, еще не применялись птицевольные токи и волосянные силки, которые вошли в употребление в позднейшее время. Впрочем, теперь в Германии оба способа ловли мало-помалу оставляются. В Италии, Испании и Греции, напротив, дроздов истребляет всякий, и трудно даже определить, какое количество этих птиц уничтожается там.

Для неволи пригодны все виды дроздов. Впрочем, их звучное, громкое пение слишком оглушительно для тесной комнаты, а их необыкновенная прозорливость имеет весьма неприятные последствия, которые нельзя устранить даже при самом строгом соблюдении опрятности. Зато в большом помещении, устроенном на свободе, дрозды могут доставлять одно лишь удовольствие. Их резвость и подвижность скоро завоевывают им общие симпатии, а бесподобное пение тем приятнее, что оно услаждает слух любителей уже в первые, холодные месяцы года, когда другие птицы еще безмолвствуют.

Рыжехвостая славка, или тугайный соловей (*Cercotrichas galactodes*)⁹ на верхней стороне тела имеет ржаво-красно-серое оперение, на темени — темное, на затылке более сероватое, на нижней стороне серо-желтоватое или грязно-белое с красноватым отливом по сторонам шеи и ржаво-желтым в паху. Щеки бело-буроватые; брови, заходящие далеко вниз, белые. Глаза темно-бурые; клюв и ноги красноватые. Птенцы походят на взрослых. Самка и самец одинаковой величины; длина их 18 см, размах крыльев 27, длина крыла 8, а хвоста 7 см.

Рыжехвостая славка живет в Испании и северо-западной Африке. Отсюда она иногда залетает в Италию, Германию и Великобританию.

Населяет преимущественно те сухие, орошаемые только дождями южные местности, которые скудно поросли низкими кустарниками. Но она не избегает, впрочем, и обработанных территорий вблизи человеческих поселений. Подобные условия встречаются в Испании, Греции, Египте в Самхаре и во внутренних африканских степях. В Испании и Греции рыжехвостая славка предпочитает селиться в виноградниках и на масличных деревьях. В Малой Азии живет на склонах гор, усеянных рощами, на высоте 2000 м. В северо-восточной Африке один родственник ей вид живет в сухих садах, мимозовых рощах, на хлопчатниковых полях, в тростниках или между хижинами в деревнях, если только здесь есть густой кустарник. В больших девственных лесах я никогда не встречал рыжехвостую славку, зато в редких степных лесах она весьма обыкновенна. Она, видимо, избегает лесов на высоких горах, но на менее высоких встречается.

В средней Африке рыжехвостые славки — оседлые птицы, а в северной Африке и южной Европе — перелетные. В Греции и Испании они появляются в середине или в конце апреля, в Египте немного раньше, улетают в конце сентября. Сначала прилетают самцы, несколькими днями позже — самки. Во время пролета эту резвую птичку можно видеть повсеместно, а в другое время ее надо искать на ее излюбленных местах.

Рыжехвостая славка вполне оправдывает свое латинское название *Agrobates** (акробат), так как она действительно очень любит взбираться на высокие предметы.

* *Agrobates* — старое латинское название, сейчас не используется.

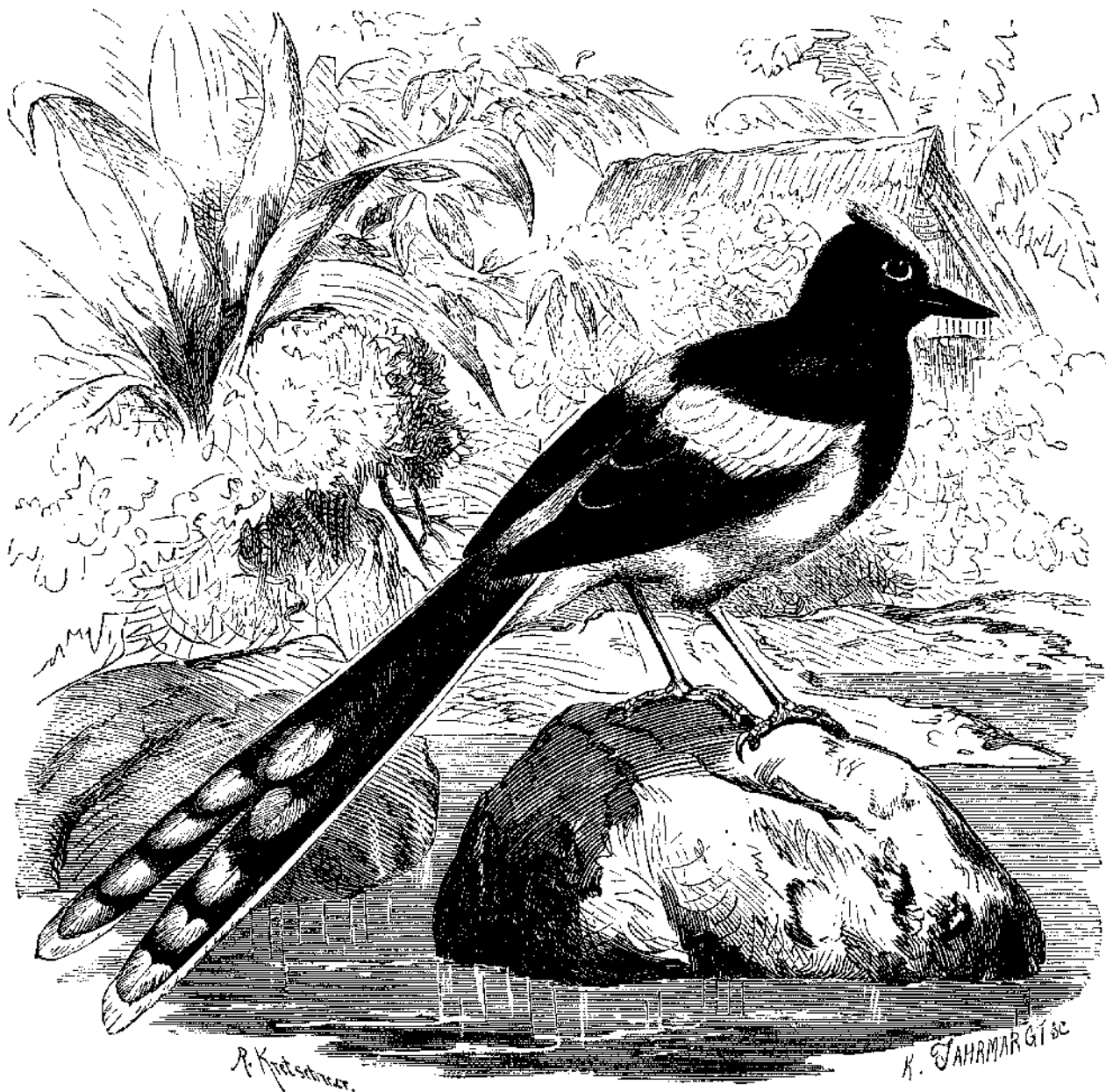
Верхние ветки куста, кол, поддерживающий виноградную лозу, верхушка дерева или телеграфный столб являются ее излюбленными местами. Рыжехвостая славка сидит вытянув хвост, опустив крылья и подогнув ноги, но все-таки довольно прямо. Здесь она распевает свою песню, отсюда высматривает добычу. Едва славка заметит какого-нибудь червячка, насекомое или что-нибудь подобное, как тотчас бросается на землю, нагибается, машет хвостом, распускает его, показывая во всей красе, поспешно гоняется по земле за добычей, ловит жертву, с приятностью издает свой призывный звук «так-так» и возвращается на прежнее место отдохновения. В Испании она везде выказывает себя как пугливое создание. В средней Африке черных туземцев подпускает к себе совсем близко, от чуждых же ей европейцев заботливо прячется. К другим птицам рыжехвостая славка относится дружелюбно, с подобными же себе часто заводит ссоры. Два самца ожесточенно преследуют друг друга, кружатся вместе высоко в воздухе, снова бросаются вниз и стремительно гоняются друг за другом между кустами, выказывая удивительную ловкость и щеголяя своим роскошным хвостом, который то развертывают, то снова свертывают.

Тристрам говорит, что яйца и птенцы рыжехвостой славки «делаются постоянно добычей пресмыкающихся», вследствие чего эти животные считаются злейшими врагами рыжехвостой славки. Но достоверно ли это сведение, мы сказать не можем. Наверно, их не щадят вообще все хищники из числа млекопитающих и птиц точно так, как и других птенцов мелких птичек. И только в Испании человек преследует это милое создание. Испанцы охотятся за этой славкой, как, впрочем, и за другими птицами, ради ее вкусного мяса, которое употребляют в пищу.

Благодаря исследованиям Бернштейна, мы познакомились с образом жизни **белошапочной вилхвостки** (*Enicurus leschenautii*). Верхняя часть тела и крылья, передняя часть шеи и грудь птицы черного бархатного цвета. Темя, на котором перья удлинены в виде хохолка, корни малых маховых и их покровных перьев, образующих на спине широкую поперечную полосу в форме полумесяца, а также спина и брюшко белого цвета. Маховые перья черноватого цвета; хвостовые перья, за исключением белых боковых, черные с широким белым кончиком. Клюв черный, ноги желтые. Длина птицы достигает 26-28 см.

"Эта птица, — говорит Бернштейн, — живет исключительно в горах острова Явы, богатых источниками и ручьями, а также в их предгорьях. Она не принадлежит к числу редких птиц, обитает на высоте 500-1200 м над уровнем моря. Здесь ее можно встретить почти около каждого ручья. Она не удаляется от воды на далекое расстояние, но нередко, следуя вверх по течению ручьев, залетает в девственные леса, так что порой удивляешься, когда видишь ее в местах, в которых нико-

гда не ожидал бы встретить. Один раз, но затем уже никогда более, я встретил ее около ручья на Пангеранго, на высоте 3000 м.

Белошапочная вилохвостка (*Enicurus leschenaultii*)

По своей любви к воде эта птица похожа на горную плиску*, тогда как окраска ее оперения напоминает европейцу трясогузку, обитающую на его родине.

* *Плисками раньше называли некоторых трясогузок.*

Когда она бежит, то держит хвост горизонтально, но в возбужденном состоянии или при виде какого-нибудь подозрительного предмета белые перья у нее на темени приподнимаются, и она начинает поднимать и опускать хвост своеобразным образом. В то время, когда птица поднимает хвост быстрым вздергиванием, хвостовые перья остаются сложенными, но как только хвост поднят, она веерообразно распускает его и затем тихо опускает, после чего сейчас же вздергивает хвост снова. Призывный голос ее звучит, как голос трясогузки «цивитт-цивитт». Напротив, в минуту страха и опасности или в порыве восторга она издает грубый звук, похожий на «рээт». Эта милая, безобидная птица позволяет человеку приблизиться к ней на расстояние всего нескольких шагов, а потом или поспешно убегает вперед, или улетает недалеко, причем полет ее напоминает полет трясогузки. Пища этой птицы состоит из насекомых и червей, которых она, бегая по берегу ручья, ищет между камнями и растениями и которых иногда преследует в самой воде».

Семейство тимеливые

Тимеливые отличаются плотным телосложением, сравнительно толстым, сдавленным с боков клювом, верхняя часть которого несколько загнута, и короткими круглыми крыльями, в которых маховые перья от пятого до восьмого или от четвертого до седьмого длиннее других. Хвост средней

длины, более или менее округлен, рулевые перья широкие; оперение большей частью темное и рыхлое.

Различные виды этого семейства населяют южную Азию, Новую Гвинею, Африку и Америку, особенно многочисленны в Индии.

В чем-то они напоминают дроздов, а в чем-то сорокопутов, соек и пеночек. Населяют по большей части кустарник и молодые поросли высокоствольных лесов, а также тростниковые чащи. Живут обществами, хотя и не собираются слишком большими стаями, чрезвычайно подвижны и почти все голосисты. Встречаются между ними и хорошие певцы, но главную особенность большинства из них все же составляет умение проскальзывать среди самых густых кустов. Летают они не особенно хорошо, так что только немногие виды поднимаются до верхушек высоких деревьев. Пища состоит из мелких позвоночных животных, насекомых, улиток, червей и т.п., но также из плодов, и в особенности ягод, которыми изобилуют леса их родины.

На Гималайских горах и примыкающих к ним с востока горных хребтах живут своеобразные птицы, которых называют китайскими соловьями. Клюв у них короткий, на хребте слегка выгнут, у основания широк, к концу несколько уже. Верхняя челюсть клюва слегка загибается над нижней, ноги не очень высокие, крылья срезаны тупо, хвост средней длины и слегка раздвоен, оперение гладко прилегающее и пестрое.

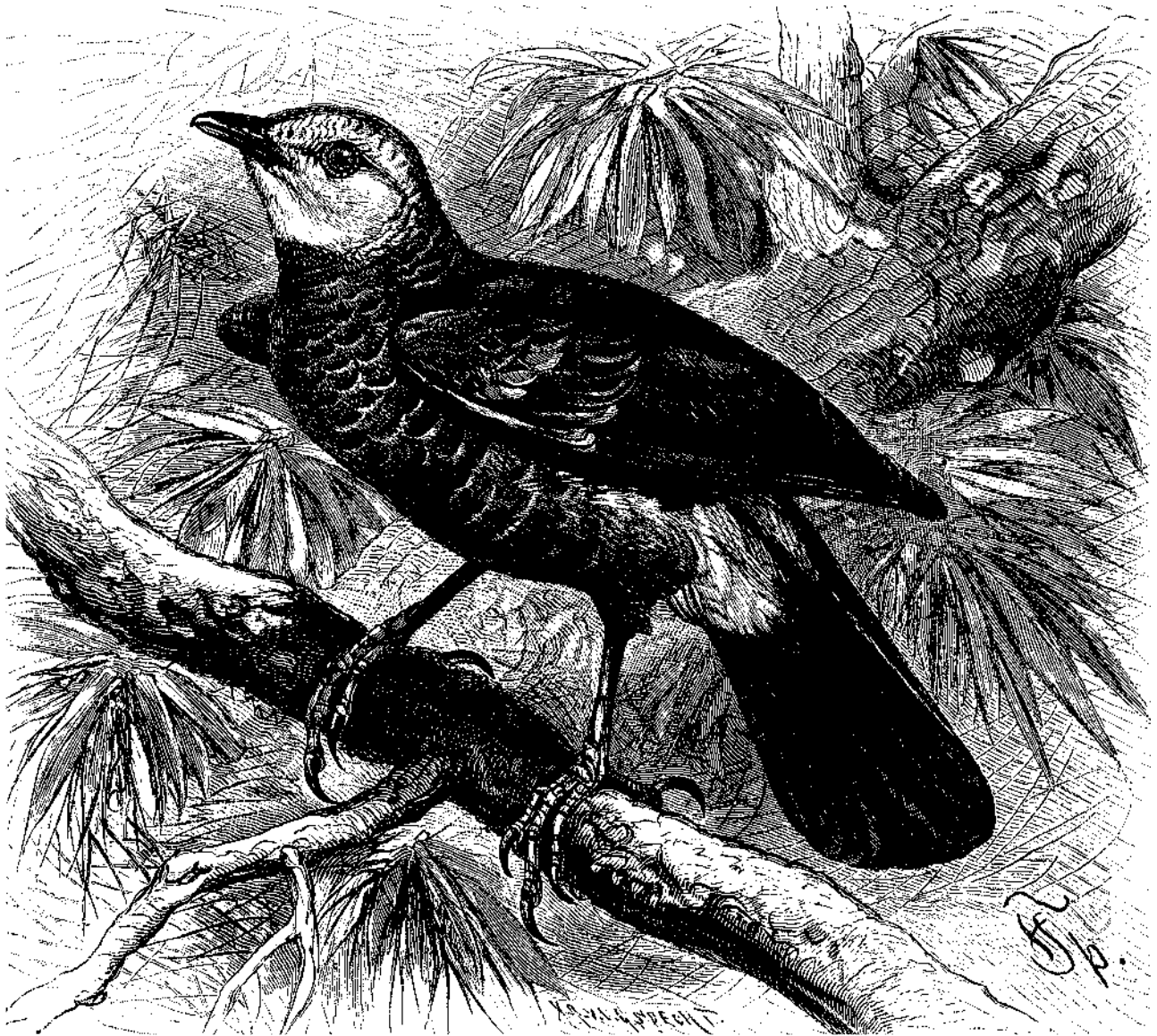
Так как мы имеем весьма мало сведений о жизни китайских соловьев на воле, то я ограничусь описанием только самого известного вида.

Китайский соловей, или обыкновенный лиотрикс (*Leiothrix lutea*). Верхняя часть тела оливково-серо-бурая с зеленовато-желтым отливом на темени; светло-серая ушная область ограничена снизу темно-серой полосой. Горло бледно-оранжевое, зоб темно-оранжевого цвета, грудь и середина брюшка желтовато-белая, бока серовато-бурые. Глаза карие; ярко-красный клюв у основания черный; ноги желтого цвета. Длина 16 см, длина крыла 7,5, хвоста 7 см.

Эта красивая, изящная и привлекательная птица населяет горную полосу Гималаев, возвышающуюся над уровнем моря на 1500-3000 м, и примыкающие к ней в восточном направлении горы до юго-запада и юга Китая. Здесь ей служат убежищем густо растущий кустарник и бамбук, образующие непроходимые чащи. Бодрые и подвижные, но большею частью недоверчивые птицы обыкновенно скрываются в чаще. Отсюда целыми семействами летают они по своим владениям в поисках пищи. Китайские соловьи питаются различными насекомыми, личинками, а также плодами, почками и цветами. Арман Давид, один из немногих наблюдателей, доставивших нам сведения о жизни на свободе китайского соловья, сравнивает пение самца с чудным голосом нашего соловья. Я не согласен с этим, но должен, однако, сказать, что с удовольствием слушал живших в клетке птиц этого вида. Пение их имеет всегда веселый оттенок и очень приятно для слуха, хотя, собственно, состоит только из частого повторения и слияния слогов «диэ-ди-дидела-ди-дели», к которым иногда присоединяется еще нежное «вириви». Призывный голос самца и самки представляет собой довольно громкое скрипение.

Веселость и подвижность этих птиц привлекает гораздо сильнее, чем хорошенькая, но простенькая песенка. Хотя в этом отношении они заметно отстают от синиц, но превосходят большую часть певчих птиц. Китайские соловьи обладают очень забавной привычкой кувыркаться как во время полета, так и сидя на ветке. Жердон сообщает, что они охотно живут группами по пять-шесть штук, но очень пугливы и умеют искусно скрыться от наблюдательных глаз.

Белопоясничная дроздовая тимелия (*Turdoides leucopygius*). Верхняя часть тела темно-коричневая, малые перья и хвост еще темнее. На нижней части тела перья несколько светлее и оканчиваются узкой белой каймой. Голова от затылка и до середины горла, надхвостье, подхвостье и нижние покровные перья хвоста белые. Длина тела 26 см, размах крыльев 36, длина крыла 12, хвоста 11 см. Самка несколько меньше самца.

Бедопоясничная дроздовая тимелия (*Turdoides leucopygius*)

Дроздовая тимелия живет в лесах Абиссинии, поросших густым кустарником, а ближайший ее сородич — в лесах южного Судана; последний предпочитает равнины, между тем как первый — житель гористой полосы между 1000 и 2600 м высоты над уровнем моря. Они умеют обратить на себя внимание и оживить лес своим присутствием. Едва ли можно найти где-либо птиц красивее их. Эти странные создания никогда не живут поодиночке. Они обыкновенно держатся стаями по 8-12 штук. Все члены этого маленького общества летают и едят в одно и то же время и одинаковым образом, все вместе покидают свой куст и летят, тесно сомкнувшись, к другому кусту. Здесь они разделяются, начинают проскальзывать и пробираться сквозь листву в разных направлениях, потом собираются на другом конце куста, громко кричат и несутся дальше. Им нравится только самый густой кустарник, на высокие деревья они садятся только мимоходом.

Дроздовые тимелии постоянно исследуют лес и при этом сильно кричат. Стоит одной начать, как другие тотчас принимаются весело вторить ей, а та, что раньше кончит, начинает опять сначала. Не знаешь, сердиться или радоваться, глядя на эту птицу? Охотников, по крайней мере, она очень сердит, вспугивая дичь. Но при всем при том они так забавны, так веселы и оригинальны, что невольно мирисься с их недостатками. Крик их неблагозвучен и не особенно разнообразен, но его трудно описать словами.

Дроздовая тимелия летает плохо, поэтому никогда не поднимается на значительную высоту. Даже в случае опасности она не решается пролететь значительное расстояние, а всегда ищет убежища в кустарнике. Во время полета птицы сильно и быстро машут крыльями, широко распуская их, в особенности хвост, и парят таким образом в воздухе довольно долго. В их желудке я находил остатки насекомых, почки, листья и цветы.

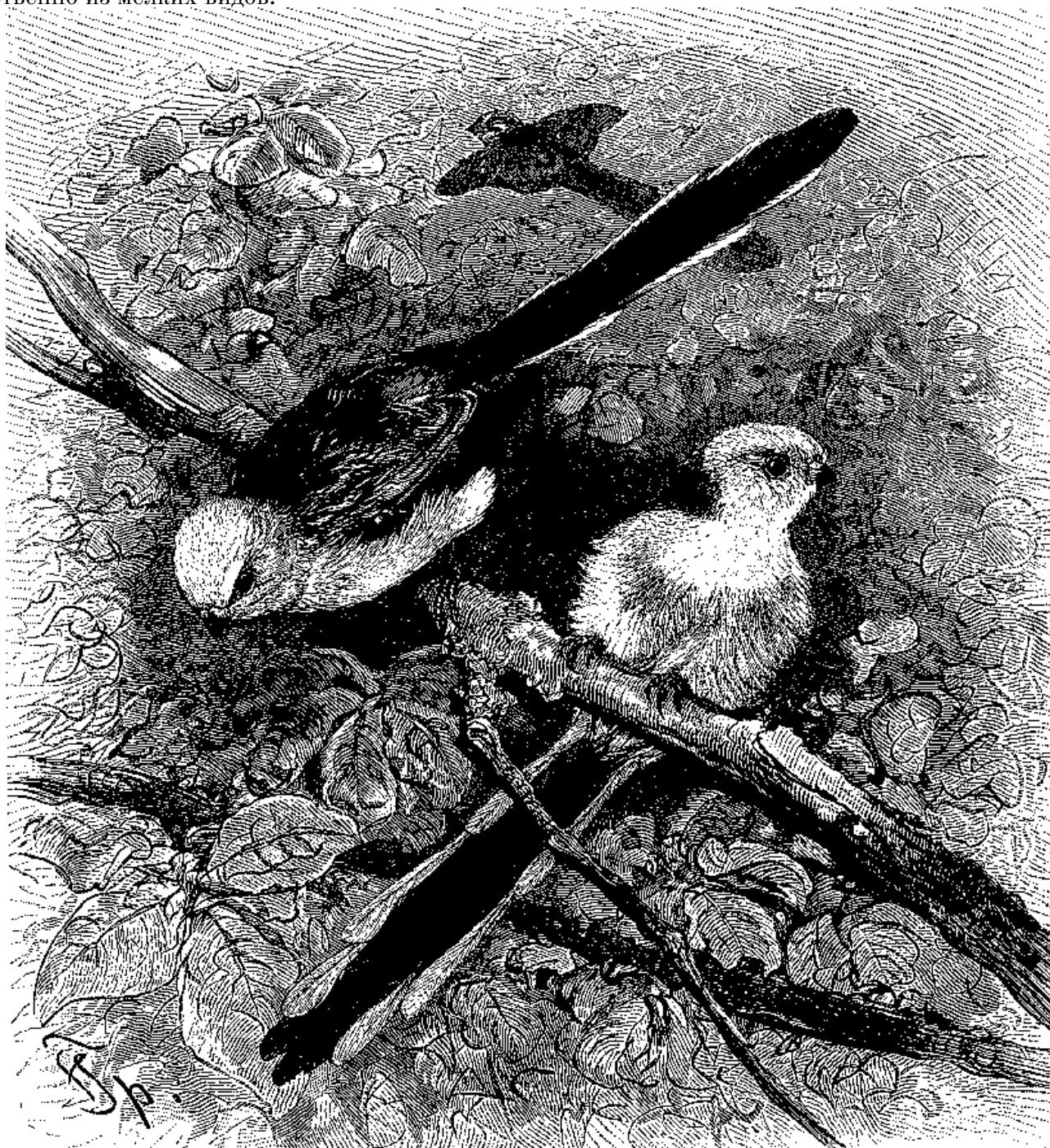
Семейство толстоклювые синицы

Длиннохвостая синица, или ополовник (*Agithalos candatus*). На верхней части головы и на брюшке оперение белое с нежным розовато-коричневым отливом в паху, верхняя часть тела черная,

на плечах оперение нежного розовато-красно-бурого цвета. Длина достигает 14,6 см, размах крыльев 18,3, длина крыла 6,2, хвоста 8,7 см.

Длиннохвостая синица не залетает далеко на юг. В Греции и Испании она принадлежит уже к редким птицам, но попадает еще в Малой Азии. По словам Крюпера, она вьет гнезда в лесах Румелии и Акарнании. По моим наблюдениям, длиннохвостая синица только случайно появляется в Испании, на севере же, напротив, очень распространена, встречается также в Средней Азии. Кажется, она предпочитает лиственные леса хвойным, но больше любит селиться во фруктовых садах или на местности, покрытой мелким лесом.

Длиннохвостая синица резва, подвижна, жива и деятельна, но еще более весела, кротка и не так задорна и драчлива, как другие виды этого семейства. Ее разговорный голос шипящее «сит», ее призывный звук — свистящее «ти-ти», сторожевой — резкое «цири-ри» и «терр». Пение тихое и приятное, хотя и не особенно замечательное. Пища состоит исключительно из насекомых, преимущественно из мелких видов.

Длиннохвостая синица, или ополовник (*Agithalos caudatus*)

Гнездо длиннохвостой синицы походит на гнездо ремеза, но отличается от него тем, что не висит свободно, но всегда чем-нибудь подперто снизу. Формой своей оно напоминает большое яйцо, в котором сбоку сделано входное отверстие. Высота гнезда достигает почти 24 см при ширине 10 см. Зеленый древесный мох, скрепленный паутиной гусениц и покрытый лишайником, берестой и

настоящей паутиной, образует его наружные стенки. Мох, перья, шерсть и волосы составляют внутреннюю выстилку. Обычно парочка длиннохвостых синиц берет мох и лишайник с того же дерева, на котором устроено гнездо, и располагает эти материалы точно так же, как они расположены на древесной коре. Вследствие этого гнездо приобретает удивительное сходство с окружающей его местностью и становится незаметным даже самому опытному глазу. Так как собирать необходимые для гнезда материалы довольно трудно, то парочка, принужденная вить второе гнездо, пользуется уже прежде найденным материалом для его сооружения. Постройка гнезда продолжается от двух до трех недель, хотя оба супруга одинаково усердно работают, причем самец исполняет роль помощника или подручного. К середине или в конце апреля кладка окончена. Она весьма многочисленна, так как длиннохвостая синица кладет иногда от 9 до 12, иногда даже до 15-17 яиц. Они малы — 14 мм в длину и 10 мм в толщину, чрезвычайно хрупки и покрыты более или менее густо по белому фону бледными рыжевато-красными точками. После тридцатидневного насиживания для обоих родителей начинается усиленная работа — ведь выкормить такое многочисленное семейство что-нибудь да значит. Гнездо тесно уже для сидящей на яйцах птицы, а вылупившиеся птенцы едва размещаются в нем. Каждый птенец старается его расширить, поудобнее устраиваясь в нем, вследствие чего войлочная ткань гнезда мало-помалу растягивается и местами прорывается. И тогда гнездо принимает очень странный вид, так как птенцы просовывают через образовавшиеся дырки свои длинные, неудобные хвосты. Позднее они пользуются этими отверстиями для других целей, так что их матери не приходится больше заботиться о чистоте гнезда.

Из всех синиц длиннохвостую синицу приручить легче и быстрее всего, и вообще по своему нраву она принадлежит к самым приятным комнатным птицам.

Семейство славковые

Славковые — маленькие птицы с вытянутым туловищем, отличаются стройным, тонким, шиловидным клювом, имеющим изогнутую форму начиная от верхушки до слегка зазубренного кончика. Ноги у славковых короткие или средней длины; крылья средней длины; хвост у всех разный, то короткий, то длинный; оперение шелковистое.

Славковые насчитывают более ста видов певчих птиц. Они распространены во всех частях Восточного полушария, в Америке их нет. Славковые населяют все области и все пояса, высоты и широты, встречаются решительно во всех странах, где есть растительность. Местопребыванием им служат как леса, так и отдельные кустарники, как высокие дубравы, так равно и тростники. Резвые и деятельные, подвижные и беспокойные, они с неподражаемой ловкостью шныряют по самым густым чащам разнообразной растительности. Славковые хозяйничают с одинаковой расторопностью как на ветвях большого дерева, так и в чаще кустарника или густого тростника. Они бегают так же хорошо, как порхают, и летают если не отлично, то все-таки довольно сносно, а некоторые виды даже вполне удовлетворительно. Большинство славковых считается превосходнейшими певцами. Некоторых из них можно назвать настоящими мастерами этого искусства. Их умственные способности также стоят на высокой ступени развития. Они отлично умеют приравливаться к обстоятельствам, отличают друзей от врагов, выказывают доверие, где можно, и робость. Когда их преследуют, проявляют хитрость. В семейной жизни ведут себя как верные супруги и преданные родители, способные самым трогательным образом жертвовать всем ради своего потомства. Одним словом, эти птицы соединяют в себе самые многосторонние и прекрасные качества.

Все виды славковых, живущие у нас на севере, принадлежат к перелетным птицам. Большая часть их появляется на родине с наступлением весны. Каждая пара тотчас же принимается устанавливать границы своих будущих владений, как бы малы или велики они ни были, и только в крайнем случае допускает постороннее вторжение внутрь своих границ. Вслед за выбором места начинается постройка гнезда, которое у разных видов имеет различное устройство. Оба родителя попеременно занимаются насиживанием 4-6, самое большее 8 яиц, составляющих кладку, и оба проявляют в этом деле одинаковое рвение. Птенцы вскармливаются исключительно насекомыми, которые составляют также главную пищу и старых птиц, хотя осенью эти последние не пренебрегают разными ягодами и плодами. Ощутимого вреда не приносит ни одна из славковых; польза же от них несомненна, хотя на первый взгляд она и кажется незаметной. Поэтому все славковые заслуживают нашего покровительства и любви; эту последнюю они, по счастью, легко приобретают у старого и малого благодаря своему замечательному дару пения. Все они отлично подходят к содержанию в клетках и как комнатные певчие птицы весьма ценятся любителями птиц.

Самый крупный из европейских видов — **ястребиная славка** (*Sylvia nisoria*). Длинна ее достигает 18 см, размах крыльев 29, длина крыла 9, хвоста 8 см. Верхняя часть туловища имеет оливково-буро-серое оперение, верхняя часть головы немного темнее. Надхвостье и верхние кроющие

перья хвоста — с узкими белыми концами и черноватой внутренней каемкой. На лбу и бровях перья украшены узкими беловатыми кончиками; уздечка серая; нижняя часть туловища белая. На голове и остальных частях тела, на подбородке и горле перья имеют узкие темные края. Большие кроющие перья крыла и нижние кроющие перья хвоста с темными клиновидными пятнами. Глаза лимонно-желтоватого цвета; клюв буро-рогового, с нижней стороны желто-рогового цвета. Ноги светло-желтые. Самка отличается более тусклой окраской.

Начиная с южной Швеции, ястребиная славка встречается во всей средней и южной Европе, за исключением Великобритании*, а также в западной Азии и на севере Китая, а зимой залетает и во внутреннюю часть Африки. Она появляется в средней Европе уже в последних числах апреля, большей же частью, впрочем, в начале мая и остается на родине до августа. Летом птица селится на низком кустарнике, преимущественно в чащах, но если кустарник разрастется до высоты больших деревьев, она оставляет его и перебирается в другие, состоящие из молодых зарослей. На высокие деревья ястребиная славка садится только во время своего перелета.

** Ястребиная славка хотя и встречается в Испании, Франции и на юге Италии, но только во время миграций. Она не гнездится в этих странах.*

По земле она движется довольно неуклюже, поэтому редко спускается на нее. Летает, напротив, отлично, хотя и неохотно, а с ветки на ветку порхает с поразительной быстротой. Ее призывный голос звучит щелкающим «чек», крик предостережения — картавым «ерр». Пение ястребиной славки зависит от местности и напоминает пение садовой и серой славки. В общем оно благозвучно и разнообразно, но все же его нельзя сравнить с пением славки-черноголовки, живущей в горах. Ястребиная славка в пении также уступает нашей садовой славке, хотя и очень походит на нее в этом. В песне ее часто встречаются свист иволги, та или другая строфа из песни зяблика, так называемый отбой Черноголовки и другие звуки, свойственные живущим по соседству певчим птицам. Только своеобразный треск или барабанная трель, которые эта славка вводит иногда в свою песенку, производят неприятное впечатление. Подобно большинству своих сородичей, ястребиная славка принадлежит к усерднейшим певцам и потому может считаться ценным сокровищем для леса.

Тотчас после своего прилета весной каждая парочка выбирает себе участок и прогоняет от туда всех других птиц. «Если какая-нибудь птица, — говорит Науман, — вторгается во владение ястребиной славки, то самец успокаивается только тогда, когда жестокими ударами клюва ему удастся прогнать непрошеного гостя, причем оба дерутся очень ожесточенно. В то время как самка порхает в чаще низкого кустарника, строит гнездо или сидит на яйцах, самец беспокойно носится над ней по более высоким деревьям, поет, кричит и наблюдает за тем, чтобы в его владения не ворвался какой-нибудь соперник. Лишь только такой дерзновенный покажется, он бросается преследовать его и не оставляет до тех пор, пока тот совершенно не исчезнет». Гнездо ястребиная славка строит в чаще или на высокой естественной зеленой изгороди, большей частью в хорошо скрытом месте, на высоте одного метра и более над землей. По постройке оно ничем не отличается от общего типа. В конце мая или в начале июня в нем находят 4-6 продолговатых яиц 20 мм длиной и 14 мм толщиной, с нежной, не особенно блестящей скорлупой, которая обычно по серо-белому фону испещрена светлыми пепельно-серыми и бледными оливково-бурными пятнышками. Родители держатся около своего гнезда с большой осторожностью и, как только заметят кого-нибудь поблизости, немедленно удаляются.

Самка в случае необходимости прибегает даже к известной хитрости, притворяясь хромой или больной. Если же приблизиться к гнезду, пока оно еще не достроено, то пара немедленно оставляет его и приступает к постройке нового. Случается, что они жертвуют даже снесенными яйцами, если заметят, что к ним прикасалась рука человека. Птенцы уже с появлением своим на свет проявляют как бы врожденную способность пробираться сквозь густые кустарники. Они очень скоро становятся самостоятельными и удаляются из гнезда прежде, чем научатся хорошо летать. При нормальных условиях пара выводит птенцов только раз в год, так как короткий срок ее пребывания на родине не дает времени для второго вывода птенцов.

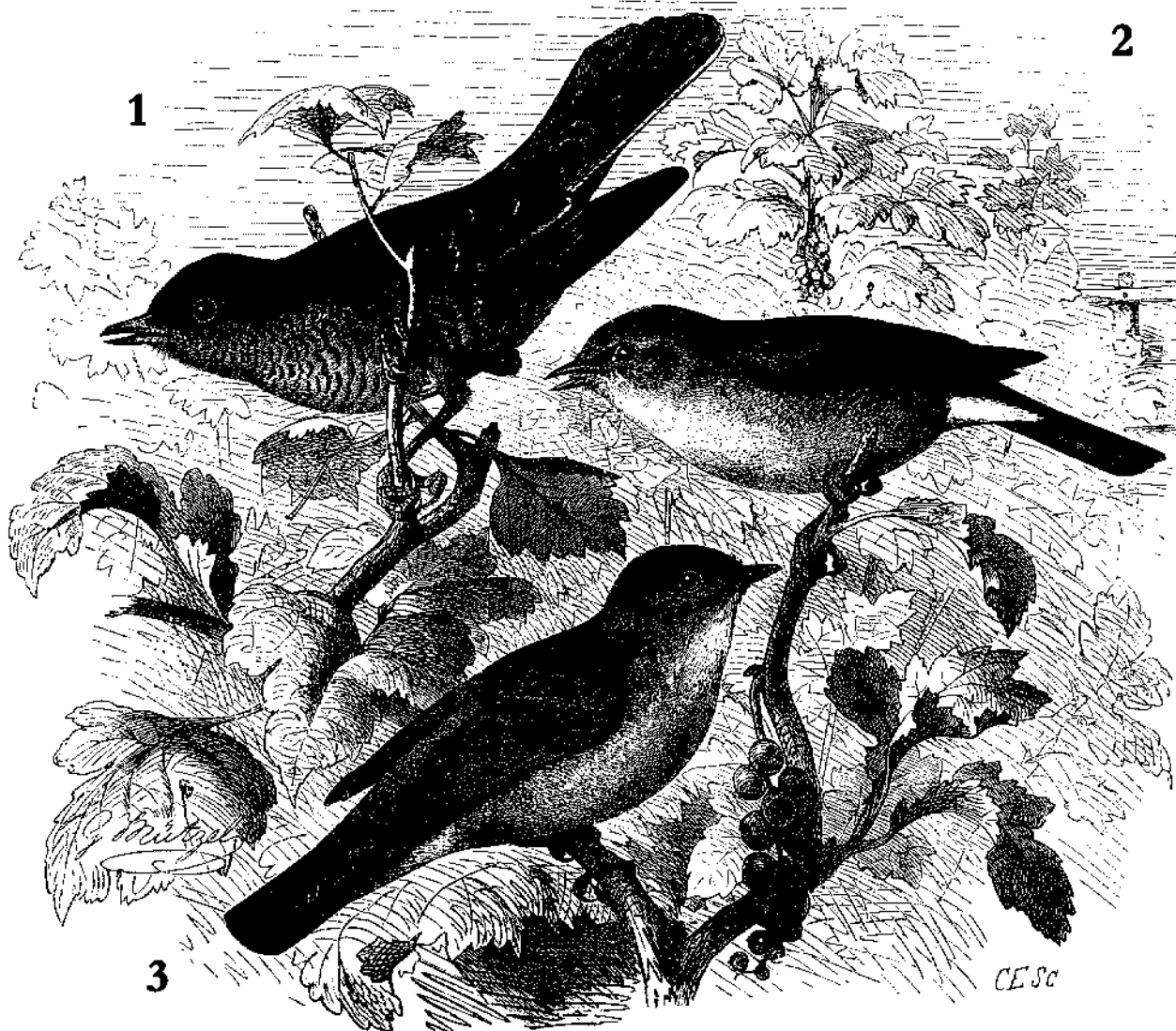
Пища ястребиной славки, как и вообще всех славки, состоит из насекомых, живущих на листьях и цветах, особенно из гусениц и личинок, из большей части вредных бабочек и жуков, пауков и разных червяков, осенью же преимущественно из всевозможных ягод. Летом славка ест еще и вишни.

Второй по величине европейский вид славки — **славка певчая** (*Sylvia hortensis*). Длина самца 17 см, самки — 16 см, размах крыльев 25 см, длина крыла 8, а хвоста 7 см. Оперение на верх-

них частях тела пепельно-серое, с буроватым отливом на спинке; темя и затылок буроватые или тускло-черные; нижняя часть туловища белая; стороны груди светло-ржавые.

Певчая славка обитает на юге Европы. Родина ее начинается в северных береговых областях Средиземного моря, близ Истрии или южной Швейцарии. В Испании, там, где произрастает пиния со своей зонтикообразной верхушкой, где в большом количестве растут сладкий стручковик, фиговые и масличные деревья, можно почти всегда встретить певчую славку. Она попадает в Греции, Турции, Италии, южной Франции и южной России, но повсюду только в качестве летнего гостя, который прилетает в конце марта или начале апреля, а в сентябре снова улетает. В Испании же певчая славка появляется в конце апреля, иногда даже в начале мая и держится не дольше августа. Родиной этой птички можно также считать западную Азию, Малую Азию, Персию и Туркестан. В горных областях, на высоте не более 2000 м над уровнем моря, она еще выводит птенцов.

"Птица, которая принадлежит к лучшим певцам Канарских островов, называемая там каприоте, совершенно неизвестна в Европе. Она так любит свободу, что ее никаким образом не удастся приручить. Я наслаждался ее нежным мелодичным пением в одном саду близ Оратавы, но никак не мог приблизиться к ней настолько, чтобы определить, к какому роду птиц она принадлежит», — так говорил А. фон Гумбольд. После посещения великим натуралистом этих островов прошли многие годы, прежде чем выяснилось, о какой птице он говорил. Теперь нам известно, что прославленный каприоте, которого местные жители с гордостью называют своим соловьем, есть не что иное, как славка-черноголовка (*Sylvia athcapilla*). Это один из наиболее даровитых, миловидных и прославленных певцов наших лесов и садов. Оперение верхней стороны туловища Черноголовки серо-черное; нижняя сторона светло-серая; горло беловато-серое; темя у старых самцов густого черного цвета, у самок же и молодых самцов красно-бурое. Глаза карие; клюв черный; ноги свинцово-серые. Длина птицы 15 см, размах крыльев 21, длина крыла 6,5, а хвост 6 см. Самка совершенно таких же размеров, как и самец.

1 — Ястребиная славка (*Sylvia nisoria*) 2 — Садовая славка (*Sylvia borin*) 3 — Славка-черноголовка (*Sylvia atricapilla*)

Черноголовка водится во всей Европе, на севере — начиная от самой Лапландии, в западной части Азии, а также на островах: Мадейра, Канарские и Азорские. В Греции и в Испании она появляется только во время перелета, часто даже зимует здесь, но иногда совершает свое зимнее путешествие до средней Африки. В среднюю Европу она возвращается к половине апреля, избирает своим местожительством леса, сады и кустарники, а в сентябре уже снова покидает родину.

"Черноголовка, — говорит мой отец, давший первое обстоятельное описание образа жизни этой птицы, — чрезвычайно резвая, ловкая и осторожная птица. Она находится в постоянном движении, непрерывно и с замечательной ловкостью порхает в чаще густого кустарника. При этом туловище свое держит горизонтально, а ноги немного подогнутыми. Перья ее всегда гладко прилегают к телу, отчего птичка имеет нарядный, красивый вид. На землю она спускается редко. Если к ней приблизиться, когда она сидит на открытом месте, то птица немедленно скрывается в чаще ветвей или спасается бегством. Она умеет проделывать это так ловко, что за старой птицей долго приходится без успеха ходить с ружьем. Птенцы ее не так осторожны. Полет Черноголовки быстрый, почти прямой, с сильными движениями крыльев, но в общем непродолжительный. Только при очень упорном преследовании она взвивается высоко в воздух и покидает место. Во время вывода птенцов Черноголовка занимает довольно обширный участок, но иногда не ограничивается им. В холодную и дождливую погоду мне не раз приходилось встречать нашу лесную Черноголовку в садах, поблизости от домов. Ее призывный голос состоит из приятного «так-так-так»; за ним следует чрезвычайно нежный звук, который нельзя передать словами. Это «так» имеет такое поразительное сходство с призывными звуками соловья и пересмешки, что только знаток может отличить одно от другого. Меняя тоны, Черноголовка выражает своим «так» различные душевные настроения. Вот почему этот звук слышится чаще у взрослых птиц, когда они водят за собой молодое потомство. Пение самца превосходно. Его вполне можно сравнить с пением соловья. Впрочем, мнения любителей расходятся: одни ставят пение Черноголовки выше пения садовых славок, другие ниже. Чистота, сила и сходство звуков со звуками флейты вполне искупают краткость строф. Это прекрасное пение, которым, однако, не все самцы владеют в одинаковой степени, начинается с восходом солнца и раздается почти целый день».

Благодаря превосходному пению Черноголовку чаще остальных славок держат в клетках. Самыми лучшими певцами считаются те, которые водятся в нагорных сосновых лесах. Впрочем, птицы, выросшие в лиственном лесу, также большие мастера этого искусства.

Садовая славка (*Sylvia borin*) поет почти так же хорошо, как певчая и черноголовая славки. Длина этой птицы 16 см, размах крыльев 25, длина крыла 8, а хвоста 6 см. Самка значительно меньше самца, но окраска у обоих совершенно одинакова. На верхней стороне тела оперение оливково-серое, на нижней — светло-серое, на горле и брюшке беловатое. Маховые перья и хвост оливково-бурые, снаружи с узкими желтовато-серыми каемками. Маховые перья с внутренней стороны имеют более широкую желтовато-буроватую каемку. Около глаза замечается очень узкое колечко из перышек белого цвета, самый глаз — светлый серо-бурый; клюв и ноги грязного свинцово-серого цвета.

Родиной садовой славки следует считать среднюю Европу. На север она распространяется до 69 градуса северной широты; к югу численность ее быстро уменьшается; на востоке она не перелетает за Урал*.

* *Это не так. Садовая славка обитает за Уралом, гнездится в лесостепи и на юге лесной зоны по югу Западной Сибири и Северному Казахстану на восток вплоть до Енисея.*

В южной Франции и Италии садовая славка встречается довольно часто; в Испании и Португалии тоже выводит птенцов; в Греции и Малой Азии** ее можно увидеть только во время пролета, который распространяется до западной Африки.

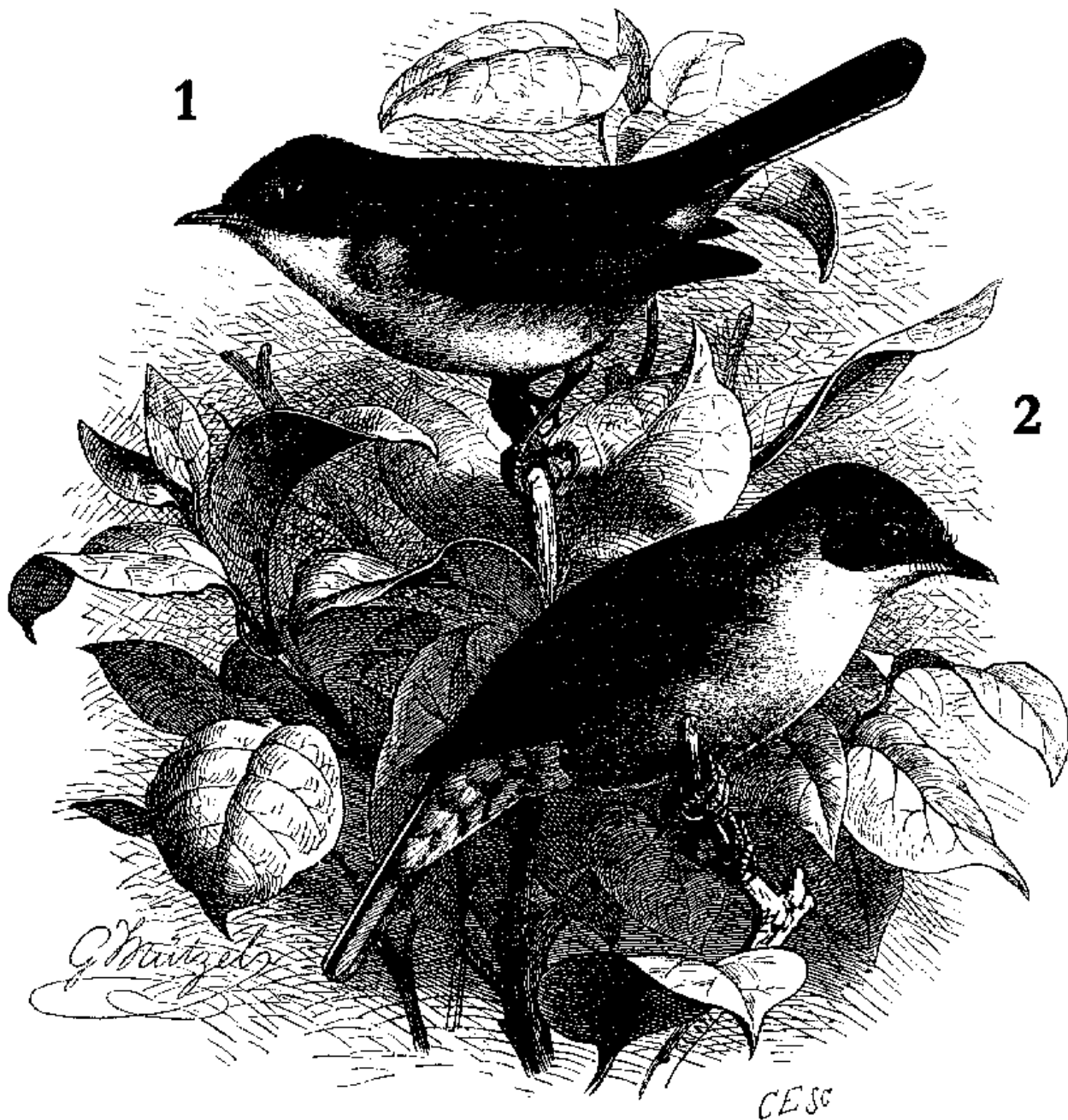
** *В Италии садовая славка гнездится только на самом севере, в Альпах и их предгорьях, в Малой Азии она встречается редко, но северные прибрежные районы Турции входят в ее гнездовой ареал.*

В средней Европе она появляется самое раннее в конце апреля или в начале мая, а в сентябре уже снова покидает нас. Эта славка живет в лиственных и хвойных лесах, но главным образом, сообразно своему названию, держится в садах. Нет ни одного разросшегося сада, в особенности ни одного фруктового, куда бы ни проникла эта птичка. Она проводит свою жизнь как на низких куст-

тарниках, так и на верхушках деревьев средней высоты, но когда собирается петь, то садится обыкновенно на некоторой высоте.

Садовые славки прекрасно поют. По этой причине их часто ловят и держат дома в клетках. Они достаточно быстро привыкают к ним и легко становятся ручными. Поют весьма прилежно и при хорошем уходе могут прожить в неволе 10-15 лет.

Всем известная **славка-завирушка** (*Sylvia ciurusa*) по окраске похожа на садовую славку. По размеру значительно меньше ее: длина всего 14 см, размах крыльев 21, длина крыла 6,5, а хвоста 5,8 см. Оперение на верхней части головы пепельно-серое, на спинке — буровато-серое, на уздечке — серо-черноватое, на нижней стороне туловища — белое с желто-красноватым отливом по сторонам груди. Оливково-бурые перья крыльев и хвоста имеют снаружи узкие чало-бурые каемки.

1 — Славка-завирушка (*Sylvia ciurusa*) 2 — Серая славка (*Sylvia communis*)
Первые из них и с внутренней стороны окаймлены беловатым. Крайние перья хвоста снаружи белые; их конечная половина с внутренней стороны также белая. Глаза карие, клюв темно-серый, ноги сине-серые.

Область распространения славки-завирушки занимает весь умеренный пояс Европы и Азии, север до Лапландии, восток до Китая, юг до Греции. При перелете эти птицы достигают средней Африки и Индии. В средней Европе они появляются в начале мая, а в сентябре уже снова покидают нас. Во время своего краткосрочного летнего пребывания на родине славка-завирушка поселяется преимущественно поблизости от селений, в садах, кустарнике и на изгородях, встречается она и в

больших городах, и в лесу, хотя держится здесь большей частью на опушке и в прогалинах. По описанию Наумана, «эта необыкновенно резвая, приятная птичка никогда не остается долго на одном и том же месте, постоянно находится в движении, охотно заигрывает с другими птичками и гоняется за себе подобными. При этом нисколько не стесняется присутствия человека и безбоязненно занимается своим делом на его глазах. Только в суровую или дождливую погоду она иногда вздерошивает свои перышки, в прочее же время выглядит гладенькой и стройной, проворно прыгает и порхает с ветки на ветку и быстро исчезает с глаз преследующего ее наблюдателя. Но насколько легко и проворно пробирается эта славка через густой кустарник, настолько тяжеловато движется по земле, поэтому она избегает спускаться на нее. Полет ее легок и быстр, когда приходится перелетать большие пространства, в другое же время он нерешительный и порхающий. Призывные звуки у нее щелкающие или чмокающие, а крик ужаса — квакающий. Пение, которым прилежно занимается самец, состоит из длинного *riano*, из сменяющих друг друга чирикающих и слегка свистящих звуков, сквозь которые вдруг прорывается резкий крик, завершающийся конечным коротким *forte*'1. Отличительная особенность пения славки-завирушки заключается в звенящей или трещащей трели.

Пища ее в существенном ничем не разнится от пищи ее сородичей.

Гнездо устраивается в густом кустарнике, низко над землей, в лесу — преимущественно в кустах терновника и боярышника, на полях — в колючей изгороди, в садах главным образом — в кустах крыжовника. Оно строится очень легко и лежит просто на ветках, не прикрепляясь к ним, а в остальном походит на гнезда других славок. Кладка состоит из 4-6 яиц 16 мм длиной, 12 мм толщиной, с нежной скорлупой чисто белого или голубовато-зеленого цвета с пепельно-серыми или фиолетово-серыми и желто-бурыми пятнышками и крапинками на толстом конце. Оба родителя попеременно принимают участие в насиживании яиц в продолжение 13 дней*.

* Число яиц в кладках славки-завирушки варьирует от 2 до 7, составляя в среднем 5. Насиживают родители в течение 10-14 дней, роль самки больше, чем у самца.

Потомство свое они любят так же нежно, как и другие славки, в случае опасности прибегают к таким же хитрым уловкам, как и прочие, и, кроме того, преследуют приближающегося врага пугливыми криками. В общем завирушки в период размножения крайне недоверчивы, часто покидают начатые постройки гнезда, если узнают, что туда заглядывал человек, и даже оставляют кладку, если заметят, что яйца трогала чья-нибудь рука**.

* * *Все же это преувеличение. Если гнездо не трогать, не нарушать его структуру, не находиться около него долго, не беспокоить птиц, а просто осмотреть постройку, то славки не бросают гнезда.*

Последний несущийся в средней Европе вид славок — **серая славка** (*Sylvia communis*). Эта птица отличается стройностью. Длина ее 15 см, размах крыльев 22, длина крыла и хвоста по 7 см. Оперение верхней части тела красновато-землисто-бурое. Верхняя часть головы, затылок и ушная область буро-серые; уздечка, височная область и стороны шеи ярко-серые; подбородок, горло и нижняя часть щеки белые; остальные нижние части туловища нежного красновато-мясного цвета.

Серая славка встречается на севере дальше своих сородичей, ее можно видеть на севере Скандинавии. На востоке область ее распространения доходит до западной части Азии. Вальтер видел серую славку выводящей птенцов в Закаспийской области. Зимние странствования ее простираются до средней Африки. В это время ее можно встретить также на Канарских островах. У нас она предпочитает селиться в низких терновых кустах, в Испании живет вместе с другими мелкими видами семейства в особых низкоствольных лесах. Настоящего леса эта славка всюду избегает. В садах она тоже не селится, хотя отдельные высокие деревья в них ей очень нравятся. Здесь на нижних ветвях их верхушек она любит распевать свои песенки. В пору любви, когда птица носится по воздуху, она также садится на них для отдыха. Во время полета она посещает засеянные поля, в Германии ржаные и пшеничные, на юге Европы — маисовые. У нас она появляется редко в конце апреля, чаще в начале мая, тотчас же располагается на своем участке и остается там до августа; после этого начинается отлет. Она покидает нас в сентябре, самое позднее — в октябре.

В клетках серую славку держат реже, чем ее сородичей. Пение ее не каждому нравится, хотя оно и не заслуживает презрения, а потому эта птица достойна лучшей оценки.

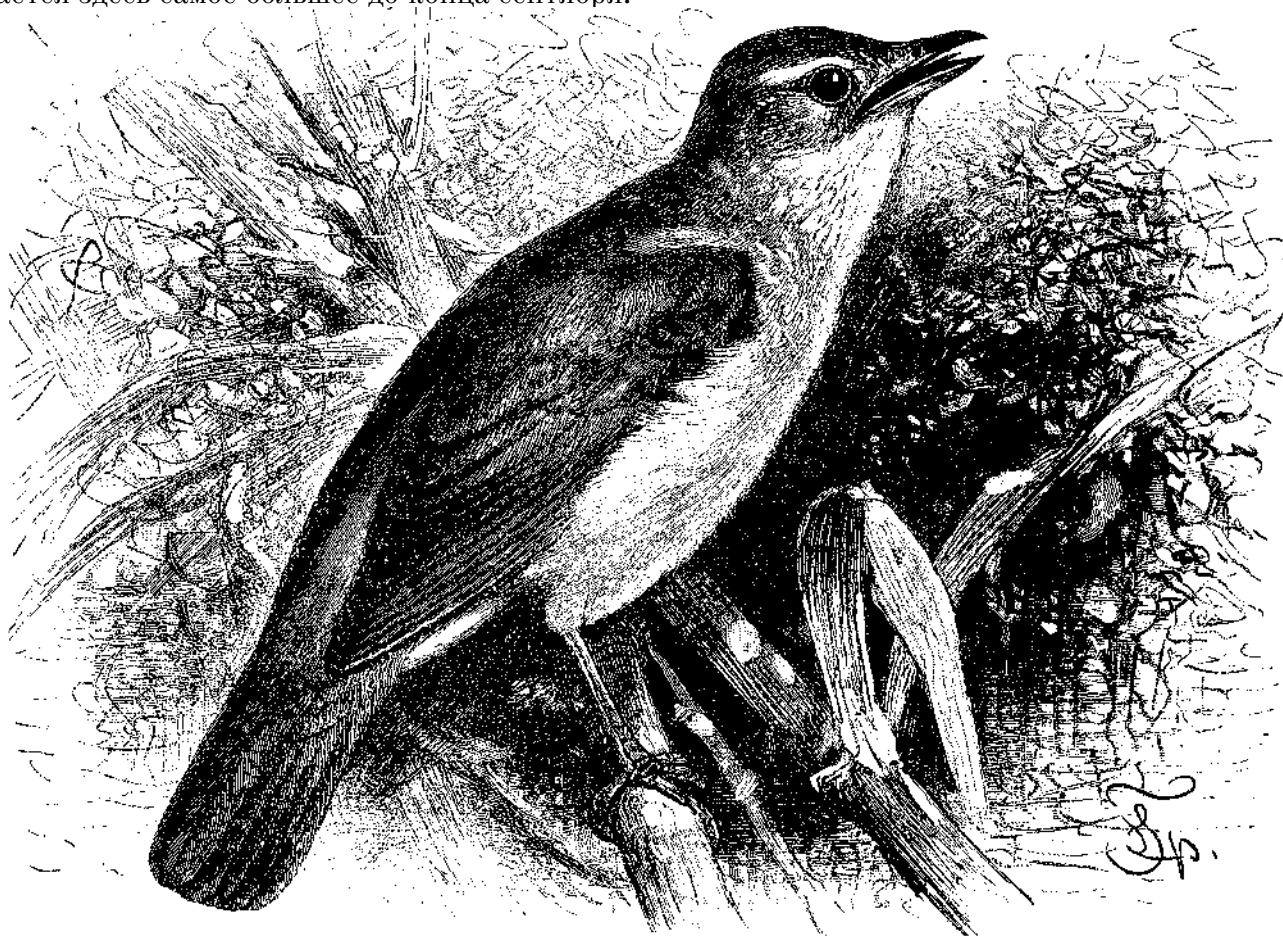
Отличительные признаки камышевок следующие: стройное туловище, вытянутая плосколобая голова, относительно сильный, тонкий, конусовидный или шиловидный клюв, сильные ноги с высокими плюснами, толстыми пальцами и большими сильно изогнутыми когтями; короткие и округленные крылья; средней длины, закругленный, ступенчатый или клиновидный хвост и, наконец,

гладкое, несколько жесткое оперение зеленого или серо-желтоватого цвета, подходящего к цвету камыша и тростника.

Образ жизни и привычки этих птичек вполне соответствуют их местожительству. Это в полном смысле слова тростниковые птицы. Камышевки постоянно живут на земле и обладают всеми качествами, присущими такому образу жизни. Одаренные большими способностями во всех отношениях, они также отличаются и своим пением: песни их очень приятны, но вполне соответствуют обстановке, т.е. это настоящие болотные и водные песни. Пищу они добывают с земли, над самой водой, а также с растений, в чаще которых живут. Свое искусное гнездо строят здесь же.

Самый крупный и известный вид камышевок — **дроздовидная камышевка** (*Acrocephalus arundinaceus*). Длина ее 21 см, размах крыльев 29, длина крыла 9, а хвоста 8,5 см. Оперение на верхней стороне темно-бурое, на нижней — ржаво-желто-белое, на горле и посередине груди светлее. Глаза темно-бурые; клюв темного буро-рогового цвета, ноги буровато-рогового цвета.

За исключением Великобритании, дроздовидная камышевка живет, начиная с южной Швеции, на всех равнинах умеренного пояса Европы, на юге Европы, а также в западной части Азии; зимой же посещает большую часть Африки, проникая до самой Лапландии. Она никогда не отдалится от тростников. Даже во время зимних странствований держится всегда около воды, перелетая от одного водного бассейна к другому. На родине она появляется самое раннее в конце апреля и остается здесь самое большое до конца сентября.

Дроздовидная камышевка (*Acrocephalus arundinaceus*)

Тотчас после прибытия, весной, с раннего утра до позднего вечера, а в первое время даже и ночью непрерывно раздается громкое пение самца, которое состоит из полных, сильных звуков, соединяющихся в разнообразные, постоянно сменяющие одна другую строфы. По этому пению тотчас можно заметить, что камышевка особенное внимание обращает на лягушку, так как оно столько же напоминает кваканье лягушки, сколько песню какой-нибудь другой птицы. Нежные, подобные флейте звуки чужды этому певцу: вся его песня не что иное, как трескотня или кваканье. «Дорре-дорре-дорре, карре-карре-карре, керр-керр-керр, кей-кей-кей-кей, карре-карре-карре, китт» — самые главные и существенные части этой песни. И все же она может нравиться. Есть что-то приятное в этих звуках, что-то веселое в самой манере, с какой они издаются. Так как там, где звучит эта песня, нельзя рассчитывать на пение какой-нибудь другой птички, то приходится довольствоваться голосами водяных птиц, гоготанием гусей и уток, криком цапель и трескотней красных куропаток. Конечно, требования в этом случае предъявляются самые скромные, и оценка делается весьма

снисходительно. Я должен признаться, что пение дроздовидной камышевки всегда привлекало меня. Оно не могло, конечно, приводить меня в восторг, но всегда забавляло. Самец относится очень серьезно к своему пению и старается так, как будто хочет состязаться в этом искусстве с соловьем. Сидя на гибком стебле, он гордо выпрямляется, опускает крылья, распускает хвост, надувает горло и поднимает кверху клюв; он то нахохливает, то снова разглаживает свои теменные перья, а вместе с ними и другие, так что кажется гораздо больше, чем есть на самом деле.

И в это время весело гремит в воздухе его кваканье.

Дроздовидная камышевка приступает к размножению, подобно другим своим сородичам, тогда, когда молодой камыш достигнет известной высоты, т. е. не раньше конца мая, большей же частью в середине июня. В это время она любит держаться обществами, хотя бы местом вывода и был весьма небольшой пруд. Гнездо устраивается в тростнике со стороны воды, причем не в чаще, а, напротив, иногда совсем на виду, почти всегда над водой, между четырьмя, иногда пятью, изредка шестью стебельками тростника, которые вплетаются в стенки гнезда или просверливают его насквозь. Обыкновенно оно находится на такой высоте, до которой вода не поднимается даже во время сильного половодья, но редко на расстоянии целого метра над поверхностью воды. Некоторые исследователи наблюдали, что в их окрестностях дроздовидные камышевки в иные годы, как им казалось, без всякой побудительной причины вили свои гнезда выше обыкновенного. Но вот прошло значительное время после того, как гнезда были построены, и недоумение разрешилось: наступили продолжительные дожди, которые подняли воду в прудах и реках гораздо выше обычного уровня. Таким образом, изумительная предусмотрительность камышевок спасла их гнезда от затопления, которому они наверняка подверглись бы, если бы были выстроены на обычной высоте. В исключительных случаях дроздовидная камышевка вьет гнездо не в тростнике, а в кустарнике или в высоком ситнике. Она легко может привыкать к различным шумам, например, способна равнодушно относиться к грохоту железнодорожного поезда, проходящего поблизости от ее жилья. Само гнездо гораздо больше в высоту, нежели в ширину. Оно строится с толстыми стенками, которые состоят из сухих листочков травы и стебельков. Более тонкие из них идут на внутреннюю выстилку, куда подмешиваются еще некоторые корешки. Материал для постройки употребляется самый разный, в зависимости от места ее обитания. Это могут быть волокна крапивы, листочки плакуна, пух от разных семян, даже гусеничная паутина, бумажные и шерстяные нити. Во внутреннюю выстилку подмешиваются сухие метелки злаков, соцветия розмарина, конский волос и тому подобные вещества. Кладка, состоящая обыкновенно из 4—5 яиц*, редко когда оканчивается раньше середины июня.

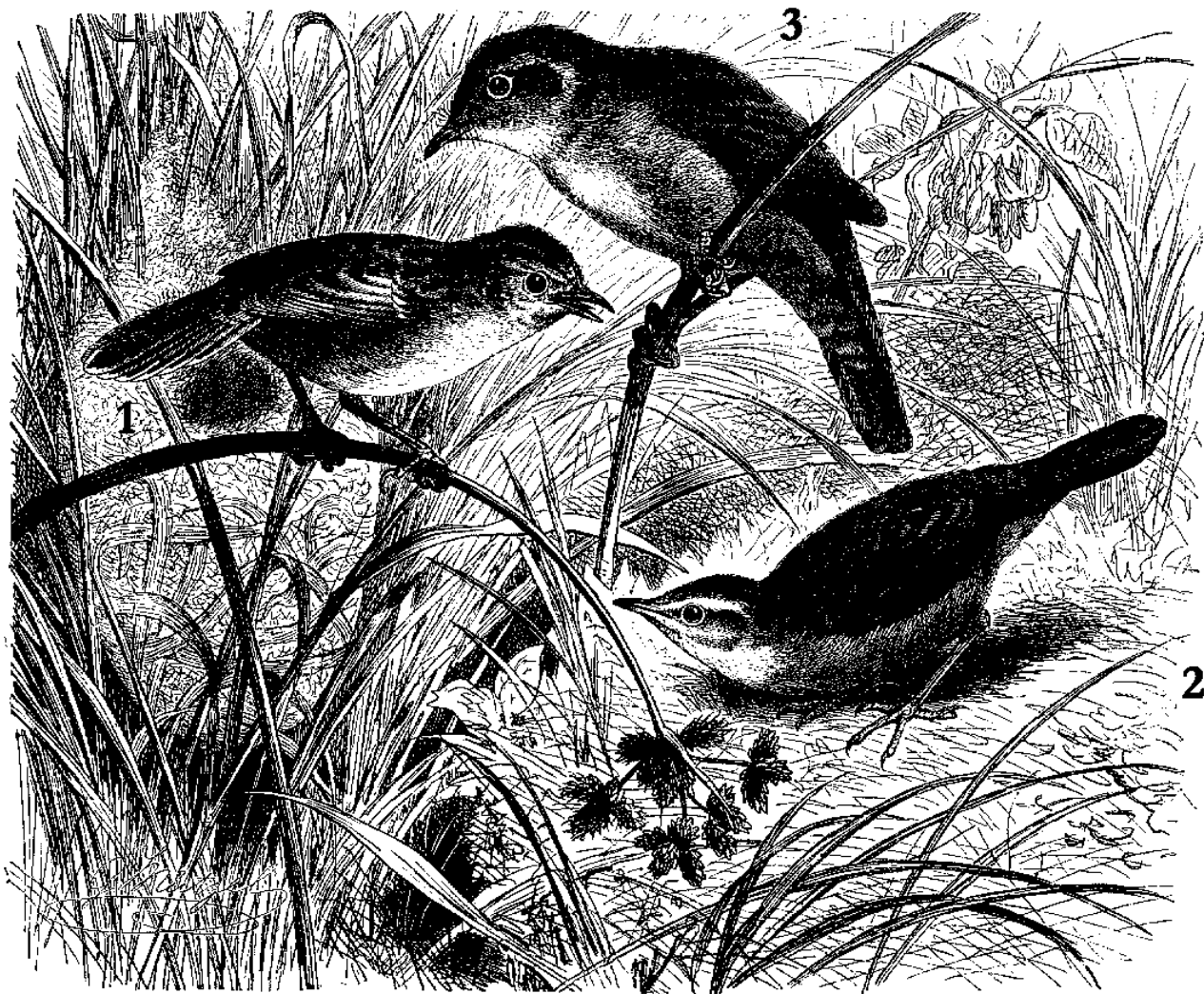
* *Нормальная кладка дроздовидной камышевки содержит от 3 до 6 яиц. Брем приводит средние цифры.*

Яйца 22 мм в длину и 15 мм в толщину, голубоватого или серо-зеленовато-белого цвета с очень темными оливково-бурыми и пепельно-серыми пятнышками, крапинами и черточками, равномерно рассеянными по всей скорлупе. Они насиживаются очень усердно в продолжение 14-15 дней. Когда какое-нибудь обстоятельство нарушит мирное существование парочки, оба родителя приближаются к гнезду на несколько шагов. Они то прячутся, то попеременно появляются перед ним и с жалобными криками летают вокруг. Птицы до такой степени чувствительны к подобным тревогам, что в некоторых случаях (например, если гнездо несколько раз осмотрит человек) бросают еще не совсем насиженные яйца. Родители нежно любят и старательно ухаживают за своими птенцами, кормят их насекомыми, тщательно охраняют их от всякой опасности и еще долго не оставляют после того, как они начнут вылетать. Это тем более необходимо, так как птенцы выходят из гнезда прежде, чем научатся хорошо летать и, по крайней мере, первые дни передвигаются большей частью посредством лазанья. К концу июля они становятся самостоятельными и начинают уже подумывать о зимнем отлете.

Камышевка-барсучок (*Acrocephalus schoenobaenus*). Длина ее 14 см, размах крыльев 20, длина крыла 6,3, а хвоста 5 см. Верхняя сторона туловища и узкие наружные каемки темно-бурых маховых перьев, кроющие перья крыла и рулевые перья чало-буроватые, надхвостье и верхние кроющие перья хвоста ржаво-буроватые, по спине и плечам пробегает неясная темная продольная полоса. Темя и верхняя часть головы по черно-бурому фону украшены желтовато-бурой, с темными черточками долевой полосой. Брови широкие. Горло, брюшко и нижние кроющие перья хвоста светлые. Кольцо вокруг глаз светло-бурое. Клюв с верхней стороны черный, с нижней, как и ноги, серый.

Начиная с 68 градуса северной широты камышевка-барсучок распространена по всей Европе и приблизительно с той же широты — в Западной Сибири и западной части Азии.

Она живет преимущественно в болотах или на берегах вод. Более всего любит места, поросшие высокой осокой, ситником и другими узколистыми болотными растениями. Селится также на полях, в низменных местах, между которыми проходят поросшие тростником канавы — одним словом, в болотистых местах, но не в камышах. Поросшие тростником пруды, кустарники, а также покрытые хальфой пустынные равнины в Африке она посещает только во время своих зимних странствий.

1 — Веерохвостая цистикола (*Cisticola juncidis*) 2 — Камышевка-барсучок (*Acrocephalus schoenobaenus*) 3 — Широкохвостка (*Cetia cetti*)

В средней Европе камышевка-барсучок появляется в последней трети апреля, а в октябре снова улетает; отдельные экземпляры попадаются, впрочем, еще в ноябре. Зиму она проводит в средней Африке, но до сих пор еще неизвестно, как далеко она проникает внутрь ее.

В умении проскальзывать сквозь чащу камышевка-барсучок превосходит все другие виды. С проворством мыши снует она в чаще или по земле. Меньше ловкости проявляет эта камышевка, когда летит. Во время полета она то трепещет крыльями, то порхает, то буквально прыгает, извиваясь змеевидной линией. Камышевка-барсучок редко перелетает большие расстояния, а в основном стремительно бросается в тростник по прямой линии. Последнее обеспечивает ей полную безопасность, и она, сознавая это, почти утрачивает всякую робость, не обращает ни малейшего внимания на приближающегося человека, в десяти шагах от него совершенно спокойно лазает по верхушке куста, беззаботно распевая свою песенку. Если же по какой-нибудь причине и нырнет в чащу куста, то через минуту снова неожиданно появится на крайней ветке. Ее призывный голос выражается щелкающими звуками, неудовольствие — картавым «шарр», испуг — пронзительным кваканьем. Пение у нее очень приятное, она издает продолжительную, напоминающую звук флейты громкую трель, которая часто повторяется. Хотя пение этой птицы и походит на пение других камышевок, но также напоминает песню трясогузки или обыкновенной ласточки. Разнообразие звуков так велико, что ее пение можно сравнить с пением некоторых славков.

Камышевка-барсучок держится обыкновенно скрытно. В период размножения, впрочем, она появляется на верхушках высоких растений или на крайних ветвях, чтобы оттуда распевать или

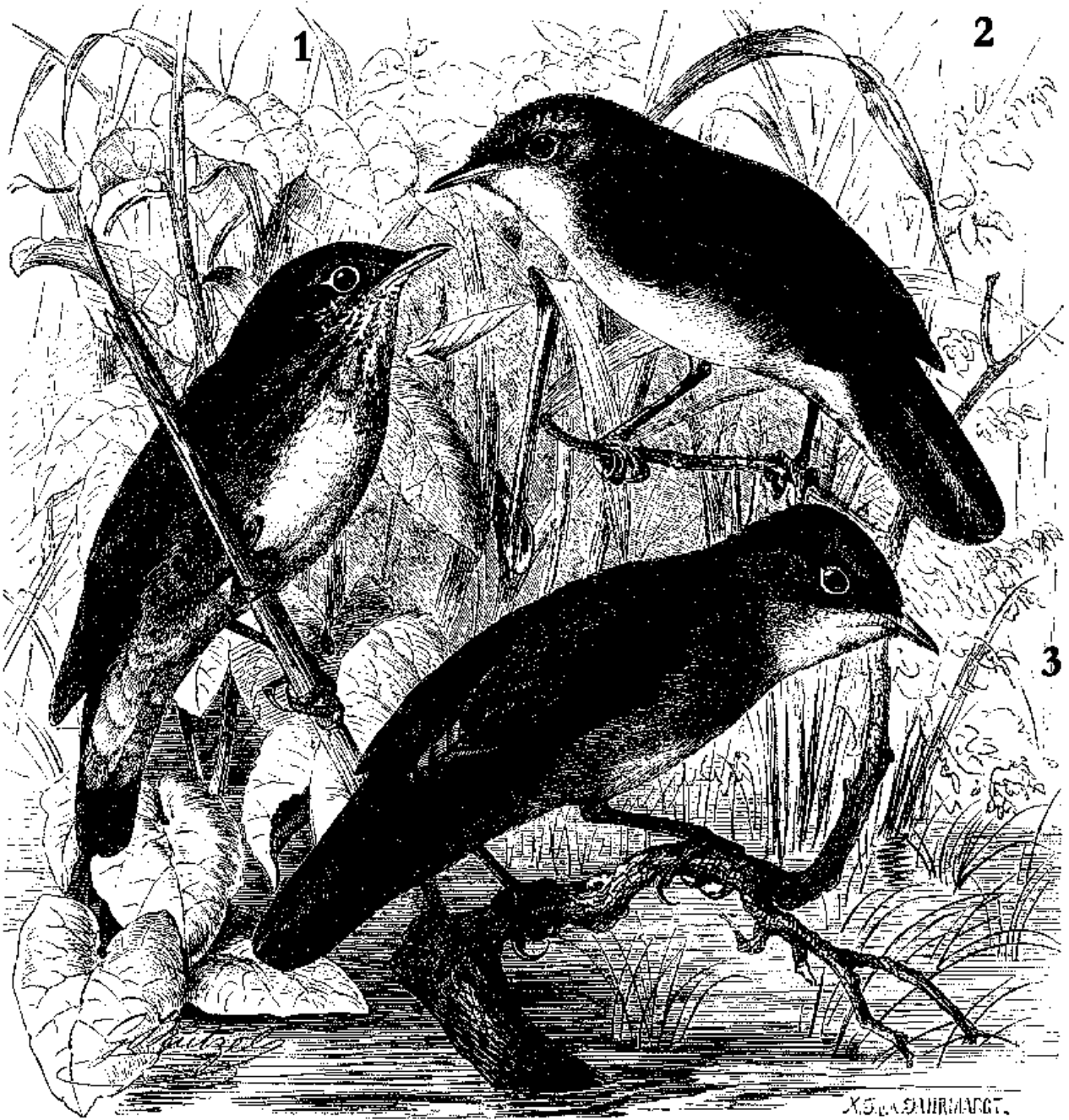
высматривать соперника, песня которого возбудит ее ревность. Иногда побудительной причиной является простое любопытство. Если случится, что собака подойдет к ней слишком близко, то она взбирается на самый верх ситникового или тростникового стебля, оглядывается и затем снова с быстротой молнии скрывается в чаще.

Пища камышевки-барсучка состоит приблизительно из тех же насекомых, которыми питаются и другие камышевки. Кроме того, она ест также ягоды. Гнездо устраивается в различных местах, но обыкновенно в малодоступных, например, на болоте в осоке, причем довольно низко. Однако зачастую и в совершенно сухих местах на расстоянии 100-200 шагов от воды, даже на песчаном грунте, если он порос кустарником и травой. Иногда оно располагается на самой земле, чаще же на низких порослях ивы или в крапиве.

Плененные камышевки-барсучки считаются редкостью не потому, что их трудно содержать, а потому, что их трудно ловить. Пойманные же скоро свыкаются со своим новым положением, они не так изнежены и прихотливы, как другие виды их семейства. Их очень ценят за постоянную резвость, ловкость, грациозные движения и приятное пение.

Обыкновенный сверчок (*Locustella naevia*). Его длина 13,5 см, размах крыльев 19, длина крыла 6,3, а хвоста 4,8 см. Оперение на верхней стороне оливково-бурое, на голове с маленькими круглыми, а на передней части спины и плечах с широкими стрельчатыми буро-черными пятнышками. Нижняя сторона бледного ржаво-желтого цвета. Подбородок, горло, нижняя часть груди и середина брюшка светлее, почти белые. Глаза серо-бурые, клюв рогового цвета, ноги светло-красноватые. В осеннем оперении нижняя сторона тела желтая. У птенцов грудь пятнистая.

Обыкновенный сверчок отличается своеобразным пением, и этим даром он наделен больше, чем другими. Оно состоит, собственно говоря, из единственной, однообразной, продолжительной шипящей трели, похожей на стрекотанье, которое издают большие стрекозы своими крыльями. Определить эти звуки словами довольно трудно, но все-таки они походят приблизительно на «сирррррр» или «сиррлрлрлрл».

1 — Обыкновенный сверчок (*Locustella naevia*) 2 -Речной сверчок (*Locustella fluviatilis*) 3 — Сверчок соловьиный (*Locustella luscinioides*)

"Мне показалось очень странным, — говорит Науман, — что это слабое стрекотание, которое вблизи кажется совсем негромким, разносится так далеко. Чуткое ухо может совершенно ясно расслышать его в тихий вечер на расстоянии тысячи шагов. Я старался прислушиваться к пению этой птицы во все часы дня и ночи, для чего целые ночи проводил в лесу, и могу удостоверить, что это замечательное пение производило на меня довольно странное впечатление. Выйдя из лесу и оставив его далеко за собой, я еще долго вспоминал это своеобразное стрекотание, оно словно стояло у меня в ушах. Мне казалось, что оно исходит из каждой шелестящей ветки, из каждого дуновения ветерка. Обыкновенно этот замечательный певец продолжает свою трель не переводя духа в течение целой минуты, но зачастую трель звучит без перерыва две с половиной минуты, как я это отметил по своим часам. После короткого перерыва, всего в несколько секунд, он снова начинает стрекотать и таким образом продолжает тянуть эту однообразную музыку часами. У своего гнезда сверчок редко стрекочет днем, а если это случается, то продолжается недолго. Он начинает петь обыкновенно только после заката солнца и поет тем усерднее, чем время ближе подвигается к полуночи. Затем с час отдыхает и снова начинает петь, и поет так же усердно, как и раньше, до самого восхода солнца. Когда самка сидит на яйцах, самец вовсе не поет днем, а только в тихую глубокую полночь или рано утром, когда начинает заниматься зарей. Пока сверчок не избрал еще постоянного местожительства, он поет, пробираясь сквозь ветки, так что заканчивает свою трель часто

за 50 шагов от того места, где начал. У гнезда же, напротив, он зачастую по целым часам сидит на одном месте или самое большее лазают по стеблю снизу вверх и обратно или взад и вперед по ветке». Это пение выдает певца каждому внимательному наблюдателю. В те часы, когда он поет всего усерднее, не слышно еще стрекоз, и потому стоит только пойти по следам этих своеобразных звуков, как выследишь птичку. «При скрытном образе жизни обыкновенного сверчка, — говорит Гансман, — мы можем выследить его только по голосу. Самка, которая проводит свою жизнь на земле в высокой траве, почти недоступна для наблюдений, если только какой-нибудь счастливый случай не выдаст ее. Самец же, когда поет, всегда выходит напоказ, так что рано или поздно его можно все-таки увидеть». По долголетним наблюдениям Гансмана, сверчок-самец, если его ничто не беспокоит, способен во время пения по целым часам сидеть неподвижно на одном и том же месте с отвесно опущенным хвостом, приподнятым кверху клювом и раздутым горлом. «Чудный певец вполне самостоятельно распоряжается силой своего звука. Если приблизиться к поющему самцу, сидящему на уединенном кустике, он мгновенно умолкает. Стоит только переждать 5-10 минут, притаившись на месте, как он снова начинает свою стрекотню, только теперь она исходит как будто из другого места или издается тихо, под сурдинку, так что можно ошибочно посчитать, что поющая птичка переменила место. Иногда сверчок упорно молчит несколько дней, даже недель, но потом снова раздается его своеобразная трель, сначала только в полдень или вечером, но всего чаще в ночное время. Он молчит при восходе солнца и стрекочет во время дождя и сильных гроз. Этот безталантный певец капризен, как знаменитый прославленный оперный тенор!» На юго-востоке Европы, в западной части Азии и восточной Африке живет **речной сверчок** (*Locustella fluviatilis*). Длина его 14,7 см, размах крыльев 23,5, длина крыла 7,3, а хвоста 6,2 см. Верхняя часть туловища и наружные бородки оливково-бурых маховых и хвостовых перьев бледного оливково-бурого цвета. Нижняя часть светлее; горло и середина брюшка почти белые: широкие конечные каемки ржаво-буроватых нижних кроющих перьев хвоста тускло-белые. По горлу и голове проходят неясные оливково-буроватые долевые полосы. Кольцо вокруг глаз бурое. Верхняя часть клюва бурого цвета, нижняя, как и ноги, желтовато-рогового.

Чаще встречается он по среднему и нижнему течению Дуная, в Галиции, Польше и по всей России. Описанием жизни этой птички на свободе мы обязаны сообщениям графа Водзицкого и Шауера, которые наблюдали ее в Галиции. Здесь она, подобно своим сородичам, населяет низкие местности, ивняк, растущий на лугах по опушке сосновых лесов, ольховые рощи, окруженные лугами и пастбищами. Но чаще встречается в буковых рощах, произрастающих на горах средней высоты, где наряду с большими деревьями и старыми подгнившими пнями встречаются роскошные кустарники, заросшие высокими травами, зонтичными растениями, ежевикой и малиной. На родине речной сверчок появляется в середине мая, когда зелень уже распустилась и может служить птичке отличным убежищем. Однако он не сразу по прибытии избирает себе место для гнезда, а некоторое время бродит еще по небольшим садам и огородам, даже по сухим плетням, свитым из прутьев. Однако и в таких открытых местах речной сверчок умеет ловко прятаться. Даже у гнезда, расположенного на лугу, где растут кусты ивы, самца можно увидеть только тогда, когда он считает себя в полной безопасности, при этом птичка предусмотрительно держится определенных ветвей — своего излюбленного местечка для пения. В остальное же время речной сверчок живет скрытно, летает только в крайнем случае и на короткие расстояния, напоминая своими трепещущими взмахами крыльев большую бабочку. В полете он держится постоянно прямой линии, как бы имея перед глазами определенную цель, и ни на что постороннее не отвлекается. Когда его что-либо испугнет, он ищет спасения в бегстве. Если приблизиться к речному сверчку в то время, когда он по обыкновению сидит на выступающей сухой ветке ивы, то сверчок, словно подстреленный, стремительно падает вниз, не шевеля ни единым крылом, и в мгновение ока зарывается в траве, отыскав в ней самое густое, запутанное место. И уже никакими средствами, даже натравив на него собаку, его оттуда не выманить. Единственно во время пения сверчок отчасти забывает присущую ему осторожность и при случае дает наблюдателю возможность подсмотреть его жизнь.

При пении речной сверчок ведет себя так же, как его сородичи: лазают по выступающим веткам или поднимает вверх голову, широко раскрывает клюв, время от времени нахваливает горловые перышки и своеобразным движением языка выделяет свою трель. Она состоит из двух следующих один за другим звуков, из которых один ниже и сильнее, другой выше и слабее. По мнению Шауера, они производятся равным образом как при вдыхании, так и выдыхании воздуха*.

* *Мнение Шауера ошибочно. Птицы издают звуки на вдохе, а не на выдохе, как люди.*

По сравнению с трелью обыкновенного сверчка она сильнее и громче, не такая шипящая, более отчетливая. Вслушиваясь в нее, кажется, будто птичка раз 50-60 повторяет без перерыва слог

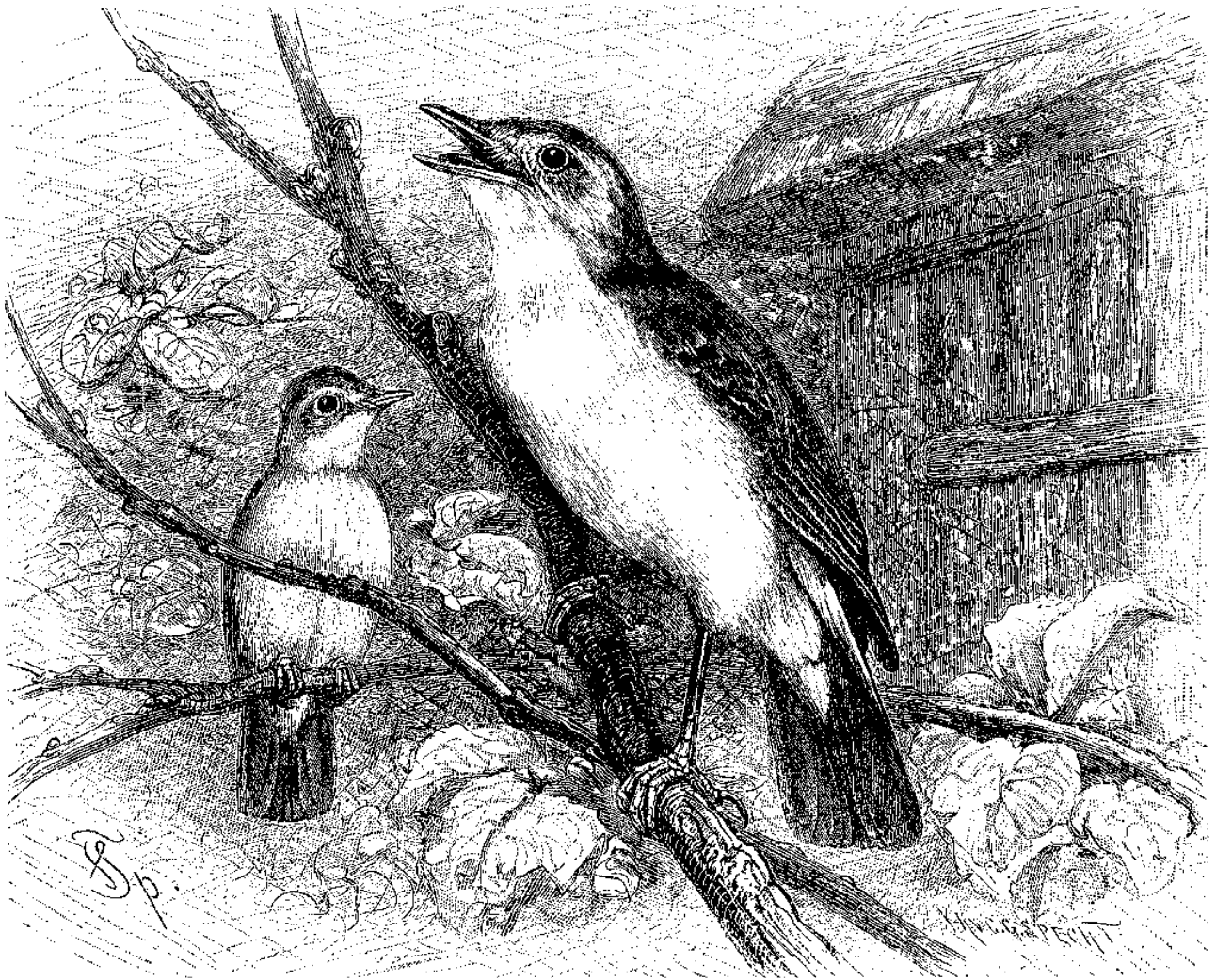
«церр». Она заметно короче трели обыкновенного сверчка, медленнее и еще более походит на стрекотание зеленого кузнечика. По временам ее прерывает картавый призывный звук. Вообще пение речного сверчка в некотором отношении напоминает начальную строфу песни овсянки. Во время пения речной сверчок поворачивает голову более или менее быстрыми движениями то направо, то налево и этим достигает того, что его трель звучит то сильнее, то слабее. Когда он сознает себя в совершенной безопасности, то поет от всего сердца, полной грудью. Его одинаково можно слышать поющим и в хорошую, и в дурную погоду, в дождь, даже при сильном ветре, но тогда он сидит забившись под куст и наружу уже не показывается. К трели речной сверчок, подобно своим сородичам, прибавляет своеобразные звуки, похожие на те, которые происходят при полоскании горла, воркотню и клокотание, особенно если он чем-нибудь встревожен. Но часто случается, что пение его не идет на лад: в горле у него хрипит, клокочет, тогда он останавливается и либо совсем умолкает, либо издает только отдельные трели. Самка, заслышав пение самца, каждый раз откликается звуком «чик-чик», который означает хорошее состояние духа, тогда как страх выражается у нее звуком «кр-кр».

Гнездо речного сверчка строится всегда на земле, но в самых разнообразных местах: то в кустах, то в траве, то между корнями деревьев. Постройка его весьма неправильная и представляет собой то беспорядочное сплетение грубых листьев тростника, выстланное внутри мхом и тонкими корешками, то довольно тщательное сооружение, красиво убранное внутри. Иногда гнездо свито из мелких, тонких травинок и мха и снаружи окружено большой кучей из того же материала, из которого сделаны стенки, при этом ограда такая рыхлая, что гнездо можно легко вынуть из нее. В середине мая, но чаще в конце этого месяца самка делает кладку 4-5 яиц, а затем высиживает их. Яйца имеют в долевом разрезе 24, а в поперечном 18 мм, по форме своей разнообразны. Яйца по белому, чуть блестящему фону покрыты мелкими грязновато-желтыми и бурыми крапинами, которые сливаются на толстом конце в неясный венчик. Птенцы покидают гнездо, когда едва покрыты перьями, а хвостовые перья только показываются. Тем не менее птенцы уже ловко, подобно мышатам, снуют в траве, однообразно покрикивают свое «ципп-ципп» и не умолкают даже тогда, когда родители предостерегают их криком, чтобы заставить замолчать. И конечно, этим они постоянно выдавали бы себя, если б их звуки не были так похожи на стрекотание кузнечиков и не обманывали бы слух даже самого опытного наблюдателя.

Зеленая пересмешка (*Hippolais icterina*). Спина серо-оливкового цвета, уздечка и брюшко бледно-серо-желтые; голова около ушей, бока тела и шея бледно-серые; маховые перья оливково-бурные; крайнее рулевое перо зеленоватое, а с внутренней стороны окаймлено грязно-белым цветом; перья хвоста светлее, чем маховые, и снаружи окаймлены белым. Глаза темно-бурные, клюв серо-бурый, основание нижней половины челюсти красновато-желтое, ноги светло-голубые. Длина 14,5 см, размах крыльев 25, длина крыла 9, а хвоста 5,3 см.

Отечеством зеленой пересмешки следует считать среднюю Европу; отсюда она распространяется к северу до Скандинавии; на юге встречаются другие ее сородичи. В Великобритании она более не появляется; в Испании нам не случалось ее видеть; в Греции появляется только во время перелета.

Из всех представителей этой семьи зеленая пересмешка самая нежная и прихотливая. Она появляется в Германии только тогда, когда все деревья уже покрылись зеленью, никак не раньше конца апреля, и остается там никак не дольше конца августа. Зиму проводит в Африке. Она любит вить гнезда в непосредственной близости от человеческого жилья и предпочитает обыкновенные и фруктовые сады лесу. Впрочем, пересмешка живет иногда и на опушках лиственных лесов, в хвойных же лесах и на высоких горах ее не видели. Чаще всего она селится в садах, окруженных живой изгородью из бузины, терна, бирючины и других кустарников, или в фруктовых садах, обнесенных шпалерником.

Зеленая пересмешка (*Hippolais icterina*)

Целый день самец перепархивает с одного места на другое, пока забота о сидящей на яйцах самке или птенцах не прикует его к одному месту. Обыкновенно пересмешка перепрыгивает с ветки на ветку в густой листве, так что легко может случиться, что наблюдатель в течение нескольких минут тщетно ловит ее глазами, хотя пение ее слышится все время. Обычно самые густые и высокие деревья в саду становятся любимым местопребыванием пересмешки. Она посещает их ежедневно по нескольку раз и подолгу остается на них. Полет ее быстрый и ловкий, она может совершать в воздухе самые смелые повороты. Пересмешка почти никогда не спускается на землю. Только во время пения она сидит подолгу на одном месте. В призывном голосе ее слышится нежное «тэк-тэк», к которому присоединяется благозвучное «терют», служащее выражением страсти, ревности, гнева или страха при грозящей опасности. Пение пересмешки не всякому нравится, так что мнения о нем различны. Кроме того, не все пересмешки поют одинаково.

Главную пищу зеленой пересмешки составляют жучки и другие маленькие крылатые насекомые, которых она подбирает с листьев или вылавливает в воздухе. Поэтому часто можно видеть, как пересмешка перепархивает с ветки на ветку около верхушек деревьев или даже быстро вылетает из защищающей ее листвы. Когда созревают вишни, пересмешка часто садится на обремененные плодами деревья и лакомится мякотью сладких ягод. Землянику она тоже не обходит своим вниманием. Но большого вреда пересмешка не наносит ни той, ни другой ягоде.

Обыкновенно пересмешка делает кладку только раз в год, а именно в конце мая или в начале июня. Гнездо вьет среди самых густых кустарников своих владений, преимущественно на бузине, орешнике, терне, крушине и весьма редко на кустах с шипами. Оно всегда защищено листьями, хотя и не вполне скрыто от глаз. Гнездо имеет красивую кошелеобразную форму, прочное, снаружи весьма искусно сплетено из сухой травы, листьев пырея, лыка, хлопка, шерсти, бересты, гусеничной паутины, бумаги и других веществ, соединенных вместе вроде войлока, а внутри выложено несколькими перышками, нежной травой и конским волосом. Яиц обыкновенно бывает от 4 до 6; они имеют продолговатую форму, длиной 17, а толщиной 13 мм и окрашены в розовый или розово-желто-серый цвет, по которому проходят черные или черно-бурые жилки. Самец и самка попере-

менно насиживают птенцов, которые вылупляются уже на тринадцатый день. Птенцов выкармливают разными мелкими насекомыми*.

* *Период инкубации у разных особей зеленых пересмешек варьирует от 12 до 16 дней, в среднем он равен 13-14 суткам. Насиживает преимущественно самка, самец только изредка ее подменяет в середине дня.*

Зеленая пересмешка считается одной из самых слабых и недолговечных комнатных птиц. Она требует самого заботливого ухода и самой изысканной пищи, и все-таки, к великому горю всех любителей, она редко подолгу живет в клетке. Однако бывали случаи, когда пересмешки несколько лет жили в неволе, усердно пели и без вреда для себя линяли. Прирученная пересмешка служит лучшим украшением птичника.

Пеночка-зарничка (*Phylloscopus inornatus*). Эта пеночка из своей родины, восточной Азии, предпринимает путешествие в несколько тысяч километров, чтобы найти себе в западной Африке пристанище на зиму**.

* * *Пеночки-зарнички гнездятся от Дальнего Востока до Урала, за который они недалеко проникают в европейскую часть России. Не смотря на то, что часть зарничек зимует в Африке, основная их масса проводит зиму в Юго-Восточной Азии и Индостане.*

Верхняя часть ее тела матового оливково-зеленого цвета. Довольно широкая бледно-желтая полоса, окаймленная сверху и снизу матово-черным цветом, проходит от ноздрей над глазами до затылка. Другая, менее ясная полоса, светлее окружающих ее перьев, проходит по темени*.

* *Приведенное описание более всего подходит к зарничкам, выделяемым в особый подвид *Phylloscopus inornatus humei*, распространенный в Саянах, на Алтае, Тянь-Шане, Памиро-Алтае, Кузнецком Алатау и зимующий в Индии. Некоторые систематики полагают, что это самостоятельный вид пеночек.*

Вся часть тела от зоба до бедер нежного желто-зеленого цвета; остальная нижняя часть с беловато желтым налетом. Глаза желто-карие, клюв темно-рогового цвета, но с нижней стороны около основания оранжевого, ноги светлого красно-бурого цвета. Длина ее 9-10 см, размах крыльев 16, длина крыла 5,2, а хвоста 3,9 см.

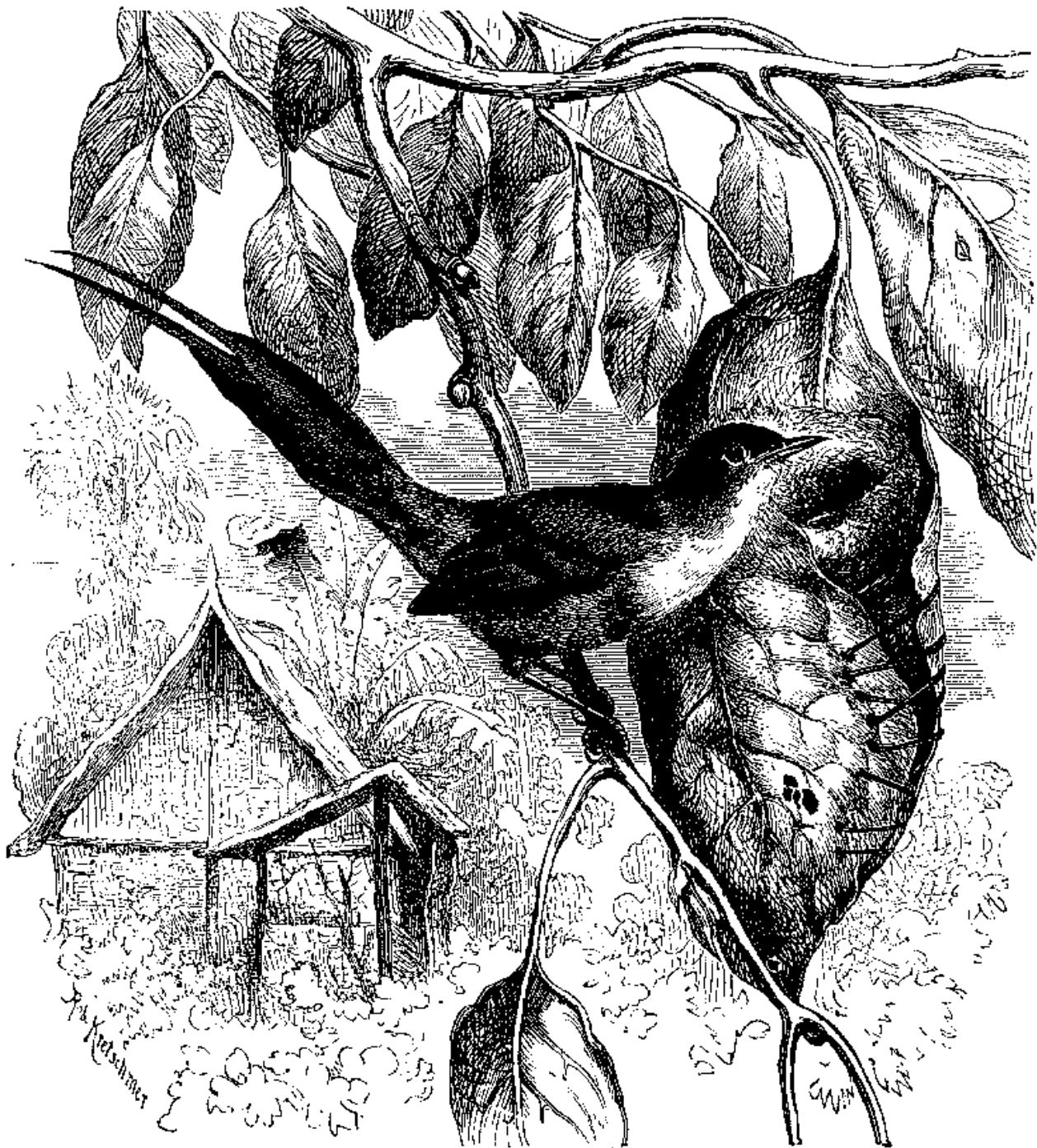
Область размножения этой хорошенькой птички еще до сих пор не определена в точности. Мы знаем только, что она живет в Туркестане, в Восточной Сибири, начиная от Байкала. Эта пеночка любит гнездиться на высотах от 1000 до 2500 м над уровнем моря и ежегодно зимой перелетает в южную Индию. Почти так же регулярно, но в гораздо меньшем количестве путешествует она по западному пути, через северную и западную Европу.

Гатке, серьезные наблюдения которого, к сожалению, дошли до нас только в отрывках, утверждает, что жизнь и поведение пеночки-зарнички сходны с образом жизни и привычками остальных пеночек. Радде замечает, что эта птица появляется на юго-востоке Сибири в середине мая и пребывает там до конца сентября. Во время своего осеннего перелета она подолгу остается на одном и том же месте или, по крайней мере, путешествует очень медленно, так что ее можно наблюдать в течение нескольких месяцев в кустах ив на берегах рек. Самые обстоятельные сведения дает нам в нескольких словах Дыбовский. По его наблюдениям, пеночки-зарнички в Восточной Сибири встречаются реже, чем прочие виды этого семейства. Они появляются там в первой половине июня и вьют гнезда в горах на высоте лесной границы, а иногда и выше ее, в местах, заросших низкорослыми альпийскими рододендронами. Здесь остаются они до половины сентября. Гнездо находится обыкновенно посередине куста рододендрона, густо заросшего мхом и травой. Оно выстроено весьма искусно, покрыто полукруглой крышкой из сухих трав и имеет вид хижины с боковым отверстием. Наружные стенки состоят из сухой травы, внутри же гнездо выстлано оленьей шерстью. Гнездо можно найти только тогда, когда родители кормят своих птенцов.

В Кашмире, а именно на возвышенности в 1500-2000 м, эти птицы так многочисленны, что парочка может считать своим владением только пространство в несколько метров. Самцы очень подвижны и поминутно испускают громкий призывный звук, который едва ли можно назвать пением. В последних числах мая и в первых числах июня Брук нашел несколько гнезд с 4-5 яйцами, имеющими в долевым разрезе 14 мм, в поперечном — 11 мм; основной их цвет — чисто белый; рисунок состоит из темно-красных и ярко-пурпурово-коричневых пятен и точек.

Славка-портниха обыкновенная (*Orthotomus sutorius*). Верхняя часть тела желтовато-оливково-зеленого цвета, темя ржаво-красное; затылок серовато-красного цвета; брюшко белое; бока бледно-серые; маховые перья оливково-бурые с серо-бурой каймой. У самцов оба средних пера хвоста длиннее по сравнению с прочими; у самки хвост просто закруглен. Длина самца 17 см, а самки 13, длина крыла 5 см, длина хвоста у самца 9, а у самки 5 см.

Портнихи встречаются во всех местностях, не лишенных деревьев, начиная с Гималаев, на высоте 1300 м над уровнем моря, до южной оконечности Индийского полуострова, на Цейлоне и в Бирме. Причем в Бирме они водятся, по словам Дависона, только в северной половине, по свидетельству же Уайтса, и дальше — в Сиаме и в южном Китае. Портниха населяет цветочные и фруктовые сады, живые изгороди, тростники и леса, в которых деревья не очень высоки.

Славка-портниха обыкновенная (*Orthotomus sutorius*)

Живет парами, иногда небольшими семьями, безостановочно прыгает с ветки на ветку, испуская поминутно громкий призывный крик, в котором слышится звук «туви» или «претти-претти». Она очень доверчива и охотно держится вблизи домов, но становится осторожной, когда видит, что за ней наблюдают, и пугливой, когда ее преследуют.

Пища состоит из различных насекомых, но преимущественно из муравьев, цикад и гусениц, которых она снимает с коры деревьев или с листьев, а иногда и с земли. При прыганье или во время еды она имеет обыкновение приподнимать хвост и нахохливаться.

Гнезда, найденные Хуттоном, были очень изящны и состояли из хлопка, тростникового пуха и обрывков шерстинок. Все эти материалы были плотно сотканы вместе. Гнезда внутри выложены конским волосом. Они были прикреплены между двумя листьями к ветке амальфы. Листья сначала были сложены друг на друга во всю длину и в этом положении с узкого конца до половины сшиты

крепкой ниткой, ссученной самой птицей из хлопчатой бумаги, так что входное отверстие в верхней части гнезда между черешками листьев оставалось свободным именно в том месте, где они соединялись с веткой. Другое гнездо висело на кончике ветки, приблизительно в 60 см над землей, и было свито из тех же материалов, что и первое. Листья были кое-где сшиты толстыми нитками, свитыми самой птицей, и тонкими ниточками, очевидно где-нибудь ею подобранными. Все остальные гнезда, осмотренные Хуттоном, походили на вышеописанные. Они были сооружены из хлопка и овечьей шерсти, конского волоса и волокон разных растений, имели вид мешка и помещались между двумя сшитыми между собой листьями. Никольсон, который в садах, богато орошаемых водой, находил во всякое время года гнезда портнихи, думает, что она предпочитает листья бринчала или какого-то вида тыкв. С помощью клюва и ног птица соединяет края листьев и прокалывает их своим клювом, в котором держит нитку собственной работы или где-нибудь ею найденную. Когда листья принимают надлежащее положение, она принимается за внутреннюю часть гнезда. Кладка состоит из 3-4 яиц, которые по белому, а по словам Уайтса, красноватому и зеленовато-голубому фону покрыты, особенно у тонкого конца, красно-бурыми пятнами. По мнению Уайтса, период размножения продолжается от мая до августа.

Семейство корольковые

Желтоголовый королек (*Regulus regains*). Верхняя часть тела оливково-зеленая; виски и стороны шеи бледно-оливково-бурые: края темени и полоса над глазами светлее; уздечка и кольцо около глаз белые; перья на верхушке головы желтые; удлиненные перья темени ярко-оранжевые; окаймляющая их полоска черная; нижняя часть тела ржаво-желтовато-белая; бока рыжеватобурые. Глаза темно-карие, клюв черного цвета, ноги буроватые. Самка отличается от самца тем, что середина темени у нее желтая, а не оранжевая. Длина птицы доходит до 9,6 см, размах крыльев 15,4, длина крыла 4,8, а хвоста 3,8 см.

Желтоголовый королек распространен по всей Европе до крайнего севера и по всей Азии до Амура. Встречается во всех хвойных и сосновых лесах. Летом живет на высоких горах южной Европы, а во время осеннего перелета посещает и тамошние равнины; весной же опять исчезает.

Красноголовый королек (*Regulus ignicapillus*). Верхняя часть туловища оливково-зеленого цвета; стороны шеи оранжево-желтого цвета; лоб красновато-бурый. Узкая поперечная полоса, огибающая перед головы, и широкая продольная полоса над бровью черные. Широкое пятно между теменем и затылком темно-оранжевого цвета. Черта, пересекающая глаз, и кольцо около него темно-серые. Узкая белая черточка под глазами ограничена снизу темной полоской. Ушная область оливково-зеленая. Нижняя часть туловища серовато-белая, подбородок и горло бледного красноватокоричневого цвета. Глаза темно-карие, клюв черный, ноги коричневатые; у самки темя желтоватоморанжевое.

Кроме Германии, эта красивая птичка встречается во Франции, Италии, Греции и Испании, где она считается зимним гостем*.

* *Данная информация не верна. Во многих районах Франции, Италии, Греции и Испании красноголовый королек — нормально гнездящаяся птица, особенно в горных лесах. На юге Испании действительно этот вид только зимует.*

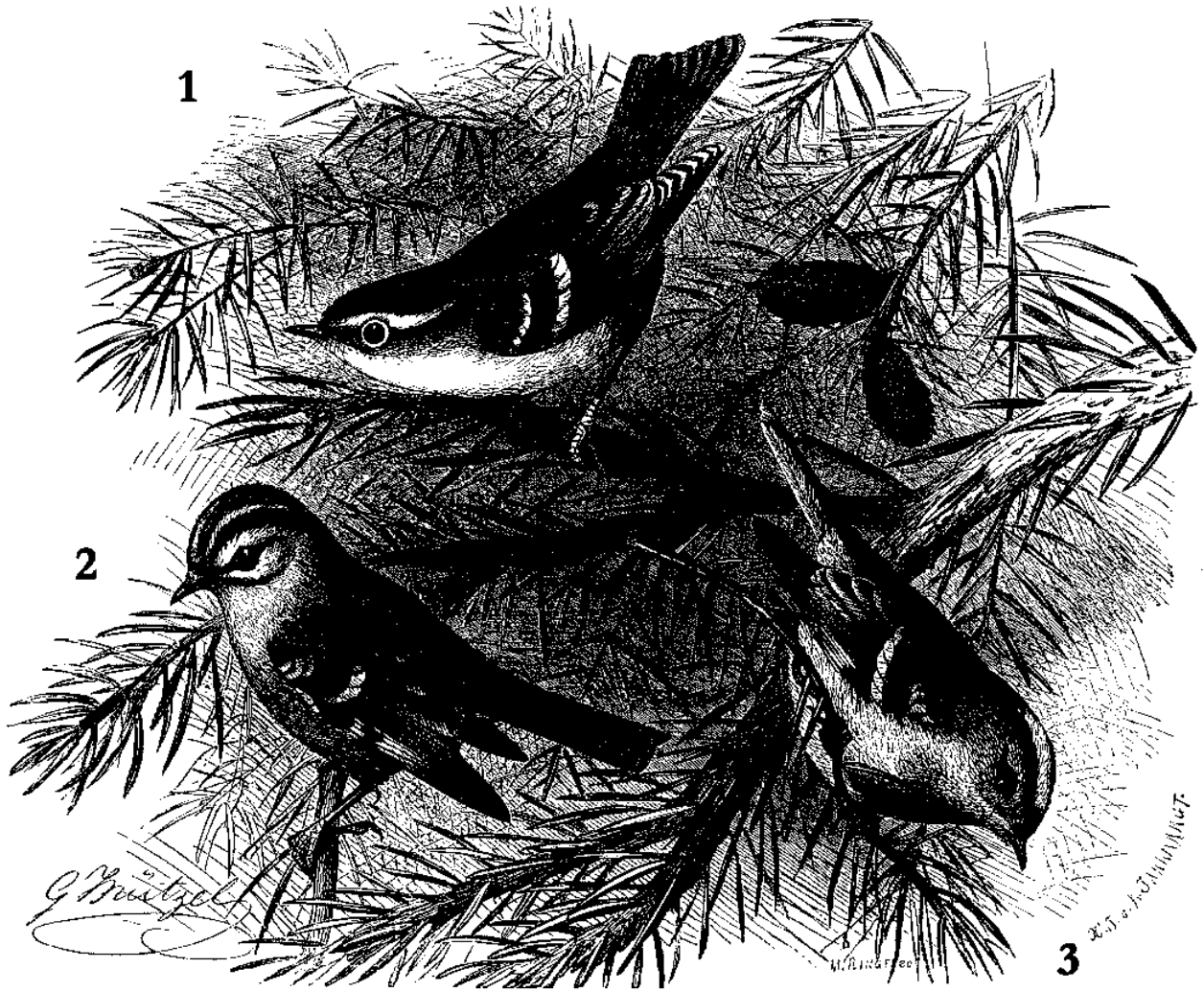
Оба вида имеют большое сходство между собой по своему поведению и образу жизни. Они часто живут в одних и тех же местностях, одинаково питаются и одинаково вьют гнезда. Первое подробное описание наружности и образа их жизни сделано моим отцом. Я включил это описание в свой рассказ, так как в позднейших описаниях не встречается никаких существенных изменений или пояснений.

Желтоголовый королек — это оседлая или кочевая птица. Часто живет в течение целого года на маленьком пространстве в одну или в половину квадратной мили величиной. Однако в октябре появляется с севера множество птиц этого вида, они наполняют сады, хвойные и лиственные леса, а иногда и местности, покрытые кустарником. Часть из них зимует, а часть улетает на юг, чтобы вновь появиться в марте-апреле и посетить те же местности, где их видели осенью. У желтоголового королька песня состоит из двух нот, в конце которой слышится заключительная строфа. У красноголового звук «зи» тянется непрерывно, в одном тоне и не имеет заключительной строфы, так что вся песня гораздо короче, проще и, собственно, не что иное, как быстро повторяемое друг за другом «зи-зи-зи». У самцов иногда слышатся звуки, напоминающие пение хохлатой синицы. Вообще пение обоих видов так различно, что при тихой погоде легко можно, даже издали, отличить один вид от другого.

При спаривании самец красноголового королька так хохлится, что приподнятые перья на его головке образуют великолепную ярко-красную корону. При этом он беспрестанно кричит и, не-

сколько приподняв крылья и хвост, прыгает в самых странных позах вокруг самки, которая ведет себя почти так же и дразнит его до тех пор, пока произойдет спаривание.

Оба вида корольков выводят птенцов два раза в год: в мае и в июле. Гнезда совершенно одинаковые у обоих видов: шаровидные, с очень толстыми стенками, вследствие чего при наружном объеме в 9-11 см внутри имеют только 6 см в поперечнике и около 4 см в глубину. Устроены эти гнезда на концах длинных сучьев еловых и сосновых деревьев, там, где густые ветки и иглы могут совершенно скрыть их, или на свешивающихся ветках, которые покрыты слоем материала, идущего в основание гнезда, так что дно гнезда образовано самой ветвью. Самка, которую при сборе материала иногда сопровождает самец, работает почти всегда одна, так как самец ей не помогает; поэтому она тратит на свою работу от 12 до 20 дней. Прежде всего она весьма искусно, отчасти на лету, обертывает различными материалами ветки и заполняет промежутки и только после этого принимается за строительство стенок. Первый, самый прочный слой состоит из сосновых лишаяев и древесного мха, к которым иногда примешаны земляной мох и оленья шерсть. Но особую прочность придает этому слою гусеничная паутина, которой обернуты ветки, поддерживающие гнездо. Внутри оно выстлано птичьими перьями, бородки которых обращены внутрь; по краям же они так выступают, что отчасти прикрывают отверстие. У двух гнезд красноголового королька, найденных моим отцом, из наружной стенки торчали оленьи и беличьи шерстинки. Подстилка состояла по большей части из шерсти косули, которая в одном гнезде была набросана поверх немногих перышек; наверху же были одни перья, так искусно вплетенные в загнутые края гнезда, что почти совсем закрывали узкое отверстие. Первая кладка состоит из 8-10, вторая — из 6-9 очень маленьких яиц, длиной в 13 мм и толщиной в 10 мм. Они покрыты по беловато-серому или бледно-красному фону серыми точками или жилками, которые обыкновенно расположены гуще на толстом конце. Яйца эти так хрупки, что с ними нужно обращаться с величайшей осторожностью, чтобы не раздавить их. Птенцы выкармливаются обоими родителями с большим трудом, так как они могут питаться только самыми маленькими насекомыми и личинками. Птенцы сидят очень тесно в гнезде и, чтобы разместиться, должны мало-помалу расширить свое гнездо. Семейство корольков недолго держится вместе. Старики или отделяются от птенцов первой кладки для второго высидивания, или после второй кладки соединяются с другими семьями в стаи.

1 — Пеночка-зарничка (*Phylloscopus inornatus*) 2 — Красноголовый королек (*Regulus ignicapilla*) 3 — Желтоголовый королек (*Regulus regulus*)

Различные насекомые и личинки так же, как и мелкие семена, составляют пищу королек. Летом они питаются маленькими жучками и гусеницами, зимой почти исключительно яйцами насекомых и личинками. Корм собирают на ветвях, между иглами или листвой, причем держатся, трепеща крыльями, иногда долго на воздухе перед замеченной добычей или гоняются за улетающими насекомыми.

Королек нечасто увидишь в неволе, так как их очень трудно приучить к комнатной пище. Кроме того, они так нежны, что иногда умирают тотчас после поимки. Но привыкнув однажды к комнате, они, конечно, при хорошем уходе могут долго жить в клетке и становятся тогда самыми приятными комнатными птицами. Если им разрешить свободно летать по комнате, они принесут огромную пользу, уничтожая мух.

Семейство мухоловковые

Мухоловковые, из которых известно более 300 видов, населяют восточное полушарие, но особенно многочисленны они в экваториальных странах; в Америке находятся только немногие виды. Мухоловковые живут в лесах и рощах, больше на деревьях, чем в кустах, и редко спускаются на землю. Сидя на ветке, они высматривают насекомых, ловко гоняются за ними, ловят их клювом и затем возвращаются на место. При пасмурной погоде, а особенно в ту пору, когда птицы должны заботиться о птенцах, они срывают также и ягоды. Эти живые, беспокойные и проворные птицы почти весь день чем-то заняты, мало пугаются при виде человека, с хищниками же храбры и дерзки. Они отличаются от своих собратьев тем, что их пение редко слышится. Чаще всего, конечно, их голос звучит в период размножения. В это время самец так воодушевляется, что даже издает простую и тихую песенку. Гнездо представляет собой рыхлую и грубую постройку, правда, с теплой выстилкой и находится или в дуплах деревьев, или в месте раздвоения ветки, обычно ближе к стволу. Они кладут от 2 до 8 яиц, которые высидиваются обоими родителями.

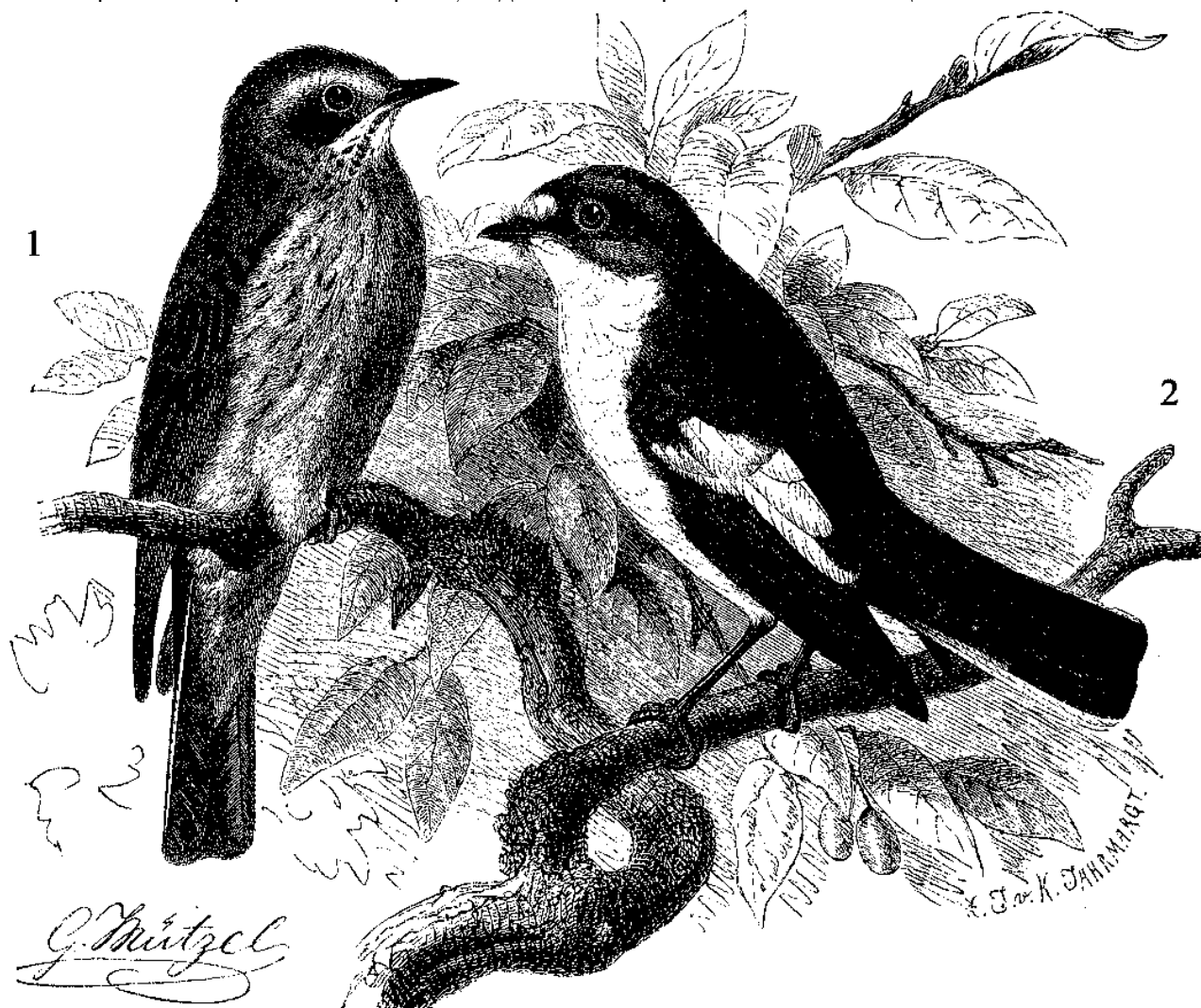
Серая мухоловка (*Muscicapa striata*) может считаться типичной представительницей мухоловок. Отличается немного вытянутым клювом и пятнистым оперением, которое одинаково у обоих

полов. Верхняя часть тела темно-серая, нижняя часть грязно-белая, на боках груди оттенена ржаво-желтоватым цветом, а по бокам горла и вдоль груди разрисована темно-серыми, полинялыми продольными пятнами. Глаза карие, клюв и ноги черные. У самки все цвета бледнее. Длина самца 14 см, размах крыльев 25, длина крыла 8, длина хвоста 6 см.

За исключением самых северных стран Европы, серая мухоловка населяет весь наш материк. Она весьма обыкновенна на юге Европы, на востоке область ее распространения доходит до Кавказа и Алтайских гор. Во время своих зимних перелетов она путешествует в лесах внутренней Африки, я ее часто встречал в лесах на Голубом Ниле. Эта птица весьма не прихотлива и довольствуется каждым кустом, отвечающим хоть сколько-нибудь ее потребностям. Высокие деревья, стоящие близ воды, доставляют ей все нужное для жизни.

Мухоловка не боится человека и селится вследствие этого часто среди деревень, даже во дворах, но живет, впрочем, также в местах, которые редко посещаются человеком. Территория одной пары обычно не превышает одного гектара, в некоторых случаях бывает еще меньше. В зависимости от погоды серая мухоловка появляется в конце апреля или в начале мая, обыкновенно парами. Вскоре после своего прилета приступает к размножению, а в конце августа или в начале сентября опять покидает нас.

Мухоловка очень живая и беспокойная птичка, которая целый день высматривает добычу. Сидя на верхушке дерева или куста, на сухой ветке или каком-нибудь торчащем кончике сучка, она оглядывается по сторонам, машет вверх и вниз хвостом и ждет, пока поблизости пролетит какое-нибудь насекомое. Как только птица заметит его, она бросается за ним, ловит его с большой ловкостью, причем совершенно ясно слышно щелканье ее клюва, и возвращается на то самое место, с которого слетела. Летает мухоловка красиво и довольно быстро. Полет у нее порхающий, причем крылья и хвост попеременно сильно раскрываются, а потом опять складываются. Она не прыгает в ветвях деревьев и на землю редко спускается. Голос у нее плохой, призывный крик — скучное «чи-чи», а нежность выражается различно издаваемым звуком «вистет». В случае страха хлопает крыльями и жалобно кричит «чиректектек». Пение — тихое чирикающее щебетание, состоящее главным образом из призывного крика, издаваемого с различной интонацией.

1 — Серая мухоловка (*Muscicapa striata*) 2 — Мухоловка-пеструшка (*Ficedula hypoleuca*)

Пища мухоловки состоит из разных летающих насекомых, преимущественно из мух, комаров, бабочек и стрекоз. Если пойманная добыча невелика, то она ее разом проглатывает, если же она крупнее, то птица колотит ее о сук перед тем, как проглотить, пока не обобьет ей крылья и ноги. В хорошую погоду мухоловка добывает свою пищу с легкостью, как бы играя; в дождливую же она, подобно ласточкам, часто терпит нужду. В это время можно заметить, как мухоловка тревожно облетает деревья, высматривая мух, и как она на лету схватывает удачно издали примеченную муху или комара, или как она для своих птенцов даже решается срывать ягоды. Птенцы в дождливые дни получают скудную пищу, часто сидят голодные и жалобно пищат на сучках. Родители же облетают дома, деревья, даже больших, привлекающих мух млекопитающих, а затем подлетают с пустым клювом поближе к ягодным кустам, особенно смородиновым, бросаются дугой сверху вниз, срывают ягоду с кисти и тотчас несут ее птенцам. Это повторяется несколько раз в течение немногих минут, однако сначала они всегда ищут насекомых, так как ягоды не являются их основной пищей.

Одинокие мухоловки попадают очень редко, целое же семейство лишь тогда, когда птенцы только что вылетели из гнезда и родители еще продолжают их кормить. В это время пара, а особенно же самец, ревниво и упорно защищает однажды избранную местность от всякой другой птицы того же вида. По отношению к маленьким и безвредным птичкам они ведут себя чрезвычайно мирно. Больших же птиц, которые могут повредить им, а в особенности их гнезду, они преследуют с храбростью и смелостью.

Гнездо мухоловок располагается в различных местах, наиболее соответствующих привычкам этих птиц, чаще всего на подрезанных невысоких деревьях, в особенности на верхушках старых ив, а также на небольших ветках близ самого ствола дерева, на балках под крышами, в просторных дуплах и в отверстиях стен. Кроме того, как говорит Либс, они пользуются гнездами ласточек. Гнездо выстраивается из сухих, тонких корешков, зеленого мха и тому подобного материала, выстилается шерстью, конским волосом, перьями и имеет всегда неопрятный вид. В начале июня в нем находят 4-6 яиц, которые имеют 18 мм в длину и 13 мм в ширину, они покрыты по бело-зеленоватому фону светло-ржавыми пятнышками, но часто бывают и другого цвета. В течение 14 дней поочередно высиживаются самцом и самкой. Птенцы растут очень быстро, но проходит довольно много времени, пока они сами научатся хорошо ловить добычу на лету*.

* *Серые мухоловки насиживают яйца 11-12 дней, птенцы в гнезде находятся 13-14 дней.*

О родительской любви мухоловки Науман рассказывает нам интересную историю. «Однажды шаловливый мальчик поймал старую самку у гнезда, в котором сидели наполовину оперившиеся четыре птенца, и унес всех вместе в дом. Осмотрев окна и не найдя дороги для спасения, мать тотчас же примирилась со своей судьбой и стала ловить мух, чтобы прокормить птенцов. Она занялась этим так усердно, что в очень короткое время совершенно очистила помещение от мух. Чтобы не оставлять ее вместе с семьей голодной, мальчик перенес их к соседу, но и здесь комната вскоре была очищена от мух. Затем он унес гнездо к другому соседу, мухи которого тоже были скоро съедены. Тогда мальчик перенес гнездо еще дальше, и, таким образом, семейство мухоловок путешествовало по деревне из дома в дом и освобождало жителей от неприятного общества ненавистных мух. Пришла и моя очередь, и я из благодарности исходатайствовал впоследствии свободу всему семейству. Молодые птенцы хорошо росли при обильной пище и очень скоро сами научились ловить мух».

Кошки, куницы, крысы, мыши и злые мальчишки часто разоряют гнезда мухоловок, вытаскивают яйца и убивают птенцов. Старые же птицы имеют, по-видимому, мало врагов. Всякий разумный человек энергично их защищает, так как мухоловки, подобно всем своим сородичам, принадлежат к числу самых полезных птиц, оказывающих нам большие услуги тем, что уничтожают вредных насекомых. В неволе мухоловка весьма занимательна и поэтому, а еще больше потому, что ловит мух, очень любима.

Мухоловка-пеструшка (*Ficedula hypoleuca*). В брачном наряде все верхние части тела однотонного темно-серого цвета или же покрыты более или менее ясными черными пятнами. Лоб, нижняя часть тела и щиток на крыльях, образованный тремя последними большими маховыми перьями, наружная сторона опахала плечевых перьев и покровные перья предплечья белые. Самка сверху буровато-серая, снизу грязно-белая. Птенцы очень похожи на нее. Глаза темно-карие, клюв и ноги черные. Длина 13 см, размах крыльев 23, длина крыла 7,5, длина хвоста 5,5 см.

Пеструшка встречается во всех странах Европы южнее Великобритании и средней Скандинавии и зимой путешествует через Малую Азию, Палестину и северную Африку до лесистых местностей по ту сторону пояса пустынь. Она появляется в Германии во второй половине апреля, а улетает опять в конце августа или в начале сентября. Самцы обыкновенно прилетают раньше, чем самки, и покидают нас также раньше.

Пеструшки живые, ловкие птички, которые двигаются в течение целого дня, и даже отдыхая на ветке, подергивают крыльями или машут хвостом вверх и вниз. Только при очень дурной погоде они сидят грустно и тихо на одном месте; в хорошую же погоду, напротив, обнаруживают чрезвычайно веселое расположение духа, живо порхают с ветки на ветку, игриво поднимаются на воздух, шутя дразнят друг друга, часто издают свой мягкий, короткий и отрывистый призывный крик — приятное «пит-пит» или «вет-вет» и каждый звук сопровождают соответствующим движением крыльев или хвоста. Весной самец прилежно поет, и вовсе не плохо. Простое, меланхолическое пение его напоминает в некоторой степени пение садовой горихвостки.

Полет их быстрый, ловкий и волнообразный, когда он продолжается долго. Походка на земле такая же тяжелая, как и у всех едва способных к хождению птиц.

Охотится за той же добычей, что и серая мухоловка, таким же образом преследует ее, и обе едят в случае нужды ягоды. В дурную погоду мухоловки порхают в верхушках деревьев и на лету снимают сидящих на листьях насекомых. В хорошую погоду они часто высоко поднимаются в воздух, чтобы поймать подмеченную муху, комара, слепня, бабочку, кузнечика и т. п. Они даже иногда с земли поднимают насекомое, причем делается это также на лету. Как и все подвижные птицы, они очень прожорливы, и потому непрерывно трудятся.

Лиственные леса, в которых стоят старые, высокие и дуплистые деревья, составляют любимые места размножения пеструшек. Здесь они отыскивают подходящие дупла и наполняют их беспорядочно мхом и тонкими корешками, а затем выстилают весьма тщательно перышками, шерстью и волосами. За неимением подобных отверстий они строят гнезда также в запутанных сучьях близ ствола или на старых пнях. Они кладут 5-6 яиц, 18 мм длиной и 13 мм шириной, имеющих тонкую скорлупу и бледно-зеленоватый цвет. Высиживаются яйца поочередно обоими родителями*.

* У мухоловок-пес тру тек кладку насиживает только самка, а самец ее кормит.

Через 14 дней насиживание оканчивается, а еще через три недели птенцы вылетают из гнезда, впрочем, их еще долго после этого водят и кормят родители. В местностях, где пеструшки обычно гнездятся, их можно приучить к определенным садам или рощам посредством нарочно для этого устроенных ящичков, и тогда они делаются удивительно ручными.

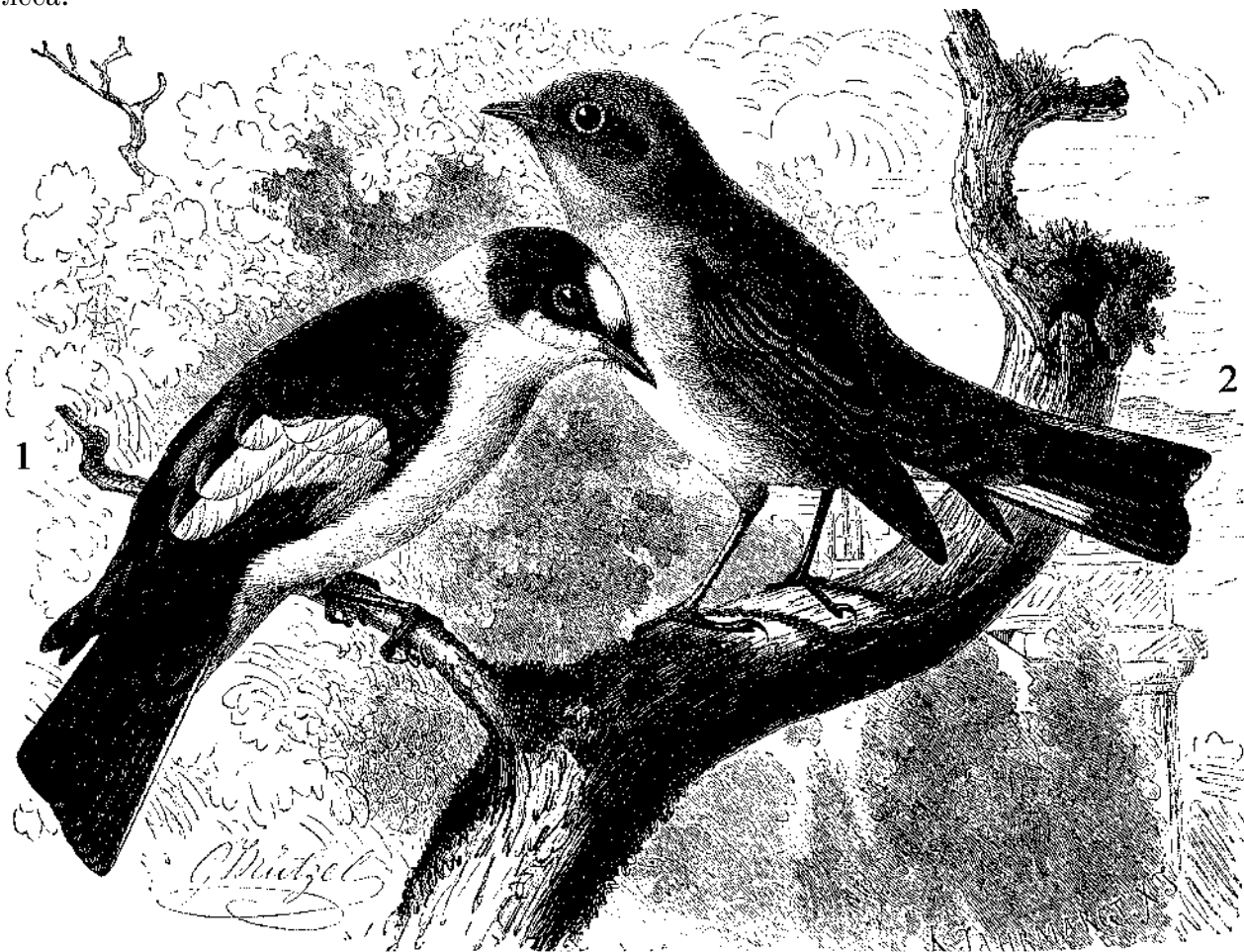
Пеструшек охотно держат в клетках. Они принадлежат к числу самых приятных комнатных птиц и радуют как своей доверчивостью и милым поведением, так и своими песнями. Если им разрешить летать по комнате свободно, то они основательно очистят ее от мух и станут до того ручными, что начнут хватать мух из рук хозяина.

В Германии, к счастью, никто не преследует этих полезных птичек, но в Италии происходит обратное. Во время осеннего перелета итальянцы, как богатые, так и бедные, подстерегают их со всевозможными сетями и западнями, и, к сожалению, ловля эта чрезвычайно обильна. На любом рынке можно встретить во время перелета сотни этих птиц, убитых гнусным образом только для того, чтобы удовлетворить отвратительную прихоть итальянцев. Говорят, что раньше на острове Кипр пойманные таким образом мухоловки и другие птицы приготавливались с уксусом и кореньями и укладывались в особые горшки и кадушки, а потом сотнями отправлялись в Италию. В наше время, кажется, этого уже нет, но прежнее бесчинство существует еще в полном размере.

Еще один вид этого семейства — **малая мухоловка** (*Ficedula parva*) имеет сравнительно сильный клюв и высокие ноги. Это одна из милейших птичек. Старый самец весной похож по окраске на нашу малиновку. Верхняя часть тела красновато-буро серая, немного темнее на темени, затылке и верхних покровных перьях хвоста, а большие покровные перья крыла и задние маховые перья имеют светлую каемку. Подбородок, горло, глотка, зоб и верхняя часть груди — ржаво-красного цвета, остальные же нижние части тела грязно-белые. У молодых самцов красно-желтое горло более бледного цвета, чем у старых. Самки отличаются от самцов темным, более сероватым оттенком. Глаза темно-карие, клюв и ноги черные. Длина 12 см, размах крыльев 20, длина крыла 7, длина хвоста 5 см.

Малая мухоловка вовсе не принадлежит к числу птиц, бросающихся в глаза, и заметить ее может только опытный наблюдатель. Любимым местопребыванием ее являются леса с высокими деревьями. Она живет преимущественно в верхушках деревьев и только случайно спускается вниз. Любимыми жилищами ее бывают группы деревьев, окруженные молодым подрастающим лесом, так

как в этих густых порослях она находит убежище в дурную погоду, а именно при сильном ветре. Вблизи населенных пунктов встречается она только в виде исключения. Это настоящий житель тихого леса.

1 — Мухоловка-белошейка (Ficedula albicollis) 2 — Малая мухоловка (Ficedula парва) Граф Водзицкий уверяет, что по своему образу жизни малая мухоловка представляет собой переходную ступень между пеночками и мухоловками и что она напоминает как одних, так и других. Остальные же наблюдатели утверждают, что в этой птичке нельзя не узнать мухоловку, так как ее поведение в главных чертах такое же.

Гнезда находятся или в дуплах деревьев, или в местах раздвоения веток, часто далеко от ствола. Тонкие корешки, стебельки, зеленый мох или серый лишайник составляют его наружную стенку; внутренность выложена шерстью животных. Малая мухоловка кладет 4-6 яиц, 16 мм длиной, 12 мм шириной, похожих на яйца нашей горихвостки, т. е. покрытых по бледно-зеленовато-голубому фону довольно правильными светло-ржавыми пятнышками, более или менее расплывшимися и полинялыми. Самец и самка высидывают яйца поочередно*, и оба необыкновенно любят своих детенышей.

* У малых мухоловок насиживанием заняты только самки в течение 13-15 дней. Самцы охраняют гнезда и иногда кормят самок.

Во время постройки гнезда самка оказывается самой деятельной и при высидывании самой усердной, но самец все-таки, как верный сторож, держится постоянно поблизости от гнезда, старается развлечь самку прилежным пением и предупреждает как ее, так и впоследствии птенцов о приближении опасности. Скоро после вылета птенцов из гнезда те уводятся родителями в чашу, и с того времени поведение стариков меняется: если ранее они были голосисты и живы, то теперь становятся тихими и смирными. Вероятно, все семейство рано предпринимает свое зимнее путешествие.

Пленные малые мухоловки очень ценятся любителями из-за своего нарядного вида, живости и способности приручаться.

В лесах восточной Африки я часто встречал райскую мухоловку (Tersiphonoparadisi)**.

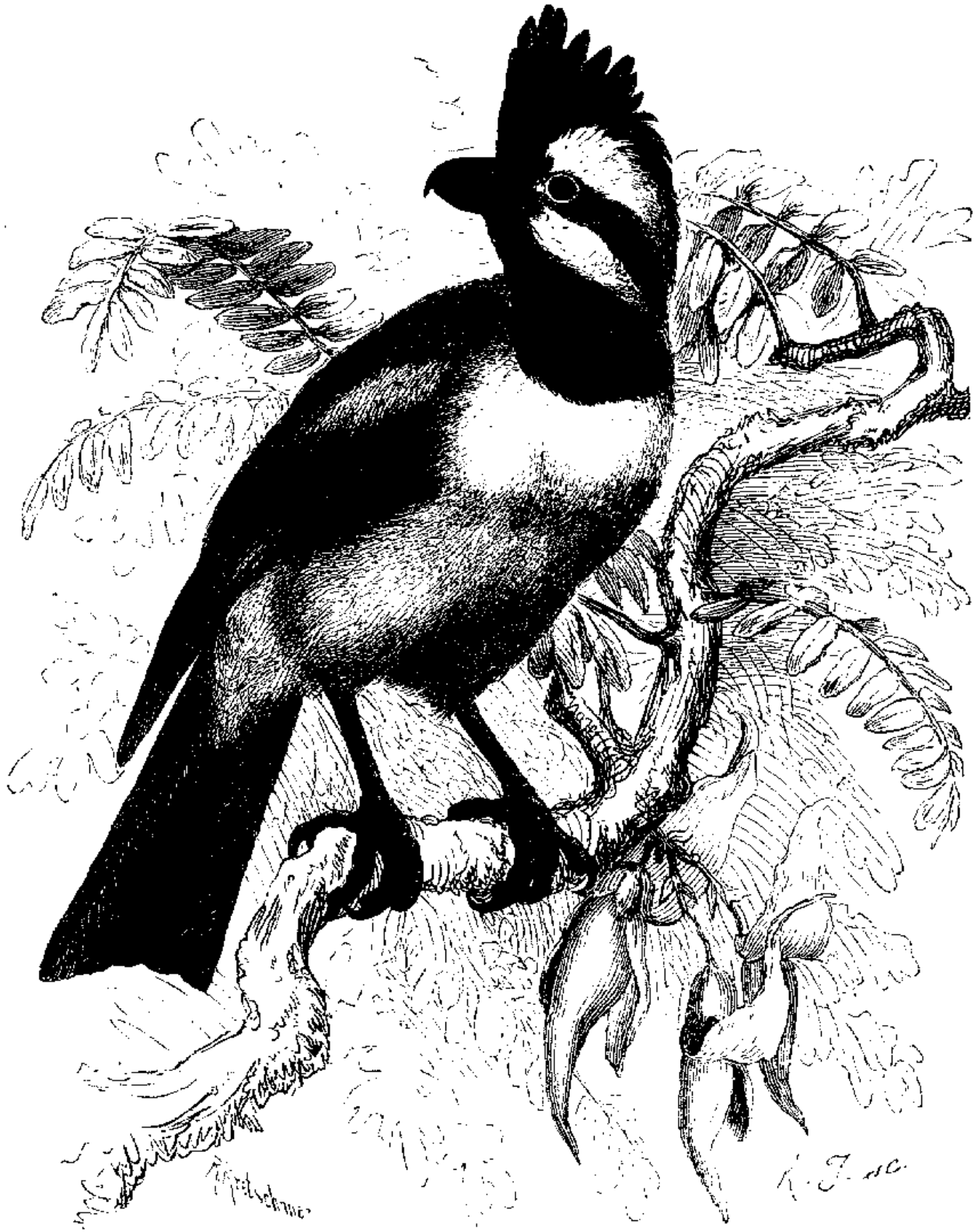
** Бремом приведено описание белой формы райской мухоловки, которая встречается только среди самцов. У обычной цветовой морфы самцов этого вида белый цвет верхней части тела заменен на каштаново-коричневый.

У этой красивой и живой птицы голова, тело и зоб в брачном наряде черного цвета с блестящим зеленовато-стальным оттенком; верхняя часть тела, крылья и хвост белые; нижняя часть тела до белых нижних покровных перьев хвоста серо-аспидного цвета; маховые перья черные, а перья предплечья снаружи белые. Глаза карие, клюв цвета морской воды, ноги серо-голубые. В зимнем наряде верхняя часть тела с обоими средними перьями хвоста каштаново-коричневые, а остальная часть оперения так же окрашена, как и в брачном наряде. Самка похожа на самца в зимней одежде, но нижняя часть тела темнее, чем у него. Длина 37 см, размах крыльев 22, длина крыла 9, длина двух средних перьев хвоста 28, наружных 9 см.

Райская мухоловка живет во всех лесистых тропических странах Африки, в горах поднимается до пояса между 2000 и 3000 м, не странствует, но в крайнем случае перелетает с места на место в пределах небольшой области, никогда не покидает лес и любит селиться поблизости от воды или в глубоких ущельях. В долине Менза мы ее ежедневно видели там, где высокий лес был перемешан с обильным кустарником. Здесь эта великолепная птица живет парами; но рядом с бросающимся в глаза самцом не особенно легко приметить более скромную самку. Несмотря на их великолепные цвета, каждая из птиц хорошо умеет прятаться в разноцветной зелени.

По своему образу жизни райская мухоловка имеет много общего с другими мухоловками, но также напоминает и дронго. Когда она сидит, то играет своим хохлом и хвостом, которым медленно машет туда и сюда. Полет у нее странный, то быстрый и легкий, когда, подобно другим мухоловкам, она преследует насекомое или прогоняет со своей территории какого-нибудь пролазу того же вида, то, напротив, медленный и плавный, с перерывами, и, по-видимому, тяжелый, когда летит на большое расстояние. Брачная одежда райской мухоловки представляет собой очаровательное зрелище. В это время она очень оживлена, старательно оберегает свой участок и храбро хватается каждую птицу, которая перелетает через него, и даже ворону принуждает покинуть ее территорию. Самцы ревниво и с необыкновенной жестокостью и упорством преследуют друг друга, иногда целые четверть часа без перерыва. Они гоняются друг за другом, быстро летая по верхушкам деревьев и по самым густым кустам, и белые перья их хвоста тянутся за ними, как великолепный шлейф, поддерживаемый воздухом.

Синичья толстоголовка (*Falcimcidus frontalis*) напоминает нашу синицу, но отличается от последней очень большим клювом. Она крепко сложена и красиво окрашена. Длина тела 16 см. Клюв похож на соколиный, несмотря на то, что крючок надклювья и зубец не особенно развиты. Цвет оперения у самца и самки весьма сходен. Верхние части тела оливковые, нижние ярко-желтые. По лбу и полоска, по которой от черная полоска. Хохол, черные. Крайние и черно-бурые, с широкой бокам головы идет белая глаза к затылку проходит горло и часть предплечья малые маховые перья серой каймой.

Синичья толстоголовка (*Falcunculus frontalis*)

Рулевые перья так же окрашены, как и маховые, за исключением крайних перьев, которые чисто белые. Глаза красновато-бурые, клюв черный, ноги сине-серые. Самка отличается от самца меньшей величиной и зеленоватым цветом горла.

По словам Гульда, синичья толстоголовка живет в южной Австралии. Этот вид встречается в Новом Южном Уэльсе, а другой, весьма сходный с ним, в западной Австралии. Они водятся в густом кустарнике и на деревьях на открытых равнинах. Они так же веселы, как и похожие на них синички, так же лазают вдоль веток, отыскивая добычу, принимают такие же позы и часто вздергивают свой хохолок. Их главная пища состоит из ягод и насекомых, которых эти птицы собирают с листьев или вытаскивают из-под коры более толстых сучков. Они выказывают чрезвычайную ловкость при добывании насекомых и умеют использовать свой острый клюв, когда им надо отломить кусок

коры или проникнуть в сердцевину гнилого дерева. Ни одна птица, равная им по величине, не имеет, по словам Гульда, такого сильного клюва. Они с успехом пользуются им также для защиты.

Гульд нашел гнездо толстоголовки в октябре на самых высоких и самых тонких ветках камедного дерева, на высоте 16 м над землей. Оно было похоже на глубокую чашку и состояло из волокнистой коры камедного дерева, обтянутой паутиной и выстланной внутри нежной травой. Яйца были покрыты по блестяще-белому фону темными оливковыми пятнышками.

Семейство синицевые

Синицы составляют довольно ограниченное семейство. Клюв у них конусообразный, прямой и короткий, на конце закругленный, по бокам сплюснутый, с острыми краями. Ноги крепкие и толстые; пальцы средней величины и сильные; когти относительно длинны и сильно изогнуты; крылья короткие и закруглены; хвост в большинстве случаев короткий и прямо обрезан или только слегка вырезан, иногда же длинен и сильно ступенчат; оперение густое, мягкое и яркой окраски.

Это семейство распространено по всему Северному полушарию, встречается также в пределах Эфиопии и Австралии. Некоторые виды этого семейства причисляются к перелетным, другие к оседлым или кочующим птицам. Последние в определенное время странствуют большими стаями, но никогда не предпринимают больших путешествий и живут всегда в очень ограниченном округе. Лес — обычное место их жительства и охоты, потому что все виды живут исключительно на деревьях и кустах, и только немногие предпочитают тростник кустарнику.

Синицы соединяются не только с подобными себе, но и с другими видами птиц, в обществе которых они могут оставаться целыми днями и неделями.

Образ жизни их очень интересен. Синицы принадлежат к самым веселым и подвижным птицам, какие только известны людям. Они не знают ни минуты покоя и постоянно заняты делом, перелетают с дерева на дерево и безостановочно лазают по веткам, потому что вся их жизнь в сущности есть не что иное, как непрерывная охота. На земле, конечно, эти птицы очень неловки и потому никогда не остаются на ней долго, а стараются скорее забраться опять на свои ветки. Здесь они прыгают, свешиваются вниз, ловко лазают через густо сплетенные ветки, выказывая при этом необыкновенное искусство. Полет их шумный, дугообразный и на вид очень напряженный. Большинство видов редко летает далеко, обыкновенно только с дерева на дерево.

Некоторые синицы поедают вместе с насекомыми и семена, большинство же придерживаются исключительно животной пищи и охотятся предпочтительно за мелкими видами, а всего более за личинками и яйцами. Именно поэтому синицы и приносят такую пользу нашим садовым деревьям. Так как эти птицы много двигаются, то конечно же нуждаются и в относительно большом количестве пищи. Они лучше других уничтожают насекомых, живущих в наших садах. Немногие птицы обладают таким искусством самым тщательным образом обыскивать определенный район и находить там запрятанных насекомых. От таких подвижных и неутомимых, ловких и чутких существ, как они, мало что может скрыться. Синицы лучшие охранительницы леса, потому что всегда остаются в определенном округе и в любое время года верны своему призванию. Польза, которую они приносят, неисчислима. Поэтому всякий разумный человек должен всеми силами стараться не только оберегать столь полезных птиц, но и заботиться о них, устраивать им жилища в лесах, оставляя старые пустые деревья или вешая ящички для вывода птенцов. Наибольшее зло, от которого страдают синицы, это — недостаток жилищ. Если не принять меры, то они будут страдать от этого гораздо сильнее, чем от всех своих врагов, вместе взятых, включая и человека. К счастью для нас, синицы быстро размножаются, они кладут яйца обычно два раза в год, и каждый раз от 7 до 12 штук. Многочисленное их потомство уже на следующую весну становится способным к размножению.

Самый известный вид этого семейства — **большая синица** (*Parus major*). Длина тела 16 см, размах крыльев 25, длина крыла 8, а хвоста 7 см.

Начиная с 65 градуса северной широты, большая синица встречается во всех странах Европы, но не везде в одинаковом количестве. В южных странах она то там, то сям появляется только зимой. Она водится также и в северо-западной Африке, и на Канарских островах, а по словам Вальтера, и на севере Персии, но совершенно отсутствует в Закаспийской области.

Большая синица соединяет в себе почти все качества птиц своего семейства. Она такая же живая и веселая, беспокойная и неутомимая, любопытная, деятельная, мужественная и драчливая птица, как и прочие синицы. «Очень редко можно видеть, — говорит Науман, — чтобы обыкновенная синица несколько минут спокойно сидела на одном месте и была бы в дурном расположении духа. Всегда веселая и бодрая, она безостановочно лазает по веткам деревьев, кустов, живых изгородей и заборов, прицепляется то там, то сям к стволам деревьев или качается вниз головой на тонком конце гибкой ветки, проползает сквозь пустой ствол или быстро проскальзывает сквозь щели и ды-

ры. Все это птица проделывает во всевозможных положениях, с различными ужимками и с доходящей до смешного живостью и быстротой. Однако, несмотря на свое чрезвычайно любопытство и тот интерес, с которым она осматривает, исследует и выстукивает все встретившееся ей на пути, синица эта никогда не действует необдуманно. Напротив того, во всех ее действиях видна высокая степень обдуманности. Она не только с осторожностью избегает всякого преследования, но искусно обходит то место, где с ней случилась неприятность, хотя по своей натуре синица вовсе не робка. У нее, так сказать, по глазам видно, что она лукавая, шаловливая птица, у нее чрезвычайно хитрый взгляд».

Насколько это возможно, большая синица держится почти всегда на ветвях деревьев и весьма редко спускается на землю. Она также неохотно пролетает большие пространства, так как полет ее, хотя и лучше, чем у других синиц, но все же довольно тяжелый и неуклюжий. Ее голос — обыкновенное «цитт» или «зитт», в минуты опасности к нему присоединяется «террр», а в случае испуга этим звукам предшествует еще «пиик-пиик». Нежные чувства выражаются слогами «вюди-вюди». Пение простое, но не неприятное. «Ее пение, — говорит Науман, — похоже на звук колокольчиков».

1 — Большая синица (*Parus major*) 2 — Лазоревка (*Parus caeruleus*) 3 — Хохлатая синица (*Parus cristatus*) 4 — Буроголовая гаичка (*Parus montanus*) 5 — Московка (*Parus ater*)

Главную пищу большой синицы составляют насекомые, их яйца и личинки; мясо же, семена и плоды служат ей лакомством. Она, по-видимому, ненасытна, так как ест с утра до ночи, и когда уже не в состоянии съесть насекомое, то убивает его. Синица сумеет овладеть даже самой скрытой добычей. Если она не может тотчас получить желаемого, то на манер дятлов стучит клювом вокруг намеченного ею места, пока кусок коры не отскочит и тем откроется ей доступ к скрывавшемуся насекомому. В крайнем случае она прибегает к хитрости. Синица даже умеет зимой добыть себе пчел из ульев. «Она подходит, — описывает Ленц, — к летным отверстиям, стучит в них клювом, как стучат обыкновенно в дверь. Внутри улья поднимается жужжание, и вскоре одна или несколько обитательниц его выходят наружу, чтобы прогнать своими уколами нарушителя спокойствия. Но этот последний тотчас схватывает отважного защитника крепости, летит с ним на сучок и, придерживая ногами, распарывает живот клювом и с величайшей жадностью съедает его внутренности, а жесткую оболочку бросает, после чего снова отправляется за добычей. Между тем пчелы, напуганные холодом, уже успевают удалиться во внутренность улья. Но синица снова стучит, снова выступает защитник, которого она опять похищает и съедает, и так продолжается изо дня в день с утра до поздней ночи». Всякую пищу она предварительно рвет на мелкие куски, придерживая, подобно воронам, ногами. Синица долбит ее своим клювом и съедает маленькими кусочками. При этом она ужасно суетится и представляет собой весьма привлекательное зрелище. Если пищи у синицы слишком много, она припрятывает ее на черный день.

Большая синица строит гнезда или у самой земли, или высоко на верхушке дерева, но всегда около какого-нибудь углубления. Она предпочитает дупла деревьев, но не пренебрегает и отверстиями в стенах, и заброшенными беличьими, сорочьими и вороньими гнездами, так как вследствие недостатка помещений птица пользуется всяким удобным местом для устройства своего гнезда. Постройка сама по себе весьма неискусна. Сухие стебли, корешки и немного мха образуют основание гнезда; волосы, шерсть, щетина и перья — его стенки и обивку. Кладка состоит из 8-15 очень хрупких яиц, 18 мм длиной и 13 мм толщиной, покрытых по блестящему белому фону тонкими и толстыми точками. Оба супруга сидят на яйцах попеременно*, и оба самоотверженно выкармливают свое многочисленное потомство, водят его с собой долгое время после оперения и заботливо обучают всем тонкостям ремесла. В хорошее лето большая синица откладывает яйца два раза.

* У большой синицы яйца насиживает только самка.

Поймать синиц нетрудно вследствие их врожденного любопытства, однако попавшую в сеть синицу не так-то легко провести во второй раз.

Лазоревка (*Parus caeruleus*). Оперение на верхней части тела голубовато-зеленого цвета. Голова, крылья и хвост голубые; брюшко желтое. Белая полоса, идущая ото лба к затылку, ограничивает темное темя. Узкая темно-синяя уздечка отделяет темя от белых щек, и голубоватый ошейник ограничивает щеки снизу. Маховые перья аспидно-черные, задние — небесно-голубого цвета на наружной бородке и белые на конце, вследствие чего на крыльях образуются полосы; рулевые перья серовато-голубые. Глаза темно-карие, клюв черный, а на расщепях грязно-белый; ноги свинцово-серые. Самка не так красива, как самец; молодые птицы отличаются более бледными красками. Длина достигает 11,8 см, размах крыльев 19,6, длина крыла 9, а хвоста 5,5 см.

Область распространения лазоревки — вся Европа, где только сохранились леса, а также Малая Азия, Персия и Западная Сибирь. Здесь, как и в средней и восточной России, к ней присоединяется синица еще крупнее и красивее, а именно **белая лазоревка** (*Parus syanush*), у которой голова и нижняя часть тела белые, верхняя часть тела светло-голубая, а лазоревато-голубые крылья украшены белой поперечной полосой и белыми концами маховых перьев.

Для жительства лазоревка выбирает преимущественно лиственные леса, древесные заросли и фруктовые сады. В хвойных лесах попадает редко, особенно летом; в лиственных же водится в большом количестве. Весной лазоревки живут парами, летом семействами, осенью стаями, которые сообща предпринимают более или менее далекие путешествия.

Своим образом жизни и поведением лазоревка напоминает большую синицу. Она так же деятельна, ловка, искусна, весела, смела, почти так же любопытна, так же зла, задорна и свирепа, как последняя. «Будь у нее побольше силы, — говорит Науман, — она вступала бы в драку с большими птицами, так как в гневе она наносит сильные удары клювом, клюет своего противника немилосердно и имеет тогда весьма озлобленный вид».

С хищными птицами лазоревка очень осторожна и при появлении какого-нибудь врага тотчас испускает сторожевой крик, который понятен всем мелким пташкам. Пение весьма незначительное и состоит из тех же часто повторяющихся звуков. Пища та же, что у большинства синиц, только лазоревка не любит никаких семян, а питается преимущественно насекомыми.

Гнезда строятся большей частью в дупле, реже в отверстии стены, в старом сорочьем или беличьем гнезде, почти всегда довольно высоко над землей, но дупло прежде углубляется птицей. За удобные дупла, которые очень ценят и другие птицы, лазоревка борется упорно и храбро и почти всегда отвоевывает их. Гнездо, величина которого соответствует величине дупла, состоит в основном из немногих перьев и волос. В кладке обычно 8-10 маленьких хрупких яиц*, 15 мм длиной и 11 мм толщиной, покрытых по чисто белому фону ржаво-красными крапинками.

* Обычно кладки лазоревок более крупные и состоят из 9-13 яиц, насиживаемых самкой в течение 12-14 дней.

У москвки (*Parus atei*) голова и шея до затылка, подбородок и горло черные, щеки, бока шеи и широкая полоса на задней части шеи белые, остальные части тела пепельно-серые. В длину достигает 11 см, размах крыльев 18, длина крыла 6, а хвоста 5 см.

Московка водится во всех странах Европы, начиная с крайнего севера, а также в Азии от Ливана до Амура и даже в Японии. Ее обычное местожительство — сосновый лес. При этом посещает и лиственные леса, и фруктовые сады. Может быть, она это делает ради сообщества других птиц, к которым любит примыкать. Вообще нужно заметить, что москвки, хохлатые синицы (реже большая), оба вида корольков, древолазы и пищухи, готовясь к отлету, всегда выбирают себе в предводители пестрого дятла и несутся за ним пестрой и не слишком тесной стаей. В марте москвки возвращаются парами и опять отыскивают свое прежнее гнездо. Многие никогда не оставляют его или вылетают разве только на несколько часов, чтобы на солнечной стороне гор набрать себе пищи.

Своим поведением, нравами и привычками московка мало отличается от остальных видов. Она весьма смела, неугомонна, проворна, ловка и общительна, но вместе с тем так же задорна и сварлива, как любая птица того же семейства. Кроме того, она не так шаловлива, как большая синица. В своих движениях она ничем не отличается от других синиц. Голос ее — тихое «сит» или «ситете» — тоже похож на голос этих птиц. Призывный звук — громкое «сюити» или «сюитити» и пение, в котором слышится звучное «сиси-сиси-сиси» и «ситю-тютюди», довольно приятны. Пища москвки в отличие от пищи прочих синиц состоит из гусениц, яиц и личинок только тех насекомых, которые свойственны хвойным лесам, и семена она ест только хвойных деревьев.

Хотя кобчики, соколы, куницы, ласки, белки и лесные мыши часто захватывают гнезда москвки и причиняют вред ее выводкам, но все-таки эти хищники не так опасны ей, как человек. Вымиранию этого вида, помимо тех ловушек и западней, которые устраивает человек, гораздо в большей степени способствует недостаток удобных мест для устройства гнезда. Московка более всякой другой птицы нуждается в заботах лесника.

Болотная, или черноголовая, гаичка (*Parus palustris*)*.

* Пухляком также называют другой, очень сходный вид синиц буроголовую гаичку (*Parus montanus*). Буроголовая гаичка в отличие от черноголовой предпочитает хвойные леса, она очень широко распространена в России, как в Европейской части, так и в Сибири, тогда как черноголовая гаичка у нас в стране встречается лишь в некоторых западных и южных областях и на Кавказе; за Урал она не проникает.

У нас и в России ее также зовут пухляком, а в Альпах — альпийской, или горной, синицей, горным пухляком.

Оправдывая свое название, она любит преимущественно низкие, сырые местности, предпочитает лиственные леса хвойным, держится постоянно на низменностях, близ воды, но довольствуется иногда берегами ручьев или прудов или садами, расположенными недалеко от таких вод, не обращая внимания на то, растут ли в них высокие деревья или только кустарник. Черноголовая гаичка является то оседлой, то бродячей птицей, в зависимости от местности, климата и других обстоятельств. Одни черноголовые гаички никогда не оставляют своего места рождения, другие поспешно пролетают целыми семьями большие пространства, находя себе ночной приют по дороге в дуплах. Странствование их начинается в октябре и кончается в марте; остальные месяцы в году они проводят там, где высиживают яйца.

Я думаю, что черноголовую гаичку можно по всей справедливости назвать самой проворной и веселой из птиц своего вида. Чрезвычайно живая, беспокойная и ловкая, она всегда одинаково весела, как в жару, так и в холод, как при обильной, так и скудной пище. Забавная, задорная, смелая и мужественная, эта птичка умеет привлечь к себе внимание всякого наблюдателя. С утра до вечера находится она в постоянном движении: прыгает, скачет, лазает, летает, работает, кричит и поет, пока солнце не село. Успокаивается она только ночью. Движениями своими черноголовая гаичка напоминает лазоревку, разговорный голос ее — тихое, несколько шипящее «сит», призывный

звук — нежное «циээ». Вообще же черноголовая гаичка ни пищей, ни образом жизни своим почти не отличается от прочих синиц.

Хохлатая синица (*Parus cristatus*). С верхней стороны красновато-буро-серого или бледно-мышиного цвета, с нижней стороны серовато-белая. Узкие перья хохла черные с белой каймой. Длина достигает 13 см, размах крыльев 21, длина крыла 6,5, а хвоста 5,5 см. Птенцы отличаются от взрослых меньшим хохлом и не таким ясным головным узором.

Насколько нам известно, область распространения хохлатой синицы ограничивается одной Европой. Она водится здесь во всех странах, на севере чаще, чем на юге. В Испании и Греции принадлежит к редким явлениям, а на востоке встречается до самого Кавказа. В хвойных лесах ее можно видеть везде, как среди высоких деревьев, так и среди жердняка и чащи, а иногда у самой земли. Зимой она соединяется часто с московками и королюками, древолазами и пищухами в большие общества, которые уже описанным нами образом, кочуют под предводительством пестрого дятла.

Веселость, подвижность, ловкость в лазании, дерзость, мужество и страсть к дракам и ссорам, отличающая всех синиц, свойственны также и этому виду. Разговорный голос хохлатой синицы есть шипящее «ситт» и протяжное «тэ-тэ», призывный звук — звонкое «цик-гюррр»; пение незначительно. Во время пения самец принимает всевозможные позы, вертится и поворачивается во все стороны, приподнимает и опускает свой хохол и вообще старается различными телодвижениями понравиться самке.

Хохлатая синица, как и московка, может считаться величайшей благодетельницей хвойных лесов, так как питается преимущественно яйцами и личинками вредных насекомых и положительно пренебрегает всякими семенами. С раннего утра до позднего вечера видишь ее занятой отыскиванием себе пищи. Теперь уже точно доказано, что она питается преимущественно яйцами вредных бабочек. Только зимой принуждена синица иногда питаться семенами, но пока птица может добыть себе насекомых, она пренебрегает всякой другой пищей.

Ремез (*Remiz pendulinus*) — самый маленький вид этого семейства. Его длина достигает только 12,2 см, размах крыльев 18, длина крыла 5,6, а хвоста 5,5 см. Лоб, уздечка и пятно под глазами черные. Верх головы, за исключением беловатой передней части, затылок и зашеек грязно-серые; верх спины и плечи коричневато-желто-красные; надхвостье, верхние покровные перья хвоста и крыльев ржаво-бурые; подбородок и горло чисто белые; остальная нижняя часть туловища ржавовато-белого цвета.

Восток нашей части света — Польша, Россия, Галиция, южная Венгрия, среднее течение Дуная, Турция, Греция и Малая Азия — служит родиной этой хорошенькой птичке. В Германии она встречается очень редко. Селится преимущественно в болотах и подобных им местностях, но останавливается и даже живет иногда в чащах, на не очень старых ивовых и тополевых деревьях. Достоверно известно, что ремезы каждый год в марте появляются на своей родине, а в сентябре или октябре большая часть их покидает ее.

По своей живости, ловкости и смелости ремез может считаться достойным представителем своего семейства. Все его движения и призывный крик очень схожи с движениями и голосом прочих синиц. Он ловко лазает по ветвям и даже по тростнику вверх и вниз, а также старается по возможности спрятаться в чаще. Но его громкое, звонкое «цитт» раздается почти без перерыва. При своей подвижности ремез почти постоянно чем-нибудь занят и появляется то в одном, то в другом конце обитаемой им местности. Полет его поспешный, ловкий, но своеобразно порывистый. Он по возможности избегает перелетов по таким пространствам, где ему некуда спрятаться. Всевозможные насекомые, живущие в тростнике, их яйца и личинки составляют его пищу. Зимой он довольствуется зернами тростника и других болотных растений.

Особенно замечателен способ размножения этих синиц. Ремез принадлежит к самым искусным строителям. Его гнездо, образцовое произведение искусства, прикрепляется только верхней частью и висит, как гнездо ткачей, совершенно свободно, в большинстве случаев над водой. Только один раз посчастливилось мне наблюдать ремеза в гнезде, и потому я принужден говорить словами Бальдамуса, который дал нам самое лучшее описание способа гнездования этой птицы. «В продолжение 7 недель, — говорит этот превосходный наблюдатель, — я почти ежедневно наблюдал за этим маленьким искусным строителем во время постройки им гнезда и насиживания яиц; я видел и держал в руках до 30 гнезд. Если вообще наблюдение за искусными строителями весьма привлекательно, то наблюдение за ремезом приобретает двойную прелесть оттого, что он из-за своей беспечности позволяет людям свободно приближаться к своей постройке. Я наблюдал весь ход работы, осматривал и брал в руки гнезда в различных степенях их отделки. Я нашел гнездо, висевшее на са-

мом конце ветки преобладающей в тех местах болотной ветлы. Хотя вода и камыш всегда находятся поблизости (первая, по крайней мере, во время закладки гнезда), но все же не все гнезда располагаются непосредственно над водой и ни одно не находилось настолько в чаще тростника, чтобы последний мог совершенно скрыть его от глаз. Напротив того, расположенные на незначительной высоте от земли, гнезда эти 6436 406 находились постоянно за пределами тростниковой чащи около или над открытой водой, так что заметить их было легко. Они висели на высоте 4-5 м над землей, только два из них находились на 2-3 м и несколько на высоте 6-10 м; одно даже висело около вершины высокого бука. Оба супруга строят с одинаковым усердием, и едва можно поверить, что такая замысловатая постройка бывает окончена в течение 14 дней. Хотя и здесь встречаются более поверхностные и более аккуратные, более или менее искусные строители, сравнительная неаккуратность постройки гнезда преимущественно обуславливается поздним временем года, когда, что случается довольно часто, первые гнезда бывают разорены вследствие несчастных случаев, и в особенности при нападениях необыкновенно многочисленных и дерзких сорок. В этих случаях даже яйца кладутся в наполовину оконченные гнезда, и постройка продолжается до самого времени насиживания. Я нашел два таких гнезда, наполненных яйцами и похожих по форме на корзины. Что касается времени постройки гнезд, то у ремеза оно не связано с ростом тростника, как у других птиц, гнездящихся там, так как он начинает свою постройку уже в апреле; но многие гнезда были также найдены в июне и июле.

Что касается хода работы, то ремез наматывает почти всегда ссученную шерсть, реже волосы козы, волка или собаки, или волокна луба и конопли вокруг тоненькой, свесившейся вниз веточки, расходящейся на несколько отдельных сучков, большей частью на несколько сантиметров ниже верхней точки своего прикрепления. Между этим разветвлением веточек к ним прислоняются боковые стенки, которые и получают в них точку опоры. Затем ремез продолжает свое тканье до тех пор, пока свешивающиеся с веточек боковые стенки не стянутся вместе, образуя плоское дно. Тогда гнездо приобретает форму корзиночки с плоскими краями; раньше думали, что подобные гнезда устраиваются самцами только для забавы. Употребляемый для дальнейшей постройки материал состоит из тополевого или ивового пуха с вплетенными в него нитями лыка, шерсти и волоса; семенной пух скатывается при помощи слюны и склеивается вместе. Тогда гнезда имеют форму корзиночки с толстым, округленным дном. После этого начинается устройство одного бокового отверстия, которое всё закрывается, за исключением маленькой круглой дырочки. В то же время выводится и другая сторона, начиная снизу. Одно из круглых отверстий снабжается трубкой, длиной от 2 до 8 см, тогда как другое остается открытым и только по краям сглаживается и заплетается. Вслед за тем одно из отверстий закрывается, однако я видел гнездо с двойной трубкой. Наконец, дно внутри гнезда густо выкладывается мягким разрыхленным ивовым пухом, и постройка может считаться уже вполне оконченной. Гнездо имеет тогда вид круглого шара или мешка от 15 до 20 см в высоту и от 10 до 12 см в ширину, к которому прикреплен, подобно горлышку бутылки, то изогнутый книзу и прикрепленный к гнезду, то отвесно стоящий вход. Такое гнездо невозможно спутать с гнездом другой птицы; поэтому мы и знаем наверное, что ремез много раз гнездилился в Германии».

Очень понятно, что такая искусная постройка везде возбуждала в высшей степени любопытство людей. Монголы, например, как нам сообщает Радде, приписывают этим гнездам особую целительную силу: «Чтобы вылечить от перемежающейся лихорадки, дают вдыхать дым обуглившегося кусочка их; размягченное в теплой воде гнездо ремеза употребляется для лечения от ревматизма, причем его прикладывают к больному месту. Кроме того, монголы думают, что гнездо с двумя отверстиями показывает, что супруги живут не в ладах между собой и, наоборот, когда в гнезде как обыкновенно только одно отверстие, то самец, сидя у входа этого отверстия, сторожит семью во время насиживания яиц».

Бальдамус сообщает, что никогда не находит более 7 яиц и более 7 птенцов в одном гнезде. Скорлупа яиц, имеющих в длину около 16 мм и в толщину 11 мм, чрезвычайно нежна и тонка, не имеет блеска и мелкозерниста; цветом яйца белоснежные, и пока содержимое из них еще не удалено, кажутся бледно-розовыми. Оба супруга, по словам одного венгерского наблюдателя, сидят попеременно*, и оба вместе выкармливают своих птенцов главным образом мягкими гусеницами и комарами.

* Известное максимальное число яиц у ремеза — 10, насиживает кладку либо самка, либо самец, но оба — никогда.

Семейство поползневые

Поползней, пожалуй, без преувеличения называют самыми совершенными из лазающих птиц, ибо в этой способности они не только не уступают дятлам, но даже превосходят их. Поползни

обладают сложным искусством лазать сверху вниз по вертикальной плоскости, чего, кроме них, ни одна другая птица сделать не может.

"Я особенно потому удивлялся его искусству лазать, — говорит мой отец, — что по устройству его ног и хвоста этого видеть нельзя. Строение дятла может служить типом для лазающих птиц. Его короткие и сильные ноги с парными пальцами, вооруженными сильно загнутыми когтями, его клиновидный, из твердых упругих перьев хвост, его стройное низкое туловище — все это дает ему возможность с огромной быстротой и уверенностью карабкаться по деревьям. Все его строение до такой степени само говорит о своем назначении, что, кажется, нельзя ничего в нем изменить без того, чтобы не затруднить свободу лазания. У поползня же мы видим совсем иное. Его ноги длиннее и три пальца направлены вперед; его тело коротко, а хвост состоит из таких слабых и гибких перьев, что при лазании никак не может служить опорой. И все-таки поползень лазают так же ловко, как и дятел, и не только вверх по деревьям, но и вниз; часто висит он с опущенной головой на ветке так крепко, что может в этом положении раскусить буковый или лесной орех. Причина такой ловкости кроется в устройстве пальцев и когтей. Его пальцы гораздо длиннее, чем у дятла, и покрывают, таким образом, большую поверхность. Расстояние между кончиками когтей среднего и заднего пальцев при растопыренных пальцах почти равняется длине тела. Пальцы вооружены дугообразно изогнутыми когтями, острыми, как иголки, а на нижней поверхности их находятся подушечки. Вследствие такого устройства ног поползни могут захватывать относительно большую поверхность, на которой имеется огромное число шероховатостей, а значит, точек опоры. Бородавки на подошве, очевидно, также способствуют более прочному прикреплению к дереву, а соединение оснований пальцев удерживает последние от излишнего их расхождения и таким образом увеличивает их силу. Подобное различие в устройстве органов, пригодных для лазания, обуславливает то обстоятельство, что и способ лазания у поползней совершенно иной, чем у дятлов.

Дятлы при лазании по стволу сильно опираются на хвост и держат грудь далеко от ствола дерева; поползни же, напротив, полагаются лишь на свои ноги, и грудь их отстоит от ствола почти на таком же расстоянии, как и хвост. Способность лазать вниз по дереву и висеть головой, опущенной вниз, объясняется также организацией его ног. Поползень очень ловко зацепляется большим когтем заднего пальца далеко наверху, а передние пальцы в это время упираются внизу и не дают, таким образом, телу опрокинуться. У дятла, правда, сзади два пальца, но они разделены, и большой направлен более вбок, чем прямо назад. Передние пальцы дятла короче, чем у поползня. Если бы дятел захотел висеть на стволе головой вниз, то у него не было бы верхней точки опоры, как у поползня, у которого задний палец, направленный прямо назад, снабжен большим когтем. Передние же пальцы оказались бы слишком короткие для того, чтобы дятел без большого усилия мог удержаться в таком положении. Хвост же, служащий обыкновенно столь важной опорой, в данном случае мог бы только помешать ему. Ясно, что птица, которая способна с одинаковой ловкостью лазать как вверх, так и вниз по деревьям, не может быть сложена иначе, чем поползень. Особенности устройства его ног делают возможным для него еще третье движение — легкое прыганье по веткам и по земле.

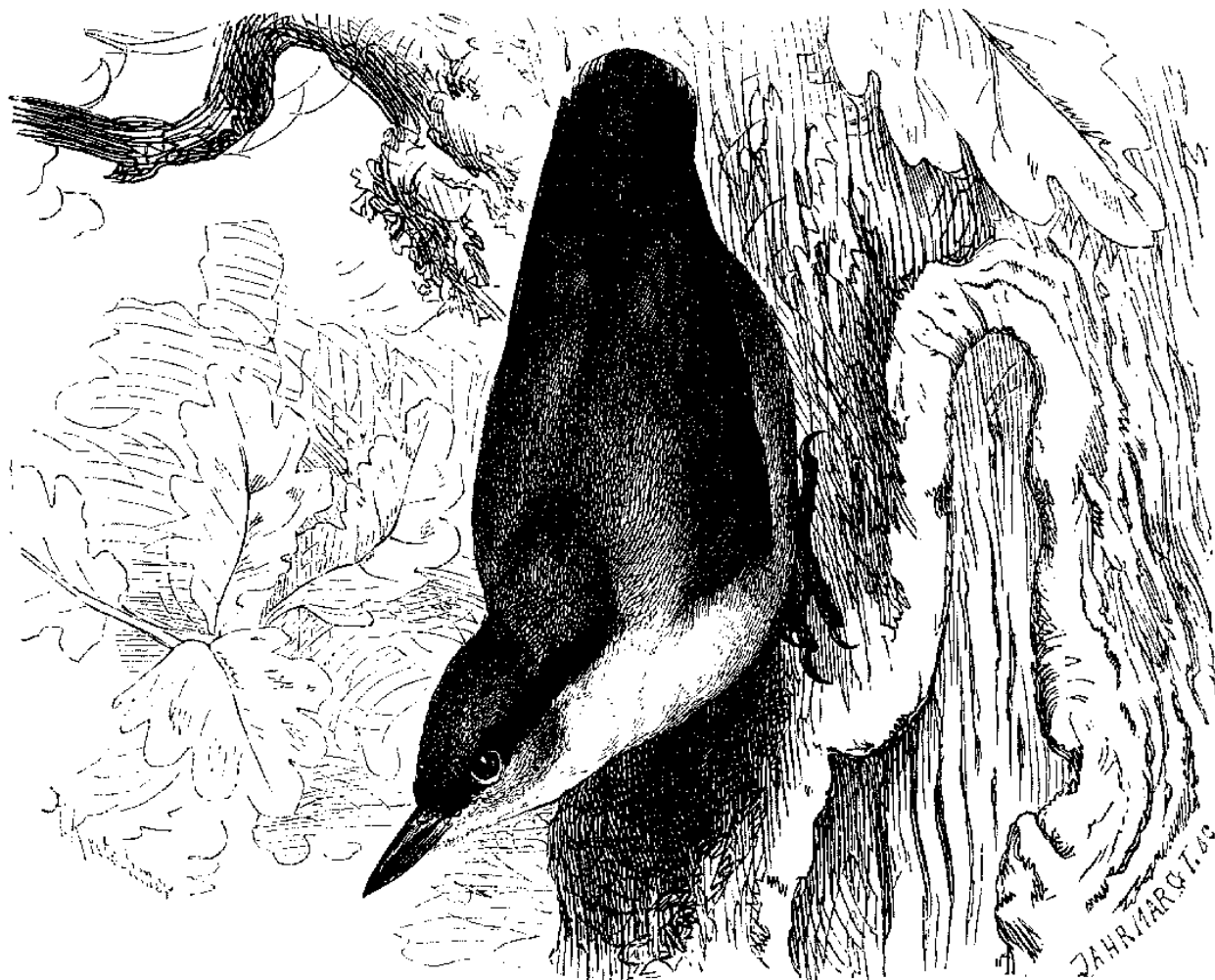
Самый распространенный у нас вид — **обыкновенный поползень** (*Sitta europea*). Верхняя сторона тела свинцово-серого цвета, нижняя ржаво-желтого. Через глаза по бокам головы тянется черная полоска, которая доходит до шеи. Подбородок и горло белые; боковые, паховые и нижние кроющие перья хвоста каштаново-коричневые; средние хвостовые перья пепельно-серо-синие, а остальные густо-черные с пепельно-синим ажурным рисунком. Глаза орехово-карие, клюв черный, рогового цвета, снизу свинцово-серый. Ноги желтовато-рогового цвета. Длина птицы около 16 см, размах крыльев 26, длина крыла 8, а хвоста 4 см. Самка отличается более узкой полоской, проходящей через глаза, более светлой нижней частью тела и меньшей величиной.

Прежде полагали, что Европу населяет только один вид этого семейства, признаки которого те же, что и у вышеуказанного, В настоящее же время отличают почти всегда как особый вид поползня-ямщика, живущего в Скандинавии и северной России. Он больше ростом, сверху синезеленый, снизу грязно-белый, на бедрах ржаво-красный; нижние кроющие перья хвоста также окаймлены ржаво-красным. Другой очень похожий вид, но значительно меньшего роста волчок, распространен в восточной России и Сибири до Японии*.

** Согласно современным представлениям, поползни, обитающие в Скандинавии, на севере России и Японии, принадлежат к тому же самому виду — обыкновенному поползню. Поползни севера Сибири и Японии выделяются в отдельные подвиды.*

Нашего поползня нет на севере Европы, но его можно найти повсюду от Ютландии до южной Европы. Он нигде не живет большими обществами, но большей частью попарно или малыми

семьями или вместе с другими птицами. Поползень предпочитает другим местам смешанные высокоствольные леса, в которых, однако, есть и кустарник. Он не боится людей, и его часто можно встретить в городе около ворот или в тенистых аллеях в таком же количестве, как и в лесу. Летом иногда одиноко стоящий дуб может привлечь его к себе на несколько часов и доставить ему все необходимое для жизни. Осенью им овладевает страсть к путешествиям, его экскурсии за добычей становятся более отдаленными. Он никогда не покидает деревьев и лишь в случае крайней нужды решается перелететь пространство, лишенное их.

Обыкновенный поползень (*Sitta europea*)

Поползень своей бодростью и неприхотливостью сильно выигрывает в сравнении с другими птицами. Он то прыгает вверх и вниз по дереву, говорит мой отец, то вокруг него, то бегаёт по веткам и висит на них, то дерет кусок коры, то долбит дерево, то летает. И все это поползень проделывает без перерыва, только иногда останавливается, чтобы подать голос.

При лазании поползень прижимается к стволу и почти всегда вытягивает шею и поджимает ноги; его длинные мягкие перья лежат так рыхло друг на друге, что он кажется толстым и неуклюжим. Нрав его, впрочем, не соответствует внешнему виду. Его полет легок, но не слишком быстр; он очень расширяет крылья и сильно ими машет, нередко порхая. Обычно поползень не совершает небольших перелетов. Это происходит не потому, что он не в состоянии сделать это, а потому, что, перебираясь с одного дерева на другое, он не должен пролетать больших расстояний. То, что полет ему не в тягость, видно из того, что поползень очень часто летает вокруг верхушки дерева или от одной горы к другой без всякой видимой надобности. Ему часто приходится пролетать без отдыха пространства в один километр. Иногда он долго лазает по деревьям, и увидеть его тогда трудно, иногда же он бывает так доверчив, что вертится в нескольких шагах от человека. Поползень всегда весел и резв, а если иногда и выглядит унылым, то в следующее же мгновение доказывает, что это только нам показалось. На самом деле скучным он бывает лишь тогда, когда заболел. Поползень производит впечатление бодрой, подвижной и в то же время хитрой и лукавой птицы.

Его призывный голос — свистящий, ясный «тю-тю-тю». Обыкновенный же звук, который он издает и которым ничего особенно не выражает, — короткое и недалеко слышное, но все же резкое «сит». Кроме того, иногда раздаются тоны, звучащие как «цирр-твит-твит-твит». Их крик во время

спаривания состоит из очень красивых громких, свистящих звуков, слышных на далеком расстоянии. В этом зове слышатся преимущественно звуки «тю-тю», к ним присоединяются еще «кью-кью-тирр». Самец обыкновенно сидит на верхушке дерева, вертится направо и налево и выкрикивает «тю»; самка ближе держится к стволу и отвечает «твэт». Затем оба вместе летают, играя, гоняются друг за другом, порхают вокруг верхушки дерева, прыгают на ветках, обнаруживая при этом все свое искусство, и всегда громко зовут друг друга. В это время одна такая милая парочка в состоянии оживить довольно большой участок леса.

Поползень питается насекомыми, пауками, семенами и ягодами и глотает также крупный песок, способствующий пищеварению. Насекомых он собирает на ветвях, отыскивает во мху или в трещинах коры или ловит их в воздухе, стремительно бросаясь с дерева, если насекомое пролетает мимо. Его клюв не приспособлен к долблению дерева, как у дятла. И хотя он может отщеплять довольно большие куски дерева, однако делает лишь небольшие углубления*.

** Это не совсем так. В мягкой древесине (ольха, ива) или полугнилых стволах поползень без труда выдалбливает дупла. Ему недоступна лишь здоровая плотная древесина.*

Он ест насекомых так же охотно, как и плоды красного бука, липы, семена клена, сосны и ели, желуди, ячмень и овес. Пока шишки хвойных деревьев плотно закрыты, поползень не может достать семян, но лишь только чешуйки немного отстанут, он вытаскивает зерна и съедает их. Семена ели, которые другие птицы редко едят, он, по-видимому, очень любит. Когда у наших елей созревают семена, то их вершины делаются любимым местом пребывания поползня. Выпавшие древесные семена поползень собирают с земли, из ячменя и овса вынимают зерна, желуди же перед тем, как проглотить, раздробляют. Орешки красного бука и семена липы едят очень охотно и делают даже запасы из них во время бескормицы. Я часто наблюдал поползней на отягощенных орехами ветвях красного бука. По двое, по трое они держатся около богатого орехами бука, летают по очереди туда, отламывают клювом орешки, затем относят их на близстоящее дерево; здесь у них приспособлена щель для укрепления ореха. Они кладут его туда и, держа передними пальцами, раскалывают и съедают зерно. Затем они сбрасывают скорлупу, приносят себе новый орех и поступают с ним таким же образом. Это продолжается часто целыми часами и даже днями. Поползень во время этих разнообразных движений, т. е. перелетов то туда, то обратно, отрывания и раскалывания орехов, представляет собой довольно приятное зрелище. С лесными орехами, с липовыми и кленовыми семенами он обращается таким же образом. Своим тонким обонянием поползень всегда так верно определяет, полон орех или пуст, что почти никогда не раскалывает свища. Раскалывание лесного ореха стоит ему некоторого труда; с семенами же липы, клена и красного бука справляется очень легко. Он имеет очень странный вид, когда уносит орех: держит его клювом, который для этого ему приходится довольно сильно раскрывать. По наблюдению Наумана, поползень собирает зимой упавшие на землю косточки вишен и, чтобы добраться до ядрышка, раскалывает их вышеуказанным способом. Иногда он вместе с синицами ищет в садах семена подсолнечника, полбы или конопля; последние, кажется, он особенно любит. По Снеллю, он ест также и ядовитые ягоды переступня, поэтому-то мальчики обвивают ветвями этого растения скворечницы, чтобы с помощью издалека заметных красных ягод привлечь поползня. Затем Гайден наблюдал, что зимой поползень часто подбирает с земли личинок буковых мух. Очень заметные наросты, где живут эти личинки, имеют вид конуса и находятся часто в огромном количестве на верхней стороне листьев бука; осенью же деревенеют и опадают с листьев. Поползень и синицы усердно собирают их под деревьями, затем пробивают в острой части дырку и добывают находящуюся в ней личинку. Просверленная дырочка при этом обыкновенно так мала, что червяка едва ли возможно достать клювом, и всего вероятнее, что поползень вытаскивает его языком. Гайден находит странным, что птица пробивает нарост не в той части, где личинка закрыта тонкой паутиной, а твердый деревянистый конец. «Кладовыми поползня, куда он складывает свои запасы, — продолжает мой отец, — служат то трещина в дереве, то какая-нибудь другая щель, а то даже и расщелины между черепицами на крышах домов. Птица не складывает все орехи в одно место, но распределяет их по одному в разных местах, без Семейство поползневые 421 сомнения, для того, чтобы случайно не погибло все его богатство сразу. Однажды в здешней местности поползню служила кладовой для его орехов соломенная крыша крестьянской избы». Гааке заметил, что в неволе поползень втискивает в песок своей клетки семена конопля.

Гнездо свое поползень строит всегда в углублениях, обыкновенно в дуплах деревьев и, в виде исключения, в трещинах скал или стен. Эта умная птица очень охотно пользуется дуплами, выдолбленными дятлами, которые могут быть названы мастерами в этом искусстве. Поползень не любит, однако, чтобы входное отверстие его жилища было больше, чем ему нужно, поэтому он прибе-

гает к чрезвычайно остроумному средству. Птица замазывает отверстие, оставляя совсем маленькую дырочку, через которую он один лишь может пролезть. «Замазывает поползень, — говорит мой отец далее, — или глиной, или липкой землей, которую, он подобно ласточкам, смачивает, связывает и лепит тягучей слюной. Для этого он берет кусочек глины в клюв, смачивает его со всех сторон слюной и прилепляет куда ему нужно; таким образом, работа подвигается у него очень быстро. Кажется, что видишь перед собой маленького каменщика, который, чтобы закрыть вход в свое жилище, приносит и укрепляет камень за камнем. Эта глиняная стена имеет два и более сантиметра в толщину и, когда высохнет, становится такой крепкой, что ее рукой, без долота, не разломишь».

Входное отверстие, которое обыкновенно помещается в середине стенки, кругло и так мало, что поползень едва в него пролезает. Если гнездо устроено таким образом, то оно обеспечено от нападения; только дятел, прежний хозяин дупла, иногда разрушает стену.

В 1819 году я наблюдал, как эта маленькая птица приспособила для себя гнездо черного дятла. Но едва поползень его устроил, как явилась пара дятлов, чтобы сделать себе жилище для нового поколения. Самка приблизилась к дуплу, взглянула с удивлением на глиняную стену и в несколько ударов разрушила ее. До тех пор пока поползень не замажет отверстия в гнезде, ему часто приходится воевать со многими птицами и нередко им уступать». Гнездо, заключает мой отец, в зависимости от величины дупла имеет больший или меньший объем и выстлано весьма сухим и мелким материалом. Поползень собирают кусочки лисьев бука и дуба, а также тонкие кусочки коры хвойных деревьев. Все это так рыхло лежит друг на друге, что трудно понять, каким образом, притом что птицы постоянно влетают и вылетают, яички не сваливаются с этой кучки шелухи. Можно подумать, что они зарыты под грудой этих тонких листьев и скорлупок. В последних числах апреля или первых числах мая находим мы на этой скверной подстилке 6-9 яичек 19 мм длиной и 14 мм толщиной. Они окрашены по молочно-белому фону очень мелкими светло- или темно-красными пятнами, которые то резко обрисованы, то точно стертые. Они очень похожи на яйца синицы. Самка сидит на яйцах одна и насиживает 13-16 дней. Птенцов оба родителя кормят насекомыми, именно гусеницами. Они быстро вырастают, но сидят до тех пор в гнезде, пока не научатся хорошо летать. После вылета держатся еще какое-то время около родителей, которые их кормят, учат и предохраняют от опасностей. После линьки птицы начинают самостоятельную жизнь.

Семейство пищуховые

Наша **обыкновенная пищуха** (*Certhia familiaris*) с верхней стороны темно-серая с беловатыми крапинками, а с нижней — белая. Оперение пушистое, похожее на волос, и мягкое как шелк. Длина 18 см, длина крыла 6,1, а хвоста 5,5 см.

Область распространения пищухи-сверчка обнимает всю Европу, Сибирь и Северную Америку, где есть леса, а также северо-западную Африку. Малую Азию, Палестину и, может быть, также северную Персию*.

** Обыкновенная пищуха в Испании обитает только в горных лесах Пиренеев, а во Франции преимущественно на западе, по границе с Германией и Швейцарией, в Африке и Малой Азии ее нет. В этих районах, а также в Испании и на большей части Франции ее замещает короткопалая пищуха (*Certhis brachydactyla*) вид-двойник, внешне практически не отличающийся от обыкновенной пищухи, но имеющий другой образ жизни и ряд иных малозаметных, но существенных отличий. В Палестине вообще пищухи сейчас не гнездятся, возможно, изредка залетают при кочевках.*

Во время размножения, как и другие перелетные птицы, она держится в очень маленькой области.

но затем часто перекочевывает в обществе синиц, корольков, поползней и дятлов, однако никогда не предпринимает длинных путешествий.

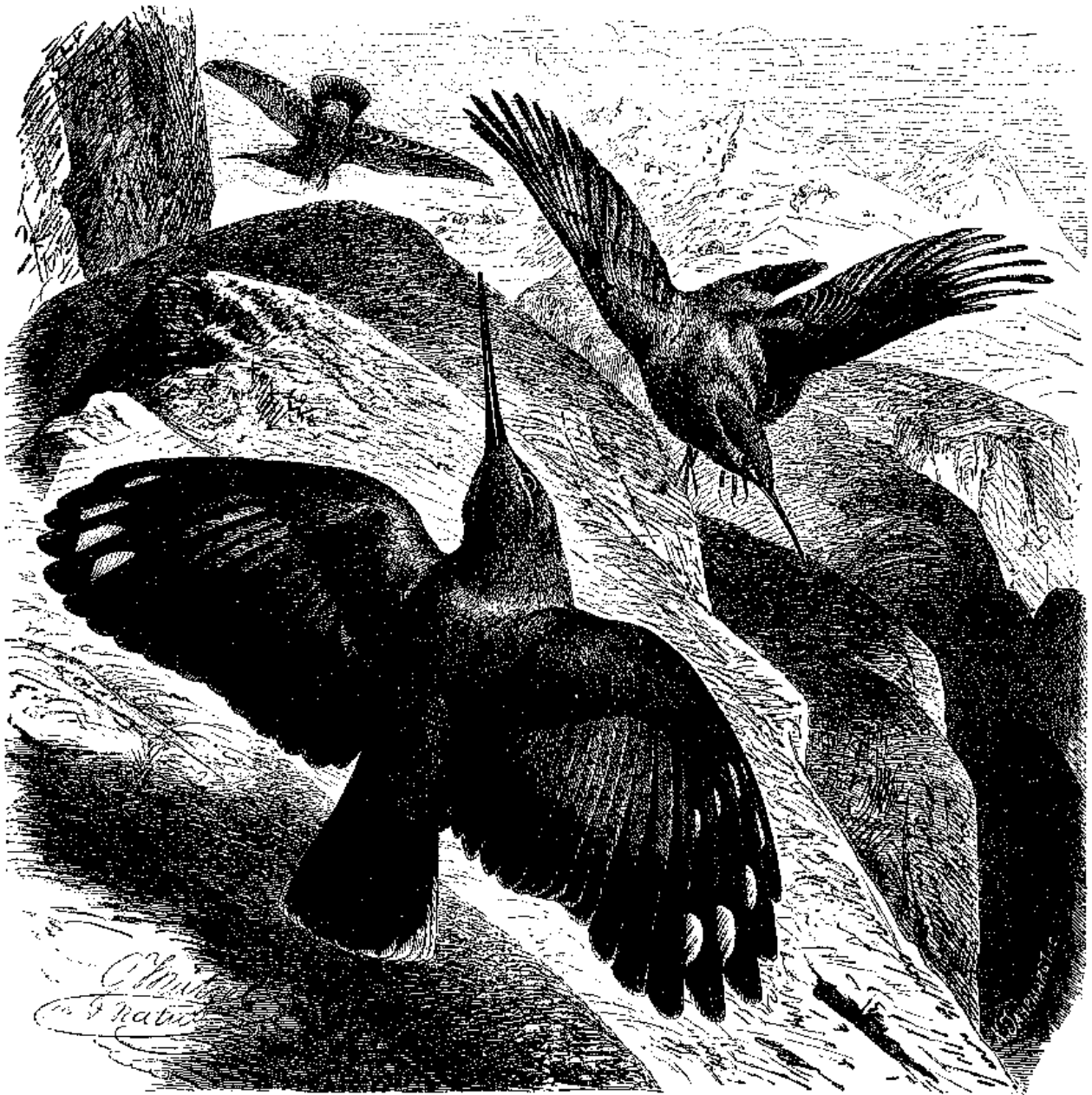
Обыкновенная пищуха (*Certhia familiaris*)

Подобно всем лазящим птицам, она всегда в работе и потому всегда в движении. Хлопотливо и ловко лазает она по деревьям, то по прямой линии, то винтообразно, осматривает при этом всякую трещину и щель в коре, всовывает свой тонкий клюв между мхом и под лишай и таким образом понемногу везде отыскивает себе пищу. Ползает она толчками, но крайне легко и способна взбежать вверх по нижней стороне ветки. На землю она спускается крайне редко, и если это случается, то прыгает здесь очень неловко. Полет ее неровен, но довольно быстр; однако она перелетает большие пространства неохотно, но предпочитает короткие перелеты от вершины одного дерева к нижней части ствола другого. При этом она бросается стремглав сверху вниз, некоторое время быстро летит над землей, затем немного поднимается и спустя мгновение, как всегда, прилипает к дереву. Ее обыкновенный крик тихое «сит», очень похожее на звук, который издают синицы и крапивники. Призывный голос несколько сильнее. В хорошую весеннюю погоду самец испускает по очереди все эти звуки скучно и монотонно. Песней собственно это назвать нельзя. Человека она совсем не боится. Она без страха залетает в сад, лазает по стенам строений, так же как и по стволам деревьев, и довольно часто гнездится в подходящих трещинах и в балках домов. Однако она скоро замечает, расположен ли к ней человек или нет. Там, где она уверена в безопасности, она подпускает отъявленного врага животных на расстояние лишь нескольких шагов, в других местах старается не привлекать его внимания и ползает по возможности на скрытой от наблюдателя стороне дерева. Пока погода тому благоприятствует, она обнаруживает всем своим существом искреннюю веселость. Зато при сырой, холодной погоде или зимой, во время морозов ясно видно, что она чувствует себя плохо. Быть может, что ее всего более беспокоит неизбежное в подобную погоду загрязнение ее оперения, ибо она тщательно заботится о своей чистоплотности до тех пор, пока это возможно. Ночью она отдыхает в дуплах деревьев.

Гнездо ее находится в дупле, трещине или щели. Не всегда пищуха кладет яйца в дуплах, но часто также и в пригодных для этого щелях, под крышами домов, между досками, которые в горах защищают стены строений, а также в куче дров, между деревом и отставшей корой и т. д. Само гнездо в зависимости от занимаемого им места то велико, то мало. Оно состоит из тонких сухих ветвей, прутьев, стебельков, листьев травы, древесной коры, соломы и тому подобного. Материалы

эти переплетены паутиной гусениц и настоящей паутиной. Внутри гнездо выложено лыком, паклей и огромным количеством перьев различной величины. Углубление гнезда, собственно, не очень глубоко, но ямка всегда кругла и тщательно отделана, так что гнездо можно считать сделанным очень искусно. Они кладут от 8 до 9 яиц длиной около 16 мм, толщиной же около 12 мм. Яички окрашены по белому фону мелкими красными точками и поразительно похожи на яички маленьких синиц. Оба пола насиживают, и оба выкармливают с необыкновенным усердием свой многочисленный выводок. Молодые долго остаются в гнезде, но если им помешают, они, не умея еще летать, оставляют его и, лазая, пытаются тогда спастись. Они тогда так искусно и с такой поразительной быстротой скрываются прямо на глазах наблюдателя, что трудно их потом отыскать. После вылета родители еще долгое время руководят молодыми, и тогда вся семья представляет для наблюдателя чрезвычайно приятное зрелище. «Это, — как говорит Науман, — очень веселый народец; озабоченные и хлопотливые родители, окруженные многочисленным потомством, располагаются на одном большом дереве или на нескольких рядом стоящих, суют то одному то другому найденное насекомое, а иногда и молодые ревностно помогают отыскивать новых насекомых. Разнообразные крики старых, особенно когда они завидят врага, их боязливое поведение при этом, забавная поспешность во всех движениях представляют для наблюдателя очень приятное зрелище». Пищухи выводят птенцов два раза в течение лета; первый раз в марте или в начале апреля, второй — в июне. Во второй раз они кладут меньшее число яиц и часто только два-три. Для неволи пищуха мало пригоден. Опытный птицелов легко может поймать его. Для этого достаточно обмазать несколько свиных щетинок птичьим клеем и прикрепить к излюбленным ими деревьям.

Краснокрылый стенолаз (*Tichodroma muraria*). Этот вид характеризуется скорее сжатым, чем вытянутым телом, короткой шеей и большой головой. Его длинный, тонкий, почти круглый клюв у корня граненый, на конце заострен. Пальцы на ногах тонкие и вооружены очень большими, сильно загнутыми тонкими и острыми когтями; крылья средней длины, широки, коротки и округлены. Короткий хвост состоит из мягких, широких, на конце округленных перьев. Рыхлое, пушистое, мягкое, как шелк, оперение окрашено в приятный, отчасти яркий цвет, который изменяется по временам года. Язык напоминает в общем язык дятла. Он так длинен, что доходит до конца клюва; остр, как игла; однако весьма мало подвижен и покрыт множеством щетинистых крючков. Основная окраска оперения пепельно-серая. Горло летом черное, зимой белое, маховые и рулевые перья черные, первые от 3-го до 15-го у основания до половины ярко-красные, так же, как и малые кроющие перья и узкая кайма на наружной борозке больших кроющих перьев крыла. Рулевые перья на конце окаймлены белым. Глаза коричневые, клюв и ноги черные. Длина его около 16 см, размах крыльев 27, длина крыла 9, а хвоста 6 см.

Краснокрылый стенолаз (*Tichodroma muraria*)

Стенолаз живет на всех высоких горах средней и южной Европы, распространен в западной и средней части Азии, на востоке — до северного Китая и попадает, говорят, даже в Абиссинии*.

** Это ошибка. В Абиссинии, да и вообще в Африке, стенолаз не встречается.*

Он нередок в наших Альпах и в не меньшем количестве встречается на Карпатах и Пиренеях. С Альп залетает иногда в Германию, а с Карпат — в Венгрию.

О его образе жизни до последнего времени имелись лишь скудные сведения. Геснер был первым из натуралистов, упомянувших о нем. Позднее кое-что сообщили нам Штейнмюллер, Шпрюнгли, Шинц и Чуди. Но лишь в 1864 году благодаря Гиртаннеру мы подробно узнали об образе жизни этих птиц. Поэтому я не могу сделать ничего лучшего, как передать слова этого прекрасного наблюдателя, причем обращаю особенное внимание на то, что, кроме двух опубликованных сочинений, имею настоящее сокровище — многочисленные письма названного исследователя.

"Если путешественник переступит границы высокого горного леса Швейцарских Альп и поднимется далее по дикой горной пустыне, то услышит тонкий протяжный свист. Он более всего напоминает песенку нашей овсянки и состоит из довольно громких, быстро следующих друг за другом нот одинаковой высоты, которые оканчиваются длинным, несколькими тонами выше звуком. Приблизительно он может быть передан так: «дю-дю-дю-дюийй». Путник, пораженный, но вместе с тем и обрадованный тем, что среди немых скал он внезапно услышал голос другого существа, поднимает голову и обычно после продолжительных поисков замечает наверху, на голой скале между камнями, маленькую птичку, лазающую с полураскрытыми красными крыльями без всякого напряжения по отвесной, местами даже по нависшей скале. Это — стенолаз, живая альпийская роза, ко-

торый странствует по своей родной скале и без страха глядит вниз на запыхавшегося пешехода, с немалым трудом добравшегося до его высокого местожительства. Если путник не очень торопится, он охотно садится на покрытый мхом камень, чтобы полюбоваться на это чудесное создание.

Как и все альпийские птицы, стенолаз перелетная птица. В солнечные дни поднимается он в горы до 3000 м высоты. Его встречали иногда даже на ледниках, на обломке скалы охотящимся за насекомыми. Ниже альпийского пояса летом он спускается только изредка, хотя иногда его можно видеть и здесь. Когда же дни становятся короче, а ночи длиннее и холоднее, когда солнце в течение короткого дня не в состоянии помешать образованию ледяной коры, то этому обитателю Альп не остается ничего другого, как постепенно спускаться в более низкие, теплые и защищенные полосы. Ведь даже не очень толстая ледяная кора является для его слабого клюва неодолимым препятствием для добывания пищи. Если же снова наступает несколько теплых солнечных дней, то он тотчас спешит в более высокие местности, и лишь вновь возвращающиеся холода гонят его обратно в долину.

Стенолаз охотно взбирается лишь по совершенно голым скалам, и чем более дика и лишена растительности горная местность, тем вернее его можно там найти. Широкие, покрытые травой пространства по склонам гор он посещает исключительно для отыскивания насекомых. В противном случае спешит перелететь их и поскорее достигнуть голого камня. По стволам деревьев никогда не лазает. Во всяком случае, я никогда не видел, чтобы он садился на кустарники или на ветки, торчащие на скалах. Он живет лишь в воздухе и на крутых скалах и не любит спускаться на землю. Насекомых, которые водятся на земле, он пытается по возможности поймать на скале. Если же, несмотря на все старания, стенолаз не достигает цели, то быстро подлетает, садится на мгновение, схватывает добычу, а минуту спустя уже опять цепляется за скалу, отыскивая удобное место для поглощения своей добычи. Маленьких жуков, которые представляли бы для него явную добычу, и скаты валяются по камням в надежде упасть на недостижимое место, а также пауков, перекидывающих второпях с камня на камень свою спасительную паутину в надежде скрыться, стенолаз ловит без труда в воздухе».

При лазании он обнаруживает такую силу и ловкость что смело можно предположить, что нигде в горах не найдется плоскости, которая была бы для него слишком гладкой и крутой. Но чем круче и глаже плоскость, на которую приходится ему карабкаться, тем скорее он должен двигаться, так как на совершенно гладких плоскостях даже он способен удержаться лишь несколько мгновений. Взобравшись наверх или вообще достигнув желанной высоты, он висит на скале, как бабочка, с сильно растопыренными крыльями, так что белые пятна отчетливо видны на них, и, качаясь, поворачивает голову то влево, то вправо и оглядывает при этом через плечо то место внизу на скате горы, на которое он собирается перелететь. В этом положении он кажется действительно отдыхающим на кончиках своих маховых перьев. Отпихнувшись внезапно сильным толчком от скалы, он легко переворачивается в воздухе. Иногда для препровождения времени стенолаз кувыркается, а затем летит к избранному месту, которое лежит иной раз на несколько метров ниже, а в другой раз довольно далеко. В полете он напоминает большую яркую бабочку. Летит, то делая неправильные взмахи, то с совершенно распростертыми крыльями. Иногда, подобно хищной птице, стремглав бросается вниз с опущенной головой и поджатыми крыльями. В следующий момент он уже снова держится за скалу, при этом голова у него поднята вверх. Полет вниз происходит часто по красивой, внизу круто загнутой дуге. Вообще стенолаз прекрасно летает, правда, в горизонтальном направлении, может быть, хуже, чем в вертикальном. В вертикальном направлении он летает поистине превосходно. Нет ничего чудеснее, как наблюдать пару этих птиц, носящихся на солнце над темными пропастями.

Редко можно видеть стенолаза парами вне времени размножения. Он большей частью лазает один по пустынным скалам, распевая при этом свою короткую, незатейливую, но приятную песенку. К своим сородичам стенолаз относится или равнодушно, или, напротив, агрессивно, преследует их, пытаясь выгнать из собственного владения. С другими птицами он не соприкасается, а если это и случается, то избегает их. Пища его состоит из пауков и насекомых, живущих на этих высотах. Однако виды их довольно немногочисленны, и стенолазу поэтому не приходится быть слишком разборчивым. Своим тонким клювом, как тончайшими щипцами, схватывает он с уверенностью даже самых мелких насекомых. Язык служит ему следующим образом: быстро выдвигая его вперед, прокалывает он схваченных и лежащих в клюве насекомых, их личинок и куколок и, притянув затем его назад, складывает добычу в заднюю часть рта. Больших насекомых, таких, например, как гусеницы, стенолаз сперва схватывает, затем вертит и трясет их до тех пор, пока они не улягутся поперец кончика клюва. Он ударяет ими вправо и влево о камни и, двигая вперед и назад головой, вбра-

сывает гусеницу наконец в глотку. При этом он никогда не забывает тщательно вытереть свой клюв о камень. Насекомых, покрытых твердым панцирем, например жуков, он уже потому не может прокалывать, что его тонкий язык, упираясь в твердый панцирь жука, стал бы слишком сильно гнуться, что при закрытом клюве этого случиться не может.

Зимой стенолаз принужден довольствоваться яичками, куколками или впавшими в оцепенение насекомыми. И тогда он, без сомнения, целый день занят трудным делом добывания пищи. Время насживания приходится на май и июнь.

Гнездо у него большое, круглое, низкое, плоское и поразительно легкой постройки из тонкого мха, пуха различных растений, тонких волокон корней, больших клочков овечьей шерсти, кусочков ткани, волос и т. п. Лежит оно на дне углубления скалы. В кладке 4 яйца;* длина их приблизительно 15 мм при 11 мм в толщину. Они окрашены по белому полю коричнево- черными резко очерченными точками, которых больше всего на тупом конце яйца.

* Обычно свои гнезда стенолазы помещают в расщелинах скал, в кладках от 3 до 5 яиц: насживание длится 18-20 дней.

Самыми опасными врагами живущего на свободе стенолаза, как говорит Гиртаннер, являются маленькие соколы и перепелятники, которые охотятся высоко в горах. Они часто ловят взрослых стенолазов, а нередко разоряют и целые гнезда. Однако же стенолазу иногда удается благодаря его искусному полету скрыться даже от этих ловких хищников. Это мне однажды пришлось видеть самому. Ястреб напрасно старался напасть на стенолаза, перелетавшего через большую пропасть. Чем смелее нападал перепелятник, тем больше искусства выказывал стенолаз. Преследуемый ловко избегал его атаки и постепенно добрался до противоположной стены, где, очевидно, его ждало спасение. Едва стенолаз приблизился к ней, как уже более не заботился о самозащите, а полетел прямо, как стрела, на каменную стену, благополучно достиг ее и тотчас исчез в трещине. Перепелятник тотчас же прекратил бесполезную охоту и улетел с сердитым криком.

Стенолаз является большим украшением наших Альп, он высоко ценится всеми любителями путешествий в горах. Если с пустынных высот прозвучит его короткая песня, то путник с радостью ощутит близость этого прекрасного существа, и взор его с удовольствием остановится на этой живой альпийской розе, так оживляющей величественную, но лежащую в вечном оцепенении окрестность.

Семейство нектарницевые

Нектарницы обитают в Старом Свете. Это маленькие, красиво сложенные птицы, щеголяющие своим роскошно окрашенным оперением и благодаря ему напоминающие собой колибри. Они, однако, резко отличаются от последних своими короткими крыльями, ногами с длинными плюснами, а также и образом жизни.

К тем видам, которые окрашены ярко, но без металлического блеска или с весьма малым блеском этого рода и имеют клинообразный хвост с удлиненными средними перьями, относится **нектарница фиолетовоспинная** (*Nectarinia violacea*). Этот вид отличается прямым, слегка согнутым, длиной почти равным голове клювом, относительно короткими крыльями. Хвост клинообразный, и оба последних пера значительно длиннее других. У самца голова, шея, спина и малые кроющие перья бронзово-зеленого цвета, с нижней стороны он ярко-желтый. Полоса на груди и надхвостье блестяще-фиолетового цвета; маховые и хвостовые перья черно-синие, глаза карие, клюв и ноги черные. Самка светло-коричневато-оливковая и с нижней стороны серо-желтая. Полоса на груди и надхвостье блестяще-фиолетового цвета; маховые и хвостовые перья черно-синие. Глаза карие, клюв и ноги черные. Самка светло-коричневато-оливковая и с нижней стороны серо-желтая. Молодые похожи на мать, но еще бледнее. Длина птицы около 15 см, длина крыла 5,5, длина средних хвостовых перьев 9, а остальных 4,5 см. Нектарница — первая птица в тропических странах, которую путешественники встречают, вступая с севера внутрь Африки. Хотя вначале она попадает лишь поодиночке, но все же распространена далее тех границ, которых строго держатся другие тропические птицы на ее родине. Ее встречаешь, как только перейдешь тропик. Нет ее в средней Нубии, потому что там природа так бедна, что ей кормиться нечем, так как каменные массы берегов Нила не дают пропитания даже нетребовательной мимозе. Зато там, где последняя показывается снова, нектарницы налицо.

Их видишь также постоянно парами, на благоприятных местах, во всяком случае, очень часто. Здесь каждой паре приходится довольствоваться малым и ограничиваться немногими цветущими деревьями, а в иное время даже лишь одной группой фиговых кактусов. Как птица, любящая яркое солнце, она утром и вечером спокойна и тиха. Когда же настает горячий полдень и палящие лучи находящегося в зените солнца заставляют других птиц скрываться в прохладных тенистых

местах и они отправляются на покой — тогда нектарница оживает. Самец перелетает с цветка на цветок, отыскивая пищу, с криком и пением, вместе со своей верной подругой. Других птиц нектарница мало боится и человеку позволяет близко подходить к ней и наблюдать ее. Если найдешь мимозу в полном цвету и встанешь под нее, то редко приходится долго ждать появления этой птицы.

Быстрым порхающим полетом появляется самец, садится между шипами в ветвях, внимательно оглядывается на свою самку, нежно кричит ей навстречу и начинает торопливо исследовать цветы. При этом он держится прямо, приглаживает оперение, так что выглядит очень стройным, и летает от одного цветка к другому, ударяя в каждый 3 или 4 раза своим клювом, чтобы вытащить спрятанных в них насекомых. Но не только одни маленькие насекомые составляют пищу нектарницы. Она между делом схватывает муху и даже гоняется за жужжащим насекомым по воздуху. Исследовав цветок, она весело вскрикивает и летит немного далее к другому, причем самка всюду верно следует за самцом. Оба супруга одной пары в высшей степени нежны друг с другом, и самец осыпает свою самку всякого рода любезностями. Кроме очень нежного призывного крика, самец поет также красивую песенку. Певец при этом поднимает перья на голове, опускает крылья и немного их расширяет, поднимает хвост так, что он стоит почти вертикально, вертится и поворачивается во все стороны и сверкает в лучах солнца своим оперением. Он чванится, как павлин, прелестью цветов своего оперения и старается показать в лучшем свете каждую часть своего роскошного одеяния. Самка возбужденно и весело подражает, насколько возможно, каждому его движению. Но насколько велика нежность этих птиц, настолько велика и ревность самца. Он не терпит другого самца на своем участке и нападает на каждого ворвавшегося туда; он преследует его гневно в воздухе, даже между самыми страшными шипами и до тех пор не успокаивается, пока не изгонит врага из границ своего участка.

Время насиживания изменяется в зависимости от местности или, вернее, от того, когда наступает в данной стране весна или другое время года. В южной Нубии и в Самхаре постройка гнезда начинается тотчас по окончании линьки, в марте и апреле; собственно в Судане находил я. напротив того, гнезда в исходе лета, после начала времени дождей.

Фиолетовоспинная нектарница (*Nectarinia violacea*)

Довольно трудно отличить эти гнезда от гнезд родственных птиц. Они висят на крайних ветвях деревьев, именно мимоз, редко высоко над землей, а иногда так низко, что их можно достать рукой, иногда же, напротив, высоко, почти у вершины. Форма гнезда яйцевидная, то продолговатее, то круглее, а иногда цилиндрическая, округленная наверху и внизу. Входное отверстие — в верхней части и помещается сбоку. Хлопок образует главный материал для постройки. Из него свалены стенки. Внутри гнездо выложено волосами, паутиной, а также волокнами цветов. Птицы очень любят вешать его так, чтобы вход был закрыт листьями. Строят его оба пола вместе в высшей степени усердно и употребляют по крайней мере две недели для окончания этой постройки. Они кладут 3-4 продолговатых яйца длиной около 21 мм и толщиной около 12 мм; они окрашены в белый, слегка красноватый цвет и по этому фону покрыты несколькими темно-серыми и буро-

фиолетовыми брызгами. Яйца, как мне кажется, насиживаются одной самкой. Я не имел возможности собрать наблюдения о воспитании птенцов*.

* У нектарниц период насиживания занимает 13-14 дней, птенцы находятся в гнезде 17-19 дней.

Я не могу указать на врагов фиолетовоспинной нектарницы и других родственных видов. Я никогда не видел, чтобы какая-нибудь хищная птица нападала на них. Проворство этих крошек и шипы мимоз, между которыми они постоянно двигаются, защищают их от нападения ястребов и соколов. Зато их гнезда, без сомнения, грабят обезьяны точно так, как и гнезда других птиц.

Семейство медососовые

Новозеландский туи (*Prostremadera novaeseelandiae*). «Отличающимся по своему голосу обитателем романтических пустынь Новой Зеландии, — говорит Рошела, — является новозеландский туи, или поэ. Не слишком много говорят об этой чудной птице, если утверждают, что во всех лесах Европы нет певца, могущего с ним помериться. Постоянная звучность и нежная приятность его пения кажутся мне действительно несравненными. Как я ни люблю пение европейского соловья, но нахожу, что оно далеко уступает пению этой птицы, и я сознаюсь, что никогда в жизни не имел представления о таком очаровательном и чудно поющем существе». Путешественники, которые потом упоминают об этой птице, правда, не воздают ей такой восторженной похвалы, но все без исключения отзываются о ней как о лучшем певце Океании.

Новозеландский туи отличается сильным и наверху и внизу слегка согнутым клювом, сильными, длинными ногами, умеренно длинными крыльями. Хвост средней длины и округлен на конце. По бокам шеи находятся два расщипанных, как волосы, хохолка, шаровидно свернутые, а на верхней части ее — длинные, узкие, волособразные перья. В оперении преобладает блестяще-стальной цвет.

Новозеландский туи (*Prostremadera novaeseekmdiae*)

Глаза темно-карие. Клюв и ноги черные. Молодые отличаются от одинаково окрашенных взрослых аспидно-коричнево-черной краской и широкой, по форме похожей на полумесяц грязновато-белой полосой на горле. Длина туи достигает 30 см, длина крыла 14, а хвоста 12 см.

Хотя туи часто привозили в Сидней и он нередко попадал живым в Европу, однако лишь в последнее время получили мы сведения о его жизни на свободе, и самые подробные и верные от Буллера. «Первые поселенцы называли новозеландского туи, — говорит названный исследователь, — птицей-пастором», вероятно, из-за двух белых хохолок на шее, напоминающих собою белые язычки воротничка рясы евангелического пастора. Впрочем, и другие, выдавшие туи в лесах его родины, находят это название метким, потому что когда он поет, то поворачивается направо и налево, совершенно как пастор на кафедре. Он сидит, как замечает Тимпсон, важно на ветке, качает головой и поворачивает ее то в одну, то в другую сторону, как будто хочет говорить то одному, то другому; вдруг он поднимается и тогда возвышает с такой силой свой голос, точно ему приходится будить спящих. Несмотря на свою постоянную живость и неутомимость, он остается во время пения всегда на одном месте. Ранним утром поет он продолжительнее всего, и тогда раздается по лесам Новой Зеландии гул от песен всех поющих птиц этого вида, соревнующихся между собой. В призывном голосе слышится особенно громкое и звонкое «туи-туи». Его обыкновенная песенка состоит из пяти тонов, которым предшествует отдельный тон; кроме того, всегда слышен какой-то особенный звук, похожий на кашель или смех, и большое количество других вставных звуков, так что новозеландский туи имеет полное право считаться настоящей певчей птицей. Полет ее быстр и красив, со множеством всяких поворотов и крюков, хотя немного шумен. «Ни одна птица лесов Новой Зеландии, — говорит Лейард, — не привлекает настолько внимание чужестранца, как именно туи. Эта шумная птица всегда в движении: она то перелетает с дерева на дерево, то носится, точно на парусах, большими кругами над лесом. Этой забавой она бывает занята вечером, и раньше я был склонен думать, что она старается отыскать глазами себе пищу, но затем нашел, что это делается лишь для забавы и удовольствия. Часто видишь, как они в числе 8-10 летают, то делая круги в воздухе, вращаясь и кувыркаясь, то спускаясь со значительной высоты с распростертыми крыльями и хвостом, то делая разные другие фокусы, пока внезапно все на призывный голос не спустятся в чащу леса и не скроются из глаз». Буллер подтверждает эти сообщения и продолжает далее. Пищей новозеландскому туи служат насекомые, различные плоды и ягоды, а также мед с известных цветов. Язык его, как и у всех медоедов, снабжен тонкой кистью, которую можно видеть лишь тогда, когда птица больна или издохла. Когда в октябре или ноябре кухай сбросит свои листья и оденется в чудный наряд из желтых цветов, тогда это дерево является самым любимым местом для туи. Когда же в декабре и январе стоит в цвету новозеландский лен, то птицы эти покидают леса и посещают поля, засеянные этим растением, питаются медом его цветов. Этим удобным случаем пользуются туземцы для ловли туи в силки и потом поедают его, как лакомое блюдо. Когда созревают ягоды, птица от них сильно жиреет, что, вероятно, служит причиной поверья, что будто бы они распарывают себе клювом грудь, чтобы избавиться от жира. Гнездо туи находится обыкновенно в развилине, между двумя ветвями густолиственного куста, лишь на несколько метров над землей и редко на вершине дерева. Оно довольно велико и построено из сухих прутиков и зеленого мха. Внутренность красиво сплетена из разных былинки и выложена черными волосовидными побегами древесного папоротника. 3 яйца различной формы и величины образуют кладку; они имеют около 27 мм в длину и 18 мм в толщину и несколько похожи на грушу. Они белые, слегка розоватые и разрисованы округленными красными пятнами.

Благодаря своей необыкновенной способности к подражанию туи сделался любимцем как туземцев, так и колонистов, хотя он и считается недолговечным, тем не менее выдерживает, как доказал опыт, до десяти лет неволи. Привыкнув к корму в клетке или комнате, он быстро и скоро научивается говорить несколько слов, насвистывать арии, подражать лаю собаки, крику попугая, кудахтанью курицы и т. д. Маори ценят эту способность к подражанию очень высоко и тратят немало времени, чтобы выучить туи.

Новозеландцы, кажется, издавна охотно держат туи в клетках. Они приносили его Рошела в маленьких плетеных клетках и предлагали продать, и по настоящее время много их попадает таким путем в руки европейцев. Пойманные птицы в высшей степени занимательны, они легко делаются ручными и быстро заводят дружбу с ухаживающими за ними людьми.

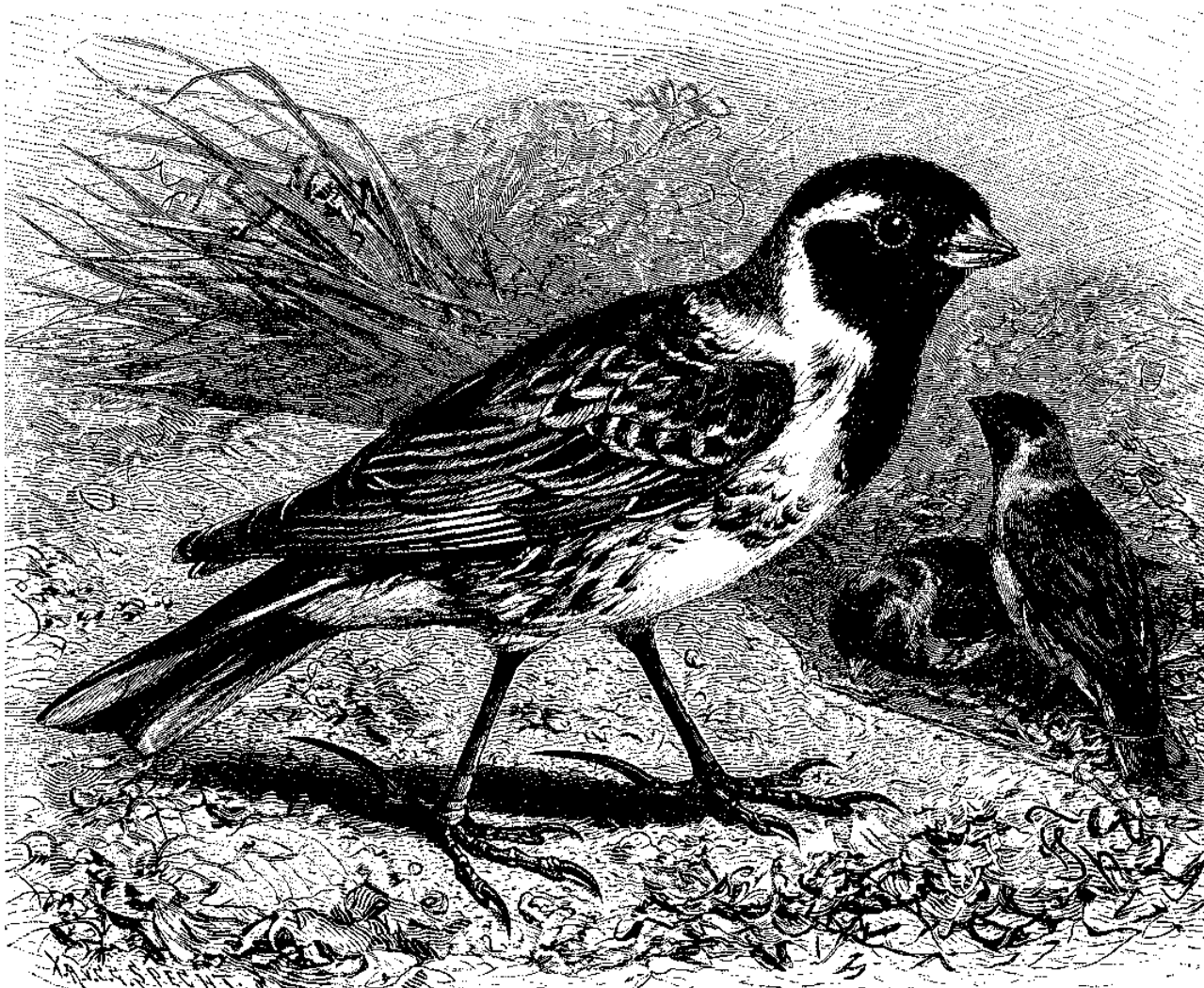
Семейство овсянковые

Лапландский подорожник (*Calcarhis lapponicus*) имеет голову, подбородок и горло черного цвета; широкая глазная и височная полоса ржаво-беловатая, затылок и задняя часть шеи образуют коричнево-красное поле, остальные верхние части ржаво-бурого цвета и разрисованы черными

стержневыми пятнами, стороны шеи и нижние части тела белые. Длина птицы достигает 16 см, размах крыльев 27, длина крыла 9, хвоста 6 см.

Лапландский подорожник — дитя тундры; область его распространения простирается поэтому по северной части Старого и Нового Света. Отсюда он зимою переключивается на необходимое расстояние на юг, появляется уже в Германии лишь в виде исключения, далее на юг залетает разве заблудившись, и как только возможно, возвращается обратно на свою суровую родину. Здесь он всюду крайне обыкновенен и почти не делает различия между низменностью и возвышенностью, если только карликовая береза образует на поверхности земли плотный покров, который подорожник очень любит.

Он проворно бегаёт, шагая, а не прыгая, легко и ловко летает и, подобно жаворонкам, часто долго вьётся во время пения. Его унылый призывный звук, соответствующий его бесплодной родине, можно передать приблизительно слогами «тью-тьюэб». Самка издает такой же зов, как самец, но несколько ниже.

Лапландский подорожник (*Calcaeus lapponicus*)

Очень простая, но приятная песня состоит из единственной строфы, в которой часто повторяется призывный крик. Насколько я мог узнать, лапландский подорожник поет лишь на лету, но очень прилежно. Науман не без основания сравнивает это пение с плохим пением полевого жаворонка.

По наблюдениям Шрадера, лапландский подорожник появляется в Лапландии лишь к середине апреля и тотчас приступает к кладке. Гнездо, которое встречается в болотных местах между корнями карликовой березы на холмике, где оно хорошо скрыто в растениях, образующих густые кусты, и в тому подобных местах, состоит снаружи из грубых и нежных соломинок, а внутри выстлано мягкими перьями белого тетерева. В середине июня находят полную кладку, 5-6 яиц, длиной 20 мм, толщиной 15 мм, которые на сероватом, желтоватом или светло-буроватом фоне более или менее разрисованы более темными, соответствующими основному цвету черточками и точками. Рисунка может и не быть, чем, однако, не изменяется общий характер яйца. Только что вылетевших птенцов я находил уже в середине июля. В это время те лапландские подорожники, которых я

наблюдал, жили обыкновенно парами, но уже также и маленькими стайками, может быть состоявшими из таких птиц, которые уже вывели птенцов.

Пища их состоит в пору вывода птенцов исключительно из насекомых, и главным образом из комаров; последние находились в зобу и желудке всех убитых мной лапландских подорожников. Напротив, зимой этот подорожник питается семенами. Так как поздней осенью лапландский подорожник охотно присоединяется к жаворонкам, то его часто ловят вместе с ними и иногда во множестве, как в Китае, где иногда его массаами приносят на рынки.

Родственная лапландскому подорожнику **пуночка** (*Plectrophenax nivalis*) летом белоснежного цвета, но верхняя часть спины, плечи, большие маховые перья и четыре средних хвостовых пера, кроме узкой белой каемки на конце перьев верхней части спины и плеч и белого основания больших маховых, черного цвета; зимою же верхняя и задняя части головы и область уха ржаво-коричнево-бурого. Самки зимою окрашены еще более ярким коричнево-буроватым цветом, чем самцы. Глаза темно-карие, клюв летом черный, зимою оранжево-желтый; ноги черные.

Приблизительно те же страны, в которых живет лапландский подорожник, составляет родину и пуночки. Область распространения ее обширнее; область, в которой она выводит птенцов, напротив, ограниченнее, чем у лапландского подорожника. Она населяет возвышенную тундру на севере на всем протяжении, где только она свободна от снега хотя бы на несколько недель, но всегда в ближайшем соседстве с вечным снегом. В Исландии она самая обыкновенная сухопутная птица, на Шпицбергене, на Новой Земле и в северной Гренландии, насколько известно, она еще выводит птенцов. Я наблюдал ее летом в Скандинавии лишь на высочайших горах Доврефьельда и в северной Лапландии непосредственно около снежной линии, но лишь в очень немногочисленных экземплярах, а в низменной тундре самоедского полуострова и вовсе не наблюдал ее. Ее зимние странствования доводят ее до южной Германии, иногда еще дальше на юг, в Азии — до южной Сибири и среднего Китая, в Америке — до средних Соединенных Штатов.

Пуночки по своему поведению настолько же похожи на жаворонков, как и на подорожников. Они бегают, как жаворонки, летают легко и ловко, мало порхая и описывая большие дугообразные линии, но во время перелета на значительной высоте, а в другое время охотно над самой землей. Компания таких птичек в поисках пищи, «катится по земле», как очень характерно выражается Науман, причем только часть их опускается, а задние перелетают через передних. Это беспокойные, подвижные птицы, которые и в самую суровую стужу не теряют своей бодрости и, даже терпя решительную нужду, продолжают казаться веселыми. Лишь в редких случаях они остаются долгое время на одном месте и, напротив, охотно кочуют по известной области. На местах вывода птенцов они поют сидя на снегу или еще охотнее на камнях.

У нашей **тростниковой овсянки** (*Emberiza schoeniclus*) голова, подбородок и горло вниз до середины зоба черного цвета, полоска у углов рта вроде усов, полоска на затылке, окружающая шею, и нижние части, за исключением серых с темными продольными черточками боков, белого цвета; верхняя часть спины и плечи цвета, переходящего от серого в черно-бурый, и красиво разрисованы ржаво-бурыми боковыми каемками. Длина птицы достигает 16 см, размах крыльев 23, длина крыла 7,5, хвоста 5,5 см.

Область распространения обнимает всю Европу и западную Азию.

В пределах своей обширной области распространения тростниковая овсянка не встречается лишь на горах. Она держится, однако, исключительно там, где болотистые места поросли высокими водяными растениями, тростником, камышом, ситником, кустами ивы и тому подобными болотными растениями, а следовательно, другими словами, у прудов, рек, берегов озер, на болотах и мокрых лугах. Здесь же она и выводит птенцов.

Тростниковая овсянка (*Emberiza selweniclus*)

Тростниковая овсянка бодрая, хорошенькая птица; она более проворна и ловка, чем ее родичи, и искусно лазает вверх и вниз по тростнику, умеет держаться сидя на самых тонких ветках и соломинах, быстро скачет по земле, быстро и легко, хотя и порывисто, летает, высоко поднимается, взлетая вверх, и вдруг бросается вниз, а часто красивыми дугами толчется над тростниками. Призывный голос тростниковой овсянки ясное «ци», растянутое несколько более обыкновенного; пение, как очень верно выражается Науман, «заикающееся... так как эта овсянка выдавливает из себя отдельные звуки». Зато она поет очень прилежно, и это рвение примиряет слушателя с ее пением.

Просьянка (*Emberiza calandra*). Длина ее достигает 19 см, размах крыльев 29, длина крыла 9, хвоста 7 см. Верхние части, за исключением одноцветных перьев надхвостья и кроющих хвоста, на землисто-буроватом фоне разрисованы темными стержневыми черточками, которые образуют неясные полосы, идущие вниз от нижней половинки клюва, и на середине зоба сливаются в более крупное темное пятно, а на брюхе отсутствуют.

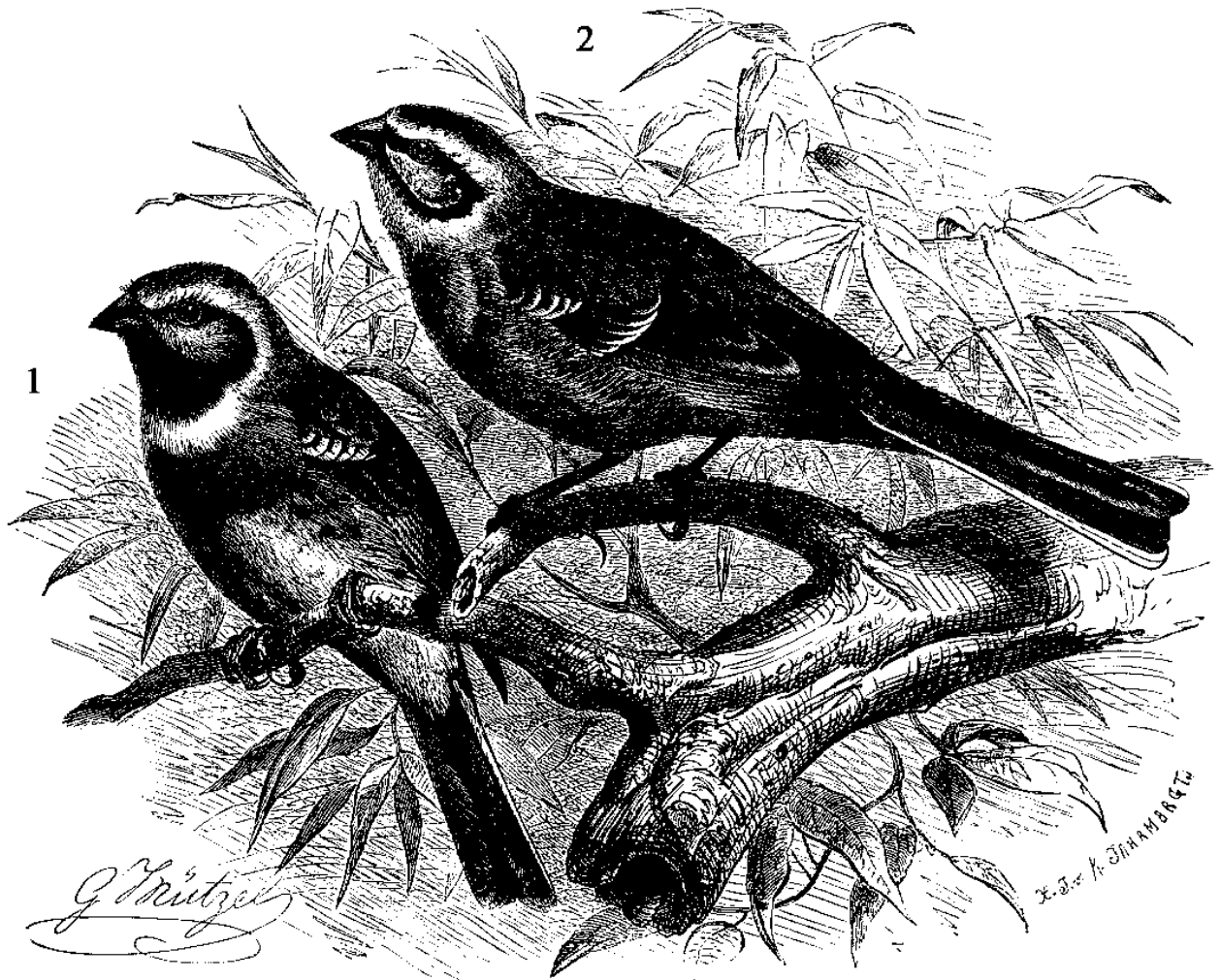
Начиная с южной Норвегии, просьянка встречается во всей Европе, а также в западной Азии всюду на соответствующих местах, являясь оседлой или по крайней мере кочующей птицей. Во время перелета отдельные экземпляры или стаи достигают северной Африки; в это время она нередко в Египте и обыкновенна на Канарских островах. Ее летнее местопребывание составляет обширные, плодородные равнины, засеянные хлебами; держится она охотнее всего в таких местностях, где поле чередуется с лугом и есть отдельно стоящие деревья и кусты. В больших лесах ее можно видеть так же мало, как и на горах. В южной России и западной Азии обе овсянки обыкновенны, здесь и находится, вероятно, место их происхождения.

Ради вкусного мяса за просьянкой охотятся с ружьем или ловят с помощью сетей, а также особыми ловушками.

Огородная овсянка (*Emberiza cirhis*) по характеру, голосу и пению крайне похожа на обыкновенную овсянку. Длина ее достигает 158 см, размах крыльев 24, длина крыла 7,5, хвоста 7 см.

В течение всего лета эту нашу всем известную овсянку встречают парами или ее птенцов маленькими обществами. С наступлением весны старые птицы приступают к кладке. Часто уже в марте находят гнездо, которое построено из грубых, наполовину гнилых стеблей растений, стебельков травы и сухих листьев, внутри выстлано травинками и лошадиными волосами, расположено в низком кустарнике, по большей части близко от земли, между стволами или в густых ветвях, и самое позднее в конце апреля в нем появляется первая кладка. Она состоит из 4-5 яиц длиной 21 мм, толщиной 15 мм, с тонкой скорлупой, которые на мутно-белом или красноватом фоне разрисованы и исчерчены более темными пестрыми пятнами и жилками; оба родителя насиживают их поочередно, и оба сообща посвящают себя заботам о потомстве. В благоприятные годы овсянка выводит птенцов два раза. Пока продолжается птенцовая пора, самец очень бодр, поет с самого раннего утра до позднего вечера свою простую песню, состоящую из 5-6 почти одинаковых звуков и несколько вытянутого заключительного звука октавой выше. Во время пения певец усаживается на открытом кончике ветви и очень близко подпускает людей, позволяя таким образом легко наблюдать себя.

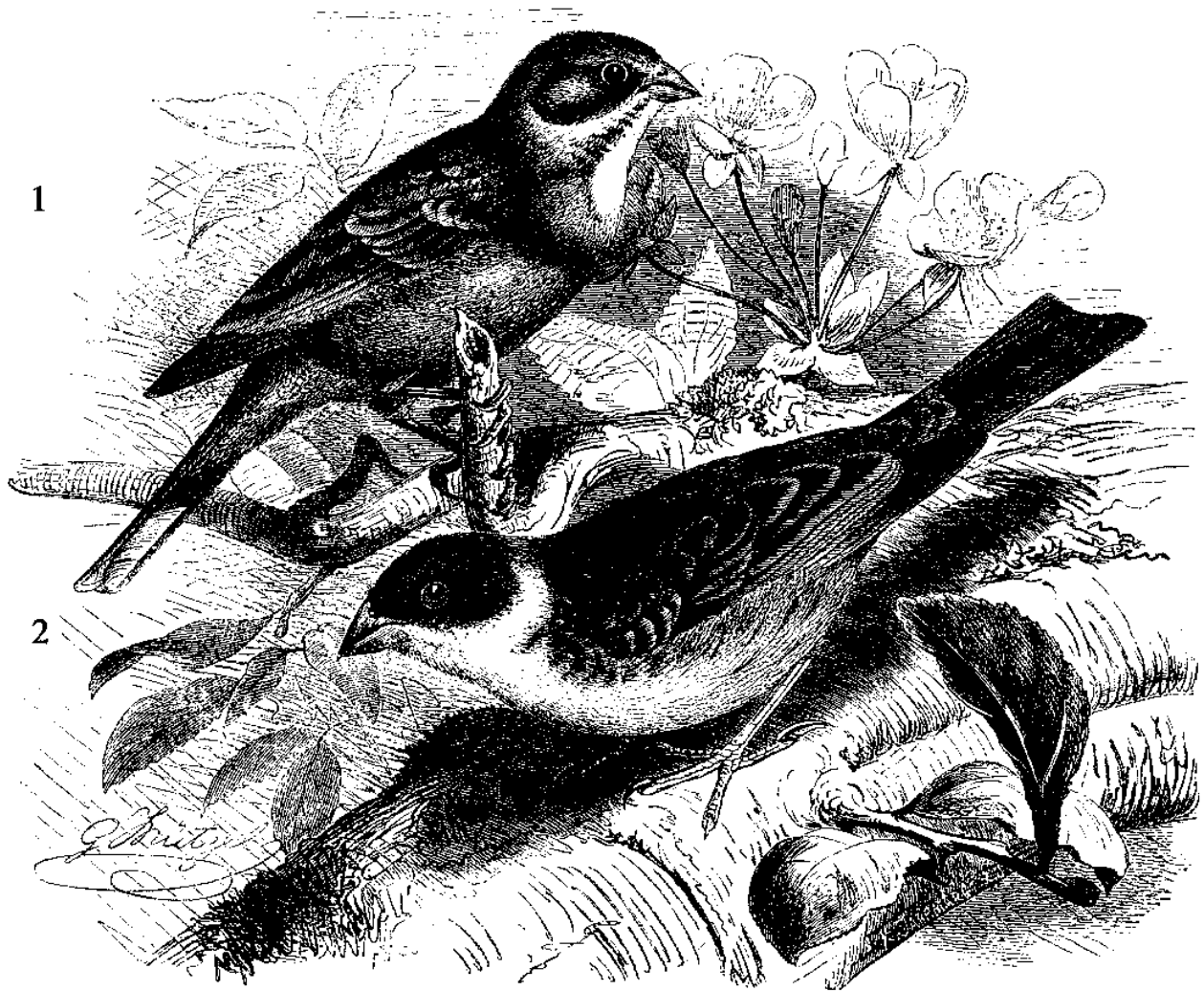
По окончании птенцовой поры молодые и старые птицы собираются в стаи, которые скоро становятся очень многочисленными и кочуют по довольно маленькой области, соединяются также с жаворонками и вьюрками, даже с дроздами-рябинниками. Местами ее ловят особыми точками; однако в хищных животных она имеет гораздо более опасных врагов, чем в человеке.

1 — Огородная овсянка (*Emberiza cirulus*) 2 — Садовая овсянка (*Emberiza hortulana*) Большой известностью, чем огородная овсянка, пользуется садовая овсянка (*Emberiza hortulana*). Длина ее достигает 16 см, размах крыльев 26, длина крыла 8, хвоста 7 см. Голова, шея и зоб ее бледно-серо-зеленоватого цвета, узкое кольцо вокруг глаз, подбородок и горло, а также полоска, идущая вниз от нижней половинки клюва, которая ограничена снизу узкой, более темной полоской («усами») желтоватого.

Садовая овсянка также распространена по большей части Европы, но встречается всегда лишь местами, а во многих местностях ее вовсе нет или она крайне редка. Она часто встречается в южной Норвегии и Швеции, обыкновенна в южной Европе, кроме того, она выводит птенцов в Голландии, Англии, Франции, России, в Средней Азии до Алатау, в горах Малой Азии и Палестины. Зимой она перекочевывает до западной и восточной Африки, предпочитает горы и поднимается на них до высоты в 3000 м. В южной Европе садовые овсянки и просянки гораздо многочисленнее и обыкновеннее и распространены до берегов Атлантического океана.

По образу жизни и поведению садовая овсянка мало отличается от других видов того же семейства. Она населяет приблизительно такие же местности, что и просянка, ведет себя очень похоже на нее, но поет несколько лучше, хотя совершенно сходным образом. Зов ее звучит как «гифгерр», нежность выражается тихим «ги» или едва слышным «пикк», знак недовольства — громкими «герк». Гнездо устраивается также близко от земли, обыкновенно в самых густых ветвях низких деревьев; яйца числом 4-6, длиной 19 мм, толщиной 15 мм покрыты на светло- или белокрасноватом фоне черно-голубоватыми пятнами и линиями.

1 — Садовая овсянка (*Emberiza hortulana*) 2 — Черноголовая овсянка (*Emberiza melanocephala*)

Уже римляне умели ценить по достоинству вкусное, нежное мясо овсянки и откармливали их в особо устроенных для этого клетках, которые ночью освещались лампами. Тот же способ употребляется, говорят, еще и теперь в Италии, южной Франции и особенно на греческих островах. Там овсянок ловят массами, убивают их, когда они делаются достаточно жирны, варят в горячей воде и укладывают по 200 и 400 штук с уксусом и пряностями в маленькие бочонки, которые затем и рассылаются. Гастрономы охотно платят высокие цены за приготовленных таким образом овсянок.

Один из красивейших видов этого семейства — **черноголовая овсянка** (*Emberiza melanocephala*). Длина ее достигает 18 см, размах крыльев 24, длина крыла 7,5, длина хвоста 7,6 см.

В Германии она населяет главным образом страны по Рейну, именно по среднему Рейну, а также юго-восточный Баден, встречаясь в последнем чаще на возвышенных горных долинах; на Рейне же она живет в виноградниках на правом берегу; довольно редко встречается и в Австрии. Черноголовая овсянка обыкновенна в южной Европе, именно в Испании, Италии и Греции, а кроме того, в западной Азии. Отсюда она при перелетах пересекает большую часть Азии до Гималайских гор, в западной части которых встречается регулярно. Это горная птица, которая, судя по моим наблюдениям, произведенным в Испании, избегает равнин. Склоны, с возможно более раздробленными горными породами, составляют любимое ее местопребывание. Здесь она бродит между камнями и глыбами подобно другим овсянкам. На деревья и кусты садится редко. В остальном по поведению и движениям, полету и голосу это настоящая овсянка.

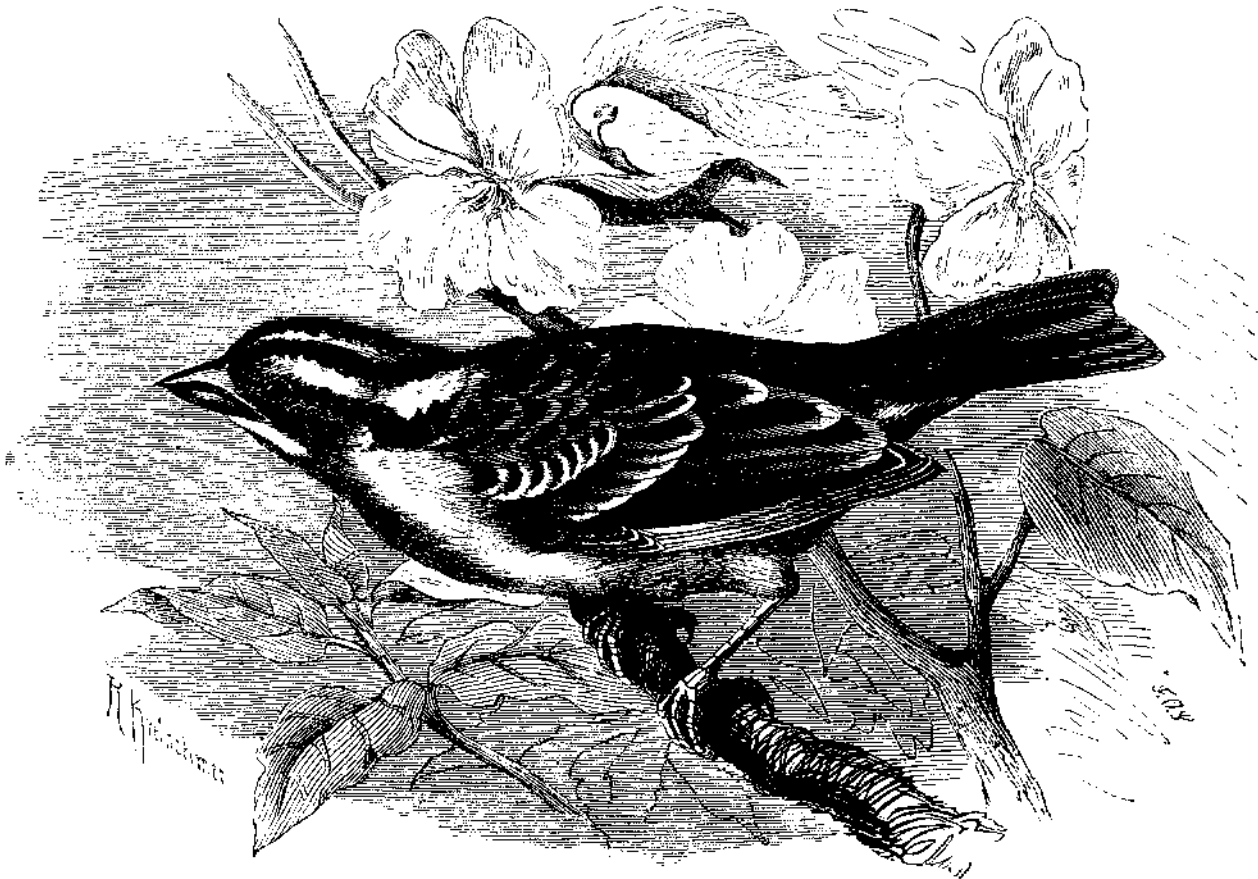
Около Рейна, где эта птица в некоторых местностях нередко гнездится, находили гнезда в щелях и углублениях изгородей виноградников. Кладка состоит из 3-4 яиц длиной 21 мм, толщиной 16 мм; на беловато-сером фоне они как бы оплетены серовато-черными, а между ними также несколькими серыми нитями, часто образующими пояс посредине яйца. Черноголовые овсянки, вероятно, тоже выводят птенцов дважды в год; в Испании, однако, мы не замечали их птенцов ранее

июля. В половине августа началась уже линька. В Испании мы находили ее зимою очень большими стаями чрезвычайно часто на всех солнечных склонах Сьерра-Невады.

Не менее красивой птицей является **дубровник** (*Emberiza aureola*). Он принадлежит к северной Азии, но населяет также в большом числе северо-восточную Европу и не слишком редко залетает отсюда в западную Европу, между тем как главная масса этих птиц направляет свое зимнее путешествие в южный Китай, Кохинхину, Ассам, Бирму и западную часть Гималайских гор. Длина этой птицы достигает 18 см, размах крыльев 28, длина крыла 8,8, хвоста 4,5 см. Верхние части, поперечная полоса под желтым горлом и бока зоба темного ржаво-бурого цвета; нижние шейные перья и перья плеч с неясными стержневыми пятнами и узкими беловатыми наружными каемками; уздечка, стороны головы и подбородок черные, нижние части желтые и по бокам украшены красно-бурыми стержневыми черточками; нижние кроющие перья хвоста белые, маховые темно-бурые с чало-бурыми, задние малые маховые с широкими ржаво-бурыми каемками снаружи, красно-бурые кроющие перья больших маховых окаймлены на концах широкими грязно-белыми краями, образующими поперечную полосу; большое место на верхних и нижних кроющих перьях крыла белого цвета, наружные хвостовые перья белые, внутри у корня и на конце темные, вторые украшены на внутренней стороне белой продольной полоской, остальные окрашены так же, как большие маховые. Глаза красновато-бурые, клюв желтоватый, нижняя половинка его красноватая; ноги буровато-рогового цвета. У самки верхние части тела ржаво-буроватые с темными стержнями перьев; перья надхвостья красно-бурые, полоска, проходящая посередине головы, брови и полоска, проходящая по нижней части щек, а также нижние части тела желтоватые, на боках несколько темнее и здесь тоже разрисованы стержневыми черточками.

Во всей средней Сибири, и притом как на низменностях, так и на горах, до 2000 м высотой, дубровник принадлежит к самым обыкновенным видам. Не менее многочислен он в восточной Европе, именно на среднем и южном Урале, распространяясь отсюда до Двины и юго-западной части Онежского озера. Замечательно, что во время своего путешествия мы нашли его лишь на немногих местах, а именно на одном казенном алтайском заводе. Местности, богатые водой, хорошо заросшие кустами ивы, служат его любимым местопребыванием; второе место занимают березовые рощи, но в хвойных лесах он не живет никогда.

Северная Америка оживляется присутствием **белошейной зонотрихии** (*Zonotrichia albicollis*). Посреди черного темени и затылка ее тянется узкая беловатая линия; кроме нее имеется другая, широкая бурая полоса, ограниченная на уздечке желтой, а внизу, за глазами, черной полоской. Щеки и ушная область пепельного цвета; подбородок и горло белые и отграничены снизу неясной, узкой, темной полосой. Нижние части, за исключением буровато-серого зоба и ржаво-буроватых боков, белые. Глаза орехового цвета; верхняя часть клюва рогово-бурого, нижняя светло-синего, ноги телесного цвета. Окраска самок более тусклая. Длина тела птицы достигает 17 см, размах крыльев 23, длина крыльев 8, хвоста 8 см.

Белошейная зонотрихия (*Zonotrichia albicollis*)

Птица эта распространяется по всем восточным штатам Северной Америки, но на севере является лишь перелетной птицей, на юге же живет только зимой*.

* В ареал зонотрихия также входит большая часть Канады.

"Этот прелестный выюрок**", — говорит Одюбон, — в Луизиане и во всех остальных южных штатах бывает только гостем, так как остается здесь лишь на короткое время.

* * Белошейная зонотрихия относится не к выюлкам, а к семейству овсянковых (*Emberizidae*).

Он появляется в начале сентября и снова исчезает в марте. В средних штатах он остается несколько долее. Гнездо всегда находится на земле, в весьма разнообразных местах: то под небольшим кустом, то в болотистой чаще, то у подножия старого дерева, иногда также в углублении среди корней; оно очень больших размеров, глубоко и обширно внутри и свивается из мха и грубых трав, внутри выложено более нежными стебельками, волосами, а также несколькими перьями и растительными волокнами. Оно содержит 4-7 яиц 22 мм длиной и 15 мм толщиной. В июне, во время размножения, самец необыкновенно оживлен и весьма прилежно напевает единственную строфу своей песенки, состоящую из 12 различных звуков, которые народ часто передает различными веселыми сочетаниями слов; песня поется без всяких вариаций, так что в конце концов производит впечатление монотонности».

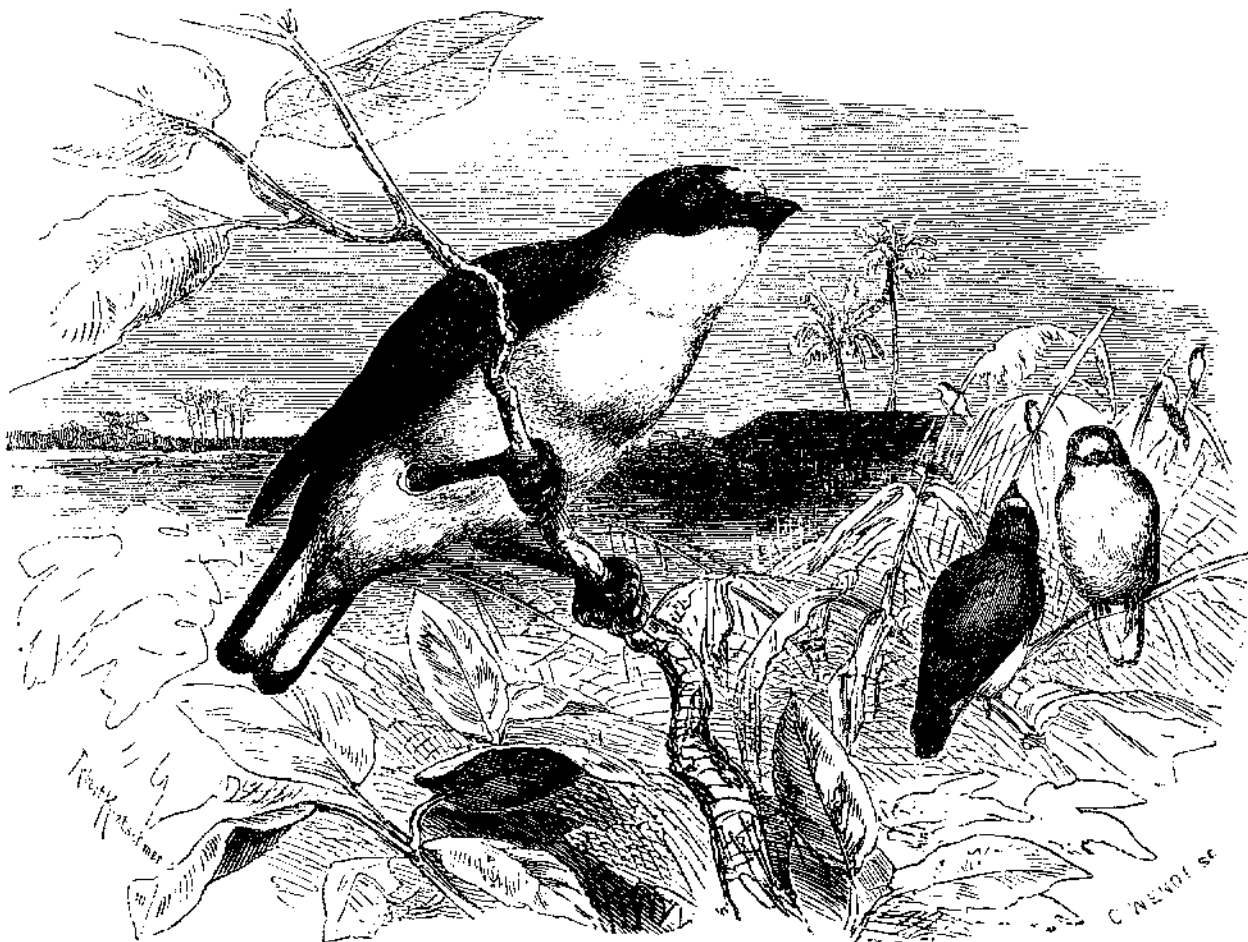
Кое-где белошейную зонотрихию убивают и ловят ради вкусного мяса или чтобы посадить в клетку. В неволе она доставляет пением тем большее удовольствие, что в весеннее время, по своей привычке, обыкновенно поет также и ночью.

Эуфония — это небольшие, толстоголовые птицы с толстым клювом, который около кончика верхней челюсти имеет мелкие зубрины и, кроме того, отличается тем, что у основания широк и в то же время высок. Спереди более сжат с боков, и, наконец, края его не вывернуты наружу, а подогнуты внутрь. Крылья короткие, узкоперые и мало выдаются над основанием хвоста. Хвост очень мал, и притом в одинаковой степени короток и узок. Каждое перо в отдельности закруглено. Окраска оперения у обоих полов различная. У самца на спине преобладает синеватый цвет или зеленый, у самки постоянно оливково-зеленый цвет; на брюшной стороне окраска желтого или бледно-желтого цвета и обыкновенно ярче окраски верхней части тела.

По словам Бурмейстера, эуфонии живут уединенно в густых лесах и питаются мелкими многосемянными ягодами; у них приятный, чрезвычайно благозвучный голос «с настоящими октавными

переходами», который можно слышать очень часто; гнездятся они в густом кустарнике и кладут чрезвычайно длинные, бледно-красноватые яйца, покрытые на тупом конце красно-бурыми пятнами.

Достаточно, если я опишу один только вид, а именно **фиолетовую эуфонию** (*Euphonia violacea*), часто встречающуюся в Бразилии и Гвиане. Длина их тела равна 10 см, размах крыльев 18, длина крыла 6, хвоста 4 см.

Фиолетовая эуфония (*Euphonia violacea*)

У самца лоб и вся нижняя часть тела желтого яичного цвета, верхняя часть, начиная со лба, фиолетового стального цвета, который на кроющих перьях крыльев и на краях маховых перьев, окаймленных с внутренней стороны белой полоской, принимает зеленоватый металлический оттенок; хвостовые перья сверху стального сине-зеленого цвета, снизу черные; внутренние бородки обоих крайних перьев, так же как и стволы последних, белые. Самка тусклого оливково-зеленого, снизу желто-серого цвета; маховые и хвостовые перья серо-бурые. Птенцы походят на мать. Переходное оперение самцов сверху стального синего цвета, а снизу покрыто желтыми пятнами.

Относительно их образа жизни сведения весьма незначительны, несмотря на то, что этих птиц часто содержат в клетках. Фиолетовые эуфонии чрезвычайно милостивые, живые, подвижные существа, которые ловко прыгают на верхушках деревьев, быстро летают и часто подают свой короткий, благозвучный, призывный голос. Пища их состоит из различных плодов; особенно много истребляют они померанцев, бананов, и, насколько я мог узнать из наблюдений над пленными эуфониями, каждая из этих птиц съедает по крайней мере вдвое, если не втрое больше собственного веса, и так как эти крошечные обжоры иногда появляются в таком количестве, что буквально покрывают некоторые фруктовые деревья, то в состоянии причинить плантациям существенный вред. Поэтому, как ни радуют они взор натуралиста своею подвижностью и ловкостью, их нигде не любят и по возможности даже преследуют. От тангар отличаются не только своей подвижностью, но также своим красивым пением, которое главным образом заключается в целом ряде отрывистых и других связывающих их мурлыкающих и трескучих звуков. Поют они довольно тихо, но добросовестно, и очень приятно действуют на слух.

Гнезда эуфоний, относительно размножения которых можно было бы привести некоторые исследования, сравнительно с величиной самих птиц очень обширны, имеют форму чашки и свиты

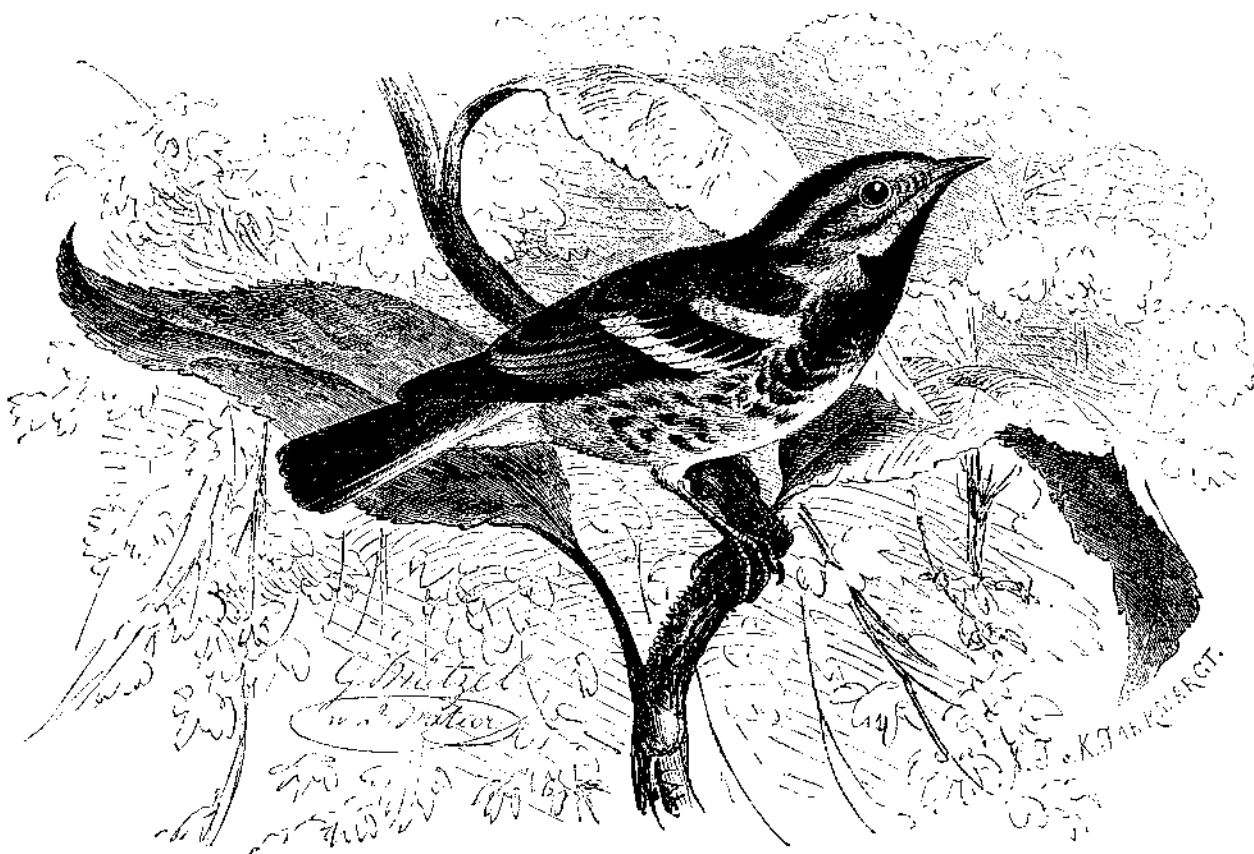
из сухой травы, тонких веток и клочков хлопка, внутри же выложены тонкими соломинками. Кладка состоит из 3-5 яиц с весьма тонкой скорлупой красивого красновато-желтого цвета, усеянной пятнами чрезвычайно нежного красно-бурого цвета, большей частью сгруппированными наподобие венка.

Эти птицы у нас редко содержатся в клетках; за ними необходим тщательный уход, и они долго не выживают уже потому, что у нас не имеется любимых ими плодов.

Семейство древесницевые

Зеленый лесной певун (*Dendroica virens*). Верхняя часть тела, черта поперек глаз и ушная область оливково-желто-зеленого цвета, который на лбу принимает более желтый оттенок; широкие полосы на уздечке, около глаз и на подбородке книзу от угла рта, а также обе стороны шеи ярко-желтого цвета; подбородок, горло и зоб образуют широкий черный щит; остальные нижние части тела белые, с легким желтоватым оттенком, бока украшены широкими черными продольными полосами, брюшко и задняя часть желтые. Глаза темно-карие, клюв черный, ноги рогового бурого цвета. У самок и молодых самцов перья на подбородке и горле окаймлены белой полоской, вследствие чего черная окраска более или менее ступшевывается. Длина их тела равна 13 см, длина крыла 7, а хвоста 6 см.

Эти красивые птички населяют большую часть восточных Соединенных Штатов, а зимой переселяются к югу до средней Америки и Вест-Индии. Их местожительство соответствует приблизительно местожительству наших славок или пеночек. Они, как и некоторые виды первых и большая часть видов последних, возвращаясь из своего зимнего местопребывания, преимущественно оседают на вершинах более высоких деревьев и населяют как пустынные леса, так и сады или плантации в непосредственной близости от жилых построек.

Зеленый лесной певун (*Dendroica virens*)

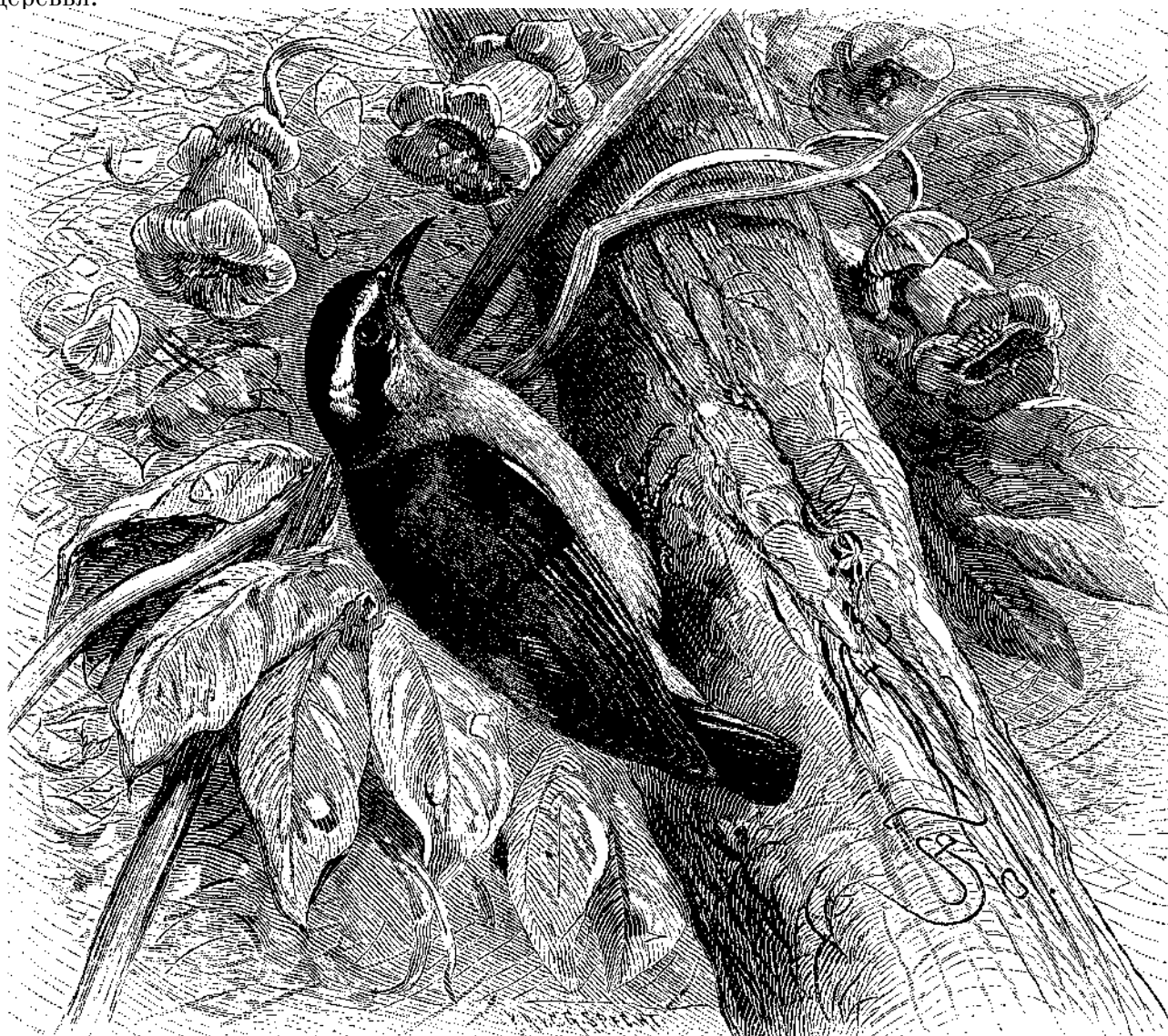
В свои места гнездования они прибывают поздно, едва ли раньше половины мая, но зато довольно долго остаются в стране и с наступлением осени, по крайней мере на севере обитаемых ими местностей, предпринимают более или менее далекие странствования. Своим нравом и поведением они походят на наших славок.

Неспокойные и подвижные, они искусно прыгают и снуют среди ветвей; подобно синицам, они лазают и выделывают разные гимнастические упражнения, подобно славкам преследуют пролетающих мимо насекомых. При всем этом они еще находят время превосходно пропеть свою коротенькую песенку. Американские натуралисты указывают на них как на хороших певцов и упоми-

нают, что их можно слышать во всякое время дня в продолжение всего лета. Пища их состоит из всякого рода насекомых и их личинок, а осенью также из различных ягод.

Банановый певун (*Coereba flaveola*) отличается коротким, острым, слегка согнутым клювом. Самец сверху черный, горло черновато-серое, а нижняя часть и надхвостье желтые; полоса над глазами, передние края больших маховых перьев, конец хвоста и самые крайние хвостовые перья белые. Глаза серовато-карие, клюв черный, ноги бурые. Самка сверху черновато-оливкового цвета, снизу буровато-желтого, в остальном окрашена, как самец. Длина тела около 10 см, длина крыла 5,6, а хвоста 2,5 см.

Банановый певун живет на острове Ямайка. Согласно сообщением Гноссе, которому мы обязаны лучшим описанием жизни этой птицы, она встречается здесь нередко в обществе колибри и посещает те же цветы и с той же целью, что и колибри. Но певун не парит перед цветами, а садится на деревья.

Банановый певун (*Coereba flaveola*)

Прыгая с ветки на ветку, он старательно исследует внутренность цветка, причем для удобства поворачивает тело так, чтобы иметь возможность своим загнутым клювом и языком отыскивать небольших насекомых, прячущихся в цветке. Эта доверчивая птичка — частый гость на цветущих кустах плантаций и садов Ямайки.

Гнездо свое помещает обыкновенно на низких кустах вблизи осиних гнезд, которые висят на ветвях. Говорят, и другие родственные птицы имеют склонность к этому соседству. Они, без сомнения, считают себя более защищенными вблизи этих насекомых, которых все боятся. Время насиживания яиц падает на май, июнь, июль. Четвертого мая я видел бананового певуна, несущего шелковистую шерсть для гнезда, которое было еще не достроено. Основание его указывало, что оно будет покрыто сводом; оно состояло только из мягкой шерсти. Позже я видел и несколько оконченных гнезд. Они имели форму шара; входное отверстие было сбоку и снизу. Очень толстые стенки со-

стояли из сена, смешанного с шелковистым хлопком асклеиадеи. В другом гнезде я нашел два яичка, раскрашенных по зеленовато-белому фону частыми красными пятнами.

Семейство вьюрковые

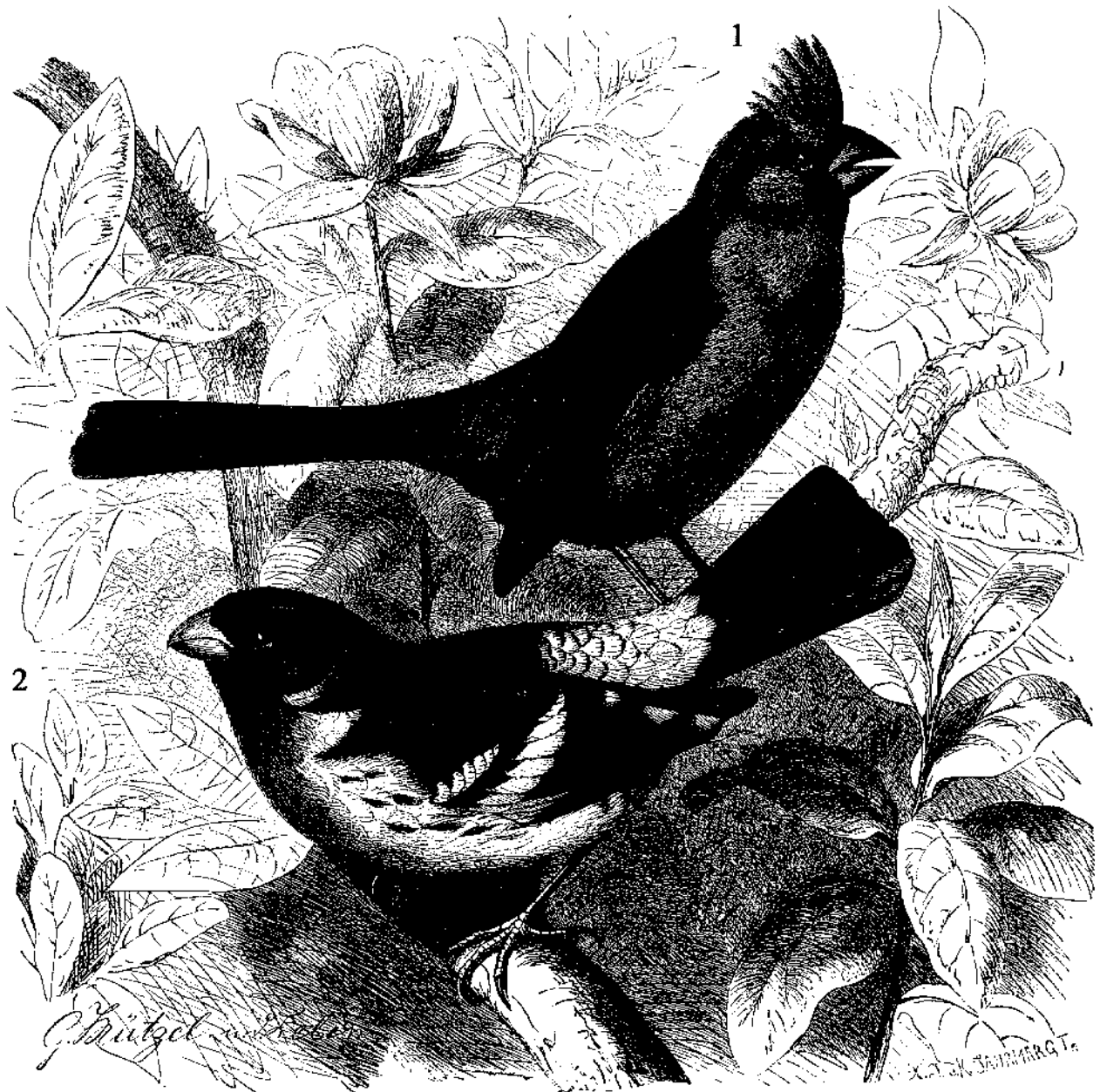
"Однажды в августе, — рассказывает Одюбон, — когда я с трудом плелся вдоль берега реки Могаук, меня застигла ночь. Я был мало знаком с этой частью страны и решил поэтому переночевать там, где находился. Вечер был прекрасный и теплый, звезды отражались в реке; издали доносилось журчание водопада. Я быстро развел под скалой маленький костер и улегся, вытянувшись, около него. Наслаждаясь отдыхом, с закрытыми глазами, я дал волю своим мыслям и скоро перенесся в мир грез. Вдруг в душу мою проникла вечерняя песнь птицы, такая полнозвучная, громкая благодаря ночной тишине, что сон, уже спускавшийся на мои веки, снова слетел с них. Никогда благозвучие тонов не доставляло мне столько удовольствия. Эти звуки заставляли трепетать мое сердце и доставляли мне высокое наслаждение. Я готов был думать, что даже сова заслушивалась их: она молчала эту ночь. Долго еще после того, как прозвучали эти тоны, я восхищался ими и в этом состоянии заснул».

Птица, о которой с таким воодушевлением Семейство вьюрковые 481 говорит поэт-естествоиспытатель, — **красногрудый кардинал** (*Pheucticus ludovicianus*). Длина его достигает 18 см, размах крыльев 28, длина крыла 9, длина хвоста 7 см. Верхняя сторона тела, крылья, хвост, подбородок и верхняя часть горла черные; остальная нижняя часть, за исключением широкого ярко-красного щитка на зобе, который вытягивается углом до середины груди, белая; брюхо и бока бедер разрисованы отдельными черными черточками; большие маховые перья на половине, ближайшей к основанию, на обоих пластинках опахала, малые маховые перья, их кроющие перья и самые большие верхние кроющие перья крыла — на конце белого цвета; плечи и нижние кроющие перья крыла ярко-красные; наружные хвостовые перья на внутренней половине, ближайшей к концу, белые. Глаза орехово-бурые, клюв бледно-желтый, ноги серовато-бурые.

Область распространения красногрудого кардинала обнимает восточную часть Соединенных Штатов на северо-запад до Саскачевана, на запад до Небраски, а область перелетов также среднюю Америку до Новой Гренады*.

** Красногрудый кардинал распространен также на востоке и в центральных провинциях Канады.*

В пределах указанных стран птица эта встречается, однако, нерегулярно и всегда лишь по одиночке. Она обыкновенна в южной Индиане, в северном Иллинойсе и в западной части штата Айова; в Массачусетсе их численность, по-видимому, постепенно увеличивается.

1 — Красногрудый кардинал (*Pheucticus ludovicianus*) 2 — Красный кардинал (*Cardinalis cardinalis*)

"Я часто наблюдал, — продолжает Одюбон, — эту великолепную птицу в нижних частях Луизианы, Кентукки и около Цинцинати в марте, когда она направлялась к востоку. Полет этого кардинала сильный, прямой, но грациозный. Во время перелета он летит высоко над лесами и издает время от времени звучный тон, между тем как, опустившись, обыкновенно молчит. Опускается он к закату солнца и выбирает всегда самую высокую верхушку дерева, на которой сидит приподняв тело и оставаясь неподвижным все время, пока остается здесь. Спустя несколько минут он обыкновенно спускается в чащу, где и проводит ночь». Пища этих птиц состоит из семян, трав и ягод, весной также из почек и нежных цветов. Между прочим они охотятся и за насекомыми, нередко на лету.

Гнездо красногрудого кардинала Одюбон находил с конца мая до июля в самых верхних развилинах ветвей низких кустов или более высоких деревьев; охотнее всего он строит гнездо на тех деревьях, которые стоят над водою. Оно состоит из сухих веток с вплетенными между ними листьями и кусками коры дикого винограда и выложено изнутри нежными корешками и лошадиными волосами. Кладка состоит из 4-5 яиц приблизительно 26 мм длиной и 18 мм толщиной с голубовато-зеленым фоном и красновато-бурыми и серо-голубыми пятнами, распределенными по всему яйцу и образующими венчик около тупого конца. На яйцах сидят и самец, и самка, высидывание птенцов бывает, по-видимому, только раз в год. Птенцов выкармливают сначала насекомыми, позднее различными семенами, разбухшими в зобу. Только на третий год они одеваются в оперение взрослых.

У американцев красногрудый кардинал считается одним из лучших и неутомимейших певцов. Песня его богата мотивами и крайне благозвучна, отдельные тоны полнозвучны и чисты. В хорошую погоду он поет ночью, «издавая, — как говорит Нуттал, — все различные тоны соловья, то щебеча громко, ясно и полнозвучно, то жалобно и затем снова живо, то наконец нежно, мягко и отчетливо». Упомянутый автор полагает, что красногрудого кардинала не превосходит никакая другая американская певчая птица, за исключением одного только пересмешника, но, конечно, заходит в этом случае слишком далеко. Характер песни жалобный, как бы выражающий печаль, и такая песня может в конце концов навеять отчаяние.

Хорошо известный **красный кардинал** (*Cardinalis cardinalis*) достигает 20 см в длину; размах крыльев 26, длина крыла 7, хвоста 8 см. Преобладающий цвет оперения ярко-алый; верхняя часть спины, плечи и надхвостье более тусклые. Глаза красно-бурые, клюв красный, нижняя половинка клюва при основании черная, ноги бурые. У самки передняя часть головы и верхняя сторона рыжевато-бурые, нижние части желто-бурые.

Область распространения этой птицы обнимает южные Соединенные Штаты, Мексику и Калифорнию*.

** Гнездовой ареал захватывает также все восточные штаты США.*

В теплые зимы красный кардинал остается из года в год на одном и том же месте, при более суровой погоде он перекочевывает. Благодаря своему великолепному оперению он уже издали бросается в глаза и поистине составляет украшение леса. «Его можно видеть, — говорит Одюбон, — на наших полях, в аллеях и садах, а довольно часто и внутри наших южных городов и деревень; редко случается даже прийти в сад и не заметить хотя бы одной из этих красных птиц. Но где бы он ни был, его всюду встречают с удовольствием, он любимец каждого: так блестяще его оперение, так звучно его пение». В течение лета он живет парами, осенью и зимой — маленькими стайками. В сильную стужу он, если остается в стране, нередко является во двор крестьянина и подбирает семена перед амбарами вместе с воробьями, голубями, подорожниками**, лапландскими подорожниками и другими птицами, проникает в открытые хлева и на чердаки или ищет пищу на изгородях садов и полей.

*** Имеются в виду различные виды овсянок.*

Своим толстым клювом он умеет искусно размельчать твердые зерна маиса, шелушить овес и раздроблять пшеницу; в соседнем стоге сена или на дереве с густыми ветвями он находит удобный ночлег, и таким образом он довольно легко выдерживает зиму. Беспокойный и непостоянный, он лишь минутку держится на месте, которое ему нравится, вообще же прыгает и летает туда и сюда, причем движется довольно ловко по земле и очень проворно в ветвях. Полет его сильный, быстрый, порывистый и очень шумный; но он неохотно делает большие перелеты. Полет сопровождается, как и все остальные движения, поочередным расширением и складыванием крыльев, подергиванием и помахиванием хвостом. Во время перекочевков он отчасти странствует по земле, скачет и шмыгает от куста к кусту и перелетает от леса к лесу.

В период спаривания самцы яростно бросаются на каждого пришельца, который появится в их владениях, с резким криком гонятся за ним с куста на куст, горячо дерутся с ним в воздухе и успокаиваются только тогда, когда соперник оставит их владения. Самка и самец сильно привязаны друг к другу. «Когда я, — говорит Одюбон, — однажды вечером в феврале поймал в ловушку самца из одной пары, то на следующее утро самка оказалась сидящей около самого пленника, а позднее и сама попала в ловушку».

Различные зерна, семена хлебных растений и трав, ягоды и, конечно, также насекомые составляют пищу красного кардинала. Весною он ест цветы сахарного клена, летом бузинные ягоды, между прочим охотится за жуками, бабочками, кузнечиками, гусеницами и т.п. По Вильсону, маис составляет его главную пищу, кроме того, он очень любит вишни, яблоки и ягоды из-за их зернышек.

Американские исследователи довольно единогласно прославляют пение красного кардинала, мы же не находим, чтобы оно могло сильно нравиться. «Тоны кардинала, — говорит Вильсон, — совершенно похожи на тоны соловья. Его часто называют «виргинским соловьем», и он заслуживает свое название по чистоте и разнообразию тонов, которые так же разнообразны, как и полнозвучны». В том же смысле высказывается и Одюбон: «Пение сначала громко и чисто и напоминает прекраснейшие флажолетные тоны; но затем постепенно становится все тише и тише, пока не замрет совершенно. В пору любви пение этого великолепного певца выполняется очень громко. Он сознает свою силу, выпячивает грудь, расширяет свой розовый хвост, ударяет крыльями и поворачивается поочередно направо и налево, как будто бы чувствуя потребность выразить свой собственный вос-

торг над чудными звуками своего голоса. Снова и снова повторяются эти мотивы; птица замолкает лишь для того, чтобы перевести дух. Ее слышишь задолго до того, когда солнце позолотит восток, и до того времени, когда пламенное светило шлет вниз почти отвесные лучи, побуждая всех птиц к временному покою. Но как только природа несколько оживится, певец снова начинает свое пение и будит эхо во всех окрестностях, как будто он никогда не напрягал своей груди, и предается отдыху лишь тогда, когда вечерняя тень распространится вокруг него. Ежедневно кардинал развлекает своим пением сидящую на яйцах самку, а время от времени и она вторит ему со скромностью, свойственной ее полу. Немногие из нас откажутся воздать дань удивления этому привлекательному певцу. Как радостно бывает услышать вдруг хорошо знакомые звуки этой любимой птицы в то время, когда при облачном небе темнота покрывает лес, как будто ночь уже наступила! Как часто наслаждался я этим удовольствием и как часто хотелось бы еще раз насладиться им!» Я охотно готов признать, что пение взрослого, хорошего кардинала принадлежит к числу лучших, какие можно слышать от зерноядной птицы, и отличается настолько же чистотой и полнотой тонов, как и разнообразием строф, но не могу умолчать, что та же самая птица может стать в высшей степени неприятной тем, что постоянно примешивает к своему пению резкий призывный звук «цитт», который до некоторой степени напоминает зов дрозда. Как певец, на свободе в лесу («виргинский соловей») может заслуживать всякие похвалы, но в качестве комнатной птицы он все же занимает лишь второстепенное место, хотя и размножается в клетке не очень редко.

Обыкновенный дубонос (*Coccothraustes coccothraustes*). Отличительными признаками его служат очень сильное, плотное телосложение, необыкновенно большой, толстый кубаревидный клюв, края которого слегка согнуты, остры.

внутри не вдавлены и снабжены небольшой вырезкой перед кончиком своей верхней части; ноздри маленькие, кругловатые, расположены у основания клюва и покрыты щетинками, перышками и волосками. Ноги короткие, но сильные и крепкие, вооружены острыми когтями средней величины; крылья сравнительно широкие. Хвост очень короткий, с ясным вырезом посередине; оперение густое и мягкое. Длина достигает 18 см, размах крыльев 31, длина крыла 10, а хвоста 6 см.

Родиной дубоноса следует считать умеренные страны Европы и Азии. Северная граница области его распространения проходит по Швеции, а также по западным и южным губерниям Европейской России*.

** В наши дни ареал дубоноса расширился к северу, и сейчас северная граница области его гнездования в России проходит через юг Карелии, Архангельской области, север Вологодской, Кировской и Пермской областей. Известно нерегулярное гнездование этого вида в г. Сыктывкаре (Республика Коми).*

В Германии он попадает часто также зимою, однако, вероятно, только в качестве гостя, прилетевшего из северной Европы, тогда как птицы, выводящие птенцов в Германии, всегда на зиму улетают. В южной Европе он появляется лишь во время перелета. Так, он пролетает через Испанию и достигает северо-западной Африки. В Сибири он встречается летом от истоков Амура до европейской границы**.

*** На самом деле за Уралом дубонос распространен от границы Европы вплоть до Сахалина, заселяет также Камчатку.*

Для своего летнего местопребывания он выбирает холмистые местности с лиственным лесом и высокими деревьями, на которых он проводит весь день, а также и ночь, если только не отправляется грабить какой-нибудь соседний вишневый сад или не роется в земле близлежащего поля. В южной России, по словам Радде, он принадлежит к числу тех птиц, которые со временем осваиваются с такими степными местностями, где мало-помалу высаживаются деревья и кустарники. По окончании птенцовой поры он скитается по стране со своими птенцами, причем забирается во фруктовые сады.

Дубонос несколько неуклюжая и ленивая птица, что можно предположить, судя по его телосложению. Он имеет обыкновение долго сидеть на одном и том же месте, мало шевелится и только после некоторого раздумья решается спорхнуть с ветки, очень неохотно летит на далекое расстояние и настойчиво возвращается к тому же месту, с которого его согнали. В ветвях деревьев он движется довольно проворно, по земле, наоборот, неловко из-за тяжелого туловища и коротких ног. Летает он так же тяжеломерно и шумно, часто махая крыльями, описывает во время полета небольшие дугообразные линии и парит только перед тем, как сесть, тем не менее на лету он двигается быстро. Умственные способности его не соответствуют этим его качествам. Это очень осторожная и хитрая птица, которая скоро научается различать своих врагов и с осмотрительностью заботится о своей безопасности. «При приближении человека, — говорит мой отец, — он неохотно уле-

тает с места, но во время еды настолько находится настороже, что немедленно замечает всякую опасность и старается избегнуть ее, прячась в густой листве или обращаясь в бегство, если спрятаться негде. Он отлично понимает, когда укроется достаточно хорошо, так как в этом случае очень долго остается на одном месте, что случается очень редко с ним, если он сидит открыто. Если деревья покрыты листвой, то можно долго слушать, как он щелкает клювом, прежде чем удастся заметить его. Он прячется так хорошо, что иногда я заставлял его перелетать на другие деревья, бросая в него камнями, так как никоим образом не мог его высмотреть. Если его вспугнуть, он почти всегда садится на вершины деревьев, чтобы иметь возможность издали заметить грозящую ему опасность. Кроме хитрости он отличается также большой смелостью. В юности моей я как-то в продолжение целых восьми дней следил за одним дубоносом, который в садах моего отца поедал семена капусты перед самыми окнами нашего дома, прежде чем мне удалось убить его: до того пуглива и умна была эта птица. Ружье он знал, по-видимому, очень хорошо».

Охотнее всего дубонос ест окруженные твердою скорлупой семена деревьев различных пород. «Косточки вишен и орешки красного и белого бука, — рассказывает мой отец, — он предпочитает, по-видимому, всем другим. Откусив вишню, он освобождает косточку от ее мякоти, которую отбрасывает, разгрызает ее, бросает деревянистую оболочку и проглатывает само ядрышко. Все это происходит в продолжение полуминуты или, самое большее, одной минуты, и притом с такою силой, что можно слышать за 30 шагов, как дубонос щелкает косточки. Он поступает с семенами бука подобным же образом. Кроме того, он охотно ест также хлебные и другие зерна, вследствие чего летом часто посещает поля и огороды, где причиняет большой вред посевам. Трудно поверить, сколько гряд капусты, гороха и бобов может испортить одна такая птица». Зимой он прилежно посещает рябиновые деревья, где также ест только семена, а не всю ягоду. Кроме того, он ест древесные почки, а летом очень часто и насекомых, главным образом жуков и их гусениц. «Нередко случается, — сообщает Науман, — что он ловит майских жуков на лету и затем, сидя на верхушке дерева, съедает их по кусочкам, оторвав предварительно крылья и ноги. Я видел, как он улетал на свежевспаханые поля, шагов на сто от кустарника, подбирая там насекомых и приносил их своим птенцам».

Каждая парочка выбирает себе для гнездования обширное место, в котором не допускается присутствия других парочек того же вида. Самец вследствие этого постоянно находится настороже, сидя на верхушке дерева, и переменяет место, перелетая с одного высокого дерева на другое; при этом он чирикает, поет и выказывает необыкновенное беспокойство. Гнездо снабжено не особенно толстыми стенками, но тем не менее построено очень хорошо и довольно объемисто, вследствие чего его можно легко узнать; оно расположено на высоких или низких, слабых или тонких ветвях, но обыкновенно бывает хорошо спрятано. Первый слой подстилки его состоит из сухих хворостинки, крепких травяных стебельков, корешков и т.п., второй — из крупного или мелкого древесного мха и лишайника, а внутренность гнезда выложена корневыми волокнами, свиной щетиной, конским волосом, овечьей шерстью и тому подобными веществами. Яйца, числом от 3 до 5, достигают 24 мм в длину, 17 мм в толщину, довольно круглы и покрыты по грязному или зеленоватому и желтоватому пепельно-серому фону рисунком, состоящим из ясных и неясных пятен, черточек и жилок. Самка сидит на яйцах весь день, за исключением полуденных часов, во время которых ее сменяет самец. Оба родителя кормят своих птенцов, очень любят их, ухаживают за ними, стерегут и подкармливают их еще долгое время после того, как те уже вылетели из гнезда, так как проходят недели, прежде чем они сами бывают в состоянии разгрызать твердые вишневые косточки.

В плену дубонос скоро свыкается с окружающей его обстановкой, довольствуется всякой пищей, легко ручнеет, но всегда бывает опасен, так как, будучи озлоблен, сильно кусает все, что попадает ему под клюв. Отец мой видел ручного дубоноса, жившего у одного иенского студента; пользуясь вышеупомянутой привычкой его, друзья нашего любителя птиц часто напивали его пьяным. Это удавалось им очень легко. Веселые собеседники наполняли пивом ствол пера, обрезанный снизу, и подносили его дубоносу. Как только тот схватывал открытый конец ствола, они поднимали его вверх, так что пиво лилось дубоносу в глотку. Достаточно было несколько раз повторить этот прием, и толстоголовый малый был до того пьян, что, прыгая по комнате, шатался.

У **зяблика** (*Fringilla coelebs*) лоб совершенно черный, темя и шея синего шиферного цвета, нижние шейные перья красновато-бурые; зашеек и надхвостье светло-зеленого цвета, уздечка и кольца около глаз, щеки, горло и зоб светлого ржаво-бурого цвета, который на зобу и обеих сторонах груди принимает мясо-красный, на середине груди красновато-белый, на животе и на нижних кроющих перьях хвоста белый оттенок; средние хвостовые перья темного шиферного серого цвета с желтыми каймами; остальные черные. Глаза светло-карие, клюв весной синего, осенью и зимой красновато-белого цвета, ноги грязного тельного цвета. У самки окраска головы и затылка зелено-

вато-серая; брови, уздечка, подбородок и горло буровато-белые; остальные верхние части оливкового серо-бурого, нижние части светло-серого цвета. Длина тела птицы достигает 16,5 см, размах крыльев 27,8, длина крыла 8,8, а хвоста 7,5 см.

За исключением самых северных стран, зяблик во всей Европе представляет собой обычное явление, на юге, впрочем, в летнее время встречается только в горах. Кроме того, он населяет некоторые части Азии и зимой отдельными экземплярами появляется в северной Африке.

Он населяет как хвойные, так и лиственные леса, как обширные лесные пространства, так и кустарник селится в рощах и сеянных лесах или в садах и избегает только болотистых или сырых местностей. Парочки живут близко одна около другой, но каждая из них ревниво охраняет район и изгоняет оттуда всякого постороннего пришельца своего вида. Лишь по окончании птенцовой поры отдельные парочки собираются в многочисленные стайки, соединяются с некоторыми другими видами вьюрков и овсянок, постепенно разрастаются в огромные стаи и затем сообщами странствуют по краю. В начале сентября птицы, готовящиеся к перелету, собираются в очень большие стаи; в октябре такие стаи уже образовались, а к концу месяца постепенно исчезают из наших стран, за исключением немногих самцов, остающихся зимовать на родине. Зимой они живут в южной Европе и северо-западной Африке, населяют горы и долины, поля и сады, кустарники и плетни, заметны повсюду, везде многочисленны, но зато и встречаются везде обществами — признак того, что они живут здесь не на родине, но являются лишь зимними гостями. Когда на юге наступает весна, они снова возвращаются на родину. В это время еще долго в южных странах слышится звонкое пение самцов, но вскоре там, где прежде они встречались сотнями тысяч, наступает тишина, становится пустынно, и уже к марту зимние гости исчезают. Зяблики совершают свои странствования разрозненными стаями, сперва отдельно летят самцы, самки же возвращаются на полмесяца позже. Редко случается, чтобы оба пола постоянно жили вместе и, следовательно, вместе совершали путешествия*.

** На самом деле не наблюдается такого резкого разделения полов на зимовках и миграциях, как описывает Брем.*

Зяблик — бодрая, живая, ловкая, проворная и умная, но также вспыльчивая и задорная птица. Он находится в движении почти в продолжение всего дня и бывает несколько спокойнее лишь во время сильнейшего полуденного жара. Пение состоит из одного или двух правильных, отдельных, очень разнообразных колен, повторяющихся друг за другом очень часто с большою настойчивостью; любители в точности различают эти колена и дают им особые названия. Основательное знакомство с этим пением превратилось в целую науку, которая, впрочем, требует своих собственных жрецов и навсегда останется темною для человека, не посвященного в ее тайны. Есть известные местности в горах, где вышеозначенному дилетантству предаются с большим рвением, нежели всякому другому. Особенной известностью пользуются любители зябликов в Тюрингене, Гарце и в верхней Австрии за свое удивительное знакомство с вышеупомянутыми песнями. В то время как непривычное ухо находит в них только незначительное различие, эти люди с несомненной уверенностью различают до 20 и больше разнообразных колен, названия которых вызывают улыбку у несведущих, но тем не менее очень удачно выбраны и отчасти представляют собою картинное изображение самих колен. В прежнее время хорошо поющие зяблики ценились чрезвычайно высоко, и за них платили почти баснословные цены; в наше время страсть эта почти прекратилась.

Зяблик причиняет малозначительный вред, разве только в парках и огородах, съедая здесь со свежепосеянных грядок лежащие на поверхности семена. Хотя, кроме того, его обвиняют и в том, что он приносит ощутительный вред лесам, поедая выпавшие семена буковых и хвойных деревьев, но никто, вероятно, сам не верит в справедливость этого обвинения. Он ест семена различных растений, главным образом сорных трав, своих птенцов кормит, а во время гнездования и сам питается исключительно насекомыми, главным образом такими, которые вредят нашим полезным деревьям. Таким образом, приписываемый ему вред в худшем случае уравновешивается приносимой им пользой.

Ближайший родственник нашего зяблика, попадающийся в Германии, — это **настоящий вьюрок** (*Fringilla montifringilla*). Дл и на его достигает 16 см, размах крыльев 26, длина крыла 9, а хвоста 6,6 см.

Область распространения настоящих вьюрков простирается по крайнему северу Старого Света, начиная с 59 градуса широты по направлению к полюсу, пока встречаются деревья*.

** Вьюрок часто проникает в тундровую зону севернее границы распространения древесных пород. В таких случаях он обычно гнездится на ветвях высоких, 2—3 метра, кустов по долинам рек.*

Отсюда он зимой пролетает всю Европу до Испании и Греции и Азию до Гималайских гор и во время этих путешествий чрезвычайно часто залетает к нам. Он уже в августе собирается в стаи, в последующие месяцы пребывает в южных местностях своей родины и затем постепенно продвигается на юг. У нас он появляется в конце сентября, в Испании — спустя несколько дней, хотя не в таком количестве и не с такой регулярностью, как у нас. Направление их путешествия определяется сплошными лесами и хребтами гор. В Германии настоящий вьюрок в лесах и полях встречается постоянно среди обыкновенных зябликов, коноплянок, овсянок, полевых воробьев и зеленушек. Группа деревьев или отдельное высокое дерево в поле служит местом сборища, близлежащий лес — ночным убежищем этих стай. Отсюда они улетают в поля отыскивать пищу. Глубокие снежные заносы, покрывающие их кормовые места, принуждают их перебираться из одной местности в другую. Их перелет обуславливается различными случайностями.

Настоящий вьюрок имеет много сходства с обыкновенным зябликом. Он задорная, вспылчивая, сварливая и завистливая птица, хотя в общем, по-видимому, чрезвычайно общительная. Стаи этих птиц живут мирно и не ссорятся, отдельные же экземпляры все время проводят в драках. Своими движениями настоящий вьюрок очень напоминает обыкновенного зяблика, в пении же ему сильно уступает.

Маслянистые семена различных растений, а летом, кроме того, и насекомые служат пищей этому виду вьюрков.

На вьюрков у нас охотятся главным образом ради их вкусного, хотя немного и горького мяса, на вьюрковых точках их часто ловят в огромном количестве. При их неопытности они становятся легкой добычей различных других ловушек. Греснер описывает своеобразный способ охоты жителей города Бергцаберна. В известное время они ревностно охотятся на вьюрков; это случается именно тогда, когда в прекрасных буковых лесах, окружающих городок, бывает урожай на буковые орешки, которые привлекают туда северных гостей целыми стаями. «Подобный случай, — пишет Греснер, — в среднем бывает раз в два-пять лет и уже с незапамятных времен становится для жителей этого городка настоящим событием.

Когда с наступлением зимней непогоды предвидится нашествие этих птиц, то ревностные и опытные разведчики искаживают эти леса вдоль и поперек. Если они возвращаются в город с радостными криками: «Они здесь!», то каждый знает, что прибыли предвестники наших зябликов. Весь город приходит в волнение, ни о чем больше не говорят, как об этой дичи, и каждый, кому позволяют обстоятельства, снаряжается на охоту. Последняя для всех участвующих в ней совершенно безопасна, так как оружием служит сарбакан около 3 м в длину, из которого бросают или, вернее, выдувают глиняные шарики, предварительно основательно округленные и отшлифованные.

Опытный охотник, разумеется, сочтет подобную охоту скорее за детскую забаву, нежели за занятие, достойное серьезных, положительных людей; тем не менее в ней участвуют не только различные чиновники, купцы, мещане, ремесленники и поденщики, но даже опытные охотники. Она чрезвычайно интересна и сильно возбуждает и вместе с тем богата самыми комическими приключениями. Так как участвовать в этой охоте может каждый, то среди участвующих встречаются также мальчишки от 15 до 16 лет. С наступлением сумерек все охотники группами отправляются в путь. Почти из всех домов длинной улицы, ведущей к лесу, к ним присоединяются их сотоварищи; достигнув окраины города, все общество представляет собой длинную цепь, в которой масса захваченных фонарей напоминает собой блуждающие огоньки. Если бы человеку, не посвященному в тайны подобной охотничьей процессии, случилось ее встретить, он был бы способен принять это фантастическое, подозрительное общество за кого угодно, но только не за участников в охоте. Некоторые охотники, весьма странно и комично одетые, для защиты от ночного холода надевают на спину особого рода корзинки, другие несут на плечах порядочных размеров сковороды, а сбоку сумки; большинство же несет длинные, высоко приподнятые палки, точно копья, торчащие над головами толпы. Это и есть настоящие охотники с их сарбаканами, остальные же — прислужники, несущие с собой вино, провизию и осветительный материал. Для полного снаряжения охотников прежде всего необходимо соответствующее количество смолистого дерева, расщепленного на мелкие лучины, с избытком пропитанные скипидаром, вследствие чего они горят очень ярко и потому служат отчасти факелами, отчасти осветительными материалами для сковород.

Охотничья процессия безмолвно спешит через лес к тем местам, которые изобиловали буковыми орешками и днем усердно посещались вьюрками. Ночь эти птицы обыкновенно проводят сидя на горизонтальных сучьях отдельных, близко стоящих друг около друга елок, чаще всего на незначительной высоте, и притом сидят всегда так близко, что касаются один другого. Затем все общество охотников разбивается на отдельные группы. С помощью фонарей зажигаются факелы; несущие

их слуги по всем направлениям освещают лес и, выследив ночное убежище целого общества птиц, известными знаками извещают о том прочих участников охоты; те сбегаются, разводят на сковородах огонь и помещают их таким образом, чтобы они освещали сонных птиц с задней стороны. Ходячие факелы и постепенно вспыхивающее там и сям на сковородах пламя в темном еловом лесу производят на новичка не поддающееся описанию впечатление, особенно при сверкающем снеге. Неизбежный в это время треск некоторых сухих сучьев, происходящий от шагов участвующих, нисколько не смущает птиц.

Их ночные убежища освещаются, таким образом, как бы лунным светом, что дает возможность целиться. Обыкновенно под одно дерево становятся 2-3 стрелка, из которых каждый избирает целый сучок, занятый птицами, и обходит их таким образом, чтобы они были обращены к нему хвостами. Целятся в спину, и птица лишь в том случае падает на землю без всякого звука, если глиняный шарик с известной силой поражает ее именно в это место. Ее место тотчас занимают соседи, чтобы для защиты от холода снова сомкнуть свой строй. В своем полусонном состоянии они, вероятно, воображают, что сосед улетел. Если стрелок стреляет метко и сильно, то ему нередко удается, при большой осторожности, перестрелять с одного сука всю длинную вереницу птиц, состоящую из нескольких дюжин, ни на шаг не сойдя со своего места. Убитых птиц собирают лишь тогда, когда нижние сучья дерева совершенно обстреляны. Достаточно, чтобы одна не убитая наповал птица издала болезненный крик или «писк», и весь рой, сотнями и тысячами покрывающий могучую ель, тотчас улетает, а неловкий стрелок остается ни с чем.

Хотя ни одна ветка не колышется, тем не менее кажется, будто бы в безмолвном до сих пор лесу разразился сильный ураган; в воздухе проносится сильный шум и свист, точно злые духи тьмы вырвались на свободу, чтобы предостеречь посторонних людей, осмелившихся беспокоить их владения: этот адский шум производят потревоженные в своем сне птицы, которые, чирикавая от страха, целыми массами в беспорядке носятся по воздуху. В эту ночь охоту уже приходится прекратить и все приготовления и пережитые беспокойства были напрасны. Горе тому охотнику, который из-за одного неудачного выстрела сделался виновником отлета птиц. Его товарищи осыпают его целым потоком упреков и чествуют всеми эпитетами, свойственными местному охотничьему лексикону. Кроме того, ему приходится переносить еще насмешки прочих охотников, которые на более отдаленных местах успели завладеть богатой добычей*.

** В наши дни такой промысел не практикуется. Германия относится к тем странам, где законодательство по охране птиц весьма жесткое и строго выполняется.*

Мясо вьюрков отличается горьковатым вкусом, сходным со вкусом мяса обыкновенных дроздов; только мясо их нежнее и вкуснее; они гораздо жирнее и поэтому представляют собой изысканное, лакомое блюдо. В год, обильный добычей, цена за дюжину этих птиц падает до 60 пфеннигов».

Обыкновенная зеленушка (*Chloris chloris*) отличается плотным телосложением, коротконочным клювом с острыми, режущими, вогнутыми краями, короткопалыми ногами, крыльями средней длины. Длина птицы достигает 12,5 см, размах крыльев 26, длина крыла 8,3, хвоста 6 см. Преобладающий цвет оливково-желто-зеленый.

За исключением самых северных стран Европы, зеленушка встречается в этой части света везде и распространена также по северо-западной Африке и Малой Азии до Кавказа**.

*** Кроме этого, зеленушка обитает в горах Эльбурса (Иран), Копетдага и Памиро-Алая.*

Она очень обыкновенна в южной Европе, именно в Испании, но вовсе не редка и у нас. Она охотнее всего населяет плодородные местности, где рощи чередуются с полями, лугами и садами, во множестве находится во всех низменностях, орошаемых реками, держится в непосредственной близости от жилых построек, но избегает лесов. У нас она, в зависимости от условий, является перелетной птицей, в южной Европе живет оседло. Те, которые зимуют у нас, вероятно, родом с севера.

Пищу зеленушки составляют семена различных растений, даже ядовитые, но прежде всего маслянистые семена репы, полевой горчицы, конопли и т.п. Она собирает их, подобно обыкновенному зяблику, с земли, и только тогда, когда глубокий снег покрывает землю, она пытается также выклеивать их из стручков или принимается за рябину и можжевельные ягоды и раскусывает буквые орехи, чтобы вышелушить зерна. В странах, где разводят коноплю, зеленушка может быть иногда очень вредной; кроме того, она вредит иногда огородам, но зато, подбирая и поедая семена сорных трав, приносит, может быть, больше пользы, чем вреда. Гнездо устраивается на деревьях или в высокой изгороди, в крепкой развилине или у самого ствола и, смотря по обстоятельствам, делается из самых различных веществ. Сухие прутья и корешки, соломинки и корни травы составляют основание гнезда, за которым обыкновенно следует слой более нежных веществ того же рода, сме-

шанных с зеленым сухим мхом или лишайником. Для выстилки внутренности гнезда служат крайне нежные корешки и соломинки, между которыми лежат волосы лошадей, оленей и косуль, а иногда и маленькие клочки шерсти животных. Постройка по красоте сильно уступает гнезду обыкновенного зяблика; по форме своей гнездо представляет несколько углубленный полушар, построенный очень крепко и гладко, но все же довольно хорошо. Кладка состоит из 4—6 яиц длиной в 20 мм, толщиной в 15 мм, которые очень круглы, покрыты тонкой и гладкой скорлупой и на голубовато-белом или серебристом фоне, особенно на тупом конце, усеяны бледно-красными, ясными или расплывчатыми пятнышками и точечками. Самка высидит одна, на гнезде сидит очень усердно, причем ее кормит самец, и высидит птенцов приблизительно 14 дней. Оба родителя принимают участие в выкармливании потомства и кормят птенцов сначала вышелушенными и размягченными в зобу семенами, позднее же более твердыми питательными веществами того же рода.

Наши мелкие хищники, а также белки, сони, вороны, сороки, сойки и сорокопуть разрушают много гнезд этих птиц, ловят также и старых, если могут овладеть ими.

Коноплянка (*Acanthis cannabina*). Длина птицы достигает 13 см, размах крыльев 23, длина крыла 7,3, а хвоста 5,5 см.

Коноплянка населяет всю Европу, Малую Азию и Сирию и во время перелета появляется в северо-западной Африке, но редко в Египте.

1 — Обыкновенный дубонос (*Coccothraustes coccothraustes*) 2 — Обыкновенная зеленушка (*Chloris chloris*) 3 — Коноплянка (*Acanthis cannabina*) 4 — Вьюрок (*Fringilla montifringilla*) 5 — Зяблик (*Fringilla coelebs*)

Она всюду встречается часто, всего обыкновеннее, может быть, в холмистых местностях. Высоких гор и обширных лесов она избегает.

Из наших вьюрков коноплянка принадлежит к самым милостивым и привлекательным птицам.

Коноплянка справедливо считается одной из самых любимых комнатных птиц. Она невзыскательна, как немногие птицы, часто крепко привязывается к своему воспитателю, который вырастил ее, и прилежно и усердно поет почти весь год. В комнате настоящего любителя редко нет коноплянки.

Обыкновенная чечетка (*Acanthis flammea*) представляет собой часто появляющийся у нас северный вид. Край лба и щетинистые перышки ноздрей ее темно-буро-серые; уздечка и продолговато-круглое пятно на подбородке и верхней части горла буро-черные; лоб и темя ярко-темно-красные, перья на этих местах у корня серо-черные; затылок и остальные верхние части матово-ржаво-бурые с темно-бурыми продольными полосками; перья надхвостья бледно-кармино-красные, по бокам с чало-белыми каймами и желтовато-бурыми стержнями; верхние кроющие перья хвоста темно-бурые, по бокам с грязно-белыми каймами; щеки и область ушей ржаво-бурые с более темными черточками; передняя часть щек, область ушей ржаво-бурые с более темными черточками; горло, зоб и бока груди кармино-красные; перья середины горла с узкими беловатыми каемками; остальные нижние части белые; бока бледно-ржаво-буроватые с широкими расплывающимися темными продольными полосками; маховые перья темного бурого цвета, снаружи с узкими ржаво-беловатыми, внутри — с широкими белыми каймами. Глаза темно-бурые, верхняя половинка клюва рогового голубого цвета, нижняя половинка желтая; ноги серовато-бурые. Самка и молодые птицы обнаруживают лишь слабые следы кармино-красного цвета на груди и надхвостье; зоб и грудь кажутся поэтому ржаво-буроватыми и разрисованы темными стержневыми пятнышками; красное головное пятно меньше и тусклее. Длина птицы достигает 13 см, размах крыльев 22, длина крыла 7, хвоста 6 см.

Область распространения обыкновенной чечетки обнимает холодный пояс Старого и Нового Света до границы произрастания лесов*.

* Чечетка гнездится и в тундровой зоне, проникая даже севернее кустарниковых тундр.

Отсюда чечетка ежегодно перекочевывает в более южные страны и иногда появляется при этом в бесчисленном множестве.

В Альпах ее заменяет **горная, или красная, чечетка** (*Acanthis flavirostris*)**

* * В Альпах горная чечетка (*Acanthis flavirostris*) не живет. Приведенное Бремом описание относится также к обыкновенной чечетке, некоторые популяции которой обитают в горных районах Альп. Это выяснено при специальных исследованиях. Настоящая горная чечетка не имеет в оперении красного или розового цветов. Она населяет горные районы Шотландии, Ирландии, Скандинавии, Кавказ и Закавказье, Эльбурс, Гималаи, Тибет, Памиро-Алай, Алтай, Саяны, Мугоджары и возвышенности в степях северного Казахстана и южного Урала.

У нее часть головы, шея, спина, надхвостье и бока на желтовато-ржаво-буром фоне украшены темно-бурыми продольными пятнами; уздечка и пятно на горле черно-бурые; лоб и передняя часть темени темно-кармино-красные; зоб, верхняя часть груди и надхвостье бледно-розово-красные, остальные нижние части беловатые с розово-красным отливом; нижние кроющие перья хвоста с черноватыми продольными пятнами; крылья и хвостовые перья черновато-бурые, снаружи с узкими грязно-белыми каймами; на крыле ясно заметны две полосы. Глаза темно-бурые; клюв желтоватый, на конце и по краям темный; ноги черные. Длина птицы достигает 11,5, самое большее 12 см.

Чечетка настолько же безобидное, насколько беспокойное, ловкое и бодрое существо. Более искусная в лазании, чем все ее родичи, она соперничает не только с клестом, но даже с подвижными синицами. Березы, тонкие ветви которых покрыты толпой этих милых птиц, представляют великолепное зрелище. Все общество лазает здесь вверх и вниз в самых разнообразных положениях и ревностно вышелушивает себе пищу из сережек с семенами. На земле эта птица так же ловко прыгает. Полет ее быстрый, волнистый, перед тем как садиться — парящий. Перелетая безлесные пространства, стая охотно летит на довольно значительной высоте; напротив, в местностях, богатых деревьями, она редко поднимается выше, чем это необходимо. Зов чечетки — повторяемое «чечек», которое все чечетки издают при взлете; к нему часто прибавляется нежное «манн». Пение состоит в основном из этих обоих звуков, которые связываются беспорядочным щебетанием и заканчиваются трелью.

В клетке эта хорошенькая птичка без стеснения принимается за пищу, в самое короткое время становится необыкновенно ручной, довольствуется простым кормом, радуется своей подвижностью и искусством в лазании, привязывается к другим мелким птицам. Общительность обыкновенно губит ее, делая ее жертвой птицелова; поймав одну, можно легко овладеть другими, которых она приманит. Первую обыкновенно ловят в Тюрингене с помощью длинного гибкого прута или бича, к концу которого привешена палочка, намазанная клеем. Этой палочкой стегают по птичкам, и они к ней прилипают крылышками. В сети для зябликов чечеток ловят во множестве, нередко даже и тех, которые счастливо ускользнули при опускании сети, но из любви к пойманным товарищам снова прилетают и запутываются. В некоторых странах чечеток, к сожалению, все еще ловят для кухни.

У нашего **чижа** (*Spinus spinus*) вся верхняя сторона головы и затылок, также подбородок и верхняя часть горла черные; задняя и верхняя часть спины и плечи желто-зеленые с темными продольными черточками; брови, передняя часть щек, горло, стороны шеи, зоб и верхняя часть груди прекрасного оливково-желтого цвета; нижняя часть груди, бока и брюхо почти белые. Хвостовые перья желтые, на конце черные, оба средних пера буро-черные, снаружи с зелеными каймами. Глаза темно-карие, клюв мясного, на конце черноватого цвета; ноги бурые. Длина птицы достигает 12 см, размах крыльев 22, длина крыла 5,5, хвоста 4,5 см.

Область распространения чижа обнимает всю Европу и Азию, те их районы, где есть леса, на севере до широты средней Норвегии*.

** В настоящее время чиж гнездится почти до самого севера Норвегии, Швеции и Финляндии, не встречаясь только в безлесной части Скандинавских гор.*

Летом чиж живет в хвойных лесах гористых местностей, здесь выводит птенцов и отсюда предпринимает свои странствования. В некоторые зимы он тысячами появляется в деревнях или в непосредственной близости от них; в другие зимы едва можно увидеть здесь отдельные экземпляры. Безлесных стран он избегает и почти постоянно держится в верхних ветвях верхушек деревьев.

"Чирик, — как говорит Науман, — всегда бодр, проворен и отважен, всегда держит свое оперение в порядке, хотя по большей части не приглаживает его к телу, движется быстро туда и сюда, часто поворачивает и вертит хвостом, превосходно прыгает, летает и лазает, может привешиваться вниз головою к концам качающихся ветвей, необыкновенно быстро прыгает вверх и вниз по тонким вертикальным прутьям и во всем этом мало уступает синицам. Его посадка на ветвях крайне различна, и нигде он не остается долго в покое, если не занят едой. По земле он прыгает легко и быстро, хотя и старается по возможности избегать этого». Полет его волнистый, быстрый и легкий; чирик не боится поэтому перелетать большие расстояния и поднимается на значительную высоту. Зов его звучит как «треттет» или как «теттертеттет» и «ди-ди» или «ди-ди-леи». Последними звуками самец обыкновенно начинает и свою песню, не особенно изысканное, но все же приятное щебетание, к которому в виде заключения прибавляется длинное «дидидлидидеидээ». Он безбиден и доверчив, общителен, боязлив, миролюбив и до известной степени легкомыслен, по крайней мере скоро перестает горевать о потере свободы. Его вполне можно рекомендовать в качестве комнатной птицы. Крайне понятливый, он скоро научается различным забавным штукам, не обнаруживает какой-либо особенной требовательности по отношению к пище, уживается со всеми другими птицами, в обществе которых должен жить, беззаветно привязывается к своему хозяину, приучается свободно вылетать и прилетать обратно, прислушивается к зову, повинуется ему и при заботливом уходе не менее легко размножается, чем любая другая птица, лишенная свободы.

Пищу чижа составляют различного рода семена, главным образом семена деревьев, молодые почки и листья, а в период размножения — насекомые. Птенцы выкармливаются исключительно насекомыми, особенно мелкими гусеницами, тлями и т.п., и скоро после вылета из гнезда родители уводят их в сады и огороды, которые обыкновенно богаче насекомыми, чем более глухие леса.

Чирик страдает от многих врагов; безбидность и общительность часто делают его жертвой людей и хищных животных.

Лимонный вьюрок (*Serinus citrinella*) отличается от чижа несколько более коротким и толстым клювом. Лоб, передняя часть головы, область вокруг глаза, подбородок и горло прекрасного желто-зеленого цвета; нижние части более яркого желтого; задняя часть головы, затылок, задняя часть шеи, область уха и бока шеи серого; верхняя часть спины и плечи по тусклому оливково-зеленому фону разрисованы неясными, темными стержневыми черточками.

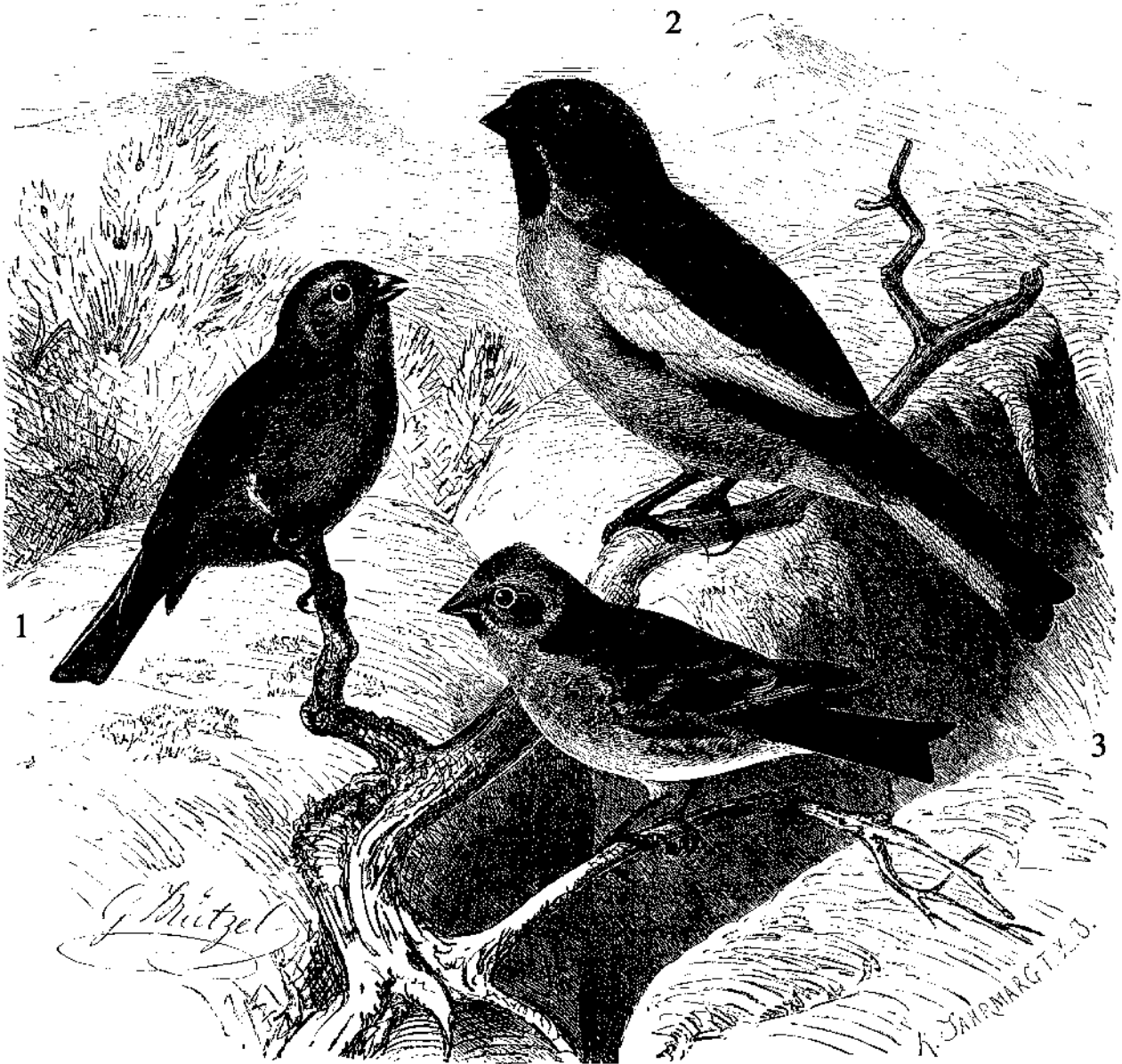
Хвостовые перья черные, снаружи с узкой зеленоватой, внутри, подобно маховым, с белой каймой. Глаза темно-карие; клюв буровато-мясного, ноги желто-бурого цвета. Самка меньше ростом, и цвета у нее не так ярки и более серого оттенка. Длина птицы достигает 12 см, размах крыльев 23, длина крыла 8, хвоста 5,5 см.

Лимонный вьюрок — птица горная, населяющая западные Альпы и Малую Азию, а в Германии постоянно живущая в Шварцвальде, но в большом числе попадает лишь в некоторых местах. По Тиролю и Швейцарии он, по-видимому, распространился из Италии, где встречается чаще всего*.

** В Малой Азии лимонный вьюрок сейчас не встречается, зато он населяет Пиренеи, горы внутренней Испании, острова Корсику и Сардинию. В Италии он есть только в Альпах.*

Все исследователи, имевшие возможность делать тщательные наблюдения над лимонным вьюрком, описывают его как бодрую и живую птицу, всегда подвижную и непрерывно поющую или издающую свой призывный голос. В дурную погоду его почти не слышно, но в солнечные и безветренные дни, по словам Шютта, он часто издает свой жалобный призывный голос Семейство вьюрковые 521 «гюре-гюре-битт-битт» и благодаря этому его очень легко заметить; вообще же он довольно пуглив, и потому его трудно наблюдать. Пение этого вьюрка по Гомейеру, состоит из трех частей, из которых одна напоминает песню канареечного вьюрка, другая — щегленка, а третья представляет собой приблизительно среднее между ними. «Щегол поет и трещит, канареечный вьюрок шепчет и чирикает, лимонный вьюрок поет и звенит. Звук первого чистый, громкий и твердый, звук второго резкий, звук последнего полный, мягкий и звучный. Призывные звуки «дитаэ-дитаэ-вит» или «дитаэаэтетт» мягки и негромки; зов «циуб» чист, как звук колокольчика, и чрезвычайно благозвучен. Лимонный вьюрок отличается, таким образом, своеобразным звенящим пением, в котором строфы щегла и канареечного вьюрка перемешиваются между собою и переходят друг в друга; однако он принадлежит не к лучшим певцам рода вьюрков, а к второстепенным».

Общеизвестный **щегол** (*Carduelis carduelis*) отличается коническим, очень вытянутым и остроконечным, несколько загнутым вниз клювом, немного вогнутым по краям челюстей; короткими, плотными длиннопальными ногами с малосогнутыми, но острыми когтями; острыми крыльями, средней длины хвостом со слабой выемкой и рыхлым оперением. Оперение очень пестрое. Узкая полоска вокруг клюва, уздечка, середина темени и задняя часть головы черного цвета; лоб, задняя часть щек и горло яркого кармино-красного; виски и щеки белого; затылок, плечи и спина желтовато-бурого; зоб и бока груди светлого красновато-бурого; часть горла, надхвостье и нижние части белого цвета; маховые перья черного цвета, основная треть их, за исключением первого снаружи, ярко-желтого цвета и украшены перед концом беловатым щитком, который кзади постепенно увеличивается: снизу маховые перья темно-серые с серебристо-белыми краями; мелкие верхние кроющие перья крыла черного цвета; средние и большие светло-желтого; рулевые перья черного цвета, наружные также внутри с продолговатым белым пятном, остальные на конце украшены белым щитком. Глаза орехово-бурые, клюв красновато-белый, на конце черный; ноги голубовато-мясного цвета. Оба пола так сходны между собою, что их можно смешать, и только очень опытный глаз отличает самца от самки по несколько большей величине, большей распространенности красного цвета на лице и голове, а также по более темному черному цвету на более чисто белом. Длина птицы достигает 13 см, размах крыльев 22, длина крыла 7, хвоста 5 см. Иногда встречаются белогорлые экземпляры.

1 — Лимонный вьюрок (*Serinus citrine/la*) 2 — Снежный вьюрок (*Montifringilla flammea*) 3 — Обыкновенная чечетка (*Acanthis flammea*)

Начиная со средней Швеции, щегол водится во всей Европе, а также на Мадере, Канарских островах, в северо-западной Африке и большей части Азии, от Сирии до Сибири. На Кубе он одичал и с успехом акклиматизировался в Новой Зеландии*.

* Сведения о распространении щегла не совсем точны. Этот вид населяет Азию лишь отчасти: он встречается в лесостепи и на юге лесной зоны от Урала до истоков Енисея, а также в горах Алтая, Тянь-Шаня, Памиро-Алая, в западных Гималаях, Копетдаге и на хребтах Эльбурс и Загрос в Иране, в Турции, на Кавказе и в Закавказье. На остальной части Азии, его нет. Кроме Новой Зеландии щегол акклиматизировался на юго-востоке Австралии и в Тасмании, а на Кубе его сейчас нет.

В пределах области его распространения он встречается, по-видимому, везде и по мере расширения культуры овощей увеличивается в числе, хорошо применяется к различным условиям жизни, но отнюдь не везде встречается одинаково часто. В некоторых местностях он редок, в других его можно видеть многочисленными стаями. Болле встретил щегла на Канарских островах; я находил его в Андалузии и Кастилии большими стаями; другие наблюдатели во множестве видели его в Греции. Местами размножения щегла должно считать такие местности, в которых преобладает лиственный лес или где жители занимаются огородничеством. Щегол не лесная птица в строгом смысле слова, так как селится в садах или парках, на улицах, на выгонах или лугах и тому подобных местах; здесь он обыкновенно выводит птенцов еще охотнее, чем в кустах и обширных лесах.

Щегол крайне привлекателен, ловок во всех движениях, непоседлив, проворен, умен и хитер; у него ловкая и красивая посадка, и создается впечатление, что он сознает свою красоту. В ка-

честве настоящей древесной птицы он лишь неохотно спускается на землю и движется здесь довольно неловко; зато лазает не хуже синицы, ловко привешивается, как чижи, снизу к самым тонким ветвям и целые минуты работает в таком положении. Полет его легок и быстр, волнообразен, как у большинства вьюрков, и становится парящим только тогда, когда птица хочет опуститься. Для отдыха он предпочитает высочайшие верхушки деревьев и кустов, но никогда не держится долго на одном месте, так как его непоседливый нрав постоянно проявляется. По отношению к человеку он всегда выказывает осторожность, но бывает пугливым лишь в том случае, если подвергался уже преследованиям. С другими птицами он уживается, однако обнаруживает по отношению к ним известную шаловливость и любит их дразнить. Хотя песня самца и уступает по звучности и полноте отдельных звуков песне коноплянки, но все же он поет громко и приятно, с большим разнообразием и так весело, что любители высоко ценят щегла, в частности, именно ради его пения. В неволе он поет почти круглый год; на свободе он молчит только в период линьки и при очень дурной погоде.

Пища его состоит из различного рода семян, преимущественно березовых и ольховых, а не менее того и из семян различных видов чертополоха; поэтому там, где есть чертополох и репейник, можно с уверенностью рассчитывать встретить щегла. «Ничего нет красивее, — говорит Болле, — картины стаи щеглов, качающихся на засыхающих уже стеблях чертополоха и выщипывающих семена из белой части цветочных корзинок. Растения будто вторично украсились цветами, еще более великолепно окрашенными, чем первые». Птица появляется на кустах чертополоха, ловко привешивается к одной из головок и принимается усердно работать своим длинным, остроконечным клювом, чтобы захватить скрытые семена. Летом щегол ест между прочим и насекомых, ими он выкармливает и птенцов. Таким образом он приносит пользу во всякое время года как уменьшением количества сорной травы, так и истреблением насекомых.

Гнездо его — прочная, плотно сплетенная, искусная постройка; оно вьется в редких лиственных лесах или на огородах, часто в садах и в непосредственной близости от домов, обыкновенно на высоте 6-8 м над землей, чаще всего в развилине ветви на верхушке дерева, и так хорошо скрыто, что снизу его можно увидеть только тогда, когда с деревьев опадут листья. Зеленые древесные лишай и земляной мох, тонкие корешки, сухие соломинки, нити и перья, переплетенные пряжей насекомых, образуют наружную стенку гнезда, а слои пуха из головок чертополоха, которые удерживаются в своем положении тонким слоем конских волос и свиных щетин, — его внутреннюю выстилку. Строитель гнезда — самка; самец усердно увеселяет ее при этом пением, но лишь редко принимает активное участие в постройке гнезда. Кладка состоит из 4-5 яиц* с нежной и тонкой скорлупой, в среднем 16 мм длиной и 12 мм толщиной; по белому или голубовато-зеленому фону они усеяны редкими фиолетово-серыми точками, которые, однако, на тупом конце образуют венчик.

** Брем приводит средние цифры. Кладки щеглов могут содержать от 3 до 7 яиц.*

Редко удается найти яйца щегла раньше мая, и, вероятно, пары выводят птенцов только один раз в течение лета. Самка высидывает одна в продолжение 13-14 дней**.

*** Период инкубации варьирует от 9 до 14 дней. Щеглы, как правило, имеют 2 выводка за лето, некоторые пары успевают вырастить 3 выводка. Это установлено на основании наблюдений за индивидуально мечеными птицами.*

Птенцов, пока они малы, выкармливают мелкими личинками насекомых, подросших — насекомыми и семенами; родители долго еще водят с собой вылетевших птенцов.

Представителем семейства вьюрковых является и водящийся в Германии **канареечный вьюрок** (*Serinus serinus*). Длина его достигает 12,5 см, размах крыльев 21, длина крыла 6,7, хвоста 5 см. Преобладающий цвет оперения прекрасный зеленый. Самка ростом меньше, и в оперении ее преобладающим цветом является зеленовато-желтый, почти всюду украшенный продольными пятнами.

Первоначально водившийся в южной Европе и Малой Азии, канареечный вьюрок постепенно распространяется на север, продолжает это и теперь и, проникая все далее и далее, селится в таких областях, где его совершенно не было несколько десятков лет тому назад. «Этот прелестный вьюрок, — говорит Маршалль, — встречается во всей южной Европе, обыкновенен как в Сицилии, так и в Португалии и, должно быть, уже довольно давно распространился в юго-западной Германии; уже в 1818 г. он, уклонившись от Рейна и держась Майна, был не редок вокруг Франкфурта-на-Майне, но лишь спустя 17 лет он появился около Ганау, а в 1883 г. достиг Вюрцбурга. В окрестностях Нейвида он гнезвился уже в 1854 г., хотя, по Малербу, он, вероятно следуя вверх вдоль Мозеля, уже в тридцатых годах поселился в Лотарингии.

На юго-востоке эта птица часто встречается в Венгрии, вверх по Дунаю, обыкновенна около Вены (1879) и по этой дороге проникла прямо до Баварии. В 1850 г. канареечный вьюрок появился, следуя по пути Дунай — Молдава — Эльба при Бензене на Молдаве; пять лет спустя — на 25 км дальше при Будвейсе, причем, по мнению местных жителей, он все более распространяется вместе с разведением рапса. Следуя вдоль Эльбы, он в 1870 г. часто показывался при Шандау в Саксонской Швейцарии, реже на расстоянии часа пути далее вниз по течению в урочище Биэла, хотя уже за 18 лет до того в Лесснице около Дрездена наблюдали гнездящуюся парочку, а, по Либбе, канареечный вьюрок уже в 1859 г. сделал неудачную попытку поселиться в долине Эльстера. В 1871 г. это удалось одной парочке, за которой на следующий год последовала другая, а в 1873 г. уже семь пар было найдено при Гере. Перелетев от Дуная к Одере, этот вьюрок проник в Верхнюю Силезию, в 1866 г. стал довольно многочислен при Бреславле, где он за 20 лет до того был совершенно неизвестен; уже в 1850 г., хотя редкими отдельными экземплярами, показался в Лаузитце, но из года в год становится там все обыкновеннее и населяет отсюда соседние местности Саксонии; так, в 1867 г. он появился в Максдорфе, а в конце семидесятых годов он достиг Франкфурта-на-Одере и Берлина*.

** Впоследствии расселение канареечного вьюрка на север и восток продолжалось, и к настоящему моменту он заселил всю континентальную часть Западной Европы, кроме Скандинавии, появился на юго-востоке Англии, стал гнездиться в Прибалтике, Белоруссии и почти на всей Украине, освоил запад Ленинградской и Псковской областей России.*

Канареечный вьюрок — хорошенькая, живая и привлекательная птица, всегда бодрая и в хорошем расположении духа, общительная и миролюбивая, пока не наступит время любви, когда птички разъединяются на парочки и между самцами происходят ссоры. Первыми прибывают к нам всегда самцы; самки следуют за ними позднее. Благодаря своему пению и беспокойной деятельности самцы тотчас становятся заметны; они садятся на высочайшие вершины деревьев, опускают крылышки, поднимают несколько хвост, постоянно поворачиваются во все стороны и заливаются пением. В случае холодной, ветреной и дождливой весны дело совершенно изменяется. «Тогда птичка, — говорит Гомейер, — делается совсем иною. Она держится низко, чтобы найти защиту от непогоды, и только изредка тихо и боязливо издает свой зов из куста, или в поисках за кормом прыгает по земле, отыскивая пищу около куста лебеды, не производя шума и не выказывая, вследствие дурного расположения духа, большого оживления. Таким образом при продолжительной неблагоприятной погоде может случиться, что, несмотря на большое количество прилетевших вьюрков, их видишь мало, но стоит только выглянуть солнцу, и они во множестве запоют на всех деревьях». Чем более приближается время спаривания, тем ревностнее поет самец свою песенку и тем более странны становятся его жесты. Не довольствуясь тем, что нежными звуками просит о любви, канареечный вьюрок ложится, как кукушка, на ветвь, поднимает перья на горле, как токующий глухарь, сильно расширяет хвост, вертится, поднимается на воздух, порхает, носясь подобно летучей мыши вокруг дерева, бросается то в одну, то в другую сторону и затем возвращается на то место, на котором сидел, чтобы продолжать пение. Другие самцы, находящиеся поблизости, возбуждают в певце ревность. Он вдруг обрывает пение и, рассерженный, бросается на противника, который обращается в бегство и быстро улетает, после чего птицы долгое время яростно гоняются друг за другом сквозь покрытые листьями верхушки деревьев или над самой землей, причем беспрерывно выражают свой гнев резкими мси-си-сим. Только после долгих битв, когда самка уже сидит на яйцах, кончаются эти ссоры и драки. Пение канареечного вьюрка Гофман удачно сравнивает с пением альпийской завирушки, которое, впрочем, нежнее. Отличную песнь вьюрка назвать нельзя: она слишком однообразна и заключает слишком много чирикающих звуков; однако я должен признаться, что она мне всегда нравилась. Местное тирольское название этой птицы «хирнгриттерль» до некоторой степени представляет подражание этой песне.

Гнездо канареечного вьюрка маленькая искусная постройка, более всего похожая на гнездо нашего зяблика. Строится из различного материала; иногда оно построено из тонких корешков, иногда из различных соломинок и внутри крайне нежно и мягко выложено волосами и перьями. Оно помещается то выше, то ниже, но всегда по возможности спрятано в густых ветвях куста или дерева. По Гофману, канареечный вьюрок оказывает совершенно особое предпочтение грушевому дереву и, где только возможно, устраивает свое гнездо на нем, однако гнездится и на яблонях, вишнях или других лиственных деревьях, а по новейшим наблюдениям, не менее того и на хвойных; вообще в этом отношении он оказывается неразборчивым. В Испании он предпочитает лимонные и апельсиновые деревья всем другим, но вовсе не держится исключительно их. Кладка состоит из 4-5 маленьких прилепленных яиц длиной в 16 мм, шириной в 12 мм, которые на грязно-белом или зеле-

новатом фоне всюду, но на тупом конце сильнее, чем на остром, покрыты матово-бурыми, красными, красно-серыми, пурпурово-черными точками, пятнами и разводами. Пока самка сидит на яйцах, самец кормит ее из зоба. «Если она голодна, — говорит Гофман, — то она зовет самца и именно таким же звуком, какой самец издает во время своих любовных битв, только несколько более тихим». Высиживает она очень усердно и спокойно продолжает сидеть, хотя бы под ее гнездом целый день продолжались полевые или садовые работы. Через 13 дней приблизительно вылупляются птенцы. По окончании птенцовой поры отдельные пары вместе со своими птенцами присоединяются к вылетевшим раньше и, собравшись в стаи, соединяются со щеглами, коноплянками, полевыми воробьями и другими представителями того же семейства, однако в тесную дружбу не вступают с ними, всегда сохраняя известную самостоятельность. Затем эти стаи кочуют по стране и отыскивают сообща свою пищу, состоящую почти исключительно из мелких семян и побегов растений, однако не принося тем вреда человеку.

За исключением мелких хищников, у нас канареечный вьюрок не подвергается ничьим нападениям, да еще разве на него охотятся некоторые любители; напротив, в Испании его тысячами ловят для еды на так называемых «воробьиных деревьях». Траву эспарто покрывают птичьим клеем, осыпают массами травинок одиноко стоящие на полях деревья.

которые служат местом отдыха для стаи вьюрков, и получают часто изумительные результаты: из многочисленных стай вьюрков, которые опускаются на такое дерево, иногда едва четвертая часть спасается от предательских прутьиков. Не только канареечный вьюрок, но и другие вьюрки и даже хищные птицы становятся жертвой такого лова.

Корольковый вьюрок (*Serimis pusillns*) распространен от Таврии и Кавказа, по Персии и Туркестану до Ладака, встречается он и в юго-восточной Европе*.

** В юго-восточную Европу корольковый вьюрок только залетает.*

Длина его около 11 см, длина крыла 7, длина хвоста 5 см. Оперение на передней части головы темно-оранжево-красное, на остальной части головы и шее, а также на верхней части груди тусклое буровато-черное. Хвостовые перья черно-бурые, снаружи с лимонно-желтыми каймами. Радужная оболочка глаза бурая, клюв черный, ноги черно-бурые. У менее ярко окрашенной самки нет черных перьев на голове.

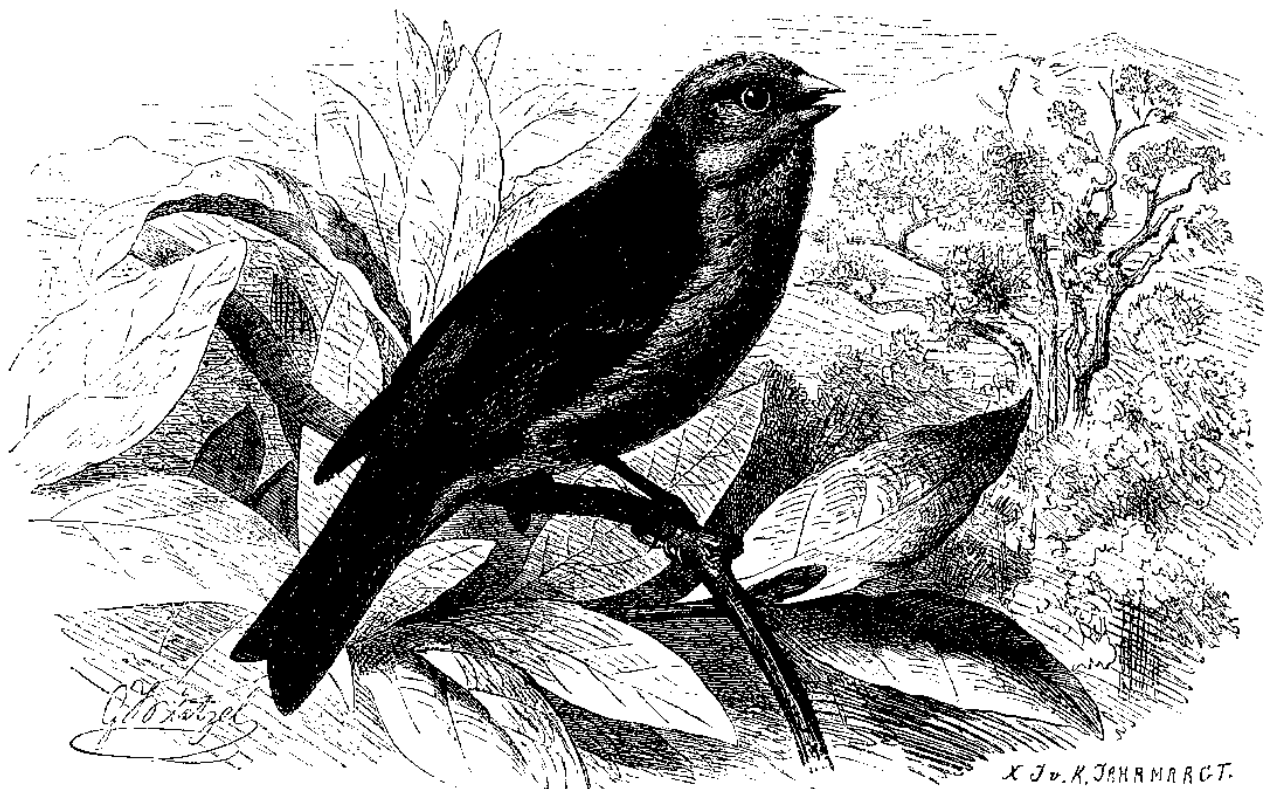
"Прошло три столетия, — говорит Болле, — с тех пор, как канарейка благодаря приручению была вывезена за границы своей настоящей родины и стала обитательницей всего света.

Цивилизованный человек наложил на нее свою руку, вывез, развел, связал ее судьбу со своей собственной и благодаря попечениям и уходу многочисленными следующими одно за другим поколениями вызвал такие существенные изменения этой породы, что теперь мы вместе с Линнеем и Бриссоном почти склонны ошибочно считать золотисто-желтую птичку прообразом этого вида и почти забыли дикую зеленую коренную форму этого вида, которая неизменно осталась тем же, чем была с самого начала. Подробное знакомство с ручной канарейкой, точное и обстоятельное изучение ее нравов и особенностей в связи с тем обстоятельством, что дикая канарейка живет далеко от нас, были, кажется, главными причинами незначительности наших сведений об этой последней».

Болле первый дал нам описание жизни канарейки на свободе. Все естествоиспытатели до него, за исключением только А. фон Гумбольдта, сообщают нам мало или если и сообщают что-нибудь, то истина и вымысел так перемешаны у них, что трудно отделить одно от другого. Только Болле, слова которого я привожу ниже в извлечении, дает нам настолько же верное, насколько и ясное описание этой интересной птицы. Этот исследователь нашел ее на пяти лесистых островах Канарской группы: Гран-Канариа, Тенерифе, Гомера, Пальма и Ферро, но полагает, что она могла встречаться раньше также на нескольких других островах, ныне безлесных, точно так же, как водится на Мадере и островах Зеленого Мыса. На названных островах канарейка живет всюду, где густо растущие деревья чередуются с кустарниками, преимущественно вдоль окаймленных роскошной зеленью русл тех водоемов, которые в дождливое время превращаются в ручьи, а в сухое время пересыхают; не менее часто она встречается в садах вокруг жилищ человека. Распространение ее простирается от берега моря до высоты более 1500 м на горах. Там, где существуют условия для ее благоденствия, она обыкновенна всюду, часто встречается в виноградниках на этих островах, нередко также в сосновых лесах, покрывающих горные склоны; она, по-видимому, избегает только глубины тенистого высокого леса, опушки которого она еще населяет.

Дикая канарейка (*Serinus canaria*), которую и на родине испанцы и португальцы называют «canario», заметно меньше той, которую в Европе держат в клетках. Длина ее достигает 12-13 см, длина крыла 7,2, хвоста 6 см. У старого самца спина желто-зеленая с черноватыми стержневыми черточками и очень широкими светло-пепельно-серыми краями перьев, окраска которых почти

становится преобладающей; надхвостье желто-зеленое, но верхние кроющие перья хвоста зеленые с пепельно-серыми краями; голова и затылок желто-зеленые с узкими серыми краями; лоб и широкая полоска, пересекающая глаз и кругообразно протягивающаяся к затылку, зеленовато-золотисто-желтые, такого же цвета горло и верхняя часть груди; бока шеи пепельно-серые. Цвет груди кзади становится светлее и желтоватее; брюхо и перья надхвостья беловатые; плечи прекрасного зеленого цвета с матово-черными и бледно-зеленоватыми полосками; черноватые маховые перья с узкими зеленоватыми, черно-серые хвостовые перья с беловатыми каймами. Глаза темно-бурые; клюв и ноги буровато-мясного цвета. У самки верхняя сторона буро-серая с широкими черными стержневыми черточками; перья затылка и верхней части головы такого же цвета, но при основании светло-зеленые; перья лба зеленые; уздечка серая, щеки частью зелено-желтые, частью пепельно-голубовато-серые; перья плеч и мелкие верхние кроющие перья крыла светлого желто-зеленого цвета; большие кроющие перья крыла, как и маховые перья, темного цвета с зеленоватыми каймами; грудь и горло зеленовато-золотисто-желтые, но благодаря бело-серым краям перьев менее красивы, чем у взрослого самца; нижняя часть груди и брюхо белые; бока тела буроватые с более темными стержневыми черточками. Оперение птенцов в гнезде буроватое, на груди с охрово-желтым оттенком, на щеках и на горле очень бледного лимонно-желтого цвета.

Канарейка (*Serinus canaria*)

Пища диких канареек состоит по большей части, если не исключительно, из растительных веществ: мелких семян, нежной зелени и сочных плодов, в особенности винных ягод. «Вода составляет для канареек безусловную потребность. Они часто летают на водопой.

большей частью обществами, любят купаться, причем очень сильно мочат свои перья. Эта привычка свойственна как диким канарейкам, так и ручным.

Спаривание и постройка гнезда происходят в марте, большею частью лишь во второй половине его. Продолжительность высиживания у дикой канарейки длится около 13 дней. Птенцы остаются в гнезде, пока не оперятся совершенно; после вылета оба родителя, и в особенности отец, кормят их еще некоторое время из зоба самым заботливым образом».

Все гнезда, которые наблюдал Болле, были одинаково опрятно свиты из растительного пуха; в некоторых кроме блестящего растительного пуха иногда попадался стебелек травы или кусочек коры. «В то время, как самка высиживает яйца, самец сидит поблизости от нее, всего охотнее на дереве, еще не покрытом листьями, в начале весны охотно на акации, платане или настоящем каштане, тех породах деревьев, почки которых вскрываются поздно, или же усаживается на сухих верхушках ветвей, какие нередко встречаются на вершинах померанцевых деревьев, обыкновенных в садах и около человеческих жилищ. На таких местах он поет охотнее всего и дольше всего.

О достоинствах пения дикой канарейки много говорилось. Некоторые слишком высоко ценили и прославляли ее, другие произносили над ней слишком строгий приговор. Мы не удалимся от истины, если выскажем мнение, что дикие канарейки поют так, как в Европе ручные. Пение последних вовсе не есть результат искусственного обучения; в общем оно осталось таким, каким было первоначально. Воспитание изменило, правда, отдельные части песни и привело к более блестящему развитию их, другие же части его сохранили первоначальный характер в большей свежести и чистоте, но общий характер пения обеих канареек и теперь еще совершенно одинаков и доказывает, что в то время, как известные народы могут утратить свой природный говор, птицы свой язык сохраняют в целостности при всех изменениях внешних условий. Таков беспристрастный приговор природы. То, что мы слышим, прекрасно, но оно становится еще прекраснее и звучнее благодаря тому, что раздается не в пыльной комнате, а под открытым небом, там, где розы и жасмин обвиваются вокруг кипарисов и исчезающие в пространстве звуковые волны теряют ту резкость, которая может не нравиться нам, когда мы слушаем пение ручной птицы по большей части на очень близком расстоянии. Однако люди не довольствуются тем, что воспринимает их слух; не замечая этого, они прибавляют и то, что создается их воображением, и таким образом появляются приговоры, в которых потом другие разочаровываются. Как все коноплянки и соловьи и все ручные канарейки являются певцами неодинакового достоинства, так и от пения всех диких канареек нельзя требовать одинаковых достоинств: между ними есть как лучшие певцы, так и худшие. Наше решительное мнение таково: так называемых соловьиных трелей, хватающих за душу глубоких грудных тонов мы никогда не слышали в лучшем исполнении, чем у диких канареек и некоторых ручных на Канарских островах, которые учились у первых. Больше всего должно остерегаться судить о пении свободной канарейки по пению — часто очень плохому — тех, которые были пойманы очень молодыми и выросли в клетке, не имея хорошего учителя.

Ловля этих маленьких птичек очень легка, особенно молодые канарейки идут почти во всякую ловушку, лишь бы около нее была птица того же вида для приманки — еще одно доказательство общительности этого вида. Я видел на Канарии, как их ловили даже поодиночке в силки, в которых для приманки были выставлены коноплянки и щеглы. Обыкновенно для ловли их употребляют на Канарских островах западную, которая состоит из двух боковых отделений, собственно ловушек с подножками, которые можно настораживать, разделенных находящейся между ними клеткой с приманной птицей. Ловля эта производится в местностях, богатых деревьями, где есть поблизости вода, и успешнее всего в ранние утренние часы. Как мы знаем по опыту, ловля эта необыкновенно привлекательна, так как дает возможность спрятавшемуся в кустарнике ловцу наблюдать канареек очень близко и, оставаясь невидимым, любоваться их грациозными движениями и изучать их нравы. Мы видели, как таким образом в течение немногих часов ловилось 16-20 штук одна за другой; большая часть их были, однако, невылинявшие птенцы. Если бы на островах были хорошо устроены точки для ловли птиц, чего в действительности нет, то этот промысел, естественно, давал бы гораздо больший доход.

Мы в достаточном количестве наблюдали диких канареек в неволе и иногда имели их по дюжине или по полторы дюжины сразу. В Санта-Круссе цена молодых птиц, уже вылетевших из гнезда, если покупать несколько сразу, равняется обыкновенно 25 пфеннигам за штуку. За только что пойманных старых самцов платят по 1 марке».

Я оставляю без описания жизнь вполне превратившейся в домашнюю птицу канарейки и чувствую себя вправе сделать это совершенно спокойно, так как о канарейках, их разведении и торговле написано уже так много, что я не решаюсь докучать читателям повторением этих общеизвестных сведений.

Обыкновенная чечевица (*Caprodacus erythhmis*) отличается преобладающим кармино-красным цветом; задняя часть шеи и спины ее буровато-серая, с более темными пятнами, имеющими кармино-красный налет; брюхо, бедра и нижние кроющие перья хвоста грязно-белые. У самки вместо кармино-красного цвета преобладает бледно-серо-бурый, и рисунок состоит из более темных продольных пятен. Глаза карие; клюв светло-рогового, ноги темно-рогового цвета. Длина птицы достигает 16 см, размах крыльев 26, длина крыла 8, хвоста 6 см.

В Европе чечевица постоянно встречается только на востоке, особенно в Галиции, Польше, Прибалтийских губерниях, в средней и южной России, а кроме того, в Средней Азии, от Урала до Камчатки. Отсюда он правильно перелетает на юг, через Китай до Индии и через Туркестан до Персии, появляется также не слишком редко в Германии, Голландии, Бельгии, Франции, Англии и Италии. На местах вывода птенцов он появляется около середины мая, самое раннее в конце апреля, и снова оставляет их в сентябре. Для жительства он предпочитает выбирать густой кустарник

поблизости от воды, а также поросшие кустами и тростником болотистые места, но не ограничивается низменностями, а встречается также в холмистой стране и даже на горах до высоты более 2000 м. Он нигде не бывает многочислен, наблюдается повсюду поодиночке и никогда не образует летом многочисленных стай.

Тотчас по прилете чечевицы можно слышать ее необыкновенно привлекательное, разнообразное и звучное пение, которое хотя и напоминает пение щегла, коноплянки и канарейки, но все же настолько своеобразно, что его нельзя смешать с пением какого-либо другого вьюрка. Это пение настолько же разнообразно, насколько и благозвучно, настолько же мягко, насколько привлекательно, и вообще принадлежит к числу лучших, какие могут раздаваться из горлышка вьюрков. На Камчатке, как сообщает нам Китлиц, эту песню остроумно передают русскими словами «чевичу видел».

"Чевича» самый крупный вид тамошних лососей, самая ценная из всех рыб этой страны, а потому и самая лучшая пища жителей; она появляется на Камчатке приблизительно одновременно с описываемой птицей. Таким образом, песня обыкновенной чечевицы как будто возвещает появление лосося, и потому в этой стране, где жители питаются главным образом рыбой, чечевица является вестником не только весны, но и сопровождающей ее обильной ловли рыбы». Действительно, в строфах песни часто слышатся звуки, похожие на вышеупомянутые русские слова с особым ударением. Во время пения самец свободно усаживается на верхушке куста, в котором или поблизости от которого находится гнездо, нахохливает перья на темени и груди, как бы желая выказать все великолепие своего оперения, затем исчезает внутри куста и издает там еще несколько бормочущих строф, но скоро снова показывается и начинает пение. Движения его напоминают движения коноплянки, на которую он похож и своей неутомимостью.

В неволе чечевицы крайне приятные птицы, но цвет их перьев так непрочен, как ни у какого другого вьюрка, отличающегося такую же красотой красок. Птицы теряют уже блеск и яркость цвета, если их трогать рукою, и при ближайшей линьке получают плохо окрашенную одежду, притом они редко выживают в клетке несколько лет.

У щура (*Pinicola emicleator*) тело толстое, клюв со всех сторон выпуклый, верхняя половина клюва загнута большим крючком над нижней и имеет несколько извилистые края; ноги относительно коротки, но толсты, пальцы сильные, когти большие; крылья достигают трети хвоста. Хвост довольно длинен и снабжен вырезкой посредине; оперение отличается густотой и своеобразною красотой цветов. У старых самцов преобладающий цвет — красивый смородинно-красный, у самок и годовалых самцов цвет имеет более желтоватый оттенок; горло окрашено светлее, а крылья украшены двумя белыми поперечными полосками. Отдельные перья при основании пепельно-серые; вдоль стержня черноватые, на конце смородинно-красные или же красно-желтые и испещрены местами посредине более темными пятнами; напротив, по краям они обыкновенно имеют более светлую кайму, благодаря чему происходит волнистый рисунок; маховые и рулевые перья черноватые с более светлыми краями. Глаза темно-карие, клюв грязно-бурый, на конце черноватый, нижняя половина клюва светлее верхней, ноги серо-бурые. Длина птицы достигает 22 см, размах крыльев 35, длина крыла 12, хвоста 8 см.

Родиной этой красивой птицы следует считать все страны, лежащие далеко на севере. Насколько известно, щур нигде не встречается в большом числе, напротив, летом он живет парами или поодиночке в обширной области и собирается в стаи только осенью. Соединившиеся в это время стаи кочуют в течение всей зимы по северным лесам, приближаются к одиноко лежащим фермам, а с наступлением весны снова возвращаются на места своего гнездования. Отдельные щуры появляются в качестве перелетных птиц если и не ежегодно, то почти в каждую суровую зиму в Германии, а также в Прибалтийских губерниях, в северной России и похожих местностях северной Азии и Америки; напротив, многочисленные стаи этих птиц редко доходят до нас; только при особенных обстоятельствах, именно если значительное выпадение снега вынуждает их переселяться в более южные страны, случается, что стаи соединяются между собою, и таким образом собираются большие массы птиц. В 1790, 1795, 1798 и 1803 годах щуры появились в таком большом числе на побережье Балтийского моря, что около одной Риги можно было каждую неделю ловить около 1000 пар; в 1821, 1822, 1832, 1844 и 1878 годах они появились в бесчисленном множестве в Пруссии; в 1845, 1856, 1863, 1870 и 1871 годах они встречались здесь, а также в Померании в менее значительном числе.

Стаи, прилетающие к нам, выказывают себя общительными птицами, держатся днем целыми обществами, вместе перелетают с места на место, вместе отправляются отыскивать пищу, а также и место для ночлега. И на чужбине они предпочитают держаться в привычных им хвойных лесах;

особенно охотно отыскивают они, по-видимому, те леса, в которых подлесок состоит из можжевельника. В лиственных лесах они встречаются гораздо реже, безлесные равнины они перелетают как можно быстрее. Вначале на чужбине они выказывают себя безобидными, доверчивыми птицами, которые еще не испытали коварства человека. Они продолжают спокойно сидеть, если наблюдатель или охотник приближается к дереву, на котором они собрались, неразумно и смело смотрят стрелку в дуло ружья и, как будто озадаченные, предоставляют охотнику ловить их или убивать выстрелами одного за другим, не думая о бегстве.

Некоторым щурам, занятым едою, с успехом надевали на голову петли, прикрепленные к длинным палкам; вообще оказалось, что для ловли их можно применять самые грубые приспособления. Все, кто имел случай наблюдать их на свободе, рассказывают о трогательной привязанности щуров к своим товарищам. Так, на токе для ловли птиц однажды поймали сразу трех щуров из стайки, состоявшей из четырех птиц, и, к немалому удивлению, заметили, что оставшийся на свободе добровольно подполз также под сеть, как бы с намерением разделить с другими их участь. Однако было бы ошибочно смотреть на такое поведение щуров как на доказательство их ограниченности; опыт научает и их уму-разуму и делает их такими же недоверчивыми, боязливыми и осторожными, какими они обыкновенно бывают, по словам Коллета, на местах своего гнездования.

По своему поведению щур сильно напоминает клеста. Он выказывает себя настоящей древесной птицей, которая чувствует себя вполне дома на ветвях и, напротив, чужою на земле. В верхушках деревьев он очень искусно лазает с ветви на ветвь и легко перепрыгивает через довольно широкие промежутки; по воздуху он летает довольно быстро, описывая, подобно большинству выюрков, широкие волнообразные линии и паря лишь на коротком расстоянии перед тем, как сесть; по земле же, если спускается на нее, он движется неуклюжими прыжками. Призывный звук его похож на звук флейты и приятен; он сходен с зовом снегиря. Пение, которое раздается в течение всей зимы, очень разнообразно и благодаря мягким, чистым флейтовым тонам в высшей степени привлекательно. В течение зимних месяцев редко можно составить себе правильное представление о звонкой песне щура; птица поет тогда тихо и отрывисто; весной же, когда в щуре пробуждается любовь, он поет с большим жаром, громко и долго, так что может доставить удовольствие и тому, кто знаком с пением искуснейших пернатых певцов. В светлые, как день, летние ночи своей родины он поет особенно усердно, и потому в Норвегии его называют «ночным стражем». Нрав у него тихий и миролюбивый; супруги выказывают друг другу сильную преданность и нежность.

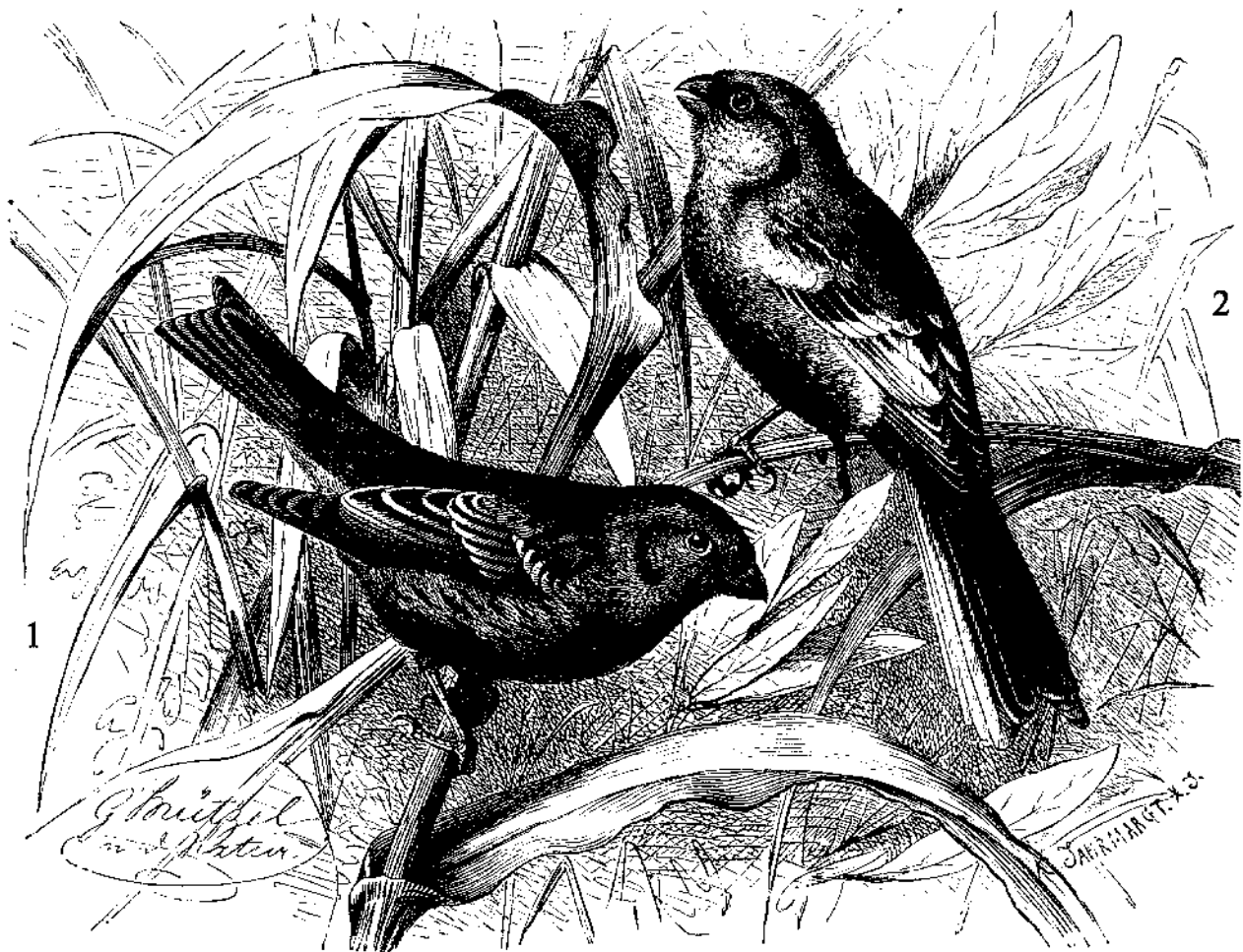
На свободе щур питается семенами хвойных деревьев, которые он или вытаскивает между открытыми чешуйками шишек, или подбирает с ветвей и с земли; кроме того, он охотно ест различные другие семена и ягоды и считает лакомством древесные почки и зелень вообще. В летние месяцы, может быть, он питается между прочим и насекомыми, особенно чрезвычайно многочисленными на его родине комарами, и выкармливает ими своих птенцов; однако на этот счет не существует точных наблюдений*.

** Корм птенцов всегда содержит насекомых, однако далеко не одних комаров.*

О размножении щура мы имеем до настоящего времени лишь скудные данные. Судя по наблюдениям Уоллея, гнездо щура в Лапландии находится постоянно на низких елях, приблизительно в 4 м над землей. Длинные, тонкие гибкие ветви образуют иногда крайне рыхло сплетенный наружный слой гнезда; более тонкие корни, древесные лишай и, может быть, также соломины составляют внутреннюю выстилку, которая иногда лишь неплотно связана с наружным слоем. Кладка состоит обычно из 4 яиц. По наблюдению Наумана, на яйцах сидит только самка; самец между тем развлекает ее своими прекрасными песнями.

Пойманные щуры в несколько часов привыкают к клетке, без затруднения принимаются за соответствующий корм, скоро становятся настолько же ручными, как какой-либо из снегирей, но редко выживают долго в клетке и при первой линьке безвозвратно утрачивают свои великолепный цвет.

Урагус, или длиннохвостый снегирь (*Uragiis Sibiricus*) живет в болотистых, поросших тростником местностях восточной Азии, в восточной Сибири, в восточном Туркестане и в восточном Китае и Маньчжурии, но иногда, говорят, залетает в южную Европу, даже в Венгрию. Радде встречал его в течение всего года в местностях по среднему течению Амура.

1 — Сибирская чечевица (Carpodacus roseus) 2 — Урагус (Uragus sibiricus)

Позднeю осeнью пары собираются в стайки от 10 до 30 штук и кочуют по окрестностям, издавая однообразные свистящие звуки. «Около Иркутска стаи эти появляются в большом числе только в конце сентября. Птицеловы ловят их там вместе с синицами, клестами, обыкновенными снегирями и альпийскими дроздами; но длиннохвостый снегирь только короткое время держится в клетках и при этом почти совершенно теряет свойственную ему живость. До ноября они встречаются чаще всего при пролете. Позднее отдельные пары остаются там на зиму и живут вместе со снегирями на густо поросших кустарником берегах ручьев, а также около скирд хлеба, которые часто устраиваются на засеянных прогалинах лесов недалеко от деревень. На реке Ононе урагус появляется в сентябре вместе со свиристелем и живет больше на островах. В горах Малого Хингана я видел большие стаи этих снегирей только в конце сентября. Они были, как всегда, очень резвы. Никогда они не летают вместе, а постоянно поодиночке и при этом все время издают призывный звук. Полет происходит очень отлогими дугами, причем крылья несколько шумят». Птица эта очень часто встречается в Даурии. По словам Дыбовского, которому мы обязаны наиболее подробными сведениями об образе жизни урагуса, он там живет летом на южных склонах гор и только позднeю весной переселяется в низменность, именно в густые рощи, окаймляющие берега рек, ручьев и ключей в степи.

Обыкновенный снегирь (*Pyrrhula pyrrhula*) отличается тем, что верхняя часть головы и горло, крылья и хвост блестящего чисто черного цвета, спина пепельно-серая, надхвостье и нижняя часть брюха белые, вся остальная нижняя сторона яркого светло-красного цвета. Самку легко отличить по пепельно-серой окраске нижней стороны и вообще менее ярким цветам. Длина птицы достигает 17 см, размах крыльев 28, длина крыла 9, хвоста 6 см.

Снегирь населяет всю Европу, за исключением востока и севера, но живет на юге нашей части света лишь в качестве зимнего гостя*.

* Снегирь в Европе распространен шире, чем указывает Брем, он заселяет практически всю эту часть света вплоть до северной границы древесной растительности, не гнездится только в тундре, но регулярно туда залетает. Отсутствует он на самом юге Европы: в Испании, на юге Греции и островах Средиземного моря.

"У немцев слово «снегирь» (Gimpel), — говорит мой отец, — общеизвестно в качестве бранного слова для обозначения ограниченного человека, что заставляет предположить о глупости этой птицы. Нельзя отрицать, что она существо безобидное, вовсе не способное избегать преследований человека: стрелять и ловить снегиря легко. Однако глупость этой птицы далеко не так велика, как глупость клеста: хотя после выстрела, которым убит один из снегирей, остальное общество иногда и садится на то же дерево или около него, но все же я не знаю случая, чтобы нераненый снегирь продолжал сидеть на месте после выстрела, что подчас случается с клестами. Если бы снегирь был действительно так глуп, как думают, то как мог бы он научиться так хорошо насвистывать песни? Выдающуюся черту составляет в нем любовь к своим собратьям. Если убивают одного из снегирей, то остальные долгое время издают жалобные крики и с трудом решаются оставить то место, где погиб их товарищ; они непременно хотят взять его с собою. Это особенно заметно, если общество мало. Такая сильная привязанность меня часто трогала. Однажды я застрелил одного из двух самцов снегирей, сидевших на изгороди, другой улетел и удалился на столько, что я потерял его из виду, возвратился и сел на тот самый куст, в котором он потерял своего товарища. Подобных примеров я мог бы привести несколько.

Насколько неловка прыгающая походка снегиря на земле, настолько ловок он на деревьях. Он сидит, то держа тело горизонтально и подогнув ноги, то приподнявшись и сильно вытянув ноги; часто он привешивается к ветви снизу. Свои рыхлые и длинные перья он редко вполне прижимает к телу, и потому обыкновенно кажется гораздо больше, чем он есть в действительности. На лету, перед тем как улететь, тотчас после того, как сядет, и при клевании семян и зерен он выглядит стройным и красивым; в клетке он почти всегда несколько свешивает перья. Великолепное зрелище представляет дерево, покрытое сидящими снегирями. Летом красный цвет самцов красиво выступает на зелени листьев, зимою — на белом фоне инея и снега. Снегири, по-видимому, совершенно нечувствительны к холоду: в самые суровые зимы они очень бодры, если только не терпят недостатка в пище. Их необыкновенно густое оперение служит им достаточной защитой. Оно оказывает большое влияние и на полет; он легок, но медленен, волнообразен и имеет некоторое сходство с полетом зяблика. Как и этот последний, снегирь очень заметно раздвигает и сжимает маховые перья. Перед тем как сесть, снегири часто парят, но иногда бросаются внезапно вниз, сильно подтянув назад крылья.

Зов, издаваемый обоими полами, жалобное «июг» или «люи», доставил этой птице в Тюрингене название «Lubich». Этот звук снегирь издает чаще всего на лету, собираясь улететь или собираясь сесть, и, смотря по различному выражению, звук этот служит то призывным, то предостерегающим, то жалобным. Другие снегири каждый раз его понимают правильно. Из этого видно, что эти птицы очень тонко различают звуки, так как малейшие изменения в призывном звуке, которые часто едва заметны для человека, ими понимаются всегда правильно. Пение самца не представляет ничего особенного; оно отличается несколькими трескучими звуками и с трудом поддается описанию. На свободе оно раздается до и во время периода размножения, а в неволе почти круглый год».

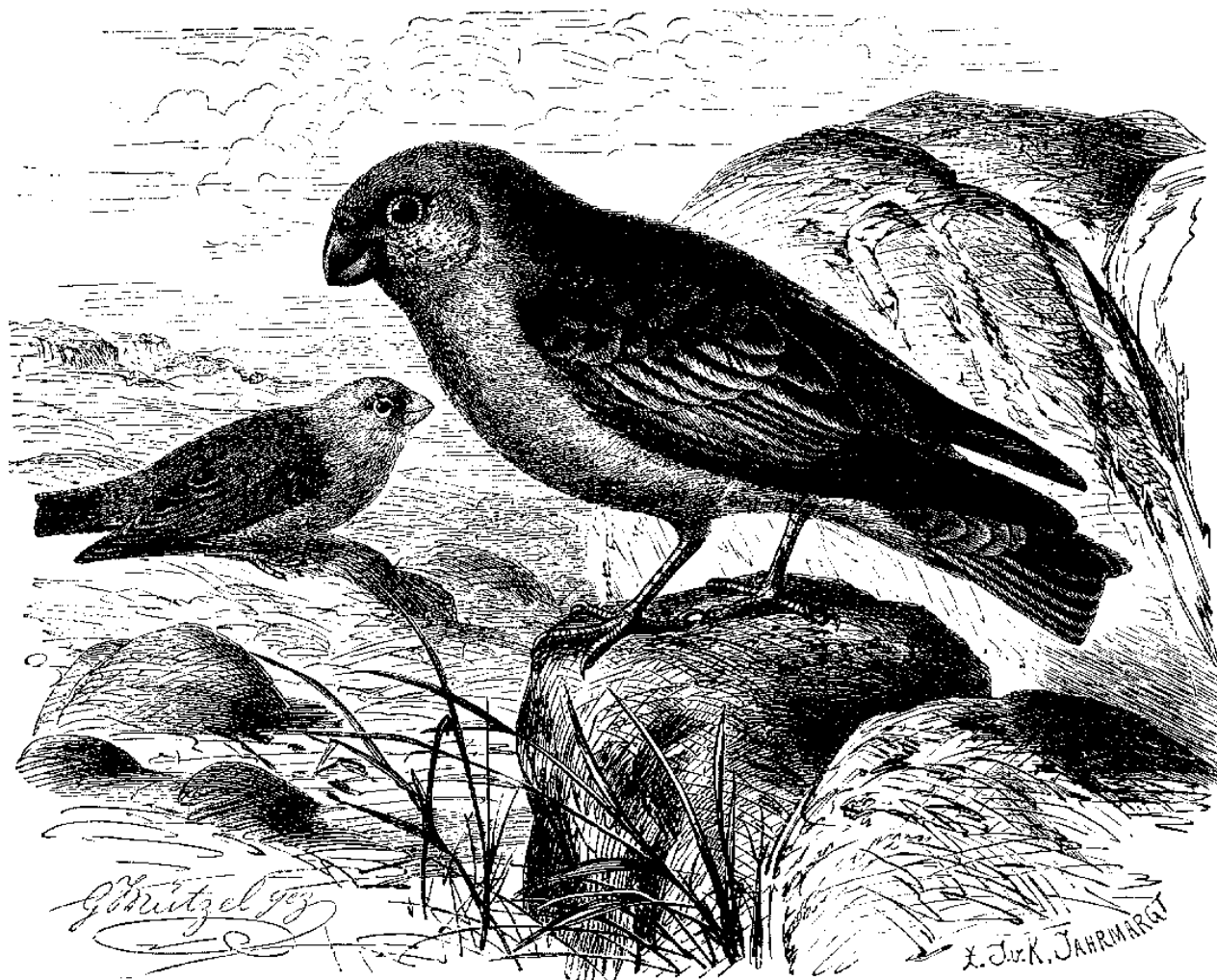
Пищу снегиря составляют семена деревьев и трав; между прочим он поедает зерна некоторых ягод, а летом много насекомых. Сосновые и еловые семена он не может хорошо доставать из шишек и поэтому обыкновенно подбирает их с земли. Зерна ягод он с большою ловкостью отделяет от мякоти, которую отбрасывает как несъедобную. Зимой присутствие снегирей легко узнать по тому, что земля под деревьями, на которых есть ягоды, как бы усеяна мякотью их.

Однако птица принимается за такую пищу лишь в случае нужды и всегда предпочитает ей семена. Для облегчения пищеварения снегирь проглатывает также и песчинки. Он может быть вреден откусыванием почек плодовых деревьев; но так как он нигде не встречается в значительном количестве, то причиняемый им вред едва ли может заслуживать внимания, кроме разве такого случая, когда стая прилетит в маленький сад и долго проживет здесь без помехи.

В гористых странах молодых снегирей берут из гнезда, когда они еще не оперились, чтобы воспитывать и обучать их. Чем раньше можно начать обучение, тем успешнее результаты. В Тюрингенском лесу ежегодно воспитывают сотни молодых снегирей и затем отвозят через посредство особых торговцев птицами в Берлин, Варшаву, Петербург, Амстердам, Лондон, Вену, даже в Америку. Обучение начинается с первого дня неволи, и главное искусство заключается в том, чтобы сам учитель по возможности чисто и всегда равномерно выполнял ту песню, которой хотят научить снегиря. Пробовали обучать с помощью шарманки, но добились немногого. Даже флейта не может дать таких результатов, как искусный свист человека. Некоторые снегири без особенного труда заучивают две-три мелодии, между тем как другие навсегда остаются плохими певцами; некоторые сохраняют выученное на всю жизнь, другие забывают выученное, а именно во время линьки. Самки

тоже заучивают песни, но никогда, даже приблизительно, не могут сравниться с самцами. Из последних некоторые становятся настоящими виртуозами. «Я слышал, — говорит мой отец, — как коноплянки и черные дрозды недурно насвистывали ту или другую песню; но ни одна из птиц Германии не может сравниться со снегирем по чистоте, мягкости и полноте звука. Невероятно, до каких результатов можно довести его обучение! Он часто заучивает мотивы двух песен и выполняет их так певуче, что нельзя наслушаться». Помимо дара подражания снегирь отличается от всех других вьюрков легкой приручаемостью, безграничной привязанностью и несравненной преданностью своему хозяину; он вступает с ним в тесную дружбу, радуется его присутствию и печалится, если его нет, даже умирает от чрезмерной радости или горя, которые доставляет ему хозяин. Без особенного труда его можно приучить вылетать из клетки и снова возвращаться в нее. В клетках снегيري легко размножаются. Итак, эти птицы соединяют в себе множество превосходных качеств.

Пустынный снегирь (*Bucanetes githagineus*) имеет великолепно окрашенное оперение, как бы смешанное из атласно-серого и розово-красного.

Пустынный снегирь (*Bucanetes githagineus*)

С возрастом красный цвет занимает большее протяжение и становится ярче; красивее всего птица весной, когда оперение достигает высшей степени яркости, так что по красоте далеко оставляет позади себя блестящий пурпур украшающего наши посева куколя, от которого эта птица получила свое латинское название. К осени оно заметно бледнеет и тогда более сходно с оперением самки, главный цвет которой яркий желто-красный. Можно заметить различные степени яркости окраски: некоторые самцы точно выкупаны в крови, другие песчано-серого цвета. Красное красящее вещество не ограничивается оперением, а распространяется и на верхний слой кожи тела, так что ощипанный пустынный снегирь оказывается действительно маленьким «краснокожим». У самки вся верхняя сторона тела буровато-серая, нижняя сторона более светлая серая, с красноватым налетом, брюхо грязно-белое. Длина птицы достигает 13 см, размах крыльев 22, длина крыла 9, хвоста 5 см.

Тот, кто хочет познакомиться с местом жительства этого снегиря, должен отправиться в пустыню, так как ей в широком смысле этого понятия принадлежит эта птица. Болле нашел ее как обыкновенную гнездящуюся птицу на Канарских островах, и преимущественно на Лансароте, Фу-

эртаventura и Гран-Канарио. Я встречал ее не менее часто в большей части верхнего Египта и в Нубии до самых степей, где она постепенно исчезает; но я находил ее отдельными экземплярами и в пустынной Аравии; кроме того, она распространена по Персии и Синду. Со своей родины пустынный снегирь каждую зиму посещает в качестве гостя остров Мальту, залетает также на греческие острова, в Прованс и Тоскану*.

** Известно одно место гнездования пустынного снегиря в Европе. Это очень небольшой район на самом юго-востоке Испании, заселенный пустынным снегирем не более 30 лет назад.*

Местность, которую он предпочитает, должна прежде всего быть лишена деревьев и прогреваться жгучим солнцем. «Пугливая птица, — говорит Болле, который описал пустынного снегиря подробнее, чем кто-либо до него, — хочет, чтобы ее глаз мог свободно блуждать по равнине или холмистой местности. Он предпочитает сухие и каменистые места, где поднимающаяся в полуденный зной струя воздуха ревет над обожженными камнями. Редкая трава, выросшая между камнями, высохшая и пожелтевшая за лето, разбросанный там и сям низкий кустарник — этого уже достаточно, чтобы пустынный снегирь чувствовал себя хорошо на этом месте. Таким образом, пустынный снегирь скорее может считаться птицей, предпочитающей мелкие камни скалам; это толстоклювая птица с нравами каменки. Пустынные снегيري живут всегда семействами или маленькими стайками, если их не разлучают заботы, связанные с размножением. Резвая птичка прыгает с камня на камень или скользит по воздуху, по большей части низко над землей. Взгляд редко может долго следить за нею, так как красновато-серое оперение старых птиц очень незаметно сливается с таким же цветом камней и еще более с цветом лишенных листьев стволов и ветвей молочая, а песчано-желтый цвет молодых — с цветом песка, туфа или извести. Мы скоро потеряли бы его след, если бы его голос, одна из главных особенностей этой птицы, не служил нам проводником при отыскании его. Слушайте! Раздается звук, похожий на звук маленькой трубы: он растянут и как бы дрожит в воздухе, и если наш слух тонок и мы слышали хорошо, то перед этим странным звуком или тотчас после него мы уловим несколько тихих серебристых нот, которые чисто, как колокольчик, звучат в тишине пустыни. Иногда же слышатся странные низкие звуки, похожие на кваканье Канарской лягушки, но менее грубые, которые, быстро повторяясь, следуют друг за другом; а им отвечают почти такие же, но более слабые звуки, похожие на звуки, издаваемые чревоушателем, которые как будто бы доносятся издали. В высшей степени трудно передавать буквами звуки пения птиц; по отношению к пустынному снегирю это было бы особенно затруднительно. Это голос совершенно своеобразный, как бы принадлежащий другому миру; чтобы составить себе о нем правильное понятие, его надо слышать. Никто не станет ожидать настоящей песни от птицы подобных местностей. Упомянутые странные звуки, к которым снегирь прибавляет часто еще ряд каркающих и трескучих, заменяют у него пение. Они до такой степени соответствуют по своей странности необыкновенной обстановке, что их всегда слушаешь с удовольствием и, когда они смолкнут, прислушиваясь, не раздадутся ли они снова. Там, где почва состоит только из сыпучего песка, этот снегирь исчезает. Он не создан для того, чтобы бегать по песку, как франколин или бегунчик. Он, по-видимому, не особенно ищет также крутых скалистых гор. Но тем более любит те бесплодные, черные потоки лавы, полные зияющих, как на глетчерах, трещин и расщелин, на которых едва ли зеленеет хоть одна былинка: такие места, по-видимому, привлекают пустынных снегирей теми надежными убежищами, которые они предоставляют в своих недрах. Никогда не случается видеть, чтобы пустынный снегирь садился на дерево или куст. В более населенных странах эти птицы довольно пугливы; но там, где их окружает одиночество и тишина пустыни, они еще очень доверчивы.

особенно молодые, и часто случается неожиданно заметить их сидящими поблизости на камне, с которого они смотрят в лицо путешественнику своими веселыми черными глазками».

То же самое наблюдается и в странах, лежащих на Ниле. Здесь пустынный снегирь оживляет скалистые берега Нила, часто в изумительном множестве. Там, где пустыня доходит до долины реки, можно быть уверенным, что встретишь его. В северной и средней Нубии он, подобно нашим вьюркам, спускается на поля или кочует по ним и среди гор стаями по 50—60 штук. Чем скалы более дико и покрыты расщелинами, тем вернее можно найти его. В настоящей пустыне он тоже попадает, но почти исключительно поблизости от колодцев. Здесь он по большей части самая обыкновенная птица и населяет эту бедную область вместе с маленькими пустынными жаворонками и овсянками.

Пища этой птицы состоит на свободе почти исключительно из различных семян, может быть, также из зеленых листьев и почек; насекомыми она, по-видимому, пренебрегает*.

** Насекомых пустынный снегирь использует в пищу регулярно, но в небольшом количестве.*

Вода составляет для нее потребность. «Как бы ни был источник беден водою, мутен и тепловат, он должен все же находиться на таком расстоянии, чтобы птица могла достигать его, по крайней мере раз в день, хотя бы ей и приходилось пролетать для этого целые мили». Пустынный снегирь показывается утром и после полудня обществами на водопое, пьет много и длинными глотками, а затем купается на мелком месте.

В марте начинается период размножения. Самцы одеваются в свой великолепный наряд и отделяются от стаи вместе с избранной самкой. Тристрам сообщает, что гнездо состоит из тонких корешков и гибких травинок. 3-4 яйца**, длиной около 18, толщиной 12 мм, на бледно-зеленом фоне цвета морской воды разрисованы красно-бурыми точечками и пятнами, которые на остром конце очень редки, разбросаны также и на остальной поверхности, но к тупому концу обыкновенно образуют венчик из тонких разводов, зигзагообразных линий и больших светло-красно-бурых пятен с неясными краями.

* * *Обычно в кладках пустынных снегирей 4-6 яиц.*

Пойманные пустынные снегيري представляют редкое явление в наших клетках, так как на родине их не преследуют. Поведение их крайне привлекательно; их невзыскательность так же замечательна, как и их легкая приручаемость.

Самый большой и притом самый сильный вид клестов — **клест-сосновик** (*Loxia leucoptera*). Длина его достигает 20 см, размах крыльев 30, длина крыла 11, хвоста 7 см. Клюв замечательно сильный, толстый и высокий, согнут сверху и снизу в виде почти полного полукруга и лишь немного перекрещен. Голова, горло, зоб, грудь и брюхо более или менее яркого красного цвета, впереди от светлого суриково-красного до смородино-красного; щеки сероватые, горло с пепельно-серым налетом. Перья спины серовато-красные, перья надхвостья более яркого красного цвета, чем остальные мелкие перья; перья нижней части брюха светло-пепельно-красные или беловатые с серокрасноватым налетом. У самки перья темени и спины ясного черного цвета.

Клест-еловик (*Loxia curvirostra*) меньше предыдущего, клюв его более вытянут в длину и менее загнут, перекрещивающиеся концы его длиннее и уже, чем у сосновика. Длина равняется 17 см, размах крыльев 28, длина крыла 9, а хвоста 6 см.

Клесты принадлежат к тем представителям класса, которых мой отец удачно назвал «птицами-цыганами». Подобно этому замечательному народу, они внезапно появляются в известной местности, остаются здесь долгое время, с первого дня чувствуют себя как дома, здесь даже размножаются и исчезают так же внезапно, как появляются. Их переселения стоят в известном соответствии с обилием семян в хвойных лесах, причем нельзя, однако, установить определенного правила. Вследствие этого их может не быть целые годы в нашем краснолесье, и затем они снова во множестве поселяются в нем. Только местопребывание их в данное время может быть определено, отечество же их беспредельно. Все названные виды выводят птенцов в северной Европе, но также и во всей северной Азии, где она покрыта лесами, и очень вероятно, что последнюю часть света должно считать их первоначальной родиной. Если в сплошных лесах хорошо уродились еловые и сосновые семена, то в них уже слышится хорошо известное всем ловцам «гёп-гёп-гип-гим» или «цок-цок» этих птиц, а в благоприятном случае можно слышать и очень приятное для многих пение самца. Если лес изобилует кормом, то они приступают к размножению, в противном случае они некоторое время кочуют и селятся в другом, более удобном месте. Они скоро отыскивают самые удобные места для более продолжительного пребывания, которые и служат местами вечерних сборищ для кочующих днем туда и сюда стай, а равно отчасти и настоящим местожительством.

Все клесты птицы общественные, которые хотя и разделяются на пары в период размножения, но не прерывают связи с другими; это древесные птицы, которые только в случае нужды спускаются на землю, чтобы напиться или воспользоваться несколькими упавшими шишками. Они лазают очень искусно, причем, подобно попугаям, придерживаются и помогают себе клювом, свешиваются вниз или вверх головой, хватаясь ногой или клювом за ветви или шишки, и без затруднения остаются по несколько минут кряду в этом, по-видимому, столь неудобном положении. Они летают быстро и относительно легко, хотя на большое расстояние летят неохотно; на лету поочередно то сильно расширяют крылья, то вдруг притягивают их к телу, благодаря чему полет их становится волнообразным. В пору ухаживания за самками они поднимаются кверху, весело порхая над вершинами леса, держатся, трепеща крыльями, на одном месте, поют и затем медленно опускаются, плавно слетая к своему обычному месту сидения. Днем, за исключением разве полуденных часов, они почти всегда в деятельности. На водопой они отправляются к полудню, летом уже к 10 или 11 часам утра. Они мало или вовсе не обращают внимания на других животных леса, а также и человека, которому они, а в особенности в первые дни после своего появления, достаточно ясно показы-

вают, что не научились еще видеть в нем врага. Это привело некоторых к ошибочному мнению, будто бы клесты очень глупые птицы; мнение это подтверждали наблюдениями, которые, во всяком случае, доказывают слишком большую безбидность этих птиц. Но если познакомиться с клестами ближе, то можно скоро убедиться, что и они становятся умнее под влиянием опыта и что вообще они вовсе не так глупы, как кажутся. Ловля клестов и охота за ними представляют мало трудностей, так как общительность этих птиц так велика, что они часто ради нее неосмотрительно рискуют своей свободой. Однако это не говорит о недостатке у них понятливости, а скорее о хорошем нраве этих поистине добродушных птиц. Самец, самку которого только что убили, иногда продолжает сидеть озадаченный и печальный на той самой ветви, с которой упала после выстрела его подруга, или, ища ее, возвращается не один раз на место печального происшествия. Но если ему несколько раз придется убедиться в коварстве человека, то он становится очень пугливым.

Призывный голос сосновика, издаваемый как самцом, так и самкой, состоит из вышеупомянутого «геп-геп» или «гип-гип» и «цок-цок». Зов еловика, который он издает на лету, но также и сидя, есть «гип-гип», более высокое и слабое, чем у сосновика. Этим «гип» подается сигнал к взлету, делается предостережение и удерживается вместе стая. Если они сидят и один из них станет громко кричать «гип», то все остальные настораживаются и улетают обыкновенно за крикнущим. Но если они едят и мимо пролетает несколько других, которые издают этот зов, то занятые едой обычно не оставляют своей работы и лишь изредка, приглашая сесть, кричат им «цок-цок». И это «цок», звучащее выше и чище, чем у сосновика, собственно и служит зовом. Пение самца многим чрезвычайно нравится. Обыкновенно сосновик поет лучше еловика, но песни обоих похожи одна на другую. Они состоят из громкой строфы, за которой следует несколько щебечущих, слабых и не далеко слышных тонов. На свободе они поют громче всего, если погода хорошая, ясная, тихая и не слишком холодная; в ветреные и бурные дни они почти всегда молчат. Во время пения они, как правило, выбирают самые верхушки и лишь в течение любовного периода щебечут и болтают и на лету. Самки иногда тоже поют, но тише, и песня их более спутанна. В клетке клесты поют почти весь год, за исключением разве времени линьки.

Пища клестов состоит преимущественно из семян лесных деревьев. Для добывания этой пищи им необходим их крепкий перекрещенный клюв. Нужна большая сила и ловкость для того, чтобы открывать шишки сосен и елей и добраться до хорошо скрытых семян; этими обоими качествами в высокой степени обладает клюв клеста. Клест подлетает, привешивается к шишке вниз головой, или кладет шишку на ветвь и садится на нее, или откусывает ее, переносит на ветвь и крепко держит сильными, длинными и острыми когтями. «Очень красивое зрелище, — продолжает мой отец, — представляет еловик, когда эта маленькая птица переносит с одного дерева на другое еловую шишку средней величины. Обыкновенно он схватывает ее клювом так, что ее конец направлен прямо вперед, и с незначительным усилием летит за 10 и даже 20 шагов на соседнее дерево, чтобы там ее вскрыть; дело в том, что не на всех деревьях он находит такие ветви, на которых может удобно открывать шишки. Это раскрытие шишек производится следующим образом: кончиком верхней половины клюва клест разрывает посередине, если шишка крепко висит или лежит, широкие чешуйки шишки, всовывает под них несколько открытый клюв и вынимает семя боковым движением головы. Теперь он может легко втолкнуть семя в клюв, где оно освобождается от летучки и кожицы и проглатывается. Очень большие шишки клест не раскрывает. Клюв, согнутый над тем местом, где половинки его перекрещиваются, имеет в высшей степени важное значение для него и для других представителей того же рода при раскрытии шишек; такой клюв надо лишь немного открыть, чтобы придать ему чрезвычайно большую ширину, так что чешуйку очень легко отогнуть с помощью бокового движения головы. Раскрытие шишек производит треск, хотя и незначительный, но все же достаточно громкий, чтобы его можно было слышать под деревом. Еловик редко выедает откушенные шишки начисто, как делают другие представители этого рода с сосновыми шишками, а часто сбрасывает их вниз совершенно нераскрытыми или открытыми наполовину или на треть. Они поступают таким образом даже с шишками, полными семян; делают это не только молодые птицы, как думает Бехштейн, но и старые; поэтому земля под теми деревьями, на которых некоторое время были заняты едой несколько клестов, иногда бывает покрыта или по крайней мере усеяна шишками. Улетая, они бросают все свои шишки. Если на деревьях лишь немного шишек или они выедены, то клесты отыскивают опавшие и раскрывают их таким же образом, как и висящие на деревьях».

Еловик редко принимается за сосновые шишки, которые гораздо труднее раскрывать; он не обладает достаточной силой для этой работы. Напротив, сосновик без труда открывает и их, так как он может поднять сразу все чешуйки, лежащие под той, под которую он засунул свой клюв. Оба вида взламывают чешуйки шишек всегда верхней половинкой клюва и прижимают нижнюю к шиш-

ке; благодаря этому те клесты, у которых клюв загнут направо, всегда обращают его кверху правой стороной, а те, у которых он загнут налево, — левой. В 2-3 минуты птица справляется с шишкой, бросает ее, приносит себе другую и раскрывает эту. Она продолжает это до тех пор, пока не наполнит свой зоб. По лежащим на земле шишкам можно узнать, что в лесу есть клесты. Если им не мешать, то они по целым часам сидят на одном и том же дереве и по целым неделям не оставляют ту местность, куда раз забрались. Пока они находят хвойные семена, они едва ли принимаются за другую пищу, но в случае нужды едят семена клена, граба и бука, а также маслянистые семена; между прочим, они во всякое время очень охотно едят и насекомых, именно тлей, которых собирают и в садах и на огородах лесных деревьев.

Закономерным следствием работы на смолистых ветвях и шишках является то, что клесты часто сильно пачкаются. Они так же чистоплотны, как и большинство других птиц, и заботливо чистятся после каждой еды, чтобы освободиться от приставших частиц смолы, целые минуты точат клюв о ветви, но не всегда могут держать оперение в таком порядке, как бы желали, и часто случается, что перья их покрываются толстым слоем смолы. Мясо клестов, которые долгое время ели исключительно семена хвойных деревьев, так пропитывается смолой, что после смерти долго не подвергается гниению. «Мясо, — говорит мой отец, — получает, правда, особый противный запах, но, собственно, не загнивает. Надо только оберегать его от мясных мух; если они доберутся до мяса, то кладут в него яички и выходящие из них личинки грызут и поедают его. Я несколько раз делал опыты в этом направлении и всегда получал один и тот же результат: передо мною лежит клест, убитый летом в самую жару и все же сохранивший все перья; я видел также мумию, которой было 20 лет». Что именно принятая внутрь смола служит причиной этого странного явления, вытекает из других наблюдений: если клест питался некоторое время насекомыми, то его тело так же быстро подвергается гниению, как и у других маленьких птичек.

Общество клестов всегда служит большим украшением лесных деревьев, но всего красивее они зимою, когда толстый слой снега покрывает ветви. Красные птички резко выделяются тогда на тусклой зелени хвои и белом снегу и превращают всю вершину в рождественскую елку, красивее которой нельзя ничего и придумать. К привлекательному цвету их оперения присоединяется их бодрая, веселая жизнь, их тихая, но непрерывная деятельность, проворное лазание вверх и вниз, их чириканье и пение, способные очаровать кого угодно.

Известно, что клесты гнездятся во все месяцы года, как в середине лета, так и в студеную зиму, когда деревья и кусты покрыты снегом и все остальные лесные птицы почти совершенно безмолвны. В пору витья гнезд стая разделяется на отдельные пары. Каждый самец, выбравший себе самку, садится на самую верхушку высочайшего дерева, усердно поет, издает продолжительный призывный звук и беспрестанно поворачивается, чтобы показать себя самке во всей красе. Если эта последняя не приближается, то он перелетает на другое дерево и снова поет и зовет; если же недоступная подруга приближается, то он тотчас же спешит за нею и, играя, гоняет ее с ветви на ветвь. При этом ухаживании сосновик обыкновенно выполняет еще особые воздушные игры, поднимается, трепеща крыльями, порхает и поет, но, как и еловик, всегда возвращается на то же дерево. Гнездо находится то на далеко выступающей ветви, и притом в развилине или на толстой ветке около ствола, то около верхушки, то далеко от нее, однако всегда занимает такое положение, что перед гнездом или над ним проходят ветви, которыми оно защищено от падающего снега и в то же время по возможности скрыто. Эта искусная постройка, наружные стенки которой сделаны из сухих еловых прутиков, вереска, сухих стебельков травы, а главным образом из еловых лишайев, древесного и земляного мха, выложена внутри отдельными перьями, стебельками травы и хвоей. Стенки толщиной приблизительно в 3 см и превосходно сотканы; углубление относительно глубоко.

Кладка состоит из 3-4 относительно маленьких яиц, длиной не более 28 мм, толщиной 22 мм, которые на серовато- или голубовато-белом фоне усажены неясными пятнами и черточками кроваво-красного, кроваво-буроватого или черно-бурого цвета. Заботливая мать горячо предается насиживанию, между тем как самец со своей стороны охотно берет на себя выпадающую на его долю заботу кормить самку. Птенцы, которых родители очень любят, получают с первого дня жизни в пищу еловые и сосновые семена, сначала размягченные и полупереваренные в зобе взрослых, потом более твердые; они быстро растут и скоро становятся очень проворными и бодрыми, но дольше, чем все другие воробьиные птицы, требуют особого попечения родителей, так как клюв их перекарещивается лишь после вылета, и они поэтому до тех пор не в состоянии открывать еловых и сосновых шишек. Поэтому еще долго после вылета они осаждают работающих родителей, кричат не переставая, как неблаговоспитанные дети, поспешно летят за родителями, если эти последние оставляют дерево, или издают долгий и боязливый зов, пока те не возвратятся. Понемногу старики приучают

их к работе. Сначала родители предлагают им полуоткрытые шишки, чтобы они упражнялись в открывании чешуи, потом они получают откушенные шишки целыми. Даже тогда, когда они уже могут есть сами, родители некоторое время водят их и только впоследствии предоставляют самим себе.

Охота за клестами и ловля их не представляют никаких трудностей. Только что прилетевшие к нам позволяют охотнику подойти близко и часто продолжают на том же дереве сидеть даже тогда, когда несколько товарищей сбиты с него выстрелами. Ловля еще легче, чем охота, если только удастся перехитрить первую птицу. В Тюрингене берут высокие жерди, кустообразно одевают их снаружи еловыми ветвями и укрепляют на них прутья, намазанные клеем. Жерди выставляют на открытых полянках в лесу до рассвета и прикрепляют к ним внизу клетку с приманной птицей. Все прилетающие клесты по крайней мере приближаются к жерди, чтобы посмотреть на кричащего и зовущего товарища. Многие садятся также на куст, и притом обыкновенно на один из клеевых прутьев.

Можно вполне утверждать, что польза, приносимая клестами, с избытком уравнивает тот незначительный вред, который они могут нам причинять. Оставляя в стороне то удовольствие, которое они доставляют каждому любителю, или ту красоту, которую они придают зимою хвойному лесу, они решительно полезны тем, что в урожайные годы облегчают чрезмерно обремененные верхушки деревьев, обкусывая еловые шишки, и тем сохраняют деревья.

Семейство ткачиковые

Нам больше всех других знаком **домовый воробей** (*Passer domesticus*).

На домового воробья Маршалль указывает нам также как на птицу, «следующую за культурой». «Самая популярная дикая птица Германии, — пишет этот наблюдатель, — представляет собою сравнительно недавнее приобретение нашего отечества. Домовый воробей принадлежит хлебопашеству почти в такой же степени, как и хомяк: в Сибири он появился еще только в прошлом столетии, после того как русские стали там сеять злаки; в Норвегии он вместе с посевами полевых растений доходит до 66 градуса, во многих местах Архангельской губернии еще не встречается. В 1864 году он достиг еще не всех высоко лежащих местностей Шварцвальда, однако он пытается следовать за человеком повсюду. Совершенно справедливы слова остроумного Мак-Джилливрея: «Городок без воробьев производит столь же печальное впечатление, как бездетная семья, и большое количество воробьев в какой-нибудь местности есть доказательство ее благосостояния, так как где остается мало крох, там мало и нищих».

Характерной чертой воробья следует считать то, что везде, где бы он ни встречался, он живет в самом тесном общении с человеком. Он населяет как шумные и многолюдные столицы, так и уединенные деревни, если только они окружены хлебными полями, отсутствует лишь в некоторых лесных деревнях и следует за стремящимся вперед переселенцем через все страны Азии, которых никогда не населял прежде*; корабли завозят его на острова, где его раньше не знали, и он остается жить на развалинах разоренных местностей живым свидетелем минувших счастливых дней.

** К настоящему времени домовый воробей заселил восточную половину Австралии, Новую Зеландию, южную половину Южной Америки, практически всю Северную Америку, значительную часть Южной Африки.*

Будучи оседлой птицей в полном смысле этого слова, он почти не улетает за черту того города или за границу полей той местности, в которой родился, но немедленно заселяет вновь основанную деревню или дом и предпринимает иногда путешествия для осмотра местностей, лежащих за пределами области его распространения. Так, например, на Варангерфьорде почти каждый год появляются воробьиные парочки, пролетают по этой местности, посещают все жилища и бесследно исчезают снова, находя страну негостеприимною. Будучи птицами в высшей степени общежительными, воробьи разбиваются на пары только в пору высидивания яиц, но и тогда не отделяются от остального общества. Часто одна парочка выводит птенцов рядом с другой, и самцы, как бы ревнивы они ни были в другое время, всегда ищут общества себе подобных, даже когда самка их сидит на яйцах. Птенцы, вылетевшие из гнезда, тотчас же собираются с другими в стайки, которые скоро разрастаются в большие стаи. По окончании птенцовой поры взрослые также снова примыкают к этим стаям и живут с ними тогда одною жизнью. Пока есть хлеб или вообще зелень на полях, стаи ежедневно один или несколько раз вылетают из деревни в поле искать корм, но после каждой такой прогулки снова возвращаются в деревню. Здесь они отдыхают после обеда, расположившись в густых вершинах деревьев или, еще охотнее, на плетнях, и здесь же вечером, громко чирикавая, шумя и ссорясь, собираются или на покрытых густой листвой деревьях или, в более позднее время, в амбарах, сараях и других строениях, которые и служат им местом для ночлега. Зимой они устраивают

себе настоящие постели, а именно мягкие и теплые гнезда, в которых прячутся, чтобы защититься от холода. Некоторые из них для той же цели выбирают себе местом ночлега дымовые трубы, совершенно не заботясь о том, что от дыма оперение их покрывается сажей и копотью.

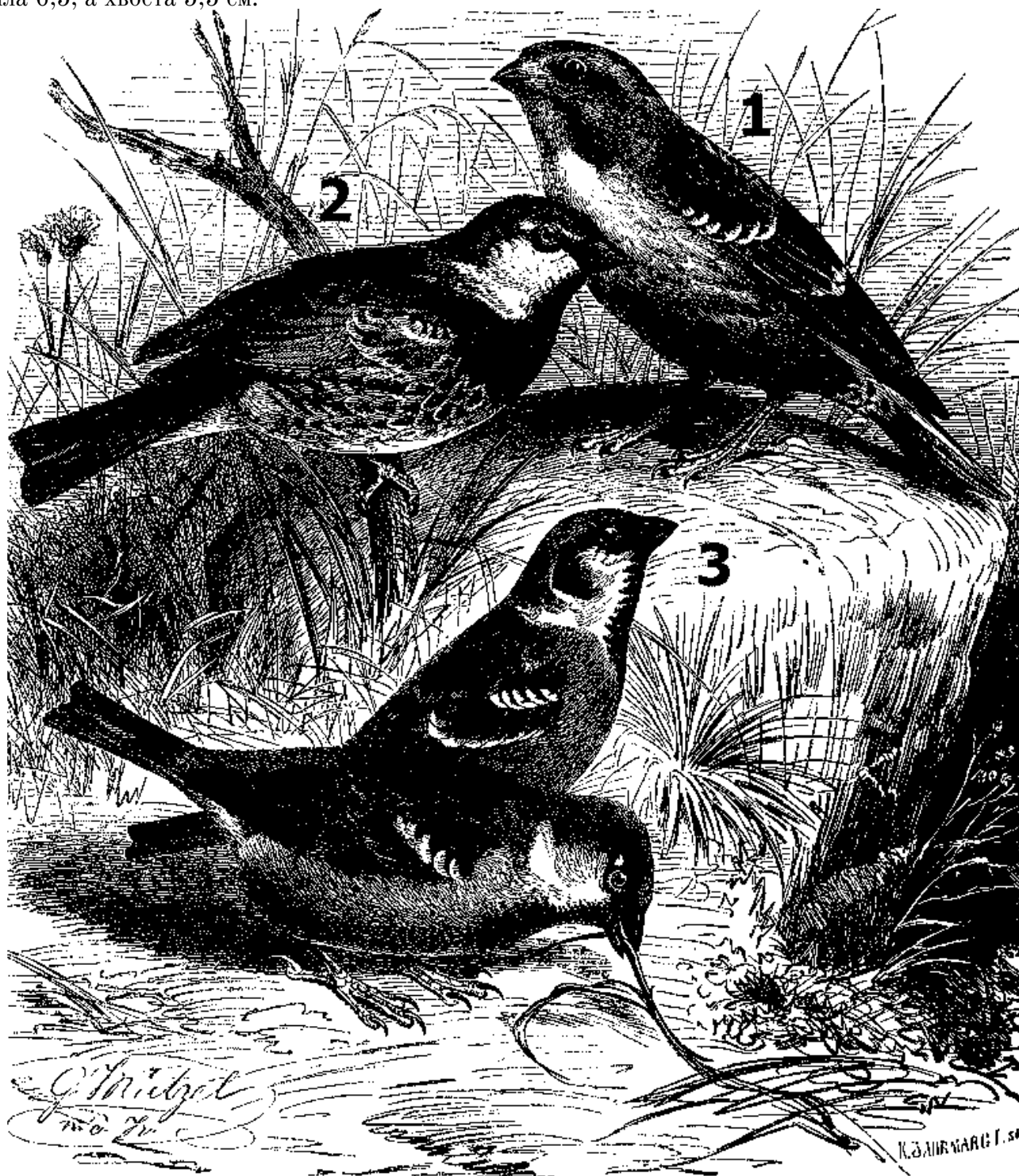
Насколько некоторым воробей с первого взгляда может показаться глуповатым, настолько на самом деле он богато одарен. Будучи очень понятливым, он мало-помалу настолько ознакомляется с человеком и его привычками, что возбуждает удивление каждого и способен развеселить более тонкого наблюдателя. Везде и при всяких условиях он в поведении своем самым точным образом подстраивается к нравам своего хозяина и потому в городе держит себя совершенно иначе, чем в деревне; он доверчив и даже назойлив там, где его шадят, чрезвычайно осторожен и пуглив в тех местах, где ему приходилось терпеть преследования, и всегда хитер. От его острого взора не скроется ничего, что могло бы принести ему пользу или повредить; опытность его увеличивается из года в год, так что благодаря ей между старыми и молодыми воробьями можно заметить такое же различие.

как между мудрецами и глупцами. Подобно тому как с человеком он вступает в более или менее дружественные отношения, он так же держится и с другими существами: относится доверчиво или недоверчиво к собаке, очень надоедает лошадям, предупреждает себе подобных и других птиц о присутствии кошки, крадет у кур зерна из-под клюва, не обращая внимания на угрожающие движения, и ест с различного рода животными из одной чашки, если только те ему позволяют это. Несмотря на свою общительность, он все-таки постоянно находится в ссоре с другими воробьями, и когда им овладевает любовь, достигающая у него величайшей страстности, то он дерется со своими соперниками с таким ожесточением, что кажется, будто происходит бой не на жизнь, а на смерть, хотя на поле битвы остается самое большее несколько перьев. Только в одном отношении эта привлекательная птица не может пленять собой. Дело в том, что воробей — почти ни минуты не молчит, а поет скверно.

Так как воробей благодаря своей близости к человеку значительно улучшил свою первоначальную судьбу и обеспечил себе пропитание, то уже рано в году он начинает вить себе гнездо и в течение лета выводит птенцов по крайней мере два раза. Гнездо, смотря по местности, устраивается большей частью в подходящих углублениях в зданиях, а также в дуплах деревьев, в гнездах ласточек, около гнезд аиста и, наконец, в ветвях низкого кустарника или высоких деревьев. Смотри по месту, оно бывает построено различно, но всегда свито неряшливо, так что его можно назвать только кучей соломы, сена, пакли, щетины, шерсти, волоса, бумажных лоскутков и т.п., беспорядочно сложенных в одно место; внутренность его, напротив, выложена всегда толстым и густым слоем перьев. Если оно расположено прямо на дереве, то бывает прикрыто сверху, если же оно помещается в углублении, то иногда имеет, а иногда и не имеет крыши. При сколько-нибудь благоприятной погоде можно уже в марте найти полную кладку, состоящую из 5-6, а в исключительных случаях даже из 7-8 нежных, покрытых гладкой скорлупой яиц длиной 23 мм, толщиной 16 мм; по окраске и рисунку они мало походят одно на другое, но большей частью покрыты бурыми и пепельно-серыми пятнышками, крапинками и точками по буровато-синеватому или красновато-белому полю. Оба родителя сидят на яйцах попеременно, высиживают птенцов в 13-14 дней и вскармливают их сначала нежными насекомыми, затем как этими последними, так и разбухшими в зобу зернами и, наконец, главным образом семенами хлебных и других растений, а также, вероятно, плодами; они руководят ими еще несколько дней после того, как те вылетят из гнезда, чтобы приготовить их к жизни, затем покидают их и уже через 8 дней после того, как птенцы оставили гнездо, приступают ко второй кладке. Если одного из родителей убьют, то другой еще более напрягает свои силы, чтобы прокормить голодных малюток.

Относительно пользы, приносимой воробьем, и причиняемого им вреда господствуют весьма различные воззрения; но в последнее время все более и более приходят к тому убеждению, что этот живущий на счет человека захребетник не заслуживает защиты. На улицах городов и деревень он, конечно, не причиняет вреда, так как здесь существенную часть его корма являются всякого рода отбросы; зато в больших имениях, зерновых амбарах, на хлебных полях и в садах он может причинить весьма чувствительный вред, поедая зерновой корм у домашней птицы, грабя и загрязняя зерновые склады и, наконец, склевывая в садах почки на плодовых деревьях, а впоследствии поедая и самые плоды. Поэтому в садах и виноградниках он положительно нетерпим. Впрочем, самый чувствительный вред, причиняемый им и на который Гомейер справедливо обращает преимущественное внимание, заключается в том, что он вытесняет самых полезных птиц, главным образом скворцов и синиц, и отбивает у певчих птиц охоту посещать те сады, которыми завладел он. В Северной Америке, куда он был перевезен в 1864 году и где его встретили с радостью, где ему строили в парках

домики для гнезд и всячески ухаживали за ним, в нем уже давно разочаровались. Благодаря благоприятным условиям, в которые он попал, он необыкновенно сильно размножился, распространение его достигло громадных размеров, и сельские хозяева убедились в том, что на него следует смотреть как на бич страны. Уже 25 лет спустя после того, как он был ввезен, его вред был доказан официально, и несколько тысяч лиц стали высказывать о нем одно только дурное и ничего хорошего, объявив его просто-напросто вредным для общества бродягой. Осуждение это, конечно, не избавило американцев от бича страны, но зато теперь появилась о нем книга, изданная в 1889 году Вальтером Барраусом, в которой собраны все сведения о жизни воробья в Северной Америке. В средней и северной Европе, во всей Средней Азии, а также в северной Африке рядом с домовым воробьем живет **полевой воробей** (*Passer montamis*). Длина его достигает 14 см, размах крыльев 20,5, длина крыла 6,5, а хвоста 5,5 см.

1 — Каменный воробей (*Petronia petronia*) 2 — Черногрудый воробей (*Passer hispaniolensis*) 3 — Полевой воробей (*Passer montamis*) 4 — Домовый воробей (*Passer domesticus*)

Полевой воробей в средней Европе встречается повсеместно в большом количестве, в юго-западной Европе попадает очень редко, весьма обыкновенен во всей Средней Азии и живет даже еще на Малаккском полуострове и на острове Ява; он распространен до самого Полярного круга, а в нижнем течении Оби, в Китае, Японии, на острове Формоза и в Индии заменяет домового воробья. В отличие от нашего воробья он в нашем отечестве, а также в Западной Сибири отдает предпочтение открытому полю и лиственному лесу. К жилищам человека он приближается зимою; летом же, напротив, держится в таких местах, где луга сменяются полями и старые дуплистые деревья доставляют ему удобные места для витья гнезд. Здесь во время вывода птенцов он живет парочками, но обыкновенно собирается в общества. Последние кочуют взад и вперед по стране на ограниченном пространстве, присоединяются к обществам овсянок, жаворонков, зябликов, коноплянок и других птиц, посещают поля, а если зима становится суровой, то и дворы земледельца и с началом весны разбиваются на парочки.

По нраву своему полевой воробей очень похож на своего родича, но за недостатком близкого общения с человеком и за неимением случая усовершенствовать свои способности не так понятлив, как тот. Оперение его плотно прилегает к телу; он смел, довольно ловок и почти всегда находится в движении. Полет его легче, походка на земле более ловкая, призывный звук короче и звучнее, чем у его родича, но тем не менее представляет собою настоящее воробьиное чириканье.

С осени до весны пищу полевому воробью служат зерна и семена, а летом гусеницы, травяные вши и другие насекомые. Он иногда приносит вред на полях пшеницы и проса, но зато не трогает плодов и молодых садовых растений. Птенцов своих он выкармливает насекомыми и незрелыми хлебными зернами.

Этого воробья ловят часто во множестве в сети, но он легко попадает также на птичий клей, в петли, волосяные силки и в другого рода ловушки. Враги у него те же, что и у домового воробья.

Каменный воробей (*Petronia petronia*). Длина достигает 16 см, размах крыльев 29, длина крыла 9, а хвоста 5,6 см.

Область распространения каменного воробья обнимает собою среднюю и южную Европу, включая сюда остров Мадейру, северо-западную Африку с Канарскими островами, юго-западную и западную Азию, восточную Сибирь и Афганистан*.

* Описание распространения каменного воробья сделано Бремем несколько неконкретно. Гнездовой ареал этого вида охватывает Испанию и южную половину Франции, юг Италии, Грецию и многие острова Средиземного моря кроме Крита и Кипра, острова Мадейра и Канарские, северо-западную Африку и Палестину, Малую Азию. Кавказ и Закавказье, горные системы Ирана, Средней Азии и Казахстана, частично Гималаи, горы юга Сибири, Монголии и северо-западного Китая.

Добывать каменных воробьев живыми без особенного труда можно только в странах, где они попадают в большом количестве. В Испании их доставляют на рынок сотнями. Там ловят их сетями, приманивая на чучела или на деревьях, на жердочки, покрытые птичьим клеем. Охота с ружьем во всяком случае сопряжена с затруднениями, так как умная птица очень скоро замечает, что ее преследуют, и врожденная ее пугливость увеличивается тогда до крайних пределов. Как на особенность этой птицы, отец мой справедливо указывает на то, что каменный воробей пугливее всего на месте своего ночного отдыха. Чтобы овладеть им, нужно стать в засаду и не давать промаха. То же самое можно сказать и про Испанию, где мы часто напрасно старались перехитрить умную птицу и, несмотря на весь навык к охоте на подобного рода дичь, большею частью должны были возвращаться с пустыми руками.

В неволе каменный воробей причиняет мало хлопот, напротив, доставляет много удовольствия. Он скоро становится доверчивым, прекрасно ладит с другими птицами, радуется своим милым поведением и при надлежащем уходе даже приступает к размножению.

У обыкновенного общественного ткача (*Philetairus soeius*) клюв продолговато-конусовидный, сплюснен с боков, слегка согнут на гребне и с округленной вырезкой на верхнем крае; ноги сильные, с короткой плюсной, длинными пальцами; крылья довольно длинные и острые; хвост широкий, короткий и прямо срезанный. Перья верхней части головы бурого цвета, на остальной верхней части несколько темнее, с узкими светло-бурыми каймами; на затылке и обеих сторонах шеи они еще темнее и имеют каймы заметно более светлого цвета; подбородок и горло чернее, обе стороны зоба и остальные нижние части светло-буроватые. Глаза темно-бурые, клюв и ноги бледно-бурые. Длина достигает 13 см, длина крыла 8, а хвоста 5 см.

Обыкновенный общественный ткач (*Philetairus socius*)

Родиной общественного ткача следует считать среднюю Африку, а страну Великая Нама — центральным пунктом области его распространения. Уже старейшие путешественники упоминают об этой птице. «В стране Нама, — говорит Паттерсон в описании своего путешествия, появившемся в конце прошлого столетия, — есть леса мимоз, доставляющих много камеди, ветви которых составляют самую любимую пищу жирафов. Их развесистые сучья и плоский ствол доставляют одному виду собирающихся стаями птиц убежище от нападений змей, которые иначе могли бы уничтожать их яйца. В высшей степени замечателен способ, которым они пользуются для постройки своих гнезд: 800-1000 штук таких гнезд расположены под общей крышей, которая походит на крытый соломою дом, покрывает собою большой сук с его ветвями и висит над гнездами, расположенными под нею наподобие клубков, так что ни змея, ни какое-нибудь другое хищное животное добраться до них не могут. Своим прилежанием и искусством они напоминают пчел. Весь день они заняты тем, что собирают траву, из которой состоит главнейшая часть их постройки и которую они употребляют для исправления и пополнения ее. Число гнезд они, без сомнения, увеличивают с каждым годом, так что деревья сгибаются под тяжестью таких воздушных городов. Под крышей этой постройки можно заметить множество входов, из которых каждый ведет в улицу, по сторонам которой расположены гнезда, на расстоянии около 5 см друг от друга. Питаются общественные воробьи, вероятно, семенами трав, из которых строят свое гнездо».

Это описание, в общем верное, было пополнено Смитом. «В образе жизни этих птиц, — говорит он, — замечательно то, что они сообща строят свои гнезда под одной кровлей. Найдя место для гнезд и приступив к постройке их, они все вместе начинают строить общую для всех крышу. Каждая парочка строит и покрывает крышей свое собственное гнездо, но строят их непосредственно одно около другого, и, когда все они готовы, то вся постройка имеет вид одного общего гнезда с одною крышей наверху и бесчисленным количеством круглых отверстий на нижней стороне. Вторично те же гнезда для высидывания яиц не употребляются, но для этого к старым гнездам подвешиваются снизу новые, так что крыша и старые гнезда образуют собою покрывку для новых. Таким обра-

зом, масса эта из года в год увеличивается в объеме и весе, пока наконец не сделается настолько тяжелою, что ломает сук, на котором висит, и падает».

Такого рода колонии встречаются обыкновенно на больших высоких деревьях; там же, где последние не встречаются, общественные воробьи пользуются также древовидными алоэ. Кладка состоит из 3-4 голубовато-белых яиц, покрытых на толстом конце мелкими бурыми пятнами. Одна ли самка насиживает яйца или ей помогает в этом также и самец, пока еще неизвестно. Птенцы выкармливаются насекомыми. По мнению Айреса, гнезда служат также местом ночлега.

Гнезда ткачей служат великолепным украшением некоторых деревьев средней Африки и южной Азии. Эти пернатые представители строительного искусства предпочитают всем остальным такие деревья, которые растут около воды, и птицы иногда совершенно покрывают их своими гнездами. Поселения ткачей могут поэтому считаться даже выдающимся отличительным признаком средней Африки, Индии и островов Индийского архипелага. Для этих своеобразных архитекторов характерно то, что они всегда гнездятся большими обществами. Одно гнездо ткача на дереве — явление редкое; обыкновенно их находят 20, 30, даже 100 и более. Необыкновенная прочность этих искусно построенных гнезд позволяет им целые годы выдерживать ветер и непогоду, и потому может случиться, что на том же дереве, которое занято поселением этих птиц, висят еще гнезда трех или четырех предшествовавших лет. Такое украшение в пределах области распространения самых искусных ткачей можно замечать всюду, как в горах, так и на равнине, как в уединенном лесу, так и непосредственно над домом поселенца.

В восточном Судане я познакомился с **буйволовым ткачом** (*Bubalornis albirostris*). Длина его достигает 25 см, размах крыльев 36, длина крыла 12, хвоста 9 см. Оперение одноцветное, матово-блестящее черное, но мелкие перья у корня белые, и этот цвет местами обнаруживается, маховые перья от второго до пятого снаружи с узкой беловатой каемкой посередине, глаза карие, клюв рогового желтого цвета, по расщепу и на конце голубоватого; ноги грязно-серые.

Белоголовый скворцовый ткач (*Dinemellia dinemellii*) заметно меньше, длина его лишь 20 см. Голова и нижние части тела белого цвета, нижние шейные перья, маховые перья и хвост шоколадно-бурого цвета, все перья с более светлыми каемками; маленькое пятно на сгибе крыла, надхвостье и кроющие перья хвоста ярко-красного цвета; наконец, уздечка — черного. Клюв нечистого черногоголубого цвета, ноги темно-голубые.

Буйволовый ткач населяет всю среднюю Африку, белоголовый ткач — внутреннюю Африку и Абиссинию.

Белоголовые скворцовые ткачи принадлежат к наиболее бросающимся в глаза представителям семейства. Им не чужды нравы и привычки их родичей, но они тем не менее во многих отношениях напоминают дроздов; это ткачи, но их гнезда более похожи на гнезда наших сорок, чем на те изящные постройки, которые возводят их родичи.

1 — Белоголовый скворцовый ткач (*Dinemellia dinemellii*) 2 — Буйволоковый ткач (*Bubalornis albirostris*)

Все виды живут преимущественно на пастбищах, где пасется скот, охотнее всего поблизости от стад, по большей части в обществе блестящих скворцов и волоклюев. О скворцовом ткаче Смит говорит следующее: «Мы встретили эту птицу, только когда перешли на север за 25 градус южной широты; как уверяют туземцы, она редко встречается далее на юг по той простой причине, что буйволы там реже. Мы встречали этих птиц всегда в обществе буйволов, на спине которых они сидели и между которыми летали. Они прыгали по этим животным, как волоклюи, и заботились лишь о своей пище, состоявшей преимущественно из клещей, сидевших на буйволах. В этом достаточно убедило нас вскрытие желудков этих ткачей. Кроме той услуги, которую они оказывают последним, обирая упомянутых паразитов, они приносят своим друзьям пользу еще и тем, что предупреждают их, если покажется что-нибудь подозрительное. Тогда все буйволы поднимают головы и убегают. Белоголовые ткачи посещают только буйволов, и эти последние не имеют других сторожей, между тем как волоклюи живут около носорогов. Буйволовых ткачей на буйволах я, правда, не наблюдал, но не сомневаюсь, что и они оказывают подчас такие же услуги стадам скота в восточном Судане. Они, впрочем, не принадлежат к числу обыкновенных птиц этой страны. Где они водятся, они живут колониями; поодиночке видеть их не случается. Стаи буйволовых ткачей не так многочисленны, как у благородных ткачей, но все же довольно велики, в чем можно лучше всего убедиться по числу гнезд поселения. Я насчитывал на отдельных деревьях по 3, 6, 13 и 18 гнезд.

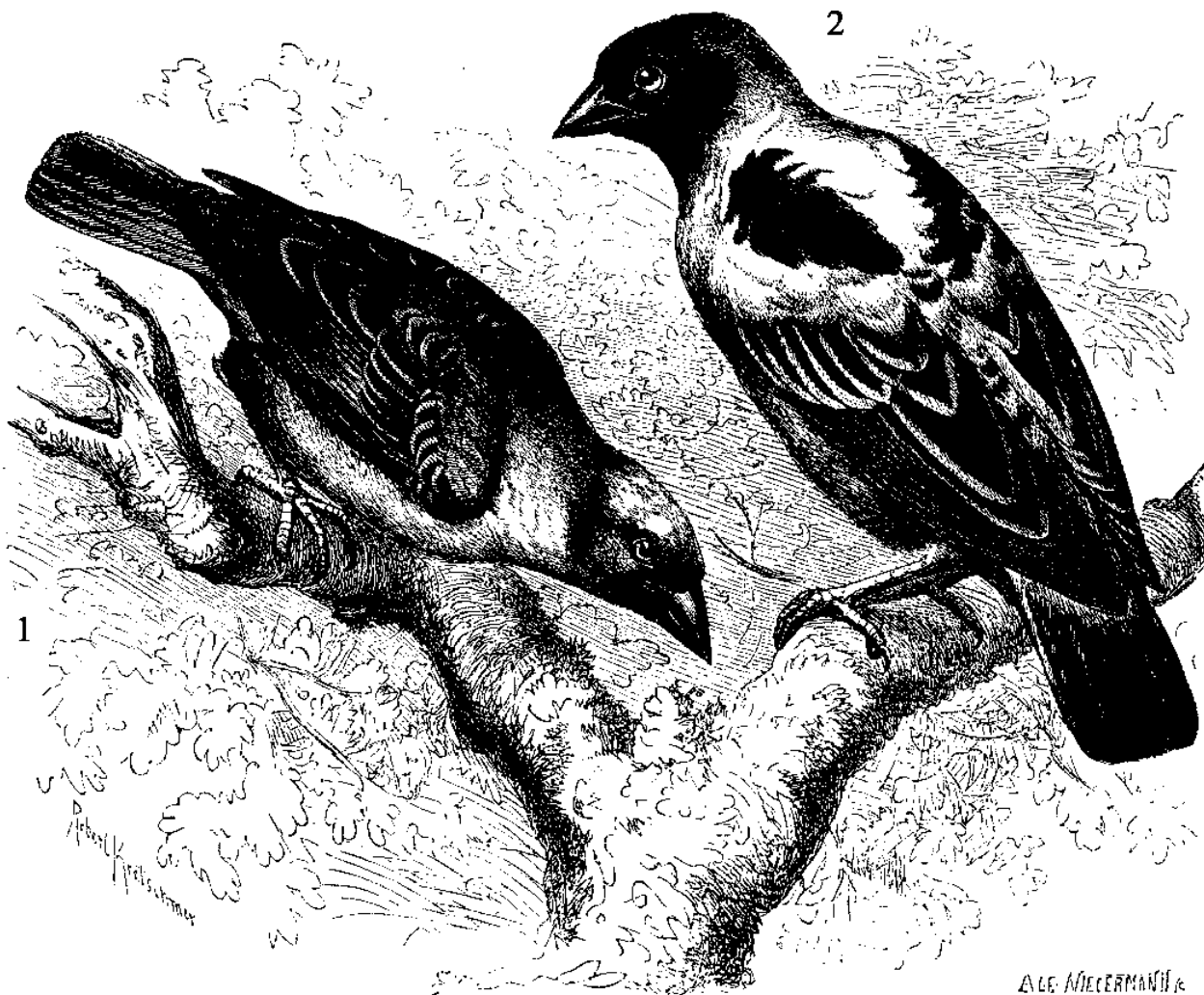
Однако нужно довольно большое дерево, чтобы поддерживать такое количество этих странных построек. Дело в том, что каждое гнездо сравнительно с величиною птицы представляет гро-

мадную постройку, не меньше 1 м в диаметре. Оно состоит из прутьев и ветвей, особенно из ветвей мимозы, которые ткачи пускают в дело, несмотря на их шипы. Эти ветви птица кладет и сплетает в развилинах сучков, но так неправильно и беспорядочно, что сквозь стены гнезда можно заглянуть почти в самую внутренность его. Снаружи гнездо похоже на скребницу. Внутрь его ведет вход, сначала настолько широкий, что в него можно удобно всунуть кулак, но затем более и более суживающийся и переходящий наконец в ход, который как раз соответствует величине птицы. Внутренняя часть гнезда наполнена тонкими корешками и травой. Гейглин указывает, что гнезда бывают иногда еще гораздо больше, именно могут достигать 2-3 м в длину и 1-1,5 м в ширину и высоту. В такой куче устраивается 3-8 гнезд; каждое из них выстлано, как было описано, тонкой травой и перьями и заключает 3-4 яйца длиной 26 мм, толщиной 20 мм с очень тонкой скорлупой, разрисованных на беловатом фоне большими и меньшими серыми и печеночно-бурыми точками и пятнами. Такое дерево, покрытое гнездами, бывает в известные времена года населено крайне шумным обществом. Я не знаю, производят ли ткачи и в остальное время года так много шума, как в пору размножения. О поселениях, с которыми я познакомился, можно было узнать уже издали по крику птиц. Голос их очень громок и разнообразен. Точно в рое пчел одни прилетали, другие отлетали, и казалось, что все вылетевшие птенцы собрались на дереве, так как значительное множество птиц не соответствовало немногочисленным гнездам».

Буйволоный ткач мастерски лазают, быстро и ловко бегают и легко летает, часто плавным полетом, но довольно медленно, и замечательно высоко поднимая крылья. Нрав его миролюбивый, склонность к обществу не меньше, чем у его родичей. В клетке он уживается со всеми птицами, которые не задевают его, отлично выживает при простой пище, а при надлежащем уходе приступает к размножению.

Иволгоый ткач (*Ploceus galhida*) принадлежит к меньшим видам рода; длина его равна около 13 см, длина крыла 7, хвоста 4,5 см.

Лоб до переднего края глаз, уздечка, стороны головы и подбородок его каштаново-красно-бурого цвета, верхняя часть головы, шея и нижняя сторона желтого, верхние части оливково-желтого, на надхвостье более яркого, маховые и их кроющие перья оливково-бурого, снаружи оливково-желтого, хвостовые перья буровато-оливково-желтые. Глаза красные, клюв черный, ноги мясного красного цвета. У самки оливково-зеленовато-серая верхняя сторона разрисована на верхней части спины и на плечах темными стержневыми пятнами; полоска через глаза, стороны головы и нижние части бледно-желтого цвета, переходящего на брюхе в беловатый. Золотистый ткач водится в Абиссинии — от берега Красного моря до высоких гор, а также во всем восточном Судане в большом числе на удобных местах.

1 — Иволгоый ткач (*Ploceus galbula*) 2 — Чернолобий ткач (*Ploceus velatus*)

Чернолобий ткач (*Ploceus velatus*) заметно больше иволгового ткача. Длина его достигает 17 см, размах крыльев 28, длина крыла 9, хвоста 5,3 см. Передняя часть головы и горло черного цвета, переходящего на задней части головы в красно-бурый; затылок, задняя часть шеи и нижняя сторона ярко-желтые, два пятна на плечах черные; бледно-оливково-желто-буроватые рулевые перья изнутри с широкими желтыми каймами. Глаза карминово-красные, клюв черный, ноги красновато-рогового цвета. В зимней одежде самец похож на самку, у которой верхняя сторона на оливково-зеленом фоне разрисована темными стержневыми пятнами; брови, стороны головы и нижние части его желтого цвета, и, подобно ей, он имеет поперечную полоску на крыльях, образованную желтыми краями самых больших верхних кроющих перьев крыла.

Иволгоый и чернолобий ткачи соединяют в себе до известной степени качества различных вьюрков. Это выражается во всем их характере. Только неизменная при всяких обстоятельствах общительность составляет их особенность. По утрам и по вечерам они появляются стаями на известных деревьях, в пору размножения, понятно, на тех, на которых находятся гнезда. Самцы сидят на верхушках высочайших ветвей и поют. Пение, однако, не прекрасное, но в высшей степени приятное. Самец при этом мурлыкает, щелкает, щебечет и свистит вперемешку, так что в пении его положительно нельзя разобрать. Самки садятся рядом с самцами и слушают их пение с большим вниманием. Общество проводит время таким образом, пока не пройдет часа два после восхода солнца, затем оно отправляется за пищей. В полуденные часы различные стаи собираются вместе, иногда тысячами, в кустах вокруг прудов или в таких кустах, которые растут на мелком месте в реке, кричат и шумят здесь, как наши воробьи, и вдруг все сразу бросаются к воде, делают глоток и как можно быстрее спешат обратно в кусты. Они имеют достаточные основания для этого поспешного питья, так как главные враги их, ястреба и мелкие соколы, подкарауливают их с деревьев и с быстротою стрелы бросаются в стаю их, как только они оставляют безопасный кустарник.

В первобытных лесах по Голубому Нилу первые гнезда были устроены в начале дождливого времени, и уже в августе я находил яйца. Напротив, в Стране богосов древесные ткачи выводили птенцов в марте и апреле. Большинство видов кладут яйца по крайней мере два раза в год, всегда

весною. При постройке гнезда всегда делается сначала остов из длинных травинок, который и прикрепляется к самому концу длинных и гибких ветвей. По нему ясно можно различить уже форму гнезда; однако оно еще повсюду прозрачно. Затем постройка ведется дальше, причем с особенной тщательностью утолщаются стенки гнезда. Первые травинки протягиваются сверху вниз, чтобы получить таким образом по возможности непроницаемую для воды крышу, потом травинки продеваются через остов и в поперечном направлении. С одной стороны, обыкновенно южной, остается открытым круглое входное отверстие. Гнездо по форме похоже теперь на тупой конус, поставленный на полушар. Однако оно еще не закончено; теперь к нему приделывается прежде всего входная трубка. Она прикрепляется к входному отверстию, проходит вниз по всей стенке и плотно связывается с нею. На нижнем конце ее находится входное отверстие. В заключение окончательно выстраивается внутренняя часть гнезда и выстилается подстилкой из крайне тонких травинок. Если самцу, единственному строителю гнезда, покажется, что одна ветвь недостаточно прочна, то он соединяет сначала две ветви мостиком, который затем и служит местом прикрепления качающейся колыбели. Как скоро сделан остов, работа идет дальше очень быстро, как ни трудно птице под конец всовывать новые травинки между сплетенными ранее. Когда постройка гнезда закончена, самка влетает и вылетает, чтобы исправить внутри гнезда что покажется нужным. Непосредственно вслед за тем, иногда уже раньше, чем гнездо окончено, она начинает класть яйца. Самец продолжает усердно строить даже тогда, когда самка уже насиживает яйца. Пока работает, он находится в величайшем возбуждении, принимает самые странные положения, трепещет крыльями и поет без конца. Когда гнездо наконец сделано, он принимается за другое, разрушает подчас и его, чтобы из строительных материалов построить третье, причем ни первое, ни второе не идет в дело.

Кладка состоит из 3-5 яиц длиной 20-25 мм и толщиной 13-16 мм, покрытых на зеленом фоне бурыми пятнами. Самка высиживает одна и берет на себя также все родительские заботы. Птенцы вылупляются после 14-дневного насиживания; три недели спустя они вылетают, но сначала возвращаются под руководством матери обратно в гнездо, пока наконец не станут самостоятельными. Отец не заботится о них.

Красивое зрелище представляют ткачи у гнезда. Деятельность их, когда самки сидят на яйцах, а еще более когда вырастают птенцы, необыкновенно велика. Почти каждую минуту самка подлетает, привешивается снизу к гнезду и всовывает головку во входное отверстие, чтобы кормить голодных птенцов. А так как гнезда висят близко одно около другого и много птиц прилетает и отлетает, то все дерево действительно бывает похоже на пчелиный улей.

Птичка, о которой идет речь, носит название **огненного ткача** (*Euplectes jfranciscanus*) *.

* *Сейчас обычно используется русское название «западноафриканский огненный бархатный ткач».*

Как и его сородичи, он особенно характерен своим оперением. В брачном наряде это оперение отличается мягкостью и бархатистостью и, кроме крыльев и рулевых перьев, окрашено в черный и огненно-красный цвет. Остальными признаками являются довольно крепкий, но не короткий, с дугообразной спинкой клюв, края которого подогнуты внутрь и к концу. Спинка его остроугольно примыкает ко лбу. Ножки длинные с тонкими пальцами, вооруженными сильными коготками. Крылья доходят до половины хвоста, их первое маховое перо необыкновенно узко и коротко, четыре следующих одинаковой между собой длины. Хвост короткий и мало округленный. До периода спаривания и самцы, и самки, и молодые имеют одно общее оперение, похожее на оперение воробья. Во время кладки яиц оперение самцов сильно изменяется. Перемена эта распространяется не только на окраску перьев, но и на их качество. Перья становятся не только мягки и бархатисты, но около хвоста расщепляются, делаются пушистыми и достигают значительной длины. Только маховые и сами рулевые сохраняют свой обыкновенный вид. В брачную пору верхняя часть головы, щеки, грудка и брюшко самцов бархатисто-черного цвета; все остальные части тела ярко-красные, цвета киновари, за исключением только крыльев — темно-бурых, с рисунком более светлого бурого же оттенка. Последнее происходит оттого, что края перьев окрашены светлее, чем их средняя часть. Кроющие перья хвоста при этом наряде достигают такой значительной длины, что они покрывают собой рулевые перья. Зрачок у огненного ткача бурый, клюв черный, ноги буро-желтого цвета. У самки окраска в верхней части сходна с воробьиной, снизу же бледно-желтовато-бурая, всего светлее на горле и брюшке. Над глазами идет желтая полоска. И клюв, и ноги простого рогового цвета. Длина тела 12 см, размах крыльев 19, длина крыла 6, хвоста 4 см.

Огненные ткачи населяют богатые водой поля, покрытые дуррой, по всей средней Нубии до отдаленных уголков центральной Африки. Возделанные местности они всегда предпочитают местам ненаселенным и только в случае нужды живут в камышовых зарослях. Поле, засеянное дуррой,

— их рай, откуда их очень трудно выгнать. Здесь они ведут образ жизни скорее камышевки, чем вьюрка. Подобно ей, они ловко лазают вверх и вниз по стеблям, проворно шмыгают по земле между камышами и в случае опасности, так же как и она, прячутся в чашу стеблей. Только тогда они начинают вести кочевую жизнь, подобно другим ткачам, когда уборка полей лишает их того убежища, где они провели страдное время ухода за яйцами.

Нельзя утверждать, чтобы огненный ткач образовал настоящие колонии, но все-таки следует признать, что он любит общежитие. Хотя в порыве соревнования самцы стараются перещегоолять друг друга пением, токуя на кончиках дурры, как настоящие влюбленные глухари, но они редко или даже никогда не доводят дело до ссор. Их соревнование совершенно безобидного свойства; они стараются доставить друг другу скорее большое удовольствие, нежели неприятность. Гнезда огненных ткачей вьются так же очень искусно, но далеко не так прочно, как гнезда остальных ткачи-ковых. Они строят их из травянистых стеблей и не подвешивают, а вьют между стеблями дурры и просто среди высокой травы в небольших кустарниках, покрытых или окруженных высокой растительностью. Форма и величина гнезд бывает очень разнообразна: одни из них скорее круглы, другие сильно вытянуты. Длинную ось их можно считать около 18-20 см при поперечнике в 10-12 см. Сквозящие стенки их устроены наподобие сетки и так, что сквозь них можно видеть небесно-голубые яички, которых бывает от 3 до 6. Я думаю, что самка одна насиживает яйца, но не могу говорить об этом с уверенностью; точно так же мне неизвестна продолжительность насиживания яиц.

Могу сказать только то, что молодые вылетают из гнезда до жатвы дурры и что тотчас после этого и старые, и малые сбиваются в большие стаи и становятся тогда пагубой страны. Бедные нубийцы, принужденные дорожить каждым возделанным и засеянным клочком плодородного ила, должны ограждать свои поля от губительных нападений этих птичек, бывших доселе лучшим украшением их полей. Маленькие грабители не позволяют страже ни на минуту забывать о своих обязанностях.

Огненные ткачи нередко живыми появляются на наших рынках, но очень часто проходят незамеченными: их чудное оперение бывает на них только три месяца в году. В клетках их можно с успехом держать на самом обыкновенном корме. При известном уходе они способны и размножаться.

Оперение самца **райской вдовушки** (*Vidua paradisea*) черного цвета. Округлость шеи, ее бока и зоб окрашены в оранжево-красный цвет; остальные части бледно-ржаво-темные. Маховые перья темно-бурые со светло-бурыми каймами. Длина всей птички без длинных перьев хвоста достигает 15 см, с ними 30 см, размах крыльев 25, длина крыла 8, длина боковых хвостовых перьев 6 см.

Райские вдовушки живут в средней Африке и предпочитают селиться в редких степных рощах. Несмотря на полную безопасность со стороны преследования человека, они неохотно приближаются к поселениям. Они встречаются повсюду в древесных зарослях средней Африки. В птенцовую пору они живут парочками, в другое же время или небольшими обществами, или порядочными стайками. Свой брачный наряд самцы носят около четырех месяцев, которые приходятся на период дождей. Смена пера совершается быстро; особенно скоро вырастают длинные хвостовые перья. В течение четырех месяцев перья изнашиваются и выпадают с наступлением жары. Пение самцов, особенно старательное в пору любви, весьма просто, хотя и не лишено некоторой приятности. В противоположность другим родственным видам райские вдовушки живут между собой в мире даже и в брачную пору.

Пойманные птички уживаются хорошо, выживают несколько лет и очень неприхотливы.

На самых вершинах Альпийских гор Старого Света, от Пиренеев до самой Сибири, летом всегда выше пояса леса обитает **снежный вьюрок** (*Montijringilla nivalis*). Он отличается длинным, крючковатым, шпоровидным когтем заднего пальца, длинными крыльями и одинаковым оперением, обоих полов. Длина птицы приблизительно равна 20 см, размах крыльев 36, длина крыла 11, хвоста 8 см.

Местопребыванием снежных вьюрков служат Альпы, Карпаты, Кавказ, Персидские возвышенности и Гималайские горы**.

* * Кроме перечисленного снежный вьюрок заселяет Пиренеи, Апеннины, горы Тувы и Афганистана, Алтай, Монгольский Алтай, Памиро-Алайскую систему, Гобийский Алтай, Тянь-Шань, Тибет, Куньлунь и Наньшань. А вот в Карпатах он исчез и в настоящее время не встречается.

По мнению Штелкера, они почти так же присущи высокому горному поясу, как и белая альпийская куропатка*.

* *Имеется в виду тундряная куропатка (Lagopus mutus).*

Только большие снежные заносы и сильный холод могут заставить их спуститься в долины. Ранней зимой это случается гораздо реже, нежели поздней, потому что пока имеются еще кормовые запасы, снег и мороз несколько не беспокоят эту привыкшую к холоду птицу.

Даже во время самой суровой зимы они едва ли покидают горы, и случаи, когда они действительно залетали в Германию, должно причислить к числу самых редких. Во время лета снежный выюрок живет только в самом высоком поясе Альп под самой снеговой линией; во время высидывания яиц держится парочками, затем обществами и стаями, чаще всего по краям каменистых отлогостей, по которым он быстро прыгает по скалам; иногда вместе со своими сотоварищами поднимается на воздух и при тихом крике «юп-юп» пролетает некоторое расстояние, но скоро снова опускается на землю и продолжает так же усердно, как и прежде, отыскивать себе пищу. Своими движениями он напоминает подорожника и жаворонка, так же как те, летает легко и плавно; если его вспугнуть, то он обыкновенно поднимается на значительную высоту, но часто, описав в воздухе довольно большой круг, возвращается почти на то же самое место. Человека он не боится, и если он при его появлении улетает, то это случается, вероятно, всего чаще оттого, что его пугает непривычное явление.

Семейство выюрковые ткачики

Из тонноклювых выюрковых ткачиков я дам коротенькое описание **обыкновенного, или крошечного, амаранта** (*Lagonosticta senegala*). Амарант — винно-пурпурового цвета с рыжеватыми плечами и нижними шейными перьями. Каждое перо на конце окаймлено пурпуром. Бока грудки испещрены белыми крапинками; нижние кроющие перья хвоста бледно-бурые; маховые хвостовые перья бурые и оторочены пурпуром. Самочки почти сплошь рыжевато-бурые, только надхвостье их окрашено в красно-пурпуровый цвет и грудь в белых крапинках. Глаза темно-карие, клюв красный с темными кантами по хребту и краям. Ножки красноватые. Длина тела птицы достигает 10 см, размах крыльев 12, длина крыла 4,5, хвоста 3,5 см.

Амаранты распространены по всей средней Африке — от западных до восточных берегов ее и от 22 градуса северной широты до 25 градуса южной. По мнению Гартмана, посетившего несколько лет спустя после меня верхние области Нила, амарант занимает там такое же положение,

как у нас домовый воробей. И действительно, его следует причислить к числу домашних птиц. В известное время вы встретите его на всех почти изгородях южнонубийских и восточносуданских деревень, даже возле одиноко стоящих в лесу хижин. Он является одной из первых птиц, бросающихся в глаза, когда вступаешь в Египет со стороны Судана. Обыкновенно амарантов видишь вблизи деревень, где они часто соединяются в бесчисленные стаи со своими родичами. Однако они живут и вдали от человека, в уединенных степях и, хотя редко, попадают в горах на высоте до 1500 м.

Амарант привлекает к себе не одним только нарядным оперением, но и своей миловидностью и приятным нравом. Едва ли кто-нибудь из родичей превосходит амаранта в быстроте движений крыльев, неутомимостью же — решительно никто: это его характерное свойство. В последних жарких месяцах он линяет и с наступлением первых весенних дождей, около начала сентября, уже помышляет о потомстве. До сих пор он жил в стайках, которые теперь разбиваются на парочки. Пернатая чета доверчиво прилетает в деревню и здесь высматривает себе подходящий уголок где-нибудь под крышей остроконечной соломенной хижины или четырехугольной мазанки туземца. Сюда, в какую-нибудь впадину или другое более удобное ложе, птички натаскивают грудку сухих стеблей. В ней они тщательно округляют ямку, хотя к самой постройке относятся весьма небрежно. В случае необходимости амаранты выют свои гнезда на деревьях и даже почти у самой земли. В это время самец относится к самке особенно заботливо, весьма недружелюбно встречает соперников и высидывает яйца попеременно с самкой. Через 13 дней из яиц вылупляются птенцы, которых родители кормят насекомыми и размягченными в зобу семенами.

Наиболее известная из амадин — **красногорлая амадина** (*Amadina faseiata*). Клюв ее очень сильный, длина его немного больше ширины и высоты. Верхняя половина клюва у основания хребта плоская; между нею и лбом замечается некоторая вогнутость. Нижняя половина очень широкая. Крылья средней величины, второе и третье маховые перья самые длинные и почти равной длины. Хвост короткий и округленный. Общая длина этой миловидной птички равняется 12,5 см, размах крыльев 21, длина крыла 6,3, хвоста 4 см. Основной цвет самцов приятного бледно-бурого цвета, на спине темнее, снизу светлее. Каждое перо с волнистым черным рисунком или, как, например,

перья верхней части груди, оторочено черной каймой; отдельные перья груди и боков имеют рисунок, похожий на букву «V». На конце верхних кроющих перьев крыла большое красноватое пятно с серым оттенком, особенно выделяющееся благодаря черному полулунному рисунку. Маховые перья бурые с бледной оторочкой; хвостовые перья матово-черные, снизу сероватее; наружное опахало крайних перьев белое; остальные перья украшены красивыми пятнами белого же цвета, за исключением двух средних, которые сплошь черные. Самец отличается от самки более яркими цветами и широким галстуком роскошного карминово-красного цвета, который тянется от одного глаза к другому поперек белого подбородка и белого горла. Глаза темно-карие, клюв и ноги бледно-бурые.

В странах северного Нила красногорлых амадин не преследует никто, наоборот, в западной Африке все ловят их для продажи торговцам птиц прибрежных городов. Через посредство этих продавцов мы и получаем ежегодно тысячи этих птичек, тем более что они отлично переносят все трудности пути. При самом простом уходе парочки регулярно размножаются. Вначале они пленяют вас красотой своего оперения и миловидностью своих движений, но со временем они прискучивают, как и все их родичи.

Самая известная из азиатских амадин — **рисовка** (*Padda oryzivora*). Рисовки легко узнаются по следующим признакам: верхняя часть их тела прекрасного серого цвета; голова черная и бородавчатая; нижняя часть тела бледно-винно-красная; хвост черный с такими же верхними кроющими и белыми нижними кроющими перьями; клюв красный, на конце бледнее. Глаза карие, веки красные; клюв яркого розово-красного цвета на конце и у краев жемчужно-белый. Ноги красноватые. Величиною она почти со щегла. Родиной этих птичек считают Малакку и Зондские острова. Однако истинное место рождения рисовки — Ява, так по крайней мере уверяют Бернштейн и Розенберг*.

** Действительно. Бернштейн и Розенберг правы: родиной серой рисовки считаются Ява и Бали, однако она широко расселена и акклиматизировалась в большинстве стран Юго-Восточной Азии. на Филиппинах, в Японии, Китае, Индии и на Шри-Ланке, а также на островах Зондского архипелага.*

"Подобно нашему европейскому полевому воробью, — пишет Бернштейн, — рисовка живет исключительно в культурных местностях и представляет собой там одно из самых обычных явлений. В продолжение того времени, когда рисовые поля покрыты водой, т.е. в период от ноября до марта и апреля, когда всходит посеянный рис и приближается жатва, рисовки держатся парами или небольшими семейками в садах, в поселковых рощах и кустарниках.

Рисовка (*Padda oizivora*)

Здесь они кормятся разнообразными семенами, различными мелкими плодами и даже насекомыми и червями; по крайней мере я частенько видел их ищущими корм по проселочным дорожкам и т.п. Там они едва ли могли найти что-либо другое; кроме того, в их желудках я находил остатки, по-видимому, той же животной пищи. Но едва только рисовые посева начнут желтеть и обсыхать после спада вод, рисовки переселяются туда, часто большими стаями, и нередко приносят настолько существенный вред, что туземцы прибегают к всевозможным способам для их изгнания.

В странах, которые в особенности страдают от этих пернатых воров, для этой цели поступают так: посередине поля строится одна или, если поле велико, несколько маленьких сторожек, помещающихся на четырех высоких бамбуковых кольях. От этих сторожек по всем направлениям идут многочисленные веревочки к тонким бамбуковым палочкам, укрепленным на определенном расстоянии друг от друга по всему полю. К веревочкам подвешиваются большие сухие листья, пестрые тряпки, чучелки, деревянные погремушки и т.п. Стоит только туземцу, засевшему в сторожке, как паук среди своей паутины, дернуть за веревочки, как в то же мгновение зашумят сухие листья, заболтаются подвешенные чучелки, загремят погремушки, и непрошенные гости с испугом летят прочь. Но и после жатвы вплоть до наступления периода дождей, т.е. почти до ноября, рисовки находят богатый стол на сжатых полях риса. На жниве не только остается множество колосьев, но между стеблями их в невероятно короткий срок вырастают разные сорные травы, быстро созревающие семена которых составляют приятную пищу рисовок. В это время они особенно в теле, довольно жирны и представляют, в особенности молодые, лакомое блюдо, из-за чего их усердно преследуют.

Пойманными их держат только продавцы, которые и приносят их на прибывающие корабли для продажи. Дети находят большое удовольствие мучить их, привязав за нитку и пуская летать на улицах».

Бернштейн находил гнезда рисовок то на вершинах деревьев, то между паразитных растений, покрывающих стволы аренговых пальм. В зависимости от местонахождения гнезда бывают различной величины и формы. Построенные на деревьях, большею частью больших размеров и почти правильной формы полу шара; вьются исключительно из стеблей различных трав, настолько не

крепко сплетенных, что все гнездо не имеет особенной прочности. Кладка состоит из 6-8 блестящих белых яиц.

В Занзибар рисовка завезена и там акклиматизировалась. В Японии, где она водится с давних пор, выведена чисто белая культурная порода, которая в недавнее время стала регулярно появляться на наших птичьих рынках. Маленькие японские рисовки не представляют собой альбиносов, но породу, выведенную только большим и долгим трудом. Они имеют темные глаза и иногда отдельные темные перья. Не редки и совершенно пегие экземпляры. По моим наблюдениям, пойманные рисовки не могут быть отнесены к числу милотидных птичек их рода. Они приручаются редко и не вполне и нелегко размножаются в наших краях. Их пение очень неприятно и едва ли может быть названо пением. Итак, в их пользу говорит только их красивое оперение.

Семейство трупяловые, или кассиковые

Семейство трупялов включает в себе птиц различной величины, начиная с величины вороны и кончая размерами зяблика. Удлиненная форма тела не мешает им быть вместе с тем хорошо сложенными.

Трупялы живут исключительно в Америке. Более четырех пятых всего числа приходится на южную и центральную ее части, однако северная область их распространения доходит до Полярного круга. Все виды этих птиц общежительны, проворны, подвижны и хорошо поют. Они населяют рощи, кормятся мелкими позвоночными, насекомыми, моллюсками, плодами и семенами. В одних случаях эти птицы бывают очень полезны, в других возбуждают к себе ненависть. Их гнезда, которые часто не только не уступают в изяществе, но даже превосходят таковые ткачиков, подвешивают на деревьях колониями; птицы одного из видов сами не выют гнезд и не выводят детей, большую часть вверяя свои яйца чужим заботам*.

** На самом деле среди трупялов довольно много видов, которые являются гнездовыми паразитами. Это коровьи трупялы, или воловьи птицы, представители родов *Molothrus* и *Scaphidura*.*

Самым известным из североамериканских видов этого семейства нужно считать **балтиморского цветного трупяла** (*Icterus galbula*). С него мы и начнем. Голова, шея, подбородок и горло темно-черные, такого же цвета и нижние шейные перья, плечи, крылья и оба средних пера хвоста. Верхние кроющие перья крыльев, надхвостье, верхние кроющие перья хвоста и остальные части огненно-оранжевые. Большие маховые перья с широкими у начала и узкими у конца крыла белыми каймами. Большие кроющие перья крыльев в конечной половине белого цвета образуют широкую перевязь. Рулевые перья, кроме двух упомянутых средних, оранжевые, у корня с широким черным перехватом. Глаза карие, клюв черновато-свинцово-серый, светлее к краям, ноги также свинцово-серого цвета. Длина этих трупялов достигает 20 см, размах крыльев 30, длина крыла 9, хвоста 8 см. У самок верхняя часть тела оливково-буровато-серая, нижние шейные перья неясно исчерчены продольными, более темными черточками, нижняя часть тела оранжево-желтая, верхние кроющие перья крыльев и большинство остальных кроющих на конце белые. Таким образом, на крыльях получаются две поперечные полосы. Все остальные части у самок бледнее и тусклее, чем у самцов.

Балтиморский цветной трупил (*Icterus galbula*)

Область гнездования балтиморских трупялов обнимает собой восточные штаты Америки, от Канады до западных возвышенностей. Отсюда зимою они долетают до Вест-Индии и средней Америки. По Одюбону, в известных местностях они очень обыкновенны, в других попадаются пролетом. Они предпочитают холмистые места. Это чисто летние птицы, парами появляющиеся в стране с наступлением весны. Вскоре после этого они приступают к кладке яиц. Их гнезда устраиваются различно, смотря по теплоте или холодному климату обитаемой ими страны, но всегда подвешиваются к тонкой ветви и вьются очень искусно. В южных штатах они свиваются из так называемого «испанского мха», притом так рыхло построены, что воздух легко может циркулировать по всем направлениям; внутри не кладется никакого согревающего вещества, и даже самое гнездо строится с северной стороны дерева. В северных штатах наоборот: гнездо подвешивается к ветвям, на которые падают солнечные лучи, и снабжено нежной и теплой подстилкой. Птица, вьющая гнездо, слетает на землю, отыскивает нужный материал, прикрепляет его одним концом к ветке и с большим искусством все это сплетает вместе. В это время балтиморский трупял довольно несносен. Женщины, когда хотят белить свою пряжу, должны особенно следить за ней, так как птицы утаскивают в гнездо все пряжки, до которых только доберутся. В их гнездах часто находили целые мотки ниток и клубки шелка.

Окончив постройку гнезда, самка кладет от 4 до 6 яичек около 25 мм длиной и 16 мм толщиной. Бледно-серый цвет их испещрен более темными пятнышками, точками и штрихами. Через четырнадцать дней высидивания вылупляются птенцы, а через 3 недели после этого они уже летают. Каждая пара в продолжение лета выводит еще один раз, по крайней мере в южных штатах. Не умея еще летать, молодые часто цепляются за наружную часть гнезда, выскакивают и прячутся в него подобно молодым дятлам. Научившись же летать, они почти 14 дней все еще неразлучно следуют за родителями, которые их в это время водят и кормят. Как только поспеют тутовые ягоды и фиги, они появляются на этих деревьях, подобно тому как ранее их видели на вишнях и других плодовых деревьях. Тут они могут причинить довольно серьезные опустошения. Весною же они питаются почти исключительно насекомыми, доставая их с веток и листьев или, преследуя с большим проворством, ловят их на лету. Отлет их начинается очень рано. Днем они быстро и с громким криком летят большею частью поодиночке. Только с заходом солнца они спускаются на определенные деревья, торопливо ищут чего-нибудь поесть, выпяются, позавтракают и снова в путь.

Движения этих трупялов красивы и правильны. Полет прямой и ровный. Походка довольно ловкая. Но особенное совершенство они выказывают в ветвях деревьев, где они лазают не хуже синиц.

За свою красоту балтиморские трупялы содержатся в клетках. Хотя их пение просто, но весьма приятно благодаря полноте, силе и благозвучию трех или четырех, самое большее 8 или 10 нот, составляющих его.

Как самая многочисленная и самая ненавистная птица Северной Америки, первым заслуживает быть представлен **боболинк, или рисовый трупял** (*Dylichonux oryzivorus*), тем более что он представляет собой нечто среднее между вьюрком и скворцом. Действительно, сомневаются, к какому из этих двух семейств следует его причислить, и это сомнение не так легко разрешается даже и тогда, когда видишь перед собою живую птицу*.

** И тем не менее, несмотря на внешнее сходство, боболинк относится к семейству касиковых, или трупялов.*

Боболинк (*Dylichonux oiyzivorus*)

Величина рисовых трупялов достигает 18 см, размах крыльев 29, длина крыла 9, а хвоста 6 см. В брачную пору верхняя и передняя части головы, вся нижняя сторона и хвост самцов черные. Затылок буровато-желтый. Верхняя часть спины черная, но на каждом перье желтая кайма. Плечевая область и надхвостье белые с желтым отливом. Глаза бурые. Верхняя половина клюва темно-бурая, нижняя половина буровато-серая. Ноги светло-голубые. Самка несколько меньшей величины. Верхняя часть ее светло-желто-бурая с более темными продольными полосками на перьях. Нижняя часть бледно-серо-желтая с такими же полосками на боках. Маховые и рулевые перья значительно светлее, чем у самцов. На это оперение самец походит своим зимним покровом, в общем сходно с ним и оперение молодых, но у них все краски бледнее и серее.

Боболинки в Северной Америке бывают только летом; прилеты и отлеты их очень регулярны. Во время своего перелета на юг они останавливаются в средней Америке, именно в Вест-Индии, и, может быть, в северных областях Южной Америки; только до Бразилии они, конечно, не проникают. В штат Нью-Йорк они прилетают в начале мая большими или маленькими стаями. Вскоре эти стаи увеличиваются вновь прибывающими, и через очень короткое время вся страна наполняется ими в полном смысле этого слова. По словам Одиубона, невозможно найти ни одного поля, которое не было бы населено ими. Для постороннего зрителя наблюдения над боболинками, столь ненавистными всем поселянам, могут доставить удовольствие. Склонность к общественности этих птичек не пропадает даже в птенцовую пору: одна чета живет и высидывает яйца вблизи другой. Гнездо вьется или над землей, или вплотную с ней и строится не очень заботливо, но всегда в траве или между стеблями злаков и, само собою разумеется, является центральным пунктом обитания одной пары. В то время, как самки находятся в заботах о своем будущем потомстве, самцы задорно и ревниво шмыгают в лесу стеблей. То тот, то другой с пением поднимается наверх и причудливо реет в воздухе. Пение одного возбуждает других, и вскоре целая масса птичек поднимается наверх и там друг у друга перенимают чистые и приятные трели. Североамериканцы справедливо прославляют пение этой пташки; оно удовлетворит самое прихотливое ухо любителя птиц. Звуки пения полны разнообразия и издаются птичками очень быстро с удивительными вариациями и так старательно, что вам чудится сразу пение полудюжины певцов, тогда как поет всего один. Вильсон сравнивает это пение с разными нотами фортепиано, то высокими, то низкими, взятыми быстро одна за другой, без особенного порядка. Но в общем эта путаница гармонична. Самец очень часто поет и сидя, и тогда он трепещет своими крылышками, подобно нашему скворцу. В своих движениях боболинки выказывают много проворства. Их походку по земле скорее можно назвать шаганием, нежели прыганием. Их полет легок и изящен; прибавьте к этому мастерское умение лазать вниз и вверх в лесу стеблей, в чем они поспорят с камышевкой.

В последние дни мая в гнезде вы найдете от 4 до 6 яичек около 22 мм длиной и 16 толщиной. Молодые кормятся главным образом насекомыми, быстро вырастают, оставляют гнездо и соединяются в многочисленные стаи с другими птицами их вида. Начиная с этого времени, боболинки выказывают себя с дурной стороны. Их милое пение кончается, изящный наряд самцов уже сменился; парочки больше не имеют определенного места и носятся всюду по стране. Начинаются опустошения. Птицы летают с поля на поле, садятся на них огромными стаями и едят еще молочные зерна злаков столь же охотно, как и поспевшие. Нападая на поля огромными стаями, они приносят земледельцам поистине громадный вред. Против них пускаются в ход всевозможные средства; тысячи и сотни тысяч их убивают, но все напрасно — опустошения не прекращаются. В лучшем случае, если их сгонят с поля, они перелетят на другое. Окончив свое губительное дело на севере, они нападают на плантации юга. Целую неделю носятся повсюду, днем сидя на полях, ночью улетаая спать в камыши. Затем перелетают дальше постепенно на юг.

Волосья птица, или буроголовый коровий трупял (*Molothrus ater*). Голова и шея его угольно-черные; все остальное оперение буровато-черное, голубоватое на груди, с зеленым и голубым отливом на спине; глазной ободок темно-бурый; клюв и ноги буровато-черные. Длина достигает 19 см, размах крыльев 30, длина крыла 11, длина хвоста 8 см. Самка немного меньше самца и почти равномерно угольно-бурого цвета, снизу несколько светлее, чем сверху.

Коровьи трупялы также распространены по большей части Северной Америки и очень обыкновенны, по крайней мере в некоторых областях. Так же точно они преимущественно обитают в болотистых местностях, однако столь же охотно живут на пастбищах среди пасущегося скота и табунов лошадей. Время сна они проводят в кустарниках или камышах по берегам рек. На севере Соединенных Штатов они появляются в конце марта или начале апреля небольшими стайками. К концу сентября они вновь покидают страну, обыкновенно в сообществе с другими птицами. Их пи-

ща в сущности такая же, как и их сородичей. Они походят на наших скворцов тем, что, как и они, часто выклеивают на спинах скота засевших там паразитов.

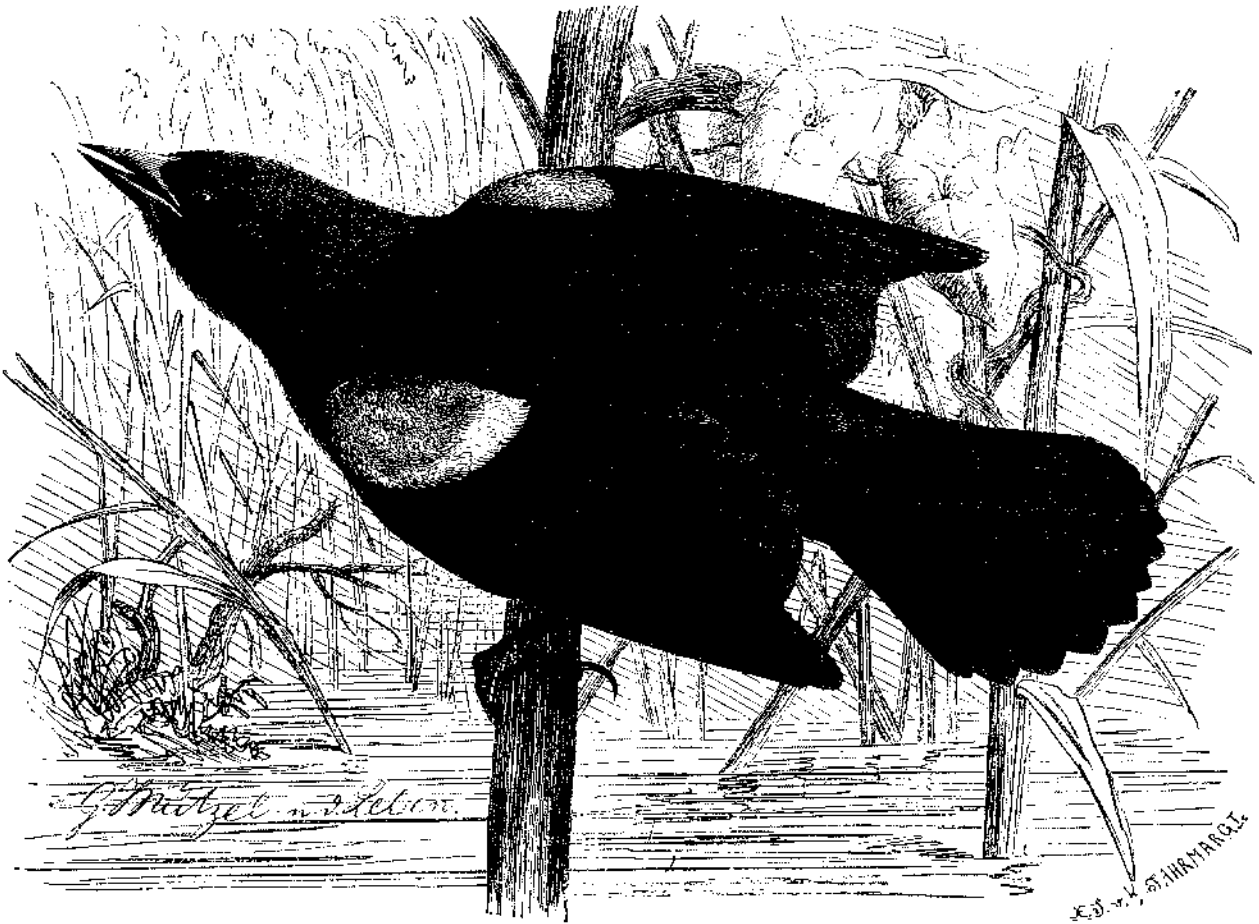
Все это упоминалось при описании предыдущих форм, и едва ли пришлось бы говорить о них отдельно, если бы коровьи трупялы не имели других отличительных черт. Они и все остальные их ближайшие родичи не высиживают детенышей сами, но предоставляют это чужим заботам. Подобно нашим кукушкам, они живут не парами, а в многобрачии. В птенцовую пору их видишь, как и раньше, такими же обществами с разным составом; в одной стае преобладают самки, в другой больше самцов. «Если одна из самок, — говорит Поттер, — отделится от стаи, ее исчезновение почти или совсем не замечается. Ни один нежный друг не сопровождает ее и не тоскует по ее отсутствию, ни один задушевный или любящий голос не приветствует ее возвращения. Действительно, подобное отсутствие нежности или взаимной привязанности у коровьих трупялов доходит до высшей степени; полная независимость должна выражаться правилом: всякий делает что ему угодно. Если наблюдать за этими птицами в пору кладки яиц, можно увидеть, как самка, покинув своих товарищей, начинает беспокойно летать кругом и в заключение садится в укромное место, откуда она может высматривать, что делают другие птицы. В таком состоянии она проводит довольно долгое время. Однажды я увидел самку, занятую такими поисками. Во что бы то ни стало я решил узнать, чем это кончится, и, сев на лошадь, тихо поехал за ней. На время я терял ее из виду, но вскоре опять находил. Она влетала в каждый густой куст, тщательно осматривала все места, где имеют обыкновение вить гнезда маленькие птички, и, наконец, стрелой полетела в один густой кустарник из ольхи и терновника. Пробыв там минут пять-шесть, она вернулась обратно в поле к своим товарищам. В чаще кустарника я нашел гнездо **желтогорлого певуна** (*Geothlypis trichas*)* и в нем яйцо коровьего трупяла рядом с другим яйцом законной хозяйки гнезда.

* *Желтогорлый певун принадлежит к семейству древесниц (Parulidae).*

Полетев сначала вдоль одной стороны поляны, самка коровьего трупяла вдруг шмыгнула в редкую листву маленького кедра и несколько раз возвращалась из него обратно, пока не решилась наконец оставить это место. После некоторых поисков я нашел самку подорожника, сидевшую на гнезде: в него самка коровьего трупяла воровски снесла бы яйцо, если бы птичка-наседка была в отсутствии. Мне кажется довольно возможным, что воровская птица врывается силой в гнезда некоторых птиц и сгоняет их с их законного места. В случае нужды она прибегает к хитрости там, где ничего не может достигнуть силой. Я еще был поблизости от данного места, когда вернулась вышеупомянутая самка желтянки. Она стрелой влетела в гнездо, столь же быстро вылетела обратно, исчезла и несколько минут спустя вернулась в сопровождении самца. Полчаса оба беспокойно и оживленно чирикали, как будто беседа о нанесенной им обиде».

Как у кукушки, яйцо коровьего трупяла меньше, чем можно было бы предположить, судя по величине птицы. В длину оно почти 25 мм, в толщину 16; основной цвет его бледно-серый, темнее к толстому концу, испещрен бурыми пятнышками и короткими штрихами. По Одюбону, в одно гнездо самка коровьего трупяла никогда более одного яйца не кладет, но, без сомнения, кладет несколько в продолжение всего периода кладки. Приблизительно после 14-дневного высиживания вылупляется птенец, и с этого момента и случайные воспитатели, и навязанный воспитанник ведут себя совершенно так, как кукушки.

Почти столь же обыкновенен, как коровий трупял, другой вид — **красноплечий черный трупял** (*Agelaius phoeniceus*). Его клюв длинный, конусовидно вытянут, очень острый и слегка сжат. Туловище сильное. Крылья средней величины с более длинными вторым и третьим маховыми перьями. Хвост довольно длинный и закругленный. Оперение мягкое и блестящее. В брачную пору самцы красноплечих трупялов густого черного цвета с роскошными пурпурово-красными плечами. Большие бородки кроющих перьев крыла коричнево-желто-бурого цвета. Глаза карие. Клюв и ноги голубовато-черные. Длина тела 22 см, размах крыльев 35, длина крыла 12, длина хвоста 8 см. У самки верхняя часть черновато-бурая, нижняя серовато-бурая, каждое перо этих частей более или менее оторочено желтовато-серою каймою; горло и щеки покрыты продольно-темными штрихами по бледно-серому фону.

Красноплечий черный трупиял (*Agelaius phoeniceus*)

Красноплечие трупиялы также распространены по всей Северной Америке, и там, где они встречаются, многочисленны. На севере Соединенных Штатов они регулярно гнездящиеся птицы, на юге же только зимние гости, временно появляющиеся массами. Описание Одюбона дает такую превосходную картину их образа жизни, что совершенно достаточно, если я приведу здесь из него самое существенное.

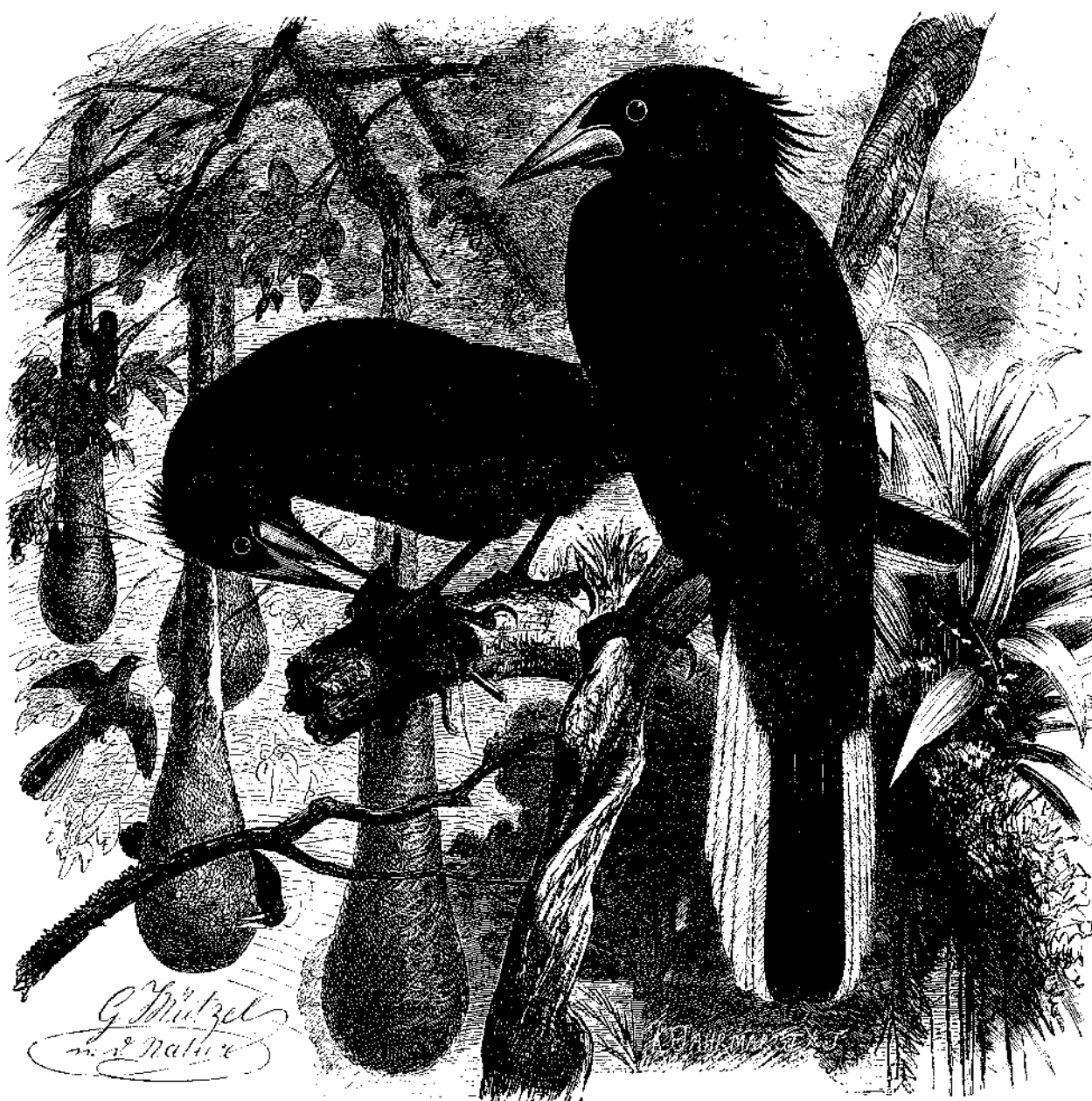
С наступлением весны красноплечие трупиялы покидают южные штаты, где они провели холодное время года, и летят большими или маленькими стаями на север. Самцы с пением летят впереди, как будто своим пением они убеждают самок следовать за ними. Зимние гости по пути нередко засиживаются на невысоких деревьях. Здесь они распускают веером свой хвост, топорщат перышки, и вы можете услышать их частые звонкие голоса именно ранним утром, перед их отлетом с того места, где они провели ночь, так как они летят только днем. Как только прилетят самки, начнутся заботы о потомстве. Несколько самцов летают за одной самкой, пока она не выберет одного по своему вкусу. Оба тотчас приступают к постройке гнезда. Счастливая чета отдалается от стаи и ищет себе для гнезда подходящее местечко где-нибудь на краю уединенного пруда или болотистого луга. Выбирается какой-нибудь низенький куст, густая камышовая или травянистая заросль, натаскивается сюда куча сухого камыша, устраивается в ней ямка для гнезда и выкладывается внутри нежной травой или конским волосом. Сюда кладутся от 4 до 6 весьма оригинальных яичек около 25 мм длиной и 18 мм толщиной. На водно-голубом фоне их накраплены большие, черные и чернобурые пятнышки. «С этого момента, — говорит Одюбон, — можно наблюдать всю преданность и отвагу, которые царят в сердце самца. Он заботливо стережет свою подругу, сидящую на яйцах. Каждый непрошенный гость, приближающийся к гнезду, встречается громким криком, в котором слышатся и страх и досада, и весьма нередко птичка пронесется почти около самого человека, когда он сознательно или нечаянно нарушит ее спокойствие. Иногда она садится на ветку над гнездом и испускает такой жалостный крик, что только бесчувственный решится потревожить парочку».

Вылетевшие из гнезда птенцы соединяются с тысячами других птиц их вида и кочуют уже самостоятельно, в то время как их родители приготавливаются ко второй кладке. Первые выводки вылетают из гнезда в начале июня; вторые — в первых числах августа; к этому времени начинают поспевать хлеба в средних штатах, и сбившиеся в стаи трупиялы бесчисленными массами нападают на

поля, вызывая серьезное противодействие этому со стороны заботливых земледельцев. Но и самые большие старания человека бывают обыкновенно бесплодны: масса птиц подавляет все усилия. Но как только хлеба окончательно созреют, красноплечие трупялы оставляют поля и собираются на лугах, по берегам больших рек, а также и в камышах, соединяются вместе с дроздами, боболками и другими подобными родственными видами и образуют вместе с ними стаи, затмевающие свет. Но преследования не кончаются, и трудно себе представить, какие убиваются массы этих птиц. Одубон уверяет как слышанное им, что одним выстрелом бывает убито более 50 штук, и рассказывает, что он лично убил несколько сот в одно послеобеденное время. Подобно нашим скворцам, с наступлением ночи красноплечие трупялы густыми стаями садятся на ночевку в камыши, чтобы здесь найти защиту от их вечно грозного гонителя.

Достойный представитель кассиков — шапу (*Cassicw cristatus*). Длина его достигает 40-45 см, размах крыльев 61-65, длина крыла 20-21 и длина хвоста 18-19 см. Его оперение блестяще-черное, начиная от головы с хохловидными перышками посреди темени и до пяти наружных парных хвостовых перьев лимонно-желтого цвета. Надхвостье, нижние и верхние кроющие перья хвоста ярко каштаново-бурые. Нижние шейные перья и плечевые на конце по краю с буроватыми полосками, снизу темнее, чем сверху. Самка значительно меньше самца.

Шапу распространен, кроме западных областей южной Бразилии, по всей Южной Америке к северу до Гватемалы.

Шапу (*Cassicw cristatus*)

Он живет только в лесах и только в том случае приближается к плантациям и человеческому жилью, когда они расположены у самого леса. В безлесных местностях он не встречается, в лесах

же многочислен. Образом жизни он несколько похож на нашу сойку. Он живет общественно, нрава живого, всегда в движении, перелетает с одного дерева на другое, подвешивается к веткам своими сильными когтями, сорвет иногда какой-нибудь плод, улетает с ним прочь, чтобы съесть где-нибудь в другом месте, и все это проделывает с несмолкаемым и неугомонным криком. Его пища состоит из мелких насекомых и ягод; однако, когда созреют плоды, то апельсины, бананы и плоды папайи составляют его лакомые кушанья. Для плантаций он может быть очень вреден.

Даже в птенцовую пору шапу всегда встретишь в сообществе с другими птицами их вида; часто на небольшом пространстве они собираются в 30-40 и более пар. Их оригинальные мешковидные гнезда тогда подвешены близко друг к другу на всех ветвях одного или нескольких высоких или ветвистых девственных деревьев. «Я нашел однажды, — говорит принц фон Вид, — в одной романтической тенистой долинке, защищенной со всех сторон лесистыми горами, в высшей степени многочисленную колонию этих птиц. Они настолько оживляли лес, что решительно нельзя было на чем-нибудь сосредоточиться. По всему лесу раздавались их особенно оживленные в это время голоса.

Обыкновенно шапу издают один короткий, грубый, довольно хриплый призывный крик; впрочем, они издают и другие изменчивые звуки: один громкий, какой-то странный горловой свист, протяжный и довольно приятный, обыкновенно редко повторяющийся, но иногда усиливающийся на полуоктаву. Другие разнохарактерные звуки, присоединяющиеся к вышеупомянутым, в общем образуют приятную, хотя и странную мелодию, в особенности тогда, когда одновременно поют несколько птиц.

Шапу прикрепляют свое интересное гнездо то на очень высоких, то на средней высоты деревьях. Оно имеет форму мешка 13-17 см шириной, узкое, длинное, округленное снизу, часто длиною от 1 до 1,5 м и наверху прочно прикрепляется к какой-нибудь довольно тонкой ветке почти в палец толщиной; в нем находится довольно продолговатое, совершенно незащищенное отверстие для входа. Форма и гибкая, похожая на рыхлый войлок масса этого гнезда делают его легко доступным произволу ветра: даже при слабом ветерке оно делается его игрушкой. Птица искусно свивает и сплетает это мешковидное гнездо из волокон тиландзии (*Tilandsia*) и других волоконцев, и притом так крепко, что его с трудом можно разорвать. Внизу, на дне этого глубокого мешочка, подстилкой птенцам служат мох, сухие листья и луб; на них кладутся одно или два яичка. Они продолговатой формы; по беловатому фону их идут бледно-фиолетово-красные мраморные прожилки и неправильно разбросаны темные черно-фиолетовые штрихи и точки. Обыкновенно в таких гнездах я находил только одного птенца, но за нормальное число яиц нужно принимать все-таки два. Было бы неправильно считать, подобно Азара, нормальным числом три. Молодые издают громкий и хриплый крик и своим первым оперением уже походят на стариков, так как у них тотчас же вырастают желтые хвостовые перья. Часто находят два гнезда, свитые вплотную, т.е. одно гнездо слегка разгораживается посередине и приобретает новое мешковидное боковое отделение, составляющее отдельное жилище. На одном дереве находятся 30—40 и более гнезд. Птицы предпочитают прикреплять их к крепким сухим веткам. В ноябре я нашел гнезда, из которых одни были еще пусты, тогда как в других лежали яйца и птенцы. Такое увешанное гнездами дерево, на котором во всех направлениях снуют эти работящие, большие, красивые птицы, представляет весьма привлекательное зрелище для орнитолога и охотника. Весьма крупный сравнительно с самкой и красивый самец распускает свой роскошный хвост, расправляет, словно лебедь, крылья, загибает книзу голову, раздувая зоб, и испускает странный горловой крик, похожий на звуки флейты. Когда птица слетает легким, быстрым полетом, она производит крыльями шум, слышный даже внизу. Можно наблюдать этих птиц часами, если их не пугать.

Когда пройдет птенцовая пора, шапу стаями летают на плодовые деревья, и тогда мы многих из них убивали на гениповых (*Gardenia genipa*) и других деревьях. Особенно часто я видел это на реках Бельмонте и Ильеос, где они особенно многочисленны и обыкновенны. Их мясо довольно съедобно, хотя часто бывает грубо и жестко, мы никогда не замечали в нем особенного запаха, как утверждают некоторые писатели. Ботокуды убивают шапу стрелами частью для еды, частью ради их желтых перьев, которые им чрезвычайно нравятся. Они делают из них при помощи воска веер и прикрепляют его себе на лбу».

Обыкновенный гракл (*Quiscalus quiscula*). Длина его достигает 31 см, размах крыльев 40, длина крыла 14, хвоста 12 см. Голова, шея и нижняя часть тела черные, глянцевиые с пурпурово-фиолетовым и медно-бурым отливом, нижние части украшены бледно-зелеными пятнами, а все перья верхней части спины и плеч выделяются на матово-темно-зеленом фоне благодаря поперечным штрихам, отливающим радужными цветами. Надхвостье и верхние кроющие перья хвоста бронзово-

го цвета, наиболее длинные — пурпурово-фиолетовые. Внешние опахала маховых и хвостовых перьев со стальным фиолетово-голубым отливом. Глаза серо-желтого цвета. Как клюв, так и ноги черные.

Гракл распространен по восточной части Соединенных Штатов, к северу до Новой Шотландии, к западу до Алеганских гор. Он живет исключительно в болотистых местностях. Во все времена года он ведет жизнь общественную, часто сбивается в большие стаи и разгуливает по солончаковым низинам и тинистым берегам своей родины. Его главную пищу составляют мелкие крабы и червяки. Само собою разумеется, он столь же мало пренебрегает насекомыми, как и другие его сородичи, а ко времени поспевания плодов и злаков появляется и на плантациях. Рисовым полям он причиняет чувствительный вред.

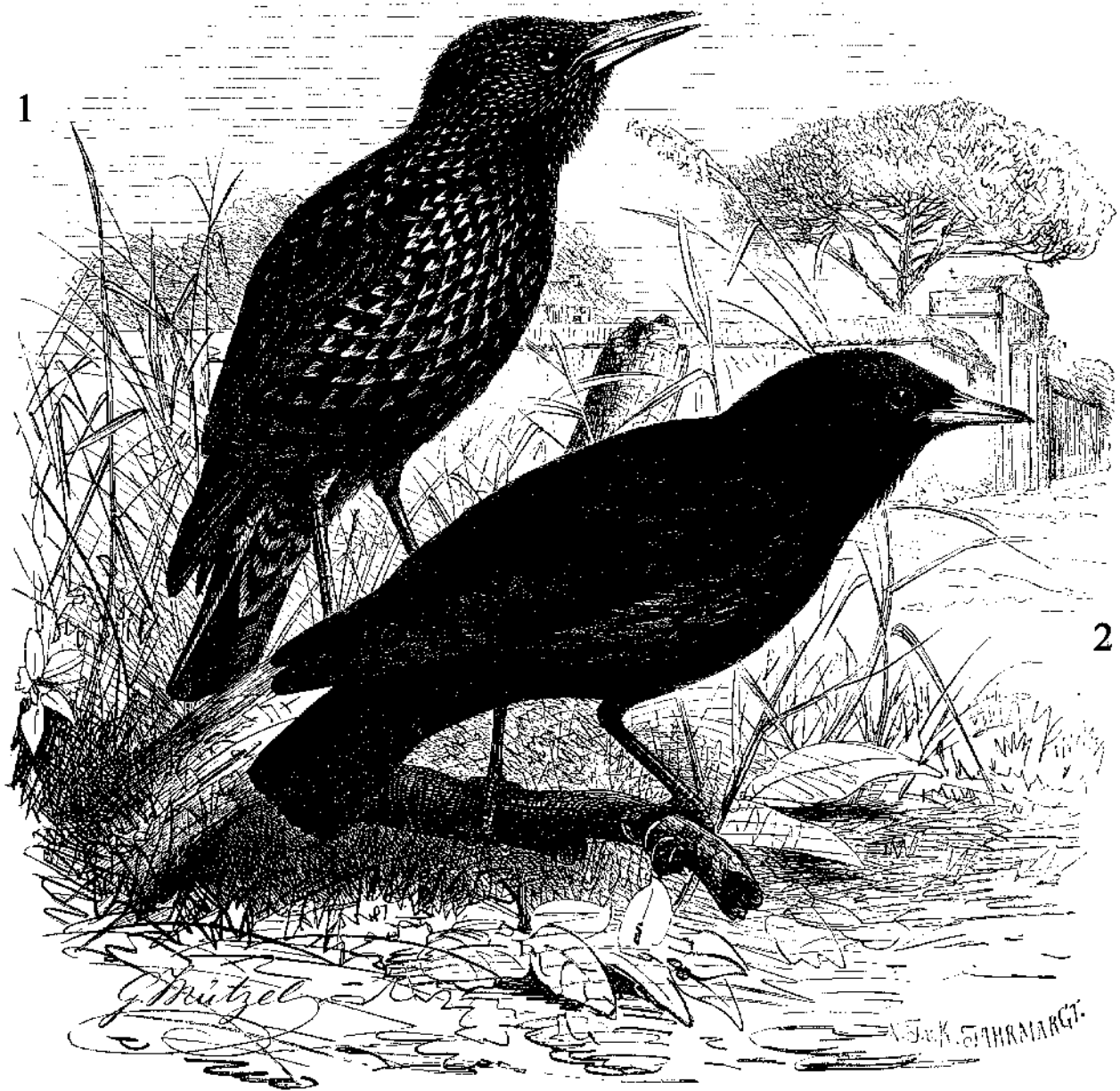
В начале февраля самцы уже одеты в свое брачное оперение и спарились. В это время их видишь сидящими поодиночке на высоких деревьях в полном блеске их наряда. Они некоторым образом гордятся красотой своего оперения, сверкающего в лучах солнца. Они очень ревнивы относительно других птиц своего вида, но только до той поры, пока не спарятся. Как только они разбились на пары, кончаются все ссоры и наступает полный мир и согласие. Они избирают теперь удобное местечко для устройства гнезда где-нибудь на побережье или на берегу больших рек или даже просто на болоте. Гнездо их в существенных чертах сходно с гнездами других трупиялов. Самка кладет от 4 до 5 яиц, которые имеют в длину 31, в ширину 23 мм и покрыты бурыми и черными точками, неправильно разбросанными по серовато-белому фону. В воспитании птенцов принимают участие оба родителя и кормят их всякой всячиной. Они не стыдятся даже грабить гнезда других птиц и таскать на корм их яйца и птенцов. Зато и у них, как говорят, тоже имеются враги. «Когда обыкновенный гракл, — рассказывает Одюбон, — гнездует в высоких камышах, открытых заводях и озерах Луизианы и Флориды, крик птенцов часто привлекает внимание аллигатора, который, предчувствуя лакомый кусочек, тихонько подплывает к ним и внезапно ударяет хвостом по соответствующему пучку стеблей с целью выбросить из гнезда неосторожных юнцов. Выпавшие из гнезда птенцы в то же мгновение проглатываются. Однако аллигатору редко удается повторить свои нападения более одного или двух раз, так как взрослые делают скоро очень осторожными и вовремя предупреждают своих птенцов». Я должен, однако, заметить, что сильно сомневаюсь в правдоподобности этого рассказа*.

** Брем абсолютно прав, эта история относится к категории фантазий и почерпнута Одюбоном из рассказов местных жителей.*

Семейство скворцовые

Скворцы являются тем же для Старого Света, что трупиялы для Америки. Это в высшей степени замечательная группа птиц, встречающаяся во всех частях восточного полушария. Как некоторые весьма общественные птицы, они не собираются обществами в какое-нибудь определенное время, но живут даже в пору гнездования большими или маленькими стаями, делающими сообща всякую работу. Они ходят слегка пошатывающейся походкой, но быстро и хорошо; летают легко, скоро и шумно, быстро взмахивая крыльями, в чаще ветвей и по камышам двигаются также с большим умением. Все виды являются живыми, беспокойными, постоянно чем-нибудь занятыми птицами, отдыхающими только на короткое время, с тем чтобы потом снова приступить к какому-нибудь делу. Их пища состоит из насекомых, червей и слизняков; наряду с этим они едят плоды и другие части растений, однако вреда они никогда не приносят. Свои гнезда весьма неправильной постройки они устраивают в дуплах деревьев, впадинах скал и стен. Число яиц одной кладки колеблется между 4 и 7.

Наш всем хорошо известный **обыкновенный скворец**, (*Sturnus vulgaris*) имеет разную окраску и рисунок, смотря по возрасту и времени года.

1 — Обыкновенный скворец (Sturnus vulgaris) 2 — Черный скворец (Sturnus unicolor)

Весною оперение старого самца черное с зеленым или пурпуровым отливом. На маховых перьях и хвосте эта окраска становится более светлой, с широким серым ободком. Отдельные перья спины имеют на конце серо-желтые пятнышки.

Глаза бурые; клюв черный; ноги красно-бурые. После окончательной линьки оперение принимает совершенно другой вид. Кончики всех перьев затылка, верхней части спины и груди окрашиваются в беловатый цвет, из-за этого кажется, будто оперение покрыто крапинками. Клюв принимает более темную окраску. Самка похожа на самца, но в весеннем оперении пестрее его. Молодые темно-буро-серого цвета и светлее в лицевой области; клюв их серо-черный, ноги буровато-серые. Длина скворцов достигает 22 см, размах крыльев 37, длина крыла 10, хвоста 7 см. Самки меньше самцов.

В южной Европе водится очень близкий ему вид — **черный, или одноцветный, скворец** (Sturnus unicolor). Одноцветный скворец водится в Испании, в южной Италии, на Украине, на Кавказе и в большом районе Азии, в Гималаях от Кашмира до Непала и в северном Пенджабе; зимой случайно он проникает в глубь страны и доходит до Синда*. Его жизнь, насколько теперь это известно, во многом сходна с жизнью нашего скворца.

* Область распространения черного скворца ограничивается Испанией, Сицилией, Сардинией, Корсикой и несколькими странами северной Африки Марокко, Алжиром и Тунисом. На Украине, Кавказе, в Гималаях и в Азии этот вид не встречается, там водится только обыкновенный скворец, но его особые подвиды. Во времена Брема диагностика двух близких видов скворцов еще не была разработана, в связи с чем появились ошибки и в описаниях Брема.

Начиная от Исландии и Фарерских островов, обыкновенный скворец встречается почти во всех частях Европы, по крайней мере временно; точно так же и в известных областях Средней Азии, так как Радде и Вальтер встретили его гнездящимся на Теджене и Мургабе: в конце марта они нашли высиженные яйца. Уайте тоже говорит, что наш скворец проводит лето в Туркестане, где он выводит детенышей в мае и июне, в то время как в Афганистане вероятно, а в Кашмире и Пенджабе наверное он наблюдается только как случайный зимний гость. В Европе он отнюдь не везде оседлая птица. Так, он появляется во всех южных провинциях Испании, а также в южной Италии и Греции только в зимние месяцы, однако в Пиренеях и в южных Альпах он все еще гнездящая птица. Он предпочитает ровные местности и их луговые заросли, но останавливается и в деревнях, которые он посещал только пролетом, если выставить на его пути скворешницу. Из наших прилетных птиц скворцы прилетают раньше всех и остаются до самой глубокой осени. Их странствования распространяются самое большее до северной Африки; в Алжире и Египте они появляются регулярно каждую зиму. Главная масса их зимует уже в южной Европе и проводит это время повсюду вместе с разными другими птицами, в особенности с воронами и дроздами. Как только родина, по их соображениям, снова может дать им пропитание, они отлетают, и мы видим их у нас регулярно уже с наступлением оттепели. В новейшее время в некоторых местностях скворцы начинают перезимовывать, не улетаю на юг, и именно в тех местах, где человек доставляет им возможность пережить тяжелое время зимы.

По всей вероятности, нет птицы живее, веселее и бодрее скворца. Когда он прилетает к нам, погода бывает еще очень пасмурна: с неба падают еще хлопья снега, пропитание скудно, и родина встречает его очень недружелюбно. Несмотря на это, в первые дни он поет всего веселее, радуется своей песней, сидя обыкновенно где-нибудь очень высоко, где он со всех сторон доступен непогоде. Со спокойствием и бодростью мудреца относится он ко всем событиям, и как теперь, так и всегда не теряет своего вечно хорошего расположения духа. Кто знает его, тот должен полюбить его, а кто еще не узнал, тот должен делать все, чтобы привязать его к себе. Он служит лучшим другом человеку и тысячу раз сумеет отплатить за оказанное расположение.

Тотчас по весеннем прилете самцы появляются на возвышенных местах села или города, на колокольнях или вершинах старых деревьев и поют, весело помахивая крыльями и хвостом. Пение их неважное и скорее может быть названо болтовней, чем пением; в нем слышатся несколько неприятных, хриплых нот, но поется оно с таким воодушевлением и весельем, что его слушаешь очень охотно. Интерес к их пению усиливается еще благодаря их известной способности подражать. Чуткое ухо скворца ловит все звуки; он изучает их с рвением и повторяет их самым веселым образом, будет ли это переливчатый свист иволги, пронзительный крик сойки, громкий голос сарыча, кудахтанье кур или шум мельницы, скрип двери или флюгера, щелканье перепела, переливы жаворонка, наконец, все колена пения камышевок, дроздов, варакушек, щебетание ласточек и т.п.

В начале марта наступает пора любви. Самец расточает в это время всю свою любезность, чтобы не потерять самку, носится за ней всюду, с громким криком гоняется за ней и наконец настигает ее на земле. Помещение для гнезда занимается не всегда без боя; в нем устраивается временное ложе. В лиственных лесах скворец выбирает для этого всякого рода дупла; за неимением этого природного ложа для гнезда он селится в строениях; всего же чаще он устраивает свое гнездо в устроенных человеком скворешницах. Последние могут быть выдолбленными кусками дерева от 50 до 60 см высотой и 20 см в поперечнике, заколоченными сверху и снизу дощечками и снабженными отверстием под крышей 5 см в диаметре; или же они могут состоять из ящика той же формы, сколоченного из дощечек, подвешенного к дереву или прикрепленного к шесту или фронтому дома. Ложем беспорядочно устроенного гнезда служит солома и стебли травы, внутренняя же выстилка состоит из перьев гусей, кур и других больших птиц; в случае нужды скворец довольствуется соломой и сеном, а в лесу разного сорта мхом. В конце апреля в гнездо положена первая кладка: от 5 до 6 продолговатых 28 мм длиной, 20 мм шириной яичек, слегка шероховатых, но красивых и глянцевитых, светло-голубого цвета. Насиживает их одна самка. Как только птенцы вылупятся из яиц, оба родителя бывают так заняты их кормлением, что отцу остается мало времени для пения; однако ему удается улучшить часочек. Поэтому и в это время вечером можно видеть почтенных отцов семейств, собравшихся попеть.

При заботах родителей молодым достаточно 3-4 недель, чтобы стать самостоятельными. Они соединяются тогда с другими выводками и уже теперь образуют довольно значительные стаи, носящиеся бесцельно по всей стране. Старики же в это время приступают к выводу нового потомства, и, когда он наконец закончится благополучно, они присоединяются вместе с новым поколением к старым выводкам. Начиная с этого времени скворцы уже более не ночуют на гнездовьях, но прово-

дят ночь или в лесах, или в прибрежных камышах. Наступает конец сентября — стаи скворцов не оставляют своей веселой общественной жизни, но старые пары возвращаются к своим гнездам, поют здесь утром и вечером, как будто бы впереди нет никакой зимы, однако улетают из Германии вместе с молодежью на юг с первыми заморозками и первым снегом на полях. Если погода благоприятствует, они остаются до последней недели октября или начала ноября; после этого отлет скворцов более не задерживается. На зимних стоянках они живут как у себя дома. В Толедо я слышал их пение, раздававшееся с башенок собора, а в Египте они пели сидя на спинах буйволов.

Хотя скворцы приносят иногда значительный вред виноградникам и заметно вредят вишневым садам и огородам, а также и камышовым зарослям из-за поломанных стеблей, когда они налетают массами, но все-таки они приносят так много пользы, что их нужно считать не иначе как лучшими друзьями сельских хозяев. «Ни у какой птицы, — говорит Ленц, — не бывает так удобно наблюдать приносимую ею пользу, как у скворца. Как только вылупятся первые птенцы, родители начинают приносить корм перед полуднем регулярно каждые 3 минуты, после полудня каждые 5 минут, что составляет в продолжение 7 часов до полудня 140 штук жирных улиток (или вместо них столько же саранчи, гусениц и т.п.), после полудня 84 штуки. На двух стариков в час приходится, по моему расчету, по меньшей мере 10 улиток, что составляет 140 штук в 14 часов; в сумме, следовательно, на каждую семью ежедневно приходится 364 взрослых улитки. Когда птенцы вылетят из гнезда, они истребляют еще больше этих улиток. Наступает вторая кладка, и когда и эти птенцы становятся на крыло, они составят семью в 12 штук, каждый член которой истребляет 5 улиток в час, а вся семья съедает ежедневно 840 улиток. У меня в доме, на вышке и под карнизами, а также на близстоящих деревьях устроены 42 скворешницы. Если они все заняты и считать на каждую скворешницу ежегодно семью до 12 птиц, то выходит, что я один из моего жилища ежегодно поставляю на поля стаю из 504 скворцов, которая ежедневно уничтожит и съест целую армию из 35 280 больших, толстых и жирных улиток». Я не буду ни подтверждать, ни оспаривать этого исчисления, но скажу только, что я вполне соглашаюсь с мнением Ленца. Владелец виноградника, конечно, вправе прогонять без пощады и сожаления насевших между его виноградными лозами скворцов. Не менее прав будет садовод, разгоняя их, когда видит в опасности свои редкие растения, служащие украшением или приносящие доход. Что же касается сельского хозяина, то он, наверное, поступит рассудительно, если приласкает и приголубит этих птиц и выстроит им жилища соответственно плану, приведенному выше, так как нет такой другой полезной птицы, которую он мог бы так легко поселить возле себя и развести в желаемом количестве, как тот скворец, который, к счастью, все больше и больше познается нами и приобретает нашу любовь.

Опасными врагами скворцов являются наши большие соколиные породы, в особенности ястреба и перепелятники, также вороны, сороки и сойки, кроме того, куницы, ласки, белки и сони. Первые опасны для взрослых или летающих, последние же для беспомощных птенцов, которых они вытаскивают из гнезд, несмотря на храбрую защиту родителей. Однако сильное размножение скворцов вскоре уравнивает все понесенные потери, а их ум спасает их от опасностей. Так, например, ища корм в поле, они держатся в обществе ворон и галок, но всякое время пользуются таким образом осторожностью последних и улетают при приближении хищника, именно хищной птицы, в то время как храбрые вороны нападают на него. От преследований человека скворцов ограждает их миловидность и еще более их невкусное и малосъедобное мясо. В клетках скворцов держат реже, чем они того заслуживают. Они неприхотливы, как немногие другие птицы, очень умны, в высшей степени понятливы, веселы, живы, склонны к игре и задору, приучаются насвистывать песни, повторять слова и очень привязываются к своему воспитателю. Выживают они в клетках время, почти равное возрасту человека*, и соединяют в себе столько превосходных свойств, как никакие комнатные птицы подобного рода.

* Это, конечно, сильно преувеличено. При содержании в неволе и по данным кольцевания установлено, что максимальная продолжительность жизни скворцов немногим больше 20 лет.

Ближайший родич только что описанного скворца, живущий в Европе, — **розовый скворец** (*Sturnus rosem*). Его голова с длинным висящим хохолком на затылке, шея спереди до груди, спина до начала шеи черные с темным фиолетовым отливом. Крылья, хвост, верхние и нижние кроющие перья хвоста вместе с нижней частью бедра черные со сталью-зеленым отливом. Все остальное оперение розовое. Клюв розово-красный, задняя половинка сильно свешивается вниз. Ноги розовато-бурые. У самки все цвета более матовые, а розовые части заменены грязно-буровато-белыми; нижние кроющие перья с широкими беловатыми каймами. Длина розового скворца достигает 21-23 см, размах крыльев 39-42, длина крыла 12, длина хвоста 7 см.

Розовый скворец принадлежит к числу кочующих птиц, так как в известных областях он иные годы появляется массами, в других же, наоборот, совершенно отсутствует, хотя, казалось бы, в сущности условия и тут и там были одинаковые. Центром его области распространения мы считаем внутренние азиатские степи; отсюда круг его правильного распространения идет в одну сторону до южной России и придунайских низменностей, в другую — до Малой Азии, Сирии и, наконец, на востоке до Монголии и Китая*.

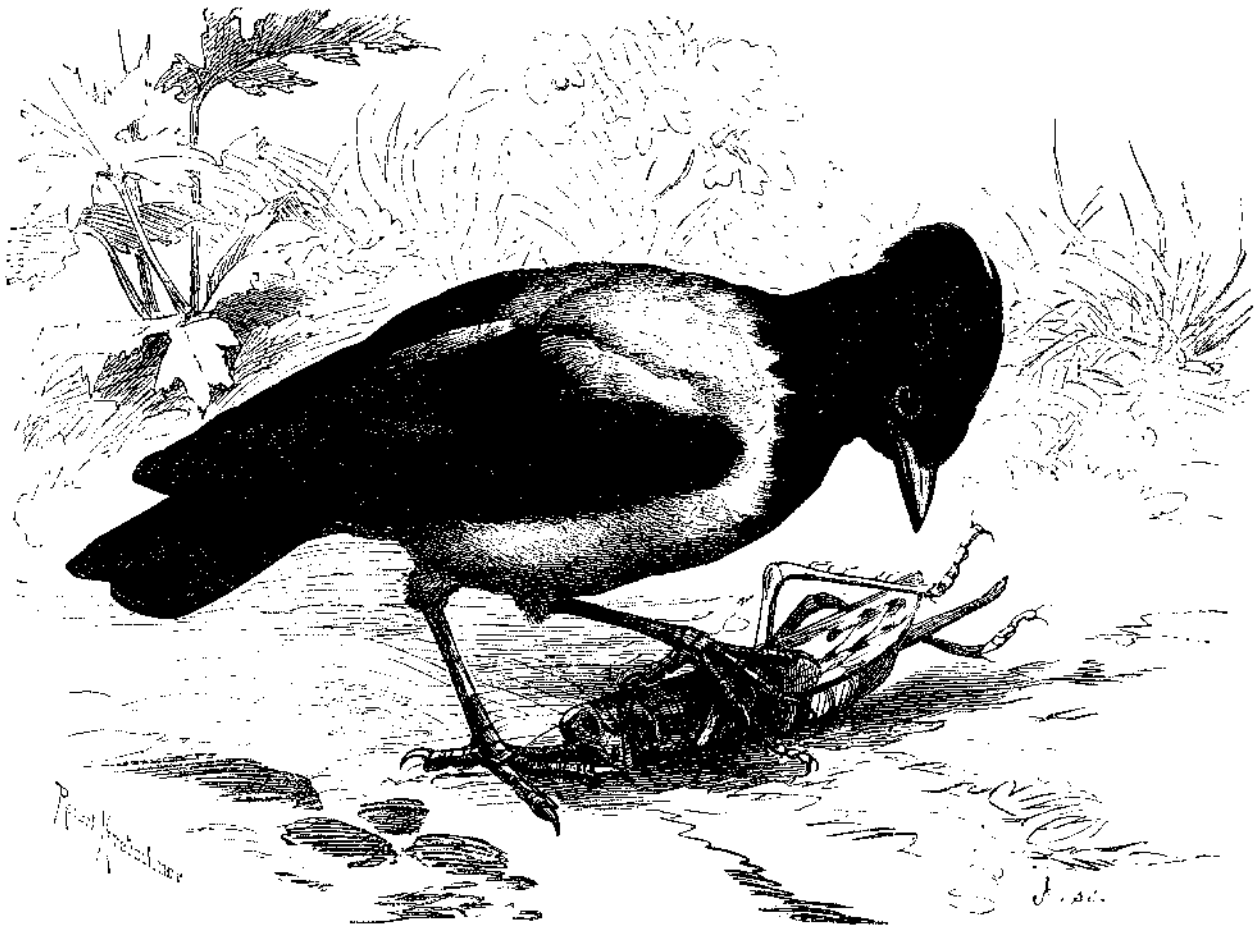
** В Монголию и Китай розовый скворец проникает очень незначительно, только на крайнем западе этих стран по пустынным районам, прилежащим к Монгольскому Алтаю.*

Покидая свои места гнездования, розовый скворец появляется регулярно в Индии и каждый раз одним и тем же путем из Месопотамии через Персию. В Индии, по словам Уайтса, он обыкновенен, за исключением времени от середины мая до начала июля, распространен к востоку до Бенгалии и достигает Цейлона; он, говорят, даже встречается на Андаманских островах. Он посещает, хотя и не ежегодно, Грецию и Италию, Африку же, напротив, чрезвычайно редко.

Поведением своим он, без сомнения, напоминает во многих отношениях нашего обыкновенного скворца, однако во многом от него существенно отличается. Подобно ему, он бегаёт кивающей походкой, всюду засматривая, все обыскивая, точно так же, как и наш домовый и садовый друг, пробежав немного, взлетает и удаляется от стайки своих сотоварищей, занятых отыскиванием корма; затем снова присоединяется к ним — и всем этим придает оживление всей бегающей по земле стае. Полет розовых скворцов похож на полет наших обыкновенных скворцов, только они не летают такой плотной массой, как наши, почему и полет их не такой шумный. Еще более, чем своими движениями, они отличаются вообще своим характером. Они гораздо беспокойнее наших скворцов, облетают ежедневно очень большое пространство, несколько раз в течение дня появляются на одном и том же месте, остаются всегда очень недолго, обыскивают площадь упомянутым образом, поднимаются и летят дальше, чтобы повторить то же, быть может, не менее чем через несколько километров от прежнего места. От времени до времени, особенно после полудня, вся стая с четверть часа и более носится высоко в воздухе, ловя насекомых подобно шуркам. Затем они снова опускаются на землю и ищут корм так усердно, как будто там, наверху, они ровно ничего не нашли.

На лету их красивое оперение заметно очень мало. Розовый скворец, особенно выделяющийся, когда он на земле, кажется бледным, когда он летит, и цвет его можно скорее назвать грязным бледно-белым, нежели розово-красным. К вечеру несколько стай, по всей вероятности, соединяются в одну, так как их видишь тогда сбившимися в кучу из многих сотен птиц, то летающих около определенных мест, то настолько скучившихся на возвышенных пунктах степи, а больше на скалистых хребтах, что один наш выстрел давал нам не менее 25 штук зараз. Немного спустя они в степях летят спать на заросли ив, которыми им приходится довольствоваться за неимением высоких деревьев. На такие места отдыха они несутся со всех сторон с заходом солнца одновременно с пустельгами и кобчиками.

В то время, как соколы еще долгое время играют, летая над верхушками деревьев, прилетающие розовые скворцы немедля исчезают в зелени ив. Никакого крика, как наши скворцы, никакой продолжительной болтовни не издают они; садясь на отдых так же тихо и бесшумно, как они прилетели, они устраиваются на покой, как будто они тотчас же слились с тысячами уже севших и успокоившихся птиц. В этой молчаливости я нахожу значительное отличие их от столь родственных им обыкновенных скворцов; точно так же следует особенно отметить их бесшумное движение крыльями, которое находится в полном соответствии с этой молчаливостью.

Розовый скворец (*Sturnus roseus*)

Этому же соответствует и то обстоятельство, что они только изредка издают тихий призывный крик «сюит» или «хурби» и в пении своем далеко не так старательны, как наши обыкновенные скворцы. Их пение, которое я слышал от птиц, воспитывавшихся у меня в клетке, есть не что иное, как довольно сиплая болтовня, в которой самым явственным звуком является все тот же призывный крик, все же остальные являются скрипящими и крикливыми.

Пищу розовых скворцов составляют всякого рода насекомые, в особенности большая саранча и жуки, кроме того, ягоды и плоды. Как истребитель поистине страшной перелетной саранчи, он приносит такую пользу, что татары и армяне по сие время устраивают особые процессии при его появлении, так как в нем они видят предвестника двигающейся вслед саранчи. По мнению турок, розовый скворец убивает 99 саранчей перед тем, как съесть одну, что в действительности ничего другого не означает, как то, что он больше уничтожает, чем съедает. Пока он, следовательно, приносит пользу, но как только подрастут молодые, эти скворцы опустошительно набрасываются на огороды и в особенности на тутовые плантации и виноградники. Вот почему в Смирне в мае их зовут «священными», а в июле — «дьявольскими птицами». На зимовках они ведут себя совершенно так же, как и на родине. Как здесь, так и там они разыскивают стада и служат им службу, выклеывая докучливых паразитов на животных, зато они часто наносят такие серьезные опустошения в рисовых полях Индии, что вынуждают и против себя выставить охранительную стражу.

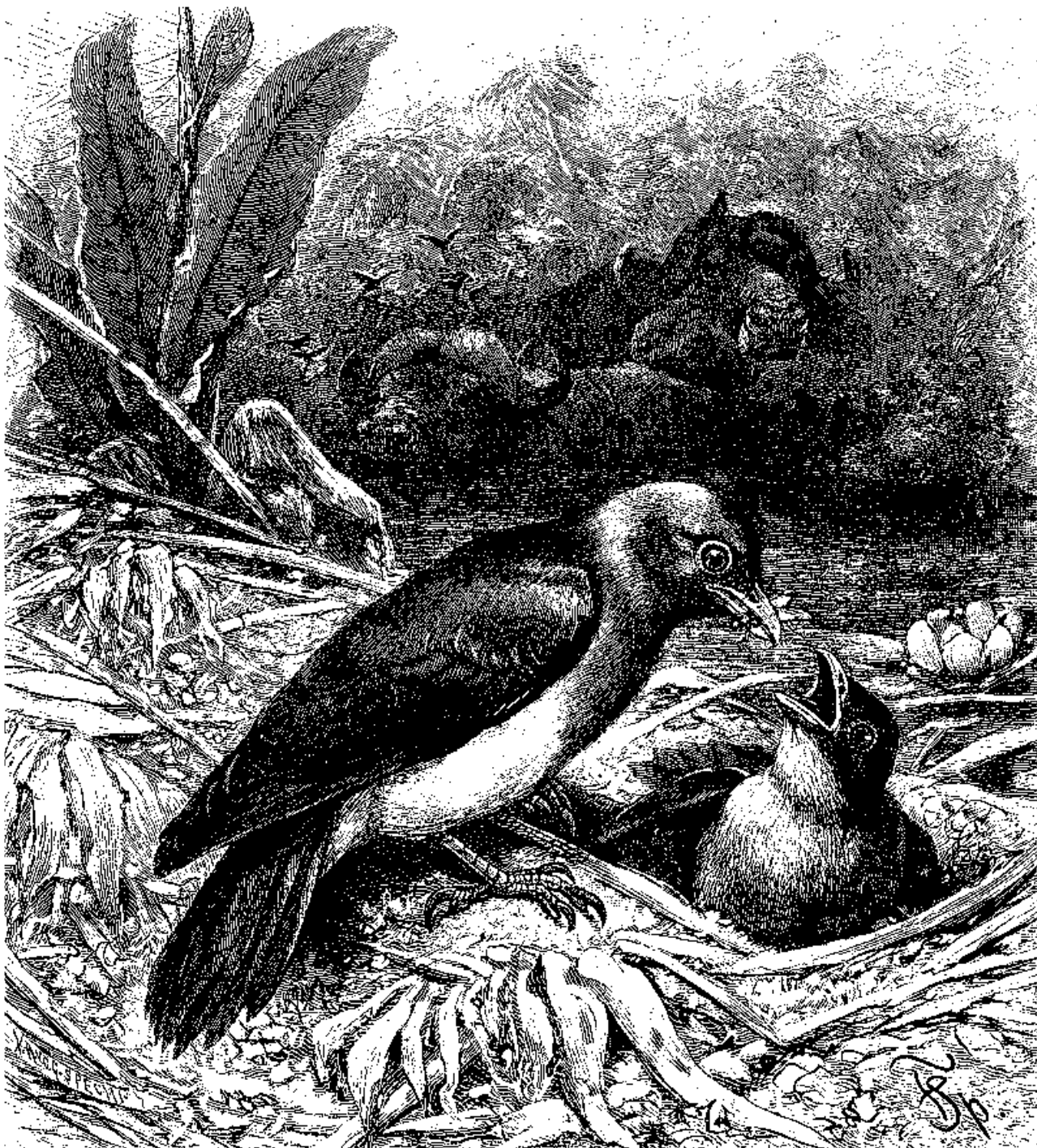
При выборе места для гнездования самым необходимым условием является присутствие воды; поэтому в степи розовые скворцы встречаются исключительно вблизи речек и озер. По обыкновению они кучами налетают на место, предназначенное для гнездовья, большую часть огромными стаями; тысячи и тысячи слетаются к одному месту, и скоро для гнезд не хватает подходящего места, подобно тому как во время прилета на ночевку. Помещением для гнезда служат природныя впадины, всякого рода расщелины и трещины ущелий или стен и также, хотя гораздо реже, дупла деревьев. Так как все подходящие места скоро бывают заняты, то опоздавшие скворцы устраиваются в поленищах дров, на камнях или в хворосте, пряча куда-нибудь свое гнездо или просто устраивая его сверху, как в местах защищенных, так и вполне открытых. Одно гнездо лежит вплотную к другому, и ни одно из них не устраивается сколько-нибудь заботливо. Так как, кроме того, хищные зверьки, часто посещающие такие гнездовья в поисках яиц и птенцов, еще больше разворшат эту

беспорядочную кучу, то такое гнездовье выглядит беспорядочнее, чем какое бы то ни было жилище других птиц.

Бэтта замечает, что розовый скворец так же скоро приручается в клетке, как и обыкновенный скворец, и проявляет столько же веселости и подвижности. Я не могу с этим согласиться и считаю розового скворца, на основании моих исследований над пойманными экземплярами, одной из довольно скучных птиц. Особенно жаль, что красивое оперение его, несмотря на самый заботливый уход, вскоре бледнеет до тусклого бледно-красного цвета.

Буйволовые скворцы, или буйволовые птицы (*Bitphagus*), отличаются от всех остальных скворцов строением их клюва и ног и существенно своим образом жизни. Они плотно сложены; клюв их сильный, у основания широкий и округленный, по вершине слегка согнут, загнут у конца, и верхняя половина его встречается с нижней под тупым углом. Ноги с короткой плюсной, но плотные, с длинными пальцами, вооруженными сильно согнутыми, острыми, сдавленными с боков когтями. Крылья длинные, конец их образуется третьим маховым пером. Хвост широкий и клинообразно заострен, подобно хвосту дятла. Оперение рыхлое и как бы расчесанное. Кожа очень толстая.

Наиболее известен **буйволоный скворец, или волоклюй** (*Buphagus erythrorhynchus*). Сверху он оливково-бурого цвета, по бокам головы, на подбородке и горле светлее, снизу светло-бледно-ржаво-желтого цвета. Маховые и нижние кроющие перья крыльев темно-бурые. Радужная оболочка и голый глазной ободок золотисто-желтые. Клюв светло-красный. Ноги бурые. Длина достигает 21 см, размах крыльев 33, длина крыла 11, длина хвоста 9 см.

Буйволово́ый скворец (Buphagus erythrorhynchus)

Область распространения буйволового скворца обнимает всю среднюю Африку. То там, то здесь он живет в сообществе со своим сородичем. Я часто встречал его в Богосе и могу сообщить о его образе жизни на основании собственных наблюдений*.

** Буйволово́ые скворцы гнездятся в дуплах деревьев, расщелинах скал, норах береговых обрывов, в нишах строений. Гнезда из сухой травы, выстланные волосами и шерстью млекопитающих. В кладке 3—5 голубоватых яиц.*

Буйволового скворца встречаешь маленькими стайками из 6-8 штук, почти исключительно поблизости от больших млекопитающих, без которых он, по-видимому, совсем не может жить. Они следуют за стадами пасущихся коров или верблюдов или сидят на некоторых из них, обыкновенно на каком-нибудь одном животном. Из сообщений некоторых южноафриканских путешественников мы узнаем, что точно такую же услугу, как и стадным животным, они оказывают слонам и носорогам. По Левальяну, они садятся и на антилоп, следовательно, по всей вероятности, вообще на всех больших млекопитающих. Они посвящают свою деятельность именно тем животным, на которых встречаются поранения, привлекающие мух. Поэтому абиссинцы ненавидят этих скворцов, думая, что они своим клеванием только растрavляют и не дают заживать натертым местам. На самом деле их просто привлекают налившиеся кровью клещи и личинки различных слепней и оводов, которые

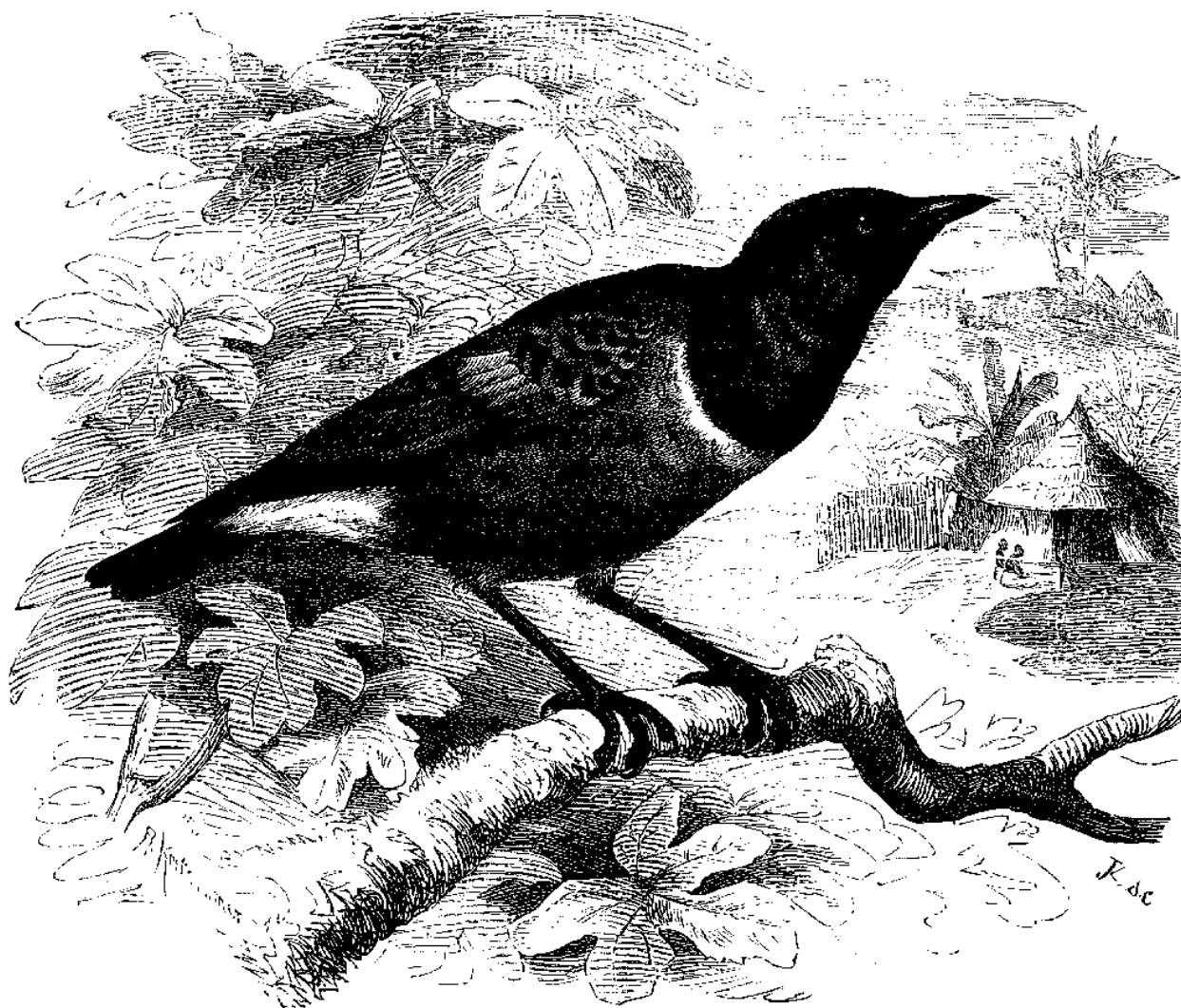
скрываются под кожей животного. Последних скворцы ловко вытаскивают из их ячеек, первых же склевывают со всех частей тела. Разумные животные, которые знают скворцов еще смолоду, вовсе не выказывают неудовольствия по поводу такого поведения птиц; наоборот, они скорее относятся к ним с истинным дружелюбием и позволяют им делать свое дело сколько угодно, не отмахиваясь от них даже хвостом. Напротив, те животные, которые не знают еще скворцов, носятся как бешеные, когда почувствуют на себе сидящих птиц, прилетевших с лучшими намерениями. Так, Андерсон рассказывает, как в южной Африке однажды утром его упряжные быки начали выделывать самые уморительные прыжки и пришли в дикое смятение, когда их посетила стайка буйволовых скворцов. Тяжело пораненные лошади, в особенности те, у которых стерта спина, а также ослы и верблюды, раны которых начинают заживать, точно так же стараются освободиться от скворцов и согнать их, большею частью, конечно, безуспешно, быстрыми скачками, подергиванием кожей, ударами хвоста и валяясь по земле. В этом случае они, пожалуй, на самом деле могут быть замучены скворцами и, может быть, приостановят заживление своих ран.

Курьезное зрелище представляет собой лошадь или верблюд, покрытые красноклювыми буйволовыми скворцами. Эренберг совершенно прав, говоря, что эти птицы лазают по животному, как дятлы по деревьям. Скворец умудряется достать всякое место на теле животного. Он подвешивается под брюхом между ногами, лазает по нему то головой вверх, то вниз, прицепляется даже к половым частям, садится на спину, на нос — короче, досконально обыскивает все тело. Мух и оводов он ловко снимает прямо с кожи, засевших в ней личинок вытаскивает из-под нее. Однако, что бы он ни делал, животные остаются спокойными, так как они знают, что временная боль от клевания птицы приведет лишь к их пользе.

Со своей стороны буйволовые скворцы доверяют только животным, в отношении же человека они держат себя очень осторожно. При приближении его, в особенности незнакомого, вся компания, насевшая на животное, быстро вскарабкивается на спину, усаживается там и внимательно наблюдает за приближающимся. Все птицы, каких я видел, не подпускали меня ближе 40 шагов. Обыкновенно они слетают гораздо раньше, взвиваются сначала кверху, отлетают легким полетом, широко распутив крылья, часто на небольшое расстояние и возвращаются назад, описав в воздухе большую дугу. Если они чуют опасность, они уже не опускаются вторично на животное, но садятся всегда на какое-нибудь возвышенное место, большею частью на высокую каменную глыбу. Я никогда не видел их сидящими на деревьях. Несомненно, что дико живущие животные постепенно приучаются обращать внимание на предостережение буйволовых скворцов.

Относительно размножения и гнездования их я ничего узнать не мог, и вообще образ жизни этих странных птиц еще требует дальнейших наблюдений.

Великолепный скворец (*Spreo super bus*). Длина его достигает 21 см, размах крыльев около 37, длина крыла 11,6. длина хвоста 6,5 см. Верхняя часть головы и затылок черные, со слабым золотистым отливом. Верхняя часть тела, горло, передняя часть шеи и зоб сине-зеленые, остальные нижние части прекрасного коричневого цвета, отделенные длинным и тонким белым перехватом от верхней грудки. Нижние части крыльев и кроющие перья хвоста обыкновенно украшены круглыми бархатистыми пятнами, образующими две поперечные полоски. Глаза белые, клюв и ноги черные.

Великолепный скворец (*Spreo superbus*)

Область распространения этой прекрасной птицы, насколько известно, ограничивается восточной Африкой от 8 градуса северной широты до 7 градуса южной. Над образом жизни ее нет подходящих наблюдений, но из всего известного о ней можно заключить, что она в существенных чертах сходна с другим, более северным родичем, **медным блестящим скворцом** (*Lamprotornis curvicauda*). Оба вида представляют собой пастушьих птиц, которые всегда, когда возможно, сопутствуют стадам рогатого скота и овец или по меньшей мере держатся там, где стада паслись. Стая этих птиц, по моим наблюдениям, облетает в продолжение дня довольно большое пространство, то собираясь на различных деревьях, то вновь летая врассыпную. В ранние утренние или вечерние часы вся стая садится на одно из более высоких деревьев, и самцы начинают петь свою утреннюю или вечернюю песню. В полдень эти птицы прячутся и сидят спокойно в ветвях деревьев, в остальное же время дня они без усталости летают с места на место. Походка их напоминает походку дрозда, с которым они сходны еще и тем, что в случае преследования отлетают всегда на недалекое расстояние, прячутся в кусты, поджидают своего преследователя и снова повторяют то же, если он приближается. Все время, пока они ищут корм, все общество ни на минуту не пребывает в покое. Всякий старается перекричать другого, и даже на лету все до одного из летящей стаи несутся с громким, не особенно приятным криком. Их оживленный нрав скоро обнаруживает их присутствие; однако они умеют очень ловко и осторожно избегать охотников и становятся очень пугливы, если заметят преследование. Пища обоих вышеописанных видов в сущности та же, что и других птиц их рода, но оба этих вида отличаются тем, что предпочитают преследовать различных насекомых, в особенности привлекаемых стадами. Относительно размножения великолепных скворцов мы также не имеем сведений; напротив, гнезда медных скворцов были найдены Гейглином в степях и, по его описанию, были устроены так же, как гнезда других скворцов. В сентябре или октябре находят в них 3 или 4 яичка почти 25 мм длиной и 18 мм шириной. Основной нежный тон их зеленовато-голубого цвета или зеленого цвета медянки покрыт буровато-серыми, фиолетово-бурными и ржаво-бурными пятнами, гуще к тупому концу.

Священная майна (*Gracula religiosa*). Ее длина достигает 26 см, размах крыльев 50, длина крыла 15, длина хвоста 7 см. Оперение густого черного цвета; края перьев головы и шеи темно-фиолетовые, остальное же оперение отликает металлическим зеленым цветом. Основание малых маховых перьев белое и образует на крыльях ясную перевязь. Позади каждого глаза начинается ярко-желтый кожистый нарост, тянется над ухом, утолщается в этом месте и узкой полоской прикрепляется к темени. Другое пятно, такое же голое и так же окрашенное в желтый цвет, находится под глазом. Клюв оранжевый, ноги желтые, глаза темно-карие.

Священная майна (*Gracula religiosa*)

Майны живут в гористых, заросших лесом областях южной Индии и Цейлона. Они очень многочисленны в Гатских горах и на других высотах до 1000 м над уровнем моря, но не распределяются по местности равномерно, так как в известных местах они появляются весьма регулярно, тогда как в других совершенно отсутствуют. Они встречаются обыкновенно небольшими стаями из 5 или 6 штук, во время же холодов попадают и многочисленные стаи, Семейство скворцовые 681 которые всегда предпочитают ночевать целыми обществами в бамбуковых чащах по берегам горных рек.

На свободе они питаются исключительно плодами и ягодами и поэтому посещают все места с соответствующим кормом, не всегда к удовольствию их владельцев. Майны очень живые, умные и подвижные птицы, больше всего напоминающие своим поведением и характером нашего скворца. Пение их богато тонами, полное перемен и располагающее к себе, хотя и включает в себе несколько неприятных звуков. Они в высшей степени обладают искусством звукоподражания, поэтому их часто приручают, и если птица исполняет что-нибудь необыкновенное, за нее уже в Индии или на Яве платят от 200 до 300 марок. Они быстро привыкают к своему хозяину, свободно летают по всему дому или наружу, большую часть своей пищи отыскивают сами, дружат с домашними животными и восхищают всякого своим веселым характером, своею понятливостью и переимчивостью. Любители уверяют, что последним качеством они превосходят всех попугаев. Они выучиваются не только точно перенимать тон человеческого голоса, но заучивают, подобно говорливому попугаю, целые фразы, научаются насвистывать песни, даже петь их, не обладая при этом ни одним неприятным качеством попугая. Не все майны, однако, обнаруживают подобные таланты. Я знал некото-

рых, которые действительно прекрасно и без устали говорили, относительно же большинства других мог только убедиться, что они сначала кричат или издают раздражающие ухо звуки, позднее же, наоборот, в такой же мере безмолвны и ленивы, едят не переставая, наедаются и превращаются тогда положительно в какую-то массу и, наконец, окончательно жиреют. При всем том они недружелюбно и задорно относились к другим птицам, обижали своих товарищей по неволе, безобразно пачкали клетку и истощали личное терпение самого усердного и заботливого любителя.

Семейство иволговые

Обыкновенная иволга (*Oriolus oriolus*) принадлежит к семейству иволговых, состоящему из 75 видов*, распространенных в восточном полушарии и в особенности под тропиками.

** Согласно современным представлениям, в семействе иволговых 28-34 вида, объединяемых в 2 рода.*

Наша иволга окрашена в красивый ярко-оранжевый или желтый гуммигутовый цвет. Уздечка, плечи и кроющие перья крыльев у нее черные. Маховые перья черные и снабжены узкими и длинными белыми каймами, задние малые маховые оторочены узкими каймами желтоватого цвета, большие кроющие перья на конце желтые, хвостовые перья черные и оканчиваются желтой полосой, которая на двух средних суживается до ширины рубчика. Самки, птенцы и однолетние самцы сверху желтовато-зеленые, снизу серовато-белые, перья их с черными стержнями, на брюхе чисто белые, на бедрах и нижних кроющих перьях хвоста ярко-желтые. Маховые перья черновато-оливковые и снабжены бледными беловатыми каймами; перья хвоста желтовато-оливково-зеленые на конце, изнутри украшены желтыми пятнами. Глаза карминово-красные. Клюв грязно-красный, у самок и молодых черновато-серый. Ноги свинцово-серые. Длина достигает 25 см, размах крыльев 45, длина крыла 14, а хвоста 9 см.

Иволге в Германии дали подходящее название троицной птицы, так как она впервые появляется там в первой половине мая. Это наш летний гость, который только короткое время пребывает на родине и уже в августе улетает оттуда. Это показание одинаково для всей Европы, за исключением Дальнего Севера и даже большей части западной Азии; эти местности и следует рассматривать как отечество иволги; однако Вальтер говорит, что она попадает и в Туркмении, хотя, вероятно, там не гнездуется. Во время зимнего перелета она встречается по всей Африке, включая Мадагаскар. Своим местопребыванием она избирает лиственные леса, в особенности на равнинах. Дуб и береза — деревья, на которых она держится, и рощи, состоящие из них, являются поэтому ее любимыми местами. Одного дуба среди других деревьев достаточно, чтобы иволга поселилась, а одной кучки дубов в парке достаточно, чтобы не бояться преследований человека. После березы и дуба она больше всего любит черный и серебристый тополь, вяз и ясень. Точно так же она попадает и в хвойных лесах, особенно в сосновых, но это только в том случае, если поблизости нет дуба или березы. На высоких горах она не встречается.

Иволга одинаково напоминает как дроздов, так и мухоловок, иногда и сивоворонок, однако от всех них имеет известные отличия. «Это, — говорит Науман, — пугливая, дикая и непостоянная птица, которая, живя часто поблизости от человека, все-таки старается ускользнуть от его взора. Она скачет и прыгает всегда в самых густолиственных деревьях, редко остается долго на одном и том же дереве и еще реже на том же сучке, беспокойно летая то туда, то сюда. Только в очень редких случаях она посещает низкие кустарники и еще того реже спускается на землю. Если это случится, она остается ровно столько времени, сколько нужно для того, чтобы поймать насекомое или что-нибудь в этом роде. В исключительных случаях она делает несколько неуклюжих, тяжеловатых прыжков, так как она никогда не ходит шагая. Иволга — очень смелая и драчливая птица. Она постоянно дерется и гоняется за другими иволгами и даже ссорится с другими птицами — словом, никогда не бывает в бездействии, и в особенности в пору размножения. Полет ее с виду тяжеловатый, шумящий, но довольно быстрый и похож на полет скворца, когда иволга, перелетая большое пространство, описывает большие, ровные дуги или мелкие змеевидные линии; небольшие пространства она пролетает по прямой линии то плавно, то перепархивая. Она летает охотно, далеко и много, и часто можно видеть, как одна целые четверть часа гоняется и неустанно преследует другую».

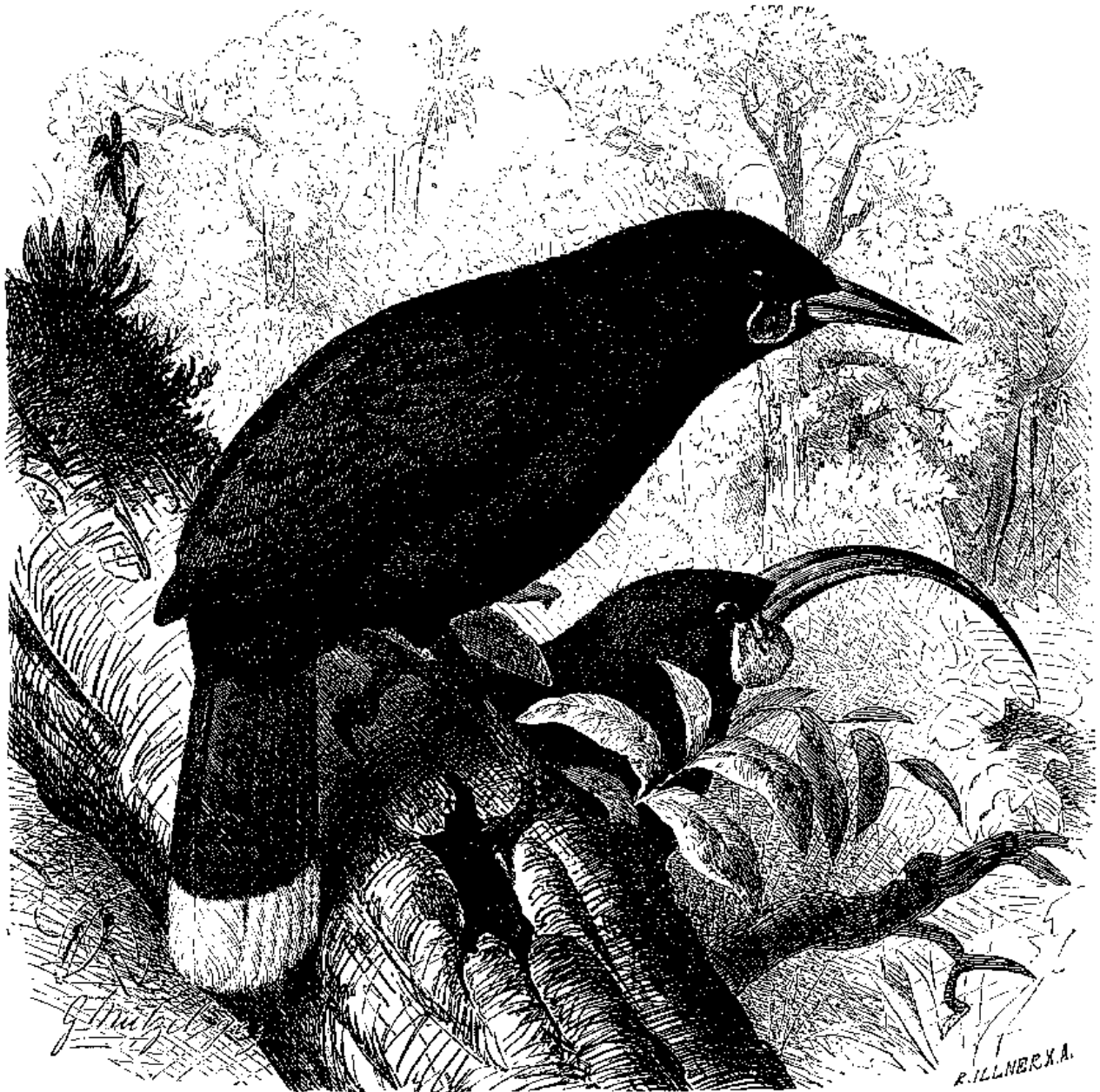
Голос самца, который мы рассматриваем как пение, полнозвучен, громок и необыкновенно благозвучен. Латинское и немецкое название этой птицы являются названиями звукоподражательными. Иволга повсюду приятный и дорогой гость. Она принадлежит к числу прилежнейших певцов нашего леса. Уже перед восходом солнца слышится ее пение и длится с небольшими перерывами вплоть до полудня; на закате она снова поет. Даже в пасмурные дни она поет громко и весело, чего не делают другие птицы. Одна пара иволог способна оживить целую рощу.

Немного спустя после своего прилета иволга приступает к устройству искусного гнезда, которое она привешивает между развилинами какой-нибудь длинной ветви. Гнездо вьется из полувисохших травянистых листьев, стеблей и усиков, из крапивных волоконцев, из пеньки, шерсти, бересты, мха, паутины, коконов гусениц и тому подобного материала. Строится же оно наподобие глубокой чашки и набивается внутри мягкими метелками травы или шерстью и перьями. Для своего гнезда иволга обыкновенно выбирает высокие деревья, хотя может случиться, что устроит свое гнездо сравнительно низко: на высоте человеческого роста. Сначала при помощи слюны к сучку приклеиваются длинные нити и несколько раз обматываются вокруг него, пока не получается остов всей постройки, остальной же материал ткется и вплетается потом. Постройка гнезда ведется сообща и самцом, и самкой, и только внутренняя выстилка устраивается, по-видимому, одной самкой. В начале июня самки кладут от 4 до 5 гладких, глянцевитых яицек, которые птицы принимаются усердно высидывать. Светло-белый фон таких яицек покрыт пепельно-серыми и красновато-чернобурыми точками и пятнышками. В это время птиц трудно отогнать от их жилища, так как и самец и самка необыкновенно привязаны к своему гнезду. В полуденные часы самец сменяет сидящую на яйцах самку, и она, в полном смысле, носится по окрестности, чтобы, насколько это возможно, скорее позаботиться о своей пище. Через 14—15 дней вылупляются птенцы и с той же поры начинают требовать корма своеобразным писком «иудди, иудди». Они быстро вырастают, линяют еще в гнезде и вылетают из него, таким образом, уже не в юношеском оперении. Если разорить у парочки иволго ее гнездо, пока в нем лежат еще яйца, она устраивает гнездо вторично, но если у нее похитят птенцов, птицы не выводят их вторично.

Пищу иволго составляют различного рода насекомые, но преимущественно гусеницы, бабочки и червяки, а иногда и спелые вишни и ягоды. Иволги едят много и поэтому могут быть очень вредными для плодовых деревьев. Но польза, которую они оказывают во всем остальном, превышает наносимый ими вред опустошением в садах. Они заслуживают скорее покровительства, нежели преследования, которое они, к сожалению, испытывают уже благодаря красоте их оперения.

Семейство гуйи

Разноклювая гуйя (*Heteralocha acutirostris*) имеет более или менее развитые, пестрые кожистые лопасти у основания клюва. Гуйя отличается от своих ближайших родичей и всех известных птиц главным образом тем, что клюв самки существенно разнится от клюва самца. У этого последнего он длиною с голову, на верхушке почти прямой, в ширину плоско скруглен, у основания высокий, по сторонам сильно сжат, в общем равномерно утончающийся к концу. У самки же, напротив, он по крайней мере вдвое длиннее, чем у самца, сильно сужен и вытянут в сильно изогнутый книзу кончик; при этом верхняя часть клюва длиннее нижней, так что свешивается над нею. Длиннопалые лапы с высокой плюсной снабжены чрезвычайно большими, сильно выгнутыми когтями; крылья длинные, но округленные; хвост средней длины, широкий, отлого скругленный. Кроющие перья густые, с небольшим блеском. Самец достигает в длину около 48 см, самка 50; длина крыльев как у того, так и у другой около 20 см; длина клюва у самца 4, а у самки 9,6 см. Оперение, за исключением широких белых краев и рулевых перьев, одноцветное черное со слабым зеленоватым отливом; глаза темно-бурые; клюв белый, цвета слоновой кости, у корня черновато-серый; большие угловатые лопасти у рта оранжевого цвета; ноги темные, сине серые. Птенцы отличаются от взрослых птиц только красноватым налетом на конце хвоста и белыми каемками на нижних кроющих перьях хвоста. Маори называют эту птицу «гуйя».

Разноклювая гуйя (*Heteralocha acutirostris*)

Несмотря на все внимание, которое уделяли этой птице, очень известной туземцам Новой Зеландии, все европейские орнитологи, сведения о жизни на свободе гуйи еще крайне скудны. Ограничивая свое местопребывание немногими местностями Новой Зеландии, да и там становясь год от года все более и более редкой птицей, гуйя дает исследователям весьма мало случаев для тщательных наблюдений. Она живет больше на земле, чем на ветвях, двигается необыкновенно быстро большими прыжками, при малейшем шуме или приближении человека с возможною поспешностью убегает в густые кусты или в лес и скрывается здесь обыкновенно от всяких преследований. Этим вполне объясняется недостаток сведений о жизни на свободе гуйи, а равным образом и то, что все собранные до сих пор наблюдения делались исключительно над пленными птицами.

Наконец эти птицы были живыми доставлены в Лондон, но, насколько мне известно, никаких сведений об их образе жизни не обнаружено, так что при описании этой птицы мне приходится ограничиться сообщениями Буллера, который в продолжение нескольких дней ухаживал за ними. Замечательна в них та легкость, с какою эти, столь пугливые на свободе птицы привыкают к неволе. Через несколько дней после поимки они сделались уже совершенно ручными и, по-видимому, мало сокрушались об утраченной свободе. Уже на следующее утро, после того как их получил Буллер, они с жадностью набросились на еду и на воду, держались бойко, развязно и даже стали играть друг с другом. Движения их как на земле, так и на ветвях были грациозны и привлекательны; особенно красиво выглядели они, когда веерообразно распускали свои хвосты и, нежно, ласково щебеча, миловались своими белыми, как слоновою костью, клювами. Этими последними они

все выскивали, выкапывали и выдалбливали. Найдя, что обои их комнаты не слишком крепко держатся на стенах, они стали отдирать одну полосу за другою и в короткое время оголили все стены.

Но всего замечательнее казались Буллеру те приемы, которыми гуйи помогали друг другу при добывании пищи. Так как в желудке убитого экземпляра нашли различных земляных червей, личинок майских жуков, а также семена и ягоды, то Буллеру пришла мысль положить в их комнату прогнивший чурбан, в котором гнездилась масса больших жирных личинок насекомого, называемого «хуху». Чурбан тотчас же обратил на себя внимание птиц; они попробовали клювом мягкое дерево и деятельно принялись долбить гнилой чурбан до тех пор, пока не добрались до скрывавшихся в нем личинок или куколок вышеназванных насекомых. Особенно деятельностью отличался при этом самец, так как он долбит по способу дятлов, тогда как самка расследовала своим длинным, гибким клювом и утилизировала все те местечки, которые из-за твердости дерева были недоступны для самца. Буллер видел, как самцу, напрасно потрудившемуся над тем, чтобы вытащить из пустого места личинку, приходилось не раз уступать место самке, которая легко присваивала себе добычу, добровольно уступленную ей самцом. Вначале оба питались только личинками хуху, но с течением времени они привыкли и к другому корму, так, что впоследствии с такою же охотою ели картофель, рис и сырое, разрезанное на мелкие кусочки мясо. Они часто подходили к чашке с водой, но всегда лишь для того, чтобы напиться, а не купаться. Их обычный призывный голос состоял из нежного, ясного свиста, который сначала они выпускали протяжно, а затем прерывающимся звуками; иногда он звучал высокими нотами, иногда очень нежными или же переходил в тихое карканье, а порой поразительно походил на плач маленьких детей.

Относительно размножения Буллер мог привести только сообщения туземцев, из которых мы узнаем, что эта птица вьет гнезда в дуплистых деревьях и кладет мало яиц*.

** В нашем веке выяснено, что гуйи гнездились не в дуплах, а на ветвях деревьев, где строили рыхлые гнезда. Кладка содержала 2-3 серо-бурых яйца с темными пятнами, насиживание длилось 20-21 день. Питались различными древесными насекомыми.*

Главную причину редкости гуйи и постоянно прогрессирующей убыли их следует искать в том, что туземцы, употребляющие перья этой птицы в качестве головного украшения, всячески стараются ловить их где и когда только возможно. По всей вероятности, новозеландские исследователи не безосновательно высказывают свои опасения, что вследствие такого пристрастия маори к перьям гуйи эта в высшей степени замечательная птица рано или поздно разделит участь других пернатых родичей своего отечества, т.е. со временем будет совсем истреблена*.

** К великому сожалению, это пророчество Буллера оправдалось. Вырубка лесов, в которых жили гуйи, и непрерывное уничтожение птиц привели к тому, что этот вид вымер в начале нашего века. Последний раз группу птиц наблюдали в 1907 году.*

Семейство сорочьи жаворонки

Снегиревая сойка (*Struthidea cinerea*) почти одноцветной буровато-пепельно-серой окраски; тонкие перья головы, шеи и груди имеют немного более светлые кончики; хвостовые перья дымчато-бурые с металлически-блестящими наружными каемками. Радужная оболочка глаза перлово-белого цвета; клюв и ноги черные. Длина птицы 30 см, длина крыльев 15, а хвоста 17 см.

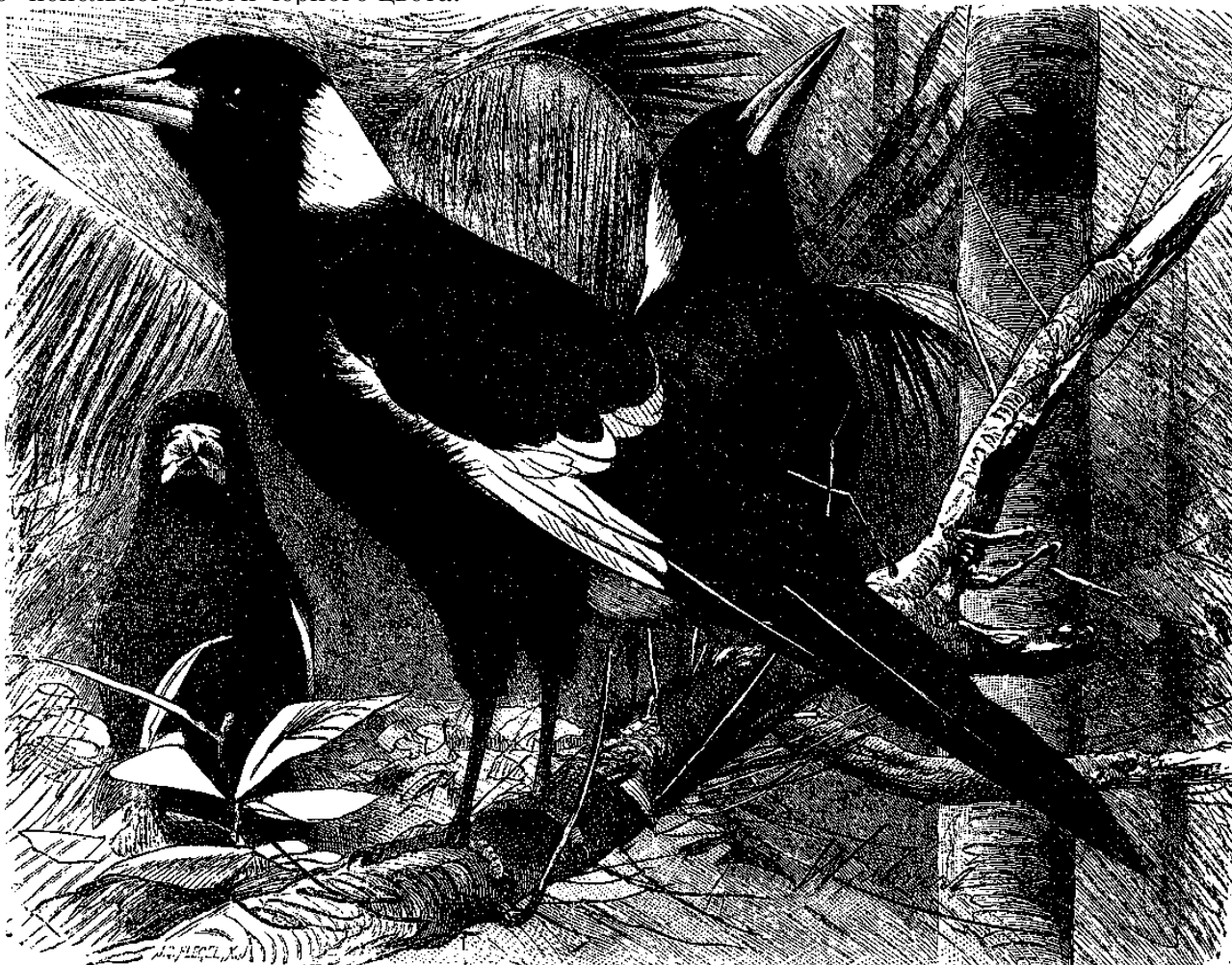
О жизни на свободе снегиревой сойки имеются весьма скудные сведения. Гульдт, рассматривающий эту птицу, как выдающееся явление пернатого царства Австралии, встречал ее во внутренних областях южных и восточных частей Австралии, а именно в хвойных лесах, большею частью группами в 3-4 штуки; они быстро и беспокойно сновали по ветвям вершины дерева, распускали по временам крылья и при этом издавали сильные, неприятные звуки. В общем, впрочем, они ведут себя как врановые и питаются насекомыми. Жильберт нашел гнездо этой птицы в маленькой кустарниковой роще на горизонтально росших ветвях дерева. Оно состоит из ила, внутри выстлано травой и заключает в себе 4 яйца 30 мм длиной и 22 мм толщиной с белой скорлупой, покрытой красновато-бурыми, пурпурово-бурыми и мелкими серыми пятнышками, особенно на толстом конце.

Семейство флейтовые птицы

Австралийская область — родина певчих ворон. Тут они живут в подходящих местах, необыкновенно проворно бегая по земле, не менее ловко двигаясь по ветвям, но не особенно легко и уверенно летая. Маленькие животные различных классов, особенно кузнечики, мелкие позвоночные, плоды, зерна и семена составляют их пищу. «Мало птиц, — говорит Гульд, — которые были бы так изящны и так мило оживляли бы страну, где они появляются, как эти вороны, или ловкостью своих движений на земле и над нею, или своими громкими, звонкими, напоминающими флейту криками, которые они издают сидя или летая». Большею частью они летают стаями от 4 до 6 штук, ве-

роятно, семействами, состоящими из родителей и птенцов. Гнезда их делаются из прутьев и наполняются травой и другими подходящими материалами. Они кладут 3-4 яйца. Птенцы, которые выкармливаются и очень храбро защищаются обоими родителями, уже после первой линьки получают цветные перья.

Ворона-свистун (*Gymnorhina tibicen*), появившаяся в новейшее время во всех зоологических садах, ближе всего подходит по величине к грачу. Ее длина 43 см, длина крыла 27, длина хвоста 14 см. Перья главным образом черного цвета, но затылок, спина, верхние и нижние покровные перья хвоста и передние покровные перья крыла белые. Глаза красновато-орехового цвета; клюв коричнево-пепельного; ноги черного цвета.

Ворона-свистун (*Gymnorhina tibicen*)

По Гульдцу, эта птица особенно часто встречается в Новом Южном Уэльсе и в высшей степени бросается в глаза. Она очень украшает равнины, в которых ее не преследуют и не истребляют, залетает в сады колонистов, а при некотором снисхождении посещает даже жилища и на оказанное ей покровительство отвечает величайшею доверчивостью. Ее пестрое оперение радует зрение, а ее оригинальное утреннее пение — слух. Любимые ею места пребывания — открытые местности с группами деревьев; поэтому она предпочитает внутренние страны береговым. Пища ее состоит главным образом из саранчи, которой она истребляет страшное количество. В августе начинается период размножения и продолжается до января, так как каждая парочка два раза высиживает птенцов. Круглое и открытое гнездо строится из прутьев и листьев и заполняется мягкими веществами, какие только она находит. Гульд не мог добыть яиц, которых бывает 3 или 4*, но зато он описывает яйца другого вида, очень похожего на этот.

** В кладках певчих ворон бывает от 3 до 5 яиц.*

Они имеют на тускло-голубовато-белом фоне, нередко переходящем в красный, большие бурокрасные или светло-каштановые пятна, испещряющие яйцо в виде зигзагов.

Когда Гульд путешествовал по Австралии, пойманная ворона была большой редкостью; в настоящее же время мы часто получаем ее живой. Она находит много поклонников. Даже безмолвствуя, она обращает на себя внимание, но особенно привлекательна она тогда, когда начинает свои странные песни. Я слышал ворон, которые пели удивительно хорошо; но наблюдал многих других, которые издавали только несколько тонов, образующих подобие фуги. Каждая отдельная нота их

пения полная и чистая; только в конечной строфе обыкновенно слышится скорее сопение, чем флейта. Говоря другими словами, эти птицы хорошие исполнители, но очень плохие композиторы и, кроме того, часто портят свое пение всевозможными причудами, приходящими им в голову. Они в высшей степени переимчивы и без труда заучивают песни, не обращая внимания на то, кто их исполняет — певчая ли птица, шарманка ли, или какой-нибудь другой инструмент. Многие вороны, которых я мог наблюдать, примешивали к своему пению знакомые, особенно любимые народные мотивы, которые они слышали, по всей вероятности, от матросов во время переезда по морю. Знакомых своих они неизменно встречают пением, а друзей даже с некоторого рода нежностью. Но их дружбу еще легче потерять, чем приобрести, потому что эти вороны, по моему собственному опыту, очень задорные и вспыльчивые, даже мстительные существа, так что при самом незначительном поводе они часто пускают в дело очень чувствительным образом свой клюв. Разъяренные, они поднимают перья, распускают крылья и хвост и, подобно рассерженному петуху, бросаются на нарушителя их спокойствия. С подобными себе они тоже живут постоянно в ссоре и драке, а на других птиц нападают с кровожадностью.

Содержание их в клетке не представляет затруднений. Для них во всяком случае необходимо мясо, хотя они довольствуются и растительной пищей. Мясо, хлеб и плоды составляют главный их корм. К погоде они не очень чувствительны и могут без опасности зимой оставаться на свободе.

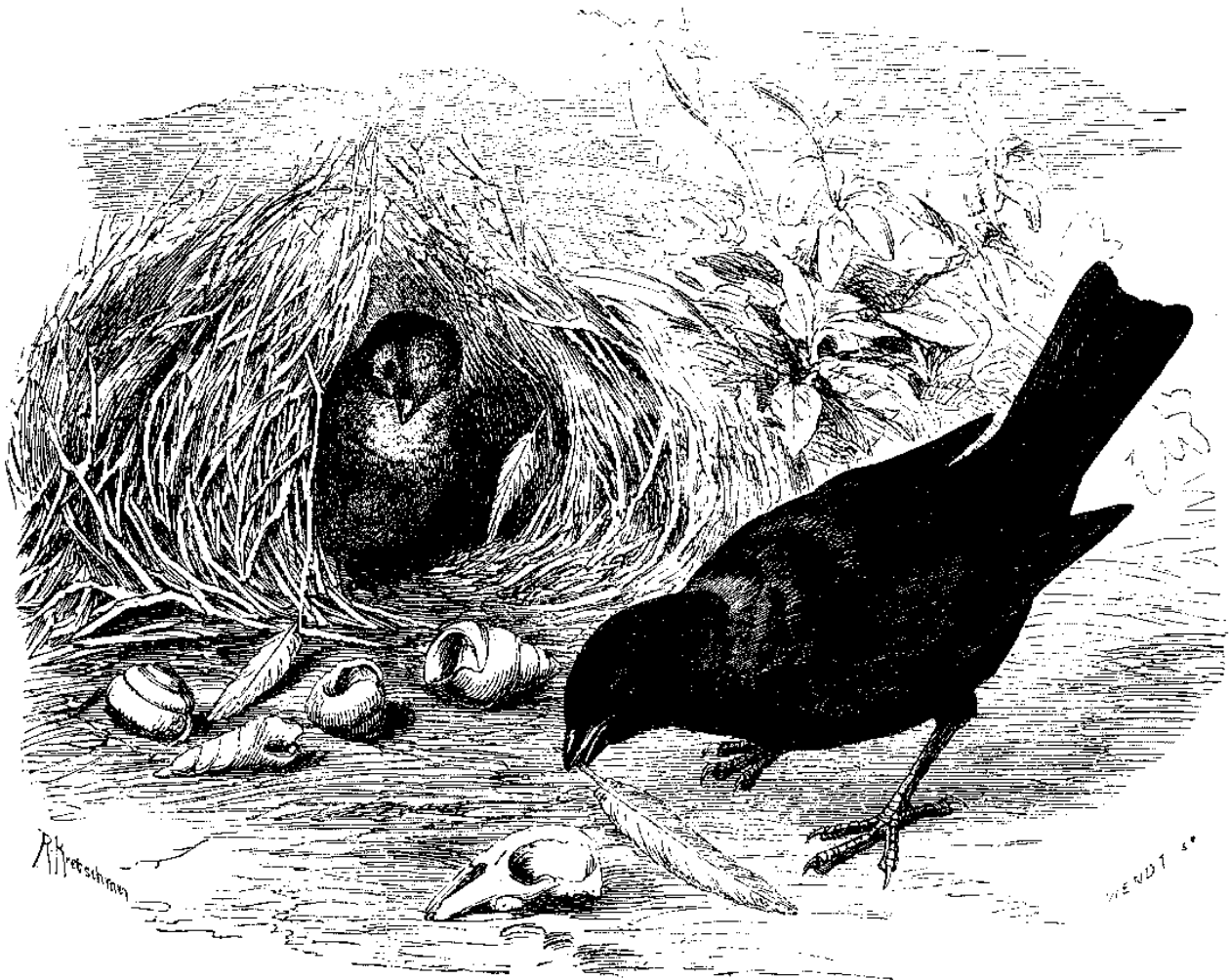
Семейство беседковые (шалашниковые)

Атласный шалашник (*Ptilonorhynchus violaceus*). Тело его сжатое; клюв сильный, верхняя половинка его довольно сильно округлена, согнута над нижней половинкой в виде небольшого крючка и перед концом снабжена двумя неглубокими выемками; нижняя челюсть слегка согнута. Ноги довольно высокие, тонкие и короткопалые. Крылья длинные и острые. Хвост средней величины и неглубоко вырезанный. Блестящее атласное оперение взрослых самцов — синевато-черного цвета. Большие и малые маховые, кроющие перья крыльев и рулевые перья бархатисто-черные, на концах синие. Глаза светло-голубые, кроме узкого красного ободка, который окружает зрачок. Клюв светло-буроватого рогового цвета, на конце желтый. Ноги красноватые. Самка сверху зеленая, крылья и хвост ее темно-желто-бурые; нижняя часть тела желтовато-зеленая, каждое перо здесь у конца имеет лунообразное темно-бурое пятнышко, отчего получается чешуйчатый рисунок. Птенцы сходны с самками. Длина этих птиц достигает почти 36 см, длина крыла 18, хвоста 12 см.

Об образе жизни атласных шалашников довольно полно сообщает Гульд. Родина этих птиц — большая часть Австралийского материка*.

** На самом деле это не так. Атласные шалашники распространены в пределах узкой прибрежной полосы восточной Австралии. в зоне дождевых лесов и в прилегающих к ним местях.*

Любимым местопребыванием их служат роскошные, густолиственные, тернистые кустарники, напоминающие парки, одинаково как в прибрежных, так и в расположенных внутри страны местностях. Они живут оседло на избранных ими местах, хотя и шмыгают в небольшом районе, может быть, для добывания более обильной пищи. С наступлением австралийской весны их встречают парочками, осенью — небольшими стайками, и тогда часто по течению рек, в особенности там, где прибрежные кустарники свешиваются до поверхности воды. Пища этих шалашников состоит преимущественно из зерен и плодов, но при этом они едят и насекомых. Во время еды они настолько смелы, что позволяют удобно наблюдать за собою; в другое время они боязливы и осторожны. Взрослые самцы сидят на какой-нибудь вершинке дерева и, если появится что-либо подозрительное, немедленно предупреждают своих собратьев, занятых чем-нибудь на земле или в ветвях, звонким призывным криком, за которым, при возбуждении, следует грубый, неприятный горловой звук. В стайке всегда видишь мало цветных самцов, из чего следует, что они получают свой полный наряд гораздо позже.

Атласный шалашник (*Ptikmorhynchits violaceiis*)

Самое замечательное в образе жизни шалашников — это то, что они устраивают для своего удовольствия постройки, напоминающие шалаш, в которых они весело проводят время. Гульд, познакомившись впервые с этой постройкой в музее в Сиднее, куда она была привезена одним из путешественников, решил изучить обстоятельно весь процесс ее создания и наблюдал в продолжение долгого времени за работой этих птиц. «Исследуя кедровый кустарник в Ливерпульском округе, — так передает он, — я находил много таких беседок или мест увеселения птиц. Они обыкновенно были построены под сенью свесившихся ветвей дерева, в уединенных уголках леса и почти всегда помещались на земле. Здесь из густо сплетенных прутьев устраивается основание постройки, а по бокам из более нежных, гибких прутьев и веточек выводится самый шалаш. Строительный материал принаравливается таким образом, что все острия и разветвления ветвей приходится наверху. С каждой стороны оставляется свободный проход. Особенно красивыми постройки эти делаются потому, что они всячески украшаются яркими предметами. Здесь вы найдете пестрые хвостовые перья различных попугаев, ракушки, полевых улиток, камешки, выбеленные кости и т.п. Перья вставляются между ветвей, камни и ракушки положены у входа. Все туземцы знают страсть этих птиц уносить блестящие предметы и поэтому ищут свои потерянные вещи всегда вблизи таких беседок. Я нашел у входа один изящно выделанный камешек в 4 см длиной среди множества тряпок из синей бумажной материи, которых птицы натаскали, может быть, из отдаленной колонии. Величина таких беседок бывает весьма различна».

Еще окончательно не выяснено, для какой цели атласные шалашники устраивают подобные постройки. Собственно гнезд они, очевидно, не представляют и являются только местом увеселения для обоих полов, которые, резвясь и играя, бегают вокруг беседки и через нее.

По-видимому, они служат в брачную и птенцовую пору местом свиданий и, может быть, употребляются для этого несколько лет подряд. Коксен говорит, что он видел, как птица, именно самка, снова устроила беседку, которую он разрушил.

Даже и в неволе птицы строят свои беседки. Штранге, любитель птиц в Сиднее, пишет Гульду: «В настоящее время в моем птичнике находится пара атласных шалашников, и я надеялся, что они дадут потомство, так как последние два месяца они весьма хлопотали над устройством бе-

седки. Устройством ее заняты оба, но главный строитель все-таки самец. Иногда он гоняет самку по всему птичнику, затем отправляется к беседке, схватывает клювом какое-нибудь яркое перо или большой лист, издает какой-то странный звук, нахваливает все перья и бегаёт вокруг беседки, куда наконец входит самка. Тогда самец приходит в такое возбуждение, что глаза его положительно хотят выскочить из головы. Не переставая он поднимает то одно, то другое крыло, то и дело ударяет клювом по земле, издавая при этом легкий свист, пока наконец самка ласково не подойдет к нему, после чего игра кончается».

Шалашник пятнистый (*Chlamydera maculata*) достигает 28 см в длину; длина его крыла равна 16, хвост 12 см. Перья верхней части головы и область горла красивого бурого цвета и окружены узкой черной линией; перья верхушки головы на конце серебристо-серые. Весь верх птицы, крылья и хвост темного бурого цвета, на конце каждого пера круглое буро-желтое пятнышко. Большие маховые перья изнутри оторочены белым. Перья хвоста с буровато-желтыми кончиками. Нижняя часть тела серовато-белая. Боковые перья слабо исчерчены светло-бурными зигзаговыми поперечными линиями. На затылке красивый воротничок из удлиненных персиково-красных перьев образует род веера. Глаза темно-бурые, клюв и ноги бурые. Взрослые птицы мало различаются между собой; птенцы характеризуются отсутствием веера.

Шалашник пятнистый (*Chlamydera maculata*)

Пятнистые шалашники живут исключительно во внутренней Австралии*, где во множестве населяют низкие кустарники по краям равнин; но они так пугливы, что путешественникам обыкновенно не удается их видеть.

** Это не совсем верно. Пятнистые шаюшники заселяют и прибрежные территории на западе и востоке материка.*

Наблюдателям они выдают себя своим хриплым, неприятно-ворчливым призывным звуком, который они издают, когда, встревоженные чем-нибудь, бывают вынуждены обратиться в бегство. При этом они взбираются на самые высокие ветви верхушек отдельно стоящих кустарников и оттуда обозревают окрестности, чтобы выбрать себе наиболее подходящее место, куда и направляют свой полет. Всего вернее их можно подстрелить на водопое, особенно во время засухи, когда им не предоставляется никакого выбора. Гульд находил также их шалаша. Они устраиваются в таких же местах, как и гнезда предыдущего вида, но еще искуснее, изящнее, длиннее и с более крутыми сводами; некоторые из них имеют 1 м в длину; наружные их стенки состоят из хвороста, красиво перевитого длинными стебельками травы; внутренняя их отделка также чрезвычайно красивая и разнообразная. Здесь попадаются двустворчатые раковины, черепа, кости мелких млекопитающих и тому подобное. Для скрепления травы и ветвей употребляются камни, которые укладываются очень живописно. Они располагаются по обеим сторонам входа таким образом, что между ними образуются тропинки, а перед обоими входами громоздятся целые кучи разных украшений. Перед некоторыми шалашами у входов случалось находить чуть не полчетверика костей, раковин и тому подобных предметов. Постройками этими, по всей вероятности, пользовались в продолжение многих лет. По отдаленности этих шалашей от рек, из которых могли быть добыты раковины, исследователь может заключить, что птицы при случае притаскивают эти украшения за несколько миль. При выборе материала они выказывают известный вкус, так как выбирают только такие раковины, которые хорошо выбелились, или прямо белые, или же цветные. Гульд убедился, что многим пятнистым шалашникам шалаша эти служат местом свидания; сидя однажды настороже перед такою постройкою, ему удалось подстрелить в короткое время одного за другим двух самцов, которые выбежали из одного и того же входа.

Коксен нашел в декабре гнездо с тремя птенцами. По внешнему своему виду оно походило на гнезда обыкновенных европейских дроздов, имело форму глубокой чашки, было построено из сухих прутьев, внутри легко выстлано перьями и тонкой травой и расположено на небольших ветвях акации над лужей.

Семейство райские птицы

Лишь в последние годы мы получили обстоятельные сведения о чрезвычайно красивых птицах Новой Гвинеи и прилежащих к ней островов, которые уже несколько столетий привозились к нам зачастую в виде изуродованных шкурок и подавали повод к своеобразным сказаниям. Их уже давно называли райскими птицами и теперь еще зовут так, потому что существовало поверье, что они происходят непосредственно из рая и ведут своеобразный образ жизни. Их привозили к нам без ног и, не обращая внимания на то, что изуродование могло быть совершено туземцами, полагали, что птицы от природы не имеют ног. Их невиданное оперение и роскошные цвета давали широкий простор всякой фантазии, и в конце концов люди стали верить самым невероятным басням. «Можно себе представить, — говорит Пеппинг, — с каким удивлением жители Европейского материка, еще мало знакомые с тропическими странами, могли принять первые сведения об этих удивительных птицах, привезенных Пигафеттой, спутником и преемником Магеллана, возвратившимся в 1522 году в Севилью. Невольно расчувствуешься, читая, как некоторые усердные, но ограниченные в своих средствах естествоиспытатели XVI столетия считали величайшим событием их жизни, удовлетворением давно затаенного желания, когда наконец могли увидеть изуродованную шкурку райской птицы. Извинительно, если в то время слагались различные басни, которым долгое время придавали веру. На этих птиц смотрели как на веселых сильфов, родиной которых было одно бесконечное воздушное море, которые совершали все свои отправления летая и отдыхали лишь несколько мгновений, повиснув на суку на своих длинных нитевидных хвостовых перьях. Подобно высшим существам, они не имели потребности касаться земли и питались эфирной пищей и утренней росой. Признание нелепицей отсутствие ног у этой чудной птицы даже самим Пигафеттой ничему не послужило. Маркгрев, Клузиус и другие исследователи того времени тщетно доказывали, что это вздор: народ держался по-прежнему своего предубежденного взгляда».

Прошли столетия, прежде чем нам стала известна жизнь райских птиц. Различные путешественники сообщали более или менее важные данные относительно жизни этих птиц, но едва ли хоть один из них был вполне свободен от господствовавших предрассудков. Только Лессон, кото-

рый во время своего кругосветного плавания пробыл 13 дней в Новой Гвинее, сообщил о райских птицах на основании своих личных наблюдений. После него лишь в последнее время Беннет, Валлас и Розенберг дали достоверные сведения о жизни этих сказочных птиц на свободе и в неволе.

Райские птицы родственны нашим воронам, по величине бывают от роста сойки до роста жаворонка, но по красоте действительно великолепны. Клюв их различной величины, прямой или согнутый и у основания не имеет щетинок, как это мы видим у ворон, так что ноздри остаются совершенно открытыми. Ноги сильные, с большими пальцами, вооруженными крепкими, острыми, сильно согнутыми когтями. Крылья средней величины и сильно округлены. Хвост прямой и состоит из 12 перьев умеренной длины, причем характерен удлинненными перьями, напоминающими проволоку, или же очень длинный, простой и тогда сильно ступенчатый. У многих видов маховые перья необыкновенным образом удлинены и шелковисты. Самки и птенцы всегда окрашены проще, чем самцы.

Райские птицы, которых известно около 50 видов*, живут в Австралии, и только один вид встречается на Мадагаскаре**.

** В семействе райских птиц насчитывается 43 вида.*

*** Это ошибка — на Мадагаскаре райских птиц нет.*

Уже несколько столетий, как папуасы ведут торговлю не только шкурками райских, но и других птиц, и в особенности голландцы занимались этим обменом. Способ и сущность обычного приготовления таких шкурок туземцами описывается Розенбергом так: «Папуасы убивают самцов, а иногда и самок стрелами, делают на их спине и брюхе поперечные разрезы и сдирают с них кожу, которая у этих птиц особенно толста. Затем они отрезают ноги вместе с задней частью брюшной кожи, вырывают большие маховые перья и натягивают обработанную таким образом шкурку на круглую палочку настолько, что она высовывается на несколько сантиметров из клюва; последний привязывается к деревяшке шнурком. После этого они посыпают шкурки древесным пеплом и вешают их внутри хижины над очагом, чтобы высушить их и предохранить от насекомых. Шкурка тогда готова. Туземцы Мизуля и ноги и маховые перья оставляют при шкурке; арузы также заметили, что неизуродованные шкурки предпочитают и дороже оплачиваются, чем обезображенные, и постепенно отстали от своего старого способа, так что теперь и с островов Ару поступают в продажу хорошие шкурки. Райские птицы покупаются главным образом купцами из Магассара, Терната и восточного Церама, которые и привозят их себе на родину или в Сингапур, откуда шкурки вывозятся уже в Европу и Китай. По словам этих торговцев, наиболее красивые шкурки приходят с северных берегов Новой Гвинеи и из стран, лежащих в глубине залива Гильвинк. Тидорский султан, ленный владелец части Новой Гвинеи, состоящей под нидерландским протекторатом, ежегодно получает оттуда в виде дани неопределенное количество шкурок, ценность которых на месте простирается от 25 центов до I голландского гульдена».

Красная райская птица (*Paradisaea rubra*) ростом еще меньше. Длина ее всего 33 см, длина ее крыла 17, хвоста 14 см. Она отличается от обеих вышеупомянутых птиц золотисто-зеленым, приподнятым перистым хохолком на задней части головы. Спина ее бледно-серо-желтоватая; окраска эта распространяется и по нижней части в виде полосы на груди. Горло смарагдового зеленого цвета. Грудь и крылья красно-бурые.

Красная райская птица (*Paradisaea rubra*)

Перья около основания клюва и маленькое пятнышко позади глаза бархатисто-черные. Боковые космы перьев чудного красного цвета, на конце снабжены завитками. Длинные хвостовые перья, загибающиеся кнаружи, имеют широкие стволы. Глаза светло-желтые. Клюв и ноги пепельно-серо-голубые. У самок передняя часть головы и зоб бархатисто-бурые, верхняя сторона тела и брюшко красно-бурые. Шея и грудь светло-красные.

До сих пор этот вид был найден только на островах Вайгиу и Батанта, и приготовлением шкурки этих птиц, по-видимому, занимаются только жители поселения Бесси на южном берегу острова.

Это живые, веселые, умные, но кокетливые птицы, которые вполне сознают свою красоту и опасность, которой они благодаря ей подвергаются. Все путешественники, наблюдавшие этих птиц на их родине, рассказывают о них с восхищением. Когда Лессон впервые наблюдал пролетающую над ним птицу, он был так поражен ее красотой, что только следил за ней глазами и не мог решиться выстрелить в нее. Составленное им описание жизни этих птиц подтверждено и дополнено Розенбергом: «Райские птицы принадлежат к числу бродячих птиц; они то прилетают к берегам, то вновь улетают в глубь страны, соображаясь с поспеванием древесных плодов. Во время моего пребывания в Дорэ как раз поспели плоды одной лавринеи, росшей неподалеку от поселений острова. Сильными взмахами крыльев птицы, большею частью самки и молодые самцы, прилетали к дереву и были настолько смелы, что возвращались обратно даже после нескольких выстрелов в них. В другое время райские птицы, в особенности старые самцы, очень пугливы и с трудом подпускают на выстрел. Голос их сиплый, но слышен на далекое расстояние. Утром или вечером, редко днем, эти крики раздаются по всему лесу».

"Голос райской птицы, — замечает Валлас, — похож на голоса других райских птиц, но он не такой крикливый. Его так часто слышишь в лесах, что приходишь к предположению о многочисленности этих птиц. Несмотря на это, ее очень трудно уловить благодаря ее живости и непрерывной подвижности. Я часто видел старых самцов, сидевших на низких деревьях или кустах на высоте нескольких метров.

Они прыгали в ветвях по почти горизонтальным стволам, как будто охотясь за насекомыми, которые, как я предполагаю, составляют их единственную пищу, пока еще не поспели их излюбленные плоды — индийские фиги. При этом они испускают тихий клохтающий звук, весьма непохожий на их обыкновенный крикливый призывный крик, который они, по-видимому, издают только сидя на верхушках деревьев».

В непрерывном движении райская птица перелетает с дерева на дерево, никогда не засиживается долго на одной ветке и при малейшем шуме прячется в самую густую листву верхушек деревьев. Уже перед восходом солнца они бодро и хлопотливо ищут свой корм, состоящий из плодов и насекомых. К вечеру они собираются на ночевку компаниями на вершину какого-нибудь высокого дерева. Время спаривания зависит от ветра муссона. На восточном и северном берегах Новой Гвинеи оно приходится на май, на западном же берегу и на Мизуле — на ноябрь. Около этого времени самцы собираются небольшими стайками от 10 до 12 штук, которые туземцы называют танцевальными обществами, слетаются обыкновенно на высокие лесные деревья с распростертыми ветвями и редкой листвой, оживленно перелетают с ветки на ветку, вытягивают шеи, поднимают и хлопают крыльями, вертят хвостом то в ту, то в другую сторону, распускают и складывают боковые космы перьев и издают при этом странный квакающий звук, на который прилетают самки. Гнездо и яйца райских птиц еще неизвестны. Впрочем, судя по письменному сообщению Розенберга, эти птицы не строят открыто лежащих гнезд, но гнездятся в дуплистых сучьях высочайших деревьев леса, почти недоступных даже для самых искусных лазальщиков*.

** Гнезда райских птиц объемистые сооружения, помещаемые в развилках ветвей. Один вид райских птиц гнездится в дуплах. Для некоторых видов райских птиц гнезда до сих пор не известны. В кладках 1—2 коричневатых яйца с темными пятнами.*

"Чтобы добыть райскую птицу, — продолжает Розенберг, — новогвинейские дикари поступают следующим образом: в охотничий сезон, который приходится на середину сухой поры года, они подкрадываются сначала к тем деревьям, на которых птицы проводят ночь и которые по большей части являются самыми высокими в лесу. В их сучьях они устраивают из листьев и ветвей небольшой шалаш. Приблизительно час спустя после заката солнца опытный стрелок, запасшись луком и стрелами, влезает на дерево, прячется в шалаше и ждет, соблюдая строжайшую тишину, прибытия птиц. Когда они прилетят, он ловко убивает одну за другой, а один из его товарищей, спрятавшийся под деревом, подбирает убитых птиц. Если охотник стреляет остроконечными стрелами, птицы падают мертвыми и, наоборот, попадают живыми в руки стрелка, если он употребляет стрелы, снабженные многими треугольными концами, в которых от силы выстрела ущемляется тело птицы». По Лессону, туземцы ловят также этих птиц клеем хлебного дерева, а по сообщению Валласа, красная райская птица ловится только петлями, которые протягиваются в ветвях хлебного дерева так, чтобы птица должна была попасть в них ногой, когда она собирается сорвать плод. Другой конец петли спускается на землю, чтобы без особенного труда можно было достать птицу с дерева.

"Можно предположить, — говорит Валлас, — что раненые и добытые живыми птицы попадут к исследователю в лучшем состоянии, нежели те, которые убиты выстрелом, но это совершенно не так на самом деле. Я никогда не имел столько неприятностей с другими райскими птицами, как с красной райской птицей. Сначала мне принесли ее живую, но у птицы, завязанной в какой-то мешок, все ее чудные перья оказывались перемятыми и переломанными самым ужасным образом. Я вразумил людей, что они могут привязать пойманную птицу за ноги к палке и так принести ее ко мне; результатом этого было то, что я получал птиц совсем перепачканными. Связанных птиц они просто бросали на пол хижины, и бедные птицы ужасно пачкались в пепле, смоле и тому подобном. Тщетно я просил туземцев приносить мне птиц тотчас после поимки, тщетно убеждал немедленно убивать птиц, подвешивать их к палке и приносить так ко мне: из лениности они не делали ни того, ни другого. У меня в услужении было 4 или 5 человек, которым я вперед заплатил за известное число добытых птиц. Они разделились и разбрелись по лесу на целую милю в окружности, чтобы отыскать хорошее место для ловли. Если они ловили одну птицу, им было очень невыгодно тотчас принести ее ко мне; они предпочитали таскать ее, стараясь как можно дольше сохранять ее живой, и часто, после недельной или 10-дневной отлучки, они приходили ко мне с одной убитой, обыкновенно протухшей райской птицей, с другой убитой, еще свежей, и третьей живой, которая была поймана последнею. Все мои усилия изменить этот способ охоты были совершенно тщетными. К счастью, оперение райских птиц настолько твердое, что и испорченные экземпляры были еще пригодны».

Позднее Валласу повезло больше. Он был первый, привезший в Европу двух живых райских птиц. На Амбоине, Магассаре, в Батавии, Сингапуре и Маниле **малую райскую птицу** (*Paradisaea minor*) уже не раз держали в клетках. Одна, немного лет тому назад привезенная на Амбоину, райская птица улетела из клетки; что с ней стало — неизвестно. Один китайский купец в Амбоине предлагал Лессону пару райских птиц, которые уже полгода жили в клетке и кормились вареным рисом. Но почтенный коммерсант просил 500 франков за штуку, а исследователь не мог в то время добыть этой суммы. Но словам Розенберга, штатгальтер Нидерландской Индии, Слоот ван дер Бель заплатил за двух взрослых самцов 150 голландских гульденов. Этим птиц Розенберг лично привез из Магассара на Яву. Валлас нашел обеих привезенных им вылинявших малых райских птиц в Сингапуре и приобрел их за 2000 марок. Беннет видел одну пойманную малую райскую птицу в Китае, которая прожила в клетке 9 лет. Даже в Берлине некоторые райские птицы жили несколько лет и были здоровы.

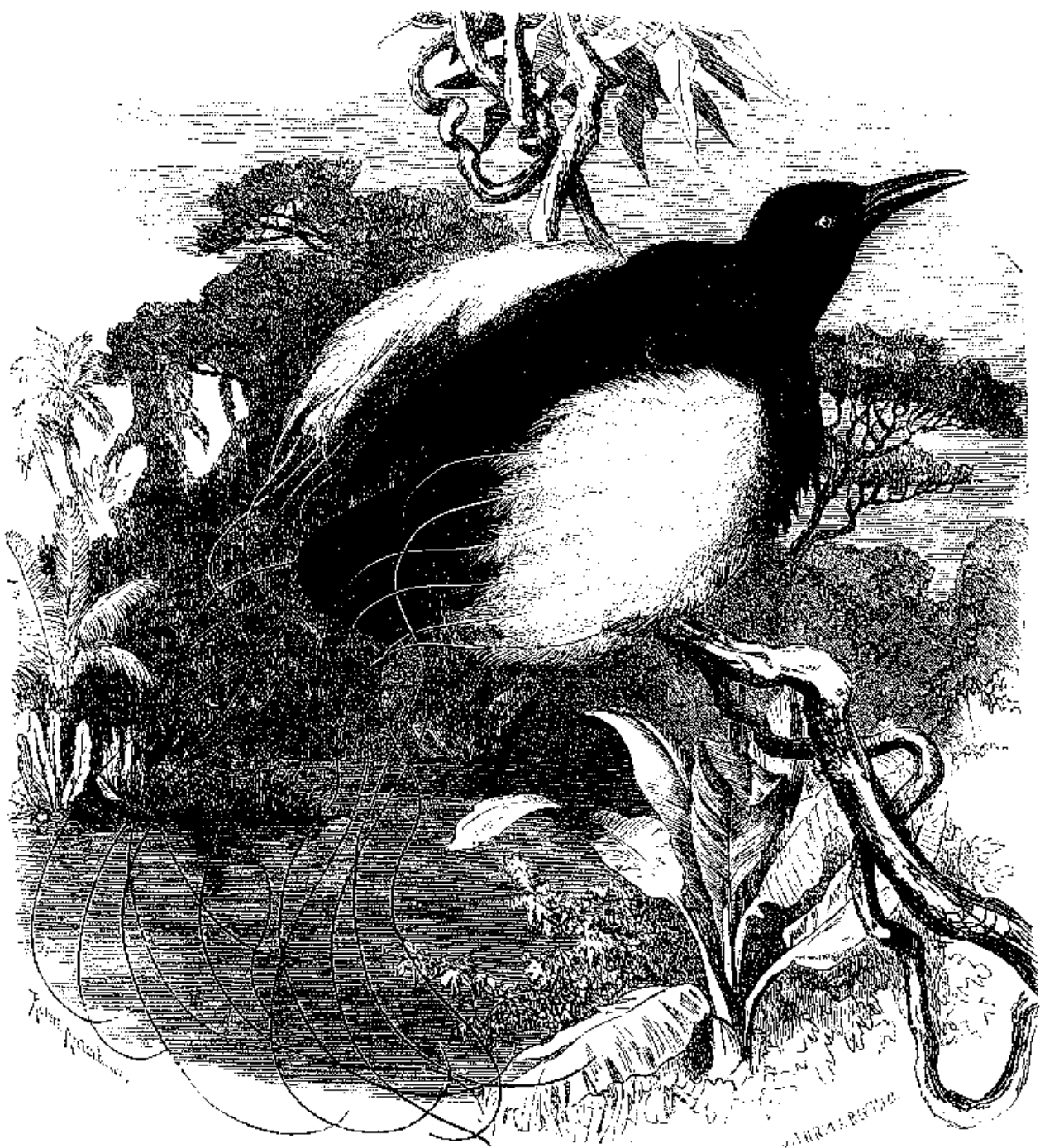
Лессон и другие исследователи считают положительно невозможным передать словами весь блеск оперения еще одной представительницы этого рода — **черногорлой астрапии** (*Astrapia nigra*). Оперение ее, которое в зависимости от падающего света отликает самыми яркими и изумительными цветами, в верхней части пурпурово-черное с чудным металлическим блеском.

Черногорлой астрапии (*Astrapia nigra*)

Теменные перья гиацинтово-красные со смарагдово-золотистыми кончиками. Нижняя часть тела малахитово-зеленого цвета. От угла глаз отходит гиацинтово-красная полоска, оканчивающаяся полукругом под горлом. Клюв и ноги черные. Длина этой птицы достигает почти 70 см, длина ее крыла 22, хвоста 45 см. Об образе жизни черногорлых астрапий нет никаких сведений. Розенберг также мог достать только высушенные шкурки. По сообщенным ему сведениям, эта удивительная птица живет исключительно в Новой Гвинее, и притом в горных лесах, до сих пор еще недоступных европейцам.

Один из великолепнейших видов, ставший несколько известным только после исследований Розенберга, есть вид **нитчатая райская птица** (*Seleucidis melanoleuca*), род которого характеризуется тонким, саблевидно согнутым клювом. Длина этой удивительной птицы достигает 32 см, длина ее крыла 16, длина хвоста 8 см. Бархатистые перья головы, шеи и груди черные, отливающие темно-зеленым и пурпурово-фиолетовым цветами. Удлиненные перья боков груди окрашены так же, вплоть до блестящей и отливающей смарагдово-зеленым цветом каемки. Длинные, рассученные боковые перья великолепного золотисто-желтого цвета, но вся эта окраска бледнеет и превращается в грязно-белый цвет, если шкурка хоть на короткое время подверглась действию света и дыма. Крылья и хвост фиолетовые, чудно сверкающие и кажутся при известном освещении полосатыми.

Нитчатая райская птица (*Seleucidis melanoleuca*)

Самыми изумительными, без сомнения, являются длинные боковые перья. Самые длинные из них ниспадают еще ниже хвоста, а последние из нижних видоизменяются в длинные оголенные нити не толще конского волоса. Начало таких видоизмененных перьев золотисто-желтое и переходит дальше в бурю окраску. Глаза пурпурово-красные, клюв черный, ноги мясо-желтые. У самок верхняя часть головы, низ шеи и верх спины черные. Бархатистые перья головы сверкают светло-пурпуровым цветом. Нижняя часть спины, крылья и хвост ржаво-бурые. Большие маховые перья изнутри черные. Вся нижняя часть тела покрыта волнистыми, черными, поперечными штрихами по серо-белому или яркому грязно-желто-буроватому фону. Птенцы совершенно сходны с самками. С возрастом сначала делается серой шея; затем с первой линькой одновременно появляется желтая окраска брюшка и боковые пучки перьев, но длинные выступающие стволы или космы направлены еще не кнаружи, но совершенно назад. Только при третьей линьке упомянутые стволы выкручиваются кнаружи.

"Хотя на Магассаре и Тернате, — говорит Розенберг, — ежегодно привозится довольно большое количество изуродованных шкур этих птиц, ни одна коллекция в Европе или вообще где-нибудь не может похвастаться ни одним неповрежденным экземпляром этих шкур. Поэтому все имеющиеся до сих пор описания и изображения их неполны и неверны. Во время моего пребывания на Салавати в августе 1860 года мне посчастливилось добыть полдюжины этих вне всякого сравнения красивых птиц. Они живут небольшими стайками или семьями, оказываются сильными летунами и, отыскивая пищу, издают резкий крик: «шэк-шэк». Исключительной родиной этих птиц являются восточный и западный берега Новой Гвинеи и остров Салавати. Там они совсем не редки и живут предпочтительно в гористых местностях. Близ Калвалы, маленькой, недавно основанной на западном берегу острова прибрежной деревушки, в августе я видел в высоком лесу, неподалеку от берега, семью этих птиц, состоявшую из 10 штук. Шесть из них попали в мои руки, остальные два дня спустя более уже не показывались: частые выстрелы и сильный дувший с моря ветер отогнали их обратно в горы. В желудках убитых птиц я нашел плоды попеременно с остатками насекомых. В брачную пору птица поднимает кольцеобразно свой грудной воротничок, направляет его вперед и в виде роскошного веера распускает удлиненные боковые перья».

По Валласу, нитчатые райские птицы посещают цветущие деревья, например саговую пальму и пизанг, чтобы высасывать сок из их цветов. Они редко остаются секунду на одном и том же дереве, быстро и скоро лазают между цветами, превосходно пользуясь для этой цели большими ногами, и затем чрезвычайно быстро перелетают на другое дерево. Их громкий, слышимый издали крик похожий на слог «ка» крик издается ими раз пять, быстро один за другим и большею частью при отлете. До брачной поры самцы живут отшельниками; позднее их можно встретить, подобно их родичам, вместе с другими птицами их вида на известных сборных местах. В желудках всех убитых райских птиц не было ничего, кроме бурого сока, вероятно цветкового меда. Впрочем, одна пойманная птица этого вида, как это видел Валлас, с аппетитом ела тараканов и дыни.

Гнездо и яйца этих птиц пока еще не найдены*. Охота и ловля этих птиц в существенных чертах ведется таким же способом, как и других райских птиц.

* *Гнезда неглубокие и чашковидные, сделаны из веточек и листьев деревьев. Кладка состоит из одного яйца кремового цвета с красноватыми и серыми штрихами в основном на тупом конце.*

Черная ширококлювая райская птица (*Epimachus fastosus*) имеет клюв длинный, согнутый по вершинке, угловатый; ноги сильные, крылья умеренно длинные, хвост длинно ступенчатый. Пучки перьев имеются только по бокам грудки. Длина птицы достигает 65 см, длина ее крыла 17, хвоста 42 см. Голова покрыта маленькими кругловатыми чешуйчатыми перышками бронзово-зеленого цвета, но отливающими синим и золотисто-зеленым. Длинные рассученные перья задней части шеи — бархатистые и черные. Спина окрашена так же, но изменение цвета происходит от неправильно разбросанных, продолговатых, лопатовидных перышек с густыми бородами, отливающими зелено-буроватым оттенком. Нижняя часть тела черно-фиолетовая. Большие украшающие перья боков груди, которые в спокойном состоянии небрежно лежат на крыльях, отливают великолепным блеском. Клюв и ноги черные. У самок верхняя часть головы и затылок коричневого цвета, остальные части окрашены, как у самцов, но все цвета матовые.

В европейских коллекциях нет ни одного полного чучела этой чудной птицы. Папуасы готовят их таким же образом, как шкурки райских птиц, и приносят их для обмена обыкновенно такими изуродованными, что приходится заменять даже крылья. По Розенбергу, черные райские птицы распространены по всей северной Новой Гвинее, но отсутствуют на близлежащих островах. Валлас узнал, что они живут преимущественно на горах и в тех же высоких поясах, как и **синеза-**

тылочная паротия (*Parotia lawesi*), но иногда, впрочем, попадаются и в холмистых местностях вблизи берега острова. «Много раз, — говорит он, — туземцы уверяли меня, что эта птица устраивает гнездо в трещинах земли или под скалами, но выбирает всегда помещение с двумя отверстиями, так что оно имеет и вход и выход. Мы бы не считали это вероятным, если не принять во внимание трудность возникновения этого слуха, если бы он был не верен. Точно так же все путешественники знают, что рассказы туземцев о привычках птиц почти всегда оказываются достоверными, какими бы странными они ни показались вначале»*.

* Тем не менее имеющиеся данные о гнездовании райских птиц, принадлежащих к этому роду, не подтверждают представленной версии туземцев.

Семейство врановые

Врановые живут во всех частях света и на всех широтах и высотах на горах. К экватору число видов значительно увеличивается, но и в умеренном поясе их довольно много и только в холодном число видов их ограничено. Большинство их живут оседло на одном месте или, по крайней мере, в известной области, но там охотно кочуют с места на место. Некоторые виды перелетны, а некоторые с высоких гор зимою спускаются в долины.

За исключением благозвучного пения, врановые соединяют в себе все качества, свойственные другим воробьиным. Они хорошо ходят по земле, а летают легко, долго и довольно быстро; внешние чувства у них развиты равномерно хорошо, а обоняние особенно хорошее; по понятливости они не уступают никакой другой птице этого отряда, а может быть, и никакой птице вообще. Благодаря своим дарованиям им живется на свете легко, они умеют пользоваться всем, что им нужно, и потому везде играют довольно важную роль. Это всеядные птицы в полном смысле этого слова и потому могут быть очень вредными, но также и полезными. Их большие, иногда покрытые сверху гнезда расположены открыто на деревьях, скалах и в углублениях их; кладка отличается большим числом пестрых яиц, которые высидивают с большим вниманием и любовью, так что врановые принадлежат к числу птиц, которые лучше всего воспитывают своих птенцов.

Ворон (*Corvus corax*), которому следует отвести первое место среди ворон, представляет ворона в настоящем смысле слова; многие другие его названия — не что иное, как не имеющие значения прозвища. Тело ворона вытянуто; крылья велики, длинны и остроконечны, потому что третье маховое перо превосходит все остальные своей длиной; хвост средней длины, ступенчатый с боков; оперение плотное и блестящее. Окраска большого ворона равномерно черная; только глаза карие; у молодых особей голубовато-черные, а у гнездарей светло-серые. Длина ворона равняется 64-66 см, размах крыльев 125, длина крыла 44, а хвоста 24 см.

Ворон представляет во всех отношениях первообраз и прототип всего семейства. Он живет по всей Европе, от Нордкапа до мыса Тарифа и от предгорий мыса Финистерре до Урала; он встречается в большей части Азии, на востоке до Японии*, а с севера на юг — от Ледовитого океана до Гималайских гор, Пенджаба и Синда; он распространен также в Северной Америке, к югу до Мексики.

* В Японии, однако, ворон отсутствует.

Как сообщает Вальтер, в Туркмении ворон достигает гораздо большей величины, чем у нас**; а по словам Уайтса, в Гималаях на высоте свыше 3000 м встречаются необычайно крупные вороны, образующие особую породу, отличающуюся от гораздо менее крупных и тускло окрашенных воронов, обитающих в Пенджабе.

* * Это не так. В горах Копетдага в Туркмении обитает тот же подвид ворона, что и в Европе, и по размерам туркменские вороны не отличаются от европейских. А вот в низкогорьях Туркмении и на равнинах живет другой вид ворона пустынный ворон (*Corvus ruficollis*), отличающийся от обычного ворона коричневатой головой, но размеры его примерно такие же.

В северных местностях Сибири, Скандинавии, также на островах Фарерских и в Исландии довольно часто встречаются вороны с белыми пятнами. По Фаберу, их находили только на Фарерских островах, но не в Исландии; однако Прейер наблюдал их именно там.

Ворон по возможности избегает человека. Ради этого он живет исключительно в горах, в густых высоких лесах, на скалистых берегах моря и вообще выбирает убежища, где бы его по возможности меньше беспокоили. Ближе же к восточной границе Европы ворон живет в наилучших отношениях с человеком. В России он так мало его боится, что не только летает с галками и серыми воронами по дорогам, но появляется в селах и городах, где также гнездуется на колокольнях. Поэтому в настоящее время в этих местах ворон должен быть назван обыкновенной птицей. Он так же часто встречается в Испании, Греции и Скандинавии. Ворон редко собирается в большие стаи; поэтому следует считать исключениями стаи из 6-20 воронов, наблюдавшиеся в Туркмении Вальте-

ром, а тем более стаи из 50 штук, какие я видел в Сьерра-Неваде. Пара воронов всегда превосходно выбирает местность для своего постоянного жительства, захватывая обширный округ, отличающийся разнообразием. Больше всего ворон любит местности, где чередуются леса, поля, луга и воды, так как здесь он в изобилии находит пищу.

Мой отец, еще за два поколения до нас описавший ворона лучше, чем кто-либо, говорит о нем так: «Большой ворон обыкновенно живет попарно, также и зимой. Гнездящиеся по соседству с моим жилищем пары часто летают зимой через наши долины и опускаются на высочайшие деревья. Если слышишь одного ворона, стоит только поглядеть кругом — и другой недалеко. Если одна пара во время полета встречает другую, то обе соединяются и некоторое время парят вместе. В одиночку летает, шатаясь без толку всюду, только не спарившаяся молодежь, потому что большой ворон принадлежит к птицам, которые, однажды спарившись, остаются всю жизнь верны друг другу. Полет ворона очень красив; при быстром полете он несется почти по прямой линии, сильно ударя крыльями; но часто ворон так же долго парит, описывая прекраснейшие круги, причем крылья и хвост его сильно расширены. Всякому ясно видно, что летанье не стоит ворону ни малейших усилий и что он часто предпринимает далекие путешествия исключительно ради удовольствия. Во время подобных путешествий ворон в горах часто приближается к земле, но через долины обыкновенно перелетает на значительной высоте. При своих прогулках он часто бросается стремглав на несколько метров вниз, особенно если по нему стреляли, так что незнакомый с этой проделкой ворона стрелок может подумать, что ворон ранен и скоро упадет. Зимой ворон проводит большую часть дня летая. Полет его более похож на полет хищной птицы, чем на полет других ворон, и так характерен, что опытные люди в состоянии отличать ворона от родственных видов на каком угодно расстоянии.

По земле ворон ходит со смешною, словно напускною, важностью, при этом держит тело спереди несколько выше, чем сзади, кивает головой и при каждом шаге двигает телом туда и сюда. Сидя на ветке, ворон держит тело то горизонтально, то очень прямо. Перья на нем лежат почти всегда так гладко, что ворон кажется словно вылитым; только при возбуждении взъерошиваются перья на голове и всей шее. Крылья ворон держит обыкновенно несколько свесив.

Ворон еще и тем отличается от других родственных видов, что осторожностью превосходит их всех. Невероятно, до чего предусмотрительна эта птица. Ворон только тогда садится, когда тщательно облетит всю окружающую местность и ни зрение, ни обоняние не откроют ему ничего опасного. Если человек приближается к его гнезду с яйцами, ворон тотчас бросает насиживание; к птенцам своим, как ни велика его любовь к ним, ворон в подобном случае возвращается лишь с величайшей осторожностью. Ненависть ворона к филину необычайно велика, но осторожность его еще больше, отчего эту строгую птицу крайне трудно убить даже из вороньего шалаша*.

** Для истребления хищных птиц и разных видов ворон в Германии (и у нас в благоустроенных охотах, например, в Петергофском уезде в Великокняжеской охоте и многих других) широко применяется охота из засады с филином. Охотник прячется в шалаше (или просто в куст), а впереди на чистом месте сажает на привязи филина (или ставит его чучело). Всякая мимо летящая хищная птица считает своим долгом задать филину трепку и подлетает к нему, а в это время охотник стреляет ее.*

Пожалуй, нет ни одной птицы, которая в такой же степени, как ворон, могла быть названа всеядной. Можно утверждать, что он не брезгует буквально ничем съедобным, совершая при этом подвиги, невероятные для его роста и силы. Ему нравятся плоды, зерна и всякие другие растительные вещества; но ворон также и настоящая хищная птица. Он истребляет не только насекомых, улиток, червей и мелких позвоночных, но смело нападает на млекопитающих и птиц, превосходящих его по величине; он бессовестнейшим образом грабит гнезда, и не у одних беззащитных птиц, но и у сильных чаек, отлично умеющих защищать себя и свои гнезда. От мыши до зайца и от самой маленькой птички до тетерки ни одно животное не может считать себя в безопасности от ворона. В нем соединяются дерзость и хитрость, сила и ловкость, делающие его опаснейшим разбойником. В Испании от него страдают домашние куры, в Норвегии — молодые гуси, утки и вся остальная домашняя птица. В Исландии и в Гренландии ворон охотится за белыми куропатками, в Германии — за фазанами, куропатками и зайцами; на берегах моря он подбирает все то, что ему выкинут волны; в северных странах ворон ссорится с собаками из-за всякого рода отбросов перед жилищами; в степях Азии он мучает израненных верблюдов. В Исландии ворон тиранит покрытых волдырями лошадей; и верблюдам, и лошадям он садится на спину и сильными ударами клюва отдирает от краев ран облюбленные им куски мяса; только начав кататься по земле, мучимое животное может согнать его. «Большой ворон, — как сообщает Олафссон, — зимой ищет себе пищу на дворах среди кошек и собак; в теплое время года он отправляется на берег моря за рыбой; весной убивает удара-

ми клюва и пожирает новорожденных ягнят*, сгоняет с гнезд гаг, выпивает их яйца и закапывает поодиночке в землю те, которые не в состоянии съесть.

** Рассказы о том, что вороны заклеивают новорожденных ягнят или отрывают куски мяса от ран верблюдов и лошадей, несомненно, относятся к разряду басен, распространяемых и пересказываемых обывателями, никогда не наблюдавшими этого лично. Отдирать куски мяса от ран ворон может только у павших животных, падаль — самая обычная его пища.*

Вороны маленькими стаями следуют за орлом; нападать на него, положим, не решаются, но пытаются выхватывать остатки его добычи. Отыскав где-нибудь больных или мертвых старых воронов или выпавших из гнезд молодых, ворон пожирает их. Зимой возле каждого дома соседствует компания из 2-10 воронов, не допускающая никого более в свою среду».

Для беспристрастного наблюдателя забавно видеть, как ворон обделывает свои дела. По словам Чуди, он следит за швейцарскими охотниками, чтобы овладеть ранеными сернами. По единогласному свидетельству Фабера и Гольбелля, ворон разбивает раковины с твердой скорлупой, поднимая их высоко на воздух и бросая оттуда на твердый камень или скалу. По наблюдениям Гомейера, ворон умеет ловко схватывать рака-отшельника и вытаскивать его из его жилища — раковины; если это не удастся сразу, потому что рак успел съежиться, ворон до тех пор колотит раковиной обо что попало, пока из нее не покажется отшельник. Ворон успешно нападает на больших животных, выказывая беспримерную хитрость и смышленность, но также и большое мужество. На зайцев, например, он нападает при всяких обстоятельствах, а не только на больных или раненых, как думал мой отец. Граф Водзицкий собрал наблюдения, устраняющие всякие сомнения, какие еще могли существовать на этот счет**.

*** Тем не менее отец Брема был прав, а граф Водзицкий собрал в основном преувеличенные или даже сочиненные рассказы «очевидцев», а некоторые из приводимых ниже историй он либо намеренно преувеличил, либо просто придумал. Заяц слишком крупная и сильная добыча для ворона. Рассказы о добыче вороном зайцев и других используемых человеком животных выгодны прежде всего охотникам для обоснования преследования этого вида. Однако для новорожденных зайчат, подранков, больных и ослабленных животных ворон представляет вполне реальную угрозу.*

"Среди птиц ворон играет ту же роль, что лисица среди млекопитающих, — говорит вышеназванный естествоиспытатель. — Он обнаруживает высокую степень хитрости, терпения и предусмотрительности. Смотря по надобности, ворон охотится или в одиночку, или берет себе помощников; он также знает всех хищных птиц и следит за теми, которые могут случайно доставить ему пищу. Часто закапывает онч как лисица, остатки еды, чтобы в случае нужды не голодать. Наевшись досыта, ворон сзывает к остаткам пиршества своих товарищей. Он сзывает товарищей и тогда, когда они нужны ему для охоты, которой он занимается со страстью.

В декабре 1847 года при глубоком снеге я пошел с одним товарищем на охоту на зайцев. Хотя мы стреляли уже несколько раз, в одном из ущелий противоположной горы мы заметили двух воронов. Один спокойно сидел на краю ущелья и смотрел вниз; другой, сидевший несколько ниже, совал клювом вперед и проворно отскакивал назад. Это он проделывал несколько раз. Оба были так заняты своим делом, что, по-видимому, не заметили нашего приближения. Только когда мы подошли к ним на несколько шагов, разбойники снялись и снова сели в нескольких сотнях шагов, по-видимому, в надежде, что и мы пройдем мимо, не делая им вреда, как раньше проходили крестьяне. На месте же, где мы наблюдали воронов, сидел в снеговой стене, закопавшись почти на 60 см, большой старый заяц. Чтобы вынудить его вскочить, один ворон нападал на него спереди, а другой клювом и когтями прокопал сверху в снегу дыру, очевидно, с намерением вспугнуть зайца сверху. Но косою был настолько умен, что оставался сидеть, отгоняя воронов ворчанием и фырканьем. В 1850 году я увидел раз в поле двух воронов, чем-то занятых в одном углублении. Когда я дошел туда, там оказался заяц в предсмертных судорогах, с окровавленной головой. Я прошел по его следу около 20 шагов и нашел его лежку с ясными признаками, что его выгнали вороны. Не далеко же пробежал бедняга! В декабре 1851 года я заметил трех воронов, двух на земле и третьего в воздухе. Вскочил заяц и побежал изо всей мочи. Все три ворона с громкими криками погнались за ним и били его, падая почти до земли, подобно хищным птицам. Заяц сел раз, потом снова побежал, снова сел и наконец припал к земле. Тотчас один ворон бросился на него, запустил ему в спину когти и начал долбить голову. Другой ворон скоро подоспел на помощь товарищу, а третий изловчился, чтобы распороть добыче брюхо. Хотя я быстро выскочил из саней и побежал к зайцу как только мог скоро, он достался мне в руки лишь со слабыми признаками жизни. В декабре 1855 года я снова наткнулся на воронов, занимавшихся в данную минуту обглаживанием заячьего скелета. Пройдя

около 200 шагов по следу зайца, я нашел его лежку. Она была очень замечательно устроена на 65 см под снегом: один подснежный ход около 2,5 м в длину, очень чисто утоптаный, вел к самой лежке, а другой подобный же ход выводил с противоположной стороны наружу. Следы ворона ясно указали мне, что один из разбойников решился войти в подснежный ход, чтобы выгнать зайца на других воронов. Вороны, подобно гончим, часто идут пешком шагов 15-20 по следу зайца, запугивают его карканьем и ударами клюва и доводят до того, что бедняга припадает к земле, а под конец совсем ошалевает и тогда становится их легкой добычей**.

** Это совершенно откровенный вымысел. Брем поверил рассказам Водзицкого, видимо, потому, что в его историях правда ловко перепутана с вымыслом, и бывает трудно отделить реальное от надуманного.*

Не менее смело действует большой ворон, как грабитель гнезд: Водзицкий видел, как ворон раз унес даже яйцо у пары орлов. На севере ворон является отвратительнейшим грабителем гнезд, какого только можно себе представить. В Норвегии я влез на один утес, где сидела семья молодых воронов, которых еще кормили родители. Там на единственном уступе я нашел около 60 выеденных яиц гаги, чаек и гагар вместе с лапками кур, крыльями уток, шкурками пеструшек, пустыми ракушками, остатками молодых куликов, ржанок и т.п. Четыре птенца неумолчно кричали о пище, и старики постоянно носили новую добычу на бойню. Неудивительно, что как только показывались вороны, все окрестные чайки яростно нападали на них и изо всех сил дрались с ними; неудивительно, что и жители соседнего поселения в высшей степени ненавидели их.

Ворон составляет обыкновенное явление вблизи всякого рода падали, и многие места в Библии, упоминающие о нем, могут быть легко подтверждены. «Утверждают, — продолжает мой отец, — что ворон за многие мили чует падаль. Как ни мало сомневаюсь я в его тонком обонянии, мне кажется невероятным это настойчивое утверждение, опровергаемое уже самим поведением ворона. При ближайшем наблюдении легко заметить, что странствования ворона отличаются некоторой неопределенностью. Он почти ежедневно облетает большое пространство в различных направлениях в надежде что-либо высмотреть. Отсюда ясно видно, что ворон должен быть близко к падали, чтобы найти ее, или, по крайней мере, должен попасть в струю воздуха, идущего от падали. Если бы ворон мог чують падаль за мили, он издали летел бы к ней напрямик. Перед тем как сесть, ворон непременно всякий раз сначала облетит кругом избранное место, а это указывает, что он может чують разные предметы лишь в известном направлении и вряд ли за несколько миль». Всякий, знающий воронов, подтвердит эти слова, хотя защищаемое моим отцом воззрение и отрицается Науманом**.

*** Специальными экспериментами доказано, что ворон находит падаль с помощью зрения.*

Последний естествоиспытатель ставит вопрос: садится ли ворон и на человеческие трупы, как это столь часто утверждается? По моему мнению, надо безусловно ответить: да! Ворону, наверно, совершенно все равно, находится ли перед ним труп человека или падаль какого угодно млекопитающего.

Весьма странно, что эта птица любима и почитаема некоторыми народностями. Например, арабы весьма уважают его, почти как божество, считая его бессмертным. «Когда я однажды хотел убить ворона пулей, — пишет Лябуиссэ, — один араб остановил меня утверждением, что ворона ранить невозможно, так как он святой. Я промахнулся к большому удовольствию араба, который весело насмеялся надо мной, еще крепче веруя, чем прежде». Исландцы и гренландцы также, по видимому, не враждебно настроены к этому отчаянному разбойнику. «Большой ворон, — говорит Фабер, — так доверчив, что садится отдыхать на дома и на спины пасущихся лошадей». В Гренландии, по сообщению Гольбелля, ворон заглядывает даже в дома, где так же ворует, как и всюду. Пастухи Канарских островов, напротив того, называют ворона подлейшей птицей, какая только есть, и утверждают, что он зачастую выклевывает глаза молодым козам и ягнятам, чтобы легче затем убивать и пожирать их. Поэтому пастухи как только могут истребляют ворона и его гнезда.

Из всех птиц, исключая разве клеста, ворон раньше всех приступает к размножению: спаривается большею частью уже в начале января, в феврале строит гнездо и несет яйца в первых числах марта. Гнездо ворона большое, по меньшей мере 40, чаще 60 см в диаметре и в половину этого вышиной; оно устраивается на утесе или на вершине высокого дерева, на которое трудно или совсем нельзя влезть. Нижняя часть гнезда складывается из толстого хвороста, средняя из более тонкого, внутренность тепло выстилается полосками коры, древесными лишаями, травой, овечьей шерстью и т.п. Ворон охотно пользуется старым гнездом, причем лишь немного его совершенствует. При постройке гнезда ворон, как и всегда, выказывает свой ум и осторожность. Он весьма осмотрительно приближается со строительными материалами и бросает гнездо, если часто замечает вблизи его че-

ловека или если его потревожат перед кладкой яиц. В других же случаях ворон аккуратно из года в год возвращается к своему старому гнезду. Ворон кладет 5—6 довольно больших яиц, почти 54 мм длиной и 34 мм в поперечнике, усеянных бурыми и серыми пятнами по зеленоватому полю. По наблюдениям моего отца, насиживает только самка, по данным же Наумана — и самка, и самец поочередно*.

** Отец Брема был прав, кладку у ворона насиживает только самка, самец ее кормит.*

Птенцы кормятся обоими родителями, обильно доставляющими им земляных червей, насекомых, мышей, молодых птиц, яйца и куски падали. Но голод птенцов, по-видимому, ненасытен, и они постоянно требуют пищу, даже получая обильнейший корм. Оба родителя чрезвычайно любят своих птенцов и никогда не оставляют гнезда, если птенцы уже вылупились. При благоприятных условиях молодые вороны покидают гнездо в конце мая или начале июня, но в большинстве случаев еще долгое время возвращаются в гнездо каждый вечер и затем целые недели держатся вблизи него. Родители водят потом молодежь на луга и поля, продолжая кормить их там, и одновременно обучают всем сноровкам и хитростям своего ремесла. Только к осени воронята становятся самостоятельными.

Вынутые из гнезда воронята после короткого воспитания становятся необыкновенно ручными; даже пойманные старые вороны свыкаются с изменившейся обстановкой. При общении с человеком ум ворона изощряется в изумительной степени. Его можно дрессировать, как собаку, и натравливать на животных и людей: он выделяет самые смешные и веселые штуки, постоянно придумывая что-нибудь новое, и с годами становится чем старше, тем умнее, но далеко не всегда приятнее для человека. Ворона легко приучить вылетать из дома и возвращаться; но он постоянно, и очень скоро, оказывается недостойным большой свободы — ворует и прячет краденое, убивает молодых домашних животных, кур и гусей, кусает за ноги босых людей, а иногда становится даже опасным, так как обращает свои шалости на детей. С собаками ворон часто ведет величайшую дружбу, ищет им блох и оказывает разные другие услуги. Он также привыкает к лошадям и рогатому скоту и снискивает их приязнь. Ворон отлично выучивается говорить, правильно выговаривает слова и разумно применяет их; лает, как собака, смеется, как человек, воркует, как домашний голубь, и т.п. Если бы я вздумал снова пересказать здесь все истории о ручных воронах, известные мне, это завело бы нас слишком далеко, поэтому будет достаточно сказать, что ворон часто выказывает понятливость, почти равную человеческой, и умеет столько же радовать своего владельца, сколько сердить посторонних. Кто не признает у животных ума, пусть подольше наблюдает ворона.

Ворона черная (*Corvus corone*) черного цвета с фиолетовым или пурпуровым отливом; радужная оболочка глаза бурого цвета; у молодых ворон оперение матово-черное, а глаза серые. У **серой вороны** (*Corvus corax*), напротив того, только голова, передняя часть шеи, крылья и хвост черные, остальное же оперение светло-пепельно-серое или, у молодых, грязно-пепельно-серое. Длина и той, и другой равняется 47-50 см, размах крыльев 100-104, длина крыльев 30, длина хвоста 20 см. Серая ворона распространена шире своей родственницы; мы встречаем ее не только в Скандинавии, от Нордкапа до Фальстербо, в большей части России и в северной Германии, но и в Галиции, Венгрии, Штирии, южной Италии, Греции и во всем Египте (от моря до границ Нубии), также во всей Средней Азии, от Урала до Японии и через Туркестан, Персию, Афганистан до северо-западной Индии включительно. Черная же ворона, напротив того, живет в Германии, к западу от реки Эльбы, во Франции, а также и в значительной части Азии, обыкновенно там, где не встречается серая ворона*.

** На территории нашей страны граница между областями гнездования серой и черной вороны проходит примерно по долине Енисея и западным отрогам Алтая. В Японии серая ворона не встречается, там живет черная ворона.*

Одна, таким образом, заменяет другую, однако нисколько не сообразуясь с различиями климатических условий. Но, во всяком случае, имеются также и местности, где районы распространения обоих видов захватывают друг друга; там действительно часто случается, что обе столь близко родственные птицы спариваются одна с другой. Однако это спаривание никоим образом не доказывает, что обе вороны принадлежат к одному виду. Если бы действительно они представляли один вид, то было бы непонятно, почему там, где встречается исключительно одна ворона, ни разу не могла появиться и другая**.

*** Многие ученые, занимающиеся систематикой птиц, считают серую и черную ворон относящимися к одному виду, поскольку в зонах контакта их областей гнездования серая и черная вороны гибридизируют и дают плодовитое потомство.*

По своему образу жизни черная и серая вороны действительно не различаются, по крайней мере заметным для нас образом. Обе представляют оседлых или, самое большее, кочующих птиц. Рощи на полях представляют любимейшие убежища ворон, но они не избегают и больших лесов и поселяются всюду, где чувствуют себя в безопасности, даже в непосредственном соседстве с человеком, например в садах.

Вороны в высшей степени общительны, богато одарены телесно и духовно и таким образом имеют возможность играть очень значительную роль в хозяйстве природы. Они хорошо ходят шагая, немного качаясь, но без всякого напряжения; летают легко и продолжительно, хотя и менее ловко, чем более крупные вороны; обладают острыми чувствами, именно зрением, слухом и обонянием, и по умственным способностям немногим уступают большому ворону или даже равняются ему. Но так как вороны в большинстве случаев опасны только мелким животным, то польза, приносимая ими, по всей вероятности, перевешивает причиняемый ими вред*.

** При высокой численности ворон, которая наблюдается в нашей стране в настоящее время, вороны приносят значительный вред, разоряя гнезда птиц и убивая мелких животных, поэтому допускается их преследование в любое время года.*

Ежедневная жизнь ворон приблизительно такова: они начинают летать перед рассветом и если еще не подвергались преследованию, то перед отправлением на кормежку собираются на каком-нибудь определенном здании или большом дереве. Отсюда они разлетаются по полям. До полуночи вороны деятельно заняты разыскиванием пищи. Они ходят по полям и лугам, следуют за пахарем, подбирая личинок хруща, караулят мышиные норы, высматривают птичьи гнезда, обыскивают берега ручьев и рек, шарят по садам — короче, толкаются повсюду. При этом они иногда соединяются с другими родичами и некоторое время занимаются своими делами сообща. Если случится что-нибудь особенное, наверное, вороны первые заметят это и укажут другим животным. Хищная птица встречается громкими криками и так ревностно преследуется, что часто удаляется, ничего не сделав. Снэль совершенно прав, выставляя и такое поведение ворон, как приносимая ими польза; не подлежит никакому сомнению, что разбойническая деятельность вредных хищных птиц значительно стесняется воронами, все равно, нападают ли они прямо на хищника или только выдают его присутствие человеку и животным**.

*** К нашему времени доподлинно установлено, что вредных хищных птиц не бывает, большинство представителей этого отряда играют положительную роль в природных сообществах и заслуживают всемерной охраны. Ущерб, наносимый воронами при их высокой численности, многократно превышает пресс хищных птиц на животных в их естественной среде обитания.*

К полудню вороны слетаются к густому дереву и прячутся в его листву, чтобы соснуть после обеда. После полудня вороны вторично отправляются на кормежку, а к вечеру собираются в большом количестве в определенных местах, по-видимому, с целью взаимно обменяться впечатлениями дня. Потом они отправляются на ночлег в ту часть леса, где собираются все вороны обширного района. Сюда прибывают они с величайшей осторожностью, обыкновенно лишь после несколько раз повторенной высылки разведчиков. Вороны прилетают после наступления темноты, молча летят до места и так тихо садятся, что ничего не слышно, кроме шороха крыльев. Подкарауливание делает их в высшей степени осторожными. Они скоро выучиваются отличать охотника от неопасных для них людей и обыкновенно доверяют лишь тому, в чьей благонамеренности совершенно убедились. В феврале и марте отдельные пары сближаются еще теснее, чем прежде, любезно болтают вместе, и самец усердно ухаживает за самкой, своеобразно расширяя крылья и производя различные кокетливые движения. В конце марта или начале апреля вороны строят гнездо. Они устраивают его на высоком дереве или чинят прошлогоднее. Гнездо похоже на гнездо большого ворона, но значительно меньше, самое большее 60 см в ширину и только 4 см в глубину*.

** Это не совсем так. Лишь некоторые гнезда ворон мелкие, обычно же высота их достигает 20-25 см, а глубина лотка 5-7 см.*

На основание из жестких ветвей кладутся полосы коры, пучки травы, корни пырея и разные другие корни, очень часто связанные слоем глинистой земли; внутренность гнезда выстилается шерстью, телячьим волосом, свиной щетиной, кусочками коры, травяными стебельками, мхом, тряпками и т.п. В первой половине апреля самка кладет 3-5, чрезвычайно редко 6 яиц 44 мм длиной и 29 мм в поперечнике; яйца разрисованы по сине-зеленоватому фону точками и пятнами оливкового цвета, темно-зелеными, темно-пепельно-серыми и черноватыми. Насиживает одна самка, но самец отлучается от нее, лишь когда ему необходимо слетать за пищей для себя и своей подруги. Оба родителя с величайшей любовью ухаживают за птенцами, кормят их и мужественно защищают от

опасности. Серые и черные вороны спариваются между собой. Происходящие от подобного скрещивания ублюдки походят иногда на отца, иногда на мать или по своей окраске представляют нечто среднее между ними, хотя и не вполне, потому что совершенно невозможно передать бесконечное множество различий окраски, представляемых ублюдками. Нередко также случается, что два ублюдка спариваются между собой и производят птенцов, которые, как говорят, всегда снова возвращаются к одному из главных видов, т.е. получают окраску или черной, или серой вороны. На этом главным образом и основано воззрение некоторых естествоиспытателей, что оба вида ворон надо считать за один. Мне кажется, подобный взгляд сомнителен.

Оба вида ворон можно без всяких хлопот много лет содержать в неволе; они приручаются и выучиваются говорить, если только у учителя хватит терпения. Но все-таки они едва ли годятся в комнатные или домашние птицы. Из комнат приходится их изгонять из-за их неопрятности или, правильнее, распространяемого ими запаха, даже когда их владелец изо всех сил старается держать в чистоте клетку. Ворон также нельзя пускать свободно бегать по двору и в саду, потому что они, подобно ворону, творят всякие бесчинства. Страсть таскать блестящие вещи разделяют они со своими слабейшими родственниками, страсть к грабежу и убийству — с большим вороном.

Опасными врагами ворон является лисица, лесная куница, кречет, ястреб и филин. Кроме того, они страдают от различных паразитов, гнездящихся в их оперении. Филин, по всей вероятности, навлек на себя необыкновенную ненависть ворон своими ночными нападениями на этих беззащитных в это время птиц; во всяком случае, достоверно известно, что он необычайный любитель вороньего мяса. За его ночные злодеяния вороны расплачиваются с ним днем по мере сил и возможности. Кроме филина, любой сове стоит показаться днем — во всей окрестности поднимается страшный переполох; все вороны поспешно слетаются и с беспримерной яростью колотят этого любителя мрака. Точно так же, как филина, вороны задирают и всех прочих хищников, от мщениия которых их спасают ловкость в летании или их многочисленность. Что касается человека, то в настоящее время вороны менее страдают от него непосредственно, чем косвенным образом. Кое-где их регулярно истребляют из вороньих шалашей, разоряют и уничтожают их гнезда, яйца и птенцов; но гораздо больше вреда, чем все это, приносит рассыпание отравленных зерен на полях, страдающих от мышей. В годы, особенно обильные мышами, трупы ворон валяются на полях дюжинами и сотнями, и в это время легко можно констатировать заметное уменьшение их числа. Но благодаря своей долговечности и плодовитости вороны всегда вскоре восполняют такую убыль, и, таким образом, так же излишне принимать меры к их охранению, как неразумно проповедовать их истребление.

Грач (*Corvus jugileus*), четвертый из наших видов ворон, оказывается еще полезнее, чем черная и серая вороны*.

** Полезность грача несомненна при его невысоком обилии. Однако, когда численность этого вида велика, как, например, в наше время в степной и лесостепной зонах нашей страны, грач зачастую становится истинным бичом для многих видов птиц, особенно таких редких, как дрофа, стрепет, журавль-красавка, многие кулики. Расхаживая большими группами по лугам и степям в поисках корма, грачи разоряют несметное число гнезд мелких птиц, вспугнутых ими, пасущимся скотом или людьми. Сильно страдают от грачей кладки дрофы: вспугнутые человеком дрофы долго не возвращаются к гнезду, чем пользуются грачи, они находят кладку и поедают яйца. Даже степные орлы не застрахованы от их грабежей. Кроме этого огромные массы грачей, питаясь зернами хлебных культур, наносят ощутимый ущерб посевам зерновых при посевной и перед уборкой урожая.*

Он отличается от своих родственников следующим и признакам и: телосложение более стройное; клюв очень вытянутый; хвост сильно закругленный; оперение плотное, великолепно блестящее; передняя часть головы в зрелом возрасте голая, причем это является исключительно следствием землекопных работ. Длина грача 47-50 см, размах крыльев около 100. длина крыла 35, длина хвоста 19 см. Оперение старой птицы однообразно сине-фиолетово- черного цвета; у молодых оно тускло-черное. Молодые грачи отличаются от старых также своей оперенной передней частью головы.

Область распространения грача более ограничена, чем у черной и серой ворон. Он живет в большей части европейской равнины и в южной Сибири. В Туркестане, Афганистане, западной части Гималайского хребта и Пенджабе он появляется только зимой, по свидетельству Уайтса. Кроме того, по словам Вальтера, грач проводит зиму также на равнинах Туркмении. В Европе грачи составляют редкость уже в Швеции, а в южной Европе они показываются только во время зимних перелетов. В отличие от родственных видов, рассмотренных выше, грачи регулярно совершают перелеты бесчисленными стаями, достигая северной Африки. В Испании я видел их в течение всей

зимы, с конца октября до начала марта; они попадались часто и всегда большими стаями. Я также постоянно наблюдал их в те же месяцы в Египте. Любимейшим местопребыванием этой птицы являются возделанные поля, на которых попадают рощи. Небольшой высокоствольный лес обыкновенно избирается местом гнездовья и сборным пунктом определенного, иногда очень значительного числа грачей; отсюда они распределяются по окрестным полям.

По образу жизни грач имеет много общего с его уже описанными родичами, но гораздо боязливее и безвреднее их. Походка его так же хороша, полет легче, понятливость не менее заметна, и душевные способности развиты так же, как и у остальных ворон. Но грач еще гораздо общительнее своих родичей. Грачи порой могут быть очень неприятны: прочно поселившись где-либо, они выказывают упорное противодействие всем усилиям человека изгнать их оттуда; во время гнездованья отвратительнейшим образом пачкают дорожки в садах и оглушают человека своим вечным гамом в рощах вблизи человеческих жилищ; грачи могут также отличнейшим образом умертвить маленького зайчонка или заколотить молодую куропатку; затем, они сердят земледельца, подбирая на полях хлебные зерна, и садовника — воруя зреющие плоды. Но зато грачи в тысячу раз вознаграждают за всякий вред, причиняемый ими. Грач — наилучший истребитель майских жуков, их личинок и голых слизняков, и отличнейший охотник за мышами. Для ловли майских жуков, по наблюдениям Наумана, грач систематично принимается за дело. Одни грачи взлетают на дерево, на ветвях и молодых листьях которого во множестве сидят майские жуки; от встряхивания при опускании птиц на концы ветвей жуки сыплются вниз, а удержавшиеся склеиваются грачами; под деревом же осыпавшихся жуков подбирают другие грачи. Так обрабатывается каждое дерево по порядку, причем уничтожается неисчислимое количество этих вредных жуков. Грачи являются также очень опасными врагами многих жучков, вредящих хлебу. Они подбирают их личинки, также личинки майских жуков и земляных червей или на свежевспаханных полях и идя за плугом, или вытаскивают их из земли своим клювом. Так же усердно, как за насекомыми, охотятся грачи и за мышами. «Я помню годы, — говорит Науман, — когда хлебным всходам и зреющим хлебам угрожала гибель от ужасающего множества полевых мышей. На ржаных и пшеничных полях часто можно было видеть целые полосы, частью объеденные, частью изрытые мышами. Но хищные птицы и разные виды ворон вскоре совершенно освобождали землю от этой язвы при содействии неблагоприятной для мышей погоды. В те годы у всех ворон, убитых мною, зобы были туго набиты мышами. Часто я находил 6-7 в одной птице. Если взвесить эту пользу, то мне кажется, станешь невольно лучше относиться к ненавистным грачам и даже полюбишь их».

Когда приближается время насиживания, тысячи грачей собираются на очень маленьком участке, преимущественно в роще среди полей. Одна пара поселяется рядом с другой. На каждом дереве устраивается 15-20 гнезд, вообще столько, сколько может уместиться. Каждая пара ссорится с соседней из-за строительных материалов, и все воруется друг у друга не только их, но утаскивают даже целые гнезда*. Вблизи местожительства грачей раздается непрерывное карканье и гвалт, и черное облако грачей затемняет воздух.

* Конечно, это преувеличение. Целиком гнездо грачи друг у друга не утаскивают, им это просто не под силу.

Наконец наступает некоторый покой: каждая самка снесла и насиживает свои 4-5 яиц; они в среднем 38 мм в длину, 27 мм в поперечнике, бледно-зеленые, испещренные пепельно-серыми и темно-коричневыми пятнами. Но скоро вылупляются птенцы, и гам удваивается или утраивается — птенцы желают кушать и умеют очень понятно выражать свои чувства всевозможными неприятными звуками. В это время буквально невозможно стоять вблизи подобного поселения грачей. Гвалт затихает только ночью; но он начинается как раз перед рассветом и непрерывно продолжается весь день и долго спустя после захода солнца. Кто вздумает посетить подобное поселение грачей, тот будет тотчас так же измаран их известковым пометом, как почва вокруг него, на которую страшно взглянуть: сверху падает непрерывный дождь помета. К этим неприятным свойствам надо прибавить еще упоминавшееся выше упрямство грачей. Их не так-то легко прогнать. Можно отбирать их яйца и птенцов, можно стрелять их сколько душе угодно, все это ни к чему не ведет — они снова возвращаются. С удовольствием вспоминаю я усилия Лейпцигской городской думы избавиться от грачей, поселившихся на высоких тополях тамошнего парка. Сначала пустили в дело стрелков и вооруженную силу — ничто не действует. Тогда, по-видимому с отчаяния, прибегли к последнему средству: развернули кроваво-красное революционное знамя. Буквально так: красные флаги весело трепетали по ветру рядом и под гнездами грачей на страх и ужас всех мирных граждан. Но грачи не побоялись и подозрительного красного цвета. Только когда принялись упорно и постоянно разорять их гнезда, грачи бросили наконец это место. Конечно, многие проступки грачей далеко не спо-

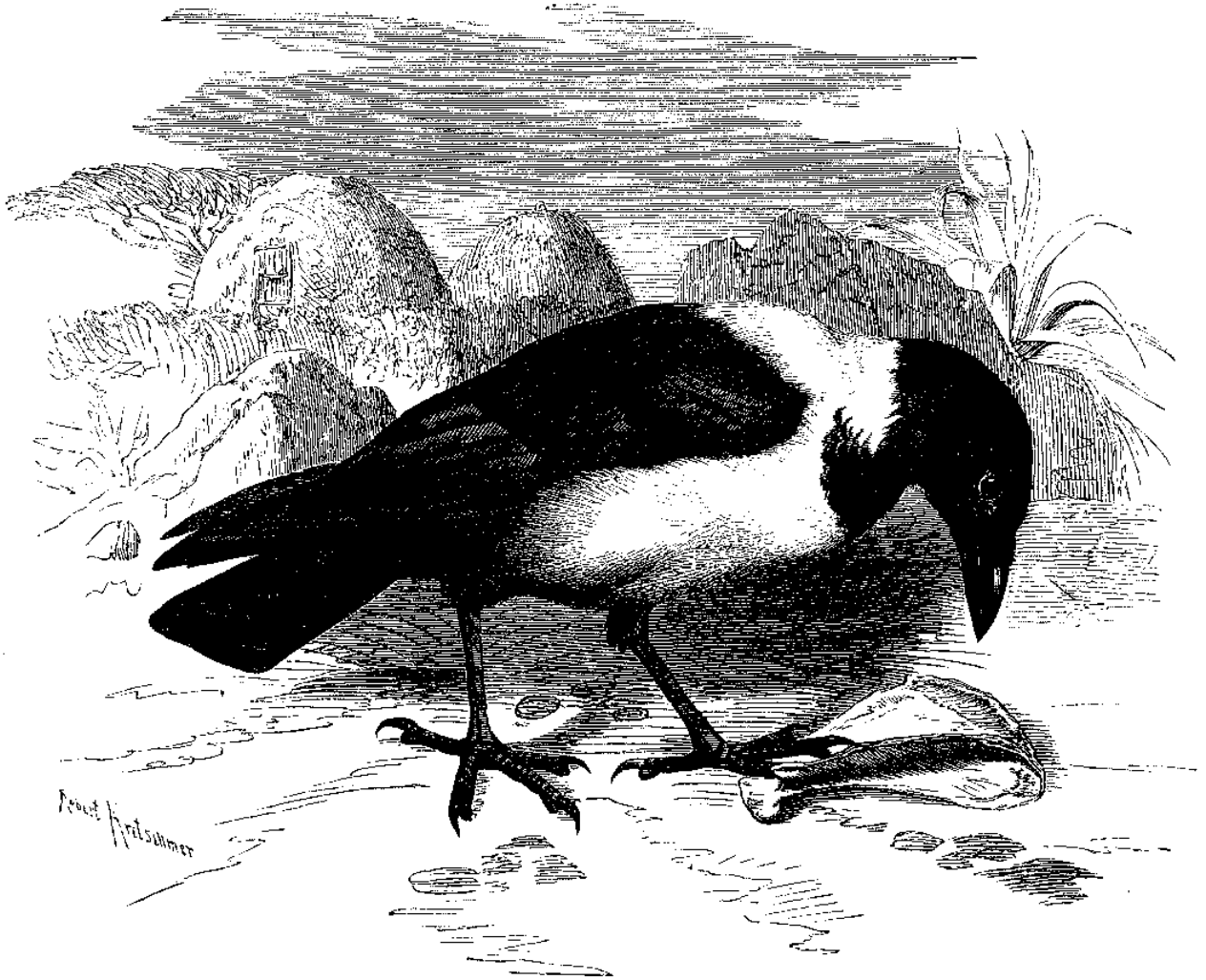
собствуют тому, чтобы нерассудительные люди могли их любить. Но кто оценит их пользу, тот охотно оставит их в покое, по крайней мере хоть в полевых рощах, удаленных от жилья.

Как ни велика масса грачей, населяющая их гнездовья, но ее нельзя и сравнивать с массами, в которые грачи иногда собираются во время зимних перелетов. Тысячи присоединяются к тысячам, и это полчище все растет и растет по мере продолжительности перелета.

Во время перелетов грачи выказывают все свое умение летать. Через горы стая обыкновенно летит низко, а через долины часто на большой высоте. Вдруг одному грачу вздумается спуститься на 300-100 м, и он делает это не медленно и спокойно, а внезапно, со свистом, словно безжизненное тело падает с большой высоты на землю. За первым грачом тотчас следует много других, иногда вся стая, и тогда воздух наполняется далеко слышным шумом. Внизу, долетев почти до земли, грачи задерживаются и снова спокойно летят дальше, затем постепенно снова поднимаются все выше и выше и не более как через четверть часа летят в высочайших воздушных слоях, являясь глазу в виде маленьких точек.

У грачей те же враги, что и у родственных им видов. В неволе грачи менее интересны и привлекательны, чем ворон и галка, и потому их реже держат в клетках. В некоторых местностях молодые вороны всех видов охотно употребляются в пищу беднейшим населением; они вообще представляют далеко не дурное кушанье. Мясо старых птиц, конечно, никуда не годится, но все-таки и его едят в некоторых бедных частях (Германии), и даже кое-где оно играет весьма важную роль в хозяйстве жителей. Недавно в охотничьем журнале «Der Weidmann» Е. Доберлейт подробно описал ловлю и потребление ворон на Куришгафской косе. Нашему очевидцу сначала показалась совершенно невероятной ловля ворон массами в сети, чтобы солить их на зиму; но он мог лично убедиться в совершенной справедливости этого. «Я должен заметить здесь в виде пояснения, — пишет Доберлейт, — что ловля грачей во время перелета ведется местными жителями как промысел, или скорее они вынуждены к этому. Бедные рыбаки Куришгафской косы часто живут по многу дней и недель без сообщения с материком, как это было, например, в прошлую зиму. Несмотря на огромные усилия, им приходится очень мало или почти совсем не ловить рыбы в Гафе, так как страшные снежные заносы и необыкновенная толщина льда сами по себе не допускают рыбной ловли. Поэтому рыбакам приходится изыскивать другие источники пропитания, чтобы кое-как просуществовать зимой. В прежние времена в числе приношения от прихожан пастору относилось и определенное число ворон, как уверял меня один тамошний пастор. Для ловли грачей по всей косе устроены так называемые вороньи шалаши из еловых ветвей. Во время моей охотничьей поездки от Кранца до Розиттена я насчитал их 245 штук. Перед шалашами раскладываются довольно большие сети, усеянные для приманки мелкой рыбой; кроме того, употребляются сети с приманкой из живых ворон, привязанных на веревочках к столбам. Сети сверху присыпаются мелким песком, чтобы сделать их невидимыми. Так как грачи летят вдоль косы тысячами тысяч из Швеции, Норвегии и особенно из России, то удается без особых хлопот ловить их массами. Когда мы после короткого странствования прибыли на место ловли, сети уже были поставлены, приколы укреплены в песке и приманка разбросана. Мы скрылись в своих шалашах; прошло очень мало времени, как раздался крик передовых грачей, влетевших в сеть и бросившихся на приманку. За ними следовали все новые и новые. Когда сеть достаточно наполнилась, ловец дернул шнур — и несколько дюжин черных птиц оказались пойманными. Тогда человек быстро бросился вон из шалаша и начал безжалостно разбивать птицам черепа. Это надо делать как можно скорее, потому что пленники поднимают отчаянный гвалт, на который слетаются сотни их братьев, чтобы отомстить за них или по крайности пропеть им отходную. Ловцы так проворно убирают убитых грачей и снова настораживают сети, что и не заметишь, как та же история начинается снова; проворство ловцов тем удивительнее, что в сыпучем песке чрезвычайно трудно быстро действовать. Ловля продолжается весь день; вечером появляются носильщики и уносят добычу домой. Там грачей шпарят в кипятке, ошипывают, потрошат, солят и складывают в бочки про черный день. Так образуется зимний запас продовольствия жителей этих негостеприимных песчаных дюн».

Пегий ворон (*Corvus albiis*). В Африке к югу от 18 градуса северной широты мы прежде всего встречаем одного очень замечательного по своему оперению ворона, маленького и со слабым клювом, распространенного по всей Африке и на Мадагаскаре. Это вышеназванный пегий ворон. Он блестяще-черного цвета, но на груди, брюхе и нижней части затылка имеет широкую ослепительно белую полосу. Темные перья сверкают, светлые блестят как атлас. Глаза светло-карие. Клюв и ноги черные.

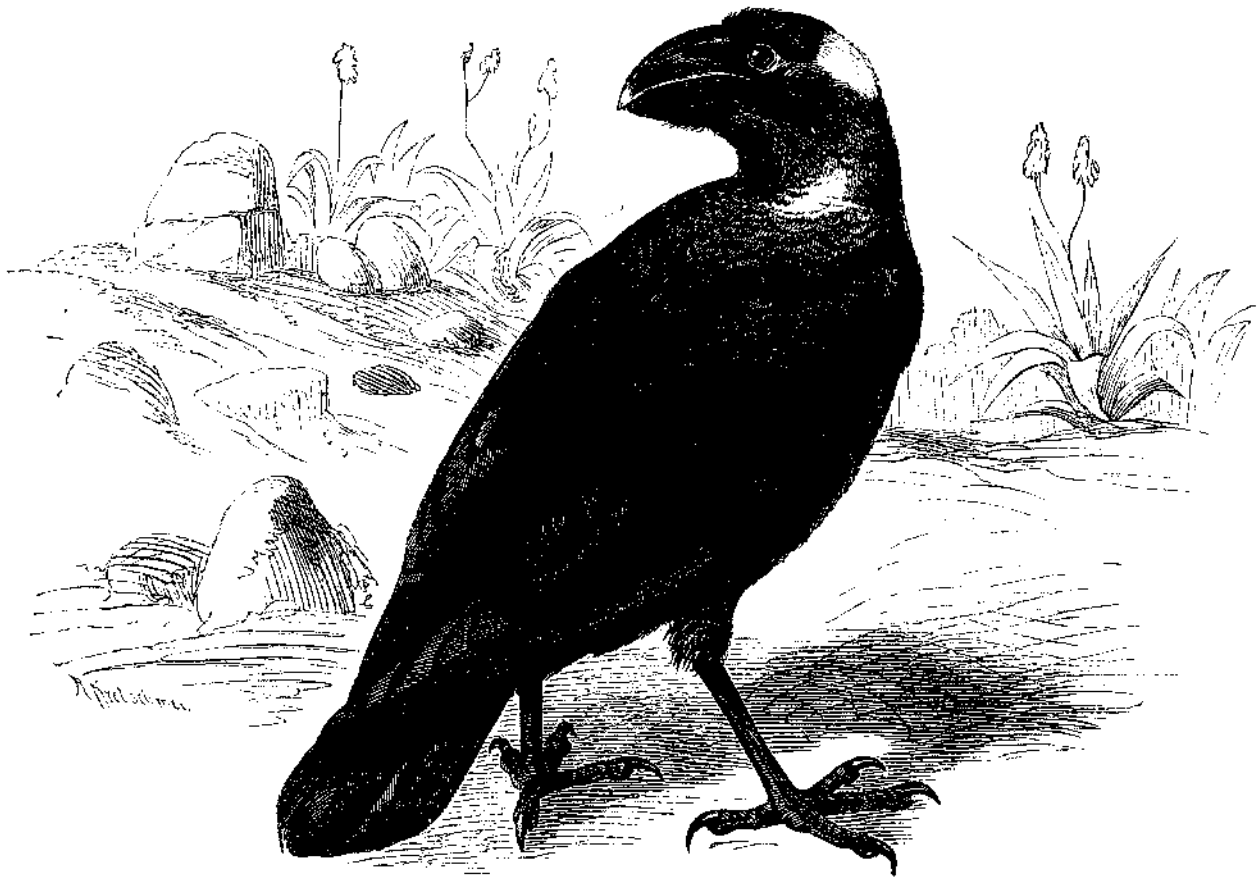

Пегий ворон (*Corvus albus*)

Длина тела 45-50 см, длина крыла 35, длина хвоста 16 см. Область распространения этого ворона простирается от уровня моря до 4000 м высоты. Он часто попадает, если не представляет самую обыкновенную птицу, во всем Судане и в низменностях Абиссинии. На равнинах он встречается всюду, напротив того, в горах во многих местах его совсем нет. Я встречал пегого ворона обыкновенно парами; иногда, впрочем, несколько пар соединяются в маленькую стайку, которая, однако, никогда не остается долго в сборе. Большими стаями я его не замечал. Гартман говорит, что эта птица напомнила ему сороку не только своим оперением, но и своим веселым нравом. Со своей стороны мне кажется, что она больше походит на нашего ворона, чем на всех остальных родичей. Полет пегого ворона легок, ловок, очень быстр и похож на парение хищных птиц; при этом птица великолепно выглядит: острые маховые перья и округленный хвост придают ей нечто почти соколиное, а белое пятно на груди сверкает издали. Походка серьезна и полна достоинства, но при этом легка и быстра. Голос — нежное «курр». Во всех местностях, где часто встречается пегий ворон, он живет в дружбе с людьми.

Другим достойным африканским представителем ворон является **грифовая ворона** (*Corvus crassirostris*). Важнейшие отличительные признаки ее следующие: клюв огромной величины — длина его превосходит длину головы; он необыкновенно толст, сверху и снизу сильно согнут, с боков вдавлен, у основания он снабжен широкими плоскими бороздками; щетин у основания клюва нет. Хвост сильно ступенчатый. Грифовая ворона достигает длины 70 см, длина крыльев 47, длина хвоста 24 см. На боках шеи оперение угольно-черное с темно-пурпуровым отливом. Остальное оперение сине-черного цвета.

Гейглин обстоятельно описывает жизнь этой гигантской вороны. Она живет в горах северо-восточной Африки, в Абиссинии и в гористых частях Сомали.

Грифовая ворона (*Corvus crassirostris*)

К западу она, по всей вероятности, распространена глубоко внутрь Африки, но оседлой является лишь в местностях не ниже 1200 м над уровнем моря и до снеговой линии. Она живет на плоскогорьях, преимущественно вблизи загонов для скота, держится попарно или маленькими стайками и нисколько не боится человека. Подобно своим родичам, она много бегает по земле и летает над пастбищами, полями и селениями; редко садится на деревья, а чаще отдыхает на отдельно стоящих скалах или на кровлях жилищ, зорким глазом наблюдая окрестности. Нередко также слышится ее грубый крик, похожий на крик ворона, или ее относительно слабый трещащий призывный голос.

Будучи общительна и уживчива, как большинство остальных ворон, грифовая ворона живет в доброй дружбе с питающимися падалью птицами, но не позволяет им отгонять себя от падали. В случае нужды она питается жуками и другими насекомыми, по всей вероятности, и всевозможными плодами, но главная ее пища состоит из мясных отбросов и костей. Ради них она посещает селения, следует за стадами и за войсками. Во время похода англичан против племени галла, в котором Гейглин участвовал наполовину по принуждению, грифовая ворона постоянно следовала за войсками вместе с разными грифами и еще одним видом ворон. Путешественнику нередко случалось видеть ее сидящей на человеческих трупах, которым она сначала выклевывала глаза и затем раздирала тело. Хотя наш очевидец никогда не наблюдал, чтобы грифовая ворона нападала на живых животных, но он нисколько не сомневается в этом.

Обыкновенная галка (*Corvus monedula*) является карликом среди наших ворон и представительницей особого рода, отличающегося коротким и сильным, но мало согнутым клювом. Длина галки 33 см, размах крыльев 65, длина крыла 22, длина хвоста 13 см. Оперение на лбу и темени темно-черное, на задней части головы и затылке пепельно-серое, на остальном теле сверху синевато-черное, а на нижней части тела аспидного цвета или черновато-серое; вокруг глаза серебристо-белое кольцо; клюв и ноги черные. У молодых галок цвет оперения более грязный, а глаза серые.

Галка, подобно другим воронам, встречается не только в большей части Европы, но и во многих местах Азии, распространяясь к северу по крайней мере до границы хлебопашества. Галка является гнездующей птицей также в гористых частях Туркмении и до западной части Гималайского хребта. Зимой она появляется в большом количестве в Пенджабе. На юге Европы галка более редка, чем в Германии; но нигде не встречается она столь часто, как в России. В тех местностях, где водится галка, она обыкновенно поселяется в старых городских башнях или других высоких

строениях, стены которых представляют удобные места для устройства гнезд. Кроме того, галка встречается в лиственных лесах, на полях, в рощах с дуплистыми деревьями. В России галка во множестве живет во всех селениях и является живописным украшением деревянных изб; она гнездится под черепичными крышами, за отворенными ставнями окон, на колокольнях и вообще всюду, где найдет углубление или дыру, способную вместить ее гнездо.

Галка веселая, живая, ловкая и умная птица. Она умеет сохранять свое веселое расположение духа при всевозможных обстоятельствах и действительно оживляет местность, где водится. Будучи необыкновенно общительной, она соединяется в большие стаи не только с другими особями того же вида, но примешивается также к стаям других ворон, именно к грачам, предпринимает даже с ними зимние перелеты и в угоду им летит возможно медленнее; сама же галка очень ловка в полете и в этом смысле больше походит на голубя, чем на ворону. Ей так легко летать, что она очень часто развлекается всевозможными смелыми упражнениями в воздухе, поднимается и опускается без всякой цели и надобности и выделяет разнообразные забавные штуки. Она так же умна, как ворон. Ее призывный крик — вполне благозвучное «йек» или «дьек»; в других случаях она кричит «крэ» или «крие». Ее «йек-йек» в высшей степени похоже на призывный крик грача, что может также служить причиной дружбы этих птиц. В период любви галка премолю болтает. Голос ее вообще гибок и богат модуляциями, чем объясняется, что она без особенного труда выучивается выговаривать человеческие слова или подражать другим звукам, например пению петуха. Относительно пищи галка ближе всего стоит к грачу. Главную массу ее пищи, несомненно, составляют всевозможные насекомые, улитки и черви. Насекомых подбирает она на лугах и полях или на спинах более крупных домашних животных. Она следует за пахарем, доверчиво шагая за плугом. Галка умеет ловко ловить мышей и молодых птиц, а яйца принадлежат к ее любимейшим кушаньям. Не менее охотно ест она растительные вещества, именно: хлебные зерна, концы листьев хлебных злаков, клубни, прорастающие и спеющие овощи, плоды, ягоды и т.д. Поэтому в садах и фруктовых насаждениях галка может приносить если и не особенно чувствительный, но все-таки заметный вред. В России она также ест зерна на скирдах и гумнах; но мне кажется сомнительным, вправе ли мы поэтому причислять ее к преимущественно вредным птицам; я, напротив, готов считать, что польза, приносимая ею полям, по крайней мере равняется приносимому ею вреду, если не превосходит его. Поздно осенью галки улетают от нас вместе с грачами и в одно время с ними снова появляются на родине. В России далеко не все галки улетают на зиму, как бы сурова она ни была.

Во время своих зимних перелетов галки достигают северо-западной Африки, северо-западной Азии и Индии.

Сорока (*Pica pica*) достигает длины 45-48 см, размах крыльев 55-58, причем надо считать 26 см на хвост и по 18 см на крыло. Голова, шея, спина, горло, зоб и верхняя часть груди блестяще темно-черные, на голове и спине с зеленым отливом; плечи и более или менее явственная, часто лишь едва обозначенная поперечная полоса на спине и нижней части тела белого цвета; маховые перья синие, наружный их край зеленый, покровные перья больших маховых перьев тоже зеленые, изнутри маховые перья по большей части белые и только на конце темные; рулевые перья темно-зеленые, на конце черные, повсюду с металлическим, часто медным отливом. Глаза карие, клюв и ноги черные. У молодых оперение такое же, но тусклое и лишенное блеска. Область распространения сороки охватывает Европу и Азию от северной границы лесов до Персии и Кашмира*.

* Однако обширные облесенные территории Средней и Восточной Сибири и севера Дальнего Востока (бассейны рек Лены, Яны, Индигирки, Колымы) сорокой не заселены. Но она гнездится на Камчатке и в западной половине Северной Америки от Аляски на юг почти до Мексики.

Сорока по большей части избегает высоких гор, безлесных равнин и обширных лесов. Любимейшими ее местопребываниями являются полевые рощи, опушки лесов и сады. Она охотно поселяется по соседству с человеком и там, где ее не трогают, становится необыкновенно доверчивой или, правильнее, назойливой. В Скандинавии, где сороку до некоторой степени считают священной местной птицей, она поселяется не в садах, но в самих дворах и строит гнездо под крышами, на выступах, устроенных нарочно для нее. Там, где она водится, сорока представляет в полнейшем смысле слова оседлую птицу. Она живет на небольшом участке и никогда его не покидает. Если ее истребить на землях, принадлежащих одному селению, то проходит долгое время, прежде чем она снова постепенно заселит этот район. Только зимою сорока совершает более далекие перелеты, но все-таки весьма незначительные. Хотя по образу жизни и поведению сорока во многом напоминает ворон, она во многих отношениях существенно отличается от своих родичей. Она ходит шагая, почти как ворон, но иначе держит тело — поднимает длинный хвост и покачивает им, как дрозд или

малиновка. Ее тяжелый полет, требующий частых взмахов крыльев, совершенно отличается от полета собственно ворон и уже при относительно сильном ветре становится неверным и медленным. Ворон целыми часами летает для своего удовольствия, сорока употребляет крылья только по нужде. Она никогда не перелетает без надобности даже с дерева на дерево или с куста на куст.

Ее внешние чувства, по-видимому, остры, как у ворон, а по уму она им несколько не уступает. Она точно различает опасных и неопасных ей людей и животных. По отношению к первым сорока всегда настороже, относительно же вторых дерзка, а при случае и жестока. Будучи общительной, как все птицы ее семейства, сорока, охотно присоединяется к воронам и воронам. Также любит летать с ореховками, но охотнее всего соединяется с другими сороками в большие или меньшие стаи, которые охотятся сообща и вообще теснейшим образом взаимно разделяют горе и радость.

Питается сорока насекомыми, червями, улитками, всевозможными мелкими позвоночными, плодами, ягодами, полевыми хлебами и зёрнами. Весной она становится очень вредною, потому что безжалостно разоряет гнезда всех слабейших птиц и может буквально опустошить самый богато населенный сад. Сорока также очень вредит птичьим дворам, фазанятникам и пернатой дичи. Она ловит даже старых птиц, захватывая их врасплох, по словам Наумана, потому что постоянно держится в их обществе, приучает не бояться себя и таким образом обманывает насчет их безопасности. Точно так же сорока часто охотится за мышами и ловит и пожирает много вредных насекомых, улиток и разных бесполезных червей; но все-таки сорока всюду является столь разбойничьей птицей, что, несомненно, должна быть причислена к вредным животным.

Норвежцы утверждают, что сорока в ночь на Рождество Христово приносит первую ветвь для своего гнезда; в Германии это делается обыкновенно не раньше конца февраля. Гнездо строится у нас на вершинах высоких деревьев, а в низких кустах лишь там, где сорока чувствует себя вполне безопасной. Основание гнезда делается из жестких ветвей и колючек, на это кладется толстый слой глины и только затем выделывается собственно гнездо, очень тщательно сплетенное из тонких кореньев и волос. Все гнездо сверху покрывается кучей колючек и сухих ветвей, причем оставляется сбоку выход; эта покрывка хотя прозрачна, но совершенно предохраняет насиживающих птиц от возможных нападений хищных птиц. Сорока кладет 7-8 яиц*, в среднем 33 мм длиной, 23 мм в поперечнике, усеянных бурными пятнами по зеленому полю.

** Кладки сорок могут содержать от 3 до 10 яиц, обычно они состоят из 5-7 яиц.*

После насиживания в течение трех недель вылупляются птенцы. Оба родителя обильно кормят их насекомыми, земляными червями, улитками и мелкими позвоночными. Родители необычайно любят свою детвору и никогда не бросают ее. Сороки, взятые из гнезда молодыми, необыкновенно ручнеют. Они легко выкармливаются мясом, хлебом, творогом, свежим сыром. Они привыкают вылетать и прилетать, выучиваются фокусам, насвистывать песни и выговаривать некоторые слова и тогда доставляют много удовольствия. Но также они доставляют немало неприятностей своею страстью воровать блестящие вещи. Человек, оберегающий мелких птичек, рано или поздно становится отъявленным врагом сороки и беспощадно изгоняет ее из охраняемой им местности. Также и суеверия вооружают человека против сороки: по мнению суеверных людей, убитая в марте и повешенная на дверь конюшни сорока удаляет от скота мух и болезни. Сорока, убитая между Рождеством и Крещением, сожженная и истолченная в порошок, есть, говорят, верное средство от падучей болезни. Либе, из превосходного сочинения которого «Гнездящие птицы Тюрингии» я заимствую эти данные, полагает, что последний предрассудок существенно содействовал уменьшению числа сорок, прежде изобиловавших в Тюрингии, — так много их было убито, сожжено и истолчено для получения порошка, излечивающего падучую болезнь. Кроме человека опасными врагами этой хитрой и смелой птицы являются лишь более сильные хищные птицы. Больше всего достается ей от ястреба-тетеревятника, от нападения которого спасает ее лишь густой кустарник. Пойманная ястребом сорока, по наблюдениям Наумана, жалобно кричит и пытается защищаться, жестоко кусаясь; но что попало в когти ястребу, тому не жить.

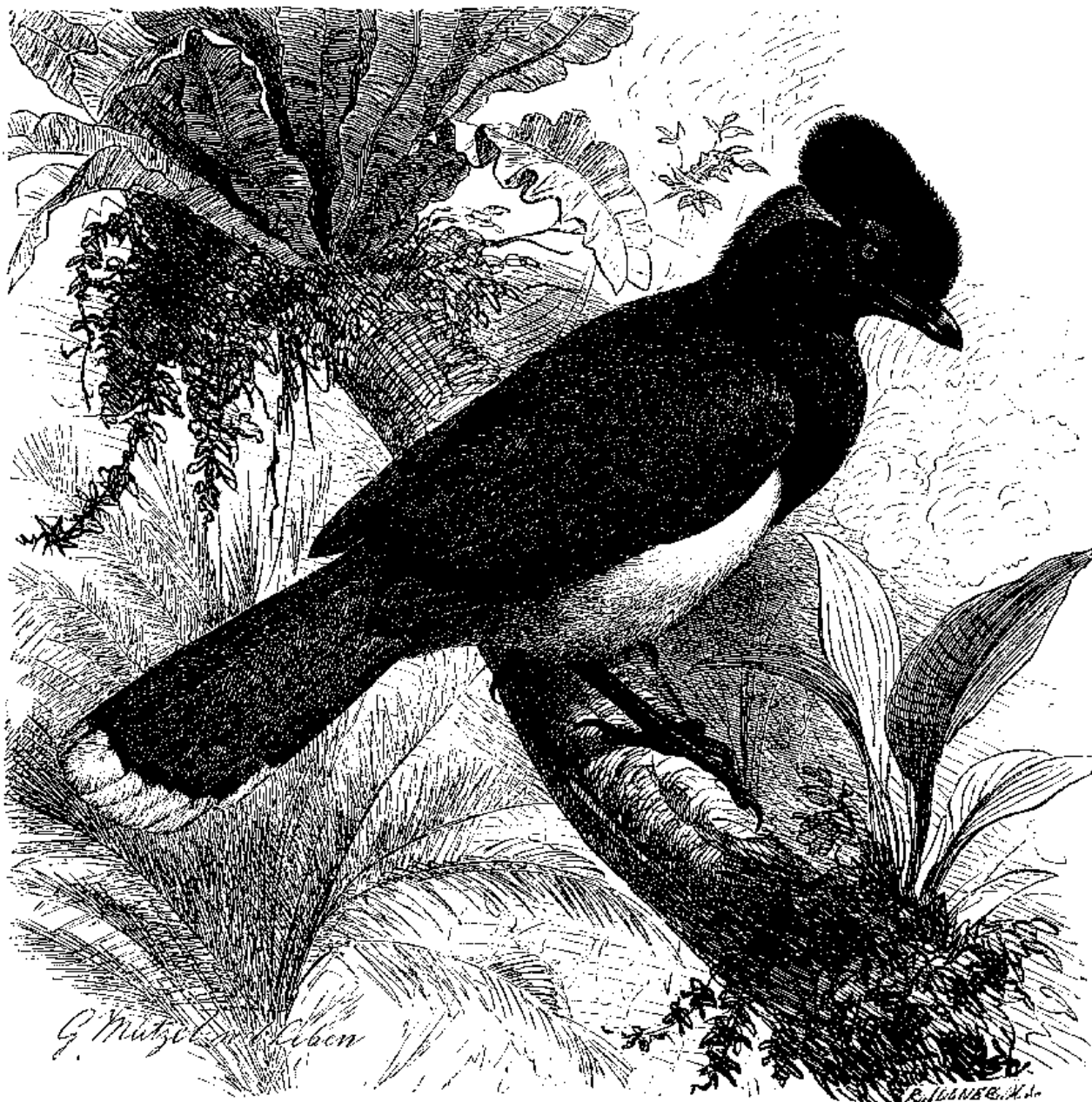
Плюшевоголовая разноцветная сойка * (Суапосогах *chhsops*) представляет собой распространеннейший вид рода.

** Другое русское название этого вида — голубая хохлатая ворона.*

Длина ее достигает 35-37 см, размах крыльев 45, длина крыла 15, а хвоста 17 см. Лоб, уздечка и верхняя часть головы, бока шеи, горла и передняя часть шеи вниз до груди угольно-черного цвета. Затылок, спина и перья крыла и хвоста, поскольку последние не прикрыты маховыми перьями, ультрамаринового цвета, а у основания черного. Нижняя часть груди до гузки, большие кроющие перья крыла и конец хвоста желтовато-белые. Под и над глазами находятся широкие

полулунные пятна небесно-голубого цвета. Пятна часто имеют серебристую кайму. Глаза желтые. Клюв и ноги черные.

Область распространения охватывает всю более теплую часть Южной Америки, простираясь на юг до Парагвая. Здесь эта птица была превосходно описана Гудзоном. Разноцветная сойка, называемая испанцами урака (сорока), обладает короткими крыльями, длинным хвостом, плотным оперением и ногами, отлично приспособленными для лазанья; все это показывает, что она отнюдь не является природной жительницей пампасов, но, вероятно, постепенно распространилась здесь из своих родных лесов. И действительно, она встречается в пампасах только там, где есть деревья.

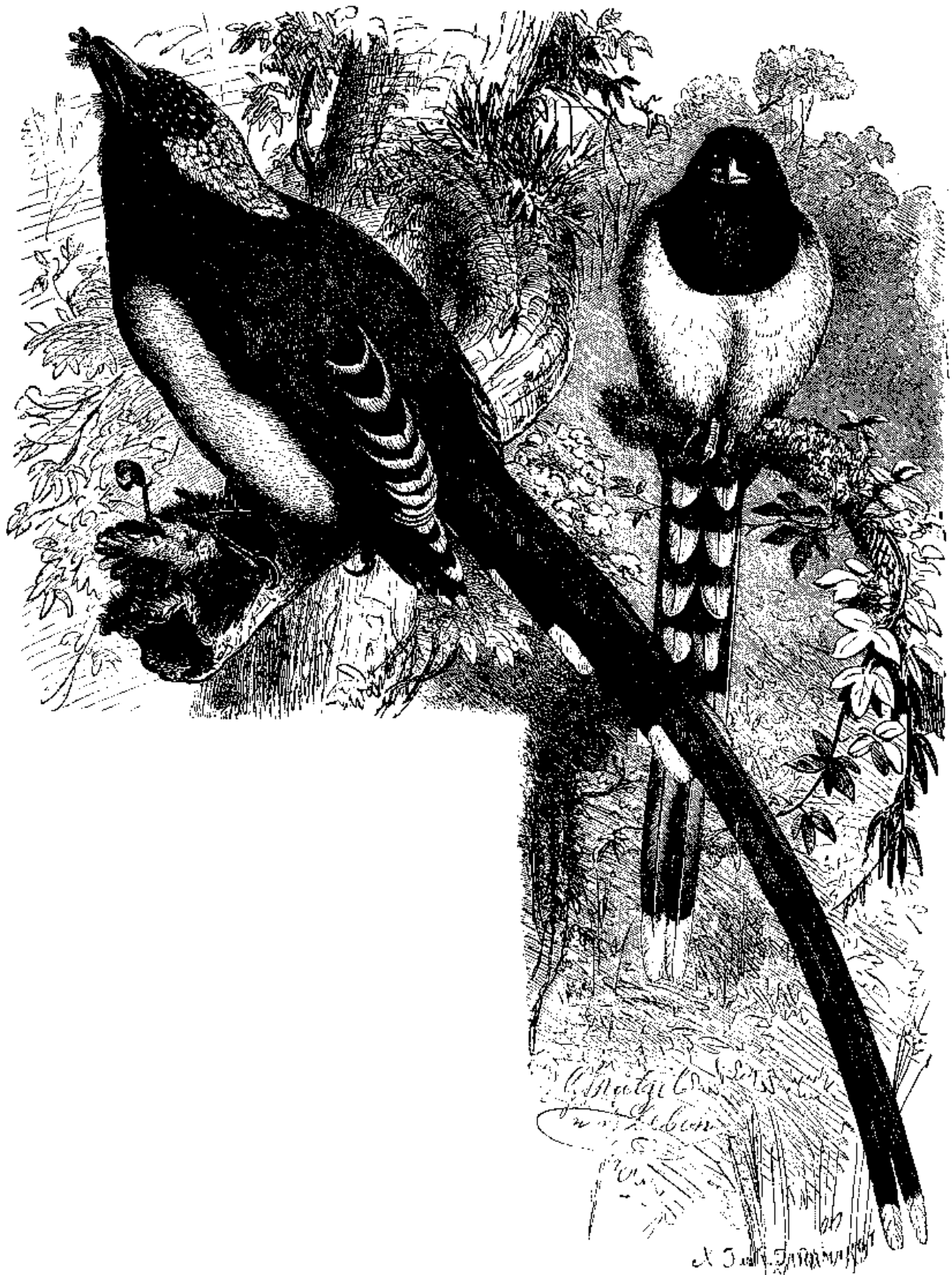

Плюшевоголовая разноцветная сойка (*Cyanocorax ehrsops*)

Зимой разноцветная сойка является самой несчастной птицей в пампасах, потому что, по видимому, более всех других страдает от холода. Каждый вечер стая из 10-20 штук садится на толстые ветки защищенного от ветра дерева. Птицы спят, так тесно усевшись одна подле другой, что образуют одну сплошную массу. Нередко иные буквально усаживаются на спину других, образуя живую пирамиду. Несмотря на это, для многих из них холод оказывается роковым — нередко находят замерзших или отмороженных разноцветных соек под местом их ночевки. Если утро хорошее, они собираются на высоком, освещаемом солнцем дереве, усаживаются здесь на ветки с восточной стороны, расширяют крылья и с удовольствием потягиваются под солнечными лучами; в этом положении они остаются неподвижно час или два, пока кровь снова согреется и оперение обсохнет от росы. Также в течение дня птицы эти часто греются на солнце и вечером ловят его последние лучи на западной стороне деревьев. С началом теплой весенней погоды урака ведет себя совсем по-другому, чем раньше. Они становятся оживленными, крикливыми и веселыми. Вся стая непрерывно

перелетает с места на место. Каждая птица бесцельно летает вокруг своих товарищей, и все они постоянно жалобно кричат. По временам иная из них издает свое пение: ряд продолжительных свистящих звуков, из которых первые издаются сильно и громко, а остальные все глуше и глуше, пока все пение сразу не обрывается на внутреннем глубоком придыхании или ворчании, похожем на храп человека. Если кто-нибудь приближается к стае, то птицы кричат так невыносимо громко, пронзительно и упорно, что потревоживший их, будь он человек или животное, обыкновенно рад поскорее убраться от этих крикунов. Впрочем, во время насиживания слышится также нежная и приятная болтовня, издаваемая, по всей вероятности, самцом. Стаи в это время снова разделяются на пары, и разноцветные сойки становятся крайне недоверчивыми. Гнездо их устраивается на высоком колючем дереве; оно строится из очень толстых ветвей, но по большей части так жидко и небрежно, что через него видны насквозь яйца, а иногда они даже проваливаются. Гораздо реже встречаются гнезда лучшей постройки, высланные внутри перьями и сухими или зелеными листьями. Кладка состоит из 6-7 очень больших относительно птицы яиц; очень часто их бывает даже больше. Однажды Гудзон нашел 14 яиц в одном гнезде, и так как он наблюдал птиц с начала постройки гнезда, то мог достоверно засвидетельствовать, что яйца снесены одной парой. Основной цвет яиц — прекрасный небесно-голубой, но яйца покрыты густо нанесенной белой, нежной известковой массой, которую вначале легко стереть или смыть. Непривлекательность птенцов разноцветных соек вошла в поговорку и по-испански «птенцом ураки» называют человека, лишенного всякого благообразия. Кроме своего безобразия, птенцы разноцветной сойки отличаются неопрятностью, так что гнездо, где их 6-8 штук, столько же малоприятно для глаз, как и для обоняния. Напротив того, крик птенцов производит веселое впечатление, так как основные звуки его напоминают пронзительный смех женщин. На свободе они едят преимущественно насекомых, но также пожирают всевозможных мелких млекопитающих, птиц и пресмыкающихся.

Красноклювая лазоревая сорока (*Urocissa erythrorhyncha*) может считаться одним из красивейших видов своего рода. Общая ее длина 53 см, крылья имеют 19, а хвост 42 см в длину. Голова, шея и грудь чисто черного цвета, за исключением белой долевой полосы, идущей по верхней части головы и по спине, и постепенно переходящей в синий цвет; спина и плечи светлого кобальтово-синего цвета; верхние кроющие перья хвоста такого же цвета, только на концах с широкими черными краями. Нижняя сторона, начиная с груди, беловатая с красновато-пепельным отливом; крылья блестящие кобальтово-синие, но внутренние бородки маховых перьев черные; все перья имеют белые кончики; рулевые перья синие; средние из них с белыми концами; остальные перья белые и черные. Глаза красно-бурого цвета; клюв кораллово-красный; ноги бледно-красного цвета.

Красноклювая лазоревая сорока (*Urocissa erythrorhyncha*)

Красноклювая лазоревая сорока водится в западной части Гималайских гор, а на востоке ее заменяет другой, родственный ей вид. По наблюдениям Свинхое, она часто встречается в Китае, именно в лесах, окружающих Гонконг*.

* Кроме части Гималаев, эта сорока заселяет весь восточный Китай и целиком Индокитайский полуостров.

Она живет здесь в кустарниках, но держится большею частью на земле, где и добывает главным образом свою пищу. Это весьма умное, внимательное существо, которое часто предостерегает других птиц и служит большою помехою для охоты хищных животных: случается, что иногда лазо-

ревая сорока целые мили следует за леопардом и мешает его охоте. По Свинхое, ее полет походит на полет нашей сороки; он совершенно прямой и сопровождается постоянными взмахами крыльев, причем хвост держится горизонтально. При сидении на ветке сорока выпрямляется и часто машет хвостом. Призывный голос и крик предостережения выражаются у нее резкими звуками «пинк-пинк-пинк», к которым присоединяется громкое гоготанье. Когда раздается это гоготанье, все птицы стаи начинают быстро перелетать с дерева на дерево и успокаиваются только тогда, когда издали снова послышится созывающий их крик «пинк-пинк». По Давиду, пища лазоревой сороки состоит из насекомых и плодов. Любовь к последним нередко заводит ее в окрестности сел, но все же она не решается проникать в самые села, как это делает при подобных же обстоятельствах наша сорока.

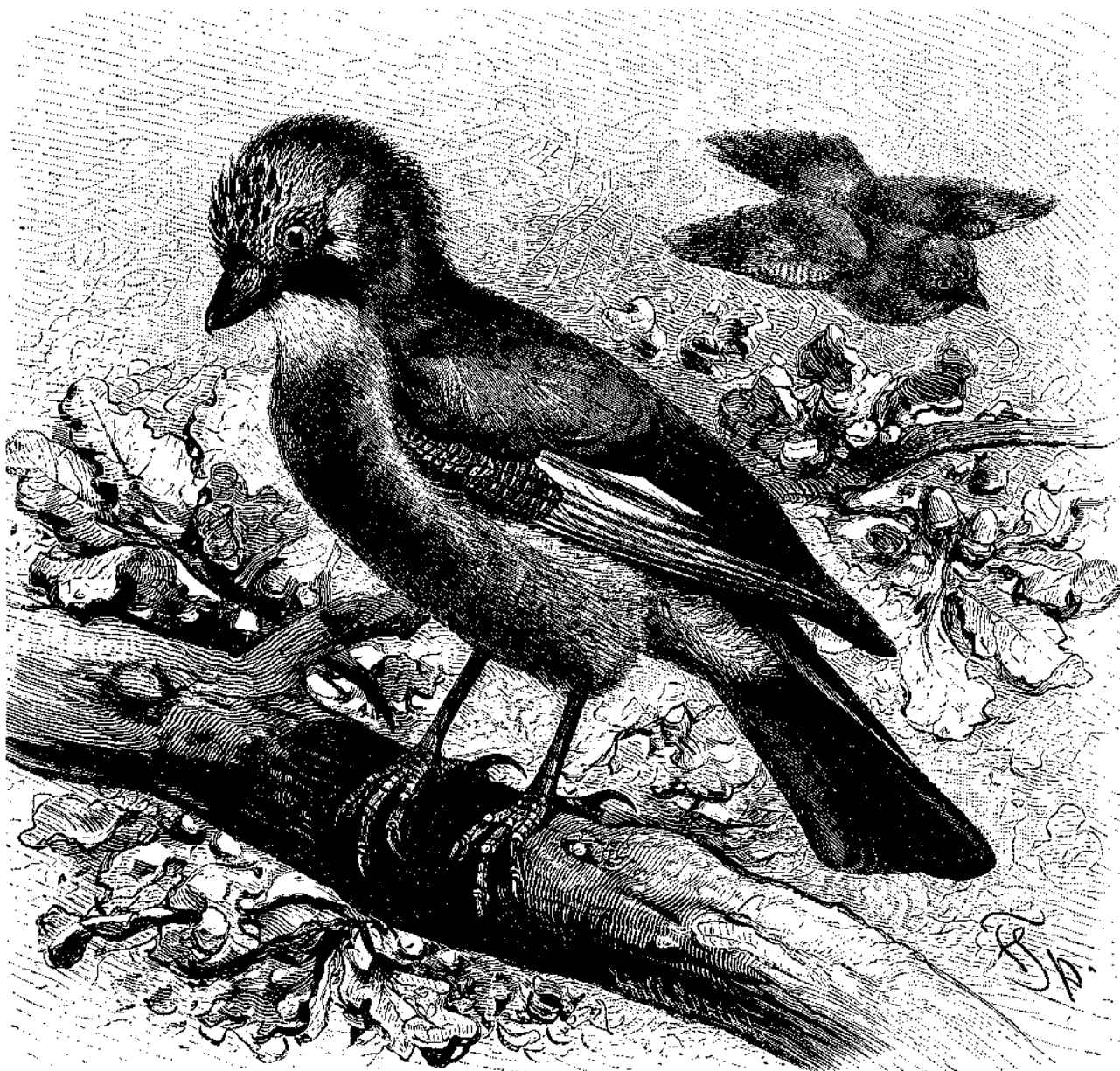
Гнездо свое лазоревая сорока строит на деревьях, иногда очень низко над землей, а иногда на значительной высоте. Оно представляет собою довольно рыхло сплетенную постройку, состоящую из прутьев и высланную внутри корневыми мочками. Число яиц одной кладки достигает 3-5; окраска их матово-зеленовато-серая с крупными бурными пятнами, которые на широком конце сливаются в венчик.

В Китае эту птицу держат иногда в неволе и кормят тогда сырым мясом, мелкими птичками или птенцами, насекомыми и тому подобным. Оттуда привозят иногда живыми и в Европу экземпляры этой красивой птицы.

Наша **сойка** (*Garmlus glandarius*) имеет следующие отличительные признаки: сильный, короткий, чуть-чуть крючковатый клюв, умеренно высокие ноги с пальцами средней длины, снабженными сильно изогнутыми острыми когтями; короткие, сильно округленные крылья, умеренно длинный, отлого округленный хвост и роскошное, мягкое, шелковистое оперение, которое на голове состоит из узких перьев и удлиняется в виде хохолка. Преобладающая окраска ее чудная красно-серая, на верхней стороне более темная, чем на нижней; перья хохолка белые, посредине с ланцетовидными черными пятнами, ограниченными голубоватою каемкою; горло белое; надхвостье и гузка белые; широкая и длинная полоса с каждой стороны нижней части щек бархатисто-черного цвета; верхние кроющие перья крыла внутри черные, снаружи голубые с белыми и темно-синими поперечными полосками, вследствие чего получается великолепный рисунок; хвостовые перья черные, в первой своей половине с более или менее яркими синими поперечными полосками. Глаза перлового цвета; клюв черный; ноги буровато-красно-мясного цвета. Длина птицы 34 см, размах крыльев 55, длина крыла 17, хвоста 15 см.

За исключением северных частей Европы, сойка водится во всех лесах этой части света. Она встречается решительно всюду, как в дремучих лесах, так и в рощах, как в хвойных, так и в лиственных лесах. Весною она держится парами, тогда как в остальное время года — семьями и группами и постоянно снует взад и вперед по известному, ограниченному пространству. Те местности, где нет дубов, она иногда покидает на неделю, даже на месяц; в общем же, впрочем, она по целым годам остается верна раз избранному местожительству. Сойка — беспокойная, живая, лукавая, даже в высшей степени хитрая птица; поступками своими она доставляет много удовольствия человеку, но также зачастую может причинить и досаду. Для собственного развлечения она принимает самые разнообразные положения, а также бесподобно умеет подражать разным голосам. На деревьях она проявляет большую ловкость, на земле движется тоже довольно проворно, но в полете плоха и потому не решается перелетать большие расстояния. Пока только есть возможность, она держится на деревьях и при полете через открытые местности пользуется каждым деревом, чтобы спрятаться там. Она находится в вечном страхе перед хищными птицами, которые только в лесу не могут добраться до нее, а во время далеких продолжительных перелетов тотчас же схватывают ее. Науман совершенно справедливо приписывает ее страху и ту особенность, что эта обыкновенно столь общительная птица никогда не совершает перелета через открытые поля стаями, а постоянно поодиночке, причем одна от другой держится на большом расстоянии.

В высшей степени забавна действительно замечательная способность сойки перенимать голоса других птиц; эта способность, несомненно, делает ее даровитейшею и забавнейшею из всех пересмешек.

Сойка (*Garmlus gkmclarius*)

К сожалению, сойка обладает свойствами, которые лишают ее расположения человека. Это всеядное животное в самом широком смысле этого слова и ужаснейший разоритель гнезд, какой только попадает в наших лесах. Начиная с мыши и птенчика до самого маленького насекомого, ни одно живое существо не обеспечено от ее нападения, а также она не пренебрегает яйцами, плодами, ягодами и т.п. Осенью по целым неделям пища ее состоит исключительно из желудей, буковых и других орехов. Желуди она размягчает в зобу, затем отрывает и разгрызает; орехи же раскалывает, хотя не без труда, своим крепким клювом. Расхищением желудей она приносит некоторую пользу, так как способствует распространению дубов. Во всем остальном она не только не полезна, но даже вредна.

Ленц считает ее главным истребителем гадюки и дает подробное описание, как она, схватив молодых гадюк, при случае разбивает им головы и затем съедает их с большим удовольствием, как она осиливает даже взрослых змей, причем удачно избегает действия их ядовитых зубов, когда ударами своего клюва разбивает голову гадюки с такою уверенностью, что та тотчас же теряет сознание и через несколько минут умирает от быстро следующих один за другим ударов. Вследствие этих геройских подвигов наш натуралист ставит сойку так высоко, что даже воспеваает ее в прекрасном стихотворении. Но, к сожалению, ее хищная деятельность распространяется не только на одних ядовитых змей, но также и на многих в высшей степени полезных маленьких пернатых. Ее хищничество опасно как старым, так и малым. Брат Наумана застал однажды сойку за удушением самки певчего дрозда, матери многочисленного семейства, которая, по-видимому, пожертвовала собою из любви к детям; впоследствии тот же наблюдатель был свидетелем, как сойка с ловкостью настоящего хищника охотилась за молодыми куропатками.

Время размножения сойки совпадает с первыми весенними месяцами. В марте пара начинает постройку гнезда, а в начале апреля завершается уже кладка. Гнездо редко устраивается высоко над землей; оно находится или на верхушке низкого дерева, или на более высоком, то подле самого ствола, то на крайних ветвях. Оно не особенно велико, внизу состоит из нежных, тонких прутьев, затем из вереска или сухих стеблей, а внутри очень красиво выстлано тонкими корешками. 5—9 яиц, составляющих кладку, имеют 30 мм в длину, 23 мм в толщину и по грязно-желто-белому или бело-зеленоватому фону повсюду испещрены серо-бурыми крапинками и точками, которые на тупом конце обыкновенно сливаются в венчик. После 16-дневного высиживания вылупляются птенцы.

которые сначала вскармливаются гусеницами и личинками, жуками и другими насекомыми, червями и т.п., а впоследствии преимущественно маленькими птенчиками. При естественных условиях пара высиживает только раз в год.

Злейшим врагом сойки является ястреб, а затем перепелятник. Первый легко овладевает ею, второй же — после продолжительной борьбы. Нам часто доставляли перепелятника и сойку, которые в подобной борьбе впивались друг в друга когтями и в таком виде падали на землю, где их и ловили. При перелете к отдельно стоящим дубам сойка делалась добычей сапсана. По ночам на нее нападает филин, а может быть, также и серая сова; гнезда их, наконец, разоряют куницы. Других опасных врагов это вооруженное общество, по-видимому, не имеет; поэтому размножение соек происходит в угрожающей степени. Закаленная против влияния непогоды, неразборчивая в пище, умная, сообразительная и хитрая, эта птица умеет избегать всякие опасности. Четвероногих преследователей она замечает обыкновенно прежде, чем те ее, и своим продолжительным преследованием и ужасным криком часто мешает их охоте. В отношении человека она проявляет большую осторожность и, если хоть раз была запугана, становится необыкновенно робкою; вместе с тем она часто насмехается над охотниками и раздражает их, разгоняя своим криком других животных.

На северных и восточных границах области распространения нашей сойки начинается местожительство **кукиш** (*Perisoreus infaiistus*). От предыдущего вида она отличается прежде всего очень тонким клювом; кроме того, отличительными признаками служат ноги с короткою плюсною, несколько ступенчатый хвост и очень мягкое лучистое оперение, которое на голове не удлиняется в хохолок. Окраска его на верхней части головы и затылке черная, как сажа, на спине и плечах темно-свинцово-серая, на задней части спины и на надхвостье рыжая, на подбородке, горле и груди чуть-чуть зеленовато-серая, на брюшке и гузке красноватая; маховые перья внутри черные, как сажа, снаружи буровато-серые; большие кроющие перья крыла более или менее совершенно ярко-красно-бурые; малые покрывные перья буровато-серые; рулевые перья ярко-рыжие. Глаза темно-бурые; клюв и ноги черные. Длина птицы 31 см, размах крыльев 47, длина крыльев, как и хвоста, 14 см.

Область распространения кукши простирается от Финмаркена до острова Сахалина и от северных границ произрастания лесов до 60 градуса северной широты; в Сибири же еще южнее**.

* * *На востоке европейской части нашей страны кукши распространена к югу до 57-55° с.ш., в Средней и Восточной Сибири — до 50° с.ш., на Дальнем Востоке вплоть до долины Амура и севера Приморского края.*

Отсюда она спускается по временам в более умеренные страны. В районе своего местожительства это довольно обыкновенная птица, хотя она и не так заурядна, как наша сойка. В лесах, покрывающих оба берега нижнего течения Оби, она составляет далеко не редкое явление, так как нам во время нашего кратковременного пребывания в той области случалось много раз встречать ее там. Пребыванием своим она избирает, по-видимому, местности, где деревья растут на влажной почве и покрыты, кроме того, волокнистым лишайником. Здесь ее можно заметить разве только по крику. В лесу она снует парами или маленькими обществами, проворно обыскивает деревья и летит дальше.

По своим привычкам и образу жизни кукша в высшей степени приятная птица; она походит на сойку. Она летает необыкновенно легко и тихо, словно скользит по воздуху, причем красные хвостовые и маховые перья выказываются во всем блеске. Дальних перелетов кукша также не может предпринимать и летает, насколько я мог наблюдать, постоянно только с одного дерева на другое или, самое большее, через просеку в лесу до ближайшей чащи. По ветвям она прыгает очень быстро и ловко, сопровождая каждый прыжок участием крыльев, причем или лазают большими скачками, или буквально скользит вдоль ветки; с не меньшею ловкостью цепляется она также за долевые сучья дерева, хотя большею частью висит в косом направлении по способу дятла и таким образом высматривает себе добычу.

Самец и самка, равно как и птицы одной группы, связаны между собой верной дружбой.

Относительно пищи кукша оказывается настоящей сойкой, потому что она такая же всеядная птица в полном значении этого слова. Осенью и зимой пища ее состоит главным образом из ягод и семян преимущественно хвойных деревьев. Все убитые нами экземпляры имели в желудках своих исключительно ягоды и остатки насекомых. Зимой, когда глубокие снега совершенно покрывают кусты ягод, кукша находит себе убежище на хвойных деревьях. Она лазает по ветвям, как синица, разбивает шишки хвойных деревьев о крепкий сук и вытаскивает оттуда семена. Перед наступлением зимы она устраивает кладовые, в которых складывает значительные запасы зерен; но ей часто приходится терпеть от назойливости белок, мышей или дятлов и синиц, которые разворывают ее запасы. В период размножения маленьких пернатых она становится таким же свирепым разорителем гнезд, как сойка, пожирает также взрослых мелких пташек и маленьких млекопитающих, которых может одолеть, ест вывешенное для вяления оленье мясо или пойманных в петли куропаток, не брезгует даже и падалью.

Нордвиг сообщил мне, что кукша, нередко встречающаяся в Варангер-фиорде, уже в марте приступает к постройке гнезда и птенцов выводит наипозднее в апреле. Оба родителя проявляют к своему выводку нежную любовь, стараются держаться в гнезде как можно тише, чтобы не обнаружить присутствие птенцов, а в случае опасности пускают в ход хитрость, чтобы обмануть врага и отвлечь его от гнезда; прыгают, например, на землю и бьются на ней, как будто у них отнялись крылья, чтобы показать охотнику, что они легко могут сделаться его добычей, а когда им удастся отвести его таким образом в сторону, мгновенно поднимаются и улетают, чтобы, сделав большой круг, вернуться к своим птенцам.

Голубая сойка (*Cyanocitta cristata*). Оперение верхней стороны в общем блестяще-синего цвета; хвостовые перья украшены тонкими темными полосками, а перья крыльев — отдельными черными пятнышками на концах; концы малых маховых перьев и больших кроющих перьев крыла, боковые хвостовые перья, а также нижняя сторона, начиная от груди, белые или серо-белые. Боковые стороны головы бледно-голубые; кольцеобразная полоса, идущая от затылка, мимо глаз, в верхней части шеи, и узкая лобная полоска, продолжающаяся до глаз в виде уздечки, густого черного цвета. Глаза серо-бурые; клюв и ноги черно-бурые. Длина птицы достигает 28 см, размах крыльев 41, длина крыльев 14, а хвоста 13 см.

Все натуралисты согласны в том, что голубая сойка — «blue jay», как называют ее американцы, составляет красу североамериканских лесов. Тем не менее птица эта имеет мало друзей. Она повсюду известна и везде довольно обыкновенна; в большинстве местностей она живет оседло и только в северных штатах появляется в виде перелетной птицы. Образ жизни ее более или менее тот же самый, что и у нашей сойки. Она предпочитает густые, средней высоты леса, хотя не избегает и высокоствольных, при случае залетает в фруктовые сады, беспрестанно порхает с места на место, ко всему внимательно присматривается и прислушивается, предостерегает других птиц и даже млекопитающих своим громким криком, подражает различным голосам, хищничает сообразно своей величине на больших пространствах — короче сказать, является во всех отношениях достойным представителем своего европейского родича.

Американские естествоиспытатели дают обстоятельные сведения об образе жизни голубой сойки и, между прочим, рассказывают о ней забавные истории. Вильсон называет ее трубачом пернатых, потому что, заметив что-нибудь опасное, она начинает кричать во все горло, чем предостерегает всех других птиц. Если ей удастся открыть присутствие лисицы, енота или другого какого-либо хищника, то она докладывает об этом присутствии всему пернатому царству своего округа, созывает всех соек и ворон и тем приводит в ярость хищное животное. Сов она мучает до того, что те, елико возможно, спешат спастись бегством. Зато и сама она очень прожорливая и вредная хищная птица: она беспощадно разоряет все гнезда, какие только может найти, пожирает яйца и птенцов, даже нападает на раненых птиц значительной величины и довольно сильных млекопитающих. Пища ее состоит из всевозможных мелких млекопитающих и птиц, всяких насекомых, семян и т.п.

Голубая сойка (*Cyanocitta cristata*)

По словам Одюбона, это в высшей степени хитрая, лукавая и коварная птица.

Злейшими врагами голубых соек являются крупные виды соколов и, вероятно, также многие совы, живущие в Америке. С маленькими соколами голубые сойки, по словам Гергардта, часто заводят продолжительные битвы; но драки с этим ловким хищником, так же как и с перепелятником, вовсе не имеют кровопролитного характера, а скорее смахивают на игры. По мнению Гергардта, нападающей стороной бывает то сокол, то сойка.

В гористой Мексике голубых соек замещает, может быть, еще более красивый вид — **чубатая голубая сойка** (*Cyanocitta stelleri*), которая отличается в особенности своим высоким торчащим хохлом. Голова и хохол этой птицы ярко-синего цвета ультрамарина; передняя часть головы серебристо-кобальтово-голубого; передняя часть хохла ярко-голубого; щеки и ушные перья тускло-голубоватые; бровное пятно и другое — меньшее, круглое под глазом — белые; общая окраска верхней стороны зеленовато-голубая; на подбородке перья серовато-белые; остальные нижние части светлого кобальтово-голубого цвета; горло и грудь пурпурово-синие; крылья синие, темнее спи-

ны; большие маховые перья снаружи со светлыми, зеленовато-голубыми каемками; все большие покровные перья, малые маховые и темно-синие хвостовые перья с широкими черными каемками. Глаза бурые; клюв и ноги черные. Длина птицы 29 см, крылья и хвост имеют в длину по 14 см.

Чубатая голубая сойка (Cyanocitta stelleri)

Относительно образа жизни чубатой сойки существуют разнообразные сведения. Так как американские орнитологи считают пять существующих там видов этих соек лишь разновидностями*, то нельзя с уверенностью сказать, которую из чубатых соек они имеют в виду.

** Сейчас выделяют только 4 разновидности чубатой голубой сойки, всем им придается ранг подвидов.*

Общая характеристика их сводится к тому, что в районе своего местожительства эти птицы встречаются довольно часто. Она вовсе не из робких, отличается своею болтливостью и чрезмерным любопытством, чем в значительной степени способствует оживлению лесов, тем более что, подобно всем сойкам, удачно умеет подражать голосам различных птиц и заимствует от других пернатых

своего округа отдельные части их песен. В продолжение лета они вовсе не покидают леса, зимою же, напротив, посещают населенные местности, держатся поблизости от жилья и с воровскою похотливостью высматривают себе что-нибудь съедобное. При своих воровских набегах они соблюдают совсем несвойственную им в обычное время молчаливость, как будто действительно сознают всю опасность своего рискованного предприятия. Зато в лесу они никогда не безмолвствуют и о всяком своем открытии, на которое наталкивает их неиссякаемое любопытство, оповещают весь мир громким криком; они любят также сопровождать путника, который появится в их редко посещаемых людьми пустырях, как будто интересуются его образом действий и желают наблюдать его. Чубатая голубая сойка ест все съедобное, начиная с яиц, птенцов и маленьких птичек и кончая насекомыми; главную же ее пищу все-таки остаются различные растительные вещества, древесные семена, а также плоды и ягоды. В гористых местностях семена хвойных деревьев составляют довольно существенную часть питания этих соек, по крайней мере Каус очень часто заставлял их за вышелушиванием еловых шишек; точно так же их нередко можно встретить в дубовых лесах и в кустах можжевельника, на кленовых деревьях и в ягодниках. Но где только она ни показывается, всюду возбуждает ненависть и страх в обществе мелких пернатых. Однако и у нее есть свои враги. Все маленькие тиранны и мухоловки, даже дятел, нападают на нее и обращают в бегство. Человек редко преследует ее, да и то без всякой ярости и ненависти, потому что внешняя красота этой птицы и ее резвый характер располагают в ее пользу даже больше того, чем она того заслуживает.

В южной и средней Испании встречается голубая сойка (*Suaporica suamis*), которую можно считать одною из красивейших европейских птиц.

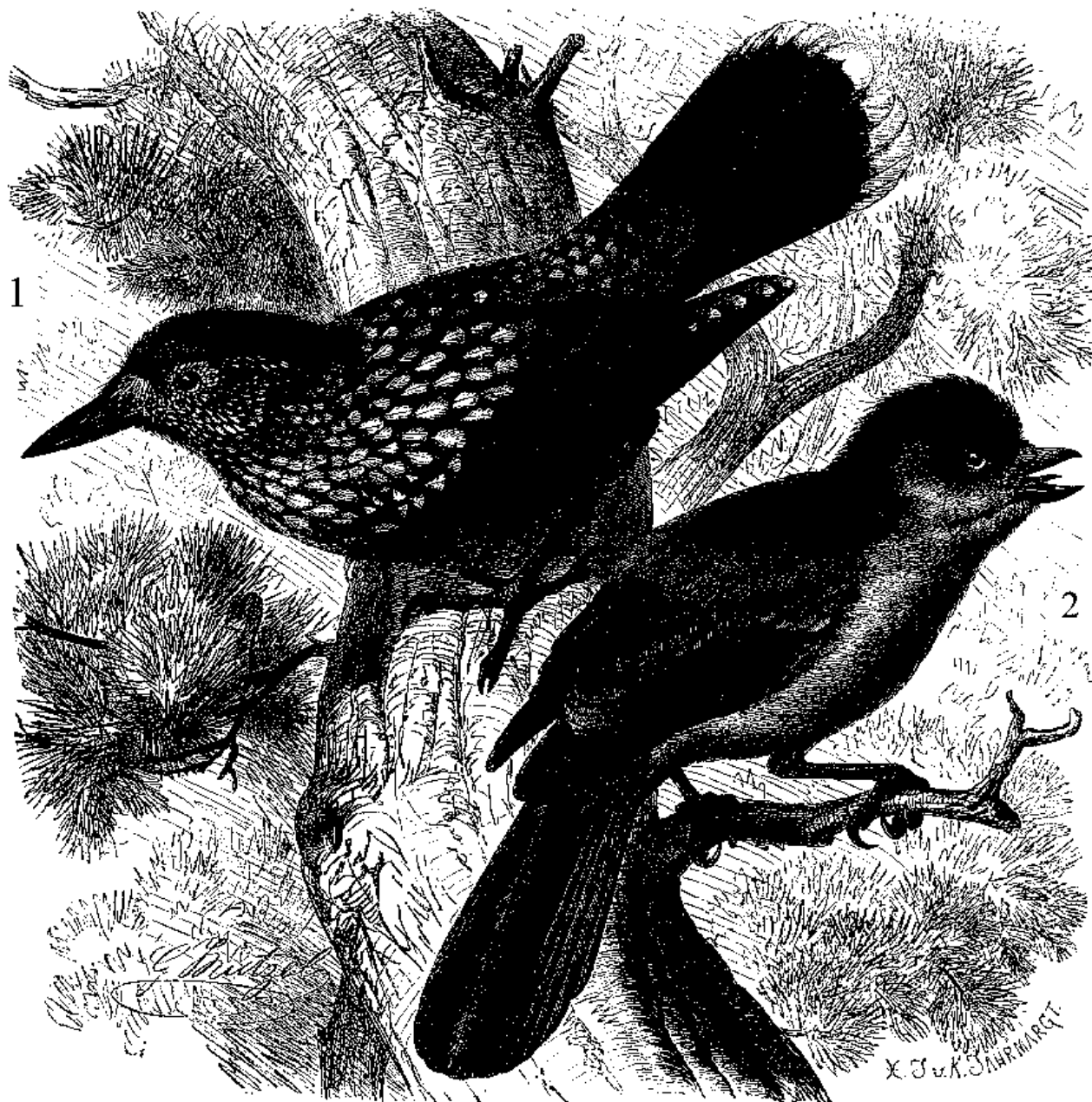
Голубая сойка (*Suaporica suamis*)

Голова и верхняя часть затылка бархатисто-черные; спина и плечи бледно-голубовато-серые; горло и щеки серовато-белые; нижняя сторона светлая, чало-серая; крылья и хвост светлые голубовато-серые; большие маховые перья снаружи с белыми каемками. Глаза карие, клюв и ноги черные. Длина птицы 36 см, размах крыльев 42, длина крыльев 14, а хвоста 21 см. Самка на 3 см короче и немного тоньше. У птенцов вся окраска тусклее; черный цвет головы и синих маховых и рулевых перьев незаметны, серый цвет нижней части головы неясен, а по крыльям проходят две серые, не бросающиеся в глаза полосы.

В восточной Сибири голубая сорока везде составляет самое обыкновенное явление. Она очень общительна и постоянно держится многочисленными стаями; присутствия человека, впрочем, она избегает и потому только в виде исключения попадает поблизости от жилых строений. Зато очень часто посещает большие дороги, преимущественно ради лошадиного навоза. По своим привычкам она чрезвычайно походит на обыкновенную сороку. Она ходит и летает, как та, столь же умна и осторожна и соответствует ей по величине.

Кедровка (*Nucifraga caryocatactes*) населяет северную Европу, северную Азию*.

* В Европе кроме юга Швеции и Норвегии. Прибалтики, Белоруссии и севера европейской части России кедровка заселяет горные системы Альп, Апеннины, Родопы, Карпаты, Стару Планину и Балканы, В Азии кроме тайги Сибири она обитает и горах Памиро-Алая, Алтая. Корейского полуострова. Японии и в Гималаях.

1 — Кедровка (*Nucifraga caryocatactes*) 2 — Кукшка (*Perisoreus ifaustus*)

Туловище ее вытянутое, шея длинная, голова большая и плоская, клюв длинный, тонкий и кругловатый с прямою или чуть заметно выгнутой верхушкой и плоским концом, образующим горизонтально лежащий широкий клин. Ноги довольно длинные и сильные с умеренно длинными пальцами, вооруженными сильными и круто выгнутыми ногтями. Крылья средней длины, тупые, с очень ступенчатыми маховыми перьями, в которых четвертое самое длинное; хвост средней длины и округленный. Оперение густое и мягкое; преобладающая окраска его темно-бурая, на темени и затылке без пятен, а на конце каждого отдельного пера имеется чисто белое продолговатое пятно. Маховые и хвостовые перья блестяще-черные, остальные с белыми кончиками; такой же окраски и

нижние кроющие перья хвоста. Глаза бурые; клюв и ноги черные. Длина птицы 36 см, размах крыльев 59, длина крыла 19, а хвоста 12 см.

Местопребыванием кедровки служат заповедные хвойные леса высоких гор средней Европы, равно как и обширные лесистые пространства всей северной части Старого Света; но постоянное ее жительство определяется кедровыми лесами. Но она, собственно, принадлежит к кочующим птицам, ставя свое местожительство в зависимость от урожая кедровых орехов, вследствие чего на некоторых участках ее можно встретить летом во множестве, а в других, соседних, совсем не найти. Таким образом, в средней Швеции она очень обыкновенна, тогда как в большей части Норвегии встречается только во время перелета. Этот последний у кедровки столь же непостоянен, как и у свиристеля. В иные годы ее в продолжение зимы можно встретить в Германии повсеместно, но затем выпадает несколько лет подряд, когда не встретишь ни одного экземпляра. На крайнем севере она появляется постоянно, но не всегда залетает одинаково далеко и не каждую осень в одинаковом количестве, так как с севера на юг и с гор на равнины загоняет ее исключительно недостаток кедровых орехов. Перекочевка кедровки совершается, как и у других бродячих птиц, в одни годы раньше, в другие — позже.

Мой отец не ошибался, говоря, что кедровка имеет такое же сходство с дятлом, как и с сойкой. Птица эта выглядит неловкою и даже неуклюжею, но на самом деле она и ловка, и резва; по земле она ходит очень хорошо, а также с большою сноровкою прыгает по сучьям и веткам или цепляется за ствол с ловкостью синицы, так что про нее совершенно справедливо можно сказать, что она действительно лазает по деревьям. Она висит на стволе или на ветке подобно дятлу и, как тот, долбит своим острым клювом кору до тех пор, пока та не расщеплется и не обнаружит сидящую под нею добычу, присутствие которой птица чуяла. Полет кедровки легок, но немного медлителен; при полете она сильно взмахивает крыльями и широко распускает их. Положения ее бывают весьма различны: обыкновенно ноги она поджимает, туловище держит горизонтально, голову вытягивает и опускает перья; в таком виде она довольно невзрачна; но зато очень красива и грациозна, когда туловище приподнято, голова держится высоко и прямо, а перья лежат плотно. Несмотря на свой легкий полет, она, вне своих дальних странствований, неохотно перелетает большие расстояния и, если ничем не испугана, торопится снова опуститься на землю. В продолжение целого дня птица вечно в хлопотах, хотя все-таки она не так суетлива и беспокойна, как сойка. Ее голос звучит крикливым, пронзительным «крэк-крэк-крэк», к которому весною она часто прибавляет повторные звуки «кцрр-кцрр». В пору любви у этой птицы можно слышать, но и то лишь тогда, если подойти к ней на близкое расстояние, своеобразное тихое, чуть слышное и какое-то таинственное пение. Ее внешние чувства хорошо развиты. По понятливости она уступает некоторым членам своего семейства, но глупою, какою она слывет, ее назвать нельзя. Живя в глуши, она так мало имеет случаев сталкиваться с человеком, что когда ей приходится во время своих перелетов иметь с ним дело, то она проявляет большую опрометчивость; однако при преследовании и она умеет показать свою сообразительность. Она улетает тогда от человека с таким же страхом, как и от других хорошо знакомых ей врагов, каковы хищные млекопитающие и хищные птицы.

В холмистой местности, по Чузи, который удачным образом сгруппировал как свои, так и посторонние наблюдения об этой птице, кедровки держатся преимущественно на орешнике, орехи которого они очень любят. Как только орехи созреют, кедровки всего округа собираются в стаи, чтобы лететь на то место, где растет орешник. Около этого времени они тревожно и много летают, и голос их слышится почти всюду. Утро они посвящают добыванию пищи; около полудня все до сих пор усердно работавшие кедровки исчезают в лесу; под вечер они снова показываются на кустах орешника, хотя и не в таком громадном количестве, как утром. В утренние часы их крики и ссоры слышатся без конца. Каждую минуту показываются то те, которые слетаются, приманенные криком, то другие, которые, власть набив орехами свой растяжимый зоб, грузно и с видимым трудом направляются к лесу, чтобы там сложить в кладовые свои зимние запасы. В полдень почти все кедровки предаются заслуженному покою в густых кустарниках лесной чащи. Поздним вечером они снова появляются, кричат так же, как утром, но часто по получасу сидят на высочайшей верхушке ели или сосны и оттуда обозревают окрестности. В горном поясе или в северных лесах излюбленным деревом, приманивающим к себе кедровок, является кедр. Уже в половине июля, перед созреванием плодов, они начинают слетаться на покрытое шишками дерево, хотя и не в таком большом количестве, как на орешник; но когда плоды совсем созреют, то они появляются в несметном множестве и предпринимая настоящие походы с гор в долины и обратно, нагружая себя кедровыми орехами так же, как вышеописанные — обыкновенными орехами. По наблюдениям Видемана, в Тироле кедровки летают, собирая орехи, в продолжение целого дня, при этом пользуются некоторыми

отдельными деревьями для минутного отдыха; жатву свою они оканчивают только тогда, когда первый выпавший в горах снег загонит их в долины.

При собирании запасов кедровки действуют очень ловко. Если им приходится собирать с одного орехового куста большое количество орехов, то они просто садятся на тот сучок, на котором висят плоды, и рвут их; если же орешник уже общипан, то, по словам Фогеля, они держатся перед кустом в висячем на воздухе положении и, покачиваясь, обрывают таким образом орехи. На кедрах и других хвойных деревьях они работают когтями, схватывая ими шишки и разбивая их скорлупу своим крепким клювом; добыв таким образом орешки, они щелкают их, как всякие зерна, нажимая клювом. Обыкновенные орехи они раскалывают ловким нажимом клюва в определенное место. Кроме обыкновенных и кедровых орехов кедровка ест желуди, буковые орешки, еловые и сосновые семена, хлебные зерна, рябину, боярышник, крушину, землянику, чернику и бруснику, разные семена и плоды, всевозможных насекомых, червей, слизней и мелких позвоночных животных — одним словом, не брезгует решительно ничем, благодаря чему даже зимою не испытывает голода. Некоторое время она питается за счет своих запасов, а когда те иссякнут, летит в соседние горные деревни или совсем улетает, чтобы сыскать корм в другом месте.

Относительно размножения кедровки за последние два десятилетия мы получили довольно обстоятельные сведения. Когда пара выводит птенцов в горах средней Европы, гнездо ее найти очень трудно; но настоящие гнездовья этой птицы находятся в лесах их настоящей родины в таких чащах, которые и летом непроходимы, а еще менее в то время, когда кедровки приступают к размножению. По наблюдениям Шютта и Фогеля, кедровки начинают строить гнезда в начале марта, а во второй половине этого месяца уже несут яйца. Но в это время вся горная растительность, равно как и северные леса, еще погребены под глубоким снегом и почти непроходимы. Натуралисту, таким образом, приходится выжидать бесснежной весны для того, что иметь надежду отыскать гнездо.

Мой отец сообщает, что в Фогтланде гнездо кедровки было найдено в дупле дерева, и такое сообщение не имеет в себе ничего невероятного, так как его подтверждают Дыбовский и Парроц, которым в Восточной Сибири даже показана была сосна, в дупле которой парочка кедровок выводила птенцов. Между тем все наблюдатели, расследовавшие гнезда этих птиц в Германии, Австрии, Дании, Скандинавии и Швейцарии, соглашались между собою в том, что они устраиваются в густых ветвях различных хвойных деревьев, в особенности сосен, а также на елях, кедрах и лиственницах на высоте от 4 до 10 м над землею. По Фогелю, парочка кедровок всего охотнее избирает для своего гнезда ветви деревьев, растущих на обращенных к солнцу, т.е. на юг или юго-восток, горных склонах, и притом гнездо строит на суке у самого ствола. Строительный материал она зачастую приносит издалека. При правильных условиях кладка вполне заканчивается в половине марта, а на севере — в начале апреля. Она состоит из 3-4 продолговатых яиц, приблизительно 34 мм длиной и 25 мм толщиной с бледно-голубовато-зеленой скорлупой, сплошь испещренной лиловыми, зелеными и желто-бурыми пятнышками, которые на тупом конце яйца сливаются иногда в венчик. Самка сидит на яйцах в ранние весенние месяцы очень упорно и самоотверженно; самец в это время заботится и о пропитании своей подруги, которая принимает принесенную ей пищу с радостным трепетанием крылышек. После 17-19-дневного высидывания вылупляются птенцы; оба родителя вскармливают их животной и растительной пищею и ревностно охраняют, через 25 дней после своего появления на свет они уже покидают гнездо и улетают в лес, где за ними зорко следит родительский глаз до тех пор, пока они не сделаются настолько самостоятельными, что будут в состоянии вести образ жизни родителей. Во время зимнего перелета кедровок без особенного труда можно ловить в сети на приманку. Они скоро привыкают к клетке и к содержанию в неволе; из пищи предпочитают мясо всякому другому корму, но довольствуются и всякою другою едою. К приятным комнатным птицам кедровку причислить нельзя. В клетке она держится бестолково и необузданно, вечно долбит деревянные перекладки клетки и неутомимо прыгает с сучка на сучок. Ее положительно невозможно держать в одной клетке с другими, более слабыми птицами, так как кровожадность ее до того велика, что она не может воздержаться от нападения на своих сожителей. По наблюдениям Наумана, она схватывает свою жертву клювом, за затылок, продалбливает череп сильным ударом, съедает прежде всего мозг и затем все остальное. Кедровка требует массу пищи и почти целый день занята едой.

У нас эта птица могла бы быть вредной; на своей же летней родине она приносит пользу. Ей главным образом мы обязаны распространением кедровых деревьев; она рассаживает это дерево в таких местах, куда ни ветер, ни человек не могли бы занести его семена.

Индийская древесная сорока (*Dendrocitta vagabunda*). Ее длина 41 см, длина крыльев 15, а хвоста 26 см. Голова, затылок и грудь бурого цвета или черновато-бурые; всего темнее окраска на передней части головы, на подбородке и на груди; отсюда она переходит в более сероватый; нижние части, начиная от груди, красноватые или желтовато-серые; плечевые перья, спина и верхние кроющие перья хвоста темно-красноватые; рулевые перья пепельно-серые с черными кончиками. Клюв черный; ноги темного аспидного цвета; глаза кроваво-красные.

Индийская древесная сорока (*Dendrocitta vagabunda*)

Древесная сорока распространена по всей Индии и, кроме того, встречается в Ассаме, Тенассериме, Китае, а, по Адамсу, также в Кашмире, главным образом на Гималайских горах, как сообщает Уайте, на высоте до 2000 м. Она во всех этих областях считается обыкновенною птицею, но преимущественно ее много в лесистых равнинах. В северных частях Индии ее можно видеть на каждой группе деревьев, в каждом саду, даже в близком соседстве с деревнями. Они редко попадают поодиночке, обыкновенно парами, а по временам и маленькими обществами. Эта сорока летает медленно, волнообразною линиею от дерева к дереву и пролетает в продолжение дня довольно обширные пространства, не выбирая никакого места для определенного пребывания. На деревьях она находит обыкновенно все, что ей нужно, так как иногда она долгое время питается исключительно древесными плодами или насекомыми, живущими на деревьях. Туземцы уверяют, что она также разоряет чужие гнезда и, подобно сорокопуту, похищает молодых птенцов.

Время размножения приходится на апрель и продолжается до июля, а по мнению Уайтса, даже до более позднего времени. Гнездо строится на вершине какого-нибудь высокого дерева с иглистыми ветвями и набивается травой. Яйца, которых бывает обыкновенно пять штук, имеют весьма разнообразную окраску: они разрисованы розовато-коричневым, пурпурово-красным или оливково-бурым цветом.

Эта красивая птица часто содержится в неволе и из Индии нередко попадает живую в Европу. При хорошем уходе она отлично выдерживает продолжительную неволю и скоро делается ручной.

Беннетов ворон (*Corvus bennetti*) * почти одноцветной буровато-пепельно-серой окраски; тонкие перья головы, шеи и груди имеют немного более светлые кончики; хвостовые перья дымчато-бурые с металлически-блестящими наружными каемками.

* *Описываемая птица относится к австралийским воронам, которые представлены крайне сходными между собой пятью видами, имеющими глаза белого цвета. Судя по распространению и размерам названный вид — это беннетов ворон.*

Радужная оболочка глаза перлово-белого цвета; клюв и ноги черные. Длина птицы 30 см, длина крыльев 15, а хвоста 17 см.

О жизни беннетова ворона на свободе имеются весьма скудные сведения. Гульдт, рассматривающий эту птицу, как выдающееся явление пернатого царства Австралии, встречал ее во внутренних областях южных и восточных частей Австралии, а именно в хвойных лесах, большею частью группами в 3-4 штуки; они быстро и беспокойно сновали по ветвям вершины дерева, распускали по временам крылья и при этом издавали сиплые, неприятные звуки. В общем, впрочем, они ведут себя как все врановые и питаются насекомыми. Жильберт нашел гнездо этой птицы в маленькой кустарниковой роще на горизонтально росших ветвях дерева. Оно состоит из ила, внутри выстлано травой и заключает в себе 4 яйца 30 мм длиной и 22 мм толщиной с белой скорлупой, покрытой красновато-бурыми, пурпурово-бурыми и мелкими серыми пятнышками, особенно на толстом конце.

Клушица (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*) отличается длинным, вытянутым, тонким и дугообразным клювом, который так же, как и короткопалые, средней высоты ноги, окрашен в великолепный кораллово-красный цвет. Глаза у клушицы темно-карие; оперение черное, равномерно блестящее, с зеленым или синим отливом. Длина птицы 40 см, размах крыльев 82, длина их 27, а хвоста 15 см. Самка чуть-чуть меньше и по внешнему виду ничем не отличается от самца. Молодых можно отличить по отсутствию металлического отлива в оперении и по тому, что клюв и ноги у них черноватые. После первой линьки, наступающей через несколько месяцев после их вылета из гнезда, они получают такое же оперение, как у старых.

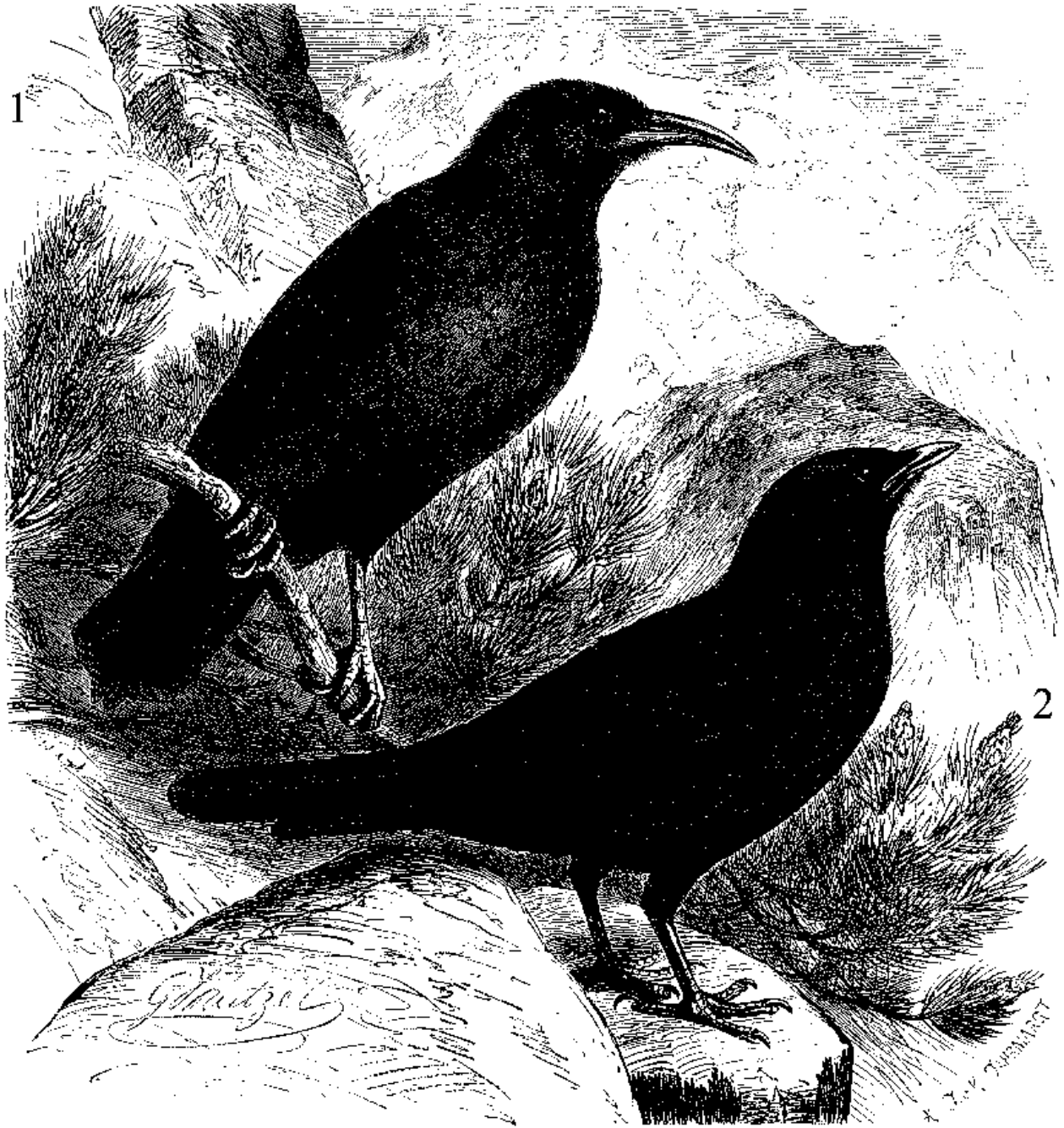
Родиною этой красивой и во всех отношениях замечательной птицы служат наши Европейские Альпы на всем их протяжении, Карпаты, Балканы, Пиренеи и почти все прочие горы Испании, также некоторые горы Англии и Шотландии, весь Урал, Кавказские горы, Гималайские до Бутана, также Канарские острова, Атласские горы и высочайшие вершины гор Абиссинии*.

* *В Уральских горах клушица отсутствует. Кроме районов, перечисленных Бремом, она также населяет Тибет, горные системы Средней Азии, Куньлунь, Каракорум, Алтай, Саяны, Эльбрус, горы Загрос в Иране, горы Закавказья и юга Турции.*

В Испании же ее встречают на скалах, возвышающихся всего на 200 или 300 м над уровнем моря. На Гималайских горах, по показаниям Блэнфорда и Столички, она живет на высоте 3000-5000 м. В Ретийских Альпах она до семидесятых годов гнездилась на колокольнях и в стропилах строений почти всех высоколежащих горных деревень; в настоящее время, большею частью вследствие перестройки этих башен, она принуждена была снова возвратиться в свою скалистую глушь.

В высочайшем горном поясе клушица не остается на зиму, а уже в октябре перекочевывает на скалы, лежащие ниже, или в более южные области. В таких случаях они собираются на вершинах в стаи в 400-600 штук, которые затем скоро рассеиваются. Вальтер наблюдал ее в Туркмении, где эта птица с высот Копетдага в холодное время спускается в долины. Низкие местности или даже и холмистые клушица посещает только в виде исключения; но все же я сам видел ее однажды зимою в виноградниках на Майнце.

По моим личным наблюдениям, клушица живо напоминает галку, только полет ее легче и красивее, чем у той, и она вообще умнее и осторожнее галки. Путешествуя по горам Мурции или Андалузии, можно слышать иногда с откосов высоких скал как бы тысячи птичьих голосов, и думается, что это кричат галки, но стоит только стае прийти в движение, как по легкому, быстрому полету, а при благоприятном освещении также и по видному издали коралловому клюву тотчас узнаешь клушицу. В ранние часы утра они улетают за пищей, к 9 часам возвращаются на свое место, остаются здесь короткое время для водопоя, снова отправляются за пищею и возвращаются на свою скалу только к жаркому полудню. В полуденную жару они сидят, спрятавшись в тенистых выступах или расщелинах скал, но и тут не перестают наблюдать за окружающим, и малейшее подозрительное явление встречают громким криком. Пролетающих мимо хищных птиц клушицы преследуют всей стаей и храбро нападают на них, соблюдая, впрочем, большую осторожность относительно опасных видов: так, например, ловкого ястреба эти умные птицы очень остерегаются и при его появлении моментально прячутся в глубокие отверстия скал, тогда как ягнятника они несколько не боятся. В послеобеденное время клушицы снова отправляются за пищей и возвращаются домой на ночлег с закатом солнца, предварительно слетав еще раз на водопой.

1 — Клушица (*Pyrrhocolax pyrrhocolax*) 2 — Альпийская галка (*Pyrrhocolax graculus*)

Вся жизнь их кажется бесконечной веселой игрой, так как их постоянно можно видеть гоняющимися друг за другом и поддразнивающими одна другую. Их легкий, красиво парящий полет исполнен чрезвычайно изящных, искусных движений.

Наблюдая, какой род пищи употребляет клушица, можно убедиться, с какою ловкостью орудует она своим дугообразным клювом. По моим наблюдениям, клушица почти исключительно насекомоядная птица, которая только случайно употребляет другую пищу. Главную составную часть ее корма в Испании составляет саранча и пауки, и между ними также скорпионы, и птица эта умеет с замечательною ловкостью ловить их. Она поднимает своим длинным клювом маленькие камни и ищет скрывающихся под ними насекомых, а также, подобно грачу, роется в земле или засовывает клюв между большими камнями, которых не может из-за их тяжести одолеть, и там разыскивает себе любимую пищу. В птенцовую пору клушицы грабят также гнезда маленьких птичек и таскают беспомощных птенцов на съедение своим голодным детенышам. В крайних случаях клушица не брезгует и падалью.

Размножение клушиц бывает в первые весенние месяцы. В Испании уже в начале июля можно видеть летающих птенцов. Самого гнезда мы никогда не могли найти, потому что и на Иберийском полуострове клушица придерживается похвальной привычки выбирать для гнезда отверстия недоступных скал. По изысканиям Гиртаннера, верхняя и нижняя части гнезда состоят из

тонких корешков какого-нибудь одного или очень немногих растений, причем чем выше к краям, тем коренья берутся тоньше; самое же углубление гнезда выстлано очень толстым, крепким, не меньше 6 см толщиной, войлоком, для изготовления которого приносят дань своими волосами все млекопитающие, живущие в горах. Клочки овечьей шерсти тщательно перерабатываются вместе с волосами коз и серн, большие пучки белых заячьих волос — с волосами рогатого скота. Кладка, завершающаяся уже в конце апреля, состоит из 4-5 яиц 44 мм длиной, 29 мм толщиной с беловатой или грязно-серо-желтой скорлупой, покрытой светло-бурыми пятнышками и крапинками. По всей вероятности, самка насиживает одна, тогда как заботы по вскармливанию птенцов оба родителя с большим шумом и криком делят между собой. Птенцы покидают гнездо в конце июня, но еще долгое время находятся под присмотром и попечением родителей.

В период размножения клушицы живут между собою в таком же тесном союзе, как и в остальные месяцы года. Это общительные птицы в самом широком значении слова. Как на врагов, могущих вредить этой ловкой, умной и осторожной птице, Гиртаннер указывает на сапсанов, тетеревятников и перепелятников, а также на пустельгу; последняя особенно любит захватывать гнезда клушиц и часто подолгу и упорно спорит с клушицами за любимое место, а также таскает из гнезда малых птенцов. Кроме того, взрослых клушиц часто душит филин, а молодых — лисица и куница.

Все врановые — привлекательные птицы для содержания в клетках; но, по моему мнению, ни одна из птиц этого семейства не может сравниться с клушицей. При соответствующем заботливом уходе они скоро становятся чрезвычайно ручными и доверчивыми, дружески сходятся со своим воспитателем, отзываются на данную кличку, следуют на зов, приучаются вылетать из клетки и снова влетать в нее и при соответствующих условиях приступают даже к размножению. Их красивая внешность, яркая окраска клюва и ног, приятная осанка, их оживленность и резвость, любопытство и любознательность, их способность к выучке и подражательности — все это, взятое вместе, представляет неиссякаемый источник для приятных и поучительных наблюдений.

Ближайшим родичем клушицы является **альпийская галка** (*Pyrrhocorax graeulus*). Она отличается от клушицы своим относительно сильным желтым клювом, одинаковой длины с головою, а также скорее дроздовым, чем вороньим, оперением. У взрослых птиц оперение бархатисто-черное, у птенцов матово-черное, ноги у первых красные, у последних желтые. Относительно величины между клушицею и альпийскою галкою почти нет разницы; образ жизни и привычки также в общем те же самые.

В пустынях внутренней Азии, между Аральским морем и Тибетом, живет своеобразная **саксаульная сойка** (*Podoces panderi*)*.

** Названная Бремом саксаульная сойка живет в песчаных пустынях Средней Азии между Каспийским морем и Сырдарьей с изолированным ареалом у восточного берега озера Балхаш. Далее к востоку, в пустынях Монголии и Китая, обитают два других вида саксаульных соек белохвостая саксаульная сойка (*Podoces bidclulphi*) и монгольская саксаульная сойка (*Podoces hendersoni*).*

Ее длина приблизительно 25 см, длина крыльев 12, а хвоста 10 см. Все верхние части тела красивого светло-пепельного цвета; горло и передняя сторона шеи немного светлее; нижние части беловато-серые, с легким винно-красным налетом; нижние перья хвоста почти белые; широкая линия уздечки, доходящая до окаймленного белым глаза, и треугольное, книзу распространяющееся пятно на нижней части шеи черные. Рулевые перья черные с зеленоватым металлическим отблеском. Глаза коричневого цвета, клюв и ноги серо-синие. Самец и самка не отличаются друг от друга; птенцы имеют преобладающим грязноватый светло-серо-коричневый цвет.

Саксаульная сойка (*Podoces panderi*)

Хотя саксаульная сойка уже в 1823 году была открыта Эверсманом и несмотря на то, что отдельные путешественники ее несколько раз наблюдали, мы все-таки должны быть благодарны Богданову за первое описание жизни этой птицы, напечатанное в 1877 году. Ее родина — пустыня Кызылкум, лежащая на восток от Аральского моря, между Сырдарьей и Амударьей, песчаная пустыня в полном смысле этого слова, «плоская и безграничная, как открытое море, но как будто волнообразно застывшее во время бури». В этой пустыне, за исключением странных животных, лишь немногие удивительные растения, особенно заросли саксаула, влачат свое жалкое существование. Тут на песке живет эта птица; редко доходит она до глинистого грунта и никогда до каменистых местностей этой пустыни. Так же редко встречается она вблизи рек и озер. Положительно можно сказать, что она никогда не пьет и не нуждается в воде (?). В пустыне она отыскивает такие места, в которых песчаные возвышенности покрыты очень скудной растительностью, кусты разбросаны отдельно и на далеком расстоянии друг от друга.

Саксаульная сойка живет большую часть года в своей области одиноко и на зиму не улетает. В течение всего дня она ходит большими шагами около кустов и ищет пищу в песке; она не прыгает и не двигается скачками, но торопливо и необыкновенно скоро бежит на манер куриных, не выходя из пределов известной области. Ни одна ворона не делает таких больших шагов, как она. При опасности она бежит от одного куста саксаула к другому, прячется за каждым кустом и выглядывает то с одной, то с другой стороны его. Она редко решается взлетать. Так же редко садится она на верхушку куста, да и то только для того, чтобы с возвышенного пункта иметь более обширный кругозор. Ее полет напоминает полет сороки, сойки и сорокопута. Обыкновенно она молчалива; но иногда слышится крик, состоящий из нескольких пронзительных высоких отрывистых тонов, похожих на вскрикивание дятла.

Спокойно и почти непрерывно занимается она собиранием своей пищи, которую она подбирает с земли или выкапывает между корнями кустарника. Весной и летом Богданов нашел в желудках убитых им экземпляров только личинок жуков, по всей вероятности, тех разнообразных жуков, которые массами живут в пустыне, но реже находил остатки самих жуков. Уже в августе птица должна отыскивать себе другую пищу и довольствоваться семенами саксаула и других кустарников пустыни, потому что жуки в это время начинают исчезать. Эти семена, вероятно, составляют зимой ее исключительную пищу. Поздней осенью присоединяется она к киргизским стадам и раскапывает навоз, чтобы там найти себе какую-нибудь пищу. В этих случаях она приближается не только к караванным дорогам, но даже и к киргизским юртам, нисколько не боясь при этом людей.

Уже зимой, по всей вероятности в феврале, эти необщительные птицы соединяются в парочки для размножения. До того времени встреча двух саксаульных соек всегда имеет следствием дра-

ку, по окончании которой обе опять расходятся. Богданов не сообщает о дальнейших следствиях спаривания, потому что он не имел случая наблюдать его у этой птицы и не мог отыскать ее гнезда и яиц. Последние, с которыми познакомил нас Федченко, имеют 30 мм длины, 20 мм ширины и по серо-зеленоватому фону разрисованы везде различными большими темно-серо-зелеными и мелкими светло-красными пятнышками, расположенными венчиком около толстого конца яйца. Гнезда, которые подробно не описываются, находятся на вышеупомянутых кустах, на уровне человеческого роста от земли. Федурин, сопровождавший Богданова, нашел 23 апреля пару саксаульных соек с двумя вылетевшими птенцами, и Богданов из этого заключил, что время кладки яиц должно начинаться еще в первых числах марта*.

* Обычно начало гнездования у саксаульных соек приходится на вторую половину марта, большая часть птиц сносит яйцо в начале апреля. Однако период размножения у этого вида весьма растянут, и гнезда с яйцами находили в первой половине мая. Упоминаемые Богдановым сроки размножения вида приводятся по старому стилю, которые, согласно новому стилю и ныне принятому Григорианскому календарю, следует рассматривать как середину марта.

Общий взгляд на жизнь пресмыкающихся или рептилий

Творец научной зоологии Линней назвал «амфибиями» т.е. животными с двойственной жизнью, группу позвоночных, которых прежде относили частью к «четвероногим» и млекопитающим, частью к «червям». Окен пытался заменить это не совсем удачное название немецким словом и выбрал для этого нижнегерманское название жабы — Lork или Lurch, тогда как Кювье назвал их «пресмыкающимися — Reptilia».

Позднейшие исследователи придали больше значения, чем их предшественники, различиям во внешнем строении тела, а особенно в развитии, свойственным этим животным, и разделили их поэтому на два класса, которым дали уже существовавшие названия «пресмыкающихся» и «земноводных». Некоторые зоологи еще долго не соглашались с этим разделением, впервые высказанным де Бленвилем. Теперь оно общепризнано, и многие с полным основанием причисляют пресмыкающихся к ряду высших позвоночных, противопоставляя последних земноводным и рыбам как низшим представителям первого и важнейшего типа животного царства.

Пресмыкающиеся (Reptilia) — позвоночные с «холодной кровью»*, которые всю жизнь дышат легкими, следовательно, превращения не имеют; сердце у них с вполне обособленными предсердиями и не вполне разделенными желудочками; тело их покрыто чешуями или костяными щитками.

* В современной зоологии понятие «холоднокровные животные» заменено термином «пойкилотермные» (от греч. *poikilos* изменчивый, меняющийся и *therme* тепло), т.е. животные, температура тела которых зависит от температуры окружающей среды.

Холоднокровными животными их можно назвать только в том смысле, что температура их крови находится в зависимости от температуры окружающей среды и лишь немного выше ее; поэтому их вернее назвать животными с изменяющейся температурой тела. Внешний вид пресмыкающихся представляет большое разнообразие: у некоторых из них туловище кругловатое или сплющенное, у других — удлинненное или даже червеобразное; у одних оно опирается на конечности, у других их не бывает; шея то короткая и неподвижная, то длинная и легко подвижная**. Конечностей обыкновенно четыре, за исключением форм, вовсе лишенных их; «но, благодаря своему горизонтальному направлению, — говорит Фогт, — они, как направленные наружу рычаги, более помогают передвижению тела, нередко змеевидно извивающегося, нежели служат ему опорой, и лишь редко действительно его поддерживают».

* * Среди пресмыкающихся наиболее крупными из сухопутных являются галапагосские слоновые черепахи (*Geochelone elephantopus* до 1,5 м длиной при массе 400 кг) и из живущих в воде — кожистая (*Dermochelys coriacea* до 2 м при весе 600 кг). Некоторые тропические питоны (например, *Python reticulatus*) превышают в длину 10 м. Среди ящериц самыми крупными считаются вараны (*Varanus komodoensis* достигает в длину 4 м при массе 150 кг), на территории бывшего СССР — серый варан (до 1,5 м). Наиболее мелкими пресмыкающимися являются некоторые виды хамелеонов рода *Brookesia*, максимальные размеры которых не превышают 4,5 см. Самое мелкое пресмыкающееся из российских видов пискливый геккончик с общей максимальной длиной тела с хвостом 7,2 см, а минимальные размеры на территории бывшего СССР имеет таджикский геккончик (до 6,2 см).

Кожа покрыта различными образованиями. «У некоторых ящериц, — говорит Фогт, — мы находим настоящие чешуи, как у рыб, т.е. тонкие костяные пластинки, покрытые слоем рогового вещества, черепицеобразно налегающие друг на друга и лежащие в мешочках утонченной кожи; у

прочих ящериц и змей, по-видимому, также обнаруживаются чешуи, но под этим названием не следует разумеать образований, подобных описанным выше. Кожа здесь ясно разделяется на два слоя: нижний — собственно кожный слой соединительной ткани, имеющий волокнистое строение, и надкожица (эпидерма), похожая на слой засохшего лака, верхние слои которой время от времени сбрасываются по частям или целиком. Нижний слой кожи образует то простые бугорки в виде сосочков, то бородавки, то возвышения, загнутые в виде чешуек и свободные на своем заднем краю; надкожица покрывает все эти образования, плотно прилегая к нижнему слою и следуя за его неровностями, и проникает в виде тонких складок в промежутки между сосочками и бородавками. У крокодилов в подобных возвышениях образуются настоящие костяные щитки, лежащие и толще нижнего слоя кожи, волокна которого проникают в многочисленные отверстия щитков; у черепах эти элементы кожного скелета очень рано срастаются с некоторыми частями внутреннего скелета и образуют спинной и брюшной щитки, а надкожица сильно утолщается и образует роговой покров, который в общежитии называют панцирем». Особенность строения кожи пресмыкающихся состоит, по мнению Каруса, в том, что вследствие сильного развития роговых образований замечается почти полное отсутствие осязательных сосочков и желез. Среди элементов кожного скелета различают чешуи и щитки. «Последние в основном представляют более крупные многоугольные образования, прилегающие всей своей поверхностью и друг на друга не налегающие»; чешуи очень разнообразны по форме и расположению и разделяются на гладкие, килеватые, мутовчатые и черепитчатые. К роговым образованиям надкожицы принадлежат когти на пальцах передних и задних конечностей, а также другие придатки в виде рожков, игл или конически свернутых пластинок. В то время, как у ящериц, крокодилов и гаттерий когти, по мнению Гегенбаура, расположены не на концах пальцев, у черепах они имеют именно такое положение; поэтому последние по устройству когтей стоят ниже всех пресмыкающихся.

Красотой внешней окраски пресмыкающиеся едва ли уступают другим классам животного царства. У большинства их окраска отвечает цветам их обычного местопребывания, т.е. цвету почвы, листьев и древесной коры; у некоторых даже способность приспособления к цвету окружающей обстановки более или менее зависит от их воли, так как эти животные могут, вероятно, изменять свой цвет по собственному произволу. Подобные изменения цвета вызываются главным образом передвижениями пигментных клеток, расположенных в слизистом слое надкожицы, а равно и в соединительном слое кожи и обладающих способностью сжиматься и расширяться, благодаря чему они то сильнее, то слабее просвечивают сквозь кожу. Повышенная жизнедеятельность, по-видимому, сообщает также чешуям и щиткам более яркую окраску.

Скелет пресмыкающихся окостеневает почти вполне, но в строении отдельных своих частей представляет такое разнообразие, что едва ли можно сказать о нем что-нибудь общее для всего класса. Череп, во многих отношениях поразительно напоминающий череп птиц, более или менее сплюснен, и челюстные кости вместе с лицевыми получают в нем преобладающее развитие. «Затылочная кость, — говорит Фогт, — по своей форме вполне отвечает позвонку и состоит из непарного тела, непарной чешуи и двух, как правило, сильно развитых боковых частей. За исключением двухходов, имеющих два сочленовных бугорка, затылочная кость остальных пресмыкающихся имеет только один, обыкновенно сильно развитый и выпуклый сочленовный бугорок, который входит в сочленовную ямку первого позвонка; этот общий признак, равно как и сильное развитие чешуи, отличает ее от затылочной кости земноводных, которая всегда имеет два сочленовных бугорка». Тенные кости срастаются большей частью в одну непарную пластинку, снабжены часто высоким костяным гребнем и всегда имеют глубокие височные впадины.

Небно-челюстной аппарат также представляет значительное разнообразие; почти у всех змей все его части соединены подвижно и связаны с помощью подвижных сочленений с плотной черепной коробкой; у крокодилов и черепах, напротив, все его кости соединены неподвижно, за исключением сочленения нижней челюсти.

Позвоночник всегда окостеневает и ясно расчленен на позвонки; у многих пресмыкающихся можно различить в нем шейный, грудной, поясничный, тазовый и хвостовой отделы. Число позвонков чрезвычайно колеблется в зависимости от длины тела; таким образом, у черепах оно редко больше 30, тогда как у змей оно может быть больше 400*.

* *Количество позвонков у змей может достигать 435.*

Грудная кость часто совершенно отсутствует или очень слабо развита; то же в известной степени можно сказать о плечевом поясе и конечностях, например, змей, у которых сохраняются только следы тазовых костей и задних конечностей в виде небольших косточек, лежащих на мускулатуре вблизи заднего прохода. У остальных пресмыкающихся конечности представляют самые

разнообразные степени развития. О вооружении рта трудно сказать что-либо общее. Черепахи не имеют вовсе зубов, а челюсти их покрыты острыми роговыми пластинками. Прочие пресмыкающиеся имеют значительное число зубов, и не только на челюстях, но иногда также на небных костях, сошнике и крыловидных костях. Они почти всегда служат только для схватывания и удерживания добычи и очень редко для размельчения пищи. Обыкновенно они имеют крючковидную форму, но встречаются также зубы, сжатые с боков с зазубренными или бугорчатыми краями; у ящериц, питающихся плодами и семенами, зубы приспособлены к жеванию и имеют полушарообразные коронки. Органы пищеварения также представляют значительное разнообразие. Язык у некоторых, например у крокодилов, имеет вид плоского возвышения, лежащего на дне ротовой полости, сросшегося с ней и совершенно неподвижного; у других, например у черепах, язык короткий, толстый, мясистый, у ящериц он имеет то яйцевидную плоскую форму, то заключен в чехол, то способен выбрасываться изо рта или, как у змей, нитевидно вытянут и раздвоен на конце. Широкая глотка у некоторых пресмыкающихся чрезвычайно растяжима и незаметно переходит в объемистый и толстостенный желудок, который отделяется от кишки складкой или клапаном. Кишка широкая, более или менее длинная, но с небольшим числом петель; прямая кишка часто снабжена слепым отростком и заканчивается сильно расширенной клоакой. Пресмыкающиеся всегда имеют печень, желчный пузырь и селезенку; настоящих слюнных желез часто не бывает, но поджелудочная железа встречается почти у всех без исключения. Черепахи отличаются от всех других пресмыкающихся присутствием подъязычной железы, у многих ящериц и змей мы находим железки на губах; кроме того, у многих змей встречаются большие железы в височной области, нередко с ядовитым выделением, вытекающим по бороздкам или каналам в ядовитые зубы.

Почки обыкновенно очень велики и часто подразделены на многочисленные лопасти; выходящие из них мочеточники открываются на задней стенке клоаки, впереди которой у ящериц и черепах находится мочевой пузырь. Семенники лежат всегда в брюшной полости, семенные каналцы образуют обыкновенно придатки семенников, из которых выходят семенные протоки. Органы оплодотворения имеются у всех пресмыкающихся, за исключением гаттерий, у которых они отсутствуют. У змей и ящериц они парные и представляют два мешка, усаженных шероховатыми шипами или роговыми крючками и выпячивающихся при совокуплении, как палец перчатки, так что их внутренняя поверхность выворачивается наружу. Черепахи и крокодилы имеют на передней стенке клоаки непарный орган совокупления без внутреннего канала, но с наружной продольной бороздкой, по которой стекает семенная жидкость. Яичники имеют форму то трубок, то пластинок и всегда отделены от яйцеводов.

Органы дыхания, как уже было замечено, не претерпевают превращения и всегда присутствуют в форме легких. Только у некоторых черепах, именно у мягкокожих черепах, рядом с легочным дыханием имеются следы жаберного, в виде особых сосочков в глотке. Пресмыкающиеся имеют обособленную гортань: дыхательное горло обыкновенно разветвляется, но часто бывает трудно определить границу между ним и его ветвями, так как хрящевые кольца, окружающие его, иногда далеко продолжают в легкие, и, с другой стороны, легочные дольки иногда скрывают значительную часть дыхательного горла. Легкие представляют собой перепончатые мешки, или цельные, как у большинства пресмыкающихся, или с придаточными мешками, как у некоторых ящериц, или с бахромчатыми придатками на концах. У змей правое легкое которых обыкновенно длиннее и шире левого, последнее может и совершенно отсутствовать, а первое, по крайней мере у некоторых видов, в заднем своем отделе превращается в воздушный приемник, не имеющий значения для дыхания. Вообще же оба мешковидных легких вполне развиты, тянутся через всю брюшную полость, и от внутренней поверхности их отходит ряд складок слизистой оболочки, образующих ячейки или, при более совершенном развитии легких, они приобретают характер губчатой массы.

Сердце, как уже было упомянуто, состоит из отделения: двух вполне разделенных предсердий и двух желудочков, перегородка которых полная, цельная только у крокодилов, у всех же остальных пресмыкающихся она имеет более или менее широкие отверстия, через которые кровь левого желудочка может смешиваться с кровью правого. В венозной системе воротное кровообращение кроме печени существует еще и в почках. Лимфатическая система чрезвычайно развита и представлена кроме обширных лимфатических пространств, расположенных в области желудка, еще 2 или чаще 4 особыми ритмически пульсирующими лимфатическими сердцами, из которых два всегда лежат в поясничной области непосредственно под кожей или несколько глубже, прилегая к крестцу, и которые гонят свое содержимое в близлежащие полые вены. Эти лимфатические сосуды не имеют клапанов. Кровяные тельца всегда яйцевидной формы и имеют ядра. Существование своеобраз-

разных соединений между крупными кровеносными сосудами объясняет, почему у пресмыкающихся потребность дыхания ограничена.

Мозг пресмыкающихся менее совершенен, чем мозг млекопитающих и птиц, но, с другой стороны, гораздо сложнее мозга гадов и рыб; именно здесь впервые обособляется слой коркового вещества, аммоновы рога и отходящий от них мозговой свод. Головной мозг состоит из трех лежащих друг за другом частей: переднего мозга, среднего и заднего. Последний особенно развит у крокодилов, значительно менее у черепах и змей и представляет орган, заведующий, по Эдингеру, координацией движений животного. Те же различия наблюдаются в величине переднего мозга. Сравнительно с головным спинной мозг вместе со своими нервами имеет преобладающее развитие; поэтому влияние первого на отправление нервов ограничено. Из органов чувств у всех без исключения пресмыкающихся особенно развиты глаза, хотя нередко они бывают очень малы, а иногда даже совершенно скрыты под кожей. Для различных семейств и групп характерно устройство век. «В простейшем случае, — говорит К. Фогт, — как у змей, веки как бы совершенно отсутствуют, в сущности же они срослись друг с другом; кожа над глазным яблоком становится прозрачной и образует над ним выпуклый колпачок, защищающий его снаружи наподобие часового стеклышка, вставленного в окружающую кожу. Слезная жидкость заполняет пространство между этим колпачком и глазным яблоком и вытекает из внутреннего угла глаза через широкий канал в носовую полость. Почти у всех остальных пресмыкающихся верхнее веко мало развито и представляет обыкновенно твердую хрящеватую складку кожи, тогда как нижнее, гораздо больше и более подвижное, может закрывать весь глаз, часто подпирается особой костной пластинкой, а в некоторых случаях имеет прозрачный участок против входа зрительного нерва. У крокодилов, черепах и большинства ящериц имеется, кроме того, м и гател ьная перепон ка, нередко также заключающая хрящевую основу и более или менее полно закрывающая глаз, надвигаясь на него из внутреннего угла. Совершенно особо стоят между пресмыкающимися хамелеоны, выпуклые глаза которых снабжены одним круглым веком, прободенным небольшим отверстием, и обладающим гораздо большей подвижностью, чем у других пресмыкающихся. По внутреннему строению глаза последних вообще мало отличаются от глаз высших позвоночных».

У многих пресмыкающихся глаза малоподвижны; встречается, впрочем, и обратное, и притом в исключительной степени: хамелеоны обладают способностью вращать глаза в разные стороны независимо один от другого. Радужная оболочка у большинства ярко окрашена; зрачок у одних круглый, у других в виде вертикальной щели, как у кошек или сов: в таком случае он может сильно расширяться, и глаз приспособлен для зрения в темноте; у третьих, наконец, зрачок вытянут в поперечном направлении. Змеи и ящерицы обладают сильным мускулом из поперечно-полосатых волокон, расширяющим зрачок; у аллигаторов мускул этот отсутствует.

Одно из замечательных открытий последнего десятилетия — это обретение остатка особого органа чувств, который называли теменным глазом. По своему строению он напоминает глаз оболочников и лежит под кожей на поверхности черепа, нередко выделяясь по своей форме и окраске от окружающей его ткани; так называемый мозговой придаток не что иное, как ножка теменного глаза. Если, кроме того, принять во внимание, что уже у одного отряда земноводных, а также у некоторых отрядов пресмыкающихся в теменном шве находится отверстие, вполне соответствующее теменному глазу современных ящериц и черепах, то мы должны принять, что этот теменной глаз играл большую роль у предков современных позвоночных и служил у них неизвестным до сих пор органом чувств. Только у гаттерий сохранилась, впрочем, и поныне связь теменного глаза с надмозговым придатком. В то время, как некоторые исследователи принимают, что теменной глаз ящериц и ящерогадов поныне служит органом зрения, хотя и в ограниченной мере, другие считают его кожным органом чувств или органом, воспринимающим тепловые ощущения, и, наконец, третьи не признают за ним в настоящее время никакой функции*.

** Теменной орган (так называемый третий глаз) гаттерий помогает регулировать температуру тела, выбирая места и позы, ориентируясь по характеру распределения солнечных лучей. Теменной глаз участвует в регуляции сезонных и суточных циклов активности гаттерий.*

Что некогда он был органом чувств, доказано исследованиями Креднера, который прочно обосновал этот взгляд на основании положения, формы и величины теменных чешуи у ископаемых земноводных; но чтобы этот орган функционировал каким бы то ни было образом и поныне, отрицает Лейдиг полностью после бесплодных усилий отыскать нерв, идущий к этому предполагаемому органу чувств.

Орган слуха менее совершенен, чем у высших позвоночных: ухо не имеет раковины, и его полость устроена гораздо проще, чем у теплокровных позвоночных. Но улитка имеется у пресмыкающихся то в форме округлого перепончатого мешка, то в форме короткого канала с неполной спиральной перегородкой и колбообразным придатком на конце. У змей нет ни барабанной перепонки, ни барабанной полости, ни евстахиевой трубы; у остальных отрядов барабанная полость замыкается барабанной перепонкой, более или менее открытой снаружи, и сообщается с ротовой полостью посредством короткой и широкой евстахиевой трубы. Барабанная перепонка соединена с овальным окошечком столбиком, часто очень длинным, к которому у некоторых форм присоединяются еще другие косточки. За чувством слуха по степени развития следует кожное чувство, хотя оно выражено главным образом как чувство осязания, менее как способность восприятия иных кожных ощущений. Что пресмыкающиеся чувствительны к внешним воздействиям, показывает их любовь к солнечному теплу, хотя, с другой стороны, они обнаруживают нечувствительность, которая кажется нам просто непонятной. Чувство осязания, напротив того, может быть очень развитым и достигает высокой степени совершенства у тех форм, которым органом осязания служит язык. Чувство вкуса, по-видимому, в такой же степени недоразвито. У крокодилов, черепах и ящериц можно предполагать чувство вкуса; но у змей трудно допустить его существование. Чувство обоняния также не особенно высоко развито и во всяком случае не действует на большом расстоянии. Носовые полости пресмыкающихся снабжены хрящевыми (носовыми) раковинами и сообщаются с ротовой полостью; наружные носовые отверстия могут у некоторых форм расширяться и сжиматься или закрываться клапанами. Обонятельные нервы хорошо развиты, слизистая оболочка носовых полостей пронизана сосудами, образующими сетчатое сплетение.

Большинство пресмыкающихся развивается из яиц*, которые в общем похожи на птичьи, состоят из крупного, богатого жиром желтка и более или менее толстого слоя белка и заключены в кожистую, нередко растяжимую оболочку, на поверхности которой отлагается в большем или меньшем количестве известь.

** Наиболее крупные кладки ящериц насчитывают несколько десятков яиц, например у североамериканских жабовидных ящериц их может быть до 40. Несколько больше яиц в кладке змей: рекордная кладка обыкновенного ужа состояла из 105 яиц. До 90 яиц откладывают за один раз самки крокодилов. Самые крупные кладки у черепах: в гнездах бразильской черепахи-тартаруги находили до 247 яиц. Размеры кладок прямо связаны с размерами тела самки — более взрослые и крупные самки откладывают большие яйца.*

Развитие яйца, как правило, начинается еще задолго до кладки в яйцеводе самки, а у некоторых форм здесь и завершается развитие зародыша: детеныш прорывает оболочку яйца еще в яйцеводе и рождается живым. Некоторые виды, обыкновенно откладывающие яйца задолго до этого момента, могут задержать кладку до полного развития зародыша, если им постоянно мешать откладывать яйца. Оплодотворенное яйцо имеет на поверхности желтка беловатый кружок с неопределенными очертаниями, соответствующий той части куриного яйца, которую в обыденной жизни называют наседным пятнышком или рубчиком. Этот зачаток состоит из мелких бесцветных клеток и выглядит как белое пятно на желтке; он представляет самую существенную часть яйца и служит основой тех образований, которые принимают участие в построении тела зародыша. В той области, где появляются зачатки задних конечностей, передняя стенка кишки дает выпячивание в форме грушевидного пузырька, который проникает в полость тела через отверстие кожного пупка и разрастается над околоплодным мешком. Между тем как последний вполне замкнут, мочевого мешок, напротив, обильно снабжен разветвлениями сосудов, служащими для дыхания зародыша. Зародыш прорывает околоплодный мешок, а затем пробивает и скорлупу; для этой цели у многих форм ему служит особый непарный острый зуб, так называемый яичный зуб, который сидит на конце морды сверху, вырастает на межчелюстных костях и впоследствии выпадает. После рождения сосуды мочевого мешка съеживаются; дыхательная деятельность полностью переносится на легкие, и пупок зарастает совершенно, не оставляя никакого следа.

О пресмыкающихся можно определенно сказать, что время этих животных прошло. Действительно, из того, что мы теперь знаем о первобытном мире, явствует, что в числе вымерших животных имеются целые отряды пресмыкающихся, а до настоящего времени дожили только 4 отряда: ящериц, крокодилов, черепах и ящерогадов. Окаменелые остатки вымерших видов этого класса, находимые в наши времена, являют перед нами целый ряд различных и в высшей степени оригинальных животных, строением своего тела и образом жизни напомилавших частью млекопитающих (таковы несходнозубые), частью птиц (летающие ящерицы), земноводных и рыб (ихтиозавры).

Впрочем, в настоящее время на земном шаре живет все же около 3500 видов всевозможных пресмыкающихся: около 1645 ящериц, 55 хамелеонов, приблизительно 1575 видов змей, 23 — крокодила, 201 — черепах и 1 — гаттерия, причем ежегодно находят новые, еще неизвестные до того виды, особенно ящериц и змей*.

* *Со времен Брема описано много новых видов пресмыкающихся, и сейчас насчитывается более 4300 видов ящериц (включая хамелеонов), около 3000 видов змей, 1 гаттерия, около 250 черепах; не изменилось лишь число крокодилов.*

Весьма интересно широкое распространение по земному шару ныне живущих пресмыкающихся.

Огромное большинство пресмыкающихся живет в низменностях тропических стран, и количество видов этих животных более, чем всех остальных позвоночных, убывает по направлению к полюсам. То же самое относится и к различным горным поясам. Тепло является необходимым условием для их жизни: чем жарче страна, тем они многочисленнее, чем холоднее — тем беднее их фауна. Виды, область распространения которых охватывает несколько градусов широты, на юге часто бывают заметно крупнее и красивее окрашены, нежели на севере, так что в иных случаях трудно бывает даже признать в них одни и те же формы. Наряду с теплом для многих видов необходима также и влажность. Африка сравнительно бедна этими животными, тогда как в южной Азии, а еще более в Америке заметно бросается в глаза наибольшее разнообразие форм пресмыкающихся, а равно и наибольшая численность их особей. Величина отдельных видов находится в соответствии с развитием всего класса в том смысле, что крупнейшие виды населяют тропические страны, а в умеренных поясах живут почти одни мелкие виды.

Все виды этого класса более или менее связаны с местностью, в которой живут: ни одно пресмыкающееся, за исключением разве морских черепах, не совершает регулярных переселений в прямом смысле этого слова. Черепахи распространяются по бассейну какой-либо реки и могут переселяться на соседние воды, но если область их жительства отделена от бассейна другой реки широкой безводной площадью, то уже только это является непреодолимым препятствием для их распространения. То же самое относится и к тем видам, которые живут на суше: какой-нибудь узкий морской рукав может воспрепятствовать дальнейшему расширению области их жительства. Змеи очень редки на островах, лежащих посреди океанов; если же присутствуют, то в виде своеобразных, исключительно местных форм. Несмотря на это, одни и те же пресмыкающиеся встречаются приблизительно в одинаковом числе в совершенно различных местностях, разделенных препятствиями, подобными вышеприведенным; в таком случае следует принять, что прежде такой разделяющей границы между данными местностями не существовало.

Места обитания пресмыкающихся весьма разнообразны, однако в общем их следует причислить к наземным животным. В море постоянно живут только некоторые черепахи и змеи, остальные же населяют сушу и в особенности охотно живут во влажных местностях. Обителю многих видов служат пресные воды, однако большинство в известное время держится вне воды, греясь на солнце и отдыхая, и только самая меньшая часть этих животных спит, плавая. Лес еще более богат видами пресмыкающихся, нежели болота и вода; он должен также считаться одним из главнейших приютов животных этого класса. Здесь они живут как над землей, так и на земле, между кустарниками и корневыми сплетениями, на стволах и в ветвях деревьев. Наконец, некоторые селятся в сухих песчаных или скалистых областях, так, многие ящерицы и змеи водятся в степях, а иные в пустынях, на местах, по-видимому, почти исключающих возможность жизни в них.

"Для жизни в степных или пустынных областях для животного особенно ценно обладание быстротой передвижения с одного места на другое, имеющей особую важность при быстром ли ускользании от врага по лишенной растительности почве или же для быстрого перемещения при недостатке пищи из одной местности в другую. Особенное значение в этом случае имеет общая форма тела. Таким образом, в узком теле в высшей степени подвижных ящериц из семейства настоящих ящериц (*Eremias*), в форме тела степных гологлазов (*Ablepharus*), как равно и в бичевидно удлинённых стрелах-змеях (*Psammophis lineolatus*), мы видим пример необыкновенно важной приспособляемости к жизни в песках. Даже закаспийская очковая змея, или среднеазиатская кобра (*Naja oxiana*), рисунок очков у которой, Впрочем, на раздувающемся затылке совершенно отсутствует, при обычном строении тела и при нормальном числе чешуи, в степных областях имеет более вытянутый и удлинённый хвост. Но не одна только длина хвоста обуславливает особенную быстроту движений большинства наземных змей; в незначительной степени быстроту эту следует считать свойственной и всем тем змеям, которые имеют большое число брюшных щитков (в общей сложности 200 и более).

Из других своеобразных черт, свойственных почти всем без исключения пресмыкающимся, живущим в азиатских степях и песках, характерно отсутствие потребности в удовлетворении жажды*.

* Это не совсем так. Разные пресмыкающиеся по разному приспособились к недостатку влаги. У пустынных игуан рода *Sauromalus*, например, по бокам тела под кожей располагаются лимфатические узлы, заполненные жидкостью, состоящей в основном из воды, накопленной во время дождей.

Коренные обитатели пустыни, быть может, даже отказываются от глотания ночной росы, которую другие змеи и ящерицы обыкновенно с жадностью отыскивают по утрам. Очевидно, обычная их пища уже включает в себе все то количество жидкости, которое необходимо этим животным. От ночного холода и от дневного зноя большая часть закаспийских пресмыкающихся прячется в норы и подземные ходы, а еще чаще просто зарывается в песок. Способность рыть и зарываться почти у всех видов высоко развита. Начиная от наземных черепах и пустынных варанов, с необыкновенной силой и ловкостью закапывающихся в самую сухую глинистую почву, до агам и круглоголовок (*Phrynoscephalus*), зарывающихся в более легкую степную почву, — все эти животные характеризуются хорошо развитыми роющими когтями.

Наконец, некоторые закаспийские пресмыкающиеся приспособляются к жизни в степи тем, что днем во время жары прячутся и ведут ночной образ жизни, например слепуны, которые избегают влияния температурных колебаний тем, что, подобно земляным червям, живут в земле под дерном. Из ящериц упомянем все семейство гекконовых, из змей род *Lytorhynchus*, а равно и все водящиеся там виды полозов, гадюк и *Echis*, которые уже по внешнему виду могут быть признаны настоящими ночными животными благодаря целевидным зрачкам.

Очковая змея, по Гюнтеру, также ночью кажется гораздо более оживленной, нежели днем. Такое строение тела ставит эту змею почти вне зависимости от внешнего влияния температуры, так как она при сильных ночных колебаниях тепла или холода всегда может вновь зарыться в безопасное песчаное убежище.

К одним из самых интересных приспособлений ящериц к жизни даже в мелкосыпучих песках принадлежит конструкция их органов движения. Так, род *Eremias* (*E. intermedia* а *E. velox*) из местных ящериц имеет необыкновенно крупные щитки на голених, которые благодаря с воей ш и р-кой гладкой поверхности не дают животному провалиться в песок. Пальцы их служат для той же цели, а равно и для облегчения рытья в песке, для чего они весьма своеобразно лопатовидно расширены. У чешуйчатого геккона, как и у рода *Crossobamon* из гекконовых и у круглоголовок, мы встречаем длинные бахромки по бокам пальцев, которые при хождении значительно расширяют площадь ступни. Подобное приспособление далеко не редкое у ящериц. Наоборот, у гекконов это явление редкое и необычное.

Совершенно другой характер, но еще более оригинальный, носят приспособления закаспийских пресмыкающихся, которым приходится защищать себя от вредных действий вечно клубящейся пыли и сыпучих песков. В этом случае естественно сначала обратить внимание на предохранительные приспособления отдельных органов чувств, особенно их наружных отверстий.

Прежде всего, поговорим о носе, органе дыхания. У фриноцефалов* носовые отверстия никогда не направлены прямо, открываясь на носовых пластинках, но выходят всегда наверху, будет ли носовая пластинка поставлена вертикально и обращена площадью вперед, или же располагается почти горизонтально, наверху морды.

* Фриноцефалами Брем называет ящериц- круглоголовок (*Phrynoscephalus*), обитающих на юге России, в Средней и Передней Азии, Казахстане, Индии, Монголии и Китае.

Вообще у всех зарывающихся в песок ящериц или змей во время рытья сор не может попасть непосредственно в нос; отверстия ноздрей лежат всегда в направлении, которое совершенно или почти совершенно противоположно самому сильному напору песка при рытье. У большинства змей Закаспийской области мы, кроме того, встречаем хорошо развитые клапаны. Так, мы видим это у видов рода *Lytorhynchus*, носовое отверстие которых в спокойном состоянии прикрывается наглухо закрывающимся отростком, у местных гадюк, у очковых змей. Раздувание ноздрей в гневе и при нападении асписовыми гадюками и очковыми змеями известно уже издавна, но, по-видимому, менее знакомо то обстоятельство, что всякая чуть попавшая в ноздри песчинка может быть с легкостью удалена животным с помощью чрезвычайно сильного фыркающего движения, что мы замечаем также у среднеазиатской черепахи (*Agrionemys horsfieldi*).

Но и глаза пресмыкающихся, особенно ящериц, живущих в песках, представляют нам пример в высшей степени интересного приспособления. Совершенно скрытые под щитками глаза бы-

вают только у слепунов; в этом случае они настолько спрятаны, что, быть может, способны отличать только темноту от света. Как животных с чрезвычайно сильно развитыми веками мы прежде всего должны отметить агам и круглоголовок; смыкающиеся между собою пластинки век у них образуют довольно широкие площадки, наружные края которых, кроме того, снабжены ресницевидными чешуйками, что, вместе взятое, вероятно, и служит надежной защитой от пыли и песка в ветреную погоду.

Точно так же и увеличение верхнего века у чешуйчатого геккона замечательно тем, что как раз у гекконов развитие век принадлежит к числу редчайших явлений. Совершенно иное устройство видим мы у рода *Mabuua* из сцинковых. У ящериц этого рода нижнее веко весьма увеличено и направлено вверх, причем обычно оно плотно смыкается с верхним веком, которое меньше. Но именно в силу этого ящерицы эти столь же зорко видят, как если бы веки их были совершенно открытыми, так как большое, прозрачное нижнее веко не препятствует свободному доступу света. Наконец, еще интереснее устройство зрительного аппарата у пустынных гологлазов, у которых нижнее веко, как это открыл Буланже, срослось с верхним, разделяющая их горизонтальная щель совершенно исчезла и напоминающая видом часовое стеклышко пара век приняла вид роговицы и функционирует так же, как и она. Прежде думали, что гологлаз вообще лишен век или имеет только чешуевидные остатки их; в действительности же глаза у него похожи на глаза змей.

Наконец, что касается ушного аппарата, то у многих живущих в песках гекконов, например у вида *Cyrtopodion russowi*, мы встречаем ушные щели заметно меньше и более узкие, чем у их ближайших родичей. Другие ящерицы, как, например, агамы и сцинковые рода *Eumeces*, в виде защиты наружного уха имеют бахромчатые или иглистые придатки, состоящие из слабо прикрепленных прикрывающих чешуек, которые бывают всегда так расположены, что при рытье или зарывании в песок совершенно закрывают ушное отверстие или по крайней мере его большую часть. У круглоголовок же, как и у змей, наружное отверстие уха совершенно исчезает, что представляет собою явление чрезвычайно интересное и очень редкое среди ящериц. Подобное устройство ушного аппарата, без сомнения, имело определяющее значение для их распространения и изобилия в областях центральной Азии.

Чистого зеленого цвета в своей окраске закаспийские пре смыкающиеся абсолютно лишены. Такое явление объяснить не трудно: зеленый тон в Закаспийской области есть тон редкий и встречающийся на окраинах лишь местами и то в течение коротких весенних месяцев. Нечасты также и бледные цвета, белый с серым или более черным пятнистым рисунком; мы встречаем их только у ночных гекконов, как приспособление к свету месяца и бросаемых им теней. Наоборот, повсюду и обычно встречаются животные песчаных цветов — желтого, желто-серого, желто-красного и желто-бурого; большинство бывает пестрого цвета с самыми разнохарактерными рисунками и оттенками. Но освещенный лучами солнца песок не состоит из однообразных желто-серых, желтых или желто-красных цветов, скорее он представляет собой смешение белых, красных, бурых и черных оттенков, в которые окрашены зернышки кварца и другие составные части песка и камней. Самая роскошная окраска подобного рода у одной из круглоголовок (*Phrynoscephalus tussifacis*) или вида *Eremias grammiea*: до такой точности обе эти ящерицы подражают своей окраской окружающей их обстановке песков. У вида *Phrynoscephalus helioscopus* имеются даже еще темные спинные отростки, похожие на более крупные черные или черно-серые камешки, а сплюснутое, зарывшееся боками в песок, плоское тело часто можно не отличить от спокойно лежащего камня. Наряду с только что упомянутой пятнистой окраской матового колорита, похожего на тeneвые тона, в окраске этих животных встречаются также и отдельно лежащие, ярко окрашенные пятна. Так, кирпично-красные пятна часто, но, по-видимому, не всегда украшают спину самки агамы (*Trapelus sanguinolentus*), таковы оба карминово-красные, обрамленные небесно-голубым кольцом глазные пятна на шее *Phrynoscephalus helioscopus*, подобные же, но расположенные более назад, у области плеча, пятна круглоголовок Радде (*Phrynoscephalus raddei*), яркое отдельное посередине спины у вида *Phrynoscephalus interscapularis*, наконец, чудные бело-сине-черные глазчатые пятна на боках *Eremias velox*. Чем обуславливается происхождение этих пятен, я достоверно высказать не могу. Быть может, все эти оригинальные и чрезвычайно яркие, выделяющиеся из окружающего пятнистые рисунки можно рассматривать как явления подражания почве или цветкам, на стеблях которых в известное время года круглоголовки имеют обыкновение сидеть, уцепившись своими вертялыми хвостиками. С другой стороны, такие пятна могут служить для устрашения врагов или для приманивания самок. Не выяснено также значение лимонно-голубого или сургучно-красных цветов видов родов *Eremias* и *Phrynoscephalus*; у последних при этом весьма обыкновенно бывают темно-черные полукольца перед концом хвоста.

Наряду с этим весьма распространенным пятнистым рисунком встречаются также полосатые рисунки. Это явление, частое также и в степных областях, свойственно из ящериц видам рода *Eremias*, особенно молодым. Быть может, оно является следствием приспособляемости к пребыванию в степи во время восхода и захода солнца, когда отдельные былинки и стебли бросают длинные тени на оголенную почву. Так как такой полосатый рисунок, что было выяснено еще Эймером, чаще имеет место у молодых животных, которые обыкновенно бывают чувствительнее к колебаниям температуры, то этот приспособляющийся признак тем более может быть особенно целесообразен тем, что таким животным действительно нельзя оставаться на открытых местах во время жаркого полуденного солнца или в холодную лунную ночь.

Узкий и тонкий лист предоставляет лучам солнца незначительную зеленую поверхность, почему и происходят резкие полосатые тени. Понятно, что полосатую ящерицу очень трудно заметить среди этих сухих тонких листьев. То обстоятельство, что молодые обладают более выраженным полосатым рисунком, чем взрослые животные, для закаспийских форм я объясняю себе отнюдь не более значительной чувствительностью первых к влиянию температуры, но тем, что для маленьких ящериц особенно опасны большей частью тонкие, живущие в песках змеи, от которых они и защищены своей предохранительной окраской. Таким образом, здесь, скорее всего, нужно предположить раздражительность окраски этих животных продолговатым листьям укромных уголков. Самые мелкие виды (какова, например, *Eremias scripta*) и во взрослом состоянии или весьма полосаты, или сильно походят окраской на окружающую обстановку. Вейсман во многих случаях мог наблюдать превосходную раздражительность гусениц траве, и я полагаю, что в интересующем нас вопросе мы встречаем то же явление, но выраженное еще сильнее».

Наверное, большая часть закаспийских пресмыкающихся являются настоящими плотоядными животными, что доказывается почти всеобщей мощностью зубного аппарата. Но особенно интересны некоторые приспособления, находящиеся в зависимости от добывания пищи, свойственные круглоголовкам и чешуйчатым гекконам, которые характеризуются известным своеобразным устройством хвоста. Известно, что все круглоголовки снабжены более или менее скручивающимся хвостом, при помощи которого они довольно крепко могут держаться на стеблях кустов и зонтичных растений. Я полагаю, что животные этого рода, все виды которого обладают таким хвостом, залезают весной на расцветшие растения именно ради облегчения себе добывания добычи; здесь они прячут свою голову между цветами и в удобный момент ловят пролетающих насекомых. Этот взгляд укрепился во мне особенно после одного наблюдения над ушастой круглоголовкой (*Phrynoscephalus rnystaceus*), которое, мне кажется, объясняет значение удивительных крупных воронковидных кожных лопастей у углов рта животных этого вида. Я наблюдал яркую карминно-красную окраску внутренней стороны этих кожных лопастей, которые снаружи по краям имели красивейшие белоснежные пучковидные бахромки, оторачивавшие их. Если раскрыть рот этого животного, то такие лопасти в обоих углах рта расширяются в виде крупных лепестковидных площадок, красиво и аккуратно охваченных белыми бахромками. Я представляю себе дело таким образом: животное это, раскрывши пасть, сидит на стебле какого-либо растения, прицепившись своим подвижным хвостом, выглядывая из вышеупомянутого зонтика растения; возможно, что и слизь, выделяемая такими боковыми лопастями, придает им особенно обольстительную для насекомых влажность, или же, что сама глотка, кроме того, имеет яркий манящий цвет; одним словом — насекомые принимают всю эту ярко окрашенную, блестящую поверхность за только что распустившийся цветок зонтичного растения и летят прямо в рот ящерицы. Если подлетающие насекомые садут только на боковые лопасти, то последние снабжены такой сильной мускулатурой, что действуют как сачок и захлопывающимся боковым движением препровождают обманутое насекомое прямо в глотку животного. Если этот взгляд верен, то он сразу объясняет значение столь редких лопастевидных боковых отростков на верхней и нижней губе, явление, единственное во всем отряде ящериц Вальтер высказывает по этому поводу, конечно, совершенно другое. Он говорит: «Во-первых, ушастая круглоголовка, будучи, прав да, проворной, но и тяжелой, никогда или только в очень редких случаях залезает на растения. Во всяком случае, я ни разу не имел случая занести такой факт в свою записную книжку. Радде уверял, что однажды видел подобное животное, сидевшее на сухом кусте колючки, но очень вероятно, что был введен в заблуждение обманчивым воздухом пустыни и видел перед собой просто агаму (*Trapelm sanguinolentus*). Затем мне кажется, что хвост ушастой круглоголовки не обладает достаточной подвижностью, чтобы цепляться; далее, я полагаю, что своеобразные боковые бахромки на пальцах задних ног этого животного, напоминавшие мне всегда зубчики на пальцах глухарей и тетеревов, препятствуют лазанию по весьма тонким ветвистым пустынным кустикам. Затем окраска боковых лопастей имеет, хотя и отдаленное, сходство с цветом маленького рябчика (*Fritilaria*) и

во всяком случае с цветом *Eremurus olgae*. Но оба этих растения цветут в такое время года, в которое ящерицы едва начинают бодрствовать и в которое вообще ни одна ящерица не лазает на кусты. К тому времени, когда ушастая круглоголовка делается заметно бодрее, не цветет ничего подобного, если не считать некоторых огромных чертополохов, которые посещают, однако, только некоторые насекомоядные животные, умеющие находить добычу в мелких цветках этих растений. В спокойном состоянии ушастая круглоголовка никогда не распускает свои бахромки, но они быстро и совершенно раскрываются и сплошь алеют, как только ящерица видит, что ее преследуют и она не может никуда скрыться.

Таким образом, она принимает действительно весьма оригинальный вид, решительно напоминающий дракона, и в первый раз это меня на самом деле изумило. На основании личных наблюдений я в этом вижу не что иное, как средство испугать и тем самым защититься от преследователя, хотя я вообще не особенно склонен верить в эту теорию угрозы, столь часто преувеличиваемую, и гораздо скорее согласился бы со взглядом Бетхера, как с решительно более вероятным, если бы не имел случая лично побывать в тех местах**.

* *Мнение Вальтера соответствует современному представлению о назначении «ушей» этой ящерицы.*

Второе приспособительное свойство, менее спорное и подавшее повод также к изменениям в строении хвоста, мы встречаем у сцинкового геккона. На его хвосте благодаря продольному ряду крупных черепитчато наложенных друг на друга чешуек на верхней стороне образовался звуковой аппарат, при помощи которого это цепкопалое животное, быстро двигая хвостом в разные стороны, оживленно музицирует. При этом ящерица в вечерние сумерки или в начале наступающей ночи сидит перед своим жилищем. Звук от такого движения хвоста напоминает стрекотание кузнечиков и сверчков и, разумеется, может привлечь ночных кузнечиков, служащих пищей этой ящерицы; быть может, в то же время этот звук есть призыв в пору спаривания, однако это было бы необычно, так как его в состоянии производить как самцы, так и самки. Это очевидно странный, впервые указанный Штраухом факт требует еще дальнейших наблюдений и пояснений**.

* * *В настоящее время такое поведение геккона, которого сейчас называют сцинковым (*Teratoscincus scincus*), считается выражением общего возбуждения животного и специфической защитной реакцией, сигнализирующей об опасности.*

Самая маленькая чешуйка, самое незначительное цветное пятнышко в хозяйстве и экономии природы имеет свое значение, но лишь в редких случаях точное объяснение этого значения бывает для нас столь просто и ясно, как окраска таких песчаных и степных жителей, у которых всякая малость в строении тела может уже, по-видимому, оказаться чрезвычайно полезной.

О заботах закаспийских пресмыкающихся по отношению к своему потомству, о самой важной деятельности для поддержания своего дальнейшего существования и об успешном продлении того или другого вида я, к сожалению, имею немного фактического материала. Там, где заботы о будущем поколении предоставляются земле в виде снесенных яиц, зарывание яиц на подходящих местах совершается с несколько большей заботливостью, причем черепаха Горсфильда, весьма ловко и терпеливо роющее животное, зарывает свои яйца на значительную глубину. Очковая змея родит живых детенышей; что змеи *Echis* и местные гадюки живородящи, почти несомненно по сходству их с европейскими и африканскими представителями рода *Vipera*; более чем вероятно также, что и большинство закаспийских ящериц из многочисленного семейства агамовых и все сцинковые также приносят живых детенышей».

Этими примерами влияния климата и окружающей среды на пресмыкающихся мы и удовлетворимся, хотя было бы очень заманчиво и интересно рассмотреть приспособляемость пресмыкающихся Бразилии и Мадагаскара к обстановке девственного леса или влияние неизмеримого моря на живущих в нем змей и черепах.

Пресмыкающиеся ползают, бегают, лазают, прыгают и плавают; некоторые виды даже в известном смысле носятся по воздуху, т.е. совершают при помощи летательной перепонки, которой пользуются как парашютом, перелет на довольно большие расстояния, однако животные эти никогда не могут взлететь снизу вверх, но опускаются всегда только сверху вниз. Пресмыкающиеся заслуживают свое название, так как даже их ходьба и беганье в точном смысле слова — пресмыкание. Большинство волочит брюхо по земле, и яснее всего это заметно как раз у самых быстрых из них. Многие черепахи, правда, в состоянии ходить так, что брюшной панцирь не касается земли, но зато они двигаются с такою медлительностью, что движение их, в самом деле, едва ли можно назвать беганьем. Уже большая часть водяных черепах при движении по земле бороздят своим брюшным панцирем, а морские черепахи ползают по земле еще беспомощнее, чем тюлени. Ящерицы бегают,

правда, очень быстро и проворно, но держат при этом свои ноги весьма вывернутыми в стороны, так что движение их в сравнении с движением млекопитающих также следует назвать беспомощным. Наконец, змеи, настоящие ползающие животные среди пресмыкающихся, двигаются при помощи своих ребер, которые служат им опорой тела: при передвижении они ими действуют, как рычагами, и употребляют их в дело, как ноги.

Плавание совершается различными способами. До сих пор еще неизвестно ни одно пресмыкающееся, которое бы, попав в воду, погибло. Даже беспомощные наземные черепахи, как камень тонущие в воде, не гибнут на глубине. Речные черепахи плавают при помощи своих широких ног; морские черепахи благодаря своим большим лапам двигаются в воде ловко, легко и продолжительно. Крокодилы плавают главным образом при помощи хвоста, представляющего собой мощный орган передвижения, двигая им подобно рулевому веслу, помещенному на корме лодки; при этом эти животные двигаются необыкновенно быстро. У морских змей задняя часть тела превратилась в превосходное, вертикально поставленное рулевое весло, благодаря чему и движения их становятся гораздо быстрее. Однако и простые змеи, лишённые такого приспособления, также весьма быстро скользят по волнам. Незначительная потребность в дыхании облегчает продолжительное пребывание в воде даже и земным пресмыкающимся.

Многие пресмыкающиеся лазают очень ловко. Известные виды ящериц взбираются по самым гладким стволам деревьев и скалам так же быстро, как и бегают по земле. Немало из них для удержания своего тела и прицепления обладают в высшей степени подходящими орудиями в виде острых, серповидно согнутых когтей или же в виде дисковидно расширенных пальцев конечностей, снабженных снизу поперечными складками; такие пальцы предоставляют им даже возможность, подобно мухам, удерживаться на нижней стороне горизонтального сучка или поверхности скалы и даже совершенно безопасно бегать по потолку комнаты. Змеи лазают тем же способом, как ползают и плавают: они двигаются, змеевидно извиваясь, и при влезании так плотно укрепляются своими подвижными ребрами к неровностям древесной коры, что совершенно не рискуют произвольно соскользнуть вниз.

Голосом, в настоящем смысле этого слова, обладают крокодилы, гекконы и некоторые ящерицы, как, например, алжирская (*Psammodröms*); все же остальные испускают только фыркающие и шипящие звуки.

Повышение внешней температуры положительно складывается на жизнедеятельности пресмыкающихся, и одна и та же змея ведет себя в жаркий день совершенно иначе, чем в прохладный. Процессы дыхания и кровообращения не в состоянии дать пресмыкающемуся внутренней теплоты, почему такое животное более или менее зависит от внешней температуры. Оно воспринимает ее и выдерживает, хотя бы покровы его тела, панцирь или чешуйчатая одежда до того нагрелись, что могли обжечь руку; иной раз оно предоставляет себя такому влиянию необыкновенно долгое время и затем мало-помалу снова возвращает воздуху теплоту, пока не восстановится равновесие между внешней температурой и теплотой тела. Пресмыкающиеся, получающие от лучей солнца как внешнюю, так и внутреннюю теплоту, или, лучше сказать, прогреваемые солнцем насквозь, остаются теплыми еще долгое время после захода солнца. Однако теплота их в течение ночи уходит обратно в воздух, а равно и уменьшается к осени или ко времени более холодной поры года. Весною же и летом она снова повышается. Этим объясняется также, что все те виды, которые живут в более холодных местностях, в зимние месяцы вынуждены уединяться, впадать в оцепенение или в зимнюю спячку: они погибли бы, если бы вышли на холод.

Уже из вышеприведенных сведений следует, что душевные способности пресмыкающихся должны быть совершенно незначительны. Создание, в теле которого головной мозг имеет столь небольшое значение, не может обладать и более высоко развитыми проявлениями деятельности этого мозга, тем, что мы называем понятливостью. Эта способность находится если и не в прямом, то все же в известном соответствии с величиной мозга, и теперь, когда известно, что вес головного мозга человека равен $1/40$ части общего веса тела, а вес мозга черепахи относится к весу ее тела как $1:1850$, то мы имеем масштаб для суждения о способностях этого животного. Не только малое развитие и несовершенство головного мозга, но и незначительная масса его ставит этих пресмыкающихся на столь низкую ступень. Способность распознавать окружающие явления замечается только у немногих животных этого класса. Обман чувств, другими словами, недостаточное понимание какого-либо раздражения извне у них наблюдается часто; в них заметны лишь самые низменные проявления душевной деятельности; о способности рассуждать почти не может быть и речи. Известная память на местность, ограниченная способность распознавать съедобное от несъедобного, полезное от вредного, также понимание опасности и, наконец, некоторые аффекты — вот все про-

явления их душевных способностей. Они занимают очень низкую ступень в общем ряду столь богатого царства животных. У более высоко стоящих животных этого класса наблюдались некоторые проявления понятливости, накопление сведений, полученных опытом, и целесообразность поступков, как результат опыта; у других наблюдалась известная заботливость по отношению к потомству — в большинстве случаев лишь как следствие раздражения, имеющего связь с половой деятельностью. Многие пресмыкающиеся выказывают возбуждаемость, которая может означать злобу, гнев, коварство, и очень немногие из них полагаются на собственные силы. До хитрости, которая может служить выражением высшего проявления ума, не доходит ни одно пресмыкающееся.

Высокоорганизованные позвоночные животные выбирают местожительство обдуманно, пресмыкающееся же следует какой-либо из своих потребностей и почти не делает разницы между лучшим или худшим местом для своего пребывания. Оно делается осторожным и пугливым там, где впервые его начали преследовать, а со временем это обращается и в привычку, однако редко, быть может, даже никогда, такое животное не отличит настоящую опасность от кажущейся.

Чувственные раздражения иногда, конечно, довольно значительно влияют на маленький по массе мозг этих животных. Так, наблюдали, что во время оплодотворения они до того забывали окружающий мир, что становились как бы глухими и слепыми, не обращая внимания на самые очевидные опасности, которых прежде избегали, короче — совершенно меняли свое обычное поведение. О сознании их едва ли может быть речь, скорее еще можно говорить об их чувственности. Однако им также свойственна известная опытность, а равно нельзя им отказать и в умении иногда известным образом употребить ее в дело. Ядовитые змеи хорошо сознают силу своего смертоносного оружия и спокойно ждут результатов от действия их яда; неядовитые змеи, черепахи, крокодилы, ящерицы подкрадываются к своей добыче, преследуют ее или же смотрят на нее снизу, внезапно подпрыгивают и стараются схватить; наконец, каждое пресмыкающееся до известной степени позволяет себя приручить, т.е. мало-помалу привыкает к человеку, снабжающему ее кормом, однако оно с трудом различает ухаживающего за ним человека и других людей, а просто видит в столь обычном для него явлении лицо, доставляющее ему пищу.

Крокодилы и ящерицы, даже черепахи постепенно могут приучиться выходить на определенный свист своего хозяина и приготавливаться к принятию пищи; первых можно даже отучить от кусания: этим ограничивается достигнутая степень приручаемости пресмыкающихся. Я видел также, как ядовитые змеи брали предлагаемую им пищу, причем одновременно все-таки замечал, как они, несмотря на то что привыкли получать пищу из железных щипцов, при неожиданном для них движении кусали щипцы, следовательно, в это мгновение совершенно забывали, что они уже несколько раз повреждали свои зубы о железо. Так называемые ручные пресмыкающиеся остаются всегда опасными и в состоянии нанести серьезнейший вред ухаживающим за ними. Так, о привязанности с их стороны нечего и думать, скорее можно рассчитывать на досаду и злобу, нежели на дружбу. В дружественное общение такое животное не вступает ни с пресмыкающимися, ни с другими животными вообще. Самое большее, чего можно достигнуть, это что оно перестанет бояться другого животного или же будет относиться к нему равнодушно. Настоящей общительности среди этих низко стоящих животных не было замечено ни разу. Сотни черепах плавают сообща, 20, 30 крокодилов лежат в одном месте, греясь на солнышке, но каждое из таких животных думает, пока не наступит половая пора, только о себе, живет исключительно для себя и не заботится о соседи; общество никогда не приходит на помощь к одному из сочленов его.

Упомянув о телесных и душевных способностях пресмыкающихся, в заключение нам остается сказать о голосе. Среди более высоко развитых позвоночных мало таких, которые не были бы в состоянии издать звук или крик; среди пресмыкающихся же мы встречаем большое число таких, которых следует назвать немymi. Черепахи пыхтят или свистят, ящерицы и змеи, как известно, иногда выпускают более или менее громкое шипение, многие, однако, не издают и этого звука. Только крокодилы и гекконы, ночные ящерицы, а равно и некоторые обыкновенные ящерицы в состоянии воспроизводить громкие определенные и отчасти благозвучные звуки. Ниже стоящие земноводные в этом отношении являются одареннее пресмыкающихся.

Повседневная и, если можно так выразиться, общественная жизнь пресмыкающихся чрезвычайно однообразна. Среди черепах живущие на суше деятельны днем, большинство же пресноводных черепах оживлены преимущественно ночью. Крокодилы охотятся за своей добычей главным образом в сумерках, хотя и днем не упускают случая поймать добычу. Только ящериц и значительную часть неядовитых змей нужно считать дневными животными, тогда как гекконы и почти все ядовитые, а равно и многие неядовитые змеи выходят на добычу после захода солнца. По обыкновению, водная среда изменяет образ жизни и этих животных в том смысле, что живущие в воде не

делают разграничений суточного времени, как это свойственно живущим на суше, но и между водными пресмыкающимися большая часть оживает только ночью.

За исключением наземных, некоторых пресноводных и одной морской черепахи, а равно и некоторых ящериц, всех животных этого класса мы должны назвать хищниками, а отдельных даже причислить к самым опаснейшим. Почти все классы животных платят им дань. Крокодилы нападают на млекопитающих величиной с собаку или свинью и столь же мало щадят человека, как и всякое маленькое хищное животное, приблизившееся к воде; преследуют же главным образом водных животных, в особенности рыб*.

** Питание определенной группой кормов может быть обязательным (постоянным), как, например, у королевской кобры, которая питается почти исключительно змеями (таких животных называют офеофаги), или у молоха, потребляющего почти исключительно муравьев (мирмекофаг). Вместе с тем обязательных карпофагов (специализированных потребителей плодов) среди пресмыкающихся нет, однако желтопузик и длинноногий сцинк охотно поедают различные спелые ягоды, а одна из обитающих в Индии черепах питается преимущественно плодами околотовых растений.*

Черепахи ловят мелких млекопитающих, птиц, других пресмыкающихся, земноводных, рыб, головоногих, улиток, насекомых, раков, червей и медуз. Ящерицы питаются млекопитающими, птичками, другими ящерицами, земноводными, рыбами, насекомыми и различными червями. Змеи главным образом нападают на позвоночных, но есть целые семейства, питающиеся только червями и насекомыми. Почти все проглатывают свою добычу целиком, и только немногие, в особенности черепахи и крокодилы, разрывают сырую добычу предварительно на куски, как это делают те, которые питаются растениями. Оказывается, что пожирание и проглатывание у некоторых пресмыкающихся требует значительных усилий. Большинство этих животных пьют. С повышением температуры возрастает и прожорливость пресмыкающихся: в жаркое время года они, так сказать, набирают запасы питательного материала на все остальное время года. Однако сравнительно с их величиной пресмыкающиеся едят гораздо меньше, чем млекопитающие и птицы. Они проглатывают сразу огромные куски, но затем вплоть до полного переваривания дня ми лежат в ленивом покое более или менее на одном и том же месте, а в случае нужды могут обходиться и без пищи. При обильном корме они до известной степени тучнеют, некоторые же делаются очень жирными, однако ожирение выражается у них несравненно менее значительно, чем у млекопитающих и птиц.

Черепахи и крокодилы сменяют свою верхнюю кожу таким же способом, как и млекопитающие и птицы; остальные пресмыкающиеся линяют целой шкуркой, т.е. сбрасывают кожу лоскутьями или более или менее целиком, так что народ совершенно справедливо упоминает про «ужовые рубашки». После такой линьки животные выказывают себя особенно ревностными на охоте и прожорливыми, так как им нужно восполнить свои потери.

С началом весны у пресмыкающихся также начинается половая пора. Виды, живущие в северных странах, появляются с первыми теплыми днями, животные умеренных или жарких стран, зарывающиеся на время сухой поры года, выходят после первого дождя. Некоторые виды, возбуждаемые половой страстью, ведут ожесточенные бои друг с другом. Крокодилы злобно гонятся друг за другом и яростно дерутся. Между ящерицами также происходят единоборства, змеи собираются на известных местах в большом числе, образуют путаные клубки, шипят или чем-либо другим выказывают свое возбужденное состояние, пока не спарятся с какой-нибудь самкой. Само оплодотворение длится целыми часами и днями; однако вслед за ним, по крайней мере у большинства, наступает тупое равнодушие между самцами или самками, проявлявшими только что такую сильную склонность друг к другу. Много времени спустя самка, если только она не родит живых детенышей, отыскивает подходящее место для кладки яиц. Большая часть пресмыкающихся кладет свои яйца в найденные или ими же вырытые подземные норы или между мхом или листвой на влажных теплых местах. Яйца имеют пергаментную или жесткую известковую оболочку; число их колеблется от 2 до 150; «высиживание» их самка поручает действию солнца или теплоты, развивающейся от гниения растений, и далее о них уже не заботится. Исключение составляют лишь некоторые крокодилы и змеи. Нередки случаи рождения уродливых детенышей, но такие животные редко достигают полного развития. Уже древние писатели совершенно правильно сообщают о двухголовых змеях, в наше же время были наблюдаемы также двухголовые ящерицы и черепахи. Молодые животные развиваются сравнительно быстро, обыкновенно уже через несколько недель или месяцев и уже с первого дня начинают вести жизнь своих родителей.

К зиме, а в сухих полосах тропиков к началу сухой поры пресмыкающиеся зарываются в землю, по крайней мере прячутся в более глубокие норы и впадают там в полное оцепенение, кото-

рое соответствует зимней спячке известных млекопитающих. На северной и южной границе области распространения пресмыкающихся все обитающие там виды ищут защиты от влияния неблагоприятного времени года, в южных частях умеренного пояса и под тропиками это делают только те из них, которые не могут иначе избежать вредного влияния перемен, зависящих от времени года. Во влажных областях Бразилии наземные черепахи бодрствуют повсюду круглый год, тогда как черепахи, живущие по Ориноко, по наблюдениям Гумбольдта, на время солнечного зноя и засухи прячутся под камнями или в вырытых ими же норах, вылезая вновь из своих углов только тогда, когда появятся первые следы влажности воздуха или земли. Крокодилы, живущие в реках, обычно не впадают в зимнюю спячку. Там, где водоемы, в которых они держатся, в неблагоприятное время года высыхают, все виды проводят пору засухи, зарывшись в ил.

Во время зимней спячки вес пресмыкающихся несколько уменьшается, и этим доказывается расход органических веществ. Черепаха, весившая перед спячкой 4 фунта 9 унций, потеряла до февраля 1 фунт 5 драхм веса. Впрочем, животные вылезают отнюдь не бессильными, скорее же проявляют особенное оживление как раз после зимней спячки.

"Чтобы точнее изучить этих животных, лишь с трудом доступных наблюдениям на свободе, — пишет Фишер, один из опытейших воспитателей таких животных, — лучше всего пользоваться террариумами, т.е. теплицами в миниатюре, в которых животные принуждены жить в относительно тесном пространстве». Террариум, устроенный со знанием, обставленный рассудительно и заботливо, поддерживаемый с любовью и терпением, награждает своего обладателя обильным материалом для изучения и развлечения, равно может служить украшением комнаты и даже целого дома. Подобный террариум, наполненный пресмыкающимися, для образованного человека, любящего углубляться в созерцание природы, предоставляет даже зимой богатое и приятное поле деятельности и изучения. Он дает ему возможность дополнять знания, полученные при беглом осмотре набитых чучел или заспиртованных экземпляров пресмыкающихся, потерявших свои красивые цвета и естественную окраску; он может делать надлежащие наблюдения за нравами и поведением этих животных. Террариум уже помог, как это мы увидим на следующих страницах, разрешению весьма важных вопросов из жизни пресмыкающихся. Однако еще много биологических вопросов которые могут быть разрешены только после продолжительных наблюдений или целесообразно произведенных опытов над пойманными животными, еще остаются без ответа; много также и попутных замечаний ждут своего подтверждения, а еще очень многое нужно дополнить и исправить.

Польза, приносимая нам пресмыкающимися, в сравнении с пользой от других позвоночных необыкновенно мала. Непосредственную пользу приносят нам аллигаторы и некоторые змеи своей кожей, которой покрываются и украшаются различные вещи, черепахи — своими пластинками щита, что составляет один из важных предметов торговли, использующийся для различных поделок, идущий как на изготовление предметов обихода, так и на безделушки; кроме того, черепахи приносят пользу своим мясом и яйцами. Косвенно полезны нам ящерицы ловлей вредных насекомых и личинок. Напротив, вред, приносимый пресмыкающимися, более значителен. Если мы оставим в стороне хищничество, от которого страдают рыбы и их икра, производимое даже маленькими черепашками, а равно и некоторыми змеями, то прежде всего наше внимание останавливается на большом количестве смертей людей и домашних животных от укусов ядовитых змей и нападений крокодилов. В этих случаях проповедовать пощаду было бы неуместно и грешно. Но мы должны также высказаться и за помилование огромной массы неповинных животных, терпящих заодно с небольшим количеством виновных. Оставим в стороне пресмыкающихся тропических стран, просить пощады которым мы не имеем ни желаний, ни права, и обратимся, прежде всего, к красивым ящерицам, веретеницам, прудовым черепахам, которые веселят наш взор своей подвижностью, бодростью и беззаботностью, населяя поля, леса и уединенные озера. Они не вредят никому, и поэтому мы позволим себе сказать в пользу их слова милости. Что касается до змей, то мы считаем целесообразным убивать тех из них, которых мы не знаем хорошо, но вслед за тем в оправдание совершенного всегда брать убитое животное с собой и сохранять его в спирту, чтобы при случае показать компетентному человеку и таким образом узнать об ядовитости или безвредности данного животного. Такое знание, добытое личным опытом, не будет бесплодно, и в случае, если бы убитое животное оказалось безвредным, мы будем уже иметь повод позднее щадить такую змею. При более точном знакомстве вскоре можно научиться отличать безвредных ужа и медянку от ядовитых гадюк и тогда беспрепятственно любоваться жизнью и нравами неядовитых змей.

В давно прошедшие времена люди воздавали божеские почести тем пресмыкающимся, которые внушали им страх. Древние египтяне держали ручных крокодилов вблизи своих храмов и заботливо бальзамировали их трупы; жители восточной Азии, в особенности китайцы и японцы, при-

давали изображениям своих богов внешний вид змей и ящериц; греки и римляне идеализировали змей и слагали басни и песни о хитрости и уме этих животных, об их даре прорицания и о других качествах. Древнегерманские сказания точно так же повествуют о змеях, и отнюдь не всегда с отвращением. В наше время еще многие народы почитают и боготворят крокодилов и змей. Однако древние египтяне доказали нам также, что они были люди очень практичные. Я сам видел в пещере Маабде, близ Манфалута, в которой складывались мумии священных животных, тысячи молодых крокодилов и крокодилих яиц, про которые, очевидно, никто не стал бы утверждать, что они были забальзамированы лишь после естественной смерти. Они скорее с достаточной очевидностью доказывают, что египтяне прежде всего заботились о собственной безопасности и полагали, что исполняют лишь священную обязанность, сохраняя земную оболочку животных, которые могли бы сильно им навредить, если бы выросли и размножились.

Отряд крокодилы

Из допотопных исполинов этого отряда до нашего времени сохранились только немногие родственные формы, именно крокодилы. По своему общему виду очень похожи на ящериц, но эти пресмыкающиеся значительно отличаются от них различными важными признаками. Они превосходят всех остальных пресмыкающихся, следовательно, и ящериц, если не по массе, то все же по величине. Однако эти признаки еще недостаточны для резкого отделения обоих отрядов. Гораздо более важны отличия во внутреннем строении, особенно в строении зубов, устройстве языка и особенностях половых органов. Туловище крокодилов вытянуто и значительно больше в ширину, чем в высоту, голова плоская и низкая, рыло очень удлинено, ротовая щель не имеет мясистых губ и не прямая, а изогнута под углом, шея необычайно коротка хвост длиннее, чем тело, и с боков сжат, так что образует сильный руль. Низкие конечности снабжены очень развитыми лапами, передние имеют 5, разделенных до корня пальцев, задние — 4 пальца, которые связаны плавательной перепонкой. Три внутренних пальца задних конечностей имеют ясные когти. Маленькие глаза, защищенные тремя веками, лежат довольно глубоко в орбитах. Они направлены несколько вверх и имеют поперечно расположенный, продолговатый зрачок. Ушные отверстия могут быть закрыты клапанообразной складкой кожи. Полулунные носовые отверстия, лежащие близко одно возле другого на верхушке верхней челюсти, закрываются сближением их вздутых краев. Задний проход имеет вид продольной щели. Верхняя и нижняя поверхность тела и хвоста покрыты четырехугольными, плотными и толстыми чешуйками и щитками. Спинные чешуйки и щитки отличаются выдающимся продольным гребнем или килем, хвостовые же образуют два пилообразно зазубренных ряда, которые сзади соединяются в один. Щитки и чешуйки, находящиеся по бокам тела, округлены. Эти щитки на спине окостеневают, вследствие чего покров тела имеет вид панциря. Для определения родов важны шейные и затылочные костяные щитки, так как их число и расположение у отдельных родов неодинаково и довольно постоянно, то различают их по положению. На мягкой части кожи за головой лежат отдельные маленькие, передние затылочные щитки, которые расположены большей частью в один или два поперечных ряда, верхнюю часть щели занимают задние затылочные или шейные щитки.

Благодаря обстоятельным исследованиям мы хорошо знаем внутреннее строение крокодилов. Голова у них очень плоская и сжатая, удлинённая, сзади широкая или вытянута в ширину, спереди мало-помалу делается тоньше. Морда так сильно вытянута, что настоящий череп едва занимает пятую часть длины головы. Затылочная кость состоит из 4 костей, клиновидная из 7, височная из 3, теменная из 1 и лобная из 3 костей. Существует решетчатая кость. Небные кости велики и продолговаты, верхнечелюстные, обхватывающие межчелюстную, необычайно развиты, так как они образуют широкую и плоскую небную поверхность. Сзади они соединяются длинным отростком со скуловой костью и крыловидными отростками клиновидной кости. Носовая полость, в образовании которой участвует внутренняя поверхность вышеупомянутых костей, замыкается двумя очень длинными носовыми костями. Большая, сильная нижняя челюсть состоит из двух ветвей, соединенных впереди швом. Зубы сидят в ячейках, конусообразно заострены и едва заметным образом изогнуты назад, очень сходны между собой и отличаются только длиной. Их конусообразная коронка спереди и сзади имеет острые ребра, корень всегда простой и полый почти вплоть до коронки. Это потому, что каждый зуб заключает в себе замещающий, который вырастает, когда старый выпадает, а может быть, и выдавливает последний в определенное время. Передние нижнечелюстные зубы входят в ямки или вырезы верхней челюсти. Первый и четвертый зуб нижней челюсти и третий зуб верхней челюсти обычно самые длинные и сильные. Число зубов значительно варьирует у различных родов.

Позвоночник состоит из 9 шейных, 12-13 спинных, 2-4 поясничных, 2-3 крестцовых и 34-42 хвостовых позвонков. Отдельные части позвонков не срастаются в один кусок, а состоят из не-

скольких частей, соединенных швами и хрящом, задняя поверхность каждого позвонка выпукла, передняя вогнута для соединения с поверхностью переднего позвонка. Кроме 12-13 двуголовчатых ребер, снабженных крючкообразными отростками, существуют еще особенные, тонкие, костяные брюшные ребра, которые не связаны с позвоночником и расположены в 7 или 8 поперечных рядов. Они лежат между слоями брюшных мускулов и прилегают спереди к хрящу последнего ребра и к хрящевому отростку грудной кости, а сзади к лобковой кости и образуют так называемую грудобрюшную кость. Каждое брюшное ребро в отдельности состоит из двух костей. Грудная кость разделяется на маленькую костяную часть и длинный, хрящевой мечевидный отросток. Настоящих ключиц нет. Скелет передних конечностей состоит из плечевого пояса, плеча, обеих костей предплечья, костей пясти и запястья. Запястье составляют 5 косточек; первый палец состоит из 2, второй и пятый из 3, средний и четвертый из 4 суставов. Таз состоит из подвздошной, седалищной и лобковой костей. Задние конечности — из бедра, обеих костей голени, костей плюсны и предплюсны. Предплюсна образуется из 4 костей; первый палец задних конечностей состоит из 2, второй из 3, а третий и четвертый из 4 суставов. К костям прилегают очень сильные мускулы белого цвета. По обеим сторонам позвоночного столба возле остистых отростков позвонков проходит длинный сильный мускул. Этот мускул с помощью нескольких других мускулов, отделяемых от него с трудом, вытягивает позвоночный столб. Мускулы хвоста очень многочисленны и очень сильные, брюшные тонкие и кожистые, мускулы конечностей толстые и сильные. Между легкими и печенью, по обеим сторонам, лежит тонкий, широкий мускул с сухожильным покровом. Он прилегает к внутренней поверхности грудной кости, заменяет диафрагму высших позвоночных и, несомненно, играет важную роль при дыхании. Маленькая полость черепа занимает едва двенадцатую часть длины головы и заполнена мозгом, напоминающим в некоторых отношениях мозг птиц. Мозг, при рассмотрении сверху, представляет пять отделов: две передние большие массы, две средние поменьше и одну маленькую, треугольную, заднюю. Полушария покрывают в виде свода полосатые тела тонким покровным слоем, но не покрывают сзади, по словам Каруса, четыреххолмия и впереди продолжают в полые обонятельные шишки. Спинной мозг и главным образом нервы относительно очень сильно развиты. Короткий и плоский язык снабжен большим количеством вкусовых сосочков и по всей своей длине прикреплен к основанию ротовой полости. Пищевод продолжается в желудок, который лежит с левой стороны в брюшной полости и состоит из двух частей. Одна часть больше другой и образует закругленный сзади мешок, другая, стоящая с первой в соединении только посредством круглого отверстия, является как бы придатком к ней. Средняя кишка короткая, задняя — длинная, поджелудочная железа достаточно велика, двухлопастная печень очень велика, желчный пузырь грушевидный, селезенка мала. Лопастные, темно-красные почки прилегают к поясничным позвонкам, мочевого пузыря нет, мочевые сосуды соединяются в протоки и образуют мочеточник, открывающийся в клоаку, очень близко возле семенодов, выходящих из семенных желез, лежащих в брюшной полости вблизи почек. Находящийся в задней части клоаки мужской уд не двойной, имеет конусообразную форму и снабжен изогнутой бороздой, проходящей по длине. Две большие железы, составляющие сильно пахнущие отделения, расположены по обеим сторонам клоаки и, вероятно, связаны с половой деятельностью. Две другие железы находятся сзади челюстей и представляют, возможно, видоизмененные слюнные железы, которых, по мнению анатомов, у крокодилов нет. Гортань открывается щелью за корнем языка, несколько удлиняется и переходит затем в дыхательное горло, которое, начинаясь в шее, входит в грудную полость и разделяется на две длинные, изогнутые трубки. Последние, в свою очередь, открываются в большие воздухохранилища, расположенные между легкими. Из воздухохранилищ воздух входит в большое количество ячеек легких. Емкость легких крокодила очень значительна. Если принять, по Реньяру и Бланшару, емкость легких степного варана равной 10, то емкость легких аллигатора составит 16,8, т.е. больше чем в полтора раза. Относительно маленькое сердце, окруженное сильной сумкой, имеет вполне разделенные правый и левый желудочки. Из левого желудочка выходит правая, а из правого левая аортальная дуга вместе с легочным кровеносным стволом. Обе дуги только в самом начале соединены между собой и закрываются, когда полулунные клапаны желудочков наполняются возвратившейся кровью.

В настоящее время известно 24 резко отличающихся вида крокодилов. Единственное важное отличие крокодилов от аллигаторов состоит в большем числе нижнечелюстных зубов у последних, той же особенностью отличается и гангский гавиал с Калимантана. Приспособление четвертого нижнечелюстного зуба к зубам верхней челюсти оказывается у настоящих крокодилов и аллигаторов далеко не столь постоянным, как раньше предполагали*.

* У аллигаторов и кайманов в отличие от крокодилов и гавиалов зубы нижней челюсти помещаются внутри относительно зубов верхней челюсти, и не видны при закрытом рте. А

четвертый зуб нижней челюсти у крокодилов в отличие от аллигаторов входит в открытую ямку позади носового расширения и хорошо заметен.

Крокодилы распространены во всех частях света, за исключением Европы, ибо их местожительство ограничивается жарким поясом и прилегающими к нему частями земного шара. Дальше всего на север они заходят в Азии и Америке, далее всего на юге в Америке и в Африке. Границами области их распространения на севере служат в восточном полушарии 34 градус широты, в западном — 35. На юге в первом полушарии 21 градус, во втором 32 градус. Кроме Австралии вместе с некоторыми океаническими островами, где существуют крокодилы, принадлежащие азиатской области, каждая часть света имеет особые виды. В Азии и Америке существует по два вида, исключительно принадлежащие этим частям света, в Африке есть один особый род. Только крокодилы в тесном смысле распространены во всех частях света.

При описании общего для всех образа жизни я буду краток, так как подробно опишу жизнь известных и важных видов и тем самым дам полную картину жизни целого семейства.

Все крокодилы обитают в воде, чаще всего в спокойно текущих потоках, реках и ручьях, даже в озерах, как пресных, так и соленых, в богатых водой топях и болотах, случайно даже в морских заливах. На сушу они выходят только поспать с полным комфортом, пригретые оживляющим их солнцем, отложить яйца или же в случае переселения из высыхающих ручьев в другую не высохшую еще лужу или реку*.

** На суше крокодилы часто лежат с открытым ртом, что связано с терморегуляцией.*

Если же предстоящая им дорога слишком длинна или слишком неудобна, тогда они закапываются в ил и остаются в нем в спячке, пока новое наводнение не вызовет их к жизни. Подобным же образом они избегают, по словам Катэсби, холода в Северной Америке, особенно в Каролине. Не редкость, что крокодилы, увлеченные морскими течениями, совершают произвольные путешествия. По Ридлею, на Кокосовых, или Килинговых, островах был убит гребнистый крокодил, который мог быть принесен сюда водой только с острова Ява, находящегося на расстоянии 700 морских миль. Точно так же, по Кольдуэлю, в 1885 году был выброшен на берег на острове Барбадос крокодил, который родом мог быть только из Ориноко, отстоящего по меньшей мере на 300 миль. Там, где крокодилы обитают, они появляются всегда большими колониями, причем старые и молодые живут в дружбе друг с другом. Добычей этим хищным животным служат позвоночные всех классов, начиная от человека и кончая рыбой. Они не пренебрегают также и беспозвоночными, особенно раками и моллюсками. Их не боятся только те животные, которые величиной и силой значительно превосходят этих очень наглых и вместе с тем очень трусливых тварей. Им нужно много пищи, они разом проглатывают огромные массы, причем, ради лучшего пищеварения, проглатывают также громадные камни. С другой стороны, они постыятся в течение месяца и потому кажутся прожорливее, чем в действительности.

Все крокодилы размножаются яйцами, которые сходны по величине и виду с гусиными и окружены твердой известковой скорлупой, похожей на фарфор. Самка откладывает от 20 до 100 яиц и помещает их в простой, вырытой в песке ямке или зарывает их в болотистой почве, покрывает остатками стеблей, опавшей листвой и время от времени посещает вверенное земле дорогое потомство. По истечении продолжительного времени созревшая в тепле молодежь вылупляется и тотчас спешит в воду. В начале своей жизни крокодилы растут быстро, при хорошем питании через год достигают 30 см длины и становятся половозрелыми в возрасте от 6 до 8 лет. С этого времени рост их, по-видимому, подвигается медленнее и прекращается, вероятно, только с наступлением смерти. Какого возраста они достигают, неизвестно, но несомненно, что живут в несколько раз дольше, чем человек.

Грозное, поражающее всегда человека появление крокодилов, их безрассудная страсть к хищничеству, значительный вред, который они приносят, заставляет людей везде, где только суеверие не считает их священными, оберегать себя от них. Вышесказанным оправдывается их беспощадное преследование, ведущее мало-помалу к совершенному уничтожению. Самые хищные крокодилы, впрочем, не всегда опасны для человека. В некоторых областях, особенно в отдаленных пунктах, жители их необычайно боятся, в других же, наоборот, с ними обращаются так, что это показалось бы маловероятным, если бы в том не ручались достоверные наблюдатели. «Немногие крокодилы, встречающиеся в водах Майсура, — пишет Сандерсон, — бросаются очень редко на людей; рыбаки, плавающие около них, уверяли меня в том, что крокодил, на которого они наталкиваются при рыбной ловле, спокойно лежит на дне и даже при прикосновении не подает и признака жизни, очевидно стараясь остаться незамеченным. Это происходит потому, что крокодилы, как и все дикие звери, очень трусливы, суеверие же туземцев заставляет считать их смелыми. Читателям, знающим

крокодилов только по рассказам, какие существуют относительно их смелости в других областях, может показаться совершенно невероятным нижеследующий мой рассказ. Я сам видел, как рыбаки, один за другим, погружались в реку четырех метров глубины, чтобы поймать за хвост крокодила в два метра длины, которого я легко ранил, и вытащить его на поверхность. Тогда только, когда человек, вытащивший животное, пытался перенести его на скалу, где я в ожидании стоял с веревкой, крокодил изгибался и ударял хвостом по руке. Вслед за этим он освобождался и погружался опять в воду. Таким образом, крокодила вытаскивали несколько раз, пока я не убил его выстрелом из ружья». Подобно Сандерсону из Индии, сообщает из Венесуэлы Закс, строго различающий опасные и безопасные виды, как просто обходится народонаселение с крокодилами. По его приказанию ловили рыбу в реке. Вдруг громадный невод застрял. «Остановили работу, — продолжает Закс, — и начали внимательно осматривать сеть, которую влекло в разные стороны находящееся, по-видимому, в воде препятствие. Оказалось, что в сеть запутался кайман. Тотчас один рыбак нырнул в воду, чтобы освободить сеть. Целая минута прошла, пока человек снова появился на поверхности воды. Товарищи же его в это время смеялись и шутили, нисколько не беспокоясь об исходе такого отважного поступка. Привычка все притупляет; очень часто случается, что ползающий по дну кайман запутывается в сети рыбаков и освобождается из нее водолазом. Если его не освободить, то он разрывает петли. Когда, после выполнения своей задачи, человек вышел на сушу, я спросил его, какое средство он употребляет, чтобы избежать опасного нападения каймана, и получил ответ, который, несмотря на то, что все присутствовавшие его подтвердили, я склонен считать за шутку. Кайман, услышал я, испытывает большое наслаждение, если его чесать и тереть по бокам тела в области ребер. Наслаждаясь, он вытягивается с удовольствием и позволяет делать с собой что угодно. К нему нужно приближаться сзади, одной рукой постоянно почесывать, а другой в это время освобождать сеть от зверя». Теннент, Пец и другие дают подобные же указания, которые подтверждают, что крокодилы не везде так страшны, как привыкли думать. «Нужно всегда помнить, — пишет Пехуэль-Леше, — что крокодилы не везде являются такими страшными чудовищами, какими их считают. Некоторых человеку не нужно совсем бояться, и у самых опасных видов встречаются только отдельные экземпляры, которые становятся людоедами, как это бывает у тигров. Несомненный факт, что не во всех водах и не в каждом любом месте, где обитают эти животные, происходят нападения на людей. Крокодилы, смотря по внешним условиям, в которых они живут, поступают различно. Они опытные: то бывают боязливыми, то становятся смелыми. Впрочем, следует быть осторожным везде в водах, где они живут. Самыми опасными являются плоские берега с непосредственно прилегающей глубокой водой».

Схваченный крокодилом человек не всегда погибает: часто людей освобождали даже из зубов хищника или спасали благодаря своевременной помощи. Быстрая и смелая оборона, по-видимому, ошеломляет крокодила или повергает его в страх, так что он бросает свою добычу и скрывается. При своих нападениях на зверей он также не всегда испытывает удачу. Однажды Баннистер заставил своего осла переплыть через маленькую, но посередине очень глубокую реку Кинсембо в Нижней Гвинее. Вдруг вынырнул огромный крокодил, погнался за ослом, схватил его за хвост и поволок ко дну. Вскоре после этого осел появился опять на поверхности и старался поспешно добраться до берега. Но его преследователь появился снова, подплыл и потащил снова за хвост вниз. Жертва снова освободилась под водой, выплыла на поверхность и достигла уже плоского места вблизи берега, как вдруг крокодил попытался в третий раз схватить ее за хвост. Но храбрый осел, почувствовав уже теперь под ногами твердую почву, лягнул так сильно, что его неприятель, получивший удар в голову, тотчас ушел в глубину.

Селусу однажды посчастливилось освободить дорогую собаку из пасти крокодила. Дело происходило в юго-восточной области Замбези. «Мы охотились, — пишет Селус, — под вечер на речонке Гвения за франколинами, как вдруг мою собаку Биль я, бежавшую вдоль берега, схватил внезапно за заднюю часть тела средней величины крокодил, а затем скрылся под водой. Речонка в этом месте достигала едва два метра ширины, но была глубока, и русло ее было ограничено крутыми и высокими берегами. Я видел, что случилось, спрыгнул с лошади и подошел к воде; в тот же момент показался Биль вместе с головой крокодила, но опять скрылся. Так как я видел тело крокодила в то время, как он ворочался с собакой, то я дал два выстрела по нему. Я надеялся, что шум заставит его выпустить жертву. Но этого не случилось. Спустя несколько секунд рыло крокодила и бедная собака снова показались на поверхности. Я схватил свое ружье за дуло и подставил приклад Билю. Схвативши его зубами, Биль боролся между жизнью и смертью; ложе ружья и теперь имеет отпечатки его зубов. Тут я имел возможность схватить собаку за уши, потащил со всей силой и вытащил голову крокодила, не желавшего отпустить свою добычу на поверхность. Подбежавший и сто-

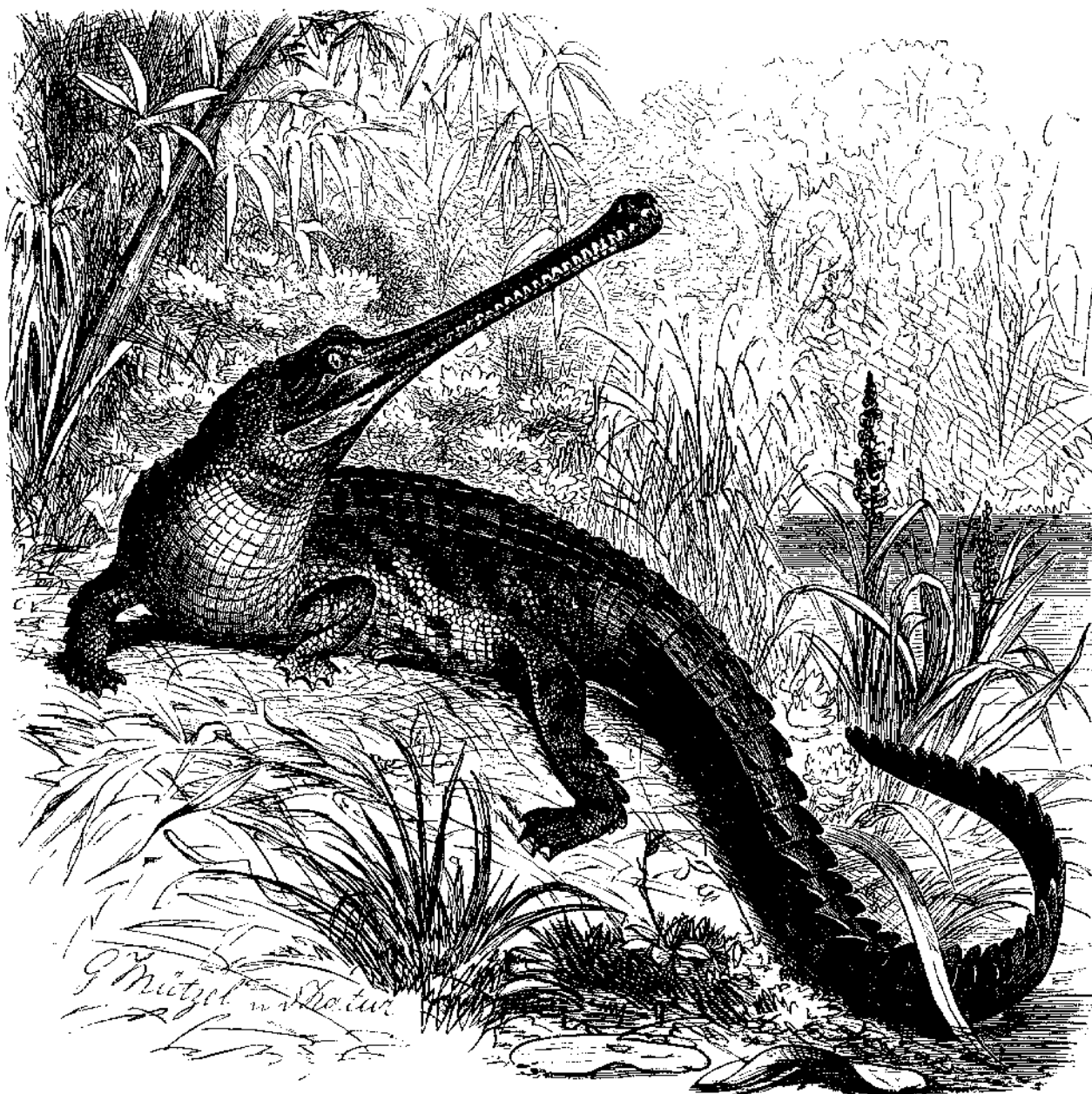
явший сзади меня спутник выстрелил в голову крокодила. Тогда он выпустил собаку, нырнул и больше не показывался. Спасенная собака получила три сильных раны, но скоро поправилась».

При уходе за крокодилами с молодости можно их сделать ручными. Они привыкают к воспитателю и к его зову или известному сигналу. Для получения пищи они раскрывают пасть, причем берут пищу как из рук, так и с подставленной палочки. Вообще они оказываются более понятливыми, чем какой-либо другой представитель этого класса.

Семейство гавиалы

Гавиалами называют таких крокодилов, у которых спереди на верхней челюсти на каждой стороне есть по три вырезки для принятия трех передних нижнечелюстных зубов. Число зубов колеблется между 27 и 29 в верхней челюсти и 25-26 в нижней. Рыло необычайно узкое и длинное; длина его в 3,5-5,5 раза больше, чем ширина основания, и на переднем конце расширяется в виде пяточка. Две ветви нижней челюсти соединены очень длинным костяным швом, достигающим сзади до 23-24 зуба. Спина покрыта панцирем, состоящим из четырех продольных рядов костяных пластинок. Эти пластинки лежат одна вблизи другой и снабжены гребнями. Брюхо не покрыто костяными пластинками.

Представителем семейства является **гангский гавиал** (*Gavialis gangeticus*), называемый в Индии хариал. Он считается у многих индийцев священным животным, посвященным Вишну. Творцу и властелину воды. Голова у него перетянута перед глазами, рыло длинное, узкое, плоское, сильно расширено к верхушке, носовые кости сравнительно коротки и далеко не доходят до межчелюстных частей, число зубов в каждой из обеих челюстей велико.

Гангский гавиал (*Gavialis gangeticus*)

Кроме того, признаками гавиала могут считаться: присутствие затылочных щитков, маленькие глазные впадины и слабо развитые ноги. По словам Штрауха, это является главным отличием гавиала в любом возрасте от других форм. В обеих челюстях необычайно удлиненного рыла, которое Эдварде, впервые описавший гавиала, сравнивает с клювом крохала, помещаются слегка; изогнутые зубы. Самыми сильными между ними являются оба передних боковых зуба верхней челюсти и первая, вторая и четвертая пара нижнечелюстных зубов. Непосредственно позади головы или затылочной кости в одном поперечном ряду лежат 4, чаще 6 маленьких щитков, другая пара таких щитков занимает пространство между передними и передними спинными щитками. Последние начинаются в середине шеи и образуют вплоть до начала хвоста 21-22 поперечных ряда, из которых первый состоит из двух щитков, в следующих двух прибавляются два боковых, остальные ряды состоят из 4 средних и двух очень маленьких» боковых щитков. На хвосте 19 пар килеватых щитков и 19 простых чешуек, снабженных гребнем. У старых самцов переднее вздутие рыла выше, чем у самок, и содержит полость для принятия воздуха. Поэтому самцы могут долее самок оставаться в воде. Окраска верхней стороны тела кофейно-зеленая, испещренная у молодых экземпляров многочисленными, маленькими, темно-коричневыми пятнами и полосами. Окраска нижней стороны представляет переход от желто-зеленого к белому цвету. Взрослые экземпляры достигают длины 5,75 метра, хотя в европейских коллекциях нет экземпляров больше 5 метров в длину.

Гавиал живет в Ганге и Брахмапутре и притоках этих рек, а по словам Дэй, и в Инде. Кроме того, по данным Буланже, он попадает еще в реке Маганади в Ориссе и в реке Коладине в Аракане, но его не встречают в Иравади, Годавари, Кистне, Тапти, Нарбаде и др.

Уже Элиан различает два вида крокодилов, живущих в Ганге: одни приносят незначительный вред, другие хищные и беспощадно преследуют человека и животных. «Последние, — говорит греческий исследователь, — снабжены на рыле сверху возвышением вроде рога. Ими пользуются для казни преступников, отдавая их на съедение крокодилам». Теперь мы с уверенностью можем сказать, что вышеуказанное различие существует в действительности, хотя новейшие данные относительно гавиала чрезвычайно скудны. Еще и теперь, как и прежде, в Ганге обитает кроме гавиала болотный крокодил. Данные Элиана, кроме того, подтверждает Паолино, рассказывающий, что обвиненных в преступлении заставляют в присутствии браминов переплыть реку. Поощаженные крокодилом считаются оправданными.

Не подлежит никакому сомнению, что и теперь еще гавиалов считают священными. Почти все путешественники, упоминая о гавиалах, говорят о таком воззрении туземцев. Зубастый крокодил производит, говорят, сильные опустошения среди рыб. Своеобразное устройство рыла гавиала говорит о том, что он питается, если не исключительно, то главным образом рыбой. Строение всего тела гавиала заставляет считать его животным, хорошо приспособившимся к жизни в воде. Дэй называет его «настоящим рыбадным крокодилом, ловящим добычу во время плаванья». Буланже упоминает также, что гавиал питается исключительно рыбой. Форсит, отделяющий гавиала от болотного крокодила, не находит возможным утверждать на основании своих наблюдений, чтобы гавиал был опасен человеку. Стерндаль, наконец, прибавляет, что болотный крокодил чаще бросается на человека, гавиал же исключительно питается рыбой. Из этого мы видим, что неизвестно ни одного случая, или, по меньшей мере, ни за один случай нельзя с уверенностью ручаться, чтобы гавиал бросался на больших млекопитающих и человека. Поэтому его нужно считать одним из небольшого числа безобидных крокодилов. Вред его заключается только в том, что, уничтожая в большом количестве рыбу, он тем самым уменьшает количество пищи, которым бы могло воспользоваться население берегов рек, в которых он обитает.

О размножении гангского гавиала мы узнали из исследований Андерсона. Он вырыл из песка яйца и продержал у себя некоторое время несколько вылупившихся, отчасти с его помощью, молодых гавиалов. Яйца, 40 штук, лежали двумя одинаковыми кучками, расположенными одна над другой. Они были отделены слоем песка толщиной около 60 см. Вероятно, яйца были отложены в разное время. Премилые молодые животные имели после вылупления в длину 40 см, причем на рыло приходилось 4 см, а на хвост 22 см. Цвет их был серо-буроватый, на спине между передними и задними ногами расположены пять неправильных темных поперечных полос, на хвосте их 9. Непосредственно после вылупления они уже бегали с необычайной быстротой, один из них, вылупившийся с помощью Андерсона, живо огрызнулся и укусил в палец нашего путешественника, прежде чем тот успел освободить его полностью из скорлупы.

В европейских коллекциях гавиал попадает реже, чем другие крокодилы, в живом же состоянии встречается только у богатых любителей. Ввиду того что на свободе он живет в глубоких и текущих водах и добровольно выходит на сушу только во время размножения, содержание его

представляет гораздо больше трудностей, чем содержание другого какого-нибудь представителя этого отряда.

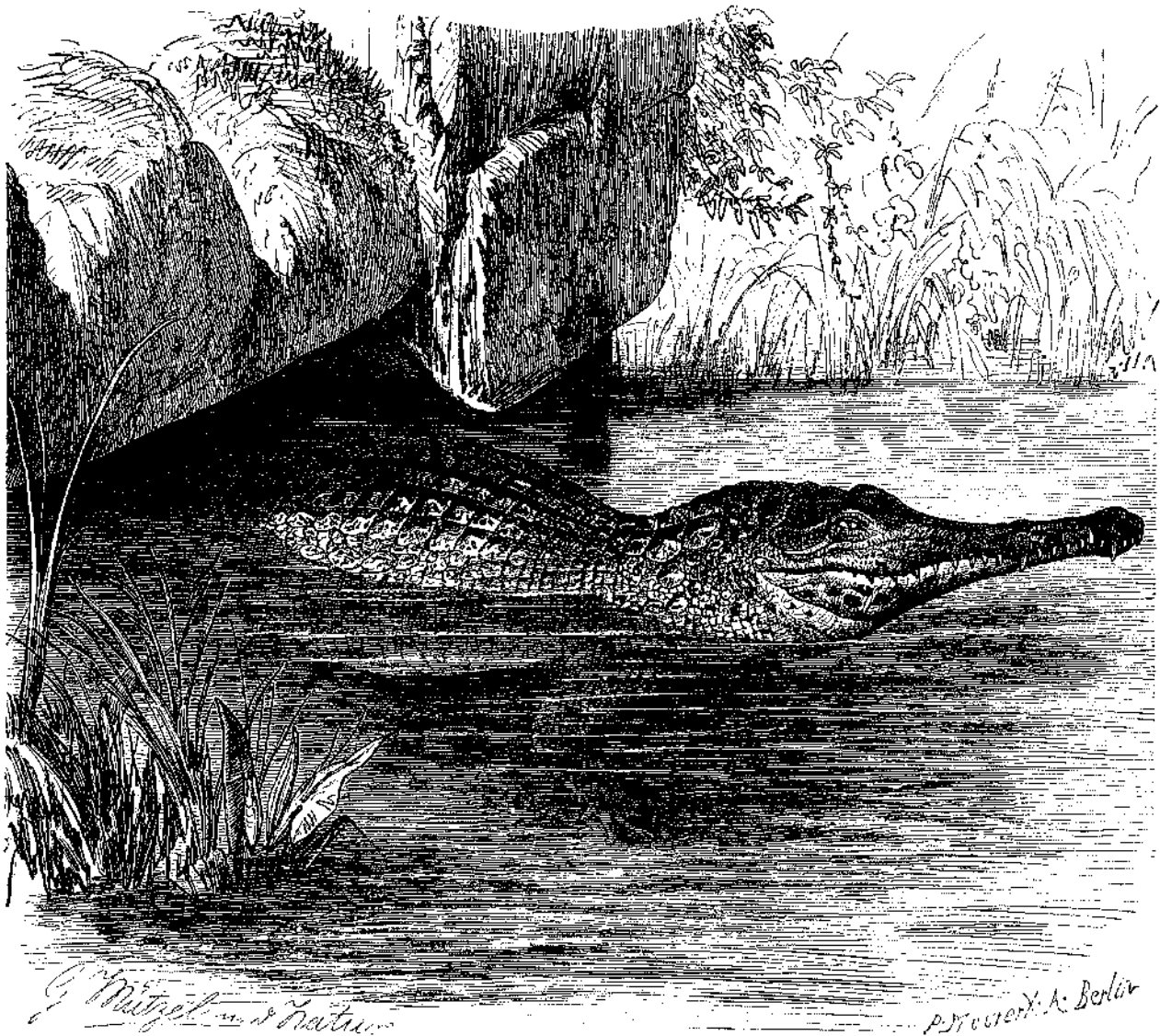
Семейство настоящие крокодилы

Настоящими крокодилами называют 12 видов, у которых: межчелюстная кость имеет впереди две глубоких ямки, в которые входят два самых передних зуба нижней челюсти. Кроме того, каждая верхняя челюсть имеет вырезку для принятия с каждой стороны четвертого зуба нижней челюсти. Число неравных, но очень сильных зубов колеблется от 17 до 19 на каждой стороне верхней челюсти, по 15 на стороне каждой нижней челюсти, Общее число зубов, следовательно, от 64 до 68.

У всех известных видов пятый зуб верхней челюсти больше, чем все остальные, и шов, соединяющий обе ветви нижней челюсти, проходит не далее восьмого нижнечелюстного зуба. Спина покрыта четырьмя или более продольными рядами костяных килеватых щитков. Крокодилы живут в Африке и в тропической Америке.

Разграничить отдельные виды друг от друга, особенно если точно неизвестно их отечество, совсем нелегко. Насколько просто отличить далеко стоящие формы, например, африканского узкорылого от болотного крокодила, настолько трудно точно определить другие виды, особенно молодые или недавно вылупившиеся из яйца. Потому приведенные нами признаки относятся исключительно к взрослым формам.

Описание настоящих крокодилов мы начнем с **африканского узкорылого крокодила** (*Crocodylus cataphractus*). Он вследствие строения своего узкого рыла является некоторым образом связующим звеном между гавиалами и крокодилами и далее теснее примыкает к первым. Очень вытянутое, узкое, заостренное, выгнутое сверху и гладкое рыло, которое в три раза больше в длину, чем в ширину у основания, впалый лоб, две пары расположенных в два продольных ряда затылочных щитков и непосредственно граничащие с ними 6 продольных рядов спинного панциря — вот отличительные признаки африканского узкорылого крокодила. Голени снабжены, как и у многих других крокодилов, гребешком из чешуек, оканчивающимся большими зубцами. Голова оливкового цвета, усеяна коричневыми крапинками. Туловище и хвост темно-зеленого цвета с большими черными пятнами, желтовато-белое брюхо с черными, но значительно меньшими пятнами. Взрослое животное достигает в длину шесть метров.

Африканский узкорылый крокодил (*Crocodylus cataphractus*)

Адансон был первый путешественник, который отличил виденного им в Сенегале африканского узкорылого крокодила от нильского. Он же первый, хотя и кратко, описал его. С тех пор его находили или замечали во всех больших реках западного берега Африки, особенно в Сенегале, Гамбии, Нигере, Бенуэ, Камеруне, Габуне, Куйлу и Конго. Адансон, хотя и упоминает об образе жизни виденного им крокодила, но так неопределенно, что его данные с полным правом могут быть отнесены как к нильскому, так и к африканскому узкорылому крокодилу. Саваж посвящает последнему несколько слов. Названием «Кхинх», которое дают туземцы узкорылому крокодилу, обозначается собака. Образ жизни этого животного ни чем не отличается от образа жизни других крокодилов. Он обитает в маленьких реках и стоячих водах низменности и питается рыбой, земноводными и пресмыкающимися, живущими в воде, но своим временным убежищем он выбирает нору на берегу реки и из нее бросается на беспечную добычу. Он кладет яйца на суше и покрывает их листьями и другими легкими веществами, и этим отличается от других крокодилов и аллигаторов. Он боязлив и не опасен, туземцы очень часто его ловят для приготовления их любимого блюда. На берегах Лаонго и Конго, по словам Пехуэль-Леше, африканский узкорылый крокодил считается очень опасным животным. Этими данными ограничивались наши сведения относительно его образа жизни. Благодаря же Рейхенову, приславшему ниже следующие сведения, я имею возможность значительно пополнить вышеприведенные данные. «Узкорылый крокодил, — так пишет мне этот натуралист, — часто встречается в западной Африке, по крайней мере в Верхней Гвинее он попадает несравненно чаще, чем его родич, **тупорылый крокодил** (*Osteolaemus tetraspis*). Я его находил как в лагунах вблизи морского берега, в устьях больших рек, особенно широких, так и в верхнем течении рек в пресной воде. Мне попадались отдельные экземпляры этого крокодила в дельте реки Камерун, в узких каналах, пронизывающих низменность, поросшую мангровыми деревьями и панданами. Они грелись на солнце, приютившись на отмелях. Как только они замечали приближение лодки, то моментально прыгивали в воду».

"В притоке же Камеруна, Вури, они попадаются в поразительном количестве. Я не раз убеждался, что узкорылые крокодилы в пресной воде не бросаются, а если и бросаются, то только в очень редких случаях на сильную добычу, такую, как человек или другое большое животное, так как они могут оказать сопротивление. В одной лагуне на Золотом берегу негры переходили вброд, и я ни разу не слышал про несчастный случай, а между тем временами здесь бывало очень много крокодилов. Я сам, прежде чем заметил присутствие крокодилов, ходил по пояс в воде, охотясь на цапель и других болотных птиц. Очень часто бывало, что прижавшееся на дне животное, будучи потревожено мною.

вздыхало воду. Я думал, что это, должно быть, рыба. Но однажды я, по-прежнему беспечно бродя в воде, увидел в 8 шагах от меня высунувшуюся из воды отвратительную голову громадного крокодила. В первый момент мы оба были ошеломлены неожиданной встречей, вслед за тем я схватился за свое ружье для стрельбы птиц и выстрелил бекасиной дробью в голову чудовища (у меня не было более сильного заряда). Тогда он ударил хвостом и скрылся в воду. Само собой понятно, что после этого я уже не ходил больше в лагуну, так как я не был настолько уверен в верности вышеприведенного наблюдения, чтобы рисковать собой. Негры же постоянно купались в Вури на мелких местах, не обращая внимания на многочисленных крокодилов. Когда же в дождливое время река разливалась и делалась глубокой, то нередко бывали случаи, что люди из плоскодонных челноков были схватываемы крокодилами. В этом случае они могли тотчас утащить добычу на глубину и потопить без значительного сопротивления со стороны последней. Живучесть этого узкорылого крокодила вовсе не так велика, как принято думать. Я убивал на расстоянии 20-30 шагов молодых, длиной в руку, утиной дробью. Я не стрелял в больших из моего ружья или винтовки, так как я, при вторичном посещении Вури, не хотел из-за охоты на крокодилов портить себе охоту на бегемотов».

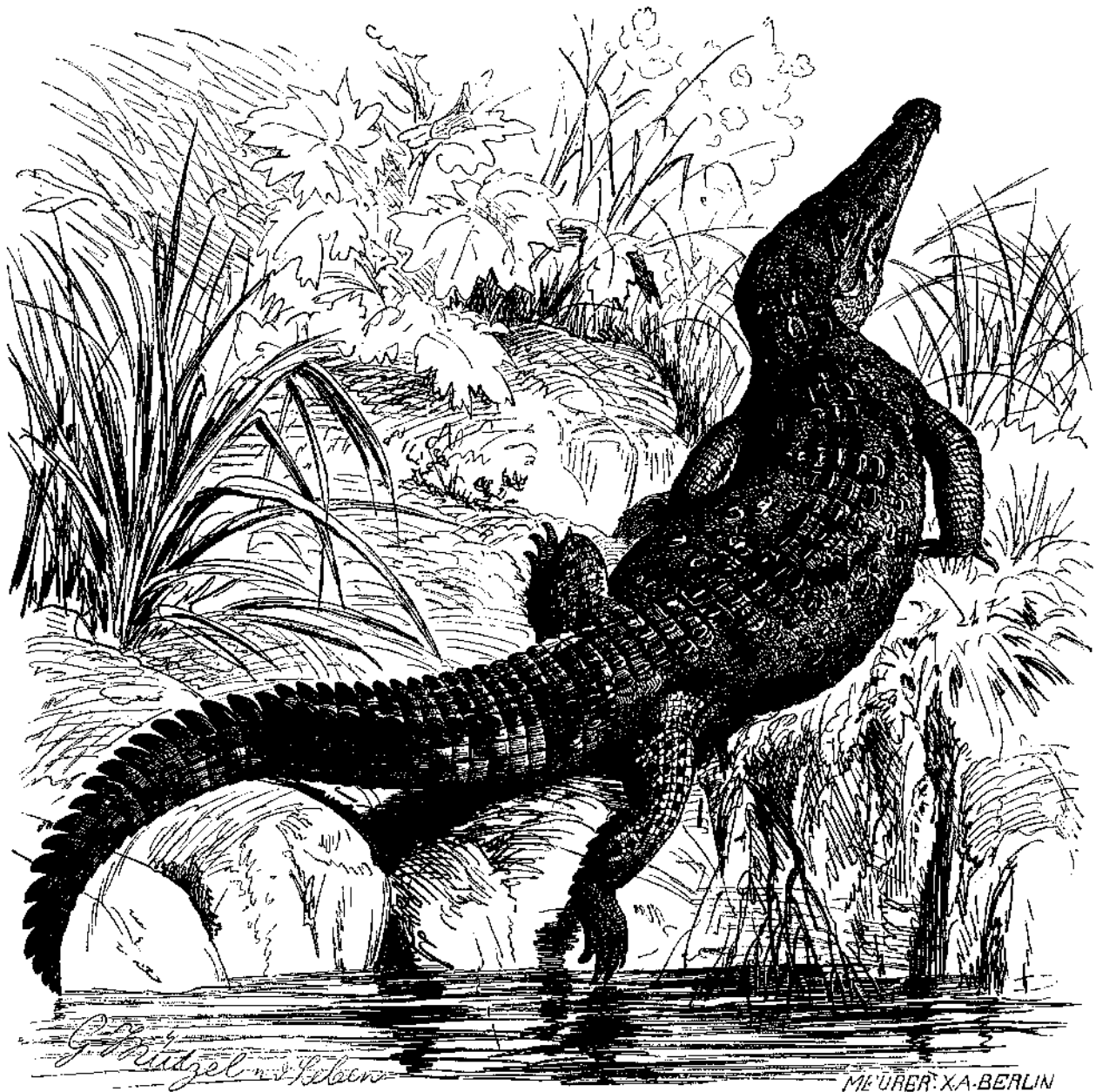
"Во время засухи эти крокодилы, по-видимому, перекочевывают; по крайней мере в начале засухи я в упомянутой лагуне находил их чаще, чем до этого. Я думаю, что они сюда перекочевали из маленьких, высохших речонков. Мясо этого крокодила белое, нежное и очень вкусное; поэтому неграми оно очень ценится».

Наиболее известным американским представителем крокодилов является **острорылый крокодил** (*Crocodylus acutus*). Рыло у него очень длинное, узкое и заостренное, длина его превосходит ширину основания в два раза, сверху оно более-менее выпукло и слегка сморщено. Другими отличительными признаками служат: вздутая продольная кайма на выпуклом рыле, 4 передних затылочных щитка, расположенных в один ряд, 6 больших задних затылочных щитков, расположенных обычно в два ряда, но иногда и иначе и, наконец, спинные щитки, расположенные в 4-6 продольных рядов и отделенные от затылочных щитков заметным промежутком. Голени снабжены гребешком. Верхняя сторона тела окрашена в темный оливково-бурый цвет, нижняя же сторона чистого светло-желтого цвета. Взрослые экземпляры достигают в длину до 6-7 метров, находящиеся же в европейских коллекциях экземпляры чаще всего имеют в длину 3,5 метра.

Острорылый крокодил водится на значительной территории южно-американского материка, в средней Америке и Вест-Индии, преимущественно же в пресных водах Эквадора, Новой Гренады и Венесуэлы, Юкатана, Гватемалы, южной и средней Мексики, Кубы, Сан-Доминго, Ямайки, Мартиники и Флориды. Таким образом, он живет почти во всех странах и на больших островах, лежащих между 30 градусами северной и 5 градусами южной широты.

Нижеследующее описание образа жизни представляет собой извлечение из данных, приводимых А. фон Гумбольдтом в разных местах относительно острорылого и оринокского крокодилов.

"Начиная от Даманта, — говорит знаменитый натуралист, — тянется область, густо населенная зверями, и местами она оказывается настоящим царством ягуаров и крокодилов. Один берег реки, вследствие наводнений, пустынный и песчаный, другой — выше и покрыт высокоствольными деревьями; там и сям река ограничена с обеих сторон деревьями. Большие степные четвероногие: тапиры, пекари и ягуары проложили в береговой чаще тропинки, которые служат им путями к реке для питья.

Острорылый крокодил (*Crocodylus acutus*)

Так как они не убегают при виде лодки, то можно наблюдать, как они медленно проходят по берегу и скрываются в какой-нибудь узенькой просеке. Чувствуешь, что находишься среди девственной природы, среди нового мира! То появляется на берегу ягуар, то по берегу медленно шествует тонко; животные различных классов заменяют друг друга. «Здесь находишься точно в раю», — сказал наш рулевой, старый индеец из миссии. Действительно, все напоминает здесь первоначальное состояние мира, о безгрешности и благополучии которого у всех народов существуют издавна благочестивые предания. Но, наблюдая здесь взаимное отношение зверей, мы видим, что они боятся и избегают друг друга; золотой век прошел, и в этом раю американских лесов, как и везде, долгий горький опыт научил всех тварей, что сила и кротость редко совмещаются в живом существе.

"Там, где плоский берег значительной ширины, ряды кустарников удаляются от реки. В этой промежуточной области можно видеть разом несколько крокодилов, числом от 8 до 10, лежащих на песке, с раскрытыми под прямым углом челюстями; покоятся они друг возле друга, не выказывая взаимного расположения, какое мы наблюдаем у животных общественных. Они расходятся в разные стороны, лишь только сойдут с берега, однако, по всей вероятности, группа эта состоит из одного самца и нескольких самок, ибо самцы попадаются довольно редко. Они, вероятно, в период спаривания дерутся друг с другом, и многие погибают в этих боях. Эти мощные пресмыкающиеся так многочисленны, что на всем протяжении реки их можно каждое мгновение видеть по 5-6 штук, хотя Апуре только начала наполняться водой и, следовательно, сотни крокодилов еще лежали, зарывшись в ил саванн».

В реке Невери этих чудовищ масса, даже вблизи ее устья, они пробираются, особенно во время штиля, вплоть до открытого моря. «Легко понять, — продолжает Гумбольдт, — что животное, у которого тело заключено в панцирь, не очень чувствительно к едкости соленой воды. Это наблюдение имеет значение для геологии ввиду удивительного смешения окаменелых морских и пресноводных животных».

"В четыре часа вечера мы принялись измерять мертвого крокодила, выброшенного волной на берег. Он имел только 5,24 метра в длину. Несколько дней спустя Бонплан нашел другого самца, имевшего длину 6,8 метра. Во всех странах, как в Америке, так и в Египте, эти животные достигают указанной длины. Второй вид, часто попадающийся в Ориноко, представляет из себя не каймана или аллигатора, но настоящего крокодила с зазубренными на наружных краях голенями. Он похож на нильского крокодила и называется аруе у таманак. Крокодил в Апуре движется очень быстро и проворно, когда он нападает; если же он не возбужден гневом или голодом, то ползает медленно, как саламандра. При движении их слышен шум, по-видимому, производимый трением накожных щитков один о другой. Часто мы на берегу слышали невдалеке этот шум щитков. Утверждение индейцев, что старые крокодилы, подобно броненосцам, могут приподымать свои чешуи и весь свой панцирь, оказывается несправедливым. Они во время движения изгибают спину, и ноги их кажутся длиннее, чем во время покоя. Они движутся по большей части прямо или, как стрела, которая по временам меняет свое направление. Поворачиваются они при желании очень легко, несмотря на небольшие ложные ребра, которые, прикрепляясь к шейным позвонкам, по-видимому, затрудняют движение вбок. Я часто наблюдал, как молодые экземпляры кусают себе хвост; другие наблюдали то же самое и у взрослых крокодилов. Что их движение почти всегда кажется прямолинейным, происходит оттого, что они, подобно ящерицам, движутся толчками. Они плавают превосходно и пересиливают легко самое сильное течение; впрочем, мне показалось, что они не могут быстро поворачиваться, когда плывут вниз по реке. Однажды громадный крокодил начал преследовать в реке большую собаку, сопровождавшую нас на пути из Каракаса. Он уже был совсем близко от собаки, которая избежала опасности единственно благодаря тому, что повернулась и поплыла против течения. Крокодил тоже повернулся, но гораздо медленнее собаки. Собака же тем временем благополучно достигла берега».

Впрочем, нрав осторылого крокодила, как об этом высказывается в нескольких местах Гумбольдт, бывает различен, смотря по местности, в которой он живет. В некоторых реках его очень боятся, в других не очень или совсем не боятся. «Привычки животных одного вида, — так говорит Гумбольдт, — по-видимому, бывают различны в зависимости от местных влияний, выяснить которые очень трудно. В Рио-Буритукку предупреждали нас, чтобы мы не позволяли нашим собакам пить из реки, так как в ней водятся очень свирепые крокодилы. Эти крокодилы, говорили нам, выходят нередко из воды и преследуют собак на берегу. Эта смелость тем более удивительна, что в Рио-Тизанао крокодилы довольно робки и безвредны. Точно так же и в Рио-Невери, в которой встречается много больших крокодилов с щучьим рылом, они не столько злы, как в Ориноко. В связи с развитием культуры в различных местах, а также с более или менее густым населением вблизи рек изменяются, вероятно, также привычки этих больших пресмыкающихся. Они становятся боязливыми на суше и даже убегают от человека, когда они не голодны и когда нападение связано с некоторой опасностью. В новой Барселоне можно наблюдать, как индейцы доставляют на рынок лес; они бросают в реку большие брусья, которые увлекаются течением. Владелец же, вместе со своим старшим сыном, плывет то по одну, то по другую сторону брусьев и сдвигает с мели бревна, остановившиеся в извилах реки. В большинстве же рек, где водятся крокодилы, подобная перевозка запрещена.

В желудке одного крокодила в 3,6 метра длины мы, т.е. Бонплан и я, по вскрытии, нашли рыбу, наполовину переваренную, и круглые камни, величиной 8-10 см. Нельзя предполагать, чтобы крокодилы случайно проглатывали эти камни, ибо, когда они на дне реки схватывают рыбу, их нижняя челюсть не касается дна. Индейцы придумали неудачное объяснение, будто эти ленивые животные добровольно прибавляют себе веса, чтобы легче нырять. Я думаю, что они проглатывают большие камни для переваривания пищи в желудке, подобно многим птицам, также для большего выделения желудочного сока. Исследования Мажанди говорят за такое воззрение. В Апуре они имеют обильную пищу, именно водосвинок, которые живут по берегам рек группами в 50-60 штук. Эти несчастные животные не обладают вовсе оружием для защиты: они плавают немногим лучше, чем бегают. В воде же они становятся добычей крокодилов, а на суше их пожирают ягуары. С трудом можно понять, как они могут быть столь многочисленны при двух таких сильных врагах. Можно представить себе наше удивление, когда мы увидели, что громадный крокодил лежит без движе-

ния и спит среди этих грызунов. Он проснулся, как только мы приблизились в нашей лодке, и медленно направился в воду, причем даже не обеспокоил водосвинок. Наши индейцы объясняли это равнодушие свинок их глупостью; но, по-видимому, водосвинки по опыту знают, что крокодил в Апуре и оринокский не нападают на суше, разве только случайно схватывают добычу, отправляясь с берега в воду.

Опасности, которым подвергаются жители Ориноко, служат у них предметом ежедневных разговоров. Они изучили привычки крокодила так, как бойцы быков привычки последних, — они знают движения крокодилов и их способ нападения и заранее определяют степень их смелости. Если туземцы видят, что крокодилы им угрожают, то прибегают с полным присутствием духа и с решимостью, свойственной индейцам, замбо (помесь индейцев с ниграми) и вообще цветным туземцам, ко всем средствам, известным им с детства. В странах, где природа представляет столько ужасов и опасностей, человек всегда приговорен к обороне. Молодая индианка, которая без посторонней помощи высвободилась из пасти крокодила, сказала: «Я знала, что кайман меня отпустит, если я ему придавлю глаза пальцами». Эта девушка принадлежала к бедному классу населения, у которого привычка к нужде увеличивает душевную силу. Но по истине поразительно наблюдать в странах, где часто бывают землетрясения, что у женщин из высших слоев общества в момент опасности появляется подобная же находчивость и решимость.

Крокодил вследствие строения своей глотки и язычной кости и вследствие складчатости языка может схватить добычу под водой, но не может ее там проглотить. Поэтому часто человек, схваченный крокодилом, тотчас исчезает, и только спустя часа два можно видеть, как показывается крокодил не очень близко от того места, где произошло несчастье, и проглатывает свою добычу. Тем не менее редко охотятся на этих опасных хищных животных. Они очень хитры, а потому их нелегко убить. Пуля тогда лишь бывает смертельна, если она попадет в пасть или под мышку. Индейцы, редко пользующиеся огнестрельным оружием, нападают на них с копьями, когда крокодилы попадают на острые, крепкие железные удочки, к которым, в виде приманки, прицеплено мясо; и то индейцы подходят только тогда, когда крокодилы долго промучаются, стараясь освободиться от железа. Невероятно, чтобы такая охота могла совершенно очистить страну от крокодилов, так как из многочисленных рек каждый день приходят новые полчища от восточного склона Анд через Мету и Апуре к берегам Испанской Гвианы. Результатом усиленной охоты будет лишь то, что крокодилы сделаются боязливей и поэтому их легче прогнать».

В Южной Америке из убитых крокодилов извлекают мало выгоды. Гумбольдт упоминает только, что жир каймана служит прекрасным слабительным, а белое мясо в некоторых местах охотно употребляют в пищу*.

** Сейчас используется главным образом кожа крокодилов. До введения запрета на промысел (1960-е годы) в США добывалось до 50 тысяч крокодилов ежегодно. В 1980 году мировые объемы уничтожения крокодилов составили 7 миллионов. В настоящее время на фермах Флориды содержится около 12 тысяч крокодилов, 25% поголовья которых ежегодно поставляется на рынки. Только Япония импортирует более 100 тысяч шкур аллигаторов и крокодилов в год.*

Острорылые крокодилы имеют не много опасных врагов, кроме человека. Часто рассказывают о битвах между крокодилами и большими удавами, но эти рассказы не заслуживают ни малейшего доверия. Вообще крокодилы обращают внимание только на животных, могущих служить им добычей, к остальным же они остаются совершенно равнодушны. Гумбольдт рассказывает, что маленькая белоснежная цапля часто бегаёт по спине и даже по голове крокодила, а он не обращает на это никакого внимания. Здесь мы видим случай, аналогичный тому, как относится крокодил к своему «сторожу». Шумливые обитатели их реки, по-видимому, не нравятся крокодилам: Гумбольдт видел, что крокодилы ныряют, если близко к ним подходят дельфины. Старые крокодилы хорошо защищаются против нападения других животных; молодых же подстерегают ревностно и с успехом различные болотные птицы и грифы.

Относительно их размножения есть старое исследование Уллоа. «Они откладывают, — так описывает он, — в течение двух дней, по крайней мере, 100 яиц и, помещая их в ямках в песке, прикрывают и барахтаются сверху, чтобы скрыть следы. Вслед за этим они удаляются на несколько дней, по прошествии которых возвращаются в сопровождении самца, разрывают песок и разбивают скорлупу яиц. Мать помещает затем молодь к себе на спину и несет их в воду. По дороге к воде нескольких утащит гриф, самец съест столько штук, сколько может, даже мать пожирает тех, которые упадут или же не умеют плавать, так что в конце концов остается не более 5 или 6 штук.

Грифы очень любят яйца крокодилов и поэтому летом, как часовые, скрываются на деревьях, следя внимательно за самкой во время кладки. Как только она удалится, они набрасываются на

гнездо, разрывают клювом и когтями песок и вступают из-за яиц в драку». Едва ли нужно упоминать о том, что у Уллоа правдоподобное перемешано с фантазией. Правдоподобное подтверждено Гумбольдтом. «Крокодилы, — рассказывает он, — кладут яйца в отдельные ямки, и самка возвращается ко времени созревания яиц, зовет молодых крокодилов, те ей отвечают, и она помогает им выйти из земли». Я не знаю, наблюдал ли Гумбольдт лично вышесказанное или передает слышанное им. Мне же не удалось найти то место в его сочинении, на которое он указывает. Впрочем, это становится несколько правдоподобным после новейших исследований Фельцкова над нильским крокодилом. Молодые крокодилы предпочитают широким и глубоким рекам маленькие лужи и рвы с водой. Во рвах, окруженных камышом, их находят в таком изобилии, что они там кишат, как черви.

По исследованиям Гумбольдта, оринокский крокодил подвержен летней спячке. «Ниже впадения Рио-Араука, — говорит он, описывая свое путешествие, — появилось крокодилов больше, чем прежде, особенно сравнительно с большим озером, соединенным с Ориноко. Индейцы сказали мне, что эти крокодилы пришли с суши, где они лежали под илом саванн. После первого ливня они пробуждаются от оцепенения, собираются массами и направляются к реке, где снова расходятся. Под тропиками они пробуждаются тогда, когда становится более влажно; в умеренных же странах, Джорджии и Флориде, их пробуждает усиливающаяся жара. Эта жара выводит их из состояния оцепенения или ослабления нервов и мышц, во время которого дыхание совсем прекращается или, во всяком случае, очень сильно ослабевает. Время сильной засухи, неправильно названное летом жаркого пояса, соответствует зиме умеренного пояса. Поэтому замечательно с физиологической точки зрения то, что в Северной Америке аллигаторы вследствие холода находятся в зимней спячке, а крокодилы в то же самое время в льяносах находятся от жары в летней спячке. Вероятно, что аллигаторы и крокодилы, принадлежащие к одному семейству, жили когда-нибудь вместе в северных странах. Переселившись к тропикам, они тем не менее и в новом климате ведут тот же образ жизни и чувствуют потребность дать отдохнуть своим мускулам, проработавшим 6-7 месяцев. Нам показали хижину или скорее род сарая, где с нашим хозяином произошел весьма удивительный случай. Однажды он спал со своим другом на обтянутой кожей скамейке; вдруг он рано утром просыпается от сильных толчков, шума и стука глыб земли, ударяющихся о хижину. Немного погодя, под скамьей появляется молодой крокодил, длиной в метр, и направляется к собаке, лежащей на пороге дверей. Собака, конечно, обращается в бегство, а крокодил поспешно идет к берегу и входит в реку. Исследовали почву под скамьей, и странное приключение объяснилось. Оказалось, что в высохшем, сильно разрытом теперь иле крокодил лежал в летней спячке и проснулся от шума людей и лошадей, а может быть, и от запаха собаки. Хижина стояла у пруда и часть года бывала под водой. Несомненно, что во время наводнения саванн крокодил попал в ту яму, из которой видели его выходящим. Итак, мы видим, что в льяносах жара и зной оказывают на зверей и на растения действие, подобное холоду. Многие пресмыкающиеся, особенно крокодилы, неохотно покидают лужи, в которых они во время разлива реки нашли воду. Чем больше эти водоемы высыхают, тем более они зарываются в ил, следуя за влагой, необходимой для того, чтобы сохранить гибкость их покровов. В этом состоянии покоя наступает у них оцепенение; они хотя не совершенно отрезаны от доступа воздуха, но этот доступ воздуха очень мал. Впрочем, его достаточно для поддержания дыхания у животного, которое хотя и имеет большие легочные мешки, но не производит никаких мускульных движений и приостанавливает всякое жизненное проявление».

Наиболее известный и, если можно так выразиться, знаменитейший из всех крокодилов, нильский, издревле служил предметом для верных описаний и баснословных рассказов. Уже Геродот описал его, о нем упоминается и в Библии. Первый в точности описывает то, что он сам видел во время своего пребывания в Египте, а в книге Иова мы находим прекрасное и вполне характерное описание крокодила под названием «Левиафана». «Образ жизни крокодила, — так приблизительно рассказывает Геродот, — следующий: он живет на суше и в воде, откладывает и высиживает яйца на суше, где и проводит большую часть дня, а на ночь возвращается в реку, так как вода ночью теплее, чем ясное небо и роса. Он становится из самого маленького самым большим между всеми животными. Яйца его не больше гусиных, и детеныши сначала очень незначительной величины; но, выросши, он имеет в длину 17 локтей. У него четыре ноги, глаза как у свиньи, большие выдающиеся зубы, языка нет. Он не двигает нижней челюстью, но, наоборот, приподнимает верхнюю, что не свойственно ни одному животному. Когти у него большие, кожа, покрытая чешуей, не может быть отделена от спины. В воде он слеп, на воздухе же он обладает острым зрением. Так как он живет в воде, то рот его наполнен пиявками. Его избегают все птицы и звери, с птицей же *Trochilus* он живет в дружбе, потому что она ему полезна. Когда он, выйдя на сушу и повернувшись против ветра, лежит с раскрытой пастью, тогда в эту пасть входит трохил и поедает пиявок; крокодилу эта услуга

нравится, и поэтому он оставляет птицу невредимой. В течение четырех холодных зимних месяцев он не принимает никакой пищи. В Египте называют его не крокодилем, а хампсой; ионийцы же называют его крокодилем ввиду сходства с ящерицами, бегающими по стенам их садов».

Другие старинные писатели, такие, как Аристотель, Диодор Сицилийский, Сенека, Страбон, Плиний, Плутарх, Максим Тирий, Дий Кассий, Элиан, Флавий Вописк и Аммиан Марцеллин, писали также о нильском крокодиле и сообщали многое, заслуживающее внимания. Впрочем, они лишь немного пополнили пробелы в описании Геродота, которое лишь мало противоречит действительности. Зато они бесхитрое описание этого писателя украсили различными сказаниями.

Много сведений, сообщенных ими, собрано Геснером, и мы передадим их здесь со слов Форера, переводчика «Книги животных» Геснера. «Это животное (крокодил) — водное, хотя иногда и выходит на сушу, и его следует назвать водным крокодилем, в отличие от наземного, никогда не заходящего в воду. Этот водный крокодил находит пищу в воде, а для дыхания должен высовывать морду на воздух, где и дышит посредством легких. Поэтому он не может обходиться ни без воды, ни без воздуха. Ночь он обыкновенно проводит в воде, а днем выходит на сушу и лежит на солнце так тихо и неподвижно, что его можно, по неопытности, принять за мертвого. Пищей служит им все, что попадает навстречу: люди, как старые, так и молодые, всевозможные звери, телята, собаки и разные рыбы. Все это они пожирают, разорвавши когтями. Сперва они убивают жертву ударами хвоста, который у них очень силен. Эти животные очень плодовиты, носят яйца внутри тела в течение 60 дней, затем, откладывая в течение 60 дней по одному яйцу, кладут 60 яиц, величиной с гусиные. Высиживают они яйца в течение 60 дней, по истечении которых выходит молодежь. Яйца они откладывают в сухой земле, на песчаных, теплых местах. Высиживают яйца как самец, так и самка, причем они, по словам Solimts'a, чередуются. Нет ни одного животного, которое из такой незначительной величины в начале жизни достигло бы впоследствии столь большого роста, именно, из яйца, как сказано, величиной с гусиное, вырастает крокодил, достигающий длины в 26 локтей. Впрочем, некоторые пишут, что его рост не останавливается в продолжение всей жизни, которая длится в течение 60 лет.

Крокодил, животное лживое, хитрое, неприязненное и хищное, может считаться врагом всех остальных тварей. Когда же молодежь вылупится из яиц, крокодил перестает хищничать, а заботится о ней. Молодь не тотчас же хищничает, а сначала жует соломинки, травки, ящериц, мух и т.п., а затем мать их научает есть и более крупных животных.

Птичка *Trochilus* находится в большой дружбе с крокодилем, так как у крокодила, как у водного животного, в пасти много пиявок, и кроме того, между зубами от пищи остается много мяса, которое эта птичка очень любит. И вот, когда крокодил ложится спать на солнце, по обыкновению, с открытой пастью, птичка влетает к нему в пасть, начинает клевать и очищать зубы от мяса. Это крокодилу доставляет большое наслаждение, и потому он оставляет птичку в покое и не закрывает пасти. Если же у него явится желание, чтобы она вылетела, тогда он приводит слегка в движение верхнюю челюсть и позволяет птичке улететь неповрежденной.

"Крокодилы вовсе не всегда оказываются свирепыми и вредными, если имеют достаточно рыбы или другой пищи; их можно сделать даже совсем ручными. Когда же они рассвирепеют от голода, тогда они до такой степени люты, что одним ударом хвоста убивают самых сильных животных и пожирают их с жадностью.

Самец у этих животных чувствует пылкую любовь к самкам. Проезжающие по Нилу матросы заставляли часто крокодилов во время спариванья. Самка в это время лежит на спине. Матросы с сильным, неистовым криком подбегают к ней. Самец от испуга быстрым скачком скрывается в воде, самка же не может из-за коротких ног перевернуться на брюхо и бывает умерщвлена. Обыкновенно самец помогает ей повернуться. Когда же самец возвращается и находит на том месте, где лежала самка, кровь, он делается страшно зол, преследует матросов, схватывает зубами и когтями корабль и часто подвергает его большой опасности.

Свиньи, говорят, находятся в удивительной дружбе с крокодилем: те, которые пасутся вблизи Нила, никогда не подвергаются нападению со стороны крокодила; фараонова крыса (*Ichneumon*)*, напротив, враждебна крокодилу и уничтожает его яйца, если только набредет на них.

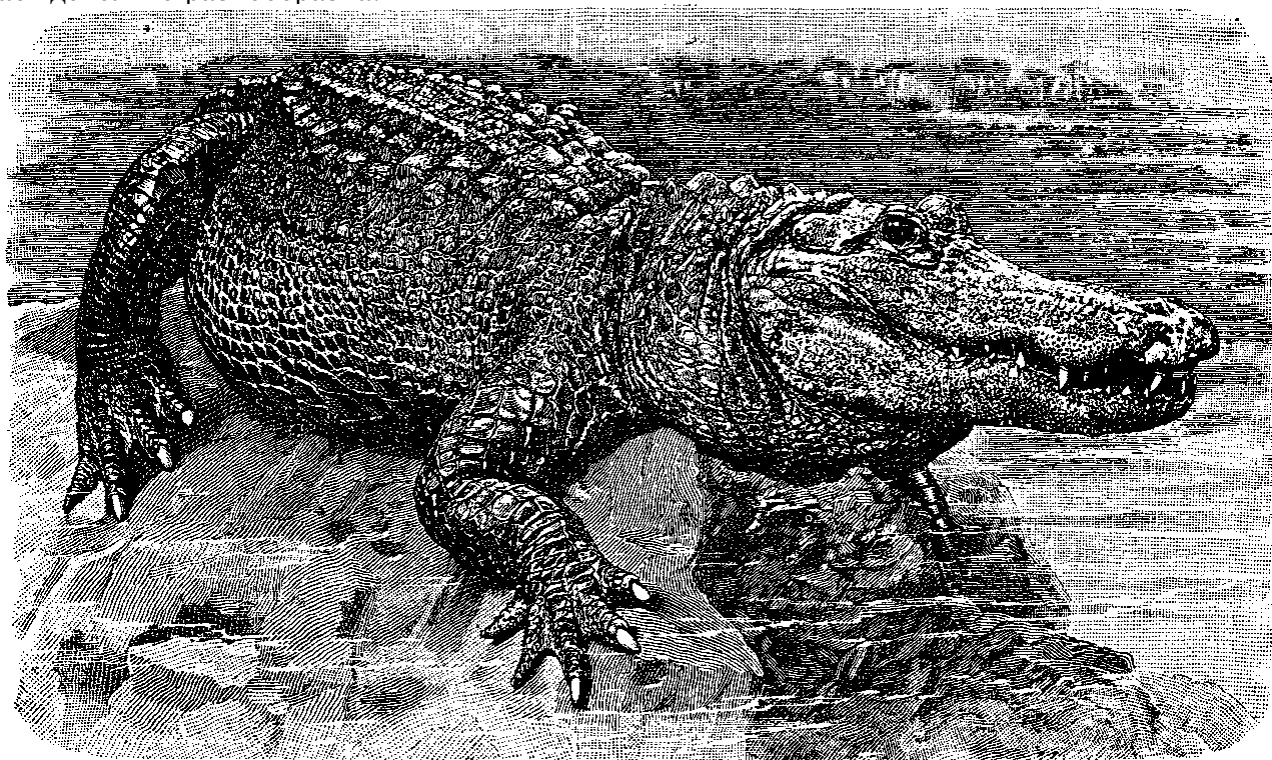
* *Одно из названий египетского мангуста.*

Когда крокодил спит с открытой пастью, ихневмон вползает ему в брюхо, изгрызает и разрывает внутренности и весь живот до тех пор, пока не выйдет, прогрызши кожу. *Trochilus* хорошо знает об этом и из любви и природной склонности к крокодилу, замечая подобную опасность, будит крокодила. Одно семейство обезьян, так называемые *Cercopitheeus*, один вид диких быков и ястребы

враждебны крокодилу. Особенно же вредят ему дельфины, заходящие в Нил из моря. Когда какой-нибудь из них заметит в воде крокодила, тогда, помня хорошо, что он на спине усажен очень острыми шипами и вооружен ими как бы ножами, а что брюхо у него мягкое, он тихо погружается в воду под крокодилом, затем вдруг сильным толчком разрывает ему мягкое брюхо. Подобное строение крокодила позволяет рыбе, уступающей по величине и силе такому большому и сильному зверю, побеждать его. Таким образом, каждое животное имеет природного врага, которое угрожает его жизни. Крокодил и скорпион являются также исконными врагами, и египтяне, желая представить двух равных врагов, приводили всегда в пример крокодила и скорпиона.

Я достаточно ознакомился с этим «левиафаном» во время своих путешествий, наблюдал их в Египте, Нубии и Восточном Судане, сотни их видел, во многих прицеливался, часто их убивал, держал в неволе, отведывал их мяса и яиц. Могу по совести сказать, что хорошо знаю нильских крокодилов.

Нильский крокодил (*Crocodylus niloticus*) может достигать в длину до 10 метров. Впрочем, я думаю, что это несколько преувеличено; в действительности же они достигают 5, чаще 6 метров в длину. Он значительно отличается от близко стоящих к нему **гребнистого крокодила** (*Crocodylus porosus*) и **сиамского крокодила** (*Crocodylus siamensis*) отсутствием всякого рода гребней на передней части головы или рыле. За черепом лежат в один поперечный ряд 4-6 килеватых щитков, на затылке их 6, число поперечных рядов щитков на спине различно, чаще их 16 или 17, хвостовых щитков бывает 17-18 парных и 18-20 одиночных. Основная окраска темная бронзово-зеленая, причем на спине находятся маленькие черные пятна, на боках туловища и шее замечаются неправильно расположенные темные пятна, а нижняя поверхность тела грязно-желтая. Впрочем, окраска бывает довольно разнообразна.

Нильский крокодил (*Crocodylus niloticus*)

Местопребыванием нильскому крокодилу, таким образом, служат воды большей части Африки, как береговой области, так и внутренней части материка. Из реки, название которой он носит, он распространяется на восток к югу до области Лимпопо, а на запад от Сенегала до Кунене, а в области озера Чад, по словам Нахтигаля, от вод Вадиса к югу до озера Нгами. Указание Де-Бари, что крокодилы встречаются в Сахаре, севернее 25 градуса широты, в болотах Вади-Михеро, ошибочно. По всей вероятности, многочисленные следы ног, которые Де-Бари видел в иле и принял за следы небольших крокодилов, имевших 5—6 футов длины, принадлежали степному варану. Из островов крокодил живет на Мадагаскаре, Коморских и Сейшельских, но на западноафриканском острове Биоко его нет. Он водится и в стоячей, и в текучей воде, как в озерах и болотах, так и в лужах и дождевых прудах, в многоводном потоке и в незначительной речонке. Он выбирает преимущественно спокойные и глубокие места вод.

Нильский крокодил, которого арабы называют ледшун, кроме того, живет теперь в Палестине, но только в одном месте и в немногих экземплярах, в Крокодиловой речке.

В Египте крокодил в настоящее время почти совсем уничтожен. Стрелы и пращи, о которых упоминается в Библии, конечно, не могли изгнать их, но ружейные и винтовочные пули скоро уничтожили этих животных. Наш левиафан хотя и не отступал перед ними, а выдерживал нападение как герой, однако сожителство с современным человеком оказалось для него непосильным. Его золотой век уже почти везде прошел, дни его сочтены, с тех пор как новые охотничьи ружья пробирают его панцирь, как картон. Каждый ребенок может теперь с ним справиться. Над смелым ихневмоном, героем древних преданий, теперь смеются, и его подвиги считаются сомнительными. Ему теперь не приходится поедать яйца крокодилов и вползать в их пасть, чтобы съесть сердце чудовища, так как немногие, оставшиеся в живых крокодилы, которых я видел в Египте, вероятно, в последние годы уже погибли под пулями европейских путешественников. Ихневмон же должен довольствоваться теперь вместо яиц крокодилов куриными яйцами, которыми, впрочем, он, по моему твердому убеждению, всегда питался.

Мое первое знакомство с крокодилом показало мне, что в Египте дни его сочтены. Однажды иезуиты, отправляющиеся в Судан для проповеди христианства язычникам Белого Нила (я вместе с ними отправился в первый раз во внутреннюю Африку), подняли охотничий крик и схватились за свои винтовки. Щелкнуло шесть выстрелов, но я не стрелял, так как сразу заметил, что лежащий смело на виду крокодил уже мертв и был убит опередившими нас путешественники. Но если бы чудовище и было бы живым, то оно все-таки не было бы застреленным, так как из шести пущенных в него пуль ни одна не попала. Но из этого охотничьего пыла, который так сильно возбудил даже духовных лиц, я понял, как в наши дни плохо приходится этому травленому зверю, впрочем, впоследствии я сам старался убедить крокодилов, что им теперь плохо жить.

В этом лежит причина, почему в Маабдийских пещерах в Египте насчитывают крокодилов тысячами, но — в виде мумий. В Судане и особенно во внутренней Африке, где ружья не вытеснили старинного оружия туземцев, дело обстоит иначе. Там еще существует старинная поговорка: «Если ты подынешь на него руку, то помни, что завяжется бой, которого ты не избежишь», особенно у тех рек, берега которых заняты девственным лесом. Поэтому здесь нужно быть очень осторожным. На каждой песчаной отмели можно найти, по крайней мере, одного большого крокодила и с полдюжины меньших, различного возраста и разной длины. Здесь в топях, озерах и болотах можно наблюдать прекрасные экземпляры этих чудовищ. К Судану еще вполне применимы слова Священного Писания относительно страшного левиафана, ибо там нет ни одного села, жители которого не рассказывали бы о несчастных случаях, нет ни одного человека, который бы, удивляясь силе «Тимзаха», не проклинал бы его. На последнее суданцы действительно имеют полное право, ибо они совершенно бессильны против крокодила и должны, не оказывая сопротивления, позволять ему уйти, когда страшный хищник тащит на глубину их детей или домашних животных. Они с трудом побеждают его, но не могут уничтожить. Можно предположить, что в Голубом и Белом Ниле живут еще сотни и тысячи крокодилов, так как я видел их везде. Я насчитал их в течение одного дня в Голубом Ниле больше 30 штук и на одной только песчаной отмели 18 штук. Между ними были исполины, достигавшие в длину не менее 5 метров, которым наверно было несколько сот лет. Я должен заметить при этом, что ошибиться относительно длины крокодила, греющегося на солнце вне воды и движущегося в воде, так же легко, как относительно длины змеи. Крокодил, имеющий 5 метров в длину, представляет из себя на самом деле исполинское чудовище, но кажется невооруженному глазу еще длиннее, чем в действительности. Я не думаю, чтобы между сотнями виденных мной крокодилов был хоть один в 7 метров длины. Поэтому я оставляю под сомнением те сообщения, в которых говорится о крокодилах, имеющих в длину около или больше 9 метров. Эти сообщения не основаны на точном измерении; длина крокодилов вычислялась на основании длины черепов. Вследствие этого часто впадали в ошибку, так как череп старых крокодилов несравненно длиннее, чем череп молодых экземпляров. Крокодил, имеющий 5 метров в длину, может считаться взрослым, тем не менее, хотя и очень медленно, рост его постоянно увеличивается. По всей вероятности, он растет до конца своей жизни, который наступает, при очень благоприятных условиях, наверно только по прошествии необычайно длинного периода.

Песчаная отмель, на которой крокодил уютно может погреться на солнце, является главным условием при выборе ими местопребывания. Быстрых мест в реке он не любит, очень редко его находят в потоках с сильным течением. Он с постоянством и упорством держится раз избранного местопребывания. Мы всегда обращали внимание на участки реки, изобилующие крокодилами, и старые люди уверяли нас, что они еще с детства замечают всегда одного и того же крокодила на опре-

деленной песчаной отмели. В дождливое время он предпринимает иногда небольшие экскурсии внутрь страны, но держится там в дождевых потоках или в лесах, залитых водой. Тот, кто привык думать, что крокодил неловок, ошибается. В воде крокодил очень проворен, плавает и ныряет на всякой глубине очень быстро и рассекает волны, как стрела прорезает воздух. Необычайно сильный хвост служит ему отличнейшим рулем, а хорошо развитые плавательные перепонки на задних лапах помогают ему двигаться куда угодно и принимать всякое положение в воде. Когда он хочет отдохнуть, тогда он погружает по косому направлению заднюю часть своего тела в воду. В это время его голова лежит по всей длине горизонтально на поверхности воды. Он удерживается в таком положении, по-видимому, слабыми толчками хвоста. Он может также оставаться неподвижным, если у него легкие с избытком наполнены воздухом. Если он хочет опуститься на дно реки, тогда он опоражнивает дыхательные пути и бросается на глубину вниз головой, причем, подобно играющим дельфинам, выставляет часть спины и, по большей части, также и кончик хвоста*.

* *Нильский крокодил может пробыть под водой максимум до 6 часов.*

Если он хочет быстро проплыть известное пространство, тогда он машет хвостом вправо и влево и гребет одновременно задними лапами, хотя последние преимущественно служат рулем.

Рассерженный и в смертоносном бою он бьет по воде так сильно, что вполне оправдывает библейское описание: «Он кипятит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь» (Иов, гл.41, ст.23). На земле он также движется довольно ловко, хотя только в исключительных случаях проходит большие пространства на суше. Когда он карабкается на песчаную отмель, то проделывает это обыкновенно очень медленно: передвигает одну ногу за другой и держит тело так низко, что оно волочится по песку. При этом задняя часть тела приподнята выше, чем передняя. Если он находится в некотором отдалении от реки, то, испуганный, очень быстро бросается в воду. С такой же скоростью он выскакивает из воды на сушу, когда желает схватить замеченную им добычу. Мой друг Пенней во время своего путешествия натолкнулся однажды на крокодила, который спрятался в дождевом потоке, почти сплошь наполненном сухими листьями. При приближении всадников крокодил убежал и поспешил напрямик к реке, находившейся на расстоянии около 10 километров. Он это проделал так быстро и торопливо, что его нельзя было догнать на очень быстрых верховых верблюдах. Известное старинное повествование о том, что крокодилы не умеют двигаться зигзагами, не что иное, как басня, может подтвердить каждый наблюдатель, видевший, как крокодил выползает из воды на песок и возвращается обратно в воду. Он на протяжении этого короткого пути описывает круг, диаметр которого немногим превышает длину тела крокодила.

Мнение Геродота о зрении неверно, так как крокодил обладает под водой чрезвычайно острым зрением и на суше видит довольно хорошо. Если же отец истории хотел сказать, что зрение у крокодила не является самым развитым чувством, тогда он прав, потому что самым развитым чувством у крокодила следует считать слух. Во всяком случае, крокодил слышит лучше, чем другие, пожалуй, даже, чем все остальные пресмыкающиеся. Он различает, в чем легко убедиться на охотах, самый незначительный шорох и в большинстве случаев обязан в минуту опасности этому острому слуху своим спасением и безопасностью. Незрелыми, чтобы не сказать тупыми, являются чувства обоняния, вкуса и осязания, что может быть доказано некоторыми наблюдениями. Нельзя отказать крокодилу в известной степени понятливости. Он не забывает преследований, которым подвергался, и на будущее время старается тщательно их избегать.

Все крокодилы, живущие в Египте во время моего пребывания, при приближении корабля уползали всегда в воду. Это они проделывали всегда так своевременно, что ни разу нельзя было послать им вдогонку пули из ружья. Наоборот, крокодилы, живущие в реках Судана, подпускают значительно ближе к себе судно, и, вследствие этого, их можно застрелить с судна. Старые крокодилы, появляющиеся в течение многих лет на одной и той же песчаной отмели, оставляют ее, если их несколько раз потревожить, и выбирают другую. Выбор свой они делают с известным умением, руководясь тем, чтобы на ней можно было уютно поспать и согреться на солнце. Они также с точностью помнят места, доставлявшие им не раз добычу, именно дороги, ведущие к реке, по которым часто проходят стада животных и женщины спускаются за водой. С этих мест они не сводят глаз и вблизи их подстерегают добычу. Однако они не делают различия между людьми, могущими нанести им вред, и такими, которых вовсе не нужно бояться, но предпочитают действовать наверняка и прячутся в воду всякий раз, как увидят людей. При нападении на добычу они проявляют явное лукавство, которое, впрочем, нельзя сравнивать с хитростью млекопитающих или птиц. При этом ясно выказывается неуклюжесть, дикость и незначительная понятливость крокодила. Их образ жизни различен, смотря по обстоятельствам. На суше крокодил жалок и труслив, в воде же он, хотя не дерзок, но смел и предприимчив. По-видимому, он убедился в безопасности, которую доставляет

природная среда, что и видно из его поведения крокодил живет с равными ему по величине животными того же вида в добром согласии, за исключением времени спаривания*.

** Согласно современным представлениям, у нильских крокодилов выявлены иерархические отношения. Для доминантных крокодилов характерен территориальный образ жизни, подчиненные особи территории не имеют.*

Крокодилы же менее значительной величины находятся постоянно в опасности, так как крокодил, томимый голодом, теряет всякое самообладание. Он обращает на других животных внимание только тогда, когда можно одно из них схватить и пожрать, а тем, которых он не может схватить, позволяет бродить очень близко около себя.

Крокодил способен издавать крик, похожий на глухое мычание; впрочем, он кричит только при сильном возбуждении. Я полагаю, что можно наблюдать крокодила в течение нескольких месяцев и не слышать его голоса; если же его испугать неожиданно или нанести рану, тогда он начинает глухо ворчать или даже громко мычать. На одной охоте на цапель у Белого Нила я осторожно приблизился к крутому берегу и увидел у моих ног, вместо желанной птицы, крокодила. Предназначенный для цапли заряд я пустил в череп крокодилу. Он, разъяренный, выдвинулся из воды, громко заворчал и исчез под волнами. Тот крокодил, на которого набрел Пенней, выразил свой испуг мычанием. Когда он рассержен, то слышится трубное или глухо шипящее сопение. Молодые крокодилы, недавно только вылупившиеся из яйца, издают своеобразно квакающий звук, напоминающий веселую трескотню лягушек**.

** * Действительно, звуковые сигналы крокодилов могут быть достаточно оригинальны. Крики крокодиловых кайманов, например, делятся 0,1 секунды и включают два компонента — вступление (3,2 и 6,4 КГц) и основную часть (0,8 и 1.6 КГц). При этом они опускают нижнюю челюсть в воду и издают глухое ворчание. Аллигаторы устраивают концерты в виде импульсивных звуков продолжительностью до 1 минуты. Они способны фыркать, реветь, хрипеть, хрюкать и т.д.*

Крокодил обыкновенно выходит из реки около полудня, чтобы погреться на солнце и поспать. Он не может спать на воде, потому что при неправильном, произвольном дыхании он опускается в глубину, где, вследствие потребности в воздухе, он должен скоро проснуться; однако при известных условиях крокодилы, лежащие на воде, могут предаваться полудремоте: по крайней мере мои пленники так поступали. Для своего полуденного сна он вползает на низменную песчаную отмель очень медленно и осторожно, внимательно обозревает окрестность своими зеленоватыми глазами и после продолжительного осмотра ложится спать, причем сразу грузно опускается на брюхо. Он лежит, почти всегда свернувшись, причем рыло и конец хвоста направлены к берегу. Часто конец хвоста обмывается при этом водой. Растянувшись удобно, он приподнимает крышечку, закрывающую его ноздри, сопит, зеваает и открывает, сколько может, свою зубастую пасть. С этого момента он лежит неподвижно на одном месте и, по-видимому, скоро засыпает, но нельзя сказать, чтобы сон его был очень глубок, так как каждый, едва слышный шорох пробуждает его и заставляет прятаться в воду. Я наблюдал это приготовление ко сну крокодила с помощью зрительной трубы из одной землянки, расположенной на той же отмели. Поэтому я могу поручиться за каждое вышесказанное слово.

Крокодил лежит на суше вплоть до захода солнца, иногда их собирается многочисленное общество. Случается, некоторые лежат отчасти друг на друге, обычно же они лежат поодиночке, отдельно один от другого, особенно молодые находятся на почтительном расстоянии от старых. С наступлением сумерек все острова пустеют, в это время начинается охота, продолжающаяся в течение всей ночи и даже в утренние часы. Предметом охоты в реке служат главным образом рыбы. Не подлежит никакому сомнению, что громадные, тяжеловесные, по-видимому, неповоротливые крокодилы умеют ловить этих проворных водных обитателей, так как рыбы составляют настоящую, если можно так выразиться, их природную пищу. Кроме рыб крокодил схватывает всех больших и маленьких млекопитающих, пришедших, по неосторожности, к реке для питья, а также болотных и водяных птиц, которых может поймать. Он приближается к водопою или стоянке своей добычи очень осторожно, погружается совершенно в воду, плавает тихо и бесшумно и выставляет из воды только ноздри для дыхания. Нападая, он бросается на берег, как я не раз наблюдал, быстро, как молния, и в прямолинейном направлении. Крокодил никогда не решается преследовать на суше не пойманную в воде добычу. Мы видели с истинным наслаждением, как пьющая у реки антилопа вдруг двумя сильными скачками очутилась на вершине берега, и в тот же момент крокодил погнался за ней лишь только до середины высоты берега. Он обманывает птиц своим видимым спокойствием, невнимательностью и неподвижностью и делает вид, что и не помышляет вовсе об их преследо-

вании. Затем, бросившись моментально вперед, попадает в их гущу или же сначала приближается к ним очень медленно, дюйм за дюймом, а потом, находясь от них на достаточном расстоянии, переходит к нападению. «Я постоянно бывал свидетелем, — говорит Бэкер, — как он бросался на густые стаи маленьких птиц, которые роются в кустах на берегу реки. Эти птицы сознают постоянно свою опасность и убегают, если возможно, до нападения. Крокодил лежит на поверхности воды так спокойно и невинно, точно он попал туда случайно. Таким образом, он обращает на себя внимание птиц и, заметивши их взоры, медленно уплывает на значительное расстояние. Птицы, одураченные обманщиком, будучи убеждены, что опасность миновала, возвращаются в кусты и, побуждаемые жаждой, погружают свои клювы в воду. Занятые утолением жажды, они не замечают, что их враг исчез с поверхности воды. Внезапный плеск, появление под кустом пары сильных челюстей и проглатывание нескольких дюжин жертв — вот результаты неожиданного возвращения крокодила. Он коварно скрылся в воду и, под охраной ее, возвратился. Я наблюдал, что крокодилы постоянно ведут охоту именно вышеуказанным способом; обманывают ложным отступлением и бросаются затем из-под воды».

Я несколько не сомневаюсь в истине сообщения Бэкера, что жертвой взрослому крокодилу служат также птицы величиной с зяблика; Дэй находил в исследованных желудках болотного крокодила, похожего на описываемый вид, не только остатки речных выдр, птиц, змей, ядовитых и неядовитых, но и остатки водяных жуков, попавших, вероятно, вместе с добычей. Нильский крокодил так же мало, как и болотный, пренебрегает маленькой, незначительной добычей, хотя всегда предпочитает крупную. Гессе нашел в желудке крокодила, имевшего в длину только 2,7 метра, вместе с несколькими потертыми осколками зеленых бутылок остатки 40 крыс. Он охотится даже на больших млекопитающих животных: стаскивает на глубину реки ослов, лошадей, быков и верблюдов. На двух главных разветвлениях Нила пастухи ежегодно теряют многих животных из своих стад. Мы видели у Голубого Нила быка, лежавшего на берегу без головы. Владелец его, плача, рассказал нам, что за несколько минут до этого его схватил «сын, внук и правнук проклятого Аллахом чудовища» и откусил голову зубами, я и до сих пор не могу себе объяснить, несмотря на сильное вооружение пасти, столь мощное проявление силы*. Что он одолевает верблюда, я впоследствии убедился.

** Нильские крокодилы иногда объединяются при охоте и поедании пищи. Известны случаи, когда крупную добычу два крокодила разрывают, схватившись в нее с двух сторон и крутясь вокруг собственной оси в разных направлениях.*

Во время моего пребывания в Хартуме у одного верблюда, отправившегося на водопой к Белому Нилу, крокодил откусил ногу, и когда я поехал к реке, то увидел, что пастухи в Восточном Судане принимают, при водопое своих верблюдов, меры осторожности. Они гонят стада в реку с сильным криком, и всех животных разом, для того чтобы шумом и суматохой прогнать крокодила. Более мелких животных, коров, лошадей, ослов, овец и коз никогда не поят прямо из реки, в которой водятся крокодилы, а всегда из особо вырытых на берегу бассейнов и прудов. Пастухи должны наполнять эти водохранилища водой или же они отгораживают в самой реке густым терновым плетнем участок, для того чтобы образовать безопасный от страшных хищников водопой. Пожиранием людей крокодил еще опаснее, чем похищением домашних животных. В Судане повсюду происходят ежегодно несчастья, а что путешественники мало слышат рассказов об этом, объясняется тем, что они не особенно справляются о них. Старые люди всегда могут рассказывать любознательному чужестранцу, что крокодил утащил в мутные волны такого-то и такого-то, сына того и того, потомка этого и того, и еще разных животных: лошадей, верблюдов, мулов, ослов, собак, овец и коз. Утащив, он их пожрал целиком или, по крайней мере, откусил у них конечности. Большей частью туземцы становятся добычей крокодила тогда, когда они входят в реку черпать воду. Эти опасные хищные звери встречаются даже у водопоев больших деревень и городов. Во время моего пребывания в Хартуме один мальчик в нескольких шагах от дома был схвачен, потоплен, выброшен на песчаную мель, находившуюся среди реки, и проглочен там, на глазах моих слуг. К сожалению, страх суданцев обусловлен основательными причинами. По словам Пехуэль-Леше, у берегов Лоанге появляются очень часто три вида крокодилов: африканский узкорылый, нильский и тупорылый, а о несчастных случаях здесь очень редко можно слышать. У берегов нижнего Конго дело обстоит иначе. Там, по Линднеру, похищается вблизи европейских факторий ежегодно не менее четырех человек. Гессе утверждает, что ему в течение трех лет было известно с полдюжины таких случаев у берегов Конго и Лоанге; число же жертв в действительности значительно больше, так как большая часть происшествий только случайно становится известной. «Конечно, — продолжает он, — часто можно было бы избежать этих несчастных случаев, если бы негры не были необычайно беспечны и

неосторожны. Достоверно известно, что крокодилы нападают, хотя и очень редко, на людей в челноках. За один случай такого рода может поручиться Пехуэль-Леше, который был очевидцем его вместе с миссионером Кумбером. Этот случай произошел в полдень у бельгийской станции Минианга на берегу Конго. Старшина туземного племени удил рыбу на глубоком, хотя и защищенном подводными камнями месте реки с очень маленькой душегубки, находившейся вплоть до бортов в воде. Вдруг его схватывает и моментально утаскивает в воду крокодил, голова которого только на мгновение показалась из воды, все это совершилось так бесшумно и быстро, что негр даже не успел вскрикнуть. Только опрокинувшийся вслед за этим челнок произвел шум. Это произошло столь неожиданно, что нельзя было себе уяснить, как и где крокодил схватил человека.

Все более разумные животные знают крокодила и его способ нападения. Когда степные нмады приходят к реке со своими стадами и собаками, тогда им приходится много возиться с последними и терять много прекрасных животных, так как собаки еще не набрались опытности. Напротив, собаки, выросшие в селах, расположенных у реки, редко становятся добычей крокодила. Когда у них является желание напиться, тогда они приближаются к поверхности воды всегда с чрезвычайной осторожностью, внимательно осматривают ее, выпивают несколько капель и поспешно возвращаются на берег. Постояв здесь достаточно долгое время, они пристально смотрят в воду, снова приближаются с соблюдением всех правил предосторожности и пьют еще. Так они поступают до тех пор, пока не утолят жажды. Ненависть их к крокодилу обнаруживается, если показать им большую ящерицу. Увидев ее, они отскакивают так, как обезьяна от змеи, и начинают громко лаять.

Крокодил пожирает, кроме живых, также и мертвых животных, плавающих в реке. Я несколько раз лишился ценных птиц, которые, будучи подстрелены, падали в реку, причем каждый раз при подобной потере я повторял клятву отомстить, данную впервые мной при одной встрече с крокодилом, которая могла оказаться очень печальной для меня. Каждая выпущенная моей рукой пуля, которыми я пронизал во время своего второго путешествия в Судане одно из этих чудовищ, служила мстью. Я раскинул свой шатер напротив Хартума, охотился в течение нескольких дней и однажды подстрелил орлана, казавшегося мне тогда ценной птицей. Птица, будучи подстрелена, долетела до реки и здесь упала на поверхность воды. Волнами ее прибило к берегу и приблизило к одному течению, направляющемуся в середину реки. Этим течением ее унесло бы от меня. Показался араб, я стал просить его выловить для меня птицу. «Сохрани меня Бог, господин, — отвечал он мне, — здесь я не войду в воду, потому что в ней много крокодилов. Только несколько недель тому назад они поймали во время питья двух овец и утащили в реку; одному верблюду откусили ногу, лошадь едва убежала от них». Я обещал арабу большое вознаграждение, назвал его другом и потребовал от него, чтобы он показал, что он мужчина. Он спокойно возразил, что он не может исполнить даже, если бы я мог предложить ему «все сокровища мира». Я неохотно разделся, прыгнул в реку и поплыл за моей птицей. Вдруг араб громко закричал: «Господин, во имя милостивого и милосердного Аллаха, возвратись! Крокодил!» Я в испуге поспешил к берегу. С другой стороны реки маячил огромный крокодил, выставляя свои спинные щитки над поверхностью воды. Он плыл прямо в направлении моей птицы, нырнул вблизи нее, открыл пасть, которая показалась мне достаточных размеров, чтобы вместить и меня, утащил на моих глазах добычу и исчез с ней в мутных волнах. Второй крокодил тоже прямо поплыл на клювача, которого мой слуга хотел поймать на другом берегу. Он, наверно, учинил бы охоту на человека вместо птицы, если бы я своевременно пущенной пулей не помешал об этому и другим дальнейшим его нападениям. Иных крокодилов нельзя даже выстрелами заставить уйти от добычи, на которую они обратили внимание. Иногда они схватывают негодные для пищи вещи, которые плавают в реке, и тратят немало времени для исследования мнимой добычи, прежде чем проглотить ее. Употребляемый суданцами кожаный мешок, наполненный воздухом или водой, может служить, по словам Бэкера, приманкой для крокодила. Крокодил схватывает этот мешок, а владелец мешка спасается.

В прямой противоположности к наглой дерзости крокодила, находящегося в воде, стоит его жалкая трусость во время пребывания на суше. Очень редко он отходит на расстояние, больше 100 шагов от берега, и при кажущейся опасности устремляется напрямик обратно в реку. При появлении человека крокодил всегда обращается в бегство с большой поспешностью, при этом он никогда не помышляет преследовать человека в глубь суши. Я сотни раз внезапно, шутя, пугал крокодила и всегда видел, что он, подобно лягушкам на суше, с боязливой поспешностью прыгивал в реку. Один из моих слуг хотел рано утром еще в сумерках подстеречь диких уток из-за ствола дерева, лежавшего вблизи реки. Он немало испугался, когда мнимый древесный ствол вдруг оказался крокодилом. К счастью, крокодил, перепуганный, вероятно, не меньше, чем мой слуга, поступил как всегда. Он стал сам искать спасения, вместо того чтобы броситься на подползающего человека.

Крокодил проявляет подобную боязливость даже тогда, когда ему отрезают дорогу к реке. Он всегда стремится достигнуть первого хорошего убежища, где он мог бы быть в безопасности. Во время одной охоты в лесах Голубого Нила мы были очень встревожены, встретив однажды утром в лесу крокодила, имевшего в длину около 2,5 метра. Но наше изумление возросло еще больше, когда мы увидели, что крокодил убежал в ближайший высокий кустарник, где оставался совершенно недвижим, так что мы не могли увидеть его и привести в исполнение наше намерение пустить в него пулю.

Подобные же факты сообщает и Пехуэль-Леше из западной Африки: «Животные, кажущиеся на суше столь беспомощными, могут бегать с совершенно поднятым телом так быстро, что их нельзя догнать, причем хвост их не волочится. Испуганные и отрезанные от воды крокодилы, изгибаясь, убегают очень поспешно в очень густой кустарник и скрываются в нем так искусно, что очень редко можно их найти. Во время бега они могут очень круто поворачиваться и иногда делают петли и бегут зигзагами. Поэтому преследовать их в местности, не вполне открытой взорам, оказывается бесполезной попыткой*.

** Молодые нильские крокодилы могут бегать со скоростью 12 км/ч.*

Запахавшийся, разбитый и исцарапанный охотник через большой или меньший промежуток времени остановится и с удивлением спрашивает себя, куда могло спрятаться столь крупное животное. Крокодил же между тем, вероятно, достиг уже реки или преспокойно лежит в чаще. Крокодилы, подобно бегемотам, могут взбираться на очень крутые отлогости и скалы и вползают очень охотно на свалившиеся или отчасти прямо стоящие стволы деревьев, растущие на берегу. На более значительные расстояния от берега, именно на 50-100 шагов, они удаляются только в местах, не посещаемых человеком, и на песчаных мелях, представляющих возможность обозрения большого пространства. Обыкновенно же они спят или греются на солнце так близко к берегу, что одним прыжком могут очутиться в воде. При этом голова у них всегда обращена к воде, тело, особенно у взрослых, только в очень редких случаях лежит прямо вытянутое, чаще же более или менее изогнуто, так что некоторые положения тела кажутся совсем неестественными. Некоторые из этих чудовищ греются на солнце, лежа на боку, причем все четыре лапы или вытянуты, или же все подогнуты, а хвост загнут к брюху в виде петли. Так как часто у этих животных очень толстое брюхо, то крокодил при этом несколько не соответствует обычному образу, который мы о нем составили, и он вовсе не похож на тощие экземпляры иных зоологических садов.

Все крокодилы необычайно пугливы и внимательны. У них очень тонкий слух и очень острое зрение, чувство же обоняния у них, должно быть, совершенно тупо. Подкрасться к ним, во всяком случае, очень трудно; случайность играет при этом более значительную роль, чем все усилия. К ним нельзя вовсе подойти на песчаных отмелях, а на высоких заросших берегах их можно увидеть с лодки, только когда они быстро прыгают в воду. Иногда, если тихо ехать по течению вдоль берега, крокодил прыгает в воду так близко от судна, что, по неопытности, можно подумать, что он желает сделать нападение. Я допускаю возможность, что иногда он зацепляется за судно, опрокидывает или разбивает его вдребезги; но при этом животное, будучи само сильно испугано, нимало не думает о нападении. Иные испуганные крокодилы не отваживаются на прыжок, но уходят и пережидают, чтобы опасность миновала, или же поспешно удаляются от берега. Кто проезжает в тихий солнечный полдень, и притом совершенно безмолвно, по маленькой, извивающейся речке Нанг, притоку Куилу, тот в течение двух часов может видеть, как несколько дюжин больших крокодилов (не считая маленьких) почти бесшумно спрыгивают с высоких берегов в глубину».

По всей вероятности, крокодил предпринимает путешествие внутрь страны только ночью, вероятно, в надежде отыскать другой водоем. Для охоты же, как сказано, он не покидает реки, по крайней мере, я никогда не имел случая наблюдать или слышать об этом. Во время дождей он следует за дождевыми потоками, которые вслед за этим скоро пересыхают. Он заходит в эти потоки так далеко, что из-за быстро наступающей засухи оказывается отрезанным от главного потока. Тогда он вынужден зарыться как можно лучше и выжидать наступления дождей. Сначала он перекочевывает из одной лужи в другую, позже остается неделями в той луже, в которой есть еще немного воды и которая не всегда соответствует росту животного, так как иногда можно видеть в маленькой луже настоящих исполинов. Наконец, когда и в этой луже вода высохнет, тогда он зарывается в ил. Пенней со своими слугами перешел дождевой ручей, устье которого находилось от Голубого Нила на расстоянии 20 километров. Вследствие недостатка воды начали рыть колодец в высохшем ложе этого ручья, надеясь получить, таким образом, необходимое количество воды. Когда работники вырыли яму глубиной около 2,5 метра, они вдруг выскочили, испуганные, и позвали на помощь всезнающего главного штаб-лекаря. Они заявили, что в яме ворочается какой-то серый зверь. Внима-

тельное исследование показало, что они имели дело с верхушкой хвоста одного живого, очень большого крокодила.

Когда была вырыта в области головы вторая яма, тогда явилась возможность нанести ему копьем смертельный удар в затылок. Наконец, его выкопали и узнали, что его длина достигает 5 метров. Вследствие этой находки дождевой поток и теперь еще называется «Хор ель Тимзах», или крокодиловый дождевой поток. Эмин-паша и Штульман недавно также подтвердили, что крокодилы во внутренней восточной Африке впадают в летнюю спячку, зарывшись в ил.

Крокодилы, имеющие в длину 3,5 метра, уже достигают половой зрелости, самки такой величины откладывают яйца, но в меньшем количестве и меньшей величины, чем совершенно выросшие экземпляры. В период спаривания крокодилы, главным образом самцы, издают столь сильный запах мускуса, что иногда узнаешь об их присутствии раньше обонянием, чем зрением. Иногда можно почувствовать запах мускуса на местах отдыха крокодила, хотя уже и покинутых последним. О боях, происходящих между самцами-соперниками, я ничего не знаю*, но я много раз слышал, что спаривание происходит на песчаных отмелях.

** Для самцов нильских крокодилов характерно демонстративное поведение. Оно заключается в плескании хвостом, выдувании пузырей изо рта, рычании и изгибании шеи.*

При спаривании самец переворачивает самку на спину, а по окончании — переворачивает ее обратно. Число яиц, сходных по форме и величине с гусиными яйцами и имеющих в длину 9 см, а в ширину 6 см, колеблется между 20 и 90, в среднем их бывает от 40 до 60. Самка кладет яйца в глубокую ямку, которую она покрывает с помощью хвоста песком, затем тщательно уничтожает все следы своей работы. Суданцы утверждают, что самка крокодила охраняет свои яйца и помогает вылупляющейся молодежи. Она вынимает молодых из песка и отводит их к воде.

Фельцков нашел в восточной Африке 19 января одно свежее гнездо, расположенное на голой почве в 5-6 шагах от берега. На дне ямки, 0,5 метра глубины, лежало 79 яиц, расположенных 4 кучками. Настоящего гнезда не было, но со стороны матери была известного рода забота о детенышах, так как она сторожила это место вплоть до выхода потомства из яиц, что последовало по истечении двух месяцев. Кладка яиц, по Фельцкову, бывает один раз в год, от конца января до начала февраля. Эмин-паша и Штульман пополняют эти наблюдения сообщением, что время кладки яиц в различных местах бывает различно. В течение двух дней, по их наблюдениям, самка откладывает 90-100 яиц в 4-5 отдельных ямок, расположенных близко одна от другой. Период развития яиц длится 40 дней. Названные путешественники не могли удостовериться в попечении матери о детенышах. Фельцков продолжал свои исследования над развитием нильского крокодила и на Мадагаскаре. «Самый большой, измеренный мною крокодил из северо-западной местности Мадагаскара имел в длину 3,5 метра, хотя встречаются животные значительно больших размеров. Кладка яиц начинается здесь в последних числах августа и продолжается до конца сентября. Число яиц одной кладки колеблется от 20 до 30 штук. Гнездо вырывается в земле и представляет ямку глубиной от 0,5 метра, отчасти с крутыми стенками. У основания эти стенки имеют выемки, там-то и помещаются яйца. Так как основание ямки посередине несколько поднято, по этому яйца, откладываемые матерью, сами собой скатываются в выемки. Очень редко находят пару яиц, лежащими в середине ямки. Вслед за этим ямка засыпается, и гнездо никак нельзя различить снаружи. Самка спит на гнезде; поэтому туземцы и находят яйца, идя от воды по следам крокодила. Почти все гнезда были вырыты в сухом, белом песке, некоторые в такой влажной почве, что яйца не могли развиваться вследствие сырости, к которой свежее отложенные яйца чрезвычайно восприимчивы.

«Как мне рассказывали люди из племени Сакалава, самка разгребает ямку, когда яйца готовы к вылуплению». Я не имею никакого основания сомневаться в этом, так как я сам видел много ямок, из которых песок был удален и которые содержали разбитые скорлупы яиц. Невольно возникает вопрос, на основании чего мать знает, что яйца достаточно развились и что наступило время разгребать ямку? Вопрос этот разрешается очень просто.

В кабинете моего дома в Маюнго стояло несколько ящичков с песком, в которых были положены яйца крокодилов, чтобы, имея их постоянно в виду, можно было в любое время проследить за вылуплением маленьких крокодилов. Однажды я заметил, что из какого-то ящичка раздаются звуки, я предположил, что одно из молодых животных уже появилось на свет, но, зарывшись в песок, задыхается и вследствие этого издает эти крики. Разрывая песок, чтобы разыскать зверька, я был поражен необыкновенным явлением, а именно: звуки исходили из цельных, нетронутых яиц и были так громки, что явственно слышались из соседней комнаты, когда яйца лежали неприкрытыми. Если же они лежали под слоем песка около 0,5 метра, как это бывает всегда в природе, тогда звук делался несколько глуше, но все же был слышен издали. Подобные крики детенышей можно вы-

звать всякий раз, если проходить с шумом мимо того места, где лежат яйца, или же если постукивать по ящику, в котором они помещаются, а также если брать яйца в руки и тихонько встряхивать их; каждый толчок непременно заставляет животное пищать. Так как самка крокодила, как выше сказано, спит на гнезде, то при каждом движении, а также при каждом странствовании ее из гнезда к воде и обратно она колеблет под собой почву и этим возбуждает достаточно развитых детенышей к пisku в яйце. Услышав звуки, мать начинает вырывать из ямы песок, после чего детеныши вскоре вылупляются*.

** Развитие яиц крокодила длится около 3 месяцев. В это время кладку может охранять как самка, так и самец. Издаваемый ко времени вылупления писк действительно слышен на 20 м от гнезда. После этого самка собирает яйца в пасть и, перекачивая их между небом и языком, помогает детенышам освободиться от скорлупы, перенося их затем в заранее выбранный и очищенный от растительности мелкий водоем. В этот период самка, видимо, не питается.*

Из подобных яиц, вырытых из песка и свободно лежащих, молодые крокодилы выползли через три дня. Издаваемые звуки производятся с закрытым ртом, по-видимому, посредством сильного сжатия брюшных мускулов вроде нашей икоты, на которую они очень похожи.

После того как детеныши вылупятся, мать отправляется вместе с ними к воде. Мой помощник, очень добросовестный наблюдатель, рассказывал мне, что он видел взрослого крокодила, который со стаей около 20 штук молодых переправлялся через песчаное пространство к воде, причем старый крокодил имел очень злой вид. Однако, по своим собственным наблюдениям, я положительно не могу верить, чтобы только что вылупившиеся детеныши могли без помощи матери пробраться сквозь покрывающий их слой песка. Из тех яиц, которые были покрыты слоем песка толщиной в 0,5 метра, некоторые, правда, делали слабые попытки высвободиться, так, например, у иных яиц была проломана скорлупа, иногда даже из отверстия высовывался кончик рыла, но в конце концов они умирали, по всей вероятности, от недостатка воздуха. Из яиц, покрытых тонким слоем песка, детеныши выползли без всякого затруднения.

При вылуплении длина детенышей бывает от 20-25 см, в течение первых двух лет они вырастают примерно на 10 см, в следующие же годы на 15 см, до тех пор пока наконец не достигнут общей длины около 3 метров, с этих пор, по-видимому, рост их идет чем дальше, тем медленнее, так что, на основании показаний местных жителей, крокодила длиной в 5-6 метров можно считать за столетнего. До каких лет они доживают, трудно определить.

Даже маленькие, только что появившиеся животные, по мнению Фельцкова, уже очень злы, они, например, хватают за пальцы, когда хочешь их взять. Они часто пищат, особенно если голодны. Тон голоса при этом не так высок, как в яйце. Он звучит примерно так, как голос нашей жерлянки, но несколько громче, крик повторяется раз 6-7, и затем наступает промежуток. Кроме того, животные эти фыркают, когда их дразнят, например, приподнимают за хвост. Развитие яйца продолжается на Мадагаскаре около трех месяцев.

В прежние времена, по сообщению Геродота, жители Нижнего Египта содержали крокодилов в неволе. «Некоторые египтяне, — говорит этот писатель, — считают крокодилов за священных животных, другие же видят в них злейших своих врагов: первые живут около Мериодова озера, а вторые около Элефантины. Этим животным устраивают великолепное житье, привешивают им к ушам золотые кольца с самоцветными камнями, передние ноги их украшают золотыми запястьями и кормят их вареными мучными кушаньями и мясом жертвенных животных, После смерти крокодилов бальзамируют и кладут в священные гробницы. Подобные гробницы находятся в подземных помещениях лабиринта около Мериодова озера недалеко от Крокодилополиса». Страбон дополняет эти сведения. «Город Арсиноэ в Египте прежде назывался Крокодилополис, потому что в этой стране крокодилов считали священными животными. Здесь содержат в озере одного крокодила, который совершенно приручен жрецами. Его зовут Зухос. Кормят его мясом, хлебом и вином, и корм этот приносят постоянно с собой странники, которые хотят видеть священное животное. Мой хозяин, высокоуважаемый муж, который нам показывал тамошние святыни, пошел с нами к озеру. Причем взял с собой небольшой пирог, жареного мяса и кувшин медового вина. Мы нашли крокодила лежащим на берегу. Жрецы подошли к нему, открыли ему пасть и положили туда пирог, затем мясо и влили вино. После этого животное вскочило в воду и уплыло к противоположному берегу. Между тем подошел другой чужестранец, привезший подобные же дары. Жрецы взяли приношение, обошли озеро и накормили им крокодила тем же способом». Плутарх сообщает, что крокодилы не только узнают голоса жрецов, но дозволяют прикасаться к себе, чистить зубы и обтирать их куском полотна. Диодор Сицилийский, наконец, нам объясняет причину, почему крокодилов считали священными животными и воздавали им божеские почести. «Говорят, что ширина Нила и множество там жи-

вущих крокодилов препятствуют аравийским и либийским разбойникам переплывать эту реку. Другие рассказывают, что одного из древних царей, по имени Менас, преследовали его собственные собаки; он спасся в Мериодовом озере, и крокодил перевез его чудесным способом на противоположный берег. Чтобы отблагодарить этих животных за свое спасение, царь выстроил поблизости город, назвал его Крокодилополис и приказал жителям почитать крокодилов, как божеств. Он же тут выстроил пирамиду и лабиринт. Впрочем, некоторые люди приводят другие причины обоготворения этих животных». Как велико было почитание крокодилов, доказывает один рассказ Максима Тира: «Одна женщина в Египте воспитала крокодила, и потому и ее почтили, как божество. Сын ее жил и играл с крокодилом, пока тот вырос, окреп и, наконец, пожрал своего товарища по играм. Несчастливая мать, однако, восхваляла счастье своего сына, который удостоился послужить пищей Богу».

Ныне на берегах Нила никто не думает о приручении крокодилов, да это и нелегкое дело, если животное поймано взрослым. 20 июля 1850 года я купил в Хартуме для наблюдений живого крокодила 3,5 метра длины, который запутался в рыбачьи сети, и заплатил за него одну немецкую марку. Рыбаки завязали ему морду, чтобы он не кусался; несмотря на это, когда мы приблизились, он так неистово и быстро на нас бросился, что мы со страху отступили. Когда его толкали, то он, глухо пыхтя, сопел и фыркал, но вообще казался довольно нечувствительным. Мы его всячески мучили, но он не выказывал своего недовольства. Только табачного дыма он, по-видимому, не мог переносить: когда мой спутник, Фирталер, подносил к его ноздрям зажженную трубку, то крокодил страшно бесился. Сильный ночной ливень ему оказался очень полезным, так как он превратил в лужу небольшое углубление в земле, которое и стало местожительством нашего пленника. Здесь, по-видимому, он себя хорошо чувствовал, но держался больше под водой и появлялся на поверхности редко, и то выставлял только одни ноздри, чтобы подышать, между тем как во время пребывания на суше он дышал очень часто. Для жителей города наш крокодил служил большой забавой. Взрослые и дети постоянно стояли вокруг лужи, где жил «собачий сын». Чтобы помешать его бегству в реку, которая была не очень далеко, я велел его привязать веревкой. Каждый проходящий тащил беззащитное животное на сушу, чтобы лучше его рассмотреть, а затем отпускал его с проклятиями и ругательствами, сопровождаемыми часто бросанием камней; даже небольшие мальчики не могли отказать себе в удовольствии надругаться над крокодилом. Чтобы испугать мучителей, я велел разрезать веревку, которой была завязана морда, но и это не помогло. Приносили длинные палки, били ими крокодила по спине, и когда он был сильно раздражен, то совали палку ему в пасть, причем животное так сильно в нее впивалось, что позволяло себя тащить за палку, но не отпускало ее. При этом часто крокодил ломал себе несколько зубов, но все-таки продолжал кусаться. Вследствие этих мучений он через несколько дней окошел.

Молодые крокодилы скоро становятся такими же ручными, как ящерицы, через некоторое время их можно трогать, причем они не пыхтят и не фыркают, идут на зов, берут пищу из рук и тогда очень интересны. Нет сомнения, что животное это, воспитанное смолоду и в старости бывает настолько спокойно и смиренно, насколько это возможно для крокодила, и потому нет повода сомневаться в справедливости рассказов древних о прирученных крокодилах.

Древние египтяне охотились за крокодилами, по Геродоту, разл и ч н ы м образом. Охотник, например, бросал в реку кусок свинины с вложенным в него крючком на длинной веревке, прятался на берегу и ударами принуждал поросенка кричать. Этот крик привлекал крокодила, который глотал свинину и с помощью веревки вытаскивался на берег. Здесь охотник прежде всего замазывал ему глаза грязью, чтобы обеспечить себя от его нападений, и затем убивал его. По словам Гессе, негры в нижнем течении Конго охотятся и теперь подобным же образом. Две с обоих концов заостренные палочки из твердого дерева связываются накрест и прикрепляются к бечевке, другой конец которой обматывается на крепкий кол, вбитый в берег. Посередине бечевки приделывают деревянный поплавок, насаживают на крест приманку, для чего обычно служат внутренности убитых животных, и опускают его вечером в реку. Когда крокодил проглатывает приманку, то острые палочки впиваются ему в мягкую пасть тем глубже, чем больше усилий делает животное, чтобы освободиться. Нередко случается, что бечевка лопаается, и тогда животное уплывает, после этого обыкновенно пускаются на поиски и нередко находят его по приделанному к веревке поплавку, который и выдает место нахождения сильно выбившегося из сил и часто уже близкого к смерти разбойника».

Тентириты, как уверяет Плиний, отваживались следовать за плывущим крокодилом, набрасывали ему на шею петлю, садились к нему на спину, и в то время, как животное разевало пасть, чтобы укусить, они всовывали ему поперек пасти распорку. При помощи этой распорки они вели свою добычу, как коня за повод, и пригоняли к берегу. Поэтому, думает Плиний, крокодилы боятся даже запаха тентиритов и не осмеливаются подплывать к их островам.

В настоящее время таким способом больше не охотятся, хотя современная охота требует от охотника не меньшей храбрости. Она впервые описана Рюппелем, а мне рассказана совершенно таким же образом разными другими лицами. Охота начинается во время отлива, когда обнажаются песчаные отмели, на которых крокодилы спят и греются. Охотник примечает места, на которых чаще всего располагаются крокодилы, выкапывает себе углубление в песке с подветренной стороны, забирается в него и выжидает, когда животное появится и заснет. Главное оружие охоты состоит из метательного копья, железный трехгранный конец которого снабжен загнутыми вниз крючками и прикреплен к рукоятке посредством кольца и 20-30 крепких веревок, идущих частью отдельно, частью же соединенных вместе, но через определенные промежутки, рукоятка в свою очередь соединена с небольшим чурбаном. «Главное искусство охотника состоит в том, чтобы бросить копьё с такой силой, чтобы железо пробило щит насквозь и проникло бы не менее, чем на 10 см в тело животного. Во время метания рукоятка копья, на которой железный наконечник сидит свободно, отделяется от последнего и падает. Раненый крокодил, конечно, не бездействует, начинает отчаянно ударять хвостом и всячески старается перегрызть веревку, но отдельно лежащие бечевки попадают между зубами, и он перекусывает только очень немногие из них или же все остаются неповрежденными. В мелких местах рукоятка, плывущая по поверхности воды, указывает путь, которого держится животное, в глубоких же местах — легкий чурбан. По указанному таким образом пути охотник гонится за ним на маленькой лодке до тех пор, пока, по его мнению, не найдет удобное место на берегу. Если гарпун засел крепко, то он вытягивает крокодила на поверхность воды и убивает его ударом копья в затылок или просто вытаскивает на берег. Если бы я это не видел сам своими глазами, то мне бы показалось невероятным, что два человека могут вытащить из воды крокодила, длиной почти в 5 метров, и, завязав ему сначала пасть, стянуть на спину ноги крестом и, наконец, убить его острым железом, перерубив ему надвое позвоночный столб. Сетями крокодилы ловятся только случайно, и особенно редко попадают большие, так как они движутся так быстро, что обыкновенно рвут даже толстые рыболовные сети.

Европейцы, турки и обитатели среднего Египта охотятся на них с огнестрельным оружием. Я угостил, по крайней мере, сотню крокодилов пулями и ни разу не видел, чтобы пуля отскакивала от них, как многие утверждают. Но доказано, что только в редких случаях пуля убивает его моментально. Его живучесть необыкновенно велика, даже смертельно раненный крокодил обычно добирается до реки и в таком случае ускользает из рук охотника. Многие из тех, которым я простреливал мозг, как бешеные били хвостом по воде, носились взад и вперед непосредственно у поверхности воды, затем у них появлялись судороги, они широко разевали пасть, издавали невыразимый крик и, наконец, исчезали в глубине мутных волн. Через несколько дней они хотя и всплывали, но были до того разложившимися, что никуда уже не годились. Однажды я лежал в шалаше, покрытом циновками и песком, на одной из отмелей Голубого Нила и сторожил, собираясь бить журавлей. Не успели еще птицы показаться, как я увидел шагах в пятнадцати от себя крокодила длиной метров в пять. Он медленно двигался на меня и, не доходя 6 метров, улегся на песок, вероятно, намереваясь заснуть. Желая наблюдать, я подавил в себе всякое чувство мести и рассчитывал, что заслуженную им пулю я все же ему пошлю, но несколько позже. Один показавшийся журавль случайно спас ему на этот раз жизнь, так как я направил винтовку на птицу, которая представляла для меня более ценную добычу. Крокодил услышал выстрел и, может, не поняв даже его значения, устремился как можно быстрее к воде, но только что я поднял убитого журавля и начал снова заряжать ружье, как он снова появился и именно на прежнем месте. Тут уже я с полным спокойствием прицелился ему в висок, выстрелил и, к своему величайшему удовольствию, увидел, что после выстрела чудовище извилось сильным отвесным прыжком и тяжело рухнуло на землю, где и замерло совершенно неподвижно. Воздух над отмелью буквально весь переполнился одуряющим запахом мускуса, мой служитель Томбольдо, запрятавшийся в песке на противоположном конце отмели, с громкими криками радости выскочил из своей засады и стал просить: «Добрый господин, дайте мне железу, дайте мне мускус для моей жены, чтоб я ей тоже мог принести какой-нибудь гостинец из путешествия». Мы стояли около убитого животного, тело которого еще дрожало и судорожно передергивалось. «Берегись хвоста, — предупреждал меня Томбольдо, — и попотчуй его еще пулей, чтобы он от нас не ускользнул». Хотя я считал последнее излишним, но все же, в угоду своему верному негру, исполнил его желание, приложил дуло винтовки почти к самому уху крокодила и всадил еще пулю ему в голову. В тот же миг он подпрыгнул вверх, взмахами хвоста забросал нас песком и мелкими камнями, судорожно затрясся всем телом и затем вдруг помчался к реке, как будто вовсе не был ранен, разрушая все мечтания о приобретении мускуса. По уверениям Гейглина, заряд крупной дроби на очень близком расстоянии действует гораздо вернее пули. «Мы простреливали пулями вдоль

и поперек, — говорит мой спутник, — тело настоящих гигантов-крокодилов, и они, несмотря на это, проворно устремлялись к воде, пока град крупной дробы не укладывал их мертвыми на месте"*.

* *Нильский крокодил сейчас исчез из многих мест своего прежнего обитания в связи с его браконьерским выловом.*

Наблюдения Пехуэль-Леше также подтверждают мнение, что большой заряд дробы, даже на расстоянии 30 и 40 шагов, действует успешнее выстрела пульей. Самую ценную добычу современных суданцев составляют упомянутые четыре железы, которые они очень искусно вытаскивают из тела мертвого крокодила. Во время моего там пребывания каждая железа продавалась по 4-6 талеров, сумма, за которую в той же местности можно было тогда купить двух быков. При помощи этих желез нубийские и Суданские красавицы изготовляют ту благовонную мазь, которой они смазывают свое тело и волосы, что делает их особенно привлекательными для глаз, или, вернее говоря, для носов их поклонников и чем они действительно сильно выигрывают перед женщинами среднего Нила, которые свой войлокоподобный головной покров мажут помадой из касторового масла, запах которого отталкивает от них европейца, по крайней мере, на 30 шагов. Эти мускусные железы сообщают всему телу крокодила сильный и такой своеобразный запах, что есть мясо старых животных становится совсем невозможно. Я хотя несколько раз и пробовал мясо крокодилов, но мог проглотить только несколько кусочков и то от молодых животных. Конечно, туземцы думают иначе; им, очевидно, как мясо крокодила, так и его жир кажутся особенным лакомством. По древним авторам мы узнаем, что жители Аполлонополиса также охотно ели мясо крокодилов, но прежде чем его убить, они вешали пойманное животное и били до тех пор, пока оно не начинало издавать жалобные крики, и только потом разрезали его. Такой возни современные африканцы не поднимают; они в основной части просто варят мясо в воде и прибавляют к нему разве что соли и перцу.

Незадолго до нашего прибытия в городок Валед Мединэ с палубы корабля я убил крокодила. Возвратясь вскоре после этого с охотничьей прогулки, я нашел его уже разрезанным, и от множества яиц, которые в нем были найдены, осталось всего 26 штук, матросы признались, что не могли удержаться от соблазна при виде такого дорогого лакомства и устроили себе из них прекрасное кушанье. На следующий день половина нашей добычи заполонила рынок Валед Мединэ, поразительно скоро мясо было частью продано, частью же променяно на меризе (напиток вроде пива). В тот же вечер неподалеку от судна был учинен пир. Для украшения праздника, по поводу изготовления яств из крокодильного мяса, было приглашено столько местных красавиц, сколько было матросов на нашем корабле. Все они охотно приняли участие в пире, главное украшение и смысл которого составляла красота этих прелестных жен и дев. Над тремя огромными кострами в шаровидных горшках кипела диковинная дичь. Вокруг огней у горшков двигались темные фигуры в обычных танцах. Весело раздавались звуки тарабука (туземного барабана), от тел красавиц приятно пахло мускусом, так как вежливые поклонники их изготовили им мазь, менялись обоюдно словами любви, а светлый месяц и я, грешный, скрылись, чтобы не мешать празднику. Поздно ночью еще слышались звуки барабана, почти до самого утра продолжались танцы; весело поедалось блюдо из крокодила и запивалось прекрасным меризе; мне также предлагали, как того, так и другого, и немало удивлялись, что я так упорно отказываюсь от этого кушанья.

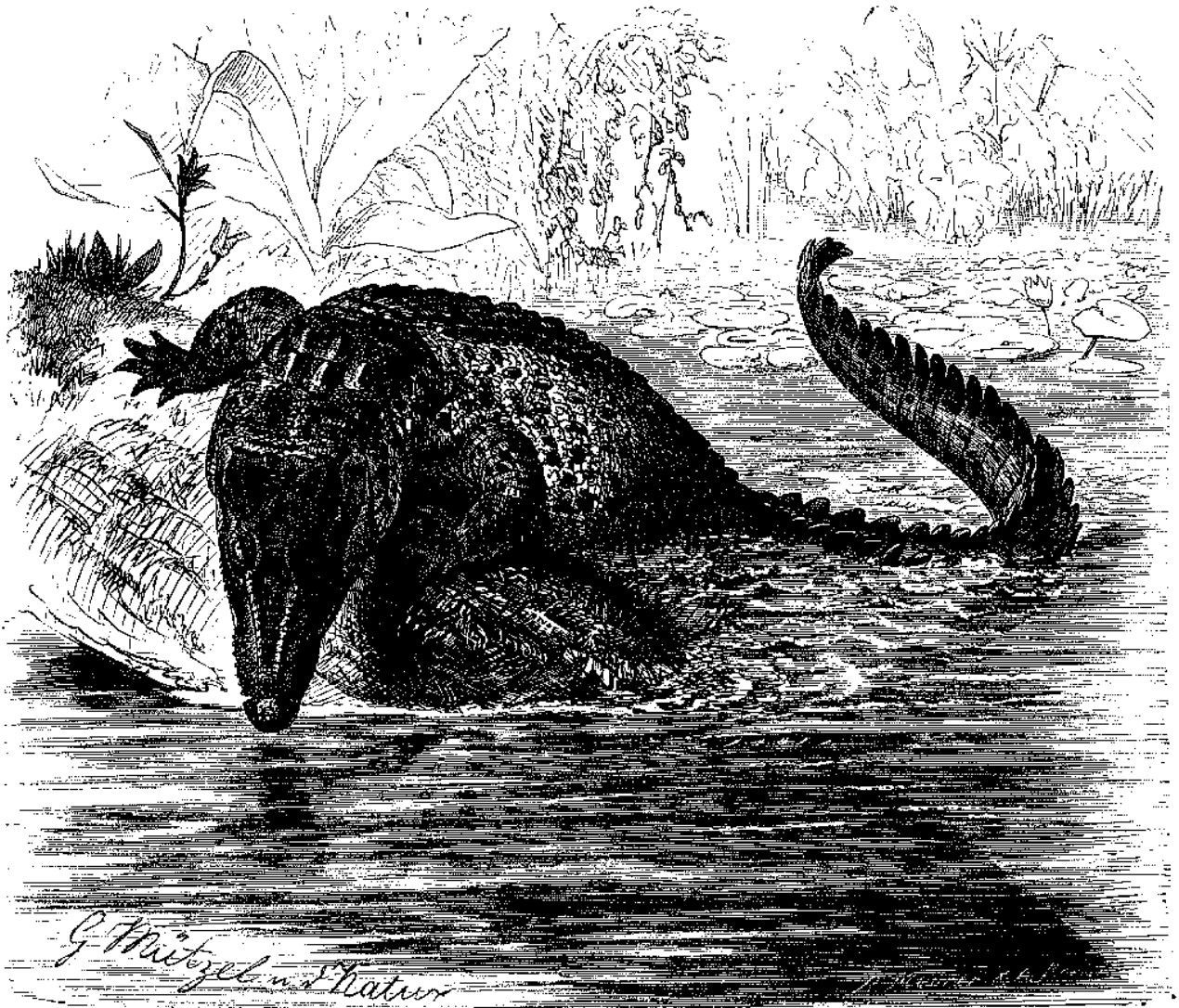
В древние времена из убитого крокодила добывались кое-какие лечебные средства. Кровь его слыла чрезвычайно целебной против змеиного яда, уничтожала, говорят, также бельма на глазах, считалось, что зола от сожженной кожи залечивала раны, жир же предохранял от лихорадки, зубной боли и укусов moskitov, зубы его носили как амулеты на руках, чтобы сообщить носившему особенную силу. Об этом, впрочем, теперь не слышно ничего. Некоторым частям крокодила, однако, и в наше время приписывают восстанавливающее действие тех сил, которые наиболее желательно укрепить людям, увлекающимся жизнью, и для поддержания которых они прибегают к самым разнообразным средствам.

Не всем крокодилам воздавались одинаковые почести, на животных, мумии которых находят в гробницах Фив, говорит Жоф-руа Сент-Илер, заметны дырки, куда были продеты кольца. Те, которых мы рассматривали в пещере Маабде близ Монфалуга, были просто завернуты в полотно, пропитанное смолой. Пещера эта лежит на правом берегу Нила, на первой плоской возвышенности, на которую входишь, поднявшись на береговые горы. Начало этой пещеры образует небольшая шахта, глубиной 3-4 метра, закрытая обломком скалы, перед входом в нее валяются кости и лохмотья полотна, закрывавшие крокодилов и мумии; далее шахта эта переходит в более длинную штольню, по которой любознательному наблюдателю приходится ползти на четвереньках. Ход этот ведет в объемистую пещеру, в которой ютятся несметные количества летучих мышей. От первого и самого большого отделения во все стороны идут ходы высокие и низкие, короткие и длинные, каж-

дый из них и в настоящее время носит свой первобытный характер, нигде нет следа культуры, так как, по-видимому, резец древних египтян вообще никогда не касался сводов гробниц этих священных животных. В одной из более объемистых сводчатых пещер посетитель замечает довольно большое возвышение в виде холмика; при более тщательном осмотре он видит, что холмик этот состоит из человеческих трупов. Несколько далее, в отделении еще больших размеров, лежат мумии крокодилов, нагроможденные тысячами одни над другими, всевозможных величин и возрастов, мумии гигантских чудовищ, а рядом — только что вылупившихся детенышей, даже засушенные, пропитанные смолой яйца. Все более крупные крокодилы завернуты в полотно и настолько бережно прибраны, что каждый завернут отдельно, между тем как молодые, хотя и прибраны с одинаковой тщательностью, но они сохранялись по 60-80 штук в длинных, с обеих сторон заостренных и завязанных корзинах из пальмовых ветвей. Точно таким же образом укладывались и яйца. Глядя на такие груды трупов этих священных животных, невольно приходит мысль, что в этом почитании скрывалось нечто своеобразное и особенное. По-видимому, древние египтяне скорее боялись крокодилов, чем обоготворяли, и всячески старались уменьшить число их. Все те чудовища, тела которых здесь лежали, очевидно, почтили не естественной смертью, но, конечно, были убиты и забальзамированы, чтобы этим в то же время искупить убийство. В каком отношении к крокодилам находились мумии людей, трудно сказать: очень может быть, что это были люди, специальность которых была охотиться за крокодилами и бальзамировать их тела.

Между азиатскими видами этого рода следует, прежде всего назвать **гребнистого крокодила** (*Crocodylus porosus*). Этот вид наиболее распространенный из всего семейства. Очень важные признаки, говорит Штраух, отличающие гребнистого крокодила от всех остальных видов, составляют: полное отсутствие передних затылочных щитков, которые встречаются очень редко и в таком случае всегда только в количестве одной пары, 4-8 спинных щитков, которые расположены вдоль спины в два ряда; самой же характерной особенностью этого крокодила являются два очень длинных, четкообразных, членистых, костяных валика, идущих по всей морде от глаза и почти достигающих кончика носа. Морда все еще вытянутая, более или менее узкая и на конце заостренная, вдвое длиннее ширины у основания, сводчатая и в морщинах. Зубчатый гребень на голени существует. Окраска темная оливково-зеленая, у молодых, кроме того, с темными пятнами. Некоторые бывают 8,6 м в длину, впрочем, в коллекциях экземпляры в 5,25 м считают редкостью.

Юг Азии и близлежащие острова являются родиной гребнистого крокодила; он встречается на восточном берегу Индии, на Цейлоне, в Бенгалии, Бирме, юго-западном Китае и на всех островах, во множестве разбросанных до самой Австралии, и известен даже жителям Соломоновых островов и Фиджи. Буланже говорит, что еще не доказано его существование на западных берегах Индии, а также еще недостоверно и то, встречаются ли они в устьях рек выше мест, куда достигает прилив.

Гребнистый крокодил (*Crocodylus porosus*)

Всем этим он отличается от своего ближайшего родича, с которым его нетрудно спутать, но который гораздо меньше его, а именно с **болотным крокодилом** (*Crocodylus palustris*). Он достигает не более 3-4 м длины; морда его еще короче и только в полтора раза длиннее, чем ширина основания. У него нет костяного валика, идущего от глаз по морде, как у гребнистого крокодила, и спина его почти всегда покрыта только тремя рядами костяных щитков. Это и есть тот крокодил, магер, который обыкновенно встречается в Индии, в Бирме, на Малакском полуострове, на Цейлоне и Малайском архипелаге и живет там почти во всех пресных водах.

Гребнистого крокодила можно назвать морским, потому что он чаще других отправляется из устьев рек в море и нередко встречается на расстоянии нескольких морских миль от берега, а во время отлива его можно видеть на сухих песчаных отмелях на открытых местах между островами. На Цейлоне, говорит Теннент, гребнистый крокодил селится преимущественно в реках или озерах низменностей неподалеку от морского берега, между тем как болотный крокодил вовсе избегает близости моря и живет исключительно в пресных водах внутри страны. Если гребнистый крокодил где-нибудь встречается, то непременно во множестве, в наибольшем же количестве живет он на Зондских островах. Соломон Миллер уверяет, что на расстоянии менее часа пути он видал штук по 10-12 этих животных. Шлегель, который издал записки Миллера, говорит следующее: «Гребнистые крокодилы, без сомнения, представляют самых опасных и ужасных хищников Индостана. Мы считаем вероятным, что в Индии столько же людей умирают жертвами крокодилов, сколько бывают растерзаны тиграми. Они пожирают без разбора все, что им попадает из животного царства, свежее или гнилое; прожорливость их доходит до того, что они глотают даже камни. На жертву свою они чаще всего нападают из засады; главным образом оленей, свиней, собак, коз, обезьян они подстерегают, когда последние приходят утолять жажду у реки.

Когда это кровожадное животное высматривает добычу, сидя под водой, то оно высовывает над поверхностью только ноздри, и в таком положении крокодил проводит нередко целые часы, не двигаясь с места. Слух, который, по-видимому, составляет наиболее развитое чувство у всех кроко-

дилов, до того тонок, что дает ему возможность на больших расстояниях и даже под водой слышать, что делается над ее поверхностью. При малейшем порохе он обыкновенно тотчас же приближается к берегу, не производя никакого шума. Если это приближаются люди, то он подплывает постепенно и до тех пор скрывается под водой, пока не представится удобный случай, дающий возможность напасть на добычу. При этом он редко терпит неудачу, так как в большинстве случаев бросается на подстерегаемую добычу не раньше, как убедившись, что она не минет его пасти. При нападении, при закусывании или утаскивании добычи, движения этих крокодилов быстры, как стрела, даже до такой степени, что человек, схваченный ими, редко успеет издать какой-либо звук. Они тотчас же утаскивают добычу под воду, но некоторое время спустя появляются с ней на поверхности. Если животное невелико ростом, то крокодил пожирает его, пlying, причем держит голову высунутой над водой; животных же побольше и людей он, наоборот, съедает спокойно вечером или ночью, для чего уносит их на берег в уединенное место. По-видимому, он раздробляет добычу, сильно потряхивая ее взад и вперед и ударяя ее о землю, а затем раздирает ее на куски с помощью передних лап.

Насколько крокодилы сильны и предприимчивы в воде, настолько робки и пугливы они кажутся вне ее. При виде человека, который приближается к ним на суше или подплывает в челноке, они тотчас бегут к реке, бросаются в воду и, погружаясь, несколькими сильными ударами хвоста производят страшный шум и затем исчезают под водой. Походка крокодила на суше вообще ленивая и затрудненная, но маленькие расстояния, однако, он перебегает с непостижимой быстротой. Более отдаленные путешествия они предпринимают только по ночам, так как их все же следует причислить скорее к ночным, нежели к дневным животным, они, как и многие большие виды кошек, опаснее всего вечером и около полуночи. Плывут они одинаково легко, как по течению, так и против. Признаков выражения удовольствия или обоюдной привязанности мы у них не замечаем: каждый из них живет только для себя».

Теннент утверждает, что болотный крокодил в сухое время года предпринимает более отдаленные странствования, но что гребнистый, а при некоторых обстоятельствах и болотный зарываются в иле, остающемся от высыхающих водоемов, впадают в состояние оцепенения и остаются здесь до первых дождей. В одной из восточных частей восточного полуострова Ост-Индии он сам лично видел подобное ложе, в котором одно из упомянутых животных предавалось зимней спячке, место это вполне ясно сохранило отпечаток частей тела его. Один офицер рассказывал ему, что он разбил палатку на илистом дне высохшего озера и был немало испуган какими-то колебаниями земли под его постелью, которые повторились и на следующий день. Оказалось, что это проснулся от оцепенения крокодил.

Все большие животные боятся крокодила не менее, чем туземцы. «Те собаки, — говорит Мюллер, — которым пришлось хоть один раз видеть близко это чудовище, делались до того боязливой, что приближались потом к воде очень тихо и с большой осторожностью. На берегу Тимора мы замечали несколько раз, что собака отступала назад перед своей собственной тенью, тряслась и, полчаса спустя, дрожа всем телом, останавливалась за 6-8 шагов от берега, выпучив глаза, пристально смотрела на то место, где видела это пугало, сначала лаяла, а затем начинала громко, жалобно выть. Если ночь застает туземцев на воде в их маленьких лодочках, в которых они обыкновенно странствуют, как только наступают сумерки, каждый направляется в середину реки, так как тут крокодилы бывают реже, чем у берегов. Несмотря на это, в Индии нередко случается, что крокодилы таскают людей из лодки и часто с такой быстротой, что соседи едва это успевают заметить. Старые крокодилы своим хвостом разбивают иногда в щепки маленькие лодки, при этом постоянно кто-нибудь из людей, сидящих в лодке, становится их добычей. Подобный печальный случай произошел на острове Калимантан в октябре 1838 года. На берегах реки Дузон большой крокодил в течение двух недель сожрал жену и единственного сына одного малайца; несколько времени спустя этот малаец хотел закинуть крючок на том месте, чтобы словить животное и отомстить за своих. Когда мы говорили с этим человеком, то он устраивал крючок и прикреплял к нему, в виде приманки, труп молодой обезьяны. На следующий день он вместе с тремя другими малайцами отправился на указанное место, чтобы привязать крючок к кусту так, чтобы приманка была над водой. Не успели они еще привязать крючок, как челн их получил сильный толчок снизу, так что был разбит и все сидевшие в нем упали в воду. Каждый из них от испуга думал лишь о своем спасении и старался как можно скорее вплавь достичь берега. Троим из них это удалось, а четвертый, затеявший охоту, исчез: он сделался жертвой прожорливого животного, как и жена его и ребенок. Три спасшиеся человека сами рассказывали нам об этом грустном событии».

"Другое подобное происшествие случилось за несколько месяцев до нашего приезда на Калимантан, на реке, которая известна во всей стране по массе живущих в ней крокодилов. Только что женившийся малаец из деревни Кетань хотел вместе с женой поздно вечером вернуться домой. Близ устья реки огромный крокодил схватил его за руку в то время, когда он греб; животное вытаскило жертву из лодки и утащило человека так быстро и бесшумно, что жена, сидевшая, по обычаю, на передней части лодки, заметила только руку своего мужа, когда он уже был стащен в воду. Малаец этот был племянник местного старшины Бодиэна, который был до того возмущен этой дерзостью, что тотчас приказал приготовить крючки, для того, чтобы изловить этого крокодила, если же можно, то и других; благодаря этой ловле мы получили очень много крокодилов. По уверениям Бодиэна, крокодил, сожравший его племянника, был длиной в три сажени. До поимки этого чудовища голова жертвы видна была в кустах; у пойманного же, по вскрытии желудка, были найдены кое-какие обрывки платья и почти все кости проглоченного человека. Мы привезли с собой его огромный череп, который между многими другими был выставлен на берегу напоказ с широко раскрытой пастью. Достоин внимания еще один необыкновенный случай. Четыре человека на озере Лампур отправились на рыбную ловлю. Один из них, именно тот, который выбрасывал сеть, стоял впереди в лодке; поразительной величины крокодил схватил его за ноги и утащил в воду. Все считали его погибшим. Однако немного спустя хищник снова появился около самой лодки, держа в пасти свою добычу; человек был еще жив и громко кричал, взывая о помощи. Брат погибающего, пораженный ужасом, в порыве сострадания, не медля ни минуты, бросился его спасать; он обнажил саблю, прыгнул в воду, схватил брата за руку и в то же время так сильно ударил крокодила по затылку, что тот тотчас же выпустил человека из пасти. Спасенный жил недолго; после двухдневных страданий он умер вследствие ран, нанесенных ему кровожадным животным».

Рассказы о подобных происшествиях передаются многими путешественниками, особенно же теми из них, которые прожили долгое время в Ост-Индии или на юге Азии, особенно же на более обширных островах Индийского океана. Эпп, который жил на острове Бангка 10 лет, говорит, что в течение этого времени около 30 человек были съедены крокодилами или же тяжело ранены. На Цейлоне, по-видимому, бывает не так много несчастных случаев; по крайней мере, Теннет об этом не так много распространялся.

В английских служебных донесениях о смертных случаях, происшедших вследствие нападения диких зверей, встречаются немногие и как бы случайные замечания о несчастьях, приписываемых крокодилам. Поэтому данные эти как бы подтверждают мнение Форсита, что крокодилы в Индии далеко не так опасны для человека, как можно бы предполагать, основываясь на мнениях, опирающихся только на слухи. По официальным донесениям, крокодилами были уничтожены: в Бенгалии в 1882 году — 202 человека, в 1884 и в 1885 годах в северо-западных провинциях и в Ауде — 20 и 24 человека, а в те же годы в Бомбее человеческих жертв насчитывалось лишь от 3 до 5. Вот единственные сведения, заслуживающие большего или меньшего доверия. Хотя все это говорится «об аллигаторах» вообще, но следует предположить, что большая часть жертв приходится на долю гребнистого крокодила, меньшая же часть на долю болотного, гангскому гавиалу же не может быть приписан ни один смертный случай.

Понятно, что этих опасных животных в Азии преследуют повсюду, но легко объяснить также и то, что кое-где их считают священными животными и им воздают божеские почести. В тех странах, где их считают священными, высшая мечта людей состоит в том, что они превратятся не в ангелов, а в крокодилов, там их никогда не преследуют, а, напротив, стараются приобрести их дружбу. Не подлежит сомнению, что болотного крокодила еще и поныне считают священным, так как все путешественники, которые о нем упоминают, говорят о таком взгляде туземцев. В 1842 году Орлих посетил священный пруд, лежащий поблизости города Карачи, составляющий место поклонения туземцев. В этом водовместилище жили до 50 штук крокодилов, из которых некоторые были очень велики. Брамин, которому был поручен надзор за этими животными, вызывал их в присутствии путешественника из воды, чтобы кормить. К своему немалому удивлению, Орлих увидел, что крокодилы повиновались сторожу, по его зову выходили из воды, ложились вокруг него с сильно разинутой пастью и слушались, повинаясь лишь прикосновению трости. Для их трапезы был убит козел и разрезан на куски, и каждый крокодил получил свою долю. По окончании кормления сторож прикосновением трости снова прогнал их обратно в воду. Трумп говорит, что по крайней мере 12 факиров посвящают себя служению и поклонению крокодилам этого пруда, но за пищу, как она ни дешева, должен платить народ. Шлагинтвейт также упоминает о прирученных и хорошо содержащихся крокодилах, но неправильно называет их за их короткую морду: аллигаторами. «Насколько ручны аллигаторы в Магарском пруду, — говорит он, — можно заключить из того, что на

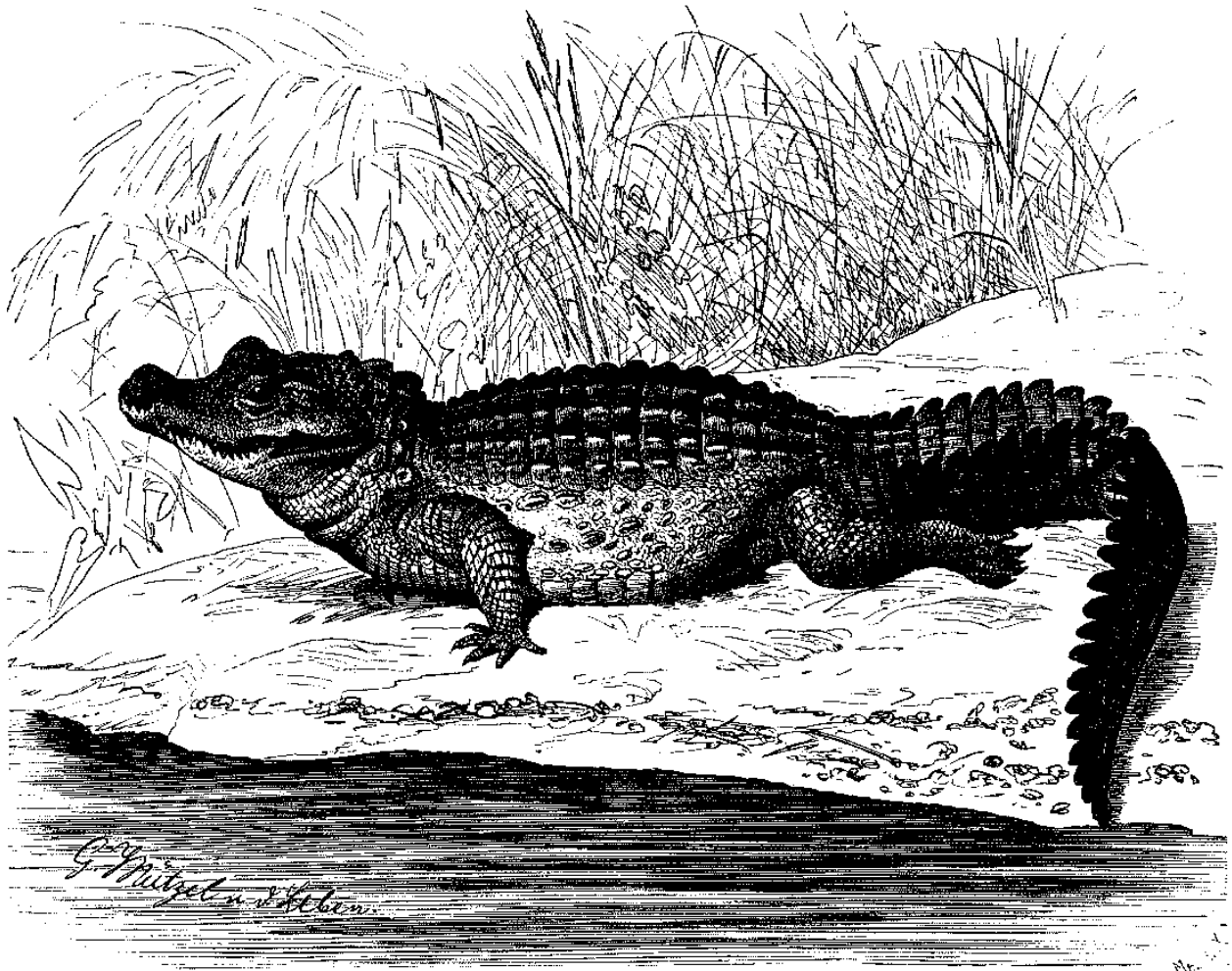
головах некоторых животных мусульмане сделали большие рисунки и написали на них целые изречения масляными красками. Удивительное впечатление представляет зрелище, когда, повинуясь зову человека, вас со всех сторон окружают аллигаторы, и странно, что зрелище это, вероятно вследствие своей новизны и особенности, не вызывает страха, столь понятного при другой обстановке».

Андерсон уверяет, что он в одной реке на Суматре видел гигантского гребнистого крокодила, которого постоянно кормили рыбьими головами и который, вследствие такого хорошего к нему отношения, стал чрезвычайно ручным. Это необыкновенное животное выживало всех прочих, себе подобных, но к почитателям своим относилось так добродушно, что позволяло им прикасаться к своему благословенному телу. Крокодил очень точно появлялся к обеду, остальное же время проводил в созерцательном бездействии. «У многих людей, — говорит Мартене, — страх и почитательность, печаль и равнодушие, проистекающие от сильной веры, часто возникают одна из другой; неудивительно поэтому, что жители Ост-Индии по рассказам, слышанным мной на одном острове, не преследуют того крокодила, который живет поблизости от них и съел их ребенка, а считают его священным и веруют, что в него переселилась и живет душа одного из их предков, который до известной степени даже имеет право похитить своего внука». В других местах не так суеверны, преследуют этих животных и применяют различные средства для их истребления. Чаще всего пользуются крючками с наживой, иногда их ловят толстыми сетями, а в некоторых местах устраивают запруды с отверстием, в которое вделана падающая дверца, не позволяющая крокодилу вернуться в глубокую воду.

На Филиппинских островах, по словам Ягора, на легкое плоту из бамбука устраивают небольшое возвышение, к которому привязывают собаку или кошку, а рядом с ней крючок, привязанный пучком манильской пеньки, этот плот пускают в реку по течению. Когда крокодил проглатывает приманку и крючок, то он тщетно старается освободиться: разорвать пеньковую привязь ему не удастся, так как плот слишком подвижен, он же всегда указывает ловцам на местонахождение крокодила. Пойманный на удочку крокодил ведет себя как бешеный и обыкновенно сильно сопротивляется, но когда он вытасчен на сушу, то делается спокойным и покоряется своей участи. Теннент рассказывает, что крокодилы, которых ловят сетями в мелких озерах с тинистым дном, зарываются часто в тину, так что сеть проходит над ними, таким образом, эти животные выказывают хитрость, к которой даже в Индии их не считают способными.

Пойманных гребнистых крокодилов убивают и ничего от них не используют, но в некоторых местах, например в Сиаме, мясо их едят и продают на рынках.

Тупорылого крокодила (*Osteolaemus tetraspis*) можно считать переходной формой между крокодилами и аллигаторами. Он служит единственным представителем одноименного рода (*Osteolaemus*) который отличается от настоящих крокодилов главным образом костяной перегородкой, разделяющей носовую полость на две части. Верхнее веко покрыто, кроме того, костяным щитком. Верхняя часть головы очень выпукла, лоб сильно скошен, морда широкая, плоская и мало заострена, длина ее почти равняется ширине при основании, передняя часть приподнята и возвышена. Перепонки между пальцами очень короткие, а на голени, вместо гребня, замечается продольный ряд крупных килеватых щитков: по этим признакам тупорылый крокодил похож на аллигаторов. Передняя часть шеи покрыта 6 щитками, расположенными в один ряд, но разделенными на две группы, задняя часть шеи — 4-6 костяными щитками, расположенными парами одна за другой; спина покрыта 6 продольными и 17 рядами поперечных щитков. Верхняя часть тела окрашена в матовый бурый цвет, на голове, спине и в иных местах хвостового гребня замечается грязная светло-бурая окраска с черными точками и пятнами, нижняя часть однообразно блестяще-черно-бурая. Молодые же ВОТН ые желтовато-бурого цвета со м ногими черными пятнышками, а на спине и хвосте у них широкие черные полосы; брюшные щитки у них черные с желтыми пятнами. Длина взрослых животных достигает, говорят, 1,7 метра, но Пехуэль-Леше уверяет, что видел крокодилов этого вида, которые были вдвое больше.

Тупорылый крокодил (*Osteolaemus tetraspis*)

Дю Шалью привез первого тупорылого крокодила, по которому определен этот вид, из реки Огое в Америку, Муррэй получил его из Калабара, Рейхенов нашел его в Камеруне, экспедиция Гюсфельда находила его по всему берегу Лоанго. Пехуэль-Леше наблюдал это животное в Конго и южнее около речки Кинзембо; позднее его находили в Сьерра-Леоне. Следовательно, область его распространения простирается от 9 градусов северной широты до 7 градусов южной широты, а может быть, и еще южнее.

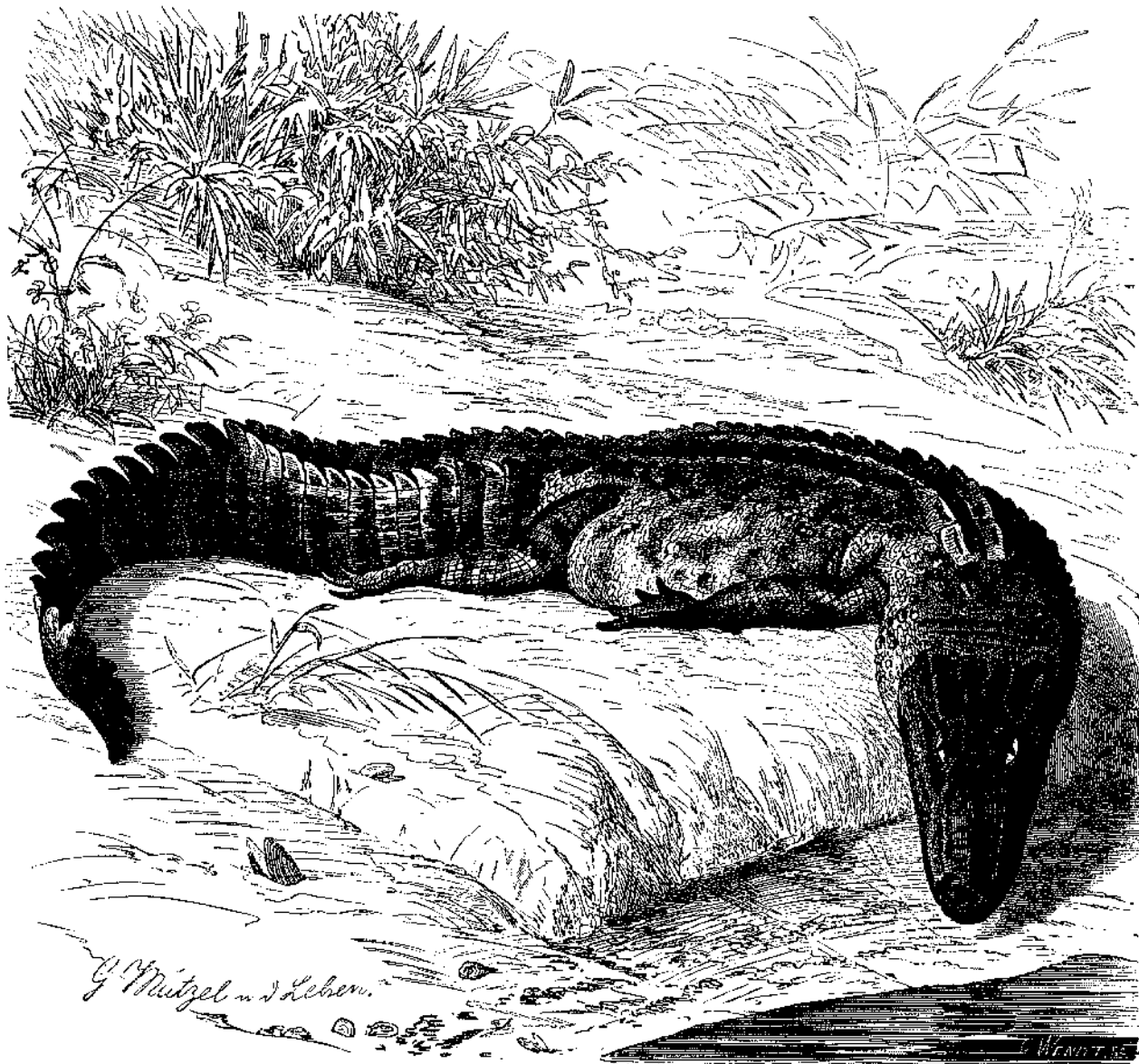
Отличается ли это животное по образу жизни и насколько отличается от других крокодилов, мы не знаем, так как наблюдения, специально относящиеся именно к этому виду, не обнаружены. Один Пехуэль-Леше говорит об этом крокодиле с берега Лоанго следующее: «Туземцы считают его совершенно безвредным. Он нахальнее других крокодилов и на глазах охотников таскает под воду подстреленных птиц; однако нельзя ручаться, чтобы другие виды при подобных условиях не делали бы того же самого. Он также доверчивее или, скорее, любопытнее других видов. Я несколько раз замечал, что там, где много этих крокодилов, они высовывают головы из воды всякий раз, как на берегу или на песчаных отмелях происходит что-либо необыкновенное. Их особенно много в Бани и Куилу, в тихих водах и в запрудах. Его даже при беглом осмотре нельзя спутать с другими видами, так как торчащая из воды короткая голова его очень похожа на голову гигантской лягушки, кроме того, на морде замечается характерное вздутие, и цвет животного грязно-бурый». Молодые животные этого вида теперь нередко привозятся в Европу и их иногда можно увидеть в зверинцах и зоологических садах, но чаще их помещают в такие небольшие бассейны, что невозможно за ними наблюдать. Экземпляры, которые были на моем попечении, вели себя совершенно так же, как и более крупные их родичи.

Семейство аллигаторы

Аллигаторы от вышеописанных крокодилов отличаются тем что для помещения четвертого нижнечелюстного зуба на верхней челюсти находится не вырезка, а глубокая впадина. На каждой стороне челюсти помещается, по крайней мере, по 17 зубов, но на верхней челюсти их может быть до 20, а на нижней — до 22, так что общее число зубов может доходить до 84. Перегородка между ноздрями у них костяная, спинные щитки похожи на щитки крокодилов, но в брюшных щитках или

вовсе нет надкожных костяных пластинок, или же они очень тонки и незаметны. В этом роде насчитывают два североамериканских и один южнокитайский вид.

Миссисипский аллигатор (*Alligator mississippiensis*) отличается, по мнению Шрауха, тем, что имеет широкую, плоскую в форме параболы, на поверхности почти гладкую морду, похожую на щучью. Его невозможно спутать с другими видами этого рода, так как костяная перегородка между ноздрями заметна даже снаружи в виде продольного гребня, разделяющего обе ноздри; кроме того, на затылке у него два ряда друг подле друга лежащих щитков. Затылок покрыт четырьмя большими, парными, поперечными рядами, а спина 8 продольными рядами щитков, пальцы соединены широкой плавательной перепонкой. Длинной он бывает до 4,5 метра, однако особей, достигших даже половины этой величины, следует считать взрослыми. Цвет верхней части тела обычно грязный, маслянисто-зеленый, по которому разбросаны темные пятна, нижняя часть тела нечистая ярко-желтая. У молодых животных по спине и хвосту идут желтые полосы.

Миссисипский аллигатор (*Alligator mississippiensis*)

Область распространения миссисипского аллигатора ограничивается юго-восточными частями североамериканских Штатов, от впадения Рио-Гранде и к северу до 35-го градуса. Он встречается очень часто почти во всех больших и малых реках, озерах и болотах Южной Каролины, Джорджии, Флориды, Алабамы, Миссисипи и Луизианы, далее к северу он встречается реже и в Северной Каролине постепенно исчезает. Одюбон, сообщениями которого я буду пользоваться, говорит, что аллигаторы взбираются на стволы деревьев, растущих по илистым берегам помянутых рек, и греются на припеке или же плавают по реке, добывая себе пищу*.

* Миссисипские аллигаторы вырывают норы, тянущиеся от водоема под корни деревьев до 6 м.

В Луизиане все болота, бухты, реки, пруды, озера, все полно этими животными, их можно видеть повсюду, где есть вода, в которой они могут найти себе убежище и достаточное количество пищи, таким образом, они распространяются на юге, ниже впадения реки Арканзас, на востоке до Северной Каролины, а на западе повсеместно. На Красной реке, до того как их не испугали пароходы, их было такое поразительное множество, что по берегам и на огромных плотках плывущего леса они встречались сотнями. Детеныши их лежали на спинах у взрослых, и иногда раздавалось такое рычание, как будто бы мычали тысячи диких быков, вступающих в бой. Как многие другие дикие животные в Америке, так и они настолько мало боялись людей, что если в них не стреляли или не пугали намеренно, то они подпускали мимоидущие лодки на несколько метров, не обращая на них ни малейшего внимания. Только в стоячих водах с гниющими растениями они показываются редко.

На суше аллигатор обыкновенно движется медленно и неуклюже. О походке его можно сказать, что он с трудом карабкается по земле: он тяжело передвигает нога за ногу, объемистый же живот почти касается земли, а длинный хвост волочит сзади позади. Так он выползает из воды, так же он тащится и по полям или по лесу, разыскивая место, более обильное пищей, или же удобное для кладки яиц. Насколько медленно он движется, ясно видно из следующего наблюдения. Одюбон встретил однажды аллигатора, длиной 4 метра, шагах в 30 от пруда, очевидно намеревавшегося перейти в другое водовместилище, расположенное неподалеку. К наступлению сумерек он прошел шагов 600 и далее двигаться уже не мог. На суше, конечно, вследствие своей беспомощности они действительно ужасно трусливы. Если они во время своих перекочевок от одного места к другому замечают врага, то прижимаются, сколько возможно, к земле, сильно наклоняют голову и как окаменевшие лежат в таком положении, следя за врагом своими подвижными глазами. Если к ним подойти, то они даже не пытаются спастись бегством и, конечно, не эпа дают, а только поднимаются на ноги и пыхтят, как будто у них внутри находится кузнечный мех. Тот, кто желает убить животное в это время, не рискует подвергнуться какой-либо опасности, однако следует помнить, что необходимо держаться в почтительном отдалении от его хвоста, так как в нем главная сила аллигатора и до известной степени лучшее его оружие. Человек, получивший сильный удар этим хвостом, может умереть от него.

В воде, которая, собственно, и есть его природная стихия, аллигатор живет и смелее. Здесь случается, что он даже нападает на человека, в большинстве же случаев он его боится и при встрече с ним почти всегда убегает. В Северной Америке случается, что пастухи бывают вынуждены входить в воду, вооруженные дубинами, чтобы провести свой скот вброд через водоем, обитаемый крокодилами, или же чтобы удерживать прожорливых животных от нападений на скот во время водопоя. Впрочем, стоит только попасть в голову аллигатору, то его уже нечего бояться. Иногда случается видеть в воде людей, ослов и аллигаторов совсем близко друг от друга, люди колотят их, чтобы отогнать от ослов, чудовища же поглядывают жадными глазами на желанную добычу, которая при другом положении дела могла бы достаться им и от которой только страх перед побоями удерживает их на известном расстоянии.

Овцам и козам, которые приходят на водопой, собакам, оленям и лошадям, которые переплывают через водоем, грозит опасность быть потопленными, а затем и съеденными*.

** Несколько раз были описаны случаи поведения молодых аллигаторов при схватывании крупной добычи, которую они не могли ни проглотить, ни «разжевать». Проблема была решена, когда два аллигатора, ставив жертву в воду и схватив ее с двух сторон, стали крутиться вокруг собственной оси в разных направлениях, разорвав добычу на более мелкие части.*

Главную же пищу аллигаторов, собственно говоря, составляют рыбы. Во время ежегодного половодья тамошних рек большие соседние и мелководные озера и илистые болота наполняются не только водой, но и рыбами, за которыми аллигаторы и охотятся. После спадения весенней воды все соединительные ветви между водоемами пересыхают, рыба же забирается в более глубокие места и делается жертвой аллигаторов, которые переползают от одного углубления к другому или, вернее, от одной лужи к другой. После заката солнца издали слышится шум, производимый хвостами хищников. Подойдя ближе, можно рассмотреть, в какое движение они приводят хвостами воду; маневр этот приводит рыб в такой страх, что они, желая избежать своего злейшего врага, сотнями подпрыгивают в воздух, часто же ударами хвоста подбрасываются прямо в зубастую пасть чудовища. Иногда Одюбон для потехи бросал в подобную яму надутый бычий пузырь. Какое-нибудь из животных приближалось, подталкивало его к себе или старалось схватить зубами, пузырь выскальзывал, прочие старались половчее схватить мнимую добычу, иногда бывало так, что они в полном смысле слова играли в мяч этим пузырем. Случалось бросать им закупоренную бутылку, которую легче схва-

туть, тогда можно было слышать, как разбивалось и хрустело стекло у них на зубах, причем зрители злорадно желали приятного аппетита броненосному разбойнику, которого все так ненавидят.

Весной, во время спаривания, аллигаторов следует бояться. В это время они очень свирепы. Самцы вступают между собой в бой, как в воде, так и на суше, и бывают вследствие этого так раздражительны, что мало и даже почти нисколько не боятся человека**.

* * *Самцы миссисипских аллигаторов имеют охраняемые участки в 20-40 га, которые периодически обходят, издавая при этом по весне громкий рев.*

Очень может быть, что подобное состояние их зависит от того, что время спаривания совпадает с половодьем, вследствие чего рыба имеет возможность уплыть из одного углубления в другое и ловить ее уже не так легко, как прежде. По сведениям, сообщенным Одюбоном, Люцельбергером и Лейелем, после спаривания в особо устроенные гнезда самка кладет яйца, которые относительно малы, белого цвета, имеют крепкую известковую скорлупу и которых иногда бывает более 100 штук. Для устройства гнезда она выбирает подходящее место шагах в 50-60 от воды, в густых кустарниках или тростниках, натаскивает в пасти листья и ветки, сносит туда яйца и бережно прикрывает их. Говорят, что с этих пор она постоянно находится около гнезда и стережет его, если же кто-либо приближается, на того она яростно нападает. Теплота, которая развивается в гниющих растениях, способствует созреванию яиц. Вылупившиеся маленькие аллигаторы очень ловко выкарабкиваются из-под покрывающих их листьев, мать встречает их и ведет тотчас же к воде, обыкновенно сначала в маленькие, отдельно лежащие лужицы, чтобы уберечь их от самцов и от больших болотных птиц. Кларк однажды, в середине июня, во Флориде нашел два гнезда, в которых было 29 и 30 яиц. Белое, с крепкой скорлупой яйцо имеет 67-88 мм длины и 35-40 мм ширины.

Живучесть аллигаторов затрудняет охоту за ними, хотя их и можно убить пулей, попавшей в мозг или в сердце. Для ловли этих животных чаще, чем огнестрельное оружие, употребляются сети, которыми их и вылавливают из воды, вытаскивают на берег и убивают топорами. Некоторые негры умеют очень ловко ловить их петлями: когда животное приближается к берегу, то они набрасывают ему петлю на голову и вытаскивают из воды. Раненые аллигаторы производят такое сильное возбуждение между сожителями одного и того же озера, что они с испугу или перебираются в другое место, или прячутся в течение нескольких дней, между тем как на тех, которые умирают моментально от выстрела дробью, по-видимому, никто не обращает ни малейшего внимания. В прежние годы близ Красной реки их убивали тысячами, потому что была большая мода на башмаки, сапоги и седла из их кожи. Вскоре, однако, убедились, что кожа эта недостаточно прочна для обуви и не выдерживает сырости, но все же теперь она идет на разные другие поделки, жир убитых животных также идет в употребление, например, на приготовление машинной смазки. Для желез же их, по-видимому, еще не нашли постоянного применения, несмотря на то, что они так же сильно пахнут мускусом, как и у настоящих крокодилов. Гронен считает, что во Флориде ежегодно уничтожается до 6000 молодых аллигаторов для получения кожи, зубов и жира. 100 маленьких крокодилов стоят около 25 долларов, живые животные 12 и 15 футов длины стоят от 25 до 60 долларов.

Это тот вид семейства крокодилов, который чаще всего можно видеть в зоологических садах и у торговцев зверями. На европейском рынке ежегодно продают несколько сот живых аллигаторов, и все они находят покупателей; молодые, только что вышедшие из яйца, попадают к любителям, которые помещают их в аквариумы и настолько их приручают, что они наконец начинают брать из рук предлагаемую им пищу. Большие попадают в зверинцы, владельцы которых таскают аллигаторов с места на место, пока они не околеют от голода, холода и дурного обращения. Старые экземпляры сначала отказываются от пищи, но скоро начинают есть, особенно если у них просторное помещение, а лучше всего небольшой пруд в саду. Чтобы их приручить к корму, следует сначала предлагать им живую добычу, например воробьев с перебитыми крыльями, которых бросают в воду, живых голубей, кур и т.п., позднее они жрут и сырое мясо, которое привязывают к бечевке и двигают взад и вперед, и наконец, они тотчас же раскрывают пасть, когда им показывают корм, и глотают его с радостным ворчанием, точно пища волшебным образом им сваливается с неба; старые аллигаторы жрут много и могут в неделю съесть до 8 кг мяса. При внимательном уходе они по несколько лет выдерживают в неволе на открытом воздухе, но для этого необходимо, чтобы зимой они могли хорошо защититься от холода, зарыться в ил и предаться зимней спячке, если условие это не соблюдено, то они околевают в первую же зиму.

Остается упомянуть еще об одном роде крокодилов, а именно об **очковых кайманах** (Caiman), которые, по Буланже, отличаются от аллигаторов тем, что у них нет костяной перегородки между ноздрями, а также, что у них кроме спинного панциря замечается брюшной, состоя-

ший из черепацеобразных костяных пластинок. Каждая пластинка состоит из двух частей, соединенных швом. Виды этого рода живут исключительно в Средней и Южной Америке.

"Кайманы, которых мы встречали в верхнем течении Эссекибо, — говорит Шембург, — а также в других реках саванны, по величине и цвету сильно отличаются от тех, которые живут на берегах моря. Одни достигают 4 метров в длину, гораздо чернее и кое-где с желтыми пятнами, морда их короче и толще, ноги короче и сильнее, чем у береговых. Они совершенно похожи на черных кайманов, найденных Марциусом в Амазонской реке». Бете замечает, что туземцы в верхнем течении Амазонки также отличают кайманов от других маленьких видов.

Черный кайман (*Melanosuchus niger*) принадлежит к роду черных кайманов, у которых между глазами находится поперечный валик, но отличается от остальных, кроме своей значительной величины, еще и множеством задних затылочных щитков, которые обыкновенно образуют четыре довольно неправильных поперечных ряда, кроме того, глазная впадина расположена более впереди, над девятым и десятым верхне-челюстными зубами. Вышеуказанный межглазной валик, кроме того, имеет обычно в середине треугольное возвышение, а полуокостеневшие веки плоски и тонко изображены, но не морщинисты. Передние затылочные щитки также расположены в 4-5 поперечных рядов. Верхняя часть тела черная, нижняя — желтая. У молодых животных на черном фоне замечаются желтые, часто очень яркие пятна, сливающиеся даже в поперечные полосы.

Черный кайман (*Melanosuchus niger*)

Черный кайман встречается в Гвиане, северной Бразилии, Боливии, Эквадоре, в восточном Перу и вообще во всей тропической Южной Америке на восток от Анд, живет во всех больших реках и озерах в довольно большом количестве. «Если утверждают, что воды в верхнем течении Амазонской реки в сухое время года наполнены кайманами так же, как лужи Англии головастиками, — говорит Бете, — то это не следует считать преувеличенным. Во время пятидневного путешествия, совершенного нами в ноябре на пароходе, мы на обоих берегах повсюду видели этих животных, с утра до вечера пассажиры забавлялись стрельбой в них пулями. Особенно много их было в неглубоких бухтах, где они лежали целыми кучами и с шумом расплзались при приближении парохода». Они, подобно черепахам, ежегодно предпринимают странствования: в половодье они поднимаются вверх по реке и заходят в затопленные болота и лужи, с наступлением же сухого времени года они возвращаются в реки. В озерах и лагунах, у которых соединительные каналы пересыхают в жаркое время года, кайманы вынуждены зарываться в ил и предаваться спячке до начала дождливого времени, в верхнем течении Амазонки, где сухое время года продолжается недолго, они остаются деятельными в течение целого года. Туземцы боятся только черных кайманов, а маленькие их родичи им вовсе не страшны. Последних они, по словам Бетса, ловят иногда руками, между тем как черные

кайманы повсюду внушают к себе уважение, так как нападают не только на воде, но ночью бывают опасны и на суше, например, стараются схватить собак, которые бегают вокруг лагерных костров. Бетса несколько ночей подряд беспокоил дерзкий старый самец, который имел смелость заходить в хижину, где спали натуралист и его спутники, однажды ночью этот кайман удалился только тогда, когда индейцы бросили несколько пылающих головней на его толстую шкуру. Шомбургк также уверяет, что черные кайманы самые хищные и прожорливые твари, каких можно себе представить. Некоторые из них, за которыми он долго наблюдал, постоянно сторожили добычу в тихих бухтах реки, подкарауливали собак и однажды вечером схватили ручного гигантского аиста, который спал на берегу. Собаки, которых кайманы также таскают в воду, очень хорошо знают о грозящей им опасности и сильно лают, когда заметят врага.

"Чтобы наблюдать, как кайманы ловят добычу, — говорит Шомбургк, я часто привязывал птиц и больших рыб к куску дерева и пускал их плыть по реке. Как только приманка бывала замечена одним из кайманов, то он подплывал к ней тихо, так что поверхность воды не колыхалась. Приблизившись, он сгибал тело дугой, и кончиком хвоста, который может быть подогнут к самой пасти, он подбрасывал в рот все предметы, находящиеся внутри полукруга, затем он исчезал под водой и через несколько минут выходил на ближайший берег или на песчаную отмель, чтобы там съесть добычу. Если она была не особенно велика, то кайман высовывал из воды только переднюю часть тела до плеч и в этом положении проглатывал пойманное животное. Чаще всего он ест рыб, которых убивает ударом хвоста, а затем подбрасывает высоко над водой и ловит их пастью. Закрывание челюстей и удар хвостом производят громкий шум, который, особенно в тихую ночь, слышен далеко.

Однажды после обеда нам пришлось быть свидетелями очень интересной борьбы. Поверхность реки была вполне спокойна; вдруг мы заметили на небольшом расстоянии необычайное движение в воде: огромный черный кайман схватил за середину тела «кайкучи», как называют там более мелкий вид кайманов; голова и хвост жертвы висели по сторонам страшной пасти чудовища. Битва была очень жаркая, но все усилия слабейшего противника оказались тщетными в борьбе с жадным и свирепым кайманом. Затем оба исчезли в глубине, и только сильные волны, поднявшиеся на тихой поверхности реки, указывали, что под водой происходит борьба на жизнь и смерть; через несколько минут животные снова всплыли и так сильно стали бить хвостами по воде, что от них распространилась по реке сильная зыбь. Скоро, однако, нельзя было сомневаться в исходе битвы: силы кайкучи ослабели. Мы приблизились к ним в лодке. Как только большой кайман нас заметил, то тотчас же нырнул, но так как под водой он не мог проглотить добычу, то снова появился и поплыл к песчаной отмели, где тотчас же принялся за еду.

Мне показалось удивительным, что самки долгое время выказывают сильную любовь к своим детенышам, за ними наблюдают и с ожесточением защищают, в чем я убедился по собственному опыту. Однажды я обратил внимание на крик, похожий на мяуканье котят, и полагал, что недалеко находится гнездо тигровой кошки, но мой спутник указал мне на воду и вскрикнул: «молодые кайманы!» Звуки раздавались из-под ветвей дерева, которое вследствие того, что корни его были подмыты рекой, наклонилось к воде и касалось ее поверхности своими сучьями. Осторожно проползли мы по стволу до самой вершины, и я увидел под собой в тени весь выводок кайманов, имевших до 0,5 метра длины. Так как мы находились всего на один метр над поверхностью воды, то моему индейцу было не трудно убить одного из детенышей стрелой и вытащить бьющееся и кричащее животное. В ту самую минуту вынырнул из воды под нашими ногами огромный кайман, мать детенышей, которая, вероятно, уже некоторое время наблюдала за нами и приготовилась к защите своих детенышей, издавая при этом страшное рычание. Я не знал, с чем сравнить этот крик: он не совсем похож на мычание быка и на голос ягуара или на крик другого известного мне животного, но представляет собой смесь всех этих голосов, однако так страшен, что невольно производит дрожь во всем теле. Рычание это скоро привлекло других кайманов, которые, очевидно, желали помочь гневающейся матери, а она часто поднималась выше плеч из воды, чтобы нас схватить с возвышающегося над водой дерева. Спутник мой еще сильнее дразнил мать, держа перед ней извивающегося на конце стрелы детеныша. Когда она была ранена стрелой, то на некоторое время исчезала под водой, но тотчас же снова выплывала и возобновляла свои нападения с еще большей яростью. Тихая поверхность воды превратилась в бушующую бездну, так как кайманы постоянно били ее своими согнутыми хвостами, и я должен сознаться, что необычайная смелость животных заставляла мое сердце биться вдвое сильнее обыкновенного. Неосторожный шаг или неловкое движение нас наверно низвергли бы в пасть страшного животного. Когда вышел весь наш запас стрел, то я счел разумным осторожно ретироваться, так как на земле кайман слишком труслив, чтобы быть опас-

ным; он, по-видимому, сознает свою беспомощность, когда находится на суше, и потому всегда бежит как можно скорее к воде, где он снова чувствует себя в своей сфере.

Щитки детеныша были еще мягки и гибки, из чего можно было заключить, что он проклюнулся из яйца лишь несколько дней назад, но и он уже распространял сильный мускусный запах. Недалеко от этого места мы заметили на берегу широкую тропинку, которая нас привела к гнезду, расположенному на расстоянии метров десяти от воды. Оно состояло из ветвей листьев и травы и было устроено в углублении в земле; судя по пустым скорлупкам, оно содержало 30-40 яиц, которые лежали слоями один над другими. Один слой отделялся от другого листьями и илом, верхние яйца, по-видимому, также были покрыты слоем ила. Кайманы кладут яйца в одно и то же время, как и черепахи, и детеныши их вылупляются еще до наступления дождей. Во время странствований их от гнезда к воде они подвергаются нападениям не только больших хищных птиц и крупных аистов, но также и самцов кайманов. Следует заметить, что если бы большая часть выводков не уничтожалась, то кайманы должны были бы размножиться в невероятном количестве. На песчаных отмелях самки никогда не зарывают своих яиц.

На следующее утро я, в сопровождении многих индейцев, вернулся к месту нашего вчерашнего приключения, с ружьем, заряженным пулей. Самка с детенышами уже ушла. Несмотря на то, что над поверхностью воды поднималось бесчисленное множество голов и что мы пробовали их зацепить большими крючками, мы не могли поймать ни одного чудовища. Но по возвращении нашем домой охотник на кайманов, который поселился близ бухты, попросил меня оставить ему ружье, так как он надеялся, что в течение дня все же застрелит хотя одно животное.

Под вечер он действительно пришел известить нас, что он сдержал слово. Кайман еще находился в воде и крепким вьющимся растением был привязан за шею к дереву. Он имел 4,5 метра длины. На нем виднелась огромная рана, которая уже зарубцевалась и которую он, вероятно, получил во время одного из отчаянных побоев, бывающих между самцами. Из его 18 пальцев у него трех не хватало, одна из передних лап была сильно изувечена. По уверениям индейцев, увечья эти причиняет им прожорливая рыба пиранья, единственное существо, способное вредить взрослому кайману. Охотник убил этого зверя только седьмой пулей, которая, пройдя через глаз, засела в мозгу».

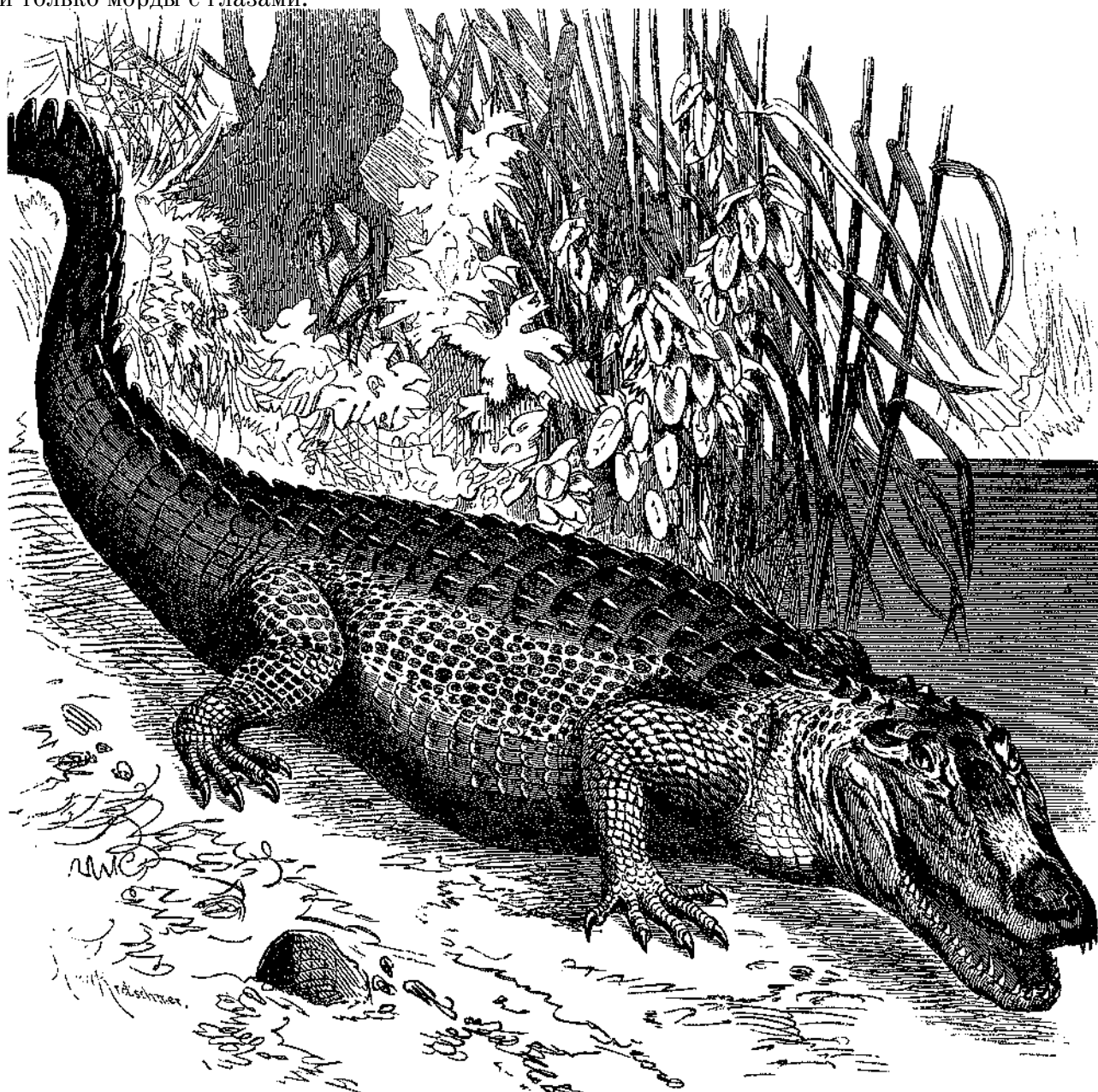
Другой черный кайман, которого еще прежде убил проводник Шомбургка, еще долго после того, как получил удар пулей, метался и доказывал, что не так-то легко заставить его расстаться с жизнью. Лучи солнца, по-видимому, вновь пробудили в нем жизнь даже после того, как его уже вытащили на берег, мнимо убитый враг зашевелился и даже пытался напасть. Многие индейцы бросились бежать и притащили колья, самый смелый из них бросился на зверя, который ожидал его с разинутой пастью, кол вонзился в глотку. «Хотя кайман сильно зажал пасть и закусил кол, но, судя по глухим стонам, такого рода борьба пришлась ему очень не по вкусу. Два другие неустрашимые индейца подошли между тем сзади и своими дубинами стали колотить по концу хвоста, на который удары сыпались как град. С каждым новым ударом животное поднималось с пеной у рта на дыбы и широко разевало пасть, в которую опять поспешно вонзалась новая дубина. Индейцы утверждают, что хвост каймана есть средоточие его жизни; что он составляет самую чувствительную часть его тела. Это нам было ясно из того, что с каждым ударом по хвосту животное яростно подпрыгивало, между тем, как оно почти вовсе не замечало тех бесчисленных ударов, которые получало по голове и туловищу. После долгой и яростной борьбы разбойник был, наконец, убит».

Почти по всей Южной Америке распространен описанный внимательными наблюдателями **широкомордый кайман** (*Caiman latirostris*), которого часто путают с **крокодиловым кайманом** (*Caiman crocodilus*). У обоих видов верхние веки отчасти костяные, отчасти кожистые, снаружи морщинисты и имеют маленький роговидный придаток, глазницы спереди соединены поперечным валиком, по которому эти кайманы и названы очковыми. Передние затылочные щитки у обоих видов большие и расположены в 2 или 3 поперечных ряда: у широкомордого задние затылочные щитки образуют 3 или 4 ряда, а у крокодилового каймана всегда 5 рядов. Первый достигает 3,5 метра длины, а второй, более длинномордый, лишь 2,8 метра длины. У обоих верхняя часть тела темно-оливково-бурая, по бокам с серым мраморным рисунком, нижняя часть тела бледно-зеленовато-желтая. Широкомордый кайман живет в Южной Америке к востоку от Анд, от Амазонки до Ла-Платы*, преимущественно в южной части восточной Бразилии, в Уругвае и на северо-востоке Перу; крокодиловый кайман встречается во всей Средней и Южной Америке от мыса Тегуантепек до Ла-Платы, в Гвиане, Бразилии, северо-восточном Перу и Аргентине. Однако крокодилового каймана не находят в бразильской провинции Рио-Гранде-де-Сул.

* В распространении крокодиловых кайманов существенное значение имеют так называемые плавающие острова из водного гиацинта *Eichhornia crassipes* и некоторых других растений. Эти острова, занимающие порой до 900 м², уносят молодых кайманов далеко вниз по течению крупных рек и даже в открытое море.

Азара и принц фон Вид достаточно подробно описали образ жизни широкомордого каймана. Он также предпочитает тихие речные рукава и стоячие воды быстрым рекам и потому особенно часто встречается в больших болотах внутри материка. Принц фон Вид не замечал его во многих больших быстрых реках, зато их много в почти стоячих боковых рукавах и медленно текущих ручьях, а чаще всего их можно видеть в болотах и лужах.

Пока этот жадный хищник сторожит добычу, из воды торчит только передняя часть головы, настолько, чтобы глаза были выше поверхности воды и могли обзирать окрестность и ноздри были бы свободны. Днем он долго остается на одном месте, а в полдень приплывает к берегу или к скале, чтобы погреться на солнце и поспать; если приближается человек или собака, то кайман тотчас же бросается в воду. «Часто проезжаешь мимо этих животных, — говорит принц фон Вид, — не замечая их, так как темно-бурую голову и спину их нелегко отличить от кусков гранита, на котором они отдыхают, но чаще они с шумом ныряют в глубину. В тихом ручье, втекающем в Паранаибу, жило очень много этих животных. С довольно высокого берега, оттененного растениями, имевшими 3-4 метра вышины, можно было разом видеть многих кайманов, у которых из воды торчали только морды с глазами.

Широкомордый кайман (*Caiman latirostris*)

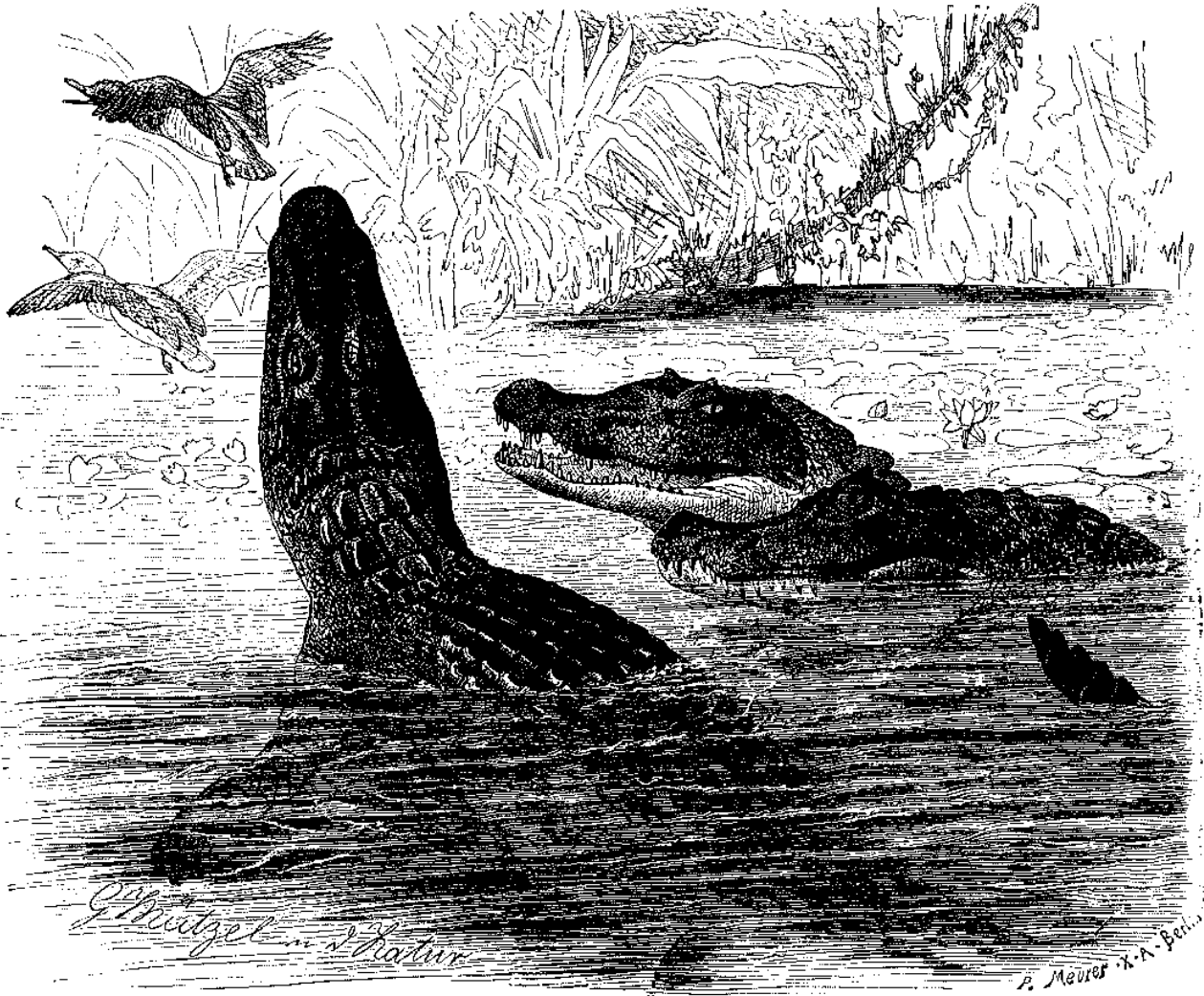
Там, где листья водяных растений, особенно кувшинок, несколько поднимались над поверхностью воды, непременно можно было найти каймана, потому что им тут удобно прятаться. Если их беспокоили, то они ныряли, но скоро опять появлялись на другом месте.

Пища их состоит из всевозможных животных, которых они могут захватить. Один из моих охотников убил молодого каймана, который схватил застреленную им утку. Я находил в желудке их особенно много остатков рыб, много чешуи и рыбьих костей, перья и кости птиц, но также небольшие камешки и песок и узнал, что они иногда глотают большие камни. Рыбаки утверждают, что широкомордый кайман иногда нападает на плывущего или купающегося человека, один из рыбаков даже показывал мне на ногах и руках рубцы от укусов каймана. Однако, если даже верить этим рассказам, то все-таки нельзя утверждать, что эти крокодилы опасны для человека. Все кайманы, которых мне удалось наблюдать, были в высшей степени пугливы и тотчас исчезали, когда к ним приближались на 30-40 шагов. Но они, говорят, часто пожирают собак, переплывающих реки, и других небольших животных. В лагуне Арара у реки Мукури широкомордый кайман поселился около нашей хижины и постоянно пожирал кухонные остатки, внутренности животных и другие отбросы, которые слуги бросали в воду». Азара говорит, что этих кайманов мало боятся и спокойно купаются и переплывают реки вблизи них, так как они нападают на человека, только когда приближаются к их яйцам, но и тогда не пожирают и не разрывают людей на части.

Гензель говорит почти то же. «Кое-где утверждают, — пишет он, — что широкомордый кайман опасен для людей, но сведения, относящиеся к этому мнению, очень недостоверны и требуют еще подтверждения. Главной пищей этих кайманов служат рыбы, которых они, несмотря на кажущуюся неповоротливость, легко ловят в мелких заливах. Однако они едят и беспозвоночных животных, что доказывается тем, что в их желудках часто находят раковины больших пресноводных улиток».

"В то время года, когда происходит спаривание, — продолжает принц фон Вид, — особенно вначале, широкомордые кайманы распространяют сильный мускусный запах. В августе и сентябре у реки Бельмонте, в тени деревьев, мы часто чувствовали сильный мускусный запах, не видя самого животного, которое давно нырнуло в воду. Сопровождавшие нас ботокуды, почуяв этот запах, тотчас же кричали «эхэ», имя, которое они дают этому кайману. У реки Ильеус я замечал тот же запах в начале декабря и в январе». Яйца, величиной с гусиные и числом около 60, кладутся в песок, покрываются сухой травой и предоставляются для нагревания солнцу, детеныши тотчас по вылуплении, как узнал принц фон Вид, отправляются в воду и, говорят, часто пожираются грифами, другими хищными птицами и млекопитающими.

Пользы широкомордые кайманы не доставляют никакой, поэтому для выгоды за ними никто и не охотится. Некоторые негры и индейцы едят их белое, похожее на рыбье мясо, особенно часть хвоста у основания, но подобное жаркое нечасто им достается. Очень трудно убивать этих животных, которые так же живучи, как и прочие их родичи, и при первом звуке выстрела немедленно ныряют в воду. Мы очень часто стреляли по ним дробью; по большей части заряд в них попадал, но у нас не оказывалось никаких приспособлений, чтобы вытащить раненое животное со дна воды. Однажды мой проводник попал зарядом мелкой дроби кайману в затылок и ранил его смертельно. Оказалось, что свинец пробил не щит животного, а мягкую кожу на затылке. Крупная дробь по-прежнему дает гораздо лучше, особенно если целиться в голову, затылок или в бока. Зверь, которого удается застичь на суше, всегда делается добычей охотника, ибо на земле движения его настолько же медленны и неповоротливы, насколько проворны в воде. Если он замечает в подобных случаях врага, то остается неподвижным и дает себя убить, даже не пытаясь оказывать сопротивления. Он кусается только в таком случае, если его часто раздражать палкой. Молодые животные гораздо проворнее на земле, нежели старые».

Крокодиловый кайман (*Caiman crocoddus*)

Жители Парагвая очень часто охотятся за шакарами, индейцы при помощи особенных стрел, а европейцы употребляют огнестрельное оружие. Стрелы вгоняются кайману в бока и имеют особенное приспособление: как только железный наконечник стрелы засел в теле животного, так стержень, который посредством шнурка соединен с наконечником, отпадает и, всплывая на поверхность воды, указывает охотнику место, где укрылось раненое животное. Для поимки его испанцы употребляют заостренный с обоих концов кусок дерева, к которому прикрепляют бечевку, навязывают на нее бычье легкое и бросают эту приманку в воду, кайман хватается и глотает, после этого его уже без всяких затруднений подтаскивают к берегу и вынимают из воды.

Келлер-Лейцингер описывает совершенно своеобразный способ охоты на кайманов. Одно индейское племя, каничане, предпочитают жареного каймана всякому другому мясу и никогда не упустят случая изловить свою излюбленную дичь. Один из охотников тщательно прикрепляет крепкую петлю из воловьей кожи к длинной жерди, раздевается и голый входит в воду в неглубоком месте, тихонько, по возможности согнувшись, он подходит к пресмыкающемуся и направляет на него конец жерди. «Кайман смотрит на все происходящее спокойными и добродушными глазами и изредка только проявляет признаки жизни, лениво поворачивая свой огромный хвост, только после того, как индеец подходит к нему уже совсем близко, он начинает пристально всматриваться. Между тем роковая петля уже мелькает перед его мордой, но он все еще ее не замечает: как зачарованный, он не сводит глаз с охотника, который между тем, не теряя времени, закидывает ему петлю на голову и сильным движением руки затягивает ее. Товарищи его, которые до сих пор, припав на землю, безмолвно ожидали на берегу, прибегают, и 4 или 5 этих черных силачей, блестящих, как бронзовые статуи, тащат к берегу животное, которое еще неистово бьется и мечется. Только тут, получив несколько тяжеловесных ударов топором по хвосту и по темени, он стихает навсегда и делается уже вполне безвредным. Если бы зверь в это время не старался спастись, а попытался бы напасть на охотников, то им, без сомнения, пришлось бы побросать жердь и петлю и бежать, но мысль эта, по-видимому, не приходит в голову чудовищу, которое упорно старается отбиваться, поэтому битва всегда кончается его смертью. Из двенадцати раз только однажды мне пришлось, почти

стоя подле него, застрелить пулей необыкновенно большого аллигатора, который так сильно бился, что я боялся, что он ушибет одного из каничан своим сильным зубчатым хвостом. Прежде чем разобрать всю тушу на части, тщательно вырезаются четыре мускусные железы, чтобы не дать сильному запаху распространиться на все мясо. Эти железы представляют пузыри в 3-4 см длиной, в палец толщиной, наполненные густой бурой жидкостью, по извлечении отверстия пузырей перевязывают, и железы вешают сушиться на солнце. Нам передавали, что женщины Боливии очень любят душить этим веществом свои черные, как смоль, волосы, для этого они берут содержимое желез, которое имеет неприятный запах и производит головную боль, и смешивают его с небольшим количеством розовой воды».

"У меня было, — говорит в заключение принц фон Вид, — несколько живых, молодых широкомордых кайманов. Они были дики и буйны, надували брюхо и гортань, если их трогали или дразнили, шипели при этом, как гусыня на гнезде, и открывали пасть; если их удавалось тронуть сзади, то они быстро оборачивались и сильно кусали и били хвостом. Даже у этих молодых особей был заметен неприятный мускусный запах».

Отряд черепахи

"Черепахи, — говорит старый Геснер, — относятся к четвероногим животным, которые имеют кровь и размножаются яйцами. Они бывают трех сортов. Одни живут на земле, другие в пресных водах, а третьи в открытом море, но все заключены в твердые щитки, которые так закрыты, что из частей их тела ничего не видно, кроме головы и конца лап, впрочем, и их черепахи могут втягивать под свой твердый и толстый щиток, который так крепок, что через него может переехать нагруженная телега, не раздавивши его, голова и ноги, которые они высовывают, покрыты чешуйками, как у змеи и ужа».

Вышеназванный натуралист причисляет черепах, как и древние, к четвероногим животным, которые имеют кровь и размножаются яйцами, прежние зоологи часто ставили их во главе класса пресмыкающихся, так как существовало мнение, что черепахи, по строению грудной кости и по своим острым челюстям, несколько похожи на птиц. Если не обращать внимания на эти признаки, то нет никаких причин ставить черепах во главе пресмыкающихся, так как их неуклюжесть, слабое развитие внешних чувств и глупость, очевидно, ставят их ниже всех животных этого класса, как физически, так и по душевным качествам.

Строение черепах так своеобразно и так сильно отличается от строения других пресмыкающихся, что их никак нельзя спутать с прочими животными. Характерные признаки их следующие: туловище, заключенное в твердый панцирь, неуклюжая голова, челюсти которой, как у птиц, покрыты острыми роговыми пластинками и никогда не имеют зубов, ноги короткие и как бы недоразвитые, превращающиеся иногда в длинные узкие ласты. Панцирь состоит из двух частей: верхней и нижней, или спинного и грудного щитков. Первый более или менее выпуклый, круглый, удлинённый или сердцевидный. Нижний — широкий, плоский, яйцевидный или крестообразный с округленными концами, так как его соединение со спинным щитком иногда бывает довольно узко. Соединение обоих щитков состоит из хряща, который или остается мягким на всю жизнь, или же окостеневает, и тогда соединение получает вид шва. Таким образом, оба щитка образуют коробку, которая открыта только спереди и сзади, чтобы животное могло высовывать голову, ноги и хвост, туловище же в ней заключено полностью. Голова обыкновенно яйцевидная, сзади как бы обрублена, а морда более или менее вытянута, шея имеет различную длину, но относительно подвижна. Четыре конечности служат для ходьбы, для плавания, а иногда имеют вид ластов. В большинстве случаев короткий, цилиндрический, или конический хвост бывает различной длины. Панцирь покрыт роговыми пластинками, или щитками, а у немногих видов покрыт толстой кожей, голова, шея, ноги и хвост покрыты бородавчатой кожей, на которой замечаются большие или маленькие щитки, бугорки и зернистые придатки, а иногда даже шпорцы ишины. Щитки спинного панциря разделяются на хребетные, боковые или ребровые и краевые, из которых выделяются один затылочный и один или два хвостовых щитка, парные щитки брюшного панциря разделяются на горловые, плечевые или верхние грудные, брюшные, нижние брюшные или бедренные, заднепроходные, а кроме того, мышечные и паховые щитки. Большей частью щитки соприкасаются между собой и тогда соединены швами, однако случается, что они наложены друг на друга, как черепицы на кровле. Число щитков, их отношение один к другому и расположение имеют важное значение для определения видов.

Строение тела черепах, а особенно панциря становится вполне понятным, только если изучить их скелет и его развитие. Череп у них сзади плоский и соединен с первым шейным позвонком одной суставной головкой. Лицевая часть черепа короткая и тупая. Задняя часть верхнего череп-

ного свода вытянута в длинный отросток. Большие височные впадины сверху или открыты, или снабжены костяным сводом. Лобная кость состоит из трех парных костей, из которых передняя пара образует крышку над носовой полостью. Межчелюстные и верхнечелюстные кости крепко соединены с черепом и неподвижны, боковые стенки мозговой коробки соединены с каменистой частью височной кости хрящевой перепонкой, стенки между глазными впадинами также перепончатые. Обе ветви нижней челюсти почти всегда спереди сросшиеся. Шейные позвонки, которых бывает большей частью 8, у многих видов не имеют развитых отростков; передние из них имеют сзади вогнутые суставные поверхности, а задние вогнутые поверхности спереди; посередине же один позвонок с двояковыпуклыми суставными головками, так что образуются очень подвижные суставы, позволяющие очень разнообразные движения. У некоторых видов на шейных позвонках замечаются большие поперечные отростки, которые затрудняют изгибы шеи в отвесной плоскости или даже делают их совсем невозможными. Восемь неподвижных спинных позвонков расширяются у всех черепах, за исключением одного вида, в костяные щитки, в состав которых входят накожные костные образования, затем они срастаются между собой и с ребрами зубчатыми швами и образуют, таким образом, спинной панцирь, покрытый сверху кожистыми или роговыми таблицами, причем, следует заметить, что эти роговые щитки вовсе по своему виду и расположению не соответствуют лежащим под ним костям.

"Ребра, — говорит Фогт, — простираются большей частью до края панциря, однако случается, что они имеют вид щитков только около позвоночного столба, а потом суживаются и делаются похожими на спицы колеса, а промежутки между ними у живых животных наполнены кожей или роговыми пластинками. Обыкновенно на краях панциря находится ряд особых краевых щитков, в которые входят концы ребер, так что даже у узко реберных черепах мы находим непрерывный ряд краевых щитков. Крестец образуется двумя, редко тремя щитками, которые точно так же неподвижны, как и спинные позвонки. Хвост образуется 18-27 подвижными позвонками. Брюшной панцирь образуется точно так же, как и спинной, именно из чрезвычайно расширенной и распавшейся на несколько частей грудной кости, настоящей же грудной кости вовсе нет. Плечевой пояс состоит из трех костей: узкой лопатки, ключицы и дужки. Один из отростков лопатки связан сухожилиями со спинным панцирем, противоположный конец ключицы точно так же связан с брюшным панцирем, так что обе пары этих костей образуют спереди кольцо, через которое проходят пищевод и дыхательное горло, плечевая кость соединена со всеми тремя вышеназванными костями большой яйцевидной суставной головкой. Таз образуется тремя парами коротких и широких костей, которые иногда подвижно прикреплены к спинному и брюшному панцирям, иногда же с ними срастаются. Плечевые и бедренные кости коротки и плотны, предплечье и голень состоят из двух отдельных костей, запястье и плюсна образованы многими небольшими косточками неправильной формы. На всех конечностях бывает обыкновенно по пять пальцев, состоящих из двух, трех и редко четырех или многих суставов; на пальцах имеются когти. К позвонкам туловища и к щиткам спинного панциря никаких мускулов не прикрепляется, брюшные мускулы также сильно недоразвиты и служат разве только для затвора заднего промежутка между панцирями. Зато шейные мускулы, из которых задние закрывают передний промежуток между панцирями, а также мускулы конечностей и хвоста отличаются толщиной и силой.

Слюнные железы есть только у некоторых сухопутных черепах, следовательно, у большинства этих животных не может быть и речи о действии слюны на пищу. Глотка довольно широкая, но мало растяжимая; пищевод не отделен мускулом от желудка. Продолговатый, очень толстостенный желудок, однако, резко отделен от кишок толстым кольцеобразным мускулом. Кишки не образуют слепого отростка и замечательны своей длиной. Большая печень разделяется на две лопасти и окружает собой объемистый желчный мешок. У черепах есть почки, мочевой пузырь и лимфатические сосуды. Заднепроходное отверстие круглое, находится в удлинённой складке кожи. Органы дыхания и кровообращения у черепах более совершенны.

чем у других пресмыкающихся, но процессы эти совершаются все-таки медленно и не правильно. Небной занавески и надгортанного хряща нет. Дыхательное горло открывается, когда выдвинуто вперед перед глоткой, и закрывается, когда оттянуто назад. Так как грудная клетка почти всегда совершенно неподвижна, да и грудобрюшная перегородка имеет вид тонкой перепонки, то очень объемистые легкие, заключенные, вместе с другими внутренностями, в костяную коробку, наполняются воздухом с помощью многих брюшных, а также плечевых и тазовых мускулов. Черепахи, если можно так выразиться, глотают воздух: закрывают плотно рот и то приподнимают, то опускают язычную кость. При опускании воздух входит через ноздри, а при поднятии язычной кости воздух вгоняется в легкие. У морских черепах, впрочем, как доказал это Руч, выдыхание происходит

от упругости панциря. Дыхательное горло ясно отделено от глотки, но голос издают только немногие виды черепах. Самцы черепах имеют непарный, длинный мужской половой член, разделенный на две части продольной бороздкой, самки имеют двойные гроздевидные яичники, в которых уже за 10 месяцев до кладки очень заметны отдельные яички. Очень маленькая полость черепа наполнена мозгом, величина которого очень незначительна сравнительно с объемом тела, причем отношение количества головного мозга к спинному еще меньше, чем у высших позвоночных. Черепахи массой 10 кг имеют головной мозг, который весит не более 4 г. у черепах в 1 кг мозг весит 0,36 грамма. У головного мозга нет больших комиссур, и полушария его не имеют извилин; обонятельные лопасти выдаются вперед над полушариями; немного выпуклый мозжечок также не имеет извилин и по величине равняется одной из половин среднего мозга. На глазах замечаются два века и мигательная перепонка. Строение глазного яблока во многом напоминает глаз птиц: кольцо, окружающее роговую оболочку, имеет костяные таблички; чечевица шарообразная. У биссы Зардеман нашел слезные железки замечательной величины. Ухо состоит из средней полости и полукруглых ходов, стенка, отделяющая среднюю полость уха от полости черепа, бывает отчасти кожистой, молоточек имеет очень тонкую рукоятку и врос в хрящ, которым покрыты стенки полости. Полость эта продолжается в виде узкого канала, оканчивающегося яйцевидным окошечком в барабанной перепонке. Наружное ухо закрывается толстой хрящевой чешуйкой. Ноздри маленькие, у некоторых видов продолжены в виде трубки или хобота, слизистая оболочка внутри имеет много складок. Язык мясистый и покрыт мягкими бородавками. Из вышесказанного оказывается, что черепахи видят довольно хорошо и слышат удовлетворительно*; они имеют относительно развитое обоняние и могут различать вкус, о чувстве осязания трудно судить.

** Черепахи слышат очень плохо. В основном они воспринимают звуки только низких и средних частот.*

Черепахи также относятся к древнейшим обитателям земного шара. Несомненные остатки черепах находят в известняке и кейпере; остатков морских и пресноводных черепах довольно много в юрской, меловой и третичной формациях. Отпечатки и окаменелости настоящих сухопутных черепах найдены в эоценовой формации в Америке и миоценовой и плиоценовой в Европе.

Самое большое разнообразие форм этих животных мы находим в теплых странах с обильным орошением, к полюсам и на высотах гор число их быстро уменьшается, до полярного круга не доходит ни один вид. Они могут переносить сильный зной и засуху, но не переносят холода**. Местом жительства им служат реки, болота, трясины, тенистые, сырые леса, а также степи, пустыни и открытое море.

*** У пустынных черепах выявлена любопытная особенность, связанная с терморегуляцией, которая получила название «реакция самооплевывания». При температуре 40-41 °С они языком облизывают голову и передние конечности, смазывая их слюной и снижая, таким образом, температуру тела почти на 15 °С.*

Произвольные движения черепах обыкновенно медленны и неуклюжи, но некоторые из них показывают, однако, проворство, напоминающее движения других пресмыкающихся. Ходят они все неловко и медленно, причем хуже всего делают это сухопутные и морские черепахи, а пресноводные ходят проворнее. Пресноводные и морские черепахи при плавании и нырянии выказывают наибольшую подвижность, на какую они вообще способны.

Сухопутные черепахи питаются главным образом травой, листьями и плодами, но многие из них едят при этом и насекомых, улиток, червей и т. п. Пресноводные питаются преимущественно животной пищей и схватывают при этом всевозможных позвоночных, мягкотелых и суставчатых животных, однако в Индии живет не менее четырех видов, которые едят исключительно растительные вещества. Морские черепахи кормятся отчасти водорослями, а отчасти ракообразными, веслоногими моллюсками, медузами и другими низшими морскими животными, а также маленькими рыбками. Некоторые черепахи могут быть названы настоящими хищниками. Они едят, собственно говоря, только в жаркие летние дни, а под тропиками в дождливое время и в течение нескольких недель сильно жиреют; затем почти перестают принимать пищу и зимой, а в тропических странах в сухое время впадают в оцепенение. То же самое происходит с теми видами, которые постоянно живут в лесах.

Зимняя спячка черепах, как очень верно замечает Тобурн, не есть прирожденное и наследственное свойство их, а явление, обусловленное внешними обстоятельствами. Этому не противоречит наблюдение Аббота, который говорит, что сухопутные черепахи Северной Америки подвергаются зимней спячке, но пресноводные, хотя большей частью также закапываются, но все же оста-

ются деятельными и зимой. Например, мускусная черепаха при пересыхании болота, где она зарылась, говорят, даже по снегу отправляется искать воду.

Размножение происходит весной после пробуждения от зимнего сна. По Агассису, некоторые виды размножаются только осенью, некоторые пресноводные черепахи достигают половой зрелости только на 10-11 году. Спаривание длится иногда по нескольку дней, причем самец сидит на самке.

По прошествии довольно долгого времени самка с некоторой тщательностью выкапывает в земле, а еще чаще в песке, ямки, кладет туда яйца и закрывает их слоем земли или песка. Яйца имеют твердую, известковую скорлупу, и только у морских черепах они покрыты мягкой кожей, похожей на пергамент; у некоторых видов они шарообразны, у других продолговаты, но вообще относительно невелики. Маслянистый желток бывает оранжевого цвета, а белок, свертывающийся только при очень высокой температуре, — зеленоватый. Многие черепахи кладут не более дюжины яиц, а крупные виды более ста*.

** Морские черепахи самые плодовитые пресмыкающиеся. В двух кладках у них может быть до 400 яиц.*

Мать после кладки вовсе не заботится о своих детенышах. Созревание яиц продолжается несколько месяцев. Детеныши после вылупления, которое происходит почти всегда ночью, ползут в какие-нибудь норки на земле или в воду. Бесчисленное множество их уничтожается млекопитающими, птицами, другими пресмыкающимися, необыкновенная живучесть избегнувших этих врагов предохраняет виды от вымирания. У японцев черепаха считается эмблемой долговечности и счастья; относительно первого качества эмблема эта вполне подходящая.

Французский натуралист Ласепед, который писал о пресмыкающихся в конце прошлого столетия, называет панцирь черепах прекрасным домом и крепостью, которая защищает животное от нападения врагов. «Большинство черепах, — говорит он, — могут, если хотят, прятать голову, ноги и хвост в твердую, костяную, как сверху, так и снизу запирающуюся скорлупу, и остающиеся отверстия так малы, что туда не могут проникнуть когти хищных птиц и зубы хищных млекопитающих. Если черепахи остаются в этом положении, то они смело могут противостоять нападениям. Они тогда не представляют собой живых существ, которые противопоставляют силу — силе и могут пострадать во время обороны и даже в случае победы, но пассивно предоставляют врагам один панцирь свой, против которого сии последние ничего сделать не могут; зубы и клювы хищников встречаются только как бы скалу, а черепаха под нею так же хорошо скрыта, как в норе под камнями». Все это хорошо придумано и красиво сказано, но, к сожалению, неверно. Уже Бехштейн, который перевел Ласепада на немецкий язык, обращает внимание на то, что для сухопутных черепах ягуар, а для морских — акула представляют врагов гораздо более опасных, чем человек. Нам же теперь известно, что не только ягуар, но даже тигр и другие крупные кошки нападают на довольно больших черепах, переворачивают их на спину, чтобы удобнее с ними справиться, и затем, лапами, вырывают мясо из-под панциря. Малайские дикие собаки, адьяги, набрасываются даже на морских черепах и убивают их. Свиньи глотают маленьких черепах вместе с панцирем. Мы знаем также, что крупные хищные птицы, например ягнятники, схватывают небольших черепах, высоко их поднимают и нарочно роняют на скалы, чтобы разбить их панцирь, а что более мелкие птицы, например некоторые соколиные, вороны и цапли, едят маленьких черепах. Мы, конечно, еще не знаем всех врагов черепах, но нет сомнения, что их гораздо больше, чем только что упомянуто.

Человек почти везде присоединяется к врагам черепах. Можно смело сказать, что это самые полезные из всех пресмыкающихся, так как мы не только пользуемся роговым покровом черепах, но едим их мясо и яйца и находим их вкусными. Некоторые из них, правда, так сильно пахнут мускусом, что, по крайней мере, мы, европейцы, не можем есть кушанья, сделанные из их мяса, но из других, как известно, готовят очень вкусные блюда. Однако человечество мало бы проиграло, если бы на земле не стало черепах*.

** В Бразилии до недавнего времени потребляли 4,6 миллиарда черепаших яиц в год. Отдел статистики ЮНЕСКО подсчитал, что в мире за год съедают около 7 миллиардов черепаших яиц и 4 миллиарда куриных. В 1980-х годах в мире ежегодно добывалось до 1 миллиона морских черепах и до 10 миллионов их яиц.*

Черепах издавна держат в неволе. Я держал в течение нескольких лет много этих животных, но не находил в них ничего привлекательного, может быть, исключением здесь могут служить большие морские черепахи. Они все мне казались слишком ленивыми, медлительными и тупоумными. Существуют, однако, любители, которым эти животные нравятся и которые считают их привлекательными созданиями. Воспитание их, впрочем, требует более внимания и умения, чем обычно

венно думают. Хотя они очень живучи, но часто в неволе околеваяют от многих болезней, причиной которых бывает всегда недостаток заботливости со стороны воспитателя. Главным условием их благосостояния следует считать тепло: если их держат в холодном помещении или холодной воде, то им живется плохо. Фишер, которому мы обязаны прекрасными наблюдениями над пленными черепахами, говорит: «Животным этим часто очень вредят, думая, что их живучесть происходит от хорошего здоровья. Нет! Черепахи очень чувствительны к внешним, даже незначительным влияниям. Они только долго терпят, а это ведет к тому, что думают, будто они могут все переносить».

Сочинения древних писателей не только дают возможность судить о том, что людям тогда было известно о черепахах, но они содержат некоторые исторические факты, стоящие внимания. Понятно, что эти часто встречающиеся животные были хорошо известны древним, но описания их содержат, однако, много таких сведений, которые мы теперь считаем за басни, хотя очень может быть, что мы и не правы. Цицерон смеется над писателем Пакувием, который обычное слово «черепаха» заменяет целым описанием: «тихо ползущее, земное, низкое четвероногое животное, с короткой головой, змеиной шеей, выпученными глазами, без внутренностей, без души, но с голосом». Аристотель описывает кладку яиц, но к своему, вообще очень верному изложению фактов прибавляет, что самка черепахи насиживает яйца, возвращается через 30 дней к ним, отрывает их, разламывает скорлупу и ведет детенышей к воде. Кроме того, он говорит, что когда черепахи съедят гадюку, то начинают есть майоран, чтобы спасти себя от вредных последствий ядовитой пищи. Плиний собрал все то, что ему было известно о черепахах, по обыкновению перечисляет всевозможные лекарства, приготовляемые из частей тела этих животных, и присовокупляет, что любящий роскошь Карвиль Паллион первый приказал покрыть черепахой некоторые домашние предметы. Элилан знал, что отрубленная голова черепахи еще движется, кусается и мигает глазами. Он уверяет, уподобляя глаза черепах жемчугу, что они издают далеко заметный блеск и что женщины их высоко ценят, когда глаза эти оправят в золото и сделают из них запястья. Павзаний говорит, что на Парфеноне в Аркадии водятся черепахи, из панциря которых делают превосходные лютни, но что их там нельзя убивать, так как местные жители их считают животными, посвященными богу Пану, и потому их оберегают. Юлий Капитолий, между прочим, упоминает, что в Риме императорских детей купают в спинных щитках черепах, а Диодор Сицилийский, наконец, рассказывает о людях, питающихся черепахами, которые живут на маленьких островах в океане, находящихся около материка, и ловят особым способом черепах, посещающих эти острова. Животные эти необыкновенно велики, похожи на маленькие рыбацкие челноки и ночью ищут пищу, а днем спят под лучами солнца на поверхности воды. В это время люди тихонько к ним подплывают, несколько человек переворачивают черепаху на спину, привязывают веревку к хвосту и один человек, плавая, тащит черепаху к берегу, а другие ее подталкивают. На берегу они убивают животное, съедают все мясо, высушивши его на солнце, а щитки употребляют на челны или на крыши своих хижин.

Буланже, от которого мы заимствуем разделение черепах, делит их на два подотряда: щитовых и бесщитовых*.

** Систематика черепах до сих пор считается не устоявшейся. Некоторые специалисты выделяют до 6 подотрядов. Однако в последнее время популярность приобретает разделение черепах на 2 подотряда: бокошейные (Pleurodira), куда относят пеломедуз и змеешейных черепах, и скрытошейные (Cryptodira), включающий остальные семейства. Всего же насчитывают около 250 различных видов черепах из 90 родов и 13 семейств.*

Бесщитовые, ныне состоящие только из одного семейства, рода и вида, отличаются от других черепах свободными позвонками и ребрами, которые отделены от кожного скелета, состоящего из щитков, расположенных в виде мозаики. На теменных костях у них нет спускающихся вниз отростков.

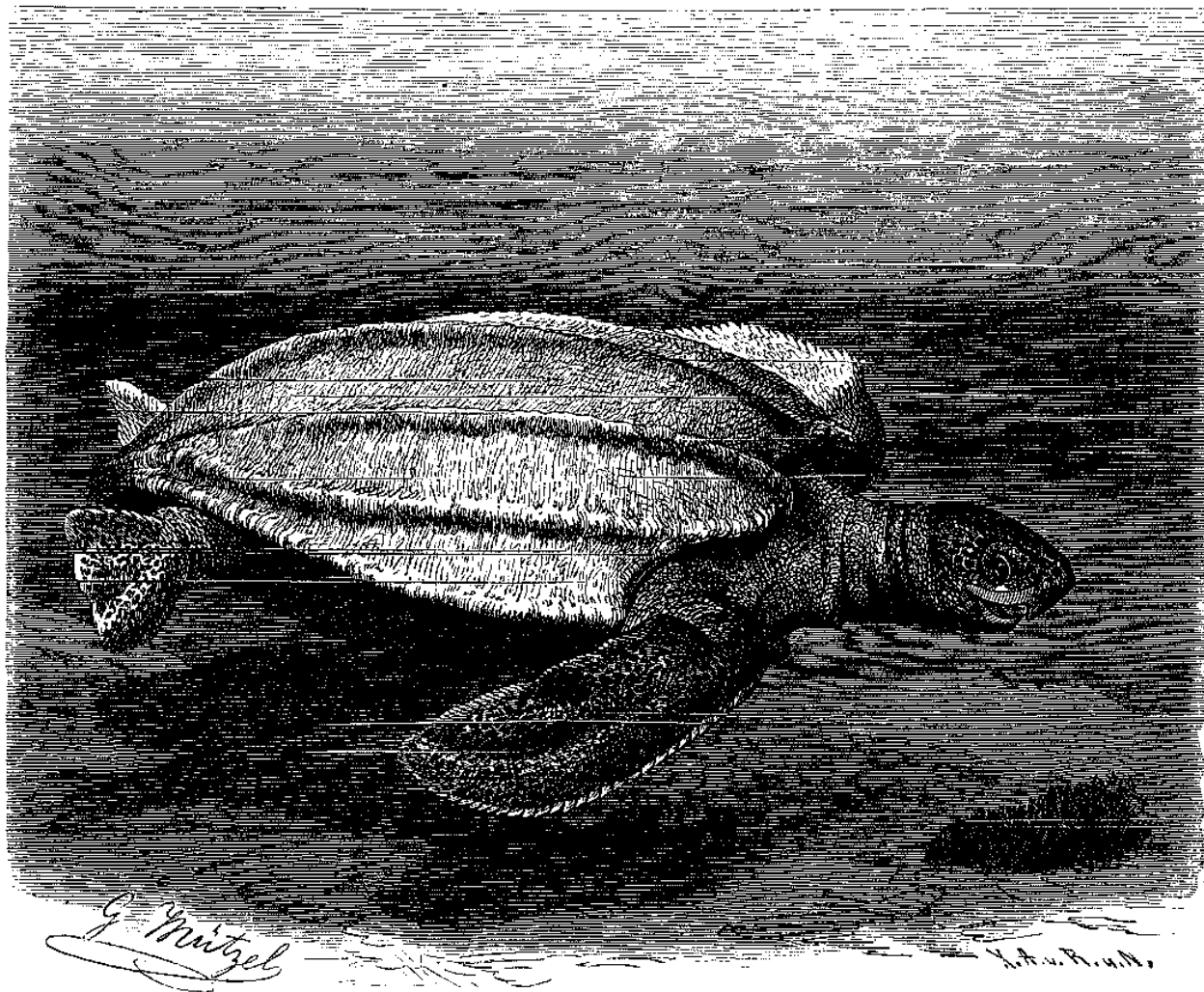
Семейство кожистые черепахи

Кожистые черепахи (Dermoche/ys coriacea) — огромные животные около двух метров общей длины и 500-600 кг массы. Роговой ободок верхней челюсти образует между тремя треугольными глубокими выемками, спереди, с каждой стороны, по одному большому выступу в виде зуба, вообще же края челюстей остры и без зазубрин. Передние конечности более чем вдвое длиннее задних. Совершенно окостенелый спинной щит слегка выгнут, спереди довольно закруглен, а сзади заострен в виде хвоста; щит этот разделен на шесть полей семью продольными ребрами, которые у взрослых животных представляют непрерывные несколько зазубренные полосы, у молодых же состоят из ряда округленных шишек. Грудной панцирь не вполне окостенелый: он мягок и гибок, но имеет тоже пять продольных ребер или килей. Голова, шея и ноги молодых черепах покрыты щитками, которые с возрастом мало-помалу исчезают, так что кожа старых животных почти гладкая и

только на голове остаются небольшие щитки. Цветом эти черепахи бурые, с более или менее светлыми желтыми пятнами.

Кожистая черепаха (самая большая из живущих в настоящее время) становится с каждым годом более редкой, так что этот вид с полным правом можно назвать вымирающим*.

* В наше время *Международный Союз охраны природы разработал меры по охране кладок кожистой черепахи, благодаря чему ее численность увеличивается.*

Кожистая черепаха (*Dermochelys coriacea*)

Ее постоянное местопребывание — все моря жаркого пояса: встречается как у Соломоновых островов Тихого океана, так и у берегов Аравии и Черного моря, у Бермудских островов и южного берега Северной Америки, около Мадагаскара, но доплывает и до морей умеренного климата и достигает иногда, гонимая ветром и бурей, а может быть, и любовью к перемене места, до европейских берегов Атлантического океана и даже до Севере-Американских Штатов и Чили, где неоднократно попадалась охотникам. Некоторые экземпляры встречаются и в Средиземном море. Об образе жизни кожистой черепахи мы знаем вообще весьма мало. Пища ее состоит преимущественно, если не исключительно, из различных животных, особенно рыб, раков и мягкотелых. После спаривания они появляются в большом количестве на Черепашьих островах у Флориды; а, по словам принца фон Вида, также в большом числе у песчаных берегов Бразилии и здесь кладут, подобно другим морским черепахам, свои яйца*.

* *Наиболее крупные места откладки яиц кожистой черепахи расположены на тихоокеанском побережье Мексики. Здесь ежегодно можно увидеть до 30 тысяч самок.*

Согласно собранным принцем фон Видом сведениям, каждая самка четыре раза в год появляется на местах кладки, где в течение четырнадцати дней кладет от 18 до 20 дюжин яиц. Это сообщение подтверждается, по крайней мере отчасти, следующим рассказом Тиккеля: 1 февраля 1862 года, у берега Тенассерима, близ устья реки Ую, была выслежена рыбаками кожистая черепаха, положившая уже до 100 яиц в береговую песок. Когда после отчаянного сопротивления с ее стороны рыбакам удалось одолеть и убить огромное животное, в ее яичниках оказалось еще до 1000 яичных зародышей в разных степенях развития. Из этого мы должны заключить, что способность к размножению кожистой черепахи весьма значительна, и можно только удивляться тому, что

она так редко встречается наблюдателям. Вероятно, большая часть их погибает еще в юношеском возрасте. Только что освободившиеся из яйца молодые черепахи прямо ползут к морю, но здесь им, кажется, угрожает еще большее число врагов, чем на суше: различные хищные рыбы уничтожают их во множестве, так что только благодаря своей необычайной способности к размножению вид этот не вымер окончательно.

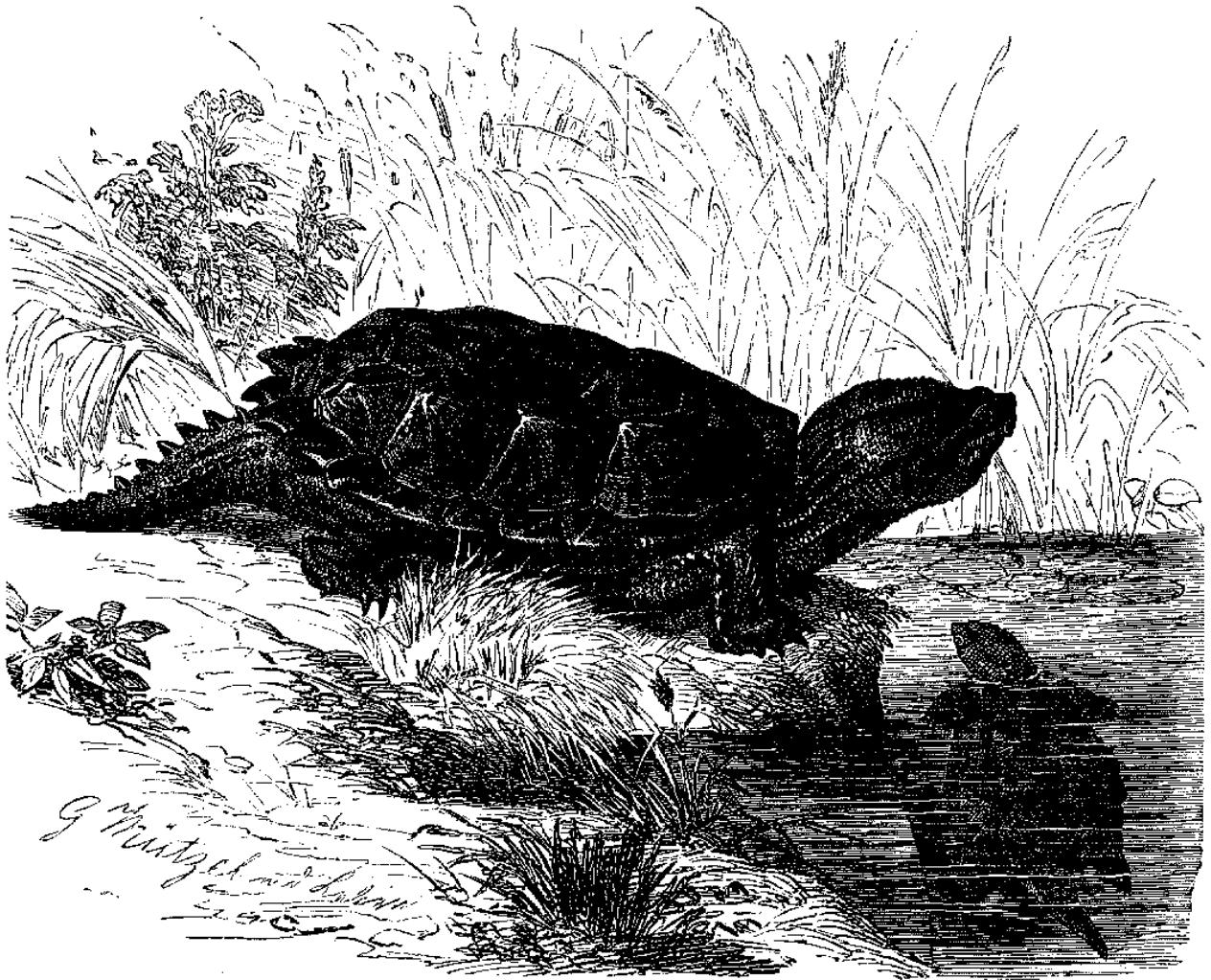
Из вышеупомянутого короткого сообщения Тиккеля явствует, что рассказы прежних писателей о силе и способности к защите кожистой черепахи не преувеличены. При вышеупомянутой ловле произошла отчаянная борьба: все шесть рыбаков желавших овладеть огромным животным, были проташены им вниз по береговому откосу и едва не сброшены в море. Только при содействии подоспевших на помощь других рыбаков удалось одолеть исполинское животное и привязать его к толстым жердям, но потребовалось 10-12 человек, чтобы донести тяжелую ношу до ближайшей деревни. Де ла Фон рассказывает, что пойманная около Нанта 4 августа 1729 года кожистая черепаха подняла отчаянный, слышный за четверть мили в окружности крик, когда ей проломили голову железным крюком. Дальнейших подробностей о жизни столь редкого во всех коллекциях животного мы не знаем. Мясо его не едят, так как считают, что его употребление приводит к разным вредным последствиям, а на островах Чагос его прямо относят к ядовитым.

Семейство каймановые черепахи

Одну из представительниц семейства каймановых черепах, **каймановую, или кусающуюся, черепаху** (*Chelydra serpentina*), мы с полным правом можем назвать чудовищем по виду и образу жизни. Нам известны два вида этого семейства, местожительство которых распространяется от Северной Америки, через всю Среднюю Америку, к югу до Эквадора*.

** Одной из интересных особенностей каймановой черепахи является ее устойчивость к холоду. Иногда удавалось видеть, как черепахи этого вида активно двигаются в воде подо льдом или ползут по нему.*

По едва выпуклому спинному щиту идут три продольных ряда невысоких бугров, из которых, впрочем, средний не всегда вполне развит. Затылок покрыт роговыми пластинками, на хвосте они двойные, боковые крайние щитки расположены в один ряд, касаясь, но не прикрывая друг друга. Грудной щиток узок, крестообразной формы, состоит из десяти щитков и соединяется с каждой стороны со спинным посредством трех пластинок. Посередине спинного панциря находится 13 пластинок: 5 средних более широких, чем длинных, и почти равных между собой по величине. Форма этих щитков почти четырехугольная, между тем как 4 боковые пластинки с каждой стороны или, по крайней мере, первая из них, — неправильны и имеют более или менее ясную пятиугольную форму. Край спинного щитка состоит из 25 пластинок, из которых первая короткая, но очень широкая, а задние так сильно заострены, что образуют от 6 до 8 глубоких вырезов или зазубрин. Голова большая, плоская, треугольная, морда короткая и заостренная с очень сильными, острыми, на конце крючковатыми челюстями без зазубрин, глаза глядят вперед и вместе с тем и вверх, шея, которая во время покоя кажется короткой, может вытягиваться очень далеко. Ноги сильные, передние пятипалые, задние — четырехпалые, плавательные перепонки хорошо развиты. Хвост поражает своей длиной (равняющейся двум третям длины всего панциря), толщиной и гребнем костяных остроконечных зубцов, который тянется по всей его верхней части, зубцы эти с боков сжаты и постепенно уменьшаются к концу хвоста, нижняя его часть покрыта двумя продольными рядами квадратных чешуек. Все не закрытые панцирем части тела покрыты бородавчатой кожей, которая на животе отвислая, шероховатая и морщинистая и везде покрыта небольшими чешуйками. Довольно большие, одиноко стоящие, поперечные пластинки покрывают передние части ног и нижние части бедер. С подбородка висят два маленьких усика. Цвет кожи трудноопределимый, часто меняющийся маслянисто-зеленый. Спинной щит сверху грязновато-темно- или черно-бурый и, как обыкновенно, у молодых светлее окрашен, чем у старых. Последние достигают 1 м длины и около 20 кг массы.

Каймановая, или кусающаяся, черепаха (*Chelydra serpentina*)

Каймановую черепаху нельзя спутать ни с одним видом черепах, за исключением разве родственной ей **грифовой черепахи** (*Macrolemys temnitteki*), самой большой и тяжелой из всех речных черепах, которая живет в южной части Соединенных Штатов Северной Америки и достигает 1,4 метра длины. Отличается она тем, что средние краевые чешуйки спинного щитка расположены в 3 или 4 ряда один над другим, глаза смотрят более в бок, чем у предыдущей, а хвост покрыт в нижней части более мелкими чешуйками.

Каймановые и грифовые черепахи живут в реках и больших болотах Соединенных Штатов, в некоторых местностях в большом количестве и предпочитают воды с илистым дном, по словам Миллера, они не пренебрегают даже самыми вонючими лужами. Гольбрук сообщает, что они обыкновенно лежат в глубокой воде посреди реки или болота, появляются иногда и у самой поверхности и, высунув из воды кончик рыла, несутся, таким образом, по течению, но скрываются при малейшем шуме, особенно в густонаселенных местностях, в водах же менее населенного юга они не так робки. По мнению Кэя, их можно встретить и на большом расстоянии от всякой воды, вероятно, вследствие того, что они ищут на твердой земле себе пищу или удобное место для кладки яиц. Черепах этих боятся и ненавидят, так как они, с полным правом, носят название «кусающихся» черепах. Они хватают челюстями все то, что только встречается им по пути, и нелегко выпускают однажды схваченное. «Едва положишь пойманную черепаху в лодку, — говорит Вейнланд, — как разъяренное животное откидывается назад, садится на свои могучие задние ноги, но только для того, чтобы в следующий момент, со страшной быстротой, ринуться вперед на полметра и яростно вцепиться в протянутое ему весло». Обращаться с ней надо чрезвычайно осторожно, так как она со свирепостью соединяет большую смелость и при случае может злобно напасть на человека, попавшего в обитаемую ею воду, и своими сильными челюстями нанести ему опасные раны. Вейнланд уверяет, что весло, в один сантиметр толщины, пробивается, точно пулей, твердым, похожим на клюв хищной птицы клювом этого животного, другие наблюдатели утверждают единогласно, что эта черепаха легко перекусывает пополам довольно толстую трость. «В то время как, — говорит Миллер, — глаза прочих черепах выражают как бы глупое добродушие, глаза кусающейся черепахи светятся коварством и злобой, так что, наверное, многие люди, встретившись в первый раз с этим видом, отшатнутся от

него в сторону. Хотя это неприятное впечатление производится и всей фигурой животного, но длинная голова и хвост его имеют особенно отвратительный и ужасный вид. Мне бы очень хотелось знать, что бы сказали при взгляде на него те люди, которые пугаются саламандры или ящерицы».

Каймановая и грифовая черепахи подвижнее большей части своих сородичей. По земле, на которую иногда выходят, они двигаются не тише прочих, плавают очень быстро и выказывают удивительную скорость при преследовании добычи. Пищу их составляют рыбы, лягушки и другие позвоночные, живущие в воде. Они хватают не только мелкую, но и крупную добычу, как, например, уток и гусей. По словам Миллера, крестьяне часто жалуются на то, что черепаха утащила у них утку: она хватается ее, тянет за ноги в воду, топит и потом пожирает со всем комфортом. Один знакомый Миллеру человек услышал однажды громкий крик своей утки; тотчас же побежав к ней, он увидел, что птица, несмотря на сильное сопротивление и хлопанье крыльями, уже наполовину исчезла под водой. Он быстро схватил ее и, притянув к себе, к величайшему удивлению, заметил, что на ней висит черепаха, которая, не желая выпустить свою жертву, дала себя преспокойно вытащить вместе с ней. Пехуэль-Леше убил однажды в пруду кусающуюся черепаху, в то время как она уже схватила сильного селезня. Черепаха эта давно была всем ненавистна из-за своих разбойничьих нападений на водяных птиц.

Все наблюдения Агассиса о развитии черепах сделаны им именно над кусающейся черепахой, потому что она встречается довольно часто в окрестностях Кэмбриджа, и особенно потому, что нет никакого затруднения собирать ее яйца, которые по величине почти равняются голубиным и покрыты известковой скорлупой. От 20 до 30 таких яиц закапывает она близ воды в землю, прикрывая их сухими листьями. «Целый месяц, — говорит Вейн-ланд, принимавший деятельное участие в этих исследованиях, — ежегодно выползали такие маленькие черепашки из заложенных песком и мхом яиц, и — достойно замечания — первым движением пробившейся из скорлупы головки было хватание и кусание!» То же самое заметил еще раньше принц фон Вид.

Каймановые черепахи, пойманные старыми, упорно отказываются от пищи, молодых же, напротив, легко приучить к еде. Одна старая черепаха, которую Миллер держал у себя, не ела в течение целого года: «Я предлагал ей всего, что только мог придумать, — но напрасно. Вначале она хоть хватала пищу клювом, впоследствии же старалась только укусить меня за руку, понимая, вероятно, что причиняет мне этим боль, и желая мстить мне. Я часто привешивал ей на нос кусок мяса, и она гуляла с ним долго по комнате; даже всунутое ей в рот мясо не проглатывалось ею». Одна грифовая черепаха массой 40 килограммов, за которой наблюдал Вейнланд, не обращала никакого внимания на плавающих в ее водоеме рыб и скачущих около нее лягушек; всунутую же ей в челюсти пищу только раскусывала пополам, но не проглатывала. Плутон сообщает еще, что голодные черепахи этого вида открывают пасть и, высунув из нее две прикрепленные к кончику языка ниточки, заставляют их извиваться в воде, как червячков на удочке. При этом само животное остается совершенно неподвижным и походит на камень, обросший водорослями. Я, впрочем, видел у Эффельдта, что все-таки есть возможность довести этих черепах до принятия пищи, и позднее сам с успехом применял те же насильственные приемы. Эффельдт добыл себе молодую каймановую черепаху, которая вначале отказывалась от всякой пищи и вела себя совершенно как миллеровская. Упорство ее было, наконец, побеждено тем, что ей всовывали в рот пищу и проталкивали в глотку. Мало-помалу она привыкла сама глотать, а впоследствии и вежливо брать из рук предложенную ей пищу, не выказывая при этом прежней злобы и коварства. Однако и глотающая пищу черепаха этого вида мало радует сердце своего воспитателя. «Такой же мрачной, какой она выглядит, — говорит очень основательно Фишер, — остается она всю жизнь; пугливо прячется от лучей восходящего солнца в самые отдаленные уголки и только с наступлением ночи принимается за свою беспокойную деятельность». Фишер полагает, что на своей родине эта черепаха каждую ночь совершает далекие путешествия, так как его пленница каждую ночь выползала из своей засады и ходила безостановочно по всем комнатам, волоча за собой свой длинный остроконечный хвост. Так путешествовала она до утра, когда опять пряталась под постель или в темный угол. Мои пленные каймановые черепахи отыскивали тоже самые темные уголки большого водоема, в который я их поместил, и лежали там днем целыми часами, неподвижно, как камни, не поднимаясь даже для вдыхания воздуха на поверхность воды.

Каймановую черепаху легко можно было бы водворить и у нас, если бы это могло принести кому-либо пользу. Существует прямое доказательство, что она без труда переносит климат Германии и даже зимний холод. Мейер рассказывает, что в 1893 году у одного садовника в Оффенбахе исчезла присланная ему из Америки черепаха этого вида, которую не могли нигде потом отыскать, несмотря на самые тщательные поиски. Три года спустя рабочие, при очистке городского канала,

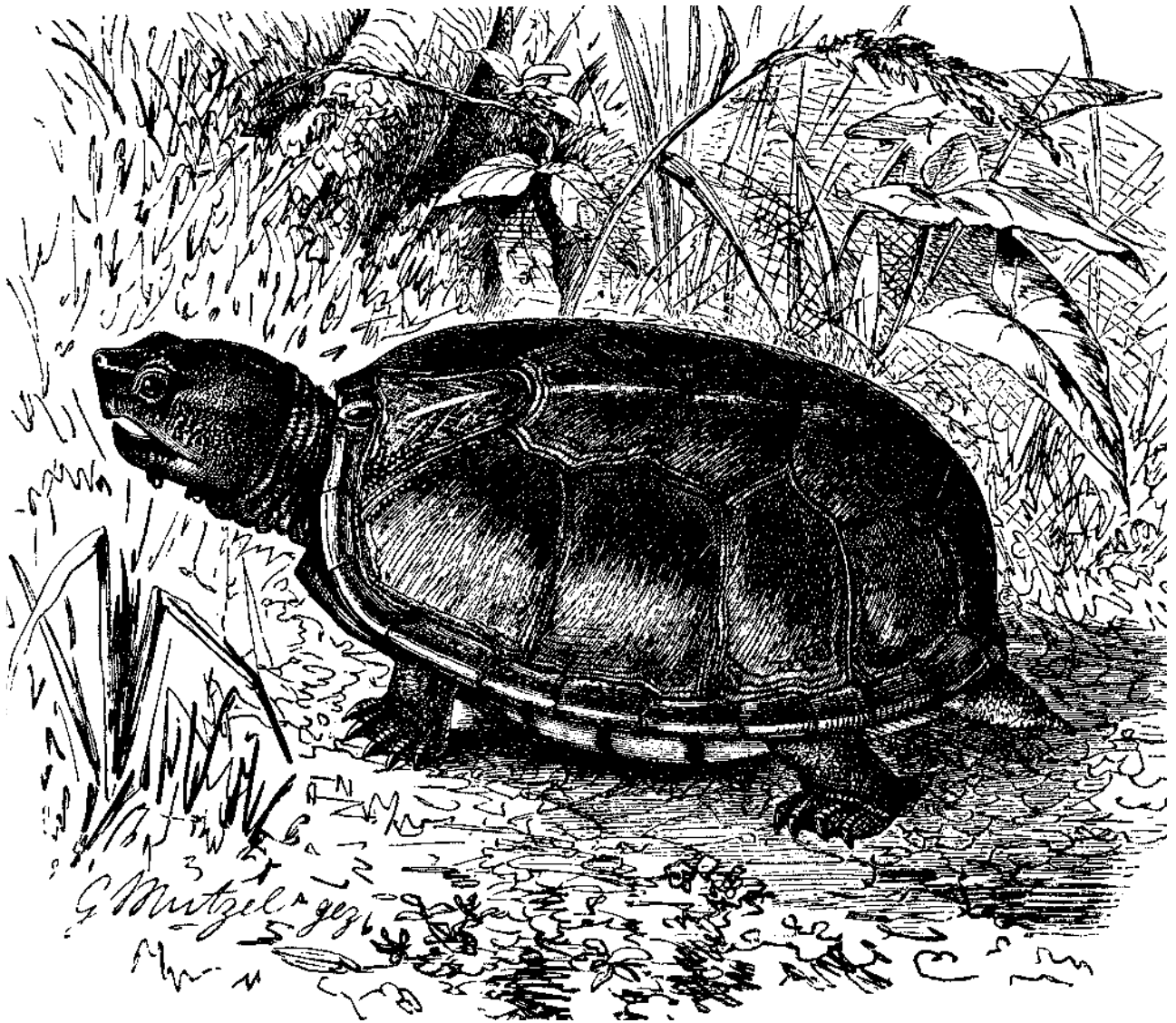
нашли, к величайшему своему изумлению, глубоко засевшее в иле невиданное ими животное, которое оказалось не только живым, но и очень бодрым и готовым искушать всякого, кто к нему приблизится. Чем питалась черепаха в своем тинистом убежище — остается тайной; но что она, вероятно, питалась отлично, доказывал ее внешний вид и бодрость.

Мясо очень старых каймановых черепах едва ли может быть употреблено в пищу вследствие присущего ему сильного мускусного запаха, мясо же молодых, напротив, считается очень питательным и вкусным. Еще более ценятся яйца. Кэй уверяет, что благодаря этим яйцам он наслаждался превосходными обедами во время своих странствований. Чтобы найти яйца, в июне, т.е. во время кладки, исследуют палкой песчаные места, на которых видны следы черепахи, и узнают по рыхлости почвы, где именно скрыт клад, тогда разрывают песок и часто находят в гнезде 60-70 драгоценных яиц, положенных иногда сюда несколькими самками.

Семейство иловые черепахи

Пенсильванская черепаха (*Kinosternon subrubrum*) — маленькое животное 15 см общей длины, 11 см которой принадлежит спинному щиту. От других видов этого рода она отличается умеренной величиной брюшного щита, передняя крышка которого значительно уже отверстия спинного щита, а грудные пластинки треугольные или только в середине брюшка образуют совсем короткий общий шов. Спинной щит оливково-бурого цвета, грудной щит желтый или оранжевый, все швы отдельных пластинок щита темно-бурые или черные, бурая голова и часть шеи покрыты неправильными линиями, черточками и пятнами желтоватого цвета, лапы и хвост сверху тускло-бурого цвета, снизу светлее. Радужная оболочка глаз темно-бурая.

Пенсильванская черепаха очень часто встречается в южных частях Соединенных Штатов и гораздо реже в северных. Область ее распространения простирается на северо-восток до Нью-Йорка, на запад — до долины реки Миссисипи, на юг — до Мексиканского залива. По образу жизни она почти сходна с речными черепахами, но, по словам Миллера, придерживается более болот, чем рек. Пища ее состоит из маленьких рыб, насекомых и червей. Вуд наблюдал за этими черепахами во время их охоты за саламандрами. Движения их в воде были в высшей степени обдуманно. Они осторожно плавали около избранной жертвы или подползали под нее и снизу наносили сильный удар.

Пенсильванская черепаха (*Kinosternon subrubrum*)

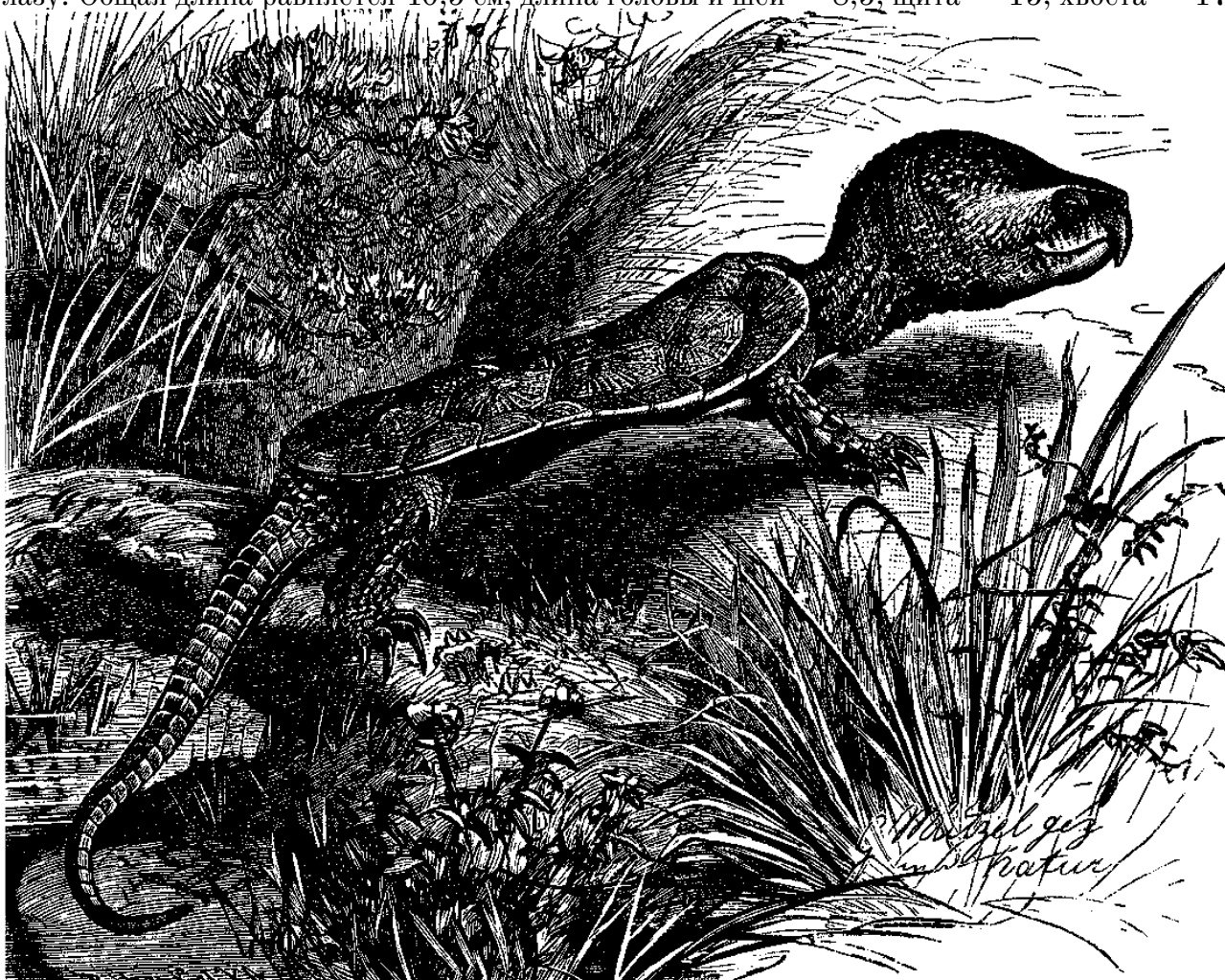
Американские рыболовы ненавидят пенсильванскую черепаху, потому что она очень часто клюет на удочку и, проглотив крючок, так сильно дергает лесу, что вводит рыбака в заблуждение, будто попалась крупная рыба. При наступлении зимы она подползает под мох и вновь появляется только в мае.

Рассерженная — она чаще открывает рот, чем наши речные и болотные черепахи, и делает вид, что хочет укусить; однако она легко и быстро приручается, берет из рук своего воспитателя пищу и отличается от прочих речных черепах разве только тем, что ест гораздо жаднее последних. Жившая у Миллера черепаха стала под конец так жирна, что не могла закрывать своих щитков, потому что мясо ее выступало со всех сторон. Вследствие этой прожорливости Фишер называет этих черепах и их близких сородичей свиньями черепашого рода. Иногда сильный и тогда неприятный мускусный запах делает мясо этих черепах противным даже для любителей.

Семейство большеголовые черепахи

Большеголовая черепаха (*Platysternon megacephalum*) принадлежит, по своей странной наружности, к самым необычным представителям одноименного рода. Это удивительное создание отличается, прежде всего, плоским спинным щитом с затылочной и двойной хвостовой пластинкой, очень широким и плоским грудным щитом, состоящим из 12-13 пластинок, и места соединения которого, включая затылочную и паховую пластинку, покрыты тремя нижними краевыми или межреберными пластинками, огромной, покрытой единственным большим щитком головой, которая, впрочем, может быть втянута между щитами, и длинным, чешуйчатым хвостом. Передние ноги вооружены пятью, задние — четырьмя когтями, соединенными слаборазвитыми плавательными перепонками. Неплотно сидящие друг к другу, большие широкие чешуйки покрывают предплечья, голени и пятки; зерновидные чешуйки покрывают остальную часть ног и шеи и круглые плоские бородавки — горло. Окраска верхних частей тела оливково-бурая, нижних — желтовато-светло-бурая, ниж-

няя часть ног и хвост покрыты неправильными красноватыми пятнами, и черная полоска проходит по глазу. Общая длина равняется 40,5 см, длина головы и шеи — 8,5, щита — 15, хвоста — 17 см.

Большеголовая черепаха (*Platysternon megacephalum*)

Большеголовая черепаха живет в реках Бирмы и Сиама и доходит на запад до Перу и Тенассерима. Это очень редкий вид, который встречается, по словам Свинхое, в восточных частях южно китайских провинций Куанг-тунг и Куанг-си. Дальнейшее о ней, о ее образе жизни и местожительстве мне неизвестно.

Большинство всех ныне живущих черепах относятся к сухопутным черепахам. Снаружи они отличаются щитом, покрытым роговыми, кожными щитками; грудные и краевые пластинки щита очень близко прилегают друг к другу, а брюшной щит состоит постоянно из 11 или 12 пластинок. От прочих скрытошейных черепах они отличаются тем, что ноги или лапы их вооружены когтями и костяная затылочная пластинка не имеет реберных островков.

К другим, общим для всего семейства признакам принадлежит способность совершенно втягивать шею и голову под щит и то обстоятельство, что пальцы передних и задних ног имеют подвижные суставы, а пальцы задних ног снабжены 4-5 когтями. Сухопутные черепахи живут во всех жарких и умеренных странах земного шара, исключая Австралию и Новую Гвинею. Все эти виды образуют почти непрерывную цепь существ, начиная с чисто водяных животных и кончая черепахами, приспособленными только для жизни на суше.

Почти все прежние натуралисты соединяли в отдельное подсемейство наземных черепах с плоским спинным щитом и короткими плавательными ногами, хотя, как уже сказано выше, их весьма трудно отделить от видов, живущих исключительно на земле. Зато образ жизни так называемых пресноводных черепах представляет так много общего, что описанию всех последующих родов может предшествовать одна общая характеристика.

"Тот, кто хочет изучать черепах во всем разнообразии их форм и ежедневно наблюдать за ними на свободе, — говорит Вейнланд, — должен посетить Северную Америку, эту обетованную землю черепах, где многочисленные их виды населяют пруды и реки, леса и долины и где ученым еще долго нечего опасаться их скорого вымирания. Когда европейский естество-испытатель отправится в теплое послеобеденное время прогуляться в Новой Англии, имеющей по климату так много

сходного с Германией, то напрасно станет он высматривать ящериц, которые в Европе снуют под ногами на каждом лужке; не найдет он и веретениц, как бы усердно ни переворачивал камни. Но если он подойдет к маленькому озеру или луговому ручью с медленно текущими водами, то он найдет совершенно достаточно материала для удовлетворения своей любознательности. Что это за странное, круглое, бурое существо величиной в талер, которое сидит на листе водяной кувшинки? Наблюдатель поспешно подходит ближе, но животное с быстротой молнии уже соскользнуло с плавающего листа в холодную воду. Жадно следит за ним глазами натуралист и узнает в нем, наконец, хорошенькую маленькую черепаха, которая быстро бежит по дну реки и через минуту уже скрывается в тине или среди водяных растений. Пройдет, пожалуй, больше часа, пока черепаха опять покажется на поверхности воды, чтобы подышать воздухом, и тогда наблюдатель должен, как охотник в засаде, избегать всякого движения или шума. Наконец, начинают появляться то там, то сям, на гладкой поверхности воды, маленькие головки, ярко блестят маленькие черные глазки, и животное медленно, почти не производя ряби, плывет к берегу и именно к тому месту, где стоит его усердный наблюдатель: нужно заметить, что все низшие существа узнают о присутствии человека или вообще всякого одушевленного существа только по их движениям. Это нужно приписать их неумению схватывать предмет глазами и замечается не только у низших, но и у других высших животных. Черепаха может прямо из воды так же легко выползти на протянутую ей руку, как и на камень или на землю, конечно, под тем только условием, что эта рука была совершенно неподвижна и не выдавала своего присутствия каким-либо запахом. Может ли наблюдатель схватить ее? Да, конечно, потому что укушение ее неопасно. Радостно держит он в руке копошащееся животное, спешит домой, где показывает первому попавшемуся американскому приятелю свою счастливую находку. «Если это животное тебе нравится, — говорит, улыбаясь, янки, — то ты можешь получить их тысячи».

Действительно, Америка — настоящее отечество черепах, но и Азия изобилует ими, нельзя сказать, чтобы и Африка была ими бедна. Там, где в теплой стране есть вода, они всегда встречаются в большом количестве.

Семейство пресноводные черепахи

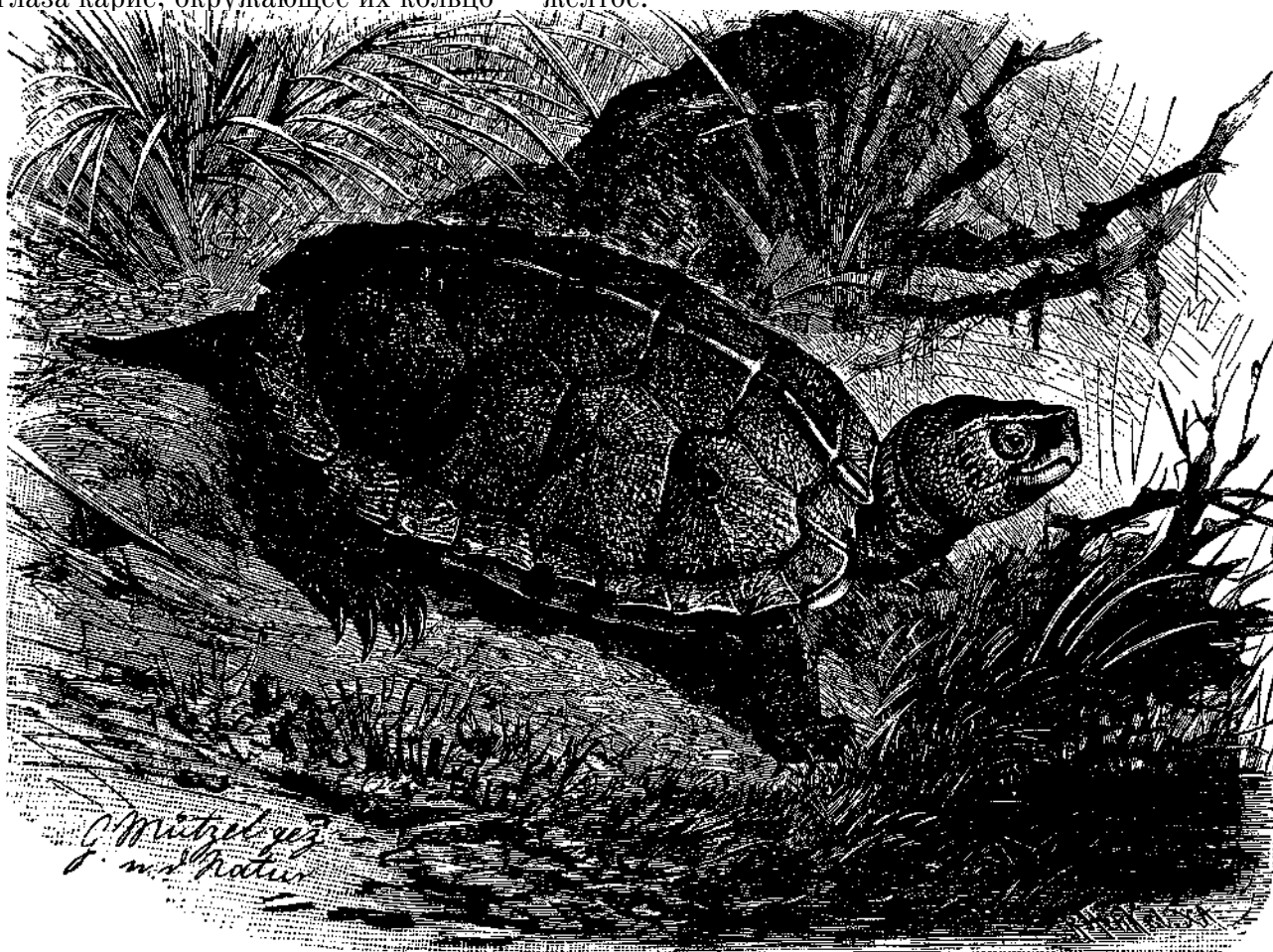
Все пресноводные черепахи живут в сырых местах, по большей части в водах медленно текущих рек, прудов и озер. Их можно с полным правом назвать прекрасно одаренными водяными животными. Движения их на твердой земле беспомощны и медленны, хотя значительно быстрее большей части настоящих сухопутных черепах, зато движения их в воде, при плавании — очень быстры и замечательно ловки. Их часто можно видеть лежащими или плавающими на поверхности воды, при малейшем же подозрительном шуме они с быстротой молнии ныряют в глубину, чтобы в то же мгновение скрыться в иле или под корнями растений. «Они, по-видимому, прекрасно умеют становиться невидимками. Я находил иногда берега ручьев и прудов и даже малейшую возвышенность совершенно покрытыми обыкновенными американскими черепахами, которые, по-видимому, беззаботно грелись на солнце. Но стоило к ним подкрасться так быстро, чтобы можно было схватить их рукой, как они беззвучно исчезали, и тогда поймать их можно было только при условии совершенной прозрачности воды с чистым песчаным дном, иначе они в то же мгновение проворно закапывались в ил, благодаря силе и ловкости своих ног». Во время погони за своей добычей черепахи эти выказывают изумительное умение плавать. Европейские и североамериканские виды питаются преимущественно животными, как то: мелкими млекопитающими, птицами, пресмыкающимися, земноводными, рыбами и беспозвоночными, которых они постоянно проглатывают под водой. Напротив того, многие виды, живущие в Индии (по крайней мере, четыре из них), питаются исключительно растениями. Целыми часами плавают они на поверхности воды, опустив глаза вниз, и тщательно всматриваются в лежащее под ними дно, так что их можно сравнить с орлом, выслеживающим добычу. Завидев ее, они ускоренно двигают ногами и, выпустив воздух, быстро опускаются в глубину. Здесь они жадно набрасываются на лакомую пищу, хватая ее всегда острыми челюстями и, минуто спустя, сильным движением вытянутой вперед головы проглатывают ее. Тристрам приписывает пресноводным черепахам и султанским курочкам разорение гнезд и уничтожение выводков, которое замечается во всех озерах и болотах Алжира. Среди рыб они хозяйничают еще больше, чем среди птиц, и там, где рыбы приобрели некоторую ценность, они приносят людям ощутимые убытки.

Легко понять, что умственные способности болотных черепах находятся в полном соотношении с их подвижностью и хищничеством. Органы чувств развиты у них гораздо лучше, чем у всех других сухопутных черепах, а по умственному развитию они значительно выше последних. Они очень скоро замечают, когда их тревожат, и некоторые из них выказывают такую хитрость и осторожность, какой нельзя было бы от них ожидать, они умеют выбирать самые удобные убежища и

умно пользуются приобретенным опытом. В неволе скорее всех других черепах становятся ручными, относительно скоро узнают своего хозяина, подплывают или подползают к протянутому им пальцу и едят из рук, вообще они легко привыкают к людям, не делая, впрочем, между ними никакого различия.

С приближением зимы черепахи зарываются довольно глубоко в почву и остаются там все неблагоприятное время года в состоянии, похожем на смерть. То же самое делают они и под тропиками в сухое зимнее время, когда засуха временно испаряет все воды, служащие им местопребыванием. Миллер рассказывает, что они совершенно подкапывают берега некоторых североамериканских рек. «Поэтому их зимнее убежище очень легко отыскать: оно имеет такой вид, будто бы в нем копалось целое стадо свиней». В Северной Америке они по одиночке выползают из своих убежищ, уже в апреле или начале мая, если весна не запоздала своим появлением, и принимаются тут же за свою летнюю жизнь, а вместе с тем и за дело размножения.

Длина **лесной черепахи** (*Clemmys insculpta*) достигает 29 см, из которых 5 см принадлежат хвосту, длина щита доходит до 18 см. Яйцевидный спинной щит несколько килеват, задние его края зубчаты. Грудной щит спереди цельный, а сзади выемчат. Пальцы ног снабжены только у основания плавательными перепонками; в верхней челюсти замечается выемка, по обеим сторонам которой видно по тупому зубцу. Щитки спинного панциря буроваты и расписаны лучистыми, несколько загнутыми линиями из желтых точек; пластинка брюшного щита серо-желтая с большим темным пятном на нижней части. Мягкие части тела темно-бурые или оливкового цвета, нижние части шеи ног и хвоста красные с черными точками, с обеих сторон шеи видна яркая желтая полоса, глаза карие, окружающее их кольцо — желтое.

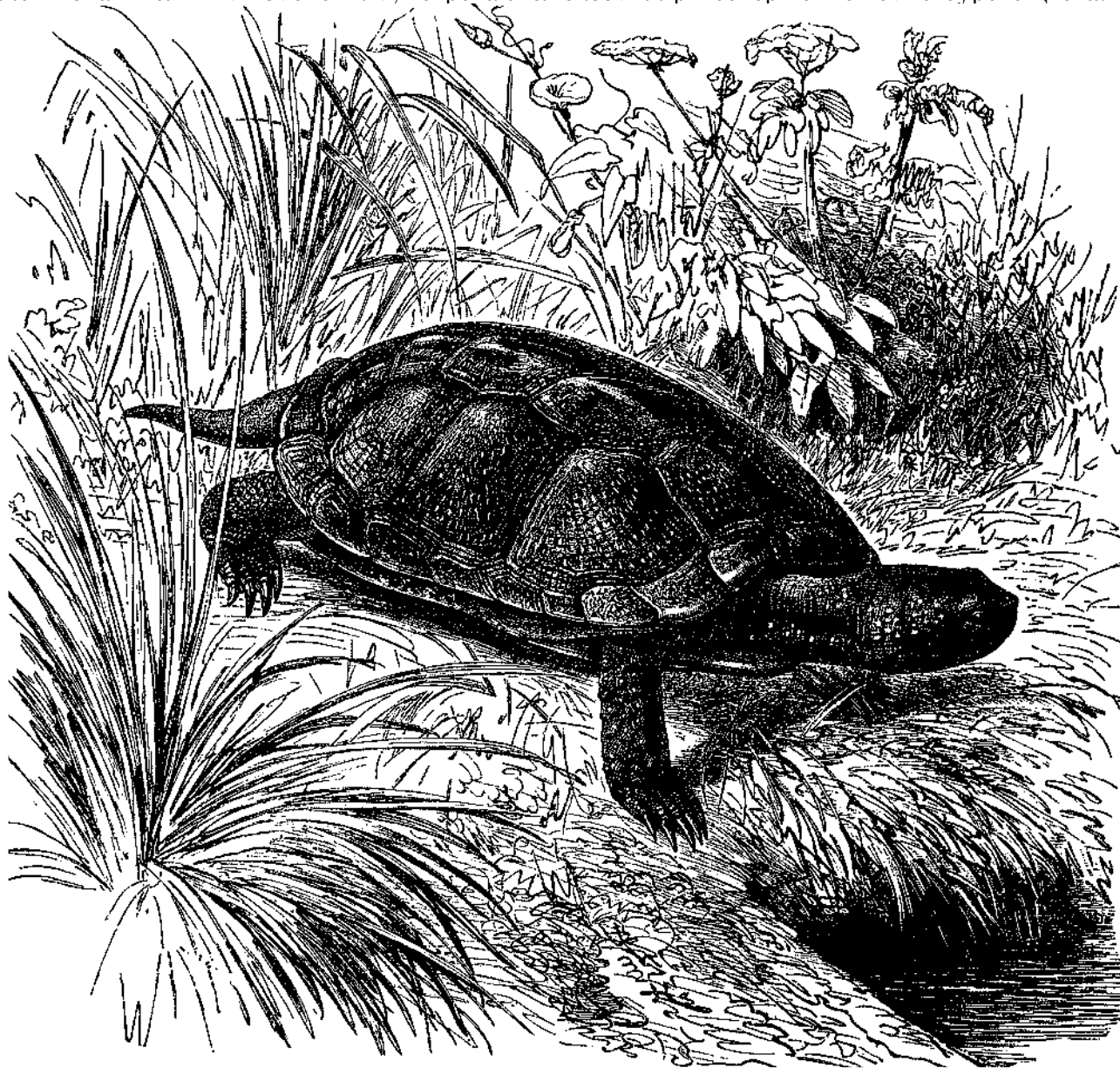

Лесная черепаха (*Clemmys insculpta*)

Все приатлантические береговые земли Соединенных Штатов от Мэна до Пенсильвании служат отечеством огромному количеству черепах этого вида. Они тоже живут в болотах и реках, но чаще и на более продолжительное время покидают воду, чем другие их сородичи, и целыми месяцами остаются иногда на суше. Гальдеман думает, что они делают это с целью освободиться от одного паразита, который мучает их в воде. Гольбрук заметил, что пленные черепахи этого вида так же живо и ловко движутся на суше, как и в воде, следовательно, могут жить как здесь, так и там. По словам Миллера, лесная черепаха предпринимает часто путешествия от одной воды к другой или совершает переходы по полям и лесам, за что и получила в Америке название «лесной че-

репахи». В местностях, бедных водой, наши путешественники, желая скрыться, зарываются просто в мох, так как пленные лесные черепахи поступают точно так же, то мы имеем полное право думать, что сухопутная жизнь есть отличительный признак этого вида, а не следствие испытанных ею в воде страданий. Живость их проявляется и в отношениях к другим животным: они постоянно нападают на товарищей по клетке или месту жительства. Относительно пищи и размножения лесные черепахи почти ничем не отличаются от других пресноводных черепах.

Наша европейская болотная черепаха (*Emys orbicularis*) достигает 32 см общей длины, из которых 8 приходится на хвост, длина щита не более 19 см. Не защищенные щитом части тела покрыты по черноватому фону кое-где желтыми точками, пластинки спинного панциря украшены по темно-зеленому фону лучевидно расходящимися рядами мелких точек желтого цвета, пластинки брюшного панциря — грязновато-желтые и покрыты неправильно и редко расположенными точками бурого цвета или же лучистыми огненными полосками. Впрочем, как цвет, так и рисунок подвержены значительным изменениям, встречаются экземпляры совершенно темно-бурого цвета.

Европейская болотная черепаха (*Emys orbicularis*)

Настоящим и, вероятно, первоначальным отечеством этого вида черепах мы считаем южную и восточную часть центральной Европы. Она очень обыкновенна в Албании, Далмации и Боснии, в Италии, не исключая островов, в низменностях Дуная и в Венгрии, встречается и в южной Франции, Испании и Португалии, Алжире, к северу от Атласских гор, не менее часто — в России на большом протяжении, к востоку от Сырдарьи, даже в Курдистане и Персии. В Германии они населяют реки и стоячие воды в Бранденбурге и Мекленбурге, в Польше в Познани, Померании, а может быть, встречается и в Силезии, следовательно, в системе Одера и Вислы, до Балтийского моря она никогда не доходит. Отдельные экземпляры болотных черепах, найденные в других местах Германии, мы должны считать просто убежавшими из неволи животными. Эта черепаха живет в

настоящее время только на северо-востоке Германии, между тем как она еще после ледникового периода населяла все болота Германии и Англию. Может ли этот вид, как предполагает Зиммрот, вновь водвориться в окрестностях Лейпцига — покажет нам время. Она дальше всех черепах проникает на север и распространена на более обширном протяжении, чем другие ее сородичи, так, например, она встречается между Алжиром и Курляндией, Португалией и Сырдарьей.

Европейская болотная черепаха предпочитает стоячие, медленно текущие и мутные воды быстрым рекам и чистым озерам. Днем она выходит из воды, чтобы погреться на солнце, только в самых уединенных тихих местах, но все-таки держится поблизости воды и сидит неподвижно и тихо на одном месте до самого захода солнца, когда опять оживает, так как главная ее деятельность проявляется, по-видимому, ночью. Во время зимних месяцев она закапывается в ил. В половине апреля, если погода ей благоприятствует, она опять появляется на поверхности земли и дает о себе знать особым свистом, который, по всей вероятности, должен считаться призывным криком самца. Она очень осторожна и, плавая в воде, ныряет под воду при малейшем шуме. В своей родной стихии черепаха эта очень проворна, но и на суше довольно ловка, по крайней мере движется гораздо скорее сухопутных черепах. Пища ее состоит из червей, водяных насекомых, лягушек, саламандр и головастиков. Она ловит и рыб и даже решается нападать на довольно крупных, кусая их в нижнюю часть тела до тех пор, пока жертва ее, совершенно обессиленная, не попадает к ней в лапы. Маркграф заметил на пленных черепахах, что они убитых ими рыб тотчас уносили под 7139 Семейство пресноводные черепахи воду, где и пожирали со всеми костями. При разрывании добычи черепаха часто откусывает плавательный пузырь, который и поднимается на поверхность воды, поэтому если мы заметим на воде много плавательных пузырей, то можно с уверенностью сказать, что тут водятся европейские болотные черепахи. В неволе они долго могут жить в совершенном здравии, если их кормить рыбами, дождевыми червями или сырым мясом, они скоро становятся ручными, едят из рук, привыкают спать на определенных местах и в теплом помещении не впадают в зимнюю спячку, если же им отведут небольшой пруд в саду, то они закапываются в ил с наступлением холодного времени.

По словам Ратке, совокупление происходит следующим образом: в теплый майский вечер самцы влезают на спину самок и животные начинают выходить попарно из пруда, причем самка положительно несет на спине самца, который обхватывает ее ногами. Вышедши на плоский берег, черепахи довольно долгое время остаются там вместе, если их ничто не потревожит. Число яиц достигает, по Даннилу, 13, по Дюригену — 15.

О способе размножения и о кладке яиц европейской болотной черепахи очень подробно сообщает нам Мирам. Хотя результаты его наблюдений почти ничем не разнятся с добытыми ранее над другими черепахами, но Мирам описывает размножение подробнее всех других наблюдателей, почему и заслуживает, чтобы мы его сообщения передали в полном их объеме. Мирам долго держал с научной целью много живых черепах в своем саду, окруженном высокой стеной, за неимением пруда он велел вкопать в землю большое корыто, служившее водоемом. Крестьяне из окрестностей Киева приносили ему из озер и прудов множество черепах, но в основном взрослых, редко молодых, да и то преимущественно в апреле и мае. Часто случалось, что принесенные черепахи клали яйца в разных местах сада, поэтому Мирам дал им полную свободу в этом и заметил вскоре, что самки для выкапывания себе гнезд выбирали самое высокое место сада, почва которого состояла из песка, смешанного с глиной.

Кладка всегда происходит вечером перед солнечным закатом около 7 или 8 часов, но так как выкапывание и зарывание гнезда происходит одновременно, то вся операция продолжается почти всю ночь. 28 мая 1849 года в теплый прекрасный вечер, после продолжительной засухи, пять черепах стали класться одновременно, для этой цели они сошлись в вышеупомянутом месте сада около 7 часов вечера. Они не соединились на узком месте, но держались, напротив того, довольно далеко друг от друга. Выбрав себе удобное место, свободное от всяких растений, они выпустили довольно значительное количество мочи, вследствие чего верхний слой земли несколько разрыхлился, после чего стали буравить землю хвостом, мускулы которого были туго натянуты, при этом они прижимали кончик хвоста к земле, между тем как верхняя часть его описывала вращательное движение. Вследствие этого сверления образовалось вверху широкое, внизу узкое отверстие конической формы, в которое черепахи, чтобы размягчить почву, пускали мочу в небольшом количестве. Когда пробурванное отверстие достигало длины хвоста, черепахи начинали раскапывать дальше яму задними ногами. С этой целью они попеременно, то правой, то левой ногой, выкапывали землю, выкладывая ее всякий раз на край ямы и образуя, таким образом, вокруг нее род вала. При этом ноги их действовали совершенно как человеческие руки, черепахи царапали землю попеременно то пра-

вой ногой справа налево, то левой слева направо, причем всякий раз выносили из ямы, так сказать, горсточку земли, которую и выкладывали заботливо кругом отверстия, в некотором расстоянии от края, и работали, таким образом, до тех пор, пока ноги достигали земли. Все туловище оставалось в это время неподвижно, а голова едва высывалась из щитков. Каждая черепаха сделала, таким образом, яму в двенадцать сантиметров в поперечнике и более широкую посередине, почти яйцевидной формы. После нескольких тщетных попыток выкопать еще больше земли из ямы животное, кажется, убедилось, что гнездо готово. Вся операция продолжалась около часа, а может быть, и более.

Не изменяя положения, черепаха принялась тотчас после того за кладку, которая представляла так же много любопытного, как и предшествующие ее действия. Из заднего прохода показалось яйцо, которое было осторожно подхвачено задней ногой, подставленной, так сказать, ладонью вверх, и так же осторожно опущено на дно ямы. После того бывшая в действии нога спряталась, и другая задняя нога точно так же поймала второе яйцо, которое, по примеру первого, было тоже опущено в яму. Так попеременно, то правой, то левой ногой, подхватывалось по яйцу и опускалось в гнездо.

Скорлупа яйца была вначале мягкая, но очень скоро затвердела на воздухе. Яиц обыкновенно бывает 9, редко менее, Мирану только один раз случилось видеть, что черепаха положила 11 яиц. Так как яйца появляются одно за другим очень скоро, почти всегда через минуту, редко через две-три, то и вся кладка продолжается не более четверти — получаса. Окончив с кладкой, животное, по-видимому, решилось отдохнуть: оно лежало некоторое время совершенно неподвижно. Нога, бывшая в действии последней, свешивалась, как бы в изнеможении на краю ямы, так же, как и хвост, который во время кладки бывает свернут на сторону. По прошествии получаса черепаха принялась за последнюю и, по-видимому, самую утомительную работу: зарывание ямы и утаптывание над ней земли.

Для этой цели она опять свернула хвост на сторону и подтянула под себя висевшую ногу, другой она захватила горсть земли, осторожно опустила ее в яму и заботливо обсыпала ей яйца. То же сделала она и другой ногой, и так попеременно работала она то той, то другой ногой, пока хватило вырытой из ямы земли. Но последние пригоршни земли не были уже брошены с такой осторожностью, как первые: черепаха, напротив того, старалась придавить ее наружной частью ноги. Когда, наконец, после получасовой работы вся земля с вала была употреблена в дело, наступило время второго отдыха. После того черепаха поднялась, высунула голову между щитами и обошла гнездо кругом, как бы для того, чтобы убедиться в удовлетворительности своей работы. Затем она начала утаптывать образовавшийся холм задней частью своего грудного щита; при этом она приподнимала заднюю часть тела вверх и потом быстро опускала ее с известной силой. Это утаптывание совершалось кругом всего гнезда и было очень утомительной работой, животное исполняло все эти движения с изумительной для черепахи быстротой и тщательностью, вследствие чего ей так хорошо удалось скрыть следы устроенного на том месте гнезда, что Миран на другое утро напрасно бы проискал свои яйца, если бы не догадался отметить место знаком.

Яйца, положенные таким образом в землю на глубину около 8 см, остаются там до августа или сентября, когда молодые черепахи выползают на свет Божий. Длина их в это время равняется 15-20 мм. Если при вылуплении они освобождены уже от желточного мешка, то по большей части грудной щит их носит между пластинками явные следы шнурка, к которому посередине был прикреплен этот мешок.

Миран прилагал все старания, чтобы вырастить их большими, но все-таки не мог сохранить их долее трех месяцев. Маркграф был счастливее: ему удалось вырастить нескольких родившихся у него европейских болотных черепах. В течение всей зимы молодая черепаха ничего не ела и по большей части лежала неподвижно на дне водоема с втянутой под щит шеей, в ясные дни она немного прохаживалась по комнате. С наступлением весны она начала есть, а на третьем году уже была в состоянии проглатывать целиком дождевых червей и мелких рыб. Больше всего она ела в июне, начиная с сентября, аппетит ее уменьшался, а к ноябрю она вовсе переставала есть. Черепаха эта до жила до пяти лет.

Фишер-Зигварт рассказывает нам интересный случай до гадливости европейской болотной черепахи. В большом водоеме, где черепахи жили вместе с золотыми рыбками и редкими земноводными, их обильно кормили сырой телятиной, чтобы удержать от пожирания других обитателей водоема. Они действительно не трогали золотых рыбок. Но когда в один из бассейнов, в который черепахи обыкновенно не заглядывали, были впущены два протей и несколько аксолотлей, то они скоро отыскивали лакомую пищу и в один прекрасный день наш наблюдатель увидел, как одна чере-

паха пожирала протeya, между тем как вторая гонялась за аксолотлями, тихо подплывала к ним и потом вдруг высовывала голову, чтобы поранить преследуемое животное. Чтобы прекратить подобные разбойничьи набеги, кругом всего бассейна вбили в землю на расстоянии 23 см ивовые тычинки, которые соединили еще сверху тонкой проволокой. На другой день хозяин водоема увидел черепаху, в то время как она старалась протиснуться между двумя тычинками, причем ей приходилось стоять на боковой грани своего щита. Проволочная загородка помогла только на короткое время, разбойники не унялись, пока не преодолели препятствие. Они частью разрушили загородку, частью перелезли через нее или долгими и мучительными усилиями пробирались между проволочными прутами. Одним словом, они действовали с осмотрительностью и настойчивостью, достойной лучшей цели.

Относительно их способности к приручению рассказывает нам Мартин следующую интересную историю: «Самая маленькая из живущих у меня пяти черепах, величиной в талер, с первых дней выказывала вдвое больше живости, чем все остальные: в то время как другие лежали неподвижно, она весело разгуливала по своему помещению. Весьма естественно, что вместе с физической деятельностью развивалась и умственная и что крошка ранее всех своих сотоварищей сбросила свою естественную робость. Вследствие этого она сделалась любимицей моей жены, которая по нескольку раз в день сажала ее на руку, разговаривала с ней, ласкала ее, чем доставляла ей заметное удовольствие. Уже с первых дней знакомства она была названа Августом и с той поры вела себя необыкновенно разумно, т.е. не втягивала под щит при малейшем прикосновении голову и ноги, как это делали ее глупые сестрички, но выказывала себя весьма храброй, оживленно и умно поворачивая головку в ту и другую сторону. По прошествии нескольких дней Август уже отзывался на свое имя, и когда жена подходила к водоему, где сидели все пять черепах, то ей стоило только несколько раз назвать избранницу по имени, чтобы увидеть, как Август быстро вбегал на скалу из песчаника; он делал это с такой торопливостью, что часто падал головой вниз, но также скоро опять поднимался вверх и выказывал сильное желание быть вынутым из помещения.

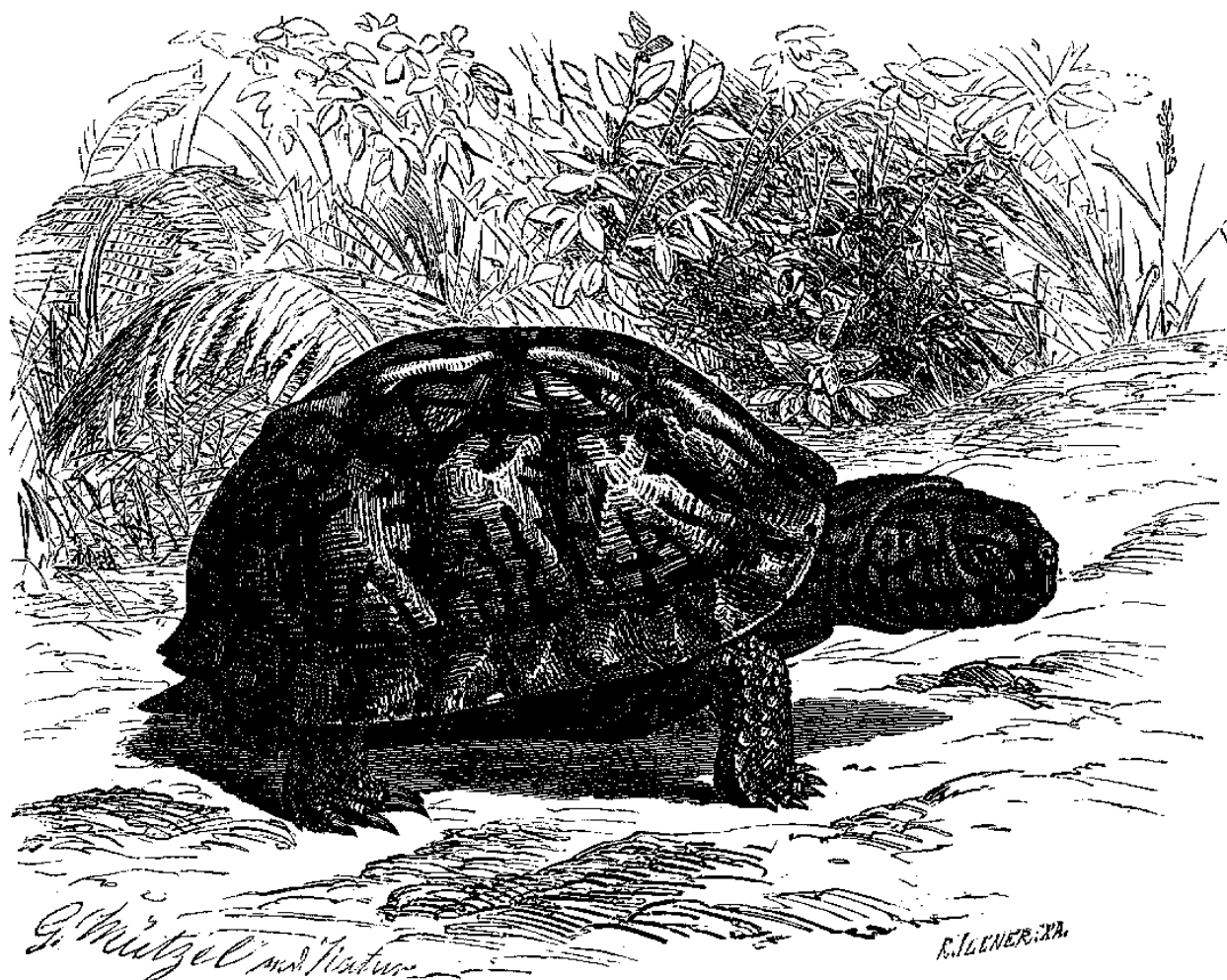
Такого рода привязанность в черепахе достойна тем большего внимания, что ее нельзя привлечь лакомствами; как известно, черепахи могут есть только под водой. Следовательно, эту привязанность прямо должно объяснить только стремлением к сближению с людьми, что доказывает довольно хорошо развитую умственную деятельность у этого, по-видимому, беспомощного животного. В настоящее время, когда прошло уже два года пребывания у нас черепах, другая из них, значительно большая, стала тоже отзываться на зов Август, так что теперь появляются уже две черепахи на этот зов, впрочем, он оказывает свое действие только в устах моей жены.

В последнее время черепахи стали поступать в торговлю целыми массами для любителей аквариумов и террариев, особенно в Венеции, где занимаются правильным ловом их.

Мясо европейских болотных черепах съедобно, но малая польза, которую они этим приносят людям, так же как и пожиранием дождевых червей и улиток, далеко не искупает вред, приносимый ими уничтожением молодой рыбы.

У Каролинской коробчатой черепахи (*Terrapene Carolina*) посередине спины проходит возвышенность в виде тупого кия, этот вид черепах очень разнообразен по строению, окраске и рисунку. Цвет верхней стороны обыкновенно красно-бурый или черно-бурый, рисунок состоит из желтых неправильных пятен и полос, у темно-бурых экземпляров встречается иногда на боковых пластинках рисунок в виде золотисто-желтого Е. По желтому фону щитков брюшного панциря проходят бурые жилки. Длина щита равняется 13, а у некоторых разновидностей — 17 см. Ширина обыкновенно 11-12 см. Продолговатая голова яйцевидной формы снабжена острыми незубчатыми челюстями и покрыта, так же как и ноги, бурыми и желтыми пятнами. У самца красная, а у самки бурая или серая радужная оболочка.

Область распространения каролинской черепахи проходит по большей части восточных Соединенных Штатов от Мэна до Флориды, на запад до Миссури и Техаса, одна из ее разновидностей встречается еще в Мексике, но совершенно отсутствует в Вест-Индии. В вышеупомянутых местностях она водится везде и в большом количестве. Каролинская черепаха по своему образу жизни сходна с другими сухопутными черепахами. По словам Орда, который хорошо наблюдал этих черепах, их чаще можно встретить на сухих, чем на сырых местах. Тот наблюдатель, который найдет ее на сыром месте, может быть вполне уверен, что в эту неприятную для нее местность она привлечена какой-нибудь лакомой добычей.

Каролинская коробчатая черепаха (Terrapene Carolina)

Так, например, в тех болотах, где цапли вьют себе гнезда, на нее наверно можно рассчитывать, потому что под гнездами всегда лежит много сгнившей рыбы, которая, по-видимому, служит настоящим лакомством для этой черепахи. Кроме этих остатков она ест и насекомых, улиток, червей, нежные грибы* и ягоды, последние даже с особенной жадностью.

** Каролинская коробчатая черепаха может поедать даже ядовитые грибы.*

Другие наблюдатели вполне подтверждают сказанное выше. «Я имел часто возможность, — говорит Миллер, — наблюдать за Каролинскими черепахами как на свободе, так и в неволе, и никогда не находил их в воде, а, напротив того, заметил, что, попавши в воду, они выказывали большое неудовольствие и старались как можно скорее выбраться из нее. Они встречаются, правда, и на сырой и даже на болотной почве, но живут обыкновенно в лесах и на лугах, предпочитая, по-видимому, лиственные леса всяким другим местностям. Ее находят иногда и на очень сухих, даже на безводных местах». Однако Шуфельдт утверждает, что каролинская коробчатая черепаха иногда добровольно спускается в воду. Они часто закапываются, по словам Миллера, до половины в мох или землю и, вероятно, тогда заняты пожирием грибов, червей и насекомых. Миллер поймал однажды черепаху в пустом дупле, откуда слышался еще издали шум ее работы; он нашел ее окруженной личинками насекомых, которыми она питалась. Каролинские черепахи любят темноту. По словам Фишера, черепахи этого рода забирались днем за печку, под шкафы и другие заслоняющие свет предметы: с наступлением же ночи становились живее и всегда бегали по комнатам, когда светила луна. Точно так же поступают они, без сомнения, и на свободе. Здесь Каролинская черепаха выказывает себя не менее боязливой и робкой, чем другие маленькие виды ее сородичей. При приближении существа, несколько больше ее ростом, она тотчас втягивает голову и ноги под щит и так плотно захлопывает клапаны, что становится совершенно безопасной от обыкновенных хищных зверей. Но в раздражении она тоже защищается, кусается и не так-то легко выпускает из пасти захваченный предмет. Шиль протянул однажды, шутя, найденной в прерии черепахе сучок толщиной в палец, который она, наконец, схватила своими челюстями. Чтобы узнать, выпустит ли она его и когда именно — Шиль привязал этот сучок к своей дорожной повозке, так что черепаха повисла

в воздухе. Повозка тронулась, и черепаха целый день, с утра до вечера, болталась на суке, не выпуская его, следовательно, не уставая.

За каролинской черепахой почти совсем не охотятся**.

* * *Тем не менее на северо-западе Северной Америки каролинская черепаха была полностью истреблена человеком.*

Ее мясо не употребляют в пищу, несмотря на то, что оно чрезвычайно вкусно. Причиной тому служит тот же предрассудок, который заставляет крестьян пренебрегать лягушками, улитками или грибами. Чего крестьянин не знает, того он не ест. «Когда однажды, — рассказывает Орд, — старый моряк, вышедши в отставку, поселился в Пенсильвании и стал посылать ребятишек за лягушками и черепахами, которых он ел, то возбудил вообще недоверие только потому, что умел ценить такую вкусную и здоровую пищу». Яйца нравятся больше.

О способе размножения Каролинской черепахи сообщает нам очень подробно Орд. Он держал много лет подряд несколько черепах в своем саду, во всех отношениях удобно устроенном для самых тщательных наблюдений. Несмотря на доступное им большое пространство и почти неограниченную свободу, очень немногие из них приступили к делу размножения, и даже большая часть яиц погибла, по всей вероятности, от укусов маленьких муравьев, разорявших их гнезда. Рытье ям для гнезда и кладка яиц происходит в общем точно так же, как описано про европейскую болотную черепаху. Яма выкапывается так глубоко, как только достают ноги самки, и кладка яиц, по-видимому, не причиняет родовых болей, хотя яйца, числом от пяти до шести, появляются в промежутках не менее пяти минут одно после другого. Полузрелые самки тоже несутся иногда, причем ведут себя совершенно так же, как и взрослые. Каждое положенное яйцо окружается землей, а яма опять засыпается и место тщательно уравнивается. Во все время рытья ямы и кладки черепаха не изменяет своего положения и даже не оглядывается назад. Потрясенные во время кладки черепахи принимаются за новую яму только по прошествии 14 дней.

Орд вынул однажды из ямы яйца черепахи в самый день кладки и переложил их в ящик, наполненный землей. Первая черепаха вылупилась из яйца на 88, а последняя на 109 день после кладки. Молодые черепахи были различной величины и силы, все хорошо сложены и с первой минуты жизни очень подвижны и проворны, но щиты их были еще мягкие, и остатки желточного мешка очень заметны на середине грудного щита. Однако часто случается, что средняя температура пенсильванского лета недостаточна для полного созревания яиц и наступившая зима застаёт их еще в скорлупе. В таком случае они, конечно, еще скорее погибают от холода, чем старые черепахи, которые тоже страдают от мороза, если не успели довольно глубоко зарыться в землю. Счастливы вылупившиеся детеныши зарываются в землю в одно время со старыми, т.е. в Пенсильвании в половине октября, чтобы опять появиться к 20 апреля. Свои зимние убежища они выбирают весьма искусно в рыхлой почве и на месте, защищенном от северных ветров.

Мюленберг рассказывает, что Каролинская черепаха преследует крыс и змей, что ради этого ее ловят и сажают в погреб, где она оказывается весьма полезной. По его словам, она хватается этих животных и, ущемив их между спинным и грудным панцирем, давит на смерть, после чего пожирает их. Но этот рассказ доказывает только, что добродушному Мюленбергу навязали детскую сказку. Как дело обстоит в действительности, узнал Кэй на собственном опыте, когда посадил в свой погреб черепаху, чтобы испытать справедливость пущенного Мюленбергом слуха: оказалось, что сама черепаха была заедена крысами. Однако совершенно верно, что в доме она приносит известную пользу истреблением личинок и насекомых, для чего ее охотно держат в неволе. Черепахи этого вида питаются самой разнообразной пищей: они едят грибы, салат, картофель, овощи, хлеб, насекомых и мясо. Жившая у Рейхенбаха Каролинская корбчатая черепаха выказывала странное отвращение к средиземноморской черепахе, с которой жила в одном помещении. «В то время как я спокойно занимался, — рассказывает Рейхенбах, — я часто слышал как будто постукивание маленьким молоточком и никак не мог понять причины этого стука. Я заметил, наконец, что маленькая каролинская черепаха напала на большую средиземноморскую: подступив к ней с известной злобой, она старалась приблизиться к середине боковой стороны своей противницы; достигнув этого места, она втягивала голову, становилась на передние ноги и с расстояния около 2 см начинала, наподобие римских таранов, ударять передним краем своего щита в середину бока средиземноморской черепахи, повторяя эти удары от десяти до двенадцати раз подряд. Это интересное зрелище повторялось ежедневно, и многие из моих друзей наблюдали его вместе со мной, пока маленькая черепаха, может быть, со злости на бесполезность своих усилий, наконец, не околела». Обе черепахи, вероятно, были самцами. С наступлением зимы необходимо дать Каролинским черепахам воз-

возможность зарыться в землю, в этом состоянии они вернее всего переносят зимний холод. По словам Шнека, они доживают до 60 лет, а, по словам Ходзсона, до 62 лет.

Семейство сухопутные черепахи

Среди представителей своего класса сухопутные черепахи принадлежат к числу самых ленивых и равнодушных существ. Каждое их движение неуклюже, тяжело и беспомощно. Они в состоянии пройти довольно большие пространства без передышки, но совершают эти переходы с невыразимой медлительностью, лениво переставляя одну ногу за другой и как будто с отвращением передвигая свое тяжелое тело. Однако каждое их движение совершается со значительной силой и выдержанностью. Брошенные в воду или нечаянно попавшие туда черепахи как камень падают на дно, но тут преспокойно путешествуют дальше и после довольно продолжительного времени опять достигают берега, как ни в чем не бывало. Гораздо труднее им перевернуться на ноги, если другие виды черепах или какие-нибудь враги положат их на спину; они должны часто целыми днями работать головой и хвостом, пока им удастся перевернуться, потому что неуклюжие ноги решительно отказывают им в этой услуге. Если им, однако, удастся захватить ртом какую-нибудь ветку или траву, они закусывают ее челюстями и, втянув шею, легко переворачиваются на ноги. Удивительно, что они выказывают сравнительную ловкость в другом роде движений, так, например, они довольно хорошо умеют лазать. Настоящего голоса, по-видимому, у них нет: в раздражении они сопят или фыркают, но не издают настоящих звуков. Умственные способности вполне соответствуют малому объему мозга, который, по-видимому, существует только ради одних внешних чувств. Однако нельзя им отказать в известной степени умственного развития. Они иногда выказывают довольно хорошее знание местности, память, даже некоторую рассудительность или, по крайней мере, стремление к известной цели. «Посаженная на плоский стол, черепаха Горсфильда, — сообщает нам Ветхер, — очень хорошо понимает ту страшную высоту от земли, на которой она находится, и постоянно бегает кругом борта стола, опуская время от времени голову вниз, измеряя вышину стола, но не падая. Случается, однако, что когда в жаркие дни черепаха особенно оживится, она пробует спуститься со стола, и если этот смелый поступок ей удастся, она повторяет его, раза два-три, если ее даже тотчас посадят на стол обратно, все это, несомненно, доказывает, что животное убедилось в безопасности своей попытки. Если же между столом и полом находится какой-нибудь предмет вроде стула или даже моей ноги, она при соскальзывании со стола благоразумно выбирает этот путь, чтобы ослабить силу падения». При виде врага черепахи прибегают к своему обычному средству защиты, втягивая под щит все конечности, чем мало-помалу утомляют самого терпеливого противника, однажды испугавшись, они начинают при малейшем поводе втягивать конечности под спасительный покров. Между собой они иногда выказывают чувства привязанности или отвращения, проявляется иногда и ревность: так, например, два самца могут долго спорить за обладание одной самкой, и эта борьба продолжается с известным упорством довольно продолжительное время. За избранной самкой влюбленные самцы следуют целыми днями, но только в период любви, по прошествии же его каждое животное отправляется отдельно в разные стороны, не заботясь о другом. При кладке яиц они выказывают заботливость, свойственную всем членам этого порядка, к вылупившимся же детенышам относятся совершенно равнодушно. Пища сухопутных черепах состоит преимущественно из мягких частей растений, которые они срывают или, лучше сказать, срезают с корня. Большие виды жадны и в большом количестве поедают всевозможные травы, меньшие с большей разборчивостью выбирают части листьев, отпрыски растений и плоды. Маленькие черепахи рвут траву, а большие срезают острыми челюстями или отделяют захваченный кусок, отдергивая назад голову. Говорят, что иногда они едят червей и улиток, на больших животных они нападать не решаются. Пьют они редко, но много за один раз.

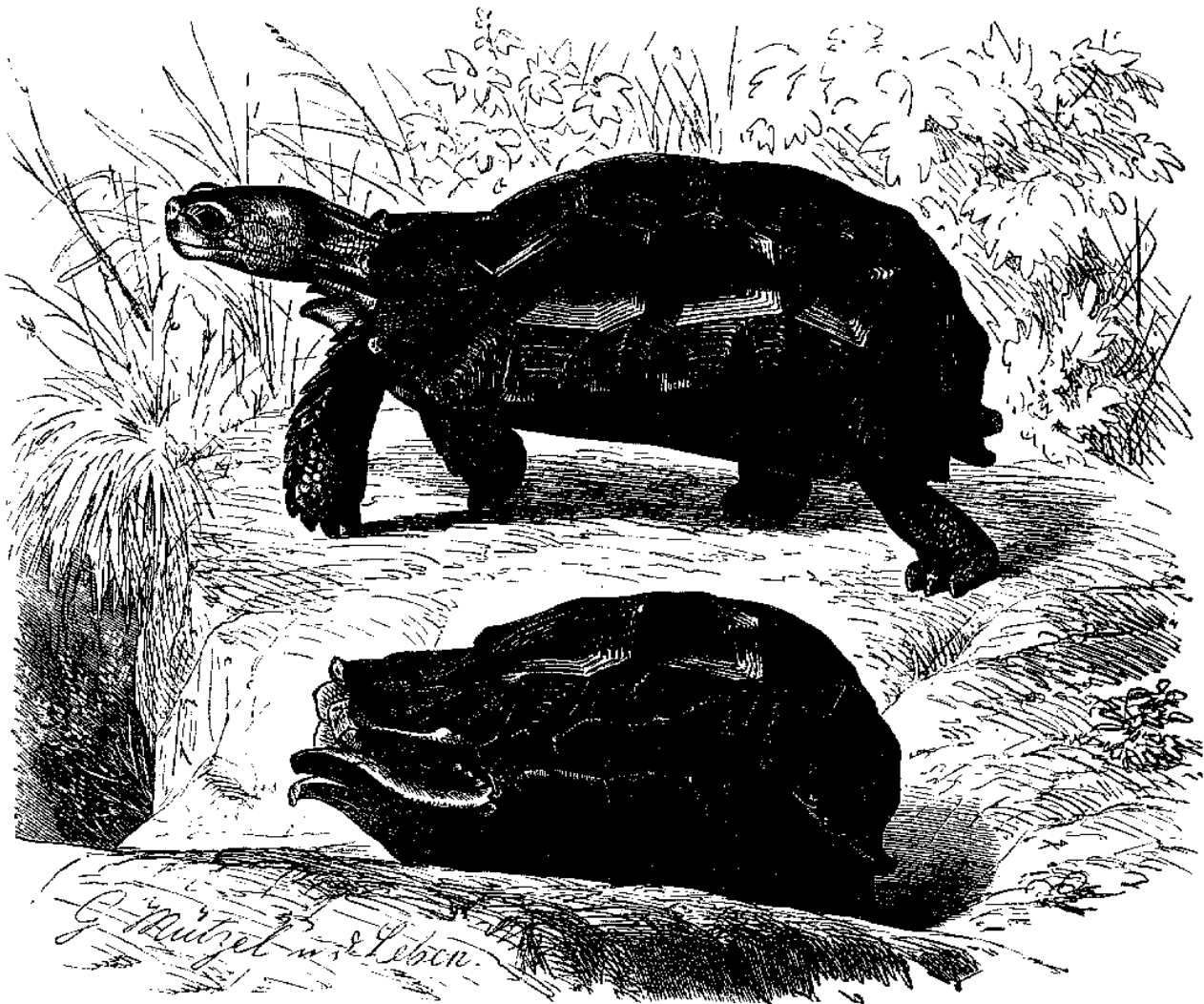
Шаровидные яйца этих черепах, покрытые известковой скорлупой, кладутся в самое благоприятное время года. Они бывают тотчас засыпаны землей или зарыты в листву; детеныши вылупляются через несколько месяцев и начинают вести взрослую жизнь.

Сухопутные черепахи едва ли приносят человеку какую-нибудь значительную пользу. Только в домашнем обиходе диких или полудиких народов их щиты играют большую роль, в виде ящичков и коробочек для домашней утвари; как табакерки, например, они очень часто употребляются у туземцев юго-западной Африки. Мясо сухопутных черепах так же съедобно, как и мясо речных и морских черепах, однако их редко ловят для этой цели. Чаще ловят их для жизни в неволе и тогда пускают их бегать по комнатам и саду. Привыкнув однажды к тесному помещению и к соединенной с ним переменной пище, они легко выживают многие годы в неволе, если зимой позаботятся о доставлении им необходимого тепла. Если же им в течение лета доставляют некоторую свободу, например, позволяют гулять по желанию в саду, окруженном стеной, и только с наступлением холо-

дов переносят в более теплое помещение и, наконец, не препятствуют их зимней спячке, то они чувствуют себя еще лучше, чем в клетке, отыскивают большую часть пищи сами и даже иногда плодятся. Единичные экземпляры выживали 70, 100 и даже 150 лет в неволе.

Зубчатая киникса (*Kinixys erosa*) самый известный, хотя и не самый распространенный вид этой группы. Он отличается овальным, сверху плоским, вперед вытянутым, в затылочной части придавленным книзу спинным щитом без зашейных пластинок. Передний и задний края спинного щитка сильно зазубрены и загнуты вверх. Передняя часть грудного щита довольно значительно выступает вперед против спинного. Спинной щит равномерно светло-каштаново-бурого цвета, щитки на голове, чешуйки на ногах и обе челюсти светло-желтого цвета, некоторые щитки на голове грязновато-бурые. Величина этой киниксы довольно значительна, длина панциря нередко достигает 23 см.

Отечеством этой черепахи можно считать весь запад Африки. Ее находили от реки Гамбии к югу до устьев Конго, как далеко она распространена во внутренней части Африки — до сих пор еще неизвестно.

Зубчатая киникса (*Kinixys erosa*)

Об образе жизни всех вообще киниксе мы получили только в самое последнее время довольно скудные сведения. До той поры я слышал о ней только один рассказ, как в дельте Нигера у одного туземца, державшего подобную черепаху на привязи, ее купили, привезли живой в Европу, кормили только каждые 2-3 недели морскими сухарями, и, несмотря на то, она выжила в неволе несколько лет. В последнее время достигли до нас не только другие экземпляры черепах этого вида, но и подробные сведения об их жизни на свободе. Эти сведения не только бросают неожиданный свет на всех киниксе, но и доказывают тоже верность взгляда Штрауха, который утверждал, что болотные и сухопутные черепахи не только принадлежат к одному семейству, но составляют как бы звенья одной и той же цепи. Хотя Монтейро решительно называет один вид этой группы исключительно сухопутными животными, живущими только на гранитных скалах или очень сухой почве и утверждает, что он появляется только в жаркое дождливое время, а прохладные месяцы, от мая до октября, но уверению туземцев, проводит, глубоко зарывшись под землей, однако о двух других видах суще-

ствуют сведения, доказывающие совершенно противоположное. Егер доказывает, что они служат пищей туземцам, почему ценятся ими очень высоко и по той же причине редко поступают в продажу. При этом он прибавляет: «По-видимому, она может долгое время жить в воде: одна из принесенных мной домой черепах целые месяцы пробыла перед тем в водоеме». С этим вполне согласен Фалькенштейн. «О киниксе, — пишет он, — я не мог много узнать ни из собственных наблюдений, ни из рассказов негров. Я знаю только, что доставленная мне живой киникса встречается нечасто и водится в реках или около них почти до самого их впадения в море. Отсюда она подходит для кладки яиц к самому берегу моря, где ее и ловят. В какое это время происходит — я наверняка не знаю; я убежден, что она прекрасно умеет плавать, несмотря на плохое развитие ног; по крайней мере жившие у меня в неволе черепахи доставали себе пищу из очень глубокого сосуда с водой и, чтобы отыскать ее, опускались на самое дно».

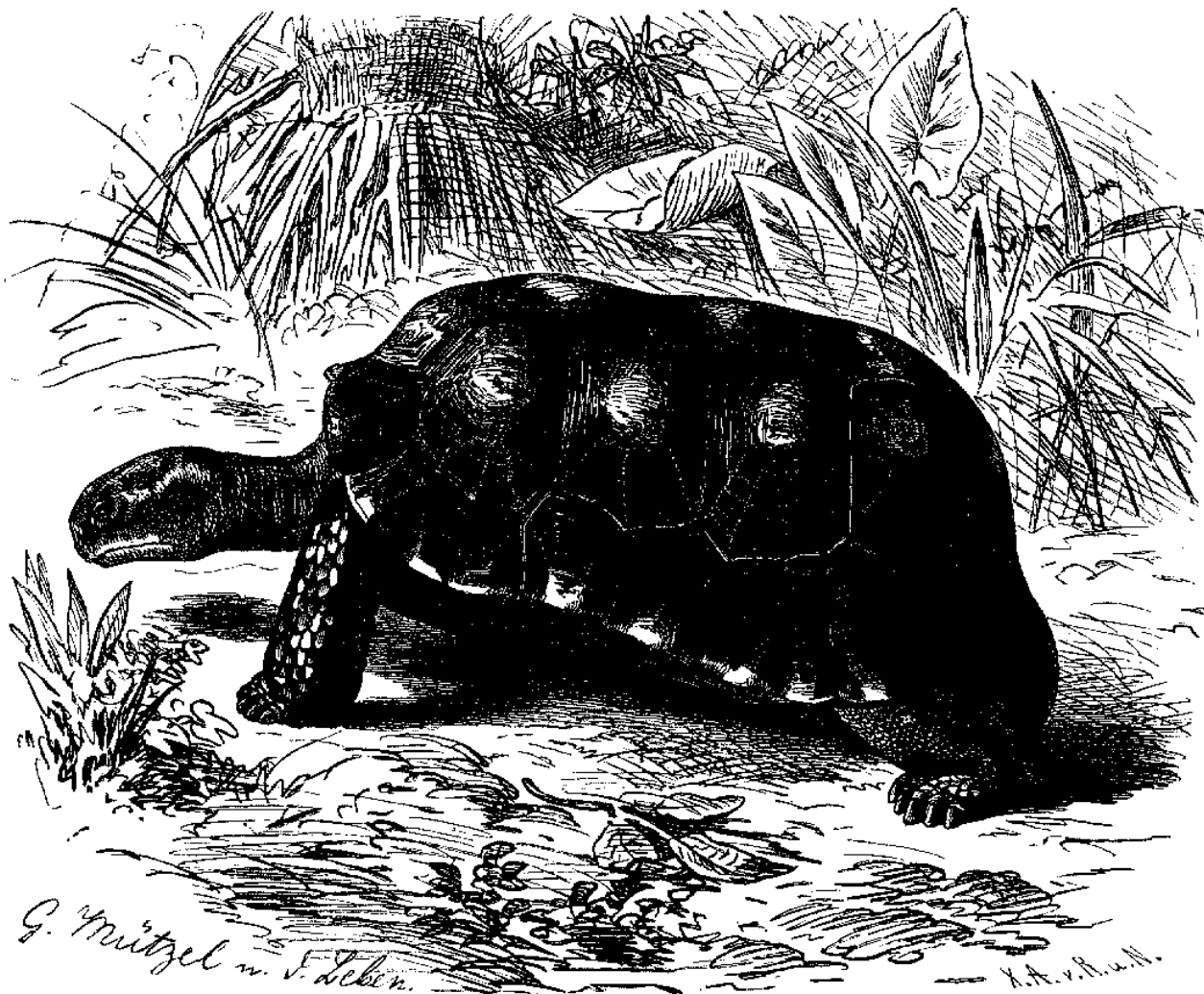
Жизнь в неволе киникса описана в кратких чертах Фишером по его наблюдениям над всеми тремя видами этого рода. Виды эти совершенно сходны между собой по нравам и привычкам: это ленивые и тупые дневные животные, которые едва заметно передвигаются с места на место; их движения так же медленны, как передвижение минутной стрелки; при еде же они так беспомощны, что Фишер удивляется, как они вообще могут насытиться. Одна из черепах, за которыми наблюдал Эффельдт, ела только одни вишни, те, которые жили у Фишера, питались исключительно яблоками, да и то они ели не чаще как через 8-10 дней, а иногда проходило от трех до четырех недель, пока они решались приступить к пище. Сильнее всего возбуждается у них аппетит в ясную погоду и после теплого купанья; но при еде у них часто выпадают куски изо рта, после чего они долго, но тщетно хватаются за них, так что для полного их насыщения требуется не менее двух или трех часов.

Эффельдт сообщил мне незадолго до смерти, что походкой киниксы отличаются от всех других ему знакомых черепах, и их походка может называться хождением на ходулях, так как эти животные выступают буквально на кончиках когтей. В минуты внезапного или продолжительного испуга они совершенно прячутся под панцирь, опускают подвижную заднюю часть щита, вследствие чего образуется открытая только спереди коробка.

Семейство сухопутных черепах в тесном смысле слова отличается следующими общими признаками: сильно выпуклый спинной щит состоит из одного неподвижного куска, разделенный на 12 пластинок брюшной щит — из одной или двух частей, в последнем случае передняя часть неподвижна, задняя подвижна, хвостовая пластинка всегда простая, хотя иногда бывает разделена на поверхности. Затылочная пластинка иногда вдвинута между другими краевыми пластинками или совершенно отсутствует, плечевые и паховые пластинки почти всегда налицо. Голова покрыта щитками, кончик хвоста иногда вооружен роговым наростом. Большие черепитчатые чешуйки покрывают плечевую часть передних ног. Пятки задних ног покрыты наростами в виде шпор, которые иногда, поодиночке или группами, видны и на задней части бедер. Сросшиеся до самых когтей пальцы неуклюжих ног имеют только два сочленения и снабжены спереди пятью, реже четырьмя, а сзади четырьмя когтями. Все принадлежащие к этой группе виды ходят на пальцах и относятся к сухопутным животным в полном смысле слова. К этим признакам Буланже прибавляет, что верхняя челюсть, внутренний и наружный край которой параллельны, снабжена еще продольным костяным валиком.

Из Южной Америки очень часто к нам привозится **зубчатая черепаха** (*Geochelone denticulate*), которую в Бразилии называют шабути. Наружность ее довольно неуклюжа: плоский щит круто спускается спереди, а сзади сильно удлинен, по краям нигде не загнут. Голова довольно большая, края роговых челюстей мелко зазубрены, шея довольно длинная и толстая, хвост очень короткий, неуклюжие ноги поражают своей длиной. На спинном щите 5 широких щитков посередине, по 4 с каждой стороны, и 23 меньших образуют внешний пояс, затылочной пластинки нет. Позвоночные пластинки имеют возвышенную срединную плоскость, которая резко отделяется своей желтой или оранжевой окраской. Брюшной щит очень велик, спереди как бы обрублен, сзади вырезан под тупым углом и состоит из 12 пластинок. Горловые щитки хорошо развиты, но не вытянуты вперед. Спинной щит темно-бурый или черный, каждая пластинка украшена посередине желтым пятном. Брюшной панцирь бурый и желтый, а иногда желтый с большим бурым пятном посередине. Непокрытые части тела черноватого цвета и разрисованы разными оранжевыми или красными пятнами, темя бледно-желтое с черными полосками и пятнами, остальная часть головы черноватая. Над носом видны рядом два круглых желтых пятна, такие же два пятна над ушами и одно на заднем конце нижней челюсти. На буроватом фоне передних ног резко выделяются ярко-оранжевые чешуйки, тогда как задние ноги имеют только на бедрах несколько желтых чешуек и, кроме того,

на пятках несколько пятен того же цвета. Длина щита равняется 55 см. Самец отличается от самки немного более длинным и тонким хвостом и на нижней стороне плоским, даже вогнутым брюшным щитом. У молодых животных спинной щит еще более выпуклый, чем у старых, и окраска ярче.

Зубчатая черепаха (*Geochelone denticulata*)

Зубчатая черепаха распространена по всей тропической Южной Америке к востоку от Анд, встречается также на расположенных к северу от Южной Америки Малых Антильских островах.

На удобных им местах они попадаются даже очень часто. «Я находил, — говорит принц фон Вид, — много пустых щитов в лесах Тапебуку, на 4 градуса севернее Кабу-Фриу, и, идя далее в том же направлении, находил и самих животных всюду в больших лесах восточной Бразилии. В Бельмонте они нередки, и я часто видел в дорожных мешках ботокудов целые щиты этих черепах, так же как и верхний щит речной черепахи, на котором эти дикари растирают свои краски. У реки Ильеус, наконец, во время нашего странствования по непрерывным лесам, мы встречали их часто в самых густых зарослях. Они, по-видимому, живут только на сухой земле, а именно в лесах, и я только там и встречал их. Здесь можно часто увидеть, как они медленно передвигаются на своих неуклюжих ногах, которые тотчас же втягивают под щит, когда увидят что-нибудь подозрительное. Пищу свою этот вид добывает из растительного царства. Они едят преимущественно упавшие с дерева спелые плоды, чрезвычайно разнообразные в этих странах.

"В жаркое время года сухопутная черепаха собирает в кучу множество сухих листьев, в которые и кладет 12 и более яиц. По словам Каплера, одна кладка содержала в Суринаме только 5-6 яиц. Детеныши, по выходе из яйца, желто-бурого цвета, а щит у них еще упругий.

Эти юные животные, как и их родители, имеют много врагов. На старых, несмотря на их толстый щит, нападают иногда большие виды кошек и пожирают их. Хорошо знакомые с лесом и его жизнью индейцы уверяют, что ягуар, найдя такую черепаху, ставит ее стоймя и своими длинными когтями мало-помалу вытаскивает мясо из-под щита. Вот почему, говорят они, и находят в лесах много пустых панцирей. Эти рассказы казались нам тем вероятнее, что пустые панцири на ребре были несколько обгрызаны и раскрыты. Так как эти черепахи не имеют неприятного запаха, то они употребляются в пищу португальцами, неграми и индейцами и в известное время бывают очень

жирны. В некоторых местностях, например около реки Ильеус, их держат для этой цели за маленькими круглыми оградами из вколоченных отвесно жердей и достают их оттуда по мере надобности. Они долгие годы выживают в неволе. Посаженные в загородку, они тотчас принимаются есть бананы, которые особенно любят, листья и разные плоды. Когда до них дотрагиваются, они прячутся под щит и шипят, как гуси: другого звука я от них никогда не слышал». Каплер, который наблюдал за этой черепахой в Суринаме, слышал, что она издавала жалобные звуки, и замечает в то же время, что ее едят по всей Гвиане.

Шабути в последнее время стали часто привозить в Европу живой, и если ее только держат зимой в теплом помещении, то она выживает в неволе многие годы. Своим нравом она мало отличается от других сухопутных черепах. Соответственно своим высоким ногам она двигается скорее, чем все другие виды этой породы. «У меня, — рассказывает Фишер, — эти черепахи бегают свободно по комнатам. С первыми лучами солнца они просыпаются и начинают прохаживаться по комнатам. Целый день они в движении, обнюхивают все, что лежит на полу, пьют воду и молоко из чашки, приготовленной для них, и едят то очень много, то вдруг (в пасмурные дождливые дни) совсем перестают есть. Если они найдут на полу неразрезанное яблоко, то стараются прокусить его, но вместо того катят его только перед собой, так как, наклоня голову, всякий раз толкают яблоко концом морды. Эта игра продолжается довольно долго, и они, наконец, оставляют свое намерение и двигаются дальше. Я заметил, что они впоследствии оставляли без внимания неразрезанные яблоки, как бы признавая бесполезность своих усилий.

Как только стемнеет, они заползают под кровати, шкафы и занавеси; однако тотчас же вылезают оттуда, если вблизи их зажгут свечу или лампу. Тогда они опять начинают бродить кругом на своих неуклюжих ногах. Когда у меня в комнате топится печка, они выходят из засады, останавливаются на некоторое время и затем медленно опускаются на пол около печки, здесь они лежат, с видимым наслаждением вытянув шею и задние ноги во всю их длину.

Пища их состоит почти ежедневно из булки, размоченной в молоке или в воде, лимонов, которые им, по-видимому, очень нравятся, яблок, груш, салата, капусты, тыквы и мяса. Замечательно то, что самцы охотно едят мясо, между тем как самки питаются исключительно растительными веществами.

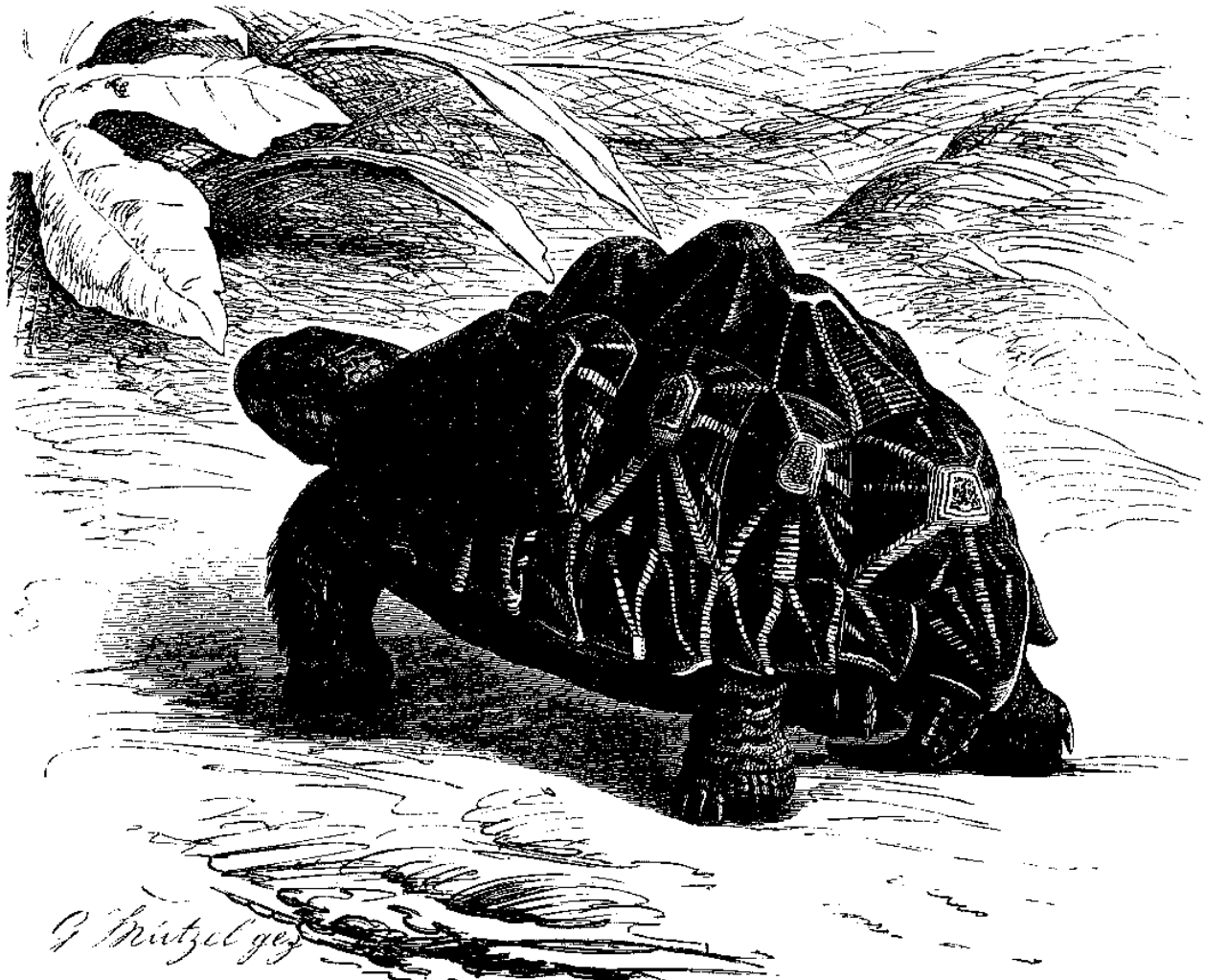
Когда я их получил, они были так пугливы, что при малейшем приближении, шипя, прятались под щит. Теперь они не перестают даже есть, когда до них слегка дотрагиваются рукой, и едят прямо из рук».

Звёздчатая черепаха (*Geochelone elegans*) принадлежит к самым красивым видам этой группы и происходит из Ост-Индии.

Продолговатый яйцевидный щит посередине сильно возвышается, с обоих концов почти одинаково пока в общем более высок, чем широк, брюшной щит спереди, а спинной сзади вырезан глубоким треугольником. Средние площадки отдельных пластинок возвышаются у некоторых старых черепах так значительно, что каждая пластинка образует отдельный горб. В хребетных пластинках средняя, самая высокая площадка, иначе сказать — верхушка горба находится в середине, на реберных пластинках между серединой и верхним краем, на краевых — в нижнем заднем углу, у трех задних краевых пластинок она особенно выступает в виде острия. Затылочная пластинка отсутствует, горловые имеют вид продолговатого треугольника, плечевые более длинны, чем широки, грудные — очень узки, брюшные одинаковы в длину и ширину, заднепроходные имеют форму ромба. Маленькие многоугольные щитки покрывают верх головы и лежат на верхней стороне рыльца, распределяясь равномерно по обе стороны, более длинная и большая пластинка покрывает область над ухом. Края челюстей слабо зазубрены. Передние ноги покрыты спереди, задние сзади большими, плоскими, треугольными чешуйками и роговыми наростами, а пятки — большими выпуклыми чешуйками в виде шпор. Голова и конечности разрисованы по желтоватому фону неправильными жилками, отдельные щитки панциря покрыты по черному фону великолепным узором: от всех светло- и ярко-желтых средних полей расходятся во все стороны в виде звезды постепенно расширяющиеся того же цвета полосы, которые украшают щит самым привлекательным образом. Длина вытянутого животного равняется 35, длина щита 26 см.

Звёздчатая черепаха живет в большинстве на сухой почве, богатой травой, колючим кустарником и терновником, у подошвы холмов в Индостане, за исключением нижней Бенгалии, и доходит на западе до Синда, на юге до Цейлона, но ловят их нечасто. Причиной тому, по словам Хуттона, которому мы обязаны всем нижесказанным, служит то обстоятельство, что их окраска сходится совершенно с цветом почвы ее местожительства; поэтому ее трудно бывает отличить от окружающих предметов, кроме того, она в жаркое время совсем не показывается, а прячется под кустарник или в

густую траву. Опытные туземные охотники разыскивают их следы на песчаных или пыльных местах, идут по ним с поразительной верностью и таким образом часто овладевают черепахами. В дождливое время звездчатые черепахи чувствуют себя лучше всего и почти весь день бегают взад и вперед для еды и спариванья.

Звездчатая черепаха (*Geochelone elegans*)

С началом холодного времени они отыскивают себе убежище и прячутся, как могут лучше, чтобы защитить себя от холода. Здесь остаются они в тупой бездеятельности, но не в бессознательном сне, до наступления теплых месяцев, в течение которых они стараются защитить себя в полдень от жары, как прежде защищались от холода, — и выходят из засады только к солнечному закату. Хуттон несколько раз держал звездчатых черепах в неволе, один раз даже шесть штук сразу: четырех самцов и двух самок. Он посадил их за широкую загородку, снабдил водой, свежей, сухой травой, большой кучкой хвороста и жесткого сена, в которое они спрятались, и внимательно наблюдал за ними. В жаркое время года они оставались целый день в своем убежище и показывались только перед солнечным закатом, чтобы поесть, однако они не прятались на ночь, а оставались на одном месте, как бы в спящем состоянии и, видимо, радовались прохладе; с наступлением дня они опять отправлялись в свое убежище. В это же время они часто купались, причем входили в воду, где оставались большей частью около получаса и тут же почти всегда испражнялись. Воды они пили тоже очень много.

С наступлением дождливого времени они оживились, бродили целый день в своей загородке, ели, отдыхали и, наконец, приступили к совокуплению. Часто два самца гонялись друг за другом, не тревожа, впрочем, самки, которая спокойно ела, оставаясь на одном месте. Во время спаривания самцы влезают по примеру млекопитающих на избранных самок, причем обнимают щит передними ногами, а задними стоят на земле. Во время совокупления, которое часто продолжается от 10 до 15 минут, самец испускает звуки, похожие на хрюканье. Все время, пока продолжаются дожди, значит, с конца июня до половины октября, самки терпят ласки самцов, после этого оба пола опять становятся совершенно равнодушными друг к другу. Два самца нередко ера жались между собой, втянув передние ноги и голову, они упирались задними ногами в землю и до тех пор ударялись панцирями, пока один из бойцов, ослабев, не отступал. Иногда удавалось одному из самцов повалить другого

на спину; из такого положения ему удавалось выйти только благодаря отчаянным усилиям головой и ногами. В этих сражениях принимали участие и самки, которые, благодаря своему росту и силе, обычно выходили победительницами из борьбы.

11 ноября самка начала рыть яму для кладки, причем действовала следующим образом: выбрав уединенное место около куста густой и жесткой травы, она смочила его сначала мочой которую выпустила из заднего прохода, потом начала царапать размягченную землю задними ногами, употребляя попеременно то одну, то другую ногу. Продолжая по каплям выпускать мочу, она превратила почву в густое тесто и только тогда могла приступить к обработке ее по желанию. После приблизительно двухчасовой работы она вырыла углубление в 10 см в поперечнике и 15 см глубины, положила туда 4 яйца, закрыла их выброшенной землей, втоптала ее опять в яму при помощи задних ног, и когда углубление было наполнено, стала утаптывать землю, поднимаясь как можно выше на ноги и вдруг падая вниз, чем так уравнила то место, что Хуттон не мог бы его найти, если бы все время не наблюдал за ее работой. Окончив свое дело, она сошла с места, но скоро легла на землю, как бы утомившись от работы. Эта работа отняла у нее целых четыре часа.

При наступлении холодного времени все пленные черепахи стали ленивее, все реже и реже выходили из своих углов и с начала декабря оставались неподвижно на одном месте и не принимали больше пищи. Ни одна из них не пробовала зарыться в землю, как это делают греческие черепахи. Целые два месяца провели они в одном положении, предаваясь ленивому покою, но не впадая в зимнюю спячку. Когда в середине февраля пошел дождь, они появились, поели немного травы, с жадностью выпили большое количество воды, но потом снова удалились в свое зимнее убежище и впали в прежнее состояние. Только с середины апреля, когда началось теплое время года, они начали регулярно появляться в своей загородке большей частью около полудня. Спокойно нежились они под живительными лучами солнца и только вечером возвращались в свое ночное убежище.

"Почти все путешественники XVI и XVII веков, которые сообщали о своих наблюдениях и открытиях в Индийском и Тихом океанах, — замечает Гюнтер, — упоминают о бесчисленном множестве исполинских черепах, которых они встречали на отдельных или группами расположенных островах. Эти острова, находящиеся между экватором и тропиком Козерога, составляют два замечательных в зоологическом отношении центра. Один из них включает в себе Галапагосские, или Черепашьи, острова; другой — острова Альдабра, Реюньон, Маврикий, Родригес и Мадагаскар. Обе эти группы сильно отличаются друг от друга, но они имеют то сходство, что на всех них, за исключением Мадагаскара, ко времени открытия не было ни людей, ни других больших млекопитающих. Ни один из упомянутых мореплавателей не указывает, чтобы где-нибудь в другом месте, на островах, как и на материке Индии, водились эти черепахи. Невероятно, чтобы тот или другой путешественник не упомянул бы о подобной встрече, потому что они составляли важную часть их пищи. Путешествия, которые продолжаются теперь несколько недель, требовали тогда целых месяцев, на всех кораблях был многочисленный экипаж, но пищей суда были снабжены очень скудно, эти черепахи, которых в несколько дней совершенно легко можно было словить любое количество, были весьма желательной добычей. Их можно было снести в трюм или куда угодно, сохранять целые месяцы без корма, убивать по мере надобности и при этом получать от 40 до 100 кг превосходного мяса: неудивительно, что некоторые судна на острове Маврикий или Галапагосских островах ловили их около 400 штук и увозили с собой. Полнейшая безопасность, которой до сих пор пользовались на своей родине эти беспомощные существа, так же как и их живучесть, которая позволяет многим поколениям жить одновременно, делают нам совершенно понятным необыкновенную многочисленность этих животных».

Когда Легуат в 1691 году посетил остров Родригес, эти животные были так обыкновенны, что можно было видеть большие стада их в 2000 или 3000 штук и прогуляться шагов сто по их спинам. Около 1740 года, как сообщает Грант, суда, шедшие на парусах в Индию, всегда приставали к острову Маврикий, чтобы запастись черепахами, а впоследствии, 20 лет спустя, многие маленькие суда непрерывно занимались тем, что вывозили оттуда тысячи их, главным образом для употребления в больницах. С этого времени, кажется, число их начало сильно уменьшаться; старые были переловлены, молодые уничтожены свиньями, и те и другие оттеснены вследствие увеличивающегося заселения острова, так что уже к началу нашего столетия на многих островах этой группы они были истреблены. В настоящее время уже ни одной такой черепахи не живет ни на острове Маврикий, ни на Родригесе, ни на острове Реюньон. Некоторые, но немногие содержатся в неволе еще на Сейшельских островах и из этих, воспитанных в тесной тюрьме молодых черепах иные убегают на волю и живут самостоятельно. Все эти пленные исполинские черепахи происходят с маленького островка Альдабры, единственного островка Индийского океана, на котором выдер-

живают еще борьбу за свое существование некоторые, постоянно уменьшающиеся в числе особи этого вида, но и здесь тоже вечно оттесняются все дальше и дальше людьми. Ловцы, которые ежегодно приезжали сюда для охоты, отгораживали известное пространство стенами, чтобы запретить животных до отправления их на Мадагаскар или на Африканский материк. В одной из таких загоронок наши наблюдатели нашли 200, а в другой 300 черепах, которых кормили просто травой и листьями. Один гамбургский купец рассказывал Керстену, что в 1847 году на Альдабре 100 человек матросов, т.е. экипаж двух судов, в самое короткое время поймали до 1200 подобных черепах, между которыми встречались исполины, весившие до 400 кг. В настоящее время на Альдабре трудно найти и сотой доли этого числа более мелких исполинских черепах. Литльтон сообщает, что в 1883 году из Альдабры были перевезены 6 штук исполинских черепах на остров Флэт и там выпущены на волю, чтобы не допустить вымирания этого вида. Они чувствуют себя совсем хорошо на своем новом местожительстве. Живут ли и до сих пор взрослые черепахи на Альдабре — неизвестно, но на Маврикии и Сейшельских островах находятся в неволе еще много старых экземпляров.

То же самое случится, вероятно, и на Галапагосских островах. Ко времени открытия испанцами этих островов они были так густо заселены черепахами, что даже получили от них и свое название. В конце XVII столетия мореплаватели посещали эту группу островов только для того, чтобы запастись водой и черепахами. «Сухопутных черепах, — говорит Дампье в своих путевых заметках, вышедших в 1697 году, — здесь такое множество, что от 500 до 600 человек могли бы в течение месяца питаться только ими одними. Они необыкновенно велики, жирны, и их мясо так же вкусно как мясо нежного цыпленка». До первых десятилетий нашего столетия количество их на Черепашьих островах, по-видимому, не изменилось существенно. Делано, который с 1800 года часто посещал эти острова, нашел черепах еще во множестве, описал их очень хорошо и привез после шестидесятидневного пути половину из 300 вывезенных черепах на острове Мас-Афуэра, других же два раза привозил в Кантон. Так как эти несчастные животные всю дорогу были не кормлены, следовательно, голодали целый месяц, то многие из них издохли; те же, которые вынесли это суровое испытание, после того, как наелись досыта, успокоились и, по-видимому, примирились с непривычным климатом Мас-Афуэра. Они, вероятно, остались бы живы и, может быть, даже стали плодиться, если бы их не убили, чтобы полакомиться их мясом. Портер встречал этих животных в 1813 году на всех больших Черепашьих островах, в более или менее значительном числе, и поймал исполинов в 150-200 кг в общем 500 штук, которые вместе весили свыше 14 тонн. Через 22 года после Портера в 1835 году Галапагосские острова посетил Дарвин. В это время они перешли во владение свободного штата Эквадора и были населены сотней ссыльных, которые, по-видимому, нанесли такой ущерб черепахам, какого не сделали все прежние посетители островов, потому что они вели настоящую разрушительную войну против беззащитных созданий, ловили их и солили их мясо. Вместе с поселенцами явились на островах и свиньи, которые отчасти одичали, так что количество врагов наших черепах значительно увеличилось. То же самое нашел Дарвин почти на всех посещенных им островах. Когда 11 лет спустя военное судно «Herald», посланное с научной целью, остановилось у острова Чарльза, ехавший с ними естествоиспытатель нашел на этом острове многочисленные стада домашних животных, одичалых собак и свиней, но не черепах, за это время они были истреблены. Но они жили еще на острове Чатама. По словам Штейндахнера, в 1872 году на Галапагосских островах не насчитывалось более одного белого и двух черных жителей, которые вели жалкое существование на острове Чарльза; все остальные жители или умерли, или выселились, по словам этих трех людей, черепахи были уничтожены на этом последнем острове, так же как, по Бауру, на Гуде и Баррингтоне. Что совершилось уже на Маскаренских островах, то, наверно, скоро случится и на Галапагосских.

Портер первый обратил внимание на различие черепах, живущих на разных островах группы Галапагос. На острове Портера они отличались необыкновенной величиной, потому что некоторые из них были около 1,5 метра в длину, только на 30 см менее в ширину и в высоту почти в один метр, не говоря уже о еще больших, которых, как говорят, находили моряки*.

** За последние 300 лет мореплаватели уничтожили более 10 миллионов слоновых черепах.*

Панцирь тех черепах, которые живут на острове Джемса, поражает своей хрупкостью и незначительной толщиной. Очень толстый щит черепах, живущих на острове Чарльза, сильно удлинен, спинной щит спереди поднят наподобие испанского седла, а окраска черная, т.е. все совершенно противоположно круглым, неуклюжим, цвета черного дерева, черепахам острова Джемса. Наконец, черепахи, происходившие из острова Гуда, были малы и походили на жительниц острова Чарльза. Гюнтер принял в соображение эти данные, но, на основании собственных наблюдений,

пришел к заключению, что черепахи Галапагосских островов являются представителями шести различных видов*.

** Почти на каждом из Галапагосских островов обитает свой подвид слоновоых черепах, иногда признаваемые некоторыми систематиками самостоятельными видами.*

По моему мнению, нет необходимости в «Жизни Животных» останавливаться на найденных различиях; я удовольствуюсь только указанием, что, по словам Гюнтера, все исполинские и слоновоые черепахи Галапагосской группы отличаются от одинаковых с ними по величине родственных видов Маскаренских островов тем, что у их панциря нет затылочных пластинок и задние края горловых пластинок сзади соединяются и образуют более или менее тупой угол. Этих животных нельзя смешать ни с одной из остальных сухопутных черепах, потому что они отличаются не только своим исполинским ростом, но также и длинной змеиной шеей, высокими ногами, черным цветом щитов, так что их нельзя не узнать.

Описание Портера образа жизни черепах, которых Гюнтер назвал **слоновыми** (*Geochelone elephantopus*), настолько существенно уступает замечательному описанию Дарвина, что я буду возвращаться к Портеру только для пополнения тех или другие маленьких пробелов.

"На дороге, — так начинает Дарвин свой рассказ, — я встретил двух больших черепах, из которых каждая весила, по крайней мере, по 100 кг. Одна ела кусок кактуса; когда я подошел ближе, она посмотрела на меня и спокойно пошла дальше, вторая издала тихое шипение и спрятала голову. Огромные пресмыкающиеся, окруженные черной лавой, безлиственными кустами и большими кактусами, показались мне существами допотопными.

Эти животные водятся, вероятно, на всех островах этой группы, по крайней мере на большей части их. Они живут преимущественно на высоко лежащих сырых местах, впрочем, посещают и более низкие — сухие. Некоторые достигают чудовищной величины: Лаузе, англичанин, которому во время нашего пребывания там поручен был надзор над поселением, рассказывал о таких больших черепахах, что требовалось 6-8 человек, чтобы поднять одну из них и что каждая давала до 100 кг мяса. Самцы, которых легко отличить от самок по более длинным хвостам, значительно больше самок.

Те, которые живут на безводных островах или в низких и сухих местах, питаются большей частью сочными кактусами; те же, которые поселились на сырых высотах, едят листья различных деревьев, кисло-вязкие ягоды, называемые гвайявита, и бледно-зеленые лишай, которые висят на извилистых сучьях деревьев. Они любят воду, пьют ее в большом количестве и валяются в тине. Только большие острова имеют источники, которые находятся обыкновенно в середине острова и на значительной высоте. Поэтому, когда живущие в низинах черепахи захотят пить, им приходится совершать немалый путь. Вследствие этого по направлению от источника к морю виднеются ясные, широкие следы; испанцы по этим следам находили источники. Во время моего пребывания на острове Читама я не мог сначала объяснить себе, какие животные так регулярно ходят по раз проложенным тропинкам. У источника мне представилось замечательное зрелище. Я увидел несколько исполинов, одних усердно идущих вверх с длинно вытянутыми шеями, других уже напившихся, возвращающихся назад. Когда черепаха приходит к источнику, она опускает голову в воду до самых глаз, не обращая внимания на могущих случиться зрителей, и жадно пьет, делая глотков 10 в минуту. Туземцы говорили, что каждое животное проводит от 3 до 4 дней близ воды и тогда уж возвращается в низины; но относительно числа таких посещений — они не были согласны между собой. Животное в этом случае, вероятно, руководится качеством той пищи, которую оно ело. Несмотря на это, известно, что черепахи живут и на таких островах, на которых они долгое время должны пользоваться только дождевой водой.

Известно, что мочевой пузырь лягушки служит для хранения необходимой для нее влаги. То же самое, кажется, можно сказать и об этих черепахах. Через несколько дней после посещения источника мочевой пузырь этого животного вследствие накопившейся жидкости был сильно растянут; со временем количество ее уменьшается, причем вода делается менее чистой. Туземцы употребляют это себе в пользу: когда их во время остановок томит жажда, они убивают черепаху, и если пузырь полон, они выпивают содержимое. Я видел одну мертвую черепаху, у которой эта жидкость была совсем светлая и только имела чуть-чуть горьковатый вкус. Кроме того, туземцы пили воду из сердечной сумки, потому что здесь она лучше.

Раз черепахи задумали идти к определенному месту, они идут туда день и ночь и достигают своей цели прежде, чем этого можно было ожидать. По наблюдениям над некоторыми черепахами, туземцы думают, что эти животные могут пройти около 8 миль в 2 или 3 дня. Большая черепаха, которую я наблюдал, ходила со скоростью 60 ярдов в 10 минут, что, за исключением короткого

времени для еды, составляет круглым числом 4 английские мили ежедневно». Их шаги, как замечает Портер, медленны, неравномерны и тяжелы; во время хода она держит свое тело приблизительно на 30 см от земли.

"На время размножения, когда оба пола соединяются, — продолжает Дарвин, — самец испускает хриплое мычанье или бляенье, которое слышно более чем за 100 шагов. Самка никогда не пользуется своим голосом, а самец — только во время совокупления, так что люди, когда слышат крик черепахи, знают, что оба пола спарились. Самки кладут яйца в октябре. Там, где почва песчаная, они вырывают ямы, кладут туда вместе все яйца и закрывают песком, на каменистом грунте они кладут свои яйца на удачу в какую-нибудь яму. Биное нашел 7 штук их, лежащих рядком в одной расщелине. Яйца белы и круглы; одно, которое я измерил, было 18 см в обхвате». Портер замечает относительно размножения, что самка, вероятно, только для кладки яиц спускается с гор в долины. Между теми, которых он взял с собой, нашлось только три самца, да и те были найдены не вдалеке от горы. Самки несли уже готовые яйца, числом от 10 до 14, которые они, очевидно, хотели положить в песчаных долинах.

"Днем, — так сообщает Портер о своих наблюдениях, — черепахи поразительно осторожны и пугливы, отчего и происходит, что они при малейшем движении какого-нибудь предмета прячут голову и шею под щит; ночью же они кажутся совсем слепыми, а также и глухими. Сильнейший шум, даже выстрел, несколько их не беспокоит и не производит на них никакого впечатления».

Дарвин подтверждает эти показания: «Туземцы думают, что эти животные совсем глухи: по крайней мере, известно, что они не слышат того, кто идет сзади их. Меня всегда забавляло перегонять одно из этих громадных животных, которое спокойно шло вперед, и видеть в ту самую минуту, когда я его обгонял, как оно прятало голову и шею, испускало глухое шипенье и с громким шумом припадало к земле, как бы мертвое. Я часто садился им на спину; когда я ударял их несколько раз в заднюю часть щита, они вставали и шли дальше; однако я находил, что трудно, сидя у них на спине, сохранить равновесие».

"Ни одно животное не доставляет более здорового, сладкого и вкусного мяса, чем эти черепахи», — уверяет Портер, и Дарвин не возражает против этого. «Мясо, — говорит он, — как свежее, так и соленое, употребляют в различных видах в пищу, а из сала готовится прекрасное светлое масло. Когда поймают черепаху, разрезают кожу около хвоста, чтобы видеть, есть ли у нее под спинным щитом слой жира. Если этого нет, то животное отпускается на волю, и оно скоро оправляется от своей раны. Чтобы удержать черепаху на месте, недостаточно бросить ее на спину, так как она легко может принять свое обыкновенное положение. Только что вылупившиеся черепахи в большом количестве становятся добычей хищных птиц из рода сарычей. Старые, кажется, умирают большей частью насильственной смертью или погибают, падая с обрыва. По крайней мере жители рассказывали мне, что, кроме вышеупомянутых случаев, они никогда не находили мертвых черепах».

Различные мореплаватели уверяли Портера, что слоновые черепахи, пойманные ими и посаженные на судно, 18 месяцев находились без пищи, и когда их закололи, то нашли, что здоровье их несколько не пострадало, и они не потеряли своего жира. Они переносили без вреда и другие неудобства жизни. Слоновая черепаха, которая служила моделью нашему художнику, раньше, чем доехала до Берлина, уже много лет прожила в неволе и, наконец, служила колодой для рубки. Рассерженные ее постоянными набегами, слуги ее владельца, которым беспрестанно приходилось ловить стремящееся на волю животное, наконец, засадили ее между вколотыми столбами, а ее спинной щит стали употреблять для рубки дров. Благодаря той легкости, с которой эти исполинские животные переносят долгие путешествия морем, их нередко привозят в Европу, и лет 25 тому назад зачастую можно было их видеть в зоологических садах и зверинцах. Я сам многих воспитал и многих наблюдал. Их содержание не представляет никаких трудностей, надзор за ними не труднее, чем за другими сухопутными черепахами. Зимой их держали в сильно нагретом помещении и кормили растительной пищей всякого рода; летом их выводили на траву, давали им на всякий случай достаточное количество капусты и картофеля и предоставляли им пастись по их усмотрению*.

* *Излюбленным лакомством слоновых черепах в зоопарках становятся помидоры. Привыкнув к ним, они проявляют пищевую реакцию на любой красный предмет сходных размеров.*

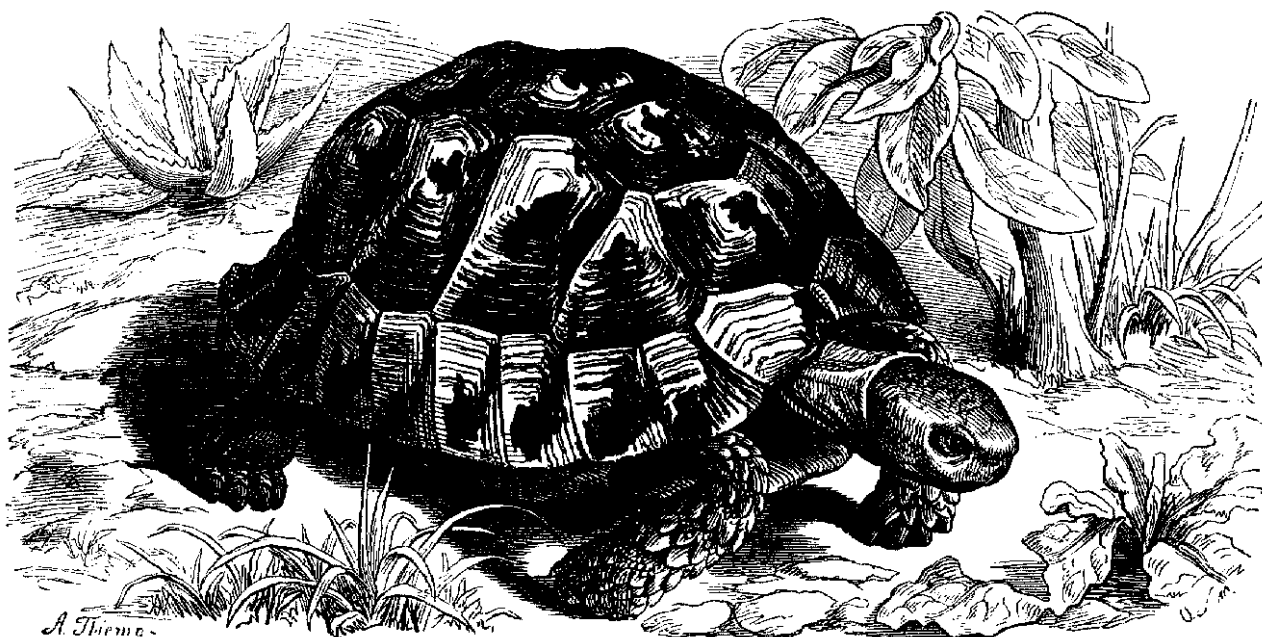
Это они делали, откусывая или отрывая большие охапки травы, разжевывая, размягчали их и, наконец, проглатывали, часто давясь при этом. Я остался в сомнении, отличают ли они своего воспитателя от остальных людей или нет; иногда мне казалось, что да, иногда же они относились к нему, как ко всякому другому. По крайней мере, к людям вообще они привыкали, переставали шипеть и бояться, выходили без ударов палками, позволяли на себя садиться и возили всадника рав-

нодушно, но, конечно, всегда очень медленно. В настоящее время в самых богатых зоологических садах можно видеть черепах этого вида, а через несколько лет это уже будет невозможно, если только немногие, живущие в Европе пленники благодаря своей долговечности не переживут своих сородичей**.

* * Для сохранения слоновых черепах разработаны методы искусственного осеменения самок.

По словам Понтера, 80-летний самец слоновой черепахи Лондонского зоологического сада весил 345 кг. В 1888 году североамериканский военный пароход «Альбатрос» посетил Галапагосские острова, и Доу мог убедиться, что некоторые из видов сухопутных черепах водятся еще в большом количестве. В заметках 1889 года Баур считает два из шести видов слоновых черепах на Галапагосских островах совсем исчезнувшими. Вашингтонский зоологический сад обладает еще тремя видами живых черепах.

Европейским представителем рода наземных черепах обыкновенно считают **средиземноморскую черепаху** (*Testudo graeca*). Щит ее вообще овальный и довольно выпуклый, сзади немного расширяется и более круто спускается, нежели спереди; плоский у самок и несколько вогнутый у самцов грудной щит спереди срезан, сзади с глубоким вырезом. Хребтовые щитки слабо изогнуты, три средние шестиугольные, передний и задний — пятиугольные, оба средних боковых щитка почти вдвое больше в ширину, чем в длину, с неясно очерченными пятью углами, т.е. представляют собой четырехугольники с ломаной внутренней стороной; передний средний щиток пятиугольный с дугообразным нижним краем, задний неправильно четырехугольный. Между 25 краевыми щитками затылочный щиток самый маленький, последний, выдающийся назад и спускающийся к хвосту, — самый большой и в середине разделен глубокой продольной бороздкой на две половины; остальные имеют различную неправильно пятиугольную форму. У более молодых животных середина каждого щитка зернистая, у старых гладкая и окруженная ясными полосами, указывающими на постепенный рост пластинок. Довольно неуклюжая голова заметно толще, чем шея, рыльце спереди тупо срезано, но глаза сравнительно велики, уши, расположенные около глаз, тоже довольно большие, верхняя и боковая часть морды покрыта большим круглым надлобным, меньшим лобным и очень большим длинным височным щитами. Остальная часть головы прикрыта сверху маленькими неправильными щитками. Каждый щиток спинного панциря в середине черен, а с краев окаймлен желтым и черным. По брюшному щиту пробегает широкая неправильная продольная полоса желтоватого цвета. Бока тоже кажутся желтыми, остальная часть панциря черная. Голова, шея и конечности грязновато желто-зеленого цвета. Окраска подвергается частым изменениям, даже число когтей на передних ногах может у отдельных особей уменьшаться до четырех. Также может на одной передней ноге быть 4, на другой 5 когтей. Самки отличаются от самцов меньшим ростом и более коротким, утолщенным у корня хвостом, молодые черепахи от старых — более короткой формой панциря. Длина панциря достигает 14, самое большее 16 см, масса редко более 0,5 кг.

Средиземноморская черепаха (*Testudo graeca*)

Первоначальным отечеством этой черепахи можно считать страны, лежащие на север от Средиземного моря, а также они часто попадаются в Сирии. По всем указаниям и предположениям,

она как очень распространенное животное, встречается в Греции, на греческих островах, в Далмации и Турции, в Дунайской низменности, в южной Италии и, наконец, на островах Корсике, Сардинии, Сицилии и Балеарских. По Шрейберу, эта черепаха задолго до нашего времени была введена монахами во многие страны, как домашнее животное, а потом одичала. Она живет в сухих, заросших кустарником местностях, иногда в большом числе. В южной Италии и Греции особенно многочисленна.

Тепло она любит чрезвычайно и поэтому с величайшим наслаждением часами греется в лучах полуденного солнца. Думериль находил их в Сицилии, где они часто лежат по сторонам дороги и настолько нагреваются солнцем, что он не мог дотронуться рукой до их щита. Зимой они глубоко зарываются в землю и здесь спят в продолжение холодного времени, в начале апреля они снова выходят на свет Божий.

Пища ее состоит из различных растений и плодов, вместе с тем она пожирает и улиток, червей и насекомых и вследствие этого в своем отечестве часто содержится в садах, чтобы уничтожать вредных животных, дело, впрочем, кончается тем, что она обрывает или мнет самые лучшие и сочные растения. В отличие от одного ее сородича, живущего в Греции, который, по исследованию Эрбера, питается строго растительной пищей, она довольно неразборчива в еде. «Что особенно мешало мне любить суп из черепахи, — пишет мне Эрбер, — это мое наблюдение, что она с удовольствием ела человеческие испражнения. Я видал большие сборища их, привлеченные этим отвратительным запахом». В неволе они едят овощи, салат, хлеб, размоченный в молоке или воде, мучных и дождевых червей, так же как и сырое мясо, чувствуют себя при этой пище превосходно, если только они сохранены от стужи, и могут пережить много человеческих поколений: так, Чуди сообщает об одной черепахе, которая прожила около 100 лет в имении близ Альтдорфа в кантоне Ури. «Одна сухопутная черепаха, — рассказывает Уайт, — прожила у одного из моих друзей около 40 лет в загороженном месте и потом перешла в мое владение; каждый год она к середине ноября зарывается в землю и появляется снова в середине апреля. При своем пробуждении весной она мало проявляет жадности, позднее, среди лета, она ест очень много, к осени опять меньше, а за несколько недель до зарывания не ест совсем ничего. Ее любимую пищу составляют растения с млечным соком. Когда она осенью роет свою нору, она скребет землю передними лапами замечательно медленно и обдуманно, а задними откидывает ее далеко от себя.

Проливных дождей она боится, в сырую погоду она прячется целый день. В хорошую погоду летом она засыпает в 4 часа пополудни, а утром встает довольно поздно. При страшной жаре она иногда ищет тени, но обыкновенно с удовольствием нежится на солнце». Рейхенбах заметил, что пленные черепахи этого вида, которых он содержал в Дрезденском ботаническом саду, далеко путешествие вали, но всегда придерживались той же дороги, и, если становилось прохладнее или солнце не показывалось, он находил их под одним и тем же широколистным растением. Осенью они зарывались, весной появлялись на свет, как только показывались сложноцветные растения, листьями которых они питаются.

В Сардинии, где зима хотя и умеренная, но тем не менее настолько сурова, что черепахи должны искать убежища под землей, они зарываются, по словам Четти, в ноябре и появляются уже в феврале*.

* *Весной самцы начинают активный поиск самок. Дневное перемещение самца средиземноморской черепахи при этом достигает 1 км.*

В первые весенние дни происходит и случка, во время которой слышатся довольно громкие крики**.

* * *В процессе ухаживания самца средиземноморской (греческой) черепахи за самкой он забегают перед ней, кусает ее лапы, ударяет своим панцирем по ее панцирю.*

В мае или июне они уже кладут свои 8-15 яичек, круглых, белых, с твердой скорлупой и величиной с небольшой орех. Для кладки яиц они выбирают самое солнечное место, вырывают задними ногами яму, кладут туда яйца, покрывают их старательно землей и предоставляют дальнейшую заботу о своем потомстве солнышку. При наступлении первых сентябрьских дождей вылупляются молодые черепахи, по величине похожие на половину грецкого ореха, — самые милые создания в свете. Когда их оставляют на полной свободе, они легко уживаются в северных странах, плодятся или по крайней мере совокупаются. Так, по словам Зюндеваля, один работник из Кольмара, в юго-восточной Швеции, нашел двух черепах этого вида, ушедших из неволи и уже совокупившихся. В равномерно и сильно натопленной комнате они не впадают в зимнюю спячку, но, по исследованию Фишера, живут на так долго, как, те, которые пользуются покоем зимой.

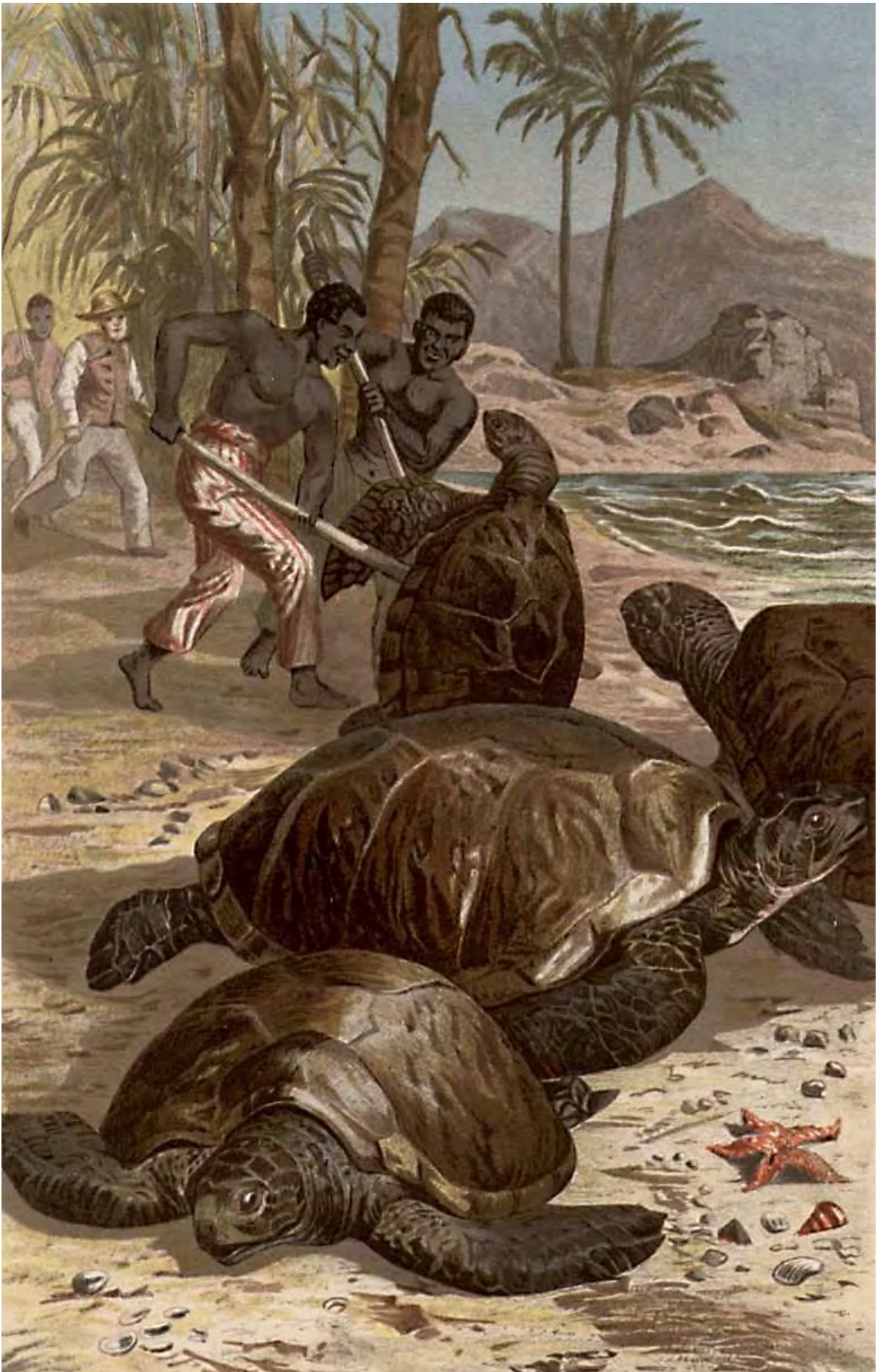
Все любители, которые долгое время содержали черепаху в неволе, уверяют, что они привыкают к своему воспитателю, точно так же видно из наблюдений Дюмериля, что эти черепахи могут раздражаться. «Раз мы видели, — говорит этот наблюдатель, — как два самца с невероятным упорством сражались из-за самки. Они кусали друг друга в шею, старались повалить один другого, и бой кончился не ранее, как когда один из соперников оказался побежденным, т.е. неспособным к сражению». Заметили, что случка этих беспомощных животных совершается после многих напрасных попыток.

В Сицилии и вообще в Италии этих черепах постоянно приносят на рынок, потому что мясо их всюду употребляется в пищу, и особенно ценится приготовляемый из них суп.

Семейство морские черепахи

От остальных представителей отряда морские черепахи отличаются превращенными в лапы ногами, из которых передние значительно длиннее задних, и покрытым роговыми пластинками панцирем. Каждая нога образует длинный, широкий и сплюснутый ласт, который, как указывает Ваглер, представляет большое сходство с лапами тюленей. Пальцы одеты общей кожей и поэтому неподвижны и по большей части лишены когтей; только первый или два первых пальца каждой ноги имеют острые когти. Кроме того, морские черепахи отличаются сердцевидным, спереди округло выемчатым, сзади заостренным, мало выпуклым, не вполне окостеневшим к концу ребер спинным щитом, в который шея и голова могут втягиваться не вполне, а конечности вовсе не могут втягиваться. Отдельные части брюшного щита не образуют сплошного панциря, а соединены между собой хрящом. Чешуйки и щитки, покрывающие панцирь, имеют своеобразное строение. Шея короткая, толстая, морщинистая; голова короткая, толстая, четырехгранная; челюсти голые и одеты острыми роговыми чехлами, которые иногда зазубрены на краю; верхняя челюсть вполне обхватывает нижнюю и на конце загибается в виде крючка. Глаза большие, выдающиеся; ноздри очень маленькие, покров головы и ног состоит из своеобразных щитков; хвост короткий, тупой и одет чешуйками. Суставы пальцев лишены суставных головок.

Зеленая, или суповая, черепаха (*Chelonia mydas*) очень большое животное, длина панциря которого равна 1,1 м, а масса 450 кг, отличается не загнутым впереди крючкообразно и вытянутым вперед, а притупленным, острым, мелкозубчатым покровом верхней челюсти, пластинками спинного панциря, лежащими рядом, а не прикрывающими друг друга и одной только парой щитков между ноздрями и лобным щитком. Передние конечности имеют обычно лишь по одному когтю. Все остальные признаки представляют столь многочисленные видоизменения, что подало повод к установлению около десяти различных видов. Очень непостоянный цвет верхней стороны часто бывает бледный буровато-зеленый с желтоватыми пятнами или мраморными рисунками, цвет нижней стороны желто- или грязно-белый.

Зеленая, или суповая, черепаха (*Chelonia mydas*)

Зеленая черепаха живет во всех морях жаркого пояса и, по-видимому, обыкновенна здесь повсюду. В Средиземное море, где ее заменяет другая морская черепаха, она попадает лишь случайно, заблудившись. Ее наблюдали от Азорских островов до мыса Доброй Надежды, вдоль всего африканского берега и у всех островов, принадлежащих этой части света, у Атлантического берега Америки от 34 градуса северной широты до устья Лаплаты, в Тихом океане от Перу до Калифорнии и Галапагосских островов и, наконец, в Индийском океане и относящихся к нему морях и проливах от Маскаренских островов и Мозамбикского пролива до Красного моря включительно, у всех берегов Ост-Индии, у Зондских и Филиппинских островов, и, наконец, у берегов Австралии. Отдельные заблудившиеся экземпляры были пойманы также у северо-восточного берега Америки и у берегов Европы.

Зеленые черепахи, подобно своим родичам, настоящие морские животные. Они держатся преимущественно поблизости от берега, не слишком редко встречаются перед устьями или в устьях больших рек, но часто попадают также очень далеко от берегов, иногда среди открытого моря*.

* *Американский герпетолог (специалист по пресмыкающимся) А. Карр методом меченая зеленых (суповых) черепах установил, что они могут проплывать около 2600 км для того, чтобы отложить яйца на песчаном берегу острова Вознесения. Он считает, что черепахи ориентируются при этом по солнцу и запаху морских течений.*

Здесь можно видеть, как они плавают около поверхности воды, иногда лежат на ней и, по-видимому, спят, но при самой ничтожной тревоге тотчас исчезают в глубине. «Сухопутные черепахи, — говорит Ласепед, — издавна считались воплощением медленности, морских черепах можно назвать воплощенной осторожностью». Действительно, все рассказы согласны между собой в том отношении, что эти животные, пока они бодрствуют и не приведены в состояние самозабвения овладевшим ими возбуждением, боязливо избегают человека; но едва ли мы вправе приписывать им более высокие способности, чем остальным представителям того же отряда. Их пугает не враг, которого они узнали, а необыкновенный предмет. В этом выражается, правда, некоторая понятливость, но, конечно, очень незначительная и, во всяком случае, не большая, чем у других черепах. Душевные способности их так же ничтожны, как значительны телесные. Говорят, что они могут ползти по земле, неся на спине столько людей, сколько может поместиться на их спинном щите, но свою настоящую подвижность они обнаруживают лишь в воде. Когда они плывут, движения их напоминают полет больших хищных птиц, например орлов. Они плавают изумительно, и их движения отличаются в равной степени силой и быстротой, неизменной выносливостью и красотой, они одинаково отлично ныряют и неподвижно держатся в воде на различной глубине и принимают в воде всевозможные положения, то более, то менее уклоняясь от горизонтального. Там, где они обыкновенны, можно иногда видеть целые стада их, и вообще они, по-видимому, очень общительны. «Так как они, — говорит Ласепед, — всегда находят достаточно пищи у тех берегов, где держатся, то они никогда не ссорятся между собой из-за пищи, которую имеют в избытке. Кроме того, они, подобно всем пресмыкающимся, могут поститься месяцами, даже по целому году, поэтому среди них царствует вечный мир. Они не ищут друг друга, но часто сходятся и добровольно остаются вместе. Они не собираются воинственными толпами, чтобы легче овладеть трудно добываемой добычей, а просто одинаковое побуждение ведет их к одному и тому же месту, и одинаковый образ жизни держит в порядке их стада. Своих привычек они держатся так же крепко, как крепко их панцирь. К окружающему миру они относятся пассивно, и страсти их никогда не бывают очень сильными. Они осторожны, но не храбры, редко защищаются активно, а всегда стремятся как можно более и как можно скорее добиться безопасности; для достижения этой цели они напрягают все свои силы». Я полагаю, что с этим описанием можно согласиться, другими словами, что оно в общих чертах верно. Общительность и миролюбие — выдающиеся качества многих черепах, но особенно морских.

В отличие от родственной ей биссы, которая представляет записного хищника, зеленая черепаха поедает морские растения, особенно водоросли, и там, где она обыкновенна, присутствие ее выдают откушенные ею части этих растений, плавающие на поверхности моря. Так говорит, согласно почти со всеми авторами, Гольбрук и прибавляет, подтверждая слова Одюбона, что она предпочитает всем другим водорослям нежнейшие части морского растения взморника (*Zostera marina*), которое даже называют черепашьей травой. Он замечает, что пойманных черепах кормят исключительно растительными веществами, а именно портулаком. Найт рассказывает, что ее очень часто находят в береговых озерах, многочисленных на берегу Флориды, где она питается растущей там водяной травой. Наевшись досыта, они свертывают большие массы водяной травы, которую отгрызают своими острыми роговыми челюстями, и склеивают их глинистым илом, на котором эти растения растут, в комки, часто величиной с голову. Когда наступает прилив, вода уносит эти ком-

ки и животные следуют за ними, чтобы питаться ими позднее. Найдя такие комки в прибрежных озерах, рыбаки хорошо знают, что там есть черепахи; они тотчас же забрасывают сети и ловят животных в большом числе.

В известное время самки зеленых черепах оставляют открытое море и плывут к определенным, привычным местам, чтобы откладывать там яйца. Они избирают для этого песчаные места берега необитаемых островов или места на морском берегу, удаленные от людского движения, и всегда отыскивают одно и то же место, если не в течение всей своей жизни, то, по крайней мере, известной части ее, даже если им приходится для этого перекочевать на расстояние сотен морских миль. Самцы, по словам Дампьера, следуют в этом путешествии за своими самками, но не выходят во время кладки на берег, а остаются поблизости в море. Перед этим происходит спаривание, которое, по Кэтсби, длится более 14 дней. Вильмон говорит, что самец во время совокупления сидит на спине самки и как бы едет на ней верхом. Это наблюдение, по видимому, соответствует истине. Обе черепахи, а особенно самец, совершенно забывают, говорят, во время спаривания свою обычную осторожность. «Я поймал, — уверяет Дампьер, — самца во время совокупления. Они тогда вовсе небоязливы и их легко до быть. При виде лодки самка хотела скрыться, но самец крепко держал ее обоими передними лапами. Если желаешь добыть спаривающихся черепах, то надо только убить самку, самца тогда, на верное, можно поймать». Сколько времени проходит после совокупления до того, когда первые яйца созревают и могут быть отложены, — неизвестно. Приблизившись к берегу, черепаха дожидается времени кладки и затем с большой осторожностью выходит вечером на сушу. Уже днем, по наблюдениям принца фон Вида, можно видеть, как она плавает недалеко от берега, причем высовывает из воды только толстую круглую голову, а спинной панцирь достигает лишь поверхности воды. При этом она самым тщательным образом исследует редко посещаемые берега. Одубон, который наблюдал ее из скрытого места, уверяет, что прежде, чем выйти на сушу, она принимает еще особые меры предосторожности, именно издает свистящий звук, как будто желая прогнать скрытого врага. Самый ничтожный шум заставляет ее мгновенно погружаться в глубину моря и искать другого места. Сент-Пьер уверяет даже, что судно, простоявшее на якоре несколько часов около острова, где черепахи откладывают яйца, на целые дни прогоняет этих осторожных животных от острова, а пушечный выстрел так пугает их, что они снова показываются у берегов лишь по прошествии недели. Если все спокойно, черепаха медленно приближается, наконец, к берегу, выползает на сушу и, высоко подняв голову, передвигается на расстояние до 30 или 40 шагов от черты прилива, еще раз озирается и начинает затем класть яйца. Принц фон Вид наблюдал ее в это время и сообщает нам следующее: «Наше присутствие не помешало ей заниматься своим делом. Можно было трогать ее, даже поднимать (для чего было нужно четыре человека); при громких знаках нашего изумления и рассуждениях, что с ней делать, она не обнаруживала иных признаков беспокойства, как шипение, какое издают гуси, если приближаться к их гнезду. Она медленно продолжала своими ластообразными задними ногами раз начатую работу, вырывая прямо под заднепроходным отверстием цилиндрическую ямку около 25 см ширины в песчаной почве, чрезвычайно ловко и правильно и даже до известной степени в такт выбрасывала по обеим сторонам тела выкопанную землю и тотчас вслед за тем стала класть яйца. Один из наших двух солдат вытянулся во всю длину на земле рядом с черепахой, доставлявшей запас для нашей кухни, запустил руку в глубину ямки и стал выбрасывать яйца по мере того, как черепаха клала их. Таким образом, в течение приблизительно 10 минут мы собрали до 100 яиц. Мы стали рассуждать, не будет ли целесообразным присоединить это прекрасное животное к нашим коллекциям, однако большой вес черепахи, для которой пришлось бы назначить особого мула, а также и трудность укрепить эту неуклюжую ношу, заставили нас даровать ей жизнь и ограничиться данью, которую она уплатила нам яйцами. Возвратившись через несколько часов на берег, мы не нашли ее более. Она закрыла свою ямку, и широкий след по песку показывал, что она уползла обратно в свою стихию».

В своих «Материалах к естественной истории Бразилии» принц фон Вид прибавляет к сказанному следующее: «Я знаю по опыту, что эти животные во время бразильского лета, в декабре, январе и феврале, во множестве приближаются к берегам, чтобы зарывать там свои яйца. В этом отношении все морские черепахи сходны между собой, и рассказ о том, как они делают это, чему я был очевидцем, относится ко всем этим животным, родственным между собой по строению и образу жизни. Для кладки яиц в тех местностях, которые я объехал, всего благоприятнее ненаселенные пространства на протяжении 18 миль, находящиеся между устьями Рио-Доси и реки Св. Матвея, далее местности между только что названной рекой и Мукури, а также несколько других мест на берегах, не окаймленных высокими крутыми утесами, о которые разбиваются морские волны. В период кладки путешественник часто находит на прибрежном песке места, где две параллельные бо-

роздки указывают путь, которого держались черепахи, выйдя на сушу. Бороздки эти — следы, оставленные четырьмя ластообразными ногами животного; между ними заметна широкая полоса, вдавленная нижним панцирем тяжелого животного. Идя по этому следу шагов 30-40 вверх по песчаному берегу, можно найти большое, тяжелое животное, которое неподвижно лежит в плоской, мало углубленной котлообразной ямке, происшедшей от кругового движения тела, наполовину спрятав в нее тело. Когда все яйца отложены, как было описано, животное наскребает с обеих сторон песок, плотно прижимает его и отправляется так же медленно, как пришло, по тому же следу обратно в свою стихию».

Теннент в противоположность этому узнал, что у берегов Цейлона, где этот вид особенно посещает остров Рамесварам и соседние мелкие острова, лежащие между Цейлоном и южной Индией, наблюдали известную хитрость у черепах, кладущих яйца. Они стараются, говорят, скрыть свое гнездо, описывая по берегу обширную дугу и возвращаясь в море в совершенно ином месте, чем вышли из него. Сингалезцы принуждены поэтому обыскивать весь след, исследуя почву палкой, так как они никогда не могут сразу узнать, где находится гнездо.

По-видимому, первая кладка не исчерпывает запаса оплодотворенных яиц самки, напротив, по истечении известного времени, она, по-видимому, снова является на то же место, чтобы опять доверить такое же число созревших яиц земле, которая матерински хранит их; все число яиц взрослой самки может поэтому доходить до 300, быть может, 400. Старые и новые авторы, имевшие случай наблюдать зеленых черепах там, где они кладут яйца, собирать здесь, на их родине, сведения о них, единогласно утверждают, что эти животные появляются на местах размножения ежегодно от двух до пяти раз, и именно через промежутки в 14-15 дней, и каждый раз кладут по 75-200 яиц. Возвращение определенных самок на места кладки могло быть установлено с уверенностью. На островах Тортуга, одном из главных мест размножения черепах в Вест-Индии, были, по словам Стробеля, пойманы и помечены различные черепахи; затем их отвезли в Кэй-Вест и заперли в загородку. Буря разрушила изгородь и освободила пленников. Несколько дней спустя они были пойманы на том же месте и при таких же обстоятельствах, как и первый раз. Напротив, Крюммель рассказывает о черепахах, появляющихся на острове Вознесения. «Не раз пытались в последние 50 лет отметить некоторых, прикрепляя к их спинному щиту медную пластинку, но никогда не случилось еще снова видеть такое животное».

В зависимости от местности время кладки различно. В Малаккском проливе оно приходится в те же месяцы, как в Бразилии, на островах Тортуга и Бермудских на время от апреля до июня, напротив, на Золотом берегу, по Лойеру, на время между сентябрем и январем; других указаний я не нахожу. Развитие яиц длится приблизительно 6-10 недель, немного более или менее, смотря по температуре места, например на острове Вознесения, как узнал там Крюммель, 9-10 недель.

На островах Зеленого Мыса молодые черепахи выходят из яйца, как говорят, уже на тринадцатый день после кладки; это указание, наверное, основано на неточных наблюдениях. Они тотчас ползут к морю, но сначала не умеют нырять и многие из них становятся добычей чаек, цапель, хищных птиц и хищных рыб. Некоторые естествоиспытатели полагают, что рост их идет очень быстро, однако это мнение не согласуется с наблюдениями, произведенными над болотными черепахами, и, во всяком случае, рассказ Вилльмона, будто бы один туземец на Сан-Доминго держал черепаху в неволе и она за один месяц выросла на фут, не заслуживает никакой веры.

Во время кладки яиц зеленые черепахи, которых в остальное время никто не трогает, подвергаются большой опасности. Большие хищники и люди овладевают теперь беззащитными существами. Дикие собаки нападают на них, но, несмотря на производимые ими опустошения, эти собаки не могут считаться самыми опасными врагами морских черепах. Хуже их свирепствует человек, и притом белые действуют не менее бессовестно, чем краснокожие. Лишь в немногих местах охота на этих ценных животных ведется разумным и приличным образом. У берегов Гвианы выставляют широкоячейные сети, которые поддерживаются в верхних слоях воды с помощью поплавков, время от времени их осматривают и вынимают запутавшихся в петлях морских черепах. В Средиземном море охота на родственный вид, биссу, производится и теперь еще таким же образом, как в древности. Лодка, которая при полном штиле медленно скользит по голубой воде моря с помощью тихих ударов веслами, по словам Эргардта, довольно часто наталкивается, в нескольких морских милях от ближайшего острова, на спящую на поверхности морскую черепаху, которая издали похожа на опрокинутый челнок. Если к ней можно приблизиться прежде, чем она проснется, то опытные рыбаки схватывают ее за ногу, быстрым движением легко поворачивают на спину и тем приводят в беспомощное состояние, но и теперь остерегаются подвергнуться укушению животного, так как оно свободно перерезает палки толщиной в 2 см. Однако часто слух ее оказывается слишком тонким, чтобы

не заметить опасность, и, проснувшись вовремя, она перед глазами обманутого врага медленно, почти без движения, погружается в голубую глубину, «где она еще в течение нескольких минут видна глазу человека, под конец, как зеленая гаснущая звезда».

Один способ ловли, применяемый туземцами островов Тихого океана, о котором рассказывал уже лорд Ансон, правда, не встречая полного доверия, в новейшее время следующим образом описывается миссионером Уайтом Джилем, который ознакомился с ним в Торресовом проливе. «Заметив спящую черепаху, туземцы очень тихо гребут к животному; один из них, обвязав тело веревкой, прыгает на спину ничего не подозревающей жертве. Конечно, ловец вместе с черепахой тотчас устремляются на дно, что несколько его не беспокоит; между тем он выворачивает и погибает на спину передние конечности животного и крепко держится за них, пока его не вытащат вместе с черепахой в лодку». Тот же автор рассказывает о подобном способе ловли, который правильно при меняется на острове Пенрин. «Если царствует полный штиль и поверхность моря похожа на зеркало, островитяне выезжают с наступлением дня на своих челнах. Длинным рядом тянутся они и напрягают зрение, чтобы заметить на коралловом грунте черепаху. От времени до времени над поверхностью воды раздается крик: «Вон плывет черепаха». Лодки быстро образуют круг над своей жертвой, причем туземцы сильно стучат по бортам судов, чтобы, как они полагают, сбить черепаху с толку. Когда они думают, что достигли своей цели, один из них, с веревкой под мышками, ныряет на дно, чтобы захватить черепаху. Другие следуют за ним, чтобы окружить добычу и помочь ловцу, главная задача которого заключается в том, чтобы удерживать ноги сильного животного и дать возможность вытащить обоих на поверхность. Иногда товарищи, чтобы помочь ловцу, схватывают его за волосы и тащат вверх. Две или три черепахи считаются хорошей дневной добычей».

Что на островах в Торресовом проливе для ловли морских черепах употребляют прилипало, присасывающуюся рыбу из рода *Echeneis*, и дают рыбам этого вида, привязанным к веревкам, присасываться к черепахам, утверждает Гаддон, а Склатер и Линг Рот констатируют тот же способ ловли для Занзибара и Кубы.

Безлюдные, дикие берега Бразилии, на которые обычно выходят черепахи, лишь редко посещаются путешественниками, но во время кладки яиц сюда сходятся все индейцы, живущие поблизости. «Эти индейцы, — говорит принц фон Вид, — самые жестокие враги черепах; они ежедневно находят по несколько животных этого вида, которые намереваются класть яйца, и тотчас убивают их, так как эти тяжелые медленные создания настолько же беспомощны на суше, насколько они ловки в воде. Поэтому печальные пустынные берега, покрытые лишь песком, а дальше в глубь страны темными девственными лесами, омываемые бурными волнами океана, представляют всюду картину разрушения и гибели всего живого; всюду лежат во множестве черепа, панцири, целые скелеты этих животных, истребляемых именно в период их размножения; скелеты эти очищены грифами от последних остатков мяса. Индейцы убивают морских черепах ради жира, заключающегося в их мясе, варят его и собирают многочисленные яйца, находящиеся в песке или в теле животных, в большие корзины, чтобы съесть их дома. В это время собирания черепаших яиц можно часто встречать на этом берегу семейства индейцев, нагруженные названными сокровищами; они строят себе также хижины из пальмовых листьев, чтобы поселиться у берега на несколько дней или недель и ежедневно заниматься собиранием».

Подобным образом преследуют этих полезных животных на всех берегах, которые они посещают для того, чтобы класть яйца. Тем не менее очень значительное размножение зеленых черепах покрывало бы все потери, происходящие от ловли старых самок, если бы довольствовались самими самками и не грабили места кладки, истребляя тысячи и сотни тысяч яиц. Неосмотрительное истребление яиц грозит этому виду большой опасностью, но об этом не думает грубый эгоистичный охотник. С приближением времени кладки яиц этих животных сюда сходитесь всякий сброд, чтобы собрать, возможно, обильную и ценную добычу. Охотники осторожно приближаются в маленьких лодках к берегу ненаселенных островов или подходят с суши к местам кладок на населенных берегах, прячутся поблизости и тихо ждут, пока боязливые животные выползут на сушу и достаточно удалятся от воды. Если охотники поднимутся слишком рано, то черепахи тотчас спешат к морю, и если берег несколько наклонный, то им часто удается спастись, быстро поворачивая обратно и скользя вниз по песку. Если охотники поспевают вовремя, то они обеспечивают себе добычу, переворачивая черепах на спину. Ни одна морская черепаха не может освободиться из этого положения, хотя и бьет бешено своими лапами вокруг себя и по панцирю, и с течением времени до такой степени измучивается, что ее глаза наливаются кровью и сильно выступают из орбит. Не слишком редко случается, что ловцы по жестокости переворачивают больше черепах, чем им нужно, и оставляют некоторых из них лежать в беспомощном положении и погибать голодной смертью. Очень

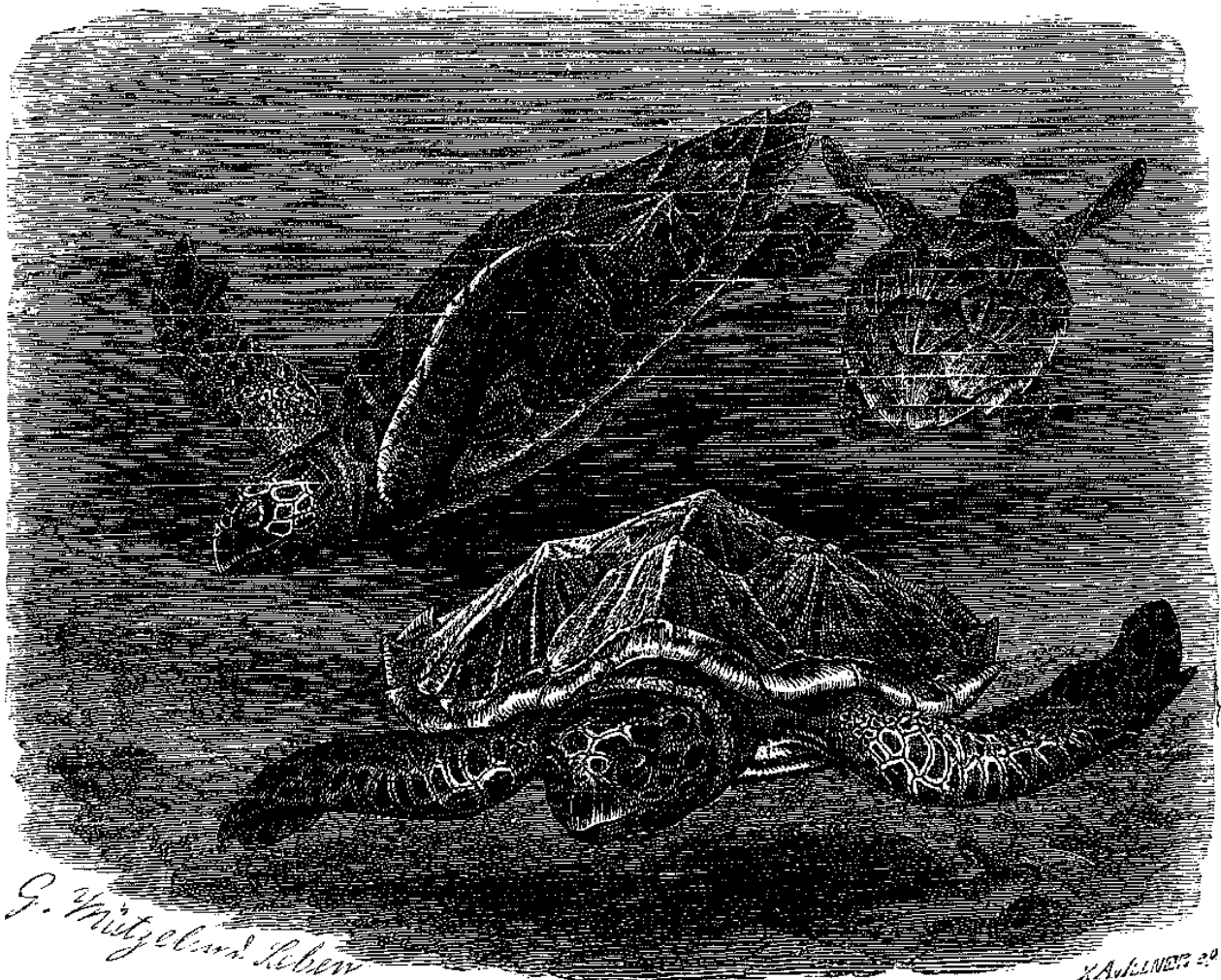
больших и тяжелых черепах переворачивают рычагами, многих ловят сетями, других добывают гарпунами. Одюбон познакомился с одним ловцом черепах, который в течение одного года наловил не менее 800 штук, почти исключительно взрослых самок. Охотятся всегда ночью и приступают на следующее утро к собиранию пойманных черепах, которых переносят, прежде всего, или в особые, приготовленные для них помещения, или на суда и затем рассылают. В садках, которые представляют, понятно, резервуары, наполненные морокой водой, можно видеть, как они медленно плавают или часто лежат по 3-4 друг на друге. Свободно пущенные на суше, они оживленно ползают и временами выражают свое неудовольствие сопением. За еду пойманные черепахи редко принимаются, а потому скоро худеют и теряют цену. Те, которых привозят на европейские рынки, происходят по большей части из Вест-Индии, и именно с Ямайки. Их кладут в удобном месте на баке на спину, прикрепляют веревками, протягивают над ними парус и часто поливают морской водой, чтобы они сдавались постоянно мокрыми или по крайней мере влажными, всовывают бедным животным в рот кусок белого хлеба, намоченного в морской воде, и полагаются в остальном на их чрезвычайную живучесть. В европейских приморских городах их держат в больших кадках, которые наполняют водой через 2-3 дня, убивают затем, отрубая им голову, и вешают на 1 или 2 дня так, чтобы вся кровь могла вытечь. Только тогда мясо считается годным для приготовления дорогих супов.

На острове Вознесения, как рассказывает Крюммель, пойманных черепах сохраняют в прудах, устроенных на берегу таким образом, что они имеют сообщение с морем. В конце времени ловли, в мае, в прудах бывают иногда сотни этих животных. «Мясо черепах, — продолжает Крюммель, — появляется два раза в неделю на столе гарнизона, а комендант присылает всегда в подарок каждому заходящему сюда военному судну одно или несколько этих животных. Нам капитан тоже прислал две штуки на судно еще до полудня».

В Индии, где этот вид, по заметкам Буланже, довольно редок, и особенно на Цейлоне мало церемонятся с морскими черепахами, предназначенными для кухни. Крайне противное зрелище представляется, по словам Теннента, посетителю рынков на Цейлоне. Пойманных черепах мучают здесь ужасным образом. Покупатели, вероятно, хотят получать мясо по возможности свежим или продавцы не хотят давать себе труд убить животное, поэтому просто отделяют у живого животного грудной панцирь и вырезают, по желанию покупателя, указанный кусок мяса из тела жертвы, пользуясь известной живучестью черепах, европеец в ужасе видит при этом, как истерзанное животное ворочает глазами, медленно открывает и закрывает рот и как бьется сердце, которое требуют обыкновенно последним.

В известные времена здесь избегают есть мясо этих черепах вследствие вредного, даже ядовитого действия его. В Пантуре, к югу от Коломбо, 28 человек, которые поели черепашьего мяса в октябре 1840 года, сильно заболели вскоре после еды, и 18 из них умерли на следующую ночь. Оставшиеся живыми утверждали, что мясо отличалось от безвредного, по-видимому, только тем, что было очень жирно. В чем заключается причина вредного действия этого мяса, еще не выяснено.

Второй вид этого рода — **бисса** (*Eretmochelys imbricata*). По величине она заметно уступает зеленой черепахе, но очень близка к ней по строению и виду и отличается во всяком возрасте более или менее крючковатой спереди верхней челюстью, а также тем, что между ноздрями и лобным щитком всегда лежат две следующих друг за другом пары щитков, и, наконец, более или менее явственно черепитчатыми, следовательно, отчасти налегающими одна на другую роговыми пластинками спинного панциря, который сзади сильно пилообразно зазубрен и на котором у молодых заметны три продольных гребня. Передние конечности имеют всегда по два когтя. Все пластинки спинного панциря разрисованы на каштаново- или черно-буром фоне желтыми пятнышками, из одного места, чаще заднего угла щитка, расходятся более светлые, прозрачные, розово-красные, красно-бурые, желтые, как кожа, полосы, которые иногда могут настолько расширяться, что первоначально темный цвет щитков занимает меньше места, чем светлый. Пластинки грудного панциря одноцветные, желтые, щитки головы и конечностей темно-бурые с желтыми краями. Длина панциря достигает 84 см; самый большой спинной панцирь в Парижском музее равен лишь 74 см; Гюнтер говорит, что панцирь длиной в 60 см должен уже считаться чрезвычайно большим.

Бисса (*Eretmochelys imbricata*)

По-видимому, область распространения биссы более или менее совпадает с областью обитания зеленой черепахи. Она тоже живет в тропических и околотропических морях обоих полушарий и особенно часто встречается в Карибском море и вокруг Цейлона, у Мальдивских островов и в море Сулу. Ее ловили или наблюдали во многих местах вдоль атлантического берега Америки, от южных Соединенных Штатов до Санта-Роза, южнее Монтевидео, у мыса Доброй Надежды, в Мозамбикском проливе, в Красном море, во многих местах у Ост-Индских и Малайских берегов, около Зондских островов, в Китайском и Японском морях, в Австралийском море и у западного берега Средней Америки.

По своему поведению и движениям, образу жизни, нравам и привычкам бисса, насколько нам известно, в общем схожа с зеленой морской черепахой. Но это хищное животное в полном смысле этого слова, она совершенно пренебрегает растительной пищей, питается исключительно животными веществами и, как говорят, умеет овладевать даже большими животными. По словам Кэтсби, американские рыбаки рассказывают, что часто случается находить раскушенные ею большие раковины. Кроме моллюсков, главную часть пищи этого животного составляют, вероятно, рыбы, ловкость, с которой эта черепаха плавает, делает вероятным, что она может ловить и проворные виды рыб.

Размножение биссы во всех отношениях похоже на размножение других морских черепах. Яйца она тоже откладывает в прибрежный песок и притом в те же месяцы, как и зеленая черепаха, и, подобно последним, биссы всегда возвращаются снова на те места, где родились. В 1826 году, по словам Теннента, была найдена одна бисса, в одном из плавников которой находилось кольцо, это кольцо прикрепил ей во время кладки яиц один голландский офицер за 30 лет до того времени на том же самом месте.

Эта неизменная, чтобы не сказать упрямая, привязанность животных к месту рождения влечет за собой то печальное последствие, что биссы, видимо, уменьшаются в числе. Человек беспощадно и безрассудно преследует и их. Мясо их едят, правда, лишь туземцы тех стран, которые эти черепахи посещают, но не европейцы. По мнению последних, оно вызывает понос и рвоту, чирья и нарывы, напротив, по мнению жителей Индии и Америки, оно предохраняет от других болезней.

Биссу ловят не ради мяса и не ради яиц невкусных, по мнению Ключингера, но очень вкусных, по мнению других, а ради рогового слоя ее панциря, так называемой «черепашки», которого взрослая черепаха может дать 2-6 кг. При получении этого ценного товара тоже поступают с отвратительной жестокостью. Роговое вещество легко отделяется от спинного панциря лишь тогда, когда его сильно нагреть. Бедную черепаху вешают над огнем и поджаривают до тех пор, пока не добьются желаемого результата. Китайцы, заметив, что роговое вещество легко может портиться от действия сухого жара, пользуются в настоящее время для той же цели кипятком. По окончании этого истязания биссу отпускают и дают ей бежать к морю, полагая, что роговой слой образуется снова. Возможно, что истерзанная таким образом черепаха остается жива, но едва ли ее придется после этого мучить еще раз: восстановительная способность этого животного едва ли может достигать такой степени чтобы щит покрывался новыми пластинками, годными для торговли. Возможность такого восстановления мы не можем, однако, отрицать с тех пор, как Гадов доказал, что по крайней мере сухопутные черепахи могут снова производить удаленные части костяного панциря с покрывающими их роговыми пластинками.

Роговое вещество биссы не только превосходит всякую другую роговую массу красотой и добротой, но, кроме того, куски его легко свариваются вместе. Достаточно погрузить отдельные пластинки, которые не одинаковой толщины и хрупки, в кипяток и затем сжать их между металлическими вальками. При достаточном давлении они склеиваются так крепко, что нельзя более отличать отдельные части, вполне сохраняют, медленно отвердевая, всякую форму, которую им придадут в размягченном состоянии, и потому превосходно годятся для приготовления табакерок и гребенок. Даже обрезки идут в дело: ими наполняют промежутки между отдельными пластинками и снова до тех пор сдавливают при высокой температуре, пока они не сольются с ними в одну массу. Местами употребляется также лишенный рогового слоя спинной щит: так, арабские моряки украшают ими, по словам Ключингера, свои суда. Наконец, вытопленное из жира черепаховое масло играет даже в глазах некоторых европейцев роль чудесного целебного средства. Самая лучшая и дорогая «черепашка» идет с Сулавеси, откуда ее вывозят в Китай. В Европе ее обделывают в особенном значительном количестве в Неаполе.

Биссы попадают так же часто, как и зеленые черепахи, живыми на наши рынки и при надлежащем уходе очень хорошо выживают в неволе. Ключингер, как он сообщил мне в письме, не раз держал во время своего пребывания на берегах Красного моря молодых животных этого вида в бассейне, имевшем сообщение с морем, где они могли питаться моллюсками, но нашел, что животные всегда погибали, когда вода колодца начинала весной нагреваться. Это примечательно в том отношении, что, по наблюдениям других, и морские черепахи требуют умеренно нагретой воды и лишь в таком случае могут быть бодрыми и вообще чувствовать себя хорошо. При этом они не нуждаются, безусловно, в морской воде. Фишер с полным успехом держал молодых морских черепах даже в пресной воде и без труда кормил их водяными мокрицами и бокоплавами. Я держал несколько экземпляров и очень полюбил их. Сначала они казались мне, правда, скучными. Отвыкнув от воды, они долго делали тщетные усилия, прежде чем им удалось опуститься в глубь поставленного им бассейна, а когда, наконец, снова освоились с родной стихией, то целыми днями лежали на одном и том же месте. Но это изменилось, когда они окрепли. Утверждают, что старые животные этого вида любят кусаться, у моих молодых питомцев я не замечал этого даже тогда, когда они снова окрепли благодаря обильной пище. Если их не сажать в холодную воду, т.е. такую, температура которой ниже 12,5 градуса Цельсия, то они доставляют мало хлопот, скорее принимаются за пищу, берут ее у хозяина даже из рук, не нападают на плавающих в том же бассейне рыб, хотя и едят мясо рыб охотнее, чем всякую другую пищу, и восхищают каждого зрителя своими чудными движениями. Сравнение с летающими хищными птицами, которое я употребил выше, приходит в голову каждому, кто видит, как они плавают. Медленно, постоянно двигают они своими лапами, и тело их спокойно и равномерно скользит в любом направлении через слои воды. Ни один известный мне вид черепах не плавают так, как они и вообще морские черепахи. Никогда не заметно у них торопливости, они, точно играя, рассекают воду и тем не менее проплывают в известней промежуток времени такое же расстояние, как маленькая, сильно работающая водяная черепаха. Их плавание походит на парение в воде.

Второй ряд настоящих черепах обнимает так называемых **бокошейных** (Pleurodira), очень замечательную и своеобразную группу черепах, отличающуюся тем, что все принадлежащие сюда семейства не просто втягивают назад свою по большей части длинную шею вместе с головой, а в случае опасности загибают ее в сторону и так закладывают назад между спинным и брюшным панцирем, что конец морды касается правой или левой плечевой ямки. Эта особенность ивается тем,

что шейные позвонки л чрезвычайно сильно развитыми поперечными отростками. Второй признак, позволяющий тотчас отличить бокошейных черепах от скрытошейных, заключается в строении таза, который всегда сращен, как со спинным, так и с брюшным панцирем посредством плотного костяного соединения. Кроме того, пальцы никогда не имеют более трех суставов. Все принадлежащие сюда виды, за исключением одного, напоминающего морских черепах и снабженного лапами рода речных черепах Новой Гвинеи, имеют 13 пластинок на брюшном панцире, так как к обыкновенным кожным пластинкам присоединяется еще непарная горловая.

В Северном полушарии, следовательно, в Европе, всей Азии и Северной Америке представителей этого рода нет. Принадлежащие сюда три семейства ведут почти исключительно водный образ жизни. Яйца нескольких южноамериканских бокошейных приносят значительную пользу некоторым народам, и вообще значение этих болотных и речных черепах в хозяйстве человека не следует оценивать слишком низко. Бэте рассказывает, что он на Амазонке почти целый год питался черепахами, и они очень надоели ему, под конец он не мог слышать запаха их мяса и потому временно был вынужден терпеть голод. У каждого владельца дома там есть маленький пруд, в котором пойманных животных держат до наступления дождливого времени года, и все, у кого служит по несколько индейцев, посылают их во время низкого стояния воды на охоту, чтобы снова наполнить пруд. Дело в том, что, несмотря на изумительное множество водящихся там черепах, в дождливые месяцы их трудно достать за деньги. Легкость отыскивания и ловли их стоит в прямой связи с высоким или низким уровнем воды. Если вода в реке понижается менее обыкновенного, то они редки; если же она очень упадет, то их ловят во множестве, так как все лужи и болота в лесах кишат ими. Для охоты употребляют сети и стрелы, наконечник которых, попадая в тело, отделяется от древка, но остается соединенным с ним длинной веревкой. Дерево плавает по воде, охотник подплывает на лодке, схватывает его и тянет, пока животное не приблизится к поверхности. Затем в тело животного пускают иногда еще одну стрелу и вытягивают его на сушу. Туземные женщины умеют различным образом, но превосходно готовить мясо черепах. Оно очень нежно, вкусно и здорово, но скоро приедается и, наконец, становится противным европейцу. По уверению названного исследователя, можно долго держать в неволе лишь один вид и именно самый крупный из тех, которые встречаются в Амазонке, более мелкие, гораздо более вкусные виды, обыкновенно выносят, как говорят, потерю свободы лишь в течение немногих дней.

Семейство пеломедузовые

К первому семейству бокошейных, пеломедузовым, мы вместе с Буланже причисляем всех снабженных щитками черепах, у которых 13 грудных пластинок примыкают к краевым, затылочного щитка нет, шея может втягиваться, загибаясь в сторону, и совершенно прятаться в панцирь. Что касается их скелета, то от речных черепах он отличается 11 костями в брюшном панцире вместо 9.

По отношению к образу жизни, движениям и поведению, пеломедузы во многих существенных чертах сходны с остальными черепахам и, живущими в пресной воде. Говорить о них здесь больше нет надобности, так как жизнь одного вида, о котором придется тотчас упоминать, описана одним из величайших исследователей всех времен и не уступает по полноте описанию образа жизни любой другой черепахи*.

** В некоторых африканских племенах существовала традиция запускать пеломедуз (в частности, *Pelomeclusa subrufa*) в бассейны с питьевой водой, где они уничтожали личинок комаров переносчиков желтой лихорадки.*

"К 11 часам утра, — рассказывает А. фон Гумбольдт, — мы высадились на острове посреди реки, который индейцы в миссии Уруана считают своей собственностью. Остров славится ловом черепах, или, как говорят здесь, жатвой яиц, которая производится здесь ежегодно. Мы нашли более 300 индейцев, расположившихся в шалашах из пальмовых листьев; кроме гуанов и отомаков из Уруаны, которые и те, и другие считаются дикими племенами, недоступными цивилизации, здесь находились карибы и другие индейцы с низовьев Ориноко. Каждое племя расположилось отдельно и отличалось по цвету, которым была раскрашена их кожа. В шумных толпах мы заметили несколько белых, именно мелких торговцев из Ангостуры, которые поднялись сюда вверх по реке, чтобы скупать у туземцев черепашьё масло. Мы встретили также миссионера из Уруаны, который рассказал нам, что перешел сюда вместе с индейцами ради сбора яиц, чтобы каждое утро служить мессу под открытым небом и запасть маслом для лампад в алтаре, а особенно для того, чтобы держать в порядке эту «республику из индейцев и кастильцев», в которой каждый желает для себя одного все, что Бог дарует всем.

В сопровождении этого миссионера и одного торговца, который хвастался, что уже 10 лет приезжает на сбор яиц, мы обошли остров, который посещают здесь так, как у нас ярмарки. Мы на-

ходились на ровном песчаном пространстве. «Насколько глаз хватает по берегу, — сказали нам, — лежат под слоем земли яйца черепах». В руках миссионера был длинный шест, и он показал нам, как с его помощью исследуют почву, чтобы определить, до какого места простирается слой яиц, как рудокоп определяет границы слоя мергеля, дерновой железной руды или бурого угля. Втыкая шест вертикально в землю, замечает существование в почве пустоты или рыхлого слоя, заключающего яйца, так как сопротивление в таких местах сразу прекращается. Как мы убедились, слой в общем распределен так равномерно, что на расстоянии 20 метров вокруг данной точки шест наверняка наталкивается на него. Здесь говорят лишь о «квадратных шестах» яиц, точно делят участок земли, в которой залегают руда, и равномерно разрабатывают его. Однако слой яиц показывает далеко не весь остров, напротив, он прекращается всюду там, где почва быстро повышается, так как черепаха не может выползть на эти маленькие плоские возвышенности. Я рассказал своим проводникам о преувеличенных описаниях патера Гумиллы, по которым на берегу Ориноко меньше песчинок, чем черепах в реке, и они останавливали бы суда, если бы люди и тигры не убивали ежегодно столько черепах. «Поповские сказки», — тихо сказал торговец из Ангостуры. Индейцы уверяли нас, что от устья Ориноко до впадения Апуре нет ни одного острова и ни одного берега, где можно было бы во множестве собирать яйца черепах. Те части берега, куда, по-видимому, ежегодно собираются почти все черепахи Ориноко, лежат между слиянием Ориноко и Апуре и большими порогами или Раудалес, и здесь находятся три самых знаменитых места лова. Один вид, аррау, не переходит, кажется, выше порогов, и нас уверяли, что выше Апуре и Майпуре встречаются лишь черепахи терекай.

Большая черепаха, аррау, пугливое, боязливое животное, которое выставляет из воды только голову и прячется при малейшем шуме, избегая тех частей берега, где живут люди или ходят лодки. Это большая пресноводная черепаха с плавательными ногами, очень плоской головой, двумя мясистыми, очень острыми придатками под подбородком, с 5 пальцами на передних и на задних ногах. Спинной панцирь состоит из средних и по 4 боковых с каждой стороны и 24 краевых щитков; он сверху черно-серого цвета, снизу оранжево-желтого; длинные ноги такого же цвета. Между глазами очень глубокая продольная бороздка. Когти очень велики и согнуты. Заднепроходное отверстие находится на первой пятой части очень короткого хвоста. Взрослое животное весит 20-25 кг. Яйца, которые гораздо больше голубиных, покрыты известковой скорлупой и, говорят, так тверды, что дети отомаков, большие любители игры в мяч, могут перебрасываться ими. Терекай меньше аррау, панцирь состоит из такого же числа пластинок, но они расположены несколько иначе. Я насчитал 5 средних, по 4 боковых и 24 четырехугольных, сильно согнутых краевых пластинок. Цвет панциря черный с зеленоватым налетом; ногти и ноги, как у аррау; голые части оливково-зеленые; на голове находятся два пятна смешанного красного и желтого цветов; шея желтая. Терекай не собираются в такие большие стада, как аррау, чтобы класть яйца на том же берегу. Последние имеют приятный вкус и очень ценятся жителями испанской Гвианы. Аррау не переходит вверх за пороги, терекай встречается как в верхнем течении Ориноко, так и ниже порогов, а также в Апуре, Уритуку, Гуарико и маленьких реках, текущих по льяносам Каракаса».

Аррау, или тартаруга (*Podocnemis expansa*), большое животное, панцирь которого имеет 77 см в длину; оно служит представителем рода **щитоногих черепах** (*Podocnemis*), которые отличаются следующими признаками: в умеренно выпуклом спинном панцире, край которого горизонтально выступает, нет затылочной пластинки, в грудном щите недостает подмышечных и паховых пластинок. Хвостовая пластинка двойная, замечательно мелкие плечевые пластинки брюшного панциря едва достигают половины величины грудных. Большие щитки одевают голову, которая особенно бросается в глаза благодаря глубокой и широкой продольной борозде между глазами, с подбородка свешиваются 1 или 2 усика. Предплечья и наружный конец задних ног покрыты несколькими большими чешуйками; остальная кожа конечностей и кожа шеи голые. Плавательные перепонки развиты очень сильно.

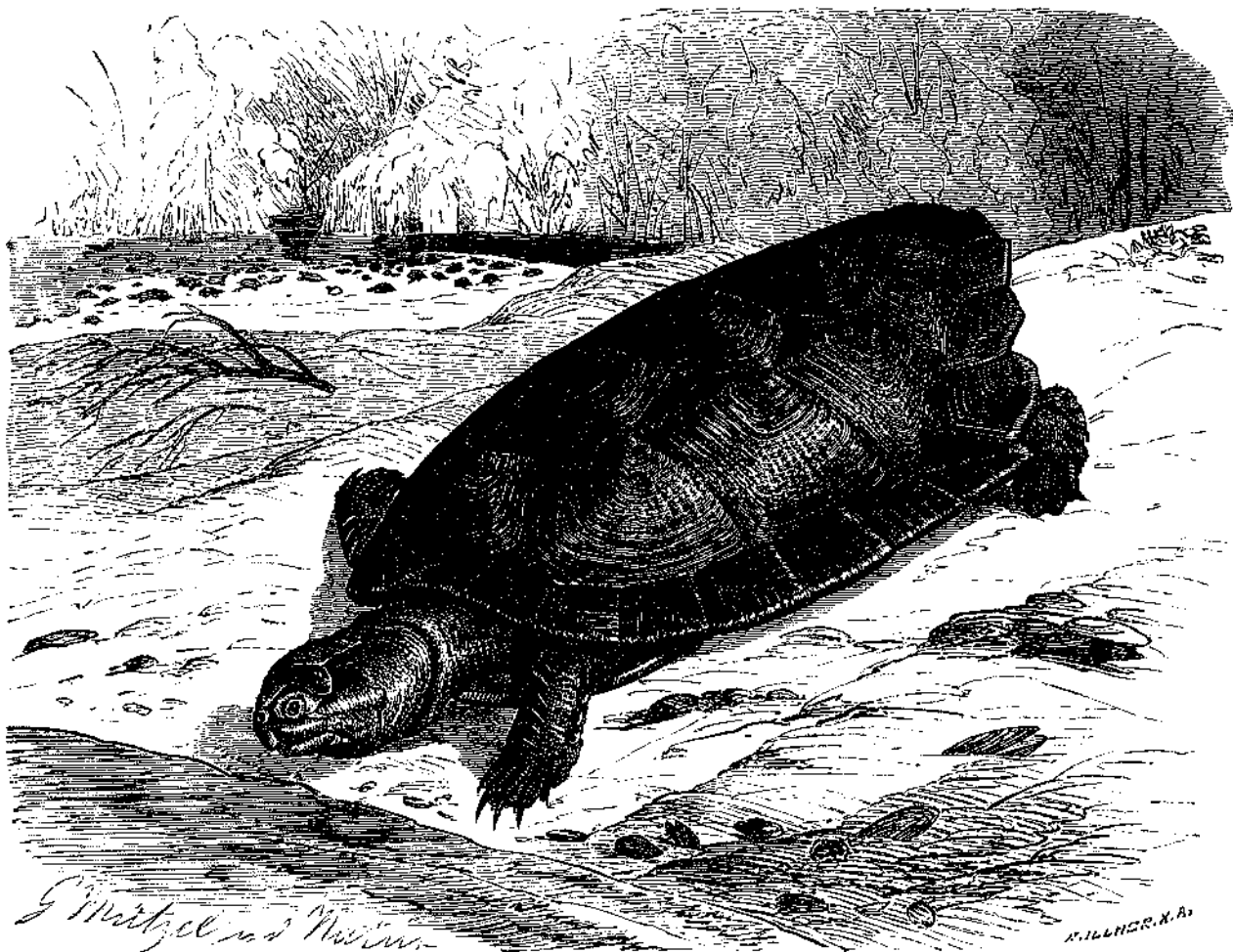
От остальных родов этого семейства они отличаются числом пальцев, которых на передних ногах по 5, на задних по 4, между тем как оба остальных рода, встречающихся только в Африке, имеют и на передних, и на задних ногах по 5 пальцев.

От других видов того же рода аррау отличается глубоко вдавленной выемчатой передней частью головы, тремя короткими и слабыми продольными ребрами на внутренней жевательной поверхности верхней челюсти и двумя короткими жилками на подбородке. Спинной панцирь бурого цвета с более темными пятнами, брюшной панцирь желтоватый с бурыми пятнами. Молодые животные сверху оливково-бурого цвета, снизу желтого, верхние края глаз, пятно позади глаз и двойное пятно на межтеменном щитке тоже желтые. Самка приблизительно вдвое больше самца.

Этот вид живет во всей тропической Южной Америке к востоку от Анд. Кроме Ориноко он в большом числе живет в реках Гвианы, именно Такуту, Рио-Бранко и Эссекибо, в Амазонке с ее притоками, Сан-Франциско и других реках Бразилии, встречается также в северо-восточных провинциях Перу, а следовательно, имеет очень обширную область распространения.

"Время, когда arraу кладет яйца, — продолжает Гумбольдт, — совпадает с самым низким стоянием воды. Так как вода в Ориноко начинает прибывать с весеннего равноденствия, то с начала января до 29 марта бывают непокрыты водой самые низкие части берега. Arraу собираются уже в январе большими стадами, выходят из воды и греются на солнце, на песке, так как, по мнению индейцев, нуждаются в сильном жаре, чтобы чувствовать себя хорошо, и так как солнечный жар ускоряет кладку яиц. И течение февраля arraу находятся на суше почти весь день. В начале марта разбросанные стада соединяются вместе и плывут к немногим островам, на которых кладут обыкновенно яйца; вероятно, одна и та же черепаха каждый год является на один и тот же берег. За несколько дней до кладки многие тысячи их появляются длинными рядами у берегов островов Кукурупару, Уруана и Парарума, вытягивают шею и держат голову над водой, высматривая, не грозит ли опасность со стороны «тигров» или людей. Индейцы, для которых очень важно, чтобы собравшиеся стада продолжали держаться вместе, ставят вдоль берега стражу, чтобы животных не разогнали и они могли в полном покое класть яйца. Людям, плывущим в судах, показывают знаками, чтобы они держались на середине реки и не пугали черепах криком.

Кладка происходит всегда ночью, но начинается тотчас после захода солнца. Животное вырывает задними лапами, которые очень длинны и вооружены кривыми когтями, углубления шириной в метр и глубиной в 60 см, стенки которого оно, по уверениям индейцев, смачивает своей мочой, чтобы сделать песок более мягким. Стремление к кладке яиц так сильно, что некоторые черепахи спускаются в выкопанные другими и еще не наполненные снова землей углубления и кладут второй слой яиц на только что сложенный. При этой бурной суматохе разбивается столько яиц, что потеря, как говорил нам миссионер, может достигать трети всего количества яиц.

Аррау, или тартаруга (*Podocnemis expansa*)

Мы находили, что кварцевый песок и разбитая скорлупа яиц были склеены в большие комки вытекшим из яиц желтком. Число животных, роющихся ночью на берегу, так неизмеримо велико, что наступающий день застает некоторых еще не окончившими кладку. В таком случае они более

чем когда-либо торопятся отделаться от яиц и прикрыть выкопанные углубления, чтобы ягуар не мог увидеть их. Запоздавшие черепахи не обращают при этом внимания ни на какую опасность, угрожающую им самим, и работают на глазах индейцев, которые приходят на берег рано утром и называют их «глупыми черепахами». Несмотря на их сильные движения, их легко ловят руками.

Три лагеря индейцев в названных выше местах устраиваются в последние дни марта или первые числа апреля. Сбор яиц идет каждый раз одинаково с той правильностью, которая царствует во всем, что исходит от монахов. До появления на реке миссионеров туземцы в меньшей степени пользовались тем, что природа в таком изобилии предлагает им здесь. Каждое племя рыло берег по своему, и при этом разбивали бесконечное множество яиц, так как рыли неосторожно и открывали больше яиц, чем можно было унести. Дело шло так, как если бы рудник разрабатывался неумелыми руками. Иезуитам принадлежит та заслуга, что они сделали этот промысел правильным. Они не позволяют взрывать весь берег и оставляют часть его нетронутым, так как опасаются, что черепахи могут если не быть истреблены, то по крайней мере значительно уменьшиться в числе». Теперь снова неосмотрительно перерывают весь берег, зато и замечают, что сборы яиц, по-видимому, уменьшаются год от года.

Когда лагерь разбит, миссионер назначает своего заместителя, который делит участок, где лежат яйца, на доли, по числу индийских племен, принимающих участие в сборе. Он начинает с того, что исследует с помощью своего шеста, как далеко простирается в земле слой яиц. По нашим измерениям, он простирается до 40 метров от берега и в среднем глубиной в один метр. Поверенный означает, до какого места должно работать каждое племя. Не без удивления слышишь, что доход от сбора яиц оценивается так же, как доход с поля, засеянного хлебом. Случается, что поверхность длиной в 40 метров и шириной в 10 метров дает 100 кувшинов или на 1000 франков масла. Индейцы разрывают почву руками, кладут собранные яйца в маленькие корзинки, называемые маппири, уносят их в лагерь и бросают в большие корыта, наполненные водой. В них яйца раздавливают лопатами, размешивают и выставляют на солнце.

пока не сгустится маслянистая часть, желток яиц, который плавает сверху. Масло вычерпывают и варят на сильном огне; как говорят, оно держится тем лучше, чем сильнее его варят. Хорошо приготовленное масло прозрачно, лишено запаха и разве немного желто. Миссионеры считают его равным по достоинству с лучшим оливковым маслом. Его употребляют не только для горения, но преимущественно для приготовления пищи, так как оно не придает кушаньям никакого неприятного вкуса. Однако трудно добыть совершенно чистое черепаховое масло; по большей части оно имеет гнилой запах, происходящий оттого, что между яйцами попадают и такие, в которых уже образовались молодые черепахи.

Берег Уруаны дает ежегодно 1000 кувшинов масла. Кувшин стоит в Ангостуре 2-2,5 пиастра. Весь доход с тех частей берега, на которых ежегодно производится сбор яиц, можно определять в 5000 кувшинов. Так как 200 яиц дают винную бутылку масла, то на кувшин идет 5000 яиц. Если принять, что каждая черепаха кладет по 100-116 яиц и треть разбивается во время кладки особенно «глупыми черепахами», то оказывается, что для того, чтобы наполнить эти 5000 кувшинов масла 330000 аррау должны отложить на трех местах сбора 33 миллиона яиц. При этом расчете мы, вероятно, получаем число гораздо меньшее, чем действительное. Многие самки кладут лишь 60-70 яиц, многих в то мгновение, когда они выходят из воды, съедают ягуары; индейцы берут много яиц с собой, чтобы высушивать их на солнце и есть, и разбивают много по небрежности во время сбора. Число яиц, из которых уже вышли молодые черепахи в то время, когда человек начинает сбор, так громадно, что у лагеря в Уруане я видел, как весь берег кишел молодыми черепахами, длиной в дюйм, и они с трудом спасались от детей индейцев, которые устраивали охоту на них. Если прибавить к этому, что не все аррау являются к трем местам кладки, что многие кладут яйца поодиночке, между устьем Ориноко и впадением Апуре и недели на две позднее, то неизбежно приходишь к выводу, что число черепах, ежегодно несущих яйца на берегах нижнего течения Ориноко, доходит почти до миллиона. Это чрезвычайно много для животного столь значительной величины, которое достигает веса в полцентнера и над которым так страшно свирепствует человек; мелкие виды вообще сильнее размножаются, чем крупные.

Молодые черепахи ломают скорлупу яйца днем; но лишь ночью можно видеть их выползающими из земли. По уверениям индейцев, они боятся солнечного жара. Краснокожие хотели также показать нам, как маленькая черепаха, если ее унести с берега в мешке и посадить на землю так, чтобы она была обращена к реке задом, тотчас направляется к реке самым коротким путем. Я согласен, что этот опыт, о котором говорит уже патер Гумилла, не всегда удается одинаково хорошо, но обыкновенно мне действительно казалось, что маленькие животные, даже находясь очень далеко

от берега и на острове, могли различать, откуда веяло самым влажным воздухом. Если принять во внимание, как далеко простирается, почти без перерыва, слой яиц на берегу и сколько тысяч маленьких черепах, тотчас по выходе из яиц, направляются к воде, то нельзя принимать, чтобы столь многочисленные животные этого вида, вырывающие себе гнезда на одном и том же месте, могли отыскивать своих детенышей и отводить их, как делают крокодилы, в лужи по берегу Ориноко. Достоверно, что эти черепахи проводят первые годы жизни в самых мелких лужах и переходят в русло реки, лишь когда вырастут. Каким же образом находят детеныши эти лужи? Аррау, наверное, узнает так же хорошо, как крокодил, то место, где она устроила гнездо; но так как она не смеет приблизиться к берегу, если индейцы устроили там лагерь, то как могла бы она отличать своих детенышей от чужих? С другой стороны, отомаки уверяют, что видели в половодье черепах-самок, за которыми следовало довольно много молодых черепах; это были такие черепахи, которые положили яйца отдельно на уединенном берегу и могли возвратиться к ним. Самцы очень редки среди черепах: из нескольких сотен едва встретишь одного. Причина этого явления не может, однако, быть та же, что у крокодилов, которые устраивают между собой кровавые битвы во время спаривания и размножения.

Сбор яиц и приготовление масла продолжают три недели, и лишь в это время миссии имеют сношение с морским берегом и соседними цивилизованными странами. Францисканцы, живущие к югу от порогов, являются на сбор яиц не столько затем, чтобы добыть масла, как для того, чтобы видеть белые лица. Торговцы маслом получают 60-70 процентов барыша; индейцы продают кувшин за пиастр, а издержки по перевозке равняются лишь 2/5 пиастра на кувшин. Все индейцы, принимающие участие в сборе яиц, приносят домой массы яиц, высушенных на солнце или слегка сваренных. Наши гребцы всегда имели их с собой в корзинах или маленьких мешках из бумажной ткани. Вкус их казался нам не неприятным, пока они хорошо сохранялись».

Что яйца аррау ценятся и другими племенами, видно из следующего рассказа Шомбургка. «Радостные восклицания, которыми гребцы приветствовали некоторые песчаные банки Эссекибо, я мог разгадать лишь тогда, когда несколько индейцев, прежде чем челноки успели пристать, нетерпеливо бросились в реку, поплыли к песчаной банке, стали вдруг рыться там в песке и достали множество яиц. Время кладки у черепах уже началось, то время, которого так же страстно ждут индейцы, как наши астрономы перелета бекасов или начала привоза свежих устриц. Жадность индейцев была так велика, что если бы за самовольное оставление челнока была назначена смертная казнь, то они, я полагаю, и тогда не могли бы устоять от искушения поплыть к песчаным банкам, скрывающим в недрах своих вкусные яйца. Когда я познакомился с этим хваленым лакомством, я нашел страсть индейцев понятной. Что значат наши хваленые яйца чибисов по сравнению с яйцами этой черепахи! Животное отходит на этих песчаных банках по большей части на 80-140 шагов от берега, вырывает в песке углубление, кладет яйца, покрывает их песком и возвращается к воде. Неопытный европеец долго и тщетно старался бы найти эти яйца; но опытный сын леса редко ошибается, и почти никогда не случается, чтобы, разрыв песок, он не нашел непосредственно под ним яйца. Легкое волнистое возвышение песчаной поверхности выдает ему место гнезда; этот признак мы научились замечать лишь тогда, когда видели несколько песчаных банок, вся поверхность которых имела волнистый вид. Белок яйца, не твердеющий при варении и остающийся совершенно жидким, выпускают и едят лишь вкусный и питательный желток. Превосходное лакомство доставляли нам сырые желтки, смешанные с сахаром и несколькими каплями рома, что придавало им чрезвычайное сходство с самым нежным марципаном*.

** Сбор яиц аррау до последнего времени еще сохранял внушительные объемы. Ежегодно собиралось 30-50 миллионов яиц этой черепахи. Неудивительно, что сейчас она включена в Красную книгу Международного союза охраны природы.*

Временем кладки яиц у черепах Амазонки Марциус считает октябрь и ноябрь; по Гумбольдту, оно падает для Ориноко на март; напротив, в Эссекибо оно начинается в начале января и продолжается, самое большее, до начала февраля. Это различие во времени кладки, по-видимому, стоит в связи с временем наступления дождливого времени года в пределах областей этих трех рек. Животные освобождаются от яиц в те благоприятные дни, когда солнце может еще довести до конца развитие яиц, прежде чем наступит долгое дождливое время. Для индейцев появление молодых черепах служит самым верным знаком скорого наступления дождливого времени; когда они, выйдя из земли, ползут к воде, можно с уверенностью рассчитывать, что дождливое время близко. Через 40 дней после кладки детеныш разрывает похожий на пергамент покров яйца и вылезает».

Кроме человека, который причиняет самый значительный урон еще и теперь многочисленным стадам аррау, регулярно похищая яйца, они терпят и от хищных животных. «Нам показывали,

— заканчивает Гумбольдт свое интересное описание, — большие панцири черепах, опорожненные ягуаром. Эти «тигры» преследуют arraу на берегах, когда те собираются класть яйца, нападают на них и переворачивают их на спину, чтобы удобнее съесть их. Черепахи не могут выйти из этого положения, и так как тигр переворачивает их гораздо больше, чем он может съесть в одну ночь, то индейцы часто пользуются его хитростью и злобной жадностью». Закс тоже находил пустые панцири.

Если обратить внимание на то, с каким трудом путешествующий естествоиспытатель вынимает тело черепахи, если не хочет отделять спинной щит от брюшного, то кажется в высшей степени удивительной та ловкость, с которой тигр опоражняет лапой двойной щит arraу, так что места прикрепления мускулов как будто бы отделены ножом хирурга. Тигр преследует черепаху даже в воде, если она не очень глубока, вырывает яйца, и вообще он вместе с крокодилом, цаплями и грифами самый страшный враг только что вылупившихся черепах. В прошлом году остров Парарума во время сбора яиц посещался таким большим числом крокодилов, что индейцы в одну ночь поймали на железные крючки, наживленные мясом ламантина, 18 штук длиной до 4 метров. Кроме только что упомянутых диких животных, значительный вред при приготовлению масла также дикие индейцы. Как только начинаются первые, менее значительные ливни, которые они называют черепашьими дождями, они отправляются на берег Ориноко и убивают отравленными стрелами черепах, которые греются на солнце, подняв голову и вытянув ноги».

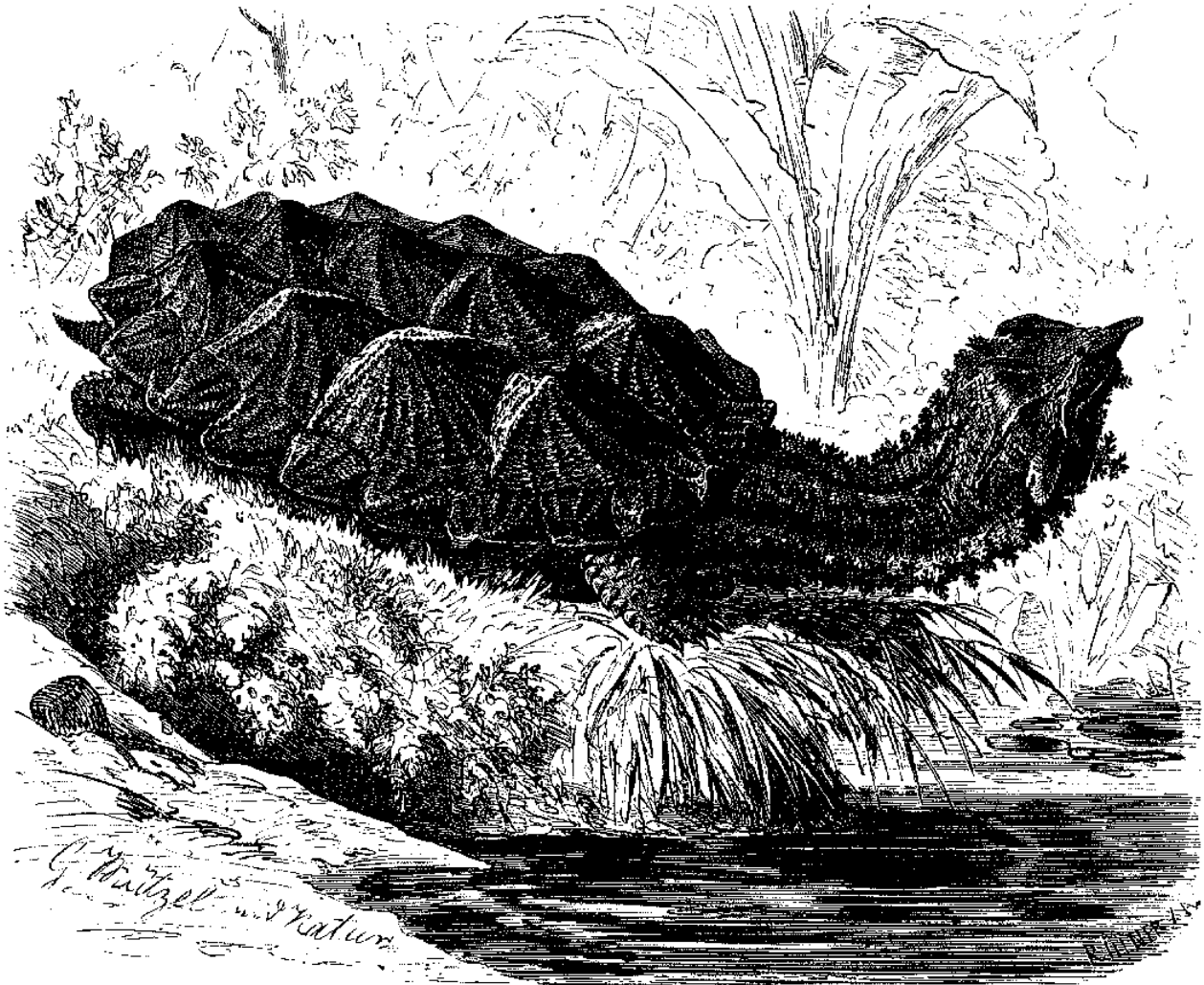
Гелди доставили недавно подробные сведения об arraу Амазонской реки на основании ненапечатанных отчетов Сильва Кутинос. С января до июля arraу живет в лужах и береговых озерах затопленных лесов и ест почти исключительно опавшие древесные плоды. В августе их ловят сетями, в другое время гарпунами и стрелами. Сокопление происходит в воде, яйца откладываются в конце сентября и до октября рано утром, 80-200 яиц наполняют яму глубиной в 45-60 см. Яйца едят или в большом количестве готовят из них масло, которое прибавляется к дегтю, употребляется на освещение, реже для приготовления пищи, не щадят даже только что вышедших детенышей. Вследствие неосмотрительного истребления эти черепахи заметно уменьшились уже в числе.

Семейство змеиношейные черепахи

Змеиношейными черепахами мы называем второе семейство бокошейных черепах, которые, будучи в остальном сходны с пеломедузами, не могут втягивать шею, а заворачивают ее вбок под края панциря и спинной панцирь которых по большей части имеет явственную затылочную пластинку. Покрытый 13 пластинками, брюшной панцирь состоит лишь из 9 костяных таблиц, между тем как у пеломедуз он заключает 11 костяных частей. Костяной височной дуги нет в черепахе всех родов, принадлежащих к губастым черепахам, 5-й и 8-й шейные позвонки всегда выпуклы на обоих концах.

Род **бахромчатых черепах** (*Chelus*) принадлежит к тем, которые имеют самый странный вид во всем отряде. Он отличается следующими признаками. Очень мало выпуклый спинной панцирь, снабженный затылочной пластинкой и двойными хвостовыми, имеет три продольных ряда килеватых бугров, разделенных широкими и глубокими бороздками, состоящий из одного куска длинный и узкий по бокам килеватый брюшной панцирь не имеет плечевых и паховых пластинок. Голова очень сильно приплюснутая, треугольная, глаза необыкновенно малы, разрез рта достигает ушной области, более или менее загнутая внутрь челюсть покрыта слабым роговым клювом, а этот последний мягкой вздутой кожей, нос вытянут в длинный хобот, шея длинная, длиннее спинной части позвоночника и очень широка и сплюснута, хвост короток и не имеет на конце когтя, плавательная перепонка на передних и задних ногах сильно развита, передние ноги с 5, задние с 4 когтями. Мелкие пластинки и различные кожистые придатки одевают голову, продольные ряды мелких чешуи — шею, множество больших чешуи, вытянутых в поперечном направлении, — ноги, наконец, зернышки — хвост. Упомянутые придатки состоят из тонкой, довольно большой, стоячей треугольной лопасти кожи над каждым слуховым органом, представляющей собой до известной степени наружное ухо, двух усиков на подбородке и длинного, на конце расщепленного усика на горле, к ним принадлежат также 4-5 кожистых наростов с каждой стороны, расположенных в один ряд, которые имеют ту же форму, как усик на горле.

У **матаматы** (*Chelus fimbriatus*) — единственного представителя этого рода длина панциря достигает 38 см. Цвет верхней стороны почти равномерный каштаново-бурый, цвет нижней грязный зеленовато-желтый, у молодых экземпляров пластинки разрисованы черными и желтыми пятнами и полосами, нижняя сторона шеи — шестью черными продольными полосками.

Матамата (*Chelus fimbriatus*)

Область распространения матаматы ограничивается Гвианой и северной Бразилией; Спикс нашел ее здесь в стоячих водах Амазонии, Кастельно — в самой Амазонке, Шомбургк — в реках Эссекибо, Такуту, а также в озерах и болотах саванн. По Каплеру, ее нет в Суринаме, но она обыкновенна в Кайенне. Там, где она водится, она встречается, по-видимому, часто, а потому хорошо известна всем европейским колонистам и креолам, но благодаря ее страшному виду и отвратительному запаху на нее смотрят с отвращением и избегают ее. «Действительно, не может быть более безобразного существа, — говорит Шомбургк, — чем такая черепаха; ее отвратительный вид возбуждает уже страх, но она становится еще гораздо противнее благодаря сильному, отвратительному запаху. Усаженная множеством зубчатых лопастей, хоботообразная голова и шея, а также увешанные такими же, лишь несколько меньшими лопастями ноги, которые она может подтягивать под плоский щит так же, как и голову с шеей, возбуждали во мне глубочайшее отвращение каждый раз, когда я встречал это животное. Столь необузданный в своей фантазии, направленной к изображению безобразного, живописец Брейгель Адский не выдумал бы такого отвратительного создания, какое существует здесь в действительности. Обыкновенно матамата лежала у берега реки, зарывшись в песок, так что вода покрывала ее щит приблизительно на палец, и, казалось, неподвижно подстерегала добычу. Она, не двигаясь, давала схватывать себя руками, однако мы редко делали это вследствие ее противного запаха. Наши карибы набрасывались на ее мясо просто с яростью».

Прежние наблюдатели и утверждают, что матамата питается растениями, растущими у берега, и отыскивает эту пищу лишь ночью, никогда не удаляясь значительно от берега. Это мнение, наверное, несправедливо: то, что челюсти покрыты вздутой кожей, похожей на губы, так же решительно противоречит этому, как и рассказ Шомбургка. Гораздо вероятнее кажется мне указание Пеппига: «Она питается маленькими рыбами и лягушками, лежит, подстерегая их, между плавающими водяными растениями, плавает быстро, может даже догонять рыб и, вдруг поднимаясь, схватывает мелких водяных птиц»*.

* *Матамата отличается удивительной прозорливостью. При обилии пищи она поедает рыб до тех пор, пока та помещается в желудке. Стимулом к схватыванию добычи, вероятно, является блеск рыбьей чешуи.*

Может быть, странные придатки на голове и шее служат приманкой для доверчивых рыбок, которых привлекают червеобразные придатки и которых затем матамата легко схватывает. Гутье уверяет, что некоторое время «очень легко» кормил одну самку травой и хлебом, но, впрочем, не говорит, как долго. Старые матаматы, которых я видел в неволе или держал сам, не принимали никакой пищи и всегда умирали через несколько недель. Своей боязнью света и ленивым покоем они надоедали каждому, кто наблюдал их. Были ли другие счастливее меня, я не знаю. По Гюнтеру, можно предполагать, что пища этого вида на свободе состоит из головастиков и лягушек.

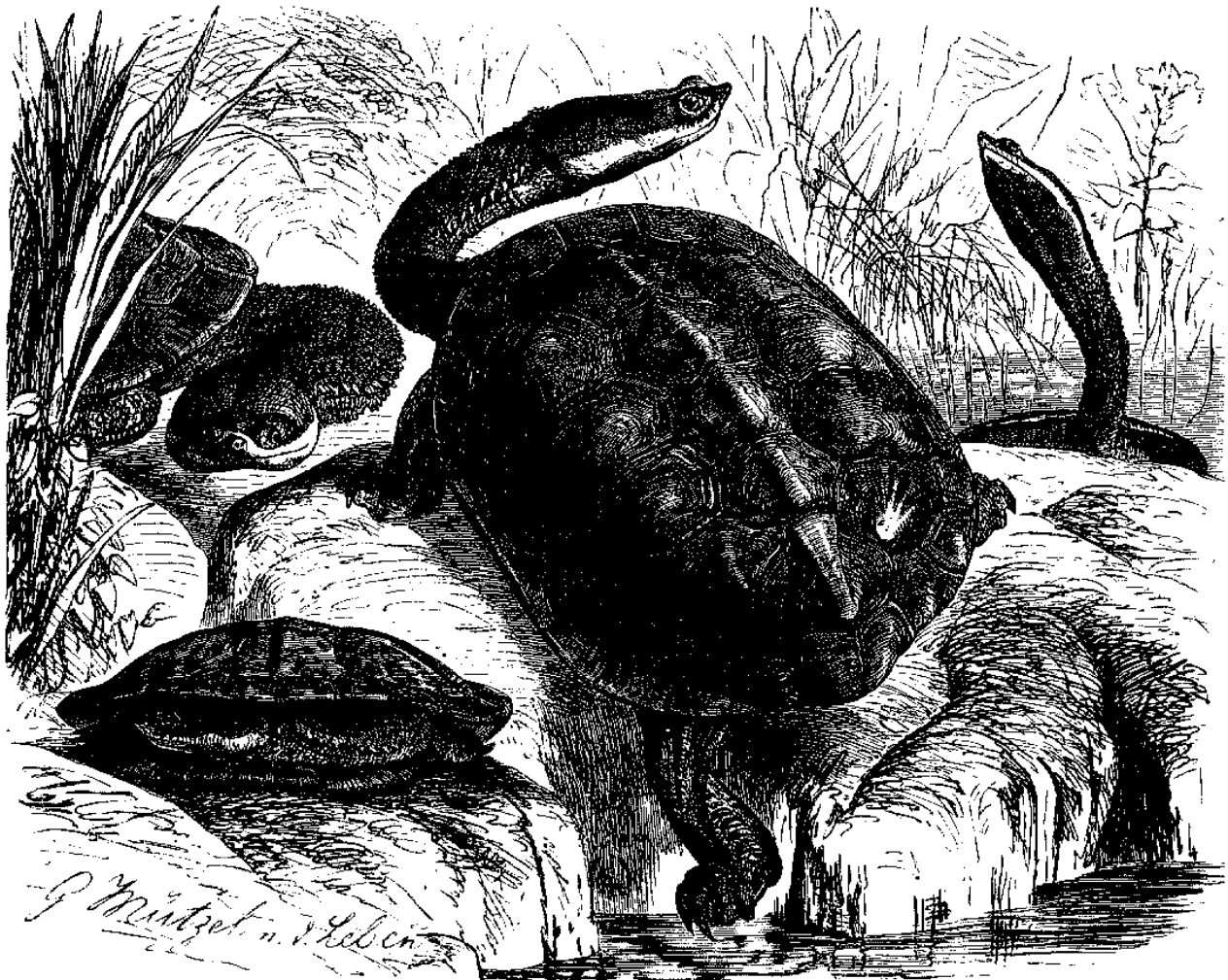
Размножение матаматы, говорят, слабо, и половая жизнь ее вообще не отличается от жизни родственных видов. Самка, которую держал Гутье, положила перед смертью пять яиц; из одного вышла черепаха, и притом, против всякого ожидания, в выдвижном ящичке, в котором хранились яйца.

Гидромедузами (*Hydromedusa*) мы будем называть два вида змеиношейных черепах. Они отличаются слабывыпуклым, по краям загнутым кверху в виде желобка спинным панцирем, состоящим из 14 пластинок, и очень плоским брюшным, состоящим из одного куска, сплюснутой сверху и одетой мягкой кожей головой, слабыми челюстями, очень длинной, бородавчатой шеей, которая длиннее спинного отдела позвоночника, коротким хвостом и четырьмя когтями на передних и задних ногах. У них, в виде исключения, 14 спинных пластинок, потому что затылочная пластинка здесь не лежит, как обыкновенно, на переднем краю между краевыми пластинками, а позади их на поверхности самого щита перед первой хребтовой пластинкой и как бы играет роль шестой пластинки этого рода. Хвостовая пластинка двойная, занимающая передний край брюшного панциря, почти пятиугольная межгорловая пластинка очень велика, плечевых и паховых пластинок нет, усиков на подбородке тоже нет.

Для описания одного из двух видов этого рода мы изберем **аргентинскую змеиношейную черепаху** (*Hydromedusa tectifera*) в качестве представителя группы, хотя нам мало известно об ее жизни на свободе. Все пластинки широкояйцевидного, спереди закругленного спинного панциря представляют у молодого животного многочисленные полосы нарастания, посреди которых по большей части, но не всегда можно отличать выступающее в виде конуса или бугорка срединное поле щитка; напротив, у старых животных они кажутся совершенно гладкими. Цвет спинного панциря равномерный, темный оливково-зеленый, цвет грудного панциря грязный буровато-желтый с темно-бурыми пятнами, этот цвет выступает и на нижней стороне краевых пластинок, но переходит в месте соединения обоих щитов в буро-черный. Голова, шея, ноги и хвост свинцово-серого цвета; полоска, начинающаяся на резко усеченном верхнем крае морды по бокам носа, пробегающая отсюда в виде тонкой черты до глаза, расширяющаяся, начиная отсюда, и остающаяся одинаковой ширины вдоль всей шеи, а также другая полоска, которая пробегает с каждой стороны внутри от нижней челюсти и скоро соединяется с первой, желтовато-белого цвета с черными каемками. Длина панциря равна 20 см.

Область распространения змеиношейной черепахи ограничивается, по-видимому, крайним югом Бразилии и соседними странами. Наттерер нашел ее в Сан-Пауло, Ихеринг — в Рио-Гранде, другие исследователи — в Ла-Плате, д'Орбиньи — в Монтевидео и Буэнос-Айресе; Гензель получил ее из Банды, Микан дает первое описание ее; д'Орбиньи говорит, что она обыкновенна и держится в мелких озерах и ручьях, но не говорит ничего более об ее образе жизни.

Образ жизни змеиношейной черепахи, как ни сходен он в общем с образом жизни других водяных черепах, должен быть замечателен во многих отношениях. Это доказывает молодое животное, по которому сделано наше описание.

Аргентинская змеиношейная черепаха (*Hydromedusa tectifera*)

Днем можно редко видеть что-нибудь, кроме панциря, так как голова и конечности совершенно втянуты. Длинная шея лежит в это время в виде толстого валька поперек и довольно глубоко в пространстве между спинным и грудным щитом, занимая почти всю ширину переднего или шейного отверстия, а голова так крепко прижимается между мягкой кожей плечевой области, что лишь в виде исключения можно видеть больше чем часть боковой поверхности затылка, а нос и глаза совершенно скрыты от взгляда, так как кожа со всех сторон окружает эти органы чувств. Ноги и хвост втягиваются и загибаются, как обычно, но подошвы ног, вооруженные длинными, но крепкими когтями, лежат при этом свободно на поверхности. Таким образом, животное выставляет на воде, в случае какого-либо нападения, лишь панцирь да ноги. Но длинная шея может вдруг выдвинуться и обнаруживать при этом такую изумительную гибкость, быстроту и подвижность, что совершенно напоминает змею. Теперь наша черепаха готова к защите и, когда сочтет это нужным, переходит к нападению, которое по живости нисколько не уступает нападению кусающейся черепахи и далеко превосходит их ловкостью. Злобный блеск как бы оживляет светло-желтые глаза, шея изгибается по-змеиному, чтобы достаточно вытянуться для нападения, и с быстротой молнии, как кусающая ядовитая змея, злое животное выдвигает ее вперед, когда считает момент удобным для этого. По сравнению с гибкостью и проворством, с которыми эта черепаха втягивает и вытягивает шею, не поворачивая ее, все другие движения, хотя они и не уступают нисколько движениям других представителей отряда, кажутся едва заслуживающими особого упоминания, по крайней мере они вовсе не характерны.

Если позволить себе сделать вывод о жизни этой черепахи на свободе на основании того, что замечаешь на животном, содержащемся в неволе и молодом, то можно приблизительно следующим образом представить себе картину жизни этой черепахи. Змеиношейная черепаха спокойно лежит днем в воде или на сухих местах над водой и начинает охоту лишь к вечеру. Ее спинной панцирь, который такого же цвета, как иловатый грунт, скрывает ее от глаз рыб, которых она подстерегает, наполовину зарывшись в ил, и они беззаботно приближаются, пока вдруг не выбросится длинная шея и клювообразные челюсти не схватят неосторожную жертву. Если засада неудачна, то эта шея оказывает прекрасные услуги и при погоне за добычей. Против врагов змеиношейная черепаха за-

пищается с мужеством, упорством и ловкостью, а потому, вероятно, мало терпит от более сильных противников, да и то, пожалуй, лишь в молодости. Все вооружение предназначает ее к тому, что так удачно выражает название ее: она настоящая — «Hydromedusa», т.е. водное страшилище.

Семейство трехкоготные черепахи

Третий естественный ряд настоящих черепах включает семейство трехкоготных черепах. От всех остальных черепах они отличаются отсутствием роговых пластинок на панцире и явственными пальцами, из которых лишь три внутренних имеют когти. Их всегда круглый или яйцевидный, по большей части очень маловыпуклый спинной панцирь представляет костяное среднее поле, одетое на поверхности мягкой, зернистой или морщинистой кожей, и вокруг него мягкий, хрящевой край, который крайне редко подпирается отдельными краевыми косточками. Грудной панцирь состоит из костей, которые остаются разделенными всю жизнь. Обе половины панциря одеты непрерывной мягкой кожей, но не роговыми пластинками. Ноздри лежат в мягком подвижном хоботе, барабанная перепонка скрыта под кожей, челюсти окружены мясистыми губами. Голова и шея могут втягиваться под панцирь, изгибаясь вертикально в виде S, как у скрытноголовых, трехкоготные плавательные ноги с очень развитыми плавательными перепонками тоже могут втягиваться, а задние могут иногда скрываться под особыми крышками. Хвост короткий.

Очень замечательно дыхание триониксовых. После того как уже Агассис указал, что в глотке североамериканских трехкоготных черепах находятся волокнистые образования, которые, по видимому, служат для известного рода жаберного дыхания, Гиэдс доказал в 1884 году, что у этих черепах действительно существует, как у двоякодышащих и некоторых ганоидных рыб, дыхание воздухом, растворенным в воде, рядом с настоящим воздушным дыханием, и что эти два способа дыхания могут чередоваться. Животные, над которыми производились опыты, добровольно оставались в текучей воде по 2-10 часов под водой и не добровольно — по 15 часов, не терпя никакого вреда. Дыхание должно было, следовательно, происходить за счет воздуха, растворенного в воде. Химическое исследование показало в воздухе, растворенном в воде, служившей для дыхания, сильную потерю кислорода и значительную прибавку углекислоты. В качестве внутренних жабр служат при этом нитевидные кожистые наросты, которыми густо усажена слизистая оболочка глотки и которые кажутся красными и сильно раздутыми от обильного притока крови.

Образ жизни их еще мало известен; однако мы знаем, что они выходят на некоторое время из воды лишь для того, чтобы положить яйца, а в остальное время проводят жизнь в воде. Хотя они довольно проворны на суше и, по словам Бэкера, бегают довольно быстро, однако лишь крайне редко предпринимают большие странствования по суше: они не совершают их даже тогда, когда воды, в которых они живут, высыхают, а просто зарываются при таких печальных обстоятельствах в ил и ожидают здесь нового обилия воды. Тем более предприимчивыми оказываются они в тех случаях, пока могут передвигаться в воде. Один вид поймали в значительном расстоянии от устья родной реки в открытом море, и вероятно, что такие экскурсии в море совершаются не слишком редко. Дело в том, что все реки, впадающие в известную часть моря в небольшом расстоянии друг от друга, населены обыкновенно одними и теми же видами, напротив, те, которые текут в различные части моря и не связаны между собой в верхнем течении, населены различными видами триониксовых. Из всех представителей отряда, кроме морских черепах, они предпринимают добровольно самые далекие перекочевки.

Жизнь их в воде малозаметна. Все виды, по-видимому, ночные животные и начинают свою настоящую деятельность лишь после солнечного заката. Днем они лениво лежат, наполовину или совсем погрузившись в ил, на одном месте, часто на очень малой глубине, которая может более прогреться солнцем, чем более глубокие места. Ночью они охотятся на различных плавающих животных, особенно рыб и водяных моллюсков. Это не исключает того, что они схватывают и днем подвернувшуюся им добычу; они жадно хватают также, по крайней мере пока солнце еще на небе, наживку на крючке. О виде, живущем в Ниле, арабы рассказывали мне, что черепахи едят рыб, а Бэкер уверяет, что эти черепахи очень решительно хватают приманку.

В пользу хищности, а косвенно и животной пищи триониксовых говорит также смелость и злость, нередко переходящие в бешенство, которые они обнаруживают, если их поймают, а особенно если их предварительно ранят. Не все, но очень значительное большинство наблюдателей, которые имели случаи ознакомиться с живыми триониксовыми черепахами, согласны между собой в том, что они принадлежат к числу самых свирепых и злых представителей отряда и не только шипят и хрипло вскрикивают, но и сильно кусаются. Значительная величина этих черепах, масса которых может доходить у некоторых видов до 75, даже 100 и более килограммов, и их чрезвычайно вкусное мясо побуждают, понятно, к более или менее упорному преследованию. Их ловят сетями для

рыб и на крючки, убивают из ружья или колют в воде, смотря какой способ ловли в данной местности употребителен или обещает лучшие результаты, но следует держаться в почтительном отдалении от пойманной триониксовой черепахи. «Для ловли трионикса, — рассказывает Теобальд, — пользуются длинной, заостренной на концах железной вилкой или заостренной бамбуковой палкой и втыкают это оружие в различных местах в мягкий ил или намытые полусгнившие листья, вдоль берегов горных рек. Если рыбак коснется при этом трионикса, то замечает это по его движениям. Он осторожно исследует затем рукой положение черепахи и, смотря по величине животного, прикрепляет к задней части хрящевого края щита животного один или несколько крепких крючков. Затем он сильно тянет за все веревки, привязанные к крючкам, и из воды показывается черепаха, дико бьющая ногами вокруг себя и с бешенством хватаящая все, до чего может достать. Если она очень велика или лежит глубоко, то ей вгоняют в спину с помощью тяжелого молотка крепкий заостренный кол и на нем вытаскивают ее на берег. Горе той части тела, которую может схватить яростное животное! Я видел, как трионикс откусил человеку палец ноги. Всегда следует как можно скорее пустить пулю в голову этому, в сильной степени подвижному и злому созданию, трионикс тоже обнаруживает чрезвычайную живучесть, и его голова яростно кусается после того, как ее отделили от тела».

Монголы, которым, по-видимому, хорошо известно, что водящиеся у них триониксовые черепахи сильно кусаются, окружают их жизнь баснями и сказками. «Наши казаки отказывались, — рассказывает Пржевальский, — купаться вместе с нами в ручье Тахылга; они боялись триониксовых черепах, о которых им рассказали монголы. Последние приписывают этим созданиям особые волшебные силы, и в подтверждение своего взгляда указывают на изящные глазчатые пятна на верхней стороне спинного панциря, в которых они видят тибетские буквы. Они напугали наших казаков, утверждая, что черепахи всасываются в тело человека, и что если это случится, то их нельзя более оторвать обыкновенным способом. Единственное средство в таком случае — привести белого верблюда и белого самца козули; увидев черепаху, они начинают кричать, и тогда она выпускает жертву. В прежние времена в ручье Тахылга не было триониксовых черепах; страшные животные явились внезапно и настолько же изумленные, как и испуганные окрестные жители не знали что делать. Наконец они обратились за советом к хигену, или настоятелю соседнего буддийского монастыря, и он объявил, что внезапно появившаяся черепаха останется впредь владычицей ручья и что ее вообще должно причислить к священным животным. С тех пор у источника Тахылга производится раз в месяц благоговейное молебствие». Впрочем, Буланже, говоря об индейских триониксовых черепахах, тоже высказывает мнение, что их дикость, злость и способность с изумительной быстротой выбрасывать шею во все стороны могут делать большие экземпляры опасными для купающихся. Так как некоторые виды, водящиеся в Индии, имеют панцирь длиной в 1,4 метра, то такое мнение не заключает в себе ничего странного.

Мясо триониксовых черепах едят не везде, но все, кто его пробовал, очень хвалят его. По Бэкеру, оно дает отличный суп. Менее вкусны, по-видимому, яйца. «От одной черепахи, — замечает тот же автор, — я получил более 100 яиц; они были приготовлены в виде яичницы, но имели довольно неприятный вкус».

О жизни триониксовых черепах в неволе мы имеем мало подробных рассказов, Гессе держал в Конго долгое время в неволе маленький экземпляр африканского трионикса длиной в 7 см. «Это было живое существо, очень любившее кусаться; он с яростью бросался на подставленный палец и, несмотря на незначительную величину, мог чувствительно щипать. Вцеплялся он челюстями так крепко, что его можно было поднять, таким образом, на пальце. Он ловко плавал, но и вне воды двигался быстро. Если его клали на спину, то он легко переворачивался, причем сильно вытягивал шею, загибал ее и употреблял как рычаг. Если он поднимался на поверхность, чтобы подышать, то высовывал из воды лишь нос, вытянутый в мягкий хобот. Я кормил его маленькими кусочками ветчины, которые он жадно проглатывал; другое мясо менее нравилось ему, а растительной пищей он совершенно пренебрегал». Келорт упоминает, что он целые месяцы держал в чане с водой вид, живущий на Цейлоне, и что эта черепаха без принуждения ела животные вещества, хлеб и вареный рис; он замечает, что эту черепаху сажают обыкновенно в трюм рыбацких лодок, чтобы она могла поедать находящиеся там остатки. К нам живые черепахи этого семейства попадают крайне редко, но я тем не менее видел молодой экземпляр одного вида, который еще нельзя было определить. Это было очень милое существо, со светлыми умными глазами, движения которого по изяществу и красоте превосходили движения всех известных мне пресноводных черепах.

Спинной панцирь у триониксов крайне маловыпуклый, срединное поле умеренной величины, хрящевой край поэтому велик и без следа краевых костей, брюшной панцирь короток, с узкими зад-

ними лопастями и без крышек, так что задние ноги не могут прятаться под ним. Мягкая и гладкая кожа покрывает голову, шею, ноги и хвост, лишь на передних конечностях заметно несколько Чешуевидных поперечных складок. В черепе глазная орбита более приближена к височной ямке, чем к наружным носовым отверстиям, внутренние костяные носовые отверстия открываются между глазами.

По Буланже, по крайней мере три, а вероятно, все виды этого рода имеют ту особенность, что являются в зрелом возрасте в двух формах, которые различаются по ширине и крепости челюстей. Между тем, как у всех молодых, челюсти снабжены острыми краями, старые черепахи имеют или челюсти с острым краем, или массивные, приспособленные для размалывания. Первые питаются преимущественно рыбами и лягушками, у вторых челюсти предназначены, по-видимому, исключительно для размалывания пресноводных, одно- и двустворчатых раковин. Развитие жевательных мускулов тоже гораздо сильнее у экземпляров с широкими челюстями, чем у питающихся рыбой. Баур сделал наблюдение, что у одного из североамериканских видов самка вдвое больше самца.

Из видов, принадлежащих к этому роду, мы лучше всего знаем **злого трионикса** (*Trionyx ferox*), самого крупного из североамериканских видов. Щит его разрисован сверху по темному аспидно-серому фону, многочисленными и крупными глазчатыми пятнами и, особенно у края, темными крапинками; снизу он грязно-белого цвета; голова шиферного цвета с темными пятнами сверху и сбоку, в области глаз украшена височной полоской с темными краями, которая достигает шеи и здесь теряется; подбородок, а также ноги и хвост представляют мраморный рисунок из черного и белого цвета; радужная оболочка желтая.

Элой трионикс (*Trionyx ferox*)

Эта кусающаяся черепаха живет, по словам Гольбрука, в реках Саванна и Алабама и во всех реках, изливающихся в Мексиканский залив, а также на юго-востоке Соединенных Штатов от Джорджии до Западной Луизианы. Родственные виды живут также в больших северных озерах и, наконец, в Гудзоне, но их нет во всех реках, которые впадают в Атлантический океан, между последней рекой и Саванной. В недавнее время они проникли и в воды штата Нью-Йорк, но можно доказать, что это произошло через Нью-йоркский канал, до окончания его строительства они были там неизвестны. В большей части вод своей области злой трионикс встречается часто. В тихую погоду можно видеть их в значительном числе плавающими на поверхности, в реках они часто появляются в большом числе в воде около утесов, чтобы греться здесь на солнце на небольшой глубине. Обыкновенно трионикс лежит, спрятавшись под корнями и водяными растениями, и подстерегает добычу. Он охотится на рыб, земноводных и водяных птиц, медленно подплывает к замеченной жертве и с быстротой молнии выбрасывает очень метко свою относительно длинную шею. Крестьянам он вредит, охотясь на молодых уток и гусей. Рыбам и более мелким живущим в воде пресмыкающимся и земноводным он опасен. Между молодыми аллигаторами он производит, говорят, настоящие опустошения, зато большие в свою очередь съедают его.

В мае самки отыскивают песчаные места вдоль берегов тех вод, где они живут, и в это время, несмотря на то что обычно боятся суши, взбираются на возвышение более метра вышиной. Яйца круглы и относительно ломки, во всяком случае более чем у других черепах, живущих в тех же водах. О жизни молодых, которые вылупляются, по-видимому, в июне, не обнаружено никаких наблюдений.

Из всех североамериканских черепах этот вид обладает самым вкусным мясом, и потому его ревностно преследуют. Его убивают из ружья, окружают сетями те места, где триониксы спят, или ловят их на крючки*.

** На российском Дальнем Востоке также встречается представитель этого рода. Дальневосточный трионикс существенно снижает свою численность. Существенный урон его популяции наносят вороны, енотовидная собака, лисица, разрушающая порой все кладки на берегу; летние паводки вымывают кладки, а местные жители собирают яйца триониксов.*

Со взрослыми надо обращаться осторожно, так как они защищаются и могут наносить, кусаясь, чувствительные раны. Особенно те, которые попадают на крючок, ведут себя как безумные, хватают челюстями по воздуху, коль скоро кто-нибудь к ним приближается, и вообще стараются всячески проявить свою ярость. Белль рассказывает, что раз одно из этих животных откусило палец неловкому ловцу.

Отряд клювоголовые

Этот во всех отношениях замечательный отряд совершенно напоминает по внешнему виду ящериц, но по внутреннему строению соединяет признаки различных других отрядов, даже классов, с некоторыми самыми странными особенностями, в известном отношении он сходен даже с земноводными. Относящаяся сюда гаттерия соединяет в себе признаки первобытных стегоцефалов, остатки которых находят в пермской и девонской формации Богемии и Саксонии, с признаками исчезнувших плезиозавров и наших обыкновенных ящериц.

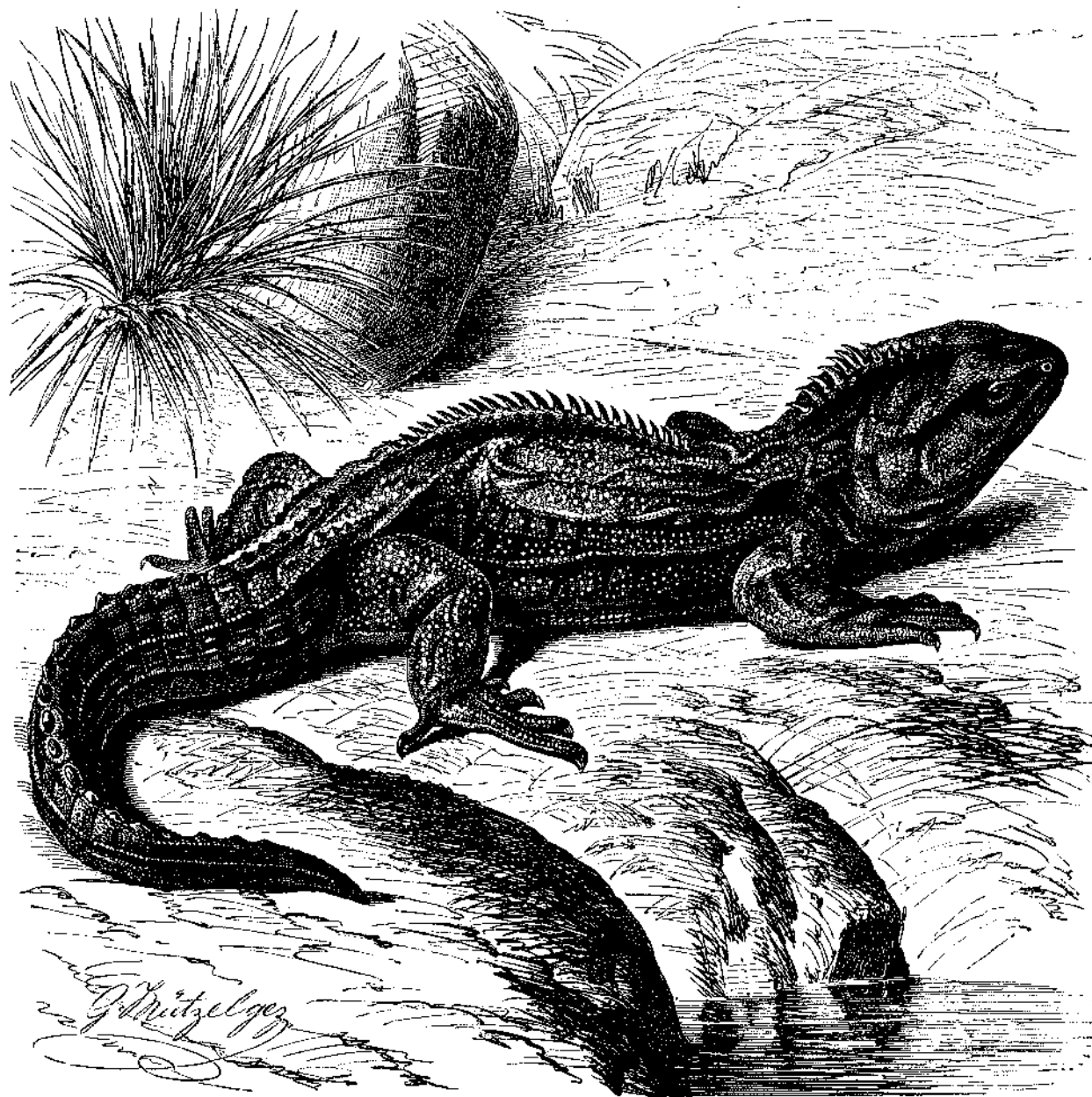
Семейство клинозубые

Гаттерию (*Sphenodon punctatus*) мы должны считать типом особого семейства и представителем отряда клювоголовых, равнозначающего с группами ящериц, змей, крокодилов и черепах и существенно отличного от них. Это большое, несколько неуклюжее животное, напоминающее формой тела некоторых игуан. Голова четырехгранная, тело укороченное, конечности сильные, приблизительно равный длине тела хвост сжатый, трехгранный*, передние и задние ноги имеют по пять сильных, коротких, вальковатых пальцев с маленькими перепонками и короткими когтями.

** Хвост гаттерий способен к регенерации.*

Бедренных пор нет. На зашейке, вдоль середины спины, а также вдоль середины хвоста поднимается прерывающийся в плечевой и поясничной области гребень, состоящий из плоских шипов. Мелкие чешуйки покрывают голову, более мелкие, перемешанные с более крупными — тело, большие четырехугольные плоские щитки, расположенные поперечными рядами, — нижнюю сторону, мелкие чешуйки — хвост, верхнюю и нижнюю сторону пальцев. Чешуйки всей верхней стороны зернистые, те, которые покрывают неправильные складки кожи, больше остальных. Основной цвет бледный оливково-зеленый, бока и конечности испещрены мелкими белыми и лежащими между ними более крупными желтыми крапинками, шипы гребня на зашейке и спине желтые, шипы хвостового гребня бурые.

Гораздо более замечательные и важные признаки обнаруживаются при анатомировании этого животного. Квадратная кость, в противоположность тому, что мы находим у всех чешуйчатых пресмыкающихся, неподвижно соединена с черепом, лицевая часть черепа соединена с височной областью двумя костяными мостиками, проходящими над височной ямкой. Зубы укреплены обыкновенным образом своими корнями на краю челюстных костей, но, за исключением тоже изменяющихся, но неисчезающих двух больших передних зубов, так стираются у более старых животных, что они должны, подобно черепахам, кусать краями челюстей. На наружном крае небных костей находится второй ряд зубов. При закрывании рта ряд зубов нижней челюсти приходится между небным и параллельным ему верхнечелюстным рядом зубов. На каждом сошнике находятся иногда по одному или по два зуба. Ветви нижней челюсти соединены впереди связкой, как у змей. Позвонки снабжены спереди и сзади воронкообразными углублениями, как у некоторых земноводных и у многих костистых рыб и как было у ископаемых пресмыкающихся — ихтиозавров, мегалозавров и телеозавров. Снабженные одной суставной головкой, ребра с крючковатыми отростками сходны с ребрами большинства ящериц в том отношении, что некоторые из них, именно три пары, соединяются с грудной костью, а затем существует одиннадцать пар ложных ребер.

Гаттерия (*Sphenodon punctatus*)

Но нижние концы ложных ребер соединяются, в свою очередь, с особыми узкими косточками, брюшными ребрами, которые лежат в подкожном слое брюшных покровов и по своему числу и положению соответствуют расположенным поперечными рядами наружным брюшным щиткам и вдвое превышают число позвонков и ложных ребер. Они так крепко связаны с брюшными щитками, что могут быть отделены от них лишь с помощью ножа. Поперечный ряд брюшных щитков этого жи-

вотного соответствует, следовательно, отдельному брюшному щитку змеи и еще более отдельным частям брюшного панциря черепахи. Со змеями гаттерия сходна и в том отношении, что у нее нет барабанной перепонки и обособленной барабанной полости и большой столбик заменяет слуховые косточки*; передние конечности соединяются с грудной клеткой посредством ключиц и дужки. Глаза велики и имеют вертикальный зрачок.

** Барабанных перепонок у гаттерии действительно нет, а полость ее среднего уха заполнена жировой тканью. Несмотря на это, она обладает слухом, но воспринимает лишь низкие звуки 100-900 Гц.*

Заднепроходная щель расположена поперек, как у ящериц. Мужских органов совокупления Гюнтер не мог отыскать; гаттерия сходна, следовательно, в этом отношении с земноводными**.

** * Гаттерия единственное пресмыкающееся, у которого отсутствует копулятивный орган.*

Таким образом, можно сказать, что гаттерия есть пресмыкающееся, которое в общих чертах сходно с ящерицами, но в некоторых очень важных чертах организации остановилось на степени земноводного, а также выработало другие приспособления такого же рода, какие мы находим у черепах и змей***.

** * * Одной из самых оригинальных черт гаттерий считается температура их тела, которая колеблется в пределах от 6 до 13 °С (в среднем — около 11 °С).*

О распространении и образе жизни гаттерий мы имеем пока лишь скудные сведения. Кук первый упоминает о ней: «Говорят, что в Новой Зеландии есть ящерицы громадной величины, что они бывают длиной в 2,6 метра и толщиной с человека, что они нападают иногда на людей и съедают их. Они живут в норах под землей, и их убивают, разводя огонь перед входом в нору»****.

** * * * Часто гаттерий поселяются в норах буревестников, выгоняя оттуда птиц.*

Поллак тоже говорит об этом животном. «Исполинская ящерица или гуана, — говорит он, — живет преимущественно на острове Виктория; немногие из них встречаются на островах в бухте Пленти. Туземцы рассказывают о ней, что она поедает людей; однако она, несомненно, безобидное существо»*****.

** * * * * Достоверно зарегистрированные размеры гаттерии не превышают 75 см в длину.*

Диффенбах узнал немного более. «Меня известили о существовании большой ящерицы, которую туземцы называют «туатера» или «нарара» и очень боятся; однако, хотя я обыскал все места, где она, говорят, водится, и предложил значительное вознаграждение за поимку ее, мне удалось достать одну лишь за несколько дней до моего отъезда из Новой Зеландии. Ее поймали на маленьком скалистом острове Карева, лежащем в бухте Пленти приблизительно в двух милях от берега. Из всего, что я узнал, по-видимому, следует, что гаттерия была прежде обыкновенна на всех островах, жила в норах, а часто и на песчаных холмах около берега; туземцы преследовали и убивали ее из-за мяса. Вследствие этих преследований, а также вследствие ввоза свиней животное это стало столь редким, что многие пожилые жители страны не видали его».

Гаттерия, которую Диффенбаху принесли живой, попала позднее в Британский музей и дала Грэю возможность познакомить с этим видом ученый мир. После Диффенбаха, в начале сороковых годов нашего столетия, еще несколько экземпляров были присланы в Англию живыми или мертвыми, но в таком малом числе, что Гюнтер уже в 1867 году мог высказать опасение, что гаттерию, вероятно, скоро придется причислить к вымершим животным. Позднее Беннет сообщил, что это животное до 1851 года жило еще в значительном числе на отдельных островах упомянутого залива, особенно на Рурима и Монтоки. Одна компания офицеров наловила здесь в полчаса около 40 экземпляров гаттерий, гревшихся на солнце, длиной от 8 до 50 см. Наконец, в 1869 году одно из этих пресмыкающихся снова попало живым в Англию, именно через посредство Гектора, который достал это животное в провинции Веллингтон в Новой Зеландии. Об этом экземпляре мы узнаем, что животное с жадностью ело мучных червей и других насекомых, а от Диффенбаха мы знаем, что гаттерия в неволе в высшей степени вяла, но зато очень добродушна и позволяет трогать себя, не кусаясь и вообще не оказывая сопротивления. В неволе они, говорят, не пренебрегают и растительной пищей*.

** У гаттерий известен и каннибализм (поедание себе подобных). В неволе гаттерий доживают до 70 лет.*

Еще теперь, время от времени, с маленьких островов к востоку от северного острова Новой Зеландии привозят в Европу живых или мертвых гаттерий, но они все же принадлежат к редким животным и стоят дорого**.

* * *Несмотря на охрану закона, гаттерия действительно стала очень редкой, ее цена возросла с 40 руб. после второй мировой войны до 10 000 руб. в 1961 году. Общая численность гаттерий, по данным Международного Союза Охраны природы, к 1982 г. составляла примерно 100 тысяч особей, при этом самая крупная популяция, обитающая на острове Стефанса, насчитывала 50 тысяч особей (здесь они достигают плотности до 480 экземпляров на 1 га).*

Подотряд ящерицы

Типической формой этого отряда может служить обыкновенная миловидная ящерица, которая, без сомнения, знакома нашим читателям по их собственному наблюдению, хотя это основная форма, если можно так выразиться, сильно видоизменяется или вследствие того, что взаимное отношение между отдельными частями тела бывает другое, чем у обыкновенной ящерицы (так, например, могут не развиваться конечности, и животное тогда становится похожим на змею), или у некоторых видов вырастают странные шипы, кожистые гребни, лопасти и складки. Обыкновенно ящерицы по внешнему виду походят на крокодилов и только немногие из них по внешнему виду и отсутствию ног похожи на змей, однако по внешним и внутренним признакам они более отличаются от крокодилов, чем от змей. Тело их в большинстве случаев ясно разделяется на голову, шею, туловище и конечности, но эти последние могут быть малоразвитыми и даже вовсе отсутствовать; тогда-то ящерицы и принимают внешнюю форму змей: но это сходство, бросающееся в глаза несведущему человеку, оказывается поверхностным и исчезает при более точном наблюдении. Характерными признаками ящериц могут считаться: внешний покров, состоящий из роговых чешуек, внутри которых иногда бывают костные пластинки, иногда нет, подвижный язык и зубы, которые никогда не сидят в ячейках, но срослись с челюстной костью. Ушное отверстие не прикрыто кожистой складкой; барабанная перепонка находится на поверхности кожи или на дне очень короткой барабанной полости, иногда же в виде исключения покрыто внешней кожей; веки почти всегда подвижные, ноздри отделены одна от другой. Задний проход имеет вид поперечной щели, как у змей, а не продольной, как у черепах и крокодилов.

Чешуйки, представляющие большое разнообразие форм у различных видов, разделяются на табличные, зерновидные, черепитчатые и мутовчатые. Табличными или зерновидными чешуйками называют маленькие, круглые или многоугольные роговые образования, которые всей нижней поверхностью прирастают к коже, лежат одно около другого и друг друга не покрывают. Черепитчатые чешуйки вырастают в кожу своим передним краем, задняя же часть их свободна, причем они покрывают друг друга боковыми частями, а также и кончиками. Мутовчатые чешуйки бывают расположены поперечными рядами одна около другой, так что образуют на теле пояса или мутовки. Чешуйки, отличающиеся большой величиной и прилегающие всей нижней поверхностью к коже, называются щитками и носят различные названия, в зависимости от положения и формы. Кроме чешуек и щитков у ящериц нередко встречаются шипы, гребни, роговые складки и другие роговые образования.

Череп ящериц значительно отличается от черепа крокодила. Квадратная кость, соединяющая нижнюю челюсть с черепом, постоянно соединена с последним подвижным суставом; верхняя челюсть, за немногими исключениями, неподвижна. От теменной кости идут в большинстве случаев довольно большие гребни в виде дуг по сторонам затылочной кости; лобная кость, как правило, цельная и редко разделена посередине, барабанная кость не срастается с соседними костями, носовые кости часто недоразвиты. Позвоночный столб состоит из очень различного числа позвонков, которые обыкновенно имеют на передней стороне углубление, а на задней выпуклый бугорок, а в виде исключения — углубления с обеих сторон. Крестцовых позвонков бывает не более двух, а у ящериц, не имеющих задних конечностей, их едва можно отличить от прочих позвонков. Грудная кость, ключицы и лопатки, а также тазовые кости могут быть иногда сильно недоразвиты, но всегда присутствуют, как у змей. Форма ключицы имеет большое значение, как отличительный признак между некоторыми семействами ящериц.

Язык, который также очень важен для определения семейства, бывает различной формы: иногда он покрыт чешуйками или волосистыми бородавками, мясистый, спереди с небольшой выемкой или округленный, короткий и утолщенный у основания, тонкий и спереди более или менее расщепленный и т. д. Более подробно об этом органе придется говорить впоследствии. Зубы бывают вросшие (Acrodontes), если они сидят на краю челюстей и приросли к ним, и приросшие (Pleurodontes), если они внешней стороной своего основания приросли к внутренней поверхности челюстей, так что корень их свободен и лишь только прикрыт десной. Однако встречаются переходы от одной формы зубов к другой, например, у американских варанов и у двуходок. Кроме этих зубов у ящериц встречаются еще зубы на небных и крыловидных костях, впрочем, они редко сидят

на небных костях и на сошнике. По форме своей зубы бывают очень различны, и у некоторых видов можно, пожалуй, даже различить резцы, клыки и коренные зубы. Широкий пищевод постепенно переходит в конусообразный желудок, который иногда спереди расширен, иногда перегнут посередине и окружен толстым кольцеобразным мускулом и всегда отделен от кишок особым клапаном; почки лежат за брюшной полостью, имеют удлинненную или лентообразную форму и на заднем краю часто срастаются между собой. Мочевой пузырь всегда существует. Сердце имеет два совершенно раздельных предсердия, но желудочки его соединены между собой. Легкие не отделены особым мускулом, похожим на грудобрюшную преграду, как у крокодилов, но проникают в брюшную полость; одни только вараны составляют здесь исключение. Особенно замечательны двойные или парные органы оплодотворения ящериц, которые и в этом отношении более похожи на змей, чем на черепахи и крокодилов.

По форме тела этих животных можно судить о месте жительства их. Те, у которых тело сплющено сверху вниз, живут большей частью на песчаных равнинах и прячутся под камнями, в трещинах скал и в норах; те же, тело которых сжато с боков, живут на кустах и деревьях, наконец, те, у которых тело цилиндрическое или червеобразное, большую часть времени пребывают в подземных норах и дуплах деревьев. Безногие и змеевидные ящерицы живут всегда на поверхности земли, а червеобразные — под нею. Однако это правило имеет и некоторые исключения.

Человек относится к ящерицам не враждебно, и они вполне этого заслуживают. На них следует, без всякого сомнения, смотреть как на самых высокоодаренных пресмыкающихся, и они решительно ни в каком отношении не уступают прочим представителям этого класса. Движения их разнообразны, ловки и в большинстве случаев очень быстры; хотя и они влачат по земле свое туловище, однако бегают чрезвычайно скоро, змеевидно извивая свое тело; опираясь на хвост и ударяя им по земле, они могут приподниматься с ее поверхности и делать довольно большие прыжки. Те немногие виды, которые живут в воде, отлично плавают и ныряют, несмотря на отсутствие плавательных перепонки на ногах, и даже те, которые обыкновенно тщательно избегают воды, умеют двигаться в ней с большим искусством, если случайно туда попадут; те ящерицы, которые лазают по скалам, стенам и по ветвям деревьев, исполняют это с удивительной ловкостью. Древесные ящерицы с успехом пользуются своим длинным хвостом для поддержания равновесия, и они в состоянии точно так же ловко бегать вдоль ветвей и прыгать с сучка на сучок, как их родичи двигаются по земле. Некоторые ящерицы, благодаря широким и шероховатым внизу пальцам, лазают по деревьям в любом положении вверх и вниз как на верхней, так и на нижней стороне; иные, наконец, могут совершать большие прыжки с верхних ветвей на нижние, пользуясь при этом растяжимой перепонкой, которая натягивается по сторонам их тела. Те ящерицы, у которых ноги мало развиты или их нет вовсе, двигаются по земле наподобие змей, хотя ребра у них не имеют такого свободного движения, как у последних.

Лишь немногие ящерицы имеют настоящий голос; но большинство во время гнева фыркает, шипит или пыхтит. Однако некоторые виды, особенно ночные, издают довольно громкие отдельные звуки, не имеющие, впрочем, никакого сходства с ревом крокодила, а скорее напоминающие кваканье лягушек или трещание кузнечиков и сверчков; иногда же раздается писк или чириканье.

Между внешними чувствами зрение постоянно развито лучше других; у большинства ящериц глаза хорошо развиты и имеют круглый зрачок; некоторые, однако, имеют щелевидный зрачок, прямой или извилистый, и по этому признаку можно узнать ночных животных*.

** Многие гекконы обладают пиловидно изрезанными краями зрачков, которые при их смыкании образуют округлые «отверстия», каждое из которых фокусирует изображение на сетчатку.*

После зрения следует упомянуть о слухе, который у большинства ящериц также очень тонок. Все виды, которые издают звуки, обращают внимание на шум, который передается им через воздух или через колебание почвы. За слухом следует развитие обоняния и осязания: многие ящерицы пользуются своим языком, как змеи, более для ощупывания, чем для вкуса. Вкус редко хорошо развит, однако у ящериц, питающихся растениями и плодами, а также у разборчивых настоящих ящериц он настолько тонок, что они самым тщательным образом выбирают себе пищу.

Относительно понятливости ящерицы стоят едва ли ниже каких-либо других пресмыкающихся: они довольно наблюдательны и умеют пользоваться своими наблюдениями. Все любители, державшие этих красивых животных в неволе, утверждают, что питомцы узнают их, и если этим еще не доказано, что они отличают своих хозяев от других людей, то все же видно, что они изменяют свое поведение согласно сделанным наблюдениям. Нрав их, очевидно, по душе людям: они нам кажутся, большей частью справедливо, олицетворением веселой невинности: они живы, подвижны,

осторожны и в сравнении со своей величиной очень смелы. В качестве хищных животных они позволяют себе иной раз поступки, которые мы не можем, с нашей точки зрения, не порицать; например, они, не задумываясь, пожирают своих детенышей, или крупные ящерицы — своих мелких родичей: несмотря на это, общественность у них все-таки более развита, чем у других пресмыкающихся: многие из них собираются вместе, и наблюдения показывают, что члены этого общества имеют некоторую связь между собой.

Некоторые ящерицы питаются растительными веществами, не пренебрегая, впрочем, совершенно и животной пищей; лишь очень немногие скорее будут голодать, чем станут есть мясо, а большинство, как уже сказано выше, хищники, которые ищут себе добычу в различных классах животного царства. Большие виды нападают на позвоночных всех пяти классов, бывают иногда опасны маленьким млекопитающим и птицам, а иногда даже и большим, опустошают гнезда, преследуют всех пресмыкающихся, рептилий и рыб, и охотятся, кроме того, на всех низших беспозвоночных животных, которых могут себе добыть. Маленькие виды питаются преимущественно беспозвоночными животными, главным образом суставчатыми, а другие — улитками и червями. Пищеварение у них совершается быстро, особенно при высокой температуре; они тогда едят чрезвычайно много и до известной степени тучнеют, но при неблагоприятных условиях могут без видимого вреда долго голодать. Твердые части своей добычи и случайно проглоченные вместе с нею растительные вещества они выбрасывают вместе с пометом. Почти все известные виды ящериц пьют жидкости, лакая с помощью языка, быстро опуская его в воду и снова втягивая; впрочем, большая часть их довольствуется росой, которую они собирают на листьях и камнях, а некоторые, по-видимому, могут по целым месяцам, а может быть, и вовсе обходиться без воды.

Ежедневная жизнь этих животных разнообразнее, чем у других пресмыкающихся, но все же довольно однообразна. Подвижнее всего они бывают в жарких тропических странах, особенно там, где между временами года мало различия и где ящерицы не принуждены искать временной защиты от влияния непогоды. Здесь они начинают свою деятельность уже рано утром и бывают подвижны до захода солнца, уступая затем место своим родичам, ведущим ночную жизнь. Первые и последние часы дня они посвящают охоте, перед полуднем и после полудня предаются свойственным им удовольствиям, т.е. собираются в общества, а самое жаркое время дня они проводят в полудремоте, потому что боятся чрезвычайной жары точно так, как и холода. В умеренных странах они в полуденное время лежат, растянувшись на камнях или сухих местах, сильно нагретых солнечными лучами, а в тропических странах они в это время отыскивают себе тенистые места. Каждая отдельная ящерица избирает себе известную область жительствова, а в ней какое-нибудь укромное местечко для постоянного пребывания, устраивая его себе даже иногда искусственно. От этого жилища, которое можно назвать гнездом ящерицы, она никогда далеко не удаляется, а в случае опасности спешит туда как можно скорей. В этом отношении не делают исключения и те ящерицы, которые живут в воде и на деревьях. Кто тщательно наблюдал варанов, наверно заметил, что они появляются почти всегда на одном и том же месте, чтобы погреться на солнце или поспать, а кто долго занимался ящерицами, живущими на деревьях, наверно убедился в том, что они добровольно никогда не покидают их. По-видимому, каждая ящерица с некоторым смыслом выбирает себе место жительствова, по окраске подходящее к ее цвету. Здесь она охотится за добычей, каждый вид по-своему. Все зорко всматриваются в свою жертву, при случае бросаются на нее большим прыжком, схватывают ее, раздавливают между зубами и глотают по возможности головой вперед. После обильной еды и ящерицы делаются вялыми, но никогда не впадают в состояние совершенного расслабления и равнодушия к окружающему, как змеи. После захода солнца дневные ящерицы постоянно прячутся в свои убежища, а при плохой погоде остаются там по нескольку дней и даже недель. Все виды этого отряда, которые не живут на деревьях или в воде в странах, где царствует вечная весна, проводят неблагоприятное время года в состоянии и, похожем на зимнюю спячку млекопитающих. В средней Европе ящерицы осенью прячутся в подземные норки* и, проспав там всю зиму, появляются лишь в начале весны; те виды, которые в Германии спят только пять месяцев, в северной Европе или высоко в горах остаются в состоянии оцепенения 6-8 месяцев.

** Временные норы служат для непродолжительного укрытия ящериц, например на ночь. Многие пустынные ящерицы каждый раз для ночного или полуденного отдыха выкапывают новую норку, совсем короткую — такую, чтобы в ней можно было только поместиться. Постоянные норы располагаются обычно в наиболее удобных местах индивидуального участка. Они более глубокие, используются и для отдыха, и для укрытия от врагов. Ящерицы многих видов защищают постоянные норы от сородичей. Именно в таких норах животные зимуют, у приткнутой ящерицы они могут достигать глубины 2 м. Многие пресмыкающиеся откладывают в норы*

яйца: самка либо выкапывает специальную нору для этого, либо делает ответвление в основной норе, либо пользуется норами других животных. Ящерицы разных видов часто используют норы грызунов, насекомых, птиц, других пресмыкающихся.

Что подобное окоченение происходит и в тропических странах доказывается хотя единичными, но совершенно согласными наблюдениями сведущих путешественников.

Скоро после пробуждения весной, каким бы образом это ни произошло, у ящериц проявляется стремление к размножению. Тогда замечается между ними сильное возбуждение; часто видишь, как два самца яростно преследуют друг друга, нередко дерутся, кусаются и треплют один другого. Только в это время самцы и самки живут близко друг от друга. Несколько недель спустя яйца, числом от 2 до 30, готовы к кладке, и мать готовит для них довольно заботливо и старательно надежное гнездо, вырывая в рыхлой земле или во мху, в гнилом дереве или в муравьиных или термитных кучах ямку, куда она кладет яйца, и слегка закрывает их. Яйца мало отличаются от яиц других пресмыкающихся, имеют тягучую, кожистую, мягкую скорлупу, заключающую в себе малое количество известки, большой маслянистый желток и совершенно жидкий белок. Некоторые, например гекконы, кладут яйца с твердой скорлупой. Через несколько недель или месяцев, смотря по тому, когда они положены, яйца созревают, и детеныши вылупляются без всякой помощи со стороны родителей и с первых же дней своей жизни ведут себя, как взрослые.

Так бывает чаще всего, но некоторые ящерицы яиц не кладут, а рожают живых детенышей; иногда совершенно так же, как и млекопитающие, иногда же яйца настолько сильно развиваются в теле матери, что оболочка их лопается и детеныши вылупляются из яиц еще до рождения. У безногих ящериц можно заметить у зародышей присутствие конечностей, которые при дальнейшем росте остаются недоразвитыми и исчезают при вылуплении детенышей. В северных странах детеныши, родившиеся поздним летом, еще раз линяют, а затем отыскивают себе удобное место для зимней спячки. О способности возобновлять утраченные части тела мы уже говорили выше. Буланже сделал у ящериц интересное наблюдение, что, в случае нового вырастания сломанного хвоста, часто на нем заметна другая форма чешуек и иное расположение их. Между тем как гаттерии заменяют потерянный хвост таким же, и то же самое замечается у настоящих ящериц и веретениц, у гекконов первоначальная форма часто значительно изменяется. Особые видоизменения в форме чешуи хвоста происходят у *Gymnophthalmus*, который покрыт круглыми и черепицеобразными чешуйками: новый хвост его имеет устройство чешуек, похожее на чешуйки ящерицы теию, в свою очередь похожей на *Cercosaura*, примерно как у *Heterodactylus*. Наоборот, вновь выросший хвост желтопузика покрыт черепитчатыми чешуйками, как у веретеницы, между тем как в первоначальной форме этот хвост покрыт килевидными мутовчатыми чешуйками.

Ящерицы подвержены нападению врагов более, чем другие пресмыкающиеся. Множество хищников преследует их и нападает на них во всех возрастах их жизни. Большие виды ящериц благодаря своей силе и зависящего от нее мужества в значительной степени способны противостоять нападениям других животных, но маленькие виды служат добычей виверрам, куницам и вонючкам, грифам, орлам, соколам и сарычам, совам, воронам, куриным, болотным и водным птицам, змеям и, наконец, более крупным ящерицам, так что следует удивляться, как эти животные могут иногда избегать всех разнообразных врагов. Человек также иногда присоединяется к числу врагов и преследователей этих безобидных созданий и делает это без всякой цели, а только из любви к уничтожению других существ. Некоторых ящериц считают, совершенно несправедливо, ядовитыми, других принимают за змей, и они должны терпеть последствия ненависти к этим пресмыкающимся тварям. И то и другое несправедливо: ядовитой следует считать только одну ящерицу, именно **ядозуба** (*Heloderma*), живущего в Северной Америке, да и он бывает лишь в редких случаях опасен для людей. Правда, что ящерицы не приносят никакой заметной пользы, но они и не причиняют никакого вреда человеку. Мясо некоторых больших видов съедобно, и даже европейцы находят его довольно вкусным, другие ящерицы нас радуют своею грациозной подвижностью на свободе, а также красотой форм и безвредностью, если их держат в клетках, а большинство их питается животными, которые нам неприятны. Только немногие ящерицы опасны своим хищничеством среди домашних птиц или тем, что они уничтожают их яйца, другие пугают слабонервных людей своим сходством со змеями и подозрительным шуршанием в траве. Вот все, что можно сказать о пользе и вреде ящериц. Большого значения для нас они не имеют, но вместе с тем ничего не делают такого, за что их должно было бы преследовать.

Чрезвычайное разнообразие форм этого отряда пресмыкающихся не позволяет в популярном сочинении подробно описать огромное количество ныне известных видов их; поэтому на следующих страницах мы будем говорить лишь о самых важных представителях различных групп ящериц,

причем придется даже пропустить некоторые семейства, так как образ жизни животных, к ним относящихся, до сих пор еще мало известен. Натуралисту, который не имеет в своем распоряжении первоклассного естественноисторического музея и полной коллекции научных сочинений по этой отрасли знания, в высшей степени трудно ориентироваться в существующей до сих пор путанице названий и описаний различных ящериц; кто же желает ознакомиться с образом жизни пресмыкающихся и кое-что рассказать об этом в популярном сочинении, тот часто находится в самом затруднительном положении, так как материала для этого он почти нигде не находит. Вследствие этого необходимо в значительной степени ограничить число описываемых видов.

Едва ли о какой-либо группе пресмыкающихся так много сочинено басен, как о цепкопалых, или гекконах, ночных ящерицах, которые живут в жарких странах всех частей света и имеют очень своеобразную внешность. Древние их называли «Stellio»*, потому что, как нам объясняет Овидий, на спине у них замечаются маленькие звездообразные пятнышки (stella-звезда).

* *Название Stellio сейчас принадлежит не гекконам, а роду агамовых ящериц.*

Аристотель говорит, что стеллионы живут в комнатах на окнах и в подземельях, лазают по стенам и часто падают с потолка на стол в кушанья. Они спят в яслях, влезают ослам в ноздри и мешают им есть; далее, что укушение их ядовито и что они в течение четырех холодных месяцев в году прячутся и ничего не едят, а весной и осенью линяют и сами съедают свою кожу. Геснер говорит: «стеллионы съедают свою кожу вследствие недоброжелательства к людям, чтобы не давать им возможности пользоваться этим прекрасным лекарством от падучей болезни, и потому у юристов существует термин «Titul stellionatus», которым обозначают, когда кто-либо вымогает и отнимает что-либо обманом или хитростью. Говорят, что у стеллионов существует инстинктивная вражда к скорпионам, так что если они только увидят их, то сильно пугаются и покрываются холодным потом. Поэтому это животное варят в масле и получают лекарство, употребляемое против укуса скорпионов». Плиний утверждает, что геккон доставляет очень опасное снадобье; если его утопить в вине или умертвить в мази, то люди, употребляющие это вино или эту мазь, получают множество веснушек. «Многие нарочно дают такую мазь красивым девушкам со злым намерением уничтожить их красоту». К счастью, Плиний дает и противоядие: если смешать яичный желток с медом и щелоком, то это снадобье уничтожает вредное действие предыдущего. По мнению этого натуралиста, укус геккона в Греции смертелен, а в Сицилии неопасен.

Подобные басни рассказываются во многих местах еще и до сих пор и находят наивных людей, которые им верят. Старый писатель Бонциус, которому мы обязаны многими дельными наблюдениями, повествует об одном гекконе, живущем в Индии, следующие страшные вещи: «укушение его столь ядовито, что смерть следует после него через несколько часов, если укушенная часть тела не будет отрублена, или ее не прижгут каленым железом. Это я испытал сам на матросе, который лежал в госпитале в Батавии: у него сделался пузырь, как от сильного ожога кипятком только потому, что такая ящерица пробежала у него по груди. При вскрытии этого пузыря вытекла желтая вонючая материя, и мясо под нею было черное, как ореховое дерево; на этом месте сделался антонов огонь, и мясо к нашему большому удивлению и ужасу стало отваливаться кусками в два пальца толщины. Ящерица эта имеет столь острые зубы, что она оставляет ими следы на стали. Ее пасть ярко-красного цвета, как горящая печь. К ужасу тамошних жителей она часто попадает в их спальнях, и люди часто вынуждены ломать свои хижины, чтобы прогнать оттуда этих животных. Яванцы отравляют свое оружие их кровью и слюной; бессовестные люди, которых много в этой стране, для того, чтобы приготовить яд, вешают этих ящериц за хвост и собирают в глиняный сосуд желтую липкую слюну, которую гекконы выпускают в ярости, а затем сушат ее на солнце; поэтому они всегда держат у себя и воспитывают этих отвратительных животных. Даже моча их производит пузыри на коже». Хасельквист утверждает, что цепкопалая ящерица, живущая в Египте, выпускает яд из бороздок, находящихся на ее широких пальцах, и уверяет, что видел двух женщин и одну девушку, которые были при смерти вследствие того, что поели сыр, отравленный этой ящерицей. Миссионер, который схватил это скверное животное, получил от прикосновения пузыри на руках, которые горели точно от ожога крапивой.

Тот, кто поест кушанье, через которое пробежала эта ящерица, делается паршивым и т. д. Подобные же басни сообщали Пеппигу в Перу. Один встречающийся там гекко, говорят, так ядовит, что даже прикосновение к нему опасно. Яд выделяется из нижней поверхности пальцев, и он действует не столь быстро, но все же смертельно, как и яд змей. Индейцы знают это хорошо и, отрубивши ему ноги, смело хватают животное руками. Эта ящерица, к счастью, сама не нападает на человека, и подвергаешься опасности лишь тогда, когда она неожиданно падает с потолка, или ее нечаянно схватишь, подымая что-нибудь из темного угла. Так как вышеупомянутый путешествен-

ник при рассматривании животного в хорошую лупу заметил, что чешуи его совершенно сухие, и при анатомировании «на сколько позволяла опасность от животного» под кожей не видал ни железок, ни пузырьков с ядом, то он предполагает, что ящерица эта выпускает яд по своему желанию. Он думает, что хорошим средством против этого яда могут служить выжигания едкой жидкостью и натирания горячим маслом, так как, хотя яд этот несомненно силен, но все же не так опасен, как змеиный, который через рану вводится в кровь. Подобные страшные истории рассказываются и в других частях Америки, в Африке, в Индии и даже в южной Европе. Индейцы и негры рассказывали братьям Шомбургк следующее: «когда геккон упадет с потолка или с балки на крыше на голую кожу человека, то расширения на пальцах, содержащие яд, расправляются и впиваются в мясо, отчего происходит опухоль, причиняющая очень скорую смерть». Поэтому люди боятся гекконов точно так, как ядовитых змей. В южной Европе все совершенно убеждены в их ядовитости. «Их не только обвиняют в том, — замечает принц Бонапарт, — что они портят кушанья своими ногами, но даже ложно утверждают, что если они пробегут по груди человека, то у него мгновенно свертывается кровь. Матери ежедневно пугают своих детей этой страшной басней». Одним словом, недоверие и отвращение к гекконам есть всеобщее явление, а все-таки оно совершенно незаслужено! Фитцингер возвел это семейство в отдельный отряд, но мы считаем их только одним из семейств ящериц (Gekkonidae). Согласно мнению Гюнтера, гекконы отличаются от других ящериц своими позвонками, вогнутыми с обеих сторон, неполными надглазными и теменными дугами на черепе и почти всегда парными теменными костями. Но у них, как и у других ящериц встречается столбик. Буланже прибавляет к этим признакам гладкий или покрытый шерстистыми бородавками язык и широкие, на конце петлеобразные ключицы.

Семейство гекконовые

Гекконовые — большей частью небольшие, короткие, плоские ящерицы темного цвета. На голове у них замечается удлинённая, сзади расширенная, а около лба вогнутая, спереди круглая, сильно расщеплённая щучья морда; особенно обращают внимание большие глаза, как у всех ночных животных; зрачок у них при дневном свете превращается в узкую, продольную, часто бахромистую щель, а век, по-видимому, совсем нет. Настоящие веки встречаются только у некоторых родов, у прочих же, как у змей, кожа покрывает глаз и образует над ним круглую прозрачную складку, заменяющую веко. Только немногие роды, например, живущие в восточно-африканских немецких колониях *Lygodactylus*, имеют круглый зрачок и потому должны считаться дневными животными. Ушное отверстие также имеет вид продольной щели. Шея очень короткая и толстая, туловище также короткое, округлённое, сверху и снизу сплюснутое, иногда с бахромками по бокам; очень ломкий хвост имеет среднюю длину, толстый, у основания круглый или также плоский, иногда по сторонам он окаймлен кожистой складкой. Ноги очень короткие, а пальцы имеют совершенно своеобразное строение, которое может считаться главным признаком этого семейства. У большинства видов пальцы относительно коротки, по длине мало отличаются один от другого, очень часто соединены между собою кожицей и снизу снабжены пластинчатыми подушечками, состоящими из поперечных кожистых листочков различной величины, формы и положения; эти подушечки дают животному возможность бегать по очень гладким поверхностям в каком угодно положении. У некоторых присасывательные подушки занимают всю нижнюю поверхность пальцев, у других же только часть ее; у первых подушечка разделена на две части, у вторых этого разделения не замечается; у иных расширены лишь последние суставы пальцев, у других же подушечки заменяются круглыми бородавками, у некоторых, наконец, пальцы устроены таким же образом, но согнуты и т. д. Одним словом, строение пальцев в высшей степени разнообразно, и зоологи пользуются этим признаком, чтобы разделить этих ящериц на несколько родов и видов. У большинства видов замечаются острые подвижные, часто даже втяжные когти, но случается, что на некоторых, а иногда и на всех пальцах когтей нет. Внешний покров состоит из маленьких лежащих друг около друга возвышений или чешуек, между которыми иногда встречаются и большие. Только немногие виды покрыты круглыми чешуйками, как сцинковые. Зубов бывает всегда очень много, но они не отличаются разнообразием, так как почти все одинаковой формы и величины, и только задние постепенно делаются короче. Нижняя часть зубов цилиндрическая, а коронка имеет вид несколько сжатого с боков острия. Особенно больших зубов, похожих на клыки, не замечается, нет зубов и на нёбе. По исследования Пультона, при открывании пасти и кусании верхняя челюсть двигается кверху, что и понятно, так как морда соединена подвижно с костями черепа.

Полупальцы гекконами (*Hemidactylus*) называют те виды, у которых присоски находятся только у оснований пальцев, а предпоследний и последний суставы имеют обыкновенное строение.

Присоска разделяется продольной бороздкой на две половины. Нижняя часть хвоста покрыта щитками. У самцов есть железистые отверстия около заднего прохода и на бедрах.

Представителем этого рода в южной Европе служит турецкий полупалый геккон (*Hernidactylus turcicus*).

Турецкий полупалый геккон (*Hernidactylus turcicus*)

Это маленькая ящерица 9-10 см длины, у которой замечается 14-16 продольных рядов неясно треугольных бородавок, из которых часть окрашена в белый, а другая в черноватый цвет; верхняя часть тела имеет мясной цвет с серовато-бурыми пятнышками. По мнению Вернера, турецкий полупалый геккон отличается от других видов тем, что у него замечается перемена цветов: в

темноте он кажется молочно-белым и как бы просвечивающим, а при дневном свете его спина принимает разные оттенки от светло-бурого до темно-бурого. Он живет в тех же странах, как и стеной геккон, но по юго-восточному направлению доходит до берегов Красного моря и до Синда.

Род **лопастехвостые гекконы** (Ptychozoon) отличается кожистой складкой по сторонам тела, которая образует и на хвосте кожистую каемку; пальцы соединены между собой кожей по всей длине и четыре из них снабжены когтями.

Единственный вид рода **индо-малайский лопастехвостый геккон** (Ptychozoon Kuhh) принадлежит к числу самых странных по внешности животных этого семейства. Он имеет 18-20 см длины; верхняя сторона тела желтовато-зеленого масляного цвета, переходящего по сторонам в красновато-бурый; на этом фоне замечаются ломаные поперечные полосы и зигзаги бурого, темно-бурого или черного цвета; складчатая кожа на щеках светло-мясного цвета с темно-бурыми точечками, на кистевом суставе замечается буроватое колечко, нижняя часть тела серовато-желтая, а кольцо кругом глаз золотисто-желтое. Кроме острова Явы, где этот геккон встречается особенно часто, он живет на Суматре, Калимантане, Малаккском полуострове и островах Лиуки.

У широкопалых гекконов (Tarentola) присоски занимают всю нижнюю поверхность пальцев, из которых первый, второй и пятый лишены когтей. Присоски не разделяются продольной полоской, и железистых отверстий на бедрах и около заднего прохода не замечается.

Здесь относится **стенной геккон** (Tarentola mauritanica), маленькое животное 12-16 см длины, из которых хвост занимает половину. Верхняя часть тела бывает разного цвета от светло-желтовато-серого, просто серого и бурого, черно-бурого до матово-черного цвета, на котором иногда замечаются полосы, иногда же вся верхняя сторона одноцветная и как бы покрыта пылью. Нижняя часть тела грязно-желтовато-белая. Голова покрыта неровностями, на спине находится от 7 до 9 продольных рядов бородавок, из которых каждая состоит из 3-4 маленьких очень близко друг от друга стоящих возвышений; брюшко гладкое и покрыто чешуйками. Область распространения этого животного простирается на все страны, окружающие Средиземное море; особенно обыкновенно оно в Испании, на островах, окружающих Италию и в северной Африке. В южную Францию (Порт-Вандр, Сет, Марсель, Тулон и т. д.) ящерица эта завезена кораблями, например, в Сете она встречается только в той части города, которая граничит с гаванью, где пристают алжирские корабли.

Семейство гекконовых, которых теперь известно до 270 видов*, распространено по всем жарким странам земного шара; ящерицы эти живут не только на материке, но также и на островах, расположенных внутри области их распространения, даже на таких, которые одиноко лежат в океане и которые, по всей вероятности, никогда не были соединены с материком.

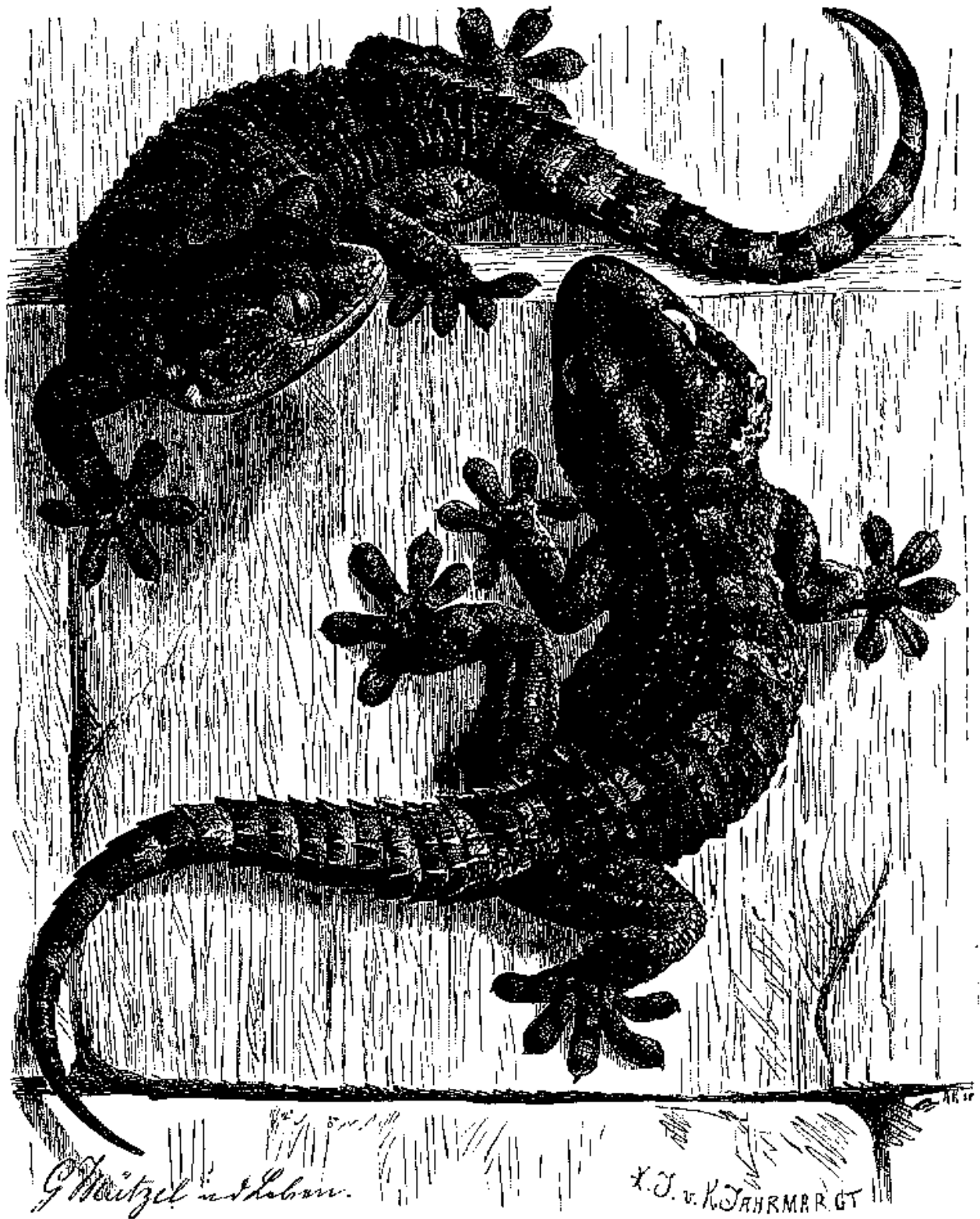
* *Сейчас насчитывают свыше 900 видов гекконов.*

Они живут как в низменностях, так и на горах, в лесу и в безлесной пустыне, среди больших и многочисленных городов и под сводами уединенного колодца на большой дороге в пустыне.

Предпочитаемые местообитания и образ жизни всех гекконов более или менее одинаковы. Они живут на стенах* и деревьях, между валунами и скалами, и очень охотно — в человеческих жилищах, от погребов до крыш.

* *Охотничий участок стеной геккона, расположенный на вертикальной поверхности здания, обычно не превышает 1 м².*

Те из них, которые окрашены в зеленый цвет, живут только на деревьях, а другие встречаются как между растениями, так и на стенах и в домах. В тех местностях, где они водятся, они большей частью очень многочисленны и привлекают к себе внимание людей, так как это единственные ящерицы, которые могут производить звуки своей гортанью, иначе говоря, которые имеют голос.

Стеной геккон (*Tarentola mauritanica*)

Днем гекконы мало заметны, так как они в основном ночные животные и уже при восходе солнца отыскивают себе темные уголки, где бы они могли спрятаться; они заползают под камни и под отставшую кору деревьев, в щели и ямки и только тогда остаются на стене или на древесном стволе, когда окраска окружающей среды похожа на их собственную или они по опыту знают, что обитатели того жилища, где они поселились, не причинят им вреда. Однако они точно так, как и другие пресмыкающиеся, любят греться под лучами полуденного солнца, причем на таких стенах, которые бывают отчасти затенены, они перебираются из тени в освещенную часть. В тех странах, где их не преследуют, можно видеть сотни гекконов на одной стене, дюжины — на одном и том же дереве, так как они любят общество себе подобных, хотя и не всегда живут в мире между собой; может быть, эти сборища происходят оттого, что они умеют найти самое подходящее место в известном участке и туда собираются в большом количестве. С наступлением ночи они делаются живее и начинают охотиться за всякими мелкими животными, именно: мухами, комарами, пауками,

жуками, небольшими гусеницами и т. п., причем умеют очень ловко овладевать своей добычей. Большие виды, по словам Мартенса, преследуют также маленьких животных своего семейства; вообще все они точно так же прожорливы, как и другие ящерицы. При начале своей деятельности они издают очень заметный короткий звук, который можно примерно передать слогами «еко» или «токи», производимый в более высоких или более низких тонах. У маленьких видов голос часто сильнее, чем у больших, например, турецкий полупалый геккон кричит громче, чем стенной. Почти все гекконы издают звуки гортанью, но среднеазиатские **стрекочущие гекконы** (*Teratoscincas*) имеют удивительную способность стрекотать большими черепицеобразным и пластинкам и своего хвоста, вроде того, как жук-усач скрипит посредством трения головы о грудной щиток. Штраух полагает, что этими звуками геккон привлекает кузнечиков, которые ему служат пищей. Странный музыкант, который добывает себе пропитание с помощью хвоста! Движение гекконов продолжается в течение всей мочи и представляет действительно очень странное явление. Неудивительно, что новичку кажется странным, что геккон, животное, похожее на ящерицу, с удивительной ловкостью и большой уверенностью лазает по отвесным гладким стенам, быстро переходит даже на потолок и там бегают точно по полу. Непривычному человеку странно видеть, как это животное несколько минут сряду бывает как бы прилеплено к потолку, как затем оно быстро подвигается вперед, неуверенно поворачивая вправо и влево своим толстым хвостом, как оно извивается наподобие шеи, причем внимательно наблюдает все окружающее своими большими и светящимися ночью глазами, с намерением где-нибудь увидеть добычу. Неудивительно, что, слыша повсюду дурные отзывы об этой ящерице, путешественнику вначале не нравится это красивое животное и возбуждает в нем даже отвращение; но это последнее чувство появляется только у тех, кто не дает себе труда ближе познакомиться с образом жизни гекконов. Я не понимаю, как Шомбургк, который может считаться наблюдателем без предвзятых идей, счел нужным неодобрительно отозваться об этих безвредных животных. «Еще противнее ядовитых змей, — говорит он, — было для нас присутствие гекконов или «лесных рабов», как их называют колонисты, которые в неисчислимом количестве собирались на стенах, стропилах и крышах наших жилищ, как только началось дождливое время года. Ужасные рассказы индейцев подействовали и на нас и сделали для нас ненавистными этих, по всей вероятности, безвредных животных. Часто случалось, что во время наших вечерних собраний внезапно падал такой непрощенный гость к нам на стол, что легко может случиться, так как гекконы постоянно друг за другом гоняются и кусаются; тогда в одно мгновение все вскакивали с мест и не усаживались до тех пор, пока отвратительное животное не было удалено. Наше отвращение к этим безобразным ящерицам было так сильно, что мы никогда не ложились раздетыми в наши гамаки».

Мне тоже пришлось по целым неделям и месяцам жить в домах, где гекконы жили массами, и меня поразили первые экземпляры этих ящериц, которых я увидал; но мне эти своеобразные и безвредные существа скоро понравились и часто помогали коротать время. Это настоящие домовые животные в более тесном смысле этого слова, чем мыши, и во всяком случае гораздо полезнее последних. Днем движения их действительно кажутся неуклюжими, особенно тогда, когда им угрожают, и они как можно скорее скрываются в свои убежища; точно так же не в их пользу говорит и то, что они от страха, как некоторые жуки, часто внезапно падают на пол, причем обыкновенно у них отваливается хвост. Когда же наступит их время деятельности, т.е. темнота, то натуралист или внимательный наблюдатель должен на них смотреть, если не с восхищением, то по крайней мере с интересом. Даже Шомбургк признает, что ловкость и быстрота, с которой они бегают по стенам, другим гладким поверхностям или стропилам, иногда кажется баснословной, а также, что они в высшей степени своеобразно кивают головой, особенно тогда, когда сидят смирно; если же все это его не так занимало как меня, то в этом он виноват сам. Первый вечерний крик гекконов доставлял мне всегда большое удовольствие, когда мы вечером собирались в наших жилищах в Каире, Донголе, Хартуме или других местностях долины Нила, видели этих животных на темных глиняных стенах или в соломенных хижинах и имели возможность наблюдать, как эти ящерицы бегали, точно привидения, и усердно охотились за добычей. Движения гекконов хотя довольно неуверенны, но в высшей степени быстры и поразительно ловки. При быстром беге они извиваются так заметно, что кажется, будто каждый шаг представляет для них затруднение; но если наблюдать, как они весело и живо двигаются, как, играя, гоняются друг за другом или серьезно дерутся, то скоро убеждаешься в ложности этого мнения. Они плотно прижимаются своим животом к поверхности, по которой двигаются, при лазании по отвесным стенам захватывают большую поверхность, как можно дальше раздвигают свои ноги, а также пальцы, опираются еще, кроме того, на хвост и таким образом двигаются с большей уверенностью, чем всякая другая лазающая ящерица. По наблюдениям Кантора, лопастехвостые гекконы благодаря кожистым оторочкам, служащим им парашютом, могут произво-

доть довольно большие прыжки, между тем, как другие виды, которые иногда пытаются скакнуть, если торопятся и возбуждены, большей частью теряют равновесие и падают на пол. Нрав их соответствует живости их движений: ночью они точно так же беспокойны и легко возбуждаются, как ящерицы днем; вообще они по своим способностям не уступают этим последним, хотя по строению тела на них мало похожи.

Например, их смелость и любовь к дракам точно так же сильны, как и у ящериц. В большом обществе гекконы почти всегда живут во вражде между собой, преследуют друг друга, беспрестанно ссорятся и очень умело и с успехом пользуются своими зубами. Большие виды даже пытаются защищаться от человека, раскрывают насколько можно свою пасть, дико смотрят на нападающего и так сильно кусаются, что могут прокусить кожу человека. Это рассказывают, например, Теобальд и Мартене про одного большого геккона, распространенного по всей южной Азии; туземцы боятся его до смешного не только из-за страшного его вида, но также из-за его привычки кусаться.

Я ловил несчетное число раз гекконов, держал их в руках и внимательно рассматривал их и их присоски, причем не чувствовал ни малейшего вреда от прикосновения к этим животным, так как у них на пальцах вовсе нет «клеякой жидкости», о которой говорят некоторые писатели. Уже Юм, который серьезно исследовал гекконов, высказывает мысль, что геккон образует по средством своей присоски безвоздушное пространство и этим придерживается на гладких поверхностях; в этом отношении Юм вполне прав. Прикосновение к присоскам действительно возбуждает ощущение, как будто трогаешь что-то клейкое, но на самом деле клейкого вещества, которое могло бы отравить, наверно не замечал ни один натуралист, который серьезно изучал этих ящериц. Ни один из натуралистов, которые говорят об этом клее, не подумал, что если бы эта жидкость действительно существовала, то геккон скоро не мог бы пользоваться своими ногами, так как к присоскам пристало бы много пыли и грязи, и животное не могло бы больше прилепляться к стене. Геккон, очевидно, держится на предметах в силу воздушного давления, и он может лазать и быстро бегать на самых гладких поверхностях, например, зеркалах и мраморных плитах. Если схватить подобную ящерицу, которая ползет по зеркалу, то чувствуешь небольшое, но очень заметное сопротивление, которое, очевидно, происходит от давления воздуха.

Когда я писал о гекконах, то получил от моего брата Рейнгольда известие, что у него геккон живет в неволе, и так как я знал, что он не побоится воображаемой опасности исследования, то и попросил его еще раз изучить способ лазания этих животных и сообщить мне свои наблюдения. В ответ на эту просьбу я получил следующее. «Согласно твоему желанию, я несколько раз исследовал ноги стенного геккона и ни разу не нашел и следа клейкой жидкости; строение пальцев этого маленького зверька такого рода, что он вовсе не нуждается в клейкой жидкости, чтобы держаться и бегать по стенам. Все его пальцы в высшей степени подвижны, и пальцы на передних ногах отличаются от пальцев на задних только тем, что пятый палец задних ног длиннее соответствующего переднего и вообще самый длинный из всех. Геккон может располагать крайние пальцы не только под прямым, но даже под тупым углом с соседними, да и второй палец каждой ноги так подвижен, что животное может им описывать довольно большую дугу, между тем как третий и четвертый могут быть только незначительно отдалены друг от друга. Последние, т.е. третий и четвертый пальцы, при лазании служат главным образом для придерживания тела на месте, а три остальных имеют значение для присасывания при перемещении. Эта необыкновенная подвижность пальцев при боковых движениях приносит, очевидно, животному большую пользу, но она еще увеличивается тем, что второй и третий суставы двух первых и пятого пальцев имеют совершенно своеобразное движение: эти суставы могут становиться под прямым углом один к другому. Уже давно известные кожистые пластинки на присосках во время покоя складываются, как пластинки веера, так что разрезы между ними совершенно исчезают, между тем как они делаются очень заметными, когда животное применяет свои пальцы к лазанию по стенам. На ощупь они похожи на бархат. Как бархат при незначительном нажатии пристает к довольно гладким поверхностям, точно так прилепляется и геккон к неровным стенам своими бархатистыми пальцами, что облегчается еще крючковатыми и острыми когтями третьего и четвертого пальцев*.

** Нижняя поверхность пальца стенного геккона в действительности покрыта расширенными пластинками с поперечными рядами щеточек из микроскопических многовершинных волосков длиной в 90 мкм. На одном пальце расположено около 200 миллионов таких щеточек, которые способны цепляться внешне даже за очень гладкую поверхность. Однако со стекла, смазанного тетраэтиленгликолем, они соскальзывают.*

Во время покоя когти отчасти втянуты, как у кошки, но тотчас выставляются, когда животное хочет лазать. Несмотря на это, ты вполне прав, утверждая, что геккон поддерживается на вер-

тикальных поверхностях воздушным давлением, которое проявляется тогда, когда животное ставит свои присосковые листочки перпендикулярно к поверхности, между тем как при движении на земле они лежат наклонно; таким образом, образуются пустые пространства между листочками, которые и служат причиной воздушного давления».

Браун, который еще раз исследовал ноги гекконов, заметил, что прилипание их представляет собой две деятельности. Сначала нижняя часть пальцев прижимается к поверхности, по которой ящерица лазает, посредством сокращения мускулов и тем выдавливается воздух между пальцами и поддерживающей поверхностью. Когда же давление несколько ослабнет, то листочки присосок становятся в перпендикулярное положение посредством особых мускулов, причем действует также упругость густых волосков, которые покрывают эти листочки, и таким образом образуется безвоздушное пространство между всей подошвой и стеной. При линянии возобновляется также вышеупомянутый слой из волосков.

В высшей степени замечательны большие выпуклые глаза геккона, имеющие цвет светлой бронзы; радужная оболочка с металлическим блеском, точно она бронзирована гальваническим путем; зрачок продолговатый и с бахромчатыми краями, а при сильном свете он превращается в тонкую, черную поперечную и волнистую линию, которая делит глазное яблоко на две одинаковые половины. Если затенить глаз, то зрачок расширяется очень быстро, сначала делается продолговатым, затем почти крутым и, наконец, занимает всю видимую часть глазного яблока, так что радужная оболочка заметна по обеим сторонам только в виде узкой каемки, а сверху и снизу она почти совершенно исчезает.

Гекконы обращают мало внимания на других пресмыкающихся и вообще позвоночных, разве только тогда, когда они в другом, более сильном существе видят врага. В южной Европе довольно трудно наблюдать цепкопалых ящериц, вероятно потому, что они здесь повсюду без всякой нужды преследуются и становятся очень боязливыми; в Африке же, напротив того, они вовсе не боятся людей и очень к ним доверчивы, что очень располагает всех к ним; но, делаясь очень осторожными при преследовании, они в то же время постепенно привыкают к другим животным и даже к человеку, так что становятся в известной степени ручными. «В комнате, где проводили вечера дамы моего семейства, — рассказывает Теннент, — одна из этих доверчивых и интересных ящериц поселилась за рамкой картины. Когда зажигали свечи, геккон появлялся на стене, чтобы получить обычно предлагаемую ему пищу, состоящую из различных крошек; если на него не обращали внимания, то он постоянно напоминал о себе громким «чик, чик, чик». В квартире одного офицера в крепости в Коломбо приучили другого геккона ежедневно появляться вечером, когда садились обедать. Он появлялся очень правильно, когда подавали десерт. Семейство офицера уехало из этой квартиры на несколько месяцев, и его отсутствием воспользовались, чтобы привести в порядок все помещение; стены обили новыми обоями, выбелили потолки и даже сняли крышу, чтобы ее починить. Все предполагали, что маленький обитатель этой квартиры удалился из нее вследствие столь сильных перемен, но это было не так. При возвращении своих прежних приятелей он появился с прежней пунктуальностью в первый же раз, когда был накрыт стол, и снова стал выпрашивать себе подачки». Подобную же историю рассказывает Мелендорф о другом гекконе в немецком консульском доме в Маниле. «Дети так привыкли к этим доверчивым сожителям нашим, что каждому из них дали особое имя, — например, «бесхвостый Ванька» не пропускает ни одного завтрака или обеда и постоянно появляется среди нас, чтобы получить подачку».

Подобные наблюдения, которые каждый может произвести, казалось бы, должны были расположить людей к этим безвредным животным, а вместо того их преследуют и убивают без всякой нужды. «Геккон представляет, — говорит совершенно справедливо принц Бонапарт, — ясный пример людской неблагодарности. Этот зверек всеми силами старается очистить комнаты, где он поселяется вместе с нами, от пауков, комаров и других докучливых насекомых, и за это благодеяние вместо благодарности его преследуют и на него клеветают!» Все европейские гекконы кладут два почти шарообразных яйца с твердой белой известковой скорлупой. Бауер сообщает, что живший у него в неволе яванский лопастехвостый геккон в ноябре также положил два яйца, из которых детеныши выползли в середине мая. Только один новозеландский геккон *Naultimis elegans* составляет исключение: по словам Коленса, вид этот рождает живых детенышей всегда по двое и время беременности продолжается пять с половиной месяцев*.

* К числу «живородящих» гекконов сейчас относят еще представителей новозеландского рода *Hoplodactylus* и новокаледонский вид *Rhacodactylus trachyrhynch us*.

К сожалению, гекконов очень трудно держать в тесной неволе, и в средней Европе они очень плохо переносят зиму и часто околевают. Даже ловить их не так-то легко. Днем относительно легко

их захватить, если только они спрятались не слишком высоко: ночью же поимка этих быстрых животных очень затруднительна, а часто даже невозможна. При сколько-нибудь неосторожном прикосновении хвост у них отламывается, точно стеклянный, что, конечно, не составляет большой потери, так как уже через несколько дней нарастает новый хвост, а через месяц он уже получает прежний вид, хотя находящиеся в нем позвонки еще не появились; но внешний покров этого хвоста изменяется: он делается гладким, без шиловидных бугорков и в том месте, где был сломан, несколько утолщен. Геккон живет по-прежнему, но вначале, конечно, очень неприятно видеть это животное изуродованным, а затем обращение с ним делается в высшей степени затруднительным. Хвост очень часто снова ломается даже при самом осторожном обращении; можно определенно сказать, что очень редко удается в целости перенести геккона из одной клетки в другую. Жизнь в тесном помещении, по-видимому, делает животное скучным и беспокойным: оно всегда останется боязливым, и раньше, чем успеешь его приручить, приходит злая зима, которая бывает губельна для геккона. Вследствие этого редко можно видеть цепкопалых ящериц в неволе у любителей. Только в последнее время научились содержать этих животных живыми длительное время, именно, искусственно воспитывая для них подходящий корм (личинки маленьких жуков). В хорошо устроенном павильоне зоологического сада, где в течение целого года поддерживается одинаковая температура, этим ящерицам живется легче; здесь не особенно трудно их продержать и зимою.

"Мой пленник, — пишет мне брат, — ест мух, которых схватывает быстрым прыжком, предвзвительно долго к ним присматриваясь; мучных червей он, кажется, не любит, по крайней мере, до сих пор он постоянно от них отказывался. Считаю долгом еще сообщить, что мнение древних, будто геккон при линьке съедает свою собственную кожу из недоброжелательства к человеку, так как эта кожа представляет собою очень хорошее лекарство против падучей болезни, основывается на действительном факте. Мой геккон действительно сожрал свою кожу на этих днях. Линька началась со спины и постепенно распространялось на голову и шею; здесь кожа дольше всего оставалась прикрепленной к телу. Как только геккон совершенно освободился от старой кожи, то захватил ее в пасть и постепенно стал глотать, по-видимому, ее без усилия».

Семейство чешуеноги

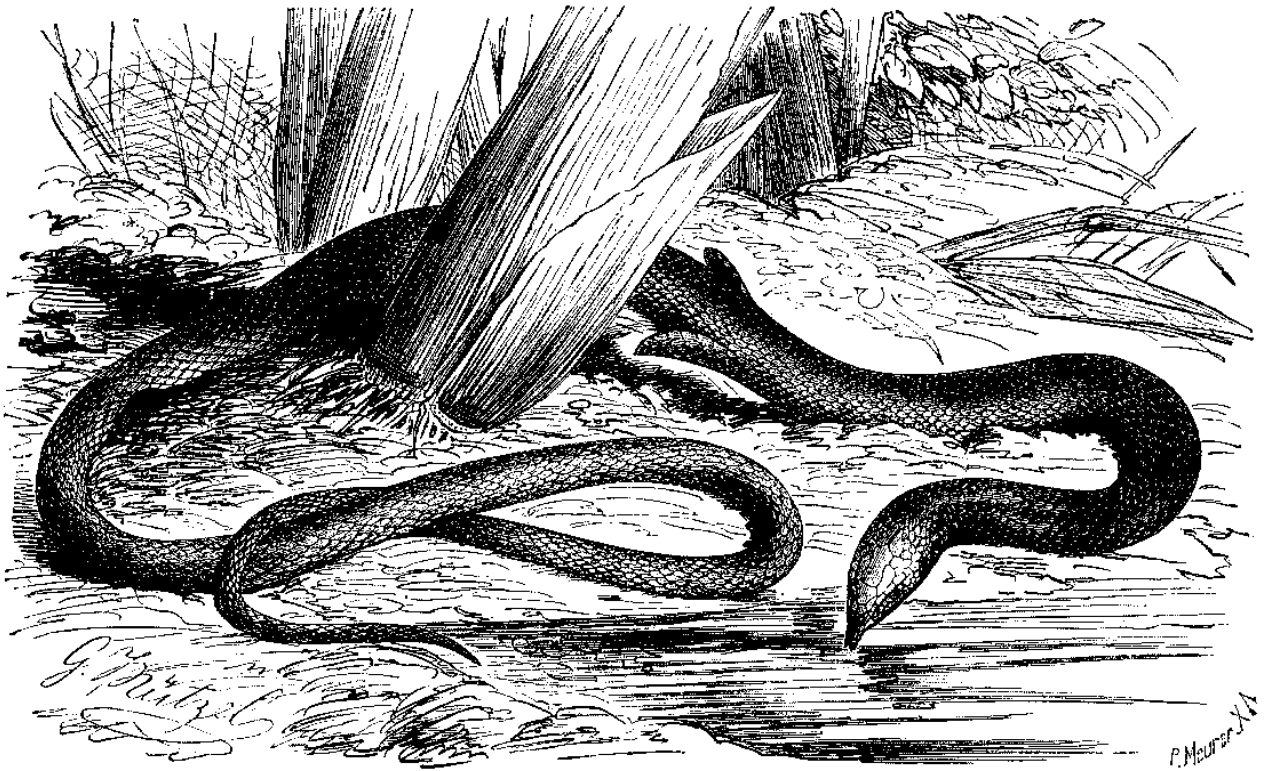
Чешуеноги (*Rugopus*) образуют особое семейство; это австралийские ящерицы очень странного вида, которые отличаются длинным, тонким змеевидным туловищем, на котором, по-видимому, передних конечностей вовсе нет, а задние получили вид ластовидных придатков*.

** При движении чешуенога его конечности обычно плотно прижимаются к телу и практически не используются.*

Язык покрыт шерстистыми бородавками, ключицы на внутренней стороне не развиты, на маленьких глазах нет подвижных век. По строению черепа они близки к гекконам, и поперечный узкий зрачок приближает их к семейству гекконовых и легко отличает их от веретениц, около которых их прежде ставили в системе. Известно 6 родов с 8 видами этих животных, которые водятся только на материке Австралия, в Тасмании и Новой Гвинее**.

*** Объем семейства увеличился до 32 видов и 8 родов.*

Обыкновенный чешуеног (*Rugopus lepidorodus*) животное, имеющее 52-58 см длины с хвостом, длина которого вдвое больше длины туловища.

Обыкновенный чешуеног (*Pygopus lepidopodus*)

Голова удлинённая, морда спереди острая, мало отделённая от туловища, сверху покрыта большими щитками, а по сторонам маленькими чешуйками; ухо очень заметно и расположено вкось; верхнее и нижнее веки совсем мало развиты, неподвижны и покрыты маленькими чешуйками; туловище цилиндрическое, очень тонкое, почти одинаковой толщины по всей длине, очень длинный хвост к концу постепенно суживается и сверху покрыт, как и спина, килеватыми мутовчатыми чешуйками. Задние конечности образуют два придатка, похожие на плавники, которые на конце закруглены и покрыты черепитчатыми чешуйками. Верхняя часть тела имеет серовато-бледно-бурый цвет; у большинства экземпляров заметен красивый рисунок, состоящий из 3 или 5 рядов черноватых пятен, проходящих от головы к кончику хвоста; горло белое, прочие части тела с серым налетом. О жизни чешуенога мы знаем лишь то, что это животное встречается в Австралии и Тасмании и живет наподобие нашей веретеницы. Его особенно часто встречают в более жаркой северной части провинции Виктория*.

* Один из видов чешуеногов способен имитировать оборонительное поведение ядовитых аспидовых змей, принимая S-образную стойку и издавая шипящие звуки.

Семейство агамовые, или агамы

На юге и востоке Старого Света к вышеназванным ящерицам присоединяется многочисленное семейство агам, которых известно ныне 30 родов и более 200 видов**.

** Агамовых ящериц сейчас насчитывают более 350 видов, объединяемых в 45 родов.

Внешность относящихся к этому семейству ящериц в высшей степени разнообразна: туловище иногда короткое, иногда вытянутое, иногда сплюснутое сверху вниз, иногда сжатое с боков, но вообще довольно плотное, голова короткая и широкая, хвост неломкий, длинный, острый или короткий и толстый, конечности хорошо развиты. Голова покрыта многочисленными маленькими плоскими или немного выпуклыми щитками неодинаковой величины. Спина, бока и нижняя часть тела покрыты большими, большей частью ромбоидальными черепитчатыми чешуйками. К ним присоединяются очень часто различные удлинённые роговые образования, которые иногда покрывают одну голову остриями и зубцами, иногда образуют гребень на спине и хвосте, иногда же расположены по всему телу. Язык толстый, прикреплен по всей своей длине к нижней части полости рта, на конце округленный или с легкой выемкой и не может выдвигаться изо рта. Зубы срослись с внутренним краем челюстей и на каждой челюсти замечается несколько зубов, которые больше других и похожи на клыки. Ключицы на нижнем конце не расширены. Во всем остальном агамы так мало похожи друг на друга, что более подробное описание должно быть отнесено к отдельным их родам.

Область распространения агам начинается в юго-восточной Европе, на юг простирается до мыса Доброй Надежды, на восток — до Китая и включает в себя южноазиатские острова, Австралию и Полинезию. Наибольшее развитие агамы получают в южной Азии, так как здесь живет около

половины всех известных видов. Прочие распределяются по Австралии, которая относительно богата этими ящерицами, и распространяются через степи средней и западной Азии, а также через всю Африку до Греции и южной России. Почти все виды могут быть названы более или менее вполне наземными животными; многие из них живут даже в самых сухих и безводных местностях своего отечества, между тем как другие встречаются только во влажном климате, но здесь держатся почти исключительно на деревьях. Про агам можно сказать, что они оживляют пустыни Африки и Средней Азии точно так, как украшают собой роскошные леса южной Азии. Уже самые древние путешественники любовались ими и говорили о них с восхищением; они и ныне поражают тех, кто видит их в естественных жизненных условиях во всем великолепии их удивительной и часто подверженной изменению окраски. Все виды должны считаться безвредными и живыми ВОТНыми: даже лучше всего вооруженные из них не причиняют никакого вреда ни человеку, ни живущим в их отечестве высшим животным. Большинство из них питается различного рода насекомыми, а некоторые, может быть большее число, чем мы в настоящее время предполагаем, едят также растительные вещества, плоды, травы и листья деревьев, которые они собирают на земле или на ветвях деревьев. Все, по-видимому, без исключения, кладут яйца, из которых детеныши вылупляются через некоторое время после кладки их, и ни один из известных видов не родит живых детенышей.

"Мне сказали, — так рассказывает Геродот, — что около города Бутуса в Аравии есть местность, где живут летающие змеи; поэтому я съездил туда и увидел невероятное количество толстых и тонких костей, которые лежали большими и маленькими кучками. Местность эта находится в окруженной горами долине, которая открывается в обширную Египетскую равнину. Мне говорили, что эти летающие змеи весной летят из Аравии в Египет, но в конце долины встречают ибисов, которые их уничтожают, поэтому эти птицы и пользуются в Египте таким почетом. По внешнему виду эти змеи похожи на водяных, а крылья их не состоят из перьев, а похожи на крылья летучих мышей. В Аравии получают ладан, мирру, кассию и корицу. Крылатые змеи охраняют деревья, производящие ладан (те самые змеи, которые прилетают целыми стаями в Египет); их, однако, можно прогнать дымом смолы стиракса». Трудно теперь сказать, о каких животных повествует самый древний историк, однако возможно предположить, что уже тогда имели кое-какие сведения о маленьких древесных ящерицах Ост-Индии, которые хотя и не имеют настоящих крыльев, тем не менее снабжены органами, похожими на парашют. Эти маленькие безвредные животные только по названию похожи на сказочных драконов змеев-горынычей, которых представляли себе громадными крылатыми змеями или крокодилами, снабженными чудовищными крыльями; впрочем, название свое они все-таки получили от этих мифических животных.

Летучие драконы (*Draco*) отличаются тем, что пять или шесть ложных ребер с каждой стороны оттопырены и соединены полукруглой перепонкой, которая в спокойном состоянии может быть сложена и служит для той же цели, что и боковые складки кожи у летяги и сумчатого летуна, но у драконов эта перепонка не соединена с конечностями. На середине горла висит другая складка кожи и по сторонам горла также замечаются небольшие складки. Голова толстая и высокая, морда короткая и тупая, шея довольно длинная, тело сжато и с боков худощавое, хвост длинный, тонкий и к концу постепенно суживается. Ноги отличаются относительной длиной и стройностью, на лапах как спереди, так и сзади находится по пять длинных тонких пальцев, которые снабжены короткими крючковатыми когтями. Маленькие круглые ноздри расположены на одном небольшом, очень выдающемся щитке, но расположение их различное: иногда они направлены вверх, иногда в стороны. Глаза имеют среднюю величину и снабжены хорошо развитыми веками. Зрачок круглый, что соответствует дневной жизни животного. Барабанная перепонка заметна у всех видов, но у одних она голая, а у других покрыта маленькими чешуйками. Голова также покрыта очень маленькими чешуйками, которые превращаются в довольно маленькие щитки только на краях губ; подобные же маленькие тонкие чешуйки покрывают и все прочее тело. Во рту замечаются 3-4 передних зуба, по два зуба, похожих на клыки, и много трехконечных коренных зубов в каждой челюсти. Бедренных железок нет.

Самым замечательным органом драконов является, без сомнения, перепонка, поддерживаемая ложными ребрами, так как подобного образования нет ни у одного другого животного. Как известно, только змеи пользуются своими ребрами, как органами движения, но у них все ребра служат для одной цели и отчасти заменяют недостающие конечности, между тем как у драконов только часть ребер служит для того, чтобы помогать деятельности хорошо развитых конечностей. По замечанию Мартенса, особенно странным является то обстоятельство, что на родине дракона встречается наибольшее количество летающих или, вернее, далеко прыгающих млекопитающих, что здесь даже нашли летающих лягушек, между тем, как в тропической Африке живут только так на-

зываются летающие белки, а в тропических странах Южной Америки вовсе нет млекопитающих, снабженных такими парашютами.

Летучий дракон (*Draco volans*) может считаться наиболее известным из 21 ныне описанных видов. Это интересное животное достигает 21 см длины, из которых 12,5 см приходится на длинный тонкий хвост. Ноздри расположены по сторонам морды, барабанная перепонка не покрыта чешуйками и меньше глаз. У самца заметен кожистый гребень на затылке, а у обоих полов находится по маленькому тупому бугорку на задней части надглазной дуги. Спина покрыта неправильными килеватыми чешуйками; вдоль боков идет ряд больших килеватых чешуек, образующих неправильную линию. Окраска сильно изменяется, как у всех драконов, не только по местностям, но даже у отдельных экземпляров. Красота их, впрочем, как очень определенно выражается Кантор, превосходит всякое описание. Голова живого дракона металлически-бурого или зеленого цвета и украшена черным пятном между глазами, спина и задняя часть парашюта окрашены смесью темно-бурого и розово-красного цветов с металлическим отливом; у некоторых экземпляров замечаются поперечные полосы, состоящие из многочисленных черных пятен и коротких неправильных черточек. Окраска передней части парашюта изменяется от оранжево-желтой до розово-красной, и на ней также замечаются неправильные черные пятна или поперечные полосы, а по краям парашют украшен серебряной каемкой. По конечностям и хвосту проходят у некоторых экземпляров чередующиеся розово-красные и бурые поперечные полосы, а над веками замечаются короткие, лучистые черные линии. Горловой мешок у самца ярко-оранжево-желтый, а у самки — синеватый. Грудь окрашена также, только с черными точечками. Боковые шейные наросты бывают желтоватые или розово-серебристые, а также с черными пятнами. Подобные же пятна видны и на нижней поверхности летательной перепонки, но здесь они часто принимают бурый цвет. Летучий дракон встречается на Зондских островах и в южной части полуострова Малакка. По образу жизни он не отличается от своих родичей.

Все драконы должны считаться древесными ящерицами в полном смысле этого слова: по доброй воле они, вероятно, никогда не бывают на земле. Они большей частью живут в густых ветвях деревьев, почему их присутствие замечают гораздо реже, чем, если бы они жили более открыто. Хотя распространение их довольно значительно, но их трудно заметить и редко можно видеть, даже если они поселились в садах жилищ европейцев. Они постоянно держатся высоко на деревьях и, как правило, сидят там неподвижно, особенно в полуденные часы, когда солнце сильно греет. Поэтому их великолепная и пестрая окраска вовсе не бросается в глаза. Этим животных можно заметить в тени листьев или на толстых сучках только тогда, когда к ним подойдешь очень близко, да и тогда видишь только смесь серого и бурого цветов, очень сходную с окраской древесной коры. При этих условиях даже при очень внимательном наблюдении у этих животных не замечаешь никаких признаков жизни, кроме беспокойно движущихся глаз, которые следят за летающими мимо насекомыми. Если добыча пролетает недалеко от дракона, то он внезапно расправляет свою перепонку, с ее помощью делает большой прыжок в воздухе, почти всегда схватывает добычу, а затем опускается на другую ветвь. Но даже и в этом случае красота цветов не бросается в глаза: она делается заметной только при очень близком созерцании. По сообщениям прежних наблюдателей, драконы могут с помощью своей перепонки переноситься на расстояние 6-10 м, но, как все животные, снабженные подобными парашютами, они двигаются только по наклонной плоскости сверху вниз или только немного поднимаются вверх*.

** Летучий дракон может не только пролетать по воздуху до 30 м, но и менять направление полета, как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости.*

Их движения отличаются от движений других древесных ящериц в значительной степени тем, что они не бегают, а подвигаются вперед прыжками**.

*** Один самец летучего дракона обладает охотничьим участком, состоящим из нескольких деревьев.*

Хотя драконы в наших глазах и кажутся безоружными и безобидными животными, но самцы, которые отличаются от самок более длинным и более ярко окрашенным горловым мешком, ведут между собой жестокие бои. Это видно уже по украшениям на горле и шее, которые у всех пресмыкающихся, да и не у них одних, обозначают легко возбуждающийся нрав.

Однако достоверных наблюдений об этих драках мы до сих пор не имеем: мы знаем только, что самцы, по-видимому, встречаются в гораздо большем числе, чем самки. Последние кладут 3-4 цилиндрических и по концам закругленных яйца, имеющих желтовато-белую окраску и около 1 см длины; по наблюдению старых натуралистов, яйца эти кладутся в отверстия коры.

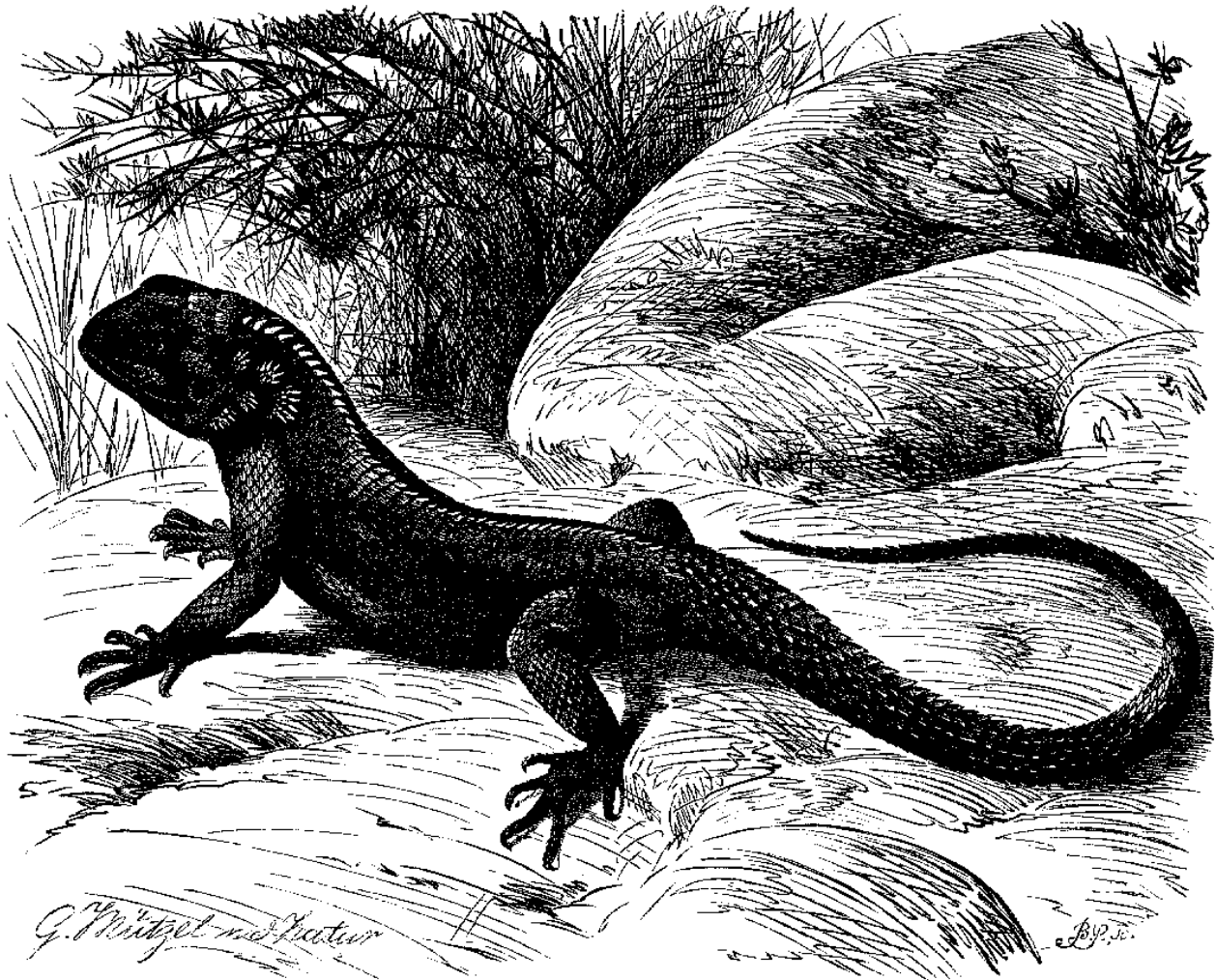
Держали ли драконов в неволе, я сказать не могу, но читал, что они не очень живучи. Если бы возможно было их содержать в клетках, то их необыкновенная красота, подвижность и безвредность, наверное, сделали бы их особыми любимцами всякого воспитателя животных, причем чересчур боязливые люди научились бы оценивать по достоинству этих и подобных им животных, которых до сих пор еще многие страшатся.

Кроме вышеназванных животных, к этому же семейству относятся ящерицы рода **агамы** (Agama). Они отличаются короткой треугольной головой, которая сзади сильно выпукла, спереди круто спускается и оканчивается округленной мордой; туловище толстое, плоское, ноги длинные и стройные, а хвост круглый, более или менее длинный. Ноздри расположены близко одна от другой, ушные отверстия явственны, и в них в некотором углублении видна барабанная перепонка. На горле редко замечается большой горловой мешок, с каждой стороны шеи есть углубление и очень заметная поперечная складка; бедренных железок нет, а вместо них у самца перед задним проходом имеется один или несколько рядов толстых мозолистых чешуек. Верхняя часть тела покрыта более или менее правильно расположенными, ясно килеватыми и черепитчатыми чешуйками; на голове замечаются многочисленные, в основном маленькие, плоские или выпуклые щитки; хвост покрыт черепитчатыми или мутовчатыми чешуйками.

"Для путешественника, который после многих месяцев скучного морского плавания высадится на Золотом берегу, — так пишет мне Рейхенов, — одна часто встречающаяся там ящерица окажется в высшей степени поразительным и интересным животным. Точно так, как взор любителя птиц, который посещает в первый раз эту страну малоизвестного материка, бывает восхищен общественными гнездами ткачей в высоких вершинах кокосовых пальм, а слух его улаживается глухим воркованием голубей, населяющих изгороди кругом деревень, точно так же бывает он поражен при виде красноглавой агамы колониистов. Впрочем, и при более продолжительном пребывании эти красивые создания невольно обращают внимание натуралиста; я по крайней мере никак не мог на них наглядеться».

Взрослый самец **агамы колониистов** (Agama agama) окрашен в такие яркие цвета, о которых бледные, сохраненные в спирте экземпляры наших музеев не дают ни малейшего представления. Вся голова живой агамы огненно-красного цвета, горло покрыто мелкими желтыми пятнами, туловище и конечности блестящего темно-синего стального цвета, по спине проходит яркая белая полоса, которая, впрочем, иногда и не замечается. Нижняя сторона хвоста от заднего прохода до середины соломенно-желтого цвета, а соответственная верхняя сторона стального светло-голубого; остальная часть хвоста огненно-красная, а кончик темно-синий со стальным отливом. У старых животных хвост у основания сверху и снизу светло-голубой со стальным отливом, затем идет огненно-красная полоса, которая занимает почти всю остальную половину хвоста, и только на конце замечается короткая темно-синяя верхушка. У самки все тело имеет обыкновенную бурю окраску со светлой спинной полоской.

Молодые самцы похожи на самок, но отличаются светло-желтыми пятнами на голове и затылке. В горах Агуанима внутри материка Золотого берега я нашел очень красивую разновидность агамы колониистов, живущую постоянно в чащах лесов. У самцов этой разновидности голова была белая, а вместо огненно-красной полосы на хвосте замечалась такая же желтая. Длина взрослого самца 35 см, из которых 22 см приходится на хвост.

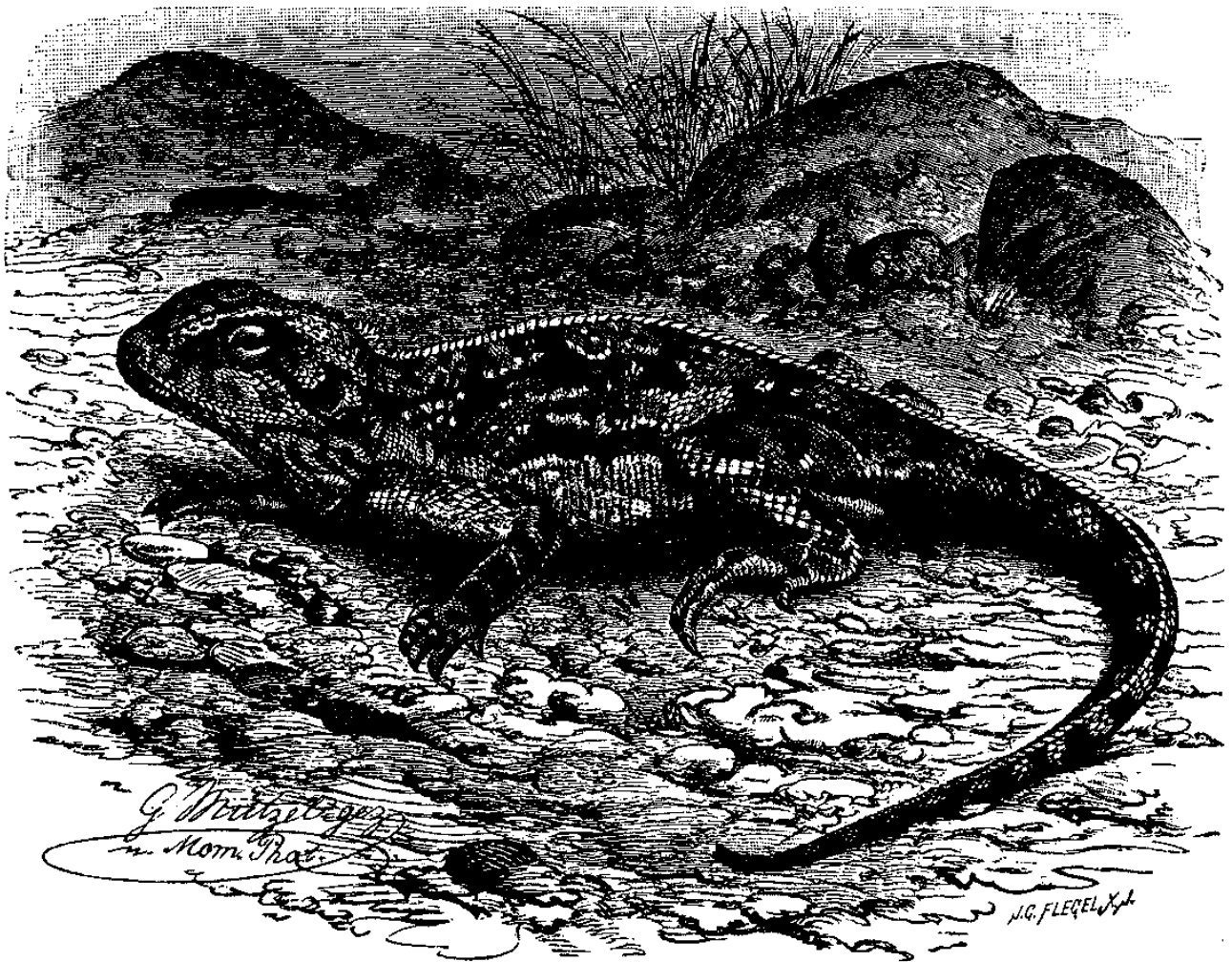
Агама колонистов (*Agama agama*)

Характерным признаком этого вида может служить необыкновенно большая затылочная чешуйка, затем однообразные чешуйки спины с очень острыми шипами и, кроме того, 7 или 8 верхнегубных щитков, которые окаймляют глаз спереди. Область распространения этой агамы в западной Африке простирается на север до Сенегамбии, а на юге до реки Кунене. Однако, по моим наблюдениям, к югу она становилась все реже и реже. «На Золотом берегу, — продолжает Рейхенов, — агамы колонистов встречаются повсюду и, по-видимому, настолько же связаны с жилищем человека и с его привычками, как домовый воробей. В лесу, кроме вышеупомянутой разновидности, их встречают только кое-где на полянах и на полях, засеянных бананами, пизангами и ямсом, именно там, где выстроены отдельные хижины сторожей и работников, так что даже в лесу они ищут человека и его жилище. Хижина негра, воробей и агама на Золотом берегу составляют постоянно три соединенных между собою понятия. В деревнях эти ящерицы встречаются в большом количестве: их замечаем повсюду на глиняных стенах хижин, на соломенных и пальмовых крышах и на выбеленных домах европейцев; иногда они спокойно лежат и греются под перпендикулярными лучами горячего тропического солнца, иногда проворно бегают взад и вперед, чтобы ловить насекомых. В высшей степени своеобразны движения этих животных, лишь только они заметят что-либо необыкновенное или к ним приближается человек. Хотя они и привыкли к людям и даже отыскивают их жилища, но все же оказываются такими же пугливыми, как и другие ящерицы, и постоянно стараются избежать воображаемой опасности. Когда они приходят в беспокойство, то быстро двигают головой вверх и вниз, причем то приподнимают, то опускают переднюю часть тела, опираясь на передние конечности, так что кажется, будто они кланяются, нагибая свою красную голову. Чем ближе подходишь, тем быстрее становятся эти движения и, наконец, животное с быстротой молнии исчезает в трещине стены или во внутренности соломенной крыши. Когда я в полуденное время проходил по улицам Аккры и повсюду замечал этих великолепных, кивающих мне ящериц, то не мог противостоять искушению за ними поохотиться с помощью сетки для бабочек; однако вследствие проворства агам, охота моя редко бывала успешна. Легче их убить самой мелкой дробью из небольшого охотничьего ружья, причем достаточно одной дробины, проникнувшей в их тело, чтобы

лишить их жизни. Несмотря на известную живучесть пресмыкающихся, я испытал то же самое при охоте на змеи .

"Движения этих красивых и проворных животных, — говорит Пехуэль-Леше, — очень различно окрашенных, в зависимости от возраста и пола, в высшей степени интересны, тем более, что ящерицы эти всегда держатся вблизи человеческих жилищ. Их постоянно видишь в большом числе, греющихся на солнце или бегающих взад и вперед и друг за другом гоняющихся; они быстро исчезают и столь же внезапно снова появляются. Их нельзя назвать пугливыми, но они так беспокойны, что нельзя считать их и доверчивыми. Самым красивым их движением следует признать постоянное кивание умной головой при покачивании передней части тела. Если приближаешься спокойно, то все общество играющих ящериц останавливается и обращает внимание на подходящего. Они раздвигают передние конечности, приподымают головы и несколько раз двигают вправо и влево своими подвижными хвостами. Затем, с любопытством всмотревшись в человека, они начинают быстро кивать головой и шаловливо подыматься и опускаться на передних ногах; быстрота движений увеличивается при приближении человека, пока, наконец, передняя ящерица не пускается в бегство, а за ней мгновенно разбегается и вся пестрая группа кивающих и кланяющихся ящериц, которые быстро прячутся в щели и ямки. Но это продолжается недолго: там и сям снова показывается огненно-красная шея, выглядывает тонкая головка, и красивое зрелище скоро возобновляется. Если стоять совершенно неподвижно, то эти безвредные животные подходят совсем близко к человеку; тогда можно слышать едва заметный голос их, звучащий как «пк,.pk», издаваемый ими при быстрых движениях».

Кроме того, можно упомянуть **вооруженного акантозавра** (*Acanthosaura armata*), который водится как в восточной, так и в западной части южной Африки, особенно часто в Мозамбике и Натале, но встречается и в странах Нама и Гереро. Он принадлежит к видам, имеющим большую затылочную чешую и неодинаковые острые спинные чешуйки; барабанная перепонка у него больше глазного отверстия, третий палец несколько больше четвертого, и все брюшные чешуйки имеют острые ребра. Длина его равняется 25 см, из которых 16 см приходится на хвост. Этот вид также представляет большое разнообразие в окраске и в рисунке. Спина имеет оливково-зеленую или оливково-бурую окраску, а большие спинные колючие чешуйки, расположенные неправильными рядами, окрашены несколько светлее; кроме того, по спине и по основанию хвоста тянется двойной ряд темно-бурых или черных пятен, которые иногда сливаются в боковые полосы, более ясно ограниченные сверху, чем снизу.

Вооруженный акантозавр (*Acanthosaura annate*)

На светлой желтоватой нижней части тела замечаются голубовато- или серовато-черные продольные линии, которые у молодых экземпляров очень ясно заметны на горле.

Как самец, так и самка имеют низкий гребень на затылке и спине, чего не замечается у всех родственных южноафриканских видов ящериц. Самец отличается, как и у других видов, двумя поперечными рядами по 12 штук утолщенных чешуек перед задним проходом.

Об образе жизни вооруженного акантозавра мы еще мало имеем сведений, хотя, вероятно, в этом отношении он мало отличается от вышеописанных видов. Петере находил его в лесистых равнинах во внутренности Мозамбика, где туземцы ее называют «ток». Желудок акантозавра был наполнен разломанными остатками жуков, кузнечиков и муравьев.

Стеллион (*Stellio stellio*) отличается от других агам более толстым туловищем и колючими мутовчатыми чешуйками, образующими на хвосте пояски. Почти треугольная голова у них плоская, за ротовой щелью углубленная, щеки несколько вздуты, туловище более или менее толстое, шея покрыта неправильными складками, короткая и тоньше задней части головы, хвост средней длины, у основания плоский, а в остальной части круглый, ноги относительно длинные и толстые. Ноздри расположены по сторонам морды; ушные отверстия, в которых барабанная перепонка несколько углублена, но все-таки очень ясно заметна, довольно велика. Верхняя часть тела покрыта неодинаковыми килеватыми чешуйками, нижняя часть — черепитчатыми; голова покрыта маленькими многоугольными щипками, из которых некоторые гладкие, другие ребристые, а на задней части тела и на висках щитки принимают форму конусов или шипов. Эта агама нам больше всего знакома, потому что встречается и в Европе. Взрослые экземпляры достигают 28 см длины, из которых 17 см приходится на хвост. Окраска и рисунок бывают довольно разнообразны, как и у других ящериц. Цвет верхней части тела изменяется от серовато-черного и желтовато-бурого до светло-серовато-желтого; на спине замечаются большие черные пятна и точки посередине спины. Ноги и бока обыкновенно окрашены светлее; хвост имеет всегда буроватый оттенок, а на конце его замечаются черноватые колечки. На брюшке по желтому фону темные пятна и линии, но нижняя часть хвоста одноцветно грязно-оранжевая или буровато-желтая. Самец отличается от самки более крупной головой, а также 3-5 рядами пор, расположенных около заднего прохода, и двойным рядом подобных же пор на середине живота.

Стеллион встречается у нас в европейской Турции и на некоторых островах Эгейского моря.

Кроме того, он распространен по большей части Малой Азии, Сирии, северной Аравии и Египту. По Эргардту, его довольно часто встречают на Кикладских островах, но нигде в таком количестве, как на острове Миконос, где он уничтожил процветавшее там прежде пчеловодство истреблен и ем пчел. Его находят также на Паросе, Антипаросе и Наксосе; на прочих Кикладских островах, точно так, как и собственно в Греции, он не встречается; однако довольно обыкновенен на острове Кефалиния. Жители и поныне называют его как и во время Геродота «крокодиллом» или «коркодиллом».

Гораздо чаще, чем в Европе эта ящерица встречается в северо-восточной Африке, где «гардун», как его называют арабы, общеизвестное животное. Его встречаешь везде дюжинами и еще в большем числе на камнях, скалах и домах, по стенам которых он точно так же ловко лазает, как и по наклонным поверхностям скал. Хотя по виду он и кажется неуклюжим, но по ловкости движений едва ли уступает нашей ящерице. Он бегаёт, извиваясь, но очень быстро, лазает подобным же образом, так как это лазанье можно назвать беганьем по более или менее наклонным поверхностям. При этом стеллион держит голову высоко и потому производит впечатление смелого и храброго существа.

Пища его состоит главным образом, если не исключительно, из больших насекомых, особенно мух, бабочек и, как выше сказано, пчел, ос и шмелей. Уничтожением вредных насекомых он в Египте приносит пользу, а на греческих островах оказывается вредным истребителем пчел.

В Египте стеллиона, как и других больших ящериц, часто ловят заклинатели змей. Кроме этих почтенных людей и натуралистов, мало кто обращает внимание на эту ящерицу, однако некоторые экземпляры попадают к нам в зоологические сады. Я сам несколько раз воспитывал их, но по недостатку времени не мог обстоятельно заняться ими и потому не могу сообщить подробных сведений о жизни стеллиона в неволе. Этот пробел я могу пополнить сведениями, любезно мне сообщенными Симонсом. «У меня содержатся, — пишет мне вышеупомянутое лицо, — два стеллиона, которых я выписал через Триест; это два взрослых экземпляра, которые я получил в июле 1876 года. Я их тотчас посадил в хорошо устроенный, отапливаемый террариум, поставленный в моем саду. Температура в террариуме была почти всегда выше окружающей, но стеллионы в ноябре 1876 и в феврале и марте следующего года выдержали без вреда для себя довольно низкую температуру между 5 и 0,6° по Цельсию. Эти наблюдения не согласуются с сообщениями Шрейбера, который утверждает, что они плохо переносят наш климат, при холодной погоде перестают есть и скоро околевают. Мои стеллионы до сих пор чувствуют себя вполне хорошо, и объем их тела даже увеличился во время неволи.

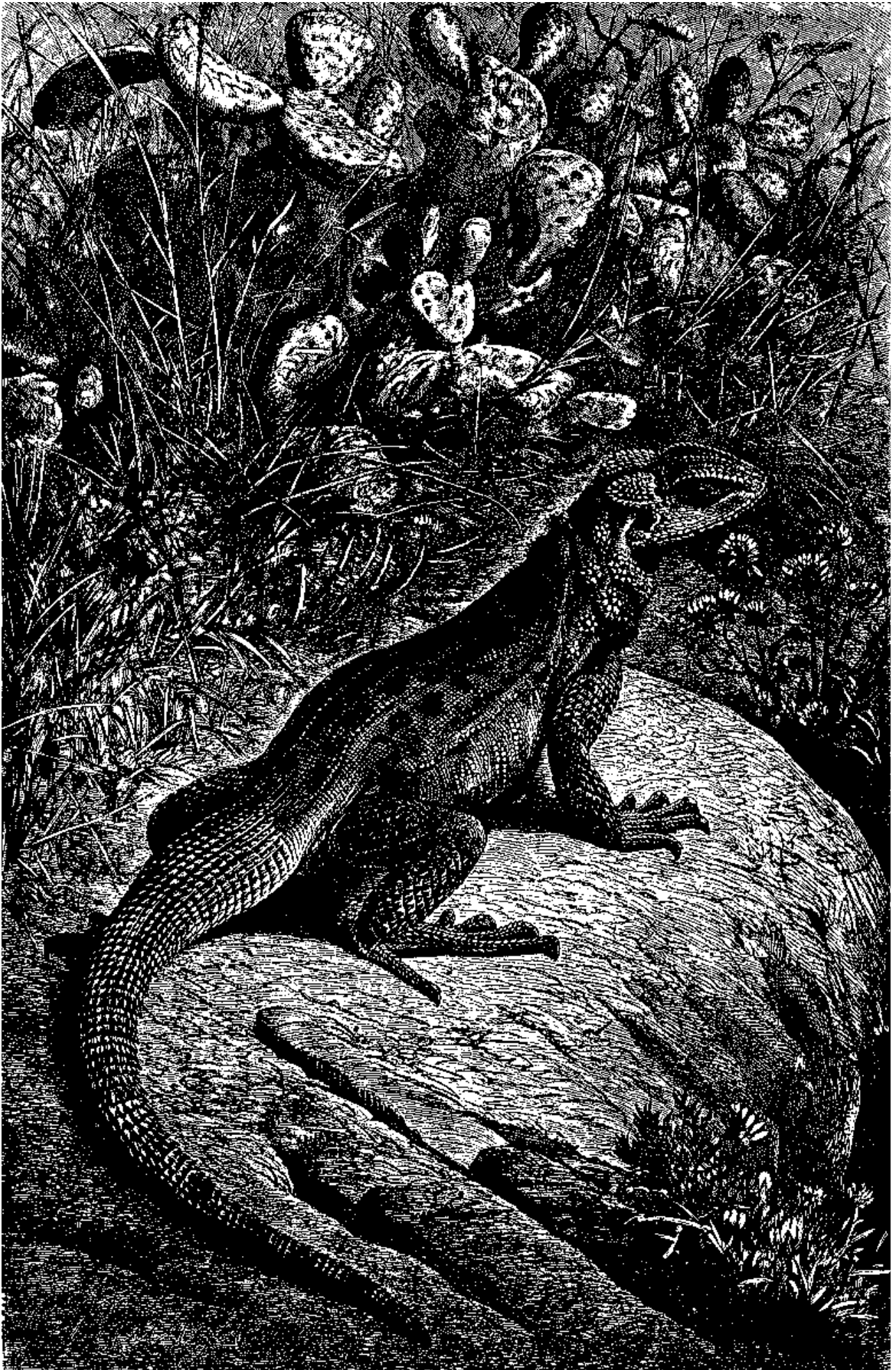
Вначале животные были очень пугливы, так что убегали в свои норки, когда я приближался на 10-15 шагов к террариуму. Любимым местопребыванием их стала крышка котла с горячей водой, служащая для нагревания террариума. Котел этот покрыт сверху и с боков жестяным футляром, так что дневной свет может проникать в то пространство только спереди. Это самое теплое и недоступное, но зато самое темное место в террариуме; однако стеллионы охотнее всего держатся там. Они всегда стараются туда спрятаться, и их трудно оттуда выгнать, даже если толкаешь их пальцем или палочкой. Туда они постоянно убегают, если их застают в террариуме. Когда я вытаскивал их оттуда и клал на открытое место террариума, то они тотчас же старались ускользнуть, прыгали даже по стеклянным стенкам террариума и до тех пор не успокаивались, пока не находили себе какого-нибудь укромного местечка, чтобы спрятаться.

Только в последние недели они настолько привыкли ко мне, что убегали не тотчас, когда я приближался, а несколько секунд оставались на месте. Впрочем, они покидали свои норки только тогда, когда террариум сильно освещался солнцем, и в мае начали выходить из норок и при облачном небе. В виде корма я им ежедневно даю достаточное количество мучных червей, а кое-когда и дождевых; в августе, сентябре и октябре прошлого года я добавлял к этому кузнечиков, мух, бабочек и т. п.; приняв во внимание упитанность моих стеллионов, я должен предположить, что они не пренебрегали этим кормом, хотя только раз видел, как стеллион во время скорого бега схватил одного мучного червяка. Пьют ли они воду, я сказать не могу.

В моем террариуме они не впадали в зимнюю спячку; однако, при температуре около 0°, державшейся в течение нескольких часов, они окоченевали точно так, как и другие ящерицы, но при обыкновенной комнатной температуре скоро снова оживали.

Все движения стеллионов показывают относительно большую силу. Они очень быстро бегают и хорошо лазают; в этих качествах я убедился при трех попытках этих животных к бегству. В первый раз один из них убежал и спрятался под листьями плюща, который покрывал собой цветочную

клумбу, и только сильное движение листьев указало нам на след животного и дало возможность его поймать. Самка стеллиона в апреле месяце текущего года поразила меня необыкновенным объемом своего туловища, а в конце этого месяца чешуйки на животе были местами неправильно приподняты, и образовались выпуклости величиною с двадцатикопеечную монету; из всего этого я заключил, что следует ожидать прибавления семейства. Она все менее и менее делалась подвижной, почти все время лежала на трубах, служащих для нагревания террариума, и 17 мая была найдена мертвой. Над ней была тотчас же совершена операция кесарева сечения, которая указала на присутствие девяти удлиненных яиц, имевших белый цвет с легким желтоватым отливом; величина яиц превосходила величину яиц нашей серой ящерицы, и вес их колебался между 0,77 и 1,15 грамма. По положению их можно было предположить, что эти яйца должны были быть снесены в скором времени, но что у больной самки не достало силы их снести.

Стеллион (*Stellio stellio*)

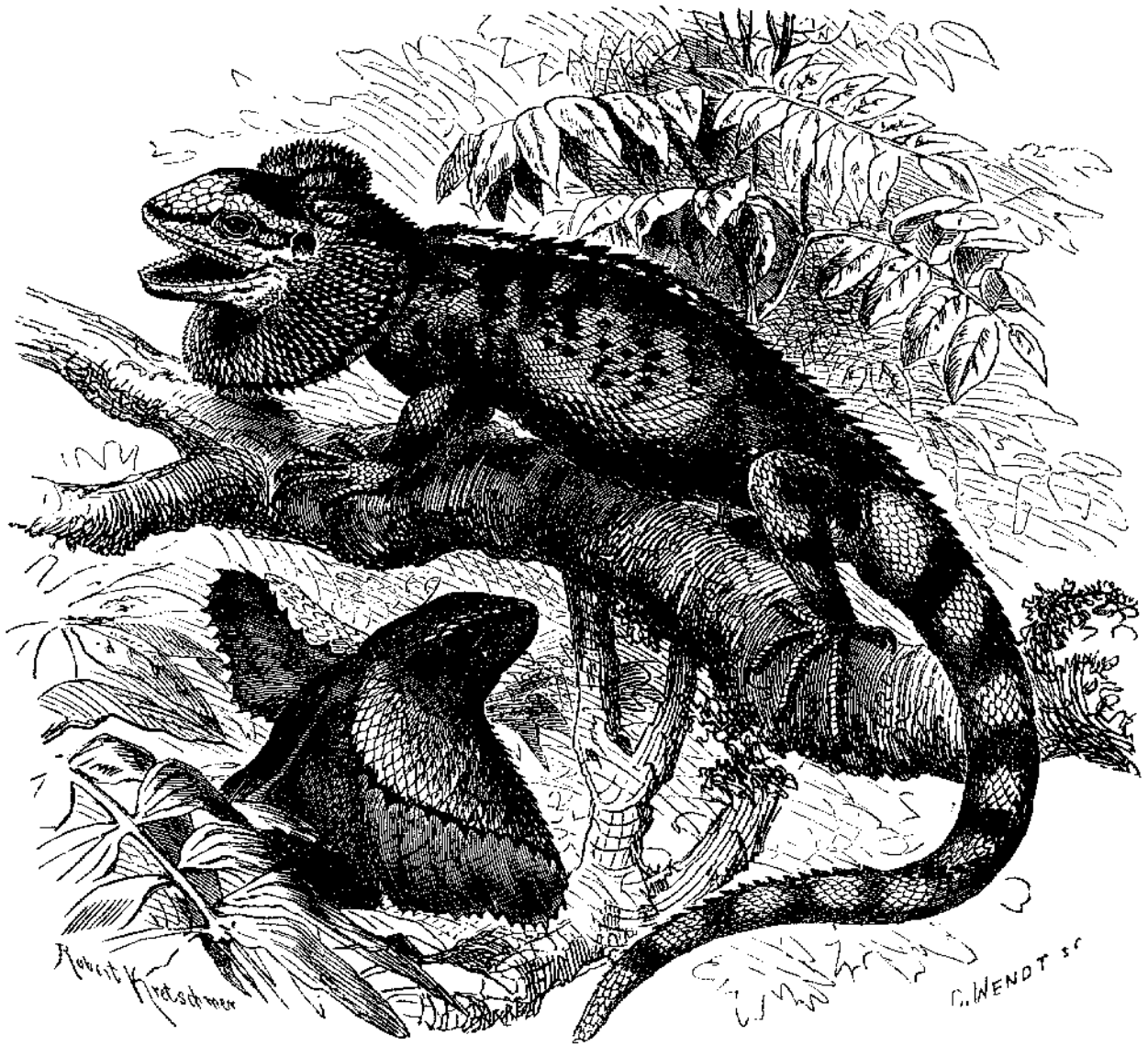
Удивительно, что она могла развить в себе такое количество яиц. Так как оба стеллиона находились в неволе почти целый год, то мне кажется несомненным, что спаривание произошло в террариуме.

Стеллионы относились совершенно равнодушно к другим животным, населявшим вместе с ними террариум, где жило несколько взрослых серых и зеленых ящериц, один геккон и веретеница. Кусаются стеллионы сильно, так что они были в состоянии укусить мой палец до крови. Когда их раздражают и принуждают кусаться, то они после этого в течение нескольких минут держат свои челюсти открытыми».

По мнению Бедряги, стеллион также имеет способность под влиянием солнечных лучей и при внутреннем волнении, изменять свою окраску и принимать различные оттенки основного цвета.

"Я имел несколько раз возможность, — пишет он, — на острове Микonos наблюдать черную разновидность стеллиона, описанную Эргардтом, и пришел к убеждению, что все стеллионы принимают темную окраску и делаются, наконец, совсем черными, когда подвержены жгучим лучам солнца. Возбуждение при спаривании также производит у этих животных изменение в окраске, например, верхняя часть головы и затылок часто при этом делаются ярко-кирпично-красными. Следует заметить, что эти цвета у самца гораздо ярче, чем у самки. Эта временная окраска, являющаяся только при половом возбуждении, не может быть удалена искусственными средствами; во время спаривания пойманные стеллионы сохраняют и в спирту красный цвет головы и затылка».

Аллан Кунингам, известный своими путешествиями по Австралии, которые окончились его печальной смертью, открыл там одну из удивительнейших ящериц, так называемую **плащеносную ящерицу** (*Chlamidosaurus kingi*). Взрослое животное достигает 81 см длины, из которых однако 55 см приходится на хвост, и отличается от всех других пресмыкающихся удивительным плащом, находящимся на шее, который послужил поводом к ее названию. Этот воротник прикреплен к сторонам шеи, поддерживается хрящевыми лучами, по краям зубчатый, на верхней поверхности покрыт мелкими чешуя ми и огибает все горло; на затылке он достигает наибольшего развития и может быть расширен во все стороны на 15 см и даже перекинут через голову. На спине и хвосте не замечают большого гребня. Ноги довольно стройные и тонкие, пальцы очень длинные. Все тело покрыто маленькими неровными чешуйками, из которых наименьшие расположены на боках. Ушные отверстия велики, глаза живые и довольно выпуклые. Во рту замечаются на каждой стороне обеих челюстей по 3 остроконических передних зуба, по 4 длинных зуба, соответствующих клыкам, и по 30 трех-зубчатых коренных зубов. Перед задним проходом и вдоль бедра замечаются ряды железистых пор. Молодые животные отличаются от взрослых меньшей величиною воротника. Окраска состоит из однородной смеси желто-бурого и черного цветов.

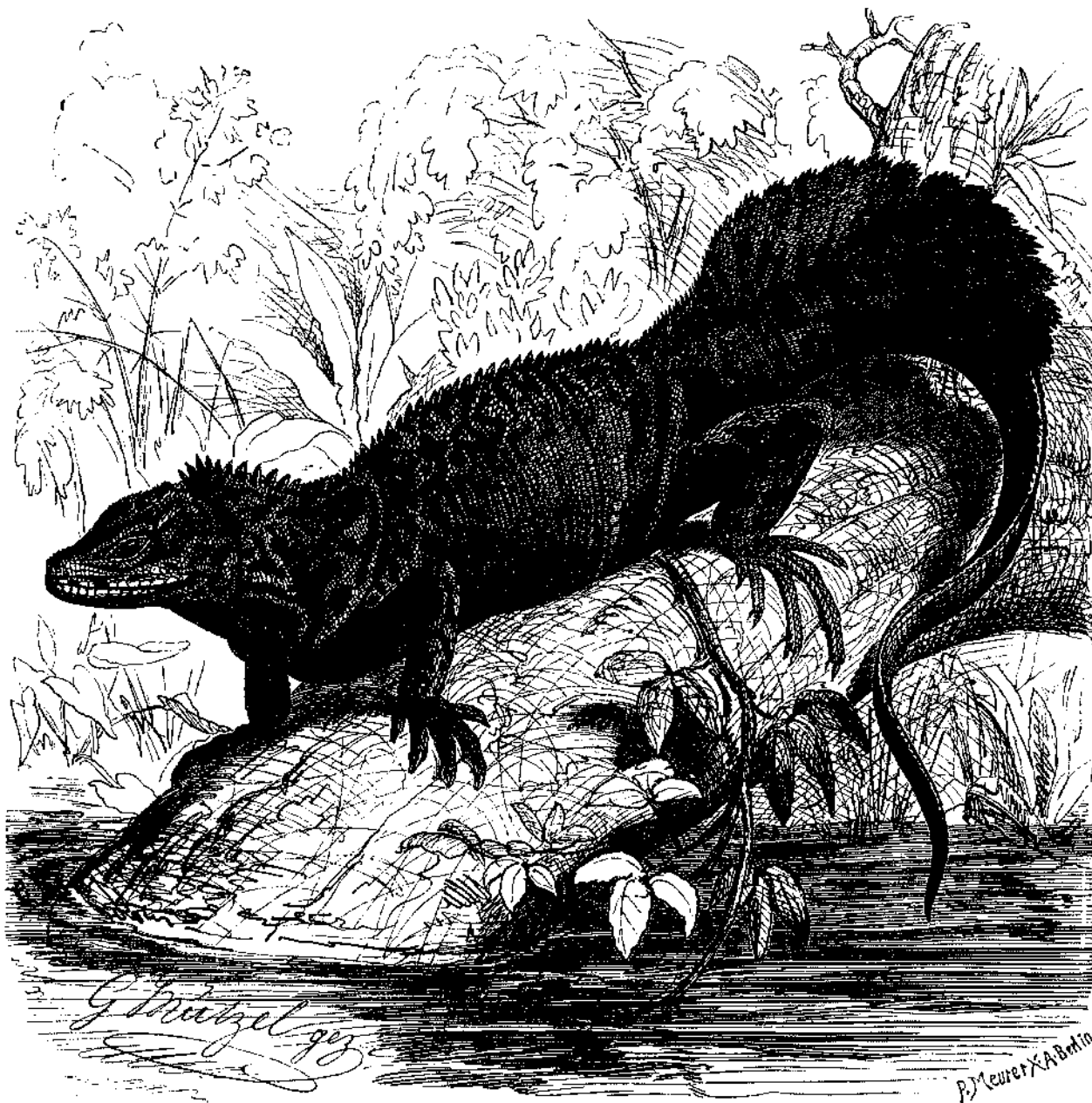
Плащеносная ящерица (*Chlamidosaurus kingi*)

Об образе жизни этой ящерицы мы, к сожалению, имеем еще мало сведений. Плащеносная ящерица, по словам Грэя, живет в Квинсленде и в северной и северо-восточной Австралии и держится главным образом на деревьях, хотя может очень быстро бегать и по земле. Если ее не дразнить и не пугать, то она ходит тихо и свой модный воротник *a la Marie Stuart* складывает и прижимает к телу; но она принадлежит к числу раздражительных животных и тотчас же расширяет свой плащ, как только ее испугают. В этом случае она старается как можно скорее забраться на дерево; если же ее преследуют, то она прижимается к земле задней частью тела, часто поджимает под себя хвост, приподнимает переднюю часть тела и голову, сколько возможно, и показывает своему противнику свои страшные зубы, которыми она умеет очень хорошо пользоваться, даже храбро нападает на врага и яростно кусает все, что может захватить. Грэй уверяет, что эта храбрая ящерица очень смело защищается и может действительно испугать непривычного или неловкого европейца, так как не довольствуется защитой, а при случае и нападает на противника. Она, по-видимому, пользуется своим воротником не только для того, чтобы испугать врага, но также и как щитом для туловища, конечностей и хвоста. Де-Вис, который исследовал мускулы, служащие для натягивания воротника, полагает, напротив, что это расширение служит для усиления звука и может рассматриваться как гигантская ушная раковина.

Парусные ящерицы (*Hydrosaitrus*) отличаются коротким, но высоким с боков сжатым туловищем, короткой толстой головой, очень длинным толстым хвостом, сильными ногами и лапами, длинные пальцы которых по краям усажены чешуйками, образующими выдающиеся лопасти; кроме того, у них замечается вдоль середины спины чешуйчатый гребень, который особенно высок на основании хвоста и образует здесь как бы парус, поддерживающийся высокими отростками позвонков. Тело покрыто маленькими четырехугольными чешуйками, которые на голове и на спине снабжены ребрами. Во рту мы видим с каждой стороны челюсти по 6 маленьких конических передних

зубов, по 4 длинных клыка и по 13 коренных зубов. На верхней части бедра находится ряд железистых пор.

Единственным представителем этого рода считается **молуккская парусная ящерица** (*Hydrosaurus amboinensis*). Это очень большая древесная ящерица, имеющая более метра длины, окрашенная в оливково-бурый цвет, который на голове и шее переходит в зеленоватый, а на теле испещрен черными пятнами и таким же мраморным рисунком. На плече замечается совершенно черная складка кожи. Эта ящерица встречается на Филиппинских и Молуккских островах, на Яве и Целебесе. В Европу ее привезли первоначально из Амбоины.

Молуккская парусная ящерица (*Hydrosaurus amboinensis*)

Валентин в начале нашего столетия сообщил несколько сведений о парусной ящерице. Она живет в лесах и кустах вблизи рек и питается зернами, листьями, цветами и ягодами, а также водяными растениями, червями, многоножками и подобными животными. Если это животное испугать, то оно бросается в воду и здесь прячется под камнями, но легко позволяет себя захватить сетью и даже руками, так как оно очень глупо, пугливо и совсем не сердито. Яйца парусная ящерица кладет в песок. Туземцы охотятся за ней из-за ее белого мяса, которое, говорят, имеет приятный вкус дичины.

В пустынях северной Африки и южной Азии живут большие и довольно неуклюжие агамы **шипохвосты** (*Uromastix*). Отличительные признаки этого рода следующие: голова треугольная, сверху плоская, несколько похожая на голову черепахи, короткая морда спереди тупо округлена, туловище короткое, широкое и довольно плоское, хвост также плоский и сверху покрыт многими рядами мутовчатых чешуек; ноги короткие, сильные, пальцы также короткие с очень изогнутыми

когтями. Ноздри направлены назад и расположены по сторонам морды; ушные отверстия велики и имеют вид поперечного овала; барабанная перепонка лежит глубоко, но все же явственно заметна. Передние зубы широкие и образуют у взрослого животного один или два непрерывных ряда, которые отделены от коренных зубов пустым промежутком. Складчатая кожа покрыта однообразными округленно-четырёхугольными чешуйками, которые на верхней части головы превращаются в небольшие гладкие неправильно четырех- угольные щитки; за ушными отверстиями чешуйки превращаются в бугорки и шиловидные отростки. Ноги также покрыты бугорчатыми чешуйками, а пальцы черепитчатые, большей частью гладкими табличками. На бедрах всегда замечаются поры.

Шипохвост африканский, называемый арабам и **дабб** (*Uromastix acantinus*) может достигать 46 см длины, из которых 19 см приходится на хвост; верхняя часть тела довольно однообразно серовато-бурая или оливковая с неправильными бурыми пятнами, а во время спаривания блестяще-зеленая; нижняя часть тела зеленовато-желтая *.

* *Шипохвосты великолепно приспособились к смене окраски в зависимости от температуры и освещения. Если с утра их кожа бывает еще темно-оливково-серой, то днем на ярком солнце она становится почти оранжевой.*

Все шипохвосты, которых ныне насчитывают 7 видов, имеют очень странный внешний вид и выглядят неуклюжими и неподвижными существами, но на самом деле только отчасти оказываются таковыми. Они всегда избирают своим местопребыванием пустынные каменистые местности, не избегая, однако, близости поселений. Африканский шипохвост, по словам Эргардта, встречается на острове Крите, но настоящее его отечество лежит южнее, так как только в каменистой Аравии и в Египте он встречается в большом количестве. В голой песчаной пустыне его встретить нельзя, но он постоянно попадает в низменностях, где под изредка падающим дождем произрастает хоть жалкая растительность. Днем он иногда лежит открыто на камнях и греется на солнце, но чаще держится в широких щелях скал. В особенно благоприятных местностях, именно таких, где находится много недоступных скважин, он встречается в большом количестве. Я помню, что находил их дюжинами в некоторых щелях скал. В случае недостатка подобных щелей шипохвосты сами вырывают себе норки в песке и покидают их только днем, чтобы погреться на солнце, но в жаркие полуденные часы также туда прячутся**.

* * *Установлено, что африканский шипохвост имеет подкожные полости, в которых запасается вода, поступающая в его организм из пищи.*

Другой сходный вид, говорят, очень чувствителен к изменениям температуры и при холодной погоде тщательно засыпает песком отверстия своих норок. Делает ли то же самое дабб, я сказать не могу.

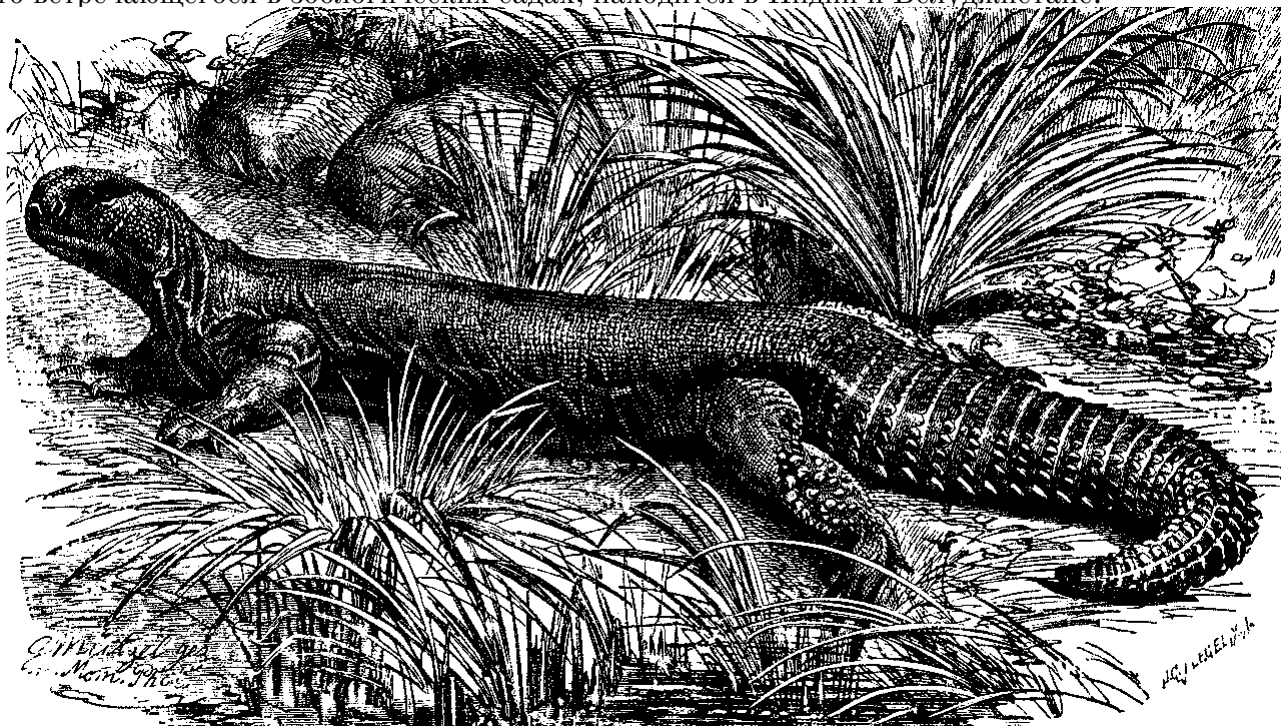
Если подойти к шипохвосту, то он спешит спрятаться в свою норку, при этом извивает свое тело, что при короткости и неуклюжести его, а также неподвижности хвоста производится очень неловким образом. Пока еще не заметил человека, он идет развалистой походкой, потихоньку, причем покачивает головой направо и налево, точно он оглядывается с большой осторожностью. Достигнув своей норки, он сидит там совершенно тихо, если успел добраться известной глубины, как будто знает, что там никто его потревожить не может. Если случайно или искусно крадучись загородить ему дорогу к жилищу, то он становится перед противником, издает глухое пыхтение и готовится к обороне. Главным оружием ему служит хвост, удары которого очень сильны и чувствительны. Кусаться он решается редко, но, раз укусивши, не легко бросает схваченное, даже если ему при этомломают челюсть.

Все шипохвосты питаются растительной пищей и едят различные листья, цветы, семена травы и сухие плоды; животную пищу они едят только при случае. Рюппель видел, как один из самых красивых видов этих ящериц ел траву, а Эффельд на своем печальном опыте убедился, что воспитываемые им шипохвосты околевали вследствие того, что он их кормил мясом. Они, правда, схватывали и глотали предлагаемый им кусок мяса, но уже на другой день или через несколько дней делались неповоротливыми и бесчувственными, чем показывали, что захворали, а болезнь эта всегда вела к смерти. Последнее время я несколько раз воспитывал дабба, но не мог добиться, чтобы он ел в неволе, и потому не могу сказать, можно ли долго сохранить его живым, кормя растительной пищей. От бедуинов, живущих в Сахаре, Тристрам узнал, что это животное никогда не пьет и что вода ему даже в сильной степени вредна. Новые исследователи подтвердили это сведение. Те шипохвосты, которых я наблюдал в неволе, были все время очень беспокойны и вели себя тише только тогда, когда увеличившаяся слабость делала их равнодушными к внешнему миру. По сообщению Ключингера, арабы иногда держат, дабба в неволе, так как считают его животным, приносящим счастье дому, и 21 кольцо его хвоста упоминаются в одной из легенд, имеющих отношение к этой

ящерице. Бедуины, напротив, охотятся за шипохвостом из-за его мяса; они откармливают это животное и съедают. Тристрам не упоминает о том, чем его кормят, но уверяет, что и ему мясо это очень понравилось и что оно похоже на мясо молодых цыплят.

Кроме человека, эта ящерица, умеющая хорошо защищаться, едва ли имеет таких врагов, которые могли бы нанести ей существенный вред. Бедуины рассказывали Тристраму, что рогатая гадюка часто прячется в норку шипохвоста, но при этом почти всегда лишается жизни, так как хозяин сильными ударами хвоста постоянно ломает змее хребетный столб. Однако следует предположить, что этот рассказ, подобно многим другим, принадлежит к числу басен.

Второй вид этого рода **индийский шипохвост** (*Uromastix hardwickii*), животное 28 см длины, из которых 16,5 приходится на хвост. От африканского и других шипохвостов этот вид отличается расположением чешуек на хвосте, на котором колючки с шипами на верхней стороне не соприкасаются друг с другом, а отделены двумя, тремя или четырьмя рядами мелких чешуек, а также вся спина его покрыта однообразными чешуйками. Кроме того, индийский шипохвост легко узнается по большому черному пятну на передней части бедра. Общая его окраска песчано-желтая, а иногда железно-серая на верхней части тела и однообразного рогового белого цвета на нижней стороне, где, впрочем, иногда замечаются темные пятна и сетчатый рисунок. Отечество этого шипохвоста, часто встречающегося в зоологических садах, находится в Индии и Белуджистане.

Индийский шипохвост (*Uromastix hardwickii*)

Фишер нам сообщил интересные сведения о жизни этого животного в неволе. Он говорит, что этот шипохвост держится довольно смело, и внешность его красива и изящна. «Он не так зябок, как изменчивый шипохвост, и уже при 22° Цельсия у него является полный аппетит, а при 34° он себя чувствует нехорошо, ищет тени, широко раскрывает пасть и начинает быстро дышать как собака в жаркую летнюю погоду, причем кожа на горле у него то приподымается, то опускается.

Несмотря на это, индийский шипохвост ищет умеренных солнечных лучей и любит там греться. Он не отыскивает сырости даже при высокой температуре, но и не избегают ее, если она умеренна. Вечером с заходом солнца и при наступлении темноты животные эти прячутся в свои норки, а утром, когда постепенно светлеет и теплеет, они высовывают головки, но не решаются вылезти, пока воздух и почва хорошенько не согреются. Они вылезают из своих ночных убежищ, беспрепятственно зевая.

Единственный звук, который издает это животное, — довольно сильное шипение, происходящее от выдыхания воздуха при открытом рте. Они совершенно безвредны, и гнев их выражается только шипением; если же их долго дразнить или беспокоить, то они начинают сильно хлопать хвостом. Между собой они живут мирно; только изредка два самца ссорятся между собой и стараются укусить друг друга в горло, но при этом редко доходят до крови.

О других животных они не заботятся. Большим преимуществом индийского шипохвоста должна считаться его сильная способность к приручению; можно даже сказать, что он привязывается к человеку. Уже через несколько недель неволи его можно гладить, причем он не убегает, и

эта доверчивость вовсе не происходит оттого, что они становятся бесчувственными вследствие неволи. Животное это бегаёт за лакомым кусочком, который держат в руке, как собачка, и если его долго держать в клетке, то оно не худеет, а остаётся живым и проворным. Если его поместить на стол около блюдечка с мучными червями, то он сейчас же начинает есть. Можно поместить лакомую пищу на ладонь и всунуть руку в клетку: животные сейчас же прибегают и без всякого страха едят с руки. Если держать руку довольно высоко, то ящерицы приподымаются, опираются передними ногами на руку и спокойно продолжают есть.

У индийского шипохвоста очень хорошая память; доказательством этого может служить следующий факт: так как хамелеоны и стеллионы едят по преимуществу утром и вечером раньше, чем шипохвосты проснутся, и после того, как они отправятся в свои ночные убежища, то в это время в ветвях дерева, стоящего в клетке, вешался сосуд, в который ежедневно насыпали мучных червей. Один из шипохвостов при своих довольно неуклюжих попытках к лазанию однажды наткнулся на этот сосуд, где ещё было несколько червей. Он тотчас же их съел и слез с дерева. С этого дня он очень хорошо узнал значение бурого глиняного сосуда: как только его вешали на дерево, он тотчас же лез наверх и съедал содержимое. Так как от этого страдали хамелеоны и стеллионы, то я оставил сосуд в террариуме и насыпал червей утром и вечером. Шипохвост напрасно лазал на дерево, так как сосуд днём был пуст. Наконец он привык к висящей чашечке и более её не осматривал, но скоро заметил, что вечером, незадолго до захода солнца снова открывали дверь террариума. Однажды тот же самый шипохвост появился вечером, когда насыпали червей; он тотчас же поднялся наверх, опорожнил весь сосуд, а затем спрятался в свою норку. С тех пор он ежедневно показывается, как только вечером открывают дверь террариума, тотчас же подходит к кормушке и съедает там все до последнего червяка. Я был вынужден совершенно изменить свою систему кормления, так как иначе хамелеоны и стеллионы умерли бы с голоду. Шипохвост, однако, часто долго стоит вечером у двери и отправляется на покой только тогда, когда убедится, что её не отворяют.

Зрение и слух у них очень острые, и они слышат малейший шорох. Что касается до вкуса, то их короткий розовый язык оказывается чрезвычайно чувствительным, и они способны по вкусу различать то, что от человека наверно бы ускользнуло. Кроме того, язык им служит для осязания, а также для хватания: им они схватывают или вернее слизывают, как игуаны, зерна, листья и насекомых.

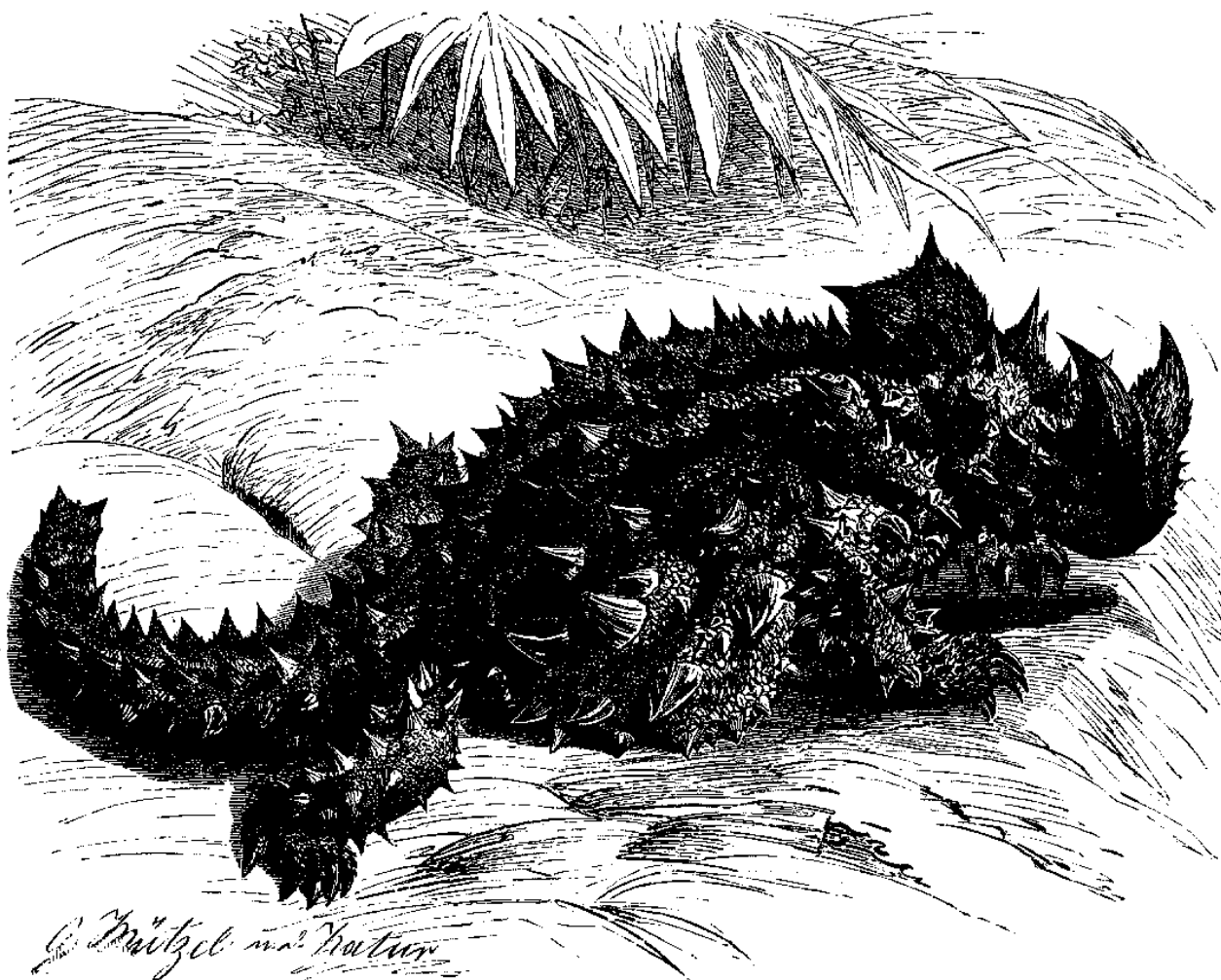
Они берут языком рис, просо, пшеницу и кукурузу и с наслаждением разжевывают их. Удивительно, как сильны их короткие челюсти: они совершенно размельчают зерно кукурузы, которое даже человеку трудно раскусить. Впоследствии они ели охотно и даже с жадностью листья брюссельской капусты, иногда немного люцерны, цветы одуванчика, но особенно мучных червей в большом количестве. Они также любят есть траву, особенно осоку, которую съедают целиком; траву на дерне они подгрызают до самой земли. Им необходимо ставить воду, которую они пьют, медленно лакая. Индийский шипохвост любит рыть землю и этим приводит террариум в большой беспорядок. Его стремление к рытью и большие крючкообразные когти заставляют предположить, что на свободе он роет себе норки.

К агамам относится также одна из самых странных ящериц, **молох** (*Moloch horridus*), единственный представитель одноименного рода, который живёт в южной и западной Австралии.

Голова у него очень маленькая и узкая, не шире шеи, туловище толстое посередине расширенное и плоское, так что несколько напоминает туловище жабы; хвост немного короче туловища, округленный и на конце тупой. Ноги довольно толстые, пальцы необыкновенно короткие и широкие и вооружены длинными когтями.

На середине шеи возвышается длинный бугорок, по сторонам которого торчат большие шипы. Голова, шея и туловище покрыты неправильными щитками, на которых сидят довольно прямые шипы, похожие на шипы розана. Шипы эти имеют раз личную длину и неодинаково загнуты. Самые большие и кривые находятся по сторонам головы, так что похожи на рога млекопитающего; другие, также большие, сидят на середине шеи и на обоих боковых шейных бугорках, а также вдоль всего хвоста; самые маленькие находятся на ногах. Нижняя сторона тела не гладкая, но без шипов. Окраска этого колючего животного не особенно яркая, но довольно красивая. Основной цвет у него каштаново-бурый с темными каемками по сторонам; вдоль середины спины проходит узкая полоска цвета охры, которая во многих местах расширяется, образуя ромбы; две других, точно так же окрашенных полоски начинаются по сторонам шеи, проходят по плечам, здесь расширяются и разделяются на две ветви, из которых одна тянется вдоль туловища и по сторонам хвоста, а другая загибается за плечевой сустав. Основной цвет нижней части тела светло-буровато-желтый, на котором замечается рисунок, состоящий из широких продольных и поперечных полосок с темными каемка-

ми; рисунок этот занимает всю грудь, брюшко и нижнюю часть хвоста. Общая длина тела равняется 18-22 см.

Молох (*Moloch horridus*)

Мы только в последнее время кое-что узнали об образе жизни молоха, которого колонисты называют «колючей ящерицей» или «колючим чертом»; по своей внешности он очень похож на американских жабовидных ящериц. Вильсон много лет собирал все известия об этом странном животном и сообщил их вместе со своими собственными наблюдениями. Молоха встречают в различных местах около порта Августа, но его область распространения наверно простирается дальше, чем до сих пор известно. Ящерица эта живет только на очень песчаных местах, и иногда можно видеть, как две или три из них греются на солнце на верхушке песчаного холмика вблизи залива*.

* Молох имеет очень гигроскопичную кожу. Только за первые 5 минут соприкосновения ее с водой вес ящерицы увеличивается на 30%.

Случается, что они закапываются в песок, но глубоко никогда не зарываются. По их привычкам и маленьким скрытым глазам можно догадаться, что эти животные дневные, которые, видимо, очень редко активны ночью; обыкновенно они двигаются медленно, но случалось видеть, что они бегают очень скоро, особенно, когда хотят спрятаться в норку, расположенную не очень далеко. Когда они сидят смирно, то приподымают голову, так что она образует со спиной тупой угол. Пища их, говорят, состоит преимущественно из муравьев, но некоторые утверждают, что молох иногда ест и растительные вещества. Яйца, которые мало отличаются от яиц других ящериц, кладутся в песок.

Молох также имеет способность изменять свой цвет сообразно окружающей обстановке, но, по наблюдениям Вильсона, это никогда не делается внезапно, а лишь очень постепенно; однако это случается нередко. Яркая окраска переходит тогда в темный шиферно-серый или дымчато-бурый цвет, и красивый рисунок при этом почти пропадает.

Молохи, жившие у Вильсона в неволе, были очень скучные существа, почти вовсе не двигались, а в присутствии натуралиста совсем не шевелились; если их приподнимали, то они оставались сидеть в этом положении, и вообще казались совершенно бесчувственными относительно внешнего мира и даже дневного света. Только когда их переворачивали на спину, то они сильно карабкались,

чтобы опять встать на ноги. Ни один из молохов, живших у Вильсона, не принимал пищу, однако они прожили, таким образом, целый месяц, не выказывая ни особой худобы, ни слабости, что следует объяснить живучестью, свойственной всем пресмыкающимся.

Молох напрасно носит свое страшное название; внешность его действительно ужасна, но по образу жизни он совершенно безвреден. Единственным орудием ему служат шипы, но они так слабы, что ловкий человек редко получает от них вред. Кусаться он не может, так как у него очень маленький рот.

Семейство игуановые

Агамы, живущие в Старом Свете, в Америке заменяются игуановыми; только они встречаются в большем числе видов и гораздо разнообразнее по внешнему облику. Общие признаки их следующие. Голова покрыта множеством мелких щитков, на спине замечаются очень разнообразные чешуйки, которые часто расположены поперечными рядами. Глаза имеют хорошо развитые веки*, барабанная перепонка почти всегда видна.

** На нижнем веке некоторых игуан имеются прозрачные чешуи, которые позволяют ящерицам видеть даже с закрытыми глазами, (так называемое «окошко»). Некоторые специалисты предполагают, что его основная функция — снижать яркость света, как и у солнцезащитных очков.*

Ноги бывают короче или длиннее, но обе пары имеют по пяти, большей частью, свободных пальцев. Хвост бывает очень различной величины, но в большинстве случаев длиннее туловища. Язык короткий, толст, спереди с мало заметной выемкой и прирос к рту всей своей длиной. Главное различие игуан от агам состоит в том, что зубы у них приросли к костяному рубцу, находящемуся на внутренней стороне верхнего края челюстей; зубы эти внизу круглые, а наверху широкие. Выдающихся зубов, похожих на клыки, почти никогда не бывает, на крыловидных костях зубы почти всегда есть, а на небных очень редко.

Ныне насчитывают до 50 родов и 300 видов игуановых*; они в высшей степени характерны для Южной и средней Америки и там повсюду встречаются в большом числе, но распространяются и на жаркие страны Северной Америки: на запад до Британской Колумбии, на восток до Арканзаса и южных Соединенных Штатов, а также населяют соседние с Америкой острова.

** Согласно последним сведениям, известно около 670 игуановых ящериц, объединяемых в 60 родов.*

Местожителство этих ящериц точно так же разнообразно, как обширна область их распространения. Они живут буквально везде, где только пресмыкающиеся могут найти условия для своего существования: на материке, на островах, на высоких и низких местах, на сухих равнинах, и в сырых тенистых первобытных лесах, в непосредственной близости человеческих жилищ, в городах, селах, на наружных стенах и внутри домов, а также в совсем пустынных местностях.

Многие виды должны считаться водными ящерицами, так как они, как вараны Старого Света, при малейшей опасности бегут в воду и превосходно плавают и ныряют. Один вид даже ищет себе пищу в море. Между ними также встречаются малоразвитые, ленивые и, по-видимому, бесчувственные существа, но большая часть их нисколько не уступает нашим обыкновенным ящерицам в живости, проворстве и как в физическом, так и в душевном развитии**.

** * Игуаны могут разбивать скорость на задних конечностях до 25 км/ч.*

Игуаны точно так же украшают леса своей родины, как это делают агамы в Старом Свете. Пища их состоит из насекомых и растительных веществ. Некоторые виды питаются исключительно растениями, но большинство, как и прочие пресмыкающиеся, охотятся за насекомыми и другими мелкими животными. Ныне известно, что все игуаны кладут яйца, кроме некоторых жабовидных ящериц и нескольких видов рода *Sceloporus*. Многие виды имеют для человека довольно большое значение, так как мясо и яйца их охотно употребляются в пищу.

В лесах, рощах и садах всех жарких стран Америки живет многочисленный род очень милых ящериц, которым дали название **анолисы** (*Anolis*) потому что так их зовут на Антильских островах. Виды этого рода отличаются пирамидальной головой, средней длины шеей, на которой у самца замечается большой висячий, большей частью великолепно окрашенный мешок; туловище у них стройное, обе пары конечностей хорошо развиты, причем задняя пара длиннее передней; лапы большие с пятью неодинаково длинными пальцами, у которых средние суставы расширены, и на нижней стороне имеют поперечные листовые полоски; когти необыкновенно длинные, острые и загнутые; хвост очень длинный, тонкий. Все тело покрыто очень маленькими щитками, которые на спине и хвосте иногда образуют гребень; передние зубы острые, конические, несколько загнутые, а задние с боков сжаты и имеют трехзубчатую коронку; кроме того, на крыловидных видных костях

замечается один ряд маленьких крючковатых зубов. Кожа окрашена в великолепные цвета; анолисы способны изменять ее окраску гораздо более, чем всем известный хамелеон.

Каждый путешественник, который посещает какую-либо часть Южной или средней Америки, знакомит нас с новыми, еще не описанными видами этого рода; таких видов ныне насчитывают более ста; они распространены почти по всем теплым странам Америки*.

** К настоящему времени объем рода увеличился почти втрое*

Анолисы живут повсюду: в каждом лесу, в каждой роще, на каждом отдельном дереве, но иногда появляются на стенах домов, в сенях и даже в комнатах, так что не заметить их можно разве в густом лесу. В то время, как в первобытном лесу только случайно увидишь, как это животное тихо, без движения сидит на ветке — поблизости поселений анолисы поневоле бросаются в глаза людям и оправдывают слова Никольсона, который, шутя, говорит, что эти ящерицы как будто подслушивают человека. Необыкновенно живые, проворные и ловкие, они постоянно заняты охотой на насекомых, здесь схватят комара, там бабочку или жука, исследуют все щели и уголки, чтобы завладеть пауком, караулят добычу, как хищные животные и, как кошки на мышь, бросаются с быстротой молнии на свою добычу, схватывая ее почти всегда с большой ловкостью. Они находятся в движении целый день, и все время враждуют с себе подобными. «Как только анолис увидит другого, рассказывает Никольсон, — то он живо подбегает к нему, а тот ожидает противника, как храбрый герой. Перед боем они друг перед другом вертятся почти так, как петухи, быстро и сильно кивают головой вверх и вниз, как можно больше надувают горло и смотрят друг на друга сверкающими глазами; затем бросаются друг на друга, и каждый старается повалить противника. Если оба анолиса одинаково сильны, то бой, который почти всегда ведется на деревьях, кончается не так скоро. К борющимся приближаются другие анолисы, вероятно, самки, чтобы полюбоваться зрелищем, как будто оно им доставляет удовольствие, но в драку не вмешиваются; противники так сильно впиваются друг в друга зубами, что долго таскают один другого и уходят, наконец, с окровавленной мордой. Несмотря на это, ссора скоро возобновляется, более слабый противник в счастливом случае уходит с откусанным хвостом, но часто бывает и убит. Если они теряют хвост, то делаются пугливыми и скучными и почти всегда прячутся. Бои эти, вероятно, происходят из-за самок; по крайней мере во время спаривания анолисы живее, чем обыкновенно, и без усталости прыгают с ветки на ветку. Самка вырывает передними ногами под деревом или около стены неглубокую ямку, кладет туда свои грязно-белые яйца и прикрывает их чем-нибудь, предоставляя нагревание их солнцу».

Благодаря своей безвредности и доверчивости, анолисы приобрели даже в Южной Америке, где, по словам принца фон Вида, всем животным придают вредные качества, если не всеобщее расположение, то, по крайней мере, признание их неядовитыми существами*.

** Анолисы жили на земле очень давно. Некоторых из них находят в ископаемом янтаре, возраст которого исчисляется миллионами лет. Одна из таких находок была сделана на острове Гаити.*

На них нигде не смотрят с отвращением, а в некоторых местах даже с благосклонностью, как бы признавая их заслуги, состоящие в ловле насекомых. Им прощают даже их смелость, выражающуюся в том, что они бросаются на преследующего их человека и впиваются в него зубами. Все виды при хорошем уходе легко переносят неволю и поэтому могут быть без труда привезены в Европу.

Как представителя этого рода мы опишем **североамериканского красногорлого анолиса** (*Anolis carolinensis*). Признаки этого животного следующие: голова удлинённая, треугольная и плоская, у молодых экземпляров почти гладкая, а у старых с двумя сильными ребрами и покрыта довольно большими многоугольными щитками, барабанная перепонка заметна, шея короткая, у самца под ней находится довольно большой мешок, туловище столь же высокое, как и широкое, спина не острая, брюшко плоское; туловище сверху покрыто маленькими шестиугольными или круглыми, друг друга не прикрывающими, слегка килеватыми чешуйками; брюшко покрыто продолговато-шестиугольными, прикрывающими друг друга и также килеватыми чешуйками; хвост почти круглый, у основания сжат с боков, а на конце покрыт маленькими мутловатыми килеватыми чешуйками; у живых животных верхняя часть тела блестяще-зеленая, а нижняя серебристо-белая, горловой мешок ярко-красный и покрыт белыми чешуйками, виски черные, над прикреплением передних конечностей замечается круглое черное пятно, похожее на глаз, около хвоста на теле много черных точек. Зеленый цвет может, однако, переходить в буроватый или бурый и вообще сильно изменяется. По словам Шомбургка, окраска этого животного при возбуждении и переходит от зеленовато-серой, темно-серой, бурой во всевозможных оттенках до блестяще-зеленой, причем сильно изменяется и рисунок. Длина этой ящерицы колеблется, в зависимости от пола, от 14 до 22 см, из

которых две трети приходится на хвост. Самцы, как у большинства видов этого рода, всегда больше, толще и красивее окрашены, чем самки.

Североамериканский красногорлый анолис (*Apolis carolinensis*)

Красногорлый анолис в Луизиане, Каролине и на острове Куба принадлежит к числу самых обыкновенных ящериц и живет во всех подходящих местах, на деревьях, изгородях, на наружных стенах домов и нередко даже внутри их. По описанию Гольбрука, это в высшей степени подвижное, веселое и драчливое животное, которое, вовсе не обращая внимания на присутствие человека, бегает по столам и другой мебели и в сообществе себе подобных гоняется за мухами и комарами. По своим привычкам он мало или вовсе не отличается от других видов. Он бегает по земле в высшей степени проворно и так как держит голову высоко, то выглядит очень красивым: кажется, что он летает, а не ходит. По деревьям он двигается с удивительной быстротой и ловкостью, делает скачки, превосходящие в двенадцать раз длину его тела, прыгает с ветки на ветку или с одного дерева на другое и умеет удержаться, если даже схватился лишь за один листик благодаря своим широким пальцам, он, как гекконы, в одно мгновение прилипает к предметам, даже к самым гладким, например, к полированному дереву или стеклу; он в состоянии бегать даже по потолку комнаты*.

* *Наличие на нижней стороне пальцев аноласов расширенных пластинок с поперечными рядами прикрепительных щеточек, покрытых микроскопическими крючкообразными волосками, является отличительным признаком рода. Именно эти волоски и позволяют анолисам не скользить по гладкой вертикальной поверхности.*

Этот анолис питается животными, но может случиться, что проглотит и ягоду. Шомбургк говорит, что он также ловит ос и других жалящих насекомых, по мнению многих, он не боится и скорпионов и так ловко их схватывает за голову, что они, защищаясь, ранят иногда сами себя, но никогда не жалят анолиса. В пору спаривания его возбуждение сильно возрастает, и он храбро и сердито дерется со всяким другим самцом. Оба противника надувают как только это возможно свои горловые мешки, схватывают друг друга за челюсти и так впиваются зубами, что некоторое время их невозможно разнять. При этом изменение окраски бывает у них всего заметнее и происходит очень быстро. К осени анолис забывает все распри и живет вполне мирно с себе подобными, иногда даже большими обществами, которые случайно собрались на одном месте. Шомбургк редко находил в теле самки более двух яиц и заметил, что обыкновенно одно было более развито, чем другое. Самка просто роняет свои яйца без всяких предосторожностей, так что их находят то в песке, то на скалах и даже иногда в комнатах**.

** *Любопытно, что яйца анолисы могут откладывать не только в землю или дупла, но и в плотные гроздья бромелиевых растений.*

Шуфельдт заметил, что домашняя кошка — самый большой враг анолиса и предпочитает эту ящерицу всякой другой добыче. Впрочем, анолисы подвергаются и всяким другим преследованиям, что видно по обломанным хвостам и недостающим конечностям. Чем жарче погода, тем чаще эти животные сползают с деревьев и охотятся за насекомыми около корней их. Если схватить анолиса, то он кусается, но прокусить кожу человека не может.

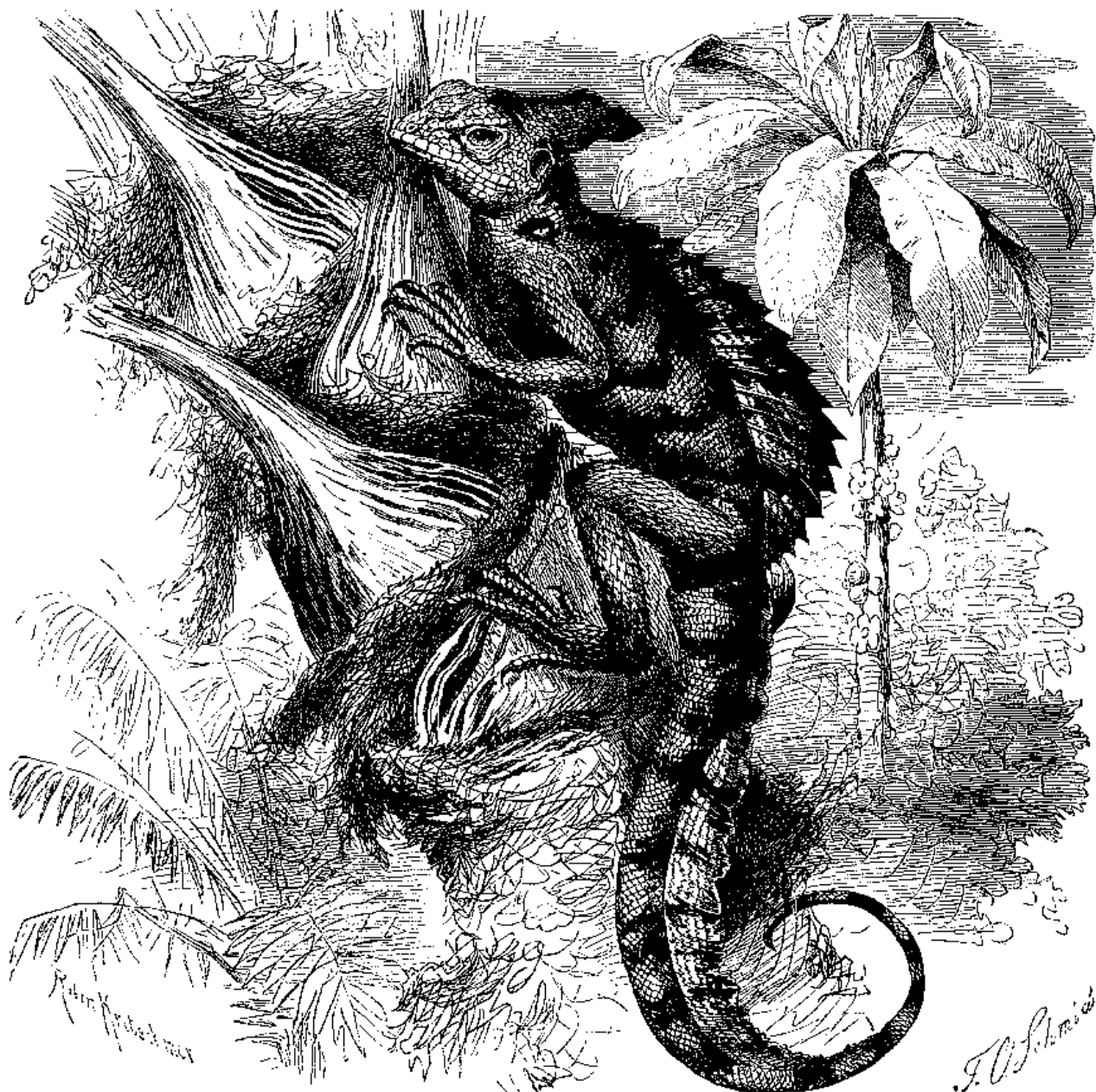
По словам Шомбургка, мальчики пользуются любовью анолисов к музыке, свистя, приближаются к проворным животным и накидывают им на шею петлю, чтобы поймать их. Пленные анолисы скоро делаются ручными, и потому часто видишь их в неволе даже у таких людей, которые не любят других пресмыкающихся. Их очень часто привозят живыми и в Европу.

В главных чертах анолисы ведут себя, как и наши европейские ящерицы, но гораздо проворнее их и сообразно устройству своих ног лучше лазают. Их очень хорошо описал Белль. «У меня жили два живых анолиса из Вест-Индии, — рассказывает он, — и я кормил их мухами и другими насекомыми. Мне очень нравилось их проворство при преследовании добычи. Они караулили свою жертву с осторожностью кошки и бросались на нее с быстротой молнии. Однажды я, кроме мух, бросил в их помещение большого паука крестовика. Один из анолисов бросился на него, но схватил только за ноги; паук сразу обернулся, окружил обе передние лапы своего противника толстой паутиной, а затем укусил за губу, точно так, как он обыкновенно это делает, когда сам ловит добычу. Анолис, по-видимому, очень сильно испугался. Я вынул паука и освободил ноги ящерицы от паутины, но через несколько дней она околела, очевидно, от полученной раны, так как другая ящерица, которая не была укушена, пережила ее намного».

Под именем василиска древние греки и римляне представляли себе змееподобное чудовище самого страшного вида и одаренное сверхъестественной силой. Он и рождался сверхъестественным путем, высиженный гадами, не способными к насиживанию, и был вреден для всего живущего, не исключая и человека. В его рождении участвовали петух, змея и жаба: петух клал уродливые яйца, а змеи и жабы ими завладевали и высиживали. У василиска было крылатое туловище, на голове находилась корона, у него было четыре петушьи ноги, змеиный хвост, сверкающие глаза и такой ядовитый взгляд, что он действовал гораздо сильнее, чем «худой глаз» у нынешних жителей юга и востока. Исходящий от этого чудовища яд, говорят, наполнял воздух и убивал все живущее: плоды падали с деревьев и гнивали, трава засыхала, птицы падали мертвыми, и даже лошадь с всадником погибали. Лишь одно животное могло прогнать василиска и сделать его безвредным, это был один из его родителей — петух. Точно так, как пение петуха по позднейшим преданиям прогоняет черта, привидения и всякую нечистую силу, точно так и василиск был принужден скрываться в недра земли, как только слышал пение этой птицы. Все эти глупые басни повторялись до новейшего времени и не только невежественными людьми, но и так называемыми учеными мужами, которые писали о природе, например английским натуралистом Топселем, который составил удивительное описание василиска. Название василиска упоминается и в Ветхом Завете, например, у пророков Иеремии и Исаяи, но трудно решить вопрос о том, какое животное подразумевалось под этим именем. По тексту видно, что оно должно было быть страшное и вредное. Зоологи воспользовались этим названием для обозначения совершенно безвредной американской ящерицы, что неудивительно, так как животным часто дают имена, заимствованные из древней мифологии.

Василиски (*Basiliscus*) образуют род с четырьмя видами; самцы их имеют на задней части тела высокий кожистый нарост, а на спине и у основания хвоста у них замечается кожистый гребень, который поддерживается остистыми отростками позвонков; пальцы задних ног имеют с наружной стороны чешуйчатые каемки. Голова и шея коротки, туловище высокое и худое, хвост очень длинный и сильно сжат с боков, голова покрыта маленькими килеватыми щитками, а туловище — ромбоидальными чешуйками, расположенными поперечными рядами. Во рту замечается много одинаковых по величине и стоящих близко друг от друга прямых, сплюснутых зубов с трехлопастной коронкой: в верхней челюсти их около 42, а в нижней почти столько же; кроме того, есть несколько рядов зубов на крыловидных костях. Все василиски живут в тропической Америке.

Шлемоносный, или обыкновенный, василиск (*Basiliscus basiliscus*) имеет на затылке острый колпачок, поддерживаемый хрящеватым гребнем и снаружи покрытый килеватыми чешуйками. Брюшные чешуйки у него совсем гладкие, без всякого следа ребер. Натуральный цвет его кожи, вероятно, зеленый, но у животных, сохранных в спирту, спина оливково-бурая, а брюшко грязно-белое; от спины по бокам идут неправильные и прерванные черные поперечные полоски; за глазами замечается белая полоска и другая такая же еще более заметная за углом челюстей. Длина животного около 80 см, из которых 56 приходится на хвост. Он живет на Панамском перешейке и в Коста-Рике.

Шлемоносный, или обыкновенный, василиск (*Basiliscus basiliscus*)

Об образе жизни василисков мы получили сведения лишь в новейшее время. По словам Сальвина, другой вид, **мексиканский полосатый василиск (*Basiliscus vittatus*)**, так обыкновенен в Гватемале, что этот натуралист мог получить столько этих животных, сколько хотел. Их повсюду видишь сидящими на низких ветвях деревьев и кустов, а также на поваленных стволах, где они, нежась, греются на солнце.

Особенно часто их встречаешь около рек, окрестности которых, кажется, они никогда не покидают. Движения их, однако, довольно быстры, и схватить их может только искусный ловец. Зумихраст описывает нам более подробно этот вид и этим, вероятно, дает понятие о всей группе. «На берегах всех рек жаркой и умеренной части Мексики часто встречаешь василисков, которых индейцы называют цумбихи, а мексиканцы пасариос, или перевозчик; это премилое животное, нравы которого вовсе не напоминают баснословного василиска древних. Чаще всего василиски заметны весной в период спаривания, так как тогда самец отличается не только красивым видом и яркой окраской, но также грациозными движениями. Рано утром они отыскивают себе корм, а в полуденные часы любят греться на солнце, сидя на сухих ветвях. При каждом шуме они приподнимают голову, надувают горло и быстро двигают кожистым гребнем. Зоркие глаза с золотисто-желтой радужной оболочкой тотчас замечают опасность, и василиск быстро, как на пружине, прыгает в воду. При плавании он приподнимает голову и грудь, гребет передними ногами как веслами, а длинный хвост ворочается как руль, чем и объясняется мексиканское название — перевозчик.

В конце апреля или в начале мая самка кладет 12-18 яиц в ямку у ствола дерева и представляет насиживание их солнцу. Они имеют 20 мм в длину и 13 мм в ширину, а в прочем похожи на

яйца игуан. Детеныши вылупляются через несколько дней и по цвету сильно отличаются от старых, так как гребень и хвост у них, как у самок, оливкового цвета, между тем как у самцов он красивого кроваво-красного цвета». Василиски питаются, насколько до сих пор известно, исключительно растительными веществами.

Два известных вида **плик** (*Plica*) имеют голову, покрытую не особенно выдающимися чешуйками; затылочный щиток у них очень велик, пальцы сильно согнуты в суставах, на затылке замечается гребень, а на спине другой, пониже; бедренных пор нет. Клыки у них довольно большие.

Представителем этого рода может служить **плика** (*Plica umbra*), животное, имеющее 30 см длины, причем на хвост приходится 20 см. Голова короткая и толстая, над глазами утолщена как у жаб, морда довольно тупая, нижняя челюсть несколько длиннее верхней, очень заметная барабанная перепонка яйцевидная, по сторонам шеи находится мягкая кожа, которая при возбуждении надувается и образует горловой мешок, торчащий по обе стороны головы; туловище довольно стройное, ноги высокие, хвост длинный и тонкий. На передних и задних ногах по 5 сжатых с боков и согнутых в суставах кривых пальцев, снабженных довольно толстыми, короткими и с боков сжатыми когтями. Туловище покрыто маленькими тонкими чешуйками, голова — несколько более крупными шестиугольными, четырехугольными или неправильными чешуйками, по сторонам обеих челюстей замечаются большие чешуйки, по сторонам горла небольшие острые чешуйки; нижняя часть тела покрыта четырехугольными, более крупными, чем сверху, чешуйками, а хвост — четырехугольными килеватыми чешуйками, расположенными кольцами. На затылке находится низкий гребень, который продолжается до начала хвоста. Окраска плики очень красива. Голова и затылок окрашены в светло-серый, буроватый цвет, на шее от одной передней ноги до другой проходит широкая бархатисто-черная поперечная полоса, перед ней по сторонам затылка находятся большие желтые пятна, а за ними узкие светлые поперечные полосы голубовато-серого цвета. Далее проходят 4 темно-бурых, широких поперечных полосы, окаймленные темными каемками и разделенные узкими голубовато-серыми полосками. Задняя часть тела и хвост имеют желтовато-розовый основной цвет и украшены 11—12 черно-бурыми или черными поперечными полосками или кольцами; на задних ногах замечаются 4 бурых полосы с темными каемками, а серовато-бурые передние ноги покрыты неясными бледно-голубыми поперечными полосками и пятнышками. На сторонах шеи, когда она не надута, находится круглое оранжевое пятно, а когда она надута, то весь пузырь принимает оранжевую окраску. Горло и нижние части тела голубовато-пепельно-серые с беловатым или красноватым оттенком. Кругом радужной оболочки находится узкое желтое кольцо, а сама радужина бурая. У молодых животных на бурых полосках замечаются круглые жемчужные пятнышки, которые у взрослых исчезают. Плика распространена по всей тропической Южной Америке.

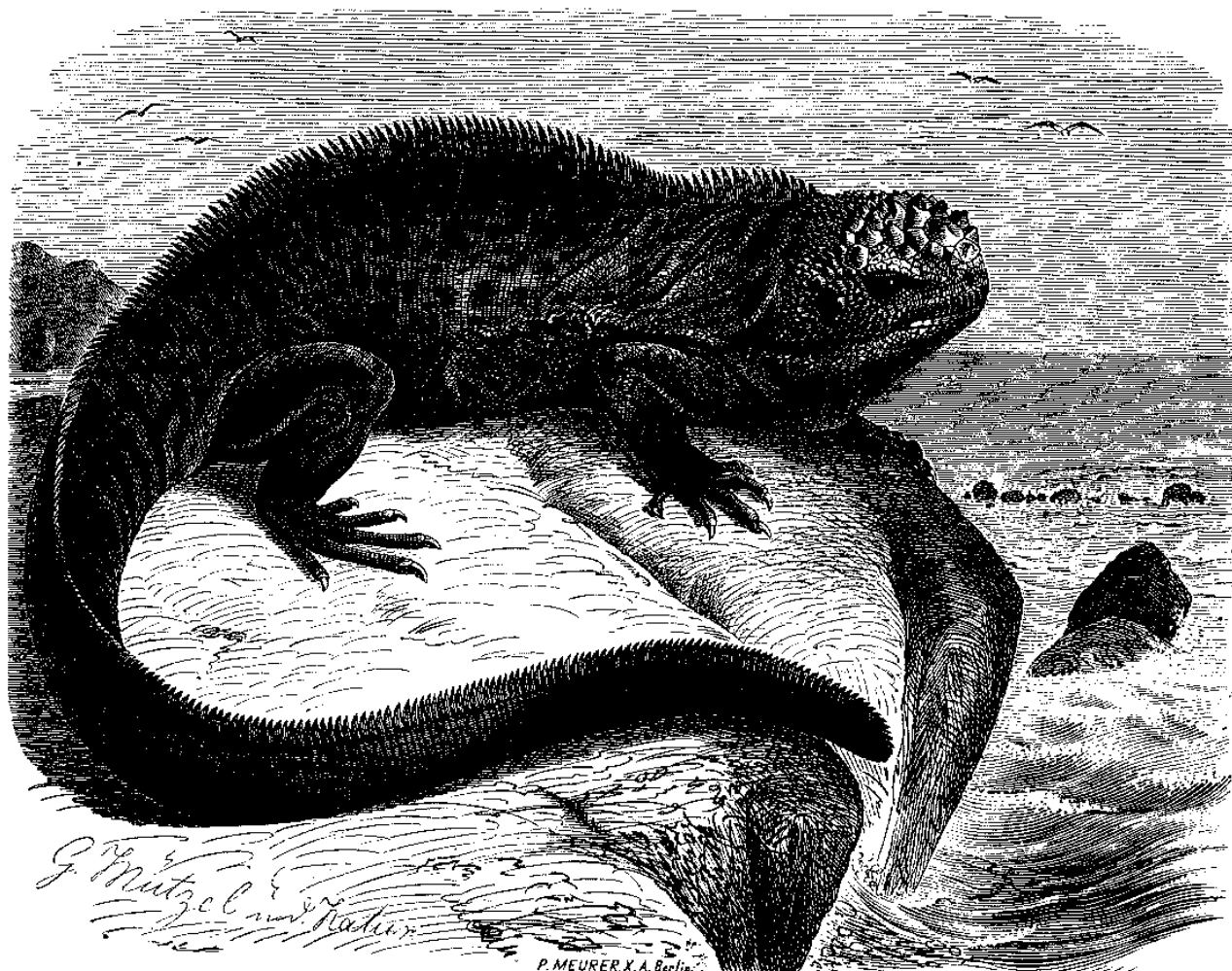
"Этот необыкновенно красиво разрисованная пестрая игуана, — говорит принц фон Вид, — встречалась мне в огромных девственных лесах близ лагуны Аррара около Мукури, когда я там жил в феврале и марте. Я наблюдал ее только в этой местности, но встречал там часто и мог срисовать с натуры. Ее там называют хамелеоном, так как она немножко изменяет свой цвет и при возбуждении, особенно по бокам, принимает прекрасную розовую окраску. Это изменение цвета по преимуществу заметно на светлых полосках, испещряющих ее тело. Она живет постоянно на деревьях, по стволам которых ловко лазает, но бегают также скоро и по сучьям; она высоко держится на ногах, а голову и шею поднимает еще выше, и глаза у нее всегда сильно открыты. Если она не может убежать от угрожающего ей существа, то открывает пасть, надувает горловые мешки, издает шипение и прыгает на противника. Это животное, вероятно, нередко встречается в обширных первобытных лесах по берегам Мукури, так как индейцы, которые каждый день работали в лесу, вечером обыкновенно приносили несколько штук этих животных, чтобы, как они говорили, доставить удовольствие любознательному чужеземцу».

Острова Галапагос образуют особый мир, так как большинство растений и животных, там живущих, более нигде не встречаются. Пресмыкающиеся играют очень важную роль в фауне этих островов и в известном смысле заменяют здесь недостающих млекопитающих, особенно травоядных. Там живет немного видов, но каждый из них встречается, или, по крайней мере, встречался несколько десятилетий тому назад в большом числе экземпляров. Особенно замечательные здесь четыре ящерицы из семейства игуановых, а из них заслуживают особенного внимания две очень странные ящерицы, которые значительно отличаются от родственных им игуан зубами, формой головы и покровом ее, толщиной черепных костей и отсутствием горлового мешка. Обе они сходны между собой по строению, и образ жизни их во многом одинаков. Быстротой движений не отличается ни одна из них; обе принадлежат к травоядным животным, хотя питаются различной пищей: одна из них живет на земле, другая в воде и, что всего удивительнее — это единственная ящерица,

которая справедливо может быть причислена к морским животным, единственная, которая питается водорослями.

Морская игуана (*Amblyrhynchus cristatus*) единственная представительница своего рода, очень крупное животное: длина ее достигает 135 см при длине хвоста в 80 см; вес доходит до 12 кг. Короткая и широкая голова круто спускается по сторонам, спереди суживается и образует очень крутую и дугообразно согнутую поверхность от лба до края морды. Для описания этого животного я воспользуюсь сообщениями Штейндахнера, который написал особое сочинение о ящерицах Галапагосских островов. Вся верхняя часть головы покрыта многоугольными, большей частью четырех- или шестиугольными щитками различной величины и расположенными вроде мозаики; самые крупные конические, даже шиловидные щитки лежат на передней части головы, самые маленькие над глазами. Яйцевидные ноздри расположены довольно высоко по сторонам головы и имеют наклонное положение снизу вверх; они окружены возвышенным кожистым гребнем, на котором снаружи сидят маленькие щитки. На верхней губе находятся 9-10 пятиугольных щитков, на нижней — 12-13 четырехугольных; от глаза до висков идет дуга, состоящая из килеватых чешуек, а нижняя сторона головы покрыта маленькими выпуклыми чешуйками. Яйцевидная барабанная перепонка окружена толстыми круглыми ребрами. На горле и по сторонам шеи кожа более или менее слабо прикреплена к телу, и иногда образует перед грудью заметную поперечную складку. Туловище очень толстое, на затылке, шее и спине замечается сильно сжатый с боков гребень, распространяющийся до самого конца хвоста и разделенный более или менее глубокими надрезами на отдельные части, именно затылочную, спинную и хвостовую. Все прочие чешуйки отличаются малой величиной, на спине они килеватые, на боках выпуклые, а на животе крупнее и совсем плоские. Хвост длинный, у основания сжат с боков умеренно, а на конце очень сплюснут, так что принимает форму плавника и покрыт большими четырехугольными килеватыми чешуйками, которые, как и на спине, расположены правильными поперечными рядами. Ноги короткие и плотные, пальцы соединены между собой короткой перепонкой и вооружены большими, сильно загнутыми когтями; второй и третий пальцы одинаковой величины и длиннее других. Толстый язык занимает всю ширину полости рта. Зубы большие, трехлопастные и прикреплены к наружной стенке глубокого желобка, находящегося на челюстях; на верхней челюсти их бывает 22-25, на нижней 20-24, из которых 6-8 одинаковых расположены на межчелюстных костях. Небольшие и малочисленные зубы на крыловидных костях часто вываливаются.

Окраска и рисунок изменяются в зависимости от возраста. У молодых морских ящериц по сторонам головы и под нею, а также на боках замечается много светло-серых пятен на черном фоне, и этих пятен бывает иногда так много, что основной темный цвет сохраняется лишь в виде сетчатого рисунка. Спина покрыта или переменными грязно-серыми и черными неправильными полосами, состоящими иногда из отдельных пятен.

Морская игуана (*Amblyrhynchus cristatus*)

Верхняя и наружная сторона ног покрыта серыми точками или большими серыми пятнами. Нижняя сторона головы грязно-темно-серая, горло черное, брюшко грязно-желто-бурое, верхняя часть пальцев, плюсны и голени, а также задняя часть хвоста совершенно черные, на спинном гребне заметны переменные желтые или серые и черные полосы. В виде исключения встречаются совершенно черные экземпляры.

Морские игуаны в довольно большом числе живут на островах Галапагос. Дарвин нашел их на всех посещенных им островах этой группы, Штейндахнер — на островах Албемарль Черльз, Джеймс и Джервиз, на последнем в необыкновенно большом числе и в крупных экземплярах; Куксен находил их и на острове Абингдон. Соответственно своему образу жизни, они всегда встречаются на скалистых морских берегах и, по наблюдениям Дарвина, никогда не удаляются более, чем на 10 шагов от воды.

"Иногда мы их видели, — говорит Дарвин, — плавающими на расстоянии нескольких сот шагов от берега, и капитан Кольнет уверяет, что они встречаются в море целыми стадами и здесь занимаются рыбной ловлей или греются на скалах. Я полагаю, что он ошибается насчет цели их плавания, но сообщаемый им факт не может быть подвергнут сомнению. Животное это плавает в воде легко и быстро, змееобразно извивая туловище и плоский хвост, но при этом не пользуется своими ногами, которые плотно прижимаются к бокам и в воде никогда не двигаются. Один матрос привесил к такой ящерице значительную тяжесть и бросил ее в море, полагая ее сразу потопить, но к удивлению своему заметил, что через час ящерица была еще вполне жива. Ее конечности и большие когти прекрасно приспособлены к ползанию по Шероховатым и растрескавшимся массам лавы, из которых состоят все берега. На подобных местах часто видишь 6 или 7 этих некрасивых пресмыкающихся, лежащих на черных скалах в нескольких метрах от прибоя волн; они здесь греются, растопыря свои ноги.

Я исследовал желудки многих из них и находил его всегда наполненным размельченными морскими водорослями, именно остатками того вида, который имеет широкие листовидные вай светло-зеленого или темно-красно-зеленого цвета. Так как я не помню, чтобы встречал эту водоросль в значительном количестве на скалах, омываемых морем, то следует предположить, что они

растут на дне моря, невдалеке от берега, и если это верно, то этим вполне объясняется, почему игуаны плавают в море. Биноэ нашел раз в желудке морской игуаны остатки краба, но, вероятно, они были случайно проглочены, и сведение это поэтому не может иметь большого значения. Плоский хвост, добровольное пребывание этой игуаны в воде и пища ее достаточно доказывают, что это животное морское, но по странному противоречию она не спасается в воду, если ее испугать. Ее легко загнать на камень, выступающий из воды, но там скорее она даст себя схватить за хвост, чем бросится в море. О защите посредством зубов она, по-видимому, не имеет никакого представления. Если ее сильно напугать, то она брызгает попавшей в рот водой из ноздрей. Однажды я принес морскую игуану, пойманную в глубокой луже, оставшейся после отлива, и несколько раз бросал ее туда, как только мог дальше; она постоянно возвращалась прямым путем к тому месту, где я стоял. При этом я заметил, что она плавала близко от дна, красиво и быстро извиваясь, причем ногами не пользовалась при плавании, но иной раз ползала на них по неровному дну. Приблизившись к берегу, но еще оставаясь под водой, она старалась спрятаться в водорослях или в какую-нибудь ямку; через некоторое время, думая, что опасность уже прошла, она выползала на сухие скалы и, переваливаясь, как можно скорее уходила. Я несколько раз рядом ловил эту игуану, пригнав к удобному месту, и всякий раз замечал, что ее никакими средствами нельзя загнать в воду, а когда я ее туда бросал силой, то она постоянно возвращалась вышеуказанным способом. Может быть, эта кажущаяся глупость объясняется тем, что на берегу у нее нет врагов, в море же она часто делается жертвой многочисленных акул, таким образом, по опыту считает берег безопасным убежищем.

Во время нашего посещения в октябре я видел многих маленьких игуан этого вида, но между ними ни одной, которая была бы моложе года. Поэтому можно предположить, что время размножения их тогда не наступило. Я спрашивал многих туземцев о том, не знают ли они, куда кладет эта ящерица свои яйца; они отвечали, что хорошо знакомы с яйцами другого вида, но не имеют ни малейших сведений о том, как размножается морская игуана, что очень странно, если иметь в виду, что она на этих островах встречается в столь значительном числе**.

** У морских игуан отмечен гаремный тип социальной организации, когда группа самок, сосредоточенная около самца, распадается сразу после оплодотворения.*

Штейндахнер посетил острова Галапагос в 1872 году и нашел, что морские ящерицы там встречаются тысячами, точно так, как во времена Дарвина и Дампиера. «Когда мой спутник Питкинс, — говорит он, — увидел большое число этих безобразных животных, греющихся на скалах, состоящих из лавы, то он выстрелил в толпу их, и когда я тотчас после того, а затем еще раз через час осмотрел это место, то на нем не было более ни одного животного. Они все спаслись в море и, вероятно, затем отыскивали какое-нибудь более отдаленное убежище*».

** Морские игуаны на суше, кроме человека, врагов практически не имеют, а в воде ими любят полакомиться акулы.*

Это наблюдение, которое я повторял на островах Джеймс и Джервис, доказывает, что хотя морские ящерицы очень ленивы и беспомощны в своих движениях, почему их вовсе нетрудно словить, все же стараются избежать угрожающей опасности, а не остаются лежать с тупым упрямством на том месте, где они замечают врагов вблизи. При спокойном море часто видишь, как эти игуаны быстро плавают и ныряют в море довольно далеко от берега. Движения их в воде похожи на движения змеи, голова только высовывается из воды, а ноги прижаты к телу. На острове Джервис я их находил только на неровных и растрескавшихся массах лавы вблизи моря; они там лежали целыми стадами, состоящими из 100-150 особей. На острове Джеймс я находил только несколько небольших экземпляров, довольно далеко от моря, около небольших пещер, заросших травой и кустарником; очень может быть, что подобные места служат им гнездовьями. Желудки и кишки их, как уже было замечено Дарвином, постоянно наполнены небольшими широколистными красными водорослями».

Вторая ящерица, встречающаяся на островах Галапагос, значительно отличается от морской по внешнему виду, а также отсутствием зубов на крыловидных костях; она еще неуклюжее и неповоротливее морской игуаны. Так как она живет только на суше, то у нее нет перепонки между короткими пальцами толстых ног. Хвост у нее короче и сжат с боков только слегка, в разрезе он яйцевидный и почти без гребня; шея у нее зато гораздо длиннее и снизу имеет продольные складки, голова более вытянута, не так высоко и не так круто спускается ото лба к краю рта. Поэтому Штейндахнер присоединяется к мнению тех натуралистов, которые из нее образуют особый род **конолофы** (*Conolophus*). Ей дали название **галапагосский конолоф** (*Conolophus subcristatus*). Штейндахнер приводит следующие признаки этого животного. Щитки верхней части головы гораздо меньше и потому многочисленнее, чем у морской игуаны; маленький затылочный щиток не-

сколько вдавлен; широкие ноздри оканчиваются на большом щитке, который образует значительную выпуклость. В верхней челюсти замечается 23-24 длинных тонких трехконечных зуба, включая сюда 7 одинаковых, сидящих на межчелюстной кости; на нижней челюсти 23-24 таких же зуба. Яйцевидный язык в верхней части вальковатый и посредине переднего края имеет неглубокую треугольную выемку. Чешуйки нижней части головы, шеи и боков малы и имеют конусообразную форму, верхушки их направлены, смотря по положению чешуи, в сторону или вниз; чешуйки на спине килеватые, на животе несколько крупнее, плоские, неправильно четырехугольные и расположены правильными поперечными рядами. Только на затылке возвышается ряд высоких, более или менее конических, большей частью сзади плоских, а спереди сильно выпуклых чешуек, которые отделены друг от друга маленькими чешуйками; они образуют гребень, который выше всего на середине, на спине сильно понижается и переходит в еще более низкий хвостовой гребень, в котором только кое-где замечается высокая чешуйка. Хвостовой гребень начинается на некотором расстоянии от начала хвоста, не образует непрерывного ряда и теряется около середины хвоста. Голова более или менее яркого лимонно-желтого цвета; спина около гребня кирпично-или ржаво-красная; в редких случаях на ней замечаются чередующиеся и неясные желтые и красно-бурые полосы, на боках красно-бурая окраска переходит в грязный, темно-бурый цвет. Кое-где замечаются точки и маленькие, неясно очерченные черные пятнышки. Брюшко темно-желтое с красно бурым оттенком. Наружные и верхние стороны передних ног красновато-желтые, задние ноги буровато-желтые, когти и пальцы около них черноватые. Ящерица эта достигает 107 см длины, из которых 54 см приходятся на хвост.

Галапагосский конолоф (*Conolophus suberistatus*)

Дарвин наблюдал конолофа только на средних островах группы Галапагос, именно Албемарл, Джеймс, Барлинктон и Индефатигабл. Здесь он живет как на высоких и сырых, так и в более низких и пустынных частях; в последних, впрочем, он многочисленнее. «Чтобы дать понятие об их многочисленности, — замечает Дарвин, — я не знаю лучшего средства, чем сказать, что на острове Джеймс мы довольно долго не могли найти подходящего места для нашей палатки, так как вся земля была изрыта их норками. Конолоф точно так же безобразен, как и морская игуана, и голова его вследствие малого лицевого угла имеет очень глупое выражение.

По движениям своим он кажется ленивым и сонным. Если его не пугать, то он ползает тихо, влача по земле живот и хвост, часто останавливается, на несколько минут закрывает глаза, как будто дремлет, и при этом широко распластывает задние ноги по земле. Он живет в норах, которые выкапывает между обломками лавы, а чаще на ровных местах, в мягком вулканическом песке. Норки эти, кажется, неглубоки и не круто спускаются в землю, так, что почва над ними легко проваливается, и путник очень устает, шествуя по этим изрытым местам. Когда конолоф роет нору, то он работает по очереди правой и левой стороной тела; одной из передних ног он некоторое время царапает землю и бросает ее по направлению к задней ноге, которая так расположена, что она может выбрасывать землю из норы. Когда одна сторона тела устанет, то начинает работать другая, и так по очереди. Я наблюдал одного из этих животных довольно долго, пока все его туловище не зарылось в землю; тогда я подошел ближе и потащил его за хвост; оно казалось очень удивленным, выползло из норы, чтобы объяснить себе причину этой помехи в работе, и пристально на меня посмотрело, как будто спрашивая меня: «зачем ты меня дергал за хвост?» Конолофы едят днем и при этом не удаляются далеко от своей норы. Если их испугать, то они очень неуклюже бегут к своим убежищам. Вследствие того, что ноги довольно близко расположены к телу, конолофы скоро бегать не могут и им легче всего бежать под гору. Человека они не боятся: если на них пристально смотреть, то они вертят хвостом, приподнимаются на передних ногах, быстро кивают головой вверх и вниз и придают себе очень сердитый вид, который, впрочем, вовсе не соответствует действительности. Если только ударить ногой о землю, то они опускают хвост и убегают как можно скорее. Я часто видел, что маленькие насекомоядные ящерицы точно так же кивают головой, если внимательно к чему-нибудь присматриваются, но я никак не мог понять, для чего это они делают. Если остановить конолофа и дразнить его палкой, то он сильно ее кусает; я, однако, многих хватал за хвост, и ни один из них не пробовал меня кусать. Напротив того, если посадить двух конолофов вместе на землю друг против друга, то они тотчас начинают драться между собой и друг друга кусают до крови.

Все те конолофы, которые живут в низменностях, в течение целого года выпивают только несколько капель воды, но поедают большое количество сочного кактуса, если ветром случайно оторвет ветвь. Когда некоторым из них я бросал куски кактуса, то интересно было видеть, как каждый из них старался схватить и утащить свою долю, совершенно подобно собакам, которые спорят из-за кости. Они едят очень медленно, но не жуют пищу. Все маленькие птички знают, что эти животные безвредны. Я видел, как толстоклювый воробей клевал один конец куста кактуса, между тем, как конолоф ел с другого конца, и маленькая птичка потом совершенно спокойно прыгнула на спину пресмыкающегося. В желудке тех, которых я исследовал, я находил только растительные волокна и листья различных растений, чаще всего от одного вида акаций. В высоком поясе острова эти ящерицы питаются преимущественно кислыми и вяжущими ягодами гуаявиты, и я видел, как они ели их вместе со слоновыми черепахами. Чтобы полакомиться листьями акации, конолофы отыскивают низкие карликовые деревья, причем нередко случается что некоторые из них сидят на дереве на метр высоты от земли и там спокойно едят листья. Туземцы говорят, что конолофы, живущие в сырых местах, пьют воду, но те, которые живут в безводных местах, никогда не поднимаются на более сырые высоты, чтобы напиться, как это делают черепахи.

Во время нашего пребывания на островах мы находили у самок в теле много больших продолговатых яиц; они их кладут в свои норки, а туземцы их отыскивают для еды. Вареное мясо этих ящериц белого цвета и считается у людей без предрассудков за очень хорошее кушанье».

"Два вида цветущих деревьев из рода инга привлекли необыкновенно большое число игуан. При каждом ударе весла, которым мы подвигались вперед, 3-4 этих больших животных падали с деревьев в воду или исчезали.

удивительно быстро пробираясь с ветки на ветку в густой листве верхушек деревьев, где однако зоркие глаза и меткие стрелы индейцев следовали за ними. Все оживились, так как каждому хотелось получить лакомое блюдо к ужину. Охота с помощью ружей шла менее успешно, чем с луком и стрелами, так как игуаны, убитые дробью, падали в воду и тонули, между тем как длинные стрелы отчасти удерживали их на воде. В числе нашей добычи были экземпляры длиной до двух метров и толщиной 30 см. Несмотря на страшный вид животных, мясо их принадлежит к числу самых нежных, которое можно себе представить; яйца их также очень вкусны. Качества эти способствуют уничтожению этих животных, особенно близ берегов моря, где, кроме туземцев, за ними охотятся европейцы, мула ты и негры».

Этими словами Шомбургк описывает свою встречу с **обыкновенной игуаной** (*Iguana iguana*), наиболее известным видом и типическим представителем всего семейства. Признаки рода **игуан** (*Iguana*) следующие: туловище вытянутое, с боков сжатое, голова большая, четырехугольная, шея

короткая, ноги коренастые, пальцы длинные, а хвост очень длинный, с боков сжатый и покрыт однообразными килеватыми чешуйками. На горле замечается большой висячий горловой мешок с гребнем на передней его части, состоящим из шипов. От затылка до конца хвоста тянется спинной гребень, голова покрыта многогранными выпуклыми и килеватыми щитками очень различной величины; брюшко покрыто гладкими или слабо килеватыми чешуйками, нижняя сторона пальцев — щитками с тремя ребрышками на каждом, на бедрах замечаются железистые поры, барабанная перепонка большая, круглая, ясно заметная, ноздри широкие. Передние зубы имеют коническую форму, очень острые и несколько загнуты назад; прочие зубы, сжатые с боков, треугольные и, в отличие от сходных родов, имеют зубчатые края. Кроме челюстей, двойной ряд маленьких зубов замечается на крыловидных костях; число зубов изменяется в зависимости возраста.

Игуана достигает 1,4-1,6 м длины, из которых 1 м приходится на хвост. Основной цвет кожи ярко-травяной зеленый, местами переходящий в синий, темно-зеленый, бурый и серый; нижняя часть тела и ноги полосатые, перед прикреплением передних конечностей замечается иногда белая полоска, на хвосте — несколько широких темных полос. Впрочем, окраска бывает очень различная, тем более, что игуаны также способны изменять свой цвет.

Все игуаны живут в тропической части Южной Америки и в странах около Мексиканского залива, следовательно, также и на Антильских островах; все они живут на деревьях и охотнее всего на таких, которые растут на берегу воды. Здесь они двигаются с большою ловкостью, лазая и прыгая с ветки на ветку, и умеют очень хорошо прятаться в листве, так что непривычному глазу они мало заметны. К вечеру они нередко спускаются на землю, чтобы и здесь искать себе пищу, но при опасности спасаются, если это только возможно, на верхушках деревьев или, как мы уже это видели выше, прыгают в воду. В воде они точно так же хорошо двигаются, как и вараны, и с большою ловкостью и быстротой пользуются своим сильным хвостом, как веслом. Они плавают, как замечает Тэйлер, тем же способом, как и другие ящерицы, т.е. прижимают конечности к туловищу и двигаются исключительно с помощью хвоста. В воде они двигаются совсем свободно, ныряют точно так же хорошо, как и плавают, долго остаются под водой, не устают и могут легко спастись от всех врагов, угрожающих им в этой чуждой для них стихии; по крайней мере, они вовсе не боятся крокодилов и кайманов, которые живут в тамошних реках.

Дюмериль говорит, что находил в желудках исследованных им игуан только растительные вещества, и Тэйлер и Зумихраст с ним в этом соглашаются. Последний нашел во внутренностях анатомированных им экземпляров только мягкие ягоды, которые иной раз сильно расширяли кишки; Тэйлер замечает, что между полупереваренными листьями иногда находят бесчисленное множество маленьких червячков, и полагает, что они грызли сведенные игуанами листья и вместе с ними были проглочены. Многие натуралисты полагают, что игуаны при случае едят и насекомых, что подтверждается наблюдениями над живущими в неволе, но главной их пищей, несомненно, остаются растительные вещества.

Обыкновенно они убегают при виде человека, так как научились видеть в нем самого опасного врага; если они находятся в безвыходном положении и бежать не могут, то пробуют защищаться, причем надуваются и расширяют свой горловой мешок, чтобы придать себе страшный вид, шипят, фыркают, прыгают на своего противника, пробуют укусить его и не так легко выпускают то, что схватили своими сильными зубами; своим большим хвостом они наносят очень чувствительные, а иногда даже опасные удары. Во время размножения они, говорят, бывают еще более возбуждены и злы, чем обыкновенно; они не отходят от избранной самки и с яростью нападают на каждое животное, к ней приближающееся; между собой они также дерутся из-за обладания самкой. Последние через некоторое время после спаривания появляются на песчаных отмелях, чтобы отложить яйца, и в это время легче всего наблюдать этих обыкновенно очень скрытно живущих животных. На острове Санта-Лучия яйца кладутся в феврале, марте и апреле. Яйца имеют величину примерно голубиных и мягкую скорлупу белого или светло-желтого цвета; скорлупа похожа на тонкую лайку, и непосвященному человеку яйца бросаются в глаза тем, что состоят почти из одного желтка, как, впрочем, большинство яиц пресмыкающихся. Самки кладут яйца в песок, в ямку и тщательно их прикрывают, но затем более о них не заботятся. Шомбургк замечает, что в яичниках убитых им самок он находил по 18-24 оплодотворенных яиц. По исследованиям Тэйлера, старые самки кладут гораздо больше яиц, чем молодые. Одна самка, жившая у него в неволе, положила в один день пять, а пять дней спустя еще тридцать два яйца. В теле анатомированных самок находили, смотря по величине животного, 8, 14 и 17 яиц, которые были все одной величины, и расположены в два ряда по сторонам живота. По наблюдениям Зумихраста, часто случается, что многие самки игуан кладут яйца сообща в одну ямку, так что иногда находят до десяти дюжин яиц в одном месте. Многие яйца

уничтожаются не только муравьями, но также маленькими млекопитающими, особенно часто встречающейся на Санта-Лучии так называемой мускусной крысой. По этому, вероятно, что самки игуан нарочно отправляются на берег моря, где песок менее доступен их врагам, чем на песчаных отмелях в реках. Вылупившиеся детеныши, по-видимому, остаются довольно долго жить вместе, так как Гумбольдт упоминает, что его проводник принес однажды целое гнездо молодых игуан, имевших всего 10 см длины. «Этих животных трудно было отличить от обыкновенных ящериц, так как спинные шипы, большие приподнятые чешуйки и все те особенности, которые придают игуанам, имеющим 1—1,5 м длины, столь страшный вид, были заметны лишь в виде чуть-чуть выдающихся зародышей».

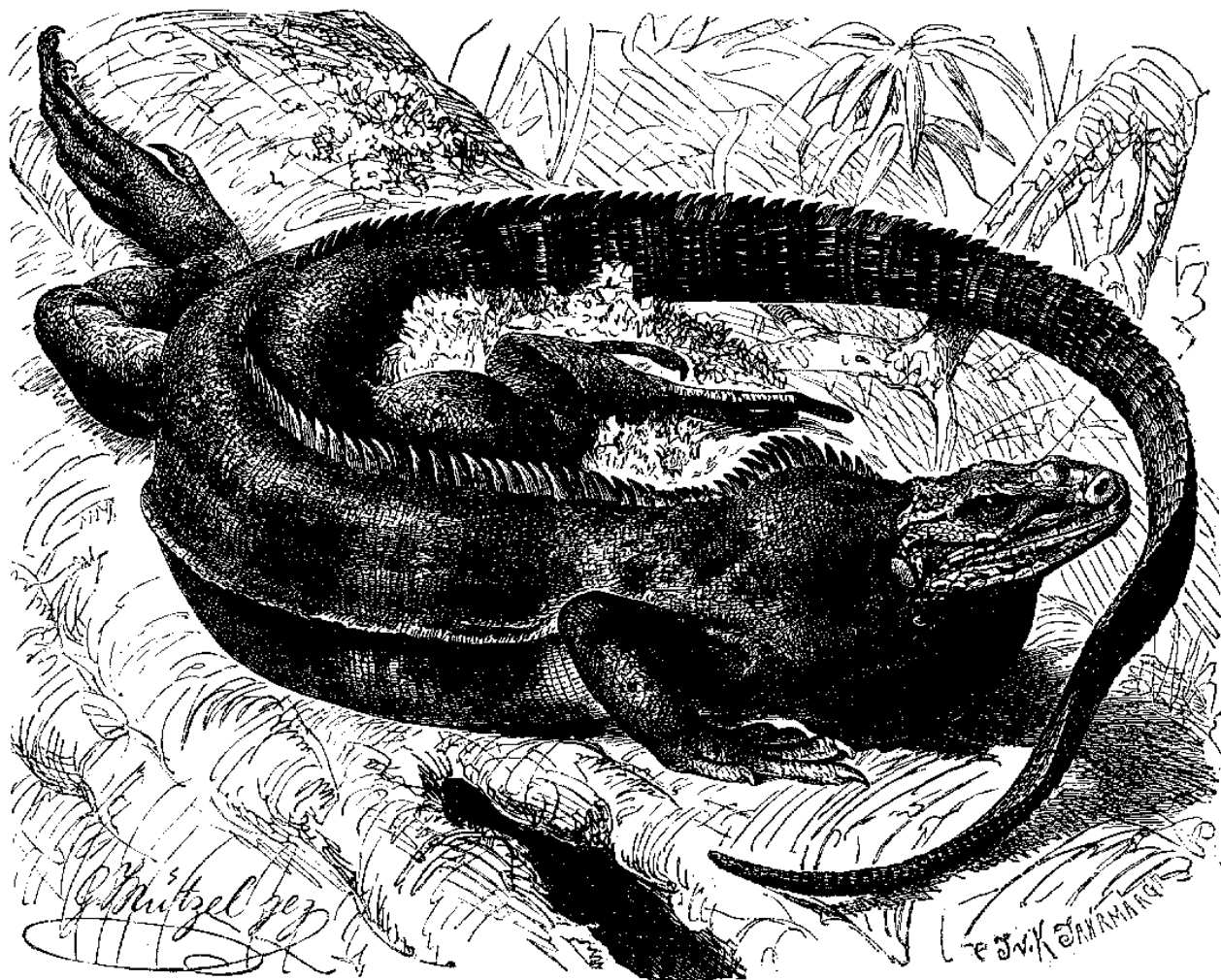
В Вест-Индии почти всюду распространено мнение, что мясо игуан нездорово и в некоторых болезнях увеличивает число припадков; однако мало кто обращает внимание на это мнение, а, напротив, каждый старается, как проводники Шомбургка, добыть себе это лакомое блюдо. Катесби говорит, что игуан ловят для того, чтобы торговать ими, и их отправляют на материк, чтобы за большую цену продавать богатым людям, как особенно изысканное кушанье. Мясо их считается легко перевариваемым, питательным и вкусным, и едят его в жареном, а еще чаще в вареном виде. Яйца, в которых почти нет белка и которые при варке не твердеют, обыкновенно употребляются для приготовления супов. Особенности охотники занимаются отыскиванием этой странной дичи и ловят ее различными способами. Некоторые путешественники упоминают об одном способе ловли игуан, который сильно противоречит сведениям, сообщенным Шомбургком. Говорят, что охотники приближаются к животным, которые так любопытны, что остаются на месте и даже протягивают шеи; их сначала гладят кнутиком, а затем надевают на шею петлю, находящуюся на конце кнута. Тогда их силой стаскивают с дерева; вначале игуаны страшно бьются, стараются освободиться, открывают пасть, фыркают и шипят, но скоро с ними справляются, связывают им морду и в таком беспомощном состоянии приносят на рынок. Насколько правдив этот рассказ, я не берусь решать, но возможно, что любопытные животные там, где за ними мало охотились, подпускают людей близко к себе, надеясь на свои средства защиты. Обыкновенно для этой охоты пользуются дрессированными собаками, так как без их помощи очень трудно, даже почти невозможно отыскать среди зелени мало заметных животных. Либман рассказывает, что на западном берегу средней Америки игуан подкарауливают, когда они вечером слезают с деревьев, и тогда на них выпускают собак, а Тэйлер к этому добавляет, что собак к этой охоте приходится особо дрессировать. Опытные собаки отыскивают игуан, вероятно, чутьем и начинают лаять, когда увидят их на дереве, или делают стойку, когда животное находится на земле. Некоторые собаки прямо схватывают игуану за спину и закусывают до смерти; но таких немного, так как опытные и не особенно злобные собаки по опыту боятся сильных ударов хвостом, а также острых когтей и зубов игуан. Если игуана еще может бежать, то прежде всего старается спастись на дереве, а при неимении такового прячется в какую-нибудь норку, но в обоих случаях почти всегда погибает, так как ее довольно легко стрясти с ветки или добыть тем, что сучок, на котором она сидит, отпиливают; с другой стороны, игуаны очень редко находят достаточно большую норку, чтобы спрятаться, а обыкновенно считают себя спасенными, если куда-нибудь сунут только свою голову. Схваченной игуане, чтобы она не кусалась, продевают крепкую соломинку через ноздрю и кожу нижней челюсти, а затем завязывают соломинку; после этого вырезают сухие жилы из длинных средних пальцев задних ног и пользуются ими, чтобы связать обе пары ног, перегнув их через спину; в таком жалком виде игуан приносят на рынок. Так как мексиканцам известна живучесть игуан, которые часто спасаются с сильным зарядом дроби в теле, то туземцы сохраняют иногда в течение целого месяца связанную вышеописанным способом игуану, чтобы потом ее продать. Игуан в особенности охотно покупают во время поста; их тогда запекают в тесто из кукурузной муки и считают в таком виде большим лакомством, даже употребляют их для подарков. Во внутренностях этих животных иногда находят безоаровые камни, которые прежде считались сильным лекарственным средством, а может быть, и ныне кое-где употребляют для лечения.

Пленные игуаны сначала бывают очень дики и выказывают даже коварство: они стараются укусить человека и огрызаются на всякое приближающееся животное, иногда даже убивают слабых домашних животных, до которых могут добраться, а также и сидящих в одной с ними клетке. Но ярость их понемногу затихает, и по прошествии нескольких недель они делаются такими ручными, что позволяют себя трогать. Тэйлер сообщает следующее средство, чтобы заставить их есть: нужно их дразнить до того, чтобы они стали яростно кусаться, и тогда вместо пальца всовывать им в пасть предлагаемую пищу. Тогда они без затруднения глотают ее и таким образом понемногу приучаются к кормлению. Однако этому натуралисту и этим способом не удалось долго сохранить их в живых.

Некоторые околели после того, как поели листьев, которые им были не по вкусу, а другие оттого, что ели зерна. В их отечестве иногда содержат игуан на свободе в садах или в домах; в Европе их кое-где можно видеть в зоологических садах и у некоторых любителей. Те, которых я мог наблюдать, меня не привлекали. Правда, они были настолько ручными, что брали из рук их воспитателя предлагаемую добычу, листья салата, капусту, цветы и тому подобное, но в действиях и движениях животных не было ничего замечательного: они по целым часам скучно сидели на одном месте и выказывали большое равнодушие ко всему окружающему. Для их благосостояния необходимы довольно высокая и постоянная температура (27-28 °С) и вода для утоления жажды; при небольшом уменьшении температуры они делаются вялыми, отказываются от пищи и скоро околевают.

Циклуры, или кольцехвостые игуаны (*Cyclura*), отличаются от вышеописанных игуан своими зубами, небольшим горловым мешком и незначительной поперечной складкой под шеей. Покров тела почти такой же, как у игуан, но чешуйки на верхней части хвоста отличаются тем, что после трех или четырех рядов обыкновенных чешуек замечается кольцо, отдельные чешуйки которого имеют не особенно длинные, но острые шипы, образующие мутовку. Спинной гребень иногда прерывается над плечами и крестцом. Зубы, число которых, по-видимому, увеличивается с возрастом, не имеют по краям зубчиков, как у игуан, но гладкую трехлопастную коронку; на крыловидных костях зубы мелки, но многочисленны. Бедренные поры у них существуют.

Единственный известный вид этих животных **килеватая циклура** (*Cyclura carinata*), живущая на Кубе, Ямайке и Багамских островах; она прекрасно описана Госсе и его друзьями. Животное это достигает длины 1,2-1,3 м, из которых 70 см приходится на хвост, и отличается довольно низким спинным гребнем, состоящим из сжатых с боков, несколько серповидных шипов; иногда спинной гребень соединен с гребнями затылочным и хвостовым, а иногда отделен от них маленькими чешуйками. Передняя часть головы покрыта щитками различной величины, из которых средний особенно велик.

Килеватая циклура (*Cyclura carinata*)

На нижней челюсти замечается ряд больших ромбоидальных килеватых чешуек. Туловище и конечности окрашены в буровато-зеленый цвет, кое-где переходящий в шиферно-синий; над плечами проходят несколько наклонных темно-оливково-бурых линий, а по бокам от спинного гребня к

животу тянутся несколько широких полос того же цвета. Хвост покрыт правильно расположенными чередующимися полосками более светлого и более темного оливково-бурого цвета.

По словам Госсе, циклура встречается на Ямайке только в некоторых местностях. Она, например, довольно часто попадает на известковых горах, которые тянутся от порта Кингстон к так называемому Козьему острову; горы эти, между прочим, замечательны тем, что на них живут одичавшие козы, свиньи и куры. Кроме того, циклуру нередко встречают на равнинах между выше-названными береговыми горами и высокими внутренними горами, но только в тех местах, где есть старые дуплистые деревья. Животное это, по-видимому, не особенно нуждается в воде, хотя оно хорошо плавает, как все его родичи. Счастливый случай дал возможность узнать образ жизни циклуры лучше, чем образ жизни других сродных видов. В имении Мино две циклуры жили в течение 16 месяцев на старой акации и дали возможность этому помещику их наблюдать, причем он оберегал их от всяких опасностей. Один из друзей Мино случайно нашел этих животных, но так испугал их ударом хлыста, что они в течение нескольких недель только потихоньку выходили наружу и при приближении человека тотчас же прятались в дупло дерева. После того как Мино строго запретил их пугать, циклуры понемногу забыли свой страх и, наконец, сделались настолько ручными, что позволяли хозяину наблюдать за собой.

Как только день становился теплее, одно из этих животных появлялось из дупла и, цепляясь за кору или, ползая по ней, отправлялось на тонкий сухой сучок, чтобы греться на солнце. Здесь оно оставалось в течение целого дня, не обращая внимания на окружающее. Мино никогда не видел, чтобы циклура ловила насекомых и лишь однажды заметил, что она ест. Это случилось после сильного дождя, когда солнце прорвало темные тучи и несколько осушило растения. Одна из циклур слезла с дерева медленными шагами; едва передвигая одну ногу за другой, она проползла метров 10 по земле, приблизилась к кусту так называемой цесаркиной травы, стала щипать ее и, набравши полный рот, разом проглотила. Заметив наблюдателя, она испугалась и поспешила к дереву, причем не ползла и не бежала, а двигалась вперед небольшими прыжками, несколько похожими на прыжки лягушки: она скоро добралась до дерева, влезла на него и в одно мгновение скрылась в дупле.

Мино считает замечательным то, что циклура и при этих условиях не искала воды, как это делают родственные виды, вообще мало заботилась о ней и даже при сильной засухе не пила. Оба животных, живших в дупле, составляли, очевидно, парочку, так как отличались и по величине, и по окраске. Они жили дружно, но никогда не показывались вместе вне дупла, а всегда по очереди выходили наружу. Негодный мальчишка нарушил наблюдение над циклурами, спрятавшись в засаду около дерева и убил одну ящерицу за другой. Мино анатомировал убитых животных и нашел желудки их наполненными вышеупомянутой травой.

Хотя циклура бежит от человека, если только есть путь к спасению, но в случае нужды умеет защищаться храбро и успешно. Хвост ей служит оружием, которое нельзя считать ничтожным, и она пользуется им с большим успехом. Как все игуаны, она легко приходит в возбуждение и делается очень сердитой, если поставлена в безвыходное положение: надувается, приподнимает спинной гребень, открывает пасть, показывает свои острые зубы, грозно смотрит на своего противника и готовится к удару. Если продолжать ее дразнить, то она быстро оборачивается и ловким боковым движением наносит удар своим хвостом, иногда оборачивается на другую сторону и наносит новый удар. Негры предупредили Гилля об опасности, исходящей от этого животного, и советовали ему держаться подальше от него. Шипы сильного хвоста так остры, что животное может ими нанести очень чувствительные раны. Собакам, которые неосторожно к нему приближаются, сильно достается.

Может быть, вследствие свой пици циклура имеет очень дурной запах, так что даже муравьи ее не трогают и не едят ее мяса, если бросить в муравейник труп этой ящерицы. Кажется, что в Мексике не так усердно за ней охотятся, как за игуанами.

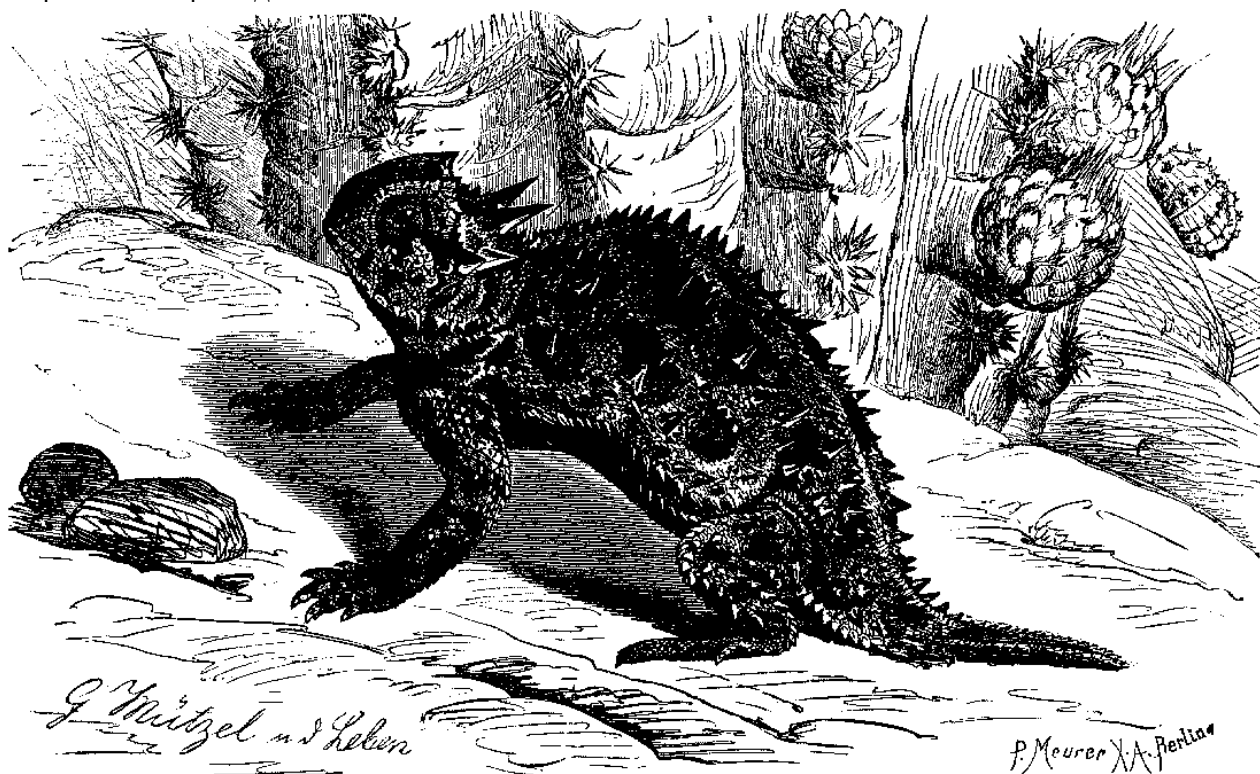
В конце этого семейства мы помещаем род **жабовидных ящериц** (*Phrynosoma*), которые в некотором отношении служат представительницами шипохвостов между игуанами. Это бросающееся в глаза, но безобразное животное, имеющее широкое, плоское, по сторонам складчатое туловище и короткий, у основания толстый хвост; тело покрыто неодинаковыми чешуйками, из которых многие оканчиваются кое-где шипами; на задней части головы находятся костяные крупные шипы, а на крыловидных костях зубов нет. На бедрах всегда замечаются поры.

Род этот состоит из 12 видов*, живущих в Северной Америке и Мексике, а самым известным представителем его считается **техасская жабовидная ящерица** (*Phrynosoma cornutum*), которая

была уже известна Гернандецу и названа им «тапаяксия»; животное это действительно во многом похоже на жабу и, без сомнения, самое неуклюжее из всех игуан.

* Сейчас насчитывают 15 видов рода *Phrynosoma*.

Голова у этой ящерицы очень короткая, неправильно четырехугольная, почти такой же длины, как и вышины, шея короткая, туловище широкое, плоское, округленное, хвост короткий и оканчивается острым конусом. Ноздри находятся на верхней части морды, горло покрыто маленькими одинаковыми килеватыми чешуйками; параллельно щиткам нижней челюсти расположен ряд очень больших шиловидных чешуек. По сторонам рта и на затылке находятся 10 довольно длинных шипов, по бокам тела проходит двойной ряд треугольных шипов, чешуйки верхней части тела большей частью превращены в большие тупые шипы неодинаковой длины; нижняя часть тела покрыта одинаковыми черепитчатыми чешуйками; на шее находится поперечная складка. Во рту замечаются 6 коротких, простых, прямых конических передних зубов и по 18 одинаковых, сжатых с боков, округленных и наверху плоских коренных зубов. Голова спереди красновато-бурая, сзади буровато-желтая, с бурыми пятнами, основной цвет верхней части тела грязно-песочно-желтый; по бокам затылка находится по одному темно-бурому пятну, спина покрыта бурыми пятнами, так как шипы бурые или светло-серые и окружены узким темно-бурым кольцом; нижняя часть тела песочно-желтая, одноцветная или с немногими маленькими бурыми пятнышками. Этот вид, встречающийся только в северной Мексике и в юго-западных Соединенных Штатах, имеет 12-13 см длины, из которых 4 см приходится на хвост.

Техасская жабовидная ящерица (*Phrynosoma covnutum*)

Уже старый писатель Гернандец кое-что говорит об образе жизни этого странного животного, и все прочие натуралисты, посещавшие его родину, также о нем упоминают. Несмотря на это, мы только в последнее время получили более подробные сведения о жизни жабовидной ящерицы на свободе, и обязаны благодарить за это Зумихраста и молодого Уоллеса. Жабовидная ящерица живет как на горах, так и на равнинах северной Мексики, чаще всего на песчаных и солнечных склонах сухой части плоской возвышенности, находящейся в середине этой страны. Здесь она местами встречается очень часто, но ее иногда не замечают, так как землистый цвет ее туловища сливается с окраской почвы. Она мало приспособлена для беганья и потому далеко не так проворна, как другие ящерицы; передвигается она порывисто и потому вовсе не быстро. «Когда видишь, как она с трудом подвигается вперед, — говорит Зумихраст, — то понимаешь, что ей нелегко достается ежедневное пропитание. Ее толстый язык, прилипший к небу, не позволяет ей легко схватывать жуков, находящихся вблизи нее, как это делает хамелеон. Широкое висячее брюшко мешает ей бежать за добычей так, как это делают стройные ящерицы, не может она схватывать муху на лету, что так хорошо удается проворным анолисам. Ей приходится питаться лишь неповоротливыми жуками, которые почти так же плохо бегают, как она сама, и которые, если можно так выразиться, сами пол-

зет в ее пасть. Вследствие этой умеренности в пище, которая зависит от ее организации, туземцы утверждают, что она питается воздухом».

Не имея никаких средств защиты, она дает себя схватить, не делая никаких попыток кусаться. Однако она выражает свое недовольство другим и очень странным способом. Уже Гернандец упоминает, что если схватить жабовидную ящерицу, то у нее из носа и глаз вытекают капли крови, которыми она прыскает на несколько сантиметров; он полагает, что это явление, не замечаемое ни у какого другого пресмыкающегося, происходит от нежности строения ноздрей и глаз. По новому наблюдению молодого Уоллеса, который ничего не знал о сведениях, сообщаемых Гернандцем, однако оказывается, что это прысканье кровью должно считаться средством для защиты. «При известных условиях, — замечает он, — и, по-видимому, защищаясь, ящерица эта брызгает из глаз струей ярко-красной жидкости, очень похожей на кровь. Это я замечал три раза на трех различных экземплярах, хотя я ловил и таких, которые этого не делали. Следует даже заметить, что это прысканье есть явление необыкновенное, и я часто напрасно старался воспроизвести его. Обычно животные эти не прибегают к этому странному способу защиты, если их брать с земли, хотя иногда это и случается; например, я поймал одну ящерицу, которая тотчас же брызнула жидкостью на мою руку на расстояние 15 см, другая делала это, если я держал блестящий ножик перед ее глазами. Я полагаю, что эта жидкость берется из глаз, так как не могу себе представить другого места, откуда ее можно брызгать». Передавая эти сведения, сообщенные двумя очевидцами, я не позволяю себе высказать никакого о них суждения, хотя никак не могу понять, какой силой эта жидкость может быть выдавлена из глаз. Новые исследователи, как Бетхер и Фишер, которые наблюдали это вид жабовидных ящериц или другие сходные, не заметили у них никакого брызганья кровью и считают всю эту историю за басню.

Зумихраст сообщает, что он несколько раз держал у себя этих безвредных ящериц. Обычно они сидели где-нибудь в углу комнаты, и если кое-когда исчезали, то, наверное, их можно было найти в башмаках или в карманах висящего на стене платья. Несколько раз случалось, что когда он клал самок жабовидных ящериц в спирт, то они в эту минуту рождали от 10 до 12 детенышей. Наблюдение это было сделано у другого похожего вида, так что Зумихраст считает себя в праве предполагать, что большинство мексиканских жабовидных ящериц, по крайней мере те, которые живут в высоких и холодных частях страны, рождают детенышей живыми. Шуфельдт получил от сходного вида (*Phrynosoma douglassi*) 24 детеныша и считает, что беременность продолжается около 100 дней.

Жабовидная ящерица попадает теперь довольно часто в клетки наших зоологических садов. Живущие в Мексике немцы с большой готовностью пересылают этих странных животных своим родным и знакомым; они их укладывают, вероятно, по совету мексиканцев, в толстый слой ваты в деревянный ящик и пересылают, как посылку, по почте. Таким образом, они благополучно достигают Европы. Я иногда воспитывал 5 или 6 этих ящериц зараз, но, несмотря на все мои старания, ни одна из них не смогла окрепнуть до такого состояния, чтобы добровольно брать пищу: далекое путешествие и связанное с ним голодание так ослабляло их, что они едва могли двигаться. Они безучастно лежат на живом теле и маленькие глаза их совершенно мутны. Если их толкнуть, то они иногда решаются сделать несколько шагов, но тотчас снова ложатся в то же положение, пока, наконец, по еще более помутившимся глазам не заметишь, что они околели. После этих неудачных опытов, которые повторялись, несмотря на все мои старания, мне было в высшей степени удивительно увидеть совершенно здоровую жабовидную ящерицу, которая без всякого колебания брала пищу, состоявшую из мучных червей и гусениц, и добро вольно двигалась. При этом, к моему большому удивлению, ее сходство с жабами еще более бросалось в глаза. Жабовидная ящерица, о которой идет речь, как только ее сажали на солнце, принимала то положение, которое изображено на нашем рисунке, и старалась убежать. Движения ее сначала состояли из ряда быстро следующих друг за другом неуклюжих, коротких и низких прыжков, совершенно подобных тем, которые свойственны жабам, и только пройдя таким образом некоторое пространство, она решалась бежать, причем, извивая свое неуклюжее тело из стороны в сторону, она передвигала одну ногу за другою, чередуя задние и передние ноги крестообразно. Конечно, она и в таком случае не смогла бы перегнать быстро бегущую обыкновенную ящерицу, но вопреки нашим ожиданиям, бег ее был довольно скор и продол жителей. К сожалению, и эта жабовидная ящерица не долго оставалась в полной силе. Несмотря на заботливый уход, которым она пользовалась, она заметно ослабевала и наконец околела. Ее движения делались медленнее и реже, прыжки прекратились, а через несколько недель она точно так же безучастно лежала на животе, как и те ящерицы, о которых я говорил выше.

Бетхер, который описывает жизнь этих ящериц в неволе указывает на удивительное сходство жабовидных ящериц по внешнему виду и позе с **круглоголовками** (*Phrynoserphalus*), живущими в степях Средней Азии. «Об окраске тела жабовидных ящериц, — говорит Бетхер, — можно только сказать, что животное это по цвету удивительным образом подходит к песчаной почве, на которой живет, причем все выступы, темно окрашенные бугорки и темные точки на теле этих животных вполне согласуются с цветом камушков и крупных песчинок; когда эта ящерица, наполовину зарытая в песок, плотно к нему прижмется, то очень напоминает камбал, которые таким же образом зарываются в песчаное морское дно и тем спасаются от своих врагов.

Жабовидные ящерицы каждый день к вечеру, как только солнце опустится ниже и лучи его не очень сильно греют, постоянно зарываются, распластавшись, в песок, делаются таким образом вполне незаметными и остаются без движения с закрытыми глазами до следующего утра. При зарывании в песок они производят сильные боковые движения, но сначала роют перед собой головой, встряхивая ей кверху; при этом шипы, находящиеся по сторонам головы, оказываются очень полезными. Если песок не очень мягкий, то движения эти делаются с небольшими паузами. Затем передняя часть тела лежит совершенно без движения, а шевелятся только боковые шипы, загребая песок так, что он падает на спину; наконец они начинают двигать в стороны задними ногами и хвостом и таким образом через несколько секунд бывают совсем зарыты в песок, где остаются лежать в течение нескольких часов.

Ноздри этих ящериц точно так же прекрасно приспособлены к необходимому сну в песке, как и шипы по сторонам головы. В пятиугольном носовом щитке на каждой стороне морды находится ноздря, имеющая вид поперечной щели и открывающаяся вниз; она прикрыта круглой кожистой, наверху подвижной пластинкой, похожей на занавеску, которая может плотно закрыть ноздрю и действительно ее закрывает, когда животное зарывается в песок, в чем я лично убедился. Когда утром солнце начинает довольно сильно греть песок, то ящерицы понемногу оживляются, они вылезают из песка и начинают искать себе пищу, двигаясь быстро, почти как мыши. Как уже было замечено, скорость движений этих, по-видимому, столь неуклюжих животных на самом деле поразительна, если только воздух и почва сильно нагреты; однако быстрые повороты и боковые движения им даются нелегко.

Жабовидные ящерицы настоящие дневные или, лучше сказать, даже солнечные животные, которые покидают свое песчаное ложе только тогда, когда солнце находится довольно высоко над горизонтом, а при начинающейся прохладе, следовательно, осенью, уже в 4 или 5 часов снова зарываются в песок. Если их схватить, то они никогда не пробуют кусаться, а лишь стараются освободиться от сжимающих их пальцев, вертятся и двигая своей иглистой головой. При сильном страхе и во время покоя они плоско прижимаются к земле, что, впрочем, также случается, если гладить их палочкой вдоль хребтного столба, особенно в облачные или холодные дни. При скорых движениях и когда солнце сильно греет, они держат спину высоко и приподнимают голову, принимая то положение, которое так хорошо изобразил Мютцель на своем рисунке. Лишь иногда я замечал у них кивание головой, как у африканской агамы, причем это движение, точно так, как зевание у человека, вызывало подражание, так что вторая и третья ящерицы, находящиеся вблизи, также начинали кивать. Проворство у жабовидных ящериц при полном солнечном свете необыкновенно велико, и по живости и подвижности их тогда можно вполне сравнить с нашими обыкновенными ящерицами; они точно так же, как и те, стараются вырваться на свободу из того помещения, где их заперли.

Жабовидная ящерица ест только живых животных и при выборе их очень прихотлива.

Лучшим кормом для нее служат маленькие муравьи* и паучки, а также пауки средней величины; этих животных ящерицы едят охотно, даже с жадностью.

** Многие виды жабовидных ящериц действительно поедают преимущественно муравьев. Такой тип питания называют мирмекофагией.*

Так как они питаются мелкими животными, то количество съедаемой пищи довольно велико. Лишь изредка они едят жуков, именно маленьких черных жужелиц и навозных жучков. Нетрудно приручить этих животных настолько, что они, как ручные квакши, приходят с жадностью схватывать из рук предлагаемого им мучного червяка. Эти ящерицы очень редко долго преследуют добычу; только при сильном голоде или во время сильной жары они могут пробежать за муравьями расстояние до одного фута, обыкновенно они, спокойно сидя, дают им приблизиться, а затем быстро схватывают их движением языка. Если животное сидит смирно и заметит лакомую добычу, то оно, как кошка, начинает махать хвостом, и это служит несомненным признаком, что через несколько секунд оно схватит добычу. Вообще, по моему мнению, живые черные глаза этого животного указывают на то, что зрение у него развито лучше всего.

Слух, по-видимому, менее развит, и только в виде исключения жабовидная ящерица поворачивается, если услышит за собой шуршание бегущего животного. Кажется, что она не пьет регулярно воду, но очень может быть, что иногда слизывает капли росы.

При отправлениях естественных потребностей жабовидная ящерица поднимает хвост выше туловища и, нажимая брюшные мускулы, скребет одной из задних ног назад. Помет состоит из довольно больших темных вальков, образованных главным образом хитиновыми покровами насекомых; моча имеет вид почти сухих белых вальков, которые меньшей величины, чем помет. Моча выбрасывается отдельно от помета и всегда перед ним. Интересно то, что, по исследованиям моего отца, моча эта, как у змей, состоит почти только из одной мочевины. Количество испражнений, согласно довольно обильной пище, значительно, и они выбрасываются довольно регулярно через день».

Семейство поясохвосты

Я здесь пропускаю одно семейство американских ящериц, об образе жизни которых до нас дошли только очень скудные сведения, и после игуан буду описывать поясохвостов. Так называют тех ящериц, по обеим сторонам тела которых проходит складка кожи, покрытая мелкими чешуйками, начинающаяся у передних конечностей и отделяющая спину от брюшка. По внешнему виду они или похожи на обыкновенных ящериц, или имеют змеевидное туловище, вследствие очень длинного хвоста и недоразвития конечностей. Язык всегда простой, и передняя часть его не может высовываться изо рта. На глазах всегда замечаются веки, а барабанная перепонка лежит открыто. Спина покрыта большей частью щитовидными, большею частью килеватыми и расположенными поперечными рядами чешуйками, или чешуйки эти маленькие и имеют зернистую поверхность; голову покрывают правильные щитки.

Некоторые виды этого семейства по внешней форме мало отличаются от обыкновенных ящериц, другие очень похожи на змей. При змеевидном удлинённом и вальковатом туловище конечности расположены друг от друга на большом расстоянии; только у некоторых видов конечности вполне развиты, как у настоящих ящериц, у других они настолько недоразвиты, что имеют вид простых отростков без пальцев, а у одного вида передних конечностей совсем нет, так что эти животные имеют большое сходство со змеями. Череп и у змеевидных видов похож на череп ящерицы, как по сочленению нижней челюсти, так и по приросшим к челюстям зубам. У всех есть грудная кость и таз; веки хорошо развиты, язык короткий, у основания толстый, спереди совсем без выемки или с очень незначительной выемкой, но всегда без чехла; сердце лежит совсем впереди, оба легких развиты одинаково. Все эти признаки связывают этих животных, с одной стороны, с игуанами, а с другой, с веретеницами, и указывают, что, несмотря на внешнее сходство, ящерицы эти в системе должны быть поставлены далеко от змей.

Семейство это, состоящее из 4 родов с 14 видами, населяет тропическую и южную Африку и остров Мадагаскар*.

** В настоящее время к этому семейству относят 10 родов и 65 видов.*

Поясохвосты живут как обыкновенные ящерицы, но те из них, которые похожи на змей, и по образу жизни на них несколько похожи. Движения их быстры, даже у тех, которые имеют недоразвитые конечности; последние двигаются как змеи, может быть, немного медленнее, чем проворные ужи, но довольно грациозно; вообще, эти животные производят приятное впечатление. Некоторые из относящихся сюда видов живут только на ровных местах и могут подниматься разве только по наклонным плоскостям; другие держатся преимущественно на склонах и очень ловко лазают. Ящерицы эти питаются другими животными. Об их размножении мы имеем еще мало сведений и знаем лишь то, что они в этом отношении едва ли отличаются от других ящериц.

К этому семейству относятся **поясохвосты** (*Cordylus*), ящерицы, которые по внешнему виду похожи на агам; туловище у них короткое и плотное, конечностей четыре, голова плоская, треугольная, хвост средней длины и толстый. Спина и верхняя часть шеи покрыты большими четырехугольными чешуйками, расположенными поперечными рядами; нижняя часть тела — большими щитками; на верхней части конечностей замечаются килеватые черепитчатые чешуйки, а хвост покрыт мутовчатыми чешуйками с большими шипами. На челюстях находятся маленькие одинаковые конусообразные, тупые и у основания полые зубы; 7 из них сидят на межчелюстной кости, а на челюстных костях наверху их бывает по 18, а внизу по 20. Округленный плоский язык имеет спереди лишь слабую выемку.

Поясохвост обыкновенный (*Cordylus cordylus*) живет на юге Африки от мыса Доброй Надежды на севере до реки Кунене. Эта ящерица длиной 18 см и с очень изменчивой окраской. У большинства экземпляров спина и хвост грязно-оранжевого цвета голова и ноги светло-желтые,

нижняя часть тела белая; у других верхняя часть тела темно-черно-бурая, а у иных бурая со светлыми полосами.

Кое-какие сведения об образе жизни этой ящерицы дает Смит. Все поясохвосты живут в скалистых местностях, и если им дана возможность выбора, то держатся постоянно на крутых, мало доступных склонах. Здесь они довольно медленно бегают взад и вперед, отыскивая корм и греясь на солнце, пока что-либо их не испугает и не заставит спрятаться в свои норки. Даже если отыскать эти норки, то поймать этих животных нелегко, так как они удивительно сильно прицепляются к камням, и чаще всего в руках остается хвост, а не все животное.

Семейство веретеницевые

Веретеницевые приближаются к предыдущему семейству, от которого отличаются главным образом присутствием на коже костяных пластинок, заключающих в себе неправильные лучевидные и разветвленные каналы, а также тем, что передняя часть языка вдвигается в основную часть, которая имеет вид чехла. У некоторых родов замечается по бокам тела складка кожи, как у поясохвостов, у других ее нет. Зубы у различных видов очень разнообразны и изменяются гораздо заметнее, чем у ящериц других семейств. Между тем как желтопузик по зубам похож на игуану, наша веретеница имеет кривые крючковатые зубы, неплотно приросшие к челюсти, что отчасти напоминает зубную систему змей. Небо может быть совсем лишено зубов, а иногда они замечаются на крыловидных костях, небных и даже на сошнике.

И в этом семействе встречаются животные очень разнообразного вида, от настоящих ящериц с пятипалыми ногами до безногих змеевидных веретениц; но в этом семействе мы замечаем несколько промежуточных форм, у которых туловище постепенно удлиняется, а конечности все менее и менее развиты. По головным покровам веретеницевые значительно отличаются от сцинковых тем, что у них всегда замечается непарный затылочный щиток, которого не бывает у большинства очень похожих на них по внешнему виду сцинковых. От змей веретеницевые отличаются тем же, чем и предыдущее семейство, но следует заметить, что линька происходит иным способом, чем у большинства ящериц, например у сцинковых, именно у всех видов этой группы кожа слезает целиком со всего тела, как у змей.

Все виды этого семейства живут на земле, лишь некоторые виды американского рода *Gerrhonotus* влезают на низкие кусты и наклонно стоящие деревья. Веретеница, как мы знаем, рождает живых детенышей, а представитель одного вида только что упомянутого *Gerrhonotus*, по наблюдениям, однажды положил 17 яиц. Нам известны 7 родов с 45 видами этих ящериц*, из которых большая часть живет в средней Америке и Вест-Индии, причем только немногие виды распространяются на Северную и Южную Америку.

** По современным представлениям, семейство включает 9 родов и около 70 видов.*

Только три вида живут в Европе и по берегам Средиземного моря, а один вид встречается в Гималайских горах и Бирме.

Веретеницевые также питаются исключительно животными: мелкие виды довольствуются насекомыми, пауками, мокрицами, слизнями, червями и тому подобным, а крупные виды, кроме вышеупомянутых животных, нападают и на позвоночных, преимущественно на пресмыкающихся; некоторые из них оказываются полезными уничтожением ядовитых змей. Многие из этих ящериц очень хорошо переносят неволю: они неприхотливы, мало чувствительны к изменению внешних условий, довольствуются простой пищей и выживают, при не очень сильно изменяющейся температуре, по целым годам в террариумах. Они привыкают к своему воспитателю, не отличаются никакими дурными наклонностями и оказались бы очень полезными у нас в домах истреблением вредных насекомых, если бы возможно было им позволить гулять свободно по нашим комнатам.

Паллас открыл в тенистых оврагах приволжских степей большую веретеницу, которую тамошние жители называли желтопузиком; позднее он ее нашел на берегах рек Терека и Сарпы; другие натуралисты находили ее в Венгрии, Истрии, Далмации, Греции, Малой Азии, Сирии, Персии, в Закавказье, за Каспийским морем и в Туркестане. В Марокко ее заменяет другой, гораздо ярче окрашенный вид. Эрбер чаще всего находил ее в Далмации, особенно у озера Баканьяца около Цары. Любимым местопребыванием желтопузика служат густо заросшие кустами долины, где он находит отличные места для скрытых убежищ, так что его трудно заметить, несмотря на его крупный рост; при приближении человека он постоянно старается скрыться, сознавая свою беспомощность. Все натуралисты, наблюдавшие его, расточают ему похвалы. Это одно из самых полезных пресмыкающихся, так как желтопузик питается обыкновенно вредными животными. Главная его пища — мыши и улитки, причем, по словам Эрбера, последних он глотает со скорлупой*; он нападает также

на гадюк, убивает и съедает их, не обращая внимания на яд, который действует убийственно на других пресмыкающихся.

** Желтопузик способен не только как веретеница извлекать тело моллюсков из раковины, вытаскивая его оттуда зубами при опоре концом морды о раковину, но и просто разбивая раковины о камни.*

Когда Эрбер однажды посадил в одно помещение желтопузика и гадюку, то оба животных сейчас же приняли оборонительные позы, между тем, как к другим змеям гадюка относилась равнодушно. Так как у Эрбера был всего один желтопузик, то он не захотел им рисковать и вынул его из клетки, но позднее, как видно, он производил другие опыты, так как указывает нам на желтопузика, как на одного из лучших истребителей гадюк. Несмотря на то, что желтопузик оказывается очень сильным хищником**, к человеку он относится с таким добродушием и спокойствием, что заслужил любовь всех тех, кто содержал его в неволе.

** * Желтопузик один из немногих видов, который может питаться даже падалью.*

Он никогда не кусается, и потому с ним можно обращаться совершенно спокойно, при продолжительной неволе он до известной степени привязывается даже к своему воспитателю, и Эрбер думает, что он мог бы сделаться полезным домашним животным.

От других ящериц он отличается своею живостью: он постоянно в движении, красивыми изворотами двигается без перерыва в своей клетке, высовывает язык и самым тщательным образом исследует каждую щель, каждое отверстие между камнями и мхом. Если его пустить гулять по комнате, то он тотчас же начинает охотиться за насекомыми и пауками и особенно полезен тем, что истребляет массу тараканов и прусаков, отыскивая их во всех щелях и даже в печных трубах.

Гюнтер еще раньше Эрбера обнародовал свои наблюдения о жизни желтопузиков в террариуме для змей Лондонского зоологического сада. «В одном помещении павильона, устроенного для змей, живут пресмыкающиеся, которые, по-видимому, лучше всего здесь себя чувствуют, так как температура помещения им вполне благоприятна: здесь я разумею четырех желтопузиков. Это самые прожорливые из всех живущих там пресмыкающихся. Чтобы их вызвать из песка или из-под ковра, где они обыкновенно прячутся, достаточно самого незначительного шума. Они тотчас высовывают головы, осматриваются своими живыми глазами, чтобы узнать, не наступило ли время кормления. Если им показать какой-либо белый предмет, который они издали могут принять за белую мышку, служащую обыкновенно для них кормом, то они тотчас же приходят в возбуждение и приползают, тесня друг друга, если встретятся по дороге. Однако их кормят только раз в неделю.

так как разом они съедают много, и я никогда не видал ни одного из них совершенно сытым. Они бросаются на руку сторожа, который держит около дюжины мышат или птенцов, и вырывают их у него силой прежде, чем он успеет их бросить. При этом случается, что одну мышку схватят два желтопузика и ни один не хочет уступить ее другому: один ее тащит направо, другой налево, один приподымается, чтобы тяжестью своего тела выхватить мышку из пасти товарища, но напрасно; они дергают мышку до тех пор, пока не разорвут ее на две части, и каждый поспешно глотает доставшийся ему кусок. Но из-за этого спора желтопузики многое потеряли, так как прочие их товарищи успели съесть все остальное. Если один из них еще не успел совсем проглотить свою добычу и часть ее торчит изо рта, то другие преследуют его, и снова начинается спор, который иногда ведется даже между тремя желтопузиками. После того, как все съедено, они еще долго ползают по клетке и ищут, не осталось ли чего съедобного, и приподымаются по стеклянной стенке, глядя на сторожа, который иногда по просьбе зрителей бросает им еще что-нибудь. Зрелище это довольно похоже на кормление щенят или лисят, которым разом бросают одну добычу, и если бы природа дала желтопузикам голос, то они, наверное, при этом стали бы лаять или пищать. Они, впрочем, хватают свою добычу целиком, как другие ящерицы, сильно кусают, чтобы разломать кости, а затем разом проглатывают».

Прочитав до тех пор мне неизвестные вышеизложенные сообщения Гюнтера, я пожелал иметь более подробные сведения об этом животном и обратился к Эрберу, прося его сообщить мне свои собственные наблюдения. В ответ на это я получил нижеследующее описание, в котором мы в первый раз находим точные сведения о жизни желтопузика на свободе.

"Желтопузик точно так же интересен на свободе, как и в клетке, и вследствие своей доверчивости, безвредности и полезности может быть причислен к моим любимцам. Если часто подходить к его клетке, то можно настолько его приручить, что он позволяет себя брать в руки без всякого страха. Единственное средство защиты, которым он пользуется против человека, это его задний проход, чем он похож на обыкновенного ужа. Когда его схватывают, то он так ловко извивает свое, по-видимому, столь твердое Тело, что всегда сумеет с головы до ног опрыскать человека своим

ужасно вонючим пометом. Этим, однако, он и довольствуется, так как, по совершенно непонятной причине, никогда не употребляет в дело против человека свои очень сильные зубы. Когда видишь, как он на свободе со свойственной ему обыкновенно быстротой ловит песчаную гадюку и совершенно легко ее раскусывает пополам, то кажется очень удивительным, что он не пользуется силой своих челюстей для защиты от человека; но мои собственные наблюдения показали, что в борьбе с человеком он никогда не кусается.

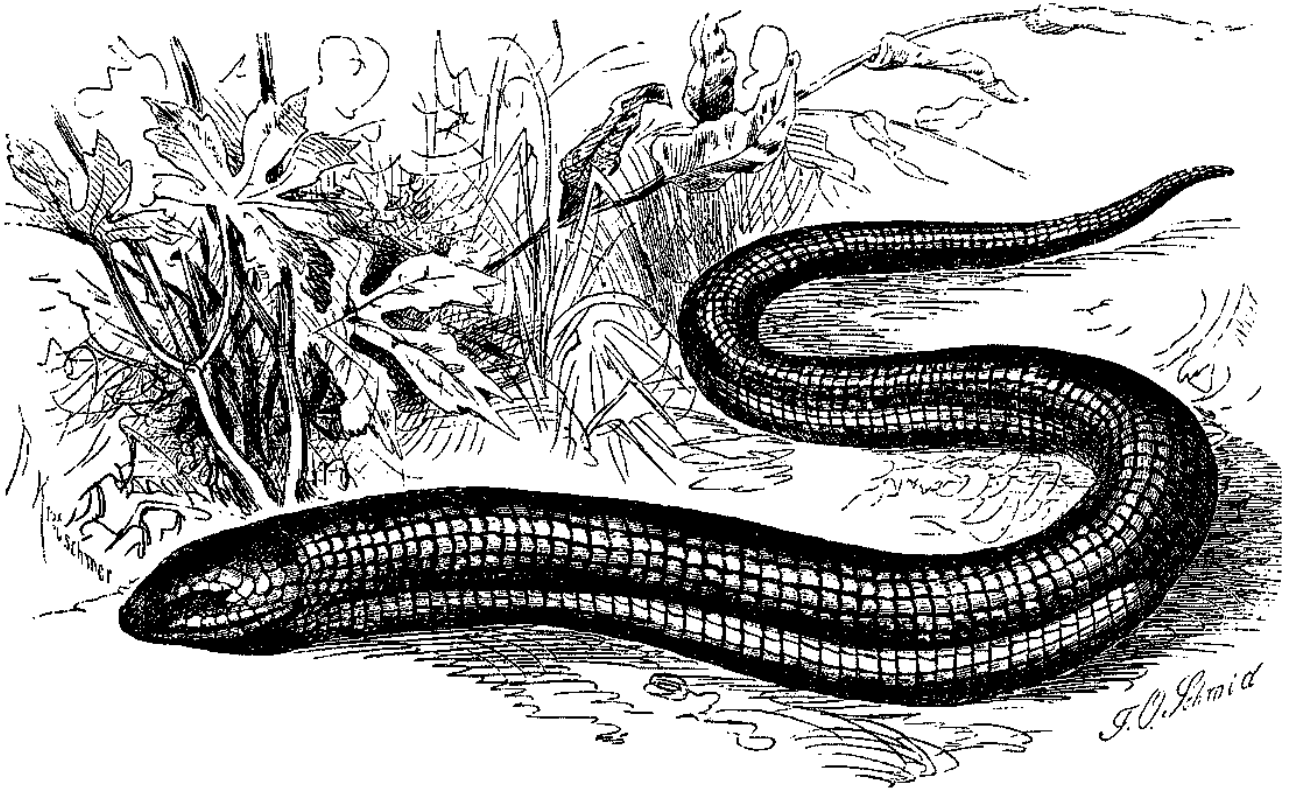
В высшей степени интересно видеть, как желтопузик ловит и убивает мышь или крота. Как только он захватил подобную добычу, он начинает с удивительной быстротой вертеться, пока схваченное животное не потеряет сознание и не сможет от него ускользнуть. Тогда он раздавливает ему голову и начинает есть. На это требуется много времени, так как он глотает ее по кускам, и зубы его не настолько остры, чтобы он мог разом прокусить кожу и сухие жилы. Для ящериц он очень опасный сосед, так как он откусывает у них хвосты и проглатывает их; остальные части тела ящерицы, по-видимому, ему не нравятся.

Половое возбуждение у желтопузиков очень сильное: во время спаривания они забывают обо всем вокруг и не разъединяются даже, если их в это время поймают. Спрятавшись, я однажды наблюдал, как самец во время спаривания хватал зубами все окружающие предметы. Вследствие крупных и иглистых мужских половых органов, животные так тесно соединены при спаривании, что их до окончания этого акта нельзя разъединить, не повредивши половых органов. Яйца кладутся под густые кусты и слои сухих листьев, где и взрослые животные охотнее всего держатся. Детеныши по окраске совсем непохожи на взрослых и, кажется, приобретают внешний вид своих родителей только через несколько лет. Хотя я не вполне уверен, что могу делать точные выводы, основываясь на росте моих пленных желтопузиков, но мне кажется, что я не ошибусь, допуская, что эти животные могут прожить 40-60 лет*.

** Не исключено, что эти цифры несколько завышены.*

Последнее время я держал у себя многих желтопузиков и могу почти во всем подтвердить прекрасные наблюдения Гюнте ра и Эрбера. Только движения этих животных мне не показались столь изящными, как их описывает Эрбер. По моему мнению, желтопузику недостает гибкости змей и проворства ящериц, и движения его, что заметил также Лейдиг, довольно неуклюжи, а извороты коротки и круты. Считаю необходимым добавить, что больших и маленьких желтопузиков можно держать вместе без всякого для них вреда, так как сильные никогда не обижают и не съедают слабых.

Желтопузик (*Pseudopus apodus*) относится к роду **панцирных веретениц** (*Pseudopus*) отличается следующими признаками: туловище змееобразное, длинное, вальковатое, с боков несколько сплющенное, почти такой же толщины, как шея; голова заметно отделяется от туловища, четырехугольная, почти такой же длины, как и вышины, морда удлинённая и остроконечная, хвост по длине равняется половине туловища, тонкий и на конце заострен. От передних конечностей не осталось и следа, а задние конечности имеют вид коротких отростков. Глаза имеют круглый зрачок, и хорошо развитые веки, уши очень заметны, имеют вид маленьких продольных щелей. Голова покрыта плотно прилегающими к костям щитками, которые по форме, положению и числу очень похожи на головные щитки веретеницы; туловище покрыто костистыми, более или менее ромбоидальными, друг за другом рядами расположенными чешуйками; чешуйки верхней части тела килеватые, а на нижней — имеют на задней части острые и гладкие, кроме тех, которые находятся на хвосте. По сторонам тела очень заметна боковая складка, которая начинается за ушами и оканчивается около заднего прохода. Во рту замечаются тупые, толстые, круглые зубы, которых в верхней челюсти насчитывают 28, а в нижней 26. Анатомирование указывает, что желтопузики в значительной степени похожи на других ящериц, но по некоторым признакам имеют сходство и со змеями, например, у них одно легкое сильно развито, а другое гораздо меньше.

Желтопузик (*Pseudopus apodus*)

Обычно окраска тела грязно-красно-бурого или темно-соломенно-желтого цвета, причем голова окрашена несколько светлее. Старые экземпляры после линяния бывают сверху темно-медно-красные с зеленовато-красной головой. Молодые по серому фону имеют темно-бурые пятна и поперечные полосы; подобные же темные Поперечные полосы заметны и по сторонам головы. Длина тела 1,1 м, из которых 65 см приходится на хвост; отростки, заменяющие задние ноги, имеют около 1 см длины.

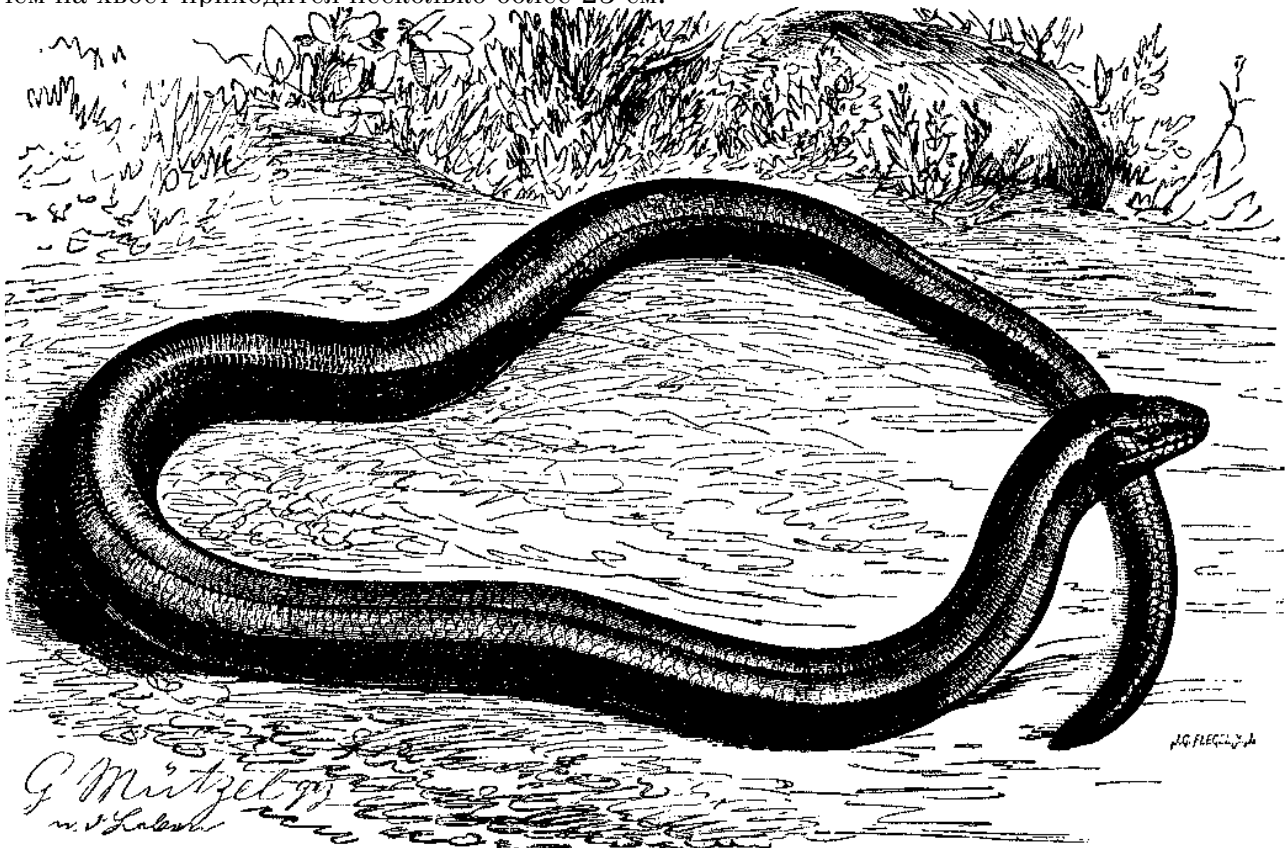
Настоящие **веретеницы** (*Anguis*) отличаются следующими признаками: по бокам тела нет складки, передних и задних конечностей вовсе не видно, барабанная перепонка маленькая и большей частью мало заметная, тело покрыто маленькими, шестиугольными, гладкими и блестящими чешуйками, которые по бокам тела расположены поперечными рядами, а на голове превращаются в более крупные щитки; скелет похож на скелет ящерицы, зубы длинные, тонкие, загнутые крючком и острые, на небе зубов нет, язык плоский, довольно широкий и спереди с небольшой выемкой; оба легких развиты одинаково. Главным представителем этого рода служит наша **веретеница ломкая** (*Anguis fragilis*)*.

* В народе веретеницу раньше и часто до сих пор именуют медяницей. Однако сейчас медянкой называют не безногую ящерицу, а змею рода *Coronella* (семейство *Colubridae*).

Верхняя часть тела обыкновенно окрашена красивым свинцово-серым цветом, переходящим по бокам в красновато-бурый, а на животе в голубовато-черный; кое-где заметны иногда желтовато-белые точки, но едва ли можно найти двух веретениц, которые были бы вполне похожи друг на друга по окраске. Ленц уверяет, что он однажды за полчаса поймал 33 веретеницы на пространстве в 600 шагов и между ними не нашел двух веретениц, которые были бы одинаково окрашены. Очень старые экземпляры имеют на верхней части тела большие или маленькие синие пятна или точки, расположенные продольными рядами; молодые животные сверху серебристо-белые, а внизу черные, и у них на спине заметна или одна широкая, или две узких черных полосы; самец по цвету не отличается от самки, но оба пола способны изменять свои цвета. Лейдин, например, поймал молодых веретениц, у которых на белой спине с черными полосками в течение первой ночи в неволе появились две слабые новые полосы; он наблюдал также, что каштаново-бурая окраска спины иногда переходила в желто-бурую, ограниченную по бокам двумя буроватыми продольными полосками; он также видел, что некоторые экземпляры теряли свою красивую окраску, а потом снова приобрели**.

** Молодые веретеницы, так отличаются от взрослых по окраске, что в конце XIX века их выделили в самостоятельный вид, не поняв, что это всего лишь детеныши *Anguis fragilis*.

Радужная оболочка глаза желтовато-красная. Взрослые экземпляры достигают 43 см длины, причем на хвост приходится несколько более 23 см.

Веретеница ломкая (*Anguis fragilis*)

Веретеница ломкая живет по всей Европе от южной Швеции до Греции и Испании, кроме того, на Кавказе и в Грузии, а также по всей западной Азии; она встречается повсюду на равнинах, как и на высотах, даже в горах до 1450 м вышины; на сырых местах она встречается чаще, чем на сухих, однако попадается в различных местностях, чаще всего в буковых лесах, почва которых покрыта густым кустарником и высокой травой и где на земле валяется много камней. В северной Африке ее нет. Смотря по условиям местности она устраивает себе жилище в различных укромных уголках. В мягкой земле она роет более или менее глубокую норку; там, где много травы или мха, она прячется между растениями, в кустах под корнями их, на каменистых местах под плоскими камнями, которые, по-видимому, ей особенно нравятся. Так как она не боится муравьев, то часто живет с ними вместе под камнями и встречается даже в муравейниках, причем беспокойные жители их, которые нападают на всякое животное, ее не трогают.

В середине или конце октября веретеница забирается в естественные или ею самой выкопанные норки под землей, чтобы там предаться зимнему сну. Все те зимние убежища, которые исследовал Лейдиг, по положению своему были очень тщательно выбраны и не только отверстиями своими направлены на юг, но также хорошо защищены от северного и восточного ветра. Животные эти часто сами себе выкапывают норки, буравя землю головой. Иногда их находишь в очень узких норках на 7-30 см глубины, иногда же в более широкой кривой норке, имеющей до 1 м длины, причем отверстие изнутри заткнуто землей и травой; большей частью тут их находишь от 20 до 30 штук, совершенно окоченевших, причем некоторые свернуты, другие сплетены по нескольку штук вместе, а иные просто вытянуты. У выхода лежат всегда молодые экземпляры, затем следуют более крупные, а на самом дне норки всегда лежит старый самец или старая самка. Однажды Лейдиг нашел медянку, врага всех более слабых ящериц, в зимнем убежище веретениц*.

* Известны совместные зимовки веретениц с земноводными и гадюками.

Все они при холодной погоде лежат без движения в глубоком оцепенении, но оживляются, если их постепенно перенести в более теплое место. Те 20 штук, над которыми делал наблюдение Ленц при 1,5-2° Цельсия, были довольно неподвижны, но все-таки шевелились, если их трогали; некоторые из них даже поползли, когда их снова положили в их ящик. Веки у всех веретениц были совершенно закрыты, и только две из них немного открывали глаза, когда их брали в руки; если их насильно открывали веки, то они при первой возможности сами их закрывали. Когда температура понизилась до 3° холода, то все они улеглись в отрубях, находящихся в ящике, в полном оцепене-

нии; однако ни одна из них не замерзла, между тем как некоторые настоящие змеи, находившиеся в том же помещении, околели от холода. Впрочем, при более сильных морозах веретеницы также умирают. Весной при хорошей погоде они выходят из своих норок уже в середине марта.

Веретеница ломкая питается почти исключительно голыми слизнями и земляными червями; при случае она хватается также гладкую гусеницу, но не в состоянии овладеть быстродвигающимся животным. За находящейся в неволе веретеницей Ленц наблюдал, как она медленно подползает к брошенному ей червяку, обыкновенно его ощупывает сначала языком, затем открывает пасть и схватывает жертву. Червяк вьется, насколько хватается сил; веретеница ждет, пока он умается, а потом медленно глотает его, поворачивая голову то направо, то налево и постепенно захватывая все дальше и дальше червяка своими зубами. Она возится 5-6 минут над одним червяком, пока, наконец, его проглотит, но за один раз ей достаточно одного большого червяка или двух средней величины*.

** Сейчас собраны оригинальные сведения о питании веретениц. В частности, не раз наблюдали, как две веретеницы, схватившие одного червя с двух концов, разорвали его пополам, вертясь вокруг своей оси в противоположных направлениях. Упираясь мордой в основание раковины моллюска и постепенно перехватывая челюстями его тело, веретеницы достаточно легко извлекают моллюска из раковины. Любопытно, что однажды в желудке веретеницы длиной 29 см обнаружили восемнадцатисантиметрового ужомка.*

Воду она пьет очень часто и таким же способом, как ящерицы.

Хотя случается, что она и днем схватит находящуюся перед ее мордой добычу, но обыкновенно отправляется на охоту только в сумерки. Днем она лежит, как другие пресмыкающиеся, по целым часам на солнце, прижав голову к земле, и, по-видимому, очень хорошо себя чувствует, когда солнце ее сильно греет. Однако в очень жаркие, сухие дни она редко выходит из своей норки, но всегда вылезает, если собирается дождь. «Когда веретеница ползает рано утром, — замечает Лейдиг, — это всегда означает, что произойдет перемена погоды, т.е. пойдет дождь». Гредлер также считает веретеницу верной предсказательницей погоды и замечает, вероятно совершенно справедливо, что ее появление перед переменной погодой или во время этой перемены имеет связь с тем, что дождевые черви, ее обыкновенная добыча, в это время приближаются к поверхности земли.

Движения веретеницы медленны и мало похожи как на движения ящериц, так и на движения змей. Вследствие того, замечает Лейдиг, что кожа ее покрыта известковыми щитками, движения ее не происходят в виде крутых волнистых линий, как это очень часто замечается у змей, но при обыкновенных условиях она извивается по почве очень пологими дугами. Тело ее только тогда образует более крутые повороты, когда ей приходится прокладывать себе дорогу через камни или в густой чаще растений; но и эти повороты довольно неуклюжи, если их сравнивать с движениями змей. С горы она ползет довольно скоро, на ровном месте так медленно, что человек, идущий тихими шагами рядом, легко перегоняет ее, а на гору она ползет совсем медленно. Если ее положить на гладкое стекло, то ей очень трудно сдвинуться (места, но мало-помалу она, однако, подвигается вперед, учащая свои боковые извороты. В воду она добровольно не идет, но если же ее туда бросить, то она очень ловко плавает, извивая тело в сторону и обыкновенно приподняв голову над поверхностью воды; случается, что она плывет и на спине, но, во всяком случае, она старается как можно скорее выбраться на сушу.

Из ее внешних чувств, очевидно, лучше всего развито зрение, и совершенно непонятно, почему немцы называют ее слепой (Blindschleiche). У нее два хорошеньких глаза с золотисто-желтой радужной оболочкой и черным зрачком, которыми она очень хорошо видит. Гредлер сомневается в остроте их зрения, так как никогда не замечал, чтобы находящиеся в плену веретеницы бросались на корм, если его держать прямо перед ними на некотором расстоянии, но признает, что молодые веретеницы на довольно большом расстоянии замечают приближение руки даже сквозь стеклянные стенки террариума, и вообще он не приводит никаких доказательств того, чтобы это животное, имеющее два хорошо развитых глаза, худо видело.

Но видит ли веретеница при ярком солнечном свете — это другой вопрос: желтовато-красный цвет радужной оболочки не говорит ничего ни за, ни против, но неуверенные движения животного при солнечном свете указывают на то, что днем она видит плохо. Опыты над пленными веретеницами свидетельствуют, что слух их почти так же хорошо развит, как и зрение, однако определенное заключение об этом сделать трудно. Точно так же трудно сказать что-либо определенное о развитии прочих внешних чувств, кроме осязания, но об обонянии и вкусе мы решительно ничего сказать не можем. Лейдиг, по-видимому, имеет высокое мнение о понятливости веретеницы. Ее поведение во многом отличается от поведения ящериц. «Прежде всего, она действует гораздо

спокойнее и обдуманнее, чем эти последние, причем не мешает заметить, что полушария большого мозга в сравнении со средним мозгом у веретеницы заметно больше, чем у ящерицы». Она вовсе не пуглива и не выказывает никакой хитрости, но старается освободиться от врагов, и если ее схватить, то она начинает страшно извиваться, причем почти всегда теряет кусок своего хвоста. «Пока отломанный кусок, — говорит Ленц, — сильно шевелится и бывает тотчас схвачен хищником, — сама веретеница всегда находит возможность улизнуть, что можно легко наблюдать, если кормить различных хищников веретеницами». Обыкновенно она позволяет себя поймать, не пробуя защищаться, но изредка употребляет в дело и свои зубы, чем, однако, не может испугать никакого противника. Со временем она приучается к изменившимся условиям, т.е. к своему террариуму и воспитателю. «Если она привыкнет к человеку, — говорит Ленц, — то очень охотно допускает, чтобы ее брали в руки, очень ловко проскальзывает головой или хвостом между пальцами, как будто ища себе места, чтоб спрятаться». Она хорошо уживается с различными змеями, лягушками и ящерицами и, по-видимому, очень довольна, когда никто на нее не нападает.

Веретеница очень живуча, точно так, как и другие пресмыкающиеся, и может голодать по целым месяцам. Табачный сок, который легко убивает змей, ей мало вредит. Ленц давал двум веретеницам по 3 дня сряду табачного соку; они сначала были точно опьянены, но скоро поправились. Другой веретенице силой влили в рот нефти; она после этого была очень беспокойна и так сильно завертелась, что обломала себе хвост, но вовсе не была ошеломлена и осталась живой.

"Веретеницы рожают живых детенышей, как ужи, что доказано многими наблюдениями», — говорит старый Геснер о размножении этих животных. По-видимому, веретеница не приступает к размножению раньше четвертого года своей жизни, так как Ленц находил зрелые яйца только у вполне выросших экземпляров. Спаривание происходит в мае и, по словам Мейера, совершается как у ящериц: самец так сильно схватывает самку зубами за затылок, что даже повреждает ей чешую на этом месте. Затем он приближает заднюю часть тела к заднему проходу самки и, оплодотворивши ее, лежит несколько часов рядом, не свиваясь, однако, с ней.

Детеныши рождаются во 2-й половине августа или в 1-й половине сентября; яйца кладутся с промежутками в несколько минут, и детеныши тотчас выскальзывают из тонкой прозрачной кожицы яиц. Только что вылупившиеся детеныши имеют беловатый цвет, переходящий на голове и животе в синеватый, вдоль спины проходит синеватая линия. Ленц говорит, что получил от пленной самки до 100 детенышей, которые, однако, все околели с голоду в течение 1-6 недель. Другие любители, например Эрбер были счастливее, и им удалось воспитать маленьких веретениц, но это действительно нелегко, так как детеныши могут есть только самых маленьких и нежных насекомых, а их не всегда легко, достать. Взрослые веретеницы обыкновенно тотчас же берут корм, когда пойманы, и потому их без затруднений можно держать в неволе по несколько лет. Они чувствуют себя вполне хорошо в террариуме, наполненном отчасти землей, отчасти камнями и мхом, и наблюдать их в таком помещении очень интересно, так что содержание их можно рекомендовать всякому.

Еще и в наше время веретеница у простого народа считается за змею, потому полагают, что она очень ядовита, и вследствие этого ее беспощадно преследуют и без всякой жалости убивают, где только ни увидят; между тем как, напротив, ее следовало бы щадить и даже разводить, особенно в садах. Что она неядовитая, знали уже древние, и Геснер говорит очень ясно, что укусы веретеницы неядовиты и даже не вредны, однако он рассказывает почти те же самые истории, которые и теперь повторяются итальянцами о трехпалом халциде. «Если скот, например быки и коровы, лягут на веретеницу и раздражат ее тяжестью своего тела, то она кусается, отчего происходит гноящаяся опухоль. Если это случится, то укушенное место следует вскрыть ланцетом или другим острым орудием, а затем нужно развести мел или сукновальную глину в уксусе и помазать этим рану». Геснер говорит и о пользе веретеницы, но не о том, что она полезна истреблением вредных животных, а о том, что она употреблялась тогдашними шарлатанами для их лекарств, что, впрочем, может быть, и поныне еще случается. «Некоторые, — продолжает он, — приготавливали спирт из веретениц, и во время чумы прибавляли его в потогонное питье, причем 2 или 3 приема этого лекарства сохраняли людям жизнь». Большинство простого народа, однако, ныне уже бросили эти взгляды, но сохранили еще мнение о ядовитости веретеницы, в чем их поддерживают, впрочем, многие из образованных людей.

Семейство ядозубы

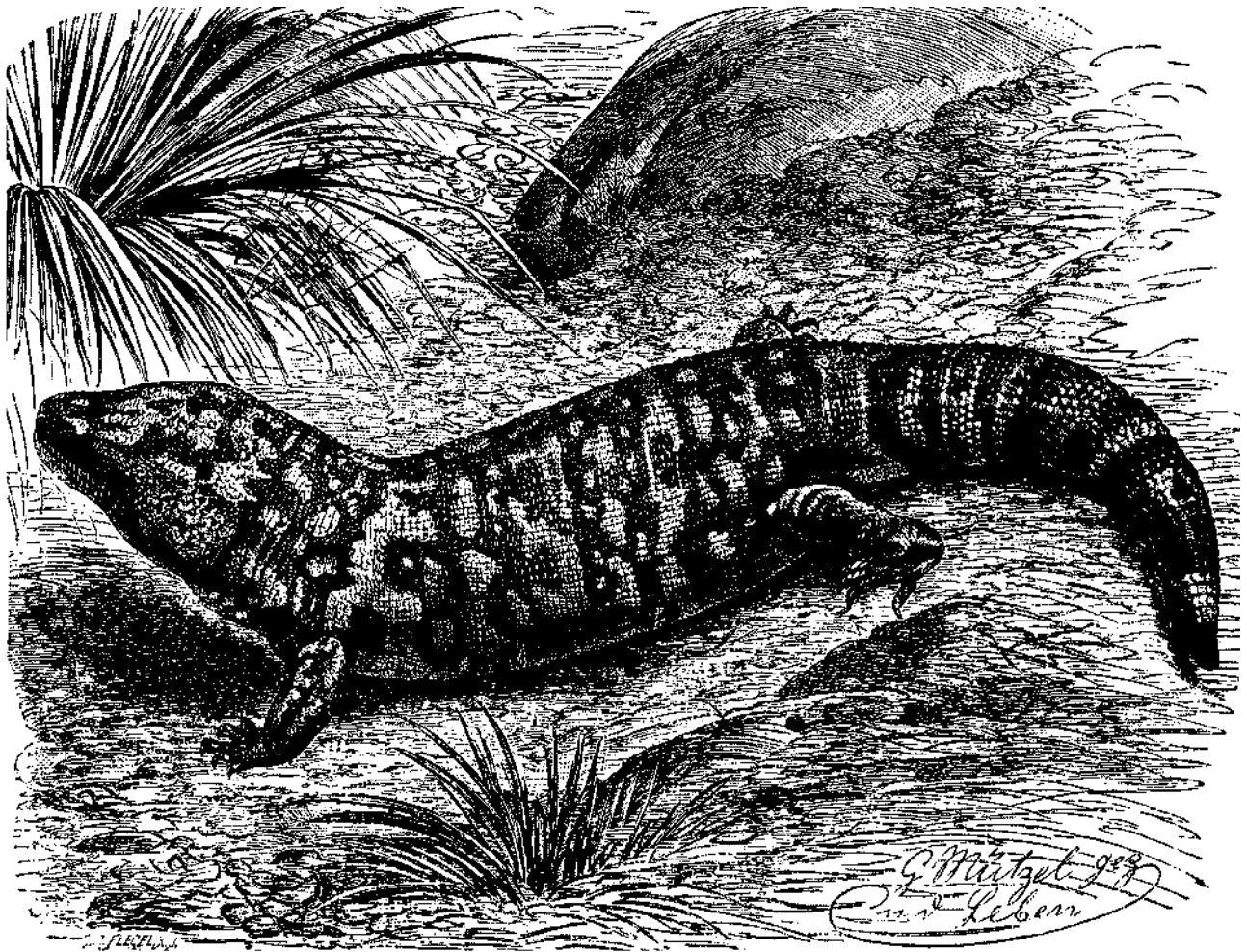
Одна ящерица, известная еще старому путешественнику Хернандецу, замечательна тем, что по строению зубов она похожа на так называемых ложных ужей, которые могут быть отчасти причислены к ядовитым змеям; этим оправдывается всеобщее убеждение туземцев, что эта ящерица ядовита. Действительно, это единственная ящерица, от укуса которой человек может умереть.

Эскорион (*Heloderma horridum*), называемый мексиканцами **толахини**, служит представителем особого рода **ядозубов** (*Heloderma*) и даже особого одноименного семейства. Род этот включает в себе только два вида, живущих в Мексике и в соседней с ней юго-западной части Соединенных Штатов. Тело у ядозуба плотное, хвост цилиндрический и длинный, третий и четвертый пальцы передних и задних ног длиннее других, барабанная перепонка заметна. Тело покрыто чешуйками, расположенными поперечными рядами и имеющими вид бородавок; язык разделяется спереди на два коротких гладких острия и вообще похож на язык веретениц. Зубы загнуты крючком, как у змей, у основания несколько утолщены, довольно неплотно прикреплены к внутреннему краю челюстей и у корня не имеют внутренней полости*.

** В отличие от змей, обладающих парой наиболее крупных ядовитых зубов на верхней челюсти, у ядозуба все зубы ядовиты. Боль после укуса может длиться до 8 часов, хотя уже через 15 минут проявляется опухоль, наступает головокружение, учащается дыхание. Яд ядозуба поражает центральную нервную систему. Выпавший или сломанный зуб ядозуба достаточно быстро заменяется новым.*

Взрослый ядозуб достигает в длину 60 см. По строению скелета он ближе всего подходит к веретеницам, а по внешнему виду напоминает варана и амейву, но гораздо неуклюжее их и заметно отличается толстым, круглым хвостом. На верхушке плоской, спереди тупой головы замечаются возвышенные окостеневшие бородавки; туловище и прочие части тела покрыты бородавчатыми чешуйками, похожими на бисер, почему кожа на ощупь кажется неровной и шероховатой. На передней и задней части конусообразных острых зубов замечаются ясные продольные бороздки. Окраска этого очень бросающегося в глаза животного похожа на окраску нашей саламандры. Верхняя часть тела имеет темно-бурый цвет и покрыта небольшими, но очень различными, в зависимости от возраста и разновидности животного, пятнами желтовато-белого, оранжево-желтого и красновато-бурого цвета; на хвосте много желтых полос, нижняя часть тела рогового бурого цвета с желтоватыми пятнами.

Короткое и необстоятельное описание, составленное Демпе, в новейшее время в значительной степени дополнено Зумихрастом. По словам вышеназванного натуралиста, эта странная ящерица живет на западном склоне Кордильер до самого Тихого океана, и только в сухих местностях; добровольно она, кажется, никогда в воду не ходит. Это ночное животное, которое двигается медленно и тяжело, а в старости или во время беременности, тащит с трудом свое брюхо по земле. Днем ядозуб прячется в вырытые им самим норки под корнями деревьев или под упавшими листьями и лежит там неподвижно, свернувшись. Вечером он вылезает из своего убежища и охотится за всякими мелкими животными: бескрылыми насекомыми, земляными червями, многоножками, маленькими лягушками и т. п., которых он схватывает на лесных тропинках; он вырывает также яйца игуан и даже не пренебрегает гниющими животными веществами. Его чаще всего можно встретить в дождливое время года, реже всего — от ноября до июня; из этого можно заключить, что в сухое и жаркое время года, соответствующее нашим зимним месяцам, он впадает в спячку, как многие другие пресмыкающиеся в средней и Южной Америке.

Экорпион (*Heloderma horridum*)

Если ядозуба раздражить, то у него изо рта течет беловатая клейкая слюна, выделяемая очень развитыми слюнными железами около нижних челюстей; при этом он издает глухое шипение. Фишер посредством анатомического исследования убедился, что ядозуб действительно принадлежит к ядовитым животным; бороздчатые зубы и строение нижнечелюстных желез отчасти это подтверждают. В новейшее время доказаны также вредные последствия укуса этой ящерицы. При этом вовсе не имеется в виду мнение туземцев, которые считают укус ядозуба гораздо более опасным, чем укус самых страшных ядовитых змей. Зумихраст сделал несколько опытов, которые, несомненно, доказывают ядовитость этого животного. Он дал возможность молодому и довольно истощенному ядозубу укусить курицу в бок, и та скоро умерла с явными признаками отравления. Укушенная за заднюю ногу здоровая кошка сильно захворала, ослабела и выказывала признаки сильной боли; однако потом она выздоровела, но осталась худой и бесчувственной. Эти наблюдения над птицами и млекопитающими дополняются опытом, сделанным Штейном над самим собой и переданным нам Фишером. Самый большой из двух экземпляров ядозуба, над которыми Фишер производил свои анатомические исследования, одно время жил в неволе у Штейна в Мексике и укусил натуралиста за палец, когда тот переносил ядозуба из одной клетки в другую. Палец и вся рука распухли при сильных болях, и во всем организме заметно было болезненное состояние. Еще долго после этого кожа руки имела вид сухого желтого пергамента.

Из вышесказанного можно с некоторой достоверностью заключить, что туземцы справедливо приписывают ядозубу ядовитые качества, хотя несомненно, что укус его только в редких случаях причиняет человеку смерть. Начиная с 1881 года Шуфельдт, Буланже, Фэйрер, Мютцель, Рейхерт, Гарман, Тридуэль и Ярау производили опыты над этим животным, причем некоторые подтверждали его ядовитость, а другие отрицали ее. Все эти опыты в сложности доказывают, что ядозуб и родственный ему вид (*Heloderma suspectum*) единственно действительно ядовитые ящерицы и что укусы их в несколько минут убивают маленьких животных, например лягушек и голубей; на человека они действуют очень вредно, хотя и не смертельно*.

* Смертельной дозой яда ядозуба для мышей считается 10 мг сухого вещества на 1 кг веса жертвы, а для змей — около 400 мг. К собственному яду ядозубы не чувствительны. Специа-

листы не заметили каких-либо изменений в поведении ядозубов после введения им их собственного яда в дозе, смертельной для 45 крупных кроликов.

В неволе часто держали ядозубов, которые клали яйца; они представляют собой очень непривлекательных животных. По словам Циперлена, ядозуб лежит весь день неподвижно, четыре раз в год линяет и еженедельно съедает 3-4 сырых куриных яйца. По-видимому, он ведет ночной образ жизни, но этот натуралист не замечал, чтобы ядозуб зарывался в песок, как утверждают другие наблюдатели. Зу м ихраст говорит, что ядозуб умирает лишь от ран, нанесенных острым или огнестрельным оружием, так как крепкая кожа делает его почти нечувствительным к ударам. Сократимость мускулов у него сохраняется до 48 часов после отделения головы от туловища.

Семейство вараны

Вследствие странной ошибки немецких натуралистов некоторых больших ящериц называли «предохраняющими» (Warneidechsen). Наиболее известные виды этого семейства живут в Египте и называются там варанами; это слово переделали в Warner (предупреждающий) и сохранили то же значение в латинском термине Monitor. Между тем, варан или, вернее, по-арабски уаран не имеет никакого отношения к предупреждению, а просто значит, «ящерица».

Вараны очень похожи на других ящериц своим удлинённым туловищем, широкой спиной без гребня и хорошо развитыми спереди и сзади пятипалыми ногами с большими когтями. Они отличаются от прочих ящериц тем, что ключица на внутренней стороне не расширена, присутствием грудобрюшной перегородки, которая по строению своему похожа на тот же орган у крокодилов, кроме того, чешуями, строением языка и формой зубов. Голова у них относительно длиннее, чем у прочих ящериц, и несколько напоминает голову змей; шея и туловище, особенно хвост, гораздо более удлинены, чем соответствующие части их родичей. Язык в сжатом состоянии совершенно спрятан в чехол, но может быть сильно выдвинут и имеет на конце два длинных роговых острия. Зубы прикреплены к внутреннему краю челюстей; они сидят довольно далеко друг от друга, большой величины, конусообразные и на конце острые; на небных и крыловидных костях зубов нет. Спинные чешуйки небольшие, круглые, имеют форму пуговиц и окружены колечками мелких зернистых чешуек; на голове чешуйки мало увеличиваются и не могут быть названы щитками; брюшко покрыто более крупными четырехугольными расположеными которые поперечными рядами. На бедрах и около заднего прохода железистых пор нет.

Вараны, которых известно до 27 видов*, живут в восточном полушарии, именно в Африке, южной Азии, Австралии и Полинезии.

** Согласно современным взглядам, насчитывается около 35 видов варанов.*

Некоторые виды живут постоянно на суше, даже в пустынях, отыскивают себе какую-либо норку, чтобы прятаться и охотиться недалеко от нее, иные днем, иные в сумерки или даже ночью; другие должны быть причислены к водным животным, так как они держатся исключительно вблизи воды, в болотах или на берегах рек, и в случае опасности поспешно спасаются в воде. Все вараны очень подвижные животные. Они бегают по твердой земле, сильно извивая туловище, и так скоро, что могут догнать маленьких млекопитающих и даже птиц; несмотря на свою величину, они прекрасно лазают, а те виды, которые бывают в воде, прекрасно плавают и ныряют, несмотря на то, что у них нет плавательных перепонки. Продолжительному пребыванию в воде в значительной степени помогают две большие полости в верхней части морды, которые соединены с ноздрями; они наполняются воздухом и могут быть закрыты подвижными краями ноздрей. По своему образу жизни, нравам и привычкам вараны напоминают ящериц, но не крокодилов; однако соответственно своей величине и силе они гораздо более хищны, смелы и задорны, чем их более мелкие родичи. От человека и крупных животных они постоянно убегают, если могут это сделать; наземные виды при этом с быстротой молнии прячутся в свои норки, а водные, как уже сказано выше, бросаются в воду. Если же им нельзя спастись, то есть отрезан путь к их убежищу, они смело вступают в бой, с помощью своих ног и сильного хвоста делают высокие прыжки и храбро стараются вцепиться в лицо и руки своего противника.

Пища их состоит из различных животных. Нильский варан, который был уже известен древним египтянам и изображен на их памятниках, прежде считался одним из самых опасных врагов крокодила, так как думали, что он отыскивает и уничтожает его яйца и пожирает вылупившихся из них молодых крокодилов. Насколько справедливы эти рассказы, трудно решить, но можно смело предположить, что варан действительно может съесть молодого крокодила и проглотить содержимое яйца этого животного. Лешено уверяет, что был свидетелем, как несколько индийских варанов, собравшись вместе, напали на детеныша оленя, долго его преследовали и, наконец, утопили в воде; он утверждает также, что находил в желудке варанов бараньи кости. Со своей стороны, я реши-

тельно сомневаюсь, чтобы какой-либо вид этого семейства ящериц нападал на больших животных, чтобы питаться их мясом, но африканцы и арабы несколько раз меня уверяли, что вараны могут одолеть птиц до величины чибиса и млекопитающих до величины крысы. Вараны, живущие на земле, преследуют мышей, маленьких птичек, небольших ящериц, змей, лягушек, насекомых и червей, а также воруют птичьи яйца; живущие в воде виды этого семейства, по всей вероятности, главным образом питаются лягушками, но, конечно, не упускают случая захватить неосторожно приблизившееся к берегу маленькое млекопитающее или зазевавшуюся птичку. Там, где их не преследуют и где им легко прятаться, они сильно разбойничают в курятниках, захватывая цыплят и куриные яйца, и потому в этих местах их совершенно справедливо боятся и ненавидят.

Живущие в неволе вараны ясно доказывают, что они большие хищники. Хотя они не пренебрегают мертвыми животными и сырой говядиной, но решительно предпочитают живую добычу. Их поведение тотчас изменяется, если бросить им в клетку дюжину живых ящериц или лягушек. Ленивое спокойствие, в котором они любят пребывать, тотчас же сменяется самым упорным вниманием: маленькие глазки сверкают, и длинный язык быстро появляется и снова прячется. Наконец, они начинают двигаться, чтобы завладеть одной из своих несчастных жертв. Ящерицы бегают, лазают, прыгают в смертельном страхе по клетке, лягушки боязливо скачут, толкая друг друга. Глаза и язык так испугавшего их врага ясно доказывают, что он только ждет минуты, чтобы схватить добычу. Вдруг длинная голова варана внезапно вытягивается вперед и схватывает почти всегда без промаха лягушку или даже проворную ящерицу; животное убивается сильным сжатием челюстей и тотчас же целиком проглатывается. Это повторяется, пока не съедены все находящиеся в клетке животные, даже в том случае, если ящериц или лягушек было несколько дюжин. Если варану кладут в клетку одно или несколько яиц, то он потихоньку к ним приближается, ощупывает языком яйцо, осторожно схватывает его челюстями, приподнимает голову, раздавливает яйцо и с наслаждением проглатывает содержимое его, а затем облизывает вытекший на губы белок или желток своим чрезвычайно подвижным языком. Без сомнения, он точно так же поступает и на свободе.

Более чем странно то обстоятельство, что мы до сих пор не имеем обстоятельных сведений о размножении варанов. Если бы мне был известен этот пробел в естественной истории варанов в то время, когда я путешествовал по Африке, то я бы более тщательно занялся наблюдениями над ними; однако не стану утверждать, что наверно узнал бы что-либо положительное, так как арабы и жители Судана, которые очень охотно рассказывают о разных животных все, что им известно, сколько мне помнится, никогда ничего не говорили о размножении этих ящериц. Кажется один Теобольд сообщает краткие сведения о размножении одного индийского вида, **желтого варана** (*Varamts flavescem*). «Вараны, — говорит он, — кладут свои яйца в землю. Иногда они для этого пользуются гнездами термитов. Яйца эти имеют цилиндрическую форму, на обоих концах закруглены, длиной около 5 см и грязно-белого цвета; вообще они кажутся грязными и противными». Каждая самка кладет, по-видимому, разом довольно большое число яиц. Во время путешествия несчастного фон дер Деккена, ставшего жертвой науки, однажды был убит выстрелом дробы метровый варан; когда его анатомировали, то нашли в нем 24 яйца.

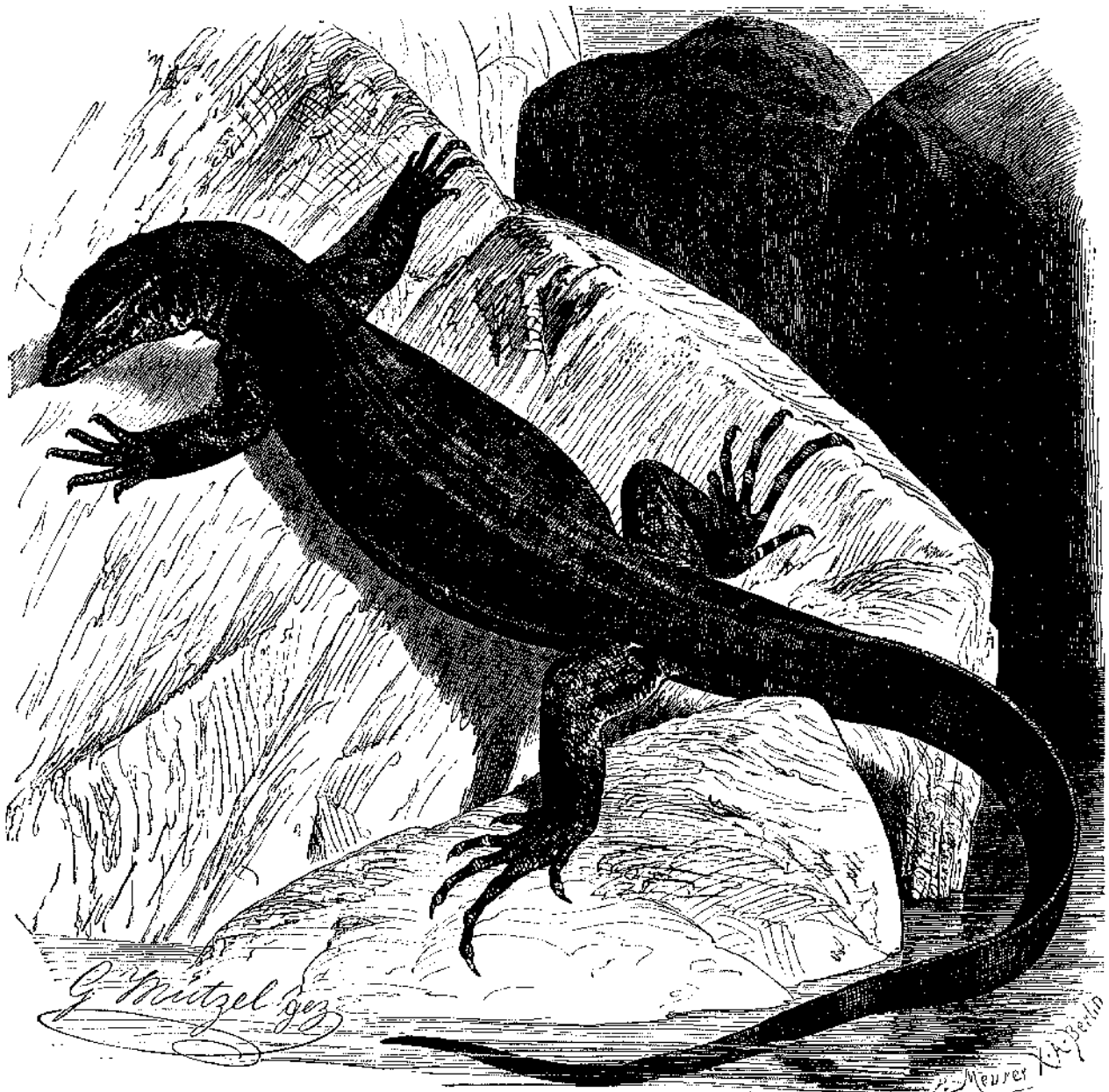
Вараны имеют для человека довольно большое значение; с одной стороны, они приносят вред своими хищническими набегами на домашних птиц и их яйца, но с другой стороны, они полезны своим вкусным мясом, которое похоже на телятину, и своими еще более вкусными яйцами. В некоторых странах на их мясо и яйца смотрят, правда, с отвращением, но в других очень ценят как мясо, так и яйца и потому усердно преследуют этих животных. По словам Теобольда, житель Бирмы, несмотря на свою прирожденную леность, не пожалеет труда срубить дерево, куда спрятался варан, чтобы только завладеть лакомым блюдом. Пойманным водяным варанам заворачивают все четыре ноги на спину и связывают их, безжалостно вырезая сухие жилы сломанных пальцев несчастной жертвы. Яйца варанов в Бирме продают дороже куриных; они совершенно справедливо считаются лакомством, не имеют никакого противного запаха, действительно очень вкусны и отличаются от птичьих яиц только тем, что белок их при варке не свертывается. Индусы едят мясо варанов чаще всего жареным, а европейцы большей частью варят из него суп. Келлерт, пробовавший этот суп, говорит, что он очень вкусен и похож на суп из заячьего мяса. Кроме того, кое-где употребляют в дело чешуйчатую кожу варанов; например, в северо-восточной Африке ей покрывают разную домашнюю утварь. Варанами пользуются также фокусники для разных кунштюков, а знахари из различных частей их тела готовят таинственным образом различные яды. Пленные вараны доставляют мало удовольствия. Сначала содержащиеся в неволе животные бывают очень беспокойны, шипят и фыркают как змеи, когда к ним приближаешься, или яростно кусаются, если думают, что могут добраться до своего воспитателя; они, по словам Фишера, разбивают сильными ударами хво-

ста стеклянные стенке своего террариума. Однако понемногу они делаются смирнее, но никогда действительно не приручаются, а при случае бывают очень опасны и любят кусаться, причем нужно всегда иметь в виду значительную силу их зубастых челюстей. Их можно держать только в больших помещениях, но и здесь они скоро делаются неприятными своей бестолковой беготней и лазаньем, а также прожорливостью и неопрятностью. Молодые животные, напротив, очень милые существа, которые скоро делаются ручными и легко приучаются брать пищу из рук.

В прежнее время семейство варанов разделяли на несколько групп; но едва ли можно их считать отдельными под родами, так как отличия их ограничиваются очень ничтожными признаками; поэтому я не считаю нужным приводить здесь эти подразделения.

Нильский варан (*Varamis niloticus*) отличается от других видов несколько сжатым с боков хвостом, который на верхней стороне образует выдающийся гребень; зубы спереди конусообразные, сзади с тупыми коронками, на верхней части головы не замечается продольного ряда широких чешуек над каждым глазом, ноздри круглые и несколько ближе придвинуты к переднему краю глаза, чем к концу морды. Взрослый варан достигает длины в 1,7 м, из которых хвост занимает около 1 м. Тело имеет основную темно-желтовато-зеленую окраску; на этом фоне заметны черные пятна и расположенные рядами зеленовато-желтые точки. Между плечами и пахом находятся подковообразные желтые пятнышки, а перед плечами — черноватая полукруглая полоска; первая треть хвоста имеет желто-зеленые, а остальная часть — желтые колечки. Нижняя часть желтая с более или менее ясными поперечными полосами.

Нильский варан, по-видимому, встречается во всех африканских реках, за исключением тех, которые протекают в северо-западной части этого материка; его находили не только в Египте и Нубии, но также и в Верхней, и Нижней Гвинее, а также в южной и восточной Африке. В Египте, насколько я мог убедиться собственными наблюдениями, он встречается чаще, чем в Нубии, вероятно потому, что Нил доставляет ему больше пищи, чем реки в Нубии; в Восточном Судане он в некоторых местах встречается в большом числе, но только поодиночке, а не обществами.

Нильский варан (*Varanus niloticus*)

Обыкновенно его замечаешь лишь тогда, когда он начинает двигаться и бежит к реке; в воде он большей частью прячется, а на земле обыкновенно лежит без движения на солнце. В отличие от крокодила он только в крайнем случае выбирает себе для отдыха и сна плоские песчаные отмели, а везде, где это возможно, держится на горизонтальной вершине круто спускающегося к воде берега, а еще охотнее на верхушке береговой скалы; иногда его встречаешь и в береговом кустарнике, но старается не уходить далеко от воды. Гейглин, однако, встречал его на довольно больших экскурсиях в глубине страны, даже в пустыне. В береговом кустарнике убежищами ему служат подмытые водой корни деревьев, особенно в тех реках, которые летом совсем высыхают*.

** В случае опасности нильский варан может притворяться мертвым.*

Он, кажется, не подвержен летней спячке и хотя очень любит воду, но все же не так от нее зависит, как крокодил. Египтяне и африканцы знают варана очень хорошо и никогда не смешивают с крокодилом. Очень возможно, что древние египтяне считали варана истребителем крокодила, которому воздавали божеские почести, и потому часто изображали эту ящерицу на своих памятниках; ныне же это животное очень хорошо обходится и без молодых крокодилов. Нильский варан гоняется, как уже сказано, за маленькими млекопитающими и птицами, а также за другими ящерицами, которых в Египте везде очень много, и, следовательно, они встречаются в большом количестве и около реки. Очень может быть, что он ест и молодых мягкокожих черепах, но главным образом питается лягушками, грабит также гнезда береговых птиц и посещает даже голубятни и курятники, чтобы завладеть яйцами и птенцами; между прочим, он охотится и за насекомыми. Пленные вараны, которых наблюдал Жофруа Сент-Илер, были в высшей степени хищны и нападали на всех маленьких животных, которых впускали в их клетку; вообще они оказались очень кровожадными. Я

часто убивал варанов, но всегда случайно, когда, подкрадываясь к птицам, я мог незаметно приблизиться к этим животным, лежащим на солнце. Пленных варанов видишь иногда у рыбаков, которые их ловят вместе с рыбами в сети, куда они запутываются, но регулярному преследованию эта ящерица в Египте не подвергается. Иное мы замечаем в средней и южной Африке. Ливингстон, под именем «игуаны», мясо которой он считает очень вкусным, без всякого сомнения, имеет в виду варана. Швейнфурт мне рассказывал, что в Галабате усердно преследуют всех больших ящериц, особенно варанов, сдирают с них шкуру, жарят на углях и считают, вероятно вполне справедливо, за отличное кушанье. В Занзибаре, рассказывает Керстен, их часто ловят, привязывают к палке и в таком беспомощном виде приносят на рынок; однако едва ли их там едят, так как магометанское население страны и туземцы, живущие на материке, не употребляют в пищу подобных животных. Яйца той самки, которая была поймана спутниками фон дер Деккена, были сварены, и европейцы ели их с большим аппетитом, но Керстен тщетно предлагал это кушанье туземцам, сопровождавшим путешественников. От этого кушанья отказывались даже неразборчивые ваника, которых магометане восточного берега Африки называют свиньями, так как они едят всевозможных животных, не брезгуют содержимым кишок убойного скота и считают хорошим кушаньем мясо убитой хищной птицы, будь это даже самый вонючий гриф; эти люди ни за что не хотели попробовать вкусную яичницу из яиц варана, несмотря на то, что Керстен нарочно при них ел ее*.

** Яйца нильский варан может откладывать в термитник, разрывая его размокшие стенки в период дождей, которые насекомые потом застраивают. При вылуплении варанов из яиц вытекает жидкость, смачивающая термитник, что позволяет молодым ящерицам самостоятельно выбираться наружу, вновь нарушая целостность термитника.*

Живучесть, которой варан обладает наравне с другими ящерицами, делает это животное вполне пригодным для содержания в неволе; он привлекает внимание зрителей тем, что держится то на суше, то в воде, и может считаться очень приятным жильцом хорошо устроенного просторного помещения.

В Индии, южном Китае и на всех азиатских островах до северного берега Австралии нильского заменяет **полосатый варан** (*Varanus salvator*), которого сингалезцы называют «кабарагойя»; он отличается от нильского тем, что у него на верхней части головы над глазами находится продольный ряд широких щитков; ноздри имеют яйцевидную форму и расположены ближе к концу морды. Верхняя часть тела черного цвета с рядами желтых точек и глазков; около висков проходит черная полоса, а на шее заметна желтая полоса; нижняя часть тела одноцветно-желтая. Взрослые экземпляры достигают 2,2 м длины.

Хотя полосатый варан встречается главным образом на Зондских, Филиппинских и Молуккских островах, но его находят также в Ост-Индии, Цейлоне, Сиаме и Китае. Кантор находил его на полуострове Малакка очень часто как в холмистых местностях, так и на равнинах.

Днем он обыкновенно держится на ветвях больших деревьев, которые растут по берегам рек и ручьев; здесь он караулит птичек и маленьких ящериц и грабит гнезда*, если же его испугать, то он тотчас же прыгает в воду**, даже со значительной высоты.

** На Цейлоне полосатый варан в количествах поедает пресноводных разрушающих плотины на рисовых полях, нападать даже на кобр.*

** * Полосатый варан способен в течение полчаса лежать под водой без движения.*

Если условия местности ему благоприятствуют, то он поселяется вблизи человеческих жилищ и даже за оградой их и тогда делается очень опасным хищником для домашних птиц. Мартене, например, узнал от одного европейского плантатора, живущего недалеко от Манильи, что у него под домом живет «крокодил» и ночью выходит, чтобы таскать кур, причем Мартене был уверен, что этот «крокодил» был не кто иной, как варан. Хотя полосатый варан выказывает большую смелость при своих хищнических набегах и бессовестно ворует и грабит вблизи человеческих жилищ, однако он боязливо избегает преследования человека. Если его застать на ровной местности, то он, по словам Кантора, как можно скорее убегает и старается по возможности спастись в воде, но быстрота его бега не настолько значительна, чтобы проворный человек не мог его догнать. Если его схватить, то он храбро защищается зубами и когтями и наносит также сильные удары своим хвостом.

Туземцы низших каст добывают этого варана, вырывая его из нор, и едят мясо с большим удовольствием. Но эта ящерица играет еще более важную роль у индусов при приготовлении смертельных ядов, которые сингалезцы и до сих пор часто употребляют в дело. По словам Теннента, для приготовления самого страшного сложного яда, называемого «карабатель», служат змеи, именно: **очковая змея** (*Naja naja*), **цепочная гадюка** (*Vipera russellii*) и **каравилья** (*Ancistrodon hupnale*), которым делают надрезы на голове, а затем вешают над сосудом, думая таким образом со-

брать их яд. Этим способом собранная кровь смешивается с мышьяком и другими ядовитыми веществами, а затем при помощи кабарагойи варится в человеческом черепе. При этом вараны должны играть роль таинственных животных, которыми пользуются наши сказочные ведьмы при своих колдовствах. Варанов крепко привязывают перед огнем с трех сторон, так что головы их обращены к огню; их сильно бьют и мучают, отчего они шипят и как будто раздувают огонь. Слюну, которая у них вытекает изо рта при этих мучениях, старательно собирают и прибавляют к вышеназванному вареву, которое считается готовым, когда на поверхности его покажется маслянистая жидкость. Само собой разумеется, что настоящим сильно действующим средством здесь является мышьяк, но безвредная кабарагойя, вследствие шарлатанства знахарей, пользовалась в тех странах такой дурной славой, что все и ныне до смешного ее боятся. Так же, как и нильский, полосатый варан на Цейлоне держится преимущественно около воды и бросается туда при всякой опасности; при высыхании рек он иногда вынужден предпринимать странствования по земле, и при этом случается, что он появляется около жилищ сингалезцев и даже пробегает по двору. Это считается очень дурным предзнаменованием; туземцы тогда ожидают болезней, смерти или другого несчастья и отправляются к знахарям, чтобы предотвратить, по возможности, последствия этой беды. Последние являются, заставляют доверчивого туземца порядочно заплатить, входят на двор, где появилась кабарагойя, и начинают петь; пение это состоит из немногих слов, обозначающих, что отныне все дурные последствия посещения кабарагойи уничтожены.

Уже Геродот рассказывает про «земного крокодила», который живет в области Либийских кочевых пастушеских народов и похож на ящерицу; Проспер Альпин считает это животное за *Scincus* древних, о котором говорили, что он питается пряными травами, особенно любит полынь, и потому сам приобретает целебные свойства, между тем, как теперь под именем сцинка мы разумеем другое животное. Этот земной крокодил теперь носит научное название **серого варана** (*Varanus griseus*), который отличается от других варанов, главным образом, круглым хвостом без гребня; ноздри у него щелевидные, косо поставленные, а передние зубы маленькие и широкие. Верхняя сторона тела имеет серовато-желтый цвет с бурыми поперечными полосами по спине и хвосту; такие же бурые полосы заметны и на затылке, а нижняя сторона тела одноцветно песчано-желтая. Животное это достигает 1,3 м длины.

Серый варан живет только в самых сухих местностях северной Африки и юго-западной Азии, особенно в пустынях. В Азии он встречается во всей западной части ее, от Каспийского моря до северо-западной Индии, а на юго-западе — до Палестины и Аравии. Он здесь держится точно так, как и его южноафриканский родич, на каменистых местах, но иногда охотится и в песчаных местностях между скалами. Арабы по справедливости его боятся, так как он смелее и злее всех других ящериц этой страны; если его испугнуть на открытом месте, то он тотчас же готовится к защите, прыгает на 1 м в высоту с помощью своего сильного хвоста и бросается человеку в лицо или на грудь, а крупным животным на брюхо, вцепляется и наносит сильные раны верблюдам, лошадям и ослам, отчего те пугаются и бешено несутся по пустыне. Пища его состоит из различных мелких животных. Ваглер нашел в желудке серого варана, которого он анатомировал, кроме двух кремней величиной с каленый орех, 11-12 штук цельной саранчи, два яйца какой-то куриной птицы и хорошо сохранившегося скорпиона величиной в палец. Арабы уверяют, что животное это охотится преимущественно на маленьких ящериц и змеи, но умеет схватывать тушканчиков и птиц и в особенности любит грабить птичьи гнезда.

Вальтер, который познакомился с этим видом в Закаспийской области, говорит, что этот варан там встречается часто и держится по преимуществу в настоящих песчаных пустынях, а в так называемой голодной степи его видишь редко и только недалеко от песчаных мест. «В виде исключения он живет на тех местах в степях, которые находятся вблизи высохших потоков и отличаются тем, что здесь много оврагов, щелей в камнях и пещер в земле, например около Атрека, где он живет в довольно большом числе.

Серый варан (*Varanus griseus*)

На горы серый варан никогда не поднимается. От запада на восток Закаспийской области он более обыкновенен в песке, особенно на дюнах, заросших саксаулом, в восточной части Мервского оазиса. В верхнем течении Мургаба и около Кушки его также часто встречают. Этот вид на пищу неприхотлив и ест всякие животные вещества, которые ему попадаются».

Из трех экземпляров, желудок которых был исследован Вальтером, он нашел в одном длинноногого сцинка (*Eumeces Schneideri*), в другом остатки большого таракана, скорпиона, кузнечика и куски птичьего яйца и, наконец, в третьем были найдены одна или две пригоршни гусениц *Deilephila livornica* и *alecto* — «последние представляли особенно грустное зрелище для страстного охотника за бабочками!» Зарудный же находил в желудке серого варана ящериц агам и очень часто детенышей его вида.

На базаре в Каире можно часто видеть заклинателя змей, который показывает горожанам связанного серого варана, как животное, совершенно им неизвестное; он многословно рассказывает своим слушателям всевозможные басни про эту ящерицу, приписывает ей волшебные качества, подкрепляет все это сильной жестикуляцией и таким образом зарабатывает себе пропитание. Само собой разумеется, что хитрый шарлатан предварительно отпилил зубы варану и обессилил его худым обращением; подобные заклинатели змей, конечно, вовсе не думают о хорошем содержании показываемых ими животных. Варана точно так же, как очковую змею и рогатую гадюку, сначала приводят в безвредное состояние отпиливанием зубов и затем держат в неволе до тех пор, пока те ее выдерживают. Помещением для них служит кожаный мешок или ящик, наполненный отрубями, откуда их вынимают, когда начинается представление. Животные эти не получают ни еды, ни пи-

тля, так как заклинатель считает более выгодным изловить новых животных и их дрессировать, чем уменьшить свой приход тратой на мясо или другой корм. Относительно серого варана заклинатели в некотором отношении правы, так как эти ящерицы очень редко добровольно едят в неволе, и им приходится силой впихивать корм в пасть, причем они часто ранят своего воспитателя. Бедуины считают серого варана, как и других больших ящериц, за дичь, за которой стоит охотиться, так как мясо ее довольно вкусно.

Капский варан (*Varanus exanthematicus*), который живет в южной и юго-западной Африке, а в новейшее время был найден Шенком в немецких колониях юго-западной Африки, отличается от полосатого и серого коротким туловищем, короткой мордой, лишь слегка сжатым с боков хвостом с двойным гребнем на верхнем крае и короткими пальцами с очень большими когтями; у него, кроме того, туловище покрыто маленькими чешуями, и ноздри, имеющие вид косо поставленных щелей, расположены очень близко от глаз. Животное это, вполне выросши, достигает не более 1,3 м длины, имеет серо-бурую окраску с желтыми полосками и пятнами; нижняя сторона тела светлее, горло желтовато-белое, а на хвосте замечаются бурые и желтые колечки.

Капский варан (*Varanus exanthematicus*)

Смит первый доставил нам некоторые сведения об образе жизни капского варана; Дюмериль и Биброн даже не знали, где он живет. Смит нашел его на севере Капской земли, на крутых утесах или низких каменных холмах, в щели которых он в случае опасности прячется. Если он не может спастись, то он так сильно прицепляется к камням или скалам, что его можно оторвать только с большими усилиями. Взрослое животное, говорят, не может быть оторвано одним человеком даже в том случае, если ему привязать к задней ноге толстую бечевку. «Я видел, — говорит Смит, — что только вдвоем людям удалось оторвать взрослого капского варана, но когда это наконец случилось, то люди вынуждены были бежать, так как животное мгновенно и яростно на них бросилось, угро-

жая им своими страшными зубами. Когда этого варана убили, то заметили, что он обломал себе кончики всех когтей, стараясь крепче прицепиться¹.

Пища капского варана состоит из насекомых, раков, лягушек, маленьких млекопитающих и тому подобных животных, за которыми он охотится днем. Его нередко встречают вблизи рек, и туземцы поэтому считают их священными животными, думая, что смерть их поведет за собой уменьшение количества воды. Голландские боэры очень боятся этой ящерицы не потому, что она злобна и имеет довольно страшные зубы, а потому, что они считают ее ядовитой; вследствие этого боэры называют ее *Adder* (гадюка).

Семейство американские вараны, или тейиды

В Америке настоящие ящерицы и вараны заменяются американскими варанами. Они по величине отчасти походят на своих родичей Старого Света, сходны с ними и по строению тела, но значительно отличаются от них по устройству черепа, зубами и кожным покровом. Зубы их прикреплены по краям челюстей, никогда не бывают пустыми и наклонены несколько вперед. Чешуйки похожи на чешуи ящериц, на голове они превращаются в щитки, которые не срстаются с черепными костями, на животе и хвосте чешуйки расположены поперечными рядами. У большинства их замечаются две поперечные складки кожи на горле; у многих на бедрах находятся железистые поры. Язык длинный, на конце с двумя остриями и покрыт чешуйками, расположенными черепицеобразно или косыми складками кожи; язык нередко может прятаться в особый чехол. Барабанная перепонка заметна; на глазах есть веки, а височная полость открыта, т.е. не прикрыта костью. По внешнему виду высшие представители этого семейства похожи на наших ящериц, другие несколько напоминают гологлазов (*Ablepharus*), у иных же замечаются только 4 пальца на конечностях. Наконец, встречаются такие виды, у которых конечности совсем недоразвиты или задних конечностей снаружи вовсе не видно; последние напоминают по своему внешнему виду двуходок.

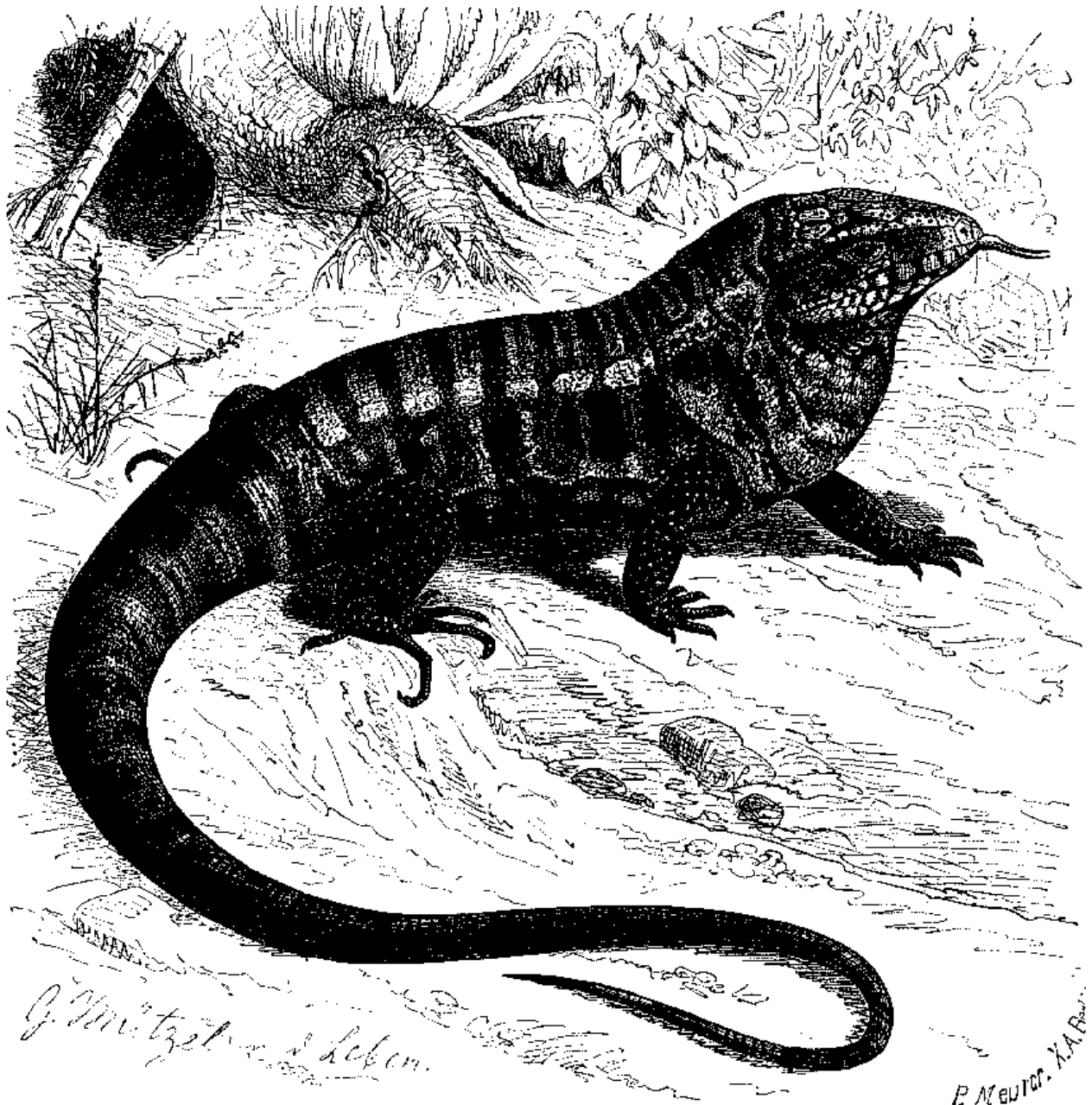
В семействе этом насчитывается 35 родов с 110 видами*, которые живут в теплых странах Америки, причем самые крупные виды, само собой разумеется, встречаются под тропиками.

** Сейчас тейиды включают более 240 видов из 40 родов.*

Некоторые из них живут только в жарких песчаных равнинах, другие в высокой траве лугов, третьи — в лесах, а иные ведут полуподземную жизнь. Убежищами им служат естественные или ими самими вырытые углубления в почве, куда они постоянно прячутся от опасности. По образу жизни эти ящерицы отчасти напоминают варанов или мелких ящериц, некоторые же — сцинков и двуходок. Они очень живы и быстры, а крупные виды представляют собой больших хищников, которые ловят не только насекомых, червей и улиток, но даже мелких позвоночных животных; поэтому некоторые из них должны быть причислены к вредным животным. От человека и больших животных они бегут, но если они поставлены в безвыходное положение, то смело защищаются от противника и даже пугают больших собак. Яйца кладут в дуплах деревьев. Некоторые виды, особенно крупные, считаются вкусною дичью, и за ними кое-где регулярно охотятся; более мелких люди не беспокоят.

Ящерицы **тегу** (*Tupinambis*) отличаются у основания круглым, а начиная с середины, несколько сжатым с боков хвостом, кожа на шее у них складчатая, спина покрыта мелкими одинаковыми чешуйками, брюшные щитки четырехугольные и расположены более, чем в 20 продольных рядов, на небе зубов нет, передние зубы с двумя или тремя выемками, коренные зубы у молодых трехконечные, а у старых бугорчатые, язык может быть спрятан в находящийся у его основания чехол.

Самый известный из трех видов этого рода называется в Гвиане **тегу** (*Tupinambis teguixin*). Это большая ящерица 92 см длины, из которых 3/5 занимает хвост. Она довольно пестрая: основной цвет ее буровато-черный, несколько впадающий в синеватый, на затылке заметны беловато-желтые, а по сторонам шеи и головы беловатые пятна, расположенные рядами, на спине находятся 9-10 поперечных полос, состоящих из круглых желтых пятен. Хвост покрыт неправильно расположенными желтыми пятнами, из которых некоторые образуют ряды; на наружной стороне ног замечаются желтоватые точки, а нижние части их желтовато-красные с разорванными поперечными черными полосками; на горле и нижней части шеи находятся желтые полоски, окаймленные черным. Головные щиты также окаймлены черными полосками.

Tegu (Tupinambis teguixin)

Тегу береговых индейцев, или лагардо португальцев, распространена по большей части Южной Америки от Гвианы до Уругвая; она живет также в Вест-Индии и в большинстве местностей, по-видимому, очень обыкновенна, но чаще встречается на берегу, чем внутри страны. В населенных странах тегу, по словам Шомбургка, держится больше всего на сахарных плантациях и в соседних с ними лесах; в Бразилии же, по указаниям принца фон Вида, он предпочитает сухие песчаные и глинистые местности, а также кусты, опушки лесов и даже большие первобытные леса внутри страны. Прежние писатели говорили, что это животное охотно заходит в воду, но принц фон Вид считает это мало вероятным: «Хотя мы часто видали тегу около воды и там охотились за ним, однако я никогда не замечал его в воде; индейцы и ботокуды также меня уверяли, что эта ящерица живет только на суше и никогда в воду не ходит». Она живет в норе, которую выкапывает себе под корнями деревьев и снабжает очень широким отверстием; в эту нору она прячется, если ее преследуют или если она испугана чем-нибудь необыкновенным. Тегу очень сильное и проворное, но боязливое животное, которое редко позволяет, особенно в населенных местностях, близко подойти к себе, но в случае нужды оно храбро защищается, кусается очень сильно, так что прокусывает даже толстые сапоги, и бьет нападающих на него собак своим сильным мускулистым хвостом. В спокойном состоянии тегу высоко приподнимает голову и потому вид, причем выражение морды усиливается огненным взглядом его глаз; он бегаёт с быстротой стрелы и в прямом направлении, причем хвост его извивается за ним наподобие змеи. Язык находится в постоянном движении и выбрасывается изо рта даже тогда, когда это вовсе и не нужно. Принц фон Вид никогда не слышал

голоса тегу и называет баснями прежнее предположение, что он предупреждает других животных, если приолижается какой-либо хищник.

Пища тегу состоит из маленьких живых животных, например, мышей, лягушек, червей, насекомых, а также из яиц и других животных веществ. Принц фон Вид нашел в желудке убитого им тегу остатки мышей и насекомых и узнал, что он, говорят, похищает цыплят на птичьих дворах; Шомбургк и Гензель подтверждают последнее и уверяют, что его с неудовольствием видят около жилищ, так как он не только съедает яйца, но таскает и цыплят. Туземцы Бразилии уверяют, что в холодное время года тегу прячется в свою нору, живет там около 4 месяцев, кормясь собранными плодами, и вылезает оттуда примерно в августе; Гензель заметил, что около Рио-Гранде-де-Сул он зимой действительно прячется и показывается на открытых местах только в случае продолжительной теплой погоды. Так как заметили, что хвост его часто бывает отломан, а затем снова вырастает, то сочинили басню, что тегу зимой съедает свой хвост, когда у него истощится запас плодов.

Шомбургк собрал несколько сведений о размножении этой ящерицы. «Я часто находил яйца, — говорит он, — в больших конусообразных постройках одного вида термитов, которые устраивают свои гнезда не только в лесах, но и на больших пнях около плантаций, причем галереи гнезда спускаются в землю до 1 м глубины. Тегу выкапывает эти гнезда, съедает обитателей их и кладет в землю свои 50-60 яиц; он расширяет входы в гнездо, так что может легко влезть даже внутрь пня». Яйца имеют, по Гензелю, очень крепкую скорлупу белого цвета и у крупных старых самок почти достигают длины голубиных яиц, но они уже и притуплены на обоих концах.

Тегу принадлежит к вредным животным, так как вследствие своей смелости и хищничества приближается к человеческим жилищам и нападает на птичники; его преследуют уже по этой причине, но еще более из-за его вкусного мяса; охотой этой занимаются довольно усердно, отправляются в лес с собаками, особо для этого дрессированными, которые отыскивают ящерицу и загоняют ее в нору, откуда ее вырывают и убивают холодным оружием или из ружья дробью. Для этой охоты нужно иметь довольно крупных и хорошо дрессированных собак, так как только такие и могут справиться с взрослым тегу, а неопытные большей частью пугаются сильных ударов хвоста этой ящерицы и трусливо отступают. Мясо тегу, если его хорошо приготовить, похоже на мясо цыплят; оно белое, вкусное и потому очень высоко ценится. Его употребляют и как лекарство против укусов змей; особенно полезен для этого, говорят, жир.

Шомбургк держал несколько месяцев тегу в клетке, но приручить его не мог. «Это бы то злое животное, — говорит он, — сильно кусалось и не могло отучиться от своей дикости. Он ел только мясо и так же часто пил, как ужи, так что каждый день ему приходилось давать воду». Я несколько лет сряду держал у себя этих ящериц и могу в главных чертах подтвердить вышесказанное, однако должен прибавить, что в конце концов в известной степени привязался к своим пленникам. Их смелость и самоуверенность мне нравились. Если заботиться о них правильно, т.е. держать их в тепле и доставлять нужный корм, то они скоро привыкают к клетке, а до известной степени и к воспитателю, однако не позволяют ему ничего такого, что им не нравится, а постоянно сохраняют свою самостоятельность и в случае нужды защищают свое помещение и свой корм. Неловкое и недружелюбное обращение вызывает их гнев: они тогда поднимают голову выше обыкновенного, откидывают ее несколько назад и смотрят на противника сверкающими глазами; тогда их ничем не испугаешь, они скачут на врага, прыгая даже на метр в высоту и так сильно кусаются, что человек должен несколько недель сряду лечить укушенную руку или ногу. Относительно корма они довольно требовательны, так как едят много. Им нужно в течение дня давать 100-200 граммов нежирного коровьего или лошадиного мяса, которое они съедают большей частью зараз, и этого хватает им не более как на 24 часа. С другими экземплярами своего вида они уживаются довольно хорошо, хотя случается, что старый сердитый самец не терпит около себя другого и убивает или сильно ранит более слабого. В больших хорошо протопленных и освещаемых лучами солнца помещениях ящерицы эти даже приступают к размножению; они кладут яйца нередко и в тесной клетке, но, сколько мне известно, из этих яиц никогда еще не вылуплялись детеныши.

Амейвы (*Ameiva*) отличаются следующими признаками: хвост у них круглый без гребня, на брюшке расположено менее 20 продольных рядов гладких щитков, зубы маленькие, конусообразные, сжаты с боков и имеют коронку с двумя или тремя остриями. Язык прячется в чехол. Они в средней и Южной Америке заменяют наших обыкновенных ящериц, в главных чертах похожи на них по образу жизни, и их в Бразилии называют ящерицами.

Самый обыкновенный из известных видов — **амейва гигантская** (*Ameiva ameiva*), ящерица 38-53 см длины, из которых 25-36 см занимает хвост. Спина у нее травянисто-зеленого цвета, на боках замечаются на землистом или буроватом фоне поперечные полосы, состоящие из черных и

желтых пятен. У молодых животных вместо этого рисунка видна широкая черная продольная полоса со светлыми каемками. На брюшке находится 10-12 продольных рядов щитков.

Амейва встречается во всей Южной Америке и распространяется на север до Никарагуа; в большинстве местностей она очень обыкновенна. Живет там же, где тегу, и похожа на него по образу жизни, привычкам, пище и размножению: это, как говорит принц фон Вид, тегу в уменьшенном масштабе. Она поселяется под кустами и сухими листьями, между камнями в трещинах скал, в земляных норах, под гнилыми деревьями, но всего охотнее на очень сухих и горячих песчаных или глиняных поверхностях; в Гвиане же часто живет в садах, на плантациях и на открытых лесных прогалинах, доступных лучам солнца. В воду она не ходит также, как и тегу. В случае опасности она как можно скорее бежит к своей норке, а если не может спрятаться, то готовится к защите и больно кусается. От человека она всегда убегает, даже если ее и не преследуют, так что натуралист, который хочет ею завладеть, должен употребить в дело огнестрельное оружие.

Семейство настоящие ящерицы

Ящерицы, которых мы рассматриваем как прототип всего отряда, представляют собой красиво сложенных животных с вполне развитыми конечностями. Они отличаются вальковатым вытянутым туловищем, ясно отделяющейся от шеи головой, очень длинным, сильно утончающимся к концу хрупким хвостом, четырьмя пятипалыми ногами, видимой снаружи барабанной перепонкой, хорошо развитыми, по большей части свободно двигающимися глазными веками и костистыми, плотно сросшимися своей нижней стороной, многоугольными щитками, покрывающими голову; спину и бока покрывают зернистые чешуйки, никогда не содержащие в себе кожных костей, а брюхо одето четырехугольными продольными и поперечными щитками; зубы у ящериц конические, прямые, на конце слегка выгнутые, пустые внутри и снабженные двумя или тремя остриями; они сидят в выемке верхней и нижней челюстей, приросши к ним с внутренней стороны; межчелюстная кость простая; язык плоский, спереди суживающийся, чешуйчатый, глубоко рассеченный и двухконечный. Помимо того, отличительным признаком являются ясно видимые бедренные поры.

Все ящерицы живут в Старом Свете и уже в Европе распространены во множестве видов. За исключением нашей медяницы, все вообще немецкие ящерицы относятся к этому семейству; в южной Европе к ним присоединяются много других, но особенно богата ими Африка. В восточной Азии живут немногие виды, но зато наиболее прыткие и длиннохвостые, у которых хвост в четыре, даже в пять раз превосходит длину всего тела. Известных до сих пор 100 видов ящериц разделяют на 17 родов*.

** Со времен Брема количество видов и родов настоящих ящериц увеличилось практически вдвое.*

Для нашей цели вполне будет достаточно, если мы опишем все водящиеся в Германии виды, присоединив к ним еще два южноевропейских вида.

Ящерицы, живущие в Германии, избирают своим местопребыванием обращенные к солнцу холмы, стены, груды камней, пни деревьев, изгороди, плетни и кусты, а равным образом залитые солнцем выгоны и т. п. места; здесь они выкапывают норы или пользуются найденными и редко когда удаляются от центра своего района. «У ящериц есть обыкновение, свойственное и многим другим низшим и высшим животным, — говорит Лейдиг в своем прекрасном сочинении о германских ящерицах, — упорно держаться на том клочке земли, где они впервые увидели свет. Во многих областях, достаточно известных нам вследствие частых экскурсий, приходилось замечать, что ящерицы из года в год держатся в известном округе, не распространяясь по другим местностям, хотя бы, насколько можно судить, одинаково подходящим для них. Перекочевка, стало быть, и у них вызывается только крайней необходимостью, когда, например, местность чересчур переполнена ими».

В теплую погоду ящерицы лежат на вольном воздухе, всего охотнее на солнышке, подстерегая и высматривая своими блестящими глазами всякую добычу, в особенности летающих насекомых; в прохладные же или дождливые дни они сидят, спрятавшись в своих норах. Они в самом полном смысле слова находятся в полной зависимости от солнца и показываются тогда только, когда оно светит на небе, а как только оно скрывается, и они прячутся в норы. Выходя греться на солнце, они выбирают такие места, где более всего греют его лучи и поэтому влезают даже на деревья, на частоколы и т. п., одним словом, куда-нибудь повыше, растягиваются и расплываются там как можно шире, как бы опасаясь утратить хоть один луч живительного света. Чем ярче солнце, тем более поднимается в них дух оживления и бодрости. В утренние и вечерние часы они кажутся ленивыми и в высшей степени смиренными: в полдень же они становятся не только подвижными, но зачастую очень храбрыми, даже задорными. Под осень они большую часть своего времени проводят внутри

своих нор, а с наступлением октября в Германии забираются уже в свои зимние логовища, где и проводят всю зиму до наступления весны.

"В очень странном виде предстают эти животные, — говорит Лейдиг, — когда весна застаёт их лишь только вылезшими из своих земляных нор в состоянии крайней неловкости. Даже и при комнатном содержании, если только температура понизится, они тотчас же утрачивают свою подвижность и еле-еле волочат ноги, осторожно и медленно передвигая их одну за другой, тогда как при солнечном свете все движения их приобретают замечательную легкость, и они шныряют всюду, как бы не чувствуя тяжести тела. При довольно высокой температуре в 20° по Цельсию, в комнате и без солнца южные виды становятся не только холодными на ощупь, но и крайне отошальными, худыми на вид; под влиянием солнечных лучей у них усиливается биение сердца и дыхание и вследствие того, что легкие от этого растягиваются и наполняются воздухом, внешний вид их снова принимает прежние здоровые формы».

Всего охотнее ящерицы любят выходить греться на солнце перед полднем, от 9 до 12 часов; содержащиеся в клетках даже в пасмурные дни около 11 часов утра всегда выходят наружу. «При южном ветре ящерицы уже с раннего утра чувствуют себя быстрыми; в ненастье, перед дождем, они прячутся от света, тогда как наших змей, как известно, такая температура выманивает наружу. Холодная погода действует на ящериц очевидно вредно: так, например, уже Паллас вывел такое наблюдение, что в Крыму после трех холодных лет подряд почти совершенно вывелись **таврические, или крымские ящерицы** (*Podarcis taurica*), в былые времена крайне многочисленные там». Время их удаления на зимнюю спячку зависит не только от местности, но также и от вида животного, а по мнению Лейдига, даже от пола и возраста: старые самцы исчезают осенью раньше старых самок, а как те, так и другие — раньше молодых ящериц. Весной замечается обратное явление: прежде всего появляются молодые, затем самцы и после всех уже самки. В зимних своих логовищах, где они располагаются большей частью целым обществом, они лежат совершенно оцепенелые, с закрытыми глазами, но с открытым ртом, совсем как мертвые; но как только до них коснется тепло, они тотчас же оживают, начинают шевелиться, дышать, открывать глаза и мало-помалу становятся бодрыми.

Какое замечательное влияние оказывает на ящериц тепло, доказывают те их виды, область распространения которых охватывает относительно большое пространство с севера на юг, и притом очевиднее всех прочих пресмыкающихся, за исключением разве только столь родственных им змей. Один и тот же вид на юге области своего местожительства выказывает себя совершенно иным, чем на севере. Повышающаяся температура поднимает в них жизненную деятельность и вместе с тем способствует внешней красоте; продолжительное лето, затянувшаяся на несколько месяцев дольше жара ограничивает их зимнюю спячку, если таковая вообще наступает, всего несколькими неделями; питание и обмен веществ вследствие этого происходит гораздо правильнее и благоприятнее. Весьма понятным следствием всего этого является большая величина животного: всеми доказано, что ящерицы, живущие на юге, значительно крупнее тех, которые свойственны северу.

Почти все ящерицы существенно способствуют украшению той местности, в которой обитают. В Германии это замечается конечно, меньше, чем на юге Европы. Здесь они шмыгают и шелестят повсюду; каждая стена, каждая улица, почти каждая дорога оживляется ими, и глаза наши восхищаются в самом деле ослепительным великолепием, когда эти чудно окрашенные, блестящие животные, в избытке жизненных сил, по-видимому играя, гоняются друг за другом. Подобно драгоценной цепочке, по словам Эргардта, извивается в зелени и ветвях смоковниц и кирказона (*Aristolochia*) сверкающее тело **зеленой ящерицы**, переливаясь медно-бронзово-золотыми металлическими оттенками и оживляя до тех пор столь пустынные и однообразные Киклады; блеск драгоценных камней сверкает также и на чешуйчатом теле других видов, поражая внимание всякого путешественника по югу; испуг, возбужденный сначала в робких сердцах шелестом этих животных, скоро превращается в ощущение довольства и благоволения к ним. Каждый должен отнестись к ним любовно, хотя даже еще не приобрел достаточных сведений относительно и к симпатичных привычек и образа жизни.

Все настоящие ящерицы подвижные, резвые, живые и относительно умные животные с тонкими чувствами. Если они не греются на солнце, то охотно шныряют внутри своего района и всегда находят себе какое-нибудь дело. При этом они проявляют свое проворство во всех направлениях. Вообще все виды сходны между собой тем, что бегают чрезвычайно быстро, лазают ловко, и в случае нужды и плавают; но все же степень подвижности различна у разных видов. Каждое движение производится извивами тела, и ему одинаково существенно способствуют как хвост, так и ноги. Ящерицы, лишённые хвоста, теряют равновесие в движениях, а вместе с тем живость и равномер-

ность каждого поворота; кажется даже так, как будто утрата хвоста более стесняет их, чем недостаток одной ноги. Насколько гибки их суставы, настолько же превосходно развиты их чувства. Зрение у них острое, соответственно живым глазам; слух так тонок, что малейший шум уже привлекает их внимание; тонкость своего ощущения они проявляют в своем пристрастии к теплу, а — осязания — в том, что постоянно шевелят языком. Впрочем, язык служит им также настоящим органом вкуса, так как можно заметить, что все сладкие фруктовые соки, мед или сахар, которые любят все без исключения, они сразу умеют отличить от другой пищи; но все же при этом играет роль и их обоняние. В полном соответствии с развитием их внешних чувств стоят и их душевные способности. Это столь же живые и беспокойные, сколько раздражительные и подвижные создания; они постоянно проявляют любопытство и напряжение, забавляются или скучают, по крайней мере, явно зевают, выказывают себя, смотря по обстоятельствам, то пугливыми и робкими, то смелыми и храбрыми, легко впадают в гнев и так же скоро снова успокаиваются; они обращают внимание решительно на все, даже на музыку, к которой прислушиваются с удовольствием. По уму они стоят, конечно, несколько не ниже других пресмыкающихся, напротив, превосходят даже в этом отношении большую их часть. Они ведут себя так умно, как только может пресмыкающееся, правильно распознают вещи, набираются опыта и сообразно с этим меняют свои поступки, скоро свыкаются с изменившимися обстоятельствами и привыкают к созданиям, которых прежде боязливо избегали, например к людям. Лейдиг полагает, что душевные способности ящериц в существенном основываются на унаследованной от предков опытности и приобретенных ими знаниях. Различные состояния, которые приходится переживать той или другой ящерице, многократно повторяющиеся в ее жизни случаи, опыты постепенно собираются родом, «вызывают физические изменения и выражаются у потомства в виде унаследованной осторожности, склонности, навыка, короче говоря — в виде определенных природных способностей». Я не хочу возражать этому почтенному исследователю, но в то же самое время не могу безусловно согласиться с ним. Вообще, ящерицы одного и того же вида ведут себя в существенном одинаково; все молодые, однако, держатся совершенно иначе, чем старые, и этим доказывают, что каждая набирается опытности только для себя лично. Уроки и пример старых, более толковых ящериц, при реализации приобретенных знаний и понятий имеют, по крайней мере, такое же значение, как и наследственные или природные способности, которые, наверно, безусловно отвергать все-таки нельзя.

Ящерицы — ловкие хищники. Они ревностно преследуют насекомых, дождевых червей, земляных улиток, нападают также на маленьких позвоночных, грабят гнезда и пожирают также яйца пресмыкающихся. Некоторые из них, по наблюдениям Глюкзелига, совершенно пренебрегают мухами, даже как будто побаиваются больших из них, тогда как другие не выказывают подобного страха и так же жадно поглощают больших и маленьких мух, как и других насекомых; пауков они преследуют ревностно для того, чтобы поедать их; голых садовых улиток они хватают с удовольствием, дождевых червей же менее охотно; бабочки, сверчки, кузнечики, жуки и их личинки составляют, по-видимому, любимую пищу ящериц. Но они строго умеют различать различные виды их, если даже они так походят один на другой, что несведущий человек легко может спутать их, и если возможно, то делают из предлагаемой им добычи выбор, оказывающий честь их вкусу и понятливости; так, например, мягкоскорлупных насекомых они всегда предпочтут твердоскорлупным, а некоторыми жуками, по крайней мере в клетках, совершенно пренебрегают. Лакомством, как например мучными червями, их можно так избаловать, что они долгое время не дотронутся до другой пищи. Некоторых насекомых они иногда едят, по-видимому, без всякого колебания, одно за другим, иногда же упорно оставляют лежать нетронутыми. Все, что они получают в пищу, должно быть в живом состоянии, так как до мертвых насекомых они не дотрагиваются, если только их не подsunуть им обманом, т.е. не двигать ими искусственным образом перед ручными ящерицами. В неволе большинство видов привыкают к сырому мясу, муравьиным куколкам, а некоторые также и к плодам, но и в этом случае всегда предпочитают живую пищу всякой другой.

Они схватывают свою жертву внезапно, зачастую прыжками издалека, сдавливают ее зубами и затем медленно проглатывают. Крупных насекомых они трясут во рту до тех пор, пока те не перестанут шевелиться, затем вываливают изо рта, рассматривают и опять хватают. Бабочек они ловят на лету и одним укусом отгрызают у них крылья, которые падают зачастую справа и слева и, сметаемые ветром в большие кучи, возбуждают внимание путешественников. Проглатывание крупного насекомого причиняет, по-видимому, маленьким видам ящериц много труда: они до тех пор ворочают насекомое во рту, пока его голова не ляжет вперед, и тогда медленно проглатывают его. Если это удастся, то с видимым удовольствием облизывают рыло. Настоящими пресмыкающимися они выказывают себя тем, что беспощадно преследуют собственных детенышей, которых, в случае

если удастся поймать, без дальнейших околичностей умерщвляют и пожирают. В жаркие солнечные дни они пьют очень много, медленными, но частыми погружениями языка в жидкость. Мед и сахар они лижут с жадностью и видимым наслаждением; сладкий фруктовый сок им тоже очень нравится, поэтому думаю, что и на свободе они, по всей вероятности, не пренебрегают плодами.

Каждый катышек помета состоит, по исследованиям Лейдига, из двух, резко отделяющихся одна от другой частей: большая представляет собой продолговатую массу, в свежем виде буркофейного цвета; это и есть собственно кал; меньшая часть, образующаяся из мочи, является в виде белой, как мел, известковой кашицы. Помет всех видов немецких ящериц существенно не отличается; может встретиться разве только маленькое различие в форме катышков. Таким образом, и в этом отношении пресмыкающиеся приближаются к птицам. Вскоре после пробуждения от зимней спячки, весной, возбуждаются любовные похоти и полы начинают сходиться. Самец большей частью всегда крупнее самки и ярче окрашен. Половое стремление проявляется у них чрезвычайно бурно, так как самец, под влиянием любовных похотей, становится крайне сварливым: сильнейший свирепо преследует слабейшего, он высоко приподнимается на своих вытянутых ногах и злобно наступит с опущенной головой на противника, который некоторое время всматривается в своего врага и, убедившись в его силе, ищет спасение в бегстве. Атакующий во весь дух преследует беглеца и иногда до того озлобляется, что кусает даже подвернувшуюся на дороге самку. Если ему удастся догнать беглеца, то он пытается схватить его за хвост: отсюда-то и происходят те увечья, которые так часто приходится наблюдать у ящериц. Уложив соперника на поле брани, самец, по наблюдениям Глюкзелига, приближается к самке в высоко приподнятом положении с выгнутым дугой у основания хвостом обходит ее кругом и, видя, что самка, извиваясь и трепетно шевелясь, проявляет ему свое сочувствие, делается еще более смелым.

Он схватывает самку ртом выше задних ног и таким образом довольно сильно сдавливает ее тело, затем приподнимает и переворачивает ее, крепко сжимая, выворачивает клоаку, закидывает одну ногу через ее спину и прикладывает свои половые органы к половым частям самки. Оба в продолжение трех минут остаются неподвижными, затем самец разевает челюсть и выпускает самку, которая быстро удаляется. Спаривание совершается по нескольку раз в течение дня; самец спаривается с несколькими самками, а самка, в свою очередь, с несколькими самцами. При спаривании, которое может продолжаться полчаса, согласно наблюдениям Мортенсена, выдвигается и действует всегда только один из мужских половых органов*.

* На Кавказе обитает группа ящериц, имеющая крайне специфичную генетическую структуру популяции, особи которой размножаются без участия самцов (партеногенетически). Это явление, характерное для кавказских скальных ящериц (в пределах рода *Lacerta*), было впервые установлено отечественным герпетологом И. С. Даревским. Такие формы организмов называются партеновидами и возникают при гибридогенном видообразовании. У гибридных форм нарушается нормальный ход процессов мейоза при образовании половых клеток, и становится невозможным нормальное половое размножение. Выживание таких форм определяется их способностью к партеногенезу. Возможно, партеновиды имеют некоторые преимущества перед родственными двуполыми видами в неблагоприятных условиях, где низкая плотность популяции затрудняет возможность контактов и спаривания разнополых особей. Известно, что однополые виды *L. unisexualis* и *L. rostrombecivi* существуют на территории современной Армении примерно 5—7 тысяч лет.

Приблизительно недели через 4 после первого спаривания самка кладет, по наблюдениям Чуди — обыкновенно ночью, 6-12 продолговато-округлых яиц, величиной с боб, грязно-белого цвета; место кладки зависит от расположения местности, так как яйца ящериц находят не только на солнечном припеке в песке или между камнями, но также и во мху, и в кучах крупных черных муравьев, которые не трогают их, и в тому подобных местах. Для развития яиц необходима сырость; в сухом воздухе яйца очень скоро высыхают. Молодые вылупляются среди лета, и с самого рождения так же подвижны, как и взрослые; они сбрасывают с себя кожу в начале осени и тогда же подыскивают себе подходящее убежище для зимней спячки.

Взрослые ящерицы линяют в течение лета несколько раз в неопределенное время, тем чаще, чем сильнее, крупнее и тучнее экземпляр. Старая кожа отделяется лоскутьями и удаляется посредством трения о камни, коренья, траву и т. п. У слабых животных и в холодную погоду сбрасывание кожи занимает зачастую восемь дней, у здоровых и сильных особей оно заканчивается обыкновенно в два дня.

Наши безвредные ящерицы страдают не только от холодов, но также и от многочисленных ловких врагов. Все раньше уже поименованные хищные животные беспрестанно угрожают им: от-

сюда и проистекает их осторожность и пугливость. Панический страх наводят на них змеи: едва завидев их, они изо всех сил спешат убежать, а если это не представляется возможным, то остаются неподвижно стоять на том же месте с закрытыми глазами, как бы оцепенев от ужаса. Впрочем, они имеют полное основание бояться этих родичей своих, так как некоторые виды змей охотятся почти исключительно за ящерицами, которых ядовитые зубы гадюк и других родственных змей убивают так же быстро, как и теплокровных животных. Ящерицы умеют очень точно различать разных змей. Пленные ящерицы, содержащиеся у Лейдига, держали себя осторожно по отношению медянок, тогда как клетчатые ужи их ничуть не беспокоили.

Живучесть ящерицы вовсе не так велика, как других пресмыкающихся. Отсеченная голова умирает в несколько мгновений, а движения туловища после обезглавливания или отнятия какого-либо члена основываются, очевидно, не на самостоятельности нервной системы и ее независимости от мозга, а на отличительном свойстве самих нервов. Животные яды быстро и наверняка убивают самую сильную ящерицу: выделение слизистой железы жабы умерщвляет ящерицу очень скоро. Минеральные и растительные яды действуют на них медленнее; так, например, для умерщвления кошки достаточно двадцатой части той ясны синильной кислоты, которая необходима для ящерицы. Из растительных ядов всего, по-видимому, губительнее и быстрее действует на них никотин: засунутая в рот щепотка табака или несколько капель табачного сока убивают их очень быстро.

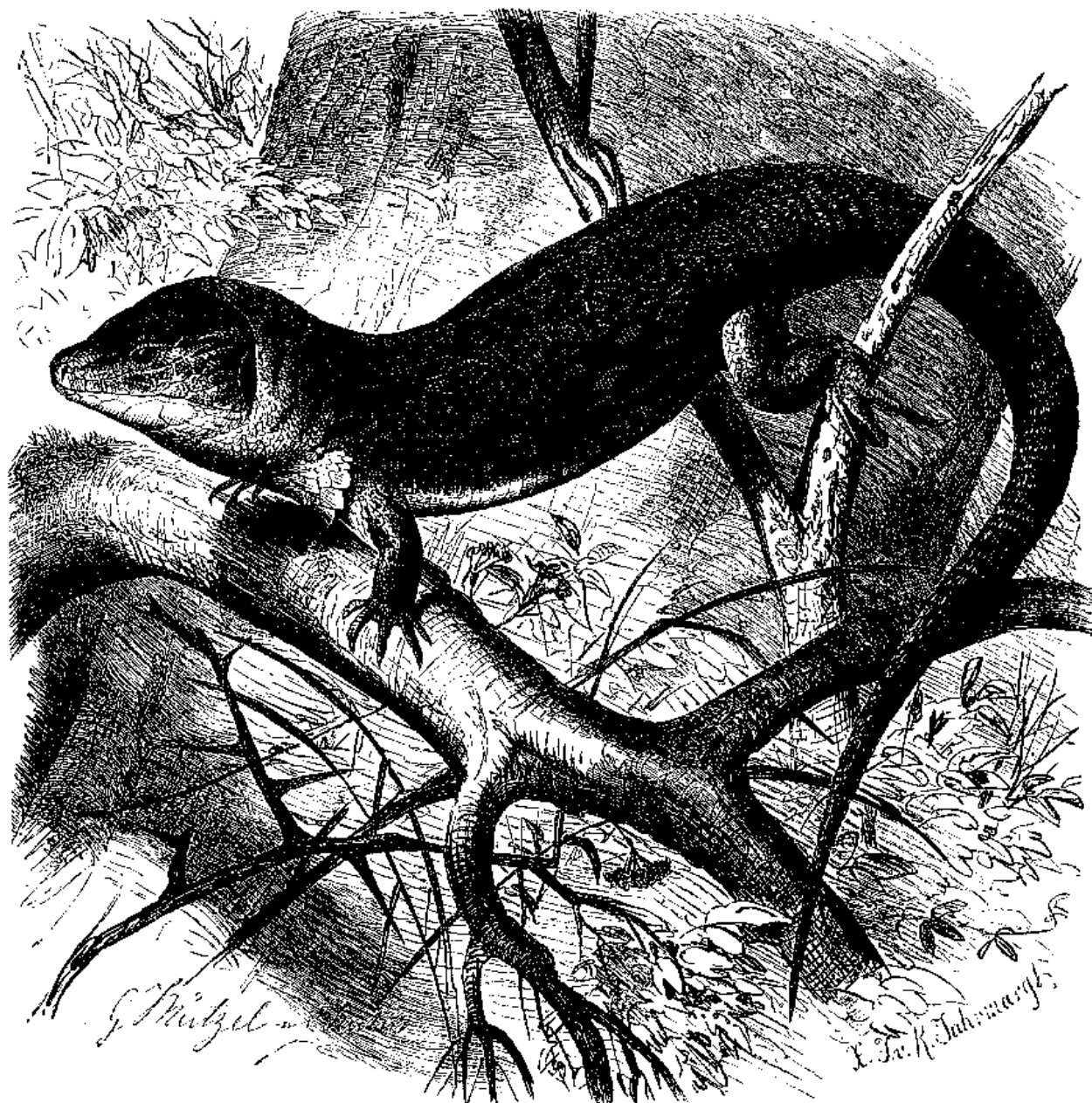
Пленные ящерицы доставляют немалое удовольствие и потому находят себе много любителей и любительниц. Если взяться за дело как следует, то их можно наловить какое угодно количество; не умеючи же придется бесполезно промучиться целый день и недостать ни одной, так как ловля этих зорких животных оказывается делом вовсе не легким. Наших ящериц с хрупким хвостом всего легче добыть неповрежденными посредством узких сачков с длинными ручками. От такого орудия ловли они не так легко ускользают, как от протянутой руки, и всего лучше, поймав ящерицу, из сачка переложить ее в легкий холщовый мешок, в котором легче всего донести ее домой в целости. Отведенная для них клетка должна быть частично выложена мхом и иметь удобные норки; но прежде и главнее всего следует позаботиться о том, чтобы она стояла на солнце или искусственно согревалась, потому что тепло столь же необходимо ящерицам, как вода и обильная пища. Пока они оживленны и бодры, значит они здоровы; но когда они начнут добрую половину дня проводить лежа неподвижно на одном месте с закрытыми веками, то им, очевидно, чего-нибудь не хватает — или удовлетворительной пищи, или тепла, и если в таких случаях тотчас же не принять соответственных мер, то животное быстро умирает. Кто с ними много занимается, тот уже через несколько дней приобретает если не их благосклонность, то во всяком случае доверие. Вначале они при появлении человека боязливо убегают в самый скрытый уголок, потом начинают с любопытством поглядывать оттуда, высунув головку и, наконец, впоследствии привыкают до того, что не только не убегают, но позволяют себя трогать и гладить рукой, и ловко и грациозно берут предлагаемую им пищу прямо из пальцев. Случается, конечно, что некоторые экземпляры, именно пойманные старыми, никогда не приручаются. Чрезвычайно забавно смотреть на них, когда на несколько ящериц достанется всего один червяк: каждая из них старается тогда стянуть добычу у другой, при этом они хватают червяка с разных сторон и дергают его туда и сюда до тех пор, пока он не разорвется или не исчезнет в том или другом рте. Глюкзелиг утверждает, что они даже способны доходить до задора. «Мой большой самец, — говорит он, — несмотря на свою прирученность, очень легко приходит в раздражение, если кончиком пальца щелкнуть его по темени; он тогда не убегает, а храбро готовится к обороне, забавным образом ударяет задней ногой по руке и старается укусить; после такого возбуждения долгое время потом расхаживает по своей клетке и задирает своих сожителей». С последними так называемые невинные ящерицы далеко не всегда обходятся дружелюбно, но зачастую крайне задорно, сварливо и по разбойничьи.

О **далматской** (*Lacerta mosorensis*), ближайшем родиче **стенной ящерицы**, Шрейбер сообщает: «Она вовсе не требует рачительного ухода и у меня в Герце держится без особенного присмотра уже третью зиму в нетопленном помещении. В самое короткое время животные становятся до того смирными и доверчивыми, что их прирученность граничит уже с назойливостью и они доставляют воспитателю поистине большую радость. Ящерицы не только принимают теперь всевозможную пищу, поедая ее прямо с руки, но я не могу приподнять крышку с их клетки без того, чтобы та или другая из них тотчас же не вскочила мне на руку; она то остается сидеть на руке, то принимается лазать по мне, принимая и поедая предлагаемую ей пищу. Это в самом деле настоящие назойливые попрошайки, которые достигают некоторой степени короткого знакомства и дружбы с человеком. Что вовсе уж не так часто встречается у пресмыкающихся».

В настоящее время нам приходится ограничиться признанием только той пользы за ящерицами, что они ловят и истребляют всевозможных вредных мелких животных; в прежние же времена из них умели извлекать и другую пользу: «Если, — пишет старый Геснер, — ствол яблони обмазать желчью зеленой ящерицы, то яблоки на этом дереве не станут портиться или точиться червями. У африканцев мясо этого животного считается съедобным; особенно оно полезно для тех, кто страдает ломотой в бедрах или в пояснице. Если мясо этого животного разрезать и сырым или вареным дать съесть ястребу или соколу или натереть им эту птицу, то она вскоре изменит свое оперение. Если это животное без головы и ног сварить в вине и затем каждое утро принимать такое вино по полному бокалу, то самые изнуренные и чахлые больные поправляются. Если в стеклянный сосуд положить мясо, кровь или золу этого животного или же заключить его самого и туда же опустить несколько железных, серебряных или золотых колец и продержать все это в продолжение девяти дней, после чего ящерицу выпустить из сосуда, то кольца, носимые на пальцах, служат необыкновенным целебным средством против гноения, красноты и воспаления глаз. Нужно семь таких зеленых ящериц (или наших обыкновенных, но тоже зеленых ящериц) бросить в сосуд, заключающий в себе один фунт обыкновенного масла и, закупорив, дать им задохнуться, продержать сосуд с маслом трое суток на солнце; тогда таким маслом можно мазать красные и гноящиеся глаза, после чего они становятся ясными и чистыми. Некоторые варят это животное в масле и употребление такого масла способствует тому, что вырванные с корнем волосы больше не будут расти: подобное же действие производит и желчь этого животного, если ею настоять на солнце белое вино до густоты киселеобразной жидкости».

После вышеприведенного общего описания ящериц вообще я думаю ограничиться отдельным описанием лишь немногих видов. Прежде всего, следует упомянуть о **настоящих ящерицах** (*Lacerta*), так как к ним причисляются все немецкие виды. Отличительные признаки этого рода, включающего 23 вида, живущих в Европе, в северной и западной Азии, в северной Африке, севернее экватора и на островах Атлантического океана, — следующие: более или менее стройное туловище вальковато или немного сжато от верха к низу; пирамидальная голова имеет отвесные боковые стенки, спереди более или менее круто суживающиеся; шея, длиной почти с голову, выделяется не особенно ясно; хвост, всегда превосходящий длину туловища, в виде длинного конуса, зачастую очень длинный, тонкий и острый. Покров тела на голове и брюхе образуют щитки, на туловище маленькие чешуйки, расположенные в виде колец, а на хвосте — более крупные мутовчатые; на нижней же части шеи — особенно большие чешуйки, соединяющиеся в кольцо вокруг шеи. Пять пальцев различной длины, снабжены серповидными, сжатыми с боков когтями, с желобком на нижней стороне, и не имеют ни бахромы по сторонам, ни выпуклых килей на нижней поверхности.

В юго-западной Европе и в северной Африке живет самый крупный и вместе с тем один из великолепнейших видов семейства, **глазчатая ящерица** (*Lacerta lepida*). Она достигает в длину от 41 до 61 см и считается одним из самых красивых видов всего отряда. Чешуйки у нее поразительно малы, гораздо меньше, чем у всех остальных родичей; вокруг тела насчитывают не меньше 70 чешуек, из которых 8 или 10 должны считаться брюшными щитками. Верхняя часть головы покрыта большими щитками, между которыми особенно отличается своей шириной затылочный щиток; окраска этой ящерицы буроватая, по сторонам головы — зеленая; спина по темному фону так плотно усеяна зелеными или желтоватыми запутанными линиями, что в некоторых местах светлая окраска преобладает; кроме того, каждая сторона испещрена приблизительно 25 синими пятнами с черной опушкой (глазками); нижняя часть тела равномерного светлого желто-зеленого цвета; все остальные части более или менее ярко-зеленые или зелено-серые. Молоденькие ящерицы отличаются от старых более мрачной оливково-бурой окраской и многочисленными белыми или голубоватыми с черной каемкой глазками по бокам тела.

Глазчатая ящерица (*Lacerta lepida*)

Глазчатая ящерица живет на Пиренейском полуострове, но распространяется также и в южной Франции и на северо-западных берегах Италии, именно до границы произрастания оливкового дерева. В южной и средней Испании она часто встречается повсюду. В Алжире и Тунисе она замещается другой, меньшей и более зеленой разновидностью (*var. pater*), у которой насчитывается только восемь брюшных щитков. Мне приходилось часто наблюдать этот вид. Обыкновенно эту ящерицу можно видеть вблизи дуплистого дерева, нередко на некоторой высоте над землей и даже лазающей по ветвям. При появлении человека она быстро убегает в свое дупло, исчезает в нем, свертывается там и высовывает в проход только голову, чтобы видеть, что будет происходить дальше. Пока она в силах бегать, то постоянно спасается, но только не от собак и не от кошек; против этих животных она храбро обороняется, прыгает им навстречу и больно кусается прямо в морду или в переднюю часть шеи, таким образом постоянно прогоняя их. Если она случайно очутится отрезанной от своей норки, то карабкается на одно из ближайших деревьев, поспешно влезая по косым сучьям, и там выжидает, высматривая и прислушиваясь, будут ли ее преследовать. Если это случится, то она сильным прыжком соскакивает сверху прямо на землю и все-таки спешит укрыться в какой-нибудь норе. Если она спрячется под камнем, и камень этот поднимут, то она старается прижаться вплотную к земле и тогда ее очень легко схватить. Но это следует делать ловко, так как она кусается и очень больно, а также пускает при защите в ход и свои острые когти. Больших глазчатых ящериц, бегающих на свободе, я не советовал бы вообще брать руками; не малого труда стоит обороняться от них, когда они, озлобившись, больно укусят за икру или за сапог.

Пища глазчатой ящерицы более или менее та же, что и у наших немецких видов; соответственно своей силе она со страстью охотится за относительно крупными животными, в особенности за другими ящерицами, молодыми змеями и мышами; вместе с тем она ест также виноград, свежие винные ягоды и другие сладкие плоды. «Заметив добычу, — говорит Шинц, — она подстерегает ее, пристально уставив прямо на нее свои сверкающие глаза, и затем наскакивает с большой быстротой, схватывает ее зубами, несколько раз сильно трясет головой и тогда уже медленно пропускает в рот пойманное и прищемленное животное. Проглотив добычу, она с большим удовольствием облизывает морду языком подобно кошке, поевшей молока». Дюжее наблюдал, что эта ящерица ест также птиц и пресмыкающихся, даже своего же вида.

В период спаривания как в неволе, так и на свободе, самцы ожесточенно дерутся друг с другом и укусы свои направляют преимущественно на хвост соперника. 6-10 яиц кладутся обыкновенно в рыхлую древесину оливкового дерева.

Шинц сообщает, что в Бернский ботанический сад было пущено несколько живых глазчатых ящериц с намерением акклиматизировать их там. Для жительства им отвели подходящий холмик. Во время жарких летних дней они выглядели такими же оживленными, как и на своей родине, в холодные дни становились вялыми и равнодушными, а с наступлением холодной осенней погоды совсем перестали показываться. Зимой они не смогли пережить. Подобный исход был почти очевиден. Хотя зима в северо-испанских горах и даже в средней Испании немного уступает нашей по продолжительности, зато она значительно превосходит ее по мягкости.

Во время нашего пребывания в Испании мы, т.е. мой брат Рейнгольд и я, очень часто ловили глазчатых ящериц, но никогда не могли наблюдать их в клетках, так как женский персонал нашего дома приходил в сильное возмущение каждый раз, когда мы приносили такую ящерицу с нашей охотничьей прогулки, и постоянно либо тайком выпускали животное, либо убивали его. Хотя впоследствии и мне часто приходилось ухаживать за глазчатыми ящерицами, но все же в описании этого животного я предпочту уступить место Либе, так как не в состоянии дать такого прекрасного описания их жизни в неволе, какое составил этот исследователь.

"Она очень скоро освоилась с моей комнатой, но была несносна тем, что любила лазать по занавескам, нижний край которых доставала прыжком. Вообще она, среди бега, охотно делала прыжки без всякой видимой к этому надобности. Добычу свою она схватывала с наскака только тогда, когда та могла легко ускользнуть от нее; к ползающим насекомым она приближалась медленно и схватывала их быстрым боковым движением головы. Если кто-нибудь становился ей в это время на дороге, она зачастую так озлоблялась, что кусала за носок сапога или за брюки. Прикосновение воды к ее телу вызывало в ней ужас, хотя брошенная в воду, она ловко выплывала, чем и отличалась от обыкновенной ящерицы. Обрызгивание водой нагоняло на нее такой страх, что она делала тщетные попытки вскарабкаться на ближайшую пригодную стену. Несмотря на это, она все-таки воду пила, причем осторожно погружала кончик рыльца в жидкость и вбирала ее в себя, по видимому, при помощи языка. Молоко она тоже скоро выучилась пить.

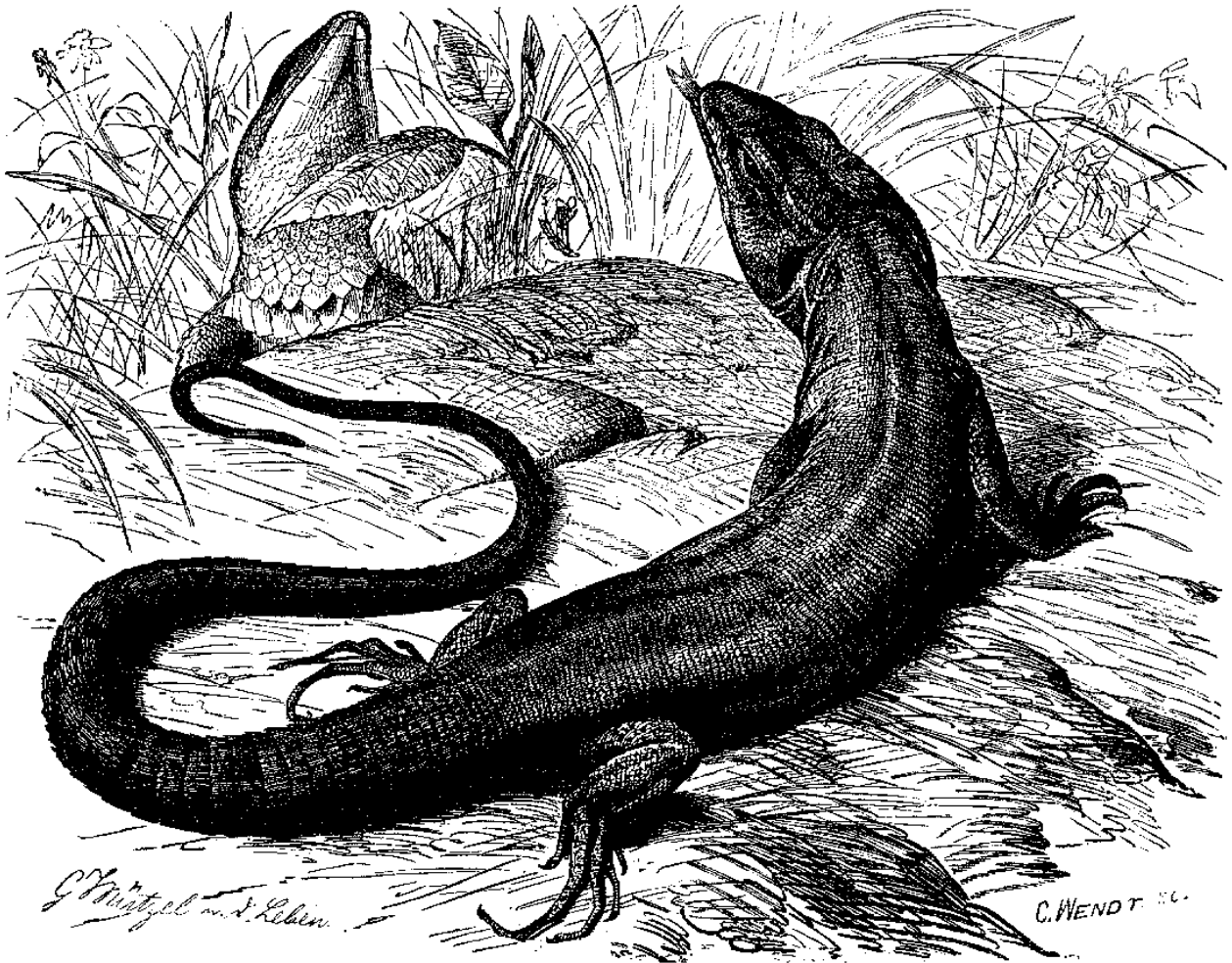
Солнце ей было необыкновенно приятно: тучка, набежавшая на небо, могла принудить ящерицу запрятаться в мох и листья. Большого затруднения стоило мне вначале доставлять ей подходящую пищу. Она ела мучных червей, майских жуков, личинки их и т. п., но никогда не ела много зараз, в особенности майские жуки ей очень скоро приедались. Дождевых червей, улиток, головастика и лягушек она не брала даже во время сильной голодухи. Один только раз я добился того, что она съела молодого мышонка, но больше никогда это не повторялось. Зато любимым ее кушаньем были все виды прямокрылых, в особенности большие кузнечики. Она хватала их постоянно за середину, кивком головы поворачивала их так, что длинные задние ноги ложились вперед, и тогда уже проглатывала, причем зачастую выскользнувшие голени выбрасывала на землю ловким поворотом головы. Самым большим лакомством для нее все же были пресмыкающиеся, собственные родители, обыкновенные ящерицы, веретеницы, кольчатые и гладкие ужи. К сожалению, я не мог получить для опыта ни одной обыкновенной гадюки. Все эти животные впивались зубами, как только были схвачены, в челюсти или шею ящерицы, но она их ударяла о землю и таким образом оглушала.

При этом подбрасывании веретеницы обыкновенно разрывались на куски, и ящерица подбирала их только тогда, когда они еще немного шевелились. Когда наступила зима, мне было очень трудно доставлять ящерице удовлетворительную пищу; но всего более опасны для нее были, очевидно, ночные холода. Она стала вялой, тощей, утратила аппетит и наконец впала в почти летаргическое состояние; это вовсе не было зимней спячкой, так как теплота не приносила уже никакого улучшения. Продержавшись в подобном состоянии 6 недель, она в конце зимы умерла. Я ухаживал за этой ящерицей почти целый год».

Благодаря своей способности к защите, глазчатой ящерицы приходится страдать от меньшего количества врагов, чем ее более мелким родичам. Опаснейшими их врагами остаются хищные птицы, именно крачуны и сарыч, к которым присоединяется еще и ворон. Испанцы считают глазчатую ящерицу ядовитой боятся ее просто до смешного и вследствие этого убивают ее чаще, чем это было бы желательно.

Из живущих в Германии видов превосходит всех своей личиной и красотой **зеленая ящерица** (*Lacerta viridis*). Она достигает в Германии 30, а на юге 43 см в длину, из которых не более 1/3 приходится на голову и туловище; вследствие длинного хвоста она кажется очень тонкой, на самом же деле туловище ее довольно толстое. Щитковый покров головы отличается тем, что позади носового отверстия лежат обыкновенно прямо друг за другом два маленьких щитка; затылочный щиток треугольный, но очень маленький, а височная область покрыта неправильными щитками и чешуйками; покров тела характеризуется тем, что брюшные щитки расположены в шесть долевых рядов, а щитки ошейника зазубрены. Носовое отверстие стоит в соприкосновении с рыльцевым щитком; лапки у самок и молодых всегда длиннее головы. В межчелюстной кости помещаются 9-10 зубов, в верхней челюсти с каждой стороны 19-20, в нижней же 23-24, а в крыловидной кости с каждой стороны 8 больших и несколько мелких зубов. Самец отличается от самки более длинной и высокой головой, вздутым основанием хвоста, более сильными задними ногами и большей частью также более значительной величиной. Окраска его яркая, зачастую даже блестящая зеленая с различными оттенками, начиная от синевато-зеленого, изумрудного и до светло-зеленого, который на нижней стороне тела переходит в зеленовато-желтый. Верхняя сторона украшена черными точками, которые на голове кое-где увеличиваются до пятен, тогда как нижняя сторона, за исключением зачастую синевато окрашенного горла и нижней челюсти, постоянно одноцветная. Самка нередко походит на самца, тоже имеет синее горло; обыкновенно же красивый покров ее тела более или менее с буроватым отливом и украшен по сторонам желтоватыми с черной каемкой пятнами, расположенными долевыми рядами. У молодых ящериц преобладающая окраска кожи бурого цвета с одним или двумя желтыми боковыми полосами. Влияние возраста и места родины не особенно существенно сказывается на обоих полах, но южные экземпляры, в особенности далматские, всегда красивее окрашены, чем северные.

Родиной зеленой ящерицы мы считаем страны на востоке и севере Средиземного моря. Она обыкновенна в Португалии и Испании (здесь в виде *var. schreiberi*), проникает во Францию до Парижа, встречается в Италии, за исключение Сардинии, в южной и западной Швейцарии, в южном Тироле, на Балканском полуострове считается одним из распространеннейших видов и достигает здесь наибольшего развития (*var. major*), населяет также Дунайские области и южную Россию, Персию и Кавказ, Малую Азию, Сирию и Палестину (*var. strigata*); отдельными экземплярами встречается в Австрии и Германии.

Зеленая ящерица (*Lacerta viridis*)

Имея в виду, что эти ящерицы держатся на почве, состоящей из твердого камня, извести, песчаника или сланца, следует признать, что местопребыванием им служат различные местности одинаково, как на равнинах, так и на возвышенностях и в горах. Начиная от морского берега до высоты в 1 000 м, а в Эггентале еще выше, зеленую ящерицу встречали решительно на всякой высоте. Где она обыкновенна, там попадаетея всюду: так, по Гредлеру, в Тироле она держится на скалах или каменистых раскаленных солнцем местах вдоль улиц, полевых дорог и речных берегов, в предгорьях и кустарниках, в равнинах или виноградниках; по Бедряге — в Италии она придерживается известковых гор, поросших кое-где низкими тернистыми кустарниками; по Эберу — в скалистой Далмации попадаетея решительно всюду. «Одна парочка зеленых ящериц, — говорит Бедряга, — приютилась в группе кустарников. Животные греются на солнце постоянно в некотором отдалении от своего ночного убежища, для того чтобы даже незначительная тень от кустов не застилала им солнце; они растягиваются на каком-нибудь камне во всю длину своего тела и их яркая окраска резко выделяется на фоне скалы». Зеленая ящерица довольно охотно взбирается также на кусты, чтобы прогреться там на солнышке, а также и на деревья, чтобы пользоваться большей безопасностью. В южной Франции она живет, по словам Фишера, по берегам почти всех водных бассейнов она плавает и ныряет превосходно.

Движения зеленой ящерицы прекрасны как по своей скорости и ловкости, так и по красоте и грации. «Подобно молнии пересекает она дорогу», — воспеваея Данте; «при скачке, — говорит Лейдиг, — она, подобно стреле, перелетаея с вытянутым хвостом в прямом направлении довольно большое расстояние и часто даже дальше цели». При преследовании, по Эрберу, она ищет спасения на деревьях. Если ее и здесь еще беспокояя, она бросаея зачастую громадным прыжком на землю и ускользаея под камни или в земляную нору. «Какое важное значение для поспешного, прямолинейного движения имеея ее хвост, — замечаея Лейдиг, — можно убедиться тогда, когда мы случайно встретим ящериц с изувеченными хвостами. Хотя такие животные и пускаюся тоже в бегство, но они неспособны уже к быстрым, подобно стреле, движениям, а просто бегут, помогая себе частыми и быстрыми извивами тела».

Всеми своими прочими способностями зеленая ящерица нисколько не уступает другим своим сородичам. Она столь же пуглива, как и проворна, столь же умна, как и подвижна. Если, по словам Лейдига, старого, в большинстве случаев живущего одиноко, самца, несколько раз сряду потревожить, не поймав его, то после этого греющееся на солнце животное всегда заранее убежит в свою нору прежде, чем удастся подойти к нему близко. При этом замечательно, что зеленая ящерица отлично различает и понимает, когда к ней подходит с тяжелой ношей крестьянин; тогда, не изменяя своего положения, она дает ему пройти мимо себя, между тем как, завидев горожанина, она удаляется уже заблаговременно. В неволе она почти ежедневно дает доказательства своей понятливости; она, безусловно, причисляется к умнейшим видам своего рода. Только когда после неоднократных преследований она спрячется под неплотно лежащим камнем, и тот будет приподнят, она уже не ищет спасения в бегстве, а отдается в руки судьбы; точно также иногда случается, что после неудачного выстрела в нее, она в испуге остается сидеть на том же месте и тогда позволяет легко схватить себя. Но все же продолжает защищаться укусами, которые, конечно, не могут причинить пальцам никакого вреда. Совершенно иначе поступает она, когда затевает ссору со своими родичами. Будучи общительной, как все ящерицы, она живет с себе подобными довольно мирно, по крайней мере там, где встречается часто; но все же дает чувствовать свое превосходство более слабым видам, а иногда даже нападает на молодых животных своего вида.

Ее обычная пища состоит из больших, проворно движущихся насекомых, их личинок, из улиток и червей; осенью она живет зачастую исключительно кузнечиками, но пожирает также, не задумываясь, маленьких ящериц, по крайней мере, по наблюдениям Симона, поступает так в неволе. Чтобы проглотить такую крупную добычу, как обыкновенная стенная ящерица, она, по словам Симона, хватается за середину туловища, жуя, несколько раз переваливает ее во рту с головы до хвоста, придавливая и, наконец, проглатывает, не выпуская изо рта, с поразительной для ящерицы легкостью. О прожорливости ее свидетельствуют данные Эрбера, который высчитал определенное количество насекомых, съеденных как ей, так и другим, воспитывавшимся у него пресмыкающимся: одна зеленая ящерица съела с февраля по ноябрь месяц более 3 000 штук больших насекомых, из 2 040 одних только мучных червей.

Южнее Альп зеленая ящерица удаляется на зимнюю спячку в ноябре, в Германии же — почти на целый месяц раньше; на юге Греции и Испании она в некоторые зимы остается почти все время в деятельности. В Германии она погружается в зимнюю спячку до самого апреля; в южном же Тироле показывается уже в марте. В мае или июне величавые самцы, в полной красе своего брачного наряда, уже вступают в ожесточенную борьбу с соперниками; эти последние не менее их возбуждены и при этом тот или другой из них откусывает своему противнику его главное украшение — хвост. Около этого же времени происходит и спаривание; месяцем позже, в Швейцарии или в Германии редко раньше июня, самка кладет в соответственном месте 8-11 яиц (североафриканский вид 15-22), величиной с боб и такой же формы, грязно-белого цвета; приблизительно еще через месяц, стало быть, в июле вылупляются молодые, которые вскоре же начинают вести себя так же, как и взрослые.

Бетхер, описывающий жизнь немецких особей зеленой ящерицы, указывает прежде всего на то, что и у самки в период полового возбуждения горло украшается светло-синим цветом. Весеннее линяние наступает 15 апреля, а 15 июня начинается вторичная линька. Германские виды с большим удовольствием едят дождевых червей, которых хватают всегда с конца туловища и жуют, хрустя зубами вследствие приставших на них песчинок. Очень крупные черви, неудобные для еды целиком, перегрызаются, после чего делается маленькая пауза и затем уже берется остальное и пережевывается. Дождевых червей наши ящерицы умеют распознавать с ранней юности очень хорошо и моментально подхватывают их прежде другой предложенной пищи. Были сделаны попытки перемени корма, но они охотно едят еще только жуков и больших пауков. Поевши, они трутся краями челюсти о камень, чтобы чистоплотно удалить приставшие кусочки, песчинки или оставшуюся после червей слизь, и затем по-кошачьи тщательно облизываются и чистятся своим широким, очень подвижным языком.

"Несмотря на противоречащие указания других наблюдателей, немецкая зеленая ящерица легко приходила в гнев, постоянно становилась против пальца, за который ожесточенно хваталась и, вытянув вперед голову, старалась защититься против всякого кажущегося нападения. Мне приходилось видеть, как животное по целым минутам стояло перед самым невинным зрителем в таком положении с угрожающе раскрытым ртом. Ни малейшего следа доверч и восты или хоть какой-нибудь прирученности я не подметил у этих красивых ящериц, несмотря на то, что долго изо дня в день старательно занимался ими. Впрочем, весьма возможно, что различные животные, в зависимо-

сти от возраста и природных способностей, выказывают себя совершенно иными; я отнюдь не сомневаюсь в том, что и немецкие ящерицы могут достигнуть такой же степени прирученности, как тирольские и далматские».

"Купание было любимым занятием для моей ящерицы; даже в очень холодной воде она чувствовала себя хорошо. Часто я видел ее, по получасу лежащей в воде. Во время очень жаркой погоды я мог заметить, что она, особенно в послеобеденное время, старалась укрыться в тенистом месте под листьями. Ночь же она всегда проводила в скрытом убежище.

29 мая вечером, между 5,5 и 6,5 часами вечера при жаркой душной погоде самка снесла в сыром песке 11 яиц и нагребла над ними в продолжение последовавшей затем ночи и раннего утра горку сухого песка в 6-7 см вышиной. Я взял ящерицу из ее четырехугольного ящика, переложил яйца в другой сосуд, чтобы можно было присматривать и наблюдать за их развитием, и затем тщательно выровнял опять клетку. Сосуд с водой, который раньше стоял около песчаной горки, содержащей в себе яйца, я случайно поставил на противоположную сторону ящика. Тогда произошло одно явление, которое меня, по правде сказать, страшно удивило и, кроме того, крайне убедительно доказало мне в высшей степени тонкую даже неуловимую память на место, присущую этому животному. Вечером я нашел ящерицу опять в том же углу, в котором она положила свои яйца: ее несколько не спутало измененное положение сосуда с водой. Других же более очевидных признаков, по которым она могла бы ориентироваться, тоже не существовало, так как мокрое место в прежнем углу уже успело высохнуть, ящик был совершенно прямоугольный и везде одинаково ровно выстлан песком. Ящерица опять соорудила совершенно такую же песчаную горку, под которой на этот раз не было яиц, но очевидно, у нее было намерение опять положить яйца в этом месте и вот уже второй день, как все свое внимание и заботы она посвятила выводу детенышей».

Зеленой ящерице приходится в прямом смысле слова страдать от всех врагов, поименованных в общем обозрении жизни всех ящериц, а еще более — от суровых зим и холодных сырых лет. Шарпантье рассказывает, что до наступления суровой зимы 1829 — 30 годов эти ящерицы были заурядным явлением в Бексе, но после того довольно долгое время они почти не показывались, потому что, без сомнения, большая часть их нашла свой конец в недостаточно глубоких норах, куда проникал мороз.

Гораздо более, чем с зеленой ящерицей, мы освоились с нашей, повсюду распространенной и везде заурядной **прыткой ящерицей** (*Lacerta agilis*). Ее длина достигает самое большее 25 см, в большинстве же случаев только 20-21 см, голова относительно короче, толстая и с тупой мордой, хвост не более как на $1 \frac{2}{3}$ длиннее туловища и головы. Из уздечных щитков передние расположены непосредственно позади носового отверстия в виде треугольника; маленький затылочный щиток имеет вид трапеции. Височная область покрыта правильными щитками; маленькие чешуйки спины и более крупные — боков большей частью существенно отличаются своей величиной; брюшные щитки образуют, как правило, 8 долевых рядов. Носовое отверстие всегда отделено от рыльцевого щитка маленьким промежутком; между щитком века и бровным у этой ящерицы никогда не замечается той четко видной долевой полосы из мелких крупинок, по которой так часто можно отличить зеленую ящерицу и всегда — стенную; лапы у нее никогда не бывают длиннее головы. В межчелюстной кости помещаются 9 зубов, с каждой стороны в верхней челюсти 16, в нижней до 20, в крыловидной кости, со включением маленьких, 10 назад и внутрь направленных зубов. В окраске самца преобладает на верхней стороне более или менее яркий зеленый цвет; окраска самки преимущественно серая или бурая; темя, спинная полоса и хвост по большей части бурые, подбородок и нижняя сторона зеленоватые или желтоватые. Спинная полоса, а у самок также и бока разрисованы белыми, вдоль расположенными пятнами, которые местами увеличиваются до размера глазков; нижняя же сторона испещрена черными крапинами. Впрочем, встречаются различные изменения, которые у самцов напоминают окраску и узор зеленых ящериц.

Прыткая ящерица распространена по северной, средней и восточной Европе, начиная с Альп до южной Англии и Швеции, от Кавказа до Финского залива, а на западе — до средней Франции; ее совсем нет южнее Альп, и чем дальше на север, тем она встречается реже. За Уралом она заходит до западной Сибири и распространяется далее в Азиатской России (*var. exigua*)*.

* В настоящее время можно считать доказанным существование на описываемой территории 9 подвидов прыткой ящерицы.

Прыткая ящерица (*Lacerta agilis*)

В северном Тироле она, по словам Гредлера, поднимается до высоты 1 200 м, в Ваадтланде, по исследованиям Питье и Варда, до 1 380 м. В Германии она почти всюду обыкновенна, хотя не во всех местах одинаково заурядна. Местопребыванием своим она избирает преимущественно освещенные солнцем склоны холмов, именно такие, которые покрыты малорослыми кустарниками, степи, каменистые покатоки, плетни, края лесов и улицы, и особенно железнодорожные насыпи; но ее можно встретить также и на тощих лугах, не слишком сырых болотах, одним словом, она водворяется всюду, где может рассчитывать на добычу. «Если, — говорит Лейдиг, — на том месте, где находится прыткая ящерица, лежит пограничный камень, то она с удовольствием избирает его своим местожительством. При спокойной обстановке она греется на нем на солнце и, скрываясь под ним, как будто чувствует, что этот камень останется неизменен в своем положении».

По своей подвижности прыткая ящерица так сильно уступает зеленой, что Линней, наверное, дал бы ей другое научное название, если б ему пришлось наблюдать на свободе другие виды этого отряда**.

* * Убегая. прыткие ящерицы могут преодолевать водные преграды. совершать резкие прыжки с холмиков в траву, «пролетая» по воздуху до 0,5 м.

Она тоже проворна и быстра***, но не настолько, чтобы напрасно измучить ловкого ловца, который всегда может наловить их столько, сколько пожелает.

* * * Скорость бега взрослого самца прыткой ящерицы может достигать 8 м в секунду.

Она бегает действительно быстро лишь там, где не встречает никаких препятствий, зато очень ловко пробирается в густой траве и сросшихся ветвях, лазает довольно сносно, но все-таки только по низким кустам, чтобы греться на них, а в случае нужды и плавает быстро извивающимися движениями по лужам, ручьям и даже маленьким рекам. По своему образу жизни она гораздо менее отличается от своих родичей, чем по своим движениям.

В Германии она появляется в первых числах, самое позднее в середине апреля; на юге ее области распространения прыткой ящерицы ее никогда не видели раньше конца марта, на севере — позже конца апреля. Старые самки, по Лейдигу, появляются почти на неделю позже молодых. В мае, а при очень хорошей весенней погоде даже в конце апреля они приступают к размножению****.

* * * * У прыткой ящерицы крупный и сильный самец обычно играет главенствующую (доминирующую) роль. Другие самцы занимают подчиненное положение и убегают при приближении самца-доминанта, принимают охранную позу или вступают в драку.

В одну из июньских ночей самка кладет 5-8 тупо овальных яиц с белой оболочкой на солнечном месте в песке, между камнями, по Шинцу — также в кучах черных муравьев, которые их не трогают; в конце июля или в начале августа вылупляются молодые. По предположению Лейдига, старые, после периода размножения, удаляются в скрытые убежища или зарываются в землю, может быть, для того чтобы таким же способом, как это бывает у питонов, выдержать нечто вроде летней спячки. «Каждый может легко подметить тот факт, что весной в определенном месте ящерицы могут быть очень многочисленны, а позже, приблизительно в конце июля, как раз в то время, когда устанавливается сильная жара, они исчезают. Дюжее давно уже заметил это и истолковал это явление тем, что ящерицы или впадают в некоторый род оцепенения, в летнюю спячку, или же скрываются в прохладное, сырое убежище».

Прыткие ящерицы с жадностью едят капустных бабочек и тем становятся полезными для садоводов*.

** Прыткие ящерицы потребляют от 34 до 98% вредных беспозвоночных животных однако их реальное значение определяется как численностью самих ящериц и членистоногих, так и соотношением полезных и вредных насекомых в биоценозе и характером его хозяйственного использования. Значение ящериц возрастает в лесостепной зоне по сравнению со степной и лесной. Заселяя трансформированные экосистемы (лесополосы, виноградники, плодовые сады и т. д.), на химическую обработку которых затраты максимальны, ящерицы экономят около 10% финансовых средств.*

Когда Бетхер ловил в саду этих бабочек для своих ручных ящериц, то они следили за ним глазами и все время сидели в просительной позе с приподнятыми головами на той стороне ящика, которая была обращена к нему, и даже подпрыгивали, подобно собакам, когда он просовывал бабочку в проволочную сетку, покрывавшую их клетку. Прыткая ящерица и живородящая совершенно исключают присутствие одна другой: они никогда не населяют одной и той же местности. Это весьма понятно для каждого, кто хоть раз видел, с какой свирепостью прыткая ящерица преследует детенышей живородящей, как неумолимо пожирает и истребляет их**.

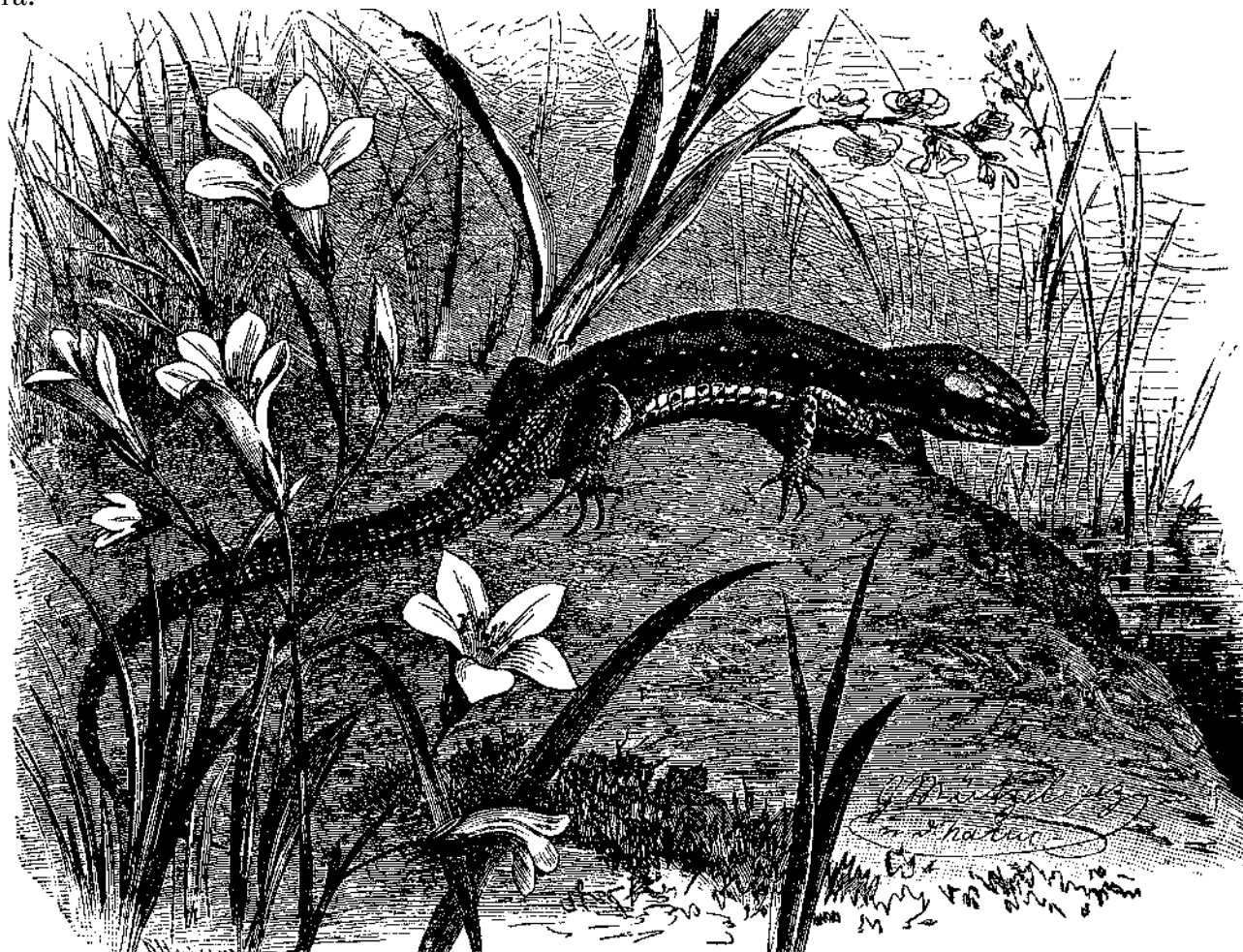
** * В желудках прытких ящериц иногда находят яйца и детенышей своего вида.*

Следствием этого было то, что живородящая ящерица удалилась в высокие и сырые места, куда не хотела и не могла последовать за ней прыткая, любящая больше тепло и сухость.

Между несметными врагами, преследующими прыткую ящерицу и ее детенышей, прежде всего, следует назвать медянку (гладкого полоза) и гадюку обыкновенную. Первая питается исключительно ящерицами; гадюка же, пока сама еще не выросла, преследует менее прытких и гибких животных, в особенности молодых ящериц. Различные куницы, соколы, сойки, сорокопуты, домашние куры, индейки, павлины, аисты и утки тоже преследуют этих ящериц и, по-видимому, с удовольствием едят их.

Наряду с прыткой ящерицей в большей части Германии встречается также **живородящая ящерица** (*Lacerta vivipara*). Ваглер возвел ее в представительницы особого рода (*Zootoca*), так как она производит на свет живых детенышей; новейшие же зоологи не придают этому отличительному свойство такого важного значения, которое допустило бы подобное деление. Живородящая ящерица достигает в длину 15-18 см, из которых 10-11 см приходится на хвост, имеющий у основания такую же толщину, как и туловище. Голова, туловище и пальцы имеют немного более тонкое и нежное строение, чем у прыткой ящерицы. В межчелюстной кости помещаются 7 зубов, в верхней челюсти с каждой стороны 16, в нижней 16-21. Чешуйки относительно больше, чем у обыкновенной ящерицы, на спине они чуть-чуть килеваты, на шее слегка зазубрены, на брюхе распределены в 6 рядов средней длины; к ним с каждой стороны может быть причислен еще один ряд щитков, которые некоторыми исследователями не рассматриваются в качестве брюшных, так как они почти сходны с боковыми. Носовое отверстие находится в соприкосновении с рыльцевым щитком; за ним лежит только одна чешуйка, а позади нее единственный передний уздечный щиток. Лапы обыкновенно длиннее головы. Основная окраска спины более или менее темно-бурая, переходящая довольно ясно в шиферный цвет, но во всяком случае на середине спины и на каждом боку образует более темные полосы. Последние много раз меняются, ограничиваются наверху светло-серой или желтой линией, а также отдельными белыми или желтыми чешуйчатыми пятнами, кроме того, имеют темные точки или глазки, которые сливаются в продольные полосы и т. д. Нижняя сторона побуровато или голубовато-серому, желтовато-белому, шафранно-желтому или кирпичного цвета фону покрыта черными точками или пятнами; горло синеватое, но нередко буквально розово-красное. Самец отличается от самки большей стройностью, более плоской головой, вздутым основанием хвоста, а также обыкновенно более яркой окраской и рисунком. Почти черная разновидность, (*var.*

nigra), попадающаяся там и сям в Альпах, по словам Мехели, передает в восточной Трансильвании свою окраску детенышам и является таким образом более, чем простым и случайным изменением цвета.

Живородящая ящерица (*Lacerta vivipara*)

Область распространения живородящей ящерицы охватывает значительно большую часть северной и средней Европы и простирается, кроме того, по всей северной Азии до Амура и острова Сахалин. Этой ящерицы нет, как кажется, к югу от Альп, но на север она доходит дальше, чем все остальные виды ее семейства; по словам Нильсона, она водится в значительном количестве в средней Скандинавии и на фиельдах поднимается до пояса березы; по Берману, она живет даже в окрестностях Архангельска, а в Альпах ее находили на высоте до 3 000 м. На такой высоте, как и на севере, она проводит три четверти года в зимней спячке и наслаждается жизнью всего каких-нибудь два, от силы 3 месяца. На Кавказе она заменяется родственным видом — луговой ящерицей (*L. praticola*). В Германии в некоторых местах ее совсем нет, на других же она попадается часто, например, преимущественно в горных местностях и в болотах. В Швабских Альпах, в Таунусе, Тюрингенском Лесу, Гарце, Глацких горах она так же многочисленна, как в Альпах, в голландских дюнах, в Бельгии и в северной Франции, а во всей Великобритании не менее обыкновенна чем на болотистых местах Бранденбурга, в степях ГанOVERA и Эстляндии или в области озер Финляндии и в южной части тундровой полосы России. Гредлер замечает вполне справедливо, что она любит жить по близости воды, «на горах в сырых ущельях, при горных ручьях или в водопроводах, в долинах же — на сырых лугах, в болотах и в запрудах». Это касается как Тироля, так и Бранденбурга или Силезии, где я ее наблюдал. Фитцингер не без основания называет ее болотной ящерицей.

По своему образу жизни, движениям и привычкам живородящая ящерица очень мало отличается от родственной ей прыткой. Но все-таки она менее проворна и реже лазает, чем та; но зато плавает чаще и легче последней. Если после грозового дождя на обитаемых ею горных лугах образуются лужи или болотца, то ее можно видеть пробегающей по дну лужи и выходящей на другой стороне, как будто бы она понимает, что это средство скорее может спасти ее от преследователя, который, оберегая свою обувь, не всегда пойдет за ней в воду. Если, преследуя ящерицу, обходят лужу кругом, то животное нередко снова поворачивается той же дорогой по дну болотца и таким образом действительно успешно уклоняется от поимки. На более высоких горах живородящая ящерица держится заметно неповоротливее и медлительнее, чем в глубоких долинах, но и здесь она так

же приспособлена к господствующей тут температуре воздуха, как и ее сородичи, живущие на низменностях*.

* Любопытно, что, как и некоторые другие виды ящериц, живородящая порой бывает обильно заражена клещами. Так, в оптимальных условиях на единице территории они прокармливают клещей *Ixodes persulcatus* больше, чем бурундук, считающийся одним из основных хозяев возбудителя клещевого энцефалита (острого инфекционного заболевания человека, протекающего с поражением центральной нервной системы). За весь период паразитирования клещей ящерицы прокармливают около 18 000 личинок и 8 000 нимф этого клеща. В годы снижения численности мышевидных грызунов живородящие ящерицы могут играть роль основного хозяина этого паразита.

Человека она мало боится. На высоких горах, по Гредлеру, когда ее убежище внезапно открывается вследствие обвала камней, она обыкновенно не выказывает ни малейшего намерения убежать; в болотах она также дается легче в руки, чем всякий другой вид.

Соответственно своему пребыванию в северных странах или на высоких горах, живородящая ящерица появляется весной так рано, как это позволяет погода, в более теплых местах в одно время с обыкновенной ящерицей или даже раньше ее, на севере же своей области распространения, как и в горах, не раньше мая.

Может быть, от этого зависит время кладки уже созревших в утробе матери яиц или появления на свет детенышей, которое бывает крайне различно**.

* * Живородящая ящерица в Южной Европе активна 9 месяцев в году, в Средней России — около 5,5, на севере — примерно 4 месяца. Действительно, горные популяции живородящей ящерицы размножаются, откладывая яйца, а низинные приносят живых детенышей.

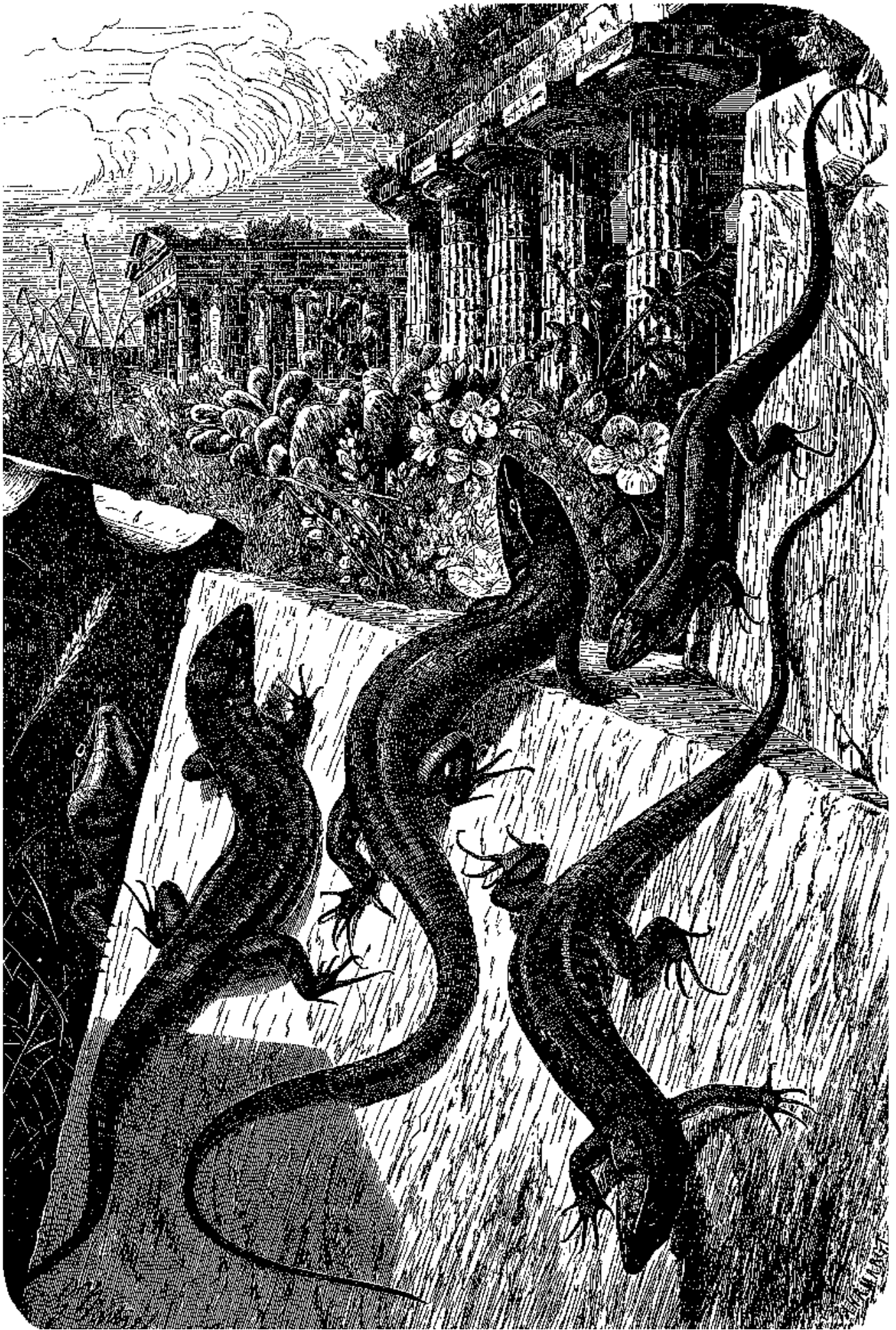
Межаков видел в Вологодской губернии уже 29 июня молодых ящериц, а 1 августа находил еще беременных самок. Весьма возможно, что более старые самки рожают позже молодых, а может быть, на размножение значительным образом влияет и господствующая в тот год погода. В южной Германии живородящие ящерицы рожают обыкновенно в конце июля, и притом всегда ночью, 8, в крайнем случае, 10 детенышей. Родовой процесс — впервые точно исследованный Межаковым, происходит таким образом: перед родами самка выказывает себя крайне беспокойной, скребет почву, время от времени прижимается к твердым предметам, закручивает хвост, как бы желая закинуть его себе на спину, позднее, иногда только по прошествии целого дня, успокаивается и, наконец, вечером становится на ноги, широко раздвинув их, вытягивается, как будто желая испражниться, и несколько минут спустя, по-видимому, без напряжений и болей, рождает первого, обыкновенно завернутого еще в яичную оболочку детеныша. Приблизительно через две минуты выходит второе яйцо и т. д. После каждой кладки самка делает несколько шажков вперед, так что яйца, которые сначала были прикрыты хвостом, ложатся в ряд. Между тем, детеныши стараются разорвать яичную оболочку, и не проходит и получаса, как они из нее выбегают. Мать, кажется, не проявляет к ним ни малейшего участия, но бегают туда и сюда, как только снесет последнее яйцо. Если же случайно она впоследствии и вернется к яичным оболочкам, то лишь для того, чтобы съесть там то, что есть съедобного. Детеныши проводят первые дни своей жизни в полнейшей бездеятельности, спят, свернувши хвост, в щелях и расщелинах земли, кажутся совершенно нечувствительными, но все же ощущают легчайшее прикосновение и пытаются освободиться от него. Они растут, не принимая пищи, замечательно быстро: те, которые при рождении имели 15 мм в длину, через 20 дней достигли 27 мм. Лейдиг кормил их травяными вшами, которых они с жадностью поедали. По наблюдениям названного исследователя, яичная скорлупа может сбрасываться еще в утробе матери и в таком случае происходит действительно рождение живых детенышей. «Когда видишь, — заключает Лейдиг, — как выходят на свет 8-10 ящериц-детенышей, то невольно поддаешься недоумению, как такое значительное количество хорошо развитых ящериц могло втиснуться в нежной, тесной утробе самки».

В странах, омываемых бассейном Средиземного моря, водится очень красивая и подвижная **обыкновенная стенная ящерица** (*Podarcis muralis*). Немецкие экземпляры достигают в длину 18-19 см, южно-итальянские 20-24 см; они резко отличаются от своих родичей стройностью своего туловища, длинной с узкой мордой головой и очень остrokонечным хвостом, длина которого превышает половину общей длины, и это отличие до того разительно, что их едва ли кто-нибудь может спутать с какой-нибудь другой ящерицей. Сзади носового отверстия помещается только один щиток, три уздечных щитка лежат в один ряд; между щитками век и бровей находится четко видный ряд мелких зернистых чешуек, служащий верным признаком, отличающим их от других немецких ящериц; в центре височных чешуек выделяется в большинстве случаев более крупный щиток. Че-

шуйки спины и боков малы и кругловаты, вследствие чего спина выглядит как бы покрытой зернами; почти четырехугольные брюшные щитки образуют шесть продольных рядов; шейник цельнокрайний и без зубчиков. Зубов на крыловидной кости обыкновенно нет; в межчелюстной кости находится 6-7, в верхней челюсти с каждой стороны 17-18, в нижней же 20-23 зуба. Насчет окраски едва ли можно сказать что-нибудь определенное. По Лейдигу, основная окраска спины у немецких экземпляров бурая или серая, при ярком освещении, именно при солнечном свете, — с бронзово-зеленым отливом; на этом фоне выделяется темная, начинающаяся еще с головы боковая полоса и пятнистый или облачный узор; в промежутке между боками и брюшком выделяется продольный ряд голубых пятен; брюшко светлее или темнее, переходя в окраске постепенно от молочно-белого к желтому и до медно-красного; иногда оно одноцветное, зачастую с облачным или пятнистым узором.

Во всех странах, окружающих Средиземное море, стенная ящерица попадается, если не чаще всякого другого вида их семейства, то, во всяком случае, — в громадном количестве и решительно повсюду. Ее знают во всей северо-западной Африке, средней и южной Европе, Малой Азии. На многих маленьких островках Средиземного моря это единственный встречающийся там вид. С юга Европы она, по-видимому, постепенно перекочевала в центр Европы, а равным образом и в Германию и вполне утвердилась тут.

В южной Европе стенная ящерица живет прямо-таки в поразительном, даже в необыкновенном множестве. Здесь ее встречают буквально повсюду: как на пустынных скалистых островах, где редко ступает человеческая нога, так и среди больших и многолюдных городов, как на морском берегу, так и внутри страны, как на низменностях, так и на умеренной высоте. «Даже на глыбах лавы, — говорит Лейдиг, — которые еще не так разложились, чтобы дать развиваться настоящей растительной и животной, жизни, стенная ящерица отвоевала себе место. Те из посетителей Везувия, которые обращают на это внимание, ясно замечают, что вблизи кратера некоторые насекомые еще летают, а ящерицы проскальзывают через лаву и серу». Забавным образом выражается Кейслер, путешественник прошлого века, слова которого Лейдиг тоже приводит. «Другое неудобство, которое присуще Неаполю и другим итальянским местностям, заключается во множестве ящериц, зеленый вид которых повсюду встречается в огромном количестве. Весной их сотнями видишь лежащих на плоских крышах и греющихся там на солнышке. Они ползают по стенам вверх и вниз, вследствие чего ни одна комната, двери и окна которой открыты, не защищена от их вторжения. Со мной был такой случай: когда я однажды на окно третьего этажа каменного дома положил на солнце промокшие от дождя перчатки, то, спустя несколько минут, в одну из них вполз этот непрошенный гость, которого я заметил только тогда, когда всунул руку в перчатку».

Обыкновенная стенная ящерица (*Podaris muralis*)

В долинах Рейна и Мозеля Нолль никогда не встречал стеновых ящериц на возвышенностях, а только у подножья долины, в отверстиях, не выложенных цементом стен виноградников и набе-

режной, и всегда именно на тех местах, которые обращены на юг. Места, на которых Бетхер в большем числе встречал этот вид на Рейне, лежали вообще на правой стороне реки. Удостоверение древних, что ящерицы любят соседство людей, может под твердить всякий, кто их хорошо изучил, так как все новейшие исследователи сходятся в том, что численность ящериц увеличивается поблизости людских селений; там же, где таковых нет ящерицы почти совсем исчезли.

Интересно описывает Гредлер ее пребывание в южном Тироле. Никакое животное не может произвести на северянина, переходящего летом или осенью через Бреннер, более сильного и разительного впечатления, чем стенная ящерица, которая там кучами населяет все солнечные места, заборы, шлагбаумы, стены домов, даже церковные колокольни до самой верхушки. Все ту земцы с замечательным равнодушием привыкают к этим неизбежным живым зверькам, шмыгающим туда и сюда, вдоль и поперек по огородам, между плодов, разложенных для просушки, или занимающихся возней и всюду сующих свою остренькую мордочку, привыкшую исследовать решительно все, что попадает на пути. Такое добродушие со стороны человека вызывает доверие животных, так что даже живущие на свободе ящерицы берут из рук предлагаемых им червей, трепещущихся мух и т. п. Гредлер так приручил одну стенную ящерицу, что она, будучи несколько раз накормлена им, обыкновенно сама появлялась в полдень у садового плетня и до тех пор обращала в его сторону свою головку, пока не получала свою долю». Совершенно иначе ведут себя умные создания там, где они подвергаются преследованию, как, например, по словам Эйлера, на острове Капри, тогда как на редко посещаемых человеком фалальонских скалах они так же неустрашимы, как и в Тироле.

По своим движениям, образу жизни и повадкам обыкновенная стенная ящерица напоминает большинство своих родичей с зеленой окраской. Своей быстротой, живостью и ловкостью она далеко превосходит прыткую и живородящую ящерицу. Каждое ее движение совершается быстро, хотя в то же самое время не лишено и грации. В проворстве стальных ящериц пришлось однажды убедиться Бетхеру, когда он в первых раз взял с собой домой пять этих животных, положив их в жестянку. Закрыв в комнате все окна, он хотел вынуть свою добычу и пересадить ящериц в пригодное для них помещение. Но ему не пришлось порадоваться на своих зверьков. Удивительно быстро все ящерицы выскочили из жестянки и бросились: одна под кровать, две за книжный шкаф, скорее мчась, чем убегая, а исчезновение двух остальных так и осталось неразгаданным, и в результате оказалось, что из пяти животных ни одного не удалось снова поймать, даже ни одно из них больше не попало и на глаза. С быстротой молнии эта ящерица носится по прямому направлению на дальнейшее расстояние, так что глаз почти не в состоянии уловить те змеинообразные извивы ее тела, которые она при этом производит; но поразительнее всего она развертывает свою выдающуюся ловкость при лазании по отвесным стенам. Такой способностью лазать по стенам и домам не обладает никакой другой немецкий вид ящериц и вместо всяких ученых мудрствований и кропотливых сравнений чешуек и щитков, достаточно было бы определенного ответа на единственный вопрос: «Ты ее поймал на отвесной стене?» Малейшая неровность позволяет задерживаться ее длинным, гибким, далеко хватающим пальцам с острыми когтями, и таким образом в лазании эта ящерица в состоянии соперничать с гекконом. С этой ловкостью в полном соответствии находится бодрость ее духа. Вследствие своей многочисленности и частью обусловленного этим общительного образа жизни, а может быть, также и из-за жадности к корму, она самая сварливая и задорная среди немецких видов и почти постоянно ссорится с другими представителями своего рода; даже и в клетке она не меняет своего характера. Она на каждом шагу дает доказательства своего замечательного для пресмыкающихся ума и вообще правильного понимания человека и существующих отношений: основательное доверие, так же как и справедливую недоверчивость, она проявляет заметнее всякой другой ящерицы, так как ни одна из них так тесно не связана с человеком, как эта. Несмотря на это, ее все-таки удается иногда обмануть просто непостижимым образом. Эйлеру пришлось очень много потрудиться на острове Капри над ловлей стальных ящериц, которые, хотя и очень многочисленны здесь, но крайне трусливы и осторожны по отношению к человеку, а между тем, потом он узнал, что туземные мальчики применяют почти безотказное средство для ловли в каком угодно количестве этих проворных и ловких зверьков. Для этого мальчики берут длинный травяной стебелек и тонкий его конец завязывают петлей, плюют на нее, вследствие чего на этой петле ооразуется тонкая пленка из слюны, натянутая как в рамке. Завидев ящерицу, они ложатся или садятся на корточки на землю, тихонько подкрадываются в таком положении к зверьку и, вытянув во всю длину руку, держат петлю над самой головой ящерицы. Она останавливается как пригвожденная на одном месте и удивленно всматривается в редкостное явление, забывая от любопытства даже свой страх, тем временем мальчик медленно притягивает к себе стебелек и сманивает с места ящерицу, затем, выждав удобный момент, внезапно накидывает петлю ей на голову. Сначала Эйлер предполагал, что

ящерицу в этом случае привлекает разноцветный блеск слюнной пленки, но впоследствии он убедился, что ее можно приманить и одной петлей без слюны. Каждый раз, когда после этого открытия на своих отдаленных прогулках он пользовался услугами сведущих мальчигов, его охота за ящерицами увенчивалась блестящим успехом. Впрочем, это удивительное искусство вовсе не составляет новейшего открытия: как нам свидетельствует одна из великолепнейших, дошедших до нас, статуй древности (Зауроктонос) оказывается, что уже 2 000 лет тому назад в южной Италии мальчишки применяли совершенно такой же способ ловли.

На юге области своего распространения стенная ящерица выдерживает лишь короткую зимнюю спячку; в южном Тироле она скрывается только в декабре, и появляется снова уже в середине февраля, а на особенно солнечных местах в виде исключения показывается там и сям в теплую погоду даже среди зимы; на юго-западе Германии она шныряет на вольном воздухе, по крайней мере, до половины ноября, а в первые же солнечные дни весны опять показывается из своих зимних убежищ. Как только солнце станет греть жарче, к стенной ящерице возвращается ее бодрость и подвижность, а с полным восстановлением сил — и прежний воинственный задор. Настоящее значение этого вполне достоверного наблюдения, вероятно, то, что у ящериц уже в раннее время года проявляется, если не стремление к спариванию, то, во всяком случае, избыток силы и драчливость, вызывающие собой те драки с поеданием хвостов, о которых только что говорилось. Всевозможная летающая и ползающая мелкая тварь: насекомые, пауки, черви, а равно, по всей вероятности, и молодые слабые экземпляры их вида и рода также составляют их пищу.

К псаммодромусам, или визжащим ящерицам (*Psammodromm*), причисляются, по Буланже, все настоящие ящерицы, у которых или вовсе нет ошейника, или он обозначен весьма неясно, и у которых пальцы на ногах по сторонам не бахромчатые. От настоящих ящериц они отличаются, кроме того, большими ромбоидальными, остро-килеватыми спинными чешуйками, расположенными в виде кровельных черепиц и килем на нижней стороне пальцев, который у некоторых из четырех известных видов заменяется узелками. Бедренные железки у них имеются. Все эти ящерицы живут в юго-западной Европе и на противоположном берегу Средиземного моря.

Алжирский псаммодромус (*Psammodromus algirus*) самый большой вид этого рода, достигающий в длину 27 см, из которых 19 см приходится на хвост. Он необыкновенно многочислен по всему северо-африканскому берегу от Туниса до Марроко, но также живет в Португалии, Испании и на юге Франции. При отсутствии всякого следа ошейника, он отличается от других видов своего рода еще своими брюшными щитками, совершенно равными по ширине и расположенными в шесть долевых рядов. Если считать эти брюшные щитки, то туловище алжирского псаммодромуса окружено 30-36 рядами чешуек. Верхняя сторона туловища украшена блестящим бронзово-зеленым цветом, от которого по сторонам расходятся одна или две золотистые с черной каймой долевые полосы; нижняя сторона серебристо-белая с отливом в зеленое. У самцов над плечевой впадиной светится синее с черной каемкой пятно, за которым зачастую следует второе и третье, более мелкие.

Фишер находил эту ящерицу в большом количестве в Алжире, где она оживляет плетни, низкие, тернистые кустарники и известковые скалы, тогда как в южной Франции она никогда не встречается на плетнях. «В окрестностях Моннелье она избирает своим местопребыванием преимущественно «пустыри», — выветренные, растрескавшиеся известковые скалы, наполненные валунами, которые обросли вечно-зелеными малорослыми дубами, тимьяном, розмарином и можжевельником и представляют картину безотрадной пустыни. Охота на них, столь легкая в Алжире, в южной Франции становится пробным камнем нашей ловкости. Приходится скользить на каждом шагу по рыхлым, хрупким валунам, ноги каждую минуту подвертываются, и вперед подвигаешься с большим трудом и крайне медленно, тогда как в высшей степени проворная ящерица шныряет с быстротой молнии, всюду находя случай скрыться, благодаря кустообразным, колючим группам карликовых растений, о которые только рвешь платье. Одному эту ящерицу почти невозможно поймать; надо быть вдвоем или втроем, потому что каждую минуту теряешь ее из виду, так как она вдруг появляется там, где ее совсем не ожидал. К тому же они шмыгает так быстро, что даже ее очертание неясно видно. Улавливаешь только одну темную тень, всего яснее выдаются золотисто-желтые боковые полосы, когда на них попадает солнечный луч. Молодые значительно менее ловки, чем старые, и ловить их гораздо легче.

Ни мне, ни одному из моих многочисленных знакомых ловцов ни разу не приходилось видеть, чтобы алжирский псаммодромус при поимке прыгал на человека или даже кусал его. При схватывании его он только издает громкий крик и кусает за палец или за руку, что, однако, делают и все другие ящерицы.

Алжирский псаммодромус любит сухие, подвергающиеся действию ветра, хотя вместе с тем и очень теплые, места. В тамошних пустырях нет ни ключей, ни ручьев.

Алжирский псаммодромус (*Psammodromus algeriensis*)

Животные, вследствие этого, могут пользоваться только росой и дождем; но так как летом в южной Франции почти не бывает дождей, то им приходится довольствоваться одной росой. По утрам их можно видеть, жадно облизывающих листья и поглощающих каждую каплю. Это самое благоприятное время для охоты, так как рано утром они еще не совсем согрелись. Час или два спустя, может быть, только напрасно придется порвать себе сапоги, платье и по царапать руки. Окончив утреннее питье, они любят распластаться на горячих от солнца известковых осколках, причем де-

лаются совсем плоскими и широкими. Они лазают так же ловко, как и зеленые ящерицы, и влезают на кусты, именно на можжевельниковые, чтобы греться на солнце. С удовольствием они также закапываются в песок, хотя не в такой степени, как ящерицы с бахромчатыми пальцами.

В неволе им необходимо устроить норки, в которые бы они могли прятаться по вечерам или в пасмурную погоду, сучки и растения для лазанья и какой-нибудь растрескавшийся камень, под который они могли бы подлезать. К сожалению, ночью они легко пугаются гекконов или каких-нибудь других ночных жителей их террариума, и тогда, как сумасшедшие, принимаются бегать кругом. При ламповом освещении они, как правило, все выходят наружу, ложатся под свет лампы, расплываются и поступают совершенно так, как при солнечном свете. Когда лампу унесут, они зачастую остаются лежать на месте до рассвета и при этом легко простужаются. Из этого можно заключить, что умственные способности этих красивых животных, несмотря на их умные глаза, совсем невысоки.

Самая удивительная способность, отличающая их от всех ящериц, заключается в их голосе, который они издадут при схватывании, а иногда также при испуге. Он звучит как довольно громкое, протяжное «тси» или «тситсии». Есть экземпляры, которые, будучи посажены в клетку или в мешок, пищат зачастую по четверти часа; другие же спокойнее предаются в руки судьбы, а иные с громким визгом бегают по террариуму и, наконец, забиваются в угол, где и остаются надолго сидеть с широко разинутой пастью, пищат и наскакивают на протянутый палец или подставленное лицо. Последнее случается больше со старыми, только что пойманymi алжирскими псаммодромусами.

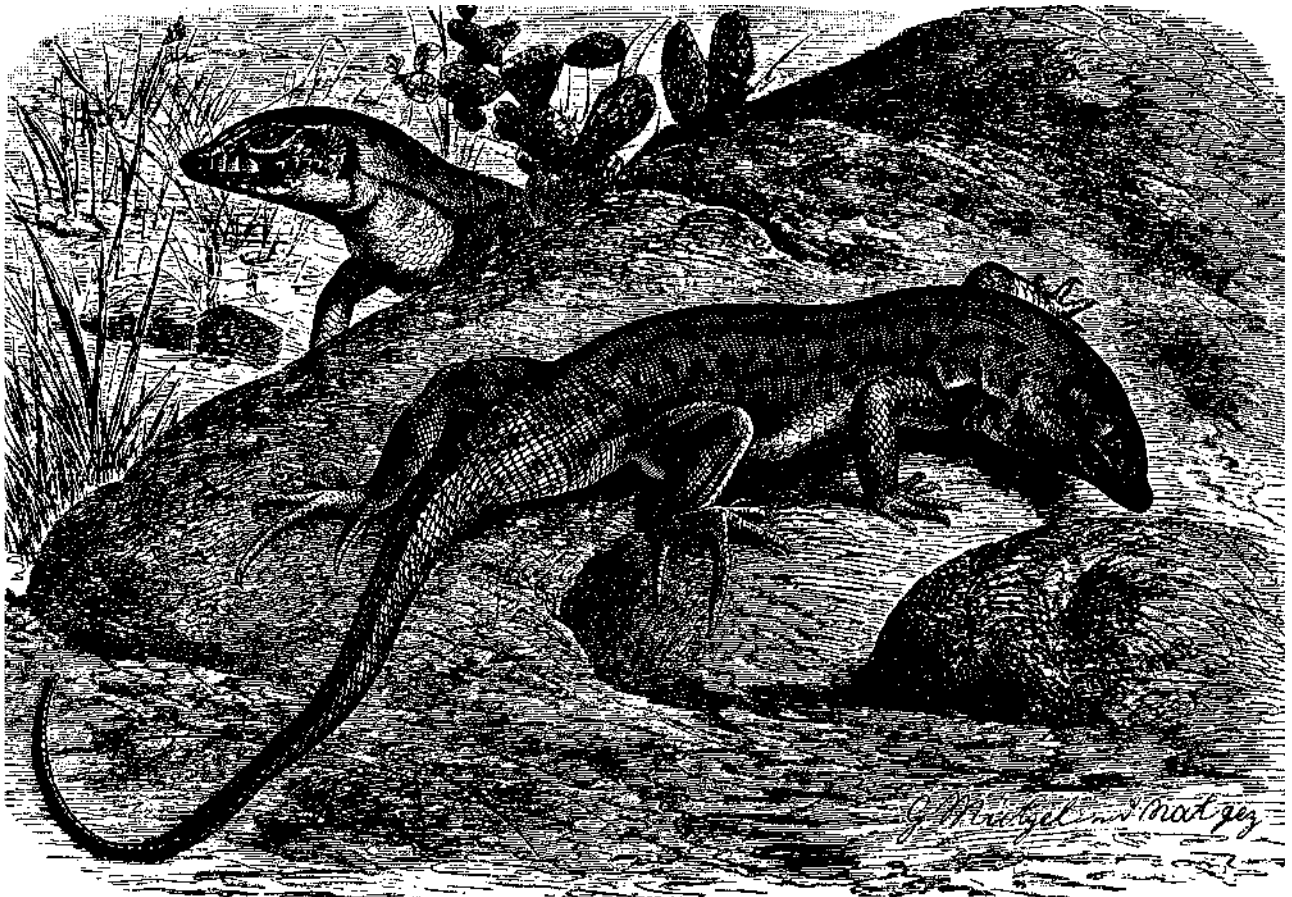
В период спаривания самцы зачастую громко крича, жестоко кусают друг друга. В другое время эти ящерицы по отношению друг к другу довольно миролюбивы. В неволе при хорошем, спокойном обращении они очень скоро совершенно утрачивают свою пугливость и легко привыкают к человеку, как что их можно сажать на стол и кормить; только если их чем-нибудь испугнуть, они быстро убегают. Вообще движения их, так же как и у настоящих ящериц, отличается спокойствием и обдуманностью. У меня есть старый самец, который совершенно спокойно лежит на коленях, ест из рук мучных червей и только медленно ползает кругом.

Зрение алжирского псаммодромуса необыкновенно остро и служит ему лучшим вспомогательным средством при охоте на насекомых и при самосохранении, так как они видят приближающегося к ним человека на дальнем расстоянии. Слух, обоняние и вкус развиты одинаково хорошо. В корме своем они любят перемену. На свободе их пища состоит преимущественно из мелких бабочек всех видов, мух и столь бесчисленных на пустырях маленьких стрекоз. При нужде они едят также пауков, мокриц, тысячножек и других маленьких животных. Я знаю только один случай, — заключает Фишер, — когда алжирский псаммодромус был приучен в неволе к сырому, наскобленному мясу, которое он под конец стал предпочитать всему другому. Они пьют много заразы и подолгу, но не часто».

Гребнепалые ящерицы (*Acanthodactylus*) отличаются от настоящих и визжащих ящериц своими как бы гребенчатыми пальцами, снабженными и по сторонам рядом бахромчатовидных чешуек, вследствие чего с нижней стороны они вдоль килеваты. Затылочного щитка у них нет; носовое отверстие помещается между двумя носовыми щитками и первым губным щитком; ошейник, более или менее развитый, всегда существует. Десять видов этого рода* населяют сухие и песчаные страны на юге Испании и Португалии, всю Африку на север от экватора и юго-западную Азию на восток до самого Пенджаба.

* *Сейчас известно уже 12 видов этого рода.*

Спинные чешуйки, постепенно увеличивающиеся к основанию хвоста, где они крупнее, чем на затылке, 8 или 10 рядов брюшных щитков, остро-килеватые верхние хвостовые чешуйки, только два больших щитка на веках и очень слабо, но все же правильно гребенчатые пальцы, — вот отличительные признаки **европейской гребнепалой ящерицы** (*Acanthodactylus erythrums*). Это стройное животное, длиной 18-20 см, из которых 10-12 см приходится на хвост. Этот вид разделяется на две разновидности — европейскую, живущую в Испании и Португалии, а поодиночке также и на юге Франции и отличающуюся гладкими или лишь весьма слабо килеватыми спинными чешуйками, и — североафриканскую, населяющую Марокко, северный Алжир и северный Тунис и обладающую красивой окраской сильно килеватых спинных чешуек. Молодые ящерицы этого вида, живущие в Испании, имеют вдоль спины резкие черные и белые полосы, на бедрах белые круглые пятна и сургучно-красный хвост; старые экземпляры более или менее утрачивают темные долевые полосы и выглядят сероватыми или буроватыми, сохраняя лишь большей частью только следы долевых полос, которые образуются из черных и светлых пятен; по бокам туловища, между сочленениями, зачастую бывают большие, синие глазки.

Европейская гребнепалая ящерица (*Acanthodactylus eiythrurus*)

"Гребнепала ящерица, — описывает Фишер, — существо края не непостоянное, нелюдимое и буйное, но ее красивый покров гола с розово-красным хвостом и отважный нрав делают ее в высшей степени привлекательным жителем террариума. Она населяет теплые, расположенные на солнце места, и при опасности с быстротой молнии скрывается между камнями и в ямах, выкопанных ею в рыхлой земле. Поэтому ловля этой ящерицы нелегка.

Бегают она толчками, при каждой остановке высоко приподнимаясь на передних ногах, тогда как задние ноги складывает и раскорячивает. Вследствие этого вся передняя часть туловища вместе с головой приподнята, а остальная лежит низко. Прежде чем бежать дальше или высматривать, нет ли где опасности, эта ящерица делает одно или несколько кивательных движений сверху вниз. Гребнепалые ящерицы очень любят дневной свет, в особенности солнечный. Они чувствуют себя хорошо и выглядят бойкими только тогда, когда солнце во всей силе освещает их помещение; при пасмурном дневном свете, если даже температура и достаточно высока, они по целым часам лежат с закрытыми глазами и греются. При ярком дневном свете или во время солнечного сияния их поступки сильно меняются. Они становятся оживленными, много бегают кругом, катаются в песке, прячутся в выкопанные норки, чтобы тотчас же снова показаться в другом месте. Они избегают сырости, но всегда должны иметь сосуд с водой, потому что пьют часто и подолгу.

Они прислушиваются ко всякому, даже к малейшему шуму и при подозрении на опасность обращаются в паническое бегство. К холоду они крайне чувствительны и тотчас же прячутся, когда температура воздуха начинает понижаться. Одним из главных условий ее благоденствия, кроме тепла, служит светлое местоположение ее помещения, так как они едят только тогда, когда проникает самый яркий дневной свет.

По моему опыту, гребнепалая ящерица никогда не делается ручной, разве только до известной степени доверчивой, например, чтобы вытаскивать свою пищу из щипцов, но дальше этого дело не идет. Между собой они крайне миролюбивые животные, если одинакового роста. Взрослые гребнепалые ящерицы, конечно, безжалостно пожирают молодых и, следовательно, более слабых животных своего вида или других родов ящериц. На свободе они питаются всем, что в состоянии осилить и переварить. Они схватывают свою добычу сильными соковыми движениями головы, тотчас же поднимают ее кверху и проглатывают кусок с лихорадочной поспешностью, причем глаза их в это время ворочаются во все стороны, зорко присматриваясь к окружающему, потому что даже и во время еды они не забывают своей предосторожности, приобретенной опытом».

Семейство сцинковые

Сцинковые, составляющие собой многочисленное семейство, из 25 родов и 375 видов*, также разнообразны по форме, как американские вараны и поясохвосты: они представляют собой, как обыкновенно выражаются, постепенные переходы от ящерицы к змеям, вследствие недоразвитости ног и удлинения туловища. Ноги, если вообще и есть, то всегда короткие, у некоторых их всего две, у многих же они совсем неразвиты: число пальцев изменяется не только у различных родов, но даже у отдельных видов.

* *В настоящее время описано уже около тысячи видов сцинковых ящериц почти из 100 родов.*

Зубы прикрепляются своими корнями к внутреннему краю зубного желобка; язык короткий, свободный, слегка зазубренный спереди и чешуйчатый; большей частью заметные снаружи уши покрыты иногда чешуей; в очень редких случаях наружного уха совсем нет. Глаза имеют крупные зрачки и почти всегда подвижные веки, из которых нижнее и большее снабжено по середине прозрачной кожей, как бы окошечком.

Голова покрыта правильными щитками; спина, брюшко и бока — такими же чешуйками, похожими на рыбью чешую и содержащими костное вещество. Боковой складки нет; также отсутствуют бедренные и заднепроходные железы.

Область распространения сцинковых очень обширна. Они живут во всех частях света от крайних границ умеренного пояса до экватора; особенно они многочисленны в Австралии, на островах Великого океана в Ост-Индии и Африке, тогда как в Европе и Америке имеют мало представителей. Их образ жизни исследован еще недостаточно, и это тем более прискорбно, что по тем немногим видам, которых имели возможность наблюдать, можно судить, что сцинковые обладают столь же своеобразными, сколь и привлекательными качествами.

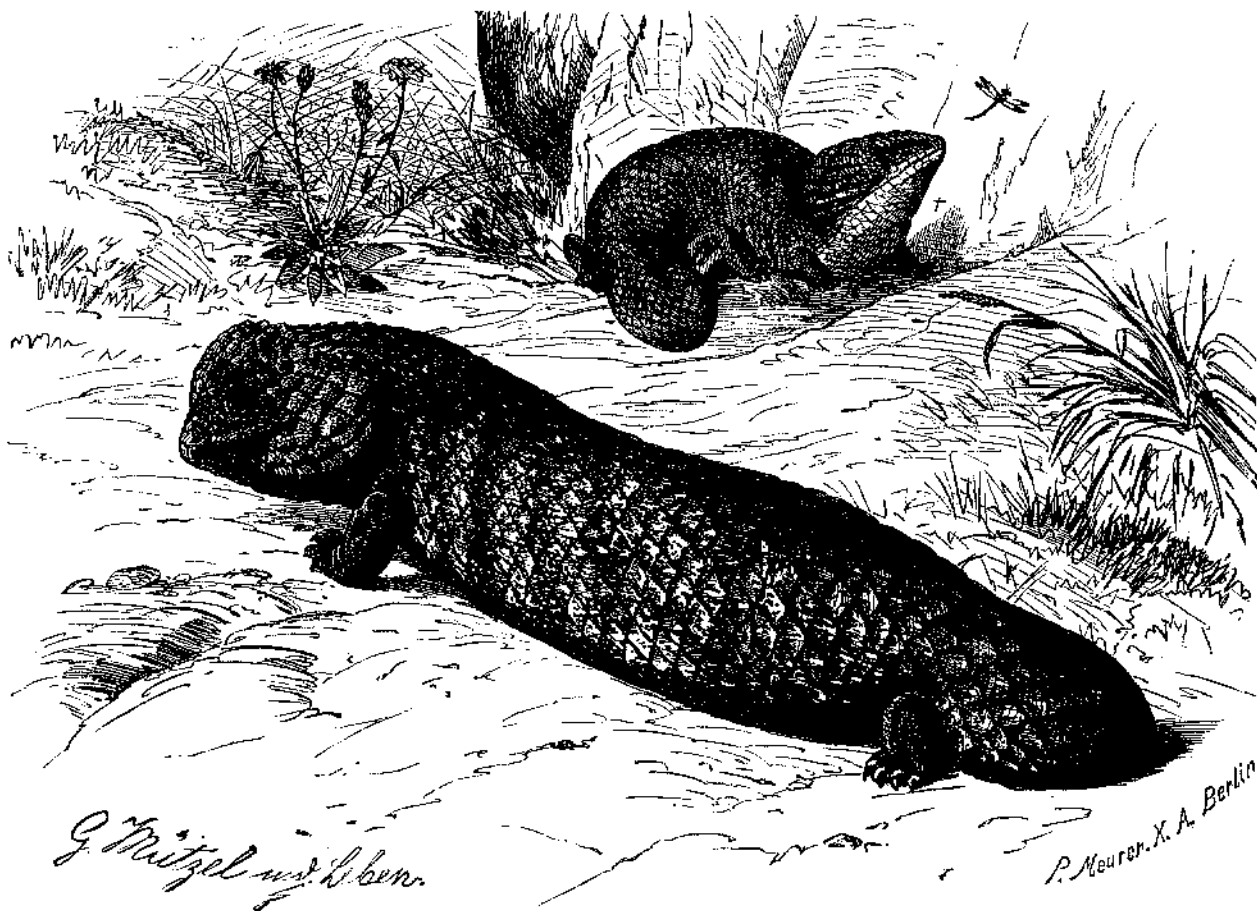
В общем, мы должны признать, что все сцинковые более или менее привязаны к земле и лазают только в виде исключения и то лишь в ограниченной степени. Зато они владеют способностью, которой нет у большинства остальных ящериц, а именно: они могут, если и не с такой силой, то все же с ловкостью крота двигаться под поверхностью земли. Почти все более известные виды обитают на сухих местах и боятся или, по крайней мере, избегают воды, хотя и случается, что они могут попасться непосредственно на морском берегу за пределами прилива. Лучше всего они любят селиться там, где мелкий песок на далекое расстояние покрывает почву, кроме того, между валунами и между камнями обвалившихся скалистых утесов, на стенах с глубокими выемками и в тому подобных местах, но только меньшинство видов, живущих в области Средиземного моря, отыскивает себе убежище и пищу в имеющихся здесь расселинах и щелях; большинство же копается в песке и движется под самой поверхностью земли с поразительной быстротой. Их более или менее веретенообразное туловище, покрытое гладкими чешуйками, короткие недоразвитые ножки и прозрачные окошечки в нижних глазных веках вполне способствуют такому копанью и тогда только становится понятной вся целесообразность их строения, когда наблюдаешь их деятельность и поступки. В обыкновенной клетке, дно которой устлано тонким слоем гравия и мха, конечно, нельзя усмотреть никаких подобных движений; если же сцинковым предоставить просторное помещение и дно его усыпать, по крайней мере, сантиметров на 6, лучше на 10 и даже больше мелкозернистым песком, то приходится изумляться так же, как дивился я, глядя на пленных халцид, а именно на тилигугу (*Chalcides ocellatis*), и на всех других членов этого семейства с одинаковым устройством, как они тотчас же исчезают в этом песочном слое, буквально ныряют в него и затем взрывают его на различной глубине по всем направлениям и даже, собственно говоря, плавают в песке. Все это, и в особенности движение в горизонтальном направлении, производится с такой же легкостью и быстротой, с какой бегают обыкновенно по земле, ничем не испуганная и не встревоженная ящерица. Если сцинковым, совершенно скрытым под песком, но движения которых удобно можно наблюдать по колебанию песка, бросить на дно их клетки какое-нибудь лакомство, например мучного червя, то они тотчас же приближаются к добыче, поднимаются вплотную к самой поверхности, несколько раз дотрагиваются до червя языком, который в большинстве случаев только и виднеется наверху, затем быстро высовывают голову из песка, схватывают жертву и с ней или совсем выходят наружу, или снова исчезают в скрывающем их слое песка. По этим опытам, о которых было известно и раньше, можно заключить, что сцинковые и на свободе поступают приблизительно таким же или соответственным образом и также охотятся под землей на всевозможных мелких животных. Что сцинковые, впрочем, не чужды и поверхности земли, доказывают так же хорошо халциды, например халцид трехпалый, с которым мы познакомимся ниже, или среднеамериканский вид семейства, описанный с натура Госсе.

Во многих отношениях совершенно особенный образ жизни сцинковых мог быть главной причиной того, что древние египтяне, известные как проникательные наблюдатели и любители таинственных толкований, тщательно бальзамировали этих животных и мумии умерших заключали в маленькие искусно вырезанные гробики, украшенные с наружной стороны изображением упомянутой ящерицы; может быть, этот вид сцинковых, **степная халцида** (*Chalcides sepoides*) уже и тогда считался за животное, обладающее целебной силой, как впоследствии другой родственный ему вид, сцинк аптечный. В настоящее время мы видим во всех сцинковых только лишь более или менее безвредных и полезных созданий, а в некоторых из них — прелестных и занимательных пленников. Между тем, бедуины пустынь и пустынных степей Сирии и Палестины, которые метко прозвали этих животных «пескороями», ревностно преследуют их, из-за белого нежного и вкусного мяса, которое они с удовольствием едят, хотя благочестивый толкователь Корана и усмотрел бы в нем нечистую пищу.

Содержащиеся в неволе сцинковые очень привлекательны. Большинство из тех, которые воспитываются в тесном помещении, выдерживают неволю очень хорошо, некоторые просто превосходно, скоро привыкают к потере своей свободы, а также до известной степени и к воспитателю, причиняют самые незначительные хлопоты и своей красивой наружностью доставляют такое же удовольствие, как и прочими своими качествами, так что остается только пожалеть, что в продаже так редко можно достать сцинковых, особенно из крупных видов.

Чаще всех других сцинковых, за единственным исключением южноевропейского и североамериканского тилигугу, мы встречаем в наших клетках обитающего в Австралии **короткохвоста** (*Trachysaurus rugosus*); самый характерный признак, отличающий этого чешуйчатого сцинка от других, заключается в своеобразном устройстве хвоста.

Короткохвост является единственным представителем одноименного с ним рода (*Trachysaurus*). Уже старый Дампьер в 1698 году дает описание этого странного животного. Тупопирамидальная голова заметно отделяется от короткой шеи, туловище длинное и толстое, заметно сплющенное, хвост очень короткий, широкий, плоский и на конце закругленный, у самца немного длиннее и уже, чем у самки; четыре низкие, коренастые ноги имеют короткие лапы, снабженные пятью мало отличающимися между собой пальцами, которые вооружены сильно изогнутыми ногтями.

Короткохвост (*Trachysaurus rugosus*)

Большинство поперечных пластинок, лежащих на нижней стороне пальцев, по середине разделены. Вся верхняя часть тела покрыта очень толстыми.

грубыми, неровными чешуйками, что придает животному вид еловой шишки; нижнюю же сторону покрывают более тонкие, гладкие чешуйки. Верхняя часть тела короткохвоста по черноватому фону покрыта как бы стертymi неправильными пятнами цвета желтого рога и неправильными же поперечными полосами, которые иногда так расширяются, что желтый цвет становится преобладающим; нижняя сторона имеет более или менее яркую окраску с бурыми пятнами, мраморными разводами или полосами. Общая длина животного достигает самое большее 36 см, из которых хвост занимает пятую или шестую часть.

О жизни короткохвостов как на свободе, так и в неволе имеется очень мало данных. Хотя я их и часто воспитывал, но ничего не заметил такого, что было бы достойно пространныго описания. Днем животные спокойно сидят на одном месте со скучающим видом, почти не меняя положения, и пристально, но безучастно глядят в пустое пространство. Их движения обыкновенно медленны, ползучие, так что туловище почти или даже совсем волочится по земле, приспосабливая к этому положению и прочие свои жизненные отправления. Короткохвост почти не в состоянии прийти в возбуждение, даже в те минуты, когда его чем-нибудь дразнят или подманивают кормом. Это очень нетребовательный пленник; он питается мелкими животными всех сортов, в особенности личинками насекомых и червями, а также ест и сырое мясо, которое ему нарезают мелкими кусочками. По Фишеру, он поедает также сладкие и сочные плоды. К сторожу он, по-видимому, мало-помалу привязываются и во всяком случае привыкает к нему. При тщательном уходе он выживает в клетке очень долгое время.

По Гааке, короткохвост считается живородящим не в том смысле, как остальные пресмыкающиеся, яйца которых лопаются перед самыми родами или вскоре после того; они действительно рожают живых детенышей, как млекопитающие животные, т. е. зародыши развиваются в яйцевом, как бы превращенном в матку, и не облечены в яичную скорлупу, образованную в яйцевом или еще в яичнике. Так называемого яичного зуба вовсе нет у созревшего для рождения детеныша, который в длину достигает приблизительно половины роста матери. Размножение короткохвостов происходит в южной Австралии в марте; рождается два, реже три детеныша.

Маленькие сцинковые, у которых прозрачные веки неподвижны и срослись между собой как и у змей, покрывают и защищают глаза наподобие часового стекла, образуют род **гологлазов**, или **змееглазов** (Ablephams). Представители этого рода живут в Австралии, юго-западной Азии, юго-восточной Европе, в тропической и южной Африке, а один из видов встречается даже неправильно рассеянным по жарким областям обоих полушарий.

В этом роде, который, помимо того, отличается еще и тем, что у некоторых экземпляров слуховой канал виден снаружи, у других он спрятан под чешуйками, также встречаются виды с совершенно развитыми конечностями или же такие, у которых конечности более или менее недоразвиты. Десять из 15 известных видов* имеют по пять пальцев на передних и задних ногах, один вид — по 4 пальца на передних и по 5 на задних: два вида снабжены четырьмя пальцами, кроме того, есть по одному виду с 3 пальцами и с 2 на передних и 3 на задних ногах.

* *Сейчас к этому роду относят 7 видов.*

Из всех этих ящериц мы обратим внимание на **азиатского гологлаза** (Ablephams rannonicus), потому что он встречается в соседней Венгрии. Это миловидное создание имеет тонкое удлиненное, цилиндрическое туловище, длинный.

круглый, постепенно утончающийся хвост, далеко отстоящие друг от друга конечности из которых передняя пара короче задней, и внешний покров, со стоящий из довольно однородных, гладких чешуек. Овальная, сверху довольно плоская голова покрыта щитками, числом около двадцати, различной формы, затылок — 6-8 гладкими, короткими, широкими, шестиугольными щитками, расположенными в два долевых ряда; остальная часть спины — более узкими, закругленными, шестиугольными чешуйками, разделенными на 4-6 долевых рядов; грудь, брюхо и хвост одеты подобными же образованиями. Основная окраска верхней стороны бронзовая оливково-бурая, от которой по середине спины зачастую отделяются две черные долевые линии; бока туловища немного темнее; от носового отверстия к глазам тянется черноватая полоса, с обеих сторон окаймленная светлым, которая продолжается кзади в виде постепенно расплывающихся темных боковых полос; нижняя сторона зеленовато-серебристая. Длина достигает 9-11 см, из которых ровно половина идет на хвост.

Азиатский гологлаз живет преимущественно в Венгрии и притом на склонах, покрытых коротким дерном, но встречается также и в юго-восточной Европе, например в Греции и Турции,

кроме того в Малой Азии, Сирии и северной Аравии даже чаще, чем думают. На него нередко можно натолкнуться в городской роще в Пеште или на стенах Офенской крепости. Эрбер упоминает, что он получил два живых экземпляра, воспитывал их в течение трех месяцев, кормя дождевыми червями, и что оба околели в один день; впрочем, он мне писал потом, что впоследствии ему удалось сохранить на всю зиму этих нежных и слабых зверьков. Лейдиг нашел, что они по своему поведению более напоминают веретениц, чем ящериц. Хотя они гораздо оживленнее наших веретениц, но, по крайней мере, совершенно сходны с ними в том, что обыкновенно долго и усидчиво, как бы оцепеневши, прислушиваются, прежде чем пуститься в бегство. Несмотря на все проворство, извивам теладвигающегося животного недостает той гибкости, которая присуща настоящим ящерицам, причиной этого, по всей вероятности, являются костистые таблички, из которых состоит кожа. Таким образом, они и в этом отношении всецело принадлежат к сцинковым.

По словам Фишера, азиатский гологлаз живет на дернистых холмах и песчаных местах. Его движения состоят из необыкновенно быстрых изгибов, но он в состоянии также легко взбираться по шероховатым стенам. Его незначительная величина, гладкость чешуек и полная беззащитность объясняют, с одной стороны, боязливость в характере, а с другой, — ту ловкость, с которой он умеет прятаться. Только в 4-6 часов пополудни зверек идет за пищей и с наступлением ночи снова уползает в нору. Сырость ему противна, но он все же пьет. Его зрение лучше слуха. Он, в отличие от большинства своих сородичей, кладет яйца. Неволю он переносит годами, если только хорошо за ним ухаживать и давать соответственный корм в виде мух, маленьких мучных червей и личинок жуков.

Другие виды этого рода считаются характерными животными для среднеазиатских степей, покрытых коротким дерном.

Один из сцинков, именно **сцинк аптечный** (*Scincus scincus*), представитель рода сцинков (*Scincus*), включающего 9 видов*, названный в библии «хамет» (Левит. 11:30) обрел в древности большую славу и сумел долго поддерживать ее.

** В настоящее время род включает 5 видов.*

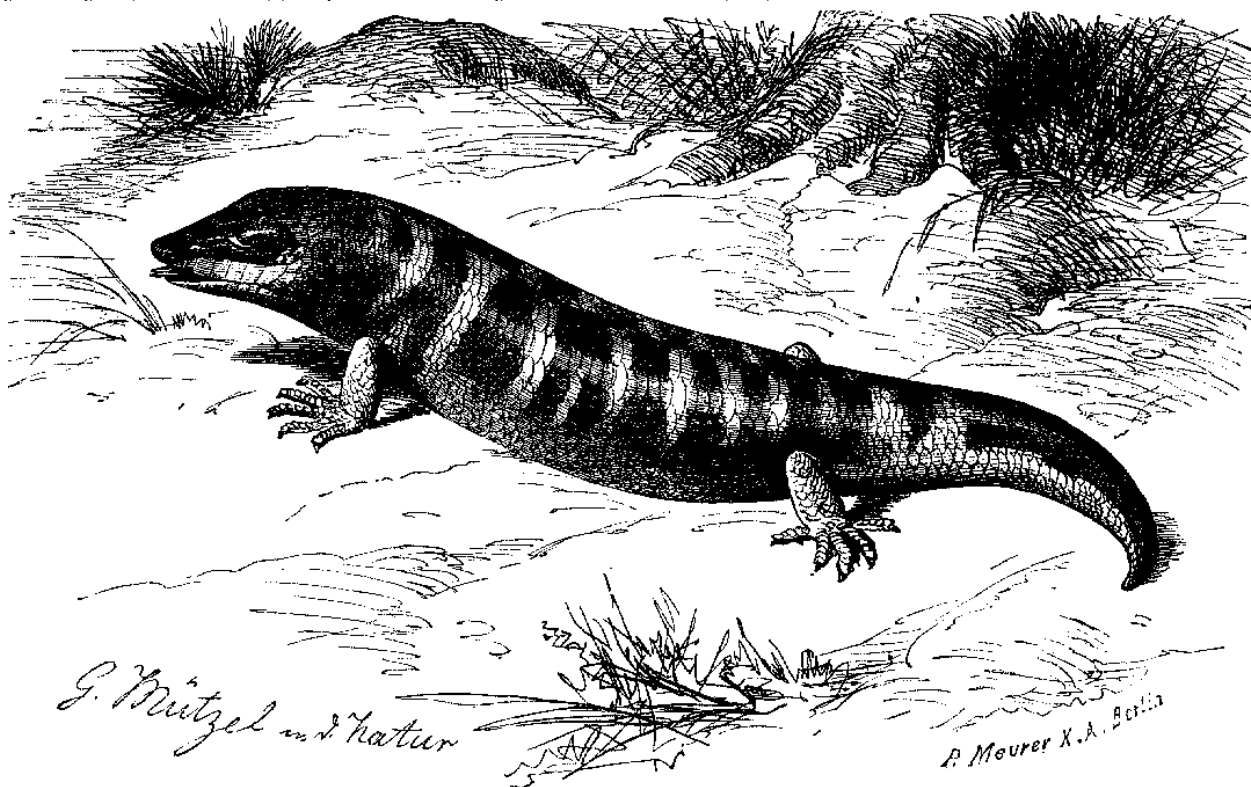
"Мясо этих животных, — говорит Геснер, — употребляется в некоторых самых благородных лекарственных средствах, как например митридите и тому подобных. Будучи примешано к другим лекарствам, оно может служить против апатичной слабости нервов. Мясо этих животных в свежем или сушеном виде имеет удивительную силу возбуждать в мужчинах половую деятельность и вести к невоздержанности в этом отношении. Пепел сожженного мяса, смешанный с уксусом и маслом, отнимает от членов всякую чувствительность, так что их можно даже резать. Жир или сало этих животных также употребляется, как возбуждающее средство, и принимается внутрь; оно облегчает также боль в почках. Почка этих животных способствуют плодовитости. Из внутренностей готовят курение, которое очень полезно против вялости матки. Желчь, смешанная с медом, отличное лекарство против бельма и темной воды в глазах. Помет или кал этих животных, совершенно белого цвета, имеет приятный запах; в аптеках он известен под названием *Crocodulea* и продается как косметическое средство для красоты лица, против пятен, веснушек и морщин».

Естественным последствием этого заблуждения, которое и в настоящее время еще распространено среди некоторых магометан, было то, что сцинки сделались предметом усерднейшего преследования; их ловили тысячами и вели прибыльную торговлю их сушеными или сожженными в пепел трупами. Несмотря на это, мы еще мало знакомы с образом жизни этого животного. В то время, как его сородичи распространены по пустынным и степным местностям Сенегамбии, северной Африки, Аравии, Персии и Синда, аптечный сцинк живет в Сахаре и в пустынных береговых местностях по Красному морю. В Египте и Нубии он нередок, а в алжирской и тропической Сахаре даже очень многочислен. Лефевр, посетивший оазис Бахарие, сообщил Дюмерилю и Биброну, что он встречал сцинка преимущественно в маленьких песочных бугорках, наметенных ветром, у подошв деревьев и у изгородей, окружающих обработанную землю; здесь он потягивается под палящими лучами солнца в полном покое, только время от времени припрыгивая, чтобы схватить жука или какое-нибудь другое насекомое. Бег его быстрый; но при опасности он не старается убежать, а закапывается в песок и притом с такой удивительной ловкостью, что в несколько минут зарывается на несколько метров в глубину. Тристрам, наблюдавший аптечного сцинка в западной Сахаре, во всех отношениях подтверждает данные Лефевра. Он никогда не видел сцинка, которого тамошние арабы называют, в зависимости от пола, «Сарарутом» и «Салгагой», на каменистой почве, а всегда только там, где почва покрыта рыхлым песком, но здесь всюду целыми толпами. В холодное время года он залезает в норы или в подземные ходы и выдерживает здесь зимнюю спячку; летом днем его постоянно можно видеть лежащим на солнце, а ночью, при лунном сиянии, бегающим кругом; буду-

чи испугнут, он на одно мгновение извивается и затем исчезает вышеописанным способом. По сообщениям арабов, он питается не только всевозможными насекомыми, но не редко ест также и скорпионов.

У арабов Сахары аптечный сцинк так же невысоко ценится в качестве питательного продукта, как и лекарства. В некоторых оазисах, как например в Варгле и Туате, ловлей его занимается значительная часть населения. По мнению Тристрама, основанному на собственном наблюдении, жареный сцинк представляет собой действительно очень вкусное кушанье. Арабы сдирают со сцинка кожу, высушивают его, затем толкут в ступке, пока он не превратится в порошок, смешивают его с мякотью финика, все это укладывают в кожаные мешки и продают за хорошую цену караванам в Туате и проезжим торговцам.

Будучи пойман, сцинк поступает так же, как и другие члены его семейства; хотя он и пытается улизнуть, но никогда при этом не кусается и не защищается своими когтями.

Сцинк аптечный (*Scincus scincus*)

Фишер, дающий интересное описание жизни аптечного сцинка на свободе, называет его кро- том среди ящериц, который в буквальном смысле слова «плавает» в песке. При ловле его схватывают в песке, одним ловким движением пересылают и содержат его также в самом мелком, сухом песке. В неволе он охотно пьет; его пища состоит из саранчи, жуков и мокриц. На песке его движения довольно медленны. Уже при температуре в 18° по Цельсию сцинк приходит в оцепенение. Кусаясь, он испускает шипящий звук. Зрение — самое важное из его чувств. Главными его врагами являются серый варан и один из видов злых ужей (*Spalerosophis diadema*).

Сцинк очень плотная ящерица с короткими конечностями. На всех четырех ногах имеется по пять плоских пальцев неодинаковой длины, по бокам бахромчатых и разделенных до самого основания; хвост конический, голова с клиновидно заостренным рыльцем; верхняя челюсть выступает над нижней и спереди немного притуплена. Носовое отверстие помещается между верхним и нижним носовыми щитками, веки покрыты чешуйками, ухо скрыто под чешуйками. Чешуйки более широкие, чем длинные, закругленные, гладкие, блестящие, желтоватой или буроватой окраски с тонкими бурыми и беловатыми пятнышками и стержневыми черточками. По туловищу проходят зачастую несколько бурых поперечных полос. Нижняя сторона одноцветно-белая, с блестяще-жемчужным отливом. Взрослые сцинки достигают длины в 21 см.

Греческие исследователи обозначали названием «Халцида», а позднейшие римские — именем «сепс» одну в высшей степени миловидную ящерицу, которую они легко могли наблюдать, и, несмотря на это, все-таки описывали как крайне страшное животное. Ее укус, будто бы, тотчас же вызывал гнойное воспаление или гангрену, и пострадавший умирал через несколько дней; даже простое прикосновение к ее телу, по их мнению, влекло за собой большую опасность. Простой на-

род в Италии еще и до сих пор верит в ее ядовитость, хотя уже Соваж и Четти описали это животное, как совершенно невинное, безвредное и приятное создание.

Халцид трёхпалый, или сепс трёхпалый (*Chalcides chalcides*) является представителем рода **халцидов, или цилиндрических сцинков** (*Chalcides*), по своей величине и силе приблизительно равняется нашей веретенице и на некотором расстоянии выглядит довольно похожим на нее; но, рассмотрев ближе, его тотчас же можно отличить от веретеницы по четырем недоразвитым ножкам. Голова у него заостренная с тупым рыльцем, туловище цилиндрическое и очень удлиненное, хвост равномерно утончается до очень острого кончика; на каждой из четырех недоразвитых ног видны три зачаточных пальца, вооруженных едва заметными когтями. Второй палец всегда длиннее третьего. Нёбо не имеет зубов, челюсти снабжены простыми коническими зубами; на плоском стреловидном языке также заметны чешуйчатые бородавки. Покров тела состоит из маленьких, плотно прилегающих, красивых, блестящих чешуек, которые на голове переходят в более крупные щитки и здесь замыкают довольно большой средний щиток. Носовое отверстие помещается в зазубрине рыльцевого щитка, между этим последним и очень маленьким носовым щитком; нижнее веко имеет прозрачное окошечко. Верхняя сторона тела окрашена в блестящий бронзово-бурый или серебристо-серый цвет одного тона или с долевыми, близко стоящими друг к другу, но все же отдельными полосками; нижняя сторона выглядит беловатой с перламутровым отливом.

Этих черных или бурых полос насчитывают никак не больше шести, но всегда четное число. Взрослые экземпляры могут достигать в длину 42 см, из которых одна половина приходится на туловище, а другая на хвост; ножки едва имеют в длину 8 и 12 мм.

Из прибрежных стран Средиземного моря Испания, Сицилия, Сардиния, Тунис и Алжир служат родиной трехпалого сепса. Здесь он всюду встречается в громадном количестве, а в Сардинии, как выражается Четти, в таком множестве, «как сухая трава на лугах». Для своего пребывания он выбирает преимущественно сырые луга по той простой причине, что здесь он скорее всего может найти себе добычу: насекомых, маленьких голых улиток и червей. По образу жизни он необыкновенно напоминает нашу веретеницу. Его маленькие ножки легко могут ускользнуть от внимания; немудрено потому, что простолюдин, которому бросается в глаза только туловище и змеевидные движения, принимает халцида за змею; и действительно, он движется совсем как уж обыкновенный, а когда лежит спокойно, то свертывается так же, как и этот последний. Тем не менее, зачатки ног ему не совсем бесполезны, так как, когда он движется, видно, что его маленькие ноги также работают, по мере сил содействуя движению. Холода он боится больше всех остальных родичей и скрывается в норы даже раньше черепах; поэтому в начале октября трехпалого халцида уже не увидишь и разве только можно отыскать его глубоко в земле, искусно вскопав ее. Он появляется снова только когда весна действительно вступает в свои права, и с тех пор начинает свой летний образ жизни.

По Фишеру, трехпалый сепс рождается живым и питается маленькими насекомыми, пауками и улитками. Он любит солнце и требует теплого, обращенного на солнце, помещения с песком и камнями, под которые в сумерки и забивается. Его кормят маленькими мучными червями и мухами и получают от него большое удовольствие, так как он скоро становится доверчивым и сам приходит получить назначенный ему корм.

Подобно нашей веретенице, халциду приходится страдать от многочисленных врагов. Его преследуют многие млекопитающие, птицы и пресмыкающиеся и к этому многочисленному сонму врагов, которые, по крайней мере, хоть пожирают его, стало быть, пользуются им, присоединяется в качестве злейшего врага человек. Ему еще и донныне это безвредное создание кажется крайне ядовитым животным, так что он считает себя обязанным истреблять его всякими средствами. Даже более культурные жители Сардинии, которые отлично знают, что сепсы или совсем не кусаются, или же если и делают это, то укусы их ни в каком случае не влекут за собой вредных последствий, — даже они говорят, что если рогатый скот или лошади проглотят халцида вместе с травой, то брюхо у них страшно вздувается и появляется необходимость в срочной врачебной помощи; этим они также стараются оправдать повсеместное жестокое истребление сепсов. Кроме того, трехпалых халцидов преследуют все виды куниц и вообще все маленькие хищные животные так же, как и соколы, вороны, сойки, аисты и даже куры.

Семейство хамелеоны

Представители семейства хамелеонов характеризуются полными височными дугами, костяным мостиком, перекинутым от темени к сосцевидной кости, непарным сошником, отсутствием дужки и ключицы, расположением пальцев и особенным устройством языка. Самый известный род этого семейства — **настоящие хамелеоны** (*Chamaeleo*).

Строго говоря, хамелеоны имеют мало родственного с другими ящерицами. Их туловище сильно сжато с боков, узкое и имеет острый, выгнутый спинной хребет. Голова возвышается пирамидально или же плоско сжатая, представляет обыкновенно украшенный гребнем шлем и в рыльцевой части зачастую выдвинута вперед в виде костяного острия или кожистой лопасти, вообще она необыкновенно угловата; шея едва отделяется от головы. Сжатые, треугольные, с тремя более или менее ясными остриями зубы помещаются на краю челюсти, небо всегда без зубов. Ноги не менее своеобразного строения. Они длинные, тощие, цилиндрической формы и все почти одинаковой длины; на каждой ноге по пять пальцев, которые расположены группами по 2-3 пальца и облечены до самого основания их предпоследних суставов общей перепонкой. Они образуют нечто вроде клещей, которые крепко и уверенно обхватывают сучок, так как внутренняя их сторона покрыта зернистой кожей. Всегда и всюду одинаково плотное прикрепление всего туловища к месту остановки достигается еще тем, что пальцы расположены очень своеобразно: на передних ногах соединены вместе три внутренних пальца, а на задних — три наружных. Таким образом, видно, что ноги этих животных относительно своего устройства единственные в своем роде. Хвост, служащий хватательным органом, кругловатый, сильный, к концу постепенно утончающийся и в нижней своей части имеющий способность свертываться спиралью. Он не такой хрупкий, как хвост многих ящериц, и также не имеет свойства снова отрастать, если его отделить. Вместо чешуек кожу покрывают маленькие зернистые возвышения, между которыми иногда попадаются более крупные зерна или бородавки, и всегда проходят тонкие складочки. Это особенность кожи допускает значительную растяжимость.

Наряду со строением описанных частей тела, внимание даже поверхностного наблюдателя привлекают глаза хамелеонов. Они заключены, словно в капсулу, в толстые веки и свободным остается только очень маленькое круглое отверстие для зрачка. Оба глаза в своих движениях совершенно независимы друг от друга, так что правый может смотреть вперед или вверх, в то время как левый смотрит назад или вниз, и наоборот. Эта, не встречающаяся еще ни у одного из пресмыкающихся подвижность глаз, дает хамелеону возможность, не двигаясь, обозревать всю окрестность и отыскивать добычу*. Барабанной перепонки совсем нет.

* *Хамелеоны питаются преимущественно насекомыми, но особи крупных видов (например, *Chamaeleo melleri*) вполне могут питаться и позвоночными животными (мелкими птицами и ящерицами).*

Внутреннее строение не менее замечательно, чем внешнее, и в некотором отношении напоминает строение первобытных ящериц, именно динозавров, а также птиц. В странном устройстве черепа бросаются в глаза необыкновенно большие с толстым ободком глазные впадины и задние, необыкновенно развитые, раковистые и перпендикулярно опускающиеся небные кости, неразделенная лобная и тонкие височные кости. Присутствие у хамелеонов столбика, отличающегося от столбика у ящериц только своей незначительной величиной, недавно доказано Долло. Шея состоит только из 2-3 позвонков, спина из 17-18, поясница из 2-3, крестец из двух, хвост из 60-66 позвонков с углублением спереди; 17-18 ребер соединены в средней линии брюшной стороны посредством хрящевой полоски; запястье образуется из пяти крепких костей. Мы не станем подробно заниматься расположением мускулов и органов пищеварения, а перейдем прямо к тому, что Видерсгейм открыл у обыкновенных хамелеонов чрезвычайно своеобразное устройство легких, а именно — присутствие множества слепых отростков, которые объясняют нам способность хамелеонов надуваться. Своеобразно устроенный язык, играющий важную роль в жизни животного, заслуживает подробного описания. Если идти на сравнения, то можно сказать, что он напоминает язык муравьеда и дятла, но все же весьма существенно отличается от того и другого. В состоянии покоя он лежит свернутым в пасти*; при употреблении же в дело может выдвигаться на 10 и более сантиметров и, во всяком случае, более чем на половину длины тела.

* *Язык хамелеона во рту животного сжимается гармошкой.*

Подъязычная кость, по словам Хустона, не связана с дыхательным горлом и имеет четыре рожка, длиной 2 см, и поразительно удлиненное тело, которое вытягивается наподобие грифеля на 3 см вперед, служа опорой языку, когда тот находится в состоянии покоя. В вытянутом положении язык имеет толщину лебединого пера, на ощупь эластичен и сплющивается лишь немного, посередине выглядит красноватым, а по обеим сторонам почти на 2 см от кончика, имеет белую полосу, на самом же кончике несколько толстых полых вен, наполненных кровью. Он приводится в движение девятью мускулами с каждой стороны, которые притягивают рожки подъязычной кости к грудной клетке и отдергивают назад. Подвижная часть языка состоит из трех частей: одна служит для схватывания, другая для опоры и третья — влагалище; первая из них лежит спереди, имеет в длину

около 2,5 см и 2 см в окружности; длина ее не изменяется и при высовывании языка, так как она окружена волокнистым влагалищем; ее передний, углубленный кончик покрыт морщинистой слизистой оболочкой и выглядит как бы обмазанным клейкой массой, которая выделяется несколькими железами. Вторая часть лежит между первой и подъязычной костью и меняет свою длину, в зависимости от обстоятельств. В спокойном состоянии она занимает очень маленькое пространство, но при высовывании языка две очень большие язычные артерии, ветвящиеся в ней на бесчисленное количество капилляров, наполняют ее кровью и растягивают. Стремительность, с какою высовывается язык, происходит, таким образом, вследствие сильного притока крови в сеть кровеносных сосудов, а не посредством накачивания воздуха, как прежде думали. Кровеносные сосуды наполняются приблизительно также быстро, как вспыхивает румянец на щеках человека**;

поэтому высовывание и втягивание языка представляет собой влагалищеподобную складку, в которую может втягиваться основание языка во время бездействия.

* * *Выбрасывание языка хамелеона изо рта длится всего лишь 0,05 секунды, а обратное втягивание с добычей 0,19 секунды.*

Настоящие хамелеоны (Chamaeleo)

"Стоя по целым дням на одном месте, — говорит Ваглер, — животное с известной беспечно-стью ожидает добычи, которую пошлет ему случай. Ловля добычи вовсе не составляет цели этого приятного покоя. С быстротой молнии язык высовывается изо рта и издали схватывает насекомое, на которое он направлен. Его стремительное выталкивание не в состоянии поколебать туловище и сбить с позиции хамелеона, хотя бы он и стоял на очень гибкой и гладкой ветке, так как сильный мускулистый хвост, которым он цепляется, не дает туловищу сползать"***.

* * * *Некоторые хамелеоны (например, *Chamaeleo oweni*) способны даже перепрыгивать с ветки на ветку на расстояние до полуметра.*

Весьма возможно, что своеобразное строение, серьезная наружность, медленная походка, внезапное выталкивание языка на добычу — все это вместе привлекло внимание греков к этому животному и заставило их дать хамелеону прекрасное название «маленького или земляного льва». Впрочем, и в древности, и в позднейшее время, как исследователей, так и профанов, занимало свойство хамелеона переменять цвета. Прежде предполагали, что животное может менять свою окраску произвольно, принимать, например, цвет окружающего и посредством этого скрываться от врагов; поэтому человека, менявшего свои убеждения, смотря по обстоятельствам и всегда к своей личной выгоде, называли хамелеоном и считали последнего за эмблему холопской угодливости льстецов и царедворцев. Одно это имя уже дало Тертуллиану материал для строгой критики всякой фальшивой внешности и бесстыдства лицемеров и хвастунов.

Появлялись как ученейшие, так и самые безграмотные, как остроумнейшие, так и самые нелепые рассуждения и толкования по поводу этой изменчивости цветов, которую мы, впрочем, замечаем еще в большей степени и у других ящериц, например у калота (*Calotes*); но до настоящего времени существовало разногласие во мнениях относительно этого, еще недостаточно разъясненного явления, пока, наконец, Брюкке не решил этот вопрос путем удачных исследований.

Причина перемены цвета основывается на двояком положении различных красящих веществ (пигментов), из которых одно расположено под верхними слоями собственно кожи, но распространяется также в соединительную ткань и здесь проникает между ее частями; другое же распространяется по всей коже, находясь именно в разветвленных клеточках, которые лежат под кожей или также в главной массе кожистого слоя. Первое из этих двух красящих веществ дает белый цвет, который, впрочем, снаружии становится обыкновенно более или менее ярко-желтым; второе — буровато-черного цвета. Оба эти красящие вещества обуславливают изменчивость цвета животного, в зависимости от того располагаются ли они рядом или одно за другим, или же проникают одно в другое. Если в силу входит светлый пигмент, то кожа выглядит белой или желтой, если в него проникает черный то кожа становится бурой или черной; промежуточные цвета дает просвечивание одного пигмента чрез другой в различной степени. Каким способом происходит сама перемена цвета и какие причины вызывают ее — это мы узнаем впоследствии.

Хамелеоны не только по внутреннему и внешнему строению тела стоят особняком среди пресмыкающихся, но также и по душевным своим способностям занимают среди них особое место. В этом нас убеждают подвижность и вполне независимая деятельность глаз, способность языка высываться с поразительной стремительностью, главным образом медлительность и спокойствие в движениях их конечностей — все это постоянно вводит натуралистов в заблуждение относительно того, действительно ли имеешь дело с ящерицами в лице этих странных созданий.

Все хамелеоны принадлежат Старому Свету или, вернее, Восточному полушарию, так как действительно не имеют в Америке ни одного родственного представителя. Они причисляются к характерным животным Африки и, кроме того, встречаются еще в пограничных странах соседних частей света. Из 55 известных нам видов* одна половина живет на Мадагаскаре и соседних островах, а другая — в жарких и умеренных странах Африки. Всего только один вид населяет области по берегам Средиземного моря; по одному виду живут на острове Сокотра в южной Аравии, Индии и на Цейлоне. Различают три рода хамелеонов, из которых, кроме главного, собственно хамелеонов, особенный интерес для нас может иметь еще один (*Rampholeon*), так как единственные два вида этого рода встречаются в Германских владениях: один из них в восточной Африке, а другой в Камеруне.

* *Состав семейства сейчас включает 8 видов рода *Rampholeon*, 14 видов рода *Bradypodion*, 21 вид рода *Brookesia* и около 80 видов рода *Chamaeleo*.*

Что касается их размножения, то нам известно, что большая часть видов кладет яйца, но что есть также виды, например **карликовый хамелеон** (*Chamaeleo pumilus*) с его пятью ближайшими родичами, которые рожают до 11 живых детенышей**. Для нашей цели вполне достаточно описать только те виды, которые встречаются в Европе.

* * Самки некоторых видов хамелеонов имеют особые семяприемники, где достаточно долго «в рабочем состоянии» может сохраняться сперма, расходуемая при необходимости при повторных кладках уже без участия самцов

Хамелеон обыкновенный (*Chamaeleo chamaeleon*), упомянутый в Библии (Левит. 11:30), имеет следующие отличительные признаки: спинной гребень у него зазубрен только до половины, брюшной гребня, идущего от подбородка до зада, совсем нет; на затылке возвышается тупо пирамидальной формы шлем, который образуется из сильно выступающего, загибающегося назад теменного валика; туловище покрыто всюду одинаковыми маленькими чешуйками, которые увеличиваются только на голове. На задней стороне шлема, слева и справа, ясно обозначается кожистая лопасть, которая отделяет голову от шеи; ни на той, ни на другой паре ног шпорцевидных кожистых отростков нет. Относительно окраски мы поговорим ниже; вполне удовлетворительного описания ей дать нельзя. Длина животного 24—28 см, из которых половина приходится на хвост. Область распространения обыкновенного хамелеона простирается от южной Испании через большую часть побережья Средиземного моря: он живет в Андалузии, во всех странах северной Африки, от Марокко до Египта, в Аравии, Сирии, на Кипре, Самосе и Хиосе и в Малой Азии.

Все хамелеоны придерживаются таких стран, где хоть временами идет дождь или каждую ночь выпадает такая сильная роса, что они во всякое время могут удовлетворить свою настоятельную потребность в воде. На этом основании они селятся преимущественно на побережьях и островах. Впрочем, хамелеоны попадают так же и в пустынях, но и там придерживаются исключительно тех местностей, которые находятся под влиянием моря и потому производят хотя бы скудную растительность. Другая их потребность заключается в высоких растениях, деревьях или кустах, или, по крайней мере, в кустарнике, так как они вполне древесные животные, которые только в виде исключения сходят на землю (преимущественно для того, чтобы напиться или отложить яйца). Этим объясняется то обстоятельство, что почти во всех известных видах численность самок гораздо больше, чем самцов, которые зачастую украшены рожками или кожистыми лопастями на голове, и, кроме того, легко отличаются от самок тем, что у них основание хвоста всегда утолщенное и вздутое вследствие выпяченных половых органов. Там, где они живут, при особенно благоприятных обстоятельствах их можно встретить на небольшом расстоянии целую дюжину.

Обыкновенно их видишь маленькими обществами в 3-6 штук, сидящими неподвижно на кусте или на верхушке дерева, прикрепившись к одной или нескольким веткам своими четырьмя цепкими ногами и хвостом так, как будто бы это приросшие к сучку древесные наросты. В продолжение целого дня все их движения ограничиваются тем, что они то опускаются, то снова поднимаются по тому сучку, который избрали себе местом отдохновения, и только какие-нибудь исключительные обстоятельства заставляют их изменить не только положение, но и место. Прославленный ленивец и всякое другое подобное существо, живущее на деревьях, движется больше и чаще, чем они, если только не принимать во внимание их глаза и язык, так как глаза непрерывно вращаются, а язык высовывается каждый раз, как показывается добыча. Никакое другое позвоночное не подстерегает свою добычу так настойчиво, как хамелеон: в этом отношении его можно сравнить только с низшими беспозвоночными животными, которые как бы прирастают к скалам. Кому посчастливится напасть на это, не так-то легко находимое существо, тот может видеть, как оба глаза животного постоянно движутся как бы толчками и высматривают в различных направлениях независимо один от другого. Если продолжительный пост не возбудит в нем слишком сильного аппетита, то хамелеон остается в одном положении даже тогда, когда ему удастся высмотреть насекомое, и спокойно выжидает, когда оно сядет на ветку или на лист на досягаемом для него расстоянии. Как только это произойдет, голова хамелеона поворачивается к насекомому, оба глаза обращаются вперед, рот медленно раскрывается, язык высовывается, приклеивается к добыче и втягивается назад; иногда замечается быстрое жевательное движение челюстей и затем животное становится опять таким же неподвижным, как прежде. Но если ему долгое время не было удачи в охоте, то он может пуститься преследовать высмотренное насекомое, преодолевая расстояние до одного метра, но все же не покидая того куста, на котором сидит.

Во время моего пребывания в Александрии, я однажды держал в комнате до 20 живых хамелеонов. Они все достались мне в один и тот же день и с самого начала поделили между собой отведенное им помещение. Они расселись на каждом выступе, на подоконниках, на дверных карнизах, на ружьях и чубуках, стоявших в углу, на столах, стульях, ящиках и коробках, и каждый оставался на своем месте по возможности долго.

Посредством посуды, наполненной медом, я приманивал для них насекомых, в особенности мух; но или голод моих пленников было трудно утолить, или же избранные ими стоянки были так

неблагоприятны, что волей-неволей им приходилось пускаться в дальние прогулки. Эти выходы на охоту вначале были удачными; но когда я затворил окно и тем прекратил доступ новых мух, охота усложнилась, потому что мухи заметили преследование и осторожно избегали приближавшихся врагов. При этом мне не раз пришлось подивиться неистощимому терпению хамелеонов.

Один из моих зверьков, укрепившийся на спинке стула, сначала стал ворочать глазами, пока, наконец, не заметил на соседнем столе муху. Открытие свое он тщательно проверил и затем, по видимому, взвесил все случайности. У него, очевидно, еще была слабая надежда на то, что муха, удаленная от его рыльца на 20 см, усядется на спинку стула; но, к сожалению, эти радужные мечты не осуществились. Тогда хамелеону приходит новая мысль, и он спешит по-своему привести ее в исполнение. Осторожно освобождает он одну из передних ног, тихонько приподнимает ее приблизительно на I см от прежнего положения, медленно переносит, может быть, сантиметра на два дальше и снова крепко прицепляется ею. Через мгновение после этого петля хвоста распускается, эта пятая рука также вытягивается, снова прикрепляется и теперь животное может передвинуть и одну из задних ног. Естественно ожидаешь, что будет передвинута передняя лапа противоположной ноги, но скоро замечаешь, что хамелеон не придерживается в ходьбе общего правила, а представляет то одну ногу за другой одной и той же стороны, то попеременно переднюю и заднюю ноги. Один глаз пристально следит за мухой, другой еще непрерывно вращается, как будто бы он должен охотиться самостоятельно. Муха продолжает сидеть, — следовательно, можно продвигаться вперед. С крайне забавной, но, не смотря на это, мучительной медлительностью спускается терпеливый хищник по спинке стула, вперед на сидение, с удивительной ловкостью взбирается снизу на стол и после неописанных усилий, карабкаясь и цепляясь, добирается до края доски. Оба глаза вращаются теперь так быстро, как только могут; муха, к счастью, продолжает еще сидеть на том же самом месте; наконец она входит в поле зрения хамелеона, и дальнейшие его движения снова становятся рассечитаными. Он достигает соответственной близости, челюсти его открываются, и показывается головка кончика языка, — но озабоченная муха, жужжа, улетает, а хамелеон только глядит ей вслед. Снова глаза начинают вращаться и долгое время совершенно напрасно; наконец, по крайней мере, один из них неожиданно устремляется куда-то в дальний угол, и действительно, там снова уселась муха. Теперь, кажется, досада на неудачную попытку заставляет хамелеона ускорить шаги, так как он с поразительной поспешностью спускается на стол, и с широко расставленными ногами, пользуясь хвостом в качестве подпорки, шагает по плоской поверхности, хотя очевидно с большим трудом, но все же гораздо скорее, чем можно было ожидать от него. Длинный чубук служит ему удобной лестницей, и через несколько минут вершина его счастливо достигнута. Но если бы чубук был на 15 см длиннее! Когда наш хамелеон достигает его конца, он, после минутного размышления, замечает, что ему не хватает этих 15 см. Муха сидит с невозмутимым спокойствием, но вне досягаемости его языка; долго-долго оба глаза неподвижно впиваются в нее муха остается на том же месте, а хамелеон — на своей позиции, занятой с таким трудом. Возможно, что муха со временем приблизится на несколько сантиметров; возможно также, что прилетит и другая.

Неоднократно утверждали, что хамелеон при всем своем желании не в состоянии сделать в течение дня больше нескольких шагов. Но я убедился, что это неверно. Когда он захочет, то в течение одного часа может пройти относительно порядочное расстояние. Некоторые исследователи высказывали мнение, что будто бы хамелеон не может плавать, потому что у этого животного не только глаза, но и обе половины мозга, а вследствие этого и обе половины тела совершенно независимы одна от другой. Я же того мнения, что хотя хамелеону и нечасто приходится переплывать реки, но сомнительно, чтобы он при этом пошел ко дну, так как ему достаточно только надуться, что он и без того часто делает, чтобы обезопасить себя от погружения в воду.

Относительно перемены в окраске кожи обыкновенно бытует ложное представление. Некоторые думают, что хамелеон имеет свойство внезапно проявлять на своей коже всевозможные оттенки и переходы всех, каких только можно представить себе цветов, что он бесконечно может применяться по окраске к разным обстоятельствам, в каких приходится ему обретаться, и потому по желанию в состоянии принимать какой угодно цвет. Но все эти мнения более или менее несправедливы. Обычно хамелеон выглядит зеленоватым, похожим по цвету на лист; но он далеко не всегда может принимать по желанию окраску того предмета, на который его посадят. В цвете его кожи встречаются все переходы от оранжевого через желто-зеленый до сине-зеленого и оттенки и переливы всех этих цветов в отдельности, переходящие через серый или серо-бурый в черный, белый, мясо-красный, ржаво-бурый, фиолетово-синий и сине-серый. Бывают еще перемены цветов, образуемые тонкими, плоскими, шестиугольными клеточками кожи, лежащими над верхним слоем кожи. Все изменения окраски происходят с известной правильностью или вследствие внешних влияний

или же вызываются какими-нибудь душевными движениями или общими ощущениями, например: голодом, жаждой, потребностью покоя, пресыщением, сладострастием и т. п. Однако эти перемены далеко не у всех экземпляров совершаются одинаковым образом или с одинаковыми последствиями. Замечено, что и не все части тела обладают способностью менять окраску: желтая полоса, идущая от подбородка к заду, т. е. так называемая нейтральная линия, и тоже желтая внутренняя часть лап на обеих парах ног никогда не меняют своего цвета; внутренняя сторона предплечья и бедра подвергается лишь весьма незначительным изменениям.

Фан-дер-Хувен сделал очень точные наблюдения над изменчивостью окраски тела хамелеона и изобразил это животное в различных цветах. По сторонам замечаются две широкие, светлые долевые полосы и рассеянные между ними от головы до хвоста и от спины до брюха темные, круглые крапины, которые больше других мест подвержены изменению. По утрам, когда животное более или менее спокойно, кожа его бывает желтоватая, а обе полосы выглядят красноватыми; крапины и вовсе незаметны или очень мало. Днем, немного позднее, цвет кожи выглядит почти так же, без большой перемены, полосы же становятся беловатыми, а крапины темно-зелеными; кроме того, по спинному хребту выступают темные тени. Если животное взять в руки утром, то также выступают зеленые пятна. В возбужденном состоянии кожа хамелеона становится зеленоватой, брюхо синеватым, полосатость белой, а крап черным. Иногда животное выглядит красновато-бурым, полосы тогда светлее, крапины и тени почти совершенно исчезают. Этим, впрочем, вовсе не исчерпывается изменчивость красок. Я заметил, что два хамелеона во время спаривания принимали молочно-белую окраску, а когда их сердили, они становились почти совершенно черными; другие исследователи видели хамелеонов с бледно-красными, пурпуровыми и фиолетовыми крапинами. В общем, окраска и узор тем ярче, чем здоровее и восприимчивее животное. Но и это правило не без исключения. Что свет и теплота также имеют существенное влияние на окраску, это можно доказать опытами. «Если кому-нибудь вздумается посмотреть, как быстро меняется окраска хамелеона, — говорит Ленц, — тому стоит сидящего в прохладном месте хамелеона взять в руки или согреть каким-нибудь иным способом». Иногда для этого не требуется даже и теплоты: одного слабого света уже достаточно, чтобы вызвать изменение цвета. Если ночью подойти к спящему хамелеону со свечей в руках и держать ее на расстоянии 6-10 см от одного бока животного, то можно заметить, как на желтой коже через несколько минут выступают светло-бурые пятна, которые постепенно будут делаться все темнее и темнее, пока не станут совсем черными; как только удалите свечку, пятна медленно исчезнут. Если пойманного хамелеона перенести из темного помещения на солнце, то его кожа темнеет в течение нескольких минут. Необыкновенное влияние света и определенная независимость обеих половин тела хамелеона становятся вполне очевидными, если животное освещать или согревать только с одной стороны; в таких случаях изменяется только эта сторона, а не обе. Поэтому весьма возможно такое странное явление: когда спящее животное неожиданно разбудить и раздражить, то просыпается только одна половина его, а другая продолжает находиться в сонном состоянии. Дальнейшее возбуждение, например spryskivanie водой, тоже влияет на изменение окраски, в особенности тогда, когда животное долго ей не пользовалось. Из всего этого следует, что изменение окраски зависит от влияния нервов и происходит только вследствие возбуждения нервной системы.

С себе подобными хамелеон уживается не лучше большей части прочих пресмыкающихся. Нередко случается, что два хамелеона обозлятся друг на друга, яростно нападают и стараются поранить соперника своими сильными челюстями. Когда несколько хамелеонов живут в одном тесном помещении, то поводов к ссорам и дракам бывает немало. Какое-нибудь удобное местечко для сидения уже способно возбудить зависть и досаду в менее удачливом сопернике и вызвать угрожающие движения и даже настоящее нападение с его стороны; но гораздо серьезнее обстоит дело, когда пробудится потребность к спариванию. Тогда в них просыпается не только ревность — они всерьез дерутся за обладание самкой, яростно нападают друг на друга и изо всей силы кусаются. С другими пресмыкающимися они живут в полнейшем мире, или, вернее сказать, не имеют с ними никаких сношений, так как они интересуются только теми животными, которые им опасны или могут служить пищей. Когда к ним приближается враг или просто какая-нибудь безобидная птица, они, прежде всего, стараются надуться так, что туловище их становится почти круглым в поперечном разрезе, а затем принимаются фыркать и шипеть. Если схватить их рукой, то они также вцепляются в нее и немного придавливают кожу челюстями, но настолько слабо, что обычно не причиняют ни малейшего повреждения. Само собой разумеется, что при этом их кожа переливается различными цветами и сама форма животного, вследствие раздутия, совершенно изменяется: все ребра выступают, и животное в буквальном смысле приобретает известную прозрачность, так что сквозь его тело можно разглядеть ветки или перекладыны его клетки, которые выделяются в виде темных полос.

Подобно большинству пресмыкающихся, хамелеон, без всякого вреда для себя, может голодать по целым неделям и даже, быть может, месяцам; но жажду долго не выносит. Однажды летом я получил из Александрии многочисленное общество этих животных, которые были в дороге всего 14 дней. Больше трети всех хамелеонов, удовлетворительное состояние здоровья которых перед отправлением было констатировано, лежали мертвыми на полу хорошо устроенной клетки; другие безо всякого сопротивления позволяли брать себя; но как у тех, так и у других кожа выглядела равномерного серовато- соломенно-желтого цвета без ясного узора, без всякой яркости в красках. Мое предположение, что умершие животные погибли от голода, что слабые близки к голодной смерти, а остальные, по крайней мере, очень голодны, не подтвердились. Хотя глаза всех их устремились на приготовленный корм, где копошились мучные черви и гусеницы, а также слетались на приманку мухи, но ни один из моих воспитанников не стал есть, ни один из них даже не пытался достать добычу. Тогда в виде опыта, я пустил на них сверху искусственный дождь. Магического, более животворного действия наверно никогда не имела даже первая гроза после продолжительной засухи, никогда так освежающе не влиял, по всей вероятности, первый глоток, сделанный изнывающим от жажды человеком. Каждая капля, падавшая на желто-кожаное тело, восстанавливала в орошенном месте свежесть кожи и, подобно солнечному лучу, рассеивающему тучу, «сдирала» эту одежду вынужденного лишения, чтобы уступить место роскошному одеянию. Живительная влага освежала не только завядшую кожу, язык также с жадностью подбирал отдельные капли. И когда капли стали падать все реже и реже, истомленные жаждой животные ухватились с обеих сторон за лист своими сухими губами и буквально присосались к нему, а когда он был весь вылизан и высосан, они обратились к другому листу. Наконец все хамелеоны успели подкрепить себя еще раз предложенным питьем и тогда только обратили должное внимание на копошащихся мучных червей и похотливых до меда мух. Туловища хамелеонов из плоских сделались опять кругленькими, в подгибавшихся ногах восстановилась крепость и устойчивость, тусклые глаза приобрели подвижность. После долгого поста они не только ели с жадностью, но поедали корм в изумительном количестве. До этого, по своим наблюдениям и опытам, я считал их умеренными созданиями. Я знал, что на свободе они питаются только мелкими и слабенькими насекомыми, в особенности мухами, бабочками, жуками, кузнечиками, гусеницами, пауками, мокрицами, может быть, также червями; я представлял себе, что они терпеливо выжидают, пока им предложат какую-нибудь добычу. Я читал, наконец, что они никогда не едят больших насекомых и могут одолеть зараз только одного; теперь же мне пришлось убедиться совершенно в противоположном. Животные лазали по веткам вверх и вниз; когда не хватало места, они обвивались между собой завитками хвоста; за лучшее место они ссорились с угрожающими жестами; глаза их, действующие независимо друг от друга, осматривали все углы, как в вертикальной, так и в горизонтальной плоскости. Дюжины таких глаз метились на одну и ту же добычу; муха, счастливо избежавшая одного языка, неизбежно становилась жертвой второго, третьего и т. д. Довольно большое блюдо, наполненное мучными червями, они опустошили за один присест; содержимое довольно объемистой коробки, которую дал им садовник, обиравший гусениц, в течение суток было поглощено желудками моих сорока хамелеонов, а вращающиеся глаза все еще продолжали высматривать следующую добычу: мои пленники казались прозорливее всякого другого известного мне пресмыкающегося.

Как собственно поступает хамелеон, чтобы завладеть добычей, я не мог узнать наверно. Кажется, что схваченное глазом насекомое приклеивается к головке быстро высунутого и так же быстро подобранного языка, и это, судя по наблюдениям, должно быть так; с другой стороны, может быть, что голова языка употребляется ими вроде клещей. Как бы то ни было, но я сам бесчисленное количество раз был свидетелем, что попавшее на головку языка насекомое может считать себя погибшим. После того, как чашечка с кормом была наполнена мучными червями, мои хамелеоны буквально открыли настоящий перекрестный огонь «выстрелов» и ни разу язык не всовывался без добычи; очень часто на головке языка висели 2 или 3 мучных червя, и ни один из них не отпадал. Меткость этих стремительных выстрелов языка возбуждала всеобщее изумление.

Кладка яиц у обыкновенного хамелеона наблюдалась неоднократно, но, насколько мне известно, только у пленных животных. «Однажды я заметил, — рассказывает Валлиснери, — что один из моих хамелеонов сделался очень беспокойным и, наконец, тихонько, со всей своей прирожденной ленью, спустился на землю по ветвям, которыми была украшена его клетка; здесь он стал беспокойно бегать, пока не остановился в углу клетки, где не было ни песка, ни пыли, а одна твердая земля, и передними лапами начал рыть ее. Твердая земля оказывала ему такое сопротивление, что он должен был проработать без перерыва целых два дня, чтобы расширить прежнюю дырку до размеров ямки 10 см в поперечнике и 15 см глубины. Он залез в эту ямку и там стал откладывать

яйца, положив всего более 30 штук, как я убедился сам. Выполнив, и надо сказать с большим старанием, это дело, он задней ногой снова зарыл яму, совершенно так, как это делают кошки, когда хотят скрыть свои испражнения. Но этим он, однако, не удовольствовался и наносил еще сухих листьев, соломы и хвороста, из чего сделал нечто вроде крыши над образовавшимся холмиком". 25-30 яиц, составляющих кладку хамелеона, овальной формы и равномерно-белого цвета, с мягкой как пергамент скорлупой.

** Любопытно, что несмотря на древесный образ жизни хамелеонов, кладка все же закапывается самкой в землю. На место «погребения» кладки самка подгребают сухие листья и веточный опад, образуя достаточно плотный холмик. Процесс развития яиц длится 9 месяцев.*

По моим наблюдениям, очень многие самки, даже сильные и здоровые, умирают перед, во время или после кладки яиц.

"Увиденный хамелеон, — погибший хамелеон, — гласит одна испанская пословица, и вполне справедливо, так как, несмотря на всю свою изменчивость, мало бросающаяся в глаза окраска животного служит ему лучшей защитой против бесчисленного полчища врагов, преследующих его. Не только все маленькие четвероногие хищники и большая часть хищных птиц, но также и вороны, птицы-носороги, цапли, аисты и, наконец, даже большие змеи, быть может, также вараны и другие пресмыкающиеся должны быть причислены к врагам этого безобидного создания. Человек повсеместно уделяет ему внимания больше, чем это полезно для него. Нигде его не считают ядовитым или опасным, но всюду его удивительное строение так бросается в глаза, что каждый старается овладеть животным. Ловля производится обыкновенно самым грубым способом: хамелеонов, которых можно схватить руками, силой отрывают от ветвей; тех же, которые сидят слишком высоко, стараются сбросить на землю, кидая в них камень. Поэтому неповрежденные экземпляры могут получить только те ловцы, которые будут обращаться с ними с величайшей осторожностью; вследствие дурного обращения большая часть пойманных хамелеонов умирает через несколько дней, максимум — через несколько недель.

Вначале пленные хамелеоны проявляют себя крайне раздражительными, фыркают и надуваются каждый раз, когда к ним кто-нибудь приближается, даже стараются укусить, одним словом, не хотят и знать своего воспитателя. Впрочем, поведение их скоро изменяется: они привыкают к человеку и терпеливо переносят от него решительно все. При целесообразном уходе они выживают в неволе целые месяцы. Больше всего они требуют равномерной теплоты. Наступление поздних осенних дней служит для них началом недомогания. Они перестают есть, чахнут и умирают. Лучше всего они содержатся в оранжереях, равномерно теплая температура которых позволяет им бороться даже с продолжительным постом. В надлежащей пище они никогда не должны терпеть недостатка; из вышесказанного можно видеть, что они требуют значительного количества мух, мучных червей, пауков, кузнечиков и т. п. Они никогда не дотрагиваются до мертвого насекомого, как бы заманчиво оно ни было; все, что они поглощают, должно быть в живом виде. Хотя Джэмсон и рассказывает, что его садовник в продолжение целой зимы пичкал одного хамелеона мокрицами и дождевыми червями, но такие податливые экземпляры попадаются очень редко: большинство из них предпочитает умереть голодной смертью, чем принимать непривычную для себя пищу; к тому же насильственное открывание челюстей хамелеона — вовсе не простое дело. Фишер, державший недавно в клетке множество хамелеонов, считает их очень чувствительными к холоду и поэтому советует держать их при температуре 27-35° Цельсия. Влажность воздуха и питье также служат главными условиями их благоденствия. По словам того же достоверного наблюдателя, искусственное освещение не влияет на перемену окраски, если животное не разбужено. В известное время хамелеоны издают мурлыкающий звук. В отношении душевных способностей они из всех пресмыкающихся стоят на самой низкой ступени, хотя зрение и слух у них отлично развиты. Пищей им служат мухи, мучные черви, тараканы и кузнечики. Линька совершается с августа по сентябрь; затем следует период спаривания. Процесс спаривания продолжается от нескольких секунд до 14 минут; беременная самка принимает постоянную присущую ей окраску. Беременность длится 51-57 дней, обычная кладка состоит из 24-37 яиц. В конце ноября яйца пристраиваются в соответственное место и через 125-133 дня после кладки появляются молодые; Впрочем, наверно еще не доказано, что на родине животного эти сроки совпадают с выше указанными.

В южной Испании хамелеона держат в комнате вовсе не для удовольствия. Ему отводят определенное место, подвешивают там сосуд с медом и тем привлекают надоедливых мух к внимательному и неутомимому ловцу. Мой брат пишет мне, что в Севилье почти в каждой лавочке видишь этих пресмыкающихся, которых содержат как домашних животных.

Подотряд змеи

Важнейшим отличительным признаком змей является присущая им подвижность лицевых костей, которая способствует необычайному расширению рта. Многие другие пресмыкающиеся животные имеют, как мы видели, такую же внешнюю форму тела, как змеи. Приняв это во внимание, можно сказать, что змеи характеризуются вытянутым, червеобразным телом, одетым в твердую, так называемую чешуйчатую кожу. Голова и хвост слабо отграничены от туловища. Согласно воззрению новейших исследователей, змеи представляют своеобразно развившуюся боковую ветвь чешуйчатых пресмыкающихся и не отличаются от последних какими-либо важными признаками. Отсутствие плечевого пояса и мочевого пузыря, чему придавали большое значение, нужно рассматривать как особенность, которая была предуготовлена образом жизни некоторых первобытных ящериц.

Голова змей никогда не бывает очень велика; обыкновенно она шире, чем остальное туловище. Только у немногих видов она особенно резко отделена от шеи или от туловища. Голова яйцевидной или треугольной формы, обыкновенно сдавлена сверху вниз, то есть, иначе говоря, сплющена. Ротовая щель столь велика, что пасть, по-видимому, заходит далее задней границы головы. Ушного отверстия нет; глаза расположены почти над серединой ротовой щели, сбоку и вблизи края челюсти. Носовые отверстия всегда расположены впереди, часто совсем близко к верхушке рта. Чешуйчатый покров головы более или менее отличен от покрова туловища. Обособленной шеи нет; туловище начинается по большей части непосредственно позади головы и переходит незаметным образом в более или менее удлинённый хвост. Последний имеет форму полного или усечённого конуса. Длина туловища и хвоста больше их ширины в 20-90 раз. Голова, туловище и хвост одеты твердой кожей, которую, по словам Карла Фогта, «неправильно называют чешуйчатой кожей, так как в действительности покров этот представляет одно неразделённое целое и ясно состоит из настоящей кожи и лежащей над ней верхней кожицы».

По форме различают два рода чешуек. Одни, имеющие в длину большие размеры, чем в ширину, и снабженные часто посредине килем, встречаются преимущественно на спинной поверхности животного; другие, большей частью шести или четырехугольной формы, имеют в ширину большие размеры, чем в длину, и главным образом встречаются на брюшной стороне туловища и на голове¹¹. Щитки, покрывающие верхнюю сторону головы, имеют такие же названия, как и у ящериц. Из щитков, покрывающих нижнюю сторону, мы различаем: пару самых передних чешуевидных горловых щитков, расположенных сзади бороздковых щитков широкие, идущие вплоть до заднепроходного щитка брюшные щитки; кроме того, покрывающую заднепроходное отверстие полукруглую, одиночную или парную, чешуйку — заднепроходный щиток и находящиеся на нижней поверхности хвоста, парные или непарные, хвостовые щитки.

"Для змей характерны бороздковые щитки, из которых обыкновенно две пары лежат друг за другом на подбородочной борозде, и два нижнегубных щитка, лежащих большей частью посредине, позади подбородочного щитка. Нижнегубные щитки, расположенные по бокам, впереди бороздковых щитков, заполняют спереди границы подбородочной борозды».

Нельзя сказать ничего общего относительно окраски и рисунка кожи, так как они представляют необычайно большое разнообразие. Существуют змеи одноцветные, а также с пестрыми пятнами, с узором, состоящим из колец, решеток, полосок, точек, пятен в виде облаков и т. д. Одни виды невзрачны, другие же щеголяют великолепными красками. Но всегда рисунок и окраска стоят в известной зависимости от местности, в которой обитает змея. У живущих в пустынях преобладает песочно-желтая окраска, у древесных форм — зеленая. Змеи, ползающие по почве, покрытой растительностью, имеют пестрое одеяние, а пресноводные — соответственно темноте иловатых вод — носят темное одеяние. Морские змеи, напротив, щеголяют яркими — желтой и черно-голубой — красками, которые согласуются с разноцветными волнами тропических морей. Это соответствие окраски и местности не всегда наблюдается непосредственно, но путешественники, изучившие на основании собственных наблюдений богатство красок тропических стран, непременно заметят его, точно так же как наши охотники на змей знают, как хорошо они приспособляются к почве, по которой движутся. Заслуживает внимания замечательное исключение из этого правила. Именно — чешуйки роющих змей, проводящих полжизни под землей, отчасти окрашены в яркие цвета, отчасти же имеют металлический блеск, подобный блеску полированной стали. Хотя окраска и рисунок не могут быть изменяемы произвольно, не усиливаются при возбуждении и не ослабевают во время сна, но, тем не менее, являются постоянными только до известной степени. Именно только общий отпечаток их существует у всех экземпляров данного вида. Строго говоря, окраска и рисунок значительно варьируют, у одних видов больше, у других — меньше. Наша гадюка, например, имеет около 12 названий, потому что прежние исследователи принимали отдельные разновидности за

особые виды, которым и давали названия. При этом возраст и пол оказывают влияние более значительное, чем обыкновенно думают.

Простота и однообразие внешней формы тела обусловлены строением костного скелета, который состоит только из черепа, позвоночного столба и ребер. Существующие же у некоторых семейств укороченные тазовые и ножные бугорки, расположенные соответственно задним конечностям других пресмыкающихся, служат лишь намеком на конечности*.

* *Ближайшими родственниками змей часто считают безухих варанов (Lanthanotidae), сейчас представленных одним видом — Lanthanotus borneensis, однако в последнее время их сближают с гекконо-подобными предками, среди которых были и безногие формы.*

Эти костные бугорки заслуживают нашего внимания, особенно если сопоставить их с наблюдениями Карлсона, который нашел у небольшого числа змей остатки плечевых мускулов и кровеносных сосудов передних конечностей. Вышеупомянутые данные заставляют нас признать, что змеи произошли в старину из четвероногих, ящерицеобразных форм**.

* * *Причины утраты конечностей окончательно до сих пор не установлены. Одни специалисты считают, что это произошло в результате перехода к роющему образу жизни, другие связывают это с обитанием в водной среде или среди травы и камней.*

Важнейшей и самой своеобразной по форме и устройству частью скелета является череп. Он состоит, не считая менее важных для нас костей, из затылочной кости, теменных, лобных, височных, скуловых, носовых и слезных костей, клиновидной и межчелюстной костей, двух верхнечелюстных и двух небных костей и связанных с ними нижнечелюстных костей, состоящих из нескольких частей. Еще более, чем незначительная величина части черепа, заключающей мозг, бросается в глаза сильная подвижность челюстного аппарата.

"Межчелюстная кость, — говорит Карл Фогт, — связана плотно с носовой костью; верхнечелюстные, крыловидные и небные кости, напротив, являются очень подвижными у большинства змей, главным образом у ложноногих, ужей и гадюк, и могут двигаться из стороны в сторону, а также вперед и назад. Столь большая подвижность зависит от нижнечелюстных костей. Длинная чешуевидная сосковидная кость связана с черепом только посредством связок и мускулов и несет на конце также длинную стержневидную, направленную косо вниз квадратную кость, с которой сочленена нижняя челюсть. Эта последняя состоит обыкновенно из двух, совершенно отдельных, стержневидных, лишь слегка изогнутых половин, которые соединены впереди только рыхлыми, растяжимыми волокнами; отделение их обозначается снаружи на так называемой подбородочной борозде, находящейся на нижней поверхности головы». Такое устройство позволяет змеям значительно расширять свой рот и проглатывать добычу гораздо более значительных размеров, чем, по видимому, это допускает отверстие рта. К голове непосредственно примыкает туловище, так как у змей нет различий между шейными, грудными, поясничными, крестцовыми и хвостовыми позвонками. Уже начиная со второго, третьего или четвертого позвонка, лежащего позади черепа, все позвонки снабжены парой ребер, отличающихся от ребер туловища только меньшей величиной. Начиная с указанных, все позвонки, лежащие сзади, имеют более или менее одинаковое строение. Они связаны друг с другом настоящим шарообразным сочленением, причем сочленовная головка предыдущего позвонка входит в полушарообразную ямку последующего, и имеют ребра, связанные с телами позвонков также шарообразным сочленением. Ребра имеют особенное и очень важное значение, так как они заменяют у змей недостающие конечности.

Они оканчиваются в мускульном слое, связанном с большими брюшными щитками, и придают им, когда движутся спереди назад, своими задними концами, выпячивающимися к поверхности, по которой должно совершаться движение. Таким образом, они представляют ряд рычагов, из которых каждый если и не вполне соответствует конечности, то, во всяком случае, исполняет ее роль. Следовательно, будет справедливо, если мы скажем, что змеи ходят на своих ребрах. У некоторых видов змей шейные ребра расширены также и вбок. В хвостовой части ребра уменьшаются мало-помалу и наконец совершенно исчезают. Соответственно видам и величине змей число позвонков колеблется в широких пределах. Только в исключительных случаях число их бывает менее 200, у отдельных же видов оно превышает 430. Грудная кость отсутствует у всех змей, так как ребра оканчиваются свободно; у них также нельзя заметить следов плечевого пояса и передней пары конечностей.

Не менее чем кости скелета, заслуживают внимания зубы, так как по своему строению они представляют важные отличия и служат для определения семейства и подсемейства змей. Зубы помещаются не только в верхней и нижней челюсти, но часто также на межчелюстной кости и по большей части на небных и крыловидных костях. Зубы всегда прирастают к костям, на которых они

сидят, и, по мере надобности, заменяются новыми. Эти последние развиваются или позади, или рядом со старыми зубами и заключены с ними в общую складку слизистой оболочки. Различают три рода зубов: плотные, бороздчатые, то есть такие, которые снабжены на своей изогнутой передней поверхности глубокой бороздой, идущей от корня до кончика, и полые, продырявленные в передней части корня и рассеченные щелеобразно недалеко от верхушки. Все зубы дугообразны, очень остры и крючковаты. Они служат только для укуса и удерживания добычи; змеи никогда не разрывают и не перетирают пищу. Плотные зубы образуют конус, состоящий из твердого зубного вещества и покрытый тонким слоем эмали. Бороздчатые зубы представляют собой, по-видимому, недоразвитые полые зубы, так как можно допустить, что края борозды у последних срослись и образовали трубку. «Сообразно с таким качеством зубов, — замечает Карл Фог, — построен и верхнечелюстной аппарат. У большинства неядовитых змей, снабженных плотными зубами, верхняя челюсть очень длинна и несет непрерывный ряд зубов. За этим рядом внутри следует второй, образованный существующими почти у всех змей зубами, сидящими на нёбной кости и на непосредственном ее продолжении — крыловидной кости. У так называемых подозрительных змей с бороздчатыми зубами верхняя челюсть короче и усажена в передней части маленькими крючковатыми зубами, а в задней — большими бороздчатыми зубами. У аспидов и морских змей верхняя челюсть совсем коротка и усажена расположенными позади больших продырявленных ядовитых зубов маленькими, плотными, крючковатыми зубами. Наконец, у гадюк верхняя челюсть имеет вид совсем коротенькой косточки, усаженной несколькими ядовитыми полыми зубами, продырявленными вблизи верхушки».

Изобилие мускулов является следствием своеобразного устройства скелета. Межреберных мышц можно насчитать столько же, сколько и ребер. Кроме них вдоль спины проходят мышцы, имеющие много точек прикрепления у различных ребер и позвонков. Это позволяет им не только проявлять значительную силу, но и действовать в самых разнообразных направлениях. Все мышцы, как и вообще у всех пресмыкающихся, имеют очень бледную окраску.

Вытянутой форме туловища соответствуют и внутренности. Отверстие дыхательного горла расположено в передней части пасти. Дыхательное горло тянется под пищеводом и рядом с ним и состоит из тонких растяжимых хрящевых колец. Эти кольца в передней части горла замкнуты, а в задней соединены перепонкой. Гортань не ясно обособлена, надгортанный хрящ почти всегда отсутствует.

Кольца сзади постепенно расширяются и переходят в легкие, образующие один или два больших полых мешка. Легкие тянутся до конца брюха.

Удавы и питоны, по исследованиям Шульце, снабжены двумя одинаково развитыми легкими, имеющими почти одинаковые размеры в длину; у гадюк и морских змей только одно легкое. Между ними существуют многочисленные переходные формы, характеризующиеся в основном уменьшением левого легкого. Отношение передней, деятельной и участвующей в дыхании, части легкого к задней, более или менее гладкой, варьирует у различных семейств. Так, у удавов и у водных ужей существует незаметный переход от одного отдела легкого к другому, а у очковых змей эти отделы резко разграничены. Легкие змей, которые по другим признакам стоят ближе всего к ящерицам, походят, в общем, на легкие ящериц. Маленькое сердце, значительно удаленное от головы и у некоторых аспидов лежащее даже в начале второй трети туловища, состоит из двух совершенно обособленных предсердий и одного не вполне разделенного желудочка. Органы пищеварения отличаются своей простотой. Пищевод длинный и очень мускулистый; желудок представляет собой

собственно, только расширение пищевода и имеет сходство с длинным мешком. Короткие и мало извитые тонкие кишки отграничены от желудка только уменьшением диаметра. Почки, яичники и семенники очень вытянуты; печень — в виде длинной и сравнительно крупной лопасти; желчный пузырь значительных размеров; поджелудочная железа велика.

В жизни змей важную роль играют некоторые железы, которые особенно развиты у ядовитых видов этого подотряда. Вследствие этого понятно, почему они стали предметом точных исследований. В голове змей существуют шесть пар желез и одна непарная. Из этих желез не все, но большая их часть встречаются одновременно. Таковы: передние подъязычные железы, задняя подъязычная, носовая, слезные, нижние и верхние зашечные и губные железы и, наконец, ядовитые. Ядовитые железы, расположенные почти всегда позади и ниже глаз над верхней челюстью, очень велики, продолговаты, листоватой структуры и имеют внутри значительную полость. Они, кроме того, характеризуются длинным выводным протоком, тянущимся вперед к наружной поверхности верхней челюсти. Выводной проток открывается впереди и над ядовитым зубом в окружающий их чехол, так что отделение железы может изливаться в зуб. Ядовитая железа окружена очень сильным мускулом, который, совместно с жевательным мускулом, служит для сжимания железы. У

некоторых ядовитых змей железа эта тянется назад так далеко, что отчасти лежит на ребрах. Ее присутствие констатировано у всех змей, имеющих полые зубы. У змей же с бороздчатыми зубами ее заменяет сходная с ней железа. Эта последняя мягкого, губчатого строения, никогда не бывает окружена мускулистым чехлом и, таким образом, является недоразвитой и менее приспособленной к введению яда в рану. Она, впрочем, часто подвергается небольшому сжатию от действия переднего височного мускула.

Спинной мозг по своей массе значительно превосходит головной. Последний необычайно мал; спинной же мозг, наоборот, сообразно длине позвоночного столба, внутреннюю полость которого он заполняет, очень велик и объемист. Следствием этого является необычайная раздражимость мускулов, тупость сознания и слабость остальных душевных способностей. Преобладающим чувством, несомненно, является осязание, т. е. способность ощущать предметы. Язык, с давних пор считающийся жалом и теперь еще многими невеждами рассматривающийся как орган нападения, служит не для вкуса, а исключительно для осязания. Поэтому язык имеет для змеи громадное значение. Он очень длинен, тонок, спереди разделен на две заостренных половины и покрыт роговой массой. Он помещается в мускулистом чехле, проходящем под дыхательным горлом и открывающемся невдалеке от отверстия горла, вблизи верхушки нижней челюсти. Язык может втягиваться в этот чехол или очень далеко выдвигаться и вообще отличается необыкновенной подвижностью. Вырезка в верхней челюсти, которая и при закрытом рте образует еще отверстие, облегчает попеременное высовывание и втягивание языка, так как он постоянно имеет свободный выход. Орган зрения змей по своей остроте может быть поставлен в один ряд с языком, отлично приспособившимся к осязанию. Впрочем, несомненно, глаз у змей менее совершенен, чем у остальных пресмыкающихся. Своеобразная особенность глаза заключается в его кажущейся неподвижности, которая придает ему вид стеклянного глаза. Вместо подвижных век у них существует прозрачная кожица, которая «вделана, подобно часовому стеклу, в желобок круглой глазной впадины и образует капсулу, соединяющуюся внутри с носовой полостью посредством длинного протока слезного канала». Эта прозрачная кожица, которую некоторые неправильно уподобляют роговице или даже рассматривают ее как таковую, представляет часть верхней кожи. Самый наружный ее слой во время общего линяния сбрасывается в виде одного куска вместе с остальной верхней кожей. Вследствие этого и прозрачность ее увеличивается после линяния и постепенно уменьшается в промежутке между двумя линьками. Нужно заметить, что при подобной линьке внутренний слой глазной капсулы остается. Итак, эту капсулу можно рассматривать как замкнутое, так сказать, прозрачное веко, под которым глаз может свободно двигаться. Зрачок либо круглый, либо продолговатый и в последнем случае вытянут или в горизонтальном, или в вертикальном направлении. Горизонтальный зрачок мы наблюдаем у дневных змей, а вертикальный — у ночных. Радужная оболочка отликает яркими цветами, у одних золотым, у других серебряным, у третьих ярко-красным и у четвертых зеленым цветом. Орган обоняния, о существовании которого мы можем судить снаружи по ноздрям, открывающимся с каждой стороны между глазом и вершиной верхней челюсти на боковой стороне или сверху рыла, по-видимому, далеко уступает по развитию органам осязания и зрения. Ноздри прикрыты у некоторых видов кожистыми клапанами или подвижными крышечками. Носовые трубки коротки, окостенелая носовая раковина, слизистая оболочка которой снабжена лишь немногими веточками нервов, очень проста. О присутствии органа слуха мы узнаем лишь тогда, когда удалим чешуи с боковых сторон головы, так как слуховые проходы целиком скрыты под кожей. Настоящей барабанной полости нет, равным образом отсутствует и барабанная перепонка, улитка же существует и, в общем, похожа на улитку птиц.

Очертанием тела обуславливаются присущие змеям движения и, само собой разумеется, до известной степени и образ жизни, так как привычки у животных, по крайней мере посредственно, вытекают из строения их тела. Движения змей разнообразнее, чем обыкновенно считают незнакомые с ними. Змеи, во всяком случае, скорее, чем большинство остальных представителей этого класса, заслуживают названия пресмыкающихся животных. Они ползают не только по ровной почве, но и в гору и под гору; они ползают вверх по деревьям, между сучьями их, двигаются по поверхности воды и скользят по дну реки. Следовательно, они ползают, лазают, плавают и ныряют и все это проделывают приблизительно с одинаковым проворством и ловкостью. Их многочисленные ребра, сочлененные только с позвонками, а внизу свободные, приводятся в действие при ползании: каждое отдельное ребро становится, как замечено, ногой, подпоркой и рычагом, который не только поддерживает тело, но и приводит его в поступательное движение. Ползающее движение происходит несколько иначе, чем думают неспециалисты, и иначе, чем рисуют неопытные живописцы. Это движение совершается не посредством вертикальных дугообразных изгибов, а посредством боковых

волнообразных. Все позвонки очень легко изгибаются в боковом направлении, и ребра так же легко передвигаются спереди назад. Когда змея хочет двигаться вперед, тогда она вытягивает попеременно то одни, то другие боковые мускулы и изгибает вследствие этого тело в горизонтально расположенную волнообразную линию. Вместе с тем она настолько вытягивает ребра вперед, что они занимают почти перпендикулярное или перпендикулярное положение первоначальному. При последующем изгибе она приводит ребра в наклонное положение, спереди назад, т. е. двигает ими так же, как другие животные двигают ногами. Острые края брюшных щитков, направленные книзу, облегчают, вследствие трения о почву, поступательное движение вперед и не допускают соскальзывания назад. Пока змея движется по гладкой поверхности, ее движение совершается очень легко: тело целиком находится в деятельном состоянии. Многочисленные пары ребер служат для опоры, и в это время остальные подтягиваются одновременно вперед и приводятся в действие в тот момент, когда первые прекращают движение. Каждый изгиб, который описывает тело, очень скоро сменяется другим, поэтому передвижение может совершаться очень быстро; с другой стороны бесконечное число изгибов, которое должно описать тело при поступательном движении, замедляет скорость. Когда змея ползет через узкие проходы, в которых она не может совершать движения тела в стороны, тогда она пользуется исключительно своими ребрами как подпорками, причем опирается на свои чешуйки. Лазание есть, строго говоря, не что иное, как ползание по отвесным плоскостям. Древесный ствол, если только его кора не слишком гладкая, не представляет никакого затруднения змее, желающей обвиться вокруг него. Она очень быстро взбирается на него винтообразными извилами, причем все время подвигается вперед. При этом она не сползает вниз благодаря острым задним краям брюшных щитков. Многие древесные змеи имеют по обеим сторонам брюшных щитков угловатые края и даже выдающиеся гребни, проходящие вдоль краев брюшных щитков. Эти гребни очень полезны змеям при лазании. Даже по ветвям они ползают почти с такой же уверенностью и поспешностью, как и по гладкой почве, особенно если листва густая. Змея совершает точно такое же движение и во время плавания; несомненно, при этом главнейшим органом движения является хвост. Все змеи умеют плавать; впрочем, те, которые обыкновенно не ищут воды и не живут в ней, очень скоро, по-видимому, устают от движения по воде. У настоящих морских змей, у которых хвост сплюснут с боков и снабжен еще кожистой оторочкой, плавательное движение, более чем у других представителей отряда, похоже на плавание угря.

"Немногие из животных, — утверждает Ласепед, — столь проворны, как змеи. Когда они бросаются на добычу или убегают от врага, то уподобляются стреле, выпущенной из лука сильной рукой; каждая часть в отдельности действует тогда как стальная пружина, которая отскакивает с силой. Кажется, будто их беспрестанно отталкивает все, к чему они прикасаются, будто они летают по воздуху, только дотрагиваясь до земли. На высочайшие верхушки деревьев они взбираются быстрее, чем птица: они с такой быстротой извиваются вокруг стволов и ветвей, что за ними едва можно уследить взором». Это описание очень напоминает преувеличенные описания древних, ибо ни одна змея не движется в действительности так, как описывает Ласепед. «Извилистое движение змей, — говорит Ленц, — значительно обманывает глаз, и так как немного людей взяло на себя труд точно измерить скорость его, то вообще допускает, что быстрота этого движения очень велика; но ни одна змея не движется настолько быстро, чтобы нельзя было скорым шагом, а не бегом идти рядом с ней*.

* *Скорость передвижения американских полозов 11 километров в час.*

Они движутся, сравнительно медленнее, чем ящерицы, лягушки, мыши и т. п. По мху и по степи с короткой травой они двигаются быстрее всего, потому что им помогает колючая подстилка, а по голый земле они ползут медленнее. Если их положить на стеклянную пластинку, тогда им очень трудно двигаться вперед. С крутых горных утесов они сползают так легко, что кажется, будто они летят, и притом так быстро, что никогда нельзя узнать, какого вида змея и какой величины».

Только небольшое число змей в состоянии поднимать переднюю треть своего туловища; описания, утверждающие противоположное, без сомнения нужно признать ложными. Большинство змей не поднимают голову выше чем 30 см над землей. Исключение составляют немногие, например очковые змеи; многие из них могут извиваться настолько, что если их взять за хвост и держать вниз головой в всячем положении, то и тогда они достают головой до руки или кисти.

Дыхание вполне бодрствующих и деятельных змей совершается непрерывно и сопровождается заметным движением ребер, попеременно поднимающихся и опускающихся. Дыхание сопровождается также легким расширением головы и жевательным движением челюстей. В общем, дыхание слабое и увеличивается только с наступлением гнева. Хорошим признаком наступления гнева служит сильное продолжительное шипение, прерывающееся только на короткое время, которое за-

меняет собой недостаток голоса. Одна змея, водящаяся в Африке, по словам Ливингстона, так часто прерывает шипение, что звук его делается похожим на бляение козы. В немецких владениях в юго-западной Африке туземцы рассказывают об этой змее, которую они называют «ондара», совершенно удивительные и ужасные вещи, хотя, впрочем, не могут ее точно описать. Может быть, это **иероглифовый питон** (*Python sebae*), который, несмотря на свою величину, безопасен для человека. Своеобразное сиплое шипение видов североамериканского рода *Pituophis* зависит, по Уайту, от присутствия надгортанного хряща. Этот последний у других змей или совсем отсутствует, или же является в виде маленькой бородавки. У *Pituophis* же он тонок, имеет форму лопаточки и служит подвижной затворкой голосовой щели.

Кроме осязания, а у некоторых видов и зрения, остальные чувства у змей слабо развиты, и даже осязание развито только как способность ощущать предметы. Мы согласны также с важной ролью языка у змей, хотя мы очень хорошо знаем, что значение его совершенно иное, и притом даже более важное, чем думали древние. Змеи, впрочем, могут и без помощи языка совершать обыкновенные отправления, хотя и не с такой легкостью. Об этом мы можем судить по наблюдениям, произведенным в этом на правлении. Ленц отрезал у кольчатого ужа половину языка — змея пользовалась оставшейся половиной как целым языком и выказывала в своем поведении почти такое же проворство, как и до операции. Гадюка, у которой вышеупомянутый наблюдатель отрезал от языка столько, что она могла высовывать только маленький кусочек, также не выказывала в своих движениях никакой заметной перемены. Мы имеем из собственного опыта данные, утверждающие выводы, противоположные тем, к которым, по-видимому, приходит Ленц. У арабов, кроме заклинателей и опытных ловцов змей, господствует распространенное, как и у нашего народа, мнение, что змеи смертоносно жалят языком. Поэтому, надеясь обезопасить себя от яда змей, арабы стараются отрезать им язык. Изувеченные подобным способом совершенно невинные змеи нередко попадали в наши клетки. Они выживают в неволе очень продолжительное время, движутся так же, как и змеи с целым языком, и шевелят кончиком языка, который вновь никогда не вырастет, так же, как неповрежденным языком. Несмотря на все это, они никогда не едят, не пьют, становятся более нечувствительными, чем всякая другая змея, не обращают внимания ни на пищу, ни на другие предметы, и вследствие этого скоро наступает безусловная и жалкая смерть.

По моим наблюдениям и сведениям, змея, лишенная языка, не может как следует ни двигаться, ни жить. Непреложный факт, что змея, если только она не отдыхает вытянувшись, беспрестанно шевелит языком, и притом двигает им во всех направлениях, желая исследовать предметы, находящиеся перед ней. Факт также и то, что она никогда не пьет и не входит в воду, прежде чем не коснется языком ее поверхности. Неоспоримо и то, что она исследует языком не только умерщвленную добычу, прежде чем проглотит ее, но, если только жертва даст ей время, исследует и саму жертву до того, как ужалит. Даже в том случае, когда она боится, что намеченная жертва убежит от ее охотничьего аппетита, она все-таки частыми движениями языка делает попытку произвести обычное исследование. «По-видимому, — говорит Ленц, — она осязает не только те предметы, которых касается своим языком, но получает представления и о предметах, находящихся на расстоянии 1 см от ее языка. В этом можно убедиться, если дать возможность змее уйти из ящика, банки или т. п. Когда она выдвинет за край ящика свою голову и заметит пред собой пустое пространство, тогда она, все время двигая языком, начинает ползти по наружным стенкам его. Если мы пустим змею на дерево, то она всегда касается языком той ветви, на которую желает перейти. При этом она не считает необходимым коснуться языком каждой ветви. Если запереть змею в коробку, в которой проделаны отверстия, то она высовывает свой язык через них. При погружении змеи в сосуды, наполненные спиртом или водой, можно видеть, как она боязливо старается отыскать языком отверстия в стенках сосуда.

Кольчатый уж во время плавания держит голову над поверхностью воды и при этом беспрестанно высовывает язык, точно он ползет по суше; даже плавая под водой, он ведет себя так же. Чем бодрее змея, тем чаще и скорее она шевелит языком. Рассвирепевшая гадюка так быстро шевелит языком, что многие считали видимое при этом мерцание за электрическое явление». Частое повторное втягивание языка, несомненно, имеет целью увлажнить его и тем самым увеличить его восприимчивость.

О так называемой особенной выразительности глаза змей рассуждали и говорили больше, чем предмет того заслуживает. «Глаз змей, — говорит Линк, — более выразителен, чем у других животных, и передает не только характер змеи, но и настроение духа в данную минуту. Спокойным и кротким, но не без блеска он бывает у миролюбивых змей, неприятным — у тех, которые собираются ранить, но не умерщвлять; грозным и страшно сверкающим бывает глаз гадюки, которая во

время ярости носит смерть на кончике своих зубов. Но даже самой кроткой змее придает своеобразное выражение стекловидная кожа, покрывающая глаз, а также и относительная неподвижность глазного яблока, которое движется только с трудом и сильными толчками». Вторая часть описания совершенно справедлива, первая же — приписана глазу змеей самим наблюдателем. Несмотря на стекловидность, глаз не представляет ничего необыкновенного. Грозность и неприятность взгляда зависят не столько от строения глаз, сколько от положения под покрывающими их в виде свода щитками или чешуйками. Эти щитки и чешуйки особенно развиты у ночных ядовитых змей и производят такое же впечатление, как, например, выпяченные бровные отростки хищной птицы.

Насколько мы можем судить, за чувством зрения следует, по своей тонкости, слух, хотя, по видимому, орган слуха развит слабее, чем орган обоняния. Тупоумие змей становится очень заметным во время исследований остроты чувств, и потому наблюдателю трудно прийти к какому-либо определенному выводу. Опыты, произведенные Ленцем и другими, доказали только, что змеи мало обращают или совсем не обращают внимания на различные звуки, если только последние не слишком потрясут воздух или почву. С другой стороны, путешественники, перед которыми индийские и египетские заклинатели змей фиглярничали, наблюдали, что змеи, повинувшись звукам флейты, выделывают своеобразные движения. Я сам, будучи в Египте, очень часто присутствовал на подобных зрелищах и пришел к такому же выводу, к какому пришли и другие наблюдатели. Я также думаю, что змеи, действительно, обращают некоторое внимание на раздающиеся звуки духового инструмента, который заклинатели змей держат в руке. Впрочем, я только упоминаю о высказанном мнении, ибо я, быть может, был введен в обман, а Ленц и другие натуралисты, признающие слух в высшей степени слабым, могут быть правы. Ричарде не имел возможности убедиться в Индии в том, что ядовитые змеи, принесенные фокусниками, выказывают какое-либо пристрастие к музыке. Он считает весьма вероятным, что вообще змеи очень мало восприимчивы к действию звуков.

Так же трудно уяснить себе степень развития чувства обоняния. «Что чувство обоняния у змей развито очень слабо, — говорит Ленц, — я заключаю отчасти из того, что обонятельный нерв очень короток, отчасти из того, что никогда не наблюдается, чтобы змеи отыскивали или исследовали что-либо обонянием; у млекопитающих же это очень легко наблюдать. Кроме того, я заключаю это из следующего наблюдения. Я брал палочку, обмоченную в табачный сок, и держал ее пред носом гадюк, медянок, эскулаповых змей и обыкновенных ужей. Ни одна из них не обратила никакого внимания на палочку. Табачный сок, как известно, не только обладает сильным запахом, но и отличается способностью легко умерщвлять этих змей или же, по крайней мере, вызывать у них заболевание. Поэтому я вправе был ожидать, что змеи, если бы чувство обоняния их было тонко, убегут от запаха табачного сока». При этом кстати привести еще одно замечание. Все животные обоняют только тогда, когда втягивают носом воздух, или, другими словами, когда различные запахи приходят в соприкосновение с обонятельными нервами. Змеи же, как известно, вдыхают очень редко и неравномерно. Поэтому возможно, что змеи в течение опытов Ленца не производили дыхательных движений. Бетхер до перенесения в спирт уничтожил чувствительность многих змей парами эфира или хлороформа. При этом он замечал сильное возбуждение у змей именно в тот момент, когда он подносил бумажку, смоченную летучей жидкостью. На основании этого он не считает возможным отрицать у змей чувство обоняния. Еще решительнее говорит в пользу того, что у змей обоняние ясно выражено, факт, указанный Вернером: ужи отыскивают в темноте между большим количеством различных видов земноводных именно ту лягушку, которую они преимущественно употребляют в пищу. Возможно, что при этом выборе не принимает участия вкус, а единственно только обоняние.

Легче, чем о других чувствах, за исключением осязания, мы можем составить себе понятие о чувстве вкуса у змей, так как можем смело утверждать, что он совершенно не развит. Это подтверждается как исследованием языка, так и наблюдениями над живыми змеями. Аристотель уверяет, конечно, что язык разделен на две части единственно с целью доставить лакомкам змеям двойное наслаждение во время принятия пищи. Однако в языке не нашли вовсе окончаний вкусовых нервов, и на каждой змее, умерщвляющей добычу, можно наблюдать, что язык во время глотания втягивается в язычный чехол. С другой стороны, известно, что они делают различие между разнообразной добычей. Однако мы не имеем права приписать это явление чувству вкуса, но главным образом — осязанию или обонянию. Утверждение Аристотеля, столь точного наблюдателя в остальном, что змеи — самые хитрые лакомки, столь же ошибочно, как и его замечание, что змеи не знают меры в употреблении вина и напиваются допьяна. Недавно Лейдиг нашел бокаловидный орган чувств в ротовой полости гадюки, быть может служащий для вкусовых ощущений; Впрочем, более точно этот орган не исследован*.

** Современные представления о характере функционирования органов чувств змеи свидетельствуют о существенной роли обоняния, хотя в ряде случаев важное значение для ориентации имеют органы зрения, слуха и терм и ческого чувства. На верхнем небе змей расположен парный анализатор химического чувства (Якобсонов орган), распознающий информацию о веществах, находящихся в воздухе или на различных предметах (в том числе и пище), которых касается язык*

Библейское изречение «будьте мудры, как змеи, и бесхитростны, как голуби» следует понимать только в переносном смысле. На самом же деле змеи не выказывают не только никакой мудрости, но, как было сказано выше, понятливость у них очень слаба. Совершенно справедливо принимают, что между низкоорганизованными пресмыкающимися змеи стоят ниже всех. Во время своей охоты они ясно выказывают известную долю хитрости и, по-видимому, часто поступают умно со своими врагами; к своим воспитателям они до известной степени привыкают. Впрочем, они ни при каких обстоятельствах не выказывают большей понятливости, чем другие пресмыкающиеся. У них не только внешние чувства тупы, но вообще они тупоумны. Только Аббот не признает правильности этого воззрения и считает одиннадцать тщательно исследованных им североамериканских видов змей умными животными. Черному ужу он приписывает умение не только приобретать опытность и становиться подозрительным, но и сохранять в памяти определенные случаи. Другие виды подражают, по-видимому сознательно, почти точным образом гремучей змее, и это подражание обеспечивает им безопасность. Третьи узнают своих воспитателей.

Все это, однако, не может заставить нас отказаться от мнения, относящегося ко всем змеям вообще.

Змеи встречаются во всех частях света, но не в одинаковом количестве. Они также подчиняются общим законам распространения пресмыкающихся. Число видов быстро убывает в высоких широтах.

Кроме обильной пищи змеи всегда ищут местности с норками и убежищами и избегают местностей, которые не предоставляют им возможности прятаться. Швейнфурт с удивлением заметил, что в стране Бонго нет совсем змей, а если и есть, то очень мало. На расспросы он получил объяснение, справедливость которого и подтверждает. В этой каменистой стране, сказали ему, нет чернозема, а чернозем, глубоко растрескиваясь во время засухи, представляет змеям удобное убежище для отдыха, а особенно во время степных пожаров. То же самое мы можем наблюдать и в Европе. Так, в окрестностях Берлина гадюка появляется местами необычно часто, в других же местах ее совершенно нет. В первых местах она находит убежища, во-вторых же — не находит. Вообще, замечено, что змеи появляются тем чаще, чем разнообразнее местность. Совершенное отсутствие их является исключительным случаем; они обитают как в пустыне, так и в лесу, как в горах, так и на низменностях. Теплота и влажность нравятся им более, чем зной и сухость, хотя и в последних условиях они переносят невероятное. Несмотря на отсутствие ног, они умеют располагаться: одни — на ровной почве, другие — на крутых склонах, третьи — в болоте, четвертые — в воде озер, рек и даже морей; отдельные экземпляры даже живут под землей, и немало — в листве деревьев. По-видимому, змеи упорно держатся раз выбранного местопребывания, следовательно, они обходят очень маленький участок. Они также и странствуют в ограниченной степени; так, они переплывают реки или другие воды, чтобы поселиться на противоположном берегу или на островах; они приходят из лесу или из степи в города и села. Вообще же змеи не любят кочевать и обыкновенно выбирают местопребывание по возможности такое, которое имело бы укромные уголки, и в окрестностях его подстерегают добычу. Весьма вероятно, что по своей воле они кочуют только в период спаривания и перед наступлением зимы. Они бывают вынуждены переселяться, когда местность, в которой они обитают, изменяется настолько, что они лишаются убежища и пищи или возможности уютно погреться на солнце. Обыкновенно змей находят вдали от человеческих жилищ, но это потому, что вблизи жилых мест человек преследует их и прогоняет. Сами же змеи нисколько не боятся близости своего непримиримого врага и появляются около людей часто весьма нежелательным способом. У нас нередко можно встретить змей в садах, расположенных посередине города. В южных странах они часто появляются в домах. Посещения совершают ночные змеи, самые опасные, и они нередко становятся очень неприятными. Мне не раз случалось во время моего пребывания в Африке наталкиваться в жилищах на змей и находить их даже на моей постели под ковром. Все путешественники, посещавшие тропические страны, испытывали то же самое. «Единственное, что беспокоит иностранца в жилищах динков, — говорит Швейнфурт, — это шуршание змей, которые шумят в соломе крыши над головою испуганного путника». Уоллеса они посещали не только на суше, но и на борту его корабля, и однажды только благодаря счастливой случайности он избежал укуса одной

ядовитой змеи, которая свернулась в его постели. В Индии подобные посещения представляют обычное явление, и из нескольких тысяч людей, погибающих там ежегодно от укусов змей, немалая часть бывает укушена внутри своих жилищ. Еще и теперь дело обстоит здесь немного лучше, чем две тысячи лет тому назад, и слова Неарха, переданные Страбоном, сохраняют свою силу. Теперь еще, как во времена Страбона, случается, что при наводнении змеи появляются в большом количестве в человеческих жилищах и принуждают людей поднимать свои постели или даже покидать свой дом и двор. Своеобразное устройство поселений на столбах во внутренней Африке объясняется основательной боязнью змей, посещающих по ночам эти хижины.

Местности, в которых в течение года внешние условия не меняются, постоянно доставляют змеям приблизительно одинаковые удобства, а именно: достаточное количество пищи, приятную теплоту и воду для купания. Естественным следствием этого является то, что здесь жизнь змей из года в год протекает почти одинаково. Совсем иначе обстоит дело там, где смена времен года обуславливает различный образ жизни. Во всех местностях, где зима холодная или же жаркая, сухая, змеи вынуждены защищаться от действия холода или засухи. Все виды змей, обитающие в северной части нашего умеренного пояса, прячутся с наступлением зимы в глубокие норы и пребывают в них в состоянии оцепенения в течение неблагоприятного времени года. То же самое можно наблюдать и в тропиках, хотя здесь засуха неприятна только видам, обитающим если не в воде, то во влажных местах. Некоторые виды во время зимней спячки собираются часто группами. Возможно, что скопление это оказывается необходимым, так как масса змей, рассеянных по определенной области, с трудом может найти подходящую нору. Утверждают, что в Северной Америке гремучие змеи собираются во время зимы дюжинами в одной и той же зимней берлоге. То же самое наблюдается и у наших гадюк. Приведенное предположение, как показывает нижеследующее, оказывается очень вероятным. Относительно самой зимней спячки, т. е. времени, когда наступает оцепенение и сколько оно продолжается, невозможно произвести удовлетворительных наблюдений на свободе. Для этого нужно поступить так, как поступил Ленц, у которого перезимовали 30 змей и почти такое же число ящериц.

"Для этого опыта, — говорит он, — я выбрал в нижнем этаже комнату, обращенную окнами на юг, и разместил животных частью в открытых ящиках, частью в ящиках, прикрытых стеклянными пластинками. Дно этих ящиков было покрыто слоем отрубей толщиной в 8 см, и в каждом находился сосуд с водой. В течение первых трех недель ноября змеи почти всегда находились, при открытом окне, при температуре от 2 до 4 градусов тепла. Все же они становились более вялыми и медлительными и были холодны на ощупь. В течение последней недели ноября на дворе начало морозить; я запер окно, и в комнате в течение этой недели было только 1,5-2 градуса тепла. Я произвел осмотр и нашел следующее: два обыкновенных ужа, находившихся в открытом ящике, заползли под отруби, стали довольно неповоротливы, хотя еще двигались и шевелили языком; один очень большой уж, находившийся в ящике, прикрытом стеклянной пластинкой, ползал еще, хотя и медленно, шевелил языком и даже шипел, когда его сильно беспокоили; две медянки ползали еще произвольно и не прятались в отруби; четыре эскулаповы змеи были бодрее всех, хотя все-таки как бы полу оцепенели; двенадцать гадюк лежали свернувшись вместе в виде толстого клубка; теч которых я вынимал поодиночке, надувались, шевелили языком, шипели и очень медленно ползали; четыре гадюки в другом ящике и три в третьем ящике лежали уже давно свернувшись поодиночке; некоторые еще ползали; совсем молодые гадюки частью лежали, спокойно свернувшись, частью ползали, шипели и надувались, когда их трогали; ни одна из гадюк не зарылась в отруби.

Когда по прошествии нескольких дней стало теплее и температура повысилась до 4-5 градусов, я открыл в комнате окно и впустил свежий воздух. Все змеи сделались несколько бодрее; когда же температура снова упала до 1-2 градусов, они стали опять очень спокойны: при температуре 0 градусов я с удивлением заметил, что все стали беспокойны, а те, которые уже в течение большого промежутка времени лежали на одном и том же месте, переменили место. Даже большая куча, состоявшая из двенадцати гадюк, переменила место, хотя на третий день возвратилась на прежнее. В этот день я умертвил трех гадюк, влив им в пасть табачного сока; все они околели, но примерно в три раза медленнее, чем летом. Все змеи (а также веретеницы и ящерицы) в состоянии оцепенения проявляли такую живучесть, что почти ни одна из них не околела, между тем как летом многие из них умирали от табачного сока.

На четвертый день, девятого декабря, в комнате вдруг стало два градуса мороза, а ночью могло понизиться и до трех градусов. На следующее утро я произвел осмотр и обнаружил следующее: девять гадюк совершенно замерзли, сделались тверды, как палки, все более или менее свернулись и были совершенно без признаков жизни; черный зрачок стал ледяного цвета, что доказывало,

что и жидкости глаза замерзли. В большой куче все еще были живы и двигались и только одна из них, лежавшая как раз посередине, одеревенела, как палка. Все незамерзшие очень мало двигались, когда я их трогал; зрачок их был еще черный, а тело — мягкое. Из четырех эскулаповых змей самые большие замерзли, и зрачок стал ледяного цвета; из ужей самый большой совершенно замерз; другие же скрылись под отруби и еще не оцепенели. Когда я взглянул на часть замерзших змей, лежавших предо мною, то я и не подозревал, что они бездыханны; мне казалось очень подозрительным то обстоятельство, что многие из них находились в таком положении, точно они оцепенели во время движения: они выглядели так, точно хотели двигаться вперед. Только когда я дотронулся до них, то понял, что они околели».

Из наблюдений нашего исследователя вытекает, что змеи, подобно другим животным, подвергающимся зимней спячке, в течение своего оцепенения должны находиться в местах, защищенных от действия мороза*.

* *Собственная температура тела змей в среднем обычно меньше, чем ящериц на 8-10 °С*

При теплой, тихой погоде уже в марте можно снова заметить в средней Германии змей. Они уже оставляют свои зимние убежища, чтобы погреться на солнце, вечером же, вероятно, снова возвращаются в свою норку. Они тогда еще не помышляют об охоте и размножении, ибо настоящая летняя жизнь начинается у них только в начале апреля. Когда они отправляются осенью на покой, тогда они жирны; когда же они выходят весной, то почти половина их жира истрачена.

Большинство безвредных змей — дневные животные, многие же из подозрительных, снабженных бороздчатыми зубами, и почти все ядовитые змеи — ночные. Первые с наступлением темноты возвращаются в свое убежище, где в полном покое проводят ночь, и только много времени спустя после восхода солнца вновь появляются. Ядовитые змеи и днем довольно часто показываются, хотя в состоянии сонливого покоя, ибо их деятельность начинается только с началом сумерек. Кто зажжет костер в таких местах, где встречаются ядовитые змеи, тот убедится, что все гадюки принадлежат к ночным животным. Привлеченные светом костра, они сползаются со всех сторон, и ловец, напрасно старавшийся днем поймать хотя бы одну обыкновенную, носатую или аспидовую гадюку, ночью может получить богатую добычу. Когда нам приходилось ночевать в африканских степях, то нас часто беспокоили рогатые гадюки, и не раз мы по целым часам караулили их со щипцами в руках, чтобы моментально схватить подползшую змею и бросить ее в костер. Эффельдт ловил в окрестности Берлина обыкновенных, а в Штирии носатых гадюк подобным же образом. Он или разводил костер и приманивал змей огнем, или же выходил на охоту с фонарем в руке; даже в тех местах, где днем он понапрасну искал, он находил многих гадюк лежащими у своих нор. Все, кто держит ядовитых змей в неволе, уверяют, что они если и не исключительно, то обыкновенно едят только ночью, что они только в темноте становятся деятельными и выходят на охоту.

Все без исключения змеи, образ жизни которых мы знаем, питаются другими животными, и главным образом такими, которых они сами поймают и умертвляют. Способы, которые они применяют для добывания насущного пропитания, очень разнообразны*.

* *Крайне интересный способ охоты «изобрели» плюющиеся кобры (африканские *Naja nigricollis*. *Hemachatus haemachatus* и индонезийская *Naja naja sputatrix*), которые выстреливают ядом за счет сжатия височной мышцей ядовитой железы, развивая при этом давление в 1.5 атмосферы. Трахая в этот момент пережимается, чтобы при выдохе не произошло «распыление» струйки яда, что повлияло бы на точность прицела. При каждом выстреле кобра расходует около 3,7 (максимально — до 6,8) мг яда. В состоянии значительного раздражения она выпускает «пулеметную очередь» из 28 плевков, расходуя, таким образом, более 130 мг яда. Яд выплевывается всего лишь за четверть секунды, причем само выбрасывание совершается через 0.07 секунды после того, как змея начинает открывать рот.*

Это известно каждому, кто держит в неволе в большом количестве разнообразных змей. Большинство их подстерегают добычу, проходящую вблизи их местопребывания, затем неожиданно бросаются на нее и наносят смертельный укус или схватывают и проглатывают, немедленно или предварительно задушив свою жертву. Относительно способа охоты ядовитых змей у нас недостает наблюдений. Это объясняется тем, что эти змеи большей частью деятельны только ночью, а мы их изучаем в большинстве случаев днем в состоянии покоя, а не во время их энергичной деятельности. Поэтому неповоротливость их в сравнении с подвижностью неядовитых, большей частью дневных змей кажется нам больше, чем какова она в действительности. Этим мы вовсе не хотим сказать, что ядовитая змея может поспорить в быстроте и ловкости с безвредными змеями. Ядовитая змея не нуждается в избытке силы настолько, насколько неядовитая. Ее оружие столь страшно, что доста-

точно ей только прикоснуться к своей жертве и сделать ей своими ядовитыми зубами ранку в один миллиметр глубины, и жертва в ее власти. Безвредная же змея хотя и подстерегает добычу, подобно ядовитой, но все же охотится чаще и правильнее, чем какая-либо ядовитая змея. Если она удачно поймает невнимательную добычу, то ей приходится еще напрягать силы, чтобы удержать ее; в этом ей помогают внимательность, вытянутое строение, ее более значительная, в сравнении с ядовитой, длина тела и, следовательно, большая подвижность и гибкость.

Если за разнообразными змеями ухаживать надлежащим образом, обеспечивая им прежде всего необходимое тепло, то они, вероятно, ведут в клетке образ жизни, немногим отличающийся от жизни на свободе. Беспольное передвижение им не нравится; они любят больше спокойно пребывать на одном и том же месте. Некоторые из них лежат по целым часам более или менее неподвижно в песке или на песке между камнями, представляющими для них удобное убежище, а также и в воде. Другие отдыхают свернувшись, более свесившись, чем лежа, на удобных для них ветвях. Все они, пока их не потревожат, находятся, по-видимому, в благодушном настроении духа, и для них остальной мир как бы не существует. Но вот приближается человек, раздающий пищу, и вытряхивает свою подачку в клетки пойманным змеям. При этом он руководствуется видом змей и их потребностями: в одну клетку он бросает лягушек, в другую определенное количество рыбы; в клетку, наполненную удавами и большими ядовитыми змеями, он кидает живого кролика, голубя или какое-нибудь другое теплокровное позвоночное животное. Но даже и после этого ядовитые змеи нередко не обращают по целым часам внимания на жертву. Чаще же они надуваются характерным образом, по-видимому рассердившись на предмет, нарушивший их покой, иногда шевелят языком, поднимают грозно голову и этим приблизительно и довольствуются. Удавы, питоны и ужи, если они сколько-нибудь голодны, не теряют ни одной минуты, а начинают тотчас же преследовать добычу, попавшую в их владения. При этом одни, напрягши все свои силы, бросаются на добычу со всей возможной быстротой, другие же стараются подкрасться к ней осторожно, медленно и правильно. Брошенная в клетку лягушка не успеет даже узнать, в каком обществе она находится, а проворный уж хватает ее уже за заднюю лапу. Она напрасно работает остальными конечностями, стараясь освободиться, на самом же деле медленно подвигается все глубже и глубже в глотку ужа, причем жалкие движения передних конечностей как бы прощаются с внешним миром. Немногим лучше приходится кролику, голубю, курице, положенным перед удавом; разница только в том, что их удав сначала удушает нижеописанным способом. Животное, брошенное ядовитой змее, также погибает в течение ночи; впрочем, часто замечали, что змея, умертвивши жертву, не трогала ее. Видимо, в таких случаях змея была не голодна, и убивала свою жертву единственно по злобе и с досады за причиненное беспокойство.

Замечательно, что все змеи очень хорошо знают, как они должны обходиться со своей добычей. Лягушек и рыб они проглатывают животрепещущими, ящериц же, млекопитающих животных и птиц сперва душат. Пока змея не убедится в смерти добычи, до тех пор она не освобождает ее из своих петель и только затем пожирает жертву обычным способом.

Хотя из вышесказанного должно быть ясно, что змея всякую добычу проглатывает целиком, однако я считаю нужным еще раз подчеркнуть тот факт, что змея не может раздробить добычу или откусить от большого животного какую-либо часть. Мне стыдно было за состояние нашего просвещения по естествоведению, когда я прочел в выдающихся немецких газетах страшную историю, выдуманную каким-то американцем. В этой истории рассказывалось, как североамериканские змеи нападают, на глазах у трепещущего от страха, но, к счастью, спасшегося всадника, на лошадь и вырывают у нее из живого мяса один кусок за другим. Ужасный рев лошади переходит в стоны, и это продолжается до тех пор, пока чудовища не умертвят ее. Рассказ этот беспрепятственно распространялся и даже попал на страницы таких журналов, которые, как правило, сообщают только достоверные факты. Каждый школьник, усвоивший первоначальные сведения по зоологии, должен был бы знать, да и знал, вероятно, что весь рассказ от начала до конца выдуман.

В зависимости от рода и величины змеи добыча, которую они преследуют, бывает очень разнообразна. Исполины этого отряда могут проглатывать животных величиной с козулю; так, Фалькенштейн и Пехуэль-Леше достали из застреленного питона еще совершенно свежую взрослую антилопу, у которой, к удивлению, недоставало головы, но ни одна косточка не была сломана. Другие змеи довольствуются более мелкими тварями, например грызунами, маленькими птицами, пресмыкающимися всякого рода (исключая черепах) и рыбами. Низшие же животные служат пищей только для червеобразных, карликовых и других мелких змей и, быть может, для молодых разнообразных видов, которые только в зрелом возрасте охотятся за позвоночными.

Наблюдения наши над питанием змей еще скудны и поверхностны; однако мы можем утверждать, что каждый вид змеи предпочитает более или менее определенный вид животного, иногда питается исключительно одним видом.

Что отдельные представители змей пожирают птичьи яйца, известно со времен Плиния, который следующим образом описывает, как это происходит. «Змеи, — говорит он, — объедаются яйцами, и нужно при этом удивляться их искусству, ибо они проглатывают яйца, если только пасть может схватить их, целиком и разбивают их в брюхе посредством извивания тела, или же, если они еще очень молоды и малы, обвивают яйцо своим туловищем и постепенно сдавливают его так сильно, что как бы отрезают от него часть, и, крепко держа оставшуюся, выпивают содержимое. В первом случае они выплевывают скорлупу подобно тому, как удаляют с усилием перья проглоченной целиком птицы». Исключая вскрытие яиц и выбрасывание скорлупы, все данные Плиния подтверждены более новыми наблюдениями. Последние твердо устанавливают тот факт, что змеи действительно крадут яйца, уносят и проглатывают их, раздробляют их внутри тела и переваривают. Африканские щитохвостки, например, похищающие яйца у голландских колонистов, и индийский род *Elachistodon*, по-видимому, совершенно приспособились к питанию яйцами. Их зубы недоразвиты, а нижние отростки передних позвонков превратились удивительным образом в зубовидные органы. У обоих родов эти нижние отростки удлинены необычайно, в виде зубов, покрыты эмалью и продвигают прикрепленную к ним часть пищевода. Как только яйцо подойдет под ряд этих зубовидных отростков позвонков, оно раздробляется, и в тот же момент пасть закрывается, так что ни одна капля жидкого содержимого яйца не пропадает. Многие змеи, кроме позвоночных, пожирают еще и беспозвоночных; некоторые виды, вероятно, едят даже мягкотелых и ракообразных. Весьма вероятно, что при сильном голоде ими питаются даже те виды, которые обыкновенно охотятся за крупной добычей. Наблюдали, что змеи, по-видимому с истинным наслаждением, пожирали куколок муравьев, а в их желудках находили кузнечиков. Индийские толстоголовые змеи питаются исключительно ночными насекомыми*.

* *В питании змей, действительно, прослеживается самая разнообразная стратегия. Например, тропические толстоголовые змеи (Amblycephalidae) едят только моллюсков.*

Вера в чудесное и сверхъестественное породила удивительное, существующее еще и ныне, поверье. До последнего времени даже натуралисты не боялись употреблять слова «магическая сила змеи» и приводить их в связи со способом, посредством которого змеи добывают себе пищу. Наблюдали, что многие животные, например мыши и птицы, приближались без боязни к тем змеям, которые их затем схватывали и проглатывали. Из этого делали приблизительно такой вывод: так как инстинкт, который должен предупреждать животное о всякой опасности, угрожающей ему, в этих случаях не действовал и совершенно покинул бедную мышь или птичку, то можно предположить присутствие другой, сверхъестественной силы. Если бы захотели вполне поверить бесчисленным рассказам, которые нам передавали о волшебной силе змей различные путешественники, то нужно было бы, без сомнения, согласиться с их воззрениями. Познакомившись с последними, приходишь к тому, что их нужно, безусловно, отбросить, и видишь, что наблюдения могут быть сами по себе правильны, а заключения неверны. На основании моих многократно повторенных наблюдений дело объясняется просто тем, что животные, околдованные, по мнению путешественников, не считают змею, которая им угрожает, столь страшным животным, какова она в действительности. Лихтенштейн рассказывает, что он во время одной из поездок в южную Африку наблюдал одну змею во время ее охоты за полевой мышью. «Бедный зверек был настигнут как раз у своей норки и вдруг, хотя змея не тронула его, остановился, как бы обессилев от страха. Змея вытянула свою шею по направлению к мыши, открыла пасть и, по-видимому, пристально смотрела на нее. Животные некоторое время были неподвижны. Но как только мышь сделала попытку убежать, голова змеи быстро отреагировала на это движение, как бы желая отрезать ей путь к отступлению. Эта игра продолжалась почти 4 минуты, пока мое приближение не положило ей конец. Змея быстро схватила мышь и убежала со своей добычей в ближайший кустарник, куда я напрасно погнался, желая ее умертвить. Так как я уже много слышал о силе змей, околдовывающих маленьких млекопитающих животных, то для меня было очень важно увидеть собственными глазами доказательство этому. Я, впрочем, оставляю нерешенным вопрос, оказал ли ядовитый запах змеи расслабляющее действие на преследуемую мышь, или же просто взгляд и уверенность в неизбежности смерти были причиной последней». Сообщение Лихтенштейна вполне отражает ту эпоху (начало нашего столетия), в которую оно написано.

Не ядовитый запах, не уверенность в неизбежной гибели, а просто любопытство заставило мышь поступать так, как она поступила. Я убедился в этом, наблюдая за пленными змеями. Ни

млекопитающее животное, будь это глупый кролик или старая, опытная крыса, ни птица, если бы даже это был недоверчивый, не раз наученный горьким опытом воробей, не понимают, что представляет собой змея. Если вообще они обратят на нее внимание, то приближаются к ней неловко, с любопытством, рассматривают или обнюхивают ее. Они позволяют змее трогать их языком и только тогда отскакивают немного, когда язык защекает какое-либо чувствительное место. Старые, сильные крысы, помещенные к большим змеям, не только вовсе не робеют пред ними, а, напротив, выказывают часто совершенно неожиданным образом собственную отвагу. Одна из них, которую я пожертвовал пленной гремучей змее, не обращала никакого внимания на грозный шум и шипение змеи, напротив, когда почувствовала голод, прогрызла дыру в туловище змеи, вследствие чего последняя жалким образом околела. Не нуждается в длинном объяснении то, что нельзя приписывать какой-либо змее ядовитый запах. Многие змеи, особенно ядовитые, конечно, не издают особенно приятного запаха, напротив, после еды, во время пищеварения, они пахнут очень неприятно. Но, конечно, невозможно признать, что этот запах мог приводить млекопитающих в бесчувственное состояние. Несколько иначе, хотя с такой же легкостью, объясняется боязливое поведение различных птиц у гнезда при виде приближающейся змеи, что наблюдали вышеупомянутые путешественники. В таких случаях, как известно каждому наблюдателю, более слабые птицы охотно прибегают к искусству притворяться, для того чтобы отвлечь внимание замеченного врага от яиц и обратить его на себя. Они при этом жалобно кричат, приближаются, как бы околдованные, к врагу, порхают и прихрамывают на земле, как будто у них ослабели крылья и ноги, падают, как мертвые, с высоты веток на траву и т. п. Этим они вводят в обман каждого не особенно опытного врага, не исключая и человека. По всей вероятности, таковы и были обстоятельства, наблюдаемые путешественниками. Такого же мнения придерживаются исследователи Мютцель, Никольсон, Ричарде, мисс Гоплей и другие, которые имели возможность наблюдать на свободе змей и поступки их жертв. При этом может случиться, что от глаз наблюдателя, заметившего странные поступки животного, ускользнуло, как оно было укушено или схвачено. Так, Руссель с удивлением обнаружил, что курица, которую он только поднес к древесной змее, вдруг начала корчиться, точно в предсмертных судорогах. Когда он ближе расследовал дело, то нашел, что древесная змея образовала концом хвоста петлю вокруг шеи курицы и едва не удушила последнюю. Как всегда, так и в этом случае чудесное исчезает при беспристрастном наблюдении.

Так как змеи проглатывают всякую пищу нерасчлененной и даже целых животных, которые вдвое шире, чем голова змеи, то заглатывание требует значительных усилий и совершается медленно. За редкими исключениями, змеи схватывают добычу всегда спереди за голову, крепко держат ее зубами, двигают вперед одну сторону головы, зацепляют зубами, затем подвигают другую сторону головы. Таким образом, они захватывают добычу попеременно то одним, то другим рядом зубов, пока добыча не попадет целиком в пасть. Вследствие значительного давления происходит усиленное отделение слюны, которая облегчает прохождение пищи через отверстие рта, которое постепенно расширяется донельзя. Во время заглатывания очень большой добычи голова принимает безобразно расширенную форму и каждая косточка челюстного аппарата как бы вывихнута. Как только добыча проглочена, голова быстро принимает свой первоначальный вид. Случается, что змеи схватывают и стараются проглотить животных, которые слишком велики даже для их невероятно растяжимого челюстного аппарата. Тогда они часами лежат на одном месте с добычей в пасти, причем дыхательное горло у них выдвинуто далеко вперед, чтобы не прерывать дыхания. Они лежат и тщетно селятся одолеть массу; иногда, впрочем, им случайно удается вытащить из нее зубы и, сильно тряхнув головой, выбросить ее вон. Иные утверждают, что змея не может освободиться от схваченной и проглатываемой пищи и, в случае слишком крупной добычи, должна задохнуться; это совершенно неверно. Ядовитые змеи схватывают свою жертву только после того, как она околеет, и притом с известной осторожностью, чтобы не сказать с нежностью. Они при глотании не пользуются своими ядовитыми зубами, но отодвигают их как можно дальше в сторону и действуют главным образом нижней челюстью.

Переваривание совершается медленно, но очень энергично*. Сначала переваривается та часть добычи, которая находится в нижней части желудка.

** Полоз и гадюка за 118 часов способны полностью переварить домовую мышь.*

При этом одна часть, переваренная, переходит в кишки прежде, чем другая начнет перевариваться. Если проглочено несколько животных, то они, если только не слишком малы, помещаются не рядом, а всегда одно позади другого. Если при этом желудок полон, тогда остальные пребывают в пищевом до тех пор, пока не смогут подвинуться дальше. Не перевариваемые части или остатки пищи, особенно перья и волосы, удаляются через задний проход. В виде исключения или только

слабосильные и больные змеи изрыгают их через рот. То же бывает и с полупереваренными кусками добычи, если змея испугана или чем-нибудь обеспокоена. Количество пищи зависит от погоды и увеличивается с повышением температуры; но змей, собственно, нельзя назвать прожорливыми. Они хотя и проглатывают зараз много пищи, но зато могут оставаться в течение нескольких недель и даже месяцев без всякой пищи. Шуберт рассказывает, что один удав — **анаконда** (*Eunectes nntrimts*) — голодал в течение 500 дней.

Дюмерил, посвятивший всю свою жизнь изучению змей и написавший вместе с Биброном относительно этой животной группы важное сочинение, поймал во время одной прогулки гадюку, думая, что это гадюковый уж, был укушен и находился в течение многих дней в большой опасности. На этот факт следует обратить особое внимание, потому что он слишком ясно доказывает, что наружные отличия безвредных и ядовитых змей могут быть, и во многих случаях действительно бывают, в высшей степени незначительны. При наружном осмотре невозможно безусловно признать ядовитую змею. Конечно, это не относится ко всем видам или подсемействам, потому что морские змеи, гремучники и некоторые гадюковые могут быть узнаны и по наружным признакам. К тем, которых нельзя отличить по наружному виду, относится обыкновенная гадюка, которая обманула даже опытный глаз такого исследователя, как Дюмерил. В некоторых учебниках зоологии отличительные признаки ядовитых змей приведены совершенно неправильно. Это правда, что виды, ведущие ночной образ жизни, обыкновенно имеют короткое туловище, сильно утолщенное посредине и в поперечном разрезе треугольное. Правда, что они имеют конусовидный хвост, тонкую шею и треугольную голову, очень широкую сзади. Правда, что по строению своих чешуек они часто отличаются от безвредных змей. Совершенно справедливо и то, что глаза у них большие, зрачок представляет вертикальную щель и глаз защищен выдающимся надглазным щитком и поэтому имеет злобное и лукавое выражение. Но все эти признаки характерны только для ночных ядовитых змей и совершенно непригодны для дневных, а также для аспидов и для морских змей, ибо большинство представителей последних двух групп по виду так же невинны и безвредны, как и какая-либо неядовитая змея. Одна из многочисленных групп аспидов, в ядовитости которых теперь уже никто не сомневается, снаружи так привлекательна и кажется столь добродушной, что даже очень опытные исследователи за нее заступались, а подтверждением ее безвредности служили прежние рассказы о том, что эти змеи являются игрушкой для детей и женщин. Только исследование зубов позволяет сделать безошибочный вывод относительно ядовитости или безвредности змей.

Замечания такого рода считаю своим долгом предпослать описанию змей для того, чтобы, насколько это возможно, предостеречь неспециалистов и новичков, желающих изучить змей, от легкомысленного обращения с этими опасными тварями.

Кто вспомнит, как велико число людей, ежегодно гибнущих от ядовитых змей, сколь многие у нас подвергаются благодаря им по меньшей мере продолжительной болезни, тот поймет ужас, овладевающий каждым неопытным человеком при виде змей, тот уразумеет также рассказы, предания и выдумки древних и новых народов, в которых идет речь о змеях.

Ядовитые виды змей хотя и не в состоянии совершенно обезлюдить страну, в которой обитают, однако приносят жителям такой вред и такое стеснение, о котором мы, жители Севера, бедного ядовитыми змеями, не имеем и понятия*.

** Ядовитые змеи составляют лишь 13% всего видового разнообразия этой группы пресмыкающихся.*

Фэйрер, английский врач, занимался в течение многих лет изучением действия змеиного яда и регистрировал во время своего пребывания в Индии число укушенных и умерших от отравления змеиным ядом людей в течение каждого года. Данные, полученные от правительства, поистине ужасны. Фэйрер обращался за сведениями к начальству; ответы были получены не отовсюду или же не давали возможности составить себе ясную картину положения дела. Тем не менее результат этих исследований для 1869 года поразительный.

Общее число укусов по тем сведениям, которые он получил, было для этого года не менее 11416 и, по мнению Фэйрера, далеко от истины. Многие укусы змей не были записаны: туземные правительственные чиновники только в исключительных случаях обращают внимание на подобные ежедневные происшествя, а туземцы привыкли к неизбежности укусов и не считают нужным сообщать о них.

По мнению Фэйрера, число людей, погибающих от укусов змей, достигает ежегодно, по крайней мере, 20 тысяч. Хотя население Индии очень многочисленно и составляло в то время 120 миллионов, этот факт не теряет значения и подтверждает, по-видимому, высказанное уже во времена римлян утверждение, что в Индии ядовитые змеи представляют ужасное бедствие. Я могу к

этому прибавить, что в сравнении с ними тигры, пантеры и волки оказываются невинными и безвредными существами. С того времени индийским правительством ежегодно собираются статистические данные относительно числа смертных случаев, которые в известных частях английских владений могут быть приписаны укусам змей, и эти данные докладываются в известные периоды времени парламенту в напечатанном виде.

В этих официальных докладах приведена для последних лет следующая таблица относительно людей, погибших от укусов змей, а также число убитых змей.

Год	Умерло человек	Убито змей
1878	16 812	1 17 958
1879	17 388	132 961
1880	19 150	2 12 776
1881	18 670	254 968
1882	19 519	322 401
1883	20 067	412 782
1884	19 629	380 981
1885	20 142	420 044
1886	22 134	4 17 596

За этот промежуток времени была выплачена огромная сумма вознаграждения за убитых и доставленных змей. При этом, однако, оказалось, что индийцы, чтобы заслужить большее вознаграждение, устраивали настоящие садки для разведения змей.

Это большое число смертных случаев людей, мало-помалу удвоившееся со времени первых и неполных исследований Фэйрера, кажется вероятным, но на самом деле преувеличено. Это просто грандиозный обман, и вышеприведенные официальные данные нужно рассматривать не только как неточные, но следует признать их как заведомо совершенно неверные. Снискавшие себе доверие как наблюдатели и охотники в пустынях Индии, например, Балдуин, Форсит, Кинлох, Мацентайр, Невелл, Рис, Сандерсон, Шекспир, Стерндаль и другие совершенно не приводят сведений, которые хотя бы сколько-нибудь могли служить подтверждением официальных данных. Большинство охотников считает даже совершенно лишним говорить о змеях и об исходящей от них опасности.

Форсит только вскользь упоминает, что не раз терял собак вследствие укусов змей. Гарбе рассказывал, что, действительно, видел вскоре после высадки нескольких ядовитых змей, но прошло больше года, пока он снова во время своих поездок увидел одну змею, которую и убил палкой. Выражая свое мнение об опасных индийских животных, он говорит: «Все эти животные в действительности не столь злобны и вредны, как их описывают в учебниках зоологии». Заслуживающие доверия врачи, правдивые колонисты и путешественники из тропических стран, в которых фауна змей одна и та же или очень сходная, ручались письменно и устно за то, что вышеприведенные данные ошибочны и не следует им придавать ни малейшего значения. Если бы эти числа колебались в пределах сотен, тогда, вероятно, они не привели бы нас к раздумью и не возбудили бы никакого сомнения. Но, когда мы благодаря Монике и другим узнаем, что на всей Яве и на Суматре только изредка можно услышать о смертных случаях от укусов змей, когда мы узнаем, что в Кохинхине и Камбодже убыль людей вследствие отравления змеями считается ничтожной, тогда мы невольно становимся в тупик и спрашиваем себя, чем объяснить такие невероятные потери от укусов змей именно в английской Индии. На это мы от знатоков тамошних порядков получаем ответ, что почти каждый смертельный случай, например все детоубийства, частые, возбуждающие ужас самоубийства вдов, и все те случаи, которые по разным причинам не могут быть обнародованы — все это сваливается на ядовитых змей. Кроме того, сборщикам податей часто выдают за мертвых тех людей, которые впоследствии оказываются невредимыми. Наконец, благодаря способу доставления сведений ненадежными туземными чиновниками, которые, не обращая внимания на последствия их легкомысленного отношения к делу, не боятся заносить на бумагу числа, полученные совершенно произвольно. Благодаря, повторяем, всему этому совершенно изменяется, если и не совершенно исчезает, правильность цифровых данных, принимаемых на веру правительством.

Если бы было желание или возможность произвести подобные исследования и в других странах, где живет большое количество змей, тогда получились бы результаты если и не тождественные, то, во всяком случае, приближающиеся к результатам, полученным на Яве. Впрочем, все путешественники, особенно Чуди, уверяют, что в Бразилии дело обстоит подобно тому, как в Индии.

«Из моих сообщений относительно ядовитых змей, — говорит он, — не следует выводить заключение, что при каждой прогулке подвергаешься опасности быть укушенным ими и что поездка в девственные леса представляет беспрестанную борьбу с кроталами и змеями шарарака. Богатая фантазия путешественников слишком преувеличила действительность; но тем не менее все же совершенно справедливо, что в Бразилии ядовитые змеи очень часто встречаются и там ежегодно сотни людей становятся их жертвами.

Один из моих знакомых поймал в своей беседке в Рио-де-Жанейро в течение двух лет девять различных видов змей в количестве более 30 экземпляров и сохранил их в спирте. Каждый помещик в Бразилии знает, что в его саду или парке живет множество этих пресмыкающихся животных. Путешествующему естество-испытателю, который входит в леса, обыскивает кустарники, переворачивает камни, нужно самым настоятельным образом посоветовать брать с собой при своих поездках несколько метров узкого бинта и склянку нашатырного спирта».

В Африке дело находится в таком же положении. Сообщение Висмана, которое может быть приведено как противоречащее этому, стоит особняком. «В стране Башилангов, в средней Африке, — пишет Висман, — змеи, особенно ядовитые, встречаются очень часто. Можно наблюдать много несчастных случаев из-за них. При постройке станции Лулуабург на площади, имеющей 300 квадратных метров, было убито 26 ядовитых змей и укушено 6 человек, которые все, впрочем, были спасены». Удивительно уже то, что были укушены африканцы, которые, конечно, в совершенстве знают опасность. Но еще удивительнее, что все они остались живы. Другой рассказ повествует о тех же происшествиях, но точнее: «В окрестностях Лулуабурга было удивительное множество змей; до нашего сведения дошло не менее 11 случаев укусов людей змеями. Из них четыре имели смертельный исход, другие же можно было, к счастью, своевременно вылечить аммиаком, и они прошли без продолжительного вреда для здоровья». Напрасно мы стали бы ждать подобных рассказов из других областей, например в сообщениях наблюдателей, проживших там целые годы и имевших поэтому случай точно исследовать состояние вопроса и тщательно проверять происшествия. Так, Монтейро из южной половины Нижней Гвинеи совсем не рассказывает о подобных несчастных случаях. Драйсон считает удивительным, что в южной Африке так редко слышишь об укусах змеями. Селус, Джемс Александр, Ганс Шинц и многие другие, имевшие удобнейший случай точно изучить положение дела, не сообщают ничего противоречащего. Относительно области нижнего Конго Гессе сообщает: «Страна богата змеями; я собрал 29 различных видов, между ними 9 ядовитых. Некоторые из последних встречаются очень часто, и, в самом деле, удивительно, что так редко люди подвергаются укусам змей. Это тем более странно, что туземцы не носят никакой обуви на ногах и вследствие этого совершенно не защищены от нападения этих животных, если последние имели такую склонность — нападать. Но, очевидно, змеи вовсе об этом не думают: они убегают от людей и кусаются только тогда, когда их рассердят. Во время моего трехлетнего пребывания в Конго мне стал известен только один бесспорный смертельный случай от укуса змеи». С этим согласуются сведения, полученные Бюттикофером в Либерии. «Змеями, — пишет он, — и притом настолько же ядовитыми, насколько и неядовитыми, Либерия особенно богата».

При всем разнообразии внешней формы и строения, а также образа жизни ядовитые змеи, тем не менее, имеют в своих ядовитых органах такой признак, который позволяет с уверенностью и при некотором навыке и с известной легкостью отличить их от безвредных змей. Именно, у всех в верхней челюсти находятся крупные продырявленные зубы, которые могут или стоять одиноко, или же сопровождаться маленькими плотными зубами. Верхняя челюсть у всех ядовитых змей сравнительно коротка, а у видов, ведущих ночной образ жизни, она укорочена до маленькой косточки. У них верхняя челюсть необычайно подвижна, так как она опирается сзади на тонкий стебелек — поперечно-нёбную кость (Transpalatinum), которая, в свою очередь, опирается на крыловидную кость и при посредстве первой, управляемой своими мускулами, может двигаться в направлении, перпендикулярном к поперечно-нёбной кости. У дневных ядовитых змей зуб укреплен в верхней челюсти более внутри, чем у ночных ядовитых змей. У тех и у других видов ядовитых змей зуб связан с челюстью не корнями, а только связками. На самом деле он неподвижен. Что у гадюковых ядовитый зуб может быть повернут назад, зависит только от подвижности плотно соединенной с ним верхней челюсти; у аспидов эта подвижность не больше, чем у неядовитых змей, т. е. ядовитый зуб укреплен неподвижно и может совершать только движения влево и вправо, каковые и совершает преимущественно верхняя челюсть у большинства змей. Верхняя челюсть у гадюковых имеет на нижней поверхности с каждой стороны две или более мелких ямок, которые стоят вплотную друг к другу и в которые помещаются основания ядовитых зубов. Обыкновенно у них образуется только один зуб с каждой стороны; но так как в каждой челюсти существует всегда несколько (1-6) развивающихся

замещающих зубов, то может случиться, что образуются одновременно два из них — в каждой ямке по одному. Между замещающими зубами, расположенными на кости неплотно, зуб, ближайший к ядовитому, бывает всегда самым развитым. По обеим сторонам зуба десна образует чехол, в котором помещается ядовитый зуб, когда верхняя челюсть находится в покое.

Ядовитые зубы отличаются от остальных зубов более значительной величиной, ясно выраженной шиловидной формой и, по словам Штрауха, построены у всех ядовитых змей по одному и тому же основному плану. Кроме полости, находящейся у основания и служащей для питания зуба, — она встречается у всех змей без исключения — каждый ядовитый зуб имеет еще полость, проходящую вдоль, по длине его. Эта полость помещается всегда на передней выпуклой стороне зуба и открывается впереди наружу двумя отверстиями. Одно из этих отверстий, всегда более или менее округлое, находится вблизи основания зуба и способствует вхождению яда в зуб, так как при открывании гадюкой пасти и при обусловливаемом этим перемещении зуба оно располагается под выводящим протоком ядовитой железы. Нижнее же отверстие, расположенное у верхушки зуба и служащее для выбрасывания яда, имеет вид щели. У большинства ядовитых змей оба эти отверстия соединены друг с другом тонкой, еле заметной щелью, так что, следовательно, полость не вполне замкнута спереди; напротив того, у меньшинства змей эта полость совершенно замкнута и вместо щели мы находим весьма часто тонкую линию. Поэтому различают бороздчатые и гладкие ядовитые зубы, другими словами, такие, у которых полость имеет спереди щель, и такие, у которых канал совершенно закрыт. Впрочем, щель на бороздчатых ядовитых зубах едва ли имеет какое-либо физиологическое значение, так как она всегда так узка, что змеиный яд не может пройти сквозь нее наружу.

Все исследователи, производившие наблюдения над образованием и ростом ядовитых зубов, сходятся в том, что возникновение трубки всегда предшествует образованию борозды и что канал может возникнуть только благодаря схождению или же срастанию краев этой борозды. По исследованиям Шлегеля, каждый зуб змеи на первых стадиях развития состоит из широкой поверхности с завернутыми внутрь краями, следовательно, имеет на своей передней поверхности борозду. Эта борозда у плотных зубов исчезает очень рано, а на задних бороздчатых зубах подозрительных змей не исчезает и сохраняет у бороздчатых ядовитых зубов на всю жизнь форму более или менее узкой щели; она только у гладких ядовитых зубов остается более открытой, а когда зуб вырастет, тогда она замыкается посередине и принимает форму трубки, сохраняющей еще сверху и внизу часть борозды.

У змей различных видов и различной величины ядовитые зубы отличаются по длине. Так, все дневные ядовитые змеи имеют сравнительно маленькие, а все ночные — сравнительно большие зубы. У нашей гадюки ядовитые зубы достигают длины 3-4, самое большое — 5 мм, у копыеносной куфии они имеют в длину 25 мм*.

** Самые крупные ядовитые зубы у габонской гадюки (до 4.5 см). Основания обломанных ядовитых зубов все равно остаются ядовитыми. Более того, на смену им у аспидных змей со временем вырастают не менее ядовитые зубы-заменители.*

Они тверды и хрупки, как стекло, необычайно остроконечны, так что, подобно острой иглке, легко проникают в мягкие предметы, даже в мягкую кожу. С твердых же предметов они соскальзывают или даже отламываются, если удар, который нанесла змея, был силен. Если один из зубов потерян, тогда на его место выходит следующий за ним замещающий зуб. Подобная смена зубов совершается с известной регулярностью даже без всякой внешней причины — раз в год, а может быть, и чаще. Развитие и образование зубов совершается необыкновенно быстро. Ленц нашел, что молодые гадюки, которых он вынул, по его расчету, из беременных самок за 4 или самое большее за 6 дней до рождения, еще не имели вовсе ядовитых зубов. Те же, которые должны были родиться, по его мнению, на следующий день, имели уже вполне развитые ядовитые зубы. Так же быстро, как новообразование, происходит и замена потерянных или же насильно вырванных ядовитых зубов. Если они попросту выломаны, тогда часто уже по истечении трех дней, а самое позднее через шесть недель появляется на их месте замещающий зуб. Зубы не возобновляются только в том случае, если, как это делают заклинатели змей, вырезать также слизистую оболочку, в которую погружен ядовитый зуб, и выломать часть верхней челюсти, т. е. разрушить все зачатки зубов.

Каждая ядовитая железа отделяет сравнительно небольшое количество жидкости: железа здоровой двухметровой гремучей змеи отделяет не более 4-6 капель. Но достаточно маленькой доли подобной капли, чтобы в течение нескольких минут отравить кровь большого млекопитающего животного**.

** * Предполагают, что возникновение ядовитого аппарата связано с заглатыванием крупной добычи, которую необходимо обездвигнуть.*

Железа изобилует ядом, и он сильнее действует, если змея продолжительное время никого не кусала***.

** * * Израильская гадюка может сделать подряд 23 укуса, но с каждым укусом концентрация яда уменьшается.*

Возобновление способности отделять яд совершается очень быстро, и свежеприготовленный яд также в высшей степени силен****.

** * * * В действительности только через 16 дней после израсходования яда он восстанавливается в ядовитом аппарате в полном объеме, а через 40 дней — и в исходной концентрации*

Сам по себе яд, сравниваемый со слюной и рассматриваемый за таковую, представляет водянистую, прозрачную, окрашенную в слабый желтый или зеленый цвет жидкость. Эта жидкость в воде опускается на дно, а при легком встряхивании смешивается с водой. Она окрашивает лакмусовую бумажку в красный цвет, и, следовательно, действует, как кислота. Яд, по исследованиям Мютцеля, состоит из белкового вещества, которое и есть самая существенная его составная часть; вещество это свертывается в абсолютном алкоголе, но не при нагревании; яд содержит также сходное вещество, но более сложного состава, которое не оказывает никакого действия и свертывается как при нагревании, так и в алкоголе, желтое красящее вещество и неопределенную массу (эти две последние составные части растворяются в алкоголе), жир, свободные кислоты и, наконец, соли; кроме того, в нем есть хлор и фосфор; яд легко высыхает на предметах и тогда блестит, как лак, и по целым годам сохраняет, по исследованиям Манджили, свои свойства. По Армстронгу и Брунтену, которым Фэйрер передал для исследования яд очковой змеи, он представляет бурю сиропообразную жидкость и содержит 43-45 процентов углерода и 13-14 процентов азота. При прибавлении азотной кислоты, спирта и при нагревании яд свертывается. Никим образом не удалось получить из него твердое, кристаллическое вещество. Присутствие белковых веществ легко обнаруживается разнообразными способами.

Относительно действия яда твердо установлено, что оно тем интенсивнее, чем больше змея и чем теплее погода, и что это действие у различных ядовитых змей отличается только по степени интенсивности*.

** Свою силу яд сохраняет до 23 лет.*

Прежде считали, что яд может быть проглочен без вреда; в результате новых опытов обнаружено, что яд, даже сильно разбавленный водой, будучи введен в желудок, оказывает еще довольно сильное действие, при проглатывании вызывает боли и нарушает деятельность головного мозга, всасывается, преимущественно слизистыми оболочками, и может вызвать опасные припадки**.

** * Ядовитость змей — понятие условное. Американский герпетолог установил, что для смертельного исхода для человека достаточно 15 капель яда гремучника. 3 капли яда кобры или 0.5 капли яда морской змеи. Но одна и та же змея может быть в разной степени ядовита в зависимости от условий. Степень ядовитости змеи зависит от ее состояния, возраста того, кого она кусает, и т. д. Токсичность яда детенышей кобр намного больше, чем у взрослых .*

По исследованиям Фэйрера, яд змеи может вызвать смерть, если его ввести в достаточном количестве в желудок, в глаз или же поместить на брюшину. Тем не менее, старый вывод из опыта остается в силе: змеиный яд серьезно угрожает жизни только тогда, когда он непосредственно введен в кровь. Чем совершеннее система кровообращения, тем опустошительнее действие яда: теплокровные животные после укуса змей умирают гораздо скорее и вернее, чем пресмыкающиеся, земноводные и рыбы.

В общих чертах ход отравления, произведенного змеями, протекает у всех животных более или менее одинаково, хотя следующие за укусом припадки могут быть и, по-видимому, бывают разного рода. По мнению древних, действие яда каждого вида ядовитых змей различно. Это яснее всего видно из описания Лукана, который описывает поход Катона по африканским пустыням после битвы при Фарсале. Сначала Лукан рассказывает басню о возникновении ядовитых змей и образно описывает, как страшные ядовитые животные выросли из капель крови, упавших на землю из отрубленной головы Медузы; затем он переходит к отдельным случаям укусов змеями и к несчастной развязке, вызванной ими, и говорит буквально следующее: «Сквозь полчища этих мерзких чудовищ вел Катон свое закаленное войско и видел, как многие из его спутников жалким образом погибают от маленьких ран. Знаменосец Аул наступил на змею дипсу; она повернула голову и ужалила его. Он едва почувствовал укус животного, и рана сама по себе казалась совершенно несерьезной. Но

скоро яд проник во все его тело; небо начало становиться сухим, язык — сохнуть, никакой испарины не выходило из кожи, ни единая слезинка не падала из глаз. Несчастный бросил знамя и неистово стал искать, измученный страшной жаждой, воду. Он пил и пил, и его все более томила жажда; наконец, он перерезал свои жилы, начал пить свою собственную кровь, но не мог все-таки утолить жажду. Объятый страхом, Катон приказал войску поспешно идти вперед; но скоро смерть должна была показать себя ему в еще более страшной форме. Ногу Сабелла укусил маленький сепс. Он оторвал животное рукой и исколол его копьем; рана была мала, но тотчас же вокруг нее кожа отпала кусками, так что видны были голые кости. Бесперывно поднимаясь дальше, болезнь распространялась; мясо превратилось в гнилой гной, и, когда оно исчезло также с головы, тогда начали гнить и распадаться даже кости, так что нельзя было более распознать человеческий труп, но вместо него только пятно, окрашенное ужасным гноем. Марсийский воин Назидий был ужален гадюкой. Огненный румянец начал пылать на его лице, и кожа натянулась; опухоль всего тела скоро зашла так далеко, что нельзя было более узнать фигуру, так что удивленным взорам войска представился только громадный ком. Никто не отважился положить на костер такой труп, который все еще увеличивался, а каждый искал спасения в бегстве. Тулл был уязвлен подковчатым ужом. Из всей кожи начал тотчас течь красноватый ядовитый гной, и глаза, рот и нос наполнились им. Несчастный Лев умер, ужаленный змеей, причем он моментально потерял сознание. С одного древесного ствола сползла вниз быстрее шипящей стрелы змея, названная африканцами *Iaculus* (удавчик), и поразила Павла, пролезши со свистом через его голову. Мурр проколол копьем василиска. Яд проник через копье в руку; но он сам отсек ее мечом».

Конечно, нет необходимости говорить о том, что эти события не могли совершаться так, как их описывает Лукан; но все же из них делается очевидным, что они основаны на наблюдении случаев, имевших место в действительности. Однако они преувеличены в такой же мере, в какой поэты умеют заставить нас поверить в самые невероятные происшествия. К сожалению, и теперь еще очень часто люди бывают ужалены змеями, поэтому мы в точности знаем не только видимые припадки, но также ощущения и чувства ужаленных. Непосредственно после укуса замечаются две расположенные рядом маленькие проколотые раны, если же существовал только один ядовитый зуб — то одну рану, и часто даже из них не течет кровь. Жертва же обыкновенно испытывает сильную, ни с чем не сравнимую боль, которая проходит по телу, как электрический ток; во многих же случаях бывает и обратное явление: укушенный думает, что он только оцарапался шипом, и поэтому вовсе не считает боль опасной. Следующие непосредственно за этим усталость всего тела, чрезвычайно быстрый упадок сил, припадки головокружения и повторяющиеся обмороки — первые безошибочные признаки начинающегося изменения крови. Очень часто появляется рвота, часто даже с кровью; почти так же часто появляется понос, иногда начинается кровоизлияние изо рта, носа и ушей.

Дальнейшее изнеможение проявляется в усиливающейся сонливости и в заметном ослаблении мозговой деятельности; в высшей степен и повреждается деятельность органов чувств, так что, например, может появиться совершенная слепота или глухота. С увеличением слабости уменьшается ощущение боли, и, когда приближается конец, тогда отравленный, по-видимому, вовсе не ощущает страданий, но постепенно в полностью бессознательном состоянии умирает. При быстром ходе разрушения крови укушенная конечность обыкновенно незначительно распухает, а при медленном ходе, напротив, распухает в безобразную массу, и опухоль распространяется тогда и на другие части. Многие укушенные не только выглядят как мертвецы, но у них наблюдается также своеобразная холодность тела — естественное последствие нарушенного кровообращения, так как отравление вызывает разрушение крови. Но не всегда заболевший испытывает указанные симптомы; часто он по целым часам мучится от ужаснейших страданий и его нервная система возбуждена до такой степени, что раздражает самым ужасным образом каждое движение, каждый шорох около него. Укушенные люди жалостливо рыдают, укушенные собаки жалобно воют по целым часам, пока наконец не наступит бессознательное состояние и не последует сравнительно тихая смерть.

Чем змея больше, сильнее и богаче ядом, чем дольше она не уязвляла, чем теплее погода и чем змея яростнее, тем быстрее и опаснее действует ее яд. Важнейшие явления болезни сходны, в общем, с вышеописанными; но течение болезни гораздо быстрее, и поэтому иногда появляются другие признаки. Почти непосредственно за укусом следуют: оглушение и сильное, непроизвольное выделение мочи и кала, расширение или сужение зрачка, медленное и неправильное дыхание, судороги, дрожание мышц, нечувствительность кожи, а сознание и деятельность органов чувств сохраняются до последней минуты, затем паралич, сопровождаемый судорогами и конвульсиями или без них. Смерть обыкновенно обусловлена удушением, так как деятельность сердца продолжается

дольше дыхания. Опытами установлено также, что животные, которым был введен змеиный яд, оставались долгое время в живых благодаря искусственному дыханию, с помощью которого судороги могли быть временно остановлены. Смерть может наступить уже через 20 минут после укуса, а когда яд попадает в полую вену, смерть наступает почти мгновенно. По Джону, вскоре после укуса температура тела немного повышается, а позже сильно падает. Деятельность сердца ускоряется, но слабо; появляются кровотечения в пищеварительном канале и разлитие желчи. Нередко в числе первых признаков наблюдается потеря речи. При вскрытии трупа не наблюдают трупного окоченения, а в правом желудочке находят дегтеобразную мягкую свернувшуюся кровь, а левый желудочек пуст. Сосуды головного мозга и мозговых оболочек наполнены в избытке темной кровью, печень и легкие тоже избыточно наполнены кровью; печень распухшая и окрашена в темный цвет.

Если течение болезни, вследствие ли примененного средства или же вследствие того, что количество яда, введенного в рану, было слишком мало, принимает другое направление, тогда за этими первыми общими явлениями наступает продолжительная болезненность, прежде чем приходит полное исцеление. К сожалению, слишком часто бывает, что человек, возвратившийся к жизни, страдает вследствие укуса змеи несколько недель, месяцев и даже лет, так что вся его жизнь отравлена в буквальном смысле одной только капелькой ужасной жидкости.

Несть числа противоядий, которые издавна применялись и теперь еще применяются против укусов змей. К сожалению, при этом еще значительную роль играет суеверие. Применяют также и средства, которые оказываются более или менее рациональными: вырезывание или прижигание раны; привязывание особых змеиных камней: с одной стороны, благодаря своей пористости они в состоянии высасывать яд, а, с другой стороны, давление, производимое ими на рану, препятствует дальнейшему распространению яда; прикладывание измельченных корней и листьев; принятие внутрь растительных соков, нашатырного спирта, хлора, мышьяка и других ядов и т. п. Однако, несмотря на это, до сих пор не известно ни одного верного и заслуживающего доверия средства. По-видимому, лучше всего действует винный спирт, выпитый или принятый внутрь в большой дозе все равно в какой форме — в виде ли алкоголя, рома, арака, коньяка, водки или же крепкого вина. Это средство не новое, но известное уже с незапамятных времен и применяется в самых разнообразных частях земного шара. Уже Марк Порций, Катон Цензорий советуют давать человеку или домашнему животному, ужаленному змеей, истертый тмин в вине; Цельзий рекомендует вино, приправленное перцем и чесночным соком. Далматинцы, ужаленные гадюкой, пьют вино до опьянения и выздоравливают. Ловцы гадюк применяют против укусов змей только вино. Североамериканцы сравнительно мало обращают внимания на укусы гремучих змей, если у них есть достаточное количество водки. Они напиваются ею, сколько могут, просят свой хмель и не испытывают никаких вредных последствий от змеиного яда.

Жители Индии не признают другого средства, кроме настойки дикой конопли или табака на водке. Малайцы на Калимантане считают человека, укушенного ядовитой змеей, спасенным, если только он выпьет водки до опьянения*.

** Современные представления о первой медицинской помощи укушенным змеями исключают употребление алкоголя, так как он расширяет кровеносные сосуды и ускоряет всасывание яда.*

Горькие пьяницы могут быть укушены змеей несколько раз, и это им не принесет никакого вреда. К сожалению, не приведены доказательства того, что при укусе яд попадал в рану, а свидетели могли, как это часто бывает в Индии, впасть в ошибку. В новейшее время одни врачи применяют также винный спирт в различной форме, другие же, среди них и опытный Ричарде, не признают за ним никакого целебного действия и даже считают вредным принятие его в больших количествах. Что алкоголь не действует как противоядие, другими словами, не разрушает змеиный яд, доказано опытами; но он повышает деятельность сердца, которая ослабевает вследствие отравления, больше и быстрее, чем другое возбуждающее средство. Поэтому он оказывает прекрасную услугу и может быть особенно рекомендован к применению в самом начале, так как водку можно иметь в каждом селе.

При уходе за больным, укушенным змеей, всякая излишняя нежность вредна, а нужно только одно — быстро и решительно действовать. Фэйрер на основании своих многочисленных опытов дает вкратце следующее наставление для ухода и лечения человека, укушенного ядовитой змеей. Тотчас же после укуса взять какую-нибудь тесьму, обернуть ее выше укушенного места, вокруг пораненной конечности и завязать как можно туго, даже, в случае необходимости, с помощью рычага. На некотором расстоянии выше первого так же туго наложить вокруг конечности второй, третий и четвертый бинт. Затем произвести быстрый надрез над раной и позволить крови сочиться или

же высосать ее; затем взять для прижигания горящий уголь, раскаленное железо или, если есть, ляпис или какое-нибудь другое едкое вещество. Если укушен палец на руке или на ноге, можно отсечь или отрезать зараженный член; если этого сделать нельзя, тогда, по крайней мере, вырезать рану настолько глубоко, насколько это можно сделать, не причиняя вреда. Больного оставить в покое и не надоедать ему всевозможными предложениями, как это обыкновенно принято при уходе. Если появятся первые признаки отравления, давать ему нашатырный спирт, сильно разбавленный водой, или еще лучше нагретый спирт, водку, глинтвейн с водой. Рациональнее давать не слишком много за один раз, а как можно чаще, маленькими дозами. При наступлении слабости положить на живот горчичник или горячий компресс, направить на сердце и грудобрюшную преграду гальванический или электрический ток; можно применить обливание холодной водой. Если больной захочет принять противоядие, в которое он верует, дать ему просимое; важнее всего внушить ему как можно более бодрости**.

** * Со времен Брема существенно изменились принципы лечения при отравлении змеиным ядом. Наиболее эффективным считается применение так называемых противозмеиных сывороток: противопоказано использование жгутов, прижигание области укусов, употребление алкогольных напитков, производство надрезов и т. д.*

Буддисты, догматы которых воспрещают умерщвлять животных, помещают пойманную ядовитую змею в корзинку, сплетенную из пальмовых листьев, и доверяют ее волнам реки. У нас также встречаются глупые люди, которые вследствие непонятной чрезмерной чувствительности требуют пощады для гадюки, приносящей пользу пожиранием мышей, и осмеливаются называть умерщвление змей бесполезной жестокостью. Но с ними, конечно, не стоит спорить, так как они не ведают, что говорят. «Живее берите камни и дубины и безжалостно бейте вредное существо, хотя бы оно, угрожая, приподнималось и шипело с расширенной шеей», — говорит уже Вергилий, и мы присоединяемся к нему. Мы убиваем ядовитых змей и, поступая так, делаем правильно. Напротив того, разумные люди не считают нужным говорить о пощаде, ибо только беспощадное истребление увеличит нашу безопасность. К счастью, и в Индии есть много людей, которые, поощренные наградами, назначенными правительством, посвящают себя истреблению ядовитых змей. В Северной и Южной Америке змеям не оказывают никакого снисхождения, никакой пощады. Кто увидит в Северной Америке ядовитую змею, тот не ленится сойти с лошади или из экипажа, чтобы умертвить ее; кто может в Бразилии захватить змею, тот, хотя и не без страха, убивает ее со злобой и смертельной ненавистью. Много и неядовитых змей становятся жертвами этой ненависти: но кто же захочет поставить это в вину людям, которые ежегодно испытывают последствия укусов змей? Нет такого места, где человек может похвалиться тем, что одержал полную победу над ядовитыми змеями, и, пока продолжается истребительная война против них, преждевременно требовать безусловной пощады безвредным змеям. Человек никогда не истребит ядовитых змей; он может только уменьшать их количество. Это доказывают те страны, в которых утвердился земледелец, именно Соединенные Штаты и Бразилия*.

** Уничтожение ядовитых змей сейчас разрешено лишь в населенных пунктах и в двухкилометровой зоне вокруг них. Большинство видов ядовитых змей ныне крайне редки и охраняются.*

При постепенном увеличении площади обрабатываемых почв число змей, особенно ядовитых, значительно уменьшается, и со временем в этих местностях человек будет иметь возможность жить без страха. До тех пор мы и все разумные люди будем согласны с Вергилием**.

** * В наше время яды приносят и пользу человеку. Из них изготавливают кровоостанавливающие препараты: лебетокс (в бывшем СССР) и стипвен (в Англии). Из яда кобры вырабатывают кобротоксин, который оказывает обезболивающее и успокоительное действие при спазмах сосудов сердца, бронхиальной астме, злокачественных опухолях.*

Во многих учебниках зоологии говорится, что змеи не пьют. Опыты, произведенные над пленными ужами и гадюками, по-видимому, указывают на то, что они никогда не пьют воду. Но эти опыты ничего не доказывают, так как наблюдение, и притом повторенное несколько раз, доказывает нам обратное. Все змеи пьют, одни вбирая воду полными глотками, причем заметно двигая челюстями, другие же схватывают языком капли воды и росу или же смачивают ими свой язык. Я особенно обращаю на это внимание, так как Леали еще в 1870 году уверял, что никто не видел, как змеи пьют. Эффельдт же, наблюдательность и опытность которого я вполне признаю, писал Ленцу, что даже те змеи, которые во время питья погружают голову в воду, пьют всегда лакая, другими словами, никогда не пьют с втянутым языком. Я имел случай наблюдать на воспитанных мною гремучих змеях совершенно обратное: они пили, когда их сильно томила жажда, с настоящими жева-

тельными движениями челюстей, т. е., хлебая, а не лакая. Если змей после долгого путешествия в узких ящиках, наполненных песком, перенести в обширную клетку, они, томимые голодом и жаждой, исследуют ее по всем направлениям; найдя наконец сосуд с водой, змеи убеждаются прикосновением языка в присутствии усладительного питья, погружают в него морду поверх глаз и иногда пьют так много, что, как очень верно замечает Эффельдт, «совершенно разбухают». Многие виды явно страдают и околевают, если они лишены воды; другие же, по-видимому, могут удовлетворять свою жажду несколькими каплями в день или даже пьют раз в течение нескольких недель. Эффельдт поставил пред своими пленными змеями сахарную воду, вино и молоко и заметил, что некоторые из них, будучи лишены воды, пьют слегка подслащенную воду и молоко, вином же и сильно подслащенной водой, напротив, постоянно пренебрегают. Молодая гремучая змея, которая не хотела есть, но пила молоко, по истечении нескольких месяцев околегла.

В жизни змей линька, или сбрасывание с себя кожи, имеет еще большее значение, чем в жизни птиц*.

* Сейчас установлено, что линька пресмыкающихся связана с деятельностью щитовидной железы. Роговой эпидермис отпадает за счет наслоения нового рогового слоя, куда поступает много гипотоничной лимфатической жидкости. Поэтому линяющему организму нужно много воды, и змеи перед линькой любят, например, забираться в водоемы.

Это сбрасывание — первое, через что проходит молодь, только что вылупившаяся из яйца, и что взрослые животные претерпевают в течение года несколько раз. Сбрасывание начинается отделением тонкой стекловидной кожицы на губах, результатом чего является возникновение большого отверстия. Затем образуются две лопасти: одна — на верхней части головы, другая — на нижней челюсти. Эти лопасти отворачиваются и все дальше и дальше завертываются, так что в конце концов внутренняя часть становится наружной.

По Бугону, в сброшенной коже, по крайней мере у обыкновенных ужей, отсутствует всегда самый крайний конец. Для освобождения от своей «сорочки» на свободе змеи пользуются мхом, вереском и другими растениями и вообще шероховатыми поверхностями и в состоянии в короткое время закончить сбрасывание кожи; в ящике же они понапрасну прилагают усилия для достижения той же цели и только в редких случаях сбрасывают целиком всю кожу. По наблюдениям Ленца, у наших змей первая линька начинается в конце апреля и в начале мая, вторая — в конце мая и начале июня, третья — в конце июня и начале июля, четвертая — в конце июля и начале августа, наконец, пятая — в конце августа и в начале сентября. У видов, обитающих в теплых странах, сбрасывание совершается таким же образом. Относительно последних у нас в настоящее время имеется только немного данных. По Гартману, гремучие змеи линяют только два раза в год. Фэйрер и Ричарде наблюдали в Индии, что находящиеся в неволе кобры меняют свою кожу каждый месяц даже зимой и «во время линьки, без всякого сомнения, слепы». Если пленным не хватало воды, тогда сорочка отделялась по частям. «Я очень сомневаюсь, — продолжает Ричарде, — чтобы у свободно живущих змей линька происходила так же часто, как у находящихся в неволе. Я несколько раз наблюдал, что птицы употребляют змеиные сорочки как подстилки для своих гнезд». Непосредственно перед линькой все змеи пребывают в покое, после же нее они становятся гораздо бодрее. Применение теплых ванн значительно облегчает сбрасывание кожи пленным змеям.

Несколько дней спустя после первой весенней линьки начинается размножение. Оно в известной степени возбуждает змей, но никоим образом не столь сильно, как об этом болтают. Очень вероятно, что определенные виды в период спаривания собираются в группы и долгое время пребывают вместе. По крайней мере, наблюдали, что некоторые ядовитые змеи во время спаривания спутываются в форменный клубок и целыми часами остаются в такой удивительной связи. Древние, которые, по-видимому, наблюдали подобные сплетения у многих змей, объясняли себе их причину суеверным образом, называли клубок змеиным яйцом и приписывали ему чудодейственную силу. Обыкновенно же находят спаривающихся змей, самца и самку, тесно сплетенными и покоящимися на излюбленных местах. Они лежат по целым часам на солнце на одном месте, не шевелясь. Соединение животных очень тесное, потому что цилиндрический половой орган самца, усаженный на внутренней поверхности твердыми шипами и выворачивающийся при спаривании, прочно удерживается в половых органах самки. Еще не знают, сколько времени продолжается спаривание, но нужно думать, что несколько часов: Эффельдт нашел вечером дюжину сплетенных гадюк и обнаружил их на следующий день в том же положении*.

* Обнаружено, что у змей *Bothrops insularis*, живущих только на одном из островов на юге Бразилии, площадь которого всего лишь 3 кв. км, большинство самок имеют кроме яичников еще семенники и копулятивные органы, самцов. Такой гермафродитизм, видимо, позволяет по-

высить темпы размножения, не увеличивая числа обитателей на ограниченной площади острова.

"Если змеи сцепились, — говорит Ленц, — то можно их очень спокойно наблюдать на умеренном отдалении. Если подойти ближе или же ударить их, они стараются дать тягу. Но им не так легко это совершить, потому что они обвиты вокруг друг друга и поэтому не способны ползать. Сначала они стараются улизнуть вместе, но замечают, что это им не удастся. Тогда они отчасти или совсем распутываются и уползают. Так как они еще крепко соединены шипами самца и каждая желает пойти своей собственной дорогой, то как одна, так и другая тянут и меньшей приходится следовать за более крупной. Подобное бегство совершается, конечно, очень медленно. Если же начать их сильно и без перерыва бить, или же наступить на них, тогда они наконец с помощью сильного толчка отрываются друг от друга».

По истечении 4 месяцев яйца числом от 6 до 40, а у ложноногих и до 100 кладутся во влажных темных местах, если вид не относится к тем змеям, которые откладывают настолько развитые яйца, что молодь разламывает скорлупу яйца или непосредственно вслед за кладкой, или уже в теле матери. Только относительно некоторых удавов известно, что они регулярно высидывают яйца. Шнек утверждает, что он вынул из одного североамериканского водяного ужа (*Thamnophis sirtalis*) даже 78 молодых экземпляров. Подобные количества детенышей мы наблюдали также и у аспидов*.

** У некоторых змей (обыкновенной гадюки, североамериканского водяного, или подвязочного, ужа, великоколенной деннисони, многих морских змей) есть зачатки истинного живорождения. Они обладают даже примитивной плацентой.*

Мать не оказывает никакой помощи при разламывании скорлупы и вообще мало или совсем не заботится о вылупившихся детенышах. Последние растут необычайно медленно, но, вероятно, рост продолжается до конца их жизни, хотя в более зрелом возрасте, конечно, растут несравненно медленнее, чем вначале. Они могут достичь глубокой старости.

Значение змей в сравнении с остальным животным миром так мало, что можно справедливо утверждать, что и без них равновесие природы не нарушилось бы**.

** * Значение змей в природе Брем явно недооценивал, равно как и для человека. Изготовление изделий из змеиной кожи давно стало прибыльным промыслом.*

Во всяком случае, некоторые из них приносят пользу уничтожением мышей и других вредных грызунов; но польза, которую они приносят этим человеку, как я уже говорил, более чем уравновешивается тем вредом, который наносят, по крайней мере, ядовитые виды. Потому нельзя назвать несправедливой ту ненависть, которую питают ко всему этому подотряду. У нас, конечно, нетрудно отличить два местных вида ядовитых змей от безвредных видов. Но уже в Западной Европе встречается, как мы слышали, один уж, который по наружному виду так похож на одну из ядовитых змей, что даже знаток змей Дюмерил смог ошибиться и схватил вместо мнимого ужа гадюку, укусы которой подверг опасности его жизнь. Во всех остальных частях света встречаются змеи, относительно которых, несмотря на наше знание, ушедшее далеко вперед, неизвестно, ядовиты ли они или безвредны. Кто хочет проповедовать пощаду змеям, должен, по крайней мере, ограничиваться только Германией; этим он еще не принесет беды***.

** * * Ежегодно регистрируется около 68 тысяч смертельных случаев от укусов ядовитых змей, что во много раз меньше количества людей, погибающих под колесами автомобилей.*

Я вовсе не желаю защищать змей, так как наши безвредные виды поедают главным образом таких животных, которые, несомненно, более полезны нам, чем их хищники. В Северной Америке также сильно жалуются на опустошения, которые производят среди молодой рыбы водяные ужи. Тот, кто истребляет всех змей, не причиняет этим, повторяю, никакого вреда, а тот, кто хоть раз примет ядовитую змею за неядовитую, может поплатиться за это жизнью или здоровьем.

Просвещенный человек, который очень хорошо понимает, что неразвитые люди всегда считают зло сильнее добра, а язычники особенно боялись злых существ, найдет очень понятным, что в преданиях и мифологии древних народов змеи играли важную роль. Предания почти всех народов упоминают о них то со страхом и отвращением, то с любовью и благоговением. Змеи считались олицетворением быстроты, хитрости, врачебного искусства, даже времени. Уже в седую старину, как и теперь еще у диких народов, существовало поклонение змеям. Так, в Индии им поклонялись как олицетворению мудрости, у других народов — как олицетворению лживости, коварства и обольщения. Что римляне оказывали змеям божеские почести, видно из сведений, сообщаемых их писателями. «Городу Риму, — говорит Валерий Максим, — боги уже часто давали доказательства своего особенного благоволения. Однажды город в течение трех лет посещался чумой, и ни боги, ни люди не помогли тяжкой беде. Наконец жрецы спросили Сивиллины книги и нашли в них, что прежде

здоровое состояние может быть достигнуто, только если бог Эскулап будет привезен из Эпидавра. Было послано посольство искать утешения и помощи. Эпидавряне приняли римлян любезно и повели посольство в храм Эскулапа. Само божество выказало знаками свое благоволение. В Эпидавре иногда видели змею, появление которой каждый раз приносило особенную благодать и которая поэтому была почитаема так же высоко, как и сам Эскулап. Во время пребывания римлян показалась эта змея медленно двигалась, кротко озираясь вокруг, по самым населенным частям города. Это она повторяла в течение трех дней, а народ смотрел на нее с благоговением. Наконец змея решительно направилась к римскому военному кораблю. Там она привела перепуганный ею экипаж в сильный трепет, но, не обращая внимания ни на кого, поползла в каюту посланника Огулния и свернулась там с величайшим удобством. Тогда послы, увидев собственными глазами, что они владеют богом, стали решать, как бы оказать ему подобающую почесть; они поблагодарили учтиво и сердечно жителей Эпидавра и отплыли в радостном расположении духа. После благополучного плавания корабль остановился в Антиуме. Там змея, остававшаяся раньше при всех остановках на корабле, выползла из него, направилась к портику Эскулапова храма, где стояло ветвистое миртовое дерево, и обвилась вокруг высокой пальмы. Здесь она отдыхала три дня, и ей приносили обыкновенную пищу. Послы боялись, что она не возвратится на корабль; но она добровольно оставила дерево и снова направилась на корабль. Наконец послы высадились у устья Тибра. Там змея поплыла на остров, на котором ей воздвигли храм. С ее прибытием Рим освободился от чумы».

Подобные воззрения удержались до последнего столетия и в настоящее время существуют еще у различных народов Европы, Азии и Африки. Согласно довольно распространенному предрассудку, змеи приносят счастье; индийцы и малайцы твердо убеждены, что убийство змеи влечет за собой несчастье. Так, по сообщению Ричардса, индийцы утверждают, что не надо убивать ядовитую змею, укусившую человека, иначе укушенный непременно умрет. Заклинатели змей остерегаются их убивать, так как иначе, по их словам, они потеряют свою власть над змеями. Подобное же суеверие нашел Пим в Америке у караيبов. Мартене замечает, что, согласно предрассудку, на Амбоине, кто убьет питона, тот скоро потом сам умрет; однако проповедник Валентийн, уже достаточно просвещенный для своего времени, утверждает, что, убив питона в собственном доме, он не испытал иного вреда, кроме увеличения числа крыс. Но суеверие сумело объяснить и этот факт в свою пользу: дух змеи, говорили, бессилен относительно проповедника. По словам Крапфа, галласы считают змею родоначальницей людей и выказывают к ней высокое почтение. Когда Гейглин убил одного африканского питона вблизи жилища негров динка, они были очень рассержены и, жалуясь, говорили, что им принесет несчастье насильственная смерть их предка, уже давно мирно жившего у них. Это подтверждается и дополняется замечанием Швейнфурта, что змеи являются единственными животными, которым негры динка и шиллук на Белом Ниле поклоняются, как богам. Динка называют змей своими братьями и считают преступлением убивать их. Различные свидетели рассказывали Швейнфурту, что некоторые змеи лично известны хозяину жилища, в котором они поселились, что он называет их по именам и обращается с ними как с домашними животными.

По словам Ливингстона, в странах у озера Ньяса убить змею — преступление, даже если она сделалась в тягость жителям своим грабительством. Говорящие по-арабски купцы, путешествующие по тем странам, утверждали даже, что на островах названного озера живут змеи, обладающие даром человеческой речи; по воззрению этих простодушных людей, они происходят от первородного змия, соблазвившего нашу праматерь Еву. Прежде чем смеяться над дикими народами, вспомним сначала о сардинцах: воззрения их очень мало отличаются от воззрений дикарей. «О наших змеях рассказываются чудеса в собраниях женщин, — говорит Четти. — В прежние времена змеи были пророчицами и знали будущее. Я охотно верю, что подобные сказки только для шутки рассказываются нашими образованными женщинами; но многие итальянцы видят в змее существо, достойное полнейшей их привязанности и уважения. Когда змея заползет в хижину крестьянина или пастуха, она указывает на предстоящее счастье; если бы кто-нибудь вздумал дурно ее встретить, это сочли бы столь же глупым, как прогнать счастье, приближающееся к дому. Поэтому все местные женщины стараются удержать змей и с особенной заботливостью ежедневно кладут им корм перед норами, в которых они поселились. Я знаю одну женщину, делающую это в течение двух лет¹. Тюрингенские и южногерманские крестьяне смотрят на змею так же, как сардинцы: и в их глазах заползшая в жилище змея считается вестницей приближающегося счастья.

Неудивительно, что подобные воззрения уже в отдаленнейшие времена должны были вести к тому, чтобы видеть в змеях совсем не то, что они в действительности. Им приписывались всевозможные качества, злые и добрые, и они занимали место то божества, то злого духа. Им придавались не только несуществующие свойства, но также крылья, ноги и другие члены, головное украшение

вроде короны и т. п., потому что главную роль тут играло воображение, а не действительное наблюдение. Для сведущих людей змеи долгое время были источником больших доходов, потому что для одурачивания слепо верующей толпы ими легче пользоваться, чем всякими другими животными. Я не буду перечислять приводимых Плинием и другими римскими, а также греческими писателями лечебных, волшебных и тому подобных средств, добывавшихся из тела и отдельных частей различных змей. Достаточно сказать, что мы обязаны римлянам и грекам теми приготавливаемыми из гадюк лекарствами, которые на много пережили средние века. Еще в последнем столетии для европейских аптек собирались сотни тысяч различных змей из рода гадюк, преимущественно в Италии и Франции. Доходило до того, что покупали огромное множество египетских ядовитых змей, так как европейских не хватало. Уже знаменитый врач императора Октавиана Августа — Антоний Муза — употреблял гадюк в качестве лекарств; но только лейб-медик императора Андромах Критский открыл тэриаки. Еще в прошлом столетии он приготавливался почти во всех европейских аптеках под наблюдением врачей, обязанных исследовать все составляющие его вещества. Особенно славилась тэриаком Венеция, едва ли менее Рима, где его приготавливали иезуиты. Тэриаки прописывались для очищения крови при лишае, проказе, чесотке, золотухе, зобе и как противоядие при отравлениях; он обладал совершенно теми же целебными свойствами, какие приписываются разным современным чудесным лекарствам. Кроме тэриака врачи прописывали вареных и жареных гадюк, супы, студни и сироп из них, порошок из сердца и печени и спиртовые вытяжки из разных частей тела от лихорадок, оспы, падучей, паралича, апоплексического удара, гниения зубов. Жир считался отличным лекарством при ушибах, ранах и при глазных болезнях; он также принимался внутрь чахоточными и втирался в лицо кокетками для уничтожения морщин и улучшения цвета лица. Вера в целебность гадючьего жира держалась до самого последнего времени, и даже такой свободный от предрассудков человек, как Ленц, не мог вполне отделаться от нее, по крайней мере в прежние годы. Во всяком случае, это заблуждение, как и всякое другое, имело и одно хорошее следствие: оно существенно содействовало уменьшению численности гадюк. В настоящее время ни один разумный человек не верит больше в подобные лекарства прошлых столетий и десятилетий, потому что сегодня в фармакогнозии самым блестящим образом выразилось благотворное влияние развития естественных наук. Но именно поэтому является обязательным полнейшее покровительство естественным врагам змей.

К успокоению всех, боящихся змей, и к радости всех противников этого опасного или возбуждающего страх племени полчища его врагов очень многочисленны. У нас змей преследуют кошки, лисицы, куницы, хорьки, барсуки, ласки, ежи, дикие и домашние свиньи; в южных странах — виверры и мангусты; в южной Африке, согласно Фиску, — также некоторые ящерицы, а равно самым упорным образом преследуют их змеяд и малый подорлик, ястреба, вороны, сороки и сойки, аисты и другие болотные птицы, а также их родственники в жарких странах. Самым лучшим истребителем змей является птица-секретарь; но и другие ее родичи выказывают достаточную деятельность, именно местные породы ястребов, орлов и грифов, совершенно независимо от многих куриных и голенастых. Все они заслуживают уважения и защиты рассудительных людей, потому что большей частью не только уничтожают змей, но и совершенно возмещают полезную деятельность этих последних.

Приручение змей или, по крайней мере, содержание их в неволе известно с древности. Уже египтяне, по-видимому, держали в своих жилищах змей и между ними также страшную египетскую кобру. Элиан сообщает, что фокусники совершенно так же пользовались этими змеями, как и в настоящее время, и так же часто, как и теперь, подвергались смертельным укусам. У Марциала мы читаем, что женщины иногда клали холодных змей вокруг своей шеи. По сообщению Светония, у императора Тиберия была змея, которую он очень любил и всегда кормил из рук. Император Гелиогабал, по словам Элия Лампридия, иногда приказывал собирать много змей и выпускать их до восхода солнца в дни народных игр, чтобы позабавиться ужасом людей, из которых многие погибали от укусов змей или в давке. При дворах индийских князей содержание змей в неволе было самой обыкновенной вещью, если верить старинным писателям.

Большинство змей легко привыкают к неволе и выживают в ней годы или, по крайней мере, месяцы. Гадюки, пойманные старыми, не всегда берут корм в плену, но, видимо, только потому, что им устраивают жилье неподходящим способом*.

** В бразильском институте Бутан-тан в Сан-Паулу расположен первый и до сих пор один из наиболее крупных змеиных питомников, основанный еще в 1899 году. Здесь содержится несколько десятков тысяч ядовитых змей, от которых получают 5-6 л яда в год.*

Для их благополучия необходимо тепло, и притом влажное; в их клетке непременно должен быть бассейн с водой для купания. Чтобы приучить их к корму, надо сначала давать им живых животных; когда гадюки согласятся хватать и проглатывать их, можно перейти и к мертвым, а позже даже к кускам мяса.

Змеи различных родов, посаженные в одну клетку, иногда уживаются между собой, иногда дерутся; часто случается также, что одни пожирают других, как это бывает и на свободе.

Относительно подразделения змей на семейства и роды мнения современных специалистов так же далеко расходятся между собой, как и относительно определения видов. В то время как Гюнтер в 1858 году устанавливал 630 видов, а Ян в 1863 году — 780, Уоллес в 1876 году считал необходимым принять круглым счетом 970 видов. Напротив того, в 1885 году Гюнтер довел это число до 1800, а Буланже в 1891 году снова сократил его до 1500. Но из 315 родов, принятых в 1886 году Коппом, мы считаем только половину хорошо обоснованными*.

** Сейчас специалисты насчитывают около 3 тысяч видов змей, относящихся к 480 родам из 18 семейств.*

Не подлежит никакому сомнению, что древние подразумевали под своими драконами наших современных гигантских змей. Поразительная величина этих животных, их значительная сила и всеобщий страх перед змеями вообще делают очень понятными преувеличения, в которых повинны древние; по тем же причинам простительны и сверхъестественные представления о них, еще и теперь сохранившиеся у многих людей, вместе с излюбленными преувеличениями некоторых путешественников и натуралистов. Мы не должны удивляться, что, чувствуя себя слабым перед подобным чудовищем, человек от страха все преувеличивал вдвое и его воображение наделяло этих страшилищ несуществующими частями тела. Так называемые задние шпорцы гигантских змей, в настоящее время принимаемые за укороченные зачатки ног, не были замечены древними, но зато древние присвоили отвратительным в их глазах созданиям своеобразные лапы и удивительные крылья. С течением времени из непонятных сказок восточных людей постепенно выросли образы, для которых разумный человек тщетно искал оригиналы, потому что сведения о самих гигантских змеях были почти потеряны. Тем упорнее держались необразованные люди излюбленного описания большого дракона, или горыныча, извергнутого на землю на погибель всему миру. С понятием о драконе постепенно связывалось понятие о дьяволе, пока слово «дракон» не сделалось его прозвищем. Еще и теперь оно употребляется в этом смысле простонародьем в Германии, например тюрингенскими крестьянами, в других отношениях очень образованными.

Во времена старика Геснера, т. е. к концу XVI столетия, люди еще не были так просвещены, как теперь. В те времена наше всеобщее неверие было присуще немногим и сказкам охотно верили даже те, кто называл себя натуралистом. Геснер добросовестно потрудился над описанием драконов и ради этого выбрал из древних писателей все казавшееся ему важным. Не хочу лишать это описание его старинной окраски и потому предоставляю говорить самому моему старому другу. «Название «дракон» происходит у греков от острого зрения, и под ним часто подразумеваются змеи вообще. Но собственно драконами следует называть тех змей, столь больших и тяжелых телом, которые величиной превосходят всех прочих, поэтому должны быть рассматриваемы относительно змей так же, как большие киты относительно других рыб. Августин говорит, что на Земле нет ни одного животного больше дракона... Элиан пишет, что в Мавритании живут драконы в тридцать шагов длиной; по-видимому, у мавров нет для них никакого особого имени, и они зовут их просто «убивателями слонов», эти драконы доживают до глубокой старости. Во времена Александра Великого один индеец выкормил и воспитал двух драконов, одного длиной 46, а другого 80 локтей, и Александр Великий пожелал видеть их ради их замечательной величины. У египтян, говорит Элиан, есть сказание, что в правление царя Филадельфа из Эфиопии были привезены в Александрию два живых дракона, один 14 и другой 13 локтей длины. Также во время Эвергета оттуда привезли трех, по 7 и 9 локтей длиной; одного из них с большими издержками прилежно воспитывали и кормили в храме Эскулапа. Элиан сообщает также, что Александр Великий видел в Индии много редких животных; между прочим, он нашел там одного дракона, которого, однако, пощадил по просьбе индийцев, считавших его священным. Говорят, дракон этот был 70 локтей длины; услышав приближение войска Александра, он так страшно засвистал, что сильно перепугал всех. Он не вылезал совершенно из норы, а только высовывал голову. Глаза его по величине равнялись большому щиту... В Эфиопии водятся много драконов, особенно к югу, вследствие близости солнца и сильного зноя; они по большей части длиной 20 локтей. В большом числе драконов находят также в Индии, Нубии, Ливии и тому подобных жарких странах; они иногда бывают 15 шагов длиной и по толщине походят на бревна; но индийские, как правило, крупнее и страшнее живущих в Мавритании... Они

подразделяются на два рода: одни держатся в горах и гористых местах, велики, проворны, быстры и имеют гребень; другие же живут во мхах и болотах, ленивы, спокойны, неповоротливы, и у них нет гребня... Также у некоторых имеются крылья, а у некоторых нет. Августин пишет: дракон часто лежит в своей норе, но, как только почувствует сырость в воздухе, вылезает, взлетает в высоту при помощи своих крыльев и улетает с большим шумом. У некоторых драконов нет ног, и они ползают грудью по земле, у других есть ноги... У одних рот маленький, вроде трубочки; у других же, водящихся в Индии, Мавритании и подобных местах, рот так велик, что драконы эти проглатывают целиком птиц и других животных. Язык их раздвоен. Зубы сильны и велики, остры и похожи на острую пилу. У драконов весьма острое зрение и хороший слух; они редко спят, и оттого поэты называют их стражами сокровищ. Где живет дракон, там воздух портится от его свиста и ядовитых испарений. Он питается всякой пищей — яблоками, травами, яйцами, птицами и разными животными. Он может очень долго жить без пищи и в особенности долго воздерживается от нее, когда становится стар и достигает присущей ему величины. Но когда дракон получает пищу и набрасывается на нее, то не скоро насыщается. Во Фригии, как сообщает Элиан, существуют драконы длиной 10 шагов; во время кормежки все они выползают из своих нор к реке Риндако, упираются на хвост, поднимают вверх все тело и вытягивают вверх шею; так они ждут с раскрытой пастью пролетающих мимо птиц и, как только завидят их, притягивают к себе своим дыханием и проглатывают. Так они поступают до захождения солнца, после чего прячутся и подкарауливают возвращающийся домой скот, похищают и калечат его, а также часто умерщвляют пастухов... Орел постоянно враждует с драконом, так как ест и змей... Кроме того, драконы ведут постоянную войну со слонами. Как сказано, в Эфиопии водятся драконы 30 шагов длиной; у них нет особого имени — их просто называют «убивателями слонов». Когда подобный дракон узнает, что слоны объедают некоторые деревья, он прилежно высматривает это, влезает на такое дерево, прикрывает свой хвост листьями и ветками, переднюю часть тела свешивает вниз, как канат. Когда затем слон подойдет, чтобы объесть верхние ветки, дракон неожиданно бросается ему прямо в глаза, вырывает их и так опутывает и оплетает слона, что он остается на месте. Часто драконы залегают около тропинок, по которым ходят слоны, и, спрятавшись, поджидают их; передних пропускают и нападают на самого заднего, чтобы первые не могли прийти ему на помощь; связывают хвостами ему ноги так, что он не может идти дальше, и убивают его. Плиний говорит, что драконы так велики, что могут обвить и стянуть все туловище слона; но иногда и слон растаптывает и убивает дракона. Точно так же, когда драконы нападут на слона и обовьют его, он трется о скалы или деревья, чтобы растереть и измолоть своих врагов; но тут дракон употребляет другую хитрость — обвивается вокруг ног слона, так что он не может двигаться... У драконов мало или совсем нет яда, поэтому к ним причисляются змеи, которые приносят более вреда наносимыми им ранами, чем ядом... Надо заметить, что драконы по природе своей не ядовиты, но в некоторых странах находят и ядовитых. Драконы, как и другие змеи, не так вредны в холодных странах, как в Африке и подобных жарких местах; поэтому Лукан говорит: «Вы, драконы, считавшиеся до сих пор во всем свете безвредными, в Африке, однако, вы особенно ядовиты и вредны... Отправляясь на охоту за людьми или животными, драконы всегда сначала едят ядовитые травы и коренья; впрочем, они наносят больший вред хвостом, чем зубами, и кого они схватят хвостом, тот погиб. Их укус не силен и не болезнен, так как у них маленький рот, и они при нападении пользуются не столько зубами, сколько проявляют свою силу хвостом...» Если припомнить преувеличения, в которых даже в настоящее время повинны некоторые путешественники, то, вероятно, придется примириться с вышеприведенным описанием. Еще и теперь рассказывают об удавах 50 футов длиной; еще и теперь не стыдятся писать, что такие чудовища нападают на лошадей, рогатый скот и других животных, душат их и проглатывают, и если в список их жертв не зачисляют слонов, то, может быть, только по тому, что забыты древние истории. Возможно, что прежде удавы достигали большей величины, чем теперь, когда против них выступает лучше вооруженный человек и укорачивает их жизнь своим страшным оружием; но никогда не бывало таких змей, каких описывают нам древние. По собственному опыту я знаю, как бывает трудно правильно судить о длине змей. Очень сильно ошибается даже привычный человек, проверяющий позже свои оценки точным измерением. Даже маленьким змеям, длиной в метр, легко прибавить лишнюю треть, когда видишь их спокойно лежащими перед собой и поэтому имеешь достаточно времени для запоминания их вида. Со змеями же 3 метра длиной трудности и ошибки оценки удваиваются и утраиваются; когда же подобная змея двигается, просто невозможно точно оценить ее длину. Не сумею сказать, отчего это, собственно, происходит, но могу лишь утверждать на основании фактов, что всякий пытающийся определить на глаз длину змей, постоянно ошибается в большую сторону и постоянно снова впадает в ту же ошибку, даже неоднократно убедившись в ней. Самообман открыва-

ется, лишь когда приложишь к змее точную меру. Поэтому неудивительно, что живое воображение туземцев южных стран, еще менее нашего способное удерживаться в границах, вдвое и втрое преувеличивает настоящую величину змей. Иной индеец или южноамериканец с видом полнейшей достоверности рассказывает о виденном или убитом им удаве в 50 футов длины; он заявляет натуралисту, спокойно измеряющему убитую змею в 6 метров, что она далеко превосходит по величине всех виденных им змей того же рода.

Семейство ложноногие змеи

К этому семейству принадлежат гигантские, или исполинские змеи. Они отличаются следующими признаками: голова треугольной или продолговато-яйцевидной формы более или менее явственно отделена от туловища, сверху вниз сплющена, спереди по большей части заострена, пасть более или менее широко рассечена; тело сильно и мускулисто, с боков сжато, вдоль средней линии спины часто углублено, а с обоих боков возвышено соответственно проходящим здесь сильным мускулам; хвост относительно короток; ложные ноги, как правило, и снаружи обозначены с каждой стороны тупой роговой шишкой (шпорцем) вблизи заднепроходного отверстия. Голова покрыта иногда табличками, иногда чешуйками, туловище — маленькими шестиугольными чешуйками, брюхо — короткими, но широкими щитками, которые к хвосту или следуют один за другим неразделенными, или идут двумя рядами. Верхняя челюсть, нёбная кость и крыловидные кости подвижны. При внимательном анатомировании обнаруживаются явственные зачатки таза, состоящие из четырех костей — подвздошной, лонной, седалищной и бедренной. Обе челюсти и нёбные кости усажены сильными зубами, расположенными по величине так, что самым большим является третий или четвертый зуб в ряду, а остальные в направлении назад от него уменьшаются. Относительно маленькие глаза имеют вертикальный зрачок. Ноздри открываются кверху. Оба легких хорошо развиты.

За исключением причисляемых к нашему семейству удавчиков, признаки, которых я совершенно пропущу при общем описании, ложноногие живут только в полосе между тропиками, по крайней мере не заходят далеко за эти пределы. Неизвестно, была ли прежде область их распространения шире. В настоящее время они населяют все жаркие и богатые водой страны Старого и Нового Света, преимущественно же большие леса, охотнее и чаще всего такие, которые прорезываются реками или вообще влажные. Но некоторые виды ложноногих встречаются и в сухих местностях. Многие виды оказываются настоящими водными животными, покидая реки, озера и болота для того лишь, чтобы греться на солнце и спать; охотятся же они преимущественно в воде или на ее берегах.

Другие же, по-видимому, избегают воды и до некоторой степени боятся ее. Строение глаз ложноногих заставляет признать их за ночных животных; наблюдения над содержащимися в неволе экземплярами не оставляют никаких сомнений на этот счет. Во всяком случае, в их родных лесах исполинских змей видят двигающимися и днем, иногда они в это время добывают себе и пищу. Но настоящее их оживление начинается с наступлением сумерек и кончается с рассветом. Однако относительно этого имеется еще мало наблюдений, но лишь потому, что темнота затрудняет или делает невозможным исследование жизни исполинских змей на свободе. Напротив, при содержании в неводе скоро замечают, что они во всех отношениях ночные животные. Насколько они ленивы и любят покой днем, настолько же они веселы и живы ночью. Только ночью начинают они двигаться, ночью же на свободе они блуждают по своей области и отправляются на охоту. В течение дня их видят отдыхающими или греющимися на солнце, свернувшись самым различным образом.

Одни избирают для этого отдельные скалы, сухие места или выдающиеся из воды ветви; другие влезают на деревья, крепко прицепляются к их ветвям своим цепким хвостом, свиваются клубком или свешивают глубоко вниз переднюю часть тела; третьи отыскивают чистое место в зарослях, на краях скал, на склонах гор и спокойно ложатся здесь, более или менее вытянувшись или свернувшись в плоскую спираль. Все они двигаются как можно меньше, собственно лишь в случаях опасности или если они долго понапрасну охотились и им теперь подвергается добыча. Тогда клубок вдруг разматывается и могучее пресмыкающееся бросается со всей своей силой на замеченную жертву, схватывает ее зубами, обвивает и неминуемо душит. Мне так часто приходилось наблюдать это, что я могу описать употребляемые змеей приемы на основании личных наблюдений. Сверх того, наш иллюстратор возымел счастливую мысль изобразить исполинских змей, о которых подробно говорится ниже, в положениях, принимаемых ими в покое, а также на охоте, когда они увидят добычу, к ней подкрадываются, умерщвляют и проглатывают.

Как только исполинская змея замечает беззаботно приближающуюся к ней добычу, хотя бы и днем, она поднимает голову над тупым конусом, свернувшись в который она предавалась покою.

Суженные на свету в узкую щель зрачки ее маленьких глаз расширяются, язык начинает двигаться, появляясь и исчезая, поворачивается и вертится то в ту, то в другую сторону; конец хвоста также приходит в движение, выражая пробуждающуюся хищность, как у подкарауливающей кошки. Именно это мгновение избрал Мютцель для изображения обыкновенного и стройного удава. Тщательно осмотрев жертву, что может занять более или менее продолжительное время, змея постепенно распрямляется и начинает преследование, как это видно на рисунке анаконды. Медленно тянется передняя часть тела поверх колец, в которые была свернута покоившаяся змея; за передней частью медленно и непрерывно следует все большая и большая часть червеобразного тела. Все мускулы работают, все ребра упираются в землю, подвигая вперед тяжелую массу; вечнодвигающийся язык исследует все встречающееся на пути, а глаза непрерывно следят за жертвой. Все ближе и ближе подбирается к ней хищник. Жертва нисколько не подозревает об угрожающей ей опасности, потому что не узнает в непрерывно приближающейся к ней змее страшного врага, от которого ей не будет спасения. Озадаченная незнакомым и, вероятно, в высшей степени поразительным явлением, жертва продолжает сидеть или делает несколько шагов или скачков, словно желая дать дорогу змее, потом снова успокаивается. Она не только допускает приходящего все в большее и большее возбуждение хищника складывать шею в кольца непосредственно перед ней, чтобы выгадать длину, необходимую для нападения, но часто продолжает сидеть даже тогда, когда змея настолько приблизилась, что трогает свою добычу кончиком языка. При этом кролики, как я постоянно наблюдал, начинают со своей стороны любопытно обнюхивать змею, словно желая ответить на ее прикосновения. Вдруг голова змеи неожиданно выбрасывается вперед; одновременно, но не ранее раскрывается пасть, и, прежде чем жертва сообразит, что ей угрожает, она схвачена и сжата одним или двумя кольцами тела змеи. Это происходит с такой молниеносной быстротой, что зритель едва получает настоящее представление о том, как это произошло. Змея схватывает животное, как показывает рисунок собакоголового удава, и одновременно обвивается вокруг него передней частью тела, поворачивая вперед свою голову, вцепившуюся в добычу, и описывая ею столько кругов, сколько колец она хочет наложить на свою жертву. Не проходит и секунды с начала нападения, как схваченная жертва уже находится в смертельных тисках. Лишь изредка отмечается вскрикивание жертвы, и, вероятно, оно происходит только вследствие страшного давления, выжимающего содержащийся в легких воздух через гортань. По выражению морды жертвы видно, как непреодолимо это давление: глаза выходят из орбит, губы болезненно растягиваются, задние ноги, иногда не захваченные кольцами, судорожно подергиваются*.

** Любопытно, что в результате удушения добычи сдавливанием, змеи парализуют дыхательный центр жертвы, не ломая ей ребра. Таким образом, жертва поступает в желудок целой и неподвижной.*

Но уже через несколько мгновений исчезает сознание и, в зависимости от живучести животного, раньше или позже ослабевает сердцебиение; наконец, оно совершенно исчезает и наступает смерть.

Напрасно стали бы мы пытаться теперь развернуть змею. Ее страшная мускульная сила не поддается усилиям нескольких людей. «Я пробовал, — замечает Хуттон, — размотать исполинскую змею два метра длиной, обвившую куропатку, но не добился и тени успеха, хотя напрягал все свои силы». Но змея точно соразмеряет силу, потребную для умерщвления добычи, и никогда не выпустит ее из своих тисков раньше, чем вполне убедится в ее смерти. Небольшие исполинские змеи обвиваются вокруг малых жертв описанным образом, большие же часто зажимают их лишь между двумя изгибами передней части тела и душат, ложась на них, т. е. заставляя действовать собственную тяжесть; напротив, больших животных они всегда обвивают так, как показывает рисунок тигрового питона. Из одного сообщения Хуттона поразительно выясняется, как точно исполинские змеи различают разную добычу. Этот натуралист, с наблюдениями которого вполне согласуются и мои, однажды пожертвовал большого и сильного варана (*Varanus mloticus*) одному пойманному им тигровому питону. Ящерица попыталась убежать и при этом вскочила на спину своего врага. Неприятно затронутая острыми когтями варана змея продолжала спокойно лежать, но пристально уставила глаза на сородича. Через некоторое время варан сошел с ее спины, словно усмотрев плохой выбор места, и убежал в другой конец клетки. Змея распустила свои кольца и приготовилась к нападению; варан повернулся к ней, так что Хуттон уже стал надеяться, что загорится битва. Но тут змея бросилась вперед и с такой необычайной быстротой и силой обвилась вокруг варана, что его шея дважды хрустнула, а основание хвоста было прижато к концу носа. Целый час спустя враги еще оставались свившимися вместе. Удивленный этим, Хуттон взял палочку и попробовал заставить змею выпустить добычу, но скоро понял причину ее неподвижности: варан еще был жив и ше-

велил ногами; он оказался так живуч, что питон мог развернуться не раньше 3,5 часа. Змея знала в точности, сколько времени ей следует продолжать душить. Млекопитающее издыхает самое позднее через 10 минут, обыкновенно же через 5 минут и вскоре после этого пожирается, варан же требует в двадцать раз большего напряжения сил и все-таки нисколько не утомляет змею.

Когда змея убедится в смерти своей жертвы, она осторожно распрямляется и пробует добычу языком, обыкновенно еще не выпуская ее совершенно из своих колец, как это можно видеть на рисунке южноафриканского питона.

Я никогда не наблюдал, чтобы перед тем, как проглотить добычу, змея играла ею, как это утверждали древние и повторяли новейшие писатели. Мне всегда казалось, что ощупывание языком имеет целью лишь отыскание подходящего места для начала заглатывания. Этим местом является голова, потому что большой кусок пищи, который должен быть проглочен целиком, лишь тогда представляет наименьшее сопротивление, когда змея сначала заберет в пасть голову. После продолжительного ощупывания языком, змея снова схватывает мертвое животное за голову, растягивает как можно шире пасть и начинает утомительный акт заглатывания. Змея поочередно выдвигает одну за другой половины челюсти, каждый раз запуская в добычу свои загнутые назад зубы, чтобы прочно удерживать ее, и постепенно все дальше проталкивает ее внутрь. При этом, видимо, нижняя челюсть расширяется сначала вниз, потом все более и более вперед, в то время как подвижные связки все шире растягиваются. Прежняя красота головы совершенно исчезает; лишь верхняя часть приблизительно сохраняет свой вид; нижняя же челюсть и кожа глотки расширяются, как у пеликана, в мешок и, как изображает рисунок иероглифического питона, наконец, походят на широкий кошель с твердым кольцом на верхнем краю. Чем сильнее растягивается нижняя челюсть, тем больше выступает дыхательное горло. Все железы обильно выделяют слюну и смачивают волосы или перья жертвы, насколько она вошла в заднюю часть рта. У более крупных животных лопатки, а у птиц крылья причиняют ей особенные затруднения. Но как только змея справится с ними, остальное тело добычи поразительно быстро подвигается дальше, пока не исчезнут ноги и хвост. Тогда голова змеи снова принимает прежний вид. Раздвинувшиеся суставы стягиваются; змея, равномерно зевая, несколько раз открывает и закрывает пасть; затем все снова оказывается в порядке. В это время пища дальше и дальше двигается по пищеводу, что ясно видно снаружи, пока не достигнет желудка. Еще раньше, чем это произойдет, змея может поймать вторую жертву. Если после долгого поста змея получит в свое распоряжение столько добычи, сколько пожелает, то легко может случиться, что она пожрет подряд 6-8 животных, ростом с кролика или голубя. Если привязать, как это принято делать в некоторых зоологических садах и странствующих зверинцах, к протягиваемой ей живой жертве еще две или три мертвых равной величины, то змея сразу проглатывает весь ряд; если ей подают живых животных одно за другим, то она убивает и пожирает их по очереди. Несмотря на необыкновенную способность исполинской змеи к заглатыванию, растяжимость ее челюстей все-таки имеет свои границы. Разные страшные истории, которые рассказывались об удавах и которым верили, неверны: ни одна исполинская змея не в состоянии проглотить взрослого человека, быка, лошадь, большого оленя; уже заглатывание животного величиной с козлю причиняет немалые трудности даже гигантам этой семьи. В высшей степени излюблен рассказ, что исполинские змеи справляются с большими животными, ожидая, пока та часть тела, которую они не в состоянии проглотить, придет в гниение; к тому прибавляют, что слюна змеи быстро вызывает гнилостное разложение тела животных. Положим, может случиться, что содержащиеся в неволе змеи, постепенно приученные есть и мертвых животных, долго не притрагиваются к своей пище, когда они не голодны, и только тогда проглатывают ее, когда уже началось ее разложение. Но подобные наблюдения не дают понятия о жизни животных на свободе. Напротив, совершенно верно, что исполинские змеи после обильной еды впадают в состояние вялости, пока продолжается большая часть пищеварения. В старинных путешествиях рассказываются сказки, как живущие на свободе исполинские змеи во время переваривания пищи остаются спокойно на месте даже тогда, когда к ним приближаются люди; утверждали даже, что люди, приняв их за упавшие древесные стволы, садились на них, и только тогда они медленно уползали. Подобные рассказы сами себя опровергают, и мне не понятно, как могли им верить в начале и даже в середине нашего столетия. Сколько бы ни съела исполинская змея, они все-таки не становятся так вяла, чтобы спокойно допустить приближение человека, не делая хотя бы попытки к обороне или бегству. Наступить на нее — дело возможное, но садиться — конечно, нельзя. На содержащихся в неволе змеях можно наблюдать, как необычайно сильно действует их пищеварение. Самое позднее через 4 дня даже крупнейшее млекопитающее из употребляемых для корма совершенно переваривается; лишь некоторые остатки волос извергаются вместе с калом, и с этой минуты змея снова обнаруживает аппетит. Но ей не вредит, если при-

ходится голодать недели и даже месяцы*, разумеется, в тех случаях, когда неопытный воспитатель не заставлял ее уже раньше почти непрерывно поститься.

** Известен случай голодовки питона в течение 500 дней.*

Относительно спаривания исполинских змей на свободе, сколько мне известно, еще не собрано никаких точных наблюдений. Что касается размножения, то известно, что одни принадлежат к живородящим пресмыкающимся, другие кладут яйца, из которых через продолжительное время вылупляются детеныши при деятельном участии матери, вообще не наблюдающемся ни у каких других пресмыкающихся. У содержащихся в неволе змей неоднократно наблюдали, как я дальше расскажу подробнее, что мать прикрывала снесенные яйца своим телом и до некоторой степени высиживала их; поэтому вполне правдоподобно следующее сообщение двух индийцев. «В марте 1838 года, — пишет Аббот, — названные люди нашли вблизи Акиаба в Акаране под обломком скалы большую исполинскую змею женского пола, около 4 м длины, лежащую на гнезде, в котором было 48 яиц. Змея, очевидно, насиживала их; делала это она и позже, в неволе, когда ей в клетке отдали эти яйца*».

** Скручиваясь вокруг яиц, питоны таким образом нагревают кладку микросокращениями мускулатуры тела на 10—15 °C выше температуры окружающей среды.*

В течение всего времени она ничего не ела. По истечении 3 месяцев яйца еще не были высижены; но при исследовании одного из них я нашел вполне развитого сильного детеныша, который жил бы, если бы его не убили».

Заботится ли мать о детенышах после вылупления или предоставляет их своей участи — этого я не могу сказать. Живородящие виды, по-видимому, так же мало, как и другие пресмыкающиеся, заботятся о своем потомстве, как только оно благополучно появится на свет. Детеныши, длиной почти в метр и толщиной с большой палец, после вылупления ведут образ жизни родителей, но еще долгое время держатся вместе, одни, на земле, другие — ютятся в ветвях деревьев. Их рост идет сначала очень быстро, позже замедляется и наконец становится практически незаметным. Рожденные в неволе питоны, к которым я еще возвращусь, всего быстрее росли в первые четыре года своей жизни, затем медленнее, а с 14 лет увеличение стало незаметным; поэтому следует принять, что исполинские змеи длиной 6-7 м могут быть в два раза старше.

Исполинские змеи обыкновенно убегают от человека, хотя бывают и исключения. В Бразилии почти все убеждены, что эти змеи постоянно выказывают подобающее почтение к властителю вселенной, т. е. проворно уползают при его появлении; но иногда происходит и обратное, потому что они отлично знают свою силу и раздражительнее многих других змей. Это нередко можно наблюдать на змеях в неволе, и иногда, конечно, то же может случаться и на свободе. Когда Гейглин со своими спутниками шел по абиссинской степи в темную бурную ночь, он был принужден как можно быстрее сделать маленький обход, потому что как раз на дороге лежала змея, зашипевшая и зашумевшая при их приближении; вероятно, это была исполинская змея; в темную ночь было невозможно ее разглядеть. Шедшие позже люди нашли ее на том же месте и в таком же настроении. Что так настроенная змея легко может иногда напасть и на человека, в этом, конечно, нельзя сомневаться после следующих сообщений добросовестных путешественников. «Один человек в Буру, живший недалеко от меня, — пишет Уоллес, — показал мне на своей ляжке рубцы, которые ему нанесла змея в непосредственной близости от его дома. Змея была достаточно сильна, чтобы схватить в пасть ляжку человека, и, вероятно, умертвила бы его и проглотила, если бы на его крик не прибежали соседи и не убили чудовище своими косарями». Принц Мориц Нассауский, бывший бразильский штатгальтер, утверждает, что видел, как змея проглотила одну голландку, а в одном путешествии по Индии сообщается, что одного матроса ждала такая же участь, если бы его товарищи вовремя не освободили его из колец исполинской змеи. Шомбургк также рассказывает подобную историю, которую я передам ниже. Наконец, епископ Паллегуа утверждает, что одна исполинская змея заглотнула спящее дитя около кровати его матери. Я не буду отрицать последнее, как и сообщение Шомбургка, но самым решительным образом сомневаюсь во всех остальных историях и в других с подобным же содержанием.

Если бы исполинская змея действительно обвилась вокруг человека с намерением сожрать его, он, конечно, погиб бы; как уже справедливо замечает Хуттон, сила свивающейся змеи так велика, что едва допускает возможность обороняться. Но что касается заглатывания людей, это мне кажется еще менее правдоподобным, чем нападение, потому что растяжимость челюстей имеет свои пределы, как я уже замечал выше, и ни один из рассказов о том, что исполинские змеи охотятся за людьми, не имеет таких поручителей, чтобы я мог считать его достоверным. Во всяком случае, достоверно известно, что ни один южноамериканский охотник и ни один разумный смыслящий в охоте

туземец в Африке не боятся исполинских змей. Их ревностно преследуют, потому что многообразными способами используют их мясо, жир и кожу. Мясо, правда, употребляется в пищу лишь туземцами; но жиру приписывают целебные свойства, а кожу обрабатывают для разных украшений. Сама охота в настоящее время производится почти исключительно с огнестрельным оружием. Выстрела дробью в голову вполне достаточно, чтобы умертвить исполинскую змею, потому что сравнительно с их величиной и силой они гораздо менее живучи, чем другие виды змей.

Исполинских змей часто также ловят живьем; ловля эта не представляет особых трудностей: их или преследуют и ловят на бегу, или ставят перед их убежищем силки, так настороженные, что они пропускают только тонкую голову, но не туловище, и тем крепче затягиваются, чем сильнее усилия пытающегося освободиться животного. Нечего бояться, что оно удавится, потому что, как было замечено выше, все змеи могут необыкновенно долго не дышать. В настоящее время неизвестны громадные приспособления для ловли исполинских змей, описываемые древними авторами; эти рассказы, вероятно знакомые не всем моим читателям, слишком характерны для тогдашних воззрений, чтобы я мог совершенно обойти их молчанием.

Особенно выделяется живое описание, оставленное нам Диодором Сицилийским. «Люди, живущие близ пустынь и диких местностей земли негров, рассказывают, что там водятся различные виды змей невероятной величины. Некоторые даже утверждают, что видели змей длиной в 100 локтей, но эти заявления кажутся и мне, и другим честным людям неправдой. К этому прибавляют, что такие змеи, свернувшись, издали похожи на холм. Если это и преувеличение, то, с другой стороны, я расскажу о большой змее, которую действительно видели и привезли в специально для нее выстроенном помещении в Александрию. Дело было так: Птолемей II, страстно любивший охоту на слонов и щедро награждавший тех, кто ловил ему разных могучих животных, побудил многих охотников решиться рискнуть жизнью, чтобы поймать живую змею и привезти ее в Александрию. Охотники обнаружили одну подобную, имевшую в длину 30 локтей; она жила у стоячей воды и здесь большей частью лежала неподвижно свернувшись, пока какое-нибудь животное не приходило, чтобы утолить свою жажду. Тогда змея вдруг бросалась, схватывала жертву пастью и так обвивала ее своими кольцами, что та не могла шевельнуться. Так как змея была очень вялой, то охотники надеялись справиться с ней при помощи веревок и цепей. Они дерзко отправились на это предприятие. Когда они подошли ближе, увидели огненные глаза и вертящийся во все стороны язык змеи и услышали возбуждающий ужас шум, который змея производила своими жесткими чешуями, когда они увидели громадные зубы, ужасную пасть, то ими овладел страх и ужас. Но все-таки они отважились, как ни были испуганы, набросить ей на хвост веревку. Тогда чудовище обернулось со страшным шипением, схватило переднего охотника пастью за голову и живьем проглотило. Затем змея поймала на бегу второго охотника, обвилась вокруг него и крепко держала. Все остальные спаслись бегством в величайшем смятении. Но охотники, побуждаемые надеждой на большее вознаграждение, не бросили своей затеи из-за неудачной попытки. Теперь они попытались достичь хитростью того, чего не удавалось добиться силой. Они сплели из толстых прутьев мережу (корзину для ловли рыбы) такого объема, чтобы в ней могло поместиться все чудовище. Они выследили, в какую нору змея пряталась, и заметили час, когда она отправлялась на добычу и возвращалась. Когда змея вышла, они забили нору большими камнями и землей и выкопали подле яму, в которой так расположили мережу, что отверстие было обращено наружу. Дорогу, по которой обычно змея возвращалась, заняли стрелками из лука, пращниками, многими всадниками, и никто не отважился подойти к ней. Когда со всех сторон стали стрелять из луков и метать камни, всадники начали скакать туда и сюда, залаяла целая стая собак, зазвучали трубы, тогда змея испугалась и бросилась к своей норе. Чем ближе подходила она, тем сильнее делался шум от оружия, криков и трубных звуков. Змея обнаружила вход в свое жилище закрытым и бросилась в мережу; всадники поспешили к ней и заперли корзину прежде, чем попавшая змея могла снова найти выход. Тогда мережа была вытащена из ямы и поднята рычагами. Змея страшно бесилась в тесном помещении, раздробляла прутья своими зубами и билась во все стороны, так что несшие мережу каждую минуту ожидали ее прорыва. Чтобы отогнать змею от прутьев, охотники начали колотить ее по хвосту, и этим отвлекли внимание змеи. Наконец удивительное животное доставили в Александрию и охотники получили от царя заслуженное вознаграждение. Чудовище было усмирено голодом и постепенно сделалось удивительно ручным. Птолемей держал змею у себя и показывал посещавшим его царство чужеземцам как наибольшую редкость в нем».

Ниже я приведу описание ловли одной индийской исполинской змеи, из которого видно, что подобное животное и в настоящее время может еще пугать робких людей, отчего вышеприведенный рассказ Диодора становится понятнее.

В южной Азии и в Америке очень часто держат в неволе исполинских змей, пользуясь ими как искусными крысоловами. Причем им дают большую или меньшую свободу в доме и надворных постройках. Относительно этого Ленц сообщает следующее со слов некоторых из своих учеников, отцы которых жили в Бразилии в качестве купцов: «При собирании каучука негры иногда ловят удава и приносят его с собой домой. Здесь удава сажают в ящик, который днем запирают; ночью же змее дают полную свободу для ловли крыс и мышей. Перед тем как запереть хлебный амбар, один из негров открывает ящик змеи, вынимает ее и часто, выпустив в помещение, сначала долго играет с ней, а потом чистит ящик, снова наполняет водой находящийся в нем сосуд и уходит, закрыв за собой дверь амбара. Когда змея очистит его от крыс, то негры, с особенной любовью ухаживающие за ней, достают ей мертвых мышей и крыс; когда же и их нет, змее дают нарезанное сырое мясо, приучив ее сначала к такой пище. Утром, после отпирания амбара, туда сначала входит негр, снова ловит змею и снова сажает ее в ящик». Такие уже привыкшие к неволе исполинские змеи гораздо лучше выносят пересылку в Европу, чем только что пойманные, и при мало-мальски удовлетворительном уходе выживают в клетках много лет. В Европе, как и в Северной Америке, удавов всегда с охотой покупают содержатели зверинцев, потому что странствующий зверинец без исполинской змеи потерял бы свою главнейшую приманку.

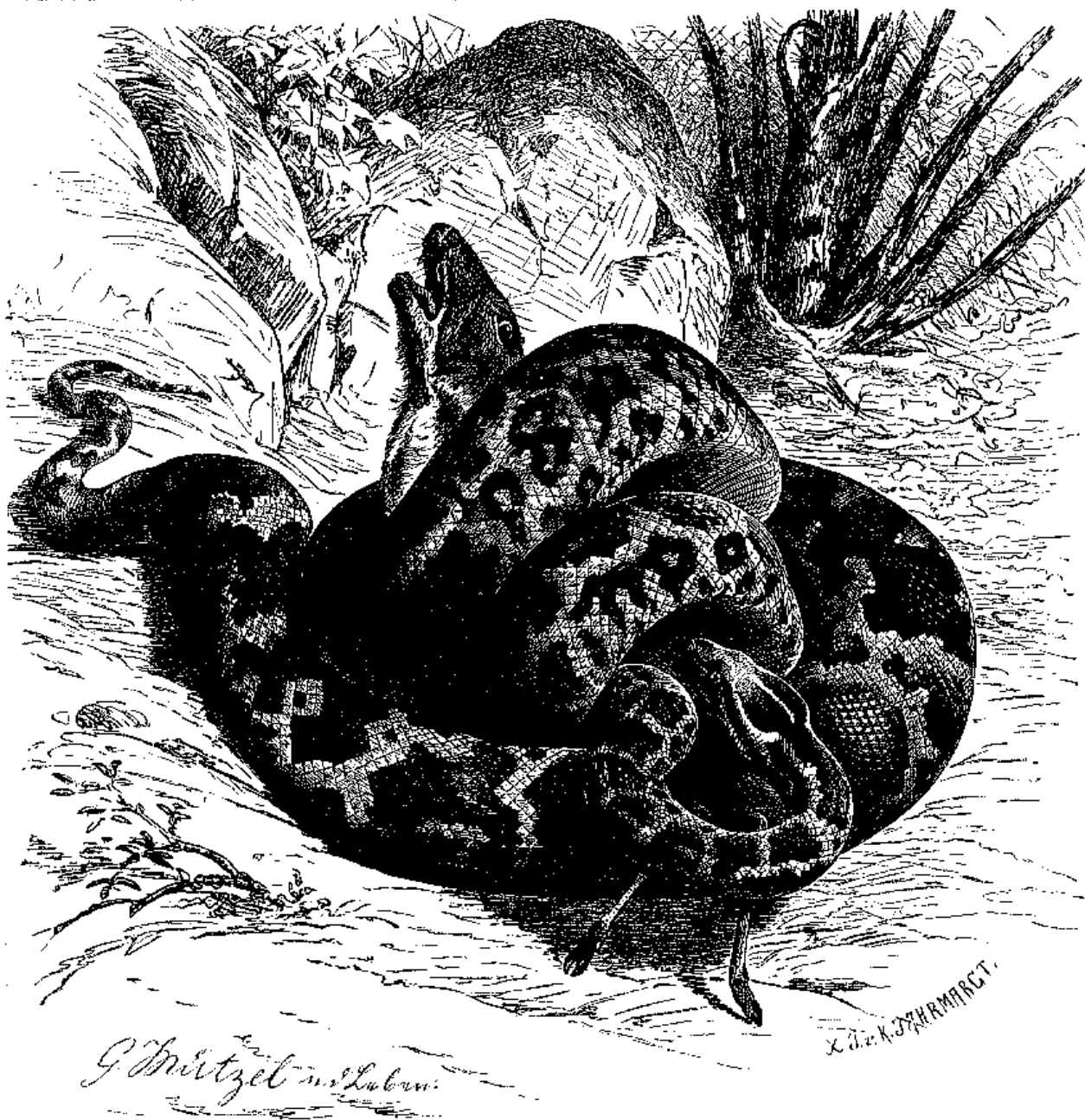
Исполинские змеи, за которыми не слишком заботливо ходят, особенно которых содержат в недостаточном тепле и редко купают в теплой воде, подвержены многим болезням; в особенности они гибнут от так называемой гнилости рта — болезни, сходной с цингой. Пораженные ею змеи теряют аппетит, вероятно, потому, что растягивание пасти причиняет им сильную боль, худеют и, в конце концов, околевают, если искусной рукой не будет применено подходящее лекарство. В качестве подобного средства, Вернер рекомендует для небольших видов смазывание кисточкой краев челюстей и пасти алкоголем и прибавление спирта в воду для питья и купания. Другой болезнью является иногда болезнь кожи, похожая на проказу и вызываемая микроскопическим грибом; при этом часто вся кожа начинает гноиться, даже появляются глубокие язвы в мускулах, и змея должна избегать всякого движения. И в этом случае лучшим или, правильнее, предупредительным средством является регулярное купание. Кроме того, исполинские змеи, как и другие змеи, страдают от солитеров и других глистов, иногда в невероятном числе; с этими паразитами можно справиться, лишь смазывая жидким лекарством животное, даваемое змее в пищу. Понятно, что исполинской змее невозможно просто дать внутрь какое-либо лекарство.

Мегастен пишет, что в Индии змеи были так велики, что могли совершенно проглатывать оленей и быков. Метродор рассказывает, что при реке Риндакус в Понте змеи были до того громадные, что хватали высоко и быстро летящих птиц. «Известно, что римский полководец Регул во время войны с карфагенянами в северной Африке у реки Баграда должен был обстреливать из больших метательных машин и штурмовать одну змею 120 футов длиной. Кожа и пасть ее хранились в Риме в одном храме до Нуманцийской войны. Этот рассказ тем более правдоподобен, что даже в Италии так называемые змеи-боа (удава) бывают до того велики, что во времена императора Клавдия в брюхе одной такой змеи, убитой на Ватиканском холме, нашли целого ребенка. Боа сначала питается коровьим молоком и отсюда (от слова *bos* — бык) получил свое имя». Так пишет Плиний, и мы видим, что имя «боа», собственно, относится к исполинским змеям Старого Света. В том же смысле высказывается и Гумбольдт. «Первые сведения о громадном пресмыкающемся, — говорит он, — которое хватает людей и даже больших четвероногих, обвивается вокруг них и так раздробляет им кости, которое душит домашних и диких коз, — первые сведения эти получены нами сначала из Индии и с берегов Гвинеи. Как ни мало значит имя, но все-таки лишь с трудом привыкаешь к мысли, что **удава обыкновенного** (*Boa constrictor*) совсем нет на том полушарии, где Вергилий воспел страдания Лаокоона, повторяя сказание, заимствованное малоазиатскими греками у народов, живущих гораздо южнее. Так как боа Плиния был африканский или южноазиатский змей, то, конечно, Додэну следовало бы окрестить американского боа питоном, а индийского питона — боа». Теперь уже нельзя вернуть этого, исправить путаницу в понятиях: раз введенное в науку название не должно быть оставляемо без особенно важных причин. Итак, мы подразумеваем под именем «питон» великанов этого семейства в Старом Свете.

Питоны (*Python*) отличаются от обыкновенных удавов главным образом тем, что у них и межчелюстные кости вооружены зубами, и нижние хвостовые щитки, как обыкновенно у змей, образуют два ряда. На некоторых губных щитках на обеих челюстях или лишь на нижней часто имеются углубления. Отдельные виды характеризуются также особенностями головного покрова — голова покрыта полностью либо отчасти мелкими чешуями или спереди более крупными табличными щитками — и, наконец, положением носовых отверстий сверху или с боков морды. Особенно богаты

представителями данного рода Молуккские острова. Новая Гвинея и Австралия; вообще же распространение их строго ограничивается Старым Светом.

Тигровый питон (*Python molurus*), или педдапода бенгалийцев, живет в большей части Индии; он является представителем настоящих питонов, которые отличаются тем, что у них покрыта щитками лишь передняя половина верхней части головы, а задняя, напротив того, покрыта чешуями; щиток морды и некоторые верхние и нижние губные щитки имеют углубления; ноздри находятся между двумя неодинаковой величины щитками.

Тигровый питон (*Python molurus*)

Передние зубы на обеих челюстях довольно длинные; глаза малы, тело покрыто очень мелкими чешуйками, гладкими, без кия. Хвост настоящий хватающий, цепкий. Известно 7 видов, из которых 4 живут в тропической Африке, а 3 — в южной Азии. Длина тигрового питона достигает 6 м; более крупные экземпляры, если вообще и существуют, встречаются чрезвычайно редко. В среднем длина этого питона не превышает 3,5 м. Голова серовато-мясо-красная, темя и лоб светло-оливково-коричневые, спина светло-коричневая, посередине с серо-желтым налетом. Нижняя сторона тела беловатая; от носового отверстия через глаз и сзади угла рта вниз идет масляно-бурая полоса; такого же цвета пятна треугольной формы окружают глаза. На задней части головы и затылке находится большое пятно, книзу вилообразное, острием вперед, или просто продолговатое. На спине ряд больших продолговато-четырёхугольных пятен красновато-бурого цвета с черными каемками; эти каемки зубчатой или прямолинейной формы; частично пятна бывают с ярко-желтой серединой. Вдоль боков идут меньшие продолговатые пятна, соответствующие средним. Другими

отличительными признаками являются: два передних и два задних лобных щитка; между последними и обоими теменными щитками много маленьких щитков и треугольные углубления в двух верхних и четырех нижних губных щитках; верхняя сторона тела покрыта мелкими чешуйками, расположенными в 60-75 рядов.

Область распространения тигрового питона простирается от юга полуострова Индостан до подножия Гималаев. Согласно Буланже, он редко встречается на полуострове Малакка, Яве и на Цейлоне; но, по словам Хали, здесь еще 10 лет тому назад в плантациях корицы находили питонов 10 м длиной. Они вымерли вследствие увеличения города Коломбо.

Среди индийцев еще и в настоящее время ходят об этих змеях рассказы, напоминающие сказки древних. Натуралистами и путешественниками собрано еще мало фактических данных об образе жизни питонов. Однако из них достаточно выясняется, что южноазиатские «драконы» несколько не опаснее своих американских родственников, что они живут подобно им, с особенной любовью придерживаясь болотистых мест, затопленных рисовых полей, вообще держатся вблизи воды, но также не избегают и сухих скалистых мест и всюду охотятся за мелкими позвоночными. Очень большие экземпляры иногда нападают на молодых мунтжаков и мелких оленей, отсюда и могли произойти рассказы, что питоны умерщвляют животных величиной с нашего благородного оленя. Конечно, названные животные принадлежат к семейству оленей, но по величине, как всем известно, никогда не равняются нашей косуле, и при упоминании о них нужно всегда еще помнить, что в южной Азии водятся маленькие мускусные олени, которых не только туземцы, но и живущие там европейцы обыкновенно называют оленями. Хотя в Индии и теперь еще рассказывают сказки о нападениях на людей, а знаменитые художники изображают на основании «достоверных фактов» ужасные схватки между змеями и ласкарами, все это не введет в заблуждение того, кто привык разделять правдоподобное и невероятное. Даже в такой хорошей книге, как «Путешествие Новары», находишь утверждение, что путешественники видели на Манилле живого обыкновенного удава около 14 м длиной и 17 см толщиной; читая это, невольно думаешь, что, наверно, ни один натуралист не просматривал внимательно этих строк перед печатанием. Преувеличение всех подобных описаний неопровержимо выступает из действительно достоверных фактов. Шлегель, как первоначальный сотрудник, а потом руководитель одного из величайших музеев мира, имел возможность составить верное мнение. Он решительно утверждает, что индийские питоны больше 6 м принадлежат к величайшим редкостям. Его друг Буа, который в качестве путешествующего натуралиста провел много лет своей жизни на родине питона и обращал особенное внимание на пресмыкающихся, несмотря на самые ревностные поиски, никогда не мог добыть ни одного тигрового питона вышеуказанной величины. Маленькие млекопитающие составляют главную пищу змей, и лишь старые, крупные экземпляры иногда нападают на поросят или телят мелких видов оленей.

Крупные млекопитающие и люди никогда не подвергаются опасности быть пожранными ими, и даже туземцы утверждают, что питоны никогда не нападают на детей. После подобных серьезных исследований легко решить, как относиться к следующему сообщению Клейера. «В королевстве Араком, на границе Бенгалии, — говорит браво голландец, — видели, как змея огромной величины напала, подле одной реки, на буйвола. Бой их представлял страшное зрелище. На расстоянии доброго пушечного выстрела слышался хруст костей буйвола, когда они раздроблялись силой его врага. Я купил подобную змею у одного охотника и нашел в ней, при вскрытии, целого оленя средней величины, со шкурой и волосами; в другой же — целого дикого козла, несмотря на его длинные рога, а в желудке третьего — целого дикобраза с его иглами. На острове Амбоин подобной змеей была проглочена даже одна беременная женщина».

Подобные сказки сообщаются и другими старинными путешественниками, и, может быть, вследствие их Уоллес придает большее значение, чем следует, вышеупомянутым нападениям одного из видов питона на человека. По моему мнению, случающиеся иногда нападения питонов на человека никогда не совершаются намеренно, самое большее — по ошибке. Такое нападение испытал сторож Коп в Лондонском зоологическом саду, когда протянул одному из своих голодных питонов курицу, как всегда делал это при кормлении. Змея бросилась на нее и, вероятно, промахнулась, потому что дело было не задолго до линьки и ее глаза, как это обыкновенно бывает при подобных обстоятельствах, были мутны. Змея схватила большой палец Копы и в следующее мгновение обвилась вокруг его руки и шеи. Коп был один, но не потерял присутствия духа, а попытался другой рукой схватить голову змеи, чтобы освободиться от нее; но, к несчастью, змея так обвилась вокруг своей собственной головы, что сторож не смог ее достать и был вынужден лечь на пол клетки в надежде справиться со змеей. К счастью, два сторожа вовремя пришли Копу на помощь и не без усилий освободили от противника, который в противном случае мог уготовить ему участь Лаокоона. Подоб-

ные недоразумения возможны, как я знаю из собственного опыта; но на свободе питон только тогда нападает на человека, когда считает, что защищает собственную жизнь. Змея эта так же мало способна замыслить съест царя вселенной, как какое-либо другое большое животное или, как это также рассказывали про нее, затеять бой с сильным королевским тигром. Хуттон, наблюдавший змей этого вида во время своего пребывания в Индии, видел, что одна из его пленниц сочла за благо снова выпустить схваченную и обвитую кошку, потому что та так упорно защищалась, что питон счел себя не в состоянии что-либо поделать с ней.

Относительно питания, температуры тела и линьки в неволе тигрового питона Пинсон сообщает следующее. В течение жаркого времени года переваривание пищи продолжается 8, в холодную же погоду 38 дней. В холодное время в течение 113 дней всякая пища отвергалась, и при этом температура тела змеи упала с 28 до 23 градусов Цельсия. Линька наблюдалась четыре раза в год. Приведенное выше сообщение о размножении живущих на свободе южноазиатских питонов было вполне подтверждено наблюдениями над содержащимися в неволе. 1 января 1841 года заметили, как подробно описывают Валансьен и Дюмерил, в первый раз совокупление двух живших в Парижском Jardin des plantes тигровых питонов. До конца января змеи несколько раз совокуплялись. Со 2 февраля самка, которая в этот день проглотила кролика и 4 кг бычьего мяса, больше не ела, но начала равномерно увеличиваться в толщине. 6 мая она положила в течение 3,5 часа 15 яиц, одно за другим, собрала их в кучу и так свернулась над ними, что отдельные кольца ее тела образовали плоский свод, высшую точку которого заняла голова. В таком положении змея оставалась почти два месяца, с 5-го мая до 3 июля, когда вылупились детеныши. В течение этого времени несколько раз измеряли температуру между кольцами змеи и нашли, что иногда она на 10-12 градусов превышала окружающую. Змея лежала на яйцах в большом ящике, который снизу подогревался сосудами с горячей водой и мог быть нагрет до 25 или 30 градусов. Эта температура тщательно поддерживалась в течение всего времени и, вероятно, существенно содействовала достигнутым приятным результатам. Из 15 яиц вылупилось в вышеупомянутый день 8 змеенышей около 50 см длиной. В течение первых 16 дней они выросли, не принимая пищи, до длины 80 см, линяли в первый раз между 13 и 18 июля; вообще же, линяли до декабря того же года пять раз и начали есть только после первой линьки. Сначала им давали воробьев, которых они умерщвляли так же, как их родители; позже они получали сырое мясо и маленьких кроликов. Так как им давали столько корма, сколько съедят, то они отлично росли и к декабрю года своего рождения уже достигли длины 1,5-1,55, даже 2 м. Через 20 месяцев, 2 марта 1843 года, длина большинства была больше 2 м, или вчетверо превосходила их длину при рождении; один из них даже вырос до 2,34 м. Этот последний в первые полгода своей жизни съел 13, а во второй год — 22 кг пищи. Из этих фактов Гюнтер выводит, что трехметровый тигровый питон должен иметь около четырех лет от роду; из наблюдений, полученных в Лондонском зоологическом саду, мы узнаем, что в следующие 10 лет длина его может достигнуть 7 м.

В южной Азии тигровые питоны ловятся и охотно содержатся в неволе, хотя и не всеми народностями. По словам Мартенса, китайцы с удовольствием видят ту или другую исполинскую змею в своих джонках и считают ее залогом счастья, если она что-либо ест, и несчастья, если она покинет джонку. На судах, равно как и в жилищах, где ее держат, она ревностно охотится за крысами. Старик Валентин рассказывает, как ловко она это делает: не шевелясь, она позволяет крысам бегать по своему телу, но потом, как только они оказываются на удобной дистанции, она вдруг хватается и обычным способом душит и пожирает дерзкую тварь. Признавая полезность питона, его охотно оставляют жить в надворных постройках домов, особенно в хлебных амбарах; может быть, вследствие этого или помня о хорошей еде на китайских судах, он нередко посещает суда и дома, куда ее вовсе не приглашали. Так, в 1840 году заметили одного питона на корме военного судна, которое стояло на якоре в 3-4 морских милях от берега вблизи Сингапура, и не нашли ничего лучшего, как застрелить просящего о гостеприимстве пришельца. Так же в один прекрасный вечер Уоллес был испуган появлением питона в своем доме на Амбоине. «По вечерам, — говорит он, — я обыкновенно сидел, читая, на веранде, будучи готов к ловле насекомых, привлекаемых светом.

Раз, вечером, около 9 часов, я услышал страшный шум и шуршание над собой, словно тяжелое животное медленно ползло по крыше. Шум скоро прекратился, я перестал о нем думать и пошел спать. На другой день после полудня, как раз перед обедом, я, утомленный дневной работой, лежал на кровати и читал; взглянув вверх, я увидел большую массу чего-то, которую раньше не замечал. Внимательно рассмотрев, я различил желтые и черные пятна и сначала принял это за щит черепахи, который засунули туда между стропилами и крышей, чтобы убрать с дороги. Но при дальнейшем наблюдении предмет преобразился в большую свернувшуюся в клубок змею, и я мог

уже разглядеть, как раз посередине колец, ее голову и блестящие глаза. Теперь объяснился шум прошлого вечера. Питон влез на один из столбов дома, пробрался под крышей на один метр над моей головой и там удобно растянулся, а я всю ночь благополучно проспал непосредственно под ним. Я кликнул обоих моих слуг, которые препарировали птиц, и сказал: «На крыше большая змея». Но оба, как только я показал им ее, бросились вон из дома и меня уговаривали выйти вон. Так как я видел, что они слишком трусливы, что бы что-либо предпринять, то позвал с полдюжины работников с плантации. Они стали совещаться. Один из них, уроженец Буру, где очень много змей, сказал, что он легко вытащит ее, и тотчас умело принялся за дело. Он приготовил петлю из ротанга, взял ее в одну руку, а в другую длинную жердь и стал толкать ею змею, пока она не начала медленно разворачиваться. Он действовал так, пока не надел ей петлю на голову, осторожно подвинул вниз на туловище, затянул и стащил змею вниз. Змея обвилась вокруг подпорок стропил и столбов с намерением оказать сопротивление своему врагу, поэтому вышла большая возня. Наконец туземец схватил ее за хвост и бросился из дома; он понесся так быстро, что змея казалась ошеломленной; он попробовал ударить ее головой о дерево, но промахнулся и должен был выпустить, после чего испуганное животное спряталось под лежавший поблизости гнилой ствол дерева. Но ее снова выгнали, опять поймали за хвост и на этот раз счастливо с размаху ударили головой о дерево, после чего легко убили топором. Она была около 4 м длины, очень толста и была бы в состоянии наделать много бед, так как могла бы проглотить ребенка или собаку».

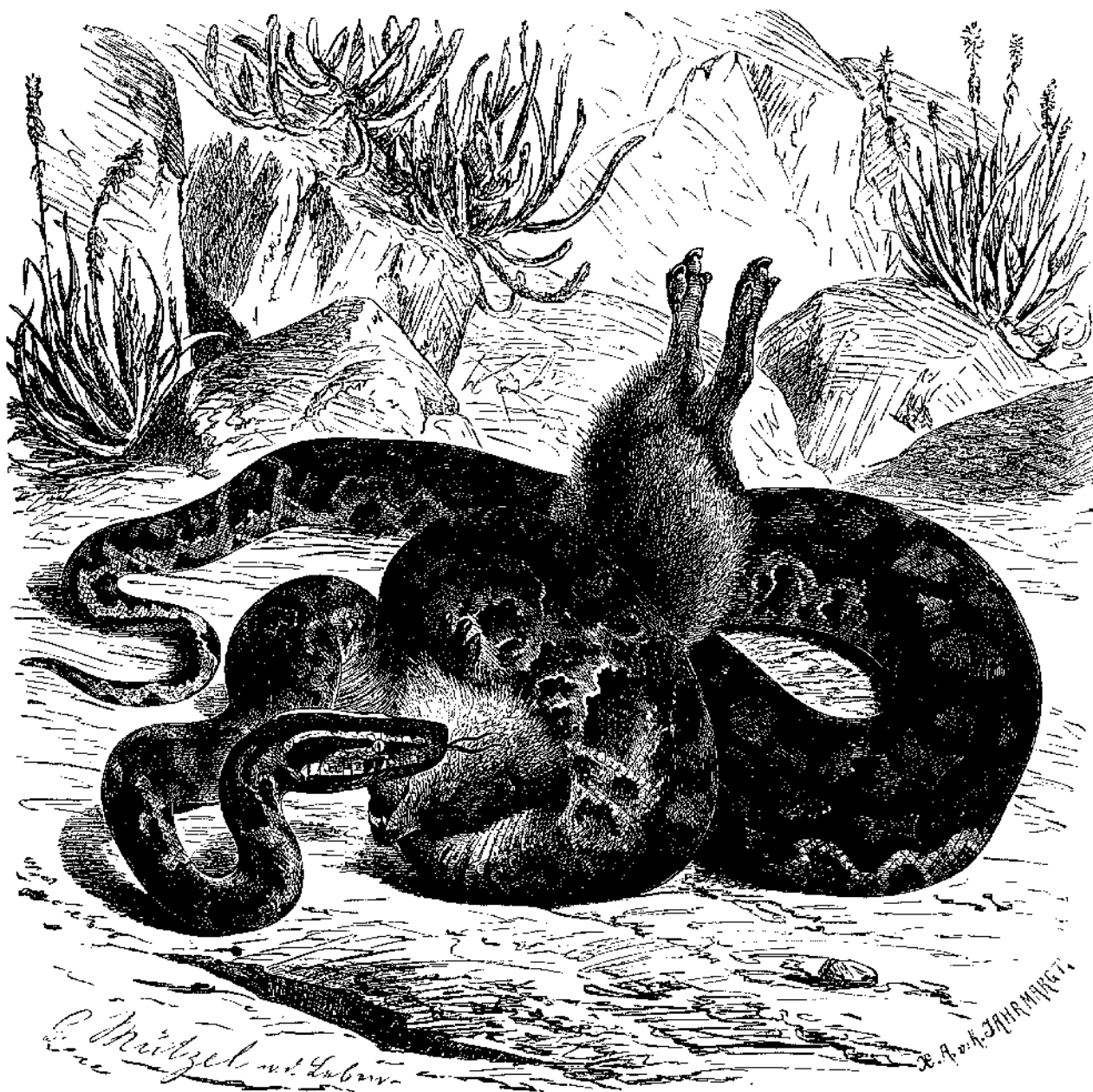
Не знаю, почему Уоллес считал столь небольшую змею способной на такое тяжкое злодеяние, так как он, насколько я мог заметить.

во всем своем сочинении не сообщает ни одного наблюдения, которое оправдывало бы подобное его мнение. Я привел выдержку из его сочинения, чтобы показать, как сильно боятся исполинских змей. Еще яснее видно это из одного рассказа Добсона о ловле тигрового питона. Один подобный питон забился в сад в предместье города Калькутты и здесь расположился на манговом дереве, оттенявшем маленький пруд. Попробовали спугнуть змею, и для этого один человек влез на дерево, чтобы стряхнуть ее с ветки, на которой она свернулась. Но вдруг змея развернулась и бросилась в находившийся внизу пруд. Нападавший на нее человек, боявшийся, что змея может обвиться вокруг него, тоже бросился вниз, свалился по другую сторону от дерева на землю и при этом едва не сломал себе шею. Змея исчезла под водой и в следующие полчаса не появлялась; с тех пор, почти целый месяц, ее вообще больше не видали, пока наконец ее снова не заметили на берегу того же пруда на другом манговом дереве. Когда сюда прибыл Добсон, он нашел, что она снова переменяла место, но опять выбрала манговое дерево и на значительной высоте свернулась на развесистой ветке. Туземцы объяснили ее пристрастие к деревьям, говоря, что исполинские змеи влезают на деревья, когда голодны, чтобы ловить здесь ночующих птиц. Тогда наш наблюдатель прежде всего сфотографировал змею, и так как эта работа могла быть исполнена лишь с трудом, то в тот же день оказалось слишком поздно, чтобы попытаться поймать ее. Поэтому при помощи подачи на водку побудили туземного садовника покараулить змею до следующего утра. Между тем известие о присутствии змеи распространилось в тот же вечер еще далее, и на следующее утро в саду появились люди, тоже желавшие поймать гадину; за еще более крупную подачку они также заручились помощью садовника. При этом они старались обещанием щедрого вознаграждения уговорить туземцев поймать змею, но охотников взяться за это опасное дело не нашлось. Вновь прибывшие люди вернулись обратно в город искать подмогу. Садовник, желавший получить третий куш, воспользовался их отсутствием и сообщил о происшедшем некоторым соседям, услугами которых воспользовались для Добсона. Эти пришли с заклинателем змей, несколькими сетями и многими рабочими и усердно принялись расстраивать планы других.

Заклинатель змей влез на дерево и попробовал уговорить змею оставить свое место. Но она не исполнила его желания и сильно укусила за руку, потом вдруг быстро развернулась и попробовала скрыться, как ранее, но на этот раз пруд был слишком далеко, и она упала на сухую землю. В то же мгновение кули закутали ее сетями и торжественно понесли прочь, к великому разочарованию другой компании, которая в этот момент снова появилась на месте действия и тоже привела с собой заклинателя змей и большое число кули. Добсону пришлось почти месяц продержаться питона в клетке, прежде чем удалось отослать его. Один капитан, которого он пробовал уговорить перевезти питона в Англию, сказал, что лучше возьмет что угодно на борт, только не змею, и отказался взять с собой прочно упакованное в ящик животное. Другой капитан оказался достаточно разумен, чтобы смотреть на названный ящик как на кладь, которая не может внушать никакого страха.

Южноафриканский питон (*Python sebae natalensis*) распространен лишь в восточной части южной Африки; у него оба передних лобных щитка длиннее следующей за ними средней пары лоб-

ных щитков, а эти почти такой же величины, как задняя пара; остальные головные щитки, за исключением непарного теменного щитка, малы и неправильной формы; передний щиток морды с двумя углублениями, между тем как оба передних верхнегубных щитка с каждой стороны имеют по одному углублению.

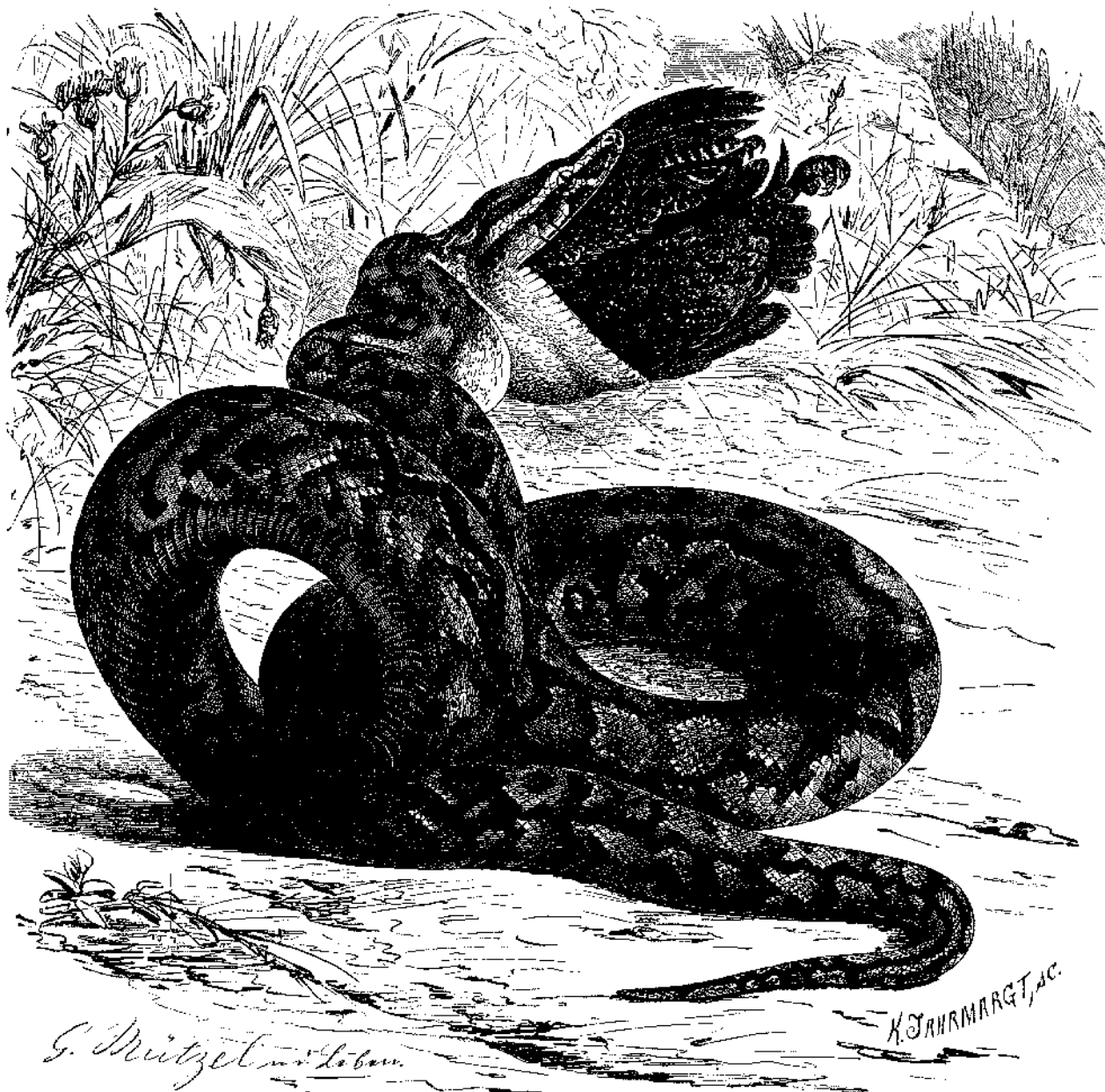

Южноафриканский питон (*Python sebaenatalensis*)

Все три пары лобных щитков почти одинаковой ширины; туловище покрывает от 65 до 70 рядов чешуи. Основной цвет передней трети тела — красивый желто-бурый; остальная верхняя часть тела более темного оливково-бурого цвета; нижняя сторона тела красивого красновато-белого цвета; большую часть верха головы занимает черно-бурое пятно, обращенное острием вперед; по всей верхней стороне тела тянется ряд переплетенных в виде цепи пятен черно-бурого цвета, продолговато-четырёхугольных, более или менее прямоугольных или косых, у краев часто сливающихся, обыкновенно неодинаковых и неодинаково расположенных; эти пятна продолжаются до конца хвоста как темная полоса между двумя желтыми продольными полосами.

Напротив, у распространенного по всей западной и центральной Африке **иероглифового питона** (*Python sebae*) передние лобные щитки лишь такой же длины, как средние, или короче и в то же время гораздо уже последних; третья пара лобных щитков значительно меньше средней пары; два теменных щитка лежат рядом; но углубления в щитках морды и в щитках верхней губы расположены так же, как у южноафриканского питона. Около 80 рядов чешуи покрывают середину туловища. Верхняя сторона головы настолько покрыта темно-бурым или черноватым стреловидным пятном, что сбоку остается лишь узкая бело-желтая полоса. Тело покрыто по серо-желтому фону буроватым и пятнами разнообразно меняющегося вида — внутри они по большей части светлее, чем

у краев; кроме того, замечаются поперечные полосы, которые, как и пятна, с каждой стороны выходят от темной, книзу переходящей в светло-желтый фон продольной полосы. Нижняя сторона тела серо-желтая; боковые края брюшных щитков с каждой стороны украшены продольным рядом маленьких черноватых пятен.

Иероглифовый питон (*Python sebae*)

Старый Босман правильно заметил, как подтверждается позднейшими путешественниками, что именно этому виду должно принадлежать название «змея-идол» (*Abgottschlange*), потому что именно ей на Гвинейском берегу поклоняются в храмах-хижинах, где ее содержат жрецы. По рассказам француза Марше, обожание этой змеи имеет серьезную причину. Когда однажды войско короля племени вайда стояло в боевом порядке, от врага приползла змея-идол; она так доверчиво и кротко вела себя и была такая ручная, что всякий мог ее ласкать. Главный жрец взял ее в руки и сделал предметом поклонения. Негры упали ниц, чтобы молиться новому божеству, затем мужественно ударили по врагу и обратили его в бегство. Кому, как не змее, были обязаны они такой удачей?! Ее чудодейственная сила блестяще обнаружилась, и потому сочли необходимым выстроить ей храм и собрать сокровища на его содержание. Ее возвели в сан покровительницы войны, земледелия и торговли, и она, по-видимому, оказала замечательные услуги, потому что вскоре первый храм уже не мог вмещать всех поклонников. Пришлось возводить новые постройки, чтобы поклоняться ей; для ее культа нашлись жрецы и жрицы; ежегодно отыскивали прекраснейшую девушку и посвящали ее змее. Сначала, может быть, верующие являлись и добровольно; позже их принуждали к служению змее силой. Вооруженные тяжелыми дубинами жрецы рыскали в поисках девушек; противившейся их священному выбору грозили хотя и не проклятием и костром, но все-таки дубиной.

Жрецы забирали самых красивых девушек, которые должны были считать высокой честью для себя обручение с фетишем. Сначала их учили петь гимны и исполнять священные танцы, потом им обрели волосы и вырезали на коже священные знаки. Достоинно приготовив девушек к обручению с фетишем, их отводили в темный подземный покой, шумной музыкой, пением и танцами восхваляя их высокую судьбу. По возвращении из священной пещеры девушка получала титул змеиной невесты, но, несмотря на это, могла потом выходить замуж по собственному выбору; избранный ею счастливее выказывал ей высочайшее почтение и подчинение. Но о том, что происходило с ними в пещере, девушки должны были хранить полное молчание; если же они позволяли себе болтать, то жрецы забирали их и убивали, уверяя всех, что змея уничтожила их, мстя за себя.

По уверению Маттьюса, иероглифовый питон ловит не только коз, овец и свиней, но нападает и на леопардов. Туземцы утверждают, что в болотистых местах низменной части страны, где человек не преследует эту змею, она достигает громадной величины и силы и может съесть даже буйвола; короче, опять является на сцену старая сказка о драконах. Для человека же иероглифовый питон опасен будто бы лишь тогда, когда он находит его спящим*.

** На человека иероглифовый питон нападает лишь в целях самообороны, нанося при этом серьезные укусы.*

Относительно образа жизни этого питона, особенно же о его хищничестве и о пожирании им добычи, Маттьюс рассказывает подобные же сказки, приводимые ниже. «Обыкновенно, — пишет он, — эта змея держится в болотистой местности, и здесь иногда случается видеть, как она осматривается, подняв голову над травой 3 фута высотой». Нападение ее на добычу и умерщвление последней описываются нашим автором довольно правильно, но он положительно утверждает, что, сжимая жертву, иероглифовый питон раздробляет ей все кости, повторяя это в двух-трех различных местах тела. Умертвив добычу, питон этот будто бы делает обход в полмили в диаметре, чтобы посмотреть, нет ли вблизи кого-либо из его врагов; из этих врагов для него всех неприятнее одна порода муравьев или термитов; когда змея проглотит добычу и, словно мертвая, лежит, переваривая пищу, в таком положении от 3 до 5 дней, в зависимости от величины и свойств добычи, на нее нападают муравьи, проникающие через все отверстия ее тела, и в самое короткое время пожирают беззащитное пресмыкающееся.

Из этого описания видно, что Маттьюс не собирал самостоятельных наблюдений, а записывал не выдерживающую критики болтовню туземцев. Если мы примем, что африканские исполинские змеи принадлежат к сходным между собою видам или ведут приблизительно одинаковый образ жизни, то, сводя здесь действительно наблюдавшиеся факты, мы получим следующее описание жизни этих пресмыкающихся. Южноафриканский и иероглифовый питоны, по-видимому, нигде особенно не многочисленны, но и не совсем редки; они вытеснены только из населенных местностей. Старые экземпляры, длиной 6 м и более, принадлежат к величайшим редкостям; даже экземпляры в 5 м лишь в исключительных случаях попадают на глаза наблюдающим и коллекционирующим натуралистам. Барт упоминает, что его людьми у озера Чад был убит питон в 6 м длиной; Руссегер тоже говорит об одном необычайно большом питоне, убитом во время путешествия в Сенааре. Мне самому пришлось измерить только двух — в 2,5 и 3,15 м. Последний в глазах суданцев казался настоящим чудовищем. Швейнфурт говорит об одном убитом иероглифовом питоне почти в 5 м и о другом виденном — в 6 м. По измерениям экспедиции Гюсфельдта в Лоанго эти змеи в среднем достигают длины 4 и 5 м; свыше 6 м не измерено ни одной. Отсюда легко можно судить, что следует думать, когда рассказывают о змеях 10-16 м длиной**.

*** Официально зарегистрированная длина иероглифового питона 9,81 м. Такой экземпляр был пойман в Бингервилле (Кот-д'Ивуар).*

Возможно, что иероглифовый питон многочисленнее, чем думают, потому что он по большей части прячется в зарослях травы и кустов и начинает бродить лишь после захода солнца. Все иероглифовые питоны, которые попадались нам или о которых мы слышали рассказы, очевидно, были потревожены среди отдыха и старались как можно быстрее уйти прочь, как только замечали, что их обнаружили. Довольно часто люди проходят или проезжают верхом близко от отдыхающей змеи этого вида, не замечая ее, потому что она не находит нужным двигаться; между тем, ее, несомненно, заметили бы с помощью приученных к охоте лошадей или охотничьих собак, которым она выдает себя своим запахом. Весьма понятно, что, вследствие такой редкости встреч с иероглифовым питоном, во всей Африке господствует полное неведение относительно его образа жизни. Мало знают даже о добыче, за которой он охотится; именно поэтому живое воображение туземцев тешится бессмысленнейшими рассказами, которые находят отклик даже в сообщениях европейских путешественников и в естественно-исторических книгах. «Содрогаешься, — уверяет Ласепед, — когда чита-

ешь в рассказах путешественников, проникавших в глубину Африки, как огромное животное, подобное большому, длинному, тянущемуся вперед бревну, ползет извиваясь в высокой траве и кустах. Уже издали замечаешь борозду, прокладываемую извивами его тела в сгибающихся под ним травах и растениях, и видишь целые стада антилоп и других преследуемых им животных, убегающих от него. Чтобы оградить себя от его силы и убийственной пасти, в этой огромной пустыне остается одно средство — поджечь траву, уже наполовину высушенную солнцем. Всякое другое оружие бессильно против взрослого и особенно против, голодного питона. Избежать смерти можно только, предав пламени всю местность вокруг себя и таким образом противопоставив стену огня преследованиям чудовища. Реки и даже рукава моря не удерживают его, потому что оно плавает и среди бушующих волн. Высочайшие деревья также представляют плохое убежище, потому что змея эта быстро влезает до самых высоких вершин». Ласепед подкрепляет это описание несколькими рассказами путешественников, уверяющих, что в желудке африканских исполинских змей находили не только крупных животных, например ланей (*Seirvus damci* которых, как известно, совсем нет в западной Африке), но и людей. Упоминаю снова об этих бессмысленных баснях лишь потому, что убедился: сколько раз их ни опровергай, никогда не будет лишним. В действительности ни одна африканская исполинская змея, как бы ее ни называли и каков бы ни был ее образ жизни, не охотится за млекопитающими крупнее козули или овцы; уже подобная добыча, несомненно, является редким исключением. Я знаю лишь немного надежных сообщений о столь крупной добыче питонов.

Во время пребывания Саважа в западной Африке он узнал, частью по собственным наблюдениям, частью по слухам, что исполинские змеи около 5 м длиной два раза хватили и обвивали небольших собак и раз схватили маленькую антилопу. Собак можно было спасти из ужасных тисков, начав колотить и колотить змей. Одна из собак долго твердо помнила испытанное нападение и боялась всего и всех. На одну из этих собак питон напал днем, на другую, как обыкновенно, ночью. Ночью же одна исполинская змея посетила хижину негритянки, чтобы рядом с ее постелью овладеть курицей.

Одно подобное происшествие живо и увлекательно описывается Швейнфуртом: «В одной из глубоких расселин земли, превращавшихся во время дождей в два сливающихся ручья, мой спутник скрывался вместе со своим ослом; я же в высокой траве ранил маленькую антилопу. Я видел, как она скакала через траву по направлению ко мне, и ждал, что она вот-вот упадет. Вдруг я услышал, как антилопа издала короткий блеющий крик, и в то же мгновение она исчезла с моих глаз, словно упала в яму. Я пошел через высокую траву к месту, где видел ее в последний раз, но ничего не мог найти. Мои движения сковывали два ружья, которые я нес; но, зная, что зверь должен находиться на резко ограниченном участке, между двумя потоками, я старательно продолжал искать. Наконец я увидел антилопу лежащую близко передо мной; она отчаянно двигала ножками, плотно притянутыми к земле каким-то предметом, которого я не мог разобрать. Мне показалось, словно какой-то нубиец набросил на мою добычу свой грязный набедренный платок. Я подошел на шаг ближе и совершенно ясно разглядел исполинскую змею, которая трижды обвилась вокруг тела антилопы; голова змеи, вцепившейся в одну из задних ног жертвы, была отнесена далеко назад». Ниже я расскажу, как Швейнфурт убил эту исполинскую змею, а здесь лишь замечу, что она и антилопа почти уравнивали друг друга на спине осла. Наконец, Фалькенштейн убил, как он пишет мне, змею 6 м длиной, у которой в теле оказалась взрослая антилопа, еще так мало переваренная, что ею могли воспользоваться для составления скелета, за исключением недостававшей головы.

Я повторяю, что иероглифовый питон лишь в исключительных случаях нападает на таких крупных и тяжелых животных, чтобы пожрать их. Обыкновенно он довольствуется гораздо более мелкой дичью, особенно зайцами, земляными белками, крысами и другими живущими на земле грызунами. Эти и различные сухопутные птицы, вероятно, чаще всего подвергаются его преследованию. В желудке одного из исследованных мной иероглифовых питонов я нашел цесарку, и с этим согласуется одно сообщение Драйсона. Он рассказывает, что в Натале однажды видел, как маленькая дрофа несколько раз взлетала, и, подъехав ближе, заметил, что ее упорно преследует южноафриканский питон. Когда Драйсон появился на месте действия и убил вкусную птицу, змея сочла благоразумным как можно проворнее удалиться; но ревностный охотник, давно уже желавший добыть подобное пресмыкающееся, после хорошей охоты настиг ее и ударом дубины убил или, по крайней мере, оглушил. Фалькенштейн пишет мне дальше, что одна змея на западном берегу Африки хотела украсть курицу, так сказать, на его глазах, что змеи эти чаще всего ловятся в овечьих хлевах, привязываются неграми на веревку из травы и так отводятся для продажи европейцам.

Наконец, Андерсон утверждает, передавая рассказы туземцев, что названные змеи питаются преимущественно даманами; это тоже, может быть, справедливо. «Эта змея встречается гораздо

чаще, чем думают, пишет Пехуэль-Леше из западной Африки, потому что ее нечасто видят, так как она обыкновенно лишь ночью выползает из зарослей и лесов саванн на открытые участки.

По правдоподобным рассказам туземцев, она охотно подвешивается к ветвям деревьев, стоящих у опушки зарослей кустов, и караулит тут добычу. Близ миссии в Ландане один из охотящихся так питонов раз утром схватил даже полосатого волка, на жалобный крик которого мы побежали и успели вовремя, чтобы освободить его. Густая растительность мешала нам решить, обвилась ли змея вокруг своей добычи или лишь вцепилась в нее зубами; мы видели только, что питон отцепил свою хвостовую часть от ветки одного дерева на высоте роста человека, и ясно слышали, как он шлепнулся на землю. В Чинчочо мы держали в деревянной клетке кроме ядовитых змей также много питонов; самый крупный из них раз вечером выломал одну доску и ушел из клетки. Вероятно, в поисках крыс он заполз в хижину нашего надсмотрщика и прополз вплотную между горевшим там ярким огнем и сидевшими около него и болтавшими людьми. Совершенно бледный от ужаса надсмотрщик сообщил нам о происшествии. Я прибежал в хижину с ружьем; мой Мулек, светивший мне головней, поднял циновки, свешивавшиеся с приподнятой кровати. Там лежал свернувшись в углу и тараща на нас глаза посетитель, очень испуганный шумом. Я раздробил ему выстрелом голову и шею. Отчаянно смелый юноша, Мулек схватил извивавшуюся гадину за хвост и вытащил ее к собравшимся снаружи любопытным, которые, естественно, с криком бросились врассыпную. Повеселевшие обезьяны тоже пришли в величайшее возбуждение и издавали свою характерную трескотню. Упомянутая уже выше змея, которую Фалькенштейн застрелил недалеко от устья Куилу, наевшись досыта, предавалась кайфу; она злобно фыркала и шипела, когда мы ее дразнили, и много раз выбрасывала в нашу сторону, на целый метр, свою голову с раскрытой пастью.

В соседней с нашим селением фактории раз ночью питон проник в хлев и вследствие поднятого козами шума был замечен как раз в ту минуту, когда он держал, обвинивши, самого крупного козленка. В факториях Массабэ и Виста два других питона среди белого дня поймали по курице. Живущий у устья Куилу торговец Рейс завел себе хорошенький выводок гусей, но, в конце концов, из-за питонов лишился всех своих гогочущих питомцев, кроме старого белого гусака, умевшего спасаться от преследований змей. Питоны приплывали с материка через пролив к острову, на котором жил Рейс. Во время нашего пребывания у него одна змея высадилась как раз во время обеда, но была встречена криками людей, тотчас снова бросилась в воду и так ловко ныряла, что мы не могли ни разу по ней выстрелить. Вред, причиняемый питонами, ограничивается кражей мелкого скота и домашней птицы. При нападении они защищаются, шипят и яростно стараются укусить. Ходячие рассказы о том, будто бы они умерщвляют даже буйволов и леопардов, отрицаются умными и понимающими охоту туземцами. Они утверждают, что питон особенно охотно ест яйца, но преимущественно питается крысами и куриными птицами и т. д.; свою добычу он хватает пастью, трясет маленьких барахтающихся животных, пока они не околеют, и лишь более крупных душит, обвиваясь вокруг них. Туземцы рассказывают также, что испугнутый или преследуемый днем на открытом месте питон чаще всего высоко поднимается, чтобы осмотреться среди окружающей его растительности, но всегда убегает от человека, пока может это сделать, или держится совсем тихо, пока человек не пройдет мимо».

Относительно размножения питонов туземцы ничего не могли сообщить нам. Что иероглифовый питон в этом отношении не отличается от своих азиатских родственников, мы узнали поймав, и содержа в неволе этих животных.

В июне 1881 года два питона этого вида спарились в Лондонском зоологическом саду, и к середине декабря было замечено, что самка очень увеличилась в объеме. Сторож, знавший, что животное ничего не ело в течение многих недель, счел ее больной и лишь за несколько дней до 13 января узнал истинную причину необычайного явления. На утро названного дня он заметил, что змея-самка в течение прошедшей ночи снесла большое количество яиц почти 100, как оказалось после, и свернулась на них уже описанным выше способом. По-видимому, во время кладки змея постоянно кружилась и клала одно яйцо за другим. Ни одно из них ничем не соединялось с другими; позже вся куча, однако, крепко склеилась вследствие клейкой скорлупы, и, кроме того, яйца были так сдавлены тяжестью лежащей сверху матери, что совершенно потеряли свою первоначальную форму. В таком положении самка оставалась до 4 апреля и в течение всего этого времени лишь изредка покидала яйца, и всегда ненадолго, дольше — только 4 марта, когда она линяла.

Линька, занимающая у здоровых змей самое большее 3 или 4 часа, на этот раз продолжалась полных 10 часов, и верхняя кожа отделялась лишь маленькими лоскутками, что всегда является признаком нездоровья змеи.

Зная о наблюдениях Валансьена, и в настоящем случае измеряли температуру, между кольцами змеи, применяя для этой цели специально устроенные, в высшей степени чувствительные инструменты. Хотя результат измерений был совсем иной, однако было установлено, что температура тела у самки выше, чем самца, а температура между кольцами еще значительно выше температуры внешних частей тела. Например, при температуре воздуха $14,8^{\circ}\text{C}$ температура внешних частей тела самца равнялась $21,2^{\circ}$, самки $22,8^{\circ}$; температура между кольцами самца $23,8^{\circ}$, между кольцами самки $27,6^{\circ}$; в одном случае, 2 марта, при $15,6^{\circ}$ в воздухе измерение дало 22° для внешней и $24,11^{\circ}$ для внутренней температуры самца, а для самки $28,9^{\circ}$ для внешней и $35,6^{\circ}$ для внутренней температуры; таким образом, разница в пользу самки оказалась от $6,9$ до $11,2^{\circ}\text{C}$.

4 апреля заметили, что яйца начали гнить, и так как нельзя было ожидать благоприятных результатов, потому что змея уже почти 10 недель лежала на них и, кроме того, постилась почти 32 недели, то яйца были удалены. Ближайшее исследование обнаружило в 56 из них отчасти развившихся зародышей, среди которых один достиг длины около 29 см. Уже были видны щитки, окраска и рисунок кожи, т. е. детеныш развился почти до вылупления. Остальные исследованные яйца представляли, за исключением одного, испортившуюся жирную массу, и нельзя было понять, были ли они оплодотворены. В вышеупомянутом единственном яйце живого зародыша замечали еще 15 дней спустя после того, как яйцо было отобрано у самки. Змея, выказывавшая сильное беспокойство после удаления яиц, около месяца спустя снова переменяла кожу, начала есть как обыкновенно и с тех пор чувствовала себя отлично. В новейшее время, между прочим, Чапер наблюдал на Золотом Береге размножение иероглифового питона на свободе и ему случилось спугнуть самку с яиц в дуплистом дереве.

Суданцы, отлично знающие, что иероглифовый питон не опасен, при охоте на него пользуются простыми дубинами, потому что достаточно одного сильного удара по голове пресмыкающегося, чтобы убить его. Мы испытали, что его также легко убить выстрелом дробью средней величины. Подстреленные исполинские змеи, особенно больно раненные, по-видимому, пробуют защищаться. «Швейнфурт, увидав упомянутую выше антилопу во власти исполинской змеи, отошел назад, насколько считал нужным для удобства выстрела, потом выстрелил; в то же мгновение питон встал дыбом перед его глазами, взвившись прямо вверх больше чем на метр. Потом, как говорит Швейнфурт, он снова опустился и с невероятной быстротой бросился на меня. Но лишь передняя половина его тела оказалась способной двигаться, остальная часть туловища осталась на земле парализованной, потому что позвоночный хребет был сломан. Когда я убедился в этом, я схватил свой дробовик, выстрелил, снова зарядил и стрелял до тех пор, пока гадина не перестала шевелиться. Я стрелял почти наугад, потому что не успевал следить за движениями змеи». Этот естествоиспытатель убедился и при других случаях, что исполинских змей можно убивать обыкновенной дробью.

В Восточном Судане я узнал, что убитых иероглифовых питонов туземцы, прежде всего, употребляют в пищу; их мясо, приправленное солью и красным перцем, разваривается как можно мягче и потом поедается с таким же великим удовольствием, как мясо крокодила. Так как мы много слышали о хорошем вкусе его, то я приказал и для нас приготовить описанным образом кусок мяса. Кушанье это имело многообещающий, белоснежный цвет и действительно приятный вкус, напоминающий вкус куриного мяса, но было так твердо и вязко, что мы едва могли его разжевать.

По словам Гейглина, и негры племени дор на Белом Ниле едят мясо этой исполинской змеи, между тем как негры динка, живущие на той же реке, по наблюдениям Швейнфурта, считают несъедобными всех ползающих тварей, и особенно высокопочитаемых ими змей, а из всех пресмыкающихся едят единственно черепах. Напротив, некоторые племена западной Африки считают исполинских змей изысканным кушаньем; по словам Саважа, они даже варят из кожи и внутренностей суп, который, по их мнению, превосходит все другое.

Ливингстон сообщает нам, что бушмены охотно едят южноафриканских питонов. Напротив, по сведениям Смита, другие туземцы южной Африки редко решаются преследовать этих змей, так как чувствуют к ним необычайный страх и считают, что они могут иметь известное влияние на их судьбу и что тот, кто нанесет какой-либо вред исполинской змее, неминуемо рано или поздно заплатится за свою дерзость. Пестрая кожа питонов для суданцев еще важнее их мяса; суданцы, а также негры, живущие по Белому и Голубому Нилу, применяют ее для всевозможных украшений, и притом с величайшим вкусом, особенно как украшения оправ ножей, амулетов, письменных и денежных сумок и т. п. Некоторые народности, например готтентоты, считают, что жир питонов обладает в высшей степени целебными свойствами, потому он еще тщательнее сохраняется, чем мясо, и принимается больными с полной верой, а потому часто и с пользой. По словам Швейнфурта, в

Судане существует подобное же воззрение, но целебные свойства жира распространяются только на ушные болезни.

В зоологических садах и странствующих зверинцах африканские питоны, особенно иероглифовый, встречаются не реже своих американских родственников. Они, по-видимому, так же легко, как последние, привыкают к своим хозяевам и при соответствующем уходе отлично выживают в неволе*.

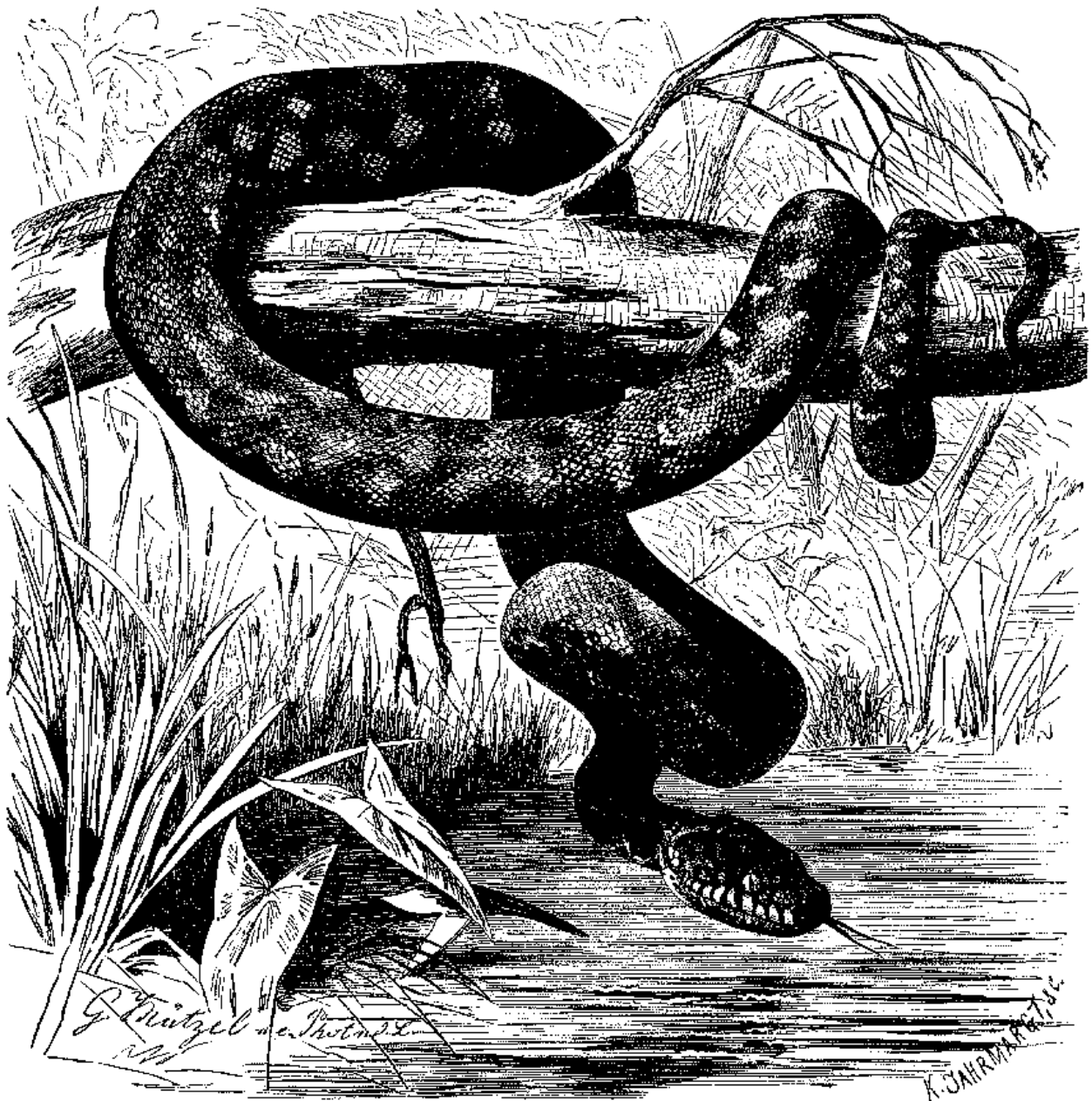
** Любопытно, что иероглифовый питон был первым из позвоночных животных, которые заселили вулкан Кракатау после его опустошительного извержения в 1888 году.*

Один питон, живущий в Австралии и Новой Гвинее, отделяется от своих родичей в особый род **ромбические, или водяные, австралийские питоны** (*Morelia*), потому что отличается от них более боковым положением ноздрей и устройством головных щитков. Каждая ноздря открывается среди одного неразделенного щитка; на голове только сзади переднего щитка имеются две более крупные пары щитков, остальная голова покрыта мелкими неправильными чешуями; на переднем щитке и обоих передних щитках верхней губы имеются углубления.

Ромбический питон (*Morelia spilota*) может считаться красивейшей из исполинских змей. Его окраска черного и желтого цвета в высшей степени разнообразного рисунка. Голова часто черного цвета с желтыми пятнами, верхняя часть тела усеяна блестящими желтыми ромбами по синечерному фону; нижняя сторона светло-желтого или соломенно-желтого цвета с серо-черными поперечными полосами и пятнами. У середины тела можно насчитать 4550 рядов чешуи. Согласно Беннету, эта змея достигает в длину 45 м. Под названием ковровая змея часто различают другой вид, но Беннет справедливо считает его разновидностью первого.

По наблюдениям Лессона, ромбический питон живет преимущественно в сырых местах, часто в самой воде, по уверению же Старого Бушмена на открытых местах, в сухую погоду, по большей части на равнинах, где лежит свернувшись в каком-нибудь углублении. В жаркое время года он приближается к воде и охотно держится общественно. Его пища состоит из мелких сумчатых крыс, мышей и птиц; у одного исследованного Беннетом экземпляра в желудке оказался кузу лисий, который был так мало поврежден, что его смогли препарировать и выставить в австралийском музее рядом с его убийцей. Однажды, рассказывает Старый Бушмен, я видел, как этот питон очаровывал стайку маленьких лесных птичек. Он лежал под свалившимся деревом, на сухих ветках которого резвилась большая стая птичек, перепархивая и щебеча. Движения змеи были в высшей степени грациозны: она наполовину приподнялась, нагибала голову вперед и назад, двигала языком и, очевидно, старалась приманить жертву и привлечь ее к себе; вдруг она увидела меня и поспешно скрылась.

Этот вид питонов также скоро привыкает к неволе и даже до некоторой степени приручается. Беннет держал в клетке одного ромбического питона 2,5 м длиной и позволял ему иногда обвиваться вокруг своей руки. При этом змея единственно с целью крепко держаться так сжимала руку, что рука несколько часов потом плохо двигалась.

Ромбический питон (*Morelia spilota*)

К представителям ложноногих относятся и удавы, к которым принадлежит значительная часть настоящих исполинских змей. Их тело очень вытянутой формы; хорошо образованная голова по большей части явственно отделяется от туловища; шея сравнительно тонка; туловище сжато с боков и сверху немного углублено вдоль посредине; хвост в различной степени способен свертываться и цепкий; голова часто покрыта вместо щитков чешуями; нижняя сторона хвоста одета широкими, всегда расположенными в один ряд щитками. Зубы сидят в верхней и нижней челюсти, на нёбной и крыловидных костях, но не на межчелюстных.

На первом месте мы поставим род удавчиков (*Eryx*), так как он имеет представителя и в Европе. От остальных ложноногих удавчики отличаются главным образом очень коротким хвостом, который не может свертываться и, вообще, гораздо менее подвижен, одетой мелкими чешуйками головой, явственным продольным желобком на середине подбородка, окраской и образом жизни. Тем не менее они очень близки к удавам как по внешним, так и по внутренним признакам. К уже перечисленным признакам рода можно прибавить, что передние челюстные зубы удавчиков лишь немного длиннее задних и что их очень мелкие чешуйки могут быть гладки или килеваты. Тело их умеренной длины и вальковато, голова несколько удлинена, рыло широко закруглено, глаза малы, зрачок вертикальный, разрез рта широкий. Ни один из губных щитков не имеет ямкообразного углубления.

В отличие от настоящих исполинских змей, предпочитающих всем другим местности, богатые водой и растительностью, удавчики, соответственно их немецкому названию (*Sandschlangen* — песчаные змеи), живут именно на очень сухой и по возможности состоящей из мелкого песка почве

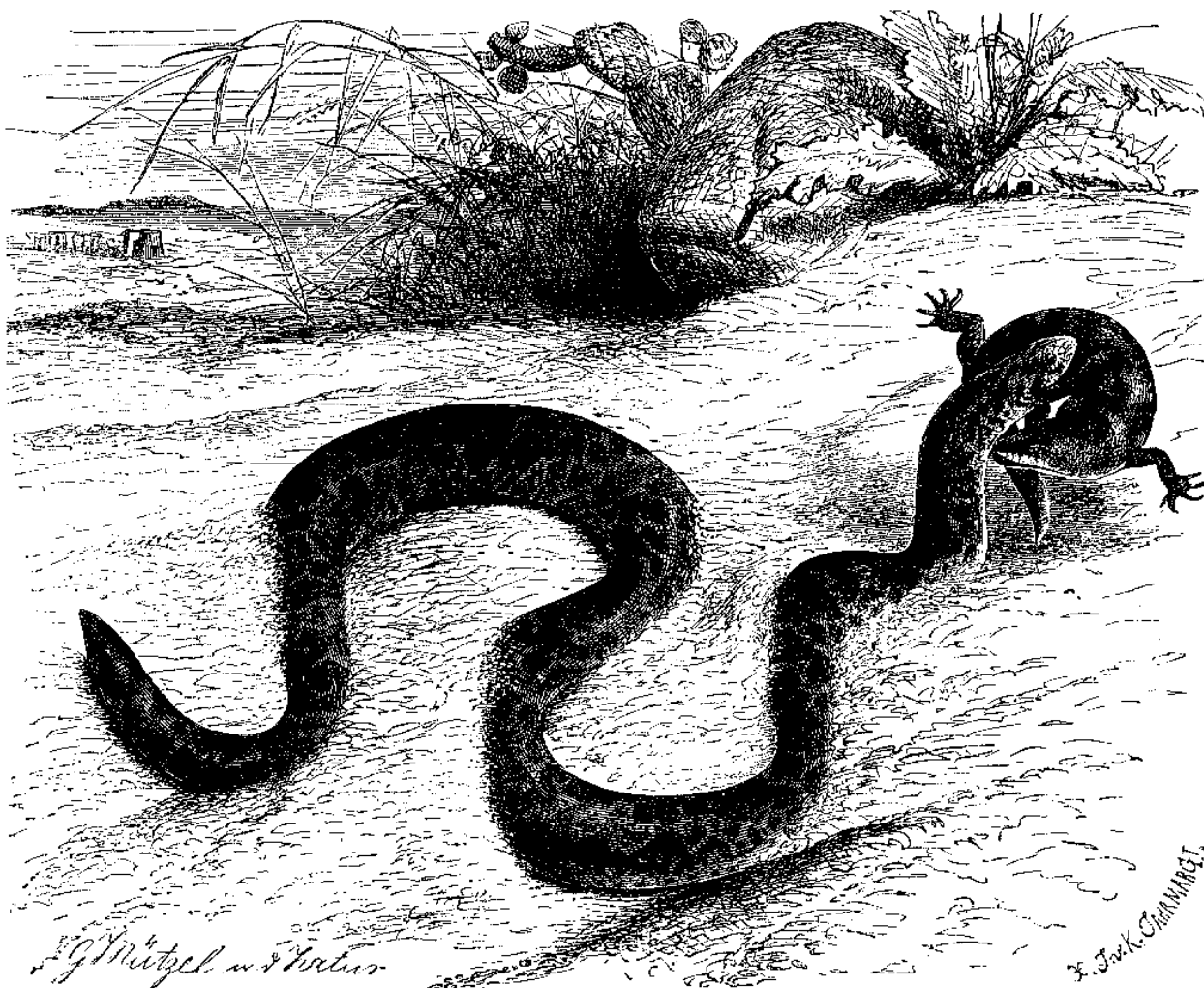
степей и пустынь и охотятся здесь более под землей, чем на ее поверхности. Этот род, в котором до настоящего времени различают лишь 56 видов, живет в южной Европе, западной и южной Азии и северной Африке*.

* Сейчас насчитывают 10 видов удавчиков рода *Eryx*.

Западный удавчик (*Eryx jaculus*) служит представителем этого рода в юго-восточной Европе. Он достигает в длину 66, самое большее 77 см, и его легко узнать и отличить от других европейских змей по короткому, тупо закругленному хвосту, маленькой, не отделенной от тела голове, одетой сверху мелкими, неправильными, кзади даже чешуеобразными щитками, и по шпорцевидным придаткам по бокам заднепроходной щели, которые представляют зачатки ног. Тело покрыто приблизительно 45 рядами чешуи, которые гладки и лишь на хвосте слабокилеваты.

Лежащие сбоку ноздри очень узки, глаза малы. Основной цвет верхней стороны более или менее яркий желтовато-серый, который может переходить у некоторых экземпляров в ржавый, у других в соломенный. Голова, за исключением черноватой полоски с каждой стороны, тянущейся от заднего края глаза к углу рта, одноцветна и разве что на затылке разрисована двумя широкими, посередине соприкасающимися черноватыми или темно-бурыми полосами; верхняя сторона тела и хвоста украшена расположенными в четыре продольных ряда более или менее четырехугольными пятнами того же цвета, которые самым различным образом сливаются между собой и благодаря разным оттенкам цвета образуют рисунки, похожие на ковер. Нижняя сторона всегда значительно светлее, или одноцветна, или имеет черные пятна. Наблюдались различные разновидности.

Область распространения западного удавчика ограничивается в Европе Балканским полуостровом, где на западе он был найден еще на Корфу; на востоке этот удавчик встречается до Алтайских гор, на юге по всей западной Азии, в Африке до Египта и Алжира. В Европе эта змея встречается довольно часто в Греции и населяет также некоторые греческие острова. В Азии она известна в Сирии, Палестине, Малой Азии, Аравии, Персии, Каспийской области и Туркестане. На севере Африки в пустынях вдоль всего берега, а также вдоль обоих берегов Нила до области верхнего течения его он принадлежит к обыкновенным змеям.

Западный удавчик (*Eryx jaculus*)

По моим наблюдениям и наблюдениям других, удавчик встречается на местах, покрытых мягким сыпучим песком; это объясняется тем, что он охотится не на поверхности, а под нею и предметом этой охоты служат, вероятно, главным образом ящерицы, ведущие такой же образ жизни. В неволе удавчики показываются разве в том случае, если долго голодали и по движению над ними замечают или предполагают присутствие добычи. На последнюю они затем нападают и душат ее так же, как их более крупные родичи, пока она не умрет, и затем обычным способом приступают к заглатыванию*.

** Любопытной особенностью западного удавчика является заготовка пищи как бы впрок: он сначала умерщвляет всех попадающихся ему мышей и только потом приступает к их заглатыванию.*

Арабы часто ловят эту змею и другой близкий вид, но по большей части уродуют их, отрезая им язык. Такие пленники живут, правда, еще долгое время, но упорно отказываются от пищи и потому непременно рано или поздно гибнут; напротив, неповрежденные экземпляры живут в неволе годами. Особенного удовольствия они, впрочем, не доставляют даже самому усердному наблюдателю по той простой причине, что не показываются, а если их и вынуть из песка, то тотчас зарываются в него снова. Если удавчиков не беспокоить, то можно иногда не видеть их месяцами, а, переменив в клетке песок, изумиться, что они еще существуют там. Напротив, живущие, подобно им, в песке ящерицы оказываются обыкновенно исчезнувшими. В воде для питья удавчики не нуждаются.

По словам Вальтера, удавчик хотя и водится лишь на низменностях, но в Закаспийском крае встречается не только в чистом песке, но также и в степи и по течению рек. Он появляется там лишь в апреле, и поймать его легче всего в темную ночь с фонарем. Два экземпляра этого вида выползли 19 мая из узких ходов в песке и начали играть, что, вероятно, должно было предшествовать совокуплению; когда их хотели схватить, то один скрылся, необыкновенно быстро зарывшись в песок.

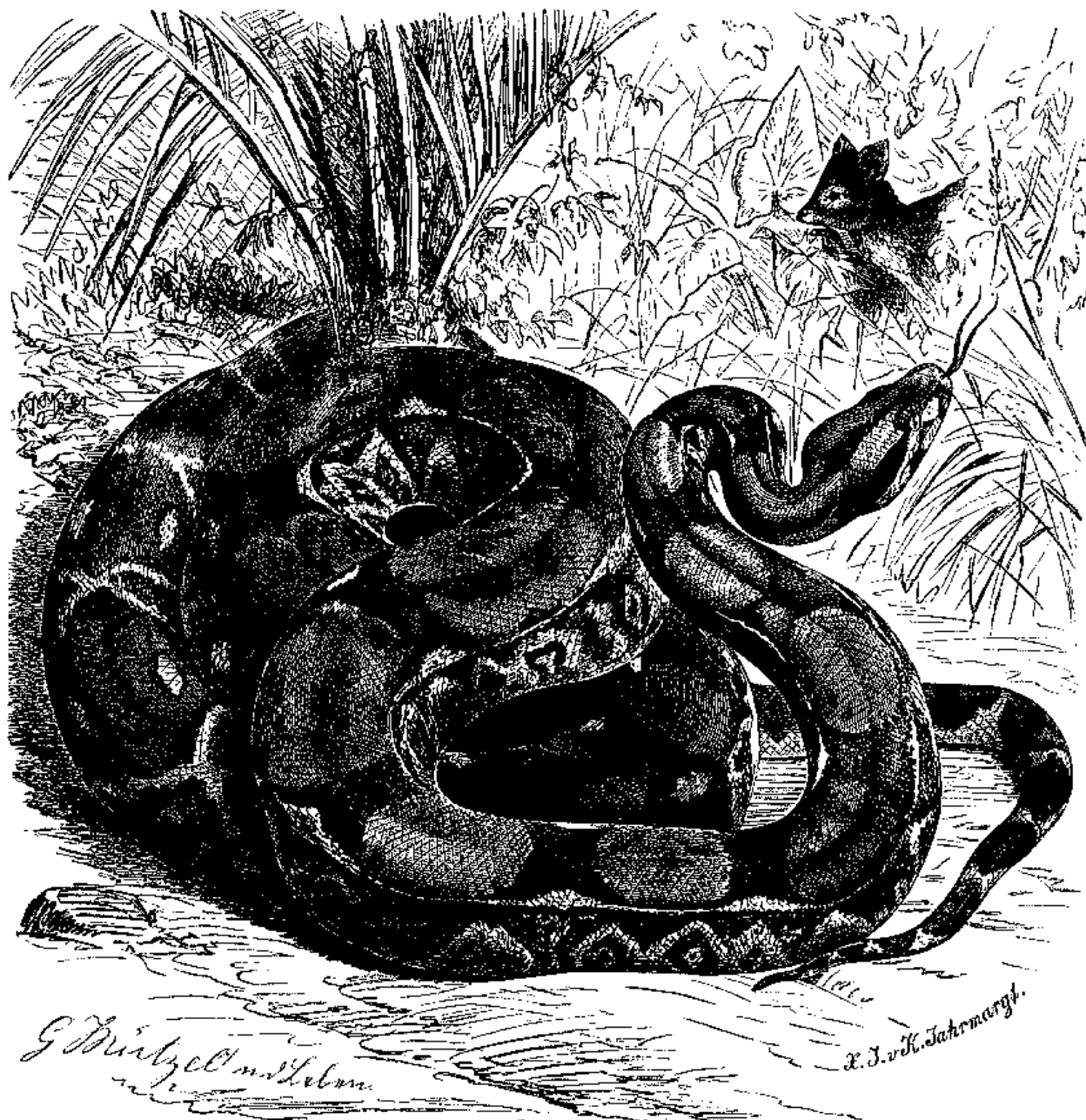
Наиболее известный представитель рода обыкновенных удавов (Воа) **удав обыкновенный** (Воа constrictor). Отличительные признаки этого рода: отсутствие ямок на губных щитках; гладкие чешуйки тела, расположенные приблизительно 90 продольными рядами, и ясно отделенная от шеи, плоская, спереди притупленная голова, покрытая чешуйками и лишь по краю рта равномерно расположенными щитками.

Обыкновенный удав принадлежит к самым красивым из всех змей вообще. Рисунок его очень изящен и приятен, хотя и состоит лишь из немногих и простых цветов. Основной цвет приятный красновато-серый; по спине пробегает широкая зубчатая продольная полоса, заключающая в себе яйцевидные, с обеих сторон выемчатые серо-желтоватые пятна; голова разрисована тремя продольными темными полосками. У молодых удавов цвета ярче, а яйцевидные пятна соединены по бокам более светлыми продольными линиями.

Длина взрослых животных достигает и даже превосходит 6 м. «Эта змея, говорит принц фон Вид, достигала прежде и даже достигает еще теперь (1825) в совершенно безлюдных местностях длины 2030 футов, а может быть, и более. Еще теперь попадаются экземпляры толщиной в человеческое бедро, которые способны поймать и задавить коосулю. В Сертонге, в Бахиа и у Риаконде-Рессакве мне рассказывали об одном убитом там животном такой величины. В совершенно пустынных диких местностях еще и теперь при их расчистке и обработке находят обыкновенно исполинские экземпляры этого вида». Шомбургк тоже утверждает, будто бы эта змея достигает длины 610 м. Но ни тот, ни другой путешественник не измеряли сами такую змею, и оба пересказывают, очевидно, лишь рассказы туземцев, в достоверности которых следует сомневаться.

При современном состоянии наших знаний рассказы прежних путешественников об удаве кажутся нам в высшей степени забавными. Именно о нем сочинялись всевозможные небылицы. Еще во времена Ласепада верили всем преувеличениям и сказкам, исходившим от путешественников, одаренных непомерно развитым воображением. «Если и отбросить кое-что из рассказов об удаве, особенно об его бесчувственности и оцепенении, то все же несомненно, что в различных местностях, а именно на Панамском перешейке, путешественники наталкивались среди густой травы лесов на скрытых наполовину удавов. Иногда они переступали через них во время переваривания змеями пищи или, если можно верить рассказам, даже садились на них, считая этих животных за упавшие, покрытые травой древесные стволы, и при этом змея не трогалась. Только в том случае, когда близко от нее разводили огонь и тепло настолько оживляло ее, что она начинала двигаться, путешественники замечали ее и в ужасе убегали». Ласепед основывается при этом на рассказе пастера Симона, который сообщает, что в одном лесу Венесуэлы 18 испанцев, утомившись от путеше-

ствия, хотели сесть на упавший древесный ствол и, к величайшему ужасу, заметили, что этот ствол начал ползти и превратился в удава.

Удав обыкновенный (*Boa constrictor*)

Ласепед полагает, что обыкновенного удава называют священной змеей (*Abgottschlange*) потому, что ему поклонялись древние мексиканцы. «Его ужасная сила и исполинская величина, блеск его чешуи и красота цветов внушали чувство изумления и ужаса некоторым народам, которые были еще недалеко от первобытного состояния. Но, так как все удивительное и страшное, все то, в чем можно видеть большое превосходство над другими существами, легко возбуждает в непросвещенных умах представление о сверхъестественном существе, то и древние обитатели Мексики всегда со священным ужасом взирали на удава и боготворили его. Они полагали, что такая большая и движущаяся с такой быстротой масса может быть приводима в движение лишь дыханием божества, или считали эту змею служителем небесных сил. Вследствие этих выдающихся качеств удава они дали ему имя своего царя. К нему они обращались с молитвами, а, следовательно, он служил и предметом их особого внимания. Ни одно его движение не осталось незамеченным, ни одно из действий не было для них безразличным. С трепетом слушали они его долгое пронзительное шипение и в благочестивом заблуждении полагали, что все проявления различного расположения духа этого удивительного и божественного существа могли предвещать им их судьбу. Шипение удава в глазах мексиканцев предвещало всегда большое несчастье и приводило их в ужас. Высшее божество мексиканцев, Витципутцли, изображается со змеей в правой руке, а в храмах и на алтарях этого идола, которому приносились человеческие жертвы, тоже находится изображение этой змеи». Я оставляю,

конечно, открытым вопрос, действительно ли мексиканцы поклонялись обыкновенному удаву или близкому виду этого рода, водящемуся в Мексике, не отваживаюсь также решать, действительно ли существовало это поклонение или нет, но считаю возможным, что название божественной змеи произошло от идолопоклоннических обрядов, похожих на те, которые негры проделывают по отношению к змеям в Южной и средней Америке. Среди ныне живущих индейцев все змеи, насколько мне известно, утратили подобное значение, если и имели его когда-либо; напротив, среди негров поклонение змеям, как уже было замечено, играет важную роль.

Область распространения обыкновенного удава, по-видимому, менее обширна, чем обычно считали, так как часто смешивали исполинских змей разных видов. Можно считать установленным, что он занимает совершенно замкнутую область распространения к северу от Рио-де-Жанейро и Кабо-Фрио в средней и северной Бразилии, во всей Гвиане, в Венесуэле и на некоторых из более южных Малых Антильских островов и проникает на запад, в области верхнего течения Амазонки до Андов Эквадора и Перу. Принц фон Вид и Шомбургк единогласно говорят, что он держится лишь в сухих жарких местностях, лесах и кустарниках. Он живет в норах в земле и расщелинах скал, между корнями и в других убежищах, нередко маленькими обществами из 4, 5 и более экземпляров, а также поднимается иногда на деревья, чтобы подстергать добычу. В воду он не идет никогда, между тем как некоторые родственные любят ее.

Если бы можно было проследить поведение удава ночью, то мы получили бы совершенно другое представление об его характере, чем то, которое имеем теперь. Правда, он и днем не пропустит подвернувшуюся добычу, но настоящая охота удава начинается, несомненно, лишь с наступлением сумерек. Это достаточно ясно доказывается поведением его на свободе и в неволе. Все путешественники, которые бродили по лесам Южной Америки и встречались с обыкновенными удавами, говорят единогласно, что эти змеи неподвижно или, по крайней мере, вяло оставались на одном месте и обращались в бегство лишь тогда, когда противник приближался к ним на несколько шагов. Шомбургк встретился на одной из своих экскурсий с большим удавом, который, наверное, уже некоторое время видел его и его спутника-индейца, но не скрылся, а остался неподвижно на месте. «Если бы этот предмет, — говорит путешественник, — бросился мне в глаза прежде, то я принял бы его за конец торчащей кверху ветви. Несмотря на убеждения и страх моего спутника и нежелание моей собаки, я скоро решился, по крайней мере, сделать попытку убить это животное. Здоровая дубина в качестве оружия для нападения была скоро найдена. Змея все еще неподвижно протягивала голову над чащей; я осторожно приблизился, чтобы иметь возможность достать до нее своим оружием и нанести оглушающий удар; но в то самое мгновение, как я хотел сделать это, животное исчезло под зеленым покровом, и шуршащее движение листьев папоротников показало мне, что удав обратился в бегство. Густота зарослей не давала мне проникнуть в них, но движение растений указывало направление, которого держалась убегающая змея. Она скоро снова приблизилась к опушке, вдоль которой я спешил чтобы держаться на одной линии с нею. Вдруг движение папоротников прекратилось, и голова змеи высунулась сквозь зеленый кров листьев, вероятно, чтобы осмотреться, где преследователь. Счастливый удар так сильно поразил ее голову, что она, ошеломленная, свалилась на землю; прежде чем она пришла в себя, я нанес ей еще несколько ударов. Как хищная птица на голубя, бросился я теперь на свою добычу, опустился на нее коленями и, обхватив обеими руками шею, сдавил ей горло. Убедившись, что настоящая опасность миновала, индеец поспешил на мой зов, отстегнул у меня одну из подтяжек, сделал петлю, наложил ее выше моей руки вокруг шеи удава и как можно сильнее стянул ее. Густая чаща мешала судорожным извивам сильного животного и тем помогла овладеть им».

Принц фон Вид говорит, что в Бразилии обыкновенного удава убивают палкой или ружейным выстрелом. Опытные и смысленные охотники в Бразилии смеются, если их спросить, опасна ли эта змея и для людей; лишь невежественная народная масса рассказывает об этих животных фантастические истории, которые, однако, всегда опровергаются знатоками и основательными наблюдателями.

Пища удава состоит из мелких млекопитающих и птиц различного рода, особенно агути, пака, крыс и мышей. Что удав не шадит и яиц, доказывают содержащиеся в неволе особи, которые, по-видимому, проявляют к ним большую жадность. Старые экземпляры отваживаются, говорят, нападать на животных величиной с собаку или козлю. Один бразильский охотник рассказывал принцу фон Виду, что раз он услышал в лесу крик своей собаки и, приблизившись, увидел, что большой удав схватил ее за бедро, обвился вокруг нее и так сдавил, что у собаки выступила из горла кровь. Истории, сообщенные Гарднером, и подобные им, будто бы американские исполинские змеи проглатывают лошадей или людей, относятся к области басен.

Живущие на свободе, без сомнения, пожирают лишь добычу, которую умертвили сами, но не падаль; в неволе же их можно постепенно приучить есть и падаль. Так, Эффельдт кормил своих удавов всегда мертвыми крысами, так как живые производили в ящике слишком большой беспорядок, и змеи никогда не оставляли такую падаль нетронутой; им даже, по-видимому, нравилось, если крысы были несколько загнившими, что говорит в пользу существования у них обоняния.

О размножении удавов на свободе я не имею никаких подробных сведений; в неволе наблюдали, что они рождали живых детенышей. Принц Вольдемар Прусский убил одну беременную самку обыкновенного удава, 12 яиц которой были уже настолько зрелыми, что детеныши достигали длины от 30 до 50 см.

Вестерману посчастливилось видеть, как в неволе удавы с успехом приступили к размножению: змея, о которой идет речь, родила нескольких живых детенышей и вместе с ними несколько яиц.

В восточной части Южной Америки убитые удавы различным образом употребляются в дело. Мясо, как говорят, едят негры; жир считается надежным средством против различных болезней; кожу обыкновенно дубят и изготавливают из нее сапоги, чепраки и тому подобное; негры обвивают ее также вокруг тела, считая предохранительным средством от различных болезней.

Удавов, привозимых живыми в Европу, ловят обыкновенно в петли, которые расставляют перед их логовищем. По степени гладкости входа, где толстое, тяжелое тело всегда оставляет след, узнают, обитаема ли данная нора или нет, и в первом случае укрепляют перед входом в нее петлю. Пойманное животное, говорят, сильно бьется и извивается, но лишь редко случается, чтобы оно задохнулось, так как, легко погибая от ранений, оно, по-видимому, оказывается довольно нечувствительным к давлению и удару. Убедившись ранее на опыте в живучести змей, Шомбургк тщательно связал пришибленного им удава и прикрепил его к столбам хижины. Оказалось, что эта предосторожность была совершенно оправдана. «Резкий необузданный хохот и громкое странное шипение, рассказывает наш исследователь, разбудили меня утром. Я поспешно соскочил с гамака и вышел из хижины. Змея действительно оправилась и старалась, делая страшные усилия, освободиться от пут. Вокруг нее собрались индейцы, которые дразнили ее, увеличивая ее гнев и ярость. Язык удава был в непрерывном движении. Если к нему приближались во время шипения, то чувствовался мускусный запах. Чтобы как можно скорее положить конец мучениям змеи, я выстрелил ей в голову».

Истребляя мышей и крыс, удав, как мы слышали, оказывается весьма полезным в амбарах бразильских купцов и плантаторов, поэтому считается почти домашним животным и пользуется иногда таким доверием, что даже ночью спит в одной комнате с хозяевами. Его умеренность или способность без вреда голодать целые месяцы еще более увеличивает его ценность и вместе с тем облегчает пересылку. Это делается крайне просто. Змею упаковывают в большой ящик, забивают его гвоздями, проделывают несколько отверстий для воздуха и предоставляют его судьбе. Вследствие этого пренебрежительного обращения и, вероятно, пробуждающегося голода она обыкновенно достигает места назначения в довольно неприветливом расположении духа, оказывается злой, готовой к нападению и долго упрямится, прежде чем решится приняться за еду; но скоро раздраженное состояние начинает уменьшаться, а когда она начинает есть и несколько привыкает к хозяину, то с нею легко иметь дело. Условия, необходимые для того, чтобы удав чувствовал себя хорошо, — это большая теплая клетка со стволами и ветвями для лазания и вделанным в дно большим корытом для купания. Употребляемые в зверинцах ящики вовсе поэтому не соответствуют потребностям животного, а шерстяные одеяла, в которые его закутывают, думая согреть, могут принести больше вреда, чем пользы. Дело в том, что не раз наблюдали, как в неволе исполинские змеи, может быть под влиянием голода, проглатывали свое одеяло. В Берлине у одного удава шерстяное одеяло оставалось в желудке 5 недель и 1 день. В течение этого времени он очень много пил и обнаруживал признаки недомогания, пока не начал, ночью, между 11 и 12 часами, выбрасывать обратно шерстяную массу и наконец счастливо освободился, с помощью сторожа, от неперевариваемого куска. То же случилось почти одновременно и в Лондонском зоологическом саду, а позднее в Jardin des plantes в Париже. Одеяло, которое проглотил живший здесь трехметровый удав, имело 2 м в длину и 1,6 м в ширину и оставалось в желудке с 22 августа до 30 сентября. Наконец, змея открыла пасть, в которой показался конец одеяла; за этот конец схватился сторож, но не тянул его; удав обвился хвостом вокруг находившегося в клетке дерева и стал подаваться назад, так что все одеяло вышло обратно неповрежденным, но приняло форму валька длиной почти 2 м, который в самом толстом месте достигал в поперечнике 12 см. После этого происшествия змея оставалась 10 дней вялой, но потом совершенно оправилась.

В тех же странах, которые служат родиной обыкновенного удава, живет и знаменитая обыкновенная анаконда, принадлежащая к тому же семейству, но очень сильно отличающаяся по образу жизни и служащая представителем рода **анаконд** (*Eunectes*). Она отличается от обыкновенного удава и своих родичей тем, что носовые щитки с закрывающимися ноздрями и соприкасаются между собой на середине морды, и тем, что покров головы перед глазами состоит из более крупных, довольно правильно расположенных щитков. Голова, по сравнению с длиной и толщиной тела, мала и практически не отделена от шеи. Форма головы продолговато-яйцевидная и сплющена сверху, морда закруглена, тело толстое, хвост тупой и короткий; 5560 рядов чешуек окружают середину тела.

Обыкновенная анаконда (*Eimectes murium*), по словам принца фон Вида, который подробно описывает ее, обладает очень постоянной и характерной окраской. Верхняя поверхность темно-оливково-черного цвета, бока головы оливково-серые, нижние края челюстей более желтоватые; от области лба между глаз, радужная оболочка которых темна и малозаметна, тянется к затылку широкое грязно-желто-красное пятно, окаймленное с боков черным цветом, а под ним, тоже от глаз, следует вниз, над углом рта, черно-бурая полоса, которая резко отличается от пятна на верхней части головы. Нижние части животного до половины высоты боков усеяны на бледно-желтом фоне черноватыми пятнами, которые в некоторых местах образуют две прерывающиеся продольные линии; рядом с этими пятнами находятся два ряда кольцеобразных черных с желтой серединой глазчатых пятен, а от головы до конца хвоста тянутся по верхней стороне два ряда круглых или кругловатых, отчасти расположенных попарно, отчасти чередующихся черно-бурых пятен, которые на шее и над заднепроходным отверстием обыкновенно стоят рядом, а в остальных частях тесно сближены и могут соединяться в поперечном направлении.

Из исполинских змей Нового Света анаконда самая большая. Самая крупная змея этого вида, измеренная Гюнтером, равнялась 29 футам, или 8,29 м. Фишер упоминает об измеренных им самим экземплярах длиной 7,13 и 7,58 м. Одна змея этого вида, которую исследовал Бэте, имела в длину более 6 м, и обхват ее по середине тела составлял 60 см. Шомбургк рассказывает, что он убил несколько экземпляров длиной 5 м; то же подтверждают и данные принца фон Вида. Но Каплер определенно говорит об анаконде, которую он сам убил и измерил: «Она без головы и хвоста была длиной 26 рейнских футов, а, следовательно, вся длина равнялась почти 30 футам, а толщина обыкновенной толщине тела мужчины». Несомненно, что анаконда сильная, внушающая почтение змея, которая, вместе с живущим в Индии сетчатым питоном, самая большая из всех известных змей.

Обыкновенная анаконда (*Eunectes murinus*)

"Все рассказы и названия, говорит принц фон Вид, указывающие на пребывание в воде или около воды, относятся к этому виду. Он по большей части живет в воде и может очень долго оставаться на глубине, но часто выходит на берег на старые древесные стволы, обломки скал или на горячий песок, чтобы греться здесь на солнце или съесть добычу. Анаконда представляет течению

реки нести ее, ловит здесь рыбу или ложится на обломок скалы в засаду, подстерегая водосвинок, агути, пака и тому подобных животных. В реке Бельмонте мои охотники увидели торчащие из воды четыре ноги млекопитающего, которое они приняли за мертвую свинью; но когда они подошли ближе, то заметили исполинскую змею, которая несколько раз обвилась вокруг большой водосвинки и задушила ее. Охотники тотчас два раза выстрелили в чудовище, а ботокуд всадил в нее стрелу. Лишь теперь змея оставила добычу и, несмотря на рану, быстро удалилась, как будто бы с ней ничего не случилось. Мои люди взяли свежую, только что задушенную водосвинку и возвратились, чтобы рассказать мне об этом случае. Так как для меня было крайне важно добыть эту замечательную змею, то я тотчас послал охотников снова, чтобы отыскать ее; но все труды пропали даром. Дробины потеряли в воде силу, а стрелу нашли сломанной на берегу, где змея освободилась от нее».

Анаконда питается различными млекопитающими и птицами. Она проводит много времени на дне, лежит отдыхая в глубине, но иногда высовывает над поверхностью воды свою голову, наблюдая за берегом, или плывет вниз по течению, в поисках всякого рода добычи. Жители сильно ненавидят ее за разбой. Шомбургк убил змею, которая только что схватила и задушила одну из больших ручных мускусных уток; посетив одну плантацию, он узнал, что анаконда нападает иногда и на домашних четвероногих, например свиней. Другие исследователи подтверждают эти данные. «Когда мы, рассказывает Бэте, стояли на якоре в гавани Антонио Малагета, мы испытали неприятное посещение. Сильный удар в борт моей лодки, за которым последовал звук падающего в воду тяжелого тела, разбудил меня около полуночи. Я поспешно встал, чтобы посмотреть, что случилось. Все уже успокоилось, и лишь куры в корзине, привязанной к борту судна на высоте около 2 футов над уровнем воды, были беспокойны и кудахтали. Я не мог объяснить себе это; мои люди были на берегу, поэтому я возвратился в каюту и проспал до утра. Проснувшись, я нашел, что куры бегают по лодке, и при ближайшем исследовании в корзине для кур оказалась большая дыра; двух кур недоставало. Синьор Антонио заподозрил в этом преступлении анаконду, которая, как он говорил, охотилась в этой части реки несколько месяцев назад и утащила множество уток и кур. Сначала я был склонен сомневаться в этом и скорее подозревал каймана, хотя мы уже некоторое время не видели в реке ни одного; однако спустя несколько дней я имел случай убедиться, что Антонио был прав. Молодые люди из различных поселений собрались на охоту за хищником, начали правильное преследование, исследуя все мелкие островки по обоим берегам реки, и наконец нашли змею в устье одной илистой речки, где она лежала на солнце. Они убили ее метательными копьями, и на следующий день мне удалось увидеть ее; при измерении оказалось, что это был не особенно большой экземпляр: его длина равнялась 6 м, обхват лишь 40 см».

Именно относительно анаконды утверждают, что она иногда нападает на человека, и, может быть, к ней относится уже приведенный рассказ принца Морица Нассауского. Шомбургк рассказывает буквально следующее: «В Марокко (одна из миссий в Гвиане) все были еще ошеломлены нападением исполинской змеи на двух жителей миссии. Незадолго до этого один индеец из миссии поехал с женой вверх по реке на охоту за птицами. Он выстрелил в утку, и она упала на берег. Спеша к добыче, охотник был внезапно схвачен большой анакондой, или комути, как ее здесь называют. Не имея с собой никакого оружия (ружье он оставил в челноке), охотник крикнул жене, чтобы она принесла ему большой нож. Едва жена приблизилась к нему, как чудовище схватило и обвилось и вокруг нее, но индейцу, к счастью, удалось в этот момент высвободить руку и нанести змее несколько ран. Ослабленная ими, она наконец оставила их и обратилась в бегство. Это был единственный известный мне случай, когда анаконда напала на людей». В высшей степени вероятно, что голодная змея намеревалась напасть на утку, а не на индейца и в слепой хищности вцепилась в него. Однако бывают и другие случаи. «В Эге, рассказывает Бете, большая анаконда раз чуть не съела 10-летнего мальчика, сына одного из моих соседей. Отец и сын хотели набрать диких плодов и высадились на песчаный берег. Мальчик остался стеречь лодку, а отец пошел в лес. В то время как мальчик играл в воде под тенью деревьев, вокруг него обвилась большая анаконда, которая незаметно приблизилась к нему настолько, что он не мог уже спастись бегством. К счастью, на его крик своевременно подоспел отец, который тотчас схватил анаконду за голову, раскрыл ей челюсти и освободил мальчика». Александр Гумбольдт тоже говорит, что большие водяные змеи представляют опасность для индейцев во время купания. Тем не менее, эти исключения не могут опровергнуть установленного принцем фон Видом правила, что нераздраженная анаконда безопасна для человека и никто ее не боится*.

** Анаконда практически не нападает на человека. Все известные случаи следует считать либо существенным преувеличением, либо случайной ошибкой змеи, которая видит в воде лишь часть тела человека и может понять его движения как угрозу для себя.*

После обильной трапезы анаконда, как и вообще все змеи, становится вялой, но никогда не бывает при этом до такой степени неподвижной, как рассказывают. Во всем, что говорилось о пище и неподвижности во время пищеварения, заключается, как указывает принц фон Вид, «известная доля правды, но она всегда очень преувеличена». Шомбургк замечает, что запах, исходящий от анаконды во время пищеварения, отвратителен, и по большей части, руководясь им, можно прийти к месту, где лежит переваривающую пищу змея. По словам Ватертона, остается еще спорным, происходит ли эта вонь от разлагающихся кусков добычи или от известных желез, которые находятся, как говорят, около заднепроходного отверстия.

Гумбольдт первый из естествоиспытателей упоминает, что анаконда зарывается в ил и впадает в состояние оцепенения, когда высыхают воды, в которых она живет. «Индейцы часто находят, говорит он, громадных исполинских змей в этом состоянии и, как говорят, чтобы разбудить, их раздражают или поливают водой». Впрочем, такая зимняя спячка наступает лишь в известных частях Южной Америки, но не в тех странах ее, где не бывает ни холода, ни невыносимой жары или засухи. Здесь, по уверению принца фон Вида, не случается никаких значительных перемен в образе жизни анаконды и все, что говорили о зимней спячке ее, не относится к лесам Бразилии. Вечно богатых водой лесных долинах, где она живет не в настоящих болотах, а в широких озерах, реках и ручьях, берега которых освежаются тенью старых деревьев девственного леса, она остается подвижной и зимой, и летом. Однако жителям известно, что в жаркое время, т. е. в декабре, январе и феврале, так как в это время в ней пробуждается уже половое стремление, она движется больше и чаще показывается, чем в остальное время года.

Во время спаривания, по словам того же исследователя, которые вполне подтверждает и Шомбургк, часто бывает слышно странное ворчание анаконды. О самом совокуплении, т. е. о времени и способе его, не известно ничего. Шомбургк говорит, что детеныши выходят из яиц еще в брюхе матери и что число их часто доходит до сотни, а Каплер нашел в теле убитой им анаконды «78 кожистых пузырей длиной 6 дюймов, в которых находилось по змее длиной 1,5 фута и толщиной в большой палец. Все детеныши были мертвы». Шлегель тоже вынул из тела присланной ему из Суринама анаконды штук 20 яиц, в которых зародыши почти полностью развились и достигли длины 3045 см. Однако детеныши могут, по-видимому, являться на свет и недоношенными, так как одна анаконда из зверинца Дитера отложила 26 мая 36 яиц; их поместили между шерстяными одеялами и держали при температуре 36 градусов, и они успешно развивались до 18 июня, когда вылез бодрый и свежий первый детеныш толщиной приблизительно в палец. На свободе детеныши, по-видимому, тотчас после рождения отправляются в воду, но еще долго держатся вместе и располагаются обществом на соседних прибрежных деревьях. Это указание подтверждается и Шомбургком. «Несколько исполинских змей, рассказывает он, по-видимому, избрали берега реки для рождения детенышей; на деревьях, свешивающихся над рекой, находилось множество этих змей длиной около 2 м и соответственного возраста. Если мы начинали трясти ствол дерева, свесившегося над рекой, то каждый раз несколько штук падали вниз в челноки».

Читая старые описания путешествий, не удивляешься более, что еще и сегодня верят в страшные случаи борьбы между людьми и анакондами или другими исполинскими змеями. Патер Мантон говорит, что видел сам, как анаконда ловила рыбу. По его словам, она выплевывает на воду массу пены для того, чтобы привлечь рыб, ныряет и, когда пена окажет свое действие, появляется и опустошает реку от немых обитателей глубины. Однажды патер видел, как взрослый большой индеец, стоявший по пояс в воде, был проглочен змеей, видел также, что он на следующий день был выплюнут обратно. Другие рассказчики придумывают или преувеличивают таким же образом. Штедман описывает очень яркими красками свою охоту на одного из этих чудовищ. Путешественник был болен лихорадкой и лежал в гамаке, когда часовой сказал ему, что в кустарнике на берегу движется что-то черное, по-видимому человек. Бросили якорь и поехали в челноке к указанному месту. Один невольник различил, что черный предмет — это исполинская змея, и Штедман приказал повернуть назад; но невольник хотел непременно напасть на змею и возбудил тем дух соревнования в европейце, который, несмотря на нездоровье, пошел к змее с заряженным ружьем, между тем как один из солдат нес за ним еще три ружья. Едва они прошли по илу и кустарнику 50 шагов, как невольник закричал, что видит змею. Громадное животное лежало всего в 5 м от них под листьями двигало языком; глаза его сверкали. Штедман положил ружье на сук, прицелился, выстрелил, но попал пулей не в голову, а в тело. Змея стала страшно биться и точно скосила кустарник вокруг,

сунула в воду хвост и стала бросать им на преследователей такую массу ила, что они думали лишь о том, как бы поскорее дать тягу и прыгнуть в челнок. Когда они пришли в себя, невольник предложил повторить нападение. Змея, полагал он, через несколько минут успокоится и не будет думать о преследовании. Штедман еще раз ранил ее, но тоже легко и получил такой заряд ила, как в сильнейшую бурю. Опять мужественные бойцы убежали в челнок и потеряли охоту к дальнейшим нападениям; но невольник не отставал. Теперь выстрелили все трое и попали змее в голову. Негр был вне себя от радости, принес веревку, набросил все еще извивавшейся змее петлю на шею, и тогда ее с большим трудом стащили в воду, привязали к челноку и поплыли обратно к барке. Змея была еще жива и плыла, как угорь. Длина ее равнялась 7 м, толщина была настолько значительна, что она совершенно наполняла жилет 12-летнего негра.

Нечего удивляться, что после таких рассказов и Шомбургк сначала боялся нападать на замеченную его индейцами анаконду. «Чудовище, рассказывает он, лежало на толстой ветви нависшего над рекой дерева, свернувшись как якорный канат, и грелось на солнце. Я уже видел действительно больших анаконд, но такой великан мне еще не попадался. Долго боролся я с собою и был в нерешимости, напасть или спокойно проехать мимо. Все страшные картины, в которых мне рисовали громадную силу этой змеи и от которых я дрожал еще ребенком, всплыли теперь в моей памяти. А заявление индейцев, что, если мы не раним анаконду смертельно первым выстрелом, она, без сомнения, нападет на нас и опрокинет маленький челн, обвившись вокруг него, как неоднократно бывало. Ужас на лице Штеккле (слуга-немец), который заклинал меня моими и своими родителями не подвергать нас легкомысленно таким опасностям, побудил меня оставить мысль о нападении и спокойно проехать мимо. Но едва мы отъехали от этого места, как мне стало стыдно своей нерешительности, и я заставил гребцов вернуться. Я зарядил оба ствола ружья самой крупной дробью и несколькими картечинами; то же сделал и самый храбрый из индейцев. Медленно возвратились мы к дереву; змея лежала на прежнем месте. По данному знаку мы одновременно выстрелили; громадное животное свалилось вниз, и после нескольких судорожных движений его понесло течением. Мы с ликованием понеслись на своем судне вслед за змеей, скоро догнали ее и втащили в челнок. Хотя все убедились, что она давно уже умерла, Штеккле и Лоренц вовсе не считали себя в безопасности около нее; оба героя с жалобами и воем бросились на дно лодки, увидев лежащее перед ними и от времени до времени двигавшее хвостом животное длиной 5 м. Легкостью, с которой мы овладели анакондой, мы обязаны действию картечин, из которых одна раздробила спинной хребет, другая голову. Такая рана, особенно в голову, мгновенно делает неподвижной, как я имел случай неоднократно заметить позднее, даже самую громадную змею. Крик и выстрелы заставили возвратиться и оба челнока, которые уплыли вперед; однако господин Кинг сделал мне несколько замечаний относительно моего предприятия, вполне подтверждая слова индейцев. В одно из его путешествий такое чудовище, длиной почти 6 м, было убито лишь седьмой пулей».

Каплер следующим образом описывает, как он убил исполинский экземпляр, размеры которого были уже приведены. «Когда в ноябре 1838 года я возвращался в пост Никкери на большом судне, в котором мы привезли необходимую воду для питья, гребцы обратили мое внимание на большую змею, лежавшую у берега. Я видел сначала лишь покрытую илом и намытыми листьями кучу, и лишь когда рулевой ткнул в нее шестом, которым правил, можно было различить пятнистую кожу животного. Удар, нанесенный шестом, сломал бы человеку ребра, но чудовище точно не почувствовало его. Лишь когда я выстрелил в него мелкой дробью, оно подняло голову из середины клубка, но тотчас снова опустило ее. Мы были у самого берега и находились от змеи на расстоянии около 6 футов; голову она снова втянула в середину. Я выстрелил второй раз. Теперь змея с быстротой, какой нельзя было ожидать от такого вялого животного, поднялась, обдав нас илом, взлетевшим вверх на 12 футов, и с раскрытой пастью бросилась на меня. Это нападение было так неожиданно, что я бросился стремглав в судно. Между тем рулевой, сильный негр, напал на бешеное животное с шестом; анаконда обвилась вокруг шеста и вцепилась зубами в твердое дерево. Я тем временем оправился от испуга, зарядил ружье и убил животное на месте выстрелом в голову. Затем мы общими силами втащили змею на судно, где я отрубил ей голову и хвост и выбросил их за борт, так как иначе негры не хотели брать ее с собой».

В противовес таким рассказам, справедливость которых я вовсе не хочу оспаривать, мне кажется необходимым привести еще некоторые данные принца фон Вида. «Обыкновенно, - говорит этот во всех отношениях надежный исследователь, — анаконду убивают дробью, но ботокуды пользуются и стрелами, если могут достаточно приблизиться к ней, так как на суше она движется медленно. Догнав змею, ее бьют по голове или стреляют в голову. Ее нелегко умертвить стрелой, попавшей в тело, так как анаконда живуча; она уползает со стрелой в теле и обычно выздоравливает.

Жители Бельмонте убивали этих змей, почти совершенно отрубали им голову, вынимали из тела все внутренности и большое количество находившегося там жира, и тело все-таки двигалось еще долгое время, даже после того, как шкура была содрана. Анаконду преследуют без пощады, где найдут. Ее толстую кожу дубят и делают из нее попоны, сапоги и чемоданы. Белый жир, которого в известные времена года у нее бывает очень много, в большом употреблении, а ботокуды едят мясо анаконды, если это животное попадает случайно им в руки».

Кроме людей, у взрослых анаконд едва ли есть какие-либо враги; по крайней мере, я считаю, все рассказы об ужасных битвах между крокодилами и водяными змеями за пустую болтовню, чтоб не сказать за ложь. Напротив, детенышей с таким же рвением преследуют все южноамериканские враги змей, как и других мелких представителей этого отряда.

В наших зверинцах и зоологических садах живых анаконд можно видеть так же часто, как и обыкновенных удавов. Уход за ними такой же, и то, что можно сказать о жизни в неволе одной из этих змей, относится и к другой.

Под названием **узкобрюхих удавов** (*Corallhis*) выделяют четыре вида из остальных представителей этого семейства. Как и у обыкновенного удава, голова и тело их одеты гладкими чешуйками, которые на передней части головы позади морды превращаются в несколько крупных одинаковых щитков. Эти змеи особенно отличаются тем, что каждая сторона рыльцевого щитка и большая часть верхнегубных имеют по глубокой ямке и всегда между носовым щитком и глазом находятся два или более уздечных щитков, расположенных в виде продольного ряда. Тело сильно сжатое, хвост, как и у предыдущих форм, способен к хватанию. Кроме того, как считает Шомбургк, характерным признаком является то, что у одного из видов более длинные зубы сильнее развиты в нижней челюсти, чем в верхней. Узкобрюхие удавы населяют тропическую Америку.

Собакоголовый удав (*Coralius caninus*) достигает длины 3-4 м, но экземпляры такой величины попадаются редко. Цвет верхней стороны прекрасный листовидно-зеленый, темнеющий вдоль средней линии и испещренный по бокам резко выступающими, чисто белыми двойными пятнами и поперечными полукольцами; нижняя сторона желто-зеленая.

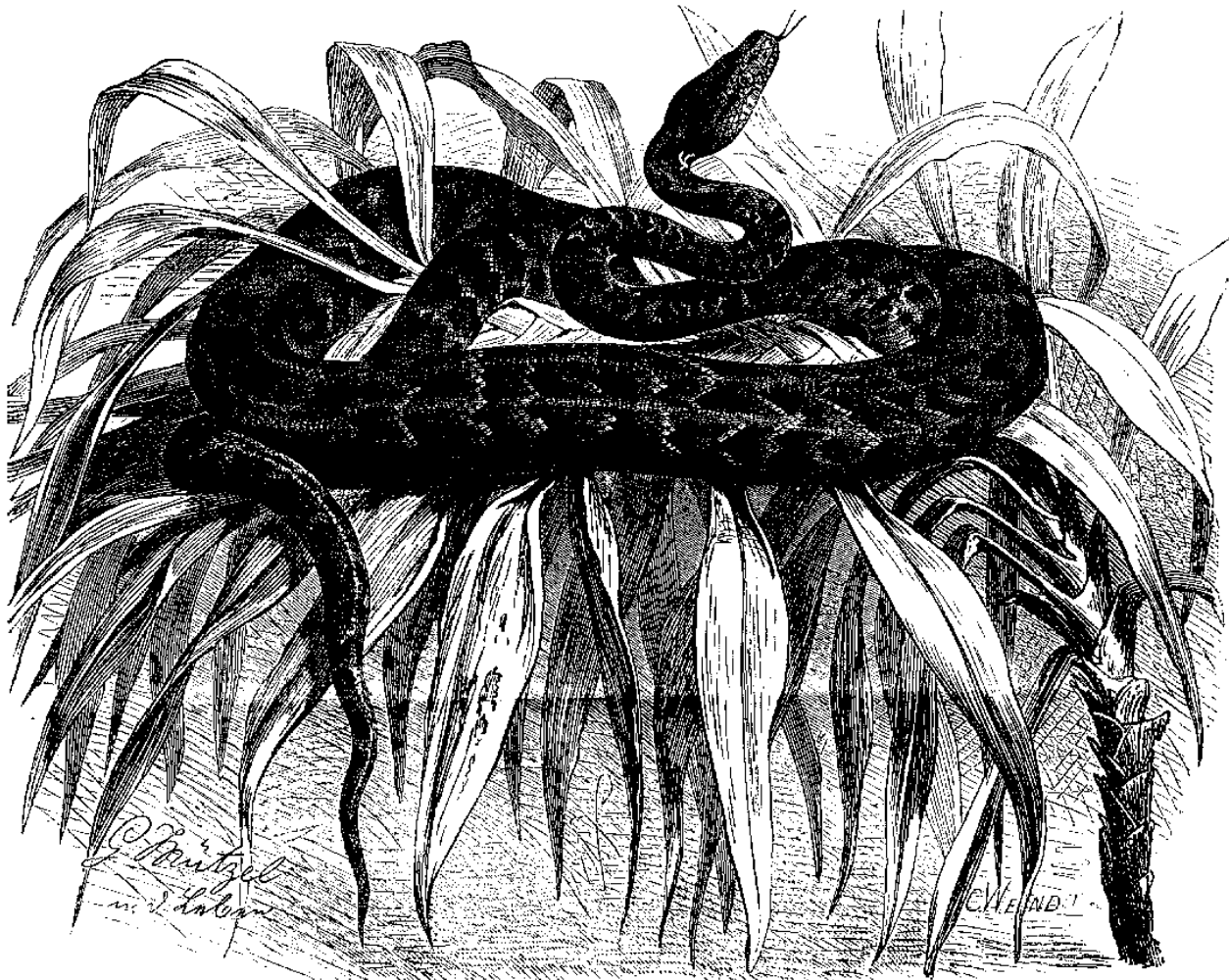
В настоящее время еще не установлено с достаточной достоверностью, как далеко простирается область распространения этого вида. Чаще всего он встречается, по-видимому, в бассейне Амазонки и отсюда распространяется на север до Гвианы и на юг по северной Бразилии.

Собакоголовый удав (*Coralins caninus*)

Один удав этого вида, которого держали в Лондонском зоологическом саду, обыкновенно лежал свернувшись в клубок на высоких ветвях, прикрепляясь своим хватательным хвостом к более тонкой ветви. Пища собакоголового удава состоит, вероятно, из птиц; наблюдали также, что он превосходно плавает, и притом не только в пресных водах, но и в море. Так, Спикс встретил одного собакоголового удава, переплывающего Рио-Негро, а один морской офицер уверял Дюмериля, что видел такого удава плавающим по рейду Рио-де-Жанейро. По рассказам старых авторов, он часто прокрадывается в жилища, особенно в хижины негров, в поисках пищи, но никогда не бывает опасен для людей. Тем не менее, он сильно кусается, если его раздражить, и наносит своими длинными зубами болезненные и трудно заживающие раны. В последнем Спикс убедился на том экземпляре, который он видел плавающим в бухте Рио-де-Жанейро. Желая поймать его, он велел грести вслед за удавом, и один из его спутников-индейцев счастливо оглушил змею ударом по голове. Наш исследователь схватил удава, но едва взял его, как тот с такой силой обвился вокруг руки, что Спикс не мог двинуть ею. К счастью, он схватил удава рукой за голову и сунул ему в пасть кусок дерева, в который змея сильно вцепилась зубами. Никто из сопровождавших его индейцев не осмеливался приблизиться, боясь, что удав выпустит белого и бросится на него. Только убедившись, что змея не может ничего им более сделать, они помогли Спиксу освободиться от колец змеи. Ее убили и заспиртовали. Когда вынули ее в Европе из сосуда, она держала еще во рту кусок дерева, а исследование показало, что зубы ее пронзили его с обеих сторон. Относительно размножения собакоголового удава я не знаю никаких данных о жизни его в неволе Склатер, который написал несколько слов по поводу великолепного рисунка Вольфа, изображающего эту змею, тоже ничего не говорит.

Лишь в новейшее время стал известен один из представителей этого семейства — **стройный удав** (*Epicrates striatits*), представитель **гладкогубых удавов** (*Epicrates*), признаки которых следующие: голова заметно отделена от тела, сзади значительно шире, чем спереди; морда косо усечена по направлению книзу, лоб низкий, слегка вдавленный посреди не, ноздри лежат сбоку и каждая окружена тремя щитками; шея тонка, тело сильно сжато, хвост тонок и в значительной степени способен свертываться. Лишь на морде находятся более крупные правильные щитки; находящиеся на лбу и между глазами неправильны и расположены неодинаково; губные щитки не имеют ямкообразных углублений. Гладкие чешуйки, расположенные в 55-65 рядов, на боках уменьшаются, но к брюху снова увеличиваются и покрывают верхнюю сторону тела; на брюхе щитки широкие; более узкие, в один ряд — на нижней стороне хвоста. Зубы расположены на челюстях и нёбе; в верхней челюсти с каждой стороны по 20, в нижней — по 18 зубов.

Стройный удав (*Epicrates striatits*)

Основной цвет — медно-красно-бурый; голова одноцветная или с желтыми пятнами назади и украшена двумя более темными полосами, тянущимися с каждой стороны от глаз назад; спина разрисована по всей длине очень многочисленными, частыми, зигзагообразно изогнутыми узкими поперечными полосками беловатого цвета. Общая длина может достигать или даже превышать 3 м.

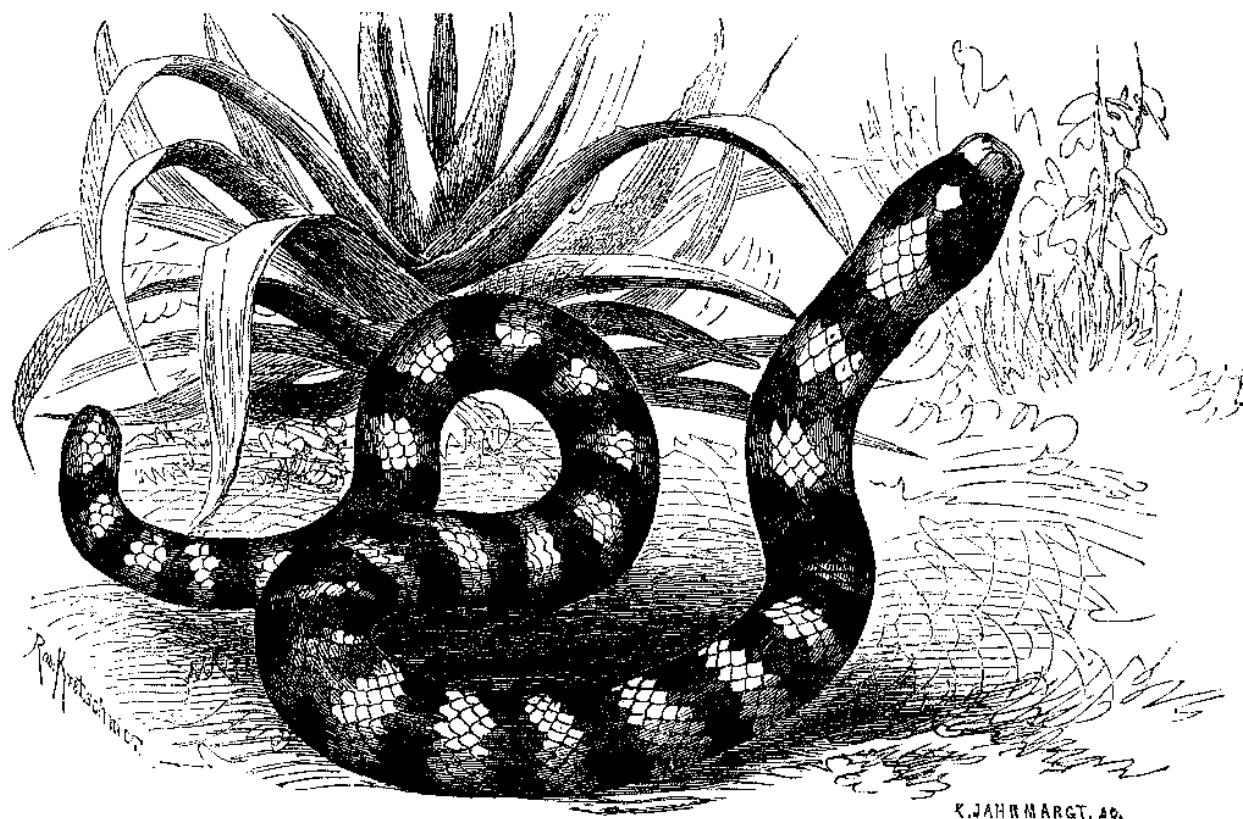
Область распространения стройного удава, по-видимому, ограничивается Гаити. С Антильских островов были получены в Германии первые экземпляры, которые познакомили с этим видом ученый мир. От Гебгардта из Кап-Аитьена на Гаити я получил однажды три змеи этого вида, которых я долгое время держал и наблюдал. По словам лица, подарившего их, стройные удавы держатся главным образом на плантациях сахарного тростника, но нередко показываются и в хижинах туземцев или селятся среди кровельных балок полуразрушенных строений, например старых церквей, и предпринимают отсюда охоту на крыс, молодых птиц и т. п., похищают также и яйца. Днем они ведут себя очень спокойно и лениво, почему на родине их называют сонными змеями. Тем бодрее и оживленнее бывают они ночью, когда, подобно всем родичам, занимаются охотой. Только что пойманные злы и любят кусаться, но скоро привыкают к людям и обнаруживают позднее такой же смирный характер, как и любой другой представитель этого семейства. За пищу они принимаются не сразу: присланные мне прожили 11 месяцев в неволе в доме отправителя, но лишь через 6 меся-

цев решились съесть крысу и потому прибыли ко мне настолько исхудавшими, что один из них скоро околел. Остальные стали наконец есть, и при этом оказалось, что они схватывают, душат и заглатывают добычу совершенно так же, как и другие удавы. Но они довольно существенно отличаются от большинства родичей способностью лазать. Между тем как другие удавы только иногда пользуются предоставленными им ветвями, стройные удавы, по-видимому, не могут без них жить или, по крайней мере, никогда не чувствуют себя так хорошо, как другие исполинские змеи, даже тогда, когда лежат в ленивом покое на хорошо прогретом полу. Положение, переданное нашим художником, обыкновенно принимали стройные удавы, которых я держал.

Семейство вальковатые змеи

Соединительным звеном между ложноногими и щитохвостыми змеями является семейство вальковатых змей. Они родственны последним по форме тела и чешуям, а с ложноногими сходны в том отношении, что у них существуют остатки таза и следы задних конечностей, между тем как по строению черепа они как раз стоят между обоими семействами посередине. Общий вид их напоминает слепунов: голова мала, приплюснута, закруглена и едва заметно отделена от тела, хвост очень короткий, с тупым концом. Пасть вооружена сильными зубами для схватывания добычи, которых в межчелюстных костях 0-4, на каждой челюсти по 9-12, на небных костях по 6-8 и еще значительное число на крыловидных костях. В скелете заметны зачатки таза и конечностей с недоразвитым когтем, что более явственно заметно у ложноногих. Маленькие глаза лежат свободно или скрыты под просвечивающей роговой чешуйкой и имеют круглый зрачок. Лоб покрыт двумя большими, верхние губы 5-6 более мелкими щитками; чешуйки малы, округлены, гладки и налегают друг на друга черепицеобразно; брюшные чешуйки едва крупнее покрывающих остальное тело. Все виды рожают живых детенышей.

Один из обыкновеннейших видов этого маленького семейства — **коралловая сверташка** (*Anilius scytale*), представитель одноименного рода, который отличается тем, что у единственного принадлежащего к нему вида с каждой стороны два зуба в межчелюстных костях и маленькие глаза находятся под серединой щитка. Цвет великолепный — кораллово-красный, на нем очень резко выступают многочисленные, зубчатые по краям, черные кольца или кольцеобразные поперечные полосы. Длина равна 60-70 см.

Коралловая сверташка (*Anilius scytale*)

По словам Дюмерилия и Биброна, отечество этой змеи — голландская и французская Гвиана. Они говорят, что этот вид здесь очень обыкновенен; другие исследователи тоже утверждают, что сверташка, которая встречается во всех собраниях, обыкновенна в Венесуэле, Гвиане и северо-восточной Бразилии, и потому странно, что тщательно наблюдавший Шомбургк не упоминает о

ней. Каплер говорит, что эта змея живет и в Суринаме, но упоминает только, что всегда удивлялся ее мышечной силе, которая гораздо значительнее, чем сила всякой другой змеи такой же величины.

Об образе жизни ее мы знаем приблизительно следующее: сверташка медлительна в движениях, не удаляется на значительное расстояние от своего убежища, которое избирает под корнями старых деревьев, в норах в земле и тому подобных местностях, охотится за мелкими пресмыкающимися, например слепунами, и рождает детенышей, уже разорвавших оболочку яйца.

О великолепии цвета живого животного, по словам Бэтса, едва ли можно составить себе представление, и уж во всяком случае, не по сохранившимся в спирту, выцветшим экземплярам.

Цилиндрические змеи (*Cylindrophis*) отличаются от сверташек тем, что у них нет зубов в межчелюстных костях и их глаза не затянуты кожей. Глаз окружен надглазным, заглазным, лобным и двумя губными щитками. Каждая ноздря лежит в большом неразделенном щитке. На середине подбородка явственно заметна продольная бороздка.

В качестве представителя этого рода, к которому относятся лишь три вида, живущие в Индии, приводится обыкновенно **красная цилиндрическая змея** (*Cylindrophis rufus*), распространенная от Бирмы до Кохинхины и Малаккского полуострова и по всем нидерландским колониям на Зондских островах; она особенно обыкновенна на Яве, где достигает длины 78-83 см. Змея бурого или черного цвета с кораллово-красным ошейником, неправильными, большими или меньшими, черными полосками на белой нижней стороне и кораллово-красной нижней стороной хвоста. Продольных рядов чешуек от 19 до 21. Белые поперечные полосы по бокам спины могут и отсутствовать.

Цилиндрические змеи живут под землей; они вырывают себе ходы, лишь случайно выходят на поверхность и питаются насекомыми, червями и слепунами, но едва ли, как указывали прежде, — мелкими, живущими в земле млекопитающими. Они тоже рождают живых детенышей.

Семейство ужеобразные

Линней соединял всех известных ему змей в три семейства, именно: исполинских, ужеподобных и гремучниковых. Под ужеобразными мы, следуя Буланже, подразумеваем приблизительно всех тех змей, которых соединял под этим названием Линней, а следовательно, относим к одному этому большому семейству значительное большинство змей, как неядовитых, так и ядовитых*.

** В семейство Colubridae входит около 60% всех современных змей.*

Понадобилось целое столетие для того, чтобы естествоиспытатели убедились в том, что основное деление змей на безвредных и ядовитых неестественно и ненаучно. Главная причина, почему нельзя провести это, по-видимому, столь резкое деление, заключается в существовании переходных форм змей, относительно которых никто не может сказать, ядовиты они или нет. Целый ряд бороздчатоzubых, к которому мы должны еще будем возвратиться, включает животных совершенно ужеобразного строения и образа жизни, но строение их зубов и, в частности, действие укусов приближают их к настоящим ядовитым змеям. Их укусы решительно смертельны для мелких животных, каковы ящерицы, веретеницы и воробьиные птицы, но неопасны для людей и более крупных млекопитающих. Должны ли мы причислять бороздчатоzubых змей к неядовитым змеям, с которыми они сходны по общему строению тела, или к ядовитым, с которыми они до известной степени сходны по действию их укусов? Мы знаем теперь ядовитое действие на мелких животных укусов ящеричного ужа и травянисто-зеленой плетевидки, которых относили прежде к безвредным змеям, и можем заключать отсюда, что и другие роды, подобным же образом вооруженные бороздчатыми зубами, каковы кошачья змея, бойги и остроголовые змеи, отравляют своими укусами. Об отделении от безвредных ужей здесь тем менее можно думать, что бороздки на зубах остаются часто почти единственным признаком, по которому можно различать два близкородственных вида.

С другой стороны, переход между бороздчатыми зубами и полыми, какими обладают виды, ядовитые и для человека, совершенно постепенный и оба рода зубов вообще различны лишь по степени развития, а укусы различаются лишь по степени действия. Что такое полый зуб, как не бороздчатый, у которого загнутые края желобка слились, срослись между собою? У зубов обоого рода основная форма сходная, развитие зуба одинаковое, деятельность тоже. Оба зуба снабжены желобкообразной выемкой на переднем крае, а края выемки завернуты, чтобы ядовитая жидкость при укусе могла вернее попадать в рану; если оба края сближаются, образуется бороздчатый зуб, если они соприкасаются и сливаются посередине, мы имеем перед собой полый или ядовитый зуб. Не следует забывать, что при основании и на конце полые зубы остаются настоящими бороздчатыми. В самой ядовитой железе мы тоже не находим различий между ядовитыми и безвредными змеями с тех пор, как Рейхель показал, что ядовитая железа гадюки и ее задняя верхнегубная железа ужа соответствуют друг другу по положению и строению.

От остальных семейств ужеобразные отличаются отсутствием остатков таза и задних конечностей, присутствием верхневисочной кости, а также тем, что передние лобные кости всегда отделены от носовых промежутков. Зубы находятся в обеих челюстях; верхняя челюсть расположена горизонтально и не способна совершать движения в вертикальном направлении; в нижней челюсти нет венечной кости.

Мы делим это большое семейство, к которому относится большинство всех известных змей, на три параллельных ряда, из которых **гладкозубые ужовые змеи** (*Aglypha*) имеют лишь один род зубов: сплошные, не имеющие ни бороздок, ни внутренних каналов. Второй ряд обнимает **бороздчатозубых ужовых змей** (*Opisthoglypha*). У них, по крайней мере, один из задних зубов верхней челюсти имеет на передней стороне продольный желобок. Они считаются подозрительными змеями и отчасти известны уже как в легкой степени ядовитые. У третьего ряда, **переднебороздчатых змей** (*Proteroglypha*), передние зубы верхней челюсти снабжены бороздкой или каналом. Все эти змеи ядовиты, и укусы их по большей части опасны и для человека.

К первому ряду, гладкозубых, относится громадное большинство родов, представители которых более или менее приспособлены к жизни на суше и покрыты чешуйками, черепацеобразно налегающими друг на друга.

Ужи отличаются тем, что тело их тонко и одинаково гибко во все стороны; маленькая, продолговатая, стройная голова более или менее явственно отделена от тела; хвост оканчивается острием; тело одето гладкими или килеватыми черепитчатыми чешуйками, а на нижней стороне — большими щитками, и, наконец, щитки на подбородке обыкновенно разделены бороздкой, а щитки хвостовой части расположены в один или два ряда. Многочисленные одинаковые зубы сидят на челюстях и на нёбе; лишь редко некоторые из них отличаются своей величиной. Таким образом, можно сказать, что ужи — те безвредные змеи, которые обладают наиболее правильной формой тела и строением отдельных частей и не отличаются никаким выдающимся признаком. Но среди многих других змей они выделяются своей подвижностью, бодростью и относительной понятливостью, так что их можно в известном смысле назвать выше всего стоящими змеями, по крайней мере, они едва ли уступают в этом отношении исполинским змеям.

Ужи, которых различают не менее 1000 видов*, распределены по всей Земле, так как они, хотя и в малом числе, доходят до полярного круга и несколько видов их встречаются также в Австралии и на островах Великого океана.

** Ужеобразные до сих пор самое многочисленное семейство змей; оно насчитывает более 2000 видов более чем из 300 родов.*

Местопребывание их очень различно. Многие виды любят сырые места и воду, другие ищут, напротив, более сухую местность. Большинство их, как заставляет предполагать уже круглый значок, — преимущественно дневные животные, которые с наступлением ночи удаляются в свои убежища. Однако есть немало видов, как, например, живущие в Индии **волкозубы** (*Lucodon*), которые деятельны в сумерки или благодаря своему вертикальному зрачку отыскивают добычу, состоящую из ящериц и особенно сцинковых, днем в их убежищах. По образу жизни разные виды различаются довольно существенно, так как значительное влияние на это оказывает местопребывание их, но, с другой стороны, между ними много общего. Это быстрые и подвижные животные; они относительно быстро ползают извиваясь по земле, некоторые изумительно ловко плавают, лазают также более или менее хорошо, а некоторые превосходно.

Пища их состоит главным образом из мелких позвоночных всех классов, особенно пресмыкающихся и земноводных, однако некоторые ревностно преследуют также мелких млекопитающих, другие — мелких птиц, а плавающие — рыб соответственной величины. Некоторые из более мелких видов довольствуются червями, насекомыми и их личинками. Если в смешанное общество ужей, живущих в одной клетке, бросить различных животных, соответствующих привычкам и вкусам пестрого общества, то можно наблюдать, как один вид ужей намечает одну, другой — другую добычу, преследует, овладевает ею и поедает ее. Ни один известный мне уж не подстерегает проходящую мимо жертву, а каждый охотится за замеченным животным, подкрадывается к нему или торопливо преследует его, пока не схватит. При этом можно заметить, что виды, поедающие лягушек и рыб, глотают их без особых приготовлений — лягушек, часто начиная с задних ног, рыб всегда головой вперед; напротив, те, которые охотятся за млекопитающими, птицами или ящерицами, всегда сначала душат добычу и лишь затем поедают ее. Со змеями, не исключая и ближайших родичей, ужи поступают так же, как и с рыбами, — глотают так быстро, что их можно спасти, лишь вовремя схватив за хвост и вытащив из пищевода или желудка врага. Один лазающий уж, проглоченный североамериканским черным ужом до кончика хвоста, был мною возвращен таким образом на свет и

прожил после своего спасения из глотки опасного родственника еще несколько лет. Крупнейшие виды этого семейства оказываются настолько же энергичными, насколько и предприимчивыми хищниками.

В более холодных странах ужи прячутся поздней осенью в зимние убежища, впадают здесь в состояние оцепенения и появляются снова лишь с наступлением настоящей весны, линяют и приступают затем к размножению, которое замечательным образом возбуждает некоторые виды и, как говорят, делает их склонными к нападениям на более крупных животных. Несколько недель спустя самка кладет свои 10-30 яиц в теплых и влажных местах, предоставляя их действию солнечного тепла, или вынашивает их так долго, что детеныши разрывают оболочку яйца непосредственно перед кладкой или после нее и, следовательно, рождаются живыми. Детеныши питаются сначала мелкими беспозвоночными животными различных классов, но скоро начинают вести образ жизни родителей.

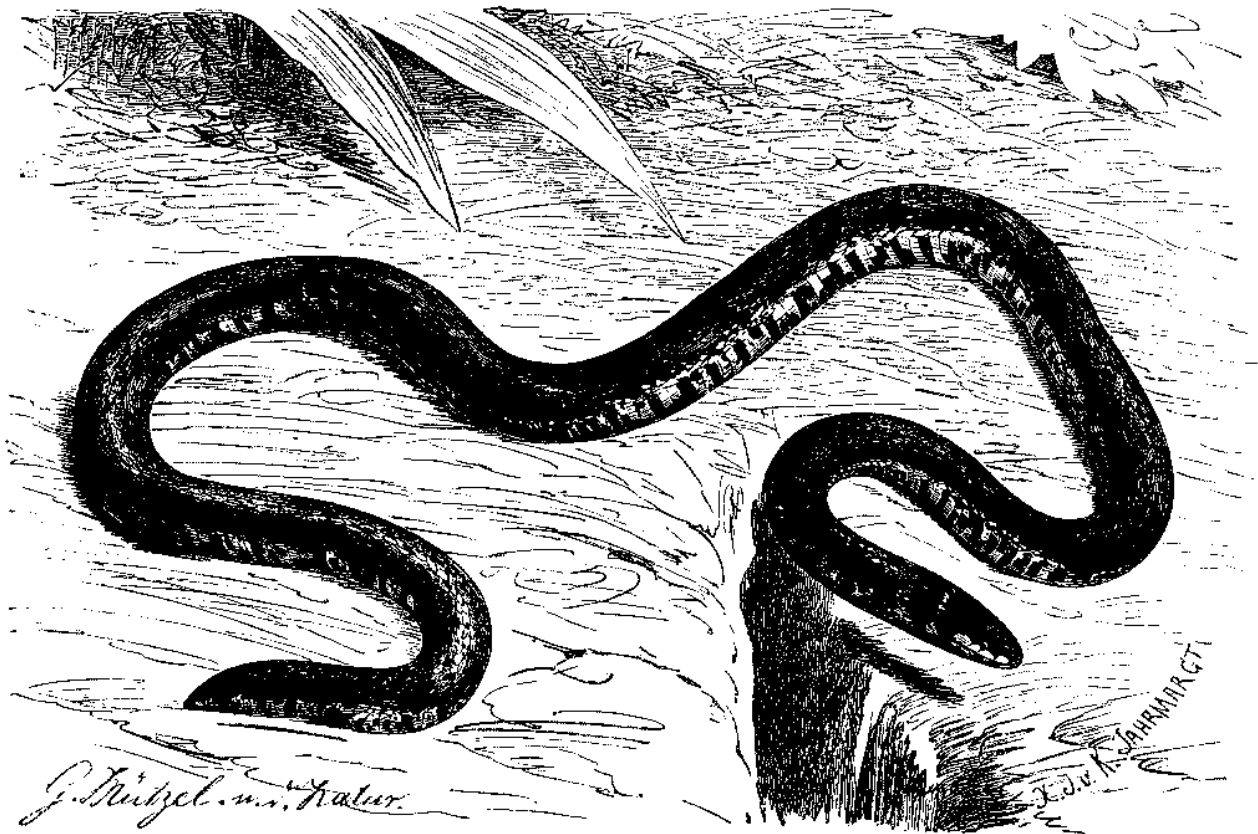
Ужи не приносят человеку никакой пользы, скорее вред; поэтому тот, кто желает, чтобы ужей щадили, должен не забывать, что для такой пощады необходимо точное знание охраняемых животных. В неволе многие виды выдерживают целые годы, так как без колебания принимаются за пищу, постепенно привыкают к хозяину и действительно могут быть в известной степени приручены.

По их малой величине и сходству с щитохвостками по общей форме тела мы рассмотрим здесь первым род **карликовых змей, или каламарий** (*Calamaria*). Под этим названием объединяют приблизительно 30 видов, распространенных по Индокитаю, Бирме, южному Китаю, Малайскому архипелагу и особенно на Яве, Суматре и Калимантане. Признаки рода следующие: тело круглое и негибкое, голова очень короткая, не отделена от шеи, хвост более или менее короткий, но заострен. Круглые, гладкие, более или менее черепицеобразно налегающие друг на друга чешуйки, расположенные в 13 продольных рядов, покрывают тело и хвост; на брюхе щитки хорошо развиты, а нижнюю сторону хвоста покрывают два ряда щитков. Напротив, число головных щитков очень уменьшено, так как всегда нет уздечных, передних лобных и височных. Глаза, с круглым зрачком, малы; ноздри лежат сбоку в очень маленьком носовом щитке. Зубы не представляют ничего особенного: верхне-челюстные — приблизительно равны между собой по величине; рядом с ними располагаются нёбные зубы; передние зубы нижней челюсти всегда несколько длиннее задних.

Карликовые змеи заслуживают свое имя: ни одна из них не превышает в длину 51 см; большинство не достигает и половины этой длины, а некоторые — едва одной трети. Они живут, почти как червеобразные змеи и сверташки, под упавшими деревьями, камнями и в других подобных убежищах исключительно на земле, частью под землей и питаются, подобно им, насекомыми и червями; в свою очередь, они очень часто становятся жертвами других змей, особенно более мелких аспидов, которые живут в тех же местах.

Достаточно рассмотреть здесь подробно один вид этого красивого пестроокрашенного рода, к которому примыкают многочисленные родственные ему группы, живущие во всех тропических странах. Я выбираю для этого один из наиболее известных видов.

Каламария Линнея (*Calamaria Unnaei*) достигает в длину 33 см, имеет четыре верхнегубных щитка и отличается также тем, что первая пара нижнегубных щитков позади подбородочного щитка не соприкасается, как обыкновенно у громадного большинства змей, а передние щитки желобка прилегают к заднему краю подбородочного щитка. Цвет и еще более рисунок чрезвычайно разнообразны. Голова и тело более светлого или темного бурого цвета с великолепным голубым отливом, то одноцветные, то с черными пятнами, продольными или поперечными полосками; брюхо карминно-красное и украшено большими черными четырехугольными пятнами. Отечество этой змеи — остров Ява.

Каламария Линнея (*Calamaria li/maeij*)

Названная карликовая змея и все виды этого рода живут на земле, движутся лишь днем и питаются мелкими беспозвоночными животными. Они предпочитают гористые местности равнинам. По наблюдениям Кантора, эти змеи не встречаются в большом числе. Они вялы, движутся медленно и даже в случае преследования никогда не уползают далеко, а, напротив, предпочитают лежать неподвижно и, по-видимому, притворяться мертвыми. От врагов они не защищаются, не пытаются кусаться и едва уползают. Из всех известных змей они наименее выносливы, так как не могут ни долго голодать, ни выносить какое-либо причиненное им насилие. В неволе они не принимают пищи и потому скоро погибают; их также едва можно трогать, так как легкого движения достаточно, чтобы умертвить их. Кантор в желудке исследованных им видов нашел останки насекомых и немного песка.

На втором месте мы поставим род **медянок, или гладких полозов** (*Coronella*). Это относительно маленькие или средней величины ужи с сильным, слегка укороченным, вальковатым, не сжатым посередине телом, короткой, довольно плоской, мало отделенной от шеи головой с круглой мордой и умеренно длинным хвостом. Они характеризуются: довольно маленькими глазами с круглым зрачком; ноздрями, открывающимися наружу между двумя щитками; двумя парами лобных, одним уздечным и 4-7 височными щитками; гладкими, расположенными в 19-25 рядов чешуйками, которые имеют перед концом по тонкой ямке, так называемой концевой поре; двурядными подхвостными щитками. В верхней челюсти у них 12-16 зубов, которые равномерно увеличиваются в длину спереди назад, в нижней — гладкие, небороздчатые зубы равной величины. Брюшные щитки закруглены на боках и не загнуты вверх в виде выступающего края.

Во всей Европе, от северной Норвегии до юга, живет на удобных местах, иногда в большом числе **обыкновенная медянка** (*Coronella austriaca*) — одна их самых изящных, подвижных и живых змей нашего отечества, длина которой не превышает 65 см, причем около 10 см приходится на хвост. Основной цвет верхней стороны обыкновенно бурый; рисунок состоит из большого темного пятна на зашейке, которое часто продолжается назад широкими полосами, и двух рядов темно-бурых, иногда соединенных попарно пятен, которые пробегают вдоль спины; другая темно-бурая полоса тянется через глаза вниз по бокам шеи; нижняя сторона тела бывает или стале-голубого или красно-желтоватого и беловатого цвета и часто испещрена более темными пятнами. Как и у большинства змей, цвет и рисунок представляют большое разнообразие. Попадаются разновидности от серого до красно-бурого цвета во всех промежуточных оттенках.

Обыкновенная медянка (*Coronella austriaca*)

От гадюки, с которой несведущие люди так часто путают медянку, она отличается с первого взгляда: совершенно гладкими чешуйками, на которых нет ни следа срединного кия; головой, покрытой щитками; двойным, расщепленным посредине заднепроходным щитком и круглым, а не вертикально-щелевидным зрачком. Очень существенно отличается, наконец, и строением зубов о чем будет сказано ниже. В Норвегии и Швеции медянка встречается, подобно всем представителям того же разряда, лишь в особенно удобных местах и всюду редко; в южной Англии ее можно встретить, по словам Вуда, лишь на известковых горах, на которых часто попадаются ящерицы; в Германии ее нередко встречают на Гарце и в Тюрингенском Лесу, а к югу отсюда — на всех горах средней Германии, также в Австрии, особенно в альпийских странах, следовательно, по всей Штирии, Тиролю, Каринтии, Крайне и в Далмации. В северной Греции, Италии, северной Франции, северной Испании и Португалии она тоже живет; в России она, как доказано, населяет, начиная с Курляндии, Лифляндии и Польши, все средние и южные губернии до Каспийского моря. В германских Альпах она восходит до 1200 м, в кантоне Ваадт — до 1240, на Кавказе — до 2000 м.

Своим местопребыванием медянка избирает сухую почву, солнечные каменистые склоны, покинутые каменоломни, горные откосы, густо поросшие кустарником обрывы, но в виде исключения встречается и в низменности на болотистой почве. По наблюдениям Ленца, она гораздо чаще заползает под гладкие камни, чем гадюка и обыкновенный уж, прячется также под мох, так что над ним выглядывает лишь головка. Вполне вероятно, что она делает это, чтобы укрыться от своих бесчисленных врагов. Медянка гораздо подвижнее и живее ужа, что особенно обнаруживается, если ее поднять за конец хвоста или на палке, вокруг которой она обвилась. В первом случае она может, если здорова и не слишком отягощена пищей, быстро поднять голову до руки. Во втором, по письменному сообщению Стерки, — она обвивается, делая оживленные движения, кольцами вокруг

палки и старается достать до земли или прочной опоры, а если ей это не удастся, то продолжает держаться на палке и не сваливается с нее, как делает в таких случаях более неуклюжий уж.

Несмотря на такую ловкость, насколько мне известно, никогда не видели, чтобы она лазала. Точно так же она не идет добровольно в воду, а если ее бросить туда, то плавает быстро и ловко, но всегда старается как можно скорее выбраться на берег.

О характере медянки различные наблюдатели высказываются неодинаково. Некоторые называют ее смиренным, добродушным животным, между тем как большинство утверждает прямо противоположное. «Она, — говорит Ленц, — вспыльчивое, злобное животное, которое не только бешено кусается тотчас после поимки, но даже и в комнате продолжает кусаться еще несколько недель, а иногда и целые месяцы. Если ей подставить перчатку или полу сюртука, то она обыкновенно вцепляется так крепко, что иногда висит по 8 минут и больше. Ее зубы, правда, так малы и так мало выдаются из десен, что едва видны; но они так остры, что все-таки тотчас вонзаются. Хотя эта змея легко озлобляется до того, что кусает саму себя, подобных ей, других змей и т. д., но неохотно пробует зубы о камни, железо и т. п. Если ее задразнить, то она принимает почти такое же положение, как гадюка: свертывается, втягивает шею, расширяет затылок и при укусе часто раскрывает пасть, насколько может. Медянки очень часто сражаются между собой и при этом кусаются очень сильно. Если они случайно схватят друг друга за голову, то иногда случается, по словам Дерси, что они сцепляются своими загнутыми назад зубами и не могут расцепиться. В таком случае битва становится продолжительной, обе змеи тянут назад в противоположных направлениях и более слабая вынуждена следовать за более сильной. Такие битвы можно провоцировать, если взять в обе руки по медянке, схватив их около головы, и, держа одну против другой, просто дразнить или вдруг обрызнуть водою. Особенно в последнем случае они, разгневанные, ползают в разных направлениях, в слепой ярости хватают друг друга. Этот злобный характер создал медянке дурную славу, и ее очень боятся, так как считают ядовитой; и действительно, в то мгновение, когда она злобно хватается все вокруг себя, ее легко спутать с самкой гадюки. «Со мною случалось, — замечает Шинц, — что я принимал такую змею за виперу, пока не исследовал ее точнее. Конечно, если можно вблизи увидеть ее голову, то ошибка скоро становится ясной для всякого знатока; большие щитки на голове, более тонкое блестящее тело, отливающее на солнце разными цветами, позволяют легко отличить ее; но ошибиться в этом случае слишком опасно, и потому надо смотреть хорошенько».

Вероятно, эти различные мнения легко примирить между собою. У медянки бывает хорошее и дурное расположение духа. «Иногда, — продолжает Ленц, — особенно если погода мокрая и холодная, она без сопротивления позволяет поймать себя; но по большей части она старается быстро ускользнуть и, действительно, бывает очень проворна, хотя ее и легко догнать на ровном месте; во всяком случае, она гораздо быстрее гадюки и ужа. Если ее держать за конец хвоста, она очень легко поднимает голову вверх до руки».

Иногда она живет вместе с другими змеями, например с ужами, реже с гадюками, уживается с ними долгое время и в неволе, но лишь до тех пор, пока ей это нравится и она не голодна. «Только если к ней посадить живую мышь, — говорит Ленц, — она тотчас приходит в возбужденное состояние и шипит, но лишь отрывисто и тихо. Иначе нелегко услышать ее шипение, кроме разве тех случаев, когда ее дразнят в то время, когда она вполне бодр». Она, как уже упомянуто, предпочитает добычу известного рода всякой другой, именно горных ящериц, но нередко нападает также на других ящериц и маленьких змей и поедает, по наблюдениям Эрбера, даже молодых гадюк, несмотря на их ядовитые зубы. Видер, по-видимому, первый обнаружил свои наблюдения относительно того, каким способом медянка овладевает своей добычей; но позднейшим исследователям мы обязаны более подробными описаниями, лучшее из которых, по моему мнению, принадлежит Дерси. Если, так приблизительно рассказывает он, посадить несколько живых ящериц в помещение, в котором находятся медянки, то они тотчас понимают грозящую им опасность и стараются спастись, бешено бегая по всем направлениям. Все общество приходит в величайшее возбуждение, и после первого замешательства медянки тоже стараются спешно выбраться из суматохи. При этом они часто так сильно кусают кругом, что вступают в драки и иногда хватают даже собственное тело. «За этим шумным началом следует мучительная пауза. Быстро двигая языком и подняв голову, змеи обдумывают план нападения, а оцепеневшие от ужаса ящерицы собирают с полуоткрытым ртом свои силы для отчаянной защиты. Вдруг одна из змей бросается на свою добычу, вытягивает предварительно согнутую назад и в сторону шею и, быстро скользя, хватается широко раскрытой пастью убегающую ящерицу. Бешено крутясь, обвивается она тесными кольцами вокруг тела опрокинутой на спину ящерицы, так что только голова и хвост последней выдаются из плотного клубка.

Теперь наступает тяжелая работа. Ящерица должна быть проглочена целиком, и притом головой вперед; на это уходит много времени и труда. Поэтому наша медянка не особенно торопится, облизывает свою жертву и по-кошачьи виляет хвостом. Но затем она высоко поднимается, описывает шейей вертикальную дугу и, широко раскрыв пасть, схватывает голову жертвы. Постепенно кольца змеи распускаются; голова ящерицы исчезает; медленно следует за ней тело; печально кивает еще на прощание хвост, но лишь по прошествии получаса или даже позднее ящерица проходить через широко растянутый пищевод в желудок медянки. Не всегда все проходит так гладко; обвитая до шеи ящерица еще жива и, раскрыв пасть, готовится к отчаянной обороне. Если медянка схватит не так, как следует, то ящерица хватает ее за верхнюю или нижнюю челюсть и, судорожно сжав рот, может своими плотными и крепкими зубами целые часы держать схваченную часть своего врага. Тщетно старается змея освободиться. Оба животных, судорожно сжав челюсти, как бульдоги, вцепляются друг в друга; бешено извивается змея, стараясь оторваться от добычи, но тщетно. Наконец ящерица выпускает змею, конечно, тотчас же удирает, и змея, из ран которой подчас выступает кровь, смотрит ей вслед».

Если надо еще дополнить это живое описание, то я могу прибавить, что медянка обыкновенно образует вокруг своей жертвы три кольца и так тесно стягивает их, что они, не повреждая кожи, врезаются до костей и делают почти невозможным никакое движение тела добычи, даже биение сердца. Схватив веретеницу, которая после ящериц является самой любимой добычей медянки, она образует кольца на большем расстоянии одно от другого, но всегда так, что голова добычи направлена вперед. Одна ручная медянка, которую держал Гюнтер, ела лишь ящериц, но никогда не ела мышей или лягушек, хотя кусала и их, как и всяких животных. После того как хозяин долгое время кормил ее ящерицами обыкновенной величины, он дал ей, чтобы испытать ее силу, необыкновенно большую и сильную ящерицу. Она тотчас схватила ее, но после долгой битвы, во время которой ящерица не раз казалась задушенной кольцами змеи, но снова вырывала из челюстей врага свою голову, схваченную уже для глотания, она переменила способ нападения и схватила ящерицу за хвост. Хвост обломался и был съеден. С тех пор змея всегда довольствовалась тем, что обламывала у ящериц хвосты и не продолжала преследование бесхвостых; если изуродованных таким образом животных сажали в ее клетку, она не обращала на них внимания. Шлегель говорит, что находил в желудках исследованных им ужей этого вида также мышей, а Эрбер наблюдал их в то время, как они ели мышей; тем не менее мы можем принять, что, пока у них есть ящерицы и веретеницы, они питаются лишь ими*. Соответственно можно считать, что Ленц совершенно прав, называя и этого ужа вредным, так как не подлежит никакому сомнению, что ящерицы и веретеницы, которых он уничтожает, нам полезны.

** У медянок известны случаи каннибализма (поедание себе подобных).*

Линк утверждает, что медянка чувствует отвращение к сырости: брошенная в воду, она, напрягая все силы, легко и проворно скользит по поверхности, но только к берегу; в клетке, если при поливке дерна на нее попадет хотя бы немного ненавистной жидкости, она настойчиво ищет сухое местечко; «питье для нее страшилище», и она старается преградить доступ внутрь тела даже влажному воздуху. Линк говорит даже, что наблюдал, как одна из его пленниц, которой не удалось достаточно быстро защитить себя от поднимавшихся испарений воды, схватила в пасть оставшееся сухим тело другой змеи, чтобы таким образом вполне закрыть доступ влажного воздуха внутрь своего тела. Этим заявлениям решительно противоречат наблюдения других исследователей. Мартин наблюдал, что одна медянка, которую он держал и намеревался кормить лягушками и мышами, не трогала их и как будто для того, чтобы утолить голод, жадно слизывала капли воды с влажного мха или стеклянной крышки. Дерси говорит прямо, что пойманная медянка, если поставить ей в клетку блюдце с водой, иногда пьет, причем погружает в воду переднюю часть головы и делает явственные глотательные движения. Те же наблюдения произведены недавно и другими, так что этот вопрос можно в настоящее время считать совершенно исчерпанным.

Видер первый заметил, что медянка принадлежит к числу живородящих змей, т. е. так долго вынашивает свои яйца, что тотчас после кладки детеныши разрывают оболочку яйца и выходят*.

** Медянку правильнее называть яйцеживородящим видом, так как яйца задерживаются в теле самки почти до полного развития зародышей.*

Ленц в середине мая находил у крупных экземпляров яйца длиной 15 мм, толщиной 6 мм; во второй половине июня яйца достигали более 25 мм в длину и около 12 мм в ширину; затем он находил в них белых свернувшихся зародышей длиной 6 см с толстыми головами и большими черными глазами. Яйца откладываются в конце августа или начале сентября, и из них тотчас выползают детеныши длиной 15 см и толщиной с карандаш, числом от 3 до 13, которые при хорошей погоде ста-

раются еще добыть немного пищи, а позднее прячутся в удобное убежище, чтобы укрыться здесь от суровой зимы. Эфеле, который мог подробно наблюдать процесс рождения, видел, как пойманная 10 сентября самка родила в течение 4 дней 9 детенышей длиной 5 см, шириной 3 см, которые освобождались от оболочек. Каждому отдельному рождению предшествовала пауза, похожая на родовые схватки; она была тем продолжительнее, чем больше времени прошло с предшествовавших родов. «Более хорошенькие создания, чем эти маленькие ужи, — восклицает Линк, — едва ли могут существовать! Пятна спины тянутся блестящими изящными рядами до тонкого, как иголка, кончика хвоста; цветные украшения несколько широкого черепа выступают явственно и резко, и глаз с удовольствием смотрит на постоянную смену арабесок, которые украшают тело этих бесконечно гибких маленьких животных, когда они скользят между пальцами или по низкому кустарнику».

Тот же наблюдатель предполагает, что медянка, вопреки общему правилу, рождает иногда детенышей лишь весной. «Я находил молодых медянок, — говорит Линк, — во всякое время теплой части года и даже получил 3 апреля 1854 года, в конце долгой, суровой зимы, немного дней спустя после наступления теплой погоды, одну, которая, по-видимому, едва за неделю до того вышла из яйца! Родилась ли она уже прошлой осенью и, прожив несколько дней, погрузилась в зимнюю спячку? Но ее окраска была слишком свежа и блестяща для выветрившейся зимней одежды, а для второй линьки животное было еще слишком юно. Может быть, мороз принудил мать, тело которой было наполнено зрелыми яйцами, искать убежища в лоне земли, а вместе с матерью ускользнули от влияния сурового времени года и детеныши? Трудно сделать выбор из этих предположений; но, во всяком случае, сам факт сильно говорит в пользу предположения, что границы половой деятельности у этой змеи по времени очень растяжимы»*.

** Французские исследователи установили факт осеннего спаривания медянок, причем сперматозоиды долгое время остаются жизнеспособными и хранятся в семяприемниках самки до весны, когда и происходит оплодотворение яиц. Однако это не исключает у медянок возможности весенней копуляции.*

В высшей степени странное сообщение обнаружил Гредлер. Сеттари, известный ему ревностный наблюдатель и содержатель змей, державший в неволе целые годы и медянок и не раз получавший от них и воспитывавший детенышей, пишет следующее: «В течение первых двух-трех недель детенышей кормит мать; она сначала проглатывает мучных червей, мелких ящериц и т. п., затем через час или два выбрасывает их обратно и всовывает детенышам в рот». До сих пор неизвестно ничего подобного относительно какого-либо пресмыкающегося, поэтому к этому сообщению должно относиться с решительным сомнением.

В неволе медянка обыкновенно уже по прошествии немногих дней приручается настолько, что не кусает более хозяина, если он берет ее в руки или сует себе за пазуху, чтобы согреть. Однако, как уже замечено, попадают экзemplяры, которые долго упрямятся, прежде чем решаться вступить в дружеские отношения с хозяином. Сначала все кусаются, и хотя давление, которое могут производить их челюсти, крайне слабо, но острые зубки все же легко проникают сквозь кожу, и так глубоко, что течет кровь**.

** * Для медянки характерно специфическое оборонительное поведение: она сворачивается в плотный клубок, внутри которого прячет голову, совершая из такого положения броски в сторону неприятеля.*

Эта злость рано или поздно непременно пропадает и потому эта столь же красивая, как изящная и привлекательная змея весьма удобна для содержания в неволе, тем более что она очень хорошо выживает, если только обратить должное внимание на ее жизненные потребности.

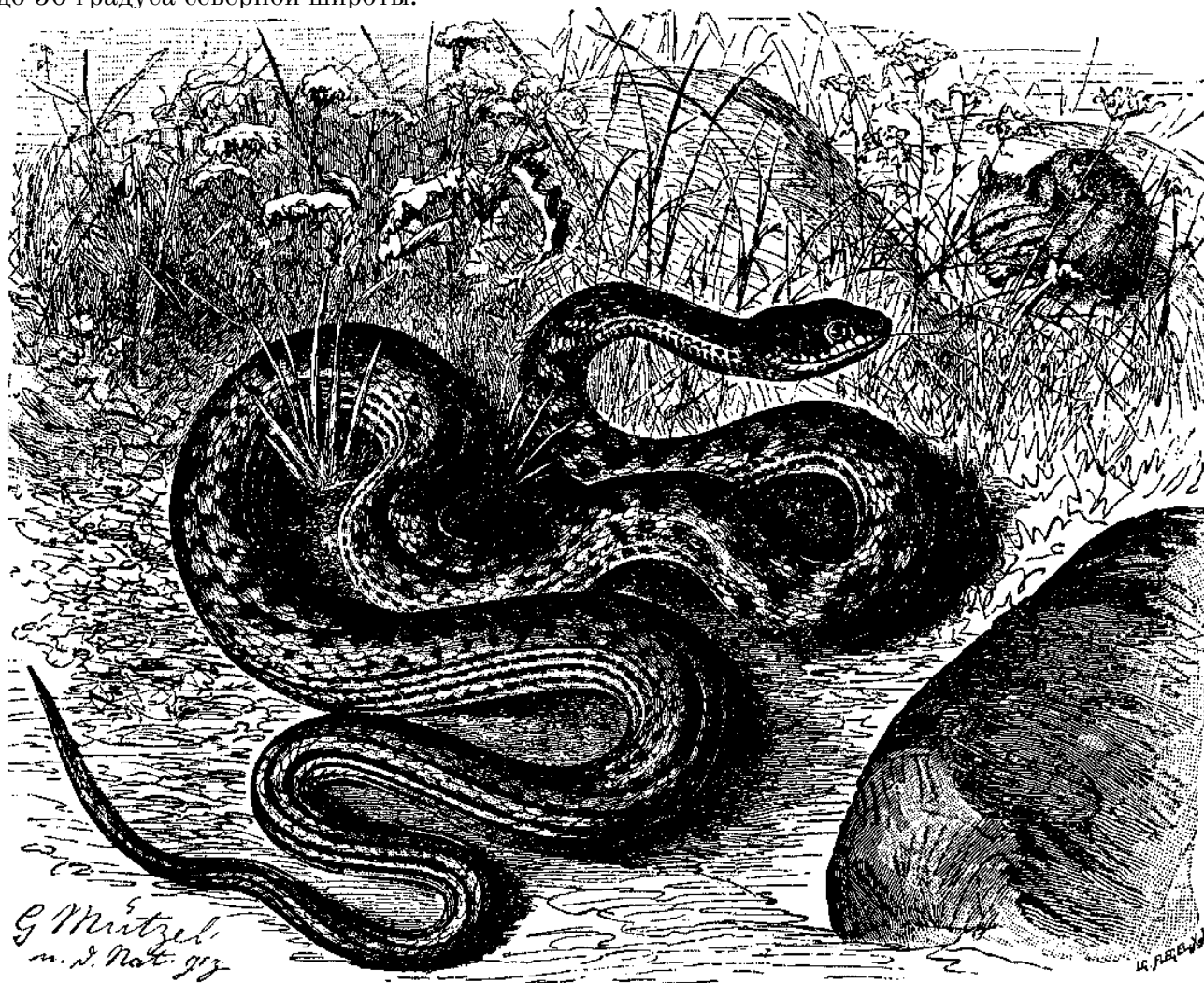
"Одно время, — рассказывает Ленц, — по совету одного теперь умершего венгерского врача употребляли желчь медянки против падучей. Тогда многие врачи обращались ко мне за этой желчью, и, чтобы удовлетворить их желание, я постепенно умертвил множество своих медянок. Сначала я для этой цели погружал их в воду, но в таком случае они мучились перед смертью несколько часов. Поэтому позднее я всегда смазывал им ротовую полость табачным соком, после чего они сильно раздували голову и горло, выпускали из ноздрей пузыри, вертелись и по прошествии нескольких минут или четверти часа умирали в судорогах». Целебного действия змеиная желчь, понятно, не имеет.

Чаще всего встречающийся в Европе уж имеет две постоянные разновидности, которых прежние исследователи принимали за отдельные виды. Одна из них — **балканский полоз** (*Coluber gemonensis*) отличается от других представителей семейства правильными щитками на верхней стороне головы, двумя передними глазными щитками, из которых нижний мал и отодвинут в ряд губных, и длиною хвоста, которая едва составляет четверть общей длины. Кроме того, два верхне-

губных щитка всегда касаются глазного яблока. Гладкие чешуйки расположены в 17-19 продольных рядов. Подробное описание главных и промежуточных разновидностей потребовало бы нескольких страниц, поэтому для различения двух важнейших форм мы ограничимся приведенным ниже.

Балканский полоз, по-видимому, не превышает в длину 1,9 м, а обыкновенно бывает меньше этих размеров. Голова и зашеек покрыты на серо-желтом, а спина и хвост на зеленоватом фоне неправильными черными поперечными полосками, на желтой нижней стороне полосы эти более правильные; пятнистый рисунок переходит на задней части тела в тонкие продольные полосы, которые тянутся параллельно до конца хвоста. У других экземпляров на верхней стороне преобладает вместо зеленого красивый зелено-желтый цвет, а нижняя сторона в таком случае канареечно-желтая.

Балканский полоз распространен, начиная с Венгрии, на западе по всем средиземноморским странам, но лишь во Франции проникает на север, за Альпы. Он обыкновенен в Кroatии, Крайне, южной Каринтии и южном Тироле; здесь, по словам Гредлера, он встречается даже чаще, чем всякие другие представители ужеобразных, тем более что он дерзко приближается к домам; в южной части Швейцарии, а именно в Тессине и Валлисе, он, напротив, редок и так как держится в некоторых курортах, то, по мнению Фацио, был ввезен сюда лишь римлянами; во многих местностях южной Франции он представляет обыкновенное явление на север до 50° с. ш. В Италии он распространен повсюду, очень обыкновенен в окрестностях Рима, встречается около самого города и нередко проникает даже в сады внутри города. В Далмации он, по словам Эрбера, встречается чаще всякой другой змеи. Начиная от Венгрии на восток, его заменяет другая разновидность — желтобрюхий полоз; он распространен, начиная отсюда, по всей южной России, а также от Греции по Малой Азии, Сирии и Персии. Он известен, начиная от Офена, на юге Венгрии, Славонии, на Кикладских островах, в Малой Азии, на Кавказе, в местностях по нижней Волге, Тереку и Уралу, вообще по всей южной России, от Днепра до Каспийского моря, и его можно назвать в южнорусских степях самой обыкновенной из водящихся там змей. Таким образом, область распространения балканского полоза простирается, по крайней мере, от Пиренеев до западного берега Каспийского моря и от 32 до 50 градуса северной широты.

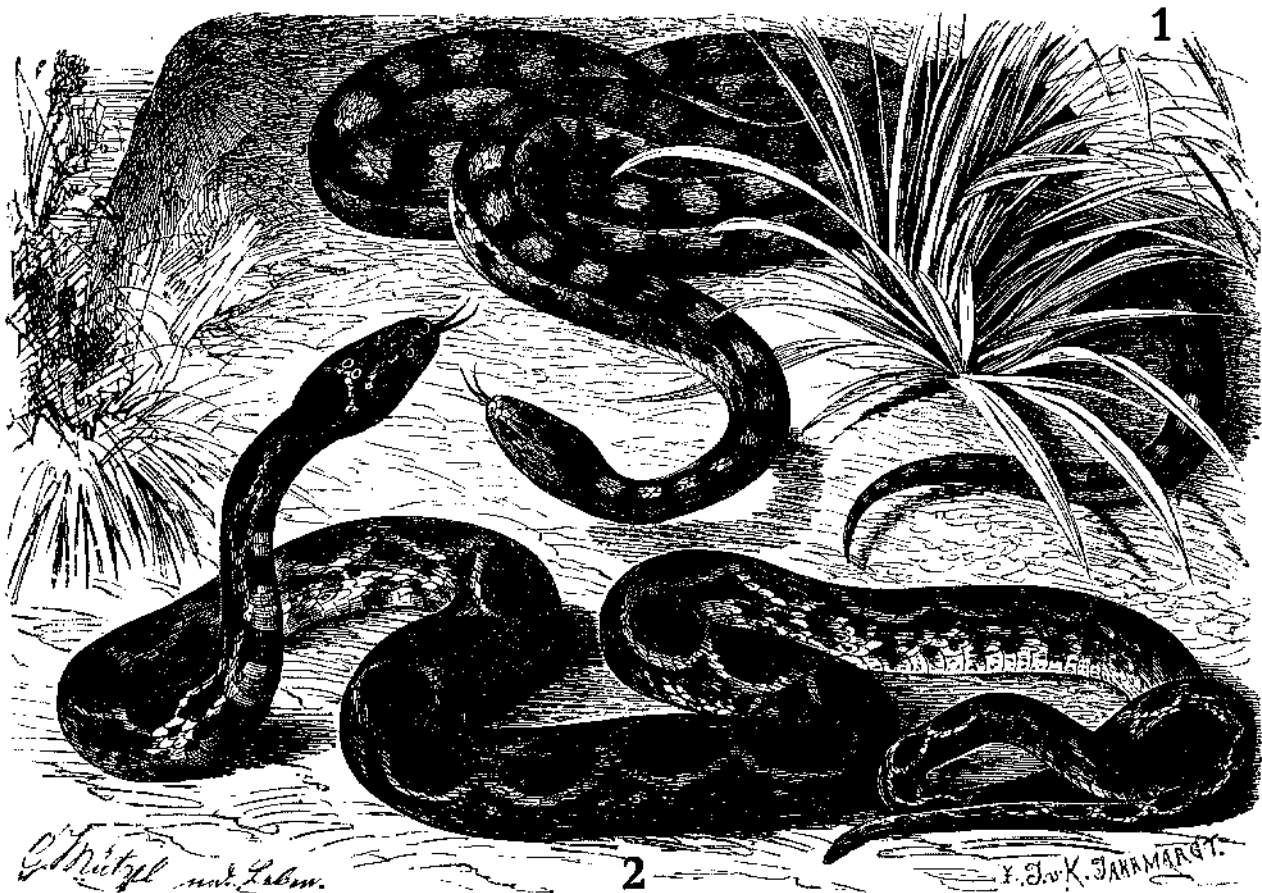
Балканский полоз (*Coluber geinonensts*)

Балканский полоз избирает себе местопребывание в зависимости от местных условий. В русских степях он живет на самых жарких и сухих равнинах, напротив, в Далмации и Тироле — на солнечных, но на бесплодных местностях возделанных стран — в кустарниках или вдоль изгородей и дорог, в старых постройках и кучах камней, как на равнинах, так и на холмистой местности; он влезает и на деревья; по крайней мере, Гредлер уверяет, что ему случалось стряхивать с деревьев вместе с насекомыми и полозов.

Пища состоит, по словам Эрбера, из ящериц и мышей, но, вероятно, и из других змей, так как в неволе наблюдали, что эти полозы нападали на змей. Во всяком случае, балканский полоз, по видимому, предпочитает пресмыкающихся мышам. Эрбер и Метакса убедились, что он поедает и змей. Метакса держал в клетке балканского полоза вместе с другими, но должен был, к своему неудовольствию, убедиться, что он съел двух из своих товарищей, в том числе одного представителя того же вида. Его застали, когда он уже наполовину проглотил вторую жертву; ему, понятно, помешали и заставили выбросить добычу обратно. Последняя вышла живой и неповрежденной; но и первая из съеденных змей, которую вытащили из желудка полоза, умертвив его, оказалась лишь полумертвой. У Эрбера, к его огорчению, один из этих полозов съел редкую кошачью змею; он наблюдал, что храбрый балканский полоз не боялся и ядовитых змей и без колебаний напал на песчаную гадюку и съел ее. По наблюдениям Эффельдта, любимую пищу его составляют зеленые ящерицы, но, несомненно, и змеи едва ли менее любимая их добыча, причем балканский полоз одинаково пожирает и змей того же вида, и других. Однажды наш автор подоспел как раз вовремя, чтобы видеть, как полоз длиной более метра хотел проглотить другую змею того же вида почти такой же длины, но, несмотря на все усилия, не мог добиться, чтобы она поместилась в желудке, так что Эффельдт должен был прийти на помощь и отрезать часть, висевшую изо рта; в другой раз он застал полоза, который проглотил наполовину другую змею того же вида чуть-чуть меньше его; он надеялся, что ее еще можно спасти, и стал мешать глотанию, пока змея не выбросила свою добычу, хотя еще живую, но очень ослабевшую. Это привело к тому, что на следующий день обе змеи были мертвы.

Второй европейский вид этого рода — **подковчатый полоз** (*Coluber hippocrepis*). От других злых ужей он отличается венцом мелких подглазных чешуек, которые вполне отделяют глаз от лежащих под ним верхнегубных щитков, разделенным заднепроходным щитком, гладкими чешуйками тела, расположенными в 25-29 продольных рядов, и очень мало изменчивым цветом и рисунком. Длина этой красивой змеи достигает 1,75 м. Основной цвет верхней стороны представляет переходы от зелено-желтого или серовато-желтого красновато-бурого, обыкновенно темне через Голова евьи до разрисована глазами, далее кзади второй поперечной полоской, выгнутой кпереди и продолжающейся вниз до боков шеи, и пятном, лежащим между обеими половинами задней полоски, так что между пятном и полоской выступает светлая подковообразная фигура. На спине выступают в виде продольного ряда ромбоидальные или яйцевидные темные пятна, окаймленные желтым цветом; они далее кзади сливаются обычно в продольную полосу и заключают между собою с каждой стороны по ряду других, более мелких пятен; к этому примыкает третий ряд расположенных более вертикально крапин, доходящих вниз до брюшных щитков. Так как средние пятна по большей части очень велики, то основной цвет образует вокруг них лишь узкие кольца, и благодаря этому образуется очень правильный и красивый рисунок в виде цепочки. Нижняя сторона испещрена на желтом или оранжево-красном фоне черными пятнами.

Подковчатый полоз тоже принадлежит средиземноморским странам. В Европе распространение его ограничивается Пиренейским полуостровом и Сардинией; в Северной Африке, где он очень обыкновенен и достигает большей величины, чем в Испании, он распространен, насколько известно до настоящего времени, от Марокко до Туниса.

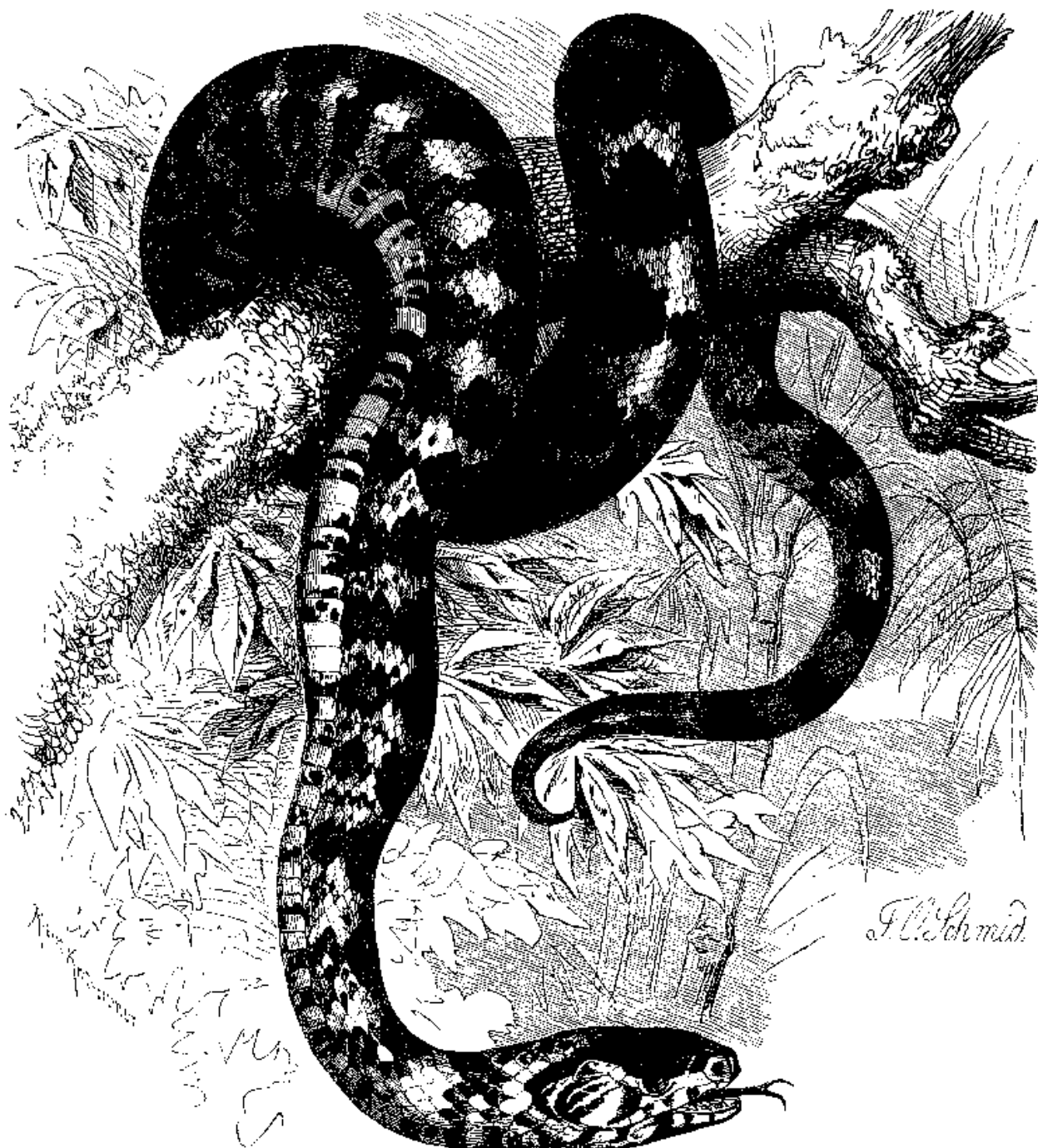

1 -Европейский лазающий полоз (*Etaphe scalaris*) **2** — Подковчатый полоз (*Coluber hippocrepis*)

Для жительства он выбирает, по словам Кантрэна, сухие и каменистые почвы. По уверению этого путешественника он, в противоположность балканскому полозу и несмотря на свою живость, смирен и безобиден и никогда не пытается кусаться. Бетхер сделал такие же наблюдения на содержащихся в неволе экземплярах средней величины, родом из Марокко; Фишер, напротив, уверяет, что подковчатый полоз из Алжира так же зол и смел, как и балканский.

Подковчатый полоз питается на свободе мышами и воробьиными птицами.

Аргентинский пантеровый уж (*Mastigodryas bifossatus*) легко отличается по 15 продольным рядам чешуек тела, отсутствию маленького нижнего предглазного щитка и по цвету и рисунку. Это змея длиной приблизительно 2 м, окраска которой, по исследованиям принца фон Вида, очень постоянна, т. е. не изменяется значительно ни по полу, ни по возрасту. Основной цвет бледный чало-желтовато-серый, на передней части головы находятся три темные поперечные полосы, на затылке и зашейке — две широкие продольные полосы. Рисунок спины состоит их ряда больших серо-бурых пятен, окаймленных черным цветом; которые на шее пятна ромбоидальной формы, на остальном теле — неправильной и соединены каждое с двумя боковыми пятнами; желтовато-белые щитки краев челюстей с черной каймой; позади каждого глаза тянется к углу рта черно-бурая продольная полоска. У молодых животных пятна более сближены и соединения между ними шире, а потому и общая окраска темнее.

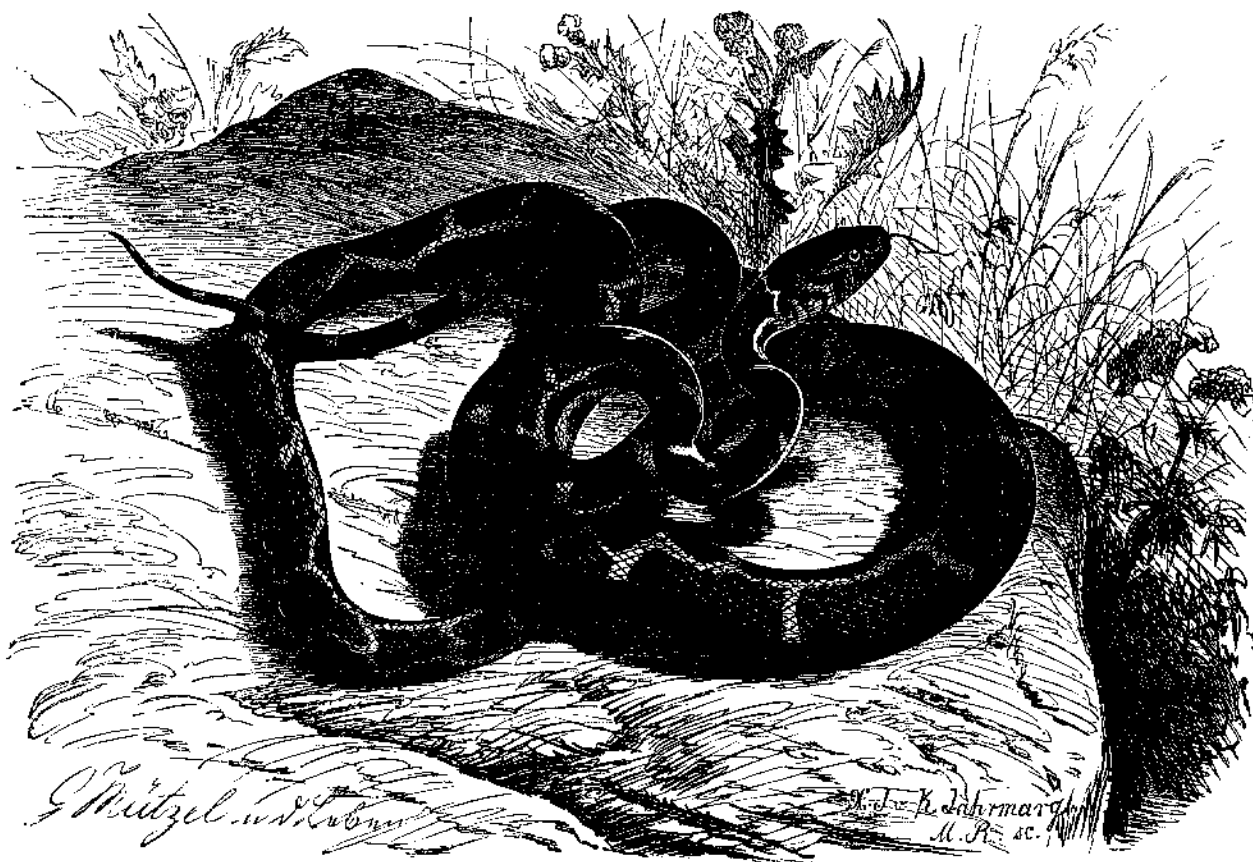
Аргентинский пантеровый уж (*Mastigodiyas biffossatus*)

Пантеровый уж распространен по Гвиане и тропической и умеренной части восточной Бразилии до Рио-Гранде-де-Сул. Принц фон Вид видел его у Рио-де-Жанейро на поросших кустарником высотах позади Санто-Христованто и позднее находил его на севере в Парахибе и до Эспирито-Санто; Вухерер наблюдал его у Бахии, Гензель в Рио-Гранде-де-Сул. У Эспирито-Санто он не редок, у Бахии это самая обыкновенная из встречающихся там змей. Он, по-видимому, предпочитает болота и болотистые пастбища, поросшие кустарником. Движения его умеренно быстры, и по проворству он далеко уступает другим видам. Поэтому можно без труда подойти к нему довольно близко, и он даже и тогда едва обнаруживает какой-либо признак тревоги. Жабы и лягушки составляют его пищу, а следовательно, он ведет, по-видимому, и образ жизни нашего обыкновенного ужа. В Рио-Гранде-де-Сул его, по словам Гензеля, часто путают с шараракой и потому боятся, считая крайне ядовитым.

Один из красивейших известных мне видов ужеобразных, напоминающий во многих отношениях медянок, — **обыкновенная, или цепная, королевская змея** (*Lampropeltis getuhts*), длиной в 1,35 м, очень красивого цвета и привлекательного рисунка. Темный фон, который может изменяться от красновато-бурого до черно-бурого и даже черного, разрисован на верхней стороне узкими желтыми поперечными полосками, отстоящими друг от друга приблизительно на 4-5 см, которые с

каждой стороны соединяются на границе брюшных щитков с продольными полосками и образуют таким образом цепь, продолжающуюся до конца хвоста. Щитки на верхней стороне головы шоколадно-бурого цвета с различной формы желтыми пятнами, губные щитки грязно- или желтовато-белые с черно-бурыми краями, брюшные щитки испещрены грязно-желто-белыми и бурыми четырехугольными пятнами. Хвост средней длины и несколько сжат с боков, гладкие чешуйки расположены в 21 продольный ряд, заднепроходный щиток не разделен. Обыкновенно с каждой стороны можно насчитать 7 верхнегубных щитков.

Обыкновенная королевская змея распространена по значительной части Соединенных Штатов, встречается уже в непосредственной близости от Нью-Йорка и избирает для жительства богатые кустарником равнины и леса. Проворство ее движений очень велико; в клетке она принадлежит к числу самых живых, бодрых и подвижных змей, каких я когда-либо видел. На свободе она, по-видимому, охотится почти исключительно за ящерицами, в неволе предпочитает их всякой другой пище, однако привыкает со временем и к мышам и даже к тонко нарезанным кускам сырого мяса. Она часто попадает живой в Европу и при надлежащем уходе выживает в клетке несколько лет, становится с течением времени очень ручной, может быть приучена брать из рук даваемую ей пищу и вообще очень выгодно отличается от других змей тем, что не кусается. Поведение ее гораздо более похоже на поведение эскулапового полоза, чем медянки. По наблюдению Вернера, она во время пищеварения распространяет крайне сильный запах.

Обыкновенная, или цепная, королевская змея (*Lampropeltis getulus*)

Асклепий, бог врачебной науки, носит, как известно, в качестве знака своего могущества в руке жезл, вокруг которого обвивается змея. Какой вид отряда подразумевали при этом древние греки и римляне, в настоящее время нельзя решить; общепринято считать, что змея эта принадлежала к числу ужей и была распространена лишь римлянами. Когда при консулах Фабии и Бруте в Риме свирепствовала чума, эту змею, как было уже сообщено выше, привезли из Эпидавра и затем поклонялись ей на одном из островов Тибра, чтобы укротить эпидемию, и теперь еще, говорят, можно видеть там ее изображение в садах одного монастыря, посвященного св. Варфоломею. Но Бетхер доказал, что эскулапов полоз не мог водиться в Эпидавре, что ближайший к нему пункт, где этот уж водится, лежит гораздо далее на северо-запад у Превезы в Эпире и что поэтому сказочная змея храмов относилась, вероятно, к другому виду и была или четырехполосным, или балканским полозом. Из Рима, говорят, эта змея постепенно распространилась далее и особенно развелась в курорте Шлангенбад. Верно одно, что змея, которую мы теперь называем эскулаповым полозом, еще и теперь попадает вблизи от курортов в таких странах, где он вообще не водится. Так,

его находят в Германии у Шлангенбада, в Австрии у Бадена около Вены, в Швейцарии в нижнем Тессине и в Валлисе, где, по мнению Фацио, его первоначально тоже не было, почти исключительно на развалинах римских построек около целебных источников.

Эскулапов полоз (*Elaphe longissima*)* легко отличается по маленькой, мало отделенной от шеи голове с закругленной мордой, плотному телу и длинному тонкому хвосту, а также по строению покрова и простой окраске.

* *Эскулапов полоз назван по имени римского бога врачевания Эскулапа (в греческой мифологии Асклепий), который изображался со змеей, а его дочь Гигиєю (от ее имени произошло слово «гигиена») обычно представляли с чашей, обвитой змеей. Позднее чаша, обвитая змеей, стала эмблемой медиков.*

Что касается головных щитков, то маленького нижнего предглазного щитка, которым отличаются многие из родичей этой змеи, нет, из 8 верхнегубных щитков четвертый и пятый входят в состав кольца, окружающего глаз. На теле находится 21-23 ряда гладких чешуи; заднепроходный щиток разделен. Верхняя сторона тела и головы обыкновенно буровато-серо-желтого цвета, нижняя сторона беловатая; на затылке находится с каждой стороны по желтоватому пятну, а на спине и на боках заметны мелкие беловатые крапинки, которые у некоторых экземпляров очень чисты, явственны и имеют форму буквы Х. Впрочем, цвет представляет разнообразные изменения: встречаются очень светлые и почти черные эскулаповы полозы. Ленц справедливо указывает еще на одну особенность этой змеи, что брюшные щитки на обеих сторонах как бы согнуты коленчато, а потому плоское брюхо имеет с каждой стороны по краю, который может становиться острым, когда уж прижимает к нему ребра. Длина равна 1,5 м; такой значительной величины достигают, впрочем, лишь те особи этого вида, которые живут в южной Европе.

Все наблюдатели, которые видели эскулапова полоза на свободе или держали его в неволе, единогласно хвалят его. «Форма его тела и его движения, — говорит Линк, — имеют что-то чрезвычайно привлекательное, изящное, утонченное. На всей поверхности его кожи нет ничего шероховатого, оборванного, не видно ничего угловатого, резкого в изменении формы: все гладко, изящно, мягко». Характер змеи соответствует ее внешности: она привлекательна во всех отношениях.

В южной Европе эскулапов полоз держится предпочтительно на скалистой или, по крайней мере, каменистой почве, скудно поросшей кустарником, а потому здесь его часто вовсе не бывает в местностях другого характера. У Шлангенбада, по Гейзенгейнеру, единственного места, где этот вид встречается в Германии и даже обыкновенен, он живет охотно в развалинах.

Эскулапов полз (Elaphe longissima)

В упомянутом поселении графа Гертца они тоже часто лазают по решетчатой стене, поднимаются на теплый чердак низкой, ветхой, поросшей плющом пекарни и являются иногда на куче разлагающихся растительных веществ, набросанной нарочно для них, где развивается и их потомство. Они мирно живут вместе с шершневыми осами в отверстиях стены, а также в дупле старого дуба, куда проникают через отверстие на высоте около 3 м над землей. В воду эскулапов полз не входит добровольно, а брошенный в нее, очень быстро и ловко плывет к берегу. Движения его по ровному месту не особенно быстры и вообще не представляют ничего особенного; в быстроте ползания он, может быть, даже уступает другим ужеобразным, но тем лучше умеет он лазать. В этом от-

ношении он превосходит всех остальных германских змей и почти равняется настоящим древесным змеям, которые проводят на ветвях большую часть своей жизни. Наблюдая его во время лазания, можно ясно видеть, как он пускает в дело свои ребра. «Когда я, стоя, прикладывал ручного эскулапова полоза, длиной в метр, — рассказывает Ленц, — к своей груди, застегнув пуговицы сюртука, он умел все-таки удержаться на ней, так крепко прижимаясь к тому месту, где была пришита пуговица, что тело его образовывало острый край; этот край он так плотно вдвигал под пуговицу, что мог висеть на одной или двух пуговицах, хотя и был очень тяжел. Если он хотел лезть выше, то втискивал тело под следующие пуговицы. Таким образом, эти животные могут подниматься даже по толстым вертикальным стволам сосен; они втискивают при этом выступающие края своего тела в щели коры». Впрочем, обыкновенно эскулапов полоз старается подниматься вверх по тонким стволам деревьев, вокруг которых он может обвиваться, пока не достигнет ветвей, по которым он может лезть далее. В густом лесу он перелезает с дерева на дерево и передвигается таким образом на большие расстояния. По стене он взбирается вверх с почти непостижимой ловкостью, так как каждый, даже самый незначительный, выступ служит ему достаточной опорой, и он действительно искусно умеет пользоваться всякой неровностью камней.

Пища его состоит, по-видимому, преимущественно из мышей; но, между прочим, он охотится и за ящерицами, а если представится случай, то не упустит и птицу или ограбит гнездо. Тем не менее его друзья, которые за охоту на мышей причисляют его к самым полезным представителям отряда, правы.

Образ жизни выпущенных графом Гертцем поселенцев можно было хорошо наблюдать. Если спокойно сесть на одну из удобных скамеек парка и удерживаться от всякого движения, говора и крика, то змеи считают наблюдателя за чурбан или что-нибудь подобное и часто подползают совсем близко; но если сделать самое незначительное движение, они поспешно обращаются в бегство. Если они думают, что за ними не наблюдают, то ползают взад и вперед, лазают вверх и вниз, греются на солнце и занимаются охотой, как обыкновенно. До упомянутого отверстия в ветви дуба они добиваются без затруднения, втискивая при лазании края тела в щели коры. Так же спускаются они и вниз по деревьям и охотно прицепляются, греясь на солнце, к вертикальному стволу дуба. Еще не видели, чтобы они поднимались вверх до вершины; но они греются на солнце также на верхушках густых кустов или стен. Не видали также еще ни разу, чтобы они плавали, пили, ели, но часто замечали, как они, обвинившись по две одна вокруг другой, так быстро катались по земле, что глаз зрителя не мог уследить за их движениями.

"Из всех германских змей, — говорит Линк, — эскулапов полоз производит наименее многочисленное потомство. Сокупление их совершается обыкновенным образом, но поздно, так как они гораздо чувствительнее к морозу, чем все другие водящиеся здесь виды, и редко оставляют свои зимние убежища раньше начала июня, а следовательно, смотря по обстоятельствам, на 1 или 2 месяца позднее остальных. Это единственная, кроме настоящих ужей, змея Германии, яйца которой должны созревать в течение нескольких недель после кладки, прежде чем детеныш разовьется настолько, что сможет выйти из яйца. Обыкновенно эскулапов полоз кладет лишь около 5 яиц, и именно в рыхлую землю, а также в глубокий сухой мох, и оставляет их на произвол судьбы. Яйца продолговаты, но менее выпуклы, чем голубиные, и похожи на увеличенные муравьиные куколки».

Ни одну германскую змею не ловят так часто, как эскулапова полоза. В Шлангенбаде охота за ними представляет предмет промысла для бедных людей. Их отыскивают после их пробуждения от зимнего сна, приручают и забавляют затем посетителей курорта, а также продают экземпляры другой любителям. По окончании купального сезона пленников выпускают на свободу, так как в клетке они редко принимают пищу, и по крайней мере в Шлангенбаде все думают, что это не случается никогда. С этим согласуются и рассказы Ленца и Линка. «Я никогда не мог, — говорит первый, — заставить их есть в неволе и тем не менее держал их живыми почти год. Раз 1 августа у меня ускользнул полоз длиной в метр, который прожил у меня с предыдущей осени и от голода и скуки ослабел и исхудал. По прошествии месяца однажды в саду раздался громкий крик поденщика, звавшего на помощь: он увидел ползущую змею и быстро прижал ее лейкой. Когда я подоспел к нему, то с большой радостью увидел ускользнувшего от меня полоза. Он выглядел очень бодрым и упитанным. Его схватили и снова возвратили в неволю». Линк уверяет, что эти полозы вовсе не принимают в неволе пищу и потому, хотя и могут выдержать несколько месяцев, перед весной жалким образом погибают.

Что оба наблюдателя не правы, хотя и сообщают результаты собственных наблюдений, следует из рассказа Эрбера, который удивляется добровольному голоданию пленников, так как он наблюдал на двух эскулаповых полозах, которых он долгое время держал в клетке, что они в течение

одного лета съели вдвоем 108 мышей и 2 ящерицы. Один полоз, который не принимал пищи 14 месяцев, но правильно линял в течение этого времени и, несмотря на это лечение голодом, видимо, не исхудал, тоже решился, наконец, приняться за еду, но вскоре после этого лежал в клетке мертвый. «Первое животное этого вида, которое погибло у меня».

Эффельдт заставлял эскулаповых полозов, которых он держал иногда дюжинами, ради опыта голодать целые месяцы и затем давал им птичьи яйца, ящериц, веретениц, жаб, лягушек и других земноводных, а также насекомых и червей разного рода. Но ни один из полозов не трогал этих животных. Однако названный исследователь, обладавший чрезвычайной опытностью и удивительной ловкостью в уходе за змеями, скоро приучил их есть мышей и птиц и нашел, что они нуждаются в очень большом количестве пищи. «Если в клетку, — пишет он Ленцу, — посадить живую мышь или птицу, то, будет ли это днем или ночью, головки змей тотчас выглядывают из нор. Начинается горячая охота, и счастливый охотник хватается добычу зубами за какую попало часть тела и с быстротой молнии обвивается вокруг нее шестью тесно прилегающими друг к другу кольцами, так что она пропадает с глаз наблюдателя. Если обвитое животное особенно живуче и сопротивляется, то часто случается, что полоз начинает с бешеной быстротой кататься по клетке, пока ему не покажется, что добыча наверняка задушена. Но и теперь алчный полоз не выпускает ее. Он расслабляет свои кольца, отыскивает голову жертвы, хватается ее зубами и начинает затем обыкновенным образом глотать добычу. Иногда случается, что два эскулаповых полоза одновременно обхватят одну и ту же добычу, обовьются вокруг нее и в борьбе из-за желанной еды начинают с такой быстротой кататься по земле, что зритель не может хорошенько различить, из каких частей состоит катающийся клубок». Эффельдт достиг того, что живущие у него эскулаповы полозы ели также мертвых млекопитающих и птиц, а под конец даже нарезанную сырую конину.

В начале неволи эскулапов полоз очень зол и бешено пытается укусить руку ловца или мышей, которых посадят к нему в клетку. «При этом, — говорит Ленц, — он чрезвычайно расширяет голову, так что получается совершенно иной внешний вид и голова его становится треугольной, втягивает шею и затем чрезвычайно быстро выбрасывает ее вперед, чтобы укусить. Даже если его глаза затемнены предстоящим линянием, он целится хорошо, гораздо лучше гадюки. Прежде чем укусить, он, подобно ей, быстро движет языком; но при самом укусе язык втянут. Иногда он быстро кусает, не раскрывая предварительно пасти; иногда же предварительно широко раскрывает рот. Если два полоза очень разозлены, то иногда кусают друг друга; вообще же они очень хорошо уживаются в неволе между собой и с другими пресмыкающимися. Злость полоза продолжается иногда долго и прорывается снова, если его потревожат, когда он нежится, или после продолжительного пребывания на свободе посадят снова в клетку. Но через несколько недель пойманный полоз, если им много заниматься, становится настолько ручным и добродушным, что действительно вступает в дружбу с хозяином, никогда не пытается более кусать его, даже из каприза или если его дразнят; попав на свободу, он, как уверяет Эрбер, снова возвращается в свою тюрьму. Как быстро эта змея привыкает к людям, следует из наблюдения, произведенного Эрбером, когда он поймал одного эскулапова полоза поблизости от каменоломни. «Это животное, — рассказывает он, — было настолько ручным, что я предполагал, что оно уже раньше жило в неволе; но от работавших там людей я узнал, что они уже давно заметили полоза, но не убивали его потому, что видели, как он ел и истреблял мышей. Этим объяснялось отсутствие страха при приближении человека». Так как все попытки заставить этого полоза есть не удались, то он был высажен обратно, но не оправдал ожиданий хозяина. «Полученная свобода, по-видимому, мало радовала его; он свернулся и продолжал спокойно лежать около меня на солнечном месте; удаление мое мало тревожило его. Когда я спустя долгое время возвратился на то же место, он лежал не изменив позы и не двигался; только когда я погладил его, он, как делал обыкновенно в клетке, медленно вполз вверх по моей руке и улегся у меня на плече. Я всячески тревожил его, но он не уползал, а очень тихо пополз вверх по моей ноге и старался спрятаться ко мне под жилет; поэтому я оставил свое намерение и снова взял его с собой домой». Один полоз, которого держал Ленц, так привык к нему, что змее не приходило более в голову укусить хозяина. «Только когда я, — рассказывает он, — как часто случалось, брал его с собою в рощу из вишневых деревьев, где он скоро поднимался вверх по стволу, затем переходил с ветви на ветвь и с дерева на дерево, он кусал меня, если я влезал за ним и хотел снять его. Там наверху он снова чувствовал себя свободным, пытался отстоять свою свободу и всегда крепко обвивался снова, когда я делал попытку отцепить его от ветви. Поэтому мне не оставалось ничего иного, как брать каждый раз с собою наверх пилу и отпиливать ветвь, на которой он висел; когда я спускался вниз, он все-таки не выпускал ветви, и потому я должен был каждый раз совать его под воду. Тогда он оставлял ветвь, поспешно плыл к берегу, и здесь я без затруднения снова ловил его».

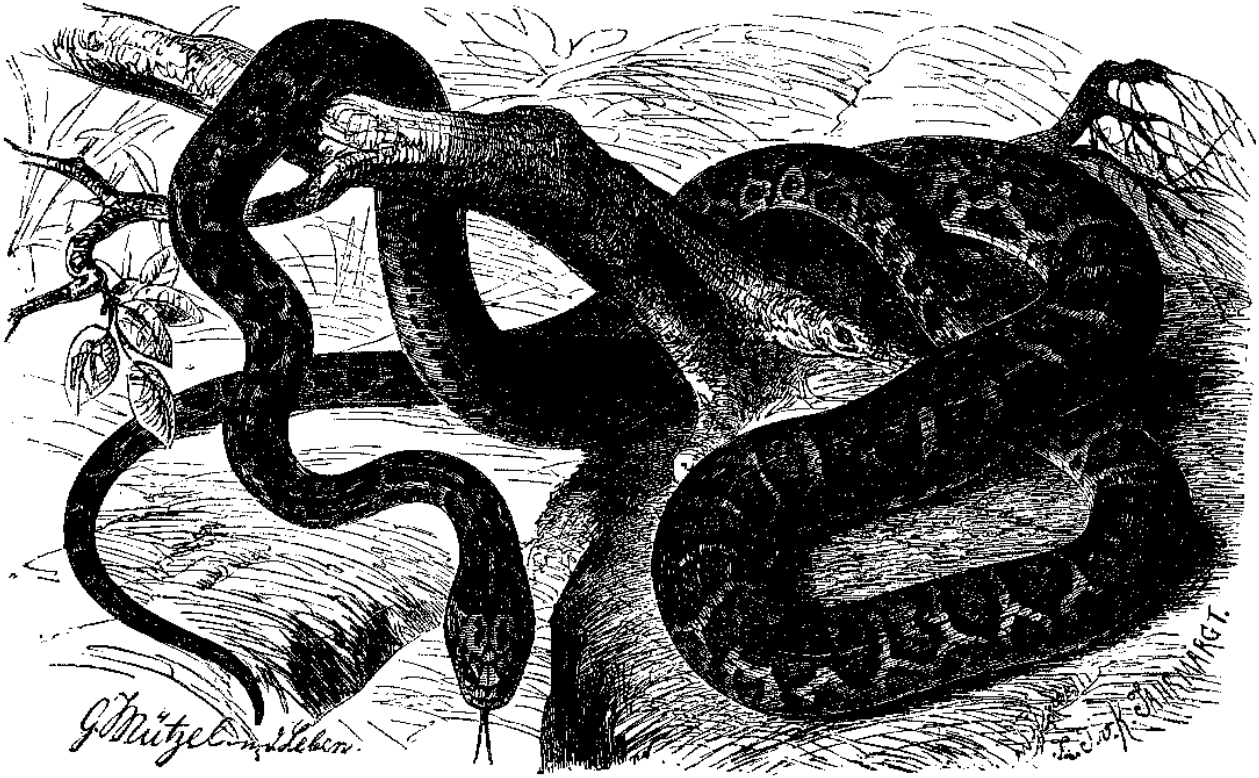
О его искусстве лазать, гибкости и стремлении уклониться от опеки хозяина Ленц и Линк приводят интересные рассказы. Линк получил в начале июня красивую пару этих полозов из Шлангенбада, вынул обоих из хорошо выстланного мхом и травой ящика и, занятый делами, предоставил их самим себе в большой, хорошо запертой комнате. По прошествии часа он возвратился, чтобы поздороваться с гостями, но они исчезли. Он искал во всех углах, перерыл все возможные укромные уголки: тщетно! Наконец он заметил самца на высоте 3 м на карнизе занавески, по складкам которой он, наверное, взобрался наверх; полоз лежал вытянувшись вдоль палки и спокойно посматривал на то, что происходило под ним. Стал продолжать искать, чтобы найти самку, и опять поиски долго были безуспешными, пока наконец наш наблюдатель не услышал легкое движение в подушке обитого стула. Перевернув стул, он с радостью увидел беглеца, который тесно перепутался с пружинами сиденья и, как доказывали попытки кусаться, решил защищать против всякого свое убежище.

Лишь с величайшим трудом удалось вынуть оттуда животное.

Склонной к бродяжничеству паре предоставили теперь более надежное помещение: ящик, заплетенный сверху частой проволочной сеткой. Один раз крышку закрыли недостаточно тщательно, змеям удалось несколько сдвинуть ее в сторону, и тюрьма снова оказалась пустой. Отверстие, через которое оба полоза ускользнули, возбуждало своими малыми размерами справедливое изумление; казалось непостижимым, как такое большое животное могло протиснуться через такую щель. На этот раз очень долго искали напрасно, выдвигали ящики, самым тщательным образом осматривали каждую подушку, даже поднимали пол; все комнаты, все уголки были осмотрены, но змеи, казалось, пропали. «Приблизительно через три недели, — рассказывает наш автор, — я собирался пройти через спальню в одну внутреннюю комнату, как вдруг увидел самку, которая усердно старалась пролезть под дверь в соседнюю комнату. Встревоженная приближавшимися шагами, она на мгновение приостановилась и лежала теперь передней частью тела на пороге, остальным телом в спальне, прижавшись под дверь, как мертвая. Дверь нельзя было отворить, не повредив животное, но вытащить его, не разорвав на куски, также было невозможно. Поэтому я предоставил змею самой себе, и она воспользовалась этим, чтобы как можно скорее удрать. При этом я не мог надивиться переменам формы ее тела, которое сжималось то в вертикальном, то в горизонтальном направлении. Но где же обитало животное все это время? Несмотря на тщательные поиски, это до сих пор осталось неразрешенной загадкой. Спустя 8 дней был найден и самец, а именно на куче хвороста около дровяного сарая, где он с удовольствием потягивался под теплыми солнечными лучами. Судя по объему тела, он, за время своего отсутствия, не умерщвлял своей плоти.

Близкий родственник эскулапова полоза — **леопардовый лазающий полоз** (*Elaphe situla*) широко распространенная по южной Европе змея, отличающаяся изящным сложением и красотой, а также и значительно варьирующей окраской; длина этого полоза может достигать 90 см. Он отличается от других видов того же рода отсутствием нижнего предглазного щитка, 8 верхнегубными щитками, из которых четвертый и пятый касаются глаза, 25-27 продольными рядами гладких чешуи на середине тела и разделенным заднепроходным щитком. Среди многих разновидностей встречаются две постоянные. У одной, настоящего, но гораздо более редкого четырехлинейного ужа, по Штрауху, на буровато-сером фоне и меются четыре, но чаще две, более темные или кроваво-красные продольные полосы, обычно окаймленные черным цветом, которые или непрерывно тянутся вдоль спины, или местами прерываются. Гребень спины обыкновенно окрашен очень светлым, даже белым цветом, бока разрисованы более мелкими черноватыми пятнами; нижняя сторона головы и передней трети тела желтовато-белая или очень светлая желтая, но каждый брюшной щиток разрисован 4 или 5 мелкими, неправильными, черноватыми пятнами, которые далее к заднепроходному отверстию настолько увеличиваются в размерах, что середина всего брюха оказывается темного стали-голубого цвета и лишь наружные края щитков сохраняют еще желтую окраску.

Более обыкновенная, пятнистая разновидность, напротив, окрашена светлым красновато-бурым цветом и украшена на верхней стороне тела и хвоста расположенными в два продольных ряда, но часто сливающимися в широкие поперечные полосы кроваво-красными пятнами с черной каймой, а по бокам рядом более мелких, черных полу лунных крапин, чередующихся с первыми.

Леопардовый лазающий полоз (*Elaphe situla*)

Область распространения этой змеи ограничивается на западе горами южной Италии и Сицилией, притом в большинстве стран в пределах этой области встречаются обе разновидности, а в Далмации и Греции почти исключительно леопардовый лазающий полоз. Паллас открыл первую из описанных нами форм в Крыму; Эрбер ловил леопардового полоза во всей Далмации и Герцеговине, но всегда лишь поодиночке; Эргард наблюдал его только один раз около вершины горы Пиргос, высотой 500 м, на Сире. Напротив, Бетхер получал его изо всех частей Греции в широком смысле слова, материка и островов, так регулярно и в таком значительном количестве, что называет его одной из самых обыкновенных змей Балканского полуострова. Он встречается также на Хиосе и у западного берега Малой Азии. Из Далмации я не раз получал его, и, между прочим, тот экземпляр, по которому наш художник сделал рисунок. По наблюдениям Эрбера, он питается главным образом ящерицами, но нападает и на мелких змей, по крайней мере бросается на них в клетке, убивает и съедает их. Эрбер просит щадить этого полоза, так как, по его словам, нельзя доказать, чтобы он был в каком-нибудь отношении вреден, а его чудная окраска и рисунок доставляют удовольствие всякому. В неволе он хотя и переносит обыкновенно зиму, но с началом весны всегда погибает, даже в том случае, если приложить величайшее старание к уходу за ним и устройству клетки. Из наших европейских змей он если не самая живая и бодрая, то, безусловно, самая красивая. Он служит украшением всякой клетки, тем более что не прячется, если только за ним хорошо ухаживать. Он лазает с такой же охотой и ловкостью, как эскулапов полоз, держится на плоском полу клетки лишь в силу необходимости и, если снабдить последнюю ветвями или, что еще лучше, зелеными растениями, тотчас поднимается вверх по стволу и ветвям, отыскивает удобное место и самым красивым образом ложится здесь, как правило перепутавшись и извившись. Таким образом, он и здесь, как на свободе, пленяет каждого зрителя.

Метакса, один итальянский исследователь, полагает, что в четырехполосом полозе надо видеть боа Плиния, но понятно, не хочет поддерживать этим мнением старую сказку, что во времена Клавдия была убита змея этого вида, в брюхе которой нашли ребенка. Как уже замечено, Плиний ясно указывает, что боа питается коровьим молоком и получил от этого свое название, и еще сегодня четырехполосого полоза, по словам Эрбера, очень боятся, преследуют и беспощадно убивают, так как все думают, что он ползает за коровами и козами, чтобы высасывать у них молоко, почему эту змею и называют «сгаворсиза», или доильщица коров.

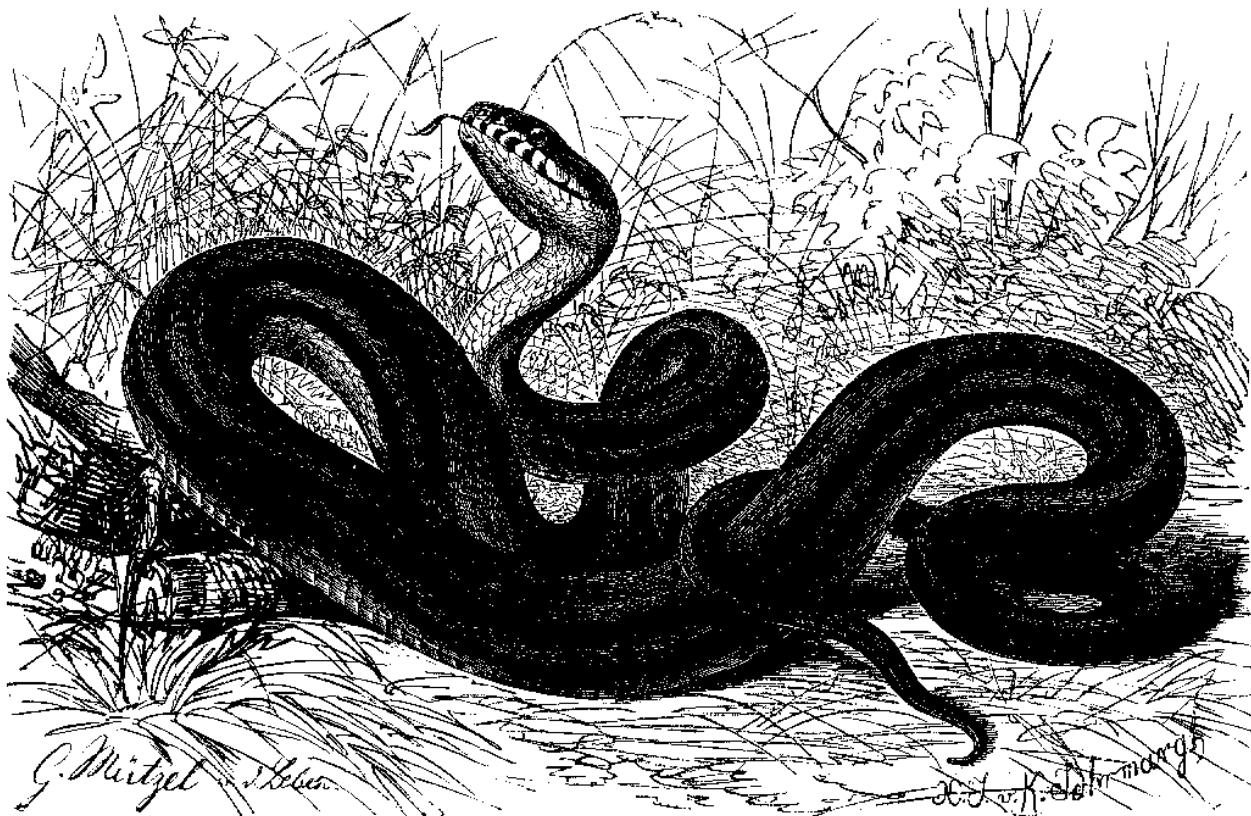
Четырехполосый лазающий полоз (*Elaphe quatuorlineata*) — одна из крупнейших их европейских змей, достигает длины 1,8-2 м и сверху по оливково-буроватому, переходящему в мясной цвет фону разрисована двумя черно-бурыми продольными линиями с каждой стороны, снизу соломенно-желтого цвета. От глаза к углу рта тянется черная полоска. Эта окраска, впрочем, представ-

ляет различные изменения. Эрбер ловил экземпляры совершенно черного цвета, а другие исследователи показали, что у детенышей на голове находятся правильные поперечные черные полосы, а на верхней стороне тела три ряда больших бурых пятен; бока тоже испещрены пятнами, а на нижней стороне находятся черновато-стале-серые четырех- угольные пятна. Из других признаков надо еще указать присутствие маленького нижнего предглазного щитка, 23-25 рядов спинных чешуек, которые в молодости слабо, а в зрелом возрасте сильнее килеваты, и двойной заднепроходный щиток.

Область распространения четырехполосого полоза простирается по южной и юго-восточной Европе, от нижней Италии и Далмации через Турцию, Грецию и Греческий архипелаг, по крайней мере до внутренних районов Малой Азии. Принадлежат ли сюда родичи этого ужа, описанные в кавказских странах, или представляют один или два другие вида, нам еще неизвестно, но очень вероятно, что змеи, встречающиеся в южной части Европейской России и в местностях к западу от Каспийского моря, названные Штраухом *Elaphe sauromates*, относятся к четырехполосым полозам.

Достоверно, что этот вид, за исключением, быть может, окрестностей Неаполя и некоторых греческих островов, нигде не может считаться обыкновенным, без сомнения, из-за беспре- рывного преследования, которому он подвергается в большей части стран.

В Греции четырехполосый полоз, по исследованиям Бедряги, населяет довольно ограничен- ные местности. «На острове Миконос он должен, впрочем, быть очень обыкновенным, судя по большому числу убитых экземпляров, которые я находил на дорогах этого острова. Я узнал от местных жителей, что они не боятся этого вида змей, который они называют «лафитис» (*Laphitis*), а терпят его вследствие одного местного поверья и не растаптывают нарочно, потому что он, благода- ря своей смелости, сам подвергает себя опасности. Он живет там в местах, часто посещаемых людьми, каковы огороды, сараи и курятники. Подобное же поверье относительно змей существует и в России и Италии. В Малороссии щадят ужей, и особенно большие экземпляры, чтобы не накликать беду. У Длинного озера в Италии я нашел, что там подобным же образом щадили живущих в виноградниках эскулаповых полозов».

Четырехполосый лазающий полоз (*Euphonia lineata*)

Все наблюдатели называют четырехполосого полоза безобидным и крайне полезным живот- ным, которое не кусает даже тогда, когда его ловят на свободе, и в самое короткое время привыкает к хозяину; оказывает услуги, поедая крыс, мышей и менее крупных змей, но, между прочим, пре- следует также полезных кротов, мелких птиц и ящериц*.

* Любопытно «пристрастие» четырехполосого полоза к скворечникам и дуплянкам. Он планомерно обследует эти устройства в поисках обитаемых гнезд. Забравшись на крышу скво-

речника, он опускает голову в лоток и, если там никого не обнаруживает, продолжает поиск на других деревьях.

"Тому назад два года, — пишет мне Эрбер, — я поймал в Албании четырехполосого полоза при странных обстоятельствах. Собирая насекомых вокруг одного монастыря, я услышал в водосточной трубе непонятный для меня шорох. Я остановился неподвижно, ожидая, не покажется ли какое-нибудь мелкое четвероногое, но я немало удивился, когда сначала показалось куриное яйцо, а за ним четырехполосый полоз длиной более 5 футов. Животное уползло в кусты, с бесконечными усилиями проглотило яйцо, не разбивая его, но вскоре после этого раздавило его, прижавшись к маленькому дереву**.

** * Полозы рода Elaphe, как и яичные змеи, питающиеся яйцами птиц, разламывают их скорлупу при помощи отростков позвонков, которые вдаются в верхнюю стенку пищевода.*

Признаюсь, я должен был сделать усилие, чтобы не начать ловлю этой красивой змеи; но я хотел понаблюдать дальнейшее поведение ее. Действительно, через несколько минут полоз снова пробрался по водосточной трубе на крышу, а оттуда через окно чердака внутрь монастыря. Вероятно, там находились гнезда кур или склад яиц, так как скоро змея снова показалась на том же пути, опять с яйцом во рту, спустилась, как и первый раз, через водосточную трубу, поползла в кустарник и проглотила таким же образом вторую добычу. Этим дело не кончилось: семь раз повторял четырехполосый полоз свои разбойничьи набеги и, быть может, был еще не удовлетворен; но мне показалось это слишком долгим, и я, благодаря тому что змея наелась, без особенного труда поймал ее. Так как со мной не было ни какого мешочка достаточной величины, я сунул пленника в один из карманов пальто, которые были достаточно велики и застегивались с помощью пуговиц, и спокойно продолжал собирать насекомых. Но скоро я почувствовал на боку странную влажность: змея выбросила в мой карман все съеденные и раздавленные яйца, и мне стоило немалых усилий отмыть карман от этого грязного подарка, тем более что полоз стал теперь очень подвижен, и мне приходилось все время держать его. Во всяком случае, животное это обнаружило в своем хищническом предприятии хитрость и ловкость, которые заслуживают полнейшего внимания, тем более что это наблюдение самым неопровержимым образом подтвердило часто возбуждавшие сомнения рассказы, что наши европейские змеи грабят птичьи гнезда и похищают яйца».

Кнауер описал жизнь четырехполосого полоза в неволе. Он оказался животным, хорошо переносящим наш климат и без затруднений зимующим. Он много лазал, охотно купался и легко принимался за еду; любимую пищу его составляли птицы. Граф Перакка получил из яиц через 56 дней детенышей*. По его мнению, самцы встречаются реже самок.

** Самки четырехполосого полоза защищают свою кладку от врагов, обвивая ее кольцами своего тела.*

В лесах всей Бразилии, Гвианы и Венесуэлы, а также на Малых Антильских островах живет **зипо** (*Chironius carinatus*). Эта древесная змея, длиной 2,3 м, имеет великолепную внешность, каков бы ни был оттенок ее цвета. По описанию на месте, сделанному принцем фон Вид, верхние части — красивого, мягкого, несколько темного чижиково- или оливково-зеленоватого или ярко желтого цвета; при этом следует заметить, что первый цвет преобладает обыкновенно на брюхе, последний — на нижней стороне головы, на горле, на нижней стороне шеи и хвоста. Зеленый цвет представляет все оттенки до блестящего металлически-бурого. Среднюю линию спины занимает более светлая полоска, которая часто ограничена по бокам более темным цветом. Вест-индские экземпляры этого вида сверху черновато-бурые или черные, снизу свинцово-серые; верхняя губа и область горла у них желтоватые. Чешуйки этой легко отличимой змеи то гладкие, то два средних спинных ряда килеватые; они всегда расположены двенадцатью продольными рядами. Глаза замечательно велики.

Зипо (*Chironins carinatus*)

По наблюдениям принца фон Вид, зипо представляет в Бразилии, вместе с коралловой змеей, один из самых обыкновенных видов отряда. Она встречается около Рио-де-Жанейро, Кабо-Фрио, Кампос-де-Гойтасазес, у Парахиба и Капитания при Эспирито-Санто и живет преимущественно в кустарниках, растущих на песчаной почве, поблизости моря. Здесь упомянутый естествоиспытатель наблюдал чрезвычайно крупные экземпляры, длиной 2-3 м и толщиной 4-6 см. Змея эта, по-видимому, особенно любит песчаную почву, а также влажные и болотистые местности около моря, поросшие ситником, желтоколосником, тростником и тому подобными растениями и напоминающие наши луга. Здесь ее часто находят в кустах там, где растут прямые цекропии с белыми цветами и жесткие широколистные клузии. По большей части она попадает на деревьях, где отдыхает на ветках или толстых сучьях, но нередко и на земле. Если к ней приблизиться, то она так

быстро уползает, что за ней едва можно следовать, всего быстрее в траве, несколько медленнее по голому песку. Гензель полагает, что зипо может быть не так редка в южной Бразилии, как кажется, но скрывается от взоров, так как держится под кустарником и в лесах и уходит от всех преследователей, благодаря своей невероятной быстроте.

С быстротой молнии эта змея влезает на терновник и кусты и, извиваясь, проскальзывает сквозь них, так что рассказы о том, будто бы она питается птицами, не кажутся невероятными. Принц фон Вид часто находил, что тонкая шея зипо была чрезвычайно сильно растянута большими жабами; поэтому можно думать, что она питается главным образом земноводными. Время спаривания приходится на октябрь.

По Молю и Уриху, эта общеизвестная змея называется на Тринидаде «Machete» (ножик), по острому гребню спины. Она не только изумительно лазает по кустам и деревьям, но также превосходно плавает. С чрезвычайной быстротой она соединяет необыкновенную ловкость в гимнастических упражнениях. Нередко можно видеть, как она висит на кончике хвоста на самом конце ветви куста, склоняющейся над рекой. Если ее схватят, то блистающая золотистым и бронзово-зеленым цветом «мачете» яростно кусает все вокруг себя. Главную пищу ее составляют лягушки, но она не пренебрегает также молодыми птицами и ящерицами. Она откладывает пять яиц вальковатой формы с очень тонкой скорлупой.

Зипо считают безвредной даже в Бразилии; тем не менее жители с ужасом смотрели, как упомянутый натуралист и его спутники брали голыми руками это красивое животное. В безвыходной ситуации зипо, впрочем, защищается от человека, как видно из следующего рассказа Шомбургка: «На одной из своих охотничьих экскурсий я увидел змею длиной 2 м, которая медленно двигалась мне навстречу. Расстояние было еще слишком велико, и я не мог различить, ядовитая это змея или безвредная. Оба ствола моей двустволки были заряжены; я прицеливаюсь, стреляю, и животное, судорожно извиваясь, вытягивается в виде дуги. Хлопанье крыльев в ветвях дерева, под которым я стоял, привлекает мое внимание: два красивых, незнакомых мне попугая, которые сидели в тени и были испуганы выстрелом, скоро снова опускаются на кончик ветви. Змея казалась смертельно раненной, и я убил одну птицу из второго ствола. И тут я вижу, как змея с трудом поворачивается к густому кусту, в котором и исчезает, пока я заряжаю ружье. Тщетно ищу я ее с заряженным ружьем в руке и стараюсь подойти ближе. Вдруг раненое животное, которое заметило мое приближение и приготовилось к прыжку, стрелой бросается по направлению к моему плечу и заставляет меня сделать сильный скачок назад. Еще оцепенелый от испуга, не зная, ранен ли я или нет, я увидел, что животное снова готовится к прыжку. Сделать это змее, однако, не удалось, так как вовремя прозвучал мой выстрел. При ближайшем рассмотрении я нашел, что не был ранен, а мой яростный враг оказался не ядовитой змеей, а безвредной зипо11.

Большой род **настоящих ужей** (*Natrix*) отличается своим внутренним строением, малой величиной носовых костей и зубами. Из 12-22 зубов верхней челюсти последний всегда длиннее остальных; зубы нижней челюсти равной величины. Голова резко отграничена от шеи, умеренно большие или очень большие глаза имеют круглый зрачок, ноздри направлены несколько вверх. Вальковатое тело то более, то менее вытянуто; чешуйки килеватые, реже гладкие, расположены в 15-29 продольных рядов и по большей части имеют перед кончиком поры. Брюшные щитки закруглены и не загнуты по бокам углом вперед; хвостовые щитки расположены попарно.

Общеизвестный представитель этого рода — **обыкновенный уж** (*Natrix natrix*) — змея змей для нашего народа, предмет его древних сказаний и новых чудесных рассказов, его страха, его ненависти, его страсти к истреблению, — самый распространенный из всех германских ужей. Он может достигать в длину 1,58 м, но обычно, по крайней мере в Германии, вырастает только на добрую треть этих размеров, а самцы, кроме того, всегда меньше самок. Одна исключительно крупная самка из Швейцарии, которую имел Фишер-Зигварт, была 1,80 м длины. Два белых или желтых, а у южных форм часто ярко-красно-желтых полулунных пятна с каждой стороны позади висков, которые называют «коронай» ужа, служат таким надежным отличительным признаком, что эту змею никогда нельзя спутать с другими европейскими змеями. Кроме того, этот уж на сером фоне разрисован 4-6 рядами черных пятен, тянущихся вдоль спины, ниже по бокам испещрен белыми пятнами, а середина брюха черного цвета. Цвет спины то более бурый, то зеленоватый, то серо-голубой; иногда он кажется почти черным, и в таком случае темные пятна исчезают почти совершенно. Вообще же оба пола, а также старые и молодые отличаются друг от друга очень мало. Для дальнейшей характеристики этого вида можно еще прибавить, что килеватые чешуйки расположены в 19 продольных рядов и что глаз окружен лишь одним предглазным щитком, а сзади тремя заглазными. Из семи верхнегубных щитков третий и четвертый доходят до глаза.

От гадюки, с которой обыкновенный уж имеет общий признак — килеватые чешуйки, его легко отличить по большим щиткам, круглому зрачку, заднепроходному щитку, разделенному на два, и по тому, что между верхнегубными щитками и глазом не вдается ряд более мелких чешуек, отделяющих глаз от губных щитков.

Обыкновенный уж (*Natrix natrix*)

Область распространения ужа простирается, за исключением самого крайнего севера, по всей Европе и очень значительной части передней Азии и северной Африки до Алжира. Он встречается по всей Германии, особенно часто в болотистых и богатых водой местностях, реже в сухих местах, и вообще попадается везде. Он водится также в Швейцарии и вообще в Альпах, поднимается здесь до 1650 м, а в Пьемонте, по Камерано, даже до высоты 2300 м. По ту сторону Альп он встречается во всех частях Италии; во всей Франции, а также на Пиренейском полуострове он принадлежит к самым обыкновенным змеям; в Дунайских низменностях и на Балканском полуострове встречается еще гораздо чаще, чем у нас, но лишь в виде полосатой разновидности, на севере достигает средней Швеции, в России доходит до Финляндии, переходит за Кавказ и Урал, живет, следовательно, и в Киргизской степи, Закавказье и лишь в Закавказье, Персии и Алжире достигает южной границы области своего распространения *. Только в Алжире обыкновенного ужа можно назвать редким.

* Популяции с территории Кавказа сейчас относят к другому виду — большешоловому ужу (*Natrix megalocephala*).

Поросшие кустами берега болот и топких мест, медленно текущие ручьи и реки, заброшенные плотины прудов, влажные леса, места, поросшие ситником или камышом, и болота составляют излюбленные места пребывания ужа, так как здесь он находит свою любимую пищу. Однако его можно встретить и на более высоких горах, далеко от всякой воды, и притом, по словам Ленца, во все не случайно, а в любое время года; это дает право заключать, что он не покидает этих мест. Нередко он приближается к человеческим жилищам и селится на дворах под кучами навоза и земли, в которых сам вырывает себе нору, или в норах, вырытых крысами, мышами и кротами, а также в погребах и хлевах. Струк убедился, что в Мекленбурге ужи особенно любят хлева для уток и кур; там он видел иногда дюжинами старых и молодых ужей. Особенно нравится им находящаяся здесь влажная теплая подстилка. Они живут в самой лучшей согласии с утками, которые не дотрагиваются даже до маленьких ужей вследствие их вони; ужи же охотно кладут свои яйца под покинутыми гнездами уток и кур. Напротив, названный наблюдатель нигде не видел, чтобы ужи селились в хлевах для коров и овец; это объясняется тем, что копыта домашних млекопитающих представляют для змей слишком большую опасность. Менее часто, чем в птичниках, но все же нередко, ужи встречаются в человеческих жилищах. Ленц рассказывает, что жил ребенком в доме, в нижнем эта-

же которого более года пребывала пара больших ужей, к которой время от времени присоединялась и пара молодых. «Было запрещено беспокоить это общество, но зато было трудно найти прислугу, которая согласилась бы жить у нас. Мы, дети, особенно дивились этим животным, когда они с дребезжащим шумом ползали по стеклам витрины. Более неприятно было, когда большой уж поселился под половицами жилой комнаты у одного моего близкого родственника, духовного лица. Стоило только немного по сильнее ступить на половицы, и тотчас из-под них распространялась известная вонь ужа. Половицы не были подняты, так как дом стоял под управлением общины. Наконец змея выселилась добровольно». В русских крестьянских избах ужи, по словам Фишера, ползают очень часто, так как крестьяне охотно допускают их или, по крайней мере, терпят*; их охраняет поверье, будто бы смерть ужа приносит несчастье.

** В XIX веке в деревнях Казанской губернии действительно в домах специально содержали ужей, видимо, для борьбы с мышевидными грызунами или просто как домашних животных.*

Малоросс верит в царство ужей, в котором есть царь ужей. Он носит украшенную драгоценными камнями корону, которая прекрасно блестит на солнце, и ему подвластны все ужи. Если одному из его подданных сделают зло, то он мстит за это, напуская на обидчика болезнь, у этого человека рождается урод, случается пожар, или какая-нибудь другая беда. Весьма естественно, что уж вступает в дружеские отношения с настроенными таким образом обитателями дома.

Уж принадлежит к тем пресмыкающимся, которые, насколько возможно, сокращают свой зимний сон. Осенью при хорошей и теплой погоде еще в ноябре можно видеть, как он греется на солнце, весной он снова показывается в конце марта или начале апреля и сначала в течение нескольких недель согревается под теплыми лучами солнца, прежде чем начнет свою летнюю жизнь или даже свою охоту.

Тот, кто отбросит привитый нам воспитанием страх перед змеями и познакомится с ужом, безусловно, назовет его приятным и привлекательным существом. Он принадлежит к самым подвижным и проворным видам семейства; правда, он охотно вытягивается на солнце и по целым часам с удовольствием остается в этом положении, но он также много ползает, во всяком случае, гораздо больше, чем коварно подстерегающая, ленивая ядовитая змея, которая даже ночью движется в возможно малом районе. На поросших кустами берегах спокойных вод легко можно наблюдать живость и подвижность ужа. С берега, на краю которого он только что грелся на солнце, он бесшумно соскальзывает в воду, чтобы развлекаться плаванием или выкупаться. Обыкновенно он держится так близко у поверхности воды, что головка его выдается над ней, и он движется вперед, изгибаясь в стороны и постоянно двигая языком. Но иногда он плавает также в толще воды, выпуская пузыри воздуха, и вблизи твердых предметов, осезая их языком. Испуганный, он постоянно скрывается в глубине и довольно далеко может уплыть или по дну, или около самого дна, пока не сочтет себя в безопасности, чтобы снова подняться к поверхности, или же опускается на дно и долго лежит там, так как может оставаться под водой целые часы. «Это я наблюдал, — говорит Ленц, — не только в природе, но и в комнате. У меня было 16 ужей в большой бочке, наполовину наполненной водой; на дне лежала доска, на которой они могли отдыхать; под доской был столб. Я видел, что они часто добровольно оставались полчаса под водой, или лежа на доске, или ниже, обвившись вокруг столба».

Если уж хочет проплыть большое расстояние, например переплыть широкую реку или озеро, то он наполняет, насколько возможно, свое широкое легкое воздухом и, благодаря этому, значительно облегчает себе плавание, между тем как при нырянии он всегда предварительно выдыхает воздух. Правда, он плавает не особенно быстро, по крайней мере не так скоро, чтобы нельзя было идти рядом с ним, но очень продолжительно и может предпринимать гораздо более долгие путешествия по воде, чем обыкновенно думают. При благоприятных обстоятельствах можно проследить его плавание на большом расстоянии. Так, Струк заметил однажды ужа, плившего вдоль берега, и прошел 1800 шагов рядом с ним, пока тот наконец нырнул и исчез. Что он действительно переправляется через обширные водные поверхности, это определенно доказано. Шинц видел в тихую погоду ужа, который бодро плавал на середине Цюрихского озера; английские исследователи неоднократно встречали ужей в море между Уэльсом и Англией; датский моряк Ирмингер нашел ужа даже в открытом море на расстоянии 23 км от ближайшего берега, острова Рюгена. Так как он старался взобраться на борт, то Ирмингер спустил шлюпку, поймал ужа и отослал его в Копенгаген к Эшрихту, который и определил его.

В Мекленбурге считается общеизвестным, и Струк несколько раз видел это собственными глазами, что ужи, ловящие рыбу в озере, иногда располагаются на спине плавающих уток, без сомнения, для того, чтобы таким образом одновременно наслаждаться теплом, мягкой подстилкой и

отдыхом. Уткам нравятся такие всадники. В народе, на основании этого наблюдения, возникло мнение, будто бы утки спариваются с ужами, и ни один из сторонников этого поверья не согласится когда-нибудь съесть утиное яйцо. Ползает уж по земле довольно быстро; однако на равнине его всегда можно догнать, даже без значительных усилий; напротив, по склонам он иногда скользит вниз с такой быстротой, что его можно сравнить со стрелой. В лазании он тоже достаточно ловок и иногда влезает на довольно высокие деревья. «Увидев ужа на дереве, — говорит Ленц, — я забавлялся тем, что загонял его очень высоко на дерево. Если он не может лезть дальше, то начинает, быстро извиваясь, спускаться по ветвям или, если это возможно, переходит на ближайшее дерево и спускается по его ветвям; но если нижние ветви далеко от земли, то он не старается соскользнуть по стволу, а шлепается вниз и уползает».

Ужа называют добродушным животным, так как он лишь крайне редко пускает свои зубы в дело против человека и хорошо уживается на свободе и в неволе с другими змеями или вообще пресмыкающимися, а также и с земноводными; с последними, по крайней мере, если не голоден. Против хищных млекопитающих и птиц он, конечно, шипя, становится в оборонительную позу и пытается укусить, но если можно, то он всегда убегает от существ, кажущихся ему опасными, особенно от тех, которые его преследуют и едят*.

** Одной из форм защиты обыкновенного ужа является мнимая смерть, когда он переворачивается на спину, приоткрывает рот и высовывает язык, практически не реагируя на внешние раздражители.*

Линк называет ужа таким миролюбивым, безобидным существом, «что можно почувствовать искушение приписать ту доверчивость, с которой он приближается к жилищам человека, известного рода чистой совести. Особенно человеку нечего бояться зубов ужа, он может без страха протягивать к нему руку, ловить его и, если хочет, даже носить за пазухой. У ужа нет недостатка в храбрости, чтобы защищаться, но надо прибегнуть к хитрости и схватить его неожиданно и сзади, чтобы побудить его кусаться». По наблюдениям Дерси, уж не кусает даже тогда, когда, спрятавшись за доской или дверью, вдруг всунуть руку в его помещение.

Указание Линка тем не менее справедливо; Ленц уверяет, что ужи иногда кусали его очень неожиданно. Однажды один уж добродушно позволил поймать себя и лишь около 6 минут спустя вдруг укусил, издав короткое шипение, хотя до того спокойно лежал в руке, и нанес кровавую рану длиной в сантиметр и глубиной в миллиметр, которая была как бы порезана острым ножом и, конечно, очень скоро зажила без осложнений. Для защиты от человека уж пользуется только своими крайне вонючими испражнениями; против больших животных, хищных птиц и воронов он защищается энергичнее, очень сильно шипит при их приближении, делает выпады по направлению к ним, но лишь редко достает до врага. «Я никогда не видел, — говорит Ленц, — чтобы он действительно нанес сильный укус такому врагу, хотя он в состоянии, если его запрут вместе с врагом, несколько дней подряд непрерывно лежать, свернувшись клубком и надувшись, и кусаться каждый раз при его приближении. Если враг, будь то птица или млекопитающее, действительно схватит ужа, то он не защищается, а только сильно шипит, старается освободиться или обвивается вокруг врага и выпускает испражнения и вонючую жидкость».

Любимая добыча ужа состоит из лягушек, особенно ревностно преследует он травяную лягушку. По наблюдениям Ленца и Бетхера, он предпочитает квакшу всякой другой; по крайней мере только что пойманных ужей, которые пренебрегают лягушками, можно легко заставить есть, если предложить им квакш. Но до такого лакомства уж при жизни на свободе добирается, однако, лишь в период спаривания квакш, во время которого они спускаются на землю, а обыкновенно травяные или остромордые лягушки составляют ту добычу, которая достается ужам легко и постоянно*. Наблюдения Эффельдта, что обыкновенно ужи боятся прудовых лягушек, а при сильном голоде хотя и кусают, но не едят их, едва ли относится к нашим ужам; я не раз видел, как они глотали прудовых лягушек.

** На смачивание жертвы уж выделяет около 1 г слюны.*

Замечательна, по словам Вернера, та верность, с которой уж даже в темноте различает разные виды лягушек и жаб и делает между ними выбор, причем, вероятно, руководствуется обонянием. Даже знатоку земноводных не так легко отличить травяную лягушку от прыткой, а между тем уж это делает всегда с легкостью и безошибочной точностью. Если он не находит достаточно лягушек, то принимается и за жаб. Тритонов он ест, по-видимому, очень охотно и умеет овладевать всеми встречающимися у нас видами, как на земле, так и в воде. Иногда, как сообщает мне Стерки, он схватывает и саламандру, но, по-видимому, такая пища не особенно нравится ему, так как уж иногда выплевывает саламандру обратно и этим дарует ей жизнь. После земноводных он, подобно

всем родичам, особенно охотно преследует маленьких рыбок и потому может местами действительно приносить вред. Линк никогда не видел, чтобы ужам на свободе удавалось поймать рыбу, и потому сомневается, чтобы кто-нибудь мог приписать ужам, на основании собственных наблюдений, ловкость, необходимую для ловли рыбы. Но уже Ленц, этот точный и добросовестный наблюдатель, не оставляет никакого сомнения в этом, а мой брат Рейнгольд часто наблюдал, как другие настоящие ужи ловили рыбу; так что этот вопрос можно считать совершенно исчерпанным. Ленц, исследуя содержимое желудка убитых ужей, находил, что они ели главным образом гольцов, пескарей и молодых линей, а Пехуэль-Леше наблюдал их во время ловли рыбы.

Живо и верно описывает Линк охоту ужа за его любимой дичью — толстой травяной лягушкой. «Лягушка вовремя замечает намерения приближающегося ужа, в котором инстинкт, а иногда и воспоминание о счастливо избегнутой опасности заставляет ее узнать жестокого врага; поэтому лягушка тотчас обращается в бегство. При этом она, как и всякая преследуемая дичь, движется тем поспешнее, чем более уменьшается расстояние между ней и преследующим ее врагом, Страх лишает ее соображения, так что она делает лишь редкие и короткие прыжки (хотя она скорее всего могла бы спастись сильными прыжками, к которым она вполне способна в другое время) и с удвоенной поспешностью старается спастись бегом, причем часто кувыркается. Очень редко при этом раздается полный отчаяния жалобный крик испуганного животного. Этот крик не имеет никакого сходства со звуками, которые мы слышим у лягушек обыкновенно, и незнающий может приписать его скорее любому другому животному, чем лягушке. Он звучит почти как жалобное, продолжительное овечьё блеяние, но более протяжен и действительно возбуждает сострадание». Такое преследование, при котором змея кажется слепой по отношению ко всему остальному, редко продолжается долгое время; напротив, обыкновенно очень скоро добыча бывает схвачена и затем проглочена. Линк полагает, что в так называемой волшебной силе змей, быть может, есть доля истины; один достойный доверия человек рассказывал ему об уже, который только что проглотил очень большую лягушку и был окружен полдюжиной других; они изо всех сил издавали жалобный крик, но не делали никакой попытки избежать судьбы товарища, так что уж схватил и умертвил еще одну из них, а затем третью. Я полагаю, что могу остаться при том мнении, которое высказал выше, так как не раз видел столь наглядно описанную Линком охоту на лягушек. Притом, если посадить лягушку в одну клетку с ужом, она старается как можно поспешнее убежать и, только увидев, что это невозможно, почти без сопротивления отдается своей судьбе.

Способ, которым уж глотает добычу, внушает зрителю отвращение, особенно потому, что он не умерщвляет предварительно свою жертву (к чему он, впрочем, и не способен), а проглатывает ее еще живой*.

** В ряде случаев оказывалось, что недавно съеденные обыкновенным ужом лягушки оставались живыми, уже находясь в желудке.*

Обыкновенно он старается схватить лягушку с головы; но если это не удастся, то схватывает ее, например, за задние лапы и медленно втягивает в глотку, причем лягушка, понятно, сильно бьется и жалобно квакает, пока может еще открывать рот. Змее стоит немалого труда удерживать подвижную добычу; тем не менее последней крайне редко удается освободиться от безжалостного врага. Но и в таком случае, если змею не беспокоят, то она тотчас следует за добычей и снова овладевает ею. Мелкие лягушки проглатываются гораздо легче, чем большие, работа с которыми часто продолжается несколько часов и, по-видимому, очень утомляет ужа; между тем мелких лягушек он в случае голода часто схватывает и глотает полдюжины кряду. При сильном голоде он съедает через короткие промежутки 100 головастика или 50 маленьких лягушек, только что окончивших превращение. Испуганный уж, подобно другим змеям, обыкновенно выплевывает обратно принятую пищу, причем, если проглоченное животное было очень велико, он должен очень сильно разинуть пасть. Мелких позвоночных, принадлежащих к двум первым классам, уж ест разве лишь в самых исключительных случаях; по крайней мере, на содержащихся в неволе наблюдали, что они постоянно пренебрегают мышами или птицами и их яйцами. Желтком разбитых яиц они, напротив, лакомятся с видимым удовольствием, как наблюдал Струк и другие. В молодости они если и не преимущественно, то изредка могут питаться также насекомыми и мягкотелыми. Эрбер видел, как ужи, которых он держал, ели улиток и гусениц, а Струк — как живущие на воле старались схватывать на освещенных солнцем стенах спокойно сидевших мух, комаров, мокриц и т. п.

Долгое время полагали, что уж не пьет. Ленц никогда не находил воду в желудке исследованных им ужей, хотя оставлял их в жаркую погоду долго без воды, помещал затем в воду и скоро после этого вскрывал. Тем не менее нельзя сомневаться в противоположном. Один приятель только что названного исследователя наблюдал, как один из его пленников, после того как в середине лета

не получал жидкости в течение 14 дней, выпил до дна чашечку воды; другие любители змей убедились в том же. Дерси удивляется каждому наблюдателю, который не видел, как ужи пьют. В жаркие дни можно заметить, что они жадно всасывают упавшие на землю капли, а также очень часто удается видеть, как они пьют из наполненного водой блюдечка таким же образом, как медянка. Те ужи, которых я наблюдал и которых держал в клетке вместе с другими змеями, пили так же регулярно, как и их родичи. Кроме воды, по крайней мере некоторые из них, пьют и молоко, особенно если у них нет ничего другого; а если они раз привыкли к такой жидкости, то может случиться, что они пьют ее даже очень охотно. На этом наблюдении основывается, вероятно, общеизвестное поверье, что ужи сосут вымя коров и других дающих молоко домашних животных для лакомства.

Подобно всем змеям, уж может выживать целые месяцы без пищи. Относительно этого Герклоц обнаружил в свое время одно наблюдение, которое, несмотря на жестокость опыта, заслуживает широкой известности. «В 1864 г. 19 июня я поймал во время одной из охотничьих экскурсий в болоте Нейзидлерского озера ужа и сохранял его с тех пор в устроенном для этого стеклянном помещении. Хотя в нем находилась подходящая для ужа пища, он упорно отказывался от корма и воды. Это продолжалось до середины сентября; в этом месяце он пил один раз воду, но не принимал пищу. Линька произошла полная. Мне очень хотелось знать, сколько времени это животное сможет голодать, и потому с этого времени я отказывал ему в пище и воде. Клетка стояла в моей комнате; я жил в ней один, и не подлежит никакому сомнению, что никто не кормил змею. Наступила зима, но змея, хотя и пыталась устроить себе логовище под камнями и покрытой мхом землей, не впала в зимнюю спячку, так как температура не падала ниже 10-12° Цельсия. В течение зимы змея была, правда, не очень оживлена и по временам даже лежала долгое время, как мертвая, но быстрое, как стрела, движение языка, когда я открывал клетку, показывало мне, что она была еще жива и не спала. Только раз я подумал, что она умерла, и поручил убрать труп из клетки; однако в теплой руке моего сына змея снова ожила, начала извиваться, выпила немного воды и затем продолжала свой невольный пост до 26 апреля. В этот день она снова была совершенно истощена, и я серьезно опасался за ее жизнь. Так как она была мне нужна и я не хотел ею жертвовать, то принес в клетку двух тритонов. Она мгновенно заметила еду, развернулась и несколько раз проползла вокруг своей тюрьмы, затем вдруг остановилась, подняла головку и стала водить ею по камню то вправо, то влево. При этом она поочередно открывала то одну, то другую сторону пасти и, наконец, совсем раскрыла и растянула ее. С чрезвычайной быстротой бросилась она затем на одного из тритонов, с большой жадностью проглотила его, а скоро в ее пасти исчез и второй тритон. С тех пор уж часто ел, был совершенно здоров и перелинял 11 мая. Хотя во время жизни в неволе он исхудал, однако никаких признаков болезненного состояния не обнаруживал, и все поведение его соответствовало поведению других экземпляров, которых я тоже держал в неволе, не заставляя их голодать. Редко может случиться, чтобы животное провело без пищи и зимнего сна 311 дней, потому я полагаю, что об этом случае следует сообщить».

Хотя в хорошие годы уж, как уже замечено, показывается к концу марта или в начале апреля и скоро после этого линяет, а следовательно, надевает свой брачный наряд, однако он редко приступает к спариванию раньше конца мая или начала июня*.

** В брачный период у обыкновенных ужей образуются так называемые брачные клубки, состоящие из одной самки и нескольких (до 20) самцов, оттесняющих друг друга от самки.*

В это время можно видеть, обыкновенно в утренние часы, как самец и самка лежат в самом тесном соединении, обвившись многократно друг около друга, по возможности на таком месте, которое освещается лучами утреннего солнца. При этом они так поглощены своей страстью, что можно приблизиться к ним на несколько шагов, прежде чем они с громким шипением попытаются бежать, как указано выше, дергая друг друга и взаимно мешая ползти. На вынашивание яиц в теле матери, по-видимому, влияет погода, так как свежеотложенные яйца можно находить в различные времена года, первые в конце июля, последние в августе и сентябре. В неволе у ужей кладка может затягиваться до того, что детеныши образуются уже в теле матери и выползают немедленно или скоро после того, как яйца появятся на свет. Молодые самки кладут 15-20, старые 25-36 яиц**.

*** Объем кладки обыкновенного ужа редко превышает 30 яиц, однако известна кладка из 105 яиц; встречаются еще и коллективные кладки, когда в одно место откладывают яйца несколько самок. В этом случае их количество может достигать 1200 яиц. Если же кладки разных самок не разделяются, то образуются массовые, или коммунальные, кладки. В подобных кладках обыкновенного ужа находили до 3000 яиц.*

По форме и величине яйца похожи на яйца домашних голубей, но отличаются, как и все яйца пресмыкающихся, своей мягкой, гибкой, содержащей мало извести скорлупой, а внутри — не-

значительным количеством белка, который образует лишь тонкий слой вокруг желтка. На воздухе они постепенно засыхают и гибнут, в воде они тоже пропадают; и то и другое влияет на размножение этого вида змей, которое было бы чрезвычайно сильным, если бы развивались все зародыши. Обыкновенно самка выбирает с большим искусством удобные места: кучи навоза, листьев, коры из дубильных ям, опилок, рыхлой земли, влажный мох и т. п. — места, которые подвергаются нагреванию и тем не менее долго сохраняют умеренную влажность. Здесь она отыскивает углубление, помещает над ним заднепроходное отверстие, загибает вверх хвост и выпускает в углубление яйца. При кладке одно яйцо непосредственно следует за другим и связано с предыдущим студенистой массой, так что вся кладка имеет вид четок. Дозревание их заканчивается через три недели после кладки; совершенно развитый детеныш проделывает себе отверстие в скорлупе и начинает затем вести такую же жизнь, как и родители, если только рано наступивший холод не заставит его искать защиты от непогоды, т. е. заползать в отверстие, служащее убежищем во время зимы. При выходе из яиц молодые ужи бывают длиной около 15 см; зубы у них уже есть, и, следовательно, они достаточно подготовлены для самостоятельной жизни. Если погода мешает им охотиться и добывать пищу, то жир, отложившийся в их теле еще в яйце, и их прирожденная живучесть защищают их до следующей весны от голодной смерти. Мать после кладки не заботится более о потомстве.

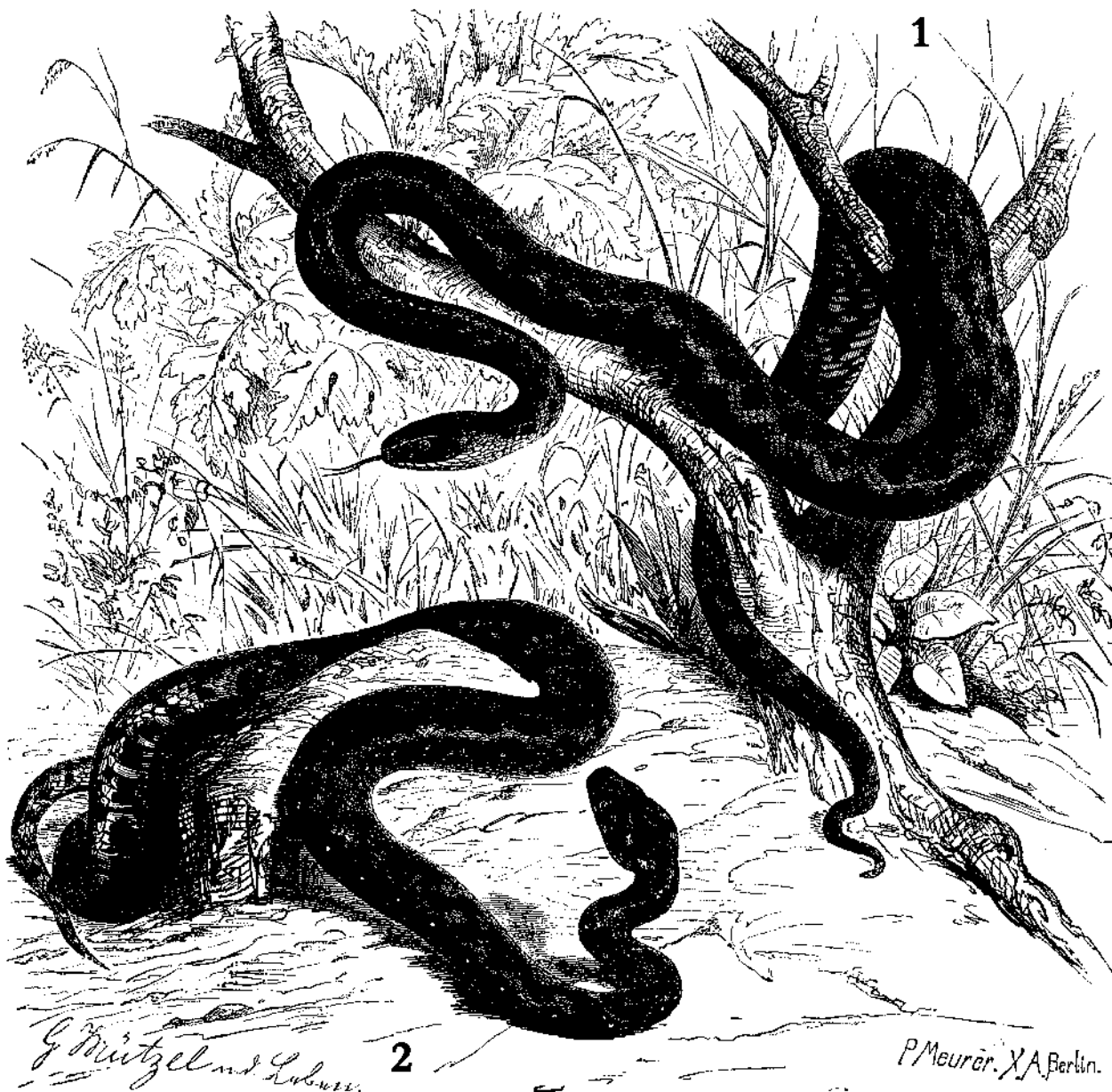
В неволе ужа держать легко, так как он тот час принимается за еду. Даже только что пойманный обыкновенный уж, если к нему посадить живую лягушку, не оставит ее без внимания и не позволит ей прыгать перед ним взад и вперед, а если голоден, то начинает охоту, схватывает и съедает ее; если же, кроме того, позаботиться также о воде для питья и купания и надлежащим образом устроить помещение, то он очень хорошо чувствует себя в клетке. Сначала он докучливым образом пользуется своим оборонительным средством и опорожняет свои вонючие железы чаще, чем это может нравиться; но понемногу он отучается от такой невежливости и с течением времени может стать действительно ручным. Стерки пишет мне, что держал несколько ужей, которые так мало стремились к свободе, что он мог выносить их и по целым часам оставлять в траве, предоставляя самим себе, причем они не пытались бежать. Я сам студентом держал несколько ужей, которые следовали за мной по всей комнате, когда я держал перед ними пищу. Так как уж кусает лишь в редких случаях, то его можно беззаботно поручать попечению детей, любящих животных, и он всегда доставляет им большое удовольствие. Мне известны случаи, когда ужи, которых особенно не холили и не лелеяли, выдерживались в неволе три года и более.

О врагах ужа мне незачем распространяться после того, что уже сказано, но тем не менее я хочу еще раз просить для них пощады. За самого ужа я не стану вступаться, так как считаю его скорее вредным, чем полезным животным, не говоря уж об истреблении рыбы, которое может действительно стать ощутимым там, где существуют рыбоводные пруды, он питается, как мы слышали, только животными, которые бесспорно приносят нам пользу, истребляя вредных улиток и насекомых. Тем не менее и я, подобно Линку, предлагаю «не только любителю природы, но и каждому стороннику разумного воспитания рядом с комнатными птицами и тому подобным дать место около себя и пресмыкающимся, а прежде всего ужу». Я согласен с упомянутым любителем змей, что это решительно способствует развитию народа и ослабляет суеверие, так как все заблуждения, очевидно, уходят, когда людям дается возможность наглядно убедиться в безвредности животного.

Произведенные моим братом Рейнгольдом в Испании прекрасные наблюдения над ловлей рыбы настоящими ужами дают мне повод говорить еще о двух, в большом числе живущих в Европе видах этого рода, которых часто путают, — водяном и гадюковом ужах.

Водяной уж (*Natrix tessellata*) по величине и форме близок к обыкновенному ужу, но отличается от него не только числом верхнегубных и предглазных щитков, но также формой головы и рисунком. Число верхнегубных щитков равняется в среднем 8, в очень редких случаях 7 или 9, число предглазных колеблется между 2 и 3, число заглазных между 3 и 5. Голова ужа и более вытянута, по бокам «срезана» менее круто, чем у обыкновенного ужа, так что глаза, а также ноздри занимают более косое положение и направлены не просто кнаружи, как у того, а в то же время и несколько кверху. Его килеватые чешуйки расположены 19 продольными рядами. Более светлый или более темный оливково-серый цвет, часто с желтовато-серым оттенком, составляет фон. Голова одноцветная, только желтоватые верхнегубные щитки почти все без исключения имеют то более широкий, то более узкий черный край. Пять продольных рядов черных, по большей части четырехугольных, редко округленных пятен составляют рисунок тела и чередуются между собой в шахматном порядке. Пятна могут различным образом варьировать по форме, даже совершенно исчезать до незначительных черных черточек на конце чешуек, а также вместо равномерного черного цвета могут быть перерезаны более светлыми, оливково-серыми линиями, которые соответствуют килям че-

шук. На некоторых экземплярах тотчас позади головы находится узкая черная поперечная полоска, которая составляется из двух косых пятен, сходящихся под острым углом, направленным вперед. Нижняя сторона на белом, желтоватом или оранжевом фоне испещрена черными пятнами, которые расположены в шахматном порядке, но по большей части не совсем правильном, в котором преобладает то светлый, то темный цвет. Длина животного достигает 1,2 м при 5 см в поперечнике.

1 — Водяной уж (*Natrix tessellata*) 2 — Гадюковый уж (*Natrix тайга*)

Относительно области распространения водяного ужа лишь в новейшее время собраны достаточные наблюдения. Он тоже принадлежит к числу широко распространенных змей и, как говорит Штраух, сопровождает обыкновенного ужа в большей части его области распространения, но чаще встречается в южных и восточных частях Европы и не переходит на север за среднюю Европу, даже здесь встречается лишь местами и вообще не часто. Во всех странах южной Европы, лежащих к западу от Германии и Италии, его часто путали со встречающимся здесь рядом с ним гадюковым ужом.

Около Лана водяных ужей, по словам Фогельсбергера, весной часто встречаются парами под камнями, летом их находят много в воде, где они тоже охотно располагаются под камнями; напротив, поздней осенью и ранней весной водяной уж попадает более в горах, куда он удаляется и где его можно видеть в солнечные дни лежащим на мшистых местах. Гейзенгейнер видел его местами около реки Наэ, а особенно часто в самом Крейцнахе. Здесь река расширяется напротив сада при минеральных водах, и при низком уровне воды выступают мелкие острова, между тем как на левом берегу остаются еще лужи стоячей воды. Эта часть реки — самое удобное место для того, чтобы наблюдать эту змею. В лужах ее по большей части приходится видеть лежащей на камнях под поверхностью воды, и отсюда-то она предпринимает экскурсии к ближним горам. Как она здесь обык-

новенна видно из того, что Гейзенгейнер в одно утро мог найти пять экземпляров с разбитыми головами. В Далмации водяной уж, по наблюдениям Эрбера, живет главным образом на берегу моря, так как занимается охотой на рыб и в соленой воде. По Фогельсбергеру, он прячет яйца на сыром берегу; Гейзенгейнер получил их семь штук величиной с яйца обыкновенного ужа, но они не были прикреплены одно к другому в виде четок, а сложены в комок и найдены в навозе. Яйца откладываются в июле. Гейзенгейнер недавно очень внимательно изучил распространение и образ жизни этой змеи. По его описаниям, водяной уж охотно держится в Наэ, особенно на таких местах, где в русле реки еще и в настоящее время бьют теплые ключи; он подтверждает, следовательно, указания Гейдена, который впервые нашел водяного ужа 70 лет тому назад при подобных обстоятельствах в Лане около Эмса. «В солнечные летние дни, — рассказывает Гейзенгейнер, — водяного ужа можно часто наблюдать около ключа Элизабетквелле в Крейцнахе во время наибольшей жары, следовательно, между 10 и 15 часами дня. Иногда змея лежит, вытянувшись во всю длину или свернув заднюю половину тела, на непокрытом водой камне плотины, но чаще она лежит под водой, свернувшись или извившись, иногда отчасти под камнем. Неподвижность эта лишь кажущаяся: водяной уж подстерегает добычу. Горе рыбке, которая проплывает мимо него на таком расстоянии, что он может достать до нее! С быстротой молнии она схвачена и обречена на верную смерть. Только однажды я видел, что уж преследовал намеченную добычу. В тех случаях, которые я наблюдал, уж схватывал рыбу за середину брюшной стороны, между тем как, по словам Лейдига, уж хватается с головы. Змея плывет затем, крепко держа добычу, к берегу, ложится приблизительно передней третью тела на сушу и до тех пор подбрасывает рыбу в сторону, пока ей не удастся схватить ее за голову; лишь затем начинает заглатывать ее*. Если хочешь наблюдать это, то надо быть крайне осторожным; при малейшем шуме уж выпускает добычу и уплывает. Если его поймать после еды, то он отрыгнет рыбу обратно: несколько раз кряду широко раскрывает пасть и выплевывает ее.

** Крупную добычу водяной уж обычно хватается за середину туловища, однако справиться с ней в воде не может, так как для умерщвления такой рыбы ему необходима опора, и он вытаскивает жертву на сушу.*

"В поздние послеобеденные часы я видел, однако, что водяной уж поступал и иначе, для того чтобы поймать добычу: он не сидел в засаде, а отыскивал добычу. Очень медленно и осторожно он засовывает тогда голову под каждый камень, проплывает некоторое расстояние, вдруг останавливается и остается, как бы окаменев, в том самом положении, которое имел, когда плыл (он как бы прислушивается!), затем продолжает поиски под камнями, пока не добудет одну из рыб, которые прячутся под ними, например пескороя или бычка». Этому же автору рассказывали, что водяные ужи проплывали порядочные расстояния по поверхности воды, не двигаясь. При этом они совершенно вытягиваются, держат тело под самой поверхностью, а голову и хвост высовывают из воды.

По наблюдениям Эрбера, водяной уж обнаруживает настолько сильное любопытство, что, благодаря этому, его легко поймать, несмотря на его чрезвычайное проворство. Даже в клетке он старается исследовать все, что его беспокоит, и без страха вползает на протянутую к нему руку. Более старые экземпляры, которых держал в неволе Гейзенгейнер, шипели очень сильно, когда их сажали в клетку, тотчас начинали, продолжая шипеть, предпринимать ряд отчаянных попыток освободиться, и хотя скоро оставляли их, но лишь затем, чтобы возобновить их к вечеру. Как я могу утверждать на основании собственных наблюдений, они тоже скоро привыкают к неволе, и если им доставлять в достаточном количестве их любимую пищу, рыб и тритонов, то они, по-видимому, наконец совершенно примиряются с потерей свободы. Я держал их много, некоторых более года, и потому совершенно не могу согласиться с мнением других наблюдателей, будто бы водяные и гадюковые ужи легко гибнут.

Гадюковый уж (*Natrix танго*) отличается от предыдущего, как и от обыкновенного ужа, чешуйками тела, расположенными всегда в 21 продольный ряд, и двумя, реже одним, предглазными щитками и двумя заглазными. С обыкновенным ужом у него общее число верхнегубных щитков, именно 7, из которых, как и у того, третий и четвертый входят в состав щитков, окружающих глаз. Длина его от 60 до 90 см; очень редко он превышает 1 м. Цвет верхней стороны темно-серый, более или менее переходящий в желтоватый или бурый; на нем резко выделяется черно-бурый рисунок. Последний начинается более темными ромбическими пятнами на голове, продолжается в виде зигзагообразной полосы вдоль всей спины, распадается у некоторых экземпляров на задней половине спины и у всех — на конце хвоста на отдельные пятна и быстро суживается здесь. По обеим сторонам этого рисунка, который придает гадюковому ужу сходство с гадюкой, могущее часто ввести в заблуждение, пробегают на приблизительно равных расстояниях круглые глазчатые пятна темного цвета, заключающие по маленькому белому или желтовато-белому глазку; иногда эти пятна слива-

ются между собой, принимая вид цифры 8. Нижняя сторона желтая, к середине брюха темно-желтая, далее к заду поочередно покрыта красно-желтыми пятнами и черными четырехугольниками; нижняя челюсть желтовато-белая.

Что касается распространения гадюкового ужа, то он сменяет на западе водяного. Он обитает на Сицилии и Сардинии и в северо-западной части Апеннинского полуострова, следовательно, в Лигурии и Пьемонте, в отдельных пунктах южной Швейцарии, встречается вдоль всего южного берега Франции и в частях этой страны, лежащих к югу от Гаронны, наконец, почти во всей Испании и Португалии и на Балеарских островах. В северо-западной Африке он особенно обыкновенен и живет во всех водах Марокко, Алжира и Туниса, где достигает особенно больших размеров. При исследовании одного гадюкового ужа мы увидели, как из его глотки выползла жаба и поползла прочь, хотя одна задняя лапа ее была уже переварена и ее, конечно, не было.

"Гадюковый уж, — говорит мой брат Рейнгольд, — живет по близости дворца Эскориал у больших прудов и населяет здесь растрескавшиеся камни и трещины стен искусно построенных, но несколько заброшенных плотин и островов. При одном из больших прудов их поселились целые сотни; обойдя один только раз вокруг острова величиной около 10 кв. м, которым я обыкновенно пользуюсь для того, чтобы подстергать уток, я мог насчитать около 60 штук, которые прятались от меня в свои жилища или бросались в воду. Эти змеи преследуют лягушек лишь между прочим, а главным образом охотятся за рыбами и производят среди них значительные опустошения. Чтобы ловить рыб, они пересекают пруд во всех направлениях, извиваясь на глубине от 30 см до 1 м под поверхностью и поднимая время от времени свою головку над водой; они усердно охотятся за своей добычей и преследуют ее долгое время. Я часто наблюдал другой способ, которым они ловят рыбу. Он заключается в том, что они или ложатся на камни под водой, или становятся в воде косо, так что голова находится на 10 см и более под поверхностью воды, а хвост иногда касается дна, тело же поддерживается в таком положении с помощью изгибания. Из этого положения ужи с быстротой стрелы бросаются вперед, если мимо проплывают рыбки, и почти всегда схватывают намеченную добычу. Обыкновенно они схватывают рыбу за брюхо, поднимают над поверхностью воды и плывут к берегу или острову, чтобы здесь съесть свою добычу. Из засады я часто видел, как несколько ужей одновременно подплывали ко мне; у всех рыбка была схвачена поперек серебристого брюха, и они держали ее вне воды. Когда я в первый раз увидел змею, приближавшуюся ко мне со своей добычей, то я не знал, что это за животное; я видел всего лишь широкий блестящий предмет, который быстро двигался в воде, и только охотничья зрительная труба разъяснила мне, в чем дело. Нередко в узких протоках и таких местах, где плавало много рыбы, я видел по 6-8 гадюковых ужей, мирно стоявших в воде рядом, ожидая рыб, между тем как другие спокойно лежали у берега на камнях, находившихся под поверхностью воды, очевидно не мешая остальным. Что они в случае нужды ловят и лягушек, не подлежит никакому сомнению; еще вчера я поймал одного, который на моих глазах схватил и проглотил лягушку; но во всяком случае здесь рыбы составляют главную пищу этого вида, и поэтому его должно причислить к безусловно вредным животным». По Вернеру, он, кроме рыб, ест особенно охотно квакш, жаб и тритонов. Он линяет по крайней мере четыре раза в год.

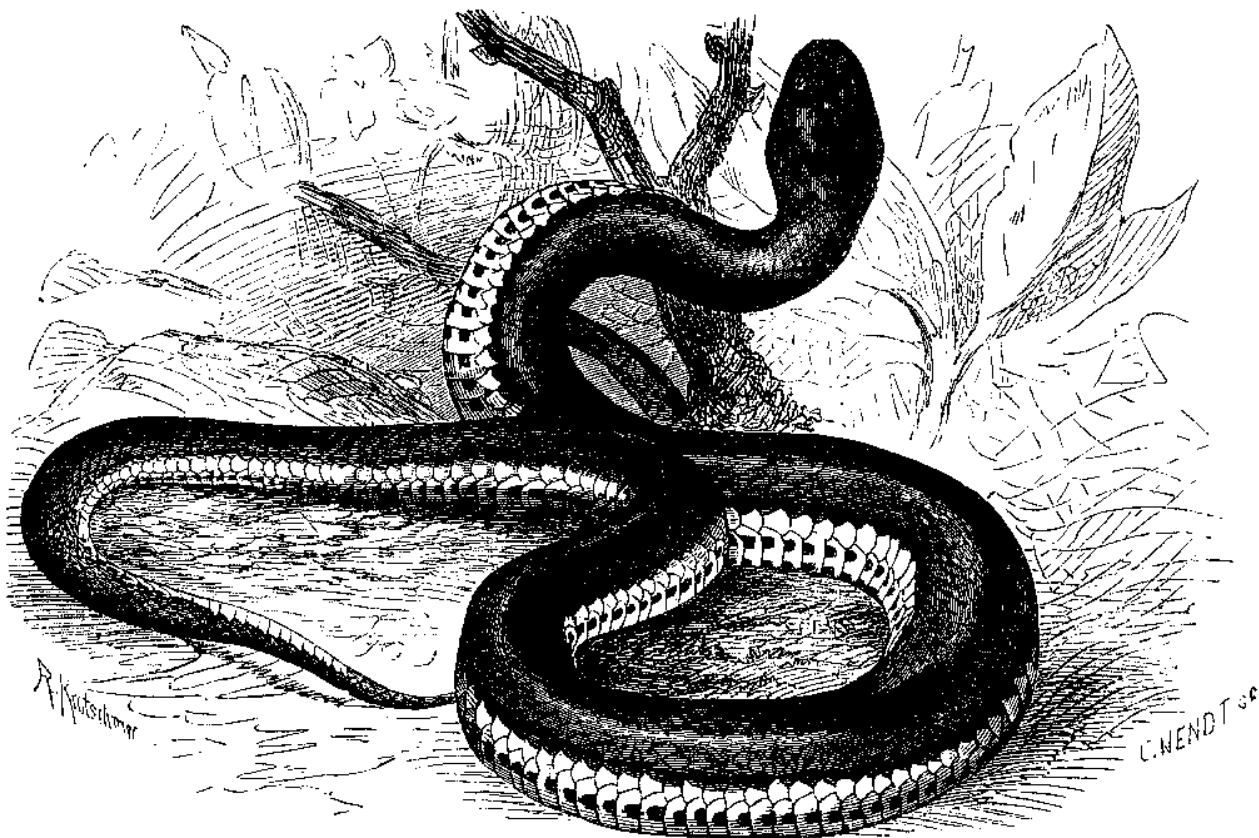
У представителей рода **косоглазых змей** (*Helicops*) тело довольно короткое и толстое, хвост умеренной длины и заострен, голова широкая и сплюснутая сверху вниз, слегка отграниченная от шеи, глаза малы, далеко отодвинуты вверх, с круглым зрачком. Каждая из ноздрей открывается кверху в большом, неправильно четырехугольном, до половины разделенном щитке; они часто так малы, что кажутся лишь точками; морда круто закруглена. Тело покрыто 19-23 рядами килеватых чешуек, не имеющих концевых пор. Покров верхней стороны головы состоит, кроме уже описанных носовых щитков, из одного широкого треугольного переднего щитка, одного простого, лежащего между носовыми, пятиугольного переднего и двух коротких широких пятиугольных задних лобных щитков, одного шестиугольного теменного и двух надглазных и затылочных щитков, всего, следовательно, из одиннадцати щитков.

Задние зубы верхней челюсти, которых всего можно насчитать около 20, больше передних, но без следов бороздки; нижнечелюстные зубы одинаковой величины спереди и сзади, брюшные щиты по бокам закруглены, хвостовые расположены в два ряда.

Все виды этого рода, за исключением одного, встречающегося в Индии и на Цейлоне, водятся в тропической Америке, живут, подобно нашим водным ужам, в реках и болотах и питаются земноводными и рыбами. Сюда принадлежит **килехвостая косоглазая змея** (*Helicops carinicaudus*) — змея длиной около 1 м, имеющая 8 верхнегубных щитков, 2 заглазных и 19 рядов чешуек. Сверху косоглазая змея на грязно-сером фоне разрисована тремя продольными более темными полосками, снизу на желтом фоне рядами правильно расположенных четырехугольных черных пятен; на каж-

дом брюшном щитке находятся три таких пятна, из которых среднее обыкновенно самое малое; в области шеи и на хвосте среднее пятно исчезает, почему здесь видны лишь два ряда. Иногда на брюшной стороне вместо пятен находятся три широкие темные продольные полосы.

Отечество этой змеи составляет восточная Бразилия, от северо-восточной границы ее на юг до Рио-Гранде-де-Сул, где, как и в провинции Санто-Пауло, этот вид, говорят, очень обыкновенен, и Уругвай до залива Ла-Плата.

Килехвостая косоглазая змея (*Helicops carinicaudus*)

Принц фон Вид, который впервые описал килехвостую косоглазую змею, говорит, что добыл лишь один экземпляр, Именно у реки Итапемирим, а потому не может ничего рассказать относительно образа жизни ее; от других исследователей мы узнаем, что она и ее родичи ведут образ жизни водных ужей, подобно им живут главным образом в сырых местностях или даже в реках и преследуют здесь рыб и лягушек. Шомбургк видел, как змея одного из ближайших видов пыталась проглотить в неглубоком месте рыбу, которая была слишком велика для нее, и легко поймал это животное, ослабевшее из-за этой трудной работы. Гегзель тоже наблюдал косоглазых змей и называет их настоящими водяными змеями, которых никогда не находишь на берегу, а всегда в таких заливах. Здесь они движутся около берега на мелких местах, между водяными растениями, и ловят рыб. Если их преследуют, то они тотчас ныряют и стараются спрятаться на дне, никогда не спасаются на суше. Они рожают, подобно всем известным видам того же рода, живых детенышей.

Семейство бородавчатые змеи

К семейству ужеобразных примыкает семейство бородавчатых змей. По строению тела и образу жизни представители этого семейства должны быть причислены к водным животным. Они отличаются зернистыми чешуйками, которые не прикрывают друг друга, и той особенностью в строении черепа, что их заднелобная кость вытянута над надглазничной областью.

В эту группу входит очень немного видов; из них три обладают явственно развитыми брюшными щитками, которых нет у остальных. У некоторых видов верхняя часть головы покрыта обыкновенными большими щитками, у других на голове лишь такие же чешуйки, какие одевают также тело и хвост. Тело довольно длинное вальковатое или слегка сжатое с боков одето мелкими, похожими на бородавки, килеватыми, бугорчатыми или иглистыми, не прикрывающими друг друга чешуйками. Хвост часто превращен в хватательный, голова не отделена или мало отделена от шеи, глаза с круглым или вертикально яйцевидным зрачком, носовая полость, отверстия которой сближены между собой, лежит на кончике морды. Короткие, но крепкие зубы, почти одинаковой величины, стоят в челюстях и на нёбе.

Распространение бородавчатых змей очень своеобразно. Они населяют, по-видимому, не в большом числе, реки и морские берега Индии и все острова соседнего архипелага, от восточного берега южной Индии и Малаккского полуострова до Филиппинских островов и Новой Гвинеи, проводят жизнь исключительно в воде и наблюдаются иногда в море на расстоянии 3-4 морских миль от берега. Но один род живет далеко от других, в восточной части Панамского перешейка. Пища их состоит преимущественно из рыб, которых они, по-видимому, ловят в воде на всякой глубине. Они могут по целым часам оставаться под водой, не поднимаясь на поверхность, чтобы дышать, и, вероятно, никогда не оставляют воду добровольно. По движениям и характеру они чрезвычайно сходны с морскими змеями, но существенно отличаются от них своей безвредностью. Хотя их и многократно подозревали, но они совершенно неядовитые, но не особенно и добродушны. Все виды рожают живых детенышей.

Типичный представитель этого семейства, от которого и род получил свое название — **яванская бородавчатая змея** (*Acrochordus javanicus*) отличается от родственных ей видов тем, что слегка сжатая задняя часть ее тела не имеет кожистой складки вдоль средней линии и что на ее верхней и нижней челюсти находится по ряду явственных, если и не очень больших, губных щитков. Каждая чешуйка ее кожного покрова поднимается по середине в виде большого трехстороннего иглистого кила, который заостряется в виде шипа; на многих чешуйках к нему присоединяется еще пара более мелких шипов. Голова коротка и широка, главным образом вследствие необыкновенно укороченной морды; глаза направлены вперед, ноздри лежат близко одна около другой и каждая лежит посредине маленького округленного щитка на верхней стороне морды; ротовая щель умеренная, верхняя челюсть округленная, спереди имеет посредине четырехугольную выемку, которая принимает в себя соответственный выступ нижней челюсти. Хвост короткий и превращен в орган хватания. В верхней челюсти 17, в нижней 18-22 зуба, которые спереди назад несколько уменьшаются. Равномерно-бурый цвет, переходящий на боках в желтый, составляет основную окраску старых особей; напротив, у молодых на буром фоне находятся большие, неправильные, более темные продольные пятна, которые явственно выделяются на желтом брюхе, но с возрастом становятся более и более неясными и, наконец, совершенно исчезают. Взрослые экземпляры достигают в длину 2,30 м и, вероятно, могут быть еще значительно больше.

Яванская бородавчатая змея (*Acrochordus javanicus*)

Может быть, яванская бородавчатая змея ускользает от наблюдения, но даже там, где она постоянно живет, она попадается очень редко. В этом малайцы Пинанга уверяли опытного исследователя Кантора, и в том же самом убедился Монгомери, который в течении 20-летнего пребывания в Сингапуре только один раз мог наблюдать одну из этих змей. Она известна на Яве, Калимантане, Суматре, Малакском полуострове и в Кохинхине. Кантор сравнивает морду яванской бородавчатой змеи с мордой чистокровного бульдога; он убедился, что и характер ее соответствует этому выражению. Коль скоро ее тронуть, она пытается укусить, но так как ее зрачок очень сильно сжимается при ярком дневном свете, то она обыкновенно промахивается и не попадает в намеченный предмет. Добровольно она никогда не оставляет воду; тем не менее она способна без особенно-го затруднения двигаться на суше, хотя лишь медленно*.

** Яванская бородавчатая змея может подолгу находиться под водой, потребляя растворенный в ней кислород густой сетью капилляров между щитками.*

Пища ее состоит из рыб и лягушек. Одна самка, которую Кантор получил живой, скоро после того, как он положил ее на землю, стала особенным образом двигать задними ребрами и в течении 25 минут родила 27 детенышей, которые, за исключением двух, являлись на свет головой вперед и в среднем имели в длину 45 см. Они обнаруживали чрезвычайную живость и тотчас пускали в дело свои вполне развитые зубы, яростно кусая вокруг себя. Скоро после этого отпали яйцевые оболочки большими кусками, как это бывает и у других новорожденных водяных змей. В воде дете-

ныши, по-видимому, чувствовали себя сначала неуютно, по крайней мере, они ревностно стремились выбраться на сушу.

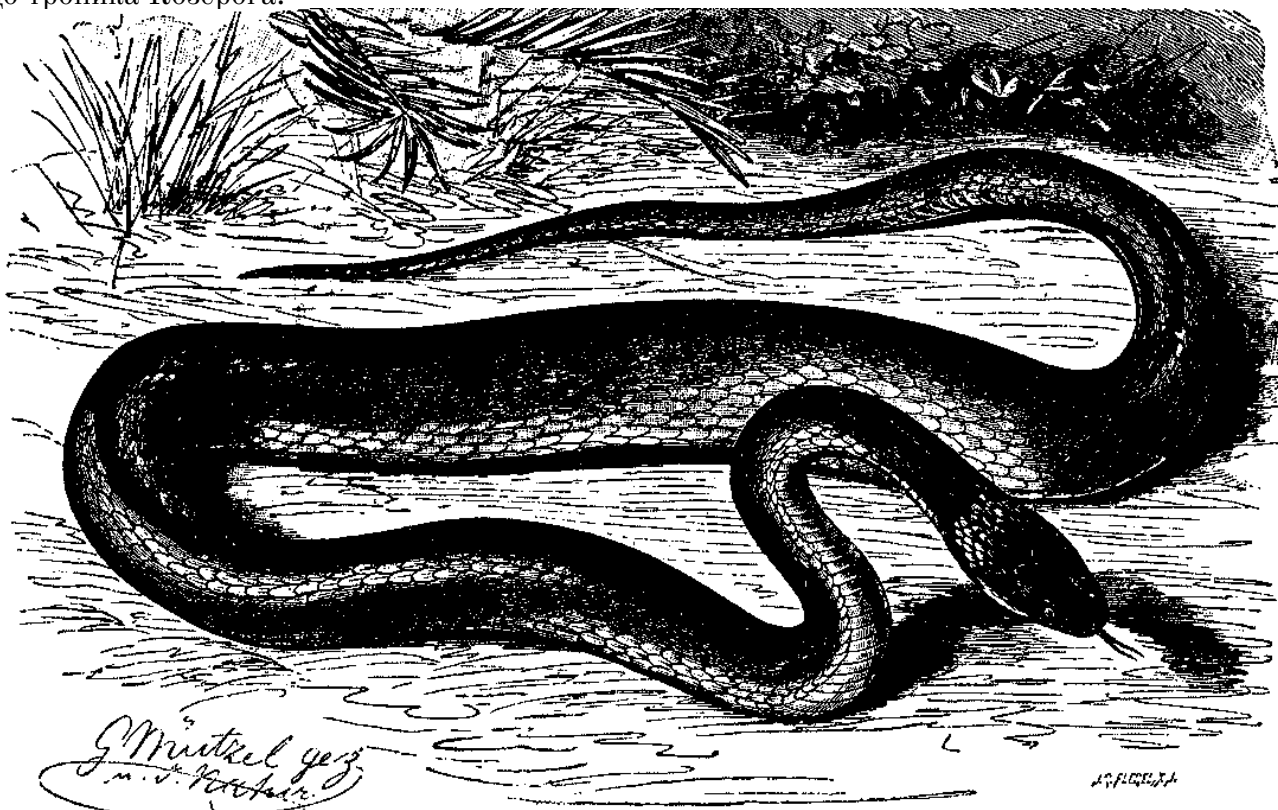
В Кохинхине, по Тирану, едят мясо этих змей.

Вторая группа ужеобразных снабжена бороздчатыми зубами. Все относящиеся сюда роды имеют ту общую черту, что задние зубы верхней челюсти превращены в органы, служащие для ловли добычи; они больше и крепче верхнечелюстных зубов, сидящих перед ними, и имеют вдоль передней стороны глубокую, желобообразную бороздку. Всех их можно назвать подозрительными, и относительно некоторых в настоящее время собраны уже путем опытов надежные доказательства того, что их укусы оказывают в несколько минут смертельное действие на позвоночных всех классов. Эти **бороздчатозубые ужовые змеи** (*Opisthoglypha*) по образу жизни точно соответствуют настоящим ужам и бородавчатым змеям. Подобно им, некоторые живут главным образом на суше, другие почти исключительно или постоянно в воде.

Одно малопонятное для нас имя, которым Плиний обозначает какую-то змею, было позднее дано одному южноамериканскому виду. Мы назовем этих змей **псевдобоа** (*Pseudoboa*); немецкие названия их: *Mondschlangen* (лунные змеи) и *Bleichschlangen* (бледные змеи), соответствуют названиям, данным бразильцами.

Псевдобоа имеют умеренно тонкое, несколько сжатое тело, плоскую, мало отделенную от шеи, сзади расширенную, кпереди заостренную голову с закругленным кончиком морды, верхняя челюсть которой сильно выступает над нижней и косо усечена по направлению вверх, начиная от края верхней губы. Кроме того, они отличаются гладкими чешуйками, простым заднепроходным щитком и тем, что их нижние хвостовые щитки образуют лишь один ряд. Зрачок глаза вертикальный. Немногочисленные известные виды живут в Южной Америке.

Наиболее известный представитель этого рода — **псевдобоа Шнейдера** (*Pseudoboa coronata*). Длина этой змеи приблизительно равна 60 см. Главный признак вида тот, что на задней части тела или на первой трети хвоста чешуйки средних рядов значительно увеличены. Основной цвет молодых животных однообразный бледно-красный, на котором резко выступает почти яйцевидное, темно-буроватое пятно на задней части головы, так называемая корона; кроме того, замечаются темно-бурое поперечное кольцо на шее и далее назад еще несколько мелких, неправильно расположенных пятнышек того же цвета. Однако цвет темнеет с возрастом более и более, пока на верхней стороне не получит преобладания черный цвет, а на нижней — белый; в то же время почти совершенно исчезают и пятна. Псевдобоа Шнейдера живет в тропической части восточной Южной Америки, начиная от Гренады и Тринадада, в Венесуэле, Гвиане и Бразилии на юге приблизительно до тропика Козерога.

Псевдобоа Шнейдера (*Pseudoboa coronata*)

Об образе жизни псевдобоа Шнейдера, насколько мне известно, рассказывает лишь Вухерер. Принц фон Вид добыл его в песчаных местностях между реками Св. Матвея и Рио-Доце, но затем никогда не видал ее более. «Обыкновенная около Бахиа псевдобоа Шнейдера, — говорит Вухерер, — замечательна теми переменами, которым она подвергается с возрастом. Молодые змеи этого вида бледного гвоздично-красного цвета; напротив, старые сверху почти равномерного черного цвета, снизу белого. Эта змея подобно всем ее родичам, питается ящерицами. Я часто держал ее и один сходный с ней вид в неволе. Это наполовину ночная змея, которая отыскивает добычу, правда, не ночью, но и не раньше заката солнца, лишь в сумерки. Пойманную ящерицу она не душит, если только жертва не сопротивляется ей. Принимая во внимание живучесть всех ящериц, я часто изумлялся, что ящерица, схваченная змеей, хотя бы только за лапу, не оказывает ей никакого сопротивления; она казалась обыкновенно совершенно ошеломленной. Если она бьется, то змея быстро обвивается раз или два вокруг ее тела и душит ее; если же она вовсе не сопротивляется, то змея разворачивается и осторожно схватывает добычу за голову, чтобы проглотить ее. Действительно ли змеи с бороздчатыми зубами совершенно безвредны, по крайней мере, не ядовиты для холоднокровных животных?» Мы упоминали уже, что в настоящее время в состоянии дать ответ на этот вопрос превосходного наблюдателя. Да, бороздчатозубые змеи ядовиты, но их яд действует смертельно лишь на более мелких животных.

Один из немногих европейских видов бороздчатозубых ужовых змей, Флейшман отделил в особый род **кошачьих змей** (*Telescopits*). Тело их веретенообразное, голова явственно отделена, несколько плоская, хвост относительно короток.

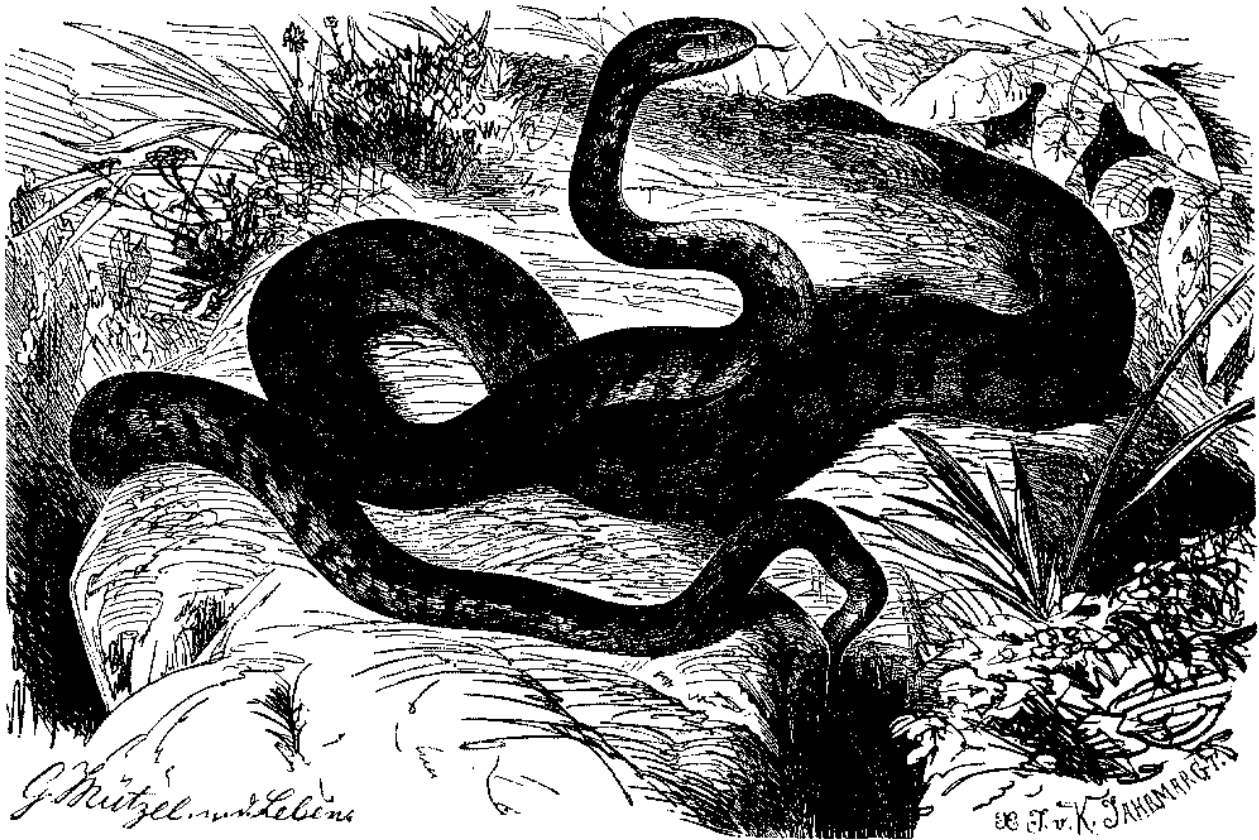
Маленькие глаза с щелевидным зрачком. Вместо нижнего предглазного щитка сильно вытянутый в длину уздечный щиток достигает глаза, так что верхний предглазый щиток отчасти окружает его, — единственный случай такого строения щитков у европейской змеи. Передние зубы нижней челюсти гораздо длиннее и более загнуты, чем следующие за ними; задние бороздчатые зубы в верхних челюстях очень длинны и тоже сильно согнуты. Известен лишь следующий вид*.

* *В настоящее время род Telescopus насчитывает 13 видов.*

Кошачья змея (*Telescopus fallax*) легко отличима от всех европейских змей по длинному уздечному щитку и щелевидному вертикальному зрачку; она разрисована по грязно-буровато-желтому или серому фону крайне мелкими черными точечками и кроме того, на головных щитках каштаново-бурыми пятнами, на затылке большим черно- или красно-бурым пятном, а на спине рядами пятен того же цвета. Темная полоска пробегает от глаза к углу рта, ряд мелких пятен — вдоль каждой стороны тела; нижние части желтовато-белого цвета с бурым мраморным рисунком. Длина не превышает 1,08 м, а по большей части значительно меньше.

Насколько известно до настоящего времени, область распространения кошачьей змеи простирается от Истрии до Апшеронского полуострова и от северо-восточной окраины Африки до 45° северной широты. Она получена из Истрии, Далмации, Албании, Турции и Греции, а также из Египта, Палестины, Малой Азии, горных стран около Черного моря и, начиная отсюда, до Каспийского моря. Скалы, покрытые камнями обрывы, освещаемые солнцем склоны и развалины служат местопребыванием ее; но, по словам Флейшмана, она, по-видимому, боится значительного жара и ощутительного холода, а потому выходит из своего убежища в жаркие месяцы лишь в утренние и вечерние часы. Движения ее живее, чем у гадюк, но медленнее и ленивее, чем у ужей. Флейшман говорит, что кроме ящериц она преследует и мелких млекопитающих; Эрбер убедился, что она исключительно довольствуется первыми; Дюмериль нашел в желудке одной исследованной им кошачьей змеи полупереваренного геккона.

Так как она очень кусается, то местные жители часто путают ее с гадюкой, считают очень ядовитой и преследуют так ревностно, что она в настоящее время стала уже в Далмации довольно редкой. В неволе она скоро привыкает к своему хозяину, принимается, не упрямясь, за пищу и потому выдерживает при надлежащем уходе несколько лет. По своему поведению она, как сообщает мне Эффельдт, обнаруживает много сходства с медянкой. Она лазает чрезвычайно ловко и держится на ветвях, если раз обвилась вокруг них, так крепко, что ее едва можно отцепить, даже если дразнить и сердить. Добычу она убивает, обвиваясь вокруг нее, совершенно так же, как медянка. Эрбер наблюдал, что его пленники впадали в зимний сон; этот факт заслуживает упоминания потому, что Кантрен видел еще в декабре одну из этих змей, которая ползала между развалинами одного заброшенного замка в Далмации.

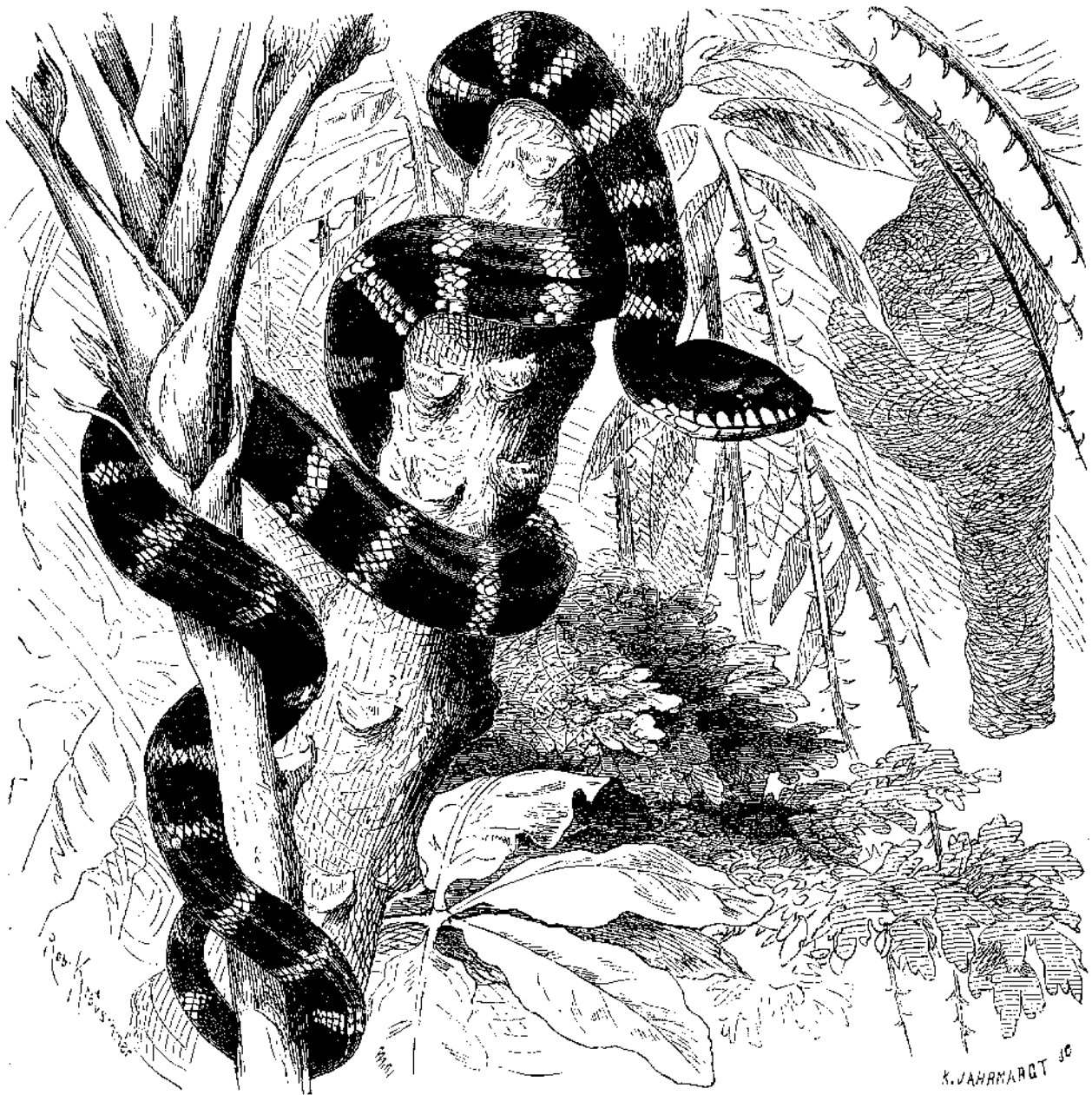
Кошачья змея (*Telescopus fallax*)

Эйффе наблюдал ядовитое действие ее укуса на одной горной ящерице, которая была умерщвлена в 1,5 минуты; но это действие могло быть достигнуто только один раз; остальные опыты, проведенные им в этом направлении, не удались.

У **бойг** (*Boiga*) тело длинное, сильно сжатое с боков, плоская голова с короткой мордой очень явственно отделена от шеи, глаза велики, как всегда у змеи, ведущих ночной ообраз жизни, щелевидны. Голова правильно покрыта щитками, тело покрыто 17-27 рядами узких и гладких чешуек, расширенных лишь вдоль спинного хребта; хвост покрыт снизу двумя рядами щитков. Только 2 или 3 задних зуба в верхней челюсти бороздчатые. Передние зубы нижней челюсти длиннее задних.

Из этого рода известно теперь 20 видов, которые водятся в южной Азии, на Молуккских островах, в Новой Гвинее, северной Австралии и тропической Африке и живут в первобытном лесу на деревьях и кустах, реже на земле в степных местностях. Пресмыкающиеся, а именно ящерицы, составляют, по-видимому, их любимую пищу; но некоторые охотятся исключительно за птицами, другие также за млекопитающими, некоторые преследуют, может быть, и насекомых. Что они грабят гнезда, было неопровержимо доказано Гюнтером, который вынул из желудка одной бойги хорошо сохранившееся яйцо попугая. Образ жизни их еще мало известен и это тем более странно, что там, где они живут, они встречаются не слишком редко.

В качестве представителя рода можно назвать **мангровую змею** малайцев (*Boiga dendrophila*), змею, отличающуюся действительно великолепной окраской и рисунком. На черном блестящем фоне выделяются от 40 до 90 узких, расширяющихся книзу светло-желтых кольцевых поперечных полосок, которые на середине спины обыкновенно разделены, а в виде исключения, имеют вид отдельных пятен. Губные и горловые щитки тоже желтые, но с широким черным краем; брюхо или одноцветное черное, или с желтым мраморным рисунком. Верхняя челюсть вооружена 12 равными зубами, небо — мелкими зубами. Чешуйки расположены в 21 ряд. Взрослые экземпляры достигают в длину 2 м, из которых хвост занимает несколько менее четверти.

Мангровая змея (*Boiga dendrophila*)

Мангровая змея — обитатель всех островов Нидерландской Индии, а также встречается на Малаккском полуострове и в Сингапуре. На Яве она населяет все леса, хотя и не во множестве, и посещает даже ботанический сад в Бейтензорге, резиденции голландского наместника. Как и все ее родичи, она любит кусаться и при приближении врага тотчас готовится к нападению. Подобно ядовитым змеям она свертывается в плоский кружок, делает дрожательные движения хвостом, отгибает голову, насколько может, назад, качает ею в стороны, движет языком и, наконец, вдруг разворачивает свои передние кольца и ударяет в косом направлении вперед, но очень часто промахивается. На Яве каждый знает, что укус мангровой змеи не опасен; поэтому никто не боится ее, между тем, как один из ее родичей считается крайне ядовитым. Это, по словам Шлегеля, может служить доказательством того, как мало значения надо придавать словам людей, для которых перешедшие к ним предрассудки имеют больше значения, чем то, что они испытали собственными чувствами.

Древесные змеи с задними бороздчатыми зубами живут в большом числе в жарких странах обоих полушарий в удобных для них местностях. Туземцы почти все виды считают за очень ядовитые, и потому они внушают им страх и отвращение. Между тем тщательное исследование их зубов и опыт доказали, что они совершенно безвредны для человека, а красота их форм, изящество и привлекательность движений должны в высшей степени пленять беспристрастного наблюдателя. Такое воззрение разделяют даже сиамцы, которые дали одной из этих змей поэтическое название «луч солнца». Но и среди европейцев эти изящные животные нашли много друзей. «Я всегда был в восторге, — пишет Вухерер, — когда замечал, что древесная змея снова поселилась в моем саду в Ба-

хиа. Поднимаешься на дерево, чтобы исследовать птичье гнездо, из которого птицы уже вылетели, но находишь его занятым одним из этих чудных созданий, которое свернуло клубком свое тело, длиной в три четверти метра, в пространстве не больше ладони. Древесная змея, по-видимому, всегда настороже, всегда бдительна; в то мгновение, как замечаешь ее, быстрая игра глубоко раздвоенного черного языка доказывает, что тебя увидели и узнали. Если самым незначительным движением обнаружить намерение потревожить животное, оно тотчас убегает вверх по ветвям и листьям с такой легкостью, что последние кажется, едва гнутся под его тяжестью; еще одно мгновение и змея скрылась из глаз. Если я когда-нибудь вернусь в Европу, то, во всяком случае, хочу чтобы в моей оранжерее были эти невинные и милые существа».

Питаются древесные змеи, по-видимому, различно. Они едят мелких грызунов, маленьких птиц, а особенно охотно всех тех разнообразных ящериц и земноводных, которые разделяют с ними местожительство. По наблюдениям Смита над одним африканским видом, птицы знают, что это опасный враг, и, заметив такую змею, по обыкновению громким криком возвещают об этом соседям. Со всех сторон показываются затем птицы и с громким криком порхают стаей вокруг врага до тех пор, пока, наконец, одна из них не станет жертвой змеи, которая, высоко подняв голову, выжидает удобное мгновение. Смит полагает на основании своих наблюдений, что может подтвердить старую сказку о волшебной силе змей и видит в неосторожности, с которой птицы приближаются к ним, лишь следствие ошеломляющего их ужаса; он однако упоминает о чрезвычайном проворстве древесных змей, которое ведет к тому, что им удается, наконец, схватить ослепленную собственным возбуждением птицу, ставшую слишком смелой; этим он сам же ниспровергает свои выводы.

Наиболее выражен характер древесных животных у **плетевидных змей** (*Ahaetulla*), у которых тело и хвост несоразмерно длинны и тонки, голова очень длинна и узка, спереди сильно заострена и нередко удлинена еще в виде хобота, благодаря очень вытянутому вперед рыльцевому щитку, который у некоторых видов может превращаться в подвижный придаток; рот широкий, глаза велики, с горизонтальным щелевидным зрачком, маленькие ноздри расположены по сторонам. В остальном щитки головы не представляют ничего замечательного. Расположенные в 15 рядов чешуйки тела гладкие, очень узкие, далеко налегающие одна на другую наподобие черепицы, брюшные щитки округлены, а подхвостовые, как обыкновенно, расположены в два ряда. Из 12-15 зубов верхней челюсти 1 или 2, стоящие в середине ряда зубов, очень увеличены и похожи на клыки, затем идет промежуток в ряду зубов, а позади стоят два больших, крепких бороздчатых зуба. В нижней челюсти третий и четвертый зуб больше остальных и тоже похожи на клыки, остальные меньше. Все 7 или 8 известных видов живут в тропической Азии*.

** Сейчас известно 12 видов этого рода. Все плетевидки — живородящие змеи.*

Плетевидные змеи не без основания получили свое название, их действительно можно сравнить с плетью: так тонко, так чрезвычайно вытянуто их тело. Соответственно такому строению тела они живут исключительно в зелени деревьев и только здесь чувствуют себя дома. На земле их движения беспомощны и медленны, в ветвях деревьев настолько же привлекательны, как ловки. Обвившись несколько раз своим тонким телом вокруг ветви, они дают этим своему телу надежную опору и, благодаря этому, могут двигать им в любом направлении, для того ли, чтобы, далеко выдвинувшись вперед, поймать добычу, или чтобы, перебросившись на отдаленную ветку, продолжать затем по ней свой воздушный путь. Мы можем признать, что они опасны всем мелким позвоночным, которые, подобно им живут на деревьях**.

** * У плетевидок достаточно оригинальный способ охоты. Располагаясь на дереве, она высоко поднимает шейную область и нагибает голову под прямым углом. Увидев потенциальную добычу, она медленно опускает переднюю часть тела вниз, производя маятниковоподобные движения и постепенно приближаясь к жертве. После этого следует молниеносный бросок. Ящерицу она практически всегда схватывает за загривок и поглощает их на весу.*

Ядовитое действие их укуса на жертву Вальян доказал недавно опытами. Они охотятся за птицами, ящерицами, древесными лягушками, а в молодости и за насекомыми. По рассказам Мотлея и Дилльвина, они замечательно прожорливы, по другим указаниям очень любят кусаться, коварно бросаются на каждое приближающееся к ним существо и кусают каждый подставленный им предмет, но, тем не менее, местами дети употребляют их в качестве игрушек.

Водящаяся на Целойне и горах Анаймалай приблизительно на высоте 570 м **припудренная плетевидка** (*Ahaetulla pavidenta*) может нам дать понятие об одной из южно-азиатских плетевидных змей. Ее хобот, длина которого превышает ширину глаза, состоит главным образом из удлиненного, четырехстороннего, свернутого переднего лицевого щитка, который покрыт сверху мелкими чешуйками; уздечного щитка нет. Змея эта, не часто встречающаяся на своей родине, покры-

та по буро-серому фону сверху и снизу пурпурным мраморным рисунком и более темными бурыми крапинками; кожа между чешуйками белого и черного цвета, и благодаря этому, когда животное вытягивается, показываются чередующиеся кольцевые полосы обоих этих цветов.

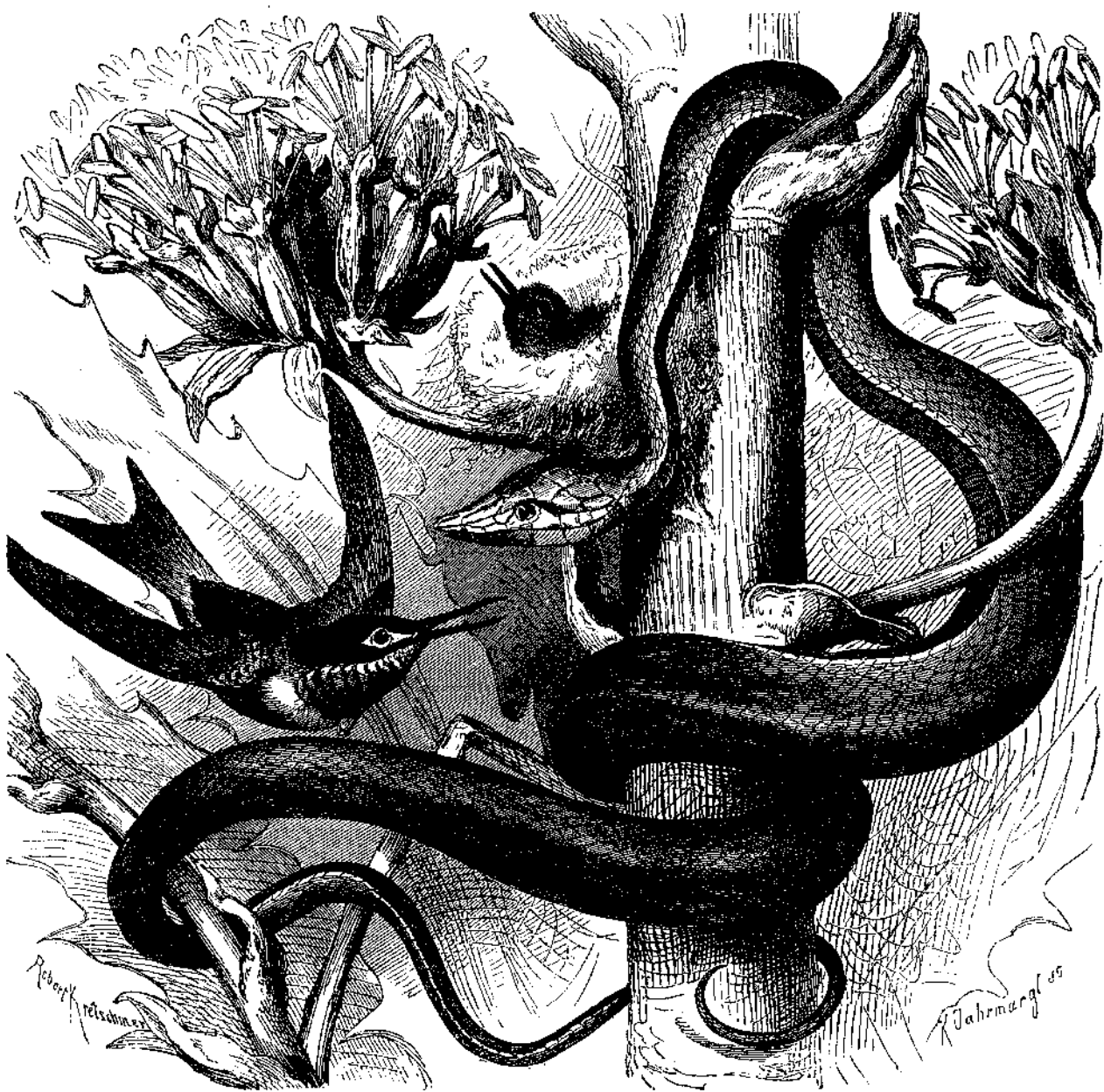
Припудренная плетевидка (*Ahaetulla pulverulenta*)

Бурая уздечная полоска пробегает до глаза; наконец бурые верхние головные щитки с широкими желтыми краями. Из всей длины, достигающей 1,67 м, на хвост приходится 2/5.

Для какой цели служит хобот плетевидных змей, трудно сказать. Его едва ли можно считать органом осязания, так как он одет толстыми щитками, также вряд ли можно считать его органом, служащим для того, чтобы пробивать дорогу в густых ветвях. Для какой-нибудь цели он, конечно, служит, но для какой — мы еще не можем указать.

У **остроголовых змей** (*Oxybelis*), о которых можно упомянуть в заключение, как об американских и африканских заместителях предыдущего рода, голова тоже узкая, вытянутая, начиная от глаз, в очень сжатую длинную морду. Рыльцевый щиток, который несколько выдается за нижнюю челюсть, заостренный, но неподвижный, шея чрезвычайно тонка, тело очень вытянуто, несколько сжато с боков, хвост длинен и тонок и заканчивается тонким острием. В верхней челюсти позади приблизительно 17 гладких зубов равной длины находятся 4 более крупных борозчатых зуба.

Блестящая остроголовка (*Oxybelis fulgidus*) змея, длиной около 1,5 м, разрисованная на великолепном зеленом фоне с каждой стороны желтой продольной линией, живет в северо-восточной Бразилии, Гвиане и других частях Южной Америки почти исключительно на деревьях, на ветвях которых она движется с величайшей быстротой. От других родичей она отличается 17 рядами спинных чешуек, из которых средние с киями, 9-10 верхнегубными щитками и отсутствием уздечного щитка.

Блестящая остроголовка (*Oxybelis fulgidiis*)

Относительно их образа жизни нет специальных данных. Фишер сообщил о жизни в неволе близкородственного вида, **бронзовой остроголовки** (*Oxybelis acuminatus*), которая встречается во всей северной части Южной Америки. Эти змеи лежат в виде мягких широких колец на ветвях или

листьях и избегают земли, а потому их крайне трудно отличать от перепутанных ветвей. По отношению к колебаниям температуры они обнаруживают большую чувствительность; лучше всего они чувствуют себя при 25-31 градусе Цельсия. Охлажденные до 7,5 градусов Цельсия, они казались безжизненными, но снова оправлялись при более высокой температуре. Если попытаться схватить остроголовую змею, то она кусается. Понятливость ее очень ничтожна, однако первоначальная робость ее скоро уступает место известной смелости. Это дневное животное с хорошо развитым зрением и слухом. Пища ее состоит из молодых ящериц, которых она проглатывает, не душа их, а свободно свесив шею и голову. Это животное пьет росу, но привыкает и к чашке с водой. Линяет четыре раза в год; осенняя линька, приостановившаяся на 6 месяцев, была закончена в апреле, причем кожа отделялась лоскутьями; все это время змея проголодала.

Переднебороздчатые (*Proteroglypha*) отличаются бороздчатыми зубами, которые стоят в передней части верхней челюсти приблизительно в области между ноздрей и передним краем глаза и у некоторых родов составляют единственные зубы, существующие в верхней челюсти, у других же кроме них замечается известное число мелких, толстых, небороздчатых зубов. Все эти змеи без исключения ядовиты.

Подобно обоим остальным группам змей, с которыми мы уже познакомились, их тоже можно разделить на два семейства, из которых одно, аспидовые змеи, в качестве наземных или древесных животных, приурочено к жизни на суше; между тем как другое представляет исключительно приспособленное к жизни в море семейство морских змей.

Семейство аспидовые змеи, или аспиды

В первом семействе аспидовых мы соединяем змей с вытянутым телом, маленькой головой, вальковатым, на конце умеренно заостренным телом. Оно округло или кажется в разрезе тупо треугольным, благодаря выступающему гребню на спине. Ноздри открываются по бокам на закругленном конце морды: уздечные щитки всегда отсутствуют; голова одета большими щитками; остальные чешуйки тела бывают довольно разнообразны. Маленькие глаза с круглым, лишь у немногих видов яйцевидным и вертикальным зрачком. Строение зубов очень различно у разных видов: у коралловых и украшенных аспидов, а также у железистых змей в верхней челюсти вовсе нет зубов кроме ядовитых, у остальных позади ядовитого зуба существует еще более короткий или более длинный ряд мелких, небороздчатых верхнечелюстных зубов.

Один из важнейших отличительных признаков этого семейства заключается в отсутствии уздечного щитка; весьма вероятно, что это отсутствие стоит в какой-нибудь связи с находящимся прямо под этим местом ядовитым зубом. Может быть, отсутствие этого щитка, а, следовательно, меньшее число и менее свободное соединение щитков, лежащих между ноздрями и глазами, объясняется необходимостью дать этому зубу более твердое, менее подвижное положение. Правда, есть довольно много безвредных змей из других семейств, у которых тоже нет уздечного щитка. Однако, по крайней мере, это предостерегающий нас признак, который указывает нам, что не следует схватывать руками тех змей, у которых нет уздечного щитка. Полную уверенность в том, имеем ли мы дело с ядовитой или безвредной змеей, окончательно может дать нам, как мы объяснили уже раньше, лишь точное исследование их зубов.

Семейство это распространено по всему свету, достигает большого разнообразия в Восточном полушарии, включает всех встречающихся в Австралии многочисленных ядовитых змей, но, к счастью, не имеет представителей в Европе. Оно включает в себе почти половину всех известных ядовитых змей, и в том числе некоторых самых опасных. Почти все принадлежащие к нему виды живут на земле, однако, некоторые способны также подниматься на деревья, но, по-видимому, делают это лишь в исключительных случаях. Все охотятся за мелкими позвоночными, особенно безвредными змеями, а также и за ящерицами. Более крупные нападают на добычу из засады, но иногда преследуют ее на коротком расстоянии, кусают и оставляют умирать. Более мелкие, по-видимому, отыскивают пищу, схватывают ее и отравляют лишь при глотании. О размножении их мы имеем до сих пор лишь скудные сведения, из которых следует, что аспидовые змеи кладут яйца прежде, чем зародыши в них разовьются окончательно.

В общем, ядовитые змеи, может быть, и уступают неядовитым в красоте окраски, но некоторые могут соперничать с ними в этом отношении; быть может, даже ни одна змея или вообще ни одно пресмыкающееся не превосходит красотой цветов аспидов, которые живут в более теплых частях Америки, а немногие виды в южной Африке. Это маленькие, но вытянутые в длину, несколько неуклюжие змеи с вальковатым телом, плоской, едва отделенной от шеи головой и коротким хвостом. Маленькие глаза имеют круглый зрачок. Одеты аспиды однородными, гладкими чешуйками, расположенными в 15 рядов, округленными брюшными щитками, простым заднепроходным щитком и

расположенными попарно хвостовыми щитками. Ротовое отверстие очень мало, и челюсти растягиваются незначительно, из-за коротких барабанных и сосцевидных костей.

Позади пробуравленных ядовитых крючковых зубов у них нет сплошных зубов. Относительно первых долгое время существовало сомнение, так как некоторые из лучших естествоиспытателей, между прочим, принц фон Вид, несмотря на тщательное исследование, не могли открыть ни пробуравленных, ни бороздчатых зубов, между тем как у других видов того же рода они были найдены. Поэтому принц фон Вид считал тех аспидов, которых он наблюдал, безвредными змеями и отвергал также и ядовитость остальных. «Даже если бы у них, — говорит он, — пробуравленные зубы содержали яд, то и в таком случае было бы очень мало оснований бояться этих животных, так как при малой величине их и незначительности разреза рта, они могли бы кусать лишь совсем мелких животных и не могли бы быть опасны для человека. Аспиды, из которых я многих носил с собой без малейшего вреда, по-видимому, родственны по форме и строению двуходковым: плоская, спереди закругленная голова, маленькие глаза, длинные зубы, стоящие поодиночке в передней части верхней челюсти, маленький, едва открывающийся рот, нерастяжимый затылок — эти признаки довольно хорошо согласуются между собой в обеих группах. Чего им недостает, благодаря строению челюстей, вознаграждается, по-видимому, длиной больших клыков, которые, впрочем, могут быть пускаемы в дело лишь против очень маленьких животных». Новейшие исследователи, хотя и не причисляют аспидов к самым опасным ядовитым змеям, однако согласны между собой в том, что яд этих змей так же действителен, как и яд других змей такой же величины, вооруженных бороздчатыми или пробуравленными зубами.

Один из великолепнейших видов — **обыкновенный коралловый аспид** (*Micrurus corallinus*), змея длиной от 60 до 70 см, из которых хвост занимает около 10 см. «Основной цвет всего животного, — говорит принц фон Вид, — великолепный киноварно-красный с необыкновенно ярким, на брюхе несколько более матовым блеском. Этот красивый красный цвет прерывается на теле 16-19 черными кольцами шириной около 10-44 мм, окружающими тело и расположенными довольно правильно, через одинаковые промежутки; на переднем и заднем краю каждое кольцо очень резко отделено от красного цвета узким зеленовато-белым кольцом. Все красные и зеленовато-белые кольца усеяны черными точками, так как каждая их чешуйка с черным кончиком. Передняя половина головы до заднего конца лобного щитка голубовато-черная, на обоих затылочных щитках начинается широкая зеленовато-белая поперечная полоса, которая позади глаза опускается вниз и занимает всю нижнюю челюсть; позади нее находится черный ошейник или первое черное кольцо, за которым следует красное. Хвост обыкновенно не красного цвета, а имеет на черном фоне около 8 беловатых колец и короткий белый кончик. Эта окраска, по-видимому, очень постоянна».

Коралловый аспид живет, как указывает принц фон Вид, в больших лесах и кустарниках около Рио-де-Жанейро, Кабо-Фрио и у Парахиба, но встречается как в Вест-Индии и Аргентине, так и на западе в Эквадоре, Боливии и низко лежащих областях северо-восточного Перу. На совершенно открытых местах его замечают реже, хотя иногда его находят также здесь и даже поблизости жилищ. В болотах он, по-видимому, не живет и скорее предпочитает всем другим местностям песчаную почву или прохладную, влажную почву лесов, где растения и опавшие гниющие листья предоставляют ему убежища.

"Охотник, — продолжает наш автор, — который вступает на эту покрытую растениями лесную почву, останавливается с изумлением и удовольствием, увидев в зелени ярко-красные кольца этой великолепной змеи, и только неуверенность в том, опасно ли это животное, или безвредно, останавливает его желание протянуть руку за этим прекрасным существом; однако мы скоро убедились, что вовсе не опасно брать этих животных и таскать с собой живыми в карманах. Я часто находил кораллового аспида во время моих охотничьих экскурсий, но больше в теплое время года, чем в холодное. Он не принадлежит к быстрым змеям и его можно скоро догнать; он не может также влезать на деревья, как многие его родичи в первобытных лесах Бразилии. Пища его состоит из мелких позвоночных: глотать более крупных ему не позволяет узкий рот и глотка. Я не замечал у этих змей особого запаха во время спаривания, но часто находил тело их наполненным яйцами.

Бразильцы обыкновенно много рассказывают чужестранцу об этих красивых животных, так как чудный блеск красок этих змей производит впечатление и на них; но они считают их, как и большинство змей, ядовитыми; многие думают даже, что коралловый аспид носит в своей шее еще другую маленькую змею, которая кусает». Мы знаем теперь, что оба наблюдения имеют известное фактическое основание. Высказывавшие это мнение люди были правы, что коралловый аспид ядовит, а принц фон Вид был не прав; мы должны согласиться и со вторым замечанием, так как он пи-

тается змеями, двуходками и сцинками и другими мелкими пресмыкающимся и его часто могли наблюдать во время заглатывания добычи.

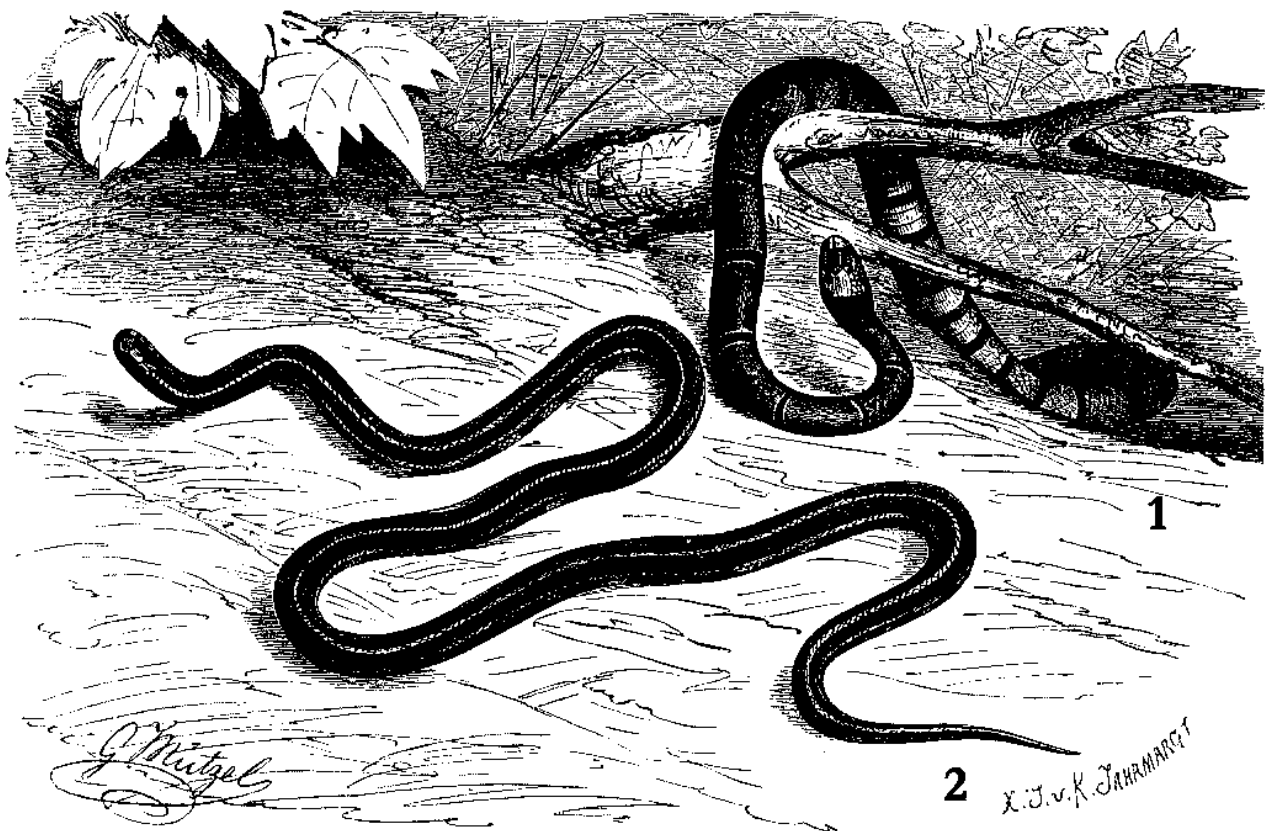
В Азии только что описанных змей заменяют **украшенные аспиды** (*Callophis*). Они отличаются бороздкой вдоль всей передней стороны верхнечелюстных зубов, присутствием задних лобных костей и числом рядов чешуек, которое у них равняется 13, а у аспидов 15. Округленное тело очень длинно и тонко, голова, едва отделенная от шеи, тупая, хвост очень короткий, широкие ноздри лежат между двумя щитками, глаз с круглым зрачком мал и окружен 0-1 предглазным и 1-2 заглазными щитками. Щитки головы правильные, хотя недостает уздечного щитка, височные щитки расположены в один продольный ряд, верхние губы покрыты 6-8 щитками, чешуйки тела гладки и мало налегают друг на друга, покрывающие середину спины не увеличены. Строение ядовитых желез несколько не уклоняется от строения их у предыдущего рода. Распределены по Ост-Индии, южному Китаю и южной Японии.

Один из обыкновеннейших и наиболее распространенных видов, **макелландов украшенный аспид** (*Callophis maclellandi*), змея, длиной 62 см, из которых хвост занимает около одной одиннадцатой. Число губных щитков равно 7, число предглазных 1, число заглазных 2; два височных стоят один позади другого. Цвет довольно значительно варьирует. Обыкновенно верхняя сторона этой красивой змеи красновато-бурая и украшена приблизительно 40 правильно расположенными на равных расстояниях черными с белыми каемками поперечными полосками или полными кольцами; желтое брюхо имеет черные поперечные полосы или квадратные пятна.

Одна разновидность из Непала имеет на спине черную линию, и ее черные поперечные полосы заменяются поперечными пятнами или могут и вовсе исчезать.

Она известна из Непала, Сиккима, Ассама, Бирмы и южного Китая.

У второго азиатского рода, крайне близко родственного предыдущему, **железистых змей** (*Maticora*), заслуживает особенного внимания строение ядовитых желез, которые, как нашел Мейер, достигают такой величины, какой не встречается у других змей.

1 — Макелландов украшенный аспид (*Callophis maclellandi*) 2 - Обыкновенная железистая змея (*Maticora intestinalis*)

Железы эти занимают на каждой стороне треть длины тела, простираются даже в полость тела и оказывают заметное влияние на положение остальных внутренностей, например, оттесняют назад сердце. Особенно бросается в глаза тот факт, что такие большие железы находятся у некоторых змей, во всех остальных отношениях сходных с теми, у которых они достигают лишь обыкновенной величины. По Буланже, в существовании этих больших ядовитых желез можно убедиться, не вскрывая змею, а лишь ощупывая ее, можно даже заметить их существование глазом, по не-

большому возвышению в начале второй трети тела, там, где лежит сердце. Известны два вида, живущие в Юго-Восточной Азии.

Самый обычный вид этого рода **обыкновенная железистая змея** (*Maticora intestinalis*) встречается в Бирме, на Малаккском полуострове и на всех островах от Суматры до Филиппинских. Длина ее равна 57 см, из которых около 1/13 приходится на хвост. Число верхнегубных щитков равно 6, спереди находится одиночный, сзади два лежащих один над другим височных щитка. Экземпляры с Явы имеют на красно-буром фоне красную спинную полосу, окаймленную черным цветом, и с каждой стороны по желтой боковой полоске, тоже окаймленной черным цветом. Спинная полоска разделяется у заднего края теменного щитка на две ветки, которые тянутся по направлению к ноздрям. Вся нижняя сторона покрыта чередующимися широкими черными и желтыми полукольцами, заднепроходной щиток черный, нижняя сторона хвоста желтая с поперечными полосками или без них.

Украшенные аспиды и железистые змеи, которые в высокой степени сходны между собой, особенно обыкновенны в Индии, по крайней мере, их находят здесь в большем числе, чем на крупных соседних островах. По своему образу жизни они замечательно сходны с карликовыми змеями; они не только живут в тех же местностях, но и теснейшим образом связаны с ними в том отношении, что главным образом, если не исключительно, питаются ими. Обе группы имеют совершенно одинаковую область распространения, и эти ядовитые змеи так сильно зависят от своей добычи, что не водятся там, где ее нет, как например на Цейлоне. Если позволительно делать заключение об относительном количестве представителей обеих групп на свободе, основываясь на числе экземпляров, попадающих в наши собрания, то можно, по словам Гюнтера, сказать, что виды карликовых змей встречаются приблизительно вдвое большем числе, чем живущие в тех же местностях украшенные аспиды и железистые змеи. По наблюдениям Кантора, эти ядовитые змеи не особенно обыкновенны, но их также нельзя назвать и редкими. Это земляные змеи в полнейшем смысле этого слова, которые ищут убежища под корнями деревьев, камнями и в трещинах скал, кажутся очень вялыми и неловко движут своим длинным, тонким телом, а обыкновенно встречаются лежа на земле без движения с различным образом изогнутым, но не свернутым телом. Хотя их следует считать дневными змеями, однако их зрение соответственно чрезвычайно малому круглому зрачку, по видимому, так же слабо, как и их слух; по крайней мере, можно близко подойти к ним, не вызывая с их стороны никакого движения, которое выражало бы страх. Если их трогать палкой, то они делают большие усилия, чтобы ускользнуть, но скоро снова останавливаются и, если продолжать их преследовать, то они движутся крайне неправильным, судорожным образом, но никогда не пробуют кусаться. Только однажды Кантор видел, как одна из этих змей подняла голову приблизительно на 4 см над землей. В неволе они не принимают ни пищи, ни воды и скоро гибнут. Кантор много раз исследовал желудки этих змей, и только раз нашел останки маленькой змеи, которую он не мог определить. Напротив, Шлегель находил в желудках железистых змей карликовых, которых еще можно было определить.

Только благодаря узкому рту эти змеи оказываются безвредными; действие их яда относительно так же сильно, как и действие яда других представителей того же семейства, а железистые змеи, у которых ядовитая железа достигает такого необычайного развития, могла бы, несмотря на очень малые ядовитые зубы, наносить крайне опасные укусы. Но и остальные могут умертвить более крупное животное. После различных неудачных попыток раздражить красивых аспидов и побудить их кусать, Кантор вонзил ядовитые зубы одного из них в приподнятую складку кожи на голени курицы, но не был уверен из-за узкого рта змеи и трудности выполнения этого опыта, проникли ли ядовитые зубы сквозь кожу. Поэтому через четверть часа змею заставили таким же образом укусить курицу под правым глазом. Спустя 20 минут последняя обнаружила первые признаки отравления, испражнилась, подняла с видимою болью раненую ногу и прижала ее к телу. Через 28 минут после первого укуса, который оставил едва видимые раны, птица свалилась и несколько раз тщетно пыталась подняться; 10 минут спустя начались судороги, зрачок сжался, явления отравления продолжались, и по прошествии часа наступила смерть. Другие куры, которых кусали украшенные аспиды, умирали с такими же признаками отравления по прошествии от 80 минут до 3 часов. Но и все змеи, которых употребляли для этих опытов, вскоре после этого умирали вследствие причиненного им насилия.

Именем бунгар или бунгарум индийцы означают больших и крайне опасных ядовитых змей своей родины. Название это переделано в латинское **бунгарусы** (*Bungarus*) и принято наукой. В настоящее время это название рода включающего 8 видов* змей Ост-Индии и южного Китая, которых объединяют следующие признаки: голова едва шире шеи, мала, яйцевидна, с короткой и тупой

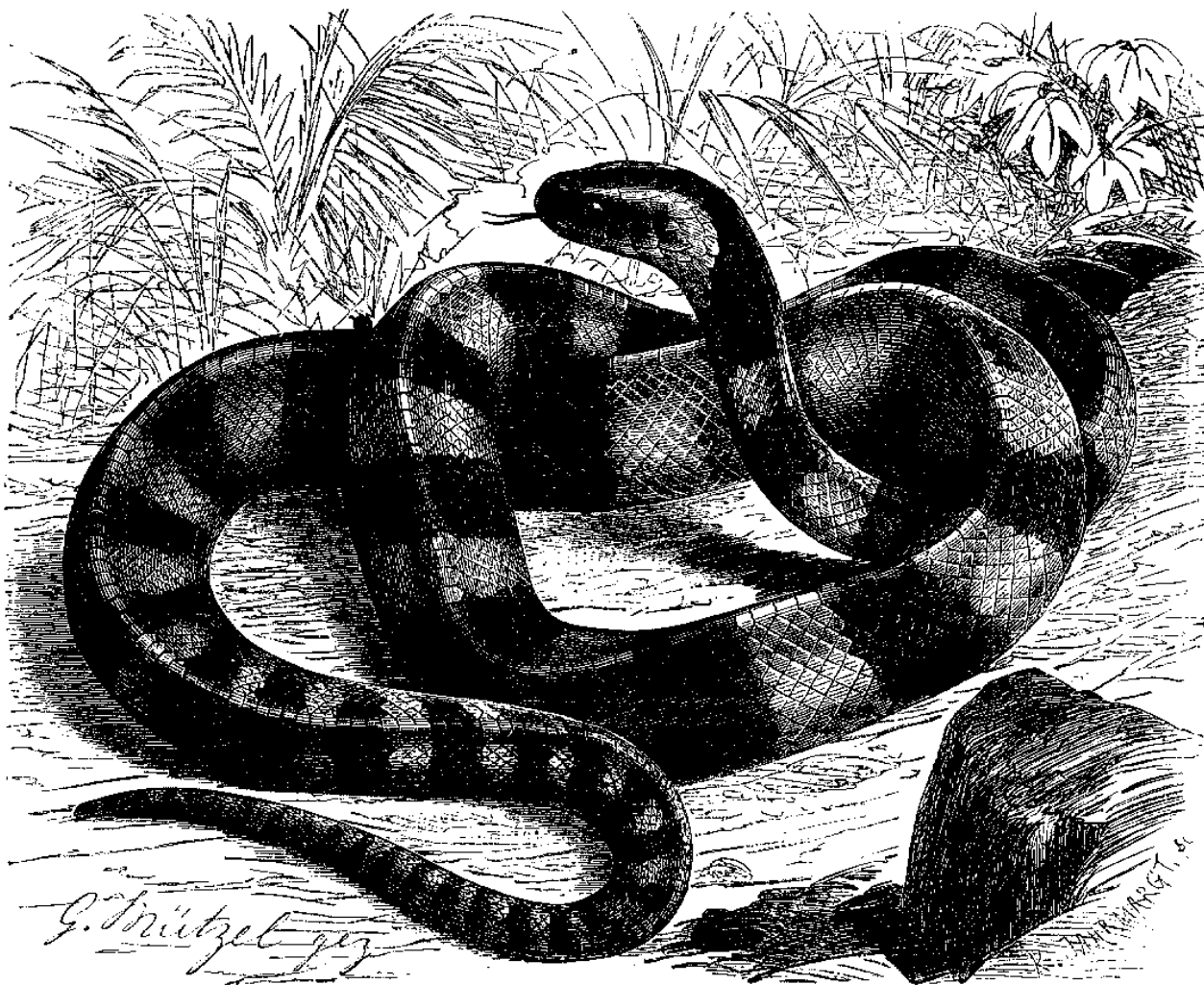
мордой; шея не способна расширяться или надуваться, тело круглое или тупо треугольное, почти равной толщины до самого хвоста, сам хвост относительно короток.

** В настоящее время этот род насчитывает 13 видов.*

Большие щитки покрывают голову, гладкие чешуйки, расположенные косыми поперечными и 13-15 продольными рядами, покрывают тело, более широкие, шестиугольные щиткообразные чешуйки образуют выступающий гребень на спине, а одно- или двухрядные щитки покрывают нижнюю сторону хвоста. Ротовое отверстие мало, нижняя челюсть несколько короче верхней и зубы в ней меньше. От одного до трех мелких сплошных зубов стоят позади крючковатых ядовитых зубов, которые имеют на передней согнутой стороне явственную бороздку, но очень малы по отношению к величине животного и лишь мало выступают из складки десны.

Ленточный крайт (*Bungarus fasciatus*), или **пама**, самый крупный вид этого рода, достигает в длину 1,75 м и покрыт на черном или черно-голубом фоне желтыми кольцами; голова черно-голубая, морда бурая, полоска, которая начинается на середине затылочного щитка и идет по обеим сторонам в виде ошейника назад и вниз, желтая; остальное тело покрыто 25-35 черно-голубыми и желтыми кольцами приблизительно одинаковой ширины и почти на равном расстоянии друг от друга. Кроме сильно расширенных брюшных щитков и однорядных хвостовых щитков, которые свойственны и следующему виду, ленточный крайт отличается явственным килем на спине и замечательно тупо закругленным концом хвоста.

Ленточный крайт распространен по Ост-Индии, Индокитаю и соседним островам; его находили во всей Ост-Индии, Ассаме, Бирме, Сиаме, южном Китае и на Яве и Суматре. Вид выбирает для жилья, по словам Кантора, сухие местности и охотится здесь за мелкими млекопитающими и пресмыкающимися, особенно за другими змеями и ящерицами. В пределах своей области она выбирает себе убежище или норки в земле, или место под корнями дерева и охотится поблизости него. В населенной стране их приходится видеть нечасто, однако и они пробираются в хижины туземцев.

Ленточный крайт (*Bungarus fasciatus*)

Кантор говорит, что, несмотря на свой круглый зрачок, змеи часто прячутся днем в своих убежищах, избегают солнца, ищут тени и двигаются медленно, а иногда без видимого повода быстро. Напротив, Фэйрер называет их дневными животными. Если они не раздражены, то при при-

ближении человека всегда обращаются в бегство, но если их дразнить, то они тотчас приходят в ярость и в таком состоянии могут быть настолько же опасны, как и любая другая ядовитая змея такой же величины. Если бить их или вообще нападать на них, то они проявляют сильный гнев, стараются выйти из своего убежища, и их обычная медлительность внезапно сменяется большой подвижностью. При нападении на них они, подобно гадюкам, далеко отодвигают голову назад и затем выбрасывают в косом направлении вперед половину тела и стараются вонзить зубы в своего врага. Индийцы уверяют, что укусы их смертельны и от них нет спасения, поэтому очень боятся их, особенно весьма обыкновенного индийского крайта, или голубого бунгаруса. Однако, благодаря тому, что их ядовитые зубы коротки, у укушенного все-таки остается известная надежда на сохранение жизни, в отличие от случаев укусов очковой змеи.

Опыты, произведенные Русселем, Фэйрером и другими, достаточно доказывают опасность укусов бунгарусов. Укушенная очень ослабевшим ленточным крайтом курица тотчас легла, у нее обнаружился сильный понос, и она не могла больше держаться прямо. В первые 10 минут она тщетно пыталась подняться, голова ее дрожала; 5 минут спустя она лежала и, по-видимому, умирала, но смерть наступила лишь через 25 минут и сопровождалась подергиванием всех членов. Большая сильная собака, укушенная голубым бунгарусом в бедро, громко закричала в то же мгновение, хотя нанесенная ей рана была едва видима, но продолжала бегать, по-видимому, без затруднения; 10 минут спустя она стала подергивать раненой конечностью и поднимала ее вверх, но могла еще стоять, через 5 минут она легла и стала лаять, но еще поднялась, хотя движение бедра казалось заметно ослабленным; через 25 минут после укуса обе задние ноги были уже парализованы. В течение второго часа ее несколько раз рвало, параличное состояние усугублялось; собака легла на бок, стала тяжело дышать и умерла к концу этого часа. На укушенной конечности едва можно было заметить опухоль или бледность. Сука, укушенная в пах, умерла при таких же явлениях в течение часа, но при сильных подергиваниях. Курица, укушенная той же змеей в крыло, тотчас впала в бессознательное состояние, но могла еще ходить в течение 10 минут; через 15 минут легла и казалось, засыпала, поворачивала голову то в одну, то в другую сторону, несколько раз делала бесплодные движения или усилия, чтобы встать, начала подергиваться и через час умерла.

Очень многочисленные, но недостаточно обстоятельные опыты Фэйрера в существенных чертах согласуются с опытами Русселя. Укушенные собаки начинали через 23 минуты скоро и тревожно дышать, через три четверти часа подвергались рвоте, становились очень беспокойны, вялы, сонливы, равнодушны, наконец, начинались судороги, и они умирали по истечении 54-55 минут. Кошки после укуса раскрывали рот, далеко высовывали язык, пытались убежать, затем спокойно ложились и умирали приблизительно через такое же время. Цапли, укушенные в голень, уже спустя 3 минуты вытягивали раненую ногу, учащенно дышали, делали попытки лететь. Через 6 минут после укуса они обнаруживали первые признаки слабости: широко открывали клюв, нахохливали перья. Через 20 минут ложились, пальцы их судорожно сводило, они делали дрожащие движения кожей, спустя час не могли более двигаться; через полтора часа после укуса цапли были мертвы. При исследовании укушенная голень оказалась очень опухшей и до такой степени наполненной газами, что при надавливании они перемещались с шумом; кровь была водянистой и жидкой, что обыкновенно наблюдается при исследовании крови животных или людей, погибших от укусов ядовитых змей. Куры уже через 2 минуты после укусов были очень возбуждены и тревожно бегали, через 8 минут после того они начинали шататься, так что должны были поддерживать себя, упираясь в землю клювом; через 5 минут после того они падали парализованные, еще через 15 минут у них делались подергивания и через 26 минут, некоторые уже через 17 минут, а самое позднее через полтора часа после укуса, они умирали. Укушенная молодая кошка проболела 3 дня, но осталась жива, вероятно, потому, что в рану влилось недостаточно яда. Подобные же обстоятельства встречаются иногда и в тех случаях, когда укушенные люди не умирают от отравления. «Если бы, — говорит Фэйрер, — для спасения кошки были применены какие-нибудь средства, то, вероятно, им приписали бы благоприятное действие, и может быть, неосновательно». В том же смысле высказывается и Ричарде, который указывает на целый ряд случаев, имевших подобный же исход.

Из всех этих опытов, полное перечисление которых утомило бы читателей и все же не дало бы ничего нового, следует, что яд бунгарусов действует не так быстро или сильно, как яд очковой змеи, но, вероятно, лишь благодаря короткости ядовитых зубов, которые не могут проникать так глубоко. Отравления, вызванные укусами этих змей, опасны всегда, и самые дурные исходы могут иметь место и тогда, если ядовитые зубы только оцарапали кожу.

Бунгарусы, укушенные очковыми змеями, умирали на следующий день; иные оставались живы. Фэйрер склонен приписывать смерть первых действию укусов более крупных очковых змей, и на это он, по моим наблюдениям, имеет полное право.

Сколько из большого числа несчастных случаев, вызванных укусами ядовитых змей, ежегодно повторяющихся в Индии, надо приписать бунгарусам, трудно решить; но, вероятно, мы не будем несправедливы к ним, если поставим их на первое место после очковой змеи, как самых опасных из ядовитых змей Ост-Индии. Относительно незначительная величина и вовсе не бросающаяся в глаза форма головы, а также и вообще их безвредный вид, а также, быть может, великолепные цвета и рисунки бунгарусов могут ввести в заблуждение иного незнающего человека, а их дневной образ жизни и многочисленность чаще приводят их в столкновение с человеком, чем других ядовитых змей такой же величины. «Относящееся к Европе правило, — говорит Мартене, — что ядовитых змей можно узнать по широкой голове, явственно отделенной от шеи, неверно для южной Азии. Один голландский офицер в Амбарае должен был незадолго до нашего приезда на Яву поплатиться жизнью за недостаточность знаний по зоологии, так как он счел бунгаруса безвредным на основании малой величины его головы. Так как передний и задний конец этих змей на первый взгляд не слишком различны, то народ считает их двухговыми и предостерегает от двухголовых змей, как особенно опасных».

Насколько основательно такое предостережение, хотя оно и основано на ложном мнении, в этом убеждают нас данные Фэйрера относительно ост-индских бунгарусов. В отчетах, доходящих до правительственных мест, бунгарусы, а особенно голубой, занимают второе место. Укусы ленточного крайта упоминаются замечательно редко, напротив, укусы или случаи смерти от голубого бунгаруса крайне часто, и все доклады полицейских чиновников приводят ужасающее число несчастных случаев, причиненных этой относительно небольшой ядовитой змеей. Она же обыкновена по всей Индии, чаще, чем всякая другая змея, пересекает дорогу путнику, проникает не только в открытые хижины, но даже в запертые дома, свертываясь на пороге двери, в углу комнаты, в шкафу и в сундуке, проскальзывает в спальни и ванны и. благодаря этому, очень часто бывает причиной смерти людей.

«Кобра де Капелло» называли португальцы одну змею, которую они нашли на Цейлоне, а позднее перенесли это название и на родичей ее, которых встретили в Африке. Название это значит «шляпная змея» и оно характерно; однако португальцы могли бы и не создавать нового названия, так как и та, и другая змея уже с незапамятных времен были известны и названы; особенно вид, живущий в северной и восточной Африке, приобрел громкую известность уже в истории древнего Египта. Особенность этих змей заключается в том, что они могут, вертикально поднимая переднюю часть тела, расширять шею в виде плоского кружка, направляя в стороны передние восемь ребер. При этом положении они всегда держат голову горизонтально, и тогда, кажется, будто бы на них надета большая круглая шляпа, однако лишь в том случае, если смотреть на них сзади. При рассматривании спереди плоский кружок, образованный с помощью ребер, вызывает сравнение со щитом и потому название «щитоносная змея» («Schildotter») было бы еще характернее.

Тело **настоящих кобр** (Naja) вытянуто в длину и округлено, по середине несколько утолщено, снизу плоско; шея, способная к значительному расширению, в покое несколько отделена от головы; сама голова мала, продолговато-яйцевидна, довольно плоска, в общем, очень похожа на голову настоящих ужей; хвост удлинненно-конический и заостренный; глаза довольно малы и с круглым зрачком; ноздри широкие и лежат по бокам, каждая между двумя щитками. Покров головы состоит из больших правильных щитков. Уздечных щитков нет; предглазных 1-2, заглазных 3, иногда же 2 или 4; верхняя губа одета 6-7 щитками, из которых третий и четвертый по большей части входят в состав кольца, окружающего глаз. Остальной покров состоит из расположенных косыми рядами, гладких, более мелких чешуек на шее и так же расположенных более крупных ромбических на верхней стороне остального тела, между тем как брюшная сторона покрыта большими однорядными щитками, а нижняя сторона хвоста — однорядными и разделяющимися на пары. Ротовое отверстие относительно широкое; позади явственно бороздчатых ядовитых зубов средней длины находятся 1-3 гладких сплошных зуба.

Различают 6 или 7 видов, которые распределены по Африке и южной Азии*. Все кладут яйца, живут на земле, но часто поднимаются на деревья и добровольно идут в воду.

* *Со времен Брема род увеличился вдвое.*

Тот, кто хоть раз видел настоящую кобру, когда она, испуганная и раздраженная видом врага, особенно человека, поднялась, вытянула вверх переднюю треть тела, расширила свой щит и в этой величественной позе, готовая к нападению или, по крайней мере, к защите, то более медленно,

то быстрее ползет, извиваясь, к предмету своего гнева, причем передняя часть ее держится неподвижно, как статуя, а задняя напрягает каждый свой мускул, и кто знает при этом, что ее укус так же смертелен, как укус куфии или каскавеллы, тот поймет, что она должна была издавна возбуждать внимание человека, поймет, почему ей воздавали божеские почести и пользовались ею, чтобы обманывать людей, незнакомых ее характером и особенностями этой змеи. Существо, столь своеобразное по характеру и строению, должно было привлекать к себе внимание каждого мыслящего человека, а знание смертоносного действия ее укуса позволяло властолюбивому жрецу или ловкому обманщику выдавать это животное за изображение или представителя божества.

Индийская кобра, или очковая змея (*Naja naja*), называемая в Индии тшинта-негу, наллапамба, нага, в Бирме муэ-наук, длиной 1,4-1,81 м. Она огненно-желтого цвета, при известном освещении с пепельно-голубым блеском; цвет этот кажется, однако, бледным, так как промежутки между чешуйками светло-желтые или белые, а часто того же цвета и углы отдельных чешуек. На затылке светло-желтый или белый цвет настолько преобладает, что более темный является лишь в виде крапин, и именно на этом месте явственно выделяется рисунок, имеющий сходство с очками*.

** Некоторые подвиды индийской кобры не имеют характерного рисунка в виде двух колец, соединенных перемычкой.*

Очки эти окаймлены двумя черными линиями и обыкновенно значительно светлее, чем окружающие части, между тем как места, соответствующие стеклам очков, или чисто-черного цвета, или представляют светлое глазчатое пятно, окруженное темным краем. Брюшная сторона грязно-белая и часто имеет на передней трети тела широкие черные поперечные полосы. Но нередко встречаются и экземпляры, которые сверху черного цвета, снизу черновато-бурого, такие, которые и сверху, и снизу оливково-бурого, наконец, такие, которые окрашены сверху сероватым, снизу беловатым цветом; кроме того, в некоторых местностях у этого вида вовсе нет бросающегося в глаза рисунка на затылке. Главные отличия от родственных видов заключаются в отсутствии больших щитков позади затылочных, в числе рядов чешуи по середине тела, которых здесь 19-23, и в незначительной высоте шестого верхнегубного щитка.

Индийская кобра, или очковая змея (*Naja naja*)

Очковая змея распространена по всей Индии, южной части Китая, Бирме, Сиаму, Малаккскому полуострову, большим Зондским островам за исключением Сулавеси, Андаманским островам и Цейлону, а на западе по Афганистану, северо-восточным частям Персии и южным областям

Туркмении до Каспийского моря. На Гималаях она встречается до высоты 2 500 м. Подобно большинству остальных змей, она, по-видимому, не связана с определенной местностью, напротив, поселяется везде, где находит удобное убежище и достаточно пищи. Любимое жилище ее составляют покинутые холмики термитов, развалины, кучи камней и дерева, дырявые глиняные стены и тому подобные кучи хлама, заключающие в себе дыры и скрытые промежутки, служащие очковой змее убежищем. Теннент указывает, что на Цейлоне она, наряду с так называемым **большеглазым полозом** (*Ptyas mucosus*), представляет единственных змей, не избегающих соседства человеческих жилищ. Ее привлекают сюда сточные рвы, а может быть, и добыча, которую она рассчитывает здесь достать, именно крысы, мыши и маленькие цыплята. Нередко и наводнение заставляет ее отыскивать вышележащие части страны, не заливаемые водой, а вместе с тем и построенные там хижины. Пока ее не тревожат, она обыкновенно лениво и вяло лежит перед входом в свое жилище, а при появлении человека, как правило, торопливо прячется и только доведенная до крайности бросается на нападающего. Если она не раздражена, например, если она отправляется на охоту, она ползет по земле извиваясь, с едва поднятой головой и не расширенной шеей; если же она раздражена или хотя бы испугана, она тотчас принимает свойственное этому роду положение, приготавливаясь к нападению. Хотя она дневная змея, но избегает жары и вообще жгучих лучей солнца и начинает охоту лишь в поздние послеобеденные часы и часто продолжает еще ползать поздно ночью, а потому некоторые авторы однозначно считают ее ночным животным.

Все наблюдатели называют ее движения медленными, однако она более ловка, чем думают: она не только умеет плавать, но до известной степени и лазать. Одна кобра, которая упала в крепостной ров и не могла взобраться по крутым стенам его, легко и свободно плавала в течение нескольких часов, держа голову и шейный щит над водой; другие даже отправлялись добровольно в море. Когда «Веллингтон», правительственное судно, служащее для надзора за рыбной ловлей, стоял на якоре в бухте Кудремеле на расстоянии около четверти мили от берега, однажды, приблизительно за час до заката солнца, с него заметили очковую змею. Она плыла прямо на судно и, когда приблизилась на 12 м, матросы стали бросать в нее кусками дерева и другими предметами и заставили ее повернуть к берегу. На следующее утро на берегу нашли след животного там, где оно вышло из воды, и проследили его до близлежащих джунглей. Позднее нашли и убили на том же судне одну кобру, которая могла попасть на него лишь по якорной цепи; это доказывает, что она может и хорошо лазать. Теннент слышал, что одну очковую змею нашли на верхушке кокосовой пальмы; «ее привлек, как говорили, пальмовый сок, который сочился в это время»; в действительности же она, наверное, взобралась на пальму, чтобы охотиться за птицами или грабить гнезда. На крышах домов их замечают нередко.

Пища кобры состоит исключительно из мелких животных и, кажется, преимущественно из пресмыкающихся и земноводных, по крайней мере, Теннент указывает в качестве добычи, которую она преследует, ящериц, лягушек и жаб, Фэйрер, кроме того, еще рыб и насекомых. Что она должна быть опасной для молодых кур, мышей и крыс, это достаточно выясняется уже из приведенных мной данных первого из вышеназванных исследователей; что она грабит также птичьи гнезда и в особенности отыскивает в курятниках и голубятниках яйца домашних птиц, упоминает Фэйрер. Другими змеями она мало интересуется и, по-видимому, не преследует их. Она много пьет, но может также долгое время без вреда терпеть жажду, по наблюдениям над содержащимися в неволе кобрами, в течение нескольких недель и даже месяцев.

Относительно размножения кобры Фэйрер говорит, что она кладет до 18 продолговатых белых яиц с мягкой скорлупой, которые по величине равны яйцам домашнего голубя. Финсон увеличивает это число до 12-20. Индийцы рассказывают об очковой змее то же, что древние говорят о родственной ей египетской кобре: что самец и самка обнаруживают известную взаимную привязанность, что там, где поймашь одну кобру, по большей части скоро после того замечашь и другую и т. п., одним словом, что у очковых змей существует брачная жизнь, и что оба пола решительно держатся вместе. Теннент замечает, что он два раза имел случай сделать наблюдения, которые, по-видимому, подтверждают этот рассказ. Одна взрослая кобра была убита в купальне правительственного дома в Коломбо, и «ее товарищ» был найден на следующий день на том же месте; точно так же, когда в крепостной ров падала кобра, то в то же утро ее «товарища» находили в соседнем рве. Происходило ли это именно в период спаривания и, следовательно, объясняется весьма естественным образом, об этом Теннент не говорит ничего, и потому мы не знаем, насколько это может считаться делом случая. Относительно детенышей сингалезцы утверждают, будто бы они становятся ядовитыми не раньше 13-го дня, когда происходит первая линька.

Как в прежние времена, так и сегодня еще очковая змея служит предметом благоговейного почитания и даже почти боготворения и играет важную роль в религиозных сказаниях индусов. Одна из самых интересных выдумок этого рода следующая: когда Будда однажды скитался по земле и заснул под лучами полуденного солнца, явилась кобра, расширила свой щит и заслонила им от солнца лицо бога. Довольный этим бог обещал ей чрезвычайную милость, но забыл о своем обещании, и змея была вынуждена напомнить ему об этом, так как грифы производили в это время среди них ужасные опустошения. В защиту от этих хищных птиц Будда даровал кобре очки, которых коршуны боятся. Другое сказание повествует о драгоценном камне, «негеменикиа», который иногда находят в желудке кобры и который она заботливо скрывает, так как не поддающийся описанию блеск его стал бы привлекать всякого, подобно лучезарному светилу, и тем подвергал бы животное опасности.

Во время пребывания Деллона в Курануре, около середины XVII столетия, один секретарь князя был укушен очковой змеей. Его принесли в город, а вместе с ним в хорошо закрытом сосуде и змею. Князь был очень огорчен несчастным случаем и призвал браминов, которые трогательным образом стали указывать змее, что жизнь раненого секретаря очень важна для государства. К таким увещаниям присоединялись и необходимые угрозы: змее объясняли, что ее сожгут на одном костре с больным, если в результате ее укуса он умрет. Однако божественное животное не смягчилось, и секретарь умер. Глубокое уныние овладело князем; однако ему вовремя пришла в голову мысль, что мертвый, быть может, навлек на себя гнев богов каким-нибудь тайным грехом, и змея исполнила лишь повеление богов. Поэтому ее вынесли в сосуде из дому, отпустили на свободу и надлежащим образом умоляли ее с низкими поклонами о прощении. Данные Ричардса об особенных воззрениях, которые удерживают индийцев от умерщвления змей, сообщены уже выше. Если житель Малабара находит в своем доме ядовитую змею, он самым дружеским образом просит ее уйти; если это несколько не помогает, то он держит перед ней пищу, чтобы выманить ее, а если она и тогда не уходит, то он призывает благочестивых служителей божества, которые, понятно, за соответствующее вознаграждение, делают змее трогательные увещания. По справкам, собранным Фэйрером, воззрения индийцев, если и не всех каст, не изменились в этом отношении и до наших дней. Многие из них ни в каком случае не убьют очковую змею. Если кто-нибудь найдет ее в своем доме, то успокаивает ее, насколько может, кормит и защищает ее, как будто бы причиненный ей вред должен принести несчастье дому. Если страх перед опасным и злобным гостем перевесит суеверное обоготворение, или, например, змея умертвит кого-нибудь из жителей дома, то индеец приказывает поймать ее, но и теперь обращается с ней почтительно и осторожно, относит ее в отдаленное необитаемое место и отпускает на свободу, чтобы она мирно ползла своей дорогой.

С таким народом фиглярам, понятно, легко иметь дело. Слепая толпа считает их фокусы за очевидное волшебство, а брамины по мере сил поддерживают эту выгодную для них веру. Правда, нельзя отрицать, что фигляры обращаются с этими опасными животными таким образом, что вполне могут внушить и недоверчивому европейцу высокое почтение к своей ловкости; но все их искусство основано исключительно на точном знании характера и особенностей змеи. Различные писатели утверждали, что очковой кобре, как и ее африканскому родичу, египетской, выламывают ядовитые зубы, прежде чем употреблять их для представлений, и что укус их не может приносить вред; но уже Дэви самым решительным образом оспаривает это мнение, а новейшие наблюдатели вполне согласны с ним. Конечно, может случаться, что фигляры выламывают у змей ядовитые зубы, но обыкновенно кобра обладает своим смертоносным оружием и, следовательно, может пускать его в дело; дрессировка, которой она подверглась, едва ли может помешать ей в этом. Дрессировка, правда, происходит, но, наверное, не ведет к тому, чтобы удержать животное от кусания, и только проворство и внимательность фигляра спасают его от опасности, которую он дерзко навлекает на себя, хотя и не во всех случаях. Иной из этих людей погибает от очковой змеи. «Заклинатель змей, — рассказывает Дэви, — дразнит кобру ударами или быстрыми угрожающими движениями руки и снова успокаивает ее голосом, медленными круговыми движениями рук и легким поглаживанием. Если она разозлится, он искусно избегает ее нападения и играет с ней только, когда она успокоена. Тогда он подносит пасть животного к своему лбу, проводит ею по лицу. Народ думает, что заклинатель может безопасно обращаться со змеями благодаря волшебству; просвещенный человек смеется над этим и подозревает фигляра в обмане, думая, что он вырвал у кобры ядовитые зубы; но он ошибается, а народ более прав. Я исследовал таких змей и нашел их зубы неповрежденными. Фигляры действительно обладают волшебством — конечно, не сверхъестественным, а волшебством уверенности и мужества. Они знают нравы и склонности этой змеи, знают, как неохотно она пускает в дело свое смертоносное оружие и что она кусает лишь после того, как ее сильно раздражат. Тот,

кто обладает уверенностью и проворством этих людей, может подражать их игре, и я не раз делал это. Фигляры могут вести игру с каждой змеей, только что пойманной или долго содержавшейся взаперти; но они не отваживаются на это ни с какой другой ядовитой змеей». Справедливость указаний Дэви печально подтвердилась, по Тенненту, на Цейлоне смертью одного из этих заклинателей, который благодаря этим представлениям приобрел необыкновенную дерзость в обращении со змеями, был укушен одной из них в грудь и умер в тот же день.

Очень живое описание заклинания дал Рондо. «К 6 часам вечера на судно является заклинатель — индеец. Он бедно одет, но в виде отличительного признака носит тюрбан, украшенный тремя павлиньими перьями. Он приносит с собой в мешках ожерелья, амулеты и тому подобное, а в плоской корзинке очковую змею. Он располагается на баке: мы садимся на скамьи на шканцах; матросы становятся кругом. Он ставит корзинку и снимает с нее крышку. Змея лежит, свернувшись, на дне ее. Фигляр садится на корточки на некотором расстоянии перед ней и начинает играть на особом роде кларнете протяжную, жалобную, однообразную мелодию. Змея немного поднимается, вытягивается и встает. Кажется, как будто бы она села на свой хвост, который остается еще свернутым. Она не оставляет корзинку. Через некоторое время она становится беспокойной, старается ознакомиться с местом, где находится, начинает двигаться, разворачивает и расширяет свой щит, сердится, более храпит, чем шипит, быстро движет языком и несколько раз с силой бросается к фигляру, как бы желая укусить его, при этом неоднократно подпрыгивает и делает неловкие скачки. Чем более она двигает своим щитом, тем более расширяет его. Фигляр не сводит с нее глаз и смотрит на нее странным пристальным взглядом. По прошествии 10-12 минут змея кажется менее возбужденной, постепенно успокаивается и покачивается; наконец, как будто бы прислушиваясь к постепенно слабеющей музыке фокусника, она ложится, но все еще движет языком с чрезвычайной живостью. Состояние ее, по-видимому, все более и более становится сонным. Глаза ее, которые сначала, казалось, хотели уничтожить заклинателя, смотрят на него неподвижно, как будто очарованные. Индеец пользуется этим мгновением слабости змеи, медленно приближается к ней, не переставая играть, и прижимает к ее голове сначала свой нос, затем язык. Это продолжается не более одного мгновения, но в ту же минуту змея оправляется и с бешеной яростью бросается к фигляру, который едва успевает отступить настолько, чтобы она не могла его достать.

Когда фокусник кончил свою игру, подходит один из офицеров судна и выражает желание видеть, каким образом индеец прикладывает губы к покрытой чешуей голове животного. Бедняк снова начинает свою однообразную песню и снова устремляет на кобру пристальный взгляд. Усилия его тщетны. Змея находится в состоянии крайнего раздражения; ничто на нее не действует. Она хочет оставить корзинку и ее приходится закрыть. Мы сомневаемся, чтобы у кобры были еще ее ядовитые зубы и чтобы страх, выражаемый индийцем, был основательным. Поэтому мы требуем, чтобы он дал змее укусить двух кур, и обещаем ему за это испанский пиастр. Он берет черную курицу и держит ее перед змеей. Змея поднимается наполовину, смотрит одно мгновение на курицу, кусает и оставляет ее. Курицу отпускают, и она убегает в испуге; 6 минут спустя у нее делается рвота, она протягивает ноги и умирает. Змее подставляют другую курицу, она кусает ее два раза, и курица умирает через 8 минут».

Граф Гертц описывает в своем путешествии вокруг света представление фигляров несколько иначе. Очковые змеи, с которыми играли перед ним заклинатели в Мадрасе, тоже лежали, свернувшись в плоских корзинах. Старшина труппы фокусников брал змей одну за другой за голову, вынимал и клал на землю, и лишь после того стал извлекать звуки, раздирающие уши, из странного кларнета, к концу которого была прикреплена маленькая тыква. Животные подняли кверху головы и шеи, пристально смотрели ему в лицо и сильно расширяли шеи, не делая других движений. Затем он стал протягивать кулак к их головам, они двигали головою вслед за кулаком, как бы с намерением укусить, но не открывали рта. Кончиком носа и языком этот фигляр делал то же, что и первый. Он не старался очаровать их пристальным взглядом, напротив, часто небрежно трогал животных и, наконец, обвил их вокруг своей шеи. Танцующих движений у змеи было вовсе не заметно; в ее поведении явственно выражались, с одной стороны, вся злоба и бешенство этого вида змей, с другой — страх перед заклинателем. Легко было догадаться, что приручение заключалось в том, что змее давали кусать твердые или нагретые предметы. «Ядовитые зубы были вырваны, как я убедился сам; в этом признались и сами фигляры».

Последнее подтверждается и следующим рассказом Джонсона: «Один фокусник заставлял большую очковую кобру плясать перед многочисленным обществом. Сын его, юноша 16 лет, привел животное в ярость, был укушен и через час умер. Отец был поражен и клялся, что смерть его сына не могла произойти от укуса, так как у змеи не было зубов, и как его, так и сына она уже часто ку-

сала без всяких дурных последствий. Однако при исследовании змеи оказалось, что вырванные ядовитые зубы заменены новыми, которые хотя и мало выдавались, но все же нанесли мальчику смертельную рану. Старик клялся, что никогда не видел ничего подобного, и был безутешен вследствие потери сына».

По данным, сообщенным одним образцовым индийцем, которые обнаружил Фэйрер, в Бенгалии есть четыре различных класса людей, которые ловят змей и дают представления с ними. Первый из них, несравненно более опытный, чем остальные, — класс «малье», низкая каста индийцев, которые живут ловлей и продажей змей, но никогда не занимаются фиглярством, волшебством и лечением. Малье бедные жалкие люди, осужденные на бродячую жизнь; но они не занимаются воровством и вообще не возбуждают никаких подозрений. В северо-западной части Бенгалии их заменяют «модарис», из которых некоторые приходят иногда и в Калькутту. Найендралала Митра, упомянутый индиец, никогда не имел случая ближе наблюдать их и потому ничего не знает о них, но замечает, что их, вероятно, часто смешивают с «бедияхс», цыганами Бенгалии. Последние — фигляры, вожаки медведей и обезьян, продавцы трав и амулетов, знаменитые знахари, которые лечат от ломоты, паралича и других недугов, мастера в «волшебстве и колдовстве», цирюльники и хирурги, а также заклинатели змей; вообще они занимаются всем, чем угодно, пока не придут в столкновение с полицией. Они вовсе не славятся, как заклинатели змей. От малье они отличаются в том отношении, что заставляют работать вместе с собой и своих жен, чего никогда не бывает у тех. Настоящие заклинатели змей «саниис», называемые в Бенгалии «тубри-валлахс», которые, вероятно, тоже родом из северо-западной Бенгалии и отличаются желтой одеждой и большим тюрбаном; они носят известную дудку, с помощью которой они будто бы овладевают змеями и выманивают их из нор. Чтобы очистить дом от змей, они, понятно, уносят несколько штук с собой в складках своей широкой одежды, а в то же время показывают некоторых находящихся на свободе, или и вовсе не показывают их. В качестве бродяг они по дороге берут, что подвернется под руку, но, тем не менее, их нельзя назвать профессиональными ворами. Они бродят по всей стране, и их можно одинаково встречать и в северо-западной, и в южной Индии. Уже самые древние санскритские книги рассказывают о них; поэтому, вероятно, что их искусство восходит до самой глубокой древности. Дудка их должна считаться характерной особенностью, так как ее не бывает ни у малье, ни у модарис или бедияхс.

Очковая змея потому служит любимицей всех этих людей, что, благодаря своей позе при защите и нападении, более поражает зрителей, чем всякая другая ядовитая змея, а благодаря их многочисленности, заклинатель змей никогда не терпит в них недостатка. Кроме них иногда можно видеть в руках заклинателей **королевскую кобру** (*Ophiophagus hannah*), которая обнаруживает те же особенности и еще большую свирепость, чем очковая змея. У тех, которых постоянно употребляют для представлений, почти всегда вырывают ядовитые зубы и, кроме того, вырезают и складку, в которой они лежат и где развиваются новые, заменяющие их. Тем не менее, надо признать, что заклинатели змей очень хорошо умеют обращаться и с такими ядовитыми змеями, которые вполне обладают еще своим смертоносным оружием. Ловкость, которую они обнаруживают, когда берут с земли голой рукой ползущую в густой траве ядовитую змею и избегают при этом поранения, и уверенность, с какой они потом обращаются со змеями, в высокой степени достойны удивления. Заклинатели змей хорошо знают, какой опасности они подвергаются, они знают не хуже других, что нет ни одного средства против действия яда змей, которое можно было бы считать надежным, хотя они сами же и указывают такие средства, и продают их. Кроме ядовитых змей они всегда показывают и неядовитых, причем всегда играют на дудке.

Ловлей и дрессировкой очковой змеи занимаются, кроме фокусников, и брамины. Как сообщает Джонсон, ловцы исследуют в удобных местностях все углубления в земле и начинают копать, если земля при выходе сглажена, благодаря вползанию и выползанию змеи, так как знают, что если в норе живут животные, снабженные ногами, то это место бывает обыкновенно неровным. Отыскав змею, они начинают осторожно разрывать нору, пока не натолкнутся на ее обитательницу, стараются схватить ее левой рукой за хвост, правой — выше за тело и как можно быстрее протягивают ее сквозь руку, пока не схватят ее за затылок указательным и большим пальцами. Джонсон уверяет, что видел, как змей ловили таким образом и на открытом месте. Впрочем, ловцы никогда не ходят на охоту за змеями поодиночке и всегда носят при себе необходимые орудия и средства, чтобы иметь возможность принять меры в случае укуса. Так, один из них несет обыкновенно жаровню с угольями, служащую для того, чтобы поддерживать в раскаленном состоянии маленький железный инструмент величиной с обыкновенный зубец вилки, имеющий форму змеиного зуба, которым он, если кто-нибудь будет укушен, выжигает пораненное место, выдавив и высосав предварительно

кровь, а также перевязав раненую часть. Другие ограничиваются тем, что прикладывают к ране так называемый «змеиный камень», о котором я буду подробнее говорить ниже. Внутри принимают настой безоарового спирта на дикой конопле или табаке, называемый гонгеа, по словам Джонсона, часто с хорошими результатами.

Рейне рассказывает, что ловцы змей употребляют иногда маленькую дудку, чтобы выманить очковую змею из ее убежища, и утверждает, что сам видел это. «Один заклинатель змей явился в 1854 году в мое бунгало и просил позволения показать мне пляску своих змей. Так как я не раз видел уже этот фокус, то я возразил ему, что готов подарить ему рупию, если он согласится сопровождать меня в джунгли и поймает там очковую змею, жилище которой было мне известно. Он согласился. Я пересчитал его ручных змей, поставил к ним сторожа с поручением смотреть за ними до моего возвращения, осмотрел затем самого фокусника и убедился, что он не имел при себе змей. Когда мы пришли на место, он заиграл на маленьком духовом инструменте, и через некоторое время большая очковая змея действительно показалась перед холмиком термитов, где, как я знал, она жила. При виде человека она попыталась скрыться, но он схватил ее за хвост, стал непрерывно кругообразно махать ей вокруг себя и, таким образом, донес ее до нашего бунгало. Здесь он заставил ее плясать, но прежде чем овладеть ею, был укушен в ногу выше колена».

Последние слова еще раз подтверждают рассказ Дэви; они доказывают, что собственно нет никакой надобности в дрессировке очковой змеи для того, чтобы заставить ее выполнять так называемую пляску. Тем не менее, я приведу рассказ Кэмпфера о том, как надо поступать, чтобы отбить у змей охоту кусаться. «Один брамин занимался, кроме поучения верующих, также дрессировкой змей, чтобы по окончании обучения продавать их. У него их было 22 штуки, в таком же числе глиняных сосудов, которые были достаточно велики, чтобы позволить змеям делать необходимые движения, и могли закрываться крышками. Когда погода была не слишком жаркой, он выпускал одну змею за другой из заключения и обучал их более короткое или более продолжительное время, смотря по успехам, достигнутым ими в своем искусстве. Как скоро змея выползала из сосуда и хотела обратиться в бегство, учитель поворачивал ее голову к себе с помощью нескольких ударов прутиком, и в то мгновение, когда она хотела укусить его, подставлял ей сосуд, принимая им, как щитом, укусы. Скоро змея убеждалась, что ярость ее ни к чему не ведет, и отступала. Эта борьба между человеком и змеей продолжалась в течение четверти часа или даже получаса, и все это время змея следила за всеми движениями сосуда, который держали перед ней, расширив капюшон и выставив ядовитые зубы для укуса.

Таким образом, она постепенно приучалась подниматься, как только перед ней появлялся сосуд. Позднее учитель вместо сосуда держал перед змеей руку, но она не смела броситься на нее, думая, что опять укусит глину. Фигляр сопровождал движения пением, чтобы увеличить обман. Несмотря на всю ловкость и осторожность, он мог, однако, быть поранен и потому давал змее предварительно кусать сукно и таким образом освободиться от яда». Напротив, Ричарде настоятельно указывает на то, что нужно лишь знание характера змеи и соответствующие ловкие движения руки, чтобы, по-видимому, подчинить кобру, не лишенную ядовитых зубов, воле того, кто ее показывает; он рассказывает даже об одном европейце, которому доставляло удовольствие проделывать подобные фокусы.

На основании всего этого кажется, что рассказ Кэмпфера основан лишь на том, что он слышал, а не на собственных наблюдениях. Может быть, и рассказ Дэви, по-видимому, говорит в пользу того, что настоящие кобры легче обучаются, чем другие ядовитые змеи; но я считаю очень сомнительным, чтобы дрессировка могла приносить пользу. В Индии рассказывают удивительные истории. «Слыхали ли вы, — пишет Скиннер Тенненту, — когда-нибудь о ручных очковых змеях, которых поймали и приучили к дому, которым позволяют по желанию входить и выходить, как остальным обитателям дома? Один зажиточный человек, живущий в области Негомбо и постоянно имеющий у себя в доме значительные суммы денег, держит в качестве хранителя своих сокровищ вместо собак кобру. Но это вовсе не единственный случай такого рода. Я слышал об одном таком случае всего несколько дней тому назад и притом от человека, безусловно, заслуживающего доверия. Змеи ползают по всему дому на страх воров, но никогда не пытаются вредить законным обитателям дома». Можно ли верить таким рассказам? Я сомневаюсь в этом, хотя они, по-видимому, подтверждают древние рассказы; я отношусь к ним с тем большим недоверием, что происхождение их кажется мне легко объяснимым. Зажиточный и образованный человек, который умеет надлежащим образом судить о невежественном народе, пускает в ход такую сказку, чтобы обезопасить себя от неприятных посещений, пожалуй, показывает иногда и несколько очковых змей, чтобы придать

своей выдумке печать правдивости. Таково зернышко истины, заключающееся во всем этом рассказе.

Относительно действия укуса кобры Руссель, Джонсон, Бретон, Фэйрер, Ричарде и другие произвели разнообразные опыты, которые достаточно выясняют, насколько опасна эта змея. Голуби умирали через 3[^] минуты после укуса, куры через 4-6, собаки мучались перед смертью от 20 минут до нескольких часов; люди — несколько часов. Джонсон нашел, что во всех случаях яд все более и более терял свою смертоносную силу, если одну и ту же очковую змею заставляли кусать различных животных через короткие промежутки; по его мнению, из опытов, произведенных им, следует, что яд при сохранении в железах становится все сильнее и что в более теплую погоду он делается жиже, а также, что змеи в разное время обладают способностью убивать в различной степени. Бретон тоже нашел, что последовательные укусы теряют силу. Он дал кобре укусить в хвост водяную змею. Через полтора часа последняя не могла владеть укушенной частью, постепенно слабела и умерла через 2 часа и 15 минут, не обнаруживая никаких особенных явлений, кроме того, что чаще дышала. Кролик, укушенный в голень той же змеей, немедленно вслед за тем обнаружил паралич и слабость, у него начались легкие судороги, и он умер через 11 минут.

Голубь, укушенный вслед за тем, умер через 27 минут, второй лишь через 1 час 11 минут, третий через 3 часа 42 минуты, четвертый не обнаружил никаких признаков отравления, пятый тоже несколько не пострадал от укуса. Той же коброй были ранены другие ядовитые змеи, причем не обнаружилось никакого действия яда. Руссель дал очковой змее укусить свинью, которая оказалась вовсе не способной противостоять действию яда, и умерла через час после укуса. Отравленные собаки вели себя различно. Некоторые были относительно спокойны, только поджимали укушенную конечность, затем ложились, подвергались рвоте, делали тщетные усилия подняться и умирали; другие ужасно выли и дрожали всем телом, пока не впадали в бесчувственное состояние; третьи сначала визжали, пытались убежать, обнаруживали чрезвычайное беспокойство, лаяли, ели еще, их опять рвало, наконец, приходили в бешенство, делали сильные попытки убежать и непрерывно лаяли, пока и у них не наступали паралич и слабость. Куры и голуби, которым был привит яд очковой змеи, испытывали все припадки отравления и умирали, если опыт был действительно выполнен ловко. Белланже, врач и директор ботанического сада в Пондишери, доказал другими опытами, что два грана яда очковой змеи, перенесенные на поверхность слуховых органов (вероятно на барабанную перепонку) собаки, могут причинить смерть при весьма замечательных симптомах, и что яд, выпущенный каплями на поверхность глаза, языка и т. п., тоже вызывает очень тяжелые последствия.

Фэйрер производил в течение трех лет обширнейшие опыты, чтобы выяснить действие яда индийских змей и в особенности яда очковой змеи. Для этих опытов употреблялись преимущественно собаки и куры, а, кроме того, лошади, рогатый скот, козы, свиньи, кошки, мунго, или полосатые мангусты, кролики, крысы, грифы, цапли, ящерицы, неядовитые и ядовитые змеи, лягушки, жабы, рыбы и улитки. Все наблюдения записывались так тщательно, но в то же время в таком пестром беспорядке, что разобраться в его сочинении и прийти к определенному выводу для читателя почти невозможно. Из всех данных выясняется, что яд очковой змеи действует на всех животных, с которыми производились опыты, и что действие его чрезвычайно сильно, а по большей части и крайне быстро, наконец, что противоядия самого различного рода или вовсе не действуют, или имеют крайне ничтожное действие и что укусы, задевшие более крупный кровеносный сосуд, должны считаться, безусловно, смертельными. Фэйрер доказал с полной определенностью, что мнение, будто бы яд змей, и в частности кобры, действует лишь в том случае, если его ввести непосредственно в кровь, совершенно ошибочно, напротив, яд может всасываться всеми слизистыми оболочками и даже может перейти в кровь из желудка.

На людях последствия укуса змеи, как говорят, часто проявляются иначе, чем на животных, и именно у них замечали, что тело становилось холодным, как у трупа, между тем как у собак наблюдалось прямо противоположное, именно лихорадочное состояние. Так как в Индии ежегодно относительно большое число людей бывает укушено очковыми змеями, и они по большей части умирают, то имеется достаточно наблюдений и относительно течения болезни у отравленных людей. Я хочу привести здесь несколько случаев, которые не кончались смертью, так как считаю их более поучительными, чем другие.

Одна женщина была укушена в нижнюю часть ноги; через 11 часов ее посетил Дюффин. Она утратила чувство зрения и осязания; глотание было так затруднено, что было невозможно ввести в ее желудок хотя бы самое незначительное количество какого-нибудь вещества. Судороги не мучили ее, но с самого начала она впала в состояние слабости, которая все возрастала. Рану расширили и

приложили ртутную мазь; наконец, с трудом удалось дать больной несколько пилюль. Первые не подействовали, но после третьей больная испражнилась, и кожа стала немного влажной. Через 18 часов после укуса у больной восстановилось осязание, зрение и способность к глотанию; в три следующих дня она сильно потела; через 8-10 дней слабость исчезла, и больная стала медленно поправляться.

Один индеец, укушенный в пятку, через четверть часа крепко сжал челюсти и казался мертвым, не обнаруживал чувствительность, когда смочили четыре очень больших раны жидкостью, состоящей из едкого аммиака, янтарного масла, воскового мыла и винного спирта. Ему насильно раздвинули челюсти и в буквальном смысле слова влили с помощью воронки две бутылки нагретой мадеры, продолжая непрерывно наружное употребление вышеупомянутой жидкости. Больной был в таком бесчувственном состоянии, что его можно было бы счесть за мертвого, если бы он не дышал от времени до времени. Он оставался в этом состоянии 40 часов и лишь после того обнаружил признаки возвращения чувствительности; через два часа он начал говорить, но оставался еще слабым и изнуренным в течение нескольких дней.

Туземцы Индии, особенно заклинатели змей и фокусники, кроме вышеуказанных целебных средств, употребляют при укусах змей также многие другие, но обыкновенно держат их в тайне, так что еще и теперь неизвестно, какого они рода и каково их действие. Два весьма употребительных средства заслуживают, по-видимому, упоминания, хотя в действительности приносят мало пользы. Первое из них — змеиный камень, называемый на Цейлоне «пембу-келу», употреблению которого сингалезцы научились, вероятно, от заклинателей змей, приезжающих сюда с Коромандельского берега. «Не один случай успешного употребления этого камня, за достоверность которых вполне ручались, — говорит Теннент, — рассказывали мне люди, бывшие очевидцами этого. Однажды в марте 1854 года один из моих друзей, проезжая верхом по джунглям, поблизости Бинтенне, вместе с правительственным чиновником, увидел тамила, который приближался к ним с товарищами. Вдруг он прыгнул в лес и возвратился с очковой змеей, которую он схватил за голову и хвост и крепко держал. Он позвал товарища на помощь, чтобы посадить змею в корзину с крышкой, но обращался с ней так неловко, что она укусила его в палец и несколько мгновений держала его зубами, как будто бы не могла вытащить их.

Кровь потекла, и сильнейшие боли последовали, по-видимому, непосредственно за укусом. Его товарищ тотчас развязал свой пояс и вынул два змеиных камня черного цвета, крайне тщательно отполированных и величиной с маленькие миндалины, и положил по камню на каждую рану. Они пристали к ранам, впитывали в себя всю кровь, вытекавшую из ран, оставались в этом положении около 3 или 4 минут, между тем как товарищ больного гладил и растирал руку от плеча к пальцам, и, наконец, отпали сами собой. Страдания укушенного, по-видимому, прекратились. Он стал двигать рукой, вытягивать пальцы, так что суставы хрустели, и пошел дальше, не обнаруживая озабоченности. Между тем другой индеец достал из своего дорожного мешка маленький кусочек дерева, похожий на корень, и осторожно приблизил его к голове змеи, которая тотчас прижала голову к земле, схватил ее затем без всякого страха и свернул в кружок на дне корзинки. Он уверял, что этот корень делает хватание змеи совершенно безопасным, и назвал его «найа-таликаланго», что значит корень змеиного растения».

Другой случай произошел в 1853 году и был сообщен Тенненту Лавальером, который был очевидцем его. Он встретил в лесу заклинателя, который отыскивал очковых змей, последовал за ним и увидел, как тот нашел и поймал одну, но был при этом укушен в голень, так что из раны потекла кровь. Он тотчас приложил к ране змеиный камень, который крепко пристал и держался около 10 минут; между тем индеец двигал над камнем взад и вперед каким-то корнем, который он держал в руке, пока камень не отпал. Он уверял европейца, что больше не о чем заботиться, и дал ему тот самый змеиный камень, который он употреблял. Лавальер не раз видел потом этого человека вполне здоровым.

Тот индеец, о котором рассказывает Рейне, употребил после укуса пембу-келу, но в то же время перевязал укушенный орган выше места укуса. В течение нескольких минут он терпел, по-видимому, сильную боль, но постепенно стал оправляться и почувствовал облегчение, когда камень отпал. Собравшись немного с силами, он подставил змее кусок сукна, который она укусила, схватил ее прежде, чем она успела освободиться, рукой за затылок и в присутствии Рейне вырвал у нее ядовитые зубы. Рейне следил с полнейшим вниманием за всей операцией, причем ему помогало и несколько других лиц. Однако Ричарде, рассматривая подобные случаи, указывает, прежде всего, на то, что остается открытым вопросом, не остался ли бы укушенный жив и здоров и без такого ле-

чения; хотя укус и действительно произошел, но это вовсе не значит, что непременно последовало и отравление.

Змеиные камни и корни, которые употреблялись в приведенных выше случаях, достались позднее Тенненту. «Корни, — говорил он, — не одинаковы. Один из них, по-видимому, кусок ветви кирказона, другой так сух, что определение его было очень затруднительно, но он похож на четырехгранный кусок ломоноса. Несколько видов рода кирказон (*Aristolochia*), как, например, растущая в Америке *Aristolochia Serpentaria*, издавна уже пользуются славой, как помогающие от укусов змей, а индийский вид этого рода (*Aristolochia indica*) и есть то растение, к которому прибегают мунго по народному поверью». Теннент прибавляет, приводя эти данные, что он не верит в действительность этих корней и убежден, что они имеют лишь воображаемое значение, внушая ловцу змей храбрость и доверие к собственной ловкости. В этом он, без сомнения, прав.

О природе змеино камня нам сообщили достаточные сведения Барров и Гарди; исследования Теннента имели, однако, то значение, что подтвердили прежние данные. Уже Кольбе упоминает, что европейцы, живущие в Капланде, пользуются змеиным камнем и получают его из Индии, где его приготавливают брамины. Только они, по-видимому, знают тайну его состава и ни за какую цену не открывают ее людям, которые не принадлежат к их касте. «Я чрезвычайно жалею, — говорит Кольбе, — что тайна неизвестна среди христиан и что брамины непреклонны в этом отношении, так как упомянутые камни действительно обладают чудесной силой». Затем идет описание употребления камня, которое в существенных чертах сходно с описанным выше. Тунберг, который посетил Капланд после Кольбе, тоже рассказывает о змеиных камнях и указывает следующие отличительные признаки настоящих камней: если положить их в воду, то поднимаются пузырьки воздуха, а если ввести в рот, то они крепко прилипают к небу; когда их прикладывают к части тела, укушенной змеей, то они крепко прилипают к ране, высасывают яд и отпадают сами, когда напитаются. По уверению Джонсона тайна приготовления и теперь еще находится в руках браминов и приносит им значительную выгоду; но приготовление змеиных камней более не тайна. Наши химики исследовали массу и нашли, что это обожженные кости, известь и обугленная смола; посредством своих ячеек, или внутренних пустот эти вещества всасывают жидкость, а, следовательно, кровь и даже яд.

Путешественник Гарди, который ознакомился с приготовлением змеино камня, употребляемого в Мексике, сообщает нам даже, как его готовят. «Возьми кусок оленьего рога любой величины и формы, оберни его травой или сеном, заключи в кусок листовой меди и положи в горящие уголья, пока рог не будет достаточно обожжен, дай остыть, вынь обожженный рог из оболочки, и он готов для немедленного употребления. В этом состоянии он представляет крепкую, хотя и ячеистую массу черного цвета, которая по форме и величине похожа еще на кусок рога». В южной Африке, как и в Мексике, принимают еще одну меру предосторожности, именно расширяют рану, а когда змеиный камень вполне напитается, его бросают обыкновенно в воду или молоко, очищают его таким образом, высушивают и снова прикладывают к ране. Что подобное тело действительно может оказывать некоторое действие, нельзя сомневаться; однако действие это, конечно, значительно уступает действию кровососной банки, и упомянутые выше случаи могут следовательно доказать лишь то, что больные, спасенные с помощью змеино камня, были лишь легко ранены и отравлены. В том же смысле высказывается и Фэйрер.

С гораздо большей уверенностью употребляли недавно в Индии против укусов змей листья кирказона и, как говорят, получали самые лучшие результаты. «Одна индианка, укушенная змеей, — рассказывает Лацтер, — была принесена ко мне на носилках. Она находилась в состоянии полной безжизненности, так что я решительно отказал ей в помощи. В этом меня поддерживал и один офицер, находившийся в моем доме; он указывал, что лучше всего отослать ее обратно, чтобы не ронять моего целебного средства в глазах народа. Женщина была холодна, как мрамор; я вовсе не замечал кровообращения; по виду она походила на труп. Муж ее был глубоко огорчен моим отказом и умолял, чтобы я хоть попробовал применить свое средство. Я объяснил ему свои причины и не скрыл от него своего глубокого убеждения, что его жена уже скончалась. Однако чтобы не увеличивать его горе, упорствуя в отказе, я насильно раздвинул челюсти укушенной и влил своего лекарства, которое я составил из трех растертых листьев кирказона средней величины и десяти зерен перца, настоянных в унции воды. Когда питье было влито, я велел привести тело в сидячее положение, и стал ждать с некоторым напряжением, но без малейшей надежды на успех. По прошествии 8 или 10 минут я заметил легкую пульсацию в нижней губе. Я тотчас велел мужу носить больную взад и вперед при помощи моих слуг, в надежде, если возможно, снова возбудить кровообращение. Двое людей держали ее под руки и стали двигать ее взад и вперед, причем ноги ее беспомощно волочились. Несколько минут спустя я заметил, что больная сделала попытку двигать ногами, и велел

поднять ее настолько, чтобы подошвы касались земли. Еще несколько минут, и глубокий вздох, сопровождаемый странным криком, показал, что сознание возвращается. Затем последовал возглас: «Огонь жжет внутренности!» В это время грудь и руки были еще холодны, как у трупа. Я тотчас снова дал ей настой одного листа в унции воды, который, по-видимому, смягчил жгучие боли в желудке. Теперь она могла указать мне место, в которое была укушена. Я велел натирать его листьями кирказона и, благодаря этому, она была в состоянии ходить без посторонней помощи. Я велел ей еще ходить взад и вперед, по крайней мере, часа два, сказал ей затем, что она вполне выздоровела, и отпустил ее».

Лаутер рассказывает и другие подобные случаи и уверяет, что он лечил, по крайней мере, 20 человек, на которых употребление кирказона увенчалось полнейшим успехом. При опытах над собаками оказалось, однако, что это растение не может считаться средством, пригодным во всех случаях, и что у этих животных оно вызывало ужасную лихорадку, от которой они и погибали. Это различное действие, по мнению Лаутера, легко можно объяснить; он утверждает, что последствия отравления проявляются у различных живых существ очень несхожим образом.

Очень может быть, что старая слава кирказона оправдается, и он окажет целебное действие против змеиного яда. Однако, по опытам, произведенным до сих пор знатоками дела, надежда на листья кирказона оказывается очень плохой. «Я должен, к сожалению, сказать, — замечает Фэйрер, — что во всех случаях, когда я применял кирказон, я терпел полную неудачу, и я вообще очень сомневаюсь в том, чтобы существовало какое-нибудь средство, которое могло бы воспрепятствовать действию страшного яда взрослой очковой змеи, хотя мне и кажется возможным, что более крупные животные, укушенные очковой змеей, могут быть вполне спасены, благодаря употреблению лекарств».

Если вспомнить сообщенные выше, правда, сомнительные, данные о вопиющем числе людей, погибших от укусов ядовитых змей, если принять во внимание указание Руссенберга, что в 1834 году на Цейлоне умерло 20 человек от укусов этих змей, опять-таки преимущественно очковых, и положиться на уверение Теннента, что из 112 человек, умерщвленных в 1851 — 55 годы на том же острове дикими животными, 68 умерло от змеиного яда, то приходишь к выводу, что число врагов этих опасных пресмыкающихся не может быть особенно велико. Тем не менее, индийцы рассказывают о значительном числе мелких хищных млекопитающих с мунго* во главе, и различных хищных птицах, которые будто бы усердно преследуют ядовитое пресмыкающееся.

** Общеизвестен злейший враг индийской кобры хищник семейства виверровых млекопитающих мангуст, воспетый Редьярдом Киплингом под именем Рики-Тики-Тави. Мангусты обладают существенно более низкой чувствительностью к яду кобр, чем другие млекопитающие (например, в 25 раз ниже, чем собака), однако, укусы змеи для них болезненны, и они стараются их избегать.*

Упомяну еще, как о факте, достойном внимания, о том, что увеличение числа змей наблюдали, или, по крайней мере, полагали, что наблюдали, там, где усердно охотились за павлинами и другими дикими курами и таким путем сильно уменьшили число этих птиц. На основании этого можно было бы заключить, что эти большие и гордые птицы поступают с очковыми змеями так же, как и наши домашние куры с гадюками. Утверждают также, будто бы олени Цейлона истребляют много змей, прыгая на них всеми четырьмя ногами сразу и растапывая их.

Огромное число несчастных случаев побудило английское правительство прибегнуть к более серьезным мерам для уничтожения ядовитых змей и, прежде всего, очковых. К счастью, не все индийцы думают так, как было указано выше; многие из низших каст, напротив, занимаются почти исключительно ловлей или умерщвлением ядовитых змей, одни для того, чтобы давать представления с ними, другие — чтобы добывать скудное вознаграждение ловлей и убиванием их.

В 1858 году правительство назначило за каждую убитую и доставленную властям ядовитую змею вознаграждение в 4 анна, или 48 пфеннингов, и выдало в одном только округе не менее 1 961 рупии. Когда вознаграждение было понижено до 2 анна, число доставляемых змей внезапно понизилось, так что в 1859 году в том же округе выдали лишь 124, в 1860 — даже лишь 27, а в 1861 лишь одну рупию; никто не хотел рисковать жизнью из-за ничтожной суммы в 2 анна. В 1862 году вознаграждение снова повысили до 4 анна, и тотчас снова началась охота за змеями, так что уже в первый день было доставлено 47, во второй — 70, позднее — 118 ядовитых змей в день. С 15 октября до 7 декабря результаты ловли увеличились настолько значительно, что было доставлено 26 920 змей. Когда наместник выразил удивление, что именно в холодную погоду было поймано столько змей, то ему просто и основательно объяснили это увеличением числа ловцов змей и постепенно возрастающей опытностью их. Конечно, по-видимому, не была исключена возможность того,

что между ядовитыми змеями могло находиться и много неядовитых; но чиновники утверждали, что осматривали доставленных змей с большой тщательностью, и полагали, что было бы выдано на 40 000 рупий больше, если бы они не платили исключительно за ядовитых змей. Однако при этом выяснилось, как можно было и ожидать, что хитрые туземцы, чтобы более удобным образом получать сравнительно высокий доход, занимались с большим успехом регулярным разведением опасных змей.

Зрелище, подобное тому, которое доставляют индийские заклинатели змей, можно видеть в каждый праздничный день на площадях Каира. Глухие, но громкие звуки, производимые с помощью большой раковины, привлекают внимание к человеку, который готовится дать одно из тех представлений, которые в высшей степени любят сыны и дочери «победоносной столицы и матери мира». Скоро вокруг хауи (заклинателя змей) образуется кружок, и представление начинается. Оборванный юноша играет роль паяца и расточает неуклюжие, грубые шутки, которые не только встречают полное сочувствие со стороны большинства зрителей, но и отклик; затем показывает свою понятливость гамадрил, и помощница фокусника встает, чтобы собрать скудное вознаграждение в виде малоценных медных монет. Самое удивительное еще впереди: явное волшебство фокусника, на которого со страхом смотрит иной из зрителей, должно обнаружиться лишь постепенно.

Фокусник, паяц и обезьяна озабоченно бегают и прыгают друг через друга, хватаясь за один предмет, притаскивая другой. Наконец хауи схватывает один из кожаных мешков, в которых хранит все свои принадлежности, бросает его на середину круга, развязывает узел, которым он был затянут до тех пор, берет вместо раковины «сумара», инструмент, изобретенный демонами, враждебными музыке, и начинает играть свою однообразную мелодию*.

** Танцующая под флейту заклинателя змея много раз описанная картина. Однако, кобра все же не слышит музыки, а лишь следует в такт за движениями человека.*

В мешке замечается движение, ближе и ближе к отверстию ползет в нем что-то, и, наконец, показывается маленькая яйцевидная голова змеи. За головой следует передняя часть тела, и лишь только она выйдет из мешка, как животное подымается совершенно таким же образом, как очковая змея. Затем она окончательно выползает, извиваясь, из мешка и начинает медленно ползать назад и вперед в пределах, до известной степени указанных ей фокусником, гордо покачивая маленькой головой над расширенной шеей и следя сверкающими глазами за каждым движением хозяина. Общий ужас охватывает зрителей: каждый знает, что эта змея, внушающая основательный страх, — кобра; но едва ли кто-нибудь считает возможным, чтобы фокусник мог безопасно потешаться над ее гневом, и потому предполагают, что он был настолько умен, что выломал ей ядовитые зубы. Хауи поворачивает и извивает ее, как делают у нас хозяева зверинцев, чтобы показать, насколько она ручная, схватывает ее за шею, плюет на нее или обрызгивает ее водой и незаметно для зрителей вдруг сжимает ей одно место на затылке. В то же мгновение змея вытягивается во всю длину и делается похожей на палку.

Змея, с которой египетские заклинатели показывают фокусы перед народом, есть египетская кобра, или знаменитый аспид греков и римлян; «Ара», или «приподнятая» древних египтян, символ возвышенности, изваянное изображение которого можно видеть на храмах по обе стороны изображения земного шара. Ее изваяние царь носил на лбу, как украшение и знак своего могущества и власти. Позднее она была названа по древнеегипетскому слову «Urdu», и может считаться самой знаменитой змеей на всей земле. Что побудило удивительный народ долины Нила отвести ей столь выдающееся место между другими животными: странная ли поза, которую она иногда принимает, или польза, которую она приносит земледельцам, истребляя крыс и мышей, или ужасное действие ее ядовитых зубов, — этот вопрос остается открытым. Почти каждый греческий или римский писатель рассказывает что-нибудь об аспиде, его жизни и действии его яда, почете, которым он пользовался, и употреблении его для лекарственных целей. Но почти каждый смешивает истину с ложью и то, что он сам видел, с вымыслом. «Находят, — говорит Элиан, — аспидов длиной в 5 локтей. Большинство их черного или пепельно-серого цвета, некоторые огненного». — «Представь себе кровавого аспида, — описывает Никандр, — с его ужасной чешуей. Если он слышит шум, то свертывается в круг и поднимает посередине свою страшную голову. При этом затылок его раздувается, он бешено шипит и грозит смертью каждому, кто ему встретится». «Это ужасное животное, — прибавляет Плиний, — обнаруживает, однако, в одном отношении нежное чувство: самец и самка живут постоянно вместе, и только смерть может разлучить их. Если один аспид убит, то другим овладевает невероятная жажда мести. Он преследует убийцу, находит его даже в величайшей толпе людей, побеждает все трудности, не обращает внимания на расстояние, и только поспешное бегство через реки может спасти от него. Трудно определить, создала ли природа больше зла или средств

против него. Этой злобной змее, например, она дала слабые глаза, и расположила их так, что змея может видеть не перед собой, а только по сторонам; поэтому она часто замечает человека только тогда, когда он наступит на нее».

"Египтяне, — рассказывает Элиан далее, — высоко чтят аспидов, и поэтому эти змеи у них ручные и обходительные. Если воспитывать аспидов вместе с детьми, то они не делают им никакого вреда и выходят из нор, если хлопать в ладоши; словами их не зовут. Когда египтяне кончают обед, они размачивают хлеб в вине и меде и кладут его на стол, за которым ели, и затем хлопают руками, как бы призывая гостей. Змеи тотчас выходят, становятся вокруг стола с поднятыми головами и позволяют целовать себя, причем спокойно поедают хлеб. Если египтянин идет по своему дому темной ночью, он тоже хлопает руками. Животные прячутся тогда, и на них нельзя наступить. Изображение аспиды, который египтяне называют «термутис», считается у них священным и украшает в виде диадемы голову Изиды. Египтяне утверждают, что аспиды созданы не во вред человечеству; но если уверяют, что аспид щадит добрых и умерщвляет злых, то это пустяки. Некоторые прибавляют, что Изида посылает их к злейшим преступникам. Египтяне насчитывают не менее 16 различных видов аспидов, но говорят, что только термутис бессмертен. В каждом углу храма они, как говорят, строят жилища для таких змей и кормят их телячьим салом». «Об одном аспиде, — дополняет в свою очередь Плиний, — Плутарх рассказывает, что он приходил обыкновенно к столу одного египтянина и что это очень нравилось хозяину. Позднее он родил детенышей, и один из них умертвил сына хозяина. Когда аспид возвратился, чтобы есть, и узнал о несчастье, он умертвил своего детеныша и более не показывался в доме». «Ни один человек, — рассказывает Элиан далее, — укушенный аспидом, не оставался, говорят, живым. Поэтому египетские цари носят, как я слышал, на своей диадеме изображение аспиды, как знак непобедимости их владычества. Надувая свою шею, аспид лишает зрения того, кто подвергается его дыханию. Ядовитые зубы одеты тонким покровом, похожим на кожицу. Когда аспид вонзает зубы, кожица эта отодвигается и яд изливается. Затем кожица снова прикрывает зубы. След укуса аспиды, говорят, не очень явствен, так как смертельный яд его, как утверждают, очень быстро распространяется по телу, так что на коже остаются лишь незначительные следы. Поэтому посланные Августом к Клеопатре могли заметить лишь два чуть видимых укуса, которые и объяснили ее загадочную смерть».

"Если кто-нибудь укушен аспидом, — рассказывает Диоскорид, — то видны лишь тонкие уколы; из раны вытекает мало крови и именно черной; часто смерть наступает прежде, чем пройдет треть дня». «Укушенный аспидом, — указывает Плиний далее, — впадает в бесчувственное состояние и сон. Из всех змей аспид имеет самый смертоносный яд. Введенный в кровь или свежую рану, он убивает мгновенно, намазанный на старые нарывы — лишь медленно. Вообще же его можно без вреда пить, сколько хочешь, а также есть животных, умерших от укуса аспиды. Из слюны аспиды, уверяет Аристотель, приготавливают яд, возбуждающий гниение, против которого нет средства. Если в Александрии кого-нибудь приговаривали к смерти и он должен был умереть тихой смертью, то, по словам Галена, аспиду давали укусить его в грудь. Прекрасный афинский государственный человек и знаменитый ученый Деметрий Фалерский, как уверяет Цицерон, лишил себя жизни, дав аспиду укусить себя. Как на самого важного врага этой змеи указывают всегда на ихневмона, или египетского мангуста; но Аристотель говорит, что он всегда, прежде чем напасть на ядовитую змею, созывает помощников и никогда не приближается к ней, не покрыв себя сначала панцирем из ила».

Египетская кобра (*Naja haje*), которую поселенцы южной Африки называют также «плюющей змеей», несколько больше своего азиатского родича, так как длина взрослого экземпляра может достигать 2,25 м. У нее шестой верхнегубной щиток гораздо выше, чем остальные губные щитки, так как сливается с лежащим над ним височным щитком и образует очень большую пластинку, которая касается впереди заглазных щитков. Что касается цвета египетской кобры, то об этом можно сказать так же мало общего, как и об окраске очковой змеи. Большинство кобр, и именно египетские, сверху равномерного соломенно-желтого цвета, снизу светло-желтого, но имеют на нижней стороне в области шеи несколько более темных поперечных полос различной ширины, из которых каждая тянется по нескольким брюшным щиткам. Но существуют разновидности, представляющие сверху все оттенки от соломенно-желтого до черно-бурого цвета.

Египетская кобра (*Naja haje*)

Уверяют, что египетские земледельцы не оставляют из-за кобры свою работу, когда встречаются ее на полях, так как знают, что она не нападает, если держаться на некотором расстоянии от нее, а спокойно лежит, подняв голову, и не переставая следить глазами за человеком. Это указание нуждается в исправлении. Все египтяне чрезвычайно боятся кобру и, если это возможно, всегда убивают ее; что же касается мнения, будто бы она не нападает, то следует заметить, что она, правда, обыкновенно скрывается, увидев человека, и притом как можно быстрее, но тотчас поднимается и принимает оборонительное положение, если кто-нибудь действительно идет ей навстречу, и вообще очень ясно проявляет свою раздражительность и свирепость. Если она думает, что может укусить, то, по единогласным уверениям различных ловцов змей, бросается на противника и последний тогда должен не зевать. Эти заявления египтян находят подтверждение со стороны Смита, Андерсона и Ливингстона, или вернее Уоллера, издателя последних сообщений этого путешественника. Смит замечает, что египетская кобра никогда не обращается в бегство и от защиты нередко переходит к нападению. Андерсон и Ливингстон также рассказывают характерные случаи, подтверждающие то же самое. «Один из моих друзей, — говорит первый, — едва спасся однажды от такой змеи. Когда он был занят собиранием одного редкого растения, кобра бросилась по направлению к его руке. У него не было времени повернуться, и он побежал задом так быстро, как только мог. Змея следовала за ним по пятам и догнала бы его, если бы эта охота продлилась еще несколько секунд. Но в это мгновение он споткнулся на муравейнике и упал навзничь. Лежа он видел, как змея стрелой пронеслась мимо». В справедливости этого рассказа можно было бы усомниться, так как Андерсон рассказывает то, что не сам испытал. Рассказ Ливингстона, или вернее Уоллера, если только он точно передает событие, еще более говорит в пользу того, что кобра нападает сама. «Одна маленькая девочка умерла ужасным образом. Она шла в ряду носильщиков, как вдруг на нее бросилась большая змея, укусила ее в голень и скрылась в соседней норе. Это совершилось в одно мгновение, но было достаточно, чтобы смертельно ранить бедную девочку. Все средства были употреблены, но менее чем в 10 минут ребенок испустил дух. Этот вполне достоверный случай доказывает справедливость рассказов некоторых путешественников по различным частям Африки. Туземцы уверяют, что большая ядовитая змея с быстротой молнии преследует и настигает добычу и что те, кто знает, насколько она опасна и проворна, избегают приближаться к ее убежищу. Замечательно следующее обстоятельство: один араб рассказывал носильщикам, с которыми он встретился позднее в Занзибаре, что через короткое время после упомянутого несчастного случая он отправился той же дорогой, и что один из его носильщиков подвергся на том же месте нападению той же змеи и исход был такой же несчастный». Хотя змея здесь и не названа коброй, но едва ли это могла быть какая-нибудь другая.

Достоин внимания то, что поселенцы в южной Африке и туземцы западного берега разделяют убеждение древних, что египетская кобра может плевать ядом и тем вредит нападающему*.

* *Плюющуюся кобру из Южной Африки относят к виду ошейниковая кобра (*Нemachatus haemachatus*).*

Гордон Кемминг уверяет, что с ним самим случилась неприятность такого рода, и он вследствие этого должен был целую ночь терпеть сильнейшие боли. Гордон Кемминг, правда, часто рассказывает происшествия, за которые не может отвечать, и в этом случае, вероятно, передал лишь общераспространенное мнение туземцев; однако, по-видимому, здесь есть доля истины. «Египетские кобры, — пишет мне Рейхенов, — вместе с шумящей гадюкой, очень обыкновенны на Золотом берегу. Они живут в степях и избегают густого леса. В полуденный жар они охотно выползают на дороги, чтобы греться на солнце. Если кто-нибудь наталкивается на них, то они поднимаются вверх, шипят, раздувают шею и плюют на расстояние 1 метр в нарушителя покоя, причем, по-видимому, всегда целятся ему в глаза. Количество жидкости, которую они при этом выбрасывают, довольно значительно, так как змеи часто плюют три раза подряд, и под конец слюна капает у них изо рта. По словам миссионеров на Золотом берегу, а также и туземцев, если эта слюна попадает в глаз, то вызывает слепоту. Замечу, что Эффельдт рассказывал мне о подобных наблюдениях, сделанных над гремучими змеями, но в то же время уверял, что такая слюна, которая может быть смешана с ядом, не в состоянии произвести на кожу или роговую оболочку никакого другого действия, чем любая другая едкая жидкость». Согласен с Рейхеновым и Фалькенштейн, который, правда, тоже не наблюдал этого сам; он считает это, по-видимому, очень обыкновенным явлением. «Если кобра оплюет негра, то последний, как мне сообщали, моет себе соответственные места молоком женщины, которое считается надежным целебным средством».

Пехуэль-Леше слышал почти везде, где эта змея встречается, рассказы о плевании и прыганий, но не мог убедиться в их справедливости. «Говорят, что она, — пишет он, — не только прыга-

ет на нападающего, но и обрызгивает его на расстоянии 3-4 шагов несколькими каплями жидкости, которая причиняет на чувствительных частях тела злокачественные воспаления и сильные боли. Надежным средством в Лоанго и около Конго считается помазать те места, куда попал яд, молоком женщины, между тем как люди из племени кру и боеры в юго-западной Африке хвалили мне также употребление человеческой слюны в качестве средства, уничтожающего яд. Самый рассудительный из боеров, Бота, прекрасный охотник и наблюдатель, осмеивал эти рассказы и вообще оспаривал, чтобы эта или какая-либо другая из известных змей «плевалась». Я сам не раз имел случай нарочно дразнить замеченных на открытых местах кобр (они живут и в саванне), но не видел, чтобы какая-нибудь из них выбрасывала жидкость или действительно нападала. Сильно преследуемые кобры, правда, свертывались, поднимались и принимали известное по индийскому виду угрожающее положение, но тотчас же снова обращались в бегство. В Кинзембо я был приглашен на обед в факторию Баннистера. Когда я вошел на двор, я нашел хозяина и несколько других европейцев, занятых прикреплением большой мясной вилки к длинной палке; в обеденной комнате была только что замечена «куспидейра», кобра, настоящая плюющая змея; ее хотели удержать или приколоть с помощью вилки и передать мне живую. По моему желанию, неприятному гостю, лежавшему в углу, предложили сначала немного свежего козьего молока; он не обратил на него внимания. Наконец мы не без затруднения выгнали его на широкий песчаный двор, лишенный всякой растительности. Здесь мы стали дразнить змею всевозможными способами, но могли добиться лишь того, что она несколько раз поднималась в величайшей ярости и, широко раскрыв рот, издавала несколько раз почти храпящее шипение. Но она не «плевала» и не «прыгала»; в этом убедился вместе со мной и каждый из присутствовавших европейцев.

Наконец я отрубил змее голову похожим на саблю охотничьим ножом. Голова эта, лежавшая на песке под палящими лучами солнца, кусала еще спустя 10 минут палку, которой до нее дотрагивались. Я не хочу поэтому оспаривать ни плевания, ни прыгания; но сам я никогда не мог наблюдать этого и не слышал, чтобы какой-нибудь спокойный наблюдатель подтверждал это в качестве очевидца. Положение припадении, которое, конечно, в сущности, есть лишь оборонительная поза, может подать повод к различным ошибкам; действительно кажется, что животное готовится к прыжку: передняя часть тела поднимается вертикально, шея надувается и расширяется в стороны, маленькая голова с шипением наклоняется вперед. В этой позе змея со своими оригинальными гибкими движениями представляет даже привлекательное зрелище. Будь она не ядовита, можно было бы почувствовать желание держать ее у себя, чтобы любоваться ею. Я не думаю, чтобы и самая большая из тех кобр, которых я наблюдал и длина, которой равнялась не полным 2 м, могла подниматься вверх, больше, чем на 0,5 м. В Лоанго рассказывают также, что плюющая змея держится в ветвях кустарников и низких деревьев и в таком случае часто бывает окружена роем кричащих птиц».

Гессе, который прожил три года в Нижней Гвинее и подробно занимался животным миром этой страны, конечно, знаком со всеми указаниями относительно характера плюющей змеи и, тем не менее, не приводит ни одного случая, который бы мог подтвердить это распространенное мнение. Шинц, который в течение многих лет исследовал юго-западную Африку, тоже не может ничего сообщить о плевании и прыгании этой змеи, хотя она иногда, как например в Ондонге, угрожала ему. «Присутствие мышей, — пишет Шинц, — было очевидно причиной того, что у нас поселился еще один и притом значительно более опасный сосед, кобра, о существовании которой мне несколько раз говорили мои люди, причем я не доверял их рассказам. Раз ночью я уже заснул, когда шорох и треск в гербарии под моей постелью разбудил меня. Спички и свеча были под рукой, я, ничего не подозревая, зажигаю огонь, и в то же самое мгновение перед самым лицом моим поднимается вверх гибкое тело самой страшной из ядовитых змей Африки. Разозленная змея широко раздувает шею, но я уже вскочил и пускаю в нее с близкого расстояния полный заряд птичьей дроби. На утро мы измерили убитое животное и нашли, что оно имело в длину 2 м». По отношению к способам движения египетская кобра, по-видимому, совершенно сходна с очковой змеей. Она тоже проворна на земле, часто и добровольно идет в воду, очень хорошо плавает и лазает, подобно своему родичу.

Добыча египетской кобры состоит из различных мелких животных, особенно из полевых мышей, песчанок и тушканчиков, птиц, живущих на земле, и их потомства, ящериц, других змей, лягушек и жаб, смотря по местности и обстоятельствам. В общем, она, подобно всем ядовитым змеям, может приносить пользу своей хищностью, но пользу, приносимую ей человеку, едва ли можно ценить высоко, и общее преследование, которому она подвергается, конечно, вполне основательно.

Каждый египетский фигляр сам ловит себе кобр, которые нужны ему для представлений, и очень простым способом. Вооруженный длинной крепкой палкой из дерева мимозы, он посещает

места, обещающие добычу, и исследует все удобные убежища, пока не увидит кобру. На одном конце палки прикреплен комок тряпок, который ловец и подставляет змее, коль скоро она поднимается угрожающим образом и делает вид, что переходит от защиты к нападению. В ярости кусает она тряпки, и в то же мгновение ловец быстрым движением дергает палку назад с намерением выломать у змеи зубы. Но никогда он не довольствуется одной попыткой и дразнит, и раздражает змею до тех пор, пока она не укусит много раз, не лишится наверняка своих ядовитых зубов и не будет совершенно изнурена. Теперь он крепко прижимает ей палкой голову к земле, осторожно приближается, схватывает ее за шею, сжимает известное ему место на затылке, приводит ее, таким образом, в столбняк и исследует, наконец, ее пасть, чтобы увидеть, действительно ли вырваны ядовитые зубы. Он очень хорошо знает, что это оружие возобновляется само собой, и потому никогда не упускает повторять от времени до времени вышеописанное кусание тряпок.

В истине вышесказанного я убедился в результате собственного наблюдения. Во время нашего пребывания в Фаюме при Меридовом озере к нам явился однажды хауи и стал уверять, что в нашем жилище поселились змеи, и что он пришел прогнать их. Я возразил ему, что мы уже сами позаботились об этом, но что мы готовы разрешить ему дать перед нами представление. Он тотчас открыл принесенный с собой мешок со змеями и заставил 6-8 кобр «танцевать» в нашей комнате. Тогда я попросил его принести мне несколько кобр, у которых есть еще ядовитые зубы, так как я знаю, что те, которых мы видим перед собой, не имеют более этих зубов. Он утверждал противное, пока мы не назвали себя заклинателями змей из Франкистана, страны европейцев, следовательно, до некоторой степени товарищами его по специальности. Я обладаю тем счастьем, что когда посещаю зверинец и меня узнают, со мной обращаются с величайшей предупредительностью и называют «господин коллега»; это счастье помогло мне и в этом случае. Наш хауи многозначительно подмигнул и произнес несколько обычных фраз о том, что надо «жить и давать жить, о жестокости судьбы, трудности добывать хлеб, глупом народе, сыновьях, внуках, правнуках и потомках ослов» (при этом он подразумевал своих высокочтимых зрителей) и т.п. В заключение обещал, вероятно, более побуждаемый предложенным вознаграждением, чем товарищескими чувствами, принести мне, европейскому заклинателю змей и его другу, знаменитому врачу, большую египетскую кобру с ядовитыми зубами. Уже на другой день он снова явился к нам в комнату со знакомым кожаным мешком на плече, положил мешок на пол, открыл его без всяких ужимок с величайшей осторожностью и стал, держа наготове палку, ждать появления змеи. Показалась изящная головка, но прежде чем успела показаться часть тела, чтобы кобра могла стать «ара», т.е. расширить шею, он придавил ее палкой к земле, схватил правой рукой за затылок, левой за середину тела вместе с заключавшим его кожаным мешком — и когда рот открылся, то мы увидели оба неповрежденных ядовитых зуба. «Так, брат мой, — сказал он, — мое слово — слово истины, моя речь без обмана. Я поймал ее, опасную, не повреждая ее. Бог велик и Магомет его пророк». Минуту спустя кобра плавала в очень большом широком сосуде, наполненном спиртом, и делала тщетные усилия вытолкнуть пробку. Несколько минут винный спирт, по-видимому, не оказывал на нее ни малейшего действия, но через четверть часа движения ее стали слабее, а еще через четверть часа она лежала, неподвижно свернувшись, на дне сосуда.

Туземцы западной Африки, как может подтвердить Пехуэль-Леше, не прибегают к таким сложным приемам при ловле ядовитых змей, даже если имеют дело с проворной коброй. При благоприятных обстоятельствах самые бесстрашные из них просто хватают ядовитую змею за шею, прижимают большой палец к ее голове и свободно несут ее. Большинство же берет с собой для ловли палку с коротко обрезанной развилиной, которой они прижимают к земле шею добычи тотчас позади головы прежде, чем схватить ее. Относительно юго-западной Африки Шинц рассказывает: «Змей приносили всегда без исключения живыми; я помню даже, что получил раз от маленького мальчика кобру, опаснейшую из змей южной Африки, длиной в 2,25 м, которую он нес голыми руками в темную ночь на расстоянии двух часов пути».

Несмотря на всю осторожность, которую соблюдает хауи при ловле змей и обращении с ними, иногда случается, однако, что змея кусает его, и он умирает. Противоядие, насколько мне известно, он не употребляет. В Капланде же находятся в общем употреблении средства, которым приписывают целебные силы. Англичане употребляют особую жидкость, нашатырный спирт и т. п.; голландские поселенцы, по словам Андерсона, распарывают живой курице грудь и кладут ее на рану, происшедшую от укуса змеи. По их мнению, у курицы, если яд смертелен, тотчас обнаруживают признаки отравления, т.е. она слабеет, опускает голову и умирает. После первой берут вторую, третью и четвертую курицу, если это покажется нужным, пока на ней не будет более заметно никаких признаков отравления. Теперь, как полагают, укушенный змеей вне всякой опасности. Лягуш-

ка, которую употребляют таким же образом, оказывает, впрочем, ту же услугу, т.е. конечно никакой. Один из видов белых бобов, который растет в некоторых частях южной Африки и называется бобами Гереро, тоже считается средством от укусов змей и других ядовитых животных. Этот боб разрезают, кладут на рану, и он так крепко пристаёт к ней, что его можно удалить лишь с усилием, но он отпадает сам, когда высосет яд. Прежде считалось в высшей степени действенным средством кровь черепахи; туземцы в своих путешествиях всегда носили ее поэтому с собой и принимали в случае надобности, а в то же время мазали ей и пораненное место. Нечего и упоминать о том, чего можно ждать от таких средств.

Египетская кобра часто попадает живой в Европу, но обыкновенно лишь с вырванными ядовитыми зубами, и по большей части погибает, хотя она легче других ядовитых змей привыкает к неволе, скоро принимается за еду и постепенно мирится со своей участью. Сначала при приближении хозяина к ее помещению она постоянно становится «ара» и остается иногда по целым часам в этом положении; однако позднее ее раздражительность уменьшается, хотя она никогда не вступает в дружбу с хозяином. Кобры, которых держал в неволе Эффельдт, хотя и были лишены ядовитых зубов, скоро принимались за еду. Они ели сначала живых, позднее мертвых мышей и птиц, предпочитали млекопитающих птицам и пренебрегали пресмыкающимся и земноводными, по крайней мере, не нападали на них и обнаруживали к ним такое отвращение, что удалялись, если те двигались около них. Вода была, по-видимому, им, безусловно, необходима для того, чтобы они чувствовали себя хорошо: они регулярно купались и с видимым удовольствием оставались целые часы в своем бассейне с водой. Приблизительно по прошествии года их ядовитые зубы образовывались снова, и теперь приходилось обращаться с ними с крайней осторожностью, так как их нападения совершаются неожиданно и с быстротой молнии, и они удивительно далеко выдвигают голову вверх или вперед.

О жизни их в неволе Гюнтер дал подробный и привлекательный рассказ на основании наблюдений, сделанных в Лондонском зоологическом саду. «Замечательную противоположность вялым водяным змеям составляют их опасные соседи, два великолепных экземпляра черной разновидности египетской кобры. При своей живости и величине они требуют довольно большого помещения. Стекла клетки на треть высоты покрыты масляной краской и потому непрозрачны для того, чтобы доставить больше покоя змеям, которые при своей раздражительности находились бы в постоянном возбуждении, частью же для того, чтобы скорее побудить их, если бы пришлось их дразнить, подниматься вверх и выглядывать из-за более темной части стекла. Это они делают всегда по самому ничтожному поводу. Если при этом или во время кормления они приблизятся друг к другу, то между ними начинается бой: они поворачиваются одна к другой с поднятым телом, расширяют, насколько возможно, шею, и каждая старается подняться выше другой, причем они постоянно кусают по направлению к противнику. Замечательно, что эти животные не наносят друг другу ран, но когда некоторое время тому назад к ним посадили третью кобру, то началась битва, во время которой последняя была, вероятно, укушена, так как на следующее утро ее нашли мертвой*.

** Египетская кобра достаточно агрессивное животное. В случае поселения нескольких особей в одном террариуме из-за еды у них могут возникнуть серьезные схватки, заканчивающиеся порой гибелью одного из соперников.*

Посаженных к ним животных кобры умерщвляют, даже если и не едят их. Движение, совершающееся при укусе, происходит с чрезвычайной быстротой; хотя и видишь, что змея коснулась животного, но не думаешь, чтобы оно было действительно укушено, пока несколько секунд спустя оно не начнет подергиваться. Рот открывается при этом очень мало, и змея скорее царапает, чем вонзает зубы, таким же образом, как если, держа иголку перпендикулярно к боку животного, провести ею вниз вместо того, чтобы воткнуть в тело. Они часто и долго лежат в воде; они совершенно уходят под ковры лишь зимой».

К настоящим кобрам принадлежит еще одна ядовитая змея, водящаяся в южной Азии, быть может, самая страшная и, по крайней мере, самая длинная из всех, которую мы будем называть королевской коброй. Затылочные щитки окружены тремя парами очень больших щитков, из которых два передних надо считать верхними височными щитками. Гладкие чешуйки, сильно налегающие друг на друга, образуют 15 косых продольных рядов вокруг середины тела, передние подхвостовые щитки — лишь один, задние — два ряда. На некотором расстоянии позади длинного спереди бороздчатого ядовитого зуба находится второй маленький сплошной зуб.

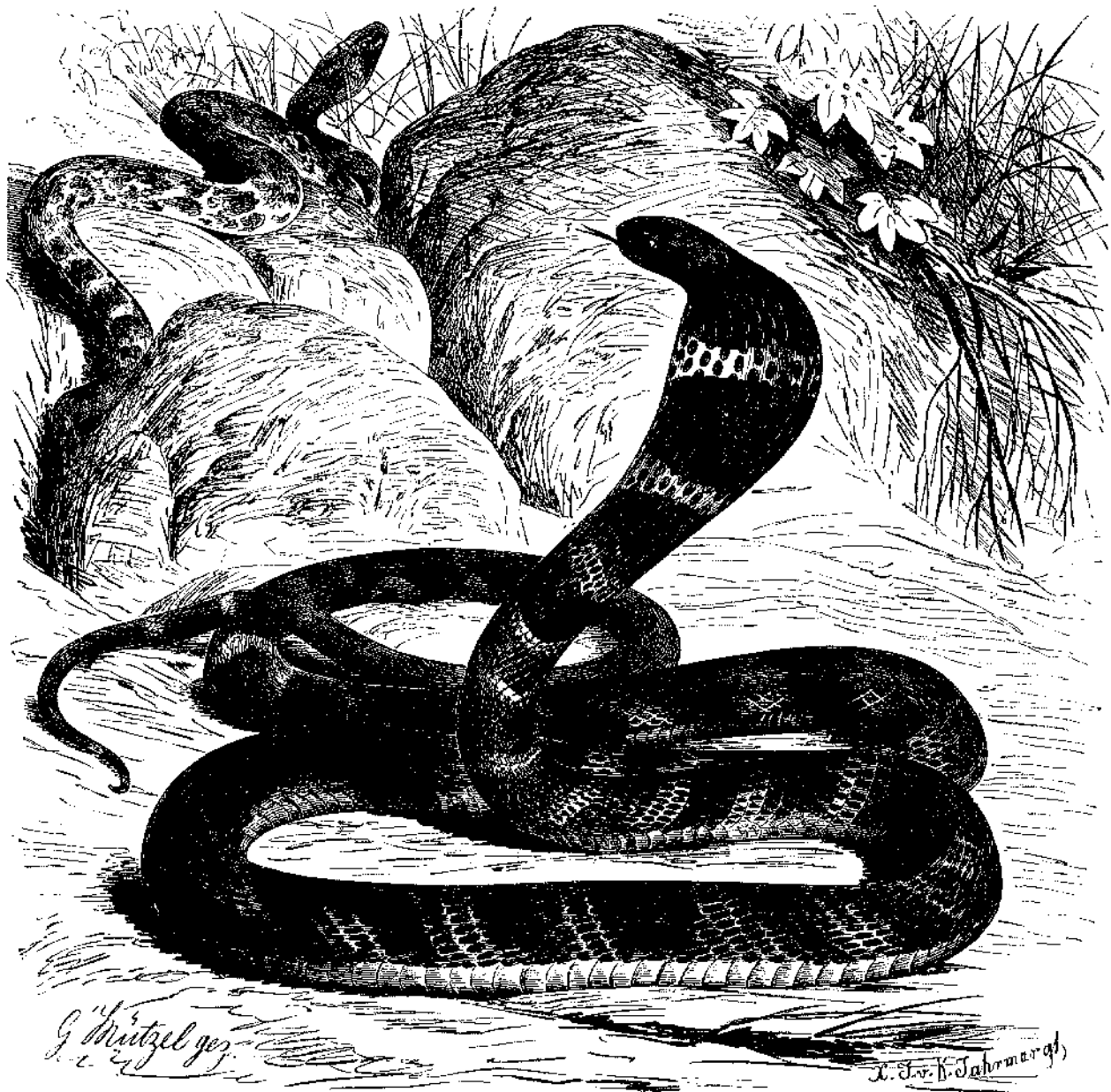
Королевская кобра (*Ophiophagus hannah*), называемая в Бенгалии сункерхор, в Бирме — гнанбок, достигает длины 3,38-3,75 м, действительно громадной для ядовитой змеи. Беддом убил

даже одну такую кобру длиной в 4,26 м, а самой большой экземпляр в Лондонском музее равен, по Буланже, 3,96 м**.

* * *Максимальные размеры взрослой королевской кобры 5,5 м.*

Часть затылка, способная к расширению, относительно меньше, чем у других кобр; окраска различным образом варьирует, по большей части цвет сверху оливково-зеленый и бледно-зеленый снизу. Все головные щитки, а также чешуйки шеи, задней части тела и хвоста с черной каймой; тело и хвост разрисованы многочисленными чередующимися черными и белыми косыми полосками, сходящимися по направлению к голове; брюшные щитки с черноватым мраморным рисунком. Змеи этого вида, окрашенные таким образом, встречаются на полуострове Малакка, в Бенгалии и южной Индии. У королевских кобр, живущих на Филиппинских островах, передняя часть тела буровато-оливкового цвета, чешуйки задней части с черным краем, каждая чешуйка хвоста украшена сильно выделяющимся белым глазчатым пятном с черным краем. Экземпляры с Калимантана отличаются равномерным желто-бурым цветом верхней стороны, желтым цветом подбородка и горла, черным остальной нижней стороны и несколько более светлым цветом середины каждой чешуйки на задней части тела и хвоста. У молодых королевских кобр окраска различается еще больше. Некоторые разрисованы по черному фону многочисленными желтыми узкими поперечными полосками, одинаково отстоящими друг от друга и направленными косо к заду, голова украшена четырьмя желтыми поперечными полосками, из которых одна проходит через конец морды, вторая через передние лобные щитки, третья поперек темени, четвертая через заднюю часть головы к углам рта. У других экземпляров брюхо черное, а желтые поперечные полоски расширяются на спине; у третьих брюхо белое, и каждый щиток с черноватым краем. Некоторые молодые, как нашел Беддом, настолько похожи на одну безвредную древесную змею, что их можно спутать.

Область распространения этой в высокой степени замечательной змеи простирается почти по всем частям Индии и ост-индского архипелага. Кроме южной Индии, ее наблюдали также на Андамских островах, на Яве, Суматре, Калимантане и Филиппинских островах.

Королевская кобра (*Ophiophagus hannah*)

Вообще она редка, но в Сиккиме и Ассаме, напротив, встречается, по-видимому, довольно часто и не представляет особенно необыкновенного явления в Бирме. В восточной Бенгалии она встречается местами чаще, чем было бы желательно, и смело приближается к местечкам, даже к более значительным городам. Андерсон получил одну из ботанического сада в Калькутте, другую около Мутлаха. На Гималаях она, говорят, встречается до высоты 2 000 м.

Насколько можно судить по имеющимся данным, она населяет преимущественно редкие леса или богатые травой джунгли и селится охотнее всего в дуплах, так как прекрасно лазают, по крайней мере, ее можно часто видеть отдыхающей на ветвях. В воду она тоже идет время от времени, так как плавает превосходно. Один друг Фэйрера рассказывал ему, что незадолго до того заметил королевскую кобру в одной реке, когда плыл в лодке по течению. Змея легко плыла по воде, подняв голову, но когда ее ранили дробью, то постаралась как можно быстрее скрыться на берегу, и была там убита.

Пища королевской кобры состоит, по-видимому, преимущественно из других змей*.

* *Королевская кобра может нападать даже на других ядовитых змей крайтов, кобр, украшенных аспидов.*

На ее охоте за змеями основано распространенное местами в Индии поверье, что она пользуется среди змей королевской властью. Один очень разумный индеец уверял Торренса, что видел своими глазами, как королевская кобра ела других змей. Рассказчику было тогда 14 лет, и он находился на плоской крыше своего дома, когда поблизости показалась королевская кобра, которая, очевидно, не могла заметить его; она подняла шею, расширила свой капюшон, как обыкновенно делают кобры, издала затем свистящее шипение и была немедленно после того окружена 10 или 12

змеями, которые приползли со всех сторон и собрались перед своим королем. Этот последний посмотрел на них короткое время, затем бросился на одну из них и проглотил ее. Наблюдение индийца, в общем, верно, только вывод из него, понятно, ложный: рассказчик видел не что иное, как охоту мнимого короля за змеями. Что королевская кобра поедает их, вне всякого сомнения доказано наблюдениями надежных исследователей. «Двум, которых я держал в неволе, — рассказывает Кантор, — я бросал регулярно через каждые 14 дней по змее, безразлично, ядовитой или неядовитой. Увидев добычу, кобры издавали громкое шипение, расширяли свой капюшон, поднимали переднюю часть тела, оставались в этом положении, как бы желая хорошенько прицелиться, следя за каждым движением добычи, и затем бросались на жертву.

Когда она была отравлена и умерщвлена, они глотали ее и затем предавались в течение около 12 часов ленивому покою».

У тех змей, которых достал Фэйрер, ядовитые зубы были вырваны заклинателями, поэтому они совершенно утратили свою живость, подчинились власти своих повелителей и вели себя совершенно так, как очковые змеи, с которыми играют фигляры. Они два раза съедали в присутствии Фэйрера змей, убитых коброй. Хозяин всовывал голову древесных змей в рот королевских кобр, и они медленно проглатывали их в течение приблизительно четверти часа, покачивая головой и расширив шейный щит. Сжимая ядовитую железу, удалось добыть несколько капель яда. Они были введены в тело курицы. Через три часа она умерла при таких же болезненных явлениях, какие наступают после укуса кобры, и кровь ее оказалась при исследовании свернувшейся. Позднее Фэйрер достал другую королевскую кобру, длиной лишь 2 м. Она казалась вялой и нерасположенной кусаться, однако от времени до времени поднималась, расширяла шейный щит и шипела. Запертая в ее клетку живая древесная змея осталась нетронутой, на собаку она тоже не напала; короче, она, по-видимому, стремилась уклониться от всякого беспокойства и остаться одна. Заклинатель змей ввиду силы и опасности королевской кобры обращался с ней с видимой неохотой и заметной осторожностью и, если требовали, чтобы он взял ее, то он не соглашался ничего делать с нею без помощи товарища. С течением времени он согласился проделывать с ней обычные штуки, но лишь в том случае, если другой заклинатель держал ее за хвост.

Такая осторожность находит полное оправдание: королевская кобра настолько же свирепое, как и опасное животное, которое не только выдерживает нападение, но даже преследует противника, когда он повернется к ней спиной, совершенно в противоположность нравам других змей этого рода. Так говорит Кантор, и единогласно рассказывают все остальные наблюдатели, которые встречались с королевской коброй. На одного офицера в Ассаме напала королевская кобра, и он подвергся величайшей опасности; одного бирманца она, по уверениям другого, рассказывавшего эту историю англичанам, даже долгое время преследовала. Он наткнулся на несколько молодых королевских кобр, которых, как он полагал, стерегла их мать. Последняя мгновенно обратилась к пришельцу. Он побежал со всех ног, и ужас придавал ему крылья. Таким образом, он счастливо достиг маленькой речки и, не раздумывая, бросился в ее волны, чтобы переплыть на другой берег. Но река не остановила бешеную змею, и она все ближе и ближе приближалась к испуганному беглецу, которому мерещились уже ее сверкающие глаза и готовые вонзиться зубы. Как последнее средство для спасения он бросил на землю свой тюрбан; змея с яростью бросилась на него и стала кусать рыхлую ткань. Беглец благодаря этому выиграл время и счастливо убежал. Я не отвергаю, что на это описание мог влиять перенесенный испуг, что оно может быть сильно преувеличенным, а отчасти и вымышленным; но что змея действительно преследует, это, кажется, не подлежит никакому сомнению. Ричарде, который очень спокойно и критически относится ко всем рассказам о ядовитых змеях, тоже признает, что королевские кобры опасны, но существенно ограничивает свое заявление. «Эта змея, — говорит Ричард, — нападает бесспорно охотнее, чем какая-либо другая, с которой я имел случай ознакомиться; однако мы, Валль и я, находили, что обращаться с крупной, только что пойманной королевской коброй едва ли труднее, чем с только что пойманной коброй самой проворной разновидности. Я полагаю даже, что последняя вследствие своей чрезвычайной подвижности и неутомимости в начале жизни в неволе опаснее для того, кто ей занимается». Кроме того, этот автор говорит в другом месте: «эту змею тоже охотно показывают заклинатели, как вследствие ее величественного вида, так и того, что с ней легко обращаться».

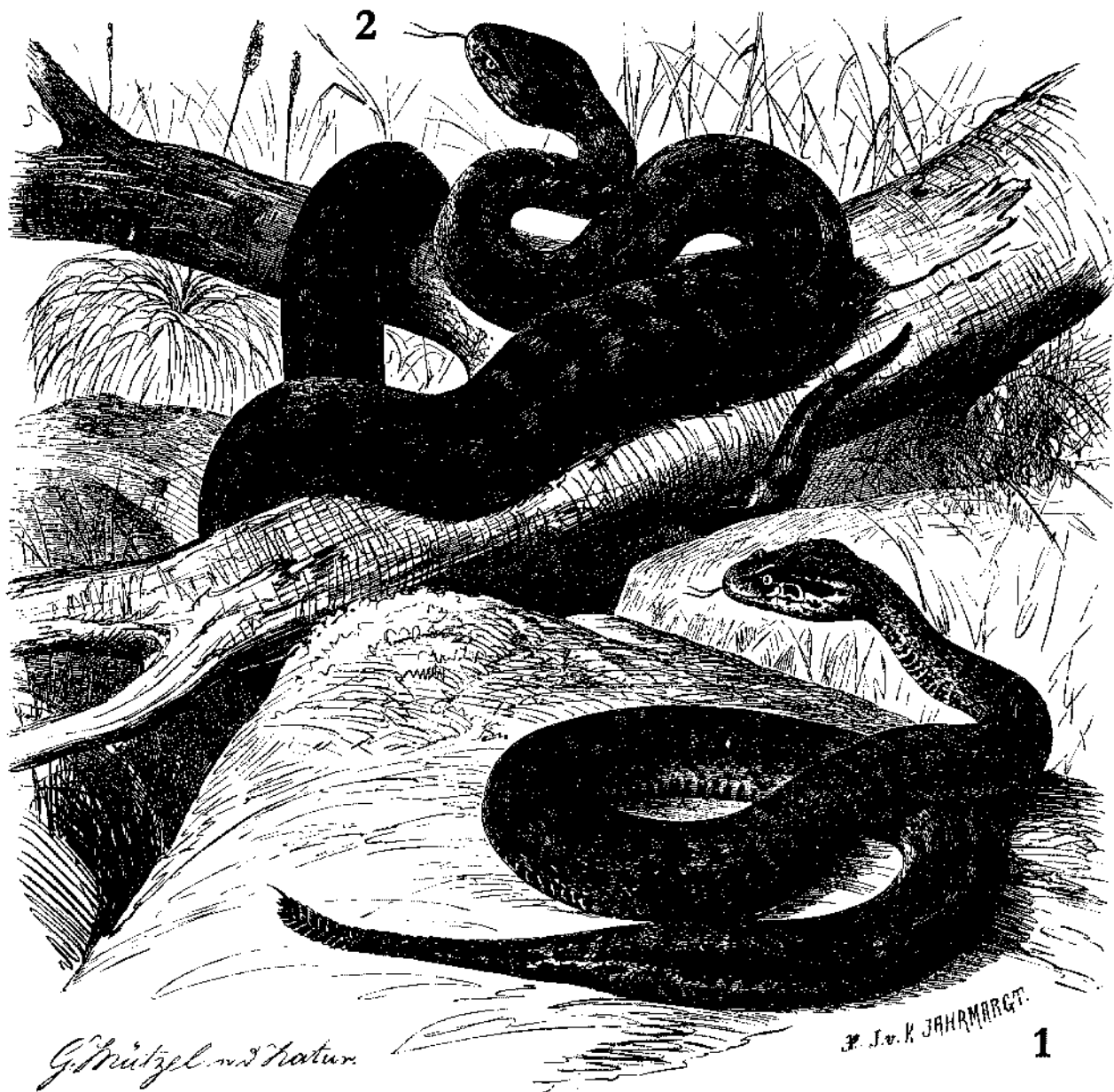
Яд королевской кобры, по опытам Кантора, действует чрезвычайно сильно. Собака умирает приблизительно через 14 минут после укуса, и притом даже в холодное время года, когда, как известно, яд всех змей менее опасен, чем в жаркие месяцы. Человек, по словам Маклея, может умереть от укуса за 3 минуты. Неволю королевская кобра переносит хорошо; большой экземпляр этой

змеи прожил в Лондонском зоологическом саду 12 лет 7 месяцев; в течение этого времени ее кормили почти исключительно местными змеями.

Столь богатой ядовитыми змеями Австралии и соседним островам принадлежит еще один большой род змей, к которому, наверное, относится видов 25. По внешнему виду они представляют большое сходство с настоящими ужами, но могут быть отличены по бороздчатым зубам. Мы будем называть их **эхиопсисами** (*Echiopsis*). По форме тела и строению зубов они сходны с аспидовыми, но отличаются от них тем, что в передней части верхней челюсти позади короткого бороздчатого ядовитого зуба есть еще ряд мелких, кривых и остроконечных зубов без бороздок. Голова, имеющая форму неравно- стороннего четырехугольника, плоская и закругленная на краю рыла, тело толстое, хвост умеренной длины или короток. Гладкие спинные чешуйки одинаковой величины и расположены в 15-21 ряд; чешуйки гребня спины сходны с остальными; нижняя сторона хвоста одета всегда одним простым рядом щитков. Все отличаются, кроме того, тем, что рожают живых детенышей. Особенный интерес для немцев представляет то, что один вид этого рода встречается и в германской Новой Гвинее, а несколько других на островах архипелага Бисмарка.

Один из известнейших и страшнейших видов этого рода, **короткий эхиопсис** (*Echiopsis curta*), змея длиной 1-1,5 м, отличающаяся своими гладкими чешуями, расположенными в 19 рядов, и теменным щитком, длина которого почти вдвое больше ширины. Цвет и рисунок этой змеи значительно варьируют, как и у многих ее родичей. Обыкновенно голова одноцветная черная, тело оливкового цвета с широкими бурыми или черными поперечными полосками.

Однако встречаются также экземпляры равномерного темного оливково-бурого цвета без поперечных полос; задние части тела и верхняя сторона хвоста по большей части одноцветные черноватые; вся нижняя сторона бледно-желтая.

1 — Короткий эхиопсис (*Echiopsis curia*) 2 — Гадюкообразная смертельная змея (*Acanthophis antarcticus*)

Сколько названий из тех, которые употребляются среди колонистов, относится к этой змее, нельзя определить с уверенностью, а потому нельзя еще установить и область ее распространения. Там, где она водится, она встречается очень часто; так, в Тасмании Верро смог собрать в течение кратковременного пребывания более 40 экземпляров. По Беннету, ее чрезвычайно боятся, так как укус ее влечет всегда за собой самые серьезные последствия. Один девятилетний мальчик из Сиднея был укушен одной из этих змей в октябре 1858 года; к сожалению, его родные не употребили тотчас же какого-либо подходящего средства, а послали мальчика к врачу, жившему от них на расстоянии около 2 английских миль. Когда последний стал помогать больному, тот находился уже в очень жалком состоянии, был сонлив, потерял способность видеть правым глазом и вообще тяжело страдал от действия яда. На мизинце, в который он был укушен, были заметны лишь две маленьких точки, но едва было видно воспаление или опухоль. Сделали разрезы, высосали рану, давали нашатырный спирт и другие раздражающие вещества, заставляли бедного мальчика безостановочно бегать, чтобы прогнать сонливость, как делают обыкновенно чернокожие, но не достигли ни малейшего успеха; через 8 часов после укуса у мальчика начались судороги, и он умер.

Короткий эхиопсис, по-видимому, сильно размножается: у него нередко бывает 32 детеныша, а Мортон утверждает даже, что нашел в одной убитой им самке более 100 детенышей. О других эхиопсисах рассказывают, впрочем, то же самое.

Гадюкообразная смертельная змея (*Acanthophis antarcticus*) служит представителем рода **смертельные змеи** (*Acanthophis*), отличительные признаки которого заключаются в широкой голове, одетой до передней половины большими щитками, в лежащих сбоку и открывающихся посреди большого щитка ноздрях, и сильно заостренном, покрытом снизу простыми непарными щитками хвосте, который оканчивается роговым шипом. Надглазный щиток выступает углом на заднем краю, по-видимому, обладает, как у гадюк, известной подвижностью и придает змее злобный вид. Из 19 рядов чешуек средние на передней половине тела более или менее явственно килеватые. Известен лишь один вид*. Кроме Австралии и Новой Гвинеи мы знаем теперь эту змею также с восточных Молуккских островов, где она доходит в западном направлении до Церама и Амбоины.

* *В настоящее время род включает 3 вида.*

"Смертельная змея, — говорит Беннет далее, — обыкновенна в Новом Южном Уэльсе, даже поблизости Сиднея. Ее находят в сухих, песчаных местах, часто на улицах и тропинках, где она лежит дном, свернувшись, и продолжает лежать при приближении врага; это обстоятельство делает ее тем опаснее. Я сам почти коснулся ногой первой из них, с которой я встретился в этой стране, но, к счастью, еще вовремя обратил на нее внимание. Ее короткое толстое, своеобразно окрашенное тело, широкая голова и злобные глаза предостерегают от нее и неспециалиста, а выражение ее лица настолько отталкивающее, что его может превосходить разве выражение лица у шумящей гадюки. Пища ее состоит главным образом из лягушек и мелких птиц; по крайней мере, я находил последних в желудке тех, которых исследовал».

Туземцы утверждают, что от укуса этой змеи не умирает никто, что укушенный, самое большее, — чувствует себя некоторое время нездоровым и именно сонливым, а затем выздоравливает; европейцы же убедились в противном. Странную историю рассказывает Куннингам. В период спаривания змей охотничья собака нашла двух гадюкообразных смертельных змей и подозвала своего хозяина, который отрубил одной из них голову; другая же успела скрыться. Приблизительно через 10 минут после этого другая собака пробежала по тому же месту, была укушена отрезанной головой и вскоре умерла со страшным воем и подергиванием.

Семейство морские змеи

Морские змеи составляют еще одно семейство ядовитых змей. Плавательный хвост служит таким характерным признаком, что морских змей никоим образом нельзя смешать с другими. При поверхностном сравнении они более кажутся похожими на угревидных рыб, чем на змей. Голова относительно мала, тело в передней части почти вальковатое, далее обыкновенно сжато с боков, хвост очень короткий, сильно сжат с боков и похож на весло, поставленное ребром. Ноздри открываются на верхней стороне морды на больших носовых щитках; маленькие глаза с круглыми зрачками. Голова все гда одета большими неправильными щитками, тело — мелкими чешуйками, покрывающими друг друга черепицеобразно или соприкасающимися в виде пластинок. На нижней стороне чешуйки лишь в виде исключения превращаются в узкий ряд брюшных щитков. Зубная

система состоит из коротких бороздчатых ядовитых зубов, за которыми следует известное число более мелких зубов, нижняя челюсть по всей длине вооружена сплошными зубами.

С необыкновенным страшилищем, которое показывается время от времени если не в море, то в головах моряков, а затем и на страницах газет, настоящие морские змеи не имеют ничего общего. Ни один из 50 видов, которые различают до настоящего времени, не достигает в длину 3,5 м; то есть такие, что имеют в длину более 1 м, уже принадлежат к очень редким явлениям.

Бросающемуся в глаза строению тела соответствует их местопребывание и образ жизни, так что морских змей можно считать характерными во всех отношениях. Все морские змеи живут, как показывает их название, в море, никогда не выходят на сушу, а также не поднимаются добровольно и вверх по рекам*.

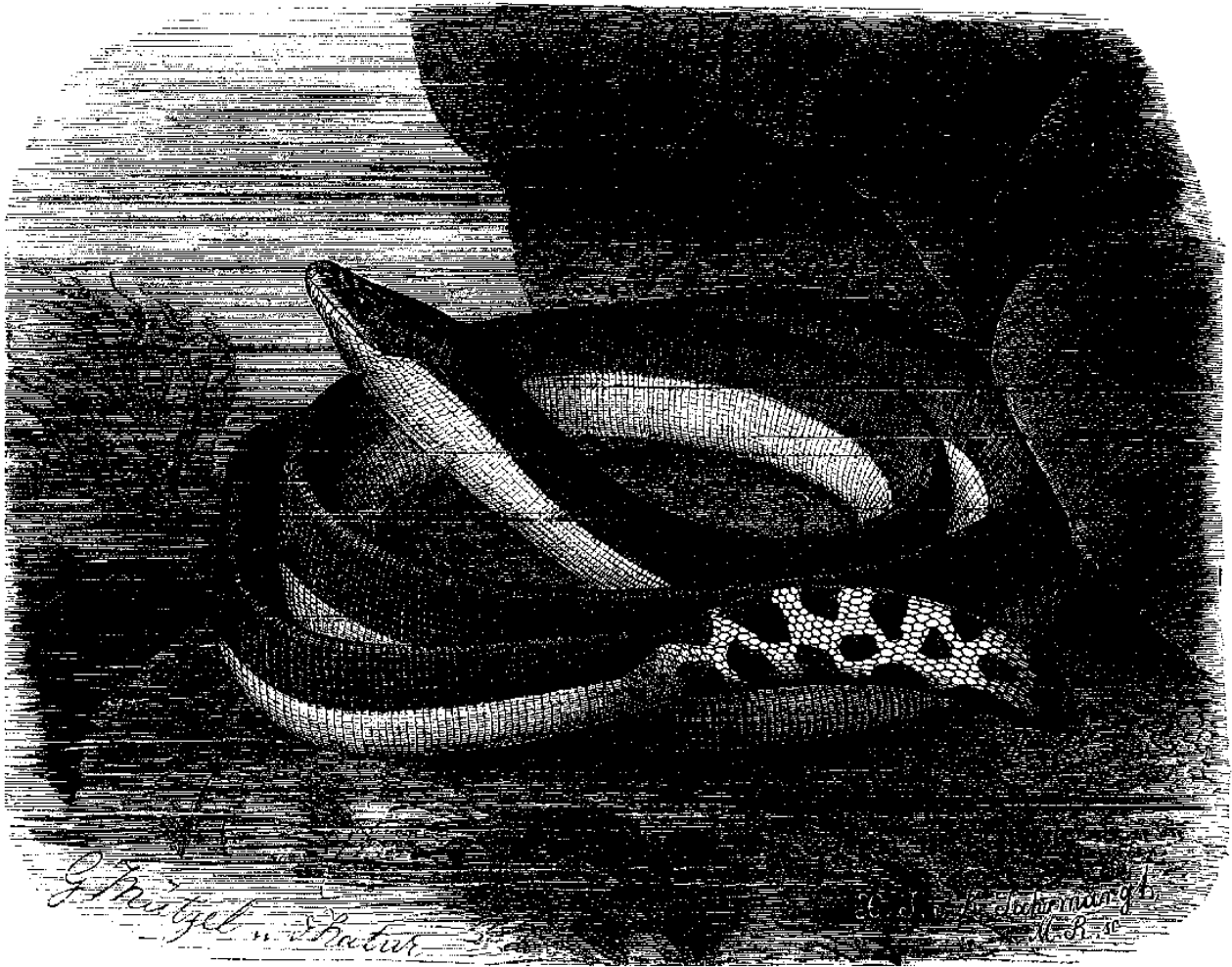
** Ротовая полость морских змей снабжена богатой сетью капилляров, что позволяет им долго находиться под водой и дышать растворенным в воде кислородом.*

Все рожают живых детенышей. Они водятся в Индийском и Тихом океанах, от мыса Доброй Надежды и берегов Мадагаскара до Панамского перешейка и от Новой Зеландии до Японии, особенно же в частях, лежащих между южнокитайским и североавстралийским берегами. По характеру, нравам и привычкам все виды, по-видимому, сходны между собой, по крайней мере, наши исследования еще недостаточны для того, чтобы установить какие-либо различия. Поэтому описание их образа жизни не может, относиться к отдельным видам, а должно обнимать всю их совокупность.

У пеламид (*Pelamis*) голова плоская, морда очень длинная и лопатообразная, шея толстая, тело короткое, толстое, сильно сжатое с боков и по всей длине, сверху с тупым, снизу с острым краем. Носовые щитки касаются друг друга по средней линии, больше в длину, чем в ширину и пробуррованы в задней части носовыми отверстиями, которые открываются кверху; лобных щитков лишь одна пара, чешуйки на всем теле четырех- или шестиугольные, касающиеся друг друга в виде пластинок, гладкие или бугорчатые, брюшные щитки неразвиты. Позади ядовитых зубов с каждой стороны по 7-8 мелких сплошных зубов.

Цвет **двухцветной, или желтобрюхой, пеламиды** (*Pelamis platurus*), темный бурый-черный, нижняя сторона — светлая желто-бурая, охрово- или лимонно-желтая. Оба цвета, резко отделяющиеся друг от друга, перемешиваются в области хвоста и здесь образуют полосы и пятна. Реже встречаются экземпляры с черными поперечными полосками или с равномерно распределенными по обеим сторонам спины черными пятнами на лимонно-желтом фоне. Длина животного редко превышает более 0,85 м.

Двухцветная пеламида — тоже один из самых обыкновенных и известных видов семейства морских змей, область распространения ее простирается по Индийскому океану и тропическим частям Тихого.

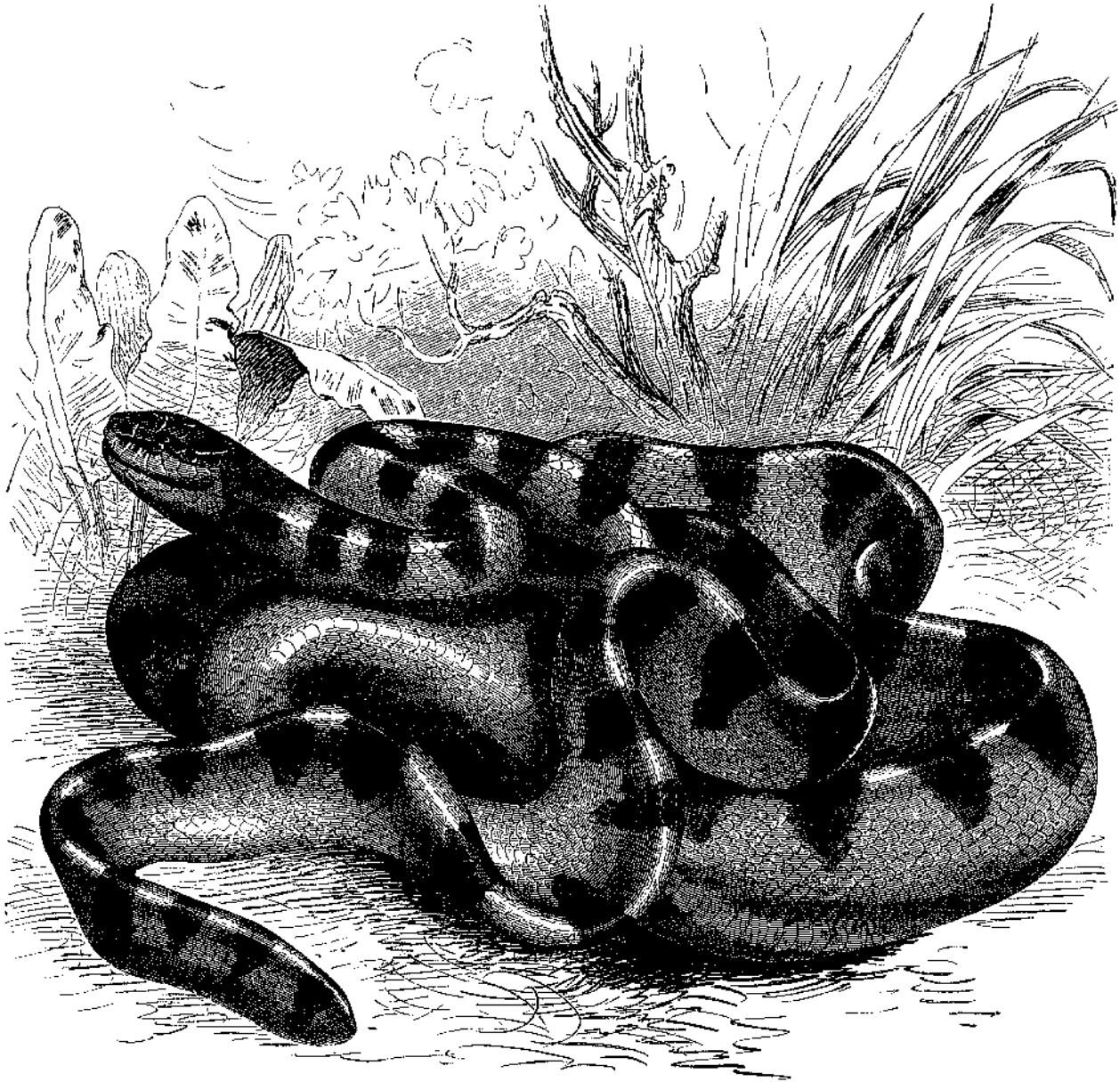

Двухцветная, или желтобрюхая, пеламида (*Pelamis platurus*)

Она часто встречается вблизи берегов Бенгалии, Малабара, Суматры, Явы, Сулавеси, южного Китая, а также в Персидском заливе и у западного берега Средней Америки; но ее наблюдали также в водах Японии, вокруг Мадагаскара и даже у мыса Доброй Надежды.

У **ластохвостов** (*Hydrophis*) голова умеренной величины или маленькая, продолговатая, тело длинное, впереди тонкое и округленное, сзади утолщенное и сжатое, хвост широкий, чешуйки различные, смотря по видам, но всегда расположены в передней части тела черепицеобразно. Носовые щитки на конце морды, из которых каждый окружает ноздрию, граничат друг с другом и дают место лишь одной паре лобных щитков. В задней части тела килеватые или бугорчатые, но никогда не гладкие, чешуйки, лежат, налегая одна на другую, или рядом; брюшные щитки по большей части явственные, но маленькие. Зубная система своеобразная.

Ластохвост синеполосатый (*Hydrophis cyanocincta*) — одна из самых обыкновенных морских змей. Чешуйки на теле расположены черепицеобразно, на шее в 27-33 ряда, а на середине тела продольно в 39-43 ряда; теменной щиток заметно больше в длину, чем в ширину, два или три передних височных щитка лежат один над другим. Длина может достигать 1,75 метра. Основной цвет верхней стороны оливково-зеленый, нижней — зеленовато-желтый; рисунок состоит из 50-70 черных поперечных полос; у молодых животных они образуют кольца и часто бывают связаны черноватой линией, проходящей вдоль брюха, у более старых они становятся менее ясными или распадаются на пятна, обыкновенно доходят до половины тела и шире всего на срединной линии спины.

Ластохвост синеполосатый (*Hydrophis cyanocincta*)

Область распространения простирается от Персидского залива до Японского моря. Эта змея обыкновенна у берегов Цейлона, в Бенгальском заливе, в Ост-Индийском архипелаге и в Южно-Китайском море.

Семейство плоскохвосты, или плоскохвостые морские змеи

У представителей семейства плоскохвостов тело почти вальковатое, выдающееся на спинной поверхности в виде крыши; чешуйки и щитки похожи на чешуйки и щитки других змей, так что это семейство можно считать соединительным звеном между аспидовыми и морскими змеями. Голова покрыта щитками, которые по числу и расположению приближаются к обыкновенному типу. Ноздри лежат по бокам морды и открываются каждая посреди щитка, который отделен от парного выдающимся перед- нелобными щитками. Тело одето сверху гладкими и блестящими черепитчатыми чешуйками, снизу — хорошо развитыми щитками, которые образуют под хвостом два ряда. В очень короткой верхней челюсти позади ядовитых зубов находится отделенный от них довольно широким промежутком небородчатый зуб, который, однако, легко выпадает, а потому часто отсутствует*.

* Сейчас специалисты к семейству морские змеи относят двухцветную пеламиду и синеполосатого ластохвоста, а к семейству плоскохвостые морские змеи — собственно плоскохвоста. При этом последнее семейство состоит всего лишь из 2 родов и 5 видов.

Из трех известных видов этого рода плоскохвостов самый обыкновенный **кольчатый плоскохвост, или обыкновенный морской крайт** (*Laticauda laticaudata*). Длина его может достигать 1 м, но по большей части меньше. Плоскохвоста легко отличить по отсутствию непарного щитка на морде и только 120 рядами чешуек в первой трети тела. Основной цвет верхней стороны тела более или менее яркий, голубовато- или зеленовато-черный, цвет нижней стороны от желтоватого до

гуммигутово-желтого; рисунок состоит из 25-50 черных колец, которые окружают все тело, и черного пятна на темени, соединенного со вторым поперечным пятном на задней части головы и таким же на затылке, начинающейся на подбородке продольной полоской того же цвета, и, наконец, из черной уздечной полоски, подобно полоскам на голове, резко выступающей на ярко-желтой морде.

По Кантору, плоскохвост водится в Бенгальском заливе около Пондишери, а также в морях у Никобарских, Андаманских и Моллукских островов, вокруг Тимора, Сулавеси, Новой Гвинеи и южного Китая. По Буланже, область распространения простирается от Бенгальского залива до Южно-Китайского моря и Полинезии. Но плоскохвост, по-видимому, живет в море не при всяких условиях, так как некоторые экземпляры были найдены на суше и притом довольно далеко от берега. Как сообщает Фан-Лидт, Гаген тоже добыл плоскохвоста в лесах Сердагана на Суматре на расстоянии почти дня пути от ближайшего берега.

Кольчатый плоскохвост или обыкновенный морской крайт (*Laticauda laticaudata*)

Опытные моряки, которые не раз плавали по Индийскому океану и привыкли обращать внимание на происходящие в нем явления, считают появление морских змей признаком близости земли. Морские змеи лишь в исключительных случаях удаляются от берегов, взрослые все-таки чаще, чем молодые, так как последних, по словам Кантора, ловят гораздо больше. Известная близость суши представляет, по-видимому, необходимое условие их жизни. Однако их нельзя считать ни береговыми животными, ни обитателями обширных пространств моря, лишенных островов, хотя им было бы легко кочевать по морям, и по временам, быть может, побуждаемые половым чувством, они, бесспорно, более приближаются к берегам, чем в другое время. Любимое местопребывание морских змей — широкие рукава между островами. Вероятно, им особенно нравится здесь относительно спокойная и неглубокая вода, но, конечно, больше всего привлекает обилие животных, служащих им пищей. Правда, их встречали иногда и в открытом море, но всегда считали за змей, которые заблудились и по каким-нибудь причинам были отнесены далее. В 1837 году колонисты Новой Зеландии были неприятно удивлены, убедившись, что около их острова появилось множество морских змей, однако опасения, связанные с появлением этих ядовитых животных, к счастью, не оправдались: гости скоро снова исчезли, потому ли, что откочевали обратно или погибли на чужбине.

Подобные явления наблюдались, как говорят, также около Панамы и Кейптауна. В Атлантическом океане заблудившиеся морские змеи, насколько известно, еще не попадались. Иногда слу-

чается, что прилив заносит их в реки, но здесь их замечают всегда лишь непродолжительное время, так как они не в состоянии жить в пресной воде. Руссель, Кантор и Фэйрер убедились, что все морские змеи, которых они получали живыми, умирали через два-три, самое большее, через 10 дней после поимки, даже если их держали в морской воде. Другие наблюдения тоже доказывают, что эти змеи — морские животные, как киты или океанические птицы, они не могут жить вне моря. Гюнтер полагал, впрочем, основываясь на строении, особенно на развитии брюшных щитков и боковом положении ноздрей плоскохвостых змей, что они могут по временам жить на суше и что, по крайней мере, некоторые виды охотятся иногда на иловатой почве; это мнение недавно подтвердилось.

Относительно образа жизни морских змей мы не имеем еще достаточных сведений. Обыкновенно они встречаются вместе в очень большом числе, иногда такими обществами, что на некотором протяжении совершенно наполняют воду. Они плавают, высоко подняв голову и делая такие же движения, как и другие змеи, но превосходят виды, не живущие постоянно в воде, легкостью, изяществом и красотой движений. Широкий сплюснутый хвост, лежащий на верхней стороне, и закрывающиеся клапанами ноздри, объемистые легкие и даже маленькая голова и тонкая, вальковатая передняя часть тела или сжатое с боков все тело, своеобразные чешуйки — все это делает их очень совершенными морскими хищниками. Хвост, который у многих видов может служить и органом хватания, соответствует во всех отношениях хвосту рыб; он позволяет морским змеям двигаться в воде с быстротой стрелы и служит якорем, когда они отдыхают на коралловых банках или камнях; высоко лежащие ноздри позволяют самым удобным образом захватывать воздух, а обширные легкие долее, чем все остальные змеи, оставаться под водой. Наконец, благодаря тонкой шее они могут, внезапно выдвинув голову вперед или сделав быстрое боковое движение, верно схватить добычу или, по крайней мере, смертельно ранить ее. Все наблюдатели, которые видели, как они плавают в чистой воде, единогласно удивляются быстроте и ловкости их движений. В тихую погоду морские змеи лежат на поверхности и, по-видимому, спят; они не особенно пугливы, но не предаются и беззаботному покою. Иногда они едва обращают внимание на проплывающее между ними под парусами судно, другой раз их пугает самый незначительный шум, который покажется им подозрительным, например приближение лодки: они опоражнивают легкие, ныряют в глубину и только ряд поднимающихся пузырьков воздуха обнаруживает их присутствие.

Что они погружаются на значительную глубину, доказало исследование их желудков, что подолгу отдыхают под водой, показали точные наблюдения. Когда намеревались строить маяк на скалах Бассельса, остатках поглощенных морем островов Гири, при первой высадке среди сотен и тысяч рыб, оживлявших многочисленные пещеры этих скал, заметили множество морских змей, из которых некоторые достигали в длину 1,5 м. Змеи лежали свернувшись, предавались покою и так сердились, когда их тревожили, что с яростью бросались на шесты, которыми исследовали углубление. Сингалезцы, проводники европейских инженеров, уверяли, что морские змеи не только смертельно отравляют своим ядом, но стараются вредить противнику, обвиваясь вокруг него. Вообще наблюдатели сходятся в том, что эти змеи вовсе не вялые и добродушные, а, напротив, крайне проворные, злые и свирепые существа, которые в своей стихии так же, как ядовитые змеи на суше, яростно кусают по направлению к каждому мнимому или действительному противнику, и при этом наносят раны и себе самим. Случалось, правда, редко, что они кусали людей, но это зависит исключительно от того, что человек редко посещает их стихию, а также от их пугливости. По мелким местам, на которых они держатся, не ходит без особой надобности ни один рыбак, а от приближающейся лодки они, если и не всегда, то по большей части прячутся. Но неосторожные купающиеся нередко подвергаются их укусам, а те змеи, которых вытаскивали на берег во время рыбной ловли, причинили бы много зла, если бы рыбаки не вполне представляли ту опасность, которую представляет неосторожное обращение с этой нежелательной добычей, часто попадающейся в слишком большом количестве. Страх местных рыбаков перед морскими змеями совершенно основателен, так как их укусы по действию совершенно сходно с укусами других бороздчатозубых. В этом достаточно убедились путем опытов индийские исследователи, именно Руссель и Кантор, и если Зибольд наблюдал, что матросы держали в руках пойманных морских змей, не подвергаясь укусам, то речь шла, очевидно, об одном виде плоскохвостов, который, по новейшим опытам, проведенным в Японии, действительно не кусает, даже если его дразнить. С другой стороны, мы знаем, что укусам морских змей подвергались и английские моряки и умирали от них, как показывает следующий рассказ, переданный Чеверсу.

Когда в 1837 году английское военное судно «Элджерин» стояло на якоре на Мадрасском рейде, была поймана морская змея длиной 2 м. Один из матросов до тех пор рассматривал и трогал ее, пока она не укусила его в указательный палец правой руки. Он не обратил внимания на ма-

ленькую рану, так как ранее подвергался укусам водяных змей в Малаккском проливе, и не чувствовал никаких дурных последствий. Через полчаса он позавтракал, оделся и приблизительно часа через два отправился на палубу. Здесь у него вдруг началась рвота, вскоре пульс стал слабым и по временам пропадал; зрачки были расширены, но сужались под влиянием света; на коже выступил холодный пот, а выражение лица становилось все более тревожным и обнаруживало общее тяжелое болезненное состояние. Скоро наступил паралич гортани, который существенно затруднял дыхание; края раны и ближайшие части руки опухли; затем опухоль распространилась по всей правой стороне, а шея и лицо приняли пятнистый пурпуровый и серый цвет. Врач прописал различные средства, больной делал усилия, чтобы принять их, но не мог. Только после продолжительной теплой ванны матрос был в состоянии проглотить лекарства, но они тотчас же выбрасывались обратно вместе с бурой липкой жидкостью. Приблизительно через 20 минут после ванны приступы судорог, от которых больной страдал с самого начала, стали чаще и темный цвет распространился по всему телу. Дыхание становилось все труднее, изо рта вытекала темно-бурая волокнистая масса, затем наступило беспамятство, и еще до истечения четвертого часа после укуса больной умер.

Второй случай, тоже имевший печальный исход, произошел в мае 1869 года с капитаном одного судна, который был укушен во время купанья. Рана причиняла ему лишь незначительную боль, и он думал, что его ущипнул краб. Позднее он тоже не чувствовал ни малейшего признака отравления, долго говорил с одним из друзей, забавлялся с его детьми, играл и пел, вообще находился в самом лучшем настроении и только по временам чувствовал своеобразный жар, пробегавший по всему телу, который был скорее приятен, чем болезнен. Этот жар мало изменял его вид и вызвал замечание друга, что капитан никогда не казался здоровее, чем в тот день. По возвращении на судно, приблизительно через три часа после купания, он почувствовал, что движения языка, а вместе с тем и речь затруднены, и постепенно стал замечать, что первоначально едва заметная оочеченелость членов все более распространялась. Он выпил водки и послал за врачом, который скоро явился и прописал лекарство, но лишь позднее один бирманец обратил его внимание на истинную причину болезни. При ближайшем исследовании укушенного места, сбоку от ахиллесова сухожилия, около лодыжки, нашли две маленьких ранки, которые едва вызвали воспаление и мало отличались от укусов комаров. Врач прибегнул тогда к средствам, которые казались ему целебными, часто давал больному пить водку и отвар конопли; но все средства не помогали. Болезненное состояние капитана усиливалось, и через 71 час после укуса он умер.

Кантор дал одной морской змее длиной 1,5 м укусить птицу; она тотчас обнаружила признаки параличного состояния и умерла через 4 минуты при подергиваниях членов; вторая птица, укушенная той же змеей, умерла через 10 минут, третья, отравленная другой морской змеей, через 7 минут и т.д. Особенно замечательны опыты, которые тот же исследователь произвел над пресмыкающимися и рыбами. Мягкая черепаха была укушена морской змеей в морду; 5 минут спустя она стала чесать укушенное место ногой и продолжала это некоторое время, но через 16 минут спустя она уже не могла делать это, так как члены ее были парализованы и неподвижны; по истечении еще 14 минут она была мертва. Кроме незначительного изменения в укушенной части на труп животного не замечалось ничего необыкновенного. Вторая черепаха того же вида умерла через 46 минут после укуса. Древесная змея стала через три минуты после укуса беспокойной, ползала по клетке из угла в угол, но уже вскоре после того не могла владеть задней частью тела, через 16 минут после отравления судорожно открыла рот и через 30 минут околела. Большой скалозуб, укушенный ластохвостовой змеей длиной 1,5 метра, бодро плавал в течение первых трех минут после укуса в ванне, наполненной морской водой, потом стал сильно двигать хвостом, не мог более держаться определенного направления и умер через 10 минут.

Из всех этих опытов следует, что морские змеи так же страшны в своей стихии, как родственные им ядовитые змеи на суше.

Только что пойманные морские змеи издают ясный запах воровани, который не утрачивается даже тогда, когда их пересылают в спирте и вынимают из сосуда в Европе по прошествии нескольких месяцев.

Пища всех видов морских змей состоит из рыб и ракообразных; за первыми охотятся взрослые, за вторыми молодые. Гюнтер находил в желудках различных морских змей мелких рыб почти всех семейств, живущих в тех же морях, в том же числе таких, которые обладают очень крепкими и острыми шипами и другими колючими твердыми частями. Вооружение этого рода так же мало может защитить рыб от морских змей, как и помешать этим последним глотать свою добычу. Они убивают ядом и перед смертью, как и после смерти добычи нисколько не заботятся об ее оборонительном оружии, потому что глотают всех рыб с головы. Все морские змеи очень прожорливы. Обычно

венно они охотятся в верхних слоях воды, а в бурную погоду — на более значительных глубинах. На содержащихся в неволе замечали, что их зрачок способен значительно расширяться и сжиматься, а, следовательно, может исполнить свою службу на очень различных глубинах. Полный дневной свет, то есть не преломленный в воде, действует на их глаза так сильно, что зрачок сжимается в точку и совершенно ослепляет животных, как видно по их неловким движениям.

Относительно размножения морских змей еще нет достаточных данных*.

** В период размножения морские змеи образуют скопления, вытянутые широкой лентой длиной до 95 километров.*

Самцы и самки довольно значительно различаются у некоторых родов и видов по форме, чешуе и цвету и тем делают еще более трудным различение отдельных видов. Так, у самцов большей части видов кили на чешуйках, которые на некоторых могут оканчиваться несколькими шипиками или иглами, значительно больше, чем у самок; у некоторых видов самцы короче и имеют меньше чешуек, чем более вытянутые в длину самки; у некоторых видов ластохвостов, по Буланже, шейная часть у самки гораздо тоньше, чем у самца. Ластохвостые змеи спариваются, по наблюдениям Кантора, в феврале и марте, обвиваются во время совокупления одна вокруг другой и долгое время носят вместе по волнам, подвигая себя поочередными движениями. О продолжительности беременности Кантор не мог получить надежные сведения, но он полагает, что она длится около семи месяцев. Детеныши разрывают при рождении яичные оболочки и начинают с этого момента вести такую же жизнь, как их родители.

Врагами морских змей оказываются индийские орланы и акулы. В желудке последних Перон постоянно находил остатки этих пресмыкающихся; весьма вероятно, что они были схвачены во время сна и без страха перед ядовитыми зубами погребены в широкой пасти акул. Вероятно, не менее опасны для них и другие большие хищные рыбы, а также сильные бури, которые часто массами выбрасывают змей на сушу. Здесь они гибнут, если другая благоприятная для них волна не возвратит их в родные глубины. Насколько они ловки в море, настолько же неловки и беспомощны на суше, за исключением плоскохвоста. Они пытаются ползать и двигать частью тела, сначала, правда, еще бешено кусают вокруг, но скоро утомляются и тогда забывают даже пускать в дело свое страшное оружие. Свет ослепляет их, необычная среда лишает не только силы, но, по-видимому, и сознания. По прошествии немногих дней они умирают, наверное, как и выброшенные на сушу киты. К названным врагам и враждебным явлениям присоединяется человек. Ни один местный рыбак не бросает без нужды обратно в воду морских змей, которых вытаскивает на берег вместе с различными рыбами, каждый старается убить их столько, сколько может. Однако большого вреда человек им не приносит, как и все остальные их враги. Море защищает их, к сожалению, лучше, чем было бы желательно, а их если и не особенно сильное, то все же значительное размножение скоро восполняет все потери. На морских змеях, и именно на тех видах, чешуйки которых снабжены шероховатыми килиями, часто селятся водоросли, мшанки, так что эти животные иногда тащат за собой плавучий лес, населенный, кроме того, различными ракообразными. Эта оригинальная одежда может быть полезна им при добывании пищи, но еще более наводит она нас на размышления, когда мы стараемся узнать средства, которыми пользуется природа, чтобы распространять по морям низшие морские растения и морских животных. По-видимому, на долю морских змей выпадает при этом значительная роль, и они могут переносить на большие расстояния многие из организмов, живущих паразитами на их теле.

Семейство гадюковые

Мы обращаемся теперь к семейству гадюковых. Все его виды ядовиты и, насколько известно, живородящи. Толстое тело, плоская, часто треугольная голова, короткий, тупой хвост, иногда превращенный в орган хватания, недоразвитая верхняя челюсть, вооруженная исключительно гладкими крючковатыми ядовитыми зубами, и глаза с вертикальным зрачком составляют отличительные признаки, свойственные всем змеям семейства, однако на основании этих признаков нельзя еще безошибочно отличать их от аспидовых. Нужно большое внимание, а иногда приходится прибегнуть и к тщательному исследованию внутреннего строения, чтобы различать эти семейства.

Самым важным внутренним признаком гадюковых должно считать форму и способ движения короткой и толстой, как бы недоразвитой верхней челюсти, которая, с одной стороны, подвижно связана через посредство, поперечной соединительной кости, с крыловидной костью, с другой — с межчелюстной.

Верхнечелюстная кость может подниматься перпендикулярно к поперечной соединительной кости и позволяет прикрепленным к ней спереди ядовитым зубам совершать движение такого рода, что если мы будем считать основание зуба за постоянную точку, конец его может описывать вокруг этой

точки дугу в четверть круга. Каждая верхнечелюстная кость имеет по одному большому, шиловидно изогнутому зубу около 5 мм длиной, по которому тянется канал, оканчивающийся тонкой щелью на передней, следовательно, выпуклой стороне зуба около его кончика. Очень часто в верхнечелюстной кости стоят по два зуба рядом. Так как один из них обыкновенно сидит не совсем крепко и при укусе тоже редко наблюдается более двух ранок, то следует принимать, что второй зуб — более старый, уже вышедший из употребления. Зубы связаны с ядовитыми железами. Если змея хочет кусать, она принимает поперечнорёбную кость к верхнечелюстной; последняя с приросшими к ней зубами поднимается кверху, и яд вытекает вследствие действия височных мускулов, а также, вероятно, и того сопротивления, которое встречает верхняя челюсть при кусании, через отверстие в верхней и передней части зуба в зубной канал. Когда зубы при кусании проникают в мясо, яд попадает в рану и отсюда в кровь. В состоянии покоя эти зубы повернуты назад и лежат в кожистых сумках на верхней челюсти, направленные острием назад. Позади обоих ядовитых зубов находятся еще три четыре замещающих зуба, которые заменяют собой действующий ядовитый зуб, если он сломается. Первый замещающий зуб достигает иногда полной величины прежде, чем вступит в деятельность. В нижней челюсти на крыловидных и рёбных костях находятся плотные, гладкие, крючковатые зубы. Они служат для того, чтобы схватывать добычу и втаскивать ее в зев и глотку, причем ветви нижней челюсти, соединенные лишь растяжимой соединительной тканью, поочередно подвигаются вперед и вонзают зубы в добычу. Благодаря тому, что весь челюстнорёбный аппарат состоит из многих подвижных костей и потому чрезвычайно растяжим и что обильное отделение желез смачивает добычу и делает ее скользкой, гадюковые, подобно многим другим змеям, могут проглатывать относительно больших животных.

Мы будем следовать Буланже, который подразделяет гадюковых на два резко разделенных подсемейства, на **гадюк** (*Viperinae*) и **гремучников** (*Crotalinae*)*, которые все без исключения имеют ямку в виде дырочки между ноздрей и глазом, значение которой неизвестно.

**В настоящее время гадюк и гремучников часто выделяют в разные семейства, хотя многие зоологи продолжают считать их лишь подсемействами одного семейства. В последнем случае в этом семействе насчитывается более 200 видов, почти 30 родов.*

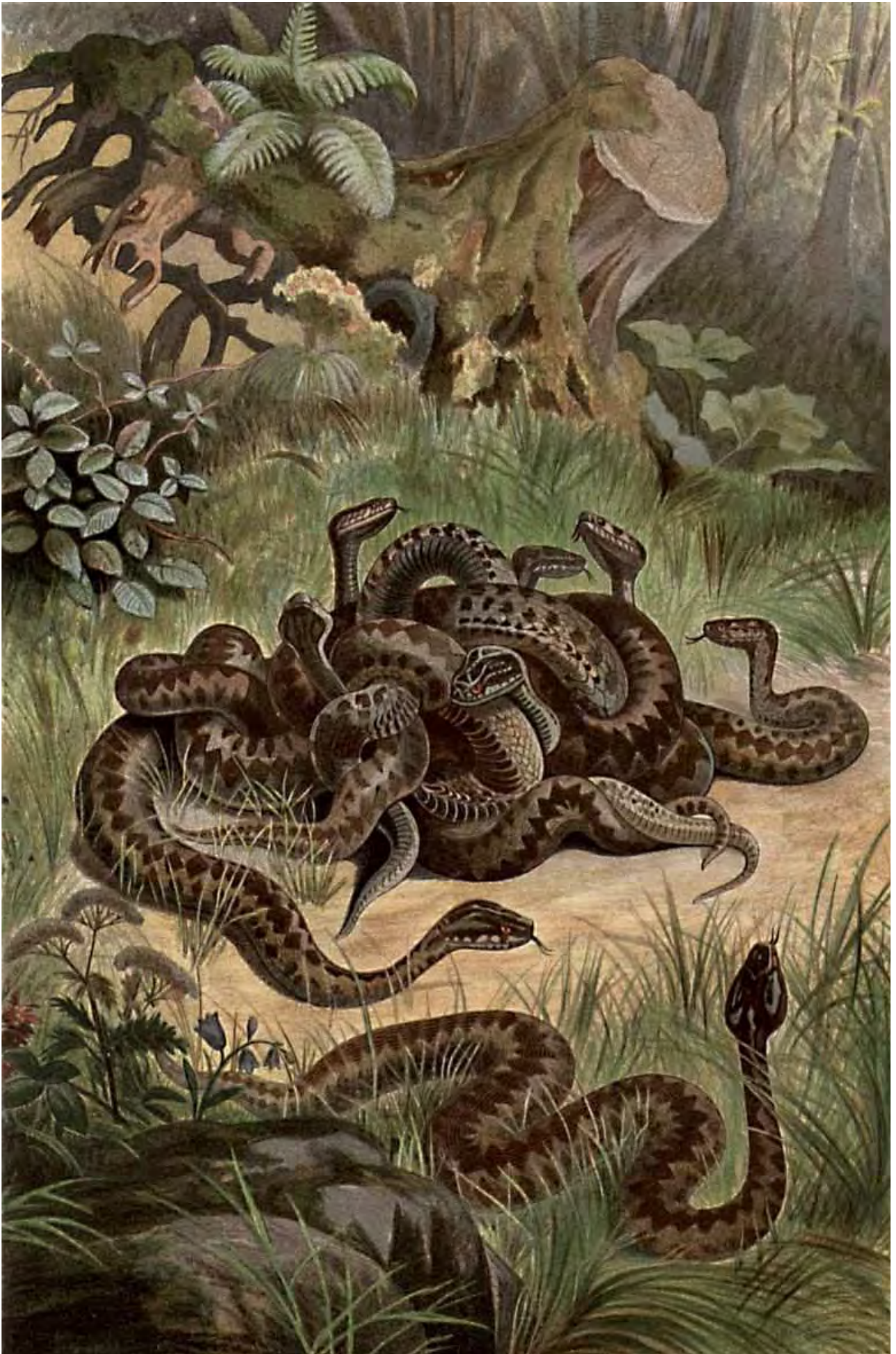
Гадюки характерны для Старого Света, и особенно много видов водится в Африке; гремучие змеи — обитатели Америки и распространены от Соединенных Штатов до Патагонии, в Азии доходят на запад до границы Европы, один маленький вид встречается еще, быть может, по эту сторону реки Урал. Что в Германии уже в древние времена были змеи этого семейства, недавно доказала нам поразительная находка полого ядовитого зуба в нижнем миоцене Висбадена.

Гадюки могут считаться самыми типичными представителями ядовитых змей. Они отличаются очень плотным, иногда почти безобразно толстым телом, плоской головой, имеющей форму треугольника, вернее четырехугольника с неравными сторонами, а также тем, что верхняя сторона морды почти всегда покрыта чешуей или мелкими, неправильной формы и неправильно расположенными щитками, и, наконец, коротким тупо-коническим хвостом, который лишь в исключительных случаях обладает способностью цепляться. Они отличаются от гремучников, единственных змей, с которыми их можно было бы смешать, как уже замечено, отсутствием окруженной щитками ямки на голове между ноздрей и глазом.

Гадюки — медленные ядовитые змеи, обреченные на жизнь на земле; все они чисто ночные животные, которые начинают свою деятельность лишь после солнечного заката. Некоторые африканские гадюки, по-видимому, не боятся и воды, однако об этом существует пока еще мало надежных наблюдений. Позвоночные, особенно мелкие млекопитающие и птицы, а иногда также ящерицы и земноводные, но не рыбы, составляют их добычу. Только более мелкие и проворные виды решаются на продолжительное преследование; настоящий способ охоты у гадюк другой: они терпеливо выжидают добычу, быстро выдвигают голову, вонзают свое страшное оружие и, уверенные в успехе, ожидают действия яда, который оказывается смертельным почти без исключений. Они более вялые, чем все другие ядовитые змеи, и поэтому кажутся нам более коварными, чем все их родичи, с которыми они разделяют вспыльчивость, бешенство и злобу. Несмотря на их страшное оружие и на то, что яд по своему действию не уступает никакому другому, от них гораздо реже, чем от аспидов, погибают люди, они менее опасны, чем ближайшие родичи — гремучники, но, тем не менее, причиняют довольно бед. Все они соответствуют своему латинскому названию, так как рожают живых детенышей. Размножение их не особенно сильное, но способность противостоять вредным влияниям значительна, а число врагов относительно ничтожно; этим объясняется их много- численность. Человек должен преследовать и истреблять их самым ревностным образом.

Ядро подсемейства образует род **настоящие гадюки** (*Vipera*), отличительные признаки которых заключаются в разделенных хвостовых щитках, расположенных в два продольных ряда, килеватых чешуйках, которые образуют 21-37 продольных рядов, и в том, что голова покрыта чешуйками или немногочисленными мелкими щитками. К этому роду относится не менее 20 видов.

Прототипом гадюк и всего подсемейства мы считаем **обыкновенную гадюку** (*Vipera berus*). Она отличается превращенными в щитки чешуйками на темени и, за редким исключением, только одним рядом чешуек между глазом и лежащими под ним верхнегубными щитками.

Обыкновенная гадюка (*Vipera berus*)

Цвет и рисунок ее чрезвычайно разнообразны, но почти всегда на спине есть темная зигзагообразная полоса, которая заслуживает внимания как отличительный признак.

Обыкновенная гадюка отличается по форме от большинства змей Европы, ее ближайших родичей за исключением асписовой и носатой гадюк. Голова сзади заметно шире шеи, довольно плоская, впереди слегка закругленная; шея ясно отделена, немного сжата с боков, и ее сечение имеет продолговато-округленную форму; тело значительно толще шеи, довольно плоское на спинной стороне, ширина и высота ее одинаковы, брюшная сторона также плоская; хвост относительно короткий, заметно утончен в последней трети длины и заканчивается коротким твердым кончиком. Начиная от шеи, тело постепенно утолщается до середины, а отсюда снова утончается к хвосту, в который и переходит без заметной границы. У самца тело короче и тоньше, а хвост относительно толще и длиннее, чем у самки. Длина взрослого самца около 60 см, редко на 5 см больше или меньше; длина самки 70, но может достигать до 81 см. Голова составляет приблизительно двадцатую часть длины тела, хвост самца — шестую, самки — восьмую: это отношение не встречается ни у какой другой змеи, кроме асписовой гадюки. Рыльцевой щиток треугольно закругленный, снизу с дугообразной вырезкой, через которую проходит язык, с каждой стороны от него находятся два неправильных пятиугольных щитка, а около него — большие носовые щитки с широкими ноздрями. На передней части темени три маленьких неправильно треугольных щитка, передний вдаётся вершиной между задними. Спереди на краю морды шесть округленных чешуек образуют полукруг, а между ними и большими надглазными щитками лежат пять-девять других маленьких щитков тоже округлой формы. Позади теменных щитков начинаются чешуйки тела, форма которых остается в основных чертах одинаковой. Преобладает яйцевидная форма, но чешуйки становятся уже и длиннее на спине и расширяются на боках и хвосте. Они образуют 21 продольный ряд, все чешуйки снабжены более или менее явственным килем, который, однако, едва намечен на чешуйках ряда, примыкающего к брюшным щиткам; нижняя сторона одета широкими поперечными щитками, которые на хвосте расположены попарно. Особенно важен щиток, покрывающий заднепроходное отверстие, так как он всегда не разделен и, следовательно, не состоит из двух чешуек; это признак, свойственный, кроме обыкновенной гадюки, только асписовой гадюке. Число и форма головных щитков меняются, а число брюшных щитков колеблется в таких широких пределах, что считать их — бесполезный труд.

Мало змей, у которых окраска настолько изменчива, как у гадюки; тем не менее, можно считать, что основной цвет самца серебристо-серый, светло-пепельно-серый, зеленоватый, светло-желтый, светло-бурый и т. д. Но как ни различен основной цвет, темная зубчатая продольная полоса заметно выделяется и только у очень темных самок и у совершенно черной разновидности становится мало заметной или вовсе незаметной. Эта полоса, «каинов знак» европейских ядовитых змей, как ее назвал Линк, пробегает зигзагами вдоль всей спины от затылка до конца хвоста и сопровождается с каждой стороны продольным рядом темных пятен. Не только ширина, но и форма отдельных составляющих ее пятен очень различна. Нормально она слагается из ряда косвенно и поперечно расположенных ромбических или прямоугольных четырехугольников, или же полоса распадается на отдельные пятна, вытянутые в поперечном направлении или округлые; боковые пятна, которые обыкновенно чередуются с более крупными, тоже могут распадаться на более мелкие крапины. Цвет полосы соответствует, по Штрауху, основному цвету, так что у гадюк светлого желтовато-бурого или почти песочного цвета полосы и пятна светлого каштаново-бурого цвета, у окрашенных более темным цветом — бурого в различных степенях и, наконец, у темных или каштаново-бурых — совершенно черного. Кроме этой зигзагообразной полосы следует обратить внимание на рисунок головы. Две продольных полосы, окруженные неправильными пятнами и черточками, украшают середину темени и иногда сближаются здесь до соприкосновения, начинаются на глазном щитке, пробегают отсюда к середине темени, соединяются иногда пятном того же цвета и затем расходятся, образуя сзади явственный треугольник, вершина которого направлена вперед, и как бы обхватывая первый ромб спинного рисунка. Нижняя сторона у гадюки по большей части темно-серого или даже черного цвета, но каждый щиток обыкновенно покрыт многочисленными желтоватыми отдельными или сливающимися пятнами самой различной формы. Гадюки очень светлого цвета сверху имеют и на нижней стороне более светлую окраску до буровато-желтой, на отдельных щитках разбросаны мелкие пятна черноватого цвета. Конец хвоста всегда более светлого желто-белого, лимонно-желтого или оранжево-желтого цвета; верхнегубные щитки тоже светлые, обыкновенно белые, но всегда с темной каймой.

Большие круглые огненные глаза благодаря выдающимся надглазным щиткам, под которыми они лежат, производят впечатление коварства и злобы и действительно помогают отличить гадюку,

особенно если не забывать, что ни у какой другой змеи зрачок не имеет вида косо́й продольной щели, направленной спереди и сверху вниз и назад. При ярком солнечном свете эта щель стягивается в едва заметную линию, а в темноте сильно расширяется. Цвет радужной оболочки обыкновенно яркий огненно-красный, у темных самок светлый красновато-бурый.

Из разновидностей гадюки темную, которую в Германии называют «адской змеей» («Hollennatter»), долгое время считали особым видом (*Vipera prester*). Однако более внимательным наблюдателям скоро бросилось в глаза, что почти все «адские змеи» были самки, а когда наконец достали беременных «адских змей» и убедились, что их детеныши ничем не отличались от детенышей обыкновенной гадюки, то не было никаких сомнений, что мы имеем здесь дело с разновидностью.

Область распространения обыкновенной гадюки не только больше, чем у какой-либо другой змеи, водящейся в Европе, но и обширнее, чем у всякой наземной змеи вообще: она простирается, по Штрауху, от Португалии на восток до острова Сахалин, в Скандинавии переходит за Полярный круг, на юге достигает, с одной стороны, средней Испании, с другой — северной границы Персии.

Хотя на этом огромном пространстве то тут, то там ее нет, но всегда только на очень ограниченных местах. Вообще же она живет во всяких местностях, как бы различны они ни были: в лесах и в пустынях, на горах, лугах, полях, болотах и даже в степях*.

* *Некоторые популяции обыкновенной гадюки на юге ареала сейчас относят к другому виду (гадюка Никольского).*

Первые условия ее довольства — это удобные уголки, куда бы она могла заползать, достаточная пища и солнечный свет; в остальном она, по-видимому, не предъявляет особых требований к той местности, в которой поселяется. Каменистые отлогости и скалы, поросшие кустарником, пустырь, чаща листовенного или хвойного леса, в котором есть прогалины, доступные солнцу, особенно же болотистые местности или степи дают ей все необходимое для жизни. На таких местах она встречается иногда в ужасающем количестве: в одном лесу Люнебургского герцогства во время сенокоса в течение трех дней и на очень небольшой площади было убито штук тридцать гадюк. Некоторые пустынные местности в северной Германии пользуются дурной славой из-за множества этих ядовитых змей. Вблизи Берлина есть отдельные участки леса, куда по милости гадюк женщины, косящие траву, приходят не иначе, как в высоких сапогах. В чистом высокоствольном лесу она не встречается, но не избегает большого леса, если почва покрыта травой, также переселяется мало-помалу в местности, где долго не появлялась, если почва изменяется таким образом, что она может найти тут убежище и добычу; при обратных же обстоятельствах снова уходит. «В Тюрингенском Лесу, — рассказывает Ленц, — увеличение числа гадюк сначала было вызвано тем, что там, где рубили деревья для нового посева, почву взрывали большими глыбами, под которыми сейчас же разводились ящерицы и мыши, а позднее и гадюки. Теперь при правильном лесном хозяйстве подобные вещи совершенно прекратились; на вырубленных участках сажают молоденькие деревца, взятые из питомников, ямы уничтожают, а вследствие этого число гадюк сильно уменьшилось». Наоборот, Бетхер уверяет, что на горах около Фрейберга в Саксонии, где прежде гадюка попадалась нередко, но и нечасто, он в течение трех лет, от 1862 до 1866 года, не видал ни одной, несмотря на ежедневные охоты за жуками в течение лучшего времени года и на то, что он с особенным вниманием выискивал змей (ужей было поймано много). Он не мог даже достать ни одного экземпляра гадюки для Фрейбергского музея, который тогда создавался. Теперь эти змеи опять появились: в течение 1885 — 1890 года было поймано несколько штук и доставлено Бетхеру.

Эта змея живет в каком-нибудь найденном отверстии в почве, под корнями дерева или между камнями, в мышинной или кротовой норке, в покинутой норе лисицы или кролика, в расселине почвы — вообще в каком-нибудь подобном убежище, вблизи которого по возможности находится небольшое открытое место, где она могла бы греть на солнышке свое тело*.

* *Площадь индивидуального участка пары гадюк обычно от 1,5 до 4 гектаров.*

Когда желание спариться не побуждает ее бродить по окрестностям, гадюку всегда можно найти днем вблизи ее убежища, куда при малейшей опасности она возвращается настолько поспешно, насколько позволяют ее сонливость и лень. При приближении грозы, по наблюдениям Ленца, она совершает небольшие экскурсии, но обыкновенно днем никогда не уходит далеко от своей норы.

Ленц утверждает, что гадюка чисто дневное животное, «так как мало найдется животных, в такой степени любящих выставляться на солнце». Но к этим словам он прибавляет, что трудно узнать, что она делает ночью. «Я не сомневаюсь в том, что в теплые или душные ночи гадюки остаются на поверхности земли или заползают только под мох. При лунном свете я тихонько подкрадыва-

вался к своим пленницам и нашел, что часто они совсем спокойно лежат, но иногда и проворно ползают; два раза я приходил в лунные ночи совершенно один и так тихо, как только возможно, на места, где, как я знал, есть гадюки, но не находил ни одной, хотя из этого нельзя вывести никакого заключения, так как среди бела дня и в самую прекрасную погоду можно не найти ни одной змеи. Известно только, что после заката солнца редко можно найти змей на открытых местах; они заползают под мох, в траву и пр.». Если бы случай научил нашего исследователя, как научил меня, если бы он на тех местах, на которых напрасно искал гадюк при лунном свете, зажег бы темной ночью огонь, то он изменил бы свое мнение. Особенная «любовь» гадюки к солнечному свету доказывает только одно: она, как и ее родичи, больше всего любит тепло и старается доставлять себе это наслаждение как можно чаще, но это еще не доказывает, что она дневное животное. Бросающаяся в глаза каждому леность, которую она обнаруживает, когда греется на солнце, равнодушие ко всему, что не касается ее непосредственно, указывает на то обстоятельство, что днем она находится не в бодром состоянии, а скорее в каком-то полусне. Все ночные животные без исключения, любят солнце, хотя боятся и избегают света; самым красноречивым доказательством этого служат кошка или сова, которые тоже греются на солнце; пойманные совы погибают, если их продолжительное время лишают солнца.

Для гадюки же, животного пресмыкающегося, температура тела которого увеличивается или уменьшается в зависимости от окружающей среды, составляет самую насущную потребность часами лежать, растянувшись на солнышке; для нее истинное благоденствие дать телу теплоту, которой не может доставить ему вяло обращающаяся кровь. Но эта змея отнюдь не дневное животное, точно так же, как и все другие из этого семейства. Недаром она наделена зрачками, способными необыкновенно расширяться и сокращаться, недаром глаза ее защищены выдающимися бровными щитками, а у других сходных с ней видов — кожистыми образованиями, которые можно сравнить только с осязательными волосками ночных хищных млекопитающих, потому что каждый орган, каждая способность, которой обладает животное, находит свое применение. Только с наступлением сумерек гадюка начинает свою деятельность, свои занятия, свою охоту. Чтобы убедиться в этой истине, тому, у кого есть пойманные змеи, стоит устроить клетку таким образом, чтобы видеть, что в ней происходит, не будучи замеченным животными, или же ночью зажечь огонь на месте, где часто попадаются гадюки. Необычный свет удивляет животных, ночью очень оживленных, и они спешат поближе познакомиться со странным явлением, подползают к самому огню, с удивлением смотрят на пламя и, по-видимому, неохотно решаются уползти. Таким образом, тот, кому надо поймать гадюк, гораздо легче достигнет цели ночью с помощью огня, чем днем; он поймает их даже на тех местах, где напрасно искал днем, конечно, в случае, если в этой местности действительно есть гадюки или другие ночные змеи.

Против того мнения, что гадюка скорее ночное, чем дневное животное, Блум выставляет все сообщения, полученные им, и собственные наблюдения. Они сводятся к тому, что «после заката солнца, даже гораздо раньше, гадюка заползает в свою норку и выползает оттуда ночью только в очень теплую, душную погоду. Тогда действительно она повсюду разгуливает и отправляется за добычей. В горах, где большей частью из всех змей только и водится гадюка, а в северных местностях даже на низменностях, где летом ночи всегда холодные, она никогда не покидает ночью своего убежища, так что там она принуждена искать добычу днем. Как дневные животные известны и другие змеи с щелеобразным зрачком. Из группы волкозубых змей индийские виды питаются, по мнению Гюнтера, веретеницами, которых им приходится ловить днем; африканские едят мышей и других маленьких ночных млекопитающих. Возможно, что щелеобразные зрачки и выдающиеся надглазные щитки полезны гадюке при отыскании мышей в норках. Доказательством того, что она это делает, служат мышата, которых много раз находили у нее в желудке». Гомейер часто встречал гадюк, отправлявшихся за добычей днем, а однажды наблюдал, как гадюка нападала на птичку.

Заблуждение относительно времени, в которое гадюка предается деятельности, оправдывает отчасти распространенные всюду взгляды о ее нраве, которые и я прежде разделял. Кто наблюдал ее днем, скажет истинную правду, назвав ее крайне вялым, неподвижным, тупым к восприятию внешних впечатлений и неумным животным, даже сравнительно с другими змеями, но человек, наблюдавший ее ночью, составит себе совсем другое мнение. Правда, она и тогда не может соперничать в ловкости и проворстве со стройным ужом или медянкой; но все же ночью остаются только слабые признаки вялости, медлительности и осмотрительности ее дневных движений. Она делается подвижной и проворной, во всех направлениях ползает по своей клетке, а на свободе по той области, в которой охотится, и в противоположность своему дневному поведению, обращает внимание на все, что кругом происходит. Наблюдения и проведенные опыты показали, что гадюка довольно бы-

стро передвигается по ровному месту, но может взобраться по кривому стволу дерева, а также отлично плавает. Воду она избегает совсем не в той степени, как думают обыкновенно. Она не так любит воду, как уж и его родичи, но совсем не боится близости воды.

О развитии внешних чувств гадюки приходится повторить то, что уже сказано выше; только я очень сомневаюсь, что у нас сложилось верное мнение об остроте ее зрения, и никогда не присоединюсь к мнению лиц, приписывающих ей слабое зрение на основании наблюдений, произведенных днем. Нуждается в подтверждении и наш приговор относительно ее умственных способностей. Об уме в собственном смысле у этой змеи не может быть и речи. Беспристрастное наблюдение выставляет ее крайне глупым животным, чудом умственной несостоятельности. Самой выдающейся чертой ее характера является безумная ярость. Все непривычное возбуждает ее гнев, но она не делает различия, поддается самому грубому обману и никогда не научается опытом.

Почти с одинаковым бешенством кусает гадюка как живое существо, так и палку или палец, показываемый ей за стеклом. Она разбивает себе морду в кровь, не сознавая, что ее злость бесцельна; когда она рассержена, то в бешенстве кусается прямо на воздух, если нечего больше кусать. Она не в состоянии отличить опасное от безопасного, по этой причине она вряд ли знает страх и не всегда обращается в бегство даже при очевидном превосходстве силы ее врага. Ни одно животное нельзя так легко поймать или убить, как гадюку. На вид она упорно ожидает приближающегося врага, а между тем иногда совершенно забывает все окружающее. Не надо обманываться, принимая такое поведение за храбрость; этой последней у нее нет, самое большее, что можно ей приписать, это упрямство. У нее не хватает ума даже на хитрость; настоящее лукавство ей чуждо. Когда она собирается схватить добычу, она обыкновенно шипит так громко, как будто дело идет об обороне. Всякого рода раздражение вызывает в ней сильный гнев. Нечего и говорить, что подобное создание никогда не заключает дружбы с другими животными, что приручить его нельзя; такие ограниченные умственные способности не поддаются развитию.

Это описание верно, пока речь идет о дневной жизни гадюки, но теперь я сомневаюсь, чтобы оно имело какое-нибудь значение для изображения ее ночных походов. Кто наблюдал галаго, летучую мышь или сову днем, вряд ли составил себе правильное мнение об их характере и привычках. Можем ли мы предполагать обратное у живущих ночью пресмыкающихся? Думаю, что нет. Против этого говорят даже во всех отношениях скудные и недостаточные наблюдения, которые мы можем делать над пойманными гадюками в клетке. А какие открытия могли бы повести за собой наблюдения их жизни на свободе! С моим теперешним опытом я думаю, что могу высказать мнение, что все ночные змеи, а с ними и наша гадюка, ведут себя по ночам приблизительно так же, как дневные змеи, деятельность которых мы в состоянии наблюдать. Например, они наверно действительно охотятся за добычей, а не только лежат на одном месте в ожидании, чтобы какая-нибудь добыча приблизилась к ним, как это можно было заключить из наших прежних наблюдений. Чтобы оправдать этот взгляд, я могу теперь привести следующее наблюдение. В прекрасную летнюю ночь, в полнолуние, Штрук шел со своим другом по широкой дороге через смешанный лес. Около 11 часов друзья расположились отдохнуть около дороги; через некоторое время они услышали шуршание шагах в 17 от себя и увидели мышь, которая быстро выбежала из кустарника на дорогу, преследуемая змеей. Охота эта происходила на дороге на расстоянии 15 шагов; змея нагнала мышь, зашипела и схватила добычу. Спутник Штрука, лесник, взял ружье, выстрелил и нашел мертвую мышь и издыхающую гадюку. Тот же наблюдатель заметил, что гадюки приползают к тем огням, которые зажигают ночью, чтобы сгонять зверей с зерновых хлебов, в том случае, если люди сидят смирно; если же кто-нибудь идет на гадюк с дубиной, то они дают тягу.

Характер гадюки, насколько мы его знаем, нимало не симпатичен, а слепое, безграничное бешенство, выказываемое при раздражении, просто отвратительно. «Однажды, — рассказывает Ленц, — я дразнил гадюку целый час, причем она беспрестанно фыркала и старалась меня укусить, так что наконец мне это надоело, но ей ничуть. В таком бешенстве, если предмет, рассердивший ее, удалился, она бросается и кусает воздух или кучки мха и тому подобное, а чаще всего, если дело происходит на солнце, то кусает свою тень или тень других предметов. Она тогда свертывается и втягивает шею в середину образующегося таким образом плоского кружка, чтобы при каждом укусе быстро выдвинуть ее на 15, самое большее на 30 см. Втягивание шеи всегда есть знак, что гадюка хочет укусить; она почти никогда не кусает, не приготовившись таким образом, и сейчас же после укуса опять быстро втягивает шею, если она впилась зубами не так крепко, что это становится для нее невозможным. Даже если перед ней держать предмет величиной с мышь, она, кусая, часто промахивается, значит, прицеливается плохо (как почти все ядовитые змеи). Когда гадюка разозлится и собирается кусаться, она не только втягивает шею, но, если у нее есть время опомниться и если

предмет, рассердивший ее, не вдруг приближается, то она часто и быстро высовывает язык приблизительно на длину своей головы, при чем глаза у нее горят, но во время укуса язык у нее втянут; она также редко трогает им предмет, который собирается укусить. Когда враг настигает ее вдруг, и она тотчас же кусает его, то редко шипит предварительно, но чем больше у нее времени опомниться, тем более растет ее раздражение и тем сильнее и продолжительнее она шипит. Это шипение или фырканье производится с закрытым ртом и вызывается тем, что она вдыхает и выдыхает воздух сильнее, чем обыкновенно; оно состоит из двух разных, хотя несколько сходных между собой звуков, перемежающихся друг с другом приблизительно в промежуток времени, необходимый человеку для вдыхания и выдыхания. При выдыхании воздуха звук силен и низок, при вдыхании слабее и выше. Я прикрепил на конец палки пушок и держал его перед носом гадюки, которая продолжительно и сильно шипела; таким образом я мог ясно наблюдать вдыхание и выдыхание, но нашел, что движение воздуха при этом ничтожно¹. Вообще, когда гадюка злится, то она так сильно надувается, что даже самая худая кажется толстой и жирной. Еще сильнее раздувается она, если ее бросишь в воду, но это она делает для того, чтобы уменьшить свой удельный вес посредством втягивания в себя воздуха. Она всегда настороже и одинаково готова и к защите, и к нападению. Поэтому, если ее ничто не тревожит, почти всегда находишь ее с приподнятой несколько на сторону головой. Хотя днем она довольно плохо видит, но все же очень хорошо умеет различать приближающиеся к ней предметы, и легко можно заметить, что она охотнее других хватается теплокровных животных, особенно мышей. Также замечают, что если ее посадить в очень светлое стеклянное помещение, то она скорее бросается на обнаженную руку, поднесенную снаружи к стеклу, чем на ручкав или палочку, если ими дотронуться до стекла.

"В неволе в просторном ящике она очень хорошо уживается со всеми маленькими животными, кроме мышей. Я даже часто видел, как ящерицы, лягушки и птицы, однажды приученные, спокойно грелись на солнышке, сидя на гадюке, а на свободе тоже встречал гадюк, на которых уютно располагались ящерицы. Однажды я был свидетелем премилой сцены. В ящике со змеями солнце освещало только маленькое пространство, которым гадюки и овладели тотчас же. Тогда приползла ящерица и, поискавши напрасно свободного места, преспокойно укусила одну из гадюк за бок, чтобы заставить ее уступить место, но та даже не шевельнулась. Наконец ящерица улеглась подле гадюки не на солнце. Другие змеи и веретеницы тоже охотно помещаются около гадюки, на ней и под ней, как будто она принадлежит их семье. Она не обращает внимания на жуков, бегающих у нее по телу; если же они ползут по голове, то стряхивает их, но не сердится.

Повсюду распространено мнение, что гадюка прыгает и в гневе преследует врага на большое расстояние. Ни я, ни мой охотник за змеями не видели этого; также ничего подобного не рассказывали мне люди, хорошо знакомые с гадюкой. Часто не только в комнате, но и на воздухе я прилагал все старания, чтобы заставить гадюку прыгать, но напрасно. Однако, все же большое удовольствие подразнить гадюку прутиком, застигнув ее неожиданно на месте, которым она, по своему мнению, владеет нераздельно, и где она удобно расположилась отдыхать. Иногда она свивается так, что образует небольшую башенку, на верху которой помещается угрожающая головка, а иногда лежит широким кольцом. Все ее мускулы находятся в постоянном движении, так что нельзя хорошенько разглядеть цвет тела, и, точно молния из темной грозовой тучи, поминутно вздрагивает в воздухе голова, старающаяся укусить нарушителя покоя. Но я никогда не видел, чтобы она намеренно прыгнула хотя бы на 30 сантиметров вперед; только иногда, когда ее неожиданно застигнуть в вытянутом положении, и у нее нет времени свернуться кольцом, то она втягивает шею и потом быстрым движением выдвигает ее вперед и кусает, причем иногда случается, что это движение перемещает несколько вперед и остальное тело.

Часто в слепой злобе гадюка выдает себя сама, когда, спрятавшись в траве или в кустарнике и совершенно не замечаемая проходящим мимо, она, вместо того, чтобы тихо лежать, начинает дико шипеть и кусает человека, так что часто он замечает ее только тогда, когда она уже укусила или его самого, или башмак, или платье. Иногда гадюка обращается в бегство, укусив раз или два, но чаще она убегает восвояси, как только замечает поблизости людей. Это случается постоянно ночью, когда она бодрствует, и вследствие этого происходит то явление, что в это время она гораздо реже кусает людей, чем это обыкновенно предполагают, даже если принять во внимание, что после захода солнца ее излюбленные места мало посещаются».

Пища гадюки состоит преимущественно, хотя и не исключительно, из теплокровных животных, особенно мышей, которых она предпочитает всякой другой еде; она ест даже землероек и млекопитающих*.

** В ряде мест обитания основным кормом гадюк могут быть лягушки, молодые особи питаются насекомыми.*

Особенно страдают от нее, по словам Ленца, земляные полевки, потому что они самые медлительные и добродушные из всех видов мышей; гораздо менее достается быстрым, хитрым обыкновенным полевым. Нет пощады и землеройкам. Хотя мне и не приходилось находить кротов в желудке у гадюки, но я ничуть не сомневаюсь, что, найдя случайно гнездо с кротятами, она с аппетитом полакомится их жирным мясом. Из наблюдений Ленца следует, что она ловит мышей не только на земле, но и под землей, в желудке вскрытых им гадюк он часто находил маленьких, совсем голых мышат и землероек, которых можно было добыть только в гнезде под землей. Птенчики, особенно тех птиц, которые гнездятся на земле, часто становятся жертвой гадюки, и очень правдоподобно, что она опустошает немало гнезд. На это указывает поведение старых птиц, которые поднимают крик и обнаруживают величайшее беспокойство, как только завидят гадюку. Лягушек она ест только в случае крайности, ящериц — пока они молоды. «Замечательно, — рассказывает Ленц, — насколько у гадюки врожденная неодолимая потребность умерщвлять мышей. Даже в неволе, где она добровольно обрекает себя на голодную смерть и, если ее не раздражить, нелегко кусает других животных, даже тут, как только завидит мышью, ее глаза начинают гореть от дикой жажды крови, и она бросается на мирного зверька; она умерщвляет его с бешенством, но никогда не ест. Как только бедный зверек лежит перед ней без дыхания, к гадюке возвращается спокойствие, точно коварная злодейка утолила в крови ненавистного врага долго сдерживаемую жажду мести. Я часто видел подобные сцены. В ящик, в котором жили 10-12 гадюк с другими змеями, веретеницами, ящерицами, лягушками, иными животными, и где царили полный мир и взаимное доверие, я вдруг пускал мышью. Бесстрашно бегают она кругом, воображая, что попала в хорошее общество, и ничуть не боится прыгать по телу и голове гадюк. Но вот они втягивают шею и голову, их глаза горят, язык высовывается и быстро движется, во всех углах слышится шипение и все открытые пасти направляются на нее с целью укусить. Мышь еще не знает, на кого они нападают. Она увертывается от укусов, прыгает во всех направлениях, но нигде не находит покоя. Наконец ядовитые зубы настигают жертву; она содрогается, распухает, шатается, падает и умирает. Возбуждение еще не улеглось; там и тут слышится шипение и вытягивается на воздух пасть, но скоро, со смертью врага, водворяются мир и тишина».

Как и другим змеям, гадюке не приносит вреда продолжительное голодание, но зато, если уж улыбнется ей счастье на охоте, то она вволю наедается. В своих исследованиях Ленц нашел в пищеводе и желудке одной гадюки трех больших мышей, одну за другой.

Летняя жизнь гадюки начинается в апреле, хотя во время благоприятной весны ее замечают уже в марте вне ее зимнего убежища, а в особенно теплую погоду можно видеть иную гадюку и раньше, как исключение, даже зимой*. «19 января 1875 года, — пишет Гримм, — около трех часов пополудни я стоял на юго-западной опушке старого дубового леса, богатого выгнившими пнями, где предполагалась охота. Солнце довольно сильно грело, и хоть на всей земле еще лежал снег, но с одной стороны леса, покрывавшего пологую покатость, почва оттаяла и была совершенно суха. Около одного из пней лежала, греясь на солнышке, гадюка, не совсем свернувшаяся и, по-видимому, мертвая. Но когда я тронул ее палкой, то она довольно поспешно поползла к ближайшему стволу дерева. Пока я старался удержать ее, чтобы поймать живьем, подскочил слишком усердный загонщик и убил ядовитое животное».

** После зимовок обыкновенные гадюки порой совершают миграции на расстояния до 5 километров, переплывая при этом достаточно крупные реки.*

В зимнем убежище гадюки обыкновенно собираются порядочными обществами. «В 1816 году, — пишет пастор Трейсе Ленцу, — несколько дровосеков работали в теплую погоду на дороге, для починки которой пришлось ломать значительные стены из песчаника в которых было много трещин и щелей, и тут нашли на один-два метра ниже поверхности земли десять гадюк в состоянии зимней спячки. Сначала дровосеки приняли их за веревки, но, вытащив первую с помощью кирки, признали за гадюку, достали остальных, размещенных в разных трещинах, и убили всех. Животные были найдены свернувшимися между камнями, вялыми и в состоянии оцепенения. По бокам стен не было заметно трещин, так что гадюки, должно быть, заползали туда сверху, где было несколько щелей». Сообщение Вагнера совершенно согласуется с этим. «Зимой 1829 — 1830 года, на расстоянии одного часа пути на запад от города Шлибен, были найдены девять гадюк в болотистой местности, над поверхностью воды, в старом пне. Они тесно прижались друг к другу, почти не выказывали признаков жизни и были все вместе убиты. Вместе с гадюками нашли хорька, который, вероятно, искал себе там пищу и тоже был убит». Гомейер сообщает мне еще доказательство этого факта.

«Гадюка совершает зимнюю спячку целым обществом. По наблюдениям моего брата, находят 15-25 гадюк, лежащих вместе под корнями можжевельника и под старыми полусгнившими ольховыми и березовыми пнями, куда они сползают с началом холодов, чтобы остаться там до возвращения весны. Обыкновенно, когда дровосеки выкорчевывают старые корни, то находят такие спящие общества и, понятно, убивают всех членов их. С истинным удовольствием открыли мы, что хорек знает об этом факте гораздо больше, чем знали мы до сих пор. Зимой он отыскивает подобные логовища и таскает оттуда животных, сколько ему нужно. Мой брат, доставая хорька из норы среди зимы, нашел несколько лягушек и трех гадюк, которых животное натаскало в нору, проявив сначала предосторожность — перекусив им спинной хребет у самой головы. В заключение еще замечу, что зимний сон гадюки не очень крепок: при некотором беспокойстве она поднимает голову, начинает медленно ползать и высовывает язык, однако глаза кажутся усталыми и тусклыми»*.

** Описаны случаи зимовок обыкновенных гадюк в скоплениях из 200-300 особей. Вместе с гадюками на зимовках находили жаб, тритонов, веретеницу.*

По мнению Блума, половая зрелость наступает не раньше четвертого года. Спаривание начинается только тогда, когда весенняя погода установилась, обыкновенно около конца апреля или начала мая*.

** В брачный период самцы устраивают соперничество так называемые брачные танцы.*

Как исключение, случается, что гадюки спариваются и в необычное время. Так, например, в 1848 году Эффельдт нашел пару совокупившихся гадюк 15 марта; также и Ленц рассказывает, что 18 декабря, в прекрасную теплую погоду видели однажды двух спарившихся гадюк**.

** * Самки гадюки способны сохранять сперму от нескольких самцов в своих семяприемниках и расходовать ее по мере необходимости. Таким образом, спарившаяся осенью самка может забеременеть весной следующего года.*

Поэтому он считает возможным, что детеныши рождаются у них иногда уже весной. Обыкновенно гадюки выводят детенышей в августе и сентябре. Весьма вероятно, что эти животные совокупаются ночью, но остаются несколько часов, обвившись друг с другом, так что их можно увидеть еще и на следующий день, лежащих на выбранном месте. Как было уже замечено, случается, что во время совокупления несколько пар гадюк свиваются вместе и образуют целый клубок, что, весьма возможно, и дало повод к древнему сказанию о голове Горгоны. «В апреле 1837 года, — рассказывал мне Эффельдт, — отправился я, как часто это делаю в это время, в деревню Иоганнисталь, расположенную в 10 километрах от Берлина, чтобы наловить там гадюк. Тогда я еще не знал, что все гадюки — ночные животные, и так как прибыл на место, где предполагал охотиться, уже довольно поздно вечером, то думал отложить поиски до следующего утра. Однако после заката солнца я вышел в лес, не столько ради животных, как для того, чтобы насладиться прекрасной погодой. К крайним домикам деревни примыкал лесок, состоявший преимущественно из ольхи и густо поросший ежевикой. Он был до того полон гадюк, что ежегодно то тот, то другой житель деревни бывал ими укушен, и даже гадюки приползали к людям, как случается читать подобные вещи об южных странах. В лесу я встретил знакомого лесничего, который еще издали приветствовал меня восклицанием: «Ну, если вы сегодня опять хотите ловить гадюк, то вы пришли вовремя; я только что видел их целую кучу». По моей просьбе мой знакомый вернулся, но подвел меня только на известное расстояние к указанному месту,» потому что, — уверял он, — ни за что на свете не подошел бы он к этому комку гадюк, даже не решился бы выстрелить в них, так как злые животные тотчас же бросаются на человека и долго преследуют его». После продолжительных поисков я понял, к величайшему удивлению, что лесник сказал мне действительно правду. Около ольхового пня, окруженного молодыми побегами, совсем близко к тропинке, лежало 65-78 гадюк, свернувшихся и спутавшихся друг с другом самым удивительным образом: самцы и самки лежали вперемешку, несколько парочек уже совокупились, другие свились с ними. Когда я подошел, все они подняли головы, высунули языки и зашипели, но упорно оставались на том же месте, не сделав ни малейшей попытки спастись бегством; они не тронулись даже тогда, когда я стал трогать их и дразнить прутиком. Поздний час помешал мне предпринять что-либо, поэтому утром на следующий день я снова отправился на это место, не столько ожидая застать еще клубок гадюк, как надеясь встретить многих из виденных вчера животных. Каково же было мое удивление, когда, подойдя к знакомому месту, я нашел не только вчерашних гадюк на прежнем месте, но заметил, что за ночь их число еще увеличилось. Состояние животных существенно переменялось; теперь при ярком солнечном свете они были несравненно спокойнее и равнодушнее, чем накануне вечером, и потому мне удалось с помощью сачка на длинной палке поймать всех их и посадить в хорошо закрытый ящик. Тогда я отправился обратно в Берлин, сгорая от любопытства узнать, что будет дальше. Однако дорога в продолжение несколь-

ких часов и постоянная тряска, вероятно, побеспокоили их: когда я приехал домой, клубок совсем размотался. Десять лет спустя я узнал от преемника того лесничего, что он наблюдал у гадюк совершенно такие же факты».

По исследованиям Ленца, гадюки спариваются только тогда, когда достигают почти полного роста; этот исследователь не нашел ни одной гадюки менее 50 см длиной, в теле которой были бы яйца, достигнувшие полного развития. Число детенышей, производимых на свет самкой, зависит от возраста и величины матери: более молодые мечут пять-шесть детенышей, постарше — 12-14, даже 16 штук. Ленц наблюдал и очень подробно описал самый ход рождения. «Когда гадюка кладет яйца, — говорит он, — то лежит вытянувшись и выжимает одно яйцо за другим из отверстия кишечника, в котором оканчиваются яйцеводы, понятно попеременно, так что если положено яйцо из одного яйцевода, то второе следует уже из другого. Во время кладки гадюка поднимает хвост криво и часто дугообразно, а туловище ее лежит на земле. Сначала это последнее до самого хвоста равномерной толщины, но как только положено первое яйцо, наблюдатель видит очень ясно, как подвигается следующее, и замечает, что перед каждым яйцом тело сужается, чтобы пропихнуть его дальше и, наконец, совсем выдавить. Между появлением яиц проходят каждый раз несколько минут, иногда четверть часа или даже целый час. В продолжение кладки яиц гадюка, по моим наблюдениям, чрезвычайно спокойна. Как только яйцо положено, находящийся там детеныш вытягивается, разрывает тонкую яичную оболочку и выползает из нее. Но у него на теле висит еще желточный мешок; животное освобождается от него, разрывая во время ползанья пупочные сосуды, и тогда, обладая уже полным развитием, не помышляя ни о матери, ни об отце, начинает трудный жизненный путь на собственный страх.

Я должен заметить, что гадюка рождается злой и остается злой до конца жизни. Маленькие гадюки, только что вылупившиеся из яйца и еще мокрые, шипели и сердито кусались, когда я трогал их, но должен признать, что не все появляются на свет с одинаковой злостью, всегда находятся более спокойные даже между детенышами одной и той же матери. Особенно забавно наблюдать, как маленькие, едва вылупившиеся из яйца гадючки, которые только начинают ползать и знакомиться со светом, обыкновенно не забывают время от времени разевать пасть, высовывают свое смертоносное орудие — ядовитые зубы — расширяют затылок и приготавливаются к предосудительному ремеслу. Тотчас после рождения они бывают от 18 до 23 см длины или немножко больше, а в середине тела имеют сантиметр толщины. Голова, щитки, чешуйки, зубы и прочее у них устроены, как у взрослых, но все тело покрыто очень тонкой, прозрачной и неплотно прилегающей кожицей, отчего цвет тела кажется бледнее. Через несколько минут или часов после рождения они сдирают с себя эту кожицу, совершенно так же как и взрослые; таким образом, линяние является первым важным делом их жизни. Между родившимися у меня маленькими гадюками я всегда находил только пятую часть самцов, впрочем, и у родившихся на свободе всегда встречаешь гораздо больше самок, чем самцов, между тем как между взрослыми число самок и самцов одинаково. Что может быть причиной этого явления? Следует еще заметить, что у гадюк нет и следа родительской любви, любви детенышей к родителям и детенышей между собой. Тотчас после рождения каждая маленькая гадюка идет своей дорогой, вовсе не требуя попечения матери, которая и сама совсем не обращает внимания на детенышей: гадюки одного помета не выказывают никакой связи между собой. Маленьких гадюк встречаешь всегда поодиночке, причем каждая очень хорошо сознает свою силу и выказывает много смелости. Однако имеют ли они уже свойственный взрослым смертельный яд, хотя бы в более слабой степени? Вопрос этот заслуживает внимательного исследования. Для этого я вынул из тела убитой матери детеныша, который должен был родиться дней пять спустя, затем я несколько раз проколол иглой его голову в том месте, где находятся ядовитые железки, и этой иглой ранил клеста, который от этого вовсе не пострадал. Я повторил этот опыт с другой маленькой гадюкой и с другим клестом и получил тот же результат. Вскоре после этого я пустил мышонка в ящик, где находилось 16 родившихся у меня гадюк, имевших около шести дней от роду. Мышка сначала вовсе не выказывала страха, но, бегая по ящику взад и вперед, она везде слышала тихое, но сердитое шипение: все гадюки на нее грозно смотрели и кусали ее, когда могли. Она старалась избежать опасности, бегая из стороны в сторону, однако получила десять укусов, из которых самые сильные были в морду и в левую заднюю ногу. Два раза даже случилось, что маленькая гадюка так впилась в мышку зубами, что она некоторое время тащила ее за собой. Я тогда вынул мышку из ящика, она хромала и усиленно чистила заднюю ногу и мордочку; затем стала слабеть, однако жила после этого около часа и, наконец, околела. Я пустил другого мышонка в ящик с 24 молодыми гадюками, и с ним случилось то же, что и с первым». Другие наблюдения подтверждают сказанное. Из опытов

Кирша оказывается, что гадюки через несколько минут после вылупления из яйца уже могут ранивать смертельно.

Большой вклад в изучение развития гадюк внес Петри. Этот наблюдатель получил взрослую гадюку, которую один из его друзей хотел убить палкой, и нанес ей настолько сильные повреждения, что животное несколько часов не двигалось. По светлым глазам гадюки Петри понял, что она еще жива и отнес ее в клетку со змеями, стал употреблять оживляющие средства.

окропил свежей колодезной водой и особенно обильно полил пораненное место на спине. На следующий день к полудню он нашел змею в ее естественном положении, немного свернувшейся, а по прошествии восьми дней она стала такой же бодрой и так же кусалась как всякая другая змея. Почти через месяц после этого гадюка произвела на свет в один день десять детенышей, из которых четыре были мертвы, а остальные вскоре околели. На следующую ночь змея родила еще одного детеныша, который, подобно другим животным этого вида, особенно сердито кусался и жил с матерью в одной клетке, но 6 декабря околел от истощения. Но 12 декабря, к своему немалому удивлению, Петри нашел в клетке опять троих детенышей, хотя мертвых, но вполне развитых, которых старая гадюка могла родить только в последние холодные дни, так как один из детенышей лежал еще в мягкой, кровавой слизи. Таким образом, через 15 недель после первого помета гадюка принесла еще трех совсем выношенных детенышей. Этот удивительный факт Петри объясняет вполне справедливо, ранением матери и таким предполагаемым положением трех яиц, что их развитие должно было приостановиться до полного заживления раны.

Если Ленц говорит, что гадюка остается злой до конца жизни, то это относится также и к поведению ее в неволе. Во всяком случае, с течением времени ее необузданная и бестолковая ярость несколько притупляется: она кусается меньше и реже, чем вначале, но никогда ее нельзя действительно приручить, никогда не удастся довести до того, чтобы она не кусала хозяина, и поэтому обращение с ней всегда остается опасным. Замечательно то, что даже при самом заботливом уходе она принимает пищу в клетке только в исключительных случаях. «Кажется, — говорит Ленц, — что с той минуты, как змея попадает в ненавистную неволю, она принимает намерение уморить себя голодом, потому что, почти всегда без исключения, она или тотчас же, или через несколько часов выплевывает принятую пищу, даже в том случае, когда ее поймали так ловко, что придавили только хвост. Иногда она выплевывает пищу, как только ее поднимут за хвост, чаще, в то время как ее несут домой в капсуле для собирания растений или в мешочке, часто также, когда она уже полежала спокойно некоторое время в отведенном ей помещении. В неволе я давал ей, кроме мышей, маленьких птичек, лягушек, ящериц и других животных, как, например, всевозможных насекомых, мучных червей, муравьиные яйца, дождевых червей, древесных лягушек, птичьи и черепахи яйца, молодых змей других пород, хлеб, семена и т.д., но она не обнаруживала ни малейшей охоты ко всем этим лакомствам. Она съедала только муравьиных куколок, но не переваривала их надлежащим образом. Я делал попытки впихивать маленьких мышат долго голодавшим гадюкам, причем хватал их левой рукой за затылок, а в правой держал щипцами мышонка, вталкивал его в пасть и пропихивал палочкой в пищевод. Но, к несчастью, подобное предприятие не помогало, через некоторое время гадюка все-таки выплевывала введенную пищу». Такое упорное пренебрежение пищей есть общее правило, но бывают и исключения. Если гадюке устроить клетку, которая очень походила бы на болотную почву, то она иногда решается принимать пищу добровольно. В последнем убедились Эрбер, Эффельдт, а также и я. «Многие испытанные исследователи змей, — говорит первый, — уверяли меня, что наша местная гадюка никогда не ест в неволе, поэтому я перестал снабжать ее пищей. Как же был удивлен, когда однажды вечером в середине октября застал гадюку, в то время как она ела одну из только что убитых молоденьких мышек, которых я незадолго перед этим посадил в клетку!» Эффельдт уверял меня, что между бесчисленными гадюками, которые жили у него в неволе, было несколько таких, которые приучались есть, а одна даже правильно принимала пищу. Но это только исключения; общее правило таково, что пойманные гадюки обрекают себя на голодную смерть и редко выживают дольше девяти месяцев.

Что касается до истребления вредных животных, то среди всех змей гадюка приносит самую большую пользу, а между тем никто не благодарит ее за ее заслуги, все стараются уничтожить ее, где и как только могут! В Германии редко случается, чтобы человек погибал от какого-нибудь хищного животного. Однако постоянно повторяются случаи смерти людей от укусов гадюки. Вероятно, Линк прав, рассчитывая, что в Германии ежегодно умирает два человека от укуса гадюки, и в 20 раз более людей бывают отравлены ее ядом, но спасены*.

** До сих пор известны лишь единичные летальные случаи от укуса обыкновенной гадюки, жертвой при этом обычно становятся дети, укушенные в лицо.*

Блум замечает, что по имеющимся у него сведениям в период времени с 1879 до 1888 года в Германии было 17 смертных случаев от укуса гадюки. Восемь случаев, почерпнутых из газетных и вообще недостоверных сообщений, не были сюда причислены; точно также не учел он и 14 лиц, умерших от укуса гадюки в Фолькмарсдорфе в королевстве Саксония за последние 10 лет, судя по запискам Гейте. «Из 17 смертных случаев два приходятся на восточную, один на западную Пруссию, два на Померанию, один на Силезию, два на Гессен-Нассау, четыре на Баварию, один на Саксен-Веймар, один на Ольденбург, один на Саксен-Альтенбург, один на Рейс младшей линии и один на Эльзас и Лотарингию. Укусы, не оканчивающиеся смертью, чрезвычайно многочисленны во всей Германии и часто сопровождаются серьезными заболеваниями. Во многих известных мне случаях замечалась продолжительная болезненность, а в некоторых даже полное омертвление укушенного члена. Нелегко назвать точное число укусов при общепринятых сообщениях, которые часто делают в подобных случаях, но я думаю, что без преувеличения можно определить количество укусов за последние десять лет числом 600».

О действии яда у нас есть обстоятельный отчет, который тем более имеет значение, что принадлежит врачу, который испытал это действие на самом себе. Взрослая гадюка укусила Гейнцеля, как он сам рассказывает, в большой палец правой руки с правой стороны около ногтя; случилось это 28 июня после часа пополудни, когда он хотел перенести змею из одного помещения в другое. День был жаркий, животное — большое и раздраженное — не кусалось уже три дня, место очень удобно для укуса, так как змея могла совсем обхватить его челюстями и всадить зубы во всю их длину. Раны были так глубоки, что места их обозначались только несколькими каплями крови, наполнявшими постепенно ногтевую впадину, но, несмотря на это, боль при укусе была значительная. Хотя рассказчик выставляет себя выносливым на боль, но он задрожал всем телом, точно пораженный электрическим током; в минуту укуса чувствовал совершенно ясно, как боль с быстротой молнии передавалась по большому пальцу к внешней стороне запястья, потом вкось по направлению локтевой кости и выше по руке до подмышки, где ощущение остановилось. «Я перевязал слегка палец, — рассказывает он, — и высосал рану; однако я ее не вырезал, не прижег и не вытравил, потому что вообще не придавал значения этому случаю, а также потому, что составил себе о действии яда неправильное понятие, которое заставляло смотреть на все эти средства, как на не достигающие цели. С момента укуса был точно оглушен, через 5-10 минут почувствовал легкое головокружение и впал в короткое беспамятство, которое перенес сидя. С того времени головокружение не проходило у меня до полудня 30 июня. В 2 часа я во второй раз потерял сознание. Место укуса между тем сделалось синевато-серым, распухло и болело, как и весь палец. Обмороки становились у меня все чаще и чаще; однако усилием воли я мог отдалять их наступление на несколько минут, но зато тогда они были продолжительнее. Вся рука до самого плеча распухла так, что я едва мог поднимать ее; голос сделался таким беззвучным, что меня с трудом понимали; но при большем напряжении я был в состоянии усилить его звук. В то же самое время живот стал пухнуть, что сопровождалось сильной болью: после трех часов в первый раз сделалась рвота, вскоре после этого меня прослабило. Затем начались не очень болезненные судороги в небольших участках брюшных мускулов, в различных частях тела и продолжительная судорога мочевого пузыря. Я был слаб в высшей степени, лежал большей частью на полу, плохо видел и слышал, чувствовал мучительную жажду и леденящий холод во всем теле так же, как и в распухшей руке, на которой стали появляться кровоподтеки как раз по направлению, указанному мне первой болью. Теперь боль причинял мне только распухший живот, потому что он делал не возможным глубокое вдыхание. В остальном дыхание не было затруднено, не чувствовалось ни усиленного сердцебиения, ни головной боли.

Окружавшие говорили, что мое лицо до того исказилось и осунулось, что я сделался совершенно неузнаваем. Часто я бредил, но вообще, когда не лежал в обмороке, был в полном сознании. Иногда я начинал говорить, но от слабости не мог или не хотел закончить предложение. В 7 часов, то есть через шесть часов после укуса, обмороки, общие судороги, рвота и понос прекратились, а вскоре после этого прошла и боль живота. Я выпил несколько глотков настойки опия и провел ночь, хотя без сна, но спокойно в постели, только боль распухающего тела беспокоила меня. Опухоль распространялась следующим образом: когда я в 7 часов исследовал свою руку, то вся она от самых пальцев распухла почти вдвое; укушенное место было синевато-черное и от него шел неправильный ряд синеватых и красных пятен по внутренней стороне запястья к локтю, и продолжался по всей руке до плеча. Подмышка также сильно и равномерно распухла, иногда нельзя было прощупать ни сосудов, ни желез». В течение первой ночи рука распухла еще больше, и число кровоподтеков увеличилось настолько, что вся она покраснела и посинела. Опухоль и кровоподтеки распространились с плеча через грудь до края ребер, а на следующий день и на подвздошную кость; в

распухших местах, температура которых была чуть-чуть выше, чем в остальном теле, боль усилилась, и больной чувствовал некоторое облегчение только во время испарины. Чувствительность при давлении и напряжении уменьшилась от мази, прописанной другим доктором, но каждая попытка подняться вызывала головокружение или продолжительный обморок. Когда выступал пот, боль и головокружение значительно уменьшились. Затруднение мочеиспускания продолжалось, пульс был маленький и слабый, аппетит хороший, сон в высшей степени беспокойный.

30 июня опухоль и кровоподтеки распространились в сторону по брюшной стенке, а также на бока до половины бедра, но дальше опухоль не пошла, а стала заметно опадать на пальцах. После продолжительной испарины к полудню прошло головокружение, а после полудня больной мог встать на несколько часов.

Хотя рука еще сильно болела, пульс был все еще мал и слаб, неприятное ощущение холода продолжалось, однако мочеиспускание несколько облегчилось, аппетит был хороший и жажда умеренная. 1 июля опухоль кисти руки, живота и бедер опала, и одновременно прекратилось затруднение мочеиспускания, но оставалась еще значительная слабость, и все остальное было в прежнем состоянии. 8 июля опухоль всей грудной клетки опала, и новые кровоподтеки, которые постоянно образовывались в течение последних трех дней, показались в последний раз. Сон сделался спокойнее, хотя рука все еще сильно болела, а худоба и бледность лица были очень заметны. В течение последующих восьми дней опухоль и кровоподтеки совершенно исчезли, но еще в продолжение трех недель ощущалась легкая боль при испражнении. «Сегодня, 10 августа, через шесть недель после укуса, — заключает Гейнцель, — к вечеру показалась легкая опухоль правой руки. Кожа на всех распухших местах получила грязноватую окраску и стала очень чувствительна к нажиму и перемене погоды. Я не могу лежать на правом боку, вся правая рука бессильна и болит очень сильно иногда часами. Я сильно похудел, не совсем еще избавился от озноба, часто без всякой причины чувствую целый день слабость и цвет лица у меня переменялся. Я убежден, что укус непосредственно в большую вену почти всегда влечет за собой смерть, и в подобном случае все попытки лечения бесплодны».

По опытам Боллингера, при смертельных случаях отравления от укуса гадюки, смерть наступает в промежуток времени от одного часа до трех недель. Из 610 укушенных, о которых Боллингер получил сведения, умерло 59 человек: в этом случае смертность составляла приблизительно 10 %, но, по очень добросовестным сопоставлениям Блума, она составляет только 2,83 %.

Как продолжительное действие может вызвать укус гадюки, как одна капелька жидкости из ее зуба может отравить целую жизнь, показывает случай, сообщенный Ленцом, который я хочу пересказать здесь. Марта Елизавета Эгерт, из Вальтерсхаузена, 60-летняя женщина в то время, когда Ленц писал свое «Исследование о змеях», пошла как-то, еще будучи 19-летней девушкой, босиком в степь и была укушена гадюкой в ногу. Сначала она обратила на это мало внимания, но скоро нога начала пухнуть, опухоль и боль быстро распространились до верхней части туловища, так что она упала и не имела сил идти дальше. К счастью, с ней была мать, которая и помогла девушке добраться до дома. Позвали хирурга, который применял много средств. Состояние больной постепенно улучшилось, но до 40 лет нога болела, причем на ней постоянно выступали желтые, синие, красные пятна и чувствовалась боль. До этого времени, по совету разных знакомых и кумушек, пробовали то то, то другое средство. Но вдруг болезнь ноги исчезла и перешла на глаза, которые сильно болели некоторое время, затем больная совсем ослепла. По прошествии двух лет глаза постепенно выздоровели и стали опять видеть, но болезнь распространилась теперь по всему телу и выражалась болями в различных частях туловища и в конечностях. Так больная и оставалась в этом состоянии, а под конец еще почти совсем оглохла. Долголетие у них в роду, потому она до сих пор окружена родственниками, которые очень хорошо помнят все течение ее недуга. Удивительно, что человек может дожить до старости при подобных страданиях, но ужасно, что целую долгую жизнь он обречен мучиться. Кто же, прослушав эту грустную историю, не присоединится к моему желанию, чтобы были приняты серьезные меры для предотвращения подобного несчастья! Тот, кто из преувеличенной любви к животным защищает змей, несомненно, грешит против людей. Лучше, повторяю, уничтожать всех змей, ядовитых и неядовитых, чем терпеть, чтобы хоть один человек лишился жизни из-за них, или чтобы жизнь хоть одного человека превратилась в непрерывное страдание из-за их адского яда*.

** Взгляды Брема на уничтожение ядовитых змей, безусловно, слишком категоричны. Люди уничтожают много змей. Общий объем заготовок обыкновенных гадюк, например, в Западной Сибири с целью сбора яда для приготовления различных препаратов за пять лет (с*

1972 года) составил около 41 500 особей. Только в Новосибирской области в 1966–1973 годах было выловлено 9 783 обыкновенные гадюки.

Поэтому охраняйте естественных врагов змей, прежде всего хорька, ежа и змеяда и безжалостно преследуйте самих гадюк и всю их породу! Каждый учитель должен давать своим ученикам наставления о гадюках, научить их, как они могут, не подвергая себя опасности, уничтожить подобное животное, если оно им встретится, каждый отец должен сообщить своим детям, что один сильный удар, притом по хребту гадюки, убивает ее, как бы живуча она ни была! Только никогда не надо попадаться впросак и брать убитое животное без необходимой предосторожности, потому что у гадюки способность движения остается еще долгое время после того, как ей был нанесен смертельный удар, а опасность ее ядовитых зубов не уменьшается даже в том случае, если ей отрубят голову. Отрубленная змеиная голова старается укусить вас почти так же свирепо, как и раньше, когда змея была жива, несколько десятков минут после обезглавливания поворачивается она в ту сторону, с которой, по ее предположению, угрожает опасность, что показывает, как долго не прекращается деятельность ее ни чтожного и малоразвитого мозга. «Ужасно смотреть, — говорит Линк, — как такая окровавленная голова несколько раз открывает пасть, высовывает ядовитые зубы и с жадной мести старается схватить палец, который ей показывают». Повторяю, что яд теряет силу далеко не так скоро после смерти; многие произведенные в этом отношении опыты показывают, что даже высушенный и затем снова растворенный яд способен отравить кровь млекопитающего. Итак, большая осторожность должна быть внушена каждому, кто выказывает охоту способствовать уничтожению ядовитых змей. Даже способ, рекомендуемый со многих сторон, который состоит в том, что выгоняют свиные стада в поля, посещаемые гадюками, скорее может принести убыток, чем иметь успех. Тем из моих читателей, которые живут в местностях, зачумленных змеиным отродьем, я бы посоветовал ночные охоты. По вышеприведенным опытам я думаю, что вернее всего можно очистить местность от гадюк, приманивая их ночью на зажженный огонь и затем убивая. Сапоги, доходящие до колен, совершенно защищают от укусов змеи; таким образом, охотник, запасшийся ими, не подвергается ни малейшей опасности, а сама по себе охота, наверно, доставит удовольствие каждому. Во всяком случае, надо бы попробовать это средство.

Что касается лечения лиц, имевших несчастье быть укушенными гадюкой, то я скажу еще раз, что по нашим теперешним сведениям, самое действенное из всех бесчисленных средств, которые были испробованы, это спирт, коньяк, ром или водка, принятые в большой дозе; таким образом, каждый в состоянии лечить укушенного гадюкой, потому что водку можно достать в самой маленькой деревушке. Среди горных жителей верхней Баварии это превосходное средство известно всем и каждому, как я узнал из верного источника, и почти постоянно успешно применяется на деле. Для успокоения тех, кто опасается худших последствий от этого лекарства, чем опьянение, я говорю с убеждением, что люди, заболевшие от укуса гадюки, нимало не хмелеют даже от неумеренного приема водки. Если, кроме того, высасывают укушенное место, вырезают или прижигают, или же до прибытия медицинской помощи привязывают на это место какой-нибудь твердый предмет, например, камешек, так туго, как только можно вытерпеть все это, по моему мнению, не заслуживает особенного одобрения. Еще надо заметить, что в новейшее время советуют промывать рану обеззараживающим раствором марганцово-кислого калия (2 % на сто) или карболовой кислоты (5 % на сто)*.

* *Описанные средства устарели. Во многих случаях достаточно применения противоаллергических и успокоительных препаратов.*

Асписовая гадюка (*Vipera aspis*), достигает почти таких же размеров, как и обыкновенная гадюка, но большей частью она короче и толще, а голова у нее шире. Самый верный признак отличия одного вида от другого составляют ряды чешуек, отделяющих глазное яблоко от лежащих под ним верхнегубных щитков, а особенно вздернутая морда. На спине не видно или, по крайней мере, видна реже, чем у гадюки, непрерывная зубчатая полоса. Вместо нее — отдельные большие пятна, расположенные таким же образом, как те, которые составляют полосу на спине у гадюки. Окраска фона, на котором выделяется темный рисунок, принимает самые разнообразные оттенки, от беловато-серого до пепельного или серовато-зеленого и от светло-коричневатого до медно-красного или темно-коричневого цвета; у асписовой гадюки, как и у обыкновенной гадюки, самцы обыкновенно светлее самок. Чтобы дать описание, взятое прямо с живых экземпляров, приведу слова Шинца: «Спина покрыта четырьмя продольными рядами черных или темно-бурых пятен, из которых пятна двух средних рядов почти четырехугольные и лежат близко друг к другу, но редко образуют зубчатую полосу, хотя они более или менее соединяются и иногда связаны по углам черной узкой полоской, идущей посреди спины; боковые пятна меньше, нижние части черные с белыми пятнами, а ино-

гда встречаются пятна цвета ржавчины». Длина колеблется между 50 и 60 см; хвост, который к кончику на нижней стороне желтого, как сера, или оранжевого цвета, составляет шестую или восьмую часть всей длины тела. Миллер разделяет швейцарских асписовых гадюк на две формы: живущую в долинах, с треугольной головой, сплошь покрытой чешуйками, и горную, по рисунку тела и более узкой голове приближающуюся к гадюке. К первой форме относятся экземпляры из Юры, Вадта, из нижней главной долины Валлиса, а к горной — из Верхне-Ронской долины и боковых долин Валлиса, также часть экземпляров из Зимментала.

Асписовая гадюка (*Vipera aspis*)

Надо еще заметить, что Линней называл асписовую гадюку аспидом (*Coluber aspis*); в большей части старинных учебников зоологии она названа *Vipera redii* в честь итальянского ученого, которому мы обязаны прекрасными наблюдениями над ней и над действием ее укусов.

"Тогда как обыкновенная гадюка, — замечает Штраух, — живет в средней и северной частях евроазиатского материка и сравнительно маленькая часть области ее распространения принад-

лежит Средиземному морю, асписовая гадюка водится исключительно в странах, окружающих это море, и удаляется от него только во Франции, Швейцарии и Германии. Круг ее распространения тянется приблизительно от 16 до 34 градуса восточной долготы и достигает на севере приблизительно 49 градуса, между тем как на юге только незначительно переходит за 37 градус северной широты». Асписовая гадюка распространена на большом пространстве во Франции, особенно в южных департаментах, а в северных попадает реже; она водится также в окрестностях Метцы, очень обыкновенна в Швейцарии, на Юре и в некоторых частях Ваадта, Валлиса и южного Тессина; в Италии это самая обыкновенная ядовитая змея, которая встречается на всем полуострове и в Сицилии, исключая счастливый остров Сардиния, свободный от ядовитых змей; ее нет даже в Далмации, Греции и в северной Африке. По словам Видера, с приближением зимы она покидает горы и переселяется в равнины ближе к человеческому жилью, чтобы там провести суровое время года. Ее находят в сухих, теплых, каменистых местах, реже в лесах и рощах, чаще у заборов, около стен или подле кучи камней, утром и вечером, перед грозой; весной она встречается большей частью парами, так что, найдя самца, обыкновенно скоро замечают и самку. Последнее сообщение вполне может подтвердить Гредлер, опираясь на случай, когда он поймал пару асписовых гадюк, местопребывание которых было открыто таким образом, что заметили одну змею из пары. Тот же самый исследователь наблюдал одну асписовую гадюку в 9 часов вечера, о чем я упоминаю только потому, что считаю важным приводить все наблюдения, доказывающие их ночную жизнь или же, по крайней мере, говорящие об этом факте.

По своим привычкам асписовая гадюка обнаруживает очень большое сходство с обыкновенной гадюкой. «Ее движения, — говорит Шинц, медленны и неуклюжи. Сама она пуглива и старается спастись бегством и только в том случае, если это ей не удастся, если ее тронули или случайно наступили на нее, она готовится к обороне и кусается. Если поставить на нее ногу, то она защищается, но кусает также палку или другие предметы, которыми ее хотят схватить».

Вероятно, что асписовая гадюка питается тем же, чем и обыкновенная гадюка, то есть преимущественно охотится за различными видами мышей. По словам Видера, она питается главным образом кротами, которые умирают от ее укуса через 8-10 минут, но она не кусает и не ест ни пресмыкающихся, ни амфибий, потому что ее яд действует только на теплокровных животных. Сеттари также уверяет, что кошки застрахованы от яда асписовых гадюк, и говорит, что неоднократно производил опыты, доказывавшие это. Я сомневаюсь и в том, и в другом, потому что, опираясь на приобретенные раньше сведения, не могу понять, почему яд асписовой гадюки может действовать не так, как яд обыкновенной гадюки. Другое сообщение Сеттари во всяком случае вернее: она прилежно охотится за мышами на лугах и очень любит лежать в теплые дни под кучами скошенной полусухой травы, почему косари часто бывают укушены ею за руки и ноги. Видер не может сказать, чем питаются маленькие асписовые гадюки, которые не в состоянии проглотить ничего большого; я считаю вероятным, что они едят вначале маленьких ящериц, как это делают молодые гадюки.

Асписовая гадюка только на третьем году жизни становится способной к размножению. Спаривание происходит в апреле и продолжается больше трех часов, как однажды наблюдал Видер. При этом самец и самка так тесно соединены, что, застигнутые в это время, не могут оторваться друг от друга. Приблизительно через четыре месяца после совокупления самка мечет 8-15 вполне развитых детенышей, около 20 см длины, которые с первого же дня жизни обнаруживают злой нрав и усердно кусаются.

В неволе асписовая гадюка ведет себя так же, как и обыкновенная гадюка. Она никогда не делается ручной, остается всегда коварной, хотя через несколько месяцев отчасти утрачивает ярость; после полугодового заключения она все еще кусает хозяина и редко решается принимать пищу.» У меня было несколько асписовых гадюк, — говорит Видер, — которые ничего не ели в течение 16 месяцев, но часто пили воду». Совершенно так же, как и обыкновенная гадюка, она вскоре после того, как ее поймают, выплевывает только что проглоченную пищу. Наш исследователь поймал асписовую гадюку, у которой было очень толстое тело, и в гостинице посадил ее в бутылку, за неимением другого сосуда; на другое утро он немало удивился, найдя в бутылке большого крота. Вытащить этого крота из бутылки оказалось гораздо труднее, чем посадить туда змею вместе с добычей, находившейся у нее в желудке. Одна пойманная асписовая гадюка, которую Гредлер держал в строгом заточении, совсем не подтвердила наблюдений Видера: она съедала подряд трех ящериц, пила воду и даже линяла. С другими змеями асписовая гадюка живет в мире, как на свободе, так и в клетке, и те ее не боятся, но, при появлении домового мыши или крысы, она тотчас же принимает угрожающую позу и кусается. Домовая мышь умирает через пять минут от единственного укуса, крыса же через 20 минут и обыкновенно предварительно мстит своему коварному врагу. «Зимой, —

рассказывает Видер, — я держал в стеклянном ящике пять асписовых гадюк средней величины. Однажды я посадил к ним большую крысу и думал, что ее скоро закусает и она издохнет. Но этого не случилось: все общество жило в полнейшем мире. Я кормил крысу хлебом и другими припасами в течение нескольких недель; когда же должен был уехать на восемь или десять дней и ей нечего было есть, мир был нарушен. По своем возвращении я нашел крысу очень бодрой, а пять асписовых гадюк были съедены до косточки».

Асписовая гадюка — это та самая змея, над которой, кроме Реди, также и Фонтана производил исследования, ставшие знаменитыми. При дворе Тосканского великого герцога Фердинанда II, который сам занимался науками и поддерживал выдающихся людей, была рассмотрена и асписовая гадюка. До того времени (XVII в.) имелись только сообщения древних, и им верили, не заботясь о том, чтобы собственными наблюдениями исследовать истину. Некоторые из ученых мужей, с которыми Реди имел сношения, утверждали, что яд асписовой гадюки помещается у нее в зубах; другие говорили, что ядовиты не зубы сами по себе, а сок зубных мешков, и что притекает он из желчной сумки, потому что желчь змеи, даже если ее проглотить, действует как страшнейший яд; третьи думали, что яд находится в слюне, и, наконец, четвертые присоединялись к мнению древних, что все зло заключается в кончике хвоста. Начали исследования с желчи, потому что за нее было мнение большей части присутствующих, опиравшихся на показания Галена, Чезальпино, Кардано и многих других знаменитых врачей. «Собрание этих высокоученых имен, — говорит Ленц устами Реди, — могло бы испугать любого человека; но, нимало не заботясь о них, Яков Коцци, охотник за асписовыми гадюками, который, стоя в углу, слушал все ученое изложение, подошел, смеясь, взял желчь змеи, бросил ее в воду и проглотил без рассуждений. Это было поистине веское доказательство, однако собравшиеся господа не поверили проделке и предположили, что у него в желудке было какое-нибудь противоядие. Поэтому они давали желчь асписовой гадюки многим животным, но все они оставались здоровыми, а кошка, проглотившая желчь, стала даже с удовольствием облизывать свою мордочку. После многочисленных опытов над животными, которым вводили желчь в раны без всякого для них вреда, господа, предполагавшие ядовитость желчи, были разбиты на голову.

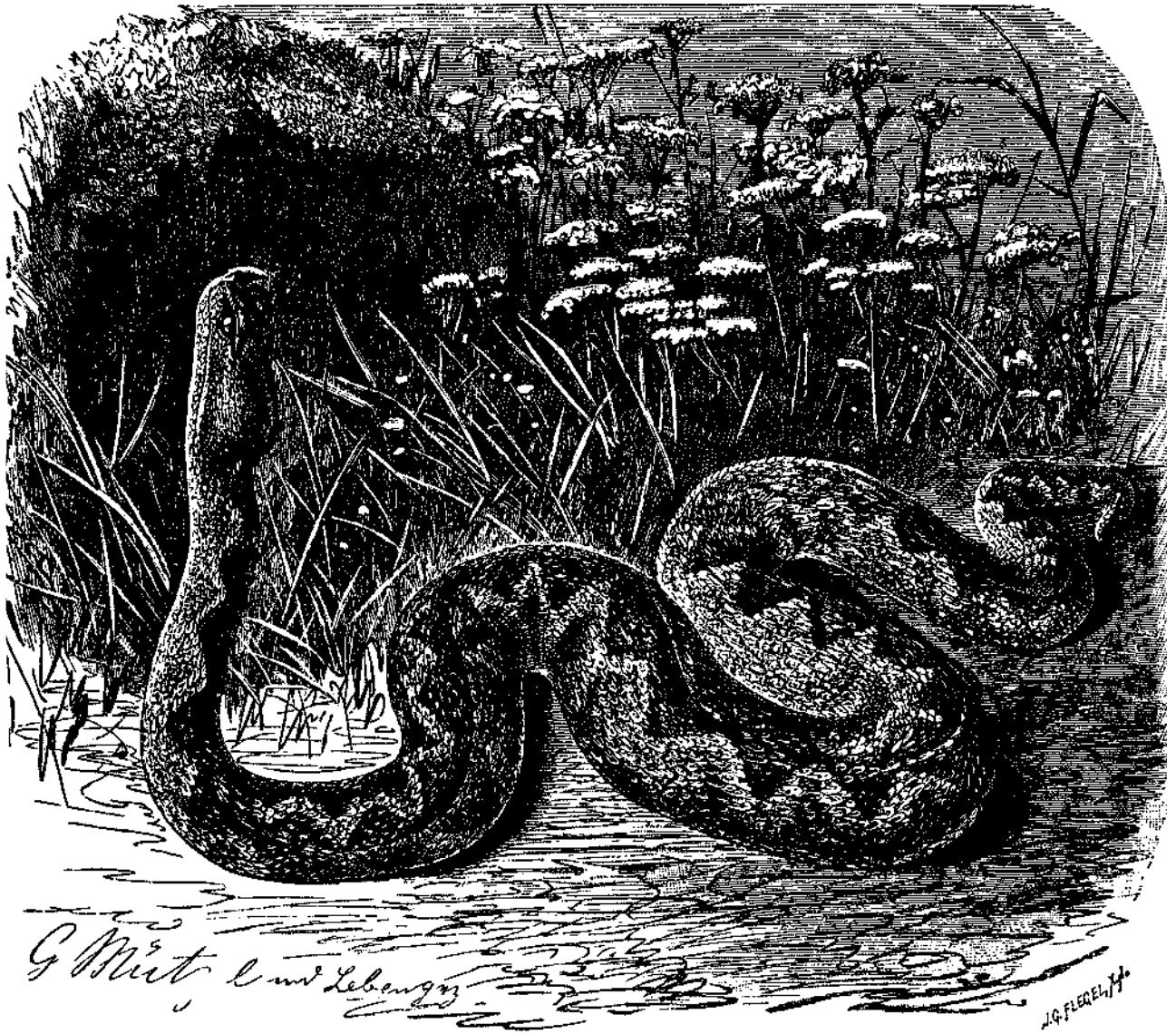
Охотник за асписовыми гадюками скоро положил также конец спорам о жидкости, находящейся в пасти змеи; он взял большую, злую гадюку, старательно вымыл ее пасть и зубные мешки вином и затем спокойно выпил эту настойку; на следующий день повторил то же с тремя другими гадюками. Козел и утка, которым приготовили такой же напиток, чувствовали себя также хорошо, но когда большому количеству молодых кур и голубей ввели в раны желтый сок, находящийся в зубных мешках животных и мертвых змей, то все они умерли». Таким образом, яд был довольно скоро обнаружен. Для того чтобы опровергнуть басни древних писателей, Бреди производил самые разнообразные опыты: испробовал всевозможные травы, которые рекомендовались как противоядия, и нашел, что они никуда не годны; убивал массу асписовых гадюк, жарил их мясо и кости, сжигал их затем в пепел и применял добытые из щелока соли, для того чтобы убедиться, что они действовали точно так же, как вещества, полученные аналогичным путем из других животных. Так как Аристотель, Никандр, Гален, Плиний, Павел Эгинет, Серапион Владимирский, Авиценна, Лукреций и позднее многие другие знаменитые писатели утверждали, что человеческая слюна убивает ядовитых животных, то Реди впрыскивал ее гадюкам в продолжении 154 дней, однако без малейшего для них вреда; он бросал им все те листья, к которым, как говорили древние, ядовитые змеи чувствуют ужасное отвращение, и с удовольствием замечал, что асписовые гадюки не только не боялись их, но, наоборот, заползали на эти листья. Он отверг мнение, что гадюка сама по себе может употребляться как целебное средство против укусов других змей этого рода, вообще доказал, что уверения древних писателей не были основаны на беспристрастных наблюдениях.

В конце XVIII столетия Фонтана стал продолжать исследования Реди. «Яд асписовой гадюки, — говорит он, — не есть кислота; он не делает красным лакмус, не меняет цвета фиалкового сиропа, который только немного желтеет, если в него добавят много яда. Соединенный со щелочными солями, он не шипит и очень медленно смешивается с ними; в воде тотчас же опускается на дно. Он не горит, высушенный имеет прозрачный желтый цвет и липнет как смола; в зубах мертвой гадюки остается годами, не изменяя цвета и не теряя прозрачности; его можно развести в теплой воде и он все еще смертелен; высушенным его сохраняли около десяти месяцев, и он не терял своей силы». Из бесчисленных опытов, произведенных им, Фонтана выводит следующие заключения: при одинаковых условиях самая большая асписовая гадюка есть в то же время и самая опасная. Действие яда усиливается вместе с гневом животного. Чем дольше оставляет гадюка ядовитые зубы в ране, тем вернее она отравляет. Чем медленнее умирает животное, тем сильнее развивается болезнь укушенной части тела. Относительно действия яда он говорит, что кровь укушенного животного

свертывается, плазма отделяется от кровяных телец и распространяется по ткани, что приводит к прекращению кровообращения и смерти. Кровь, разделенная на сгустки и водянистую часть, начинает быстро разлагаться и вызывает омертвление всего тела. Лягушки после укуса гадюки могут жить гораздо дольше, чем теплокровные животные, потому что они долгое время могут обходиться без дыхания и кровообращения, не умирая от этого. Фонтана сообщает, что яд асписовой гадюки не убивает ужа и это подтверждено двумя французскими учеными.

Насколько обширны опыты этого знаменитого ученого, доказываемые приводимыми числами. У него было более 4000 укушенных животных, для чего он употребил около 3 000 асписовых гадюк; применял все противоядия, известные ему, и не только над одним животным, а сразу над дюжинами их, и в строгом смысле слова пришел к заключению, что нет противоядий. По его мнению, человек, укушенный асписовой гадюкой, не умирает; надо, по крайней мере, пять-шесть таких змей, чтобы убить человека. Это сообщение, к сожалению, не нуждается в исследовании, так как мы знаем, если и немного, то все же несколько случаев, когда люди умирали от укуса только одной асписовой гадюки.

Носатая гадюка (*Vipera ammodytes*) имеет мягкий рогообразный придаток на носу, покрытый чешуйками и похожий на конусообразную бородавку. Она отличается от обыкновенной гадюки покровом головы, на которой кроме надглазных щитков нет больших пластинок, но очень похожа на нее по внешнему виду; даже окраска и рисунок их обеих имеет большое сходство. Голова покрыта маленькими, более или менее черепитчатыми чешуйками с очень неясным килем, вдоль туловища проходят 21, в редких случаях 23 ряда подобных чешуек большего размера с острым килем. Голоступующая окраска так же переменчива, как и у прочих видов: большей частью она бывает желтовато-бурого цвета, но также беловато-серого, у отдельных экземпляров с большей или меньшей примесью красного, у некоторых даже прекрасного розовато-красноватого цвета, действительно великолепного; рисунок находится в бурой зубчатой полосе, которая начинается на затылке и идет через все тело и хвост и состоит из продолговатых ромбоидальных пятен, соединяющихся между собой углами.

Носатая гадюка (*Vipera ammodytes*)

Черные полосы ограничивают с боков среднюю полосу, так что она еще ярче выступает на общем фоне. Щитки нижней части тела желтоватого цвета с черными точками и крапинками. Смотря по окраске фона и по более или менее ясно выделяющейся зубчатой полосе, носатая гадюка имеет очень разнообразный вид, но ее всегда легко узнать и определить по наросту на носу. Хвост на нижней стороне у самого конца принимает яркий кирпично-красный цвет. Длина на несколько сантиметров больше длины сходных с ней видов; однако экземпляры в 95 см составляют большую редкость.

Носатая гадюка живет в Италии, в австрийских Альпах, в Истрии, Далмации, южной Венгрии, Семиградье, на Греческом архипелаге, в Турции, Сирии, Малой Азии и Армении. В Каринтии, по словам Галленштейна, чаще всего встречающаяся ядовитая змея, в Крайне и Истрии она обыкновенное явление, в Тироле, по словам Гредлера, нередко попадает, хотя ограничивается незначительной областью распространения; вблизи Боснии, в южной Венгрии и Далмации обыкновенна. Эффельдт нашел ее уже под Пресбургом, и, начиная отсюда, находил везде по направлению к югу, особенно часто вблизи Мехадии; Эрбер встречал ее в Далмации, Эдгард в виноградниках на Кикладских островах, Бори де Сент-Венсане и все позднейшие путешественники в большом количестве в Греции. В Италии она распространена гораздо больше, чем обыкновенно полагают, и северу полуострова так же свойственна, как и югу.

Шрейбер называет носатую гадюку вполне ночным животным; днем ее встречают очень редко даже в таких местах, где она принадлежит к самым обыкновенным змеям. «В это время она еще охотнее вылезает из своей норки после теплого грозового дождя, особенно если после него сразу выглянет солнышко. Ночью же, наоборот, она правильнее выползает, и тогда ее можно наблюдать на подходящих местах, особенно в лунные ночи, как она ползает часто во множестве и ищет добычи. Условия почвы, которые выбирает эта змея для местожительства, не везде одинаковы; в некоторых местах, как, например, в южных Альпах, она водится исключительно в известковых горах и

преимущественно на твердых, изредка поросших кустарником местах, тогда как на Балканском полуострове особенно часто попадает в виноградниках. Вообще в совершенно плоской местности она встречается редко, а чаще в холмистых или гористых местах. Насколько высоко она поднимается в вертикальном направлении, я точно не могу определить, но сам поймал носатую гадюку в южных Альпах на высоте около 1145 м над уровнем моря. Это животное довольно чувствительно к холоду, потому что из всех змей, населяющих с ней одну и ту же местность, она последняя появляется и обыкновенно раньше других исчезает. Пища, по всей вероятности, состоит исключительно из мышей»

Напротив того, Бедряга замечает, что, по крайней мере, в Греции не приходится называть носатую гадюку исключительно ночным животным. «В Греции я встречал ее, — говорит он, — наоборот, постоянно в полдень, когда она грелась на солнце в местах, совершенно лишенных зелени. Чтобы поймать ее, я должен был выбирать самые светлые и теплые дни, потому что при этих условиях она обыкновенно теряет всякий страх и свободно ожидает врага, чтобы в подходящий момент пустить в ход свои страшные зубы».

Она живет в одиночку, однако, по словам Эффельдта, встречается нарами еще иногда в мае, то есть долгое время спустя после спаривания; выбирает убежище под камнями или в отверстиях почвы, в кустах, даже в лесах и на открытых полях или на межах между ними, но особенно охотно поселяется в виноградниках. По Гредлеру, в Тироле она появляется уже в марте и встречается еще поздней осенью; на островах Киклады почти не впадает в зимнюю спячку, но остается деятельной целый год напролет. Эффельдт никогда не наблюдал ее в полуденное время, но или ранним утром, или поздно вечером; наш наблюдатель находил ее часто в большом количестве даже на таких местах, которые напрасно обыскивал днем, когда в теплые вечера, через четверть часа после захода солнца, выходил искать змей с фонарем в руках. «На мысль о подобного рода охоте, — рассказывал он мне, — я был наведен сообщением венгерского крестьянина, которого расспрашивал об этом животном, и у которого просил помощи. «Днем, — говорил мне этот человек, — будет трудно собирать ядовитых змей, но вечером это не представит никаких затруднений: надо только зажечь огонь, тогда их приползет столько, что можно наловить сколько угодно». Я последовал этому совету в тот же вечер, и результат подтвердил справедливость сообщения, казавшегося мне тогда маловероятным. Мой охотник за змеями и я поймали за одну ночь 21 змею».

По наблюдениям Эрбера, носатая гадюка питается мышами, птицами и ящерицами, причем умеет очень хитро подстергать птичек и смертельно ранит простодушных пернатых певцов часто во время пения. «С жалобным криком поднимается птичка еще раз в воздух, но тотчас же падает на землю и умирает через несколько минут, после чего змея съедает ее».

О размножении носатой гадюки не имеется особых наблюдений; но, из сообщений Эффельдта и Эрбера, видно, что спаривание происходит приблизительно в то же время, как и у обыкновенной гадюки, детеныши выводятся в августе или сентябре. В сентябре одна самка, пойманная Эрбером, родила двух детенышей, которые, к сожалению, оба появились на свет мертвыми, может быть, недоношенными, потому что они были еще в яичной оболочке.

Первые пойманные носатые гадюки, полученные Эффельдтом, были присланы ему с замечанием, что они ни разу не принимали пищу в клетке; но как раз эти два экземпляра опровергли подобное утверждение, так как одна из них, без дальних рассуждений, схватила и проглотила брошенную ей мышь. Впоследствии то же наблюдение повторялось несколько раз. Некоторые экземпляры даже отличались прожорливостью, отнимали корм у других змей, а у слабейших со злобным шипением вырывали из пасти наполовину проглоченных мышей и насыщались ими. Так как живые мыши, которыми сначала кормили змей, иногда не сразу бывали убиты ленивыми носатыми гадюками и грызли ящик, то Эффельдт стал бросать только мертвых мышей; но змеи не пренебрегали и ими, а под конец так привыкли к этому корму, что перестали пускать в ход свое оружие, когда схватывали мышь, безразлично мертвую или нет. Однажды Эффельдт оглушил мышь ударом и бросил ее носатым гадюкам. Она тотчас же была схвачена и проглочена, но при этом очнулась, начала шевелиться и царапаться. Так как гадюка схватила ее сзади, то мышь старалась выкарабкаться и пробиралась вперед, и гадюка должна была напрягать все силы, чтобы возвращать ее назад. Через некоторое время змея решила выплюнуть сопротивляющуюся добычу. Мышь еще была жива, но превратилась в неузнаваемый комок, весь покрытый слюной; она еще билась несколько минут и затем умерла. Но носатая гадюка тоже оказалась больной и околела часа через три, может быть, вследствие внутренних повреждений, причиненных ей мышью.

По наблюдениям Эффельдта, носатая гадюка отлично уживается с другими змеями, даже с неядовитыми; вообще она сравнительно миролюбивое животное и, пока не рассержена, не обращает внимания на других животных, исключая мышей и птиц. Она не так свирепо бросается на хозяина,

как обыкновенная гадюка, мало-помалу выучивается кое-чему до известной степени, и поэтому принадлежит к тем немногим ядовитым змеям, которые доставляют радость любителю.

"В сентябре 1857 года, — рассказывает Эрбер, — я получил из Далмации двух носатых гадюк, а в начале декабря еще третью. Пара из них живет у меня до сих пор (1863). Они не впадали в зимнюю спячку, хотя я ставил их в прохладное место, но аккуратно каждую неделю съедали по одной мыши, которая никогда не жила больше пяти минут после укуса. Два раза я даже видел, как мыш, укушенная в голову, падала с жалобным писком и моментально умирала. Только на следующий день или даже через день после этого змея проглатывала свою жертву, и, право, ей стоило немалого труда справиться с животным, успевшим сильно окоченеть; часто ей это удавалось только после трех или четырех бесплодных попыток, но всегда она проглатывала добычу ночью; по крайней мере, я никогда не видел, чтобы она ела что-нибудь днем. Вообще ночь — это ее время: она тогда гораздо живее, чем днем. Ночью она следит за каждым движением руки, между тем как днем лежит совершенно спокойно и особенно усердно ищет солнечного тепла. Она пьет часто и охотно, относительно людей не особенно раздражительна, но относительно животных — очень; например, вид собаки легко приводит ее в бешенство, и она выказывает это тем, что сильно шипит и приподнимается. Она нелегко обращается в бегство, но большей частью принимает выжидательное положение, из которого неохотно позволяет себя потревожить. В декабре 1857 года мне принесли совершенно взрослую крысу, которая попала в капкан за заднюю ногу. Животное было чрезвычайно живое, и всеми средствами старалось освободиться. Тогда я вынул из клетки носатую гадюку-самца, положил ее на пол и принес крысу ближе к ней. Змея тотчас же приняла угрожающий вид и укусила крысу при первом ее движении. Тогда я посадил змею назад в ее помещение, а крысу выпустил в кухню. Сначала она хотела спрятаться, но скоро добровольно вышла наружу, стала жадно искать чего-то вокруг, и, казалось, совсем потеряла страх к людям. Я налил ей немного воды, которую она выпила с жадностью. Но через несколько минут стала беспокоиться, оцетинилась, потом съежилась и на некоторое время оставалась спокойной, затем снова вытянулась, перекувырнулась и издохла с продолжительным визгом; со времени укуса не прошло и четверти часа.

Относительно действия укуса на других пресмыкающихся и земноводных я получил следующие сведения. На обыкновенных и водяных ужей, медянок и эскулаповых полозов укусы не производят никакого действия; у всех ящериц, наоборот, за укусом почти в ту же минуту следовали паралич и скорая смерть. Не то с жабами, которые несколько дней бывают больны, но затем снова поправляются и принимают пищу. У тритонов, после укуса снова посаженных в воду, выказывается только одно явление, это то, что они глотают воздух через каждые две минуты, тогда как обыкновенно это случается в промежуток времени 8-10 минут; но если их держать в сыром мху, то они умирают через несколько минут. То же самое можно сказать и об укушенных саламандрах, которые покрываются перед смертью белой пеной. Отравленные животные тотчас же после смерти коченеют.

Что касается действия укусов на человека, то я в состоянии привести только один случай, который, к сожалению, испытала на себе моя жена. Я предоставляю ей самой рассказать об этом происшествии. «Во время отсутствия мужа я заботилась о кормлении пойманных пресмыкающихся и земноводных и чистке их клеток. Чтобы снабдить носатых гадюк свежей водой, я поставила три клетки на стол, открыла одну из них и длинными щипцами поставила сосуд с водой опасным животным. В это время раздался звонок, и я пошла отворить дверь, но в своей поспешности забыла затворить клетку со змеями. Когда я снова вошла в комнату, то с ужасом увидела, что одна из носатых гадюк наполовину выползла из клетки. Страшно испуганная, я не знала, что делать и не догадалась впихнуть опасное животное назад в клетку с помощью щипцов, но необдуманно схватила его рукой и бросила в клетку. Это было делом одной минуты; но как ни быстро я это проделала, все же гадюка злобно поднялась и укусила меня в левую руку, в то время как я хотела запереть клетку. Я так испугалась внезапного нападения змеи, что некоторое время смотрела на свою рану совершенно растерянно. Но рана не представляла ничего замечательного, казалась совсем маленькой царапиной, как от иголки, и совсем не болела, так что я успокоилась и сочла ее неопасной. Но это продолжалось недолго; я почувствовала головокружение и мне сделалось так нехорошо, что я вынуждена была сесть; в то же время почувствовала сильное колотье в укушенном месте и только тогда заметила, что оно начало зеленеть, а маленькая царапина в середине пятна стала укорачиваться. Так как боль делалась все сильнее и сильнее, то я, наконец, увидела, что мне осталось только одно — применить одно из сильных средств, употребляемых при укусе ядовитой змеи, а именно вырезать, высосать или выжечь рану. Я схватила щипцами утюг, который как раз стоял на огне, и смело прижала его к ране. На укушенном месте образовался большой темный пузырь, а вокруг раны показалось много меньших красноватых пузырей. Напряжение кожи сделалось скоро невыноси-

мым, поэтому я разрешила пузырь. Оттуда пошла грязная, черноватая жидкость, которую я выдавила, сколько смогла, несмотря на сильную боль. После этого тщательно перевязала рану, и через восемь дней она совершенно зажила к моей большой радости».

Из сообщений Эргарда видно, что не все случаи проходят так благополучно. «Греческим виноградарям, работающим обыкновенно босиком, особенно детям, носатая гадюка нередко приносит вред. Ее яд действует гораздо сильнее, чем яд итальянской асписовой гадюки, так что в жаркое время года ее укус можно считать смертельным для детского или вообще слабого организма. К счастью, она очень ленива. Так как она никогда не нападает первая, а кусает только в том случае, если на нее случайно наступят, то ее можно было бы считать безвредной, если бы не истинно греческая небрежность, которая слишком велика в отношении этой змеи, несмотря на внушаемый ею страх. Для примера приведу случай с одним пастухом, которого несколько лет назад носатая гадюка укусила в щеку, вследствие чего у него образовалось дикое мясо, распространившееся на язык и твердое небо до небных дуг. Ежегодно в те дни месяца, когда пастух был укушен, это место распухло, и его соотечественники считали болезнью проказы. Хотя он сам отлично знал причину болезни, но был настолько неосторожен, что его вторично укусила змея, вследствие чего он едва не умер».

Одна из самых больших, опасных и известных змей жаркого и умеренного пояса Африки это **шумящая гадюка** (*Vuis arietam*). Самую большую шумящую гадюку из всех, попадавшихся до тех пор в коллекции, я сам держал у себя и измерил ее после смерти: она была длиной 1,47 метра. Бэкер уверяет, что он убил еще большую шумящую гадюку, длиной 1,63 метра: этой мерой можно обозначить крайний предел величины, которой может достигнуть змея этого вида. Это единственная гадюка, у которой сравнительно маленькие ноздри лежат наверху рыльца за его кончиком и направлены вверх; она отличается от ближайших родственниц верхненосовыми щитками с простым килем, покрытыми так же скудно, как и надглазничная область, чешуйками, шипами или пучками шипов, расположенными наподобие рогов. Это не клевета, если на нее указывают как на одну из самых некрасивых змей, но это относится к форме тела, а не к его окраске. «Тот, — говорит Гюнтер, — кто назвал гадюк жабами между змеями, разумеется, прав, если взял за образец шумящую гадюку». В самом деле, эту пучеглазую змею с плоской и широкой головой, с неграциозно толстым телом можно сравнить с жабой. Ее голова, представляющая почти треугольник или, вернее, разносторонний четырехугольник, неуклюже закруглена на конце рыльца и очень резко отделена от шеи, которая отнюдь не отличается стройностью, а, наоборот, также толста. Туловище, быстро расширяющееся от самой шеи, без всякой меры утолщено и расширено, так как его разрез представляет плоский, закругленный на углах треугольник, самую широкую сторону которого, основание, составляет брюхо. Без заметной границы туловище переходит в хвост, который можно сравнить с тупым конусом, приплюснутым на одном месте боковой поверхности, на нижней стороне тела. Голова и туловище покрыты одинаковой формы килеватыми черепитчатыми чешуйками, различающимися только величиной, они располагаются на туловище в 31-33 продольных ряда, а между глазами и верхнегубными щитками образуют три или четыре ряда. Окраска и узор изменяются у различных экземпляров, но не особенно резко, если принять во внимание, что, подобно всем другим змеям, шумящая гадюка тотчас после линяния является с гораздо более яркой окраской, так что иногда можно ошибиться и причислить один и тот же экземпляр, до и после линяния, к двум различным разновидностям. Сразу после линяния, фон всего тела становится ярким песочно-желтым, затем до следующего линяния более или менее темнеет и перед самым обновлением животного может дойти до грязного серовато-коричневого цвета. Над передней частью морды через глаза идет поперечная полоса темно-коричневого или черноватого цвета, спереди со светлой каймой; непосредственно к ней, занимая все пространство между глазами, примыкает основание лирообразного светлого узора, который, мягко изгибаясь, идет от глаз через височную область, затем поворачивает с каждой стороны вниз к углу рта, а между ветвями лиры заключается темное пространство. На шее начинается в три ряда узор, составленный из углов, которые в среднем ряду обращены вершиной назад, а в боковых рядах открываются вниз. Между этими рисунками находятся полосы и пятна самой разнообразной формы. Углообразные рисунки обыкновенно окрашены в яркий желтый или желтовато-белый цвет и всегда с обеих сторон окаймлены черным, а так как пятна окружены такой же каймой, и эти каймы иногда бывает шире, чем сами полосы, то отсюда возникают всевозможные разновидности. На самом деле все эти отличия незначительны и, во всяком случае, если признать, что вряд ли найдутся две шумящие гадюки с одинаковыми окраской и рисунком, то надо прибавить, что существенные признаки цвета и узора у всех одинаковы.

Шумящая гадюка живет в Африке, начиная с 17-го градуса северной широты, переходя за эту параллель на север только в южном Марокко; к югу материка она опять встречается реже. На западном берегу Африки она обыкновенная на ее юго-востоке нигде не представляет редкого явления, в середине материка распространена повсюду на подходящих местах.

Шумящая гадюка заслужила немецкое название «Puffotter» вследствие громкого шипения, которое она испускает, если ее беспокоят или рассердят. При этом она поднимает голову приблизительно на 30 см от земли, горящими глазами следит за каждым движением приближающегося противника и выжидает благоприятный момент, чтобы броситься на него. Рис уверяет, что в гневе ее голова не только расширяется, как это бывает и у других змей, но в то же время изменяет цвет и отликает то голубым, то голубовато красным, но это сообщение неправдоподобно и, по крайней мере, не относится к пойманным шумящим гадюкам, в чем я мог убедиться путем собственных продолжительных наблюдений.

О жизни шумящей гадюки на свободе мало известно. Только от Фритша я получил жизнеописание этой змеи. «В Южной Африке, — пишет мне этот путешественник, — собственно в Капской земле шумящая гадюка встречается редко, но чаще попадает в восточных провинциях или дальше внутри страны. Она отличается своей ленью, движется чрезвычайно медленно и только когда кусает, то с быстротой молнии устремляется на свою добычу, при этом вращается вокруг своей оси. Люди уверяют, будто она может подпрыгнуть так высоко над землей, что в состоянии достать всадника на лошади. Днем она обыкновенно смирно лежит, спрятавшись в кустарнике или траве, ночью выползает и для ловли мышей часто приближается к жилищам. Одна женщина в Трансваале, выходя из дома, наступила в темноте на шумящую гадюку, лежавшую перед дверью, была ею укушена и умерла на следующий день. Эта змея еще опаснее для пасущегося мелкого скота или для охотничьих собак, потому что под прикрытием кустов она всегда обороняется. Один господин в Блумфонте из-за нее лишился одновременно двух собак, из которых одна умерла через 10 минут, а другая через несколько часов после укуса.

Один наблюдатель, вполне достойный доверия, пошел гулять в лес, как он сам рассказывал мне, и, к своему великому удивлению, заметил на небольшом расстоянии от себя большую южноафриканскую полевую мышь, которая точно приросла к месту. Когда он посмотрел, что за причина удерживает пугливого зверька обратиться от него в бегство, то заметил совсем близко от себя большую шумящую гадюку, которая определила эту мышь себе в добычу и не спускала с нее глаз. Прежде чем изумленный свидетель этой сцены успел пустить в дело палку, змея бросилась на мышь, схватила ее и исчезла вместе с ней в находившейся рядом дыре. Вероятно, змея видела своего врага, но ей не хотелось упустить добычу, потому она и утащила ее с собой, вместо того, чтобы укусить мышь и ожидать ее смерти. Последний акт маленькой трагедии прошел очень быстро, и шумящая гадюка, вообще ленивая, произвела целый ряд быстрых движений, чтобы достигнуть цели. Подобная подвижность этого животного составляет, впрочем, редкое исключение. Однажды я пролежал в земле бечуанов более получаса рядом с полувзрослой шумящей гадюкой, свернувшейся в высокой траве, и она даже не пошевелилась. Когда я хотел немного подвинуться, чтобы спрятаться от солнца, то заметил змею в тот момент, когда намеревался опереться на нее локтем. Я осторожно поднялся с земли, чтобы взять свой хлыстик, а змея по-прежнему лежала неподвижно. Сильный удар сделал ее навсегда безвредной».

С этим описанием согласуются и другие сообщения, до сих пор еще очень скудные. Андерсон рассказывает, что быка, на котором он ездил верхом, раз чуть было не укусила такая змея, лежавшая, вытянувшись, поперек дороги; она не тронулась с места, хотя бык почти наступил на нее. Другой раз жена слуги этого путешественника нашла это отвратительное животное, по-видимому, спящее, в складках своего кожаного передника.

Относительно питания и, вероятно, размножения шумящая гадюка существенно не отличается от других гадюк. Ее добыча также состоит из всевозможной мелкой дичи, преимущественно крыс, мышей, сусликов и тому подобных грызунов, изредка также и из птички, необдуманно приблизившейся к опасному животному. Я не думаю, чтобы она ела других змей и вообще пресмыкающихся и земноводных: против этого говорит ее отношение к этим животным в клетке.

Между тем Нольте сообщает, что в три часа пополудни в солнечный октябрьский день у Порт-Елизабет он убил ударом по голове шумящую гадюку, которая намеревалась переплыть маленький ручеек, шириной в три метра. «Отличаясь этим от своих родственниц Старого Света, она хорошо плавает, на что указывает также положение ее ноздрей наверху морды. Я также слышал, что главная ее пища состоит из лягушек. При внимательном осмотре убитого животного я заметил, что оно покрыто множеством мелких бурых клещей». Гессе пишет, что на нижнем Конго около Ба-

наны она особенно охотно держится на песчаной почве. «В Банане она встречается даже в населенных местах; один экземпляр был убит очень близко от моего жилища. У этого животного нашли в желудке двух крыс, и, по моим паблюдениям, эти грызуны составляют ее главную пищу».

Рассказывают, что бушмены ее усердно преследуют, чтобы получить яд для отравления своих стрел. Говорят, что при ловле этой гадюки они выказывают много мужества и ловкости, приближаются осторожно к лежащей змее, быстро становятся ногой ей на затылок, таким образом крепко прижимают ее к земле и быстрым ударом ножа отрезают голову, затем выжимают жидкость из ядовитых желез и смешивают ее с липким соком одного растения, для того чтобы яд лучше приставал к кончику стрелы. Впрочем, за верность этого рассказа я не ручаюсь.

Шумящая гадюка, приведенная в ярость, имеет очень страшный вид. «Однажды, рассказывает Драйсон, — я видал самку этого вида в сильной ярости. Несколько кафров выгнали ее вместе с детенышами из-под поваленного дерева, и змея, очевидно, имела намерение защищаться. Кафры решили уничтожить все семейство, но боялись ближе подойти к страшному животному, Случайно я подошел в это время к недоумевающим людям и стал распорядиться нападением: велел притащить большие камни и приказал кидать их на змей. Убитых гадюк положили в костер и тут же сожгли, чтобы босоногие кафры не могли ранить себя, нечаянно наступив на голову убитой змеи, так как ее яд действует очень долго после смерти». Драйсон обращает внимание на то, что в Южной Африке, где так много ядовитых змей, очень редко услышишь о несчастном случае, происшедшем от укуса этих животных, и объясняет это обстоятельство тем, что змеи боятся людей и избегают их.

Шумящая гадюка принадлежит к числу тех гадюк, которые в неволе довольно легко принимают пищу, что, вероятно, происходит от того, что ее потребности довольно легко удовлетворимы. Ей нужна теплая клетка, пол которой посыпан песком или мелкими камешками; если в подобную клетку бросить добычу, то она тотчас же ее схватит. Поэтому она встречается почти во всех зоологических садах, где держат змей. Поимка ее, несмотря на страшно ядовитые зубы, не представляет больших затруднений: местные жители нередко хватают змею просто руками за затылок или сначала прижимают к земле веткой с развилиной. Перевозка ее так же легка, как и других змей, так как она выдерживает путешествие в течение месяца без всякого корма. Я сам воспитывал несколько лет сряду двух шумящих гадюк и имел возможность внимательно наблюдать за ними. Оба животных долго жили у Эффельдта и были приучены им к неволе, но не сделались ручными. Как только кто-нибудь приближался к их клетке, то гадюки тотчас же выказывали свойственную ядовитым змеям ярость фырканьем и шипением, однако впоследствии они не кусали подходивших к ним людей, как это делали вначале; их не следовало только трогать и беспокоить. Трудно описать словами необыкновенную неподвижность шумящей гадюки днем: где она улеглась утром, там непременно останется лежать до самого вечера, предаваясь, по-видимому, сну; ее очень трудно заставить пошевелиться, и если это делать насильственно, то она приходит в сильную ярость. Гюнтер рассказывает, что он однажды рассматривал на корабле только что привезенных и недавно пойманных змей, причем ящики пришлось открывать. Ящик, где была очковая змея, нужно было закрыть тотчас же, так как животное моментально приготовилось к нападению; другой ящик, где было от 20 до 30 шумящих гадюк, можно было открывать совершенно спокойно, так как змеи не пробовали уйти и не кусались, несмотря на то, что Гюнтер вынимал их из ящика палкой. Я могу подтвердить эти наблюдения тем, что мои шумящие гадюки не обнаруживали расположения кусаться: они очень сердились, когда их беспокоили, но и при этом старались оставаться в прежнем положении, так что из всех ядовитых змей они могут быть названы самыми ленивыми. Без крайней нужды они никогда днем не шевелятся, и если это случается, то делают это очень неохотно. Они вовсе не заботятся об окружающем и не обращают ни малейшего внимания на змей в соседних клетках и на зрителей. Ночью же они тихо, но довольно продолжительно ползают по клетке, что видно из того, что за одну ночь гладко выравнивают только что насыпанный песок. Страшный гремунчик после многих лет неволи начинает шуршать хвостом, как только человек входит в комнату, где стоит его клетка, между тем как шумящая гадюка начинает шевелиться только тогда, когда ее сильно рассердят. Ленивость их лучше всего заметна, когда днем в клетку посадят животных, служащих им пищей. В таком случае эти гадюки вовсе не похожи на африканских змей, «которые кусают каждое животное без всякого повода»; шумящая гадюка нападает на брошенных в клетку животных обыкновенно только тогда, когда очень голода. Если она накануне поела, то позволяет кроликам играть с собой и все-таки не пользуется своим страшным оружием. Ее умеренность в пище почти так же значительна, как ее ленивость; иногда проходят две-три недели, пока эта гадюка решается проглотить добычу и, если она иногда ночью убивает маленькое млекопитающее, находящееся в клетке, то это, вероятно, вызывается тем,

что оно нарушило ее покой. Однако, когда она очень голодна, то сразу же бросается на добычу и сейчас же приступает к проглатыванию ее.

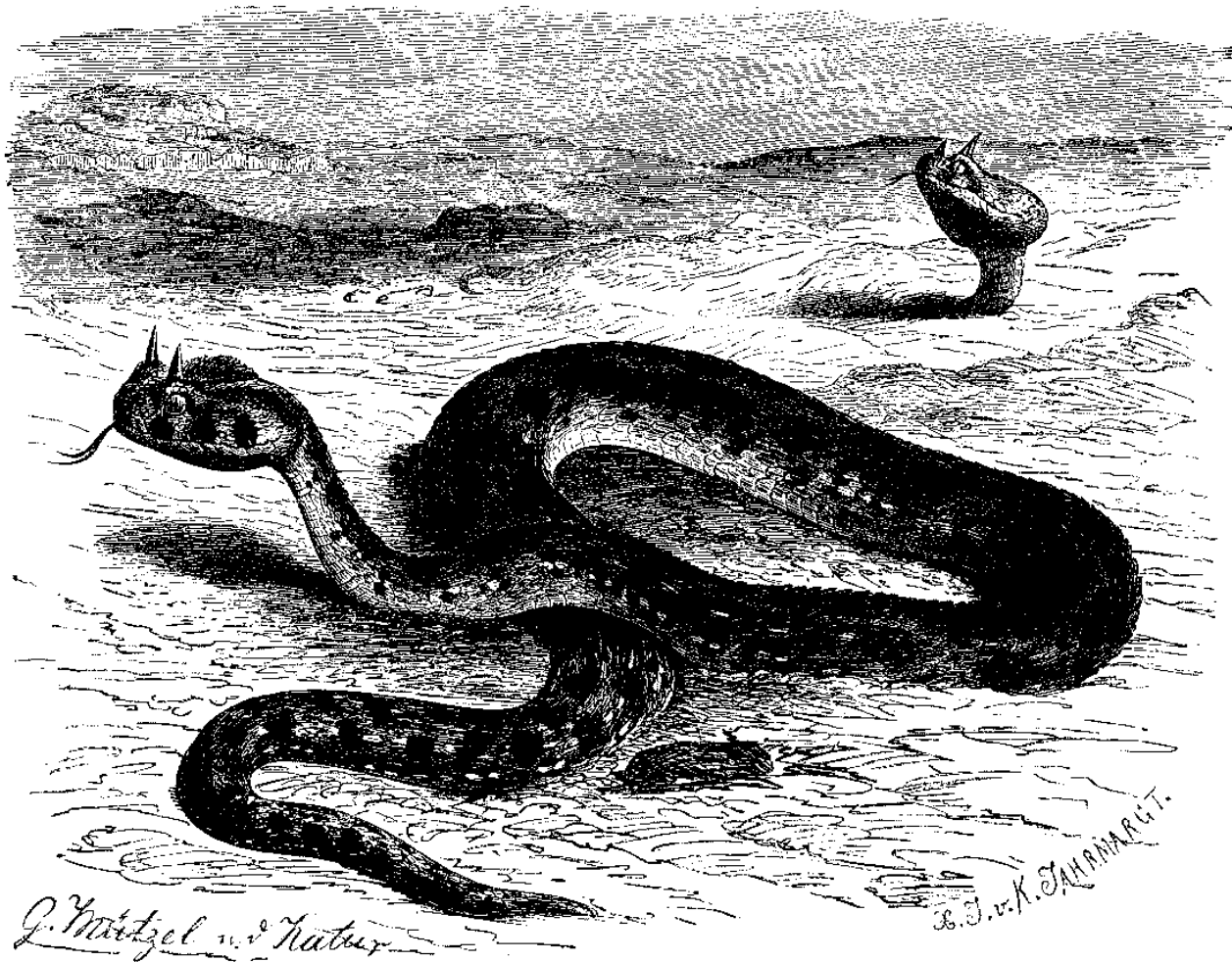
Вследствие этой лености и умеренности кормление шумящей гадюки представляет занимательное зрелище. Кролик или морская свинка, предлагаемые в пищу этой змее, не имеют никакого понятия о грозящей опасности. У млекопитающего вовсе не заметно предупреждающего инстинкта, и оно с любопытством приближается к змее, что вполне понятно, так как оно никогда не видело ничего подобного. Кролик обнюхивает своего врага, но еще не знает, что он может ему повредить. Змея поднимает треугольную голову, выгибает шею назад и принимает угрожающую, но очень красивую позу для нападения; кролик все-таки ничего не замечает, опять обнюхивает, становится смелее и приближается к голове змеи. Гадюка высовывает язык, который приходит в соприкосновение с усами кролика, но он и теперь не замечает опасности: как будто очарован и удивлен созерцанием столь необыкновенного существа. Змея приходит в заметное волнение, начинает сильно дышать, так что тело ее то подымается, то опускается, то расширяется, то суживается; она не шипит, но явно сопит, как бы предупреждая кролика, но и это предупреждение напрасно: грызун не обращает ни на что внимания. Змея опускает голову, чтобы принять другое положение, она вытягивается, сотни ребер начинают передвигаться, и она медленно уползает; кролик удивлен; он прыгает в сторону, внимательно осматривает ползущую змею, наостряет уши, ворочает усами во все стороны и успокаивается. Змея снова лежит неподвижно, кролик опять к ней приближается, гадюка приподнимает голову, ощупывает жертву языком, одним словом, все происходит как в первый раз. Кролик вытягивается на мягком песке и даже начинает грызть брошенную ему морковку; ему, очевидно, нравится в клетке, он делается смелее и начинает прыгать, причем даже задевает змею лапами. Она, наконец, приходит в ярость от этой дерзости, быстро приподнимается и начинает громко шипеть. Кролик опять озадачен, оглядывает и обнюхивает врага, но все же не догадывается об опасности. Это может продолжаться в течение нескольких часов, причем кролик делается все смелее, а змея оживает, наконец, чувствует, что голодна, и решительно ползет к жертве. Кролик ее спокойно ожидает, как и прежде. Змея высоко приподымает голову, шея суживается, еще раз ощупывает кролика, и голова с быстротой молнии сначала откидывается назад, а затем двигается вперед, пасть широко раскрывается, длинные ядовитые зубы выставляются из чехлов и глубоко вонзаются в тело жертвы. Кролик еще раз вскрикивает, но смертельный удар нанесен. Гадюка вытягивается на земле, внимательно смотрит на жертву и ждет ее смерти: только небольшое движение кончиком хвоста указывает на ее нетерпение. Кролик делает еще несколько прыжков, но затем приседает, уши его опускаются, веки закрываются; он встряхивает один или два раза головой, а затем теряет сознание. Он тихонько падает на бок, лежит спокойно 10-20, в крайнем случае, 100 секунд, затем судорожно вздрагивает и падает мертвым. Адская жидкость свершило свое дело.

Кроме аспида ни одна змея не была столь известна древним, как египетская рогатая гадюка, представительница рода **рогатые гадюки** (*Cerastes*). Она отличается маленькими полу лунными ноздрями, расположенными по сторонам у края морды, часто, но не всегда, встречающимися рожками над глазами, наклонными рядами чешуек по сторонам тела и короткими, на конце вздутыми отростками, не доходящими до конца чешуек. Рогатых гадюк известно всего два вида, оба встречаются в северной Африке.

Рогатая гадюка (*Cerastes cerastes*) достигает длины 60-65 см и сразу заметно, что это дитя пустыни, так как ее тело окрашено под цвет песка. Основным цветом служит ярко буровато-желтый, на котором заметны то округленные, то почти четырехугольные, ясно очерченные или неявно выступающие поперечные пятна темно-бурого или красно-бурого цвета; они располагаются в шесть продольных рядов и уменьшаются от середины к бокам. Под глазами проходит темно-бурая, а на середине головы замечается светлая желтовато-бурая полоса, которая на затылке разделяется на две и соединяется с двумя другими такими же полосками, идущими от подбородка. Чешуйки, окружающие рот, светло песчано-желтого цвета, а щитки нижней части тела светло-желтые или белые. Число чешуек одного пояса вокруг тела 29-33; на спине они расположены друг к другу вертикально, а по бокам принимают косвенное направление; заднепроходный щиток не разделен, а хвостовые щитки разделены на два.

Изображение рогатой гадюки встречается в иероглифах древних египтян, так как первоначальное его название «фи» впоследствии употреблялось для изображения аналогичной буквы. Геродот упоминает об этой змее и говорит, что она живет около Фив, имеет два рога на голове и не опасна для людей; кроме того, он замечает, что ее считают священной, но не объясняет почему. Прочие древние писатели лишь описывают ее наружность.

Рогатая гадюка распространена по всей северной Африке, за исключением Марокко, а также в каменистой Аравии; она встречается и южнее пояса пустынь, например, ее находят в Восточном Судане и, по моим собственным наблюдениям, довольно часто в степях Кордофана. «Африка, — говорит Геснер, — полна этих змей; особенно их много в песчаной и бесплодной Ливийской пустыне.

Рогатая гадюка (*Cerastes cerastes*)

Существует предание, что прежде их было очень много в Египте; они заняли значительную часть страны и сделали ее пустынной, так как никто не мог там жить. Они обыкновенно живут в песчаных местах под песком или лежат в норках около дорог, откуда им легко нападать на проходящих. Хотя рогатая гадюка очень ядовита и задорна, но только она и обыкновенная гадюка могут так долго оставаться живыми без питья. Они рожают живых детенышей. Рогатая гадюка ползает недурно, со многими поворотами и изгибами, причем сильно шумит и свистит, точно корабль, несомый волнами и бросаемый ветром туда и сюда. Она очень усердно охотится за птицами, прячет туловище под песок и приманивает птиц рогами, которые торчат над поверхностью земли; тогда она быстро хватает добычу и убивает ее. Эти змеи не выказывают никакой любви и дружбы жителям Ливии, но ненавидят их и желают им вреда. Псиллам же, напротив, они не вредят, и их укусы для них не опасны, так что эти люди отгоняют их голыми руками не только от себя, но и от других людей. Чтобы испытать верность своих жен, псиллы код-кладывают своих детей этим змеям, точно так, как испытывают золото огнем».

Первая часть сказанного во многом верна: рогатая гадюка действительно часто встречается в Африке, и особенно в Египте; она на самом деле живет преимущественно в пустыне и днем почти совсем зарывается в песок в таких местах, где далеко кругом нет воды; правда и то, что при ползании она заметно шумит вследствие наклонного направления чешуи по сторонам тела, которые при сильном движении трутся друг о друга*.

* Рогатая гадюка действительно способна издавать отпугивающие звуки килеватыми чешуями. Свернувшись в полукольцо, она третью часть своего тела о другой его участок, производя звук, похожий на шипение воды, попадающей на раскаленную электроплиту.

Эти боковые чешуйки могут быть приведены особыми мускулами в дрожательное движение и служат для того, чтобы захватывать песок и бросать его себе на спину, чтобы скрыться от врагов; свойство это встречается еще у рода эфа. Уже Брюс заметил, что это ночная змея, так как она ночью подползала к его костру. Во время моей охоты в пустынях и степях днем я никогда ее не видел, как как у меня не доставало людей, специально занимающихся отыскиванием змей, зато ночью она меня часто сильно сердила. С раннего утра до заката солнца сидишь на спине верблюда, утоляя постоянную жажду тепловатой вонючей водой из бурдюка, а сильный голод небольшим количеством риса; после такого жаркого и утомительного дня радуешься предстоящему ночному докою около костра на леске пустыни. Наконец место выбрано, и общество располагается к покою: снимают тюки, выкапывают небольшое углубление в песке, закрывают его ковром, разводят ярко горящий костер, и путешественник ложится на ковер, набивает себе трубку. Все общество в приятном настроении; даже повар, которому приходится готовить скромный ужин, напевает про себя однообразную мелодию. Вдруг песня прерывается громкими проклятиями. «Что такое?» «О, да будет она проклята с ее отцом и всем родом! Да низвергнет ее Господь Бог в преисподнюю! Змея, господин, но она уже жарится в огне». Весь лагерь оживляется, каждый садится на тюк или ящик и вооружается щипцами или чем-нибудь подобным, а рогатые гадюки появляются иногда дюжинами; не понимаешь, откуда они берутся. Каждый осторожно приближается к змее, крепко захватывает ее железными щипцами за затылок и бросает в огонь, со злобной радостью наблюдая мучения этого исчадия ада. «Скорпионов, — пишет мне Дюмихен, — которые посещали ночью мой лагерь, я нисколько не боялся, но змея Фи часто пугала меня и моих слугителей. Целыми месяцами я занимался ею в храмах и развалинах, срисовывая ее изображение, копал землю, исследовал и днем не видал ни одной живой змеи; но как только начиналась ночь и горел костер, то они появлялись во множестве, извивались около нас и грозили нам языком». Другие путешественники жалуются таким же образом.

Чем рогатая гадюка питается в пустыне, я сказать не могу, так как к своему стыду должен признаться, что не дал себе труда исследовать желудок ни одной из убитых нами змей. Вероятно, там, где нет мышей, она питается главным образом ящерицами, но несомненно, что нападает и на птиц.

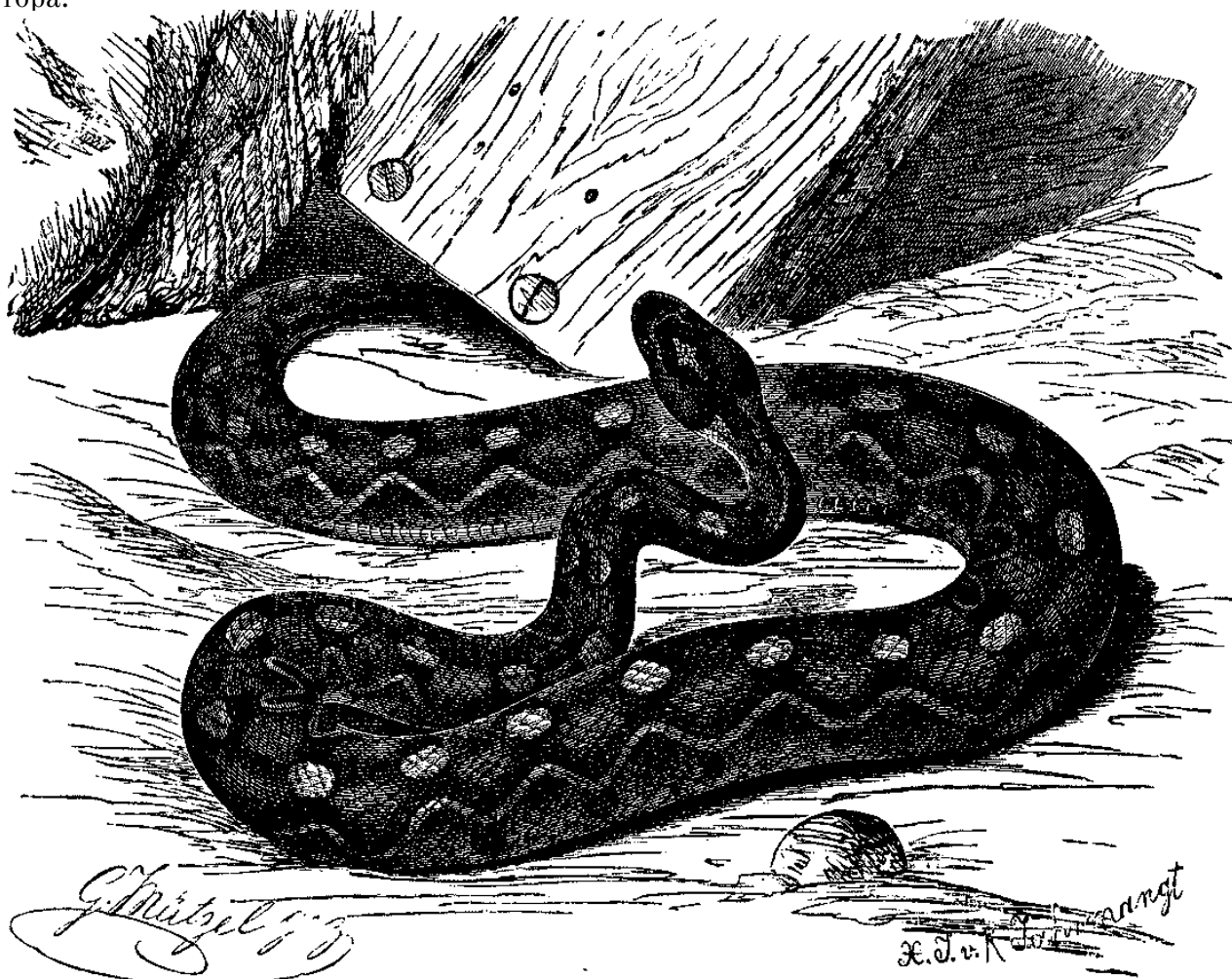
О ее размножении существуют различные мнения. Египетские укротители змей говорят, что она, как и обыкновенная гадюка, рождает живых детенышей; Дюмериль же у плененных змей, которые несколько раз спаривались, наблюдал, что они откладывают яйца, из которых, впрочем, никогда детеныши не вылуплялись. Несмотря на это, я считаю мнение египтян справедливым, так как у пресмыкающихся не следует придавать большого значения различию в способе размножения, и живущие в неволе животные часто ведут себя в этом отношении иначе, чем на свободе.

Рогатая гадюка уживается в неволе точно так же легко, как и другие ее родичи. Она может удивительно долго голодать: Шау уверяет, что видел у одного любителя в Венеции двух гадюк, которые прожили пять лет без пищи; они линяли и были так проворны, что можно было подумать, что их только что поймали. Другие наблюдатели убедились в том, что эти змеи могут оставаться без пищи в течение полугода. Большинство рогатых гадюк, которых привозят в Европу живыми, лишены ядовитых зубов, так как при поимке охотники всегда выламывают их. Змеи сначала ничего не едят, но когда зубы у них снова вырастут, то они тотчас нападают на добычу и съедают каждую мышь, которую к ним пустят. С другими змеями, а также с ящерицами они уживаются хорошо, но небольшие теплокровные животные возбуждают их внимание и кровожадность. Если только возможно, то они совсем зарываются в песок, так что видны только глаза, оба рожка и иногда некоторые места спины. Рогатая гадюка зарывается в песок своеобразным движением ребер: она то расширяет свое тело, то суживает его, и при расширении раздвигает песок в стороны. Движение это происходит так быстро, что она совсем зарывается в течение 10, самое большее 20 секунд. Если даже песок и не вполне закрыл ее, то она совершенно ускользает от взора; даже при отличном зрении ее трудно отличить от окружающего песка, если не укажут то место, где она лежит. В клетке площадью 4 кв. метра, дно которой усыпано мелким песком, нужно долго искать глазами зарытую змею, и если затем посмотреть в сторону, то опять совершенно теряешь ее из виду. Основываясь на этих наблюдениях, которые я проводил в течение нескольких месяцев, мне кажется вероятным рассказ прежних натуралистов, что птичка может ошибиться и, приняв рожки гадюки за личинку или червя, сделается добычей змеи. Для самой гадюки рожки едва ли имеют какое-либо значение, так как, по наблюдениям Штрауха, из 31 гадюки пять вовсе их не имели, а у двух было только по одному рогу. Эти совершенно скрытые в песке ядовитые змеи могут быть очень опасны людям, путешествующим в пустыне в одних сандалиях, и древние египтяне имели полное право, на основании личного опыта, рассказывать про эту гадюку разные ужасы.

Песчаная эфа (*Echis carinatais*) небольшая красивая змейка не более 60 см длины; ее окраска также песчаная, но очень разнообразная: на светло-желтовато-буром фоне замечается множество темно-бурых и черных полосок, штрихов, точек и пятнышек, нижняя сторона светло-желтая, иногда с бурыми точками, расположенными в виде полосок. На темени находится беловатое или желтое, более или менее ясно копьевидное пятно, окруженное темно-бурой полоской; посредине спины идет ряд небольших удлиненно четырехугольных или яйцевидных, равномерно расположенных беловато-желтых пятен с темно-бурой опушкой; вдоль боков проходит полоска, составленная из подобных пятен, или светлая волнистая линия, окаймленная темно-бурым цветом. У этой гадюки также замечаются различные видоизменения в окраске и рисунке.

До последнего времени считали змею, живущую в Индии и называемую там «афэ», а на языке синдвов «кушпур», за особый вид, хотя единственным отличительным признаком служило число брюшных щитков. По исследованиям Гюнтера, у песчаной эфы бывает не менее 163 брюшных щитков, а у афэ не более 153, но Андерсон нашел в Индии змей, имеющих также 163 щитка, и поэтому следует признать, что обе змеи принадлежат одному виду.

Если присоединиться к этому мнению, то оказывается, что область распространения песчаной эфы не менее области распространения обыкновенной гадюки; она живет во всей северной Африке на запад до Алжира, а на юг до Абиссинии и Кордофана и, кроме того, в Палестине, Аравии, Персии и на западе полуострова Индостан. Ташенберг указывает на ее присутствие и на острове Сокотора.

Песчаная эфа (*Echis cannataub*)

Когда караван правоверных направляется к священному городу Мекка и избранный старшина и предводитель паломников въезжают в Каир, то там собираются многие тысячи людей, чтобы пожелать счастливого пути выступающим и проводить их до ворот города. При этом бывает своеобразное шествие: предводитель каравана, сидя на прекрасном коне, едет, но не по земле, а по спинам правоверных, которые лежат на его пути. Коня ведут два богато одетых конюха, которые также ступают по спинам людей; лошадь идет очень осторожно, но, несмотря на это, некоторые люди бывают ранены ее копытами, и это служит доказательством того, что их вера неглубока, так как истинно правоверный не может получить увечья в такой ситуации. Во время шествия заклинатели

змей дают особые представления, и для того, чтобы доказать, что Аллах все может, показывают такие фокусы, которые в другое время видеть нельзя.

Эти заклинатели змей совсем нагие, только их бедра прикрыты разорванным куском полотна; они имеют вид сумасшедших, пляшут и прыгают, рыщут и бегают перед процессией, часто набегают и на лежащих людей и наносят им удары своими пятками. Через плечо у них висит мешок, из которого они вынимают несколько змей, бешено размахивают ими направо и налево, дают им обвиваться около рук и шеи, позволяют кусать себя, затем вдруг хватают змею обеими руками, откусывают ей голову и съедают ее или вырывают зубами кусок мяса из туловища змеи. Все это сопровождается благочестивыми возгласами и продолжается до тех пор, пока у заклинателей не выступит пена изо рта и не смешается с кровью змей. В этом представлении используются очковые змеи и песчаные эфы, но, само собой разумеется, что у них предварительно обломаны ядовитые зубы. Заклинатели очень расчетливы, так как во время торжества правоверные делаются особенно щедрыми, и фокусники получают богатую подачку.

Заклинатели, вероятно, потому часто пользуются песчаной эфой, что все египтяне знают ее как очень ядовитую змею. Она обыкновенна во всем Египте и встречается не только в пустырях и в пустыне, но также и в населенных местах, даже в самом Каире, где часто кусает людей. Кто поселяется в доме, который долго был нежилым, тот должен внимательно очистить его от поселившихся там гадин, и между ними почти всегда найдется и песчаная эфа. Мне случилось несколько раз убивать эту змею в нашем доме в Хартуме, случалось даже находить ее под ковром, на котором я ночью спал. Однажды ночью в темном коридоре я наступил на песчаную эфу, и она не укусила меня только потому, что в это время проглатывала ласточку, которую каким-то образом поймала в нашем доме; в другой раз я нашел парочку этих змей за подушкой дивана. Мы боялись этой маленькой гадюки больше, чем очковой змеи и проклинали ее чаще, чем какое-либо другое вредное животное, не исключая и надоедливых скорпионов. Мы преследовали ее и убивали с особым наслаждением. В своих домах турки и египтяне редко или никогда не решаются уничтожить эту непрошеную гостью. Как только узнают, что змея появилась в доме, всеми овладевает ужас, и ничего не придумывают лучше, как обратиться к заклинателю змей. Он берет за эту работу высокую плату и часто выпускает из своего мешка еще другую змею, затем уверяет хозяина, что узнал о ее присутствии особым колдовством, и за это получает еще более высокое вознаграждение. Жофруа Сент-Илер рассказывает очень интересную историю. Французский главно-командующий, то есть Бонапарт, пожелал узнать, действует ли заклинатель змей обманом или нет, и велел одному из них вызвать змею, которая пряталась в нижнем этаже его дворца. Жофруа должен был за ним присматривать. Заклинателя раздели догола, чтобы исследовать его платье, а затем позволили начать работу. Человек этот тотчас же почувствовал себя очень неловко и несколько раз повторял: «А что, если тут никакой змеи нет?» Ему отвечали, чтобы он все-таки попробовал выманить ее и успокоили небольшой подачкой. Тогда он начал искать, особенно в сырых местах, и стал свистеть то громко и резко.

как самец песчаной эфы, то глухо и тихо, как самка. Наконец, после двух часов поисков, одна змея действительно ответила и выползла. Беспокойство заклинателя тогда исчезло и он, гордо посматривая на окружающих, был убежден, что теперь все верят в его колдовство. Это случилось несколько десятков лет назад, но и ныне за небольшую сумму денег можно доставить себе подобное зрелище.

Песчаная эфа довольно обыкновенна в средней и северо-восточной Индии и живет там в пустынных песчаных местностях. По словам Блэндфорда, ее находят в редких лесах, там, где почва песчаная. Хотя песчаная эфа не велика ростом, но очень сердита и опасна. В некоторых провинциях Индии ей приписывают большинство смертных случаев, причиненных укусами змей; особенно страдают от нее работники на полях. Несмотря на небольшой рост, она очень задорна и склонна к нападению, и даже защищаясь, всегда готова укусить очень большого и сильного противника. Как только она заметит опасность, то сейчас же начинает извиваться, но не так, как другие гадюки, а образует из своего тела два полулунных изгиба и держит голову готовой к нападению в середине одного из этих изгибов. При этом она ни минуты не остается спокойной, а постоянно вертится направо и налево и этим производит такой же шорох, как и рогатая гадюка. Она остается в наступательном положении до тех пор, пока человек или животное находится вблизи и впивается зубами в каждый предмет, до которого может достать, говорят, что она может делать прыжки высотой в половину ее тела. Андерсон первый обратил внимание на своеобразный продолжительный шелест, который песчаная эфа производит трением боковых чешуи; этот шум можно даже произвести и после смерти животного, поворачивая тело в разные стороны: зубчики килей тогда трутся о чешуи и производят заметный шум., Подобное устройство чешуек имеют также живущие в песчаных мест-

ностях Африки рогатые гадюки и африканские ячные змеи из рода *Dasypeltis*. Фэйрер считает песчаную эфу самой оживленной и задорной из всех ядовитых змей, с которыми он успел познакомиться, и прочие наблюдатели в этом с ним согласны. Как опасен ее укус, видно из опытов вышеназванного натуралиста: курица умерла через четыре минуты после укуса, другая даже через две минуты, а собака через четыре часа.

Семейство гремучие, или ямкоголовые, змеи

Главным признаком гремучников служат глубокие впадины с обеих сторон морды между ноздрями и глазами*, не имеющие соединения ни с носом, ни с глазами. Кроме этого, названные змеи отличаются от гадюк более тонким телом и большей частью несколько более длинным хвостом, способным к хватанию. Голова яйцевидная или тупая, треугольная, сзади расширенная, ясно отделяющаяся от шеи; ноздри расположены по бокам морды; умеренной величины глаза имеют зрачок в форме вертикальной щели. Голова часто не вполне покрыта щитками; чешуи на остальном теле в главных чертах походят на чешуи асписовых гадюк.

* *Ямки между ноздрей и глазом представляют собой термолокаторы. Они улавливают тепловое излучение, исходящее от жертвы, позволяя оценивать направление от источника тепла и ориентировать голову в его сторону. Термолокаторы улавливают температурные различия в 0,2° С.*

Гремучники в самом большом количестве водятся в восточной области; в соседней эфиопской и австралийской их совсем нет, в северной части Старого Света встречаются лишь немногие их виды, но они водятся на обоих материках Нового Света и особенно в большом количестве в Северной Америке. Уоллес считает, что из этого можно сделать заключение, что гремучие змеи происходят из индокитайских стран и отсюда распространились на северо-запад до Северной Америки и затем в Южную Америку, где, поселившись позднее, не успели развестись в особенно большом количестве, несмотря на то, что тут очень благоприятные условия для жизни пресмыкающихся. Мы не решаемся основываться на подобных заключениях, но довольствуемся признанием того факта, что гремучники удивительно распространены. Точное разъяснение этих обстоятельств может дать нам только палеонтология. После того, как нашли в Висбаденском нижнем миоцене пустой ядовитый зуб, был объявлен неверным очень распространенный взгляд, что ядовитость змей надо считать недавним их приобретением; может быть, недалеко то время, когда будут открыты остатки гремучников предшествующих геологических периодов.

Образ жизни гремучников мало отличается от жизни гадюк. Они также настоящие ночные животные и проводят день в сонном состоянии, спрятавшись в нору или лежа перед ней, что бы доставить себе наслаждение погреться на солнышке, но все таки они кажутся менее ленивыми, чем гадюки. Некоторые виды лазают, другие, зеленая окраска которых указывает на них, как на древесных животных, проводят всю жизнь в ветвях высоких или более низких растений; третьи плавают почти так же искусно, как настоящие ужи и преследуют главным образом рыб, но большинство не покидает землю и охотится за всякими маленькими млекопитающими и птицами. Относительно размножения совершенно похожи на гадюк, они так долго вынашивают яйца что детеныши разрывают яичную скорлупу тотчас после кладки.

Хотя по опасности и злости гадюки мало уступают гремучникам, все же последние считаются самыми страшными змеями на земле, поскольку их ядовитые зубы отлично развиты. Из опасности, грозящей человеку от некоторых из этих змей, делали более шума, чем она того заслуживала; другие же, наоборот, действительно оправдывают ужас, внушаемый даже их названием. Они считаются проклятием тех стран, где водятся, препятствуют обработке земли на больших пространствах и ежегодно требуют себе жертв. Против них человек бессилен до сих пор, ужасное действие яда ограничивает число их врагов и делает единодушным начатое против них гонение.

Самые известные из гремучников, **настоящие гремучники** (*Crotalus*), отличающиеся от остальных доведением на конце хвоста, погремком, или трещоткой, над значением которого многие напрасно ломали себе голову. Она состоит из большего или меньшего числа роговых пластинок, которые можно сравнить с несколько приплюснутыми пустыми конусами, надетыми один на другой, из которых каждый имеет снаружи три возвышения, обращен вершиной к концу хвоста и вставляется в следующий за ним конус; каждый отдельный погремок укрепляется на двух горбинках, предшествующих ему по направлению к телу, но соединяются с ним свободно, так что все роговые конусы могут двигаться и тереться друг о друга. Погремок есть, очевидно, кожное образование, и, без сомнения, это нечто иное, как ряд остатков от прежних линяний. Сведения о развитии и росте этой змеи были до самого последнего времени не совсем ясны. Жители Северной и Южной Америки определяют возраст змеи по числу колец ее погремка и думают, что ежегодно прибавляется новое

кольцо. Гензель полагает, что это мнение, вероятно, справедливо, но всего скорее не основано на опыте. Я должен указать, что, наблюдая несколько лет подряд гремучников в неволе, замечал увеличение их роста, но не прибавление колец погремка, который по несколько лет не изменялся. Имеется одно верное предположение отдельных исследователей, состоящее в том, что при линянии кожа, образовавшаяся на нижней стороне хвоста перед конусами погремка, не исчезает, а свертывается и образует новый конус, принимая форму старых. По-видимому, не каждое линяние, происходящее, как и у всех змей три-четыре раза в год, дает повод к образованию нового звена погремка. Наблюдения над пленными змеями ничего не доказывают, так как они и в других отношениях часто уклоняются от своего образа жизни на свободе. Случалось, что гремучники линяли в неволе, но никогда не приходилось наблюдать прибавления нового члена погремка. По словам Гармана, **мексиканский ромбический гремучник** (*Crotalus adamantens*) линяет только два раза в год и соответственно этому образует также только два звена погремка ежегодно. Во всяком случае, целые годы проходят прежде, чем образуется погремек. 15-18 конусов на погремке встречаются очень редко и вызывают сомнение, может ли вообще змея иметь большее число этих образований, как видно на одном старом изображении. Как самое большое действительно наблюдаемое число звеньев погремка Гюнтер называет 21. «Рост погремка, — говорит Гейер, — очевидно, зависит от питания и роста животного, который при неблагоприятных обстоятельствах может быть прерван, а в ином случае замедлен; нельзя назначить для него какой-нибудь определенный срок». «Некоторые люди, — высказывается Гибель, — видят заботу Провидения в этом устройстве, предупреждающем человека об опасности, но они не говорят нам, чем человек так же заботливо защищен от других, не менее опасных ядовитых змей, лукаво поджидающих его в засаде. Гремучие змеи, точно так же, как и большая часть змей, не нападают на человека, не будучи рассержены и, кроме того, поселяются в пустыни и в их открытых местах, куда человеку незачем ходить и где он может заметить своего врага легче, чем в кустарнике или в густой траве». Я не могу ничего прибавить к этим словам, потому что они достаточно понятны. Тем не менее, кажется достойным внимания предположение Гайя, что польза погремка состоит в том, что змея вовремя предупреждает его бизонов и охраняет таким образом от повреждения и себя и этих больших жвачных животных, правда теперь почти истребленных*.

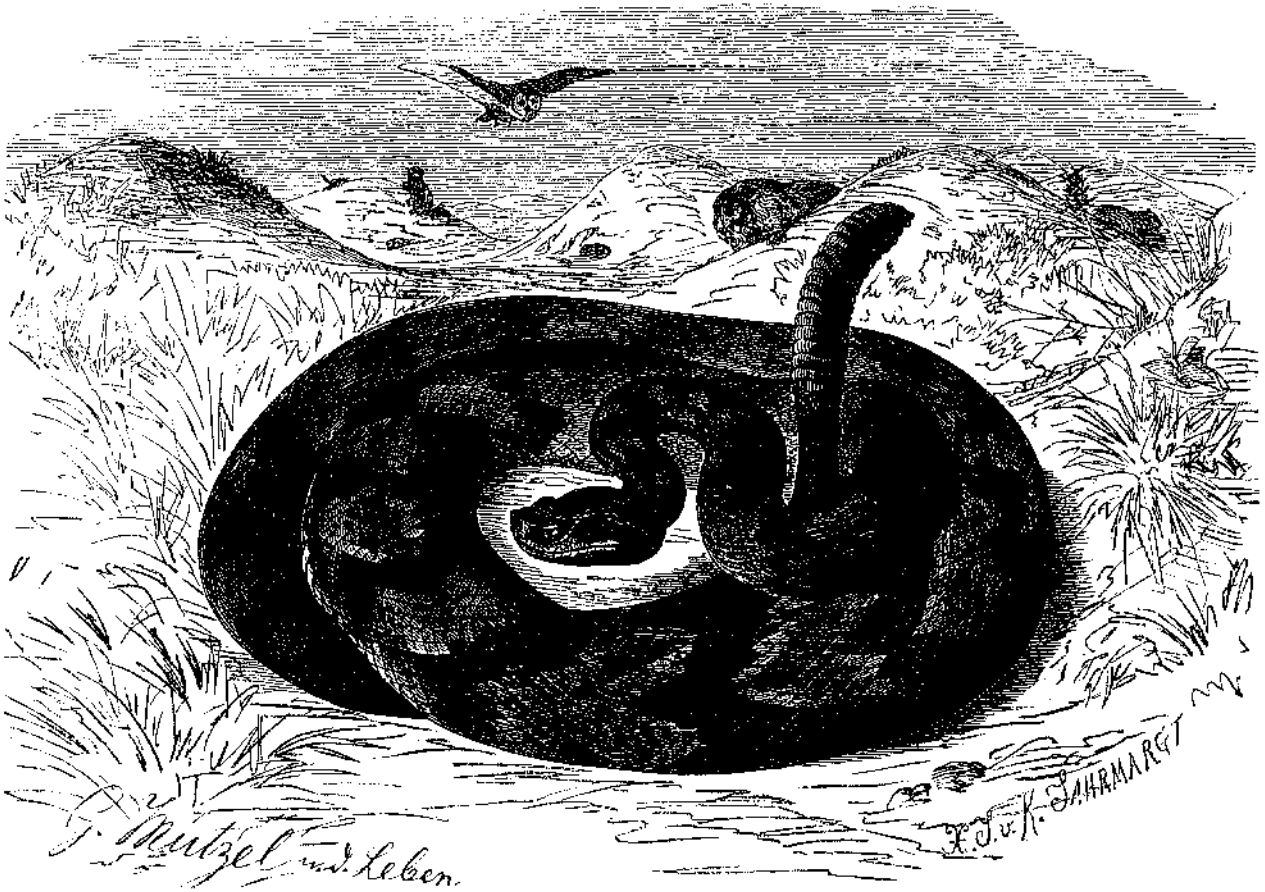
** Треск погремков порой слышится на расстоянии 30 м. Скорость вибрации трещотки зависит от температуры среды.*

Кроме погремка, другие признаки этих змей кажутся довольно незначительными. Голова их впереди и сверху покрыта или немногими, или более многочисленными щитками, а кроме того, как и вся верхняя часть тела, — продолговатыми, ромбоидальными, килеватыми чешуйками. Нижняя часть тела покрыта широкими щитками, шея по обыкновению ясно отделена, тело сильное, для ядовитых змей довольно вытянутое, ядовитые зубы совершенно такого же устройства, как у гадюк, но так сильно развиты, что Дюмериль с полным правом называет их самыми совершенными ядовитыми губами.

Настоящие гремучники живут только в Америке, как на севере, так и на юге. Они селятся преимущественно в сухих, песчаных или каменистых пустынях, также в таких, которые поросли низким кустарником, однако предпочитают соседство воды сухим местам.

Как у большинства родичей, так и у настоящих гремучников трудно дать общее описание для одного какого-нибудь вида, так как окраска и рисунок этих змей чрезвычайно разнообразны. Для того чтобы отличать отдельные виды, принимают во внимание щитки головы.

Страшный гремучник, или каскавелла (*Crotalus durissus*), отличается тем, что у него, кроме больших бровных щитков над каждым глазом, впереди морды есть еще две пары больших щитков, между которыми расположены щитки меньшей величины. К большому треугольному рыльцевому щитку примыкает с каждой стороны четырехгранный передний лобный щиток, а к этому последнему далее назад второй большой яйцеобразный щиток, который надо считать боковым остатком заднего лобного щитка. Пространство между двумя последними щитками заполнено меньшими неправильными щитками, большей частью увеличивающимися по направлению вперед. Уже между надглазными щитками начинаются продолговатые, ромбоидальные, килеватые, черепитчатые чешуйки, которые покрывают всю верхнюю часть туловища и идут здесь в 25-27 продольных рядов. Господствующий цвет верхней части тела темный серовато-коричневый; рисунок состоит из трех рядов больших неправильных пятен или угловатых черных поперечных полосок, теряющихся на темном хвосте; нижняя часть тела желтовато-белого цвета с маленькими черными точечками. Говорят, что очень старые самки достигают длины почти два метра, однако теперь змеи в 2 метра составляют уже редкость.

Страшный гремучник, или каскавелла (*Crotalus durissus*)

Область распространения страшного гремучника простирается от Мексиканского залива на север до 46 градуса северной широты, хотя только на западе Соединенных Штатов Америки; по крайней мере, все исследователи говорят, что на востоке или в Атлантической части страны эта змея водится не дальше озера Чемплен. «Можно принять, — говорит Гейер, — что она не водится там, где не растет маис». Еще в первые десятилетия нашего столетия она встречалась в таком ужасающем количестве, что двое людей, занимавшихся охотой на страшных гремучников из-за их ценного змеинового жира, могли убить в течение трех дней 1104 штуки. Эта змея постоянно и быстро уменьшается в количестве, что приписывают распространению земледелия в стране и увеличению числа свиней.

Любимым местопребыванием страшных гремучников служат местности, где скалистые пустынные высоты, подверженные лучам солнца, граничат с плодородными травянистыми долинами, орошенными реками, ручейками и текущими ключами; на обширных равнинах он встречается только там, где бывает очень обильная роса. Эта змея очень чувствительна к переменам температуры и меняет свое местопребывание чуть не ежечасно. В хорошее ясное утро жаркого дня она купается в росе, а затем греется на солнце на удобном месте, на дорожке или на плоском камне; позднее, в полуденный жар, отыскивает тенистые, сухие места и там лежит спокойно, но никогда не удаляется слишком далеко от солнечных мест. Если несколько ночей подряд не было росы, то ее часто встречают на берегах рек и луж, но в воду она отправляется только за добычей. Дождя она очень не любит. Жилища ее различны в населенных и возделанных местностях и в пустынях. В последнем случае она живет обществами в завоеванных ею норах; в населенных местах живет поодиночке и прячется в скрытых местах. В пустынях селится в норах так называемых луговых собачек, крыс, мышей и даже береговых ласточек, хотя крупным экземплярам, по-видимому, трудно забраться в гнезда ласточек. Но гремучая змея очень легко бурит землю и мягкий песчаник посредством твердых чешуи на голове и теле и таким образом легко расширяет найденные норки. На почти безлесном склоне песчаниковой горы высотой около 80 м в верхней части реки Монахов в штате Айова мы видели много страшных гремучников, которые поселились в расширенных норах береговых ласточек. Вблизи населенных мест змею редко находят в большом количестве, кроме времени размножения, именно в конце апреля и начале мая. Здесь она прячется в расселинах скал и стен, под постройками, в дуплах деревьев, в сложенных дровах и кучах хвороста, ее даже иногда находят в норах крыс и мышей под полами. Зимнее убежище выбирается иногда случайно, как и у других змей.

Животное часто выползает из убежища в теплые октябрьские дни, затем его внезапно застанет мороз, и оно должно остаться на зиму в своей временной норе, поэтому в прериях часто находят страшных гремучников, лежащих зимой под камнями с переполненным желудком. Зимняя спячка их такая же, как и у других пресмыкающихся, но для зимнего пребывания они, по возможности, выбирают сухое, закрытое помещение».

Одубон, подробно описавший это животное, рассказывает следующее. «Однажды зимой мы отправились на охоту за утками. Для обеда остановились около озера, развели костер и начали ощипывать утку. Один из моих спутников хотел прикатить к костру бревно и при этом нашел свернувшегося и оцепеневшего страшного гремучника. Он был тверд как палка, и я положил его для дальнейших наблюдений в чехол для ружья, который висел у меня за спиной. Вскоре после этого, когда наши утки еще жарились на деревянных вилках над огнем, я заметил, что за мной что-то шевелится. Сначала я подумал, что это двигается не совсем убитая утка, но скоро вспомнил об опасном животном, отбросил чехол далеко от себя и попросил моего спутника посмотреть, что делает змея. Оказалось, что она вполне ожила, выползла из чехла, начала шуршать, подняла голову, свернула туловище и приготовилась к нападению. Так как она находилась далеко от огня, то я был уверен, что холод ее снова успокоит, и действительно, прежде чем утки поджарились, она перестала греметь и отыскивала себе убежище, где опять оцепенела. Мы взяли змею домой и дорогой несколько раз будили ее, поднося к огню».

Палиссо де Бовуа сообщает другое собственное наблюдение. «Гремучая змея охотнее всего избирает зимнее убежище вблизи ключей. Мы находили многие норки на берегу Маврикиевой реки. Кривые ходы, имевшие 2-3 метра длины, оканчивались камерой, где лежало несколько змей на влажной земле. Наши проводники привели нас к болоту, покрытому слоем торфяного мха в 20-30 см толщины. Поверхность мха замерзла, но под ним мы нашли несколько страшных гремучников, которые медленно ползали по незамерзшей сырой почве. Осенью после линяния еще до равноденствия они прячутся и выходят из убежищ весной после весеннего равноденствия».

Гейер считает страшного гремучника за дневное животное и уверяет, что он проводит каждую ночь в своем жилище, как это делают и домашние животные. Он наблюдал в течение четырех недель, что змея каждый вечер появлялась около дуплистого дерева, а днем ее никогда там не было видно. Однако другие наблюдения ясно доказывают, что мнение Гейера неверно. Для доказательства обществу страшного гремучника он рассказывает следующее приключение. «Возвращаясь с экскурсии, я подошел 22 августа к подошве высокой горы, орошенной быстрым ручейком, и решил переночевать здесь на небольшом лужке, окруженном кустарником. Сойдя с лошади, подошел к ручью, чтобы напиться, и найдя интересное растение, стал искать другие растения, при этом на меня напал большой страшный гремучник, которого я и убил. Позднее, когда я ужинал, то услышал шум: мул, которого привязал на ночь вблизи, сделался очень беспокоен, но я продолжал есть, а затем взял стакан и пошел к ручью напиться. Шум, который я слышал, казался очень близким и был похож на шелест шестов, если их волочить по земле. Как только я перешел лужок и встал на береговой вал, возвышавшийся на метр над руслом ручья, то увидел много страшных гремучников, которые ползали и извивались на песчаном берегу. Луна светила очень ярко, и я ясно видел, как они переползали друг через друга и безостановочно ползали вокруг больших булыжников, лежащих на берегу, причем сильно шуршали. Шум еще увеличивался от трения их чешуйчатого тела о песок; вонь была нестерпимая и очень сильная. Испугавшись, я возвратился к костру и совсем завернулся в шерстяное одеяло, так как боялся, что змеи могут приблизиться к огню и напасть на меня во время сна. Шум продолжался почти до 10 часов, а затем прекратился, и только тогда я заснул. Рано утром я оседлал мула и стал искать своих лошадей, чтобы поскорее удалиться от этого неприятного места, но проехавши несколько часов, лошадей не нашел и потому был вынужден здесь остаться. Снова исследовав берег ручья, я нашел его совершенно пустым: там лежала только убитая мной змея. Чтобы убедиться в отсутствии змей, я устроил себе рычаг и стал переворачивать лежащие на берегу камни, но змей нигде не было видно. Несколько дней спустя я встретился в форте Кольвиль с доктором Макдональдом. Когда я рассказал ему свое приключение, то он, к большому моему удивлению, сказал, что 21 августа, то есть днем раньше, видел такое же собрание змей на берегах Колумбии».

Большинство наблюдателей описывают страшного гремучника как очень ленивое создание, и Палиссо де Бовуа даже говорит, что немногие змеи так добродушны, как они. «Он никогда не нападает сам на животных, которые не служат ему пищей, никогда не кусается, если его не трогать и не испугать. Я часто проходил на расстоянии нескольких сантиметров от них, и они никогда не пробовали меня укусить. Его присутствие всегда можно узнать по шуршанию его погремков, и я

всегда успевал вырезать себе палку, чтобы убить змею, прежде чем она ко мне приближалась». Это сообщение верно только относительно; змея ведет себя так только во время своего покоя, а когда она вполне оживлена, то дело происходит иначе. «Страшный гремучник, — говорит Гейер, — движется быстро без особых усилий и сильных изгибов, поэтому кажется, что он движется медленно, но если измерить расстояние, пройденное им за одну секунду, то оно оказывается довольно значительным. На свою добычу он бросается с постепенно увеличивающейся быстротой, которая под конец похожа на полет птицы. Раз я видел, как около жилища крестьянина, на берегах Миссури, страшный гремучник с дерева бросился на цыпленка, схватил его за крылья и с быстротой молнии унес его на голую скалу, так что я только с трудом мог его догнать. Я бросил в него камень: он остановился, обвился вокруг своей жертвы, выпустил ее из пасти, но укусил в голову. Когда я вторично бросил камень, то он сначала бросил цыпленка, а затем высоко приподнял его за крыло, как бы любясь его смертельным страхом. После этого он, очевидно, хотел уйти, но когда получил меткий удар камнем, то бросил свою полумертвую добычу и свился в кружок для защиты. Я тотчас его убил. Еще большую быстроту я заметил у змеи около верхнего течения Миссисипи, в то время как она охотилась за земляной белкой». Совершенно то же самое говорит Одюбон, который приписывает ей большую способность к лазанью, но все прочие наблюдатели отрицают в ней эту способность и говорят, что она скорее идет в воду, хотя особенно не ищет ее, чем лазает на деревья. Уже Кальм заметил, что она иногда переплывает озера и реки и в воде очень движается. «Тогда кажется, будто она надулась и плывет по воде точно пузырь. Ее лучше не преследовать, так как по опыту известно, что она может внезапно броситься в лодку».

Пища страшных гремучников состоит из маленьких млекопитающих, птиц и земноводных. Кальм утверждает, что в его желудке находили даже куниц, но приоткрывает, как бы для опровержения этого, что животных, величиной с белку или зайца, он проглатывает только наполовину, причем вторую половину съедает только тогда, когда первая переварена. О волшебной силе взгляда этой змеи и в наше время еще говорят, хотя добросовестные наблюдатели отрицают это. Я не могу с уверенностью сказать, обвивается ли она кругом жертвы, как это делают неядовитые змеи, или, укусив добычу, спокойно ожидает ее смерти, но последний способ ловли мне кажется более вероятным. У живших у меня в клетке змей я никогда не замечал, чтобы они душили брошенных ими животных, но случалось, что они не считали нужным предварительно отравлять маленьких животных, а глотали их, как ужи это делают с лягушками. То же самое заметил Шмидт у своих плененных страшных гремучников. После обильной пищи змея издает сильное зловоние, которое замечают не только чуткие к этому животные, но оно чувствительно и для человека. Это обстоятельство отрицают многие натуралисты, но другие положительно его подтверждают. Ласепед говорит о сильном запахе змей и ставит его в связь с их способностью наводить на свою жертву столбняк. Пехуэль-Леше рассказывает, что однажды он посетил пещеру, где под камнями пряталось, по крайней мере, сто страшных гремучников. Менее чем через пять минут ему и его спутникам сделалось дурно от ужасно сильного запаха, распространяемого змеями, и с трудом он смог выбраться на свежий воздух. Это, наверное, преувеличение, но доля правды тут должна быть, так как животные, даже не видя змеи, чувствуют ее присутствие, например, лошади пугаются и бросаются в сторону, если они находятся в нескольких шагах от подобной змеи. «Хотя некоторые, — говорит Гейер, — и отрицают вонючее испарение страшных гремучников, но я должен признать справедливость этого факта, хотя не обладаю очень тонким обонянием. Запах этот, вероятно, зависит отчасти от пищи; если, например, он проглотит мертвую белку, то распространяет такой же запах, как хищные птицы, питающиеся трупами; следует заметить, что он ест и падаль. В голодном состоянии он, вероятно, не издает такого сильного запаха». У плененных змей, я могу с уверенностью утверждать, никакого запаха не чувствовал или замечал только слабый мускусный запах.

Размножение этих змей происходит в весенние месяцы, причем самец и самка свиваются совершенно так же, как гадюки. «Способ сближения этих животных, — говорит Одюбон, — так противен, что о нем не стоило бы говорить, если бы он не был так удивителен. В начале весны змеи, вылиняв, выползают из своих убежищ, блистая яркими цветами, с глазами, полными жизни и огня. Самцы и самки бродят по залитым солнцем лесным прогалинам и свиваются вместе, если встретятся, пока их не свернется 20-30 штук в один отвратительный клубок. При этом головы торчат во все стороны, пасти открыты, и змеи громко шипят и шуршат своими погремками. В таком положении они остаются лежать на одном месте в течение нескольких дней. К подобному сборищу очень опасно приближаться, потому что, завидя врага, змеи распутываются и тотчас же бросаются на нарушителя их потехи». Последнее, без сомнения, неверно, но свертывание змей в клубок во время размножения не подлежит сомнению и подтверждается Гейером, который приводит наблюдения ин-

дейцев. Яйца откладываются в августе, и детеныши уже несколько минут спустя раздрают яичные оболочки; мать о них вовсе не заботится. Палиссо де Бовуа, правда, пытается доказать обратное, но ни у одной змеи не было замечено заботы матери о детенышах, и было бы крайне удивительно, если бы страшный гремучник составлял в этом отношении исключение. Я считаю более важным сообщение Гейера о вылуплении детенышей, основанное на собственном наблюдении. «Только раз я имел возможность видеть вылупление молодых страшных гремучников из яиц; это было в августе около заброшенного мормонского жилища на берегах Миссури. Самка грелась на солнце перед дверью хижины и при моем приближении подползла под порог; вдруг я увидел маленькую змею, около 15 см длины. Я воткнул палку под порог и слышал, как мать, шурша, уползала; при этом я заметил еще несколько молодых змей, а откатив порог, состоявший из толстого бревна, увидел под ним в сухой земле между камнями около 40 яиц, из которых уже некоторые были пусты. Они были различной формы, по величине похожи на голубиные яйца и имели светло-бурый цвет. Только что вылупившиеся змееныши так сильно пытались кусаться, что меня это очень удивило. Некоторые утверждают, что страшный гремучник при опасности забирает своих детенышей в пасть, но это неверно; в приведенном случае самке было бы очень кстати это сделать, между тем она ушла и бросила детенышей.

"Самый опасный враг страшного гремучника — слишком суровая зима, особенно, если она наступает рано и вдруг. Продолжительные весенние разливы, степные и лесные пожары не менее страшны для этой змеи. Есть примеры, что суровая зима, разливы и пожары совершенно освобождали от него местность, в которой он прежде водился в большом количестве. Носятся вообще слухи, что свиньи пожирают страшных гремучников, и что их яд не приносит свинье вреда. Многие естествоиспытатели приняли эту сказку за чистую монету, несмотря на то, что она, собственно, ни на чем не основана. Произведенные мной опыты подтвердили то, что я прежде находил: свиньи, так же как и другие домашние животные, боятся живых змей, а мертвых, даже разрубленных на куски, никогда не трогают». Мне не хотелось утаить это последнее сообщение Гейера, но я должен все-таки заметить, что уже в сочинениях самых первых наблюдателей упоминается о свиньях, как о самых полезных истребителях страшных гремучников, и что новейшие наблюдатели только подтверждают это мнение. «Как только змея увидит свинью, — говорит Кальм, — то теряет всякое мужество и тотчас пускается в бегство. Свиньи жадно разыскивают ее, чуют издали, выслеживают и все ближе и ближе подходят к той, которую увидят и, наконец, набрасываются на нее и загрызают зубами. Как только змея попала ей в пасть, она сильно трясет ее и пожирает без всякого для себя вреда; однако голову она всегда отбрасывает. Если какой-нибудь человек имеет намерение распяхать новь, он, прежде всего, приобретает свиней, которых и выпускает на избранный участок в полной уверенности, что в скором времени земля его будет освобождена от этих гадин. Случается, конечно, что змея укусит свинью, но по большей части это не приносит ей никакого вреда».

Вышеупомянутые сообщения Кальма мне кажутся довольно вероятными, а новейшие исследования еще более утверждают меня в этом мнении. «Ни одна местность в Орегоне, — говорит Браун, — не была так густо населена страшными гремучниками, как долины реки Колумбия. Короткое время после прибытия туда первых поселенцев змеи надоедали им в высшей мере, так как они появлялись даже в домах и подползали под кровати людей. Все усилия истребить их оказались тщетными, пока свиньи не стали распространенным животным в этой местности. Этих полезных животных откармливали в дубовых лесах, и они были предоставлены сами себе. С этой поры господство страшных гремучников стало падать, и в настоящее время они здесь представляют весьма редкое явление. В те четырнадцать дней, в продолжение которых я, собирая растения, обошел вдоль и поперек эту местность, на 6 или 7 английских миль в окружности, мне ни разу не случилось увидеть страшного гремучника. Только после того, как я перешел границу той местности, на которой водились свиньи, мне стали чаще встречаться змеи. Между свиньями и змеями, очевидно, существует инстинктивное отвращение. Как только свинья заметит змею, она тотчас набрасывается на нее, и прежде чем змея успеет всадить в нее ядовитые зубы, стешит ей ногу на затылок, раздробляет голову и потом спокойно пожирает ее. Индейцам хорошо известна эта обоюдная вражда, и я несколько раз видел, как индеанки приходили просить у поселенцев куски свиного мяса; они говорили, что хотят обвернуть ими лодыжки, чтобы предохранить неги от укуса гремучих змей. В южной Орегоне даже распространено ни на чем не основанное мнение, будто свиное мясо само по себе спасает от укуса змей; доходят даже до утверждения, будто свиное мясо составляет отличное лечебное средство против змеиного яда. Можно, впрочем, допустить, что толстый слой жира предохраняет свинью от проникновения яда в кровь». Еще лучшим предохранительным средством считает Пехуэль-Леше ту кору грязи, которой покрывается свинья, копаясь в тине, и вообще ее склеенные гря-

зью и смолой щетины, которые защищают ее от укусов змей; однако сильно укушенная свинья все-таки умирает.

Согласно с Брауном высказывается и Брухин. «Страшные гремучники, — говорит он, — в прежнее время часто попадались в графстве Милуоке, но в настоящее время они совсем почти истреблены там, благодаря деятельному преследованию их людьми и свиньями. По крайней мере, в те пять лет, в течение которых я вдоль и поперек изъездил все леса, поля и болота, ни разу не удалось поймать или даже увидеть страшного гремучника, несмотря на то, что он попадался там и сям, по одиночке, около Нью-Кельна». После таких, вполне соответствующих друг другу сообщений незнакомых между собой наблюдателей и после подобных же сообщений из других местностей я имею право думать, что Гейер неверно оценил пользу свиней. «Врагами и преследователями змей, — говорит Гейер, — считаются также хорек, опоссум и барсук, а в особенности черный барсук. Относительно первых двух я нигде не мог найти достаточного удостоверения; над черным барсуком сам произвел немало опытов, которые оказались такими же неудачными, как и опыты со свиньями. Точно также неосновательны и легенды о хищных птицах, как о врагах страшного гремучника, за исключением разве луны и грифа. Остальные все слишком слабы, чтобы осмелиться нападать на него. Я часто находил вилохвостого сокола, которому присвоена слава истребителя змей, в таких местностях, где страшный гремучник весьма редко попадает. Возможно, что хищные птицы пожирают маленьких змей. Много змей бывает убито или раздавлено на больших дорогах. Никто не поленится сойти с лошади с целью уменьшить число этих гадин. Несмотря на то, что я часто встречал и убивал многих страшных гремучников, я никогда не мог подавить своего страха перед этими животными, хотя только один раз был укушен в носок сапога. В Америке, правда, отступают при виде этих змей, но только с целью найти камень или палку, чтобы убить их. Каждый маленький мальчик справляется со змеей, так что страх перед ней не очень велик. В населенных местностях Северной Америки она уже может считаться редкостью, так что неусыпное преследование ее не осталось без последствий».

Индейцы сиу и дакота никогда не убивают страшных гремучников, они скорее уважают их за хитрость, и встреча с ними считается хорошей приметой. Вследствие почитания змей, эти индейские племена и получили от своих заклятых врагов название надовесиу, что значит «гремучая змея». Название же «сиу» не что иное, как последний слог этого слова. Ни одно другое племя индейцев не питает подобного религиозного чувства перед страшным гремучником, даже так называемые змеиные индейцы, или шошоны, не знают его».

Многие животные знают страшного гремучника и боятся его. Лошади и быки пугаются его и бегут, лишь завидев издали; собаки делают над ним стойку, но при этом держатся на почтительном расстоянии; птицы испускают при виде его громкие боязливые крики. «Шагах в двадцати от моего дома, — рассказывает Додень, — увидел я однажды страшного гремучника полтора метра длиной; он лежал, свернувшись, около корня орешника и принял наступательное положение относительно моих собак. Хвост змеи был в постоянном движении и производил шум, подобный точилу, между тем как ее широко раскрытая и высоко приподнятая пасть была направлена против моих двух собак. Последние глядели неподвижно, как бы в величайшем изумлении, на угрожающее им животное и не решались напасть на него, несмотря на то, что каждая из них, не задумавшись, вступала в борьбу с волками. Две кошки стояли тут же, объятые таким же изумлением. Я уже начинал опасаться за судьбу домашних животных, но змея внезапно перевернула положение и продолжила свой путь. Собаки и кошки заботливо посторонились; однако, по-видимому, из простого любопытства преследовали ее. Я выпустил в нее полный заряд ружья и потом добил ударами палки. Ни одного из своих домашних животных я не мог принудить подойти к мертвой змее ближе, чем они стояли к живой».

Многие наблюдатели утверждают, будто страшный гремучник перед тем, как укусить, всегда шуршит своими погремками, но это оказывается не совсем верным. «Когда он ползет медленно, — говорит Гейер, — то совершенно волочит свои погремки по земле; когда спасается от преследования, то поднимает их вверх и гремит ими безостановочно; только когда он сам преследует добычу, то шума совсем не слышно. Шум этот похож на шум лязганья точильщиков или шуршание мышиного горошка в сухих стручках. В прериях Миссури живет маленькая саранча, которая, улетая, производит точно такой же шум. Страшный гремучник не всегда предупреждает шумом о своем приближении, а только когда испугается или видит, что на него хотят напасть. Мне часто случалось находить змею в 10 см от того места, где я за минуту перед тем стоял». «Местные жители, — говорит Кальм, — уверяют, что змеи никогда не шуршат, когда намереваются нанести вред, но это мнение, совершенно соответствующее представлениям индейцев о хитрости и лукавстве змей, ко-

нечно, ни на чем не основано». Насколько я могу судить, шум погромков служит выражением сильного возбуждения, которое и у других змей выражается усиленным движением кончика хвоста. Страшные гремучники, которых я воспитывал или вообще видел в неволе, шумели при всяком беспокоестве, даже, если кто-нибудь только входил в комнату, где стояли их клетки. Во время шума погромками змеи обыкновенно поднимают голову на 20-30 см над землей, а шею придают форму латинской буквы S, чтобы иметь наготове достаточной длины переднюю часть тела для нападения; при этом они высовывают кончик хвоста с погромками между извилинами тела, позади его. Шум погромков скорее всего можно сравнить с трескотней кузнечика, но он не такой звонкий и происходит от безостановочного дрожания хвоста, причем движения эти так быстры, что глаз не может уследить за ними и видит, как бы одно мелькание. Страшный гремучник шуршит долго: пока он чувствует опасность, то не изменяет положение тела и шумит безостановочно. Я хотел, ради забавы, испытать его терпение, но не выдержал. По мере удаления наблюдателя от разъяренного животного трескотня становится тише, но стоит опять подойти ближе, как усиливаются гнев и страх змеи. По моим собственным наблюдениям, могу утверждать, что змея начинает шуршать, как только заведит приближающегося человека, и кусает безмолвно только тогда, когда застигнута врасплох.

Укус этой змеи всегда очень опасен, потому что большие острые зубы пробивают даже самую плотную одежду или толстый мех. «Она кусает, — говорит Гейер, — с такой силой, какую в ней и не подозреваешь. Убедившись в том, что она не может прыгать, я стал наблюдать за тем, как долго она будет кусаться. Я нашел, что ядовитые зубы не так скоро отламываются, даже если повернуть палку, в которую они вонзились; можно даже притом повернуть и приподнять вверх все животное. Бросает змея палку только с целью сохранить зубы, но почти тотчас же хватается ее. Большая гремучая змея, в 2 метра длиной, которую я еще раньше избил, 30 раз набрасывалась и кусала древесный сучок толщиной 3 см; она сорвала кору древесины и даже разгрызла ее. Чем дальше продолжать эту забаву, тем более бесится змея, так что укусы следуют один за другим с изумительной быстротой; наконец, наступает утомление и бешенство сменяется страхом.

Другой случай испытать силу укуса страшного гремучника представился мне в прериях близ Миссури. Я заметил взрослого быка, который, как бешеный, несся прямо на меня. Чтоб не попасть к нему на рога, я повернул лошадь в сторону и пустил коротким галопом. Бык пронесся мимо низкого кустарника совсем около меня, причем я заметил, что у него на шее, за подбородком, висела большая змея. Я помчался за ним вслед. Он описал широкую дугу, наконец, бросился в рожицу, из которой выбрался с противоположной стороны, сбросив своего врага. Я сошел с лошади, чтобы наблюдать за последствиями укуса. Бык медленно подошел к пасущимся животным, но сам есть не стал. Несколько минут спустя он остановился, свесил голову на противоположную сторону от раны. Я заметил, что его ноги дрожат, начиная с колен и до лодыжек, и это дрожание увеличивалось по мере того, как я гнал его вперед. Укушенное место до самого уха сильно вспухло. Это случилось между 9 и 10 часами утра. На другой день около 4-х часов пополудни я возвращался назад и нашел укушенное животное на том же месте; рот его был весь в земле, сухой, открытый, распухший язык висел и был покрыт сухой землей. Под языком было довольно большое вылизанное в почве углубление. Ранагноилась и была покрыта роем мух. Так как вблизи не было жилища, то я ничего не мог сделать для бедного животного; однако нарезал ему целую охапку травы, которую обмакнул в воду и положил перед ним. Действие яда бывает различным, смотря по степени возбужденности страшного гремучника. Менее ядовитым считается укус в сырую холодную погоду и очень опасным в то время, когда змея только что выползла из зимнего убежища, и в жаркие августовские дни. В это время нигде нельзя считать себя в безопасности от ее укусов; она находится в самой сильной степени возбуждения, смело нападает и шуршит еще за несколько шагов до приближения врага. Однажды я видел индейского мальчика, которого укусила змея именно в это время года. Ни одно известное индейцам средство не помогало ему. На мальчика было страшно смотреть, потому что на укушенном месте гангрена обнажила кости, и можно было видеть, как он заживо гнил. Раны издавали такой отвратительный запах, что к нему невозможно было подойти. Несчастный мальчик умер только через шесть недель.

Индейцы, следовательно, тоже не имеют верного средства против укуса страшного гремучника. Однако нужно заметить, что многие растительные вещества употреблялись в некоторых случаях с успехом*. Индейцы постоянно имеют при себе высушенные корни этих растений. Я не думаю, чтобы они приносили иную пользу, чем некоторое уменьшение страданий. По общим отзывам птицеловов и охотников, самым верным, хотя и самым болезненным средством считается выжигание раны сырым порошком.

** Единственным относительно действенным средством являются лишь противоземные сыворотки. Сейчас существуют моновалентные (от яда одного конкретного вида змеи) и поливалентные (от укусов нескольких видов змей) сыворотки. Одна из первых сывороток была получена еще Кальметтом в 1892 году в Пастеровском институте во Франции.*

К счастью, среди американцев все более распространяется знание самого действенного противоядия: укушенным дают выпить водки или спирта. «В сентябре 1820 года, — рассказывает Майранд, — я услышал вечером сильный женский крик, и когда через несколько минут меня позвали, то узнал, что один из невольников укушен змеей и лежит при последнем издыхании. Я нашел его без движения; челюсти были плотно сжаты, пульс бился неправильно и еле слышно. Как человеколюбие, так и собственная выгода требовали, чтобы я испробовал все возможное для его спасения. Я слышал о хорошем действии спиртных напитков и решил применить самые сильные возбуждающие средства: смешал чайную ложку мелкоистолченного перца со стаканом водки, приказал разжать челюсти и влил в рот больному эту смесь. От первых четырех стаканов его только рвало, наконец, пятый остался в желудке. Пульс стал чаще после приема больным пяти-шести стаканов перцовки, но скоро опять упал, и я снова принялся вливать ему в рот водку с перцем. Хотя я и опасался, что слишком большое количество возбуждающих средств не привело бы к смерти пациента, но был вынужден продолжать, так как пульс сразу падал, как только я прекращал вливание перцовки.

Проглотив более литра водки с перцем, больной заговорил со своими земляками; после двух часов, в продолжение которых ему давали все те же средства, он так окреп, что я мог его оставить на попечение сторожей. На следующий день его состояние заметно улучшилось, однако он был еще очень слаб. Я стал ему каждый час давать понемногу спирта, настоянного на оленьем роге, и сытную пищу. В течение ночи было истрачено до трех литров водки, из которых около одного литра было пролито. Большая часть мяса под подбородком загнила и отвалилась, и около раны отвалился кусок мяса в талер величиной; однако исцеление все-таки скоро наступило при помощи припарок и обмываний раны настоем коры красного дуба.

Год спустя однажды ночью меня позвали, чтобы лечить негра тоже от укуса страшного гремучника. У него были сильные боли в груди, и его рвало желчью. Ему вливали несколько раз по полному стакану водки с зеленым перцем, пока пульс не вернулся. Боль уменьшилась, и, проглотив шесть стаканов водки, человек почувствовал себя гораздо лучше, рвота и боль прекратились и 10-12 часов спустя негр был вне опасности. Он выпил около литра водки, настоянной на перце. Мой приятель рассказал следующее: «Однажды нашли человека, которого змея укусила несколько раз, и когда принесли домой, то сочли мертвым. Однако через некоторое время он пришел в себя и чувствовал себя совсем хорошо. По рассказам прислуги, он вышел пьяный из дома и, вероятно, упал на землю, но возбуждающее средство уничтожило действие яда. Вспоминая опыты, сделанные в Индии, я скорее могу допустить, что если человек и был укушен, то, во всяком случае, не отравлен.

Пойманные страшные гремучники долго упорствуют, но, если клетка соответствует своему назначению, все-таки принимаются за пищу. Купленный мной страшный гремучник ничего не ел в течение семи месяцев, хотя и убивал животных, которых я ему предоставлял на жертву; только по прошествии сказанного времени, исхудав почти до скелета, он решился проглотить отравленную им же крысу. Предположив, что змея жила в неволе, по меньшей мере, два месяца прежде, чем попала ко мне, я могу смело сказать, что девятимесячное голодание несколько не повредило ей. Во время добровольного поста она пила воду, купалась, несколько раз сбросила кожу, после чего требовала пищи и казалась злее и оживленнее, чем прежде; убивала принесенных ей животных и все же не дотрагивалась до них, пока не решилась проглотить крысу и с той же поры стала так правильно питаться, что за два месяца вернула прежнюю полноту. Из другого случая я узнал, как ленивы страшные гремучники. Несмотря на предостережения Эффельдта, который уверял, что уже видел нечто подобное, я все-таки приказывал доставлять своим пленным змеям живых крыс. Они быстро осваивались с клеткой и устраивались в ней по возможности удобно. Шум, производимый погремками, возбуждал их любопытство, но никак не страх. Они не обращали никакого внимания на змей, перебегали через них, скакали по их спинам и вовсе не боялись проявления их гнева, который иногда доходил до того, что змеи принимали наступательную позу, оставаясь в ней целыми часами, и то громче, то тише стучали погремками, смотря по приближению или удалению от них крыс. Подойдя однажды к клетке одной из моих гремучих змей, я, к удивлению своему, заметил, что она больше не шумит, как это делала постоянно, завидев меня. Она лежала, очевидно, больная, растянувшись по клетке, без движения, и только глаза сверкали по-прежнему живо или, лучше сказать, коварно. Около полудня змея лежала уже мертвой на том же самом месте и когда ее стали вынимать

из клетки, то заметили у нее на теле большую и глубокую рану, которая, очевидно, и была причиной ее смерти. Рану же ей, очевидно, нанесла крыса, которая попросту заживо загрызла змею. Эффельдт, которому я сообщил об этом случае, очевидно, обрадовался, что его предсказание оправдалось таким блестящим образом и повторил предупреждение: никогда не сажай вместе с ядовитыми змеями таких млекопитающих, которые могут причинить им какой-либо вред.

При мало-мальски заботливом уходе, страшные гремучники отлично выдерживают неволю. О некоторых из них мы знаем, что они выживали в клетке 10-12 лет. Вначале они, как и прочие их сородичи, находятся постоянно в возбужденном состоянии; мало-помалу злость их утихает и, наконец, они начинают смотреть на своего сторожа как на кормильца, не бросаются так бешено и на других людей, подходящих к их клетке. С себе подобными они уживаются отлично. «Из 35 штук, — говорит Метцель, — которых я держал вместе в клетке, ни одна не выказала вражды против остальных, даже и тогда, когда им бросали змею их вида прямо в середину общества, между тем как посаженный в их клетку кролик или голубь приводил в смятение всех. В другое время они пребывали в совершенном бездействии. В теплую погоду они были еще веселее; сплетались между собой клубками, изредка меняя положение, а то подолгу лежали совершенно неподвижно». Этот покой тем опаснее, что он составляет совершенную противоположность значительной быстроте их нападения и может легко ввести в заблуждение наблюдателя.

Ниле, который держал у себя многих страшных гремучников, пришел к заключению, что их можно приручить. Он уверял, что музыка и на них оказывает свое влияние, а кротким обращением можно, наверное, укротить самых бешеных из них. Говорят, что, в конце концов, Ниле действительно продемонстрировал прирученных гремучих змей. «Послушание их, — говорит один свидетель, — так велико, что, сказав им несколько слов и погладив рукой, он может обращаться с ними, как с веревками. Он позволяет змее ползать у себя на груди, обвиваться вокруг шеи, целует ее и берет в руки вторую, когда первая обвилась вокруг него. При этом страшные животные не только не желают вредить своему хозяину, но, кажется, даже очень к нему привязаны. Он открывает рот змее, показывает ее ядовитые зубы и т.п. Его уверенность в своей безопасности имеет еще другую причину: он знает верное средство против укуса змей и не скрывает этого. По его словам, надо прежде всего вымазать рот горячим маслом, потом высосать рану и, наконец, пить настойку из корня серпентарий, пока не вырвет, после всего этого нечего больше бояться действия яда».

Нет причины думать, чтобы нельзя было заботливым уходом отчасти приручить страшных гремучников; но обращение с ними — вещь довольно опасная, и почти все фокусники, которые дают подобные представления, рано или поздно платят жизнью за малейшую неосторожность.

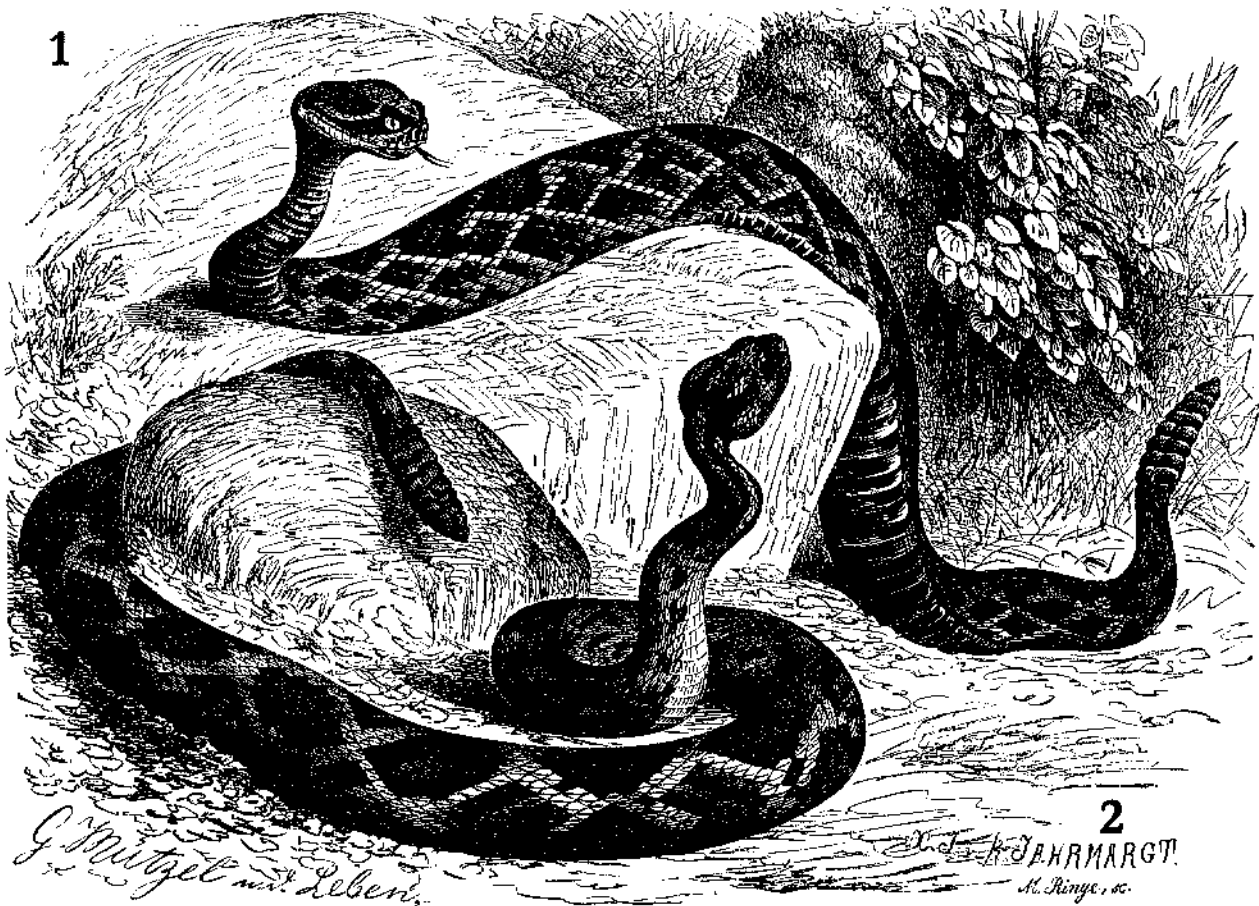
На юге Соединенных Штатов к страшному гремучнику, т.е. к более известному виду присоединяется **ромбический гремучник** (*Crotalus adamanteus*), а еще южнее, в Средней Америке, у самой границы области распространения страшного гремучника, появляется **полосатый гремучник** (*Crotalus horridus*), единственный вид, найденный до сих пор в Южной Америке.

Ромбический гремучник, без сомнения, самый красивый вид; он превосходит всех остальных и величиной, так как, говорят, находили старых самок 2 метра длины. Обыкновенно же он достигает только 1,7 м длины*.

** Ромбический гремучник, пожалуй, самый крупный представитель семейства, некоторые особи достигают в длину 2,4 м.*

От страшного гремучника ромбический сильно отличается, во-первых, большой, вытянутой головой с малоразвившимися щитками, из которых три пары с каждой стороны окаймляют сверху края рыльца между рыльцевыми и надглазными щитками; во-вторых, 27 рядами чешуек на всем протяжении туловища и, наконец, окраской и рисунками кожи. Небольшой рыльцевый щиток представляет собой высокий треугольник, малоразвитые лобные щитки имеют округленную пятиугольную форму, а большие надбровные щитки окружены заметно выдающимся бортом. Великолепный зеленатоватый, а у некоторых экземпляров золотисто-бурый цвет, в который облекается животное в первое время после сбрасывания кожи мало-помалу темнеет до нового линяния, и вместе с тем почти совершенно стирается рисунок, состоящий из трехкратной ромбической цепи, золотисто-желтые края которой странно выделяются на темном фоне скошенных четырехугольников. Черно-бурая полоса тянется через глаза от конца рыльца до углов рта. Верхняя часть головы одноцветная или расписана темными, неправильными пятнами, фигурами или полосками*.

** Любопытно, что в качестве убежищ ромбический гремучник часто использует норы черепах-гоферов.*

1- Ромбический гремучник (Crotalus adamanteus) 2— Полосатый гремучник (Crotalus horridus)

Полосатый гремучник похож на североамериканских сородичей устройством щитков головы, а на ромбического гремучника — цветом и рисунком. Отличается от первых тем, что четыре щитка передней части рыльца, между рыльцем и надглазным щитком не разделены более мелкими щитками, а, следовательно, сходятся между собой на средней части головы. От ромбического гремучника отличается тем, что ромбы у него гораздо больше, их каймы шире, серединные пятна в ромбах светлее и окружены беловато или светло-серовато-желтым цветом. Две параллельные, широкие, темно-бурые или черные долевые полосы тянутся через всю голову и шею, начинаясь у глаз; нижняя часть тела желтовато-белого цвета. По величине полосатый гремучник почти равен страшному гремучнику. Число рядов чешуек равняется обыкновенно 29.

Так как все виды этого рода настоящих гремучников весьма похожи по образу жизни, то совершенно достаточно будет сообщить о ромбическом гремучнике, что он с особенной любовью выбирает себе местожительство около рек, озер, болот или же на морском берегу; он также опасен, но соответственно своей величине еще ядовитее своих сородичей, а во всем остальном, в образе жизни и нраве почти ничем не отличается от других видов. Хотя последнее относится и к полосатому гремучнику, но о его внешности и отношении к людям существует так много интересных сообщений, что наше желание войти в более подробное описание его образа жизни и нравов покажется весьма естественным.

"Полосатый гремучник, — говорит принц фон Вид, которому мы обязаны подробным описанием этого животного, — распространен на большей части Южной Америки, живет во всей внутренней Бразилии, встречается в провинции Минас-Жераэс и пробирается далее к северу, до Гвианы и Амазонки». От Азара, Бурмейстера и Гензеля мы узнаем, что полосатый гремучник встречается и на юге, а именно в Рио-Гранде-де-Суле и в Ла-Плате, а от Шомбургка, что в Гвиане он выбирает для житья такие же местности, как и в Бразилии. «Он, по-видимому, избегает, — говорит принц фон Вид, — сырые береговые леса, но населяет более центральные, сухие, каменистые местности Сертонга, пустыри, необработанные еще земли, но живет и в иглистых, сухих, нагретых кустарниках и т. д.» С этим сообщением согласен и Чуди, который говорит, что полосатый гремучник предпочитает прохладные степные страны жарким первобытным лесам, почему и встречается преимущественно в центральных частях Бразилии. В Рио-Гранде-де-Суле, он, по словам Гензеля, встречается гораздо реже двух других видов гремучников и здесь живет тоже преимущественно на

местах открытых, обросших травой и окруженных скалами и кустарником. В Гвиане живет в саваннах и в растущем там редком, низком кустарнике, до высоты 2 000 метров над уровнем моря; но и здесь, как и в Бразилии, он избегает густых береговых лесов*.

** Полосатый гремучник одна из наиболее многочисленных змей В Южной Америке, поэтому на долю этого вида приходится максимальное количество укушенных людей. Смертность от его укусов достигает 70 %.*

В течение целого дня полосатый гремучник исключительно предается покою. Он лениво лежит, свернувшись в плоский кружок, и кусает только тех, кто слишком близко подходит к нему. «Часто случается, — рассказывает принц фон Вид, — потерять таким образом в течение дня несколько штук рогатого скота, укушенного в каком-нибудь месте пути или пастбища; заметив это, начинают искать и убивают опасную ленивую змею. Если не подойти к ней случайно близко или заметить ее за несколько шагов, то бояться ее нечего, так как раньше, чем укусить, она всегда дает знать о своем присутствии знакомым нам шуршанием хвостовых погромков; но звук этот не очень громок, так что издали почти не слышен. Впрочем, несмотря на величайшую осторожность, можно все-таки подойти к змее слишком близко и быть укушенным в ногу». Это случается не только с белыми, у которых внешние чувства очень слабы, но даже, по словам Шомбургка, и с местными жителями, от соколиных глаз которых ничто не ускользает.

"Я часто подходил, — рассказывает Шомбургк, — на расстояние не более двух метров к полосатому гремучнику и спокойно наблюдал за ним. Он, правда, не спускал с меня глаз, но не выказывал ни малейшего желания кусаться. Но самое незначительное побуждение, даже внезапное приближение, тотчас приводило животное в бешенство. Свернувшись спирально, приподняв шею и голову и испуская совершенно своеобразный свист, он злобно осматривается кругом, выжидая удобной минуты, чтобы укусить врага; он редко делает промах, а его ядовитые зубы пробивают самую толстую одежду, самую крепкую обувь. Дрожание хвоста производит, правда, шум, но он недостаточно громок, чтобы его можно было слышать издали». Что касается до тоекратного предупреждения, то мы его отнесем к той же области, как и волшебную силу, которую приписывают полосатому гремучнику, т.е. к области басен. Что человек всегда может быть предупрежден предшествующим нападению шумом, подтверждает и Чуди; но предупреждение иногда является слишком поздно; случается, например, что наступят на спящее животное и тогда укус происходит немедленно, без предварительного шума.

Главную пищу полосатого гремучника составляют мелкие млекопитающие, а на юге, по словам Гензеля, маленькие водосвинки и морские свинки; кроме того, он гоняется за всеми птицами, которых надеется перехитрить. Все наблюдения, сделанные относительно размножения других гремучих змей, можно, вероятно, отнести и к полосатому гремучнику. Один рассказ Гарднера дает нам право утверждать, что во время спаривания эти гремучники живут обществами. На западном склоне хребта Органо, близ Рио-де-Жанейро, он услышал однажды странное шипение и шорох и узнал от своего местного спутника, что этот шум происходит от гремучих змей. Оба путешественника влезли на дерево и увидели оттуда до двадцати, свернувшихся в один клубок гремучников, которые, подняв головы вверх, шипели и стучали погромками. Стрелы бразильцев и двустволка Гарднера убили до 13 штук змей и многие, тяжело раненные, были добиты палками.

О действии укуса полосатого гремучника Шомбургк рассказывает следующее: «Солнце почти совсем спустилось за горизонт, а индеец Эссетамайпу все еще не вернулся, о чем, впрочем, мы вспомнили только тогда, когда увидели другого индейца, быстро сбегавшего к нам с пригорка: это был первый признак случившегося несчастья или важной новости, так как индеец обыкновенно приближается к деревне самым размеренным шагом. Действительно, оказалось, что индеец нашел Эссетамайпу, укушенного змеей и лежащего без чувств, в саванне. Взяв всевозможные вспомогательные средства, мы поспешили к месту, где, по словам индейца, лежал несчастный, и нашли его там без чувств. Страшного вида рана, вырезанная ножом и перевязанная клочком передника, над щиколоткой правой ноги указывала на место, где бедняга был укушен. Вся нога распухла, и сильнейшие судороги приподнимали все тело лежащего без сознания человека, которого даже трудно было узнать, так изменились его черты вследствие судорог. Бедный Эссетамайпу, проходя по саванне, наступил на змею, тотчас убил ее в припадке мести, а потом уже, со свойственной одним индейцам выносливостью, вырезав ножом укушенное место, сам перевязал рану. Так как ранение произошло на высоком месте в глубине саванны, то с трудом он дотащился до тропинки, где его могли заметить скорее, и там упал без чувств на землю. Почти половина жителей Пирары, увидев, с какой поспешностью мы бежали мимо них, и узнав, вероятно, о причине нашей торопливости, последовали за нами и, усевшись кругом на корточки, молча смотрели на несчастного, в то время как

жена и дети Эссетамайпу испускали душераздирающие вопли. Судя по запекшейся крови укус произошел уже несколько часов тому назад; поэтому ни высасывание, ни выжигание не могли принести пользы. Мы обмыли рану аммиаком и влили несколько капель аммиака, разбавленного водой, в рот все еще бессознательного больного. Это средство произвело, по-видимому, свое действие. Сознание вернулось, и больного, который жаловался на боли в груди, плечах и спине, так же как и на подергивание во всех членах, отнесли на носилках в Пирару. Нога оставалась в течение нескольких дней страшно распухшей до самого бедра и совершенно неподвижной; при этом, при малейшем сотрясении, больной чувствовал невыносимую боль. Через три недели теплые припарки из кассавы совершенно уничтожили как опухоль, так и мертвенную бледность лица и боли. По истечении шести недель закрылась и рана, и больной мог опять владеть ногой».

Несколько лет назад происшествие в Рио-де-Жанейро справедливо возбудило всеобщее внимание. Сообщает его нам Чуди в своем, появившемся в 1867 году, «Путешествии по Южной Америке». Известный Маньяро-Хозе-Махадо, страдавший уже долгое время проказой, решил, после четырехлетнего пребывания в лечебнице столицы, испытать последнее средство излечения от страшной болезни. В некоторых местностях Бразилии народная молва приписывает укусу ядовитых змей свойство излечивать от проказы. Узнав, что в городе находится живой страшный гремучник, Махадо выразил твердое намерение дать себя укусить этому животному. Напрасно близкие и доктора старались удержать его от этого. Устав от своей тяжелой жизни, он оставался глух ко всем увещаниям. В сопровождении многих людей, в том числе и некоторых докторов, он отправился в указанный дом и составил торжественный нотариальный акт, в котором заявлял, что решил на этот важный шаг после зрелого размышления и только по собственному побуждению, так что всю опасность и ответственность в случае неуспеха берет на себя. Акт был подписан им и еще несколькими свидетелями.

Махадо был человек среднего роста лет пятидесяти. Все его тело было покрыто сухими болячками, которые характеризуют проказу, лицо изуродовано, и на всех сочленениях образовались наросты, с которых кожа легко лупилась. Его отвращение к жизни достигло высшей степени, так что по исполнению вышеупомянутой формальности, он без колебания всунул руку в клетку страшного гремучника. Но животное, как бы охваченное отвращением, боязливо отступило. Больной дотронулся до змеи, но она и тогда направила только жало против его вздувшейся руки и решилась укусить его у основания мизинца после долгих поддразниваний и давления с его стороны. Махадо не почувствовал укуса, пока присутствующие не сообщили ему о нем. Это случилось в 11 часов 50 минут дня. Когда он вытащил руку из клетки, около укушенного места была заметна только небольшая опухоль; 5 минут спустя в руке появилось ощущение холода, она быстро стала пухнуть и через четверть часа приняла страшные размеры. В 12 часов 28 минут опухоль уже распространилась по всей руке до плеча. Судорожные подергивания лица и всего тела доказывали усиливающееся действие яда. В двадцать минут второго стали заметны необыкновенная чувствительность и дрожание всего тела; через 16 минут помутилось сознание; больной с трудом шевелил губами, появилась сонливость и сжатие глотки. В 2 часа 5 минут глотание стало затруднительным, а разговор неясным. Больной жаловался на ощущение невыразимого страха, и на груди показались обильный пот; еще через полчаса беспокойство достигло высшей степени. В то же время появилась дурнота и кровотечение носом, которое повторилось в 3 часа 4 минуты. Боли в руке усилились до такой степени, что больной невольно застонал. В 3 часа 35 минут по всей коже распространился желчный оттенок, и из одной из болячек, под рукой, стала сочиться кровь. Больной выпил без затруднения немного воды с вином. Но скоро глотание и дыхание опять затруднились, боли в руке стали почти невыносимыми, и желтый цвет кожи стал темнеть, особенно на укушенной руке. Пульс, который в 2 часа составлял 98 ударов, достиг 104 ударов в минуту. Во всем теле был сильный жар и стала обильно течь слюна; в 5 часов 30 минут началось значительное выделение мочи, а в 7 часов появилась непреодолимая сонливость.

Больной непрерывно стонал. Через некоторое время он вдруг проснулся и стал жаловаться на сильную боль в груди и сужение горла, так что ему невозможно было ничего проглотить; после того наступило опять обильное мочеиспускание и кровотечение из носа. Когда больной, наконец, достиг такого состояния, что, как он сам, так и присутствующие доктора пришли к убеждению, что болезнь будет иметь смертельный исход, была сделана, с согласия Махадо, еще одна попытка предотвратить катастрофу. В 10 часов вечера он принял три ложки отвара гуако и час спустя еще одну ложку того же средства. В полночь больной заснул, а через полчаса он опять проснулся и, обьятый невыразимым страхом, громко закричал и требовал священника. Остальная часть ночи прошла очень беспокойно. Около 9 часов утра больной впал в глубокое уныние, выделявшаяся моча была

кровяная, и судорожные подергивания возобновились на подбородке и в ногах. В 10 часов 30 минут, следовательно, менее чем через сутки после отравления он, наконец, умер, несмотря на всевозможные попытки спасти его; между прочим, ему дано было несколько унций ящеричного жира. Труп вскоре страшно распух и стал быстро портиться.

"Если, — говорит Шомбургк, — своевременная, быстрая помощь и может предотвратить смертельный исход от укуса змеи, то раненый все-таки в продолжение всей жизни чувствует вредные его последствия и умирает от них через несколько лет. Рана раскрывается почти ежегодно, и в укушенном месте чувствуется сильная боль при всякой перемене погоды. Кроме общих средств: вырезания и высасывания раны, так же как и употребление вовнутрь свежего сока сахарного тростника, который, по словам индейцев, служит верным средством и против отравления стрелами, каждое племя имеет еще собственные лекарства, большинство которых мы должны отнести к воображаемым. Так, у некоторых племен ни сам раненый, ни его дети, ни родители, ни братья и сестры, живущие с ним, не должны в первое время после укуса пить воду, купаться и даже вообще подходить к воде; это дозволено только его жене. Жажду он в это время может утолять только жидкой, но непременно теплой тыквенной кашей, в голод — поджаренными плодами пизанга. Если раненый после укуса пил сок сахарного тростника, то он должен впоследствии избегать всего сладкого. Некоторые племена считают, что нашли в женском молоке верное противоядие, и употребляют его одновременно с смягчительными припарками из хлеба кассавы; другие лечат выжатым соком стебельков и корней растений *Draconium dubhim*. Довольно сильно распространено тоже против укушения змей употребление отвара *Byrsonima crassifolia* и *Moure* На и, кроме вышеупомянутой ароидеи, принадлежащей к тому же семейству *Quebitea guianemis*. Однако целебное действие всех этих средств почти всегда обусловлено телосложением раненого, так что женщины и слабые мужчины весьма редко выздоравливают». Чуди, впрочем, не сомневается, что лесные индейцы, которые так часто подвергаются опасности быть укушенными змеями, имеют очень действенное средство против змеиного яда; но средство это нам пока еще незнакомо. «Известно, — говорит он, — что индейцы Колумбии и Перу обладают чудесным и почти верным средством против укуса известного вида змей; это вьющееся растение *Vejuco de huaco* (*Mikania huaco*)». При обсуждении вышеописанного добровольного отравления Шомбургк прибавляет, что средство ато в тысячах случаях было применено с блестящим успехом и не оказало своего действия у Махадо только потому, что было употреблено слишком поздно, когда, по мнению всякого знающего человека, о спасении нельзя было и думать. «Гуако могло замедлить смерть, но не спасти от нее».

"Бразильцы, — замечает принц фон Вид, — знают несколько весьма действенных средств от укуса змей, лечение которыми сопровождается у них многими суеверными обрядами, молитвами, заклинаниями и т.п. К этим средствам принадлежат: вырезание и выжигание раны, отвары разных трав, которые употребляют для примочек или вовнутрь; в последнем случае они действуют обыкновенно, как потогонное. Трав, употребляемых от укуса змей, насчитывается большое количество; к ним принадлежат: несколько видов *Aristolochia*, *Vigorna*, *Laciaranda* и др., так как в подобных случаях всякий советчик думает, что известное ему средство самое лучшее. Корни, листья и плоды этих растений скоблят и растирают, дают вовнутрь, или же прикладывают к ране; одни действуют раздражающим образом, другие, и большая даже часть, как потогонное, и т.д.». В описании своего путешествия принц сообщает о многих случаях исцеления укушенных змеями. Молодому индейцу перевязали укушенную ногу, вырезали и высосали рану и дали внутрь водки. «После неоднократного выжигания раны порошком, больного положили на койку и насыпали в рану порошок шпанской мушки. Нога сильно распухла. Присутствовавший при этом рудокоп принес два корешка, действие которых он очень расхваливал; один из них был губчат и безвкусен, вследствие чего его забраковали; из другого, очень горького (вероятно кирказон), сварили крепкий настой. Была ли последовавшая затем рвота произведена этим чаем, водкой или змеиным ядом — весьма трудно решить. После спокойной ночи нога и бедро так сильно распухли, что объем их был вдвое больше нормального, больной же стал так раздражителен, что малейший шум заставлял его плакать и кричать. Так как у него изо рта шла кровь, ему ничего больше не давали внутрь; на ногу положили листьев, вероятно, *Plumeria obovata*, которые больной очень хвалил за их охлаждающее действие. В рану насыпали порошка из корня этого растения, и больной скоро поправился*.

* Описанные «лекарственные» средства не помогают. Эффективным средством следует считать лишь сыворотки крови ряда животных.

Во время короткого путешествия в окрестностях Рио-де-Жанейро Селлоу нашел негра, укушенного змеей, лежащего на земле в совершенном изнеможении. Лицо его сильно распухло, он

дышал громко, и из ушей, носа и рта шла кровь. Ему дали внутрь жира большой ящерицы тегу, а перед тем снаружи и внутрь чай из вербены, которая действует как потогонное».

Чуди рассказывает, что немецкий аптекарь Пеккольд в Кан-тагалью готовил тинктуру из лесного растения, употребляемого иногда с успехом местными жителями против укусов змей; этому лекарству он дал название Polygonaton. Тинктуру принимают чаще или реже, смотря по большей или меньшей силе припадков. «Средство это оказало прекрасные услуги в более чем семидесяти случаях в окрестностях Кантагалло. Оно приносило исцеление даже в таких случаях, когда отравление приняло угрожающий характер и наступило опасное кровохарканье».

Индейцы и негры уверяют, что укусы гремучих змей опаснее всего в то время когда они беременны или меняют кожу, а также в жаркую погоду, в полнолуние и новолуние. Как индейцы, так и колонисты говорят, что змеи выплевывают яд во время питья, что люди, укушенные змеями, должны все время лечения избегать женщин, что яд долго сохраняет свою силу, и рассказывают об этом много часто уморительных анекдотов. Среди бразильцев и североамериканцев переходит из уст в уста известная история о паре сапог, убивших трех мужей одной женщины, только вследствие того, что в них остались зубы гремучника, отломившиеся при укусе.

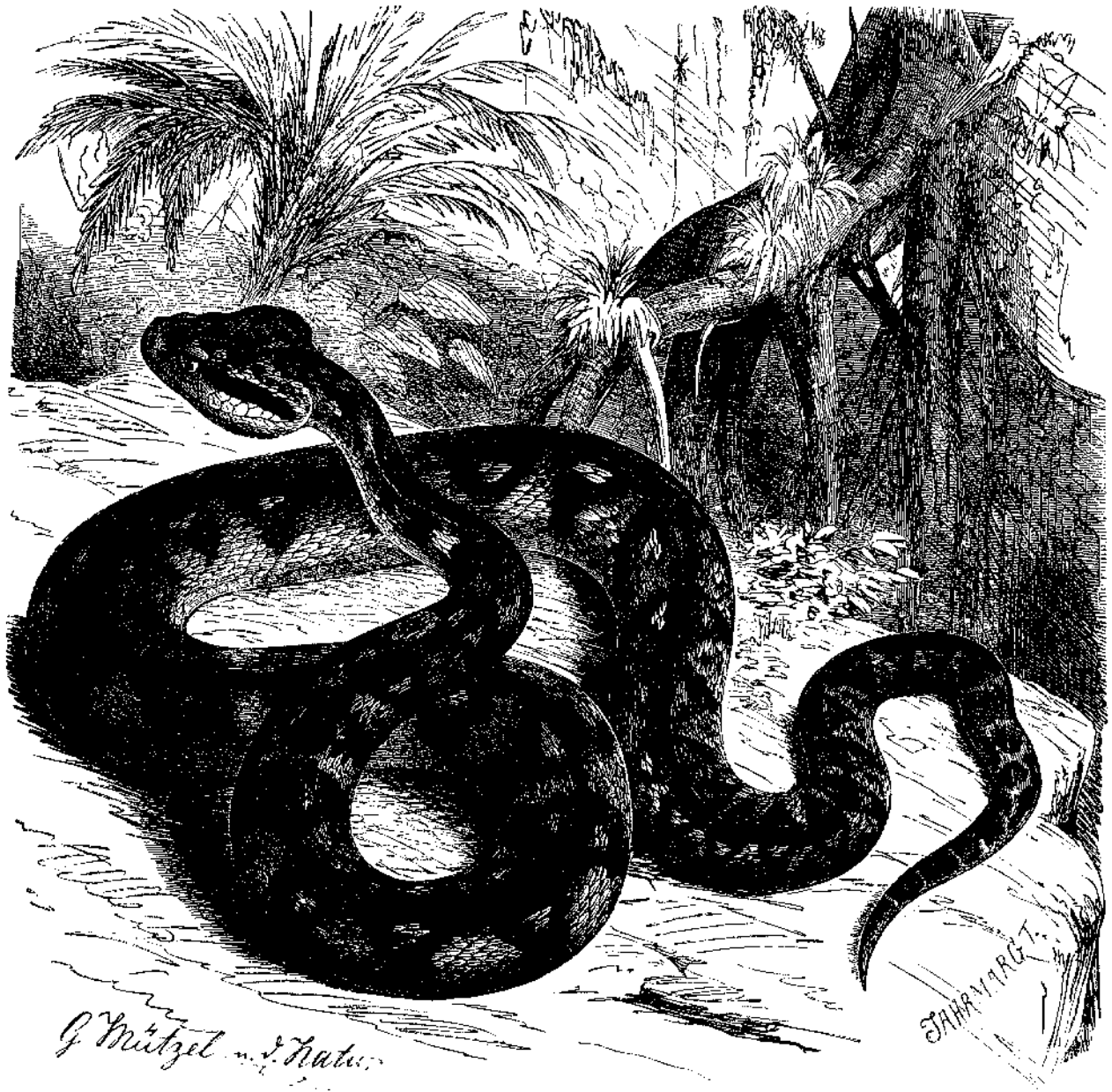
О врагах полосатого гремучника ничего не сообщает ни принц фон Вид, ни другие путешественники, но не подлежит сомнению, что их истребляют в большом количестве некоторые виды куниц, а также известные враги змей, хищные и болотные птицы, даже домашние кошки успешно борются с ними. Человек убивает их, где только встретит, но ни на что не употребляет. Ни один южноамериканец, даже дикий индеец, не ест мяса змеи. Но хвостовые погремки, по словам принца, никогда не выбрасывают, даже охотно покупают, так как считают их действенным средством от многих болезней.

В Южной Америке только одни негры находят удовольствие в воспитании ядовитых змей. «Искусство приручения таких змей, — говорит Шомбургк, — по-видимому, перенесено неграми из своего отечества; нередко можно видеть, что гремучники, у которых даже не вырваны ядовитые зубы, обвиваются вокруг руки своего хозяина, не причиняя ему вреда, и вообще живут с ним дружно».

Бушмейстер, или сурукуку (*Lachesis muta*), достигает в длину 2,5 м, а по словам Каплера, до 4 м; по красновато-желтому фону верхней части тела проходит продольный ряд черно-бурых ромбов, из которых каждый заключает в себе два меньших светлых пятна. Нижняя часть тела желтовато-белая, блестящая, как фарфор. Шея уже более темная, на голове рисунок переходит в неправильные черно-бурые пятна. От глаз до угла рта идет широкая темная полоса по более светлому фону. Сердцевидная, очень расширенная ядовитыми железами, голова этой красивой змеи, резко отделяющаяся от шеи, так же как и ядовитые зубы 2,5 см длиной, указывают на ядовитость бушмейстера. Если бы эти змеи жили не в высоких лесах, где они целыми днями лежат, свернувшись, и если бы они были многочисленнее, то путнику угрожала бы смерть на каждом шагу: по словам индейцев, эта змея не убегает подобно другим змеям от человека, а, свернувшись спиралью, спокойно поджидает его, чтобы с быстротой молнии броситься на него. Она, бесспорно, самая ядовитая и опасная змея, живущая в Гвиане, и укусы ее, безусловно, смертельны». С этим описанием согласны и другие наблюдатели, которые прибавляют, что бушмейстера опасаются больше, чем страшного гремучника.

"В северной и средней Бразилии, — говорит принц фон Вид, — эта змея живет всюду, потому что я слышал о ней во всех местах, где бывал, и мои охотники убивали ее в лесах у рек Иритиба и Итапемирим, Рио-Доце, Перухипе и далее на север». Маркграф находил ее в Пернамбуко, Вухерер около Бахии, Чуди во всех прибрежных местностях бассейна Амазонки, начиная с провинции Сан-Паулу, далее на север в Куйябе и Мату-Гросу; Шомбургк и другие наблюдатели видели ее в Гвиане.

Это большая, красиво разрисованная, ленивая змея, которая, как говорят, толщиной равняется мужскому бедру; она выбирает для местожительства преимущественно прохладные, тенистые леса, в которых обыкновенно спокойно лежит, свернувшись на земле. Она никогда не влезает на деревья. По образу жизни и нраву очень похожа на страшного гремучника. Уверяют, что ночью она подползает к огню, и поэтому бразильцы, вынужденные кочевать в лесах, почти никогда не разводят огня. Говорят еще, что она выплевывает яд, когда хочет напиться, и еще многое другое. Некоторые португальцы говорят, будто она ранит шипом хвоста; но индейцы и негры, которых я расспрашивал об этом, всегда мне указывали на отверстие страшного зуба, как на вместилище яда.

Бушмейстер, или сурукуку (*Lachesis muta*)

Кажется, что в Бразилии время сбрасывания кожи этих змей совпадает со временем линяния птиц, так как я нашел однажды в марте, в первобытном лесу около Марро-д'Аррара, совсем свежесброшенную кожу, на которой еще были отпечатаны все чешуйки.

Над пищей и размножением этой красивой змеи мне не случалось делать наблюдений, но нужно полагать, что в этом отношении она вполне сходна со страшным гремучником. Вследствие величины и толщины своего тела, так же как и силы оборонительных средств, эта змея может справиться с довольно большим животным.

Ее укус убивает быстро. Около Рио-де-Жанейро один негр умер через шесть, другой через 12 часов после укуса, и рассказывают еще много подобных случаев. Говорят, что у укушенных кровь льется из ушей, рта и носа. Однако если быстро оказать помощь, то раненые часто выздоравливают. Во множестве легенд и басен об этой змее бывает довольно трудно отделить правду от лжи. Один голландский колонист сообщает о бушмейстере следующее: «К счастью, эта змея не очень часто встречается вблизи плантаций, а живет больше в высоких лесах. Но так как в них много лесопильных мельниц, и многие торговцы лесом живут в тех местах, то часто случается, что некоторые из них умирает от укусов змеи. Один индеец нанялся к господину Моллю в качестве охотника и отправился однажды в лес за дичью. Некоторое времени спустя его собака принялась выть — верный признак близости змеи. Испугавшись за жизнь собаки, индеец поспешил на ее голос с ружьем в руке, но змея бросилась на него раньше, чем он ее заметил, сильно укусила в руку выше локтя и исчезла. Не чувствуя пока боли, индеец преследовал змею, убил ее, распорол ей живот и натер рану ее желчью, как противоядием; после того он, взяв в руки змею, поспешил домой. Но так как до дома было очень далеко, он почувствовал на полдороге слабость и холод, так что члены его окоченели, и

он упал обессиленный на землю. Собака, заметив, что хозяин лежит без чувств, побежала домой и там подняла шум. Молль понял, что с его охотником случилось несчастье и вместе с одним из своих людей последовал за собакой. Через полчаса они нашли индейца на земле, совершенно окоченелого, но еще в полном сознании. Молль со своим слугой перенес раненого домой; однако все примененные средства оказались недействительными: яд уже проник в кровь, так как со времени укуса прошло несколько часов и смерть была неизбежна.

Однако, как ни опасен укус этой змеи, раненый почти всегда может быть спасен нижеупомянутыми средствами, если применять их в течение первых часов после укуса: больному дают пить, мало-помалу одну или две бутылки молока с 4-6 ложками деревянного масла, когда оно есть налицо; дают жевать сырой сахарный тростник или, за неимением его, горький померанец, глубоко вырезают рану и накладывают на нее вытяжной пластырь из размоченных табачных листьев с очень обыкновенным в Вест-Индии корнем репейника, смоченным бензойной или камфарной тинктурой; этот пластырь меняют каждые четверть часа и добавляют к нему опиум, если края раны почернеют. Больному вовнутрь дают слабительные и рвотные средства, а рану искусственно поддерживают еще в течение нескольких дней». Действительны ли вполне эти средства — остается пока нерешенным, особенно после утверждения в противном Шомбургка. Последний сообщает нам одну замечательную историю, основанную на его собственном опыте. «Во время моего первого пребывания в Бартико-Гrove, — пишет он, — я встретил там человека, сын которого был укушен коварным бушмейстером в левую щеку за несколько дней до моего приезда. Отец нашел сына в бессознательном состоянии и высосал ему рану. Через четверть часа после того этот человек почувствовал невыносимые страдания, голова распухла и скоро превратилась в бесформенную массу: появились все признаки отравления.

которое, как оказалось, проникло в кровь через отверстие большого зуба. Мальчик умер, а отец остался хворым; по крайней мере, я его еще застал таковым в последнее свое пребывание в тех местах».

"Индейцы и негры, — говорит принц фон Вид, — иногда едят мясо бушмейстера, предварительно отрубив ему голову. При встрече с этой змеей в нее стреляют из ружья, так как всякий считает долгом убить это опасное и огромное животное, которого все боятся и ненавидят. В змеиные ловушки он тоже иногда попадает и тогда обыкновенно долго остается живым».

В Европу бушмейстер попадает гораздо реже, чем этого желали бы наши знахари. В честь его одно из их средств названо «Лахезис», вероятно потому, что для его изготовления Геринг прежде всего взял яд бушмейстера и обработал его. Удивительное действие этого средства может доказать следующий рассказ. «Когда мы вспоминаем, — говорит Геринг, — старые народные лекарства, то не можем не заметить, что для их изготовления использовали многих рыб, а еще чаще земноводных. Эти страшные, отвратительные существа должны были иметь силу преодолевать самые ужасные болезни. Рассмотрев внимательно известные нам старые предания, мы увидим, что жареные лягушки, сушеные ящерицы, жир змей, кровь черепах и преимущественно их желчь расхваливаются на все лады, как самые действенные средства против сыпи и нарывов. Но самым сильным животным ядом справедливо считается змеиный, так что страшно и употреблять его как лекарство, особенно если вспомнить, что многие из укушенных и исцеленных от него всю жизнь страдали сыпями на укушенном месте, которое, говорят, делалось такого же огненного цвета, как сама змея. Если, кроме того, принять во внимание, что большое количество этого яда убивает мгновенно, меньшее количество производит опухоли и воспаления и даже самое малое вызывает опасные припадки, то, конечно, надо стараться настолько уменьшить дозу, чтобы его действие было менее быстро. Поэтому еще раньше моего приезда на юг, у меня появилось сильное желание исследовать знаменитый яд. Опыты со змеиным ядом, растертым в молочном сахаре, не только покажут, как он действует на людей, но и дадут возможность с большей уверенностью лечить больных и из множества противоядий выбирать самые действенные; они, наконец, возведут змеиный яд на степень очень важного целебного средства. Я здесь напомним только рассказ Галена, в котором говорится, что прокаженный был исцелен вином, в котором околел уж. Мне тоже сообщили здесь (в Парамарибо) под большим секретом, что жареная голова ядовитой змеи, истолченная в порошок, служит главной составной частью порошка, который, втертый в ссадины кожи, не только предупреждает вредное действие укуса, но исцеляет и после укуса. Наконец, я видел прокаженного, у которого, как мне говорили, пропали все струпья на лице и на всем теле вследствие лечения этим порошком. Не следует пренебрегать народными средствами, до Ганемана они были почти единственным источником аптекарских лечебных средств. Часто инстинкт указывал людям на такие средства, на которые не натолкнул бы

их и столетний опыт. Все это, вместе взятое, заставило меня сильно желать приобрести большую ядовитую змею».

Такое вступление заставляет ожидать весьма многого; действительно, Геринг не обманывает наших ожиданий. Он рассказывает весьма подробно, как в 1828 году он добыл себе бушмейстера, выжал яд, 10 капель его смешал со 100 гранами молочного сахара и эту смесь растирал в течение «целого часа»; потом 10 гран этой смеси опять смешал со 100 гранами сахара, чтобы получить со-тые части, считая каждую каплю яда за гран. К счастью для страждущего человечества, сам изобретатель чудесного средства испытал его действие тотчас на самом себе. «При растирании яда, — говорит он, — я заметил, что вдыхаю его мелкие частицы. Вследствие этого я почувствовал сзади на нёбе странное ощущение, как бы щекотание; через час появилась щемящая боль в горле, на маленьком местечке, глубоко справа, на стороне глотки; при глотании боль не увеличивалась, но усиливалась при нажимании. Несколько часов спустя меня вдруг охватил страх или, точнее, тяжелое предчувствие чего-то ужасного; оно мучило меня более часа. К вечеру случился припадок необыкновенной, почти безумной ревности, столь же глупой, как и непреодолимой, позднее слабость, усталость, сонливость и при этом страшная болтливость, но говорил я кажется, вздор. Appetit совершенно пропал вследствие неприятного ощущения в желудке, появилось сильное желание выпить пива, время от времени чувствовалась вышеупомянутая боль в горле. Когда я, наконец, совершенно сонный (как мне казалось), лег в постель, то заснуть никак не мог, ворочался с боку на бок, не находя удобного положения: все казалось — что-то давит в шею и в затылок. Всякое прикосновение к гортани было не только чувствительным, но производило ощущение удушья и увеличивало боль горла сзади. Ладони, подошвы и живот были очень горячими. Заснув, наконец, поздно, я очень рано проснулся. На другой день испражнения были недостаточны, полужидки и глинистого цвета; на третий день утром сделался понос с кашицевидным испражнением, а после обеда, заснув, видел преселые, уморительные сновидения».

При первом употреблении этого удивительного средства таким искусным врачом получилось следующее: отвращение к курению, вспыльчивость и гнев, но без злобы, недоверие и подозрительность, щекотанье в кончике носа; в углах глаз чувствовалось давление, и они слезились; перед полночью появилось возбужденное состояние, и после полночи — внезапный понос, потом паразитарная апатия, забывчивость и желание напиться вина, боль под ложечкой при давлении, зуд между пальцами, беспокойство, вызывающее на воздух, насморк и понос, которые, возможно, доказывали, что прием был слишком силен.

Город Змеиногорск в Алтайском горном округе, по словам Ренованца, получил название от паразитарного количества змей, которые сначала находились в рудоносных горах и в таком количестве, что их складывали в кучи и сжигали, чтобы от них избавиться. Когда мы, т. е. Финш, граф Вальдбург-Цейль-Траухбург и я, летом 1876 года посетили этот красивый город, то решили исследовать: заслуживает ли и теперь городок свое название, и попросили нашего радушного хозяина, горного чиновника Иванова, послать кого-нибудь из незанятых рабочих на охоту за змеями. Несмотря на грозу и дождливый день за самый короткий срок нам принесли исключительно ядовитых змей, нашу общеизвестную гадюку и еще единственного европейского представителя гремучников.

Обыкновенный, или палласов, щитомордник (*Agkistrodon halys*) служит представителем рода щитомордников (*Agkistrodon*). Палиссо де Бовуа обозначает этим названием всех гадюк без погремков с треугольной головой, покрытой сверху обыкновенным числом щитков, с длинным туловищем, снабженным 17-27 рядами килеватых чешуек, и с очень коротким, неспособным к схватыванию хвостом, нижние щитки которого расположены в два или три ряда, а последняя чешуйка, похожая на жало и роговая, по утверждению некоторых исследователей, представляет недоразвившийся гремок. Известны 9 или 10 видов щитомордников, которые обитают по большей части в Северной и Центральной Америке, в некоторых своих формах распространяются на Среднюю и южную Азию, а один вид переходит и за Урал и таким образом проникает на крайний восток Европы. Все эти змеи живут исключительно на суше*.

* *Сейчас насчитывают до 14 видов щитомордников.*

Обыкновенный щитомордник не превосходит по величине обыкновенную гадюку. Совершенно треугольная голова необыкновенно плоская, на конце морды косо срезана снизу, сверху углублена в виде желобка и покрыта девятью обыкновенными щитками; покрытая щитками часть головы невелика и, по крайней мере, половина ее прикрыта ими. Щитки отличаются тем, что каждая пара или каждый щиток лежат в особой плоскости и задним краем прикрывают передний край следующих пар или щитка; таким образом, получается более или менее ясно обозначенное черепичное расположение всей группы головных щитов. Отличительной особенностью этого вида, по Штрауху,

являются узкие передние лобные щитки, которые составляют фигуру в виде полумесяца и создают выпуклую возвышенность; вся морда имеет форму более или менее сильно изогнутого седла. Голова всегда очень резко отделяется от сжатой и тонкой шеи; туловище довольно длинное и посередине почти круглое, покрыто 25 рядами килеватых чешуи и перед хвостом немного утолщено; последний очень короткий, конусообразно заострен и снабжен вышеупомянутым роговым придатком, довольно длинным, слегка изогнутым и с заметной бороздкой во всю длину. Окраска верхней стороны всегда буровато желто-серая, на середине спины более темная; нижняя сторона более или менее чистого желто-белого цвета; на задних щитках замечаются более или менее ясные черные точки. Совершенно то же заметно на краях губных щитков, которые на желтом фоне имеют каштановый рисунок. Узор головы состоит из большого, правильной четырехугольной формы пятна, находящегося на обоих парах лобных щитков, из широкой, на середине прерывающейся поперечной полосы, тянущейся от одного предглазного щитка к другому, и из очень широкой полосы, пробегающей от заднего края глаза до угла рта через шею. Все эти рисунки имеют окраску спины и более или менее заметно окаймлены желтой каймой. Вдоль всей спины и на конце хвоста находятся в большом количестве желтые или желто-белые, окаймленные черным, поперечные полосы, по краям зазубренные, часто прерывающиеся или развиты лишь наполовину; иногда они разветвляются наподобие сети. По сторонам туловища к ним примыкают черно-бурые, окаймленные молочно-белым, большей частью правильные полосы, расположенные продольными рядами. Первое пятно на затылке отличается от остальных подковообразной формой. У этой змеи тоже встречаются видоизменения в цвете и рисунке.

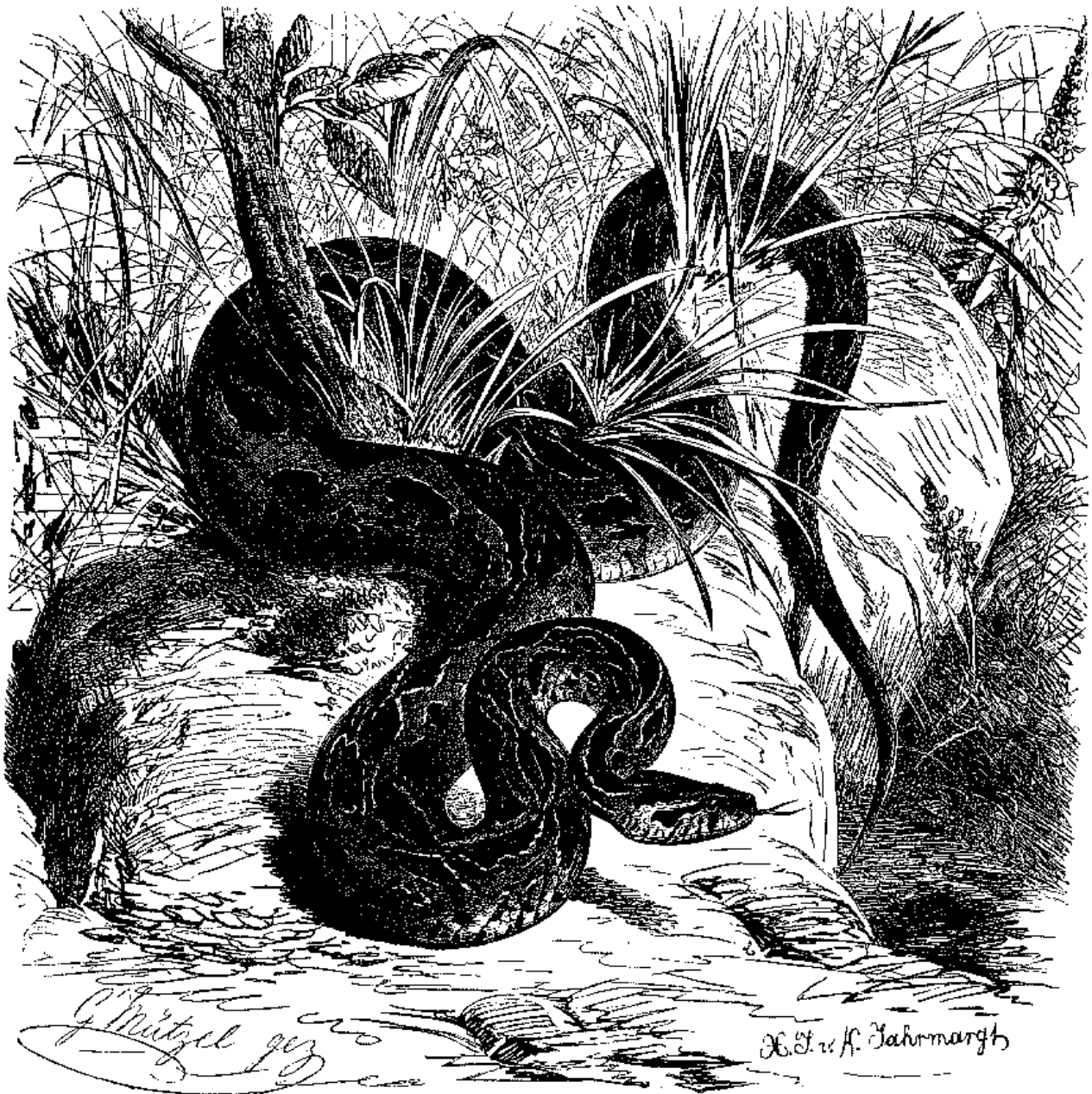

Обыкновенный, или палласов, щитомордник (*Agkistrodon halys*)

Область распространения обыкновенного щитомордника, открытого Палласом в верховьях Енисея и впоследствии вновь найденного близ устьев Волги и у Ленкорани, простирается от Волги на востоке до Енисея и от 51 градуса северной широты на юг, до какой широты еще неизвестно. В Европе эта змея обитает только между Волгой и Уралом в степных местностях. Ее настоящей родиной можно считать Среднюю Азию и южную Сибирь, так же как север Туркестана и Монголии. В Киргизской степи, именно в юго-восточных ее частях, она может вместе с гадюкой считаться самой распространенной змеей; то же самое можно сказать и о степях Алтайского края.

По нашим, впрочем, очень поверхностным, наблюдениям, обыкновенный щитомордник не имеет постоянного убежища, а ложится днем то тут, то там, свернувшись клубком, между травами степи. Когда мы с нашими киргизскими проводниками и кам и переезжал и через степь в Семиреченской области, а потом через долину Эмиль, каждый день по нескольку раз какой-нибудь киргиз вдруг вытаскивал длинный нож, наклонялся с седла и наносил быстрый удар. Это всегда обозначало присутствие ядовитой змеи, то гадюки, то щитомордника, и доказывало нам, как распространены здесь эти животные. Кочевники с полным правом ненавидели и ту, и другую змею, потому что из-за них они нередко теряют ягнят и коз, хотя и те, и другие знают этих змей и избегают их. Те киргизы, которых я расспрашивал, ничего не могли сообщить мне относительно пищи этой змеи, и я решаюсь высказать догадку, что щитомордники, так же как и гадюки, питаются мышами, маленькими птицами, преимущественно жаворонками и, вероятно, жабовидными ящерицами, очень обыкновенными в степи. Зато киргизы многое знали об образе жизни обеих змей, знали, например, что они ночные животные и в самое жаркое время года лежат на солнце только в утренние и вечерние часы, в полдень же прячутся в тень кустарника, под камнями или залезают в воду. Укуса щитомордника очень боятся, потому что верного средства против него не знают. Сначала надрезают укушенную рану, высасывают яд, дают тинктуру опиума и, наконец, мочат в воде укушенное место до тех пор, пока не спадет опухоль и пока нельзя приняться за втирание змеиного жира. В продолжение всей болезни читают места из Корана. От укусов страдают долгое время, иногда месяцами и даже годами. Удивительно то, что русские, которые в Змеиногорске ловили нам гадюк и щитомордников, несколько не разделяли страха киргизов и обращались со змеями с достойной порицания небрежностью. Чтобы безопаснее их переносить, они делали из гибких сучков очень удобные щипцы, причем надрезали сук до половины, потом, начиная от разреза, расщепляли, затем сгибали так, что обе стороны отставали друг от друга и представляли стороны щипцов. Между этими последними защепляли шею пресмыкающегося, отпускали сучок и так крепко захватывали на любом месте шею, что змея уже никого не могла укусить. При этом они думали, что сделали все для своей безопасности и, не обращая ни малейшего внимания на ядовитые зубы, обходились со змеями так, будто не знали об их ядовитости. Как мне рассказывали, многие бывают искусаны гадюками и щитомордниками, но так как они верят, что втиранием дегтя можно предотвратить последствия укуса, то мало остерегаются.

На Яве живет **гладкий, или островной, щитомордник** (*Agkistrodon rhodostoma*), который отличается от других родственников сжатым туловищем и гладкими, не килеватыми чешуями на голове и на теле. Во всем остальном чешуйчатый покров этой змеи только тем отличается от других видов, что чешуйки, расположенные в 21 ряд, лежат более косо, чем обыкновенно. Длина щитомордника не больше 95 см.

Гладкий, или островной, щитомордник (*Agkistrodon rhodostoma*)

У этого вида также замечается темно-бурая с беловатой или розоватой каймой продольная полоса от глаз до угла рта. Спину украшают на красно-буrom фоне два ряда черно-бурых треугольных пятен с черной и белой каймой, которые то сливаются с черной, средней полосой, то переходят с одной стороны на другую, и, таким образом, представляют весьма красивый рисунок. Белая нижняя сторона слегка покрыта буроватыми жилками.

Эта змея живет в Сиаме, а также в западной части Явы на суше, прятаясь между травами; она проникает в сады деревень и даже городов. Яванцы считают гладкого щитомордника самым ядовитым животным их острова. Шлегель рассказывает, что два работника, которых в Бейтензорге укусила эта змея, умерли через пять минут.

Как и другие ядовитые змеи, гладкий щитомордник родит живых детенышей и питается обыкновенно лягушками, остатки которых Шлегель находил в его желудке.

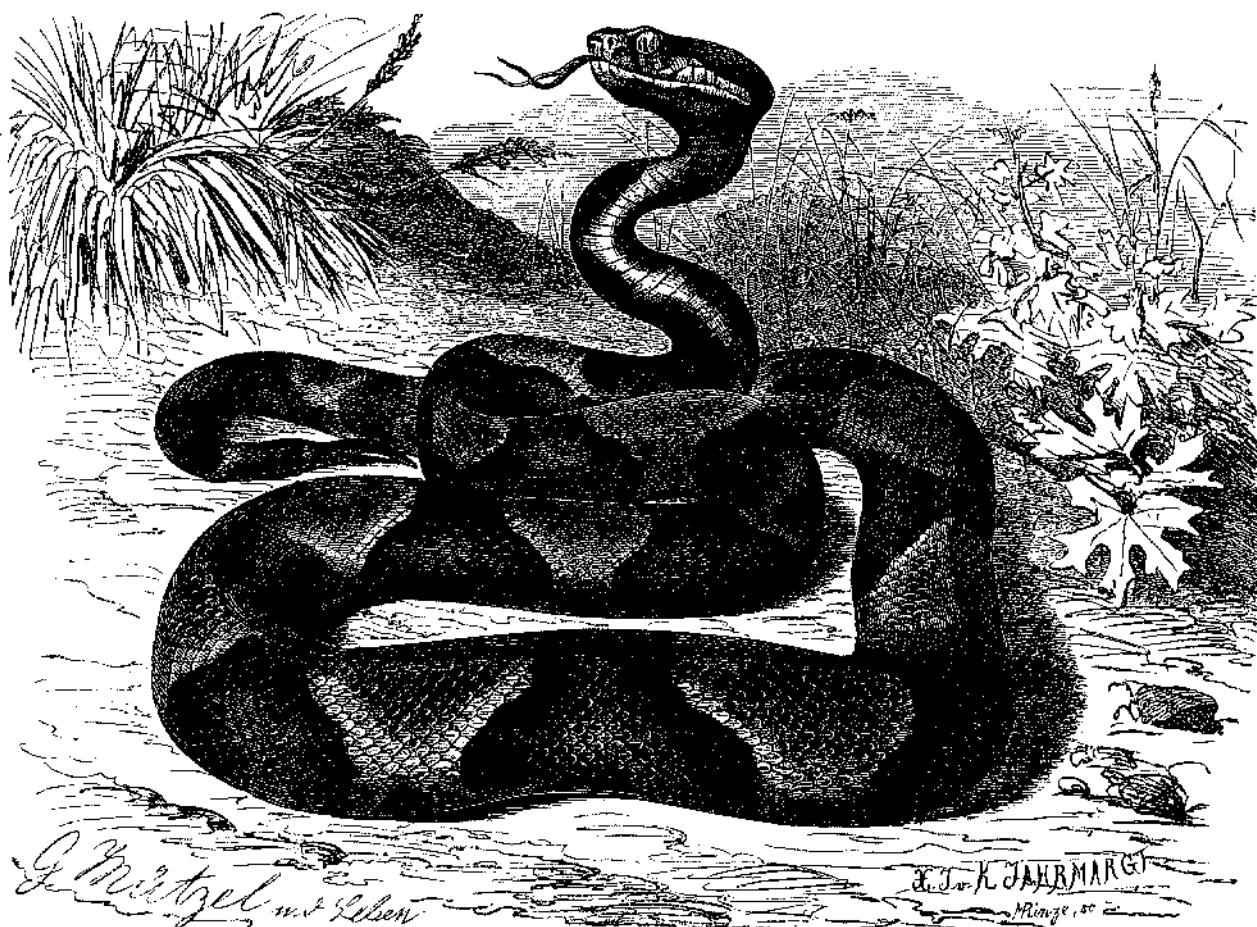
Циветты и мангусты помогают людям уничтожать эту красивую, но опасную ядовитую змею.

Медноголовый, или мокасиновый, щитомордник (*Agkistrodon contortix*) — один из самых известных и распространенных североамериканских видов. Длина его около 1 м, редко больше. Туловище толстое, хвост довольно короткий, снизу покрыт щитками, а на конце снабжен роговым острием, голова представляет удлиненный треугольник, но очень заметно отделена от шеи; с верхней стороны не очень плоская; углубление, которое лежит между верхней губой и передним глазным щитом, не особенно глубоко, рот сильно разрезан. За затылочными щитками нет других некилеватых щитков, как у водяного щитомордника. Красивый медно-бурый цвет, который блестит на боках, составляет основную окраску верхней части тела; около 126 красно-бурых с более темными

каймами поперечных полос, выгнутых дугами на боках, создают узор спины; и благодаря ему она и получила свое название, потому что его можно сравнить с мокасинами. Эти поперечные полосы, которые тянутся до самого хвоста, перемежаются с неправильными и одинаково друг от друга отстоящими пятнами основной окраски. Брюшные щитки светлого медно-красного цвета и украшены по сторонам большими многоугольными, более темными пятнами, которые перемежаются с такими же круглыми. Голова обыкновенно более светлого цвета, чем туловище, и украшена широкой светлой полосой, с более темными краями, проходящей от конца морды по всей стороне до угла рта.

Область распространения медноголового щитомордника простирается от 45 градуса северной широты до крайнего юга восточных штатов Северной Америки. Местом жительства служат болотистые районы, преимущественно широкие пастбища, тенистые луга с высокой травой; пищу составляют полевые мыши, птицы и, вероятно, лягушки. Вследствие подвижности медноголового щитомордника американцы боятся их больше, чем страшного гремучника, которому они почти равняются по ядовитости своего укуса. Кари упоминает случай, что укушенная медноголовым щитомордником лошадь через несколько часов издохла. Нерлинг приводит, наоборот, около 20 случаев, когда его укусы не приводили ни к смерти, ни даже к опасной болезни. Его движения гораздо быстрее движений страшного гремучника, но все же довольно ленивы; по характеру и привычкам он не отличается от других, быстро раздражающихся ядовитых змей.

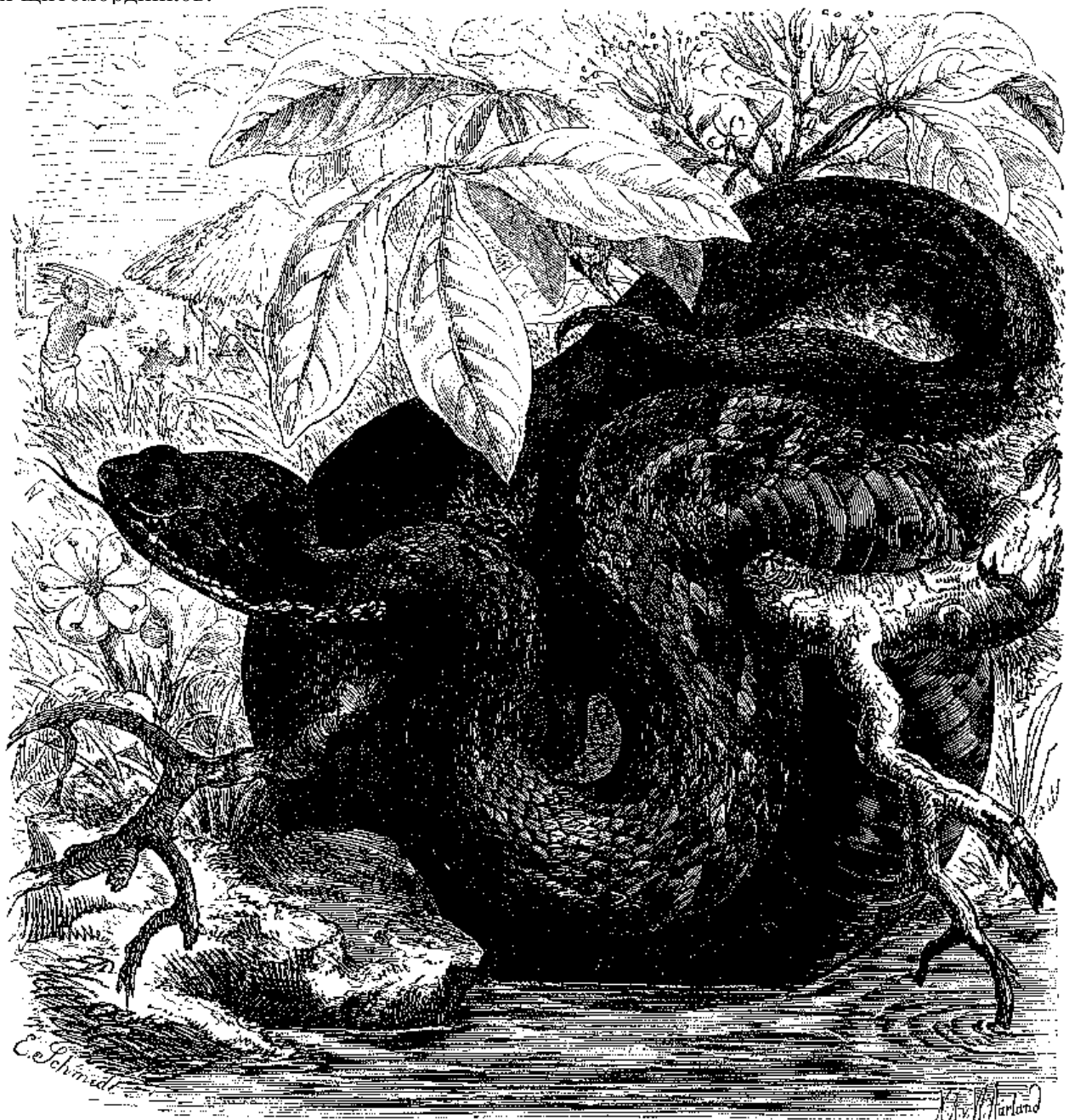
При приближении человека змея принимает наступательную позу, поднимает треугольную голову, вертит языком и двигает из стороны в сторону кончиком хвоста. Кунце долгое время наблюдал эту змею и может удостоверить, что она не кусается ни в растянутом положении, ни когда лежит, свернувшись. Опасна лишь тогда, когда лежит, выгнувшись наподобие латинской буквы S. Гартман также описывает привычки этой змеи по жившим в неволе экземплярам, которые он получил из Северной Каролины. Она не оставляет своей дикости даже после долгой неволи и во время гнева машет концом хвоста, подобно страшному гремучнику, с заметным шумом. Ее яд убивал мышей за 4 минуты; при голоде она проглатывала их тотчас же; в другое время давала им лежать несколько дней. Рыб она не трогала. При перемене кожи у нее образуется подкожная беловатая жидкость, которую наш наблюдатель заметил также у лазающих, водяных и других североамериканских ужей.

Медноголовый, или мокасиновый, щитомордник (*Agkistrodon contortrix*)

Относительно размножения я не имею никаких сведений, но не думаю, чтобы оно отличалось от размножения других видов этого семейства.

Гораздо лучше медноголового щитомордника знаем мы его ближайшего сородича, **водяного щитомордника** (*Agkistrodon piscivorus*), который тоже живет в Северной Америке, но исключительно в болотах и топях, реках и озерах. Это тоже большая ядовитая змея, так как длина ее доходит до 1,5 м. От медноголового щитомордника водяной щитомордник отличается двумя гладкими сверхкомплектными щитками, которые лежат за большими затылочными щитками, и, кроме того, маленькими чешуйками, которые теснятся между задними лобными и теменными щитками. Окраска очень изменчивая. Большинство змей испещрены по гляцевитому зелено-серому фону более или менее правильными темными полосами. Одна разновидность, которую американцы называют водяной гадюкой, — ровного темно-землянисто-бурого или матово-черного цвета, и ее полосы выступают только непосредственно после линяния. У другой разновидности преобладает красивый каштановый цвет, который иногда темнеет до густого оливкового цвета, а на нижней стороне переходит в желтовато-бурый; эта окраска свойственна только молодым змеям, у некоторых, впрочем, она сохраняется и до глубокой старости. Обыкновенно нижняя сторона заметно темнее, чем у медноголовых щитомордников.

Водяной щитомордник (*Agkistrodon piscivorus*)

По Гольброку, эта змея распространяется от Педи, речки Северной Каролины, на юг по всей Северной Америке и на запад до Скалистых гор, но встречается обыкновенно вблизи воды или в самой воде. Она живет на берегу островов, в озерах, болотах, прудах и ручьях, на сухой земле со-

всем не попадает. Во время сильной жары змеи лежат в большом количестве на нависших над водой ветвях, поспешно соскальзывают с них, если что-то им угрожает, и быстро уплывают. Катэсби считает, что они лежат на ветках, высматривая добычу, но вероятнее, они отыскивают сучья, чтобы погреться на солнце, потому что даже в безлесных болотах или на полях в полдень они поднимаются, ползут на сухие места, чтобы подставить себя солнечным лучам. Пища их состоит преимущественно из рыб и амфибий, но они не щадят млекопитающих, птиц и вообще ни одного позвоночного животного, которого могут проглотить. По отзыву всех наблюдателей, которые их изучали, эти змеи составляют предмет ужаса работающих на полях и возбуждают страх в большей степени, чем гремучие, потому что эти последние, как говорят, ранят только тогда, когда их раздражат, между тем как водяные щитомордники нападают без всякого повода и стараются укусить всякое живое существо, которое к ним приближается. Они пугают не только людей, но и зверей, которые живут в болотах или держатся вблизи воды: млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных и рыб, потому что никто не застрахован от них.

Из всех ядовитых змей водяного щитомордника легче всего содержать в клетке, он сразу принимается за корм, употребляет самую разнообразную пищу и размножается без всяких затруднений. В Лондонском зоологическом саду пара этих животных произвела на свет детенышей, из которых Эффельдт получил четырех. Они дали ему возможность сделать многие наблюдения. Змеи ели и теплокровных, и холоднокровных животных, охотнее всего рыб, которых они предпочитали всякой другой пище. Эффельдт называет их самыми опасными соседями, которых только могут иметь змеи или маленькие животные, потому что они кусают и отравляют не только млекопитающих и птиц, но и пресмыкающихся, земноводных и рыб, даже других змей. Наш наблюдатель заметил, что из носатых гадюк, впущенных в клетку к водяному щитоморднику, некоторые исчезли; он обратил на это внимание и однажды увидел, что самец водяного щитомордника укусил носатую гадюку. Желая узнать действие этого укуса, Эффельдт остался у клетки и к немалому удивлению очень скоро заметил несомненные признаки последовавшего отравления гадюки. Через несколько минут укушенная змея замерла и в скором времени сделалась совершенно бесчувственной. Тогда водяной щитомордник схватил змею за середину тела и, не выпуская ее, придвинул свою пасть к голове жертвы и повернулся так, что гадюка была прямо против его рта, и начал ее проглатывать. В зоологических садах, по словам Эффельдта, должны были отделять водяных щитомордников от страшных гремучников, живших в одной клетке, потому что первые нападают на вторых, хотя и больших, чем они сами, и опасно ранят их. Ужи и другие безвредные змеи или ящерицы, принесенные к водяным щитомордникам, вызывают ужасный страх и всегда стараются от них убежать, но скоро бывают пойманы и рано или поздно укушены. Притом эти змеи никогда не проявляют той слепой и бешеной ярости, какая замечается у гремучих змей и гадюк; не выказывая особенного раздражения, они пристально смотрят на жертву и вдруг бросаются к ней на целую половину своего туловища, чтобы укусить. Они очень кровожадны; например птиц, которых приносят в клетку, или рыб, они очень скоро убивают, даже когда не голодны.

У своих пленников Эффельдт заметил, что они совокупляются несколько раз и притом в различные времена года, сначала весной, затем летом и окончательно осенью, около 10 октября. При этом замечается, что эти змеи во время совокупления свиваются в клубок. К одной паре, которая долгое время находилась в клетке, были принесены две другие, по-видимому, самки. Они принимали участие в первом совокуплении, свидетелями которого были, обвивая совокупляющуюся парочку. Совокупление начинается с действительных ласк со стороны самца, который сначала окружает самку, живее, чем прежде, вертит языком, начинает дрожать хвостом, потом приближает свою пасть к самке, так что кажется, будто они хотят кусаться, причем и самка также вертит хвостом, показывая свое благоволение; обе змеи приближаются друг к другу с продолжающимся дрожанием хвоста и совокупляются так быстро, что едва можно заметить. Даже после совокупления продолжают ласки, с той только разницей, что они проявляются с обеих сторон, причем нельзя сказать, кто из них нежнее, самец или самка. После того, как совершилось спаривание одной пары, приближаются и остальные змеи того же вида с теми же самыми ласками с явным намерением тоже принять участие в совокуплении, что часто и случается, если есть налицо оба пола, так как стремление к спариванию овладевает всеми. Пара остается соединенной большей частью целый час.

Относительно своих воспитателей водяные щитомордники выказывают себя удивительно добродушными и кроткими и, можно даже сказать, благодарными. Раньше, чем другие ядовитые змеи, они теряют охоту кусать его и легче других сородичей привыкают брать от него пищу. Я сам видел, что когда Эффельдт протягивал им щипцы с рыбой или сырым мясом, они тотчас же подходили и брали у него из рук пищу и моментально начинали двигаться, как только он открывал дверь

клетки. Первый кусок рыбы или мяса они хватают с известной нежностью, потом начинают быстро проглатывать; при остальных кусках они кажутся жаднее, так как у них аппетит разыгрывается по мере того, как они едят. При этом часто случается, что они кусают щипцы, очевидно, только по ошибке; потому что, по уверению Эффельдта, эти животные никогда не пробовали угрожать своему воспитателю, напротив, всегда были так добродушны, что тот совсем легкомысленно с ними обходился, при кормлении беззаботно стоял при открытой двери и позволял змеям наполовину выходить из своей клетки, чтобы достать корм. При таких обстоятельствах случилось раз, что друг Эффельдта Вагенфюр, вдруг почувствовал что-то на своей руке, именно язык змеи, который ощупывал руку, очевидно, с намерением найти что-нибудь съестное, впрочем, без всякого желания обидеть беззаботного человека. Подобное приручение трудно заметить у других ядовитых змей.

Относительно медно-бурой разновидности водяного щитомордника Эффельдт также сообщает ценные сведения. В ноябре 1871 года этот знаменитый воспитатель змей получил водяного щитомордника-самца названной окраски, а в июне следующего года ему удалось приобрести и самку той же разновидности. 21 января 1873 года в прекрасный солнечный день обе змеи спарились, а в июле наш наблюдатель нашел в клетке восемь живых, только что родившихся змеенышей. Длина этих милотидных зверьков при рождении едва достигала 26 см. Окраска была не такая, как у родителей, а мясного цвета, на голове краснее, узор состоял из черно-бурых зигзагов. После первого линяния, дней через 14 после рождения, цвет туловища перешел в более красно-бурый, а после второй перемены, последовавшей через пять недель, — в медно-бурый. Но и при этом голова оставалась более светлой. До второго года окраска не изменилась, и только после этого времени кожа стала постепенно темнеть, пока не перешла в вышеописанный цвет. В продолжение 14 первых дней молодые щитомордники не принимали никакой пищи; после этого они начали, отказываясь решительно от рыб, пожирать маленьких лягушек. Через два месяца они достигли длины 34 см, их головы тогда уже были гораздо больше головы взрослой гадюки, благодаря чему они могли поедать полувзрослых лягушек. «Сейчас же после рождения, — говорит Эффельдт, — я унес молодых змеенышей, кроме одного, из клетки родителей, опасаясь, чтобы их собственный отец не проглотил их. Первые дни я не замечал змееныша, оставленного при родителях; только восемь дней спустя увидел его лежащим на теле своего отца, и заметил, что тот очень ласково облизывал его со всех сторон. Этот случай доказал мне, что эти змеи чувствуют нежность к своим детенышам, между тем как со всеми другими существами, даже с другими видами змей они живут во вражде и нападают не только на всякое животное, но и на человека. Когда я посадил вместе многих змей одного вида, между ними царствовала дружба, когда же я впустил змею другого вида, на нее сейчас же напали и укусили. Укус ни когда не имел вредных последствий для змей того же вида, тогда как другие виды, которые были в клетке, всегда поддавались действию яда»¹¹.

Эффельдт для опыта давал своему водяному щитоморднику кусать различных животных. Посаженная в клетку со змеями крыса, укушенная только одним ядовитым зубом в бедро задней ноги, собственно была только оцарапана, как доказало исследование. Тотчас после полученного укуса крыса начала беспокойно бегать назад и вперед; через несколько минут ее поврежденный член онемел, через 10 минут она с взъерошенной шерстью сидела, съезжившись, в углу, не двигаясь; через 17 минут после укуса лежала на боку вследствие наступивших судорог, и через 40 минут последовала смерть. Менее опасным оказался укус молодого двухмесячного водяного щитомордника, который был тоже нанесен только одним ядовитым зубом; через пять минут последовало онемение ноги крысы, через 6 минут она заметно распухла, через шесть часов опухоль перешла в нагноение; но этим и прекратилась опасность, потому что в следующие дни крыса уже ела и только немного хромала на укушенную ногу. Впрочем, другая крыса, которую молодая змея укусила в голову, умерла через две минуты. У укушенных лягушек сейчас же случались судороги, и они вскоре умирали.

Так как я получил от Эффельдта многих водяных щитомордников и долгое время воспитывал их, то могу подтвердить его показания, прибавив кое-что и от себя. Водяные щитомордники ночные животные; впрочем, днем они не так ленивы и сонливы, как другие гремучие змеи или гадюки. Раз привыкнув к клетке и к правильному кормлению, они редко отказываются от предложенной им и днем пищи, обыкновенно сейчас же подходят к ней, чтобы съесть. Рыбы составляют лакомое кушанье взрослых щитомордников; обыкновенно они хватают их, не отравляя раньше, и проглатывают головой вперед; не брезгают они тоже и лягушками, но отравляют их большей частью до проглатывания; маленьких млекопитающих они тоже пожирают, раньше укусив их. В теплое время года или в хорошо натопленной клетке они проводят почти целые дни в тазу с водой, укладываясь там рядом или друг на друга во всех, возможных для змей положениях, так что глазам представля-

ется чудесно сплетенный клубок, из которого то тут, то там возвышается змеиная голова. Такое купание доставляет им высочайшее наслаждение, и пока змеи в воде, они силой отражают всякое нарушение их спокойствия. Если всем не хватает места, может произойти ссора. Хотя змеи, поселенные вместе, живут мирно, не сердятся, если одна вползает на другую, и редко ссорятся из-за пищи. Рассердившись, они начинают нападать, а если при этом ими овладевает стремление к совокуплению, то страстность их характера, и без того заметная, еще увеличивается, и серьезные битвы становятся у них делом обыкновенным. При поединках они недолго остаются в наступательных положениях, но тотчас же начинают кусаться и ранят друг друга при этом так серьезно, что кровь сочится из многих ран их тела.

Несмотря на то, я никогда не видел, чтобы хоть один из укушенных щитомордников обнаружил какие-нибудь признаки отравления, и должен согласиться с Эффельдтом, когда он говорит, что их обоюдные укусы нисколько им не вредят « Во время случки они необыкновенно возбуждены, беспрестанно ползают взад и вперед по клетке даже днем, угрожают соперникам и кусают друг друга, очень нежно облизывают избранную самку, наконец, обвивают ее обычным у змей образом, причем и происходит совокупление. Развитие зародыша, вероятно, ускоряется под влиянием теплоты и замедляется от охлаждения.

Ядовитые азиатские копьеголовые змеи, или куфии , (*Trimeresurus*) — довольно стройные животные с треугольной головой, покрытой (за исключением самого кончика морды и надглазной области) только небольшими чешуйками, а не щитками, и с довольно длинным цепким хвостом, переходящим в тонкое острие. Я могу еще к ним добавить, что тело этих змей покрыто чешуйками, более или менее килеватыми и расположенными рядами, числом от 13 до 31; щитки нижней стороны хвоста расположены большей частью двумя рядами, редко — в один ряд.

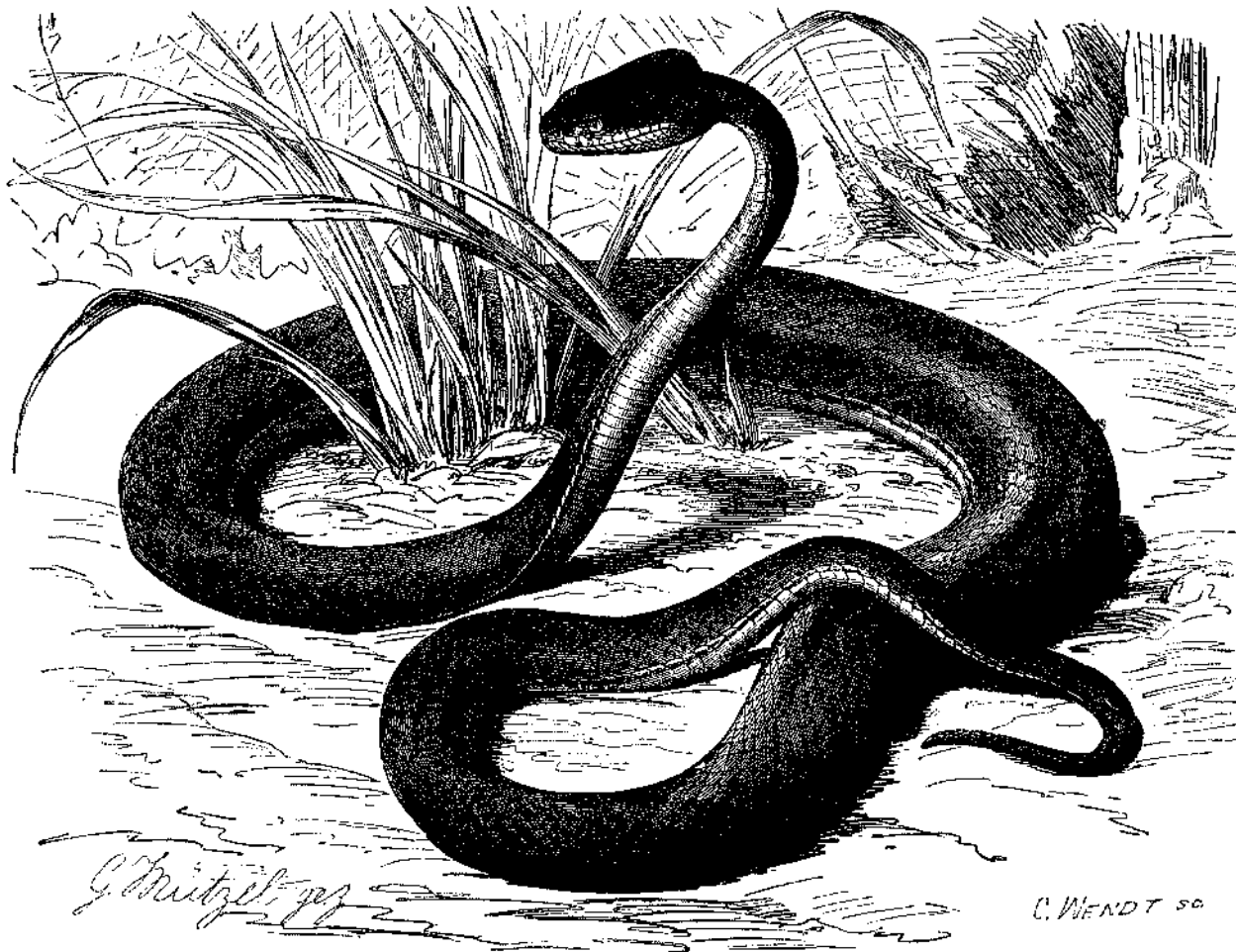
Бамбуковые куфии предпочитают жить в траве и кустах; бурые же и серые, более неуклюжие и менее подвижные виды, любят ровную землю или каменистые и скалистые местности и даже высокие горы. Но обе группы, на первый взгляд, резко отличаются по цвету, образуют многочисленные переходные формы. Многие из них, как это доказывает приспособленный к хватанию хвост, древесные змеи, которые большую часть жизни проводят на ветвях деревьев и вообще на растениях и только иногда спускаются на землю; другие живут только на земле.

Чтобы ознакомиться с образом жизни бамбуковых куфии, будет достаточно сообщить все то, что мне известно об одном из видов, живущих в Индии.

Бамбуковая куфия, или бодру-пам (*Trimeresurus gramineus*), — средний по величине вид этой группы, в длину достигает 71 см; верхняя сторона туловища водянисто- или травянисто-зеленого цвета; нижняя — зеленовато-белая. От белой нижней губы иногда тянется под глазами и по бокам головы к шее — такого же цвета полоса, а 21 ряд спинных чешуек иногда отделяются от брюшных щитков линией, образуемой белыми и желтыми точками. Старые самки, по словам Гюнтера, не имеют этих признаков. Кончик хвоста окрашен великолепным красным цветом. От многочисленных сородичей эта змея отличается числом рядов чешуек, маленькими килеватыми чешуйками черепа, гладкими височными чешуйками и относительно длинным, цепким хвостом.

Область распространения бамбуковой куфии простирается от западной части полуострова Индостан до Китая; она известна от Бенгалии по всей восточной части этого полуострова до южного Китая, от полуострова Малакка и всех тропических островов, до Филиппинских, не исключая Андаманских и Никобарских, кроме Цейлона. По наблюдениям Столички, она живет в очень значительном количестве в холмистых местностях близ Мульмена и почти исключительно на деревьях. Окраска туловища этих змей так сходна с цветом листвы различных деревьев, что их трудно заметить среди нее. Столичка часто видел молодых змей этого вида и на более низких растениях, а Кантор встречал их иногда на земле. Среди ветвей они чувствуют себя как дома, так как не только превосходно лазают, но умеют принимать там самые удобные позы. Их цепкий хвост обхватывает сук или верхнюю часть ствола зонтичного растения, чтобы туловище имело необходимую опору, и тогда последнее, или прямо вытянутое, или свернутое в несколько оборотов, или, наконец, только частью кольцеобразно свернутое, покоится неподвижно на широких листьях, сучьях или ветках, как бы составляя часть самого растения. Отдыхающая таким образом бамбуковая куфия обращает внимание на окружающий ее мир только в случае крайней необходимости. Не шевелясь, она близко подпускает человека, позволяет даже срыть себя с дерева, не выказывая сопротивления, и пытается укусить только тогда, когда ее прижмут палкой или защемят щипцами. Но рассерженная, она проявляет ярость, подобно другим ядовитым змеям. По словам Мартенса, она так раскрывает пасть, что верхняя и нижняя челюсти образуют прямую линию, и тогда с острыми, выступающими из ро-

зовато-красных десен ядовитыми зубами имеет страшный вид. Протянутую ей палку так яростно кусает, что выламывает себе ядовитые зубы.

Бамбуковая куфия, или бодру-пам (*Trimeresurus giamineus*)

Насколько эта куфия сонлива днем, настолько подвижна ночью, так как в это время начинается ее охота на различных маленьких птиц, млекопитающих, древесных и других лягушек, а также и насекомых, которые, по мнению Столички, составляют даже главную часть ее пищи. Этот наблюдатель никогда не находил в желудке исследованных им древесных змей остатков позвоночных животных, но он все-таки не сомневается в том, что они иногда убивают и небольших четвероногих, если это им удастся без особого труда. Но все наблюдатели согласны с тем, что они пренебрегают другими пресмыкающимися.

Яд бамбуковой куфии не считается очень сильным, однако, не подлежит сомнению, что и она может нанести опасные раны. Человек меньше страдает от них по той причине, что эти змеи, проводя время на деревьях, реже других приходят в соприкосновение с человеком. Но что они могут самым серьезным образом повредить человеку, подтверждается, к сожалению, многими примерами. «Укус ее, — говорит миссионер Гензель, — так ядовит, что я видел, как раненая женщина умерла через полчаса после укуса. Эта женщина взобралась на дерево, чтобы сорвать плоды, причем слишком приблизилась к незамеченной ею змее и тотчас же была укушена в руку. Вполне сознавая опасность такого укуса, она моментально спустилась с дерева, но едва достигла земли, как почувствовала головокружение. Ее принесли ко мне тотчас после укуса, но пока я ставил ей банки, она умерла на моих руках». Впрочем, это единственный из сообщенных мне случаев, который окончился смертью; следует заметить, что в этом случае вид змеи не был точно определен. Все другие сообщения согласны между собой в том, что люди, укушенные бамбуковыми куфиями, хотя и очень страдали, но все же чрезвычайно редко погибали от отравления, главным образом, конечно, оттого, что большинство этих змей не достигает большой величины.

Руссель наблюдал над действием укусов бамбуковой куфии. Курица, укушенная в ногу, тотчас же подняла ее вверх; через две минуты после того легла на землю, затем пыталась встать, но не могла держаться на ногах, 5 минут спустя сильно повела головой и шеей и умерла через 8 минут после укуса. Свинья, укушенная той же змеей в переднюю ногу, уже через 7 минут выказала большую слабость и пробыла в оцепенении около четверти часа. Это состояние продолжалось около

двух часов; бедное животное было не в состоянии приподняться и жалобно кричало, когда его хотели поставить на ноги; в продолжение третьего часа свинья страдала, кажется, еще более, по временам визжала и потом опять впала в забытие. Через два часа ей стало лучше, и она попробовала ходить, а через семь часов после укуса была совсем здорова. Курица, укушенная через полчаса после свиньи той же змеей, умерла через 33 минуты. Через шесть дней куфии дали укусить собаку в бедро. Через 16 минут у нее задрожали голова и ноги; через 25 минут дрожь распространилась по всему телу; собака вытягивала вперед шею, поднимала вверх морду, зевая, но не визжа. В продолжение второго часа она лежала на боку, как бы в изнеможении, шевеля времени от времени конечностями, причем вздрагивала всем телом. Через три часа после укуса припадки уменьшились, и наступило выздоровление. Два дня спустя эту же самую собаку дали укусить в оба бедра той же змеей, которая за этот промежуток времени отравила еще трех кур. Она страдала около трех часов такими же припадками.

Кантор описывает целый ряд подобных опытов, предпринятых с тем, чтобы узнать действие яда бамбуковой куфии и аналогичных ей видов, и он пришел к различным результатам: только что поевшая куфия укусила курицу, которая обнаружила лишь легкую боль, а в остальном не выказала никакого признака отравления. Другая курица, укушенная змеей того же вида, тотчас после укуса скрючила ногу, упала навзничь, через три минуты после укуса испражнилась, еще через три минуты выказала легкую онемелость головы и затылка, которая продолжалась минут пять; затем безуспешно пыталась встать на ноги, чего достигла только через 25 минут после укуса, встряхнула крыльями и, по-видимому, совсем выздоровела. Случалось, однако, что курицы, укушенные аналогичными видами змей, умирали; собаки, напротив, выздоравливали, впрочем, только при заботливом уходе.

Представителям куфии в Новом Свете недостает цепкого хвоста; своим образом жизни они тесно связаны с землей.

"На обоих островах: Мартинике и Санта-Люсия, — говорит Руфц, — мартиникский ботропс еще безгранично господствует в кустарниках и лесах; даже в тех местах, где уже поселился человек и обрабатывается земля, никто не может беззаботно отдохнуть под тенистым деревом или пройти через поле без охраны; никто не решается бродить среди кустарников или идти для удовольствия на охоту. Ночью вам постоянно снятся отвратительные змеи, потому что здесь вы беспрестанно слышите страшные рассказы о них».

Мартиникский ботропс в большом количестве и повсеместно распространен на названных выше островах; он живет, по словам Моро де Жонеса, по всему острову от уровня моря до гор, окруженных облаками; плавает в воде и качается на ветках деревьев, подползает к городам, а в деревьях нередко проникает в самые дома, если они окружены кустарником или высокой травой. По словам Руфца, горы Св. Петра, достигающие 1 500 метров высоты, считаются любимым местопребыванием этих змей. Горы прорезаны пропастями в несколько сот метров глубины, покрыты густым лесом, обвитым и переплетенным лианами. Первобытная почва глубоко скрыта под толстым слоем гнили, образовавшейся с незапамятных времен из истлевших стволов растений, и плотно покрыта частью сгнившими, а частью еще живыми растениями, великолепными по форме и цвету; под ними везде лежит такая густая тень, что тут чувствуется скорее тяжелый запах смерти, чем свежее дыхание жизни. Мертвая тишина царит в этом лесу и лишь изредка нарушается однообразным пением птицы, которую прозвали горным свистуном; другие птицы там редки. Люди никогда не могли проникнуть в эту мрачную глушь, но она населена бесчисленным количеством мартиникских ботропсов.

Густые плантации сахарного тростника составляют любимое местопребывание этой опасной змеи, но она попадает и во всякого рода кустарниках, которые могут дать ей убежище. Пещеру в скале, полое дерево, вырытую кротами или крабами яму — она обращает себе в жилище, но часто забирается в хлева и дома деревенских жителей, так как ночью предпринимает далекие путешествия даже по тем дорогам, по которым днем очень много ходит людей.

Во время отдыха днем она лежит, свернувшись в плоский кружок с головой посередине. Но когда ее беспокоят, то с быстротой молнии она бросается на врага, вытянувшись на расстоянии, равном половине своей длины, после чего опять мгновенно сворачивается в кружок. Если в это время ходить вокруг нее на некотором расстоянии, то она незаметно для вас будет поворачиваться так, что вы постоянно видите перед собой ее лоб. Ползая, она очень высоко держит голову, что придает ей красивый и гордый вид. По земле движется с такой легкостью, точно парит над ней: не слышно ни малейшего шума и не остается никакого следа. На острове все знают, что она очень быстро плавает. «Я сам, — говорит Руфц, слова которого привожу в переводе Ленца, — бросил од-

нажды из лодки в море мартиникского ботропса, длиной 1,5 м. Он быстро и грациозно поплыл к берегу, но едва мы его нагоняли, как он моментально останавливался, свертывался посреди реки так же легко, как на суше, и грозно поднимал голову. Удивительно, что он не пользуется своим проворством, чтобы переплыть на соседние, близлежащие острова».

Сокоупление бывает в январе, время кладки яиц в июле. Детеныши выползают из яиц в самую минуту кладки. По словам Вальяна, они появляются на свет окрашенные в два совершенно различных цвета, причем не замечается никаких промежуточных оттенков; отличия эти обусловлены и различием полов. Многие, даже большинство, погибают в юности потому, что родители о них совсем не заботятся, и их часто убивают даже слабые животные, как, например, домашние куры. Но размножение мартиникского ботропса происходит очень быстро. По уверениям Моро де Жонеса, в животе беременной самки заключается 50-60 яиц; Боноде находил их тоже 20-60 штук, смотря по величине самки, а Руфц от 36 до 47. Детеныши по вылуплении бывают длиной 20-25 см, очень подвижны и готовы кусаться.

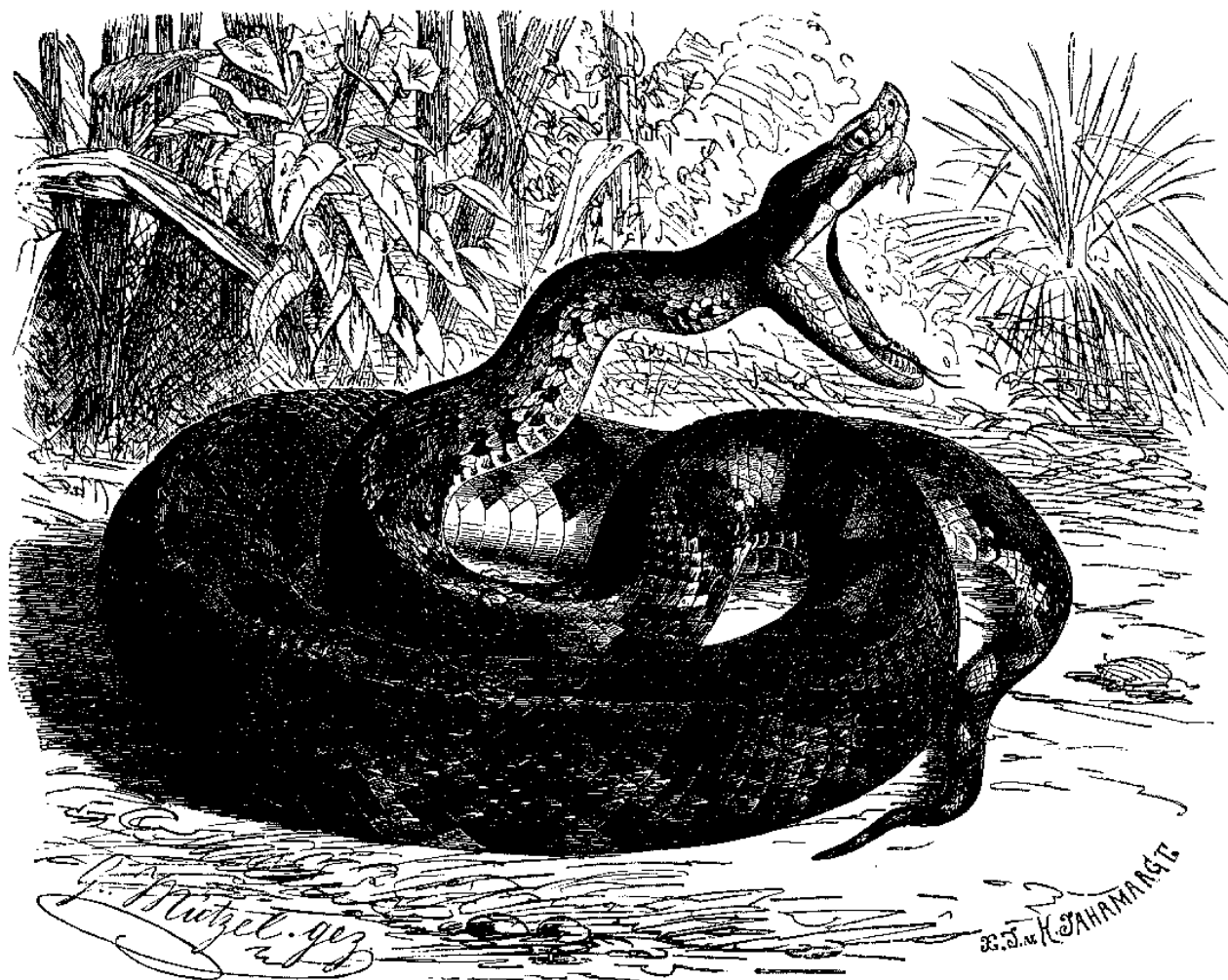
В ранней молодости мартиникский ботропс питается ящерицами, позднее маленькими птицами, и под конец жизни преимущественно крысами, которые, будучи перевезены европейскими моряками на остров, размножились там в страшном количестве. Впрочем, он охотится и за домашней птицей, и может в зрелом возрасте проглотить курицу, молодую индейку или двуутробку. Ему можно было бы поставить в заслугу истребление крыс, но никто не помянет его за это добрым словом, так как приписываемые змее человеческие жертвы слишком многочисленны. «Не подлежит сомнению, — продолжает Руфц, — что она кусается, если к ней подойдут слишком близко; но чтобы она бросилась на человека издали или преследовала убегающего от нее — не случается никогда, или, по крайней мере, очень редко, иначе на островах, на которых она водится, невозможно было бы жить человеку. В 1843 году я собирал через священников и местные власти сведения относительно смертных случаев, причиненных этой змеей, и узнал, что в каждой общине острова от ее укусов умирает от одного до трех человек. Число укушенных, но оставшихся в живых, конечно, в 10 раз больше, а так как, даже при самых благоприятных случаях, последствием укуса бывает продолжительная болезнь, а часто и онемение членов, то вред этой змеи для населения очень высок. Бывают особенно плохие годы, так например 1843, в котором укусы были смертоноснее, чем обыкновенно. Начальник округа Венанкурт сообщил мне, что меньше чем за семь месяцев в его округе от укусов змей умерло 18 человек. Клервиль тоже уведомляет нас, что в 1843 году умерли почти все, кто был укушен змеями. Между тем опустошения, произведенные крысами, именно в этом году действительно были ужасны, из чего мы, к сожалению, видим, что ожидаемая от этих змей помощь против крыс очень незначительна.

"Во время уборки сахарного тростника негры постоянно ставят на работу рядами, мужчин и женщин попеременно. Голос надсмотрщика раздается время от времени, напоминая каждому, чтобы он остерегался змей. Заметив змею, весь ряд, при жалобном крике женщин, обращается в бегство. Самый храбрый негр выступает вперед и убивает чудовище, которое вследствие поднятого шума или осталось лежать на месте, или же только немного подалось назад».

Кусая, мартиникский ботропс страшно разевает пасть, быстро бросается вперед и, укусив, опять также быстро свертывается и готовится к новому нападению. Если он очень разозлится, то кусает несколько раз. Руфц утверждает, что видел, как ботропс, кусая собак, обвивался вокруг своей жертвы. Последствия укуса ужасны: быстрое опухание укушенного места, которое скоро синееет и воспаляется, рвота, судороги, боль в сердце, непобедимая сонливость и смерть через несколько часов или дней. В самом благоприятном случае всевозможные страдания, продолжающиеся годами: головокружение, боль в груди, параличи, нарывы и т.п. Бесчисленное множество средств употребляются против этих укусов и большая часть их взята из растительного царства. Одно время возлагали большие надежды на гуако и поэтому перевозили его в огромном количестве из Новой Гренады, Венесуэлы и Тринидада в Мартинику, где и разводили его. Дальнейшие опыты доказали, что это средство вовсе не действенно и пришлось от него отказаться. «Грустно подумать, — говорит граф Герц, — что до сих пор не могут найти верного средства против укусов змей, и что каждый раненый ищет помощи только у старых. Мне рассказали случай, когда молодой европеец, укушенный змеей в двух местах, для каждой раны пригласил по негру и все же умер после тяжелых страданий. Однажды пришла кому-то счастливая мысль переселить в Мартинику африканского секретаря змеяда, но тамошние жители перестреляли всех этих птиц для забавы». Граф Герц сожалеет, что против размножения мартиникского ботропса не принимают серьезных мер, а Ленц советует для этой цели поселить на острове млекопитающих, уничтожающих змей, как то: хорьков, барсуков и ежей, тем более что они уничтожали бы и крыс, чем уменьшили бы количество главной пищи

змей. Оба правы, хотя следует заметить, что местные жители тоже стараются воспрепятствовать размножению змей. «Мой приятель Гайо, — говорит Руфц, — убивает ежегодно, на каждом сахарном поле три-четыре змеи, а другой приятель, Дюшатель, в одну неделю убил 23 штуки». По словам Гюй-она, который вел подробный счет убитых змей около форта Бурбон и окружающих его местностей, их за 4 года (1818 — 1821) достигало до 370 штук; с 1822 по 1825 год убили 2 026 молодых и старых змей, следовательно, за 8 лет убито 2 396 штук, хотя область эта очень мала. Приблизительно в то же время в управление Данцелота была назначена награда за каждую голову мартиникского ботропса, а Вианес, который выплачивал эту премию в окрестностях форта Ройал, сообщил мне, что только в окрестностях этой крепости каждую четверть года ему доставляли 70 змей. По сообщению Лалаурета, на плантациях, принадлежащих даче Пекуль, в один год было убито 600 штук, а в следующий год 300 штук мартиникского ботропса.

Руфц уверяет, что эта змея в неволе не принимает никакой пищи и все-таки выдерживает по нескольку месяцев. Я знаю из достоверных источников, что в Европе их держали в неволе в продолжение нескольких лет. У содержателя ботанического сада в С. Пьере, Барилье, граф Герц видел четырех красивых змей этой породы в проволочной клетке и присутствовал даже при поимке двух змей: одного чрезвычайно злобного самца в 2 м и самки в 1,6 м длины.

Мартиникский ботропс (*Bothrops lanceolatus*)

Мартиникский ботропс (*Bothrops lanceolatus*) достигает 2 м длины и толщины мужской руки. Его окраска весьма различна даже у детенышей одной кладки. Основной, более или менее ярко-желтовато-бурый цвет переходит в бурый, серо-бурый и черный; рисунок состоит из черной полосы, пробегающей от глаз к затылку и двух рядов неправильных, более светлых, иногда тигровых поперечных пятен вдоль спины. Черная полоса иногда отсутствует. У некоторых особей бока окрашены в великолепный красный цвет. От других видов этого рода она отличается острыми краями уздечки, выложенными сверху тремя парами больших гладких щитков, семью верхнегубными щитками, и 29 рядами чешуи и совершенно не пятнистой нижней частью туловища. Кроме Малых Антильских островов мартиникский ботропс населяет еще и часть Панамского перешейка.

Подотряд амфисбены или двуходки

Амфисбены, или двуходки, образуют подотряд, все представители которого ведут отчасти подземную жизнь.

Внешний вид амфибенов совсем напоминает червей: туловище у них цилиндрическое, длинное, везде одинаково толстое и вместо чешуи покрыто твердой и довольно толстой кожей, которая разделена на множество маленьких удлиненно четырехугольных щитков кольцеобразными бороздками и углубленными продольными линиями. Между этими четырехугольными щитками изредка замечаются многоугольные щитки, но на голове находятся всегда большие кожистые щитки. Один вид отличается присутствием передних конечностей, у других под кожей находят только следы ключиц и лопаток, а также таза. Хвост у всех видов короткий и толстый. Внешнего уха нет ни у одного вида; глаза лишены век и очень несовершенны; они виднеются лишь как темные точки под кожей, которая их покрывает, и расположены на верхней части головы; ноздри находятся обыкновенно около конца морды.

При анатомировании двуходок оказывается, что они отличаются от прочих ящериц следующими признаками: череп по форме очень разнообразен, обыкновенно удлинен, в середине с выемкой, над мордой выпуклый и несколько похож на череп хищного млекопитающего тем, что на темени находится большой костяной гребень, а на затылке проходит острый костяной выступ. Массивная и сзади очень высокая нижняя челюсть, которая, впрочем, бывает различного строения, по длине едва равняется половине всего черепа. Глазные впадины не имеют между собой стенки и также соединены с височной полостью; по сторонам головы нет костяных дуг, а межчелюстная кость цельная и не разделена на две части. Некоторые амфисбены имеют грудную кость, у других она в совершенно зачаточном состоянии, между тем как у всех других ящериц, как известно, она существует. На челюстях замечается небольшое количество крупных зубов, которые доходят, однако, как замечает Ваглер, лишь до переднего угла глаз, что, впрочем, замечается и у других ящериц; у всех известных видов нет зубов на крыловидных костях. Язык короткий, широкий и плоский, спереди с двумя остриями и у основания без чехла. У амфибенов, как у змей, развито лишь одно легкое, и дыхательное горло очень удлинено. Эти ящерицы отличаются от змей тем, что они не могут расширять в стороны ни верхней, ни нижней челюсти, так как обе половинки нижней челюсти и лицевые кости соединены швами. Кроме того, они отличаются еще от змей строением зубов и языка.

Амфисбены все без исключения ведут отчасти подземную жизнь, и в большинстве случаев живут в гнездах термитов. Они роют в сырой земле узкие ходы своей мордой, имеющей иногда продольное, иногда поперечное твердое острие; в этих ходах они, как кроты, могут легко двигаться как вперед, так и назад. На поверхности земли они ползают по прямой линии вперед, образуя вертикальные, а не горизонтальные изгибы. Хвост многих видов может служить для схватывания. Они питаются маленькими насекомыми, например муравьями и термитами, а также червями. Известно, что род *Amphisp* кладет цилиндрические яйца, имеющие 35 мм длины и 10 мм ширины; яйца эти кладутся в муравьиные гнезда.

Ныне известно 11 родов и 66 видов двуходковых*.

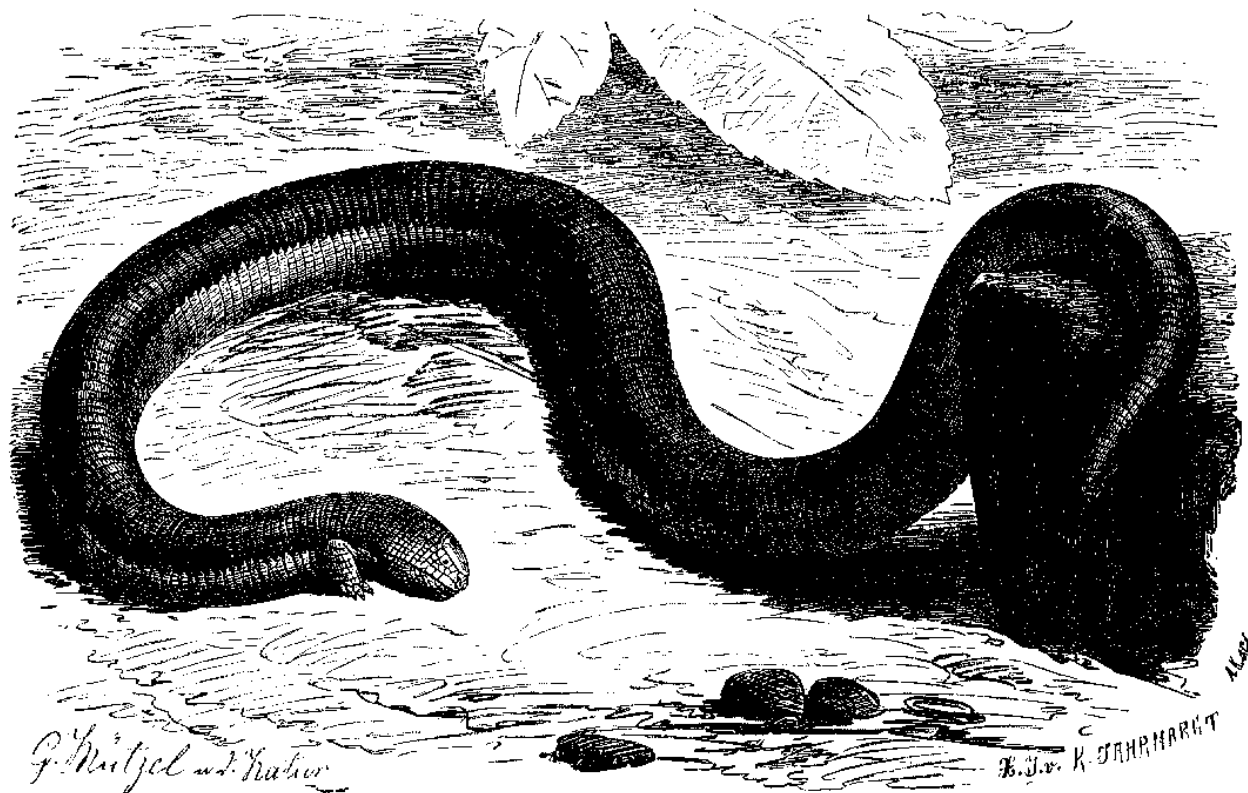
* Сейчас насчитывают около 130 видов из 17 родов семейства *Amphisbaenidae* и 10 видов (5 родов) двуногих и трогонофидных амфисбенов (семейства *Trogonophidae*).

Семейство двуноги

Род **двуногов** (*Bipes*) отличается от всех прочих присутствием передних конечностей с четырьмя малоразвитыми пальцами, снабженными, однако, когтями. По прочим признакам он почти ничем не отличается от рода *Amphisbaena*. На челюстях сидят острые, неровные между собой по длине зубы. У двуногов существуют ключицы, лопатки и грудная кость, но они малоразвиты. От плеч до заднего прохода тянется ясная боковая складка.

Единственный вид этого рода **хирот** (*Bipes canalicidatus*)** живет в Мексике, Калифорнии и на реке Платте (приток Миссури). Он достигает 20 см длины, сверху буровато-мясного цвета, а снизу беловатый. На шее и туловище насчитывают 210-260 колец; на хвосте 36-37. Об образе жизни его мы не имеем пока никаких сведений.

** К настоящему времени известно уже три вида.

Хирот (*Vipes cavanahculatus*)

Семейство амфисбены

Амфисбенами называют ныне 27 видов*** живущих в тропической Америке и Африке.

* * * Сейчас зоологи насчитывают 43 вида.

Они имеют червеобразное тело, округленную и слегка сжатую с боков морду, толстый, тупой цилиндрический хвост и конусообразные, слегка загнутые зубы, приросшие к внутреннему краю челюстей. Только передняя часть головы до темени покрыта правильными большими щитками, образующими на конце морды еще более крупный хоботный щит; задняя часть головы, туловище и хвост покрыты кожей, разделенной на узкие кожистые или роговые колечки, которые в свою очередь разделены на маленькие четырехугольные щитки. Ноздри расположены по сторонам головы и окружены особым ноздревым щитком. На груди нет крупных щитков. По сторонам тела от шеи до заднего прохода проходит боковая складка, которая у некоторых видов более, у других менее заметна; у некоторых видов посередине спины проходит подобная же складка. Перед задним проходом замечается поперечный ряд из 2-12 пор.

Один из наиболее известных видов рода это — **амфисбена белая, или ибижара** бразильцев (*Amphisbaena alba*), — животное в 52 см длины, из которых на голову приходится 2, а на хвост 5 см. Верхняя часть его тела блестящая желто-бурая, бока светло-желтые, нижняя сторона желтовато-белая, голова светлее спины. На туловище насчитывается 205-242 кольца, а на хвосте 17-21. Свое научное название этот вид получил по бледным экземплярам наших музеев.

Амфисбены, составляющие самый многочисленный род этого семейства, живут под землей и показываются на поверхности только ночью и во время пасмурной или дождливой погоды. Обыкновенным их местопребыванием служат муравейники и постройки термитов, личинками которых они питаются. Поэтому в Суринаме их называют «муравьиными королями», а на реке Амазонской — «матерями муравьев», тогда как в остальной Америке они известны под названием «двуглавых змей». Там и сям во внутренних частях Южной Америки они довольно обыкновенны; но их странный образ жизни, как легко понять, весьма затрудняет всякие наблюдения, так что до сих пор не имеется еще верных сведений относительно числа их видов, нравов и привычек. Достоверно только то, что они и по сей час представляют собой редкое явление в маленьких музеях. Жители побережья Амазонской реки, равно как и другие южноамериканцы, полагают, что их воспитывают, вскармливают и вообще очень почитают муравьи. По их мнению, когда амфисбены покидают муравейник, то и муравьи пускаются бродить, рассеиваясь во все стороны. По всей вероятности, случается и обратное: двуходки следуют за муравьями, когда те бывают вынуждены покинуть свою постройку.

"Весьма странным кажется, — замечает Чуди, — наблюдаемое в быту странствующих муравьев явление, что они терпят внутри своих подземных жилищ такое значительное по величине

животное, как амфисбену, тем более, что они считаются злейшими врагами всех живых существ, и нападают на каждое из них, которое неосторожным образом приблизится к их жилищу, своей численностью одолевая и убивая даже змей более, чем в метр длины, и млекопитающих величиной с белку. Какие основания имеются к такому сожительству, до сих пор еще не известно. Но ясно, что как хозяева, так и гости извлекают из этого совместного жительство одинаковую пользу, иначе такое явление не было бы таким общим и заурядным. Впрочем, из этого не следует выводить, что всякое гнездо странствующих муравьев обязательно содержит в себе амфисбен или что всякая амфисбена неизбежно живет в муравьиной колонии: мне не раз случалось доставать амфисбен из неглубоких, по-видимому, ими самими выкопанных нор в кофейных плантациях. Насколько мне известно, эти жи вотные держатся преимущественно в очень старых муравейниках, либо в больших кучах земли, накрытых муравьями при их постройках, либо в верхних сырых слоях, и, напротив, крайне редко их можно видеть в глубоких проходах. Здесь же амфисбены кладут и свои яйца. При выкуривании муравейников, что во всяком хозяйстве практикуется очень часто в виде предохранительной меры против этого страшного врага, можно зачастую видеть, как амфисбена быстро обращается в бегство, лишь только начнется действие раздувальных мехов».

Движения этого животного крайне своеобразны, а потому неудивительно, что во всей Южной Америке распространилось мнение, будто амфисбены умеют ползать и взад, и вперед. «Те, которых я находил, — говорит принц фон Вид, — чуть-чуть шевелились, если их не толкали, и в таком случае движениями своими вполне напоминали дождевых червей, что также может служить доказательством их слабого зрения». Но насколько медленно они ползают, настолько же ловко роются в земле, причем существенную услугу оказывает им их хоботной щиток.

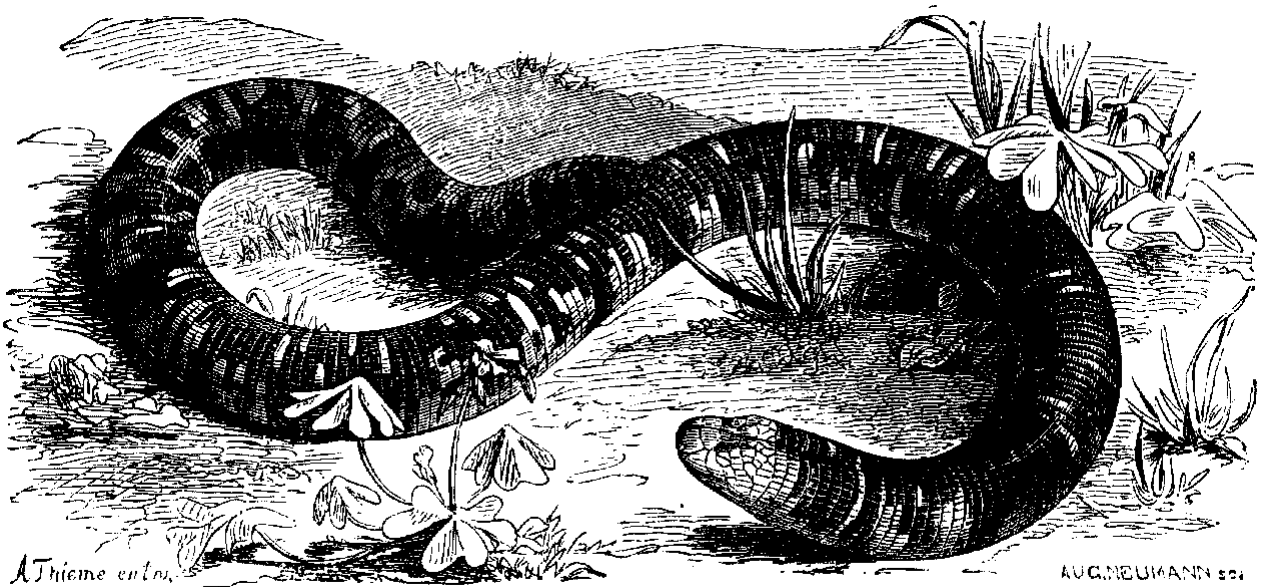
Относительно размножения этого вида мало еще определенных сведений. В противоположность Чуди туземцы утверждают, что амфисбены рожают живых детенышей; но эти люди рассказывают про этих животных так много чудесного, что, право, трудно отличит истину от басен*.

* *Сейчас известно, что белая амфисбена откладывает яйца в термитниках.*

В глазах южноамериканцев безобидные амфисбены считаются за крайне ядовитых созданий, но в то же самое время они приписывают им необыкновенно целебные свойства. Возможно, что способность возобновлять части тела, свойственная всем пресмыкающимся вообще, и может быть амфисбенам в особенности, навела людей на мысль, что подобное существо должно оказывать хорошую услугу при ранениях; короче говоря, в них живет твердое убеждение, что мясо амфисбен, высушенное и истолченное в порошок, оказывает самую действительную помощь при переломе костей, глубоких ранах и т. п. Тем не менее не видно, чтобы этих животных особенно ревностно преследовали ради того, чтобы добыть от них это чудесное целебное вещество; и в этом случае дело ограничивается больше одним пустословием.

В самом деле, вполне опасными врагами амфисбены могут считать только других пресмыкающихся, именно ядовитых змей; они становятся жертвами этих врагов в то время, как выходят ночью из своих подземных жилищ или, вследствие затопления, бывают вынуждены покинуть защищающую их почву. Бете вынул однажды вполне сохранившийся экземпляр из тела одной шарараки (*Trimeresurus jararaca*), которая была ненамного больше проглоченной жертвы. Буланже также сообщает об одной амфисбене (*Lepidosternum*), проглоченной бразильским аспидом (*Micrurus*), но прорвавшей его тело. Отверстие, из которого торчала голова амфисбены, находилось на расстоянии 7,5 см от рыла змеи. В этом случае оба животных лишились жизни.

Второй вид этого рода, распространенный в тропической части Южной Америки и в Вест-Индии, это — *двуходка пятнистая* (*Amphisbaena fuliginosa*), изображение которой мы и даем на нашем рисунке. Она отличается от предыдущего вида тем, что каждое кольцо в средней части тела имеет менее 60 щитков и что у нее средние брюшные щитки совершенно квадратные.

Двуходка пятнистая (*Amphisbaena fuliginosa*)

Окраска ее также совсем иная. Ибижара выглядит почти одноцветною, этот же вид черного цвета с белыми круглыми и четырехугольными пятнами с поочередным преобладанием того или другого цвета. На туловище насчитывают 193-217 колец, а на хвосте 24-32. При длине хвоста в 5,5 см эта двуходка достигает общей длины в 39 см.

Об ее образе жизни нам известно еще так мало, что мы не можем отметить никакого различия между ней и ибижарой.

Общий взгляд на жизнь рыб

Рыбы образуют тот класс позвоночных животных, представители которого, все без исключения, дышат жабрами. Этими немногими словами класс рыб очерчивается гораздо резче и определеннее, чем обстоятельным и точным описанием строения их внутренних и наружных органов.

Континентальные жители, знающие только речных рыб, несмотря на некоторое различие внешнего вида их, не имеют никакого понятия о разнообразии форм, встречающихся среди всех рыб вообще. В этом отношении рыбы не уступают ни одному классу позвоночных животных, а скорее могут с каждым из них поспорить. Конечно, большинство наших обыкновенных пресноводных рыб устроено сходно, но очертание многих других видоизменяется в разнообразнейших направлениях и переходит в удивительнейшие формы, даже в такие, которые нам кажутся уродливыми. Тело вытягивается в виде змеи или червя, сплющивается с боков, так что становится лентообразным, или же суживается в продольном направлении, округляется в виде вертикально стоящей пластинки, сжимается сверху вниз, расширяется в горизонтальном направлении и образует с боков крыловидные придатки. При этом отдельные части удлиняются, так сказать, безмерно, принимают безобразную форму, искажаются и искривляются, одни сливаются между собою, другие совершенно исчезают. Ни один класс позвоночных животных не представляет столь удивительных и непонятных прибавок к правильному строению, какие мы наблюдаем у рыб. Ни в одном классе позвоночных мы не наблюдаем подобного разнообразия в распределении конечностей и органов чувств. Характерным для очертания рыб является то, что на теле едва можно заметить и различить отдельные части. Голова никогда не бывает соединена с туловищем при посредстве шеи, и только в исключительных случаях можно различить хвост, резко обособленный от туловища. Обыкновенно же хвостовая часть и голова слиты с туловищем. Едва ли можно говорить о таком разделении тела рыб на части, какое мы находим у большинства остальных позвоночных.

Свойственные рыбам и поддерживаемые хрящевыми или костными лучами плавники удобнее всего разделить по их положению и распределению на парные и непарные. Первые, соответствующие конечностям остальных позвоночных животных, несмотря на сходное образование лучей, имеют строение, совершенно отличающееся от других плавников. Грудные плавники, которые почти всегда имеются, расположены обыкновенно позади жабр. Они помещаются на плечевом поясе, который составлен из двух или трех костей и по большей части прикреплен к черепу. Брюшные плавники, напротив, прикрепляются на одной только хрящевой или костяной пластинке, которая помещается в брюшной стенке. Они расположены у большинства рыб на брюхе, почти на середине тела, очень недалеко от заднепроходного отверстия. Иногда же они расположены даже впереди грудных плавников, именно на горле. Непарные плавники возвышаются по срединной линии тела и носят

название спинных, хвостовых и заднепроходных плавников. Первых можно встретить и два, и три, а последних — не более двух. Вообще непарные плавники по положению, форме, строению и размерам представляют необычайное разнообразие. Собственно лучи, представляющие не меньше разнообразия, чем плавники, у некоторых рыб хрящевые, а не расчлененные, мягкие и гибкие, у других же рыб колючие, костяные, расчлененные, твердые, хрупкие, волокнистые и т. п. Все лучи сочленяются с особыми косточками, расположенными по срединной оси тела между большими группами мускулов.

Покров рыб состоит из чешуек, щитков и пластинок разнообразной формы. Эти удивительные образования расположены правильными и прямыми рядами, проходящими вдоль, поперек или косо от спины к брюху, и часто прикрывают друг друга, подобно черепицам. Впрочем, нередко они прилегают своими краями друг к другу или же отделены друг от друга, оставляя определенные места неприкрытыми; иногда они становятся необычайно малы или же совершенно отсутствуют. По форме и составу различают круглые, гребенчатые, щетковидные, эмалевые и пластинчатые чешуйки. Первые, самые распространенные, имеют на своей поверхности большое число линий, соединяющихся друг с другом; эти линии образуют более или менее ясные концентрические круги, расположенные вокруг одной точки, лежащей не на середине чешуи; кроме того, на круглых чешуйках можно заметить полосы в виде расходящихся лучей. Гребенчатые чешуйки отличаются от них тем, что задний край у них зазубрен, а щетковидные чешуйки усажены на поверхности шипами. Эмалевые чешуйки толсты, тверды и имеют ясно выраженное костное основание, над которым расположен слой прозрачной эмали. Своеобразные чешуйки акул и скатов, которые придают коже этих рыб характерный бугорчатый и шероховатый вид, называются обыкновенно пластинчатыми. Они, подобно зубам, возникают благодаря окостенению маленьких накожных бугорков, на кончике которых образуется слой эмали. Кожа состоит из твердого нижнего слоя и из верхнего слоя, который на поверхности превращается по большей части в тягучую слизь. Красящие вещества расположены отчасти в первом слое, отчасти между ним и наружным слоем кожи. Серебристая окраска обуславливается слоем маленьких кристаллов, отлагающихся на внутренней поверхности чешуек.

Относительно окраски вообще достаточно будет упомянуть, что она по великолепию, красоте, разнообразию и изменчивости цветов не уступает окраске других животных. На рыбах замечается блеск всех драгоценных камней и благородных металлов, а также цвета радуги. К великолепию окраски присоединяется еще красота и разнообразие узора. Прибавим к этому, что многие рыбы обладают способностью, свойственной пресмыкающимся и земноводным, менять окраску. Эта перемена окраски, обуславливаемая отчасти внутренними жизненными процессами, отчасти внешними влияниями, совершается так называемыми пигментными клетками, погруженными либо в поверхностный, либо в более глубокие слои кожи. Эти клетки содержат очень мелкозернистое красящее вещество и, кроме того, обладают в высокой степени способностью сокращаться.

Ланцетник представляет самую низкую ступень образования скелета. У него мы находим только спинную струну, состоящую из хряща. Эта струна тянется по прямой линии от одного конца тела до другого, спереди и сзади заострена и окружена оболочкой, которая кверху продолжается в кожную оболочку и лишена всяких твердых образований. У него нет настоящего черепа, так как спинная струна продолжается до переднего конца тела и ее оболочка не образует нигде бокового расширения. У круглоротых рыб существует хрящевая черепная коробка, заключающая в себе более значительное расширение головного мозга. У них мы замечаем также расположенные друг против друга парные хрящевые гребни — первые зачатки верхних отростков дуг позвонков. У химер и других начинается образование позвонков именно в форме круглых пластинок, возникающих в наружном слое спинной струны; у других акул позвоночный столб разделен внутри кожистыми перегородками, которые посередине продырявлены. У всех остальных рыб, наконец, появляется более или менее полное окостенение, так что вместо спинной струны получается ряд позвонков, лежащих друг за другом. Тела позвонков по большей части конусообразно выдолблены спереди и сзади, так что вершины этих конусообразных полостей соприкасаются в середине оси позвонка. Поэтому тела позвонков прикасаются друг к другу только наружным краем и замыкают полости, имеющие форму двойного конуса и наполненные студнем — остатком первоначальной спинной струны.

Ребра большей частью существуют, но никогда не соединяются в настоящую грудную кость, а оканчиваются свободно в мясе. Кроме них у многих рыб мы встречаем еще особенные косточки, более или менее связанные с ребрами. Эти косточки возникают в сухожильных пластинках мускулов и носят название рыбьих костей.

Череп по своему строению сообразуется вполне со строением позвоночного столба. Где появляется расширение для сильно развитого мозга, там мы также замечаем хрящевые части, которые

сначала развиваются при основании, а затем мало-помалу становятся кверху сводчатыми и образуют наконец полную коробку, замкнутую совершенно или же с небольшими отверстиями.

Костный лицевой скелет рыб отличается от скелета других позвоночных животных тем, что многие кости, которые у высших животных представлены одной только костью, у рыб остаются разделенными, и тем, что многие кости, неподвижные у высших животных, здесь обладают подвижностью. Нёбно-челюстной аппарат при ближайшем рассмотрении оказывается состоящим из трех отдельных дуг — верхнечелюстной, нёбной и нижнечелюстной. Первая заменяется у круглоротых рыб губным хрящом, у акул еще не обособляется, отделена от черепа и соединена сочленением с нижней челюстью. Она образует у костистых рыб верхний край рта и состоит из двух пар костей — межчелюстной и собственно верхней челюсти. Нёбная дуга, составленная из нёбной кости, поперечной и крыловидной кости, представляет у поперечноротых рыб пластинку, образующую верхнюю часть нёба. Половины нижней челюсти только в редких случаях срастаются друг с другом по середине, по большей же части связаны волокнистой массой или швом. Нижняя челюсть всегда состоит из нескольких кусков: обыкновенно из трех, иногда из четырех и часто из шести. Один из них — зубная кость — несет на себе зубы, другой — сочленовная кость, которая сзади дополняется угловой костью, — вполне соответствует своему названию. Сочленение нижней челюсти почти всегда допускает только движение снизу вверх.

Если мы удалим все вышеупомянутые кости, тогда найдем, что ротовая полость костистых рыб ограничена многочисленными дугами, из которых большая часть, за исключением так называемой подъязычной дуги, несет жаберные бахромки. Концы этой дуги сходятся впереди в подъязычной кости, которая состоит из ряда непарных, расположенных одна позади другой косточек, к которым прикреплены все остальные жаберные дуги. На наружном крае придатков подъязычной кости находятся плоские, саблевидные, мало изменяющиеся по количеству костные дуги. Эти дуги служат для растягивания жаберной перепонки, закрывающей жаберную щель. У некоторых рыб эти лучи заменяются трехугольными костными пластинками; у хрящевых рыб они состоят из хряща. За подъязычной дугой следуют четыре жаберных дуги. Они состоят у большинства хрящевых рыб из двух, а у костистых рыб обыкновенно из четырех кусков и представляют собой твердые дуги, несущие на своей задней стороне жаберные пластинки, а спереди — шипы или зубы. Жаберные дуги вверху прикрепляются к черепу посредством особых косточек — верхних глоточных костей. Последние у некоторых рыб достигают необыкновенной величины и отличаются тогда листовидными извилинами. Наконец неполная дуга — нижняя глоточная кость — ограничивает снизу вход в глотку.

Спинные мускулы прилегают по обеим сторонам к позвоночному столбу, причем с каждой стороны их бывает по две группы, так что можно различить четыре мускульные группы: две верхние, образующие спину, и две нижние, образующие брюшную часть туловища и нижнюю часть хвоста. Они представляют своеобразное строение, так как распадаются на множество отдельных пластинок, отделенных друг от друга сухожильными листками. Поступательное движение в воде выполняется главным образом при посредстве этих мускульных масс, так как они производят сильные боковые движения.

Вытянутый стволообразно спинной мозг помещается в верхней трубке позвоночного столба и больше, чем у остальных позвоночных животных, превосходит по величине головной мозг. Последний очень мал и далеко не заполняет полости черепа. Различают передний, средний и задний мозг. Обонятельный нерв представляет непосредственное продолжение переднего мозга. За последним следуют более крупные вздутия среднего мозга, от которого берут начало зрительные нервы, наконец, за средним мозгом расположен задний мозг, всегда состоящий из двух частей; он может быть сильно развит. Нервы расположены так же, как у других позвоночных животных. Хотя органы чувств и уступают органам чувств высших животных, тем не менее они существуют почти у всех рыб и только в очень редких случаях малоразвиты. Глаза по большей части очень крупные, спереди плоские и совершенно лишены век, только у слепых рыб затянута непрозрачным покровом тела. Радужная оболочка глаз обыкновенно отликает чрезвычайно яркими, металлическими цветами. Нос образует у низкоорганизованных представителей класса бокаловидную ямку, у остальных же рыб он представляет трубку, погруженную на передней части рыла в хрящ и часто прикрываемую клапаном. У рыб, дышащих легкими, ноздри ведут в обширную полость, из которой два прохода открываются книзу в ротовую полость. Орган слуха, помещающийся всегда в черепе, состоит только из лабиринта, который лишь в исключительных случаях соединен посредством одного или двух каналов с ямкой, расположенной на затылке. Эта ямка есть первый зачаток наружного уха.

Жабры расположены на дугах, окружающих полость зева, но отделены друг от друга щелями и представляют собой мягкие выдающиеся кожистые листочки. На этих листочках разветвляются кровеносные сосуды. По своему строению жабры очень разнообразны. У высших рыб жаберные щели защищены снаружи костяной крышечкой и поэтому помещаются в полости, которая сообщается с внешней средой посредством более или менее узкой щели. Обыкновенно четыре жаберных дуги усажены двойным рядом листочков, у многих костистых рыб только $3\frac{1}{2}$ дуги, у иных только 3, у некоторых даже только 2, между тем как некоторые акулы имеют 6 или 7 пар жабр. За исключением легочных рыб, ни один представитель класса рыб не имеет дыхательных мешков, которые получают кровь, богатую углекислотой, и выпускают кровь, богатую кислородом. Напротив того, плавательный пузырь, своеобразный мешковидный орган, очень часто существует; он хотя и содержит воздух, но не имеет никакого отношения к процессу дыхания, скорее же связан со слуховым проходом или с глоткой. Он служит, по всей вероятности, для уравнивания веса рыб на различной глубине и при различном давлении. Воздух плавательного пузыря изолирован, без сомнения, от его сосудов, так как он состоит из углекислоты или азота и содержит очень немного кислорода. Ронделлет впервые заметил, что этот орган, еще загадочный во многих отношениях, чаще встречается у пресноводных, чем у морских рыб.

За исключением ланцетника, все рыбы имеют сердце, окруженное сердечным мешком. Сердце состоит из нераздельного, тонкостенного предсердия и очень мускулистого желудочка, который спереди продолжается посредством одного только отверстия в жаберный кровеносный сосуд, вздутый в виде луковицы. Последний, так называемая аортальная луковица, бывает построен двояко. У костистых и круглоротых рыб у отверстия желудочка находятся два полулунных клапана, а у твердочешуйных и поперечноротых рыб клапанов значительное количество. Кровь течет из сердца по большой жаберной вене и разделяется по обеим сторонам на сосудистые дуги, которые образуют жаберные полые вены и разветвляются в жабрах в виде многочисленных сеточек волосных сосудов. Затем кровь переходит в жаберные артерии, которые распределяются по одной на каждой жаберной дуге, и из них кровь собирается в один главный ствол — аорту, которая тянется под позвоночным столбом. Артерии головы обыкновенно возникают еще ранее образования аорты из жаберной артерии первой дуги. Кровь возвращается из тела в сердце по полой вене, которая в хвосте одна, а впереди разделена на две. Но прежде чем возвратиться в сердце, часть крови проходит почечно-воротную кровеносную систему. Кровь, проходящая во внутренности, собирается в полых венах, которые в печени снова распадаются на сеть волосных сосудов воротной вены и тогда только собираются в печеночную полую вену, которая почти непосредственно переходит в предсердие.

Насколько в общем просты органы пищеварения, настолько разнообразно может быть их развитие, если иметь в виду вооружение рта зубами. Нет почти ни одной между многочисленными костями ротовой и глоточной полости, которая не могла быть усажена зубами. Конечно, некоторые рыбы совершенно не имеют зубов, другие имеют их только на определенных костях, но некоторые имеют зубы на всех костях, могущих их носить. Обыкновенно различают две сходно расположенные дуги зубов на своде неба. Одна из них принадлежит межчелюстным костям, другая — небной кости и сошнику. Нижняя же челюсть и подъязычная кость образуют только одну дугу зубов. Дальше сзади зубов обыкновенно очень много, так как все жаберные дуги и верхние и нижние глоточные кости усажены зубами. Несмотря на необычайное разнообразие, мы можем различать два рода зубов: клыкообразные, служащие для схватывания, и плоские, служащие для перетирания. Первые имеют обыкновенно форму острого крючка, сзади несколько загнутого, впереди же с более или менее острыми краями. Они могут получить более разнообразную форму вследствие того, что кончик делается долотообразным или появляются на зубе еще мелкие зубчики и крючочки. Зубы расположены большей частью в один ряд, и притом так, что прикрыты обеими челюстями, а промежутки между ними заполнены большим количеством более мелких зубов. Когда они тоньше и мельче, тогда еще более густо расположены и образуют тесные группы. Они получают даже такую подвижность, какая свойственна только зубам ядовитых змей: именно при закрытии пасти они могут загнаться в полость рта. По своему положению и силе различаются: длинные и толстые — гребенчатые зубы, короткие и толстые — рапилиевые зубы, тонкие и длинные — щетинообразные зубы, очень тонкие — бархатистые зубы. В сравнении с ними перетирающие зубы имеют плоскую высокую коронку и иногда принимают форму усеченного конуса. Но и они построены и расположены очень разнообразно: иногда они велики и стоят по одиночке, иногда же малы и сдвинуты, как камни мостовой. Часто они построены так, что представляют, подобно клюву птицы или черепахи, спереди режущий край, а дальше назад образуют горизонтальную поверхность, служащую для раздробления. У некоторых рыб зубы состоят из роговой массы, у других — из прозрачной покрытой и ообык-

новенно стекловидной хрупкой эмалью. Между этими двумя составными частями часто замечается еще слой более мягкого цемента. Зуб образует полый конус, внутренняя осевая полость которого занята конусовидной зубной мякотью. Складчатые зубы по своему устройству более сложны, так как у них зубная масса расположена вокруг простой срединной полости в виде разнообразных складок. Некоторые рыбы имеют еще зубы со срединными трубками в виде сетки, и в таких зубах мы вовсе не находим полости, но сосуды и нервы из зубной мякоти пронизывают массу зуба по всем направлениям. Наконец, встречаются еще сложные зубы: отдельные полые цилиндры, то по одиночке, то из общей сосудистой сети, поднимаются вверх и соединяются между собой посредством цемента в одну общую массу. У зубов рыб никогда не бывает настоящего корня. Часто они сидят только на слизистой оболочке рта, обыкновенно же они погружены в утолщенную слизистую оболочку и прикреплены к челюсти многочисленными соединительно-тканными волокнами. Развитие зубов, по-видимому, продолжается у всех рыб в течение всей жизни.

Пищеварительный канал состоит из трех отделов: передней кишки, состоящей из глотки, пищевода и желудка, средней, или тонкой, кишки и заднепроходной, или толстой, кишки. Глотка, иногда воронкообразно расширенная, обыкновенно покрыта, подобно желудку, продольными складками и незаметно переходит в желудок, так что нельзя заметить определенной границы. Желудок же довольно резко разделяется на глоточный и привратниковый отделы. На отличающемся крючкообразным изгибом месте находится часто более или менее значительный слепой мешок, а на конце пилорического отдела — кожистый клапан и сильное мускулистое вздутие, служащее для закрывания его. Непосредственно за привратниковым отделом замечают придатки, похожие на слепую кишку, — так называемые пилорические отростки. Число последних от одного может подыматься до 60 и более. Эти слепые отростки обыкновенно представляют собой отдельные трубки, но иногда они так разветвляются, что производят скорее впечатление железы. Они, очевидно, соответствуют поджелудочной железе, которая встречается у некоторых костистых и у поперечноротых хрящевых рыб. Передняя половина заднепроходной кишки имеет у многих рыб спирально извитой клапан. Селезенка и печень всегда существуют; за немногими исключениями, мы также всегда находим и желчный пузырь. Важными выделительными органами являются преимущественно почки, из которых выходят мочеточники; разветвленные большей частью древовидно, они соединяются на заднем конце брюшной полости и вслед за тем расширяются в мочевой пузырь. Выводной проток последнего открывается позади заднепроходного отверстия, на сосочке, или же в заднепроходную кишку.

Половые органы всегда построены по одному основному плану, и у самцов и самок рыб они так сходны, что часто их возможно отличить лишь при внимательном исследовании. Яичники и семенники лежат в брюшной полости, непосредственно под почками и над извилинами кишки. Но их не всегда можно отыскать с одинаковою легкостью, так как они к периоду размножения необычайно раздуваются, а после этого периода снова утончаются. У некоторых рыб, например у круглоротых, угрей и лососей, яичник состоит то из одной срединной, то из двух боковых кожистых пластинок и не связан ни с каким выводным протоком, а совершенно окутан брюшиной. Зрелые яйца прорывают стенки яичника, падают в брюшную полость и из нее выбрасываются наружу посредством одного срединного или двух боковых щелевидных отверстий. У круглоротых и угрей семенники также не имеют выводного протока, а у лососей он существует. У большинства же рыб яичник устроен иначе, чем у вышеприведенных. Он образует мешок, на внутренней поверхности которого находятся то складки, то разнообразные наросты, в которых развиваются яйца, так что последние, созревши, падают при разрыве в полость яичника. Яичник непосредственно продолжается в яйцевод, который соединяется с яйцеводом другой стороны. Яйцевод открывается наружу непосредственно позади заднепроходного отверстия и сосочка, расположенного между этим отверстием и мочевым. У некоторых костистых рыб, которые рожают живых детенышей, задний конец яйцевода расширен для воспринятой развивающихся яиц. У многих твердочешуйных рыб яичник образует обособленную массу, яйцевод же, обыкновенно длинный и извитой, имеет с каждой стороны широкое, трубкообразное отверстие в брюшную полость. В эту полость попадают яйца и выходят через яйцеводы наружу. У поперечноротых рыб парный или непарный яичник не стоит ни в какой непосредственной связи с парным яйцеводом. В каждом яйцеводе находится толстая, ясно развитая железа, которая, без сомнения, выделяет оболочку для яиц. Дальше книзу каждый яйцевод, расширяясь, образует матку, в которой молодь развивается и которая обыкновенно открывается в заднепроходную кишку. Семенники (молоки) у большинства костистых рыб представляют собой кожистые мешки, пронизанные разнообразными каналами. Наружное отверстие для обоих семяводов общее. У поперечноротых рыб мужские половые органы усложняются тем, что у них живчики развиваются не в раз-

ветвленных каналах, как у других рыб, а в маленьких, обособленных пузырьках, образующих придаточный семенник, из которого семявод открывается в клоаку. У них существуют настоящие органы совокупления в виде двух длинных сосковидных хрящевых придатков, помещающихся на внутренней стороне брюшных плавников.

Только в классе рыб мы встречаем электрические органы, состоящие из студенистых столбиков, замкнутых в кожистые, богатые сосудами стенки и разделенные многочисленными кожистыми перегородками на множество маленьких камер. На перегородках этих столбиков находятся в виде сплетений чрезвычайно тонкие нервы. Электрический угорь Южной Америки, африканский электрический сом и электрические скаты обладают весьма совершенными электрическими органами и могут произвольно освобождать собранный запас электрической силы и, следовательно, производить для своей защиты сильные удары. Конечно, истраченный при этом запас электричества более или менее быстро восстанавливается.

Другие рыбы защищены шипами или панцирем; некоторые даже обладают ядовитым оружием, которое может быть опасным и для человека. «Ядовитые органы, — говорит Гюнтер, — встречаются в классе рыб чаще, чем прежде думали, но, по-видимому, они имеют значение исключительно оборонительного оружия, а не вспомогательных средств для добывания пищи, как у ядовитых змей. Подобные органы встречаются у колючих скатов, хвост которых вооружен одним или несколькими сильными шипами, снабженными крючками. Хотя у них нет никакой заметной, ядоотделяющей железы и никакого канала в середине или около шипа, по которому могла бы течь ядовитая жидкость, тем не менее действие, производимое поранением от шипа ската, таково, что не может быть объяснено простым механическим разрывом мяса. Боль очень сильна, и следующие за ней воспаление и опухоль уязвленной части нередко переходят в гангрену. Очевидно, слизь, выделенная поверхностью рыбы и привитая с помощью зазубрен ного ш и па, обладает ядовитыми свойствами. То же самое встречаем у многих скорпеновых и у пражны дракона, причем спинные шипы и шипы жаберных крышек производят такое же действие, как хвостовые шипы скатов. У большого дракончика шипы глубоко изборозжены и борозды наполнены жидкой слизью. У бородавчаток *Synanceia* ядовитый орган еще более развит: каждый спинной шип имеет в своей концевой половине с каждой стороны по глубокой борозде, на нижнем конце которой лежит грушевидный мешок, содержащий млечную ядовитую жидкость; этот мешок продолжается в кожистый проток, лежащий в борозде шипа и открывающийся на верхушке его. Туземные рыбаки, хорошо знающие опасное свойство этих рыб, тщательно остерегаются брать их в руки; но часто случается, что идущие по морю вброд босиком наступают на рыбу, спрятавшуюся в песке. Один или несколько торчащих шипов прорывают кожу, и яд входит в рану благодаря нажатию ногой на ядовитые мешки.

Самые совершенные из ядовитых органов у рыб, открытые до сего времени, находятся у представителей одного рода из семейства жабовидных рыб *Batrachoididae*, у берегов Средней Америки. У этих рыб жаберная крышка и два спинных шипа представляют собой ядовитые органы. Первая очень мала, расположена вертикально, имеет вид стержня и очень подвижна; она сзади вооружена шипом длиной около 16 мм и такой же формы, как полый ядовитый зуб змеи. Шип у корня и верхушки продырявлен. Мешок, покрывающий корень шипа, изливает свое содержимое посредством отверстий и канала во внутренность шипа. Строение спинных шипов сходно с вышеописанным. В оболочках мешка нет никаких выделительных желез; жидкость потому должна быть выделена слизистой кожей этих рыб. Мешки не имеют никакого наружного мускульного слоя и лежат непосредственно под толстой, неплотной кожей, которая облекает шипы вплоть до их верхушки. Введение яда в живое существо поэтому может, как и у *Synanceja*, быть вызвано только надавливанием, которому был подвергнут мешок в тот момент, когда шип входит в постороннее тело.

В заключение в связи с ядовитыми органами нужно еще упомянуть о своеобразном органе, встречающемся у многих видов сомов, хотя значение этого образования еще загадочно.

Некоторые из этих рыб вооружены сильными шипами на грудных плавниках, которые по справедливости внушают боязнь ввиду опасных ран, которые они могут нанести. Немало из них имеют, кроме того, мешок с более или менее широким отверстием в пазухе грудного плавника, и нет ничего невероятного, что он содержит жидкость, которая может быть впрыснута с помощью шипа грудных плавников. Вопрос в том, у всех ли видов, имеющих пазушный мешок, это выделение одинаково ядовито и имеет ли оно вообще ядовитые свойства. Этот вопрос может быть разрешен только опытами, произведенными над живыми рыбами».

Впрочем, мясо многих рыб также ядовито, и притом только временно или же постоянно; употребление в пищу подобных рыб может вызвать сильное заболевание органов пищеварения и воспаление слизистых оболочек. Если при этом не принято быстро верное противоядие, то очень

часто от такой пищи наступает смерть. Эти ядовитые рыбы главным образом живут в теплых морях; в водах около Кубы находятся, по Поэю, не менее 72 видов подобных рыб. По словам Гюнтера, особенно ядовиты, по-видимому, многие виды *Clupea*, *Scams*, *Tetrodon*, *Diodon*, *Sphyraena*, *Caranx*, *Batistes*, *Ostracion*, *Thynnus* и т. д. «Все или почти все эти рыбы, — говорит этот натуралист, — приобретают свои ядовитые свойства благодаря пище, которая состоит из ядовитых медуз, кораллов или же из разлагающихся веществ. Часто рыбы становятся съедобными, если тотчас после улова удалить голову и внутренности. В Вест-Индии принято считать, что все рыбы, живущие на некоторых коралловых рифах и питающиеся там, ядовиты. У других рыб ядовитые свойства развиваются только в определенное время года, преимущественно во время размножения. Так, икра барбуна, щуки и налима вызывает сильный понос, если ее съесть во время нереста».

По неоднократно указанным нами причинам мы не можем считать рыб высокоодаренными животными. Их способность передвижения ограничивается, строго говоря, плаванием, следовательно, очень односторонняя. Многие виды морских рыб могут подыматься над водой и пронестись некоторое пространство как бы на лету; их полет все же, собственно, не что иное, как рассечение воздуха с помощью больших грудных плавников, действующих как летательная перепонка. Толчком для этого полета послужил разбег во время плавания; таким образом, это мнимое преимущество не имеет большого значения. Точно так же мы знаем много видов, которые в состоянии ползать по жидкому илу и зарываться в него; некоторые подобным же образом и с помощью своих плавников могут двигаться по земле, даже могут взбираться по наклонным поверхностям и по корням и т. д. Все-таки это ползание или лазание так же мало может быть сравнимо с красивым передвижением змей, как скачки рыб по воздуху с полетом птиц. Рыбы могут свободно двигаться, пока они находятся в воде; только в одном плавании они искусны. В этом они, во всяком случае, выказывают очень высокое совершенство. Говорят, что лосось может пройти в одну секунду 8, а в час более 25 000 м; что касается первого данного, то в нем нет преувеличения, так как эта рыба, по-видимому, рассекает волны со скоростью стрелы, но в действительности только достигает скорости быстрого морского парохода. Этой же скорости достигают, по словам Зейтца, средним числом и летучие рыбы, но эта скорость значительно меньше скорости движения быстроплавающих китообразных, например дельфинов. Сильные мускулы по обеим сторонам тела рыбы служат для двигания большого руля — хвостового плавника и производят столь сильное движение, что даже делают возможными воздушные прыжки на значительную высоту, а остальные плавники лишь определяют направление движения. Подобно лососю, хотя по большей части менее быстро, плавают большинство рыб, если движение совершается приблизительно в одних и тех же слоях воды. Опускание же в более глубокие слои и поднятие в более поверхностные, по-видимому, управляется сжатием и раздутием плавательного пузыря. Но многие рыбы, особенно со змеевидным туловищем и с маленькими плавниками, плавают совершенно иначе, совершая зигзагообразные движения своим туловищем или же волнообразно изгибая свои длинные, низкие спинные плавники. Наконец, рыбы, сплюснутые сверху вниз, другими словами плоские, вместо волнообразных линий, идущих вбок, описывают такие же линии, идущие сверху вниз. По продолжительности движения рыбы, быть может, превосходят всех других животных, хотя они потребляют меньше кислорода, чем другие животные, и кровообращение у них совершается медленнее. Этому движению, конечно, способствуют образ и способ их дыхания — та легкость, с которой кислород, растворенный в воде, попадает в жабры, и сила, которую вызывает обратный ток воды, вытекающей чрез жаберные щели.

Нужно обратить внимание на то, что рыбы при своем дыхании не разлагают воду на составные части, для того чтобы добыть нужный им кислород, но потребляют исключительно только кислород воздуха, примешанный в очень малом количестве к воде.

Конечно, они нуждаются, на что указывает их «холодная» кровь, в сравнительно небольшом количестве кислорода, но все-таки, чтобы чувствовать себя хорошо, они должны иметь в своем распоряжении сравнительно много воды. В небольшом количестве воды они скоро потребляют те немногие частицы воздуха, которые в ней находятся, и тогда должны непременно задохнуться, как животные, дышащие воздухом, в пространстве безвоздушном или лишенном кислорода. Вне воды они погибают, потому что жабры не могут действовать, если они, что наступает на воздухе очень скоро, высохнут.

Необходимое следствие жаберного дыхания то, что ни одна рыба не может производить звука. Правда, многие виды издают тоны, правильное шумы, а именно трещанье или ворчанье. Но как ворчанье, так и трещанье, во всяком случае, нельзя сравнивать со звуком голоса высших позвоночных животных, так как оно производится только взаимным трением твердых жаберных крышек или,

быть может, плавников и чешуек и несколько напоминает чириканье прямокрылых насекомых. Пословица «Нем как рыба» в действительности совершенно справедлива.

Деятельность нервной системы соответствует незначительной величине мозга. Но все-таки можно заметить деятельность всех внешних чувств; даже больше того, острота и тонкость чувств, вероятно, значительнее, чем обыкновенно думают. Хотя глаза, обычно большие и с широким зрачком, только у немногих рыб, например у камбал, подвижны, тем не менее рыбы видят очень хорошо, и даже в глубоких слоях воды, потому что ослабленные световые лучи благодаря расширенному зрачку и на глубине достаточны. Что рыбы слышат, хотя у них нет ни барабанной перепонки, ни слуховых косточек, не подлежит никакому сомнению, так как прирученных можно созывать звуком колокола и можно наблюдать, что при сильном и резком шуме они, в испуге, уплывают. Обоняние и вкус, вероятно, стоят на очень низкой ступени развития, но все же не совсем отсутствуют. Вода находится в ином отношении, чем воздух, к газам, воспринимаемым обонянием, но не совсем задерживает их распространения, и поэтому можно наблюдать, что рыбы еще на значительном расстоянии узнают определенный запах. Как обстоит дело относительно вкуса, мы не знаем. Едва ли можно говорить о растворении или химическом разложении пищевых веществ у животных, которые проглатывают добычу целиком. Поэтому пока можно допустить, что у рыб чувство осязания заменяет вкус. Осязание, по-видимому, гораздо более остальных чувств развито у рыб, за исключением зрения, и притом как способность различать температуру, так и собственно осязание. Что рыбы ощущают каждое внешнее прикосновение, можно утверждать с уверенностью; нервы рыб воспринимают не только грубые, но и слабые впечатления. Хорошо известная всем способность рыб менять свою окраску достаточно доказывает вышесказанное. Камбалы или другие рыбы, живущие на дне, если пробудут долго на песчаном дне, принимают определенную окраску, замечательно схожую с окраской песка; когда же они попадут или будут перенесены на дно с другой окраской, например на светло-серый гранитный хрящ, то поразительно быстро меняют свой цвет. Пигментные пятна других рыб, например форелей, также чувствуют свет, воспринятый глазами и переданный им по нервам. Форели темнеют в затененных и, следовательно, темных водах или же в садках, закрытых крышкой. Если же они попадут в воду, освещаемую солнцем, или же если мы выставим их на свет, поднявши крышку, то они бледнеют. Механические действия, нажатие и натирание кожи могут также вызвать у живой рыбы моментальное изменение окраски. Такое же действие производят на наружный покров и внутреннее возбуждение, желание размножаться, выделение семени и икры, испуг и боязнь, так как в это время пигментные пятна сжимаются или расширяются. Для осязания у рыб служат губы или нитевидные придатки, которые существуют у очень многих, а также плавники.

Рыбы выказывают и некоторую понятливость, хотя, конечно, очень незначительную. Они могут отличить своих врагов от существ, безвредных для них, замечают преследование и оказываемое им покровительство, привыкают к воспитателю, к определенному времени кормления и к звуку колокола, который их сзывает к кормлению. Они умеют с успехом выбирать удобные места, обещающие им обильную пищу, и здесь, лежа, подстерегать добычу, стараясь обмануть свою жертву; умеют преодолевать препятствия и избегать опасности; образуют с равными себе особями более или менее тесный союз; охотятся стадами и помогают при этом друг другу, наконец, по крайней мере отчасти, выказывают известную заботу, привязанность и любовь к своему потомству. Короче говоря, они проявляют некоторую душевную деятельность. Познать и поэтому правильно оценить ее с нашей точки зрения трудно, даже совсем невозможно, уже потому, что большинство рыб не поддается нашему наблюдению, а способностей тех рыб, которых мы можем наблюдать, мы вовсе еще не исследовали так, как это нужно для их оценки.

Все рыбы проводят свою жизнь только или почти исключительно в воде. Едва ли можно принимать во внимание тех рыб, которые оставляют воду на более или менее короткое время либо для того, чтобы совершить настоящее перекочевывание по суше, либо для того, чтобы зарыться в ил или покрыться оболочкой, образованной из ила, и здесь, когда засуха высушит и сделает твердым ил, оцепенеют в состоянии, напоминающем зимнюю спячку высших позвоночных животных. Число таких рыб очень мало в сравнении с числом видов, которые должны пребывать постоянно в воде или же могут оставаться без нее только короткое время. Настоящая родина рыб — море от полюсов до экватора, океан со всеми его разветвлениями и отделами, какие бы названия они ни носили. Этим мы не хотим сказать, что пресные воды лишены рыб, но число видов и экземпляров стоячих и текучих пресных вод едва ли может быть сравниваемо с богатством моря относительно количества рыб. По-видимому, мы знаем только незначительную часть всех существующих рыб, и поэтому вовсе еще не имеем соответствующего действительности понятия о разнообразии этого класса; тем не менее

мы можем считать правильным вышеизложенное утверждение. Число видов морских рыб в сравнении с числом пресноводных соответствует в действительности величине моря и количеству его воды в сравнении с объемом пресноводных водоемов и рек.

Способность рыб жить в самых разнообразных водах, при разнообразнейших условиях и обстоятельствах столь же удивительна, как и приспособление птиц к внешним влияниям. Существует чрезвычайно мало вод, в которых вовсе нет рыб. Они, плывя против течения, поднимаются из низменности вплоть до 5000 м вышины и опускаются в море на самую большую, известную нам глубину. Одни из них предпочитают верхние слои воды, другие же, напротив, пребывают в самых нижних слоях и живут здесь под давлением водяного столба, вес которого мы можем точно вычислить, но едва ли можем представить себе силу давления. На основании новых исследований мы должны принять, что морские глубины населены гораздо гуще, чем мы принимали прежде. Северные широты также не полагают предела распространению рыб. Правда, моря жаркого и умеренного поясов богаче рыбами, чем моря обоих холодных поясов; но и здесь неисчислимы массы их, и здесь они в бесконечном количестве населяют все части моря.

Распространение отдельных видов, по-видимому, ограниченнее, чем можно было бы думать на основании того, что вода весьма облегчает столь подвижным существам путешествие и каждая рыба все же более или менее способна жить в различных водах или же в частях их. Но границы существуют также и на бесконечном море. Один вид постепенно заменяется родственным, дальше последний снова заменяется вторым, третьим, четвертым; к одной форме часто присоединяется новая. Немногие рыбы встречаются у всех берегов данного моря. Они также держатся на определенных участках, по-видимому, питают привязанность к месту своего рождения, — привязанность, для которой мы еще не нашли никакого объяснения. Едва ли подлежит сомнению, что лосось, родившийся в какой-либо реке, позже, при наступлении периода размножения, снова возвращается в ту же реку, а не в другую, хотя бы устье ее и было недалеко от родной реки. Это можно объяснить тем, что молодые лососи, после выхода в море, держатся всегда вблизи устья своей родной реки и, таким образом, занимают очень небольшой, сравнительно с их подвижностью, участок и не переступают его границ. Конечно, в виде исключения и у рыб наблюдаются значительные передвижения. Акуловые рыбы, например, следуют за кораблями, другие — за плавающими обломками корабля на сотни морских миль, из южных морей до северных и обратно; другие же, будучи загнаны или заблудившись, появляются у чуждых им берегов; так, средиземноморские рыбы появляются в британских водах. Но эти рыбы представляют исключение, ибо в общем морские рыбы сосредоточиваются в определенном поясе, даже в части пояса, подобно тому как отдельные пресноводные рыбы ограничиваются определенными реками и озерами, и перемещения, предпринимаемые ими, значительно меньше, чем мы думаем. В течение долгого времени предполагали, что Ледовитый океан доставляет нам миллиарды сельдей, которые ловятся у берегов Норвегии, Великобритании, Германии, Голландии и Франции. Теперь же можем с уверенностью утверждать, что передвижения с севера на юг и поднятия с более глубоких морей на более мелкие места не существует. Многие рыбы могут поспорить по способности движения с птицами; но ни одна из них не предпринимает правильных перекочевываний, протяжение которых могло бы быть сравниваемо с расстояниями, пролетаемыми птицами.

Местопребывание рыб стоит, вероятно, в связи с их формой тела. Рыбы, живущие в тропических морях, имеют форму, отличающуюся от той, которую имеют рыбы, обитающие вблизи полюса; морские рыбы вообще отличаются от рыб, живущих в пресной воде. Впрочем, существует много рыб, у которых эта связь менее заметна и которые могут жить как в море, так и в реках или в озерах; но едва ли есть хоть одна из этих, так сказать, кочующих рыб, которая провела бы всю свою жизнь либо в море, либо в пресной воде. Из моря рыбы входят в реки, чтобы метать икру, другие же для той же цели выходят из рек в море. Если им воспрепятствовать в этом перемещении, тогда они не выполняют своих жизненных потребностей. Во всяком случае, и рыбы имеют определенную родину, будет ли это море или пресные воды. Насколько рыба зависит от своего местопребывания, указывают нам виды, живущие в наших реках и озерах и, следовательно, более всего доступные для наших наблюдений. Мы принимаем как само собой понятное, что форель живет только в чистых водах, сом только в илистых реках и прудах, бычки только на каменистом дне и пескарь не даром носит свое название. Не менее понятным станет для внимательного наблюдателя, что одна рыба если и не исключительно, то преимущественно живет на дне моря, другая же предпочитает слои более поверхностные, что камбала живет на песчаном дне моря, а летающая рыба избегает глубины. Более внимательное наблюдение, даже на пленных рыбах, показывает, что каждая рыба привыкает к определенному местопребыванию и здесь выбирает места отдохновения и засады, куда она всегда возвращается.

То, что верно в узких границах, остается справедливым и для более обширных областей. Рыбы также могут быть типичными животными для определенного моря, хотя у них зависимость от местожительства не так ясно выражена, как у остальных классов позвоночных животных. Разнообразие тропических форм и у них все же выражается заметным образом. Из морей, лежащих между тропиками, происходят рыбы, очень сильно уклоняющиеся от обычной, типичной для нас формы. Конечно и в северных морях нет недостатка в удивительных формах рыб, хотя наибольшее разнообразие в классе выражено, конечно, в жарких странах.

Если мы захотим точнее проследить распространение рыб по странам и морям земного шара, то нужно различать распространение пресноводных, лиманных и морских рыб.

Между пресноводными рыбами нужно, по Гюнтеру, различать прежде всего такие виды, которые случайно заходят из моря в реки и озера, и такие, которые, хотя и живут постоянно в реках, но их ближайшие родичи живут в море. Их целесообразнее причислить к лиманным рыбам, так как распространение их зависит от других условий, чем распространение настоящих пресноводных рыб. Эти последние, по Гюнтеру, образуют около 30 различных семейств и распадаются приблизительно на 2270 видов. Многие из этих видов представляют очень широкое распространение. Так, осетр, щука, лосось, налим, колюшка, окунь, некоторые миноги и другие рыбы обитают как в Европе, так и в умеренных областях восточной части Северной Америки, *bates calcarifer* встречается в Индии и Австралии, *Galaxias attemtatits* попадает в самых южных частях Южной Америки и на Фолклендских островах, а также в Тасмании и Новой Зеландии. Многие из родов и семейств распространены по двум или нескольким странам, отстоящим далеко друг от друга. Особенно широко распространены по пресноводным бассейнам земного шара карпы и лососевые рыбы. В частности, Гюнтер различает три главные области распространения пресноводных рыб: северную, южную и между ними тропическую область. Северная область характеризуется осетрами, некоторыми сомовыми рыбами, многочисленными карпами, лососями и щуками. Она распадается на две области: европейско-сибирскую и североамериканскую, первая с многочисленными пескаревыми и барбуновыми рыбами, но без твердочешуйных с костяным скелетом; вторая область характеризуется этими последними, но в ней отсутствуют пескаревые и барбуновые. Тропическая область больше всего изобилует многочисленными видами сомов. Она разделяется на две главные области и в каждой главной по две подобласти. Эти последние, индийская и африканская, с одной стороны, и тропическая американская и австралийская — с другой, различаются между собой присутствием или отсутствием рыб из семейств карпов и лабиринтовых, которые отсутствуют в тропической Америке и в Австралии, а встречаются в Индии и Африке. Индия особенно характеризуется змееголовыми и копьерылыми (*Ophiocephalidae* и *Mastacembelidae*), Африка — длиннорылыми (*Mormyridae*) и многочисленными хромидами и харацинидами (*Chromidae* и *Characinidae*), тропическая Америка — больше всего электрическими угрями, Австралия — рыбою баррамунда (*Neoceratodus*). В южном поясе земного шара отсутствуют карповые, сомы встречаются очень редко, а бесчешуйные лососи и галаксовые (*Haplochitonidae* и *Galaxiidae*) заменяют лососевых и щук северного пояса. К южному поясу принадлежит кроме Тасмании и Новой Зеландии еще Патагония; этот пояс характеризуется бедностью видов рыб.

Виды лиманных рыб (живущих в полусоленой воде) не имеют значения при вопросе о распространении животных. Лиманные рыбы могут жить как в море, так и в озерах и реках, многие из их первоначальных родов и видов приспособились исключительно к тому или другому местопребыванию, так что едва ли можно говорить о характерном для лимана населении рыб. Рыбы, могущие жить как в пресной, так и в соленой воде, очень легко могли распространяться на большие пространства. Поэтому нельзя различать особенных областей распространения лиманных рыб. В лиманах преимущественно живут кроме малоизвестных групп скаты, колюшки, морские бычки, камбалы и некоторые виды сельдей.

Морские рыбы подразделяются на береговых, чисто морских и глубоководных. Первые населяют море в непосредственной близости к берегу и только в редких случаях опускаются на глубину 300 саженей; большая часть видов этих рыб живет вблизи поверхности. По Гюнтеру, можно различать около 70 главных групп береговых рыб и в этих группах около 3600 видов.

Жаркий морской пояс представляет атлантическую, индо-тихоокеанскую и тихоокеанско-американскую области, причем последняя область среднеамериканскую, разделяется галапагосскую на и перуанскую провинции. Южный умеренный пояс охватывает области мыса Доброй Надежды, южной Австралии, Чили и Патагонии. Характеристика названных поясов, областей и провинций относительно видов там живущих рыб потребовала бы многих страниц с перечислением характерных групп рыб, что сделать невозможно по недостатку места.

Часто морскими или пелагическими рыбами называются те, которые живут на поверхности глубоких морей. К ним принадлежат некоторые акулы, много колючеперых, как прилипалы и меч-рыбы, морские коньки и луна-рыба.

Дно морское с его темнотой, равномерной температурой, сильным давлением совершенно неподвижной воды и отсутствием растительности хотя и изобилует своеобразными формами рыб, но здесь водятся только немногие семейства, со свойственными лишь им видами, например гладкоголовые (*Alepocephalidae*); некоторые семейства имеют многих представителей на дне морском, например угри, из других же, например из лососевых, там живут только немногие.

Распределение вымерших рыб в слоях земной коры представляет много замечательного. В нижней силурийской и в девонской формациях России, Англии и Северной Америки находили зубовидные роговые образования, которые, быть может, принадлежат круглоротым рыбам, почему последних и можно признать за самых древних из известных нам рыб. Вместе с ними и до них, вероятно, жили рыбы, лишенные черепа, но от которых, вследствие полного отсутствия скелета, не осталось никаких следов. В верхней силурийской формации встречаются несомненные остатки рыб или, по крайней мере, позвоночных животных, но все же их еще нельзя точно определить. Только в девонской формации легче определить остатки рыб. Эти первобытные рыбы принадлежали к семейству твердочешуйных, но вместе с ними встречаются и двоякодышащие. Рыбы каменноугольной и пермской формаций очень похожи на девонских рыб; переход же от первых к рыбам триаса и юры неясно выражен. В триасе и юре встречаются уже костистые рыбы, хотя твердочешуйные еще преобладают; к ним присоединяются акулы и скаты. Рыбы меловой формации, напротив, уже значительно приближаются к современным. Зубы акул из ныне еще живущих родов (*Carharlas*, *Scyllinm*, *Galeocerdo*) очень часто попадаются; но первобытные рыбы уже представляют меньшинство, а появляются несомненные костистые рыбы, даже некоторые из современных родов. Большая часть из них принадлежит к колючеперым, но все же часто встречаются открытопузырные рыбы и твердочелюстные, большей частью морские виды. Еще отсутствуют настоящие окуни, но уже встречаются морские бычки, долгоперы, сельди и много других. В третичную эпоху костистые рыбы почти вытеснили твердочешуйных и представлены большей частью ныне живущими родами. Но их распределение по земному шару сильно отличалось от современного, так как многие роды нынешних жаркого и холодного поясов жили тогда в умеренных поясах. Некоторые семейства рыб появились только в новейшую эпоху, например пресноводные лососевые. То немногое, что известно относительно остатков рыб или новейших пластов земной коры, не указывает на значительные изменения в распределении рыб в эпоху, предшествовавшую современной.

Живучесть рыб необычайно разнообразна. Многие, если дыхание задержано, тотчас же погибают, другие же могут после этого жить еще сравнительно долго. «Почти все морские рыбы, — пишет Гюнтер, — очень чувствительны к перемене температуры воды и не переносят переселения из одного климата в другой. У некоторых пресноводных рыб умеренных поясов, по-видимому, такой факт наблюдается гораздо реже: сазан может продолжать жить, после того как он был заморожен, а затем опять отогрет, и чувствует себя хорошо и в южных частях умеренного пояса. С другой стороны, некоторые пресноводные рыбы так чувствительны к перемене воды, что погибают, если их перенести из их родной речки в другую, хотя бы последняя предоставила им те же самые природные условия. Некоторые морские рыбы могут быть перенесены из соленой воды прямо в пресную, например колюшки, некоторые миксиновые и т.п.; другие переносят перемену, если она происходит постепенно, например некоторые странствующие рыбы. Некоторые же не могут переносить даже малейшего изменения в составе морской воды. Вообще есть очень много примеров из морских рыб, которые добровольно заходят в лиманы и в пресную воду; настоящие же пресноводные рыбы только в редких случаях заходят в соленую воду. Отсутствие пищи действует на различных рыб по-разному. Морские рыбы не так легко переносят голод, как пресноводные рыбы, по крайней мере в умеренных широтах; над тропическими же рыбами до сих пор еще не было произведено опытов. Мы знаем, что золотые рыбки, сазаны, угри могут оставаться без пищи целыми месяцами, тогда как какая-либо морская рыба может переносить недостаток в пище только в течение 14 дней. Температура воды оказывает большое влияние на пресноводных рыб и, следовательно, и на их аппетит; многие совершенно перестают есть в течение зимы; некоторые, как щука, в знойное лето едят меньше, чем при более низкой температуре».

"Поранения оказывают на рыб гораздо менее действия, чем на высших позвоночных животных. Гренландская акула продолжает есть, даже если ее голова проколота гарпуном или ножом, лишь бы нервный центр остался неповрежденным. Лаврак или щука переносят потерю части хвоста, сазан — потерю половины рыла. Все же некоторые рыбы восприимчивее и погибают даже при

поверхностном повреждении кожи, которое произошло от петель сетки во время их лова. Способность восстанавливать утраченные части у некоторых видов ограничивается только твердыми концами их плавниковых лучей и различных кожистых нитей, которыми некоторые покрыты. Эти нити иногда развиты в необычайном количестве и по своей форме напоминают колеблющуюся листву морских растений, в которую рыба обыкновенно прячется. Так как концы плавниковых лучей, а также нити уничтожаются часто не только случайно, но и вследствие изнашивания, и ввиду того, что эти придатки важны для существования рыбы, возобновление их является необходимостью «.

Насколько с первого взгляда образ жизни, привычки и нравы рыб кажутся однообразными и сходными, настолько при ближайшем исследовании все эти свойства оказываются изменчивыми и разнообразными. Относительно наших речных рыб мы убедились на опыте, что каждая в отдельности ведет более или менее определенный образ жизни. Нужно допустить, что разнообразие образа жизни должно быть еще значительнее у морских рыб, хотя мы очень мало знаем об их поступках и действиях, следовательно, и об их образе жизни. Каждая рыба в отдельности, подобно любому другому животному, приспособляет формы своего тела целесообразным образом, и, исходя из этих данных, можно вывести более или менее правильные заключения относительно образа жизни, а так как о последнем мы не имеем, к сожалению, никакого представления, то и не отваживаемся выдавать за истину даже то, что кажется нам вероятным.

Конечно, в общем жизнь рыб гораздо проще и разнообразнее, чем жизнь млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и земноводных. Несомненно, над всеми другими преобладает деятельность, касающаяся добывания пищи, — ей посвящают все рыбы значительно большую часть своей жизни. Относительно правильного распределения дня у них, конечно, не может быть и речи; но все же нужно заметить, что они в определенные промежутки времени деятельны, другие же промежутки посвящают отдыху, или, говоря иными словами, они, подобно другим позвоночным животным, охотятся и спят. Первое занимает обыкновенно больше времени, чем второе: пока рыба плавает, до тех пор она охотится; даже во время игры или деятельности, которую мы рассматриваем как игру, они не позволяют себе проплыть мимо попадающейся им добычи. Сытая или усталая, она предается отдохновению, которое, очевидно, соответствует сну высших позвоночных животных и должно быть названо сном, хотя и происходит в совершенно другой форме. Большая часть рыб — ночные животные, но немало есть и настоящих дневных рыб. Первые начинают свою деятельность с наступлением сумерек и отдыхают днем либо на определенных местах, часто спрятавшись, лежа на брюхе, даже зарывшись и погрузившись в ил, либо плавая свободно в воде; вторые же проводят жизнь наоборот. Ночные и дневные рыбы остаются по целым часам в одном положении, приспособленном ко сну, и их нельзя вывести из этого положения даже некоторыми внешними раздражениями. Тем не менее каждый внимательный наблюдатель заметит, что их глаз, лишенный век, ни на одну минуту не перестает быть восприимчивым к внешнему миру.

Почти все рыбы — плотоядные животные, и почти все — усердные и сильные хищники. Немало видов, однако, употребляют в пищу растительные вещества, но едва ли хоть одна рыба питается исключительно ими. Самые слабые виды рыб сдирают с водорослей маленьких мягкотелых или же выбирают из песка разнообразнейших беспозвоночных животных. Более сильные рыбы собирают и едят слизней и ракушек; все же остальные рыбы хищничают в настоящем значении этого слова и охотятся если не за рыбами, то за подвижными беспозвоночными животными. Они пользуются правом сильного с полной беззастенчивостью: маленькая рыба проглатывает более мелкую, а ее в свою очередь проглатывает более крупная; ни одна хищная рыба не щадит даже собственного потомства. Многие рыбы имеют такой панцирь и так страшно вооружены, что даже человеку опасно их трогать. Однако и их пожирают другие рыбы. Панцирь растирается, шипы, зубцы, иглы разламываются и притупляются зубами более сильных рыб. Средством защиты соответствуют орудия нападения. Вечное хищничество без пощады и сожаления — вот жизнь рыб. Каждая хищная рыба, а хищных рыб значительное большинство, представляет собой прожорливое и нахальное создание, так как не только сильная акула пагубна крупным животным и человеку, но существуют маленькие рыбы, которые опасны для жизни властителя земли. Эти последние стараются вырвать у него из тела кусок за куском и совершенно его обглодывают, если он не может уйти от их преследования. Вечная, бесконечная борьба в природе яснее и нагляднее всего проявляется в воде, а особенно в море.

Значительное изменение в образе жизни рыбы вызывается периодом размножения. Этот период поразительно возбуждает ее, превращает миролюбивую в задорную, ленивую в бодрую, хищную делает равнодушной к заманчивой добыче. Этот же период заставляет ее предпринимать переселения, подыматься из моря в реки или же спускаться из рек в море; он пробуждает в них роди-

тельскую любовь и стремление возводить постройки. Вообще в этом периоде все существо рыбы как бы преобразуется и она часто даже одевается в брачную одежду. В тропических странах может происходить и другая перемена в образе жизни: там рыба может быть вынуждена временно вести как бы неестественный образ жизни. Она бывает вынуждена, подобно млекопитающему животному, находящемуся в зимней спячке, удаляться в глубь земли, чтобы здесь сохранить жизнь, которая иначе была бы в опасности. Уже теперь мы знаем немало рыб, которые действительно подвержены зимней спячке, другими словами, зарываются при высыхании их обиталищ в ил, впадают здесь в известного рода оцепенение и пребывают в нем, пока возобновившееся дождливое время не наполнит снова водой их прежние места жительства и не призовет их к жизни. У нас также может случиться нечто подобное. Во внутренней Африке и Индии покой рыб во время засухи — обыденное явление, так как оно наблюдается во всех водоемах, которые не соединены с реками и в известное время совершенно высыхают; при этом зимняя спячка наблюдается не только у представителей группы двоякодышащих рыб. Многие рыбы, находящиеся в известном отношении в более благоприятных условиях сравнительно с другими, принадлежат к тем, которые предпринимают путешествие по суше. Они надеются найти какую-либо лужицу, в которой есть еще вода. Их путешествия отчасти можно сравнить с кочеванием птиц. Это кочевание птиц напоминает также перемена местопребывания нашими пресноводными и морскими рыбами, которые, смотря по времени года или вследствие известных обстоятельств, меняют свое местожительство, например из озер плывут в реки и наоборот. Но подобное перекочевывание рыб никоим образом не может быть сравниваемо с перелетом птиц, потому что оно обуславливается единственно потребностью размножения.

Рыбы менее всех других позвоночных животных зависят от времен года. Для млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и земноводных весна обыкновенно есть пора если не любви, то зачатия и рождения молоди; о рыбах нельзя сказать того же. Но все-таки у большинства рыб период размножения совпадает с более благоприятным временем года. Так, у нас этот период совпадает с весной или летом; но уже немецкие речные рыбы мечут икру, за исключением января, февраля и августа, во все остальные месяцы года. Притом некоторые неоднократно нарушают правильность во времени метания икры: они начинают нереститься то раньше, то позже обыкновенного времени. Так как перекочевывание рыб предпринимается исключительно с целью метания икры в определенных местах, то, понятно, не может быть и речи об общем времени для перекочевывания, как это существует при перелете птиц. Не начинающееся обеднение известной местности, обусловленное наступлением определенного времени года, а исключительно только переполненный икриник икринной рыбы и кишасшие живчиками молоки самца заставляют их переселяться. С наступлением времени, когда у них происходит размножение, они поднимаются из глубины моря или с холодного дна некоторых озер в более поверхностные слои воды и плывут в реки сколь можно дальше. Здесь они выбирают удобные места, чтобы отложить икру, и возвращаются, исполнив свой долг, обратно в прежние места. При этом молодые рыбешки плывут впереди или вместе со взрослыми, а иногда за ними. Мы видели, что может случиться и обратное, именно что пресноводные рыбы перекочевывают в море; причина же перекочевывания всегда одна и та же. Как выше упомянуто, раньше думали, что перекочевывание рыб распространяется на обширные участки моря. Теперь мы уже не допускаем таких грандиозных перемещений, за исключением одиночных рыб, унесенных, например, Гольфстримом, а знаем, что рыбы только поднимаются из более глубоких слоев моря в более поверхностные. Так как нам известно, что исключительно только потребность размножения побуждает рыб к перекочевыванию, нам делается понятным с трудом объяснимое поведение их в это время: давка, поспешность и движение напролом вперед, так что нам кажется, будто они поражены слепотой. Подобное сильное возбуждение существует и у других животных, заставляя их забывать обыденный образ жизни и совершать поступки, противоречащие их прежнему поведению.

Не так легко объяснить обратное перекочевывание молодых рыб, удивительную общежительность, которую они при этом проявляют, правильность их странствований и старание преодолеть каждое сколько-нибудь преодолимое препятствие.

Относительно способа перекочевываний мы даже еще вовсе не собрали удовлетворительных наблюдений. Впрочем, мы знаем, что ход рыбы совершается с известной правильностью, что некоторые виды плывут в форме клина, подобно тому как стая журавлей несется по воздуху. Мы знаем также, что у других рыб, которые идут тесно сплоченными, спутанными массами, самцы и самки разделяются и одни идут в верхних слоях, а другие в более глубоких; у иных же рыб икринная рыба опережает самцов и т. д. Все кочующие рыбы не знают ни отдыха, ни покоя: они, по-видимому, кочуют не произвольно, а поневоле.

Если бы древние жители Востока имели представление о количестве яиц у одной рыбы, то они, наверно, сравнили бы столь желанную плодовитость женщины не с виноградной лозой, а с плодовитостью рыбы и пожелали бы праотцу Аврааму столько потомков, сколько производит рыба. Плодовитость отдельных представителей класса рыб, конечно, различна, но по большей части невероятно велика. Лососи и кумжи принадлежат к видам, откладывающим немного яиц, ибо число последних едва превышает 25 000. Напротив, линь мечет около 70 000, щука — 100 000, окунь — 300 000, камбала — более 3 миллионов, треска же — более 9 миллионов яиц. Сом, осетр и белуга мечут также миллионы яиц. Моря, можно сказать, были бы слишком малы для помещения рыб, если бы все отложенные яйца вылуплялись и если бы все вылупившиеся рыбешки достигали размеров своих родителей.

Во время или к концу хода рыбы выбирают показавшиеся им удобными места для кладки яиц: лосось и кумжа избирают кремнистое дно мелких текучих вод, другие рыбы выбирают иловатый грунт, третьи — участки водоемов, густо поросшие водорослями, и т. д. Некоторые же виды устраивают настоящее гнездо между пресноводными или морскими растениями, в расщелинах скал или в подобных местах. Некоторые, наконец, берут икру во время развития в рот или в особого рода мешки. Наши речные рыбы мечут икру преимущественно ночью, а особенно на рассвете. Кумжа вырывает при помощи боковых движений хвоста небольшое углубление и откладывает в него икру; затем появляются самцы, чтобы оплодотворить икру. Сиги держатся вместе попарно и, прижавшись брюхом к брюху, выпрыгивают из воды, причем одновременно выходят икра и молоки. Пескари быстро плавают по ручью, трутся брюхом о камни и таким способом освобождаются от семени и икры; щуки трутся друг о друга и ударяют во время спаривания хвостами. Окунь и некоторые из близких к нему видов приклеивают икру к водным растениям, дереву или камням. Многие морские рыбы мечут икру, пlying густым стадом, и притом так, что икра, выпущенная плывущими вверху самками, должна попасть в слой воды, насыщенный молоками самцов.

Условия для развития яиц следующие: необходимое количество воды и теплота, а также достаточный приток свежего воздуха, так как развивающееся яйцо принимает кислород и выделяет углекислоту. В зависимости от вида рыб температура может и должна быть различной. Яйца одних рыб развиваются при очень низкой температуре воды, между тем как для развития яиц других рыб нужна более высокая температура. Эти условия при природном, без вмешательства человека, размножении рыб только отчасти выполняются. Из миллионов отложенных икринок большая часть остается неоплодотворенной; из оплодотворенных не менее значительная часть не развивается, как бы ни велико было сопротивление яйца влиянию внешних условий. Тысячи яиц выбрасываются волнами на берег и высыхают, другие тысячи попадают на слишком большую глубину и также не развиваются; на остальные яйца набрасываются неисчислимые полчища всевозможных врагов; таким образом, из несметного количества рыбьих икринок ни единая не оказывается излишней! Как только развивающийся в яйце зародыш достигнет известной зрелости, он прорывает яичную оболочку и является в форме вытянутого в длину, прозрачного маленького животного, у которого на заднем конце брюшка висит желточный мешок, заключающий в себе запас пищи на ближайшее будущее. Пока длится этот запас, молодая рыбешка держится большею частью неподвижно на дне и шевелит только грудными плавниками, чтобы произвести течение воды и возобновлять воду, потребную для дыхания. У нашей кумжи желточный мешок истрачивается на три четверти в течение первого месяца, а по истечении 6 недель почти совершенно исчезает. Только тогда появляется потребность в питании и рыбешка начинает жить по образу своих родителей, т. е. тотчас же начинает жадно охотиться за всем тем, чем, по ее мнению, она может овладеть. Чем богаче добыча, тем быстрее происходит дальнейший рост: те, которым благоприятствует удача в охоте, скоро опережают тех, которые вынуждены голодать, и превосходят их как величиной, так и силой и подвижностью. По истечении приблизительно года — у мелких видов раньше, у крупных позже — молодые рыбешки получают внешний покров своих родителей и таким образом во всех своих частях становятся на них похожи.

Но существуют также виды рыб, например некоторые акулы и скаты, у которых развитие молоди происходит совершенно иным путем. С таким же правом, с каким мы говорим о живородящих пресмыкающихся и земноводных, мы можем говорить и о живородящих рыбах. У них яйцо очень долго остается в упомянутом раньше расширении яйцевода, так что зародыш уже вполне там сформировался и тотчас же сбрасывает яичную оболочку, когда яйцо выйдет наружу. У химер, а также у скатов и акул, которые откладывают яйца, последние покрыты очень толстой роговой оболочкой, которая обыкновенно четырехугольна и сплющена и имеет с боков щели, чрез которые морская вода может проникать внутрь яйца. Развитие зародыша в подобных яйцах совершается только

после того, как они отложены. Размножение живородящих акул различается по строению яйца. У одних яйцо имеет чрезвычайно тонкую, просвечивающую роговую оболочку, образующую длинную плоскую коробку, которая в 7 или 8 раз больше, чем желток. В середине этой яйцевой коробки, имеющей по краям складки, помещается продолговатый желток, окруженный белком, который продолжается в одну сторону в виде ленты. Этот белок притягивает к себе необычайно много жидкости, так что яйцо делается значительно больше и тяжелее. Тонкая яйцевая оболочка сохраняется в течение всего периода развития, а у других акул она исчезает очень рано и зародыш лежит в матке без всякой оболочки. Вторая особенность зародышей поперечноротых рыб состоит в наружном желточном мешке, обыкновенно грушевидной формы, который посредством длинного стебелька переходит в тело и там открывается в пищеварительный канал. У большинства акул и скатов желточный проток расширяется внутри брюшной полости и образует второй внутренний желточный мешок. Стебелек желточного мешка содержит кроме открывающегося в кишку желточного протока еще артерию и вену, которые способствуют кровообращению в желтке. У одного вида открыли, что на желточном мешке возникают замечательные ворсинки, которые захватывают противулежащие ворсинки стенки яйцевода. Эти ворсинки содержат сосуды, так что здесь образуется настоящая плацента. Наконец, нужно еще обратить внимание, что зародыши поперечноротых рыб в известное время своей жизни имеют наружные жабры, которые в форме нитей расположены по краям жаберной щели и, несомненно, служат для дыхания.

Рыбы, как и все живые существа, могут быть уничтожены массами под влиянием явлений природы, как медленно совершающихся, так и проявляющихся неожиданно. Вулканические извержения вследствие подводных газов убивают много рыб. Большие наводнения, разливы рек и озер, выхождение воды на пологие берега при штормах и землетрясениях могут унести рыб из их местопребывания и оставить их где-либо на суше, где они жалко погибают. Та же участь ждет их, если по какой-нибудь причине водоемы, в которых они живут, иссякнут или переменят вдруг свое течение. Кроме того, рыбы подвержены эпидемиям, от которых гибнут массами. Всюду, где находятся воды, особенно изобилующие рыбой, и где ловля их составляет главный источник дохода жителей, которые обращают внимание на подобные случаи и запоминают их, всюду слышишь рассказы о больших морах рыб. Такие рассказы можно слышать в Южном океане, Вест-Индии, Мексиканском заливе и т. д. Подобный мор наблюдался, например, часто в Китовой губе на юго-западном берегу Африки, где рыб необыкновенно много. «О смертности рыб в Китовой губе, — так повествует Пехуэль-Леше, — впервые сообщает Александр, который 19 апреля 1837 года нашел весь морской берег покрытым мертвыми рыбами, от самых мелких до очень крупных, не исключая и огромных акул. Эти массы лежали так густо, что маленькая лодка уже с трудом могла протискиваться между ними. Казалось, что живой рыбы вовсе уже нет. В новейшее время это явление также наблюдалось несколько раз. Очевидцы сообщали мне о нем следующее: 21 декабря 1880 года в воде губы заметили странные красные полоски и пятна. На следующий день началась ужасающая смертность рыб, сначала мелких, затем и крупных. По истечении нескольких дней трупы рыб лежали миллионами на поверхности, и притом так густо, что нигде нельзя было увидеть воды. Они были частью унесены в море, частью выброшены на сушу. Меня уверяли люди, заслуживающие доверия, что на берегу трупы рыб лежали грудками в рост человека. Хотя гниющие массы так заражали воздух, что запах был слышен более чем на 50 км внутрь страны, однако жители не испытали при этом никакого вреда для здоровья. На святках то же явление повторилось в несколько более слабой степени. В 1884 году я нашел берега губы еще совершенно устланными скелетами рыб, и даже эти остатки еще лежали в виде небольших груд. Явление это всегда ограничивалось Китовой губой. Причину его, как можно бы думать, нельзя искать в выходах газа, обусловленных вулканами, но скорее, как уже думал Вильмер, в появляющихся время от времени массах бактерий, окрашенных в красный цвет. Периодическое появление их было наблюдаемо и исследовано в других местностях, например на датских берегах Вармингом».

Но злейшим врагом рыб, этого хищнического отродья, которые умерщвляют и пожирают друг друга, является человек. Только он непосредственно или посредственно ограничивает их удивительную способность размножаться. Кроме него и хищных рыб их преследуют также млекопитающие животные, птицы, пресмыкающиеся, земноводные и немало беспозвоночных морских животных. Но все враги, не принадлежащие к классу рыб, не приносят им такого вреда, какой приносит человек. Он опустошил реки и пресноводные озера, которые находятся в его власти, и теперь должен думать о том, чтобы их снова искусственно населить. Он опустошил бы и море, если бы только мог. Рыбы необходимы человеку. Целые народы не в состоянии были бы жить без них, мно-

гие государства с трудом могли бы существовать без разнообразных доходов с рыболовства и основной на нем торговли.

Рыбы употребляются в пищу как в свежем состоянии, так и приготовленные для более долгого сохранения солением, сушением, копчением, а в недавнее время в большом количестве помещением в герметически закрытые жестянки. Из печени некоторых крупных рыб добывается ворвань, а маленькие рыбы, попадающиеся массами в сеть, перерабатываются целиком для той же цели; остатки представляют удобрение — рыбе гуано. Из плавательного пузыря многих видов рыб готовится прекрасный клей. Внешний покров рыб перерабатывается в кожу, шагрень, или же, высушенный, употребляется для полировки и чистки деревянных и металлических предметов. Чешуйки некоторых видов рыб служат для добывания вещества с перламутровым блеском, которое придает искусственным жемчужинам их ложный блеск. Зубы акул, насаженные рядами на палки и копья, служат у туземцев южноокеанских островов оружием, которым они могут наносить смертельные раны; хвостовые лучи скатов служат наконечниками стрел.

Нужно сказать, что открытое море сравнительно беднее рыбами, чем воды у берегов и на небольших глубинах, которые часто прямо называются рыбными мелями или рыбным дном. Богатство рыбы всегда считалось здесь очень значительным и вследствие этого почти неистощимым. Воззрение это было подкреплено значительно работами заседавшей в Англии комиссии, пришедшей к тому выводу, что акр хорошей рыбьей мели может каждую неделю доставить в среднем столько мяса, сколько можно его купить на доход с акра хорошей земли в Великобритании в течение целого года. Что этот расчет слишком велик, показали исследования Гензена, произведенные надлежащим образом. Две местности Балтийского моря, богатые рыбой, одна — мель Гелы, другая — около Экернферда, доставили, по Гензену, за пяти- и трехлетний промежуток в среднем с каждого гектара по 31,6 и 15,7 кг рыбьего мяса в год.

Принимая во внимание, что доход с одного гектара возделанной земли в Пруссии, переведенный на мясо, выражается средним числом 83,5 кг мяса, мы видим, что доход упомянутых водных областей стоит далеко ниже дохода земли. Во всяком случае следует осторожно обобщать эти данные, годные только для определенных участков и при известных условиях. Существуют участки, более богатые рыбой, доход с которых гораздо больше, особенно при тщательном производстве рыболовства. Но все же доход с воды не может быть гораздо больше дохода с земли. «Если допустить, — пишет Гейнке, — что вывод, к которому пришел Гензен, правилен, т. е. что площадь Балтийского моря величиной около 400 квадратных миль, на которой немецкие рыбаки ловят рыбу, приносит в год столько же, сколько 80-192 квадратные мили плодородной земли, то государству выгодно сделать что-либо для рыболовства, так как этот доход можно еще значительно увеличить». Но, с другой стороны, нужно помнить, что участки моря, населенные оседлыми рыбами, могут быть так же опустошены, как местности, богатые дичью, могут быть вовсе лишены ее посредством огнестрельного оружия.

Человек охотится за рыбами разнообразнейшими способами: ручными и закидными удочками, мережками, неводами, самоловами и ручными сетями, тентами, вершами и другими, зачастую очень искусно приспособленными приборами. Далее рыб бьют острогами и баграми, особенно при свете факелов, а также стреляют их стрелами из лука, ружьем и винтовкой. Об этом будет речь позже, в особых отделах. Употребляются и другие средства, от которых погибают рыбы всех величин. Эти средства, конечно, запрещены в государствах с упорядоченным рыбным промыслом. Таковы, например, взрывчатые вещества, воспламеняющиеся под водой, и известные растительные яды. Эти средства приводят рыбу в оцепенение и употребляются часто дикарями с поразительным успехом. Несмотря на запрещение и опасность отравиться впоследствии самим, у нас иногда местами «отравляют» воду, т. е. всыпают в нее кукельван, семя индийского вьющегося растения *Anamirta cocculus*, как правило, в небольшие, обыкновенно стоячие водоемы. Благодаря этому рыбы быстро оцепеневают и легко достаются противозаконным рыболовам. Способ ловли с помощью кукельвана перешел к нам из Индии.

Уайт Джиль следующим образом описывает большой улов рыбы на южноокеанском острове Раротонга, причем употреблялось другое средство для приведения рыб в оцепенение: «Однажды чрез наше местечко проходила толпа барабанщиков и объявила в лице своего начальника: «Завтра пусть каждый собирает яд для рыбы и готовится его: послезавтра должен быть большой лов рыбы у Никао». Последний представляет излюбленное рыбаками место на расстоянии двух миль отсюда. Там 60 акров водной поверхности внутренней лагуны совершенно ограничены большими коралловыми рифами, так что во время отлива рыбы находятся как бы в ловушке. Особенно много здесь прекрасных темных краснобородок (султанки). Чтобы быть вовремя на месте, некоторые се-

мы из более отдаленных селений приходят уже вечером и ночуют на белом песчаном берегу, защищенном драценами, растущими вплоть до воды. Каждый имеет при себе корзинку яда, который состоит из раздробленных орешков *Barringtonia speciosa*. На рассвете заменяющий предводителя идет в воду и весело приглашает народ следовать за ним и рассыпать яд. Все вооружены трезубцем или же мечом, сделанным из обручного железа. Мелкие рыбы погибают быстро и всплывают на поверхность, где их собирают в корзины женщины и дети. Напротив того, более крупные рыбы, как краснобородки, только слегка оцепеневают, поэтому медленно двигаются и легко умерщвляются или же ловятся в сети. Было около девяти часов утра, когда я пришел на место ловли и увидел красивое зрелище, как несколько сотен туземцев охотились и убивали барабуль и других благородных рыб. Мне подарили 25 больших рыб.

Вдоль морского берега расположились в тени стройных, красивых драцен различные маленькие группы, усердно занятые стряпаньем и поеданием части добычи. Поводом к столь поспешно приготовленному завтраку служит странное поверье, что если есть и курить прежде, чем яд окажет свое действие на рыб, то лов будет несчастлив. Поэтому, как только известное число рыб поймано, народ спешит с добычей на сушу, чтобы нескольких зажарить. Когда же они утолят голод, то принимаются снова за ловлю. В 11 часов утра наступил прилив и, когда волны стали перекачиваться через наружный край рифа, охота окончилась. Живописный караван из мужчин, женщин и детей с корзинками в руках потянулся домой по узкой дороге, заросшей мимозами, шурупником (*Hellceteres*), пальмами и всюду встречающимся *Hibiscus*. Довольное выражение лиц и веселый, далеко раскатывающийся смех доказывали, что все необычайно рады. Кроме массы других рыб в это утро было поймано около 2000 темных краснобородок. Когда я пришел домой, то взвесил одну краснобородку из своей добычи; она весила 2 кг; иногда, говорят, попадаются и более тяжелые экземпляры. Другая рыба, вылавливаемая также в большом количестве, — это «нануэ». У нее превосходное мясо. Иногда попадаете также желтая разновидность нануэ. Туземцы уверяют, что когда одна из желтых нануэ попадет в сеть, то остальные из обыкновенной породы плывут вслед за ней. Этим объясняется прозвище, которое туземцы дают вышеупомянутой рыбе: «король нануэ». Если в одно время поймают двух желтых нануэ, то одну выпускают снова в море. Один из этих «королей» был подарен мне в вышеупомянутое утро.

Хотя сок, находящийся в орешках *Barringtonia speciosa*, — смертельный для человека яд, однако он вовсе не делает мясо рыб, отравленных им, несъедобным. *Tephrosia* — маленькое растение с белыми цветами, растущее по склонам гор, — также, хотя и реже, употребляется как одуряющее средство. Растертые листья, стебли, корни, цветы и семена, содержащие яд, бросают в воду. Самым смертоносным растительным ядом из известных в архипелаге Гервей, оказывается *Cerbera* большое дерево с матово-желтыми цветами. Каждая часть этого дерева содержит в высшей степени смертоносный яд. Но этот яд не употребляется при ловле рыбы, потому что тогда и мясо рыбы становится ядовитым. В старые годы жрецы пользовались этим средством для устранения своих врагов. Подобный только что описанному мною лов рыбы бывает в течение года три или четыре раза, но, конечно, на различных местах берега. Нет ничего удивительного, что иногда можно видеть всю толпу рыбаков возвращающимися без единой рыбы. Это бывает, когда дует противный ветер».

Tephrosia употребляется и в Африке для приведения рыб в оцепенение. Пехуэль-Леше видел в Конго, как растирали между камнями молодые побеги этих растений вместе с цветами и как бросали яд в лужи или в длинные с быстрым течением каналы, образующиеся на скалистом русле разлившейся реки. «По прошествии нескольких минут сперва появляются на поверхности мелкие рыбы, которых вылавливают ручными сетями. В быстротекущей воде помещают дальше по течению в узком месте решетку, на которой остаются висеть оцепеневшие рыбы». В водах Суринама, по словам Каплера, применяется с таким же успехом много других ядовитых видов растений.

К сожалению, в Германии еще и теперь не сознают ценность рыбы как питательного продукта, ее важности в домашнем обиходе народа. Это должно казаться непостижимым. Англичанин, голландец, швед, американец, француз, итальянец и испанец, грек и русский, лапландец, эскимос, красный и черный житель южноокеанских островов, африканец — все умеют ценить рыб, немец же еще продолжает ценить их не так, как они того заслуживают. Еще можно объяснить себе, что он не обращает внимания на пользу, приносимую нам птицами, и едва ли оценивает ее по достоинству сравнительно с пользой, приносимой млекопитающими, хотя польза каждой курицы на дворе, каждого голубя на крыше должна бы быть понятна даже малоинтеллигентному человеку, а удовольствие, доставляемое нам лесными певцами, казалось бы, не трудно оценить. Все это, однако, еще можно объяснить себе, потому что очень немногие ставят себе в труд замечать и ценить эстетическое удовольствие, доставляемое природою. Но непостижимо, что до сих пор в нашем отечестве

не признают значения рыб и что до последнего времени безграничные сокровища моря едва оценены по достоинству; оправданием для этого даже нельзя привести, как это делают, деление Германии на множество государств. При этом следует иметь в виду, что не государственная власть приводит в деятельность рыболовство, управляет и руководит им, а оно зависит от предприимчивости отдельных лиц: во всех странах, где рыболовство процветает, государство почти ничего не делает для него, кроме защиты.

До проведения железных дорог ложное представление о неистощимом количестве рыбы имело видимое подтверждение. Отпуск быстро портящихся рыб ограничивался небольшим районом. Для местной потребности легко было добыть необходимое количество рыбы, и не нужно было безрассудно истощать водоемы. Теперь же рыбу перевозят на расстояния в несколько сот километров и поэтому не в состоянии удовлетворить возрастающий спрос. Воздорожание потребностей жизни, понятно, отзывается и на рыбаках и принуждает их, повинувшись голосу нужды, жить настоящим, не заботясь о будущем. Следствием этого являются сети с узкими петлями, взрывчатые вещества, опущенные в воду, вообще неразборчивость в выборе средств для истребления взрослых и молодых рыб. У законного рыбака вор тайно похищает и без того скудную добычу, и как тот, так и другой хотят пожинать, не сеяв. «На пищевое вещество, — говорит Карл Фогт, — которое плавает в водоемах в виде рыб, мы смотрим с точки зрения охотника, а в лучшем случае с точки зрения номада, который для своего стада отыскивает безопасные привалы, все же прочее оставляет на произвол природы. Что она нам дает в водах без особенных усилий, то мы вылавливаем, сколько можем. В пресных водах мы наичаще устраиваем садки для рыб, в которых мы большею частью предоставляем рыбам самим отыскивать себе пищу. Наши законы еще далеко не полны, слишком новы, слишком мало соответствуют общей потребности, для того чтобы они могли помочь всем известным дурным условиям, и даже целесообразные правила слишком часто оставляются без внимания, и самые правильные приказания и запрещения обходятся. Уже давно пора издать законы о пощаде рыб, завести разведение рыб в больших размерах, чтобы по возможности бороться с возрастающим бедственным состоянием пресноводного рыболовства. Успеха, конечно, достигнуть нелегко, но во всяком случае возможно, и, как указано выше, правильное рыболовство всячески уже пропагандируется деятельными людьми и обществами».

Немецкие законы о рыболовстве в общем представляют собой целесообразное средство для поднятия рыбного промысла. Они запрещают запруживать и тревожить места для метания икры и каналы, ведущие к ним; запрещают употребление слишком густых сетей и других вредных орудий и средств ловли, а также ядовитых веществ; требуют устройства так называемых «ворот для рыб»; определяют период, в течение которого запрещено вылавливать известные виды рыб, и т. д. Но эти правила, с одной стороны, слишком суровы по отношению к рыбакам, а с другой — далеко еще не указывают все средства, которыми можно заставить уважать закон. Пока каждый не будет стараться действовать и поступать на благо всех участников, до тех пор благое намерение законодателя большею частью останется без результата. Поэтому правительства совершенно правильно содействуют образованию артелей рыбодоводов, и этим артелям следует предоставить издание таких правил, которые полезны для всех, не вредя никому в отдельности. Каждое подобное общество толковых людей должно служить на пользу нашего рыболовства, и это может быть достигнуто тем, что каждый будет размышлять о предмете высокой важности, будет привлечен к поддержке общих усилий и к наблюдению над рыбами и их жизнью.

Именно в последнем отношении нужно еще очень многое сделать. Относительно образа и условий жизни всех остальных позвоночных животных мы знаем больше, чем относительно образа жизни, привычек и потребностей рыб. «Много важных вопросов, на которые не в состоянии ответить ни рыбаки, ни ученые и разрешение которых весьма важно для поднятия рыболовства — замечает Бенеке, — требуют еще разрешения. Условия, от которых зависит благосостояние рыб в различных водах, для нас еще так же покрыты мраком, как и самая излюбленная и здоровая пища некоторых, даже большинства видов. В этом главная причина того, что многие, произведенные с большими затратами опыты по разведению ценных рыб окончились полной неудачей. Мы еще совершенно не знаем причины внезапного околевания рыб в реках и озерах. Причины, которые побуждают рыб к внезапным, необычным, совместным переселениям, также для нас еще далеко не выяснены. Так, например, угри в пресной воде обыкновенно зимой лежат, зарывшись в ил, а в то же время свободно плавают в морских заливах и ловятся большими зимними сетями. Итак, что нужно сделать для улучшения условий обитания рыб в различных водах, это может быть исследовано только знатоками, которые специально заняты наблюдениями над рыбами». Франция, Англия и

Америка в этом отношении далеко опередили немцев, ибо в указанных странах применяются средства, в сравнении с которыми средства немецких правительств оказываются очень недостаточными.

Слишком превознесенное, но, во всяком случае, действительное средство — снова заселить германские реки и ручьи основано на так называемом искусственном рыборазведении, которое было известно в Китае уже несколько столетий тому назад, а в Европе было открыто только в начале прошлого столетия. Якоби, сельский хозяин в Липпе-Детмольде, занимался с 1733 года искусственным оплодотворением икры форелей и спустя 30 лет опубликовал полученные им результаты. Его открытие было почти совершенно забыто, хотя и было подтверждено Бюффеном, Дюгамелем и другими учеными. Результаты искусственного разведения, которое производил в течение всей жизни в западной области Саксен-Альтенбурга тюрингский пастор Армак, не были опубликованы. О них вспомнили, только когда были получены те же результаты самостоятельно Шаумом в Шотландии в 1837 году, Реми во Франции в 1848 году и Сандунгеном в Норвегии в 1850 году. Первым государством, ассигновавшим необходимые средства для производства опытов в больших размерах, была Франция. Благодаря старанию Коста там было основано первое значительное заведение для развития рыбы в Гюнингене, в Эльзасе. Французские общества и помещики поспешили последовать данному примеру; в Англии и Америке принялись с жаром и успехом за это важное дело, и тогда только в Германии и Австро-Венгрии возвратились к немецкому открытию. Здесь в настоящее время существует немалое количество отчасти очень значительных заведений для разведения рыб.

«Искусственное разведение рыб, — продолжает Бенеке, — началось оплодотворением икры лососевых рыб, да еще и поныне большая часть заведений для разведения рыб занимается почти исключительно лососем и его родичами. Именно у этих рыб часто можно наблюдать их деятельность на природных местах метания икры, расположенных в неглубокой, быстро текущей воде. Как только самка начинает выпускать продолжительной струей сравнительно крупные яйца, самец также выпускает свое семя, которое расходит по воде в форме белых облаков. В каждой капельке семени, или так называемых молок, которые изливаются в большом количестве, находятся бесчисленные, чрезвычайно мелкие семенные тела, которые по форме очень похожи на головастика, с широкой головой и тонким хвостом. Извивая последний, тела эти движутся чрезвычайно быстро и когда они проникнут в яйцо, то оплодотворяют его. Все неоплодотворенные яйца рано или поздно погибают, не давши зародыша. Так как при естественном икрометании рыб икра и молоки уносятся течением и рассеиваются по дну, то, как уже замечено, только очень незначительная часть яиц приходит в соприкосновение с семенем. При искусственном же оплодотворении всегда возможно оплодотворить все яйца».

Немало рыборазводителей, по-видимому, еще твердо держатся того взгляда, что искусственное рыборазведение для достижения успеха требует значительных издержек и обстоятельных предварительных сведений. Дело же само по себе очень простое и может производиться повсюду, где есть ручей с чистой родниковой водой приблизительно одинаковой температуры, с быстрым течением и крупнопесчаным или мелкокаменистым дном. Из этого ручья, который, впрочем, может быть заменен сильным притоком родниковой воды, проводят воду в несколько постепенно увеличивающихся, глубоких, не замерзающих и зимой прудов. Эти пруды должны, в случае необходимости, быть вырыты или же очищены от всякого ила, обсажены тенистыми кустарниками и уложены разбросанными камнями, служащими убежищем для рыб. В этих прудах держат икряную рыбу, например форелей, различного возраста, и притом так, что в один пруд помещают всегда рыб одинаковой величины. Их кормят соответствующей пищей, присматривают за ними и стараются всеми силами защитить их от врагов, чтобы они к периоду метания икры были совершенно здоровы и сильны. Если хотят воспользоваться молоками других сортов лососей, тогда их отсаживают перед пользованием в покрытые пруды или в лари для рыб.

На удобном месте, где проходит существующий или же специально проведенный рукав ручья и где может быть устроено очень быстрое течение, устраивают маленький бревенчатый домик с толстыми, защищающими от мороза стенами и хорошей крышей; он внутри получает столько света, сколько нужно для помещенных в нем развивающихся яиц. Внутри этого домика проводится трубами вода, которая при надобности и по желанию течет непрерывной струей в большее или меньшее число маленьких бассейнов для икры. В случае нужды для этого годится небольшая постройка при колодце или даже комнатный ледник. Икряными бассейнами могут служить деревянные ящики с деревянным или стеклянным дном, фаянсовые или глазированные глиняные чашки, маленькие плоские пруды с каменными стенками, сковородообразные сосуды, ванны и т. д. Но они не должны быть слишком велики и должны быть так приспособлены, чтобы к ним был легкий доступ и их можно было без труда переставлять.

Когда наступает пора метания икры, то половые органы самцов и самок рыб изобилуют молоками и икрой, и тогда у большинства видов лосося достаточно осторожного надавливания на нижнюю поверхность туловища для выведения половых продуктов, так что выдавливание икры и молок — дело вовсе не трудное. Берут плоский глиняный или фарфоровый сосуд, приносят икры рыб, содержащихся до употребления в больших чанах, причем по возможности различают пол, схватывают самку осторожно левой рукой за переднюю часть туловища, которая обернута в сухой платок, приказывают помощнику держать ее за хвост, чтобы она не барахталась, и проводят тихо правой рукой спереди назад вдоль брюха все время, пока, без приложения какого-либо усилия, выделяются выскакивающие струей яйца. В то же время поступают таким же образом два помощника с самцом и поэтому в одно время яйца и семя попадают в сосуд. Тогда достаточно незначительного встряхивания сосуда или же осторожного размешивания икры рукой или бородкой пера, для того чтобы распределить молоки так, что большая часть яиц будет оплодотворена лучше и полнее, чем это возможно у самостоятельно мечущих на свободе рыб. Так как икрная рыба никогда не выделяет за один раз всю икру и молоки, то у тех видов, которые можно без труда держать, повторяют эту операцию с промежутками от 3 до 5 дней. В это время половозрелых рыб сохраняют надлежащим образом.

"Когда, — учит Бенеке, — достаточно смешали молоки и икру, тогда наполняют чашку водой такой же температуры, как та, в которой рыбы выдерживались до сего времени. Затем оставляют икру на четверть и до получаса в покое, сливают молочно-мутную жидкость и переменяют воду до тех пор, пока она не сделается прозрачной. Яйца тогда кажутся гораздо крупнее, чем при нересте, так как они впитали в себя воду. В то время как раньше нельзя было заметить промежутка между желтком и оболочкой, теперь мы замечаем внутри туго натянутой яйцевой оболочки пространство, наполненное прозрачной жидкостью, в которой желток свободно плавает. Вместе с водой проникли и семенные тела и совершили оплодотворение. Через короткий промежуток времени замечают изменения в яйцах и вместе с тем начало развития зародыша».

Если бы яйца, оплодотворенные искусственно, мы положили в воду на природные места метания икры рыб, то и в этом случае мы поступили бы очень разумно, так как обогатили бы водоемы гораздо большим количеством оплодотворенных яиц, чем рыбы сами могут этого достигнуть; но вышеупомянутые опасности, которым подвергаются яйца, требуют немедленного их помещения в выводковые бассейны.

Для развития яиц необходимо, чтобы постоянно им доставляли свежую воду, другими словами, чтобы поддерживался непрерывный ток воды и чтобы их защищали по возможности от вредных влияний. Температура выводкового помещения не должна падать до точки замерзания, хотя яйца и нелегко поддаются действию морозов. Она должна по возможности поддерживаться в пределах от 5 до 7,5 градуса Цельсия. Но она не может быть выше, потому что иначе развитие яйца будет ускорено, рыбешки слишком рано вылупляются, уже до начала весны съедают свой желточный мешок и страдают от низкой температуры. Не менее важен также постоянный приток воды, содержащей воздух, потому что развивающееся яйцо также дышит, т. е. подвергается обмену веществ, всасывая из примешанного к воде воздуха кислород и выделяя углекислоту.

Выводковое помещение должно быть плотно прикрыто снаружи и недоступно небольшим хищникам, например водяным землеройкам. Эти хищники все же не самые злейшие враги яиц; воспитатель должен их искать скорее в чужеродных растениях, именно некоторых грибах, которые обволакивают и губят яйца. Особенно во время первого дня развития нужно приложить все старание для тщательнейшего осмотра яиц и удалять тотчас же каждое поврежденное яйцо, отличающееся беловатой мутью оболочки. Это производят с помощью маленьких щипчиков или пипетки, чему легко выучиться и на что тратится сравнительно немного времени, если бассейны удобно устроены. Немного приученный надсмотрщик в течение первого дня употребит на пересмотр около 100 000 яиц немного более одного часа. Чтобы воспрепятствовать по возможности распространению губительной плесени, притекающую воду пропускают сначала через плотную ткань, а также очищают ежедневно яйца от приставшего к ним осадка воды с помощью влажной кисточки из волос барсука.

В зависимости от температуры выводкового помещения и воды, которую употребляют, мальки вылупляются то раньше, то позже, редко до исхода шестой, иногда только на восьмой неделе.

Дальнейшее развитие проходит так, как описано выше. Пока рыбешка носит на брюхе свой желточный мешок, она не нуждается в пище; но как только она его съест и брюшко станет гладким, появляется потребность в пище. Еще до этого рыбозаводители переносят своих мальков в бассейны больших размеров, конечно, с проточной водой. При этом они сами осторожно переливают содержимое выводкового сосуда или, что еще лучше, помещают его в больший сосуд так, чтобы он на-

ходился совершенно под водой. Пока рыбешки питаются при помощи желточного мешка, они лежат на дне почти без движения; как только появляется потребность в пище, у них тотчас же пробуждаются настоящие хищнические стремления. Тогда все вышеназванные мелкие животные становятся их добычей. На свободе они должны сами добывать себе добычу; в узком же пространстве, устроенном для них разводителем, последний должен позаботиться и кормить их искусственным кормом, так как трудно доставлять им природный корм. Для этого более всего пригодно высушенное и тонко изрезанное бычье, овечье или лошадиное мясо, также кровяные сгустки вышеупомянутых животных, мозг и яичный желток. Последний, впрочем, нужно всегда давать в очень незначительном количестве. Эту пищу бросают несколько раз в день по несколько кусков на воду и наблюдают убыль, чтобы точно установить необходимое, постоянно возрастающее количество корма. Когда лососи немного подрастут, тогда им дают кусочки муравьев, белых личинок и затем всех известных и неизвестных разводителю мелких червей и ракообразных, сколько он может достать. Когда рыбешка достигнет, наконец, довольно большого размера, ее переводят в водоемы, в которых она должна жить впоследствии.

Хотя искусственное разведение рыб, о котором Борне написал очень пространную книгу, введено сравнительно недавно, его результаты уже и теперь можно считать очень благоприятными. Поэтому можно утверждать, что оно сделалось одним из самых успешных средств для умножения нашего уменьшившегося рыбного населения, а со временем принесет еще больше пользы.

Известно около 9 тысяч видов современных и более тысячи ископаемых рыб. Относительно классификации рыб существуют очень разнообразные взгляды. Границы отрядов, семейств и родов очень трудно определить, и, во всяком случае, деление это не вполне точно. Приведенное в последующем изложении подразделение, в котором мы следуем Гюнтеру, в общем соответствует воззрению, разделяемому большинством знатоков рыб. Согласно этой классификации, класс рыб сначала разделяется на 5 подклассов: костистых, хрящевых, двоякодышащих, круглоротых и трубко-сердцевых рыб. Геккель противопоставляет последних не только другим рыбам, но и всем остальным позвоночным животным. Последних он называет черепными, а трубкосердцевых — бесчерепными. Черепных он разделяет на круглоротых и челюстноротых. Последних подразделяет на рыб, двоякодышащих рыб, земноводных, пресмыкающихся, млекопитающих и птиц. Конечно, он прав, но мы, следуя господствующему воззрению, относим трубкосердцевых, круглоротых и двоякодышащих к рыбам.

Семейство ланцетниковые

Ланцетник (*Branchiostoma lanceolatum*)*.

** Вначале, когда ланцетник был впервые обнаружен и описан, его приняли за моллюска, и потребовалось более полувека, чтобы установить его принадлежность к хордовым животным. Ланцетника относят к крайне малочисленной и примитивной группе бесчерепных позвоночных. Питается ланцетник микроскопическими организмами, которых засасывает вместе с водой. Живет ланцетник, зарывшись в крупный песок, в прибрежье на глубине 10-30 м. Иногда достигает большой численности — до нескольких сотен особей на 1 м² донного грунта. Избегает яркого света, активен ночью. Живет до 3-4 лет, созревает на втором или третьем году.*

Длина его достигает только 5 см; вытянутое, узкое, угловатое тело почти равномерно заострено к обоим концам; на заднем конце оно окаймлено нежным непарным плавником, который в виде узкой каймы распространяется наверху по большей части спины, внизу доходит до заднего прохода и к хвосту расширяется в виде ланцета. Расположенный на нижней стороне переднего конца тела рот окружен хрящевыми придатками, которые могут складываться и закрывать отверстие рта. С внутренней стороны ротовое отверстие непосредственно переходит в широкую жаберную полость, состоящую из многих близко друг к другу лежащих хрящевых полосок, которые идут в косом направлении сверху вниз; сзади эта полость отделена от кишечного канала кольцеобразной складкой. Вода, необходимая для дыхания, проходит между хрящевыми дугами в жаберную впадину и выходит через выводной канал, открывающийся на нижней части туловища. Кишечный канал расширяется, отделяя в то же время слепой железистый отросток, соответствующий печени, потом тотчас же сужается и, дугообразно изгибаясь, доходит до заднего прохода. Все слизистые оболочки снабжены мерцательными ресничками, движение которых способствует проходу воды, необходимой для дыхания и питания. Сердце заменено трубковидным мешком, который соединен с жаберной полостью и имеет способность попеременно сжиматься и расширяться и таким образом гонит прозрачную бесцветную кровь в тонкие сосуды. Позвоночный столб заменен спинной струной, которая проходит от конца морды до конца хвоста; ее внешняя оболочка, несколько утолщенная спереди, образует тру-

бочку, содержащую спинной мозг, на переднем конце которой сидят две точки, принимаемые за глаза.

Об образе жизни этих, наименее совершенных позвоночных, мы знаем еще очень мало. К северу область их распространения обнимает европейские и американские берега северной части Атлантического океана и Средиземного моря, к югу — берега Вест-Индских островов, Южной Америки, Бассова пролива, Калимантана и Австралии. Обыкновенным их местопребыванием служит мелкий песок, в который они зарываются и, благодаря одноцветной с ним окраске, так совершенно скрываются в нем, что найти их можно, только пропустив песок сквозь частое сито. Вероятно, они водятся в гораздо большем количестве, чем обыкновенно думают, по крайней мере, в удобных для них местах их можно много наловить в непродолжительное время. Когда их заставляют покинуть песок, они принимаются с быстротой стрелы шмыгать, извиваясь, по воде и, минуто спустя, опять забираются в песок. Кауч весьма справедливо говорит, что во время плавания у ланцетника трудно распознать, где голова, где хвост. Вильде сообщает, что, пойманные и посаженные в стеклянный сосуд, ланцетники двигались в нем, быстро извиваясь, подобно угрям, и, несмотря на неразвитый орган зрения (если вообще можно говорить о нем), отлично умели избегать подставленный им палец или другие препятствия и, приближаясь к ним, быстро останавливались и поворачивали назад. «Эти маленькие животные, — говорит Вильде, — имеют особенную способность прилипать друг к другу чрезвычайно оригинальным образом. То они образуют ком, то цепь в 15-20 см длины. Передвигаются они все вместе, и в последнем случае движения их извилисты. Они всегда приклеиваются друг к другу широкой стороной, когда плывут длинной цепью, так что голова одной рыбы находится приблизительно около одной трети туловища предшествующей».

Геккель обратил внимание еще на одно удивительное свойство этого животного: сильно изуродованные или даже отдельные частички гельголандского ланцетника довольно долго оставались живыми. Это доказывает, что ланцетник разделяет с самыми низшими представителями животного царства свойственную им независимую жизненность отдельных частей тела друг от друга.

Подобно всем животным с плохо развитым зрением, ланцетник боится света, и сильное освещение приводит его в большое возбуждение.

Над способом размножения и развития ланцетника ныне сделаны весьма важные наблюдения.

Ковалевский сделал открытие, обратившее всеобщее внимание: он нашел, что ланцетник в главнейших стадиях своей зародышевой жизни соответствует асцидиям — морским животным, принадлежащим к оболочникам (Tunicata), которые по строению своего тела ближе всех беспозвоночных подходят к позвоночным животным.

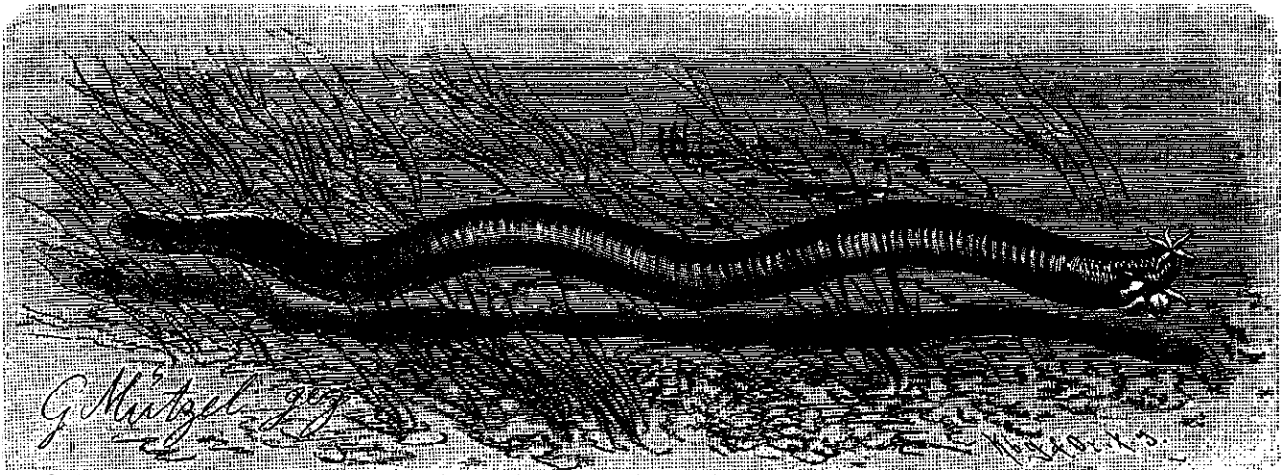
Семейство миксиновые

Линней причислил самый известный вид этого семейства, **миксину обыкновенную** (*Muxine glutinosa*), к глистам, и действительно, это странное животное имеет, по-видимому, больше сходства с глистом, чем с рыбой. Отличительные признаки рода миксин (*Muxine*) следующие: круглый рот вооружен 8 бахромками, на языке в каждом ряду от 8 до 9 костяных зубов; на небе один пустой, несколько согнутый хрящевой зуб; органы зрения совершенно не развиты; жаберные отверстия соединяются под кожей в один общий мешок, который имеет с каждой стороны по одному отверстию; кожа обильно выделяет слизь. Длина достигает 20 см; цвет трудно определимый — голубовато-белый.

Миксина живет в высоких широтах морей Северного и Южного полушарий, и ловится у берегов Гренландии, Норвегии, Швеции и Великобритании, но встречается и в Северном море. Она держится обыкновенно на большой глубине и, кажется, преимущественно на илистом грунте*.

* *Миксина ночное животное, дневное время проводит зарывшись в мягкий грунт. В ряде мест достигает большой численности. Миксины не выносят даже малейшего опреснения морской воды, поэтому их трудно встретить в предустьевых зонах. Считается непригодной для использования в пищу.*

Как червяк среди рыб, она питается, подобно низшим видам глистов, на теле или внутри тела других рыб.

Обыкновенная миксина (*Muxine glutinosa*)

Как ей удастся завладеть своей добычей — нам неизвестно; мы знаем только, что она пробуравливает внутренности разных рыб, как, например, трески, мойвы, камбалы, осетра, акулы, и мало-помалу пожирает или высасывает их мясо до кожи и костей. Среди пойманных в сети рыб она производит иногда значительные опустошения, но не щадит и вполне здоровых и сильных рыб. За неимением глаз она, вероятно, пускает в дело свои губные щупальца для отыскания добычи. Выбирая, как полагают, преимущественно пойманную в сети или на удочку рыбу и присосавшись к ней ртом, она проникает через глотку, задний проход или пробуравленную ею самой дыру во внутренность доставшейся ей добычи. В крайнем случае она довольствуется и мертвой рыбой, если предположить, что не она сама была причиной смерти животного, в котором ее находят. Размножение происходит посредством сравнительно больших яиц желтоватого цвета, имеющих роговую оболочку и нитевидные придатки, с помощью которых они прикрепляются к разным предметам. Раньше яиц созревают, по словам Нансена, семенные нити, которые образуются в том же животном.

Семейство миноговые

Морская минога (*Petromyzon marinus*) *. Длина ее доходит до 1 метра, а вес до 3 кг. Тело ее длиннее, чем у всех ее сородичей, и она отличается еще тем, что внутренняя сторона вздутой губы окружена как бы веником размочаленных бахромок.

* *Морская минога самый крупный представитель ныне живущих миног, этих древних позвоночных животных.*

Присосный кружок вооружен по всей окружности рта многими рядами простых острых и маленьких, а к середине более крупных зубов и имеет соответствующую нижней челюсти семи- или восьмиконечную полукруглую зубную пластинку; в межчелюстной области лежит короткая, непарная двузубчатая пластинка, а место между двумя рядами пластинок занято 40 маленькими двузубчатыми пластиночками. Первый спинной плавник начинается дальше середины спины и состоит из одного вытянутого и немного скругленного лоскута кожи; второй, отделенный от первого довольно большим промежутком, сначала очень высок, но постепенно понижается и наконец сливается с хвостовым плавником, который тянется дальше в виде каймы из кожи и, расширяясь и округляясь, огибает сжатый с боков хвост и доходит снизу до самого заднего прохода. Цвет тела зеленовато-белый; рисунок состоит из темно-бурых или зеленоватых разводов, покрывающих спину и бока.

За исключением Черного моря, морская минога живет во всех европейских морях и, кроме того, встречается у берегов западной Африки и Северной Америки**. Она большую часть своей жизни проводит в морской воде, однако поднимается весной вверх по рекам для метания икры.

* * *В Великих американских озерах морская минога образовала жилую форму. До постройки канала в обход Ниагарского водопада, который служил непреодолимой преградой для миноги, она встречалась только в озере Онтарио. После постройки канала морская минога расселилась и по остальным Великим озерам. Многие ценные рыбы этих водоемов (лососевые, сиговые, карповые) оказались беззащитными перед этим страшным и прожорливым хищником-паразитом, что привело к резкому снижению уловов. Для восстановления запасов рыб в США была разработана государственная программа. В настоящее время численность миноги сократилась, а запасы ценных рыб вновь увеличились. У европейского побережья морская минога малочисленна.*

Европейская речная минога (*Lampetra fhiviatis*) редко достигает более 40, а в исключительных случаях 50 см длины и около 100 г веса. Ободок нижней челюсти снабжен семью острыми зубцами; пластинка, соответствующая верхней челюсти и лежащая против нее, образует посереде-

не острый край, а по обеим сторонам — по одному зубу. Спинные плавники разделены; первый короткий, округлен и несколько ниже второго, который соединяется с хвостовым плавником и с очень коротким, едва заметным заднепроходным плавником. Верхняя часть тела блестящего голубовато-зеленого цвета; на боках он переходит в желтовато-белый, а на животе — в серебристо-белый цвет. Плавники голубого цвета.

Речная минога живет тоже в соленой воде, а именно во всех морях, омывающих берега Европы, Северной Америки и Японии, и тоже поднимается из морей в реки для метания икры*, но, по-видимому, иногда переселяется надолго в большие реки и озера.

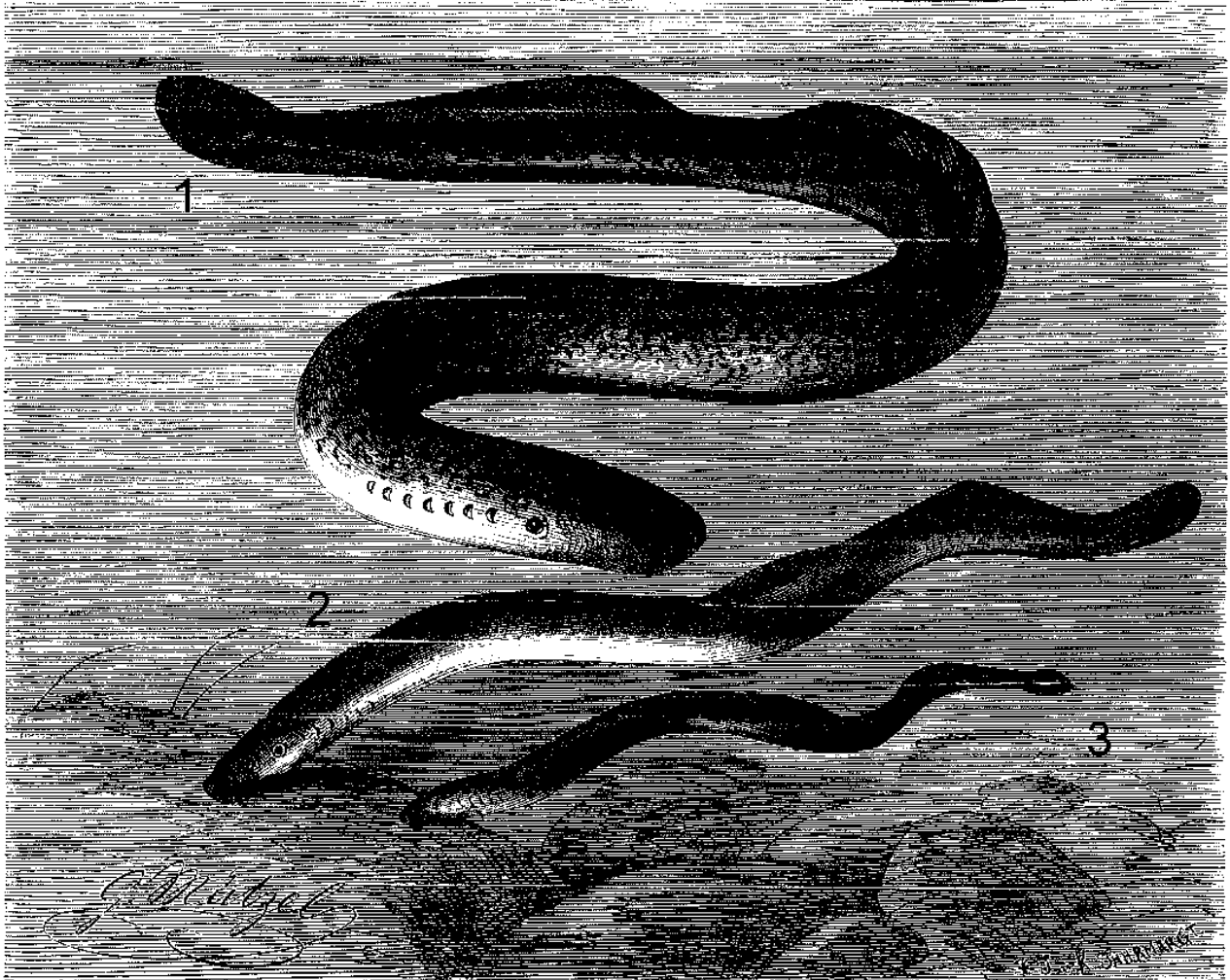
* *Массовый ход миноги в реки на нерест наблюдается осенью. После захода в реки нерест происходит почти через год. В течение всего этого времени миноги не питаются. Молодые миноги, пескоройки, внешне сильно отличаются от взрослых миног, и до середины XIX века их выделяли в самостоятельный род. Глаза у пескороек недоразвиты и с трудом заметны, живут пескоройки зарывшись в мягкий илистый грунт, им же они и питаются.*

Европейская ручьевая минога (*Lampetra planeri*) отчасти походит на речную миногу, но так сильно отличается от последней — как меньшей величиной, так зубами* и плавниками, — что перепутать их невозможно. Двенадцать зубов или острых зубцов возвышаются на пластинке, соответствующей нижней челюсти; окружность рта усажена густым венчиком расположенных в несколько рядов коротких бородавчатых бахром, между которыми также видны маленькие зубы; в остальном зубы ее похожи на зубы речной миноги. Первый спинной плавник или сливается непосредственно со вторым, или отделен от него небольшим промежутком. Относительно цвета ручьевая минога отличается от речной тем, что спина ее имеет более оливково-зеленоватый оттенок. Длина ее достигает 20-40 см.

По словам Ярреля, ручьевая минога, распространенная по всей Европе и Северной Америке, встречается и в морях, но живет преимущественно в пресной воде и водится в очень большом количестве во всех, даже самых маленьких ручьях, где дно покрыто мягким песком или илом.

Несмотря на незначительное развитие плавников, миноги ловко и быстро двигаются в воде. Там, где течение не очень быстрое, они подвигаются вперед, извиваясь вправо и влево; в быстрых водах они, напротив того, движутся толчками; присосавшись при каждом прыжке к какому-нибудь твердому предмету и остановившись на короткое время, они спешат снова вперед и таким образом преодолевают самое сильное течение. Еще чаще, по-видимому, пользуются они услугами других животных. «Миноги сопутствуют лососям, поднимающимся из моря, присосавшись к ним ртом». Наши собственные наблюдения не позволяют нам опровергнуть это сообщение.

Но это показание вряд ли может вполне относиться к другим видам семейства, по крайней мере не в той степени. В то время как морская минога только в исключительных случаях показывается в верховьях больших рек, остальные виды, как замечено выше, населяют даже самые малые притоки и размножаются по большей части, если не исключительно, только в них. Описание способа размножения этих рыб докажет, что подобные путешествия, вверх по рекам, не так уж необходимы. Не подлежит сомнению, что миноги присасываются не только к твердым предметам, но и к рыбам; они, бесспорно, принадлежат к паразитам и для некоторых рыб даже к самым опасным. Когда говорят об их пище, то называют обыкновенно только что вылупившихся молодых рыбок и различных червей, насекомых в разных стадиях их развития; но все наблюдатели согласны с тем, что они питаются преимущественно мясом и кровью других животных и в особенности рыб. Присасывание у них происходит гораздо чаще для питания и только в исключительных случаях для прикрепления к предмету. Крепко присосавшись своим круглым ртом к наружной оболочке рыбы, миноги начинают работать своими пилообразными зубами, скребут и точат оболочку, пробуравливают ее насквозь и, проникая все дальше и глубже во внутренности своей жертвы, проглатывают соскобленные частицы и проедают таким образом глубокие отверстия в теле рыбы, будь она живая или мертвая. Чаще всего присасываются они к рыбам, попавшимся на крючок, однако и совершенно здоровые рыбы часто делаются жертвами их прожорливости.

1 — Морская минога (*Petromyzon marinas*) 2 — Европейская речная минога (*Lampetra fluviatilis*) 3 — Европейская ручьевая минога (*Lampetra planeri*)

Время метания икры совпадает с первыми весенними месяцами и происходит при особенных условиях. «Они мечут икру, — говорит Бальднер о морской миноге, — в апреле в холодной воде на каменистом грунте и вокруг норы наносят ртом камни весом до двух фунтов». То же самое сообщает Жардинер: «Сила их изумительная; они сдвигают с места камни значительной величины, и таким образом быстро образуются большие углубления. В таком углублении устраивается обыкновенно пара миног для метания икры». Бальднеру удалось исследовать и способ размножения ручьевой миноги, и он описывает его следующим образом: «Они висят целыми кучами на камнях в местах, где течение быстро; там делают они глубокие ямки, в которых пары соединяются животами для совокупления, чего я никогда не замечал у других рыб, кроме миног, которые мечут икру в таких мелких водах, что наблюдать за ними нетрудно».

Август Мюллер, который имел случай наблюдать за миногами во время метания икры в реке Панке около Берлина, подтверждает прежнее показание в его главнейших чертах. Он видел десять или более штук ручьевых миног, тесно прижатых друг к другу, и заметил, что самцы крепко присасывались к затылку самок и, изогнувшись в полуоборот к нижней части самок, оплодотворяли их яйца. Еще до наблюдений Мюллера замечали на тех местах, где ручьевые миноги метали икру, червеобразную рыбу, которая известна была под названием **пескоройки** (*Ammocoetes branchialis*) и описана уже Альдрованди*.

* Ручьевая минога большую часть жизни проводит в личиночной стадии, т. е. на стадии пескоройки. Превращение во взрослых миног наступает через 3-7 лет. Вышедшие из грунта миноги имеют зрелые половые продукты и вскоре нерестятся. Численность ручьевой миноги повсеместно сокращается из-за загрязнения мелких рек, в которых она обитает.

Это животное бывает при 18 см длины толщиной не более гусяного пера, голова у него маленькая, с едва заметными глазами; жаберные отверстия лежат в глубоких продольных бороздках, на коже очень заметные кольца; серебристо-матовый цвет на плавниках переходит в желтовато-белый. Оно встречается почти везде в значительном количестве, держится в водах с песчаным или илистым дном и напоминает своим образом жизни больше червей, чем рыб, к которым поэтому и

причислено только после тщательного анатомического исследования. Подобно червям, пескоройки вкапываются в ил, который добровольно не покидают почти никогда, а пускают в дело свои плавники, только когда хотят вновь спрятаться в ил или в другое подобное место. Особенно охотно заползают они в пучки льна, положенные в воду для мочки, почему и носят в некоторых местностях название льняного угря, так как их находят во льне, когда вынимают его из воды и раскладывают на лугах для беления. Во многих местах охотятся за пескоройками и, отрубив им голову, варят в вине с маслом, лимонным соком и очень ценят как вкусное кушанье. Но простолюдин пренебрегает ими из-за их червеобразной формы, а рыбаки обыкновенно употребляют их только как наживу, потому что они очень живучи и, даже сильно раненые, живут или, по крайней мере, двигаются еще целыми сутками. Все естествоиспытатели смотрели на пескороек как на рыб, схожих с миногами, но никому из них не пришло в голову признать в них близкого родственника этих рыб.

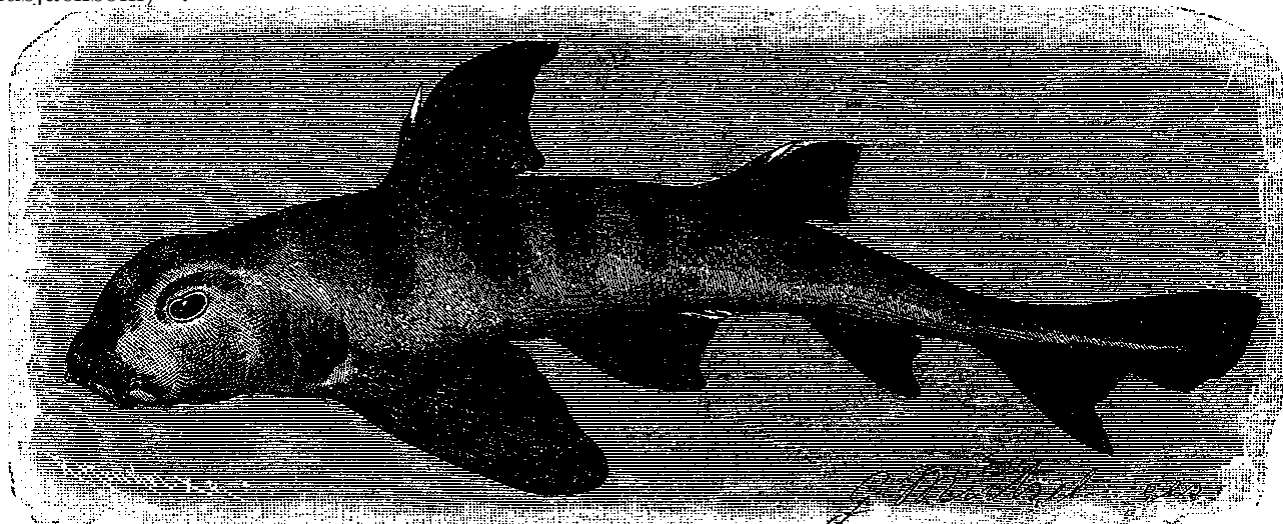
Желая наблюдать за развитием оплодотворенных на его глазах яиц ручьевого миноги, Мюллер взял икру и получил по истечении 18 дней молодых рыбок, которые, к его великому изумлению, были как две капли воды похожи на молодых пескороек и при дальнейшем развитии оказались действительно таковыми. Это открытие должно было привести наблюдателя к мысли, что пескоройки не составляют особого вида, а нечто иное, как личинки ручьевого миноги. Обратив же раз внимание на необычайный способ развития миног, Мюллер весьма удачно проследил за различными ступенями превращения этих рыб, от слепой пескоройки до вполне развитой большеглазой ручьевого миноги. Едва ли подлежит сомнению, что развитие и превращение прочих видов миног совершается таким же образом. Из яиц миног выходят пескоройки, которые в течение трех-четырех лет достигают 18-20 см длины, после чего очень скоро, а именно в несколько дней, превращаются в совершенно развитых рыб.

Установление этого факта послужило началом к дальнейшим разъяснениям относительно жизни наших рыб. Мюллер, несмотря на самые тщательные исследования, не мог найти ни одной живой ручьевого миноги вскоре после метания икры в местности, где она водилась прежде в большом изобилии, но выловил только несколько трупов этой рыбы. При дальнейшем исследовании ее яичников он не нашел в них яиц разной степени развития, как это бывает у других животных, а одни только пустые ячейки. Вследствие всех этих открытий Мюллер считает, что миноги умирают тотчас после метания икры. Если это предположение верно, то приходится допустить, что эти столь низко стоящие позвоночные, подобно многим беспозвоночным, долго живут в виде личинок, но, дожив до полного развития, скоро умирают.

Для ловли миног ставят верши, разделенные на многие камеры; их плетут из ситника и ставят в места рек, где течение особенно быстро. Мясо их очень ценится. «Миноги, — говорит Геснер, — весной очень хороши и приятны на вкус; чем они больше, тем вкуснее; есть их весьма приятно». В средние века во Франции особенно славились нантские миноги, и некоторые торговцы только их и доставляли в Париж. Спрос на них был так велик, что королевским эдиктом было запрещено встречать при въезде в город вышеупомянутых торговцев и скупать у них весь товар.

Семейство разнозубые

Особого внимания заслуживает австралийская рогатая, или бычья, акула (*Heterodontus portusjacksoni*)*.

Австралийская рогатая, или бычья, акула (*Heterodontus portusjacksoni*)

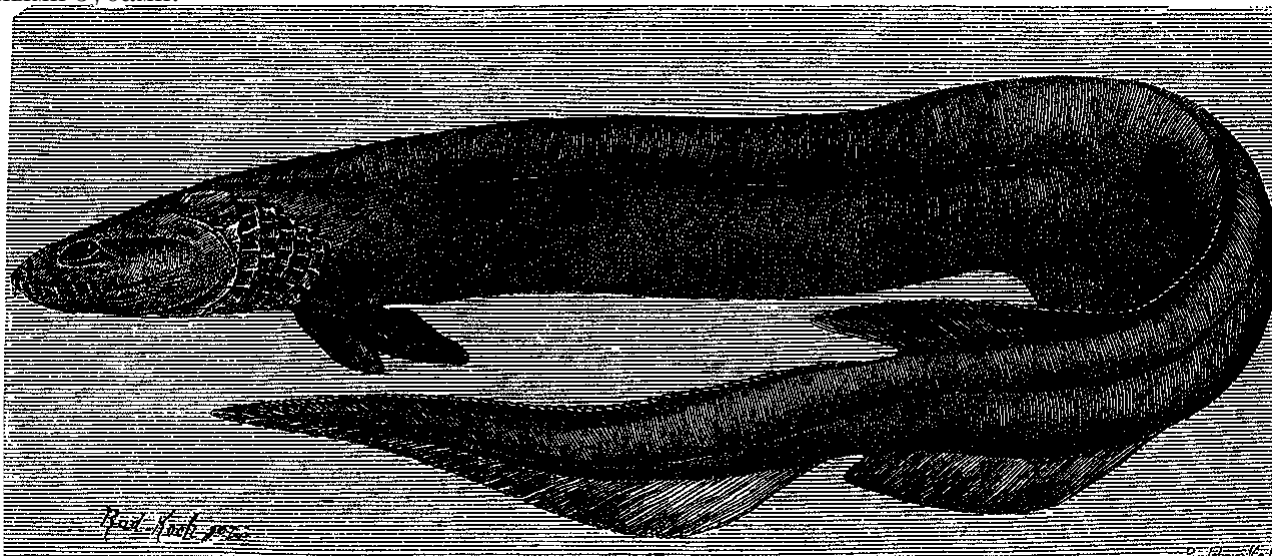
* Все виды рогатых акул — это некрупные, до 1,5 м в длину, прибрежные рыбы, питающиеся донными беспозвоночными: моллюсками, морскими ежами, крабами.

Зубы ее совершенно приспособлены как к хватанию, так и к разжевыванию раков и раковин мягкотелых.

Рогатая акула обычна у берегов Австралии. «Я часто, — говорит Гааке, — ловил ее на удочку, и именно на такую, которая была предназначена для ловли маленьких рыб и прикреплялась к очень тонкому шнуру. Эти акулы совсем не буйные: они охотно позволяют завлечь себя в мелководные песчаные береговые места, где их очень легко можно схватить». Замечательны также роговые яичные скорлупки этой акулы. Они конусообразны и состоят из двух винтообразно перевитых между собой пластинок. «Эти скорлупки, — говорит Гааке, — находят в таком изобилии на посещенных мной берегах южной Австралии, что они придают особый характер береговой картине». Подобно австралийскому, остальные три вида этого рода встречаются только в Тихом океане.

Семейство плащеносные акулы

Все пять видов рода плащеносных акул (*Chlamydoselachm*) замечательны своими гребневыми зубами.

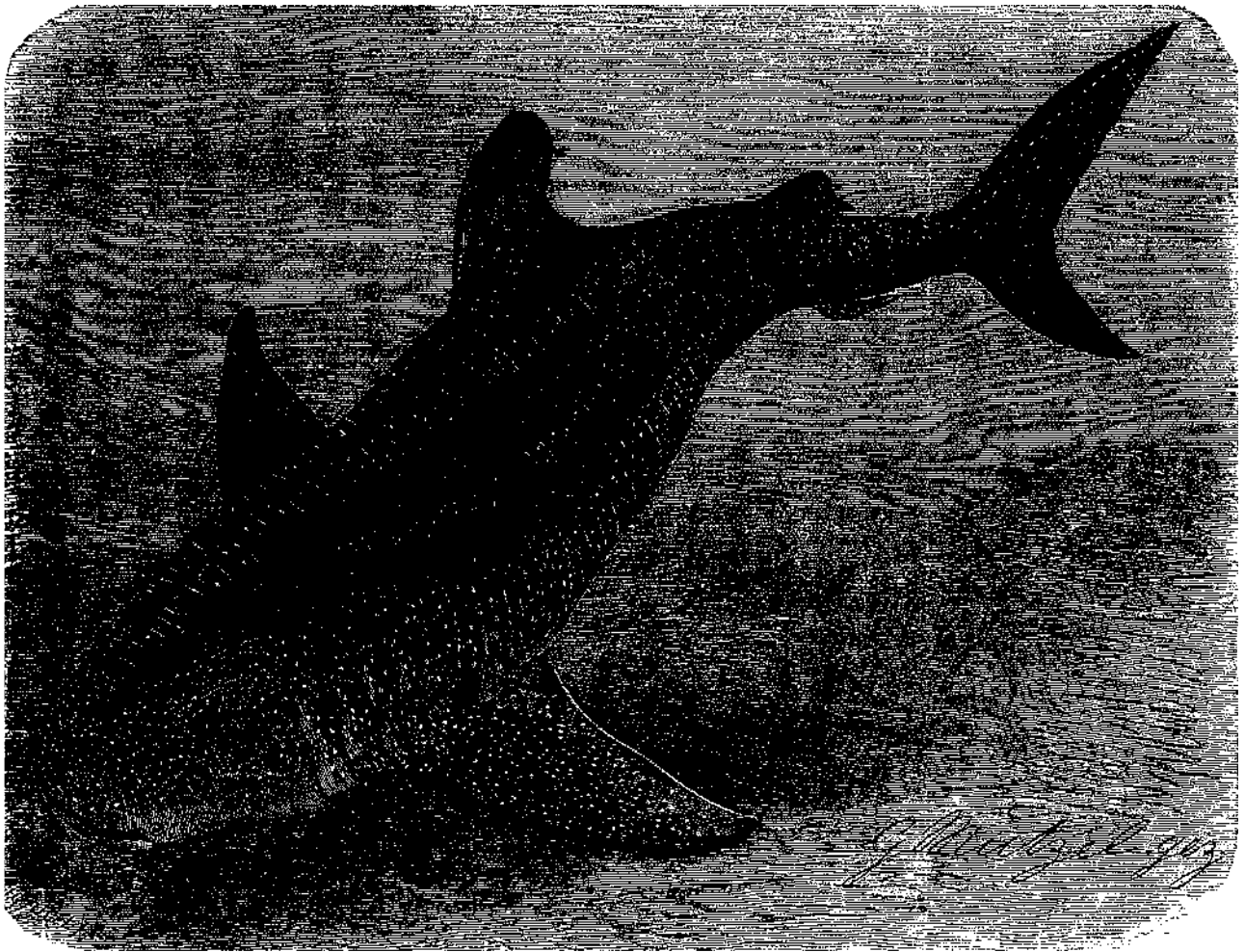
Плащеносная акула (*Chlamydoselachus anquineus*)

Эту форму имеют преимущественно зубы нижней челюсти, на которой они расположены в несколько параллельных рядов; зубы же верхней челюсти, расставленные в один ряд, имеют к середине остроконечную форму. Наш рисунок изображает плащеносную акулу (*Chlamydoselachus anquineus*)*, получившую свое немецкое название (*Krausenhai*) благодаря широким кожистым складкам, прикрывающим жаберные щели. Японский экземпляр этой рыбы, полученный Гюнтером из бухты у города Иеддо, против Токио, был почти 1,5 м длины. Гюнтер причисляет этот вид к глубоководным рыбам.

* Это глубоководная рыба, достигающая в длину около 2 м. Отличается от многих акул тем, что имеет по 6 жаберных щелей с каждой стороны. Питается моллюсками* рыбой. Самка рождает живых детенышей, которых вынашивает почти два года.

Семейство китовые акулы

В тропических водах западной части Индийского, а также в Тихом океане обращает на себя внимание китовая акула (*Rhinodon typits*)*.

Китовая акула (*Rhinodon typus*)

** Это самая крупная из акул, ее длина может превышать 25—30 м! Питается она, отцеживая мелких взвешенных в воде ракообразных. Рождает живых детенышей.*

Длина ее достигает 15 м, а может быть и 21 м. «Эта акула, — говорит Гюнтер, — совершенно безвредна; зубы у нее очень маленькие, но многочисленные и расставлены широкими полосами; говорят, что она питается морскими водорослями, но это сведение требует еще подтверждения. Рыло ее очень широкое, короткое и плоское; глаза очень малы».

Семейство лисьи акулы

Обыкновенная морская лисица (*Alopias virdipinns*) отличается необыкновенной длиной верхней лопасти хвостового плавника и потому с полным правом может называться представителем отдельного рода (*Alopias*). Передняя часть тела относительно очень толста, первый спинной плавник высок и серповиден, грудной плавник такой же формы, но еще больше спинного; второй спинной плавник, брюшной и заднепроходный, напротив, очень малы; морда коротка и конусообразна; брызгальца так малы, что их часто даже не замечали; носовые отверстия тоже очень малы и снабжены на верхнем крае короткой лопастью; жаберные отверстия короткие, как у мокоев. Треугольные зубы на краях гладки и расположены в 3-4 ряда, из которых передний стоит прямо, между тем как остальные наклонены немного наружу или в бок; маленькие чешуйки треугольны и т. д. Длина морской лисицы 5 м, из которых почти половина относится к верхней хвостовой лопасти. Спина и бока темно-голубые, нижние части покрыты беловатыми точками и пятнами*.

** Длина тела морской лисицы может превышать 6 м. Морская лисица прожорливый хищник. Сообщается, что у одной из выловленных рыб, длиной 4 м, в желудке найти 27 крупных скумбрий.*

В Средиземном море морская лисица встречается очень часто, а у берегов Англии даже чаще всех других видов акул. В Атлантическом океане она тоже водится в большом количестве, а в Тихом появляется особенно часто у берегов Калифорнии и около Новой Зеландии. Ее зовут тоже «молотильщиком» (*Drescher*) вследствие ее способа нападения на других морских животных и преимущественно на рыб. Она пускает в ход в этих случаях свою длинную хвостовую лопасть, которой наносит сильные, слышные на большом расстоянии удары. «Нередко случается, — говорит Кауч, — что морская лисица приблизится к целой стае спокойно плывущих дельфинов, которые от одного

удара ее хвоста по воде пускаются в бегство, как гуси от собаки». По словам Гюнтера, морская лисица для людей вовсе не опасна. Она преследует стаи сельдей, сардинок и килек и уничтожает их в неимоверном количестве.

"Отправляясь за добычей, она хлопает по поверхности воды своим длинным хвостом, описывая при этом суживающиеся круги; таким образом сбивши рыб в одну кучу, она легче может проглотить их значительное количество».

Относительно их размножения я нигде не нахожу никаких сведений*.

* *Размножается морская лисица, выметывая 2—4 детенышей, длина которых может достигать 1,5 м!*

Семейство сельдевые акулы

Эта рыба так велика, что две лошади с трудом везут ее в телеге; не самые большие весят 1000 фунтов. Голова и спина ее так широки, что Плиний причисляет ее к плоским рыбам; тело ее покрыто жесткой шкурой, похожей на напильник, под которой находится тонкий слой жира; у нее широкая пасть, острые, крепкие, трехгранные зубы, расположенные на обеих челюстях в шесть рядов в виде пилы; первый ряд выступает из пасти, другой стоит прямо, 3, 4, 5 и 6-й загибаются внутрь; у нее огромная пасть, шея и желудок и большие круглые глаза и т. д.» Этими словами Геснер весьма верно описывает **обыкновенную сельдевую, или атлантическую, акулу** (*Lamna nasus*).

Сельдевая акула достигает значительной величины (3 м и более) и растет очень быстро, по крайней мере так думает Кауч, который нашел совсем взрослую на вид акулу с двумя только рядами зубов. Кожа этой акулы гладкая, окраска — равномерно темно-серая, принимающая на брюхе беловатый оттенок, по передней части морды до самых глаз тянется полоска, состоящая из точек; за глазами и перед ноздрями видны более темные пятна; радужная оболочка глаз темно-голубая. По наблюдениям Пеннанта, она мечет также живых детенышей, но размножается, по-видимому, медленно.

Эта акула живет в Средиземном море и в северных частях Атлантического океана, но часто подплывает и к берегам Англии. По уверениям многих наблюдателей, она принадлежит к общественным, проворным и самым прожорливым акулам. Совокупление происходит в августе; в это время смелость и жадность хищника еще заметно усиливаются. Само собой разумеется, что сельдевая акула при случае так же мало церемонится с людьми, как другие ее сородичи, что, впрочем, не дает нам права думать, «что пророк Иона три дня пробыл в желудке именно этой рыбы, а не кита», как это утверждает Геснер.

Мясо сельдевой акулы вкуснее мяса ее сородичей и на берегах Средиземного моря по крайней мере ценится довольно высоко.

Из акул самая известная **акула-мако** (*Isurus oxurinchus*). Она достигает 3-4 м длины, а может быть и больше**.

** *Акула-мако свирепый крупный хищник, питающийся различными рыбами, способный напасть и на человека. Наибольшую опасность для человека представляет белая акула *Carcharodon carcharias* самая крупная из современных хищных акул. Ее обычные размеры составляют 5-6 м, известны экземпляры, достигавшие длины свыше 10 м. Вооружение большими острыми зубами треугольной формы сочетается у нее с крупной пастью и мощными челюстями, что дает ей возможность с легкостью наносить жертве страшные раны, перекусывать кости, вырывать и заглатывать крупные куски.*

Морда ее очень острая; зубы верхней челюсти расположены четырьмя косыми рядами, зубы нижней челюсти тонки, у молодых треугольны, а у старых ланцетообразны. Длинные, серповидные грудные плавники доходят до начала спинного плавника, который, однако, лежит от них дальше, чем от брюшного; хвостовой плавник узкий. Верхняя часть головы, спина с плавниками включительно и большая часть хвоста, а также верхняя часть грудных и брюшных плавников окрашены в прекрасный аспидно-голубой цвет; нижняя часть тела с нижними плавниками совсем белая.

Все большие виды настоящих акул очень сходны между собой по образу жизни. Они держатся преимущественно, хотя не исключительно, близости берегов и плавают постоянно в верхних слоях воды. Акул обыкновенно можно заметить издали, потому что они плавают так, что значительная часть спинного плавника выступает из воды; их даже легко можно застрелить из ружья, что мне часто случалось делать. Пока они не имеют перед собой уже намеченной добычи, они плывут равномерно и довольно быстро, но во время преследования какого-либо животного быстрота их движений достигает высшей степени. В ловкости они уступают, конечно, многим рыбам, они не могут, например, делать слишком быстрых поворотов, однако они все-таки более ловки, чем это обыкновенно думают, и заменяют недостающую им ловкость стремительностью нападения. Внешние их

чувства, по-видимому, хорошо развиты; во всяком случае, достоверно то, что они прекрасно видят, и весьма вероятно, что и слух их лучше развит, чем у других рыб. Многие наблюдатели убеждены, что из всех чувств у них лучше всего развито обоняние и что их более притягивают сильно пахучие тела, например тело негра больше, чем тело белого*.

** У всех акул прекрасно развито обоняние. По запаху они легко обнаруживают добычу, находящуюся за многие десятки метров, способны идти по запаховому следу, повторяя путь, пройденный жертвой.*

Весь образ действий акул служит неопровержимым доказательством того, что умственные их способности более развиты, чем у прочих рыб, хотя их необыкновенная жадность и неосмотрительность при виде добычи, по-видимому, противоречат этому мнению. Но ум их виден в целесообразных приемах охоты, в правильности, с которой они посещают определенные места, в памяти местности, которую они при этом выказывают; то же доказывает отчасти и отношение к рыбам-лоцманам, услугами которых они умеют пользоваться, упорство, с которым они преследуют корабли, откуда им всегда что-нибудь перепадает, и наконец, любовь к детенышам, которую они, как уверяют, доказывают на деле. Но, конечно, их ненасытная жадность и невероятное обжорство затмевают все эти хорошие свойства и заставляют их действовать совершенно необдуманно. Вообще обжорство должно считаться одним из главных свойств всех рыб, но среди них акулы, бесспорно, самые прожорливые.

Все, что говорится о ненасытности акул, должно быть принято в буквальном смысле слова. Их постоянно мучает ничем неутолимый голод. Все питательные вещества, которые они проглатывают, выходят вон только наполовину переваренными, вследствие чего акулы принуждены снова наполнять быстро опустевший желудок. В желудке одной белой акулы нашли пол-окорока, несколько костей барана, заднюю часть свиньи, голову и переднюю часть бульдога, множество конины, кусок дерюги и корабельный скребок. В открытом море они наполняют себе брюхо всевозможными морскими животными. У одной акулы, которую исследовал Беннет, желудок был битком набит маленькими рыбками всевозможных видов, кальмарами и каракатицами.

Не подлежит, конечно, сомнению, что акулы нападают на людей и пожирают их, но все же подобные несчастные случаи не происходят так часто, как можно было бы это предположить из многочисленных рассказов*.

** Опасность нападения акул на людей, и прежде всего белой акулы, — реальна. В некоторых районах, где эти акулы обычны, пляжи огораживают сетками, существует специальная патрульная служба, следящая за акулами и истребляющая их. Во время второй мировой войны для защиты моряков и летчиков морской авиации от акул были предприняты большие усилия по разработке специального противоакульего репеллента химического препарата, отпугивающего акул. Эти усилия так и не привели к созданию эффективного препарата. Лишь в последние годы такие вещества были найдены — их удалось выделить из колеи мелких прибрежных рыб, которых акулы избегают использовать в пищу. Не все акулы потенциально опасны для человека, таких 30 видов.*

Нам известно, что многие туземцы, как, например, жители островов Южного океана, без всяких колебаний отваживаются плавать среди акул для ловли их самих или других рыб, а иногда просто ради удовольствия плавать и нырять около них. «Акулы, — сообщает Уайт Джил, — водятся в большом количестве вблизи атолла Пенрин. В апреле появляется такая масса маленьких рыб, что вся поверхность моря кишит ими. В это время туземцам легко ловить акул, которые плавают на поверхности воды и поглощают огромное количество рыбок; им удается то там, то тут накинуть петлю на хвост акулы и внезапно притянуть ее к своей лодке. В другое время туземцы и жители других островов спускаются на глубину моря, пробираются в пещеры, где прячутся акулы, и, удачно набросив на хвост рыбе петлю, быстро выплывают на поверхность, куда вытаскивают и свою добычу». Уайт Джил также придерживается мнения, что акула может быть опасна человеку, но не может, однако, сообщить ни об одном несчастном случае, хотя рассказывает о многих несчастьях, причиненных хвостоколами, меч-рыбами и т. п. Дэй, который целые годы провел в Индии, собирая материалы для изданного им сочинения о рыбах, думает, что самые опасные акулы — покои, которые редко упускают случай напасть в реках на купающихся людей; при этом он все-таки прибавляет, что в течение многих лет узнал только об одном вполне достоверном случае похищения акулой человека. Трупы действительно тотчас же поглощаются акулами, но вообще несчастья случались только тогда, когда акула попадалась на рыбацье судно живой. Вероятно, при таких обстоятельствах удары хвостом или случайные укусы причиняли повреждения или перелом костей. Так по крайней мере можно думать по замечанию, сделанному Кунце: «Капитан показал мне на своей руке

следы укусов акулы, но он был укушен в то время, когда рыба была уже поймана и втащена на борт корабля». Удары хвоста только что пойманной акулы так сильны, что от них дрожит вся палуба корабля, и большая акула может, как говорят, так же легко раздробить бедренную кость человека, как и доску лодки.

Об их размножении еще пока ничего положительного неизвестно. Относительно совокупления все почти рассказы сходны между собой. Говорят, что оно действительно происходит, что самцы спорят между собой из-за самок и что оба пола во время соединения плывут почти близ самой поверхности воды. Яйца, числом 30-50, развиваются в утробе матери; детеныши являются на свет вполне развившимися, способными к питанию существами, но должны еще довольно долгое время оставаться под защитой матери и в необходимых случаях находить себе убежище в ее пасти или желудке. Многие очевидцы подтверждают, что часто находят живых детенышей в желудке больших акул; но необыкновенная живучесть этих рыб допускает этому факту еще другое объяснение, чем придают ему старые писатели и нынешние рыболовы*.

** У акулы имеется так называемое внутреннее оплодотворение. Многие из них откладывают крупные яйца в кожистой оболочке с нитевидными отростками. Другие рожают готовых к самостоятельной жизни детенышей. Плодовитость акул невелика.*

Семейство гигантские акулы

В Северной части Атлантического океана живет **гигантская акула** (*Cetorhinus maximus*), длина которой достигает, говорят, 10-12 м и вес доходит до нескольких тысяч килограммов. Цвет черно-бурый, с синеватым отливом; нижняя часть тела беловатая.

Гигантская акула, область распространения которой нам еще не вполне известна, попадает из Ледовитого океана в Северное море; в последнее время ее находили даже в водах, омывающих южную Австралию. В 1878 году у Сен-Мало была убита гигантская акула, 11 м длины и 8 м в обхвате. В Ледовитом океане она, по-видимому, живет на значительной глубине, где, подобно киту, гоняется за разными небольшими морскими животными, особенно за медузами**.

*** Гигантская акула распространена в умеренно теплых водах Северного и Южного полушарий. Держится она не на глубине, а у поверхности воды. Это медленные рыбы, безобидные для человека. Многочисленные зубы на челюстях у них мелкие. Эти рыбы, так же как и киты, питаются мелкими ракообразными, которыми изобилуют северные воды в летние месяцы. Зимой акулы уходят на глубины, становятся малоактивными и впадают в спячку.*

Гуннер, епископ норвежский, сообщает нам об образе жизни этих акул многие подробности, которые до сих пор никем не опровергнуты. Он утверждает, что гигантская акула не выказывает зверства, свойственного ее сородичам, а что она скорее вполне безвредная, ленивая, равнодушная и глупая рыба. Когда лодка ее преследует, она вовсе не спешит уйти, а позволяет приблизиться к себе настолько, что легко можно в нее бросить гарпун; она даже позволяет дотронуться до своей спины в то время, когда, греясь на солнце, плавает на поверхности воды. Только когда почувствует присутствие гарпуна в теле, она поднимает хвост вверх и быстро ныряет в глубину. Рыбакам иногда приходится провозиться с ней целые сутки, прежде чем они одолеют ее. За ней охотятся только ради ее печени, которая, по уверению Гуннера, весит иногда до 1000 кг и доставляет прекрасную ворвань.

Мясо ее жестко и имеет неприятный запах, несмотря на это, на севере ее все-таки иногда едят или, разрезав на полосы, сушат и употребляют как приманку для других рыб.

Семейство кошачьи акулы

К **нокотницам** причисляют двух весьма схожих между собой рыб, у которых спинной плавник находится между брюшным и заднепроходным плавниками, а второй между заднепроходным и хвостовым: **обыкновенную кошачью акулу** (*Scyliorhinis canicula*) и **звездчатую, или крупнопятнистую, кошачью акулу** (*Scyliorhinus stellaris*)*.

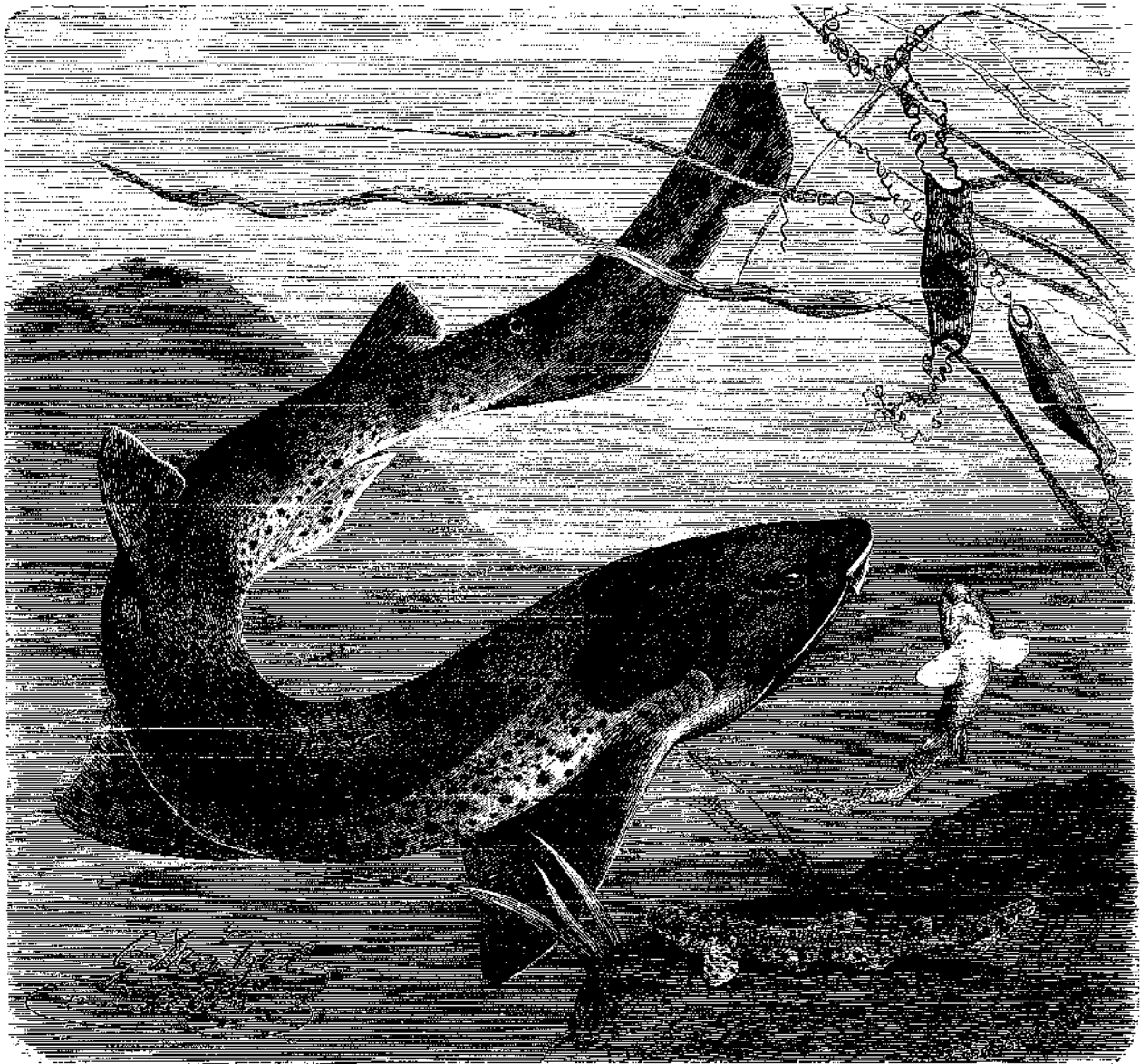
** Обыкновенная кошачья акула, так же как и морской кот звездчатая, или крупнопятнистая, кошачья акула, относится к мелким прибрежным акулам, обитающим у дна и питающимся мелкими донными организмами: моллюсками, червями, ракообразными. Рыба в питание употребляется редко, и описываемое Бремом потребление больших количеств сельди не характерно для кошачьих акул. Самки этих рыб откладывают до 20 яиц, заключенных в твердую кожистую капсулу с длинными нитевидными выростами. Развитие эмбриона до выхода из оболочки очень длительное — до 9 месяцев.*

Оба вида очень часто встречаются в европейских морях. Обыкновенная кошачья акула достигает 50-70 см и покрыта сверху, по красноватому полю, множеством маленьких бурых пятен; брюхо белое; звездчатая, имеющая в длину 1 м, тоже покрыта пятнами.

Нокотницы встречаются у всех европейских берегов, но чаще у северных берегов Великобритании и у Гебридских и Оркнейских островов. Они держатся обыкновенно на дне моря и нападают на всех рыб, которых только могут проглотить; но кроме того, питаются также раками, а может быть, и моллюсками всевозможных видов. Оба эти вида считаются самыми злейшими врагами сельдей; они преследуют их стаи и, к великой досаде и убытку рыбаков, размножаются особенно быстро там, где постоянно водятся сельди. Нокотницы не только приносят ущерб ловле, но и разрывают массу сетей, частью зубами, частью своими бешеными движениями. Когда они наталкиваются на стадо сельдей, то проглатывают их в громадном количестве до рвоты, после чего снова наедаются и таким образом долго продолжают то наполнять, то опорожнять желудок. Когда вокруг сетей собирается много нокотниц, занятых ловлей сельдей, то далеко распространяется запах воорвани и вся поверхность воды блестит и лоснится, как будто покрыта маслом.

Размножение начинается осенью, но продолжается, как кажется, всю зиму. Если исследовать в это время старых самок, то в яйцеводах и в яичниках их можно найти яйца в различных стадиях развития, обыкновенно по два яйца, совершенно схожих между собой, и наиболее развившиеся находятся у самого отверстия яйцевода. Сами же яйца, известные под названием *Seemause* (морские мыши), по словам Геснера, «покрыты скорлупой, тверды и прозрачны, как рог, на который похожи и цветом; в них, как и следует в яйце, видна влажность; своим видом они напоминают подушку к концам которой прикреплены закрученные ремни, как бы шнурки без кистей». Цвета они бледного, прозрачно-розового; усикообразные придатки, идущие из углов и много раз переплетенные между собой, превосходят длиной само яйцо, которое имеет около 6 см длины; две щели на каждом конце пропускают воду. С наступлением зимы самка кладет яйца вблизи морских берегов, вероятно между водорослями, к которым прицепляются нити. Зародыш бывает уже настолько развит, что можно различить фигуру акулы и заметить ее движения. Развившись окончательно, детеныш разрывает яичную оболочку и покидает сумочку, сохраняя на себе желточный мешок, который посредством сосуда соединен с кишечным каналом и служит для дальнейшего питания. В это время развиваются зубы и, когда жидкость в мешке закончится, акула уже способна к хищничеству. Некоторые наблюдатели говорят, что акула мечет за один раз 10-20 яиц; другие называют меньшее число, но все согласны в том, что этот вид акул обладает относительно большой плодовитостью.

Оба пола спариваются несколько раз в течение года, причем самцы крепко держатся за самку своими придатками, находящимися вблизи заднего прохода.

Звездчатая, или крупнопятнистая, кошачья акула (*Scyliorhinus stellaris*)

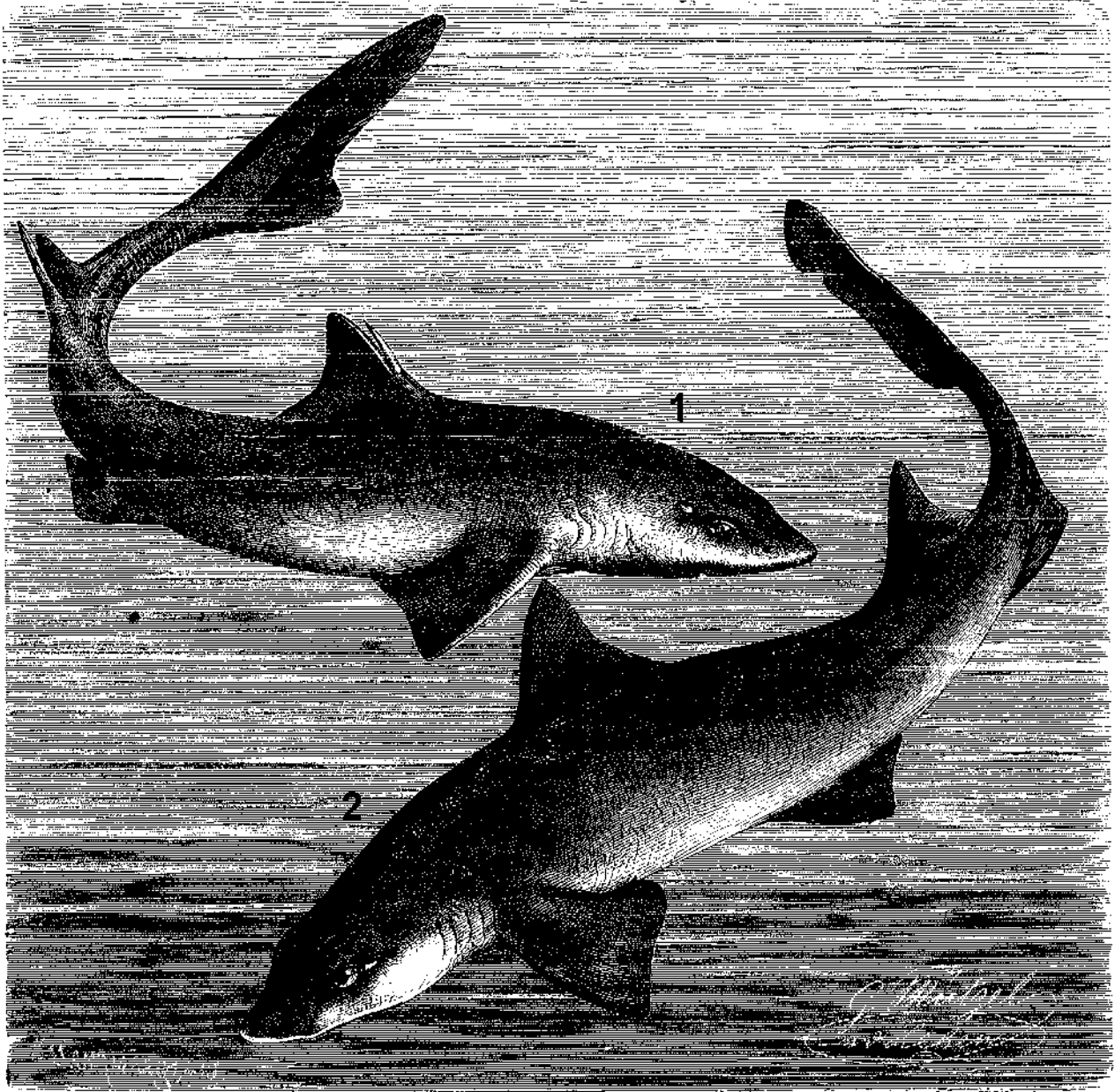
"Нокотницы, — говорит Гюнтер, — едва ли выносятся когда-либо на рынки, но рыбаки некоторых стран не отказываются употреблять их в пищу. Мясо их необыкновенно белого цвета, немного волокнисто и сухо. На Оркнейских островах с них сдирают кожу, распарывают живот, вынимают внутренности, затем расстилают по скалам для просушки, чтобы употреблять в пищу» Кожу используют преимущественно для полировки деревянной и железной посуды. Печень дает превосходную ворвань.

Семейство куньи акулы

У европейской куньей акулы (*Mustelus mustelus*) спина часто покрыта по серому фону беловатыми звездами. Похожие на бугорки маленькие зубы на верхней челюсти расположены в 12, а на нижней в 14 рядов; они имеют яйцевидные корни и посередине возвышенность в виде точки. Все плавники, исключая хвостовой, имеют клинообразную форму. Длина достигает 1,5 м.

Кунья акула, которая водится во всех европейских морях, принадлежит к самым безвредным членам этого отряда; она ленива, не очень подвижна, живет обществами и питается, сообразно с устройством своих зубов, преимущественно мягкотелыми и ракообразными, которых она скорее растирает, чем раскусывает зубами. Ради них она держится, как правило, в нижних слоях воды, чаще всего, по словам Кауча, на песчаном дне моря. Детеныши, числом около 12, являются на свет в ноябре.

Хотя кунья акула не может быть названа, собственно, обжорливой рыбой, тем не менее она легко попадает на удочку; у итальянских берегов ее часто ловят, и она в большом количестве появляется на рыбных рынках.

1 — Обыкновенная колючая акула (*Squalus acanthias*) 2 — Европейская кунья акула (*Mustelus mustelus*)

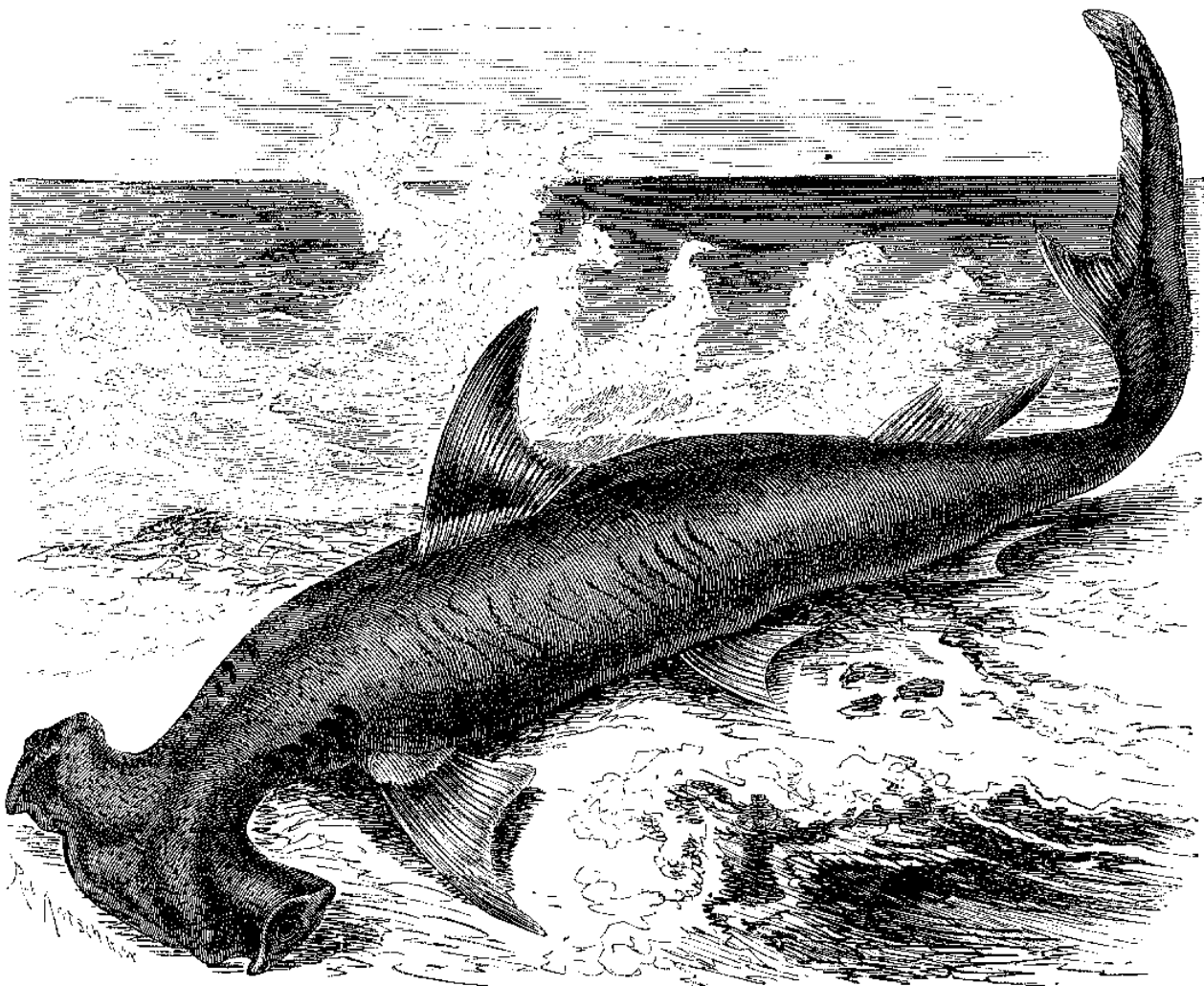
Мясо ее так же мало ценится, как мясо ее сородичей, и употребляется в пищу разве только неприхотливыми людьми.

Семейство молотоголовые акулы

Обыкновенная акула-молот (*Sphyrna zygaena*) не только встречается во всех теплых морях, но попадает иногда и около северных берегов Европы. Она достигает 3-4 м длины и 200-300 кг веса. Тело покрыто рябоватой кожей, окрашенной на верх ней части в серовато-бурый, а на нижней в грязновато-белый цвет; большие, защищенные веками глаза золотисто-желтые; длинные, острые, почти треугольные зубы пилообразны на краях.

По образу жизни акулы-молот, по-видимому, мало отличаются от прочих больших сородичей подотряда поперечноротых. Единственное различие находят в том, что они предпочитают илистое морское дно всякому другому местопребыванию, вероятно, потому, что питаются преимущественно скатами и камбалой. Впрочем, они никоим образом не ограничиваются этими и другими глубоководными рыбами, но поднимаются и в верхние слои воды, подкарауливают на рейдах корабли и могут быть опасны для людей. «Эти огромные, страшные и жестокие животные, — говорит Геснер, — совсем не подплывают к берегу, вследствие чего ловятся как бы нечаянно только самые малые из них; они пожирают всякого рода рыбу, проглатывают и растерзывают также плавающих людей. Один вид акулы-молот предвещает уже несчастье». Размножение их совершается так же, как у акулы-мако. Они рожают значительное число детенышей, которые вполне развиваются из яйца уже

в утробе матери. В акуле-молот, пойманной у берегов Великобритании, нашли 39 развитых детенышей 50 см длины; Кантор вынул из рыбы, имевшей 3,5 м длины, до 37 зародышей.

Обыкновенная акула-молот (*Sphyrna zygaena*)

Ловят их преимущественно удильными крючками, так как только случайно одна или другая рыба попадает в сети. Из печени готовят ворвань, мясо же не ценят вовсе.

Семейство катрановые, или колючие, акулы

Обыкновенная колючая акула, или катран (*Squalus acanthias*), служит представительницей одноименного с нею рода (*Squalus*)*.

** Характерный признак колючих акул это наличие острых крепких колючих шипов, расположенных перед обоими спинными плавниками, и отсутствие анального плавника. Катран очень широко распространен — он встречается в умеренных и теплых водах Северного и Южного полушарий, обычен в Черном море. Населяет прибрежные воды, держится стаями. Длина в редких случаях достигает 2 м. Максимальная продолжительность жизни — 25 лет.*

Она имеет длинное туловище, плоскую, клинообразную, спереди узкую, а на самом конце закругленную морду. Носовые отверстия одинаково удалены ото рта и от носа; лежащие непосредственно за глазами брызгательные щели очень большие. Открытое в виде полумесяца, совершенно круглое рыло вооружено тремя рядами длинных острых зубов. Грудные плавники очень большие, брюшные маленькие. Верхняя часть тела однообразного серо-аспидного цвета, нижняя желтовато-белая; молодые акулы обыкновенно покрыты белыми пятнами. Длина их редко превышает 1 м; вес — не более 10 кг.

Из всех видов акул в наибольшем количестве и чаще всего встречается в европейских морях колючая акула. Около Великобритании эти рыбы водятся в огромном количестве; во время прилива вблизи морских берегов они целыми стаями следуют за мелкими рыбами, подплывающими к берегу для метания икры, и наносят значительный ущерб рыбакам. Кауч говорит, что эта акула иногда появляется в несметном количестве, к большой досаде рыбаков, удочки которых она подгрызает. Их жесткое и не особенно вкусное мясо в Шотландии высушивают и употребляют в пищу; из печени вытапливают ворвань, кожу употребляют для полировки, а остатки идут на удобрение полей. Ши-

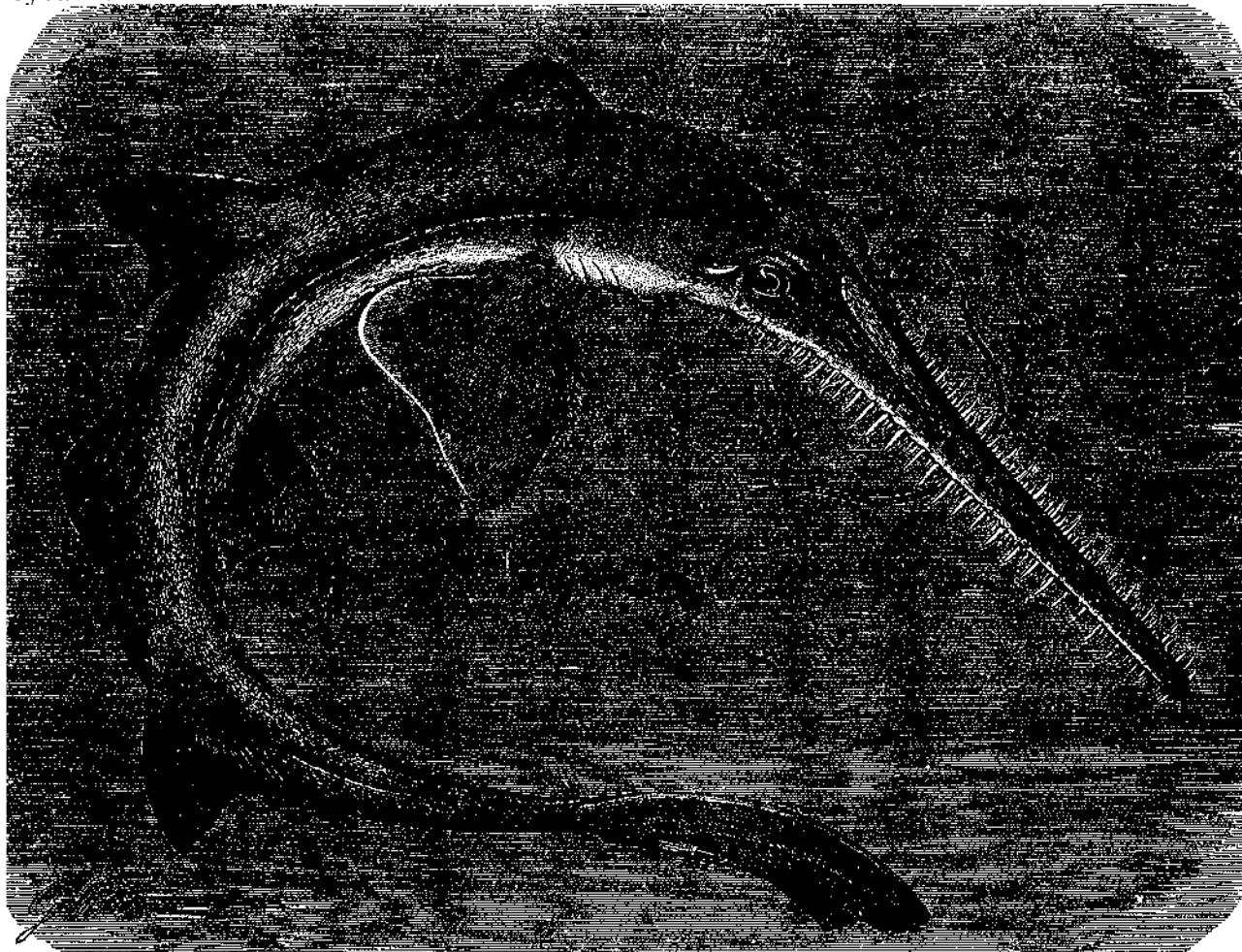
пы, которые, вследствие наносимых ими опасных ран, считают ядовитыми, прежде употреблялись на зубочистки.

Самка, говорят, мечет зараз от 6 до 20 хорошо развитых детенышей, мясо которых считается очень вкусным; но повсеместно еще больше ценятся развивающиеся яйца**.

* * Самка катрана выметывает живых детенышей после периода вынашивания, продолжающегося 18-22 месяца.

Семейство пилокрылые скаты

У пилоносов носовой хрящ очень длинен, плоско вытянут вперед и по обеим сторонам снабжен зубами.

Японская акула-пилонос (*Pristiophorus japonicus*)

"Эти акулы, говорит Гюнтер, — так походят на обыкновенную пилу-рыбу, что их легко можно спутать с этой последней, только ее жаберные щели находятся с боков, а не с нижней стороны. Кроме того, они гораздо меньше, чем пилу-рыба, и снабжены на нижней части пилы парой щупальцев». Пилоносы — некрупные донные рыбы, свое уплощенное и напоминающее пилу рыло они используют для добывания из грунта донных животных, которыми питаются. Самки выметывают живых детенышей, которые еще до рождения вооружены усеянной острыми зубами пилой. Зубы у детенышей до рождения закрыты специальным защитным чехлом.

Наш рисунок изображает японскую акулу-пилоноса (*Pristiophorus japonicus*) длиной около 1,5 м.

Семейство скватиновые. или плоскотелые акулы или морские ангелы

Европейский морской ангел (*Squatina squatina*)* имеет около 2 м длины и разрисован по шоколадно-бурой шершавой спине черноватыми полинялыми пятнами, а гладкая нижняя сторона желтовато-белая.

* Морской ангел по форме тела напоминает ската, но относится к типичным акулам: жаберные щели располагаются не на брюшной поверхности, а по бокам тела, плавает он за счет хвостового плавника, тогда как скаты благодаря длинным грудным плавникам. Морской ангел достигает в длину более 2 м..

Область распространения его, по-видимому, простирается на все моря умеренного климата Северного и Южного полушарий. В Средиземном море морской ангел считается обыкновенной ры-

бой, точно так же как и во многих местах у западных берегов Европы, восточных и западных берегов Северной Америки, и едва ли реже встречается в японских и австралийских водах. Но он попадает также в значительном количестве в Северном море, вдоль восточных берегов Фрисландии и южных берегов Великобритании и вообще во всех этих местах считается самой обыкновенной акулой. Соответственно своему телосложению морской ангел держится непосредственно над дном или на самом дне и гоняется здесь за различными скатами, камбалами и т. д., которые составляют его главную пищу. Подобно этим рыбам, он охотно лежит, зарывшись в песок, причем быстрые глаза его устремлены вверх, чтобы тотчас выскочить из засады при появлении добычи.

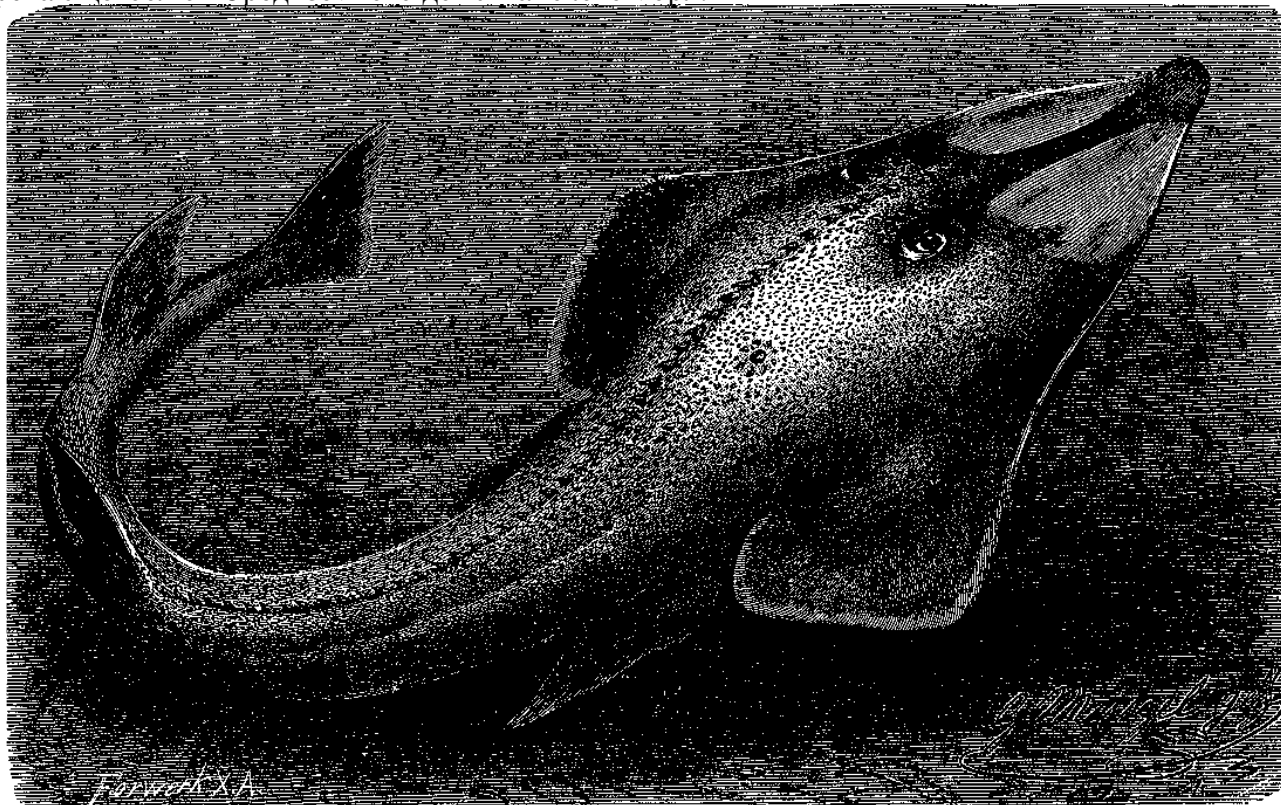
Время размножения определяется различно: некоторые наблюдатели называют осень, другие весну; самка родит 10-20 доношенных детенышей.

Отряд рохлеобразные

"В мелководных, тихих морских бухтах австралийского побережья, — говорит Гааке, — мне часто случалось, опустившись в воду, наткнуться на представителей двух видов **рохлей** (Rhino). Прокравшись к отдыхающим на песчаном дне или тихо плавающим рыбам, мне часто удавалось схватить их за хвост и таким образом поймать. Однажды мне удалось зараз вытащить на берег четырех таких рыб. Оба вида, над которыми я наблюдал, **рохля** (Rhina uincetianus) и **лопатница** (Trygonorhina fasciata), были мне всегда очень интересны вследствие того, что рожают живых детенышей, которые в каждом яичнике матери лежат по несколько штук вместе, заключенные в одну роговую яичную скорлупу, как это бывает у несущих яйца акул и скатов».

Семейство рохлеее скаты

Наш рисунок изображает **гитарника** (Rhinobatus hala)*, представителя этого семейства, встречающегося от Средиземного до Китайского моря.

Гитарник (Rhinobatus hala)

* Гитарников насчитывается несколько десятков видов. Иногда их называют «акулы-банджо» или «морские скрипки». Это медленно плавающие или лежащие на грунте донные рыбы, могут частично закапываться.

Отряд скатообразные

Все скаты держатся исключительно песчаного или илистого дна моря, закапываются преимущественно в песок, откуда наблюдают воду над собой и, заметив приближающуюся добычу, мгновенно набрасываются на нее. Строение их зубов не позволяет им пожирать больших рыб, поэтому они довольствуются маленькими рыбами и различными раками, но в особенности любят молодых камбал и ракушек. Сокупление происходит в начале весны; около конца весенних месяцев или летом самка кладет от шести до восьми яиц. Они очень похожи на яйца нокотницы, но отличаются более квадратной формой и короткими привесками на углах. Детеныш так сильно развивается

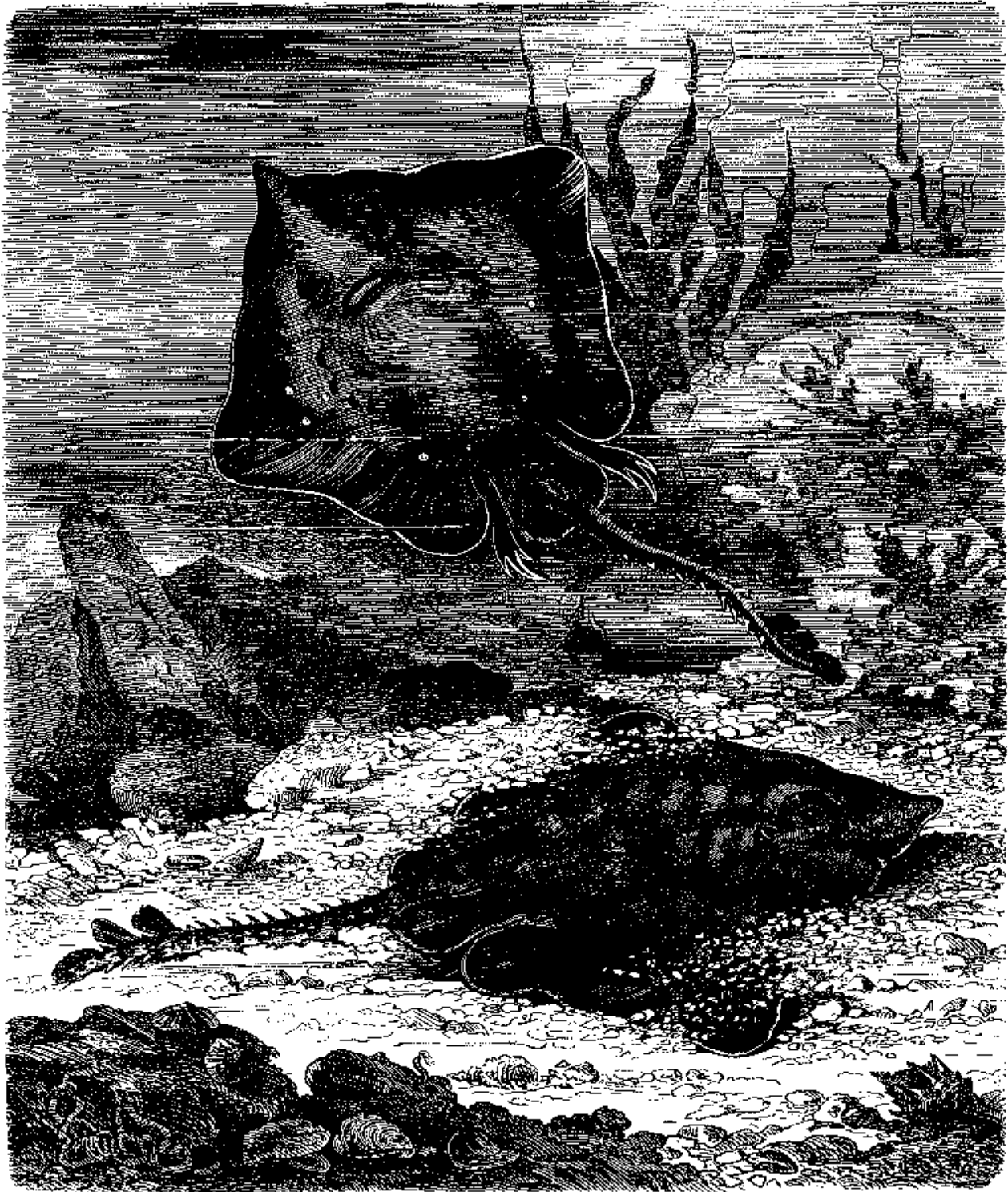
еще в яичной скорлупе, что при вылуплении его большая часть желточного мешка бывает уничтожена. Выйдя из яйца, молодой скат тотчас начинает вести образ жизни своих родителей*.

** Плавание гладкого ската или морской лисицы напоминает машущий полет птиц, производится оно за счет работы длинных грудных плавников. При броске на добычу или при опасности эти скаты могут набирать большую скорость, но поддерживать такой режим плавания в течение длительного времени они не способны.*

В некоторых местностях мясом скатов пренебрегают совершенно, между тем как в других его находят вкусным. В Лондоне ежегодно съедают тысяч до ста скатов, и любители очень ценят их. На севере Англии мясо его употребляется только как приманка при ловле гарнелей и других раков. Впрочем, и в Лондоне мясо ската едят только осенью и зимой, потому что весной и летом, до и после совокупления, оно считается невкусным.

Для ловли употребляют преимущественно донные удочки с приманками из раков, мягкотелых и рыб. Таким образом вылавливают ската-шипноса целыми тысячами, после чего мясо его солят и сохраняют на зиму.

Пойманные скаты принадлежат к самым привлекательным рыбам, которых можно держать в сравнительно небольшом помещении. Они, правда, не очень скоро привыкают к неволе и к корму и часто погибают самым жалким образом, но зато, привыкнув раз к пище, живут в неволе целые годы, наслаждаются вожделенным здоровьем и становятся тогда очень интересными, потому что позволяют делать над собой наблюдения, которые в природе бывают весьма затруднительны. В противоположность другим грунтовым рыбам они никогда не прижимаются всей передней частью своего туловища к морскому дну, а опираются на свои грудные плавники, так что посередине остается пустое пространство.

Морская лисица, или колючий скат (*Raja clavata*)

Чтобы снабдить водой жабры, они открывают дыхательные отверстия, отодвинув клапан: наполнив жаберные мешки, они закрывают дыхательные отверстия и пропускают принятую воду сквозь жаберные щели. В течение целого утра и послеобеденных часов скат остается в этом положении, не обращая никакого внимания на окружающую жизнь, причем его тело отчасти, а плавники совершенно покрыты песком. В это время он позволяет другим морским животным беспрепятственно носиться по своей широкой спине. С наступлением сумерек скаты оживляются и в продолжение всей ночи находятся в постоянном движении: безостановочно плавают они над дном моря, так что плавники касаются самого грунта, и таким образом добывают себе пищу. Нижняя часть тела так же чувствительна, как не чувствительна верхняя, и потому служит им обширным органом осязания. Ощупав грудью добычу, они мгновенно поворачиваются к ней и, покрыв своим телом найденное животное или брошенную им пищу, захватывают их в свою пасть и проглатывают с помощью сильных глотательных движений. Таким образом обыскивают они дно своего бассейна, а на воле проносятся на большие расстояния по морскому дну. Насытившись, поднимаются они в верхние слои воды и там принимаются за всевозможные плавательные упражнения. Насколько они не-

уклужи в покое, настолько легки и красивы во время плавания. Передвижение происходит по средством волнообразных движений обоими плавниками, проходящих от передней части туловища к задней. Длинный хвост, которым скат, впрочем, мало пользуется, служит отчасти рулем. Понятно, что для скатов совершенно безразлично, плавать ли в горизонтальном или вертикальном положении. В первом случае они несутся по волнам, как хищные птицы по воздуху, во втором — движения их как бы танцующие, тем более что они часто любят подниматься до самой поверхности воды и держатся там довольно долго, то высываясь, то опять ныряя, так что острое рыльце от времени до времени показывается из воды. Между собой они ладят отлично. Один скат проплывает так близко над другим, что касается его или даже отчасти прислоняется к нему, не возбуждая никакого сопротивления с его стороны. Так как, вследствие способа добывания ими пищи, зависть не может иметь места, то и все другие причины неудовольствия и споры устранены.

"Это сам черт! Страшный шум среди матросов! Все хватаются за оружие, и скоро ничего не видно, кроме копий, гарпунов и ружей. Я тоже выбежал на шум и увидел большую рыбу вроде ската, но с двумя рогами, как у быка».

Мы могли бы, пожалуй, отнестись с недоверием к подобным рассказам, если бы не узнали, что еще недавно опять замечены и пойманы подобные же великаны. Около Нью-Йорка, например, был убит скат громадных размеров и 5000 кг веса. Соединенных сил двух быков, двух лошадей и 22 человек едва хватило, чтобы вытащить на берег это чудовище. Эллиот очень подробно описывает устроенную им охоту на этого морского черта и говорит, что в Мексиканском заливе он встречается если не очень часто, то постоянно, необыкновенно быстро и красиво плавает, странными порывистыми движениями как бы перекачивается через волны, часто поднимает над водой то один, то другой плавник или, запутавшись в якорную цепь, срывает с места судно и, раздраженный висающим на нем якорем, с невероятной силой волочит его и подбрасывает туда и сюда. «Иногда, хотя, правда, не часто, — говорит Эллиот, — удается приблизиться к гигантской рыбе, когда она в мелкой воде ловит морских раков и маленьких рыб; но при этом следует быть очень осторожным, потому что ее движения так же быстры, как движения птицы». Эллиот описывает очень подробно, как ему удалось наконец проткнуть копьем одну такую рыбу, как он ее убил и после долгой борьбы притащил на землю и измерил; ширина ее, между плавниками, равнялась шести метрам. Не подлежит никакому сомнению, что охота на «чертову рыбу» такой огромной величины очень опасна, потому что животные эти, когда их раздражат, могут напасть на лодку и опрокинуть ее; опаснее всего эти рыбы в то время, когда имеют при себе детенышей.

Семейство ромбовые скаты

Гладкий скат (*Raja balls*) принадлежит к немногим видам, населяющим Северное море, и достигает более 1 м длины и около 50 кг веса; он имеет довольно острую морду. Его гораздо более широкое, чем длинное, тело покрыто то шероховатой, то гладкой кожей и только за глазами и на хвосте вооружено шипами. Однообразно темно-зеленый (испещренный в редких случаях белыми пятнами) цвет верхней части туловища и темно-серый с черными брызгами цвет нижней половины тела отличают этот вид от всех других.

Гораздо более распространен и часто встречается около берегов Европы, так же как и в Северном море, вид — **морская лисица, или колючий скат** (*Raja clavata*). В северных морях он редко достигает более 1,5 м длины и около 1 м ширины*, между тем как в южных морях длина его достигает 3-4 м при 2-3 м ширины и 200 кг веса.

** Морская лисица не достигает таких крупных размеров. Самки морской лисицы, которые намного крупнее самцов, редко превышают в длину 1 м.*

Резко отделенный от туловища хвост немного длиннее всего тела, снизу сплюснен и снабжен в конце плавниками; брюшной плавник разделен на две неровные лопасти; плоское тело сверху имеет вид почти прямоугольного четырехугольника, кожа шероховатая с тонкими колючками, а у старых животных покрыта на спине и брюхе такими же большими шипами, как на розах.

Преобладающий цвет верхней части туловища — бурый, приятного для глаз оттенка; рисунок состоит из множества более светлых пятен, которые иногда распространяются и по грудным плавникам; нижняя сторона чисто-белого цвета.

Отряд хвостоклообразные

"К плоским рыбам, — говорит Геснер, — причисляют «хвостокло», самого ядовитого животного из всех морских рыб. У него гладкая кожа, без чешуи; а посередине хвоста, похожего на хвост крысы, находится острый крючок или стрела толщиной в палец или полфута; на конце этого хвоста вырастают еще два маленьких крючка. Стрела во всю длину усеяна маленькими крючоч-

ками, так что ее трудно вытащить из раны. Поэтому, когда хвостокол проколет какую-нибудь рыбу, он уже не отпускает ее, а тянет за собой, как на удочке. Своей стрелой или крючком он колет и отравляет самым опасным ядом все, до чего дотронется. Ядовитый скат защищается и сражается своей стрелой, ранит иногда даже рыбаков или других людей, которые неосторожно дотронутся до него; он так хитер, что его трудно поймать, потому что он зарывается в ил; не ест ни одной рыбы, не умертвив ее предварительно своим ядом, так пишет Опион. Укол этих животных так опасен и ядовит, что человек, которого они поранят, умирает от отравления в сильных мучениях, если ему тотчас не окажут медицинскую помощь. Если же в ствол молодого, зеленеющего дерева вонзится эта ядовитая стрела, то оно тотчас высыхает.

Еще в нынешнее время многие рыбаки утверждают, что хвостоколы впускают яд в рану, сделанную их страшным оружием. Как болезненны и опасны могут быть эти раны, видно из описания путешествия Шомбургка. «Среди бесчисленных пород рыб, населяющих Такуту, хвостоколы самые многочисленные. Они так глубоко зарываются своим плоским телом в песок или тину, что остаются свободными одни глаза; таким образом они скрываются от взоров даже в самой прозрачной воде. Если же кто-нибудь по несчастью наступит на хитрое животное, то рыба с такой яростью направляет свой хвост против нарушителя своего спокойствия, что стрела его наносит самые ужасные раны, причиняющие не только судороги, но и смерть. Так как наши индейцы хорошо знают эти свойства опасных животных, то всякий раз, когда им приходится переносить лодки через мели, они исследуют дно багром или палкой. Несмотря на эту предосторожность, один из наших индейцев был два раза ранен такой рыбой в ступню. Почувствовав себя раненым, несчастный индеец направился, шатаясь, к песочной мели, упал на землю и стал кататься в ужасных страданиях, кусая губы, однако не испустил при этом ни одного крика, не проронил ни одной слезы. В то время как мы были заняты раненым и старались по возможности облегчить его страдания, наше внимание было отвлечено страшным криком другого индейца, который тоже, как оказалось, был ранен хвостоколом. Мальчик не обладал еще достаточной твердостью, чтобы подавить в себе всякое выражение боли, с пронзительными криками бросился он на землю, зарыл лицо и голову в песок, даже стал грызть его зубами. Я никогда не видел таких судорог даже у человека, одержимого падучей болезнью; хотя оба индейца ранены были только в ступню и в пятку, они чувствовали сильнейшие боли в паху, в области сердца и под мышками. Если у старого индейца судороги проявлялись с большой силой, то у мальчика они достигли таких размеров, что мы могли опасаться самых печальных последствий. Высосав и обмыв раны, мы перевязали их и стали беспрестанно прикладывать припарки из жидко сваренных зерен кассавы. Признаки болезни имеют большое сходство с теми, которыми сопровождаются укусы змей. Один крепкий и здоровый работник, который незадолго до нашего отъезда из Демарары был ранен хвостоколом, скоро умер в страшнейших судорогах».

Ввиду подобных случаев Шомбургк начинает тоже склоняться к мысли, что хвостокол действительно ядовит, между тем как другие наблюдатели утверждают, что только особенное устройство оружия этой рыбы делает нанесенные им раны такими мучительными и вызывает общее расстройство нервной системы. Многие думают, что стальная игла, заостренная наподобие оружия хвостокола и впущенная в тело с такой же силой, причинит не менее сильную боль и такие же болезненные явления. Однако Шомбургк и согласные с ним наблюдатели все-таки правы. Без сомнения, уже само свойство раны с разорванными краями причиняет большие страдания, так как главная игла вооружена еще по бокам маленькими крючочками. Раны же, нанесенные большими видами, бывают длиной более 20 см; но припадки, которыми страдают раненые, такого свойства, что их, как сказано выше, можно объяснить только отравой, попавшей в кровь посредством укола. Впрочем, крючок этот от времени до времени возобновляется, т. е. отбрасывается, как ядовитые зубы змей, и заменяется другим близстоящим и вновь выросшим.

Семейство хвостоколовые. или скаты-хвостоколы

Хвостоколы образуют семейство, распространенное преимущественно в тропических морях, но встречающееся также и в различных внутренних водах. Все принадлежащие к нему рыбы имеют вид скатов, но их очень длинный тонкий хвост не имеет бокового кожистого придатка и верхнего плавника; на хвосте находятся одна или несколько игл, вооруженных зубами.

В Атлантическом, Индийском и Тихом океанах до Японии и около европейских берегов до южных берегов Англии живет **морской кот, или обыкновенный хвостокол** (*Dasyatis pastinaca*), о злодеяниях которого сообщают еще древние писатели. Рыба эта имеет 1 м в длину и 5-6 кг веса; сверху она желтовато-черная, а с нижней стороны грязновато-белая.

По словам Кауча, он любит лежать на песчаном грунте, близ морского берега, летом охотно перекочевывает в неглубокие места, откуда почти вся вода убывает во время мелководья, и здесь

гоняется за мелкими рыбами раками и мягкотелыми. Способ его защиты доказывает, что он вполне сознает, каким опасным оружием он владеет. Пойманный или испуганный, он имеет обыкновение закидывать свой длинный гибкий хвост вокруг предмета, прикасающегося к его телу, глубоко вонзает свой шип в рану или просто ударяет врага хвостом. Все наблюдатели утверждают, что хвосток весьма ловко попадает иглой в намеченную заранее цель. Рыбаки знают это отлично и стараются не дотрагиваться до него, пока он еще жив*.

** Длина иглы крупных хвосточков достигает 30 см и более. Сила удара хвоста у этих рыб настолько велика, что с легкостью пробивает кожаную обувь. При ранении иглой в рану попадает и ядовитый секрет, который токсичен и вызывает сильные болезненные ощущения, рвоту, параличи. Свое страшное оружие хвосточок использует для самообороны. Печень хвосточка, как и многих других скатов и акул, содержит большое количество жира (до 60%), поэтому в тех местах, где хвосточок образует большие скопления, ведется его промысел.*

Мясо его жирно, жестко, пахнет ворванью и весьма неприятно на вкус; несмотря на это, оно все-таки иногда употребляется в пищу. Из печени вытапливают ворвань, а шип американские индейцы используют как наконечник стрелы.

Семейство орляковые скаты

В верхних морях теплого и умеренного пояса живет **обыкновенный скат-орляк** (*Myllobatis aquila*) — рыба, имеющая 1-1,5 м ширины и от 8-12 кг веса, но достигающая, как говорят, иногда огромных размеров и 200-300 кг веса. Цвет его тела сверху темно-бурый, по бокам немного светлее, снизу грязно-белый; большие выпуклые глаза имеют серо-зеленую радужную оболочку и черные зрачки.

По образу жизни скат-орляк, по-видимому, мало отличается от хвосточка, разве только плавает быстрее и искуснее последнего**.

*** Скат-орляк довольно хорошо плавает, взмахивая своими большими грудными, плавниками, как крыльями.*

Раны, которые он наносит своим шипом, считаются тоже очень опасными. В Италии закон запрещает приносить на рынок подобную рыбу, не удалив предварительно иглу. Мясо его ест только простой народ, но печень подается как лакомство у богатых людей.

Семейство мантовые

Вероятно, древним уже был известен **средиземноморский рогач** (*Mobida mobula*)*. Длина его достигает 1-1,5 м без хвоста, который в три раза длиннее туловища и головы, вместе взятых. Вес, по-видимому, не превышает 25 кг. Цвет сверху темно-бурый, по бокам зеленоватый, внизу белый; придатки на плавниках черноватые.

** Ширина этого ската, обитающего в тропических водах, превышает 5 м, а вес — 1 т. Эти рыбы встречаются небольшими группами в толще воды. Они способны быстро плавать, взмахивая своими огромными плавниками-крыльями. Выставив вперед короткие головные плавники-рожки, они направляют с их помощью поток воды, несущий мелких рыбешек или плавающих ракообразных прямо в рот.*

Скат подобного вида, найденный тоже в Средиземном море, имел 2 м длины, 4 м ширины и весил 600 кг. Его грудные плавники были дугообразны, а хвостовой шип имел вид стрелы. Третий экземпляр, добытый из того же моря, был более 3 м длины и весил 600 кг.

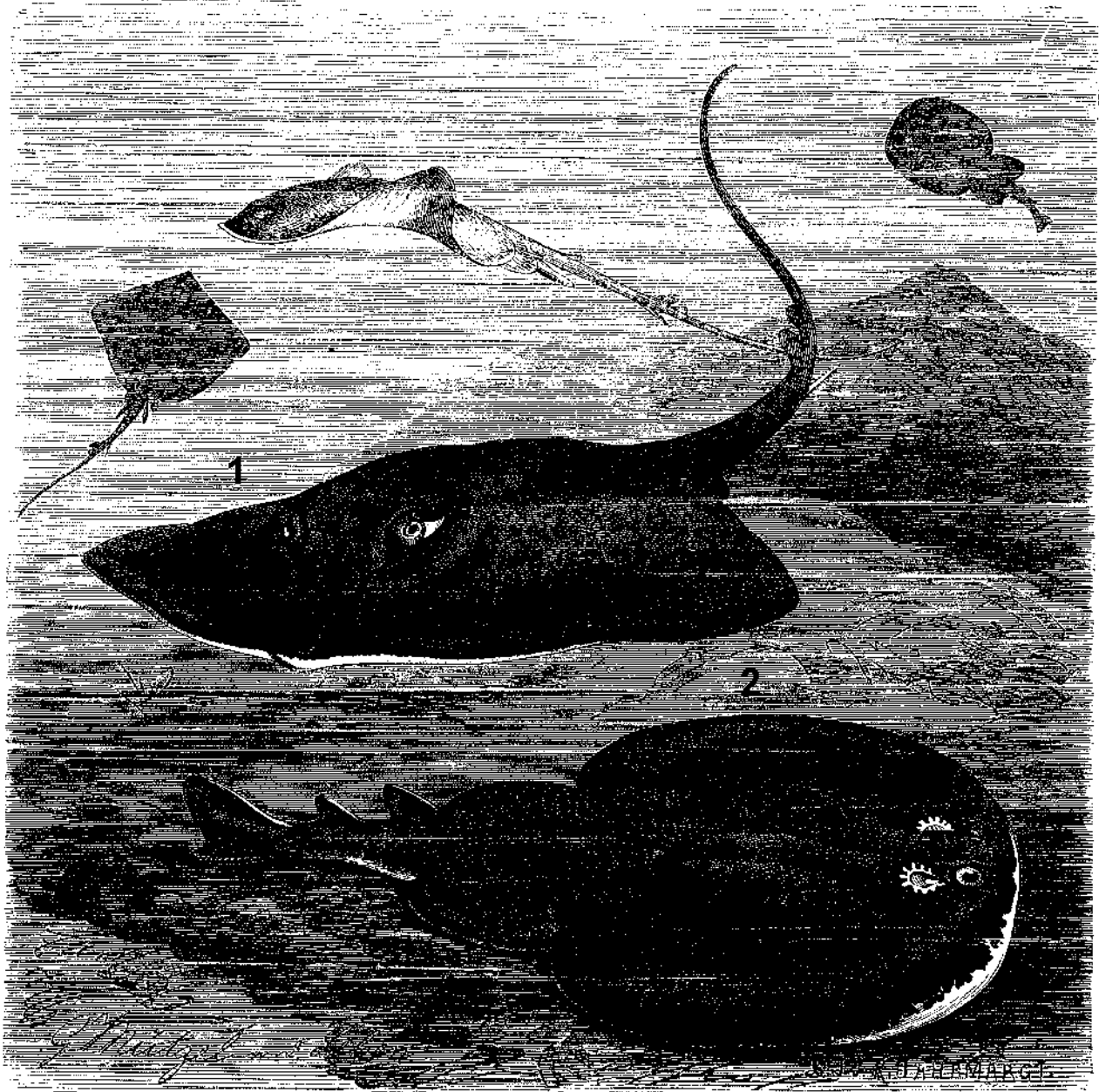
Риссо, по-видимому, несколько раз наблюдал рогачей. По его словам, они летом приближаются к берегам; по крайней мере, в июле их ловят чаще всего. Итальянцы, вследствие того что у этих рыб есть рога, называют их телятами, а большие экземпляры — коровами. Оба пола соединяются, по-видимому, на известное время и выказывают друг к другу некоторую привязанность. Когда однажды самка попала в сеть, самец целых два дня держался около нее, от времени до времени приближался к сеточной стенке и пытался то здесь, то там сквозь нее проникнуть. Два дня спустя его нашли мертвым в том же отделении сети, в котором была поймана его подруга. Пища их состоит преимущественно из головоногих и разных рыб.

Семейство гнусовые, или электрические скаты

Мраморный, или обыкновенный, электрический скат (*Torpedo marmorata*), — с давних пор известная нам рыба, достигает 1,5 м длины, немного менее метра ширины и 25-30 кг веса; с верхней стороны она покрыта бурыми, буроватыми и беловатыми жилками, так что преобладает то один, то другой оттенок.

В сочинениях писателей часто упоминается гнус, фигура его тоже нередко изображена на различных сосудах; можно почти наверняка сказать, что и образ жизни этой рыбы древним грекам

и римлянам так же хорошо был известен, как и нам; они даже придавали большое значение ее электрическим органам, хотя не были в состоянии объяснить их. «Эти рыбы, — говорит Геснер, — в тенистых и илистых местах или лужах около моря плавают медленно и лениво, помогая себе двумя задними плавниками; на зиму они закапываются в морское дно.

1 — Гладкий скат (*Raja batis*) 2 — Обыкновенный электрический скат (*Torpedo marmorata*)

У самки электрического ската внутри тела развиваются мягкие яйца, после чего она родит живых детенышей; при виде малейшей опасности рыба забирает своих детенышей в пасть и не выпускает, пока опасность не минует. Хотя мраморные скаты по своей природе медленны и ленивы, но та же природа наделила их особым искусством и силой, вследствие которых они могут добыть себе самую быструю рыбу: все, до чего они дотрагиваются, тотчас становится сонным, вялым, неподвижным, — одним словом, замирает. По этой причине скаты лежат на дне моря неподвижно, будто мертвые, и все рыбы, которые к ним приближаются или дотрагиваются до них в воде или в другом месте, или даже плавают около них, становятся сонными, усталыми, неподвижными или даже умирают. Эту силу выказывают они не только относительно рыб и морских животных, но и относительно людей, в сети которых они иногда попадают, потому что сила эта переносится веревкой и сетью к телу людей, и они поневоле принуждены бросать удочку и сети. Рыбаки хорошо знают это свойство мраморного ската, почему никогда не дотрагиваются до него; если же тронуть его рукой, а в особенности ранить или сжать его, го рука немеет, становится холодной, теряет всякую чувствительность. Даже вода, до которой он дотрагивается, проникается испускаемым им ядом и может повредить или усыпить. Точно так же если дотронуться до него длинным прутом, палкой или копьём,

то яд проникает через дерево в руку человека. Однако эта сила действует, только пока рыбы живы, так как мертвые, они вполне безопасны и даже годны в пищу. Если же при отливе подобная рыба останется на берегу и старается прыжками достичь воды, а неопытный мальчик неосторожно дотронется до нее, чтобы помешать ее прыжкам, то он тотчас почувствует дрожание в ногах, так как прикосновение к скату причиняет не только онемение членов, но и сильную дрожь в них».

Весьма понятно, что в старые времена, когда люди были склонны ко всему чудесному, животные, так сильно и непонятно действующие на организм, должны были неминуемо попасть в так называемую медицинскую науку. Тогдашние доктора рассказывали о врачебной силе этих рыб такие вещи, какие в настоящее время можно встретить разве только в воззваниях каких-нибудь знахарей и шарлатанов*.

** Действительно, свойство скатов производить таинственные удары было известно уже в древности. В те времена считалось, что удары скатов имеют целебное действие и помогают избавиться от некоторых болезней, в первую очередь нервных.*

Электрический орган этой рыбы можно сравнить с гальванической или электрической батареей**.

** * Многие великие физики прошлого использовали электрических скатов для своих экспериментов. Фарадею первому удалось доказать, что электричество вырабатывается в тканях тела скатов и что по своим свойствам оно такое же, как и электричество, получаемое другими известными в то время способами (гальваническое, электростатическое).*

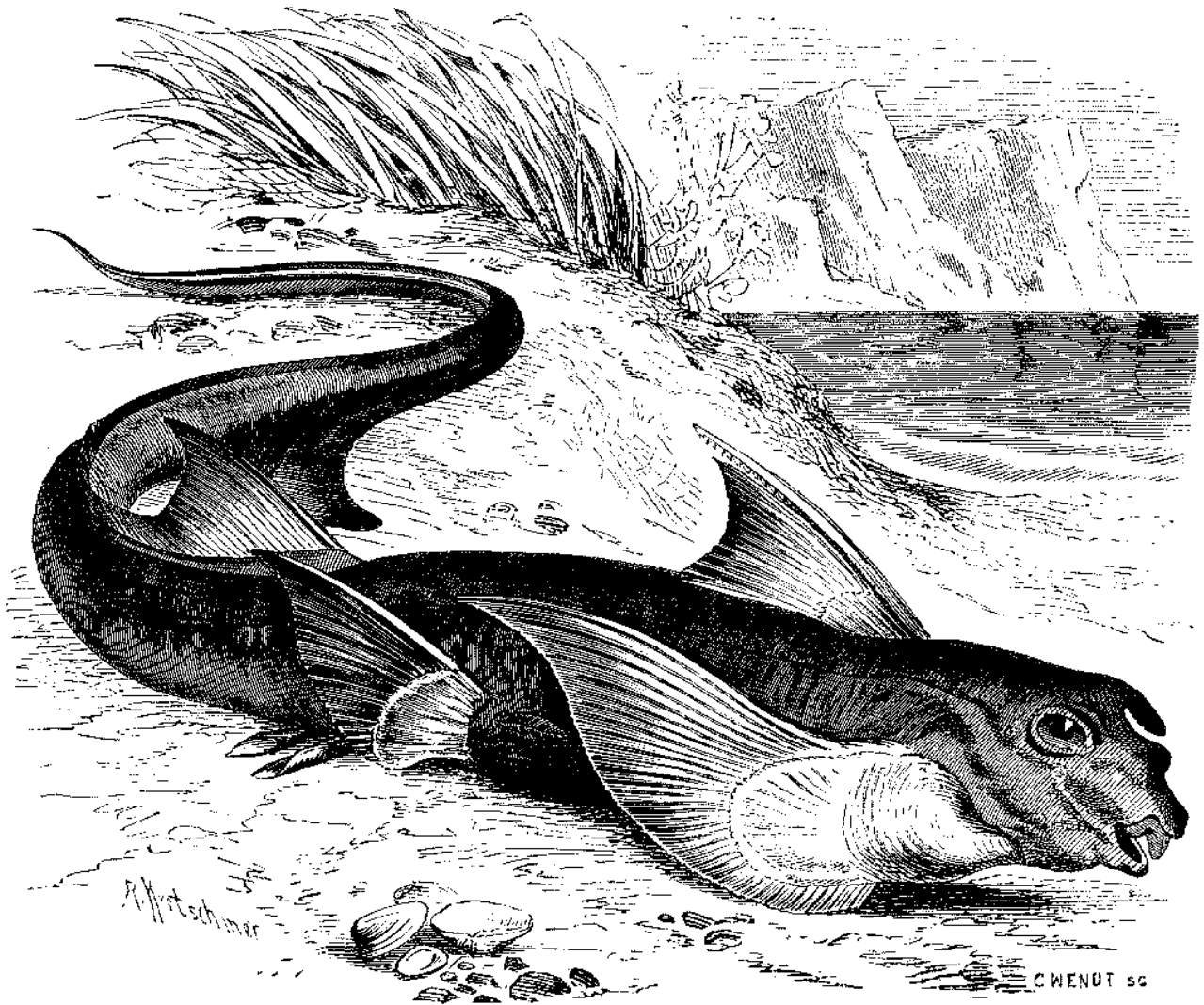
Действие его, правда, слабее, чем действие электрического органа гимнота, но все-таки довольно болезненно. Если скат ослабит себя предварительно частыми ударами своего снаряда, то, когда его вынимают из воды, ощущают только легкую дрожь. Удары особенно сильны под водой и тем чувствительнее, чем обширнее площадь, которой касается животное. Скаты наносят удары совершенно сознательно, и, раздражив, можно заставить его повторить их несколько раз подряд; маленькие животные бывают совершенно оглушены или даже убиты, но даже сильные мужчины, по словам Гюнтера, могут быть оглушены или сброшены ударом больших рыб, так что купающиеся люди должны быть очень осторожны. Таким образом, электрический аппарат служит скатам для добывания пищи или для защиты против более сильных хищников. Впрочем, я не считаю нужным описывать все опыты вышеупомянутых естествоиспытателей, потому что все, что нам известно об электрических батареях, относится и к этим рыбам и будет подробно оговорено при описании электрического угря*.

** В отличие от пресноводных электрических рыб (электрического угря или электрического сома) электрические разряды у ската имеют небольшое напряжение — 40-60 вольт, но большую силу тока — до 50-60 ампер, мощность отдельных разрядов достигает 1 киловатта! Все известные нам электрические скаты родят живых детенышей от 8 до 10-14 штук зараз. При совокуплении, как уже древним было известно, они поворачиваются друг к другу брюшной стороной; яйца развиваются почти одновременно в яйцеводах, которые проходят несколько криво по обеим сторонам нижней части живота, соединяются над серединой желудка, проходят по нижней части тела и на конце замыкаются двойными клапанами. Древние писатели сообщают, что мать в минуты опасности забирает своих детей в пасть, однако новейшие наблюдатели не подтверждают это сообщение.*

Для домашнего обихода электрические скаты не имеют никакого значения и даже не составляют предмета регулярной ловли.

Семейство химеровые

Европейские химеры (*Chimaera monstrosa*) достигают 1-1,5 м длины и отличаются своеобразной красотой. Тело их сильно вытянуто в длину и оканчивается тонким, как нитка, хвостом, из-за которого их и называют «морскими крысами» (*Seeratten*); конусообразное рыло выступает вперед; задний спинной плавник очень длинен и почти сливается с не менее длинным хвостовым плавником. У самцов возвышается между глазами тонкий, костяной, загнутый наперед нарост, благодаря которому норвежцы называли химеру «королевской рыбой». Гладкая на вид кожа этой рыбы отличается разнообразнейшими оттенками золотисто-желтого, бурого и белого цветов; радужная оболочка больших глаз белая, зрачок зеленый.

Европейская химера (*Chimaera monstrosa*)

Она водится везде у берегов Европы, но встречается также у Японских островов и у южной оконечности Африки, редко покидает морскую глубину*, хотя любит, как говорят, подниматься с сельдями на поверхность воды, где иногда попадает в сети.

* *Химера глубоководная рыба, обитает на глубинах до 2500 м.*

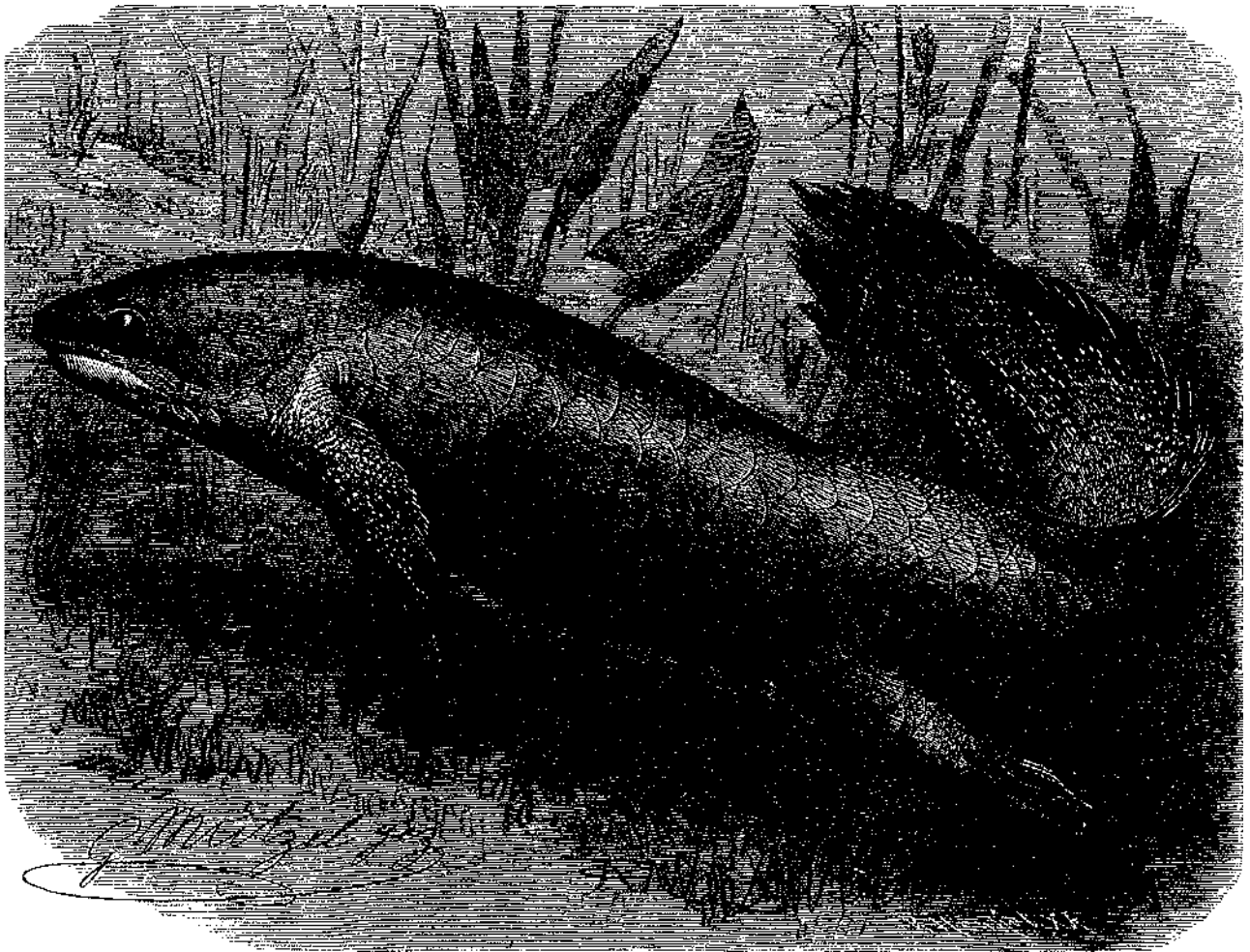
Пища ее состоит из раков, ракушек и мелких рыб, живущих на глубине моря. Размножение происходит посредством яиц, которых в период размножения находят большое количество в яичниках самки, в разных степенях развития; самые зрелые окружены роговой оболочкой. Жесткое мясо химер в пищу не употребляется, а и ца, напротив, считаются лакомством. В Норвегии больше всего ценят печень.

Семейство рогозубовые

Третий род, **рогозубы** (*Ceratodus*), образуется, кроме одного родственного австралийского вида, известным нам только с 1870 г. видом — **рогозуб** (*Neoceratodus forsten*). Туземцы Квинсленда называют его **баррамунда**. Это животное было найдено Креффтом в тамошних пресных водах. Туземцы и переселенцы очень любят его мясо, цветом похожее на лососину. Говорят, что эта рыба достигает 2 м длины и почти 10 кг веса; в желудке ее нашли большое количество гнилых листьев, упавших с растущих по берегам деревьев*.

* *Рогозуб питается животной пищей.*

"Баррамунда, — пишет Гюнтер, — очевидно, не может дышать ни одними жабрами, ни одними легкими, или теми и другими зараз.

Порозуб (*Neoceratodus forsteri*)

Нам кажется также невероятным, чтобы она охотно жила на суше, так как ее конечности слишком гибки, чтобы поддерживать неуклюжее туловище, и вообще слишком слабы, чтобы быть хоть сколько-нибудь полезными при передвижении на земле; возможно, однако, что она бывает иногда вынуждена покидать воду, но мы не думаем, чтобы она могла без вреда провести некоторое время вне воды».

Семейство чешуйчатниковые. или двулегочниковые

Протоптер бурый (*Protopterus annectens*) — рыба 1-2 м длины. Фигура ее напоминает угря, но обыкновенно толще. Вместо грудных и брюшных плавников у нее длинные, несколько сжатые, нитевидные плавники длиной в ладонь с лучистыми краями. В сравнительно небольшой поперечной пасти стоят четыре крепких конусообразных, несколько подвижных зуба. Тело покрыто маленькими чешуйками. Темно-бурый цвет кожи становится к хвосту все светлее и испещрен бесчисленными кругловатыми бледно-серыми пятнами*.

** Протоптеры имеют по 5 жаберных щелей с каждой стороны. Плавательный пузырь у них служит органом дыхания, что позволяет им существовать во временных, пересыхающих водоемах.*

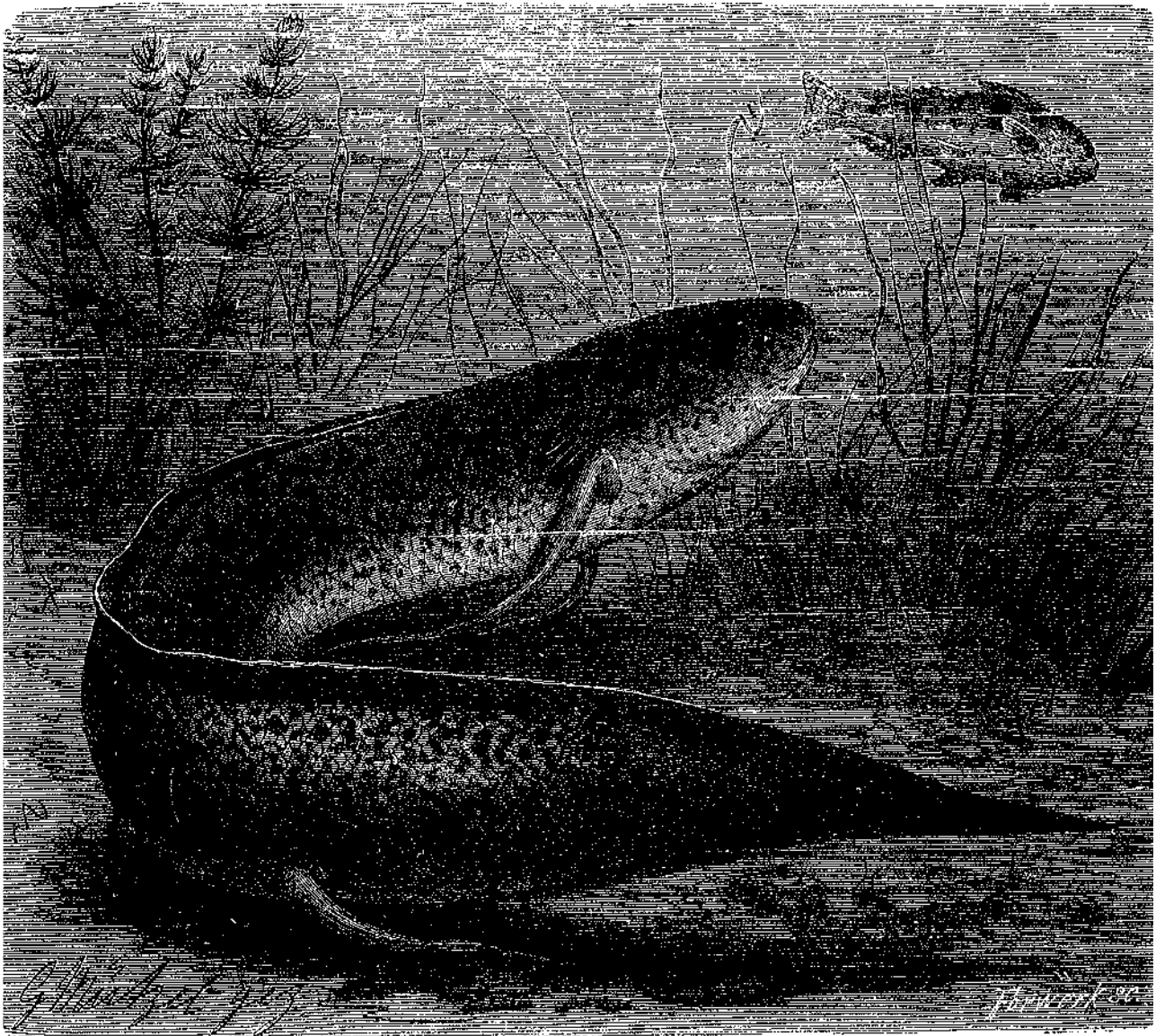
Протоптер живет во всех теплых пресных водах Африки и встречается в некоторых местностях, как, например, в западной Африке, в огромном количестве. «Доко, как зовут эту рыбу на Верхнем Ниле, — пишет Гейглинь, — живет в Белом Ниле и его притоках к югу от 9 градусов северной широты и кажется там везде весьма обыкновенной рыбой. Это странное животное встречается чаще в иле, чем в чистой воде, однако ночью часто подплывает к баркам, вероятно, чтобы пожирать выброшенные остатки пищи. В сухое время года протоптер держится в довольно глубоких ямах, вырытых, вероятно, им самим в высоких берегах; лежит также иногда в сырой листве и составляет свое убежище только ночью для ловли лягушек, мягкотелых и крабов, которые составляют его главную пищу. В дождливое время года, пробираясь по илу, он прокладывает в нем себе тропинки. Его движения на земле не очень быстры, но сильны; заметно, однако, что ему довольно трудно перебираться через значительные возвышения, так как в подобных случаях он приподнимает переднюю часть туловища и подвигается вперед с помощью хвоста, который, как у угря, извивается вправо и влево. Протоптеры бурые редко встречаются группами, потому что они в высшей

степени неуживчивы и, если даже случайно встретятся, тотчас нападают друг на друга и так свирепо дерутся, что редко можно встретить протоптера с совершенно целым хвостом. Доко защищается и от человека, кусается, если случайно на него наступят, шипит при этом, как змея, которую он напоминает быстротой своих движений. Негры убивают его копьями, потому что охотно едят его вкусное мясо. Однако он попадает также на удочку».

Когда воды, в которых живет бурый протоптер, высыхают, он прячется как бы в футляр, слепленный из ила, и остается в нем все время засухи. В последние годы таких рыб нередко доставляют в Европу живыми в подобных футлярах. Они лежат в них, свернувшись, отчасти закинув хвост через голову, и занимают такое маленькое пространство, что по величине помещения едва ли можно судить о величине рыбы. Наружные стенки футляра состоят из обыкновенного ила, но внутренность покрыта слизистой массой. Сколько времени продолжается эта спячка, никто не знает, но известно, однако, что рыба может без всякого вреда в течение нескольких месяцев оставаться в своей узкой темнице*.

** Заниматься постройкой гнезда, ими спального места, где ему предстоит пережить долгие месяцы засухи, протоптер начинает, когда уровень воды понижается до 10 см. Гнездо, уходящее вертикально вниз и заканчивающееся расширением, протоптер роет ртом, выкусывая твердую глину, которую, разжевав, выбрасывает в виде взвеси через жаберные отверстия. В гнезде протоптер располагается, свернувшись в вертикальной плоскости, головой вверх и постепенно опускается вниз по мере снижения уровня воды. После того как водоем полностью пересыхает, вход в гнездо протоптера закрывает глиняный колпак, через микротрещины и поры которого небольшое количество воздуха проникает внутрь гнезда.*

Если такую коробку положить в сосуд с водой, температура которой приблизительно равняется теплоте среднеафриканских вод, то ожившая рыба (оболочка из ила быстро растворяется) оказывается сначала крайне вялой и сонной, но по прошествии часа она уже совсем оживляется и становится очень подвижной, хотя все еще прячется в темные места бассейна и остается преимущественно на дне его. Через несколько дней пробуждается в ней голод, и с той поры всякое движение на поверхности воды возбуждает ее внимание, потому что в виновнике этого движения она видит добычу. Ловко и грациозно двигая попеременно плавниками и спинным рубцом, поднимается протоптер, извиваясь, на поверхность бассейна, тотчас хватая предложенное ему животное или кусок мяса, проглатывает его и возвращается опять к своему прежнему местопребыванию. В Лондонском хрустальном дворце несколько лет держали бурых протоптеров и тщательно наблюдали их нравы. Одна рыба жила там три года и выдержала бы еще дольше, если бы ее оставили в том же бассейне. Первое время ее кормили кусками мяса, которое бросали в бассейн, предварительно возбудив ее внимание быстрым движением на поверхности воды, позднее питали ее рыбами и лягушками. Мясо она схватывала своими острыми сильными зубами, после чего быстро начинала двигать всеми частями своего рыла, как будто хотела высосать мясо и в то же время разжевать его, потом выплевывала откусанный кусок, опять схватывала его, принималась за старое и наконец проглатывала все зараз. Когда протоптера поместили в бассейн, в котором до той поры жили золотые рыбки, он тотчас принялся гоняться за ними и выбирал при этом не только мелких рыб, но и тех, которые были больше его. Несмотря на свои медленные движения, он умело овладевал всякой высмотренной им рыбой. Внимательно наблюдал он за плавающими над ним рыбами, грациозно изгибаясь, подплывал снизу под самое брюхо своей жертвы, быстро бросался вперед и схватывал рыбу под грудными планниками, потом сильным ударом челюстей отрывал соответствующий кусок ее тела и с ним опять опускался в глубину, в то время как смертельно раненная рыба уже через несколько секунд плавала мертвой на поверхности воды.

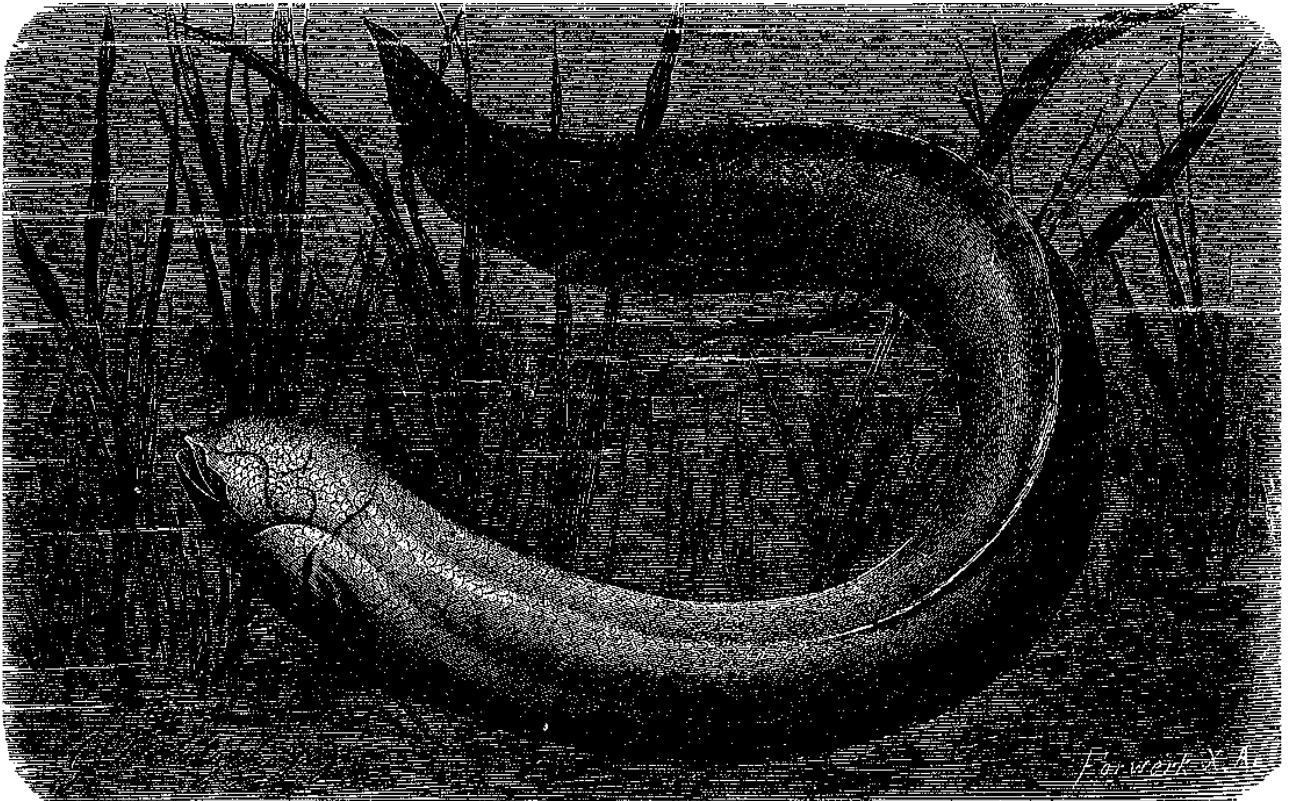

Протоптер(Protopterus annectens)

Предположив, что ему необходимо или по крайней мере приятно провести в спячке часть года, этого доко снабдили богатым запасом глины и ила; однако он вовсе не помышлял даже покидать воду, в которой чувствовал себя, очевидно, прекрасно, и в течение всех трех лет был постоянно бодр и подвижен. Иначе вели себя протоптеры, которых воспитывал Дюмерил. В известное время, к концу сентября, они стали беспокойными, быстро двигались туда и сюда, отделяли от себя большое количество слизи и старались зарыться в сырое дно бассейна. Их воспитатель пришел к ним на помощь и старался, постепенно спуская воду из бассейна, воспроизвести высыхание вод их родины. Три недели спустя вся глина, составлявшая дно бассейна, отвердела. Через 62 дня было осмотрено все дно водоема и каждая рыба найдена в своей капсуле*.

** Протоптеры делают гнезда и впадают в спячку? только в пересыхающих водоемах. В спячке они могут проводить до нескольких лет.*

Чешуйчатник американский (*Lepidosiren paradoxa*) служит представителем весьма редкого в коллекциях, следовательно, мало известного вида двудышащих рыб. Его открыл Наттерер в Южной Америке в бассейне реки Амазонки; длина его достигает 1,3 м; говорят, что он издает звуки, схожие с кошачьим мяуканьем, и питается растительной пищей.

Американский чешуйчатник (*Lepidosiren paradoxa*)

Однако Гюнтер по строению зубов заключает, что чашуйчатник американский, подобно протоптеру бурому, питается и животной пищей**.

*** По образу жизни чешуйчатник напоминает протоптера.*

Семейство осетровые

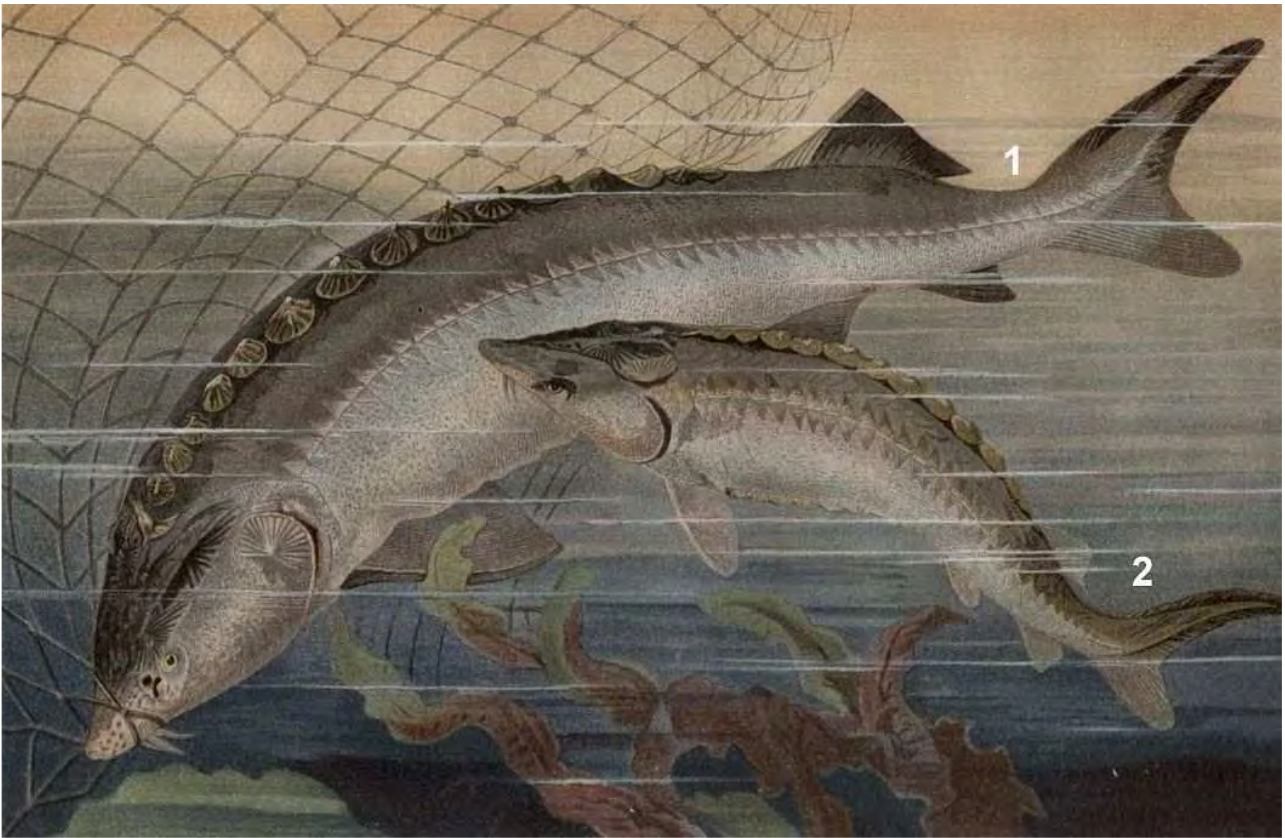
Важнее всех осетровых рыб **белуга** (*Huso huso*), великан всего семейства и рода; эта рыба достигает 8 м, а по словам Линдемана, даже 15 м длины и от 1000 до 1600 кг веса*.

** Размеры, которых может достигать белуга, сильно преувеличены: длина рекордных экземпляров не превышает 5 м. Максимальная продолжительность жизни - 100 лет.*

Белуга отличается короткой треугольной мордой, плоскими усиками, несколько выемчатой верхней губой, разделенной посередине нижней губой, сзади и спереди низкими, а посередине возвышенными спинными щитками и маленькими отдельно стоящими боковыми щитками. Верхняя сторона обыкновенно темно-серая, брюшная — грязно-белая; рыло желтовато-белое; щитки одного цвета с боками.

Область распространения ограничивается Черным и Каспийским морями, откуда она проникает во впадающие в них реки.

Настоящие наши сведения о жизни рыб вообще приводят нас к заключению, что образ жизни различных видов осетровых, в общем, почти одинаков.

1 — Белуга (*Huso huso*) 2 — Атлантический осетр (*Acipenser sturio*)

Они собственно морские рыбы и посещают пресные воды только для размножения или для зимней спячки. Мы ничего не знаем о том, как осетры живут в море, на какую глубину опускаются и какую пищу находят в соленой воде. Но, во всяком случае, мы должны допустить, что они и в море, как и в реках, предпочитают песчаный или илистый грунт и, почти зарывшись в нем, медленно двигаются вперед, скорее ползая, чем плавая; своим острым рылом они разрывают ил и песок и отыскивают себе в морском дне необходимую пищу вытянутыми вперед губами*.

* *Брем ошибается — осетры стараются избегать участков с илистым дном и никогда не зарываются в грунт. Для того чтобы отыскать пищу, они не разрывают рылом грунт, усами.*

В желудках тех рыб, которые побывали в реках, находили, вместе с животной пищей, почти разложившиеся остатки растений, но последние могли и случайно попасть туда. Во всяком случае, мы должны всех осетровых причислить к хищным рыбам; о более известных видах мы наверно можем сказать, что они поднимаются в реки следом за рыбами из семейства карповых и питаются почти исключительно ими. Впрочем, во время своих путешествий осетры поднимаются в верхние слои воды и двигаются тогда относительно довольно быстро. Путешествия эти совершаются у различных видов почти одновременно (от марта до мая и поздней осенью) целыми обществами, величина которых изменяется в зависимости от местности и других обстоятельств. В реках, изобилующих рыбой, число осетровых сильно уменьшилось; это тем заметнее, чем более улучшаются орудия рыболовства; в некоторых же очень больших реках они, напротив, встречаются еще в большом количестве, так как обширность этих вод не позволяет рыболовам преследовать их повсюду**.

** *Уловы осетровых в Каспийском и Черном морях в последние несколько лет сократились в несколько раз, в других районах мира их численность в естественных водоемах также низкая. Поэтому осетровых начинают разводить и выращивать искусственным путем. Эти рыбы отличаются быстрым ростом и неприхотливостью, масштабы искусственного выращивания осетров, прежде всего сибирского, *Acipenser baerii*, быстро увеличиваются.*

Все осетровые принадлежат к самым плодовитым из известных нам рыб. Находили белуг, у которых при общем весе в 1400 кг яичники весили 400 кг. Яйца откладываются рыбами на дно реки, после чего рыбы довольно скоро поднимаются в верхние слои и уплывают в открытое море, детеныши же довольно долго, может быть даже первые два года жизни, остаются в речной воде.

Мясо всех видов осетровых очень вкусное, вследствие чего их везде ловят и употребляют в пищу в свежем, соленом или копченом виде. У древних народов осетр был в большом почете.

"Подайте осетра к столу Палатина, да украсится пир редким блюдом таким», - говорит Марциаль. У богатых римлян рыбу эту, подавая к столу, украшали цветами. В Греции ее мясо считалось самым благородным кушаньем, в Китае его берегли для стола императора; в Англии и Франции право употреблять в пищу осетра принадлежало только государю и богатейшим дворянам; в России мясо осетров также высоко ценится. Однако осетровых ловят скорее из-за их икры и плавательного пузыря, чем мяса. Из яиц их готовят, как известно, икру, а из пузыря прекраснейший клей.

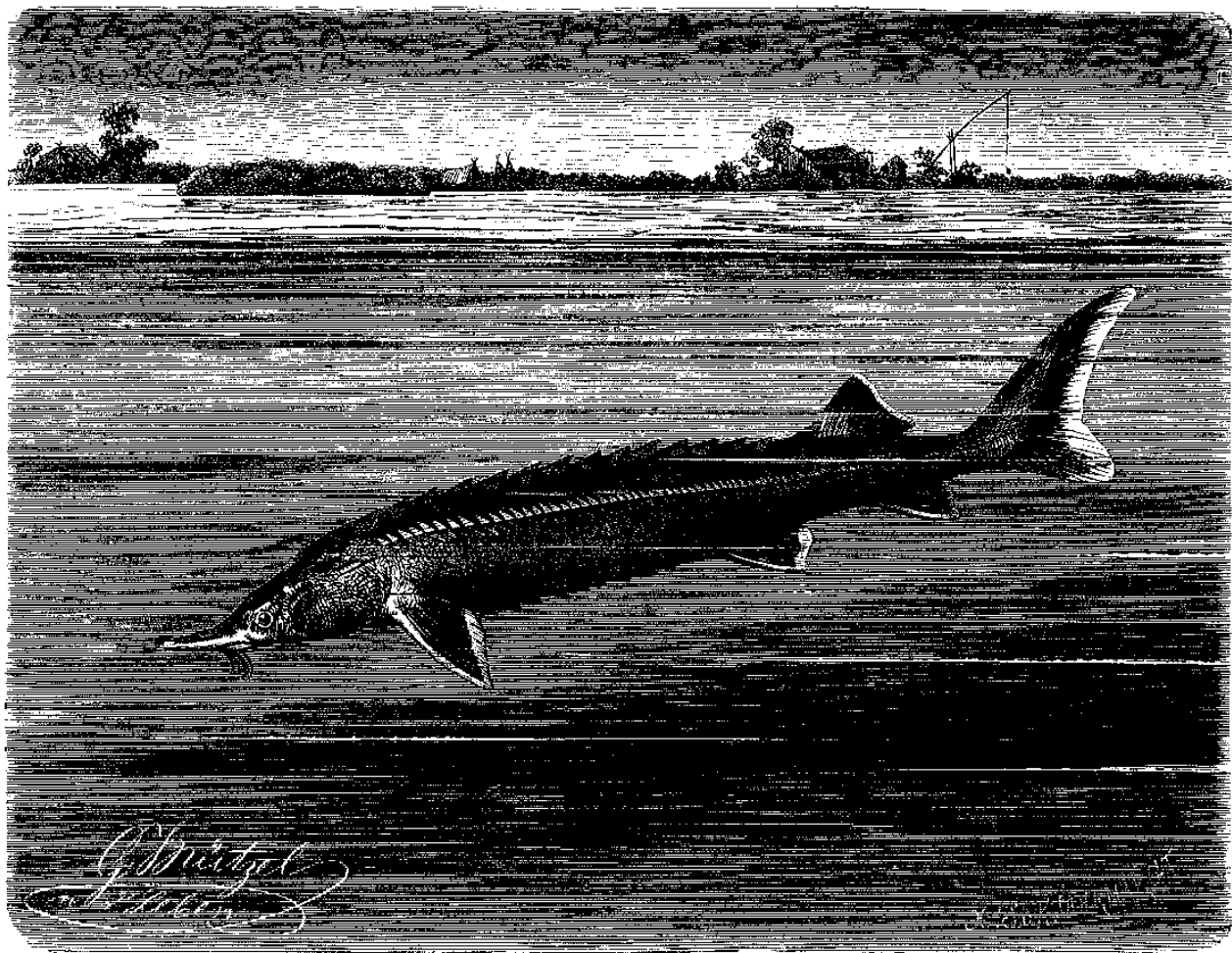
Из представителей рода **осетров** (*Acipenser*) я прежде всего упомяну о самом известном **атлантическом осетре** (*Acipenser sturio*); он имеет не очень сильно вытянутую морду, узкую верхнюю губу, раздутую и посередине разделенную нижнюю губу, простые усы, близко прилегающие друг к другу, большие боковые щитки и по бокам низкие, посередине выпуклые спинные щитки. Окраска верхней части более или менее темно-бурая или желто-бурая, нижней части блестящая серебристо-белая; щитки имеют грязновато-белый оттенок. Длина может достигать 6 м, однако редко превышает 2 м*.

* *Атлантический осетр самый крупный из осетров, он достигает свыше 3 м длины и более 300 кг веса.*

Атлантический океан и Средиземное море. Северное и Балтийское моря служат местопребыванием атлантического осетра, который встречается, однако, и у восточных берегов Северной Америки; в Черном море он совсем отсутствует и также никогда не встречается в бассейне Дуная**.

* * *В Черном море обитает, но редко.*

Стерлядь (*Acipenser rithenus*) легко узнать по вытянутому, узкому рылу и довольно длинным, бахромчатым с внутренней стороны усикам; на узкой верхней губе видна незначительная выемка; нижняя губа посередине разделена. Спинные щиты спереди мало возвышены, но поднимаются постепенно к хвосту и оканчиваются острием. Окраска спины темно-серая, брюшко светлее; грудные, спинные и хвостовой плавники — серые, брюшной и заднепроходный грязно-белые; спинные щитки одного цвета со спиной, боковые и брюшные беловатые. Ее длина редко превышает 1 м; вес не более 12 кг. Стерлядь живет в Черном море и поднимается оттуда по всем впадающим в него рекам, например в Дунай и почти все его притоки. Около Вены она ловится постоянно. Кроме Черного, она водится и в Каспийском море, а потому ловится также во всех впадающих в него реках, так же как и в сибирских реках, а именно в Оби.

Стерлядь (*Acipenser rithenus*)

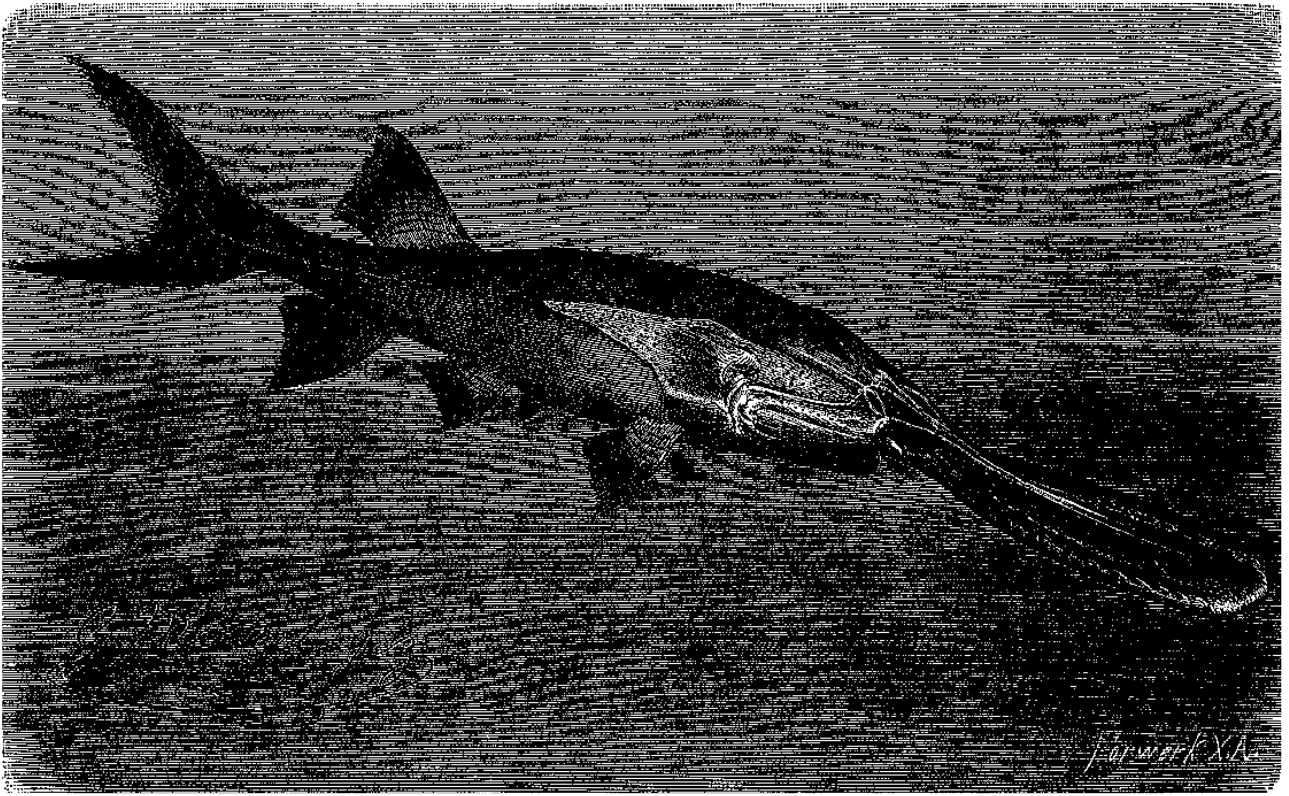
Несколько раз пробовали переселить стерлядь в реки северной Германии, и, по-видимому, она акклиматизировалась в Одере***.

* * * *Брем ошибается. Стерлядь пресноводная рыба и выходит в море крайне редко.*

Несколько реже стерляди появляется в средней части Дуная **севрюга** (*Acipenser stellatus*); она очень похожа на стерлядь, живет в тех же морях, довольно обыкновенна в России и достигает около 2 м длины и 25 кг веса; ее легко можно узнать по длинному острому рылу в виде меча, простым усикам, выемчатой верхней губе, почти отсутствующей нижней губе и отделенным друг от друга боковым щиткам. Светло-красновато-бурая спина отливает иногда синевато-черным цветом; нижняя часть морды мясного цвета; бока и брюшко белые, щиты грязно-белые.

Семейство веслоносые

В Миссисипи живет странная рыба — **лопатонос** (*Polyodon spathula*), представитель рода *Polyodon*. Она обращает внимание своим сильно выступающим вперед, по краям тонким и гибким рылом в форме листа или лопаты.

Лопатонос (*Polyodon spatintla*)

Рыба имеет длину до 2 м; из них четвертая часть приходится на лопатообразное рыло, которое у молодых лопатоносов относительно еще длиннее. Лопатонос принадлежит к полезным рыбам; то же относится и к азиатскому представителю этой небольшого семейства — псефурусу (*Psephurus gladius*), живущему в Гоанго и Янсекаанге*.

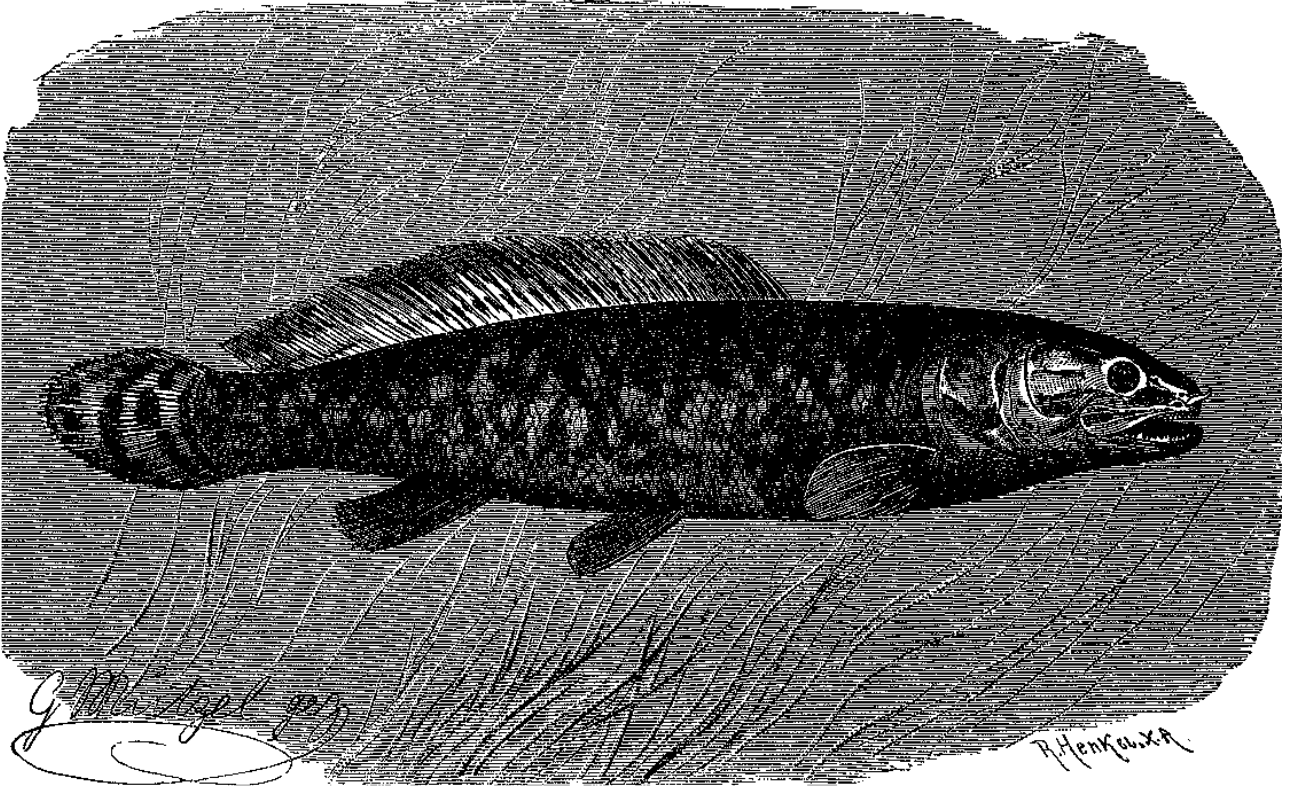
* Псефурус мало изученная осетровая рыба, длина тела — свыше 7 м. Живет в реке Янцзы.

Семейство амиевые

Амия, или ильная рыба (*Amia calva*)*, водится во многих пресных водах Соединенных Штатов и достигает 60 см длины.

* Эти рыбы могут прожить в течение суток и более вне воды.

Отличается более или менее окостенелым позвоночником.

Амия, или ильная рыба (*Amia calva*)

Обе половины хвостового плавника симметричны. Об образе жизни этой рыбы почти ничего не известно. «В ее желудке, — говорит Гюнтер, — найдены маленькие рыбы, ракушки и водяные насекомые». Вильдер наблюдал за ее дыханием: она поднимается на поверхность воды, широко открывает, не выдыхая воздуха, свои челюсти и проглатывает, по-видимому, большое количество воздуха. Этот вдох чаще повторяется, если вода испорчена или давно не переменена. Мясо этих рыб не употребляется в пищу.

Семейство панцирниковые

В реках и озерах южных Соединенных Штатов водится странного вида рыба, которую называют **панцирной щукой**, или **длиннорылым панцирником** (*Lepisosteus osseus*)*.

* Такое название панцирной щуке дано не зря: чешуя у нее такая прочная, что может выдержать удар из подводного ружья. Эти крупные хищные рыбы, как и щука, подстерегают добычу, спрятавшись среди водной растительности. Увидев добычу, они совершают короткий, но очень стремительный бросок. Питаются только в теплое время года, а зимой уходят в глубокие места и остаются неподвижными долгое время.

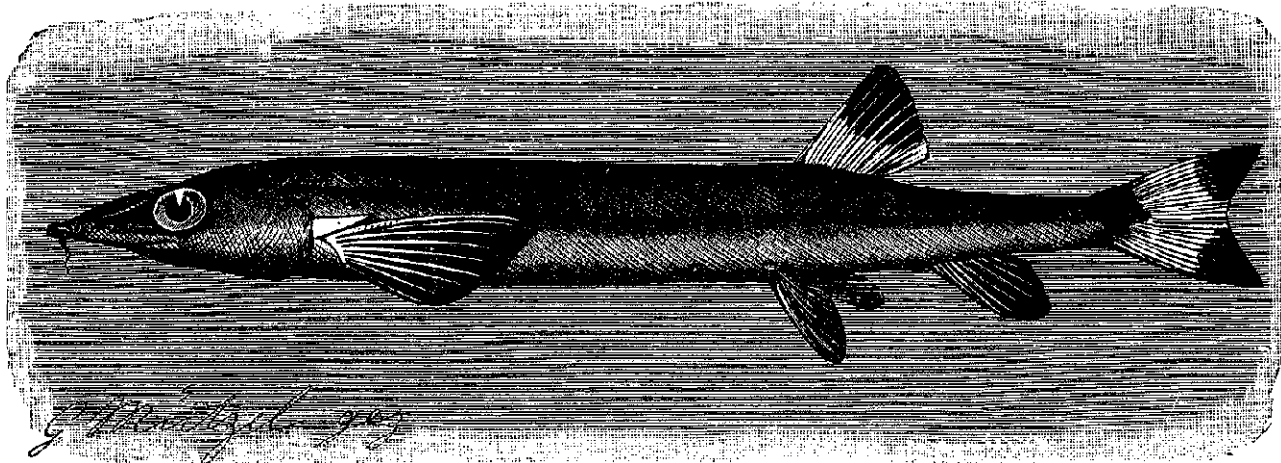
Тело панцирника очень длинное, с настоящей крокодиловой пастью, покрыто крепкими, как камень, чешуями, которые распространяются и над верхними наружными лучами плавников. Верхняя челюсть состоит из многих соединенных частей; в нижней столько же частей, сколько в нижней челюсти у пресмыкающихся. Длинные челюсти, имеющие форму клюва, снабжены многими большими и маленькими конусообразными зубами; внутри пасти, напротив, зубы гребенчатые. Желудок не имеет слепого мешка; у входа его находятся несколько коротких слепых кишок. Плавательный пузырь разделен на полости и открывается продолговатой щелью в верхнюю стенку глотки. Чешуи располагаются косыми рядами; на спине они сердцевидной формы, по бокам продолговато-четырёхугольной, на животе ромбоидальной, на плавниках остроконечны. Цвет их на спине зеленоватый, на боках желтоватый, на животе красноватый; плавники красноватого цвета с черными пятнами на концах. Длина колеблется от 1 до 1,7 м.

Об образе жизни панцирной щуки имеются еще весьма скудные сведения; известно только, что эта рыба часто встречается в реках и озерах. Икра этих рыб ядовита, хотя мясо считается очень вкусным.

Семейство гоноринковые, или конорылые

Гоноринх Грея (*Gonoynchus greyi*)*, рыба длиной 30-45 см, не редкая в морях у мыса Доброй Надежды, у Австралии и Японии, любящая поверхность моря и охотно поднимающаяся в песчаные бухты.

* Местное название гоноринха — *песчаный угорь* — было дано этим рыбам из-за их вытянутого тела и способности зарываться в песок.

Гоноринх Грея (*Gonoynchus greyi*)

Поселенцы на Новой Зеландии, которым он известен под названием «Sand-eel», едят его.

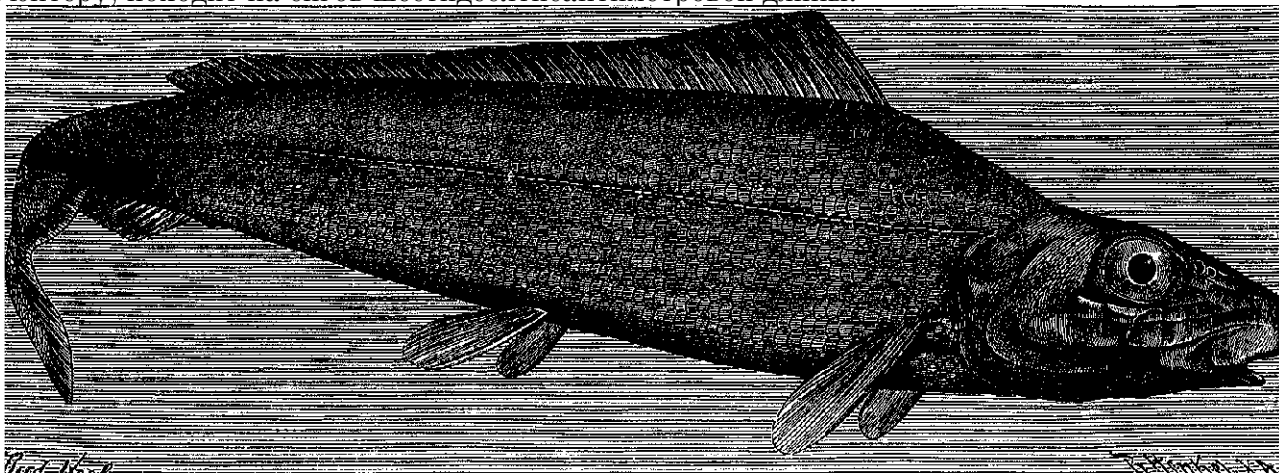
Семейство кнериевые

К вьюнам причисляются так называемые **кнерии** (*Kneria***), рыбы, получившие свое прозвище в честь Кнера; о них мы упомянем для пополнения нашего образования. Два известных вида представляют собой маленьких пресноводных рыб Тропической Африки. Эти рыбы, например, **ангольская кнерия** (*Kneria angolensis*), населяют быстрые потоки, держатся у дна.

** Кнерии далеки от вьюновых рыб.

Отряд сельдеобразные

К сельдям относятся **японские сельдки** (*Bathyrhissa*) с единственным видом того же названия (*Bathyrhissa dorsalis*)*, которую ловят у японских берегов на глубине 350 саженей и которая, по Гюнтеру, походит на сигах шестидесятисантиметровой длины.

Японская сельдка (*Bathyrhissa dorsalis*)

* Точное видовое название рыбы, упоминаемой Бремом как японская сельдь, выяснить по приводимому в книге описанию не удается.

Семейство доравые

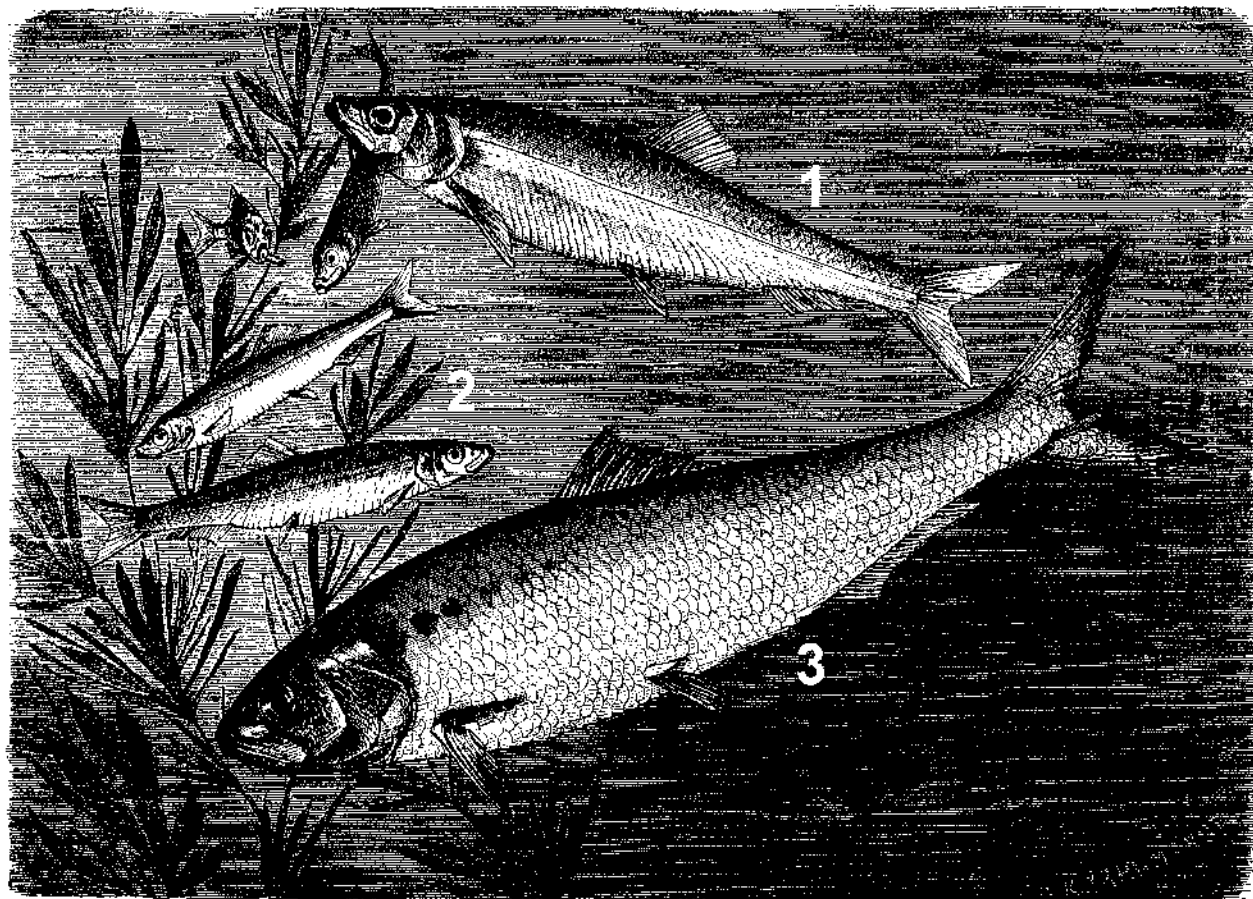
Сельдь-дораб, или зубастая сельдь (*Chirocentrus dorab*)**, называемая в Индии валай, кирувалай и кунда, в Белуджистане же пуссунт, распространяется от Красного моря через Индийский океан до Тихого.

Верхняя ее сторона сине-зеленая, а нижняя серебристо-белая; по Дюю, сельдь-дораб достигает 4 м длины и не ценится как съедобная рыба; при ловле она опасна для рыбаков своими укусами, так как в слепой ярости старается укусить все, что только попадает под зубы.

* * Крупная хищная прибрежная рыба морских тропических вод. На челюстях дораба имеются мощные клыковидные зубы.

Семейство сельдевые

Важность рыб для хозяйства человека можно выразить достаточно понятно, если назвать «сельдь».

1- Финта (*Alosa fallax*) 2 — Европейская килька, или европейский шпрот (*Sprattus sprattus*) 3 — Атлантическая сельдь (*Clupea harengus*)

Без трески можно жить; камбалы и большинство других морских рыб доставляют по большей части пищу и доход лишь береговым жителям; пресноводные рыбы принадлежат к числу более редких кушаний на столе жителя внутренней части страны; но сельдь и ее родичи достигают самой отдаленной от моря хижины. Если какая-либо рыба заслуживает название пищи бедных, то это именно сельдь; доступная даже неимущим, она во многих домах должна заменять собой мясо. Нет другой рыбы, которая была бы нам более необходима.

Атлантическая сельдь (*Clupea harengus*) редко достигает, как известно, длины более 30 см, имеет маленькие, узкие грудные и брюшные плавники, стоящий на середине спины спинной плавник, далеко отодвинутый назад узкий заднепроходный, глубоко раздвоенный хвостовой, большие, легко отпадающие чешуи; верхняя сторона этой рыбы красивого зеленого или зелено-голубого цвета, нижняя сторона и брюхо серебристого цвета и в зависимости от направления падающего света блестят различными оттенками; спинной и хвостовой плавники темные, остальные светлые.

Северная часть Атлантического океана от американских до европейских берегов с включением Северного и Балтийского морей и части океана на север Азии составляют родину сельди. Прежде все думали, что сельдь ежегодно совершает путешествие из Ледовитого океана, которое и приводит ее в наши воды. Андерсон выдвинул это предположение в виде тезиса и самым точным образом указал маршрут сельдей. Он сообщил ученому и рыбацкому миру, что громадная стая плывет с севера, затем разделяется, оплывает Исландию и Великобританию, здесь входит через Каттегат и Зунд в Балтийское море, а через Ламанш или британские воды продолжает путь вдоль голландских и французских берегов и т. д. Уже Блох высказал сомнение, что сельди могут совершать такое путешествие с весны до осени. Он указал, что они на Крайнем Севере встречаются гораздо реже, чем в Северном и Балтийском морях, что их ловят в последнем в течение всего года, и предположил, что рыба поднимается с больших глубин в верхние слои воды. Другие исследователи поддержали его; в Англии тоже признали наконец истину, и в настоящее время не подлежит более никакому сомнению, что Блох высказал совершенно верное мнение. «Замечательно, — говорит Карл Фогт, — каким образом естественная история сельди, рыбы, столь распространенной всюду в Северном море, была украшена и искажена рыбаками и литераторами. Внезапное появление громадных стай сельдей у северных берегов Европы и Америки в известное время года, таинственное исчезновение с определенных мест, где они во множестве держались прежде, дали повод к басням, которые, несмотря на самое основательное освещение со стороны естествоиспытателей, все еще в ходу в популярных сочинениях и учебниках».

Время метания икры, в течение которого производится самая значительная ловля, падает на зимние месяцы, но, по-видимому, оно изменяется часто на недели и месяцы в зависимости от погоды и других, в сущности, неизвестных причин. Рыбаки имеют различные приметы, по которым определяют приближение стай сельди. Однако эти приметы так неточны, что голландцы говорят, что дали бы с удовольствием бочку золота за верный признак для определения времени и места предстоящего появления сельди. Годы тоже бывают различны. В одну зиму на известном месте показываются громадные стаи, между тем как в следующую в сети попадают лишь отдельные рыбы*.

** Уровень накопленных знаний по биологии сельди, особенностям ее миграционного цикла, а также разработанные методы прогноза численности и промысловой разведки позволяют в чаще время с гораздо большей точностью, чем во времена Брема, предсказывать урожайность разных стад сельди, сроки их появления на нерестилищах или в других районах океана, где они образуют промысловые скопления.*

Среди сельдей тоже различают много пород, хотя и нельзя признать между ними видовых отличий. Сельдь Балтийского моря самая мелкая и тонкая, голландская и английская уже крупнее, а сельдь Шетландских островов и норвежского берега самая крупная и жирная. Береговые рыбаки отличают сами, как и ловцы семги, в устьях рек прибрежную сельдь, которая держится по близости от берега и обыкновенно хотя жирнее, но не имеет такого тонкого вкуса, как морская сельдь, приплывающая к берегу издали.

История жизни сельди все еще во многих отношениях темна и неясна. Появление ее в верхних слоях воды и у берега, как уже сказано, мало предсказуемо, и не всегда являются стаи рыб, желающих размножаться, а напротив, ежегодно появляются из родных глубин также большие стаи так называемых холостых сельдей, которых голландцы называют *Matjeshering*. О жизни сельди на глубинах мы и в настоящее время не знаем почти ничего. Постепенно было установлено, что она

питаются крошечными, частью невидимыми невооруженным глазом ракообразными, но поедает их в бесчисленном количестве. Иногда, однако, она питается также, как показали новейшие исследования Скотта, другими рыбами, особенно кильками, а также икрой и мальками разных рыб.

До сих пор еще не известны причины, которые определяют и иногда видоизменяют направление движения сельдей, но кажется несомненным, что в течение известных больших промежутков времени стаи сельдей уклоняются от тех мест, которые они регулярно посещали прежде, и направляются к другим. Гейнке высказывается об этом следующим образом: «Ловля сельдей в открытом море около берегов Германии в настоящее время невозможна, так как эта часть Северного моря крайне бедна сельдями. Шотландцы и англичане находятся в этом отношении в лучших условиях: у них имеются богатейшие сельдяные мели под рукой и почти то же самое относится и к норвежцам, а в новейшее время и к шведам, которые имеют богатый промысел в Скагерраке, где я нашел большое обилие сельдей на Ютландской банке. Однако немецкие берега не всегда были так бедны сельдями, как теперь. Твердо установлено, что около 1500 года с Гельгоlanda производился большой лов сельдей, размеров которого, правда, нельзя точно определить, но который составлял, по видимому, в то время главный источник заработков гельголандцев и в котором принимали участие также бременские, штадские и гамбургские купцы, строившие на острове рыбопромышленные здания». Эткер рассказывал, как приводит Линдеман, что в XV и XVI столетиях ловля сельдей была главным промыслом гельголандцев и прекратилась лишь в XVII столетии вследствие исчезновения сельдей, которые до того времени ежегодно появлялись массами. Но стаи сельдей снова возвратились в конце XVIII века. «Сельдь, — говорит врач Рамбах, — давно исчезла из устьев Эльбы; в 1770 году она снова появилась там, но, в меньшем числе, поэтому она с незапамятных времен не попадала на наш рынок в свежем виде. В конце последней осени (1800) она явилась такими большими стаями в Эльбу при Глюкштадте, что ее ловили ковшами; в Гамбурге платили за 20 штук 2 шиллинга». Пастор Хюббе тоже пишет из Гамбурга в 1808 году: «Лишь лет 10 тому назад мы снова познакомились с криком «свежие селедки»! В более старое время, правда, привозили свежую сельдь в Гамбург на продажу, но потом она снова отвыкла от Эльбы и мест около нее, так что представляла совершенно новое явление. По временам сельдей было так много, что полное ведро продавали за 2 шиллинга. Их развозили на продажу на возах и ручных тележках и привозили в город. Соседние крестьяне покупали целые телеги сельдей для откармливания свиней». По словам Маркарда, которые тоже приводит Линдеман, число бланкенецких рыбаков достигало до 1820 года приблизительно 200, но они не могли надлежащим образом распродать свои невероятно большой лов*.

** Численность сельди одних и тех же стад может сильно отличаться в разные годы и зависит от условий нереста и откорма молоди в предыдущие годы, т. е. от тех условий, которые определяют урожайность поколения. На общую численность сельдей, как и других промысловых рыб, большое влияние оказывают сроки и объемы вылова. Нерациональное использование запасов часто приводит к перевылову, когда численность рыб резко сокращается, и для ее восстановления требуются длительное время и специальные меры введение ограничений или запрета на промысел. Для таких рыб, как сельди, в промысле которых принимают участие суда многих стран, взаимные договоренности об объемах вылова (квоты) достигаются в результате сложных и длительных международных переговоров.*

Главная масса всех сельдей, которая наблюдается и ловится в верхних слоях, несомненно, появляется здесь с намерением метать икру. Иногда икра и молоки изливаются в такой массе, что море мутнеет и сети покрываются корой, возникает противный запах, который разносится на далекое расстояние; верхний слой воды насыщается семенем, которое может оплодотворить большую часть яиц. Даже на дне моря икра накапливается в виде ясно заметного слоя. Так, Эварт, исследуя мели, где мечут икру сельди, в Баллантраэ у южной части западного берега Шотландии, нашел, что крупно песчаный грунт моря на глубине 7-213 сажений был местами покрыт слоем икры толщиной более 1 см.

Житель внутренней части страны с трудом может составить представление о стаях сельдей, так как рассказы очевидцев кажутся преувеличенными и невероятными. Но очевидцы так согласны между собой, что мы не можем сомневаться в верности их рассказов. «Опытные рыбаки, — говорит Шиллинг, — которых я сопровождал во время ловли, показывали мне в поздние сумерки стаи длинной и шириной в несколько миль, которые были заметны не на поверхности моря, а по отблеску их в воздухе. Сельди идут тогда так густо, что лодки, попадающие в их стаи, подвергаются опасности; сельдей можно непосредственно бросать в судно ковшами, и длинное весло, воткнутое в эту живую массу, продолжает стоять». В новейшее время Леверкус-Леверкузен наглядно и живо описывает,

как у западного берега Норвегии, пересекая морской рукав, он встретил у острова Хиттерень стаю сельдей, попавшую в узкий пролив*.

** Приводимые Бремом рассказы очевидцев явно преувеличивают плотность сельди в стаях на нерестилищах. Специально проведенные исследования позволили установить, что в нерестовых скоплениях в 1 м³ воды находится до нескольких десятков рыб. В ходовых стаях сельди плотность рыб намного меньше.*

"Я присутствовал при странном зрелище, которого я никогда не видел раньше так близко! Киль лодки медленно резал эту кишасщую массу и насильно вдавливал во влажную стихию беспомощных рыб, теснившихся на поверхности. Габриэль захватывал лопаткой весла больше сельдей, чем воды, и так мы в течение нескольких минут с усилием пересекали стаю». Так же говорят и другие наблюдатели; некоторые уверяют даже, что кишасщие рыбы приподнимают лодки, пересекающие их поток. Шиллинг считает вероятным, что сельдей ведут маленькие авангардные стаи и что ветер, течение и погода определяют каждый раз направление их движения. Другие, по-видимому, не верят этому, хотя и они соглашаются, что сельди появляются иногда массами.

В зависимости от температуры воды мальки выходят раньше или позднее, в мае, быть может, через 14-18, в августе — через 6-8 дней. Прозрачные и потому едва заметные мальки, оставляя яйцо, имеют около 7 мм длины, съедают в течение 8-10 дней содержимое желточного мешка, начинают затем двигаться и, собравшись мириадами, еще долго наполняют воды, где они родились. В первый месяц жизни они достигают, по словам Видегре-на, в среднем длины 1,5, во второй 2,5, в третий 3,7 см; по истечении года их длина приблизительно равна 9 см, год спустя — 15-18 см; на третий год они при длине около 20 см становятся способными к размножению.

Бесчисленны, как стаи сельдей, и враги, следующие за ними. Пока они держатся в верхних слоях воды, все живущие здесь хищные рыбы, все морские птицы и почти все морские млекопитающие питаются исключительно ими. Норвежцы узнают о появлении сельдей по собирающимся ради них китообразным; немало тамошних рыбаков думают, что китообразные пригоняют рыбу, точно так же они говорят о сельдяных королях и других сопровождающих стаи хищных рыбах. Как велики потери, причиняемые стаям сельдей морскими хищниками, нельзя, понятно, оценить и приблизительно, но мы можем, пожалуй, с большой вероятностью предположить, что наибольшие опустошения причиняет человек.

Ближайшим родичем селедки, живущим в немецких морях, является **европейский шпрот, или европейская килька** (*Sprattus sprattus*)*. Рыба около 15 см длины. Острое брюшко с ясными зубчиками, спина темно-синяя с зеленым отливом, остальное же тело серебристо-белого цвета; спинной и хвостовые плавники выглядят темными, а грудные, брюшные и заднепроходный — белыми. Позвоночный столб состоит из 48 позвонков.

** Шпрот водится в морях, омывающих Европу от Черного моря до Норвежского. В Балтийском море шпрот встречается в больших количествах и называется килькой. Это мелкая, быстро созревающая морская стайная рыба, нерестится в открытом море, выметывает плавающую икру. В Балтийском море шпрот — важный объект промысла.*

Хотя в хозяйстве человека значение кильки не так велико, как сельди, все же она принадлежит к важнейшим рыбам Северного и Балтийского морей, берега которых она населяет в большом количестве. По своему образу жизни килька походит на сельдь, живет, подобно последней, на значительной глубине и ежегодно появляется несметными стаями вблизи берегов или в мелкой воде. Но наблюдения, сделанные Гензеном над балтийскими кильками, доказали, что они, несомненно, мечут икру в мае и июне; около этого же времени, по Маттьюсу, они появляются на шотландских берегах для метания икры. Во всяком случае, их нашествие не всегда совпадает со временем метания икры, так как в Англии их массовое появление наблюдалось и в другие месяцы, и притом доказано, что к ним примешивались другие рыбы, в особенности во множестве попадались молодые сельди.

Европейская алоза (*Alosa alosa*)** даже несведущим человеком может быть признана за близкого родича селедки. Рот у нее рассечен до самых глаз, которые отчасти покрыты спереди и сзади хрящеватыми полулунными веками; жаберные дуги усеяны на своей вогнутой стороне множеством плотно лежащих длинных и тонких пластинок.

*** Алоза очень крупная проходная сельдь, достигающая длины 1 м. Обитала вдоль атлантического побережья Европы и Западной Африки, в Средиземном и Черном морях. На нерест заходила в крупные реки. Уже во времена Брема численность алозы резко снизилась, сейчас этот вид находится под угрозой исчезновения.*

Спина прекрасного масляно-зеленого цвета с металлическим блеском; бока блестяще-золотистые, большое темное, как бы вылинявшее пятно, помещающееся в верхнем углу широкой жаберной щели, и 3—5 следующих за ним меньших пятен имеют оливково-зеленоватый отлив; плавники вследствие темнозернистого пигмента выглядят более или менее черноватыми. Длина достигает 60 см или немного более, вес 1,5-2,5 кг.

Финта (*Alosa fallax*) представляет собой рыбу значительно меньшей величины: она достигает не более 45 см длины при 1 кг веса. Финта отличается от алозы преимущественно немногочисленными, отдельно стоящими, короткими и толстыми и отроосткам и, находящимися на выгнутой стороне жаберных дуг; окраской же она очень похожа на алозу.

По образу жизни обе рыбы очень сходны между собой. Они живут во всех морях, омывающих европейские берега, держатся здесь на значительной глубине, и, как только реки более или менее очистятся ото льда, они рано или поздно появляются на них и поднимаются вверх по течению для метания икры. Во время этих странствований они проходят почти весь бассейн реки, так как даже по маленьким речкам поднимаются до тех пор, пока в состоянии*.

** По своей биологии и распространению финта похожа на алозу. Отличается меньшими размерами ми, в реки высоко не поднимается, нерестится в нижнем течении, недалеко от устья.*

Рыбаки отлично знают этих рыб, которые, плывя близ поверхности воды, производят особенный шум ударами хвоста, который иногда до того силен, что кажется, «как будто в воде находится целое стадо свиней». Финта отправляется в свое путешествие обыкновенно недели на четыре позже алозы, но поведение ее во время странствования совершенно такое же, как у последней. Во время шума, похожего отчасти на свиное хрюканье, готовые к размножению рыбы мечут на поверхности воды свою икру и затем возвращаются в море. При этом большая часть из них до крайности истощается и изнуряется, так что их мясо, которое и без того-то не особенно ценится, едва пригодно для употребления в пищу. Многие из них не переносят напряжения, и иногда встречается большое количество их трупов, которые уносятся течением вниз. В октябре можно видеть молодых рыбок в 5 см, а рыбки в 10-15 см длины попадают в реки еще следующей весной и затем уже уплывают в море. Пища их состоит из маленьких рыбок и мягкоскорлупных разнообразных животных.

Гораздо важнее алозы и финты **европейская сардина** (*Sardina pilchardus*), по наружности похожая на сельдь, но меньше и толще, 18-20, в крайнем случае 25 см длины; верхняя ее сторона синевато-зеленого цвета, бока и брюшко серебристо-белые; жаберные крышечки с золотистым отливом и темными полосками.

Сардина, водящаяся главным образом на западе Европы, часто попадает у южных берегов Англии и вдоль всех французских и североиспанских морских берегов до Гибралтарского пролива**.

*** Европейская сардина встречается и в Черном море, но в небольшом количестве.*

Хотя сардина и прожорливая рыба, но питается она почти исключительно маленькими ракообразными, особенно мелкими креветками, которых тысячами находят в ее набитом желудке. Икру мечет в осенние месяцы; но в иные годы уже в мае попадают сардины, способные к размножению; таким образом, строго определить время размножения нельзя.

Северная манхэден (*Brevoortia tyravtnus*) — рыба с неправильно расположенными чешуями, на конце покрытыми как бы ресницами, и с черным пятном в плечевой области.

Эта маленькая рыбка появляется летом на восточных берегах Северной Америки от Флориды до Ньюфаундленда бесчисленными стадами, которые не удаляются от берегов далее Гольфстрима, а проникают в бухты и в устья рек, где только найдется солоноватая вода. В прежние времена этих рыб, ловившихся при случае массами, употребляли в пищу, но главным образом они шли на удобрение полей. Однако уже в течение многих десятилетий на это производство стали смотреть серьезнее, и учредилось множество заводов, которые в грандиозных размерах занимаются производством ворвани из этих рыб.

Вырабатывание ворвани Линдеман описывает следующим образом: «Добывание ворвани я видел в солеварне Уэльса на расстоянии одного часа от Саг-Харбура при мысе Цедарь. Большое открытое деревянное здание содержит 12 чанов, которые установлены в первом этаже, тогда как печи расположены прямо на земле. К этим двенадцати чанам посредством железных труб проведена свежая ключевая вода, подающаяся из отдельного громадного бака. Такой бак имеет 1,3 м вышины и около 3,5 м ширины. Внутри здания проходит небольшая железная дорога, которая, спускаясь, доходит до плотин, где причаливают суда с рыбой. На вагончиках, которые притягиваются на веревках посредством паровых машин, рыбу подвозят к краям чанов, поставленных вдоль железной дороги, и сваливают в них. Каждый чан вмещает 20-30 тысяч рыб. Варка, при которой мясо легко

освобождается от костей, занимает часть времени. Посредством гидравлического пресса из разварившейся массы выделяют ворвань и затем проводят ее по трубам в большие плоские сосуды; здесь она остывает и затем разливается в бочки. В зависимости от содержания жира из 1000 рыб получают от 12 до 120 л ворвани, в среднем до 25 л».

Семейство анчоусовые

Древние не знали ни сельди, ни сардины, ни кильки, но зато они были отлично знакомы с **европейским анчоусом** (*Engraulis encrasicolus*)*, которого ныне считают за представителя особого рода вследствие его сплюснутого с боков туловища, гладкого брюшного края, широкого, до самых глаз, расщепленного рта, выдающегося своим тупым концом рыльца, маленьких век, узких прямолинейных костей верхней челюсти и весьма острых зубов на разных костях рта.

** В Черном и Азовском морях европейский анчоус, которого называют здесь хамсой, также многочислен. Черноморская хамса размножается, нагуливается и зимует в Черном море, азовская хамса на зимовку уходит через Керченский пролив в Черное море. Обычно промысел этой ценной рыбы ведут во время ее зимовальной миграции, поэтому знание времени ее наступления имеет большое практическое значение. Исследования показали, что начало миграции хамсы зависит от достижения нагуливающимися рыбами определенного уровня жирности, а также от осеннего понижения температуры воды.*

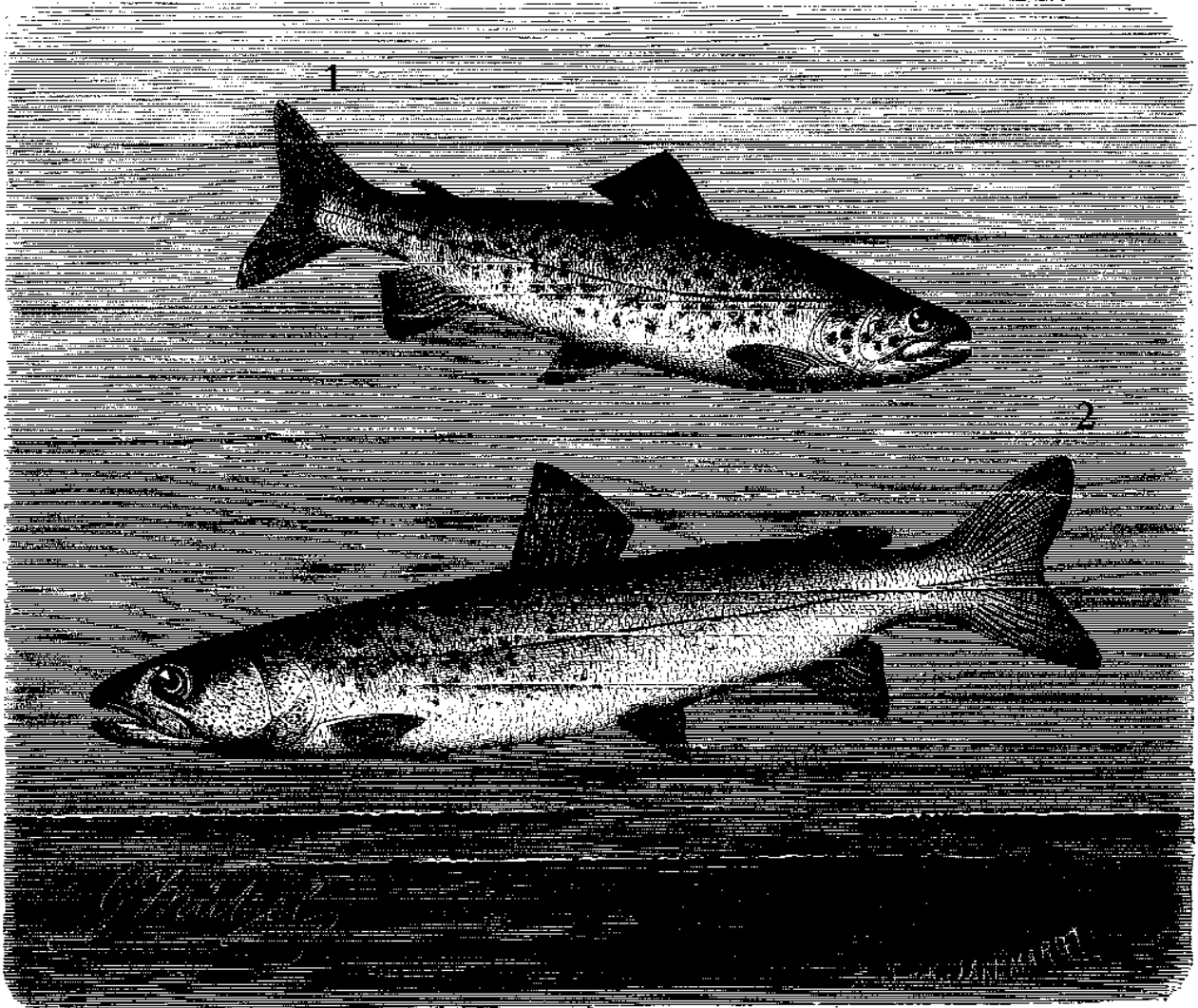
Анчоус достигает самое большее 15 см длины; окраска его верхней стороны буровато-синяя, на боках и на брюхе белая, на голове золотистая.

В громадном количестве анчоусы населяют Средиземное море; отсюда они распространяются вдоль европейских берегов по Атлантическому океану до северной части Северного моря и проникают в Балтийское. Для северных частей области его распространения ловля этой ценной рыбы не имеет большого значения, хотя ею занимаются и здесь; совсем другое дело в южных странах. Уже в Бретани ловля анчоусов дает миллионные доходы; в Средиземном море рыбка эта считается береговыми жителями наиболее ценным видом своего рода. По образу жизни и поведению анчоусы мало отличаются от других сельдей.

Семейство лососевые

Дунайский таймень, или дунайский лосось (*Hucho hucho*), имеет вытянутое в длину, вальковатое тело и окрашен на верхней стороне головы и спины зеленовато-темно-бурым или голубовато-серым, на брюхе серебристо-белым цветом, так что один тон постепенно переходит в другой. Голова и тело то более, то менее усажены мелкими темно-черными или черноватыми точечкам, между которыми, особенно на темени, жаберной крышке и спине, находятся более крупные черные пятна; эти пятна по направлению книзу и сзади постепенно принимают форму полумесяца. У очень старых рыб основной цвет переходит в бледно-красный. Лишенные пятен плавники имеют беловатую окраску, которая на спинном и хвостовом плавниках кажется помутневшей. Длина равна 1,5-2 м, вес 20-50 кг.

Хотя Паласе и говорит, что дунайский лосось водится и в реках Каспийского моря, но новейшие наблюдатели нашли его лишь в бассейне Дуная, и сомнительно, выходит ли он вообще в море; гораздо вероятнее, что он встречается исключительно в главной реке и притоках, стекающих в нее с Альп.

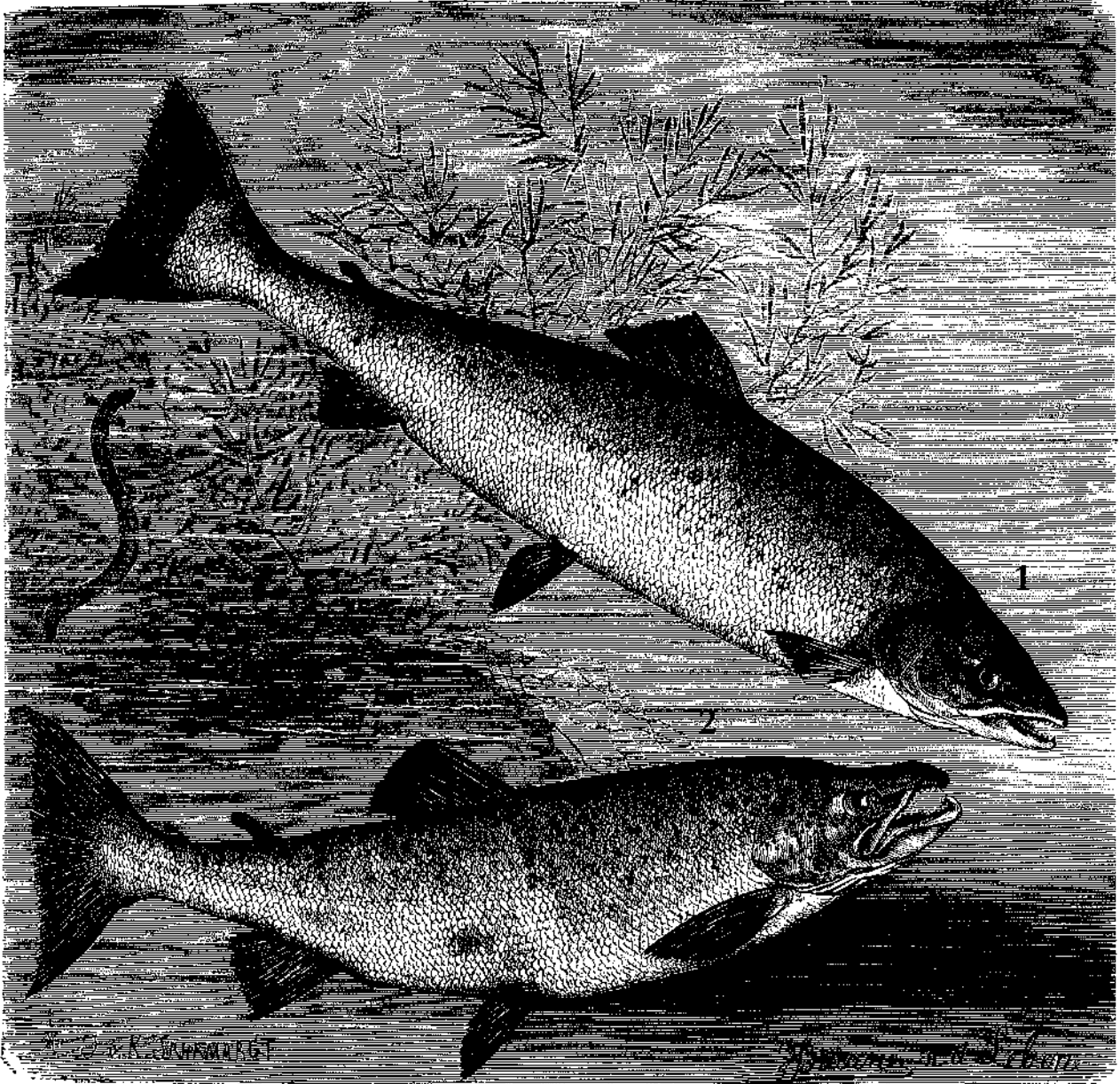

1 — Кумжа озерная (*Salmo trutta morfa lacustris*) 2 — Дунайский таймень, или дунайский лосось (*Hucho hucho*)

Иногда ловили, правда, экземпляр-другой дунайского лосося в северных притоках Дуная, но такие случаи должны считаться исключениями. Возможно, что он поднимается во время икрометания из главной реки вверх по притокам, но едва ли выше 100 м. По характеру это настоящий лосось, но соответственно своей величине; он превосходит всех родичей прожорливостью. Дэви вынул из одного добытого им лосося язя, хариуса, уклейку и двух маленьких сазанов; Зибольд узнал от рыбаков, что они уже не раз находили водяных крыс в больших дунайских лососях. Время нереста в отличие от родичей падает на апрель и май, но при благоприятной погоде может начинаться и в марте. В это время он оставляет свое любимое местопребывание, быстро текущую воду, ищет мелких мест, покрытых гравием, вырывает хвостом яму и во время кладки яиц бывает так глух и слеп, что над ним можно проехать на челноке, не прогнав его. Молодые быстро растут и, достигнув 2 кг веса, становятся уже способными к размножению.

Беловатое мясо по вкусу заметно уступает лососине и ценится ниже мяса кумжи.

Атлантический лосось, или семга (*Salmo salar*) характеризуется очень вытянутым в длину, более или менее сжатым с боков телом, очень маленькой по отношению к нему головой с тонкой, сильно вытянутой мордой, беззубой, короткой, пятиугольной пластинкой сошника и расположенными в один ряд, рано выпадающими зубами узкой части рукоятки сошника. Спина синева-серая, бока серебристые, нижняя сторона белая и блестящая; рисунок у половозрелой рыбы состоит из многочисленных черных пятен.

1 — Семга, или атлантический лосось (*Salmo salar*) 2 — Кумжа проходная (*Salmo trutta*)

Спинные, жировые и хвостовые плавники имеют темно-серую, остальные — бледную окраску; иногда на спинном плавнике находятся отдельные круглые черные пятна. В длину лосось может достигать 1,5 м, а его вес может доходить до 45 кг; но такие крупные экземпляры встречаются в настоящее время лишь в северных русских реках; в остальной Европе такие гиганты давно истреблены. В наши дни лосось длиной в 1 м и весом в 15-16 кг считается здесь очень большим.

Родиной лосося мы должны считать воды умеренной Европы на юге до 43 градуса северной широты и воды Нового Света до 41 градуса северной широты. Его нет во всех реках, которые изливаются в Средиземное море. Он держится более в пресной воде, чем в море, проводит в реках первую молодость и ежегодно поднимается из моря в реки, насколько может. В Германии он посещает главным образом Рейн и его притоки, Одер и Вислу, но встречается также в Везере и Эльбе. При своих странствованиях семга появляется во всех крупных притоках названных рек, если только плотины или водопады не преграждают ей путь. Чаше, чем в Германии, она встречается в реках Великобритании, России, Скандинавии, Исландии, Гренландии, Северной Америки, реже в реках западной Франции и северной Испании. В Великобритании, где лосось был прежде настолько обыкновенен, что его мясо едва ценилось, непрерывное преследование так уменьшило его количество, что даже в шотландских реках Тэй, Твид, Спей и Эск, которые он прежде предпочитал, заметили его уменьшение, возбуждающее опасения, и должны были издать строгие законы для его охранения. В России он мечет икру во всех реках, впадающих в Балтийское и Белое моря, но достигает своей восточной границы на Урале, по крайней мере не встречается уже в Оби. В Скандинавии, а также в Исландии и Гренландии это и теперь еще одна из обыкновеннейших речных рыб; во

Франции он посещает все реки, впадающие в Атлантический океан; в Испании встречается еще в большом числе во всех водах бассейна Бискайского залива, но не встречается в тех, которые текут через Португалию в океан, или, по крайней мере, показывается здесь лишь в виде отдельных экземпляров.

Как живет семга в море, мы не знаем, как ни тщательно производились наблюдения именно над этой, самой ценной из всех пресноводных рыб. Мы можем лишь принимать за твердо установленный факт, что она никогда не удаляется на большое расстояние от места родины и, следовательно, отнюдь не предпринимает, как думали прежде, путешествий до Северного полюса, а разве уходит от устья реки в глубину, в места, лежащие около ближайших глубоких частей моря, и откармливается здесь до того, что представляет собой редкий пример даже среди рыб*.

** Уходя в море на нагул, лосось действительно не удаляется далеко от берега, но от устья родной реки может уходить достаточно далеко — на многие сотни километров. Так, лосось наших северных рек нагуливается у побережья северо-западной Норвегии. К Северному полюсу конечно же лосось не проникает. Возвращаясь из моря в реки на нерест, лососи могут преодолевать в сутки в среднем по 50 км.*

По исследованиям шведских натуралистов, семга во время пребывания в море пожирает различных ракообразных и рыб, особенно песчанок, колюшек, а также и сельдей, но вовсе не ограничивается этими животными, а, напротив, ест все, что может добыть. Совершенно иначе ведет она себя во время пребывания, в пресной воде, по крайней мере там, где ее до некоторой степени наблюдали. В общем, она мало отличается от своих родичей, особенно от обеих кумжей, которые и по строению близки к ней. Она плавает так же ловко и еще превосходит их в умении делать прыжки; подобно другим благородным лососям, охотно живет обществами, но ест в пресных водах так же жадно, как кумжа, лишь в молодости и почти совершенно воздерживается от пищи во время размножения и после него, вообще до тех пор, пока, поднимаясь из моря, остается в пресных водах. Странствования представляют необходимое условие ее жизни: море кормит, а пресная вода дает возможность размножаться.

Хотя во все месяцы года можно замечать лососей, поднимающихся по рекам, но их путешествия внутрь страны приходится все же главным образом на первые месяцы года*.

** Ход лосося в реки на нерест довольно сложен. На протяжении года наблюдается несколько периодов хода семги в реки. В наши реки на европейском Севере с августа до наступления зимы идет крупная осенняя семга с еще незрелой икрой и молоками. Та часть рыб, которая не успевает зайти в реку до зимы, остается в предустьевой зоне и заходит сразу после ледохода. Осенняя семга достигает нерестилищ в верховьях рек только к осени следующего года и весь этот период, находясь в реке, не питается. В середине лета в реки идут рыбы с уже зрелыми половыми продуктами: они приходят на нерестилища и откладывают икру этой же осенью. В это же время мигрируют в реки на нерест мелкие зрелые самцы, которые не уходят далеко в море и возвращаются зрелыми на следующий год после ухода в море на нагул.*

Выход в реки может быть замедлен или ускорен преобладающей погодой, а также температурой реки, но в среднем он приходится на март, апрель и май. Когда реки вскрыются, лососи приближаются обществами из 30-40 штук к берегам и устьям реки, держатся здесь некоторое время, как будто бы им надо сначала приучить себя к пресной воде, поднимаются с приливом вверх по реке и с отливом снова возвращаются в море, пока не приступят наконец к настоящему путешествию. Наблюдали, что икряники (самки) поднимаются прежде молочников (самцов) и что молодые, которые лишь за несколько месяцев или недель вошли в море, возвращаются в реки прежде старых. В первые месяцы года появляются в море и более мелкие рыбы, родившиеся в прежние годы, так что первые уже достигают верховьев рек, когда последние только входят в низовья. Лососей, только что поднимающихся из моря, можно с достаточной уверенностью узнавать по их серебристо-белому цвету и относительно слабо сидящим чешуям, а часто также по одному сидящему на них паразиту, который умирает в пресной воде; потому не трудно отличить их от проживших уже долгое время в реках. Во время странствования они держатся, говорят, в известном порядке, а именно образуют два ряда, сходящихся впереди, так что старая сильная рыба стоит во главе косяка, а за ней на большем или меньшем расстоянии следуют остальные. Если ряд разрывается, то косяк останавливается; но скоро рыбы снова собираются и восстанавливают прежний порядок.

Препятствие они стремятся преодолеть всеми силами, стараются проскользнуть под сетями или прорвать их, перепрыгивают через пороги, водопады и плотины. При этом они обнаруживают изумительную силу, ловкость и выносливость. Напрягая все силы, они проникают в самое сильное течение под основание порога, упираются хвостовым плавником о камень, чтобы получить точку

опоры, изо всех сил ударяют по воде и выбрасываются на высоту 2 и 3 м, описывая в то же время дугу в 4-6 м длиной. Неудача не мешает им повторить прыжок, и нередко они платятся жизнью за свое упорство, даже если упадут не в расставленные для них ловушки и верши, а просто на голые скалы. Вертикальные водопады значительной вышины, понятно, останавливают их движение, пороги же они преодолевают легко. На этом основано с успехом применяемое устройство — лососепроводы, которые представляют для этих рыб настоящие лестницы. Для этого в естественном или искусственном желобе, поочередно с той и другой стороны, крепко вбивают выдающиеся деревянные или железные пластинки, о которые разбивается сила падающей воды, благодаря чему получают для рыб места отдыха. Озера, через которые протекают реки, лососи всегда проплывают, так как всегда достигают верхних притоков данной реки. Несмотря на свое искусство в плавании, они достигают верхнего течения рек лишь по прошествии значительного времени, а следовательно, переключиваются не торопясь и медленно. Так, они входят в Рейн уже в апреле, но лишь в мае появляются у Базеля и редко раньше конца августа в его притоках.

Во многих реках наблюдали, что появляющиеся в них лососи поднимаются в разное время, а следовательно, не в одно время достигают известных мест. Так, молодые лососи, еще не способные к нересту, входят в пресные воды уже в зимние месяцы, с ноября до февраля, остаются в них почти целый год и нерестятся лишь потом; продолжительное пребывание их вне моря не приносит им при этом видимого вреда. Некоторые рыбоводы полагают, в противоположность взгляду, разделяемому всеми исследователями, что лососи могут привыкать вовсе не покидать пресных вод*; они принимают, например, что лососи, живущие в озере Венерн в Швеции, не идут в море, так как не могут подняться оттуда в озеро.

** В некоторых крупных озерах, например в Ладожском и Онежском, существуют жилые популяции атлантического лосося, который получил название озерного лосося. Этот лосось нагуливается в озере, а на нерест поднимается во впадающие в озеро реки.*

Основываясь на этом, на исходе пятидесятих годов посадили лососей в Женевское озеро, сток которого, как известно, исчезает на значительном протяжении под землей под названием «потерянной Роны», и несколько лет спустя были пойманы икрючки с созревшими яйцами. Но и в озере Венерн лососи поднимаются вверх по впадающим в него рекам, чтобы метать икру, и мнение прежних исследователей, что продолжительное пребывание в реках составляет необходимое условие для надлежащего развития половых органов, получает, таким образом, подтверждение. Когда половые органы достигли почти полной зрелости, лососи поднимаются вверх по рекам гораздо быстрее, чем прежде, и нерестятся в нижнем течении рек лишь в том случае, если препятствия оказываются непреодолимыми.

Во времени нереста лососи подвергаются изменению, заметному и снаружи: они одеваются в брачный наряд, окраска их становится темнее, а на боках тела и жаберных крышках появляются часто красные пятна. У совершенно старых самцов-молочников, по словам Зибольда, развивается ко времени размножения великолепный цветной наряд, причем не только брюхо окрашивается в пурпурно-красный цвет, но также и на голове образуются зигзагообразные линии из сливающихся между собой красных пятен, резко выделяющихся на голубоватом фоне; кроме того, основание заднепроходного плавника, передний край брюшных плавников и верхний и нижний края хвостового плавника получают красноватый оттенок. В то же время утолщается кожа спины и плавников.

От октября до февраля самка, которую сопровождает обыкновенно один взрослый и много молодых самцов, выбирает неглубокое песчаное или покрытое гравием место для устройства так называемого гнезда, широкой, но неглубокой ямки, в которую помещаются яйца. Вырывает ямку только самка, и именно с помощью хвоста, между тем как самец стоит настороже, чтобы отгонять соперников. Когда самка готовится метать икру, самец спешит к ней, чтобы облить семенем яйца, которые с помощью движений хвоста снова прикрываются песком. Нередко можно видеть также, что самку окружают лишь мелкие молочники, только что достигшие половой зрелости, которые никогда еще не были в море, и принимают участие в размножении*.

** Самцы лососей, не уходящие в море и созревающие в реке, получили название карликовых самцов.*

Некоторые наблюдатели приписывают упомянутым молодым лососям даже очень важную роль. Дело в том, что каждый более старый самец ревниво стережет самку, готовящуюся метать икру, и старается удалить всех соперников. Если один из последних приближается, то он вступает с ним в бой и дерется, пока тот не оставит поле битвы, иногда с таким ожесточением, что от крови его или его противника краснеет вода или даже один из бойцов платится жизнью. Самка не обращает внимания на эти битвы. По-видимому, удовлетворенная присутствием молодых лосо-

сей, она продолжает метать икру, бросается с перерывами в несколько минут то на один, то на другой бок, выжимает каждый раз некоторое количество яиц и, снова переворачиваясь, покрывает тонким слоем песка яйца, отложенные и облитые семенем торопливо теснящихся вокруг нее молодых самцов. Молодые лососи играют здесь ту же роль, что и молодые самцы во время битвы двух сильных оленей. Тем не менее самка вовсе не довольствуется ими одними. Лишь только взрослого самца поймают или он будет убит в битве, она прерывает икротомание, плывет к ближайшей глубине и приводит оттуда с собой другого старого самца, чтобы продолжать нерест под его охраной. Юнг наблюдал, как одна самка приводила с собой одного за другим девять самцов к месту нереста, а когда выловили и последнего, она возвратилась в сопровождении большой кумжи. Икра никогда не откладывается вся сразу, а с промежутками; весь нерест заканчивается, но одним данным, в течение 3-4, по другим — в течение 8-10 дней.

По окончании размножения лососи так истощены, что не могут ни охотиться, ни плавать. Скорее уносимые водой, чем двигаясь сами, они соскальзывают вниз по течению до ближайшего глубокого места и остаются там до тех пор, пока не отдохнут, не оправятся до известной степени и не будут в состоянии приступить к обратному пути в море. С высокими зимними и весенними водами они медленно плывут далее и далее вниз по течению, по возможности избегая водопадов и порогов, и в благоприятном случае достигают моря, проведя предварительно долгое время в солоноватой воде. До этого времени они, как пишет мне Питш, по-видимому, вовсе не принимают пищи; по крайней мере в желудке пойманных в это время рыб не находят остатков пищи. «Мясо их, которое во время их хода из моря имело прекрасный красноватый цвет, становится теперь грязно-белым и совершенно несъедобным для человека с развитым вкусом. Темные пятна на теле умножаются, увеличиваются и становятся более красными и показываются также на плавниках. Крючок на конце челюсти становится длиннее и так оттесняет верхнюю челюсть, что рыбы не могут надлежащим образом закрывать рот, а потому не могут также ни достаточно крепко схватывать, ни размельчать добычу. Вследствие этого они становятся настолько вялыми, что дают схватить себя рукой, не делая попыток спастись, и, во всяком случае, их легко можно колоть острогой. Большая часть возвращающейся рыбы гибнет во время пути к морю*.

** После нереста значительная часть рыб погибает. Среди погибших преобладают самцы. В среднем за свою жизнь, продолжительность которой составляет около 8-9 лет, лососи участвуют, в нересте 2-3 раза. Наибольшее число повторных нерестов, зарегистрированное для лосося (самка), — 5. Число нерестов можно определить по чешуе рыб, на которой после каждого нереста остается специальная метка — «нерестовая марка».*

После вскрытия льда находят на отмелях, покрытых гравием, а также на плотинах и около них множество трупов этих благородных животных. Если они счастливо достигнут моря, то оправляются изумительно быстро, очищают жабры от белых червей и других паразитов, которые прикрепляются к ним в пресной воде, но в соленой умирают; челюсти их вытягиваются, пятнистость пропадает, они жадно едят и к следующему восхождению становятся уже такими же сильными, как прежде.

Ляйца развиваются, смотря по погоде, быстрее или медленнее; но обычно до выхода мальков проходит около четырех месяцев. Длина их скоро после вылупления составляет приблизительно 1 см. Голова и глаза очень велики. Желточный мешок еще значительной величины. Цвет тела бледно-бурый с 9 или 10 темно-серыми косыми полосками из пятен на боках. При ближайшем рассмотрении убедились, что в первое лето они достигают в длину не более 10 см, но затем растут несколько быстрее и в возрасте 16 месяцев достигают приблизительно 40 см. Где-то в это время их окраска становится, как у взрослых, и пробуждается стремление к кочеванию: они устремляются к морю. Путешествие их вниз по реке происходит медленно, и, прежде чем вступить в соленую воду, они проводят неделю в устьях рек, так как быстрый переход, по-видимому, опасен для них. Временное пребывание в море не составляет, правда, как мы видели, необходимого условия для их жизни, но, во всяком случае, оно имеет величайшее значение. Они находят здесь, должно быть, чрезвычайно обильную пищу, так как в очень короткое время поразительно увеличиваются в размерах и весе.

В Великобритании молодых лососей долго не признавали за лососей и тем причиняли непоправимый вред. Тех, которые еще сохранили окраску молодых, считали за рыб другого вида, не хотели признавать за настоящих лососей даже тех, которые уже находились в переходной окраске, а потому и не колебались вылавливать их целыми четвериками, и если не могли иначе утилизировать, то бросали их в качестве удобрений на поля*.

** Молодь лосося, проводящая первые несколько лет в реке, совершенно не похожа по окраске на взрослых рыб. Детский наряд на взрослый они меняют непосредственно перед выходом в*

море. Этот процесс называют смолтификацией, а преобразившуюся молодь — смолтами. В это время меняется не только окраска рыб, но и их поведение и физиология. Они теряют территориальный инстинкт и желание оборонять свою территорию в реке от собратьев, объединяются в стаи, приобретают способность выживать в соленой морской воде.

Хогг, пастух, был первый, кто обнаружил ошибочность общераспространенного мнения. Пася своих овец, он неоднократно имел случай наблюдать рыб и приобрел значительную ловкость в их ловле. При этом ему попадались в руки молодые лососи, которые только что оделись во второй наряд молодых, и такие, которые уже совершили переход к наряду старых. Раз обратив на это внимание, он решил провести наблюдения, отметил пойманных им рыб, отпустил их и позднее снова выловил их на удочку в виде несомненных лососей. Открытие его было встречено с недоверием и насмешкой, пока наконец за дело не принялись естествоиспытатели и не убедились путем искусственного разведения в справедливости данных Хогга. С тех пор думают иначе, чем прежде, и стараются по возможности защищать молодых лососей, которые раньше стояли вне покровительства законов; уже теперь замечаются самые утешительные результаты этого.

Все враги, которые преследуют вообще наших речных рыб, причиняют вред и лососям и истребляют столь значительную часть их, что, может быть, едва более 10 из 100 отложенных яиц развиваются и достигают зрелости. Враг, сильнее всего свирепствующий над ними, понятно, человек. Значительное большинство рыбаков не может заставить себя своевременно щадить лососей, а, напротив, именно в период размножения производит ловлю самым ревностным образом и не щадит даже тех из них, которые заняты кладкой яиц и, совершенно поглощенные этим делом, легко дают себя выловить. В Великобритании владельцы крупных поместий ревностно стремились прийти к соглашению, чтобы обеспечить лососям более серьезную защиту в течение установленного ими охранительного запретного времени, чем существующие законы; однако все пришли там к убеждению, что лишь после пятилетнего покоя, т. е. полного прекращения ловли лососей, реки могли бы быть снова населены в достаточной степени**.

* * *Сейчас во всем мире все большее и большее распространение получает метод спортивного лова рыб, в том числе и лососей, по принципу «поймал — отпусти». Выловив рыбу и получив удовлетворение от успешной борьбы с крупной, сильной и красивой рыбой, рыбак позволяет себе лишь измерить трофей, сделать несколько фотографий на память, а затем отпускает рыбу на волю. Результаты подобного лова быстро сказываются на численности рыб.*

Легче, чем всякую другую рыбу, лосося можно изгнать из известных рек. Доказано, что одна и та же рыба всегда посещает для размножения ту реку, в бассейне которой она родилась; именно ее, а не другую. Какие условия имеют при этом решающее значение, мы не можем сказать с уверенностью, но сам факт установлен, по-видимому, множеством наблюдений.

С помощью искусственного разведения удалось кроме кумжи, поселить в Австралии (штат Виктория и остров Тасмания) и на Новой Зеландии также лосося. Потребовалась, правда, замечательная настойчивость и затрата значительных денежных средств, чтобы добиться намеченной цели; но она была достигнута. Незначительная часть из тех многих тысяч яиц, которые посылались в Австралию, уложенные во льду, доехали туда живыми и развились в сильных рыб, которые были в состоянии привыкнуть к встретившимся там условиям и хорошо вырасти, пользуясь встреченной там пищей. «Эти чужестранцы, — замечает, сопоставляя результаты, Зибольд, который собрал относящиеся сюда данные, — должно быть, нашли в австралийских водах даже очень изобильную пищу, так как они выросли быстрее, чем можно было ожидать. Рост их шел превосходно еще и в том отношении, что по истечении периода юности в них совершенно правильно пробудилось половое возбуждение и размножение потекло у них совершенно так же, как у их родителей. Факт этот заслуживает тем большего внимания, что, как можно было при этом убедиться, эти рыбы, прожив первую молодость в реках Австралии, перешли, следуя унаследованному от родителей стремлению к перекочевкам, к жизни в открытом море. Возвращения этих лососей в реки Австралии ждали с тем большим напряжением, что они вышли в часть океана, где могли подвергнуться преследованиям совершенно неизвестных врагов, и казалось сомнительным, удастся ли им выдержать счастливо эту неизбежную борьбу за существование. Что они ее выдержали, видно уже из неоднократного возвращения их в реки. Но и в Австралии они сохранили изумительную память на местность их предков, так как умели снова находить то самое место в реках, где сами выросли, чтобы вернуться туда для нереста» *.

* *В нашей стране, так же как и во многих северных странах, на реках, где обитает семга, построены рыбобродные заводы, которые заняты выращиванием молоди семги в искусствен-*

ных условиях в бассейнах и лотках. Выращенная молодь выпускается в море, а через несколько лет в реки возвращаются взрослые рыбы.

Мясо лосося по справедливости считается лучшим из доставляемого нашими туземными рыбами, но уступает уже мясу кумжи, еще более мясу хариуса и сига и более всего мясу гольца. Оно ценится лишь до тех пор, пока имеет красный цвет; ставши белым, оно не только обесценивается, но даже считается вредным.

Две лососевых рыбы средней Европы трудно различить, а потому их часто смешивают. Одна из них — **кумжа озерная** (*Salmo trutta morfa lacustris*), которую уже Авзоний отмечает как «промежуточное существо двойкой природы, ни то, ни другое: еще не лосось и более не форель — сомнительное создание!». Она и сейчас еще сомнительное существо, допускающее два и даже много толкований, относительно которого воззрения ихтиологов сильно расходятся.

Половозрелую форму кумжи озерной можно узнать по более толстому, неуклюжему сложению*.

** Брем описывает озерную кумжу, населяющую многие озера Европы, в том числе озера европейского Севера нашей страны. Обитает озерная кумжа и в некоторых горных озерах Кавказа. Внешне взрослая крупная озерная кумжа напоминает атлантического лосося, но ее легко можно отличить по окраске: темные пятна на теле кумжи, напоминающие по форме букву «х», располагаются как ниже, так и выше боковой линии, тогда как у лосося они имеются только в верхней части боковой поверхности тела.*

Голова ее, по сравнению с остальными частями тела, имеет значительный объем: морда относительно тупая, что обуславливается особенно развитой межчелюстной костью, передняя короткая пластинка сошника треугольная и на поперечном заднем крае усажена 3-4 зубами, очень длинная твердая рукоятка слегка вогнута на небной поверхности и снабжена толстым высоким продольным ребром, усаженным зубами; зубы, сидящие на сошнике, очень сильные и расположены впереди по большей части в один, сзади в два ряда, редко и там и тут в один ряд, еще реже и там и тут в два. Зеленовато-голубая или серо-голубая спина и серебристо-блестящие бока имеют то большее, то меньшее число пятен круглой или угловатой формы и черного цвета, которые иногда бывают с неясной оранжево-желтой каймой. У молодых замечаются еще на боках отдельные оранжево-желтые пятна. Грудные, брюшные и заднепроходный плавники кажутся в молодом возрасте бледными, но у более старых экземпляров окрашены в серый цвет, то сильнее, то слабее, чем спинные и хвостовой плавники, которые всегда имеют такой же или еще более темный цвет; на спинном плавнике замечается всегда много круглых черных пятен, между тем как хвостовой плавник усажен лишь иногда отдельными неясными черными крапинками.

Величина очень значительна: не редки кумжи длиной 80 см и весом 12-15 кг; иногда ловят экземпляры длиной 1 м и весом 25-30 кг.

Можно сказать с уверенностью, что описанный вид живет в озерах Альп и их предгорий и здесь встречается почти во всех более значительных и глубоких водах до высоты 1500 м; можно предположить, что Линней, давший этому виду название, имел перед собой шведские, а не швейцарские экземпляры, и наконец, вероятно, что эта кумжа живет также в более крупных и более глубоких озерах Шотландии. В альпийских озерах она держится обыкновенно на значительной глубине, редко в слоях менее 40 м глубины, так как в них держатся сизи, их любимая добыча. Она преследует, правда, кроме того, все виды мелких рыб, но в зрелом возрасте охотится преимущественно за этими нежными и вкусными родичами по семейству, между тем как в молодости питается в основном плотвой. «Если кумжи, — говорит Геккель, попадут на стаю этих рыб, то, преследуя их, они так разгорячатся, что заплывают в совершенно мелкие прибрежные места. Стая плотвы стрелой бросается врассыпную и старается спастись, делая прыжки над поверхностью воды, но тщетно: не менее быстрый враг хватает добычу сначала за хвост и глотает, делая быстрый поворот, так что глотание совершается головой вперед». Достигнув веса 12—15 кг, они не довольствуются более такой мелкой рыбой, а охотятся за рыбами весом почти в 1 кг.

К началу сентября они оставляют воды, в которых обычно живут, и поднимаются по рекам для метания икры. У тех, которые плодовиты, способность к размножению наступает уже в ранней молодости и проявляется, как и у более старых экземпляров, в изменении цвета и кожного покрова. Они принимают очень темную окраску и бывают как бы зачернены на нижней стороне от подбородка до конца хвоста, кроме того, более глубокие слои кожи просвечивают оранжево-желтым цветом, почему такие экземпляры, по словам Зибольда, получают на озере Хиэмзее название золотых лососей.

Утолщение кожи до значительной степени происходит на спине и брюхе самцов и простирается также и на плавники. Перекочевка совершается обществом; однако более крупные экземпляры появляются обыкновенно первыми. Рыбы медленно поднимаются вверх, так как они, по-видимому, не торопятся попасть скорее на место. Тем не менее они далеко поднимаются вверх по рекам; в области Рейна, по словам Чуди, до 800 м над уровнем моря, в области Инна на гораздо более значительные высоты, так как здесь они населяют еще озера на высоте 1600 м. В мелкие ручьи они, впрочем, не имеют обыкновения входить, а отыскивают для нереста покрытое гравием дно в быстро текущих реках. Кладка происходит совершенно таким же образом, как у ручьевой кумжи. Они вырывают, по мере того как освобождаются от своих желтых липких яиц величиной с горошину, желобкообразные ямки в песке; у рыб весом около 10 кг эти ямки уже такой длины и глубины, что в них мог бы поместиться, лежа, человек. Такими ямками охотно пользуются также и приплывающие позже самки, и они хорошо известны также всем рыбакам. Спустя продолжительное время после окончания нереста они возвращаются в озера, чтобы провести здесь зиму и лето, между тем как молодые, родившиеся в этот или предыдущий год, остаются всю весну и лето в реках и лишь на вторую зиму своей жизни отправляются в озера. При возвращении они, держась головой вверх, предоставляют течению нести их, поэтому их хвостовой плавник часто сильно повреждается.

Мясо ее, как пишет Геснер, очень ценится. «Эти рыбы имеют чрезвычайно хорошее и здоровое мясо, так что превосходят в этом отношении почти всех других рыб, однако они особенно хороши летом, когда мясо их красновато; этот цвет пропадает зимой и во время нереста. Выше ценятся те, которых вылавливают на глубине, чем те, которые держатся в верхних слоях воды. Их приготавливают различными способами, как лососей и мелких речных кумжей».

Ближайший родич озерной кумжи — **проходная кумжа** (*Salmo trutta*). Вследствие большого сходства ее с кумжей озерной трудно дать резкие отличительные признаки обоих видов*.

** Молодь проходной кумжи первые годы своей жизни проводит в реках, а за тем для откорма спускается не в озера, как озерная кумжа, а в море. На Балтике проходную кумжу называют лососем-тайменем. Кроме тех районов, которые перечисляет Брели проходная кумжа населяет также реки Черного, Каспийского и Аральского морей. Встречается она также и в Северной Америке, где кумжа была акклиматизирована человеком. Проходная кумжа Черного и особенно Каспийского морей достигает значительных размеров, здесь ее принято называть лососем. Для черноморского лосося зарегистрированы экземпляры, превышающие 20 кг, а для каспийского — свыше 50 кг, это самая крупная лососевая рыба Европы!*

Тело проходной кумжи относительно плотное и почти круглое, голова спереди притуплена, разрез рта доходит не далее как под глаза; чешуйки больше, зубы слабее, чем у озерной кумжи; те, которые сидят на передней пластинке и рукоятке сошника, расположены, в сущности, таким же образом, как у родственного вида. По цвету проходная кумжа, по словам Зибольда, почти не отличается от бесплодной озерной формы. Ее голубовато-серая спина и серебристые бока усажены лишь немногими черными пятнами, а иногда совершенно лишены пятен; нижняя сторона чисто-белая, парные плавники и заднепроходный бесцветны, грудные у более старых экземпляров серого цвета, спинной и хвостовой плавники темно-серые, первый разрисован отдельными черными пятнами. Пока молодые кумжи еще не достигли половой зрелости, их плавники винно-желтого цвета, и на боках тела тоже замечаются различные оранжево-желтые пятна. Вероятно, и между кумжами есть бесплодные экземпляры, по крайней мере такими считают тех из них, которые отличаются от остальных светлым, как серебро, цветом, глубоко вырезанным хвостовым плавником и легко отпадающими чешуйками. Длина, по словам Ярреля, может достигать 1 м, вес 15 кг.

Проходная кумжа водится не в больших озерах, а в море. В море она живет поздней осенью и отсюда поднимается вверх по рекам, чтобы метать икру. Область распространения ее простирается, соответственно этому, значительно дальше, чем область ее родичей. Она живет в Балтийском море, северном Атлантическом океане, включая проливы и каналы вокруг Великобритании, в Северном море и Ледовитом океане до Белого моря, нередко встречается у немецких берегов. У скандинавских, английских, шотландских, ирландских, лапландских и русских берегов и во впадающих в эти воды реках кумжа попадает местами в таком большом числе, что может совершенно испортить все удовольствие английскому ловцу лососей, хватая приманку вместо ценной семги и тем возбуждая сначала надежды, а потом принося горькое разочарование. Пища ее состоит из тех же животных, которых преследуют и другие крупные благородные лососи. Время нереста падает на ноябрь и декабрь. Вхождение в реки происходит обыкновенно в мае, июне и июле, возвращение же после таяния льда. Она посещает все немецкие реки, но не поднимается так далеко вверх, как ло-

сось, и, соответственно этому, в верхнем течении рек принадлежит к числу редкостей. Размножение происходит совершенно таким же образом, как и у других видов этого рода.

Из всех германских лососевых рыб **ручьевая кумжа** (*Salmo trutta trutta forio*)* имеет самое плотное сложение.

** Брем описывает ручьевую форму кумжи, которую часто называют ручьевой форелью. Она представляет собой ту часть молоди кумжи, озерной или проходной, которая не спускается в озера или в море на нагул, а остается в реках, здесь же созревает и нерестится. Часть потомства ручьевой форели, так же как и озерной и проходной кумжи, может оставаться в реке и давать ручьевую форму, другая часть покидает реки и превращается в озерную или проходную кумжу. Почему и какая часть молоди кумжи уходит из реки, а какая остается — это по-прежнему остается до конца не понятным, хотя уже можно считать установленным, что основная причина, заставляющая молодь покидать реки, связана с количеством корма в реке и темпом роста молоди.*

Тело ее более или менее сжато с боков, морда короткая и очень усеченная; передняя короткая пластинка сошника треугольная, усаженная на поперечном заднем крае 3-4 зубами; длинная рукоятка вооружена на слегка вогнутой небной поверхности двумя рядами очень сильных зубов. Сказать о цвете ее что-нибудь общее совершенно невозможно. Чуди называет форель «хамелеоном между рыбами», но он мог бы прибавить, что она варьирует еще гораздо более, чем это пресмыкающееся, известное изменениями цвета. Вероятно, мы будем близки к истине, если примем, что столь различная окраска представляет лишь отражение преобладающих цветов окружающей рыбу среды, что ручьевая форель представляет совершенно то же явление, что и живущая в море камбала, которая приспособляет свой цвет к цвету дна. «Хотя форели очень известные рыбы, но тем не менее они бывают разного рода: некоторые белого цвета, другие желтоватого, иные черноватого или золотистого; некоторые имеют черные пятна, у других они золотистые. Те, которые черноваты и имеют также черные пятна, называются черными форелями. Некоторые черноваты и испещрены красными пятнами. Те, у которых пятна золотистые, называются золотыми форелями; некоторых ловят только в лесах, такие называются лесными форелями, другие называются лососьями форелями, так как представляют нечто среднее между лососями и форелями.

Во внутреннем строении форели представляют мало различий, одни имеют белое мясо, другие более красное и гораздо лучшее, хотя у всех форелей мясо, безусловно, здоровое».

Кумжа (*Salmo trutta trutta morfa fario*)

Брюшные и грудные плавники ручьевой кумжи вытянуты в поперечном направлении и закруглены; хвостовой плавник изменяет свою форму с возрастом: у молодых форелей он имеет глубокую вырезку, у более старых вертикально усечен, у старых даже несколько закруглен снаружи. Самцы отличаются от самок по большей части более крупной головой и неправильно расположенными многочисленными, но крепкими зубами, кроме того, у них с возрастом поднимается и скашивается вверх нижняя челюсть, особенно кончик. Величина, как и цвет, соответствует местопребыванию. В маленьких, быстро текущих ручьях, где кумжа должна довольствоваться малым количеством воды, она едва достигает длины 40 см и веса в 1 кг. В Швейцарии, по Чуди-Келлеру, длина ручьевой кумжи равняется в среднем лишь 15-30 см, а вес 0,5-0,37 кг, однако и экземпляры в 1-2, даже 3-5 кг не особенно редки. В глубоких водах, в озерах и прудах форель при обильной пище может достигать в длину 90 см и более и веса в 5-6 кг. Можно с уверенностью утверждать, что таким гигантам много лет. Рыбаки склонны приписывать форелям продолжительность жизни не более 20 лет; но существуют примеры, доказывающие, что они могут быть и гораздо старше. Оливер вспоминает об одной ручьевой форели, которую держали 28 лет во рву одного замка и с течением времени необыкновенно приручили, Моссоп говорит о другой, которую при таких же обстоятельствах выдержали 53 года.

Произведенные до сих пор исследования недостаточны для того, чтобы определить область распространения ручьевой кумжи, однако мы знаем, что она встречается в удобных местах во всей Европе от Нордкапа до мыса Тарифа, а также в Малой Азии и, вероятно, в других странах этой части света*.

** Ручьевая форма кумжи распространена гораздо шире, чем озерная и проходная формы. Она встречается не только в тех реках, где есть озерная и проходная кумжи, но и в горных ручьях и речушках всего Средиземноморья, в том числе и африканского побережья; ручьевая форель водится в быстрых речках Малой Азии, в верхнем течении Амударьи и Евфрата, несущего свои воды в Персидский залив.*

Необходимое условие для ее жизни составляет чистая проточная вода, богатая кислородом. Она обитает во всех горных водах, особенно в реках и ручьях, затем также в озерах, питаемых протекающей через них водой или сильными выходящими в них ключами; здесь ручьевая форель может жить по той простой причине, что в обоих случаях, благодаря быстрому движению воды, очень большая часть ее непрерывно приходит в соприкосновение с внешним воздухом и потому может постоянно поглощать столько воздуха, а следовательно, и кислорода, сколько вода может вообще содержать в растворе. На высоких горах она, по Чуди-Келлеру, восходит до альпийского пояса.

В ручьях и реках наших средних гор не замечается никакого бросающегося в глаза странствования ручьевой кумжи. Недалеко от моей родины в долине между горами средней высоты выходят обильные ключи, которые соединяются в ручей, достаточно сильный, чтобы вертеть мельничное колесо. Этот ручей впадает в Роду и очищает ее воду, которая иногда бывает очень грязна. Здесь с незапамятных времен живут ручьевые форели, но лишь на протяжении восьмикилометрового участка, выше и ниже которого они обыкновенно не встречаются. Лишь во время нереста случается, что они оставляют свое настоящее местопребывание и перекочевывают в Роду, чтобы искать места для метания икры, хотя так же хорошо находят их и там, где обыкновенно живут.

По ловкости и скорости движения ручьевая форель уступает разве некоторым из своих родичей, но едва ли какой-либо другой речной рыбе. Вероятно, их должно причислять к рыбам, ведущим ночной образ жизни, по крайней мере все наблюдения говорят в пользу того, что они лишь к вечеру обнаруживают полную живость и преимущественно ночью занимаются своим главным делом — питанием. Днем форель охотно прячется под нависшими прибрежными камнями или вообще в углублениях и укромных уголках, какие доставляет ей горная порода, находящаяся в воде, где она живет; если же все кругом совершенно спокойно, то она и в это время плавает по открытой воде, всегда держась головой против течения. Иногда она остается четверть часа и более на одном месте, двигая плавниками настолько, сколько надо, чтобы сохранить свое положение, или же вдруг как стрела бросается вперед, с удивительной ловкостью держась главного течения и таким образом находя себе дорогу в мелких ручьях даже по таким местам, где ей проплыть, по-видимому, невозможно. Если ее потревожат, она обыкновенно старается отыскать новое убежище и спрятаться в нем, так как принадлежит к числу самых пугливых и осторожных рыб. Пока она стоит неподвижно, она караулит и тщательно озирает свою охотничью область, воду около нее и перед ней и поверхность воды или воздух над ней. Если насекомое, все равно, большое или маленькое, приближается к тому месту, где она стоит, она продолжает оставаться неподвижной, пока оно не приблизится на расстояние прыжка, затем вдруг один или несколько раз сильно ударяет хвостом по воде и прыгает,

устремляясь в воде или выскакивая над ее поверхностью, на намеченную добычу. Пока она молода, она охотится преимущественно за насекомыми, пиявками, моллюсками, маленькими рыбами и лягушками; достигнув веса в 1-1,5 кг, она может поспорить в прожорстве с любой хищной рыбой такой же величины, по крайней мере едва ли уступает щуке, и бросается на все живое, что может одолеть, не исключая и своего потомства. Тем не менее и теперь главную часть ее пищи составляют насекомые, живущие в воде в стадии личинки или взрослого насекомого, и мелкие ракообразные.

Половая деятельность форели начинается в середине октября и при известных обстоятельствах продолжается до декабря*.

** Часто самцы ручьевой форели нерестятся вместе с самками проходной и озерной кумжи.*

Рыбы длиной в 20 см и весом в 150 г уже способны к размножению. Кроме сильного набухания половой бородавки, замечаются своеобразные изменения кожи: чешуя самцов, особенно на спине и брюхе, совершенно прикрывается черной разросшейся кожей, такое же набухание кожи покрывает основание и передний край заднепроходного плавника, а также верхний и нижний края хвостового. Такое утолщение хвостового плавника замечается также у нерестящихся самок, между тем как их чешуйки лишь отчасти обрастают более слабым утолщением кожи. Икрометание происходит в неглубоком месте на покрытом крупным песком или мелкими камнями дне или за крупными камнями, где замечается быстрое течение. За самками следует почти всегда по нескольку самцов, обыкновенно меньшей величины, и вовсе не исключительно затем, чтобы облить семенем яйца, а также и затем, чтобы частью поедать только что отложенную самкой икру. По уверению рыбаков, самка обнаруживает большую благосклонность к одному из самцов и прогоняет других, быть может, именно потому, что знает, что они опасны для икры. Перед кладкой самка оживленными движениями хвоста вырывает более или менее обширную неглубокую ямку, выпускает в нее яйца и тотчас уступает место самцу, который в то же время или немедленно вслед затем выбрызгивает на них некоторое количество семени. С помощью движений хвоста яйца снова прикрываются песком и затем оставляются на произвол судьбы. Самка никогда не откладывает все яйца сразу, а нерестится с перерывами в течение восьми дней, и всегда ночью, охотнее всего при лунном свете.

Приблизительно через 6 недель, в зависимости от господствующей погоды, раньше или позднее, выходят мальки и сначала более или менее стоят неподвижно на месте нереста и только двигают своими недоразвитыми плавниками, пока не вососется висящий на них желточный мешок и они не почувствуют потребности в другой пище. Сначала они довольствуются самыми мелкими водяными животными, затем отваживаются нападать на червяков, потом на насекомых и рыбных мальков, и вместе с ростом увеличивается и их хищность. Через три месяца после выхода из яиц из безобразных созданий развиваются стройные изящные рыбки, на одежде которых выделяются темно-бурые поперечные полосы, как и у большинства остальных молодых лососей. В это время рыбки, происшедшие из одной кладки, начинают разъединяться, ищут укромные места и ведут образ жизни, более или менее сходный с образом жизни родителей.

Многие враги угрожают и вредят молодежи. Еще прежде чем из оплодотворенных яиц выйдут мальки, рыбы, живущие на дне, особенно бычки, производят среди них жестокие опустошения; оляпка тоже подбирает икринки; даже безобидная трясогузка поедает некоторые яйца. Позднее, после выхода из яйца, кроме бычков, и другие хищные рыбы, а особенно старые ручьевые форели, хватают много мальков, а когда молодежь разовьется до такой степени, что сама может начать хищничать, то она встречает в куторе, водяной крысе и выдре таких врагов, против которых она бессильна.

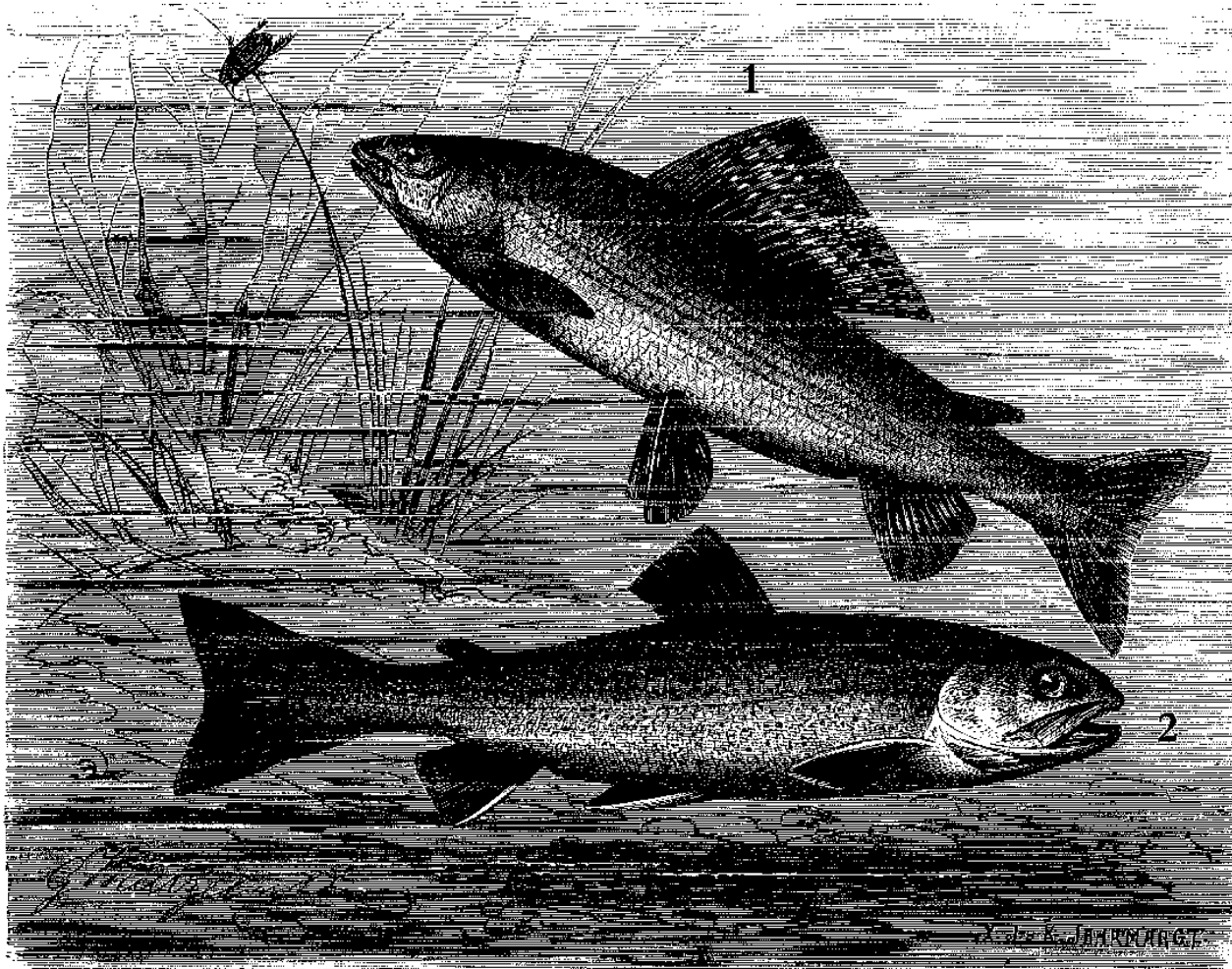
Справедливые жалобы об уменьшении количества наших пресноводных рыб относятся, к сожалению, и к ручьевым форелям.

В альпийских озерах средней Европы, а также Крайнего Севера, в горных озерах северной России и Скандинавии живет в большем или меньшем количестве **арктический голец** (*Salvelinus alpinus*)*.

** Арктический голец широко распространенная рыба, населяющая большинство пресноводных рек и озер, расположенных преимущественно за Северным полярным кругом, в бассейне Ледовитого океана. Это северная рыба. В более южных водоемах, куда он был вытеснен в ледниковом периоде, он сохранился главным образом в горных альпийских озерах; обитает он также в озерах Забайкалья, в реках Тихого океана встречается от Амура до Калифорнии.*

Тело его вытянуто и несколько сжато с боков и необыкновенно изменчиво в зависимости от возраста, пола и местопребывания; плавники довольно длинны, брюшные находятся под спинным; хвостовой плавник и в старости сохраняет свою вырезку. Окраска гольца так изменчива, что этим

достаточно объясняются различные названия, которые он носит. Чаще всего, по словам Зибольда, встречается следующая окраска: голубовато-серый цвет спины постепенно переходит на боках в более или менее желтовато-белый, брюхо — ярко-оранжево-красное и особенно выделяется во время размножения; на боках часто находятся круглые светлые пятна, которые по близости брюха, смотря по цвету последнего, окрашены то в беловатый, то в желтоватый, то в оранжево-красный цвет; такие пятна встречаются иногда и на нижней части спинного плавника; у молодых рыб они иногда соприкасаются, и таким образом получается мраморный рисунок. Оранжево-желтый цвет брюха может темнеть до киноварно-красного, а спина до буро-зеленого цвета. Длина гольца может достигать 80 см, а вес 10 кг, но обыкновенная длина равна 30 см, а вес около 0,5 кг.

1 — Арктический гольц (*Salvelinus alpinus*) 2 — Европейский хариус (*Thymallus thymallus*)

Некоторые ихтиологи различали или различают в качестве особых видов не только гольцов из озер различных стран, но даже тех, которые ловятся в одной и той же местности. Постепенно и, наверное справедливо, установилось воззрение, что между гольцами, живущими в швейцарских, баварских и австрийских озерах и встречающимися в таких же водах Скандинавии, Лапландии, Финляндии или Великобритании нет такого различия, которое давало бы право разделять их на разные виды**.

*** Арктический гольц очень красивая рыба, окраска рыб из разных мест может сильно отличаться. Даже в одном и том же водоеме можно встретить арктических гольцов, которые будут не похожи друг на друга не только окраской, но и пропорциями тела, размерами плавников, глаз и т. п., а также по многим биологическим характеристикам питанию, темпу роста, скорости созревания, местам обитания и срокам нереста. Из-за этого разные формы раньше часто принимали за разные виды. Такое разнообразие гольцов, особенно озерных, позволяет им использовать все пищевые ресурсы малокормных северных или горных водоемов и успешно выживать в этих суровых условиях.*

Лишь настоящие горные озера, например, те, которые лежат на высоте до 2000 метров над уровнем моря, служат местопребыванием гольцов; они обыкновенно поднимаются по впадающим в них рекам, даже в период икрометания. Подобно сигам, они держатся на глубине и тоже охотятся

главным образом за мелкими животными, особенно за различными маленькими ракообразными. Линней, который не знал настоящей их пищи, справедливо удивлялся, находя их в мертвых озерах Лапландии в качестве единственных обитателей. Между прочим, они не пренебрегают и мелкими рыбами, и очень крупные гольцы питаются главным образом последними. Время нереста начинается к концу октября и продолжается до конца ноября, а в некоторых озерах может быть и еще дольше. В это время гольцы поднимаются на мелкие прибрежные места и здесь мечут икру. Однако, по словам Ярреля, случается, по крайней мере в Шотландских озерах, что они при известных обстоятельствах входят и в реки и проходят по ним значительное расстояние вверх, чтобы здесь удовлетворить свои потребности в размножении. Размножение их довольно сильно, рост менее быстр, чем у ручьевых кумжей, вместе с которыми они часто живут в озере, не смешиваясь, однако, с ними. Путем искусственного оплодотворения в новейшее время не раз получались помеси кумжей и гольцов, которым приписывают превосходные качества, особенно более быстрый рост, чем у гольцов, и более нежное, более вкусное мясо, чем у ручьевых форелей. Путем искусственного рыбоводства существенно увеличили население некоторых озер.

Мясо гольца, бесспорно, лучше мяса всех других пресноводных рыб, а потому справедливо пользуется величайшим почетом. Когда бенедиктинцы Адмонта передавали другим лицам принадлежащие их монастырю права рыбной ловли в Штирии, то сохранили за собой все озера, где водились гольцы. Кто пробовал мясо последних, тот признает целесообразность этой меры.

Семейство сиговые

Сигами (*Coregonus*) мы называем лососевых рыб средней величины или мелких с несколько сжатым с боков телом, маленьким узким ртом, беззубым или вооруженным очень тонкими непостоянными зубами, легко отпадающими чешуями средней величины, маленьким жировым плавником и начинающимся перед самыми брюшными плавниками высоким спинным. В последующем изложении я пользуюсь исследованиями Зибольда и ограничиваюсь описанием признаваемых им европейских видов этого рода, но считаю нужным упомянуть предварительно о нескольких сигах, живущих в Сибири, так как их можно назвать самыми важными рыбами северной Азии, и они яснее всего доказывают важность этого рода для рыболовства и торговли*.

* *Из сигов Сибири, не упомянутых Бремом, следует назвать знаменитого омуля, Coregonus alpinus, который населяет и крупные реки европейского Севера нашей страны. Отнесенные Бремом к сигам белорыбица и нельма принадлежат к другому роду, Stenodus. Нельма, Stenodus leucichthys nelma, встречается в крупных реках всего бассейна Северного Ледовитого океана. Белорыбица, Stenodus leucichthys leucichthys, живет в Каспийском море. Правильное название носуна чир, Coregonus nasus, сырка — пелядь, Coregonus peled.*

В обширной Оби и ее притоках сиги играют важную роль. Исполинская река содержит, правда, миллиарды рыб, но по сравнению с массой ее воды и протяжением бассейна лишь немного видов. Сиги, и особенно **белорыбица, или нельма** (*Stenodus leucichthys*), **сырок** (*Coregonus syrok*), **муксеун** (*Coregonus muksun*), **носун** (*Coregonus nasus*) и **зельд** (*Coregonus merkii*), населяют Обь и Иртыш от Обской губы до верхних притоков в бесконечном множестве и имеют чрезвычайно важное значение для тамошнего рыболовства. Ежегодно до или после ледохода они начинают свое странствование, тянутся бесчисленными стаями вверх по реке, некоторые проникают, по-видимому, лишь в нижние притоки, другие — в верхнюю часть бассейна, достигают к концу лета мест кладки яиц, размножаются в это время и затем медленно возвращаются на зимние места. Следует ли искать зимовья в самом Ледовитом океане или в Обской губе, еще не исследовано.

Далекие перекочевки, при которых по крайней мере некоторые из упомянутых видов сигов, считая путь туда и обратно, проходят около 7000 километров, совершаются, как и у других лососей, исключительно ради размножения, но не ради лучшего питания. Хотя перекочевывающие сиги и не всегда воздерживаются по дороге от пищи, напротив, иногда наполняют желудок питательными веществами, особенно мелкими двустворчатыми раковинами, однако очень многие из них гибнут от лишений и истощения вследствие нереста. Сибиряки полагают, что сиги умирают в иные годы в большом числе не от истощения, а от «порчи воды», т. е. они думают, что покрытая льдом вода Оби и некоторых из ее притоков вследствие лишь медленного течения и чрезмерного насыщения растворенными солями становится гнилой и тем обуславливает смерть рыб**.

* * *Действительно, вода в Оби в зимнее время практически полностью лишена кислорода, т. к. многие крупные притоки, впадающие в Обь, проходят через низменные болота и несут воды, богатые растворенными органическими веществами и соединениями железа. В такой воде весь кислород прочно связывается этими веществами и становится недоступным рыбам для дыхания. К середине зимы все рыбы, спасаясь от замора, уходят либо в притоки Оби, текущие*

со стороны Уральских гор и содержащее достаточное для дыхания количество кислорода, либо скатываются вниз по течению вплоть до ее устья.

Ход рыб не всегда приходится на одно и то же время, и, во всяком случае, определяется температурой воды. Если оттепель наступает очень рано, то случается иногда, что сиги идут вверх по реке не только подо льдом, но и над ним в текучей по льду талой воде; но в таком случае они по большей части погибают жалким образом, если снова наступает мороз. Появление белухи указывает русским и остякам начало хода; это китообразное является в их глазах предвестником или по крайней мере признаком, что рыба приближается. Поэтому ее вовсе не преследуют, и белуха со своей стороны точно с благодарностью принимает это, едва уклоняется от приближающейся к ней рыбачьей лодки, и людское движение нисколько не тревожит ее. По уверению опытных рыбаков, нижнюю Обь каждое лето посещают 5-8 стай этого китообразного, каждая по 40 штук. Обратный ход начинается в августе, как правило к концу месяца, но в это время рыба не идет такими многочисленными и однородными стаями, как во время хода вверх, а меньшими и смешанными. Осенью следуют за ними и молодые, которых до этого времени массами находят во всех малых реках и вообще на мелких местах.

Все сибиряки русского происхождения занимаются ловлей рыбы, если не исключительно, то главным образом летом или по крайней мере пока вода свободна ото льда; напротив, остяки и самодеды ловят ее также зимой подо льдом. Однако лед в большую часть зимы бывает настолько толст, что лов неводами становится вовсе невозможным, а лов вершами возможен лишь по временам. Лишь непосредственно после ледохода начинается на реке движение. От Тобольска вниз до Обдорска все города и села снаряжаются на работу. Тобольск посылает больше всего рыбаков и рыбачьих лодок; но и Березов и Обдорск почти пустеют, когда начинается ловля рыбы, так как гораздо больше половины мужчин и значительная часть женского населения обоих мест покидают зимние жилища, чтобы заниматься где-нибудь ловлей рыбы.

Не меньшее значение, чем в Азии, имеют сиги в Северной Америке, где их называют «White fish» (белая рыба). Для некоторых индейских племен эти рыбы даже составляют главное средство существования.

Западный сиг (*Coregonus wartmanni*)* более стройного сложения, чем все остальные немецкие сиги; голова его относительно маленькая и низкая, тонкая морда вертикально усечена на конце, рот малый, беззубый, кроме усаженного тонкими гребневидными зубами языка; спинной плавник больше в высоту, чем в длину; тело покрыто большими, нежными, легко отпадающими чешуйками.

** Сиги представляют собой чрезвычайно разнообразную по внешнему виду и образу жизни группу видов рыб, систематика которых довольно сложная и до конца не разработана. Под «западным сигом» Брем, по-видимому, описывает одну из многочисленных форм обыкновенного сига, *Coregonus lavaretus*.*

Верхняя сторона головы и спина имеют на светло-голубом фоне серебряный блеск, бока головы и брюха просто серебристые; боковые линии усажены черными точками; плавники желтовато-белые с широкой черной каймой. Длина западного сига достигает 60 см, а в среднем лишь 30-50 см, вес 2-3 кг. Должно заметить, что и форма тела так же разнообразна, как и цвет.

Западный сиг живет в большинстве более крупных швейцарских, баварских и австрийских озер, лежащих на северных склонах Альп и их предгорий.

Обыкновенно западные сиги, подобно большинству их родичей, держатся в самых глубоких местах озер, нередко на глубине 200 метров, лишь в виде исключения в слоях воды между 40 и 100 метрами глубины. В реки они не входят никогда, а потому и не перекочевывают из одного озера в другое. Пища состоит главным образом из очень мелких водяных животных, живущих в глубине озер, и она стала отчасти известной натуралистам лишь путем исследования содержимого желудков западных сигов. Кроме того, эти рыбы едят также находящуюся на дне озер слизь, образующуюся от разложения низших растительных и животных организмов. К их добыче относятся также мелкие раки, водяные моллюски, черви и личинки насекомых.

В период нереста западные сиги ведут себя совершенно так же, как сельди. Стремление к размножению так овладевает ими, что они совершенно изменяют привычный образ жизни. Подобно другим лососям, они, по словам Зибольда, перед нерестом и во время его ничего не едят по целым неделям. Они появляются от середины ноября до декабря, следовательно в течение трехнедельного промежутка, бесчисленными стаями на поверхности озера, то так близко от поверхности воды, что можно видеть их спинные плавники, то, испуганные холодом верхних слоев, метелью, льдинами и тому подобным, на глубине нескольких метров; они жмутся так, что вредят друг другу трением,

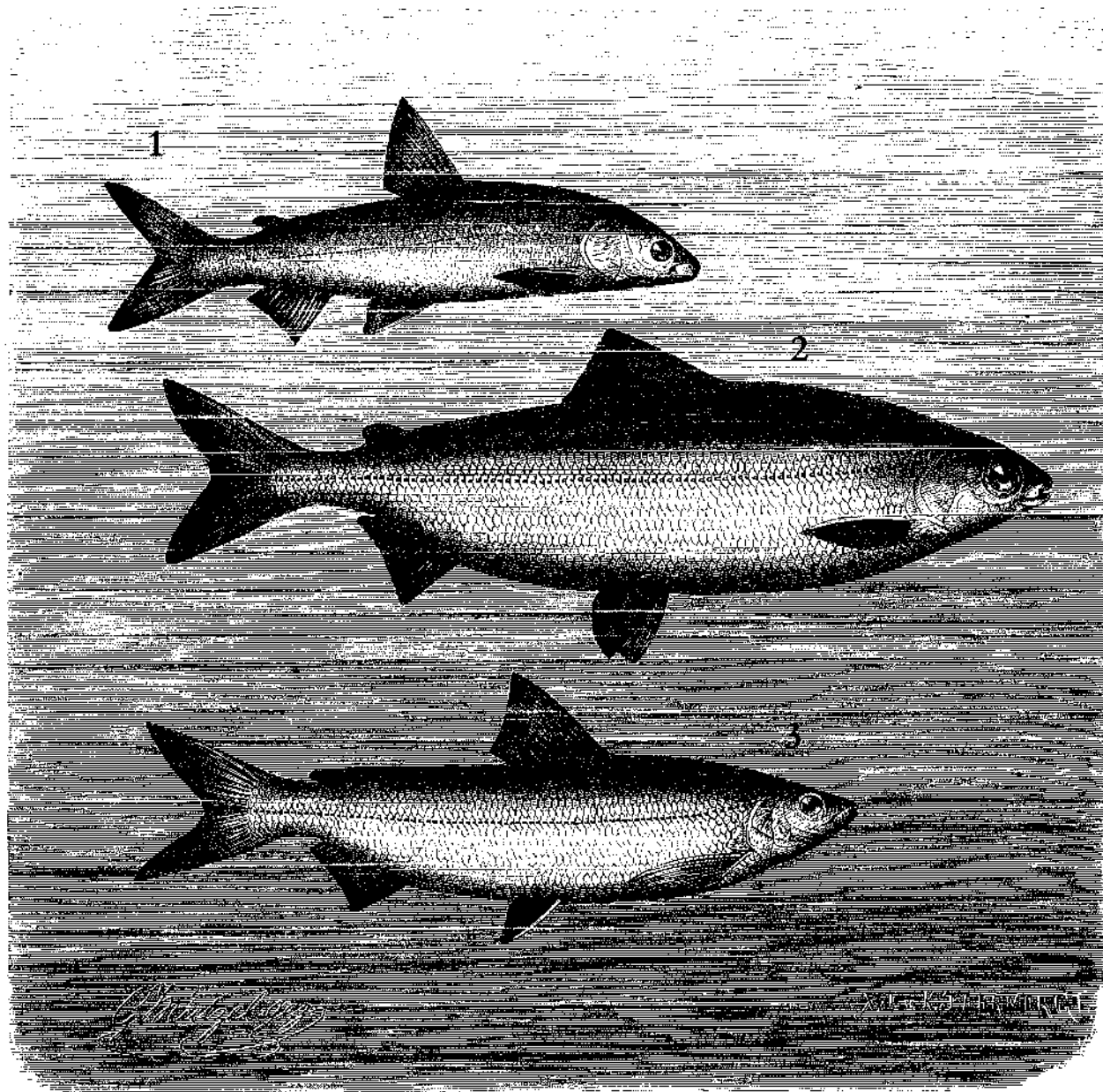
стирают кожные наросты и даже чешуи, на известное пространство покрывают и мутят ими воду и даже действительно душат один другого. «На Невшатальском озере, — рассказывает Карл Фогт, — я был часто свидетелем нереста этих рыб, когда они приближались к более мелким прибрежным местам. Они держались попарно и выпрыгивали из воды на высоту метра, обратившись друг к другу брюхом, испуская одновременно икру и молоки. В лунные ночи, если нерестится много рыбы, быстрое, как стрела, выскакивание блестящих, как серебро, животных представляет очень своеобразное зрелище». Оплодотворенные яйца медленно погружаются в глубину.

В тех же озерах, где водится западный сиг, жи вет и **сиг-лудога** (*Coregonus lavaretus*), отличающийся от западного более короткой и тупой мордой и более коротким и более толстым хвостом, в меньшей степени цветом. По величине этот вид часто значительно превосходит западного сига, так как он может достигать в среднем длины 60 см и более и веса более 3 кг.

Для своего жительства речной сиг, которого с помощью искусственного рыбоводства поселили также в удобных озерах Пруссии, Познани и Польши, избирает глубины около 70-80 м, хотя при известных обстоятельствах и он опускается в самые глубокие части озер*.

** В нашей стране сиг-лудога населяет Ладожское и Онежское озера.*

Пища состоит из тех же животных, которые были названы при описании западного сига, однако говорят, что он часто поднимается в летние месяцы на поверхность, чтобы хватать насекомых. В ноябре сиг-лудога поднимается в верхние слои воды для метания икры и направляется к прибрежным местам озера, где мелкие места переходят в глубокие. Здесь икра откладывается на каменистом или крупнопесчаном грунте, и на этом основании немецкие названия этой рыбы: Bodenrenke (донный сиг) или Sandfelchen (песочная форель).

1 — Кильх (*Coregonus hiemalis*) 2 — Западный сиг (*Coregonus wartmanni*) 3 — Сиг-лудога (*Coregonus lavaretus*)

Еще не удалось решить окончательно, следует ли считать сига-песочника, который живет в озере Мадзее, лежащем между Штеттином и Штаргардом, и в озере Шаалзее около Лауенбург-га и из первого был переселен в различные озера Бранденбурга и Померании, за особый вид или лишь за разновидность сига-лудоги. Форма тела и образ жизни говорят, по-видимому, в пользу последнего предположения: различия, которые замечены между обеими родственными рыбами, незначительны.

Сиг-песочник (*Coregonus targaepa*)** отличается, по словам Зибольда, несколько от сига-лудоги южной Германии лишь по очертанию морды: ротовая часть гораздо плотнее и шире, обе межкрышечные кости не опускаются косо вниз и назад, обе верхнечелюстные кости несколько длиннее. Цвет обеих рыб одинаков.

* * *Так же как и западный сиг, представляет собой, по-видимому, одну из многочисленных форм обыкновенного сига, Coregonus lavaretus.*

Кильх (*Coregonus hiemalis****). Длина его не превышает 40 см, а по большей части меньше; следовательно, он значительно меньше, чем вышеупомянутые родичи, от которых кильх, кроме того, отличается коротким телом и заметно согнутой спиной.

* * * *Кильх, несомненно, является одной из форм обыкновенного сига, Coregonus lavaretus, характерным признаком которого служит обращенный вниз рот.*

Цвет верхней стороны головы желтовато-белый, цвет боков и жаберных крышек с серебристым блеском, цвет остального тела светлый буровато-серый, плавники бесцветны, но, за исключением грудных, имеют черную кайму.

До исследований Зибольда кильхов знали лишь из Боденского озера; названный исследователь нашел их также в Аммерзее и предполагает, что они населяют, вероятно, и другие альпийские озера. Эта неизвестность объясняется тем, что кильх постоянно держится на глубине 70-90 м и лишь в конце сентября поднимается в вышележащие слои, чтобы метать икру.

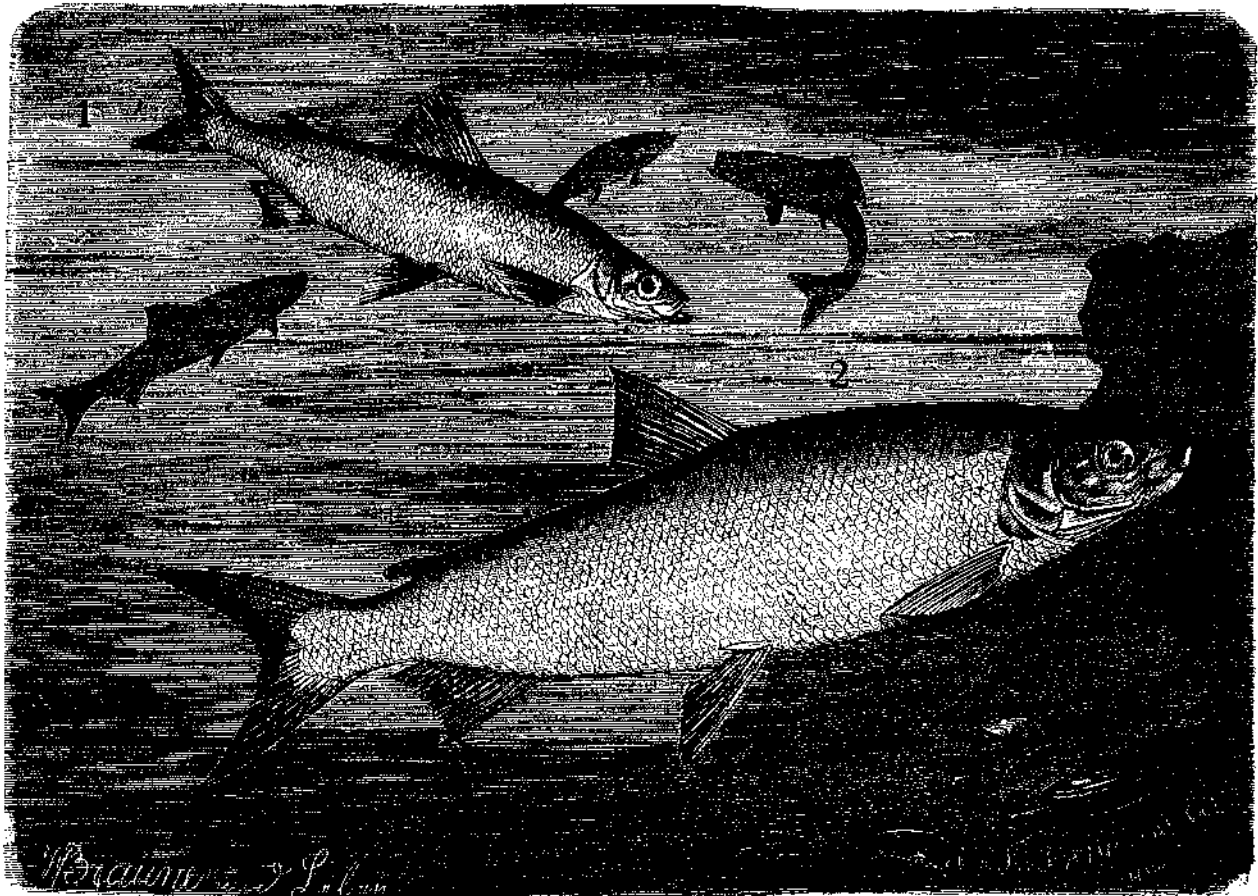
По выступающей нижней челюсти, благодаря чему подбородок становится верхушкой морды, можно отличить **балтийскую, или европейскую, ряпушку** (*Coregonus albula*) от всех ее средневропейских родичей. Длина ее обыкновенно лишь 15-20, но может в виде исключения достигать 25 см и несколько более.

В Германии ряпушка водится преимущественно в познанских, восточно- и западнопрусских, померанских, силезских, бранденбургских, мекленбургских и голштинских озерах; но в высшей степени вероятно, что она же водится и на Скандинавском полуострове и в северной России*.

* *Ряпушка распространена в озерах Балтийского бассейна и Верхней Волги, в Карелии, на запад доходит до Дании.*

В некоторых озерах Шотландии, где она тоже живет, она, как говорит предание, разведена Марией Стюарт.

По своим нравам и привычкам ряпушка похожа на родичей, живущих, подобно ей, в озерах. Вне периода икрометания она держится лишь в глубине; в ноябре и декабре она густыми стаями появляется на поверхности, движется с далеко слышным шумом, а также перекочевывает, привлекаемая большой водной по верхностию, из одного озера в другое. Яйца она выпускает прямо в открытую воду.

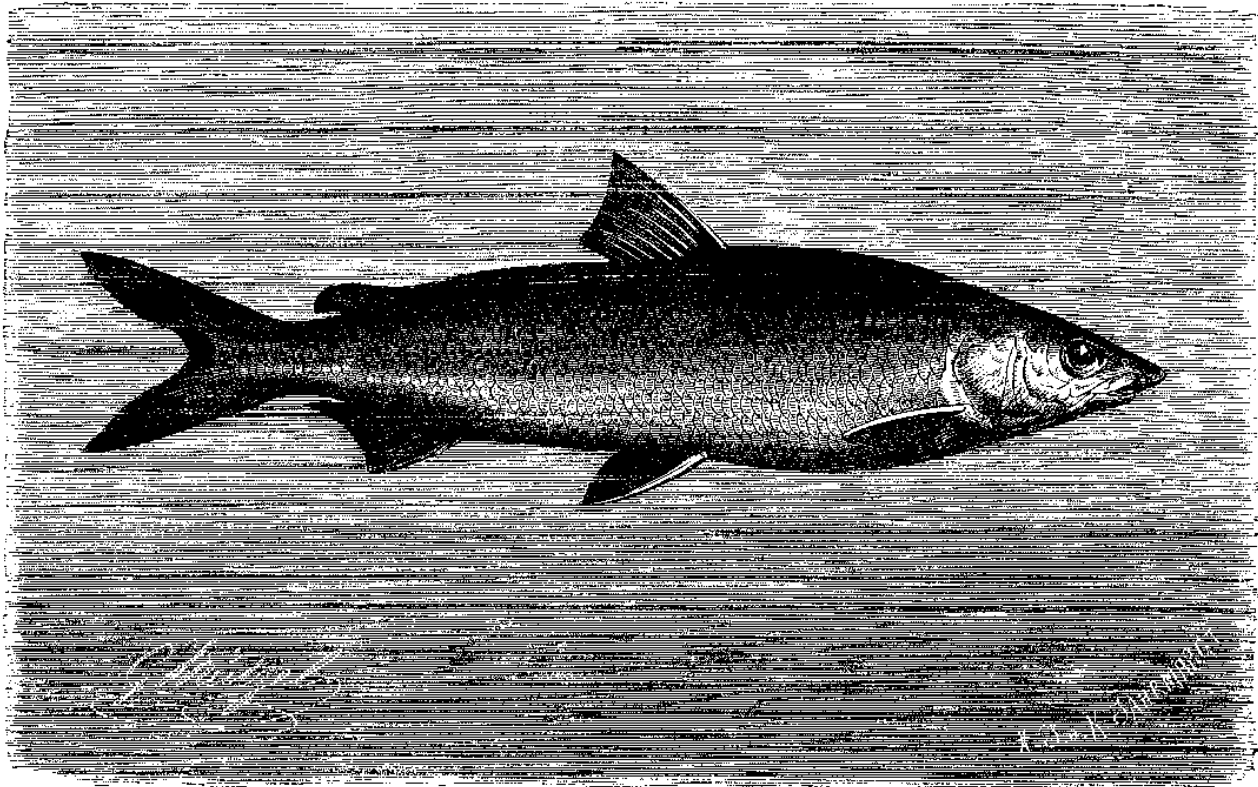
1 — Балтийская, и или европейская, ряпушка (*Coregonus albula*) 2 — Сиг-песочник (*Coregonus maraena*)

Ряпушка справедливо считается очень вкусной рыбой и вполне вознаграждает труд, затраченный на ее ловлю.

Ряпушку раньше других благородных рыб поселяли и с успехом разводили в таких озерах, где она не водилась.

К числу сигов, живущих в море и отсюда регулярно поднимающихся по рекам во время нереста, принадлежит **морской сиг** (*Coregonus oxurhynchus*)* — вид, легко отличимый по далеко выдающейся за нижнюю челюсть верхней челюсти, которая переходит впереди в мягкую, удлиненную в виде конуса морду.

* *Морской сиг, по-видимому, представляет собой проходного обыкновенного сига, *Coregonus lavaretus*, характеризующегося большим разнообразием форм.*

Морской сиг (*Coregonus oxyrhynchus*)

Его длина 40-50, самое большее 60 см, вес 0,7-1 кг, окраска голубоватого, во время нереста голубовато-черного цвета.

Родиной морского сига должно считать Северное и Балтийское моря. Из них он входит в более или менее значительном количестве в мае, следовательно, задолго до нереста, который происходит, как говорят, с сентября до декабря, в находящиеся в соединении с морем заливы и реки, чтобы подниматься по ним вверх. Но морские сиги редко поднимаются далеко по рекам. После метания икры они раньше или позднее возвращаются в море, молодые следуют за старыми, достигнув длины 8 см, и снова появляются в реках лишь по достижении зрелости.

Белое, нежное и вкусное мясо морского сига очень ценится и идет в пищу как свежим, так соленным и копченым; поэтому рыба эта во всей северной Германии — важный предмет лова.

Семейство хариусовые

Европейский хариус (*Thymallus thymallus*). Голова его мала; верхняя челюсть выдается за нижнюю, спинной плавник вдвое превосходит длиной заднепроходный**.

*** Предполагается, что высокий спинной плавник этих рыб придает воде дополнительные завихрения, что в период нереста хариуса повышает эффективность оплодотворения икры.*

Цвет значительно изменяется в зависимости от местопребывания, времени года и возраста. На верхней стороне преобладает обыкновенно зеленовато-бурый цвет, переходящий на боках в серый, а на брюшной стороне в блестящий серебристо-белый; голова сверху буроватая, по бокам испещрена на желтоватом фоне черными пятнами, и эта пятнистость продолжается на передней стороне по части тела, или пятна располагаются соответственно рядам чешуи в виде буровато-серых продольных полосок. Спинной плавник отличается великолепной игрой цветов и существенно содействует красоте рыбы; основной цвет его яркий пурпурно-красный, который образует как бы зеркало и еще более выделяется благодаря 3 или 4 черным полоскам, состоящим из пятен; парные плавники грязного желто-красного цвета, заднепроходный и хвостовой плавники фиолетового. Длина тела по большей части немногим больше 20 см, но может достигать 60. Вес колеблется от 0,7 до 1,5 кг.

Из европейских лососевых рыб хариус принадлежит к наиболее распространенным видам; он встречается во всей средней и восточной Европе, в водах Альп и севере германских и русских равнин, на материке и в Великобритании, а также в бассейне Оби, хотя здесь лишь в горных реках и ручьях, текущих к гигантской реке или к одному из ее притоков*.

** В Оби и вообще восточнее Уральских гор европейский хариус не встречается. Здесь его заменяет близкий вид сибирский хариус, *Thymallus arcticus*, отличающийся большими размерами рта и более заметными зубами на челюстях.*

Для житъя хариус выбирает приблизительно такие же воды, какие любит ручьевая кумжа, но не во всех ручьях, где есть ручьевые кумжи, водятся и хариусы, и наоборот. В Швейцарии держатся мнения, что хариус прогоняет ручьевую форель. В Великобритании предполагают, что монахи прежних лет старались развести хариусов в некоторых реках, но с уверенностью сказать можно лишь то, что они охотно основывали свои монастыри в горных местностях и по близости чистых рек, какие любят хариусы.

Хариус — настоящая речная рыба, которая избегает озер и больших прудов и даже, судя по опытам, произведенным в Англии, вовсе не уживается в стоячих водах, по крайней мере не приступает к размножению. В горных водах его редко нет, напротив, на равнине он встречается лишь там, где есть чистая, не слишком глубокая река или ручей с каменистым дном. Он любит реки, вода которых не слишком холодна, не слишком тепла, в которых чередуются быстрые течения и тихие места и дно состоит из гравия, мергеля или глины, не боится также мутной воды, но восходит не так высоко, как ручьевая форель. Нравы его представляют много сходного с нравами форелей. Подобно им, хариус плавает необыкновенно быстро, когда находится в движении, а иногда стоит по целым часам на одном месте, повернувшись головой против течения, часто так спокойно и стойко, что его можно вынуть из воды руками. Пища его состоит из личинок и взрослых форм различных водяных насекомых; он ест также мелких брюхоногих и пластинчатожаберных моллюсков, не избегает и червей и не падает потомства рыб. Подобно форели, он выскакивает из воды за прожужжавшим насекомым, а потому легко попадает и на удочку. В период размножения у него появляется брачный наряд, который отличается большой красотой всех цветов и распространенным по всей кожной поверхности блеском, имеющим золотисто-зеленый оттенок. В благоприятные весны он начинает кладку яиц уже в марте, при неблагоприятной погоде нерест запаздывает до конца апреля. Пара, которая в это время постоянно держится вместе и плавает вверх и вниз в пределах очень маленькой области, вырывает хвостом ямки в песчаном дне; самка кладет в них яйца, самец оплодотворяет их, и оба сообца покрывают затем яйца песком и мелкими камешками. Мальки выходят обыкновенно в июне и держатся сначала на самых мелких местах, но очень быстро растут и скоро начинают вести образ жизни взрослых*.

** Совсем недавно, несколько лет назад, было установлено, что хариусы, заходящие в мелкие речушки на нерест из более крупных рек или озер, выбирают только родные притоки, т. е. те, в которых они вылупились из икры и провели первые месяцы своей жизни. Эта способность возвращаться в родные реки, хоминг, у хариуса, так же как и у лососей, происходит благодаря тому, что молодь, перед тем как покинуть родной поток, запоминает его запах.*

Много врагов, особенно крупные представители того же вида и некоторые водяные птицы, преследуют хариусов, и притом почти так же ревностно, как человек, который считает мясо хариуса равным по достоинству мясу форели и по справедливости причисляет его к лакомым кушаньям.

Семейство корюшковые

Европейская корюшка (*Osmerus eperlanus*). Межчелюстные и верхнечелюстные кости имеют по простому ряду очень тонких зубов, на нижнечелюстных костях наружный ряд также состоит из тонких зубов, а внутренний — из больших толстых зубов; наконец, крепкие остроконечные зубы находятся также на сошнике, небе и крыловидной кости. Чешуйки средней величины, нежны и слабо прикреплены. Относительно формы тела и головы, величины и цвета корюшка варьирует значительно. Спина обыкновенно серая, бока серебристого цвета с голубоватым или зеленоватым блеском, брюхо красноватое. Длина колеблется между 13 и 20 см; в виде исключения встречаются, впрочем, и экземпляры длиной 25-30 см.

Во многих местах по берегам северной Европы, а также у восточного берега Америки корюшка обыкновенна. В Европе ее, по-видимому, больше всего в Северном и Балтийском морях, но она нередка также в Ламанше и поселилась также в более или менее значительном числе в заливах устьев реки и в больших пресноводных озерах. Корюшки, живущие в море, отличаются от живущих в пресных озерах не только значительной величиной, но также особенностями в образе жизни**.

*** В море корюшка держится вблизи берегов и не уходит далеко от устьев впадающих рек. Созревает в возрасте 3-4 лет, на нерест идет ранней весной еще подо льдом или сразу после распада льда, в озерах, а также во многих европейских водохранилищах нашей страны часто образует жилую пресноводную карликовую форму, называемую снетком. Снеток созревает очень рано — уже в возрасте 1 года, в отдельные годы его численность может быть очень вы-*

сокой. Так же как и проходная корюшка, снеток вкусная рыба. Отличительная особенность корюшки и снетка тонкий запах свежего огурца, которым пахнут только что выловленные рыбы.

И та, и другая образуют многочисленные общества, держатся зимой на глубине и появляются лишь в марте и апреле в верхних слоях воды, чтобы совершить ради размножения перекочевку в реки. Стаи, идущие метать икру, не перекочевывают так далеко, как большие лососи. В некоторые годы корюшки, идущие из моря, появляются в устьях рек в бесчисленном множестве, в другие времена встречаются лишь в малом количестве, и причины этого неизвестны. В начале апреля они откладывают свои мелкие желтые яйца на песчаных местах и возвращаются в море или в озера. Продолжающееся высокое стояние воды способствует успешному развитию яиц; понижение уровня вод, где происходило метание икры, не дает развиваться миллиардам яиц.

Во время восхождения корюшки по рекам ее часто ловят в невероятном количестве и массажи доставляют на рынки, и, несмотря на ее неприятный запах, похожий на запах гнилых огурцов, ее охотно покупают, так как мясо ее имеет приятный вкус.

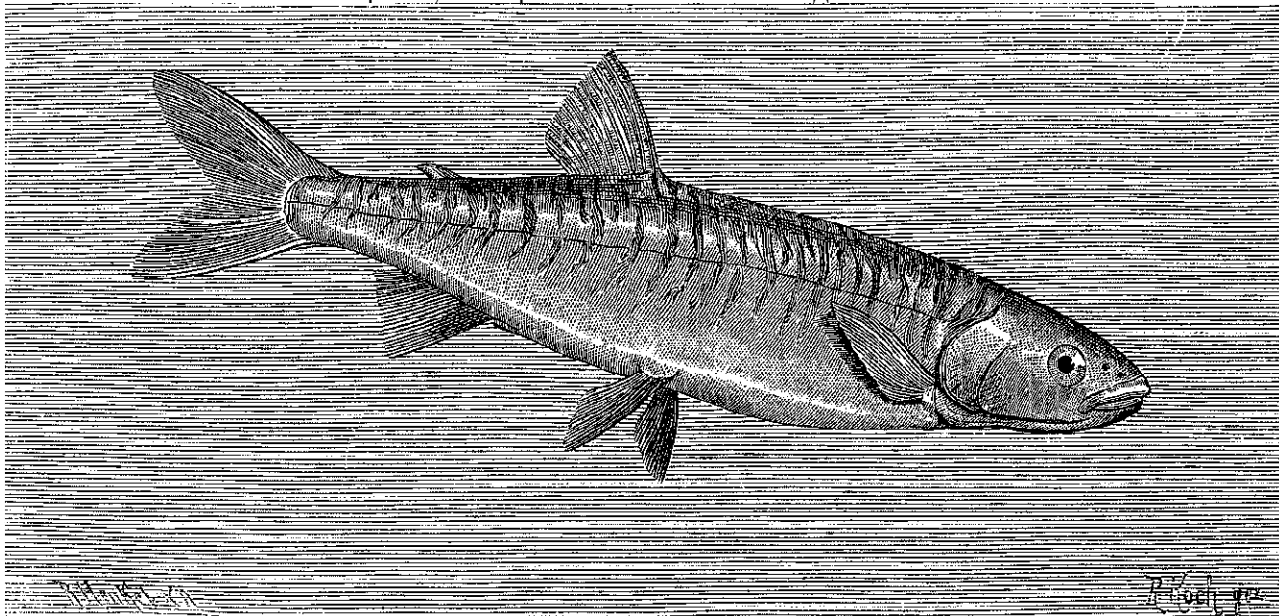
Мойва (*Mallotus villosus*) жи вет в неизмеримом количестве в Ледовитом океане и чрезвычайно важна для рыболовства. Имеет вытянутую форму тела, мелкую чешую, очень большие круглые грудные плавники, стоящие далеко назад спинные плавники и слабые щетинистые зубы в челюстях, на небе и на языке. Цвет спины темно-зеленый с буроватым блеском, цвет боков и брюха серебристо-белый со многими черными крапинками, плавники серые и имеют черную каемку. Самцы и самки довольно резко отличаются друг от друга. Самец стройный, с большой головой и острой мордой, и во время размножения у него развивается на боках по продольной полоске темно-зеленого цвета, усаженной длинными остроконечными, а потому и мохнатыми образованиями надкожицы. Самка короче, и ее морда притуплена. Длина колеблется между 14 и 18 см.

Область распространения мойвы лежит между 64 и 75 градусами северной широты. Известно, что она живет у северных берегов Норвегии, Исландии и Гренландии и в изумительном множестве появляется в период метания икры на Ньюфаундлендских мелях.

Подобно родичам, она живет зимой в глубине океана и лишь с начала марта поднимается на более мелкие места, чтобы метать икру. При этом она собирается в таком множестве, что образует стаи в 50 морских миль и длиной и шириной. Стаи плотными массами теснятся во все бухты и устья рек, окрашивают верхние слои воды своими желтыми яйцами, которые часто кучами выбрасываются на берег; рыбки эти миллионами вычерпываются из моря с помощью коротких сачков, и для бедных жителей Гренландии играют не менее важную роль, чем насущный хлеб. В Норвегии мойвой, вследствие ее незначительной величины и дурного запаха, совершенно пренебрегают; в Исландии ее едят свежей, если нет другой рыбы, а в Гренландии ее сушат на воздухе и таким образом готовят значительную часть запасов на зиму. Еще большее значение имеет мойва в качестве наживки при ловле трески. Стаи ее привлекают не только чаек, крачек и тюленей, но также самых различных хищных рыб, которые уничтожают мойву в большом количестве и, пока продолжается нерест ее, не едят ничего другого.

Семейство аплохитоновые

Представителями лососей в Южном полушарии служат бесчешуйные лососи. Они принадлежат южной части Южной Америки, Австралии и Новой Зеландии.

Аплохитон-зебра (*Aplochiton zebra*)

Виды южноамериканского рода голых лососей живут в озерах и реках и имеют внешний вид ручьевых форелей, с которыми сходны и по образу жизни. Они отличаются отсутствием чешуи. Изображенный на рисунке **аплохитон-зебра** (*Aplochiton zebra*) живет на Огненной земле и на Фолклендских островах.

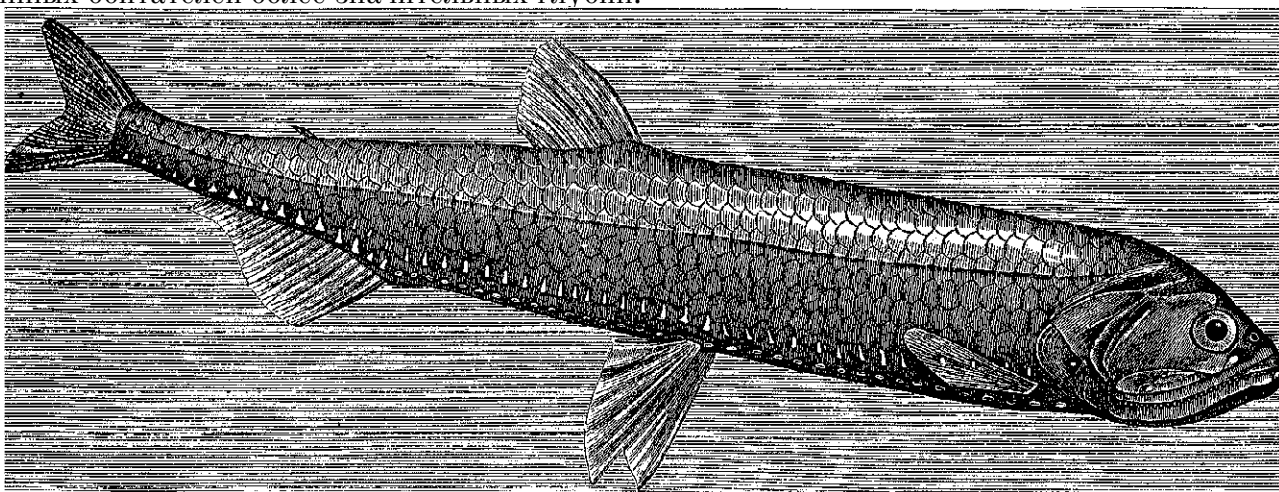
Семейство галаксиевые

Для полноты систематики, а особенно из-за замечательного распространения, заслуживают упоминания галаксовые рыбы — мелкие пресноводные рыбы Южного полушария. **Галаксия** (*Galaxias attenuatus*) живет, кроме Тасмании и Новой Зеландии, также на Фолклендских островах и южной оконечности Южной Америки.

Галаксий можно назвать щуками Южного полушария. Напротив, поселенцы Новой Зеландии назвали их «форелями», хотя они редко достигают длины более 20 см.

Семейство Фотихтовые

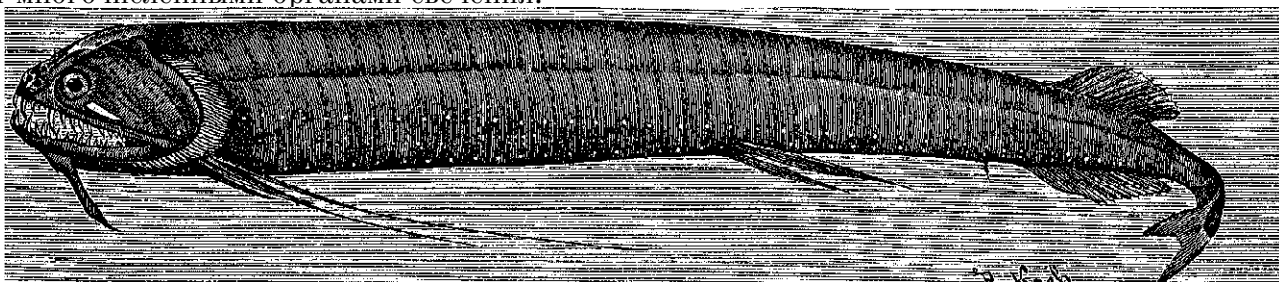
Серебристого фотихта (*Photichthys argenteus*) из пролива Кука в Новой Зеландии мы приведем здесь в качестве вида мелких рыб открытого океана и океанических глубин. Органы свечения указывают на то, что они любят жить во мраке. Некоторые из принадлежащих сюда рыб часто попадают ночью в сети, которыми ловят на поверхности, и еще не решено, представляют ли они постоянных обитателей более значительных глубин.

Серебристый фотихт (*Photichthys argenteus*)

Семейство меланостомиевые

Усик на подбородке и страшные зубы служат отличительными признаками представителей этого семейства, которые живут в самой глубине океана. Подобно **серебристому фотихту**, изображенному выше, живущая в Атлантическом океане **усатая эхиостома** (*Echiostoma barbatum*) обладает многочисленными органами свечения.

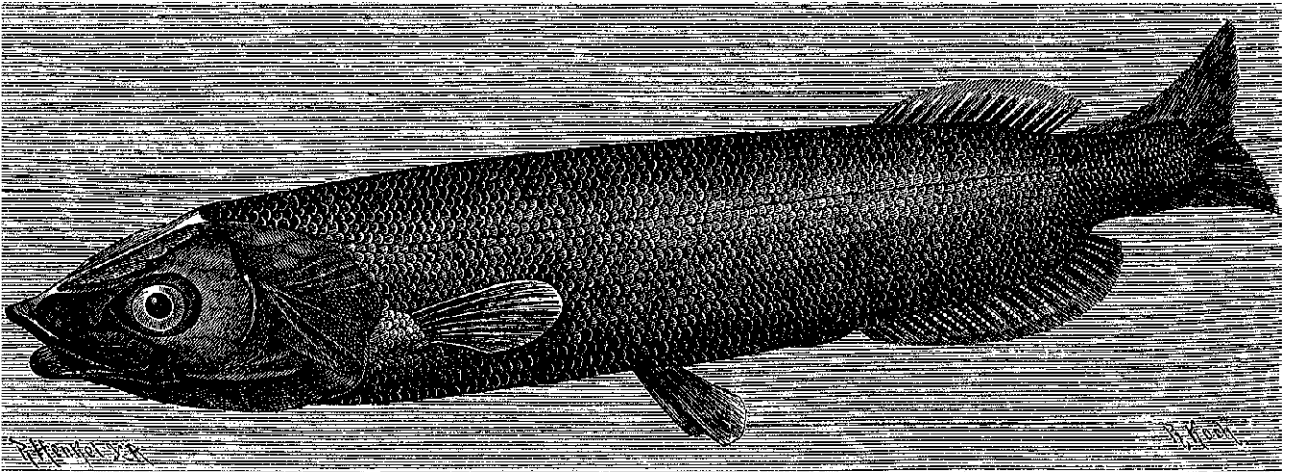

Усатая эхиостома (*Echiostoma barbatum*)

Семейство гладкоголовые

К самым характерным и, по всей вероятности, всего более распространенным глубоководным рыбам принадлежат семь, распределяемых на четыре рода, видов **гладкоголовых** *.

* *Плешины принадлежат к морским глубоководным рыбам, образ жизни которых остается еще слабо изученным.*

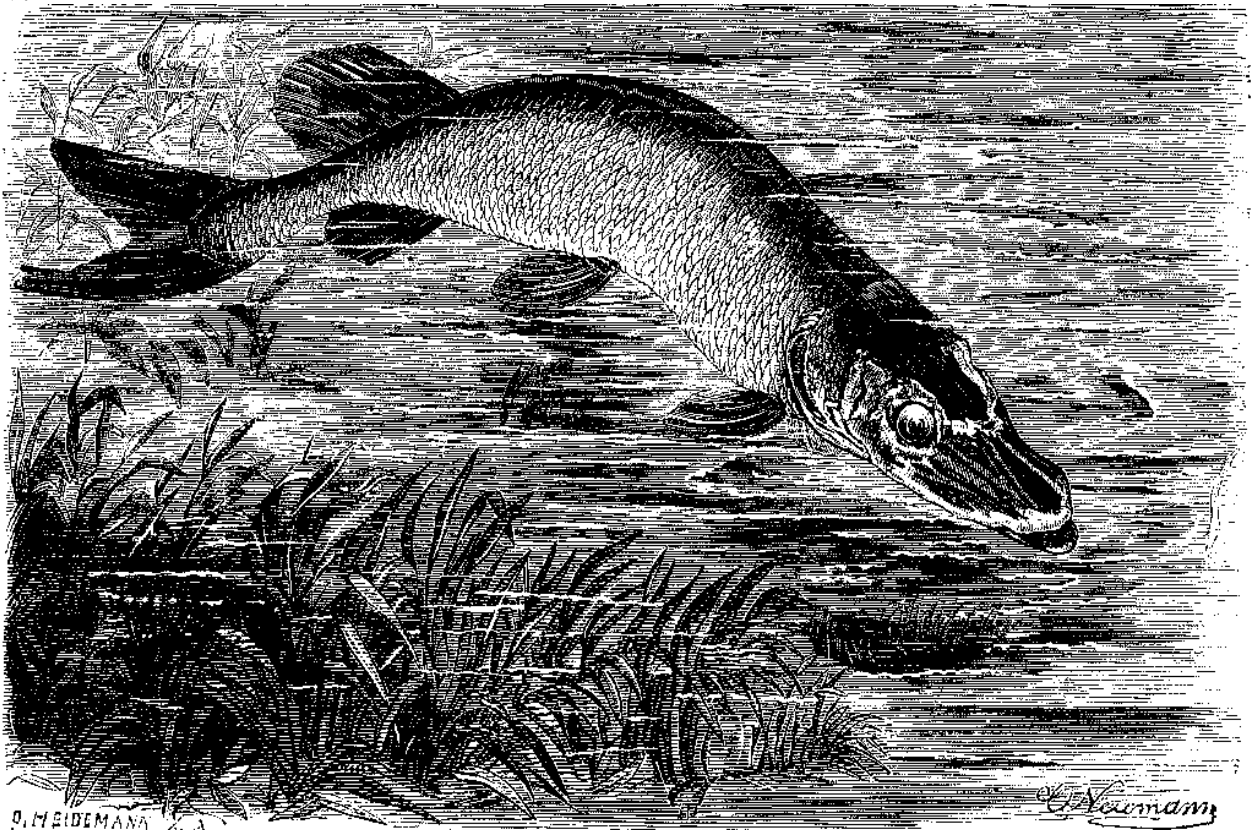

Черный плешан, или гладкоголов (Aleposcephalus niger)

Зубная система их весьма слабая, глаза большие, окраска черная. По Гюнтеру, они живут на глубине от 345 до 2150 саженей. Наш рисунок изображает **черного плешана** (Aleposcephalus niger), экземпляр которого длиной 33 см был пойман севернее Австралии на глубине 1400 саженей.

Семейство щуковые

Наша **обыкновенная щука** (Esox lucius) — самый страшный хищник европейских озер и рек, «акула внутренних вод». Род, представителем которого она служит, отличается полной зубной системой и мелкими, крепко сидящими чешуйками; добавленные жабры невидимы, брюшные плавники прикреплены на середине брюха, спинной и заднепроходный — на конце тела, недалеко от очень большого, несколько вырезанного посередине хвостового плавника. Кроме того, особенно характерны для щуки приплюснутая голова и широкая морда с большим разрезом рта. По цвету и рисунку эта рыба чрезвычайно варьирует, но вообще можно сказать, что спина черноватая, более или менее одноцветная, бока серые, разрисованы мраморными или поперечными пятнами, а брюхо белое, усажено черными крапинками. Грудные и брюшные плавники красноватые, спинной и заднепроходный буроватые; хвостовой плавник имеет обыкновенно на верхнем крае черные пятна. Длинной щука не уступает ни одной из лососевых рыб, весом разве семге и дунайскому лососю; длина ее может достигать 2 м, вес 35 кг, хотя щук длиной в 1,3 м и весом в 25 кг должно считать редким явлением.

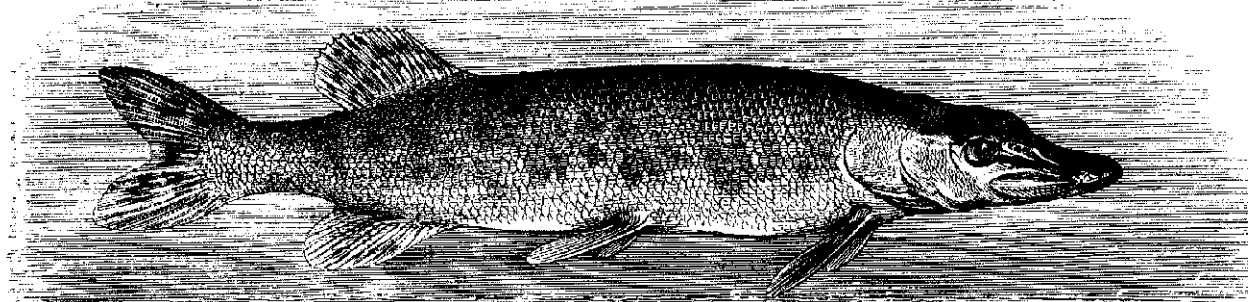

Обыкновенная щука (Esox lucius)

Щука водится во всех пресных водах Европы и в подобных же водах Азии и Америки; в Испании и в Исландии она, говорят, не встречается. В Альпах она восходит до 1500 м высоты, в горах южной Европы, наверно, еще выше. Она нигде не может считаться редкой, в большинстве местностей, напротив, обыкновенна, но едва ли в каком-либо другом месте она водится в таком числе, как в Оби и ее притоках, которые соединяют в себе все условия для ее благосостояния. Но она умеет приспособливаться к местным условиям и, по-видимому, так же хорошо чувствует себя в мелких болотистых водах, как в глубоком чистом озере. Сила и быстрота плавания, замечательная острота чувств и необыкновенная хищность составляют самые выдающиеся черты ее. Она стрелой плывет в воде, движимая мощным хвостом, усиленным участием спинного и заднепроходного плавников, зорко смотрит во все стороны и бросается на добычу почти с безошибочной точностью. Прожорливостью щука превосходит всех других пресноводных рыб. Ей все годится. Она глотает рыб всякого рода, не исключая себе подобных, кроме того, лягушек, птиц и млекопитающих, которых может захватить своей широкой пастью*.

** Существуют небольшие озера, где щука единственный обитатель. В таких водоемах мальки щук питаются мелкими ракообразными и другими беспозвоночными животными и служат пищей для более крупных щук, а те в свою очередь — для еще более крупных особей. Прежде чем проглотить пойманную рыбу, щука ее перехватывает так, чтобы она была ориентирована головой к глотке.*

Молодых гусей, уток, водяных курочек и тому подобное часто находили в ее желудке, а также змей, но не жаб. Рыб с колючими спинными плавниками, как, например, окунь, она не глотает тотчас, а держит в зубах, пока он не умрет; колюшке же она предоставляет спокойно играть вокруг себя, не осмеливаясь нападать на нее, и имеет достаточное основание для такой осторожности. Блох нашел молодую неопытную щуку с колюшкой во рту, спинной шип которой пронзил небо щуки и торчал наружу около ноздрей.

Обыкновенная щука (*Esox lucius*)

Время нереста щуки приходится на первые весенние месяцы, начинается часто уже в начале марта, но может затягиваться и до мая. Под влиянием полового побуждения обыкновенно довольно осторожная щука становится глухой и слепой, и ее можно поймать руками. В одной самке, весом 4 кг, насчитали до 150 тысяч яиц. Они откладываются на неглубоких местах.

поросших тростником и другими водяными растениями, и уже по прошествии немногих дней из них выходят мальки. Значительная их часть находит себе могилу в желудке более старых щук, другая часть, быть может едва ли меньшая, становится жертвой братьев, которые растут тем скорее, чем больше находят пищи. Говорят, что щуки могут доживать до глубокой старости; прежние писатели сообщали о щуках, которые будто бы достигали возраста более ста лет*.

** Максимальный возраст щук — около 20 лет.*

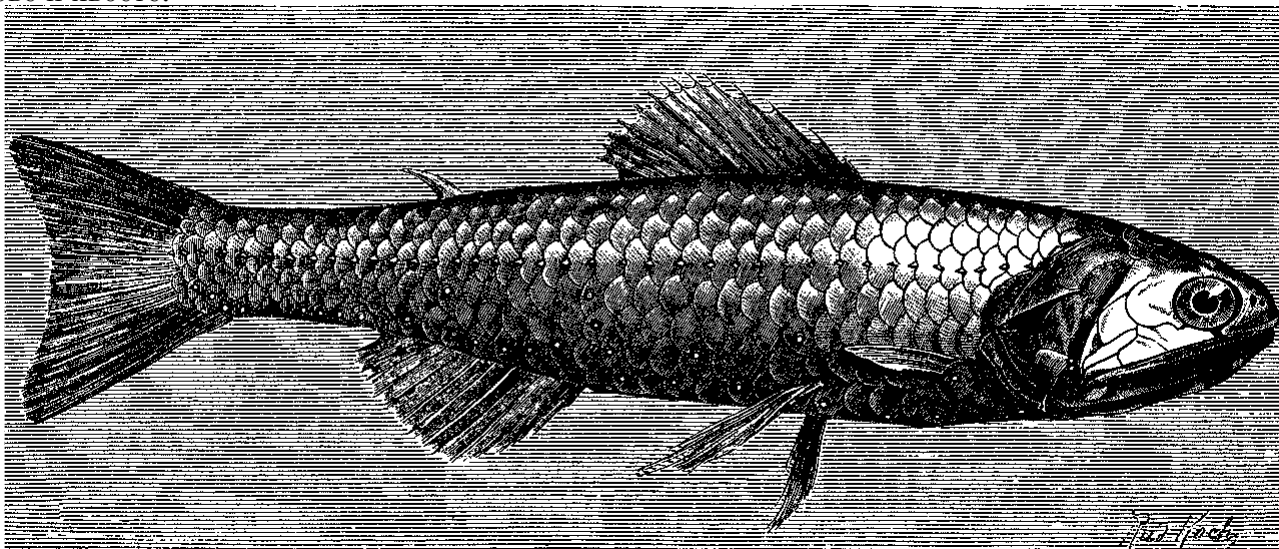
Во времена римлян мясо щуки не пользовалось уважением. В позднейшее время на нее стали смотреть иначе, и в течение целых столетий мясо ее считалось, по крайней мере в Англии, лучше лососины. Еще и в настоящее время хорошо приготовленная щука пользуется почетом, и потому эту хищную рыбу преследуют не только из-за приносимого ею вреда.

Способы ловли щуки различны. Кроме сети и мережи употребляют главным образом удочку, охотнее всего так называемую донную.

Для прудового хозяйства щука превосходна, предполагая, что ее помещают туда, где она не может вредить, или доставляют ей достаточный запас рыб. В прудах для карпов ее держат для того, чтобы она заставляла ленивых карпов двигаться; однако надо быть осторожным и сажать лишь маленьких щук, которые не могут вредить, а при вылавливании пруда тщательно отыскивать их и удалять.

Отряд миктофообразные

Большинство видов светящихся рыб, свойственных исключительно морю, принадлежат к глубоководным рыбам и встречаются только в открытом море. Ночью все эти рыбы поднимаются наверх, к поверхности воды, где в спокойную погоду могут быть легко пойманы. В бурю и днем они уходят в темную и тихую глубь, из которой некоторые виды никогда к поверхности не поднимаются. Светящихся рыб ловили на всех глубинах до 2500 саженей. Для рыб, принадлежащих к этому роду, характерно присутствие светящихся органов на нижней стороне тела, иногда, впрочем, на голове и хвосте.

Светящийся анчоус (*Scopelus engraulis*)

У нарисованного здесь **светящегося анчоуса** (*Scopelus engraulis*) из вод Филиппинских островов с глубины 250 саженей, эти глазчатые органы, похожие цветом на жемчуг, выглядят особенно красиво*.

** Изображен один из представителей большой группы мелких морских рыб, встречающихся в толще воды и в приповерхностных слоях. У многих этих рыб на теле имеются светящиеся органы фотофоры. Широко распространены в тропической зоне океанов.*

Семейство аравановые, или костноязыкие

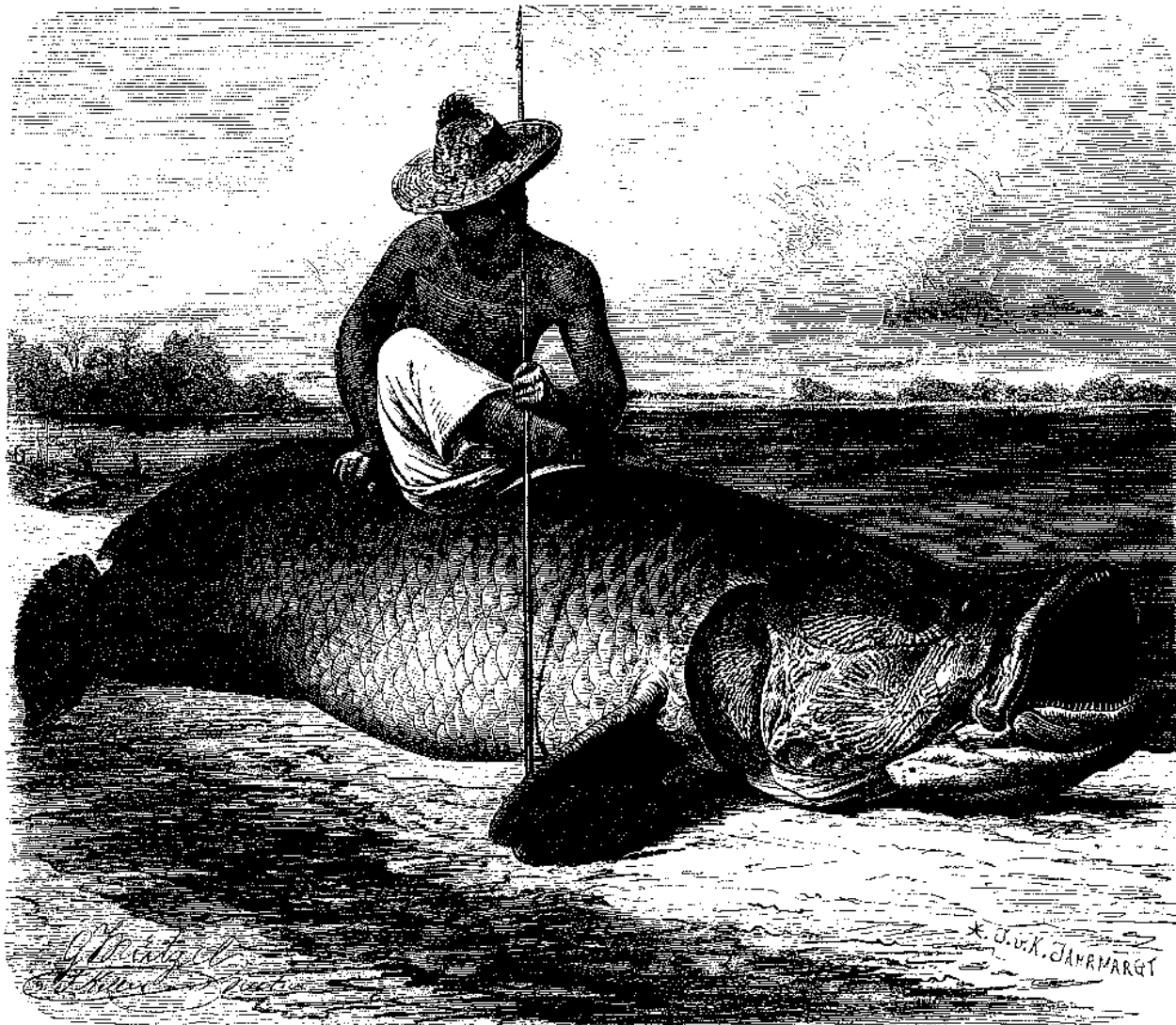
"Индейцы, — рассказывает Шомбургк, — привезли нам, кроме множества других рыб, также гиганта пресных вод Гвианы — арапайму, и мы с изумлением смотрели на это громадное животное, которое заполняло почти целый кориал, было длиной 3 м и весом, наверное, 100 кг». Из рек Британской Гвианы рыбы эти живут лишь в Рупунуни; но в этой реке они водятся в значительном числе. В Рио-Бранко, Негро и Амазонке они, говорят, тоже довольно обыкновенны.

Арапайму ловят на удочку и убивают стрелами из лука. Охота за ней принадлежит, бесспорно, к самым привлекательным и оживленным из всех охот этого рода, так как для нее по большей части собираются несколько кориалов и затем распределяются по реке. Как только заметят рыбу, подадут знак. Кориал с лучшим стрелком без шума подъезжает на расстояние выстрела; стрела летит с тетивы и исчезает вместе с рыбой. Теперь начинается общая охота. Едва покажется из воды перо стрелы, как все руки готовы уже натягивать луки; рыба показывается и, исколотая несколькими новыми стрелами, снова исчезает, чтобы опять показаться уже через более короткий промежуток времени и получить новый залп стрел, пока наконец она не станет добычей охотников. Ее вытаскивают на мелкое место, пододвигают под нее кориал, вычерпывают попавшую вместе с рыбой воду и с ликованием возвращаются в селение.

Среди наших краснокожих матросов находился немой, страстный удильщик. Едва мы разбили лагерь, как он схватил свою удочку и поехал на одной из лодок к маленькой песчаной отмели, лежавшей у противоположного берега. В лагере все было погружено в глубокий сон, как вдруг все проснулись от странных и страшных звуков. Сначала никто не знал, что значат эти ужасные звуки, пока один из людей не воскликнул: «Это, должно быть, немой!» Вооружившись охотничьими ножами и ружьями, мы тот час вскочили в лодку, чтобы поспешить ему на помощь; что он нуждался в ней, слишком ясно показывали страшные звуки. Когда мы пристали к песчаной отмели, то заметили, насколько позволяла темнота, что какая-то незримая сила таскает удильщика туда и сюда и он старается всеми силами бороться с ней и при этом издает упомянутые ужасные звуки. Скоро мы были около него, но еще не могли понять, какая сила дергает его толчками взад и вперед, пока не увидели наконец, что он обвил раз 5-6 свою уду вокруг запястья руки. На крючке, очевидно, сидело

сильное чудовище. Громадная арапайма соблазнилась наживкой и проглотила ее, но затем так сильно натянула лесу, что силы немого были слишком слабы, чтобы отпутать от руки навитую лесу или вытащить гиганта на сушу. Еще несколько минут — и выбившийся из сил ловец был бы не в состоянии сопротивляться громадной рыбе. С громким смехом все схватились за уду, и скоро чудовище, рыба более 100 кг весом, лежала на песчаной отмели. Наш немой, которому леса врезалась в мясо запястья, старался теперь, делая самые смешные гримасы, объяснить нам ход дела, свой страх и опасное положение».

Гигантская арапайма (*Arapaima gigas*) имеет гигантское тело, одетое твердой, мозаикообразной чешуей, лишенную чешуи, покрытую костяными щитками голову, состоящую из широких отверстий боковую линию, приближенные к хвосту спинной и заднепроходный плавники, которые почти достигают хвостового, и широкое жаберное отверстие.

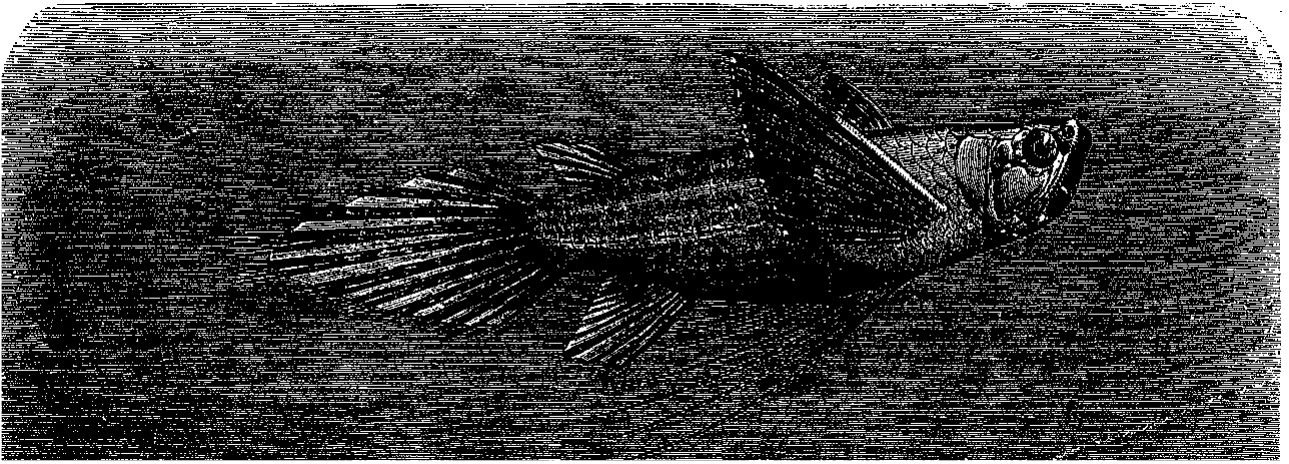
Гигантская арапайма, или пурарука (*Arapaima gigas*)

По словам Шомбургка, арапайма носит один из самых пестрых нарядов, какой только можно себе представить, так как не только чешуи, но и плавники отливают и блестят самыми различными оттенками темно-серого, красного и голубовато-красного цвета; по Келлеру-Лейцингеру, каждая из чешуи, которые бывают шириной около двух дюймов, украшена резким пурпурно-красным краем. Длина этой рыбы может быть более 4 м, вес до 200 кг.

Семейство пресноводные рыбы-бабочки

Мы должны привести здесь необыкновенно похожую на зубастого карпа пресноводную **рыбу-бабочку, или рыбу-мотылька** (*Pantodon buchholzi*), маленькую, открытую Буххольцем и описанную Петерсом рыбу с западного берега Африки*.

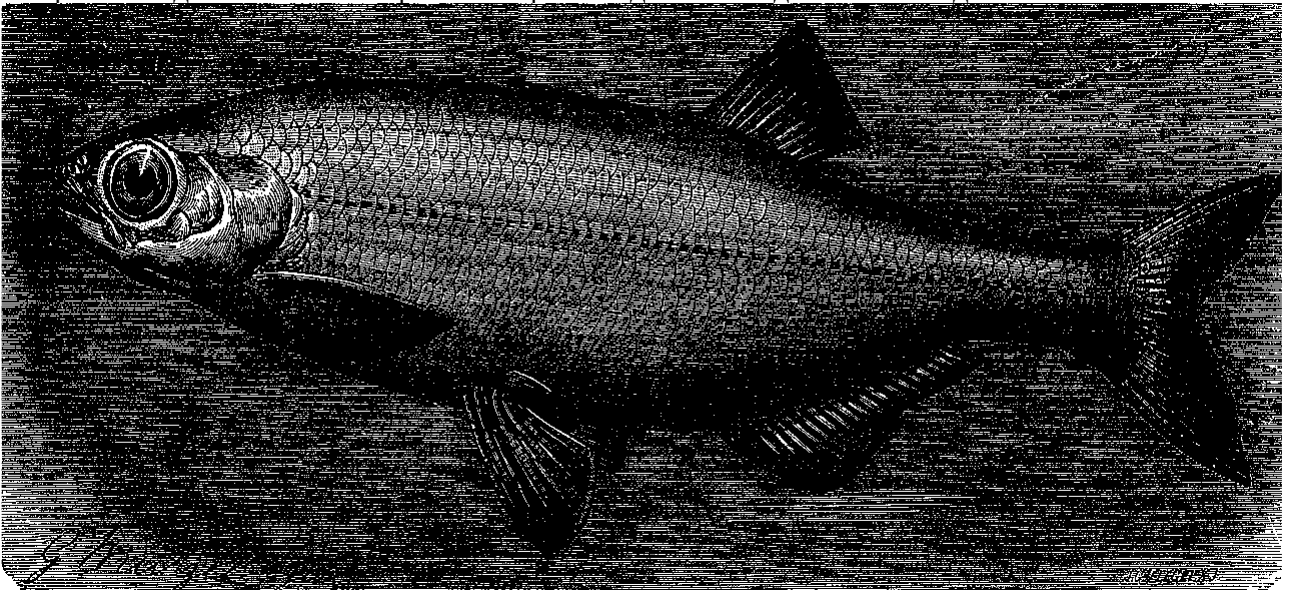
* *Пресноводная рыба-бабочка (Pantodon buchholzi)* Эта мелкая пресноводная африканская рыба получила свое название благодаря способности выскакивать из воды и планируя, пролетать над водой 2—3 м. У нее большие грудные плавники, напоминающие крылья.

Пресноводная рыба-бабочка (*Pantodon buchholzi*)

Семейство луноглазковые, или гиодоновые

Луноглазка, или серебристый гиодон (*Hiodon tergisus*), встречается часто в речках и больших озерах западной части Северной Америки и достигает длины от 30 до 45 см.

Луноглазка, или серебристый гиодон (*Hiodon tergisus*)

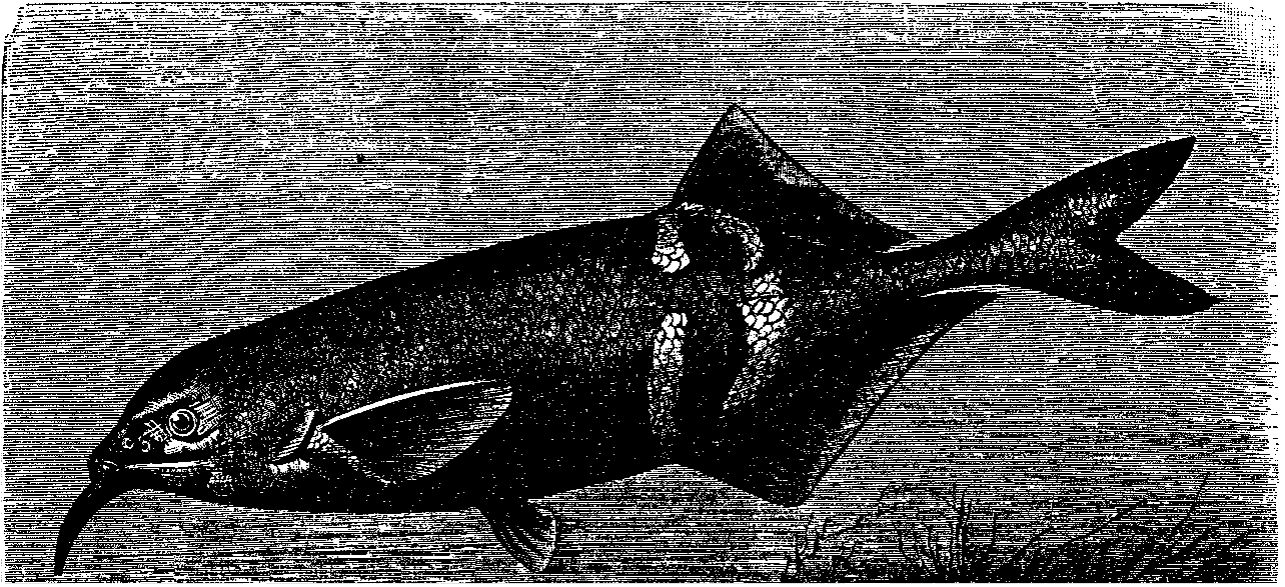
Семейство нотоптеровые, или спинопёры

Замечательно по своему распространению семейство нотоптеровых пресноводных рыб, населяющих как Ост-Индию, так и западную Африку. Представителем этого семейства является **спинопёр, или нотоптер (*Notopterus borneensis*)** с Калимантана и Суматры**.

* * *Спинопёры обитатели тихих и заросших водоемов. Для дыхания воздухом им служит плавательный пузырь. Отложенную икру охраняют. Достигают в длину 70-90 см.*

Семейство мормиры, или клюворылые

Для пресных вод Африки характерно семейство мормиры, которое во многих отношениях заслуживает упоминания. Один или несколько видов служили у древних египтян предметом поклонения и часто изображались.

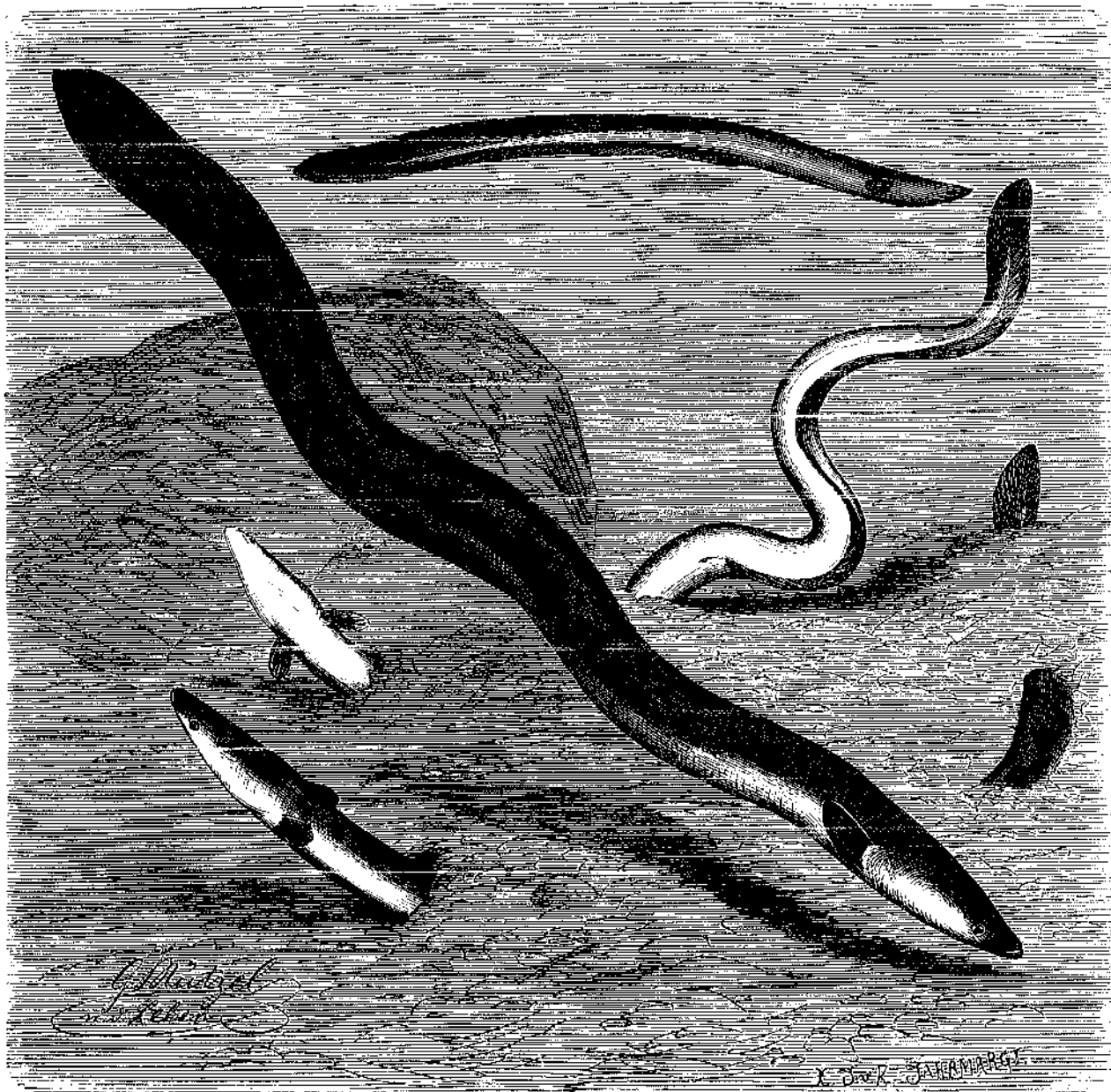
Убанги (*Mormyrus petersi*)

Эту рыбу нельзя было есть, так как она была одной из трех рыб, которых обвиняли в том, что они съели одну из частей тела Озириса и тем помешали Изиде собрать все разбросанные члены ее супруга.

Виды этого рода, из которых некоторые достигают в длину 90-120 см и, говорят, имеют очень вкусное мясо, отличаются своеобразным органом, лежащим по обеим сторонам хвоста, и по строению близок к электрическим органам, но не может производить электрических ударов. Вид, изображенный здесь, **убанги (*Mormyrus petersi*)**, был открыт в Старо-Калабарской реке.

Семейство угревые, или пресноводные угри

Обыкновенный, или европейский, угорь (*Anguilla anguilla*) характеризуется очень узкими жаберными щелями перед грудными плавниками, спинным плавником и заднепроходным плавником, непосредственно переходящим в остrokонечный хвостовой плавник, и бархатистыми зубами, находящимися как на межчелюстной и нижнечелюстной костях, так и на сошнике. Длина головы едва достигает восьмой части общей длины тела; глаза маленькие и покрыты кожей, губы толстые и мясистые, ноздри простые, жаберное отверстие представляет собой серпообразную щель, изогнутую вперед; десять жаберных лучей соединены с кожей, покрывающей голову; спинной плавник занимает приблизительно две трети общей длины; сначала он низкий, но к концу хвоста возвышается и, находясь в связи с хвостовым плавником, непосредственно переходит в заднепроходный; грудные плавники короткие и овальной формы. Чешуи состоят из необыкновенно нежных, тонких, прозрачных, длинных и узких роговых образований, которые расположены в толстой слизистой коже в двух направлениях; таким образом, они наклонены друг к другу почти под прямым углом, образуя между собой промежутки, наполненные зигзагообразно сморщенной кожей.

Обыкновенный, или европейский, угорь (*Anguilla anguilla*)

Окраска верхней стороны темно-зеленая, на верхней части головы всего темнее, переходя в буроватую; нижняя сторона выглядит белой с матовым серебристым блеском; спинной, хвостовой и задняя часть заднепроходного плавника еще темнее спины; грудные плавники буровато-черные с совершенно черной каймой. В длину угорь достигает в среднем 1 м, и только в редких случаях имеет более 1,3 м, его вес лишь в виде исключения достигает 6 кг, однако Яррель упоминает о двух угрях, которые вместе весили 25 кг.

В Черном и Каспийском морях и во всех впадающих туда реках угри отсутствуют. Они распространены начиная с 64-65 градусов северной широты, во всей Европе, а также и в области Средиземного моря; в Атлантическом океане они распространены до Северной Америки.

Во время зимы угорь лежит, зарывшись в ил, и выдерживает зимнюю спячку или, по крайней мере, не охотится*; с наступлением теплого времени года он начинает свою летнюю жизнь, плавает очень быстро, змееподобными движениями в различных слоях воды, с удивительной ловкостью проскальзывает сквозь норы или трубы, например, постоянно попадает в водопроводах больших городов, где недостаточно фильтруется вода, и поднимается по трубам даже на высоту нескольких этажей; он проскальзывает также сквозь полужасоренные трубы и таким образом часто уползает из прудов, где его пребывание считали вполне обеспеченным.

* Угорь наиболее активен в ночное время, светлое время суток он проводит, зарывшись в грунт или спрятавшись в укрытия и высунув оттуда лишь голову. Охотиться ночью ему помогает прекрасно развитое обоняние. Этот орган состоит из большого числа тесно расположенных параллельно друг к другу двух рядов складок, насыщенных рецепторными клетками. Угорь чемпион среди рыб по чувствительности к запахам.

Еще до сих пор утверждают, что ночью угорь выходит на землю, чтобы на полях, засеянных бобами и горохом, искать улиток и червяков**.

* * *Тяга к странствованиям просыпается у угрей лишь с началом их миграции в море, после того как они проведут в реке от 5 до 20-25 лет. Выходить из воды и преодолевать значительные расстояния по суше их вынуждают дамбы и плотины, построенные на реках.*

Подобные же рассказы время от времени появляются и в газетах, и все-таки к ним надо относиться с большой осторожностью, так как они вовсе не исключают возможности ошибок.

Сами по себе подобные странствования весьма возможны, потому что, как мы видели, и другие рыбы их предпринимают. Что угорь дышит также воздухом и вследствие этого может день и более прожить вне воды, это не подлежит сомнению, но вовсе еще не доказывает, что он совершает подобные странствования.

В пищу угорь употребляет преимущественно низших животных, именно червей и ракообразных; он нападает также на лягушек, маленьких рыбок и т. п., и даже лаком до падали. Прожорливость его очень велика, но его хищнические способности, вследствие малого рта, незначительны.

Как ни скудны еще и по настоящее время наши сведения относительно размножения угрей, но, благодаря старательным исследованиям новейших естествоиспытателей, мы можем с достоверностью утверждать, что и эти рыбы размножаются также посредством яиц.

О самом метании икры мы не имеем еще никаких сведений. Мы знаем только то, что взрослые угри покидают реки и в большом количестве направляются к морям, где, как смеем утверждать, и мечут икру. Странствования их, как уже давно известно, происходят осенью, с октября до декабря, преимущественно в бурные темные ночи. Как показали самые точные исследования, угри в это время еще не подготовлены к размножению, но уже в конце апреля, самое позднее в мае, начинается обратное путешествие в реки, и как раз те молодые угри, длиной не больше 9 см и толщиной с земляного червяка, которые поднимаются вверх, по всей вероятности, и представляют собой потомство, произведенное на свет только минувшей осенью старыми угрями. Если признать это предположение за верное, то мы должны считать доказанным, что метание икры происходит с декабря до февраля. Мечут ли некоторые угри икру также в пресных водах, как это думают некоторые, или же действительно все способные к размножению угри отправляются для этого в море, что, несомненно, делает большинство, или же, наконец, что тоже допускают, рыбы, мечущие икру, положив яйца, совсем больше не возвращаются в реки, а умирают тут же в море — все это до сих пор остается неразъясненным*.

* *Лишь к концу прошлого века удалось выяснить, что мелкие полупрозрачные, сжатые с боков рыбки лептоцефалы, в большом количестве появляющиеся у берегов Европы весной, превращаются через некоторое время в маленьких угрей. Их возраст не менее года. Точно определить место, где встречаются только что вышедшие из икринок лептоцефалы, удалось не сразу. Этим местом оказалось Саргассово море, воды которого отличаются очень высокой соленостью и прозрачностью. Именно здесь на большой глубине и выметывают икру пришедшие сюда на нерест взрослые угри. Вылупившаяся молодь всплывает к поверхности, ее подхватывает Гольфстрим — теплое мощное атлантическое течение — и приносит к берегам Европы, а часть молоди — к берегам Северной Америки.*

Восхождение молодых угрей в реки наблюдалось часто и происходит во всех больших реках. «В марте и апреле, — говорит Карл Фогт, — ночью в устья рек входят мириады маленьких рыбок, величиной приблизительно 5 см. В некоторых местах, как, например, во французских реках, где это явление называется «montee», они составляют сплошные массы, которые черпают прямо решетом и ковшами и подают к столу запеченными вместе с яйцами, как блины. Это и есть молодые угри, которые поднимаются от места метания икры вверх по рекам и через два года достигают длины приблизительно 60 см».

Все препятствия, встречаемые угрями во время странствований, успешно преодолеваются, и те сотни тысяч, которые погибают при этом, не приносят миллиардной массе заметного ущерба. «Я находился, — рассказывает Деви, — в конце июля в Баллисанноне в Ирландии у устья реки, которая в предшествующем месяце разливалась».

Вблизи одного водопада река была заполнена миллионами маленьких угрей, которые беспрестанно силились вылезать на берег, карабкаясь по мокрым скалам, и при этом тысячами погибали; но их влажные скользкие тела служили другим лестницей, помогавшей продолжать путь. Я видел, как они влезали даже на отвесные скалы; они пробирались по сырому мху или придерживались за тела других, погибших при подобной попытке, угрей. Их терпение при этом было так велико, что огромное количество угрей все-таки одолело трудную дорогу и добралось до озера Арно». Рейнский

водопад при Шафгаузене не может служить им препятствием для продолжения пути к Констанскому озеру; водопад Роны тоже мало их задерживает.

Ловля угрей всюду производится усердно*.

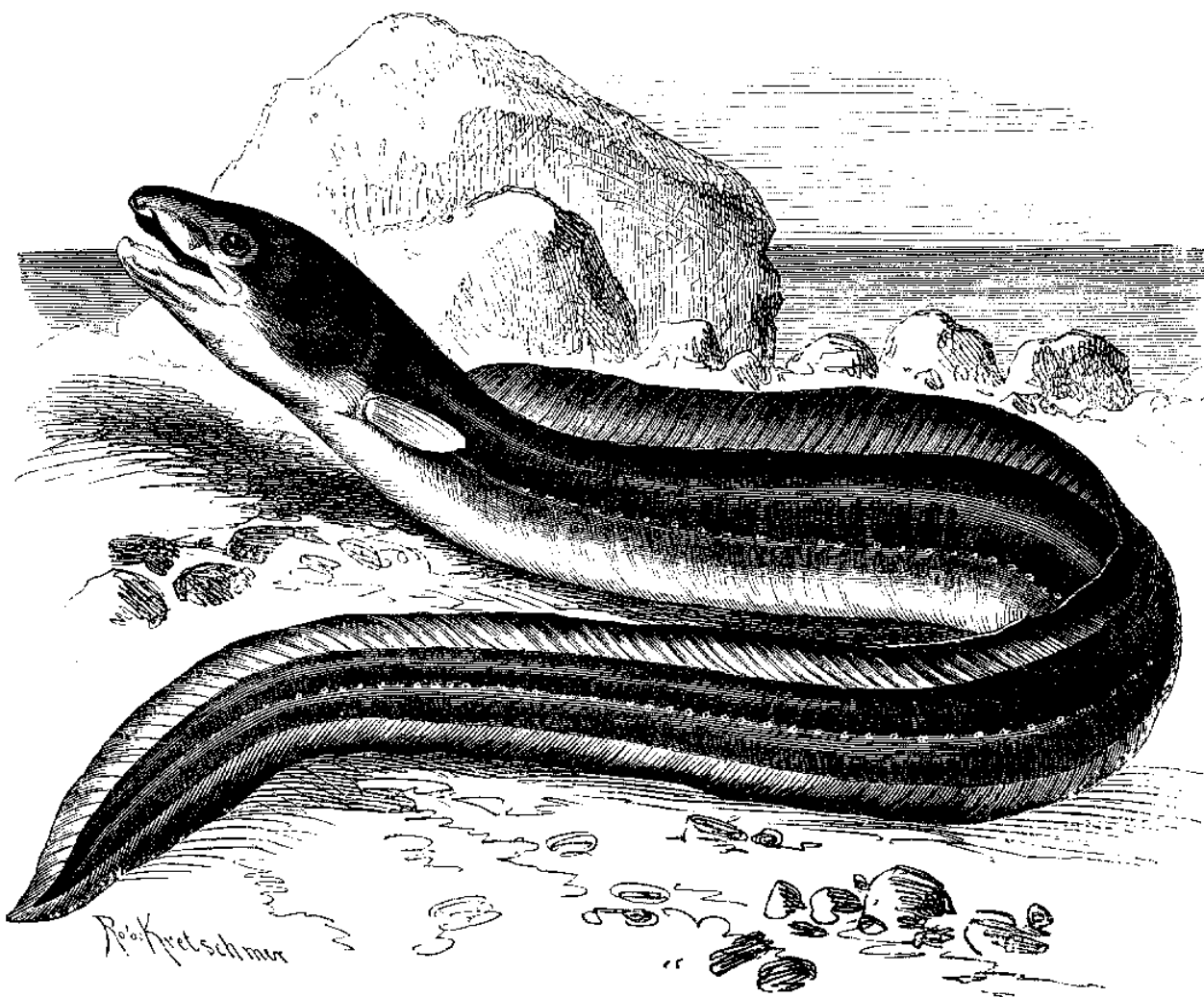
* Молодь угря специально заселяют многие озера и водохранилища, например, в Прибалтике, Белоруссии и Подмоскowie. Через несколько лет угри вырастают в крупных рыб и доставляют большую радость рыбакам-любителям; во многих водоемах налажен их промышленный промысел.

Мясо угрей считается самым лучшим, какое только могут доставить речные рыбы, и поэтому оно находит много потребителей.

Семейство конгеровые, или морские угри

Морской угорь (*Conger conger*) — очень большая рыба, которая может достигать исключительной величины — более чем 3 м в длину, и, по словам Ярреля, иногда весит 50 кг с лишком. Окраска верхней стороны туловища равномерно бледно-бурая, по бокам светлее, а внизу переходит в грязно-белую; спинной и заднепроходный плавники — беловатые с черноватыми краями; на боках резко выступают более светлые линии.

Морской угорь распространен по всему земному шару во всех умеренных и тропических областях морей. Он любит скалистые берега или отыскивает на плоских берегах по крайней мере скалистое дно и прячется здесь в углублениях и расщелинах камней, хотя отлично умеет прятаться и зарываясь в песок. Это необыкновенно прожорливое животное, которое по своим хищническим наклонностям не щадит даже более слабых представителей своего рода: из желудка одного морского угря, весом в 12 кг, Яррель вынул трех камбал и одного молодого морского угря длиной 1 м. Сила его челюстей так велика, что он легко раздробляет раковины. Нередко этот хищник отыскивает омаровые верши и овладевает попавшими в них раками, но за жадность свою часто платится свободой и жизнью.

Морской угорь (*Conger conger*)

В противоположность речному угрю у него, по крайней мере в холодные месяцы, разительно выражено половое различие. Время метания икры наступает в декабре или январе. Молодых длинной с палец можно видеть летом на скалистых берегах*.

** На севере область распространения морского угря ограничивается берегами Норвегии; из Атлантики он может заходить в Средиземное и даже Черное моря. Плодовитость морского угря достигает 3-8 миллионов икринок, нерестится, как и обыкновенный угорь, один раз в жизни и после нереста погибает. Молодые угрята, лептоцефалы, не похожи на взрослых рыб, и их принимали за самостоятельный вид.*

Ломкий угорь (*Leptocephalus morrhu*), который в настоящее время рассматривается Гиллем и Гюнтером как своеобразно развитая личинка морского угря, имеет очень сильно сжатое с боков, спереди и сзади почти равномерно заостренное лентообразное туловище, маленькие грудные плавники, начинающиеся далеко позади спинной и заднепроходный плавники, которые соединяются с хвостовым, и ряд зубов в верхней и нижней челюстях. Об определенной окраске, собственно, ничего нельзя сказать, так как это животное бесцветно, как вода, и так прозрачно, что, по словам Беннета, сквозь его тело легко можно читать буквы. Длина достигает 10 см. Замечательно его внутреннее строение. Внутренности образуют только прямую узкую кишку, проходящую от головы к заднему проходу и нигде, собственно, не расширяющуюся. Если эту рыбку положить на стекло и держать ее против света, то можно ясно видеть пищеварительную кишку, проходящую внутри тела.

Хотя мясо морских угрей не считается особенно ценным, но все же ловлей их усердно занимаются, так как они представляют собой крайне дешевую пищу. Прежде на английских берегах сушили множество этой рыбы для отправки в Испанию и южную Францию; сушеное мясо толкли в крупный порошок и употребляли его для приготовления супов и других кушаний.

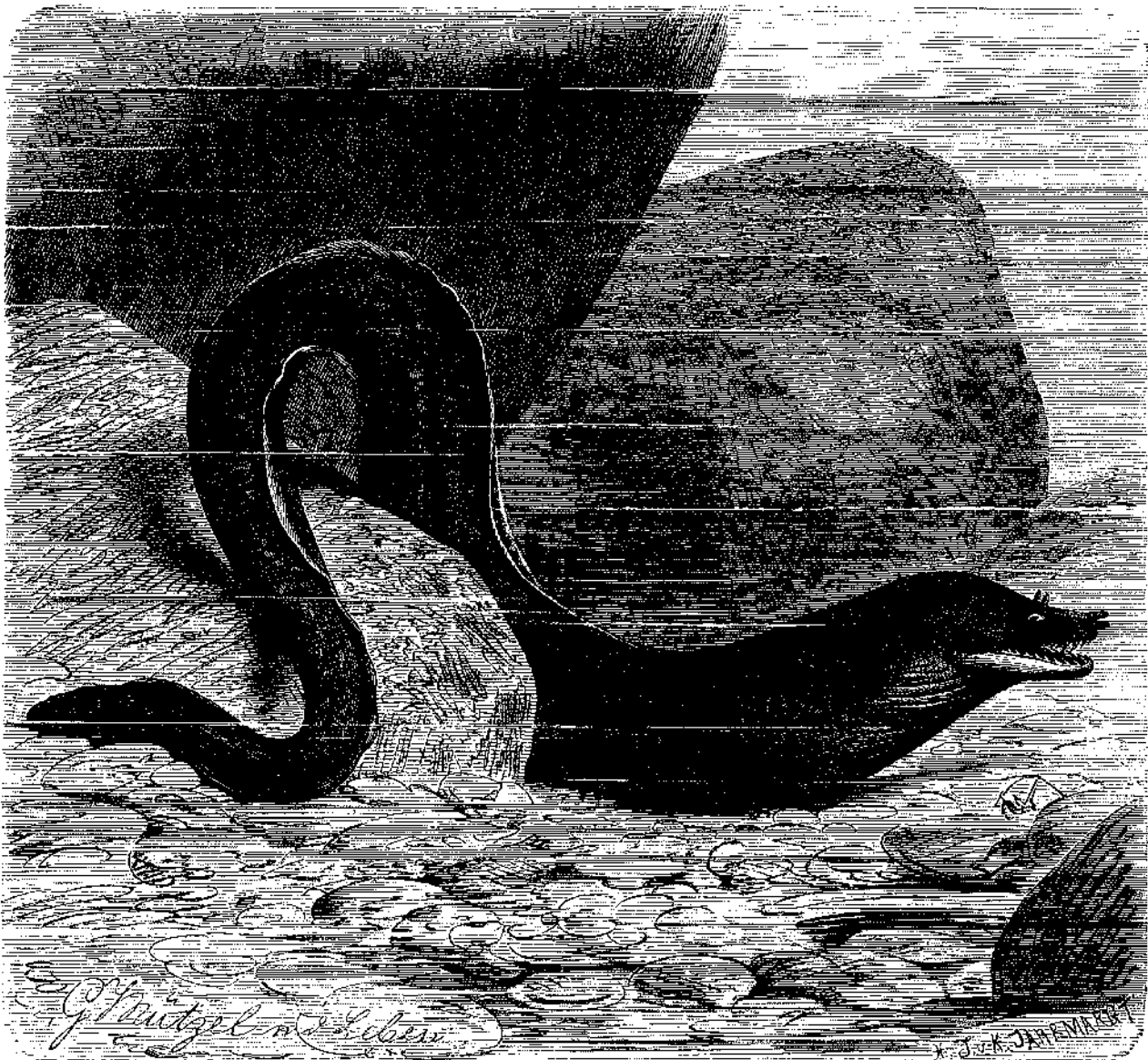
Семейство муреновые

У древних римлян высоко ценилось мясо одного угря, называемого муреной. Ради нее заграждали плотинами пруды и заливы и сажали туда много этих рыб, чтобы всегда иметь их для своих пиршеств. По свидетельству Плиния, первым устроил подобный пруд Гирий и так населил его, что при триумфальном шествии Цезаря он мог поднести к столу своим друзьям 6000 рыб. «Римлянин Красс писал, что он в одном садке имел прекрасную большую мурену, которую он очень любил и украшал золотыми пластинками; эта мурена узнавала голос Красса, подплывала к нему и брала пищу из его рук; когда эта рыба околела, Красс носил по ней траур, похоронил ее и оплакивал». Если только справедливы истории, рассказываемые про мурен, то эти рыбы доводили некоторых римлян до больших жестокостей. Видий Поллин как-то узнал, что лучшим кормом для мурен служит человеческое мясо, и для этого пожертвовал несколькими своими рабами, т. е. за проступки наказывал их тем, что топил в прудах на съедение муринам.

Во всяком случае, эта рыба принадлежит к таким, которые хорошо были известны древним, по крайней мере, про нее существует много рассказов, они содержат удивительные сведения о ее нравах и рождении.

Надо оговориться, что все эти сообщения верны только отчасти; но, во всяком случае, доля правды в них есть. От новых же исследователей мы почти ничего не знаем о муринах.

Европейская, или средиземноморская, мурина (*Muraena Helena*), представитель рода мурен (*Muraena*), отличается от родичей отсутствием грудных плавников и нескладным строением тела; она имеет спинной, заднепроходный и хвостовой плавники, очень маленькие жаберные отверстия на каждой стороне, остrokонечные длинные зубы, расположенные в один ряд вверху и внизу, и кожу, лишенную чешуи. Основная окраска передней части тела красивая ярко-желтая, задняя часть буроватого цвета; рисунок состоит из бурых мраморных пятен, которые замыкаются и разграничиваются темными полосами. Длина мурины достигает 1,5 м, вес же ее доходит до 6 кг. Она живет в Средиземном море, в южной части Атлантического океана и в Индийском океане, кроме того, попадает также у берегов Австралии. Мурина держится на дне глубоких вод, а весной появляется у берегов для метания икры. Раки и каракатицы действительно составляют их излюбленную пищу, но прожорливость их доходит до того, что за недостатком необходимой пищи они откусывают хвосты у себе подобных.

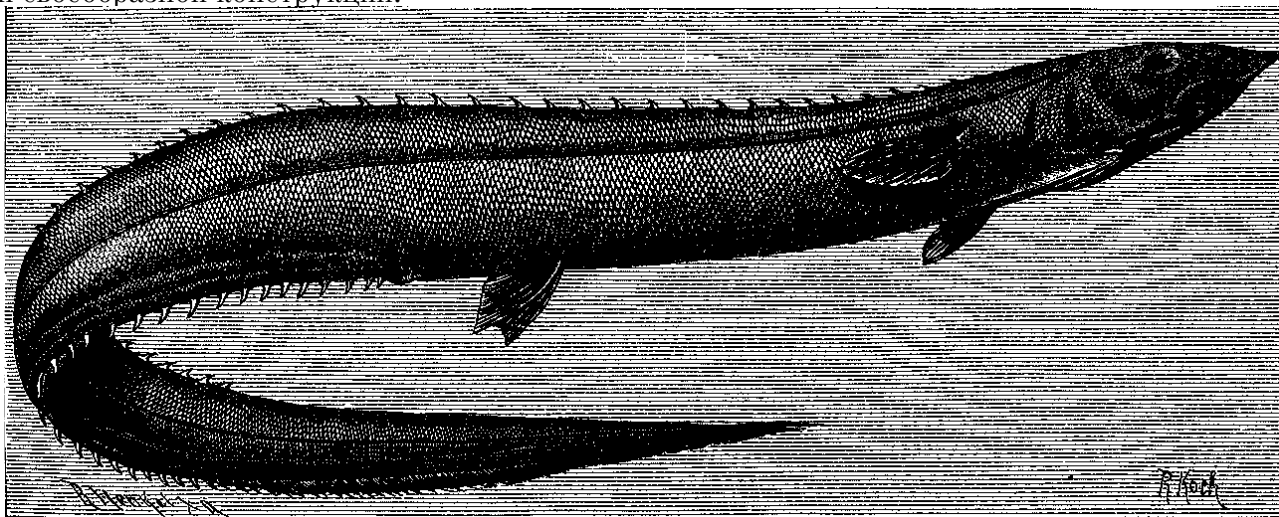

Европейская, или средиземноморская, мурена (*Muraena Helena*)

Пойманные мурены яростно сопротивляются и даже наносят неловким рыбакам опасные ранения. Для ловли употребляют удочки и верши. Клюнув на удочку и почувствовав, что ее тянет крючок, мурена пытается прицепиться хвостом к какому-нибудь твердому предмету и вообще до конца выказывает самое упорное сопротивление. Мясо и ныне считается очень вкусным.

Отряд спиношипообразные, или нотакантообразные

Наиболее отличается от всех остальных колючеперых — **спиношип** (*Notacanthus rissoanus*). Тело длинное, покрытое мелкими чешуйками, голова острорылая, спинной и заднепроходный плавники своеобразной конструкции.

Спиношип (*Notacanthus rissoanus*)

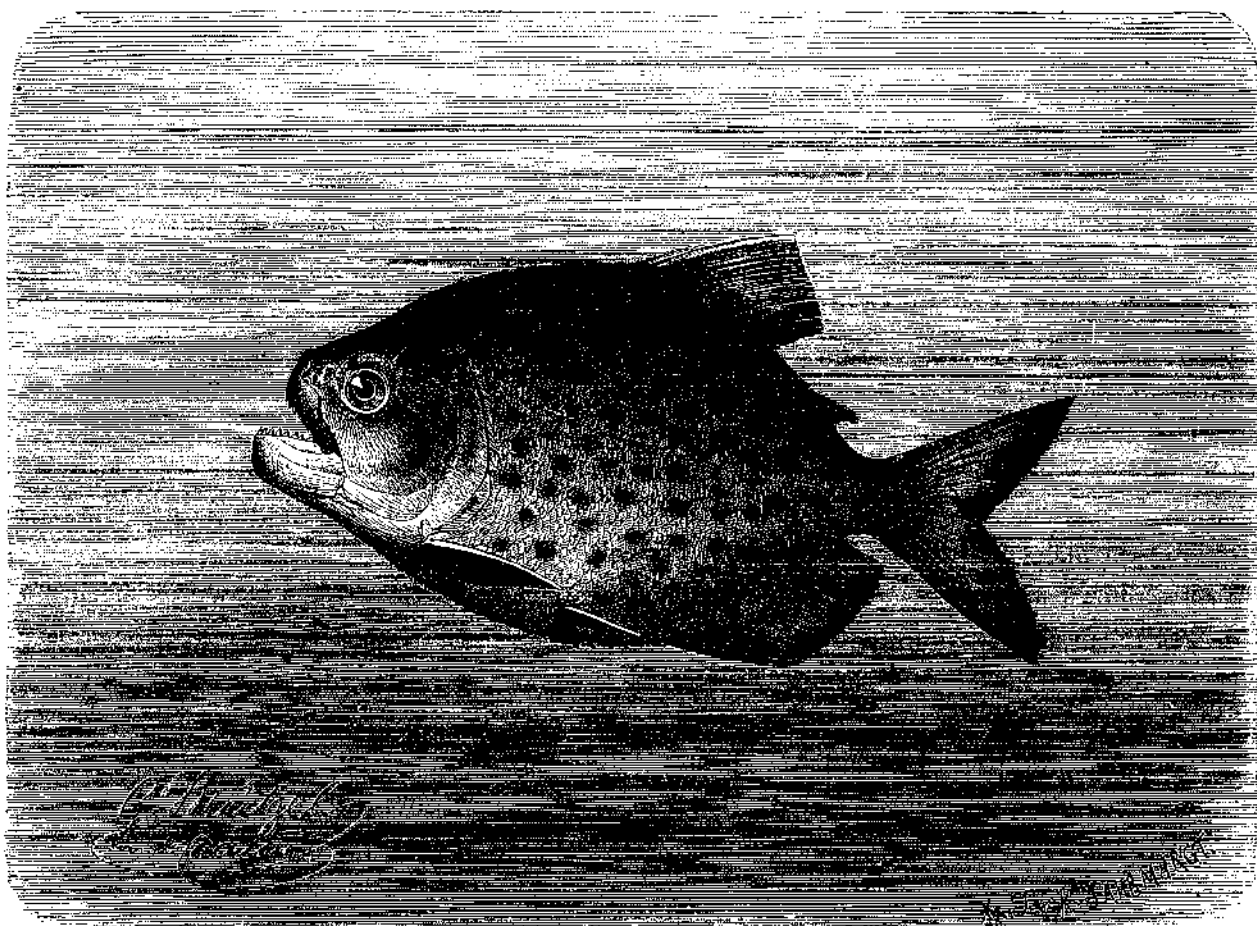
Эти виды распределяются по Северному, Атлантическому океанам и Средиземному морю, а равно и по южной части Тихого океана. Все известные виды живут на значительных глубинах и водятся, вероятно, в слоях на глубине 100-200 саженей. Один экземпляр, около 40 см длиной, вида, представленного здесь на рисунке, был Отряд спиношипообразные, или нотакантообразные 2 вытасчен с глубины 1875 саженей; вид этот, однако, встречается и в Средиземном море*.

* Большая часть спиношипов — это весьма редко встречающиеся глубоководные рыбы.

Семейство пираньевые

Большая пиранья (*Serrasalmus piraya*) — рыба длиной около 30 см, с очень высоким и плотным телом, короткой и тупой мордой, сверху голубоватого, снизу желтоватого цвета с темными пятнами*.

* Большая пиранья может достигать 60 см в длину.

Большая пиранья (*Serrasalmus piraya*)

Все пираньи, называемые обыкновенно «караибскими рыбами», живут в текучих водах Средней и Южной Америки. Область распространения их в точности неизвестна. По-видимому, они редко держатся или вовсе не водятся по близости моря в устьях рек, а населяют реки лишь далее в глубь страны и любят тихие глубокие места этих вод, особенно бухты, окруженные скалистыми берегами и прорезанные скалами. Обыкновенно они держатся у дна, но, заметив добычу, тысячами показываются и на поверхности воды. В больших реках они сопровождают и окружают суда, чтобы быть на месте в должный момент. «Если им ничего не бросают, — замечает Бете, — то видны разве там и сям отдельные экземпляры, головы которых в ожидании направлены к лодке; но лишь только в воду выбросят из лодки какие-нибудь остатки, как вода темнеет от их стай, и начинается яростная борьба из-за брошенного куска, и часто одной из рыб удается утащить пищу, уже проглоченную наполовину другой. Если близко над поверхностью воды пролетит пчела или муха, то пираньи бешено выскакивают за ней, так же одновременно, как от электрической искры». Гумбольдт уже задолго до Бетса рассказывал то же. «Если пролить в воду, — говорит он, — несколько капель крови, то они тысячами поднимаются на поверхность в таких местах, где река была совершенно чиста и не было видно до того ни одной рыбы. Если бы бросали в воду маленькие кровавые кусочки мяса, то через несколько минут появлялись многочисленные стаи караибских рыб и отнимали друг у друга пищу».

Шомбургк справедливо называет их самыми жадными хищными рыбами пресных вод и полагает, что их можно назвать речными гиенами. Но по сравнению с ними гиены безобидные, а грифы — скромные создания. Прожорливость пираний превосходит все, что можно себе представить; они нападают на всякое другое животное, которое отважится появиться в их области, даже на рыб, которые в десять раз больше их самих. «Если они, — рассказывает названный путешественник, — нападают на более крупную рыбу, то откусывают ей сначала хвостовой плавник и тем лишают противника главного органа движения, между тем как остальные, как гарпии, бросаются на него, раздирают и поедают до самой головы. Ни одно млекопитающее, переплывающее реку, не защищено от их хищности; даже ноги водяных птиц, черепахи и пальцы аллигаторов делаются их добычей. Если они нападут на каймана, то он переворачивается обыкновенно на спину и обращается брюхом к поверхности». Самое решительное доказательство их хищности Шомбургк видит в том, что эти рыбы не щадят даже своих раненых сородичей. «Когда я однажды вечером занимался ужением рыбы, — продолжает он, — я вытащил на берег крупную пиранью. Убив ее, как я полагал, несколькими сильными ударами по голове, я положил ее около себя на скалу; но вдруг она сделала снова несколько движений и, прежде чем я успел помешать этому, уже плыла, хотя и оглушенная наполовину, по поверхности воды. В ту же минуту вокруг нее собралось штук 16-20 родичей, и через несколько минут от нее осталась только одна голова».

Нередко, по словам Гумилы, который впервые описал караибских рыб, случается, что они съедают быка, тапира или другое большое животное, которое, плывя, попадает в стаю этих страшных рыб. Обессиленное потерей крови от бесчисленных укусов, млекопитающее не может спастись и должно утонуть. Приходилось видеть, как такие животные погибали в реках шириной едва в 30-40 шагов или, если они достигали другого берега, падали на землю в виде наполовину готового скелета. Животные, живущие около рек, знают, какая опасность угрожает им со стороны пираний, и боязливо остерегаются приводить в движение или мутить воду реки, когда пьют, чтобы не привлечь своих страшных врагов. Лошади и собаки, приведя воду в сильное движение на одном месте, убегают, когда туда соберутся пираньи, как можно скорее прочь и пьют по соседству, где теперь безопасно, так как пираньи отвлечены в другое место. Несмотря на эту осторожность, рыбы довольно часто вырывают у них куски из носа и губ. Мнение Гумилы, что эти рыбы щадят человека, опровергает уже Добрицгофлер, который сообщает, что два испанских солдата, переправлявшиеся через реку, плывя рядом со своими лошадьми, подверглись нападению пираний и были умерщвлены. Гумбольдт говорит: «Караибская рыба нападает на людей, когда они купаются и плавают. И часто вырывает у них большие куски мяса. Если сначала повреждения и незначительны, то все же трудно выйти из воды, не получив жесточайших повреждений. Некоторые индейцы показывали нам рубцы очень глубоких ран на икрах и голеньях, нанесенных этими маленькими животными». Марциус тоже рассказывает, что один из его спутников индейцев неосторожно коснулся воды в том месте реки, где перед тем мыли убитых кур, и поплатился за это легкомыслие потерей первого сустава одного из пальцев, который откусила ему пиранья. Шомбургк рассказывает буквально следующее: «Пираньи тоже бороздили окраины воды и почти начисто откусили два пальца бедному Пурека, который хотел обмыть свои кровавые руки, так что несчастный в течение большей части путешествия вовсе не мог пользоваться руками и сначала терпел значительные боли». В другом месте мы находим: «Прохладные волны Пирары сильно поддерживали наше здоровье при невыносимой жаре, но, к сожалению, не слишком долго, так как одному из мальчиков-индейцев, которые последовали за нами, прожорливые пираньи вырвали большой кусок мяса из ноги, в то время как он переплывал через реку. Ужасный крик мальчика, когда он получил эту рану, заставил нас сначала подумать, что он стал добычей каймана. Страх и боль так потрясли его, что он едва мог достичь берега»*.

** Сведения о кровожадности и бесчинствах пираньи, безусловно, не лишены фактической основы, однако все же их следует считать несколько драматизированными. В реальной жизни такие случаи, которые Брем приводит, опираясь на впечатления натуралистов-путешественников, наблюдаются не так уж часто. Тем не менее справедливой представляется мысль Брема о том, что сохранять осторожность в водах, где встречаются пираньи, все же необходимо.*

Подобное этому рассказывает и Каплер из Суринама, хотя он уже делает некоторое ограничение по отношению к нападениям на людей. Он говорит о караибских рыбах: «Это самые опасные хищные рыбы южноамериканских рек: они питаются по большей части рыбами, но откусывают черепахам, а также уткам и другим водяным птицам ноги или вырывают куски из их тела и становятся опасными даже купающимся людям, если они не остаются все время в движении, и вообще очень дерзки. Жена одного миссионера рассказывала мне, что, когда она мыла свою маленькую собаку на

лестнице, ведущей в реку Суринам, и животное свесило хвост в реку, пиранья вдруг откусила ему хвост». Из другого рассказа Каплера видно, что карибские рыбы встречаются не везде и не во всякое время, а, напротив, могут появляться временами, Каплер продолжает: «Я долго держал на Альбине мускусных уток, которые находили в реке обильную пищу в виде крабов и других живущих в воде животных, как вдруг появились пираньи, и теперь не проходило дня без того, чтобы у птиц не были откушены ноги или разодрано брюхо, так что я скоро был вынужден прекратить разведение этих птиц, которое было так выгодно». Подобно Каплеру, и осторожный в своих рассказах Сакс ограничивает в известном смысле свои слова относительно опасности от карибских рыб. Он пишет: «Сила их зубной системы, устроенной в виде острой пилы, превосходит всякое представление; палка из твердого дерева толщиной в палец, которую я протянул раз одному уже выбившемуся из сил экземпляру пираньи, была прокушена в одно мгновение; даже толстые стальные удильные крючки не могут противостоять их зубам. Правда, многочисленность и опасность этих рыб изображены в некоторых описаниях путешествий слишком страшными красками, однако факт, что каждый туземец, занимающийся рыбной ловлей, может показать у себя на теле рубцы от их укусов. Счастливы тот, кто в таких случаях находится достаточно близко от берега, чтобы быть в состоянии быстро спастись! Смешавшаяся с водой кровь тотчас привлекает большую стаю этих рыб, которые в невероятно короткое время производят самые страшные повреждения. Люди или животные, которые, переходя реку, подвергаются нападению карибских рыб, находясь еще на большом расстоянии от берега, могут считаться погибшими, и их нельзя спасти, так как, даже если полученные ими повреждения не смертельны, потеря крови мешает им плыть; однако подобные случаи не часты. Несмотря на эту опасность, через многие реки, относительно которых достоверно известно, что они кишат этими рыбами, постоянно переходят; в них устраиваются даже большие рыбные ловли, причем значительное число людей за ничтожное вознаграждение работают в течение нескольких дней голыми в воде».

Из всех этих рассказов выясняется, что если пираньи и не всегда и везде тотчас нападают на людей и животных, входящих в воду, то их все же должно бояться, и что есть достаточное основание быть осторожным в тех местах, где они водятся. «Если подумать, как многочисленны эти рыбы, — говорит Гумбольдт, взглянуть на их треугольные остроконечные зубы и их широкий рот, то не покажется удивительным, что жители берегов Апуре и Ориноко чрезвычайно боятся их, что нигде, где водятся эти рыбы, не смеют купаться и что их должно считать одним из величайших бедствий этих местностей».

По сравнению с вредом, который могут причинять пираньи, польза, извлекаемая из них человеком, не заслуживает упоминания. Мясо их, правда, едят, однако, по словам Каплера, оно очень костляво, сухо и дурно*.

** Многие пираньи красивые яркие рыбы с интересным поведением, поэтому в последние годы они становятся все более и более популярными как аквариумные рыбы.*

Некоторые индейские племена, как рассказывали Гумбольдту, пользуются оригинальным образом чрезвычайной прожорливостью этих рыб. Исследователь этот говорит о погребальных пещерах, наполненных костями, и продолжает следующим образом: «Обычай тщательно отделять мясо от костей, который господствовал в древности у массагетов, сохранился у некоторых племен по Ориноко. Утверждают даже, и это совершенно вероятно, что гуараоны клали трупы в сетях в воду, где затем маленькие карибские рыбы за несколько дней съедали мясо и приготавливали скелет».

Семейство электрические угри

Электрический угорь (*Electrophorits electricus*). Иоганн Мюллер описывает отличительные признаки этих рыб следующими словами: «Пасть их спереди ограничивается межчелюстной костью, а по бокам верхней челюстью; плечевой пояс прикрепляется к самой голове; слепые кишки у них имеются, а задний проход помещается на горле; яйцевод имеет вид кишки, семенные железы с выходным протоком». К этому мы можем еще присовокупить, что спинного плавника нет, а вместо него очень длинный заднепроходный плавник и два соединенных воздушными каналами плавательных пузыря. Электрические угри отличаются отсутствием чешуи, толстой кожей, покрывающей грудной и заднепроходный плавники, и зубной системой, состоящей из многочисленных мелких острых зубов в челюстях, небольшим рядом зубов на переднем небе и двумя рядами за передними зубами нижней челюсти.

Электрический угорь достигает в длину 2 м и веса 15-20 кг*.

** Рекордные экземпляры электрического угря имеют длину до 3 м.*

Окраска верхней стороны, по Заксу, красивого оливково-зеленого цвета, с более темным, темным отливом, нижняя же сторона — прекрасного оранжево-красного цвета; спина и бока укра-

шены двумя, а иногда и более рядами светло-желтых пятен величиной с вишню, пробегающих на равном друг от друга расстоянии; длинный заднепроходный плавник аспидного и белого цветов, у некоторых же экземпляров с красной каемкой. Каждое из упомянутых пятен окружает выводную трубку, а кожа животного постоянно покрыта слизью, которая, как доказал Вольта, проводит электричество в 20-30 раз лучше, чем чистая вода. Мясистый язык покрыт желтыми бородавками, желудок мозолистый; вдоль спинных мускулов проходит необыкновенно большой, 80 см длиной, плавательный пузырь, простирающийся далеко за конец кишки, тогда как прямая кишка оканчивается у самой головы.

Почти $\frac{4}{5}$ длины всего тела занято электрическими органами, которые тянутся от заднего конца полости тела до конца хвоста, и на них приходится треть общего веса.

Электрический угорь (*Electrophones electricus*)

Они представляют собой красновато-желтую, мягкую, просвечивающую, студенистую массу и состоят, как говорит Гюнтер, «из двух пар продолговатых тел, лежащих непосредственно под ко-

жей над мускулами; одна пара помещается на хребте хвоста, а другая пара вдоль заднепроходного плавника. Каждая связка состоит из плоских отделений или перегородок с поперечными перемычками. Внешние края перегородок представляются в виде почти параллельных линий, идущих по направлению долевой оси тела, и состоят из тонких перепонок, которые легко раскрываются; они служат той же цели, что и столбики в соответствующем органе электрического ската, составляя стенки или границы для отвесных и поперечных перегородок, которых чрезвычайно много, и они так плотно стоят друг к другу, что кажется, будто они соприкасаются между собой. Мельчайшие призматические клеточки, лежащие между этими двумя рядами пластинок, содержат студенистую массу; перегородки отстоят одна от другой приблизительно на 0,8 мм, имеют около 2,5 см в длину и содержат ряд из 240 клеточек, так что электрический орган занимает чрезвычайно обширную поверхность. Весь аппарат иннервируют более 200 нервов, представляющих собой продолжение передних разветвлений нервов спинного мозга. В своем продолжении они отделяют от себя ветви спинным мускулам и коже животного. У угря, как и у электрического ската, нервы, служащие электрическим органам, гораздо толще тех, которые направляются в другие части тела для ощущений и движений». Каким образом происходит разряжение, зависящее от воли рыбы, мы не знаем. В той же мере остается загадкой удивительная способность животного, на которую указывал еще пять десятилетий тому назад Дубуа-Раймон, не проявлять ни малейшей чувствительности по отношению к своему удару, не убивать самого себя, несмотря на то что удар, как уже доказано, проходит через его собственное тело во всей своей силе*.

** Электрический угорь относится к так называемым сильноэлектрическим рыбам, способным генерировать сильные электрические разряды. Напряжение тока разрядов угря иногда превышает 600 вольт, при этом сила тока невелика — доли ампера, поэтому для жизни человека они не опасны. Электрический орган угря ориентирован таким образом, что положительный полюс располагается в передней части тела, а отрицательный — в задней. Мощные разряды электрический угорь использует для защиты и обездвиживания добычи. Кроме того, угорь может производить значительно более слабые разряды, но с гораздо большей частотой. С их помощью он как бы прощупывает водное пространство, находит добычу, обнаруживает препятствия, сигнализирует другим особям о своем присутствии.*

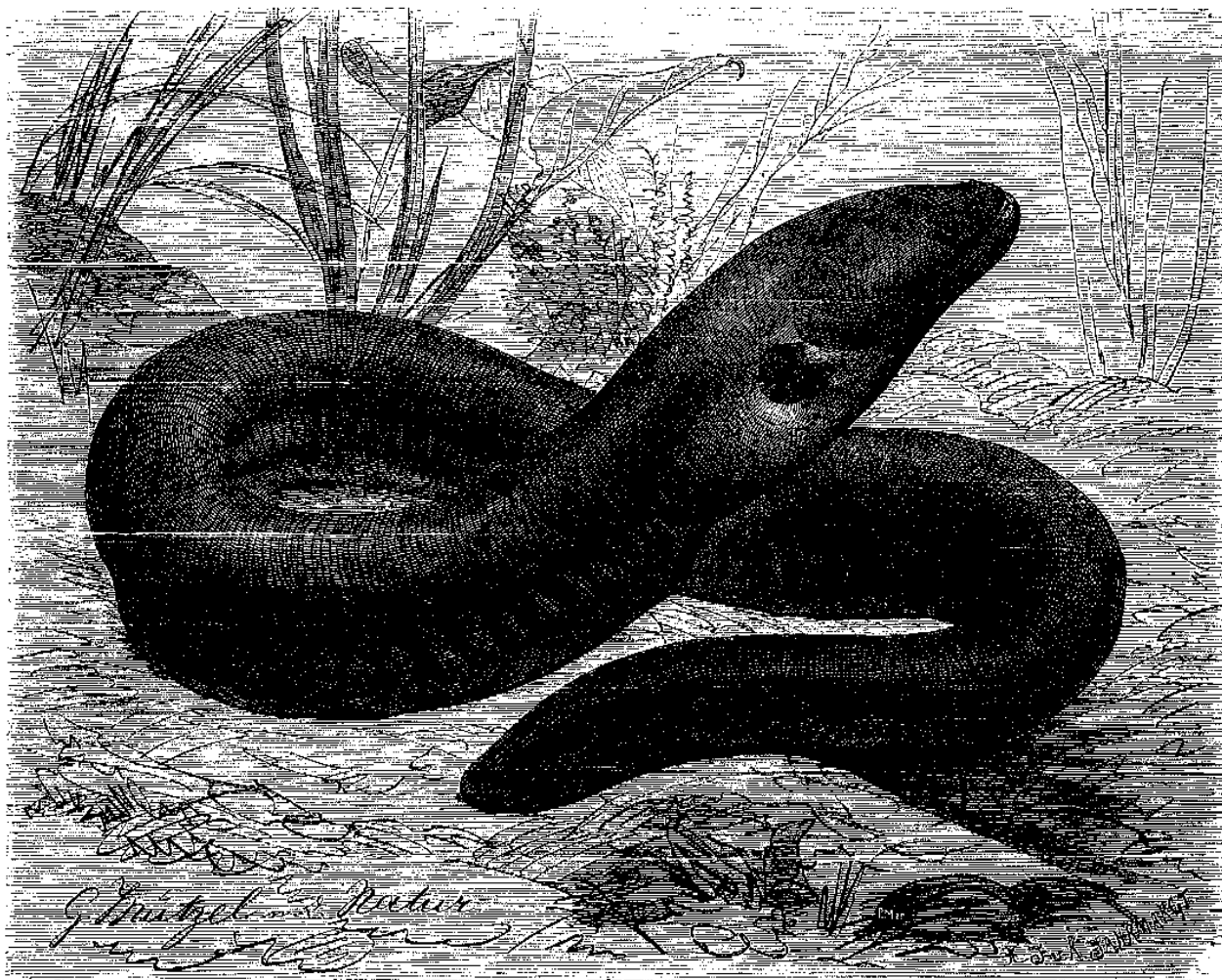
О влиянии и способе электрических разрядов можно найти кое-что верного и в прежних наблюдениях. Давно уже, например, знали, что удары генерируются рыбой произвольно. Дотрагиваясь пальцем до тела электрического угря, Бажон ничего не чувствовал, но когда клал пальцы на его спину, то получал слабые удары. Когда однажды та же рыба, при перемене воды, упала на землю и ни один из негров не хотел ее поднять, Бажон сам схватил ее за хвост и при этом получил такой страшный удар, что чуть-чуть не упал, и голова его некоторое время после того кружилась. Кошка, которая хотела укусить почти уже мертвого угря, с сильным криком отскочила от него; то же самое произошло и с собакой, которая лизнула другого угря. Уэльш положил металлическую пластинку на стеклянную, разрезал металлическую полоску пополам и, раздражая рыбу, получал искры посредством прикосновения к ней металлической пластинки.

Первые удары, которые большие электрические угри в состоянии производить под влиянием хороших проводников электричества, имеют значительную силу. Человек или крупное животное, хотя и не умирают от них, но, если разряд попадает в особенно чувствительные части тела, могут быть, смотря по обстоятельствам, ошеломлены; маленькое животное легко поражается и умирает, словно от удара молнии. Каплер, проходя вброд по берегу одной реки в Суринаме, получил от одного проплывшего между его ног угря такой сильный удар, что он, как бы пораженный молнией, упал в воду и едва был в состоянии добраться до корня дерева. «В продолжение двух минут мои ноги были словно парализованы, и я не мог двигать ими до тех пор, пока необыкновенное ощущение не исчезло и ко мне не вернулась, таким образом, возможность продолжать путь». Каплер не имел при себе никакого спутника и, по всей вероятности, утонул бы, если бы получил удар в глубокой воде и вдали от берега. Гумбольдт в свою очередь говорит то же: «Первые удары очень большого и сильно возбужденного электрического угря всегда сопряжены с известной опасностью. Если случайно получить удар, пока рыба еще не ранена или не утомлена продолжительным преследованием, то боль и ошеломление так сильны, что трудно даже представить себе это ощущение. Я не могу припомнить, чтобы когда-нибудь испытанное мною сотрясение от разряжения большой лейденской банки было так сильно, как тогда, когда я неосторожно наступил обеими ногами на электрического угря, которого только что вытащили из воды. Весь день я ощущал сильную боль и почти во всех суставах». Электрический угорь распространен в большей части Южной Америки, особенно по всей северо-восточной Бразилии, по Гвиане и Венесуэле, но он держится только в очень теплых водах,

Его местожительство более или менее ограничивается, по-видимому, водами льяносов. По словам Закса, любимым его местопребыванием служат узкие, темные, тенистые ручьи или болотца. Здесь он лежит, по крайней мере днем, на дне водного бассейна, но время от времени, приблизительно через каждые две минуты, всплывает на поверхность, высовывает из воды ротовое отверстие, шумно втягивает в себя воздух и мгновенно снова погружается, причем порченный воздух выходит через жаберную щель*.

** Заглатывать в ротовую полость очередную порцию воздуха электрические угри должны каждые 15 минут, не реже. В ротовой полости имеются участки, которые пронизаны кровеносными сосудами и где происходит насыщение крови кислородом.*

Настоящего жаберного дыхания у него никогда не бывает, судя по тщательным наблюдениям вышеупомянутого исследователя; поэтому туземцы и узнают о присутствии электрического угря посредством этого, ясно слышного дыхания. С наступлением темноты эта рыба начинает двигаться и охотиться. Ее электрическая батарея делает ее гораздо более опасным врагом рыб, чем даже самые прожорливые хищные рыбы. Она пожирает всю добычу, которую может поглотить и которая попадает в населенный ею водный бассейн, как рыбу, так и крабов или попадающих в воду насекомых.

Электрический угорь (*Electrophorus electricus*)

При волнообразно извивающихся движениях своего мягкокожего заднепроходного плавника, имеющего сходство с килем корабля, и с помощью своих коротких грудных плавников она плавает или прямо, или слегка дугообразно, красивее, чем какая-либо другая рыба, и с одинаковой ловкостью как назад, так и вперед, так как ее заднепроходный плавник одинаково легко производит волнообразное движение воды как сзади наперед, так и спереди назад. Приблизившись к преследуемой жертве, угорь разряжает свой парализующий удар, действие которого до того сильно, что в одно мгновение все рыбы и крабы в районе распространения этого удара опрокидываются навзничь и становятся неподвижными. Тогда он выбирает себе подходящую жертву и проглатывает ее с помощью сильного всасывающего движения, производящего явственный шум. С наступлением засухи он выкапывает себе, согласно наблюдениям Бетса, круглые норки в иле посредством частых вращательных движений. Этими норками он пользуется в тех случаях, когда вода в его местожительстве

может иссякнуть, а он не смог своевременно улизнуть, что он делает всякий раз, если только к тому есть возможность, так как лишен способности переключиваться по земле и не в состоянии даже перебраться по влажному илу, и, подобно всем другим рыбам, погибает, если он отделен от других глубоких болот.

Туземцы боятся и ненавидят электрического угря. До крайности костлявое мясо, хотя и не особенно вкусно, но все-таки и не противно; электрический же орган слизистый и неприятный на вкус; поэтому его старательно отделяют и выбрасывают.

О жизни электрических угрей в неволе имеется масса сведений, так как их не только наблюдали туристы на их родине, но и привозили живыми в Европу, где их особенно много воспитывалось в Лондонском зоологическом саду. В своем описании пленных угрей я опять-таки сошлюсь на наблюдения Закса. Ловля производится лишь по особому поводу и посредством сетей. «Напрасно, — описывает Закс, — попавшийся в сети и разъяренный электрический угорь расточает теперь свои молниеносные удары; однако мертвые рыбы и лягушки, внезапно всплывающие на поверхность вод, а также частью возгласы стоящих в воде рыбаков все же свидетельствуют о силе этих электрических ударов».

Семейство карповые

Лещ (*Abramis brama*) — это статный карп, длиной 50-70 см и от 4 до 6 кг весом, легко отличимый по своему сильно сдавленному с боков телу, достигающему значительной высоты; верхняя часть головы и спина черноватого цвета, бока желтовато-белые с серебристым блеском, глотка красноватая, брюхо белое с черными пятнами по бокам. Плавники черно-синие. Во время размножения самцы этого вида также претерпевают изменение, причем у них на поверхности кожи вырастают бородавки. Эти уплотненные и затвердевшие кучки клеточек надкожицы имеют тупую конусообразную форму и окрашены сначала в беловатый цвет, который потом, когда бородавки затвердеют, темнеет и переходит в янтарно-желтый. Самые большие из них развиваются на рыле и затылке, а самые маленькие — на плавниковых лучах; кроме того, подобные же бородавки появляются также на жаберных крышках и на большей части чешуи тела.

Родиной леща служит вся средняя, северная и восточная Европа. К югу от Альп он, подобно своим родичам, не встречается, однако снова появляется в области Роны*.

** Распространен лещ и в Азии, например, в бассейне Аральского моря; был завезен человеком и успешно прижился в ряде крупных водоемов Сибири и Казахстана, например, в реке Обь, озере Балхаш.*

В большом количестве населяет он воды всех главных германских рек, в особенности же общающиеся с ними более глубокие озера, в которых выбирает места с глинистой почвой, как это было известно уже Геснеру, «потому что такое дно они очень любят». По словам Экштрема, у берегов Швеции и Норвегии он ловится также в море; однако в таких местах он попадает лишь в исключительных случаях. Летом он живет в глубине, роется здесь в иле и мутит этим воду на далекое расстояние. «Лещи, преследуемые щуками, уплывают на дно, в глину, взрывают ее, мутя воду, чтобы скрыться от глаз щук». Это разрывание ила происходит, вероятно, для отыскивания пищи, которая состоит из червей, личинок насекомых, водяных растений и самого ила**.

** * Пищей взрослому лещу служат различные беспозвоночные организмы, живущие на поверхности дна или в донном грунте. В поисках корма лещ способен глубоко перерывать грунт, но все же по глубине проникновения он уступает карпу и ершу.*

Эти рыбы почти всегда встречаются большими обществами; к началу времени метания икры, которое бывает с апреля до июня, их стаи соединяются в бесчисленные стада. Вблизи берега, в мелких, поросших травой местах, сначала появляется несколько самцов, а потом уже приплывают и самки. Первые облачены в свое брачное одеяние и, благодаря своим наростам, носят в это время в Баварии название жемчужных лещей. Одну самку, по словам Ярреля, преследуют обыкновенно 3-4 самца; однако все общество вскоре скучивается до того, что в конце концов видна бывает только одна общая масса. Метание икры происходит обычно ночью и сопровождается шумом, слышным на далекое расстояние, так как рыбы, находящиеся в это время в состоянии сильного возбуждения, оживленно двигаются, бьют хвостами и чмокают губами, прежде чем самки отложат на водяных растениях свои маленькие желтоватые яйца, причем каждая самка кладет около 140 тысяч штук. При благоприятной погоде метание икры оканчивается через 3-4 дня; если же вдруг наступит дурная погода, то они снова возвращаются в глубину, не отложив икры. То же самое случается также, если им помешают как-нибудь иначе, например, если их испугают; вследствие этого в Швеции во время метания лещами икры, говорят, запрещен даже колокольный звон вблизи озер. Немного дней спустя после ухода рыбы мелкие берега кишат уже миллионами вылупившихся из яиц молодых ры-

бок, которые еще некоторое время остаются на месте своего рождения и затем следуют за своими родителями в глубину. Часть зимы лещи проводят, вероятно, также зарывшись в ил; на это, по крайней мере, имеется указание Геснера, не опровергнутое новейшими исследованиями.

Мясо их некоторые чрезвычайно хвалят, другие же ценят мало. Первые из них говорят, что лещ после сазана лучшая из наших речных рыб; вторые находят, что мясо его из-за множества костей почти нельзя есть.

Белоглазка, или сапа (*Abramis sapa*), отличается от сырты и синьца своим заднепроходным плавником, который начинается у конца спинного плавника и длиной превосходит плавники всех остальных лещей, также удлиненной нижней лопастью хвостового плавника, весьма тупой мордой и ртом, расположенным снизу рыла. В длину белоглазки редко достигают более 30 см. Окраска их — прекрасный, блестящий, перламутровый, серебристо-серый цвет; спинной, заднепроходный и хвостовой плавники окаймлены черными полосками, заднепроходный плавник содержит 3 и 38-45 лучей. Область распространения охватывает реки, впадающие в Черное море. В Дунае белоглазка не редкость; в русских реках встречается часто*.

** Белоглазка водится также в реках, впадающих в Каспийское и Аральское моря. Она отличается очень ранним нерестом, который приурочен к температуре воды 8-9°С. Икру откладывает на прошлогоднюю растительность.*

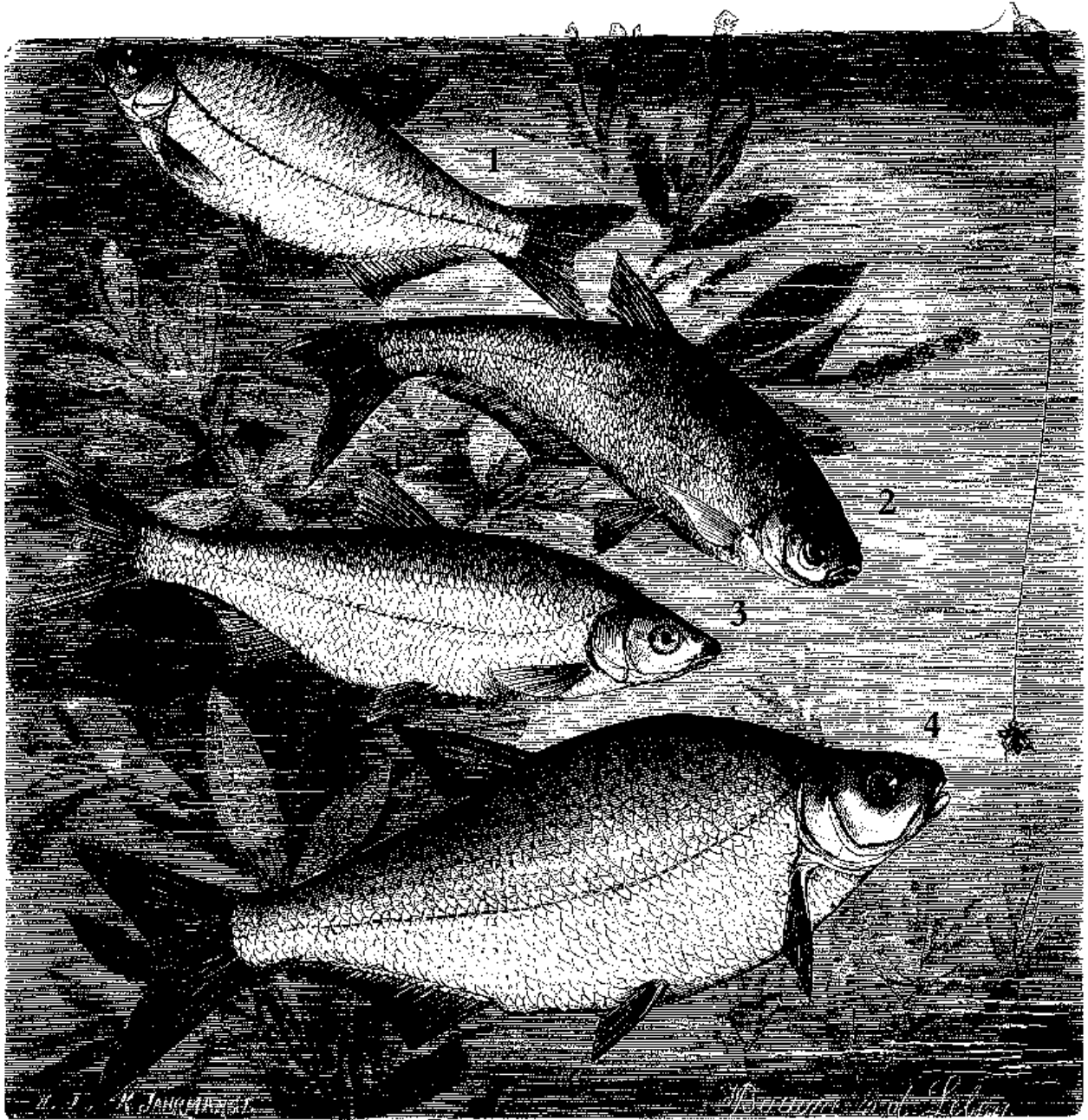
Вследствие изобилия костей она как съедобная рыба имеет небольшое значение; зато ее чешуя употребляется для изготовления искусственных жемчужин.

Синец (*Abramis ballerus*) отличается маленькой головой, косым, кверху вздернутым ртом и большим заднепроходным плавником; в длину он достигает 30-40 см, вес его около 1 кг. Окраска этой рыбы похожа на окраску прочих видов; спина голубого, бока и брюхо серебристого цвета, парные плавники желтоватого, остальные беловатого цвета; все они отличаются черноватыми краями и окаймлены полосками того же цвета. В заднепроходном 3 и 40-41 луч. Синец встречается во всех главных реках средней Европы, преимущественно по близости устьев; в верхнем течении рек он встречается реже. Особенно многочислен он в водах, расположенных вдоль берега Балтийского моря, и водится при этом как в заливах, так и в пресных озерах, лежащих близ моря и соединенных с ним посредством ручьев или рек. По своему образу жизни он походит на своих вышеописанных родичей. Мясо его, вследствие изобилия костей, едят неохотно.

Уклейка (*Alburnus alburnus*). Сине-стальной цвет верхней части тела на боках и брюхе переходит в блестящий серебряный; спинной и хвостовой плавники сероватого, остальные желтоватого цвета. Более точных сведений об уклейке нельзя сообщить по той причине, что форма и окраска ее весьма изменчивы, можно сказать, что в каждой реке, в каждом озере уклейки выглядят различно. Многие из этих разновидностей встречаются так постоянно, что их можно считать за отдельные виды. Длина ее колеблется между 10 и 18 см**.

*** Уклейка широко распространенная рыба наших пресных вод, встречается как в реках, так и в озерах и водохранилищах. В реках уклейки более прогонистые и мелкие. Уклейка стайная рыба, придерживающаяся верхних, хорошо освещенных слоев воды. У нее прекрасное зрение, и она первой реагирует, например, на упавшее в воду насекомое. Благодаря своей активности, всеядности и большой численности уклейка во многих водоемах представляет собой популярный объект лова.*

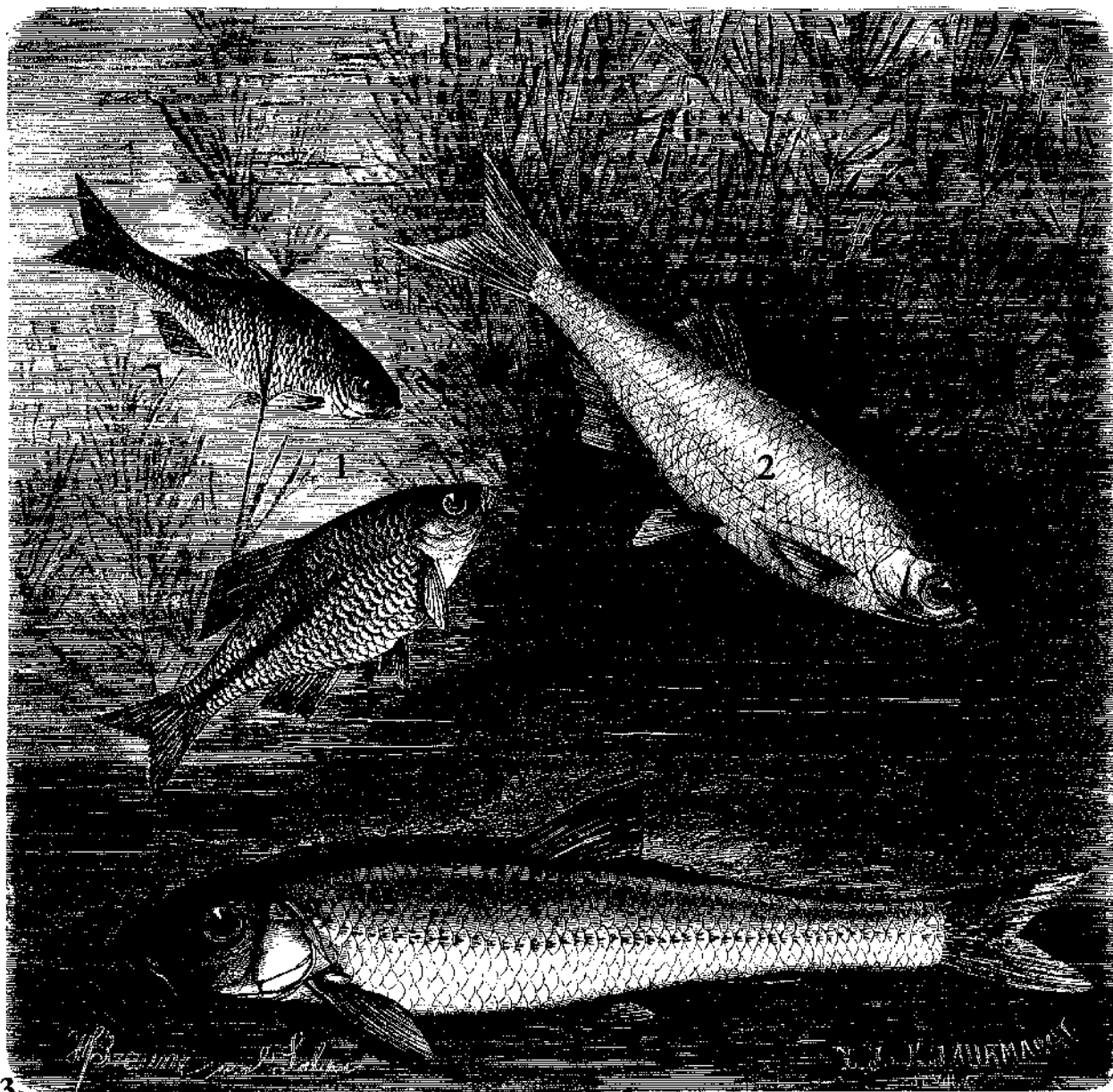
Уклейки общительнее многих других рыб, постоянно держатся весьма большими, иногда бесчисленными обществами; при тихой безветренной погоде они весело резвятся около поверхности воды, ловят насекомых и глотают другую подобного рода добычу. По описанию Геккеля и Кнэра, они не особенно пугливы, но любопытны и прожорливы, поэтому, если по близости их бросить что-нибудь в воду, они, после мгновенного бегства, снова возвращаются обратно, чтобы посмотреть, что было брошено, тотчас же схватывают замеченный предмет и бросают его, если он им оказывается не по нутру. В глазах удильщика, которому важнее всего добыть как можно больше рыбы, они представляют самых благодарных из всех рыб, так как клюют при всех обстоятельствах и всякую брошенную им приманку. Время их размножения — май и июнь, впрочем, оно может начаться уже в марте и продолжаться до августа. К этому времени они собираются густыми стаями и поднимаются вверх по рекам, чтобы выбрать подходящие места для метания икры.

1 — Густера (*Blicca bjoerkna*) 2 — Синец (*Abramis ballerus*) 3 — Сыръ, или рыбец (*Vimba vimba*) 4 — Лещ (*Abramis brama*)

При этом губительными для них в наше время становятся фабричные стоки, отравляющие ручьи и речки. Например, поднимаясь вверх по течению реки Вуппер, эти стаи, по словам Корнелиуса, попадают в воду, пропитанную и отравленную кислотами и красильными веществами с фабрик Бармекна и Эльтберфельда, и вскоре множество мертвых и полумертвых рыб плывет обратно вниз по течению Вуппера. Иногда бывает также, что число гниющих трупов, выброшенных на берег и плывущих в воде в менее быстрых местах, так значительно, что воздух на далеком пространстве наполняется невыносимым зловонием». Для метания икры они выбирают места с каменистым дном или между различными водорослями, двигаются еще оживленнее обыкновенного, часто выскакивают из воды и вообще кажутся весьма возбужденными. Метание икры, по словам вышеназванных натуралистов, происходит за три периода большей или меньшей продолжительности; начинают метать икру самые старые уклейки, кончают самые молодые. Размножаются они необыкновенно сильно, жизнь же их несоответственно коротка, потому что вследствие их привычки соединяться плотными массами и преимущественно держаться в верхних слоях воды они часто становятся добычей хищных рыб и водяных птиц, которые беспрестанно следуют за их стаями. Если случится, что хищный окунь ворвется в их стадо, то они обыкновенно выпрыгивают из воды, и таким образом им часто удается избежать преследования своих врагов. Но в этом случае бывает, как и у летучих рыб, что они становятся добычей не менее бдительных своих врагов, чаек и крачек, которые бросаются

на них сверху. «При этом, — говорит Зибольд, — они заражают этих водяных птиц глистом, который в виде *Lingula simplicissima* встречается в свободном виде в их брюшной полости».

**1 — Обыкновенный горчак (*Rhodeus sericeus*) 2 — Уклейка (*Alburnus alburnus*)
3 — Обыкновенный пескарь (*Gobi o gobio*)**

Мясо уклек вообще не ценится, тем не менее постоянная ловля их кое-где производится, потому что их все-таки едят, употребляют как приманку для ловли других рыб, а с прошедшего столетия они идут для изготовления *Essence d'Orient*. В Ааре и других притоках Рейна молодых маленьких уклек вместе с другими рыбками различных пород ловят миллионами; их отваривают и, после того как они просохли, завертывают в зеленые листья, окружают древесной корой и продают на рынке пачками под названием *Rumpchen* или *Gesams*; в восточной и западной Пруссии их коптят или маринуют; в Померании и в верхних частях Рейна пользуются преимущественно их чешуей. Из *Essence d'Orient*, состав которой некоторое время был тайной, готовят искусственный жемчуг, который, как известно, может поразительно походить на настоящий и значительно понизить цену последнего. В первой половине прошлого столетия один француз, изготовлявший четки, придумал покрывать внутреннюю поверхность стеклянных бус мелко истолченной чешуей и таким образом сообщать им перламутровый блеск; с тех пор это изобретение нашло более или менее обширное применение. С уклек соскабливают чешую, кладут ее в сосуд с водой и растирают как можно мельче. Вода, которая вскоре принимает серебристую окраску, наливается в большую склянку, которую, для осаждения массы, ставят на несколько часов в спокойное место. Когда масса осядет, то, осторожно наклоняя банку, сливают чистую воду до тех пор, пока не останется ничего, кроме густого маслообразного сока *Essence d'Orient*. Употребление его основывается на свойстве этих стертых, блестящих, серебряных пластинок не изменяться от действия аммиака. По сведени-

ям, собранным Зибольдом в области среднего Рейна, 50 кг уклек дают 2 кг чешуи. Для изготовления 500 кг серебристого порошка, говорят, необходимо до 20 тысяч рыб; конечно, они так многочисленны, что при известных обстоятельствах можно сразу добыть подобную массу. Так, в Боденском озере вытаскивают сразу до 10 ведер этой рыбы.

Для содержания в тесном помещении уклейки превосходны; они самые игривые и занятные из всех маленьких рыб, постоянно в движении, ко всему внимательны, хватают каждую маленькую мошку или вообще всякий брошенный в воду предмет и, по-видимому, всегда довольны и неутомимы.

Как ни безобидны карпы, тем не менее и среди них все-таки встречаются разбойники. Таков, например, **обыкновенный жерех** (*Asphts aspins*). Признаками его служат: продолговатое, слегка сдавленное с боков тело, обращенное кверху ротовое отверстие, выдающаяся нижняя челюсть, которая также вдаётся в углубление межчелюстной кости*, короткий заднепроходный плавник, начинающийся за брюшным, мелкая чешуя и два ряда глоточных зубов, расположенных по три и по пяти в ряд и снабженных конусообразно удлиненными и крючковато загнутыми коронками без зазубрин.

* *Бугорок, располагающийся на нижней челюсти, и соответствующее ему углубление на верхней челюсти образуют так называемый замок. Считается, что такое устройство челюстей, на которых зубы отсутствуют, помогает жерехам активным хищникам, преследующим свою жертву, захватывать и удерживать добычу.*

В длину жерех достигает 60-70 см и весит до 6 кг. Спина его черно-синего, бока голубовато-белого, брюхо белого цвета; спинной и хвостовые плавники синие, остальные плавники с красноватым отливом.

Эту рыбу наблюдали во всех больших озерах и реках материка, от средней Европы приблизительно до Лапландии. В Великобритании, напротив, жерех, по-видимому, совершенно не водится. Он в значительном количестве населяет баварские и австрийские озера, в большом количестве водится в Дунае, встречается во всей северной Германии и отсюда распространяется на восток до России, в водах которой он иногда встречается в огромном количестве. Его местопребыванием постоянно служит чистая, но тихо текущая вода, так как его пища состоит как из растительных веществ* и мелких животных, так и из рыбы.

* *Жерехи, особенно крупные особи, относятся к животноядным рыбам. Основной объект их питания — молодь рыб.*

Говорят, что он часто нападает на уклек и так ожесточенно преследует их, что последние ищут спасения на берегу, причем он и сам в бешенстве попадает на сушу. Ко времени метания икры, которое бывает в апреле и мае, хотя, впрочем, может также начаться и в марте и продолжаться до июня, жерех также начинает странствовать; он из озер перебирается в реки или, по меньшей мере, выплывает из глубины на более мелкие места. В это время на самцах появляется накожная сыпь, состоящая из маленьких полукруглых зерен, которая главным образом покрывает спину, обе половинки нижней челюсти, щеки, жаберные крышки, задний край спинной и свободную поверхность хвостовой чешуи. Метание икры совершается стаями и продолжается, по словам рыбаков, в течение трех дней. Жерех быстро растет, но не очень живуч, и потому его нельзя переселять.

Густера (*Blicca bjoerkna*) отличается от прочих лещей двумя рядами глоточных зубов, расположенных по 2, реже по 3 и по 5 в ряд, внутренний ряд которых на вкось отшлифованных коронках снабжен узкими, с одной бороздкой жевательными поверхностями и зазубриной перед вершиной, а также ртом, расположенным на конце рыла**.

** *Из-за сходства с лещом густеру и небольшого леща часто объединяют одним названием — подлещик. Отличается густера от леща и некоторыми особенностями биологии: например, густера начинает метать икру позже, при большем прогреве воды, и даже крупный лещ не может справиться с крепкой раковинной моллюска дрейссены, тогда как густера с легкостью дробит их своими более крупными глоточными зубами.*

В длину густера достигает 20-30 см и весит самое большее 1 кг. Спина ее синего цвета с буроватым отливом, бока синего цвета с серебристым блеском, брюхо белое, заднепроходный и хвостовой плавники серовато-синие, грудной и брюшной у основания красноватого цвета. В заднепроходном 3 и 19-23 луча.

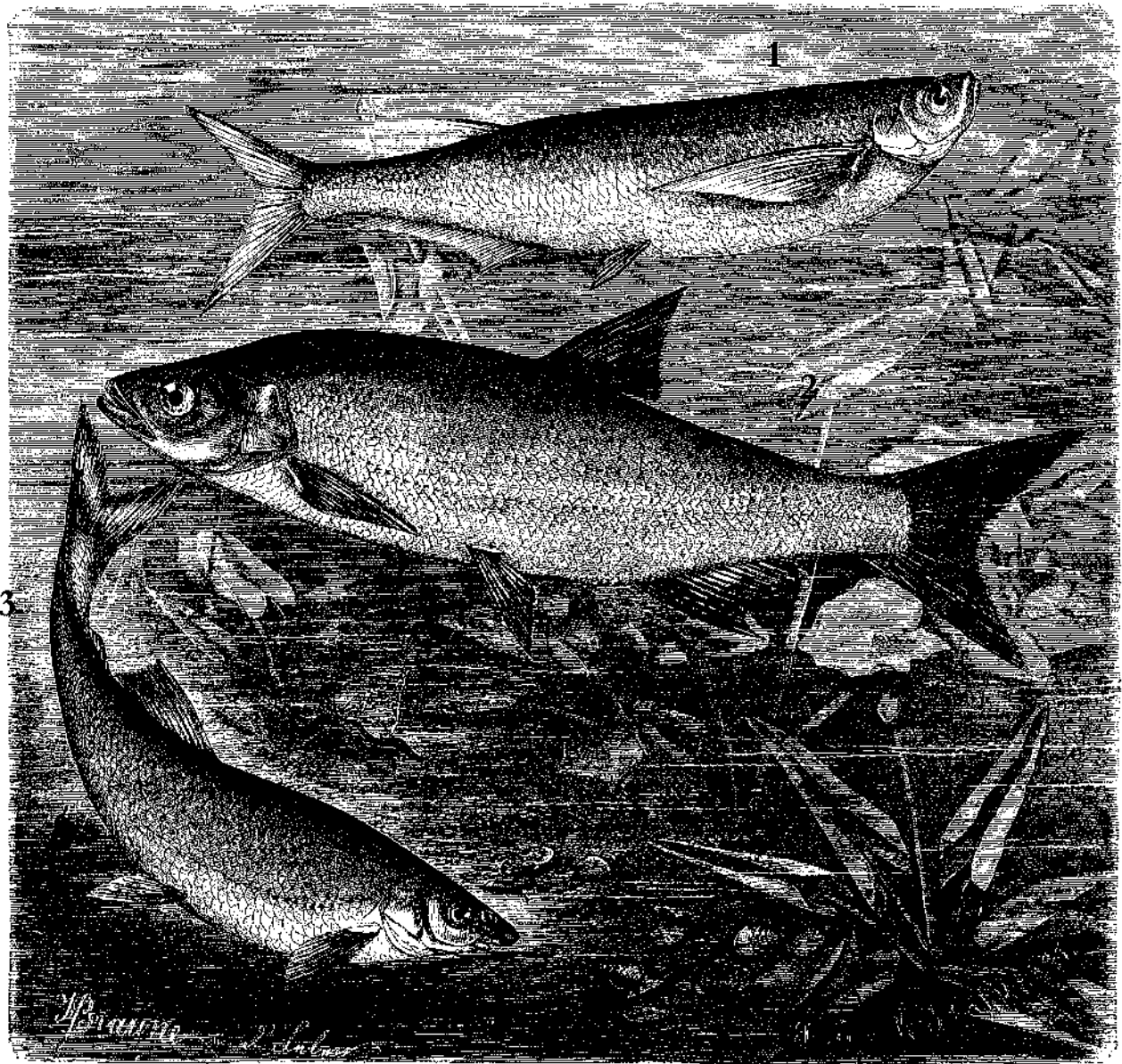
Густера принадлежит к самым обыкновенным рыбам вод Германии и населяет озера, пруды и реки со слабым течением и песчаным и глинистым дном. Она охотно держится в глубине, питается червями, рыбьей икрой и растительными веществами и, отыскивая их, также роется в тине. Весной, т. е. в мае — июне, она приближается к мелким местам берега, охотнее всего к поросшим камышом,

с целью метать икру, и с этих пор во всех отношениях изменяет свой нрав. Обыкновенно она весьма пуглива и осторожна, при малейшей тревоге быстро уплывает и скрывается на дне, между тем как во время метания икры она становится оживленной и неосторожной; иногда ее даже можно ловить руками. Зибольд замечает, что у густеры способность к размножению наступает чрезвычайно рано, так как он находил самцов и самок длиной 13 см, половая деятельность которых была в полном ходу. Блох считал икру одной самки средней величины и нашел, что в ней заключалось более 100 тысяч яиц. Крупная густера начинает метать икру в начале июня и оканчивает это занятие в течение 3-4 дней, если только не наступит холодная погода, которая побуждает ее к большей поспешности. По прошествии недели появляются рыбы средней величины и спустя еще восемь дней — самые маленькие. Все они для метания икры выбирают время от восхода солнца до 10 часов утра.

По указаниям Экштрема, густера — самая прожорливая из всех карповых, вследствие чего ловля ее чрезвычайно проста и легка, так как всякая приманка исполняет свое назначение. Впрочем, в больших объемах ловля эта нигде не производится, так как рыба эта никем не ценится как пища уже потому, что она более других страдает глистами, которые часто живут в ее брюхе в числе от 6 до 8 штук; зато в прудах, где разводят речную форель, она с успехом служит кормом для последних.

Представителями **подустов** (*Chondrostoma*) являются лишь немногие виды. Важнейшими отличительными признаками их служат: хрящевая крышка нижней челюсти, оканчивающаяся острием верхняя часть рыла, то более, то менее вытянутая в длину широкая ротовая щель, расположенная снизу рыла и окруженная острыми краями роговидных челюстей, и расположенные в один ряд, по 5, 6 или 7, глоточные зубы, длинные коронки которых сильно сдавлены с боков и сточены в длину с одной стороны.

Один из видов этого рода, часто встречающийся в южной и восточной Германии, носит название **обыкновенного подуста** (*Chondrostoma nasus*). Тело подуста сильно вытянуто в длину, имеет кругловатую, слегка сдавленную с боков форму и покрыто мелкими чешуйками; вне времени метания икры спина его черновато-зеленая, бока и брюхо блестящего, серебристо-белого цвета, плавники, за исключением темного спинного плавника, окрашены в красноватый цвет; ко времени метания икры все части тела принимают более яркую окраску, а именно в углах рта и на сочленениях грудных плавников выступает красивый оранжево-желтый цвет; спина темнеет и покрывается как бы черными полосами. Подусты могут достигать 50 см длины и весить до 1,5 кг, такие крупные экземпляры, однако, встречаются редко.

1 — Чехонь, или сабля-рыба (*Pelecus cultratus*) 2 — Обыкновенный жерех (*Aspius aspius*) 3 — Обыкновенный подуст (*Chondrostoma nasus*)

На севере Германии подуст — рыба малоизвестная, зато на юге Германии и в Швейцарии он попадает часто и в значительном количестве встречается также в Одере и Висле. В Дунайском и Рейнском бассейнах он населяет почти все реки и озера*.

* Подуст — типично речная рыба и лишь изредка встречается в некоторых озерах. Он широко распространен в реках с каменистым дном и относительно быстрым течением, держится обычно крупными стаями, насчитывающими десятки и даже сотни рыб. В последние годы подуст стал редкой рыбой, прежде всего из-за того, что реки, в которых он обитал, стали менее полноводными и быстрыми или перегорожены плотинами.

Он живет обществами, чаще всего собирается в большие стаи, почти всегда держится на дне, пребывая подолгу на одном и том же месте, и валяется по дну, поворачиваясь с боку на бок, как рассказывает Шинц, сверкая своим серебристым брюхом на далекое расстояние. Летом эти рыбы подплывают к набережной реки и валяются здесь по камням, едва покрытым водой. Таким же образом проскальзывают они по нижним ступеням лестниц, ведущих в воду, и притом достаточно регулярно, так что кошки обращают на это внимание и охотятся за ними в таких местах более или менее успешно. Пища их состоит из растительных веществ, а именно различного рода водорослей, покрывающих камни и другие твердые подводные предметы, от которых подусты с легкостью могут отдиравать их острыми твердыми краями своих челюстей. В Вюрцбурге, по словам Зибольда, этих рыб называют «плевунами», так как, будучи только что пойманы, они всегда выплевывают много ила, состоящего, вероятно, именно из той растительной слизи, которую они держали в глоточных зубах в момент поимки.

Во времени метания икры, которое бывает в апреле и мае, подусты собираются в бесчисленные стаи и направляются из главной реки в притоки ее, а оттуда в мелкие лесные ручьи, даже в такие, в которых вода мутна, выбирают здесь каменистые места с быстрым течением и мечут на них многочисленные икринки. К этому времени они облачаются в брачное одеяние, причем у них, как и у многих других рыб семейства карповых, образуется на коже сыпь, главным образом на затылке и верхней части жаберных крышек, а также на боковых частях рыла и лица. Говорят, что молодые выкупаются уже через 14 дней и затем мало-помалу уплывают в большие реки**.

* * *Брачный наряд у подустов характеризуется не только появлением жемчужной сыпи, но и изменением окраски рыб: у самцов на углах рта, на жаберных крышках и у основания грудных плавников появляются оранжевые пятна, вдоль тела — темная полоса, на верхней части тела — темные пятнышки.*

Подустов ловят на удочку, больше для удовольствия, чем для употребления, причем для приманки берут комнатных мух. Во время метания икры многочисленные скопления их дают возможность производить богатый улов.

Обыкновенная верховка (*Leucasphid delineatus*) имеет продолговатое, сдавленное с боков тело, заостренное брюхо, средней величины. У нее легко отпадающая чешуя, неясная боковая линия, короткий, далеко назад находящийся спинной плавник без колючего луча, выдающаяся вперед нижняя челюсть и своеобразное распределение глоточных зубов, которые размещены или в один ряд по 5 зубов с каждой стороны, или в два ряда по 4 и по 5 с каждой стороны и коронки которых, по крайней мере у внутреннего ряда, сдавлены с боков, пилообразно зазубрены и у вершин крючком загнуты назад. Спина и затылок зеленовато-бурого, бока и брюхо серебристо-белого цвета; по обеим сторонам задней части выступает продольная полоса стального цвета. В длину она достигает 7-8, самое большее 9 см.

В области распространения верховки ее главным местопребыванием, по-видимому, является Россия, так как говорят, что она встречается здесь в большом количестве во всех реках. В нижнем течении Оби мы наблюдали ее в начале сентября, как она, скучившись целыми тысячами около самого берега, плыла вверх по течению реки*.

* *Верховка одна из наиболее мелких рыб в ихтиофауне России, населяет многие водоемы европейской части нашей страны пруды, озера, медленные реки со спокойной) водой. Брем описывается в Сибири, в том числе и в Оби, верховка не встречается.*

Отсюда их область распространения, как доказано, простирается с одной стороны до Греции, а с другой до северо-западной Германии; но, по всей вероятности, она встречается и в других реках Сибири и поэтому должна быть причислена к наиболее распространенной пресноводной рыбе. Едва ли подлежит сомнению, что она и в Германии встречается чаще, чем это до сих пор было указано. Ее или не замечали, или же путали с другими рыбами.

"Голавль блестит чешуями в песке, поросшем травой; мясо его удивительно нежно, но полно костей; шесть часов, не долее того, к столу он пригоден» — этими словами воспевают Авзоний нашего, хорошо известного уже в древнее время **голавля** (*Leuciscus cephalus*). Отличительными признаками его служат: кругловатое тело, сравнительно большая голова, короткие спинной и заднепроходный плавники, довольно крупная чешуя и глоточные зубы, расположенные в два ряда по 2 и по 5 в каждом; коронки их сдавлены с боков и крючкообразно загнуты назад. У голавля особенно бросается в глаза несоразмерная величина его головы; полученное им, благодаря этому обстоятельству, название является, таким образом, вполне основательным. Морда сдавлена книзу, рот, расположенный на конце рыла, растянут в ширину и сильно расщеплен кзади, тело почти круглое, спина черно-зеленая, бока золотисто-желтого или серебристо-белого цвета; брюхо белое с бледно-красным отливом; щеки и жаберные крышки розового цвета с золотистым блеском; губы красноватые; спинной и хвостовой плавники по черноватому полю покрыты красноватым налетом, заднепроходный и грудные плавники ярко-красного цвета, все чешуи на свободном конце и посередине окрашены в мутный цвет темными пигментными отложениями. Длина может достигать 60 см вес — 4 кг и более.

Голавль принадлежит к числу самых обыкновенных рыб в реках и озерах средней Европы**, считая от крайнего запада до Урала и от уровня моря до высоты 1000 метров.

* * *Голавль — типично речная рыба и в озерах и водохранилищах встречается не часто.*

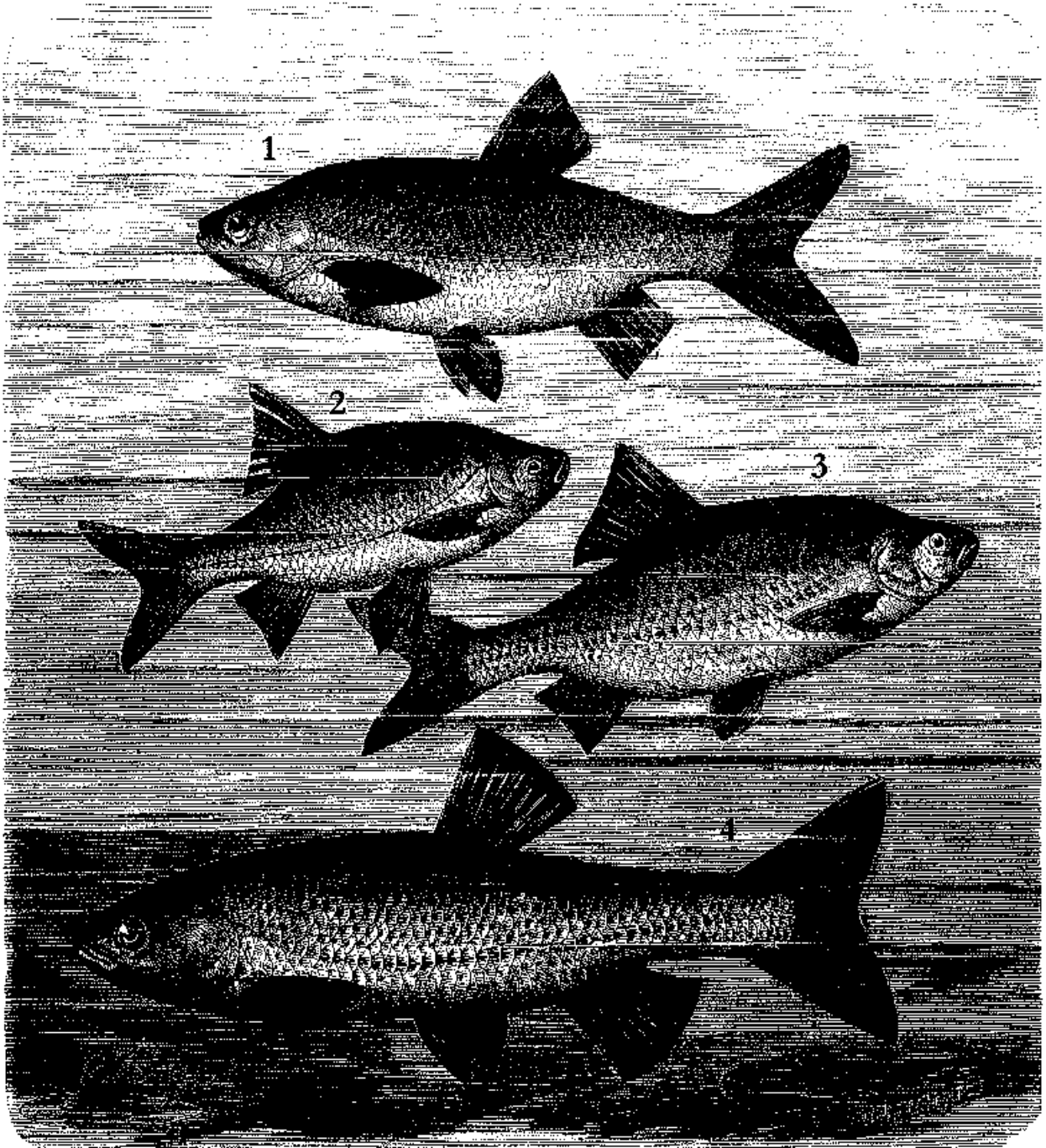
В Великобритании он встречается редко, по крайней мере Яррель получил только один экземпляр. Пока он молод, он держится преимущественно в маленьких ручьях или речках с каменистым и песчаным дном, сотнями резвится в тех местах, где река течет спокойно, и как стрела исчезает при малейшем шуме; в старости он живет в реках и озерах как равнин, так и гор средней высо-

ты. Вначале пища его состоит из червей и насекомых, плавающих в воде, скользящих по ее поверхности или низко летающих над ней; но потом, когда он подрастает и отыскивает более глубокие места или же переселяется в большие реки и озера, он становится хищной рыбой в полном смысле этого слова и охотится за мелкими рыбами, раками, лягушками и даже мышами, за что в некоторых местах его даже называют мышеедом и сравнивают с котом. При обильной пище он быстро прибывает в весе, по свидетельствам опытных рыбаков, по крайней мере на 500 г ежегодно. Время метания икры бывает в мае и июне и, говорят, продолжается почти 4 недели.

Отличительными признаками язей служат: умеренно вытянутое в длину и лишь мало сдвоенное с боков тело, голова с широким лбом, косою рот, расположенный на конце рыла, заднепроходный плавник, начинающийся за спинным плавником, и глоточные зубы, расположенные с каждой стороны в три ряда, по 3 и по 5 на каждой стороне; коронки их сдвинуты с боков, а на конце загнуты в форме крючка. Наиболее известный представитель их — **язь** (*Leuciscus idus*). Эта рыба также принадлежит к числу более крупных видов семейства карповых и может достигать 50-55 см длины и более 3 кг веса, хотя обыкновенно бывает меньше. Окраска язя значительно меняется, смотря по местопребыванию, времени года, возрасту и т. д. Весной во время размножения спина у язя бывает серо-черного цвета с золотистым блеском, бока светлее, брюхо серебристое, голова и жаберные крышки золотистого цвета; спинной и хвостовой плавники отливают серовато-синим и фиолетовым цветом, остальные плавники красного цвета. Осенью окраска темнеет, цвет спины переходит из синевато-зеленого в черноватый, а золотистый блеск превращается в желтовато-белый цвет. Под именем орфа отличают уже со времен Геснера постоянную разновидность язя, которая в отношении великолепия окраски может поспорить с золотой рыбкой. Спина и бока ее яркого оранжево-желтого или суриково-красного цвета, нижняя сторона имеет серебристый блеск; широкая, неясно очерченная или расплывающаяся полоса тянется вдоль боков и отделяет собой более яркий красный цвет спины от более бледного цвета верхней части брюха; плавники у основания красного, а на концах белого цвета.

Язь встречается в озерах Европы и северо-западной Азии, как больших, так и средней величины*.

** В Сибири язь распространен вплоть до Колымы. Предпочитает крупные равнинные реки, озера, водохранилища. В некоторых сибирских озерах язь по численности намного превосходит остальных обитающих в них рыб.*

1 — Язь (*Leuciscus idas*) 2 — Красноперка (*Scardinius erythrophthalmus*) 3 — Обыкновенная плотва (*Rutilus rutilus*) 4 — Голавль (*Leuciscus cephalus*)

Язь, по словам Экштрема, живет также в море, например в шхерах Норвегии, где он так же обыкновенен, как и в прозрачных реках и озерах Скандинавии. Чистая, холодная и глубокая вода является для него, по-видимому, необходимым условием жизни. Он редко подходит к берегу и только вечером выплывает на спокойную поверхность воды. Зимой он держится в глубоких местах вод. Пища его состоит из червей и насекомых, а также, может быть, из маленьких рыб; он, однако, не такой хищник, как жерех. Около половины мая у самца появляется кожная сыпь, вскоре после чего язь поднимается из озер вверх по течению впадающих в них или протекающих через них рек, где и выбирает себе для метания икры песчаные или богатые водяными растениями места. В это время его ловят сетью и на удочку. В качестве приманки берут кузнечиков, навозных жуков или маленьких рыб. Мясо язя считается вкусным и, несмотря на множество костей, охотно употребляется в пищу.

Орфа в некоторых местах ловится также для кухни, но, по словам Геккеля, ее чаще употребляют в качестве «сторожа карпов», так как она охотно плавает в верхних слоях воды, вследствие чего раньше карпа замечает парящего над прудом орлана и во время ухода в глубину пугает карпов, предупреждая их об опасности. В новейшее время ее, подобно золотой рыбке, употребляют также для украшения прудов и фонтанных бассейнов. Динкельсбюль ведет довольно оживленный

торг этой рыбой, пересылая ее на далекие расстояния под названием «ложно-золотой рыбки» или «золотого язя».

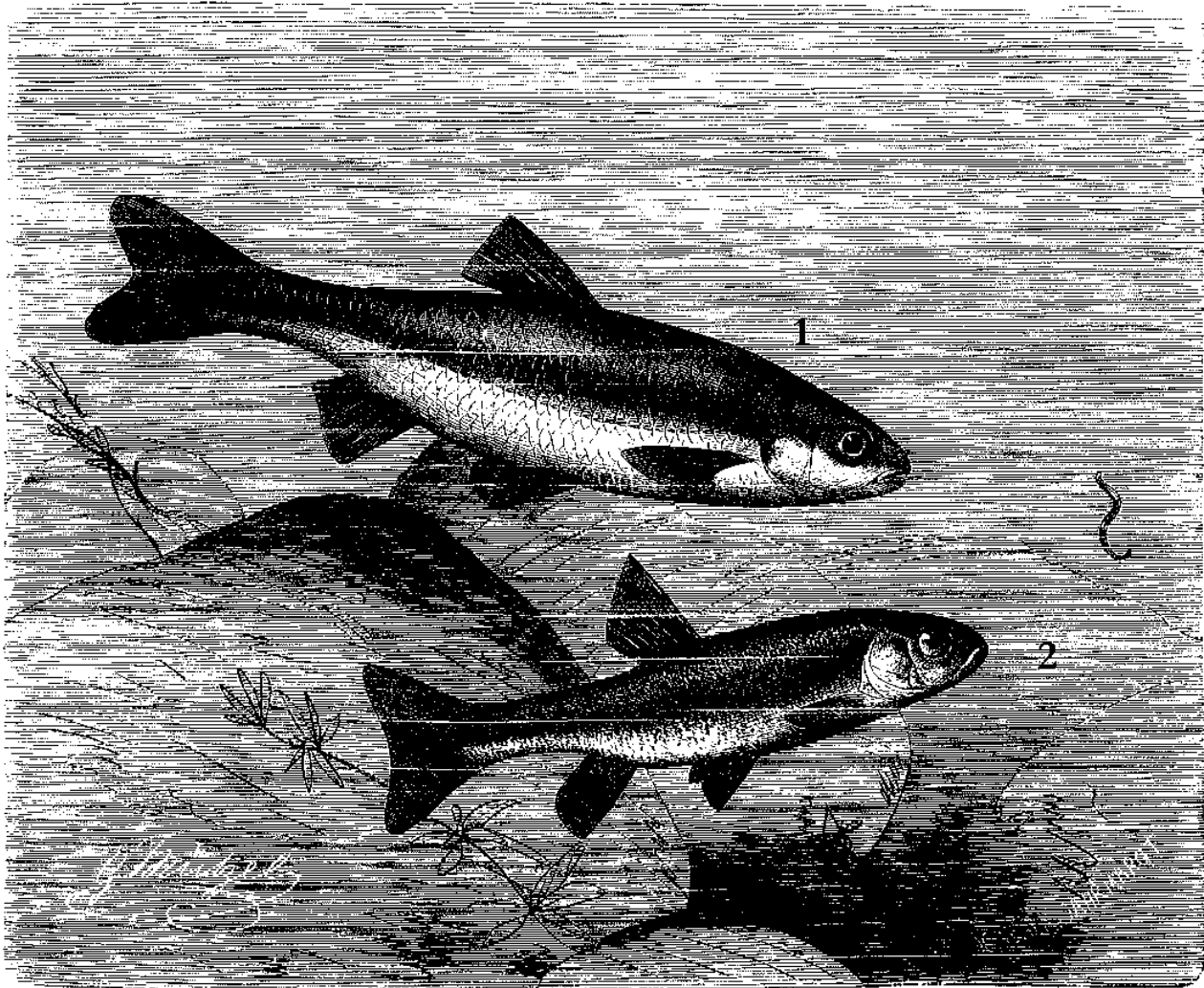
Родственный язю вид, **обыкновенный елец** (*Leuciscus leuciscus*), встречается едва ли реже и, вероятно, пользуется еще большим распространением. От родича своего он отличается несколько сдавленными с боков головой и телом, узким ртом, расположенным снизу рыла, формой чешуи и окраской. На спине преобладает черно-синий цвет, часто имеющий металлический блеск; бока и брюхо бывают то желтоватого, то блестящего белого цвета; парные плавники имеют бледно-желтую или оранжево-красную, а спинной и хвостовой плавники темную окраску. Длина, вероятно, только в редких случаях превышает 25 см.

Область распространения ельца охватывает различные речные области средней Европы, включая и Великобританию*.

** Елец распространен не только почти по всей Европе, но весьма многочислен и в Сибири. Елец обитатель речных вод, в озерах не встречается. Плодовитость ельца невысокая, до 20 тысяч икринок, половозрелым становится на 3-м году.*

Подобно своему родичу, елец не делает различия между проточными и стоячими пресными водами, избирает своим местопребыванием более глубокие и спокойные места, питается червями и насекомыми, ревностно охотится преимущественно за всякими плавающими на поверхности воды мухами и другими утонувшими насекомыми и хватает их почти с такой же жадностью, как кумжа. Время метания икры, которое у самцов сказывается появлением на коже сыпи, бывает в марте и апреле; размножение очень значительно.

Рислинг (*Leuciscus soffia*) достигает 15-20, самое большее 22 см длины и отличается вытянутым в длину, почти цилиндрической формы телом и немного выдвинутой вперед, умеренно-выпуклой мордой; сверху он темно-серый со стальным синим отливом, снизу блестящего серебристого цвета; отличительным признаком служит еще широкая черноватая полоса, которая начинается на лбу и, попеременно суживаясь и расширяясь, тянется до самого хвоста. Рислинг — рыба, населяющая всю альпийскую область и особенно часто встречающаяся в Италии и Швейцарии; в Германии она была найдена до сих пор только в различных верхних притоках Рейна и Дуная.

1 — Рислинг (*Leuciscus sojfia*) 2 — Гольян (*Phoxinus phoxinus*)

Относительно ее образа жизни в данное время еще не имеется никаких сведений, так как рислинг принадлежит к числу наименее известных рыб Германии.

Под именем **чехоней** (*Pelecus*) разумеют один из родов, принадлежащих к семейству карповых, но сильно отличающийся от других родов. Отличительными признаками его служат: прямая спина и сильно выгнутое брюхо, почти вертикальная, ротовая щель с выдающимся кончиком нижней челюсти, длинные, узкие, серповидные грудные плавники, короткий спинной плавник, находящийся далеко назад, легко отпадающая чешуя и крючковатые, глоточные зубы, расположенные двумя рядами по 2 и 5 зубов в каждом, на коронках которых находятся глубокие пилообразные зубрины.

Чехонь, или сабля-рыба (*Pelecus eultratus*), единственная представительница этого рода; у нее продолговатое, сдавленное с боков тело, затылок сине-стального или сине-зеленого цвета, спина серо-бурая, бока блестят серебром, спинной и хвостовые плавники сероватые, остальные плавники красноватого цвета. Длина ее 46 см, вес — до 1 кг.

Распространение чехони в некоторых отношениях своеобразно. На севере средней Европы она обитает только в Балтийском море и в больших бассейнах пресной воды, которые находятся с ним в связи, и отсюда поднимается вверх по течению рек; но она живет также и в Черном море и потому постоянно встречается во всех впадающих в него реках. По словам Палласа, она в большом количестве водится в реках и озерах Европейской России, по Нордману, в реках и озерах Крыма*.

** Чехонь также обитает в водоемах, принадлежащих бассейнам Каспийского и Аральского морей, особенно многочисленна в созданных крупных равнинных водохранилищах.*

Ее нельзя назвать ни настоящей морской, ни речной рыбой; ей, по-видимому, одинаково хорошо живется как в соленой, так и в пресной воде. Для своего местопребывания она избирает проточную, чистую воду и близость берегов. По своему образу жизни и нравам она походит на остальных карповых. Время метания икры бывает в мае, а размножение ее похоже на вышеописанное размножение других родичей. Несмотря, однако, на то что в икре самки, по словам Блоха, находится более 100 тысяч яиц, размножение ее, по-видимому, не особенно значительно, так как эта рыба, по крайней мере в германских реках, встречается сравнительно редко. Говорят также, что продолжительность ее жизни не более 4-5 лет**.

** * Обязательным условием успешного нереста чехони является наличие течения: в стоячей пресной воде икра чехони опускается на дно и погибает, на течении она подхватывается потоком и благополучно разбивается. Плавуцести икры, которая приближается к нейтральной, способствует сильное разбухание ее оболочки и образование широкого, заполненного водой пространства между оболочкой и желтком. В соленой морской воде икра чехони не тонет, что позволяет этим рыбам нереститься и в норе вблизи устьев впадающих рек.*

Мяса в ней мало; оно мягко и костляво, вследствие чего лов ее невыгоден, а в некоторых местностях Германии и главным образом в Австрии даже избегают его, так как рыбаки смотрят на чехонь с таким же предубеждением, как птицеловы на свиристеля; про нее говорят, что она появляется только через каждые семь лет и предвещает войну, голод, чуму и другие несчастья.

Одним из самых мелких представителей семейства карповых является всюду распространенный вид, носящий многочисленные названия. В России **гольяна** (*Phoxinus phoxinus*) называют солдатом, красавкой, малявкой, голопузкой, синявкой, бздер кой. Такое обилие названий всегда служит доказательством популярности, или, что то же самое, известности и повсеместного распространения какого-нибудь животного. Гольян заслуживает такой популярности потому, что это действительно одна из наших превосходнейших и привлекательнейших рыб. Окраска его необыкновенно изменчива. Основная окраска спины бывает то масляно-зеленого, то грязно-серого цвета, имеющего более или менее мутный оттенок от маленьких темных пятен, которые иногда, будучи густо сжаты, образуют настоящий рисунок, так что на спине выделяется черная полоса, тянущаяся вдоль средней линии спины до хвостового плавника и состоящая иногда из продольного ряда пятен; зеленовато-желтые бока имеют сильный металлический блеск; углы рта карминно-красного, глотка черного, грудь пурпурно-красного цвета; кроме того, можно заметить блестящую, золотистую продольную полосу, начинающуюся позади глаз, тянущуюся по обеим сторонам спины и продолжающуюся до корня хвоста; основная окраска плавников бледно-желтая, однако на спинном, заднепроходном и хвостовом плавниках она темнеет от накопления пигментных отложений и на парных плавниках, а в исключительных случаях также на заднепроходном плавнике, может переходить в блестящий пурпурно-красный цвет. Это великолепие окраски, по словам Зибольда, не зависит от времени метания икры, но свойственно как самцам, так и самкам даже в зимнее время*; во

время же метания икры у обоих полов на поверхности затылка образуется накожная сыпь, состоящая из остроконечных бугорков, и все чешуи на заднем крае покрываются густым рядом зернышек, образующих кайму.

** Брем приводит описание брачного наряда самцов гольяна, появляющегося лишь к периоду нереста. Самки в это время, как правило, окрашены скромнее, хотя некоторые из них тоже становятся нарядными. Вне нерестового сезона в окраске гольяна отсутствуют красные тона, желтые тона трудно различимы. Его пестрая окраска в это время создается за счет темных крупных и мелких пятен с нечеткими краями, которые располагаются на средней и верхней частях туловища. Брюшко серебристо-белое.*

Некоторые экземпляры достигают в длину 12 см, большая же часть бывает не длиннее 9 см.

Местообитания гольяна — светлые реки с песчаным или каменистым дном, начиная от горных истоков их до самого устья, как большие, так и маленькие, а в некоторых случаях гольян является почти единственным обитателем вод, так как постоянно держится и, по-видимому, отлично чувствует себя еще в таких местах, которые недоступны другим рыбам или избегаются ими. Этих рыб очень редко можно встретить поодиночке, напротив, они почти всегда попадаются большими стаями, резвящимися близко у поверхности воды, необыкновенно быстро выпрыгивающими из нее и пугливо исчезающими при всяком шуме. В сильную жару они иногда покидают место, в котором держались довольно долгое время, и поднимаются или вверх по течению реки навстречу более свежей воде, или же покидают реку, переселяясь массами в один из ее горных притоков. При этом гольяны перепрыгивают через такие преграды, преодолеть которые, по-видимому, было бы для них слишком затруднительно при незначительном росте и малой силе их, и как только один из них благополучно преодолеет препятствие, все остальные непременно следуют за ним. Один наблюдатель, друг Корнелиуса, сообщил ему следующие подробности относительно этих странствий. В Прирейнских провинциях гольянов называют «майпирами» или «леннепирами», по имени реки Ленне; в этой реке во время метания икры они появляются или показываются большими стаями при средней высоте воды и ясной погоде, так как во время мелководья многочисленные фабричные постройки являются для них слишком большой помехой. В это время на мостах толпится молодежь, любующаяся проходящими стаями этих маленьких хорошеньких рыбок. Одна стая бывает шириной около 0,5 м, но рыбы лежат в ней как сельди в бочонке. За одной стаей, после короткого перерыва, следует другая, и так продолжается весь день, так что число находящихся в реке Ленне рыбок этого вида может достигать миллионов.

Пища их состоит из растительных веществ, червей и насекомых, а также, вероятно, и из других животных веществ*.

** Гольяны желанная добыча на многих рыб. Вовремя заметить и уйти от хищника гольяну помогает острое зрение и хорошо развитое обоняние. Он легко распознает по запаху присутствие хищника и стремительно покидает опасное место. Держатся гольяны всегда стайками, в которых при испуге еще теснее прижимаются друг к другу. Для того чтобы не отстать от стаи при бегстве, на боках гольянов, почувствовавших лапы хищника, например щуки, появляется темная контрастная полоса, которая служит хорошим ориентиром и помогает сохранять стаю. Если хищнику все же удастся схватить одного из гольянов, то из поврежденной зубами кожи в воду выходит специальное вещество, вызывающее сильный испуг хищника.*

Время метания икры совпадает с первыми весенними месяцами; оно обыкновенно бывает в мае, но в некоторых местах также в июле. К этому времени гольяны выбирают мелкие песчаные места, и каждая самка плавает в сопровождении 2 или 3 самцов, выжидающих момента кладки яиц, чтобы выпустить на них свое семя. Из опытов, произведенных Дэви, видно, что молодые рыбки вылупляются из яиц уже по истечении 6 дней. В августе они достигают 2 см длины, но с этой поры растут очень медленно, и, говорят, становятся способными к размножению лишь на третьем или четвертом году жизни.

Хотя гольян и невелик, его все-таки ловят везде, так как мясо его, несмотря на горький вкус, находит много любителей и, следовательно, охотно покупается.

Так как вместе с гольянами постоянно попадают также другие рыбы, особенно молодые лососи, то подобная ловля приносит необычайный вред нашему рыболовству.

Кроме того, гольян весьма охотно употребляется удильщиками для приманки и идет на корм более крупным хищным рыбам, разводимым в прудах; он также может прожить несколько лет в аквариуме, доставляя удовольствие своей невзыскательностью, ловкостью и подвижностью.

Обыкновенная плотва (*Rutilus rutilus*) отличается несколько сдавленным с боков, более или менее вытянутым в длину телом со ртом, помещающимся на конце рыла, и крупной чешуей. Однако

она претерпевает разнообразные изменения в очертаниях тела и окраске в зависимости от местности, где живет, и пищи и образует разновидности, приобретающие большую или меньшую самостоятельность. Спина обыкновенно синего или зеленовато-черного цвета, бока светлее с серебристым блеском около брюха; брюшные и заднепроходный плавники часто выглядят так же, как у красноперки; грудные плавники серовато-белые, спинной и хвостовой серого цвета с красноватым налетом. Длиной плотва бывает редко более 50 см и весит до 1,5 кг.

Среди рыб карпового семейства плотва — одна из самых распространенных и обыкновенных рыб. Отечеством ей служат вся средняя Европа, включая и Великобританию, и большая часть восточной Европы, а равным образом северо-западная Азия, местопребыванием — озера, пруды, большие и маленькие реки, а также слабосоленые моря. В Северном море она попадается редко, в Балтийском же необыкновенно часто*.

** Многочисленна проходная плотва, которая выходит на откорм в богатые разнообразной пищей опресненные участки моря. Для нереста она возвращается в устья рек. На Волге проходную плотву называют воблой, на Черном и Азовском морях таранью.*

Образ жизни ее во всех почти отношениях сходен с образом жизни красноперки. Она держится всегда стаями, питается червями, насекомыми, рыбьей икрой, маленькими рыбами и водяными растениями, плавает быстро, резва, пуглива, однако не особенно умна и охотно, хотя и не всегда удачно, присоединяется к обществу других рыб, так что про нее даже сложились пословицы. Она, впрочем, отлично различает своего злейшего врага — щуку, так как, насколько хорошо она чувствует себя в обществе других рыб, настолько беспокойна становится, когда завидит этого страшного хищника наших пресных вод. Икру она мечет в мае или июне, иногда даже в марте и апреле, а также еще в июле. Для этого она покидает более глубокие озера, поднимается густо сплоченными стаями вверх по течению реки и здесь на местах, поросших травой, мечет икру, резвясь, плещась и выпрыгивая из воды. По словам Лунда, эти рыбы появляются в данных местах правильными стадами, причем сначала приплывают от 50 до 100 штук самцов, затем приплывают самки и потом снова самцы, после чего уже и начинается метание икры**.

** * В последнее время удалось выяснить, что идущая из озер в реки плотва выбирает для нереста одни и те же места. Нерест у плотвы интересный: самец ухаживает за самкой, в течение некоторого времени охраняет отложенную икру от других рыб.*

У самцов в это время также появляются на затылке и чешуях отдельно стоящие, маленькие конусообразные шишечки беловатого цвета. Говорят, впрочем, что во время метания икры плотва бывает осторожнее родственных ей пород рыб, по крайней мере сейчас же уходит в глубину, как только заметит на воде чье-либо присутствие. Размножение очень сильно, так как уже маленькие, на вид не достигшие еще половозрелого возраста, рыбы способны к размножению.

Относительно мяса плотвы и его употребления можно сказать совершенно то же самое, что и о красноперке. Мясо ее нигде особенно не ценится; тем не менее эту повсеместно водящуюся рыбу ловят в громадном количестве, едят как в свежем, так и в вяленом виде, вывозят из Померании во внутренние части Германии, даже до русской границы и, наконец, кормят ею других рыб или свиней.

В дунайской области к плотве присоединяются два родственных вида, а именно **дунайская плотва** (*Rutilus pigus*) и **вырезуб** (*Rutilus frish*). Первая отличается маленькой головой с выпуклым лбом и ртом, расположенным наполовину снизу рыла, длинным хвостовым плавником, сильно блестящей металлической окраской, отливающей то яблочно-зеленым, то небесно-голубым цветом, и оранжево-желтыми брюшными, заднепроходным и хвостовым плавниками. Второй, которого пока нашли только в озерах, отличается от всех других родичей своим сильно вытянутым в длину, почти цилиндрическим телом*.

** Сведения Брема неточны. Вырезуб это проходная рыба, нагуливающаяся в Азовском и опресненных участках Черного моря и заходящая во впадающие в эти моря крупные реки на нерест. Жилая форма вырезуба появилась лишь в последнее время. Эти рыбы из-за возведенных плотин не могут выходить в море на нагул и остаются в реках. Вырезуб предпочитает реки с быстрым течением и каменистым дном, в озерах не встречается.*

Дунайская плотва может достигать 40 см длины и весит 1 кг, вырезуб — 55 см длины и 5 кг веса. Мясо обоих считается очень вкусным.

Во всех почти странах Европы, от Лапландии до южной Италии и от Ирландии до Урала, а также в бассейне реки Оби живет **краснопёрка** (*Scardinius erythrophthalmus*) — рыба длиной 25-30 см и 0,5-0,8 кг весом, окраска которой также меняется различным образом. Спина обыкновенно буровато-зеленая, бока блестящего медно-желтого, брюхо серебристо-белого цвета, а брюшные и

заднепроходный плавники, реже спинной, большей же частью хвостовой плавник окрашены в яркий кроваво-красный цвет. Существуют, однако, также экземпляры светлого цвета, у которых характерная красная окраска плавников более или менее бледнеет или темнеет, а также экземпляры, у которых как тело, так и плавники окрашены сплошным темным черно-синим цветом и т. д.

Воды с медленным течением или озера и пруды, лежащие на высоте до 1600 метров над уровнем моря, краснопёрка предпочитает всяким другим водам, так как не только ведет образ жизни, сходный с образом жизни карасей и линей, но также охотно живет в обществе этих рыб**.

* * *Краснопёрка южная рыба, наибольшей численности достигает в нижнем течении наших рек, впадающих в Каспийское, Азовское и Черное моря. Предпочитает водоемы с медленно текущей или стоячей водой, обильно заросшие водной растительностью, которая составляет основную пищу краснопёрки.*

Она отличается быстрыми движениями, осторожна и пуглива, питается водными растениями, насекомыми и червями, которых достает преимущественно из ила. Во время метания икры окраска этих рыб темнеет, причем у самцов затылок и спинные чешуи покрываются множеством маленьких, очень густо стоящих зернышек. Икру краснопёрка мечет с расстановками в апреле, мае и июне; молодые выупляются уже через несколько дней.

Полное костей мясо этой рыбы едят только люди мало разборчивые, в общем же к нему относятся с пренебрежением, и даже многие птицы, питающиеся рыбой, не употребляют его в пищу. Краснопёрку отдельно не ловят нигде; тем не менее при случае иногда попадает такая масса этой рыбы, что ее употребляют для удобрения полей или на корм свиньям.

Сыртью, или рыбцом (*Vimba vimba*), рыбаки называют леща, распространенного далеко по всей Европе, встречающегося преимущественно на севере и живущего не только в пресной, но также и в полусоленой и соленой воде. В некоторых пресных водах сырть, по-видимому, не совершает путешествий, но из морей весной поднимается для метания икры в реки, проводит в них лето и возвращается затем снова в глубокие воды, где и зимует. В озерах сырть обыкновенно держится на глубине от 11 до 20 саженей и всегда выбирает места с глинистым дном, так как, подобно родичам своим, она также роется на дне, ища пищу, и до того мутит воду, что выдает этим свое местопребывание. Во время метания икры сырть соединяется в очень большие стаи, что дает возможность производить богатый улов этой рыбы. Так, по словам Палласа, во всех русских реках, впадающих в Черное море, сырть ловят ежегодно в несметном количестве, солят, сушат и возами отправляют в отдаленные края государства. Иногда улов бывает так велик, что купцы, занимающиеся солинием и пересылкой этой рыбы, вынуждены бывают заключать с рыбаками условие, обязывающее их, купцов, принимать не более 70 тысяч штук от каждого лова. Мясо их считается равным по качеству мясу леща*.

* *Нагуливающаяся в опресненных предустьевых участках моря сырть для нереста предпочитает подниматься в реки, в которых имеются участки с быстрым течением и мелким галечником или ракушечником на дне. Из-за постройки плотин условия для размножения сырти ухудшились, и численность ее сократилась. Для поддержания запасов этой ценной рыбы на ряде рек нашей страны создают искусственные нерестилища, представляющие собой насыпи мелкой гальки в нижнем бьефе, там, где поток воды, прошедшей через плотину, еще достаточно быстр.*

По словам Блоха, каждая самка кладет около 300 тысяч яиц, выбирая для этого мелкие места рек с каменистым или покрытым голышами дном. Это бывает почти всегда в мае и июне, и возбужденные рыбы ведут себя при этом совершенно так же, как и лещи: оживленно двигаются и шумно плещутся в воде.

Сырть легко узнается по утолщенному и удлинённому, далеко выступающему вперед носу, по рту, расположенному снизу рыла, и по заднепроходному плавнику, отодвинутому далеко назад. Цвет затылка и спины грязно-бурый или синий; бока светлые; нижние части их блестят серебром, спинной и хвостовой плавники синеватые, брюшные и заднепроходный плавники желтовато-белые, грудные плавники у основания красно-желтые. Совершенно иначе выглядит эта рыба в брачном наряде, в который она облачается в конце мая или в начале июня, с наступлением времени метания икры.

В это время, по словам Зибольда, морда, голова, спина и бока значительно ниже обеих боковых линий становятся совершенно черного цвета, а обе более темные стороны живота принимают своеобразный шелковистый, блестящий оттенок. Из этой темной окраски резко выделяются оранжево-желтого цвета губы, глотка, грудь, края живота, узкая полоса под хвостом, а также и парные плавники. «Изменение окраски сырти происходит одновременно с развитием половых органов и

нисколько не зависит от перемены их местопребывания, происходящей во время метания икры». Во время размножения оба пола имеют одну и ту же окраску, у самцов же, кроме того, появляется зернистая сыпь, состоящая из множества крошечных бугорков, которые видны главным образом на тмени, на жабрах, на краях чешуек и на лучах внутренней поверхности парных плавников. Величиной сырь значительно уступает лещу, ибо только в исключительных случаях она достигает в длину 40 см; вес ее редко бывает более 0,65 кг.

Немногие из наших речных рыб могут сравняться изяществом формы тела и красотой окраски с обыкновенным **горчаком** (*Rhodeus sericeus*) можно даже, почти не преувеличивая, сказать, что этот малорослый карп, достигающий всего около 5 см длины, великолепием своим превосходит знаменитую золотую рыбку. Формой тела горчак напоминает карася. Окраска разнообразна, смотря по полу и времени года. «За исключением времени метания икры, — говорит Зибольд, описавший эту рыбку самым подробным образом, — оба пола окрашены одинаково, а именно спина у них серовато-зеленого, а бока блестящего серебристого цвета. Весьма характерна для них также зеленая блестящая продольная полоса, которая проходит по обеим сторонам тела и тянется от середины его до хвоста. Плавники окрашены в бледно-красный цвет, а весь спинной плавник и основание хвостового плавника покрыты черноватыми пигментными отложениями. Во время размножения у горчака-самца эта простая окраска исчезает совершенно и заменяется великолепным брачным нарядом, блестящим цветом которого трудно дать точное описание. Вся поверхность тела самца отликает тогда всеми цветами радуги, причем особенно бросаются в глаза стали-синий и фиолетовый цвета, а смарагдо-зеленая боковая полоса блестит и выступает с еще большей ясностью; грудь и брюхо блестят красивым оранжево-желтым цветом; спинной и заднепроходный плавники также окрашены в ярко-красный цвет и снабжены черной каймой.

С развитием этого великолепия окраски появляется еще другое половое отличие, заключающееся в изменении кожи непосредственно над верхней губой. Здесь на обоих внешних концах верхней челюсти образуется мало-помалу кругловатое возвышение, состоящее из кучки различной величины белых как мел бородавок числом от 8 до 13; 2-3 подобные бородавки появляются также на верхнем крае обеих глазных впадин. Каждая бородавка в отдельности представляет собой нечто иное, как скопление плотно друг над другом скученных клеточек надкожицы. По окончании времени размножения они исчезают и оставляют после себя углубления, из которых при следующем наступлении брачного времени снова вырастают эти бородавчатые образования.

Хотя самки горчаков и во время метания икры остаются бесцветными и, таким образом, резко отличаются от своих великолепно разукрашенных самцов, тем не менее у них замечается в этот период своеобразный орган, который, несмотря на свою очевидность, был замечен Краусом лишь недавно (1857), Это длинный красноватый яйцеклад, который развивается у самки горчака ко времени метания икры. Как только созреют яйца в яичниках, он свободно свешивается на заднем конце тела перед заднепроходным плавником, достигая 19 мм у особей длиной 5 см. У более крупных горчаков я видел яйцеклад длиной от 40 до 55 мм. В таких случаях этот орган выступает за конец хвостового плавника и придает странный вид этой рыбе: когда она плавает, можно подумать, что у нее из заднего прохода торчит проглоченный дождевой червяк или ее собственная кишка». Своеобразное значение и употребление этого яйцеклада впервые открыл Нолль.

"В течение этого лета (1869) я с начала апреля до середины июля регулярно каждую неделю исследовал некоторое количество раковин из Майна и перебрал их, в общем, несколько сотен. При этом оказалось, что рыбьими яйцами были заняты преимущественно перловицы (*Unio*) в тонкостенных же беззубках (*Anodonta*) эти яйца находились в значительно меньшем количестве. Кроме того, в раковинах, взятых из середины Майна, рыбьих яиц было гораздо меньше, чем в тех, которые были выловлены из глубоких прибрежных болот этой реки. Последние представляют собой тихие воды, отрезанные от реки каменными плотинами, возведенными для выпрямления речного русла, поросшие богатой растительностью и представляющие собой прекраснейшее местопребывание для всякого рода раковин. Как перловицы, так и беззубки встречаются здесь в таком значительном количестве, что летом во многих местах Майна мальчики вылавливают их для откармливания свиней. В этих местах я находил в соответствующее время лишь малое количество перловиц, как полувзрослых, так и совершенно взрослых, в которых не заключалось бы рыбьих яиц, причем все четыре вида перловиц, водящиеся в Майне, одинаковым образом были наполнены ими. Что касается времени нахождения, то первые рыбы яйца я нашел 14 апреля, и притом лишь в малом количестве. С каждой неделей число ясно заметных желтых, как желток, яиц возрастало в раковинах, и уже 8 мая часть яиц развилась в маленьких рыбок, которые, вытянувшись в длину, торчали в жаберных полостях и своими толстыми головками и черными глазами, всегда обращенными к свободному жаберному

краю, ясно выделялись под жаберной кожицей. При осторожном взрезывании жабр, оттуда совершенно невредимыми вылезали хорошенькие рыбки с продолговатым желтым желточным пузырем с пищевым запасом на брюхе, отличавшиеся ярким серебристым блеском. Рыбки, заключающиеся в одной и той же раковине, находятся, однако, на различных стадиях развития, начиная от яйца и до состояния полной зрелости, откуда с уверенностью можно заключить, что яйца попадают в одну и ту же раковину в различное время.

15 мая я нашел первых зрелых рыбок длиной 11 мм в проходе, остающемся на дне раковины между обеими жаберными пластинками, т. е. в так называемой клоаке, а также частью уже у выхода ее, поблизости заднепроходного отверстия перловицы. Когда, таким образом, эти маленькие животные, до сих пор спокойно торчавшие в своих жаберных полостях, стали производить более оживленные движения и толстой головой своей не могли проникнуть вперед, они были оттиснуты назад в жаберной полости, которая к свободному концу суживается и кончается глухо, и попали в клоаку, где еще некоторое время их можно было находить бьющимися о ее стенки. Не подлежит никакому сомнению, что оттуда они выходят на волю через заднепроходное отверстие, и я встречал их уже 20 мая стаями в воде болот, так как в то же время в жабрах раковин рядом с более или менее развившимися рыбками можно было встретить только что отложенные яйца, хотя и в менее значительном количестве.

Следует заметить при этом, что нахождение рыбьих яиц и развитие их в жаберных полостях, где они находят защиту и, прежде всего, получают необходимую им всегда свежую воду, не приносит раковине, по-видимому, ни малейшего вреда. В это время жаберные полости, правда, несколько расширяются рыбьими яйцами, но этим, по-видимому, и ограничивается все влияние последних на раковину, которое, может быть, и несколько неудобно для нее, однако не мешает ей продолжать так же спокойно жить о этой странной ношей, как и без нее».

Произведенные затем Ноллем опыты подтвердили предположение относительно того, что яйцеклад служит орудием, при помощи которого мечущая икру рыба в состоянии ввести свои яйца внутрь раковинных складок. Перловицы, заключавшие рыбьи яйца, содержались в устроенных для наблюдения аквариумах и, по истечении продолжительного времени, наполнили сосуд молодыми горчачками, которые вывелись внутри их жабр, где до тех пор они были защищены от всякого рода вредных влияний. Пойманным горчачкам, достигшим половой зрелости, в надлежащий момент предоставляли в распоряжение перловиц, а также наблюдали их нравы и привычки, их жизнь и поведение до времени метания икры, пока наконец не исчезло всякое сомнение в справедливости вышеупомянутого вывода и вопрос не был разрешен окончательно.

По произведенным Ноллем превосходным исследованиям, горчак очень скоро привыкает к жизни в аквариуме, устроенном надлежащим образом. Самцы и самки, играя, гоняются друг за другом и весело выпрыгивают из воды, причем в неприкрытом сосуде прыжки эти, конечно, иногда могут стать опасными для них. С наступлением времени размножения у них начинается оживление, причем приближение этого времени сказывается, с одной стороны, появлением вышеописанной окраски у самцов, а с другой — утолщением боков и вырастанием яйцеклада у самок. Яйцеклад удлиняется сначала очень медленно, потом быстрее и наконец растет необыкновенно быстро, а после кладки яиц укорачивается в течение нескольких часов до весьма незначительной части своей наибольшей длины. Для самца период наибольшего и быстрого роста яйцеклада самки всегда служит поводом к сильному возбуждению, которое у него, как и у других рыб, выражается появлением более яркой окраски и оживленным беспокойством — очевидным результатом ревности. Злобно преследует он других самцов, но так же ревностно гоняется и за избранной самкой, пока, свойственное обыкновенно последней, равнодушное спокойствие не сменится оживленным возбуждением и она наконец не отправится к избранной самцом раковине, чтобы положить в нее свои яйца. Как только яйцо входит в яйцеклад, последний напрягается и сохраняет это состояние до тех пор, пока яйцо не будет вытолкнуто. Перед метанием икры самка становится вертикально, головой вниз над раковиной, осматривает ее довольно долгое время. В то самое мгновение, когда яйцо вступает в яйцеклад и, таким образом, напрягает его, самка быстро спускается на избранного в кормильцы моллюска, всовывает конец яйцеклада в его жаберную щель, выпускает яйцо и немедленно вытягивает яйцеклад обратно. Не всегда удается этой рыбке ввести свой яйцеклад и положить яйцо; в таких случаях яйцо возвращается в тело рыбки, и часто проходит долгое время, пока опять наступит возбуждение и то же явление повторится снова. Самец внимательно наблюдает за этим, спускается на раковину сейчас же вслед за тем, как самка оставит ее, на мгновение останавливается над ней, трепеща всем телом, и, растопырив все плавники, выпускает наконец свое семя над ее жаберной щелью, чтобы таким образом оплодотворить яйцо. Окончив метание икры, оба пола, утомленные, уда-

ляются в чашу растений и ведут себя пугливо и трусливо; самец теряет свою великолепную окраску, а у самки съезживается яйцеклад; по истечении нескольких дней, однако, тот же процесс повторяется снова, и так дело продолжается до тех пор, пока не пройдет время метания икры*. На воле оно продолжается от апреля до июня, в неволе же оно обычно раньше начинается и скорее оканчивается.

* *К столь обстоятельному изложению Бремем биологии размножения горчака трудно что-то добавить. Благодаря надежному способу заботы о своем потомстве горчаки, несмотря на низкую плодовитость (самки откладывают в несколько приемов всего 200-250 икринок!), довольно многочисленны в местах своего обитания.*

Насколько известно, область распространения горчака занимает всю среднюю и восточную Европу, а также часть Азии. В Дунае и его притоках, в Рейне, в бассейнах Эльбы и Вислы он местами попадает в большом количестве; часто встречается он также в Крыму, в тех местах, где находятся воды, которые он любит**.

* * *В Европе живет один вид горчака обыкновенный горчак. Всего же выделяют 24 вида горчаков, все они мелкие рыбы и обитают в Восточной Азии — в бассейне реки Амур, в Китае, Корее, Японии.*

Он предпочитает чистую, проточную воду с каменистым дном и, по наблюдениям Зибольда, особенно любит так называемые мертвые рукава рек и ручьев. Из равнин он поднимается в холмистые местности и даже в горы средней высоты.

Благодаря горькому вкусу, который делает мясо этой рыбки почти или даже совершенно непригодным в пищу, ее ловят мало и употребляют обыкновенно только для приманки. О том, насколько она заслуживает внимания любителей в качестве рыбки, употребляемой для украшения, распространяться было бы излишним после того, что уже сказано о ее красоте.

Пескари (*Gobio*) отличаются от усачей длинными усами, помещающимися в углах рта, высоко стоящими глазами, отсутствием шипа в спинном плавнике, более крупными чешуями и глоточными зубами, имеющими крючковидную форму и расположенными в два ряда по 3 или по 2 и по 5 в ряд с каждой стороны.

Обыкновенный пескарь (*Gobio gobio*) достигает 12-15, самое большее 18 см длины; сверху он покрыт по черновато-серому полю темно-зелеными или черновато-синими пятнами, которые особенно ясно выступают на боках, образуя продольную полосу; снизу он блестящего серебристого цвета с более или менее ясным красноватым отливом; спинной и хвостовой плавники покрыты черно-бурыми пятнами по желтоватому полю; остальные плавники сплошного бледно-желтого или красного цвета.

Будучи распространен в большей части Европы и западной Азии, пескарь живет преимущественно в озерах*, реках и ручьях, но также встречается в подземных водах, как, например, в Адельсбергском гроте.

* *Пескарь — рыба текучих вод, поэтому в озерах он может встречаться только в проточных, с песчаным или галечниковым грунтом.*

В германских реках он принадлежит к числу обыкновенных рыб; в Великобритании и Ирландии попадает так же часто, как и на материке, в России и Монголии, также не редок, по моим наблюдениям, например, в Алтайских горах это чрезвычайно обыкновенная рыба. Чистую воду с песчаным или каменистым дном он предпочитает всякой другой и, естественно, поэтому в одних местах встречается редко, в других же — в необыкновенно большом количестве. Пескарь почти всегда встречается многочисленными, густо скученными стаями, так как, по-видимому, ощущает потребность в обществе. Пища его состоит из молодых рыб, червей, гнилого мяса и растительных веществ. За то решительное предпочтение, которое он оказывает падали, его называют могильщиком. Когда после осады Вены в 1683 году убитых турок вместе с убитыми лошадьми, чтобы избавиться от них, побросали в Дунай, то спустя некоторое время, как рассказывает Марсильи, вблизи этой падали или в полостях этих тел нашли множество пескарей, причем было замечено, что людей они решительно предпочитали лошадям.

Весной пескари в громадном количестве поднимаются из озер в реки для метания икры. В период размножения окраска их темнеет и вместе с тем у самцов на затылке, чешуях спины и боков и на лучах грудных плавников развивается мелкозернистая сыпь, а кроме того, появляются особые наросты на коже. Метание икры начинается с мая и продолжается с перерывами около четырех недель. «Когда я был в Децио, — говорит Рускони, — я гулял в один из самых чудных июльских дней рано утром на берегу маленького озера виллы Траверзи. Вдруг слух мой был поражен каким-то шумом. Я думал сначала, что кто-нибудь ударяет по воде палкой или широкой поверхностью весла,

оглядел берег и вскоре заметил место, откуда доносился шум, и вместе с тем открыл причину его: это были рыбы, метавшие икру. Желая насладиться этим зрелищем вблизи, я осторожно, под защитой кустов и поросли, растущих по берегам озера, подошел к ним так близко, что удобно мог наблюдать их, не будучи ими замечен. Они находились в устье одного ручейка с холодной и чистой водой, которая, однако, была так мелка, что маленькие камешки на дне ручья были почти обнажены. Это были пескари. Они приблизились к устью ручья; затем, сообщив своему телу сильный толчок, они вдруг поплыли быстро и поднялись по ручью приблизительно на один метр, не делая при этом прыжков, а как бы скользя по голышам. После этого первого быстрого движения они остановились, стали изгибать туловище и хвост попеременно направо и налево и тереться таким образом брюшной поверхностью о камни. При этом все тело их, за исключением брюха и нижней части головы, находилось вне воды. В этом положении они оставались в продолжение 7-8 секунд; потом стали сильно бить хвостом по дну ручья, так что брызги воды летели во все стороны, повернули обратно и скользнули снова в близко находившееся от них озеро; вскоре после того они повторили тот же маневр. Один естествоиспытатель утверждает, что эти рыбы во время метания икры ложатся на бок, так что брюхо самца непосредственно прилегает к брюху самки или же по крайней мере находится близко около него. Я не хочу оспаривать этого факта, но могу лишь утверждать, что рыбы, которых я наблюдал здесь, ни разу не производили подобных движений. Самцы и самки вышеописанным способом поднимаются вверх по течению ручья; первые выпускают молоки, вторые мечут икру"*.

** Икра у пескаря клейкая, и после вымета она быстро облепляется мелкими частичками ила или песчинками. Это делает ее незаметной для рыб, в том числе и для пескарей, которые не прочь полакомиться собственной икрой.*

Маленькие яйца синего цвета и скоро созревают, будучи подвержены оживляющему действию солнечных лучей. Молодых рыбок, длиной 2 см, можно встретить в начале августа иногда невероятно густыми стаями. По окончании времени размножения пескари снова уходят в глубокую, а также в стоячую воду, возвращаясь в озера, в которых живут обыкновенно.

В северо-восточной Германии эта рыба ловится обычно в значительном количестве.

Летом ее ловят преимущественно на удочку, так как пескарь принадлежит к числу рыб, вознаграждающих труды даже не искусного удильщика. Англичане перед началом лова обыкновенно разрывают дно железной киркой, так как пескарь, проплывая мимо подобных мест, останавливается на некоторое время, чтобы поискать мелких животных. При некоторой ловкости нетрудно в течение короткого времени наловить несколько дюжин этих хорошеньких рыбок**.

*** Несмотря на свои небольшие размеры, пескарь интересный и благодатный объект лова на поплавочную удочку. Поклевка у него сильная и уверенная, а большая численность пескарей в небольших реках и ручьях с прозрачной водой, которые он населяет, делает рыбалку результативной.*

За вкусное мясо, которое мало ценят в северной, но зато по справедливости отдают должное в южной Германии, пескаря, несмотря на его незначительную величину, любят везде.

Усачи (*Varbus*) распространены в теплых и умеренных водах Старого Света; четыре уса помещаются у них на верхней челюсти рта, расположенного снизу рыла, спинной и заднепроходный плавники коротки, в первом из них находится довольно крепкий костяной луч, а глоточные зубы расположены в три ряда с каждой стороны, по 2, по 3 и по 5 в одном ряду, и имеют ложкообразную форму, т. е. вид конусов, крючкообразно загнутых назад и ложкообразно выдолбленных на задней стороне.

Наш **обыкновенный усач**, или **марена** (*Varhitis barbus*), может достигать 60-70 см длины и весит 4-5, а в исключительных случаях даже 9-12 кг***.

**** Максимальная масса усача не превышает 4 кг.*

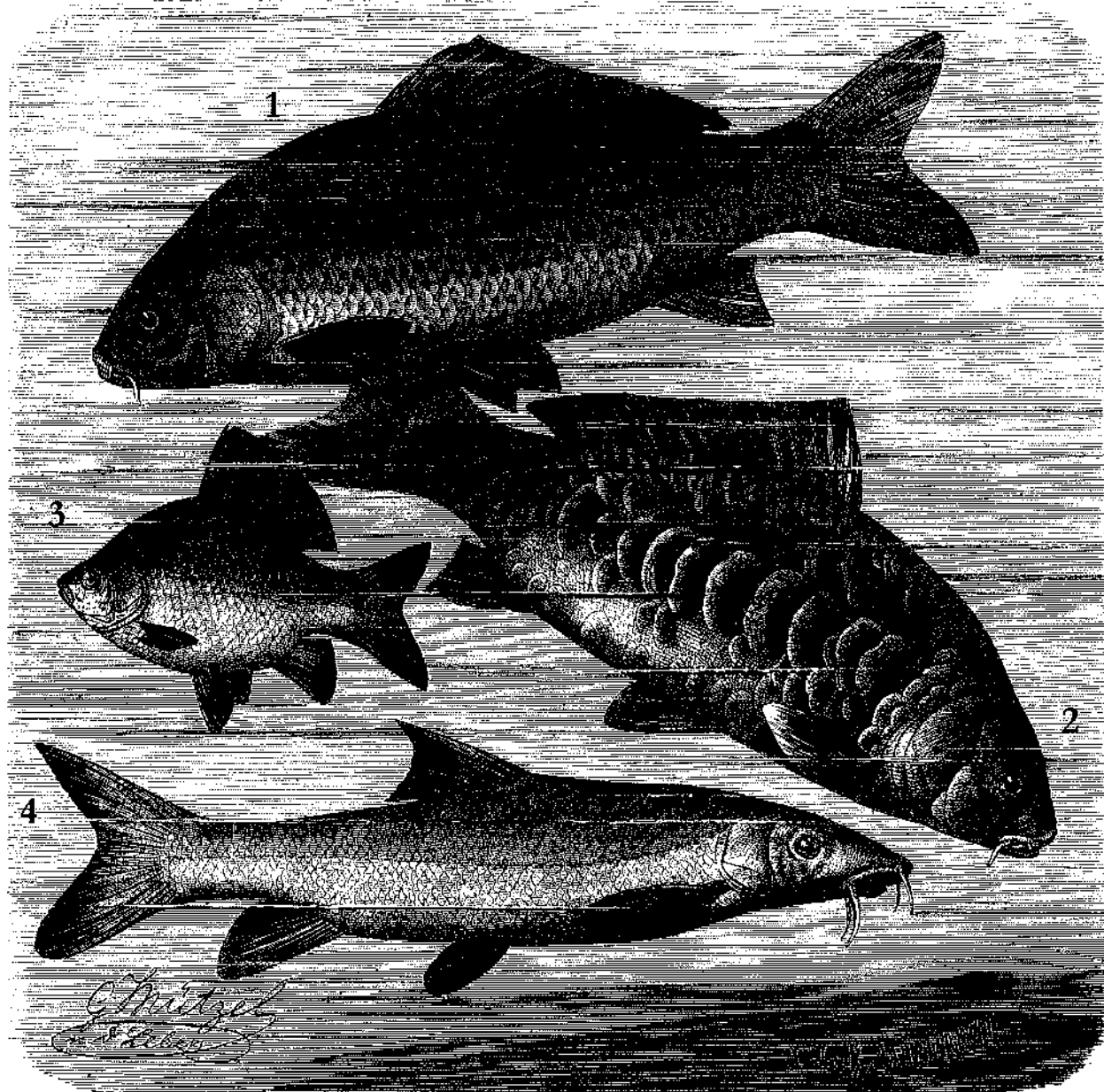
Тело у него продолговатое, спина оливково-зеленого, бока и брюхо более светлого, а именно зеленовато-белого цвета, глотка белая, спинной плавник синеватого цвета, заднепроходный плавник имеет ту же окраску, но окружен черноватой каймой; остальные плавники окрашены в красноватый цвет.

Усач населяет все германские реки и может считаться исключительно речной рыбой, потому что избегает стоячей воды. Особенно любят они реки с песчаным, кремнистым дном. Летом они охотно держатся между различными водяными растениями, но как только к осени последние завянут, они отправляются в более глубокие места рек, где и отыскивают себе убежище под камнями и около камней, в норах и т. п., а также зарываются в мягкие берега, так как эти рыбы, по словам старого Геснера, «роются как свиньи». При этом случается, что в особенно удобных и укромных местах они иногда собираются целыми стаями, буквально ложатся друг на друга и впадают в неко-

того рода зимнюю спячку. В 1811 году, по словам Шинца, в помосте водяного колеса у моста в Цюрихе нашли такую массу усачей, которыми он был наполнен, что в течение немногих часов их наловили более 10 центнеров, не считая мелких, которых бросали опять в воду, они лежали друг на друге на несколько метров в тине.

Среди германских рыб семейства карповых усачи принадлежат к самым живым и подвижным, хотя и у них нельзя отрицать еще изрядного количества лености. Днем усач обыкновенно лежит спокойно, зато ночью находится в усиленном движении в поисках корма. Последний состоит из маленьких рыб, червей, ила и животных отбросов.

Время размножения бывает в мае и июне; некоторые, однако, мечут икру уже в марте и апреле, а также, может быть вторично, в июле и августе. Около этого времени усачи собираются в стаи, по 100 штук и более в каждой, которые плывут длинной вереницей друг за другом, притом так, что во главе шествия находятся старые самки, за ними следуют старые самцы, к которым примыкают менее старые, а молодые замыкают шествие. Размножение, по-видимому, незначительно: в яичнике одной самки Блох насчитал лишь около 80 тысяч яиц.

1 — Сазан (*Cyprinus carpi*) 2 — Зеркальный карп (*Cyprinus specularis*) 3 — Обыкновенный карась (*Carassius carassius*) 4 — Обыкновенный усач (*Barbus barbus*)

Мясо усачей не всякому приходится по вкусу и очень костляво, поэтому оно идет иногда на корм для скота или же на удобрение. Замечателен и до сих пор еще не объяснен тот факт, почему икра усачей отличается ядовитыми свойствами.

Один из самых больших, если не самый большой, из всех видов усачей это — хорошо знакомый индийским рыбакам-любителям усач-тор, или махсир (*Tor tor*), называемый туземцами бура-

патра, петиа, кукхиа, нахарм и т. д. Эта огромная рыба достигает 1,5 м, а по некоторым свидетельствам даже 2 м длины и веса 30-45 кг. Чешуи махсира бывают иногда величиной с ладонь взрослого человека. Окраска и форма тела этой рыбы представляет многочисленные изменения, в зависимости от местности, где она живет*.

** Усач-тор интересен тем, что размер губ у него изменяется в соответствии с условиями обитания этой рыбы в горных потоках. Чем в более быстрых реках живет усач-тор, тем крупнее и выпуклее у него губы. Эта особенность объясняется тем, что, для того чтобы удерживаться на дне, он присасывается губами к крупным камням.*

Верхняя сторона бывает обыкновенно зеленовато-серебристого, нижняя золотисто-серебряного цвета; брюшные плавники красноватого цвета. Махсир распространен по всей Индии и Цейлону, но наибольшей величины он достигает в горных реках. Англичане охотятся за ним, как в других местностях за лососем, и ловят его по всем правилам искусства на удочку**.

** * Усач-тор крупная рыба. Лишь немного уступал ему по размерам аральский усач (Barbus brachicephalus), достигавший длины 1 м и веса 20 кг. Он нагуливался в Аральском море, а на нерест поднимался в реки Амударья и Сырдарья. В настоящее время из-за пересыхания Аральского моря и резкого повышения солености воды этот усач, по-видимому, исчез полностью.*

По точным исследованиям и сравнениям знатоков рыб, оказалось, что на карася, которого Блох считал за самостоятельный вид и описал под именем **серебряного карася** (*Carassius auratus*), следует смотреть лишь как на разновидность, так как караси в качестве рыб, разводимых человеком, претерпевают замечательные изменения в форме тела; равным образом никто не сомневается больше в том, что карась-межнук представляет собой помесь карпа с карасем.

Карась распространен в средней, северной и восточной Европе, а также в северной Азии. Он в большом количестве живет в реках, прудах и озерах Рейнского и Дунайского бассейнов, восточной и западной Пруссии, всей России, любит стоячую воду, а именно озера с болотистыми берегами или так называемые мертвые рукава больших рек, однако встречается также в маленьких прудах, ямах, глубоких и мелких болотах и торфяниках, обладает вообще способностью жить в самых разнообразных и нечистых водах и процветать при самой грязной илистой пище. Он также питается главным образом червями, личинками, гниющими растительными веществами и илом и, собственно, поэтому проводит большую часть жизни на дне, где остается также в течение холодного времени года в оцепенелом состоянии, а, по словам Палласа, может даже замерзнуть во льду и потом все-таки оживать снова. Только во время метания икры, которое в южной Европе бывает в июне, а в северной Европе — в июле, караси часто появляются на поверхности воды, в особенности в мелких местах, поросших растениями, где они резвятся целыми стаями, пускают пузыри, чавкая губами, гоняются друг за другом и играют, пока не начнется метание икры*.

** Обыкновенный и серебряный караси два разных биологических вида. Серебряный карась, в отличие от обыкновенного, чаще встречается в крупных озерах и реках, достигает более крупных размеров — 45 см длины и веса более 1 кг. Внешне серебряный карась не столь эффектен, как обыкновенный. Но именно он является прародителем различных пород золотой рыбки шибункинов, вуалехвостов, львиноголовок, оранд, телескопов, небоглазок и многих других. Золотая рыбка и многие ее разновидности впервые были выведены более тысячи лет назад в Китае.*

По произведенным исследованиям, самка кладет около 100 тысяч яиц, следовательно, относительно небольшое количество; тем не менее карась размножается очень значительно, а также постоянно производит ублюдков с карпами.

Караси очень ценятся в России, где они во множестве населяют все степные воды. В окрестностях Якутска их ловят преимущественно зимой сетями в прорубях, отбирают самых больших карасей, а остальных бросают обратно в воду, чтобы дать им возможность расплодиться снова.

Золотая рыбка (*Carassius auratus*) формой тела похожа приблизительно на карпа, достигает в длину 25-30, самое большее 40 см и отличается великолепным золотистым блеском по киноварно-красному полю. «Эта рыбка, — говорит Гюнтер, — в диком состоянии весьма обыкновенна в Китае и в более теплых частях Японии и окраской своей очень похожа на карася. В ручном состоянии она утрачивает черную или коричневую окраску, получая взамен ее золотисто-желтую; совершенно светлые экземпляры попадаются сравнительно реже». Существует очень много разновидностей, между которыми попадаются также уроды вроде рыбы-телескопа; при продолжительном разведении этих рыб можно создавать более или менее постоянные породы, как это делают уже в течение целых столетий китайцы — мастера этого дела.

Старый Кемпфер впервые упоминает о красной с красивым золотисто-желтым хвостом рыбе кинг-йо, которую в Японии и Китае держат в прудах для украшения и считают до некоторой степени домашним животным. Позже Дю-Гальд в своей истории Китая сообщает подробные сведения о той же рыбе. Князья и вельможи Небесной империи выкапывают для них особые пруды в своих садах или держат их в роскошных фарфоровых вазах, в которых вода меняется два или три раза в неделю. В созерцании изящных движений, кормлении и приручении этих рыб эти длинноносые господа проводят очень много времени самым приятным образом, так как китайцы вообще большие любители животных.

Кинг-йо, наша золотая рыбка, была вывезена из Китая сначала, вероятно, в Португалию и, водворившись там, мало-помалу распространилась далее по Европе. Год привоза ее определяется различно. По одним свидетельствам, это был 1611, по другим — 1691, а по третьим — 1728 год. Достоверно известно, что во время знаменитой графини Помпадур эта рыбка уже была во Франции, так как существуют указания на то, что ей приносили в дар золотых рыбок как нечто необыкновенное. В Англию золотая рыбка была, говорят, ввезена в 1728 году Филиппом Уортом, а, по словам других, еще раньше, а именно в 1691 году. В настоящее время она распространилась по всему земному шару, где только живут цивилизованные народы, а в теплых частях умеренного климата она акклиматизировалась совершенно. Золотых рыбок разводят, в общем, так же, как и карпов, только разведение их требует большого количества прудов меньших размеров, а также более строгого надзора. При умелом обращении с золотыми рыбками можно достигнуть того, что они будут метать икру три и даже четыре раза в лето, очень рано принимать свою окраску и менять ее в течение определенных промежутков времени. Удачное разведение их приносит, во всяком случае, больше прибыли, чем разведение карпов. Вместе с распространением золотых рыбок возрастает также число охотников держать их, и хотя макроподы и могут, по-видимому, отбить у них расположение этих любителей, но, благодаря красоте своей, они приобретают новых друзей, так что разведение их, вероятно, останется прибыльным также и в будущем.

Обыкновенный, или золотой, карась (*Carassius carassius*)* имеет очень тупое рыло с узким ртом, окруженным тонкими губами, очень широкий лоб и слабовырезанный хвостовой плавник.

** Название «золотой» карась получил именно благодаря золотисто-желтой окраске. Золотой карась — красивая рыба, особенно в яркий солнечный день.*

Окраска, представляющая многочисленные отклонения, более или менее темного латунно-желтого цвета, который на спине переходит в стали-синий, а на плавниках имеет красноватый налет. Обыкновенный карась не достигает значительной величины, так как лишь в редких случаях бывает длиннее 20 см и весит более 0,7 кг. Экштрем получил карася, весившего 1 кг, а Яррель имел карася, весившего еще немного более при длине в 25 см и 11 см наибольшей вышины.

Известный и разводимый с незапамятных времен, наш **сазан** (*Suiprimis carpio*) достигает около 1 м длины при весе в 15-20 кг, не говоря о некоторых великанах, достигавших, по рассказам, 1,5 м длины, 60 см ширины и весивших 35 кг. По словам Блоха, самый большой сазан, о котором когда-либо сообщали, был пойман около Франкфурта-на-Одере, в длину он имел более 2,5 м и весил около 35 кг, хотя, конечно, в справедливости этого показания может возникнуть сомнение**.

** * Редчайшие по величине экземпляры сазана, которых вылавливали в прошлом веке, достигали веса 40 кг. В настоящее время встретить таких гигантов уже не удастся.*

Рот у сазана широкий, окруженный толстыми губами и крепкими длинными усами, хвостовой плавник глубоко вырезан в форме полумесяца, крепкие костяные лучи спинного и заднепроходного плавников зазубрены, окраска, как и форма тела, очень разнообразна и отликает золотисто-желтым и зеленым цветом. Спина и плавники обыкновенно серого, губы и брюхо желтоватого цвета; плавники имеют красноватый налет; на чешуях часто имеется темное пятно посередине, а также нередко черноватая кайма на заднем крае.

Многих ублютков и выроdkов карпа* считали до новейшего времени настоящими видами; руководствуясь, однако, доставляемыми нам тщательными исследованиями Зибольда, можно утверждать на верное, что такого рода взгляд неверен.

** Карп — одомашненная человеком форма сазана. Длительная селекционная работа позволила создать различные породы карпа, в частности те, о которых упоминает Брем. Эта работа продолжается и в настоящее время. Ученые пытаются создать новые породы, отличающиеся еще более быстрым ростом, устойчивостью к болезням, нетребовательностью к условиям содержания и кормления и т. п. Несколько лет назад селекционерами была сделана попытка вывести породу карпа с пониженным числом мышечных костей или их полным отсутствием. К сожалению, эта попытка закончилась безрезультатно.*

"Что карпов, представляющих отклонения в чешуе, — говорит вышеупомянутый исследователь, — а именно **зеркального карпа** (*Cyprinus specularis*, или *Cyprinus rex cyprinorum*), покрытого немногими несоразмерно большими чешуями, а также лишенного чешуи **голового карпа** (*Cyprinus nidis*), следует считать лишь разновидностями, а не особыми видами, как думали прежде, к этой мысли привыкли уже давно, но, чтобы разновидности карпов могли различаться также очертаниями тела, с этим, пожалуй, не согласятся даже многие знатоки рыб, хотя наши домашние теплокровные животные и представляют часто удивительные примеры подобных отклонений. Тело карпов, в первоначальной своей форме удлиненное и несколько сжатое с боков, под влиянием известных условий может больше вытягиваться в длину и округляться по бокам спины, ставшей более низкой, при других же условиях оно может укоротиться и приобрести более сдавленную с боков спину. Одну из этих пород, которая представляет собой резкий пример первого из упомянутых изменений, Геккель считал особым видом и назвал **венгерским карпом** (*Cyprinis hungaricus*). Эту рыбу очень часто можно встретить на рыбном рынке в Вене; но и на мюнхенском рыбном рынке время от времени продаются карпы, которых привозят из Швабии и которые ничем не отличаются от венгерского карпа. Почти цилиндрическое тело, длинная, почти совершенно прямая спина, высшая точка которой лежит далеко от начала спинного плавника, тупое рыло с ротовой щелью, только немного приподнятой кверху, и совершенно прямое брюхо — все эти признаки, на которые Геккель указывает как на главные отличительные признаки венгерского карпа, принадлежат в полной мере упомянутому выше карпу, встречающемуся на мюнхенском рыбном рынке. Промежуточную форму между менее вытянутым в длину карпом и сильно вытянутым в длину венгерским карпом представляет собой разновидность, которую принц Люсиен Бонапарт считал за особый вид и назвал **королевским карпом** (*Cyprinis regina*). Я и эту породу также с легкостью различу среди многочисленных пород, разводимых в прудах карпов, которых привозят на здешний рынок из различных прудов Баварии, Швабии, Верхнего Пфальца, Франконии и Богемии. Другой ряд разновидностей, в которые может выродиться карп при развитии его в противоположном направлении, объединяет короткотелые формы с высокой спиной, между которыми самым коротким телом и наиболее высокой спиной отличается разновидность, описанная и изображенная Геккелем и Кнэром под именем **горбатого карпа** (*Cyprinus acuminatas*). Порода эта живет в Дунае, Нейзидлерском и Платтенском озерах. Между различными короткотелыми карпами с высокой спиной, которых вместе с зеркальными карпами в большом количестве привозят сюда для продажи из окрестностей Динкельсбюля, я часто мог различать формы, к которым описание горбатого карпа подходит вполне». Совершенно то же самое, по словам Штейндахнера, можно сказать о многочисленных так называемых видах, установленных другими естествоиспытателями: они также представляют собой нечто иное, как разновидности. Распространение этих различных пород карпов, как в южных, так и в северных, как в западных, так и в восточных местностях, объясняется той легкостью, с которой именно эта рыба пересылается и размножается, а также предположением, что одинаковые условия и причины воспроизводят те же самые явления и следствия.

Сазаны были известны уже древним грекам и римлянам, которые, однако, менее ценили их, чем мы. Некоторые естествоиспытатели вывели отсюда заключение, что сазан переселился в Германию и Францию из южной Европы; можно также предположить, что наши большие реки, по крайней мере Дунай, он населял уже издавна. По словам Палласа, он в значительном количестве встречается в Каспийском море и его притоках, так как может жить в самых соленых водах; не менее часто попадает он также в реках, впадающих в Черное море, в самом же море встречается реже. Летом он держится в громадном количестве в мелких водах между бродами; осенью же он поднимается из морей в реки, где и зимует. Говорят, что в России он населяет бассейн реки Оби, главным образом Иртыш, а также встречается в сибирских реках, текущих на восток и впадающих в Тихий океан. Не подлежит никакому сомнению, что в северную Европу он был ввезен и там распространен далее. В Старой Пруссии он, говорят, поселился около 1769 года, а в прибалтийские районы России привезен еще позже. Из Германии и Дании его ввезли также в Англию и Швецию, в первое королевство около 1496 года, или, как утверждают другие, в 1521 году, или даже, по словам Гюнтера, только в 1614 году. По словам того же естествоиспытателя, первоначальная родина сазана на востоке, и в Китае он встречается в диком состоянии в громадном количестве; там он был приручен много столетий тому назад. Оттуда он был перевезен на запад, а из Европы его перевезли в новейшее время также в Соединенные Штаты Северной Америки. В настоящее время он водится едва ли не во всех наших среднеевропейских озерах и реках; настоящее значение его, однако, заключается в том, что разводится он так же легко, если не легче всякой другой рыбы.

Сазан больше всего любит мелкие, илистые, возможно, менее оттененные, местами густо поросшие водяными растениями пруды и озера; не менее успешно размножается он в речных заливах или в самых реках, если они текут спокойно и имеют илистое дно; быстро текучих, светлых вод он совершенно избегает. Для прокормления ему нужно илистое дно, и размножается он успешно только тогда, когда воды, обитаемые им, на возможно большем протяжении находятся под лучами солнца и имеют приток мягкой воды. Летом и после времени размножения он отъедается на зиму и ходит для этой цели обыкновенно большими стаями по более мелким местам вод, обитаемых им, высматривая между водяными растениями насекомых и червей, а также различного рода растительные вещества или же разрывая для той же цели ил. Главнейшую пищу его составляют мелкие животные, а именно черви, личинки насекомых или даже земноводные и тому подобные обитатели вод; он, однако, совсем не ограничивается этой пищей, но также очень охотно ест растительные вещества, даже прогнившие части водяных растений, гнилые плоды, вареный картофель или хлеб и т. п. В прудах, где разводят карпов, их кормят овечьим пометом, который, строго говоря, имеет только то значение, что служит приманкой для насекомых и червей; они-то и доставляют карпам надлежащие питательные вещества, а не сам помет, который, конечно, также проглатывается вместе с ними. Роясь в иле, они глотают также земляные частички, которые, по-видимому, составляют даже необходимое условие для их пищеварения. В море они, вероятно, питаются преимущественно червями и небольшими моллюсками.

При достаточном количестве пищи карп уже на третьем году своей жизни делается способным к размножению. По исследованиям Блоха, самка на пятом году жизни кладет уже около 300 тысяч яиц; число это, однако, может увеличиться потом более чем вдвое*.

** На самом деле плодовитость карпа гораздо выше — до 1,5 миллиона яиц.*

Во время метания икры у самца в слизистой оболочке кожи на затылке, щеках и жаберных крышках развивается много маленьких, неправильно рассеянных, беловатых бородавок, которые обыкновенно появляются также на внутренней и передней сторонах грудных плавников. Как только карп облачится в это свадебное одеяние, им овладевает страсть к странствованию, и он пытается проникнуть как можно дальше вверх по течению реки, причем часто преодолевает значительные препятствия. Для метания икры самка выбирает мелкие места, густо поросшие водяными растениями, и только в том случае, когда она находит такие места, размножение увенчивается желанным для хозяина успехом. Однако не все карпы обнаруживают ту удивительную плодовитость, благодаря которой в прежние времена их считали достойными быть посвященными богине любви; многие остаются неплодородными и притом, как полагают, на всю жизнь. Уже Аристотель знал этот факт, а также и то, что эти неплодородные карпы жирностью и доброкачеством своего мяса превосходят всех остальных. Писатели средних веков называют их «тунеядцами» и особенно напевают на то, что они лучше прочих. В Англии у карпов разрушают семенные железы и яичники для того, чтобы искусственным путем создавать таких неплодородных рыб и достигнуть более нежного мяса.

В озерах и реках сазанов ловят неводами, сетями и приманивают их иногда предварительно вареным горохом, который кладут в известных местах, или закидывают донные удочки с приманкой из червей, маленьких кусочков мяса или сухих плодов. В Каспийском море их обыкновенно колют. Но эта свободная ловля нигде не имеет настоящего значения, менее же всего в наших странах, где карпа следует считать самой важной рыбой для прудового хозяйства*.

** В России и во многих других странах карп служит традиционным и одним из основных объектов прудового рыбоводства.*

В настоящее время в Калифорнии при разведении ввезенных туда карпов неожиданно достигли блестящих результатов, причем, с одной стороны, вероятно, благодаря влиянию мягкого климата, с другой — обильной пище, они росли несравненно быстрее, а соответственно этому также приступали к размножению раньше, чем в наших странах. В начале восьмидесятых годов уже в большинстве округов Соединенных Штатов были экземплярами карпов из прудов в Вашингтоне для разведения этих рыб**.

*** Выращивание карпа в США не столь популярно, как в Европе или в странах Юго-Восточной Азии. Основными объектами культивирования в Америке являются канальный сомик и радужная форель.*

Из врагов карпов самыми опасными считаются выдры, орланы и различного вида цапли; также вредят им куторы и водяные крысы, черные аисты, утки, нырки, даже лягушки и т. д., не говоря уже, конечно, о различных хищных рыбах. В большую часть прудов пускают одну или нескольких щук, назначение которых — принуждать к подвижности ленивых карпов и тем способствовать успешному развитию их. При выборе этих возбудителей следует, однако, быть очень осто-

рожным, так как щука, находящая в пруду обильную пищу, в короткое время вырастает до таких размеров, что может произвести среди карпов большие опустошения. Многие хозяева строго наблюдают за тем, чтобы в пруду кроме карпов не было других рыб, потому что, как они совершенно справедливо утверждают, последние всегда отнимают у карпов часть пищи; по той же причине они ведут борьбу также с прудовыми лягушками и по мере сил заботятся об уменьшении их числа, выбрасывая из прудов икру этого земноводного. Карпы, которых держат в парках в маленьких прудах и правильно кормят, скоро привыкают к местам своего кормления и к своему сторожу, научаются приплывать по данному зову или знаку, например по звону маленького колокольчика или по известному свистку, и окружают место кормления в ожидании обычной пищи.

Лини (*Tinea*) — мелкочешуйчатые сазаны со ртом, расположенным на конце рыла, двумя усами в углах рта и булавовидными глоточными зубами, расположенными в один ряд по 4 с одной и по 5 с другой стороны; кроме того, они отличаются еще очень толстым, прозрачным верхним слоем кожи.

Линь (*Tinea tinea*) достигает в длину самое большее 70 см и весит 3-4 кг, а в редких случаях даже 5-6 кг. Окраска меняется чаще, чем у сазана, смотря по местожительству. Лини обыкновенно темного масляно-зеленого цвета, с золотистым отливом; на боках этот цвет переходит в светло-серый или красновато-серый с фиолетовым отливом. Нередко встречаются также более светлые экземпляры со слабым золотым отливом; но в некоторых местностях, в особенности в Богемии и Верхней Силезии, разводят великолепную разновидность, которую, несомненно, следует отнести к числу самых красивых из всех европейских рыб, а именно золотистого линя. У него чешуя крупнее, чем у прудового линя, тонкая и прозрачная, плавники покрыты нежной тонкой кожей; губы розовые; остальная окраска золотисто-желтая или красная; рисунок состоит из более или менее густо скученных темных пятен, которыми покрыты также плавники. У многих носовая область карминно-красного, лоб черноватого, щеки желтого цвета, спина перед спинным плавником черная, а позади него желто-бурая, бока золотисто-желтого или медно-желтого цвета и, как уже упомянуто, покрыты пятнами. Самцы и самки различаются образованием плавников и окраской. Первые обыкновенно светлее, вторые отличаются более сильным развитием брюшных плавников, в которых второй луч толще и шире остальных.

Из европейских карпов линь — самый распространенный. Он населяет большую часть Европы, от южной Италии до южной и средней Швеции, в России принадлежит также к числу самых обыкновенных прудовых рыб, по некоторым наблюдениям, в Западной Сибири, а именно в реке Оби, встречаются великолепные экземпляры*.

** В Сибири линь встречается не только в среднем течении Оби, но и в Енисее.*

В горах он поднимается на высоту до 1000 метров, однако, несмотря на это, может быть назван рыбой, принадлежащей равнине. Реки он любит меньше, чем стоячие воды, между которыми отдает предпочтение озерам, прудам и болотам с илистым или глинистым дном, поросшим тростником, но не сплошь покрытым им. В реках он постоянно уходит в такие места, где вода течет спокойно, и осаждаст достаточное количество ила, так как лишь в нем отыскивает себе пищу. Это ленивая и скучная рыба, которая почти всегда держится на дне, зимой зарывается в ил и на поверхность воды выходит лишь при очень хорошей погоде или во время размножения. Подобно вьюну, он хорошо чувствует себя даже в таких водах, в которых умирают другие рыбы, даже сазаны, так как количество кислорода, потребляемое им, крайне незначительно.

Зимой лини, как и другие члены их семейства, зарываются в ил и проводят, таким образом, холодное время года, находясь в полусознательном состоянии. Нечто подобное случается с ним также и летом. Зибольд наблюдал, как несколько линей среди бела дня прятались, глубоко зарывшись в ил, на дне пруда и лежали совершенно без движения, когда их вырывали палкой из их убежища. Попав на дневной свет, они, как мертвые, лежали на боку, пока несколько невежливых ударов палки не выводили их наконец из оцепенения, после чего они уплывали, чтобы снова спрятаться в глубь ила. «Нельзя ли назвать такого рода поведение линей, — спрашивает Зибольд, — своего рода дневной или летней спячкой?» Относительно пищи линь, вероятно, во всех отношениях сходен с сазаном: он ест различного рода червей, а также гниющие растительные вещества в иле.

Время метания икры бывает в промежутке между мартом и июлем; обыкновенно оно совпадает со временем цветения пшеницы и, в зависимости от погоды, наступает несколько раньше или позже. Около этого времени можно видеть, как самка, преследуемая обыкновенно двумя самцами, переплывает от одного кустика осоки или тростника к другому, чтобы положить там икру. Оба пола до того находятся под влиянием страсти и так заняты ею, что забывают всякий страх и часто могут быть выловлены обыкновенным сачком. По оценке Блоха, самка, весом 2 кг, кладет около 300 ты-

сяч яиц; размножение, следовательно, очень сильно. Молодые подрастают довольно быстро, тем не менее проходит около 4 лет, прежде чем они станут способными к размножению. Продолжительность их жизни, говорят, 6-10 лет, но цифры эти, конечно, слишком малы.

"Мясо линей очень дурно, нездорово и отличается неприятным вкусом, отдает пометом и глиной, сухо и слизисто, потому что эти рыбы живут в илистых местах; оно легко причиняет простуду, озноб и лихорадку. Оно служит пищей простому народу, хотя некоторые обжоры и очень любят его». К этим обжорам принадлежат, между прочим, англичане, несмотря на то что им часто попадают и лучшие рыбы. Яррель ценит линя очень высоко; Экштрем разделяет его мнение. Сознаною, что я скорее готов согласиться с мнением Геснера и признаю мясо линя вкусным только тогда, когда эта рыба прожила довольно долгое время в чистой, проточной воде и, таким образом, как бы промылась; мясо тех линей, которые жили в реках, отличается превосходным вкусом.

С давних времен существует несколько странных сказаний, которым верят еще и в нынешнее время. «Лини и щуки питают друг к другу странную дружбу, так как щука обыкновенно ест всяких рыб, кроме линей; они и ловятся вместе; говорят также, что щука, будучи ранена, трется ранами о тело линей и их слизью залечивает раны; оттого у фрисландцев и сложилась поговорка, что линь — лекарь всех рыб». Это воззрение разделяют еще многие рыболовы, даже те, которые уже давно отрешились от всяких других суеверий*.

** Действительно, слизь рыб, не только линей, но и других, обладает многими полезными для рыб свойствами, в том числе и защитными: способствует более быстрому заживлению ран, предохраняет развитие на теле грибковых и иных инфекций. То, что раненая щука трется о линя, безусловно, вымысел. Кстати, на теле самой щуки слизи очень много.*

Семейство балиторы

Усатый голец (*Varbatula harhatida*) достигает в длину 10, самое большее 15 см; спина его темно-зеленого, с боков желтоватого цвета, брюхо светло-серого. Голова, спина и бока покрыты неправильными точками, пятнами и полосками буро-черного цвета; спинной, хвостовой и грудной плавники покрыты пятнами, заднепроходный и брюшной плавники желтовато-белого цвета и без пятен. Рот окружен шестью усиками.

Голец, подобно родичам своим, распространен на значительном пространстве Европы. По ту сторону Альп он, по словам Геккеля и Кнэра, уже не встречается; на востоке его можно найти почти до самого Урала; в Швецию, по словам Линнея, он был ввезен из Германии Фридрихом I*.

** Область распространения гольца очень велика и охватывает не только Европу, как об этом пишет Брем, но и водоемы Северной Азии Сибири (до Колымы), Приморья, Сахалина, бассейна Амура, Корею, Японию.*

Он отличается от вьюна тем, что преимущественно, хотя и не исключительно, водится в реках, охотнее всего в неглубоких ручейках с каменистым или песчаным дном и быстрым течением**.

** * Гольца также можно встретить и в небольших непроточных прудах с илистым дном и даже в копаных прудах, где он успешно приживается вместе с такими неприхотливыми рыбами, как караси.*

Здесь он днем скрывается для отдыха в норах, под камнями, потому что только в исключительных случаях добровольно решается покинуть верное убежище для того, чтобы схватить наметенную добычу. Где-то на закате солнца для него наступает время охоты; по всей вероятности, с этого момента он гуляет всю ночь. Благодаря своему большому хвостовому плавнику, плавает он очень хорошо, хотя всегда только порывисто и неохотно проплывает значительные расстояния. Если осторожно приподнять камень, под которым он скрывается, то он еще несколько мгновений остается неподвижным, затем стремглав уплывает, делает внезапный поворот или сразу погружается на дно и тотчас же снова проскальзывает в подобную же защищенную пещерку. При наступлении грозы он беспокоится, как будто бы электрическое напряжение причиняет ему неприятность***.

** * * Так же как и у вьюна, изменения в поведении гольца, беспокойство вызываются не его электрочувствительностью, а благодаря развитой способности воспринимать перепады давления.*

От обыкновенного вьюна он отличается тем, что легко погибает: он умирает уже через несколько минут после того, как его вытащат из воды; стало быть, он не переносит долгой пересылки. Пища его состоит из водяных червей, личинок, насекомых, рыбьей икры и, вероятно, также из растительных веществ; по крайней мере в особых прудах, где содержатся гольцы, их кормят выжимками льняного семени и маком. Время метания икры бывает в первых весенних месяцах: в марте и в апреле яичники их переполняются бесчисленным множеством маленьких яиц; с мая до июля некоторые места воды кишат молодыми выводками. По словам Лейниса, самец выкапывает в песке ды-

ру, в которую самка кладет яйца, оплодотворяет их и затем сторожит гнездо до тех пор, пока не появятся на свет молодые.

"Мясо этих рыб, — говорит Геснер, — более всех остальных рыб заслуживает похвалы, потому что оно вкусно, так как не особенно сильно отзывается рыбой, здорово, очищает кровь и легко переваривается; его также разрешают есть при многих болезнях; наиболее вкусными считаются эти рыбы от Рождества до Пасхи, хотя и в другое время ими также не пренебрегают». Говорят, что мясо вкуснее всего бывает тогда, когда гольцов усыпляют в вине или молоке. Приготавливают их смотря по вкусу любителя. В некоторых местах особенно ценят вареных гольцов, приправленных винным укусом; в других — предпочитают жареных; их также маринуют, как миног, для того чтобы дольше сохранить.

Кроме людей гольца преследуют также кутора и водяные крысы, утки и многие болотные птицы, в особенности же зимородок, который, вероятно, видит в них свою главную добычу. Среди рыб опасными для него являются те виды, которые, так же как и он, живут на дне.

Семейство вьюновые

Самый мелкий вид наших вьюнов, **обыкновенная щиповка** (*Cobitis taenia*)*, достигает в длину самое большее 10 см и очень красиво разрисована.

* *Щиповки — целая группа внешне очень похожих друг на друга видов рыб, некоторые из которых считаются видами-двойниками. Свое название щиповка получила из-за небольшого твердого шипа, который располагается у нее под глазом.*

На оранжево-желтом фоне она покрыта правильными рядами кругловатых черных пятен; один ряд, состоящий из более крупных пятен, тянется посередине тела, другой, более мелкий ряд, находится между первым и серединой спины; кроме того, маленькими неправильными пятнами и точками украшены бока и хвост; горло, грудь и живот без пятен; над глазами, по направлению к верхней губе, тянется буро-черная линия, которая продолжается до кончика жаберной крышки; вторая линия, параллельная первой, переходит на щеки. У большинства экземпляров около основания верхней части хвостового плавника находится темное, ярко-черного цвета, резко ограниченное пятно. Спинной плавник покрыт правильными продольными рядами темных точек, хвостовой — поперечными. Грудной, брюшной и заднепроходный плавники бледно-желтого цвета.

По словам Геккеля и Кнэра, щиповка — единственный вид этого рода, который встречается также и по южную сторону Альп и распространен вплоть до Далмации. На север область ее распространения простирается до морского берега, на восток — до России, на запад — до Великобритании; как в Германии, так и в Англии она повсюду встречается реже усатого гольца. Ее образ жизни, нрав и привычки еще мало известны, по крайней мере в этом отношении не нашли еще достаточного различия между ней и гольцом**.

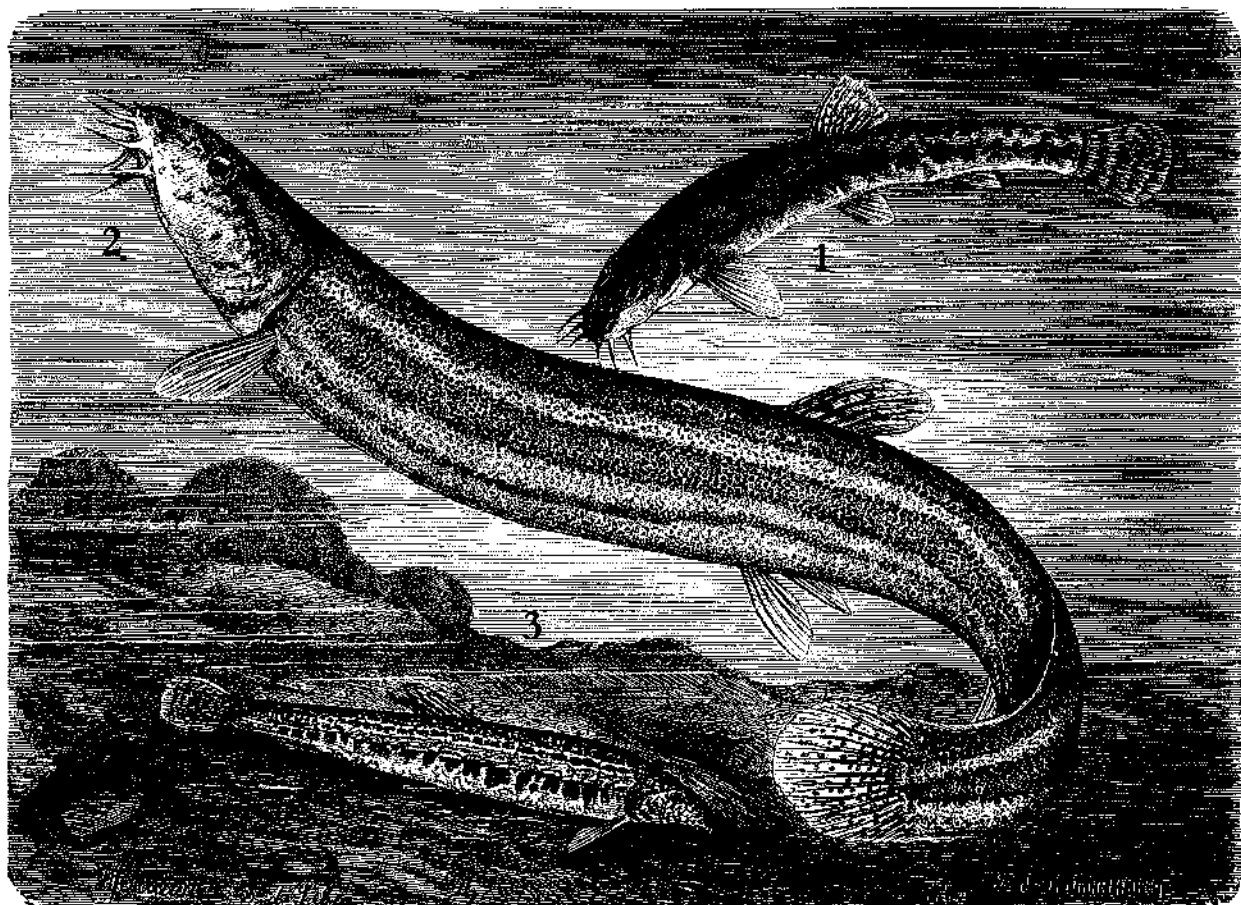
* * *Щиповка, как правило, встречается в тех же местах, что и европейский голец, но все же в большей мере предпочитает медленно текущие и стоячие воды. В отличие от гольца она способна быстро зарываться в грунт, особенно в песок, иногда висит, изогнувшись, среди зарослей водорослей. Как и у вьюна, ли чинки щиповки имеют наружные жабры, позволяющие дышать в обедненных кислородом водах.*

Местом пребывания щиповки являются реки, ручьи, канавы, пруды и озера, местами отдыха служат углубления между камнями; пищу ее составляют личинки насекомых, черви и прочее. Время метания икры бывает с апреля до июня; размножение ее незначительно. Мясо ее мало ценится, так как оно нежирно и жестко, тем не менее до времени метания икры ее в некоторых местах едят; однако нигде не производят регулярную ловлю этой мелкой рыбы.

У **обыкновенного вьюна** (*Misgurnus fossilis*) рот окружен 10 усиками, из коих 4 находятся на верхней, а 6 на нижней губе; его тело покрыто на черноватом фоне пятью желтыми и бурыми продольными полосами, а брюхо на светлом фоне черными крапинками. В длину он достигает около 30 см.

Вьюн распространен на большом пространстве северной и восточной Европы, водится, впрочем, только в реках и озерах с илистым дном и, собственно говоря, нигде не встречается в большом количестве. Зимой он зарывается в ил и поступает таким же образом, если во время жаркого лета вода в его водоеме высохнет. В этом положении он без всякого вреда может провести не сколько месяцев и ни в коем случае не впадает в спячку, напротив, как только его перенесешь в воду, он начинает шевелиться и двигаться, выглядит весьма бодрым и довольным и этим доказывает, что его вынужденное пребывание в таком, по-видимому, несвойственном ему убежище, несколько его не беспокоит. Летом в болотистых местах, где эти рыбы встречаются, можно добывать их, разрывая

ил, совершенно таким же образом, как поступают сингалезцы со своими ошибневыми рыбами. Сви-
ньи, которых выгоняют пасться на болота, часто прекрасно завтракают ими.

1 — Усатый голец (Barbat и labarbatula) 2 — Обыкновенный вьюн (Misgurnis fossilis) 3 — Обыкновенная шиповка (Cobitis taenia)

При известных условиях вьюны могут вместо жабр пользоваться как органом дыхания кишкой. Для этой цели они, по словам Зибольда, поднимаются на поверхность воды, высывая из воды морду, проглатывают известное количество воздуха, который сильным сжиманием жаберных крышек прогоняют в короткую прямую кишку и одновременно с шумом выпускают из заднего прохода некоторое количество воздушных пузырей. Что это способ дыхания, впервые узнал Эрман; более старинные знатоки рыб просто сообщали, что вьюны, над которыми Эрман производил свои наблюдения, издают свистящий звук. Блох рассказывает, что ему часто приходилось видеть, как у вьюна из заднего прохода выделялись воздушные пузыри; Шнейдер опровергал это показание и говорил, что ему приходилось только наблюдать, как эта рыба с шумом извергала воздушные пузыри из ротового отверстия. Исследование воздуха, прошедшего через кишечник вьюна, произведенное Эрманом, показало, что этот воздух претерпел такие же изменения, как если бы он находился в соприкосновении с настоящими дыхательными органами*.

** Для дыхания воздухом вьюн использует заднюю часть кишечника, стенки которого на этом участке обильно пронизаны плотной сетью кровеносных капилляров.*

После того как Бишоф повторил эти исследования и пришел к тому же заключению, начали производить дальнейшие исследования этого факта, и показания Эрмана и Бишофа вполне подтвердились. По наблюдениям Зибольда, и прочие вьюны, подобно обыкновенному, также могут пользоваться пищеварительными органами для дыхания. В свежей, богатой кислородом воде они редко прибегают к этому способу; именно, на воле этого за ними никогда еще не замечалось, между тем как в неволе, напротив, если им часто не менять воду, они вскоре вынуждены прибегнуть к нему. Полагали, что они в своем естественном местопребывании прибегают к дыханию кишечником лишь в том случае, если вокруг них исчезает вода и они вынуждены зарываться в ил и тину.

Вьюн, по-видимому, весьма чувствителен к действию электричества. Если надвигается гроза, то он начинает сильно беспокоиться, поднимается с илистого дна на поверхность воды и здесь, как бы испугавшись, плавает взад и вперед, беспрестанно хватая воздух. Он начинает беспокоиться таким образом уже за 24 часа до наступления грозы, следовательно, вполне справедливо заслуживает свое немецкое название Wetterfisch**.

* * Вьюнов часто использовали как предсказателей изменения погоды. Беспокойство рыб перед ухудшением погоды Брем связывает с их высокой восприимчивостью к электрическим полям. На самом деле электрочувствительность у вьюна низкая. Изменения в поведении вьюна имеют отношение к падению атмосферного давления, предшествующего или происходящего при прохождении грозового фронта. Эти изменения улавливаются плавательным пузырем.

Пища его состоит из маленьких, всевозможного рода водяных животных и рыбьей икры, а также из сгнивших растительных остатков, следовательно, до некоторой степени действительно из ила, вследствие чего его немецкое прозвище Schlammbesser имеет свое основание.

Несмотря на то что эта хорошенькая рыбка в апреле и в мае кладет около берегов до 140 тысяч яиц, она размножается все-таки не сильно, вероятно, потому, что служит пищей большинству других речных рыб. Люди ее не особенно беспокоят, потому что вследствие слизи и гнилого вкуса ее мясо не любят.

Неволю в самом тесном сосуде вьюн переносит лучше всякой другой рыбы. Для него совершенно достаточно склянки, на дне которой находится слой песка в дюйм толщиной и воду в которой переменяют два раза и даже раз в неделю, и нескольких крошек хлеба. Если его желают переслать, то сажают в наполненный мокрым мхом сосуд, внутренность которого сообщается с воздухом; таким способом он вернее достигнет места назначения, чем если его пересылать в воде. В прежние времена вьюном пользовались фокусники для того, чтобы обманывать зрителей. «Этими рыбами производят странный обман, — говорит старый Геснер, — а именно бродяги едят их из больших склянок, выдавая за ужей, так как на маленьких ужей они довольно похожи».

Семейство сомовые

Обыкновенный, или европейский, сом (*Silurus glanis*). Как и некоторые азиатские сородичи, он имеет следующие признаки: туловище голое, спинной плавник короткий, без колючих лучей, заднепроходной плавник очень длинный, пасть широкая, зубы гребенчатые, расположенные рядами на нижней челюсти, межчелюстной кости и сошнике.

"Это противное животное, — говорит Геснер, — по своей форме может быть названо немецким китом. Это очень крупная и опасная рыба, имеющая страшно широкую пасть и глотку, большую голову, вместо зубов шероховатые челюсти, а по общей форме тела она похожа на налима: она не покрыта чешуей, но имеет гладкую, скользкую кожу». Действительно, красивым или статным сома назвать нельзя, и название «немецкий кит» дано ему довольно удачно, так как сом поистине является самой крупной из всех европейских речных рыб и, как таковая, привлекал общее внимание задолго до Геснера; о нем мы находим даже у поэтов. Так, римский поэт Авзаний воспевае его следующим образом:

Ныне тебя, о сом, воспеваю, могучую рыбу.

Ты, чья спина, словно Аттика, маслом покрыта! Кажешься ты мне дельфином речным, когда мощно.

То снизу воды проникая, свое грузное тело Еле влачишь и о дно и речную траву задеваешь.

Путь же когда свой ускоришь, мощно пlying, там Берег зеленый и синие волны дивятся.

Шумно плескаясь: ложе свое покидают валы И высокие волны гребни роняют, катясь.

Так из Атлантики бурной, ветром гонимый Или свободно пlying, близится к берегу кит.

С силой валы рассекая; вздымаются волны.

Ближние скалы залить угрожая паденьем! Ты же. Мозеллы кит, незлобивый и мирный.

Ты не грозишь сокрушеньем: ты краса наших вод!

Величиной с сомом из наших речных европейских рыб может соперничать только белуга. В Дунае сом при толщине, которую едва обхватят двое людей, достигает, по Гекелю и Кнэру, нередко длины 3 м и веса 200-250 кг*.

* Сомы могут достигать гигантских размеров — 5 м в длину и свыше 300 кг веса. Сом — самая крупная пресноводная рыба России.

Темя, спина и края плавников сома сине-черного цвета, бока зеленовато-черные, около брюха по более светлому фону имеется оливково-зеленый пятнистый рисунок; нижняя часть тела красноватая или желтовато-белая с синевато- черным мраморным рисунком; брюшные и заднепроходной плавники посередине снабжены более светлой желтоватой полосой; оба уса на верхней челюсти беловатые, четыре на нижней челюсти — красноватые.

Начиная от южной Швеции сом распространен по всей средней и восточной Европе, а равно и в известной части западной Азии. Но в этих районах он местами отсутствует: так, в бассейне Рейна и Везера его почти нет, вообще он главным образом водится только в водах, лежащих вос-

точнее Рейна, поэтому его нет во Франции, Испании и Португалии, а равно и в Италии; в Великобритании же сом, говорят, был пойман только один раз. Однако мнение, что сом ранее водился в Шотландии, может считаться спорным. Особенно обыкновенна эта рыба в нижнем Дунае, но водится также и в верхнем течении этой реки, в ее притоках и в озерах, находящихся с ними в соединении. В Рейне она принадлежит к числу редких явлений, а в Боденском озере ловится. Моря германского побережья, насколько известно, она не посещает, избегает даже слабосоленые гафы Балтийского моря; напротив, в Черном и Каспийском морях сом водится и как в том, так и в другом составляет даже один из важных объектов рыболовства**.

** * Область распространения сома не захватывает Британские острова, нет сома и в реках Сибири.*

Местопребыванием сома служат тихие глубины с илистым дном. Здесь он лениво высматривает добычу из-под камней, из-под потонувших стволов деревьев и обломков судов и т. п., играя, поводит усами и ловит обманутую им рыбу; кроме этого сом ест раков, лягушек, водяных птиц, вообще все, что он может схватить и проглотить***.

** * * Сомы — ночные хищники, при поиске добычи они полагаются на свое хорошо развитое обоняние, слух, а также на вкусовые почки, обильно покрывающие их длинные усы, которыми они буквально ощупывают дно, коряги и норы. Может сом охотиться и днем: поджидая добычу, он ждет, когда неосторожная рыба или лягушонок случайно коснутся его широко расставленных усов. Следует мгновенный и безошибочный бросок — и жертва оказывается в пасти безжалостного хищника. На этой особенности охотничьего поведения сома, кстати, основан его лов на блесну. Зрение у сома развито слабо и не помогает ему в добывании корма.*

"По виду этого животного, — продолжает далее Геснер, — уже можно судить об его свирепом, злобном характере и прожорливости. Так, однажды в желудке одного сома были найдены: человеческая голова и правая рука с двумя золотыми кольцами, так как эти рыбы едят все, что только могут добыть: гусей, уток, не дают пощады даже скотине, которую гонят на пастбище или водопой, не щадят даже человека, как мы видели выше, если только могут схватить его». Последнее вовсе не преувеличение, так как известны многие случаи, которые подтверждают данные Геснера. В желудке одного сома, пойманного у Пресбурга, по Гекелю и Кнэру, нашли останки одного мальчика, в другом соме — пуделя, в третьем — гуся, которого рыба утопила и проглотила. «Жители Дуная, а равно и других областей, — говорят упомянутые натуралисты, — боятся его, и прежде среди рыбаков существовало поверье, что рыбак, поймавший сома, непременно должен скоро умереть». В других местах о соме судят несколько благосклоннее, видя в нем предсказателя погоды, потому что в непогоду он покидает глубокие места и поднимается наверх.

Пора метания икры у сомов приходится на время с мая по июль. Пока она длится, сомов обыкновенно находят парами. В эту пору они приближаются к берегу, чтобы отложить икру в камыше или тростнике, причем в течение дня остаются лежать на мелких местах, чего обыкновенно не делают в другое время. По сделанным вычислениям, самка откладывает всего около 17 000 яиц, из которых, по прошествии 7-9 дней, вылупляется молодежь — весьма своеобразно устроенные создания, имеющие действительно необыкновенное сходство с головастиками*.

** Плодовитость сома может достигать 500 тысяч икринок.*

В высокую воду они уже в первый год достигают 0,7 кг веса, во второй — 1,5 кг; при низкой воде, напротив, в первый год они достигают всего только 0,3 кг, во второй — самое большее 1 кг. Опытные венгерские рыбаки, по Гекелю и Кнэру, считают, что сомы живут 10-12 лет. Это, без сомнения, неверно, так как, по сведениям Бальднера, одного футового сома, пойманного в Илле у Страсбура, держали живым в пруду с 1569 по 1620 год, и было заметно, что за этот период рыба достигла длины 1,5 м. Если также принять во внимание, что пойманный или содержащийся в тесном помещении сом будет расти гораздо медленнее, чем тот, который может вволю охотиться, свободно двигаться и кормиться в Дунае или какой-либо другой большой реке, то все же можно думать, что 3-метровые гиганты должны быть гораздо старше вышеуказанного возраста. Быть может, к счастью для наших вод, лишь немногие сомы достигают глубокой старости. Большая часть молодежи, вылупившейся из оставшихся нетронутыми яиц, уже в первое время своей жизни делается добычей налимов и других хищных рыб; более крупные сомята попадают, пожалуй, на зубы своих же родителей; кроме того, многие сомы в расцвете лет вылавливаются рыбаками.

Несмотря на не особенно ценное мясо, которое, пока рыба молода, бывает жирно, крепко, а также и вкусно, в старости же делается вязким и неприятным, сомы являются предметом лова, так как из мяса их добывается жир, кожа обрабатывается, плавательный же пузырь сбывается за плохой сорт белужьего пузыря или перерабатывается в клей. Молодых сомов ловят большей частью на

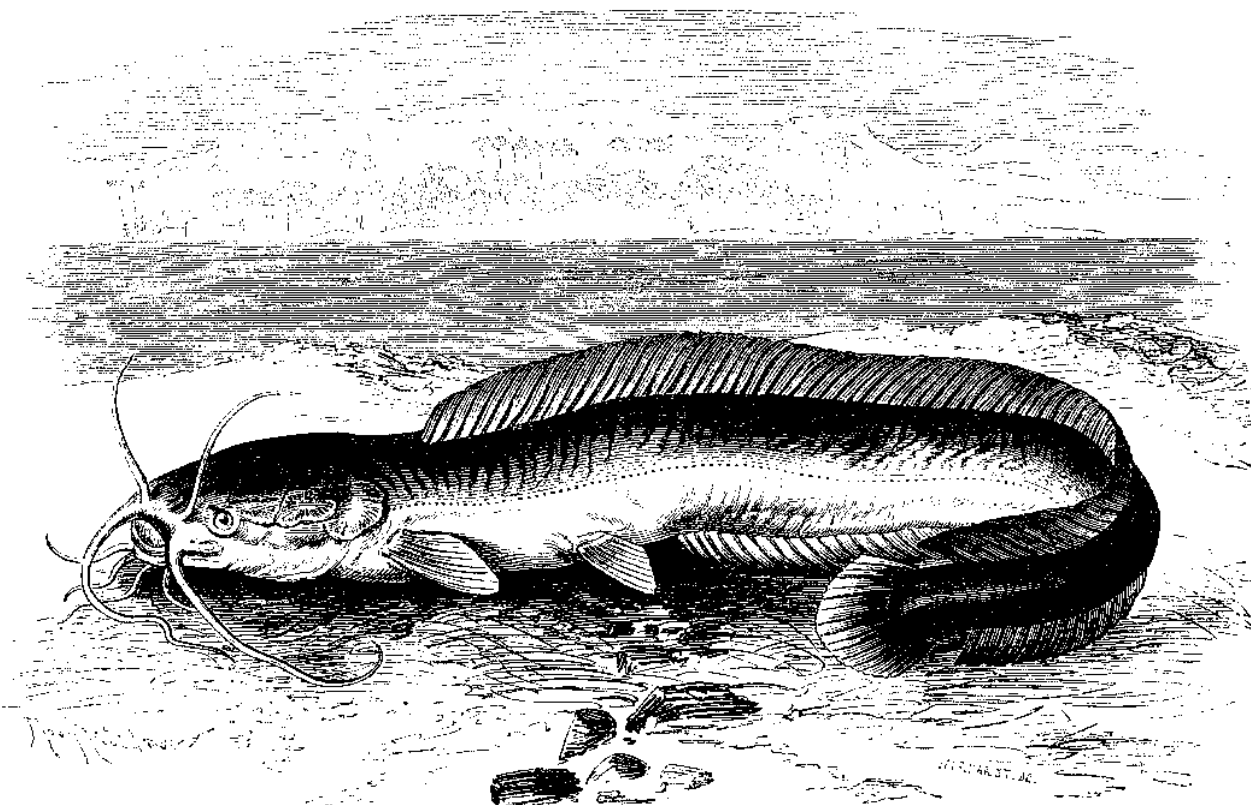
крючок, старых же чаще всего ловят в пору икротетания ночью и обыкновенно острогой. Очень крупные экземпляры причиняют рыбакам много забот. Рихтер уверяет, что видел сам, как один крупный, попавший на крюк сом ударами хвоста опрокинул лодку**.

* * *Сом — сильная рыба и служит замечательным объектом спортивной рыбалки.*

Как и большинство других сомов, европейский вид может долгое время оставаться вне воды без вреда для себя, почему их легко пересылать и заселять ими воды, где они не водятся; так, сомов не раз пересылали из Пруссии во Францию.

Семейство клариевые

Нильский Кларий или шармут (*Glorias anguilaris*), достигает длины 60 см. Верхняя часть его синевато-черная, нижняя белая; в молодости он по светлому фону имеет черные пятна.

Нильский кларий, или шармут (*Clarias anguilaris*)

Из рыб, живущих в Ниле, шармут наиболее обыкновенный; он очень часто ловится, так как он столь же ленив, как и жаден. В мелководных каналах, при разливе наполняющихся водой, шармут очень обыкновенен, особенно в большом количестве он водится в дельте и в болотах, окружающих нижеегипетские прибрежные озера, а равно и сами озера служат обителью невероятно большому числу этих рыб. При высыхании каналов и болот шармут откочевывает из них, переползая по сырому илу с помощью своих плавников и змеевидно извивая туловище*.

* *Жить в воде с низким содержанием кислорода или долго находиться вне воды шармуту помогает наджаберный орган, стенки которого, как в легких, пронизывает большое число кровеносных капилляров.*

Таким способом он ползет до тех пор, пока не отыщет воду. Во время таких кочевок многие из них делаются добычей окрестных жителей. Иногда для их ловли бродят по мелким местам и вытаскивают рыб прямо руками; на глубоких же местах бросают уды с крючками, что почти никогда не бывает безуспешным. Мясо шармута похоже на мясо других видов семейства; оно жирно и мягковато, хотя по близости прибрежных озер, богатых рыбой, оно употребляется в пищу только самыми бедными жителями.

Семейство электрические сомы

Электрический сом (*Malapteruriis electricus*), или рааш арабов, характеризуется способностью производить электрические удары. По наружному виду электрический сом отличается от других сомов только отсутствием спинного плавника, наличием словно замещающего предыдущий маленького жирового плавника и лишенными лучей грудными плавниками**.

* * *В грудных плавниках у электрического сома лучи имеются, но среди них нет колючих.*

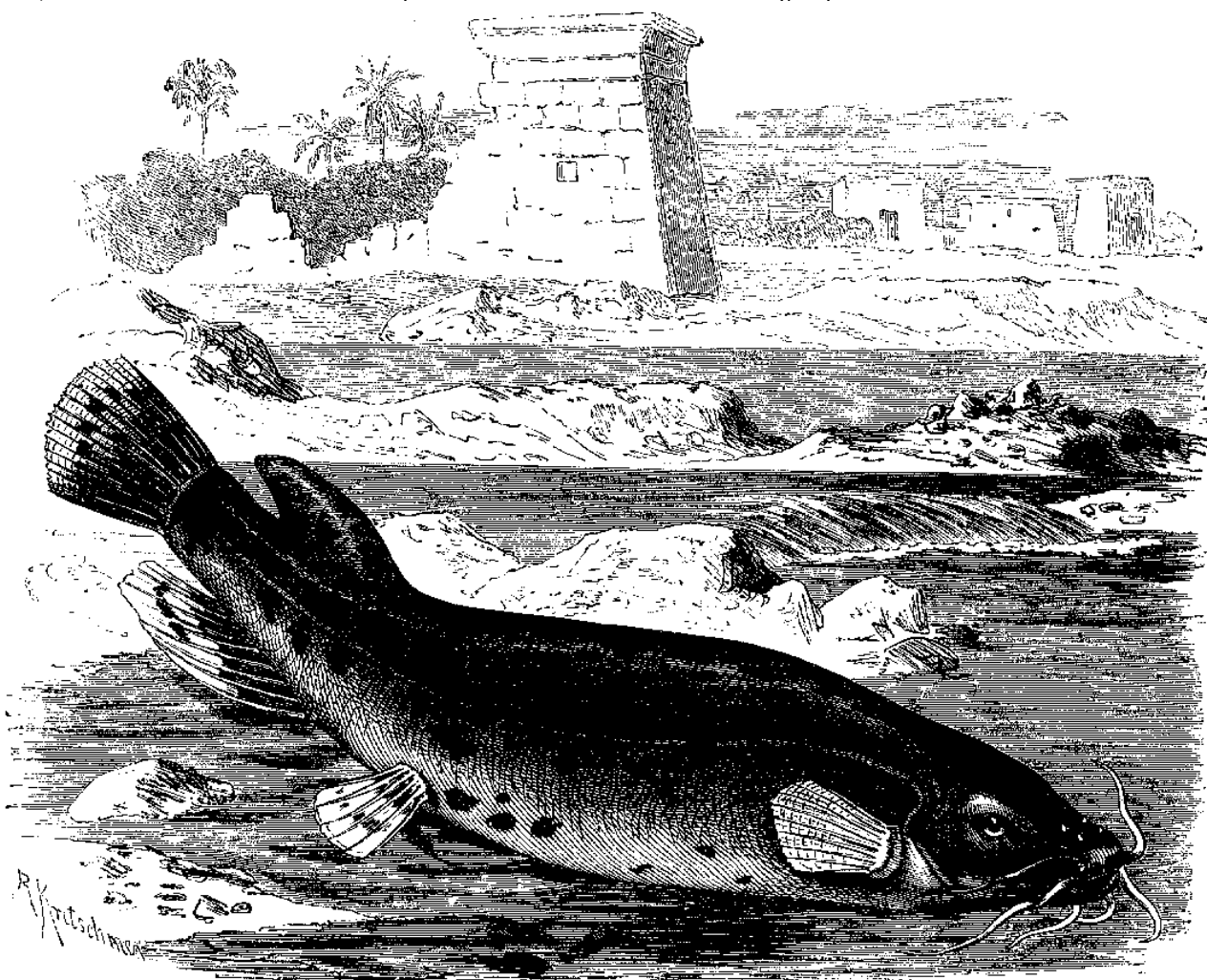
По внутренней организации этот сом характеризуется следующими признаками: под всей кожей тела и в мускулах пролегает тонкая, похожая на жировую ткань, состоящая из шести и более лежащих друг возле друга пленок, а между ними находится полость, заключающая в себе студенистую массу; ткань эта питается особыми артериями и венами, а также пронизана разнообразно ветвящимися нервными сплетениями*.

** На долю парных электрических органов приходится до 25% веса всей рыбы.*

Окраска гладкой, весьма слизистой кожи серая, оттенок которой передать словами довольно трудно; рисунок состоит из неравномерных черных пятен, скопляющихся вдоль боковой линии и находящихся также и на плавниках. Длина рыбы в среднем 30-50 см, но может превышать и 1 м.

Название «рааш» значит приблизительно то же, что и немецкое Zitterwels (вздрагивающий сом), но не одного корня с арабским словом «раад», что значит гром. Этот сом, если его тронуть рукой, производит настоящий электрический удар, похожий на удар от гальванической батареи; удары бывают весьма различной силы**.

** * Электрические разряды сома значительно слабее, чем у электрического угря или электрического ската. Замечательное свойство электрического сома было известно еще древним египтянам (около 4000 лет до н. э.), которые помещали его изображения на вазах и стенах храмов, по-видимому, вовсе не из-за его отнюдь невысоких гастрономических качеств, а, несомненно, в связи со способностью производить таинственные удары.*

Электрический сом (*Malapterurus electricus*)

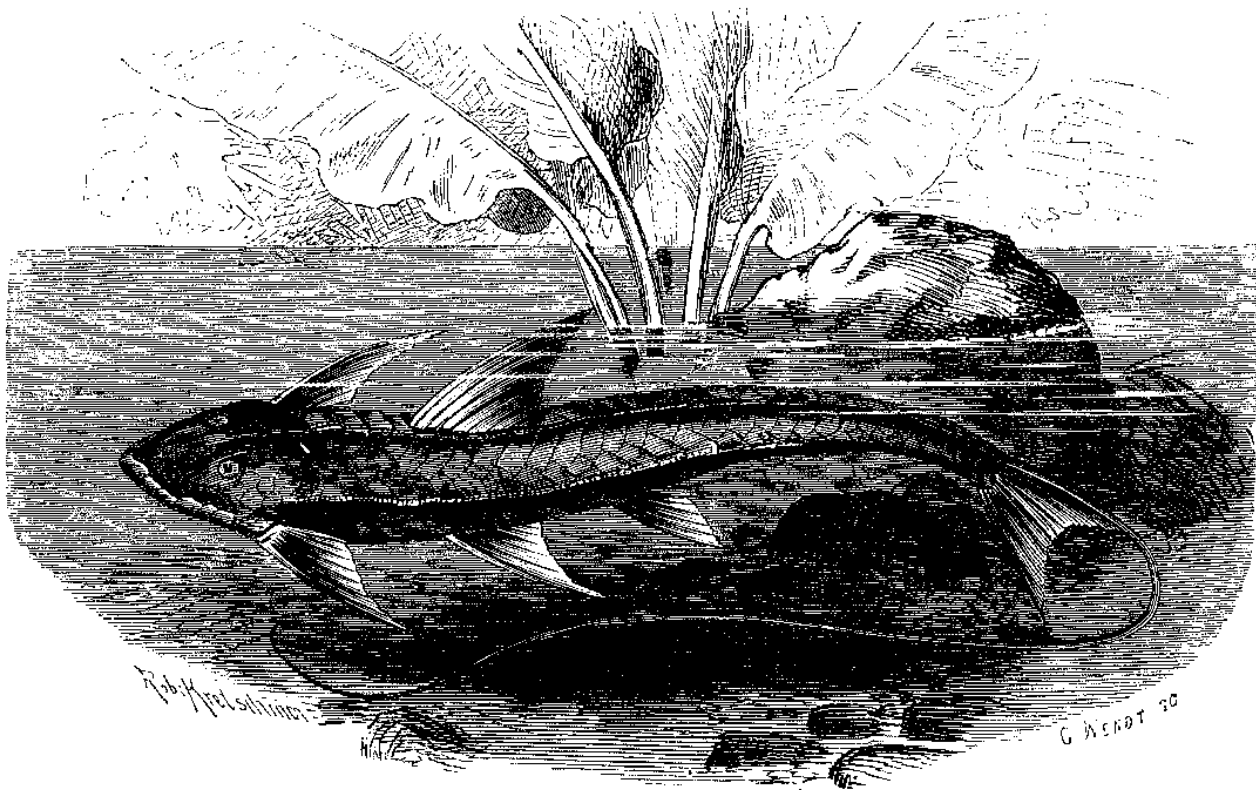
В то время как в одних случаях рыбу можно взять и не получить удара, в других уже при малейшем прикосновении вы чувствуете проявление ее недовольства. Иногда в руках одного человека электрический сом может оставаться спокойным в течение более продолжительного времени, а другому прикоснувшись к нему лицу уже тотчас же наносит удар. Последний не особенно болезнен и, конечно, может быть опасен только для мелких животных.

Форскаль открыл этого сома в Ниле, Адансон нашел его в Сенегале, Гюссфельд — в Ньянга и Нижней Гвинее, Пехуэль Леше — в Конго. В некоторых местах области своего распространения рыба эта не редка; в водах с песчаным грунтом она, по видимому, отсутствует. Мясо ее употребляют в пищу, хотя оно не очень вкусно; напротив, клеточной ткани его, которая порождает электри-

ческую силу, приписывают целительные свойства; ее сжигают на углях и выделяющимися газами окуривают больных. «Электрический сом, живущий в нижнем течении Конго, — сообщает Пехуэль-Леше, — представляет собой большую рыбу, которая может достигать 1 м длины; она жадно хватается за наживку удочки, но из-за производимых ею при случае очень сильных электрических ударов лов ее делается весьма неприятным, хотя мясо очень ценится. Рыбаку она доставляет большие затруднения, так как он ловит ее без удилица и не любит отпускать лесу, потому что при этом он может потерять столь ценный для него крючок. Линдер в своей фактории убедился, что, видимо, даже заснувшая крупная рыба этого вида силой своего удара может свалить на землю неосторожного рыбака, и наблюдал, как один неопытный европеец был проучен рыбой минут через десять как раз таким образом. Разумеется, с крупными рыбами проделывать опыты на себе самом решаются немногие; удары более мелких экземпляров, около фута величиной, можно легко выносить, иной раз выдерживая до 15-20 ударов подряд. Тогда они становятся такими слабыми, что ощущение, производимое ими, похоже на легкие судороги в мускулах».

Семейство лорикариевые, или кольчужные сомы

Обыкновенная лорикария (*Loricaria cataphracta*) достигает длины 20-25 см. Спинная часть ее однообразного бурого цвета, иногда разрисованная сливающимися, расплывчатыми темными поперечными полосами. Брюхо светлее.

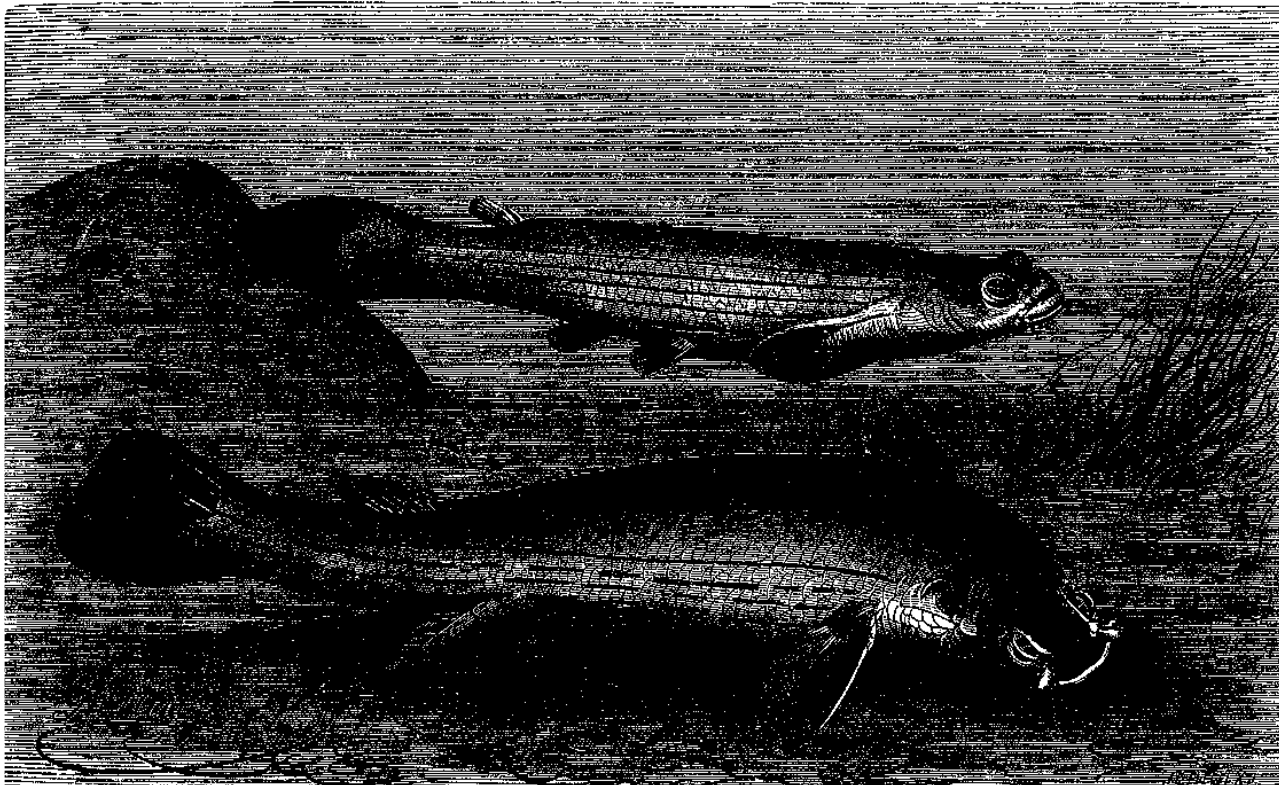
Обыкновенная лорикария (*Loricaria cataphracta*)

В каменистых горных ручьях рыба эта, по-видимому, нигде не бывает редкой. Шомбургк находил ее часто в Рупунуни на песчаных отмелях, часто на расстоянии метра от воды; здесь она лежала спокойно на влажном песке и легко делалась добычей нашего натуралиста. Последний поэтому думает также, что лорикария, как и описанные выше сомы, иногда покидает воду и предпринимает путешествия по суше.

Семейство четырехглазковые

Четырехглазка колонистов (*Anableps tetraphthalmus*) представитель семейства четырехглазковых, по строению сходна с гольцом. Тело вытянуто в длину, веретенообразно, голова плоская, морда тупая, поперечный рот окружен выдающимися губами и не может выдвигаться вперед, спинной плавник очень мал и находится позади заднепроходного, хвостовой плавник не разделен, грудной отчасти покрыт чешуей, тело одето расположенными в виде продольных рядов неправильными, круглыми чешуями, которые покрыты полосками, лучеобразно расходящимися из центра; наружный ряд зубов подвижный и состоит из бархатистых зубов, между тем как на глоточных костях находятся остроконечные гребенчатые зубы. Гораздо более, чем все эти признаки, бросается в глаза строение глаз. Они выдаются под сводом, поднимающимся с каждой стороны от нижней 2 лобной кости, и каждый из них разделен пополам проходящей почти горизонтально полоской, ванной со-

единительной глазного яблока; роговая и радужная оболочки разделены на две почти совершенно равные половины, зрачок двойной, но имеется лишь один хрусталик и лишь одно стекловидное тело. Такое строение не встречается ни у какого другого животного*.

Четырехглазка (*Anableps tetraphthalmus*)

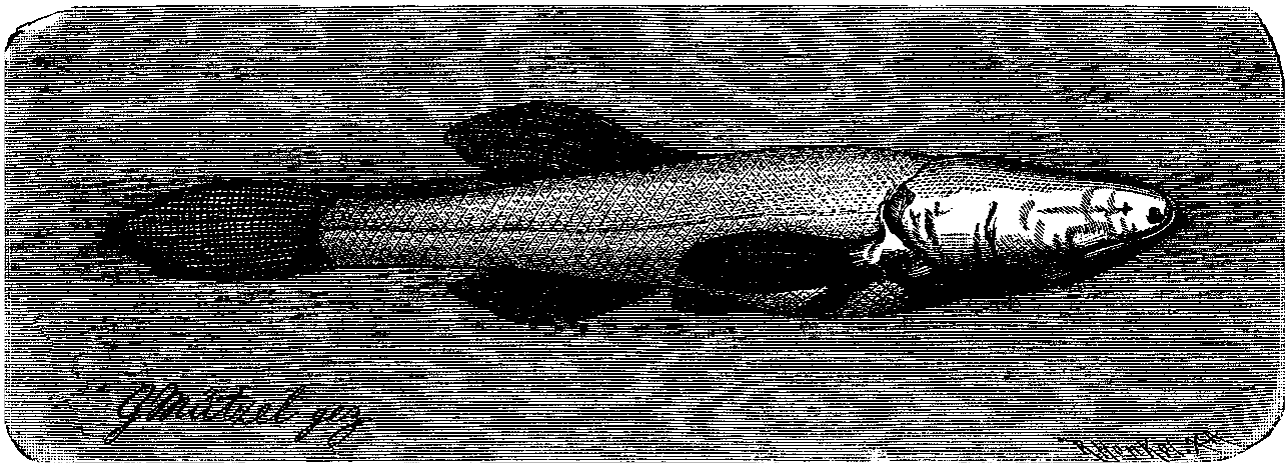
** Эти рыбы обычно плавают у самой поверхности воды так, что верхняя половина глаза выступает над водой, а нижняя остается в воде. Хрусталик в верхней своей половине имеет более плоскую форму, а в нижней, «подводной» более выпуклую. Различия формы хрусталика определяют особенностями прохождения световых лучей через воздушную и водную среду.*

Основной цвет четырехглазки грязный зеленовато-желтый, по которому пробегают с каждой стороны пять узких черно-бурых полосок. Длина колеблется, по Шомбургку, между 15 и 20 см.

Четырехглазка стала известной вскоре после открытия Америки, но об ее образе жизни имеется еще мало сведений. Она населяет Гвиану и северную Бразилию, по словам Шомбургка, главным образом илистые отмели морского берега и устья впадающих в море рек; местами она встречается бесчисленными стаями; охотнее всего она держится по возможности ближе к берегу, «так что обыкновенно большое число их, захваченное наступающим отливом, остается на плоском берегу и вынуждено догонять все более и более отступающий край воды, делая сильные прыжки; значительную часть схватывают при этом стаи пернатых хищников». В деревнях и городах, расположенных на побережье, четырехглазок очень часто приносят на рынок, хотя их мясо не считается вкусным. От прежних исследователей мы знаем, что самка рождает живых детенышей величиной 5 см, которые вполне развиты, исключая органы размножения. Этим исчерпывается все, что я мог узнать об образе жизни четырехглазки.

Семейство слепоглазковые

Знаменитая **пещерная слепоглазка** (*Amblyopsis spelaea*) из Мамонтовой пещеры в Кентукки имеет неокрашенное тело.

Пещерная слепоглазка (*Amblyopsis spelaea*)

Наружных глаз нет, зрительный нерв недоразвит, однако зрительные лопасти мозга развиты вполне хорошо. Тонкий слух и большое число осязательных бородавок на голове заменяют этой рыбе зрение*.

* *Осязательными бородавками Брем называет хорошо развитые у слепоглазок органы боковой линии.*

Достигает в длину 13 см, живородяща и, по-видимому, встречается во всех подземных реках, которые текут в большом слое известняков под породами, изобилующими каменным углем, в середине Соединенных Штатов Северной Америки**.

** *Слепоглазки интересны также тем, что они вынашивают икру в жаберной полости, которая у них необычно больших размеров. Анальное и половое отверстия у взрослых слепоглазок располагаются на горле, впереди грудных плавников.*

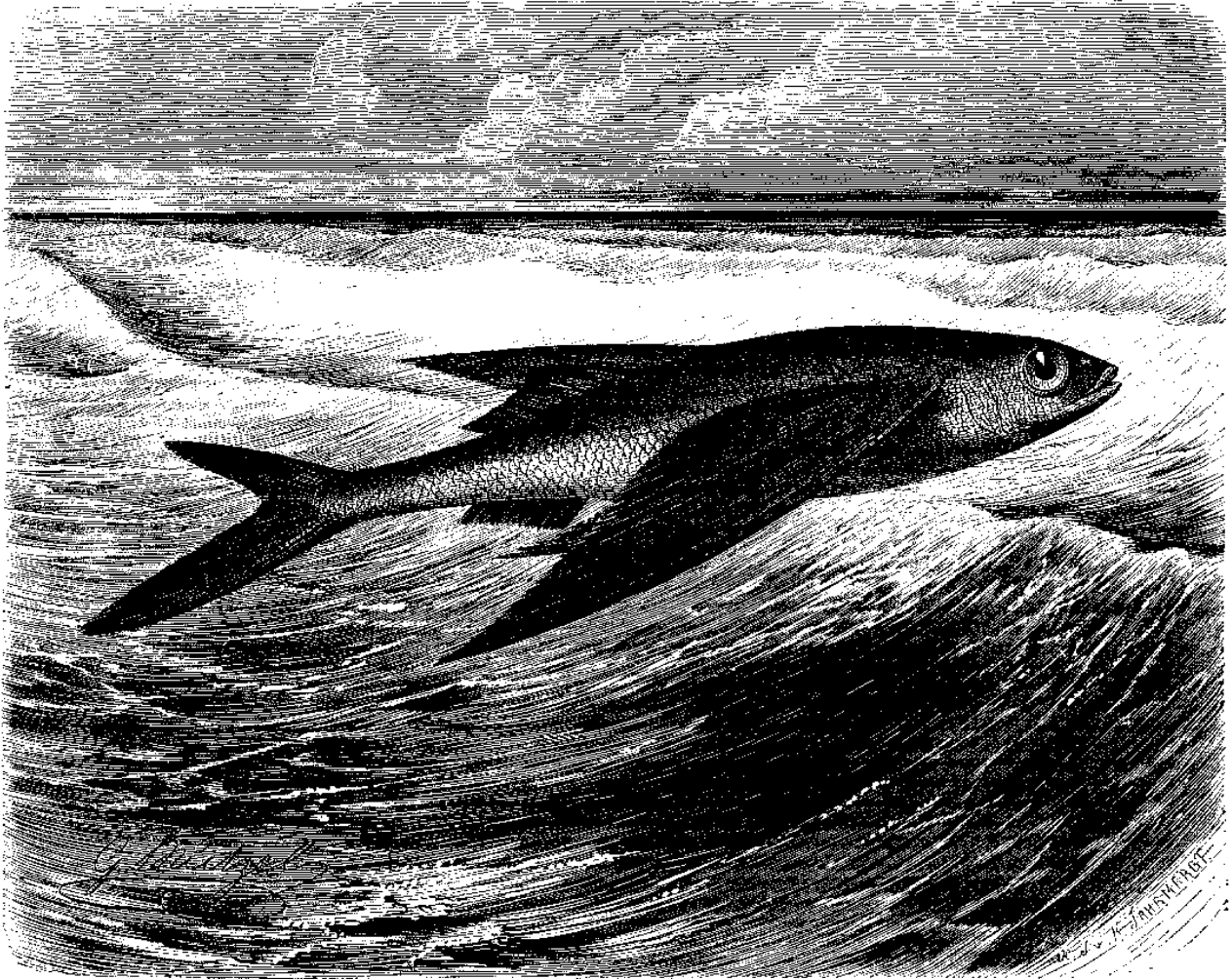
Семейство летучие рыбы

Летучие рыбы, которых путешественнику приходится видеть в открытом океане, принадлежат почти исключительно к одному роду, которому дали название **двукрылы** (*Exocoetus*)*.

* *Летучие рыбы, общее число которых превышает 60 видов, объединяют в одно семейство, включающее несколько различных родов. Все они тропические рыбы, встречающиеся, как правило, при температуре воды не ниже 23° С в открытых океанических водах. Наиболее разнообразны летучие рыбы в тропической зоне Индийского океана и западной части Тихого океана.*

Главные признаки их составляют чрезвычайно развитые плавники, особенно замечательны заостренные грудные плавники, длина которых равняется приблизительно двум третям, а ширина — одной трети всей длины тела и которые движутся свободнее, чем у других рыб, на очень крепком костяном поясе, лежащем под толстыми мускулами. Против широкого спинного плавника находится заднепроходной; брюшные плавники прикреплены под грудными; хвостовой глубоко раздвоен, и нижняя лопасть его больше верхней. Челюсти вооружены очень мелкими зубами. По своему виду двукрылы, оставляя в стороне плавники, представляют известное сходство с сельдями, и название «летучая сельдь» выбрано поэтому довольно удачно. Однако они более плотного сложения, сильнее закруглены на спине и в области груди, имеют толстую и тупую морду и вообще более коренасты, а также сильно отличаются очень большими глазами и значительной преджаберной и жаберной крышкой и, наконец, тонкими, легко отпадающими чешуйками, один ряд которых, проходящий вдоль боков, снабжен сильно развитыми гребнями.

Из внутренних органов бросается в глаза, как указал впервые Гумбольдт, громадная величина плавательного пузыря, который у одной рыбы длиной 16 см, исследованной этим натуралистом, имел длину 9 см и ширину 2,5 см, а следовательно, содержал около 44 куб. см воздуха. «Пузырь занимает половину объема тела и тем способствует, вероятно, легкости рыбы. Можно сказать, что этот воздушный резервуар служит ей больше для летания, чем для плавания, так как опыты, произведенные Провенцалем и мной, доказывают, что этот орган даже у видов, снабженных им, не безусловно необходим для движения вверх, к поверхности воды».

Обыкновенный двукрыл (*Exocoetus volitans*)

Различные виды двукрылов в такой степени сходны между собой, что до новейшего времени их различали с трудом. Все ведут, по-видимому, более или менее одинаковый образ жизни. Они населяют моря, лежащие между тропиками или, по крайней мере, в умеренном поясе, и особенно океаны в неизмеримом количестве и не только прибрежные воды, а буквально все части морей; они встречаются, даже в большом количестве, вдали от берегов, чем около них. Об их жизни в воде, о способе их плавания, о размножении мы не знаем еще ничего; наблюдения ограничиваются, строго говоря, их жизнью в воздухе, их «летанием», как его называют, их охотой и бегством от врагов.

Появление их над водой своеобразно. Лишь только попадаешь в их область, как замечаешь, что судно со всех сторон окружено ими, т. е., насколько хватает глаз, отдельные экземпляры поднимаются и снова погружаются в море. Китлиц сравнивает их стаи со стаями овсянок и вьюрков в суровую осеннюю погоду, когда они опускаются на поля для добывания скудного корма. Гумбольдт говорит, что движения их совершенно правильно сравнивали с движением плоского камня, который, падая и снова отскакивая от воды, скачет, поднимаясь на несколько метров над волнами. Двукрылы обыкновенно и, пока не имеют особенной причины торопиться, выскакивают лишь на 1,5-2 метра вверх над поверхностью воды и не пролетают сразу большое расстояние, а скоро падают обратно в воду; но один следует за другим так быстро, что кажется, как будто бы первый постоянно только касается воды, снова отталкивается и делает второй прыжок, между тем как в действительности они перепрыгивают друг через друга. Нередко случается также, что из воды поднимается сразу многочисленная стая, состоящая из сотен и тысяч рыб. В таком случае можно заметить, что значительная часть поднявшихся после короткого прыжка падает в воду, между тем как остальные продолжают свой путь и снова касаются волн лишь на гораздо большем расстоянии. Пространство, которое пролетают двукрылы, таким образом, может быть очень различно. При спокойном полете наши рыбы поднимаются на высоту около метра над уровнем моря, так что скользят над самыми гребнями волн, и снова падают в море, пролетев короткое расстояние; при большом напряжении сил крупные экземпляры поднимаются в исключительных случаях сразу на высоту 4-5 или даже 6 метров, и тогда пролетают, описывая плоскую дугу, расстояние в 100-150 метров, а в редких случаях

и вдвое большее. По ветру или против ветра, а также в штиль они летят обычно по прямому направлению, если же они летят под углом к ветру, то всегда делают дугу в сторону.

Поворот в воздухе производится лишь в случае крайней необходимости, чтобы, например, избежать столкновения с каким-нибудь предметом или уклониться от какого-нибудь хищного летуна, так как нужное для этого напряжение хвостового плавника выводит прыгающую рыбу из равновесия и заставляет ее падать вниз, в воду. Кривые линии двукрыла описывает другим способом, именно делая много мелких прыжков, быстро следующих друг за другом, и изменяя, после каждого погружения в воду, соответственным образом направление. Пока двукрылу не угрожает опасность, так называемый полет его бывает очень уверенным, действительно похожим на полет птицы, но если его преследуют враги или испугает судно, то прыжок его становится каким-то тревожным, неправильным, неуклюжим и неловким, как будто трепещущим; рыба часто падает в воду, но лишь затем, чтобы в следующее мгновение снова подняться и таким же трепещущим полетом устремиться дальше.

С приведенным выше описанием не вполне согласен Агассис. «Я часто имел случай, — замечает он, — внимательно наблюдать летучих рыб и пришел к убеждению, что они не только могут произвольно изменять направление полета, но даже, не касаясь воды, подниматься и опускаться. Все движения казались мне произвольными. Рыбы поднимаются над водой с помощью не скольких быстро повторяемых ударов хвостовым плавником; но я не раз видел, как они опускались до поверхности воды, чтобы повторить те же движения, следовательно, давали себе новый толчок и получали возможность продолжать свое воздушное путешествие. Изменения в направлении полета вправо или влево, вверх или вниз происходят не благодаря ударам грудными плавниками, а просто вследствие того или другого влияния движущих этими плавниками мускулов на всю их поверхность, то есть направление определяется давлением воздуха на плавники. Летучие рыбы поистине представляют собой живые воланы и могут, поворачивая плавники, изменять направление. Вероятно, они держатся над водой до тех пор, пока потребность дыхания не заставит их погрузиться. Ничто не может яснее доказать полную свободу их движений, чем тот факт, что при волнении они самым точным образом принаравливаются к волнам, а не летят через них, описывая правильную дугу. Кроме того, они не просто падают в воду, когда истратится сила толчка, а, напротив, по-видимому, добровольно ныряют, иногда после очень короткого, иногда после очень длинного полета, в течение которого они много раз изменяли направление. Изучив их движение, я могу теперь понимать своеобразное строение и особенно неодинаковость обеих лопастей хвостового плавника. Мне совершенно ясно, что большая длина нижней лопасти этого плавника облегчает им те движения, с помощью которых тело устремляется над поверхностью воды и по воздуху, и что, напротив, расширение грудных плавников во время движения в более легкой среде может служить им лишь опорой».

"Двукрылы, — продолжает Гумбольдт, — проводят большую часть своей жизни в воздухе, но их жалкое существование не становится от того легче. Если они покидают море, чтобы уйти от прожорливых пеламид, то встречают в воздухе фрегатов, альбатросов и других морских летунов, которые хватают их на лету». Киттлиц тоже согласен с этим.

Бен не решается возражать Гумбольдту и Киттлицу и вообще всем, кто говорит об этих преследованиях. «Я со своей стороны, — говорит он, — склонен сомневаться в этом; если такая охота иногда и наблюдается, то я видел, что большие стаи двукрылов выскакивали из воды, причем их не преследовала ни одна рыба, а в воздухе ни одна птица, между тем как они, несомненно, были заняты охотой и, следовательно, являлись нападающими, а не жертвам и. Исследуя содержимое желудка пойманных двукрылов, я находил остатки более мелких рыб, ракообразных и моллюсков. Не раз мы видели, как летучие рыбы и тунцы кишели вокруг нашего судна в бесчисленном множестве, но когда нам удавалось поймать одного из этих тунцов, то мы никогда не находили в его желудке летучей рыбы, а всегда лишь различных головоногих и т. д.; это доказывает, что двукрылы достаточно ловки, чтобы уходить от прожорливых врагов.

Насколько двукрылы днем тщательно уклоняются от судна, настолько же часто ночью они падают на палубу. В пользу старого мнения, что их привлекают судовые огни и что они падают на суда и при совершенно тихой погоде, хотя не так часто, как при сильном ветре, высказываются в новейшее время Краузе и Зейтц на основании своих наблюдений*.

* *Для летучих рыб характерна положительная реакция на свет. Ночью свет судовых огней или специальные осветители, подвешенные над водой, привлекают их — они могут подлетать или собираться в воде под горящими лампами.*

Точно так же и Финш говорит о летучих рыбах, «которые так охотно следуют ночью за светом и потому нередко попадают на борт судна». Мебиус, который первый произвел подробные на-

блюдения относительно способа движения летучих рыб и подтвердил результаты их анатомически изысканиями, приходит к заключению, что эти животные попадают на суда невольно, занесенные ветром. «Так как летучие рыбы, — говорит Мебиус, — обыкновенно уклоняются днем от судов, а ночью многие из них находят там смерть, то мы должны принять, что темнота служит причиной, почему они не придают своему полету должного направления. Судно, проходящее через их стаю, не может пугать их ночью иначе, чем днем, но при дневном свете они видят киль судна и уклоняются от него. В темноте же они, плохо видя, бесцельно бросаются из воды.

Те, которые поднимаются с подветренной стороны, не могут упасть на судно, так как ветер относит их от него; другие, поднимающиеся с наветренной стороны от судна, спасены, если они, как обыкновенно днем, вспархивают против ветра. Но все те, которые, находясь на наветренной стороне, поворачиваются при взлете головой к судну, могут разбить себе голову о борт судна или быть унесенными на палубу. Действительно, при наступлении дня на наружной наветренной стороне высокорботных судов нередко находят кровавые пятна с приставшими к ним чешуйками летучих рыб; а на низких парусных судах после хорошего ночного перехода матросы собирают часто во время чистки палубы множество летучих рыб для кухни».

Результаты наблюдений над движениями летучих рыб Мебиус резюмирует следующим образом: «Летучие рыбы бросаются из воды с большой быстротой, не обращая внимания на направление ветра и волн. Во время полета они не делают грудными и брюшными плавникам и никаких правильных летательных движений, а спокойно растопыривают их*.

** Среди летучих рыб выделяют группу «двукрылых» и «четырекрылых» рыб, У первых увеличены только грудные плавники, у вторых — грудные и брюшные. Число видов «четырекрылых» летучих рыб значительно больше — около 50. Именно рыбы этой группы способны совершать наиболее продолжительные планирующие полеты над водой.*

В расширенных грудных плавниках могут происходить очень быстрые колебания. Во время полета задняя часть тела рыбы висит несколько ниже передней. Именно против ветра они летят обыкновенно дальше, чем по ветру или под углом к нему. Большинство летучих рыб, движущихся против ветра или по ветру, сохраняют в течение всего перелета то направление, в котором они поднялись из воды; ветры, дующие сбоку, отклоняют первоначальный путь рыб по своему направлению.

Разногласие мнений относительно того, ударяют ли летучие рыбы по воздуху своими плавниками во время полета или нет, доказывает, до какой степени трудно заметить с уверенностью движения летучих рыб во время полета по воздуху».

"Новейшие путешествия по Атлантическому океану. Красному морю, Индийскому океану и Китайскому морю позволяют мне, — пишет Зейтц, — во многих отношениях дополнить сообщенные выше наблюдения. Быстрота полета стоит в прямом отношении к величине рыбы. У экземпляров длиной около 10 см она равнялась довольно точно 7,2 метра в секунду, так как животным, взлетавшим перед носом моего парохода, шедшего со скоростью 14 узлов, не удавалось удалиться от судна, но и судно не догоняло их. Большие экземпляры могут двигаться, пожалуй, со скоростью вдвое большей, между тем как рыбы величиной приблизительно с саранчу должны были поворачивать в сторону, чтобы судно их не переехало. Продолжительность воздушного пути была чрезвычайно разнообразна. Из 36 точно замеченных наблюдений самая большая продолжительность полета равнялась 18, самая малая — одной четвертой секунды; в последнем случае происходил, следовательно, короткий прыжок. Но эти числа относятся лишь к тем случаям, когда животное летело сбоку от пути судна; если рыбы хотели уйти вперед от него, то они держались в воздухе перед преследовавшим их пароходом более минуты, так что крупные животные пролетали более четверти морской мили».

На основании своих новейших наблюдений Даль придает особое значение одному обстоятельству, на которое, как сообщено выше, усиленно указывал уже Агассис: «Я пришел к убеждению, что хвост при продолжительном пребывании рыбы над водой имеет вовсе не такое ничтожное значение, какое обыкновенно ему приписывали*.

** Хвостовой плавник у летучих рыб имеет удлиненную нижнюю лопасть, что крайне важно, поскольку это дает им возможность продолжать наращивать скорость уже после выхода из воды и скольжения по поверхности. В это время скорость движения рыб увеличивается более чем в 2 раза, до 60- 65 км/ч, что и позволяет этим мелким и легким рыбам с большим плавательным пузырем отрывать от воды и подниматься в воздух. Теряя скорость, летучие рыбы опускаются вниз, но, коснувшись поверхности воды удлиненной нижней лопастью хвостового плавника, они могут вновь набрать требуемую для полета скорость. Благодаря таким ка-*

саниям общая длительность полета рыб намного возрастает. Летучие рыбы могут парить над водой до нескольких десятков секунд, пролетая расстояния 200 и даже 400 м! Дальность полета, безусловно, связана не только с возможностями рыб, но и с погодными условиями — скоростью ветра, наличием восходящих воздушных потоков и др.

Когда рыба поднимается из воды, то хвост волочится еще большее или меньшее расстояние по воде; с этим согласны все наблюдатели. Я видел отчетливо, когда рыба появлялась близко перед судном, или я сидел в лодке и мелкие рыбки поднимались из совершенно гладкой поверхности воды, часто на расстоянии менее одного метра от меня, что хвост не просто волочился по воде, но производил крайне быстрые боковые движения. Брандт и Крюммель, которые часто по целым часам принимали участие в наблюдениях с передней части судна, тоже убедились, что хвост, пока он касается воды, находится в сильном движении. Пролетев известное расстояние над поверхностью воды, рыба начинает погружаться. При этом погружается сначала хвост. Лишь только он коснулся воды, как он снова приводится в движение, плавники опять начинают совершать дрожательные движения, и рыба вновь поднимается. Это происходит особенно на гребнях волн. Часто попытка эта, правда, и не удается; тогда рыба или падает тотчас же в воду, или делает еще короткий прыжок, по большей части более или менее в сторону, чтобы исчезнуть затем в воде. В этих фактах опять согласны между собой все наблюдатели. Разногласие заключается лишь в истолковании видимого».

Наш автор указывает затем на то, что летучие рыбы отличаются от других рыб формой хвоста, нижняя часть которого гораздо больше верхней, и что в воде всегда может оставаться какое-то время часть хвоста, достаточная для движения, когда тело уже свободно держится над поверхностью воды. Действительно, наблюдавшиеся сильные движения хвоста потрясают все тело, а вместе с тем и большие грудные плавники, колебания которых замечаются всегда явственнее на концах. Чтобы решить, встречаются ли кроме этих сотрясений, вызванных деятельностью хвоста, и другие движения плавников, были произведены особые наблюдения, которые показали, что дрожание или колебание плавников наступало всегда лишь в то время, когда хвост касался воды*.

* *Колебания кончиков грудных плавников происходят вследствие самого полета. Они остаются неподвижными, и, как предполагается, могут лишь менять угол наклона, что позволяет летучим рыбам несколько изменять направление полета.*

Относительно вопроса, помогает ли вообще какое-нибудь движение плавников летучим рыбам скользить по воздуху, Даль высказывается следующим образом: «Я должен прежде всего указать здесь на один факт, который уже Мебиус приводил против существования настоящего полета. Насколько простираются и мои наблюдения, рыбы на судне никогда не делали попытки лететь. Из сотен животных, пойманных нами, у меня, наверное, раз 50 одно из них выскакивало из руки или сетки, отталкиваясь хвостом, и падало на палубу. Ради опыта я нарочно держал руку очень высоко, так что рыбе приходилось при падении пролететь значительное расстояние. Но ни одна из них не полетела, как можно наблюдать в подобных случаях у насекомых». В заключение Даль приходит к выводу, что летающие рыбы при своем движении по воздуху не делают летательных движений.

После всего сказанного все еще нельзя прийти к окончательному решению вопроса, поддерживаются ли летающие рыбы только растопыренными грудными плавниками и скользят по воздуху, как бы делая длинный прыжок, причем деятельность хвоста может увеличивать длину перелета и обуславливать дрожание плавников, или же они, кроме того, по крайней мере отчасти и при известных обстоятельствах, помогают этому парению вперед и удлиняют его летательными движениями.

Мясо летучих рыб считается всюду, и, конечно, не без оснований, прекрасной пищей; так как, по словам Гюнтера, они в известное время и на известных местах встречаются в громадном количестве, то подчас много лодок, как, например, у острова Барбадос, занято их ловлей.

Самый известный вид семейства — **обыкновенный двукрыл** (*Exocoetus volitans*), живущий в Средиземном море. Длина его равна приблизительно 30 см.

Семейство саргановые

Обыкновенный сарган (*Below belone*), распространенный по всем европейским и другим морям, достигает в длину 1 м и более, причем вес редко превышает 1 кг. Признаки заключаются в очень вытянутом, угревидном теле, вытянутых в виде длинного клюва межчелюстных костях, которые вооружены с каждой стороны остроконечными зубами. Верхняя сторона рыб голубовато-зеленая, нижняя серебристо-белая.

У европейских берегов сарган появляется обычно вместе с макрелями и считается поэтому их предводителем**.

* * *На Черном и Азовском морях, где также обычен сарган, его чаще называют рыбой-иглой. Сарган — стайная рыба, нерестится в прибрежной полосе на водной растительности, к которой икра приклеивается клейкими нитями.*

По Каучу, он обыкновенно приближается к берегу многочисленными стаями, быстро плавает близко от поверхности воды, делая змеевидные движения, и забавляется сильными прыжками, которые повторяет иногда очень часто. Способ прыганья, как указывает Балль, у него очень странный. Рыба бросается вертикально из воды и падает обратно в воду хвостом вперед. Плавающие предметы, которые попадают саргану, возбуждают его внимание или гнев. Кауч говорит, что он иногда долго играет с плавающим прутиком или соломинкой, а Слоан рассказывает об одном, который так глубоко вонзил свою острую морду в рыбацью лодку, что убили.

Яррель тщетно старался выяснить путем собственных наблюдений, чем питается сарган, но узнал от Кауча, что эти рыбы не щадят ничего, что живо и может быть, хотя бы с трудом, проглочено. Редко хищник проглатывает пойманную добычу тотчас, а обыкновенно крепко держит ее и старается постепенно овладеть ею. Хотя сарган не в состоянии откусить кусок, ему удастся, однако, разделить его; наблюдали, что он совершенно разрывал на клочки приманку. При усилиях освободиться от крючка он всегда выбрасывает содержимое желудка, и таким образом могли убедиться, что он чаще всего проглатывает мелких рыб, например морских колюшек. О размножении его, которое приходится на последние месяцы весны, нет точных данных.

Хотя сарган, вынутый из воды, издает очень неприятный запах и имеет сухое и вязкое мясо, которое охотнее всего употребляется в качестве наживки для удочек, его ловят в большом количестве. На Лондонском рыбном рынке появляются иногда значительные партии этой рыбы и находят покупателей, так как ее берут частью из любопытства, частью из-за незначительной цены и во время еды особенно интересуются ее костями, которые становятся при варке зелеными. Попавшие на крючок сарганы, как говорят, вовсе не покоряются без сопротивления своей судьбе, а беснуются и делают величайшие усилия, чтобы освободиться от неприятного и опасного крючка. Если это им удастся, то они часто в течение нескольких минут самым странным образом кружатся около поверхности воды, точно желая по-своему выразить радость, что избежали угрожавшей им опасности.

Семейство скумбрушковые, или макрелешуковые

Скумбрушка (*Scomheresox saurns*) — рыба длиной 30-40 см и соответственной толщины; ее щеки и жаберные крышки блестящего серебристо-белого цвета, верхняя сторона тем но-голубая, бока светлее, с зеленым отблеском, нижняя сторона серебристо-белая, между тем как плавники бледно-бурые.

Признано, что скумбрушка встречается лишь в Атлантическом океане, так как рыбу того же рода, водящуюся в Средиземном море, считают за особый вид; однако возможно, что тут мы имеем дело с двумя разновидностями. В британских водах она в известные времена не редка и иногда массами выбрасывается на берег бурями. По Каучу, ее скорее можно назвать странствующей рыбой, чем саргана. В Ла-Манше ее редко можно увидеть раньше июля, напротив, начиная с этого месяца и до осени она ловится тысячами. Она плавает в более глубокой воде и напоминает в некоторой степени летучих рыб как по своей безобидности, так и по усилиям спастись бегством от прожорливых обитателей моря*.

* *Скумбрушка населяет умеренные и субтропические воды Атлантического океана не только в Северном полушарии, но и в Южном. Она не встречается в тропических водах, а в северные моря она может проникать вместе с теплыми течениями, особенно в благоприятные годы. Скумбрушки — это мелкие массовые рыбы открытых вод, к берегам они подходят редко, размножение их также происходит вдали от суши. Эти рыбы служат объектом питания большого числа различных хищников тунцов, акул, китов, дельфинов, кальмаров и т. п.*

Она всегда общительна, но иногда собирается в очень многочисленные стаи и показывается тогда и около поверхности или, строго говоря, на самой поверхности моря. Она доставляет очень привлекательное зрелище, когда ее преследуют морские свиньи или охотящиеся тоже стаями тунцы и пелагиды. При таких обстоятельствах она развивает всю свою подвижность. Массами появляются тогда скумбрушки на поверхности воды и, боясь двинуться вперед, теснятся друг к другу. Если преследователь приближается, то они, одна за другой, выскакивают из воды, перескакивают через плывущих под ними, погружаются между ними, снова поднимаются и так далее. Так как все общество, охваченное одинаковым страхом, старается спастись одним и тем же способом, то получается оживленная толкотня, особенно при величайшей опасности, когда все более прыгают над поверхностью воды, чем плавают. Наконец преследователь настигает убегающую стаю, стараясь перерезать ей дорогу, и она мгновенно исчезает в глубине. Но при большом множестве их некоторые все-таки

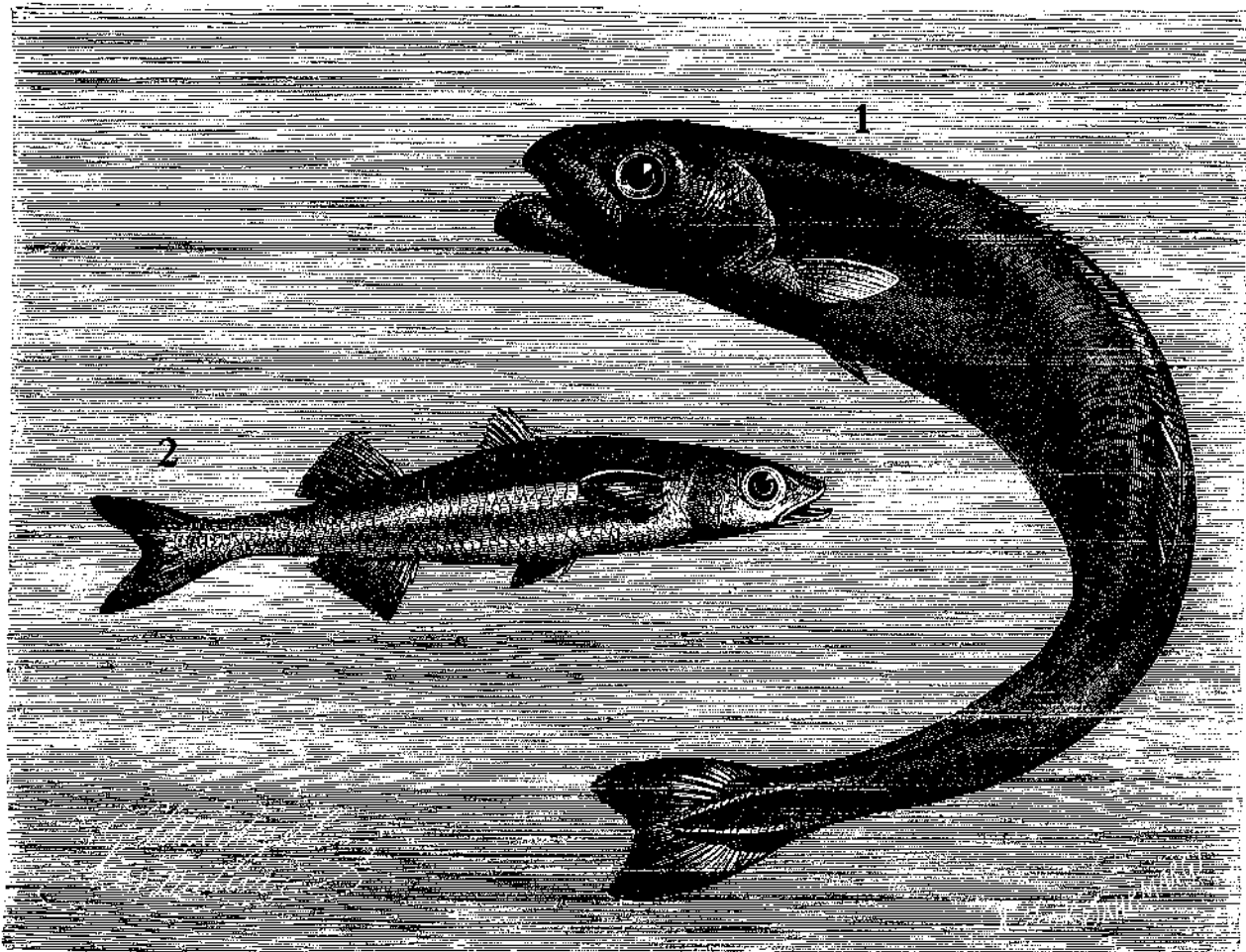
становятся жертвой врагов, тем более что последние охотятся обыкновенно обществом. Если рассматривать скумбрешуку и обратить внимание на строение ее хотя и многочисленных, но мелких плавников, то трудно поверить, что она может так двигаться; однако сила ее широкого хвостового плавника, главного органа движения, все же очень значительна.

Мясо жирное и похоже на мясо макрелей; все рыбаки рады поэтому скумбрешуке и ревностно преследуют ее. Для ловли пользуются мережами, так как она редко попадает на удочку.

Семейство атериновые

Рыба, известная уже древним, **короткорылая, или атлантическая, атерина** (*Atherina hepsetus*) достигает не более 15 см длины; она удивительно прозрачна, сверху светло-желтовато-бурая с черными крапинками, снизу красновато-белая со слабым серебряным отблеском; сверкающая серебристая полоска, покрывающая весь пятый ряд чешуек и половину четвертого и шестого рядов, окаймлена сверху голубым цветом.

Образ жизни и нравы всех видов атерин до того между собою схожи в главных чертах, что жизнеописание одной атерины годится для всех известных нам видов семейства, и, наоборот, описание нравов всех видов вообще также относится к каждому виду отдельно. Во всех тщательно исследованных морях — в Атлантическом океане, Средиземном, Черном и Каспийском морях — рыбы эти водятся в неисчислимом количестве. У всех берегов, во всех бухтах, заливах и Приморских болотах они появляются несметными стаями. Никогда не плывут они в одиночку, а постоянно тесной толпой, буквально наполняющей широкие пространства.

1 — Кювьеров алет (*Tetragomintus cuvieri*) 2 — Короткорылая, или атлантическая, атерина (*Atherina hepsetus*)

Целые миллиарды этих рыбок становятся добычей людей, чаек и других морских птиц, уток, нырков и хищных рыб. Они появляются в таком большом количестве, что древние думали, будто они рождаются без оплодотворения*; ими кормят свиней или попросту черпают ковшом из воды только что вылезших из яйца детенышей и приготавливают из них особенное, любимое жителями побережья Средиземного моря кушанье.

* *Нерест у атерин продолжается в течение всего лета. Самки выметывают икру мелкими порциями. Общее количество выметываемой одной самкой икры невелико и не превышает нескольких сотен штук.*

Взрослые служат самой удобной приманкой для других рыб, а сваренные, посоленные и положенные в коробки, они употребляются в пищу береговыми жителями, так как считаются отличным кушаньем. «У них должно быть очень хорошее, сухое, здоровое и приятное на вкус мясо, — говорит нам старый Геснер, — только в нем находится огромное количество маленьких костей, вследствие чего рыбу эту обыкновенно пекут. Многие хвалят этих рыбок как полезную пищу для больных, потому что ее мясо легко переваривается и не вызывает газов».

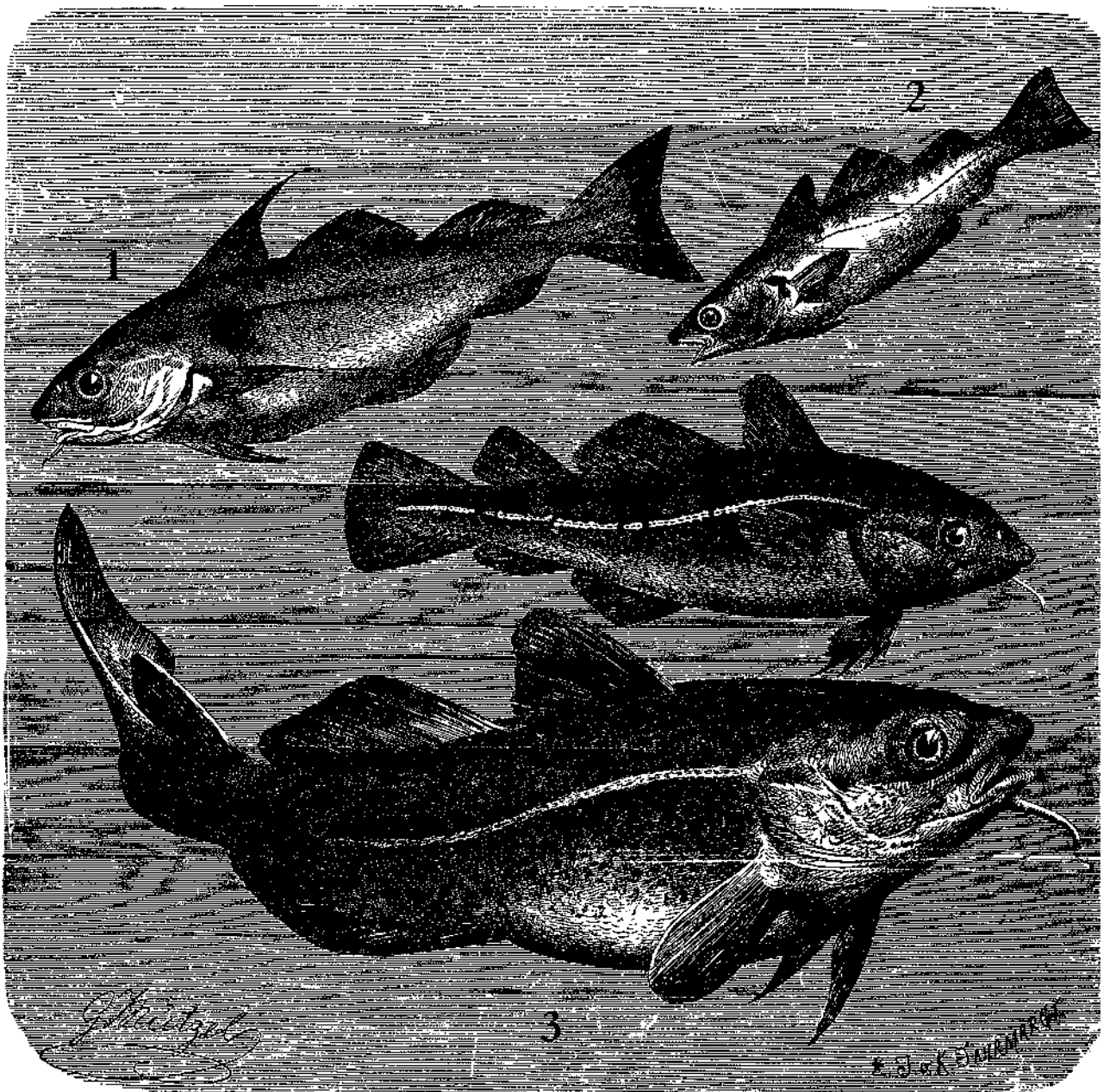
Семейство тресковые

Лабиринт островков и шхер, густым сомкнутым венком тянущихся вдоль норвежских берегов, представляет направляющемуся с юга на север путешественнику совершенно иную картину, когда он достигнет тех высоких широт, где летом по ночам горы освещаются лучами полуночного солнца, а зимой о наступившем дне свидетельствует лишь сумеречный полусвет в южной части горизонта. Вместо более крупных островов, редко возвышающихся более чем на 100 м над уровнем моря, путешественник встречает там острова более незначительной площади, но поднимающиеся над поверхностью воды на высоту до 1000 м и выше. Эти острова еще издали показывают перед вами свои снежные, ярко выделяющиеся на темном фоне скалистой почвы вершины, с которых сползают широкие, серебристые ленты ниспадающих в глубину глетчеров. Морской рукав, шириной немного более мили, отделяет цепь Лофотенских островов от материка, и, несмотря на господствующее в нем сильное течение, этот рукав представляет собой как бы обширнейшее материковое озеро в сравнении с почти непрерывно волнующимся Ледовитым океаном. Еще с парохода, который то приближается к материку, то уходит в открытое море, совершая свою верную почтовую службу в малонаселенной Норвегии, путешественнику становится ясным, что он находится в архипелаге, где каждый крупный остров является как бы матерью, окруженной бесчисленной толпой детей — островков и шхер, как было замечено выше.

Этому морю, как и его бесчисленным островам, недостает богатств юга. Но и оно отнюдь не лишено всех красот, и такой архипелаг представляет собой дивное зрелище, особенно в полуночные часы, когда большой кроваво-красный диск солнца стоит низко над горизонтом и его лучи играют, отражаясь от моря и словно заледеневших гор. Со всем этим гармонируют разбросанные повсюду поселения — *Gehofte*, как их зовет норвежец, сложенные из бревен, облицованные досками и покрытые дерном. Они выкрашены в кроваво-красную краску и резко выделяются на темном фоне стены гор и между голубых ледяных тонов глетчеров. Не без изумления узнает южанин, впервые видящий эти картины, что все эти «дворы» больше, вместительнее, изящнее таких же жилищ в благословенных долинах южной Скандинавии, хотя они только в редких случаях бывают окружены полями, на которых даже посеы ячменя не всегда созревают под лучами солнца, греющего землю лишь всего 4 месяца в году. Самые красивые и обширные «дворы» помещаются часто на сравнительно маленьких островах, где один только торф покрывает скалы и где можно найти лишь незначительный клочок, достаточный разве только для разведения небольшого садика.

Кажущаяся загадка скоро разрешается, когда узнаешь, что плодоносным полем здесь служит не земля, а море, что здесь не летом сеют и собирают жатву, но работа идет в середине зимы, как раз в те месяцы, когда господствует долгая зима и вместо солнца светит луна, а вместо вечернего багрянца и утренней зари играет только северное сияние. Между вышеупомянутыми островами и находятся самые благословенные рыбные места Скандинавии, а «дворы» служат амбарами, куда складывается слоями жатва моря.

В самый разгар лета здесь безлюдно; зимой же острова и море кишат разным рабочим людом и промысловыми судами. Летом миллионы птичьих глаз смотрят в воду с нависших утесов; зимой днем и ночью, по крайней мере у оснований тех же утесов, безустанно движутся рабочие руки рыбаков. Около Рождества сюда стекается рыбацье население всего побережья, и, как ни просторны «дворы», они не в состоянии вместить в себя всех гостей. Известная часть пришельцев вынуждена жить на шхунах или в небольших, грубо сложенных хижинках на берегу, хотя вообще в жилищах всегда остается только часть мужчин, главная же масса рыбаков, напротив, находится в море и на рыбной ловле.

1 — Пикша (*Melanogrammus aeglefinus*) 2 — Мерланг (*Merlangius merlangus*) 3 — Треска (*Gadus morhua*)

Целые месяцы длится эта кипучая работа, и целыми месяцами совершается непрерывный торг. Вместе с рыбаками являются сюда покупатели и торговцы, так как специально предназначенные суда привозят сюда произведения юга и увозят дары моря. Житель Лофотенских островов выменивает свои сокровища на сокровища южных стран. Поселившийся здесь купец делает запас товаров на весь остальной год. Местность стихает только тогда, когда на юге снова появляется солнце, принося с собою весну и в эту страну. Нагруженные от киля до палубы суда одно за другим снимаются с якорей, распускают паруса и плывут на юг, и ко времени прилета морских птиц местность уже становится безлюдной.

Около этого времени по ту сторону моря, на Ньюфаундлендских отмелях, начинается почти такая же жизнь, с той только разницей, что туда приплывают рыбаки всех народностей севера, тогда как на Лофотенских островах собираются главным образом скандинавы. К отмелям Ньюфаундленда ежегодно приплывают многие тысячи всевозможных флотилий из Великобритании, Франции, Бельгии, Голландии, Северной Америки и т. д., и число мужчин далеко превышает цифру 100 000.

Подобная же рыбная ловля, с тем же рвением, но уже не ограниченная двумя-тремя месяцами, производится на западном берегу Франции, на бельгийских и голландских берегах, на побережье Германии и Ютландии, около Великобритании, на севере Атлантического океана, западнее Гебридских островов, на мелях вокруг скал Рокаль. Всюду, где только можно рассчитывать на по-

живу, в разных местах, с разным успехом, встретишь загрубелых от труда людей, работающих в море и подвергающихся самым разнообразным опасностям и лишениям ради одной рыбы.

Эта рыба — треска, одна из самых важных промысловых рыб на земном шаре, лов которой неустанно ведется вот уже несколько столетий. Из-за этой рыбы происходили кровопролитные войны; она ловится ежегодно в количестве нескольких сотен миллионов экземпляров, и, несмотря на подобное истребление, она все еще изобилует, по крайней мере до сих пор, благодаря невероятной плодовитости*.

** Несмотря на сокращение запасов, треска по-прежнему остается одной из важнейших промысловых рыб. Освоено искусственное разведение и выращивание трески. Первые опыты по получению жизнеспособной молоди трески на рыбодонных заводах проводились в Норвегии уже в прошлом веке, во времена Брема.*

Характерными признаками **трески** (*Gadus morhua*), называемой португальцами бакалао, голландцами, шведами, норвежцами и датчанами — бабелау, датчанами, кроме того, — торск, итальянцами — баккаларе, а англичанами и американцами — код, служат: присутствие трех спинных и двух заднепроходных плавников, хвостовой плавник, ясно отграниченный от последнего спинного и второго заднепроходного, и один ус на конце нижней половинки рта. Рыба эта достигает 1-1,5 м длины и 40 кг веса; по серому фону она покрыта маленькими желтоватыми пятнышками, вдоль боковой линии имеет белую полосу и на светлом брюхе лишена пятен.

Треска живет в северной части Атлантического и прилежащих областях Ледовитого океана, массами водится главным образом между 50 и 75 градусами северной широты, а самая южная граница распространения ее проходит ниже 40 градуса северной широты; таким образом, в Средиземном море она совсем не водится. В вышеприведенном районе настоящим местожительством трески, по Гюнтеру, нужно считать нижние слои до 120 саженей глубиной; переселение ее в более мелкие бухты или скопление в местах относительно плоских мелей совершается исключительно в целях размножения. Но и тогда она избегает мелких мест моря, но избирает для метания икры преимущественно глубину 25-40 или 50 саженей*.

** Нерест трески происходит на глубинах до 100 м. Икра трески имеет нейтральную плавучесть. Подхваченная морскими течениями, икра, а также ранняя молодь трески отнесется далеко от нерестилиц.*

Плодовитостью треска едва ли уступает какой-либо другой рыбе: Левенгук утверждает, что в одной икринной самке он нашел около 9 миллионов яиц; Бредлей считает минимальное число яиц — 4 миллиона. Время метания икры в восточной части области распространения трески проходит очень рано, именно в феврале, и в начале января рыбы эти уже начинают приближаться к берегам. В западной части области распространения, напротив, время кладки наступает позднее — в мае и июне; без сомнения, причиной в этом случае служит Гольфстрим, который на те места не распространяет своей животворной и оживляющей теплоты. Полгода спустя молодые рыбешки достигают около 20 см длины**; на третьем году они становятся половозрелыми.

** * Выклюнувшиеся из икры личинки трески имеют длину всего несколько миллиметров и первое время питаются за счет запасов желтка. Но уже в это время они способны находить по запаху те места, в которых скапливаются кормовые организмы так называемые кормовые пятна. Эта способность очень важна для выживания личинок.*

Мечущие икру трески появляются в неисчислимых количествах, «горами», как характерно выражаются норвежцы, называя так сплоченные стада этой рыбы, плывущие толщиной в несколько метров и занимающие пространство в 1 морскую милю. Такие стада направляются к берегам или мелям, несколько дней остаются в этих местах и непрерывно пополняются новыми пришельцами; затем они постепенно исчезают. У североамериканских берегов на ход трески оказывают влияние рыба мойва и один вид каракатиц. Первая появляется в тех же местах для откладывания икры и служит тогда почти исключительной пищей необыкновенно прожорливой трески; вторая появляется тогда, когда первая уже удаляется, словно она судьбой предназначена занять место предыдущей и прокармливать собой стада мечущей икру трески.

Во время метания икры и совершается лов рыбы, а прожорливость трески в высшей степени облегчает его. Эта рыба, пища которой состоит из других рыб, раков и моллюсков, ест все, чем только может завладеть, по крайней мере хватает все, даже вполне несъедобные предметы, если только они блестят или как-либо иначе останавливают на себе ее внимание. В Балтийском море треска появляется: всегда там, где водится сельдь, но в случае нужды наполняет свой вечно алчущий желудок колюшками, хватает как голых, так и раковинных моллюсков и раков, проглатывает даже морскую траву и водоросли, а равно и не щадит подчас свою собственную же молодь*.

** Находишь корм треске помогают хорошо развитые органы зрения, обоняния, слуха, боковая линия. Специальные чувствительные клетки и вкусовые почки находятся у трески и на подбородочном усике, и на удлиненных первых лучах выдвинутых далеко вперед брюшных плавников. Коснувшись ими корма, треска делает резкий бросок в его сторону и быстро раскрывает свою громадную пасть, вмещающую даже крупных рыб, которые ненамного уступают по размерам и самой хищнице.*

Для ловли трески у норвежских берегов употребляются сети; во всех остальных местах, напротив, в дело идут только ярусы и удочки; впрочем, то и другое играет весьма важную роль и у Лофотенских островов. Ярус представляет собой крепкую бечеву метров 2000 длиной, на которой укреплено до 1200 небольших лес с крючками. Этот ярус выбрасывается в море и через 6 часов вытаскивается обратно; с него снимают пойманную рыбу, наживляют лишившиеся наживки крючки и забрасывают вновь. Рыбаки, ловащие на удочки, держат одну из них в руке и, почувствовав, что рыба поймана, быстро вытаскивают лесу из воды, снимают рыбу и забрасывают удочку вновь. При необычайной массе рыбы нередко случается, что один человек ежедневно налавливает целую лодку трески, штук 300-400. Попутно совершается лов мойвы и каракатиц, в других же местах и лов сельдей, так как мясо их идет на наживку. При недостатке мелких рыб той же цели служат внутренности пойманной трески.

Тотчас после лова начинается обработка добычи. Прежде всего у рыб отрезают головы и бросают в особые бочки или чаны, затем рыбу потрошат и быстрым, ловко направленным движением ножа распластовывают вплоть до хвоста на две половины; более крупные экземпляры рассекают и на четыре части. Печенка поступает в особые бочки, икра также собирается отдельно. Остальные внутренности тотчас же разрезаются и употребляются как наживка тут же или по мере надобности. Зимой, по крайней мере на Лофотенских островах, вначале приготавливают только «штокфиш», т.е. добытую рыбу высушивают. Каждое более или менее крупное судно привозит с собой значительное число распорок и жердей и тем самым дополняет такого рода снасти, уже имеющиеся на берегу. К ним и подвешиваются для сушки выполосканные в морской воде и распластанные до хвоста рыбы. На большинстве островов сушка ведется под открытым небом, местами же она совершается под навесами, не препятствующими свободной циркуляции воздуха. На подобных снастях рыба постепенно высушивается; при неблагоприятной погоде можно в июле встретить жерди с еще не высушенной рыбой. Только тогда, когда «штокфиш» станет твердым как дерево, его складывают в амбары связанным в пучки, как хворост; ряды таких пучков, положенных один на другой, и сохраняются здесь до отъезда**.

** * Изысканные блюда, приготовленные из высушенной трески, являются в ряде стран, например в Норвегии, традиционными и подаются к Рождеству и другим праздникам.*

В особенно счастливые годы, когда все сушильни быстро покрываются распластанной рыбой, из остальной трески готовится уже «клипфиш». Для этого рыбу разделяют вдоль позвоночника и в одних случаях, дав ей вылежаться посоленной несколько дней в крупных кадках, раскладывают для сушки по скалам (Клирре), в других случаях солят ее непосредственно. Если сосудов достаточно, то значительную часть улова готовят в виде лабардана, т.е. рядами складывают распластанную рыбу в бочки, посыпают каждый ряд солью и по мере наполнения заколачивают бочки. В северную Норвегию на время лова регулярно приплывают русские из Архангельска, которые, пренебрегая всякими бочками, складывают всю купленную ими треску вместе с прочей рыбой в свободные части своих судов, тут же ее солят, утаптывая ряды сапогами.

Головы трески у норвежцев идут исключительно на корм скоту; печенку, по окончании лова, укладывают в крупные чаны, которые, к великому неудовольствию чувствительных южан, часто выставляются в центрах городов и при загнивании их содержимого распространяют вокруг себя невыносимый смрад. Отделяющийся в таких чанах маслянистый жир (рыбий жир) время от времени вычерпывается, процеживается и очищается сквозь сита и, смотря по качеству, сливается в различные сосуды. Самым лучшим сортом жира, само собой разумеется, будет тот, который добыт несколько дней спустя после загнивания печени, самым худшим — остатки, полученные уже вываркой.

По рассказам Ярреля, в различных частях Шотландии пойманную треску пробовали долгое время держать в прудах с соленой водой, причем получались хорошие результаты. Во время лова время от времени пойманную и не сильно раненную рыбу бросали в соответствующие водоемы, кормили ее всевозможными моллюсками и ракушками. Здесь треска вскоре настолько свыкалась с тесным помещением, что, по-видимому, чувствовала себя очень хорошо; рыбы научались распознавать время и час корма и при приближении сторожа высывали из воды свои голодные морды. Одна

треска, говорят, прожила в подобном пруду 12 лет. На основании личных исследований, произведенных над жившими у меня тресками, я считаю это в высшей степени вероятным. Ни одна морская рыба не свыкается так с подневольной жизнью в тесном помещении, ни одна не привыкает так легко к корму, не ест так много и не растет так быстро, как треска. Если вода в бассейне содержится в достаточной свежести, а пища в достаточном количестве, то рыбы эти не только чувствуют себя превосходно, но и выживают многие годы даже в помещениях, совсем для них тесных*.

* *Продолжительность жизни трески 20-25 лет. Способность трески легко привыкать к содержанию в аквариумах и бассейнах хорошо известна ученым-ихтиологам, которые часто используют треску для экспериментов по изучению поведения, ориентации рыб в море, безошибочного отыскания ими нерестилищ или мест нагула, расположенных за многие сотни километров, поиска рыбами корма, партнеров по стае, обнаружения врагов и т.п.*

Пикша (*Melanogrammus aeglefinus*), гэддок англичан, отличается от обыкновенной трески меньшей величиной, удлиненной формой тела и более острым передним спинным плавником, а равно и окраской. Спина пикши буроватого цвета, бока серебристо-серые, боковая линия и пятна между брюшным плавником и первым спинным выглядят черными. Длина этого вида достигает в наших широтах 50—60 см, а вес может доходить до 6-8 кг. Экземпляры, живущие в северных областях, могут быть крупнее.

Область распространения пикши в общем та же, что и обыкновенной трески*.

* *В отличие от трески пикша не переносит морских вод с пониженной соленостью и поэтому в таких опресненных морях, как Балтийское и Белое, практически не встречается. Ранняя молодь пикши держится в открытом море в толще воды и часто скапливается под куполами медуз, спасаясь таким образом от врагов.*

Рыбы этого вида также собираются бесчисленными стадами, которые, по-видимому, постоянно кочуют с места на место, так как пикши, подобно тому как сухопутные животные делают набег на некоторые области суши, совершенно опустошают известные районы морского дна, т.е. уничтожают всех сидящих там ракушек и мягкотелых и разгоняют мелкую рыбу, которая служит им пищей.

Мясо пикши белое, плотное, вкусное и легкоперевариваемое, почему всюду предпочтается мясу трески, но в сухом виде, как «штокфиш», она готовится реже.

Представителем мерлангов, или безусых тресковых рыб, служит **мерланг** (*Merlangius merlangus*) — рыба длиной около 30—40 см, вес которой лишь в редких случаях достигает 3 кг. Окраска мерланга бледная красновато-бурая, отливающая пепельно-серым цветом и на боках и брюхе переходящая в серебристо-белый. Он характеризуется также темными пятнами и у оснований грудных плавников.

В западноевропейских морях мерланг нигде не бывает редок**; в Северном и Балтийском морях он менее обыкновенен, да и вообще в склонности к стадной жизни он сильно уступает вышеописанным сородичам.

* * *Мерланг обычен в Средиземном и Черном морях, но держится здесь в более глубоких слоях, где вода не прогревается так сильно, как в приповерхностных.*

На севере границей его распространения, по-видимому, служат Оркнейские острова, на юге он встречается вплоть до берегов Португалии. В британских водах он иногда попадает в значительных количествах, хотя разрозненными экземплярами. В пору размножения, которая приходится на январь и февраль, он также соединяется в многочисленные стада и тогда приближается к берегам почти на пол морской мили. Пища его состоит из ракообразных, червей и мелких рыб величиной до размеров сардинки; ради последней он покидает даже свое любимое местопребывание — покрытое песком дно. Ловля мерлангов совершается также главным образом с помощью ярусов, реже сетями; она считается очень прибыльной, так как мясо этих рыб высоко ценится, весьма вкусно, легко переваривается и в этом отношении превосходит мясо других тресковых рыб.

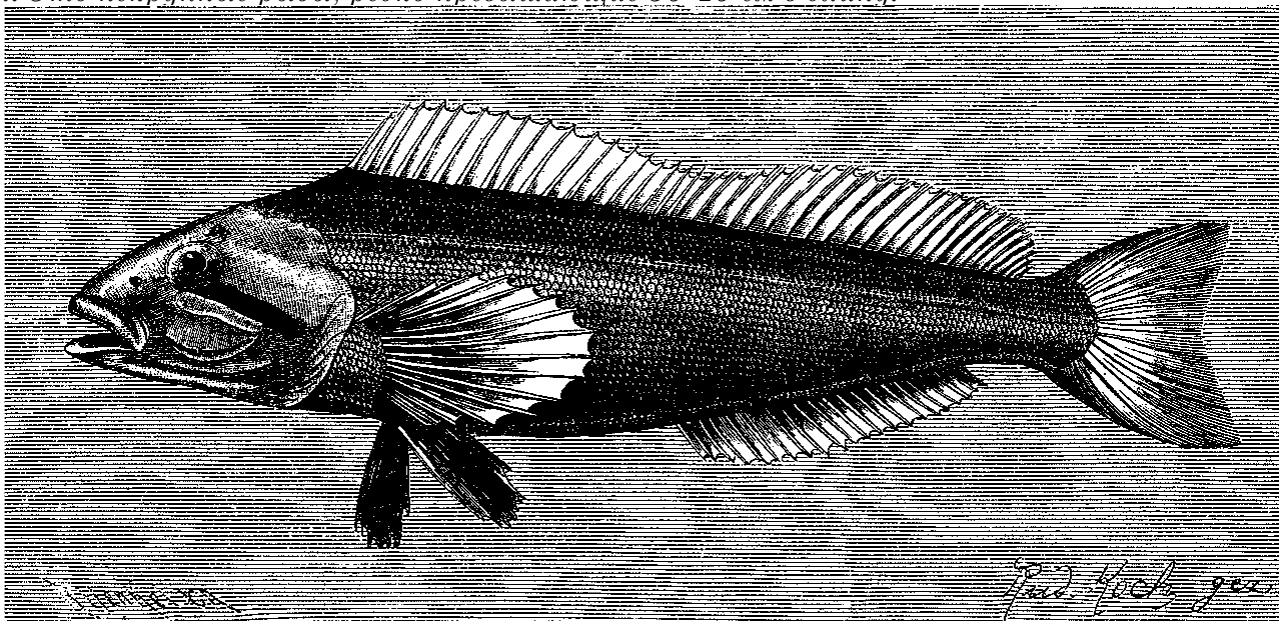
Родственный предыдущему вид, достигающий более значительной величины, носит на западе благодаря своей темной окраске название угольщика, а в северной России называется **сайда** (*Pollachius virens*); он более свойствен северным морям, хотя ловится и в Атлантическом океане, и в Северном и Балтийском морях. Около Исландии, Гренландии и Финляндии он не редок, а у Шпицбергена является если не единственной, то одной из преобладающих и самых обыкновенных рыб***.

* * * *Сайда напоминает треску, но отличается от нее более коротким подбородочным усиком, серебристой окраской и более выемчатым хвостовым плавником. Хищник, активно преследующий своих жертв. Мясо сайды высоко ценится.*

В западном направлении он распространяется до берегов Соединенных Штатов. Местами своего пребывания сайда избирает, по словам Кауча, скалистое дно на не особенно большой глубине, а также скалы, захлестываемые волнами, так как, подобно другим хищным рыбам, она обыкновенно прячется в какое-либо защищенное местечко, откуда зорко следит за течением воды и бросается на всякий приглянувшийся ей предмет — одинаково на живой или мертвый. В желудках сайды Томсон находил главным образом ракообразных, при случае также моллюсков, в пору метания икры — более мелких рыбешек, в особенности и почти исключительно селедков. Метание икры у сайды проходит от декабря до февраля; вылупившуюся молодь можно видеть в мае и июне.

Из рыб, свойственных преимущественно северным частям Тихого океана, замечательны разночешуйчатые, некоторые виды которых встречаются как у американских, так и у азиатских берегов. Они принадлежат разным родам и имеют продолговатое, сжатое с боков, чешуйчатое тело и расположенные по бокам головы глаза; заднепроходный и спинной плавники очень длинны. Особенно замечательны многими боковыми линиями виды **хира** (Chirm). Изображенный на рисунке **шестигранный хир** (Chints hexagrammus) живет у берегов Японии*.

* На рисунке изображен скорее всего один из терпугов, которые довольно многочисленна в северной части Тихого океана. Обычно терпуги держатся в прибрежье среди крупных камней и скал. Это некрупные рыбы, редко превышающие 30-40 см в длину.

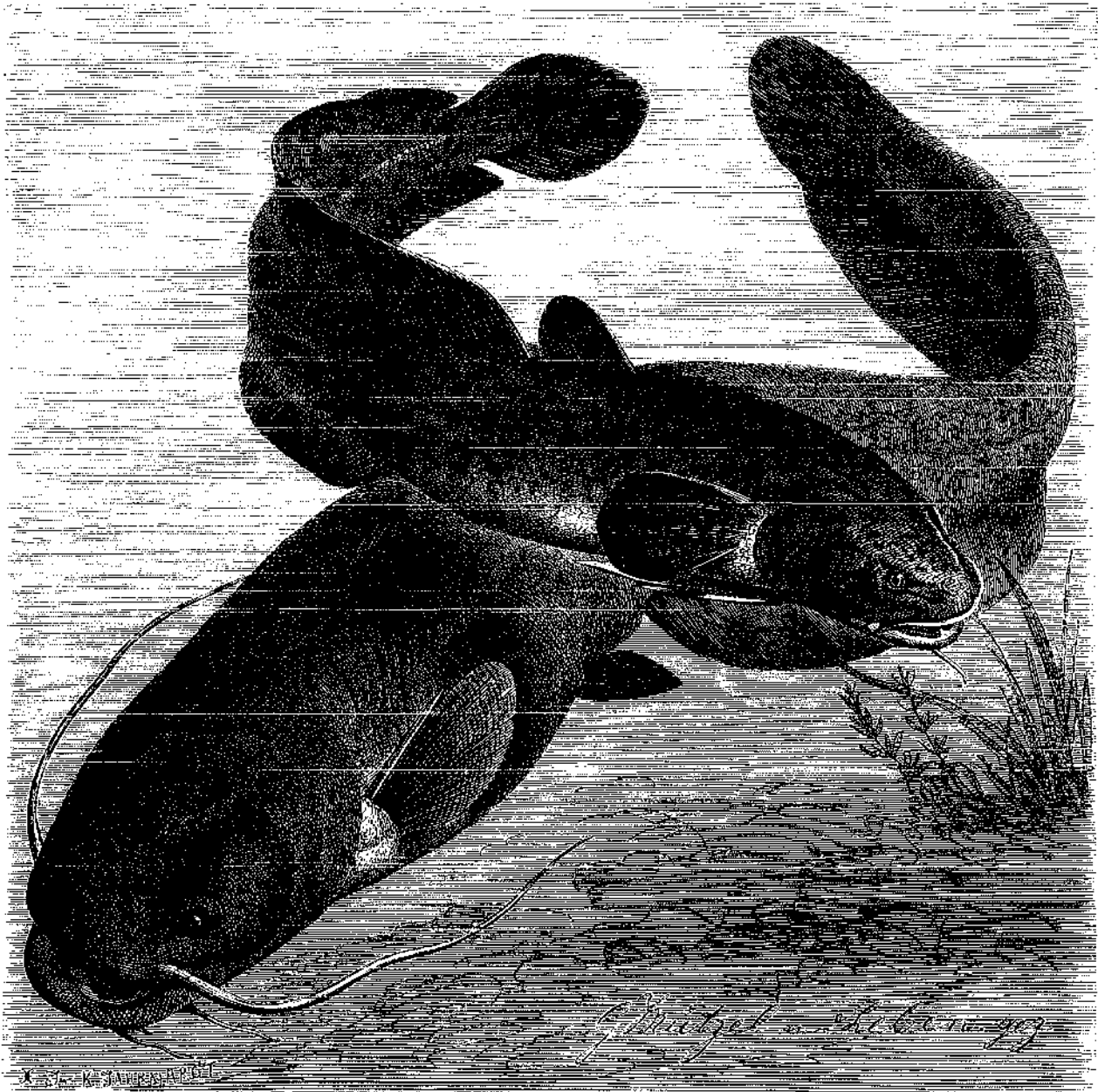

Шестигранный хир (Chirus hexagrammus)

Из тресковых рыб только одна водится в пресных водах — это **обыкновенный налим** (Lota lota)**, характерным и признакам и которого служат: удлиненное, покрытое весьма мелкими чешуйками тело, маленькая голова, два плавника на спине, из которых второй весьма длинен, умеренной длины заднепроходный плавник, закругленный или заостренный хвостовой плавник, усы на подбородке и, наконец, зубы на обеих челюстях, расположенные простым рядом.

* * Действительно, из всех, тресковых рыб, которых насчитывают в настоящее время более 50 видов, только налим полностью перешел к обитанию в пресной воде. Все остальные тресковые — типично морские рыбы.

Спина, бока и плавники налима окрашены в оливково-зеленый цвет, то светлее, то темнее; они при этом украшены волнистым мраморным рисунком; горло и брюшные плавники беловатые. Длина рыбы может достигать 60 см, вес — 8 кг; однако столь крупные экземпляры водятся только в глубоких озерах.

Обыкновенный налим (*Lota lota*)

Мало пресноводных рыб так широко распространены, как налимы. Рыбы эти нередко встречаются даже в море, например в Северном, однако Гюнтер решительно отрицает эти данные и говорит, что налим никогда не посещает мест с соленой водой. Рыба эта живет в текущих и стоячих водах всей средней Европы и Северной Америки, а равно и в несоленых водах Средней Азии, встречается, говорят, даже в Индии, хотя у Дзя на это указаний нет. Любимое местопребывание налима — глубокие воды, поэтому в более мелких речках он обыкновенно живет только тогда, когда русла их заключают в себе много глубоких мест; в озерах он охотно уходит на самую глубину, туда, где дно лежит на 40, 60 и более метров от поверхности. Вторым необходимым условием для пребывания налима является чистота воды, поэтому в гористых областях он водится в большем количестве, нежели в равнинных. В Великобритании он не принадлежит к числу обыкновенных рыб, напротив, в верхнем Рейне и в бассейне Дуная в соответствующих местах он встречается повсюду. В Швейцарии, по сообщению Чуди, он водится на высоте свыше 700 м над уровнем моря, в Тироле — даже на высоте 1200 м. Днем налим прячется под камни и другие лежащие в воде предметы. «Если камень быстро поднять вверх, — говорит Шниц, — рыба еще некоторое время остается покойной, но затем с быстротой молнии уплывает и прячется под другой камень или в ил. Старые рыбы держатся на глубине, молодые же близко от берега и поверхности воды. Ночью налим оставляет место своего отдыха и плавает повсюду». Это один из самых ревностных водяных хищников, наводящий ужас на более мелких рыб, не исключая и маленьких налимов. В садках пойманные налимы в случае недостатка корма поедают друг друга, и самые сильнейшие из них уничтожают всех других, которых только могут одолеть*.

** Особо крупные экземпляры налима превышают в длину 1,2 м и могут весить свыше 20 кг. Налим холодолюбивая рыба, что роднит его со всеми остальными тресковыми обитателями холодных северных вод. Именно с холодолюбивостью налима связано то, что он наиболее активен в зимнее время, а летом прекращает питаться и впадает в спячку. Наиболее многочисленны налимы в сибирских реках.*

Налимы мечут икру от ноября до марта; таким образом, размножение этих рыб, вероятно, совершается в различное время года в зависимости от местности и климата. Как ни необщительны обычно налимы, но ко времени метания икры они собираются в стаи, часто штук по сто, причем, угревидно свившись друг с другом, образуют один общий клубок, как это делают спаривающиеся змеи.

Хотя в икринной самке насчитывают около 130 тысяч яиц, тем не менее размножение налимов не очень значительно, так как большая часть вылупившейся молоди бывает съедена старыми налимами или другими хищными рыбами. Рост налимов, по-видимому, происходит очень медленно, половозрелость же наступает только на четвертом году.

Наиболее удачный лов налимов происходит в пору метания ими икры; ловят налимов сетями, на лесу со дна и в вершники. Для наживки употребляют мелких рыбешек и мясо раков. Относительно вкуса налимого мяса существуют весьма разноречивые мнения. В Германии в одних местах его хвалят, в других не едят; взгляды, следовательно, совершенно неодинаковые; в Англии оно, в общем, не особенно ценится; в Швейцарии его предпочитают мясу большинства других пресноводных рыб. «Налимы, пойманные в текучих водах, — говорит старый Геснер, — имеют мясо белое и здоровое. Печенка их представляет изысканное блюдо, высоко ценимое самими завзятыми аристократами; до Рождества, т.е. пока налимы еще не метали икру, она вкуснее, нежели после этого времени, в пору же икрометания рыбы печенка, говорят, иногда покрывается пятнами, каковые следует рассматривать как болезненные признаки рыбы. Желудок налима имеет лекарственную силу против всех болезней матки у женщин, особенно принятый в питье, он способствует быстрому разрешению от родов; он снимает также рези в желудке. Печень подвешивают обыкновенно в каком-нибудь стеклянном сосуде, ставят последний в теплую печь или на солнце; тогда она выпускает из себя масло красивого желтого цвета, которое бывает целительно против слепоты, бельма и при потерях зрения вообще». Верит ли еще теперь известный класс населения в подобную чудодейственную силу, с определенностью сказать нельзя, но, во всяком случае, это не невероятно. Из печени налимов добывается превосходный печеночный жир, употребляющийся как лечебное средство. Весьма интересное употребление некоторых частей налимов изучал Эрман в Сибири. У бурят кожа этих рыб заменяет наши оконные стекла, а некоторые инородцы шьют из налимайей кожи куртки, штаны и обувь.

Семейство мерлузовые

Европейская мерлуза, или обыкновенный хек (*Merluce insmerluceus*), достигает около 120 см, вес — 16 кг. Буро-серая спина на боках и брюхе отсвечивает серебристо-белым блеском; верхние плавники темного цвета, нижние бледно-бурого.

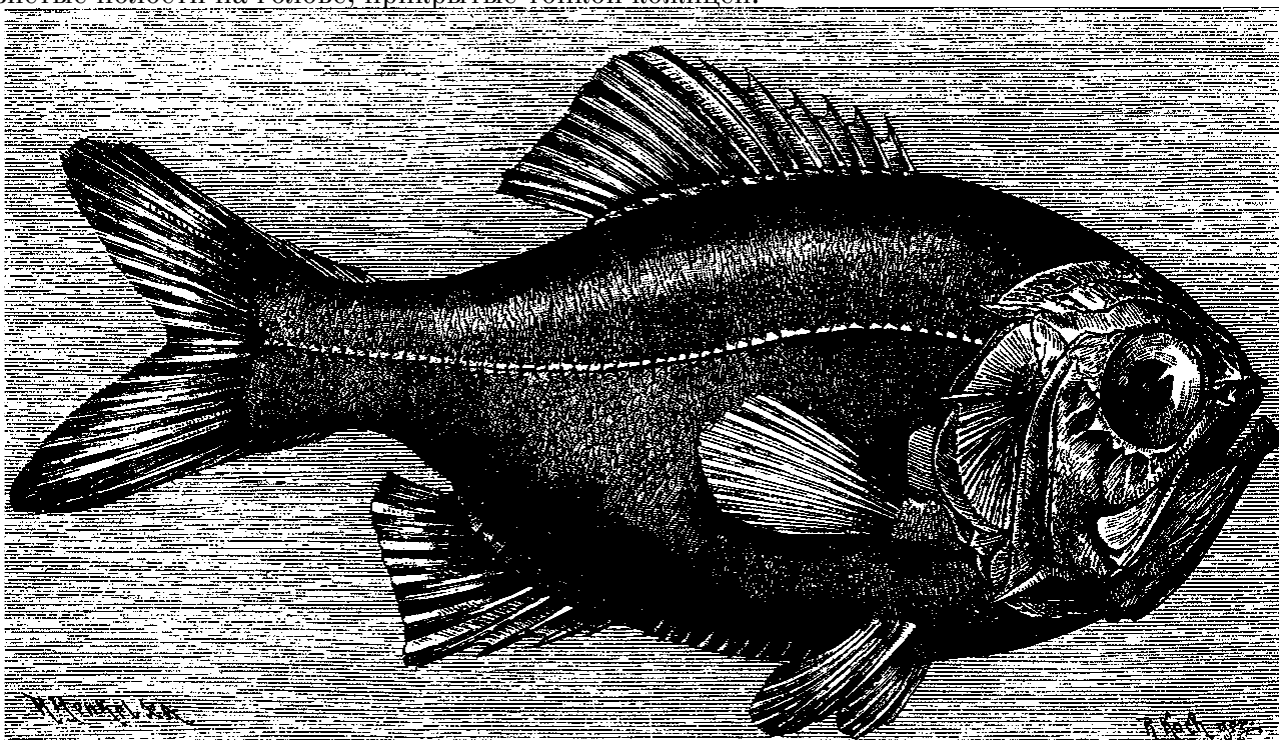
Мерлуза, описанная еще Ронделетом, принадлежит к числу самых обыкновенных и самых ценных рыб Средиземного моря, но распространена также по всей северной части Атлантического океана и обыкновенно водится вдоль европейских берегов, в особенности в британских и скандинавских водах. Начиная с января и до апреля (время ее размножения) она держится у самого дна моря и почти или совсем не проявляет своей необыкновенной прожорливости, по крайней мере не часто попадает на крючок, почему ее и ловят тогда неводами*.

** Хек обычно обитает на глубинах 100-300 м и у самого побережья встречается редко. Взрослые рыбы — хищники, питаются различной рыбой, прежде всего сельдью. Объект промысла.*

Но в пору появления у берегов сардинок она идет следом за ними и уничтожает этих рыбок в несметном количестве. Редко случается, чтобы рыбак при ловле сардинок не вытаскивал и мерлузу. Если случится, что сеть пробудет в воде несколько дней, то мерлузам предоставляется прекрасная возможность вдоволь насытиться; подобным счастливым случаем они пользуются так основательно, что теряют подвижность и становятся почти беспомощными. Из желудка одной мерлузы средней величины Кауч вынул 17 сардинок. Скорость пищеварения и прожорливость этой рыбы находятся в совершенном соответствии.

Семейство трахихтовые, или большеголовые

У **слизеглазов** тело продолговатое или же высокое и сжатое. Для них характерны большие слизистые полости на голове, прикрытые тонкой кожей.

Новозеландский слизеглав (*Trachichthys traillii*)

Все виды живут в море, большинство на значительной глубине, и, сообразно этому, они имеют то очень маленькие, то очень крупные глаза. Подобно другим глубоководным рыбам, слизеглавы распространены очень широко, и многие виды известны как с Мадеры, так и из Японии.

Наш рисунок изображает **новозеландского слизеглава** (*Trachichthys traillii*). Наибольшие экземпляры его достигают 20 см в длину.

Семейство солнечниковые

Благочестивое предание у католиков повествует, что однажды апостол Петр должен был заплатить подать и, чтобы исполнить это, он взялся не за кошелек, а сунул руку в воду, извлек оттуда рыбу и взял из пасти животного необходимые деньги на подать. Говорят, что это произошло в открытом море и апостол так сильно ухватил рыбу руками, что на ней осталось с каждой стороны два черных круглых пятна, которые, по преданию, представляют собой отпечатки пальцев апостола и которые дали повод на западе называть и ныне это животное рыбой Св. Петра. Конечно, она не всюду носит это название: у греков она называется Христовой рыбой, у испанцев — рыбой Св. Мартина, у северо-германцев, наконец, — сельдяным королем. Вообще это рыба необыкновенная, и уже древние считали ее удивительным созданием.

Обыкновенный солнечник (*Zeus fabei*) имеет два отдельных спинных плавника, из которых передний отличается удлиненными лучами, вытянутыми в нити; два несколько отстоящих один от другого заднепроходных плавника, которые до известной степени повторяют строение спинных плавников, так как лучи переднего из них также несколько удлинены; длинные брюшные плавники расположены под маленькими кругловатыми грудными плавниками. Верхушка спины и острие брюха покрыты вилообразными колючками, а остальное туловище — очень мелкими чешуйками. Окраска меняется в зависимости от времени года и места обитания. В Средиземном море солнечник бывает часто окрашен в чистый золотистый цвет, на севере же — в серо-желтый. Характерным для него является круглое, совершенно темное пятно на каждом боку. Плавники имеют черноватую окраску. В длину рыба бывает более 1 м, а по весу достигает 15-20 кг.

Из Средиземного моря солнечник распространяется по части Атлантического океана, а к северу — вплоть до берегов Великобритании, где его постоянно наблюдают, а иногда даже вылавливают в значительном количестве*.

** Солнечники держатся в придонных слоях на глубинах 100-500 м. Это медленно плавающие хищные рыбы, которые незаметными движениями подкрадываются к своей добыче, а затем быстрым броском схватывают ее. Успешной охоте способствует то, что солнечники имеют сильно сплюсненное с боков тело и из-за этого их приближение трудно заметить спереди.*

Он предпочитает открытое море берегам и держится поодиночке. Судя по форме тела, можно но было бы признать их медленными пловцами; на самом же деле это не так, ибо они двигаются очень живо и проворно, Солнечник не отстает от стад сардинок и схватывает обыкновенную каракатицу, очень внимательное и проворное животное. Каракатица вместе с мелкими и молодыми рыбами и ракообразными представляет самую любимую его пищу.

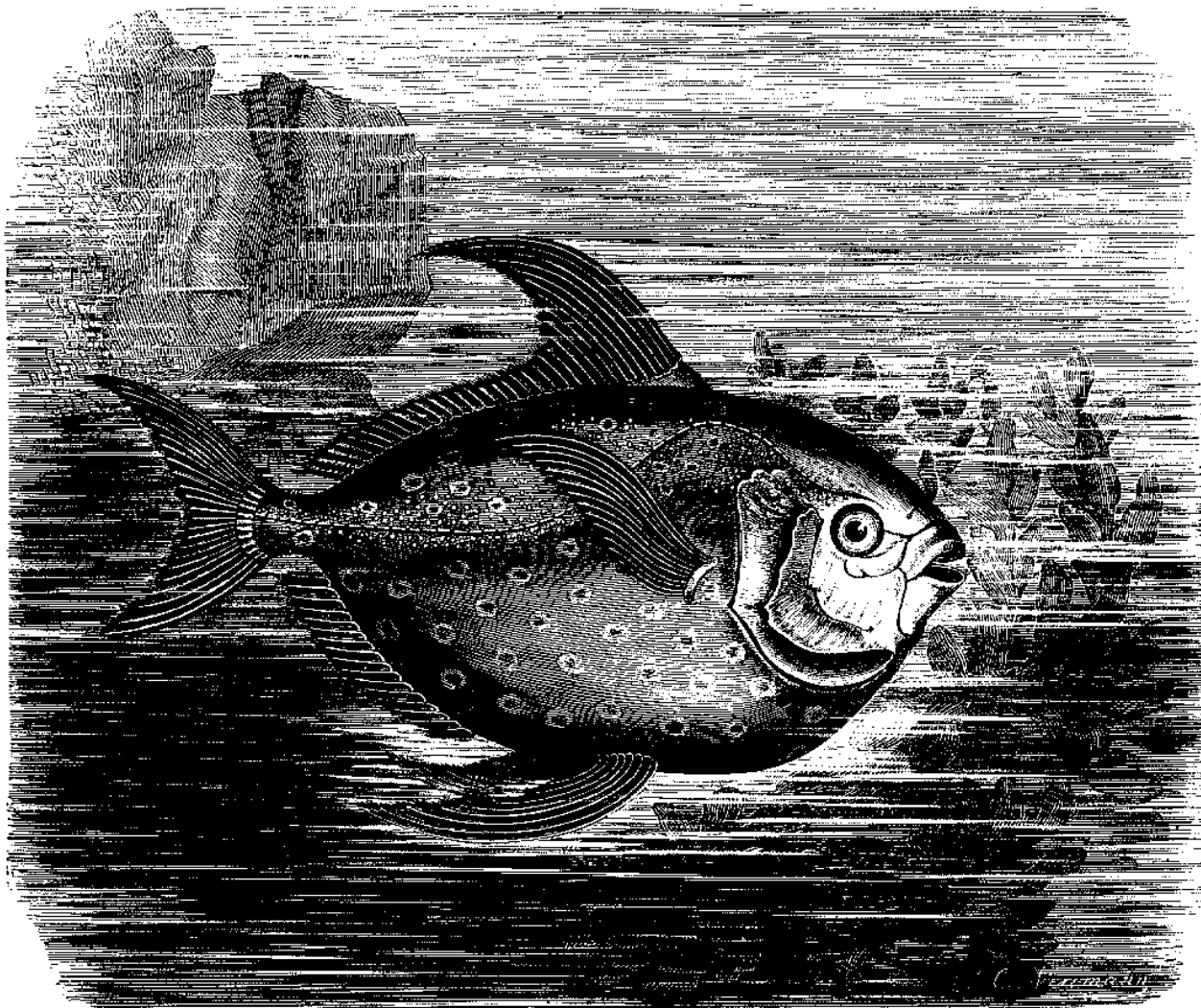
Монтэю рассказывает, что известный актер Кин был первым, кто, несмотря на избалованный вкус, оценил мясо солнечника и обратил внимание своих сограждан на рыбу, признаваемую ныне всеми гастрономами лакомством. Благодаря англичанам о ней узнали также французы, а позже и итальянцы; но ее древне-латинское название указывает на то, что жители берегов Средиземного моря уже задолго до Кина знали о превосходных качествах ее мяса, и Павел Иовий называет рыбу Св. Петра самой вкусной из средиземноморских рыб.

Семейство опаховые

Опах (*Lampris regim*) достигает 2 м длины и весит около 100 кг, следовательно, это очень крупная рыба. Красотой окраски он может поспорить с рыбами южных морей. Верхняя сторона блестящего стали-синего цвета, который на боках переходит в фиолетовый и на брюхе становится розово-красным. Плавники чудного кораллово-красного цвета*.

* *Опах* — очень крупная рыба открытого океана тропической и субтропической зон, иногда с теплыми течениями единичные экземпляры достигают северных широт — известны случаи поимки опаха у Кольского полуострова и в Белом море. Длина достигает 2 м, а вес — 200-300 кг.

Мортимер, доставивший Королевскому обществу опаха, пойманного в 1750 году в Лейте, сообщает, что в это время в Англии находился принц из Анамабу, страны, расположенной на западном берегу Африки, и он сразу сказал, что эта рыба принадлежит к очень обыкновенным рыбам его отечества, которую туземцы хорошо знают под названием «опа».

Опах (*Lampris regius*)

Мясо их считается очень вкусным, ценится наравне с мясом лосося и, по мнению исландцев, предохраняет от всевозможных болезней.

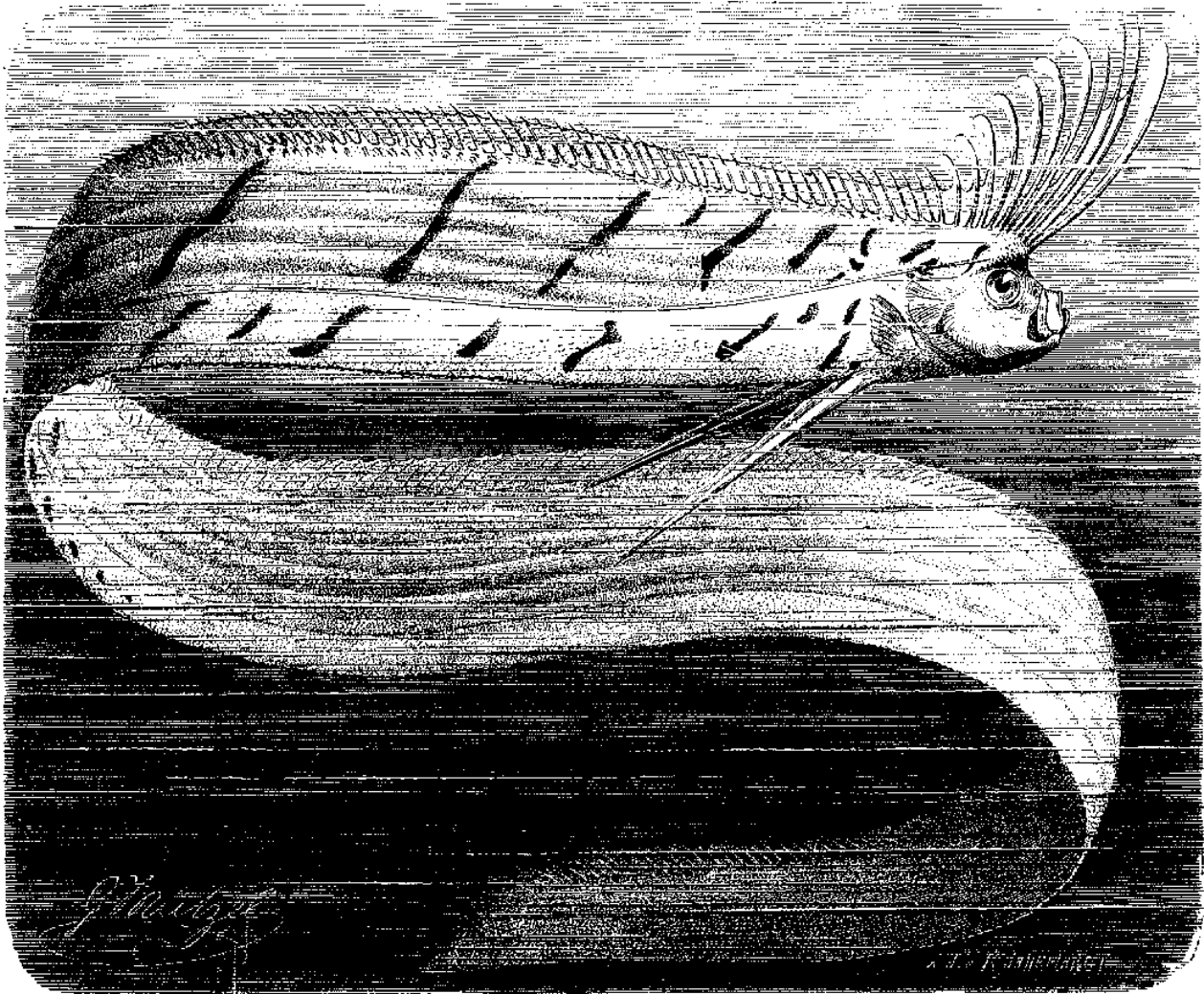
Семейство сельдяные короли

23 февраля 1788 года на берег Великобритании была выброшена одна рыба 2,5 м длиной, 24 см высотой, 6 см толщиной, весившая 20 кг. До тех пор такую рыбу не видал еще ни один рыбак. За ее сходство с ремнем ей дали название «ремень-рыба». 18 марта 1796 года женщины нашли второй экземпляр того же вида, но более крупных размеров: длина его была 4 м, высота 30 см, толщина 8 см. Начиная с этого времени случалось несколько раз, что ремень-рыб выбрасывало на берег, и среди них бывали экземпляры длиной почти 6 м.

Сельдяной король, или ремнетел (*Regalecus banksii*)*, имеет голову длиной в 1/16 всей длины тела, высота же тела равна 1/13 его длины.

** Это очень красивые рыбы, которые часто поднимаются к самой поверхности воды и перемещаются, красиво изгибая свое длинное тело. Иногда их наблюдали в стаях сельди, что вместе с эффектным внешним обликом и послужило основанием для необычного названия этих рыб. Мясо сельдяных королей несъедобно.*

Морда этой рыбы срезанная, беззубое рыло имеет вертикальную щель рта, верхняя челюсть сдвинута. Большие глаза помещаются по бокам впереди и в верху головы, занимая не менее 1/16 длины последней. Вдоль брюха тянется кожистая оторочка.

Сельдяной король, или ремнетел (*Regalecus banksii*)

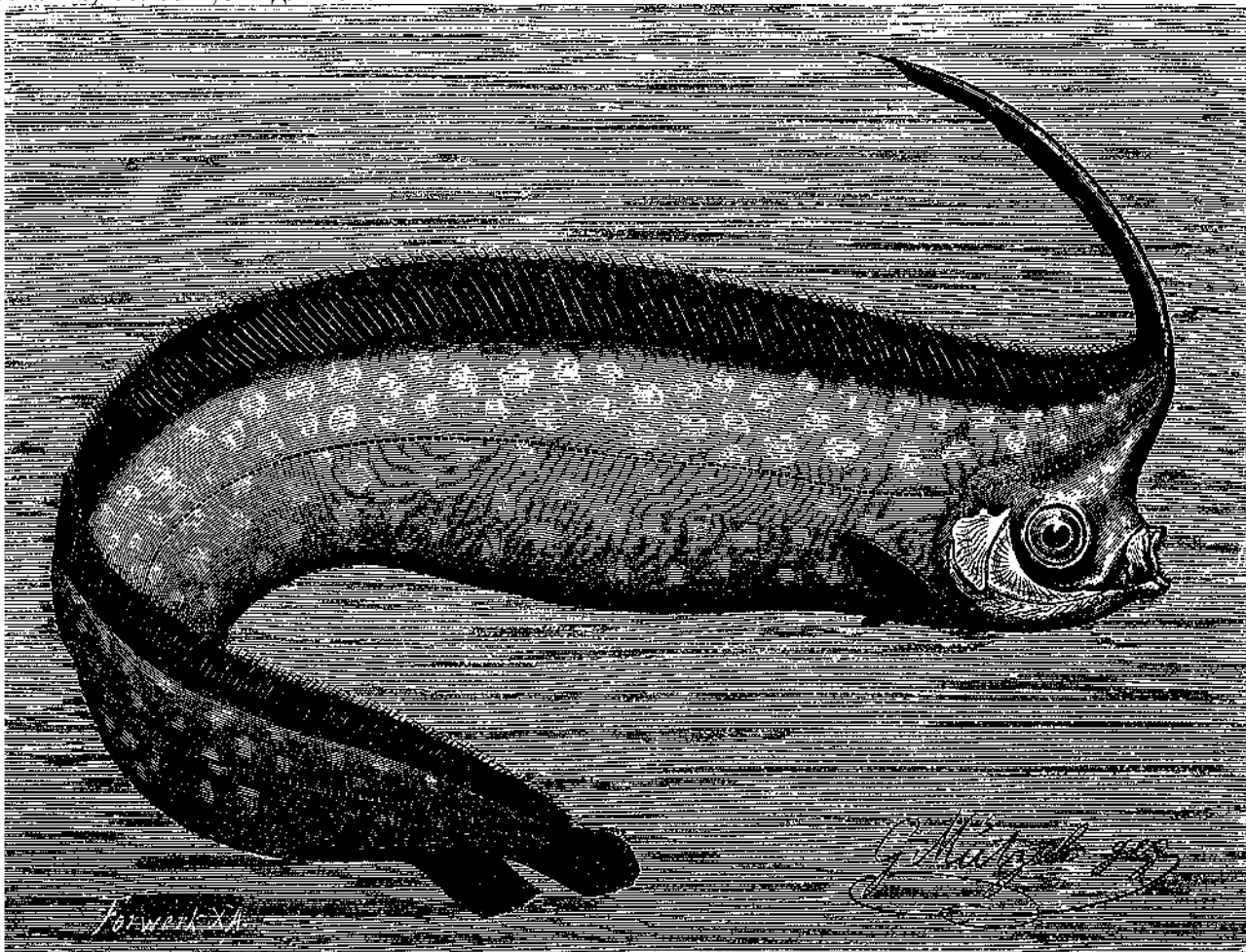
В спинном плавнике, идущем по всему телу, 12-15 лучей длиннее остальных, число которых бывает 264-290; у конца длинные лучи слегка загнуты назад и отчасти расширяются здесь до двойной толщины, некоторые из них связаны перепонкой до самого конца, остальные свободны; низкие лучи все одной длины и образуют ровный плавник. Тело покрыто многочисленными костными щитками, из которых наиболее крупные помещаются на четырех сходящихся под углом и тянущихся вдоль боков тела рядах; все остальные щитки разбросаны неравномерно. Цвет этой рыбы нежно-белый с серебристым блеском. Рисунок состоит из прерывистых полос более темного цвета. Плавники выглядят оранжево-желтыми.

Наблюдений над образом жизни этих рыб, само собой разумеется, сделано быть не могло. О родственных им видах рыб, живущих в Средиземном море, есть сведения, что они двигаются очень

оживленно и могут долгое время прожить вне воды. Писатели, сообщающие об этих средиземноморских рыбах, не находят слов, чтобы описать красоту их. Приближаясь при спокойной воде к берегам, они бороздят волны, словно серебристые ленты, отороченные красной бахромой или драгоценными камнями.

Семейство лофотовые

Лентовидное тело с заднепроходным отверстием почти на конце его, короткий заднепроходный и равный длине тела спинной плавники составляют отличительные признаки **лофота** (*Lophotes cepediamis*) более 1,6 м длиной.

Лофот (*Lophotes cepediamis*)

Живет он, вероятно, в глубоких морях и потому широко распространен по океанам, так как был найден не только в Средиземном море и около Мадейры, но и в Японском море. Высокий гребень на голове и необыкновенно длинный и толстый шип на переднем конце спинного плавника придают этой рыбе своеобразный облик.

Семейство колюшковые

Трёхиглая колюшка (*Gasterosteus aculeatus*) характеризуется тремя иглистыми лучами в передней части спины, из которых второй самый длинный, первый же приходится над грудными плавниками. Вид этот, по-видимому, встречается в нескольких постоянных разновидностях. В длину эта колюшка имеет 7-8, самое большее 9 см; верхняя часть ее зеленовато-бурая или черно-голубая; бока и брюхо серебристые, горло и грудь бледного розово- или кроваво-красного цвета. Однако окраска колюшек бывает весьма изменчивой, причем в пору метания икры она гораздо ярче, чем в другое время.

Область распространения этой рыбешки простирается по большей части Европы, за исключением бассейна Дуная, где она до сих пор не была найдена. Во всех остальных местах она обычна и при известных условиях так же обыкновенна в пресных водах, как и в море*.

* Область распространения трёхиглой колюшки захватывает также атлантические и тихоокеанские берега Северной Америки.

Девятииглая колюшка (*Pungithis pungitius*) — одна из самых маленьких пресноводных рыб, достигающая только 6 см в длину; от предыдущей она отличается 9-11 почти равными по длине иглистыми лучами на передней части спины и несколько более вытянутым телом. Верхняя часть ее

зеленоватая, нижняя блестящая, серебристая; как та, так и другая часто бывают неравномерно покрыты расплывшимися пятнами поперечных полос.

Девятииглые колюшки в большом количестве водятся в Северном и Балтийском морях; они также часто заходят в реки, поднимаются высоко вверх и в пресных водах, по-видимому, так же живут, как и другие родственные им формы**.

* * *Кроме Северного и Балтийского морей девятииглая колюшка многочисленна в морях бассейна Северного Ледовитого океана, а также в северной части Тихого океана. По сравнению с трёхиглой девятииглая колюшка более северная и пресноводная рыба.*

Морская пятнадцатиглая колюшка (*Spinachia spinachia*) — самый крупный вид всего рода. Она имеет весьма удлинённую форму тела, сравнительно острое рыло и 15 игл в передней части спины. Спина и верхняя часть тела выглядят зеленовато-бурыми, бока желтоватые; щеки, жаберные крышки, горло и брюхо серебристо-белые; второй спинной и заднепроходный плавники впереди имеют тёмное пятно. Избегает пресной воды.

Немногие рыбы соединяют в себе столько привлекательных качеств, как колюшки. Они оживлены и подвижны, проворны, хищны и драчливы, смелы, полагаясь на свое страшное для других рыб оружие, задорны по той же причине, но зато нежны в своих заботах о потомстве. Благодаря всем этим качествам их охотно держат в аквариумах, и это объясняет, почему мы довольно хорошо познакомились с этими рыбами*.

* *Колюшки прекрасный объект для наблюдений. С этой целью их содержат в своих аквариумах не только аквариумисты-любители, но и ученые-ихтиологи, занимающиеся исследованием повадок рыб. Изучению нерестового и родительского поведения колюшек, сложных взаимоотношений между самцами, между самцами и самками много времени посвятил, например, известный ученый, нобелевский лауреат Нико Тинберген, получивший эту высокую награду и всемирное признание за свои исследования в области поведения животных, в том числе и колюшек.*

По моим исследованиям, приучить этих рыб жить в обширных аквариумах и при хорошо устроенной проточной воде удастся всегда; напротив, в мелких, узких бассейнах, как в этом, к своему сожалению, убедился Эверс, многие колюшки гибнут. Главным образом это происходит с тоски о потере своей свободы, или рыбы просто не выносят перемены в условиях жизни, так как они, весьма верно замечает этот превосходный наблюдатель, оказываются весьма впечатлительными и пылкими.

"Только что пойманные колюшки, — сообщает Эверс, — почти все без исключения ведут себя вначале совершенно безумно и яростно. По целым часам эти неразумные твари метались то вверх, то вниз, тыкаясь все время в стекло своей мордой, и никакие старания мои, никакой лакомый кусок не могли образумить их: каждое движение с моей стороны лишь усиливало в рыбешках страх. Для меня несомненно, что причиной смерти многих из них было единственно это взволнованное состояние и рыбы в полном смысле умирали со страху. Случалось также, что некоторые особенно сердитые колюшки с такой силой бросались на мой палец, приставленный к наружной стенке аквариума, или на свое собственное отражение, что разбивали свое рыло в кровь!" В обширных аквариумах я такого поведения никогда не замечал. Здесь только что пойманные колюшки с самого начала обществом плавали кругом, словно желая освоиться, и обыскивали каждый угол, каждую впадину, каждое местечко. Затем, если какая-нибудь из них займет угол или любое другое место в аквариуме, начинается яростная борьба между ней и всякой колюшкой, которая осмелится помешать ей. Оба бойца с большой поспешностью плавают друг около друга или оплывают один другого, кусаются и пытаются вонзить свои ужасные иглы в тело противника. Часто бой длится несколько минут, пока один из бойцов не отступит, и раз это случилось, победитель, по-видимому весьма раздраженный, плывет за побежденным и гоняет его из одного места аквариума в другое, пока последний не выбьется из сил. При таких схватках дело часто доходит до того, что одному из бойцов удается пронзить иглой другого, отчего последний опускается на дно мертвым.

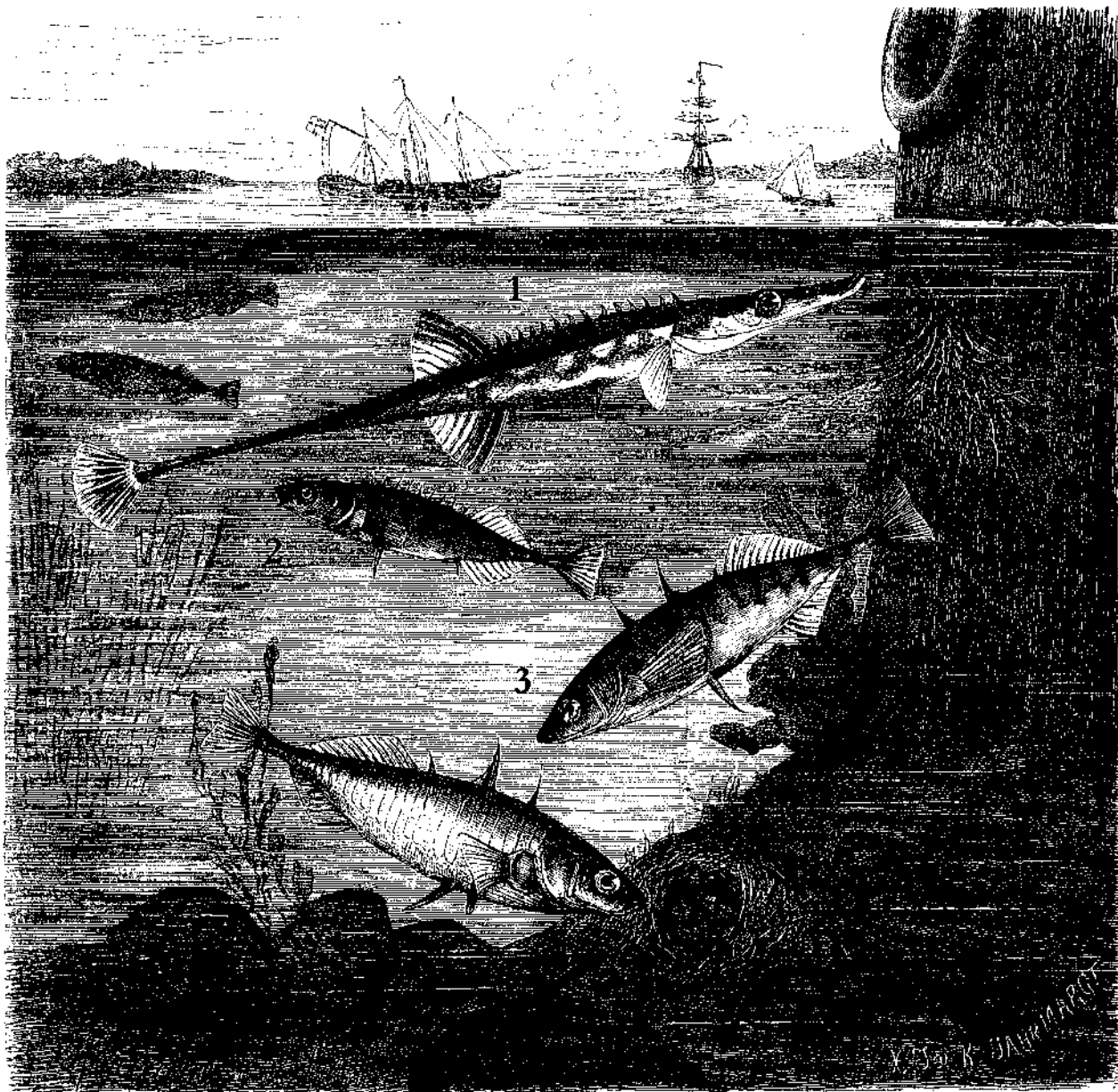
Большой частью дело кончается, как у турухтанов, без серьезных последствий: слабая сторона скоро обращается в бегство, преследуемая раздраженным победителем, пока не перейдет за границы его владений и не шмыгнет в какой-нибудь безопасный уголок. Я много раз видел, как преследуемый, находясь в критическом положении, внезапно останавливался, ложился на бок и угрожал преследующему своей брюшной иглой. В большинстве случаев победитель тогда прекращал преследование и возвращался обратно.

Вместе с другими наблюдателями я был того мнения, что сражаются друг с другом только самцы-колюшки, самки же, напротив, живут между собой мирно. Эверс считает этот взгляд ошибочным. Две жившие у Эверса особенно крупные и длинноиглые самки были склонны к единовла-

стию, признавали только друг друга, на всех же остальных сородичей нападали и сумели привести их в такой страх, что остальные самки даже во время кормлений прятались до тех пор, пока воинственная пара не съедала свою львиную долю. Даже самцам приходилось плохо от этих Ксантип. Эверс, в конце концов, вынужден был удалить обеих мегер*.

* Агрессивные столкновения между самками не характерны для колюшек, они могут происходить лишь в аквариуме.

Внутреннее возбуждение у колюшек имеет большое влияние на окраску, которая в буквальном смысле слова изменяется в зависимости от настроения рыбы.

1 — Морская пятнадцатиглая колюшка (*Spinachia spinachia*) 2 — Девятиглая колюшка (*Pungitius pungitius*) 3 — Трехиглая колюшка (*Gasterosteus aculeatus*)

Гнев и возбуждение победы превращают зеленоватую, испещренную серебристыми пятнами окраску рыбок в красивейшие и яркие цвета: брюхо и нижняя челюсть принимают темно-красную окраску, спина изменяется до красновато-желтого и зеленого цвета, беловатая в другое время радужина теперь обретает темно-зеленый блеск. Обратное изменение цвета наступает столь же быстро. На этот счет у Эверса также имеются состоятельные наблюдения. Изменение цвета у его питомцев всегда настолько зависело от душевного настроения, что по цвету всегда можно было узнать, спокойны рыбки или нет. Всякий самец, завоевавший себе определенное местечко, был окрашен в яркие цвета, тогда как самцы, которые все еще отыскивали себе пристанище и должны были держаться около самок, были так же бесцветны, как и последние. Если у того или другого самца появлялся розово-красный цвет, наблюдатель мог смело рассчитывать, что данный экземпляр сделает какую-нибудь хищническую вылазку. В таких случаях окраска все время сгущалась, но, лишь только отвага исчезала, эта новая окраска тоже пропадала. У властвовавших самцов сгущение цвета

также всякий раз было предвестником какого-либо предприятия. Если Эверс перемещал такую изукрашившуюся колюшку в другой аквариум, ее роскошная окраска быстро исчезала и, пока рыба оставалась спокойной, более уже не возобновлялась. Но и переселенцы много раз имели ту же интенсивную окраску, и тогда иной раз было трудно догадаться о причине их возбужденного состояния. Одна колюшка приходила в раздражение при виде сломанного и движимого ветром листа тростника, другую сердил камешек на дне, по ее мнению лежавший неправильно, третья негодовала на тень наблюдателя.

В очень большом аквариуме или на свободе колюшки плавают быстро и ловко, часто высоко выпрыгивают из воды, вообще забавляются различными играми, но при этом следят за всем, что происходит вокруг них, в особенности же за молодыми рыбками, которые и составляют главную их пищу. На сильных хищных рыб они, в общем, мало обращают внимания, конечно, благодаря сознанию своей безопасности; если же наблюдать внимательнее, то можно убедиться, что даже самые прожорливые хищники и те избегают колюшек. Даже щука, которой все кажется съедобным, и та боится их игол, и только более крупные морские рыбы, например треска и семга, безнаказанно пожирают их. Несмотря на свое вооружение и видимую беспечность, колюшки узнают врагов очень хорошо, по крайней мере тотчас же расправляют свое оружие, как завидят рыб, кажущихся им опасными. Когда Эверс посадил в свой аквариум одного окуня, ни золотые рыбки, ни гольяны, жившие в этом аквариуме, почти не обеспокоились и продолжали свои обычные занятия; но совершенно иначе посмотрели на это дело колюшки. Как только окунь с подозрительным спокойствием, со сверкающими красными глазами и алчной пастью, выражавшей жажду крови, начинал плавать кругами, колюшки сбивались в кучу, положительно загорались темным: цветом гнева и, расправив свои шипы, зорко следили за противником. Теперь вся междоусобная рознь была забыта: пока окунь жил в этом аквариуме, Эверс ни разу не видел, чтобы одна колюшка гонялась за другой. Большой частью они держались вместе в верхних слоях воды, особенно среди ветвистых стеблей водяных растений; самцы составляли как бы наружную оборонительную цепь, и то один, то другой из этих смелых созданий иногда бросался на врага и прогонял его на некоторое расстояние. «Что колюшки, — резонно замечает Эверс, — на грозящую опасность направляют все свое внимание, по моему мнению, является немаловажным доказательством их понятливости».

Самое интересное в образе жизни колюшек, без сомнения, их отношение к делу размножения.

Постройка гнезда и нежная забота рыбы о своих детенышах, правда, не являются чем-либо необыкновенным, о чем уже сказано во введении к этому тому, однако все-таки это настолько интересно, что с размножением колюшек стоит познакомиться поближе. Я сам наблюдал этих рыб во время постройки ими гнезда, так как в неволе они занимаются этим с таким же усердием, как и на свободе, но в нижеследующем описании я не желаю посягать на права прежних наблюдателей и просто сопоставляю все ими открытое.

Когда приближается пора метания икры, каждый самец, выбирает определенное место и защищает его со свойственными ему упрямством и драчливостью от всякой другой рыбы его вида и пола, которая осмелится нападать на него. Избранное место может быть различно. Колюшки, мечущие икру в пресных водах, отыскивают для этого обыкновенно мелкие места с каменистым или песчаным дном, по которым вода или быстро течет или, по крайней мере, часто бывает в движении. Здесь гнездо устраивается или на дне, полузарытое в песке, или свободно положенное между водяными растениями*.

** Первыми к берегам для нереста подходят обычно самки-колюшки, затем появляются самцы. В это время они приобретают яркий брачный наряд. Для постройки гнезда самец выбирает место в углублении дна или среди растений, на глубине от 10 см до 1 м. На постройку гнезда требуется от нескольких часов до 7-10 дней.*

Самец, носящий в пору метания икры роскошный цветной наряд, а также и иным способом проявляющий свою высокую деятельность и оживленность, сначала натаскивает, иногда издалека, несколько корешков или других частей различных водяных растений, нередко превосходящих размерами его самого. Он даже отрывает для этого с усилиями большие куски живых растений, пробует их вес, давая падать, и употребляет в дело те из них, которые быстро идут ко дну, найденные же им легкими бросает прочь. Материал им всегда выбирается тщательно, затем укладывается, вновь перекалывается, пока маленький строитель не пристроит каждый кусочек по своему вкусу. Для укрепления гнезда на дне служат песок или камешки. Для внутреннего округления и вообще для придания гнезду формы и устойчивости колюшка медленно плавает около укрепленных частей и слепляет и склеивает их. Эверс ясно замечал, как этот маленький архитектор, пристроив новый ку-

сок материала, тряс плавниками, поднимал голову, выгибал тело, проползал всей нижней частью тела по постройке и выпускал хорошо видную в воде каплю скрепляющей жидкости, действие которой тотчас же и сказывалось на склеившихся частях строительного материала**.

* * *Травинки и прочие остатки растений, которые используются для постройки гнезда, самец склеивает специальным клейким секретом, вырабатываемым почками. Если самца отловить и выпустить вдали от гнезда или предложить ему на выбор два похожих гнезда он, безошибочно узнает свое собственное. В этом ему помогает не только прекрасная зрительная память, но и хорошо развитая способность различать гнезда по запаху. Предполагают, что родной запах гнезду придает, в частности, клейкий секрет почек, используемый самцом при постройке гнезда.*

Притаскивание различных строительных материалов продолжается около 4 часов; по истечении этого срока остов гнезда уже закончен. Но внутренняя отделка, уборка более легких частиц, приведение в порядок отдельных стеблей, сплетение их концов и мощение постройки камешками — все это требует многих дней. Во время постройки колюшка думает только о своей работе и об устранении всякой тому помехи. Она работает старательно, недоверчиво поглядывает на всякого пришельца, будь то другая колюшка, тритон, водяной жук или личинка, приблизится ли такой пришелец к гнезду со злым умыслом или совершенно нечаянно. Один водяной скорпион в аквариуме Эверса был трижды и более раз схвачен строившим гнездо самцом и отнесен им в другой конец аквариума. Величина гнезда бывает различной, так как она зависит как от места постройки, так и от строительного материала; в среднем гнездо бывает величиной с кулак. Обыкновенно оно имеет продолговато-округлую форму, сверху совершенно замкнуто, с боков же, напротив, снабжено входом и выходом.

Когда самец колюшки закончит постройку гнезда, он старается заманить в него самку. Найдя самку, самец выказывает явное удовольствие, оплывает ее со всех сторон, забирается в гнездо, выметает его, минуту спустя возвращается обратно и толчками рыла побуждает самку войти внутрь. Если она не хочет делать это добровольно, то, чтобы побудить непокорную, в дело пускается игла или, по крайней мере, хвостовой плавник, а иногда отыскивается и другая самка. Как только самцу удастся побудить самку войти в гнездо, она откладывает там несколько яиц, по Косту же — 2 или 3. В ближайший день самец снова вступает в брак, в благоприятном случае приводит новую самку, добром или силой заставляет и ее войти в гнездо и отложить яйца и таким образом старается до тех пор, пока число яиц не достигнет надлежащего количества. Во время кладки или непосредственно после нее самец отправляется в гнездо, начинает тереться своим телом о тело самки и оплодотворяет отложенную икру*.

* *Приглашая самку в гнездо, самец исполняет специальный ритуальный танец (действия колюшек во время нереста, биологический смысл отдельных поведенческих актов были раскрыты Нико Тинбергеном). Последовательно в одно и то же гнездо икра откладывается несколькими самками. Одна самка может выметать за один раз до 100 икринок. Всего за период нереста одна самка в разные гнезда откладывает до 500 икринок.*

С этих пор он удваивает свое усердие и свою бдительность: нужно ведь охранять и защищать икру от всякого нападения. Теперь всякая приближающаяся колюшка с яростью преследуется и обращается в бегство, будь она мужского или женского пола, так как самки вредят яйцам не меньше, чем самцы; пожалуй, икра еще лакомее как для них, так и для только что вылупившейся малявки. До появления последней самец проявляет свою заботливость еще одним способом. Он улаживает мордой в гнезде случайный или произведенный наблюдателем беспорядок, неподвижно стоит часто около или внутри своего гнезда, трепеща своими грудными плавниками, возобновляет воду внутри гнезда, словно понимая, что яйцам необходим свежий прилив кислорода.

Наконец яйца начинают созревать, и появляются новые заботы. Нужно подумать, как охранить и уберечь незащитных вылупившихся рыбешек. В аквариуме Уаррингтона ночью 8 мая одна самка положила икру, а на следующий день самец сердито гнал ее прочь. Последний сторожил гнездо до 18-го числа того же месяца и в этот день вдруг принялся его разрушать, за исключением нескольких основных стебельков. Весь ил и песок, лежавшие на яйцах, были заботливо унесены во рту на одно место около 8 см в поперечнике. Когда Уаррингтон, удивленный таким поведением столь заботливого отца, прибежал к посредству увеличительного стекла, то заметил только что вылупившихся рыбешек. С этого момента самец неустанно плавал вокруг и поперек расчищенного места. Его бдительность удвоилась: он прогонял всякую другую рыбу, которая только приближалась на известное расстояние. Как только рыбешки окрепли и подросли, они, по-видимому, начали выказывать склонность разбредиться, но отец не желал допускать этого и каждого беглеца ловил

ртом и осторожно выплевывал обратно в гнездо. Только впоследствии, когда рыбешка уже проявляла некоторое умение в плавании, их сторож мало-помалу уменьшил свою бдительность, а когда новое поколение стало уже в состоянии кормиться самостоятельно, отец и совсем перестал заботиться о нем.

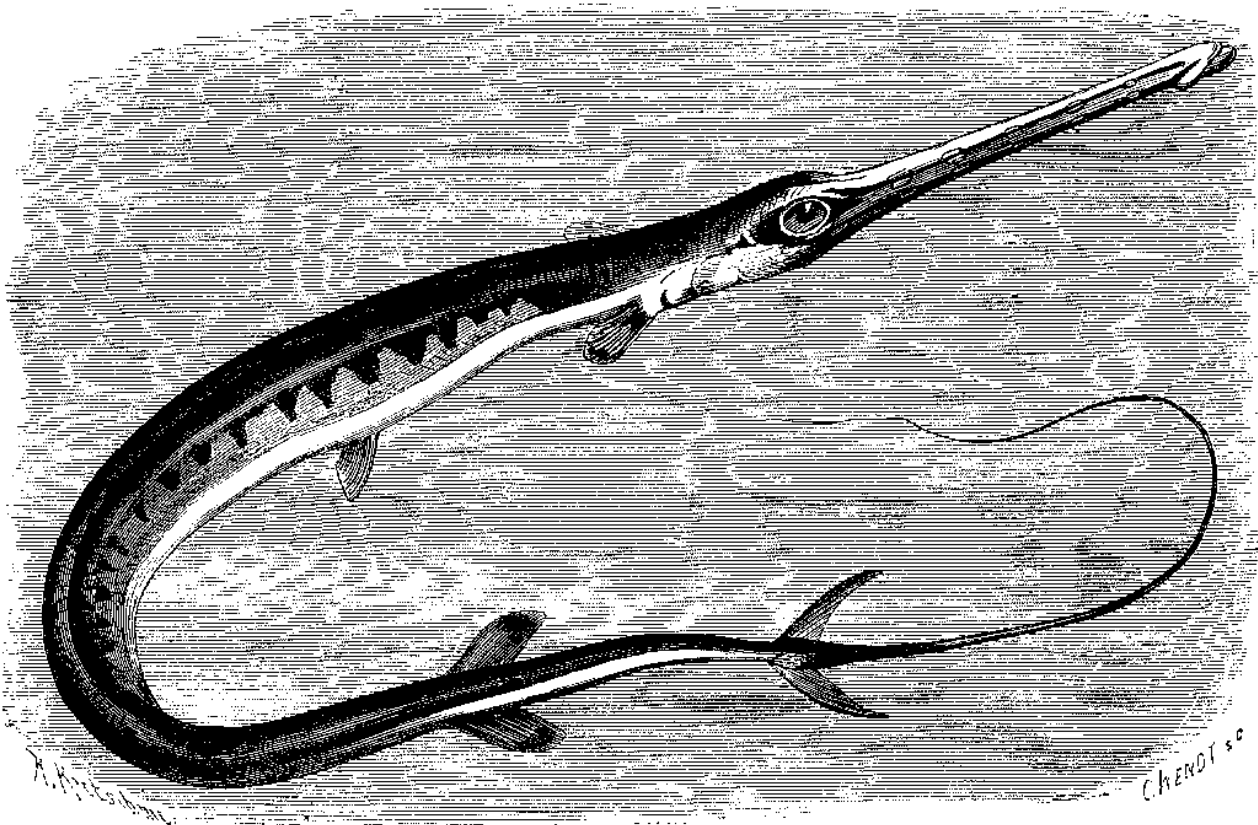
Хотя колюшки откладывают всего около 60-80 яиц, т.е. относительно немного, и, несмотря на свое вооружение, терпят и страдают от разных врагов, особенно от очень крупных ленточных глистов, и, по данным Блоха, вероятно, живут не более трех лет, они все-таки размножаются в невероятном количестве*.

** Несмотря на невысокую плодовитость колюшек, их численность в водоемах довольно высока за счет вооруженности колюшек острыми иглами, а также благодаря тому, что самцы колюшек заботливые и внимательные отцы, бесстрашно защищающие свое потомство от любых врагов.*

В Голштинии и Шлезвиге, в Швеции и Англии колюшек ловят в иные годы такими массами, что употребляют их на корм свиньям, курам и уткам, вытапливают из них жир или обращают на удобрение.

Семейство свиштульковые

Пятнистая свиштулька (*Fistularia tabaccaria*) может достигать длины более 1 м, из которой половина приходится на хвост. Верхняя ее часть по бурому фону покрыта тремя рядами голубых пятен; нижняя — выглядит серебристо-белой.

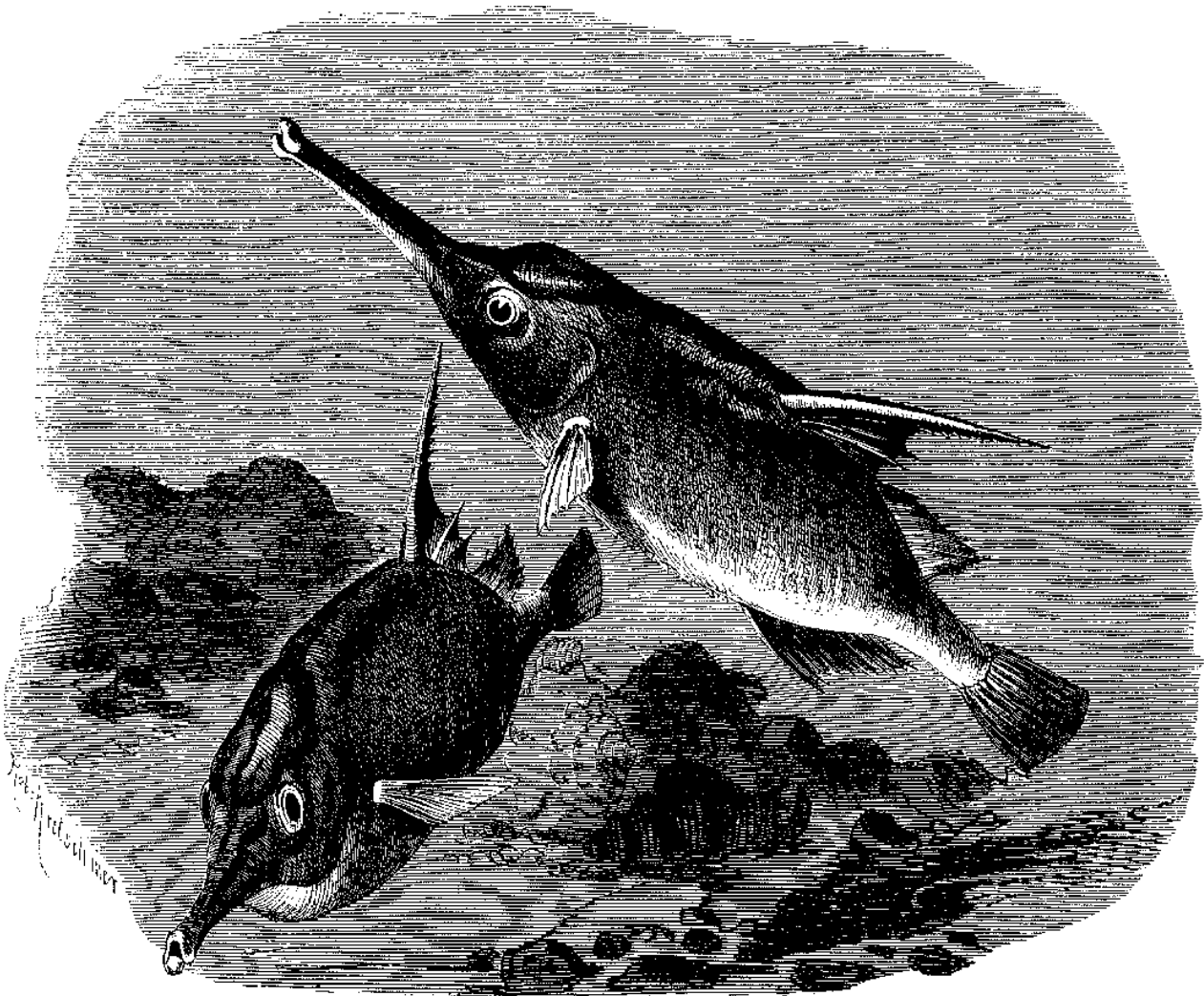
Пятнистая свиштулька (*Fistularia tabaccaria*)

Свиштульки распространены во многих частях Атлантического, Индийского и Тихого океанов, лежащих в жарком поясе. Описанный вид живет у берегов восточной и западной Америки. Образ жизни ее мне неизвестен*.

** Пятнистая свиштулька живет обычно у коралловых рифов, держится небольшими стайками. Обитает в тропической и субтропической зонах.*

Семейство бекасовые, или морские бекасы

Морской бекас (*Macrorhamphosus scolopax*) — красивая сверху, бледно-красная, по бокам и на брюхе серебристая рыбка 15 см длиной.

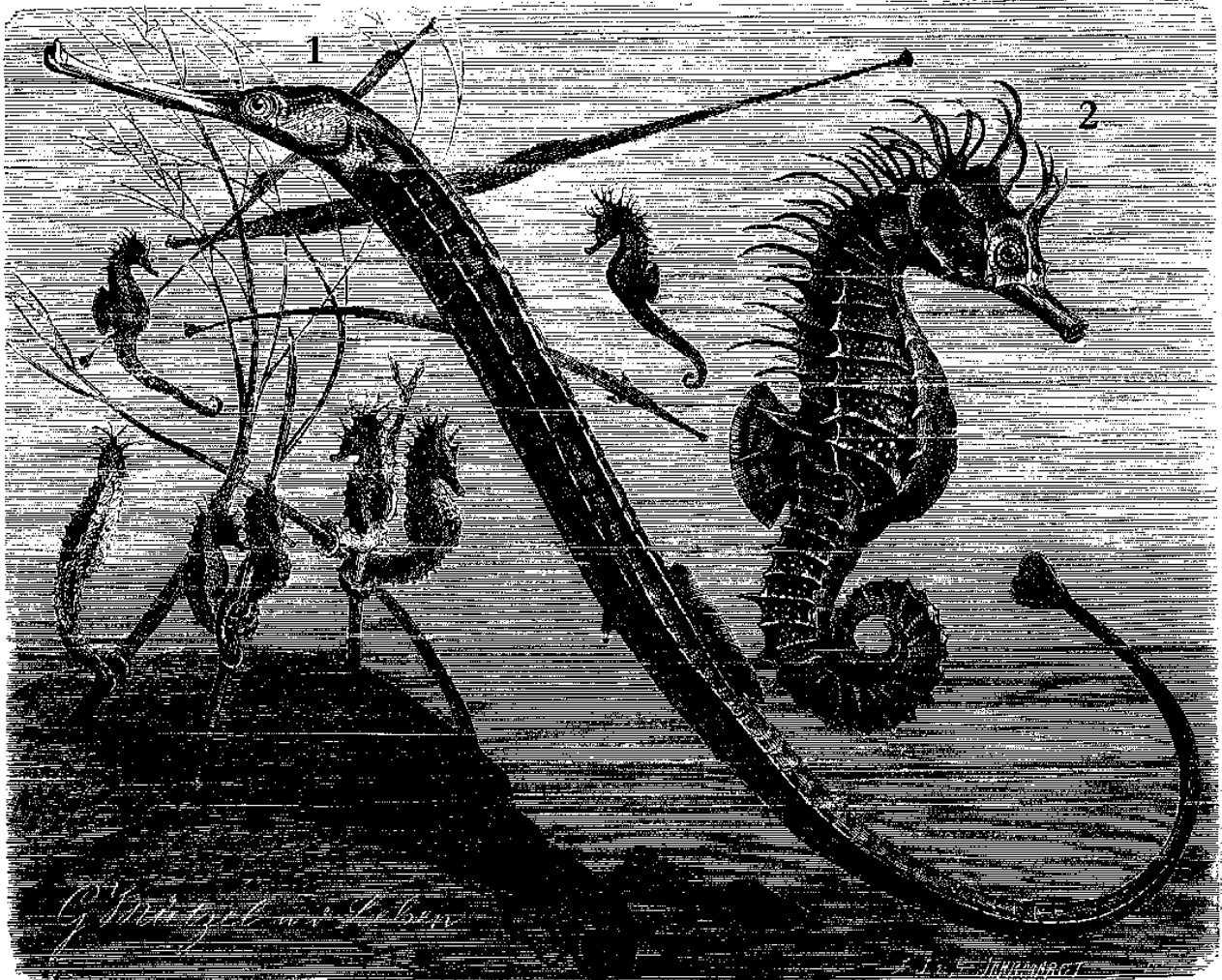
Морской бекас (*Macrorhamphosus scolopax*)

Бекас живет в Атлантическом океане и Средиземном море и в этих водах, по-видимому, встречается на известных местах довольно часто. Образ жизни его пока мало изучен, хотя он был известен уже Ронделету. Риссо, писавший о рыбах Средиземного моря, говорит, что бекасы предпочитают илистое дно и умеренные глубины, икру же мечут весной. Молодую рыбешку видят поблизости от берега осенью иногда стадами, всегда вблизи того места, где она вывелась, так как это рыбы не кочевые. О пище этих рыб Риссо не дает никаких сведений; полагают, что эта рыбка питается различными ракушками и другими моллюсками, быть может, даже рыбьей икрой, которую она вылавливает среди морских растений. Мясо ее, по мнению Геснера, «очищает кровь, легко переваривается и здорово»; однако благодаря своим малым размерам бекас редко попадает на стол, а те, кто его ловит, теперь так же, как и во времена Геснера, большей частью «высушивают его и сохраняют, как другие редкости».

Семейство игловые

Обыкновенная морская игла (*Syngnathus acus*)* — крайне тощая рыбка, которая в длину может достигать 60 см и по бледно-бурому фону покрыта темно-бурыми полосками.

* Кроме обыкновенной морской иглы в Черном море обитает еще несколько видов морских игл, один из них — пухлощекая морская игла (*Syngnathus nigrolineatus*), водится также и в Каспийском море.

1 — Обыкновенная морская игла (*Syngnathus acus*) 2 — Европейский коротконосый морской конек, или морская гусеница (*Hippocampus hippocampus*)

Область распространения морской иглы охватывает все восточные части Атлантического океана, начиная с северной Европы и до мыса Доброй Надежды, включая и связанные с океаном воды, особенно Средиземное, Черное, Северное и Балтийское моря, У южных берегов Европы эта рыба необыкновенно многочисленна в благоприятных для нее местах, в Балтийском же море она встречается очень редко. Любимым ее местопребыванием служат подводные луга — те плоские, неглубокие береговые озера и болотца, которые роскошно поросли длиннолистными водорослями. Здесь их зачастую можно видеть между водорослями, собравшихся массами, в различных положениях: некоторые обращены головой вверх, другие — вниз, одни в горизонтальном положении, другие — в наклонном, и все медленно двигаются вперед. При необыкновенной длине туловища и малой величине грудных и хвостового плавников органом движения может считаться только спинной плавник. Перемещение совершается вследствие непрерывных волнообразных движений этого плавника, которые постоянно и равномерно подвигают тело вперед.

У этой рыбы Экштрем исследовал способ размножения. Самец имеет начинающуюся на хвосте и продолжающуюся вдоль него до $\frac{2}{3}$ его длины треугольную бороздку с чуть-чуть выгнутыми боковыми стенками, которые замыкаются тонкими клапанами, лежащими один за другим, причем края их почти сходятся. Осенью и зимой клапаны тонкие и западают в бороздку; в апреле же, когда приближается время метания икры, они распухают и бороздка наполняется слизью. Около мая самка кладет в эту бороздку яйца одно за другим в виде шнурка, края замыкаются, и зародыши до конца июля остаются в бороздке, а при опасности, бывает, и снова забираются туда. Очень странно, что самцов морской иглы гораздо меньше, чем самок, тогда как у остальных рыб, как и вообще у всех позвоночных животных, отмечается как раз противоположное. По словам Валькота, игла, имеющая в длину от 10 до 12 см, уже способна к размножению.

Европейский коротконосый морской конек, или морская гусеница (*Hippocampus hippocampus*), так характерно отличается своей головой, стоящей под прямым углом к сильно сжатому туловищу, и своим хватательным хвостом без плавников, что его нельзя не узнать сразу. Морда у него относительно короткая, маленький рот несколько открыт посредине, голова украшена бо-

родатым хрящевидным отростком, а хвост усажен по краям иглами; туловище покрыто широкими щитками, а хвост — четырьмя плоскими кольцами и пучками нитей. Общая окраска бледная пепельно-бурая, которая при отражении света отлиывает синим и зеленоватым. Длина колеблется от 15 до 18 см.

Из Средиземного моря, которое считают настоящим отечеством морского конька, он распространяется по Атлантическому океану до Бискайского залива и еще дальше на север; кроме того, отдельные экземпляры попадаются в водах Великобритании и в Северном море, а также и в Австралии*.

** Морские коньки настолько необычны и забавны не только своим внешним видом, но и поведением, что их часто держат в аквариумах, где они всегда привлекают большое внимание. Во время нереста морские коньки издают характерные низкие звуки, напоминающие щелканье пальцами. В наших водах — в Черном и Азовском морях и на Дальнем Востоке в Японском море обитают другие виды морских коньков.*

Как и родственная ему морская игла, он держится только там, где роскошная растительность покрывает морское дно, так как между водорослями он отыскивает себе пищу. Здесь его можно видеть сидящим почти неподвижно на растениях или медленно плавающим вокруг. Его движения, образ жизни и привычки наглядно описаны Лукисом, который делал свои наблюдения над морскими коньками в неволе. «При плавании, — пишет он, — они держатся отвесно, а хвост занимает соответственное его деятельности положение; они быстро обматываются им вокруг водоросли и старательно высматривают в воде добычу, заметив которую с замечательным проворством бросаются на нее. Когда сойдутся два конька вместе, то зачастую они перевиваются друг с другом хвостами, после чего принимаются дергать и тянуть, чтобы снова распутаться, и при этом прикрепляются подбородком к водоросли, чтобы крепче держаться. Глаза их двигаются, как у хамелеона, независимо друг от друга, и эта их особенность, вместе с изменчивостью цвета, сильно привлекает к ним зрителей». В общем, соглашаясь с тем, что говорит Лукис, я все-таки не могу не возразить против того, что он утверждает далее, будто ни один обитатель морской глубины не проявляет столько игривости и ума, сколько морские коньки. Я наблюдал и ловил их целыми тысячами в лагунах около Венеции, сотнями воспитывал и изучал их по целым месяцам, но ни у одного из них не заметил ничего подобного: они нисколько даже не забавны и не понятливы, напротив, очень скучные и глупые создания; но их своеобразное строение, необыкновенная осанка, их медленные, непрерывные, как бы торжественные движения, так же как и изменчивость в окраске, невольно привлекают зрителя и могут привести непривычного наблюдателя к подобному суждению. По моему мнению, лучше всего характеризовать морского конька, назвав его красивой рыбкой. Их пища состоит главным образом, если не исключительно, из очень маленьких, почти незаметных невооруженному глазу ракообразных, которых они собирают с листьев водорослей.

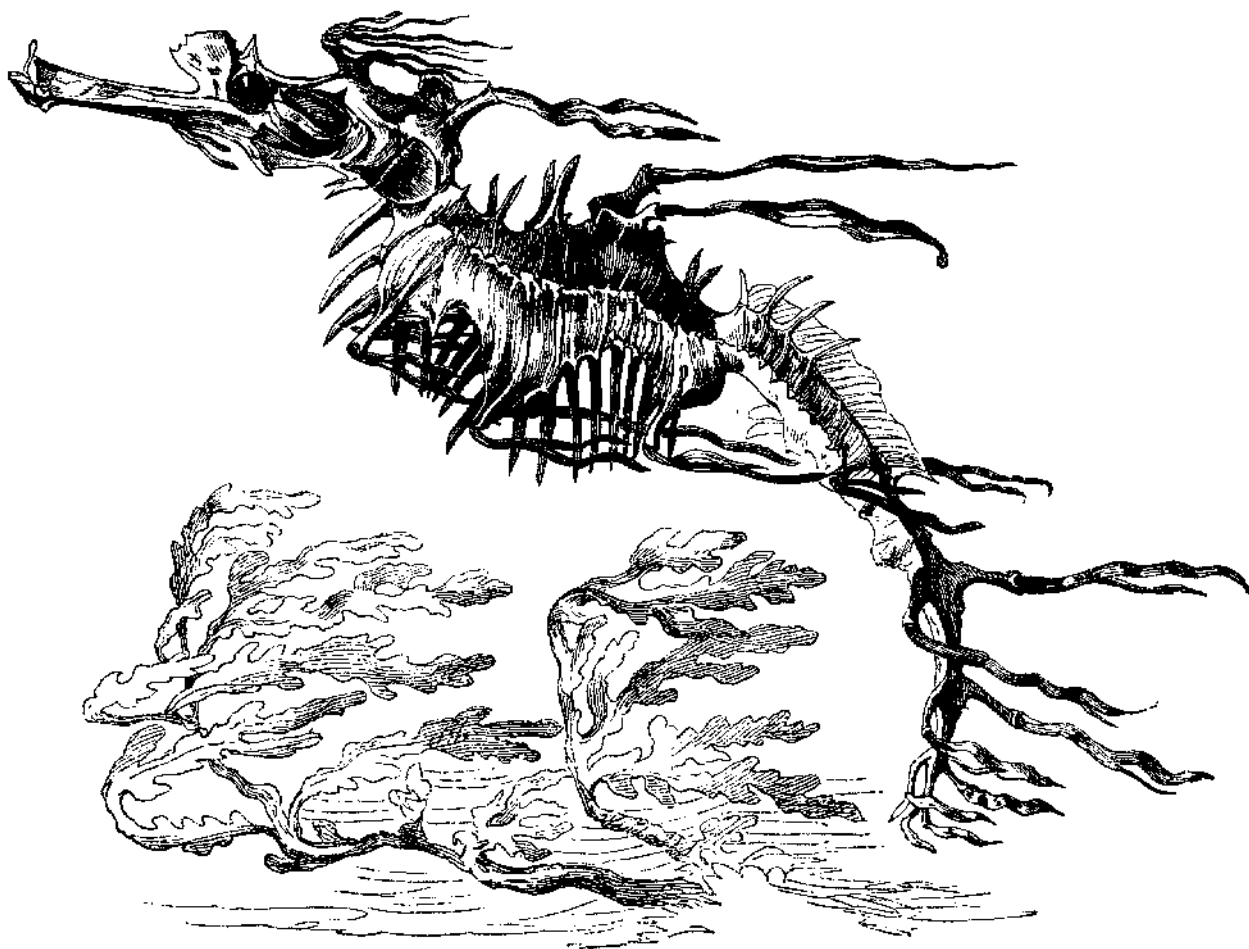
Размножение происходит таким же способом, как и у других игловых. Самка кладет яйца на брюхо самца; они здесь крепко прицепляются, самец оплодотворяет их и тогда, посредством отвисания верхней кожи, образуется мешок, в котором яйца развиваются и остаются до вылупления детенышей.

Для сведения интересующихся я сообщаю, что, по словам Геснера, «если повесить это животное на шею, то развивается похоть. Кроме того, высушенное и истолченное в порошок мясо удивительно помогает против укусов бешеной собаки. Пепел этого животного, смешанный с лежалым салом и селитрой или с крепким уксусом, составляет хорошую мазь для лысых или для тех, у кого лезут волосы. Порошком высушенного морского конька можно успокоить боль в боку, а употребление внутрь помогает тем, кто не может задерживать мочу».

В австралийских водах вместе с морскими коньками водится особенный род (*Phyllopteryx*), который мы называем **коньки-тряпичники**. Они соединяют в себе, так сказать, все особенности семейства и характеризуются главным образом необыкновенным обилием шиловидных отростков, лентообразных придатков и т. п. которые помещаются почти на всех щитках и болтаются по всем сторонам тела, подобно лоскуткам платья. Спинной плавник помещается исключительно на хвостовой части. Короткие шипы крепкие и острые; лентообразные отростки упруги, а прочие отвислости тонкие и гибкие. За исключением ясно заметного спинного и небольших грудных плавников, все прочие недоразвиты; болтающиеся ленты кожи делают этих животных как две капли воды похожими на морские растения. Яйца созревают в мягкой слизистой массе на нижней стороне хвоста; при этом не образуется мешка.

Изображенный на нашем рисунке в 2/3 натуральной величины конек-тряпичник (*Phyllopteryx eques*) имеет зеленовато-бурый цвет.

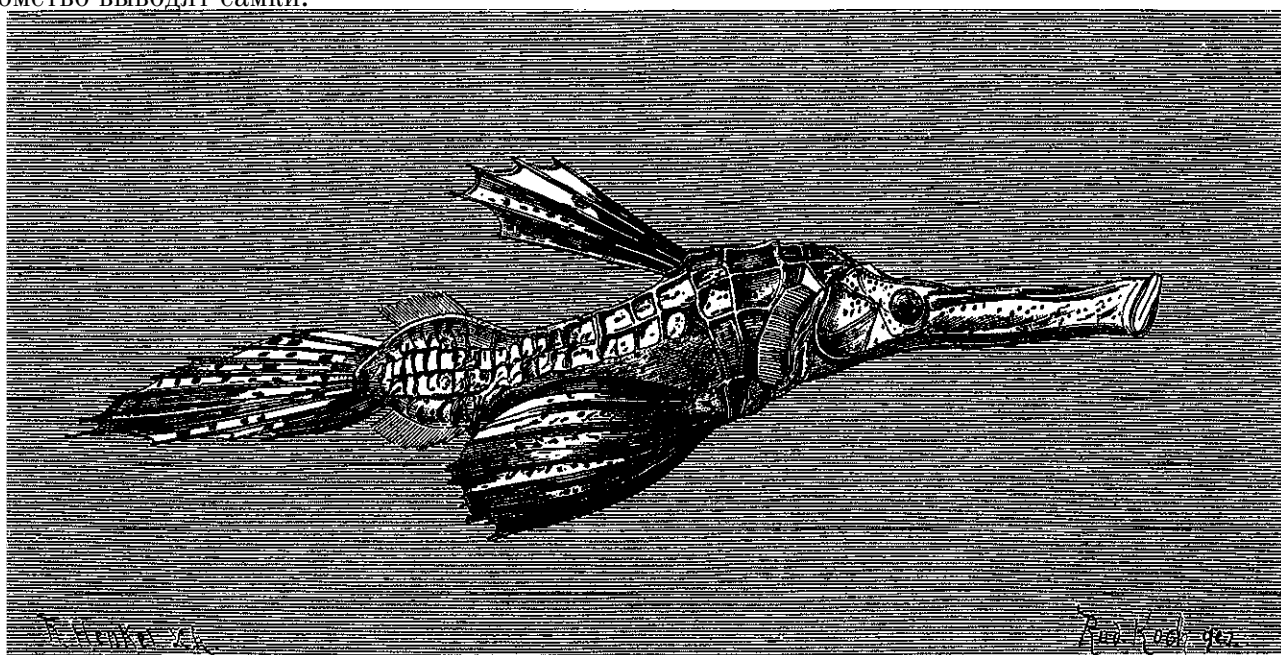
Об образе жизни этих рыб до сих пор ничего не известно. Во всяком случае, можно безошибочно сказать, что они, подобно морским конькам, обвиваются хвостом за водоросли, на которые походят и формой и окраской.

Конек-тряпичник (*Phyllopteryx eques*)

Семейство трубкорулые

Представители рода трубкорулов отличаются длинной трубкообразной мордой, сжатым туловищем с очень коротким хвостом и накражным панцирем, состоящим из звездообразных косточек и лежащим под тонкой кожей. Самцы у них меньше самок, но окрашены красивее. В этом семействе потомство выводят самки.

Трубкарыл (*Solenostomus cyanopterus*)

Из их грудных плавников образуется содержащий в себе яйца мешок, в котором вылупляются молодые рыбки*.

* *Трубкарылы мелкие прибрежные рыбы. Самка вынашивает потомство в специальной сумке, образованной удлиненными брюшными плавниками, на внутренней поверхности которых имеются многочисленные нитевидные выросты, удерживающие икринки.*

Трубкарыл (*Solenostomus cyanopterus*) водится от Занзибара до Китая и Царема.

Семейство барракудовые

В море около Антильских островов водится **большая барракуда** (*Sphyrna barracuda*), достигающая, как говорят, 3 м длины; верхняя часть ее тела — зеленовато-свинцового цвета, нижняя — серебристого, бока же испещрены буро-черными пятнами*.

* *Барракуда может достигать указанной Бречом длины тела. Распространена не только в тропических водах Атлантического океана, но также в Индийском океане и в западной части Тихого океана. Предпочитает держаться вблизи берегов, на мелководье. Может нападать на людей.*

Если верить сообщениям местных писателей, рыбу эту боятся не менее, чем акулу, так как она нападает даже на людей; смело проникает она в гавани, схватывает купающихся людей и пожирает их.

Мясо ее несколько напоминает мясо нашей щуки, но бывает иногда ядовито. Какая причина ядовитости мяса — ни кому не известно; думают, однако, что барракуда поедает в Вест-Индии (где и бывали преимущественно случаи отравления) плоды манзаниллы, отчего ее мясо и делается ядовитым. Вернее будет предположить, что хищник поглощает ядовитых рыб**.

* * *Отравление мясом барракуды и ряда других тропических рыб носит название «сигуатера» Оно вызывается токсинами, накапливающимися в теле рыб, использующих в пищу ядовитых для человека рыб или рыб, накопивших в себе эти токсины в результате питания мелкими ядовитыми водорослями и т. п. Сигуатера может иметь место не каждый год или не во все сезоны года и чаще всего наблюдается летом.*

"Многие люди, — говорит Кювье, передавая сообщения некоего Пли, — боятся есть мясо этой рыбы, потому что употребление его причиняет болезни, оканчивающиеся иногда даже смертью». Это свойство зависит от состояния рыбы и также от времени года. По уверению многих знатоков, есть, однако, очень верный признак ядовитости мяса: при вскрытии барракуды из нее, в случае ядовитости, вытекает белая, гноевидная жидкость. Дель Порте производил опыты с таким мясом над собаками, подтвердившие правильность этих показаний. Признаки отравления состоят в дрожании всего тела, тошноте, рвоте и сильных болях в суставах конечностей. К счастью, смертельные случаи бывают редко, но происходят очень странные припадки: боль в сочленениях усиливается, ногти рук и ног отпадают, и волосы начинают вылезать. Подобные явления повторяются несколько лет подряд. При употреблении соленого мяса этой рыбы не замечается дурных последствий, и потому многие люди постоянно солят барракуду перед приготовлением из нее пищи.

Семейство кефалевые

Кефаль (*Mugil ramada*), рамадо итальянцев, живет в Средиземном море и Атлантическом океане, встречается также в Северном море, а в исключительных случаях заходит и к берегам Балтийского. Вид этот достигает в длину 40-45, самое большее 50 см, на спине имеет простую темную голубо-серую окраску, на брюхе и на боках серебристо-белого цвета и повсюду покрыт продольными черными полосами.

Родственный предыдущему вид **лобан, или черная кефаль** (*Mugil cephalus*), живущий только в Средиземном и Черном морях, значительно крупнее, но имеет ту же окраску и рисунок; глаза его затянуты слизистой кожей, грудные плавники у основания вооружены длинными, килеватыми чешуями*.

* *Лобан один из наиболее широко распространенных видов рыб. Он населяет прибрежные воды Европы, Азии, Африки, Австралии и Америки, островов Океании. Из всех кефалей лобан самая крупная, достигающая 90 см длины и 7 кг веса. Нерест проходит вдали от берегов, икра и ранняя молодь развиваются в верхнем слое воды и распространяются течениями на большие расстояния.*

Своеобразное устройство пищеварительного аппарата особенно заметно у этого вида. По середине нижней челюсти поднимается бугор, соответствующий выемке на верхней челюсти. Язык почти совершенно приросший. Желудок похож на птичий. Кишечник узкий и длинный.

Различные виды кефалей были установлены лишь после подробных исследований Кювье. Древние, хорошо знавшие этих рыб, объединяли все виды, встречающиеся в Средиземном море, под одним общим именем «mugil». Из дошедших до нас греческих и римских сочинений явствует, что рыбы эти ценились еще и в старые времена.

Кауч производил тщательные наблюдения над этими рыбами и дал нам описание их привычек и повадок, а также сообщил способ ловли их. «Никогда, — рассказывает Кауч, — эта рыба не удаляется от берега, но довольствуется мелкими водами, особенно в теплую и ясную погоду, когда ее можно видеть плавающей вблизи берега или заметить те ямки, которые она нарывает, обыскивая мягкое дно. В реках она иногда поднимается вверх по течению, но с отливом всегда возвращается в море». Кэрю, историк Корнваллиса, имел у себя один пруд, наполненный морской водой, в котором содержались кефали. Так как рыбы эти каждый вечер кормились на одном и том же месте, то они так привыкли к нему и ухаживавшему за ними человеку, что для вызова их достаточно было потрясать трещоткой. О понятливости их говорят также их осторожность и ловкость, с которой они умеют избегать опасностей. Лишь только они почувствуют, что окружены сетью, то спешат, с возможной поспешностью, назад и обыкновенно перепрыгивают через верхний край сети, причем, как только одна из них найдет дорогу, все остальные тотчас же следуют за ней. Этим, видимо, врожденным свойством обладают все кефали: даже молодые, незначительной величины, и те бросаются через сеть.

Главную пищу кефалей составляют мягкие и жирные вещества, в особенности те, которые начали уже гнить**.

* * Основу пищи лобана и других кефалей составляют богатый органическими веществами донный ил (детрит) и обрастания на подводных камнях, грунте и т. п. Нижняя плоская челюсть этих рыб служит им в качестве своеобразного скребка, с помощью которого они снимают верхний слой ила или соскребают обрастания. Для переваривания такой пищи необходим длинный кишечник его длина превышает, длину тела рыб в 5—6 и более раз.

Губы их, по-видимому, обладают чрезвычайно нежным осязанием, так как большую часть пищи они отыскивают на дне моря. Кауч полагает, что это единственные рыбы, которые обыкновенно питаются мертвыми животными, песчаных же червей едят только в исключительных случаях. Мясо кефалей благодаря своей нежности, жирности и вкусу повсюду очень ценится и употребляется в пищу как свежее, так и соленое. Кроме этого собирается и икра кефалей, прессуется и солится; из нее, особенно в Провансе, готовится одно весьма излюбленное блюдо.

Семейство пальцеперы

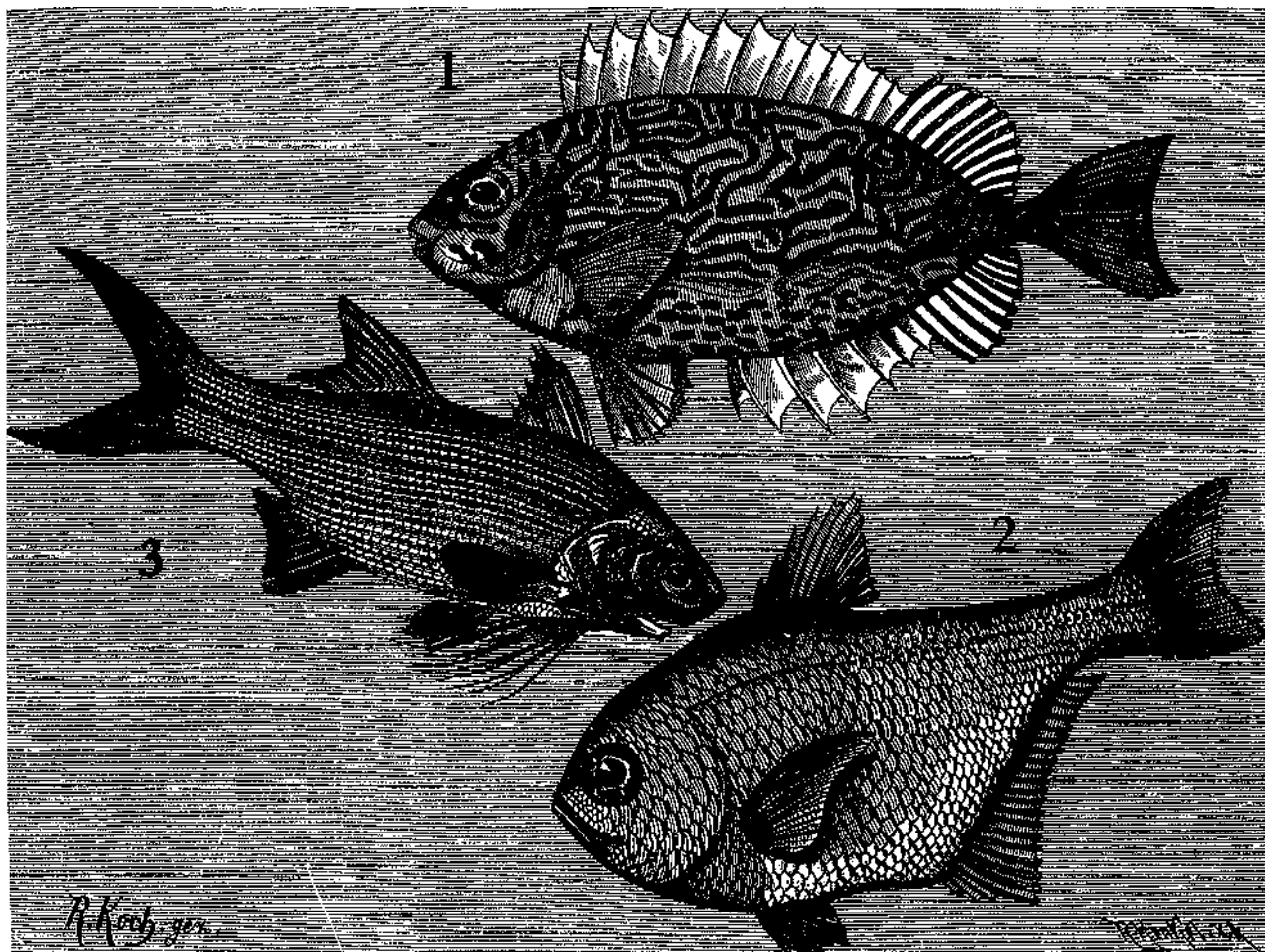
Пальцепёры характеризуются двумя короткими спинными плавниками, расположенными на некотором расстоянии друг от друга, а особенно характерно для них большое количество тонких нитей, прикрепленных под грудными плавниками к плечевому поясу.

Довольно многочисленные виды этого семейства живут по берегам морей тропического пояса, и большинство заходит в лиманы и даже в реки. Нити, расположенные под грудными плавниками, служат им для осязания и могут быть приведены в движение независимо от грудных плавников, хотя их нужно рассматривать как отделившуюся часть этих последних. Очевидно, они очень важны для рыбы, которая живет в мутной воде больших рек с илистым дном и имеет совершенно мутные глаза*.

* Нити, о которых идет речь, свободные нижние лучи грудных плавников. Их число у разных видов пальцепёров от 4 до 14, длина их у некоторых пальцепёров превышает длину тела рыб более чем в 2 раза.

Пальцепёры как полезные рыбы очень ценны, ибо они, достигая часто 1,2 м длины, не только имеют вкусное мясо, но и доставляют известный сорт рыбного клея, который делается из их плавательных пузырей и имеет значение даже для торговли Ост-Индии.

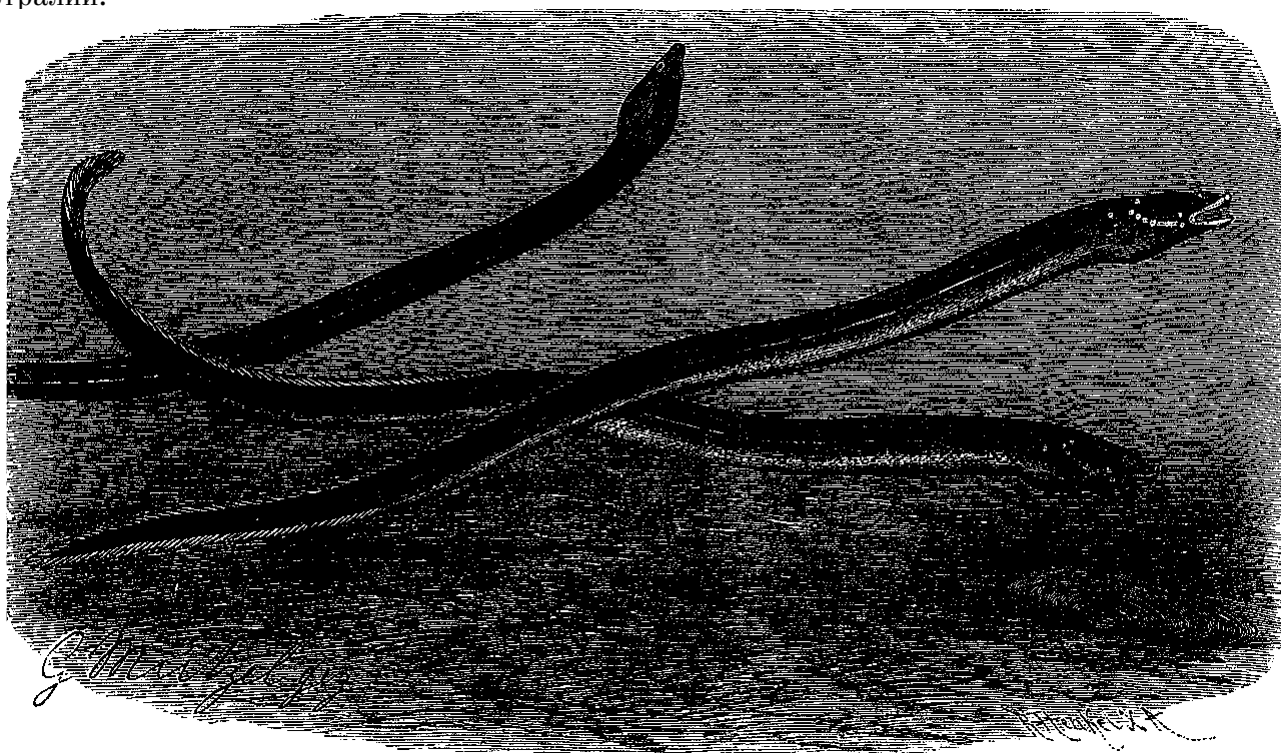
Обыкновенный пальцепёр (*Polynemus pleheius*) достигает 35 см длины и живет в Малайском архипелаге и в Индийском океане.

1 — Сиган, или пестряк (*Siganus* sp.) 2 — Тебарере (*Pempheris mangala*) 3 — Обыкновенный пальцепёр (*Polynemus plebeius*)

Семейство ложноугревые, или слитножаберниковые

Ложноугревые отличаются вытянутым в длину туловищем с большим расстоянием между головой и задним проходом; они живут отчасти в пресных водах тропической Америки и Азии, но спускаются также и в полусоленые воды, отчасти же принадлежат к роду настоящих морских рыб Австралии.

Бенгальский слитножаберник (*Synbranchus bengalensis*)

Представитель их **бенгальский слитножаберник** (*Synbranchus bengalensis*) необыкновенно многочислен в пресных и стоячих водах Индии и на Малайских островах до Филиппинских; три же остальных вида рода, из которых один не менее многочислен, живут в тропической Америке*.

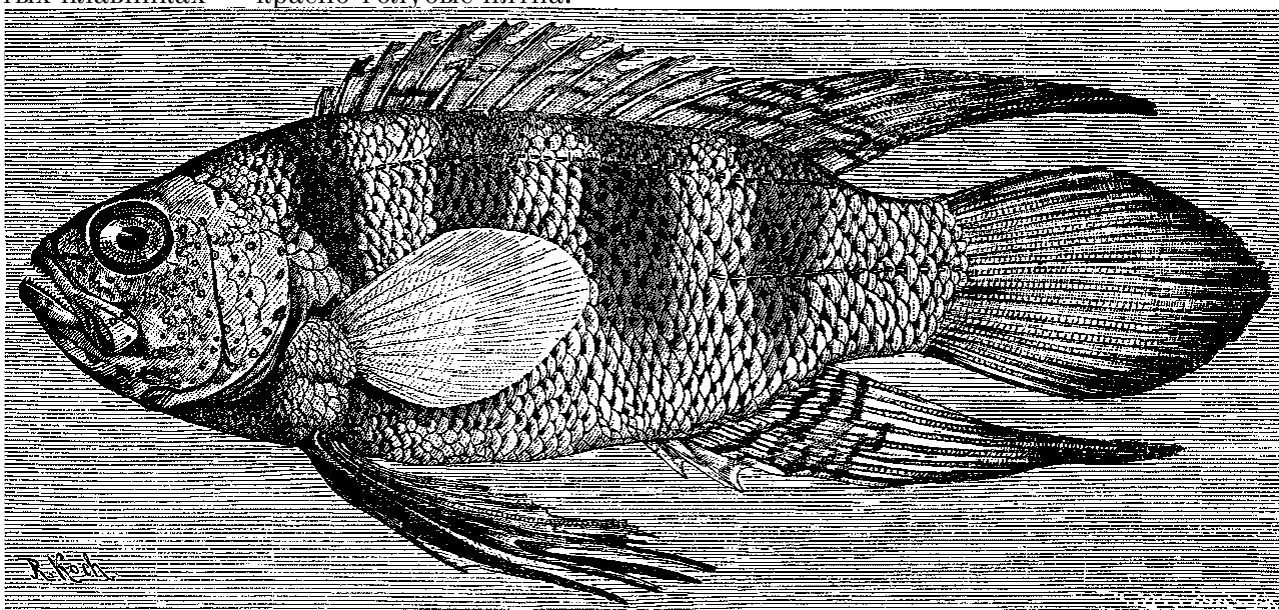
* *Бенгальский слитножаберник* достигает длины 50-60 см, способен дышать атмосферным воздухом, что позволяет ему успешно существовать в болотах и непроточных заросших водоемах, передвигаться по суше.

Семейство плезиопсовые

Для полноты обзора мы приведем здесь **плезиопса** (*Plesiops bleeker*). Он достигает в длину 25 см и живет в коралловых рифах юго-западной части Тихого океана. Главное местопребывание его и образ жизни мало известны.

Семейство серрановые, или каменные окуни

Общеизвестным видом является **каменный окунь** (*Serranas scriba*). Это действительно великолепная рыба, достигающая в длину 20-30 см и весящая от 300 до 500 г. Серран украшен по кирпично-красному фону, который в области спины темнее, широкими темно-голубыми поперечными полосами и лазурными кривыми линиями, похожими на буквы. На нижней стороне он желтоватого цвета, но по желтому фону, особенно на нижней челюсти, находятся красные точки, а на желтых плавниках — красно-голубые пятна.

Плезиопс (*Plesiops bleeker*)

Каменистые берега Средиземного моря, изобилующие мелкими рыбами и мелкими раками, именно креветками, и имеющие углубления для того, чтобы прятаться, — излюбленные места обитания каменного окуня. Его находят здесь из года в год на большой глубине, вылавливают и отвозят на рынок, так как мясо его по доброкачественности не уступает мясу родственных видов. Впрочем, нет удовлетворительных сведений относительно образа жизни этой рыбы, именно относительно ее размножения. Удивительно, что ее долгое время причисляли к гермафродитам, приняв белый железистый придаток яичников за семенную железу. Только более точные исследования опровергли это мнение*. Пойманный каменный окунь, которого я долго держал у себя, вел себя как наш речной окунь.

* *Каменный окунь* все же является гермафродитом: взрослые особи этого вида содержат в себе одновременно как икру, так и молоки. Обычно созревание молок и икры происходит в разное время, поэтому одна и та же рыба вначале принимает участие в нересте в качестве самца, затем самки или наоборот. Может наблюдаться и одновременное созревание икры и молок, в этом случае возможно оплодотворение икры молоками той же рыбы.

Семейство перцихтовые

Американский полиприон (*Polyprion americanis*) — морская рыба длиной 2 м и более 50 кг весом**.

** Согласно существующим сведениям, полиприон — относительно некрупная рыба (до 67 см), длина которой далеко не достигает приводимых Бремом размеров. Часто эти рыбы встречаются довольно крупными стаями и успешно облавливаются современными орудиями лова (тралом).

Полиприон в 3 раза больше в длину, чем в ширину, и окрашен в один темно-серый цвет; в молодости он покрыт по бурому фону более темными пятнами, облачками и разрисован под мрамор; верхушка хвоста имеет беловатый край.

Древние, занимавшиеся обстоятельно рыбами и относительно многих из них знавшие столько же, сколько мы теперь знаем, не упоминают о полиприоне, хотя он вовсе не редко попадает у берегов Италии и южной Франции. Только Риссо, описавший его, сообщает, что он встречается в Италии преимущественно у скалистых берегов, но здесь пребывает на глубине 1000 м, питается мягкотелыми и маленькими рыбками, например сардинами; его мучат тонкие, длинные, красноватые черви-паразиты; мясо у него превосходно, и поэтому он принадлежит к очень ценным в тех областях рыбам. Благодаря новым исследованиям мы узнали, что он гораздо более распространен, чем раньше думали; между прочим, он нередко попадает у английских берегов. «Полиприон, — говорит Кауч, — приближается к берегам Корнваллиса при особенных обстоятельствах. Именно он сопровождает обломки корабля, разбитого в южных областях, пригоняемые течением. Можно видеть, с какой живостью они играют друг с другом вокруг подобных обломков, и иногда случается, что какой-нибудь из них, при преследовании другими, бросается на обломок дерева и лежит здесь вне воды, пока волна не сбросит его снова в воду. Так как полиприоны постоянно встречаются вблизи подобных обломков, покрытых обрастаниями, поэтому нужно думать, что их пища состоит преимущественно из мягкотелых и ракушек. Несмотря на это, внутри многих тел, которые были исследованы, находили только мелких рыб; возможно, что эти последние, собственно, поплыли за обломками, а первые преследовали их». Во всяком случае, несомненно, что полиприоны заслуживают свое немецкое название — Wrackfisch (wrack — обломки корабля, fisch — рыба), по крайней мере, те, которых находят у плывущих обломков дерева. Так, экипаж корабля «Providence» заметил большой ствол красного дерева, окруженный множеством этих рыб, и поймал из них 4 или 5 штук. Моряк Никольс также наблюдал во время шторма вблизи португальских берегов, что его старый корабль, густо покрытый обрастаниями, осаждался в течение двух недель полиприонами. Матросы в течение 12—14 дней питались преимущественно мясом выловленных ими рыб.

Семейство окунёвые

Речной окунь (*Perca fluviatilis*) характеризуется двумя спинными плавниками, более или менее сближенными между собой и даже связанными снизу кожей, зазубренной предкрышечкой и остистой жаберной крышкой, а также многочисленными маленькими щетинистыми зубами, сидящими во рту. Его туловище сжато с боков и отличается 5-9 поперечными полосами, проходящими по медно-желтому или зеленовато-желтому основному фону, который на боках переходит в золотисто-желтый, на брюхе в беловатый, а на спине в темный цвет. Эти полосы проходят от спины к брюху, не одинаковы по длине и яркости и часто заменяются только черноватыми, сливающимися пятнами. Передний спинной плавник голубовато-красно-серый и имеет между двумя последними лучами более темное глазчатое пятно*; задний спинной плавник зеленовато-желтого цвета; грудные плавники желто-красные; брюшные и заднепроходный плавники суриково- или киноварно-красные.

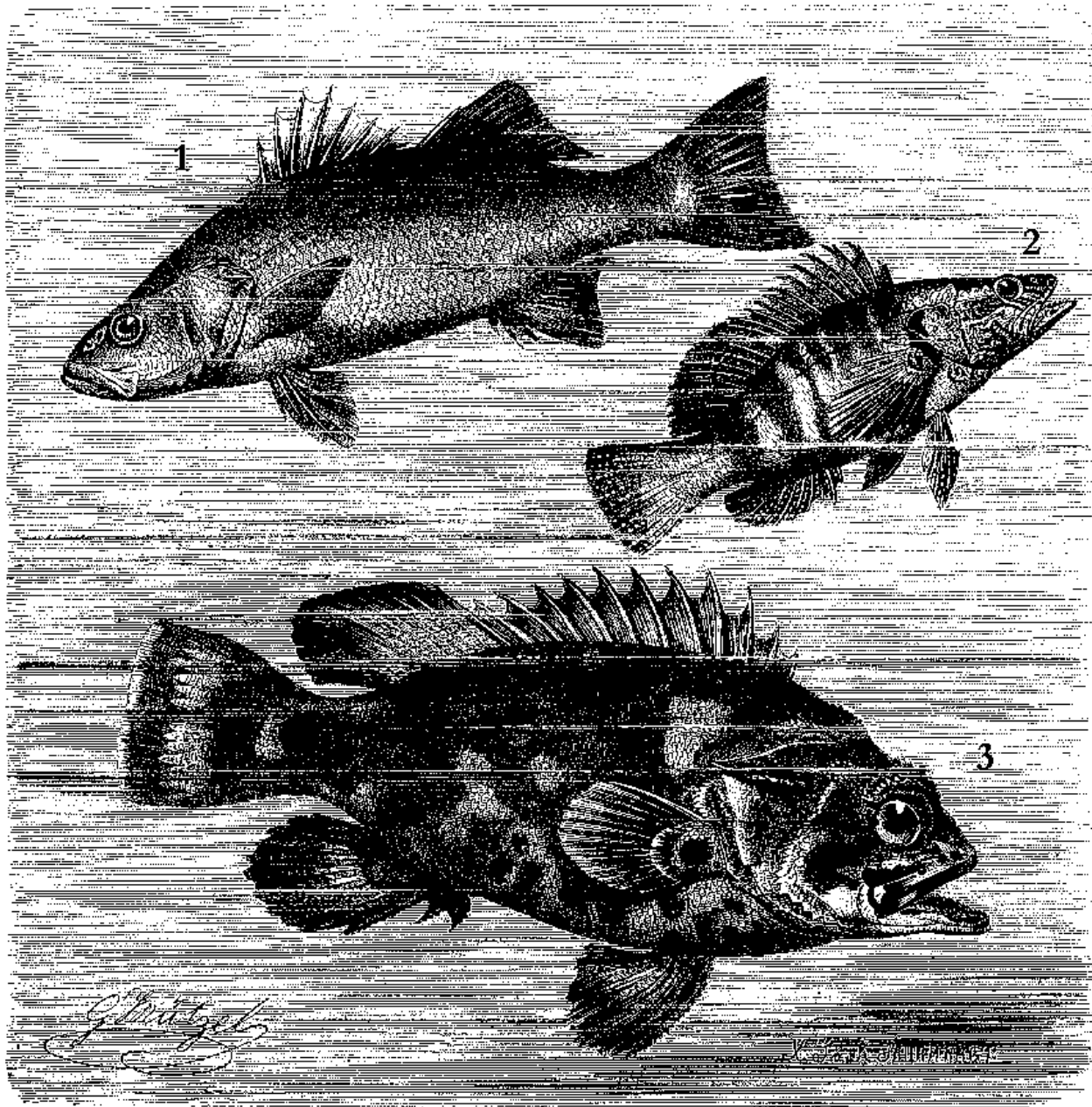
** Темное контрастное пятно на первом спинном плавнике служит для окуня своеобразным «сигнальным флажком». По нему окуни легко распознают друг друга, что помогает им держаться вместе и не отставать от товарищей при быстрых или сложных перемещениях. Опуская или поднимая спинной плавник с пятном окуни могут передавать различную информацию, например сигнализировать об удачной охоте и призывать таким образом партнеров по стае присоединиться к трапезе.*

Самца и самку нельзя с уверенностью отличить; первый, по-видимому, длиннее. Длина окуней в Германии редко превышает 25 см, а вес — 1 кг, но в некоторых озерах встречаются экземпляры от 1,5 до 2 кг; так, в Целлерском озере, около Линца, и, по Яррелю, во многих водах Англии попадаются еще более тяжеловесные. По словам Пеннента, однажды был пойман окунь весом 4 кг.

Область распространения речного окуня тянется по всей Европе и большей части северной Азии и Северной Америки. По словам Ярреля, он редок в Шотландии и его вовсе нет на Оркнейских и Шетландских островах; в Скандинавии же, напротив, он населяет все пресные воды, даже такие, которые лежат значительно севернее вышеупомянутых островов. В Германии он встречается во всех реках и озерах, за исключением горных, расположенных высоко, а также некоторых низменных местностей. В Альпах он отсутствует только в водах, лежащих на высоте более 1000 м над уровнем моря. Любимое местопребывание окуней — озера с чистой водой, и в них окунь чувствует себя лучше всего. Впрочем, его часто находят и в глубоких ручьях и прудах, лиманах и даже в малосоленых морях, например в Балтийском. По-видимому, в соленой воде он чувствует себя пре-

красно; по крайней мере, он обыкновенно отличается там более значительной величиной и жирным, вкусным мясом сравнительно со своими пресноводными родичами.

В реках он предпочитает прибрежные места и воды со слабым течением и не любит середины реки и сильного течения. В озерах он по преимуществу держится в верхних слоях воды, но может опускаться и на большие глубины и даже оставаться здесь долгое время.

1 — Лаврак (*Dicentrarchus labrax*) 2 — Каменный окунь (*Serranus scriba*) 3 — Обыкновенный полиприон (*Polyprion americanus*)

Окуней обыкновенно находят небольшими группами, которые плавают вместе и, по-видимому, совместно хищничают. В верхних слоях воды окунь плавает очень быстро, но только толчками, вдруг останавливается и остается подолгу на одном и том же месте, чтобы оттуда снова умчаться.

В выбоинах берега, под нависшими камнями или сходными убежищами можно иногда наблюдать, как он по несколько минут открыто лежит настороже, потревоженный же, тотчас возвращается в укромное место. Если приближается группа маленьких рыбок, тогда он быстро направляется в их среду и овладевает ими или сразу, или же после более продолжительного преследования. «Спокойно плывущие большими группами под поверхностью воды уклейки, — говорит Зибольд, — часто повергаются в ужас и замешательство при подобном нападении окуня. При этом многие стараются избежать жадной пасти хищника, выпрыгивая на воздух. Но прозорливость окуня иногда бывает наказана. При поспешном проглатывании добычи пойманная рыба может проползти из широко открытой пасти в одну из боковых жаберных щелей. Тогда она там остается и погибает вместе с хищником». Случается также, по словам Блоха, что окунь, по неосторожности, нападает на колюшку и

она смертельно ранит его своими торчащими спинными иглами. Тем же способом, т.е. выпрямлением своих игл, окунь сам должен защищаться против нападения щуки и тем или совершенно отвергает от нападения эту самую прожорливую из всех наших пресноводных рыб, или борется с ней не на жизнь, а на смерть. Окунь кроме маленьких рыб питается всеми другими водными животными. В юности он питается червями или личинками насекомых, позже — ракообразными и головастиками, наконец, даже мелкими млекопитающими, например водяными крысами. Его хищничество и прожорливость так велики, что немцы ему дали прозвище «кусака» (Anbeiss), потому что он бросается на всякую приманку, даже если несколько его товарищей попались на удочку у него пред глазами. Пойманные и перенесенные в садки окуни уже через несколько дней берут червей из рук своего хозяина и скоро становятся в известной степени ручными.

На третьем году своей жизни окунь уже половозрелый*.

** Самцы окуня созревают гораздо раньше самок, в 1—2 года.*

В это время он достигает длины около 15 см. Время метания икры у него, правда, несколько колеблется в зависимости от расположения реки или озера, в которых он живет, от температуры воды и от погоды, но обыкновенно падает на март, апрель и май**.

** * Нерест окуня происходит довольно рано, в водоемах средней полосы вслед за щукой, при температуре воды от 7-8 до 15 градусов.*

Некоторые окуни, быть может, мечут икру еще в феврале, другие же еще и в июне и июле. Икранные окуни выбирают для этого твердые предметы: камни, куски дерева или камыш, чтобы с их помощью выдавить икру из тела и прикрепить ее к ним. Икра выходит шнурами, переплетенными между собой и часто достигающими 1-2 м в длину***.

** * * Шнуры имеют ячеистое строение и состоят из студенистого вещества. В каждой из ячеек находится несколько икринок. Предполагается, что таким образом икринки лучше защищены от многочисленных врагов и болезней.*

Яйца имеют величину семян мака; несмотря на это, икра килограммовых самок весит 200 г. и больше, и число яиц достигает тогда 300 тысяч. Гармерс насчитал или вычислил у одной полуфунтовой рыбы 200 тысяч яиц. Водяные птицы и рыбы поедают много яиц; кроме того, по согласным данным внимательных наблюдателей, число самцов в некоторых местностях значительно меньше самок. Поэтому только сравнительно незначительная часть яиц может быть оплодотворена. В этом нужно искать причины, почему окунь не слишком сильно размножается.

Кроме щуки опасными врагами окуня являются выдра, речная скопа, цапли и аисты, а также лососи и другие хищные рыбы****.

** * * * Мелких окуней охотно поедают также и крупные окуни.*

Не меньше вреда приносит окуню маленький рак-паразит (Achteres), называемый окунедом, который внедряется в твердые ткани жабр и совершенно их разрушает. Кроме того, в нем нашли семь различных видов глистов.

Окунь доставляет истинную радость всем начинающим удильщикам, потому что часто попадает на удочку, несмотря на неопытность рыболова. Там, где он попадает, зачастую можно иметь хороший улов с помощью удочки; в более значительном количестве его вылавливают мережами или неводом. Так как он выживает довольно долго вне воды, то его можно посылать на большие расстояния, только время от времени смачивать; он выживает дни и недели в тесных садках и поэтому принадлежит к самым выгодным для рыбаков видам своего класса. Более молодые рыбы, которые для еды не годятся, находят другое применение: из их кожи готовят очень хороший клей, похожий на рыбий. Чешуйки молодых рыбок употребляются для украшения различных поделок. Более старые рыбы, напротив, считаются и в наше время очень вкусной пищей, хотя мы едва ли согласимся с Авзонием, воспевающим окуня следующим образом:

Тебя, о окунь, радость стола, хочу я прославить: Ты между речными обитателями подобен морским рыбам: Один ты только можешь поспорить с красными морскими барбунами.*

** Мясо окуня весьма вкусное и высоко ценится. В некоторых странах в последнее время большое внимание уделяется искусственному разведению окуня и другим способам повышения его численности в небольших озерах.*

Лаврак (*Dicentrarchus labrax*) — рыба длиной 0,5-1 м и до 10 кг весом, встречается в Средиземном море и Атлантическом океане, а также у берегов Англии и была хорошо известна уже древним**.

** * Лаврак водится и в Черном море. Это крупная хищная рыба длиной до 1 м и весом свыше 10-12 кг.*

Окраска ее прекрасная серебристо-серая, на спине переходит в голубоватую, на брюхе в беловатую. Плавники светло-бурые.

Аристотель приводит лаврака под именем Labrax, а Плиний — под именем Lurus. Оба исследователя совершенно справедливо восхваляют его за превосходное мясо. По Плинию, больше всего ценились лавраки, которые вылавливались в Тибре, особенно в самом Риме, потому что они питались отбросами и тучнели. Вообще, и притом справедливо, предпочитали лавраков, выловленных в пресной воде, тем, которых ловили в море. Древние утверждали, что лавраки живут поодиночке, вследствие сильной прожорливости держат постоянно пасть открытой и поэтому названы волками, истребляют не только мясо, но и морские растения, даже отбросы, и для этого подплывают к Риму***.

** * * Всю жизнь лаврак проводит в море, в морской воде, и лишь осенью для нереста подходит к устьям впадающих рек и откладывает плавающую икру в опресненной воде. Лаврак питается главным образом рыбой, которую добывает активным преследованием. Он очень хороший пловец, и ему удастся догнать даже таких скоростных рыб, как скумбрия и ставрида. Растительность в пище лаврака отсутствует.*

Они утверждали, что лавраки умнее других рыб и умеют избегать преследований; бодрствуя, очень хорошо слышат, но часто предаются сну, и тогда их закалывают копьями; если же они попадутся на крючок, то тогда так сильно бьются, что увеличивают рану и поэтому могут сняться с крючка; они также умеют уплыть из сети и т. д. Новейшие наблюдатели некоторые из этих данных подтвердили.

Лаврак обыкновенно держится вблизи берегов, предпочитая мелкую воду более глубокой, часто плавает также в устьях рек и тогда поднимается по ним на значительное расстояние. Раки, черви и маленькие рыбы служат ему добычей. Ради раков он при сильном прибое выплывает почти к самому берегу, потому что тогда много раков уносится катящимися волнами и делается его добычей. Время метания икры у лаврака совпадает с серединой лета.

Так как лаврак по прожорливости не уступает своим родичам, то он также легко попадает на удочку и действительно, как рассказывали римляне, употребляет все усилия для того, чтобы уйти: с поразительной силой плавает назад и вперед и заставляет ловца приложить всю ловкость для того, чтобы овладеть им.

Ёрш обыкновенный (*Gymnoscephalm cernuus*) достигает в длину 20-25 см и весит 120-150 г. Он имеет короткое сжатое туловище, тупое рыло; на спине и на боках он окрашен в оливково-зеленый цвет, испещренный неправильно рассеянными темными пятнами и точками; на спинном и хвостовом плавниках точки расположены рядами.

Обыкновенный ёрш распространен в средней, западной и северной Европе, но встречается также, и довольно часто, в Сибири*.

** В последние годы зона распространения ерша расширяется, он проник на север Англии и в Шотландию, где ранее не встречался. Случайно проник ёрш и на Североамериканский континент, где его численность, например в Великих озерах, быстро возрастает.*

В Германии вообще он обитает во всех больших реках или пресных водоемах; он не живет только в верхнем Рейне, потому что ему служит преградой Рейнский водопад; в других альпийских реках он также редко встречается. Он предпочитает прозрачные, глубокие озера** проточным мелким водам, но последние он посещает в апреле и мае во время метания икры и перекочевывает тогда группами, а обыкновенно держится поодиночке.

** * Во многих водохранилищах средней полосы России ёрш достигает высокой численности. Поедая тот же корм, что и другие, более ценные рыбы, ёрш является их конкурентом.*

Его образ жизни сходен с образом жизни окуня. В реках и ручьях он пребывает вплоть до осени; к началу зимы он избирает более глубокие бассейны и поэтому обыкновенно возвращается в свои озера. Пища его состоит из маленьких рыбок, червей и ракообразных. Икру он откладывает на камнях.

Лов его производят с помощью крючка, на котором наживлен дождевой червяк, и сетями с густыми петлями. Ловят его обыкновенно летом, а в некоторых озерах, наоборот, преимущественно зимой. Так, Клейн рассказывает, что однажды в Фриш-Гафе поймали подо льдом необычайно много ершей и маленьких лососей и наполнили ими 780 бочек. В северной Померании и на острове Рюген, где они употребляются и как приманка, вследствие беспощадного преследования ерши почти исчезли. В других частях Германии они сделались также редкостью. Напротив, они чрезмерно часто попадают еще и теперь в реках Западной Сибири. Мясо ерша ценится, так как оно вкусно и здорово.

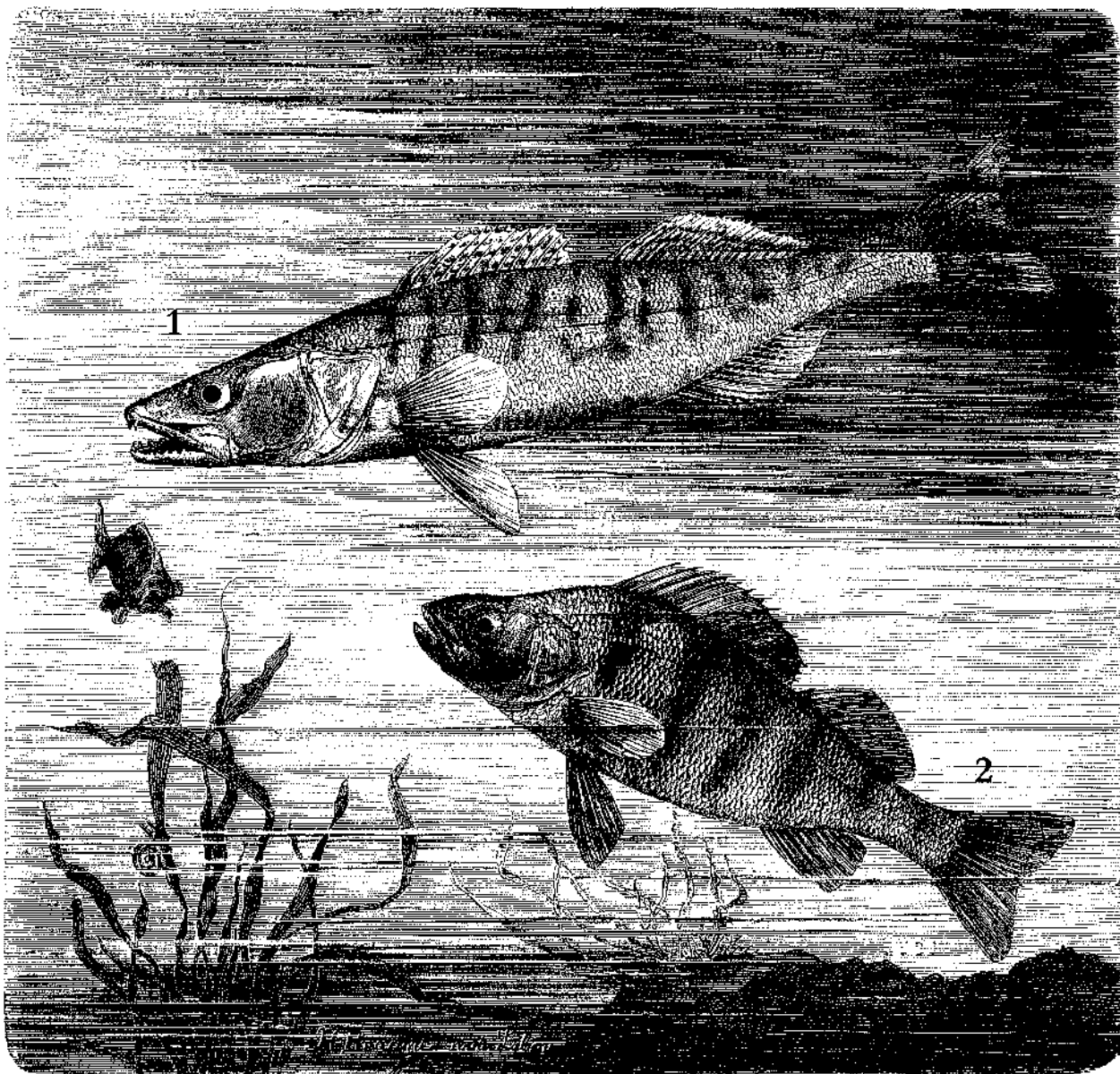
Обыкновенный судак (*Stizostedion lucioperca*) достигает длины 100-130 см, весит 12-15 кг. На спине он зеленовато-серого цвета, по направлению к брюху серебристо-белого, на верхней стороне, от спины к бокам, он исчерчен бурыми полосами, по бокам головы окрашен в бурый цвет под мрамор, на перепонках, соединяющих лучи плавников, покрыт черноватыми пятнами.

Судак живет в больших и малых реках северо-восточной и средней Европы. В северной Германии он живет в области Эльбы, Одера и Вислы и в соседних озерах, в южной Германии — в области Дуная, но его нет в Рейне, Везере и во всей западной Европе. В области своего распространения он избегает всегда речек с быстрым течением. В южнорусских реках, именно в Волге и Днестре, он заменяется родственным, быть может, отличающимся от него видом. Русские называют его бёрш, или волжский судак (*Stizostedion volgensis*)*.*.*

* * * *Это самостоятельный вид, по размерам значительно уступает судаку, населяет среднее течение и низовья крупных рек, впадающих в Каспийское, Черное и Азовское моря.*

Он любит глубокую, чистую, проточную воду, держится большей частью в нижних слоях воды и только во время метания икры, между апрелем и июнем, он появляется на более мелких береговых местах, поросших водяными растениями. Здесь он откладывает свою икру. Будучи необычайно хищной рыбой, губящей всех мелких рыбок и не щадящей даже собственной детворы, он растет необыкновенно быстро. Плодовитость его значительна.

Хотя Блох в одной икринной рыбе, весившей 1,5 кг, насчитал около 40 тысяч яиц, однако размножение нашего судака скуднее, чем можно было бы пожелать. Это потому, что взрослые судаки с таким же жаром преследуют молодь, с каким щуки, окуни, сомы и другие хищные рыбы преследуют их самих.

1 — Обыкновенный судак (*Stizostedion lucioperca*) 2 — Речной окунь (*Perca fluviatilis*)

Зибольд справедливо указывает на то, что напрасно до сего времени еще не занялись искусственным разведением судака, потому что без искусственного разведения с трудом удастся распространить эту вкусную хищную рыбу.

Мясо вкуснее и жирнее перед метанием икры, т.е. весной и зимой, но его нужно употреблять свежим, так как, копченое и соленое, оно сильно теряет во вкусе. В Германии приходится редко его есть; даже у нижней Эльбы он ценится наравне с лососем, потому что ловят судаков сравнительно немного. Совсем иначе обстоит дело в Фриш- и Куриш-гаффе, но особенно в области южнорусских рек. Здесь иногда вылавливается такая масса судаков, т.е. бёрша, что даже простой народ пренебрегает ими и употребляет их преимущественно для вываривания жира. В Астрахани мясо бёрша считают нездоровой пищей.

Обыкновенный чоп (*Zingel zingel*) достигает в длину 30 см и весит до 1 кг. Окраска на спине и боках темно-желтая, на брюхе беловатая. Рисунок состоит из 4 коричнево-черных лент, проходящих по бокам косо сверху вниз и вперед.

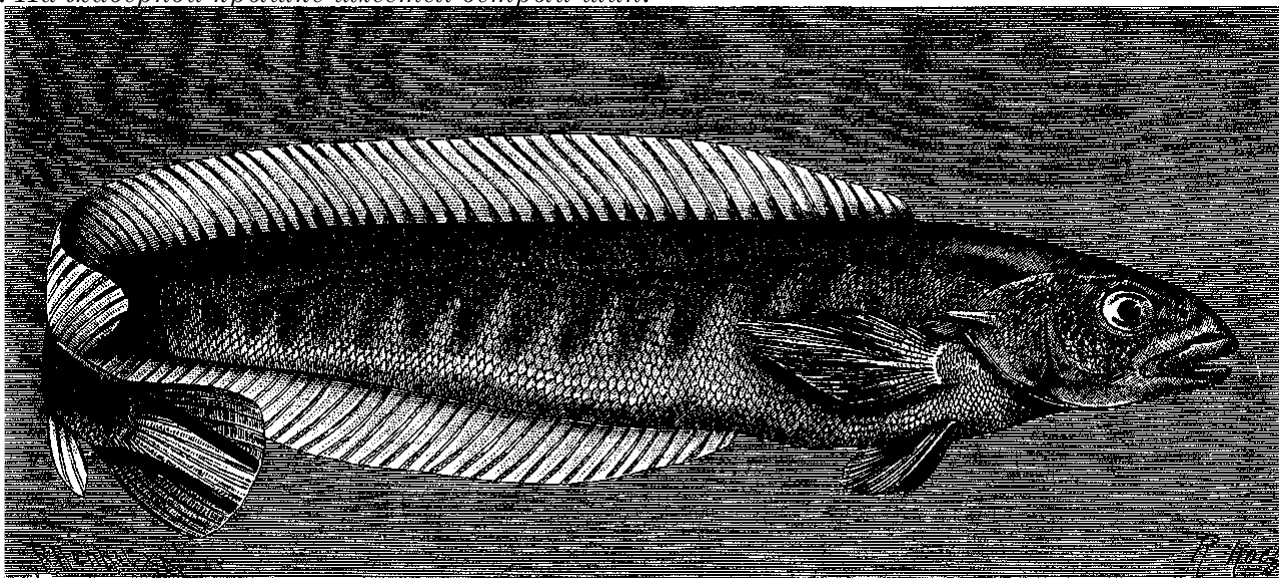
Малый чоп (*Zingel strebei*) имеет в длину только 15 см и весит от 60 до 100 г. Малый чоп отличается от предыдущего вида очень сильным хвостом. Сходство же их выражается в окраске, которая у малого чопы на спине темно-желтая или красноватая, на боках светло-желтая и исчерчена на 4-5 широкими черноватыми лентами, проходящими по бокам.

Обыкновенного и малого чопов до сего времени находили только в области Дуная, и они никоим образом не принадлежат даже здесь, т.е. в Дунае и его притоках, к часто попадающимся рыбам, по крайней мере к таким, которые постоянно попадают в сети. Они любят чистую, проточную воду, живут на значительной глубине, питаются мелкими рыбами и червями и мечут икру в апреле. Мясо обоих вкусно и удобоваримо. Но улов их все же не вознаграждает затраченных трудов, а потому их ловом нигде регулярно не занимаются.

Семейство малакантовые

Малакант (*Malacanthus hoedtu*)*, по-видимому, местами распространен по Индийскому и Тихому океанам от острова Св. Маврикия до Гавайских островов. Длинное, низкое тело у него и его родичей покрыто очень мелкими чешуйками; рот окружен толстыми губами.

* *Прибрежная некрупная рыба, держится на дне среди камней и укрытий. Окраска яркая. На жаберной крышке имеется острый шип.*

Малакант (*Malacanthus hoedtii*)

Другой вид, кажется, обитает там же, где и описанный; третий же встречается по берегам Атлантического океана в тропической Америке.

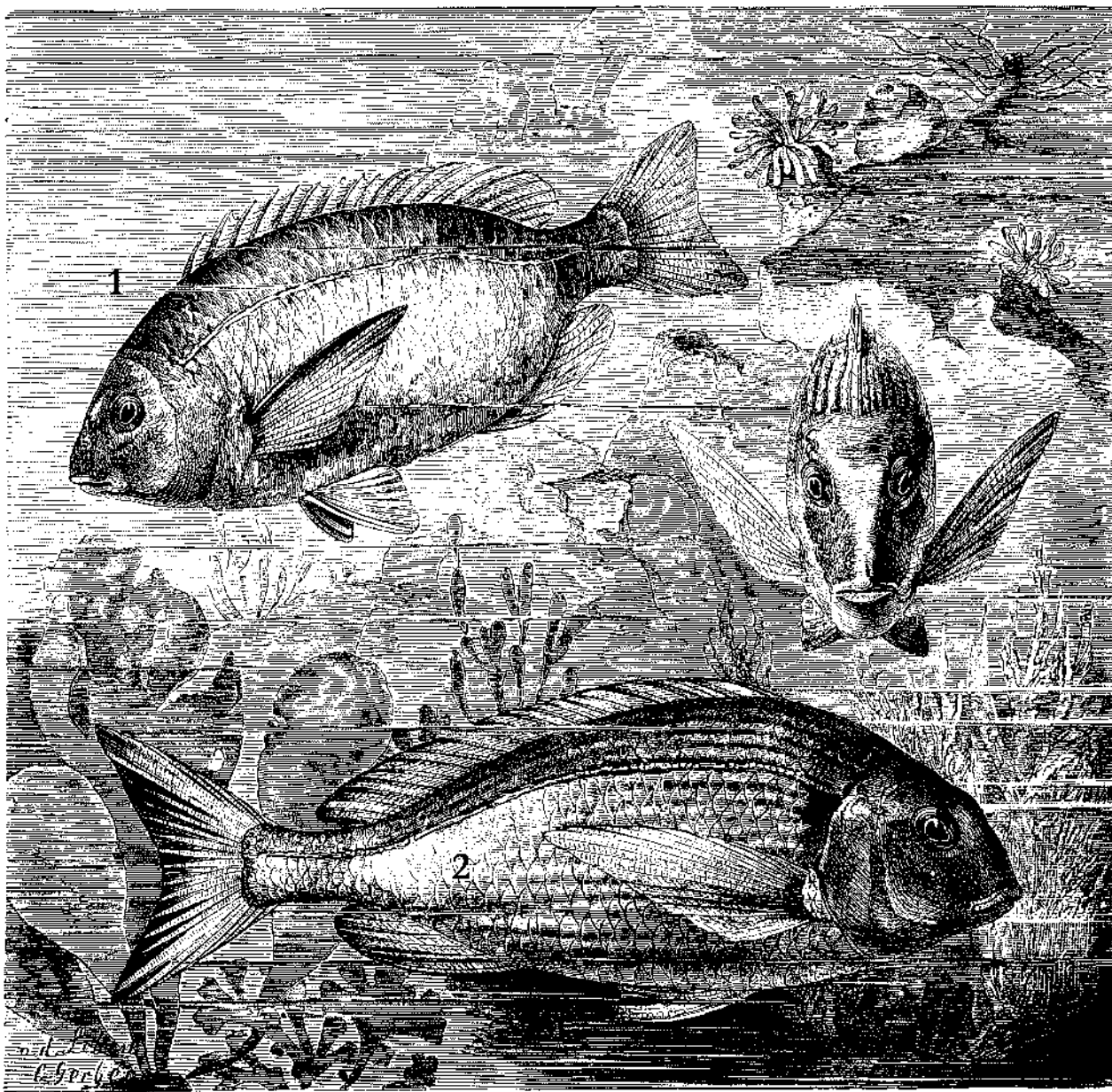
Семейство спаровые, или морские караси

Пагр обыкновенный (*Pagrus pagrus*) отличается от пагра красного более тупой мордой и меньшим количеством более тонких зубов в челюстях, а также иной окраской. Спина серовато-бурая, переходящая в красноватую, голова темно-бурая, бока серебристо-серые; у начала боковой линии находится одно или несколько черно-бурых пятен.

Обыкновенный пагр очень многочисленная рыба в Средиземном море, часто встречается также у западных и северных берегов Франции, у берегов Голландии, Англии, Германии и острова Ютландия. Пища их, впрочем, не ограничивается только животными, они проглатывают также зеленые водоросли, которые легко срывают с помощью своего своеобразного зубного аппарата. Вооб-

ще можно бы считать обыкновенного пагра одиночной рыбой, но рыбаки уверяют, что иногда наблюдают огромные полчища их, которые медленно движутся вблизи поверхности воды, как бы выполняя важную миссию. Подобные стаи пагров встречаются на глубоких местах над каменистым дном.

Обыкновенный пагр не особенно пригоден для стола, а также для соления. По Яррелю, неблагоприятное мнение относительно доброкачественности его мяса объясняется неумелым приготовлением.

1 — Морской карась, или ласкирь (*Diplodus annularis*) 2 — Аурата, или дорада (*Sparus auratus*)

Если рыбу очистить через рот, сварить цельной и подать в таком виде на стол, тогда находят, что мышцы, легко очищающиеся от чешуек, имеют очень приятный вкус.

Пагр красный (*Pagrus major*), самый распространенный вид этого рода, живет в Средиземном море, достигает в длину почти 50 см; спина чудного карминно-красного цвета, а бока, брюхо и плавники розово-красного.

Ласкирь, или морской карась (*Diplodits annularis*), — один из мелких видов этого рода — медно-желтого цвета, а на спине, брюхе и боках серебристо-серого. Каждая чешуйка имеет поперек боковой линии буроватую кайму; хвост украшен темным полукругом. Спинной, грудной и хвостовой плавники серого цвета, брюшной и хвостовой — ярко-желтого цвета. Длина взрослой рыбы достигает 20 см*.

* *Морской карась — обычная рыба прибрежий с крупными камнями и скалами и зарослями растительности. Питается различными мелкими донными организмами и водорослями. Держится стаями. Часто попадает на удочку.*

Дорада (*Sprans anratus*), называвшаяся у древних *Aurata*, а у итальянцев *Orada*, имеет в длину 30-40, а иногда и 60 см и весит от 4 до 8 кг. Окраска ее великолепна, и рисунок красив. Серебристо-серый основной цвет, отливающий зеленоватым, темнеет на спине, а на брюшной стороне переходит в блестящий серебристый.

Жаберная крышка украшена продолговатым, округленным золотым пятном, расположенным отвесно, на лобной области между глазами проходит золотисто-желтая полоса; бока украшены 18-20 продольными полосами такого же цвета. Спинной плавник синеватый, а сверху, вблизи верхушек лучей, покрыт бурными полосками. Заднепроходный плавник синеватый, хвостовой — черный; грудные и брюшные плавники фиолетового цвета.

Дорада принадлежит к заурядным рыбам у всех берегов Средиземного моря и у африканского берега Атлантического океана, от Гибралтара до мыса Доброй Надежды**.

* * *Единичные особи дорады встречаются также в Черном море, куда они заходят из Средиземного.*

Дальше к северу она попадается реже, хотя известно несколько случаев, когда она заходила в Англию. По Ронделету, она не удаляется от берегов, напротив, заходит в соляные озера, связанные с морским берегом, и в них быстро тучнеет. Дюгамель рассказывает, что она на мелких местах поднимает хвостом песок, чтобы вырыть скрытые в нем ракушки. Она необычайно любит ракушки и производит, разбивая раковины, шум, знакомый рыбакам. Дорады, жившие у меня несколько лет, ежедневно подтверждали справедливость вышеприведенных данных. Правда, они ели также червей и других беспозвоночных животных, но все же отдавали предпочтение ракушкам, именно мидиям. Они ловко подбирают со дна их и других мягкотелых, с не меньшей ловкостью они отрывают их и от скал. Производя жевательные движения, они переносят добычу, обхватив ее краями рта, в пасть, удобно располагают ее здесь, одним укусом раздробляют раковину, выбрасывают быстро обломки ее, проглатывают животное, снова отправляются на поиски, чтобы со второй, третьей, десятой ракушкой поступить так же, как с первой.

Суровый холод губителен для дорады; при наступлении зимы она удаляется на глубину и боязливо избегает мелких мест. Поэтому если она и бывает застигнута рано наступившей холодной погодой, то всегда погибает от холода.

Мясо их, хотя несколько суховатое, очень вкусно при всяком способе приготовления и поэтому чрезвычайно ценно. В Венеции, по словам Мартенса, заботливо разводят дораду в глубоких прудах, как это делали еще римляне.

На Мальте золотых дел мастера вытравливают азотной кислотой середину более крупных зубов дорады, затем оправляют их в кольца и продают легковерным людям под именем змеиных зубов, которым люди приписывают или от которых ожидают чудодейственной силы.

Большеглазый бопс, или полосатик (*Voors voors*), которого провансальцы называют «бога», достигает в длину 40 см и разрисован по зеленовато-желтому, снизу серебристому фону 3 или 4 золотистыми продольными полосами. Под грудным плавником находится обыкновенно чернобурое пятно. Спинной, брюшной и заднепроходный плавники желтого цвета, грудной и хвостовой — зеленоватого; последние обыкновенно с желтоватым ободком.

Бопс принадлежит к самым обыкновенным рыбам Средиземного моря. Он встречается также у западных берегов Португалии и северо-западных берегов Испании и отсюда иногда, впрочем редко, доходит до Великобритании. У южных берегов Франции он появляется для метания икры два раза в год и тогда доставляет громадный улов рыбакам, хотя его мясо не особенно в цене*.

* *Полосатик промысловая рыба. Часто он образует очень крупные стаи или скопления, насчитывающие сотни тысяч особей.*

Красота рыбы не осталась незамеченной, и французские рыбаки украшают свои лодки серебряными изображениями бопса. По исследованиям натуралистов, в желудке этой рыбы находят только остатки растений.

Семейство ставридовые

Обыкновенная ставрида (*Trachurus trachurus*) имеет веретенообразное туловище, заостренную голову и тонкий хвост с сильным плавником. Длина ее доходит до 30 см. Сверху она голубовато-серая, снизу серебристого цвета; плавники сероватые**.

* * *Обыкновенная ставрида достигает в длину 50 см. В единичных случаях обыкновенная ставрида встречается и в Черном море. Здесь довольно многочислен другой вид — средиземноморская ставрида, *Trachurus mediterraneus*, которая вылавливается в промышленных масштабах.*

Она встречается как в Средиземном море, так и в Атлантическом океане, включая и Северное море, а в Балтийском встречается очень редко. Любимое местопребывание ставриды — вода непосредственно у берега, иногда же она подходит так близко к земле, что ее можно ловить руками. В течение одного августовского вечера было поймано при помощи сачка около 10 тысяч штук. На следующий день появилось у берега новое стадо, и мужчины и женщины, стар и млад, — все отправились вброд в воду для ловли рыбы, а другие остались на берегу, занятые сохранением выловленной добычи. В 1834 году, по словам Бихено, к ирландскому берегу приблизилось несметное количество ставрид. Насколько можно было окинуть взором, всюду море казалось как бы находящимся в состоянии кипения. Стадо также подошло непосредственно к берегу, и люди, стоящие на несколько выдающейся скале, могли ловить рыбу, лишь бы они держали руки в воде; каждый раз даже хватали не одну, а 3—4 рыбы. Ставриды беспокоили купающихся во всех местах их тела, ибо поверхность моря казалась состоящей скорее из рыб, чем из воды. Видно было, что темная масса рыб наполняет на большом пространстве верхние слои морской воды. Все сорта сетей были испробованы и находили применение; но только немногие из них можно было вы тащить, потому что тяжесть пойманной рыбы была слишком ее лика для того, чтобы можно было справиться с сетью. Некоторые сети нужно было тащить вплоть до берега для того, чтобы здесь их опорожнить. Наиболее пригодной оказалась сеть с крупными петлями, употребляемая для лова сельдей. В каждой петле находился экземпляр ставриды, так что возникла настоящая стена, которую нужно было тащить вплоть до берега.

Нечего было и думать считать и оценивать пойманных ставрид: их определяли по числу телег. Это обильное появление ставрид продолжалось в течение недели, причем обнаружилось, что они едят в утренние и вечерние часы, потому что как раз в это время они появлялись преследуя молодых сельдей и набивая ими свой желудок. Имеет ли связь подобное странствование ставрид с периодом метания икры, я не могу сказать, так как не нахожу никаких данных относительно их размножения*.

** Продолжительность жизни обыкновенной ставриды — 9 лет. В умеренных водах нерест приурочен к теплоте времени года, в субтропиках и тропиках проходит практически круглогодично. С наступлением холодов ставрида мигрирует в более теплые районы.*

Но в пользу приведенного предположения говорит наблюдение, что ставриды обыкновенно держатся вблизи дна на более глубоких местах и только временами появляются такими массами.

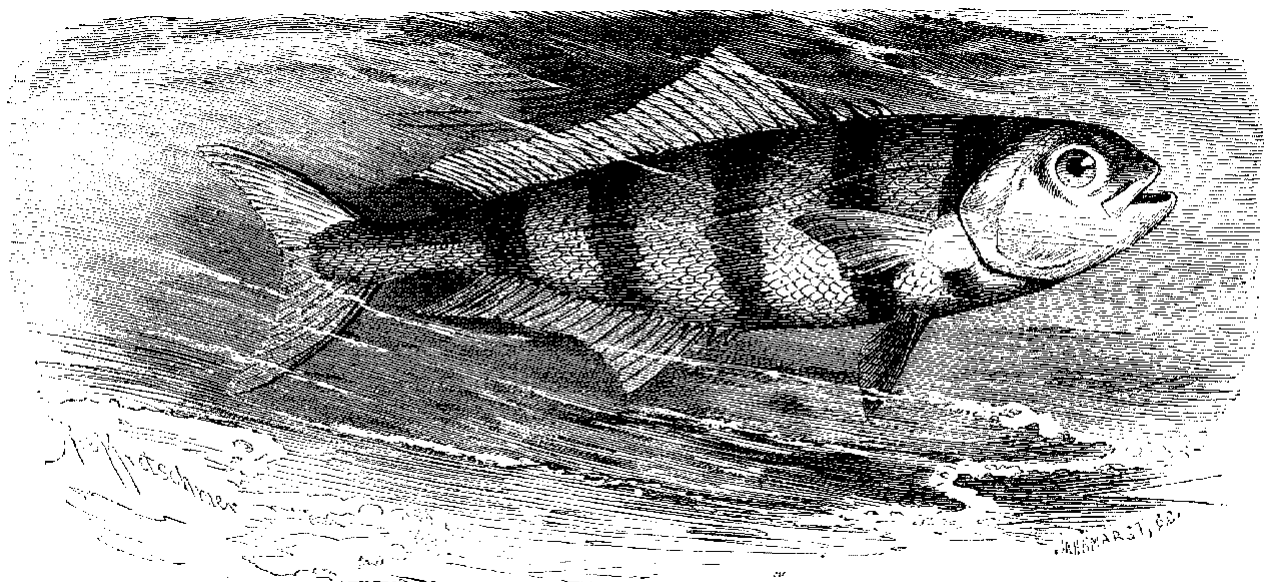
К сожалению, не может быть сравнения между мясом ставриды и мясом макрели — ее родича. Англичане и американцы называют ставриду «конской макрелью», желая этим указать на непригодность в пищу или худое качество ее мяса.

Древние рассказывают о рыбе «помпилусе», которая следует за кораблями и, как говорит Геснер, «имеет удивительное свойство жить одиночно на глубинах и никогда не появляться у берега, точно она ненавидит сушу. Рыбы эти имеют также удивительное пристрастие к кораблям, которые плывут по морю. Именно они непрерывно плавают возле них и вокруг них, пока не почуют сушу и берег. Это хорошо известно морякам, и поэтому, когда они видят, что эта рыба медлит и не хочет сопровождать далее корабль, тогда они понимают, что приближаются к берегу или мелкому месту, хотя бы его еще вовсе не было видно. Видимо, эти рыбы имеют сердечную привязанность и любовь к кораблям и отвращение к суше. Моряки хорошо предугадывают из подобного путеводительства рыб бурю, штиль и благополучное путешествие». Нет ничего невероятного в том, что древние разумели под своим помпилусом лоцмана, который действительно следует за кораблями, а еще чаще за акулами и справедливо носит свое название.

Лоцман (*Naucrates duetor*) сходен с макрелями по красоте своего чешуйчатого покрова. Основная окраска — синеватая серебристо-серая, которая на спине становится более темной и к брюшной стороне переходит в чисто-серебристую. Рисунок состоит из пяти темно-синих широких полос, которые опоясывают туловище и продолжаются также на спинной и заднепроходный плавники. Грудные плавники черно-синие, брюшные белые; хвостовой плавник у основания синий, а к концу окружен более темной каймой. Длина его достигает 20-30 см.

"Я всегда считал басней, — говорит Коммерсон, — рассказ о лоцмане акулы, но теперь я в этом убедился собственными глазами, так что я не могу более сомневаться в его правдивости. Понятно, что эти лоцманы пожирают куски, которые акула роняет; но непонятно, почему она не проглатывает их, когда они плавают у нее возле носа. Если поймают акулу, то лоцманы следуют за ней, пока ее не начнут поднимать; тогда только они уплывают. Если они не находят другую акулу, то держатся около корабля и часто следуют за ним в течение нескольких дней, пока снова не встретят акулу». Эти данные подтверждаются всеми наблюдателями, упоминающими об этой рыбе, и

только Беннет дополняет, что лоцманами всегда окружена одиночная акула, а если несколько акул плывут вместе, то лоцманы всегда отсутствуют.

Лоцман (*Naucrates ditctor*)

Причина дружбы между этими рыбами объясняется различно. Некоторые думают, что лоцман ведет свою акулу на хищничество, быть может в надежде получить что-либо и на свою долю; другие же с большим правом полагают, что лоцман чувствует себя в обществе страшного хищника безопаснее от преследований злейших врагов своих, проворных хищных рыб, а от акулы он может легко уйти благодаря быстроте своего плавания*.

** Наиболее правомерной представляется гипотеза, объясняющая привязанность лоцмана к крупным акулам, дельфинам, черепахам, судам с позиций гидродинамики и энергетики плавания. Располагаясь вплотную к перемещающимся в воде объектам, лоцманы попадают в так называемый пограничный слой воды, где они испытывают гораздо меньшее сопротивление воды и, таким образом, не затрачивают на плавание больших усилий. Вполне возможно также, что, находясь вблизи крупных акул, лоцман получает возможность питаться остатками их добычи.*

По-видимому, между обеими рыбами существует известная симпатия, и не только лоцман заботится об акуле, но и она заботится о своем жожаке. «По пути в Египет, — рассказывает Жоффруа Сент-Илер, — к кораблю подплыла во время штиля акула, возле нее два лоцмана, которые держались на известном расстоянии; по прибытии они два раза осмотрели корабль с одного конца до другого и, так как ничего не нашли съедобного, то уплыли и увели с собою и свою акулу. В это время один матрос насадил сало на крючок и бросил в море. Рыбы уже уплыли довольно далеко, но все же услышали плеск, возвратились и, разведавши сало, отправились снова к своему повелителю, который в это время забавлялся на поверхности воды кувырканьем и тому подобным. Тотчас акула повернула, сопровождаемая по бокам своими маленькими друзьями, и была буквально натолкнута ими на сало, так как она, по-видимому, не чуяла его. Сначала она откусила кусок приманки, захватила еще раз, повисла на крючке и была вытащена на корабль. Два часа спустя поймали одного из лоцманов, которые еще не оставили корабль». Другие наблюдатели рассказывают почти то же самое. Мейен сообщает, что лоцман обыкновенно плывет впереди акулы, вертится около ее пасти или же прячется под один из ее грудных плавников, иногда же бросается вправо и влево, как бы выходя на разведку, и затем снова, как верный раб, возвращается к акуле. Однажды с корабля, на котором находился ваш путешественник, бросили крючок с приманкой, так как на расстоянии около 40 м плыла акула. С быстротой молнии лоцман бросился на приманку, казалось, даже исследовал ее, затем возвратился к акуле, покружил вокруг нее несколько раз, ударил хвостом по воде и продолжал это делать, пока под его управлением акула не пришла в движение и не стала через несколько минут жертвой своей прожорливости.

Большинство мореплавателей думают, что лоцман питается пометом акулы, но Беннет утверждает, что находил в желудке пойманного лоцмана только маленьких рыбок. Возможно, что лоцман ест как то, так и другое.

Мясо лоцмана, по единодушному показанию всех, кому выпало редкое удовольствие отведать его, похоже по доброкачественности на мясо макрелей.

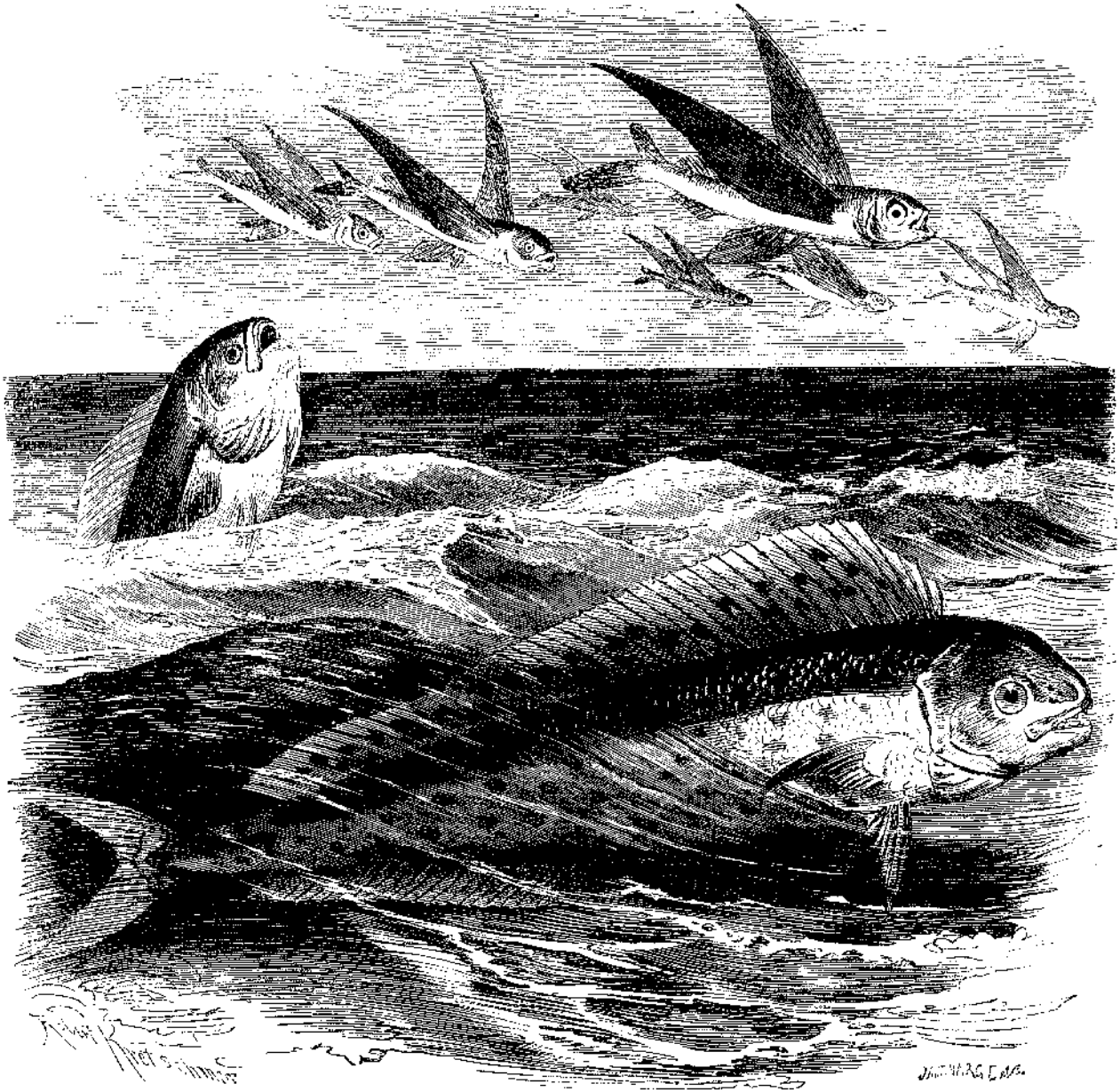
Семейство корифеновые

Большая корифена (*Coelacanthus hippurus*) достигает в длину более 1 м и весит от 15 до 20 кг*.

** Длина большой корифены может достигать 2 м, а вес — 30 кг. Это популярный объект спортивного рыболовства.*

Окраска ее в зависимости от освещения бывает различной. «Во время штиля, — говорит Беннет, — большая корифена, плывущая по поверхности воды, отликает чудным блестящим синим или пурпуровым цветом с сильно изменяющимся металлическим блеском, смотря по тому, находится ли она на освещенном месте или в тени; только хвост сохраняет постоянно свою золотисто-желтую окраску. Будучи вытасканы из воды и положены на палубу, они меняют краски на другие, столь же красивые: яркий пурпур и золотисто-желтая краска переходят в блестящий серебристый цвет, на котором сверху остаются первоначальные пурпуровые и золотистые тона. Изменение окраски продолжается долго, мало-помалу усиливается и, наконец, переходит в темно-серый цвет».

Большая корифена живет в более теплых частях океана, главным образом в водах жаркого пояса, но распространяется и дальше к северу и югу, насколько теплые морские течения оказываются для нее удобными. Во время метания икры или следуя за стадами рыб корифены встречаются вблизи берегов; в другое же время они пребывают на достаточном расстоянии от суши и в открытом море. По словам Пехуэль-Леше, они иногда плывут за досками и обломками корабля, быть может, только для того, чтобы охотиться за собирающимися там многочисленными рыбами. Так как многие моряки держатся неправильного взгляда, что корифены появляются преимущественно в волнующемся море, то между ними существует поверье, что в случае появления их вблизи корабля должен быть шторм. Пища их состоит из всевозможных мелких рыб, особенно из обитающих в верхних слоях воды, именно из различных видов летучих рыб. Беннет нашел в их желудках также головоногих, именно каракатиц и аргонавтов. Благодаря большой корифене, хотя и не всегда, поднимаются над водой летающие рыбы. «Крупная корифена, — так рассказывает Галль, — плывшая долгое время за кораблем и неоднократно показывавшая нам удивительный блеск своей окраски, заметила вдруг впереди себя стадо летающих рыб, повернула к ним голову, выплыла на поверхность и с такой быстротой выскочила из воды, что казалось, как будто по воздуху летит пущенное ядро.

Большая корифена (*Coryphaena hippurus*)

Длина этого прыжка достигала более 6 м, но, однако, не была достаточно, чтобы схватить добычу. Тотчас за падением хищная рыба начала с быстротой молнии скользить по волнам, и скоро можно было заметить, что она после каждого прыжка увеличивала скорость движения. Море было гладко, как зеркало; поэтому можно было следить за каждым ее движением и наблюдать издали поле брани. Летающие рыбы, хорошо сознававшие, с каким жаром их преследуют, не плыли уже, а почти непрерывно летели, т.е. падали и мгновенно снова поднимались. Они возбуждали участие зрителей тем, что каждый раз меняли направление своего прыжка, надеясь уйти от своего алчного врага; но последний следовал за ними неукоснительно и, в свою очередь, поворачивал, как только замечал, что не идет по следам преследуемых им рыб. Это продолжалось недолго, пространство между ними уменьшалось все более и более; полеты летучих рыб становились короче, неправильнее и неувереннее, а необычайные прыжки большой корифены, по-видимому, доказывали, что скорость и сила их все еще продолжают увеличиваться. Наконец, можно было видеть или предположить, что опытный морской хищник направлял свои прыжки с такой уверенностью в успехе, что бросался в воду именно там, где должны были упасть и летающие рыбы. Иногда охота велась на слишком большом расстоянии от корабля, так что нельзя было ясно видеть, что происходило, но, если поднимались на снасти, тогда можно было заметить, как жертвы проглатывались одна за другой». Об удивительной силе мускулов большой корифены Ботелер рассказывает случай, повергший в изумление его и всех остальных офицеров, находившихся на военном корабле, которым он командовал. Одна из этих рыб поднялась с наветренной стороны близко перед носом корабля, прыгнула по воздуху вдоль его боковой стороны и с такой силой ударилась о борт, что, наверно, сильно ранила бы стоящего недалеко от того места человека. Сначала, ошеломленная ударом, она обессиленная упа-

ла к ногам рулевого, но скоро оправилась и начала так сильно прыгать и барахтаться, что нужно было нанести ей несколько ударов топором по голове, ранее чем можно было безопасно поднять ее. Вышина, на которую она поднялась во время этого прыжка над водой, достигала 6 м, и длина прыжка, если бы не была уменьшена ударом, должна была бы составить 50 м.

К осени корифены приближаются для метания икры к берегам. В Средиземном море наблюдали, что они избирают только скалистые берега, а пологих избегают.

Семейство горбылёвые

"В апреле 1860 года, — так рассказывает Прэгер, — мы находились на Капуасе, самой крупной реке острова Калимантан. Здесь во время прилива мы услышали совершенно отчетливо музыку, раздававшуюся то сильнее, то тише, то вдали, то вблизи. Из глубины раздавалось как будто пение сирены: то как бы полные, сильные звуки органа, то как бы нежные звуки эоловой арфы. Яснее всего было слышно, если погрузить голову в воду, тогда легко различаются разнообразные составные звуки. Эта музыка, как рассказывают туземцы и подтверждают точные исследователи, производится рыбами».

Действительно, виртуозами, производящими эти звуки, являются рыбы, так называемые барабанщики, встречающиеся в различных морях, особенно же в Атлантическом и Индийском океанах. Они производят очень ясные звуки. «Около 7 часов вечера 20 февраля 1803 года, — повествует А. Гумбольдт, — весь экипаж корабля был испуган необычайным шумом, который был похож на барабанный бой на открытом воздухе. Сначала подумали, что шум происходит от порыва ветра, но скоро ясно различили этот шум на корабле, особенно в носовой части. Он был похож на шум, происходящий при кипении воды, если пузырьки разбрызгиваются. Тогда высказали опасение, не произошла ли где-нибудь течь, но скоро, около 9 часов вечера, во всех частях корабля услышали, что шум прекратился». Джон Уайт во время своей поездки в Китай слышал подобные же звуки и сравнивает их со звуками органа, звоном колоколов, гулом сильной арфы и кваканьем лягушек, так как эти звуки были сходны то с одним, то с другим. Они были так громки, что думали, что корабль дрожит, постепенно усиливались и, наконец, распространялись по всему дну и бокам судна. Как производятся звуки, еще неизвестно, но утверждают, что крупные глоточные зубы, которые у них существуют, участвуют в этой музыке. Так как отмечают также дрожательное движение корабля, то Гюнтер считает возможным, что рыбы могут воспроизводить шум тем, что они, желая освободиться от паразитов, бьют хвостами об остов корабля*.

** Ясно слышимые звуки, которые издают барабанщики, возникают в результате резких и сильных сокращении специальных мышц, окружающих плавательный пузырь этих рыб. Эти мышцы так и называются барабанные мышцы. Они способны сокращаться без утомления в течение продолжительного времени. Плавательный пузырь служит в качестве резонатора, усиливающего громкость звучания.*

"В течение трех тихих ночей, — так рассказывает Пехуэль-Леше о берегу Лоанго, — я слышал так называемых барабанщиков (в марте и апреле) в области Гвинейского течения, вдали от берега и от шумящей реки Калемы. Если желают различать их совершенно отчетливо, тогда нужно приложить ухо вплотную к борту корабля. Еще лучше — опустить с лодки широкое весло в воду и схватиться зубами за свободный конец; самое же лучшее — погрузить с лодки голову в море вплоть до ушей, конечно затылочную часть, чтобы иметь возможность дышать. Тогда различают в темных волнах идущее со всех сторон и смешанное мурлыканье и хрюканье, перемешанное с легким скрежетом и треском, наподобие звука, издаваемого лангустами. Своеобразие шума невозможно описать и трудно с чем-либо сравнить; больше всего он походит на ржание лошади перед наполненными яслями. Отдельные звуки можно, конечно, недослышать, бесконечное же количество звуков очень ясно. Бесперывные, глухие, почти неприятные звуки поднимаются отовсюду из глубины и продолжаются по целым часам, в течение целой ночи».

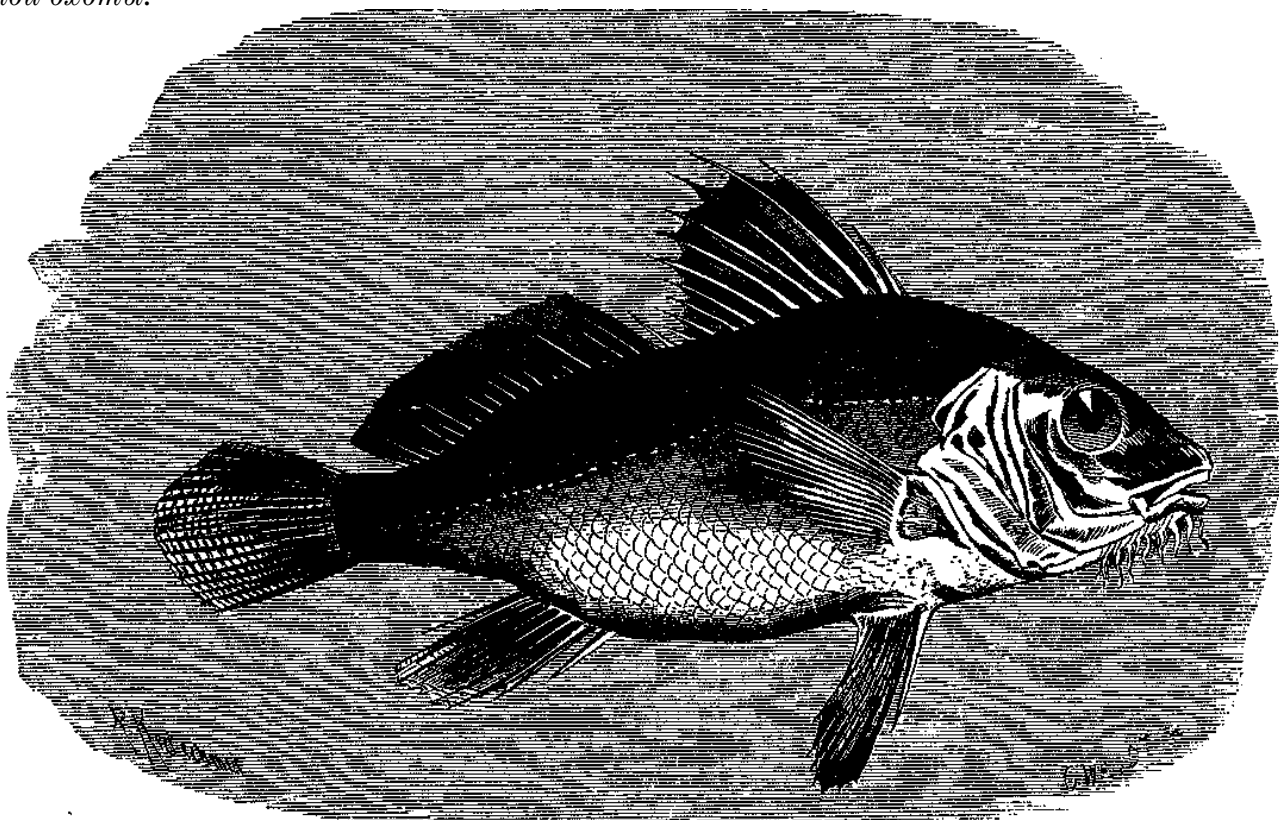
Морской барабанщик, или бородатый темный горбыль (*Pogonias cromis*), достигает в длину 1-1,5 м и весит от 40 до 60 кг. Окраска его красновато-свинцово-серая с черным отливом на верхней стороне и с темными пятнами в плечевой области. Плавники красноватые.

Этот барабанщик преимущественно встречается в западной части Атлантического океана.

Красивая и вкусная рыба **светлый горбыль** (*Umbrina cirrosa*) имеет на нижней челюсти бокодавку и поэтому является представителем особого рода (*Umbrina*). Основной цвет ее приятный светло-желтый; рисунок состоит из косых продольных линий, идущих снизу и спереди вверх и сзади имеющих серебристо-белую, а на спине голубую окраску. Брюшная сторона белого цвета, передний спинной плавник коричневый, задний спинной плавник по коричневому фону окаймлен одной белой лентой и белой оторочкой; грудные, брюшные и хвостовой плавники черного цвета; зад-

непроходный плавник красный. В длину горбыль достигает 66 см и более и весит 10-15 кг и более*.

** Светлый горбыль достигает 2 м в длину и веса 70 кг. В Черном и Средиземном морях он значительно мельче, чем в Атлантическом океане. Светлый горбыль — объект спортивной подводной охоты.*

Морской барабанщик, или бородастый темный горбыль (*Pogonias cromis*)

Эта превосходная рыба очень ценится во всех странах Средиземноморья не столько за свою красивую окраску, сколько за свое превосходное, белое и весьма вкусное мясо. Светлый горбыль живет на умеренной глубине, предпочитает илистое дно, очень красиво плавает, питается мелкими рыбками и мягкотелыми, червями и, как уверяют, водорослями; мечет икру в июне и июле. Ловят его в течение целого года вблизи устьев рек, чаще, когда ветер волнует воду в реке. Геснер уверяет, что горбыль очень труслив: «В испуге они так глупы, что, спрятавши голову в щель или трещину между камнями или под траву, думают, что они совершенно скрылись. По этой причине рыбаки ловят их без труда руками». Наш натуралист относит к горбылю нижеследующий рассказ.

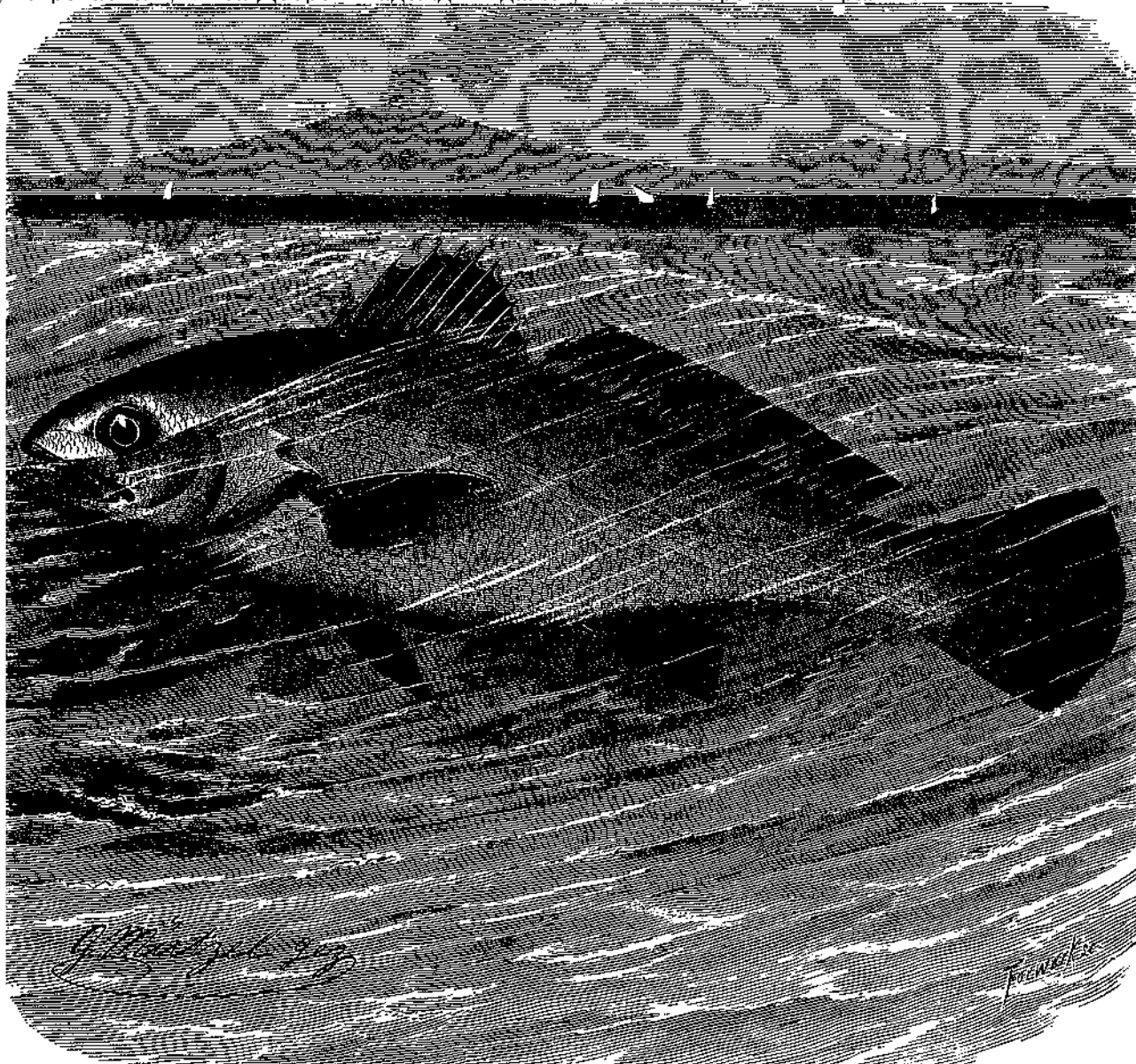
В эпоху папы Сикста IV жил, как рассказывает Павел Иовий, в Риме блюдолиз по имени Тамизио. Главнейшим его занятием было заботиться с надлежащей обдуманностью о питании и нужде своего тела, не слишком затрачивая средства своего собственного кошелька. Его сообразительная голова пришла к мысли, что очень полезно наблюдать с раннего утра за приготовлением обедов у друзей. Для этого он ежедневно посылал своего слугу на рынок для того, чтобы знать, в какие дома покупаются самые лучшие кушанья. После получения доклада Тамизио хлопотал о том, чтобы быть приглашенным в гости к тому из своих друзей, у которого в кухне лучшие блюда. Однажды он услышал, что на рынке была сциена-орел необыкновенной величины и, как редкость, передана сенаторам. Поспешно отправился он засвидетельствовать им свое почтение в надежде принять участие в последующем отвеживании рыбы. К сожалению, надежда его была тщетной: при своем удалении он увидел голову, самую лакомую часть рыбы, в руках слуги, который получил приказание отнести ее кардиналу Рикарио. Обрадовавшись, что счастливым является его хороший знакомый епископ, он решил последовать за слугой. К его несчастью, кардинал послал рыбу своему сослуживцу Северину, и Тамизио должен был снова собираться свидетельствовать почтение из-за рыбы. Северин должен был менять Чиги значительную сумму денег и послал ему лакомство. Чиги же тотчас по получении послал его своей любовнице. Таким образом, Тамизио, старый и тучный мужчина, во время сильного солнцепека бегал по всему Риму, и только за столом любовницы удалось ему немного отведать страстно желанного лакомства.

Рассказ этот указывает на то, как дорого ценилась в прежние времена сциена-орел. Еще удивительнее, чем рассказ, тот факт, что эту рыбу в течение длинного промежутка времени совер-

шенно забыли или, по крайней мере, смешивали ее с другими, хотя прежние знатоки рыб тщательно ее описывали и восхваляли. Еще и в настоящее время ее ловят повсюду у берегов Италии, южной Франции, Испании и Португалии, иногда даже в британских морях, и все, кто ее отведал, хвалят. Относительно их образа жизни некоторые сведения сообщает принц Люсьен Бонапарт. По его словам, рыба нередко появляется у берегов Италии, именно на илистом дне и особенно вблизи устьев рек. Обыкновенно она ходит стаями, и если подобное общество подвигается вплавь вперед, то слышен громкий шум, который можно бы назвать родом мычания, потому что он сильнее, чем хрюканье бычка и может быть слышен даже тогда, когда сциена-орел находится на глубине 10-12 м под водой. Шум служит путеводной нитью для рыбаков; чтобы услышать его, они прикладывают уши к борту корабля. Большие сциены-орлы обладают значительной силой и в состоянии опрокинуть человека ударом хвоста. Поэтому пойманные тотчас же умерщвляются, чтобы избежать несчастных случаев. Один экземпляр, застрявший в сети, бился так сильно, что стоявший вблизи сети рыбак опрокинулся в воду и должен был позвать на помощь своих товарищей, чтобы овладеть рыбой.

Орлиный горбыль, или сциена-орел (*Sciaena aquila*), достигает в длину 2 м и более и, если данные Ярреля справедливы, весит до 20 кг. Такая громадная рыба была поймана, по словам Кауча, осенью 1843 года в Мевагиссей в Великобритании. Окраска этой рыбы блестящая серебристо-белая, переходящая на спине слегка в бурую; она бледнее всего на брюхе. Плавники красно-бурого цвета.

Рыба эта живет в Средиземном море и Атлантическом океане, за исключением северных частей, встречается у мыса Доброй Надежды и даже у южного берега Австралии.

Орлиный горбыль, или сциена-орел (*Sciaena aquila*)

и ромбоидальным хвостовым. Кроме того, они характеризуются тем, что их плавники отчасти покрыты чешуйками и их окраска яркая.

Полосатая обиспа (*Eqitetiis lanceolatus*) разрисована по серо-желтому фону тремя широкими черно-бурыми продольными полосами с грязно-белой оторочкой.

Семейство барабулевые, или султанковые

Во всех морях жаркого и умеренного поясов обоих полушарий живут рыбы с красивой внешностью, которые называются султанковые. Туловище их, немного сплюснутое, вытянуто в длину. Рыло вытянуто, рот, помещающийся далеко внизу, мал, вооружение зубами разнообразно, но обыкновенно зубов мало; на подбородке находятся два более или менее длинных усика, сидящих на переднем конце подъязычной кости. Передняя часть головы и горло не покрыты чешуей; остальная же часть головы и все туловище покрыты крупными, мелко зазубренными чешуйками. Преобладающая окраска — красивая матовая карминно-красная.

Султанковые рыбы живут большими обществами и появляются всегда многочисленной толпой в несколько тысяч, мало кочуют, но в середине лета посещают, часто в бесчисленном количестве, отлогие песчаные прибрежные места и здесь мечут икру. Они добывают себе пищу, состоящую, по-видимому, из мелких ракообразных и мягкотелых, а также из гниющих растительных и животных организмов, роясь в песке. При этом они принимают горизонтальное положение, часто зарываются глубоко и на большом пространстве мутят воду на мелких местах. Многие хищные рыбы опасны для этих сравнительно мелких рыб и преследуют по неделям их стада. Человек также всюду преследует их и вылавливает их массами с помощью сетей с узкими петлями. Мясо их очень ценится, но спустя некоторое время после метания икры оно менее вкусно.

Султанковые были в большом почете у древних римлян не только из-за ценного мяса, но и из-за превосходной окраски. «Мясо этих животных, — говорит Геснер, передающий древние рассказы, — в большой цене, так что в старину оплачивалось равным по весу количеством чистого серебра. Но тогда они ценились так дорого не только из-за мяса, но и ради доставления наслаждения взорам. Для последней цели их помещали живыми в прозрачные стеклянные сосуды и плотно закрывали, чтобы наблюдать их смерть, чудное обесцвечивание — переход красивых цветов чешуек один в другой и постепенное ослабление». Для доставления удовольствия приглашенным гостям приносили в столовую большие сосуды с султанковыми и передавали их затем женщинам, которые умерщвляли их собственноручно, чтобы тешиться вышеупомянутой игрой цвета. Сначала наблюдали их движения в сосудах и громко выражали изумление; позже обращали внимание то на яркий блеск чешуек, то на блеск жабр. При наступлении смерти рыб очень поспешно отправляли на кухню, чтобы приготовить, так как султанка, пойманная и околевшая утром, считалась несвежей: она должна была быть показана гостям живой. «Нет ничего красивее, — восклицает Сенека, — умирающей султанки! Она борется с приближающейся смертью, и эти усилия распространяют по ее туловищу блестящую пурпурово-красную окраску, которая позже переходит в общую бледность, приносящую во время умирания удивительнейшие оттенки»*.

** Цвет меняют не только умирающие султанки. Интенсивность их окраски меняется также и при испуге, при этом у некоторых из султанок это происходит гораздо заметнее, чем у других особей.*

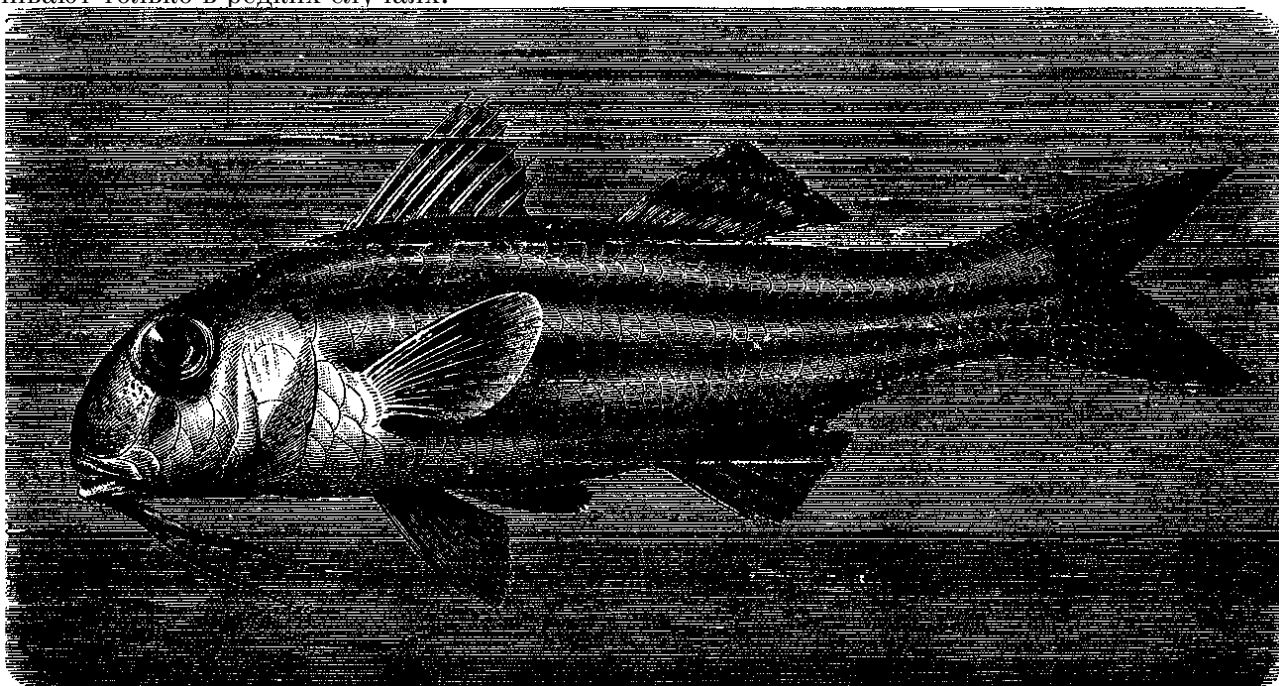
Цицерон упрекает римлян за то, что они занимаются такой детской забавой, и говорит, «что богачи воображали себя на небе, если владели в своих прудах султанками, которые плыли за их рукой». Вследствие такого пристрастия цена на султанок достигла невероятной величины. Султанка в 1 кг весом стоила очень много денег; султанка в 1,5 кг весом привлекала всеобщее внимание; экземпляр же в 2 кг почти не знал себе цены. Относительно цены существуют точные данные. Так, Сенека рассказывает, что Тиберий из скупости послал на рынок подаренную ему султанку в 2 кг весом, вызывая купцов. И действительно, Апиций и Октавий, названные им лакомками, начали торговаться, и последний приобрел необыкновенную славу тем, что купил рыбу, проданную императором, за которую Апиций не мог заплатить 5000 сестерций. Ювенал, впрочем, говорит об одной султанке, весившей почти 3 кг, за которую было заплачено около 6000 сестерций. Во время царствования Калигулы Азинус Целер купил, по словам Плиния, одну из этих рыб за 8000 сестерций. Цена на них стала еще больше возрастать, так что Тиберий был вынужден определить особыми законами цену жизненных продуктов на рынках. По мнению римлян, султанка считалась самой лучшей из всех рыб, а ее голова и печень — самыми тонкими лакомствами. Но это воззрение впоследствии совершенно изменилось.

Барабуля, или султанка (*Midlus barbatus*), отличается почти отвесно ниспадающим лбом и сравнительно мелкими чешуйками. Она достигает в длину 30-40 см и однообразно окрашена в карминно-красный цвет, всюду на нижней стороне с серебристым отливом; плавники желтые*.

* Султанки имеют растянутый период нереста — в Черном море он продолжается с мая по сентябрь. За это время самка может выметать до 100 порций икры с интервалом в несколько суток. Нерест происходит ночью; для нереста султанки поднимаются в толщу воды. Уже через двое суток из икры вылупляется молодь, которая в отличие от взрослых рыб в течение первых 1,5-2 месяцев держится в открытом море вдали от берегов.

Полосатая барабуля, или средиземноморская султанка (*Mullus surmuletus*), приблизительно такой же величины, покрыта крупными чешуйками и разрисована по красивому бледно-красному фону тремя золотистыми полосами, особенно заметными в период метания икры. Плавники красные, брюшные и хвостовой красно-желтые; на них обыкновенно находятся две желтые или бурые полосы.

Барабуля живет в Средиземном море во всех местах с глинистым или илистым дном. Ее находят также вдоль французского берега Атлантического океана, а вблизи Великобритании ее вылавливают только в редких случаях.

Полосатая барабуля, или средиземноморская султанка (*Mullus surmuletus*)

Напротив, полосатая барабуля, обитающая также в Средиземном море и местами даже чаще попадающаяся, распространена к северу вплоть до Великобритании и попадает в значительном количестве у берегов Англии. Период метания икры приходится у них на весну; а молодь, 12 см длины, встречается в конце октября. Пищу их, по-видимому, составляют мягкие раки и разнообразные мягкотелые, при отыскивании которых усики, вероятно, играют не последнюю роль. «Барабуля, — уверяет Оппиан, — охотно поедает все, что гниет и разлагается в море, а также, конечно, и трупы людей, погибших при кораблекрушениях. Поэтому ее ловят на гнилую приманку и справедливо сравнивают со свиньей, которая, подобно ей, питается отвратительными веществами и все же доставляет превосходное мясо».

В Италии оба вида барабуль ловят в течение целого года сетями, вершами, а также крючками, на которые насажены рачьи хвосты. Так как после лова барабули скоро портятся, то их, тотчас после улова отваривают в морской воде, обсыпают мукой и помещают в тесто, в котором и пересылают. Точно так поступали еще сотни лет тому назад. Их внутренности сгнивают за очень небольшой промежуток времени; поэтому их нельзя ни сохранять долго, ни пересылать далеко от моря, а потому стараются запечь их с приправой в паштеты или пирожки и тогда пересылать в отдаленные большие города. Впрочем, в Италии и по сию пору существует поговорка: «Тот, кто ловит рыбу, не видит ее у себя на столе».

Семейство брызгуновые

Брызгун (*Toxotes jaculator*), самый распространенный вид этого рода, известен уж с давних пор, потому что туземцы острова Ява, его родины, держат брызгуна в комнате для украшения. Его длина достигает 20 см; сверху он окрашен в темный зеленовато-серый цвет, переходящий внизу в

серебристый, и украшен четырьмя более темными пятнами, имеющими форму полос. Образ жизни брызгуна иной, чем у видов, живущих между кораллами. Он уж издавна прославился способом добывания себе пищи, обратил на себя внимание туземцев и до такой степени понравился им, что его держат в домах вместе с домашними животными. Гоммель, бывший начальник госпиталя в Батавии, дал первые сведения об образе жизни брызгуна; Мютцель и другие вполне подтвердили его данные.

Когда брызгун заметит на плавающем по поверхности воды растении муху или другое насекомое, он тотчас же приближается на расстояние от 1 до 1,5 м, выбрасывает из трубчатого носа несколько капель воды с такой силой и так метко, что редко дает промах. Эти рыбы доставляют особое наслаждение жителям Явы. Их помещают в небольшой бассейн, в середине которого возвышается над водой палка примерно на 60 см.

Брызгун (*Toxotex jaculator*)

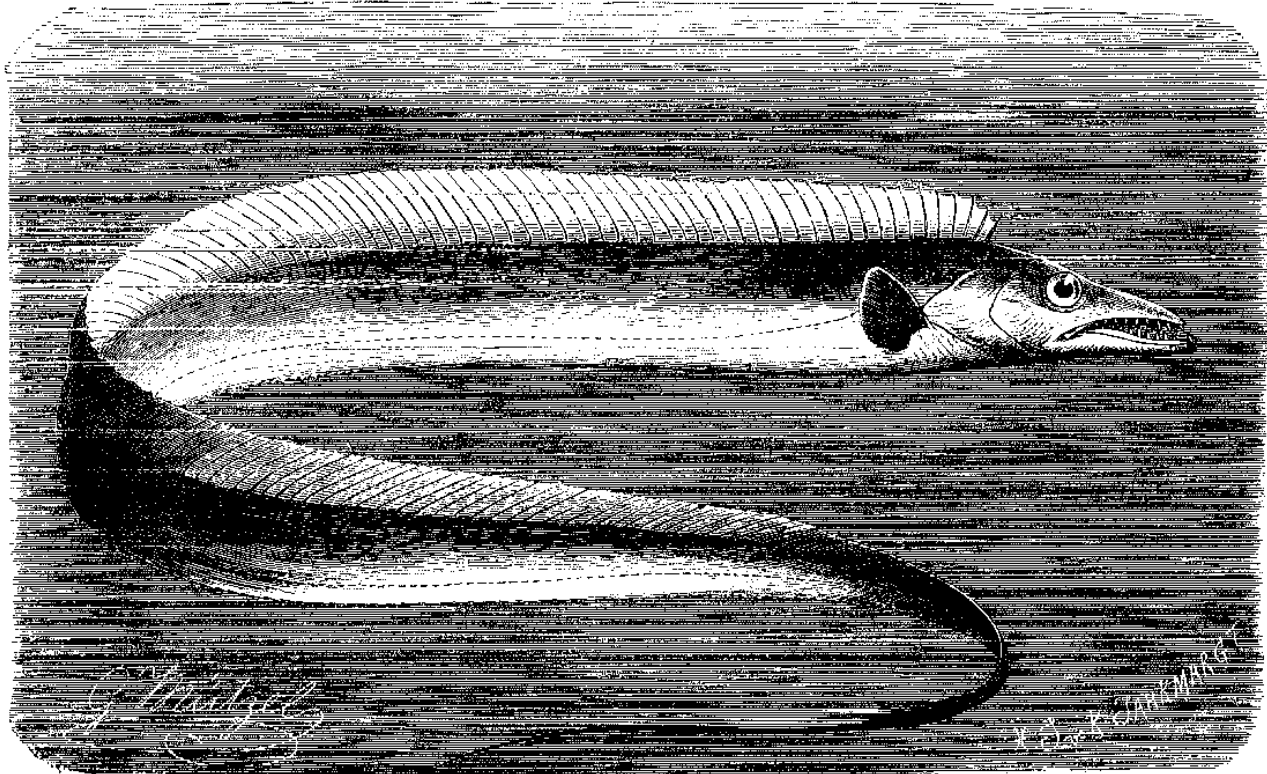
В палку вставляют деревянные гвозди, на которые сажают насекомых, употребляемых брызгунами в пищу. После того как все готово, появляются рыбки, сначала плывут вокруг палки, затем показываются на поверхности воды, останавливаются на одном месте, направляют в течение некоторого времени взоры на насекомое, выбрасывают вдруг на него несколько капель воды, сбрасывают его, если выстрел был удачен, и проглатывают. Если же они не попадут в цель, то плывут еще раз вокруг палки, снова останавливаются и поступают так, как только что описано. При выбрызгивании воды слышен шум, производимый как бы маленьким насосом. Поистине удивительна та меткость, с которой они выбрасывают в жертву струю воды*.

* На нёбе брызгуна имеется длинный и узкий желобок. Прикрывая его снизу языком, рыба метко выстреливает через эту «трубку» струю воды (до 2,5 м).

Чтобы наблюдать эту меткость, Гоммель прикалывал к палке муху с помощью иглы и тогда наблюдал, как все рыбы наперебой старались сбросить муху и непрерывно выбрасывали в нее с необычайной быстротой водяные струи, ни разу не сделав промаха. В желудке брызгунов находили массы маленьких мокрицеобразных животных. Из этого, по-видимому, можно заключить, что насекомые представляют природную и излюбленную пищу этих рыб.

Семейство волосохвостые, или рыбы-сабли

Волосохвостами (*Trichiunis*) называются виды, у которых хвост вытянут в длинное острие. Они отличаются отсутствием брюшных, заднепроходного и хвостового плавников.

Сабля-рыба (*Trichiunis lepturus*)

Сабля-рыба (*Trichiunis lepturus*) достигает в длину 1 м. Окраска кожи — блестящая, серебристо-белая, окраска плавников — серовато-желтая; между первыми лучами находятся темные пятна. Относительно образа жизни сабли-рыбы мы знаем очень мало. Чаще их встречают в тропических морях, нередко и в Средиземном море, а дальше к северу они практически не встречаются; например, у берегов Великобритании отдельные; экземпляры находили после сильных бурь мертвыми на берегу. О сабле-рыбе рассказывают, что она всегда движется очень быстро, иногда выпрыгивает высоко над водой и случайно при этом падает в рыбацьи лодки. На хищнические наклонности указывает сильное вооружение ее рта, и можно допустить, что она в состоянии нападать на довольно крупную добычу. Она же, в свою очередь, имеет в лице ленточных и других глистов если и не опасных, то все же неприятных врагов. Мясо сабли-рыбы признается всеми, кто его отведал, белым, плотным и вкусным. Этим и ограничиваются наши современные сведения об этих замечательных созданиях.

Семейство сигановые, или пестряковые

Тридцать видов растительноядных рыб, живущих в Индийском и Тихом океанах и достигающих в длину 40 см, образуют это семейство*.

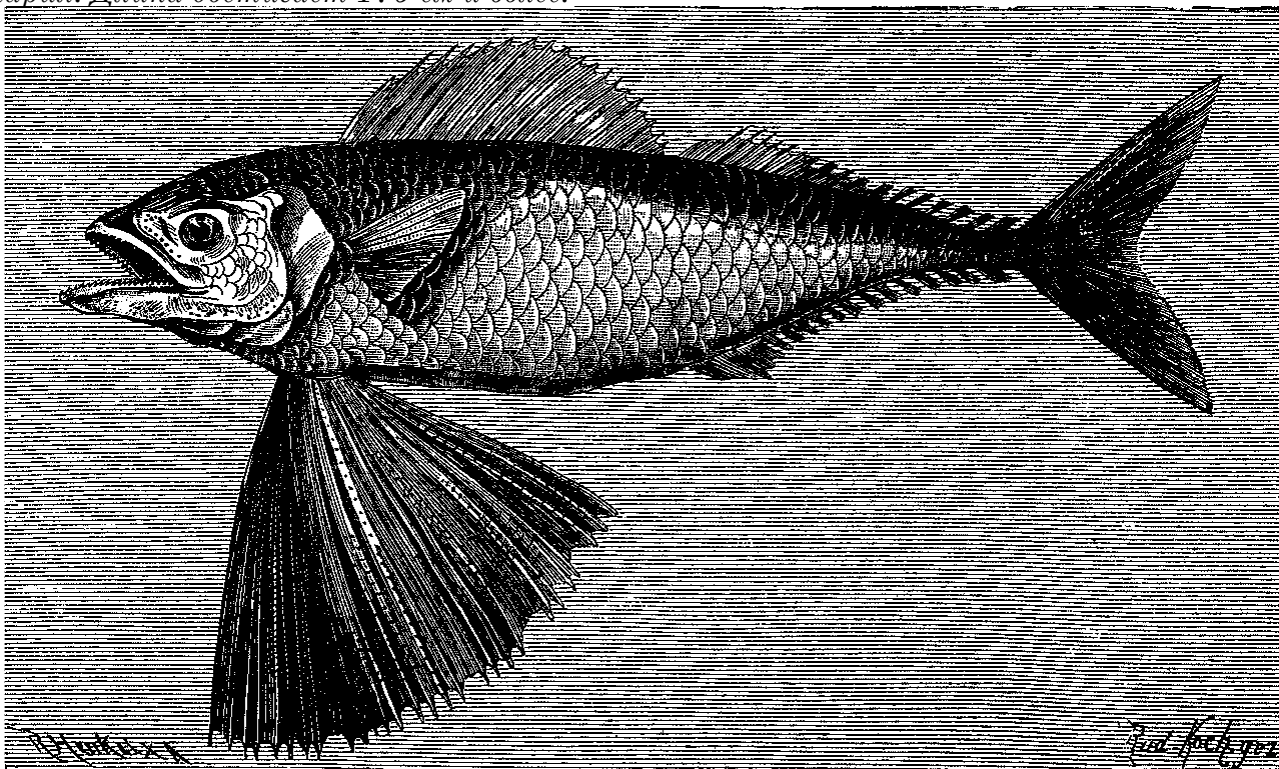
* *Представители этого относительно небольшого по числу видов семейства являются обитателями морских тропических прибрежных вод, могут заходить в опресненные участки вблизи устьев рек. Большинство этих рыб являются растительноядными, они предпочитают заросшие водной растительностью скалы и рифы. Сигановые некрупные рыбы, часто довольно ярко окрашены, способны быстро изменять свою окраску.*

Представителем одного из двух родов этого семейства является **пестряк, или сиган** (*Siganus* sp.). Эта рыба похожа на своих родичей продолговатым, сильно сжатым телом, покрытым очень мелкими чешуйками. Пестряк, называемый на островах Товарищества мараватиаму, буровато-оливкового цвета и разрисован на голове и туловище многочисленными червеобразными голубовато-белыми линиями. Он имеет в длину 25 см и известен из морей, омывающих острова Новые Гебриды, Соломоновы, Самоа, Тонга, Товарищества.

Семейство скумбриевые

Гастерохизма (*Gasterochisma melampus*) — редкая новозеландская рыба, принадлежит к роду, отличающемуся необыкновенно широкими и длинными грудными плавниками, которые могут совершенно прятаться в складке кожи на брюшке**.

** *Гастерохизма — крупная рыба субтропической зоны открытого океана Южного полушария. Длина достигает 170 см и более.*

Гастерохизма (*Gasterochisma melampus*)

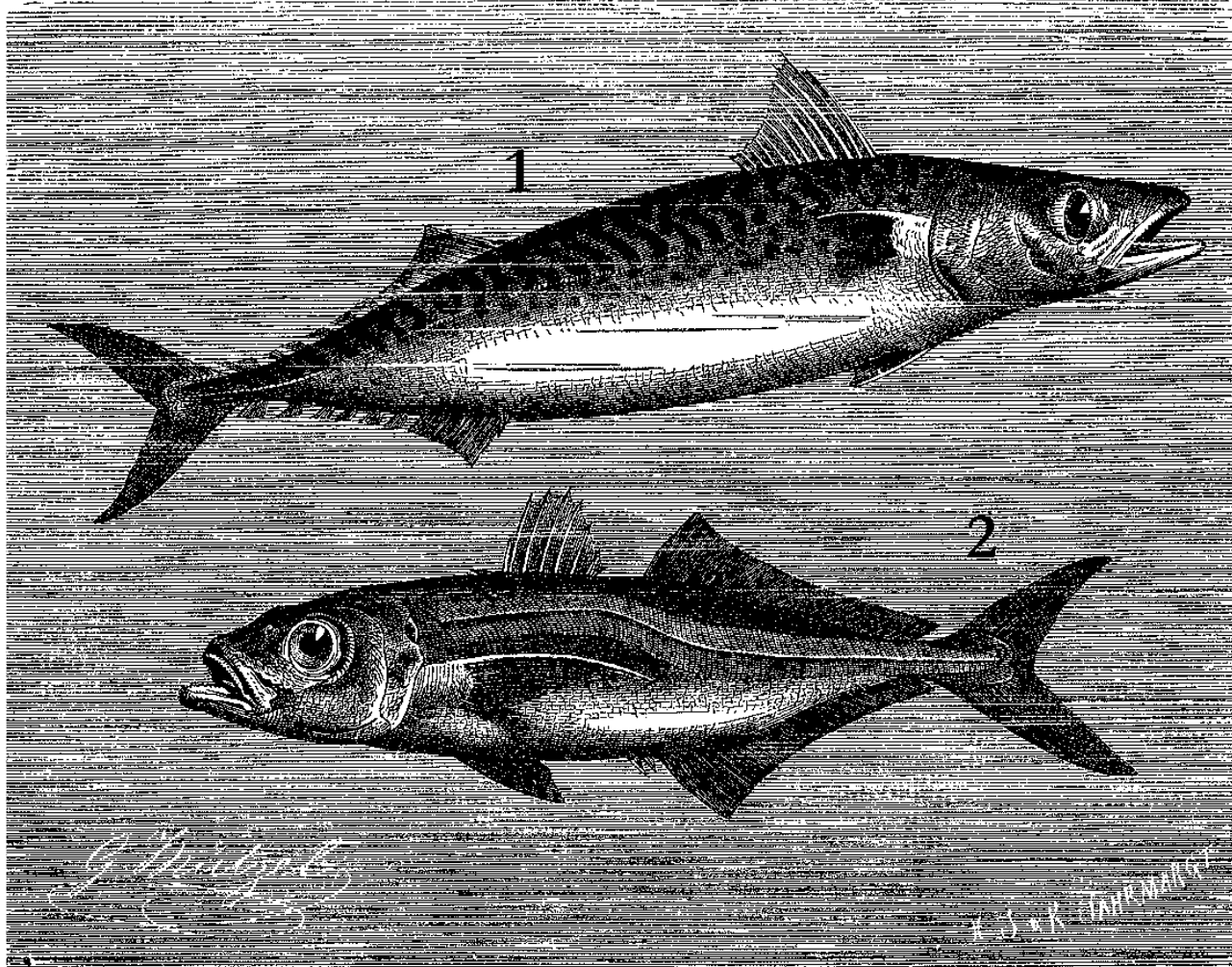
Скумбрия, или обыкновенная макрель (*Scomber scomber*), Эта рыба столь же красивой формы, как и окраски, достигает 40-45 см длины, самое большее 50 см и весит в среднем 1 кг. Сверху она покрыта по ярко-синему фону с золотистым блеском темными поперечными полосками, а снизу серебристо-белого цвета. Кроме того, между вторым заднепроходным плавником и хвостовым помещаются с каждой стороны по 5 свободных добавочных плавников. У этой макрели нет плавательного пузыря. Благодаря ошибочному рассказу рыбаков и других наблюдателей раньше был распространен взгляд, что настоящей родиной макрели нужно считать Ледовитый океан и что она предпринимает оттуда ежегодно далекие путешествия в более южные местности Адмирал Плевил, проводший на море 50 лет своей жизни, уверял, что он нашел место зимовки макрелей. Это, по его словам, маленькие скалистые бухты у берегов Гренландии со спокойной и тихой водой и с илистым дном. В течение холодного времени года он видел миллиарды макрелей, зарывшихся до половины в ил с опущенной туда головой. Они зарылись так близко друг возле друга, что казалось, будто воткнуты сваи. Матросы сначала отказывались посетить на лодке одну из этих бухт, боясь, что, быть может, макрели представляют особый род подводных скал, которые могут испортить лодку. Что рассказ старого моряка целиком выдуман, о том едва ли нужно упоминать; но относительно так

называемого путешествия макрелей еще и в настоящее время существуют различные воззрения. Макрелей ловят постоянно на значительных глубинах, и притом как в Северном и Балтийском морях, так и в Атлантическом океане и Средиземном море. Впрочем, нельзя не заметить, что по направлению к востоку они встречаются все реже и реже и уже у острова Рюген не попадают постоянно; они появляются одновременно у северных и у южных берегов*.

* С весенним потеплением воды отнерестившаяся скумбрия мигрирует на север в богатые кормом воды, в конце лета откочевывает на юг.

Появление их у берегов повсюду приветствуется ликованием, потому что макрель принадлежит к превосходнейшим и важнейшим морским рыбам и ее лов, как и в древности, имеет в настоящее время громадное значение. В рыбацких городах и селах появление макрелей призывает к деятельности все население; сотни и тысячи лодок тотчас снаряжаются на ловлю ценной рыбы, и вдоль всего берега во всех бухтах и губах начинается деятельная жизнь и движение.

Каждая крупная рыбацкая лодка сопровождается несколькими мелкими лодками, на которых лежит обязанность отвозить улов как можно скорее на рынок; нанимают даже быстроходные пароходы, которые быстро нагружаются и уже через 5-6 часов доставляют на рынок свежих макрелей.

1 — Скумбрия, или обыкновенная макрель (*Scomber scomber*) 2 — Обыкновенная ставрида (*Trachurus trachurus*)

У берегов Англии макрель появляется уже в марте, иногда даже в феврале; но, собственно, период лова начинается только в мае или в июне, а дальше к северу даже месяцем позже. Метание икры в южных местностях бывает в июне. Число яиц одной икрюной макрели достигает полумиллиона. Главной пищей служит им молодь других рыб.

По нашему мнению, нужно как можно скорее съесть ценное мясо макрелей, а римляне, смешав его с кровью и внутренностями, оставляли гнить и таким образом приготавливали свой любимый соус «гарум». Самым лучшим считался испанский черный, или благородный, гарум; две кружки его благодаря примешанным к нему индийским пряным кореньям стоили очень дорого: ни одна жидкость, кроме благовоний, не оплачивалась на римском рынке так дорого, как этот соус. Готовым соусом обливали всевозможные мясные кушанья или же пили его за столом с водой и вином; запах его, говорят, был отвратителен.

Атлантическая пелагида, или атлантический бонито (*Sarda sarda*), хорошо известна всем морякам и путешественникам. По своему очертанию она похожа на тунца, но значительно меньше и редко достигает более 80 см длины. Спина и бока отливают из стали-синего цвета зеленым и красным; брюхо серебристого цвета и покрыто бурными полосками; вдоль каждой стороны по четыре полоски, проходящих от горла вплоть до хвостового плавника. Удивительный блеск красок и красота рыбы, говорят, не поддаются никакому описанию.

Точно неизвестно, встречается ли бонито также и в Средиземном море; в Атлантическом океане пелагида попадает очень часто*.

** Атлантическая пелагида постоянно встречается в Средиземном море, откуда ежегодно весной заходит и в Черное море для откорма. Осенью большая часть рыб вновь возвращается в Средиземное море. Атлантическая пелагида очень плодовитая рыба — одна самка выметывает до 4 миллионов икринок. Нерест происходит в ночные часы.*

По словам барона Киттлица, она часто, в обществе тунцов, следует довольно продолжительное время за кораблем, считая, по-видимому, его своим путеводителем по океану; или же она весело играет на воде, подобно дельфинам, как часто наблюдал Пехуэль-Леше, впереди корабля, по обе стороны носа. Она также плавает обществами, но всегда в правильных стаях и рядах и становится очень заметной, так как принадлежит к самым ревностным преследователям летучих рыб. Кроме этих последних она питается также другими мелкими рыбами, каракатицами, ракообразными и даже растительными веществами; но главнейшая охота ее все-таки на летучих рыб. «Тунцовые рыбы, — говорит Киттлиц, — тунец и бонито, с большой поспешностью бросаются на летучих рыб; они вместо полета последних делают высокие прыжки, причем им нередко удается поймать добычу еще в воздухе. Брызги волн, шум при поднятии и падении, движение воды, обусловленное ветром, представляют при огромном количестве преследующих и преследуемых рыб оригинальное зрелище, при котором немало летучих рыб попадает в пасть хищников». Матросы пользуются этим для вылавливания бонито: они держат над водой на веревке приманку в виде мелкой рыбки, светлого лоскутка или же куска пробки, утыканного перьями. За этой приманкой бонито при быстром ходе корабля прыгает на высоту 1 м и обыкновенно попадает на крючок.

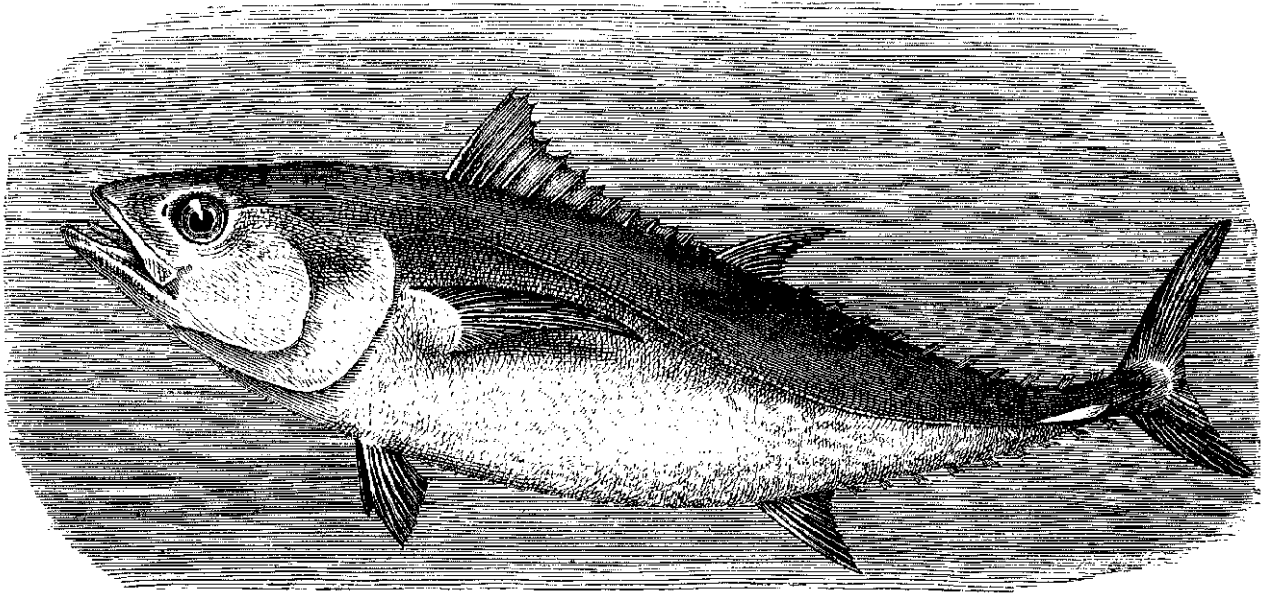
Синий, или обыкновенный, тунец (*Thunnus thymus*) — одна из самых крупных рыб, вылавливаемая из-за вкусного мяса, представляет гигантскую макрель 2-3 м длиной и 150-300 кг веса. Иногда, говорят, тунец достигает более 4 м длины и весит до 600 кг. Спина его черно-синеватая, грудной панцирь голубого цвета; бока и брюхо по сероватому фону покрыты серебристо-белыми пятнами, которые сливаются в полосы. Передний спинной и заднепроходный плавники телесного цвета, ложные плавники серно-желтые с черной оторочкой.

Истинной родиной тунца считается Средиземное море; в Атлантическом океане он, по-видимому, встречается в малом количестве и заменяется родственными видами. Нельзя, однако, не упомянуть, что тунцы действительно идут из Атлантического океана в Средиземное море или же из последнего в Черное море, но нужно отметить, что в Средиземном море находят тунцов из года в год и даже чаще, чем в каком-либо другом месте. У берегов Атлантического океана эта ценная рыба встречается везде, но все же реже, чем у берегов Средиземного моря. Тунец только в виде исключения заходит в более северные местности, особенно к Великобритании, где его чаще всего наблюдают*.

** Тунец встречается в очень широком диапазоне температур — от 5 до 30° С. Летом он достигает берегов Норвегии и даже Кольского полуострова. Совершает сезонные миграции, перемещаясь преимущественно вдоль берегов. Отмечены также случаи, когда помеченные тунцы пересекали Тихий океан, проходя путь почти в 6000 км.*

При всеобщем участии, которого тунец заслуживает и которое возбуждает во всех странах, лежащих по берегам Средиземного моря, всегда обращают внимание на его временное появление и хорошо изучили время его хода, но, несмотря на это, еще и ныне сведения об образе жизни тунца во многих отношениях недостаточны. Наблюдая странствующих тунцов, заметили, что они очень быстро и довольно ловко движутся более или менее многочисленными обществами, иногда тысячными стаями**, преследуют преимущественно килек, сардинок и других мелких рыб, а в исключительных случаях — макрелей и летающих рыб, но также едят и ракушки.

*** Тунцы относятся к быстро плавающим стайным рыбам. В стае тунцы относительно друг друга располагаются в шахматном порядке, что приводит к меньшим затратам сил на плавание. Стая в целом чаще всего имеет форму клина. Идущие во главе стаи рыбы, которые испытывают наибольшее сопротивление воды, часто сменяются, уступая роль временного лидера другим членам стаи.*

Синий, или обыкновенный, тунец (*Thunnus thynnus*)

Довольно подробно известно их размножение, известно, что на крупных и на мелких тунцов охотятся акулы и дельфины и вредят им, что они живут в мире и согласии с меченосами и поэтому часто плавают в их обществе. Этим и ограничиваются наши сведения.

Конечно, не подлежит никакому сомнению, что тунцы появляются у берегов только для метания икры. Во время их появления икра еще слабо развита; но ее развитие идет чрезвычайно быстро. Яичник тунцов, пойманных в апреле, весит около 500 г, а у пойманных в мае — уже более 6 кг. Число яиц часто бывает очень значительным. «Когда я увидел огромную величину их яичников и изобилие в них икры, — говорит Четти, которому мы обязаны первым подробным описанием рыбы и ее лова, — я перестал сомневаться, что Левенгук мог найти в них такое же громадное количество яиц, какое он нашел у трески». Другими словами, каждая рыба откладывает несколько сот тысяч яиц. В июле вылупляются мальки, несколько дней спустя они весят 40-50 г, а уже в августе — 100 г. и более, а в октябре вес их достигает почти 1 кг. Насколько быстро идет рост с этого времени, неизвестно, но предполагают, что в первый год продолжается такое же быстрое увеличение их размеров.

Продолжительность их роста неизвестна; по-видимому, половозрелыми они становятся очень рано, потому что вместе со старыми и крупными вылавливаются также более молодые и мелкие, которые, конечно, не плыли бы вместе с первыми, если бы они не были половозрелы.

Описание способа улова тунца есть в то же время описание его образа жизни, потому что наши сведения относительно образа жизни тунца основываются на произведенных во время лова наблюдениях.

Лов производится различно в зависимости от местности и времени года. У берегов Лангедока, как в Истрии, выставляют перед наступлением хода тунцов на возвышенных местах сторожевые посты, которые извещают о появлении тунцов и указывают место, с которого они приближаются. По первому знаку часового в море направляется масса лодок, бывших наготове. Эти лодки по приказанию вожака образуют длинную дугу, выбрасывают свои сети и запирают рыб; затем суживают круг все более и принуждают тунцов плыть по направлению к берегу. Когда же приблизятся к земле и достигнут мелководья, тогда растягивают сеть и тащат ее вместе со всеми находящимися внутри тунцами на сушу, где начинается страшное избиение пленников.

В гораздо большем масштабе ведется ловля тунцов у берегов Италии. Здесь преграждают излюбленную дорогу тунцов многочисленными сетями и при благоприятном случае вылавливают за один раз тысячи. Аббат Четти описывает этот лов очень живо, и его описание годно даже в настоящее время и не заменено лучшим. В последующем изложении в основание ляжет описание Четти.

Предварительные работы для лова занимают апрель месяц. В начале мая проводится в море линия, которая должна указывать направление во время выбрасывания сети. Это совершается с помощью длинных веревок, которые раскладываются параллельно друг другу на поверхности воды. На следующий день после выставления отвозят сеть, заранее торжественно освященную духовенством, в море на нескольких судах и со всех сторон укрепляют ее якорями.

Тунец идет очень правильно, хотя и не всегда, как думали древние, обращен к берегу правой стороной. Он идет, по словам Элиана, «то по способу волков, то по способу коз», т.е. или группами в 2 или 3 экземпляра, или же большими стадами. При тихой погоде он не двигается вперед, а чаще всего ищет себе пищу, а как только море начнет волноваться от ветра, он пускается в путь и держится большей частью направления ветра. Поэтому при ловле тунцов с неудовольствием встречают как бури, так и штиль: каждый желает ветра, и притом такого, который был бы выгоден для его тоннары*.

* *Сети, употребляемые при ловле тунцов и других крупных рыб и представляющие огромные сооружения из веревок и петель. Иногда общая длина сети превышает одну морскую милю. — А. Ерем.*

Рыба, ударившись о стенку сети, попадает сначала в большую камеру, вход которой остается открытым. Никогда или чрезвычайно редко догадается она возвратиться, чаще же она старается пройти сквозь сеть и при этом запутывается в соседних камерах, где или уже находятся рыбы, или где они скоро набираются.

Если сеть достаточно наполнилась и наступает штиль, появления которого ждут с тысячами желаний и молитв, тогда начинается бойня. Окрестная местность разделяет напряжение и волнение рыбаков; из отдаленных частей страны собираются знатные лица для того, чтобы присутствовать при возбуждающем зрелище. У всех тоннар существует обычай, что иностранец, пришедший сюда, радушно принимается, с ним обращаются самым дружественным образом и при отъезде наделяют его подарками. В ночь, предшествующую бойне, рейс** перегоняет всех тунцов, обреченных на смерть, в переднюю, или «золотую камеру», настоящую предсмертную тюрьму, названную золотой потому, что в этой части сети тунец оказывается для рыбака столь же ценным, как золото в мешке.

* * *Самый важный работник на ловле или главный начальник рыбаков, — А. Ерем.*

Теперь предстоит важная задача, именно избрать святого, который должен быть покровителем следующего дня, с этой целью бросают имена нескольких святых в урну и вытягивают один билетик. К одному лишь этому святому и обращаются с молитвами весь следующий день.

В день боя рейс перед восходом солнца отправляется к середине сети, чтобы перегнать тунцов в мертвую камеру. Когда он все приведет в порядок, то поднимает флаг, появление которого приводит берег в возбуждение и движение. Лодки, на которых сидят рыбаки и зрители, отчаливают от берега; на берегу все от волнения бегают взад и вперед.

Сначала, при невероятных криках всех рыбаков, вытягивают мертвую камеру, притом чрезвычайно медленно, но по возможности равномерно. Рейс присутствует повсюду: впереди и позади, на этой, на той стороне, здесь побранит одного, там пожурит другого, этому сделает выговор, тому бросит в голову кусок пробки. Чем ближе к поверхности подходит мертвая камера, тем более сходятся лодки. Постепенно усиливающееся клокотание воды извещает о приближении рыб. Тогда рыбаки, играющие роль палачей, вооруженные тяжелыми дубинами, на верхушке которых укреплен железный крючок, отправляются к двум главным лодкам, с которых происходит нападение на тунцов. Еще раньше, чем они начнут свою работу, можно заметить у них величайшее волнение.

Наконец рейс отдает приказание к бойне. В воде начинается страшное волнение, происходящее от быстрого движения лодок и барахтанья огромных рыб, которые видят себя окруженными, преследуемыми и на волос от смерти. Пенящаяся вода заливают лодки. Палачи работают с истинным ожесточением, так как они получают известную часть добычи, и поэтому стараются умертвить как можно больше и притом самых крупных тунцов. В эту минуту, наверно, не пришли бы на помощь человеку, упавшему в воду или подвергающемуся опасности, а на раненных во время боя не обращают никакого внимания. Бьют, кричат, неистовствуют и вытаскивают как можно скорее тунцов из воды. После того как рыбы несколько уменьшились в числе, прекращают бой, снова подтягивают кверху сеть, в которой находится остальная часть улова. Начинается новый приступ, новая бойня. Так чередуются бой и притягивание сети, пока наконец не дойдут до дна мертвой камеры и не останется только незначительная часть тунцов. Кровь рыб обогрывает значительную часть моря.

По истечении часа бойня окончена. Лодки идут под паруса ми и на веслах к берегу. Пальба мортир, расставленных на берегу, приветствует их. Еще до выгрузки каждый рыбак получает свою долю; затем патрон приносит дар святому, который был покровителем.

При каждой бойне, если она не последняя, никогда не опоражнивают сеть совершенно, но оставляют для приманки следующего лова около 100 тунцов и более. По истечении некоторого промежутка времени снова повторяется избрание святого и бойня тунцов, и так это идет, пока продолжается ход рыбы.

Добычу в свежем виде часто уступают иностранцам, явившимся в качестве покупателей, которые по своему способу солят их и маринуют. Тунцов переносят в тенистое место для того, чтобы разделить на части. Таким образом получают куски мяса, которые имеют различную ценность. «Невероятно, — говорит Четти, — как много разнообразных сортов мяса находят у этой рыбы: на различной глубине, где исследуют ножом, наталкиваются то на жесткое, то на более мягкое мясо; в одном месте оно похоже на телятину, в другом — на свинину».

Семейство мечерылые, или меч-рыбы

Так как образ жизни всех меченосов, по-видимому, одинаков, то мы опишем его, говоря о самом обычном виде.

Меч-рыба (*Xiphias gladius*). Эта рыба покрыта не чешуйками, а шероховатой кожей. Окраска спинной поверхности яркого пурпурово-голубого цвета с буроватым или красноватым отливом и по направлению к брюху переходит в нечистый, часто даже матово-синевато-белый цвет, который имеет красивый серебристый блеск. Плавники аспидно-синего цвета с серебристым отливом; хвост окрашен в сине-черный цвет; глаза темно-синие. Тело удлиненное, с боков немного сжатое, сзади почти круглое, передняя часть спины от переднего спинного плавника к голове постепенно углубляется, верхняя челюсть вытянута в мечевидный отросток. Этот отросток состоит из широкой пластинки, постепенно утончающейся и переходящей на конце в тупое острие; края у пластинки режущие и тонко зазубрены. Пластинка эта, сначала выпуклая, к корню плоская и даже вогнутая, сверху покрыта полосками, а снизу — одной бороздой. В образовании этой пластинки принимают участие передние лобные кости, решетчатая кость и сошник. Собственно же она образована удлиненными и превращенными челюстями. Масса меча ячеистая и состоит из ряда пустот, связанных и покрытых очень плотной костной массой и пронизанных четырьмя трубками — каналами, по которым проходят питательные сосуды. Нижняя часть пасти не удлинена; отверстие рта простирается далеко за крупные глаза. В строении жабр наблюдается нечто странное, так как их листки не только лежат друг подле друга, но и связаны друг с другом поперечными листочками, так что цельная поверхность жабр скорее похожа на сеть, чем на гребень. Средняя величина меч-рыбы достигает 2,5-3 м, и весит она 150-200 кг. Впрочем, встречаются экземпляры и 4 м длины, и в очень редких случаях почти 5 м, вес которых может достигать 350 кг*.

* *Рекордный экземпляр меч-рыбы имел длину свыше 4,5 м и весил 537 кг.*

Рассказы об исполинах еще большей длины и большего веса нужно принимать с осторожностью. Четверть или треть всей длины занимает меч, который представляет собой опасное оружие, употребляемое рыбой с большой ловкостью.

Область распространения меч-рыбы до сих пор еще точно не определена, во всяком случае она очень велика. В Атлантическом океане она доходит приблизительно от Шетландских островов и южного берега Ньюфаундленда до мыса Горн и, по Люткену, даже до мыса Доброй Надежды; в Тихом океане она встречается от западного берега Южной Америки и Нижней Калифорнии по крайней мере до Новой Зеландии и, быть может, переходя по Индийскому океану, до острова св. Маврикия, где меч-рыба была, во всяком случае, наблюдаема. Далее она постоянно встречается в Средиземном море и иногда заходит к востоку вплоть до Константинополя. По Элиану, она нередко заходит даже в Черное море, а иногда и в Дунай*.

* *Меч-рыба довольно часто заходит из Средиземного моря в Черное и Азовское моря наугад.*

Летом она посещает также Балтийское море и случайно заходит вдоль западного берега Скандинавии до мыса Нордкап. Ежегодно повторяющееся летнее появление многочисленных меч-рыб у берегов Ново-Английских Штатов Броун Гуде объясняет тем, что они идут туда, следуя за стадами рыб, которыми питаются. Предположение же, что они предпринимают эти летние кочевки для метания икры, должно быть отброшено.

Меч-рыба принадлежит к самым быстрым и самым выносливым рыбам, принимая во внимание ее величину**.

* * *Скорость плавания меч рыбы достигает 130 км/ч и является рекордной для рыб и других водных обитателей.*

Поэтому она в состоянии побеждать более мелких рыб, которые вместе с каракатицами служат ее излюбленной, если не единственной пищей. В общем, она может считаться безвредной и трусливой, но очень раздражительна, и с нею иногда без всякого повода случаются внезапные припадки опасной ярости и жажды разрушения, во время которых она производит бесчинства. Это можно было бы считать выдумкой, если бы в том многократно не ручались правдивые путешественники. У рыбаков и приморских жителей, которые знают меч-рыбу, она за свою готовность к борьбе

и часто безрассудную смелость вошла в поговорку. Обыкновенно она появляется на поверхности моря в безветренные и теплые дни и плавает спокойно, причем выставляет из воды часть своего спинного и хвостового плавников. Иногда она движется быстрее, ныряет по поверхности туда-сюда и забавляется большими прыжками, во время которых выскакивает целиком из воды и снова ныряет, причем плеск слышен далеко. В европейских водах, особенно в Средиземном море, можно наблюдать меч-рыб, попарно плывущих друг подле друга. Часто можно увидеть даже их спаривание. Опытные же рыбаки Новой Англии никогда не видели этого, и капитан Асиби уверяет, что он никогда не видел двух меченосов ближе чем на 10-12 м друг от друга. С мачты корабля можно при благоприятных условиях видеть 10-15 и даже 20 особей этих рыб. Когда поднимается ветер или наступает прохлада, меченосы уходят на глубину. По словам опытных рыбаков, они выходят на поверхность, когда выплывают макрели, и также следуют за ними на глубину. По данным Томсона и Асиби, которые наблюдали меченоса во время его охоты, хищник бросается стремглав в густое стадо рыб, с быстротой молнии наносит своим опасным оружием удары направо и налево, пока не умертвит достаточное для него количество, и тогда съедает плавающую вокруг него добычу. Многие рыбы при таких нападениях разрезаются пополам. Асиби однажды собрал на том месте, где меч-рыба на его глазах свирепствовала в стаде сельдей, еще около четверика мертвой рыбы*.

** Меч часто используется меченосом для поражения добычи. Рыбы, которых находят в желудках пойманных меч-рыб, довольно часто имеют следы удара мечом или могут быть перерублены на две части.*

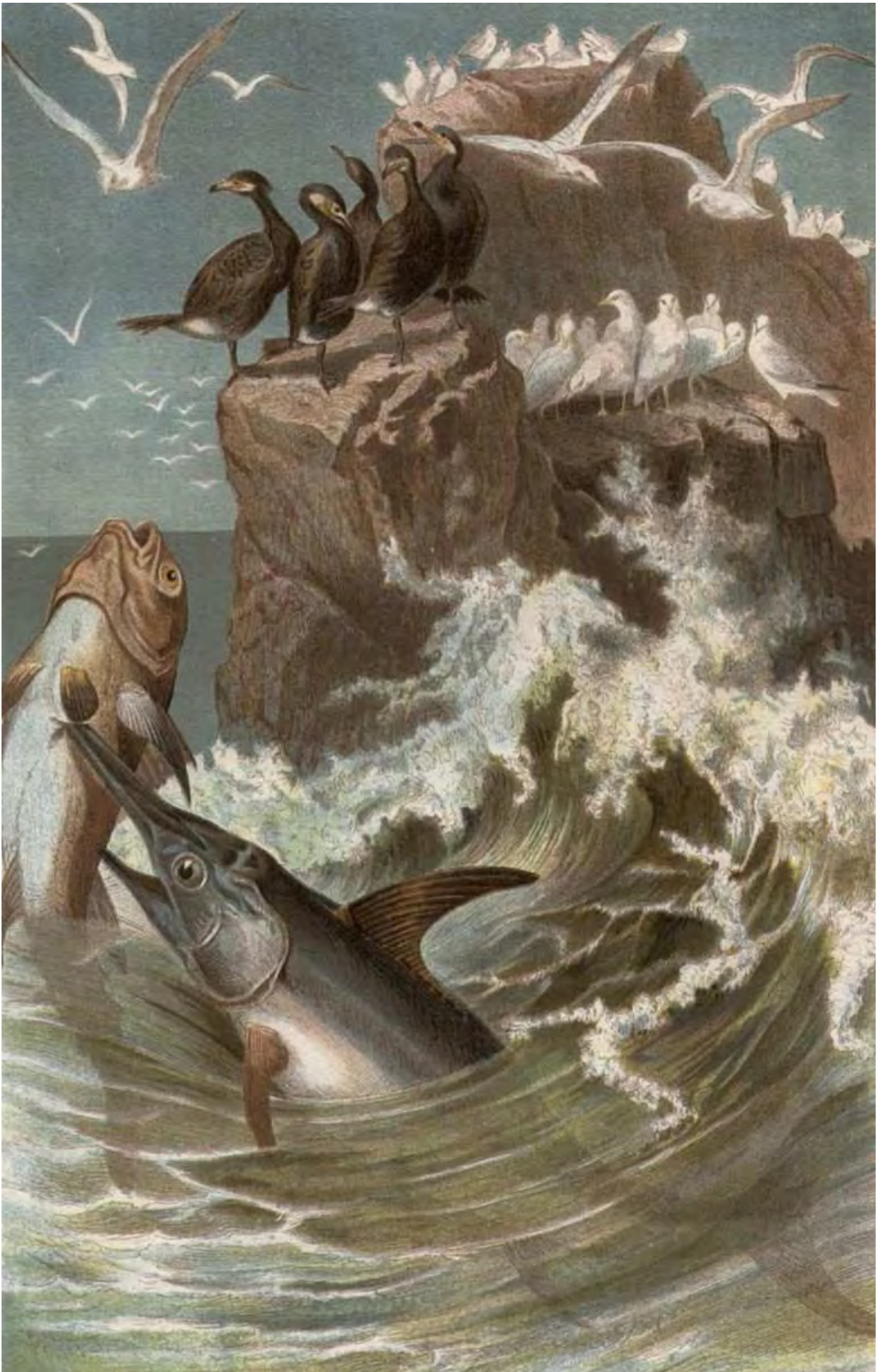
Относительно размножения меченосов мы очень мало знаем.

Когда читаешь описания меченоса, которые оставили нам древние, то по привычке относишь их рассказы исключительно к области фантазии. Но ни об одном животном рассказы древних исследователей не оказались столь верными, как о меченосе. Я далек от того, чтобы считать все повествования новых наблюдателей правдивыми. Но не подлежит никакому сомнению, что они подтвердили почти все без исключения данные древних. Необходимо сначала вспомнить об этих последних, и поэтому мы приведем их из сочинения превосходного переводчика Геснера: «Это очень красивая, веселая, сильная и благородная рыба. Эта рыба иногда называется другими нациями на их языке воином, или капитаном, или морским царем благодаря ее очень большому мечу, ее силе, большому вреду и могуществу. Киты боятся морских меченосов как смертельных врагов, хотя и последние боятся кита, называемого Valena, так что от страха погружают свой клюв, или меч, в ил и стоят неподвижно. Valena, заметив такой неподвижный чурбан, плывет, не трогая его, мимо.

В Индийском океане этот меченос так велик, что пробивает своим острием, или клювом, стенки португальских кораблей толщиной полторы ладони. Правдивые ученые и известные люди говорили, что подобная рыба иногда разрезает своим мечом пополам человека, плавающего около корабля. Несомненно, что у этого животного острый, твердый и крепкий меч, обладающий большой силой.

Эти рыбы так понятливы, что в состоянии отличить одно от другого различные наречия. Так, на Локридском берегу однажды при ловле этого животного присутствовало несколько итальянцев, и они заметили, что меченосы имеют пристрастие к греческому языку и вовсе его не боятся, а перед итальянским, наоборот, чувствуют страх и уплывают оттуда.

Рыбаки очень боятся этих рыб, так как они заходят в невод и своим большим и сильным мечом разрывают невод на части. Впрочем, иногда, особенно молодые экземпляры, вылавливаются неводом».

Меч-рыба (*Xiphias gladius*)

При описании тунца старый Геснер упоминает, что он очень боится меченоса. Это первое свидетельство, которое мы хотим рассмотреть. Четти решительным образом отрицает справедливость его. Павел Иовий, говорит он, приписывает причину перекочевываний тунца из Атлантического океана в Средиземное море боязни. По его словам, это море служит тунцу убежищем, куда он спасается от преследований своего страшного врага. Этот враг — меч-рыба — является в океане столь опасным для тунцов, что их стада без оглядки спасаются в Средиземном море. Иовий, думает он, приводит подобный рассказ, будучи, вероятно, введен в заблуждение Страбоном; но откуда бы он ни взял это сведение, оно, во всяком случае, совершенно неверно.

Утверждение, что меч-рыба нападает также на китов, несколько раз подтверждалось. Но все же нужно с осмотрительностью принимать данные наблюдателя Крауа, одного английского морехода, так как очень вероятно, что он говорит не о меч-рыбе, а о единороге. «Однажды утром, — рассказывает Крауа, — во время штиля, захватившего наш корабль вблизи Гебридских островов, собрался весь экипаж смотреть битву между акулами вместе с несколькими меченосами с одной стороны и гигантским китом с другой. Дело было в самом разгаре лета, погода была ясная, и кит был вблизи корабля; таким образом, мы имели наилучший случай для наблюдения.

Как только спина кита показалась над водой, акулы выпрыгнули на несколько метров из воды, со страшной силой бросились на предмет их ненависти и наносили ему сильные удары своими длинными хвостами; удары были такой силы, что производили звук, как будто в некотором отдалении стреляли из орудий. Меченосы, в свою очередь, нападали на несчастного кита сзади, окружив его со всех сторон и всюду поранив, так что бедное животное не имело возможности спастись. Когда мы потеряли его из виду, то вода была кругом покрыта кровью, а пытка еще продолжалась. Мы не сомневались в безусловной гибели кита». Хотя, конечно, при этом и подобных ему наблюдениях возможна ошибка, тем не менее нельзя оспаривать возможность или даже вероятность того, что иногда меч-рыба нападает на гигантских морских млекопитающих животных и вымещает на них свою ярость. Почему, в самом деле, столь хорошо вооруженная рыба, которая при необъяснимых порывах гнева нападает не только на суда своих преследователей, но и на спокойно идущие своей дорогой корабли, не может иногда напасть на громадного кита? Эти данные подкрепляются лучше, чем рассказами Крауа и других мореходов, наблюдениями старого и опытного морского офицера. Барон Лагонтан в течение двух часов наблюдал с палубы своего фрегата, как вблизи один меченос нападал на кита, тщетно нырявшего в воду. Когда кит выходил на поверхность, чтобы дышать, тотчас появлялся возле него меченос («и выпрыгивал из воды, чтобы таким способом вонзить свой меч в тело кита»). Так как Лагонтан говорит не о массовой борьбе, происходившей вдали, что могло бы затруднить наблюдение, а о единоборстве двух животных, борьбе, происходившей вблизи, то его простой и безыскусный рассказ заслуживает полного доверия. Нужно упомянуть как о достоверном факте, что меч-рыба нападала и на других крупных животных, не служащих ей пищей, и прокалывала их. Так, Даниель рассказывает, что в реке Северн, недалеко от Ворчестера, меченос проколол купающегося человека и сам был пойман.

Конечно, несчастья, произведенные меченосами, должны быть более часты, чем принято думать, так как большинство несчастных случаев остаются неизвестными. Многие путешественники едва ли имеют понятие об образе жизни этих воинственных животных или же не обращали на него внимания. Об акулах каждый пересказывает всевозможные ужасы, хотя очень трудно быть очевидцами или же найти фактические примеры этого. «Меч-рыба, — так повествует Уайт Джиль из Южного океана, — наводит панику на наших рыбаков. Я узнал о многочисленных несчастных случаях, причиненных молодыми меченосами. В одном случае у туземца меченос проколол ладонь; рана была круглая. Нападающая рыба вынула свой меч и продолжала безнаказанно свой путь. В другой раз пришел поздно вечером туземец с просьбой дать арники для молодого человека, пораненного крупным меченосом. Меченос, спешивший за мчавшимися рыбами, в пылу попал в большую лодку, в которой сидел этот юноша. Обе стенки лодки были пробиты меченосом, и так как колено юноши приходилось как раз по линии удара, то меченос проткнул и его недалеко от сочленения. Меч имел в длину, по крайней мере, два фута. Несколько секунд бедный парень был без чувств вследствие боли и потери крови; он и по сию пору хромот. В двух других случаях была проколота седалищная кость, причем бедренная артерия почти совершенно разорвана. Оба раненых наконец совершенно выздоровели. Самый печальный случай произошел с девушкой, пораненной этой страшной рыбой в бедро, — едва-едва она избежала смерти: страшная рана закрылась только после месячного заботливого лечения».

Меченосы довольно часто пробивают суда*.

** Причины, побуждающие меч-рыб атаковать шлюпки и даже крупные суда, до сих пор неясны.*

Доски, в которых находится обломавшийся меч или кусок меча, выставлены в различных коллекциях. Когда начали переделывать в 1725 году британский военный корабль «Леопард», то в носовой части, недалеко от киля, нашли торчащим сломанный меч нашей рыбы. Этот меч пробил наружную обшивку 2,5 см толщиной и доску 7,5 см толщиной и, сверх того, погрузился еще на 11 см в глубь бревна. Точно так же при переделке китобойного судна «Фортуна», возвратившегося из Южного океана, нашли сломанное оружие меченоса, которое пробило не только медную обшивку 2,5 см толщиной, затем твердую доску 7,5 см толщиной и крепкое дубовое бревно в 30 см, но также и дно бочки с ворванью, помещавшейся на корабле. В деревянный остов корабля «Присцилла» сломавшийся меч погрузился на глубину 45 см. Рыба ударила в судно ночью недалеко от Азорских островов, в то время как командир, капитан Тэйлор, находился на палубе. Сотрясение, обусловленное ударом, не только перепугало бодрствующих матросов, но и разбудило спящих, которые поспешно вышли на палубу. На основании этих достоверных случаев, которые при желании можно привести в большом числе, понятно, какой необычайной силы достигает удар, с какими проворством и силой нападает вовсе не рассерженный умышленно меченос в избранный им предмет.

К счастью, разъяренная рыба, стараясь освободиться, обламывает свое оружие, застрявшее в плотном дереве, и, вероятно, погибает. В противном случае она могла бы причинить гораздо больше бед. Все же меченос сделал уже немало пробоин в судах, а некоторые и совершенно потопил. Такой случай, как сообщает Бэрд, произошел в 1871 году с маленькой яхтой «Редгот», на которой одна компания отправилась у берегов Массачусетса охотиться на меченосов. То же случилось в тех же водах с лодкой, на которой охотился Пехуэль-Леше: меченос, имевший в длину около 3 м, будучи ранен, с такой силой ударил, подойдя снизу, в лодку» что в образовавшуюся брешь прошел не только меч, но и голова. Образовавшуюся благодаря этому большую дыру заткнули с грехом пополам штуртком, и человек должен был постоянно вычерпывать воду, чтобы лодка держалась на воде, пока не высадились на ближайший берег. Но и более крупные суда подобным же образом подвергались сильному повреждению. Бриг «Тинкер» с капитаном Бернардом во время возвращения из Рио-де-Жанейро в Ричмонд подвергся 23 декабря 1875 года такому нападению меченоса, что команда ясно почувствовала толчок. Несколько часов спустя убедились, что вода проникла внутрь и что бриг получил пробоину. Экипажу пришлось все время работать помпами, пока бриг не достиг гавани. При исправлении выяснилось, что было повреждено дно корабля в носовой части.

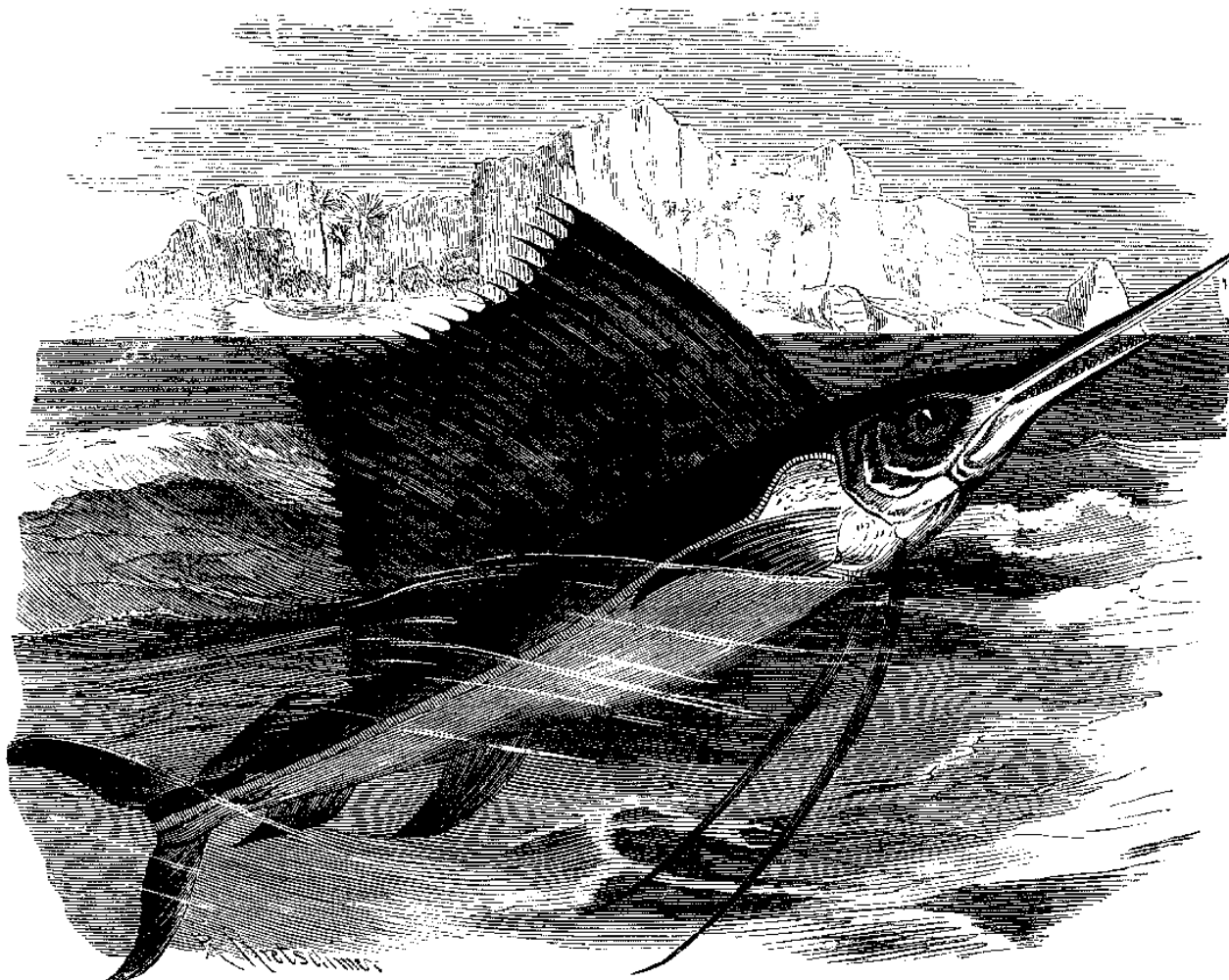
После вышесказанного мы не станем удивляться, что меченос играл уже и на суде значительную роль. Так, 11 декабря 1868 года в Лондоне судьи и эксперты разбирали случай аварии, произошедшей благодаря нашей рыбе и приведшей к процессу. Великолепный корабль «Dreadnought», предназначенный для торговли с Индией, был застрахован от всевозможных опасностей на море. 10 марта 1864 года он вышел из Коломбо в Лондон; спустя три дня экипажу посчастливилось поймать на крючок меченоса. Но последний, к сожалению, порвал веревку, сделал прыжок, точно хотел лучше осмотреть корабль, и вскоре после этого ударил в него снизу. На следующее утро в трюме оказалась вода: корабль получил пробоину. Возвратились в Коломбо и для поправки судно отвели в Котчин. Там нашли в дне сравнительно небольшое отверстие. Владельцы «Dreadnought» требовали от страхового общества возмещения убытков и предъявили иск, так как общество отказывалось платить под тем предлогом, что меченос не мог нанести такого повреждения. К разбору дела в качестве экспертов были приглашены Овен и Буклэнд. Приговор суда был такой: общество страхования должно заплатить около 12 000 марок вознаграждения за сумасбродное нападение меченоса.

Лов меченосов существует в виде промысла преимущественно в южной Италии и в восточных Соединенных Штатах. Относительно рыболовства у итальянских берегов Линдеман сообщает: «Лов меченосов производится частью в тоннарах, больших неводах, приспособленных для лова тунцов, частью большими мережами с крупными петлями, частью крючками и, наконец, гарпуном. Последнее орудие, очень похожее на китовый гарпун, употребляется преимущественно в Мессинском проливе. Палка у гарпуна длиной от 3 до 4 м, собственно гарпун сделан из железа и имеет в длину 20 см, проникновение его в тело рыбы облегчается подвижными крючками. Лодка остается соединенной с пойманной рыбой при помощи бечевки 200 м длиной, прикрепленной к гарпуну». Применяемый там же невод, по словам Тоцетти, имеет в длину от 600 до 800 м, а в ширину — 16 м. На каждом конце находится крупный пробковый поплавок, к которому прикреплен колокол, издающий звон при всяком движении сети. Когда крупная рыба запутается в петлях и, пытаясь осво-

бодиться, приводит невод в сильное движение, тогда рыбаки извещаются об этом звоном колокола и спешат, чтобы овладеть добычей.

Семейство марлиновые, или парусниковые

Парусник (*Istiophorus platypterus*) может достигать, по данным Теннента, в длину 6 м. Он сохраняет, как это утверждает вышеназванный натуралист, в течение всей своей жизни огромный спинной плавник 1,5 м вышиной.

Парусник (*Istiophorus platypterus*)

Окраска его такая же, как у только что описанных меченосов, только более темная и блестящая. Парусник преимущественно живет в тропических морях, особенно в Индийском океане, и очень редко заходит далеко на север. По своему характеру и привычкам он, сколько мы знаем, сходен с меченосом, но все же менее воинствен и не так безрассудно любит нападать; пища его также схожа с пищей меченосов. По Тенненту, парусники действительно пользуются своим спинным плавником как парусом*.

** Для развития максимальных скоростей парус не используется. Более того, он увеличивает сопротивление воды. При плавании с большой скоростью спинной плавник опускается в специальную выемку на спине и приподнимается лишь при резких изменениях направления движения.*

Семейство щетинозубые

Арабские рыбаки Красного моря называют щетинозуба пятнистого (*Chaetodon setifet*) рыбой-знаменщиком (*Fahnenfisch*). Он распространен во всем Индийском и в западной части Тихого океана и отличается значительно удлинённым пятым лучом в спинном плавнике. По матово-белому фону этой рыбы проходят в разных направлениях более темные полосы. Одна черная полоса с белой каймой на заднем конце расширяется книзу и проходит от затылка через глаз к горлу; 5-6 черноватых идут косо спереди вверх и назад; 8-10, пересекающиеся с остальными почти под прямым углом, проходят также спереди вверх и назад. Надглазничную область, кроме того, украшают четыре оранжево-желтые поперечные линии. Задняя часть спинного плавника, на которой часто находится черное, с белой каймой пятно, лимонно-желтого цвета, кверху огненно-красного и окружена черной каймой. Хвостовой плавник лимонно-желтого цвета, сзади украшен полулунным бледно-

желтым пояском с белой каймой, а далее веретеновидным темно-коричневым пояском с черной каймой вокруг красновато-светло-серого края. Заднепроходный плавник оранжевого цвета с черным краем и белой каймой. Грудь и брюшной плавник красновато-светло-серого цвета. Длина пятнистого щетинозуба достигает 20 см.

Щетинозуб коралловый (*Chaetodon fasciatus*) достигает в длину 16 см. Голова разрисована по белому фону широкой черной глазной полосой, проходящей от темени к предкрышечке, туловище по ярко-желтому фону испещрено 9—12 темно-коричневыми полосами, проходящими косо спереди вверх и назад и продолжающимися до желтых плавников. Губы алого цвета; у мягких плавников — спинного и заднепроходного — черный край, а у первого над основанием темно-коричневая полоса в форме дуги. На хвостовом плавнике, недалеко от конца его, находится черное чечевицеобразное пятно с белой оторочкой. Область распространения тянется от Красного моря вплоть до Китая.

Щетинозуб полосатый (*Chaetodon vittatas*) имеет в длину 11 см. Он разрисован по лимонно-желтому фону приблизительно 13 черноватыми продольными полосками, на голове — широкой дугообразной глазной полосой и узкой полосой, расположенной позади, на лбу — 3-4 поперечными линиями, которые, подобно головным полосам и окружности рта, черного цвета. Мягкая часть желтого спинного плавника окаймлена черной полосой и оранжевой каемкой. Совсем черный заднепроходный плавник исчерчен вдоль края светло-желтыми полосами и ограничен оранжевой каймой; черный хвостовой плавник имеет широкий алый край.

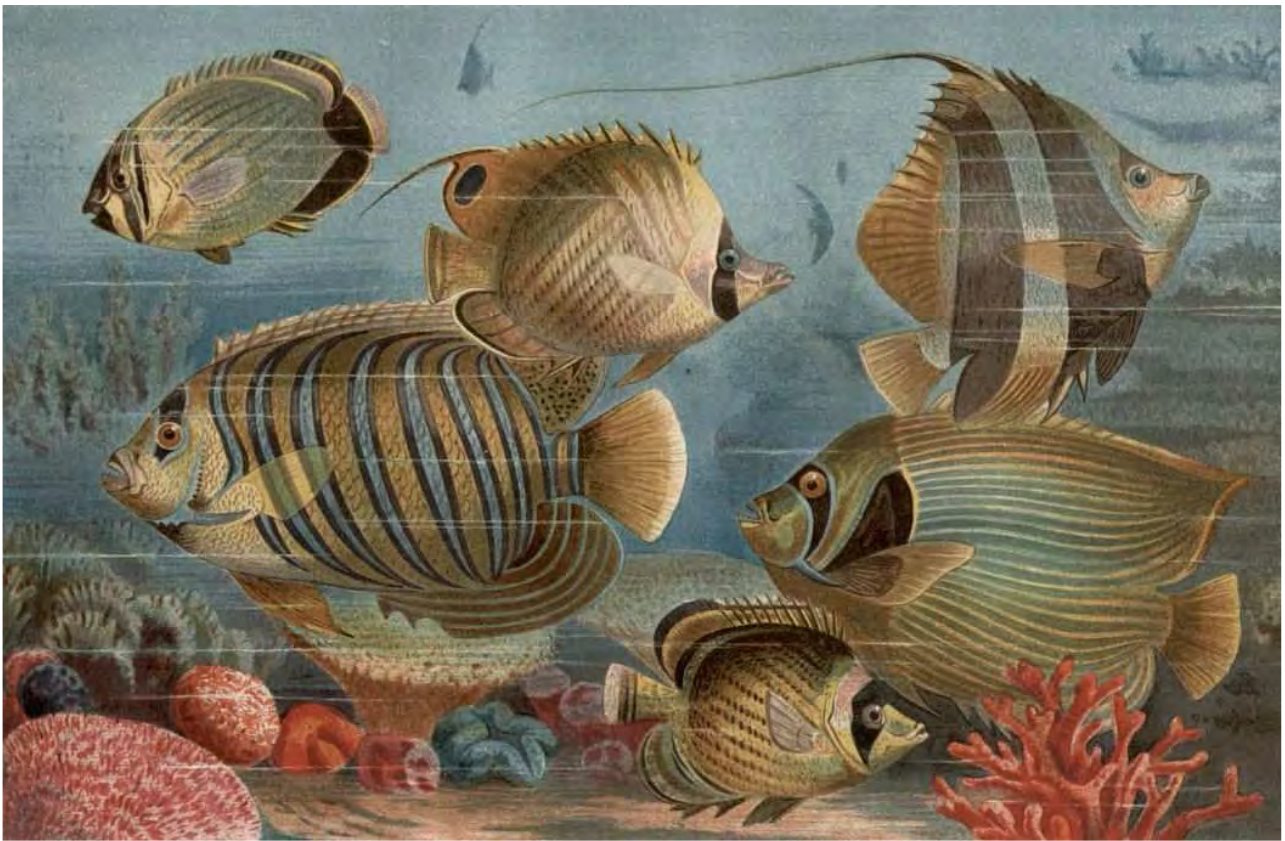
Эта красивая рыба распространена от восточной Африки вплоть до архипелага Таити*.

** Щетинозубы, упоминаемые Бремом, относятся к многочисленной группе морских прибрежных рыб-бабочек, насчитывающей десятки видов. Рыбы-бабочки обитатели прозрачных вод коралловых рифов. Яркая окраска, фантастически сочетающая различные по форме, размерам и контрастности, разнообразных цветов и оттенков полосы, круги, пятна, точки, служат этим рыбам важными зрительными сигналами, помогающими им держаться стаями или охранять свою территорию от пришельцев, нереститься и заботиться о собственной молоди. Наряду с тропическими бабочками и птицами их относят к числу наиболее пестро окрашенных животных нашей планеты.*

Вымпельная рыба-бабочка, или белоперая кабуба (*Heniochus acutninus*), имеет 20 см длины*.

** У этой рыбы высота тела превышает длину, четвертый луч спинного плавника сильно удлиннен и переходит в мягкую нить.*

Преобладающая серо-желтая окраска переходит на груди и горле в серебристо-белую. Голова отчасти или вся черного цвета, бока рыла светлые, щеки темные. Две очень широкие, черные, косые полосы проходят по всему туловищу и плавникам. Первая идет от затылка к брюху, а вторая почти параллельно первой идет далее назад от 5-8-го спинного луча вплоть до заднего конца заднепроходного плавника. Плавники в тех местах, где они не покрыты полосами, лимонно-желтого цвета. Рыба живет во всем Индийском океане.

Рыбы-бабочки (Chaetodon)

Семейство помакантовые, или рыбы-ангелы

Голакант (*Ho/acanthus diacanthus*) достигает в длину 20 см. По лимонно-желтому фону он разрисован 8-9 светло-голубыми, с широкой черной оторочкой, отчасти раздвоенными поперечными полосами. Черная верхняя часть головы разрисована чудно-голубыми продольными поперечными линиями; голубая полоска огибает глаз, другая проходит по краю предкрышечки. Грудные, брюшные и хвостовой плавники лимонно-желтого цвета; мягкая часть темно-коричневого спинного плавника по краям испещрена черными и голубыми крапинками, а на остальном протяжении синими. Коричневый заднепроходный плавник разделен 6-7 дугообразными светло-бурыми поперечными полосами.

Еще красивее **императорская рыба-ангел** (*Pomacanthus imperator*). Голова грязно-серного цвета украшена темно-коричневой лобной и глазной полосой, у которой спереди и сзади светло-голубая каемка; над грудным плавником находится большое продолговатое пятно совсем черного цвета с желтой каемкой вокруг. Это пятно так же чудно выделяется на синем, впадающем в фиалковый цвет туловище, как и дугообразные желтые линии, проходящие по бокам тела. Брюхо и грудь темно-зеленого цвета, плавники синеватые, их лучи светлее или темнее, от оранжево-желтых до черных; коричневый заднепроходный плавник исчерчен синими дугообразными продольными линиями; оранжево-желтый хвостовой плавник имеет светлые края**.

* * *Довольно крупная рыба коралловых рифов (длиной 60 см). Имеет весьма вкусное мясо.* Оба вида обитают в Индийском и Тихом океанах.

Семейство нандовые1

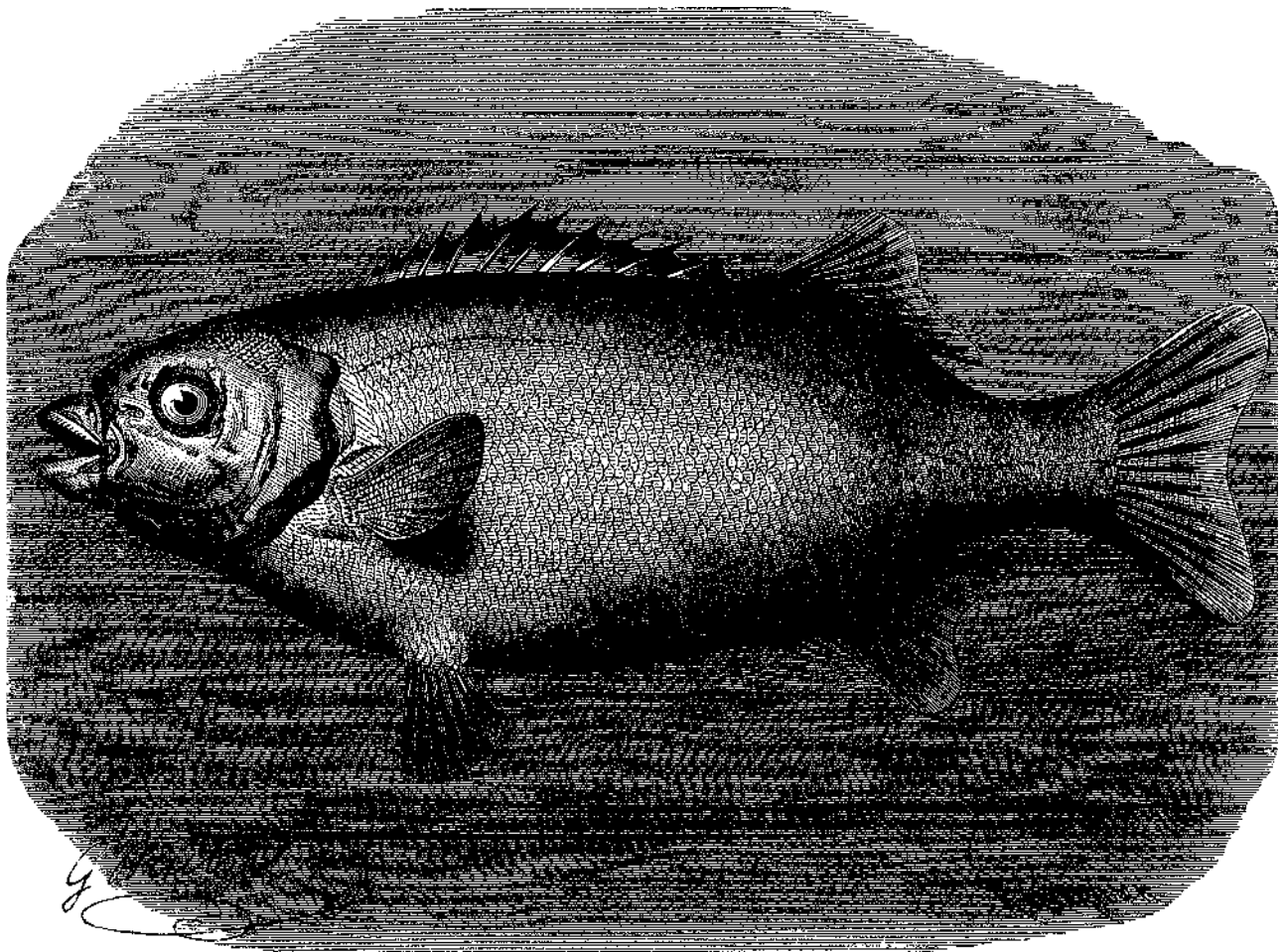
Маленькие рыбы, питающиеся ракообразными животными, образуют семейство нандовых. Они живут в реках тропических местностей Америки, впадающих в Атлантический океан.

В Эссеквибо живет **южноамериканский многоколючник, или рыба-обрубок** (*Polycentrits schomburgkii*), имеющий в длину 9 см и называвшийся ранее по имени нашедшего его Шомбургка — шомбургков многошип*.

* *Многоколючники мелкие хищные рыбы пресных вод Индии и Индокитая, очень агрессивные.*

Семейство оплегнатовые

Наш рисунок изображает **капского ножезуба, или южноафриканского оплегната** (*Oplegnathus conwayi*), — рыбу с высоким сжатым телом, покрытым очень мелкими гребенчатыми чешуйками, и с непрерывной боковой линией. Достигает 90 см длины.

Капский ножезуб, или южноафриканский оплегнат (*Oplegnathus conwayi*)

Челюстные кости имеют острый край, на котором находятся незаметные зубы, сросшиеся с костями; нёбо лишено зубов. Передняя часть спинного плавника, вооруженная твердыми лучами, по длине превышает заднюю мягкую часть; заднепроходный плавник имеет три шипа; брюшные плавники, расположенные на груди, имеют по одному твердому и по пять мягких лучей. Достоверных сведений относительно его образа жизни нет**.

* * *Ножезуб обитатель морского побережья. Питается морскими ежами, моллюсками и т. п.*

Семейство помацентровые

Хромис (*Chromis tristrami*) живет в соленых озерах восточной Сахары и земли Ашантиев.

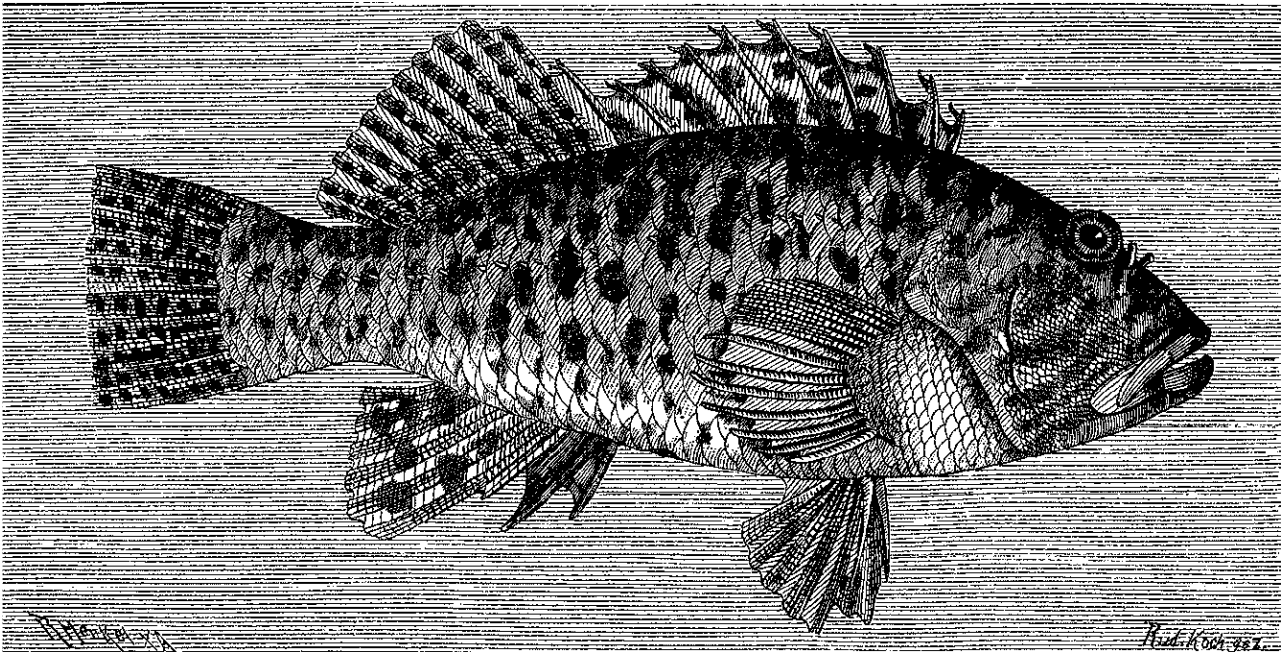
Рифовый окунь (*Pomacentrits scolopsis*) из южных морей и Малайского архипелага живет преимущественно среди коралловых рифов. Подобно **щетинозубам** (*Chaetodon*), он бывает роскошно окрашен и разрисован. Отдельные экземпляры вида, достигающие около 12 см длины, часто очень сильно различаются между

Семейство эмбиотоковые, или живородковые

Следует упомянуть семейство живородковых. Рыбы, принадлежащие к нему, сходны с представителем одного из родов семейства — **серебристой дитремой** (*Ditrema argenteum*). Самки этих рыб живородящи. Половой зрелости эти рыбы достигают рано, уже в возрасте 1 года.

Семейство кудрепёрые

Длиннопалый циррит (*Chilodactylits macropterus*) принадлежит к важнейшим съедобным рыбам южных морей. Другим представителем этого семейства является **пятнистый циррит** (*Cirrhitis maeulosus*), представленный на рисунке. Длина пятнистого циррита достигает 25 см. Он распространен от Красного моря и восточной Африки до Гавайских островов. Характерной особенностью цирритов являются свободные и утолщенные концы нижних лучей грудного плавника. Многие из этих рыб ярко окрашены. Несмотря на небольшие размеры (20-25 см), это прожорливые хищники, стремительно атакующие своих жертв из засады.

Пятнистый циррит (*Cirrhites maculosus*)

Семейство прилипаловые

"Подобно тому как у нас в широкой степи охотятся на зайцев с помощью охотничьих собак и на птиц — с помощью сокола или другой хищной птицы, так некоторые народы на далеких островах охотятся на морских рыб с помощью другой рыбы, приспособленной самой природой для этой работы и приученной к ней человеком».

Прилипало, о котором упоминают Геснер и его единомышленники, был известен уже древним, и его способность прикрепляться к кораблям или крупным морским рыбам послужила, несомненно, причиной его названия и рассказов, основанных на этом названии. Уайт Джиль рассказывает, как туземцы некоторых островов Торрессова пролива умеют ловить в воде плавающих черепах, и продолжает: «Другой способ ловли состоит в том, что пользуются помощью присасывающейся рыбы, имеющей около трех футов длины, которую легко поймать веревкой. У пойманной рыбы жители Торрессова пролива прокалывают хвост, продевают сквозь него крепкую веревку и для полной уверенности обматывают ее еще и вокруг хвоста. Несколько таких пойманных рыб оставляют плыть на веревке сзади лодки, пока не появится черепаха, затем бросают 3 или 4 рыбы как можно ближе к ней, спящей. Тотчас же рыбы присасываются к черепахе, которая, при пробуждении, оказывается в плену. Тогда туземцы осторожно вытягивают веревку, пока прилипалы и их добыча не окажутся вдоль борта судна. Этот хитрый способ применяется только для ловли черепах малого объема. Присасывающихся рыб держат иногда в течение двух или трех дней в лагуне или же в лодке, наполненной наполовину морской водой, пока не отыщут черепах».

Важнейшим характерным признаком прилипал (*Echeneis*) является плоская овальная пластинка, начинающаяся над ноздрями, тянущаяся по всей голове и захватывающая даже часть спины. Эта пластинка имеет гибкий край и 12-27 подвижных поперечных складок, усаженных на верхнем ребре тонкими зубчиками, и может служить для присасывания. Переднего спинного плавника нет, задний отодвинут далеко назад против заднепроходного плавника; грудные и брюшные плавники малы, хвостовой плавник сравнительно велик и либо вырезан, либо закруглен и изменяет, по Дюю, свою форму в зависимости от возраста. Челюсти, из которых нижняя более выдается вперед, нежели верхняя, усажены тонкими гребенчатыми зубами. Такие же зубы помещаются и на сошнике, а на языке расположены тонкие бархатистые зубы. Число лучей в жаберной перепонке достигает восьми. Желудок большой, кишка короткая и широкая; плавательного пузыря нет. Известно около десяти видов.

Наиболее известный вид этого рода, обитающий во всех тропических и не слишком холодных морях, по Дюю, самый распространенный из встречающихся в индийских водах, — **обыкновенный прилипало** (*Echeneis nancrates*) достигает длины 90 см и больше*.

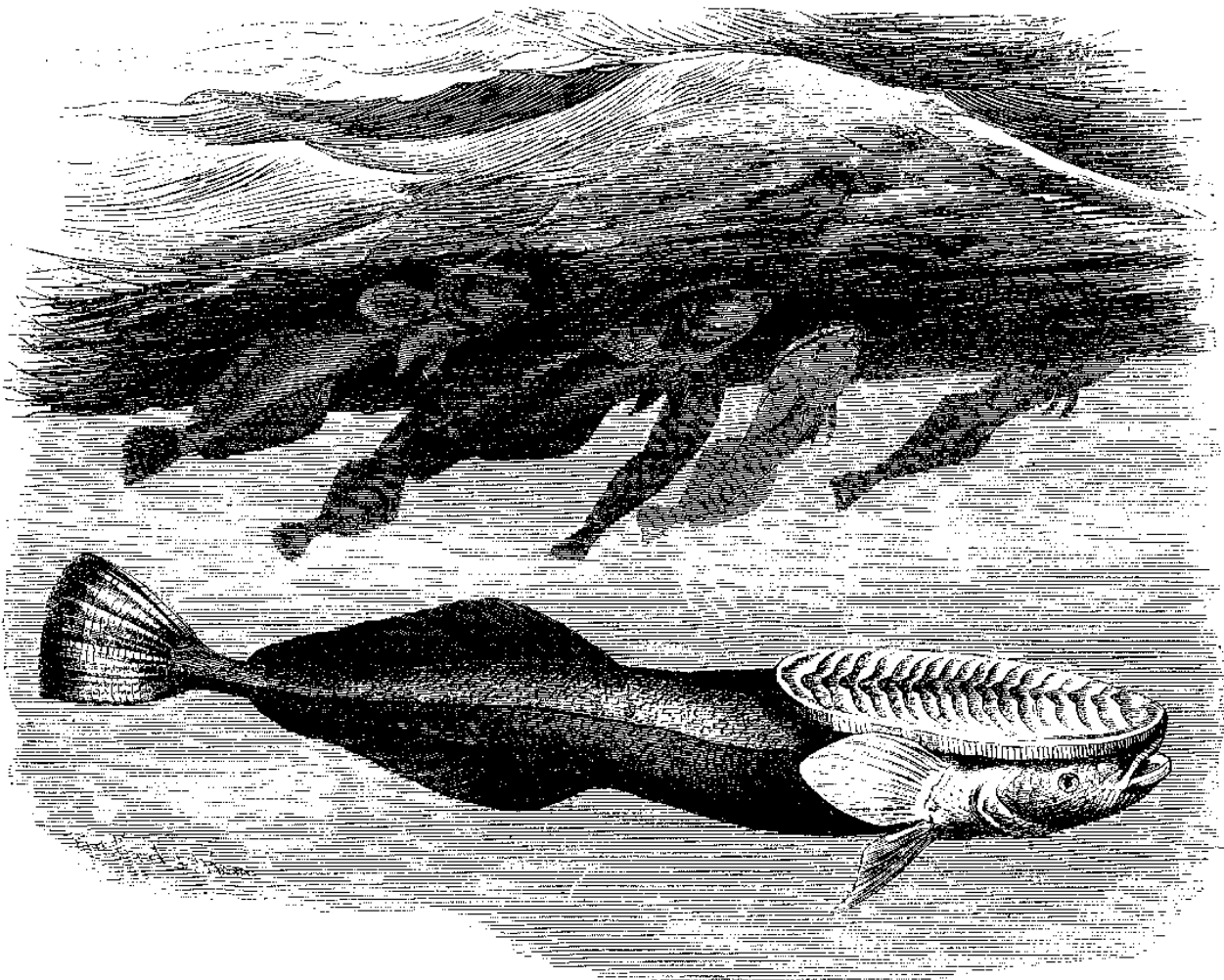
* *Крайне редко обыкновенный прилипало попадает и в Черном море.*

На спинной стороне он оливкового или буровато-серого цвета, на брюшной стороне — беловатого цвета; плавники, за исключением темно-бурых грудных, имеют на верхушках и на ребрах белую сторону; вдоль боков туловища у многих экземпляров тянется темная полоса. Присоска имеет 21-25 поперечных складок.

Родственный вид — **акуля ремора** (*Remora remora*), встречающаяся также и в Средиземном море. Она редко имеет более 20-25 см длины; окраска кожи, покрытой мелкими, липкими, блестящими чешуйками, переливается от буро-желтого до темно-бурого цвета. Присоска обыкновенно имеет 18 поперечных, складок*.

* *Акули реморы настолько тесно связаны с «хозяином», что не могут существовать сами по себе. Даже нормально дышать они могут, только находясь на акуле — вентиляция жабр происходит не за счет дыхательных движений, как у большинства рыб, а потоком воды, создающимся при движении акулы. Реморы настолько плотно держатся на акуле, что часто остаются на ней, даже когда ее поднимают на палубу.*

Образ жизни всех прилипал один и тот же. Подобно сростнопёрым, они прикрепляются к другим предметам — в исключительных случаях к скалам и камням, обыкновенно же к кораблям и акулам. Последних редко можно видеть без этих спутников, и иногда они сплошь бывают покрыты ими. Вероятно, шероховатая кожа акул предоставляет прилипалам надежную точку прикрепления, а их подвижность доставляет им возможность охотиться на рыб постоянно в новых слоях воды. Вместе с акулами и кораблями они проходят по морю значительные пространства и, подобно лодочникам, заходят в чуждые им части моря. Причина, по которой они прикрепляются к кораблям и акулам, еще не выяснена удовлетворительно. Что они присасываются, это понятно, так как все животные, как я неоднократно указывал, умеют наивыгоднейшим образом пользоваться своими органами, но почему они прикрепляются к подвижным предметам, трудно сказать.

Акуля ремора (*Remora гетого*)

Предположение, что они делают это потому, что сами плохо умеют плавать, требует еще доказательства, однако оно довольно вероятно. «В то время как верхняя часть головы, — говорит Киттлиц, — прикреплена, челюсти имеют достаточно места для того чтобы с успехом схватывать мелкие пищевые объекты, которые плывут мимо них. При этом им помогает само строение челюстей. Все тело рыбы как будто перевернуто: брюхо выглядит так, как спина у других рыб; оно не только выпукло, но и темнее окрашено, чем спина, которая всегда прижата к другим предметам. Эта склонность к присасыванию настолько сильна, что, пока рыба жива, нелегко удастся увидеть ее спинную поверхность, потому что она всюду одинаково присасывается: так, например, на дне сосу-

да с морской водой, где она на гладкой поверхности все же достаточно сильно прикрепляется, и в таком положении, совершенно перевернутая, лежит спокойно. В этом положении прилипалы, по-видимому, может быть, с небольшими перерывами, проводят всю свою жизнь. Сила их присасывательного органа так велика, что даже мертвые рыбы еще довольно крепко висят на разнообразных предметах».

Способ их прикрепления легко объясняется. Их присасывательный кружок действует подобно кровососной банке. Они придавливают многие листочки к краю, прижимают поверхность, сделавшуюся ровной, к тому, к чему прикрепляются, затем приподнимают снова некоторые поперечные листочки, и таким образом образуется безвоздушное пространство, которое позволяет действовать полному давлению воды. Их головная пластинка действует не так, как настоящая присоска, но довольно сходно. Они плавают вовсе не так плохо, как обычно думают, хотя их движения кажутся довольно неловкими и производятся исключительно хвостовым плавником. На пойманной акуле они обыкновенно держатся, пока часть, к которой они прикрепилась, находится в воде, и, если рыбу вытащат, тогда они отделяются и пристают к кораблю. Киттиц наблюдал также и обратное: он поймал нескольких из них, которые и на воздухе так плотно оставались на пойманной акуле, что их нужно было отрывать с силой.

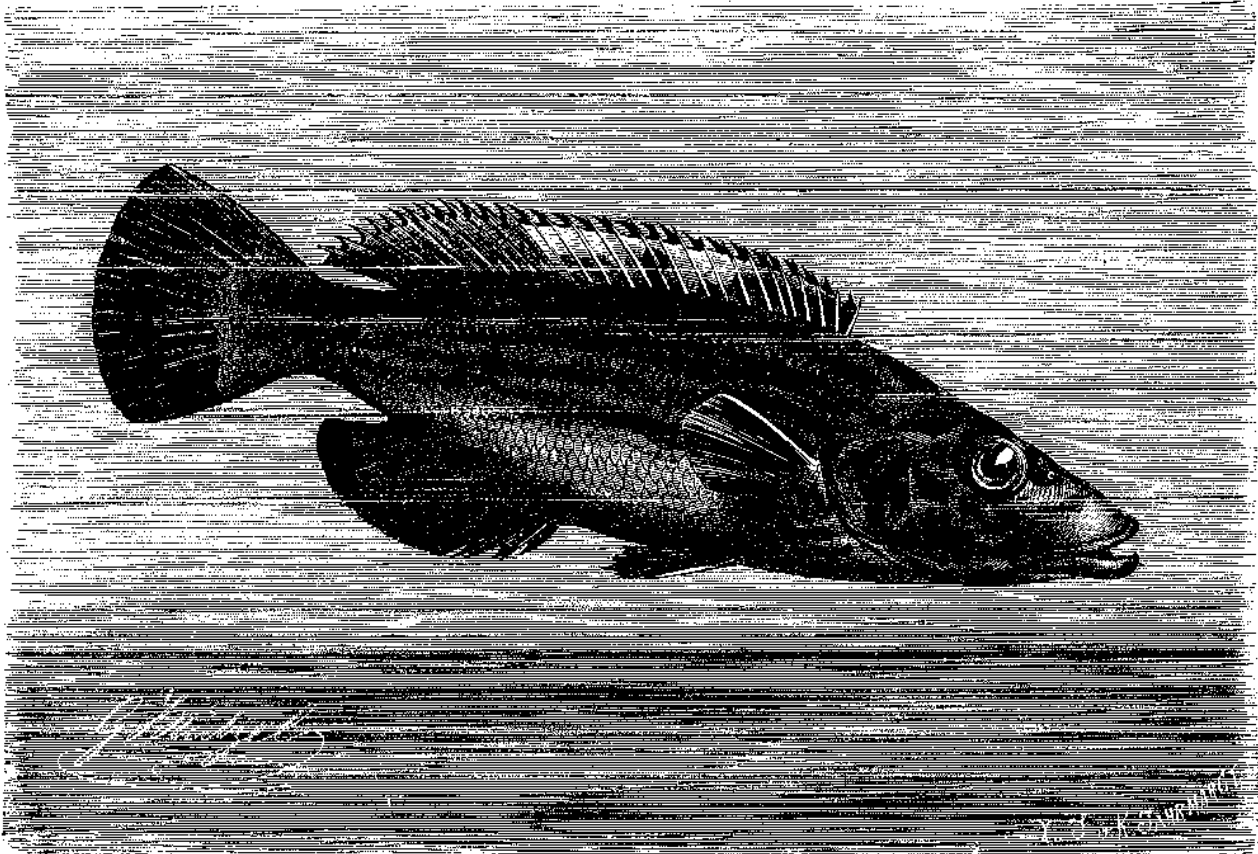
Некрасивая внешность прилипал удерживает большинство путешественников от употребления их в пищу. По единодушному заявлению тех, которые не обращали внимания на предубеждение, мясо их вовсе не дурного вкуса, и некоторые моряки причисляют их к вкусным морским рыбам — взгляд, с которым вполне соглашается и Беннет.

Семейство губановые

Полосатый губан (*Labms mixtus*). Характерные признаки его: толстые, мясистые двойные губы, конусовидные зубы на челюстях, лишенные игол или зубцов и покрытые чешуей жаберные крышки и предкрышки. Самец по буровато-красноватому основному фону покрыт роскошными синими продольными полосами, часто так, что цвет этих полос является господствующим. Самка же по светло-красному фону на задней части спины украшена тремя темными пятнами. Длина рыбы около 30 см; вес бывает 1 кг и больше.

Из Средиземного моря, которое и нужно, собственно, считать родиной полосатых губанов, эти рыбы распространяются через Атлантический океан и на север, идут до британских и норвежских берегов. Как и остальные виды, они выбирают место с подводными скалами и держатся там, преимущественно в трещинах и в углублениях, между морскими растениями. В зависимости от времени года они меняют свое местопребывание. Летом полосатый губан, по Каучу, входит часто в бухты и гавани и упорно держится здесь около прибрежных скал; осенью и зимой, напротив, он снова уходит на умеренную глубину. Около британских берегов он мечет икру в марте и апреле. Любимая пища этого губана — мелкие ракообразные; он охотно питается также рыбами и морскими червями*.

** Среди губановых есть рыбы, которых называют чистильщиками, они питаются паразитами на теле и жабрах более крупных рыб, а иногда и остатками пищи во рту. «Клиенты», которые хотят освободиться от досаждающих паразитов, сами приплывают к губанам.*

Полосатый губан (*Labrus mixtus*)

Ловля его не представляет больших трудностей, так как вообще все губаны легко идут на крючок. Однако рыб этих нигде не ловят массами, так как мясо их не в большом почете и служит обыкновенно рыбакам наживкой для ловли более ценных рыб.

Благодаря роскошной окраске полосатого губана охотно держат в аквариумах. Рыбы эти в хорошо приспособленном морском аквариуме отлично выживают и вообще соединяют в себе столько подходящих для подневольной жизни качеств, как ни одна другая рыба. В высшей степени привлекательно поведение их в пору размножения. «Так как губан, — говорит Геснер, — имеет особую склонность обладать многими самками, то ему приходится об этом много хлопотать». Это совершенно верно: в делах любви губан великий труженик. Насколько миролюбиво живет он с подобными себе в другое время, настолько ревнив и неистов он в пору метания икры. Не без борьбы с другими губанами добывает себе самец право обладания одной самкой, после чего он делается ее верным спутником повсюду и является перед ней во всей роскоши своей красоты. Раз это случилось, он уже не терпит соперников, большей же частью злобно нападает на приближающихся самцов и дерется с ними не на жизнь, а на смерть. Но насколько украшает его любовь, настолько ревность делает дурным: при виде противника его тело становится почти однообразно серым. Сопоставляя, как и всегда, сведения древних натуралистов, Геснер пишет, что «губан проявляет также особую любовь к своему потомству, прежде чем оно вылупится из яиц: когда самка, или «икрянница», начинает метать икру, то забирается в какое-нибудь углубление, перед дырой или входом в которое все время без пищи и питья остается самец, загоразивая детей своим телом». Вполне вероятно, что эти сведения основаны на истине; наши наблюдения еще не настолько подробны, чтобы сказать что-либо определенное.

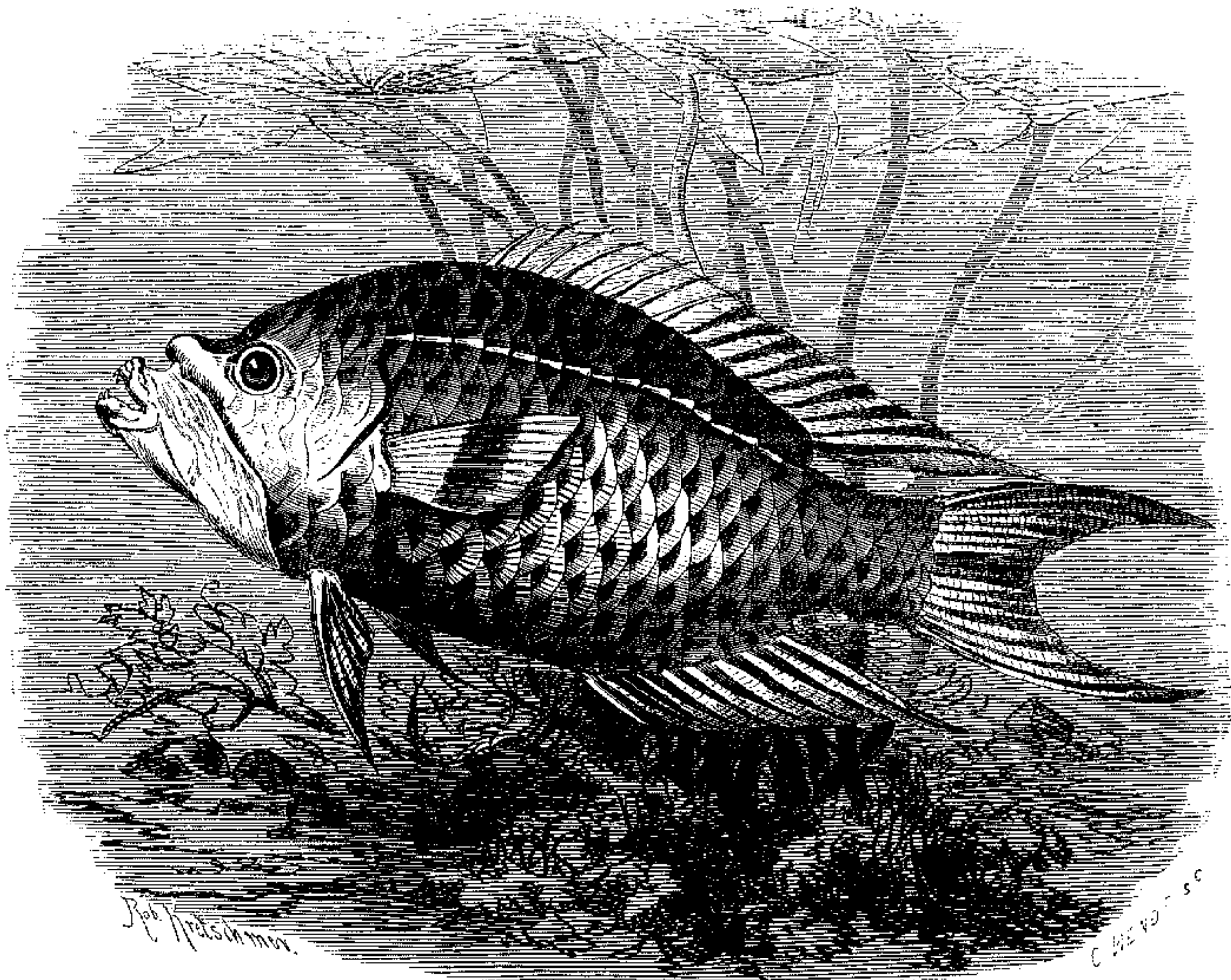
Зеленушка (*Crenilabrus tinea*), рыбка, имеющая в длину самое большее 18 см, по роскоши, а равно и по изменчивости своей окраски несколько не уступает остальным сочленам своей группы. У рыб, только что вынутых из воды, господствующий цвет зеленый, переходящий на спине в голубой и отливающий золотистым блеском, который обуславливается светлыми краями чешуи. Желтоватая голова украшена косыми зелеными линиями. Позади каждого глаза находится черное пятно. Плавники желтые, покрытые зелеными и синими пятнами. Все цвета быстро тускнеют, переходя в неясный бурый или пепельно-серый цвет; только пятна позади глаз удерживают свою окраску.

Из Средиземного моря зеленушка распространяется вдоль европейских берегов Атлантического океана на север — до британских вод*.

* *Зеленушка весьма обычна в Черном море; встречаются особи до 30 см в длину.*

У южных берегов Англии и Уэльса, а равно и Ирландии она очень обыкновенна, встречается также местами и у шотландских берегов, но севернее? попадает редко; на широте Оркнейских островов или вдоль норвежских берегов встречаются только одиночные экземпляры, выше же 62-го градуса эти губаны едва ли и водятся. В Средиземном море они живут как на песчаном, так и на скалистом дне. Пища их состоит исключительно из мелких ракообразных. У английских берегов зеленушки мечут икру в апреле, у норвежских — не ранее июля.

Большеротый губан (*Epiplus insidiator*) достигает в длину 25-30 см. Окраска его на спине красная, на боках желтая, отливающая здесь зеленоватым цветом, так как чешуи имеют зеленые края. Спинной и заднепроходный плавники желтые с зеленоватым отливом, остальные — желтоватые.

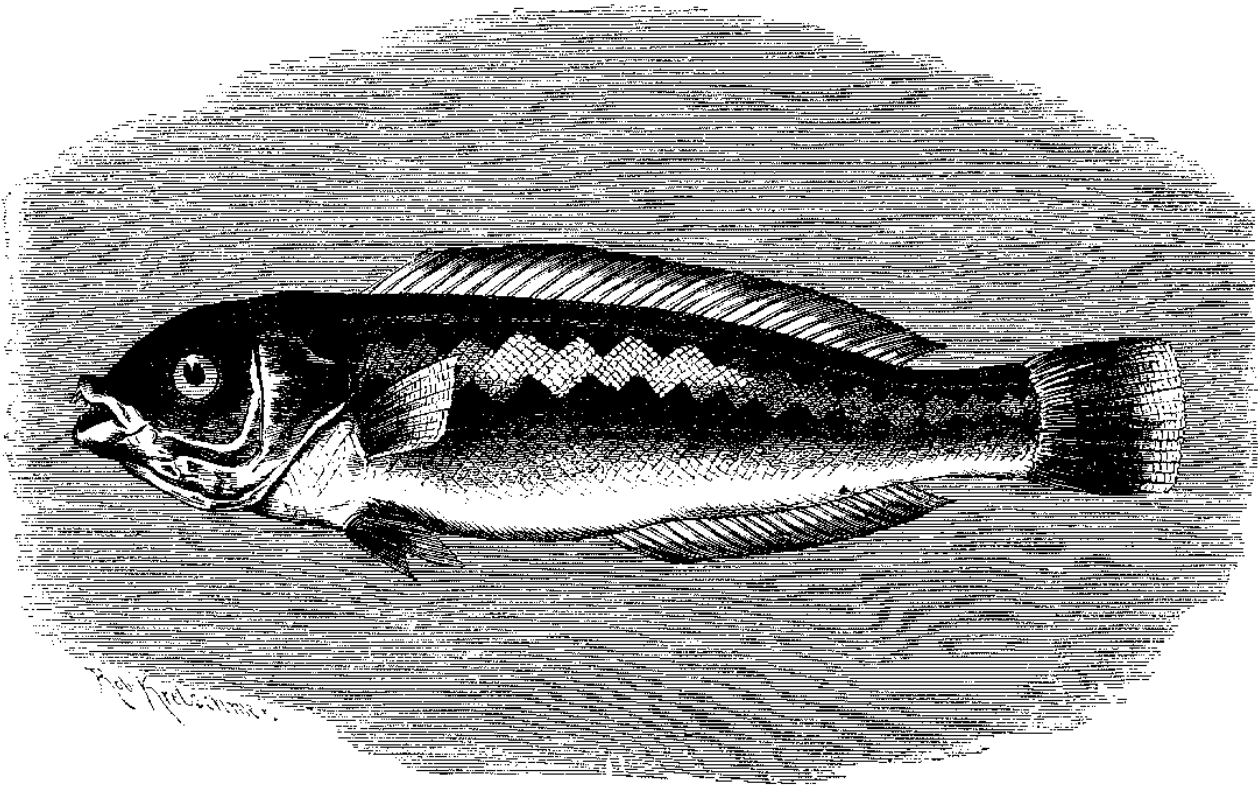

Большеротый губан (*Epiplus insidiator*)

Прежние натуралисты полагали и, говорят, наблюдали, что большеротый губан пользуется своим втяжным рылом, подобно брызгунам, сшибая струей воды свою маленькую добычу, сидящую на выступах камней и кустиках. Однако в настоящее время держатся другого мнения, утверждая, что рыба эта прячется между водяными растениями, подкарауливает подплывающих рыбешек и, когда те приблизятся на соответствующее расстояние, внезапно выбрасывает свою ротовую трубку и таким образом ловит их почти наверняка без промаха*.

** Необычайно длинная нижняя челюсть и вытягивающийся в длинную трубку рот дают возможность этим мелким прибрежным рыбам легко извлекать пищу из трещин и расщелин между камнями, между плотно расположенными ветвями кораллов, т. е. из тех мест, которые мало доступны для большинства обитателей прибрежий.*

Морской юнкер, или радужник (*Coris julis*). «Из всех морских рыб, — говорит Геснер, — это самая красивая, а за вид и окраску она у всех народов носит название «юнкер». Ее спина изукрашена столь разнообразными цветами, что цветистостью она походит на радугу».

Морской юнкер (*Coris julis*)

Действительно, имя радужника присвоено этой рыбе совершенно заслуженно, так как трудно даже дать описание его цветов, тем более что они беспрестанно переходят один в другой или кажутся иными при различном освещении. Верхняя сторона его зеленовато-синяя; широкая продольная полоса оранжевого цвета; бока по серебристому фону покрыты фиолетовыми продольными полосами; голова буро-желтая с голубым и серебристым оттенками. Спинной плавник по мраморному фону покрыт пурпуровыми пятнами; остальные плавники играют самыми разнообразными цветами, так что их так же трудно разграничить, как и цвета радуги. Длина рыбы достигает более 18 см.

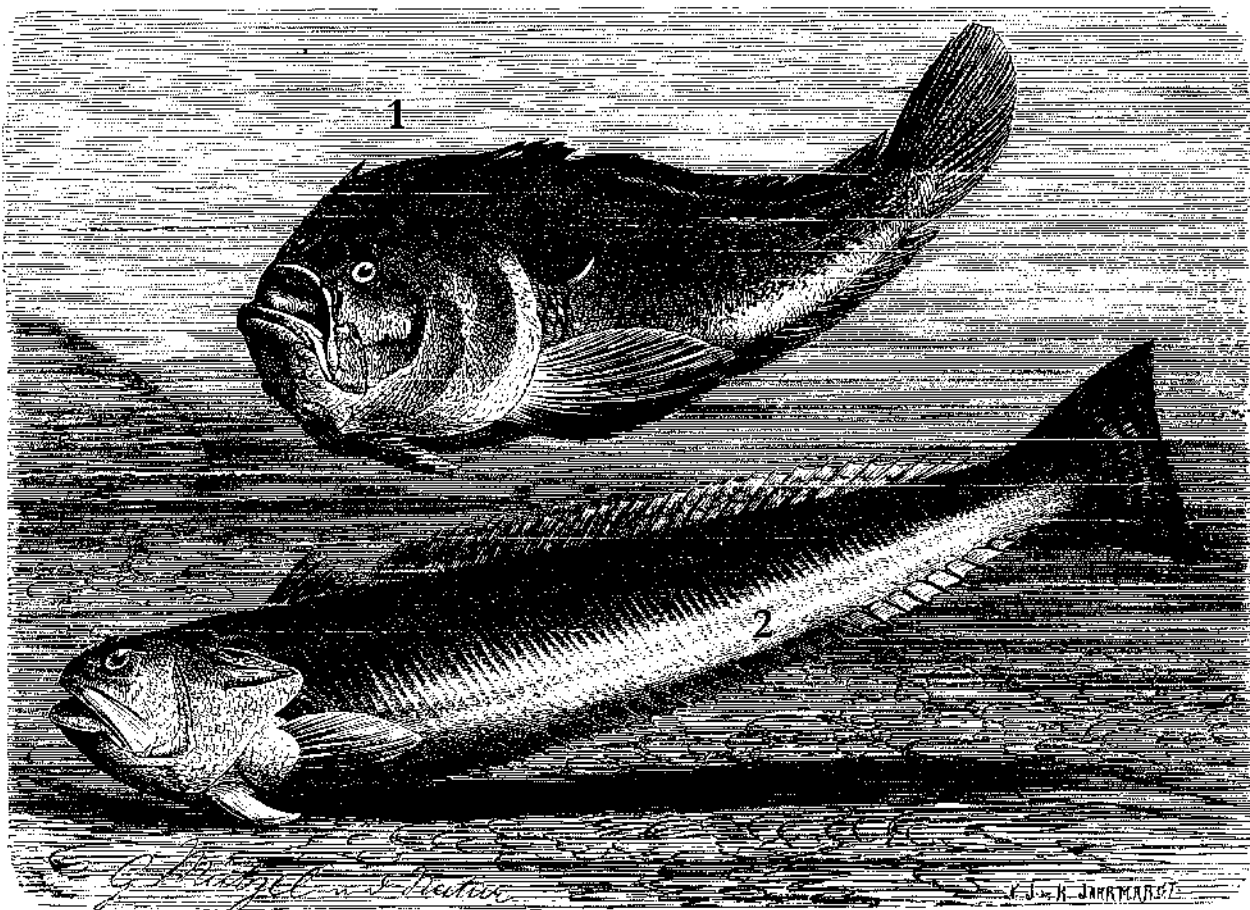
Нам известно, что морской юнкер обыкновенен в Средиземном море и Атлантическом океане, иногда ловится и около британских берегов, что он всегда держится у поросших морской травой подводных скал, питается моллюсками, ракообразными и молодой рыбешкой, что он мечет икру весной и охотно идет на крючок; более никаких сведений о его образе жизни мы не имеем.

Семейство морские дракончики, или драконовые

Туловище **большого дракона** (*Trachimys draco*) в длину в 6 раз больше, чем в высоту, на спине почти ровное, а на брюхе несколько округлено. Передний очень короткий спинной плавник состоит из 6 тонких, но твердых шипов, из которых первый и второй самые длинные. По окраске дракон может поспорить с любой рыбой. Его серо-красноватая основная окраска по направлению к спине переходит в коричневую, а к брюху — в беловатую; он всюду разрисован под мрамор черноватыми туманными пятнами, к которым в области глаза, на висках, жаберных крышках и на плечах присоединяются еще изогнутые полоски лазурного цвета, а на боках и брюхе — такие же полоски желтоватого цвета. Длина рыбы бывает 30 см и более.

Большой дракон, которого находят на ровных песчаных местах Атлантического океана. Средиземного, Северного и Балтийского морей, предпочитает глубокую воду мелким местам, живет так же, как и его родичи, на дне или, правильнее, в дне, зарывшись в песок вплоть до глаз. К июню он приближается для метания икры к плоским берегам, и в это время его иногда находят на берегу, с которого ушла вода во время отлива. Пища его состоит преимущественно из креветок, может быть и из мелких рыб, которых он подпускает очень близко к себе, прежде чем выйдет из песка. Последнее он совершает с поразительной быстротой, так что эта с виду столь ленивая рыба должна считаться очень подвижным животным. Не менее проворно зарывается он после лова снова в песок. Некоторые, которых я мог наблюдать довольно продолжительное время, в течение целого дня лежали в одном и том же месте, так глубоко зарывшись, что только после долгих поисков можно было найти их глаза. Если их трогали, тогда они очень быстро подымались, при этом производили движения, как будто желали своими колючими спинными плавниками напасть на нарушителя их по-

коя, несколько раз всплывали наверх и опускались вниз, наконец, снова зарывались в песок. При этом они прижимали грудные плавники и приводили в волнообразное движение свой длинный заднепроходный плавник, благодаря чему быстро вырывали необходимое им углубление.

1 — Европейский звездочёт (*Uranoscopus scaber*) 2 — Большой дракон (*Trachinus draco*)

"Эти рыбы из числа морских животных, которые наносят человеку раны опасным ядом», — говорит старый Геснер, и подобное мнение еще и ныне распространено между всеми рыбаками и не удивит того, кто знает, что причиненное драконовыми рыбами ранение вызывает тяжкие страдания и сильное воспаление. Не только поврежденная часть, но и вся конечность опухает, и только после продолжительного времени наступает облегчение страданий*.

* *Морские драконники — одни из самых ядовитых рыб умеренной зоны. Ядовитый секрет вырабатывают специальные железы, располагающиеся в основании острых шипов жаберных крышек и в основании колючих лучей первого спинного плавника. При возникновении опасной для драконника ситуации он расправляет жаберные крышки и спинной плавник и даже может броситься в атаку, стремясь поразить врага своим оружием. Свирепый нрав дракончика хорошо известен другим рыбам, и они, в том числе и хищники, стараются избегать встречи с ним. По своему действию на человека яд драконника напоминает змеиный. В особо тяжелых случаях может наступить смерть.*

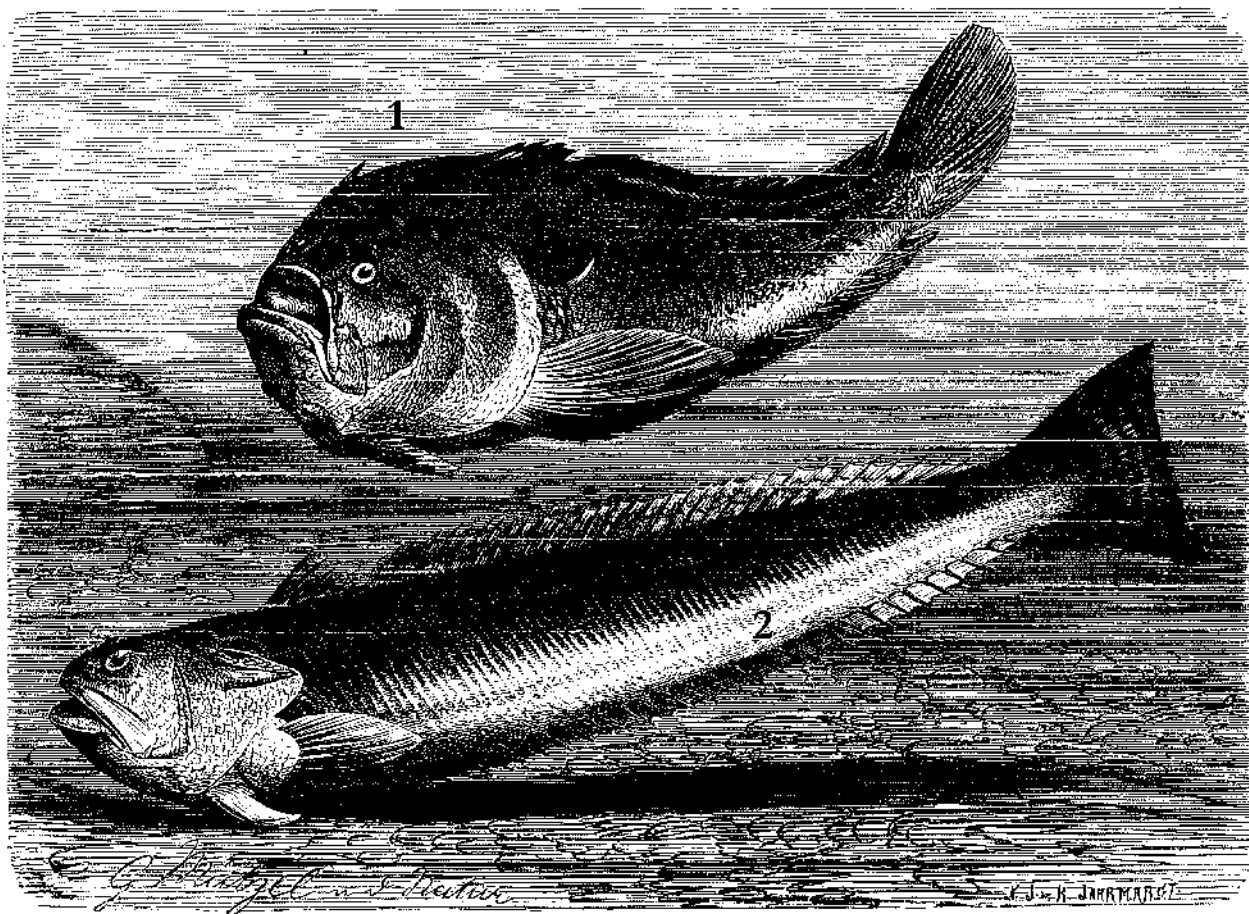
Мясо большого дракона охотно едят, потому что оно не только в высшей степени вкусно, но и считается очень здоровым.

Семейство звездочётовые

Европейский звездочёт (*Uranoscopus scaber*) достигает 30 см длины, имеет два спинных плавника и нитевидную лопасть, находящуюся впереди языка, с помощью которой, говорят, он привлекает рыб. Основная окраска темная серовато-бурая, как бы посыпанная мукой. Вдоль боковой стороны проходит ряд неправильных белых пятен, брюхо белое; передний спинной плавник совершенно черный с одним белым пятном, задний покрыт серо-бурыми пятнами; брюшной плавник — серо-желтый.

"Эта рыба, — говорит Геснер, — получила свое название благодаря глазам, которые постоянно смотрят на небо и расположены на верхней части головы. Впрочем, звездочёта нужно считать некрасивой и гадкой рыбой... Эти рыбы живут в грязи, глине и помете, в котором пребывают и преследуют рыб; они, говорят, ненасытные, прожорливые рыбы, о чем можно судить по широкому рту,

пасти и желудку; они так наедаются брошенной им пищей, что если их выловить, то пища снова выходит у них из желудка в пасть. Хотя эта рыба живет в грязи и помете и можно бы предположить, что она имеет невкусное мясо, с землистым запахом, все же, говорят, что она имеет чрезвычайно приятный вкус, что ее приятно кушать и что мясо ее вовсе не нездорово.

1 — Европейский звездочёт (*Uranoscopus seaber*) 2 — Большой дракон (*Trachinus draco*)

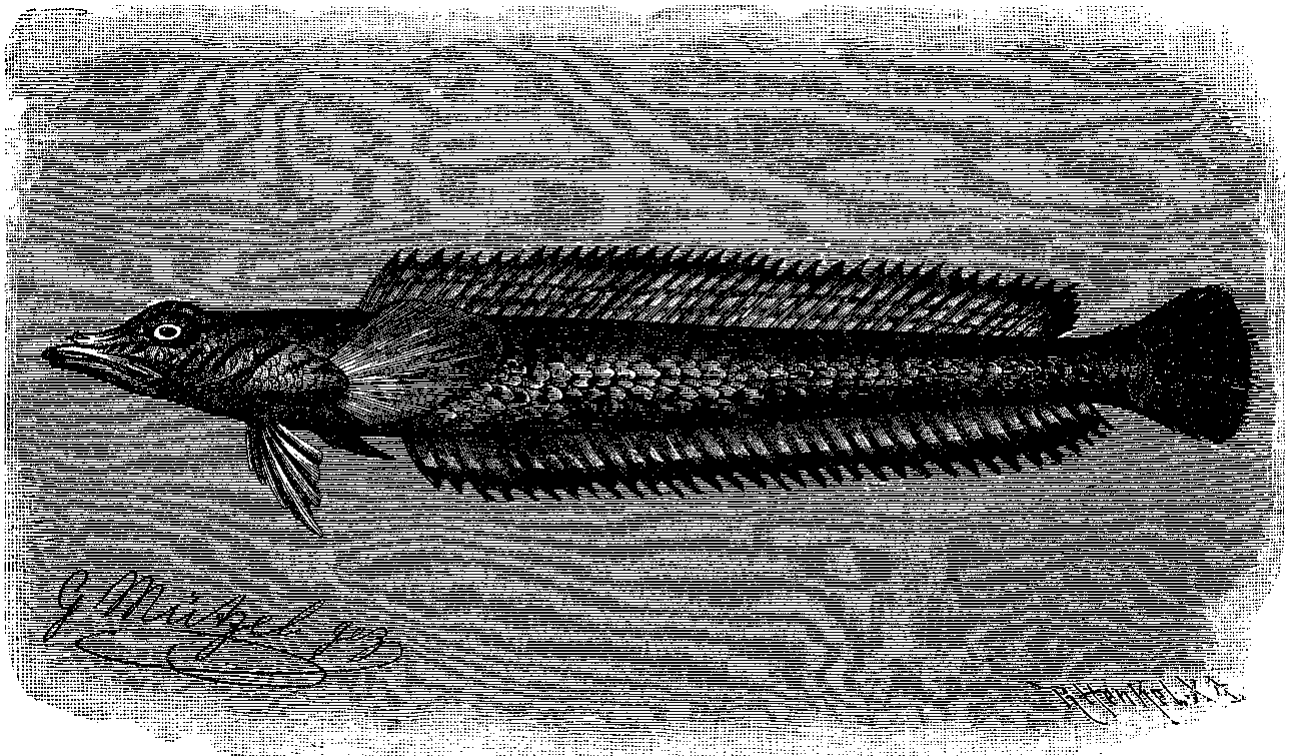
Так, Гиппократ, знаменитейший врач, хвалит их в кушаньях и говорит, что они выпускают много белой слизи. Глаза древнего Товия, о котором упоминается в Ветхом Завете, говорят, были очищены с помощью желчи этой рыбы, ибо против болезней глаз и ушей она представляет самое употребительное лекарство».

В настоящее время мы знаем относительно образа жизни нашего звездочёта не более чем Геснер*.

* У звездочёта имеются электрические органы, которые могут давать разряды в несколько десятков вольт. Они используются для охоты и защиты.

Семейство хемероцетовые

К представителям этого семейства относятся длинные, довольно большие рыбы, почти цилиндрической формы, кожа которых покрыта круглыми чешуйками. Глаза смотрят вверх; задне-проходный и спинной плавники очень длинны, последний не имеет жестких лучей.

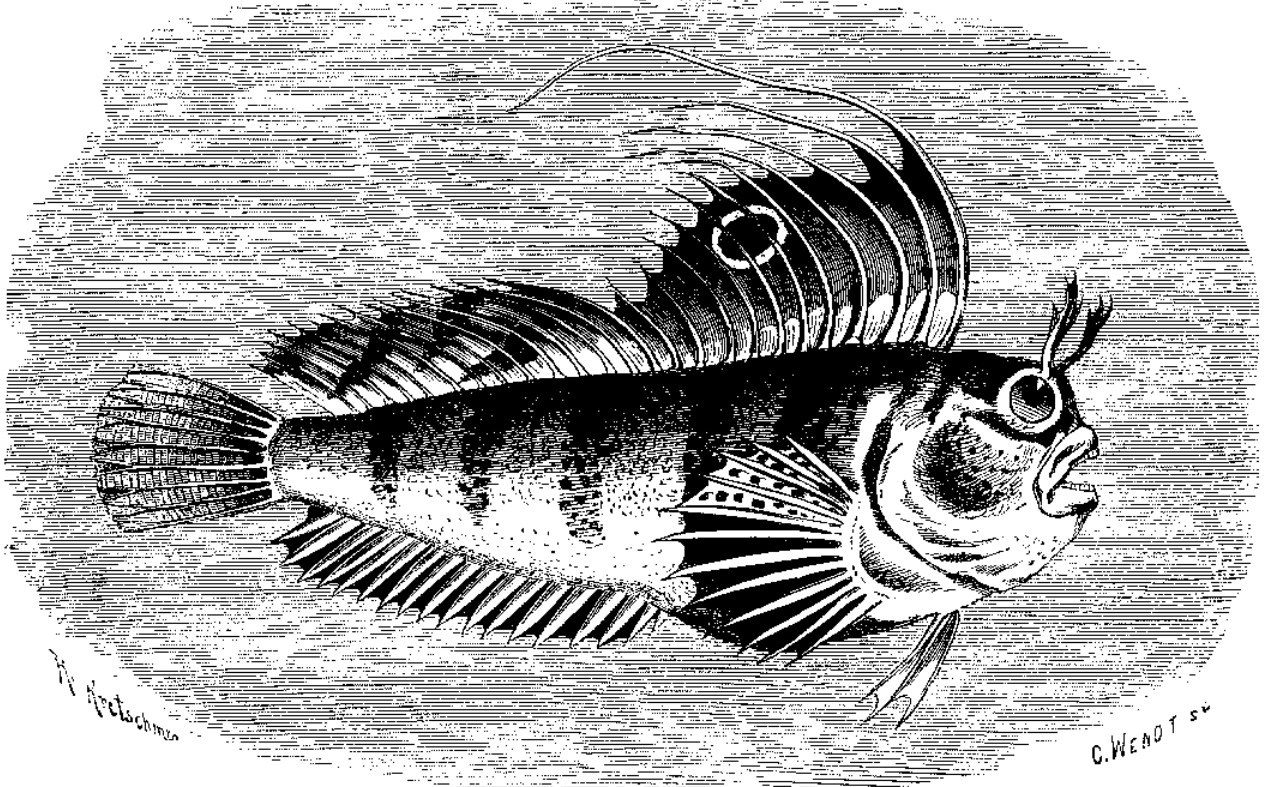

Хемероцет (*Henierocoetes acanthorhynchus*)

В Новой Зеландии обычен хемероцет (*Henierocoetes acanthorhynchus*), которого часто встречают в открытом море плавающим близ поверхности воды.

Семейство собачковые

В Средиземном море и близ британских берегов встречается морская собачка-бабочка (*Bletwins ocellaris*). Тело ее вытянуто, живот вздут, кожа мягкая и слизистая, голова толстая, на щеках вздутая, спереди обрубленная и здесь снабжена обыкновенно двумя кожистыми отростками.

Морская собачка-бабочка (*Blennius ocellaris*)

Крепкие простые зубы стоят очень плотно друг к другу, а последний имеет вид сильного крючковатого клыка. Спинной плавник тянется по всей спине и поддерживается простыми гибкими лучами; брюшные плавники сокращены до двух лучей. Длина собачки-бабочки достигает 15 см. Светло-бурый цвет всего тела испещрен местами более темными пятнами; брюшные и грудные плавники темнее прочих. На передней части спинного плавника находится круглое темно-бурое

пятно, окруженное более светлым полем, чем остальная кожа плавника. Спинной плавник отличается от плавников других ее сородичей тем, что первый луч длиннее прочих, а посередине, между десятым и одиннадцатым лучом, находится выемка.

В Средиземном море собачка-бабочка попадает везде, где только есть скалистые берега, следовательно, принадлежит там к самым обыкновенным рыбам. В Атлантическом океане она, по-видимому, попадает уже реже, а у берегов Англии только по временам появляется в значительном количестве.

Семейство зубатковые

Полосатая, или обыкновенная, зубатка (*Anarhichas lupus*) достигает, как говорят, около 2 м длины, но в южных морях редко встречаются экземпляры более 1 м*.

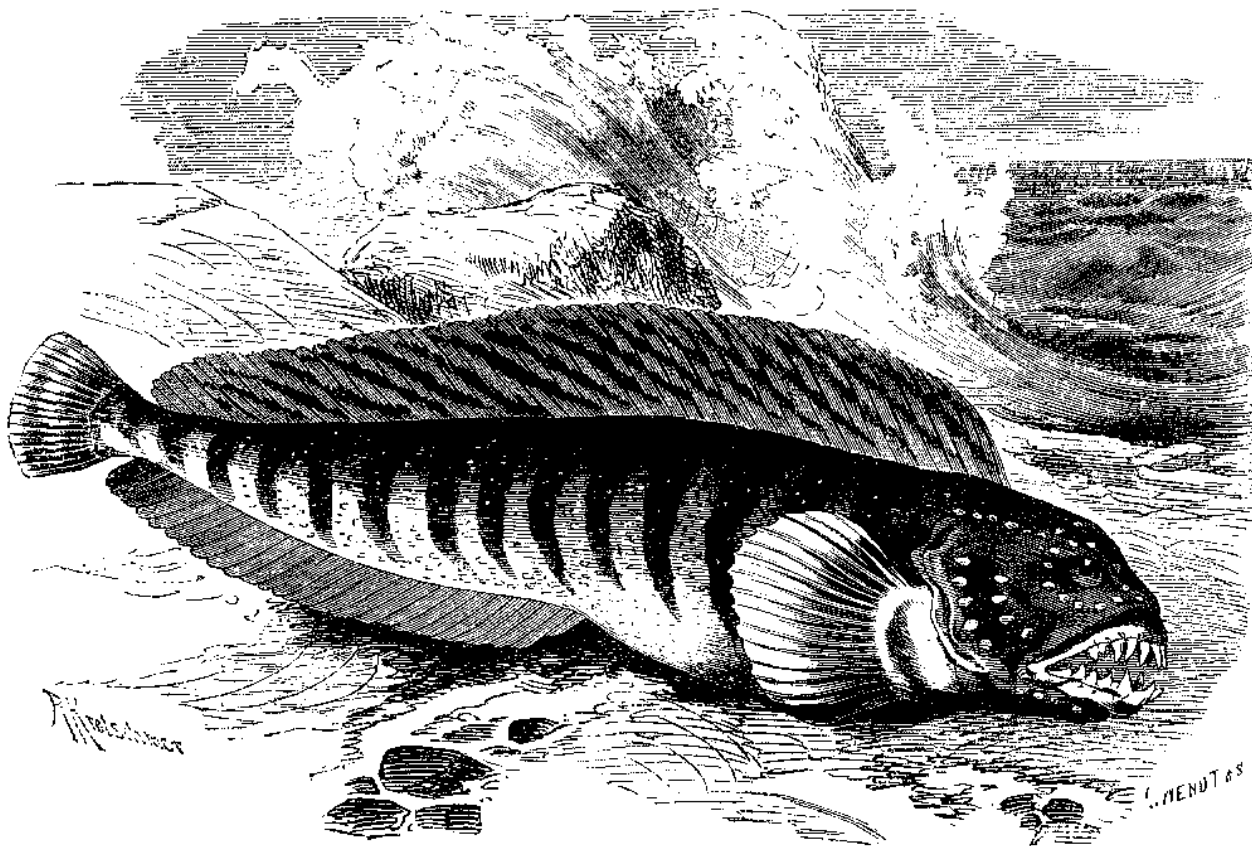
** Размеры самых крупных экземпляров зубатки не превышают 125 см.*

Верхняя часть головы, бока, спина и плавники желто-бурые, нижние части — беловато-серые; спинной и заднепроходный плавники покрыты 9—11 полосами и, кроме того, подобно всему остальному телу, еще черными точками.

У берегов Шотландии зубатка не принадлежит, собственно, к редким рыбам. Она встречается кое-где и в немецких, датских и норвежских водах, очень обыкновенна около Исландии и берегов Гренландии и Лапландии и распространяется отсюда через Берингов пролив до северных частей Тихого океана. Подобно своим сородичам, она держится на дне моря, преимущественно на скалистом грунте, подкарауливая добычу в расщелинах скал или срывая ее со скалы. Главная ее пища состоит из ракообразных и двухстворчатых моллюсков, панцирь или раковину которых она без труда раздробляет своими страшными зубами. Она, вероятно, преследует и рыб, потому что хотя и плавает, извиваясь всем телом, но все же довольно скоро, чтобы поймать ту или другую рыбу. Зимой она живет на самом дне моря; в мае и июне зубатка приближается к плоским берегам для метания икры*.

** В южных районах зубатка нерестится зимой, а в северных — летом. Икра у зубатки очень крупная, 6-7 мм в диаметре. С момента вымета икры и до вылупления молоди проходит несколько месяцев.*

Через несколько месяцев можно видеть среди водорослей довольно большое число ее зеленоватых детенышей.

Полосатая, или обыкновенная, зубатка (*Anarhichas lupus*)

Зубатку отличают не одни лишь страшные зубы, но и отчаянное бешенство, которое она обнаруживает при угрожающей опасности. В глазах выражается нечто коварное, и все ее поведение

соответствует первому впечатлению. Будучи поймана, рыба эта бьется, мечется в сетях, стараясь разорвать их, и кусает с ловкостью змеи всякий предмет, который держат перед нею. Рыбаки остерегаются брать ее руками, но, заметя, что злобное животное попало в сеть, тотчас хватаются за весло или гарпун, чтобы поскорее заколотить его до смерти. В противном случае зубатка еще полдня бьется на дне лодки, так как она без особого вреда может долгое время жить вне воды и сохраняет свою свирепость до конца жизни.

По словам Нейля, маленьких зубаток часто привозят на эдинбургские рынки, где их покупают охотно, потому что те люди, которые раз преодолели отвращение, внушаемое безобразной рыбой, расхваливают ее мясо. Жители северных стран тоже едят зубаток, но предварительно очистив их от кожи. Запах этого мяса довольно противный, но пропадает мало-помалу при варке**.

* * *Мясо зубатки вкусное, поэтому в последние годы ее не только добывают в море, но и стали разводить и выращивать в искусственных условиях.*

Из кожи выделывают кошель и клей.

Семейство маслюковые

Маслюк обыкновенный (*Pholis gunnellus*) — житель Ледовитого океана и морей, омывающих североевропейские берега. Он достигает, говорят, почти 25 см длины, но большая часть этих рыб не бывает длиннее 20 см. Основной цвет представляет смешение пурпурового с желто-бурым; на глотке и животе он бледнее; вдоль спины разрисован яркими, круглыми, окаймленными белыми пятнами, а на прочих частях тела неопределенными, как бы облачными пятнами.

Как и другие члены этого семейства, маслюк выбирает для своего местопребывания преимущественно скалистый грунт, но встречается иногда и на пространствах, где дно покрыто мягким илом*.

* *Маслюк типичный обитатель литорали и сублиторали в Северной Атлантике, его редко можно встретить на глубинах свыше 60-80 м.*

Во время сильного отлива можно видеть, как они лежат в маленьких лужах, под камнями и между водорослями, в ожидании прилива. Маслюк обыкновенный легко переносит продолжительное отсутствие воды, однако не подвергает себя так охотно действию сухого воздуха, как некоторые его сородичи, а скорее старается в расщелинах скал и среди водорослей добыть себе необходимую влагу. Движения его в воде чрезвычайно ловки и быстры, поэтому поймать его очень трудно даже в мелкой луже. К его ловкости присоединяется еще необыкновенная гладкость тела, вследствие которой его очень трудно удержать в руках; кроме того, он достаточно смышлен, чтобы во время преследования скрыться как можно быстрее в расщелинах скал. Пища его состоит из мягкотелых, молодых рыб и икры; он, по-видимому, не так прожорлив, как его прочие сородичи. О размножении его я нигде не нашел определенных сведений**.

* * *Нерест у маслюка проходит в зимнее время — с ноября по март. Небольшое количество крупных икринок (80-150) откладывается небольшими комками среди камней и других укрытий. Оба родителя попеременно охраняют икру вплоть до вылупления. Молодь держится в толще воды, и течениями ее разносит вдоль берегов, а также может унести в открытое море. К жизни на дне она переходит, достигнув длины около 33-35 мм.*

Многие хищные рыбы и морские птицы преследуют маслюка: бакланы и нырки хватают его во время прилива; чайки и их сородичи — во время отлива. Человека ему нечего бояться: мясо его хотя и не дурно, но сама рыба слишком мала, чтобы ее лов оправдывал затраченный труд. Только одни гренландцы ловят маслюка иногда, чтобы сушить к зиме, а рыбаки пользуются им, когда не находят лучшей приманки для больших рыб.

Семейство бельдюговые

Европейская бельдюга (*Zoarces viviparus*) принадлежит к немногим рыбам, родящим вполне развитых, способных к самостоятельной жизни детенышей. Особые признаки рода следующие: удлиненное, несколько сплюснутое тело, покрытое маленькими, отдельно стоящими, точкообразными подкожными чешуйками; спинной плавник занимает почти всю верхнюю часть тела; состоящий из 2-3 лучей брюшной плавник расположен у самой глотки; длинный и узкий грудной плавник и простирающийся по большей половине брюшка заднепроходный плавник, так же как и спинной, непосредственно переходят в хвостовой. Следует упомянуть еще о маленькой бородавке за задним проходом, в которой находятся отверстия обоих семенных протоков и яичников. Она набухает во время метания икры и, по-видимому, служит орудием совокупления, хотя на этот счет не сделано еще никаких определенных наблюдений. Длина живородящей бельдюги колеблется между 20 и 40 см; но, впрочем, экземпляры, достигающие максимальной величины, весьма редки. Основной цвет —

светло-бурый, покрытый по спине и бокам темными пятнами и полосками, а на нижней части тела, напротив, одноцветный.

1 — Пинагор (*Cyclopterus lumpus*) 2 — Европейская бельдюга (*Zoarces viviparus*)

Живородящую бельдюгу до сих пор находили только в северных морях, а именно в Северном, Балтийском, и Ла-Манше. В Балтийском море она очень обыкновенная рыба*.

* *Распространение бельдюги несколько шире и включает также Норвежское, Баренцево и Белое моря. Встречается бельдюга исключительно в прибрежье.*

Для своего местопребывания она выбирает также скалистый грунт и живет вообще подобно своим сородичам, с той лишь разницей, что она более их прячется среди водорослей. Для пищи она выбирает маленьких рыб, ракушек, червей и рыбью икру.

Ко времени весеннего равноденствия яйца у самки очень малы, в середине мая они гораздо больше, красноваты и мягки. В это время в яйцах можно заметить уже две точки — глаза развивающегося зародыша, который заключен в особую оболочку. Около осени зародыши вполне развились и рождаются один за другим, т.е. выталкиваются в совершенно доношенном состоянии головой вперед из яйцевода. При рождении они бывают около 3 см, но иногда, по словам Нейля, достигают вдвое большей длины, если сама мать крупная. Несмотря на то что эти рыбки вполне способны к самостоятельной жизни, они еще так прозрачны, что можно внутри их наблюдать кровообращение с помощью слабо увеличивающего стекла. Одна самка может принести до 200 детенышей*.

* *Мальки внешне напоминают угрей, поэтому в старину верили, что именно благодаря бельдюге появляются угри, и ее называли «угриная матка».*

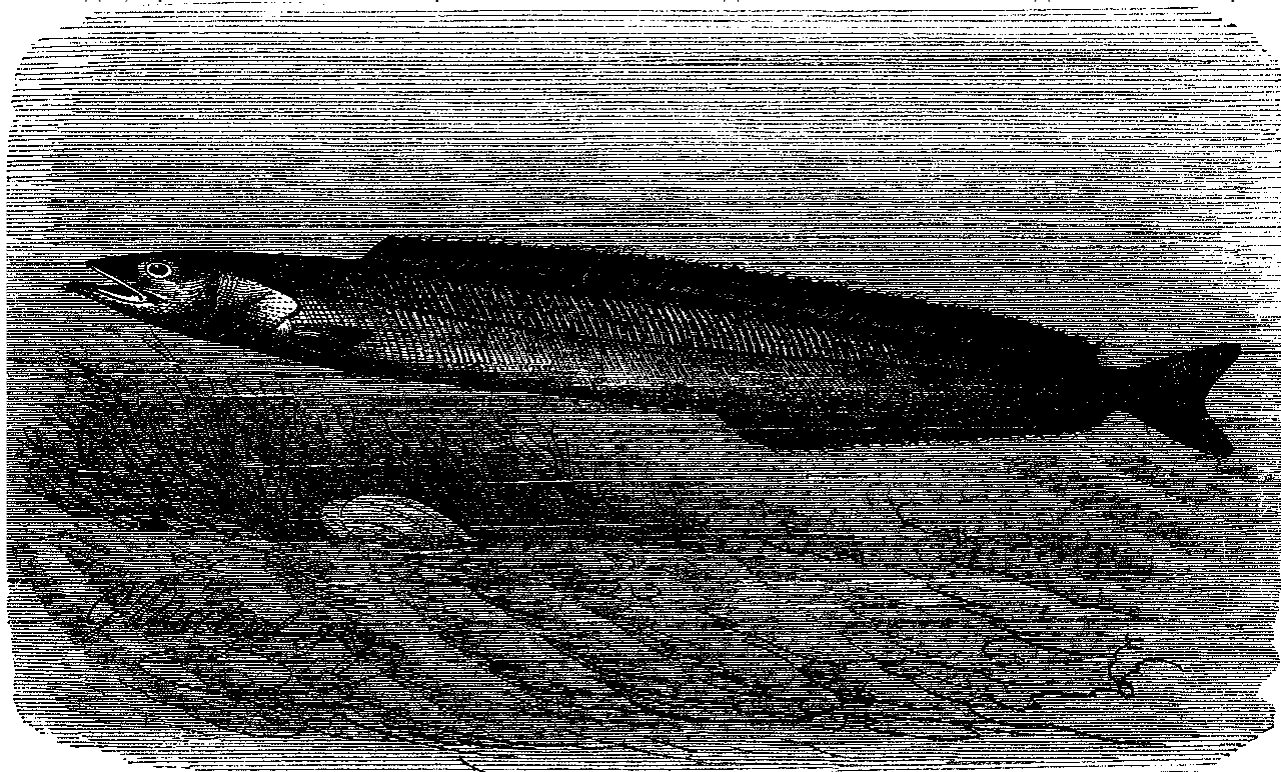
Для рыбной ловли бельдюги не имеют значения, хотя мясо их очень хвалят и время от времени этих рыб выносят на рынок. При варке кости принимают зеленоватый цвет.

Ликод (*Lycodes тигаепа*) принадлежит к рыбам северных морей. Экземпляры, по которым был установлен вид, добыты частью с мелей у острова Гельголанд, частью в открытом море у Медвежьих островов и Шпицбергена с глубины 350-658 саженей.

Семейство песчанковые

Песчанки — это удлинённые, угревидные рыбы, лишённые брюшных плавников и плавательного пузыря, снабжены весьма длинным спинным и средней длины заднепроходным плавниками, хорошо развитым хвостовым и небольшими грудными плавниками. Типичный представитель этих рыб — **балтийская песчанка** (*Ammodytes tobianus*), называемая также товиевой рыбой, так как ошибочно предполагали, что внутренности этой рыбы послужили для исцеления Товия. Чаще, чем эта названная в честь Товия рыба, встречается другой вид — **морская песчанка** (*Ammodytes lanceolatus*). Они различаются между собой тем, что у товиевой рыбы спинной плавник начинается позади грудных плавников, у морской же песчанки — впереди, причём первый вид крупнее второго. Верхняя часть тела их окрашена в буроватый цвет, нижняя же отликает серебром. Длина тела первого вида доходит до 40 см, второго — 26-31 см.

Оба вида песчанок живут в северных морях и именно у плоских песчаных берегов; во время прилива они часто в большом количестве быстро плавают повсюду, охотясь за всевозможными червяками и рыбешкой, особенно в теплые вечера, когда они, резвясь, часто выскакивают над поверхностью воды; при отливе же они зарываются в песок и здесь обыкновенно ожидают нового прилива.

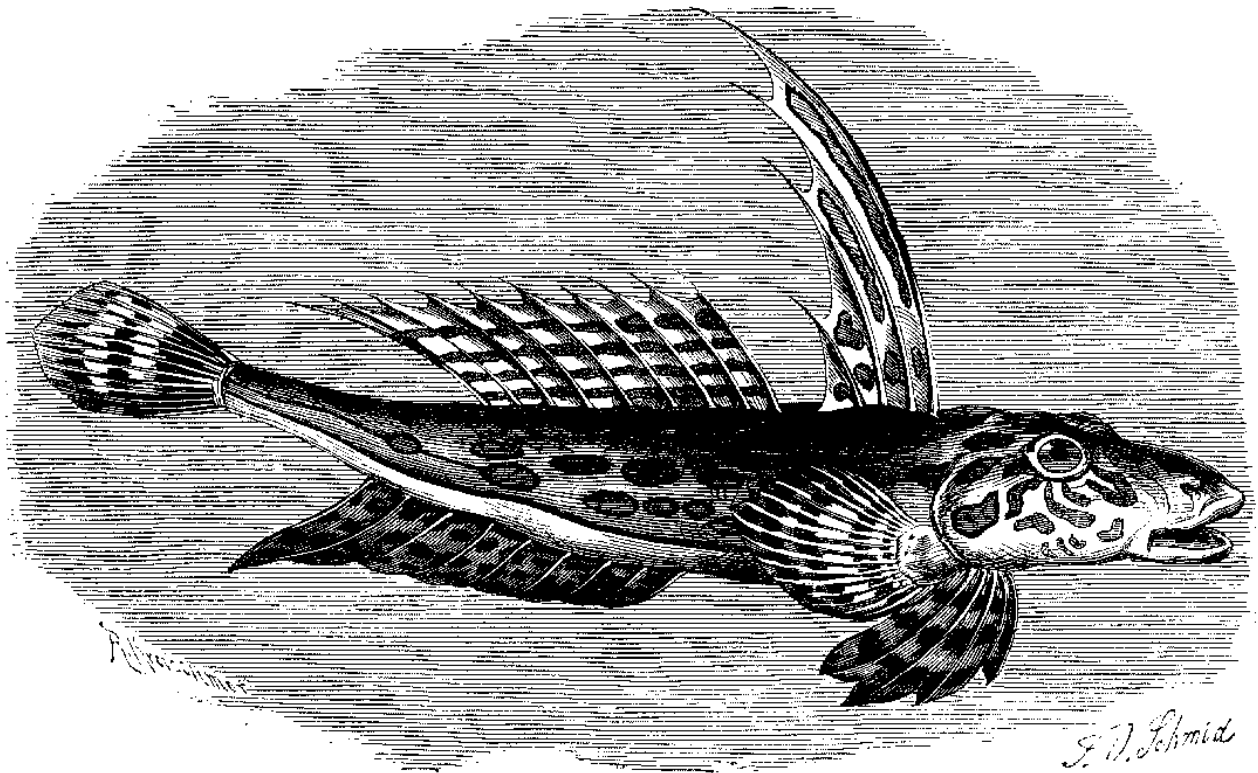
Балтийская песчанка (*Ammodytes tobianus*)

"Живут они, — пишет Гюнтер, — соединившись в большие стаи, то, словно по чьему-либо приказанию, сообща поднимаясь к поверхности воды, то вновь уходя на дно, где зарываются в песок с невероятной ловкостью. Рыбаки очень любят употреблять их для наживки и узнают о присутствии их близ поверхности воды, наблюдая за поведением дельфинов, питающихся песчанками. Эти китообразные, встретясь со стадом песчанок, умеют удержать его близ поверхности, ныряя под стадо и проглатывая большую массу шныряющих над ними рыбок». Размножение песчанок до сих пор еще недостаточно выяснено. Временем метания ими икры приводят май, август и декабрь; молодых рыбешек, длиной около 10 см, замечают в апреле; их считают пометом предыдущего года*.

* *Икринки у песчанок донные, клейкие, прикрепившиеся к ним песчинки делают их незаметными. Ранняя молодь держится в толще воды.*

Семейство лировые, или морские мыши

Полосатая пескарка, или рыба-лира (*Callionymus lyra*), достигает 30-35 см длины и по желтому, сверху более темному, снизу светлому фону покрыта сапфиристо-голубыми полосами и пятнами; перепонка спинных плавников бледно-бурая, с темными долевыми полосками; брюшной, заднепроходный и хвостовой плавники синевато-черного цвета.

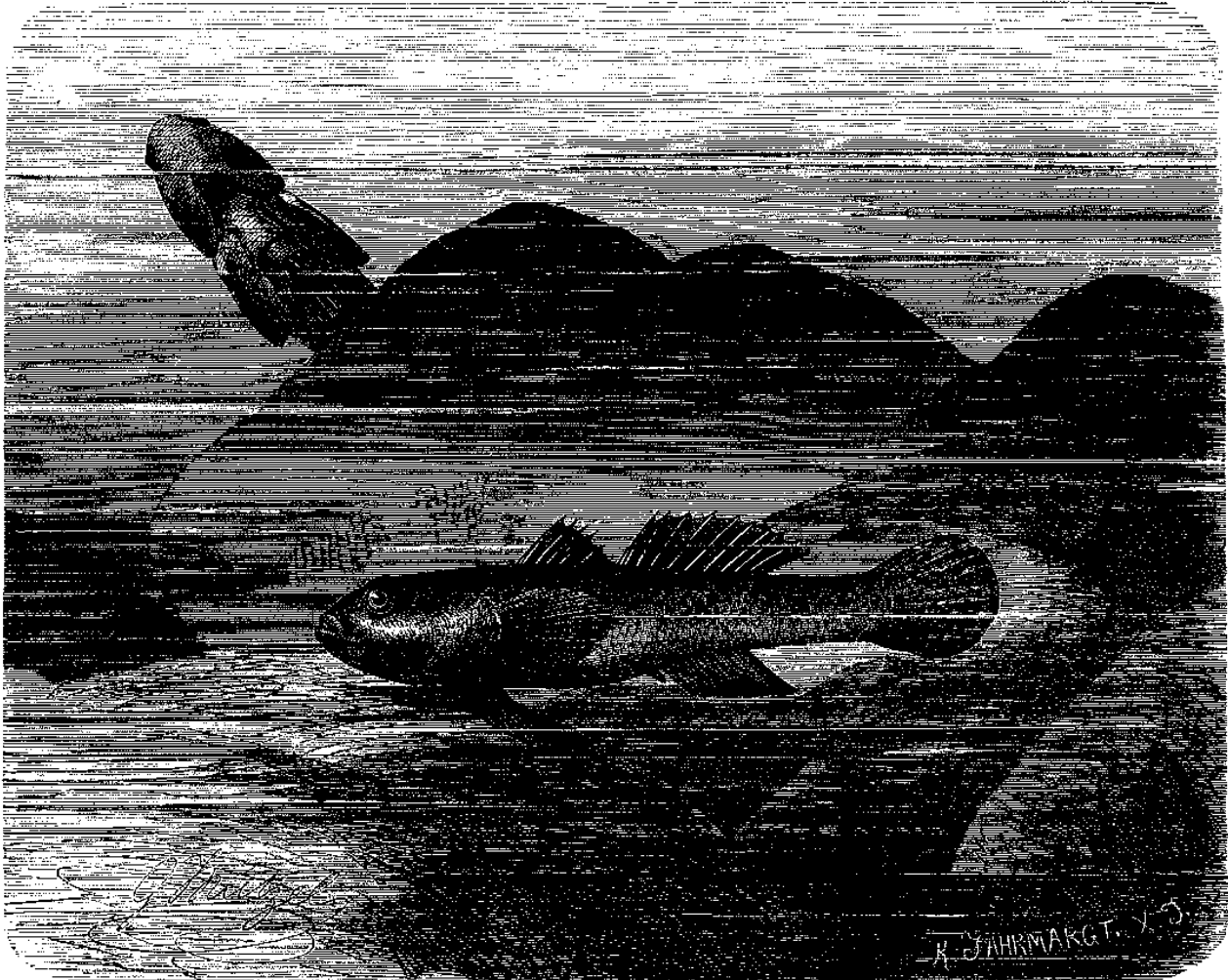

Полосатая пескарка, самец (*Callionymus lyra*)

Прежним натуралистам рыба-лира была известна только как житель Средиземного моря, новейшие же ученые находили ее и в более северных морях. У английских рыбаков она носит разные названия, из которых одно, «жених», доказывает, что и простые люди сумели оценить красоту этой рыбы. Кауч и другие наблюдатели сообщают, что она живет в глубоких местах и держится обыкновенно над самым дном или на нем самом, преследуя там всевозможных мелких животных. Она редко покидает избранное ею раз место, но когда это случается, то исчезает с быстротой молнии; однако уплывает недалеко и, если найдет возможным, опять возвращается на прежнее место. Рыба-лира подстерегает свою добычу, подобно кошке: зоркими глазами осматривается она кругом и вдруг кидается на избранную жертву, отступая, тоже по-кошачьи, если нападение окажется неудачным. Двухстворчатые и другие мягкотелые, так же как и черви, составляют ее любимую, если не единственную пищу. Сама же она часто становится добычей больших рыб. О размножении ее мне ничего не известно.

Семейство бычковые

Бычок-песочник, или речной бычок (*Neogobius fluviatilis*), достигает не более 8 см длины и покрыт по бледно-изжелта-зеленому фону, более темному на верхней части спины, различными пятнами.

Бычок песочник, или речной бычок (*Neogobius fluviatilis*)

В морях, реках и каналах Италии бычок, которого там зовут «ботола», встречается весьма часто*.

* *Бычок-песочник обитает в многих крупных и небольших реках, впадающих в Черное и Азовское моря. Населяет также и бассейн Каспийского моря.*

Никем не беспокоенный, он держится среди камней и оттуда поджидает добычу, а самки тут же приклеивают яйца. Но, по-видимому, самец не защищает их; с течением времени яйца принимают веретенообразную форму и плавают на поверхности воды, образуя целые слои, а в июне из них вылупляются рыбки. Мясо их считается очень вкусным.

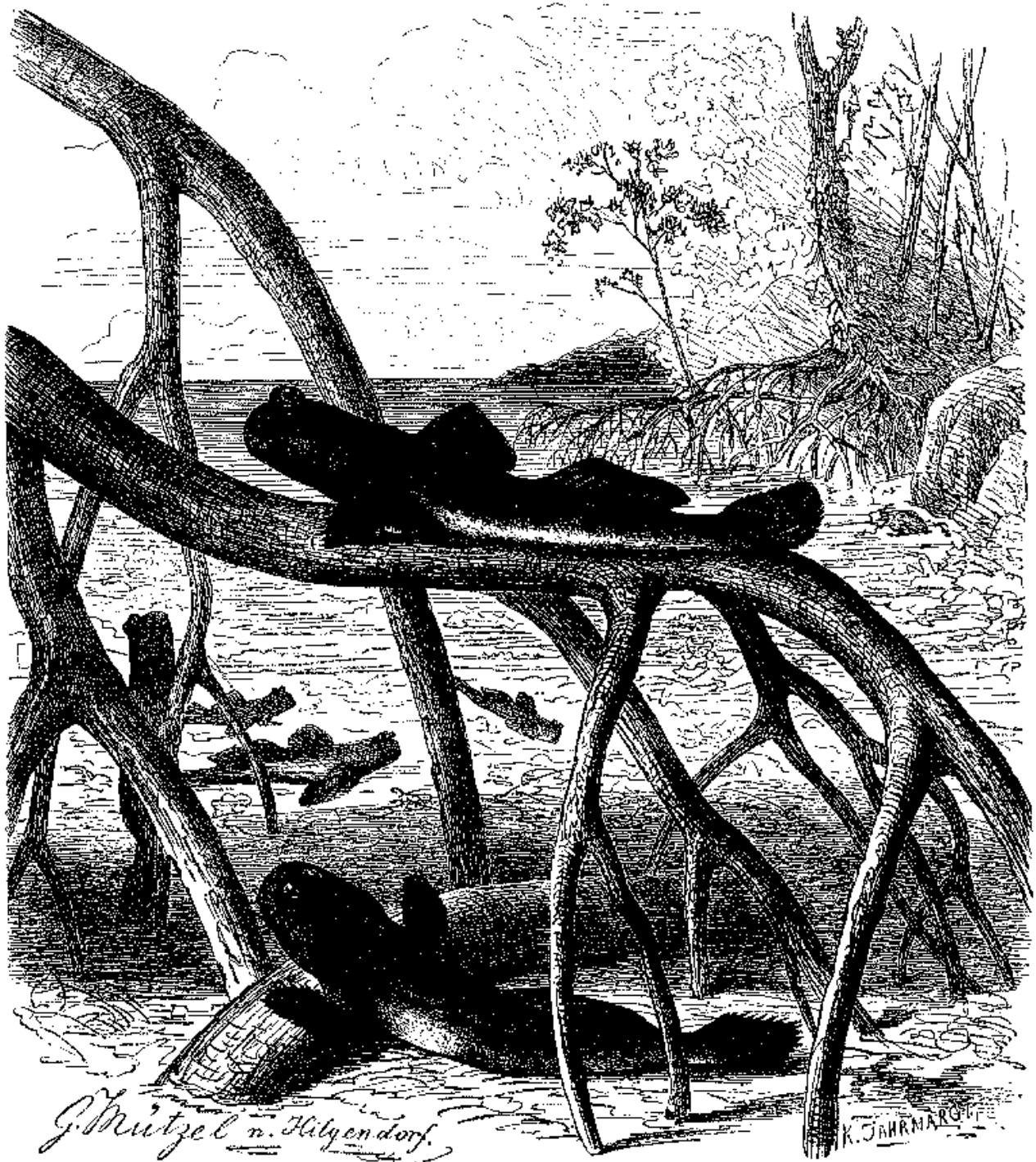
Семейство илистые прыгуны

Обыкновенный илистый прыгун (*Periophthalmus koelreuten*) — рыбка, едва достигающая 15 см длины; цвет и рисунок ее не всегда одинаковы; по большей части светло бурый или серо-зеленый фон разрисован серебристыми или голубыми и бурыми пятнами; кроме того, ее особенно украшает черная, окаймленная белым долевая полоса в верхней части заднего плавника, окрашенного, как и передний, прекрасным голубым цветом, и различные пятна и точки на грудных и брюшных плавниках; сильно выпуклые глаза — красные.

Рыба эта живет преимущественно у берегов западной Африки*.

* *Илистый прыгун обитает также в Красном море, у берегов Восточной Африки, Индии, Малайского архипелага, южного Китая, северо-западной Австралии.*

Если какая-нибудь рыба заслуживает название древолаза, то это, конечно, илистый прыгун, потому что его грудные плавники особенно приспособлены для лазания. Это скорее ноги, чем плавники, и употребляются в качестве таковых.

Обыкновенный илистый прыгун (*Veriophthalmus koelreuteri*)

Все илистые прыгуны охотятся за добычей чаще на земле, чем в воде. Они живут как земноводные, лежат в иле и бегают по илу и по берегу почти так же проворно, как ящерицы, и набрасываются на добычу с такой стремительностью, что редко дают промах. При преследовании прыгун несется по илу как стрела, просверливает его поверхность и таким образом скрывается. «Я видел, — говорит Пехуэль-Леше, — эту странную рыбу только в полусоленой воде в устьях рек и их рукавах; она никогда не встречается в отдаленных или чересчур соленых лагунах, а предпочитает, кажется, мангровые рощи. Чаще всего я наблюдал ее недалеко от устья Чилоанго и Киулу на берегу Лоанге. Именно во время отлива и тихой погоды она появляется там дюжинами на плоских, сырых береговых пространствах, обыкновенно на опушке и в тени мангровых чащ, посреди которых она постоянно ползает взад и вперед, избегая сухую или обросшую травой и злаками почву. Одинаковой величины рыбы держатся, по-видимому, отдельными, более или менее многочисленными группами. Если они чувствуют себя в безопасности, то скачут короткими прыжками по земле, изгибая и вытягивая туловище, причем опираются на хвост и плавники, и оставляют за собой мокрый след на мягкой тине. Иногда же они располагаются вразброд, по возможности удобно, по известному пространству; при этом случается, что то один прыгун, то другой шаловливо пробует подкак-

нуть, и тогда к нему часто присоединяются другие, как бы играя и догоняя друг друга. Случается иногда, что одна рыба выпрыгнет на корень мангрового дерева и, приподнявшись от земли на все протяжении своего туловища, обхватывает ствол своими плавниками. Каким образом илестые прыгуны поднимаются выше — я еще никогда не видел, но предполагаю, что так как они всегда сидят только на тонких корнях, то передвигаются, как и по земле, схватив ствол плавниками и подпихивая себя хвостом. Во всяком случае, я могу сказать, что сам наблюдал, как испуганные рыбы падали с мангровых корней на землю с высоты одного метра; кроме того, я пришел к убеждению, что илестый прыгун часами может жить вне воды*.

** Действительно, илестые прыгуны большую часть времени проводят вне воды. На воздухе дыхание (потребление кислорода) происходит через кожу, которая должна оставаться влажной, а также с помощью специального «наджаберного» органа, располагающегося в жаберной полости этих рыб.*

Они, впрочем, очень пугливы и странным образом оглядывают приближающийся к ним подозрительный предмет, приподнимаясь на своих плавниках; если не двигаться и затем испугать их кашлем, свистом или стуком, они немедленно опускаются опять вниз и поспешными прыжками убегают в воду, где пропадают в то же мгновение**.

** * При перемещении по суше и особенно при лазании по деревьям, корягам и т. п. илестые прыгуны используют силу своих хорошо развитых грудных плавников. Броски за добычей или бегство прыжками достигаются резким сгибанием и разгибанием хвостового стебля, который «работает» как пружина.*

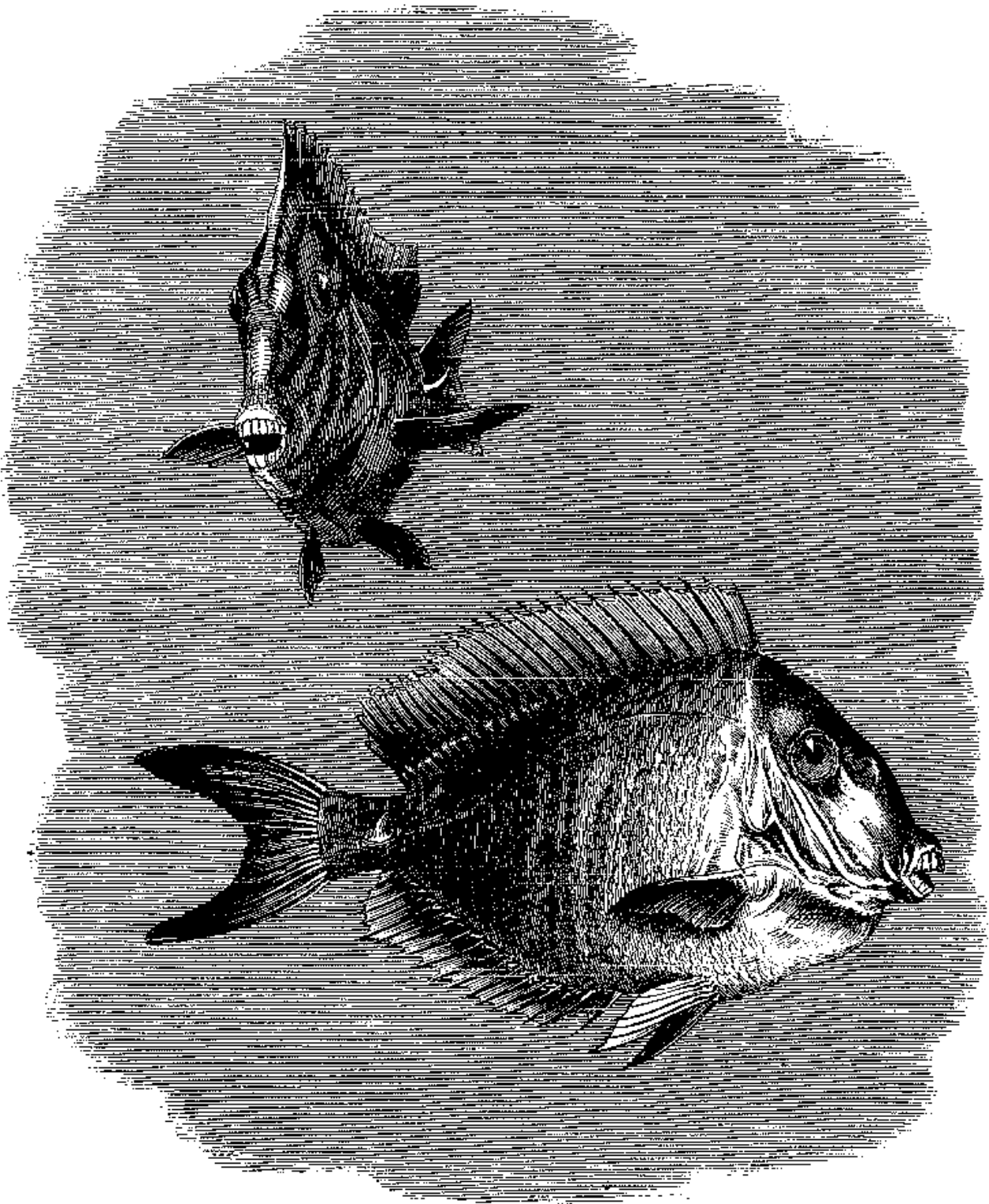
Длина быстро следующих один за другим прыжков равняется двойной или тройной длине тела, а может и более. При очень поспешном бегстве они, несмотря на то, что прекрасно могут плавать, по воде движутся тоже прыжками, производя при этом странный плеск, особенно если их несет целая стая. Мы ни разу не получили их совершенно невредимыми, но так как туземные мальчики стреляли в них только легкими стрелами, то нам часто приносили легко раненых рыб, которые еще довольно весело скакали по нашему столу».

Пища илестых прыгунов состоит, как мы уже знаем и от других наблюдателей, из раков и насекомых. Способ размножения до сих пор еще не исследован.

Семейство хирурговые

Обыкновенная рыба-хирург (*Acanthurus chirurgus*) достигает в длину 20-30 см, окрашена в темно-бурый или желтоватый цвет и с каждой стороны разрисована несколькими темными полосами, идущими вертикально. Спинной плавник по более светлому фону исчерчен черноватыми линиями, брюшной плавник черный, хвостовой плавник желтоватый с более темной оторочкой. Очень сильно сжатый, режущий шип, у корня которого находится второе маленькое острие, помещается на сочленении, так что загибается спереди и вкладывается в бороздку или влагалище и может произвольно выпрямляться.

Область распространения не заходит далеко за Карибское море, но зато здесь хирург повсюду считается не редкой рыбой и хорошо известен всем рыбакам и прибрежным жителям. Это обычные рыбы океанических прибрежных вод в тропиках; чаще всего они живут среди коралловых рифов. Основной пищей для них служат водоросли. Хирурги, несмотря на свои небольшие размеры, очень плодовиты: мечут до 40-50 тысяч икринок. Уже через сутки из икринки вылупляется молодь, которая живет в открытых прибрежных водах и внешне совершенно не походит на взрослых рыб.

Обыкновенная рыба-хирург (*Acanthurus chirurgus*)

Лишь спустя около двух месяцев полупрозрачные мальки подходят к берегам и в течение нескольких дней превращаются во взрослых рыб — у них появляется окраска и полосы на теле, в несколько раз удлиняется кишечник, что необходимо для переваривания растительной пищи, на питание которой они в это время переходят.

Хирурга едва ли менее боятся, чем ядовитой змеи, ибо раны, которые он производит своим шипом, не только причиняют сильную боль, но и излечиваются с большим трудом и очень медленно. За исключением барракуды, против ужасных зубов которой шип, конечно, не может защитить, все остальные хищные рыбы избегают хирурга или же благодаря шипу щадят его. Напротив, он сам, а также родственный ему вид, обитающий в Красном море, наносит нередко вред другим хирургам; по крайней мере, иногда рыбаки ловят двух хирургов, сцепившихся своими хвостовыми шипами. Впрочем, хирурга никогда нарочно не ловят. Он редко весит более 0,5 кг, и мясо его столь мало ценится, что никто не отваживается ради него подвергаться опасности быть пораненным.

Семейство алетовые, или кубохвостые

В Средиземном море водится **кювьеров алет** (*Tetragomirus citvien*) — рыба около 25 см длиной; она окрашена в темный винно-красный цвет, книзу переходящий в более зеленоватый, имеет серебристый или золотистый отлив и золотисто-желтые или зеленоватые плавники с черными каймами.

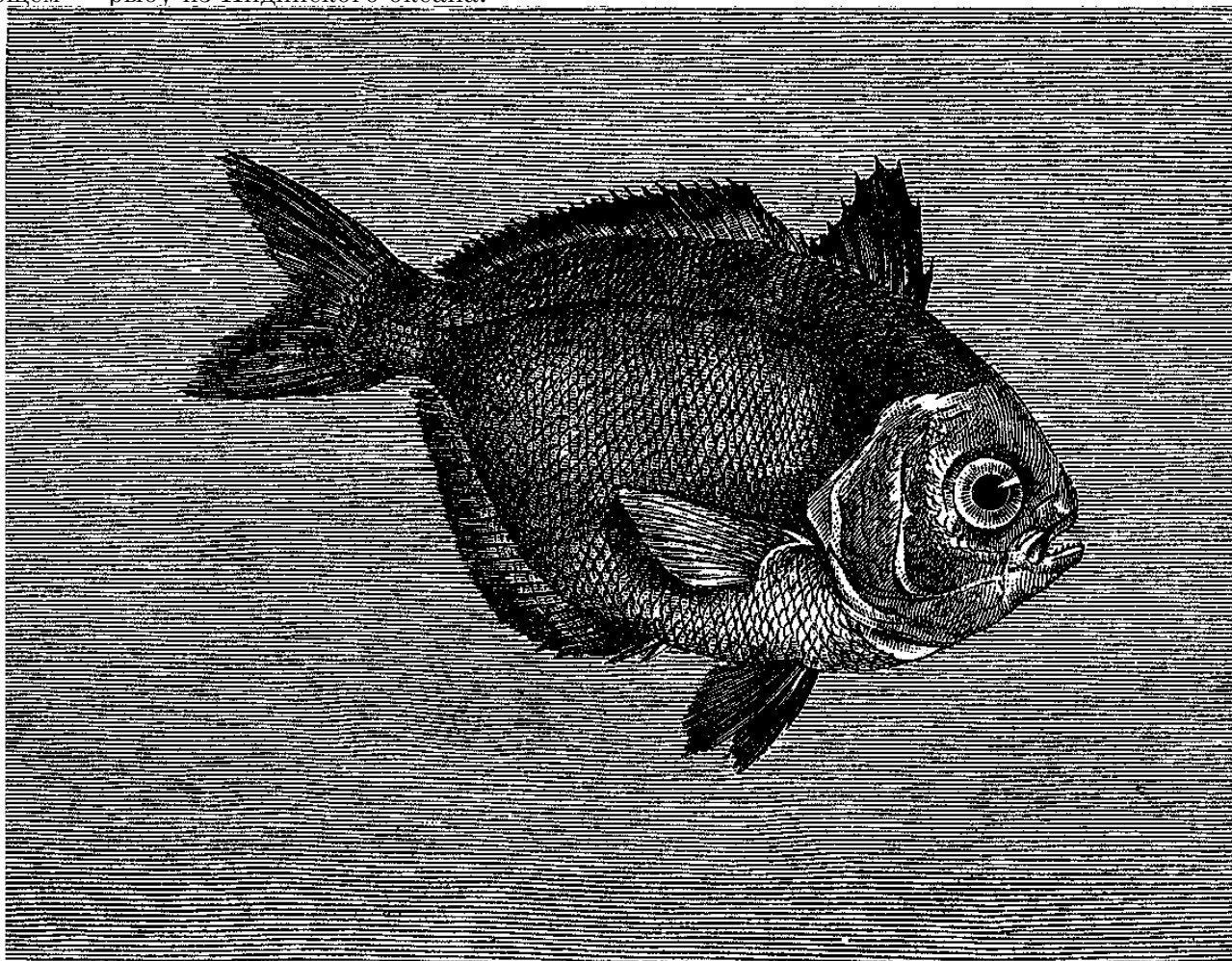
По Риссо, который дал этой рыбе название и описал ее, алет обитает в Средиземном море, где живет на больших глубинах, осенью же поднимается для метания икры поблизости берега*.

* *Кювьеров алет, как и другие виды алетов, держится в открытых водах морей и океанов в поверхностных горизонтах (50-300 м), поэтому их нельзя отнести к глубоководным рыбам.*

Движения его, по-видимому, должны быть медленными. Нашего внимания эта рыба заслуживает в особенности потому, что принадлежит к числу тех рыб, мясо которых, по крайней мере иногда, обладает ядовитыми свойствами. Риссо уверяет, что он, поев этой рыбы, несколько раз чувствовал сильные боли в желудке, особенно в области пупка. Нижние части тела вспухали; он ощущал нестерпимую жажду в горле и пищеводе, после чего следовало выделение слизи, началась рвота, одновременно с ней понос и расслабление конечностей. Все эти болезненные признаки пропадали через несколько дней. По мнению Риссо, причину таких недомоганий нужно искать в пище рыбы, состоящей из медуз, а в особенности из светильниковых (*Physosporida*), так как известно, что последние животные обладают жгучими органами. Что такие животные не наносят вреда рыбам, этому удивляться нечего.

Семейство номеевые

Псен (*Psenes guamensis*) Неводом часто ловят мелких слабо-окрашенных или полупрозрачных морских рыб из рода псенов (*Psenes*). Они мало известны, так как большей частью вылавливаются только очень молодые экземпляры; они встречаются в жарком поясе Атлантического, Индийского и Тихого океанов. Рыбы эти достаточно наглядно представлены на нашем рисунке, изображающем — рыбу из Индийского океана.

Псена (*Psenes guamensis*)

Семейство анабасовые, или ползуновы, или лабиринтовые

Аристотель говорит о рыбах вблизи Гераклеи Понтийской, которые в то время, когда пересыхают реки и озера, зарываются в ил, ища в нем влаги. Здесь, под высохшим поверхностным

слоем ила, они остаются в состоянии, похожем на спячку, но, будучи потревожены, приходят в движение. В таком виде, как прибавляет Теофраст к сообщению своего учителя, они и размножаются. В глубине ила они выпускают свою икру, которая начинает развиваться, когда русла снова наполняются водой. Кроме того, эти древние писатели замечают, что в Индии есть еще рыбы, которые иногда оставляют реки и, подобно лягушкам, переключиваются по суше, ища других водоемы.

Этим сведениям в древности одни поверили, но гораздо больше нашлось скептиков. Первые были преимущественно между греками, последние — между римлянами. Сенека, например, передавая сообщенное Теофрастом, смеется, говоря, что с тех пор, как эти факты были сообщены, на ловлю рыб нужно выходить не с сетями, а с баграми.

Данные Аристотеля и Теофраста доказывают, насколько тщательны и точны были в своих наблюдениях греки. Не подлежит, конечно, никакому сомнению, что эти сведения были приобретены во время военных походов Александра Великого.

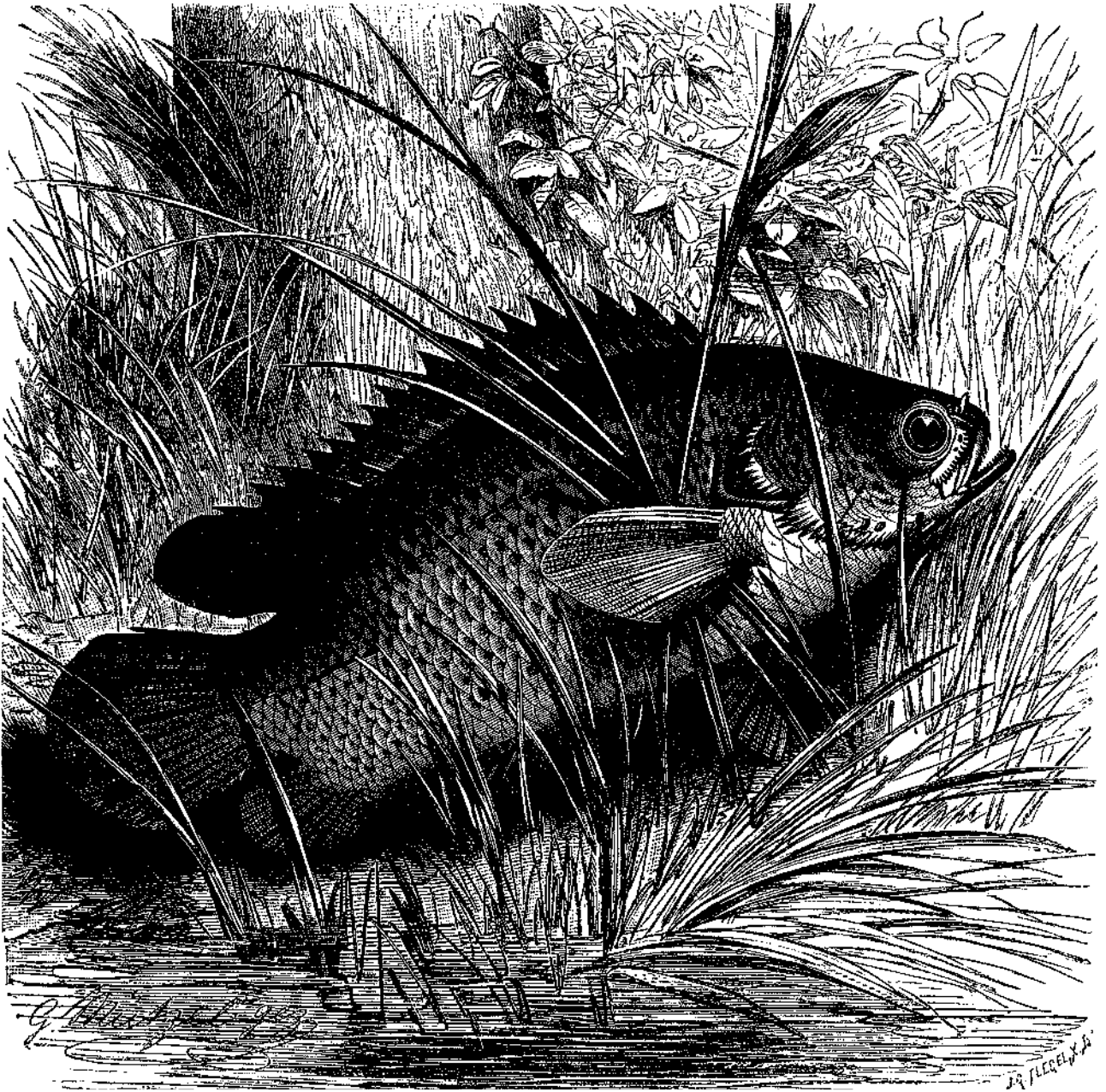
Следует предположить, что рыбы эти должны обладать особым аппаратом, не свойственным другим рыбам. Легких у них, во всяком случае, нет, но зато имеются органы, по крайней мере заменяющие легкие. Рыбы, будучи лишены воды, умирают, так как жабры их высыхают, что влечет за собой прекращение кровообращения: они задыхаются, подобно высшим позвоночным, которых душат за горло. Одни рыбы умирают почти тотчас же, как их вынут из воды; другие могут целые часы оставаться вне воды. наших карпов можно посылать сухопутным путем за несколько верст, если завернуть их во влажные тряпки. Вот как раз то, чем являются влажные тряпки для карпов, представляют собой своеобразные сильноветвистые полости с листовидными стенками у лабиринтовых рыб, о которых говорят Аристотель и Теофраст*.

** Этот орган получил название лабиринта или лабиринтового органа. Стенки лабиринта сложной системы тончайших костных пластинок покрыты слизистой оболочкой, пронизанной многочисленными кровеносными сосудами. Здесь, как в легких, происходит насыщение крови рыб кислородом. Приспособление к воздушному дыханию у этих рыб зашло так далеко, что, лишённые доступа к атмосферному воздуху, они быстро погибают.*

Анабас, или рыба-ползун (*Anabas testudineus*), достигает около 20 см и более длины, спину имеет буровато-зеленую, брюхо желтоватое, тогда как спинной и заднепроходный плавники выглядят фиолетовыми; брюшные и грудные плавники красноватого цвета, хвостовой же имеет окраску спины.

Область распространения анабаса простирается по Индии, Бирме, Цейлону, Малайским и Филиппинским островам. Он живет в текучих и стоячих водах этих областей, но по течению доходит и до устьев рек, находящихся уже в сфере влияния приливов. Следовательно, ползун не боится и полусоленой воды.

Два арабских путешественника, Солиман и другой, оставшийся неизвестным, посетившие в IX столетии Индию, узнали, что там водится одна рыба, которая вылезает из воды, направляется по суше к кокосовым пальмам, влезает на них, пьет пальмовое вино и затем возвращается обратно в озеро трезвой или опьяневшей, о том не говорится. 900 лет спустя известный Дальдорф упоминает о той же рыбе, описывает ее, рассказывает, что он встретил ее, в Транквебаре как раз в то время, когда рыба поднималась по трещине стоявшей неподалеку от пруда пальмы; анабас двигался, держась шипами растопыренной жаберной крышки за стенки трещины, двигая в стороны хвостом и упиравшись иглами заднепроходного плавника в самую стенку. Таким образом он переносил выше свое тело, цеплялся вновь жаберной крышкой и этим способом продвигался вверх. После поимки он еще несколько часов ползал по песку сарая. Миссионер Джон, путешествовавший по Индии, добыл несколько штук таких рыб, почему и удостоился чести быть занесенным в научные летописи. Он послал Блоху пять таких «древолазов» с припиской, что выставленное имя есть перевод индийского названия, так как рыба на самом деле пробует лазать на прибрежные пальмы с помощью своих пилообразных жаберных крышек и острых плавников, когда по стволам этих деревьев стекают дождевые капли. Такой древолаз может много часов жить в сухом месте, двигаясь изумительными извилами своего тела. Обыкновенно он держится в прудовом иле, где его ловят, а затем готовят из него излюбленное блюдо.

Анабас, или рыба-ползун (*Anabas testudineus*)

По данным, сообщенным Теннетом, ползуны забираются на глубину 0,5 м и более, смотря по тому, из чего состоит дно. Верхний покров ила часто трескается и до того высыхает, что кусок, взятый в руки, рассыпается. Сами рыбы обычно лежат в слое, еще немного влажном; но и последний может высохнуть, что, по-видимому, на анабасах вредно не отзывается*.

** Вне воды они проводят помногу часов и даже несколько суток. Перемещаться по суше из водоема в водоем ползуны предпочитают во время дождя или рано утром, по выпавшей росе. Они могут преодолевать сотни метров, отталкиваясь хвостом, грудными плавниками и используя шипы жаберной крышки. Скорость движения по суше составляет около 100 м/час.*

Туземцы очень хорошо знают эти свойства анабасов и в сухое время отправляются на высокие пруды, отыскивают наиболее глубокие места и начинают их просто рыть, следовательно, и на самом деле употребляют лопаты вместо сетей. При этом часто получают обильную добычу. Окруженные со всех сторон илом, рыбы лежат совершенно без движения, но тотчас же начинают двигаться, когда их освободят из их полости.

Семейство макроподовые, или гурамиевые

Макропод (*Macropodus viridi-auratm*), называемый также любителями райской рыбкой, имеет удлиненную и сжатую с боков форму. Вооружение ее рта ограничивается маленькими зубами на челюстях. Буроватая окраска верхней части тела внизу переходит в серо-зеленый цвет; рисунок состоит из перемежающихся желто-вато-зеленых, синеватых и красноватых поперечных полос. Зеленая жаберная крышечка украшена желтым ободком. У самок плавники развиты меньше и цвета матовее. Длина рыбки достигает 8-9 см.

О жизни этих рыбок на свободе нет никаких сведений, почему особенного внимания заслуживает мнение некоторых натуралистов, видящих в макроподах лишь породу, выведенную продолжительным воспитанием. Насколько пока известно, эта красивая рыбка в Китае держится в аквариумах повсеместно, совершенно так же, как у нас золотые рыбки. Однако даже в тесных помещениях она размножается легче последних. Ее способность выживать в воде, бедной кислородом, и даже оставаться минут 20 и более вне воды без вреда для себя делает ее самой удобной комнатной рыбкой**.

* * *Макропод хорошо известен всем, кто хоть когда-то держал у себя дома простой любительский аквариум. Он очень красив, неприхотлив и легко размножается даже у неопытных, начинающих аквариумистов. В Европу был завезен еще в прошлом веке (1869) из Индии. Так же как и анабасу, дышать воздухом макроподу помогает лабиринтовый орган.*

О жизни макроподов в неволе в настоящее время писано много и сделано также немало хороших наблюдений. Однако я опускаю все, что читал по поводу этих рыбок, и ограничусь описанием Бенеке, составленным специально для «Жизни животных», тем более что это в то же время будет и объяснением рисунка, сделанного со строго научной точностью и под руководством самого Бенеке.

"Скоро после того, как рыбки эти были посажены в аквариум, они начали свою привлекательную любовную игру; это происходило в утренние часы, когда в их аквариуме играли лучи раннего солнца. Как и у остальных рыб, красота и сила окраски макроподов были резче в то время, когда они играли, и, наоборот, тускнели, когда рыбки расплывались в разные стороны. Самец большей частью держится около одной определенной самки, но иногда плавает и со многими. Когда он приближается к самке, то распускает хвост и все плавники так, как это представлено на главной фигуре рисунка; при этом он становится темнее. Самка же в это время держится вертикально, по возможности складывает все плавники и медленно кружится или принимает позу, наглядно представленную на рисунке слева и наверху, и плывет параллельно самцу, но в обратном направлении. Если во время игры рыбки особенно возбуждены, то самец, распустив свои плавники и хвост, трясется, как петух, ступающий около курицы, чтобы показать свою любовь. Часто эти трепещущие движения перенимаются и самкой. Если последняя не желает больше такой игры, то, видя приближающегося к ней самца, принимает почти вертикальную позу и поворачивается несколько раз на одном месте. Самец же обыкновенно начинает плавать вокруг нее, а самка склоняется все более и более своим корпусом на один бок. Это может дойти до того, что она плывет, наконец, подобно камбале, совершенно на боку.

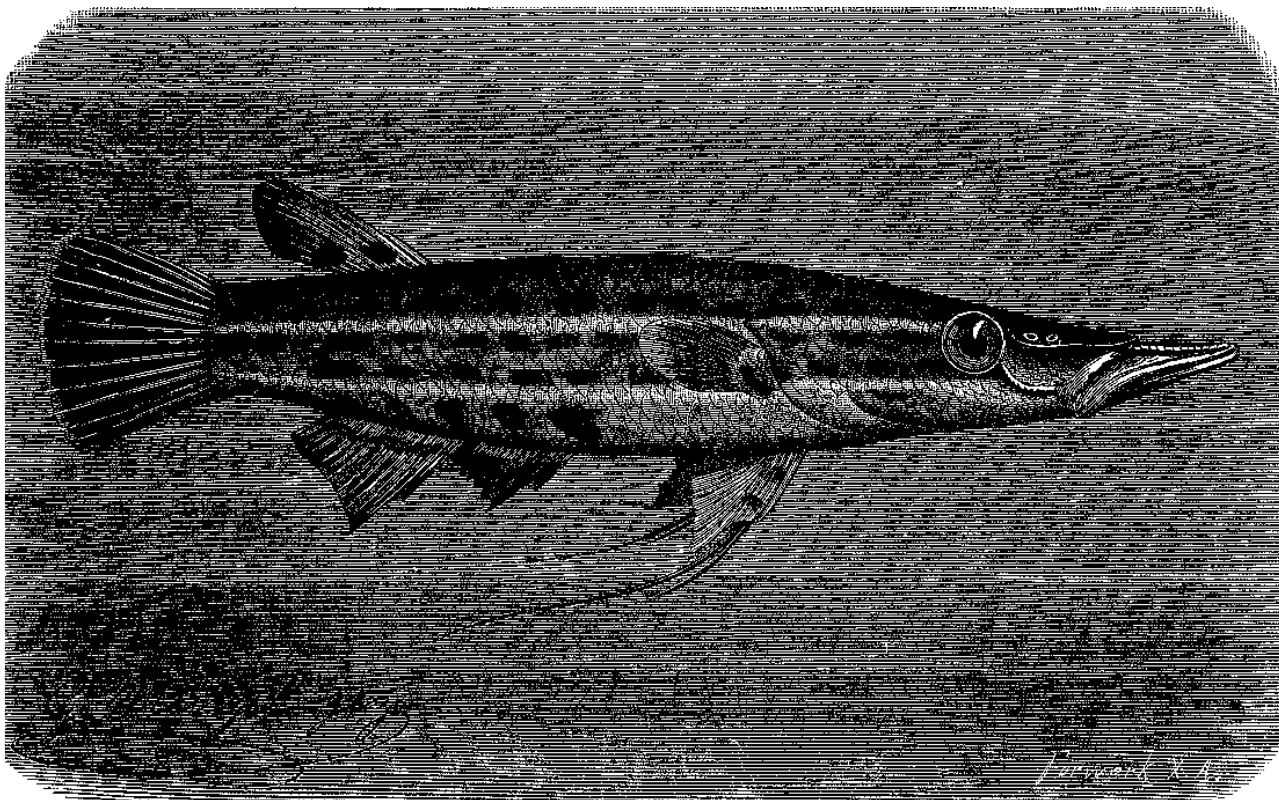
По прошествии примерно трех недель после прибытия рыб тело самки пополнело, и самец приступил к постройке гнезда. Для этой цели он всплывал на поверхность, набирал в рот воздух и затем выпускал его маленькими пузырьками слюны уже под водой. Так получался довольно компактный слой таких пузырей, которые часто дополнялись новыми. После этого самец помещался обыкновенно под этот воздушный пузырчатый слой в углу бассейна, самка же — против него; оба, однако, принимались играть в чистом пространстве между растениями.

Макропод (*Macropodiis viridiauratus*)

После игр самка, приступающая к метанию икры, переворачивается косо на спину, самец же плывет над ней так, что они соприкасаются половыми отверстиями. Затем оба охватываются длинными хвостовыми плавниками, самец своеобразно долго трепещет над самкой, затем оставляет ее; самка же идет беспомощно ко дну, выпуская большое количество яиц. Последние, однако, только в исключительном случае падают на дно, обыкновенно же поднимаются вверх и остаются висеть или плавают с нижней стороны пенистого гнезда, под которым все описанное и происходит. Если яйца упадут на дно, самец поднимает их и относит в гнездо. По прошествии долгого времени все повторяется, и так несколько раз, по крайней мере раз десять в течение дня. В промежутке между кладками, а затем вплоть до вылупления мальков самец постоянно и усердно улучшает гнездо, поправляет и приводит в порядок яйца, так чтобы каждое лежало под пузырьком. Затем он сторожит гнездо и свое будущее поколение с самой нежной заботливостью. Уже через 24 часа после отложения икры на бледно-желтом желтке яиц замечаются темные зародышевые пятнышки; спустя день начинает уже биться сердце. Через 12-18 часов после этого из яиц вылупляются молодые, лишенные еще рта рыбешки, похожие на очень маленьких молодых головастиков. По истечении 5-6 дней они принимают форму родителей; в 8 месяцев они уже взрослые. Все время, пока они нуждаются в родительской помощи, отец относится к ним с самоотверженной заботливостью. Подобно колюшке, он держит в строгости и порядке свой юный выводок. Как только одна из рыбешек отдалится, самец уже спешит за ней, берет ее в рот и вновь водворяет в безопасное пенистое гнездо. Заботливость родителей простирается, говорят, и на больных и хилых детенышей; таких юнцов он укутывает в свои, заранее приготовленные пузырьки и доставляет им таким образом лучшие условия для дыхания. Как только подросшие рыбешки перестанут нуждаться в помощи родителя, последний покидает их и не только не принимает никакого участия в их дальнейшей судьбе, но и без малейшего раздумья, подобно самке, может даже позавтракать ими. Вначале юные рыбешки кормятся пеной гнезда, затем чрезвычайно мелкими инфузориями, впоследствии червячками, видимыми невооруженным глазом, и, наконец, уже такими же животными, как и их родители».

Гурами (*Osphromenus goramy*) — очень крупная рыба, которая может иногда достигать около 1 м длины и более 10 кг веса. Тело с боков весьма сжатое, нескладное, яйцевидное, на брюхе более выпяченное, чем на спине; рыло маленькое, вывороченное, нижняя челюсть немного выдается; на обеих челюстях бархатистые зубы; по краю жаберной предкрышечки и подглазничных косточек мелкие зазубринки; заднепроходный плавник величиной превышает спинной; наконец, в брюшном плавнике первый луч щетиновидный и весьма удлиненный. Спина ее буровато-красноватая с более темными и поперечными полосками, брюхо покрыто по серебристому фону бурыми лунообразными

Красивый шукоголов (Luciocephalus pulcher)

Для полноты нашего очерка мы даем здесь рисунок этой рыбы, хотя об образе жизни ее сообщить ничего не можем.

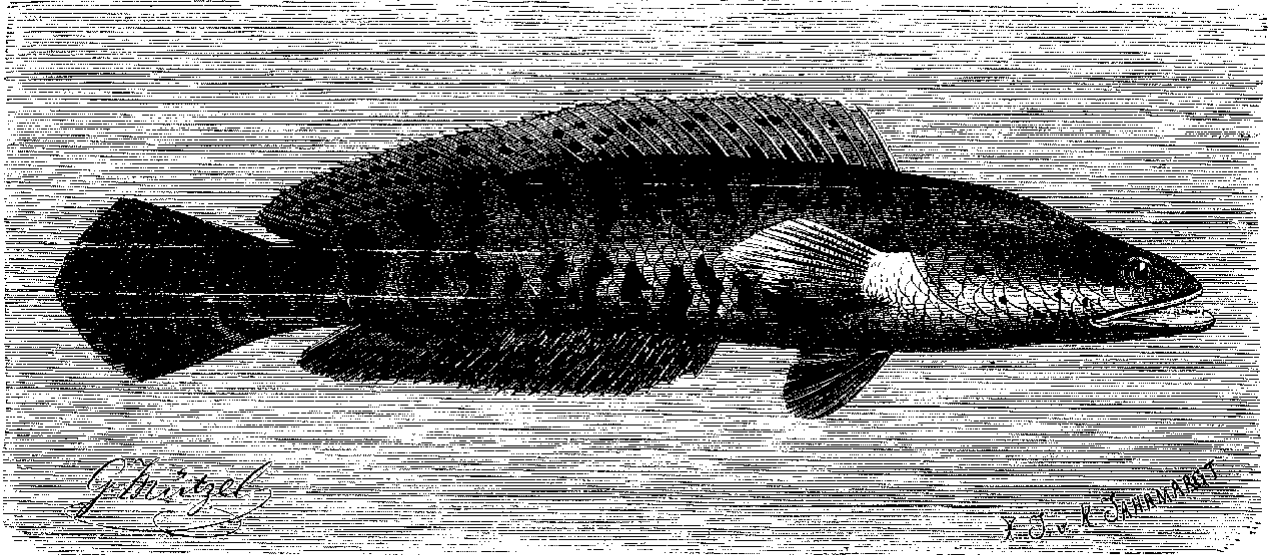
Семейство змееголовые

Полосатый змееголов (*Ophiocephalus striatus*) достигает 1 м и более. Окраска верхней части тела темная зеленовато-серая, нижней — желтовато-белая. Рисунок состоит из непрерывных полос, которые продолжают и на плавниках в виде точек и пятен. Он был найден повсюду в низменностях Индии, в Бирме, Китае, на Цейлоне, на Филиппинских островах, а также на Сулавеси, притом даже на высотах до 600 м над уровнем моря.

В журнале Азиатского Бенгальского общества в 1839 году появилось описание, сделанное очевидцем одной рыбы, носящей у туземцев Бутана в самой юго-западной части Гималайских гор название «борачунг», а местными европейцами называемой донной, или земляной, рыбой. По рассказам бутанцев, эту рыбу находят не в реках, но на совершенно сухих местах, в чаще травянистой растительности, отдаленной от воды иногда на две и более английские мили. Здесь туземцы разыскивают норы в земле и, найдя таковые, принимаются рыть до тех пор, пока не дороятся до воды, а затем и до борачунгов, так как этих рыб находят обыкновенно парочками. Если рыбу вытащить из норы и бросить на землю, она двигается змеевидно и с изумительной быстротой*.

** Приводимые Бремом рассказы о способности змееголова жить вдали от водоемов, безусловно, преувеличены. Тем не менее эти рыбы могут длительное время проводить вне воды, используя специальный наджаберный орган для дыхания атмосферным воздухом. Змееголовы обычно живут в небольших, сильно прогреваемых и заросших водоемах со стоячей водой, в которой, особенно в ночные часы, наблюдается большой дефицит кислорода. В жаркое время многие из этих водоемов могут пересыхать. Способность змееголовов дышать воздухом помогает им выживать в таких условиях.*

Несколько лет спустя Кампбелль лично проверил эти сведения. По данным этого наблюдателя, борачунг живет всегда в норах, которые вырыты на берегу медленно текущей реки или озера. Обыкновенно норы бывают вырыты так, что вход помещается на несколько сантиметров ниже поверхности воды и рыба, следовательно, имеет возможность в случае чего без малейшего затруднения уползти в воду. Затем Кампбелль установил, что обыкновенно в одном месте находится пара борачунгов, свившихся друг с другом, как змеи. Впрочем, норы вырываются не самими рыбами, но известными наземными крабами, а борачунги лишь завладевают ими.

Полосатый змееголов (Ophiocephalus striatus)

Не кажется невероятным сообщение бутанцев, что их борачунг живет в норах далеко от воды, так как его не раз наблюдали на суше, подобно змее, переползавшим из одного бассейна в другой. Возможно, что такие сухие места наполнялись водой в дождливую пору, и борачунгам не оставалось ничего другого, как спрятаться в норах, которые прежде были под водой, и дожидаться нового дождливого времени; во всяком случае, они в состоянии оставаться некоторое время на суше. Люди, встречающие этих рыб во время их кочевков, думают, что они упали с неба, а индийские фокусники пускают борачунгов ползать по земле на удивление горожан.

Семейство хоботнорылые

Отличительную принадлежность Индии составляют хоботнорылые — длинные угревидные пресноводные рыбы с очень маленькими чешуйками и удлинённой верхней челюстью. **Копьерыл** (*Mastacembelus armatus*) вместе с некоторыми другими видами встречается в Индии в большом количестве и достигает 60 см длины. Некоторые виды того же рода встречаются в Месопотамии, Сирии и западной Африке.

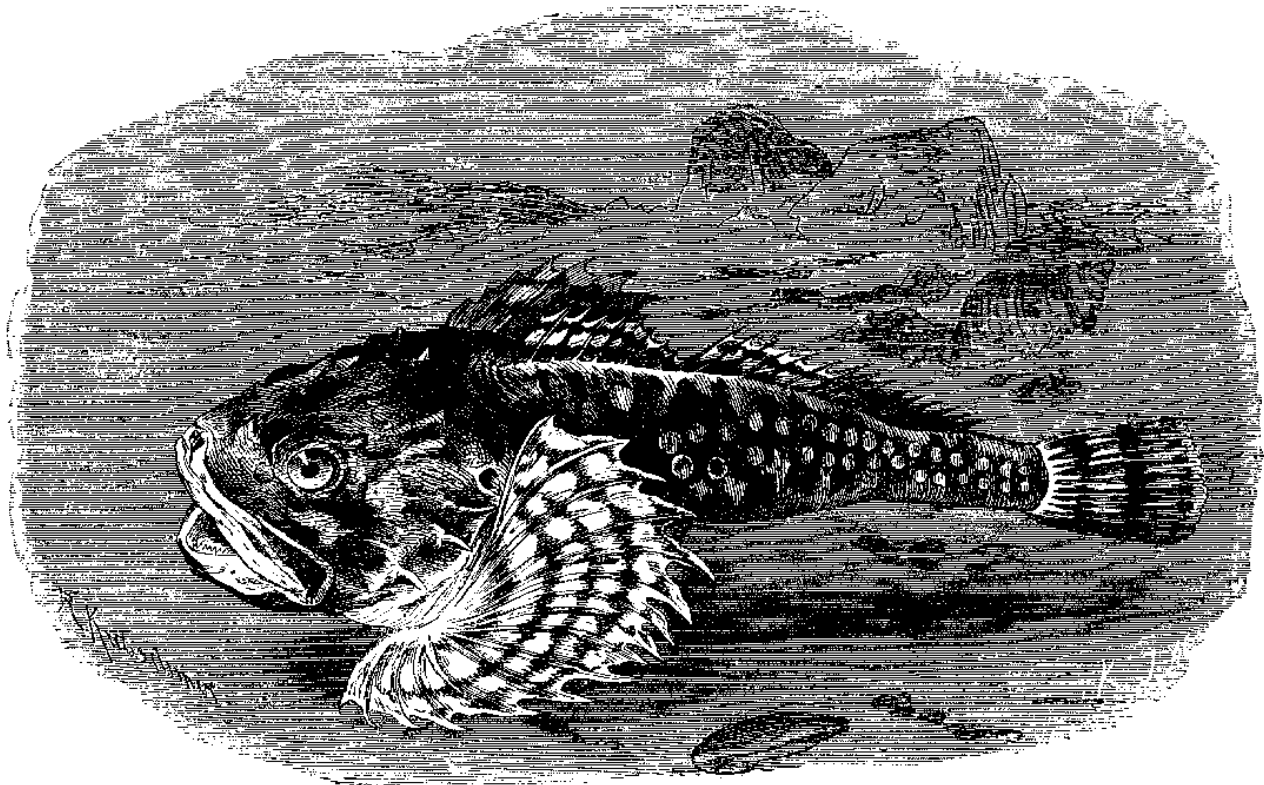
Семейство рогатковые, или керчаковые

Голова живущего в море вида этого семейства обыкновенно значительно больше в высоту, чем в ширину, и снабжена наверху двумя парами костяных наростов или шипов, к которым присоединяются еще другие на лицевой части и жаберных крышках; рот еще больше расщеплен, чем у обыкновенных подкаменщиков. **Европейский керчак** (*Muohocerphahis scorpius*) — очень безобразная рыба 15-25 см длины и красновато-бурого, более светлого внизу, цвета, разрисованная темными пятнами*.

* *Керчак может достигать более крупных размеров — 35-40 и даже 60 см.*

Европейский керчак почти так же часто встречается в Балтийском, как и в Северном море, и водится вообще от Бискайского залива до Лапландии во всех местах; в Атлантическом и в Ледовитом океанах и во всех их заливах и частях он живет в большом количестве.

Керчаки держатся преимущественно на каменистом грунте, часто на значительной глубине, но нередко и в более высоких слоях, где и лежат неподвижно на камнях или под ними, прижавшись к ним спиной и подкарауливая добычу.

Европейский керчак (*Myoxocephalus scorpius*)

Когда добыча приблизится, они, быстро ударяя своими сильными плавниками, не слишком стремительно, но ловко подплывают к ней снизу и, открыв свою чудовищную пасть, погребают в ней животное почти такой же величины, как они сами. Прожорливость их удивительна; они проглатывают буквально все съедобное: рыб, раков и крабов, червей и т. п. и, кроме того, еще всякие отбросы с кораблей и лодок. Время размножения совпадает с самыми теплыми месяцами года; однако некоторые из них мечут икру еще поздней осенью, даже в ноябре*. Во время метания икры они появляются в огромном количестве во всех удобных местах у берегов; пустив икру, они удаляются опять на глубокое дно.

* *Время нереста керчака приходится на начало зимы (декабрь-февраль). Икра у керчака довольно крупная 2-2,5 мм в диаметре, желтовато-оранжевого или красноватого цвета. Самка откладывает около 2—3 тысяч икринок, которые самец охраняет в течение всего периода инкубации — от 4 до 12 недель.*

В неволе они долго могут прожить без воды. В наших морских аквариумах они принадлежат к самым обыкновенным и любимым рыбам и выживают долго в неволе, даже когда приходится довольствоваться очень небольшими резервуарами, так как самое главное для них вода, а не возможность двигаться в большом пространстве.

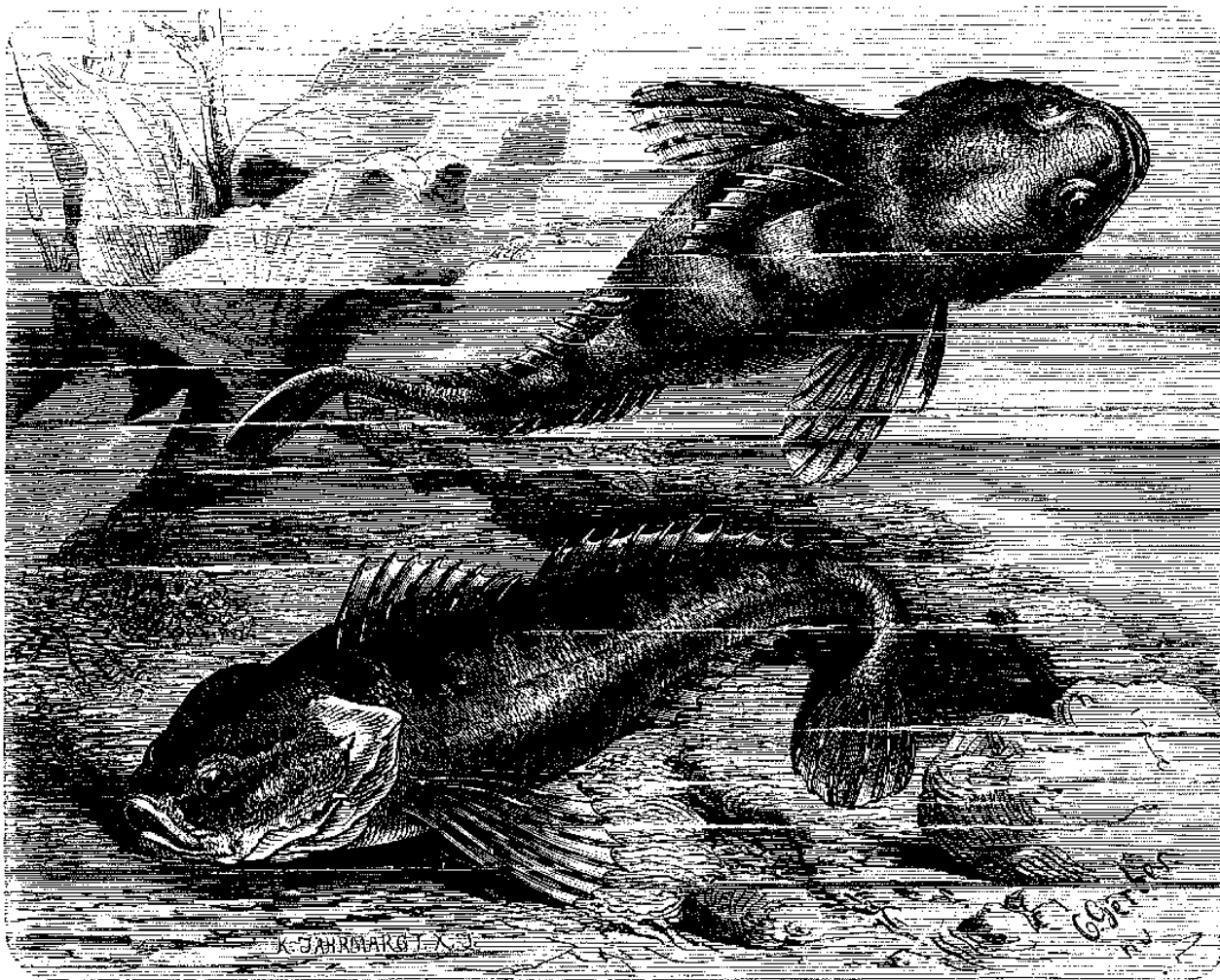
Обыкновенный подкаменщик (*Coitus gobio*) достигает 12-14 см длины и разрисован по сероватому фону бурыми точками и пятнами, которые нередко соединяются в поперечные полосы и видны иногда даже на беловатом брюшке; спинные, грудные и хвостовые плавники покрыты бурыми полосками вдоль лучей; брюшной плавник обыкновенно без пятен. Впрочем, цвет этой рыбы изменяется часто соответственно местности, виду дна и даже настроению рыбы.

Подкаменщик живет во всех пресных водах средней и северной Европы и встречается, за исключением некоторых ручьев, почти везде в большом количестве; поднимается также в горы до 1000 м над уровнем моря; его находили в озерах, на высоте до 2000 м, как, например, в Люнерзее (в Тироле), которое населено исключительно этими рыбками. Подкаменщик любит чистую воду, песчаное или каменистое дно, так как охотно живет под камнями, ради которых посещает даже самые маленькие, мелководные ручьи**.

* * *Если вода загрязнена, то численность подкаменщика резко сокращается или он вовсе исчезает из таких водоемов. В последнее время из-за общего ухудшения состояния наших пресноводных водоемов подкаменщик стал редкой рыбой.*

Движения его необыкновенно быстры. «Он переносится, — говорит Геснер, — с одного места на другое так быстро, что ни одна рыба не может с ним сравниться в этом отношении». В прожорливости он не уступает ни одной рыбе, питается преимущественно насекомыми, в особенности

личинками стрекоз; не щадит ни одной рыбы, которую надеется одолеть, не исключая и собственного потомства. Подкаменщик в особенности ненавиден там, где разводят кумжей, потому что считается самым опасным истребителем икры этих благородных рыб.

Обыкновенный подкаменщик (*Cottus gobio*)

Что касается размножения, то подкаменщик отличается от других рыб тем, что заботу о потомстве берет на себя отец. Уже Линней сообщает, что подкаменщик строит гнездо и, рискуя жизнью, защищает положенные в гнезде яйца. Самка прячет икру под камень или в специально для этого выбранную ямку, после чего самец принимает на себя всю заботу о потомстве***.

** * * Чтобы самке было легче найти подготовленные для нереста норы и убежища, самцы выделяют в воду специальные запаховые вещества.*

Опытные рыбаки рассказывали Геккеру и Кнеру следующее: «Во время метания икры самец забирается в нору между камнями и защищает свое убежище от всякого, желающего в него проникнуть, причем действует со злым упорством, которое, при случае, может перейти в продолжительный бой и даже стоять жизни одному из бойцов. Говорят, что во время таких боев часто ловят рыб, держащих в пасти голову противника, которого не в состоянии проглотить. Относительно самки подкаменщик ведет себя очень вежливо; он принимает ее без сопротивления, после чего она мечет икру в надлежащем месте и беспрепятственно продолжает свой путь. С той минуты самец заменяет мать и в продолжение 4-5 недель охраняет яйца и удаляется от них только разве для добывания необходимой пищи. Храбрость его при этом достойна такого же удивления, как и терпение. Он кусает палку и прут, которыми его хотят согнать с места, уступает только в крайнем случае и буквально дает себя убить из-за яиц».

Паллас сообщает еще, что простой народ в России употребляет этих рыбок как хорошее противоядие от укусов гадюки и носит как талисман на шее.

Семейство скорпеновые

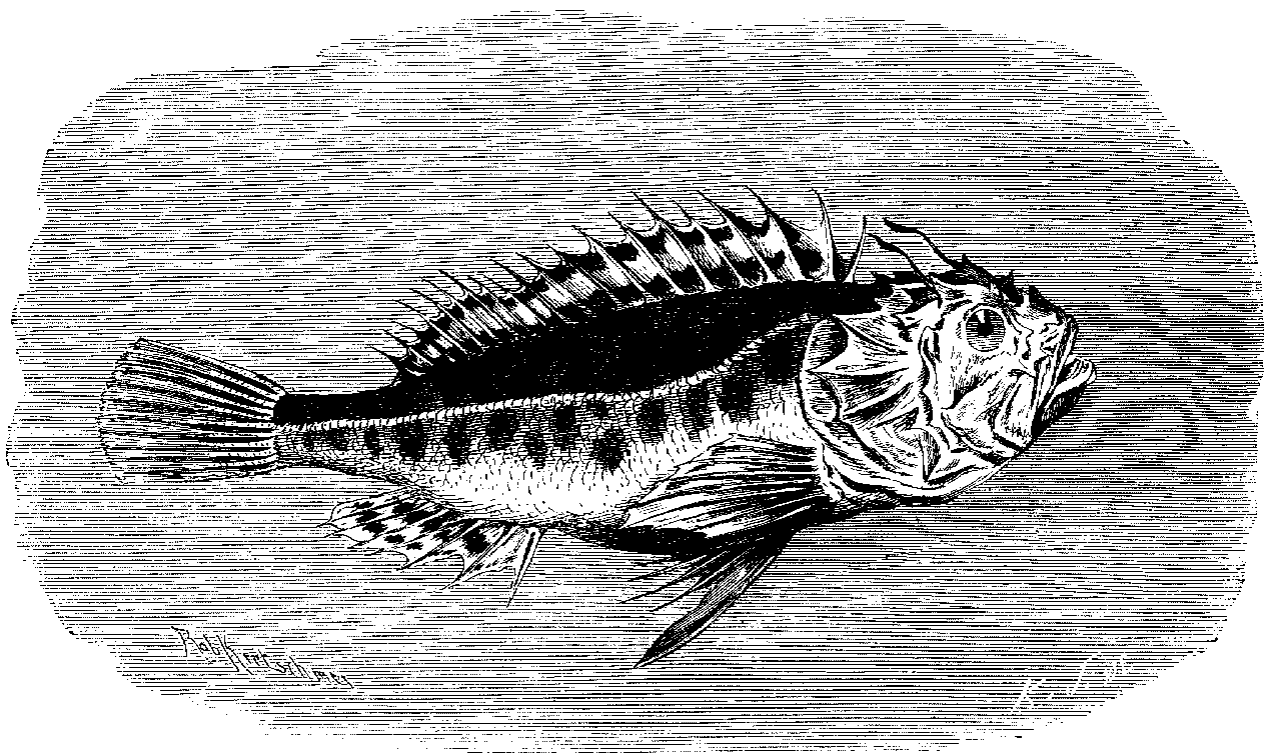
Скорпена, или морской ёрш (*Scorpaena paretis*), довольно обыкновенна в Средиземном море и Атлантическом океане и местами даже попадает очень часто. Она достигает в длину от 20 до 25 см и разрисована на спине по бурому, а на брюхе розово-красноватому фону многочисленными мраморными пятнами*.

* Скорпена обычна и в Черном море, предпочитает держаться в прибрежье среди водорослей. В дневное время неподвижно лежит на дне в засаде в ожидании добычи — рачков, мелких рыб.

Древние считали всех скорпен, а особенно морского ерша, безусловно ядовитыми, и это мнение еще бытовало и во время Геснера. «Этих рыб нельзя поймать без риска, так как их укол или повреждение ядовиты*»; против этого укула очень хорошо выпить полынного вина.

* В основании колючек у скорпены располагаются специальные железы, вырабатывающие ядовитый секрет. При уколе он попадает в ранку и причиняет сильную боль, вызывает воспаление. Колючки помогают скорпене избегать атак хищников.

Затем полезно также выпить смесь уксуса, серы и вина с тремя лавровыми ягодами или растертые в масле свинцовые белила; кроме того, мясо ее также годится в виде лекарства, если облить его мочой маленького мальчика.

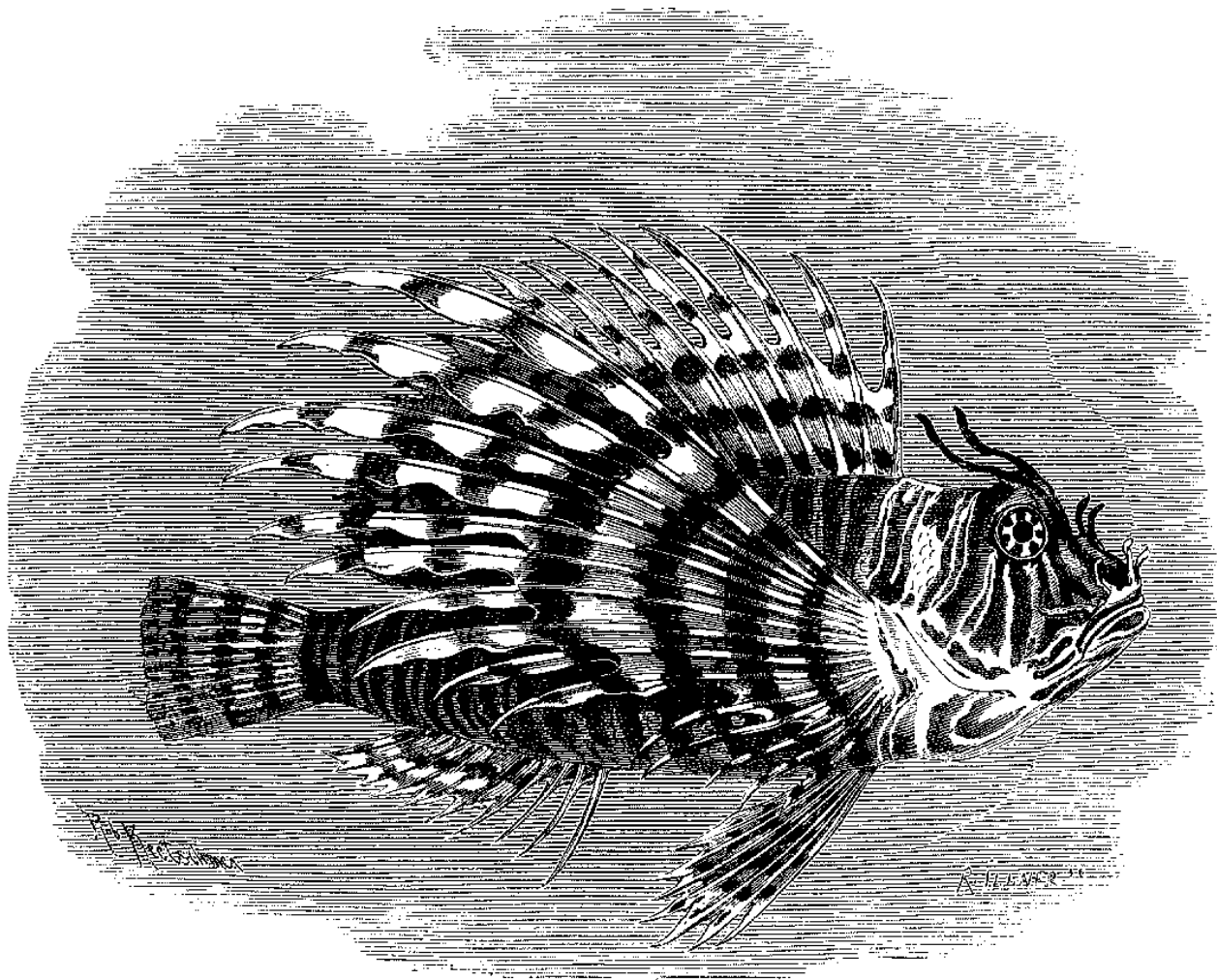

Скорпена, или морской ерш (*Scorpaena porcits*)

По Плинию, как противоядие прикладывали к ране печень скорпены. Геснер уверяет, что и желчь скорпен также превосходна, даже имеет «как лекарство преимущество пред желчью всех других рыб», так как она полезна против помутнения и потемнения глаз, против бельма и пятен на глазах, удаляет бородавки, от нее зарастают лысины или возобновляются выпавшие волосы; эта желчь, «завернутая в хлопчатую бумагу и принятая внутрь, вызывает у женщин менструацию»; даже мясо, которое в настоящее время регулярно доставляется в Италии на рынок и считается вкусным, хотя часто им пренебрегают вследствие вязкости, «съеденное или же пережженное в золу и принятое в вине, или их кость, истолченная и выпитая, — верное средство против мочевых камней и других болезней почек».

Полосатая крылатка, или рыба-зебра (*Pterois volitans*), представляет наиболее известный вид этого рода. Длина ее доходит до 20-30 см, а вес до 1 кг. Окраска крылатки прекрасна. По красно-бурому или темно-бурому фону проходят, по словам Клуцингера, около 22 розово-красных полос, причем они сближены по две, как бы парами. Местами эти полосы шире, чем фон, и принимают на голове косо направление. На подбородке и горле находятся коричневые волнистые линии на красноватом фоне. Над основанием грудных плавников расположено круглое белое пятно. Грудные плавники серо-черные с более светлым отливом, их лучи местами красноватые, их внутренняя поверхность черная с белыми пятнами. Брюшные плавники коричнево-черные и на обеих сторонах покрыты белыми пятнами. Лучи спинного плавника розово-красноватые и окружены черным кольцом, перепонка между ними покрыта по черному фону красноватыми полосками. Остальные плавники бледно-желтые с черными тигровыми пятнами. Придатки на голове черные с красными и белыми полосками и кольцами. От глаза проходят в виде спиц колеса светлые и коричневые полосы. В спинном плавнике насчитывают 13 необыкновенно длинных, заостренных, твердых лу-

чей и 12 мягких; в каждом грудном плавнике 5 свободных, очень удлинённых лучей, серпообразно изогнутых на конце.

Полосатая крылатка, или рыба-зебра (*Pterois volitans*)

Полосатая крылатка распространена по Индийскому океану от африканского берега вплоть до Австралии и попадается всюду часто. Ее сначала считали за летающую рыбу, но скоро заметили ошибку; расщепленные плавники в действительности вовсе не пригодны для полета. Рыба эта не принадлежит даже к быстрым пловцам, она скорее охотно прячется, по наблюдениям Клуцингера, в расщелинах рифов и поэтому выбирает для местообитания подводные скалы и коралловые острова*.

** Крылатка покидает убежище лишь с наступлением сумерек.*

Плавая и приводя в медленное движение свои длинные, расширенные, пестрые плавники, она представляет картину, достойную удивления. Укол лучей ее плавников очень опасен. Эти лучи, особенно тонкие верхушки спинных лучей, легко отламываются и потому часто остаются в ране**.

Мясо этой опасной рыбы необыкновенного строения не употребляется в пищу арабскими рыбаками, но должно быть хорошо.

*** Даже незначительные уколы вызывают невыносимую боль и потерю сознания, а глубокие уколы могут привести к смерти.*

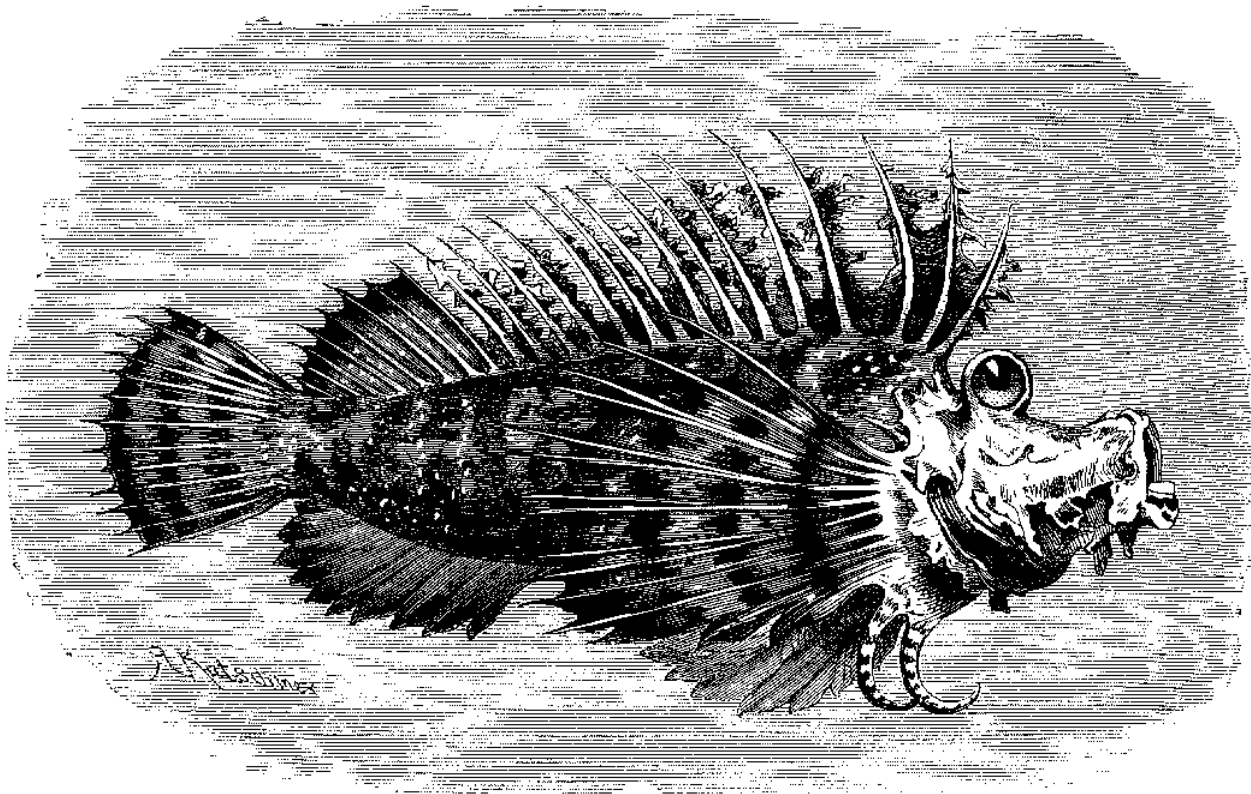
Примером того, насколько отвратительны могут быть рыбы, служит **крючкопалая бородавчатка** (*Scorpaena didactylum*). Эта скорпена ужасного вида, голова ее кпереди как бы вдавлена и поэтому имеет форму седла. Если захотеть перечислять все крючки, наросты, придатки, особенности и уродливости этой рыбы, то этому не будет конца. Морда похожа на морду гиппопотама; голова еще имеет отдаленное сходство с головой рыбы; глаза расположены как бы на стебельках, очень сближены друг с другом и повернуты кверху. Туловище удлинено, и брюхо вздуто, а спина гораздо выше, чем голова. На челюстях помещаются тонкие бархатистые зубы. Кожа мягкая и ноздреватая, местами имеет наросты и придает животному еще более отвратительный вид. По серому фону разбросаны бурые мраморные полосы и слившиеся пятна, белые точки и полосы, принимающие на голове разнообразные оттенки вплоть до розово-красного. Внутренняя сторона грудных плавников

белая с розовым отливом и с черными пятнами по краям. Брюшные и заднепроходный плавники коричневого цвета; хвостовой плавник украшен по светлому фону светлыми полосками.

До сего времени эту удивительную рыбу ловили только в восточной части Индийского океана. Об образе жизни ее мы ничего не знаем. При вскрытии в желудке находили мелких рачков.

Семейство бородавчатковые

Бородавчатка (*Synanceja verrucosa*) распространена от Красного моря до Индийского океана. Этой скорпене арабские рыбаки приписывают такие же качества, как и гадюке. «Эта рыба, — говорит Гюнтер, — одна из самых отвратительных. Покрытая мягкой бородавчатой кожей, настолько маскирующей части тела, что с первого взгляда едва можно их различить, эта рыба скорее напоминает тех голожаберных моллюсков, которые живут с ней в одних и тех же морях. Маленькие глаза и пасть обращены кверху, так как рыба пребывает всегда на дне и подстерегает добычу, зарывшись в песок или ил. Кроме глубоких ямок на черепе существует еще ямка внизу и сзади глаза, который может произвольно втягиваться в глазничную впадину или выходить из нее. Спинные шипы сильны, остры, как иголки, имеют на каждой стороне по глубокой ямке и покрыты толстой мягкой кожей, которая оканчивается на верхушке каждого шипа несколькими широкими бахромками. Очень крупные закругленные грудные плавники состоят из простых толстых твердых лучей и служат рыбе не только действительными органами движения по морскому дну, но также и родом лопат, с помощью которых она быстро зарывается в песок. Окраска этой рыбы необыкновенно изменчива: то она довольно однообразного грязно-бурого цвета, то очень яркого красноватого. Все же, как правило, цвета этой рыбы представляют собой смесь всех оттенков бурого, красного, серого, желтого и белого, короче говоря, рыба приспособляет окраску к окраске местности, в которой она живет, и эта окраска позволяет с трудом отличать ее от среды». Самый крупный экземпляр этого вида, который видел Гюнтер, имел в длину 40 см.

Крючкопалая бородавчатка (*Scorpaena didactylus*)

Бородавчатки сидят, спрятавшись между камнями и водорослями, неподвижно на дне и так точно приспособляются к среде, что вошедший в воду рыбак часто не замечает их, пока не наступит и прежде чем они, внезапно испуганные, не нанесут ему своими шипами чрезвычайно чувствительные раны*.

* *Бородавчатка крайне малоподвижная рыба. Благодаря своей окраске она совершенно незаметна среди камней или когда почти полностью зарывается в песок. При малейшей опасности или раздражении она поднимает острые и прочные колючие лучи спинного плавника, которые легко протыкают обувь наступившего на рыбу человека.*

"Укол их спинных шипов, — говорит Клуэнцингер, — производит боль в течение нескольких часов, которая сильнее, чем от укула скорпиона, что я знаю по собственному опыту. Некоторые

особы после укола лишаются чувств; однажды даже, как рассказывают люди, произошел и смертельный случай, если и не непосредственно вследствие укола, то из-за воспаления полученной раны. Во всяком случае, эту рыбу, подобно скорпиону, нужно причислить к ядовитым животным. Один мой знакомый, правдивый рыбак, уверяет, что он ясно видел, как при выворачивании верхушек шипов, лежащих в кожной складке, вытекала из окружающей кожи молочная или гноевидная жидкость. Я, несмотря на частые наблюдения, не нашел этого; если же наблюдение рыбака подтвердится, тогда оказалось бы, что, кроме ядовитых зубов змей, есть и ядовитые шипы у рыб».

Оказывается, что предположение Клуинцингера было верно. Ядовитые органы бородавчатки исследовал Ле-Жюж и нашел, что действительно существуют спинные шипы, которые на обеих сторонах имеют по глубокой борозде, через которую выходит яд, помещающийся в яйцевидном пузыре, если на шипы произведено извне давление. Яд представляет беловатую жидкость, от которой лакмусовая бумажка не краснеет и которая нерастворима в эфире. «Когда я, — говорит Мебиус, — осторожно снимал кожистый покров шипа и верхушка становилась свободной, то жидкость начинала бить струей на 2-3 см выше верхушки. Если бородавчатку раздражать на боках или спине, тогда она также выбрасывает молочную жидкость из верхушек накожных бородавок».

Поэтому бородавчатка является очень опасным животным, которого, по справедливости, бояться**.

** * Среди рыб яд бородавчатки наиболее опасен для человека. При поражении наблюдаются те же симптомы, что и при действии яда крылатки, а также параличи. При многочисленных глубоких уколах или если яд проникает в крупный кровеносный сосуд, смерть может наступить через 2—3 часа.*

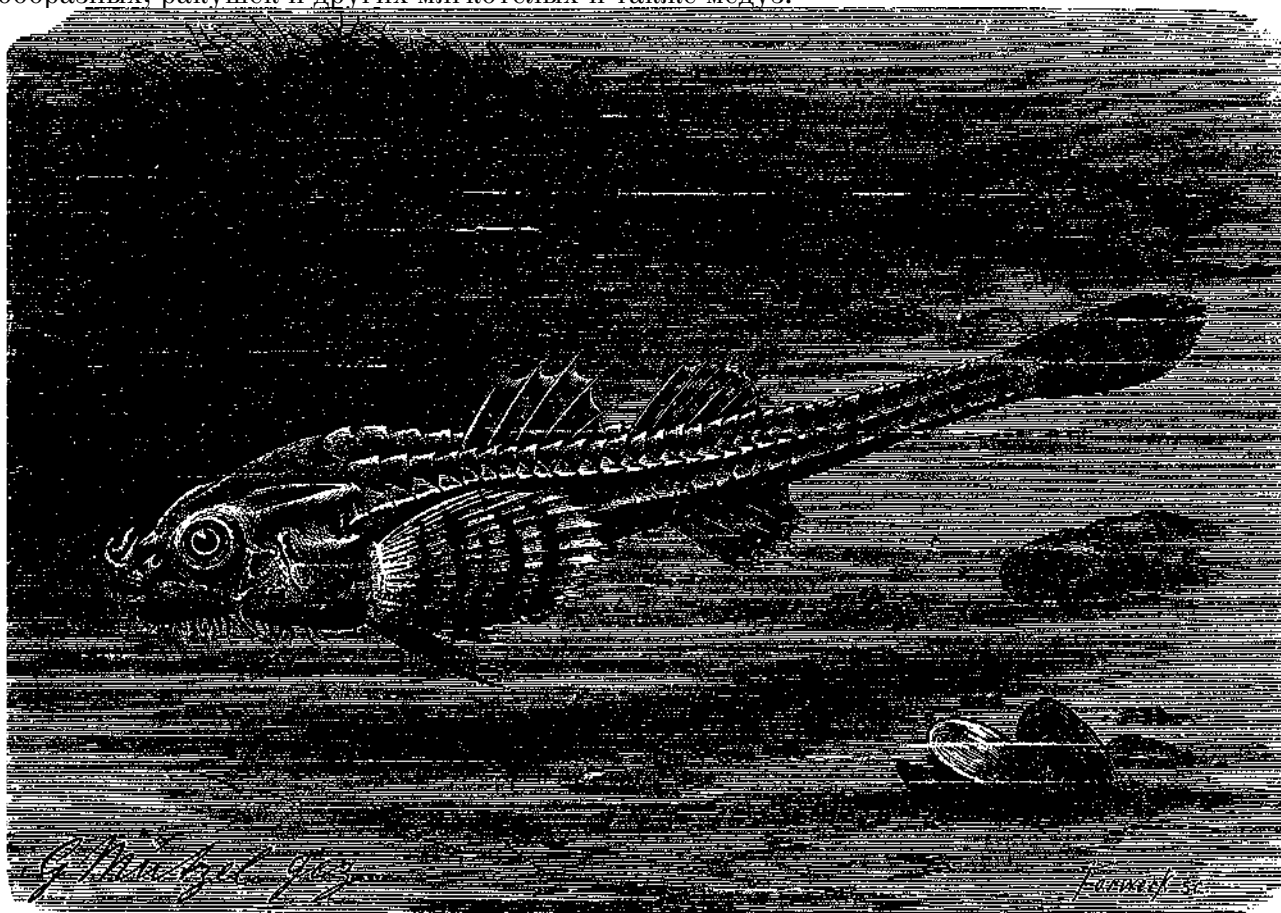
"Эта рыба, называемая здесь «но-у», — пишет Уайт Джиль из Индийского океана, — производит такое отвратительное впечатление, что не легко ее забудешь. Существует несколько видов, но все они одинаково опасны. У меня есть экземпляр, имеющий в длину 25 см и в толщину 7,5 см; изредка попадается «но-у» длиннее 38-40 см, и все же эта маленькая рыба в мелких водах приводит туземцев в трепет. Иногда она ложится на кучу пурпуровых кораллов, так что самый зоркий наблюдатель принимает ее за кусок коралла. Обман чаще усиливается, благодаря тому, что у взрослых экземпляров голова и спина обыкновенно покрыты водорослями. Самое осторожное прикосновение рукой, ощупывающей ракообразных, или же голой ногой, идущей за сетью, причиняет рыбакам ужаснейшую боль. «Но-у» любит также зарываться настолько в песок, что только глаза остаются непокрытыми и едва видны острые, тонкие спинные шипы. Как только вблизи появляется маленькая рыба, она бросается на свою добычу, которая лишь изредка ускользает от нее. Туземцы ловят «но-у» на крючок. Освобождая рыбу с крючка, они схватывают ее обычно за нижнюю челюсть, потому что это единственное безопасное место у нее. Три туземца из Айтутаки во время моего личного пребывания здесь заплатились своей жизнью из-за того, что случайно наступили на бородавчатку, несмотря на то что были испробованы все средства, чтобы сделать действие яда безвредным. Так как вся тяжесть тела наступивших нажала на шипы, яд проник так глубоко, что никакое противоядие не могло подействовать. Недавно я узнал о печальном случае. Девушка, всыпавшая в воду усыпительное средство для рыб, просунула свою руку в коралловую щель, в которую обыкновенно прячутся некоторые рыбы. К несчастью, она схватила «но-у». Так как она хорошо знала о грозившей опасности, то поспешила домой за помощью. Рука страшно распухла, и скоро боль распространилась вплоть до правой ноги. На следующий день боль и опухоль распространились также и на левую половину тела. Несмотря на все мои усилия спасти несчастную, она скончалась в столбняке спустя 30 часов после ранения. Удивительно, что «но-у», если осторожно снять с нее шипы и кожу, оказывается для кухни превосходной рыбой».

Семейство тригловые, или морские петухи

В Северном море живет тригла, или морской петух (*Trigla hirundo*), — самый большой европейский вид этого семейства, достигающий 50-60 см длины. Спина этой рыбы серовато-красная или бурая, брюшко светло-розоватое или белое; очень красивый вид придают этой рыбе красные спинные и хвостовые плавники, белые брюшные и заднепроходные, и черные, окаймленные голубым с внутренней стороны, грудные плавники. В первом плавнике насчитывают до 9, во втором до 16, в грудном до 3 свободных и до 11 связанных лучей*.

** Первые 3 свободных луча в грудных плавниках триглы играют особую роль — они длинные и подвижные, с их помощью тригла может тщательно ощупывать в поисках корма грунт и даже медленно перемещаться по нему. Успешному поиску корма помогают специальные чувствительные клетки, покрывающие поверхность свободных лучей. При опасности триглы могут издавать звуки. Это ценные промысловые рыбы с вкусным мясом.*

Триглы живут в Атлантическом океане, в Средиземном, Северном и Балтийском морях. Они держатся преимущественно на глубине, охотнее всего на песчаном дне, где отыскивают ракообразных, ракушек и других мягкотелых и также медуз.

Тригла, или морской петух (*Trigla hirundo*)

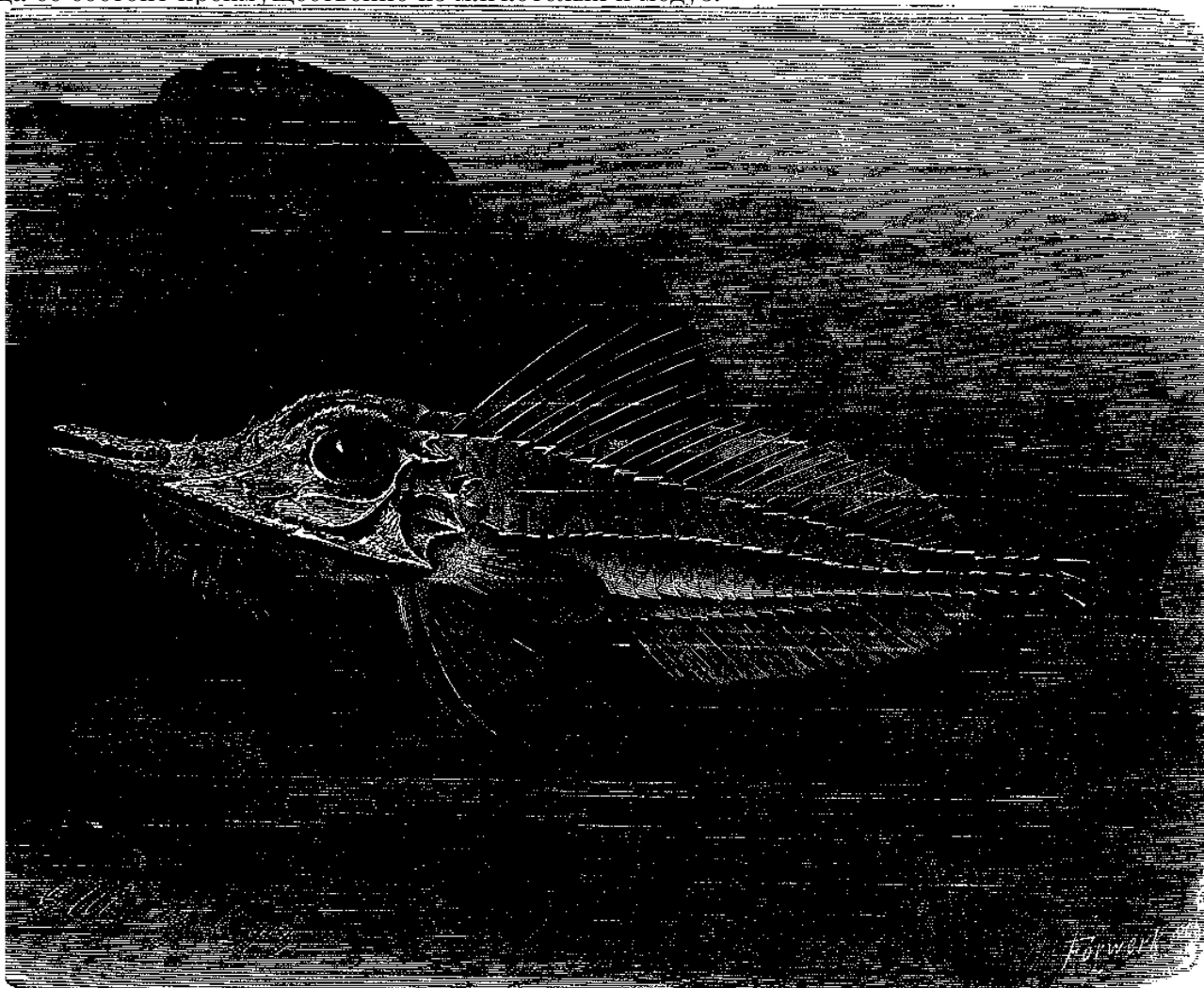
Триглы плавают чрезвычайно ловко и красиво, хотя не очень быстро, употребляя свои большие грудные плавники наподобие крыльев, попеременно то развертывая, то складывая их. Когда они ночью плавают на мелких местах, они светятся, «как сверкающие звезды», и испускают световые лучи, которые далеко тянутся как по поверхности воды, так и в глубине. Но гораздо своеобразнее, чем ее плавание, передвижение этой рыбы по морскому дну. Три свободных луча перед грудными плавниками, в сущности, не что иное, как ноги, на которых она может ходить. Для того чтобы передвигаться подобным образом, она приподнимает заднюю часть тела над землей, как это изображено на нашем рисунке, быстро двигает всеми тремя лучами попеременно и помогает себе слабыми боковыми движениями хвостового плавника. Так как плавниковые лучи очень коротки, то эта странная ходьба не слишком быстра, однако все же за нескольких минут животное может продвинуться на довольно значительное расстояние. Хотя не существует еще определенных наблюдений над этим передвижением, замеченным, по-видимому, только мной одним, однако нужно предположить, что эта ходьба помогает триглам добывать пищу и вообще им очень полезна. Метание икры происходит в мае и июне.

Семейство перистедиевые, или панцирные триглы

Двуногая панцирная тригла, или вооруженный морской петух (*Peristedion cataphractum*) — животное, носящее с полным правом имя панцирника, так как его можно назвать лучше всего защищенной рыбой европейских морей. Тело его, вытянутое в поперечном размере, представляет почти правильный восьмиугольник. Верхняя челюсть сильно выдается над нижней и рот открывается полукругом под костяной вилкой, которой оканчивается морда; от нижней челюсти свешиваются усики, из которых один образует как бы ветвь, откуда идут многие веточки. Костяной покров состоит из восьми рядов щитков, поднимающихся восьмью гребенчатыми грядками. Вся верхняя часть тела превосходного красного цвета, который на боках переходит в золотистый, а на брюшке в серебристый цвет; брюшные плавники красные, спинные буровато-фиолетовые, заднепроходные и брюшные белые. Длина достигает 30 см.

В Средиземном море панцирная тригла не принадлежит к редким рыбам, ее ловят и в южном Атлантическом океане и в Адриатическом море и даже, случается, у берегов Англии. О ее образе

жизни один только Риссо сообщает нам некоторые подробности. Эта странная рыба держится постоянно на глубине и подплывает к берегам только для метания икры, что совпадает с весенним равноденствием. В противоположность своим сородичам она живет одиноко, но плавает удивительно быстро, так, что, ударяясь о скалы, нередко повреждает свою вилообразную верхнюю челюсть. Пища ее состоит преимущественно из мягкотелых и медуз.

Двуногая парцирная тригла, или вооруженный морской петух (*Peristedion cataphractum*)

Наши предки, вероятно, не были знакомы с двунозой панцирной триглой, иначе они непременно где-нибудь да упомянули бы о ней. Теперешние прибрежные жители Средиземного моря, гораздо менее внимательные к природе и ее явлениям, смотрят на панцирную триглу как на редкость, которую сохраняют в сушеном виде или препарируют особым образом. Говорят, что у берегов Испании и Прованса эту рыбу ловят круглый год и очень ценят из-за ее вкусного мяса. Приготовление ее совершенно особенное, так как панцирь ее не поддается никакому кухонному ножу; поэтому триглу прежде всего варят в воде, а потом уже чистят; если же хотят есть жареную, то очищают внутренности через рот, а потом наполняют ее маслом и уже тогда кладут на сковородку и жарят, пока не отпадут чешуйки.

Семейство голомянковые

Большая голомянка (*Comephorits baikalensis*) очень напоминающая макрель, возведена Гюнтером в представители особого семейства голомянковых. Своим мягким скелетом, числом позвонков (8 грудных и 35 хвостовых) рыба эта несколько уклоняется от общего типа отряда. В общем, она очень похожа на полосатых пескарков, но отличается от них сплюснутым с боков телом, большой головой, с широко расщепленной пастью и широкой, плоской мордой, удлинением некоторых лучей на втором спинном плавнике, очень большими грудными плавниками, отсутствием брюшного плавника и раздвоенным хвостовым плавником. Окраска одноцветная грязно-зеленоватая. Длина достигает около 30 см.

Большая голомянка водится, насколько до сих пор известно, исключительно в Байкальском озере*, держится зимою в самых глубоких его местах, летом же подплывает большими стаями к берегам для метания икры**.

* *Большая голомянка эндемик Байкала, т. е. нигде больше не встречается. Живет на глубинах до 1600 м.*

** *Большую голомянку относят к живородящим рыбам, поскольку из выметанных самкой икринок (до 2300 штук) сразу же выклевываются сформировавшиеся личинки.*

Она чрезвычайно быстро плавает и, благодаря своим большим грудным плавникам, может совершать довольно значительные прыжки над поверхностью воды, так что в некотором отношении походит на летучих рыб***.

*** *Несмотря на то что у нее действительно большие грудные плавники, она плохой пловец и совершать протяженные прыжки над поверхностью воды вряд ли способна.*

Несмотря на это, она не в состоянии противостоять напору волн; во время бури находят большое количество голомянок выброшенными на берег, где их собирают для вытапливания жира****.

**** *Содержание жира в теле большой голомянки достигает 33%. Считается, что ее жир обладает целебными свойствами.*

Семейство агоневые, или морские лисички

Агонус, или европейская лисичка (*Agonus cataphractus*), — восьмиугольная рыба 15 см длины, бурого или светло-бурого и даже буровато-белого основного цвета, на котором выделяются на спине четыре темно-бурые полосы; светло-бурые спинные плавники покрыты темно-бурыми пятнами, по большим грудным плавникам проходят поперечные темные полосы.

Эта рыба водится в Северном и Балтийском морях, летом держится на умеренной глубине, охотнее всего близ устьев рек, а зимой удаляется на самую глубину моря. Самцы, по словам Экштрома, приближаются к берегам реже, чем самки, и, как кажется, только во время метания икры, т. е. в апреле и мае; но тогда они появляется иногда в очень значительном количестве. Размножение слабое: Кройер нашел в икринной самке только 300 яиц.

Семейство пинагоровые, или круглופеры

Пинагор (*Cyclopterus lampus*) достигает 60 см длины, 3-4, редко 6-7 кг веса; цвета он черно-серого, снизу желтоватого; в прочих местах цвет этот часто изменяется; первый спинной плавник весьма мало развит.

Во всех северных морях, и в особенности в Северном и Балтийском, водятся пинагоры, и, должно думать, в очень большом количестве, потому что размножение их необычайно быстрое. Однако, благодаря своему особенному образу жизни, пинагор ловится редко; пловец он плохой, редко и медленно передвигается с одного места на другое, причем безостановочно машет своим несоразмерно слабым хвостом. Чаще всего он прикрепляется к скале или к камню посредством своего брюшного плавника, который употребляет в виде присоски, и здесь ожидает свою добычу. Прикрепление его к предметам, к которым он присосался, чрезвычайно плотно. Ганнокс высчитал, что требуется сила в 39 кг, чтобы оторвать от скалы пинагора 20 см длины; Пеннант испытал, что можно приподнять ведро с водою, держась за рыбу, которая присосалась к его дну.

Пойманные пинагоры тотчас крепко присасываются к удобному месту бассейна, даже к самой гладкой стеклянной стенке, и остаются в таком положении целыми часами, пошевеливая разве только жабрами; однако они решаются иногда покинуть избранное место ради брошенной им в воду пищи.

Агонус, или европейская лисичка (*Agonus cataphractus*)

Около марта изменяется цвет и весь образ жизни пинагора; цвет переходит в красноватый, и рыба срывается с места, чтобы отыскать близкие к берегам, удобные места для метания икры*.

** В нерестовый период окраска меняется только у самцов пинагора. Крупная, съедобная икра пинагоров может быть окрашена в цвета от красного или оранжевого до темно-фиолетового.*

Фабрициус сообщает, что пинагор в конце апреля или в начале мая приплывает к скалистым бухтам Гренландии, что самки идут вперед, а самцы немедленно следуют за ними; первые мечут икру среди больших водорослей, в расщелинах скал, а вторые оплодотворяют ее и потом плотно присасываются вблизи яиц. Фабрициус упоминает, что самец бдительно сторожит яйца и действительно выказывает большое мужество, вступая в борьбу даже со страшной зубаткой, которой наносит иногда смертельные раны*.

** Самец пинагора действительно очень заботливый отец и активно охраняет икру от других рыб. Но вступить в схватку с зубаткой и тем более наносить ей смертельные раны это явное преувеличение возможностей пинагора.*

Ласепед считает себя вправе сомневаться в истине этого сообщения, но оно вполне подтверждается позднейшими наблюдениями. Так, Джонстон, передавая сообщения рыбаков, рассказыва-

ет, что самец своим телом закрывает яйца и остается в этом положении, пока молодые рыбки не выплывут из икры. Вскоре после того рыбешки присасываются к бокам и спине самца и последний удаляется от берега вместе с дорогой ношей и уносит свое потомство на более безопасную морскую глубину.

Семейство долгоперовые, или крылоперовые

Средиземноморский долгопёр (*Dactylopterus volitans*) живет в Средиземном море. Его родство с другими представителями семейства кажется гораздо незначительнее, чем оно есть на самом деле, потому что общее впечатление, получаемое от этих рыб, существенно отличается от впечатления, производимого их сородичами. Рыло короткое, очень круто спадающее книзу, верхняя часть черепа плоская, только часть щек покрыта чешуйками; жаберная крышка мала и округлена, отверстие рта небольшое, тело довольно вытянутое и одето жесткими, по краям зазубренными и частью килеватыми чешуйками. Спина этой рыбы красивого светло-бурого цвета с более темными крапинками и пятнами; бока головы и туловища светло-красные с серебристым налетом, нижняя часть тела розовато-красная; большие грудные плавники покрыты по темному фону голубоватыми пятнами, черточками и полосками, спинные плавники по серому фону — неясными бурыми пятнами, между тем как хвостовой плавник красно-бурый и разрисован пятнистыми полосками. Самые крупные экземпляры достигают 50 см длины.

Все прежние писатели, занимавшиеся естествознанием, и все путешественники новейшего времени, проезжавшие по Средиземному морю, могут кое-что рассказать о долгопёре, потому что эти рыбы, кажется, всюду часто встречаются и умеют обратить на себя внимание самых равнодушных людей. Однако очень вероятно, что их часто путают с летучими рыбами.

В большем или меньшем расстоянии от борта корабля замечают целые стаи таких рыб, которые внезапно поднимаются из волн и со своеобразными свистящими ударами больших грудных плавников проносятся над водою, на высоте 4-5 м от поверхности; пролетевши таким образом 100-120 м, они опять исчезают в волнах**.

** * Утверждение о способности средиземноморского долгопёра к полету вызывает большие сомнения у специалистов. Скорее всего оно не соответствует действительности это тяжелые, малоподвижные рыбы, большую часть жизни проводящие на дне и перемещающиеся по нему с помощью грудных плавников. Лишь на короткий период, по-видимому для нереста, долгопёры поднимаются к поверхности воды, и в это время их можно видеть парящими в воде с широко расправленными большими грудными плавниками.*

Средиземноморский долгопёр (*Dactylopterus volitans*)

Подобные зрелища повторяются довольно часто, одно за другим, причем одна стая поднимается, летит вперед и падает, а другая в свою очередь уже таким же образом пронесется со свистом, и, раньше чем она опустится в воду, третья и четвертая принимаются за то же самое. Когда это выскакивание рыб происходит в известном направлении, можно предположить, что долгопёров преследуют хищные рыбы, от которых они стараются спастись вылетанием или, лучше сказать, перепрыгиванием через волны; но часто можно видеть, что они появляются то там, то сям, и не держатся, собственно, никакого направления, а скорее летают друг через друга без всякого порядка. Поэтому можно допустить, что долгопёры часто, просто играя, ради удовольствия, поднимаются из воды, как это делают и другие рыбы. Вблизи берегов такие стаи обращают на себя внимание чаек и буревестников, которые поспешно слетаются и принимаются за охоту. Тогда зрелище становится в высшей степени привлекательным, потому что при той быстроте, с которой перепархивают рыбы, птицы должны пустить в ход всю свою ловкость, чтобы завладеть намеченной добычей. Человек почти никогда не преследует долгопёров, потому что их сухое и жесткое мясо весьма мало привлекательно для прибрежных жителей столь богатого рыбой Средиземного моря. Пища долгопёра состоит из ракообразных и мягкотелых. О размножении их я нигде не нахожу никаких сведений, точно так же как и вообще очень мало известно о жизни этих хотя и обыкновенных, но все-таки удивительных рыб.

Отряд камбалообразные

Особенно многочисленны виды и особи камбалообразных рыб, населяющие моря умеренного и тропического поясов; по направлению к северу число видов быстро падает; в британских водах, по Яррелю, найдено 16 видов этих рыб, в Каттегате — пока еще 13, у норвежских берегов — 10, у Исландии — 5, у Гренландии — 3. О камбалообразных рыбах чужеземных вод мы знаем пока еще слишком мало, чтобы иметь возможность дать подробный очерк их жизни. Поэтому заметим только, что богатство и красота форм тропиков отразились также и на рыбах этого семейства, а именно распределение окраски у многих видов совершенно разное, соответствующее пестрому фону морского дна.

За исключением палтусов, все камбалообразные рыбы любят мелкие места моря, лучше всего песчаные, но не совсем вязкие, т.е. не такие, которые покрыты мягким глубоким илом. Многие виды, в особенности речная камбала и морской язык, охотно держатся в устьях рек; первые иногда даже предпринимая кочевки вверх по рекам далеко в глубь материка. В английских реках, в нижних течениях Эльбы и Везера, а также в Рейне до голландской границы, речные камбалы появляются регулярно; не раз, впрочем, ловили их в верхних течениях тех же рек, например в Эльбе — еще выше Магдебурга, в Рейне — вблизи Майнца, а также в Мозеле и в Майне. Как ни вялы кажутся камбалообразные рыбы, однако они весьма охотно совершают кочевки. Благодаря заурядности большинства видов, на это явление обращено меньше внимания, нежели оно того заслуживает. Про палтуса, одну из весьма важных для норвежцев съедобных рыб, уже издавна известно, что во время зимы он удаляется в глубь моря, а около весны подходит к бухтам. Так, на юге и западе Исландии палтус, вместе с треской, появляется в марте, в апреле становится еще обыкновеннее и в течение всего лета держится вблизи берегов; на севере этого острова он, напротив, появляется только в мае, на востоке же — не ранее июля; возле Фарерских островов палтус посещает прибрежное дно также только в мае и июне, исчезая с наступлением сурового времени года; напротив, в Балтийском море, особенно в Кильской бухте, этих рыб в большом количестве ловят только в октябре, ноябре и декабре.

1 — Большой ромб, или тюрбо (*Psetta maxima*) 2 — Морская камбала (*Pleuronectes platessa*) 3 — Европейский морской язык (*Solea vulgaris*)

Совершенно так же, как палтусы, появляются и вновь исчезают все остальные камбалообразные рыбы, над которыми были произведены более внимательные наблюдения. Так, рыбакам известно, что тюрбо начинает идти с глубин моря к песчаным мелям в южных частях Северного моря около конца марта, в более северных частях того же моря — несколько позднее, а с наступлением жаркой поры вновь возвращается на глубокие места. Точно так же известно, что гладкий ромб наиболее обильно встречается на мелях побережья Эльбы начиная с апреля, на отмелях у устья Везера — с мая по июнь, около Грейфесвальда, напротив, с мая по август. Опытные рыбаки произвели дальнейшие наблюдения и узнали, что морская камбала, благодаря своим путешествиям называемая зимней и летней камбалой или просто камбалой и майской камбалой, не только появляется в определенное время на известных местах лова и затем вновь исчезает оттуда, но и во время своего пребывания предпринимает еще особые кочевки к вышележащим песчаным мелям. Я оставляю открытым вопрос, правильно ли сообщение одного старого моряка, переданное Хинкельману, будто бы этот моряк видел в течение целого дня ход палтусов, плывших такой густой массой, что за ними сквозь прозрачную воду совершенно не видно было дна. Однако я нахожу вполне достоверными наблюдения рыбаков над регулярным появлением и исчезновением речных камбал и в то же время не имею никакого повода сомневаться в данных противоположного характера, приводимых только что упомянутым ихтиологом, что палтусы и летом перекочевывают с одного места на другое. Бывает, что в каком-нибудь месте ловится лишь немного таких рыб, тогда как накануне здесь все сети вытаскивались переполненными. Какое влияние оказывает на эти путешествия размножение, мы еще не знаем; можно также предположить, что перемена местопребывания зависит только от стремления к отысканию области, более изобилующей пищей для камбалообразных рыб.

Повадками и привычками, в особенности способом передвижения, все камбалообразные чрезвычайно похожи друг на друга, по крайней мере, до сих пор противоречий этому не наблюдалось. Рыбы эти лежат без движения на дне, более или менее зарыв в песок все тело, кроме глаз, и так остаются, пока их не приманит к себе какая-либо добыча или не прогонит хищная рыба. Зарывание в песок совершается с удивительной быстротой с помощью волнообразных движений спинных и заднепроходного плавников, благодаря которым в песке весьма скоро вырывается плоское углубление, причем одновременно с этим как спинная, так и брюшная сторона легко покрываются песком. Затем рыбе достаточно одного только движения, чтобы стряхнуть с себя песчаную покрывку и всплыть наверх, после чего она непрерывными волнообразными движениями обоих главных плавников и мощными взмахами хвостового плавника двигает свое тело, плывя далее в таком положе-

нии, что слепая сторона ее обращена вниз, а спинная — наверх. Если рыба хочет сделать какой-либо крутой поворот, то в дело вновь пускается хвостовой плавник. Все пойманные камбалообразные рыбы, которых я только наблюдал, передвигались всегда вышеописанным образом, т.е. плашмя. При очень медленном плавании все тело рыб так же волнисто переливается, как и спинной и заднепроходный плавники; при более быстрых перемещениях видно одно только движение хвостового плавника.

В высшей степени интересно наблюдать полузарывшуюся в песок камбалу. Ее большей частью разнообразные, крупные, весьма ярко окрашенные глаза, в которых можно прочесть выражение ума и хитрости, не походят на глаза других рыб и находятся в непрерывном движении. Действительно, они могут не только поворачиваться по желанию рыбы, но даже, как у лягушек, приподниматься, выпячиваться и снова втягиваться в глазничные впадины; вместе с тем они могут двигаться в самых различных направлениях и под самыми разнообразными углами по отношению к верхней поверхности тела. В этом случае весьма существенной защитой им служат настоящие веки и весьма развитая мигательная перепонка. Эти ярко окрашенные глаза, строго говоря, одни только и выдают зарывшуюся в песок рыбу. Окраска стороны, несущей глаза, подражает дну данного водного бассейна совершенно так же, как покров зайца походит на окраску поля или оперение альпийской куропатки — на окружающую обстановку альпийских стран; при этом, как последняя меняет свою окраску в зависимости от времени и места, такое же точно явление мы замечаем и у камбалообразных рыб, с той разницей, что смена окраски у них происходит не дважды в году, но при каждой перемене места. Все, что мы выдумываем про хамелеона, — все это у камбаловых рыб встречаем в действительности. Если какая-нибудь из них, например, лежит в песчаном дне, то через некоторое время как окраска ее, так и рисунок совершенно сольются с цветом окружающей почвы: выступает наружу желтоватый цвет, темный же исчезает. Если же, как это довольно часто бывает в небольших водовместилищах, эту же рыбу перенесут на другое дно, например на дно из гранитного гравия, то окраска стороны, несущей глаза, быстро принимает цвет этого гравия: прежние, казавшиеся желтыми морской язык, палтус или камбала становятся серыми. При этом свойственное каждому виду распределение цвета и рисунка не нарушается, однако значительно изменяется, что, конечно, убеждает каждого наблюдателя в том, что цвету этих рыб не должно придавать большого значения в систематическом отношении.

Этой удивительной способностью подражать окружающей обстановке дна лучше всего, конечно, и объясняется необыкновенная многочисленность камбалообразных. Они не плодовитее других рыб, даже по числу своих яиц не могут соперничать со многими родственными им рыбами, но молодь их более успешно, чем это бывает обыкновенно, избегает хищнических преследований и таким образом достигает такой величины, которая гарантирует им самозащиту. Камбалообразные рыбы сами являются хищниками; более крупные виды их решаются нападать даже на рыб величиной с треску, более же мелкие довольствуются различного рода раками, моллюсками и червями. По жажде уничтожения и хищничеству крупные и мелкие виды совершенно одинаковы. Они преследуют всякую добычу, которую только надеются осилить, и не боятся нападать на более слабых рыб их же вида: норвежские рыбаки считают достоверным, что ранения плоских частей тела и хвостовой области, столь часто наблюдаемые у этих рыб, наносятся более крупными экземплярами того же вида. Даже наиболее опасные враги для рыб этого семейства — зубатки и скаты встречаются в крупных камбалообразных рыбах соперников и метителей; особенно большие палтусы часто преследуют скатов, ведущих почти такой же образ жизни, как и они.

Размножение камбалообразных приходится на различные месяцы, но в общем оно происходит в лучшую пору года, именно весной и в начале лета. Для больших палтусов это время с мая по июль, для большого и гладкого ромбов — с марта по май, для морской и речной камбал — с января по июнь, а для морского языка — с мая по июль. В отмеченные периоды яичники беременных самок занимают большую часть полости тела, а молоки самцов переполняются семенем. Икра мечется на тот же грунт, который служит временным местопребыванием этих рыб, следовательно, преимущественно на песчаное дно; кроме того, икра откладывается между морской травой и другими растениями, а равно и в рыбачьи сети, долго остающиеся в воде. Вылупившуюся молодь замечают в начале лета, особенно во время отлива, так как она, как и взрослые, часто бывает слишком ленива, чтобы с наступающим отливом покинуть мелкие места и уйти в более глубокие; большей же частью она дожидается нового прилива, зарывшись в песок. Трудно представить себе нечто более нежное, чем эти молодые рыбешки. Кроме величины, они совершенно походят на взрослых рыб по окраске, рисунку и образу жизни, но кажутся более красивыми, более подвижными, а потому и более привлекательными. Они, более чем многие другие рыбы, годны для содержания в неволе, так как не

только не требуют непременно морской воды, но легко уживаются в воде наших пресноводных прудов и рек и чувствуют себя здесь прекрасно, лишь бы не было недостатка в пище. Таких рыб, т.е. наших камбал, палтусов и морских языков, я могу смело рекомендовать нашим любителям.

Все виды камбалообразных имеют вкусное, многие изысканное мясо, заслужившее обширное потребление еще и тем, что оно днями сохраняется, не портясь, почему может посылаться на далекие расстояния. Большинство прибрежных жителей едят только свежепойманых рыб, но на далеком севере, где летняя ловля должна гарантировать запас на зиму, этих рыб, по крайней мере наиболее крупные экземпляры, готовят для более продолжительного сохранения; для этого их нарезают на полосы и или солят, или высушивают в виде штокфиша, или, наконец, коптят. Особенно ценятся морские камбалы, лиманда и большой ромб, однако и остальные виды нигде не считаются невкусными.

Самое жирное мясо камбалообразные рыбы имеют поздним летом, самое худшее, а местами даже и несъедобное — поздней осенью.

Семейство камбаловые, или правосторонние камбалы

Первое место среди камбаловых у наших рыбаков справедливо занимает **морская камбала** (*Pleuronectes platessa*). Длина ее лишь в редких случаях превосходит 60 см, а вес лишь в исключительных доходит до 7 кг. Будучи, в зависимости от местообитания, различно окрашенной и испятнанной, в общем, она на стороне, несущей глаза, имеет бурый фон с серым мраморным рисунком и кругловатыми желтыми пятнами, которые продолжают также и на спинной, заднепроходный и хвостовой плавники; слепая сторона, напротив, одноцветная — желтая или серовато-белая.

Область распространения морской камбалы охватывает большую часть Атлантического океана и Средиземного моря, а также Северное и Балтийское моря. В Северном море она водится повсюду, хотя и не везде в одинаковом количестве; в Балтийском ее встречают вплоть до берегов восточной Померании и до стокгольмских шхер*.

** В наших водах морская камбала водится в Баренцевом море у берегов Кольского полуострова. Нерест проходит в зимние месяцы. Морская камбала ценный объект промысла.*

Еще чаще, пожалуй, в соответствующих местах тех же морей и океана встречается другой вид — **речная камбала** (*Platichthys flesus*), одна из тех камбаловых, которые часто посещают пресные воды*. Длина ее редко достигает более 30 см, а вес лишь в исключительных случаях несколько превышает 3 кг. Окраска отливает от темно-бурого к светло-бурому цвету, рисунок состоит из более темных пятен; плавники обыкновенно бывают светлее тела, но точно так же покрыты более темными пятнами. Слепая сторона по светло-желтому и желтовато-белому фону покрыта нежными черными точками и крапинками. У большинства речных камбал глаза расположены на правой стороне, однако Витмак среди 64, вытасненных за один раз, нашел не менее 7 камбал этого вида, у которых глаза были на левой стороне.

** Речные камбалы держатся вблизи берегов на небольших глубинах, не боятся опреснения и обычны вблизи устьев впадающих в море рек. Могут входить в реки и подниматься по ним на значительные расстояния; например, в Северной Двине их встречают выше Архангельска. Нерест проходит в море.*

Третий вид — **лиманда** (*Limanda limanda*) отличается своей шероховатой, зубчатокрайней и неправильной чешуей; верхняя сторона этой рыбы однообразного бледно-бурого цвета, нижняя же белая. Длина тела достигает 25-30 см, вес 2-3 кг. Лиманда населяет воды датского, шведского, норвежского, британского и исландского побережий, водится между шлезвигскими отмелями, но в Балтийское море проникает нечасто и здесь не заходит так далеко на запад и север, как речная камбала.

Атлантический белокорый, или обыкновенный, палтус (*Hippoglossus hippoglossus*), носящий у англичан название «халибут», является гигантом, так как длина его колеблется между 1,5 и 2 м, а вес — между 100 и 200 кг**. Понтопидан упоминает об одной рыбе этого вида, которая занимала собой всю лодку, другие же наблюдатели не опровергают этого. Окраска верхней стороны бывает от светло-бурой до темно-бурой; слепая сторона чисто-белого цвета.

*** Длина рекордных экземпляров обыкновенного палтуса приближается к 5 м, а вес превышает 300 кг. Продолжительность жизни до 30 лет. Полово-зрелыми становятся поздно: самцы — в возрасте 7-17 лет, самки 8-15 лет. Икра крупная, диаметром 3-4 мм; плодовитость может превышать 3,5 миллиона икринок. Нерест проходит на больших глубинах (300-1000 м) при низких температурах.*

Истинной родиной обыкновенного палтуса справедливо считают Ледовитый океан, но рыба эта встречается повсеместно и вдоль северных берегов Европы, местами периодически, а в некото-

рых частях и обыкновенно. По Гютнеру, палтус этот водится также у берегов Камчатки и Калифорнии и предпочтительно посещает мели, находящиеся в некотором отдалении от материка и лежащие на глубине 50-120 саженей. У германских берегов он встречается редко, но в Северном море принадлежит к числу видов, известных местным рыбакам, а в Балтийском море ловится иногда, и только в Кильской бухте.

Семейство калкановые

Большой ромб, или тюрбо (*Psetta maxima*)г — самая ценная рыба всего рода. Сторона, несущая глаза, бугорчатая; окраска состоит из различных оттенков бурого цвета, более светлых на плавниках; рисунок состоит из расплывчатых мраморных и более отчетливых, крупных и мелких, светлых пятен. Слепая сторона однообразного белого цвета. Длина может достигать более 1 м, вес до 35 кг. Ронделет, однако, уверяет, что имел в руках одного ромба, имевшего в длину 3 м, в ширину 2 м и в толщину почти 1 м*.

* *Скелсис Брема по поводу сообщений Ронделета о столь крупных экземплярах вполне обоснован: тюрбо редко достигает в длину 1 м. Большой ромб, так же как и гладкий, получил свое название из-за пропорций тела.*

Кроме Северного и Балтийского морей большой ромб ловится и в Средиземном море. Чаще всего его ловят в Северном море и в Ла-Манше, а также у северо-западных берегов Франции.

Гладкий ромб, или бриль (*Scophthalmus rhombus*), отличается, что видно из его имени, гладкой кожей; по красновато-песчано-бурому фону он обыкновенно покрыт темно-бурым мраморным рисунком и украшен жемчужными, светлыми пятнами. Однако в молодости он бывает красновато-бурого и темно-бурого цвета с черными пятнами. По величине гладкий ромб значительно уступает своим сородичам: длина его редко превышает 40 см, а вес лишь в исключительных случаях равен 4 кг.

Область распространения гладкого ромба охватывает Средиземное море и Атлантический океан; у германских берегов он обыкновенен всюду, в Балтийском же море, напротив, встречается редко.

Семейство солеевые, или косоротые, или правосторонние морские языки

Европейский морской язык (*Solea vulgaris*) соль англичан и французов, суэла испанцев, сола португальцев, сопля италийцев — рыба, достигающая в длину самое большее 60 см, а веса до 4 кг; на наружной стороне и на конце грудных плавников имеет черную окраску, на слепой же стороне буроватого цвета.

Начиная от Средиземного моря и до Ледовитого океана, морской язык встречается у всех берегов Западной Европы. В Северном море эта рыба очень обыкновенна, причем отсюда она проникает также и во впадающие сюда реки; в Балтийское море, напротив, она не заходит далее Кильского побережья.

Семейство кузовковые

Кузовки (*Ostracion*) отличаются от всех прочих рыб четырехрогим безобразным туловищем, покрытым, вместо чешуи, панцирем, который состоит из правильных, большей частью шестиугольных костяных пластинок, так что подвижными остаются только хвост, плавники и губы. Хвост и плавники помещаются в отверстиях, образующихся в панцире, и кажутся как бы вставленными туда. Все кузовки обладают крепкими иглами, которые в основном лежат попарно и тем еще более способствуют оригинальному виду этих странных созданий. Маленький рот помещается на конце рыла; жаберное отверстие имеет вид щели, окаймленной кожистой лопастью; в жаберной перепонке насчитывают шесть лучей. Язык короткий и неподвижный; желудок перепончатый и большой. Над хорошо развитыми глазами, лежащими высоко над головой, зачастую находятся две иглы, служащие, очевидно, для их защиты.

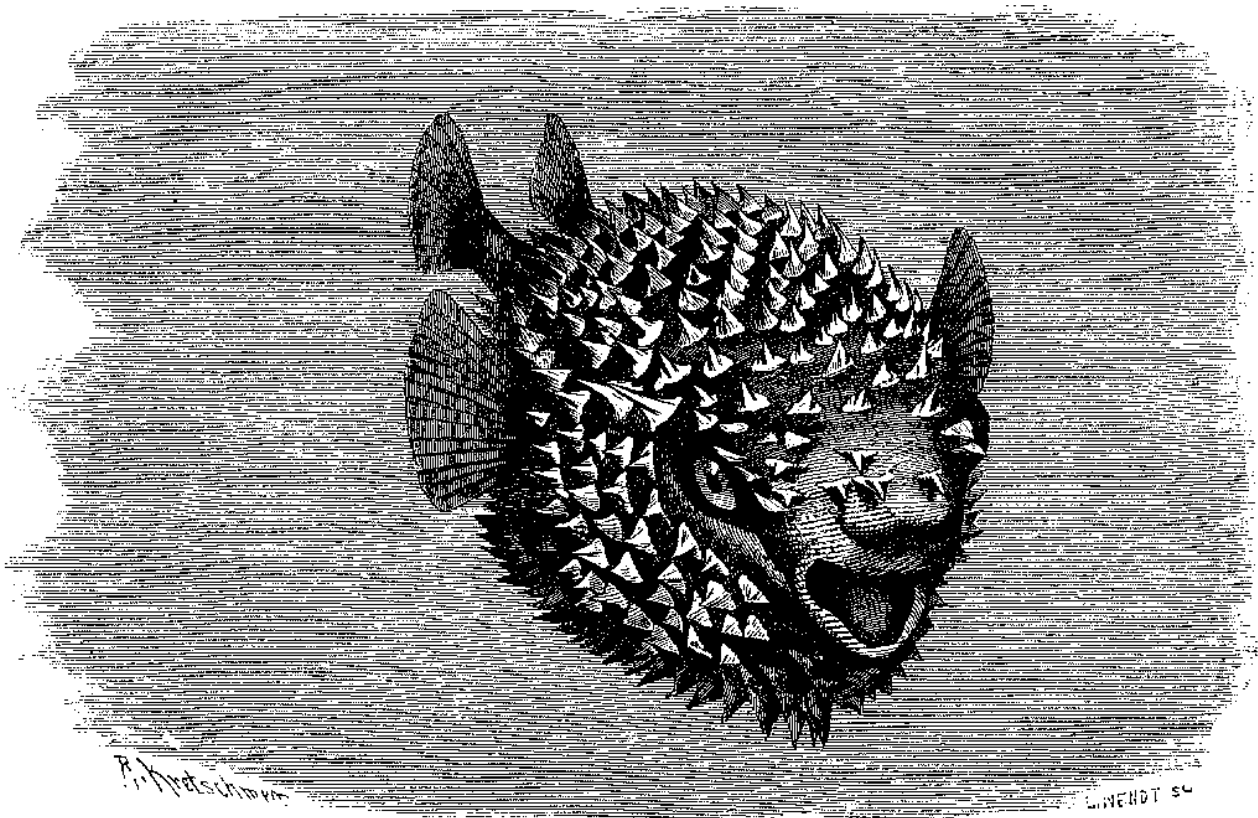
Кузовок четырехрогий (*Acanthostracion quadricornis*) имеет две иглы перед глазами и две позади на брюхе, заменяющие грудные плавники; длина его достигает 30-35 см. Туловище у него трехгранное; плавники маленькие, закругленные, хвост длинный и сильный, служащий главным органом движения, так как остальные плавники мало способствуют этому*. В верхней челюсти насчитывают 14, а в нижней 12 зубов. Основная окраска красивого бурого цвета с красноватым оттенком; на этом фоне выделяются темные продолговатые пятна неправильной формы; хвост более желтовато-бурого цвета, и пятна на нем кругловатые; плавники желтоватые.

* *У кузовков, так же как и у близких им ежей-рыб и фахаков, грудные плавники имеются, а вот брюшные — отсутствуют.*

Об образе жизни этой рыбы мы ничего не знаем. Все кузовки принадлежат морям жаркого пояса, живут на каменистых или скалистых мелководных местах, плавают так плохо, что их можно поймать рукой, редко поднимаются в верхние водные слои и вне воды скоро умирают. Их пища состоит из ракообразных; об одном виде, живущем в Красном море, рыбаки рассказывают, что он охотно ест хлопчатую бумагу, которой шпаклюют пазы кораблей. Некоторые виды ловят ради их жирной печени; мясо иных ценится, тогда как у других считается ядовитым. В прежние времена собирали крепкие, несокрушимые панцири кузовков и как редкость привозили их в Европу.

Семейство двузубые, или рыбы-ежи

Обыкновенная рыба-ёж (*Diodon hystrix*) достигает длины около 35 см и по ржаво-бурому фону покрыта бурыми пятнами. Круглые иглы имеют три корешка, из которых один составляет продолжение самой иглы; иглы расположены друг на друге в виде чешуи, и длина их может достигать 5 см.

Обыкновенная рыба-ёж (*Diodon hystrix*)

Как и у других видов этого рода, клювоподобная челюсть не имеет средней разделительной бороздки**.

* * Эти рыбы, так же как и фахаки, способны раздуваться и принимать форму шара, при этом спинной и анальный плавники втягиваются, а многочисленные иглы, покрывающие тело, встают торчком.

Семейство четырехзубые, или иглобрюхие

Иглобрюхами (*Tetraodon*) называют виды другого рода, у которых челюсти разделены посередине продольной бороздкой, или швом. Вследствие этого в каждой челюсти образуются как бы по два зуба, в обеих, следовательно, четыре. Кожа усажена небольшими иглами. У некоторых видов нос переходит в высокую выгнутую бородавку.

Один из известнейших видов — **фахак** (*Tetraodon fahaka*) арабов, иглобрюх, длиной почти 25 см, с толстой широколобой головой, с высоко наверху расположенными глазами, перед которыми находятся бугорок и два усика; брюхо его покрыто тонкими, острыми иглами, остальное же тело почти голое и слизистое и, как у других родичей, имеет красивую яркую окраску. Спина черновато-синяя, по бокам проходят ярко-желтые полосы, брюхо желтоватое, горло белоснежное, хвостовой плавник ярко-желтый.

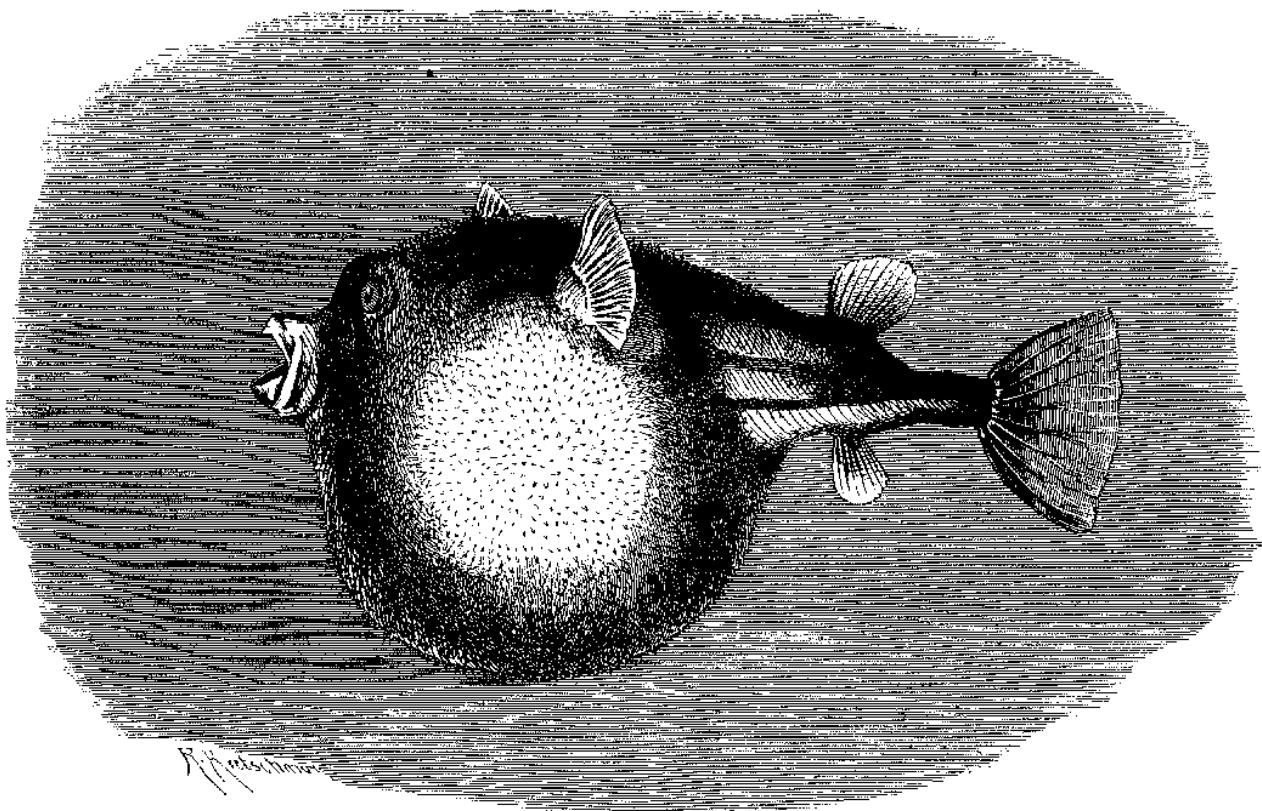
Фахак по временам поднимается из Средиземного моря в Нил, где его часто замечают, но ловят редко. Гассельквист первый дает о нем сведения. Жоффруа Сент-Илер позднее наблюдал его во время разлива Нила и высказал мнение, что фахак спускается из верхней части реки и во время разлива заходит в искусственные разветвления*.

* Фахак пресноводная рыба, встречается в Ниле, в бассейне озера Чад и реки Нигер. Как кузовки и рыбы-ежи. фахаки очень маневренные рыбы, это достигается за счет грудных плавников, которые колеблются с очень большой частотой. С их помощью рыбы могут плыть не только вперед, но и назад.

При высыхании его находят здесь зачастую целыми массами, лежащими на иле или на песке. «И старый, и малый, — говорит Жоффруа Сент-Илер, — радуются их появлению; дети забавляются с ними, как у нас с майскими жуками, гоняются по воде за этими вздутыми и опрокинутыми навзничь шарами, надувают их и, когда они высохнут, играют ими, как мячиками». В настоящее время дело обстоит иначе, так как фахак принадлежит к таким рыбам, которые охотно покупаются путешественниками по Нилу и как редкость берутся на память о стране фараонов.

По своему образу жизни и поведению иглобрюхи во всех отношениях походят на двузубов. В глубокой воде они плавают хотя и не особенно проворно, но все же не хуже других рыб; но, заметив опасность, они быстро устремляются к поверхности, глотают воздух и надуваются до такой степени, что прежде морщинистое тело их становится совершенно гладким; после этого они переворачиваются на спину и превращаются в настоящий шар, со всех сторон усаженный иглами*.

* У фахаков для заглатываемого воздуха или воды имеется большой мешок, который отходит от желудка. Вытащенные на воздух, они быстро раздуваются, тогда как в воде при опасности они принимают шарообразную форму за счет заглатывания воды. Рыбы-ежи, кузовки и фахаки — ядовитые рыбы.

Фахак (Tetraodon fahaka)

В этом состоянии они не могут плавать и, без сомнения, сделались бы жертвой всех хищных рыб, если бы последние могли проглотить этот шар; но так как это им не удается, то они ограничиваются тем, что только гоняются по воде за нашим иглобрюхом, не будучи в состоянии схватить его, и наконец оставляют его, исколовшись об иглы. Если человек схватывает надувшегося иглобрюха, то замечает, что тот в испуге старается как можно больше набрать в себя воздуха: доказательство, что в этом он видит средство к спасению. Убедившись, что опасность счастливо миновала, иглобрюх выпускает часть набранного воздуха, чем производит шипящие звуки; после этого он принимает вид других рыб и становится способным снова употреблять в дело свои плавники. Кроме этого своеобразного способа защиты иглобрюх энергично пользуется также своей зубной системой: он злобно кусает все, что попадется ему под зубы. Иглобрюх отличается живучестью и может долгое время обходиться без воды. Его мясо едят только самые бедные жители Нильского побережья; икра же его считается ядовитой.

Семейство луны-рыбы

Почти на всех языках носит одно и то же название весьма странная луна-рыба, или «плавающая голова», причем выраженные этими названиями сравнения говорят сами за себя. **Луна-рыба** (*Mold mola*) имеет необыкновенно короткое, сжатое туловище и замечательно высокие и острые спинной и заднепроходные плавники, соединяющиеся с коротким широким хвостовым плавником и вовсе не соответствующие небольшим круглым грудным плавникам. Зубная система такая же, как у рыбы-ежа, так как у луны-рыбы тоже нет бороздки в эмали, покрывающей зубную челюсть. Относительно внутреннего строения надо заметить, что известные виды этого рода имеют маленький желудок, непосредственно прилегающий к пищеводу, но у них нет переднего желудка, приспособленного к вздутию, а также и плавательного пузыря. Форма луны-рыбы короткая, овальная, а в молодости почти круглая; кожа толстая и шероховатая, окраска обыкновенно грязно-серо-бурая, которая к брюху становится светлее. По величине эта рыба превосходит всех своих родичей, так как попадались экземпляры в 2-2,5 м длиной и более 300 кг весом**.

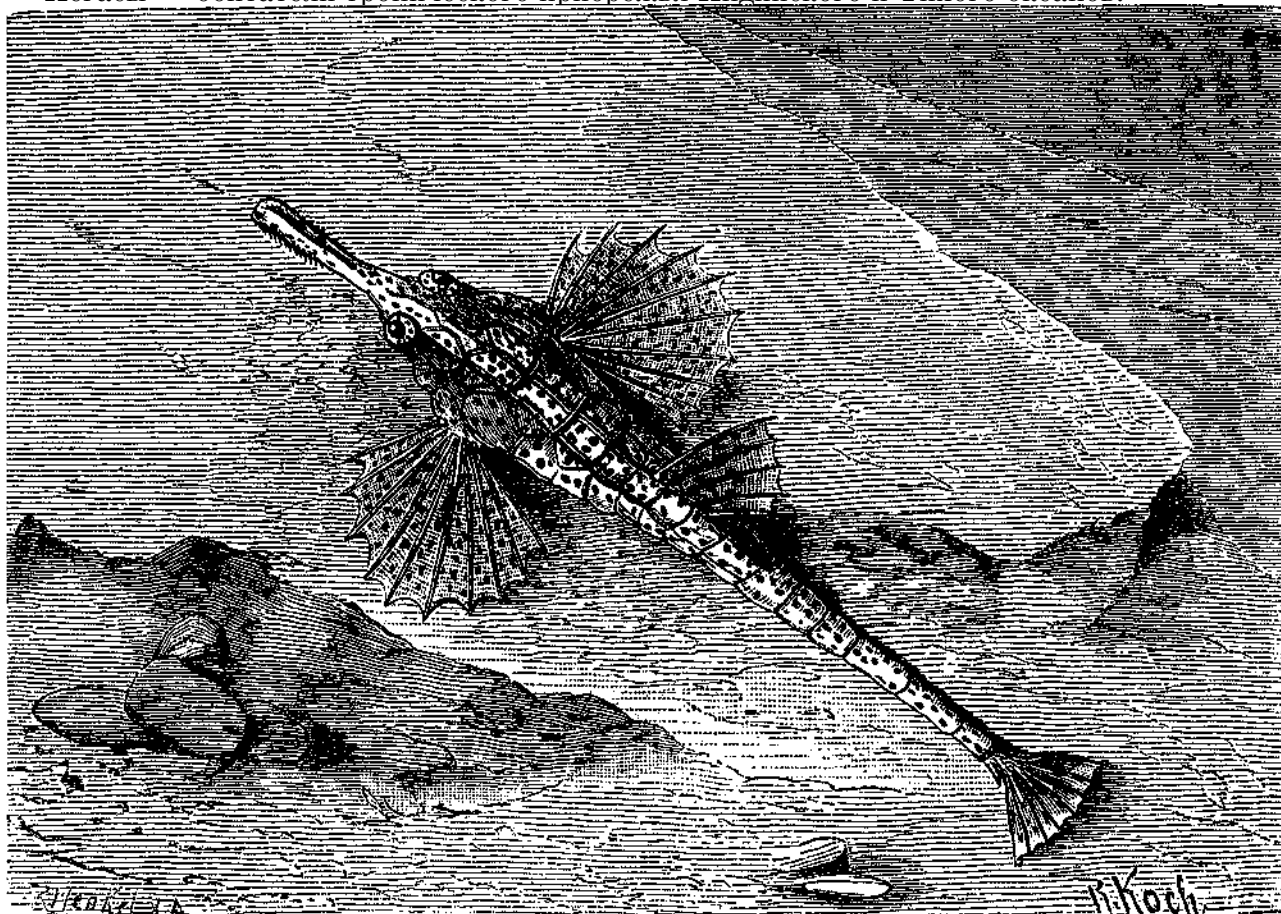
* * *Луна-рыба достигает значительно больших размеров — до 3 м и даже свыше 5 м в длину, вес таких гигантов составляет несколько тонн. Держится луна-рыба в верхнем слое воды, питается мельчайшими ракообразными. Одна самка способна выметать до 300 миллионов икринок, ни одна рыба не может сравниться по плодовитости с луной-рыбой.*

В Средиземном море чаще всего наблюдали луна-рыбу, живущую, впрочем, также в морях жаркого и умеренного пояса. « В хорошую погоду, — говорит Яррель, — матросы нередко замечают этих рыб как бы спящими на поверхности моря, лежащими всегда на одной стороне, так что несведущий человек думает, что они мертвые».

"Вареное мясо луны-рыбы, — сообщает Геснер, — представляет собой не что иное, как клей, который вываривается из кожи или мяса соленой каракатицы; оно имеет отвратительный запах, вследствие чего его никто не ест. Печень, сваренная в вине, представляет собой отличное кушанье».

Семейство пегасовые

Пегасы — обитатели тропического побережья Индийского и Тихого океанов.

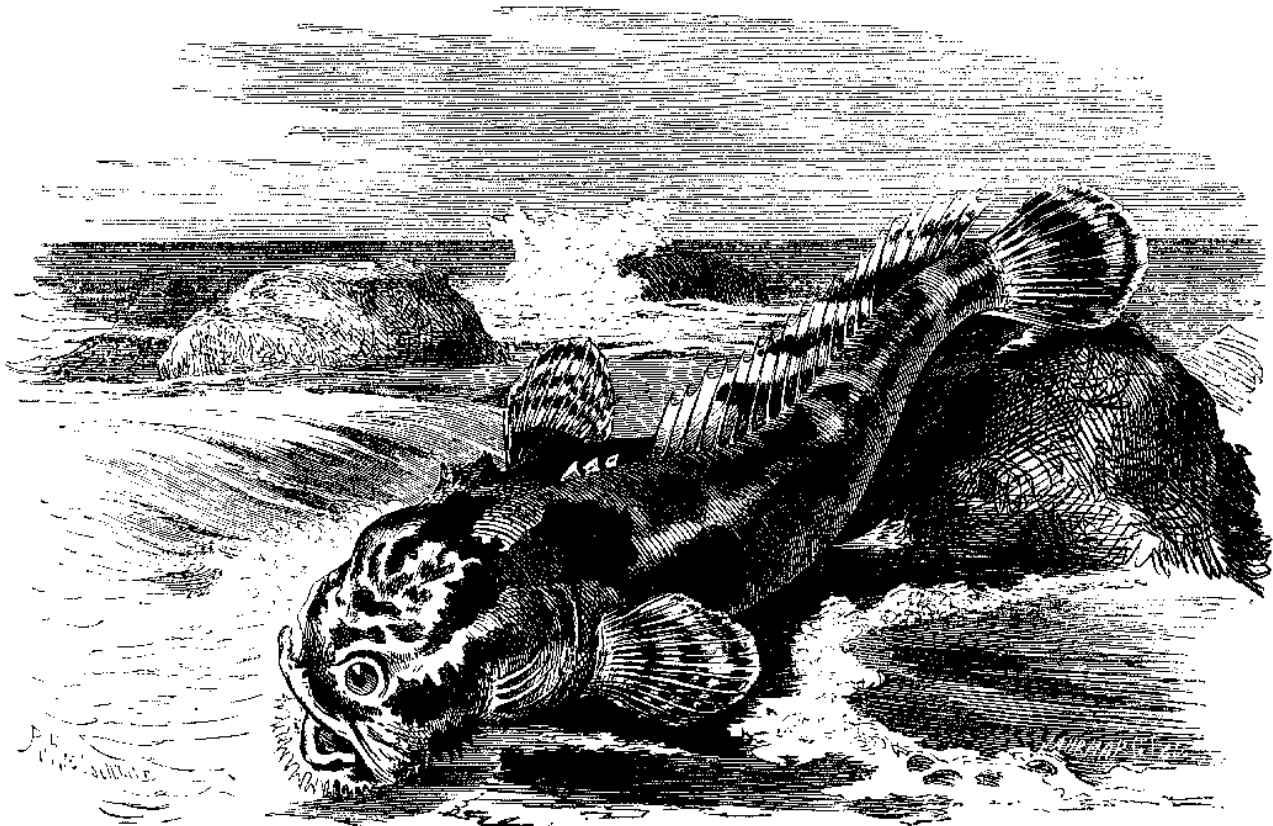
Длиннохвостый пегас

Длиннохвостый пегас (*Pegasus patans*) Название этим рыбам дал еще Карл Линней, которому они своими большими расправленными грудными плавниками напомнили Пегаса — мифического летающего коня. В странах Юго-Восточной Азии засушенных рыбок продают местные торговцы, их используют в качестве амулетов или сувениров.

На песчаном грунте мелкого морского побережья проживают, вероятно, все четыре вида пегасов; это очень странно сложенные маленькие рыбки, тело которых покрыто со всех сторон костяными пластинками. На туловище эти пластинки срослись между собой, а на хвосте — подвижны. Особенно бросаются в глаза длинные, широкие, горизонтально стоящие грудные плавники и далеко выдающаяся вперед верхняя часть рыльца. **Длиннохвостого пегаса** (*Pegasus natans*) мы изобразили на нашем рисунке. Все виды очень мелкие.

Семейство батраховые, или жабовидные рыбы

Жабун урчащий (*Batrachus grunniens*) имеет длину 30 см; голова и спина бурого цвета, а бока разрисованы под мрамор белым и бурым цветом; грудные плавники по красноватому фону покрыты бурыми пятнами, а остальные плавники покрыты такими же пятнами по серому фону. Жабун урчащий обычен в водах Индии вплоть до Малайских островов и, по Дюю, необыкновенно часто встречается на Малабарском берегу. Он получил свое название потому, что, когда его трогают, издает своеобразный квакающий звук, производимый трением жаберных крышек*.

Жабун урчащий (*Batrachus grunniens*)

* Звуки издаются благодаря сокращениям специальных барабанных мышц, окружающих плавательный пузырь. Обычно у этих рыб звучат самцы в период нереста, когда выбрав место для метания икры, дают самкам знать о себе.

Кроме этого мы ничего не знаем относительно его образа жизни и временно должны признать, что он мало отличается по образу жизни от других родичей по семейству. Мясо его жирное и считается вкусным. Печень, говорят, ядовита.

Семейство присосковые

Пятнистая присоска (*Diplecogaster bimaculata*) бывает красивого карминно-красного цвета, который переходит в мясо-красный на нижней стороне. Между глазами имеются светлые, по всему телу — темные, неравномерно разбросанные пятна. Длина может достигать 8 см.

Пятнистая присоска (*Diplecogaster bimaculata*)

Присоски проявляют ту же вялость, что и круглопёры, но предпочитают мелкие места глубоким или, быть может, только любят держаться там, где отлив на далекое пространство обнажает песок, хотя в это время они и бывают вынуждены целыми часами лежать вне воды. Описанный вид водится в изобилии у английских берегов и частью в Северном море, держится также у скалистого дна, плотно присасывается к камням или старым раковинам моллюсков и выходит из этого положения только для того, чтобы схватить добычу или обезопасить себя от врага. Пища их состоит из мелких ракообразных и тому подобных морских животных, а также из маленьких рыбешек. Время размножения приходится на март; яйца откладываются в местах обыкновенного пребывания этих рыб, а иногда и внутри раковин*.

* Плодовитость пятнистой присоски невысокая — всего 200-300 икринок. Самцы охраняют отложенную икру вплоть до вылупления молоди. Обычно этот период продолжается до четырех недель. Вышедшая из икринок молодь держится в толще воды и разносится течениями; к донному образу жизни она переходит спустя 3-4 месяца, достигнув длины 2-3 см.

Незначительная величина и трудность добывания присосок не вознаграждают затраченных на лов усилий. Однако рыбаки любят ловить их, так как эти рыбы их забавляют: всякий раз тотчас же снова пристают ко всякому предмету, даже к руке рыбака; присасывание их ко дну настолько значительно, что затрудняет содержание их в аквариумах. По наблюдениям Монтэгу, некоторые из этих рыб с момента своего помещения в аквариум и до самой смерти оставались приставшими на одном и том же месте, не шевелясь, и даже после смерти оставались все в том же положении. Если пробовали подсовывать им палец, то они тотчас же присасывались к нему и позволяли себя вынимать из воды, несколько не изменяя своей позы.

Семейство удильщиковые

К самым некрасивым и безобразным рыбам принадлежат морские черти*.

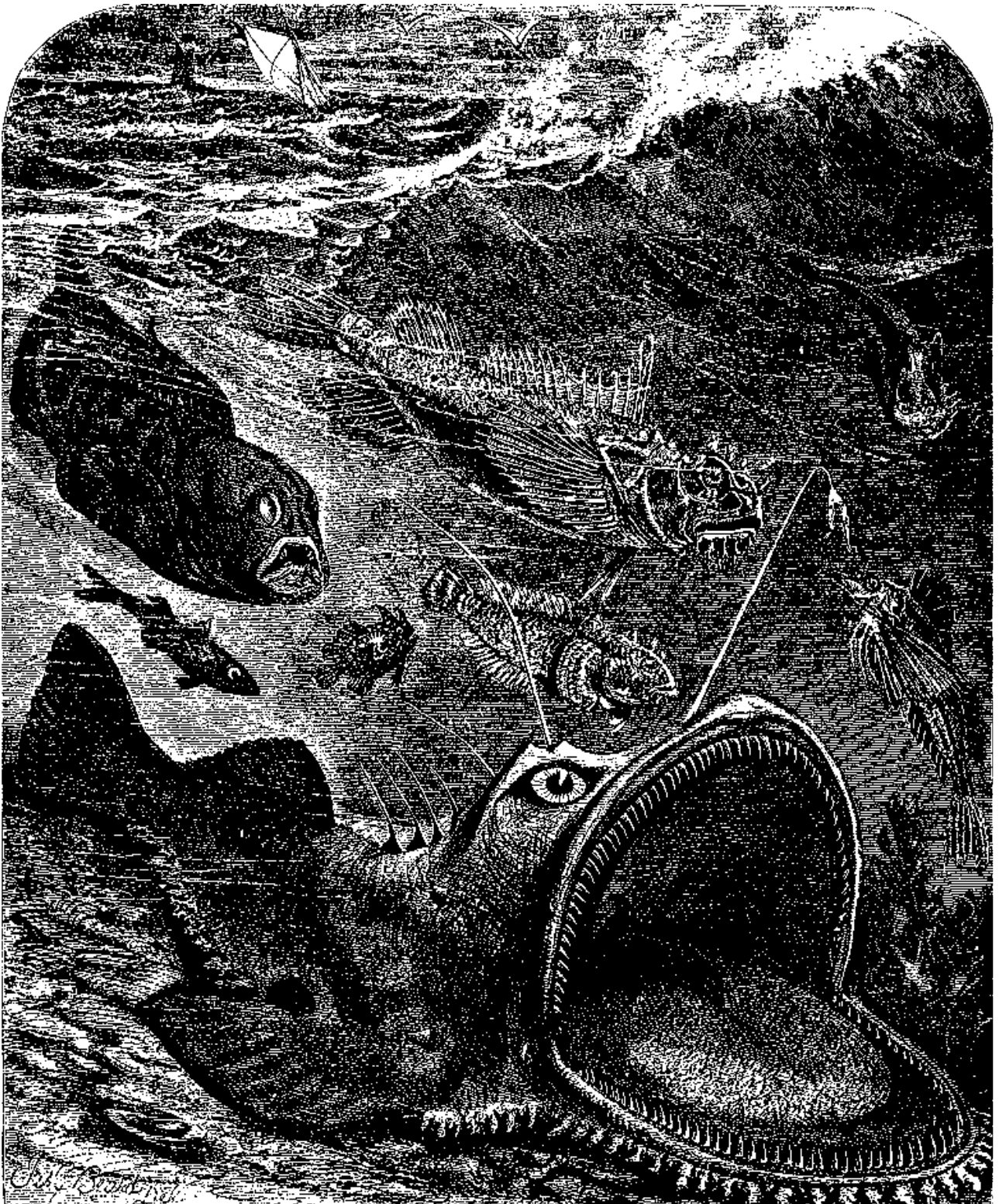
* Голова у морского черта необычайно велика и составляет до 2/3 длины тела этой относительно крупной рыбы. Рот вооружен многочисленными острыми зубами. Поразительная способность этих рыб сливаться с грунтом, на котором они проводят большую часть времени, подкарауливая добычу. Чтобы быть еще менее заметным, морской чёрт может даже задерживать на несколько минут дыхание и становиться таким образом совершенно неподвижным. Над громадным ртом свисает приманка — мягкий и подвижный кончик первого луча спинного плавника, игрой которого морской чёрт и привлекает к себе жертв.

"Морские жабы, — рассказывает Геснер, — говорят, отвратительные и гадкие животные; в некоторых местах они имеют в длину три фута и столь широкую пасть, что могут проглотить обыкновенную охотничью собаку. Мясо их вязкое; они по форме плоские, окрашены в бурый или черный, как сажа, цвет, с очень крупной и широкой головой, так что даже вблизи ничто не указывает

на рыбу. Нижняя челюсть выдвигается далеко за верхнюю, и потому их пасть постоянно открыта. На голове и вокруг глаз у нее много колючек и шипов; обе ее челюсти и язык полны зубов. Впереди на голове она имеет два хохолка и несколько меньших — сзади на спине, которые, говорят, очень худо пахнут. Если ту рыбу выловить и, сильно растянув, внутри ее поставить свечу, тогда получится отвратительный фонарь; но и без того эта рыба считалась отвратительной, и недаром некоторые народы называют ее морским чёртом. Эти рыбы, говорят, обитают у берегов, поросших травой, и очень прожорливы, преследуют человека, примечают плавающих, схватывают ослабевших, тащат на дно и наконец пожирают. Морская жаба так сильно наполняется другими рыбами, что прибрежные жители, поймавши крупный экземпляр, разрезают ее, чтобы взять из брюха свежих рыб. Существует много рыб, которые с особенным лукавством и обманом, так им определено природой, добывают себе пищу и кормятся. В этом, говорят, морская жаба превосходит других; ибо, как слышно, она имеет впереди у своей пасти рожки, которыми шевелит в иле или грязи, как будто это черви, на которых охотятся мелкие рыбы; рыбки приплывают на эту приманку и пожираются ею. Мясо этих животных, говорят, непригодно для пищи, ибо оно на вкус скверное и имеет отвратительный запах. Все же, говорят, наилучшая часть — брюхо». Это описание, в общем, правильно, ибо удильщикообразные, действительно, живут совершенно так, как это описывает Геснер, еще и теперь вызывают в каждом отвращение и, поистине, так прожорливы, что и в настоящее время английские рыбаки вырезают у описанного Геснером вида брюхо, чтобы взять находящихся в нем рыб.

В северных морях живут немногие виды, ибо эти рыбы принадлежат преимущественно тропикам и здесь, собственно, проявляется их разнообразие.

Геснер назвал **морским чёртом** «необыкновенно отвратительную, безобразную рыбу», которую он и описал; название это осталось за ней и поныне. Голова морского чёрта, подобно голове его сородича, **удильщика** (*Lophiis*), несоразмерно велика, широка, сплюснута и колюча; пасть широко разрезана и вооружена множеством загнутых внутрь подвижных зубов, распределенных по челюстям, нёбу и сошнику. Первый плавник состоит только из трех соединенных лучей; однако к ним можно еще причислить несколько отдельно торчащих подвижных нитей, которые могут произвольно двигаться.

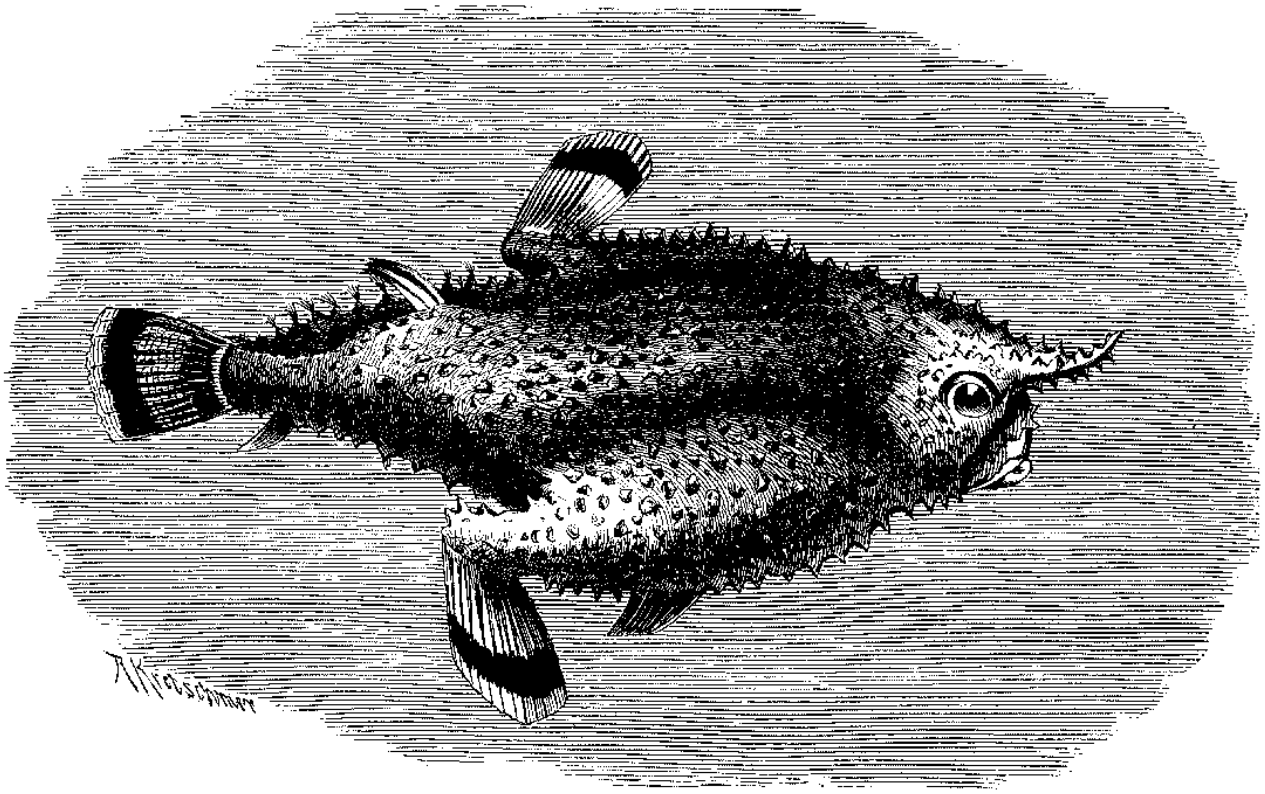

Европейский удильщик, или европейский морской черт (*Lophius piscatorius*)

Цвет верхней части тела европейского удильщика, или европейского морского чёрта (*Lophius piscatorius*) равномерно бурый, более темный на плавниках; нижняя часть, не исключая брюшных и грудных плавников, беловатая; хвостовой плавник темно-бурый, почти черный. Длина этой рыбы достигает почти 2 м, однако такие большие экземпляры ловятся редко.

Семейство нетопыревые

У длиннорылого морского нетопыря (*Ogcocephalus vespertilio*) морда сравнительно мала, но плечевая часть грудных плавников длиннее, чем у удильщика; над каждой ноздрей видна роговая пуговка. Цвет верхней части тела красивый светло-серо-бурый, нижней — ярко-красный.

Длиннорылый морской нетопырь (*Ogcocephalus vespertilio*)

В отличие от морских чертей нетопыри значительно мельче: их длина не превышает 30-35 см. У них также очень крупная, но уплощенная голова, рот вооружен мелкими зубами. Это мало-подвижные рыбы, медленно перемещающиеся по дну с помощью своих рукообразных грудных и брюшных плавников. Для привлечения жертв используют «удочку» — подвижный луч спинного плавника.

Общий взгляд на жизнь земноводных

Глубокая пропасть отделяет всех вышеописанных позвоночных животных от предстоящих к описанию. Первые на всех ступенях своего развития дышат легкими, громадное большинство последних до известного возраста дышит жабрами. У животных класса, которым мы займемся, почти всегда имеет место превращение, как это обыкновенно встречается у беспозвоночных, т.е. земноводные, выйдя из яйца, не имеют строения и организации тела родителей, но становятся похожими на них лишь впоследствии с переходом из личиночного состояния во взрослое.

Земноводные приближаются к рыбам еще в большей степени, чем пресмыкающиеся, с которыми их раньше соединяли в один класс, родственник птицам. В молодости они ведут образ жизни рыб и только впоследствии этот образ жизни можно уже назвать «земноводным», хотя животные эти, по крайней мере большинство из них, не могут быть совершенно лишены воды или отдаляться от нее.

Форма их тела бывает весьма изменчива, и Фогт об этом говорит следующее: «Если, с одной стороны, можно встретить полное отсутствие конечностей или только их необыкновенно слабое развитие, причем самое тело имеет червеобразную форму, то, с другой стороны, мы видим среди них животных с сильно развитыми органами движения и широким сплюснутым дискоидальным телом. У живущих под землей и лишенных конечностей червяг тело, состоящее только из туловища и почти лишенное хвоста, напоминает собой тело дождевого червя, тогда как у живущих в воде уколов* оно имеет удлиненную угревидную форму и снабжено сжатым с боков хвостом, на котором часто виден окаймляющий его кожистый плавник, который обуславливает плавательные движения.

* Уколами раньше называли тритонов.

Затем мы видим постепенное появление ног на всех ступенях их развития, вначале совершенно неспособных служить опорой телу и снабженных небольшим числом маленьких недоразвитых пальцев. Иногда замечаются только передние ноги, висящие по бокам шеи в виде незначительных придатков. Чем сильнее развиваются ноги, тем короче и в то же время плотнее становится тело. У животных, подобных лягушкам в их взрослом состоянии, хвост совершенно исчезает, от него не остается никакого следа и заднепроходное отверстие находится непосредственно на заднем конце дискообразного тела. У таких животных задние ноги развиты гораздо сильнее, чем передние, кото-

рые малы, коротки, большей частью вывернуты внутрь и снабжены только четырьмя пальцами; на задних же ногах обыкновенно бывает по пять пальцев. Наземные земноводные двигаются, как правило, прыжками, причем, благодаря сильным толчкам, даваемым телу задними ногами, животное часто прыгает на значительное расстояние».

Прежде, когда земноводных соединяли в один класс с пресмыкающимися, им совершенно справедливо было дано название «голых гадов». Действительно, лишь у очень немногих земноводных тело бывает покрыто следами и некоторым подобием роговых образований, каковые столь обычно покрывают тело пресмыкающихся, а равно птиц и млекопитающих, или же составляют вооружение ног в виде ногтей или когтей. Чешуйчатые или щитовидные образования бывают лишь как исключение. В соединительнотканном слое, который никогда не бывает сильно развит, у некоторых земноводных между двумя слоями находятся многогранные полоски и капсулы, наполненные студенистым содержимым; у других имеются глубокие мешковидные полости, в которых развивается молодь; у третьих могут быть толстые, кольцеобразные, утолщенные, в виде подушечек образования, в которых внутри небольших карманчиков залегают твердые образования, похожие на рыбы чешуйки. Иногда в коже появляются окостенения, которые могут срастаться с черепными костями и щитовидно расширенными позвонками и их отростками, что встречается только у немногих жаб, квакш и лягушек. У большинства лягушек и у всех саламандр кожа скользкая, мягкая, большей частью мешковидно прилегающая к телу, состоит из эластических волокон и настолько тонка, что у тех животных, у которых она плотно прилегает к телу, сквозь нее просвечивают мускулы. Соединительнотканый слой покрыт снаружи бесцветной верхней кожицей, состоящей из плоских клеток; в нем часто залегают различные красящие вещества желтого, красного, бурого или черного цветов. Другие цвета, особенно зеленые и голубые, обуславливаются не красящим веществом, но происходят от способности пигментных клеток, большей частью ветвистых, сжиматься, расширяться, подниматься ближе к поверхности кожи или уходить глубже под влиянием теплоты или влажности; тот же цветовой эффект может иметь место в силу явлений, носящих у физиков название интерференции света. Возбуждения, в особенности половое, но не такие, как например страх, оказывают большое влияние на изменение цвета кожи земноводных. Весьма интересно также явление сходственной окраски многих земноводных с окружающей средой: превосходным примером тому может служить квакша. У всех земноводных в коже находятся особенные железы, выделяющие острую, млечную жидкость, запахом более или менее напоминающую чеснок*. Обыкновенно эти железы распространены по всему телу, но часто, как например у жаб и саламандр, они образуют особенные скопления по обеим сторонам толстой шеи, которая носит название ушных желез. Кроме того, у некоторых видов наблюдаются мешковидные полости, в которых происходит развитие яиц.

** Чесночный запах характерен не для всех земноводных, а лишь для чесночниц и некоторых других бесхвостых земноводных.*

Голая кожа и находящиеся в ней железы имеют очень большое значение в жизни земноводных. Они погибают, если деятельность кожи чем-либо нарушена. Ни одно из этих животных не пьет воду обыкновенным способом, но всю необходимую для его организма жидкость впитывает в себя исключительно через кожу. Она впитывает ее в себя и выделяет в виде выпотов. Таунсон первый открыл и установил этот факт на основании разнообразных опытов. Лягушка, которую держат в сухом помещении, худеет и слабеет; силы и бодрость ее восстанавливаются только тогда, когда ей будет предоставлена возможность выкупаться. Во всяком случае, и при ярком солнечном свете лягушек можно видеть сидящими на берегу с таким же наслаждением, которое испытывают в таких случаях пресмыкающиеся; однако лягушки сидят, окруженные влажным воздухом, всегда вблизи воды, в которую могут прыгнуть, как только явится в том необходимость. Все те земноводные, которые проводят большую часть своей жизни на суше, только тогда решаются выйти из своих укромных уголков, защищенных от солнечных лучей, когда наступающая ночь принесет с собой влажность, или же, по крайней мере, охранит их от высушивающего зноя. Таунсон наблюдал, как лягушки, будучи лишены воды, гибли через несколько дней и, наоборот, жили долгое время, когда могли заползти в опилки, причем прекрасно чувствовали себя, когда опилки опрыскивались водой. Если возле них клали мокрую тряпку, то они прижимались к ней по возможности всеми частями своего тела. Насколько велико количество воды, поглощаемое их кожей, легко узнать на опыте. Берут обсохшую лягушку и завертывают ее в мокрую тряпку, оставляя при этом ее рот свободным; тогда вскоре замечается прибавь в ее весе. Обсохшая древесная лягушка, которую исследовал Таунсон, весила 95 гран; когда же он дал ей возможность впитать в себя воду, она уже через час весила на 67 гран более. В закрытой жестяной коробке при влажной температуре, не теплее 10-12 градусов, лягушки могут прожить от 20 до 40 дней, исключительно благодаря деятельности кожи.

Наоборот, если оставить им возможность дышать одними только легкими, то в сухую погоду они умирают через несколько дней**; если же с них снять кожу, то — через несколько часов.

* * *Дыхательная поверхность легких у земноводных сравнительно невелика (у млекопитающих, например, в 20 раз больше), поэтому она обычно не обеспечивает все потребности организма в кислороде. Для многих земноводных характерны дополнительные органы газообмена: густая капиллярная сеть ротовой полости, паховой области, спинных гребней, волосовидных выростов влажной кожи и т. д. Ряд земноводных использует легочное дыхание преимущественно в жаркую погоду, а кожное — в сырую и холодную.*

Выделительная способность кожи почти так же сильно развита, как и всасывающая. Вес земноводного, подвергаемого действию теплоты, падает необыкновенно быстро и почти в такой же степени, в какой возрастает теплота*. В безвоздушном пространстве испарение весьма значительно, почему земноводные умирают в нем скорее, нежели в воде, также лишенной воздуха. Если задерживать выделение кожи, например, густо покрыть тело животного лаком, то оно живет несколько долее. Мочевой пузырь их также играет роль запасного резервуара.

* *Проблема экономии влаги у земноводных стала предметом пристального внимания специалистов в последние десятилетия. Выяснено, например, что влагопотери через кожу у южноафриканских древесных хватаящих лягушек (*Chiromantis xerampelina* и *Ch. petersii*), а также у южноамериканской чакской квакши (*Phyllomedusa sauvagii*) составляют всего лишь 5-10% по сравнению с другими земноводными. Эти показатели практически соответствуют таковым для пресмыкающихся. Водные бесхвостые земноводные погибают при потере 30-50% воды, а древесные квакши лишь при потере 70% влаги. Биологи выяснили, что водный обмен у земноводных регулируется гормонами гипофиза и кортикоидными гормонами надпочечников, которые отвечают как за проницаемость стенок мочевого пузыря и кожи, так и за интенсивность фильтрации в почках — реабсорбцию, то есть обратное всасывание воды и ионов солей в почечных канальцах.*

Кроме чистой воды, кожа в большей или меньшей степени выделяет в виде выпотов образующую под ней слизь. По Шульцу, у всех земноводных кожа, состоящая из рогового и из слизистого слоев, бывает еще покрыта нежным наружным покровом линяющей кожицы. В роговом слое, кроме обыкновенных клеток, лежат еще бокаловидные клетки и одноклеточные железы, выделения которых служат для разрыхления линяющего слоя. Под слизистым слоем следует соединительнотканый слой, в котором различаются вышележащие слизи-отделительные железы и глубже лежащие — ядоотделительные. В то время, как слизиотделительные железы распространены по всему телу, ядоотделительные скопляются в особых, точно определенных для известных групп или родов, местах. Слизеотделительные железы шаровидны, ядоотделительные — продолговато-округлые и приблизительно в 10 раз больше первых. Ядовитое содержимое их состоит из соединительнотканых клеток, которые выстилают ядоносную железу; значение их, как ядоносных клеток, обуславливается присутствием зерен яда в самих клетках. Ядовитые зерна не представляют собой настоящий выпот, а скорее измененное белковое вещество и существенную часть самой клетки. Слизеотделительные железы предохраняют кожу животного от высыхания, ядоотделительные — служат защитой от врагов. О том, что слизиотделительные железы при случае могут играть роль ядоотделительных, не может быть и речи; оба вида желез по истории своего развития разнохарактерны. У жаб и саламандр, благодаря более многочисленным железам, эти выделения значительнее, чем у других земноводных, а при раздражении могут быть еще более обильными. Если, например, саламандру или жабу положить на тлеющие угли, то слизь выделяется особенно обильно, — что и дало повод в старину считать, будто бы саламандра может жить в огне. По-видимому, земноводные в состоянии произвольно усиливать выделения кожи и таким образом пользоваться ими, как средством защиты против врагов, так как эта слизь не только имеет сильный запах, но и значительную остроту, которая и дала повод считать жаб и саламандр ядовитыми. Настоящим ядом для человека слизь эта считается, конечно, не может, но она все-таки причиняет боль слизистой оболочке и жжет язык. Дэви, исследовавший слизь жаб, замечает, что на язык она производит действие, подобное действию экстракта аконита; Калмельс нашел в ней метилкарбиламин и вещество, сходное с ним, а в ядовитом соке гребенчатого тритона — этилкарбиламин, которому он обязан своим запахом и ядовитыми свойствами. Вышеназванный химик прочно установил также, что все кожные яды земноводных принадлежат к ряду лейцина или более высших аминокислот, что они в чистом виде еще ядовитее, чем синильная кислота*. Опыты Гратиоле, Фатио и Хлоэца показали, что выделение желез жаб быстро убивает маленьких птиц, которым этот яд был впрыснут, и действует даже в том случае, если он перед прививкой был высушен. Ребблер также нашел, что слизь эта действует смертельно, буду-

чи введена в кровь щенят, морских свинок, лягушек и тритонов. Точно так же и слизь тритонов и обыкновенной саламандры губительна для жаб.

** Сейчас известно, что яд земноводных представляет собой жидкую смесь веществ различной природы (ферменты, аминокислоты, алкалоиды и т. д.), а ядовитые железы фактически являются видоизменениями кожных желез.*

Паллас рассказывает, что у него был один мопс, который имел привычку загрызть жаб; у животного однако распухали губы; наконец мопс заболел и околел. К этому сообщению Ленц присоединяет собственные наблюдения, подтверждающие вышесказанные. «Следующий случай научил меня, что в клетку к нежным комнатным птицам не следует класть песок, на который попала слизь, выделяемая жабами. В 1859 году я велел принести свежего песку для моих канареек; часть его я отсыпал в горшок, главную же массу велел ссыпать в сарай, и, чтобы предохранить от загрязнения, покрыл его деревянной крышкой. Зимой и летом птицы чаще получали песок из горшка и чувствовали себя хорошо. Летом 1860 года под крышкой, прикрывавшей песок, поселилась огромная жаба; каждый вечер она вылезала, сидела некоторое время перед доской, затем целую ночь ползала по двору и саду. Так как я часто вечером делал ей дружеские визиты, когда она была около своей кельи, то вскоре животное сделалось совершенно доверчивым. Осенью песок в горшке весь вышел. Тогда я поднял доску и под ней нашел как нору, сделанную жабой, так и ее. Как я и ожидал, песок не был совершенно сухим, но пропитался слизью, которая, очевидно, выделялась его обитательницей. Сделанные жабой ходы находились лишь в верхних слоях. Для безопасности я снял сверху лопатой 15 сантиметров песку, взял часть его из глубины и насыпал трем совершенно здоровым канарейкам. Птицы попробовали его и одна из них околела в тот же день, две другие, у которых я тотчас же убрал песок, умерли на следующей неделе. Два опыта, которые каждый может легко произвести, по словам Бетхера, лучше всего доказывают, ядовитость кожных выделений земноводных. Стоит только раз подержать перед носом какой-нибудь благовоспитанной собаки жабу: одна собака будет при этом морщить ноздри и лоб и отвернется, другая подожмет хвост и ни за что не решится подойти вновь. Самая ручная собака кусает руку своего хозяина, если он попробует совать ей в рот жабу. Еще лучше и даже интереснее положить несколько огненных жерлянок, особенно краснобрюхих, в холщевый мешочек, потрясти в нем животных и предложить понюхать отверстие мешка людям, отрицающим ядовитость кожных выделений жаб; каждый понюхавший, правда, тотчас же станет уверять, что он не чувствовал никакого запаха и будет прав, но обыкновенно не пройдет и минуты, как он непременно раздражается сильнейшим чиханием, которого не в состоянии вызвать даже самый крепкий нюхательный табак. Этим прекрасным и убедительным наблюдением мы обязаны Буланже. Кто часто имеет дело с квакшами, тот наверное вспомнит ту жгучую боль в углах глаз, которая происходит от случайного перенесения пальцами в глаз их едкой слизи. Таким образом наука вновь должна отдать должное народному поверию, которое и в этом случае ранее, чем ученые, узнало истину; но как и во многих других случаях истина была преувеличена и из мухи сделали слона. Существование яда и ядовитое действие несомненно, но, конечно, жидкость эта никогда не могла быть опасной для человека, тем более, что никому не придет в голову брать в рот лягушек или жаб*. Если же кто-либо попробует сделать это, то легко убедится в излишестве подобной любознательности, так как слизь оказывается сильно горькой и едкой и приходится немедленно выплевывать животное обратно, а попытка служит хорошим опытом на всю жизнь. Однако такие кратковременные соприкосновения, как нам достоверно известно, никогда не имели вредных последствий.

** Яд некоторых жаб и древесниц может быть опасен для крупных позвоночных животных, в том числе иногда и для человека. Известен, например, случай, когда согласно традициям народной медицины в результате использования кожи жабы-аги (*Bufo marinus*) для анестезии при зубной боли отравился один из больных, обратившийся за помощью к знахарю.*

Весьма своеобразно устройство скелета земноводных, в котором, хотя и не в сильной степени, мы встречаем соотношения костей, сходные с таковыми у рыб. «У рыбообразных саламандр, — говорит Фогт, — встречаются позвонки, по форме почти не отличающиеся от позвонков рыб. У настоящих саламандр, напротив, всегда имеются вполне развитые позвонки, снабженные сочленовной головкой, назади же — сочленовной впадиной, которыми и обуславливаются сочленения позвоночника. У всех этих земноводных с удлиненной формой тела и число позвонков также очень значительно, тогда как у бесхвостых земноводных мы встречаем лишь немного спинных позвонков, именно 7-8, причем существует широкая крестцовая кость, по-видимому, образовавшаяся слиянием многих позвонков и находящаяся в соединении с длинной мечевидной костью — хвостцом**, которая является продолжением позвоночного столба вплоть до заднепроходного отверстия.

* * *В современной литературе хвостец чаще называется уростилем.*

Поперечные отростки позвонков хорошо развиты у всех земноводных; иногда они бывают очень длинны и до некоторой степени заменяют недостающие ребра, вместо которых лишь изредка встречаются маленькие костяные или хрящевые придатки.

"В строении черепной коробки в ряду земноводных мы видим также различные ступени развития, которые свидетельствуют о постепенном исчезновении первоначального хрящевого вещества. Характерным признаком для всего класса, отличающего его от класса пресмыкающихся, служит присутствие двух сочленовных головок в затылочной области, которые помещаются на всегда окостеневшей затылочной кости и соответствуют двум сочленовным впадинам первого кольцевидного шейного позвонка. Череп всегда очень широкий и плоский; глазничные впадины обыкновенно чрезвычайно велики и не имеют глазничной перегородки, так что если смотреть сверху, челюсти имеют вид полукруга, в середине пересекающегося продолговатой капсулой — собственно черепом».

"Конечности, если таковые существуют, всегда состоят из плечевого и тазового поясов и собственно конечностей. У червяг они совершенно отсутствуют, а у иных саламандр, дышащих жабрами, присутствуют только плечевой пояс и передние конечности*.

* *Саламандрами Брем называет сиренов, которых раньше действительно сближали с этими земноводными.*

Плечевой пояс, образованный мечевидной лопаткой, широкой лопатовидной вороньей костью, часто также обособленной ключицей, — прикреплен сбоку к шейным позвонкам. Передние конечности состоят из простой плечевой кости, из двух иногда слившихся костей предплечья, одного, часто остающегося хрящевым, запястья и из четырех, реже трех пальцев. Тазовой пояс у саламандр слабо развит, и крестцовые позвонки по своей конструкции почти не отличаются от остальных; кроме того, хрящевой таз большей частью состоит из трех обычных составных частей: лобковых, седалищных и подвздошных костей. У лягушек строение таза более замечательно; там он служит опорой сильным прыгательным ногам и местом прикрепления их мышц. Строение и расположение костей плюсны и пальцев то же, что и в передних конечностях, с той лишь разницей, что число пальцев бывает изменчивее; у многих хвостатых земноводных бывает только два, три или четыре пальца; у лягушек же всегда пять».

У всех земноводных существуют три высших органа чувств, хотя глаза у некоторых весьма слабо развиты и бывают прикрыты непрозрачной кожицей. Самыми развитыми глазами обладают бесхвостые земноводные: глаза их крупны, очень подвижны, обыкновенно снабжены парой век, из которых нижнее больше, тоньше и прозрачнее; кроме того, обычно во внутренних углах глаз находится простая маленькая складка кожи — мигательная перепонка**.

* * *Мозг бесхвостых несколько крупнее мозга хвостатых земноводных, у них увеличено глазное яблоко, число фоторецепторных клеток достигает 400-680 тысяч (у хвостатых — почти в десять раз меньше), а их колбочки в отличие от хвостатых содержат масляные капли. Укрупнение и сдвиг глаз на верхнюю поверхность уплощенной головы позволили бесхвостым земноводным увеличить общее поле зрения до 360° (при значительном угле бинокулярного видения), что дало им возможность достаточно точно определять расстояние до передвигающегося мелкого пищевого объекта. У многих лягушек и жаб в районе экватора сетчатки расположена особая полоса палочек. Пересечение ее с изображением хищника обеспечивает практически мгновенную реакцию земноводного (аналогичная структура выявлена лишь у некоторых Caudata). В центре сетчатки плотность рецепторов в 2-3 раза выше, чем на периферии. Многие бесхвостые земноводные хорошо различают синий, зеленый и желтый цвета. Кроме того, стало известно, что бесхвостые земноводные обладают эффективными способами воспринимать и издавать звуки как в водной, так и в воздушной среде. Они могут принимать звуковые колебания в диапазоне от 30 до 15 000 Гц. В гортанно-трахейной системе бесхвостые земноводные имеют голосовые связки, издающие видоспецифические звуки, громкость которых усиливается горловыми мешками или наружными резонаторами кожными полостями в углах рта самцов некоторых видов, раздувающихся при кваканьи.*

Собственно слезных желез нет. Орган слуха еще более изменчив. У хвостатых земноводных мы замечаем только лабиринт; у бесхвостых — кроме того, барабанную полость с барабанной перепонкой и короткую евстахиеву трубу. Полость носа впереди открывается на конце рыла двумя ноздрями, разделенными между собой перегородкой, и сообщается со ртом в небной части — признак, служащий обыкновенно для отличия земноводных от рыб, хотя в исключительных случаях он наблюдается и у последних. У многих земноводных вход в носовую полость может прикрываться кожистым клапаном. Язык, играющий малую роль, как орган вкуса, отсутствует только у одного под-

отряда лягушек, вообще же хорошо развит, часто очень широк и обыкновенно совершенно заполняет пространство между обеими челюстями; большей частью он обладает достаточной подвижностью, но отличается от языка вышеорганизованных позвоночных тем, что прикрепляется не сзади, но спереди и может быть выбрасываем из рта своим задним концом; только у некоторых саламандр и бесхвостых земноводных, питающихся термитами, он прирастает ко дну рта. У некоторых квакш на середине языка имеется конусовидная жесткая бородавка, заменяющая собою противоположные нёбные зубы сошника, встречаемые у других родственных им форм.

Из земноводных только некоторые не имеют зубов, большинство же снабжено таковыми на верхней челюсти и на сошнике; у других зубы сидят на верхней челюсти и на нёбных костях двумя параллельными рядами. У хвостатых земноводных и червяг обыкновенно имеются нижнечелюстные зубы, у бесхвостых же земноводных они редки. Зубы земноводных всегда маленькие, простые, острые с загнутыми назад кончиками, служат для удержания схваченного и способствуют его дальнейшему движению в глотку, но отнюдь не предназначены для жевания. Семенные железы разделены на части и состоят из коротких семяпроводов и переходят в весьма тонкие семенные каналы, которые тянутся за почками по складке брюшины; на почках они образуют сеть разветвления, после чего, как те, так и другие, переходят в один общий мочеполовой канал, на котором большей частью замечаются еще трубчатые боковые выпячивания. Яичник имеет гроздевидную форму и совершенно замкнут. Яйцеводы всегда совершенно обособлены от яичников; они очень длинные, подобно кишечнику, чрезвычайно извитые, открываются в брюшную полость широкой воронкой, по которой яйца попадают в клоаку; часто перед выходом в клоаку яйцеводы имеют маткообразные расширения, где у саламандр развиваются молодые. Наружные половые органы есть только у червяг.

К яйцам своим родители относятся с известной заботливостью лишь в исключительных случаях, напротив, обыкновенно они предоставляют их действию воды и солнца. При прохождении через длинный извитой яйцевод яйца облекаются студенистой массой, которая бывает более твердой лишь у немногих видов и в таком случае представляет собой эластический шнур; у большинства же, напротив, она в воде сильно набухает и образует таким образом большие массы и клубки икры, которые мы и находим весной в канавах и прудах. Эта студенистая масса в развитии земноводных играет отнюдь не маловажную роль. Такой студень является настоящим предохранителем от высыхания; он также увеличивает скользкость и эластичность яиц в защиту от механических повреждений, и в особенности от поедания. За исключением ширококлювых уток ни одна птица не в состоянии проглотить икру земноводных. По наблюдениям Штала, студень служит также защитой от нападения рыб и моллюсков, а по позднейшим наблюдениям Бернарда и Братушка, — и от бокоплавов. Дальнейшим преимуществом, доставляемым яйцам студенистой массой, является и то, что с увеличением студенистой оболочки и промежутков между яйцами, усиливается приток воды к жабрам, необходимый для дыхания и обмена веществ.

Плавающая по поверхности, яйца подвергаются непосредственно действию солнечных лучей и таким образом получают необходимую для развития теплоту, которой в предвесеннее время на дне еще нет. Черный цвет яиц уже давно объясняется условием лучшего восприятия солнечной теплоты; во всяком случае другого более подходящего объяснения этому еще не дано. Студенистая же оболочка не препятствует прохождению солнечных лучей, а напротив, задерживает некоторые лучи, выходящие из яйца, и, благодаря теплопроводности, возвращает их обратно, представляя собой таким образом нечто вроде маленькой теплицы*.

** Сферические оболочки яиц играют роль собирающих линз, концентрирующих световые лучи, благодаря чему температура внутри икринного комка на 5-7° С превышает температуру окружающей среды.*

Первые ступени развития проходят довольно быстро, так что, немного дней спустя после оплодотворения, весь желточный шар превращается в личинку, у которой плоская, приплюснутая голова, снабженная маленьким помещающимся на конце ртом, непосредственно переходит в мешковидное брюхо; позади последнего находится сжатый с боков веслообразный хвост, отороченный кожистой каймой в виде вертикального плавника. В этом хвосте мускульные волокна расположены так же зигзагообразно, как мы встречаем у рыб. На шее отрастают отдельные жабры в виде крошечных древовидных отростков, но у головастиков лягушек они скоро пропадают, заменяясь внутренними жабрами, тогда как у личинок саламандр они остаются на оолее продолжительное время; дальнейшее развитие личинок направлено главным образом на развитие хвоста и постепенную переработку желтка. У лягушек и саламандр мы встречаем неодинаковый порядок развития конечностей: у последних передние ноги развиваются раньше задних, у первых же задние конечности про-

рывают кожу ранее передних. У головастика лягушек долгое время замечаются только одни задние ноги, а хвост и после появления передних ног все еще служит главнейшим органом движения; но затем начинается превращение плавающей личинки, питающейся наряду с животной, также и растительной пищей, в прыгающее насекомоядное животное. До сих пор челюсти были вооружены своеобразными роговыми зубами, позднее роговыми пластинками, теперь же последние отпадают. Хвост постепенно укорачивается, засыхает и наконец совершенно исчезает. При неблагоприятной осенней погоде, от недостатка воды или пищи, быть может даже вследствие унаследованной привычки в незапамятные времена, многие личинки земноводных сохраняют свою личиночную форму более продолжительное время — несколько месяцев и даже лет. Тогда часто они дорастают до так называемых «гигантских личинок», которые у хвостатых земноводных бывают способны к размножению, что, впрочем, никогда не бывает у головастика бесхвостых земноводных. Именно таких головастика, оставшихся в личиночном состоянии, мы встречаем у горных тритонов и у зеленых лягушек. Камерано насчитывает 15 видов европейских земноводных, у которых наблюдалось это своеобразное явление.

Только что описанное развитие, конечно, не одинаково у отдельных отрядов и семейств. В качестве примера необычных отклонений мы можем привести здесь лишь вкратце дыхательные органы некоторых зародышей и личинок. Из форм, не отлагающих своих яиц в воду, цейлонские червяги и саламандры имеют три наружных нары жабр, сумчатая лягушка — две, потуха и род червяг *Typhlonectes* — одну; листовые лягушки (*Eleutherodactylus*) и пипа вообще не имеют жабр, но органом дыхания их личинок служит хвост. У лягушек Соломоновых островов (*Discodelles opisthodon*) дыхание головастика производится девятью складками кожи брюшка.

"Самые древние следы ископаемых земноводных, — сообщает Циттель, — находят в настоящих каменноугольных образованиях Богемии, Великобритании и Северной Америки. Они относятся исключительно к панцирным гадам (*Stegocephala*), хвостатым земноводным, похожим на саламандру и ящериц, имевшим черепную крышку, состоящую из кожных костей, прободенную отверстиями глаз и ноздрей, и у которых замечалось теменное отверстие между теменными костями. Они имели простые или наполненные сильно складчатой массой костного вещества зубы, и очень разнообразное, но всегда несовершенное строение позвоночника. На горле помещались три большие пластинки, принадлежавшие грудному поясу. В противоположность ныне живущим земноводным, панцирные гады обладали хорошо развитыми окостеневшими чешуями кожного панциря, которые развивались на брюшной стороне. Панцирные гады делятся на три группы: **трубчатопозвонковых** (*Lepospondyli*), **неполнопозвонковых** (*Tenmospondyli*) и **цельнопозвонковых** (*Stereospondyli*).

В настоящую эпоху земноводные живут во всех частях света и, за исключением наиболее северных частей земного шара, распространены во всех поясах. Тепло и вода являются необходимыми условиями их жизни и размножения, притом в гораздо большей степени, нежели для других классов животных. Их зависимость от воды настолько велика, что не может быть и речи об отсутствии таковой для них, так как за немногими исключениями животные проводят в ней свою первую юность. Вторым жизненным условием их, очевидно, нужно считать теплоту, что объясняет, почему численность этих животных необыкновенно повышается по направлению к экватору; можно сказать, что настоящей родиной их являются тропические страны. Однако местом своего пребывания и средой для развития своего потомства они выбирают только пресные воды и избегают моря или вообще соленой воды. Обыкновенно они не в состоянии перебираться через морские рукава, поэтому море является в громадном большинстве случаев непреодолимым препятствием для их распространения. При этом, если они встречаются на островах, совершенно обособленных от материков, то в этом случае нужно предполагать или занесение их птицами, или бывшее соединение их родного острова с материком*.

* Наиболее часто расселение земноводных на острова осуществляется на каких-либо предметах, прибывших к берегу. В ряде случаев в распространении земноводных принимает участие человек. Так, очень широко интродуцированная жаба-ага (*Bufo marinus*) в 1935 году была завезена и в Австралию для борьбы с вредителями сахарного тростника, где, правда, не стала осваивать плантации, а обжила совсем иные биотопы. Поразительная способность этого вида легко переносить засоление водоемов позволила ему великолепно освоиться на берегах многих океанических островов.

Значительная часть земноводных всю жизнь свою проводит в воде, но большинство, кончив свое превращение, живет вне воды, хотя все же в сырых местах. Там, где преобладают пустыни, не встречается ни одного земноводного, там же, где есть вода, хотя бы временно, но ежегодно, они не

отсутствуют, так как там они так же, как и у нас зимой, проводят соответствующее сухое время года, глубоко зарывшись в ил или забившись в какую-нибудь впадину, пока наступающая весна не разбудит их от глубокой спячки. Во всех областях тропических стран, где обычная пора периодических дождей делит год на определенные сезоны, эти животные совершенно исчезают с наступлением сухого времени и снова появляются после первого дождя и, словно по мановению магического жезла, оживляют собой большие пространства, на которых до этого времени не замечалось и следа их присутствия. Подобная летняя спячка, как приводит Монике, например для Явы, может длиться пять месяцев.

Но во всех этих странах число земноводных незначительно сравнительно с обильными водой девственными лесами, которые из года в год сохраняют приблизительно ту же влажность, представляя даже возможность размножения на вершинах своих деревьев. Неизмеримые леса Южной Америки, равно как и девственные леса южной Азии, дают убежище некоторым семействам земноводных, обильным не только видами, но и особями; собирающейся же между широкими листьями в пазухах их, в дуплах деревьев и других местах водой они пользуются для откладывания икры, причем вода эта служит также приютом для их личинок. Здесь всякое место занято: вода, находящаяся внизу на земле, влажные места возле нее, вершины и разные углубления деревьев, тогда как в сравнительно более сухих лесах Африки земноводные встречаются в несравненно меньшем числе. Болота и влажные девственные леса Средней и Южной Америки и Мадагаскара поистине являются раем для бесхвостых земноводных, тогда как они почти совершенно отсутствуют на всем африканском материке.

По богатству родами и видами, по сопоставлению Буланже, сделанному в 1882 году, выше всего стоит тропическо-американский район со своими 58 родами и 375 видами; затем следуют: индийский с 28 родами и 168 видами, африканский с 26 родами и 141 видом, североамериканский с 23 родами и 108 видами, австралийский с 23 родами и 75 видами и, наконец, палеарктический с 22 родами и 60 видами. Во всех шести областях распространены семейства жаб и настоящих лягушек; шесть из известных 19 семейств земноводных живут исключительно только в одном районе.

В последние годы число описанных видов земноводных настолько существенно увеличилось, что в настоящее время мы можем насчитать бесхвостых земноводных около 1 000, хвостатых — 123, червяг — 37, в общем, следовательно, — всего 1 160 видов; при этом, однако, границы областей распространения, приведенные Буланже, остались без изменения*.

* По данным на начало 1996 года, специалисты признают 4 834 вида современных земноводных, объединяемых в 333 рода и 39 семейств. Они обитают преимущественно в теплом и влажном климате тропической зоны, в умеренных широтах, а на аридных (пустынных) территориях их действительно немного. На территории бывшего СССР встречается 41 вид из 12 родов и 8 семейств, что составляет 0,85% видового разнообразия мировой фауны (в России — 22 вида из 6 родов и 6 семейств, то есть 0,58% видов класса Amphibia в целом).

Хотя отдельные земноводные имеют широкое распространение, но большинство их связано с определенными местностями. Их местожительство часто ограничивается пространством менее одного квадратного метра: средней величины пруд, даже просто лужа, куда постоянно собирается вода — могут служить обителью сотням этих непрехотливых созданий, которые при этом не выказывают никакого желания выселиться; какое-либо дерево девственного леса, быть может, из года в год служит убежищем одним и тем же животным. Иные виды странствуют по довольно большой площади своего местожительства, но также, по-видимому, строго придерживаются определенной области, а именно всякий раз вновь отыскивают раз избранный укромный уголок. Более отдаленные путешествия земноводные предпринимают лишь в очень исключительных случаях: быть может, только тогда, когда их местожительство совершенно изменяется и уже не может удовлетворять необходимым потребностям их жизни. С другой стороны, нельзя отрицать, что и они могут более или менее распространяться по известной области и вновь поселиться в известных местах, в особенности у уединенных водоемов, где раньше их не было.

Жизнь земноводных представляется нам еще более однообразной, чем жизнь пресмыкающихся, хотя большинство их превосходит многих из последних, по крайней мере своей подвижностью. Благодаря своему водному образу жизни, все они, быть может, за единственным исключением червяг**, оказываются превосходными пловцами и это отнюдь не в одном только личиночном состоянии, которое их до некоторой степени приближает к рыбам, но и во взрослом состоянии, причем все равно какие органы являются главнейшими органами передвижения, ноги или хвост.

* * Сейчас известны червяги, так же ведущие водный образ жизни.

В личиночном возрасте они двигаются при помощи хвоста по спирали и реже, делая боковые движения, следовательно плавают по-рыбьему. Будучи взрослыми, одни из земноводных, именно хвостатые формы, передвигаются тем же способом, напротив, бесхвостые земноводные плавают, производя сильные толчки ногами, хорошо приспособленными для этих движений; лягушки напоминают движения человека при плавании, с той разницей, что передние конечности земноводных при этом не действуют. В одном отношении большая часть земноводных отличается от пресмыкающихся: в то время, как лишь немногие из последних издают голос в настоящем смысле этого слова, большое число земноводных, в особенности первый отряд, испускает необыкновенно отчетливые, более или менее звучные, громкие, законченные крики. Их голоса раздаются ночью по девственным лесам, причем если и не заглушают криков других животных, то сопровождают их постоянно; их же голоса всего чаще слышатся у нас в летние ночи. Многие виды этого класса настолько злоупотребляют своим даром, что могут считаться настоящими нарушителями ночного покоя и напугать боязливую особу. Однако, как я уже заметил, кричать могут только взрослые формы, напротив, личинки и молодь, а равно и самки — немые.

Чтобы судить о душевных способностях земноводных, мы не имеем еще достаточных наблюдений. Мы уже видели, что у них развиты все пять чувств, особенно три высшие; нельзя также обойти молчанием, что душевная деятельность их проявляется настолько, что свидетельствует о понимании окружающего, что до определенной степени их можно приручить и выдрессировать, что таким образом они сознают изменение условий и применяются к ним.

Несмотря на это, нужно все-таки признаться, что они принадлежат к самым глупым из всех позвоночных и понятливостью едва ли превосходят как самых низших пресмыкающихся, так и высших рыб. Высказанное о душевных способностях пресмыкающихся вообще может быть отнесено и к земноводным, причем о последних мы в праве иметь еще худшее мнение. В общем жабы, древесные лягушки и даже саламандры превосходят понятливостью лягушек и не только у нас, но, по словам Аббота, и в Северной Америке. О каком-либо общественном сожительстве между ними не может быть и речи: их общественная жизнь обуславливается подходящей местностью, а не взаимным влечением. Как только они удовлетворили свои половые потребности, они уже более не обращают друг на друга никакого внимания. Не следует также придавать большого значения заботам некоторых из них по отношению к молодым, хотя, конечно, мы не можем решить, насколько эти заботы являются обдуманными и прочувствованными ими. Наблюдения над способом обращения некоторых видов с их потомством заставляют предполагать, что животные эти действуют произвольно, по инстинкту; в противном случае пришлось бы предположить большую долю смысленности, которую мы не замечаем в другие моменты жизни земноводных.

Весьма вероятно, что лишь немногие земноводные ведут дневной образ жизни. Их жизнедеятельность начинается большей частью вскоре после заката солнца или с наступлением сумерек и продолжается до утра; днем большинство обыкновенно предается покою, хотя и самым разнообразным образом. В то время, как одни из них просто куда-нибудь заползают и почти без движения проводят там время до следующего вечера, другие пользуются благодетельной теплотой солнца, почему взбираются на соответствующие места и проводят день в полудремоте, которая все-таки никогда не бывает так глубока, чтобы животное во время не успело заметить опасность, или упустило просящуюся в рот добычу. Но и своим оживлением, кваканьем и тому подобным земноводные также доказывают, что они луну считают своим солнцем и время их настоящей жизни — ночь.

Превращение находится в известной зависимости от пищи. Все земноводные животные хищные, но добыча, преследуемая ими, бывает различна, смотря по тому, в каком возрасте само животное. Личинки, как то установил для многих Лейдиг, в самом молодом возрасте питаются разными мелкими организмами, непрерывно наполняя свой кишечник, подобно дождевым червям, илом, а вместе с ним обильно проглатывая всяких мелких животных, инфузорий, коловраток, микро-скопических раков, а равно и диатомовые водоросли. Содержимое кишечника, исследованное Лейдигом у различных головастика, было всегда более или менее одно и то же; присутствие проглоченных водорослей и других растительных веществ дало повод считать достоверным прежнее мнение, что эти головастики питаются исключительно растительной пищей, хищными же животными становятся только после превращения. Во всяком случае личинки могут долгое время существовать исключительно на растительной пище, особенно питаясь крошками хлеба; при этом они имеют здоровый вид, но вскоре с возрастом, особенно когда они начинают свои превращения, требуют более дорогого корма, именно животной пищи. Кто наблюдал их продолжительное время, тот мог убедиться, что хищнические наклонности свойственны им уже в очень раннем возрасте, так как они поедают других более слабых личинок, все равно, будут ли последние одного с ними вида или другого. Раз пре-

вращение закончено, все земноводные охотятся за живыми подвижными животными самых разнообразных видов, начиная с червячков и кончая позвоночными; одни, преследуя свою добычу плаванием, другие, схватывая намеченную жертву во время прыжка или быстрым выбрасыванием вперед своего языка. Начиная с этого времени, они уже более не щадят ни своего брата, ни родственных им животных, проглатывая их с таким же равнодушием, как и всякое другое животное, которое вообще могут осилить. Доказано даже, что некоторые виды лягушек отдают предпочтение охоте за другими лягушками, а есть и такие, у которых последние являются главной пищей.

После пробуждения от зимней спячки в земноводных проявляется половое влечение, которое как-то особенно возбуждает этих глупых созданий. В эту пору, по крайней мере на севере, часто еще господствует суровая погода; температура стоит едва на два градуса выше нуля, по воде плавают еще большие нарастающие куски льда; но все это мало заботит земноводных. Как только икра отложена, парочки разлучаются, даже такие, которые, видимо, питали друг к другу тесную привязанность; самцы и самки снова идут каждый своей дорогой. Живущие на суше покидают воду, обыкновенные лягушки отправляются на поля и луга, древесные — залезают на верхушки деревьев, саламандры забираются в свои охотничьи районы. Все земноводные начинают вести свою однообразную, видимо, столь приятную для них летнюю жизнь, пока наступающая зима своим холодом, в тропических же странах — своей сухостью, не положит этому конца и не заставит каждое животное отыскивать укромное спокойное место, которое защитило бы его в это неблагоприятное время года.

В большинстве случаев лягушки становятся половозрелыми только на четвертом или пятом году жизни, но все еще продолжают расти и достигают своей настоящей величины, быть может, только на десятом или двенадцатом году; саламандрам для достижения своего полного объема требуется еще больше времени, гигантская японская саламандра тратит на это, быть может, 30 и более лет.**

** * Последние исследования по экологии развития японских исполинских саламандр показали, что половозрелость у них наступает на 5-6 году жизни.*

Зато жизнь земноводных, если она не пресекается насильственной смертью, длится многие и многие годы, даже при таких условиях, которые являются губительными для других животных. Верно то, что жабы, заключенные в замкнутых полостях, продолжали жить, хотя пища к ним поступала лишь в незначительных дозах; наблюдениями установлено, что они более года могут существовать, не умирая от голода, посаженные в нарочно приготовленные полости. Таким образом живучестью своей земноводные действительно превосходят всех других позвоночных. Лягушка со вскрытым спинным мозгом все еще прыгает, по-видимому, бодро, не смотря на это смертельное для всех других ранение; саламандра, изуродованная самым ужасным образом, продолжает жить так же, как и прежде. Такой способностью восстанавливать потерянные члены превосходят земноводных только низшие морские животные. Живучесть, по крайней мере, некоторых видов земноводных противостоит также действию атмосферных влияний. Саламандра и тритон, но не бесхвостые земноводные, могут быть заморожены в воде и вновь возвращены к жизни, когда дадут куску льда растаять; тритон вследствие сухости может съежиться в бесформенную фигуру, в которой не замечается никаких признаков движения, но помещенный в воду, вновь возвращается к жизни; даже в желудке своих врагов неуязвимость земноводных служит им хорошую службу. Из убитых, разрезанных и вскрытых змей вылезали еще живые жабы, задние ноги которых совершенно иди только частично были переварены.

Отвращение, которое справедливо или несправедливо возбуждают в нас пресмыкающиеся, переносится также и на земноводных, с которыми они имеют много сходства и с которыми их соединяли до недавнего времени. Но среди земноводных нет ни одного действительно вредного животного, ни одного, которое бы могло нанести серьезное повреждение и, несмотря на это, их преследуют, убивают беспричинно и по невежеству*.

** Специфическое значение водные (озерная, прудовая) и остромордая лягушки имеют в сохранении природных очагов туляримии опасного для людей инфекционного заболевания.*

С незапамятных времен и до наших дней существует предубеждение, питаемое к ним, хотя совершенно несправедливо, даже образованными людьми. В то время, как благоразумный садовник бережет и холит жаб, а англичане покупают их даже сотнями, чтобы вычистить свой сад от всевозможных вредных насекомых и улиток, бездушный или просто невежественный человек убивает «отвратительную гадину», где только найдет ее, словно хочет встать на одну ступень умственного кругозора с аистом, проявляющим особенную страсть к убиению этих животных. Внимательный наблюдатель будет относиться ко всем земноводным так же хорошо, как к лягушкам, поскольку и осталь-

ные формы этого класса заслуживают такого же расположения наравне с последними. От большинства хищных зверей земноводных спасает слизь, выделяемая их кожей; те же из них, которые не обладают подобными особенно деятельными ядоносными железами, в бесчисленных количествах делаются добычей самых разнообразных животных. О лягушке можно сказать то же, что и о зайце: «все, все хотят меня скушать!» Даже человек считает бедра некоторых видов-лакомым кусочком**.

* * *Еще в кулинарных рецептах Плиния и Диогена упоминались бульоны из лягушачьих лапок. Лягушачье мясо во многих странах считается диетическим, деликатесным.*

К счастью для этих животных, а может быть, и для нас, необыкновенно сильное размножение их восполняет вскоре все потери.

Отряд безногие земноводные

Безногие земноводные, или червяги, говорит Ваглер, «скорее, чем все другие гады, имеют право считаться отдельным отрядом*, тело которых было покрыто кожными окостенениями.

* *Установлено, что червяги занимают одну из низших ступеней на «эволюционной лестнице» земноводных. Об этом говорит наличие в коже у многих представителей костных чешуек, доставшихся им «по наследству» от вымерших предков — стегоцефалов (так называемых панцирноголовых).*

Количество костных чешуи в теле червяг может достигать 2000, причем в передней части они мельче (1-2 мм), чем в задней (около 4 мм). В наиболее подвижных участках тела (в области хвоста, например) они разрушаются, оставляя небольшие полости в толще кожи». Хотя по наружности они похожи на змей или, скорее, веретениц, но по внутреннему их строению напоминают лягушек. По внешнему виду они очень похожи на амфисбен, но отличаются от них тем, что тело у них голое, хвоста почти нет, заднепроходное отверстие круглое и находится почти на конце туловища, которое имеет вид цилиндра с тупыми концами и везде одинаковой толщины. На коже его замечаются иногда кольцеобразные, тесно лежащие складки кожи; иногда же тело гладкое и, пока животное живо, оно покрыто липкой слизью**.

* * *В период размножения самцы червяг накапливают в теле жир, в связи с чем их тела утолщаются и приобретают сходство с формой тела беременных самок.*

"У всех безногих замечаются одинаковые пустые, довольно большие конусообразные и несколько загнутые назад зубы, которые прикреплены к внутреннему краю челюстей; язык прирос своей нижней поверхностью к коже рта и поэтому высовываться не может. На небе также есть зубы, и они расположены в виде подковы, как у некоторых рыбообразных земноводных. Что касается язычной кости, то она тем замечательна, что имеет три пары дуг, что указывает на присутствие жабр в начале жизни и, следовательно, на то, что червяги имеют превращение. Наружные носовые отверстия расположены по сторонам головы или на переднем конце ее, а внутренние носовые отверстия находятся на небе. Глаз не бывает вовсе, или они настолько покрыты кожей головы, что для зрения вовсе не пригодны***.

* * * *У ряда червяг над глазами обычно располагаются прозрачные «окошки», а сетчатка содержит только редуцированные зрительные палочки без колбочек.*

Перед глазами всегда находятся маленькие отверстия, в которых помещаются выдвижные щупальца, снабженные особым нервом. Уши, как у саламандр, спрятаны под кожей, не имеют барабанной перепонки и состоят, как у саламандр, из небольшого хрящика, лежащего на яйцевидном окошечке.

Строение черепа очень своеобразно: верхнечелюстные кости так прикрывают глазную впадину, а височные кости — височную впадину, что со стороны кажется, что череп образован одной щитообразной костяной пластинкой*.

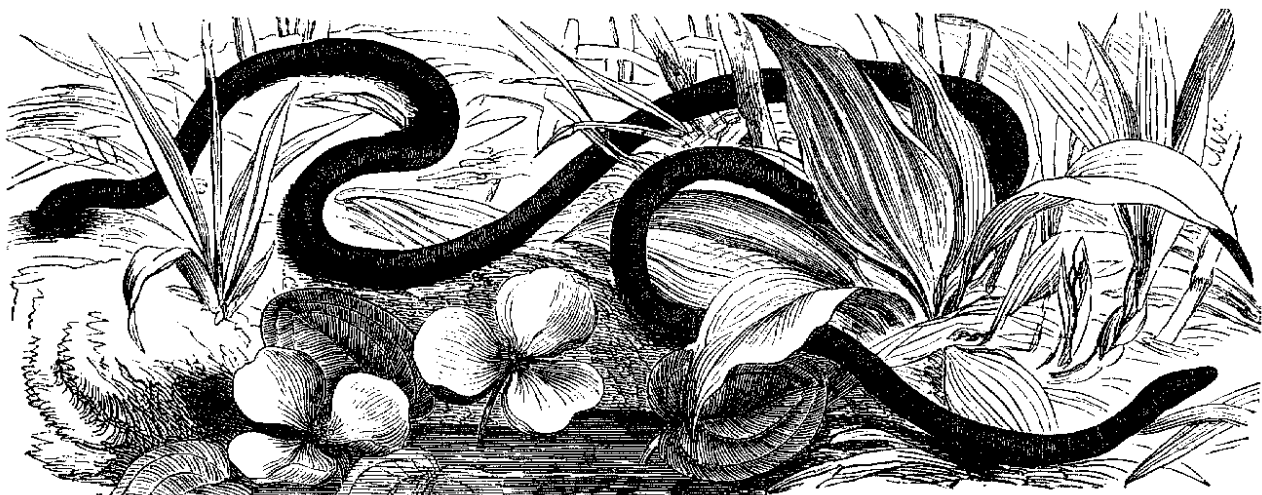
* *Интересно, что червяги открывают рот, поднимая череп, при неподвижной нижней челюсти.*

Глаза, если только они существуют, лежат на верхнем крае верхнечелюстной кости в очень маленьком удлиненном углублении. Барабанная кость вдвинута между другими черепными костями, а ветви нижней челюсти соединены спереди хрящом. Суставная поверхность затылочной кости разделена посредине на две части, совершенно как у лягушек. Спинные позвонки не имеют полушарообразных суставных поверхностей, а с обеих сторон имеют углубления и соединены хрящевыми пластинками, лежащими между позвонками. Ребра имеют вид совсем небольших придатков; грудной кости, таза и конечностей вовсе нет. Из легких развито только одно.

Вышеуказанные признаки, установленные еще Ваглером, могут быть и теперь вполне сохранены. Более подробное описание мозга и нервной системы безногих земноводных мы находим у Вальдшмидта; мозговые полушария больше, чем у всех наших земноводных и скорее похожи на

мозговые полушария лягушек, чем саламандр. Новейшие исследования значительно дополнили сведения об этих животных: число позвонков может достигать до 250, печень разделена на многие лопасти; с каждой стороны у самца находится по несколько семенных желез, и у него есть орган совокупления, который может быть выпячен изнутри.

Об истории развития червяг до последнего времени было очень мало известно. Иоганну Мюллеру мы обязаны сообщением, что **цейлонская червяга** (*Ichthyophis glutinosus*) имеет по сторонам шеи по одной жаберной щели, которая ведет к внутренним жабрам. По словам Жерве и более подробным указаниям Петерса, у *Typhlonectes compressicauda* — червяги из северной части Южной Америки — незаметно и следа жаберных щелей, какие нашел Мюллер у цейлонской червяги, но жаберный аппарат головастика этого животного очень своеобразен. Кровеносные сосуды в жабрах не образуют петель, проникающих в жаберные сосочки разветвлений, как у других головастиков, но вены и артерии разветвляются на поверхности листовидной жаберной кожицы. Эти листовидные наружные жабры сильно напоминают колоколообразные дыхательные органы у зародышей сумчатой лягушки, описанные Вейнландом. Несомненно, что превращение различных червяг точно так же разнообразно, как превращение бесхвостых земноводных. Например, Мебиус привез с Сейшельских островов несколько экземпляров червяг различного возраста, у которых нет ни жаберных щелей, ни кожистого гребня на хвосте, ни затылочных рубцов, встречающихся у головастиков, дышащих листовидными жабрами. Дюмириль, напротив, у одного молодого экземпляра из Малабара нашел на сторонах шеи жаберную щель, которая была расположена несколько выше, чем у цейлонской червяги, но доказывала, очевидно, что у этого рода не встречается листообразных жабр. Во время метания икры червяги идут в воду и кладут туда свои яйца или же рожают живых детенышей; иногда яйца кладутся около воды. У некоторых видов яйца насиживаются или, по крайней мере, охраняются самкой. Превращение зародышей оканчивается большей частью в яйце; после краткого пребывания в воде головастики принимают внешний вид взрослых животных и выходят на сушу.

Стройная червяга (*Caecilia gracilis*)

Грэфе сообщает, что червяга из восточной Африки, живущая на островах Св. Фомы и Роллас, часто встречается на высоте 400-500 м над поверхностью моря. Но ее находят и на высоте 900 м. Она питается насекомыми, личинками, многоножками и земляными червями, но ест также и змей из рода слепунов. Местные жители думают, что это животное ядовито, и, по исследованиям Видерсгейма, следует, может быть, предположить, что железы около щупальцев действительно содержат яд. Углубления, в которых прячутся щупальца червяги, покрыты, по словам Грэфе, такой же кожей, которая покрывает щупальцевые углубления и снаружи.

Червяги встречаются в тропических странах Америки, Африки и Азии, но их нет в Австралии и на Мадагаскаре. Они роют землю и вообще ведут подземную жизнь, как земляные черви, что в значительной степени затрудняет наблюдения над ними. Многие из них живут в муравейниках и питаются муравьями. Движения их состоят из медленного ползания или плавания, совершаемого извиванием тела. Питаются они червями и разными другими мелкими животными. Ныне известно 14 родов с 37 видами безногих земноводных, которые отличаются друг от друга развитием глаз, строением и положением щупальцев, а также строением кожи, именно замечаются ли в ней круглые чешуйки или нет*.

* Сейчас всех червяг разделяют на 6 семейств, 33 рода и 163 вида.

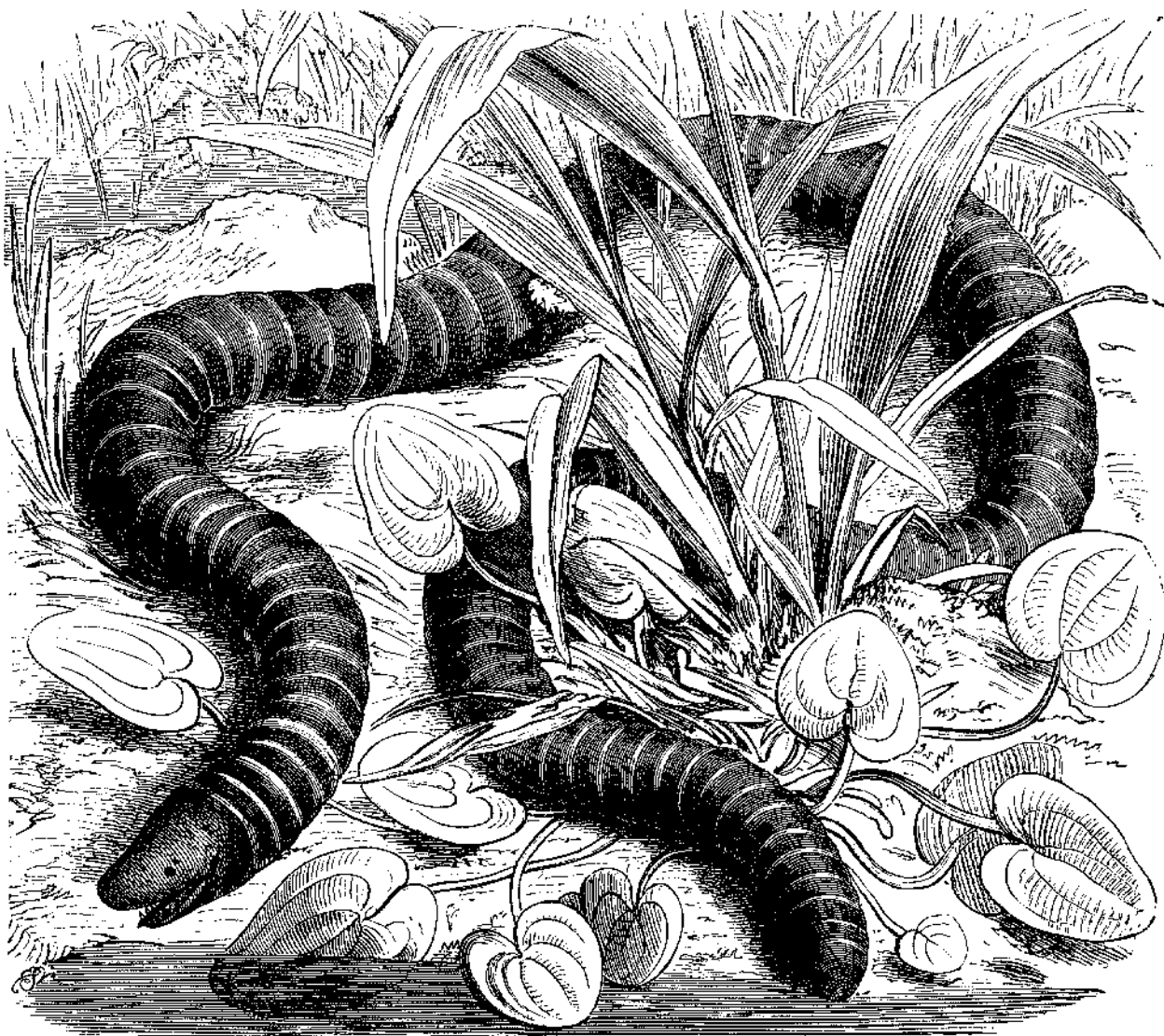
Семейство настоящие, или бесхвостые, червяги

У **кольчатых червяг** (Siphonops) нет на коже чешуек, глаза ясно заметны и щупальца стоят ближе к глазам, чем к ноздрям; у **настоящих червяг** (Caecilia) в коже замечаются круглые чешуйки, глаза менее ясно видны и щупальца находятся под самыми ноздрями в подковообразном углублении; кроме того, относящиеся сюда виды часто отличаются очень удлинненным телом.

К первому роду относится **кольчатая червяга** (Siphonops annulatus), живущая в Гвиане, северной Бразилии, Эквадоре и Перу; она имеет 39 см длины, на коже ее находится 85-95 кольчатых складок; кожа черноватая и беловатая в глубине складок. Ко второму роду относится **стройная червяга** (Caecilia gracilis), которая имеет 65-70 см длины, тело толщиной с карандаш, и 210-285 кольчатых складок, которые, однако, ясно заметны лишь на задней части тела; цвет тела бурый. Стройная червяга живет также в северной части Южной Америки*.

* Самым длинным видом безногих земноводных считается исполинская червяга (*Caecilia thompsoni*) 1375 мм, ширина ее тела укладывается в длину 92 раза. Самыми мелкими безногими земноводными считаются крохотная и короткая червяги *Idiocranium russeli* и *Grandisonia brevis*. Максимальные их размеры — 114 мм.

Об образе жизни этих странных животных известно еще очень мало; мы знаем только, что они живут под землей, как земляные черви, и роются там, двигаясь с относительно большой силой и скоростью.

Кольчатая червяга (*Siphonops annulatus*)

По словам принца фон Вид, они несколько приподнимают землю над своими ходами, как у нас это делают полевые мыши. Стройная червяга, о которой только и говорит принц фон Вид, им не была найдена южнее окрестностей Бахии, где ее там называют тем же именем, как и слепуна: «змея с двумя головами». «Мне только удалось узнать от туземцев и негров, — говорит Шомбургк, — что животные эти живут в земле, а чаще всего в постройках одного вида муравьев. Я впоследствии сам

наблюдал, что последнее сообщение верно, и Коллинз уверяет, что часто находил червягу в муравейниках, когда раскапывал их, чтобы уничтожить вредных муравьев».

Кольчатая червяга живет, по словам Чуди, главным образом в сырых местах под землей, на глубине 30-60 см; ее находят при копании канав и устройстве дорог; бразильцы ее очень боятся, точно так, как и безвредных двуходок.

Семейство рыбозмеи

Благодаря исследованиям братьев Саразен мы лучше знаем представителя **рыбозмеев** (Ichthyophis). Они отличаются от настоящих червяг конусообразными или кожевидными щупальцами, которые окружены кольцеобразным углублением и сидят около губы между ноздрями и глазами. На нижней челюсти находятся два ряда зубов. **Цейлонская червяга** (Ichthyophis glutinosus) встречается на полуостровах Индостан и Индокитай, на Цейлоне и на Больших Зондских островах. Животное это имеет 38 см длины, темно-бурого или синевато-черного цвета и по бокам тела замечается широкая желтая полоска, идущая от головы до хвоста.

Головастика этой червяги впервые описал Буланже. «Голова его похожа на голову рыбы или сирена, и язык спереди в значительной степени свободен, как у головастика многих саламандр. Щупальцевого углубления нет, или оно находится около большого глаза, который крупнее, чем у взрослого животного, и похож на глаз сирена. Наружных жабр нет, но жаберные щели велики. Хвост гораздо более сжат с боков, чем у взрослого животного, и имеет сверху и снизу кожистый гребень. Складки кожи сначала неясны и делаются более заметными только с возрастом. Задний проход имеет вид продольной щели».

Братья Саразен, которым мы обязаны подробным описанием этого замечательного животного, находили его на плоских сырых берегах ручьев, на глубине одного фута, под дерном. Здесь оно питается маленькими змеями, именно слепунами и молодыми щитохвостками, а также земляными червяками. Взрослая червяга боится воды, и если ее туда бросить, то она скоро тонет. При ползании она ощупывает землю поочередно своими щупальцами; слизь, покрывающая ее тело, имеет ядовитые свойства, как у других земноводных. Цейлонская червяга не родит живых детенышей, как некоторые другие червяги, но кладет в среднем 13 замечательно больших яиц, имеющих 9 мм длины и 6,5 мм ширины; каждое яйцо весит примерно 0,23 г, и яйца эти кладутся в земляное углубление недалеко от воды и бывают сложены в своеобразную кучку*.

** Сейчас выяснено, что большинство червяг откладывает до 20-30 яиц во влажную почву, а многие виды охраняют кладку, обвиваясь вокруг нее. После вылупления личинки мигрируют в воду. Встречаются среди безногих земноводных и живородящие виды. Это, как правило, водные формы. (Typhlonectes spp.), производящие по 5-8 яиц. После оплодотворения их яйца остаются в яйцевом, где развивающиеся эмбрионы получают пищу не через кровь, а как бы соскребая со стенок яйцевода секрет специфических желез в виде густого молочка. Беременность у червяг длится 9-11 месяцев.*

Самка заботится о них и свивается вокруг кучки, чтобы сохранить в них необходимую влажность. Если мать бросит яйца, то они не развиваются и гибнут. Во время насиживания яйца всасывают в себя воду и жидкое выделение тела матери, причем диаметр их делается вдвое больше и в конце насиживания они в четыре раза тяжелее, чем в начале. Зародыши, имеющие 4 см длины, сильно двигаются еще в яйце; у них с каждой стороны заметно по три кровяно-красных наружных жабры, которые также шевелятся. Короткий хвост окружен кожистым гребнем. У зародышей видны следы задних конечностей, в виде маленьких конусообразных возвышений; глаза, которые впоследствии очень малы, у зародышей велики и ясно видны. Зародыши еще в яйце сбрасывают наружные жабры, затем выходят из яичных оболочек и отправляются в ближайший ручей, где они вырастают до 17 см длины. От времени до времени они поднимаются на поверхность воды и непосредственно дышат воздухом. При анатомировании у них найдены легкие. На коже головастика находится много своеобразных органов чувств; в ней также находят сосуды, сообщающиеся с водой и дающие возможность крови сообщаться с окружающей водой. По всему видно, что по превращению червяги похожи на саламандр; по строению семенных нитей и присутствию четвертой артериальной дуги у взрослого животного червяги также приближаются к хвостатым земноводным.

Отряд хвостатые земноводные

Вследствие внешнего сходства между ящерицами и хвостатыми земноводными прежние натуралисты соединяли в один класс пресмыкающихся и гадов. При этом забывали, что хвостатые гады похожи на ящериц настолько, насколько попугай похож на обезьян, совы — на кошек, утки — на утконосов, пингвины — на тюленей или, взявши пример из того же класса, как каймановые че-

репахи похожи на крокодила, а змеи — на веретениц. Хвостатые гады, однако, отличаются от ящериц гораздо больше, чем вышеназванные животные между собой; это отличие заметно даже тогда, когда не обращают внимания на развитие детенышей. Хвостатые гады действительно имеют также удлиненное цилиндрическое туловище с отделенной от него головой, длинный и более или менее округленный хвост и четыре, а в виде исключения две конечности, как ящерицы; однако уже голая, слизистая, не покрытая чешуйками кожица и, еще яснее, отсутствие барабанной перепонки так сильно отличают их от ящериц, что трудно считать их родственными между собой животными.

Более подробное описание признаков хвостатых гадов сводится к следующему. Туловище более или менее удлиненное, вальковатое, почти везде одинаково толстое и иногда довольно неуклюжее; голова относительно велика, как правило, очень плоская, с округленной мордой; шея уже головы и туловища; хвост более или менее длинный, круглый или сжатый с боков, иногда совсем плоский в виде плавника; конечности имеют неуклюжее строение конечностей других земноводных, и передние по длине почти никогда не отличаются от задних; передние конечности в большинстве случаев имеют 3-4 пальца, а задние, которые, впрочем, у некоторых видов вовсе не развиваются, — 2-5 пальцев.

Наружная кожа бывает такого же различного строения, как у бесхвостых гадов, чаще всего она тонкая и нежная, иногда же складчатая и покрытая бородавкам и. Бородавки эти также иногда соединяются в группы и состоят из сильно развитых железок, выделяющих своеобразную липкую жидкость, похожую на яичный белок. Наружная кожа, как и у лягушек, часто сбрасывается, что происходит отдельными кусками, отчего линька малозаметна. Окраска чаще всего темная, но обыкновенно она испещряется светлыми пятнами и полосками, брюшко часто окрашено в яркий цвет; однообразная окраска всего тела встречается редко.

В черепе ясно заметны парные теменные и лобные кости, в большинстве случаев также и носовые, а верхнечелюстные иногда совсем мало развиты. Позвоночный столб состоит по крайней мере из 50, а иногда из 100 позвонков: позвонки, расположенные между конечностями, у более развитых видов этого отряда всегда имеют короткие ребра, а у менее развитых — заметны только на немногих позвонках. Настоящей грудной кости никогда не бывает, а ее место заменяют ключицы, которые на нижней части своей расширяются и образуют хрящевой щиток. Тазовые кости по положению и внешнему виду отличаются от таза лягушек и не всегда прикрепляются к одним и тем же позвонкам. На передних конечностях, в противоположность лягушкам, лучевая и локтевая кости отделены друг от друга, а на задних конечностях ясно отделены большая и малая берцовые кости; кости плюсны и ступни, напротив, плохо развиты и их часто бывает только небольшое число.

Глаза бывают развиты в различной степени. У некоторых они маленькие, недоразвиты и покрыты кожей, у других они больше и очень заметны под прозрачной кожей, наконец, у третьих вполне хорошо развиты, имеют вид выпуклых полушарий, снабжены веками и могут, как у лягушек, втягиваться внутрь. Их роговая оболочка очень велика в сравнении с глазным яблоком, радужная оболочка у высших видов отряда золотистого или медного цвета, красноватая или желтоватая; зрачок всегда круглый. Ноздри у большинства видов расположены спереди и по сторонам морды, иногда они открываются сверху, иногда в стороны. Блауе нашел в слизистой оболочке носовых полостей саламандр хорошо развитые органы обоняния и дал им название обонятельных почек*.

** В поисках места для кладки, пищи и полового партнера у хвостатых земноводных из всех органов чувств самое большое значение имеет обоняние (хеморецепторное восприятие запаха). Слух у них развит плохо, хотя некоторые древесные саламандры способны издавать писк, а тихоокеанская амбистома — лающие звуки, частота которых варьирует от 400 до 700 Гц. Подобно рыбам, хвостатые амфибии способны улавливать звуки в воде с помощью венозных капилляров кожи головы и эндолимфатического протока.*

Органы слуха покрыты общим кожным покровом; барабанной перепонки у них нет, а замечается только лабиринт. Рот очень сильно расщеплен, а нижняя часть полости рта вся заполняется языком, который, однако, бывает различного вида: иногда он широкий и круглый или узкий и длинный, сердцевидный, яйцевидный, похож на шляпку гриба; в иных случаях он прикреплен только посередине и потому имеет свободные края спереди и по сторонам, в других случаях он почти совсем прирос к коже рта и может двигаться лишь очень немного. У некоторых видов (*Spelerpes*), как это заметил Фишер, язык может выкидываться изо рта, как у хамелеона.

Почти у всех хвостатых гадов на верхнечелюстных, межчелюстных и нижне-челюстных костях замечаются маленькие, немного загнутые назад зубы: подобные же зубы всегда находятся на сошнике и небных костях; зубы эти легче узнаются ошупью, чем зрением, и служат только для придерживания добычи. Зубы на небе расположены параллельными или симметричными поперечными

или продольными дугами. Пищевод довольно длинный, желудок имеет вид длинной кишки без слепого отростка; он постепенно переходит в короткую кишку; печень сравнительно велика, так что покрывает большую часть желудка, желчный пузырь и поджелудочная железа всегда сильно развиты. От узких, необыкновенно длинных почек идут короткие мочеточники в большой, тонкостенный и богатый сосудами мочевого пузыря, который, когда бывает наполнен, занимает почти половину брюшной полости; содержимое мочевого пузыря выливается в клоаку или реже в конец прямой кишки. Органы дыхания почти такого же строения, как у бесхвостых гадов, только у хвостатых гадов гораздо чаще случается, что они сохраняют дыхательные органы, свойственные головастикам, т.е. кроме легких у них замечаются жабры, разветвляющиеся иногда снаружи, иногда внутри тела животного. До последнего времени не сомневались в том, что животные, у которых замечаются жабры, сохраняют их на всю жизнь, однако наблюдения над аксолотлем, который может и терять свои жабры, доказали, что наши наблюдения в этом отношении еще не могут считаться полными. Хотя до сих пор еще никто не видел, чтобы какой-нибудь хвостатый гад, имеющий наружные жабры, кроме известного нам аксолотля, их впоследствии потерял, однако противоположное наблюдали довольно часто, именно что виды, имеющие несомненно полное превращение, иногда сохраняют жабры до полного полового развития. Филиппи, например, нашел в одном болоте около Лаго-Маджоре 50 тритонов, из которых только 2 имели строение, свойственное вполне взрослому животному; у всех лее прочих были еще заметны жабры, хотя по величине тела и развитию половых органов они походили на взрослых животных. Следовательно, это были головастики, достигшие половой зрелости, у которых можно было различить самцов и самок, а между тем они сохранили главный признак, свойственный первоначальной степени развития гадов*.

** Размножение на личиночной стадии сейчас называют неотенией. а личинок с вполне сформировавшимися половыми железами неотеническими.*

Жюльен нашел в 1869 году в одном болоте 4 самки обыкновенного тритона, у которых в яичниках были созревшие яйца, а вместе с тем сохранились жабры; две из этих самок действительно метали икру. Четыре самца из того же болота, также сохранившие жабры, имели не вполне развитые половые органы. Если подобное явление замечается у самых обыкновенных гадов, то можно с некоторой достоверностью предположить, что то, что мы замечаем у одного вида, может, хотя с некоторыми видоизменениями, встретиться и у другого, или, иначе говоря, что хвостатый гад, который до сих пор нам известен как животное, сохраняющее жабры всю жизнь, окажется головастиком, который при известных условиях может потерять эти первоначальные органы дыхания. Вернее всего смотреть на подобные формы как на головастиков, потерявших способность превратиться вследствие того, что в строении их тела произошли такие изменения, которые делают излишним их полное превращение.

Что касается распространения 123 ныне известных видов хвостатых гадов*, то можно заметить, что все эти виды встречаются в северной полосе, следовательно, в палеарктической и североамериканской областях и только в виде исключения мы находим некоторые виды в тропических областях.

** В настоящее время насчитывают 418 видов из 63 родов и 10 семейств.*

Если не все, то по крайней мере большинство хвостатых земноводных живут преимущественно в воде, многие — в илистых болотах, другие — в глубоких озерах, иные — в таких озерах, которые расположены на высоте нескольких сот метров над уровнем моря. Все они без исключения принадлежат к числу ночных животных, которые днем прячутся в норках или на дне воды и начинают свою деятельность только при наступлении темноты или после дождя; их нелегко наблюдать, и, как это доказывают некоторые наши виды, они могут встречаться в больших количествах в такой местности, где при поверхностном наблюдении их присутствия вовсе не замечаешь. Те виды, которые живут на суше, любят темные, сырые места, куда лучи солнца почти не проникают, следовательно, их чаще всего можно встретить в узких долинах или густых лесах, где они прячутся под камнями, гнилыми бревнами или в земляных норках. Земноводные, живущие постоянно в воде, иногда вылезают на сушу, прячутся где-нибудь на берегу, но почти всегда очень скоро возвращаются в свою родную стихию. Несмотря на это, последних легче найти, чем сухопутные виды, так как они, как вообще все водяные животные, не делают большого различия между днем и ночью, а наши тритоны должны от времени до времени появляться на поверхности воды, чтобы набрать воздуха или погреться на солнце. На севере области распространения они, как другие пресмыкающиеся и гады, подвержены зимнему окоченению, а на юге окоченевают, когда пересыхают водоемы, в которых они обыкновенно живут. Они выказывают удивительную живучесть, которая помогает им переносить подобные сильные перемены: случается, что они совсем высыхают вместе с илом и даже замерзают

во льду, а при первом дожде или под жаркими лучами солнца они снова оживают**. К ним относится и то, о чем я уже упоминал выше, именно что у них вновь вырастают потерянные части тела, причем одна и та же часть может вырастать несколько раз.

* * *Примером потрясающей живучести хвостатых земноводных является сибирский углозуб. Сорок лет назад весь мир был поражен удивительным открытием — находкой оживших углозубов из вечной мерзлоты. Оказывается, что в этих условиях органы и ткани углозуба не замерзают, т. к. из печени в них поступает значительное количество глишерино-подобного вещества — криопротектора, накопленного в печени за лето и играющего в организме земноводного роль антифризной жидкости, существенно снижающей с понижением температуры замерзание крови при впадении животного в анабиоз. Это и позволило углозубам такое длительное время провести в столь экстремальных условиях и сохранить себе жизнь. Ожившие после почти столетней заморозки земноводные, как правило, живут от нескольких часов до полугода, но в некоторых случаях существенно дольше. Быстрая смертность после разморозки связана с резкой физиологической перестройкой организма (перенасыщением водой) при оттаивании.*

Движения хвостатых гадов обыкновенно считают неуклюжими и вялыми, что действительно верно относительно большинства видов, однако некоторые южно- и западно-европейские саламандры из родов *Spelerpes* и *Chiogossa* бегают так скоро, что в этом отношении похожи на ящериц. Некоторые виды, как гекконы, могут держаться и ползать по отвесным стенам и даже по потолкам. Все эти гады, даже те, которые обыкновенно живут на суше, очень проворно двигаются в воде, причем, конечно, тритоны плавают лучше всего, однако и саламандры также быстро двигаются в воде, не только бегая по дну, но также плавая посредством сильных боковых ударов своего хвоста. Однако один способ передвижения им вовсе не свойствен: ни один хвостатый гад не может лазать по деревьям, ни один из них не находит себе убежища между их зелеными листьями.

Пища их состоит из моллюсков, червей, пауков, насекомых и других низших животных. Некоторые из этих гадов могут быть названы настоящими хищниками, а большинство без всякого колебания пожирает слабые экземпляры своего вида. Быстрое переваривание пищи делает их очень прожорливыми, но они могут и долго голодать. Способ размножения этих животных своеобразен и неодинаков у разных видов. Сокопления, в обыкновенном смысле этого слова, у хвостатых гадов не замечается; оба пола в период размножения живут в воде; самцы гонятся за самками, а затем выпускают семя в виде своеобразных комков*; самки захватывают задним проходом частички этих комков, сохраняют мужское семя в особых полостях и оплодотворяют яйца перед их кладкой или еще раньше, если детеныши рождаются живыми, что также случается.

* *Комок (пакетик) со сперматозоидами земноводных сейчас называют сперматофором, а вместители спермы в теле самки — сперматекой.*

Уже Спаланцани знал, как сообщает нам Целлер, что у саламандр и тритонов не бывает сокопления и что яйца оплодотворяются внутри тела самки, но он не знал, как попадает семя в клоаку самки. Только Гаско в 1880 году ясно видел, как самки саламандр и аксолотлей отыскивают положенное самцом в воду семя и захваты вают его своей клоакой. Целлеру принадлежит честь открытия, что этот странный способ размножения встречается у всех хвостатых гадов. Огненная саламандра после спаривания оставляет воду, но через некоторое время самка возвращается, чтобы выпустить в воду детенышей, которые между тем образовались у нее из яичек внутри тела; альпийская саламандра рождает детенышей прямо на суше без всякого превращения. Тритоны, наконец, кладут яйца понемногу зараз и прикрепляют их липкой слизью к листьям водных растений. Следовательно, большинство сухопутных и водяных хвостатых гадов проводят первое время своей жизни в воде и оставляют ее лишь тогда, когда у них развились легкие и они могут дышать на суше. В состоянии головастиков** различные хвостатые гады мало друг от друга отличаются и потому не следует отделять в особые подотряды сухопутных и рыбообразных гадов, так как протей и угревидные амфиумы, которые сохраняют жабры на всю жизнь, должны рассматриваться как саламандры, достигшие половой зрелости в состоянии головастиков.

* * *В современной научной и популярной биологической литературе головастиками называют лишь личинок бесхвостых земноводных.*

Трудно назвать животное этого отряда, которое бы приносило значительный вред человеку. Некоторые из крупных видов питаются, правда, маленькими рыбками, но они живут в таких странах, где вред, приносимый ими, едва ли может быть ощутимым вследствие изобилия там рыб. Скорее их можно назвать полезными существами, так как они съедают множество животных, приносящих вред человеку или уничтожающих водные растения. Впоследствии мы подробнее поговорим о

том, что выделения их кожных железок не могут никому принести вреда, несмотря на то, что о так называемом яде саламандр в прежнее время ходило много баснословных рассказов.

Между врагами, опасными для хвостатых гадов, особое значение могут иметь змеи и рыбы; млекопитающие и птицы едят только водных гадов, сухопутными же пренебрегают из-за их едких кожных выделений, но некоторые змеи и лягушки пожирают и сухопутных гадов. Необразованные люди и до сих пор питают отвращение к саламандрам и подобным животным, но, к счастью, они редко имеют возможность выразить это отвращение действиями, т.е. убить саламандру. Сведущие и образованные люди смеются над вышеуказанными предрассудками и ловят хвостатых земноводных только потому, что они очень хорошо уживаются в удобно устроенных для них вместилищах и выживают много лет в неволе.

Семейство настоящие саламандры

В последнее время хвостатых земноводных разделили на несколько семейств. К первому из них, настоящим саламандрам, относится большинство хвостатых гадов, хотя не самые своеобразные виды. Саламандры отличаются следующими признаками: по строению тела они похожи на ящериц, тело у них стройное, редко неуклюжее, голова большая, широкая, более или менее плоская, морда короткая и тупая. У взрослых никогда не замечается жабр*; глаза относительно большие, сильно выпуклые, с хорошо развитыми закрывающимися веками; ноздри маленькие и расположены на конце морды; уши снаружи никогда не заметны.

** Среди саламандр сейчас известны такие виды, которые имеют неотенических личинок с жабрами (в остальном их облик почти соответствует взрослому организму).*

Шея у саламандр ясно отделена от головы и около горла всегда замечается глубокая складка кожи; туловище у них удлиненное, веретенообразное или цилиндрическое; две пары конечностей довольно слабые, на передних всегда 4, а на задних чаще всего 5 и только в виде исключения 4 пальца; пальцы бывают иногда длинные, иногда короткие, чаще всего они свободны, а реже соединены плавательными перепонками; когтей у большинства видов нет; хвост, как правило, длиннее туловища, почти всегда сжат с боков и на конце или округленный, или ланцетовидный; реже встречается круглый хвост. Слизистая наружная кожа покрыта множеством железок и бородавок и потому мягкая и неровная; однако у многих видов кожа кажется гладкой для невооруженного глаза. По сторонам задней части головы часто замечается большое скопление железок, которые похожи на так называемые ушные железки жаб и носят то же название. На обеих челюстях сидят зубы, а кроме того, маленькие зубы находятся на заднем крае небных костей, на сошнике, и на парасфеноидных костях, причем расположение их различное: они или сидят на внутреннем крае двух длинных, сзади расходящихся отростках небной кости и потому вытянуты в длину, или занимают задний край прямо или косо срезанного сошника и в таком случае образуют поперечные ряды. Язык круглый или яйцевидный, у некоторых видов он прирос всей нижней поверхностью или узкой срединной полоской ко дну ротовой полости и потому свободен только по краям; у других же видов он прикреплен только посередине стебельком, следовательно, похож на гриб, края его свободны, и он очень подвижен.

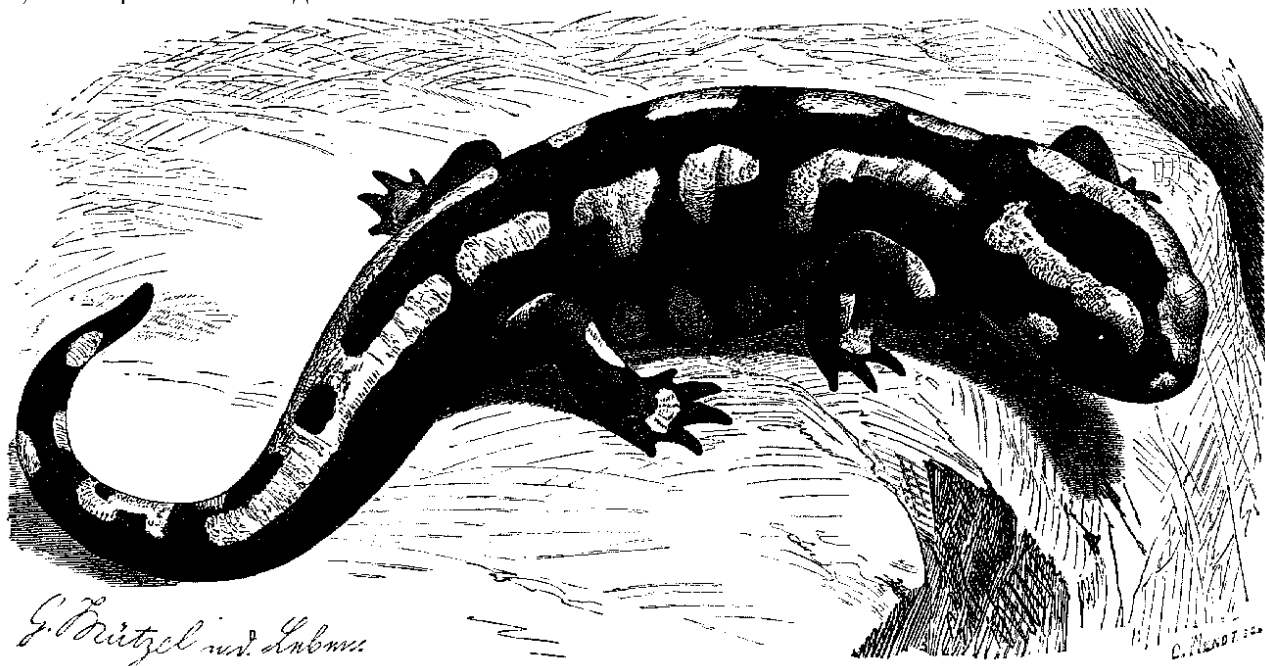
У семейства настоящих саламандр небные зубы расположены в двух сзади расходящихся продольных рядах, которые сидят на внутреннем крае двух длинных отростков небной кости; на парасфеноидной кости нет зубов; позвонки на задней стороне имеют выемки. Ныне известны 6 родов и 27 видов саламандр*, из которых большинство живут на севере Старого Света, а также в Северной Америке, а в Азии распространяются до тропической Индии и южного Китая.

** Сейчас насчитывают 57 видов из 15 родов.*

"Саламандра — животное, похожее на ящерицу и с пятнами, имеющими вид звезд, показывается только во время сильного дождя, а в сухую погоду ее никогда не видно. Она так холодна, что от прикосновения ее, как ото льда, гаснет огонь. Слизь, которая похожа на молоко и вытекает у нее изо рта, уничтожает волосы на человеческом теле; намазанное ей место на коже теряет естественный цвет и там остается пятно. Между всеми ядовитыми животными саламандра самое злобное. Другие животные ранят только отдельных людей и не убивают многих зараз, кроме того, животные, ранившие человека, всегда умирают и более не могут жить на земле, саламандра же, напротив того, может уничтожить целый народ, если только люди не остерегутся. Когда она полезет на дерево, то отравляет все плоды, и кто их поест, — умирает, как от сильного холода; даже если она тронет лапой доску, на которой месят тесто, то хлеб, испеченный из этого теста, бывает отравлен; если она упадет в колодезь, то вода делается ядовитой. Однако некоторые животные пожирают это ядовитое существо, например свиньи, и, вероятно, мясо тех животных, которые ее едят, может служить противоядием яду саламандр. Если бы было справедливо то, что говорят маги, т.е. что это

единственное животное, которое тушит огонь, и что даже некоторые части ее тела служат хорошим средством против пожаров, то Рим давно бы произвел подобный опыт. Секстий говорит, что если саламандру выпотрошить, отрезать у нее ноги и голову, а остальное сохранить в меду, то это кушанье служит возбуждающим средством, но он отрицает предположение, что саламандра тушит огонь». Так пишет о саламандре Плиний, и до нашего времени многие верят в справедливость всего вышесказанного, и только меньшинство сомневается в справедливости этих фактов. На саламандру смотрели, да и ныне еще смотрят, как на страшное и ужасное животное. По римским законам человек, который дал другому в пищу часть тела саламандры, считался отравителем и приговаривался к смерти. Еще в конце прошлого столетия одна женщина пробовала отравить мужа, примешавши мясо саламандры к какому-то кушанью, причем муж никакого вреда не почувствовал и с аппетитом насытился предложенным кушаньем. Французский король Франциск I избрал себе в виде эмблемы саламандру среди огня с надписью: «Nutrio et extinguo» (питаю и гашу). Средневековые алхимики сжигали это несчастное животное с разными смешными церемониями и надеялись получить золото, когда на поджаренную и обугленную саламандру через некоторое время лили каплями ртуть; опыт этот считался, впрочем, очень опасным. При пожарах саламандру часто кидали в огонь, думая этим его погасить. Кто осмеливался оспаривать подобные глупости, тому отвечали всевозможными грубостями и бранью. Шеффер сердится на разумные сомнения некоторых людей и говорит: «Кто считает эти рассказы за ложь и басни, тот доказывает, что у него недальновидный, глупый и жидкий мозг, и показывает, что он мало знаком со светом и не имел сношений с учеными и опытными людьми». Не следует удивляться тому, что баснословные рассказы про саламандру так крепко держатся в народе: у необразованных людей всегда замечалось стремление верить в сверхъестественные силы и поэтому они нелегко усваивают то, что дознано опытом и разумными исследованиями. В нижеследующем описании мы собрали сведения, которые уже известны относительно образа жизни, привычек и ядовитости обыкновенной саламандры.

Огненная, или пятнистая, саламандра (*Salamandra salamandra*) может считаться представителем семейства и рода того же названия; она достигает 18-23 см длины и по блестяще-черному фону испещрена большими неправильными ярко-золотисто-желтыми пятнами, которые образуют две более или менее прерванные полосы, начинающиеся у конца морды и тянущиеся по сторонам тела до кончика хвоста, причем на хвосте они кое-где сливаются; кроме того, по бокам тела замечаются еще отдельные пятна. На конечностях находятся пятна на каждой отдельной части, именно на плече, предплечье и кисти, а также на бедре, голени и ступне, на горле также постоянно бывают пятна, а на брюхе не всегда.

Огненная, или пятнистая саламандра (*Salamandra salamandra*)

Признаки рода саламандр, по Штрауху и Буланже, следующие. Тело довольно толстое, хвост почти круглый, конический, на конце округленный, без кожистого гребня и как туловище, более или менее кольчатый, т.е. на всем теле замечаются параллельные складки, проходящие поперек тела. На передних конечностях 4, на задних 5 свободных пальцев. Кожа покрыта железками, ушные железы велики, ясно разграничены и с большими отверстиями; вдоль спины и по сторонам

тела расположены продольные ряды кожных железок. Небные зубы образуют два ряда в виде сильно изогнутых «S», которые расходятся сзади и образуют вместе рисунок, похожий на колокол. Передние концы рядов отделены друг от друга большим или меньшим промежутком и более или менее выдаются перед передним краем внутренних носовых отверстий. Большой, почти яйцевидный язык прирос ко дну ротовой полости довольно широкой полоской, следовательно, свободен только по краям.

Область распространения огненной саламандры простирается, за исключением Великобритании и Ирландии, на всю западную, среднюю и южную Европу — от Португалии и Испании до Греции и Турции; кроме того, она встречается в Алжире и Марокко, в северной Африке, а также в Сирии и Малой Азии. На западе и юго-западе встречаются две разновидности ее, отличающиеся по величине и окраске. Внутри этой области распространения она нигде не принадлежит к числу редких животных; в Германии, например, огненная саламандра довольно обыкновенна, особенно в удобных для нее местностях. Она живет в сырых, темных местах, гористых и холмистых странах, в узких долинах и густых лесах и там прячется под корнями, камнями и в норках различных животных*.

** Саламандры крайне консервативны в использовании своих убежищ и, поселившись раз под одним деревом, не меняют своего «дома» в течение ряда лет, уходя каждую ночь на охоту на 10-30 м от него и возвращаясь всегда до рассвета. Охотиться в темноте саламандрам позволяет повышенная чувствительность глаз к слабому освещению.*

Днем она оставляет свои убежища только после дождя, так как является ночным животным. Сухая теплота или действие лучей солнца отнимают у ее тела так много необходимой для него влаги, что она может от этого умереть. Если несколько дней нет дождя, то, несмотря на росу, тело саламандры делается худым и жалким, между тем как после дождей она становится толстой, гладкой и выказывает все признаки здоровья. Движения ее медленны и неуклюжи, она ползает, извивая тело в стороны, а плавание ее также похоже на ходьбу, только главным органом передвижения является хвост. Способности ее незначительны, внешние чувства мало развиты, а понятливость ничтожна. Хотя ее часто находят вместе с другими животными ее вида, но ей нельзя приписать стремления к обществу, так как саламандра о других не заботится и сильная в случае голода, не задумываясь, съест более слабую. Оба пола отыскивают друг друга только во время спаривания, но как только это дело кончено, то всякая связь теряется, и они соединяются вместе, только если находят удобное убежище в одной и той же норке. Саламандры питаются медленно двигающимися животными, преимущественно слизняками, земляными червяками и жуками, а при случае мелкими позвоночными животными; иногда съедается разом много пищи, но саламандры могут и голодать в течение нескольких недель и даже месяцев. Они едят только тех животных, которые шевелятся.

О размножении этой саламандры мы до сих пор не имеем вполне точных сведений. Спаривание недавно наблюдал Целлер и заметил, что оно происходит, как у гребенчатого тритона. При этом самец тащит лежащую у него на спине самку из сухого места в воду. Заметили также, что самец откладывает в воду твердые конусообразные комки, содержащие семя, и что самка потом их забирает в задний проход. Все-таки странно, что в иных случаях самка саламандры, отделенная от самца в течение 6-7 месяцев, рождает детенышей, так как трудно предположить, чтобы развитие зародышей продолжалось так долго. Еще страннее, что иногда после первого помета без участия самца появляется и второй. Для объяснения этого явления следует предположить, что оплодотворение сохраняет свою силу на долгое время и что семя действует и на те яйца, которые во время оплодотворения были совсем еще не зрелы*.

** Только недавно были детально установлены особенности размножения пятнистых саламандр, не совпадающие с предположениями исследователей прошлого. В отличие от большинства других хвостатых земноводных, откладывающих яйца в воду, саламандры плавают плохо и могут даже утонуть, в связи с этим брачные демонстрации самец проводит на суше. Сначала он крепко обнимает самку передними конечностями за шею или переднюю часть тела и трется своим горлом о ее ноздри, после чего отпускает. Такая стимуляция побуждает самку, приподняв туловище, пропустить самца снизу. Он вновь охватывает самку и извивается под ней, откладывая на землю сперматофор, который она захватывает клоакой, прижимая брюхо к почве после того, как самец ее покинет. Причем самка способна сохранять сперматозоиды в специфических канальцевых углублениях клоаки (сперматеке) более двух лет и использовать их по мере необходимости при проходе яйца по яйцеводу для оплодотворения.*

*Экспериментальным путем установлено, что у пятнистой саламандры зародыш в ряде случаев получает пищу и воду из тела матери, а также осуществляет с ее помощью и газообмен. Однако зародыш может использовать еще один, крайне специфический, источник питания — неоплодотворенные яйца или более мелкие зародыши в теле самки. Такое явление получило название внутриутробного каннибализма (от франц. *cannihale* и испан. *canibal* — людоед) или сиблициды (от англ. *sib* родня, родственник и греч. *lysis* — распад, растворение), т.е. «убийства близнецов». Другой любопытной особенностью пятнистой саламандры является способность самки задерживать яйца в задней части яйцевода («матке») на некоторое время, в результате чего на свет появляются уже сформировавшиеся личинки или даже полностью метаморфозировавшие особи. При рождении личинок с жабрами самка погружает заднюю часть тела в воду и волнообразными сокращениями мышц выталкивает их во внешнюю среду.*

Земляные саламандры рожают живых детенышей; только в клетках замечали, что они кладут яйца, из которых, впрочем, очень скоро вылуплялись головастики. Это наземное животное, которое можно встретить в воде только в то время, когда нужно снести детенышей в воду, следовательно в апреле или иногда в мае. Число головастиков одного помета значительное: их находили до 50 внутри тела самки. Одна самка, жившая у Нолля, уселась в аквариуме на выступающий камень так, что задняя часть тела находилась в воде, а передняя на воздухе, и в этом положении ночью начала класть яйца, продолжая это занятие до следующего дня; было положено 42 яйца. Обычно саламандры кладут лишь 8, 16, 24, а реже 30-42 зараз или скоро одно после другого в промежуток от двух до пяти дней, причем яйца почти одной величины и одной степени развития; в виде исключения, однако, случается, может быть, только у тех животных, которые живут в плену, что самки рожают в одно время живых детенышей и кладут яйца. Подобное явление наблюдал Эрбер, причем удивительно было то, что число положенных яиц, аккуратно равнялось числу детенышей, именно их было по 34 штуки. Крупные яйца кладутся по одному и так прозрачны, что в них ясно видны довольно развитые детеныши; до рождения яйца расположены каждое отдельно в расширенных яйцеводах, причем они прижаты одно к другому, а головастики в яйце так свернуты, что кончик хвоста оказывается около головы. После того как положенное яйцо несколько вздулось вследствие всасывания воды, головастик разрывает оболочку движением хвоста и появляется на свет уже с четырьмя конечностями; он способен двигаться в воде с таким же проворством, как очень развитые головастики лягушек. Самки охотнее всего рожают детенышей в холодной ключевой воде, как будто зная наперед, что для полного развития их потомства необходимо 4-5 месяцев и, следовательно, нельзя их класть в воду, которая летом пересыхает. Рождение детенышей происходит всегда в подводных углублениях очень близко от текучей воды, которая необходима для того, чтобы детеныши появились на свет, что подтверждается собственными наблюдениями Фишера-Зигварта. Новорожденные детеныши имеют 25-26 мм длины и в виде головастиков не достигают более 55 мм. Если в местопребывании самки саламандры вовсе нет воды, то она, по словам многих наблюдателей, рождает детенышей в сыром мху. Головастик имеет серовато-черную окраску с более или менее зеленоватым отливом; верхняя часть тела имеет металлический блеск вследствие многих маленьких золотистых пятнышек, которые очень украшают животное; золотистый блеск появляется впоследствии и на боках, и на животе. Мало-помалу между этими золотистыми пятнышками появляются большие желтые пятна, кожа теряет свой лоск, делается менее гладкой и бородавчатой; тогда головастик старается вылезти на землю, хотя его жабры еще частично сохранились. Часто можно встретить головастиков в воде еще в октябре, но обыкновенно жабры исчезают уже в августе или в начале сентября, и животные тогда могут поселиться в тех местах, где живут их родители; окраску же, подобную окраске взрослых, они получили еще в воде. Вполне развитые животные, как и лягушки, кажутся меньше ростом, чем головастики последних стадий их развития. Трудно определить, сколько времени продолжается рост молодых саламандр; их находят не очень часто и потому предполагают, что первые два года своей жизни они живут в очень скрытых местах. Выращивать их в аквариуме очень трудно. По словам Фишера-Зигварта, вполне взрослые животные длиной около 20 см, в возрасте по крайней мере 4 лет. Рожденные в неволе саламандры, вероятно, вследствие большой теплоты превращаются скорее, чем на воле, и могут выползать на сушу уже через три недели. Для зимней спячки, по наблюдениям Фишера-Зигварта, саламандры выбирают относительно сухие и защищенные от холода трещины скал, заросшие мхом; впрочем, их довольно легко раз-

будить. Молодые, еще неспособные к размножению животные, по словам Лейдига, покидают свои зимние убежища при хорошей погоде в начале апреля, а неделю спустя появляются и старые.

Едкий сок, выделяемый накожными железами, защищает саламандру от многих врагов, для которых он неприятен и даже опасен. Если схватить саламандру за шею и ее подавить, то из железок брызжет сок, но животное может выпускать сок и по своей воле и в случае опасности делает это постоянно, чтобы защититься от врагов. Силу этого яда очень преувеличивали; даже Окен осмелился утверждать, что дети, напившиеся воды из колодца, где жили саламандры, умирали. Многочисленные опыты доказали только, что этот сок очень сильно жжет, когда попадет на слизистую оболочку, следовательно, производит воспаление, от которого могут умирать маленькие, слабые птички, а также пресмыкающиеся и гады. Рыбы, жившие в аквариуме у Рихтера, околели от яда, выпущенного умершей в воде саламандрой. Лауренти принудил ящериц укусить саламандру; у них от этого сделались судороги, и они околели; напротив того, собаки, индюки и куры, которых кормили разрезанными на куски саламандрами, переваривали эту пищу без вреда для себя, впрочем, собак иногда от этого рвало. Абини подробно исследовал яд саламандры и сообщает о нем следующее.

"Если преодолеть, — говорит он, — неприятное чувство, появляющееся почти у каждого человека при взгляде на этих пресмыкающихся, немых и пучеглазых существ, и осторожно их положить на ладонь, то они обыкновенно сидят совсем смиренно и теплота руки, по-видимому, им даже приятна. Если же схватить их со страхом, дрожащими руками, так что невольно их местами сжимаешь, то они брызгают несколько капель своего белого сока, который довольно быстро высыхает, причем ощущаешь приятный мускусный запах, похожий на запах, выделяемый большим жуком мускусником. Если захочешь привязать саламандру к дощечке, то она защищается всеми силами и при этом выпрыскивает на расстояние до одного фута свой накожный сок, от которого остается несколько капель на порах кожи. Так как я убедился, что опорожнение накожных желез происходит от произвольных мышечных движений, то я попробовал получить большое количество этого сока применением электричества. Для этого я тщательно вымыл нескольких животных, посадил их в чистый стеклянный сосуд, прикрытый стеклянной пластинкой, провел через отверстие этой пластинки проволоку электромагнита и мог подвергать животных действию электрического тока. Таким образом, я получил известное количество этого сока на стенках сосуда и на крышке».

Собранный таким образом сок был исследован и оказался ядовитым как при введении его в кровь, так и при попадании в желудок*.

** Для человека яд пятнистой саламандры не очень опасен, но у многих хищных животных он действительно вызывает серьезные отравления. Среднелетальной дозой, при которой половина лабораторных животных погибает, считается 1,2 мг на 1 кг веса жертвы. Прыткая ящерица, укусившая саламандру в область концентрации ядовитых желез (паротид), погибает буквально через 30 секунд, а гадюка — через четыре минуты. Поэтому, вероятно, в природе у огненной саламандры очень мало врагов. Ее могут поедать лишь ужи, некоторые крупные птицы и млекопитающие (например, кабаны). Яд пятнистой саламандры обладает такой сильной антигрибковой и антибактериальной активностью, что уничтожает, по некоторым данным, даже такие патогенные микроорганизмы, как холерный вибрион, палочку сибирской язвы и золотистый стафилококк. Предполагают даже, что первоначальная цель появления и использования яда саламандрой связана не с защитой от хищников, а с необходимостью содержать влажную кожу здоровой.*

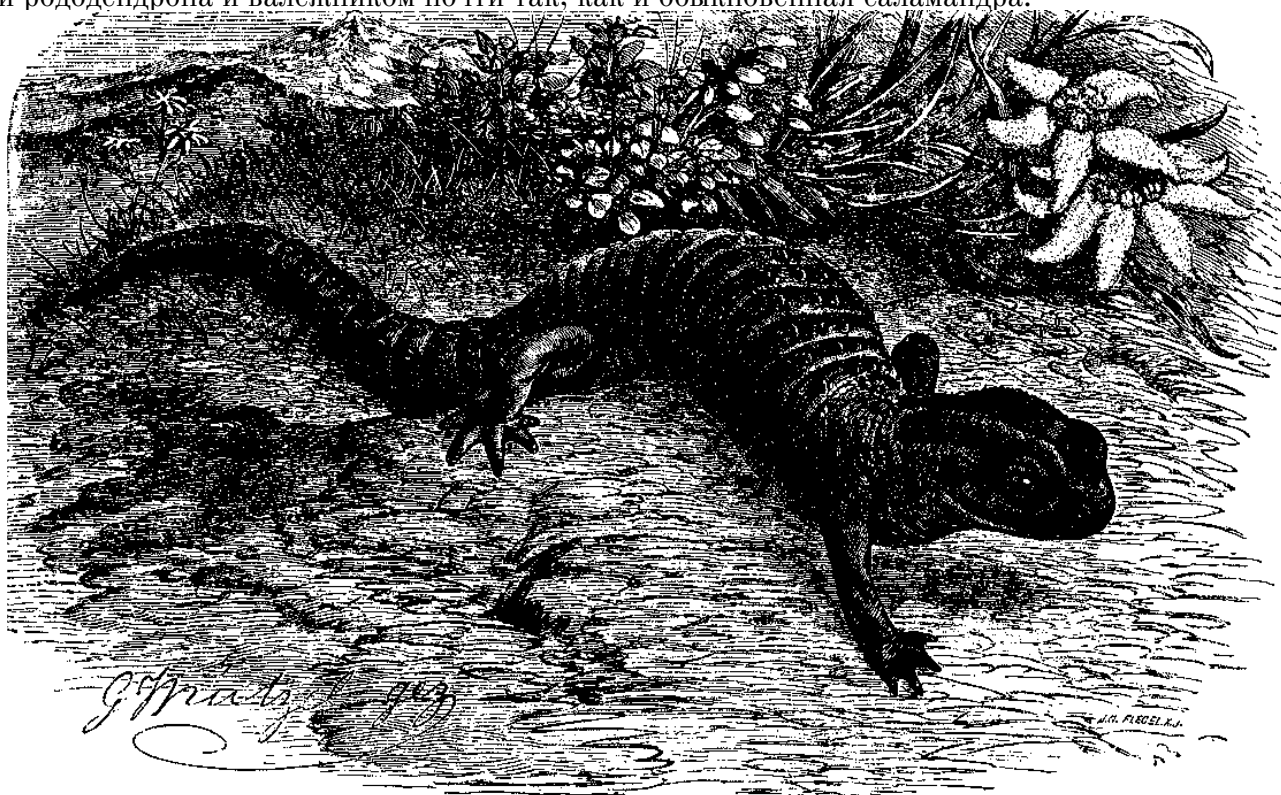
Абини даже заметил, что этот яд действует быстрее и сильнее, если его класть в рот птиц и лягушек, чем если его впрыскивать в кровеносные сосуды. Но животные, поевшие мяса отравленных этим ядом существ, остались здоровыми. Впрочем, при этих опытах удаляли ту часть тела, в которую был впрыснут яд, а также желудок и пищевод. Из своих опытов Абини выводит следующее: яд этот производит местное раздражение, что доказывается краснотой слизистой оболочки рта и языка у лягушек, которым налили в рот самый яд или раствор его в воде, а также тем, что птицы, получившие этот яд, сильно трясут головой и открывают клюв. При приеме больших доз птицы скоро умирают, а перед этим у них делаются судороги, сопровождаемые сильными болями и боязливым возбуждением; дыхание и сердцебиение ускоряются. Отравленная птица может летать, но не может прямо стоять на ногах; ноги и пальцы судорожно сжаты, птица ложится на бок и начинает быстро вертеться кругом. Тотчас после приема яда птица громко кричит от боли; смерть наступает иногда через минуту, но сердце продолжает после этого биться, и когда оно остановится, то его можно снова заставить биться посредством сильного раздражения; в таком случае сокращаются мускулы произвольного и непроизвольного движения. При незначительной дозе яда и более медленном действии его, как это обыкновенно бывает у лягушек, сначала усиливается кровообращение

и дыхание, затем происходит окоченение конечностей, а потом начинаются судороги, которые вначале продолжаются недолго, а впоследствии делаются непрерывными и замечаются в течение нескольких дней, пока кровообращение и дыхание постепенно ослабевают и наконец наступает смерть. Отравленные лягушки заметно изменяют цвет кожи, которая делается светлее и кажется более тонкой, причем испарение из нее значительно усиливается. Осадок от слизи, подверженный сначала действию чистой воды, а затем спирта, не выказывал более ядовитых свойств. Сгущенный посредством испарения спиртовой раствор был гораздо ядовитее водного; в спиртовом растворе образовались через день плавающие иголки, которые при испарении объединялись в щетки. Эти иголки оказались очень ядовитыми; они легко растворяются в спирте, эфире и в воде, а щелочи на них не действуют; водный раствор давал кислую реакцию. Действие сгущенного яда очень быстрое, и у человека тотчас же производит рвоту.

Саламандра при хорошем уходе может прожить в неволе несколько лет. У Петермана жила саламандра в течение 18 лет на туфовой скале среди аквариума; она каждый вечер подходила к известному месту, чтобы получить земляного или мучного червяка, если предварительно стучали пальцем о камень. Саламандру следует держать в помещении, где есть небольшой водоем и много норок, чтобы она могла прятаться. Ее можно кормить мучными и земляными червяками, насекомыми и слизняками; она пожирает также и маленьких саламандр. Замечательно, что это, по-видимому, столь бесчувственное животное быстро умирает от действия некоторых веществ, например на нее чрезвычайно вредно действует поваренная соль.

На Альпах обыкновенная саламандра заменяется родственным видом **альпийской саламандрой** (*Salamandra atra*), которая очень похожа на вышеописанную, но несколько стройнее и глянцево-черного цвета без пятен; она несколько меньше обыкновенной и редко бывает больше 11-13 см.

Область ее распространения простирается на Альпы Савой, Швейцарии, Тироля, Зальцбург и верхней Австрии, Штирии и Каринтии, а также на гористые страны Вюртемберга и Баварии, которые соприкасаются с Альпами. Она живет на высоте от 700-2850 м в большом количестве, например, по словам Гредлера, в Тироле в сырых лесах и ущельях, по которым протекают ручейки. Почти всегда она встречается обществами в несколько дюжин экземпляров под камнями, мхом, кустами рододендрона и валежником почти так, как и обыкновенная саламандра.

Альпийская, или черная, саламандра (*Salamandra atra*)

Это также ленивое, медленное и сонное существо, которое выходит из своих норок только при сырой погоде и погибает, когда наступает сильная засуха. Вследствие ее неподвижности тирольцы дали ей прозвище «Tatter-mann» или «tatter-mandl», что значит «мертвый человек», или, по местному смыслу этого слова, «пугало». Альпийская саламандра, по словам Шрейбера, отличается по способу размножения от обыкновенной саламандры. Она также родит живых детенышей, но не

более двух зародышей. Хотя в яичнике матки яйца довольно велики и объемисты и в яйцеводы проходит от 30 до 40 яиц, как у обыкновенной саламандры, но в каждом яйцеводе развивается только по одному зародышу за счет всех остальных: все яйца сливаются в один общий желток, который окружает зародыш до тех пор, пока он не разорвет яичной оболочки и не начнет свободно двигаться. В каждом яйцеводе остается около 15 неоплодотворенных яиц, которые сливаются в общую тягучую массу, служащую первой пищей для зародыша. Детеныш рождается тогда, когда вся эта масса уничтожена. Зародыш здесь вполне развивается, достигает величины 45-50 мм и заполняет собой задний конец прямого яйцевода, имеющего 35 мм длины и 1 см ширины; он там лежит с прижатым к телу и часто дважды загнутым хвостом, сильно двигается, часто поворачивается кругом и рождается или головой, или хвостом вперед. Жабры, которые похожи на жабры обыкновенной саламандры, но гораздо больше их, достигают почти половины длины тела, так что задняя ветвь их кончиком доходит до задних конечностей; однако эти жабры исчезают еще до рождения и у только что родившихся имеют вид небольших отростков или узелков; таким образом, если эту саламандру хотят увидеть в состоянии головастика, то ее нужно вынуть из тела матери. Для этого самку убивают, положив ее в спирт, который так мало действует на детенышей, что, вынутые из тела матери, они живут несколько недель. Эта удивительная живучесть доказывает, что детеныши могут жить без воды, и действительно самка кладет своих детенышей, если даже в неволе ей устроить помещение с водой, всегда на сухом месте. Таким образом, оказывается, что способ размножения альпийской саламандры очень своеобразен и не встречается у других животных этого отряда.

Развитие яиц требует столько же времени, сколько у обыкновенной саламандры, но времени от оплодотворения до рождения детеныша проходит гораздо больше, так как головастики остаются очень долго в теле матери. Самок с сильно развитыми детенышами редко находят раньше августа месяца, но оплодотворение происходит очень поздно вследствие холодного климата местожительства этой саламандры; итак, не только недостаток воды, но и климат влияет на своеобразный способ развития детенышей.

Чаще всего оба детеныша одной самки имеют одинаковую величину и рождаются почти одновременно, но в виде исключения случается, что один из них родится спустя несколько дней после другого. Это происходит, видимо, потому, что первоначально оплодотворенное яйцо погибает и вместо него развивается другое. Нередко случается, что в одном яйцеводе находят 2 или 3 яйца одинаково развитых, между тем как остальные более или менее скомканы, обезображены и слились вместе. Из этого следует, что все яйца одного помета одновременно оплодотворяются в яичниках или в яйцеводах, хотя только два из них вполне развиваются. Способ оплодотворения до сих пор еще не вполне разъяснен, потому что как у альпийской саламандры, так и у огненной не открыто еще наружных мужских половых органов; оплодотворение, однако, должно происходить внутри тела самки, и, следовательно, семя должно каким-либо способом проникнуть туда. Впрочем, наблюдали, что самец перед спариванием подползает под самку и крепко захватывает своими передними ногами передние конечности самки. Обнявшись таким образом на земле, оба животных тащатся в воду и остаются там несколько часов, отдыхая и плавая, пока спаривание наконец не кончится. Линька, по наблюдениям Шпенгеля, происходит так, что старая кожа удаляется движением подкожных мускулов до верхней трети хвоста; следовательно, этой саламандре не требуется для этого тереться о посторонние предметы; кожа задней части хвоста схватывается ртом, сдергивается и съедается самим животным. Во всем прочем эта саламанда вполне похожа на обыкновенную.

Тритоны (Triturum) отличаются удлиненным туловищем, четырехпалыми передними и пятипалыми задними ногами, сильно сжатым с боков, высоким хвостом, а также спинным гребнем, который у самцов сильно развит весной, во время спаривания. Дуга, идущая от глазничного отростка лобной кости к чешуйчатой части височной кости, у всех тритонов, кроме гребенчатого, имеет костяное и сухожильное строение. Небные зубы образуют две прямые линии, сильно сближенные спереди и далеко расходящиеся назад; передняя часть этих рядов доходит до поперечной линии, проходящей по заднему краю внутренних носовых отверстий. Язык не очень велик, круглый или яйцевидный и прирос к нижней коже полости рта продольной полоской, проходящей посередине нижней поверхности языка; боковые и задний края его более или менее свободны. Если придать этому роду более широкое значение, что ныне принято почти всеми натуралистами, то следует заметить, что хвост тритонов в исключительных случаях может быть и толстым, даже совсем почти круглым, но на нем всегда замечается вверху и внизу по гребню; кроме того, туловище у некоторых видов покрыто иногда поперечными складками, которые придают животному почти кольчатое строение. Наружный покров у тритонов не всегда гладкий, а иногда может быть зернистым и бородавчатым. Полы легко различаются по форме клоаки, наружные части которой у самца шарообразно вздуты, а у

самки имеют вид конуса, т.е. представляют строение, как раз обратное тому, какое можно было ожидать. Оплодотворение у тритонов происходит не посредством совокупления, но, по очень обстоятельным исследованиям Целлера, иным способом, именно самец откладывает в воду студенистые семянные комки в виде колокольчиков, пирамид или кружков; самки же отыскивают эти комки, отделяют из студенистой массы семя, имеющее форму острия, и всовывают себе это острие в отверстие клоаки. Семянные тельца проходят тогда во внутренность клоаки и доходят до трубок семенной сумки, в которой сохраняются, пока не явится необходимость в их деятельности. Движения, предшествующие этому способу оплодотворения, иногда очень похожи на совокупление и бывают различны у разных видов тритонов. 21 известный вид тритонов живут в Европе, северной Африке, западной Азии, северо-восточном Китае, восточной Азии и Северной Америке*; в Германии встречаются четыре вида их. Как исключение все эти четыре вида могут встретиться в одной луже, как это наблюдал Кернер около Кенигштейна в Таунусе**.

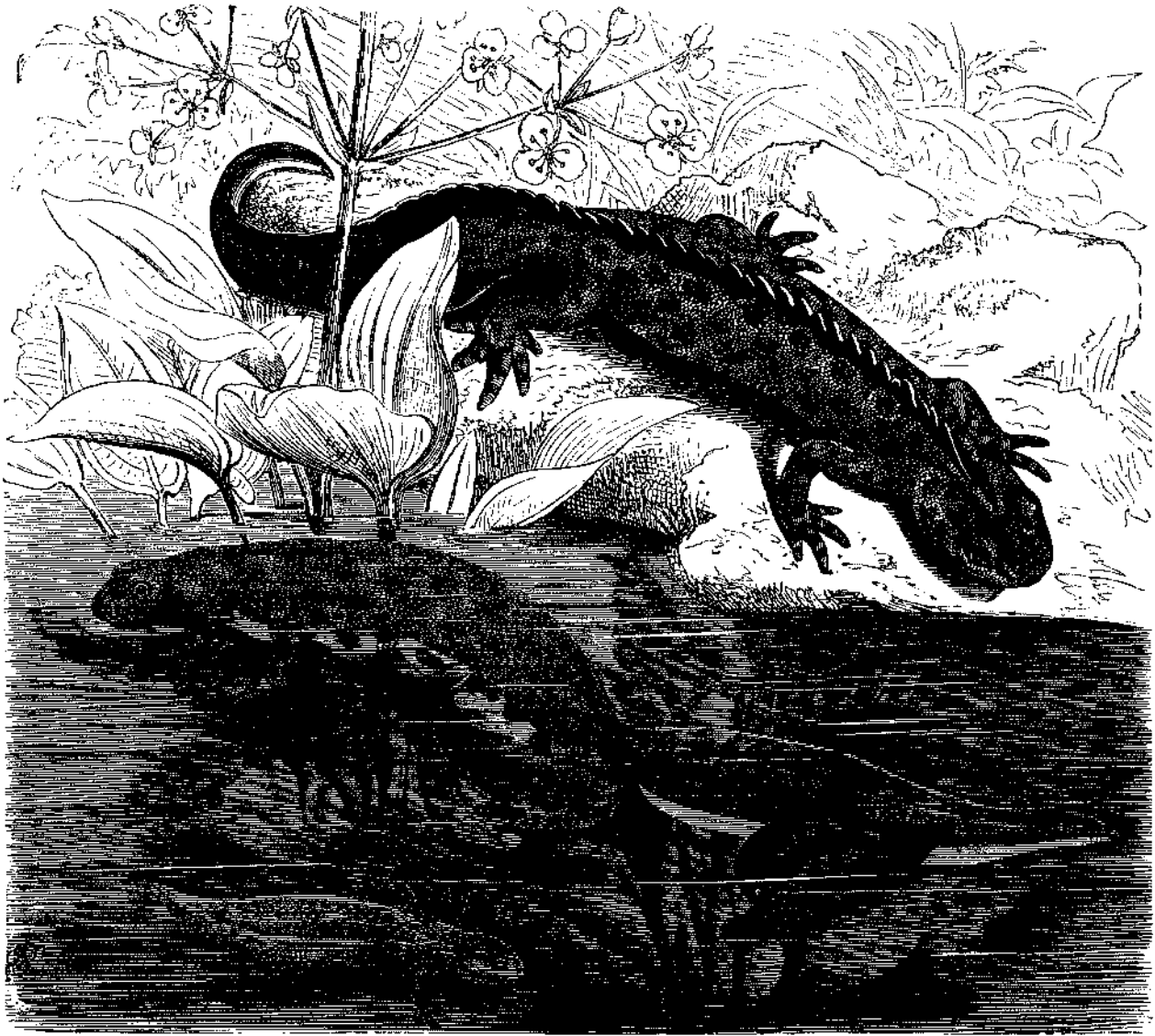
* Сейчас насчитывают 12 видов рода *Triturus*.

* * Род *Triturus* разделяют на две филогенетические группы, которым таксономически придают уровень подродов: *Triturus* (к нему относят, например, гребенчатого и малоазиатского тритонов) и *Palaeotriton* (включает обыкновенного, карпатского, нитеносного). Альпийского тритона либо причисляют к *Palaeotriton*, либо выделяют в самостоятельный подрод.

Гребенчатый тритон (*Triturus cristatus*) достигает длины 13-15 см и отличается совершенным отсутствием костяной или сухожильной височной дуги на черепе, зубчатым спинным гребнем и окраской брюшка. Основной цвет спины, боков, хвоста и верхней части конечностей темно-бурый с большими рассеянными черными пятнами, а на боках к ним примешиваются белые, часто сливающиеся между собой пятна. Нижняя часть тела, начиная от горла, ярко-желтого цвета с черными пятнами различной величины. Радужная оболочка глаза золотисто-желтая.

В брачном одеянии гребенчатый тритон сильно изменяется. На верхней части тела и на хвосте у самца возвышается высокий, сильно зубчатый кожистый гребень, который начинается уже на голове между глазами и продолжается до конца хвоста, но у основания хвоста имеет глубокую выемку*.

* За счет гребней, и складок кожи объем кожного дыхания у тритона больше легочного.

Гребенчатый тритон (*Triturus cristataus*)

Кроме того, желтый цвет нижней части тела переходит в ярко-оранжевый, а по бокам хвоста появляется беловато-синяя, как бы перламутровая полоса; на голове мы замечаем тогда очень красивый черный и белый мраморный рисунок. У самки и в брачном одеянии не бывает гребня, а вместо него часто замечается желтая спинная полоска, а желтый цвет брюшка переходит в серно-желтый и простирается без всяких пятен от основания хвоста до кончика его. На желтых пальцах появляются черные колечки.

Область распространения гребенчатого тритона простирается через Англию, северную и среднюю Францию, Бельгию, Голландию, Швейцарию, Швецию, Данию, Германию, Италию, Австро-Венгрию, Грецию, Турцию и Малую Азию, а также и через Россию. Известны четыре разновидности этого тритона, которые встречаются исключительно на юге и востоке Европы** и в западной Азии.

* * *Сейчас им придают ранг самостоятельных видов.*

Альпийский тритон (*Triturus alpestris*) заметно меньше предыдущего: длина его равняется 8-9, а самки 9-11 см. Височные дуги у него состоят из сухожилий, спинной гребень низкий, незубчатый, брюшко без темных пятен. Основной цвет спины бурый или шиферно-серый с темно-бурыми зубчатыми пятнами, которые по сторонам головы, тела и хвоста и на верхних сторонах конечностей переходят в круглые черные пятнышки на белом поле. На пальцах также заметны черные кольца. Нижняя сторона тела оранжево-красная и, кроме горла, без всяких пятен. Радужная оболочка золотисто-желтая с черными пятнышками.

В брачном одеянии у самца появляется на спине низкий, незубчатый гребень, начинающийся за головой и постепенно переходящий в плавник хвоста; гребень этот имеет беловато-желтую окраску с поперечными, короткими черными полосками, между которыми часто появляются короткие темные треугольные пятна, обращенные основанием книзу. Шиферно-серый цвет переходит на спине в синеватый, а около брюшка в светло-голубой; черные боковые пятна окружены белыми ка-

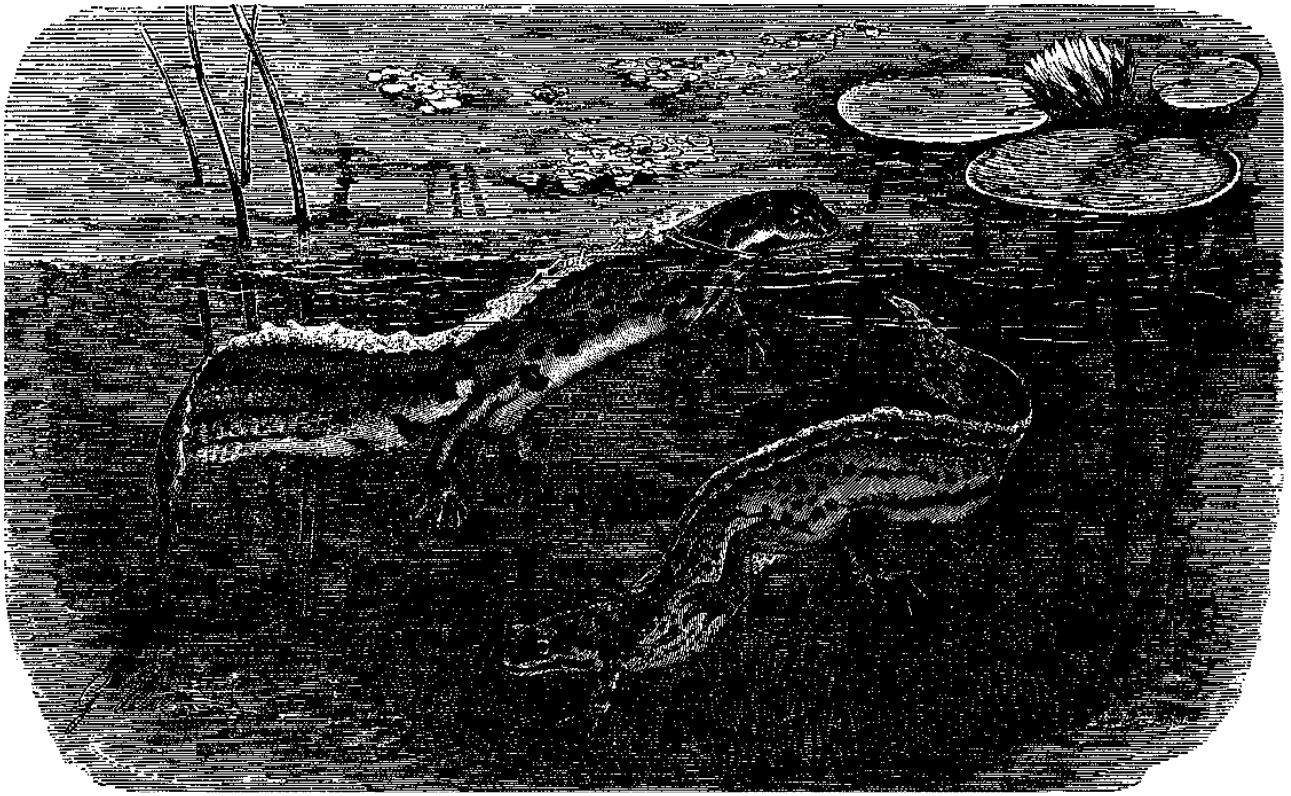
емками и иногда сливаются в полосы. Оранжевый цвет брюшка делается огненно-красным; верхний и нижний хвостовые плавники получают бледно-желтый цвет с темными пятнами, а по сторонам хвоста появляется ряд голубовато-белых пятнышек. У самки и в это время обыкновенно гребня не бывает или он только обозначен. Цвет спины у нее переходит в светлый или темно-серый, даже в бурый или черноватый и везде усеян темными точками. Большие черноватые зубчатые и местами сливающиеся пятна многочисленнее, чем у самца, и ярче выступают; черные ряды пятен по бокам тела непосредственно граничат с оранжево-желтым цветом брюшка, нередко расположены в светло-голубоватом поясе или по крайней мере окружены беловатыми точками; красно-желтый цвет брюшка распространяется по нижней стороне хвоста до его кончика, только на нижней стороне хвоста замечается несколько круглых черных пятен.

Альпийский тритон встречается в северной и средней Франции, Бельгии, Голландии и Германии, где его можно найти везде, кроме Северо-Германской низменности; он живет также в Швейцарии, Италии, Австро-Венгрии и северной Греции*. В горах кантона Ваадт он поднимается до 800 м, в северной Италии — до 2000 м, а в Граубюндене-до 2190 м.

** В последнее время сокращение численности альпийского тритона отмечено из-за загрязнения, высыхания и разрушения мест нереста и суровых зим. Он был внесен в Красные книги СССР, Украины и в Приложение III Бернской конвенции 1979 года по охране европейских видов дикой фауны и мест их обитания.*

Обыкновенный тритон (*Triturus vulgaris*) достигает 7,5-8,5 см длины и отличается своей височной дугой, состоящей только из сухожилия, гребень на спине зубчатый, самцы имеют на задних ногах пальцы, отороченные лопастями, брюшко пятнистое, на голове замечаются два неправильных ряда вдавленных железистых ямок, хвост на конце заостренный. Сверху тритон этот оливково-зеленого или бурого цвета, переходящего по бокам в нежный слабо-серебристый желтовато-белый цвет, нижняя сторона тела оранжево-желтая. На всем теле замечаются темные пятна.

В брачном одеянии у самца хвост делается выше и появляется гребень, начинающийся на затылке и распространяющийся кругом хвоста; около заднего прохода он не понижается, а, напротив, особенно сильно развит; на пальцах задних ног появляется оторочка. Верхняя часть тела делается оливково-зеленой, а брюшко ярко-оранжевым, причем этот оранжевый цвет в виде полосы продолжается на нижней стороне хвоста. Большие круглые темные пятна располагаются на туловище и хвосте в продольные ряды и на верхней и боковой частях головы сливаются в 5 продольных полос; над желтой полоской хвоста появляется голубоватая перламутровая блестящая полоска, прерванная поперечными темными пятнами. У самки в это время не бывает гребня, плавник на хвосте вверху и внизу имеет незначительную ширину, а на пальцах задних ног нет оторочки. Спина у нее светло-оливково-зеленая или бурая, желтовато-белый цвет по сторонам брюшка имеет слабый золотистый оттенок, оранжевый цвет на середине брюшка не так ярк, как у самца; темные пятна маленькие, но их больше, и они стоят теснее; пятна эти сливаются в узкие зубчатые продольные полосы не только на голове, но также и по сторонам живота и хвоста.

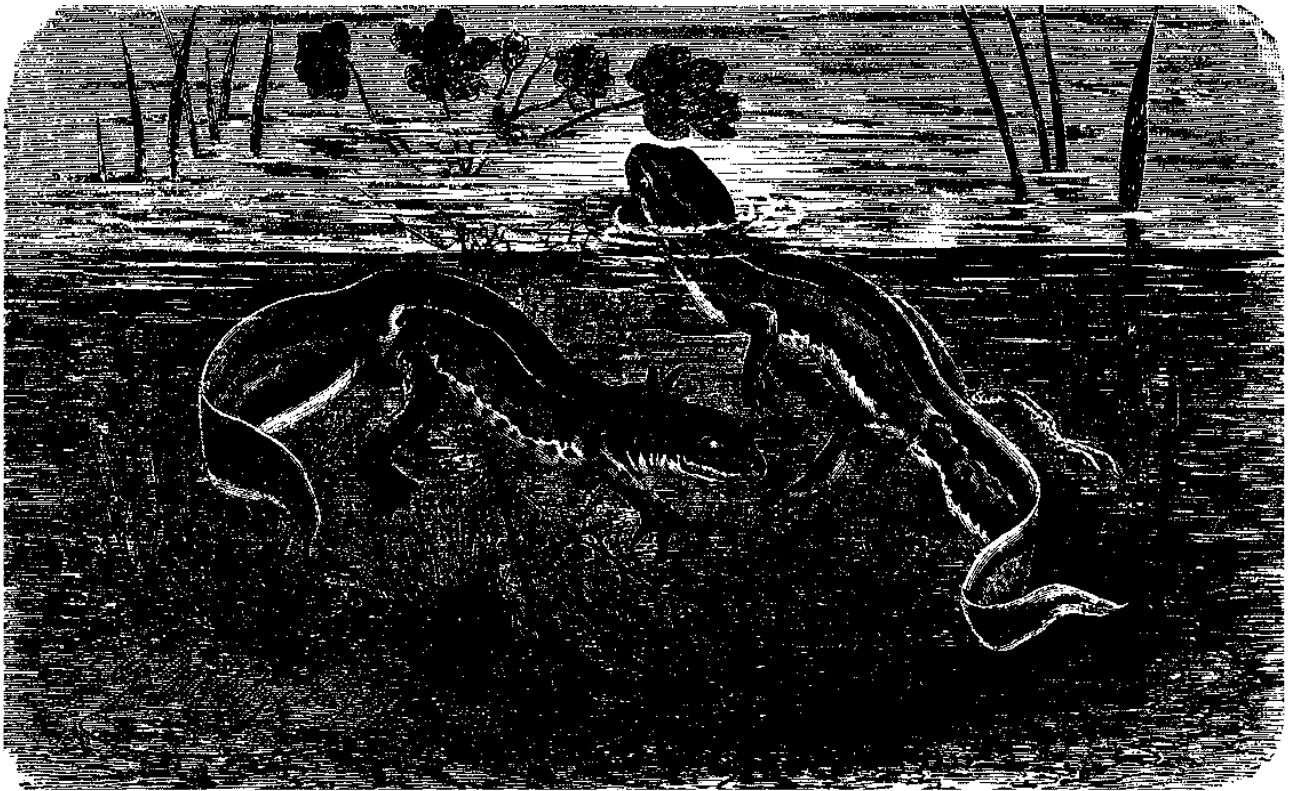
Обыкновенный тритон (*Triturus vulgaris*)

Обыкновенный тритон представляет самый обычный вид в Германии; он встречается во всей Европе, кроме южной Франции, Испании и Португалии, и живет также в Малой Азии до Армении. Разновидность этого тритона, во многих отношениях похожая на нитеносного тритона, встречается в северной Италии, на северо-восточном берегу Адриатического моря и в Греции.

Нитеносный, или перепончатоногий, тритон (*Triturus helveticus*) по росту равняется обыкновенному тритону, имеет 7-8 см длины. Туловище у него тонкое и стройное, и он отличается от всех других европейских тритонов своей костяной височной дугой; спинной гребень у него очень низкий, пальцы на задних ногах у самца соединены перепонками, горло не окрашено в яркий цвет, и по сторонам спинного хребта замечаются два ребра, так что разрез туловища оказывается четырехугольным. К тупому концу хвоста прикрепляется нить различной длины, которая направлена назад. Верхняя часть тела оливково-бурая с желтоватым отливом с темными пятнами, а на голове с такими же полосами; иногда на спине замечается слабый золотистый оттенок. Нижняя сторона тела матово-оранжево-желтая с немногими желтыми пятнами.

У самца в брачном одеянии вместо гребня появляется на спине низкая каемка, которая на верхней части хвоста образует плавник; пальцы на задних ногах соединены полной перепонкой; основной цвет головы, спины до боковой каемки и верхнего плавника на хвосте переходит в оливково-бурый цвет, бока головы, туловища и хвоста делаются металлически-желтыми, а нижняя половина тела по сторонам блестяще-белая; посреди брюшка проходит оранжево-желтая полоска. На голове появляется красивый мраморный рисунок из черных пятен, конечности имеют подобный же рисунок или совсем черные. На спине и боках много неправильных и неправильно расположенных темных пятен. Горло бесцветное, брюшко имеет лишь немного черных пятнышек, а пятна хвоста располагаются в две полосы, между которыми замечается голубоватая блестящая продольная полоса. У самки весной хвост низкий, перепонки между пальцами на задних ногах неразвиты и окраска однообразнее, так как темный цвет далее распространяется по бокам и мелкие пятнышки не так заметны. Нижняя сторона тела ярче окрашена, чем у самца, и оранжевый цвет брюшка переходит и на хвост до последней трети его.

Перепончатоногий тритон живет в северной Испании, Франции, Англии, Бельгии, Голландии, западной Германии и Швейцарии. Центральной частью его области распространения следует считать Францию.

Нитеносный, или перепончатоногий, тритон (*Triturus helveticus*)

По своим привычкам и образу жизни тритоны эти так мало друг от друга отличаются, что можно довольствоваться описанием одного из них. Я главным образом буду иметь в виду гребенчатого тритона и дополню описание некоторыми наблюдениями, относящимися к образу жизни других немецких видов.

Тритонов считают обыкновенно водными животными, и это отчасти верно, так как во время спаривания они всегда живут в воде, иногда проводят там несколько месяцев, а в иных случаях и совсем не покидают воды. Однако следует иметь в виду, что обычно они проводят некоторое время и на суше, а отдельные виды даже проводят там все время, кроме времени, необходимого для размножения. Во время спаривания и кладки яиц они предпочитают чистую воду, окруженную кустами, так как там они находят обильный корм; избегают они только быстротекущих рек и ручьев. Перепончатоногий тритон любит холодные горные ключи и окружающие их болота. На земле он двигается неуклюже и неловко, но в воде плавают очень быстро, главным образом благодаря своему широкому хвосту; они часто поднимаются вертикально на поверхность воды, чтобы набрать воздуха и, спустившись вниз, выпускают несколько пузырьков на поверхность; они опускаются вниз, змееобразно извиваясь, и бегают по дну, карауля или охотясь за добычей. Летом они выходят из воды и прячутся под корнями деревьев и в земляных норках, а позднее, осенью, собираются целыми обществами в зимних убежищах; однако те, которые отыскали себе пруд, куда втекает много ключей, часто остаются в нем и в холодное время года. По наблюдениям Лейдига, тритоны могут очень долго прожить без воды. «Я встречал их, — говорит этот наблюдатель, — на расстоянии нескольких часов пути от воды и не раз замечал, что лужи, в которых было много тритонов, во время жаркого лета совсем высохли и оставались без воды в течение нескольких лет; это относится отчасти к лужам, лежащим совершенно отдельно, например к луже, расположенной в каменоломне на горе, где кругом нельзя было найти никакой другой воды, которую могли бы посещать эти животные. Не без удивления заметил я, что, когда по истечении долгого времени лужи эти снова наполнились водой, тритоны опять появились там». Подобные же наблюдения были сделаны Мойсисовичем. Он пишет об этом следующее: «Холодное время на Пасху 1891 года, которое я провел на берегах Истрии, было причиной того, что драгирование в море не давало почти никаких результатов, так что мне пришлось заняться экскурсиями внутри страны. Каменистая, отчасти очень пустынная и неплодородная горная страна была местами тогда еще покрыта легким снежным покровом, и животных я находил только под камнями. Мы разворотили несколько сот обломков скал и нашли там довольно богатую добычу, состоящую из многоножек, скорпионов, а в местах, богатых черноземом, также земляных червяков (*Lumbricus complanatus*) вместе с личинками разных насекомых. Несколько раз я находил, как мне казалось, следы ящериц и три раза в местах, совершенно сухих, нашел окоченевших молодых обыкновенных тритонов, которые лежали, свернувшись в небольших ямках. Животные эти

были очень бледного цвета и по росту были наполовину меньше экземпляров, встречающихся около Граца, и, что было особенно удивительно, они сохранили еще свои наружные жабры. Это последнее обстоятельство я могу объяснить только тем, что недалеко находилась лужа, в которой животные совершали свое превращение и которая потом совершенно засохла. Но во время моего посещения кругом не видно было и следа воды, а с другой стороны, трудно предположить, чтобы животные появились здесь с далекого расстояния». Каждый собиратель жуков часто находит самок обыкновенного тритона летом и осенью под большими камнями. Тритоны переносят также сильные морозы: несколько раз этих животных находили совершенно замерзшими и, казалось, безжизненными, однако при оттаивании они снова оживали и проворно двигались; поэтому тритоны могут зимой очень хорошо проживать в таком водоеме, который не промерзает до самого дна. В подобных лужах тритоны, не спрятавшиеся на земле, появляются уже в конце февраля, весело плавают в воде, отыскивают друг друга, плавают попарно и, как рыбы, бьют один другого хвостами. Если около одной самки встретится много самцов, то они стараются оттеснить один другого и самый настойчивый из них в конце концов завладевает самкой. Это продолжается весной долгое время, иногда в течение нескольких недель.

Гаше наблюдал, что спаривающийся самец поднимает свой гребень, сильно двигает им и приближает свою морду к морде самки. При этом хвост у него постоянно двигается и так сильно сгибается, что бьет самку по бокам. Оба животных касаются друг друга головами, но задние части тела более отдалены и образуют между собой острый угол*.

** В последнее время активно изучают поведение тритонов. Установлено, что для ряда видов даже комбинации поз брачного танца являются видоспецифичными. Обычно такие демонстрации состоят из следующих этологических (поведенческих) элементов: показ бока — самец находится перед самкой боком и, как правило, под углом 60° к грунту; рывок — самец, изгибая у основания хвост, толкает ногами воду к самке, двигаясь задней частью тела по дуге относительно неподвижной головы; резкие удары кончиком хвоста самца перед головой самки; выгиб спины вверх; толчки мордой самца в тело самки; арка — расположение самца с изогнутым дугой телом над головой самки и вильяние при этом хвостом; обнюхивание самцом самки. Специалисты установили, что тритоны способны издавать звуки на частоте 3000-4000 Гц, продолжительность которых обычно не превышает 0,5 секунды. У них хорошо развито обоняние: число рецепторных щёток на 1 см² у обыкновенного тритона, например, достигает 200 тысяч, что превышает этот показатель для большинства хвостатых земноводных. Органы чувств тритонов играют важную роль в репродуктивном (половом) поведении, проявляющемся в многократном повторении в воде описанных выше элементов брачного танца (брачной игры).*

Целлер нашел, что у альпийского и иглистого тритонов, аксолотля и других хвостатых гадов не происходит настоящего спаривания, но что самец откладывает в воду своеобразно устроенные семенные пакеты и прикрепляет их ко дну лужи, а самка потом их отыскивает. Она отделяет от пакета семенной комок, окруженный студенистым веществом и забирает его в открытое отверстие клоаки. Целлер предполагает, и мы должны с ним согласиться, что этот способ оплодотворения может быть с некоторыми небольшими отступлениями свойствен также протее и вообще всем хвостатым гадам.

Только что положенное яйцо гребенчатого тритона, по словам Рускони, сначала шарообразное, беловато-желтого цвета и окружено клейкой массой, которая, однако, не тесно связана с яйцом. Если двигать яйцо в воде кисточкой, то оно постоянно ложится на ту сторону, на которой первоначально лежало. При этом можно заметить, что только одна половинка его белая, а другая, напротив, бурая, причем темный цвет соответствует желтку, а светлый — белку; белок всегда тяжелее желтка, и поэтому яйцо всегда ложится белком вниз. Уже через три дня форма яйца несколько изменяется и с помощью лупы можно видеть очертание зародыша. На пятый день зародыш принимает искривленное положение и можно различить голову, туловище и хвост и даже небольшие возвышения около головы, соответствующие будущим жабрам и передним конечностям. На седьмой день все отдельные части еще более выделяются и можно заметить складку, отделяющую голову от туловища; хребетный столб уже также заметен. На девятый день зародыш изменяет свое положение и можно видеть нижнюю часть головы и туловища; в это время хвост уже имеет вид тонкого придатка, заметны следы рта и глаз, зародыш начинает двигаться и сердце его сокращается и расширяется. Движения делаются еще чаще на десятый день; зародыш в течение 24 часов три или четыре раза изменяет свое положение, нижние части тела покрываются черными пятнами, по сторонам головы появляются четыре нити, которые, как мы увидим впоследствии, служат вылупившемуся из яйца головастiku для прикрепления к посторонним предметам. На следующий день на жабрах

появляются личинки и можно заметить движение еще беловатой крови. На двенадцатый день боковые личинки жабр выделяются яснее, движения зародыша очень быстры и разнообразны, так что стенки яйца во многих местах выпячиваются. На тринадцатый день оболочка яйца лопается, головастики вылупляются из яйца и посредством своих нитей прикрепляются к листьям и другим предметам; если прикоснуться к нему, то он двигает туловищем и хвостом, но обыкновенно по нескольку часов остается без движения. Иногда случается, что он без видимой причины вдруг как бы пробуждается, начинает плавать с помощью боковых движений хвоста, а затем снова прикрепляется к какому-нибудь листочку и остается без движения в течение многих часов. Иногда головастики падают на дно и там лежат, точно мертвые. Глаза едва открыты, рот еще почти не открывается, передние конечности имеют вид тупых отростков, но на жабрах вырастают все более и более личинок. С развитием внутренностей, которое происходит в это время, усиливается и животная жизнь головастика: он избегает того, что ему неприятно, и отыскивает то, что ему нравится. Он начинает охотиться за мелкими ракообразными, плавающими в воде, и ловко их схватывает; при сильном голоде он нападает даже на других головастиков и отгрызает у них жабры и хвост. Передние конечности постепенно развиваются, а когда головастики достигают 2 см длины, то появляются и задние конечности. По наблюдениям Бедряги, головастики достигают 50-82 мм длины, а через 3 месяца получают форму взрослого животного.

Лейдиг повторил наблюдения Рускони и распространил их на другие виды, так что сведения о развитии тритонов им значительно пополнены. «Медленное или быстрое развитие зародыша в яйце, — говорит он о гребенчатом тритоне, — в значительной степени зависит от температуры. Пойманные тритоны метали икру в начале апреля в комнате при 18°-19°, между тем как живущие на свободе делали это, когда в полдень в тени было 13°-14°. На свободе самка тритона всегда прикрепляет яйца по одному к разным предметам, находящимся в воде, охотнее всего к листьям живых растений, но в иных случаях также к оторванным стебелькам, кускам дерева и камням; в неволе или когда ее пугают, самка выпускает зараз несколько яиц короткими шнурами, которые падают на дно сосуда. Головастики тритона уже с самого раннего возраста легко отличаются от головастиков других земноводных. Вылупившийся из яйца головастик сохраняет еще некоторое время желто-зеленый цвет яичного желтка, а впоследствии появляются две черные полосы на спине и черные пятна на всем теле, так что желто-зеленый цвет понемногу исчезает, а на бледном хвосте образуется очень узкая беловатая каемка. В середине июля головастики, достигшие 5 см длины, бывают очень красивы. На четырех тоненьких ножках замечаются очень длинные и нежные пальцы, жабры, особенно передние, необыкновенно сильно развиты; белая каемка на хвосте стала шире и на конце образует постепенно утончающуюся нить, около 1 см длины; кроме тонкой черноватой сетки, замечаемой на туловище и хвосте, образуются большие черные пятнышки и ряд маленьких желтых точек на боках и на хвосте. Вообще основным цветом все-таки остается светло-оливково-бурый, на котором рассеяны отдельные черные пятнышки; стебельки жабр, бока и брюшко имеют золотистый оттенок. В начале сентября металлический блеск исчезает, цвет тела делается оливково-серым и кроме черных пятен появляются неясные белые пятна. Заметна бледно-желтая продольная полоска на животе и белые кожные бородавки по бокам тела. По внешнему виду головастик уже очень напоминает взрослого животного; жабры сделались гораздо меньше, и вместе с рыбообразной внешностью исчез золотистый и серебристый блеск, свойственный рыбам».

Шрейберс и Филиппи первыми наблюдали, что при известных стеснительных условиях зрелый в половом отношении тритон сохраняет внешний вид головастика и дышит жабрами. Именно у альпийского тритона несколько раз наблюдали головастиков, имеющих вполне развитые половые органы. Филиппи справедливо замечает, что это обстоятельство может служить доказательством в пользу происхождения видов одного от другого: оно, очевидно, приближает тритонов к рыбообразным амфибиям гораздо больше, чем до сих пор думали*. По мнению Лейдига, это явление, которое Кольман называет «неотенией», следует рассматривать, как приспособление животного к внешним условиям.

* *Иногда в искусственных водоемах с отвесными стенами (забетонированных прудах, колодцах), которые не позволяют земноводным выйти на сушу, действительно можно обнаружить неотенические (способные к размножению) личинки гребенчатых тритонов. На территории Московской области таких личинок находили в каналах водоснабжения, идущих от Учинского водохранилища к Москве. Известны такие находки из Молдавии, Украины (Карпаты), Германии. В наше время описаны неотенические популяции обыкновенного тритона, впервые выявленные в Абхазии и Гатчине под Санкт-Петербургом. А в Югославии, Греции и Италии обнаружены самостоятельные популяции альпийского тритона, состоящие практически*

только из неотенических личинок, которые размножаются и доживают в таком состоянии до 7 лет. Ряду таких популяций придают подвижной статус.

Тритоны уже с раннего возраста живут хищничеством и питаются исключительно животными веществами. Сначала они охотятся за очень маленькими существами, именно мелкими ракообразными, личинками насекомых и червями, позднее они преследуют более крупную добычу, например насекомых, плавающих на поверхности воды, мягкотелых земляных червей, головастиков и даже молодых тритонов; они также едят лягушачью икру. Вредными их назвать нельзя; скорее они приносят пользу, истребляя личинок комаров*.

** Около 90% пищи обыкновенных тритонов составляют личинки комаров-долгоножек, кусяк и толкунчиков.*

Кроме изменения в цвете, замечаемого во время размножения, тритоны обладают способностью более или менее произвольно менять цвет своей кожи; у них также замечаются подвижные пигментные клеточки. Лейдиг однажды поместил великолепно окрашенного в брачный наряд тритона, который до тех пор жил в большом бассейне, в маленькую банку, чтобы удобнее его срисовать. К удивлению своему, он заметил, что испуганное этим переселением животное заметно изменило цвет: окраска его стала очевидно бледнее. Когда животное снова переместили в просторный аквариум с водными растениями, то возбуждение его понемногу улеглось и через полчаса оно снова приобрело блестящую окраску. Уже это наблюдение должно было напомнить Лейдигу подобное явление у квакши и навести его на мысль о подвижных пигментных клетках; впрочем, вскоре он заметил еще более сильное изменение в цвете. Все жившие у него в холодном помещении тритоны отличались бледным цветом, между тем как те, которые жили при более высокой температуре, имели более темную окраску; когда Лейдиг перенес бледных тритонов в нагретую комнату, чтобы их срисовать, то окраска их изменилась: светло-шиферно-серый цвет превратился в темно-шиферно-синий и крупные, ясные, бурые пятна исчезли — одним словом, животные со всем изменили цвет. Это явление зависит, по словам Лейдига, от влияния нервной системы: возбуждение, страх и изменение температуры служат причинами изменения цвета. Земноводные жарких стран отличаются от наших в этом отношении тем, что перемена окраски у них не бывает так сильна и не так быстро совершается.

Весной тритоны линяют через 2—8 дней, после спаривания реже, а во время пребывания на суше, вероятно, вовсе не линяют. Хотя линька происходит довольно быстро, но, однако, она, вероятно, сильно влияет на животных, так как перед этим они теряют живость и делаются ленивыми. Перед самым линянием кожа делается тусклой и темной, так как отстает постепенно от тела; это, вероятно, служит причиной неприятного ощущения для животного, и потому-то тритоны и кажутся в это время не совсем здоровыми. Когда наступит время, тритон старается передними ногами образовать отверстие в старой коже около нижней челюсти, затем отделяет кожу головы около конца морды, сгибается всем телом то на правую сторону, то на левую, часто встряхивается и высовывает голову из воды. Повторяющимися искривлениями туловища и скребя свое тело передними ногами, он медленно сдирает с себя кожу; когда передние конечности уже освободились от старой кожи, он вертится и сильно встряхивается, так что морщинистая наружная кожа отодвигается к основанию хвоста, затем он схватывает ее пастью и сдирает целиком так, как человек снимает рубашку. Линяние обычно оканчивается в течение одного часа, но иногда длится два или более часов и необыкновенно утомляет тритона. Часто другие тритоны помогают линяющему и проглатывают захваченную в пасть кожу, но иногда не без усилия выделяют ее непереваренной. Случается, например, что проглоченная кожа отчасти торчит у них из заднего прохода и они всеми силами стараются ее вытащить лапами и ртом; это наблюдение, однако, требует подтверждения, и многие объясняют его тем, что у них слезает кожа также и с кишок. Если линяние происходит быстро и удачно, то отделившаяся кожа бывает очень красива: она вывернута, но нигде не разорвана, так что можно видеть каждый палец отдельно, только на месте глаз бывают две большие дырки. При обыкновенных обстоятельствах тритоны не издадут никаких звуков, кроме звука, происходящего от выпускания изо рта пузырьков воздуха. Однако они не совсем безголосые. Если их тронуть внезапно и довольно сильно, то они издадут ясный квакающий тон, который похож на голос других гадюк.

Жизнь тритона в неволе лучше всех описал Глазер. По его наблюдениям, животные эти неприхотливы и потому их нетрудно содержать в обыкновенном аквариуме. Там они довольно занимательны, очень прожорливы, и если ими много заниматься и часто кормить, то они делаются ручными. Если к ним приблизиться, то они стоят на дне аквариума, поднявши, как собаки, головы вверх и пристально смотря на каждого приближающегося человека, ожидая подачи. В первое время жизни в неволе они бывают робки и пугливы, постоянно прячутся, выходят на поверхность воды

минут через десять, чтобы выпустить воздух и набрать нового, но затем снова быстро прячутся в свои убежища. Когда же их начинает мучить голод и им дают возможность его утолить, то они делаются более смелыми и, наконец, до того ручными, что целый день остаются на виду в аквариуме, бродят по дну или плавают и внимательно осматриваются, стараясь разглядеть какую-нибудь добычу.

Тритоны, привыкшие к темноте канав и болот, видят своими маленькими глазами плохо. Они также очень неловки при схватывании и проглатывании добычи, вертят во все стороны головой, чтобы глубже запахать пищу в пасть, и глотают с трудом, кивая головой, приподнимаясь на передних конечностях и судорожно дергая всем телом. Иногда они зевают, в полном смысле этого слова, и вообще кажутся олицетворением лени и бездействия. Им годится всякая пища, они схватывают и проглатывают с жадностью совсем маленьких мертвых рыбок, которых подносят к их рту, но точно так же схватывают крошки хлеба, сырое мясо и всякие другие вещества. Поэтому их без всякого труда можно держать зимой в теплой комнате.

Из страха перед крупными тритонами молодые и мелкие виды постоянно прячутся. Полдюжины маленьких молодых черных тритонов в 3 см длины очень скоро были все съедены взрослыми, и Глазер наблюдал, что большие тритоны схватывали и проглатывали посаженных к ним обыкновенных тритонов. Вообще вместе с гребенчатым тритоном нельзя держать тритонов другого вида.

Большое удовольствие доставляет кормление тритонов земляными червями. При этом, так же как при кормлении мухами, они схватывают друг друга пастью за ноги, сильно вертятся и дергают и, наконец, отдаляются друг от друга; затем победитель возвращается и берет себе в награду добычу. Часто случается, что пока два больших тритона стараются схватить брошенное им насекомое, проворная лягушка, живущая с ними в одном аквариуме, быстрым прыжком издали схватывает добычу под носом неуклюжих и полуслепых тритонов. Так как тритоны плохо видят, то довольно трудно их заставить заметить пищу, прикрепленную к концу палочки; они часто из жадности хватают ртом мимо, иногда же случается, что они схватывают челюстями конец палочки, и тогда их можно вытянуть из воды. Глазер несколько раз видел, что гребенчатые тритоны с большими усилиями выедали прудовиков и катушек из их раковин. Эти мягкотелые далеко высовывают свое тело из раковины, выскивая себе растение для питания. Случается, что при этом они попадают на глаза голодному тритону и, хотя он очень неуклюж и непроворен в своих движениях, но все же схватывает еще более медленно двигающееся мягкотелое, сильным откидыванием головы постепенно вытаскивает его из раковины и проглатывает. Вероятно, в прудах, лужах и канавах улитки составляют главную пищу тритонов вместе с молодыми и маленькими животными собственного вида, между тем как на суше, под камнями и в норках, а также ночью, когда они вылезают на берег, они едят слизней и земляных червяков. Жившие у Глазера гребенчатые тритоны проводили жаркое летнее время в отверстиях туфа, выходящего в виде острова посреди аквариума, и при этом вовсе не двигались. Только когда стало прохладнее, они снова появились и стали искать пищу, причем охотно ели крупных комнатных мух. Глазер заметил, что тритон, проглотивший большую крылатую самку муравья, снова ее выплюнул и более ее не схватывал, хотя она шевелилась перед ним. Тритоны неохотно едят также сушеные муравьиные куколки, которыми зимой часто кормят золотых рыбок и лягушек. Один **американский тритон** (*Molge viridescens*) проглатывает, по наблюдениям Пике, маленькие раковины горошинки (*Pisidium*) вместе с их содержимым. Стерки описывает жадность гребенчатых тритонов почти так же, как и Глазер. «Если им давали, — пишет он мне, — большое количество земляных червяков, то они дрались долгое время между собой прежде, чем какой-нибудь из них дотрагивался до одного червяка, и это случалось даже тогда, когда всем хватало пищи. Часто они схватывали друг друга за верхнюю челюсть и долго дрались таким образом. Наконец озлобление их проходит и они начинают есть, причем случается, что два тритона, схватившие земляного червяка с противоположных концов, при заглатывании сталкиваются носами. Добыча обыкновенно не разрывается пополам, а более сильный тритон вытаскивает червяка из пасти другого». Мелкие тритоны ведут себя в аквариуме почти так же, как и крупные.

Над тритонами проводили наблюдения относительно их живучести и способности воспроизводить утраченные части тела. Уже давно были известны их нечувствительность к изменениям температуры и способность долго противостоять влиянию холода; также узнали, что отрезанные конечности у них снова вырастают. Спалланцани и Блюменбах производили над ними жестокие опыты, отрезая у них ноги, хвост и вырезая глаза. Опыты эти доказали, что все эти части тела полностью возобновлялись, причем заметили, что у выросших конечностей образовались новые кости со всеми суставами. Отрезанный хвост вырастает снова, бывает такой же величины, как старый, и в нем вновь образуются позвонки; отрезанные конечности вырастают вновь по несколько раз; даже

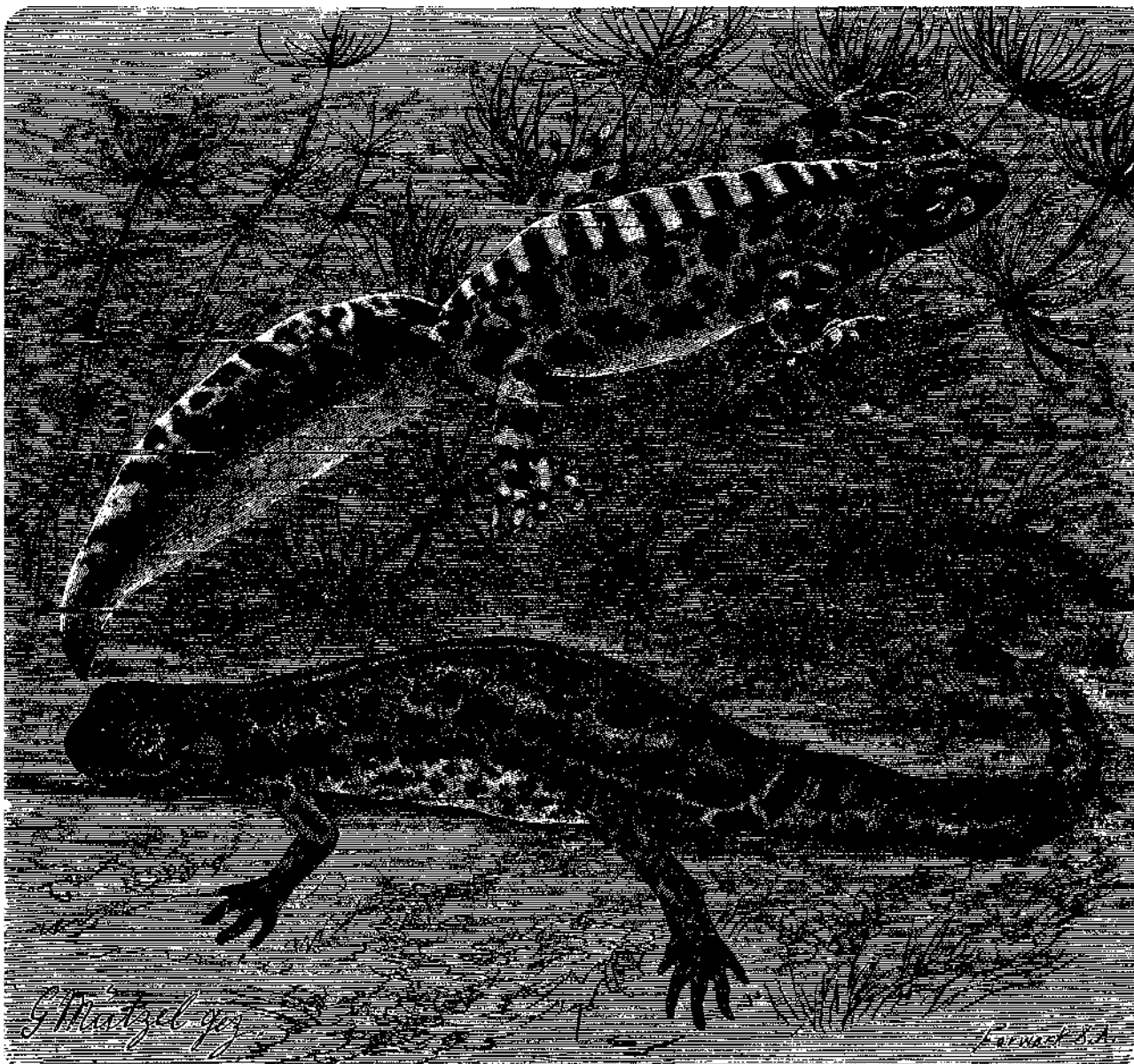
отломанные челюсти вырастают вновь. У Спалланцани в течение трех месяцев тритоны возобновили 687 отнятых костей. Блюменбах вырезал у тритона 4/5 глаза и убедился, что через 10 месяцев у него образовался новый глаз с роговой и радужной оболочкой, а также хрусталиком, одним словом, совершенно новый орган, отличавшийся от прежнего только несколько меньшей величиной.

Эрбер рассказывает пример живучести тритона. «Уж съел одного моего тритона, а затем скрылся. Месяц спустя в кухне отодвинули от стены ящик и нашли за ним, вероятно выплюнутого ужом, тритона; при движении ящика у тритона оторвали переднюю ногу; животное казалось совсем высохшим, и я едва обнаружил у него признаки жизни; я положил его на землю цветочного горшка. Когда стали поливать цветы и облили при этом тритона, то он зашевелился и даже попробовал ползти. Я тогда посадил его в чистую воду и стал кормить земляными червяками. Уже через несколько дней он стал двигаться быстрее, через три недели вместо оторванной ноги у него появился небольшой бесформенный отросток, а через 4 месяца нога выросла вполне. С этих пор на тритона стали обращать большое внимание, и он скоро научился ползать по стеклу и брать пищу из рук. Банка, где он жил, стояла между рамами окна. Поздно осенью в сильный мороз вода замерзла и банка лопнула. Тритон при этом также замерз, но так как я хотел посадить его в спирт, то поместил остатки банки в большой сосуд с водой и поставил его на плиту, чтобы лед растаял; при этом я совсем позабыл о тритоне, но скоро заметил, что он снова ожил от теплоты и всеми силами старался спастись из горячей ванны. Я его снова посадил в холодную воду и после этого происшествия он прожил у меня еще целый год».

Самым красивым из европейских видов следует считать **мраморного тритона** (*Triturus marmoratus*), животное от 13-14 см длины, которое отличается от других видов своими сухожильными дугами, незубчатым спинным гребнем и темным брюшком с белыми пятнами, у самца весной замечается высокий прямой спинной гребень, который у основания хвоста образует глубокую выемку, а у самки вместо гребня на спине есть бороздка. Кожа у этого тритона постоянно неровная и бородавчатая; на голове за ушами и по боковой линии очень заметны маленькие отверстия железок. Верхняя сторона травяно-зеленого или оливково-зеленого цвета с мраморным черным рисунком; спинной и хвостовой гребни покрыты поперечными черными и белыми полосками; по сторонам хвоста проходит серебристо-белая полоска. Нижняя сторона тела серая, бурая или черная с крупными черными и мелкими белыми пятнышками; иногда и здесь образуется мраморный рисунок. На зеленых пальцах замечаются черные колечки. У самки вместо спинного гребня бывает оранжево-желтая или красная спинная полоса. Это красивое животное живет в Португалии, Испании и Франции*.

** Такая великолепная расцветка достаточно крупного тритона (общая длина до 16 см) стала причиной вылова мраморного тритона террариумистами, в связи с чем его численность заметно сократилась.*

Хотя мраморный тритон встречается во Франции чаще огненной саламандры, он все-таки принадлежит к числу редких хвостатых земноводных этой страны и настоящим его отечеством следует считать скорее Испанию. Только ранней весной, по словам Латаста, можно его видеть в канавах, ключах и лужах, в прочее же время года он живет на суше, как и огненная саламандра, в сырых и тенистых местностях и чаще всего парами; здесь он и зимует. Это — ночное животное, как и саламандра, и питается он тем же, чем и она.

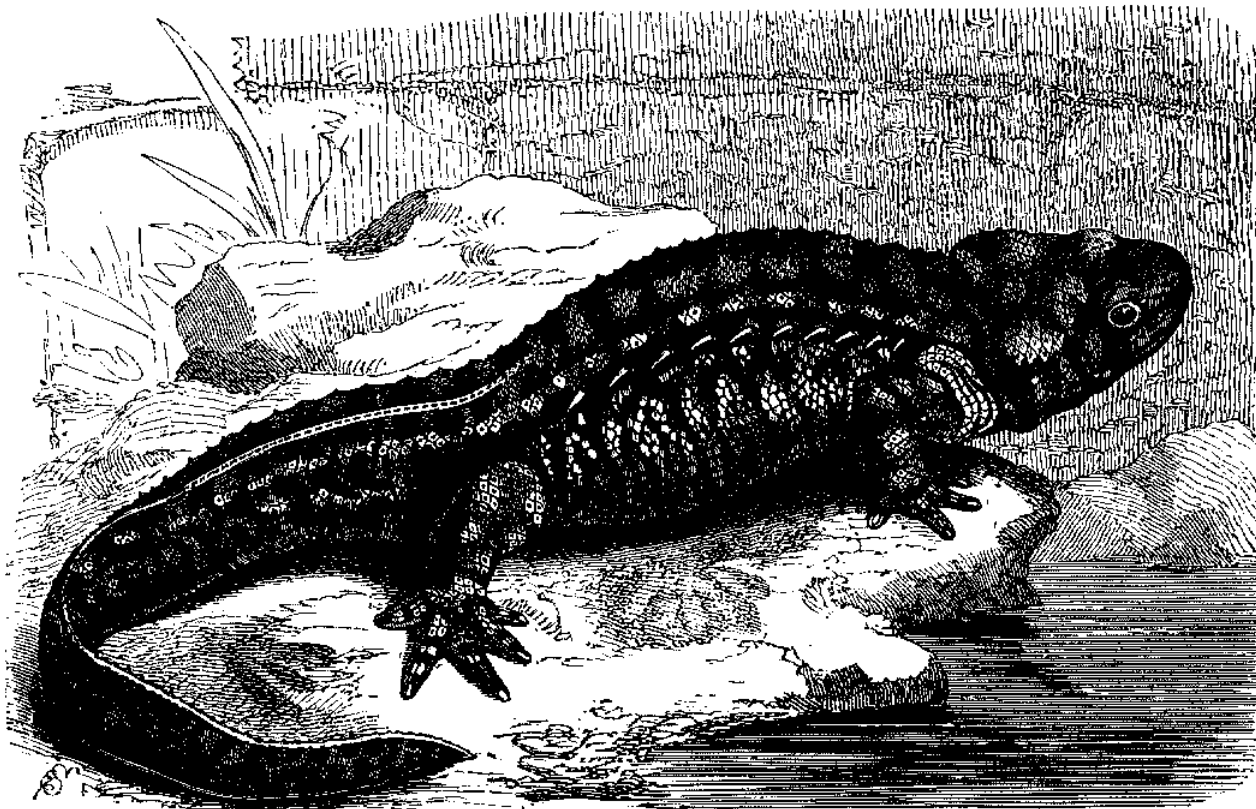

Мраморный тритон (*Triturus marmoratus*)

Оплодотворение и кладка яиц происходят так же, как и у других тритонов. «Головастики, — говорит Гаше, двигаются очень быстро, плавают толчками, никогда не приближаются к берегу, а держатся всегда в середине водоема и очень долго остаются на поверхности воды, не двигаясь с места. При малейшем волнении или если приближается к ним какой-либо предмет, головастики быстро спасаются и очень ловко ныряют». Мраморный тритон размножается от начала февраля до конца мая; головастики его, очень похожие на головастиков гребенчатого тритона, но отличающиеся от них зеленым оттенком, были пойманы Латастом в середине апреля и имели тогда 7 см длины; 15 мая они превратились во взрослых животных. Бедряга говорит, что головастики этого тритона достигают 43-70 мм длины. Когда мраморный тритон выходит на сушу, то его гладкая слизистая кожа, как и у других тритонов, делается матовой и зернистой. Если его внезапно бросить в воду, то, по наблюдениям Фишера, все его тело покрывается серебристым слоем воздуха и он может тогда нырять только с трудом.

Иглистый, или ребристый, тритон (*Pleurodeles wain*) имеет туловище стройное и удлиненное, однако довольно сильное, длина головы несколько превосходит ее ширину, морда тупая, плоская и округленная, как у жабы, хвост сильно сжат с боков и имеет вид лезвия ножа, на конце округленный и с тонким плавником как сверху, так и снизу. Ни у самца, ни у самки нет кожистого гребня на спине, височная дуга костяная, небные зубы так сильно придвинуты вперед, что стоят гораздо дальше внутреннего носового отверстия. Кругловатый язык невелик, прикреплен спереди и свободен сзади и с боков. Передние ноги имеют по 4, а задние — по 5 пальцев, не соединенных перепонками. Наружная кожа железистая и зернистая, а на границе между спиной и боками проходит ряд крупных роговых бугорков, из которых часто выступают очень острые концы ребер. Михаэллес говорит, что спина этого тритона грязно-бурого цвета с серым оттенком и малозаметными

пятнами, брюшко же охрово-желтого цвета с маленькими круглыми черновато-серыми пятнами. Шрейберс, который наблюдал большое количество этих тритонов, утверждает, напротив, что основной цвет верхней части тела грязноватый охрово-желтый, который у старых самок переходит в серый, а у самцов в красный оттенок, иногда же у последних делается бурым, оливково-зеленым и даже черноватым. Нижняя сторона тела обыкновенно бледнее верхней и покрыта довольно мелкими, неправильно округленными черноватыми пятнами, которые стоят отдельно или иногда более или менее сливаются; в виде исключения же их бывает так много, что они почти совсем вытесняют основной цвет. Нижний край хвостового плавника и кончики пальцев желтоватые или оранжево-желтые, много-численные бородавки на теле имеют на конце черные роговые шишечки. Молодые тритоны отличаются от старых более светлой окраской, переходящей в кирпично-красный цвет с верхней стороны и одноцветным брюшком. Большие головастики имеют сверху беловатый или светло-желтый цвет с многочисленными, большей частью сливающимися, темно-пепельно-серыми пятнами, нижняя же сторона тела белая со многими мелкими серыми точками. Из трех пучков жабр средний самый короткий, между тем как задний длиннее других и кончик его доходит до сгиба передних конечностей. Хвост имеет длину, равную длине тела, сильно сжат с боков и сверху имеет очень высокий плавник. Кожа у головастиков почти гладкая. Вполне взрослые экземпляры имеют 18-21 см длины, но могут достигать и 23 см; эти крупные экземпляры встречаются в северной Африке. Молодые, только что окончившие свое превращение тритоны длиной около 6 см, однако нередко встречаются головастики, которые по величине не уступают взрослым тритонам и бывают вдвое длиннее только что окончивших свое превращение молодых, а по объему тела превосходят их в 6 или 8 раз.

Иглистый, или ребристый, тритон (*Pleurodeles waltl*)

Иглистый тритон отличается от других хвостатых земно-водных более по своему скелету, чем по внешнему виду и окраске. У него большое число позвонков, именно 56: первый позвонок не имеет ребер, а 14 следующих имеют хорошо развитые ребра, которые прикрепляются к поперечным отросткам позвонков двумя головками, имеют очень острые концы и бывают около 8 мм длины. К большим поперечным отросткам шестнадцатого позвонка прикрепляются тазовые кости, а к ним задние конечности; прочие позвонки находятся в очень длинном хвосте. Ни у одного тритона нет такого большого количества и столь развитых ребер. Череп у него округленнее и более плоский, чем у других тритонов, и отличается костяной височной дугой. На краю челюстей сидят острые зубы, число которых на каждой челюсти бывает 48-60; старые животные имеют меньше зубов, чем молодые. У последних на каждой небной кости замечается 12 костных очень маленьких зубов, между тем как у взрослых там остается только пилообразная полоска.

Иглистый тритон был найден только в юго-западной Испании, Португалии и Марокко и, по-видимому, живет здесь только в известных местностях. Вальтль, открывший его и в честь которого он назван, нашел его в водохранилищах, которые часто встречаются в Андалусии. Некоторые из этих водоемов имеют 6-10, а иные даже 30 м глубины, и только немногие из них так устроены, что можно в них ловить тритонов с помощью длинной палки и сачка. Тритоны живут тут в большом количестве, но ловить их по вышеуказанным причинам трудно, и любознательному натуралисту приходится довольствоваться наблюдениями издали. Позднее узнали, что этот тритон встречается не только в водохранилищах, но также в прудах и лужах, где его гораздо легче ловить. Бедряга предполагает, что взрослые тритоны этого вида могут хорошо жить в глубоких водах, но для размножения своего требуют непременно неглубоких луж. Несомненно, иглистые тритоны попадают в глубокие колодцы против их воли, но, по-видимому, живут всю свою жизнь в воде. Накожные выделения у них слабее, а живучесть сильнее, чем у других тритонов. Это ночные животные, которые предпочитают темные места светлым, растут очень быстро и чрезвычайно прожорливы. Зимой они линяют ежемесячно и, как другие тритоны, проглатывают свою кожу.

Перед спариванием самец, по словам Латаста, залезает под самку, сжимает ее передние ноги спереди назад своими лапами, и животные остаются в таком положении в течение нескольких часов. Бедряга наблюдал это спаривание, которое происходит в воде в течение нескольких дней, но ни он, ни другие натуралисты не видели переноса семени на яйца. Бедряга предполагает, что гребенчатый тритон кладет икру два раза в году: в июле и августе, а затем в феврале и марте.

Лейдиг старался доказать, что часто случающееся прободение кожи кончиками ребер есть явление болезненное и происходящее оттого, что животное сильно сжимается, когда его схватывают, и острыми концами своих ребер защищается от врага. Может быть, он и прав, но прободение кожи ребрами так часто замечается у животных и на свободе, как доказал Бедряга, что это явление следует считать отличительной особенностью этого странного животного.

Очковые саламандры (*Salamandrina*) отличаются главным образом тем, что у них по 4 пальца на всех конечностях и височная дуга костяная; туловище у них вытянутое, хвост круглый, на конце острый и с острым ребром наверху и внизу; на голове нет зашных желез и кожа всего тела зернистая. Небные зубы образуют два сначала почти параллельных, а сзади сильно расходящихся ряда, передний край которых не заходит далее внутренних носовых отверстий. Язык большой, длинный, спереди суженный, сзади плоско закругленный и приросший передней частью, так что не только задняя половина, но и бока языка свободны.

Единственный вид этого рода — **очковая саламандра** (*Salamandrina tetradigitata*), которую итальянцы называют таранталлина. Верхняя часть тела матово-черная, причем желтовато-красный очковый рисунок над глазами очень ясно выделяется; на черном горле находится белое пятно, а на светлом брюшке много неправильных черных пятен и точек; место около заднего прохода, внутренняя сторона конечностей и нижняя сторона хвоста красивого карминно-красного цвета. По росту это животное гораздо меньше обыкновенной саламандры; длина его достигает 8-10 см, из которых 2/3 приходятся на хвост.

Эта красивая саламандра живет на берегах Средиземного моря, в северной и средней Италии и на острове Сардиния. Она встречается в гористых и тенистых местах, однако высоко в горы не заходит, а предпочитает холмистые местности с умеренным климатом. До 1863 года сведения об очковой саламандре были отрывочными и даже появившееся в вышеназванном году небольшое сочинение Раморино осталось малоизвестным. Только в 1868 году Лессон издал подробное описание этого животного, которое впоследствии еще и дополнил.

В окрестностях Генуи очковая саламандра очень обыкновенна и часто встречается в горах, окружающих в виде амфитеатра этот красивый город. С этих гор течет в море много маленьких ручейков, которые после ливней превращаются в бурные потоки, а затем почти совсем пересыхают, причем кое-где остаются только небольшие лужи, в светлой воде которых растет много растений и живут многочисленные личинки насекомых. Горы эти не покрыты ни лесом, ни даже кустарн и ком. Очковые саламандры держатся вблизи вышеупомянутых луж, прячутся там под камнями или даже живут в полузасохшем иле. В дождливые дни, особенно весной и осенью, саламандры выходят из своих убежищ; летом же это случается только после больших ливней, которые, однако, в окрестностях Генуи очень редки в это время года. Гораздо чаще их можно видеть в светлые и тихие зимние дни, даже в январе. Они питаются главным образом муравьями и маленькими пауками. В первые теплые весенние дни, именно в марте, очковые саламандры отправляются в воду, чтобы класть яйца, и тогда можно видеть самок в вышеуказанных лужах. Появившиеся первыми выбирают себе лучшие места, именно стены скал, которые не подвержены сильному прибою воды, так что прилеп-

ленные к ним яйца не так легко смываются усилившимися после дождя потоками. Когда заняты лучшие места, то прочие самки должны довольствоваться теми, которые остались незанятыми, и прилепляют свои яйца к стеблям и веткам лежащих в воде растений, а также к листьям на дне лужи. Очень часто случается, что множество яиц смываются водой и уносятся в море, иногда же, но гораздо реже, они погибают, потому что лужи летом совсем высыхают. По наблюдениям Лессона, только самки отправляются в воду; по крайней мере ни этот натуралист, ни один из его помощников не заметили там ни одного самца. Спаривание, следовательно, происходит на суше.

Очковая саламандра или таранталина (*Salamandrina terdigitata*)

Положенные яйца окружены слизью, как у лягушек, и по развитию своему сначала ничем существенно не отличаются от развития лягушачьей икры. На 18-й день своей жизни на свободе у головастика образуются пальцы, а через 50-52 дня превращение вполне закончено. Вообще головастики очковой саламандры гораздо менее подвижны, чем головастики лягушек: они подолгу лежат на дне на каком-нибудь камне и изредка только двигаются, чтобы схватить добычу. По наблюдениям Лессона, они, несомненно, питаются исключительно маленькими животными, следовательно, должны быть причислены к плотоядным. Лессон сам видел, как они глотали личинок насекомых, а также другим путем убедился, что головастики погибают, если им не давать животной пищи. Камерано воспитывал много головастиков очковых саламандр, но они почти все у него погибли; ему пришло на мысль кормить остальных мясом: он разрезал сырое мясо очень тоненькими полосками, прикреплял их к концу проволоочки и шевелил ими в воде, чтобы придать мясу вид живых существ. Головастики глотали мясо с жадностью; их кормили таким способом в течение 15 дней, и они вполне окончили свое превращение через 55 дней после вылупления. Жабры почти совсем пропали за пять дней до окончания превращения, и головастики часто поднимались на поверхность воды, чтобы набрать воздух в легкие, что, впрочем, они делали и раньше.

В июне в удобных местах можно видеть молодых, только что развившихся очковых саламандр, а на следующий год они достигают настоящей величины. Они бегают медленно и плавают посредством боковых движений своего хвоста, но, однако, довольно слабы, так что после ливней их часто уносит с гор водой. После метания икры они линяют; кожа их выделяет слизь так же, как у обыкновенной саламандры, но гораздо в меньшем количестве. По наблюдениям Фишера, очковая саламандра не имеет, как другие тритоны, способности возобновлять отрезанный хвост и конечности.

Тот же натуралист заметил, что светлый рисунок на голове очковой саламандры подвержен многим изменениям: у самцов его может даже совсем не быть. Хотя она часто встречается в некоторых местах, но в большом количестве этих саламандр можно видеть только весной или осенью. При прикосновении она лежит без движения. Сухая, неслизистая кожа менее чувствительна к теплоте, чем у других саламандр. Очковая саламандра — дневное животное и при своих движениях главным образом руководствуется зрением; кроме того, у нее, по-видимому, хорошо развит вкус. Голоса у нее нет, и ее трудно испугать каким-либо шумом. В воде она живет только во время метания икры. Если ее кормить живыми мухами и личинками жуков, то она очень хорошо переносит неволю, а

также хорошо уживается с другими особями своего вида; воспитателя своего они не узнают, и вообще понятливость их крайне слаба.

Семейство амбистомовые

Один из первых испанских путешественников, Хернандец, рассказывает, что около города Мехико в озерах живут рыбы с мягкой кожей и четырьмя ногами, похожими на ноги ящериц, и что эти рыбы бывают около локтя длины и около дюйма толщины: их называют аксолотлями*.

** Современное название этих животных амбистомы. Неотеническая личинка амбистом называется аксолотлем (в буквальном переводе с языка ацтеков — «водяная игрушка» или «играющая в воде»). До сих пор в современной популярной литературе иногда используется неверное ее название «амблистома» (Amblystoma), хотя еще в 1907 году Штейнегер (Стейнегер) указал на эту ошибку.*

Голова у них большая и плоская, а пальцы как у лягушек, окраска черная или с бурыми пятнами. Животное это поражает своим необыкновенным и странным видом. Мясо его похоже на мясо угря, здорово и вкусно; его едят жареным, печеным и вареным, причем испанцы обыкновенно приправляют его уксусом, перцем и пряностями, а мексиканцы едят его с красным перцем. В другом месте этот писатель говорит о головастиках этих животных, которых индейцы охотно едят и часто даже приносят на рынки.

Долгое время никто не обращал внимания на эти сведения, хотя Хернандец был тонкий наблюдатель и прекрасно описал это животное; наконец аксолотля привезли во Францию, и тогда ученый мир ознакомился с ним. Подробное описание было сделано Кювье по двум экземплярам, привезенным Гумбольдтом из Мексики. Они по росту были похожи на саламандр, а по внешнему виду — на головастиков тритонов, и как Гумбольдт, так и Кювье считали их головастиками. Туловище у них было короткое, голова плоская и шире, чем у других тритонов, хвост сжат с боков и наверху имел невысокий гребень, который продолжался и на спине. На передних конечностях было по 4, на задних — по 5 пальцев. Окраска у них была довольно однообразная, зеленовато-темно-бурая с черными пятнами и белыми точками*.

** Окраска этого вида более разнообразна: от коричневой до темно-оливковой с желтыми пятнами и полосами, хотя другие виды имеют преимущественно желтую, розовую, оранжевую, красную и голубую окраску. Личинки также крайне изменчивы в окраске. В неволе особенно часто содержат альбиносов (от лат. albus белый) особей, обладающих врожденным отсутствием пигментации кожных покровов и радужных оболочек глаз, в результате чего они имеют молочно-белую окраску и красные от просвечивающих кровеносных сосудов жабры.*

После первых двух экземпляров в Европу привозили много других особей, очень похожих на первых. Поэтому предполагали, что это и есть окончательная форма животного, тем более что аксолотли походили на некоторых других хвостатых земноводных, которые также были известны только в виде головастиков. Таким образом, и Кювье был принужден причислить аксолотля к земноводным, сохраняющим жабры на всю жизнь, но сделал это не без колебаний и извинился в этом следующими словами: «Я должен причислить аксолотля к земноводным, сохраняющим жабры на всю жизнь, так как многие наблюдали, что он никогда их не теряет».

Таковы были сведения об этом животном до 1865 года. Все натуралисты следовали мнению Кювье, хотя Берд говорит, что у аксолотля слишком сильно выступают признаки головастика, чтобы можно было сомневаться, что это есть несовершенное животное и что ненахождение вполне развитых аксолотлей не может служить доказательством их совершенного отсутствия. Некоторые же другие натуралисты не считали возможным сомневаться в достоверности прежнего взгляда и утверждали на основании точных наблюдений, что аксолотли не имеют дальнейшего превращения. В пользу последнего мнения говорили, правда, очень необстоятельные наблюдения над жизнью этих животных на свободе. Из сообщений Соссюра и других наблюдателей узнали, что в Мексике никогда не видали аксолотля без жабр и никогда не находили таких аксолотлей около озер, где они живут, между тем животные эти встречаются в Мексике в огромном количестве и их привозят тысячами на рынок для продажи.

Наконец акклиматизационный сад в Париже получил 6 живых аксолотлей и передал их в богатую коллекцию живых животных, содержащихся в Парижском Jardin des plantes. Животные эти жили целый год в аквариуме, ели и вели себя, как другие головастики тритонов, как вдруг с 18 февраля 1865 года у них стали замечать необыкновенное возбуждение. У самца и у самки сильно распухли края заднего прохода, и самцы, усердно преследуя самок, выпускали семя в воду. На следующий день самка начала класть яйца совершенно так, как это делают наши тритоны, и окончила это дело на следующий день; шесть недель спустя снова повторились вышеописанные явления*.

** Некоторые самцы тигровой амбистомы подражают поведению самок, провоцируя других самцов откладывать сперматофоры, не подбираемые самкой. Таким способом они пытаются уменьшить число конкурентов за самку и увеличить возможность своего собственного репродуктивного успеха.*

Дюмериль оба раза велел вынуть растения, к которым были прилеплены яйца, и поместил их в особый сосуд. Оказалось, что почти все яйца были оплодотворены и головастики стали вылупляться через 28-30 дней. Сначала у них, через несколько дней открылся рот и головастики стали с жадностью хватать плавающих в воде мелких личинок и ракообразных, а затем развитие их шло правильным путем. К началу сентября молодые почти достигли роста родителей.

В середине сентября у одного из молодых было замечено очень странное изменение. Жаберные пучки, гребень на спине и хвост стали уничтожаться, несколько изменилась форма головы, и на темной коже появилось множество маленьких желтовато-белых пятен. У всех четырех произошло превращение, и из них образовались настоящие саламандры; таким образом, подтвердились предположения Гумбольдта и Кювье.

Один из первых опытов Дюмериля состоял в том, чтобы узнать, можно ли насильственным способом ускорить это превращение. Он отрезал у многих аксолотлей несколько жабр с одной стороны, а потом и с другой, причем убедился, что эти органы возобновляются от пяти до шести раз кряду, не вредя состоянию головастика. Некоторые из этих искалеченных животных впоследствии претерпели превращение, но едва ли можно предположить, что этому способствовало отрезание жабр.

Что не вполне удалось или даже вовсе не удалось Дюмерилю, было достигнуто одной дамой, известной всем ученым своими весьма тщательными наблюдениями над насекомыми, именно Марией Шовен, живущей в Фрейбурге, в герцогстве Баденском. Вейсману пришло на мысль принудить к превращению большинство или всех головастиков аксолотлей, поставить их в такие условия, которые затруднили бы им пользование жабрами и способствовали пользованию легкими, иначе говоря, заставив их жить с известного возраста отчасти вне воды. Названный ученый производил опыты в этом направлении, но не добился никаких результатов, так как оказалось, что для успеха дела были необходимы очень тщательные и продолжительные наблюдения над этими животными в течение нескольких месяцев. Госпожа Шовен повторила эти опыты над пятью 8-дневными головастиками аксолотлей, оставшимися в живых из 12-ти присланных ей экземпляров. «Вследствие необыкновенной нежности этих животных, — пишет вышеназванная дама, — очень большое влияние на их жизнь, особенно в первое время, имеет качество и температура воды, а также количество и качество корма, так что воспитание аксолотлей требует большой внимательности».

Из своих наблюдений Мария Шовен делает следующие заключения: головастики аксолотлей большей частью, а может быть и все, подвергаются превращению, если вылупятся из яйца здоровыми и будут получать хороший корм; кроме того, превращению способствует насильственное пребывание на воздухе и отлучение от воды*.

** Сейчас установлено, что задержка метаморфоза связана со снижением активности гормона щитовидной железы — тироксина.*

Вследствие сильного развития аксолотлей, которые в одном Парижском Jardin des plantes в течение 2 лет и 9 месяцев отложили 2200 яиц, эти животные очень распространились и многие стали воспитывать их. У меня также долго жили аксолотли, но из-за многих других занятий я не успел записать наблюдений за ними, поэтому приведу здесь несколько замечаний Рерига о содержании аксолотлей в их образе жизни в неволе, тем более что я могу вполне с ним согласиться. Лучше всего держать этих земноводных в воде 10° или 15° тепла по Цельсию. Днем обыкновенно аксолотли медленно ползают по дну сосуда; если они увидят что-либо необычайное в своем помещении, то так быстро уплывают, что сильно ударяются о стенки сосуда или камни. Ночью они прицепляются к какому-нибудь растению на поверхности воды, вероятно, для того, чтобы легче забирать воздух, так как аксолотли кроме дыхания жабрами часто глотают воздух над водой, что происходит с такой силой, что при этом слышен очень явственный шум; затем они спускаются на дно головой вперед, как тритоны. Добычей им служат всевозможные мелкие животные, которых они могут одолеть и проглотить, причем они так же прожорливы, как тритоны, но не могут глотать столь крупных кусков, как, например, гребенчатый тритон. На свободе, по словам Калля, они питаются преимущественно бокоплавами (Gammarus), слизюками (Physa) и мелкими ракушками, например горошинками (Pisidium). Рериг их кормил в неволе земляными червями, мелкими ракообразными, именно дафниями, муравьиными куколками, маленькими личинками, головастиками и лягушками, а в случае недостатка этой пищи длинными полосками говядины, похожими на червячков.

Пища не прожевывается, а быстро глотается. Кладка яиц в Мексике, говорят, происходит два раза в году, но у нас, по-видимому, не зависит от времени года; в это время самец выпускает свои конические комки семени, верхушка которых состоит из студенистого вещества, заключающего в себе семенные тельца. Самки отыскивают эти комки и всовывают их себе в клоаку, вскоре после этого начинают класть яйца. Зародыши разрывают яичные оболочки раньше или позже, смотря по температуре воды, и очень скоро начинают жить, как более взрослые головастики, на которых они очень походят по внешнему виду и окраске.

Наблюдения Шуфельдта над другими аксолотлями, живущими на северо-западе Новой Мексики, именно *Amblystoma mavorthim* и *tigrinum*, подтверждают способность этих животных к прогрессирующим и регрессирующим изменениям. При высыхании болот головастики чрезвычайно быстро превращались в животных, способных жить на суше. Обильная пища и постепенно повышающаяся температура ускоряли развитие, а большая глубина воды, напротив, его задерживала.

После того как было доказано с полной достоверностью, что аксолотли есть только головастики саламандры, можно было окончательно решить вопрос о месте его в системе. По исследованиям Дюмерила, аксолотль принадлежит к очень распространенному в Северной Америке и богатому видами семейству амбистомовых (*Ambystomatidae*), которое, по Штрауху и Буланже, имеет следующие отличительные признаки. Небные зубы сидят вдоль заднего края, иногда как бы обрезанного сошника, иногда же на треугольном непарном отростке этой кости, направленном назад, и потому образуют или поперечный ряд, или же два ряда, сходящиеся под более или менее острым углом. Клиновидная кость (*Parasphaenoideum*) у них всегда без зубов; позвонки вогнуты, как спереди, так и сзади.

Тело видов **рода амбистом** (*Ambystoma*) то вытянуто, то более или менее сжато, кожа голая, около ушей замечается группа желез, которая, однако, часто неясно очерчена. Туловище кажется разделенным на кольца вследствие поперечных складок кожи; хвост толстый у основания, круглый посередине, более или менее сплюснутый с боков, а к концу остро закругленный и никогда не имеет кожистых гребней. Передние конечности имеют 4, а задние — 5 свободных пальцев. Небные зубы образуют два прямых или слегка стоящих под углом ряда; внутренние концы этих рядов совсем сходятся или же разделены очень незначительным промежутком, так что зубы образуют или две прямые линии, или две линии под очень тупым углом, вершина которого обращена вперед. Случается иногда, что конец ряда как бы отделен и представляет кучку отдельно стоящих зубов. Язык большой, имеет яйцевидную форму и прирос нижней стороной к нижней поверхности ротовой полости, так что только передние и боковые края несколько свободны. В Северной Америке живет 17 видов этих животных, область распространения которых доходит на юг до Мексики; только один вид встречается в горах Сиама*.

* *Современные систематики различают три семейства амбистомовых земноводных: гигантские амбистомы (*Dicamptodontidae*), олимпийские амбистомы (*Rhyacotritonidae*), в каждом из которых по 4 вида из 1 рода, и собственно амбистомы (*Ambystomatidae*), состоящее из 32 видов, объединенных в 2 рода. Описанные Бремом амбистомы относятся к последнему семейству.*

Из американских видов аксолотль наиболее известен. Он отличается своим длинным, дугообразным рядом небных зубов, который снаружи доходит до края внутренних носовых отверстий. У него замечаются 12 поперечных бороздок по бокам тела между конечностями; голова очень большая и у взрослого животного цвет тела черный с желтыми пятнами. Длина тела достигает 14-21,5 см. Вид этот встречается в Соединенных Штатах, чаще на западе, но также в восточных штатах и на Мексиканском плоскогорье.

При установлении вида изменилось и научное название аксолотля, и теперь ему следует дать название развитого животного — **тигровая амбистома** (*Ambystoma tigrinum*). Некоторые амбистомы, например *Ambystoma pinctatum*, по словам Гартмана, пользуются своим хвостом как хватательным орудием, схватывают им различные предметы и таким образом спасаются от падения; у *A.* орасит способность эта не так развита. В остальном они в неволе по своим привычкам мало отличаются от тигровой амбистомы*.

* *Еще одной особенностью семейства *Ambystomatidae*, выявленной относительно недавно, являются гибридогенные комплексы видов, состоящие из однополых диплоидных, триплоидных и тетраплоидных форм (с двойным, тройным и четверным набором хромосом соответственно). Обычный (диплоидный) кариотип амбистом содержит 14 пар хромосом ($2n = 28$), а у триплоидов — $3n = 42$. Полиплоидия (кратное увеличение объема кариотипа) у амбистом появилась в результате гибридизации диплоидных форм. У *Ambystomatidae* известно четыре гибридогенных комплекса видов. Некоторые из них размножаются партеногенетически (т. е. без участия*

самцов), например, путем гиногенеза — размножения, при котором сперматозоид, проникая в яйцеклетку, стимулирует ее дробление, не сливаясь ядрами и, следовательно, не принимая участия в развитии зародыша.

"Кроме несомненного свидетельства Священного Писания мы имеем еще много доказательств страшного всемирного потопа, например, мы находим потопленные местности, города, деревни, горы, долины; мы видим также каменоломни и ямы, откуда добывают глину, которые свидетельствуют о том же. От допотопного времени сохранились бесчисленные остатки и отпечатки растений, рыб, четвероногих животных, насекомых, раковин, улиток и т. д.; но от людей, погибших при всемирном потопе, до сих пор было найдено очень мало следов. Трупы их плавали на поверхности воды и сгнивали, и о костях, кое-где находимых, нельзя с достоверностью сказать, что они принадлежали людям. Прилагаемый рисунок, прекрасно вырезанный на дереве, на который я обращаю внимание ученых и любознательных людей, изображает один из вернейших, даже несомненных остатков всемирного потопа; это не кое-какое очертание, из которого богатая и досужая фантазия может восстановить нечто похожее на часть человеческого тела, но полнейшее воспроизведение известных частей человеческого скелета в настоящую величину, причем видны даже кости, вдавленные в камень; находятся даже некоторые мягкие части, и их можно отличить от камня. Человек этот, гробница которого гораздо древнее различных римских, греческих, даже египетских и других восточных могил, лежит навзничь, так что видна его передняя сторона».

Этот текст объяснял рисунок, приложенный к сочинению под названием «Homo diluvii testis» («Человек — свидетель потопа»), изданному в 1726 году Иоганном Яковом Шейхцером, доктором медицины и членом многих ученых обществ; рисунок и объяснение имели целью убедить всех в справедливости сообщаемых сведений. Девизом к сочинению служили строки: «Несовершенный скелет древнего грешника пусть смягчит сердце и чувства нынешних «детей злобы»».

Однако как сочинение почтенного автора, так и благонамеренные стихи его вовсе не достигли цели и не успели смягчить сердца тогдашних грешников, так как сочинение «Homo diluvii testis» очень недолго занимало «ученых и любознательных людей». Кювье очень скоро доказал, что эти кости вовсе не человеческие и что «несовершенный скелет древнего грешника» принадлежит саламандре. Эта саламандра, найденная в новейших третичных формациях и названная палеонтологами *Andnas scheuchzeri*, принадлежит к **амфиумам**. Животные эти образуют еще одно семейство отряда и отличаются необыкновенно слабыми конечностями в сравнении с длиной тела и большим расстоянием между передними и задними конечностями, которые, хотя довольно развиты, но едва ли имеют значение при передвижении тела и действительно употребляются в дело лишь в незначительной степени. Органы внешних чувств также очень несовершенны. Глаза не имеют век, носовая полость сзади ограничена костями, ухо скрыто глубоко и всегда очень несовершенно, так как окошечко лабиринта прикрыто крышечкой. Язык совершенно прирос к коже рта или немного свободен только спереди. На обеих челюстях замечаются зубы; на сошнике, между двумя внутренними носовыми отверстиями, находится ряд небных зубов, параллельный зубам на межчелюстной и верхнечелюстной кости и расположенный недалеко от них. На заднем конце язычной кости замечаются две или четыре жаберные дуги, которые совсем или только отчасти окостенели; у большинства видов находятся наружные жаберные щели, но наружных жабр никогда нет у взрослых животных. Позвонки вогнуты спереди и сзади, как у амбистом. Все сюда относящиеся саламандры, которые будут ниже описаны, живут постоянно в воде и дышат в одно и то же время легкими и внутренними жабрами.

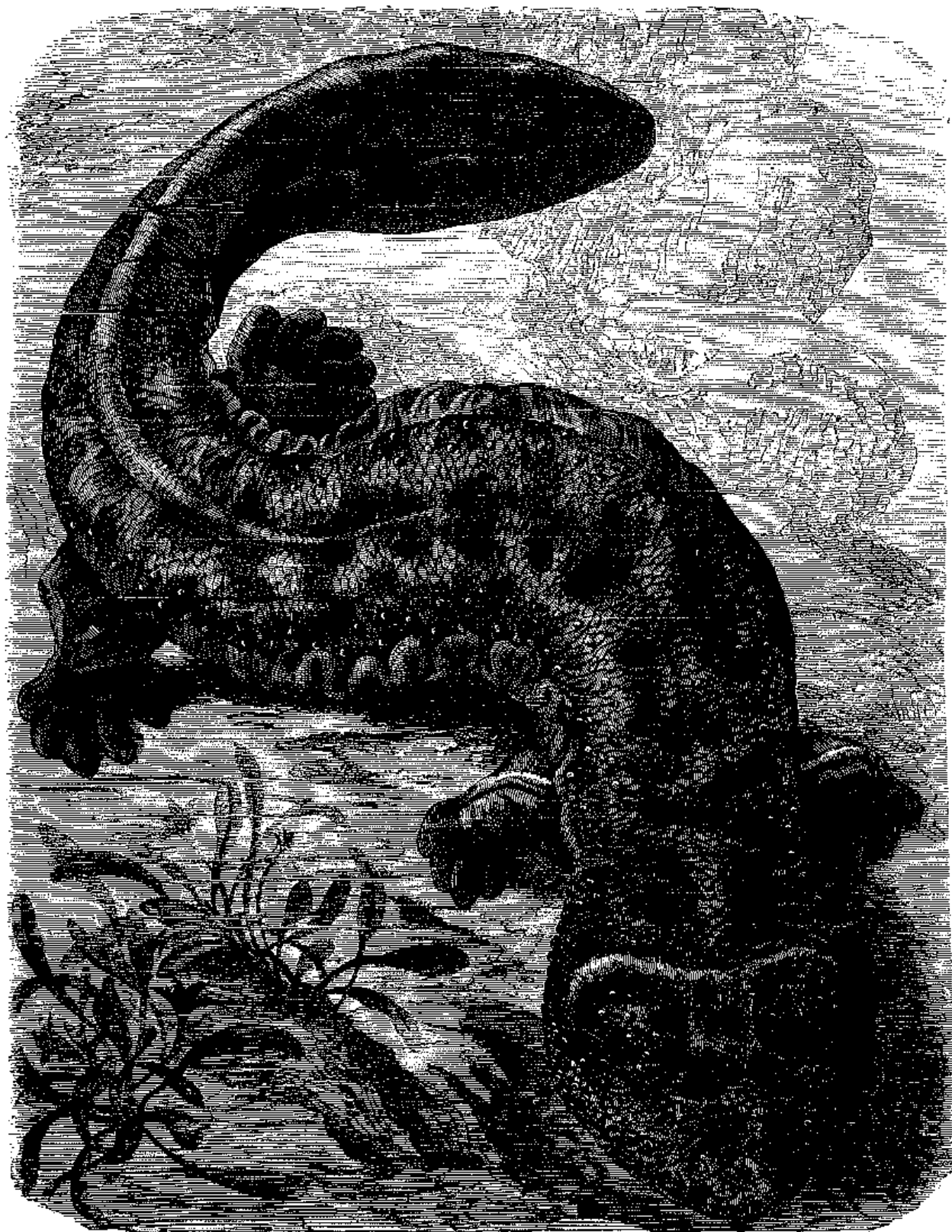
Семейство скрытожаберники

Ближайшим родичем вышеупомянутой допотопной саламандры следует считать **японскую исполинскую саламандру** (*Andnas japonicus*), массивное, неуклюжее и безобразное животное, имеющее от 87 до 114 см длины*.

* *Японская исполинская саламандра действительно одно из самых крупных современных земноводных мира, в последнее время обнаружены экземпляры, достигающие в длину 145-160 см. Некоторые специалисты рассматривают ее в качестве подвида еще более крупной китайской исполинской саламандры — *Anurias davidianus*, длина тела которой с хвостом в среднем около 180 см, а вес — до 70 кг.*

У взрослого животного нет наружного жаберного отверстия, но есть две жаберные дуги. Большая, очень широкая и плоская голова оканчивается тупой округленной мордой; короткая шея гораздо уже головы и туловища; туловище плоское, цилиндрическое и по бокам имеет еще толстые рубцы; хвост довольно короткий, занимает две пятых длины тела и, в противоположность голове и туловищу, сжат с боков, так что образует высокий руль. На коротких, толстых ногах спереди по 4, а сзади по 5 хорошо развитых пальцев. Носовые отверстия находятся на передней части морды,

очень близко одно от другого; маленькие глаза без век расположены совсем по сторонам головы. На челюстях замечаются очень маленькие зубы, на небе находится параллельный им ряд таких же зубов; язык прирос ко дну рта.

Японская исполинская саламандра (*Andrias japonicus*)

Скелет напоминает, по Шлегелю, как скелет саламандры, так и скелет американского скрытожаберника; однако череп отличается большей шириной и другими особенностями. Позвоночный столб состоит из 20 туловищных и 24 хвостовых позвонков, которые все имеют углубления спереди и сзади, а передние снабжены большими поперечными отростками со следами ребер. Таз прикрепляется к 21 позвонку. Кожа мягкая и бородавчатая и на голове возвышения и бородавки яснее, чем на других частях тела.

Верхняя часть тела окрашена мутным, неясным светло-серо-бурым цветом, на котором замечаются нерезко ограниченные темные пятна; нижняя часть тела светло-серая с темными пятнами. Молодые скрытожаберники отличаются от взрослых, по словам Рейна и Рореца, гладкой кожей без бородавок и морщин, коричнево-бурым цветом с темными пятнами и сравнительно большими выпученными глазами. Чем животные делаются больше, тем кожа у них становится менее гладкой, покрывается бородавками, делается темнее, а пятна крупнее.

Зибольд открыл эту самую крупную из ныне живущих саламандр в двадцатых годах нашего столетия на одном из японских островов и узнал, что она живет там в горных ручьях и глубоких, тихих водах, именно в затопленных кратерах бывших вулканов. Японцы за ней охотятся, и она продается как дичь на рынках; но более обстоятельных сведений об образе жизни и размножении он собрать не смог. Гораздо позже саламандру эту нашли в горах западной части Китая. После того как Япония стала доступна европейцам, многие из них поступили на японскую службу, да и в самой Японии появились местные натуралисты, мы получили более точные сведения о местожительстве, образе жизни и развитии этой гигантской саламандры, и нам теперь нет необходимости довольствоваться скудными сообщениями Зибольда. По мнению Рейна и Рореца, Зибольд не видал это животное там, где оно водится, а получил о нем сведения от японцев. Так как очень трудно получить точные естественноисторические сведения от туземцев, то, конечно, и случилось, что среди верных фактов, сообщенных Зибольдом, вкрались некоторые существенные ошибки. Исполинская саламандра не очень обыкновенна, так что большинство иностранцев, живущих в Японии, никогда и не видят ее; приведенное Зибольдом местное название саншо-уов в большинстве провинций относится вовсе не к ней, а к мелким видам саламандр, что ведет к различным недоразумениям. Поэтому нам следует быть очень благодарными Рейну и Рорецу, что они во время своего пребывания в Японии не упустили случая познакомиться с этим животным по собственным наблюдениям. «Как по сообщению Зибольда, так и по нашим собранным сведениям, — пишут эти натуралисты, — исполинская саламандра встречается только в южной части Японии. В Ига его называют газекой, в Мимазаки — ганзаки, в Ивонни — ганзаке, в Танга — гада-казу и анго. Чаще всего его находят в провинциях Мино, Шинано, Ямаширо и Ига». После многих напрасных усилий вышеупомянутым натуралистам во время путешествия по провинциям Изе, Ига и Ямато удалось попасть в горную страну, где эта саламандра всем известна под именем газекой. Они смогли там купить дюжину живых и три соленых экземпляра и под руководством опытного проводника побывали в тех местах, где водится это животное, и присутствовали при его ловле. Собранные ими сведения и некоторые указания, данные японцами, заслуживающими доверия, сводятся к следующему.

Японская исполинская саламандра встречается во многих местах в горной стране, разделяющей береговую местность Сан-ю-до от берега Сан-ё-до, в горных реках и озерах провинции Гиды и вдоль всего водораздела, отделяющего реки, текущие к морю у Изе, от бассейна Иодогамы. В последней местности животные эти встречаются, вероятно, чаще всего. Наши путешественники находили саламандру на границе провинций Изе и Ига в верхнем течении всех горных ручьев, особенно в ключах Кицугава. Водораздел здесь состоит из гранита, содержащего много кварца и отчасти выветрившегося; несколько ниже встречаются кое-где шиферы, а в Изе, на восток от Ига, — третичные песчаники, пласты которых стоят почти вертикально, и глины со многими окаменелостями*.

** Местные жители острова Кунашир и окрестностей Владивостока не раз рассказывали о находках в горных ручьях животных, по облику напоминающих исполинскую саламандру. Предполагали даже, что на Кунашир они могли быть завезены японцами. Однако все эти сведения до сих пор не подтверждены, в связи с чем их относят просто к слухам, а ареал вида ограничивают лишь Японией.*

Ни одна из местных гор не достигает 1000 м высоты, даже Суцугаяма, откуда Зибольд добыл первый экземпляр саламандры. Вулканических пород, по-видимому, здесь вовсе нет, и Зибольд ошибается, выдавая японскую саламандру за животное, живущее на больших высотах и в озерах, образовавшихся в кратерах потухших вулканов. Другие горы, где живет эта саламандра, также состоят из кристаллических пород и шиферов нового образования.

Этих саламандр находят всегда в холодной, быстро текущей воде на высоте от 200 до 600 м, а на границе Гиды на высоте 1000-1500 м над уровнем моря. Они живут здесь в маленьких светлых ручьях, которые похожи на канавы, шириной иногда не более 0,3 м, и текут по дернистым склонам, причем подмывают дерн, который с каждой стороны образует навес над ручьем. Встречаются эти животные и ниже, где из мелких ручьев образуется более широкий, богатый форелями ручеек, который сильно затенен кустарником, растущим по берегам, и весело течет вниз, журча около

камней, находящихся на его дне. Взрослые животные живут под камнями и под дерновыми навесами, между тем как молодые держатся чаще в мелких канавах. По словам туземцев, исполинские саламандры редко выходят из своих убежищ, разве только ночью, и никогда не выползают на сушу. Они питаются червями, насекомыми, рыбами и лягушками.

Этих саламандр ловят или отводя воду из ручьев и вытаскивая животных из их убежищ, или на удочку, которая состоит из обыкновенного крючка, наживленного земляным червяком и привязанного к бечевке; верхний конец крючка всовывается в сердцевину бамбуковой палки, имеющей около 1,5 м длины, и веревка свободно окручивается кругом палки. Подобную удочку вводят во все углубления, где можно предполагать присутствие саламандр, причем ее медленно двигают взад и вперед. Если животное схватит наживку, то крючок отделяется от бамбука и остается в пасти саламандры. Их ловят из-за вкусного мяса, которому приписывают целебные свойства, а также их сажают живыми в колодцы и ключи, где они способствуют чистоте воды, съедая всяких личинок; в Германии для этого иногда используются черепахи и тритоны. Крупные экземпляры саламандр привозят в Киото, Осаку и Кобе, где их часто можно видеть в зверинцах. Пересылают их, как угрей, в корзинах, наполненных мокрыми листьями и травой.

Это большое и неуклюжее животное развивается из очень маленьких яиц. Японский натуралист Сасаки удостоверился, что самка исполинской саламандры кладет в августе и сентябре яйца, соединенные в виде шнуров: яйца эти имеют от 4 до 6 мм длины и одинаково закруглены на обоих концах. Согласно всем сделанным наблюдениям, самые маленькие, до сих пор найденные японские саламандры имели 15 см длины и во всем были похожи на взрослых. По всей вероятности, в начале своего развития они имеют наружные жабры и для подтверждения этого следует упомянуть, что Мартене в одном японском сочинении нашел изображение этой саламандры, окруженной детенышами, у которых по сторонам головы были изображены пучки жабр*.

** Сейчас известно, что самец, специфическим образом проявляя заботу о потомстве, оберегает кладку и движениями хвоста создает около нее ток-воды, увеличивая таким образом аэрацию икринок.*

Считаю нужным еще сообщить, что Бетхер, исследуя многих молодых саламандр, нашел у них наружные жаберные отверстия. У молодого животного, имеющего 16 см длины, эти наружные отверстия имеют вид узких щелей 2,5 мм длины, которые расположены между прикреплением передних конечностей и углом рта и окружены складчатым рубцом, особенно толстым спереди.

Зибольд в 1829 году взял с собой пару живых исполинских саламандр, чтобы привезти их в Европу. В дороге их кормили пресноводными японскими рыбами, но когда этот корм подошел к концу, то самец сожрал самку. Затем он голодал до приезда в Европу и, как потом оказалось, без всякого вреда для себя. Для него устроили в Лейдене бассейн с пресной водой, куда пускали небольших рыбок, и он их от времени до времени поедал. При приезде животное имело 30 см длины, шесть лет спустя уже один метр, и с тех пор до самой смерти оно медленно, но постоянно росло; оно окодело, как нам сообщает Керберт, только 3 июня 1881 года в зоологическом саду в Амстердаме.

Позднее, именно с шестидесятых годов, в Европу стали привозить довольно много этих неуклюжих созданий**.

*** Первую исполинскую саламандру в Россию, а именно в Харьков привез из кругосветного путешествия на корабле «Гайдамак» в 1877 году судовой врач П. Н. Савченко. Еще при жизни животного Санкт-Петербургская Академия наук договорилась о покупке этой особи за 300 рублей после ее смерти. В Москву же исполинские саламандры впервые попали по просьбе известного отечественного зоолога, директора Зоомузея МГУ А. П. Богданова, для которого русский посланник, при японском дворе и полномочный министр К. В. Струве в 1886 году организовал доставку двух экземпляров. Один из них жил в Московском зоопарке, а другой, погибший в пути из Японии в Санкт-Петербург на крейсере «Европа», был привезен в Зоомузей МГУ и сейчас выставлен в экспозиции.*

Я сам воспитывал многих из них и нашел, что все они, без исключения, очень скучные существа и вовсе не способны возбудить интерес наблюдателя. Вейнланд дает очень хорошее описание их образа жизни в неволе. «Всех вообще земноводных трудно принудить к принятию пищи в неволе, поэтому мы были очень озабочены добыванием наиболее вкусной пищи нашей ценной саламандре. Как только ее поместили в бассейн, мы предложили ей большого земляного червя, держа его перед самой ее мордой; после того, как червь несколько минут извивался перед ртом саламандры, она быстро схватила его, в первый раз откусила одну треть, затем очень скоро другую и, наконец, съела и третий кусок; после этого было видно, как язычная кость несколько раз прижималась к пищеводу, очевидно чтобы вдавить добычу из пищевода в желудок. В этот день саламандра съела еще

только одного червяка, но на следующий день проглотила их шесть, а на третий — девять, все по частям, как в первый раз, и с помощью сильных глотательных движений. Таким образом, явилась надежда сохранить гигантскую саламандру в живых, но нам показалось необходимым предложить ей более питательный корм. В бассейн пустили живую уклейку около 15 см длины; при кормлении червями было замечено, что саламандра хватала червей, которых держали над ее головой, так как могла их видеть своими маленькими глазами, обращенными кверху, и вовсе не замечала червей, которые падали на дно бассейна. Как только рыба оказалась вблизи ее головы, саламандра, с совершенно неожиданной для этого вялого животного быстротой, схватила ее быстрым боковым движением головы, очень похожим на то, как хватают добычу акулы, причем открыла пасть на 2 см; рыбка, однако, ускользнула, хотя саламандра после первой неудачной попытки еще два раза неудачно открывала рот по направлению, где прежде была рыба. Очевидно, рыба была слишком сильна, а маленькие зубы саламандры слишком слабы, чтобы ее удержать, так как заметили, что рыба была в первый раз действительно схвачена за середину тела. Мы тогда удалили рыбу, и так как другой подходящей рыбы под рукой не было, то посадили в бассейн почти вполне выросшую прудовую лягушку. Саламандра тотчас схватила лягушку, но за переднюю лапу, а так как зубы саламандры слишком малы, чтобы откусить лапу, то лягушка сильными движениями освободилась. Лягушка скакнула в угол бассейна, и саламандра, как мне показалось, совершенно случайно заковыляла в тот же угол. Через некоторое время лягушка была снова схвачена, на этот раз за голову, и спустя четверть часа она исчезла вместе со своими длинными задними ногами в пасти саламандры. Конечно, глотание потребовало при этом еще больших усилий: саламандра не только уперлась передними ногами в дно бассейна, но и прижала морду к стенке, чтобы иметь больше точек опоры для глотательных движений. Затем она отправилась на покой за камень. Хищные рыбы и другие водные животные обыкновенно хватают добычу за голову, но наша саламандра, по-видимому, не придерживается этого правила: заметили, что она схватывала рыбу с хвоста и глотала ее таким образом, не смотря на то что чешуи и жаберные крышки, должно быть, царапали ей горло.

Кроме способа питания, кажется, нельзя сделать никаких особых замечаний относительно этого вялого и малочувствительного животного. Все его движения очень медленны, исключая те, которые оно делает, чтобы схватить добычу; саламандра постоянно лежит неподвижно на дне бассейна и всегда в самом темном углу; если в этот угол попадет свет, то она переходит в ближайший, более темный. От времени до времени, обыкновенно минут через 10, она поднимается на поверхность воды, чтобы набрать воздуха, но как только воздух проник в легкие через ноздри, она спокойно снова опускается на дно. Кроме того, изредка она в течение четверти часа покачивается вперед, назад и немного в стороны, как это часто делают медведи и слоны в тесных помещениях. Вскоре после прибытия заметили, что она линяет, причем кожа отходила большими кусками».

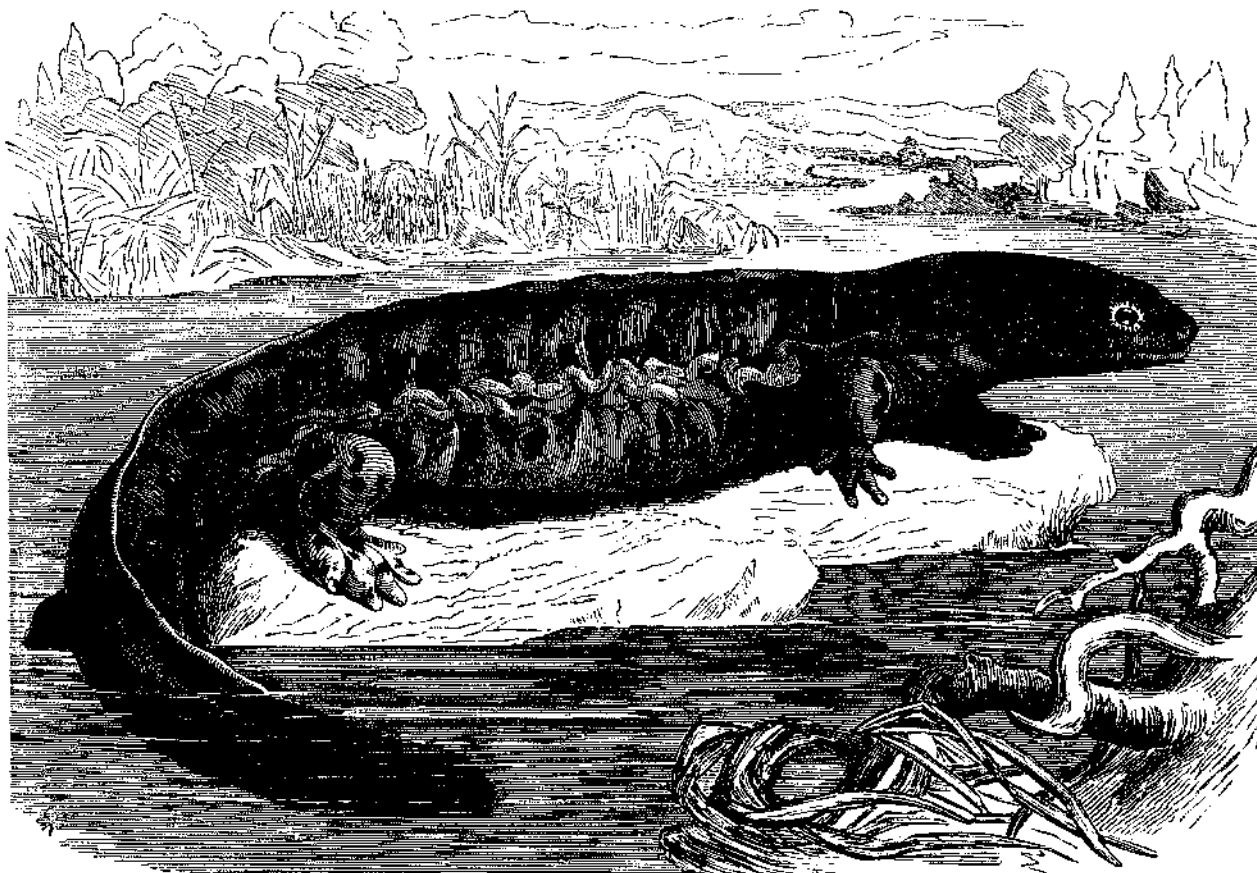
По опыту узнали, что и исполинская саламандра принадлежит к числу самых живучих земноводных. Одна из тех, которые были на моем попечении, переползла через край сосуда и упала на пол с высоты около 1,5 м; ее нашли там на следующее утро почти без всяких признаков жизни; но, положенная снова в воду, она скоро поправилась. Холод на них так же мало действует, как и на наших тритонов: в Амстердамском зоологическом саду вода в бассейне, где жили саламандры, однажды сверху замерзла, но это не причинило вреда животным*.

** Сейчас установлено, что важнейшим условием содержания исполинской саламандры в неволе является не столько температура, сколько хорошая аэрация воды. При недостатке в ней кислорода земноводное по 6-10 раз в час поднимается к поверхности воды для того, чтобы глотнуть воздуха, потребляя его кислород слизистой оболочкой рта. Израсходованные остатки или избыток воздуха саламандра удаляет через ноздри или ртом, производя специфический хрюкающий звук.*

Кроме таких исключительных случаев, которые бывают только при особенно неблагоприятных условиях, исполинская саламандра вообще доставляет мало хлопот. Она легко хватает всякую движущуюся добычу и потому кормление ее не затруднительно. Когда она раза два сряду хорошенько наестся, то иногда по целым неделям не обращает внимания на плавающих рыб; затем хватает их с жадностью и съедает довольно большое количество пищи. Все же заметно, что она делает различие в корме и некоторых рыб, например форелей, предпочитает другим. Она испражняется точно так же неправильно, как и ест; но изредка выпускает значительное количество бесформенного, мягкого кала бурого цвета. Хотя эта саламандра принадлежит скорее к числу ночных животных, но в темноте сохраняет ту же вялость, что и днем. Случается, что она выходит из своего темного угла и медленно выползает на выступающий камень, вероятно чтобы лучше подышать; но иногда по целым неделям лежит без движения в воде. Если ее силой прогнать из убежища, то она при

первой же возможности туда возвращается; если в ее любимый уголок накидать камней и крупного песка, то она все это выскребет и опять уляжется на свое место. В случае частого повторения беспокойства саламандра приходит в ярость, пробует защищаться, кусает поставленную палку и не так легко ее выпускает. Она едва ли отличает своих сторожей от других людей.

Ко второму роду семейства относится **аллеганский скрытожаберник** (*Cryptobranchus alleghaniensis*), который также имеет по 4 пальца на передних и по 5 — на задних ногах, но у него 4 жаберные дуги, и у вполне развитого животного заметно, по крайней мере с левой стороны, жаберное отверстие. Он довольно похож на японскую исполинскую саламандру и достигает 48-55 см длины; голова у него большая, очень плоская, морда закругленная, туловище мясистое, а хвост сильный и сжат с боков. Конечности и пальцы с наружной стороны имеют кожистые лопасти. Глаза темнее, чем у других саламандр, и похожи на глаза аксолотля, или тигровой амбистомы. Ноздри расположены на самом конце морды, а внутри открываются по сторонам небного ряда зубов. Желудок обширен, кишка образует несколько оборотов, около печени замечается большой желчный пузырь. Спинных позвонков 19-20, и все они, за исключением первого, имеют зачатки ребер на концах. Тело окрашено в темно-шиферно-серый цвет с темными неясными пятнами и темными уздечными полосами, проходящими через глаза. Кончики пальцев желтоватые. Молодое животное, нескольких месяцев от роду, исследованное Гарланом, уже не имело наружных жабр.

Аллеганский скрытожаберник (*Cryptobranchus alleghaniensis*)

Аллеганский скрытожаберник был впервые описан Бартоном в 1812 году; животное это встречается по всему бассейну Миссисипи и в других реках Соединенных Штатов — от Луизианы до Северной Каролины; оно медленно ползает или плавает, но может оставаться 24 часа на суше; оно очень прожорливо, питается червями, раками и рыбами и часто, к досаде рыбаков, жадно хватается наживку на удочке. Этот скрытожаберник никогда самовольно не оставляет воды, очень живуч и совершенно безвреден. Превращение его должно совершаться очень быстро, так как до сих пор еще не смогли найти его головастиков. Яйца, по словам Копа, довольно велики и образуют шнур, который с обоих концов прикрепляется к какому-нибудь предмету в воде. Вот все, что пока нам известно об образе жизни этого животного. Гольбрук, который описал разновидность аллеганского скрытожаберника, также ничего нового к этому не прибавляет. Можно еще добавить, что американские рыбаки его боятся и считают ядовитым, как у нас саламандру.

В новейшее время этого скрытожаберника неоднократно держали в неволе и привозили живым в Европу, в первый раз в 1869 году. Он скоро берется за корм, если ему предлагают мясо или рыбы головы, но может долго и голодать.

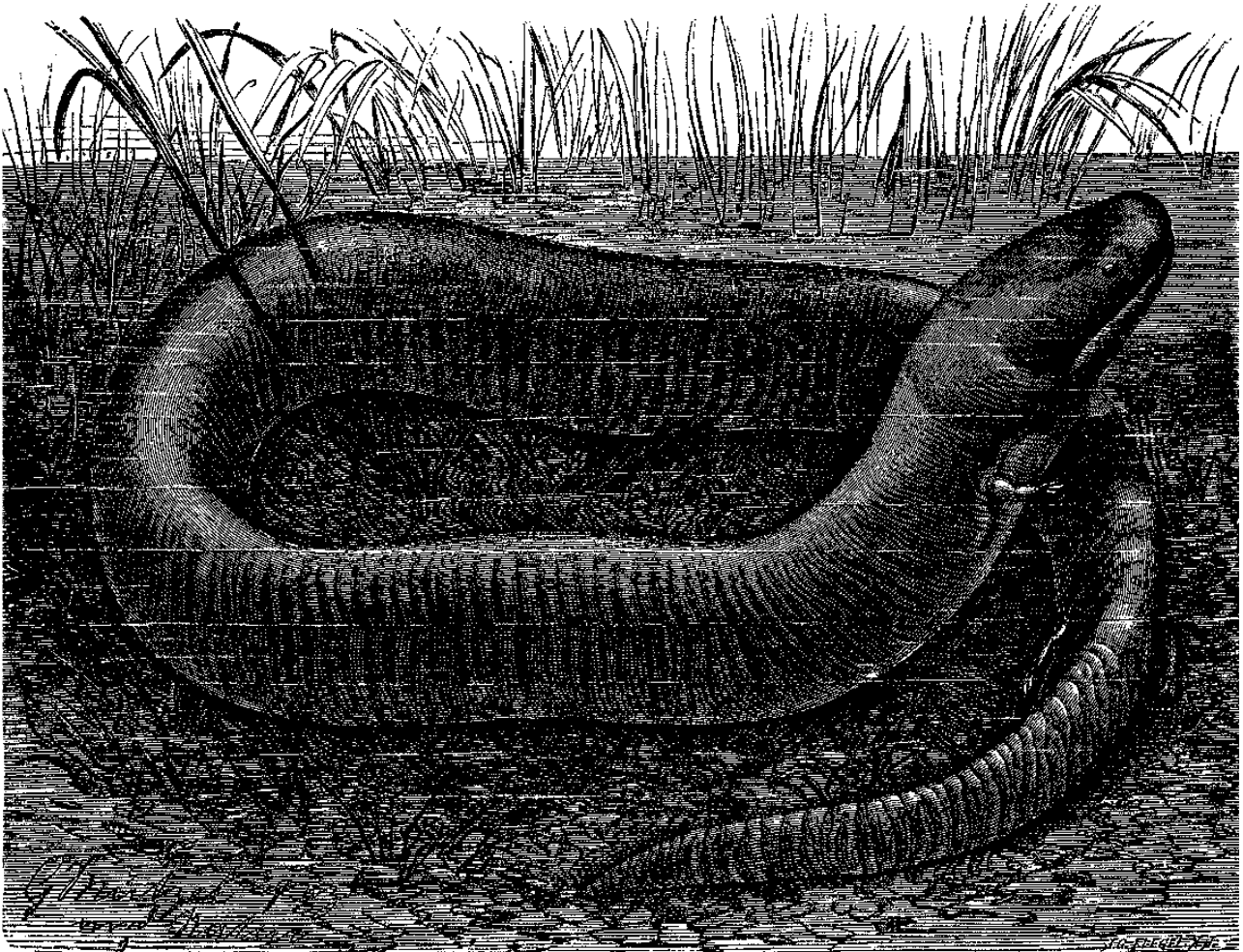
Семейство амфиумы

Единственный представитель семейства амфиум назван **угревидной амфиумой** (*Amphiuma means*)*, так как по строению тела она несколько похожа на угря: туловище ее вытянутое, и хотя у нее замечаются четыре маленькие конечности с пальцами, но они никакого значения не имеют.

* *Амфиум сейчас насчитывают 3 вида из 1 рода и выделяют их в самостоятельное семейство.*

У взрослых животных с каждой стороны есть жаберное отверстие, а внутри четыре жаберные дуги. Малоразвитые глаза покрыты общей кожей всего тела, но над ними она утончается, так что глаза заметны. Число позвонков колеблется между 105-111. Кроме зубов на обеих челюстях есть еще два ряда зубов на небе, которые сходятся под острым углом. Различают две разновидности угревидных амфиум — с двумя пальцами на всех конечностях и с тремя пальцами, но так как в этом только и состоит их различие, то Копе соединил их в один вид *Amphiuma means*. Угревидная амфиума достигает 76-89 см длины, сверху черновато-бурая с зеленым отливом, снизу светлее, совсем как угорь.

Об образе жизни этого животного мы знаем примерно следующее. Угревидная амфиума живет в болотах и других стоячих водах юго-восточной части Соединенных Штатов в Северной Америке от Луизианы до Южной Каролины, но не встречается на запад от Луизианы и в долине Миссисипи севернее Арканзаса. Она плавает довольно быстро, извиваясь, как угорь, но часто зарывается в ил, зимой даже на метр глубины, буравя мягкую землю, как земляной червь.

Угревидная амфиума (*Amphiuma means*)

Пойманные экземпляры, которые случайно выпадали из своих бассейнов, жили без всякого вреда для себя по несколько дней на суше и выдерживали перевозку в Европу*.

* *Роль легких в дыхании амфиум в действительности невелика. В холодных водах они поставляют всего лишь 5-8% кислорода, зато почти полностью удаляют углекислый газ. При повышении температуры воды до 15 °C амфиума получает через легкие около 50% кислорода.*

Питаются они различными мелкими животными. О размножении угревидной амфиумы мы недавно получили сведения от Гэя. Самка лежит, свернувшись спирально, около яиц, которые соединены в два четкообразных шнура. Яйцо имеет 9 мм в диаметре, а еще не вылупившийся детеныш — 45 мм. Гэй заметил, что взрослое животное может издавать звуки. Особенности приспособле-

ния жабр и форма морды облегчают этому животному рытье в иле. Негры, говорят, называют угревидных амфиум «змеями Конго», очень их боятся и считают ядовитыми.

Семейство протей

Представители семейства протеев имеют в течение всей жизни по сторонам шеи наружные жабры; у них нет век и верхнечелюстных костей; зубы находятся только на межчелюстных и нижнечелюстных костях; позвонки с углублениями спереди и сзади*.

** Некоторые специалисты предполагают, что протей представляют собой неотенических потомков, древних саламандр, полностью утративших способность к метаморфозу. По кариологическим (хромосомным) показателям протей занимают промежуточное положение между примитивными скрытожаберниками и более продвинутыми амбистомами.*

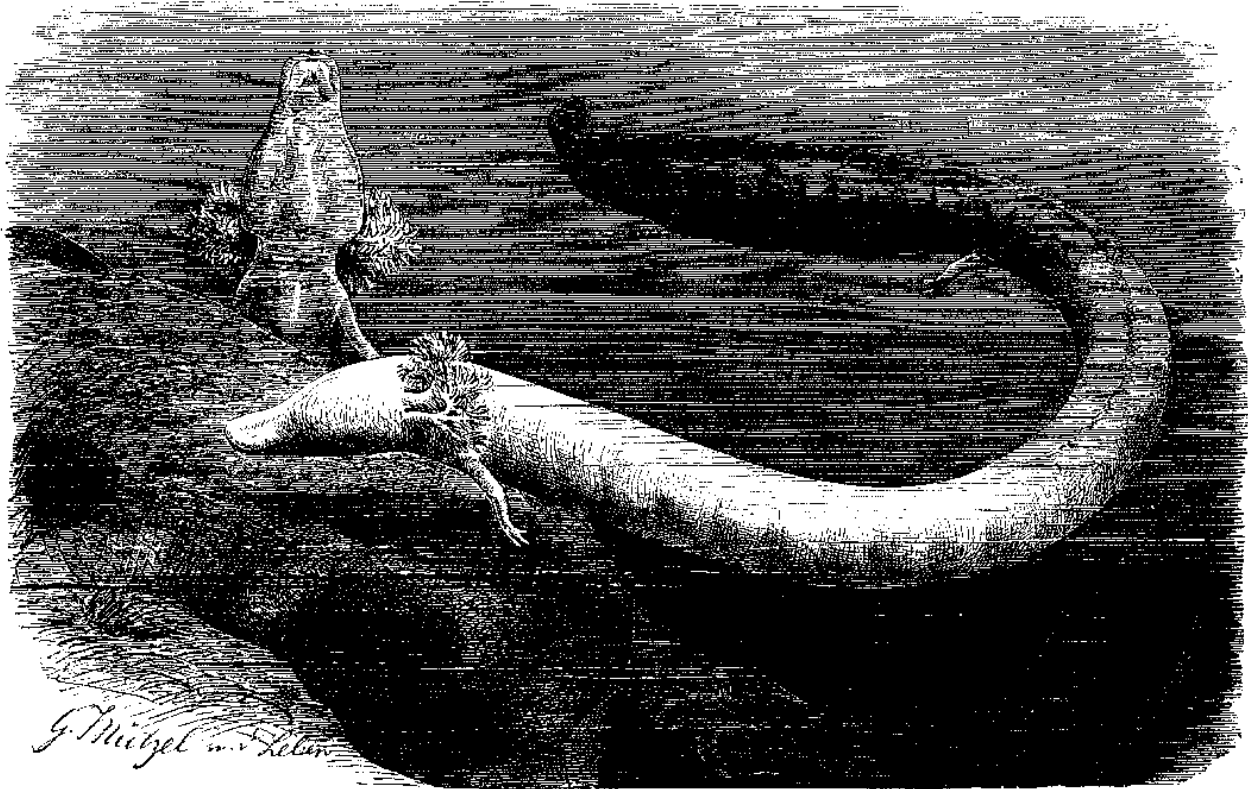
Туловище этих животных вытянуто и имеет четыре малоразвитых конечности; на хвосте вверху и внизу замечается кожистый гребень. Глаза прикрыты кожей, как у угревидных амфиум, а носовые отверстия не проходят через кости неба. Дыхательное горло кожистое; легкие представляют собой два длинных мешка, на внутренней стороне которых кровеносные сосуды образуют сетку с широкими петлями. Все семейство состоит из двух родов с одним видом в каждом роде**.

*** Общее количество видов протейных со времен Брема увеличилось до 6.*

Уже более двухсот лет тому назад Вальватор, написавший книгу о герцогстве Крайне в Австрии, в первый раз упоминает о животном, которое немцы, по примеру Окена, теперь называют «Olm». Он говорит, что жители Крайны ему рассказывали о «чудищах», которые иной раз выползают из земли и причиняют разные бедствия. Вальватор исследовал это и нашел, что мнимое чудовище есть небольшое, в ладонь длины животное, похожее на ящерицу и кое-где встречающееся в стране. Позднее, в 1761 году мы узнаем от Штейнберга, что во время наводнения в 1751 году рыбак Зихерль поймал пять неизвестных рыбок в реке Унц; они были с ладонь величиной, белоснежного цвета и имели четыре ноги. После Штейнберга крестьяне деревни Ситтих в Крайне говорили о протее Скололи и через него сведущий в естественных науках каноник Сигмунд фон Гогенварт получил один экземпляр этого животного, который Лауренти представил ученому миру в Вене под именем *Proteus anguinus*. Вероятно, тем же путем был добыт экземпляр, подробно описанный Шрейберсом в 1800 году. С тех пор внимание натуралистов было обращено на это животное. Ныне известно до 50 местностей, где встречается протей, и, по словам графа Гогенварта, более 4000 экземпляров были разосланы в разные места, частью живыми, частью в спирту; их везде внимательно изучили, но все-таки нельзя сказать, что животное это вполне хорошо известно.

Европейский протей (*Proteus anguinus*), представитель особого рода, должен считаться несомненно одним из самых удивительных животных; его нельзя, конечно, назвать наиболее совершенным видом этого семейства, но мы начинаем с него, так как он встречается ближе у нас в Европе. Европейский протей похож на угревидную амфиуму по своему длинному туловищу и далеко отстоящим друг от друга маленьким ножкам, из которых передние имеют по три, а задние по два пальца без когтей; отличается же он от нее своей щучьей мордой и малой величиной своих глаз, которые, по словам Гесса, не то чтобы неразвиты, но, так сказать, обозначены лишь в грубых чертах; глаза же совершенно скрыты под кожей головы и снаружи их вовсе не видно.

"Ротовая щель, — говорит Ваглер, — довольно узка, верхняя челюсть толстая и везде прикрывает края нижней челюсти. Ноздри имеют вид длинных щелей, расположенных параллельно краю верхней челюсти. Небольшой язык свободен только спереди. По сторонам шеи расположены три коротких, сильно ветвистых жабры. Хвост, в сравнении с длиной туловища, короток и окружен плавником. Скелет похож на скелет саламандры, но отличается от него строением черепа, большим числом и иным устройством позвонков, меньшим числом реберных придатков, а также кистью и ступней, состоящими у протей из небольшого числа косточек. Череп очень своеобразен и имеет странный вид: в нем замечается совершенное отсутствие верхних челюстных костей и как следствие этого сильное развитие и удлинение межчелюстных костей, которые занимают весь верхний край ротовой щели; небных костей также нет. Как на краю межчелюстной кожи, так и на нижней челюсти расположено много одинаковых конических, немного загнутых назад зубов; кроме того, на краю обоих сошников мы находим по ряду зубов. К задним краям сошников прикрепляются узкие крыловидные кости, которые своим задним концом соприкасаются с внутренним краем барабанной кости, но на нижней поверхности черепа, между сошниками, остается пустое пространство. Вся прочая нижняя поверхность черепа образована щитовидной плоской основной костью. Барабанная кость довольно длинная, на обоих концах несколько утолщена и косо спускается к нижней челюсти; слуховое окошечко имеет яйцевидную форму и расположено на скалистой кости. Нижняя челюсть похожа на нижнюю челюсть саламандры.

Европейский протей (*Proteus anguinus*)

Желудок протейя есть простое расширение кишки и тянется от одного конца брюшка к другому; пищевод имеет внутри складки. Настоящей гортани нет, а вместо нее мы находим кожистую полулунную полость, открывающуюся в глотку небольшой щелью; полость эта назади образует две длинные трубки, которые оканчиваются в тонкостенных легочных пузырьках, имеющих много кровеносных сосудов на внутренней поверхности».

Большинство европейских протеев окрашено в желтовато-белый или светло-мясной цвет, но при дневном свете эта окраска более или менее изменяется, некоторые делаются совсем красными, а у других появляются зеленые, обыкновенно голубовато-черные пятна. Кроме того, замечается две разновидности протеев, из которых одна живет в Далмации, а другая — в Крайне, которые отличаются одна от другой по форме морды и по числу складок на боках тела. По словам Шрейберса, основной цвет протеев изменяется от чистого или грязного желтовато-белого до фиолетового, переходя через красновато-белый и мясо-красный цвет, причем заметны всевозможные переходные оттенки. Очень часто на этом фоне замечаются более или менее ясные, иногда небольшие, иногда крупные, правильные и неправильные пятна и точки желтоватого, красноватого или сероватого цвета, которые распределены по телу то редко, то очень тесно, причем в последнем случае они иногда делаются очень крупными и сливаются. Жабры при жизни ярко-красные, но при дневном свете бледнеют. Длина тела доходит до 28,5 см, но обыкновенно не превышает 25 см.

До сих пор протейя находили исключительно в подземных речках и озерах Крайны и береговой части Далмации. Маркенти нашел его в 1885 году также около Карпано и Монфальконе на берегах Адриатического моря, принадлежащих тогда Австрии*.

* Любопытно, что не раз возникали слухи о походе на протейя существе, живущем в пещерах Крыма и Черноморского побережья Кавказа, хотя поиски его там специалистами не увенчались успехом. Сведения эти до сих пор считаются сомнительными, хотя установлено, что в недалеком прошлом протейя действительно обитали на Кавказе из верхнего миоцена был описан вымерший ныне вид *Mioproteus caucasicus*, однако род *Proteus* известен лишь из плейстоцена Европы.

Местные крестьяне очень хорошо знают протейя, так как ловля его им доставляет хороший заработок, и рассказывают, что животное это часто ловится только в глубоких водах, находящихся в пещерах озер, в тех же водах, но на поверхности земли протейя встречается только после сильных ливней, которые переполняют подземные водоемы и таким образом насильственно выбрасывают на поверхность земли этих земноводных. Дэви предполагал, что все протейи живут в одном подземном озере и оттуда переходят в другие речки и озера, которые соединены с ним подземными ручьями; но

это мнение, по новейшим исследованиям пещер, оказывается совсем неверным. Хотя эти животные держатся исключительно в воде, по словам проводников, они иногда, особенно перед грозой, выходят из воды и двигаются в иле на берегу, беспомощно извиваясь, как угри**.

** * Несмотря на наличие легких у протеев, они их практически не используют, изредка лишь хватая воздух с поверхности водоема. Вынутый из воды, протей погибает уже через час, так как легкие не справляются с дыхательной нагрузкой, а основной способ газообмена (кожный) в воздушной среде крайне неэффективен и практически не используется. Такая «функциональная дистрофия» и редукция воздушных органов дыхания связана, видимо, с обитанием в холодной воде при температуре 6 °C (зимой) и 9-12 °C (летом), где достаточно продуктивно работают три пары ярко-красных жабр.*

Ныне крестьяне, после сильных ливней, исследуют некоторые лужи, которые наполняются водой из недр земли или устьев подводных речек, вылавливают выброшенных водой протеев и сохраняют их, пока не явится случай их переслать в город для продажи. Они заходят также во внутренность пещер, где есть подземные ручьи и лужи, освещают воду факелами и ловят протеев сачками или просто руками. Пойманные животные помещаются в широкогорлые склянки, наполовину наполненные водой и прикрытые тонкой сеткой; в таком виде животных сохраняют и пересылают.

Многие любители и натуралисты долго держали протеев в простых тазах или даже в стеклянных сосудах и усердно наблюдали их, причем некоторые животные прожили в неволе 6-8 лет. Протеи обыкновенно лежат, вытянувшись на дне сосуда, иногда шевеля лапками как бы для того, чтобы подвинуться вперед. Если сосуд, в котором они живут, находится в темном месте, то они днем лежат совершенно спокойно, но малейший солнечный луч приводит их в возбужденное состояние, и они как можно скорее стараются забраться в темный уголок. В бассейне, где вода нечасто меняется, они поднимаются до поверхности воды, чтобы подышать, причем открывают рот и с некоторым шумом выпускают пузыри из жаберных щелей; в глубоких бассейнах, где вода постоянно сменяется, они получают необходимый им кислород через жабры и тогда никогда не показываются на поверхности воды. Если их вынуть из воды, то они через 2-4 часа всегда околевают, но, по словам Шрейбера, их можно сохранить в живых и в мелкой воде, причем легкие их тогда увеличиваются и расширяются, между тем как, оставаясь постоянно под водой, они сильно развивают свои жабры. Над протейми производили различные опыты, чтобы принудить их к превращению, например перевязывали им жаберные сосуды; но опыты эти никогда не имели успеха, а постоянно приводили к смерти животного.

Внешние чувства протей вообще слабо развиты, но именно те чувства, которые мы считаем особенно малоразвитыми, оказываются, относительно, необычайно острыми. Животные, например, тотчас же замечают, когда им бросают в бассейн корм, плывут прямо к нему и хватают его без всякого колебания, из чего можно заключить, что у них довольно сильно развито обоняние или осязание, так как едва ли можно предположить, что их подкожные, почти микроскопические глаза могут различать что-либо иное, как разницу между светом и темнотой. По мнению Дюбуа, чувствительность к свету замечается не только в глазах, но и во всей коже, но кожа чувствует свет вдвое слабее, чем глаз*.

** Всю жизнь протей проводит в воде почти в кромешной темноте, поэтому его глаза не функционируют. Сейчас установлено, что развитие глаз у протей останавливается на ранних стадиях развития и имеет эмбриональное состояние, после чего начинается редукция органов зрения. У протей остаются недоразвитыми даже глазные мышцы и зрительный нерв. Вместе с тем он действительно способен воспринимать свет, но не глазами, а всей поверхностью своего розоватого или кремового тела.*

Госпожа Шовен многолетними опытами убедилась, что протей имеют также память на местность. Содержимые в неволе едят червей и маленьких улиток, а, по сообщению Велькера, особенно охотно дафний, которые, как известно, живут между густорастущими водяными растениями. Два протей, жившие у вышеназванного натуралиста, быстро плавали кругом сосуда, когда их тревожили, и он с удовольствием замечал, что они в это время сразу подплывали к предлагаемому корму и, несмотря на спрятанные под кожей глаза, быстрыми движениями схватывали еду. Никогда не замечали, чтобы они хватали спокойно сидящее животное, и потому весьма вероятно, что прыгающие движения дафний служат для протеев особенной приманкой. Некоторые протей упорно отказываются от пищи, и, несмотря на это, если только им часто менять воду, проживают в неволе несколько лет, причем совершенно непонятно, чем они бывают сыты. В подземных водах, где живут протей на свободе, нашли несколько своеобразных мелких животных, которые могут служить пищей протейам,

а также замечали, что они проламывали раковинки маленьких мягкотелых; однако до сих пор сведения о способе их питания на свободе очень недостаточны.

Хотя протеев держали дюжинами в одном бассейне и видели, как они иногда играли между собой, но спаривания их никогда не замечали; только в 1875 году главный надсмотрщик над пещерами, Прелестник, в первый раз видел, как они кладут яйца. С точностью нельзя было узнать, оба ли живущих у него экземпляра или только один из них положил 58 яиц. Госпожа Шовен также наблюдала в 1882 году, как самка протеев прикрепляла свои яйца к потолку подводного грота в аквариуме. Шаровидное яйцо имеет 11 мм в поперечнике, снаружи оно окружено студенистым слоем, внутри которого находится оболочка, имеющая 6 мм в диаметре, а желтовато-белый желток 4 мм. Оба слоя, окружающие желток, прозрачны и бесцветны. Обыкновенно нельзя отличить снаружи самца от самки; только во время размножения у самца распухают края клоаки, у самки же замечается утолщение тела преимущественно в вертикальном направлении, у обоих полов образуются в это время узкие складчатые кожистые гребни на хвостовом плавнике и окраска тела делается более яркой. Следует предположить, что яйца оплодотворяются внутри тела самки, но до сих пор подобного оплодотворения не замечали*. Протеи кладут яйца всегда ночью, и каждое яйцо прикрепляется отдельно.

** Размножение протеев сейчас изучено значительно лучше. Для этого протеев необходима чистая, богатая кислородом вода, температура которой не превышает 15 °С. В таких условиях в яичнике самок формируются от 12 до 80 яиц. Однако только два из них развиваются в личинки, а остальные образуют единую расплывшуюся желточную массу, которая идет на питание личинок. Развитие личинок, таким образом, проходит в теле самки за счет яичного желтка. Рождение личинок наблюдается обычно в аквариумных условиях, в природе же протеев чаще откладывают яйца, как правило, под навесом скал. Кладку, по одним сведениям, охраняет самец, по другим — самка.*

Только в 1888 году Целлер в первый раз описал головастика протеев. Его протеев отложили с 14 по 16 апреля 76 яиц. Через 90 дней из них выползли два головастика, которые были гораздо более развиты, чем головастики других хвостатых земноводных, и имели вначале 22 мм длины, из которых на хвост приходилось лишь 5 мм. По внешнему виду они были похожи на взрослых протеев, только плавниковый гребень у них занимает 3/4 спины и глаза гораздо более заметны и относительно больше, чем у взрослого животного. Жабры развиты не более, чем у взрослого протеев. Передние конечности имеют уже три пальца, а задние имеют лишь вид простых отростков. Целлер держал своих протеев на открытом воздухе, причем температура воды колебалась между 5° и 18°С. Если протеев желают наблюдать в неволе, то следует сделать их жизнь как можно более приятной. Госпожа Шовен и Целлер только тем обязаны успехам своих наблюдений, что они очень заботливо относились к жившим у них животным. Для благополучной жизни протеев необходима равномерная температура воды от 9° до 11°С, совершенное отсутствие света, предохранение бассейна от сотрясений, чистая вода, содержащая довольно много воздуха, и кормление их земляными червяками и головастиками лягушек.

В восточных штатах Северной Америки и Канаде живет протей, очень похожий на нашего европейского, именно **американский протей** (*Necturus maculosus*), животное средней величины и довольно плотного сложения. Оно имеет четыре конечности с четырьмя пальцами на каждой, голова яйцевидная, спереди заостренная, а сзади округленная, шея заметно отделена от тела, а туловище похоже на туловище саламандр. Верхняя часть тела бурая, а нижняя — грязно-белая; на спине замечаются неясные, а на животе более ясные черноватые круглые пятна.

Американский протей (*Necturus maculosus*)

От конца морды через глаза к жабрам идет черноватая продольная полоса, которая у молодых животных продолжается по бокам тела. Взрослые экземпляры достигают 32-36 см длины. Большой мясистый язык округлен и спереди свободен; зубы похожи на зубы протоя. Глаза маленькие, но довольно заметные. Число позвонков относительно невелико (18-19 спинных, 1 крестцовый и 35 хвостовых), и скелет так похож на скелет саламандры, что Дюмериль и Биброн в виде отличительных признаков американского протоя приводят лишь четыре пальца и сохраняющиеся в течение всей жизни жабры.

Об образе жизни американского протоя и другого сходного с ним местного вида до сих пор у нас еще очень мало сведений. Мютцель говорит, что этого протоя иногда ловят на удочку в северных американских озерах и тогда выставляют его на показ как редкость; Гибс получил от одного приятеля сходный с ним вид из маленьких речек рисовых полей южного течения реки Санти. По сообщению вышеназванного наблюдателя, негры совершенно безосновательно ужасно боятся этих протеев и считают их в высшей степени ядовитыми. Деревянный сосуд, в котором помещался присланный протей, потерял в глазах хозяина всякое значение и был разрублен, чтобы никто потом не мог из него есть. Протей скоро исчез из помещения, куда его посадил Гибс, вероятно, потому, что негры нашли нужным как можно скорее избавиться от этого ужасного животного. Позднее удалось поймать другие экземпляры, и они содержались в течение нескольких месяцев в бассейне. Когда они лежали спокойно, то великолепные пучки их красных жабр торчали в стороны, но если животных тревожили, то цвет жабр делался гораздо менее ярким и животное их прижимало к сторонам шеи. Иногда они поднимались на поверхность воды, открывали рот и набирали воздух, а затем снова ныряли вниз, причем негодный воздух выпускали изо рта в виде лопающихся пузырей. Таким образом, животные прожили несколько месяцев, по-видимому, в полном здравии, но под конец потеряли свою живость, не могли более удерживать равновесие и скоро после этого окобели. Кинланд также держал в неволе американских протеев. Животные эти были малочувствительны к холоду, даже отчасти замерзали и при согревании снова оживали; оказалось, что они принадлежат к ночным хищникам, которые ночью охотятся за червями и рыбками, а днем прячутся от света. Жабры их имели способность расширяться и сжиматься вследствие наплыва в них крови, и протей их очищали от грязи, вычесывая их своими пальцами. О размножении американских протеев нам еще ничего не известно.

Семейство сирены

Это семейство хвостатых земноводных включает в себе животных наиболее простой организации. У них, точно так как у предыдущего семейства, жабры сохраняются в течение всей жизни, верхнечелюстных костей и глазных век также не существует, но на межчелюстных костях и нижней челюсти вовсе нет зубов, так что рот совсем беззубый и челюсти покрыты роговыми пластинками; небольшие зубы сохранились только на сошнике. Известно лишь два рода сирен, которые живут в Северной Америке и отличаются друг от друга по числу жаберных щелей, а также по числу пальцев на передних конечностях*; задних конечностей вовсе нет.

* Число видов семейства сейчас увеличилось до 3.

В каждом роде известно лишь по одному виду. По мнению Копе, сирены не только представляют собой животных с недоразвитым скелетом, что видно по строению черепа, плечевого пояса, таза и конечностей, но у них замечается ретроградное превращение в развитии жабр. Натуралист этот нашел, что в молодости у сирен жабры вовсе не действуют и они развиваются постепенно лишь с возрастом. Копе из этого заключает, что сирены образовались из животных, похожих на сухопутных саламандр и только лишь впоследствии приспособились к жизни в воде*.

* С жабрами у сирена действительно происходят любопытнейшие превращения, У только что появившихся личинок они вырастают очень крупными, при дальнейшем росте тела их размеры уменьшаются, а потом опять увеличиваются. Такое явление получило название «обратный метаморфоз Копа».

Большой сирен (*Siren laertina*) по строению тела похож на угревидную амфиуму и отличается от нее тем, что у него замечается лишь одна передняя пара конечностей. Тело удлинненное и вальковатое, сзади заострено и сжато с боков, на передних конечностях находится по четыре пальца, а следов задних конечностей не видно даже и на скелете. Ноздри расположены около края верхней губы, маленькие круглые глаза прикрыты кожей. Жаберные щели имеют вид трех наклонных надрезов на каждой стороне шеи, к верхним концам их прикреплены наружные жабры. На сошниках находятся два больших ряда зубов, образующих между собой угол. Позвонков бывает 101-108 и по строению они похожи на позвонки протей, 8 из них, начиная со второго, имеют небольшие реберные придатки. Цвет тела черноватый и одинаковый как сверху, так и снизу, но внизу несколько светлее; в некоторых местах замечаются небольшие белые пятна. Животное бывает длиной 67-72 см. Сирен живет в юго-восточной части Соединенных Штатов и доходит на западе до юго-западного Техаса.

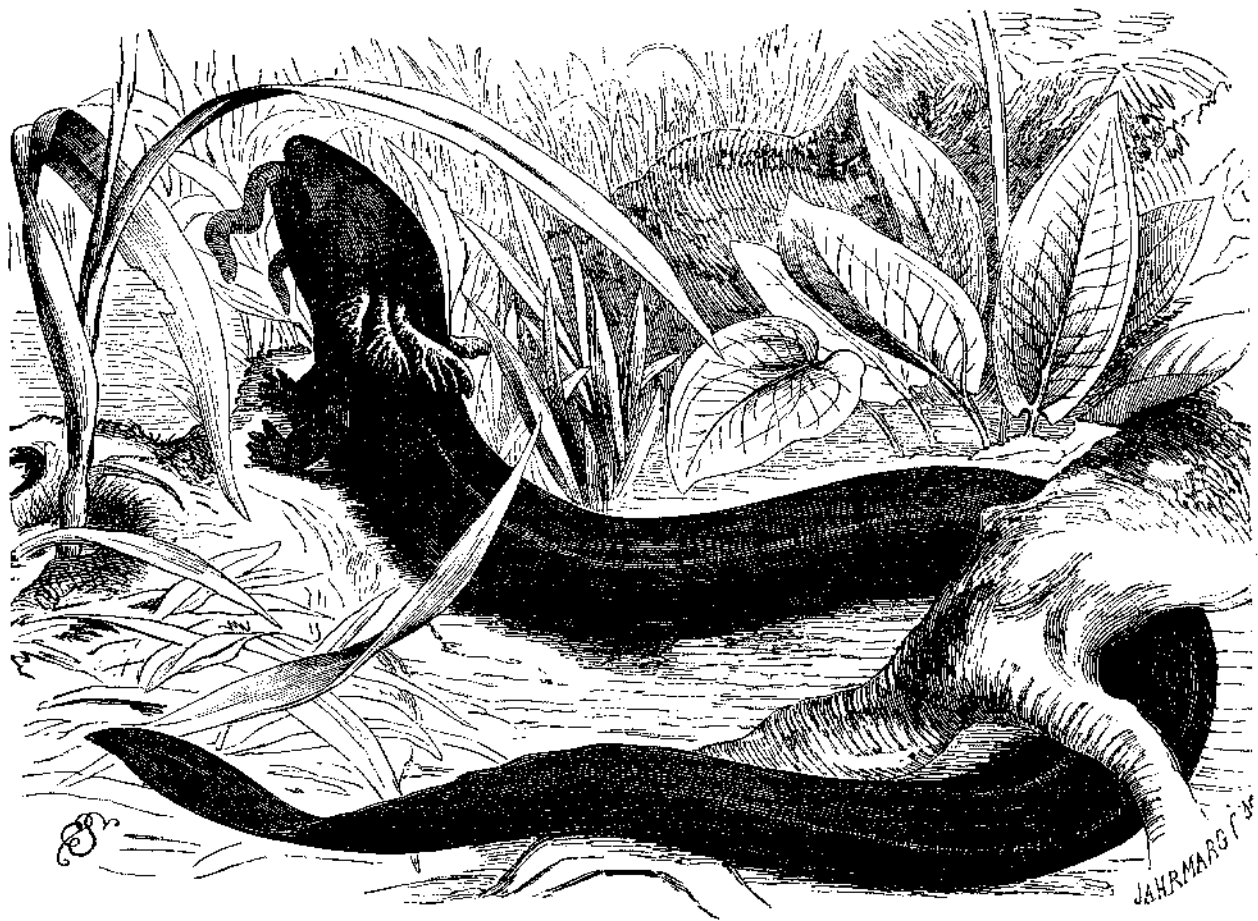
С этими животными нас познакомил Гарден в 1766 году; он нашел сиренов в Южной Каролине и послал два экземпляра Эллису в Лондон, причем сообщил ему, что сирены встречаются в болотах, главным образом под стволами деревьев, лежащих в воде**; иногда они выползают на эти стволы, и когда вода пересыхает, то они жалобно пищат, почти так, как молодые утки, только громче и яснее.

* * В водоемах этот вид выбирает обычно неглубокие, затененные места, иногда даже «вбуравливаясь» в землю. А карликовый сирен (*Siren intermedia*) в период засухи в грунте даже образует «кокон», из которого виден лишь рот.

Гарден принял это животное за рыбу, но это мнение было опровергнуто еще Линнеем. Даллас позднее считал его за головастика какой-нибудь саламандры, а Кювье в первый раз высказал мнение, что сирена следует считать вполне развитым животным.

В июне 1825 года живой сирен, имевший 1/2 метра длины, был прислан в Англию и жил там в течение шести лет под надзором Нейля, который его внимательно наблюдал. Вначале этот натуралист держал сирена в бочке с водой, на дне которой лежал песок; бочка эта была поставлена наклонно, чтобы животное могло выходить на сушу, однако скоро оказалось, что удобнее класть мох, но так как он постоянно гнил и его приходилось часто менять, то в воду положили лягушечник (*Hydrocharis morsits ranae*), под плавающими листьями которого сирен любил прятаться. Летом он ел земляных червей, маленьких колюшек, головастиков тритонов, а позднее также гольянов (*Phoxinus laevis*), зимой же постился от середины октября до конца апреля, живя в холодной оранжерее. Если его трогали за хвост, то он пускал пузыри и тихо уплывал.

13 мая 1826 года, сытно поевши, он сам вылез из бочки и упал на пол, с высоты один метр. На следующий день его нашли вне оранжереи на дорожке; он подрыл себе под стеной ход, в метр длины, и через него ушел. Вследствие холодного утра он был совсем окоченевший и едва выказывал признаки жизни; посаженный в воду, он трудно дышал и поднимался на поверхность воды, чтобы набрать воздуха; однако через несколько часов сирен совершенно поправился.

Большой сирен (*Siren lacertina*)

Когда в 1827 году его перенесли в теплицу, то он стал живее и начал квакать, как лягушка. В течение этого лета он часто съедал зараз 2-А маленьких земляных червяка и вообще был голоднее, чем прежде. Как только он замечал червяка, то осторожно приближался, на мгновение останавливался, как бы присматриваясь, а затем быстро схватывал его. Вообще же он ел только раз в 8 или 10 дней. Обыкновенно он в течение нескольких часов лежал на дне воды, не пуская пузырей; два раза в минуту заметно было слабое движение воды за жабрами. При прикосновении он так быстро уплывал, что вода поднималась брызгами. Сирен этот жил до 22 октября 1831 года и умер насильственной смертью: его нашли выпавшим из бочки с засохнувшими жабрами. В течение этих шести лет он вырос на 10 см.

Отряд бесхвостые земноводные

ВСЯКИЙ, КТО видел лягушку, уже имеет представление о всех членах отряда этого класса животных. Разница в строении тела отдельных групп, хотя незначительна и несущественна, но настолько характерна, что лягушку или другую бесхвостую форму никогда нельзя спутать с другим земноводным. Неуклюжее яйцевидное или почти четырехугольное тело, голова приплюснутая, широкая, с заостренным рылом и снабженная широкой пастью, так что присутствие шеи незаметно, четыре хорошо развитые конечности и более или менее гладкая, голая, скользкая кожа — вот наружные признаки, характеризующие принадлежащих сюда животных. Глаза сравнительно велики, очень подвижны, т.е. далеко могут быть втянуты в глазные орбиты, обыкновенно бывают оживлены; носовые отверстия, лежащие на самом переднем краю рыла, прикрываются особыми клапанами; ушные отверстия велики и характеризуются наружной барабанной перепонкой. В зависимости от рода и вида строение ног и лап бывает различно, особенно относительна длина передних и задних конечностей, число, длина и форма пальцев, а также способ соединения их между собой. Столь же существенно различаются эти животные по гладкости, толщине кожи и по присутствию в ней желез, выделяющих яд или слизь; верхняя кожа характеризуется тонкой и рыхлой тканью, особенноостью, затрудняющей отделение ее от нижней кожи, так как при этом она в полном смысле расползается.

Многие виды обладают способностью изменять цвет; можно наблюдать, что их кожа до известной степени, нередко даже совершенно, подходит под цвет окружающей обстановки, и достоверно также, что чувственные возбуждения, например половые и всякие другие, могут выражаться

изменением цвета, но до сих пор еще достаточно не установлено, играет ли в этом случае какую-нибудь роль воля животных.

Строение позвоночника чрезвычайно просто, голова сильно сплющена, так как небные и скуловые кости очень удлинены и глазничные впадины лежат почти горизонтально, затем следует заметно сплющенный череп, потом шея только тем и выражающаяся, что в ней можно различить один шейный позвонок — атлант. Спинной хребет состоит из 7, очень редко из 6 позвонков, которые, ввиду отсутствия различий между грудными и брюшными позвонками, не требуют дальнейшей характеристики.

Крестцовый позвонок имеет два круглых или плоских треугольных отростка, посреди которых прикрепляется длинный прут хвостца, а по бокам таковые же округленные снизу и сзади тазовые кости. Передние конечности сочленяются с хрящевым пояском, прикрепляющимся к позвоночнику мягкими частями. Пояс состоит снизу из передней и задней ключиц и грудной кости, распадающейся на несколько частей. Ребер у земноводных нет, за исключением одного семейства дискоязычных, так как собственно ребрами длинные поперечные отростки позвонков назвать нельзя. Локтевая и лучевая кости сливаются в одну, обе берцовые точно так же; часть плюсневых костей соединяется, образуя следующий отдел ног, соответствующий «плюсне» птиц, причем две длинные кости являются прыгательными и пяточными костями. У многих лазающих лягушек встречаются так называемые придаточные суставы, маленькие косточки, находящиеся всегда между предпоследним и последним суставом как передних, так и задних ног; они служат для удерживания падающего при прыжке тела и таким образом ослабляют силу падения. На верхней челюсти обыкновенно, на сошнике же часто, а на небных костях и нижней челюсти в исключительных случаях имеются маленькие крючковатые зубы. Язык редко прирастает совершенно к нижней части рта, большей же частью укреплен своим передним концом в переднем углу нижней челюсти, задний же конец его свободен, так что язык может выбрасываться наружу. Пищевод короткий, желудок длинный и кожистый, кишечник имеет мало завитков. Из почек идут мочеточники в особый резервуар, рассматриваемый как мочевой пузырь; моча представляет собой жидкость, по чистоте близкую к воде, без ощутимого вкуса, и, без сомнения, служит у всех земноводных столь необходимой запасной влагой на случай сухого времени. Отсюда уже мочеточники идут в клоаку. Почти все бесхвостые земноводные имеют очень большие мешковидные легкие и хорошо развитый объемистый голосовой аппарат, весьма нередко имеющий заметный гортанный язычок и часто снабженный особым непарным или парным горловым мешком или резонатором, открывающимся внутрь или наружу и служащим для усиления голоса. Мозг в сравнении с малой величиной тела довольно объемист.

За исключением полярных областей, бесхвостые земноводные являются космо-политами, не отсутствуют ни в одной части света, даже ни в одном поясе широты и долготы и достигают своего наибольшего развития в тропических странах. У нас некоторые виды, особенно самцы, осенью снова зарываются в ил прудов и проводят там все холодное время года в непробудной спячке. В южных странах сухое время года также вынуждает этих животных прятаться*, но здесь они перезимовывают не только на значительной глубине под поверхностью земли, куда только могут забраться, пока почва илистая, но и, подобно другим европейским видам, самкам и всем молодым формам, зарывающимся в ил, проводят зиму в земляных норах, под камнями, в дуплах деревьев, в трещинах и между корнями деревьев.

* Целый ряд приспособлений имеют земноводные и для переживания засухи. Самой интересной чертой крапчатой лягушки (*Ruixcephalus adspersus*), например, является ее способность в период жаркого сезона обильно выделять кожную слизь, которая, подсыхая, превращается в специфический, достаточно герметичный кокон. Внутри такого кокона, погруженного в грунт, и оказывается лягушка, только ноздри этого животного торчат наружу. Аналогичный механизм переживания неблагоприятных условий выработали и некоторые представители свищунов (*Leptodactylidae*), в частности — *Lepidohatrachus* spp. Во время летних засух ряд видов (например, североамериканские лопатоноги *Scaphiopus* spp.) впадают в спячку, снижая обмен веществ и потребление кислорода на 80%. А если следующее лето проходит без дождей, то они увеличивают длительность спячки еще на год. Во время такого анабиоза лопатоноги начинают «питаться» белками своего тела, используя для этого второстепенные мышцы, а самки «сздают» даже сформировавшиеся в яичниках собственные яйца. Некоторые виды австралийских жаб (*Myobatrachidae* — *Notaden nichollsi*, *Neobatrachus wilsmorei*), живущие в аридных областях Австралии, способны запасать воду в мочевом пузыре, причем аборигены используют эту жидкость для питья во время переходов по пустыне. Встречаются пустынные виды, которые в засуху зарываются в почву на глубину 30 см, имея запас воды не только в мочевом пузыре,

но и в подкожных полостях тела, в результате чего они выглядят как бы раздувшимися, а их легкие доходят почти до конца тела. Так, пустынная австралийская плоскоголовая рукопала лопатница (*Cyclorana platycephala*) накапливает в лимфатических мешках такие объемы воды, что они составляют половину массы тела.

В этот период вынужденного покоя вплоть до наступления благоприятного времени года лягвообразные питаются за счет собственного питательного материала, именно накопленного в их печени. С наступлением весны они появляются одновременно, внезапно и массами, так что нет ничего удивительного, что несведущие люди объясняют появление бесчисленного множества этих животных, на присутствие которых день назад не было и намека, падением их с неба с первыми дождями после зимы. Основной чертой образа жизни всех бесхвостых земноводных, живущих у воды или на воде, является высокая плотность населения не небольшой территории; однако они никогда не вступают в тесное общение между собой, как это имеет место у вышеорганизованных позвоночных; каждое живет само по себе, нисколько не помышляя о других. Лягушки, живущие на деревьях или около них, и жабы соединяются в настоящем смысле этого слова только в пору спаривания, и если в другое время на одном месте замечают одновременно действительно большое скопление таких животных, то такое сборище исключительно объясняется или особенно подходящими условиями для их жизни, или присутствием обильной для них добычи. Преимущественной пищей бесхвостых земноводных служат насекомые, червяки, улитки; они едят также рыбу икру и мелких рыбешек. Крупные виды этого отряда решаются преследовать даже мелких млекопитающих и птиц. Одна крупная лягушка, живущая на Соломоновых островах (*Discodeles guppyi*), длина самцов которой равняется 10, самок — 21 см, считая от конца рыла и до заднепроходного отверстия, питается исключительно крупными раками. Как настоящие хищные животные, бесхвостые земноводные питаются только живой и лично пойманной добычей и нисколько не стесняются приносить в жертву своей прожорливости молодых животных их же вида или же по крайней мере близкородственного. Некоторые квакши, например **австралийская золотистая квакша** (*Litoria aigea*), по Креффту, питаются почти исключительно другими земноводными, а именно теми же древесными лягушками; южноамериканские рогатые жабы и многие индийские чесночницы также обыкновенно едят только мелких лягушек; наши же крупные зеленые лягушки и жабы при удобном случае ведут себя не иначе.

Из всех жизненных отправлений этих животных наиболее достойно внимания их оплодотворение. Та заботливость по отношению к своему потомству, о которой я уже говорил, относится преимущественно к членам этого отряда. У многих бесхвостых земноводных самец играет важную роль в размножении не только как оплодотворитель яиц, но и как помощник при выпускании их и даже как воспитатель. Число яиц, откладываемых самкой, часто бывает очень велико, благодаря чему беременная самка перед кладкой становится необыкновенно толстой, так как яйца достигают своей полной зрелости еще в теле матери и совершенно наполняют яйцеводы. Во время откладывания икры самец в полном смысле слова является помощником самке. Он садится к ней на спину, обхватывает ее своими передними ногами у бедер, в зависимости от вида животного, и так сдавливает тело, что благодаря этому нажиманию яйцеводы освобождаются от своего содержимого. Эти объятия у серых, проворных и других лягушек могут закончиться смертью самки. Герон-Руайе доказал, что при продолжительном нажимании больших пальцев самца, последние иногда совершенно протыкали грудную клетку самки*.

** Трудно поверить в достоверность доказательств Герон-Руайе, однако в порыве репродуктивной активности возбужденные самцы многих лягушек действительно прочно обхватывают любой движущийся предмет, в том числе даже неодушевленный. Объятия могут продолжаться до суток. Они бывают настолько крепкие, что иногда наносят самке травму: кожа рвется, а площадь содранной поверхности может достигать четырех квадратных сантиметров. Аналогичным образом они нападают и на иных позвоночных животных. Известен случай, когда девять самцов травяной лягушка, обхвативших ондатру, практически утопили ее. Многие самки лягушек погибают в брачных объятиях самцов.*

При выходе яйца еще в яйцеводе окружаются слизистой оболочкой и оплодотворяются самцом тотчас после выхода. Превращение личинок, которых теперь научились различать по ротовым частям и по положению заднепроходного отверстия, во взрослых животных совершается уже описанным способом, причем следует отметить, что сначала появляются задние конечности, а хвост, остающийся у саламандровых, у бесхвостых мало-помалу укорачивается и наконец совершенно исчезает. За исключением повитухи, все личинки европейских земноводных, по исследованиям Тиле, имеют особые придатки, лежащие на нижней части вблизи рта; положение и форма этих придатков

служат у некоторых видов отличительными признаками. Эти образования свойственны исключительно головастикам и остаются всего 1-2 недели, пропадая после этого совершенно бесследно. Эти прицепки имеют железистый характер и выделяют жидкость, которая и служит для прикрепления личинки; они не являются присосками и не имеют никакого отношения к дыханию. В дальнейших стадиях развития личинка вместе с организацией рта приобретает губообразные утолщения со своеобразными роговыми зубами, которые и служат временными органами прикрепления. По опытам Юнга, одной растительной пищи недостаточно для того, чтобы головастик развился в лягушку; для этого необходимы еще и белковые вещества, в которых, впрочем, редко бывает недостаток в донном иле тех вод, где живут личинки лягушек. Все личинки лягушек питаются различной смесью разложившихся животных и растительных веществ. Превращение длится 3, 4, 5 месяцев и дольше, после чего лягушата, походя формой на своих родителей, покидают воду и начинают вести образ жизни взрослых.

Таково обычное правило, но дело не обходится без исключений. По Флетчеру, австралийские бесхвостые земноводные, за исключением двух видов *Pseudophryne*, откладывают свои яйца обыкновенным образом, но время откладывания икры не у всех одинаково коротко и не столько зависит от времени года, как это бывает у европейских лягушек, сколько связано с дождями, идущими в Австралии весьма неравномерно. У известных видов, впрочем, период размножения падает на определенное время, но икру можно находить круглый год.

Точно так же различные бесхвостые земноводные относятся к выбору воды. В то время как одни откладывают яйца в прудах, канавах и лужах, которые содержат воду, по крайней мере во время развития их личинок, другие довольствуются более незначительным количеством воды, собирающейся между листьями или в дуплах деревьев, иные же вовсе не кладут яйца в воду. Соленая или полусоленая вода препятствует развитию; уже в воде, содержащей только одну сотую часть поваренной соли, все зародыши, по опытам Раубера, погибали; однако Юнг при меньшем содержании соли в воде наблюдал развивавшихся лягушат. В этом отношении самыми крепкими и умеющими приспособляться к условиям являются зеленая жаба и зеленые лягушки. В зарослях кустарников, вдоль песчаных берегов Бразилии, по наблюдениям принца фон Вид, день и ночь слышатся громкие не одинаково сильные, глухие и обрывистые, но частые голоса одного вида лягушек, носящего название «сапо», и если идти на этот голос, то находишь животное между листьями бромелий, в которых всегда собирается вода, остающаяся даже во время самой сильной засухи и жары в виде черной грязной жидкости; но после продолжительного дождя вода становится чистой и обильной и даже может быть употреблена для питья. «В таких скоплениях воды в листовых пазухах растений выше-названная лягушка откладывает свои яйца, что мы, к удивлению, и встречали, когда в январе, чувствуя недостаток в воде и изнуренные зноем, отыскивали эту воду и наполняли ею наши сосуды для питья. Впрочем, маленькие, уже вылупившиеся головастики нам не мешали пить эту воду, так как мы процеживали ее через платок и прибавляли немного лимонного сока и сахара, утоляя этим напитком свою жажду, когда в полуденные часы знойного январского дня, совершенно изнуренные путешествием, мы располагались в удушливой тени кустов на отдых. Можно перевернуть листья бромелий, откуда слышится крик этих лягушек, и вылить оттуда воду вместе с насекомыми и рачками (последние тоже благополучно живут здесь), сапо же залезает все глубже и глубже между листьев и сидит так крепко, что, для того чтобы отыскать ее, нужно отрывать листья один за другим. Другие лягушки совершенно удовлетворяются дуплом какого-либо дерева, где они находят довольно пространства и имеют достаточно времени для полного превращения их личинок». «Я несколько раз был разбужен, — рассказывает Шомбургк, — резким мычанием, имевшим много сходства с мычанием коровы, повторяемым после коротких правильных промежутков; это мычание возбуждало во мне самые странные догадки по поводу обладателя этого совершенно чуждого для меня голоса. С нетерпением я ждал возвращения туземцев. Получив на свой вопрос ответ, что мычание издавалось лягушкой, я думал, что людям захотелось подурочить меня, однако, несмотря на мои сомнения, каробы настаивали, что это была лягушка конобо-ару, водящаяся на известном виде деревьев, стволы которых внутри пустые и наполнены водой, в чем они и предложили мне немедленно убедиться самому. Я тотчас же пошел в ближайший лес низменности, и вскоре мы уже стояли перед одним видом из семейства липовых с крупными листьями; деревья эти я еще нигде не встречал, а при ближайшем исследовании определил за новый род (*Bodelschvingia*). Одна из особенностей этого дерева заключается в том, что ствол, достигнув известной толщины, делается внутри полым. Один из индейцев залез на дерево, чтобы заткнуть круглую дыру в сучке, находившуюся на высоте около 12 м, после чего принялись за дело и все остальные, и дерево было повалено. Пустой ствол был обильно наполнен водой, в которой мы нашли если и не самого нарушителя нашего покоя, то около 20 штук

его головастика. Наши поиски за отцом или матерью их на этот раз были бесплодны, и я должен был отложить свои поиски до наступления ночи, когда, по уверению моих спутников, можно вновь найти эту лягушку по мычанию. Я должен сознаться, что давно не дожидался вечера с таким нетерпением, как в этот раз. Было, вероятно, 9 часов, когда среди глубокой тишины снова раздался голос лягушки. Захватив факел, я, в сопровождении одного кариба, поспешил на голос, который и привел меня к тому же поваленному дереву. Яркий свет факела, по-видимому, ослепил животное, и оно спокойно позволило взять себя. Это была красивая и крупная местная лягушка».

Еще интереснее условия, в которых совершается превращение западноафриканской лазающей лягушки. В Камеруне в последние дни июня на листьях низкого дерева, стоявшего наполовину в воде, Бухгольц видел несколько довольно крупных белых шаров, оказавшихся при ближайшем осмотре рыхлой, отвердевшей в воздухе, пенистой массой, и полагал найти в них какое-либо насекомое. Он был немало удивлен, найдя вместо последнего свежевылупившихся из яиц головастика, находившихся в жидкой белковой массе в довольно большом количестве. При подробном осмотре он заметил и яйца, хотя разбросанные по всему тестообразному комку, но все-таки очень многочисленные, раньше ускользнувшие от его внимания благодаря их прозрачности. Чтобы проследить дальнейшее развитие, этот ученый взял пенистый комок к себе домой и заботливо сохранял его на тарелке. Через некоторое время он убедился, что в течение 3-4 дней из большинства яиц вылупились личинки, причем большая часть пенистой массы обратилась в жидкость. С этих пор молодые животные плавали в этой жидкости, получили длинный вилообразный хвост и жаберные ветви и вели себя совершенно как обыкновенные головастики, причем, перенесенные в воду, продолжали развиваться обычным путем. Следовательно, пенистая масса, очевидно, соответствовала студенистой слизистой оболочке, в которой в других случаях мы видим икру лягушек, отложенную в воде, но, видимо, масса эта не в состоянии прокормить личинку более одного дня после вылупления, и дальнейший рост должен продолжаться уже в воде. Бухгольц предполагает, без сомнения совершенно основательно, что молодые личинки вместе с жидкой массой смываются дождем с ветвей деревьев в воду и таким образом попадают в эту родную и гостеприимную для всех земноводных стихию. Начиная с упомянутого времени и до июля, вышеназванный натуралист наблюдал такие же пенистые массы на различных других прибрежных деревьях, и часто на высоте 3 м и выше такие массы слепляли собой несколько листьев.

Виновницей этих комков икры Бухгольц считает **бурю лазающую лягушку** (*Chiromantis rufescens*), принадлежащую к семейству настоящих лягушек и водящуюся на тех же деревьях. Так как откладывание икры всегда совершалось ночью, то проследить его было очень трудно. Наконец рано утром наш натуралист был чрезвычайно обрадован, найдя одну лягушку у самой икры. Объемом своим масса равнялась величине отложившей ее самки, но была еще полужидкая, с вязкой пенистой оболочкой и застыла на воздухе только по прошествии дня. Совершенно так же описывают кладку икры у *Philomedma iheringi*, одной бразильской представительницы семейства квакш, и у одной японской **веслоногой лягушки** (*Rhacophorus schlegeli*), которые, как и **африканская лазающая лягушка**, живут, по-видимому, исключительно на деревьях.

Однако после отложения яиц не все бесхвостые земноводные перестают принимать участие в своем потомстве; напротив, есть такие виды, у которых как самцы, так и самки играют особенную роль. Самки некоторых видов имеют на спине мешок или ячеистую кожу, служащие для восприятия оплодотворенных яиц, а также надежным приютом головастика в их раннюю пору развития. Этот мешок или ячеистая кожа наполняются самкой яйцами, или самец наматывает на свои бедра и заднюю часть тела студенистые шнуры икры и таким образом берет на себя обязанности матери*.

* В первом случае речь идет о *суринамской пипе* (*Pipa pipa*). во втором о *жабе-повитухе* (*Alytes obstetricans*).

У первых бесхвостых земноводных молодые часто проводят всю личиночную жизнь в этом мешке или ячейках, у последних — самец волочит за собой икру только до вылупления личинок и затем оставляет ее в воде, где молодые головастики и развиваются далее. О попечениях и заботах о своем потомстве других видов мы не раз еще будем говорить на следующих страницах**.

** Многие виды земноводных имеют специфические приспособления для охраны кладок («гнезда», подкожные сумки и т. д.). Для других забота о продолжении рода связана со значительным объемом потомства (по принципу «кто-нибудь да выживет»). Плодовитость ряда видов очень велика, некоторые лягушки и жабы откладывают 7—10 тыс. яиц.

У бесхвостых земноводных превращение головастика также может быть задержано различными и даже чрезвычайно незначительными обстоятельствами. Так, Мартен получил в ноябре и даже 17 декабря живых личинок чесночниц, живших вместе с другими подобными им личинками в

пруду с таким отвесным берегом, что они не могли оставить воду, и очень вероятно, что это и задержало их развитие; однако, может быть, в этом случае все зависело от недостатка животной пищи. Холодная погода или очень холодная вода задерживают развитие личинок. Это факт установленный. Так называемые исполинские личинки, длиной 80 см или более, встречаются среди немецких земноводных только у чесночницы, повитухи и у озерной лягушки. Головастики лягушек, развивающиеся в высоко лежащих горных бассейнах, нередко бывают вынуждены зимовать, не закончив своего превращения, и могут покинуть воду только ближайшей весной. По Камерано, это обыкновенно случается с теми лягушками, местонахождение которых лежит выше 1800 м.

Бесхвостых земноводных следует причислить в большинстве случаев к живым и бодрым животным, которые, так же как и другие земноводные, ведут ночной образ жизни; однако часть их проявляет активность и днем, чего мы не встречаем у других отрядов этого класса. Подвижностью своей они превосходят всех своих родичей: ходят лучше, прыгают сравнительно большими скачками и необыкновенно ловко; **австралийские квакши** (*Litoria*) нередко делают прыжки в рост человека, почему Креффт назвал их «кенгуру между лягушками»; **малайские веслоногие лягушки** (*Rhacophorus*) могут поспорить с летягами благодаря необыкновенно развитым плавательным перепонкам, служащим им парашютом во время прыжков*.

** Механика движения бесхвостых земноводных сейчас изучена относительно хорошо. В прыжке бесхвостых земноводных различают три фазы: отскок, «полет» и приземление, первая и последняя из которых длятся всего 0,1 секунды. Для более эффективного использования сил, позволяющих оторваться от земли, точки их приложения переносятся ближе друг к другу (происходит сужение таза) и к центру тяжести животного (удлинение подвздошных костей). Маневренность полета во многом определяется способностью совершать «асимметричный отскок» в результате раннего отрывания от земли одной из конечностей, что и позволяет менять направление движения. Все эти преобразования привели к достаточно эффективному способу передвижения. На преодоление сопротивления воздуха в «полете» жабы и лягушки тратят менее 2% энергии.*

Плавают и ныряют бесхвостые земноводные превосходно; они могут также оставаться целый час на дне, задержав дыхание; они зорко видят, хорошо слышат и обоняют, несмотря на видимую нечувствительность, не лишены способности к осязанию, а равно и чутья, причем, весьма вероятно, обладают, хотя и в незначительной степени, чувством вкуса. В то время как у других сородичей их по классу трудно найти хотя бы следы высшего проявления умственных способностей, бесхвостые земноводные, наоборот, проявляют способность распознавать местность; опыт развивает в них умение различать предметы, развивает память и сообразительность; они становятся осторожными и пугливыми по отношению к другим животным, даже, если нужно, проявляют некоторую хитрость при избегании опасности или ловли добычи. Свои громкие крики они, видимо, издают с наслаждением, что можно заключить по их хорошо развитому слуху и вечерним музыкальным упражнениям. Благодаря всем этим качествам бесхвостые земноводные обращают на себя наше внимание более всех других сородичей. Невольно приходишь к убеждению, что это — бодрые и жизнерадостные животные, с наслаждением предающиеся проявлению своих чувств, выражающие это наслаждение громкими криками и старающиеся своими голосами дать знать всему окружающему миру о своих чувствах.

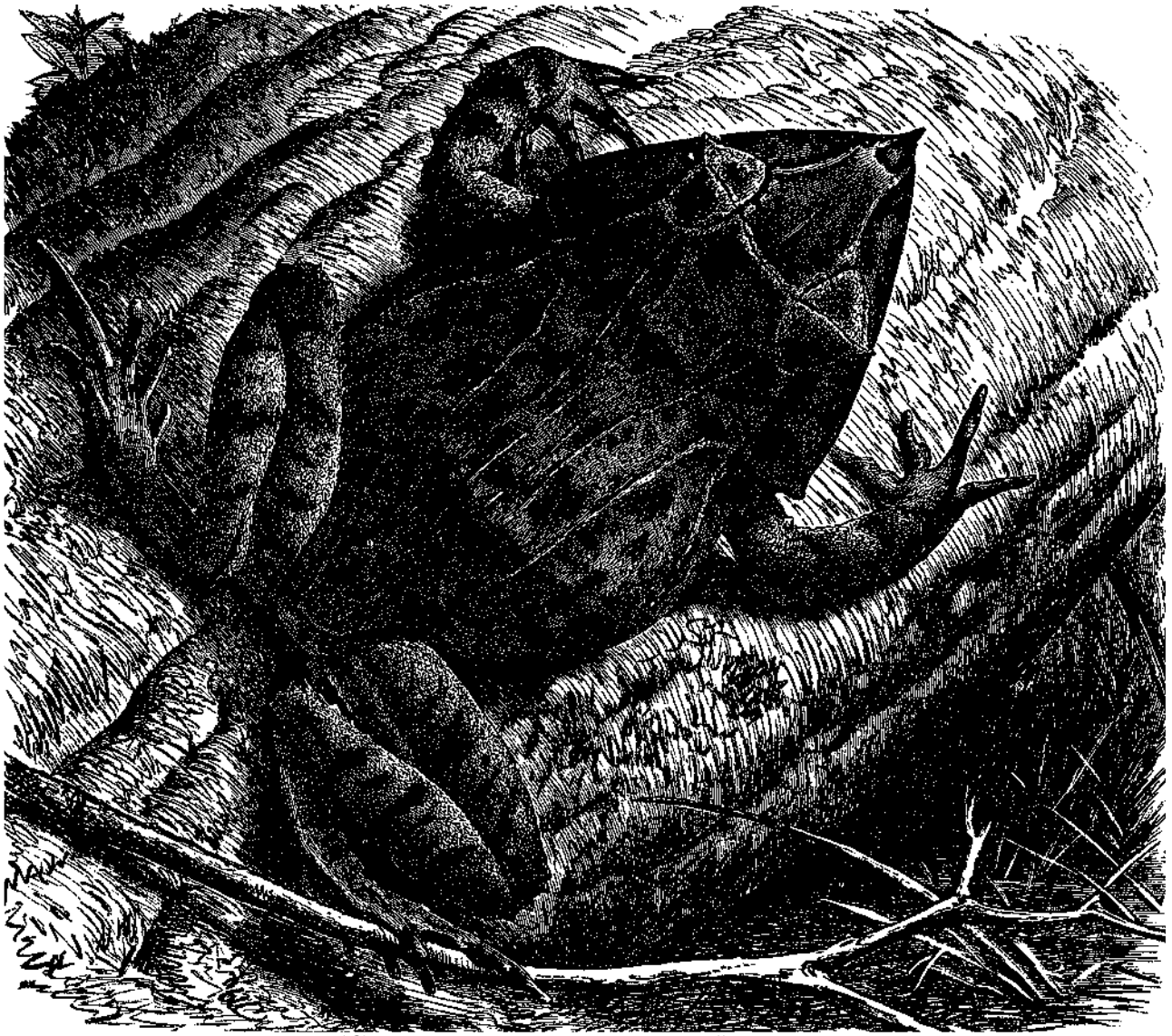
Голоса их, правда, не так разнообразны, не так богаты звуками, не так звонки и изменчивы, как пение птиц, но во многом не уступают голосам большинства млекопитающих и во всех отношениях превосходят голос гекконов. В их голосах можно услышать все переходы от громкого мычания и до чириканья, от пронзительного свиста и до глухих стонов. Одни издают резкое кряхтение, звучно перекликаются другие, словно кузнечики стрекочут третьи, а иные режут как быки; огненные жерлянки заливаются отрывистым колокольчиком, а крик прудовой лягушки переливается всевозможными голосами. В девственных лесах Южной Америки крики бесхвостых земноводных относятся к самым характерным звукам; в тропических странах Азии, Африки, в Австралии и даже в Европе мы замечаем то же самое. Словно крик какой-то неизвестной птицы, раздается ночью крик **зеленой жабы** (*Bufo viridis*) западноазиатских степей, словно удары бубен, раздаются крики одной лягушки, водящейся в центральной Африке. Другая лягушка из тех же мест издает глухой гул, похожий на звук струны контрабаса; одна форма лает, как собака, а иные пищат, как вольтка. Голос одной из южноамериканских форм **свистунов или зубатых жаб** (*Pseudop. Paludicola faleipes*), по словам Гензеля, подражает сверчку, крик другого вида (*Physalaennts biligonigerus*) похож на редкие рыдания, которые звучат, подобно отдаленному крику маленького ребенка, или может быть принят за трещание цикады; крик третьего вида есть звонкое бульканье, подобное тому, которое

слышится при выливании воды из сосуда с узким горлышком; крик одной жабы есть трель самых низких нот; голос одной квакши напоминает собой звук маленького колокольчика, голос другой — подобен звукам удара молотка о жель. Одним словом, каждый вид кричит по-своему; как бы ни неприятны были эти звуки для нашего уха, они все же всегда и везде есть выражение если и не веселого настроения, то все же удовольствия, испытываемого животным, и громче всего бывают в ту пору, когда в теплую погоду в воздухе начинает пахнуть дождем.

Наряду с их беззаботной веселостью, свойственной всем бесхвостым земноводным, даже ненавистным жабам и крикуньям жерлянкам, они заслуживают нашего расположения своей безвредностью, даже полезной деятельностью, значение которой мы еще так мало ценим. Только крупные виды могут временами приносить нам незначительный вред; все остальные приносят нам, вероятно, больше пользы, чем преследующие их животные. Мясо их также неплохое; это знают не только французы, по кулинарной части задающие тон другим нациям, но и жители Амбо в юго-западной Африке и даже туземцы Австралии, которые с факелами ловят ночью сотни древесных лягушек одного вида и с удовольствием едят их. Знали ли, задает вопрос Креффт, у которого я и заимствую последние данные, злополучные Бурке и Вилльс, погибшие от голода во время своего научного путешествия в глубь Австралии, какое спасительное средство представляли для них лягушки? Но, быть может, эти жертвы науки придерживались общего для всех нас мнения и даже перед лицом смерти отказали себе в столь же вкусном, как и здоровом блюде, которое можно приготовить из лягушечьих бедер.

Буланже, классификации земноводных которого мы будем придерживаться, подразделяет бесхвостых земноводных на два подотряда — язычных и безъязычных. Язычные, к которым принадлежит наибольшее число ныне живущих лягушек и жаб, имеют язык и отличаются от безъязычных еще тем, что на их небе с каждой стороны имеется обособленный выход внутреннего ушного отверстия — так называемая евстахиева труба. Насколько известно, все лягушки этого подотряда на последнем этапе личиночной стадии имеют только одну дыхательную трубку (Spiraculum), отверстие которой лежит на левой стороне тела. Одни дискоязычные являются в этом случае исключением, заслуживающим внимания, и дыхательная трубка у них лежит посередине груди.

Язычные, в свою очередь, по организации плечевого пояса весьма резко разделяются на две группы. Лягушек, принадлежащих к первой группе, мы назовем **неподвижногрудыми**: они характеризуются неподвижностью своего грудного пояса. Лягушки второй группы — **подвижногрудые** имеют грудной пояс, допускающий боковые движения. К неподвижногрудым относятся **настоящие лягушки** (Ranidae), **древоблазы** (Dendrobatidae) и др. К семейству Ranidae принадлежит **род рогатые лягушки** (Ceratobatrachus) с одним только видом, **угловатой лягушкой** (Ceratobatrachus guentheri) с Соломоновых островов, следовательно, из области германского протектората.

Угловатая лягушка (*Cetatobatrachus guentheri*)

Голова у этой лягушки треугольная, сплюснутая, необыкновенно большая, с рылом, вытянутым в кожистое острие, которое и служит органом осязания; такие же острые кончики украшают также и треугольные веки, конец спины над заднепроходным отверстием и пяточное сочленение. Зрачок имеет яйцевидную форму и лежит поперечно; язык назад свободен и глубоко выемчат; сошник покрыт зубами; барабанная перепонка велика и лежит свободно, — итак, у них имеются все признаки, свойственные настоящим лягушкам. Кроме уже упомянутых кожных наростов эта удивительная лягушка украшена более или менее многочисленными складками кожи, которые обычно располагаются на голове поперечно, по спине же вдоль, как направо, так и налево. Затем нередко имеется узкая, зубчатая кожистая лопасть, окаймляющая наружный край передних и задних лап и голени. Вся нижняя часть тела покрыта нежными, зернистыми и бородавочками. Вид этот представляет различные разновидности по величине и форме своих кожистых придатков, причем чрезвычайно походит своей окраской на цвет окружающей обстановки. Основной цвет верхней части тела может быть желтоватым, красноватым, буроватым, серым или оливковым, причем самый рисунок также бывает темнее или светлее. Однако задняя часть верха бедер всегда бывает темной, частью совершенно черной; то же самое нужно сказать о нижней стороне голени и лапы. Горло и брюхо покрыты мраморным рисунком из более или менее многочисленных темно-бурых пятен и зигзагов; плечи и пах яркого желтого цвета; конечности украшены темными поперечными линиями. Максимальная величина самца 7,5, самки 8,6 см.

Гюппи первый открыл эту оригинальную лягушку, найдя ее в 1884 году на некоторых островах из группы Соломоновых, а Буланже познакомил нас с этим земноводным. Об образе жизни угловатой лягушки мы знаем еще довольно мало. Первый из упомянутых натуралистов называет ее весьма обыкновенным животным на всех упомянутых островах, говорит, что она настолько подражает своей окраской окружающей обстановке, что один экземпляр был добыт им совершенно случайно: желая опереться, Гюппи положил руку на нарост коры, и вместо последнего рука его схва-

тила лягушку. Но наибольший интерес, возбуждаемый этой формой, заключается в том, что развитие ее, как у антильской лягушки, завершается в замечательно крупном яйце, из которого животное вылупляется уже четвероногим лягушонком.

Семейство настоящие лягушки

У семейства настоящих лягушек зубы имеются только на нижней челюсти; поперечные отростки крестцового позвонка имеют цилиндрическую форму, к концу слабо или совсем не расширяясь. Грудной пояс у отдельных родов мало различается, зато форма последнего сустава пальцев бывает изменчива, будучи или просто заостренной, или треугольной, или Т-образной, или же Y-образной, или даже когтевидной, как у древесниц. Позвонки на переднем конце выемчаты, хвостец сочленяется с крестцом двумя мышечками, ребра отсутствуют. 22 рода, различаемые в этом семействе, имеют зрачки, расположенные вертикально или горизонтально, концы пальцев передних ног бывают или остры или снабжены прицепками, наконец, у них могут присутствовать или отсутствовать между пальцами плавательные перепонки, причем в одних случаях они натянуты между всеми суставами или же только между основными.

Большинство форм этого семейства претерпевают обычное превращение в воде, проходя в ней стадию головастика, но есть исключения, выражающиеся в том, что часть или все развитие личинки протекает в особенно крупном яйце. Такое исключительное развитие свойственно виду *Discodeles oristhodon*, о котором речь еще впереди, и, может быть, еще виду *Cornufer solomonis* с Соломоновых островов, яйцо которого бывает 5 мм в поперечнике.

Настоящие лягушки массами живут в водах умеренных и жарких стран, следовательно во всех частях света, за исключением, впрочем, Австралии. Их встречаешь всюду, где есть текучие или стоячие воды, их ночные концерты слышатся отовсюду, где только место благоприятствует их жизни, так как наши зеленые лягушки и родственные им виды живут и в долинах и на высотах, как на текучих, так и на стоячих водах, при том только условии, чтобы последние не были слишком солеными. Немало и таких форм в этом семействе, которые, подобно квакшам, держатся в воде только в пору спаривания, но после него живут на влажных лугах, в полях и лесах, быть может, без всякой определенной цели, проводя свой отдых там, где застанет их день, и с наступлением сумерек снова продолжая свои странствования. Многие роды и виды живут также на деревьях, подобно настоящим квакшам, от которых по внешнему виду почти не отличаются. Странно звучит концерт таких лягушек для уха чужеземца, впервые вступившего на почву другой части света, так как к звукам, слышанным им еще на родине, присоединяются новые, чуждые, виновниками которых он хотя и признает сразу лягушек, но в звуках этих все же услышит чрезвычайно много своеобразного. Последнее и дало повод как первым колонистам, так и натуралистам дать характерные названия известным лягушечьим певцам.

Образ жизни лягушек, живущих в воде, везде более или менее одинаков; летом и весной — это бодрая, веселая и шумная жизнь, полная удовольствий, осенью — менее приятные странствования, зимой же — непробудная спячка на дне в иле замерзших или высохших вод, пока теплое дыхание весны не растопит лед или первый дождь не размочит иссушенный и скоробленный солнцем слой ила, и теплота или влага снова не пробудит к жизни глубоко зарывшихся и спящих животных. Как у нас весна одевает землю новым нарядом, так и в тропических странах начало дождливой поры вновь оживляет силы природы. Когда в центральной Африке в губительную знойную пору сухого времени года замолкнет жизнь, засохнет трава, опадет листва деревьев, улетят в более приятные страны птицы и млекопитающие, пресмыкающиеся и земноводные поневоле обречены на покой, — тогда отчаяние овладевает и человеком, и зверем, на долю которых выпадет пережить эту пору; таким тяжелым бременем лежит это знойное время года на всем живущем. Но вот наконец вдали начинают собираться кучки темных облаков, гонимые бурными порывами ветра; они несут с собой живительный дождь на истомленную землю, а с ним и весну. Целые часы длится этот первый ливень; на низких местах образуются ручьи, реки, озера и целые озера, из которых по крайней мере последние удерживают скопившуюся в них воду в продолжение дня. Но прежде чем небо совершенно очистится, прежде чем высохнут ветви деревьев, уже проснутся спавшие животные. Вечером после первого же дождливого дня из каждой образовавшейся от дождя лужи, из каждого озера, из каждой разлившейся от дождя речки — словом, куда ни обернешься, отовсюду навстречу вам уже раздастся «гонк-гонк-гонк». Тысячи маленьких лягушек сидят по берегам, плавают по зеркальной поверхности воды, и можно подумать, что все они, ликуя, приветствуют то время, в которое им позволено наслаждаться жизнью. Тотчас же после пробуждения они приступают к размножению, радостно скачут повсюду, пока их родное место еще полно водой, и исчезают вместе с последней каплей ее. Ливингстон рассказывает, что от бушменов он узнал о зимнем местожительстве одной ля-

гушки и часто находил ее между деревьями в норках, в которых одновременно жили пауки и отверстия которых были затканы паутиной. Знаменитый путешественник высказывает свое удивление, что лягушка могла жить в самом сухом месте страны. Он уверяет также, что вначале, слыша в ночной тишине громкое кваканье этого животного, он всегда надеялся встретить поблизости воду, но часто ошибался в своих расчетах, почему и предположил, что это животное проводит, бодрствуя, и часть сухой поры года. Последнее мнение верно лишь условно, так как мы должны считать, что и в южной Африке засуха бывает лишь зимой и лягушки становятся бодрыми лишь после выпавшего дождя, будучи в некотором смысле возвращены им к жизни. Впрочем, наблюдения Ливингстона сходятся с моими в том отношении, что и маленькие, скоро исчезающие лужи иногда бывают оживлены тысячами этих лягушек. Нечто подобное бывает и в других странах, в которых известные времена года резко отличаются друг от друга; там же, где из года в год под теплым небом преобладает одна и та же погода, веселая лягушечья рать почти непрерывно занята своим делом, усердно задает свой концерт и не бывает месяца, на который бы не падала пора размножения какого-нибудь вида. В сильно орошенной Южной Америке каждый вечер слышится концерт лягушек и, конечно, после каждого дождя; в сырых низменностях Индии и западной Африки этих животных видишь или слышишь круглый год.

В наших местах лягушки могут очень надоесть главным образом тем, что концерт их очень продолжителен; в других частях света они становятся в тягость своими чрезвычайно громкими голосами. Таким образом, в то время, как виды, живущие у нас, совершенно справедливо следует причислить к полезным животным, лишь в исключительных случаях приносящих незначительный вред, исполинские сородичи того же семейства, живущие в Америке и Индии, нередко посягают на собственность человека, делая жертвами своего хищничества даже утят и гусят. Несмотря на это, лягушки нигде не встречают врагов; ни один народ не смотрит на них с отвращением, которое возбуждают родственные им жабы, так как жизнь и поведение лягушек забавляют многих людей, что, например, так красиво изложено в нижеследующих стихах Ролленгагена, о которых вспомнил Чуди.

*То скачут в воду и ныряют
И, рот раскрыв свой, корм хватают.
То мошку на лету поймают
Иль червяка с земли глотают.
То, став на лапки, лезут кучей;
Точь-в-точь борцы в борьбе кипучей;
То, словно пляской щеголяя.
Толпа их скачет удалая...*

Одним словом, человек охотно дружит с ними даже и там, где смотрит на них как на дичь, которую преследует для приготовления вкусного блюда к своему столу.

Что касается размножения, то в существенных его чертах эти лягушки напоминают квакш, с той только разницей, что для откладывания икры они обыкновенно отыскивают настоящие водные бассейны и, следовательно, никогда не довольствуются для своего пребывания незначительным скоплением воды, как это известно про квакш. По этой же причине распространение отдельных видов далеко не одинаково, например серая лягушка доходит в горах до высоты около 2000 м, другие виды, живущие в Гималаях, — до 2850 м и выше, тогда как наша зеленая лягушка свойственна больше долинам. Большинство откладывает яйца просто в воду и более о них не заботится. К описанию развития молодежи, к которому также относится все уже сказанное, следует прибавить, что в холодных и высоко лежащих водных бассейнах превращение замедляется, т.е. личиночное состояние длится в два раза дольше того времени, каковое затрачивается особями того же вида, но живущими в более благоприятных условиях. То же самое случается, когда головастики помещают в небольшой водоем и не доставляют им в достаточном количестве необходимой пищи.

Только в недавнее время страсть содержать животных в клетках простерлась и на лягушек. До тех пор лягушки семейств, живущих у нас, использовались только в опытах ученых, которые, как правило, заканчивались их смертью*; в настоящее время тропические формы этих земноводных содержат в особо устроенных клетках.

** Лягушки давно уже стали лабораторными животными для генетических, биохимических, биофизических опытов, их также используют в учебных (для приготовления анатомических препаратов) и фармакологических целях. По инициативе французского физиолога и патолога К. Бернара в конце XIX века и студентов-медиков в середине XX века «за участие во мно-*

гих важных исследованиях» в Сорбонне (Парижский университет) и в Токио лягушке были поставлены памятники.

Спустя короткое время эти лягушки, при хорошем уходе, привыкают к хозяину и таким образом становятся такими же домашними друзьями, как и настоящие древесницы.

В настоящее время известно около 140 видов **настоящих лягушек** (*Rana*), похожих на нашу прудовую лягушку**.

* * По современным представлениям род *Rana* включает 235 видов (32,6% всего видового разнообразия семейства).

Все эти лягушки имеют поперечно расположенный овальный зрачок, язык, приспособленный только впереди, свободный назад, на конце глубоко вырезанный и развилыстый, зубы, по крайней мере на сошнике, и обыкновенно заметную, свободно лежащую барабанную перепонку.

За исключением Южной Америки, Австралии и Новой Зеландии, настоящие лягушки распространены по всему свету. Большинство образом жизни сходно с нашей прудовой лягушкой, которая никогда не отдаляется от воды, и с нашей травяной лягушкой, живущей преимущественно на суше; но существуют и роющие формы настоящих лягушек и даже до известной степени лазающие. Роющие виды узнаются легко, по их сильно развитому ступневому выросту, часто лопатовидно удлиняющемуся и заостренному по краю; этот выступ представляет собой, по-видимому, прекрасное орудие для рытья. Все лягушки, снабженные таким лопатовидным придатком, при помощи которого они могут зарываться по крайней мере на полметра, имеют в то же самое время короткие, плотные, сильные задние ноги, почему и по наружному виду похожи на жаб. Принадлежащие к этому роду лазающие лягушки, все без исключения, на конце пальцев имеют диски, служащие для прикрепления, однако не все настоящие лягушки, снабженные разнообразно развитыми прицепными кружочками, в силу этого оказываются древесными формами. В то время как большинство настоящих лягушек головастиками живут в воде, вид *Descodeles opisthodon* с Соломоновых островов, по исследованиям Буланже, претерпевает более кратковременное превращение и развитие его протекает в большом яйце, величиной 6-10 мм. Лягушонок этого вида после вылупления не имеет и следа хвоста, лишен наружных жабр, но с каждой стороны брюха снабжен несколькими, обыкновенно поперечными складками, которые могут быть рассматриваемы как остатки наружных органов дыхания. На конце рыла он, как многие пресмыкающиеся, имеет конический зубок, предназначенный, очевидно, для просверливания яйцевой оболочки.

Все пять западноевропейских форм лягушек делятся на две, резко отличающиеся друг от друга группы, «зеленых» и «бурых» лягушек*,

* Сейчас зеленых лягушек относят к подроду *Pelophylax*, а бурых — к *Rana*.

причем может случиться, что многие зеленые имеют бурю окраску, тогда как обратного явления не случается, по крайней мере я его еще не наблюдал. Съедобными являются бедра всех наших лягушек, но наиболее вкусны только лапки травяной лягушки, следовательно одной из группы «бурых».

У представительницы «зеленых», **съедобной лягушки** (*Rana esculenta*), и ее разновидности, **озерной лягушки** (*Rana ridibunda***); задние части щек, без исключения, всегда имеют мраморный рисунок черного цвета со светлым, желтым или белым, напротив, у представительниц «бурых» — **серой, или травяной, лягушки** (*Rana temporaria*), **остромордой лягушки** (*Rana arvalis*) и **прыткой лягушки** (*Rana agilis*) — задние части щек никогда не имеют темного мраморного рисунка.

* * Относительно недавно было установлено, что съедобная лягушка (*Rana esculenta*) является видом гибридного происхождения от двух «родительских» видов — озерной (*R. ridibunda*) и прудовой (*R. lessonae*) лягушек. К комплексам таких видов биологи проявляют значительный интерес, так как они помогают понять некоторые эволюционные процессы, происходящие в природе. Виды так называемого гибридогенного комплекса имеют гибридное происхождение в результате крестообразования способа воспроизводства, при котором происходит оплодотворение с последующей элиминацией (удалением) отцовского набора хромосом в процессе оогенеза (развития яйца). В результате этого из поколения в поколение передается только материнский геном, а отцовский как бы «одажживается» (берется в кредит) на одно поколение. Впервые такое явление было обнаружено на примере рыб рода *Poeciliopsis* и гибридного комплекса европейских зеленых лягушек (прудовой, озерной и съедобной). В популяциях съедобной лягушки потомству передается только геном озерной лягушки, а геном прудовой «одажживается». Аналогичные гибридогенные комплексы выявлены также в Южной Франции и Северной Испании, в Италии и Сицилии, в Югославии и Греции. В 1991 году немецкий батрахолог (специалист по земновод-

ным) Р. Гюнтер для таких видов ввел в обиход новую таксономическую категорию — *клеттон* (от греч. *klepto* — ворую).

Наряду с этими главными характерными признаками существует еще целый ряд других, весьма важных отличий в строении тела. Прибавим еще к этому, что самец возле и под нижней челюстью снабжен тянущейся вдоль нее щелью, из которой, с помощью пинцета, легко вытянуть часть пузыря-резонатора; тогда в наших руках мы будем иметь признаки, которые всегда разрешат наши сомнения о том, к какой группе принадлежит данная неизвестная лягушка. Ни один представитель «бурых» лягушек не имеет никакого наружного отверстия пузыря-резонатора.

Брекеке! — брекеке брекеке! — коакс туу! — брекеке бреке-ке! — брекеке кварр брекеке туу! — брекеке брекеке брекеке! — брекеке брекеке брекеке! — брекеке брекеке брекеке брекеке! — коакс коакс! туу туу! — брекеке туу! — брекеке брекеке!

Пруд оживился веселой толпой.

Месяца в зыби играют лучи.

Кого не умилит эта картина, кто возненавидит этих забавных животных?! Правда, Окен говорит, что, находясь вблизи пруда с лягушками, можно подумать, что находишься поблизости от сумасшедшего дома, однако мое мнение, что голоса и кваканье лягушек столь же идут к весенней ночи, как и песнь соловья. В этих концертах, как ни грубы составляющие их отдельные звуки, слышится безграничная радость и действительное единодушие. Стоит только запевале начать свое «брекеке», как остальные лягушки, прослушав молча несколько звуков, присоединяются все на глухом «кварр» и продолжают уже обычным образом квакать далее. С наступлением сумерек начинается общее кваканье. Оно продолжается настойчивее всякой другой ночной песни, и только под утро на пруду становится тише, хотя все-таки нет-нет то один, то другой издает полусдавленные «кварр», словно в виде приятного воспоминания о только что выказанном мастерстве.

Не спору и не могу обойти молчанием, что слабонервным людям, живущим поблизости населенного лягушками пруда, в конце концов может надоест слушать все один и тот же концерт каждую теплую летнюю ночь. Однако лично я не могу разделить этого недоброжелательства, так как принадлежу к тем людям, которые, слыша голоса этих воодушевленных ночных певцов, становятся веселее. Полагаю также, что со мной согласится по крайней мере каждый, кто провел свою молодость на лоне природы.

Наша **прудовая лягушка** (*Rana lessonae*) — типичный представитель настоящих лягушек. Не включая задних ног, равных 10-11 см, западноевропейская прудовая лягушка достигает длины 6-8 см, а при более обильном питании, как личиночном, так и в превращенном состоянии, даже несколько превышает эту длину. По красивому зеленому фону верхней части разбросаны черные пятна и идут три желтых продольных полосы — одна по хребту и по одной на боках тела; иногда на боках головы тянутся две черные полосы. Нижняя часть тела белая или желтоватая; задние части щек имеют мраморный рисунок черного цвета с желтым. Наиболее свежая окраска бывает после поры метания икры, позднее же становится то темнее, то бледнее, играя более или менее бурыми или серыми тонами; из этих цветов то один, то другой становится преобладающим, а продольные полосы могут быть выражены более или менее ярко. Большие глаза имеют ярко-желтый зрачок и глядят умно. Более крупная разновидность, **озерная лягушка** (*Rana ridibunda*), имеет длину тела 10-11, а задних ног 14-16 см; ее задние части щек оливкового или зеленовато-белого цвета с темным оливковым мраморным рисунком. Кроме маленького, мало выступающего ступневого выроста важным отличительным признаком этой разновидности является более удлиненная голень.

Прудовая лягушка (*Rana lessonae*)

Родиной прудовой лягушки является не только Европа, но северо-западная Африка и добрая половина западной Азии. Там она встречается в трех более или менее связанных между собой переходами разновидностях, описание которых завело бы нас слишком далеко. В Китае и Японии живет очень резко отличающаяся разновидность **прудовой лягушки** (*Rana nigromaculata*), особенно характеризующаяся очень крупным ступневым выростом, узкими прерывистыми складками кожи вдоль спины и необыкновенно красивой и блестящей окраской. В Германии же наряду с переходными формами к итальянской разновидности (*lessonae*) с бурой окраской спины водятся только обыкновенные настоящие прудовые и озерные лягушки. В то время как первые из них живут в Германии повсюду, где только нет недостатка в воде, озерная лягушка до сих пор встречалась только в низменностях и в обширных речных долинах, так, она была найдена в озерной системе Шире у Берлина, в провинции и в королевстве Саксонии, например у Дрездена, причем здесь находили экземпляры длиной 17 см и весом 1,1/4 фунта, в Ольденбурге, Ганновере и Липпе-Шаумбурге, на Майне у Швейнфурта, вблизи Крейцнаха, у Мюнстера в Вестфалии и в некоторых местностях по нижнему Рейну. В Австро-Венгрии, в Польше и далее на восток она является преоб-

ладающей формой, и озерные лягушки, живущие у Праги и на Дунае в южной Венгрии, часто очень больших размеров. Около Мантуи, по Лейдигу, они также бывают исполинской величины. В Греции, Малой Азии, Сирии, на Кавказе и в прикаспийских областях они являются единственными представителями зеленых лягушек*.

** Ныне на некоторых из указанных территорий описаны новые виды зеленых лягушек.*

Любимым местожительством ее служат маленькие, окруженные кустарником озера, по поверхности которых разбросаны листья водяных лилий, и каналы, удерживающие в себе воду по крайней мере в течение большей части года; к этим местам обитания прудовой лягушки нужно прибавить болота, топи и трясины, на юге же они живут на рисовых полях, которые долго остаются под водой и, подобно вышеупомянутым озерам, постоянно кишат добычей для наших лягушек. Любительницы теплоты, они стараются пользоваться каждым лучом солнца, почему днем обыкновенно располагаются на поверхности воды, лежа на месте, широко распластав свои огромные задние ноги и высунув над водой голову, или, что для них удобнее, садятся на широкий лист водяного растения, на плывущий кусок дерева, на высунувшийся из воды камень, или кусок прибрежной скалы, или вообще на какое-либо подобное местечко и с удовольствием и наслаждением предаются приятному ощущению теплоты*.

** Фактически прудовая лягушка является полуводным видом. Даже потребление кислорода через кожу и легкие происходит у нее примерно поровну (51,2 и 48,2%, соответственно), правда, выделение углекислого газа осуществляется преимущественно через кожу (86,2%).*

Если их ничто не беспокоит, они половину дня остаются в одном и том же положении, совершенно не двигаясь; будучи чем-либо обеспокоена или привлечена летящей мимо добычей, прудовая лягушка прыгает сильным и широким скачком в воду, мощно гребя своими лапами, плывет между поверхностью воды и дном, желая скрыться, направляется по слегка изогнутой линии вниз и наконец зарывается в ил. Этим объясняется приводимая Геснером нижегерманская поговорка: «Лягушка прыгает обратно в ил, даже если сидит на золотом стуле».

При этом, как наблюдал Брухин, с ней может даже случиться неприятный инцидент: передними ногами она может попасть в раскрытую раковину какого-нибудь моллюска, что имеет для лягушки весьма неприятное последствие, так как при всяком подобном беспокойстве чрезвычайно чувствительный моллюск тотчас же захлопывает свою раковину, ущемляя и обрекая на мучения достойное сожаления животное, лишенное возможности сопротивляться. Вообще же мягкий ил является для лягушек самым безопасным и превосходным убежищем от всякого нарушившего их покой и испугавшего их врага, так как они совершенно исчезают из глаз последнего. Однако они никогда не остаются в гостеприимной глубине долее, чем то им кажется необходимым, так как после краткого пребывания они уже вновь поднимаются, медленно гребя, всплывают наверх, высовывают голову из воды, вращают во все стороны своими светлыми глазенками и делают попытку вновь занять свое место. Приближается ли вечер, или наступает после прошедшего дождя прохлада, — все население одного озера собирается вместе, охотнее всего неподалеку от берега, между растениями, и начинает один из своих вышеупомянутых концертов. Так ведут они себя с середины апреля и до середины, самое большее — до конца октября; это время в наших краях является той порой, которая принуждает их искать убежища на зиму на дне вод — в илу или в каком-либо углублении. Уже в южной Европе прудовые лягушки появляются раньше, исчезают позже, в северной же Африке, там, где воды не высыхают, они не залегают в зимнюю спячку, но из года в год ведут почти один и тот же образ жизни с той разницей, что в пору спаривания квакают оживленнее и настойчивее, чем в другое время.

Прудовая лягушка есть создание довольно одаренное, движения ее исполнены силы и ловкости, поведение некоторым образом свидетельствует о присутствии сознания. Подобно большинству родственных ей форм, по земле она движется только прыгая, при этом, однако, бывает в состоянии делать очень большие скачки и направлять их необыкновенно точно. В воде она плавает с помощью одних только плавательных ног, в особенности если она движется на глубине, так как на поверхности она гребет лапами, постольку поскольку ей это необходимо. Однако с помощью сильного толчка своих плавательных ног она может даже выпрыгнуть из воды на известную высоту ради поимки жужжащего над ее головой насекомого или для того, чтобы занять вышележащее место для отдыха. Чувства ее находятся на высокой степени развития. Зрение имеет довольно значительный кругозор, как то можно уже заключить по хорошо развитым глазам; но и близлежащие предметы лягушка видит хорошо. Об ее слухе настолько ясно свидетельствуют ее вечерние концерты, что в развитости его не может быть никакого сомнения. Обоняние тоже неплохое, и только относительно осязания и вкуса могут существовать различные мнения, так как трудно их проследить. В понятливо-

сти ее убеждаются скоро, стоит только подольше понаблюдать, как прудовая лягушка в своем поведении сообразуется с обстоятельствами. Там, где ее никто не беспокоит, она, в конце концов, становится такой доверчивой, что подпускает к себе человека даже на шаг и только после этого уже ускакивает крупными прыжками. Напротив, там, где ее преследуют, она уже издали обращается в бегство и даже тогда, когда лежит где-нибудь на середине маленького озера, ныряет вниз, если на берегу покажется хорошо известный ей враг*.

** Сейчас известно, что прудовые лягушки территориальные животные. На берегах мелких или на удалении в десяток метров от прибрежной зоны на более крупных водоемах они образуют скопления. Площадь индивидуальных участков у прудовых лягушек невелика (0,4-0,8 м²), но они активно их защищают, издавая специфические крики и совершая атакующие прыжки в сторону пришельца.*

Старые лягушки всегда осторожнее молодых, даже являются, подобно известным нам уже млекопитающим и птицам, предупредительными стражами для молодых, у которых хватает сообразительности догадаться, что самое лучшее для них — это делать то, что делают их старшие собратья. Точно так же они остерегаются животных, могущих быть для них опасными; на озерах, регулярно посещаемых аистом, живущие там лягушки при появлении птицы бросаются в бегство так же поспешно, как и при появлении человека. Свою добычу они нередко промышляют с известной хитростью; подобно хищным животным, они подкарауливают ее, тихо плывут к ней под водой и быстро бросаются, умеют также найтись, если им бывает трудно справиться с пойманной добычей. Так, Науман и Грэфе наблюдали, как одна большая прудовая лягушка, желавшая проглотить маленького лягушонка травяной лягушки, выказала настоящую сообразительность. Она схватила своего маленького сородича сзади, и сопротивление последнего было настолько значительно, что из полукрытой пасти хищника, несмотря на все глотательные движения, то и дело высывалась голова жертвы. Наша прудовая лягушка поразмыслила и пришла к известному решению: повторив несколько раз один и тот же скачок по направлению к дереву, она тем самым ударяла о него свою жертву, оглушала ее и в то же время старалась проглотить. В неволе прудовая лягушка вначале ведет себя очень беспокойно, бурчит, ворчит и безумно прыгает вокруг, но приучается постепенно, в особенности если ее держать вне воды, узнавать своего хозяина и отдавать должную честь мучным червякам. Мало-помалу она проявляет известную привязанность к своему владельцу, берет от него предлагаемую ей пищу, позволяет себя брать и носить на руке, не соскакивая с нее, и, наконец, привыкает даже хватать вместо живой добычи бросаемые кусочки подходящего корма. Гредлер, кормивший пойманных лягушек облатками и кусочками мяса, полагает, что вначале внимание его питомицы на съедобность неподвижных кусочков была вызвана завистью, и, по моему мнению, прекрасно подтверждает этот взгляд тем интересным наблюдением, что и мертвые мухи, часто по долгу лежавшие на поверхности воды, вылавливались лягушками только тогда, когда к ним направлялись другие лягушки. Тот же недостаток несомненно доказывали и те решительные преследования и кусания, которыми иногда награждали друг друга соперники, прежде чем схватить добычу. Что у прудовой лягушки наряду с веселостью и бодростью, наряду с любопытством, пугливостью и прожорливостью ни одно качество не выражено так характерно, как зависть — эта неприменная принадлежность и следствие общественной жизни, — установлено наблюдениями Гредлера*.

** В описываемых примерах наблюдатели наделяют лягушек (своих любимых террариумных животных) человеческими качествами (в частности, зависть), что логично с эмоционально психологической точки зрения, но вряд ли согласуется с научным подходом (физиологии высшей нервной деятельности), считающим выражение эмоций характерным лишь для высших позвоночных животных.*

Если принять во внимание небольшую величину, то нашу прудовую лягушку нужно назвать очень хищным животным. Она удовлетворяется только лично пойманной добычей и питается исключительно живыми животными; то, что не движется, не привлекает ее внимания. Как и все низко стоящие в умственном отношении животные, о жизни других она заключает лишь по их движениям. Испуганно бросаясь в поспешное бегство от приближающегося человека, она не обращает внимания на спокойно сидящего с удочкой рыбака, пока тот не дернет удилище. Это вовсе не невнимательность с ее стороны, это слабое развитие понятливости, что мы замечаем и у вышеорганизованных животных. Сидя, словно в засаде, на своем месте, прудовая лягушка следит за всем, что происходит около нее, внезапно прыгает на приближающуюся добычу, выбрасывает язык и глотает последнюю. Главной пищей ей обыкновенно служат насекомые, по наблюдениям Гредлера, и жалящие формы, вроде ос; кроме того, она питается пауками и улитками, чем и приносит большую пользу

человеку. С молодыми ее вида или лягушками родственных форм, именно травяной лягушкой, она не церемонится; все, что только перед ней барахтается, что она может схватить и проглотить, приходится ей по вкусу, как бы ни был велик проглатываемый кусок.

От зимней спячки молодые лягушки при благоприятной погоде пробуждаются уже в начале апреля. К размножению прудовая лягушка приступает только тогда, когда весна уже вполне наступила, следовательно, много позднее, нежели древесные и травяные лягушки; редко это случается в конце мая, большей же частью только в июне. Спаривание прудовых лягушек, как и большинства родственных ей форм, происходит так возбужденно, что, не находя самки своего вида, самец самым решительным образом насаждает на других лягушек и даже на рыб, вообще же на живые существа. Однако в жаркое время брачная пора редко длится более 8 дней. Одна прудовая лягушка, которую воспитывал Гредлер, уже в феврале месяце начала выказывать склонность к спариванию и вела себя в это время «далеко не двусмысленно» по отношению к пятнистой жабе и квакше. Такие ошибки наблюдались и у других лягушек. Оплодотворение происходит так же, как и у других лягушек, но длится дольше. Самец страстно обнимает самку и силой объятия передними лапами, а равно и весом своего тела выдавливает из самки яйца; в результате этих объятий, внутренние повреждения у самки бывают так серьезны, что она иногда околеваает*.

** Такой жесткий обхват самки самцом сейчас принято называть амplexусом. Он бывает настолько прочным, что внешние раздражители порой не могут его разрушить. В фондах Зоомузея МГУ, например, хранятся лягушки, которые не вышли из амplexусного состояния даже при погружении их в 2%-ный раствор формалина. Порой одну самку серой жабы (*Bufo bufo*) облепляют до 20 особей, образуя вокруг нее копошащийся клубок. В таких ситуациях действительно нередко случаи гибели самок.*

Яйца этих лягушек выглядят светло-желтыми, но с одного края серо-желтого цвета; при проходе через яйцевод они окутываются студенистой массой и затем падают на дно воды, где и остаются лежать. По величине они несколько уступают яйцам травяных и даже древесных лягушек; зато они многочисленнее, и при благоприятной для созревания икры погоде из них развивается стадо личинок, а из последних много лягушат, так что за вымирание этого вида нечего беспокоиться**.

** * Известно, что самка озерных лягушек откладывает от 670 до 16 400 яиц, диаметр которых 1,5-2,2 мм, при разбухании оболочек — до 8 мм. Объемы кладки прудовой лягушки меньше (400-440 яиц диаметром 1,4—1,8 мм). Личинки этих видов действительно образуют многочисленные скопления, плотность которых в ряде мест может достигать 9 000 экз./м³ воды. Однако из такой массы головастиков до сеголеток доживает лишь 0,5 -5,5%.*

Уже на четвертый день у зародыша замечаются движения, в конце пятого или шестого яйцо лопается и в нем виден трепещущий, средней величины, серо-желтый головастик, а вскоре последний уже начинает плавать. Под лупой можно уже ясно различить глаза и рот. По Лейдигу, личинки, еще будучи безногими, уже могут быть причислены к плотоядным животным, так как они усердно поедают погибших личинок тритонов. Содержимое кишечника головастиков, уже снабженных парой ног, при микроскопическом исследовании состояло из смеси донного ила с многочисленными мелкими ракообразными, водорослями и другими остатками растительных веществ. По истечении месяца развитие начинает замедляться. Когда головастик достигнет 6-7 см длины, он уже имеет вполне сформировавшиеся ноги, но хвост все еще остается длиннее тела, с боков сжат и очень высок. С этого времени он начинает медленно укорачиваться и наконец исчезает совершенно, так что на теле незаметно более ни малейшего нароста; наоборот — сформировавшийся лягушонок выглядит меньше головастика, из которого он только что образовался. Превращение заканчивается по прошествии четырех месяцев; на пятом году жизни лягушка достигает своей нормальной величины, но и позднее продолжает несколько увеличиваться в размерах.

Упомянутые выше половые недоразумения самцов прудовых лягушек, случается, наносят более значительный вред, нежели вообще жадность и прожорливость земноводных животных. Существуют наблюдения, не подлежащие никакому сомнению, что лягушки приносили значительный вред в прудах с карповыми рыбами. По сообщению Шлегеля, Нордман, владелец дворянского поместья, имевший вблизи Альтербурга большой рассадочный рыбный пруд, убедился в этом в 1853 и 1854 годах, когда вследствие постоянно дурной погоды он мог приняться за ловлю зимовавшей рыбы только в конце апреля и начале мая. В одном пруду перезимовало около 12 тысяч полуфунтовых карпов. За несколько дней до вылавливания рыбы один крестьянин рассказал владельцу пруда, что на одном из маленьких прудов он видел плававшего крупного карпа, несмотря на все усилия, безуспешно пытавшегося скинуть с себя насажившую на него лягушку. К немалому удивлению, со-

мнения Нордмана о правдоподобности подобного рассказа совершенно рассеялись при первой же рыбной ловле. Во время ловли оказалось, что почти на каждом карпе сидело по одной или по две лягушки, впившихся своими передними лапами в глаза или жабры рыбы; упираясь же своими задними ногами, лягушки содрали со спин рыб чешую. Некоторые лягушки сидели верхом в обратном направлении, и все прицеплялись так крепко, что их едва отрывали от рыб рукой.

Большая часть красивых племенных карпов была ободрана и так искалечена, что их можно было продать только за ничтожную цену. Около тысячи рыб, которым лягушки повыцарапали глаза, повредили жабры, сильно или совершенно содрали чешую, более уже не могли служить на племя, так как можно было опасаться, что они околеют, по крайней же мере заболеют, но не вырастут. На вторую весну дело не было так плохо, как в первую, но вред все еще был довольно значителен*.

** Прудовая и озерная лягушки действительно являются активными хищниками, однако исследования последнего времени опровергли факт нанесения ими серьезного ущерба рыбохозяйственным хозяйствам. Несмотря на то, что в рацион этих видов входят мальки не менее 24 видов рыб, желудок лягушек редко бывает наполнен ими более чем на 5-12%.*

Редкость таких наблюдений объясняется тем, что пора спаривания лягушек обыкновенно начинается только тогда, когда многие рыбные пруды уже выловлены и племенные рыбы перенесены в другие большие пруды. В последних они также, наверное, страдают от любовных объятий обезумевших лягушек, но таковые случаи там не так бросаются в глаза, как в маленьких прудах.

Озерная лягушка (*Rana ridibunda*) стала известна только в 1882 — 1885 гг. после исследований Пфлюгера и Буланже**.

*** Вид был описан П. С. Палласом в 1771 году.*

Рыбак Ноак из Кепеника, годами снабжавший живыми лягушками Германский Физиологический институт в Берлине, уже давно отличал эту форму, называл ее «славным сортом», причем он с первого же взгляда мог отличить эту лягушку от прудовой и наблюдал, что обе эти формы мечут икру в разное время года. В конце мая озерная лягушка уже прекращает отложение икры, тогда как прудовая лягушка только готовится к этому.

По Буланже, присутствие обоих родичей и притом столь резко различных между собой форм в одной и той же местности объясняется тем, что одновременное метание икры исключает возможность помесей; я же прибавил бы к этому предположению, что одна из этих форм распространилась в окрестностях Берлина позднее другой.

По словам Бедраги, голос озерной лягушки сильнее, благозвучнее и ниже голоса прудовой лягушки; она издает громкое «уорр-уорр-круу», которое звучит довольно недурно.

Не многие озерные лягушки умирают естественной смертью, большинство кончает свое существование на столе гастронома и в клюве или когтях хищной птицы. Живучесть их необыкновенна. Правда, будучи замороженными и оттаяны, они не возвращаются к жизни, как думали прежде, но зато в состоянии противостоять долгое время сильному зною — факт, имеющий, впрочем, место только на юге*, так как на севере при подобных условиях они переходят в другие водные бассейны.

** Поражает удивительная способность озерной лягушки выживать в самых невероятных условиях. Кроме озер и прудов она встречается в родниках и пещерных водоемах высокогорий, в старицах и оросительных каналах, тростниковых болотах и солоноватых лиманах и даже в горячих источниках с температурой воды до 40 °С и промышленных отстойниках с нечистотами. Она практически единственная из лягушек, оккупировавшая те кварталы крупных городов, где есть вода. Озерная лягушка великолепно плавает, а при пересыхании водоемов способна совершать миграции на расстояния до 12 км.*

Даже сильные ранения у них быстро заживают; после смертельных ран они еще могут жить целые часы. Спаланцани отрезал голову у одного сидевшего на самке самца; несмотря на это, последний не разжал передних лап, которыми обнял самку, и только через 7 часов, когда самка перестала метать икру, обезглавленное тело отстало от нее, но движения продолжались еще часа четыре. Наши озерные лягушки имеют опасных врагов среди всякого рода хищных зверей, — они становятся добычей лисиц, выдр, хорьков и водяных крыс; на них нападают крачуны и орлы-крикуны и родственные им птицы, аисты и цапли; форели, щуки и другие хищные рыбы также проглатывают их. У нас люди препятствуют сильному размножению лягушек тем, что вынимают из воды их икру и оставляют ее на сухом месте. Уже в южной Германии и в остальных южных частях Европы этих лягушек усердно преследуют ради их ляжек, представляющих собой поистине лакомое, питательное и здоровое блюдо, а отнюдь не то «противное, нездоровое кушанье, от которого бледнеет тело тех, кто его ест», как утверждает старый Геснер. Правда, и на юге, например в Лигурии, питают от-

вращение к подобному блюду, но зато есть места, где едят его с большей охотой, например в Ницце и Пьемонте. Насколько ценят это кушанье во Франции, хорошо видно из того, что слово «Grenouiller» отнюдь не значит только «напиваться» или «нализаться», но также и «ловить лягушек», именно «поставлять их на кухню». Ловля лягушек особенно обильна бывает осенью, когда животные становятся наиболее жирными, причем их ловят самым различным образом: с помощью прутьев или бичей, крючков, стрел и сетей. На крючок их ловить очень легко, стоит только в виде приманки привязать красную тряпочку и ею двигать; убивание же лягушек стрелами, пущенными из лука на привязи, является уже делом, требующим большей сноровки, ловля же сетями бывает успешна только вначале, так как лягушки скоро соображают, что их преследуют, и забираются в ил. В Германии довольствуются обыкновенно одними задними ляжками, тогда как в Италии лягушку едят целиком, предварительно выпотрошив. Как уже было упомянуто, озерные лягушки терпят от преследования человека менее, чем травяная лягушка, ляжки которой особенно вкусны и которую легче добыть в больших количествах.

Травяная лягушка (*Rana temporaria*) достигает таких же размеров, как только что описанный вид, приблизительно 7-9 см, но отличается от него, как мы уже отметили выше, строением тела, окраской и образом жизни настолько, что их положительно никто не путает. Верхние части ее покрыты по бурому или ржаво-бурому фону темно-бурыми или черными пятнами; на висках имеется темное продольное пятно; ноги исполосованы поперек темным цветом; грудь и брюхо, как у самцов, так и у несколько более крупных самок, покрыты по светлому фону ржаво-бурыми пятнами или же имеют такой же мраморный рисунок. Сошниковые зубы находятся не между внутренними носовыми отверстиями, как у прудовых лягушек, но идут назад за линию, которую можно было бы провести от нижнего конца одного носового отверстия до нижнего конца другого.

Травяная лягушка (*Rana temporaria*)

Лапы не имеют таких больших плавательных перепонок, как лапы прудовых лягушек. Рыло тупое, ступневый нарост бывает тупой и небольшой. Родиной травяной лягушки является северная

и средняя Европа, начиная от северной Испании и Англии через северную и среднюю Францию, Швецию и всю Германию, северную Италию и Австро-Венгрию до Финляндии, Европейская Россия и Скандинавия до Нордкапа, равно как северная и умеренная Азия. В горах она забирается на высоту 2250 м, например ее находили еще на Гримзе, близ тамошнего монастыря и на высоких альпийских озерах Сен-Готарда, хотя озера эти часто еще в июле покрыты льдом. То же самое бывает, по словам Лессона и графа Сальвадори, и в пьемонтских Альпах. На юге, по Мехели, и в Венгрии она вообще живет только в горах. Подобное распространение обуславливается относительной нечувствительностью ее к холоду*.

** Спаривающиеся особи порой перемещаются к водоему по снегу, когда температура воздуха не превышает 0°C а воды всего лишь 3-4° тепла. Дыхание у них при этом учащенное. Весной лягушки остаются в воде даже в случае возврата морозов и понижения температуры воды почти до 0°C Кладки выживают, даже если поверхность воды после икрометания покрывается корочкой льда, которая держится почти неделю.*

В долинах она живет у воды только в пору спаривания, за исключением, разумеется, зимних месяцев; напротив, в верхних горных поясах она до некоторой степени замещает прудовую лягушку, почти не покидая воды, после небольшой прогулки по суше в молодом возрасте. Она просыпается от зимней спячки прежде всех других бесхвостых земноводных, спаривается, когда воды еще не очистились ото льда, и головастики ее вылупляются ранее, чем родственные ей формы начнут свое икрометание. Личинки ее также развиваются быстрее головастиков других лягушек, и, таким образом она может обитать в странах, где лето длится лишь несколько недель. Прудовая лягушка, оплодотворение которой совершается гораздо позже, а личиночное состояние длится дольше, не могла бы выживать в этих северных странах, напротив, для травяной лягушки короткого лета вполне достаточно, и если холод как-нибудь наступит ранее обычного времени, то она спокойно перезимовывает в непревращенном личиночном состоянии. Метание икры эти лягушки охотно совершают общественно. В долинах пора оплодотворения начинается уже в средних числах марта, если только особенно холодная зима не продержит воды скованными более продолжительное время. Стенструпом и Лейдигом замечено, что самцы перед спариванием имеют голубоватый блеск. Последний также установил, что, за исключением темной окраски и морщинистой кожи боков, постоянных признаков самцов, пришедших в охоту, часто имеется еще яркая голубо-серая окраска в области верхней части подбородка и на горле. Этот голубой налет быстро пропадает, как только животное вынуто из воды. Впоследствии этот голубой налет констатировали и у самцов обоих других бурых видов германских лягушек. Яйца откладываются так быстро, что весь их запас выпускается и оплодотворяется большей частью уже в течение одного часа. Самца почти нельзя оторвать от самки, если он уже обхватил последнюю, и, будучи разлучен с ней силой, он тотчас же возвращается к ней. По наблюдениям Розеля, самка иногда страдает от бурных объятий самца; если последний больше ее, он может раздавить своими объятиями ее тело; этот наблюдатель убедился также, что некоторые самцы скорее позволят себе вывихнуть ногу, нежели оставят самку. При недостатке самок самцы садятся друг на друга, обхватывают мертвых самок, жаб, и если несколько холостых самцов встречают совокупляющуюся пару, они нередко садятся на спарившихся животных, образуя беспорядочную кучу. Яйца травяной лягушки крупнее, чем яйца прудовых, но зато уступают им в численности, откладываются на дно, оболочка их вскоре впитывает в себя воду, а впоследствии она, как мы уже упоминали, снова поднимается на поверхность, образуя там объемистые, компактные слизистые скопления. При незначительной теплоте, господствующей в марте, развитие протекает медленно. Только на 14-й день можно ясно различить личинку; спустя 3, а при неблагоприятной погоде 4 недели они вылезают и плавают кругом, но время от времени возвращаются к оставленному ими слизистому скоплению, быть может с целью питаться им. По Лейдигу, личинки вначале бывают черноватыми и в то время, как бока и брюшко их уже сделались светлыми, спина еще остается темной*.

** На мелководьях личинки травяных лягушек образуют огромные скопления, покрывая площадь в несколько сотен квадратных метров. Однако среди головастиков только 70% доживают до следующей стадии развития (сеголеток). Половой зрелости они достигают через 2—3 года, в природных условиях доживают до 17 лет.*

Лягушата травяной лягушки в отличие от прудовых в это время часто отдаляются от воды, прыгая по лугам и садам, в полях и лесах, по кустарникам и другим подобным местам, в жаркие дни залезая под камни, между корней деревьев, в норы и другие укромные уголки и выходя на добычу при наступлении сумерек. Эта охота состоит из уничтожения разнообразных насекомых, голых слизняков и тому подобных мелких животных, следовательно, она приносит нам только пользу и,

быть может, даже более значительную, чем мы думаем. Свои путешествия травяные лягушки совершают маленькими скачками. Они странствуют по своему району маленькими прыжками; завидя насекомое, они устраивают засаду и поджидают намеченную добычу, но не отыскивают ее. Когда последняя приблизится к ним, они, как молния, бросаются на нее, выбрасывают свой клейкий язык** и, если лов был удачен, без дальнейшего размышления проглатывают пойманное животное; однако они очень разборчивы по отношению к тем или другим видам, например поедают пчел, ос же выплевывают обратно.

* * *Процесс выбрасывания языка осуществляется в основном за счет лимфатической системы, а вытягивание — работой мышц.*

В одном отношении травяные лягушки далеко уступают своим зеленым сородичам: они плохие музыканты. Только в известное время, особенно в пору спаривания, они издают нечто вроде ворчанья и хрюканья, что в благозвучии сильно уступает крику прудовых лягушек, звуки эти издаются как самцами, так и самками. В противоположность прудовой лягушке травяную следовало бы назвать немой, особенно во время летних месяцев, когда она совершает свои дела тихо и без шума. В неволе травяная лягушка ведет себя далеко не так необузданно, как прудовая лягушка, приручается тоже гораздо скорее и вообще лучше приспосабливается к изменившимся обстоятельствам, нежели последняя.

Ни одно бесхвостое земноводное животное не имеет врагов больше, чем травяная лягушка. Ее преследует и стар и млад, как в воде, так и на суше во всех стадиях развития; только тогда она может считаться в безопасности от нападений, когда около конца октября зароется в ил на зимнюю спячку. Впрочем, большая часть самок, по-видимому, перезимовывает на суше, под упавшей листвою и в других защищенных от мороза укромных уголках. Все млекопитающие и птицы, которые питаются пресмыкающимися и земноводными, во всякое время находят в травяных лягушках легкую добычу; питающиеся земноводными змеи направляют свои преследования главным образом против них и, по-видимому, предпочитают их прудовым лягушкам; даже и сии последние уничтожают их, в особенности их личинок; раки также предпочитают их зеленым сородичам. К этому почти неисчислимому полчищу врагов присоединяется еще человек. Благодаря своим тучным бедрам травяные лягушки ловятся и убиваются им еще усерднее, нежели зеленые. Кроме этих понятных преследований часть их делается жертвой безрассудного гонения, и вместе с жабами за те благодеяния, которые они тихо и украдкой совершают на полях и лугах, в лесах и садах, они терпят злую несправедливость, будучи убиваемы из чистого безрассудства*; но погибшие тысячи этих животных, к счастью, не уменьшают или едва заметно уменьшают число этих полезных животных. Благоприятная весна может покрыть потери за 10 предыдущих лет.

* *Сотни тысяч травяных лягушек ежегодно вылавливаются для использования в научных, учебных и пищевых целях. Только в период с 1982 по 1987 год в РСФСР было отловлено 1650,5 тысячи экземпляров.*

Остромордая лягушка (*Rana arvalis*) стала лучше известна нам только в новейшее время. Это очень похожее на травяную лягушку животное имеет в длину 5-6,5 см и отличается от нее острой мордой и жестким сжатым ступневым выростом. Пространство между глазными впадинами уже, нежели отдельное веко, железистые складки боков спины сильно выдаются и почти всегда окрашены сильнее близлежащих частей тела. Насколько похожа болотная лягушка на остальных бурых лягушек, настолько часто резко она отличается от травяной постоянным отсутствием пятен на боках брюха и частым присутствием широкой, светлой, желтоватой или красноватой, по бокам отороченной черным, спинной полосы.

О границах распространения этого вида мы еще не имеем достаточных сведений. На запад этот вид доходит до Рейна и переходит за него, быть может, только в Голландии, а вероятнее, в Эльзасе; на юго-западе он распространяется до северной Швейцарии, на восток же по северной и средней Европейской России, на севере живет в Дании, а в южной Скандинавии является господствующим видом. В очень недавнее время Мехели нашел также остромордую лягушку в приречных долинах и в окрестностях прудов и болот Венгрии и, что весьма интересно, всегда при отсутствии травяной лягушки**.

* * *Ареал этого вида сегодня простирается от Западной Франции до Якутии, причем почти везде остромордая лягушка обычна.*

В средней Германии остромордая лягушка живет преимущественно по окраинам топей, поросших осокой, следовательно, в местах, где растут тростник, голубика, болотный молочай и т. п. растения. Здесь она часто встречается в обществе прудовых и травяных лягушек, но, по исследованиям Бетхера, по бассейну Майна попадаетея реже обоих названных видов.

Как мы уже видели, время метания икры у травяной лягушки приходится на середину марта, у остромордой лягушки оно начинается двумя или тремя неделями позднее.

Остромордая лягушка (*Rana arvalis*)

По Лейдигу, которого мы будем придерживаться в нижеследующих замечаниях, только что развившийся лягушонок остромордой лягушки имеет в длину всего 1,5 см. Голос самца в пору спаривания так же отличается от соответствующего голоса самца травяной лягушки, как их голоса вообще отличны между собой. В неволе остромордая лягушка ведет себя спокойно и, находясь в необычных для нее условиях, со вниманием следит за тем, что происходит возле нее, и не скорчивается тотчас, но скорее, по примеру жабы согнув сильно голову, следит за подозрительным предметом; будучи испуганной, она надувает, подобно жабе и так же часто как последняя, свои бока. К ночи, особенно в бурю и дождь, остромордая лягушка становится очень беспокойной и непрерывно скачет. По склонности раньше залегать в зимнюю спячку остромордая лягушка, по-видимому, приближается к прудовой лягушке, нежели к травяной.

Как и у травяной лягушки, кожа самца остромордой лягушки во время пребывания в воде в пору течки бывает подернута голубоватым налетом, причем горло заметно синее и этот голубой налет у остромордых лягушек, по-видимому, бывает еще ярче и наблюдается чаще, чем у других форм.

Прыткая лягушка (*Rana dalmatina*), одна из самых редких форм в Германии, представляет собой нежное и узкотелое животное, характеризующееся своим острым рылом и чрезвычайно длинными задними ногами. Длина ее тела достигает 5,5-7 см, длина же ее задних ног — 10,5-12 см. Если же мы возьмем лягушку в руки и приложим ее заднюю ногу к боку головы, то пяточное сочленение всегда доходит до конца морды. Барабанная перепонка почти всегда равна величине глаза и находится позади и очень близко от него. Теменное пятно очень темное; от конца рыла вдоль верхней губы и до конца теменного пятна идет беловатая линия; задние конечности бывают обыкновенно поперечно исчерчены, брюхо не покрыто пятнами. Отличительным ее признаком Лейдиг считает также светлый, нежный, приятный для глаза красновато или желтовато-серый основной цвет тела, который то на более, то на менее продолжительное время может исчезать в зависимости от деятельности пигментных клеток кожи. Так, этот натуралист наблюдал некоторых из содержавшихся в

комнате лягушек настолько потемневшими при температуре $+6^{\circ}\text{C}$, что их можно было назвать черными. Они сделались более светлыми несколько дней спустя.

Внутреннее отличие их от остальных бурых форм также очень значительно. Так, у самцов этой лягушки совсем нет внутренних мешков резонаторов, тогда как самцы травяной и остромордой лягушек имеют такие резонаторы под кожей в углу нижней челюсти.

Прыткая лягушка (*Rana dalmatina*)

Самцы прыткой лягушки все же имеют голос, как о том согласно говорят Томас, Фатио и Лейдиг. Затем семенные нити прыткой лягушки, будучи сходны с таковыми у травяной лягушки, совершенно не похожи на семенные нити остромордой лягушки, с которой прыткая имеет больше общих черт по наружному виду и образу жизни.

Прыткая лягушка весьма распространена; она живет почти по всей Франции, в северной и средней Италии, по всей Австро-Венгрии, где чаще всего встречается около Вены, а, по Мойсисовичу, также в Каринтии и Семиградии; она водится также в Кroatии, Далмации, Боснии, Албании, Эпире, Греции. В этих местностях она живет на лугах, в сырых лесах приречных низменностей и невысоких холмов; всегда держится вблизи ручьев и мелких источников, а в горах поднимается только до высоты в 1300 м.

По Фатио, кожа спаривающегося самца благодаря наполнению лимфатических полостей становится вздутой и рыхлой; по Вольтерсторфу, на шее его появляется такой же голубой налет, какой в пору любви мы видим и у других бурых форм лягушек Германии. Время икротетания у прыткой лягушки, по Томасу, наступает на 6-7 недель позже, нежели у травяной. Голос самца, по Латасту, очень слаб и состоит только из одного часто и быстро повторяемого крика; звуки, издаваемые этими животными в апреле, напоминали Лейдигу голоса остромордых лягушек. По прошествии поры метания икры ни самцы, ни самки криков более не издают, за исключением одного звука, похожего на писк мыши, который они испускают, будучи пойманы или притиснуты. По де Лилю, прыткая лягушка откладывает комки своих яиц в самую глубокую воду. Яйца мельче и многочисленнее, чем у травяной лягушки, отличаются от последних и цветом, причем черный цвет желточной массы их темнее, белок же ярко-белый, так что оба эти цвета очень резко выделяются. Молодой лягушонок, только что развившийся в июне, имеет в длину 1,5-2 см.

Об образе жизни прыткой лягушки Латает сообщает следующее: «За исключением поры откладки икры, эту лягушку никогда не встречаются в воде, разве только, будучи случайно вспугнутой, она бросается туда в два больших прыжка. Если она попала на воду, то предпочитает сидеть на листьях водяных растений, чем держаться в самой воде. Пища ее состоит из насекомых, которых она ловко ловит на лету. В течение октября прыткие лягушки устраиваются на зимнюю спячку — самки забираются под листья, в пни деревьев, в трещины скал, самцы же зарываются в ил на глубоких местах. Последние и летом гораздо реже отдаляются от воды, нежели самки».

Об образе жизни этого вида в Германии пока еще совершенно нет ни сведений, ни наблюдений*.

** В Западной Европе прыткая лягушка находится под защитой Бернской конвенции (приложение III). Как редкий и узкоареальный вид она была внесена в Красную книгу СССР, а теперь Украины.*

Наши европейские лягушки кажутся карликами по сравнению с некоторыми их родичами в Северной и Средней Америке, а также в Индии и с известными видами Соломоновых островов, — карликами по величине, ничтожными крикунами по голосу. К одним из самых громогласных видов принадлежит одна североамериканская лягушка, которую назвали по имени одного полезного жвачного, это — **лягушка-бык** (*Rana catesbiana*). К сожалению, для решения вопроса, насколько справедливо такое название, я не имею возможности обратиться к собственным исследованиям, но американские натуралисты и путешественники говорят согласно, что концерт 500 таких лягушек совершенно нельзя сравнивать с теми вечерними прудовыми концертами, которые мы слышим в наших местностях. Так много читаешь о «бессонных ночах и докучливых нарушителях покоя» и т. п., что приходишь к выводу о таком же отношении между голосами наших лягушек и лягушек-быков, какое существует между величиной их тел.

Лягушка-бык — самая большая лягушка в Соединенных Штатах, достигает длины 17-19 см и имеет задние ноги длиной 24 см. Интересна эта форма также своей широкой и большой плавательной перепонкой и величиной своей барабанной перепонки, донки, достигающей величины глаза, у самцов же обыкновенно еще более широкой. Верхняя часть этой лягушки имеет оливково-бурый основной фон, покрытый темно-бурыми или волнистыми черными пятнами; нижняя часть желтовато-белая, одноцветная, чаще же покрыта бурым мраморным рисунком. Зрачок красноватый с желтым ободком.

Отечество лягушки-быка простирается по всей восточной части Северной Америки — от Нью-Йорка до Нового Орлеана; но, по-видимому, она нигде не встречается в таком количестве, как наша прудовая лягушка, может быть, на том простом основании, что такому большому числу этих исполинских обжор было бы трудно прокормиться. По Одюбону, лягушка эта живет почти во всех областях восточных Соединенных Штатов, но в южных частях встречается все-таки несравненно чаще, чем в северных. Обыкновенно ее находят около чистых, тенистых от густых прибрежных кустарников рек. Здесь она в полуденные часы сидит у воды, наслаждаясь солнечным светом, подобно своим сородичам, нашим прудовым лягушкам, при опасности же, показавшейся хотя бы издали, она бросается огромным прыжком в воду, ныряя обыкновенно до самого дна и плывя на другую сторону. Голос ее раздается громче голоса всякой другой лягушки и слышен на несколько английских миль. В южных штатах он раздается круглый год, хотя главным образом все-таки в весенние и летние месяцы, в северных же — только в летние, как и следовало ожидать, особенно в пору спаривания, в которую, основываясь на заслуживающих веры сообщениях, в одном месте собираются по крайней мере несколько сотен этих ревунов. В это время гиганты эти ведут себя так же, как и их европейские сородичи, с полным усердием выказывают все свои музыкальные таланты, квакают всю ночь без перерыва и могут довести почти до отчаяния слабонервного человека, живущего поблизости. Американцы подражают низким, оживленным басовым звукам этой лягушки словами «брвум» или «more gum» (побольше рому).

Лягушка-бык (*Rana catesbiana*)

Когда яйца отложены, все лягушки снова расходятся и отправляются на упомянутые уже выше места. Рано, с первым осенним заморозком, по Гарнье, они уже забираются в свои зимние

квартиры. Весьма интересно, однако, замечание этого натуралиста, что лягушка-бык, по крайней мере в Канаде, перезимовывает в личиночном состоянии и, следовательно, на ее полное превращение уходит два года.

Прожорливость этой лягушки хорошо известна всякому живущему поблизости сельчанину. Главную пищу ее составляют насекомые, наземные и пресноводные улитки; однако она отнюдь не довольствуется такой добычей, а хищнически бросается на все живое, завладеть которым считает себя в силе. Что у наших лягушек выражается только в попытках, то ею совершается на деле: она жадно ловит мелкую рыбешку, хватая снизу плывущего утенка, утаскивает его в глубину, топит и проглатывает; ловким прыжком она завладевает неосторожно приблизившимся к берегу цыпленком и, прежде чем на помощь к нему со взъерошенными перьями подоспеет наседка, утаскивает его таким же образом в укромное место на дно. Дюмериль нашел в желудках 5 или 6 осмотренных им лягушек остатки всевозможных насекомых, улиток, моллюсков, остатки и остовы рыб, а также и кости птиц; Харлан рассказывает, как он убил одну лягушку-быка в тот момент, когда последняя хотела проглотить пойманную ею змею. Фермеры положительно утверждают, что эти лягушки гораздо усерднее преследуют молодых птенцов водяных птиц, нежели норки и их родичи. Такая прожорливость часто ведет ее к гибели: она бросается на ловко наживленный крючок с такой же жадностью, как и на цыпленка, и легко попадает в руки своего противника, для которого является желанной добычей, так как он из нее готовит прекрасное блюдо*.

** Лягушка-бык одно из наиболее обычных лабораторных животных в Северной Америке. Только в 1973 году в 79 вузах Калифорнии в учебных и научных целях было «израсходовано» более 10 000 особей этого вида. Его активно употребляют и в пищевых целях. Вылавливая разными способами (удочкой, сетями, сачками, ловушками) или убивая с помощью ружья, лягушек с давних времен добывали к праздничному столу. До сих пор в США вылавливают около 100 миллионов лягушек-быков ежегодно. Однако на их отлов необходимо иметь лицензию и вести его в строго определенные законом сроки и дозволенными методами. В последние десятилетия созданы даже лягушачьи фермы. Товарного веса лягушка-бык достигает лишь на 3-4-й год. В пищу употребляют только мясо задних конечностей, которое экспортируют в Японию и страны Южной Америки.*

Она ловится не только на крючок, но также в сеть, в падающие ловушки и даже убивается дробью, так как лягушка, весящая около 300 г уже стоит выстрела, хотя на кушанье идут только ее толстые ляжки. Кроме того, ее с успехом преследуют более крупные хищные звери, в особенности же рыбы, по-видимому, такие же большие охотницы до ее вкусного мяса, как и наши гастрономы. По Одюбону, для ловли акул нет лучше наживки, чем лягушка-бык.

В новейшее время живые лягушки этого рода нередко попадают в Европу и здесь живут в террариумах некоторых любителей. Я сам не раз держал их и мог долгое время наблюдать за ними, но всегда находил, что в существенных чертах они вовсе не отличаются от наших прудовых лягушек. Соответственно своей величине они требуют больше корма, оказываются еще более прожорливыми, глотают более крупные куски, но во всем остальном — своей позой, манерами, повадками и привычками — сходны с нашими лягушками. Особенного ухода они не требуют, им нужно только вдоволь корма и воды, чтобы иметь возможность во всякое время освежать свою кожу. Корма их прудовыми и травяными лягушками, живыми рыбами и маленькими птичками, которых они проглатывают с такой же жадностью, их можно даже в полном смысле откормить, так как они, пока стоит хорошая погода, редко отказываются от предлагаемой им добычи. В наших краях они ужились бы без труда, если бы это сколько-нибудь было полезно. По Фишеру, лягушка-бык достойна внимания своей приручаемостью и при соответствующем уходе, конечно, будет размножаться, тем более что оба пола приступают к этому даже в темных ящиках*.

** С этим видом земноводных связано еще и достаточно специфическое развлечение американцев лягушачьи бега (соревнования по прыжкам лягушек-быков). За один прыжок некоторые особи способны преодолеть расстояние в 4 м. Призером считается та лягушка, которая за три зачетных прыжка сможет преодолеть 11 м.*

Семейство веслоноги, или летающие лягушки

"Одно из самых редких и интересных земноводных животных, — рассказывает Уоллес, — которое я нашел в Борнео, была большая древесная лягушка, принесенная мне одним работником-китайцем. Он рассказывал, что видел, как лягушка, словно плывя, слетела в косом направлении с высокого дерева. При ближайшем исследовании животного я нашел, что очень крупные пальцы его задних лап затянuty перепонкой до самых наружных концов, так что, будучи растопыренными, они представляли собой площадь, превышающую площадь тела. Пальцы передних лап были точно

так же соединены перепонкой, и наконец тело могло значительно надуваться. Спина и конечности имели блестящую темно-зеленую окраску, ноги имели темные поперечные полосы, низ тела и внутренний палец были желтые, плавательные перепонки заштрихованы желтыми и черными полосками. Длина тела равнялась приблизительно 19 см, тогда как площадь совершенно растопыренной перепонки каждой из задних ног равнялась 28, а всех плавательных перепонок, вместе взятых, — 81 см²**.

* * *Планируя таким образом, веслоногие лягушки могут перелетать на расстояние в 10-12 м. Прыгая на ветки и деревья, они используют присасывательные диски, чтобы удержаться на них. Определенную роль в «приземлении» играют и вставочные хрящи- амортизаторы между последними фалангами пальцев.*

Так как концы пальцев задних ног имели особенные прицепные подушечки, помогавшие животному удерживаться и доказывавшие его принадлежность к древесным лягушкам, то не совсем верится, чтобы эти обширные перепонки задних лап служили только для плавания, и рассказ китайца о том, что эта лягушка слетела с дерева, приобретает известную вероятность. С тех пор это не раз подтверждалось другими европейскими путешественниками.

Насколько я знаю, это первый пример летающей лягушки, заслуживающий внимания, так как он показывает, что изменение в организации пальцев, которые уже могли приспособляться к плаванию и к лазанию, может идти далее и дает возможность некоторым видам земноводных переноситься по воздуху, подобно летягам или летающим ящерицам».

Лягушка, которую Уоллес описывает в вышеприведенных словах и в которой он совершенно справедливо увидел новый, еще не описанный вид, есть **борнеоская летающая лягушка** (*Rhacophorus partialis*), представитель **рода веслоногих лягушек, или летающих лягушек** (*Rhacophorus*), которых теперь известно 42 вида: 30 из южной и восточной Азии и 12 с Мадагаскара.*

* *В настоящее время летающих лягушек выделяют в самостоятельное семейство, к которому относят 231 вид из 10 родов.*

Все они отличаются от зеленых лягушек вставной косточкой между последним и пред последним суставом пальцев задних ног; наружный конец предпоследнего сустава также снаружи и притом наверху по спинке пальца характеризуется присутствием бугорка; пальцы передних ног также почти всегда связаны между собой плавательными перепонками. Пальцы обеих пар конечностей всегда снабжены прицепными кружками. Во всем остальном эти лягушки во внутренней организации никаких существенных отличий не имеют, хотя по наружному виду они совершенно выглядят древесными лягушками и, подобно им, живут на деревьях и кустах. У самца имеется один или два внутренних пузыря-резонатора.

Яванская летающая лягушка (*Rhacophorus reinwardti*)

Одной из форм, родственных виду, описанному Уоллесом, является **яванская летающая лягушка** (*Rhacophorus reinwardti*), вид, нередкий в горных лесах Явы и Суматры. Эта лягушка отличается от своего ближайшего родича кожистым килем по хребту и задними ногами, непокрытыми полосами, у молодых животных крупными, при жизни темно-синими пятнами на плавательной перепонке как передних, так и задних лап и такими же пятнами позади локтя под мышками. У животных, достигших 7,5 см длины, остатки этих темных пятен имеются только между четвертым и пятым и самое большое между третьим и четвертым пальцами задних ног, на остальных местах пятна исчезают. При жизни эта красивая лягушка окрашена в темно-зеленый цвет и имеет ярко-желтое брюхо.

Весьма интересна, по Буланже, личинка этого животного, так как на передней половине ее брюха позади ротового отверстия имеются круглые присоски. Морда ее хоботообразно удлинена, дыхательная щель лежит на правой стороне тела, ближе к концу хвоста, нежели к концу морды. Хвост этого головастика, равный 4,5 см, снизу и сверху имеет широкий кожистый гребень. Об образе жизни этой личинки еще ничего не известно.

Семейство древолазы

Третье семейство неподвижногрудых составляют древолазы, отличающиеся от водяных лягушек тем, что у них нет зубов ни на верхней челюсти, ни на сошнике, а от узкоротов — тем, что поперечные отростки из крестцовой кости не удлинены. Лягушки, принадлежащие к этому семейству, совершенно лишены плавательной перепонки, на концах пальцев их передних и задних лап имеются крупные или мелкие присоски. Животные эти живут, вероятно, частью на деревьях, подобно квакшам, частью в низких растениях и в траве. Эти роды характеризуются не только роскошью часто металлической блестящей окраски и рисунка и сильной ядовитостью кожных выделений, но и заботами о своем потомстве.

К роду **древолозов** (*Dendrobates*) мы причисляем тех лягушек, которые характеризуются удлиненным, свободным назад, цельнокрайным, не выемчатым языком. Их рот совершенно лишен зубов, зрачок поперечный, овальный, барабанная перепонка более или менее отчетливо выражена, костные концевые суставы пальцев передних и задних ног имеют форму буквы «Т». Живут в Средней Америке и в северных тропических частях Южной Америки.

Самый обыкновенный вид этого семейства и рода есть **пятнистый древолаз** (*Dendrohates tinctorius*), животное очень ярко окрашенное и имеющее в длину всего только 3-3,5 см.

Пятнистый древолаз (*Dendrohates tinctorius*)

Голова этого древолаза пирамидальной формы, морда впереди срезана, лоб слегка вдавлен между глаз, и расположенные по бокам глаза только слегка выходят из своих орбит. Узкое туловище снизу и сверху обтянуто гладкой кожей, ушных желез нет, и тощие ноги относительно малы. Самый внутренний первый палец передней ноги всегда короче второго; прицепные кружочки пальцев передних ног более кружочков на задних лапах, на конце тупые и имеют треугольную форму. Самец характеризуется присутствием мешка-резонатора, помещающегося на горле. Почти не найдется ни одной другой лягушки, которая бы имела столько разнообразия в своей окраске и рисунке, как этот вид. Буланже различает пять известных разновидностей, отличающихся по цвету. Первая из них однотонного черного цвета, вторая серого с черными пятнами, третья сверху серого цвета, снизу и на боках имеет черную окраску. Более пестрой является четвертая форма: верх ее по темно-черному фону покрыт двумя или тремя белыми, желтыми или кроваво-красными продольными полосами, которые при этом могут быть связаны одной или двумя поперечными перекладинами; нижняя сторона этой разновидности серая с черными пятнами. Наконец, пятая разновидность — черного цвета и на верхней стороне покрыта серебристо-белыми штрихами и пятнами, нижняя же сторона имеет такого же цвета пятна и мраморный рисунок. Наттерер добыл один экземпляр, который при жизни был черный и имел части затылка, шеи и спины гумми-гуттово-желтого цвета. Это большое желтое спинное пятно было разделено на две одинаковые половины узкой черной, местами прерванной и по краям зубчатой продольной линией, от которой кое-где выходили боковые поперечные ветви. Вокруг же пятно было окружено очень нежными черноватыми точечками. Второй экземпляр из другого места имел грязные оранжевые конечности, как наверху, так и внизу покрытые круглыми черными пятнами, основание же их было более яркого светло-оранжево-красного цвета*.

* *Древолазы действительно обладают очень изменчивым рисунком, но описанные Бремом экземпляры сейчас относят к разным видам.*

Черная верхняя сторона тела была украшена пятью узкими желтовато-белыми продолговатыми полосками, отстоявшими друг от друга на равных расстояниях; желтовато-белое брюхо с крупным черным пятном. Впрочем, весьма интересно, что, несмотря на эту, почти безграничную изменчивость, экземпляры, живущие на одном месте, большей частью совершенно сходны по окраске, по рисунку же, если и отличаются, то не очень резко. Родиной этой распространенной по всей тропической Америке лягушки являются как Соединенные Штаты, Гренада, Колумбия, так Венесуэла, Эквадор и Гвиана; она представляет собой также совершенно обычное явление по всей северной Бразилии, почти до 5° южной широты. По строению тела это не настоящая древесная форма, так как прицепные кружочки ее задних ног, очевидно, слишком малы, чтобы давать возможность животному держаться и прикрепляться к отвесным поверхностям. Наттерер находил их всегда только в лесу на земле, большей частью на сухой листве или в ней. Ядовитые отделения этой и многих других древесных лягушек употребляются южно-американскими туземцами для приготовления чрезвычайно сильнодействующего яда для стрел*.

* *В 1962 году впервые удалось выделить яд древолазов в чистом виде. Его назвали батрахотоксином. Он обладает сильным кардиотоксичным действием, вызывает экстрасистолию, желудочковую фибрилляцию сердца и смерть. В коже листолаза ужасного (*Phyllobates terribilis*) содержится почти до 2 мг батрахотоксина, но он гораздо сильнее яда кураре.*

Достойны внимания те заботы, которые все виды древесных лягушек проявляют по отношению к своему потомству.

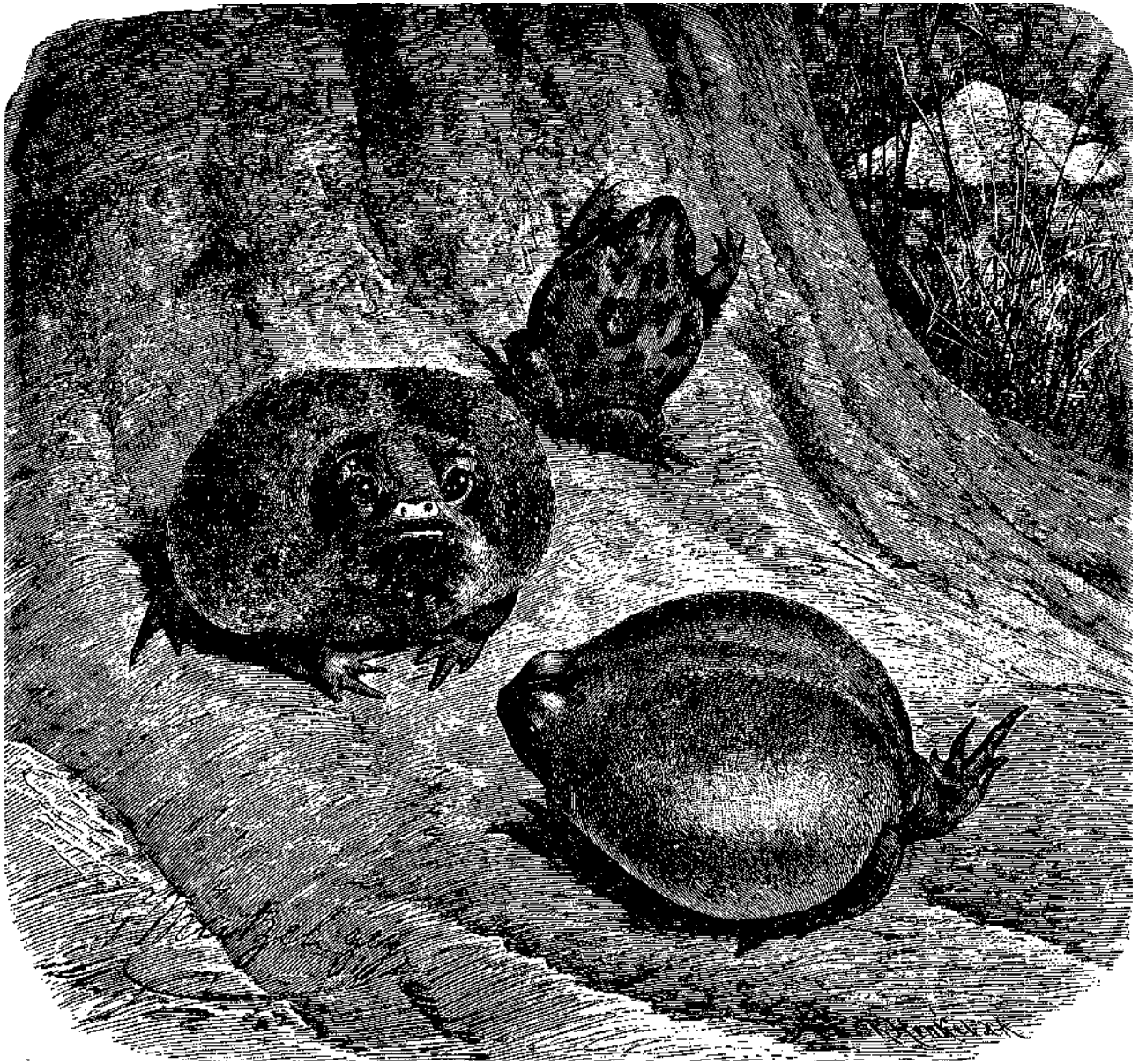
Семейство узкороты

О семействе узкоротов мы тоже скажем кратко. Это семейство охватывает собой все те неподвижногрудые формы, лишенные зубов на верхней челюсти, у которых поперечные отростки крестцового позвонка расширены. Узкороты ведут разнообразный образ жизни, будучи лишены одной только способности лазать; известны формы водяные, наземные, роющие, обыкновенно же это животные, живущие под землей. Они водятся в Африке и на Мадагаскаре, в Ост-Индии, южном Китае, в Новой Гвинее и Америке. Из 20 известных родов 6 живут в Америке, 3 в Африке, 2 на Мадагаскаре, 3 в Новой Гвинее, 1 на Зондских островах, 6 в Индии и Бирме и 1 водится одновременно на Зондских островах и в Африке**.

* * *В настоящее время к этому семейству относят 318 видов из 19 родов.*

Иные виды, имея прицепные расширения на концах пальцев передних и задних лап, в то же время не являются древесными формами. Одна часть узкоротов, как уже было упомянуто выше, ведет роющий образ жизни, и для этой цели они обладают сильными роющими орудиями в виде рогового, лопатовидного ступневого выроста на мускулистых, мощных, роющих ногах. У роющих видов рот необыкновенно узок и к этой странности еще прибавляется часто малая величина головы, острая морда и неуклюжее мешковидное тело, в котором конечности как бы скрываются в складках кожи туловища вплоть до локтей и колен. Все эти формы принадлежат к животным, питающимся муравьями, точнее же термитами, которых они или вырывают, или же ловят ночью на вылете. Больше половины всех узкоротов оказываются животными ночными, характеризующимися вертикальными зрачками.

Африканские узкороты, или короткоголовы (*Breviceps*) у при надлежащие к этому семейству, характеризуются неуклюжестью своего тела, причем в спокойном состоянии лягушки эти напоминают мячик. У них необыкновенно сильно развит грудной пояс с парой сильных ключиц и парой чрезвычайно расширенных вороньих костей. Их барабанная перепонка скрыта, а зрачок лежит горизонтально в виде яйцевидного овала, челюстные и небные зубы отсутствуют совершенно, язык у них продолговато-яйцевидный, слегка приросший на всем своем протяжении и не имеет задних лопастевидных рожек, какие мы видим у наших водяных лягушек. В позвоночнике также есть особенности. Спинной хребет, как это показал Станниус, благодаря слиянию первого и второго, а равно девятого и десятого позвонков, состоит только из восьми позвонков. Из этого рода известны три вида, которые живут в юго-западной, южной и юго-восточной Африке.

Восточноафриканский узкорот (*Breviceps mossambicus*)

Восточноафриканский узкорот (*Breviceps mossambicus*), которого мы избираем представителем этого странного рода, является в высшей степени оригинально сложенной лягушкой, с очень короткой головой, почти плоской лицевой частью, с едва выдающимся рылом, маленькой ротовой щелью и очень большими, направленными вперед глазами. Конечности этой лягушки очень коротки и прячутся с локтей и колен в складках кожи и тела, как в мешке; но, несмотря на это, конечности, видимо, все же сложены крепко. На лапах задних ног находится необыкновенно большая, остро заточенная по свободному краю, лопатовидная мозоль. От ближайших родичей этот вид отличается почти гладкой кожей, которая имеет на спине грязную красно-бурую, а по бокам желто-бурую окраску и может быть покрыта одноцветными или разнообразными черными пятнами. От глаз книзу и назад всегда идет косая черная полоса; большое черное пятно на горле украшает нижнюю часть тела. Длина животного достигает 5 см.

Петере, которому мы обязаны изучением этого вида, встретил эту странную лягушку в конце декабря 1843 года на маленьком острове Мозамбик, где такие лягушки повывлезили из земли во время дождя в огромных количествах и затем так же быстро исчезли. Они казались беспомощными и не умели прыгать, но двигались, лишь очень медленно ползая. Позднее Петере нашел этого узкорота у Сена на Африканском материке, а новые путешественники добыли его на реках Замбези и Донда. Все строение животного — узкое рыло, форма длинного приросшего языка, полное отсутствие зубов, длинный желудочный мешок — с точностью приводят нас к заключению, что узкорот питается термитами, хотя непосредственных наблюдений об его образе жизни мы пока не имеем.

Семейство свистуны, или зубатые жабы

Второй ряд язычных бесхвостых земноводных охватывает собой большую группу подвижногрудых форм (*Arcifera*). Их грудной пояс существенно отличается от того, с которым мы позна-

комились у неподвижногрудых форм, так как по средней линии груди этот пояс допускает подвижность отдельных костей.

Первое из этих семейств — семейство свистунов, или зубатых жаб, помимо строения грудного пояса и некогтевидных последних костяных суставов пальцев передних и задних лап, вполне соответствует семейству водяных лягушек, которых оно и замещает в большей части Южной Америки. Верхняя челюсть их снабжена зубами, поперечные отростки крестцового позвонка не расширены или только слегка расширены; суставы пальцев задних ног простые или похожие на букву Y. Орган слуха их, смотря по родам и видам, бывает всех ступеней развития; почти все австралийские формы, а равно и малая часть американских, имеют вертикально расположенный зрачок. Как и у настоящих лягушек, в этом семействе встречаются и древолазные формы, водяные, наземные животные и роющие виды.

Таких лягушек известно около 25 родов со 180 видами*.

* *Объем семейства сейчас оценивают в 925 видов (52 рода). Это самое крупное семейство бесхвостых земноводных.*

Среди представителей этого семейства особенно бросаются в глаза по своей величине и своеобразным формам **рогатки** (*Ceratophrys*)**.

* * *Большую часть суток рогатки проводят зарывшись в грунт; при этом рожки над глазами являются защитой органов зрения от механических повреждений под землей.*

Форма тела их плотная, жабообразная; голова необыкновенно велика и широка, пасть соответствует голове; край верхней челюсти снаружи мелко зазубрен, край нижней челюсти гладкий. Конечности довольно толсты и мясисты; передние ноги четырехпалые, задние пятипалые, пальцы передних лап разделены, пальцы задних лап связаны короткими плавательными перепонками; в грудной кости отсутствует костный мечевидный отросток. Язык назад глубоко вырезан, зрачок расположен поперечно. Название этих лягушек обуславливается своеобразными заостренными наростами над глазами, которые представляют собой не что иное, как высокие концы удлиненных верхних век. В дополнение к этому необычному образованию на голове и спине идет высокий бородавчатый гребень и швы. Виды этого оригинального по внешнему виду рода живут в Южной Америке.

Рогатка Бойе (*Proceratophrys boiei*) отличается главным образом следующими признаками: голова ее не очень велика и не совсем окостеневшая, между глазами ясная поперечная кромка, барабанная перепонка спрятана. Область обитания ее, по-видимому, ограничивается средней частью тропической Бразилии. «Во внутренних лесах Сертонга в Бахии, — говорит принц Вид, — я сам наблюдал рогатку Бойе. Лягушка эта держится в сырых темных девственных лесах, особенно по болотистым местам, и путешествует повсюду, даже в сухих лесах Катинга. Во внутренних больших лесах по дорогам, устроенным вдоль реки Ильеос к Барро до Фареда в Сертонге в хорошую и жаркую погоду можно заметить не одну такую лягушку; когда же проходила небольшая гроза, мы тотчас же видели массу прыгавших повсюду молодых лягушек этого вида. У взрослой формы пасть настолько велика, что уверяют, будто бы она может проглотить молодого цыпленка; мышей, лягушек, улиток и других мелких животных она поедает массами*.

* *Рогатка имеет очень мощную челюстную мускулатуру и без труда может переломить позвоночник мышонка.*

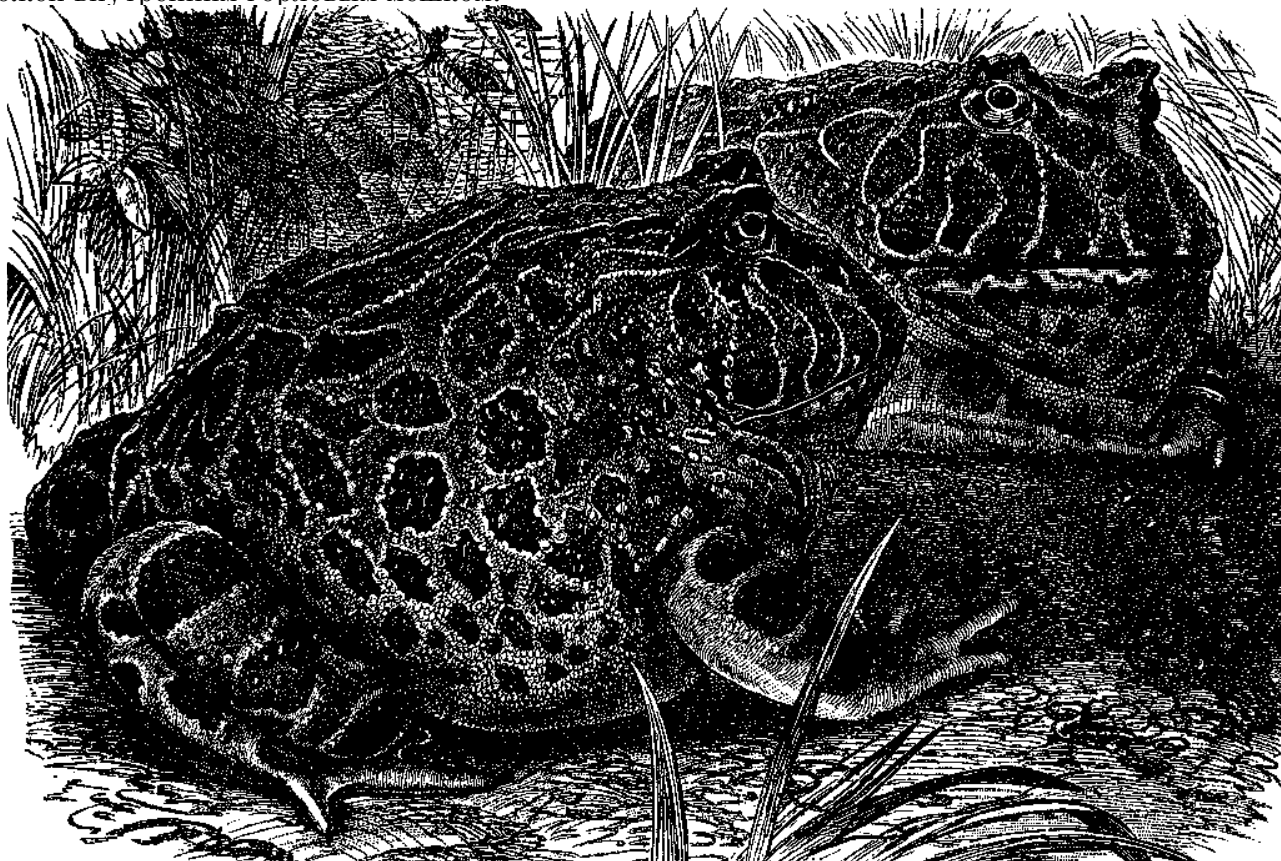

Рогатка Бойе (*Proceratophrys boiei*)

В Мукури, в больших девственных лесах, тихими вечерами мы часто слышали ее громкий голос, кряхтящий и однозвучный». На это красивое животное бразильцы смотрят с таким же отвращением, как на всех жаб; напротив, итания, по сообщению Дюпона, в Гвиане туземцами почитается; там ее часто содержали в неволе. Добрые люди, если верить рассказам, держали таких лягушек и других жаб под горшками, считая их за предсказателей погоды или, вернее, за распорядителей погоды; они требовали, чтобы лягушки даровали им дождь или хорошую погоду и бичевали их, если те не исполняли такого желания.

Второй вид рода рогаток — **украшенная итания** (*Ceratophrys ornata*). Этот вид меньше предшествующего, веки его лишь слегка заострены и треугольны, а спина имеет твердый костяной

панцирь. Желтоватая или зеленоватая верхняя часть этой рогатки покрыта крупными, разбросанными наподобие островков, темными оливково-зелеными пятнами, окаймленными беловатыми краями; между этими пятнами видны также винно-красные линии. Самец, как и у обоих других видов, снабжен внутренним горловым мешком.

Украшенная итанния (*Ceratophrys ornata*)

Этот вид, по-видимому, особенно обычен в Аргентине, где он водится к западу от бразильской провинции Рио-Гранде-де-Сул, а на юге доходит почти до окрестностей Буэнос-Айреса. Из южной Бразилии экземпляров не имеется.

По наблюдению Гюнтера над пойманными экземплярами, это типичное дневное животное, любящее высокую температуру и питающееся другими лягушками.

Семейство жабы

Издrevле и до нынешних дней ни одно семейство животных не вызывало в людях такого всеобщего отвращения, ни одно не преследовалось столь беспощадно и столь несправедливо, как семейство жаб.

"Это животное, — говорит старый Геснер про обыкновеннейший вид этого семейства, — есть животное совершенно холодное и влажное, все отравленное, ужасное, противное и вредное. Когда животное это дразнят, то оно приходит в такой гнев, что если оно может, то брызгает на человека своими кожными выделениями или отравляет его своим ядовитым вредным дыханием. Однако вреден не один только чистый яд, которым оно снабжено, но и все тело, и если кто-либо испачкается его слизью, то запачканное место начинает гноиться и очень трудно поддается лечению. Съеденная жаба вызывает смерть, дыхание и взгляд ее также вредны, от них человек бледнеет и обезображивается. Жабы отравляют также траву и листву, которую они попробовали или даже по которой медленно проползли... В Англии, как известно, принято летом посыпать полы комнат зеленой травой или ситником для освежения этих помещений. Однажды один монах принес охапку ситника в свою келью или опочивальню и разбросал его по полу, но когда он лег на эту траву после трапезы и заснул, лежа на спине, из-под травы вылезла принесенная вместе с ситником жаба и села монаху прямо на рот, вцепившись четырьмя ногами в его верхнюю и нижнюю губу. Другие монахи, видя это ужасное зрелище, не знали, что делать: отрывать жабу значило не иначе как идти на верную смерть, оставить же жабу сидеть было хуже самой смерти. Наконец был подан хороший совет: отнести монаха, лежавшего на спине, к окну, где у паука была паутина; последний как раз случился в ней. Как только паук увидел своего врага, он быстро спустился, укусил жабу и по паутинке забрался обратно в свою сеть. После укуса у жабы тело вспухло, но она не отстала; тогда на нее опять натравили паука, и он вновь укусил жабу, отчего тело последней вздулось еще больше, но

животное было все еще живо. Паук нанес третий укус, после которого жаба поджала ноги и свалилась мертвой. Таково было благодеяние и благодарность, выказанные пауком своему хозяину! Иногда случается, что по неосмотрительности вместе с водой или другим напитком люди проглатывают несколько яиц жаб или лягушек, и яйца превращаются в лягушек или жаб уже в их желудке; это ужасно! Такие неосторожные люди должны выгонять животных сильными рвотными или слабительными средствами».

Право, трудно понять, как могло случиться, что благоразумные люди могли верить таким глупостям; еще менее понятно, что и в настоящее время находятся тысячи людей, которые склонны считать за истину подобную пошлую и ни на чем не основанную ложь, так как не может же ночная жизнь безобразных в сравнении с лягушками жаб служить причиной постоянных нападков и отвращения к этим безобидным, невинным и в высшей степени полезным животным! Бесспорно только, что это отвращение к жабам, слепая ярость, с которой они преследуются и убиваются, одинаково свойственна как образованным, так и необразованным людям, европейцу и американцу, как кавказской, так негритянской и малайским расам. Тот, кто скверно отзывается о жабе, никогда не наблюдал ее жизни, никогда не прочел или, по крайней мере, не понял ни одной серьезной книжки по естествоведению, так как в противном случае он был бы более сведущ. Жабы как раз могут служить убедительным примером тому, как поставлено у нас дело образования, в особенности естествоведение и его преподавание.

Жабы отличаются от описанных до сих пор подвижногрудых форм совершенным отсутствием зубов и треугольными расширенными наружными концами поперечных отростков крестцовой кости. Дальнейшими характерными для них признаками служат: плотная, неуклюжая форма тела, почти равные, толстые, уродливые ноги: и обильная железам и бородавками кожа. Костные концевые суставы пальцев передних и задних ног обрублены или же имеют треугольную форму.

Большинство жаб живет на суше; многие из них превосходно умеют зарываться в землю; несколько видов проводят большую часть своей жизни в воде.

Жабы живут во всех частях света, и многочисленнее они, понятно, в теплых областях, нежели в холодных. Большинство их держится в воде только в пору метания икры, оказывается вполне ночными животными и только в исключительных случаях они ползают днем вне своих укромных уголков. В ловкости движений жабы уступают лягушкам и чесночницам, так как они скорее ковыляют, нежели скачут, плавают плохо, почему выглядят тяжелыми на подъем и ленивыми, хотя на самом деле не являются таковыми. Пищу их составляют всевозможные вредные животные, в особенности черви, улитки, жуки и мелкие позвоночные; последние, впрочем, делаются добычей лишь наиболее крупных видов жаб. Потребность в пище у жаб очень велика, почему и деятельность этого оклеветанного животного для нас является в высшей степени полезной. По способу оплодотворения и по развитию головастиков они в существенных чертах сходны с другими формами их отряда, но только у большинства жаб яйца выходят не комками, но в виде шнуров, порознь оплодотворяемых самцами*.

* Большинство видов жаб яйцекладущие, хотя встречаются и живородящие формы (*Nectoplvynoides spp.*). У них стенки яйцеводов выделяют белок, за счет которого происходит развитие эмбриона в теле самки.

Как и остальные земноводные, жабы также без вреда для своей жизни не могут долго оставаться без воды, но во влажных пространствах могут месяцы и даже годы прожить на самой скудной пище*.

* Толстый слой ороговевшего кожного эпителия предохраняет жаб от дегидратации (потери воды) организма в аридных (пустынных) регионах. Специалисты выяснили, что зеленая жаба (*B. viridis*), например, переносит потерю 50% влаги, а некоторые другие виды даже — 74%, в то время как лягушки погибают от нехватки даже 15% воды в организме. Дефицит влаги жабы способны восполнить в считанные минуты, перемещаясь к источнику воды. В наиболее неблагоприятных условиях они зарываются в грунт, где на глубине сохраняется влажная почва. Для уменьшения влагопотери жабы перешли к преимущественно ночной активности.

Случалось часто, что живых жаб находили в полостях, не имевших, по-видимому, никакого входа снаружи. Такие находки, с одной стороны, порождали разнообразные басни, но с другой стороны, побудили ученых произвести опыты, результаты которых были весьма неожиданные.

Из их наблюдений следует, что живучесть жаб отнюдь не так велика, как рассказывалось в различных баснях: ни одна жаба не в состоянии и года прожить в пространстве, изолированном от притока воздуха, или два года не получая никакой пищи. В то же самое время эти же опыты наводят на мысль, что в случаях находок жаб в полостях камней и других подобных пустых внутри

предметов исследования просто не были произведены тщательно и все рассказы о жабах, проживших много лет под землей, замурованных в кремнях, без сомнения нужно считать неверными. Напротив, яйца иных жаб бывают очень мало чувствительны к зною и засухе. Флетчер наблюдал одну австралийскую жабу, которая откладывала свои яйца после дождя под камни по краям луж. По прошествии примерно трех недель при благоприятных условиях ее потомство уже начинало вести самостоятельную жизнь в виде головастика, но развитие яйца может и отложиться более чем на три месяца, яйца без вреда переносят долгую пору засухи, когда отсутствует необходимая для жизни личинок вода. На только что вылупившихся головастиках наружных жабр не видно.

Это семейство распадается на 8 родов, заключающих в себе около 100 видов**; для нас, однако, будет достаточным, если мы ограничимся описанием немногих, но наиболее важных видов.

* * Семейство жабы сейчас насчитывает 382 вида и 31 род.

Обыкновенная серая жаба (*Bitfo bitfo*) достигает 6-7 см в ширину и 8-12 см в длину, а в более южных странах, как например в Сицилии, она бывает 12-20 см в длину и, по-видимому, сложена еще более неуклюже, чем другие родственные ей виды. Все тело ее покрыто толстыми бородавками, которые за ушами оставляют свободные места для большой полулунной согнутой железы. Окраска ее состоит из темного серо-бурого или черновато-серого цвета, который дает то оливково-зеленый, то красноватый оттенок и покрыт темными неясными пятнами. Окраска эта на нижней части тела переходит в светло-серый цвет, на котором видны, у самок чаще, нежели у самцов, более темные пятна. Ушные железы снаружи оторочены черным. Глаза имеют блестящую желтую радужину. От своих немецких сородичей обыкновенная серая жаба отличается следующими несомненными признаками: пальцы ног, по крайней мере наполовину, затянуты перепонкой, кожной складки вдоль голени нет, сочленовная мозоль на нижней стороне пальцев задних лап, а именно четвертого пальца, всегда парная.

За исключением северных стран и Ирландии, а равно Сардинии и Корсики, жаба живет во всех частях Европы. В Альпах она взбирается на высоту 1700 м. Местожительства ее очень разнообразны. Она живет в лесах, по кустам, у изгородей, на полях, лугах и садах, в погребах, пещерах, гротах, в старых стенах, в кучах камней, под стволами деревьев, под плоскими одиночными камнями, короче — всюду, где только есть укромный уголок или где она может таковой устроить. Где нет укромных природных местечек, жаба сама вырывает в земле по слегка дугообразной линии норы, в которые возвращается так же регулярно, как лиса в свое логовище. Где только можно, она выбирает места сырые и тенистые, часто забирается под растения, широкие листья которых не только бросают тень на землю, но просто покрывают ее; особенно предпочитает она сильно пахучие травы, например шалфей и болиголов.

1 — Обыкновенная серая жаба (*Bitfo bitfo*) 2 — Зеленая жаба (*Bitfo viridis*) 3 — Камышовая жаба (*Bitfo calamifa*)

Будучи настоящим ночным животным, днем жаба всегда прячется; она показывается только тогда, когда теплый дождь смочит землю и облака закроют неприятное для нее солнце. При этих условиях она, правда в исключительных случаях, охотится и днем, только после захода солнца. Беспомощная в своих движениях, будучи почти не в состоянии делать крупные скачки, неуклюжая и тяжелая на подъем жаба не предпринимает далеких кочевков, но зато тщательно обыскивает небольшой район, обитаемый ею, почему при ее прожорливости она является истинной благодетельницей в той местности, в которой поселилась. Вследствие своей неловкости жабы часто попадают в погреба, колодцы, шахты и пещеры, откуда они уже не могут вылезти, и должны довольствоваться той незначительной добычей, которая, как и они, попадает туда случайно. Несмотря на это, и в таких местах они иногда не только живут удивительно долгое время, но даже в полном смысле отъедаются. Так, Эрбер, посетив один грот в Далмации, нашел на глубине 20 саженей и более одну крупную и откормленную земляную жабу, что, по его словам, вовсе не связано с необыкновенной прожорливостью, выказываемой таким животным в неволе, так как насекомые обыкновенно попадают в очень немногих гротах. Добычу этих жаб, по Фотергиллю, составляют червячки, осы, пче-

лы, пауки, жуки, вообще всяких видов насекомые, за исключением бабочек, которых жабы неохотно ловят, потому что чешуйки крыльев бабочек пристают к их клейкому языку и затрудняют проглатывание. Несмотря на свою прожорливость, которую можно было бы назвать беспрестанным отчаянным голодом, жабы упорно отказываются есть мертвых животных. Пробовали пересилить это упорство голодом, и одну сильную жабу поместили в цветочный горшок, куда было положено довольно большое количество только что убитых пчел; по прошествии 6 или 7 дней все пчелы все еще оставались в целости, тогда как живые насекомые этого вида тотчас же хватались жабами и съедались без всякого вреда для их желудка.

Легко наблюдать, как жабы ловят добычу, так как они и днем не пропускают ее мимо, большей же частью жадно хватают все, что не заберется в их область, а наиболее аппетитных для них насекомых даже преследуют некоторое расстояние*.

** Любопытной особенностью серых жаб является специфическое пищевое возбуждение («ожидание пищи»), сопровождающееся дрожанием и сгибанием четвертого или всех пальцев задней конечности перед прыжком на добычу. Запах пищи заметно активизирует их пищевое поведение. В период размножения жабы обычно не питаются, хотя у особей из Карелии такой брачный пост не обнаружен. Пищевыми стимулами для жаб являются объекты, движущиеся в нижней части поля зрения, а предметы, передвигающиеся сверху, воспринимаются как потенциальная угроза.*

Там, где ослепительные и яркие солнечные лучи ослаблены сенью растительности, сильно выпуклые и подвижные глаза жаб видят каждое животное, откуда бы оно ни появилось. Язык жабы с удивительной быстротой и гибкостью выбрасывается по направлению к высмотренной добыче — редко какая успеет ускользнуть. Если кто-либо, не показываясь, бросит или будет держать перед носом притаившейся жабы червячка, гусеницу или какое-либо насекомое, то сможет наблюдать ее обычное поведение. В одно мгновение глаза ее загораются, сама она выходит из своего, по видимому, сонливого состояния и с проворством, столь несвойственным ей и противоречащим ее обычному образу жизни, бросается на добычу. Приблизившись на известное расстояние, она останавливается, уставившись на свою жертву, словно собака на стойке перед дичью, выбрасывает свой язык и вместе с ним уносит добычу в широко раскрытую пасть, почти одновременно проглатывая ее и препровождая в желудок. Если кусок оказывается слишком большим или длинным, например, если она схватит дождевого червя и последний все еще торчит из глотки, то, как наблюдал Стерки, она протискивает его с помощью «быстрого, верно направленного движения передней лапы, как бы утирая ею рот». Как только кусок проглочен, жаба снова неподвижно сидит в своей сторожевой позе и вновь осматривает все кругом. Если, как это нередко случается, она промахнется или же добыча ее будет только оглушена языком, но не пристанет к нему, то животное обыкновенно прекращает дальнейшее преследование, но тотчас же снова принимается за охоту, если насекомое начнет делать какие-либо движения. Но может случиться также, что она два или три раза метнет свой язык в надежде вознаградить себя за первые промахи.

Земляные жабы уничтожают неимоверное количество всяких вредных животных. Наряду с упомянутыми мелкими животными излюбленной пищей их являются также голые слизняки; кроме этого они, говорят, хватают и мелких земноводных, хотя вообще живут в полном мире с себе подобными и никакое раздражение не доводит их до ссор с другими родственными им животными. Доводит к этому может служить следующий рассказ. Чтобы наблюдать за охотой на насекомых одной жабы, постоянное местопребывание которой было известно, намазали медом один лист и положили его перед местом, куда животное пряталось. Запах меда скоро привлек массу мух и пчел, которые и ловились обитательницей этой норы, когда к этому всегда обильному столу приползла другая жаба, между ними начали бросать много насекомых, так что внимание жаб направлялось в разнообразные стороны. При этом случалось, что обе жабы бросались на одно и то же насекомое, однако та из них, которой ничего не попадало, никогда не выказывала при этом ни малейшего неудовольствия или жажды мщения. Вообще никогда не видели, чтобы эти жабы между собой ссорились. Это добродушие, которое, быть может, следует считать отсутствием ума, свойственно многим, но не всем жабам: их поступками управляет желудок. Всякое приближающееся мелкое животное жабы пытаются проглотить, если только могут, но не трогают его, если оно сидит спокойно, быть может, потому, что при этих условиях они его не замечают. Однако на основании всего этого нельзя сказать, чтобы умственная деятельность у жаб совершенно отсутствовала. Они делают разницу между разнообразными животными, с которыми им приходится иметь дело, и соразмеряют свои поступки с обстоятельствами. Они чаще, чем другие земноводные, стараются скрыться от каждого более крупного животного и, сознавая свое бессилие, не осмеливаются оказывать противодействие

более сильному врагу. Но они умеют быть благодарными за сделанное им добро и мало-помалу начинают доверять тем, кто с ними обходится дружелюбно. Белл так приручил одну жабу, что она спокойно сидела на его руке и брала из пальцев предлагаемых ей мух. Другие любители — друзья этих столь презираемых животных — доводили дело до того, что пленницы их обыкновенно появлялись на известный зов или свист в надежде получить ожидаемый ими корм. Лейдиг, часто державший живых жаб, считает их умнее и понятливее зеленых лягушек. «Зеленая лягушка, — говорит он, — в неволе сохраняет свой буйный характер, и в ее поступках мало обдуманности: она принимает все, что движется перед ее глазами, за живую добычу и так же стремительно хватается какой-нибудь плод, как и насекомое. Она прыгает по направлению к крышке, закрывающей ее помещение, так как ей долго или даже никогда не приходит в голову, что она не может вылезти из него. Насколько отлично поведение жабы! Последняя применяется к обстоятельствам и при хорошем уходе скоро становится очень доверчивой. Если положить какое-нибудь насекомое или дождевого червя перед неподвижно сидящей жабой, она начинает тихо и с вниманием двигать головой и видно, что соображает, как завладеть добычей. При попытках бежать, она также выказывает рассудительность, а что в пору оплодотворения в этом животном замечают удивительное старание освободиться от противников есть факт вполне известный».

Жабы, содержащиеся в ограниченных помещениях, приручаются скорее и полнее, нежели когда они живут в каком-нибудь саду. Содержание их почти не представляет трудностей, так как они не отказываются ни от какого брошенного им мелкого животного, лишь бы только последнее двигалось; с другой стороны, они могут долго голодать без малейшего для себя вреда. Со своими сородичами и родственными формами, равными им по величине, они уживаются превосходно.

В отличие от многих других бесхвостых земноводных жаба проводит зимнюю спячку в сухих земляных норах, далеко от воды. Такие норы она редко роет сама при помощи своих задних ног и предпочитает для своего постоянного укромого уголка мышьи норы и трещины в камнях. Сначала старые, затем молодые жабы в конце сентября или в начале октября заползают в найденные или вырытые ими самими норы, часто несколько животных вместе, защищаются от влияния холода нарытой землей, заткнув ею отверстие в свое помещение, и остаются в этих зимних норах неподвижными и окоченевшими вплоть до марта или апреля. Тотчас же по оставлении своего зимнего убежища они начинают спаривание и для этой цели держатся в каком-нибудь ближайшем водоеме, предпочитая, подобно зеленой лягушке, самые маленькие лужи*.

** Установлено, что сразу после выхода из зимовок серые жабы совершают нерестовые перемещения, во время которых они преодолевают расстояния иногда до 2,5 км.*

Несмотря на то что у самцов серой жабы нет пузырей-резонаторов, они обладают стонущим или нежно блеющим голосом. О спаривании, прежде всего, можно узнать по этому голосу, который самцы издают день и ночь. Каждый самец, если может, отыскивает самку, обхватывает ее обычным для лягушек образом, но с такой силой, что пальцы в полном смысле вонзаются в кожу и снаружи не видны. Таким образом, по уверениям внимательных наблюдателей, он, не слезая, крепко сидит на самке 8-10, даже 28 дней, пока наконец эта длинная прелюдия не кончится и не начнется метание икры. Лейдиг заметил, что, по крайней мере в Германии, число самцов далеко превосходит число самок**.

*** Находясь в возбужденном состоянии, самцы серых жаб действительно готовы нападать практически на любой движущийся предмет: рыб, земноводных других видов и даже на неодушевленные предметы и мертвых жаб.*

За недостатком самки своего вида самец, совершенно как водяные лягушки, плотно насаждает на других животных, в особенности на рыб, и последние, как Ферстер наблюдал у золотых рыбок, могут погибнуть от подобных сильных объятий*.

** В размножении жаб современные исследователи выявили несколько интересных особенностей. Самец и самка дальневосточных серых жаб, например, стимулируют друг друга различными вибрационными движениями для того, чтобы синхронизировать процесс икрометания. Если самка по каким-либо причинам не готова к размножению, она принимает «позу отказа от спаривания»: выгибает спину и отталкивает таким образом самца.*

Икра выходит в виде двух шнуров, из которых каждый развивается в особом яичнике и яйцеводе; отложение икры, однако, совершается с перерывами, самец оплодотворяет отдельные части шнуров. Как только кусок шнура выйдет из яйцевода, совокупившаяся пара на минуту принимает более удобное положение, всплывая на поверхность воды и до некоторой степени отдыхая; затем они опять ныряют в глубину, где вновь выходит и оплодотворяется новый шнур. Эти движения повторяются одно за другим, 8-10 раз; но как только выйдет последний кусок яйцевого шнура, самец

оставляет самку и они отдельно выходят на сушу. Яйцевые шнуры имеют толщину карандаша, достигают 3-5 м длины и заключают в себе несколько тысяч яиц. Еще в пору спаривания эти шнуры благодаря движениям совокупившейся пары в разные стороны наматываются около водяных растений и тому подобных предметов, почему и остаются на дне. Через 2-3 дня яйца заметно увеличиваются, через 4-5 дней растягиваются; в теплую погоду на 12 или 14, а в холодную на 17 или 18 день личинки, развившиеся в яйце, прорывают его оболочку, а 2 дня спустя оставляют и ил. С этих пор превращение их протекает уже по известному плану. Головастики жаб маленькие черные животные, охотно живущие общественно. В конце июня у них уже образовалось 4 ноги и, когда это произошло, молодые, необыкновенно маленькие в сравнении с остальными бесхвостыми земноводными жабы покидают воду, хотя хвост их в это время не совсем еще сохся. С этого момента они ведут образ жизни своих родителей, но гораздо оживленнее в своих движениях и прыгают довольно хорошо. Рост их очень медленный; но и они на пятом году жизни уже становятся половозрелыми. Продолжительность их жизни значительна. Пеннант рассказывает про одну жабу, которая пробыла в неволе 36 лет и прожила, быть может, еще дольше, если бы случай не лишил ее жизни.

Продолжительность жизни жаб существенно зависит от содержания. Правда, они имеют сравнительно немного врагов, так как благодаря выделению желез хищные животные, за исключением змей, не решаются хватать их, но и размножение жаб относительно невелико, так как вследствие беспечности родителей при высыхании незначительных луж часто гибнут тысячи личинок. Самым же злейшим врагом их является безрассудный, злой человек, который непростительным образом преследует как раз взрослых, а следовательно половозрелых жаб, чем вредит своему собственному хозяйству.

Чтобы совершенно разбить все доводы суеверных и безрассудных врагов жаб, я обращаю внимание на то, что днем жаба хватается разве только тех пчел, которые летят мимо ее носа, почему и не может считаться в этом случае вредным животным. Нелепые предубеждения, что жабы выпрыскивают из своего мочевого пузыря яд, что слизь, правда очень острая, выделяемая ее кожными железами, может серьезно отравить человека, что они посещают скотные дворы, где выдаивают коров и коз, и всякие другие выдумки про жаб не могут оправдать страсти к истреблению этих животных*.

** Отравление жабьим ядом у человека вызывает лишь сильное раздражение слизистых оболочек и конъюнктивит. Вместе с тем на животных яд жаб действует по-разному. У грызунов и зайцеобразных наступает нарушение кровообращения и дыхания, а также паралич конечностей. У собак и других хищных млекопитающих яд воздействует на сердечнососудистую систему, поражение сопровождается тахикардией, аритмией, отеком легких, судорогами и порой смертью. Сейчас известно, что в каждой паротиде (околоушной выпуклости с ядовитыми железами) зеленой жабы содержится около 0,07 г ядовитой жидкости. При сдавливании паротид яд выбрызгивается порой на значительные расстояния (до 1 м).*

Ведь самыми тщательными опытами доказано, что жабы не выпрыскивают никакого яда, что сок их желез, правда производящий жжение, если его положить на слизистую оболочку, для человека опасен быть не может — короче, что жабы никоим образом не в состоянии нанести нам какой-либо вред. Следовательно, если кто по заблуждению или по непростительной шалости убивает столь полезное животное, он только этим доказывает свою необразованность и свое невежество, о чем можно только сожалеть. Английские садовники, более благоразумные, чем многие наши, давно узнали, как уже было замечено выше, какую большую пользу приносят им эти прилежные и неутомимые животные уничтожением различных вредных для растений мелких животных. В настоящее время покупают жаб дюжинами и полусотнями и пускают их в свои сады. Их немецкие товарищи по ремеслу, быть может, скоро станут делать так же. Будем же надеяться, что благоразумные учителя найдут время внушить своим ученикам мысль о полезности этих животных и тем помогут искоренению хоть части существующих предрассудков. Уничтожение жаб можно оправдать разве только вблизи рассадочных рыбных прудов.

Второй вид, живущий и в Германии, **зеленая жаба** (*Bitfo viridis*) — красивое животное, имеющее 7-8, редко 8-10 см длины. Сверху она по зелено-серому фону покрыта как бы островками, пятнами от оливково- до черно-земляного цвета и более мелкими розово-желтоватыми бородавочками; снизу — беловатыми и лишь изредка редкими черноватыми пятнами или точками; кроме того, эта жаба характеризуется относительно длинными ногами, довольно плоскими, выемчатыми с боков и почковидными ушными железами и длиной внутреннего пальца передних лап, который бывает немного длиннее второго. От двух других жаб Германии она больше всего отличается простой, а не парной сочлененной мозолью на нижней поверхности всех пальцев задних лап, перепонкой, по

крайней мере доходящей до половины длины пальцев, следовательно развитой относительно хорошо, и присутствием отчетливой кожной складки вдоль голени. Восточноевропейские экземпляры, как правило, ярче окрашены и разрисованы, нежели германские. Основной цвет их светлее, иногда серо-белый, пятна, вроде островков, кажутся резче ограниченными и имеют темные каймы; красные крапинки бородавок крупнее и светлее.

Зеленая жаба — вид, свойственный средней и восточной Европе, но распространенный по Европе к югу и к востоку. На юге она распространена от Египта до Марокко, на востоке — по всей западной Средней Азии, Тибету и Гималайскому хребту.

После предыдущего подробного описания образа жизни обыкновенной серой жабы в описании привычек зеленой жабы можно ограничиться лишь несколькими словами. Она во многих отношениях сходна с предыдущей, но заметно ловчее, проворнее, бодрее и оживленнее*.

** Сейчас известно, что зеленая жаба гораздо более теплолюбивый вид, чем серая. Она активна даже при температуре воздуха +26 °С, а ее предельный термический уровень находится в области 40 °С. Зеленая жаба отлично переносит жару и иссушение организма до 50% и способна быстро восполнить влагопотери, посещая водоемы и увеличивая после этого массу тела на 10-15%.*

Зеленая жаба, по-видимому, непритязательна, легче обыкновенной переносит холод, сухость воздуха и нечистоту воды.

Днем зеленые жабы прячутся в те же места, что и обыкновенные жабы, нередко живя общественно в подходящих углублениях; ночью они, охотясь**, обходят довольно большие пространства.

*** В питании зеленых жаб выявлены некоторые особенности. Часто в южных поселках и городах в тени у фонарей скапливаются сотни особей зеленых жаб в поисках упавших насекомых, привлеченных источником искусственного света. Неподвижную добычу жабы находят по запаху, но обычно не схватывают ее до тех пор, пока она не начнет двигаться. Отмечается у этого вида и мирмекофагия (преимущественное питание муравьями).*

Подвижность свою они проявляют не только отрывистыми, но и относительно растянутыми прыжками, а равно умением плавать и способностью, которую в них трудно заподозрить, к лазанью. По словам Бедряги, любовь к рытью у них мало развита, потому что, подобно обыкновенным серым жабам, они предпочитают забираться в чужие норы или же живут в найденных ими трещинах стен или скал.

Наблюдая за экземплярами зеленых жаб, живших в неволе, Лейдиг заметил, что жабы эти труднее приручаются, нежели два другие вида, и что они бодрствуют до полночи, даже до 2 или 3 часов утра. В это время, ослепленные неожиданным светом, животные выглядят совершенно иначе, нежели днем: голова их бывает вздернута вверх, глаза сильно выпучены, зрачок расширен. «Еще более живые, одно- и двухгодовалые жабы ведут вообще дневную жизнь, что иногда бывает и со взрослыми формами, не считая поры икрометания, когда эти животные день и ночь проводят в воде. Я видел этих жаб, в послеполуденные часы ползавших повсюду в виноградниках при самом ярком солнечном свете, а у Мерана, например, видел их по краям дороги в самые жаркие часы до полудня. Подобно родственным им видам, это роющие животные. В одном деревянном ящичке без земли, при полной тишине в комнате, жаба так царапает дно, что ящик дребезжит, но лишь только животное слышит шаги, оно прекращает свое рытье».

Голос этой жабы благодаря хорошо развитому резонаторному пузырю самца сильнее, чем голос обыкновенной серой жабы, и отчасти похож на скрип двери или может быть назван ворчанием. По Лейдигу, животные, живущие в комнате, перед предстоящим дождем издают короткий хлопотавший крик. В Германии спаривание бывает в начале апреля, так что оно обычно совпадает с временем цветения терновника. «Икра, — продолжает тот же ученый, — образует два длинных шнура из черных яиц, которые в два ряда лежат в студенистой оболочке и почти не отличаются от яиц других германских жаб. Подобно тому как в силу взаимодействий различных влияний природы одновременно раскрываются цветочные почки на разных растениях одного и того же вида, метание икры многих из этих животных также происходит в одну ночь: при известной температуре одинаково как в защищенных долинах, так и в лужах на высотах, подверженных действию ветра.

При этом посетителю места метания икры этих жаб должны броситься в глаза, так как животные, если им представляется свободный выбор между мелкой, а потому легче нагреваемой водой и более глубоким, а потому более холодным водоемом, предпочитают первую, очевидно, только потому, что она представляет более подходящие условия для жизни их молодого поколения. Но это обстоятельство как раз и является причиной гибели бесчисленного числа яиц и личинок жаб, так

как избранные ими скопления воды оказываются временного характера и быстро высыхают, тогда как близлежащие более глубокие водоемы сохранили бы жизнь их потомству. Впрочем, этот недостаток предусмотрительности и сообразительности мы встречаем и у двух других видов жаб.

По Шрейберу, зеленая жаба отправляется в воду уже за несколько дней до метания икры и некоторое время остается в ней и после спаривания, что особенно относится к самкам, но бывает также и с самцами, если им не удалось совокупиться. Между всеми нашими жабами зеленая имеет самое продолжительное время икрометания, так как спаривание этого животного длится большей частью целый месяц и даже больше*; само оплодотворение совершается во всякое время дня, но все-таки преимущественно в теплые солнечные дни.

** Процесс откладки икры у зеленой жабы происходит специфически. В результате амplexуса икринки скапливаются небольшой порцией, а потом несколькими (10-12) волнисто-пульсирующими движениями подмышечной области проталкиваются к воронке яйцевода. Перед икрометанием задние конечности спаривающихся особей создают подобие ковша, край которого образован вытянутыми ногами самки, а дно — согнутыми конечностями самца, ступни которых расположены снизу между ногами самки. Такой своеобразный «ковш» позволяет полностью оплодотворить выметанные в него икринки диаметром чуть более двух миллиметров каждая. Откладке икры способствует надавливание голени самца на бока самки. Самец порой охраняет кладку и переворачивает ее для аэрации. В результате передвижения пары по водоему икринной шнур повисает на подводной растительности мелководного участка. Обычно в водоеме спаривается от 5 до 30 пар.*

Личинки, формой и величиной очень похожие на головастиков зеленой лягушки, уже через 3-4 дня выползают вон, а наружные жабры теряют на второй день.

Осенью, по сообщению Бедряги, зеленая жаба залегает в зимнюю спячку раньше, чем другие германские виды жаб.

Третий и в то же время самый редкий германский вид — **камышовая жаба** (*Bitfo calamita*). У нас она бывает 5-6,5, в более теплых областях на юго-западе 6,5-8 см длины; сверху эта жаба оливково-зеленого или оливково-бурого цвета, кроме сернисто-желтой продольной полосы, лишенной бородавок и идущей посередине спины, снизу — беловато-серого цвета. Бедро и бока груди ее покрыты более темными пятнами. Бородавки буро-красного цвета, глаза желтоватые с черными точками. Внутренний и второй палец приблизительно одной длины. Ушные железы довольно большие, трехсторонние и плоские, в берцовой области имеется заметная железка. От двух других германских видов камышовая жаба отличается слабым развитием плавательной перепонки; пальцы ее коротких задних ног снабжены только у основания плотной перепонкой; маленькая барабанная перепонка неясная. Выступающая вдоль голени складка кожи всегда очень отчетлива, а сочленовная мозоль, по крайней мере под последним суставом четвертого пальца, бывает всегда парной, а не одинарной, как у зеленой жабы.

Камышовая жаба — вид западноевропейский, любящий близость моря, и распространение ее ограничивается Португалией, Испанией и Францией, Швейцарией, Англией, Ирландией, Бельгией и Нидерландами, Германией и Данией и южной Швецией. Ее также нет на островах Средиземного моря.

Из всех жаб Германии камышовая наиболее совершенное роющее животное. «Хотя, — замечает Шрейбер, — животное это, скребя всеми ногами и соответствующими движениями тела, часто только расширяет уже готовые норы, но оно в состоянии вырывать и новые норы. В таких случаях жаба двигается задом, скребя землю своими твердыми роговыми концами пальцев задних ног; достигнув известной глубины, она переворачивается и вается и продолжает рыть уже передними ногами, задними же, подобно кроту, выталкивает нарытую землю. Таким способом она вырывает в косом направлении вниз свои норы, диаметр которых соответствует ее толщине». В Ширштейне, близ Висбадена, зимой 1888 — 1889 года было найдено несколько живых камышовых жаб, находившихся в лесу на глубине 3 м в норах, в которых не было заметно ни одного входа, сообщающегося с поверхностью, и ни одной трещины в слое глины. В том, что эти жабы зарылись на глубину осенью и здесь перезимовали, по словам Флоршютца, которому мы обязаны этим наблюдением, не было ни малейшего сомнения. В остальных движениях камышовая жаба не так неуклюжа и тяжела, как обыкновенная, хотя и она совершенно не может делать скачков благодаря укороченным задним ногам. Она бежит на всех четырех ногах, согнув спину, двигаясь почти так же скоро, как мышь, — признак, по которому даже в сумерках эту жабу можно отличить от прыгающей, как лягушка, зеленой жабы; но она, несмотря на почти полное отсутствие на задних пальцах плавательной перепонки, не лишена умения плавать: плывет она по-собачьему, двигая в воде ногами так же, как и на су-

ше, и притом быстро и проворно. Из жаб Германии она и лазает лучше других. Днем эту жабу находят в ее норах под камнями и в старых стенах, вечером же оттуда даже слышится ее резкий трещающий крик.

При виде врага камышовая жаба прежде всего старается как можно скорее удрать; но если ее обеспокоили и захватили врасплох, то от страха она так стягивает свою кожу, что все кожные железы ее опоражниваются и покрывают животное белой пенистой жидкостью, распространяющей неприятный запах. Розель сравнивает последний с запахом сгоревшего пороха. Не подлежит ни малейшему сомнению, что выделение пахучей пены служит животному лучшим средством защиты и обуславливает сравнительно большую безопасность, чем у других родственных форм.

Первую камышовую жабу, именно старого, половозрелого самца, Лейдиг встречал в конце марта или в начале апреля. Откладывание икры следовало в начале мая. Весьма маленьких, довольно широких и плоских головастиков черного цвета и покрытых мелкими бронзовыми пятнышками находят в глинистых ямах, совершенно лишенных растительности. Однако чаще их встречаются в мелких водных пространствах, поросших камышом, вдоль берега. Кишечник таких личинок бывает наполнен донным илом, в котором можно встретить водоросли и остатки низших животных, но не отдельные кусочки растений.

Метание икры, по Шрейберу, совершается ночью и у большинства кончается в ту же ночь. Яйца довольно крупные, но их не так много, как у других видов жаб; располагаются они длинным рядом в двух шнурах. По прошествии 3-4 дней головастики уже вылупляются, но остаются пока подвешенными к шнурам; наружные жабры они сбрасывают еще скорее, чем личинки зеленой жабы. Хотя из всех родственных ей земноводных камышовая жаба откладывает икру последней, тем не менее личинки ее оканчивают свое развитие раньше других; может быть, даже этот вид пребывает в личиночном состоянии вообще менее других.

"Молодые жабы, — продолжает Лейдиг далее, — только что покинувшие воду, имеют в длину всего 1 см и не только чрезвычайно подвижны, но умеют также быстро лазать, прижимая при этом свое брюхо, подобно квакшам. Их проворство и подвижный образ жизни так велики, а объем так мал, что, ловя их на влажном берегу какого-нибудь озера, их можно принять за жуужелиц, вроде *Elaphrus uliginosus*.

Хотя камышовую жабу временами и встречаются днем, но взрослые формы вполне ночные животные, и у этих жаб, как и у других видов, в ночную пору зрачок, помещающийся на чрезвычайно выпуклых глазах, бывает сильно расширен. Однолетние животные, однако, бодрствуют и днем, и я нередко собирал их в яркий солнечный день почти на краю клеверного поля, где они, быть может, охотились на насекомых; я ловил их также на нагретом от солнца песчаном берегу Майна».

То же самое в недавнее время наблюдал и Фергеф. Он нашел днем этот вид на одном из германских островов в Северном море, притом в сильную жару, и животные занимались ловлей муравьев, жуков и пауков*.

* *К специфическим элементам пищевого поведения *Bufo calamita* специалисты относят поиск добычи по запаху, контроль качества пищи с помощью обоняния (не схватывает мучных червей, которых покрыли пахнущей ядовитой слизью), способность отыскивать знакомый пищевой объект (например, кусочек мяса) под слоем песка, выкапывать его и съесть.*

Что касается голоса камышовой жабы, то уже Брух верно заметил, что после древесных лягушек самец камышовой жабы обладает самым громким голосом из всех родственных ему земноводных. «В апреле я частенько останавливался на берегу одного озера, наполненного этими животными, и ожидал их концерта. Через несколько минут после заката солнца при неподвижном воздухе и полной тишине вдруг, словно по команде, раздавался громкий крик этой жабы и длился не прерываясь около 5 минут, после чего столь же внезапно обрывался. Через некоторое время концерт вдруг снова возобновлялся и с этих пор уже продолжался все время, пока я стоял у озера. В другие дни, в особенности если ожидается дождь, жабы бывают не так пунктуальны и общего концерта у них не выходит, а каждый певец кричит как ему нравится. При этом самки издают одно только нежное блеяние. В неволе, при тишине в комнате, самка испускает своеобразный нежный стон, несколько напоминающий крик желтобрюхой жерлянки. Стаи апрельских крикунов, в общепитии называемые одним именем «лягушки», в действительности состоят не из лягушек и квакш, а из камышовых жаб».

В подтверждение взгляда, что камышовая жаба в умственном отношении стоит выше всех других наших жаб, Лейдиг приводит тот факт, что в неволе эти животные проявляют особенное и притом скорое понимание тех условий, в которых им приходится жить. «Старые животные, правда, в первое время ведут себя весьма беспокойно, и даже я немало удивился, когда одна необыкновенно

большая жаба, содержащаяся в тесном помещении, при легком поднятии крышки не только быстро и неохотно отворачивалась в сторону, но, сильно раздув свое тело, сопровождала это движение почти человеческим ворчаньем, выказывавшим недовольство. Уже на второй день жаба этого не делала и при хорошем уходе мало-помалу стала доверчивой. Однолетние жабы, подобно молодняку других животных, приручаются еще скорее».

На 4-й или 5-й год камышовая жаба уже может размножаться, но все еще продолжает расти. Жабы достигают, вероятно, очень глубокой старости.

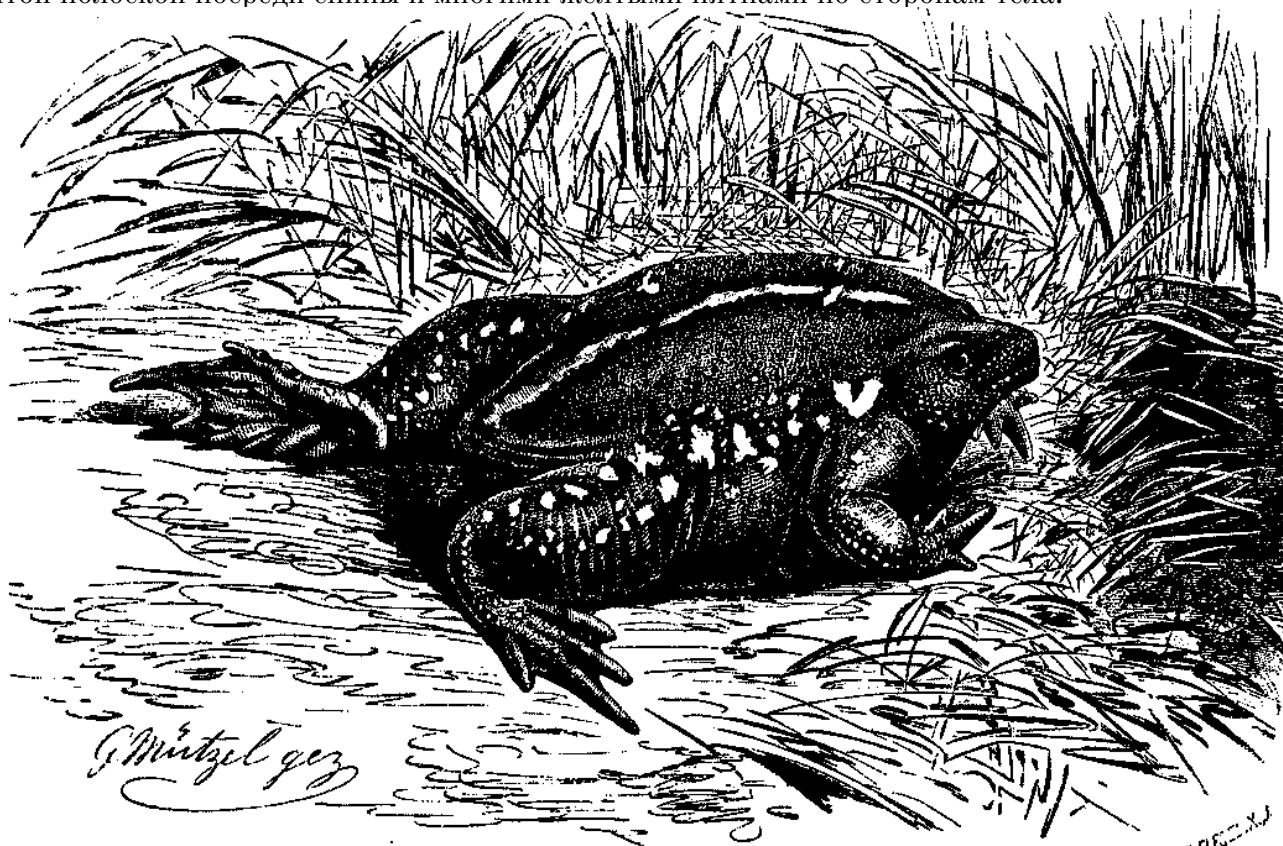
Что касается пользы, приносимой камышовыми жабами, то она не меньше той, которую приносят все другие жабы, почему это животное вполне заслуживает пощады.

Семейство носатые жабы

Дюмериль и Биброн первыми познакомили нас с мексиканским бесхвостым гадом*, который отличается от всех других жаб тем, что язык его сзади приросший и подвижен только спереди, зрачок имеет вид вертикальной щели, а грудная кость мало развита.

* Сейчас этот вид выделяют в самостоятельное семейство носатые жабы (*Rhinophrynidae*) с единственным представителем.

Животное это называется **носатой жабой** (*Rhinophrynus dorsalis*), служит единственным представителем рода *Rhinophrynus* и принадлежит к числу самых безобразных и странных животных этого отряда. Туловище этой жабы почти яйцевидное, голова срослась с туловищем и оканчивается клювовидным рылом; передние конечности коротки и толсты, задние также толстые и имеют 5 пальцев, соединенных широкими плавательными перепонками, причем внутренний палец имеет вид короткого бугорка; на нижней стороне ступни торчит лопатовидный роговой бугорок. Барабанная перепонка незаметна, и зашных желез нет. Тело окрашено в однообразный бурый цвет с желтой полоской посреди спины и многими желтыми пятнами по сторонам тела.

Носатая жаба (*Rhinophrynus dorsalis*)

Длина равняется 6 см. За углом рта у самца есть внутренний голосовой мешок.

Об образе жизни этого вида мы знаем только, что жаба отлично роет землю и питается исключительно термитами, которых слизывает своим своеобразным языком.

Семейство квакши

Следующее семейство подвижногрудых земноводных составляют квакши, которые кроме своеобразного грудного костяного пояса, о котором мы уже говорили, отличаются присутствием зубов на верхней челюсти, широкими треугольными боковыми отростками крестцовых позвонков и когтевидными, у основания расширенными костяными суставами на концах пальцев, на нижней стороне которых замечаются железистые присасывательные бородавки.

Квакши живут почти исключительно на деревьях и встречаются в особенно большом числе в Америке и Австралии, а в северной части Старого Света количество их видов невелико. Ныне насчитывают 10 родов с 200 видами**.

* * Согласно современным представлениям, квакши объединяют 761 вид из 39 родов.

Кроме сумчатой квакши, эти животные не выказывают особой заботы о своем потомстве, но род *Phyllomedusa*, по словам Ихеринга, составляет здесь исключение. Часто встречающаяся в бразильской провинции Рио-Гранде-де-Сул *Phyllomedusa iheringi* кладет свои яйца не в воду, хотя головастики должны в ней развиваться, но между двумя или тремя склеенными листьями деревьев, ветви которых висят над водой. Икрная масса имеет 4-5 см длины и 1,25-2 см ширины***.

* * * Сейчас установлено, что способы заботы о потомстве у квакши более разнообразны и оригинальны. Одни виды откладывают икру просто в воду, другие (квакша-кузнец *Nyctanolis faber*) строят мелководные бассейны-нерестилища из ила, третьи (некоторые *Phyllomedusa* spp.) — помещают их в пазухи листьев бромелиевых и ароидных растений, четвертые — имеют выводковые карманы на спине (*Nototrema* spp., *Gastrotheca* spp.), вынашивают кладку на спине (квакша Гельди — *Flectonotus goeldii*) или во рту.

Сначала мы поговорим о земляных квакшах (*Pseudacris*), которые по строению и образу жизни несколько напоминают некоторые виды свистунов, или зубатых жаб. От других квакш они отличаются лишь немного расширенными боковыми отростками крестцового позвонка и пальцами, между которыми почти нет плавательной перепонки; кончики пальцев образуют лишь маленькие присасывательные бородавки. Зрачок имеет вид поперечной яйцевидной щели, барабанная перепонка ясно видна; на сошнике есть зубы. Живут в Северной Америке и Перу, длина тела обычно около 3 см.

Мы здесь изображаем один североамериканский вид этого рода, красивую квакшу (*Pseudacris ornatus*).

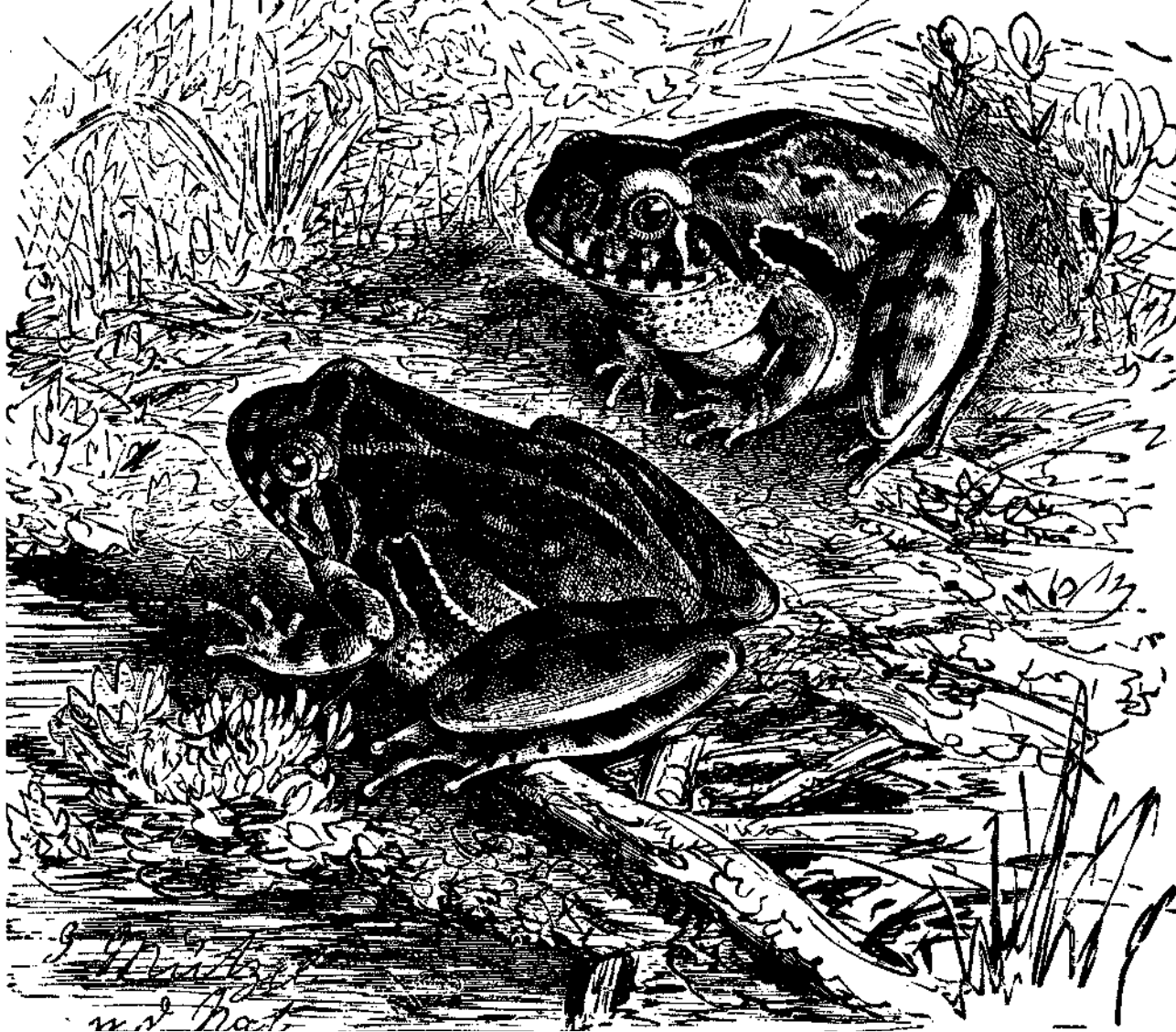

Красивая квакша (*Pseudacris ornatus*)

Это хорошенькое животное, достигающее 3 см длины, имеет круглый язык, верх тела красновато-бурого цвета с удлиненными темно-бурыми пятнами, которые окаймлены золотисто-желтыми полосками; нижняя сторона тела серебристо-белая с серыми точками; на конечностях заметны темные полосы. Красивая квакша живет в Южной Каролине, Джорджии и Техасе, на сухих местах и, за исключением времени метания икры, так боится воды, что если ее туда бросить, то она как можно скорее вылезает на берег. Более подробных сведений об ее образе жизни пока нет.

Очень похожи на предыдущих **сверчковые квакши** (*Acris*). Они главным образом отличаются почти полными плавательными перепонками между пальцами и малозаметной барабанной перепонкой. Единственный, живущий в Северной Америке вид встречается в двух разновидностях, которые населяют различные местности; трудно сказать, составляют ли эти формы отдельные виды или же только разновидности.

Сверчковая квакша (*Acris gryllis*) сверху буровато-красного, бурого или серого цвета, с большими неправильными длинными черноватыми пятнами, окаймленными светло-зелеными полосками; пятна эти особенно заметны на боках тела, а на конечностях заменяются полосками; вдоль спины часто заметна светлая полоска; нижняя часть тела желтоватая или буроватая. По росту эта квакша похожа на нашу обыкновенную европейскую. Рисунок изображает северную разновидность (*Var. crepitans*), у которой голова и конечности короче, чем у другой. Сверчковая квакша распространена по всей восточной и средней Северной Америке. В тех местах, где она встречается, она очень обыкновенна, к немалой досаде ворчливых людей, так как она так же криклива, как и наша лягушка, и голос ее, напоминающий трещание кузнечиков, непрерывно слышен целые ночи.

Сверчковая квакша (*Acris giyllus*)

Она встречается в основном в стоячей воде, заросшей кустами, и держится здесь главным образом на плавающих листьях водяных растений; иногда она прыгает и на соседние кусты, но далеко не так хорошо лазает, как наша квакша. Зато по земле она скачет очень ловко и, сравнительно со своей величиной, делает удивительно большие прыжки. В неволе она выказывает такую же живость, как и на свободе, а также часто подает и голос; если она замолчит, то ее, точно так же как нашу квакшу, можно заставить кричать, опрыскивая водой или производя какой-либо шум.

По словам Копе, квакша эта имеет удивительную способность изменять свой цвет, применяясь к цвету окружающей среды. Она особенно любит сидеть на илистых берегах, а если ее испугать, то она большим прыжком бросается в воду. Она охотно лазает на высокую траву или растения с широкими листьями, на деревья же и кусты поднимается очень редко. Голосу этой лягушки легко

подражать, если взять два мраморных шарика, которыми играют мальчики, и стучать ими друг о друга, сначала слабее, а затем все сильнее, производя 20-30 ударов зараз. Голос ее не слышен на большом расстоянии. Это боязливое животное, и его очень трудно поймать; лягушка начинает кричать в апреле, а в середине июня, по словам Аббота, ее уже практически не найти. Вполне развитые детеныши появляются в конце августа. Эта квакша, которая держится больше около воды, чем в самой воде, питается мухами; осенью и зимой она не нуждается в пище, так как, подобно нашей обыкновенной квакше, полгода проводит в зимней спячке.

Представители **рода квакш, или древесниц** (*Hyla*), — самые красивые, живые и грациозные животные класса земноводных. Этими качествами они настолько приобрели любовь людей, что некоторые держат их как домашних животных. Этот род, очень богатый видами, имеет в Европе лишь одного представителя, общеизвестную обыкновенную квакшу, встречающуюся, однако, в нескольких разновидностях, которые по образу жизни и по голосу так друг от друга отличаются, что могут даже считаться отдельными видами. В южных странах этот род представлен огромным числом форм. Принц фон Вид говорит, что «квакши встречаются в большом количестве в кустах около жилищ, по берегам рек и морей, но еще в большем числе в первобытных лесах. Здесь живут квакши различной величины, строения, цвета, отличающиеся и по голосу; разнообразные крики их сливаются в своеобразный и странный концерт сырыми, теплыми и темными тропическими ночами, особенно в дождливое время года. Большинство их живет в листве высоких лесных деревьев и чаще всего между твердыми листьями бромелий. Многие маленькие виды даже выводят свое потомство в черноватой воде, накопившейся между широкими листьями этих растений; другие в пору размножения спускаются из воздушных жилищ, отправляются в болота, пруды и лужи, образуемые в густой тени первобытных лесов. Здесь слышен соединенный хор их голосов и здесь же представляется самый удобный случай добыть для коллекции этих животных, которых в другое время достать очень трудно; их легко узнать по голосам». После Америки они встречаются относительно в большом числе в Австралии, а также попадают в Новой Гвинее, на Моллукских островах, в Индо-Китае, а также в палеарктической области, хотя здесь они не играют важной роли.

Кроме времени размножения, которое заставляет большинство квакш отправляться в воду, и зимы, когда они прячутся в ил, под камни или под кору деревьев, квакши всю остальную часть своей жизни проводят в воздушной выси деревьев, где держатся на разного рода листьях и здесь же охотятся за добычей. Окраска их, несмотря на свое разнообразие, всегда похожа на листья тех деревьев, на которых они живут; она даже изменяется по временам года вместе с изменением окраски листьев, так как все виды имеют способность менять свой цвет гораздо сильнее и быстрее, чем знаменитый в этом отношении хамелеон. Квакша, которая имеет зеленую окраску листа, на котором она сидит, может скоро сделаться похожей по цвету на кору дерева. «Одно из этих красивых животных, — говорит Теннент, — вскакнуло на подставку моей лампы и через несколько минут приняло золотистый цвет украшений на этой подставке, так что ее трудно было от них отличить». Кто видел квакш, великолепно окрашенных в красный, желтый и серебристо-белый цвет с красивыми точками и другими разноцветными рисунками, тому трудно поверить, что окраска этих животных действительно похожа на листву; но кто сам своими глазами видел великолепие цветов тропической растительности, тот легко поймет, что даже самая пестрая из квакш находит листья, вполне похожие на нее по цвету, точно так же как наша зеленая квакша похожа на листья наших лесов. Самые яркие цвета этих лягушек лишь бледное подражание цветам тропических растений, и кажущаяся пестрота служит прекрасной защитой от врагов, так как самый зоркий глаз не отличит окраску квакши от цвета окружающей листвы.

Если бы о всех квакшах были собраны столь же точные наблюдения, как и о нашей, и можно бы было написать подробную естественную историю этих земноводных, то подобное жизнеописание заключало бы в себе много привлекательного. Хотя образ жизни отдельных видов во многих отношениях кажется одинаковым и действительно заключает в себе много сходного, однако каждый вид представляет нечто своеобразное: некоторые отличаются по голосу, другие — по способу питания, третьи, наконец, — по размножению. Уже описание внешних признаков этих животных, передача словами их внешнего вида и окраски представляют много интереса, так как при этом мы получаем понятие о чрезвычайном разнообразии явлений природы жарких стран. Если же к подобному описанию прибавить сведения о жизни квакш, об их привычках и нраве, то картина сделалась бы еще привлекательнее, что нам прекрасно доказывают хорошо известные виды. Все вышесказанное можно отчасти заметить в нижеследующем описании некоторых видов, хотя недостаток места принуждает нас обратить внимание лишь на очень немногие из ныне известных квакш.

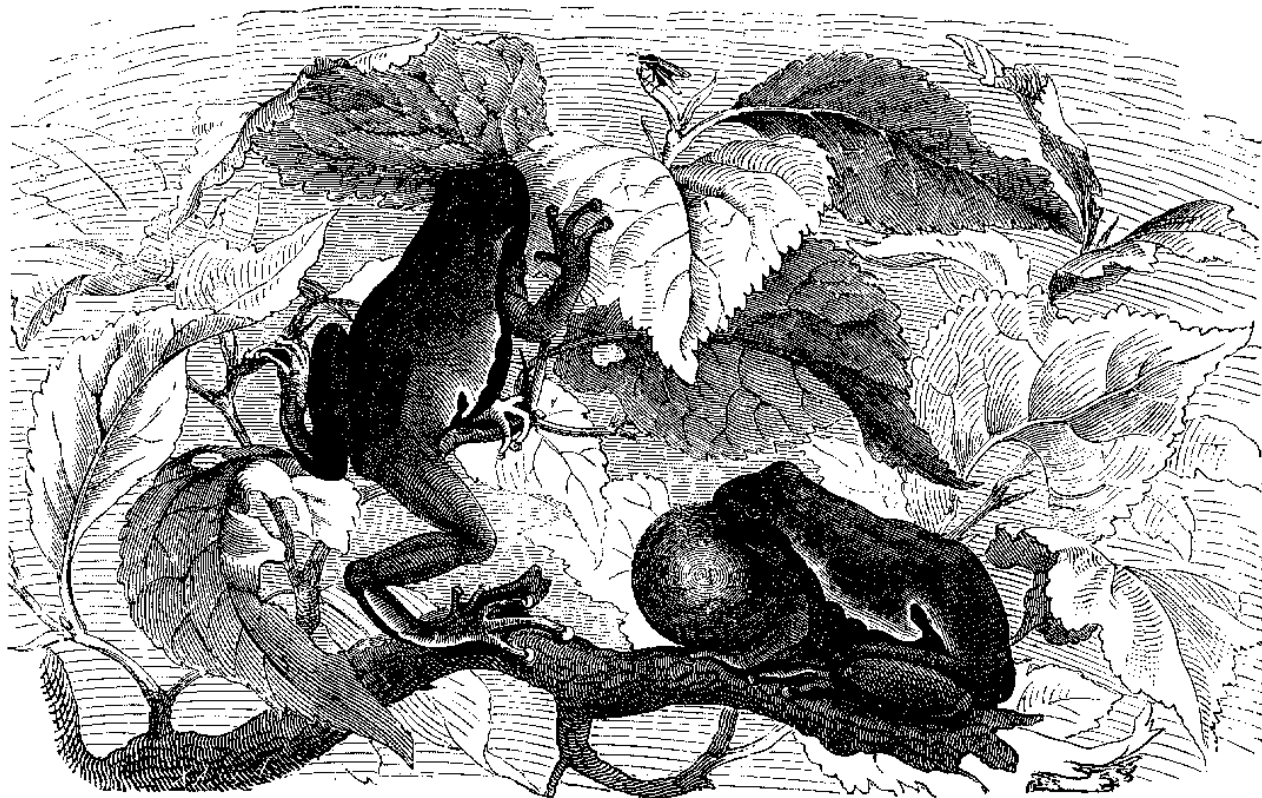
К роду квакш мы причисляем виды, имеющие следующие признаки: зрачок в виде поперечной щели, пальцы задних конечностей соединены плавательными перепонками, язык прирос к коже полости рта, но задняя часть его может довольно хорошо двигаться, на сошнике есть зубы и самка во время метания не имеет спинного мешка для принятия икры. Барабанная перепонка иногда ясно заметна, иногда скрыта; пальцы передних конечностей или свободны, или соединены плавательной перепонкой. Как у всех древесных лягушек, на концах пальцев у квакш замечаются расширения в виде подушечек, которые дают им возможность крепко держаться на гладких поверхностях; кроме того, на брюшке находится много маленьких бородавок с отверстием потовой железки на верхушке, которые также имеют значение для лучшего прилипания этих животных к поверхности листьев.

Что касается деятельности подушечек, находящихся на пальцах, то Шуберг доказал, что кончики пальцев при прилипании несколько скользят по поверхности листа, так что подушка не только прижимается к тому месту, где она должна прикрепиться, но отчасти как бы смазывает его*.

* *Представления о принципах функционирования подушечек (дисков) на кончиках пальцев со времен Брема несколько видоизменились. Прилипание к предметам квакши осуществляют как с помощью слизи, так и вакуумным способом. Мышцы дистальных фаланг способны уплотнять диски, из-за чего они плотно прижимаются к поверхности субстрата, вытесняя из-под них воздух. Чем меньше там воздуха, тем сильнее и прочнее прикрепление.*

Гладкие мускулы своим сокращением выдавливают из подушек липкую жидкость, что препятствует отскакиванию животного от гладкой поверхности и способствует немедленному прилипанию. При ослаблении мускулов липкая жидкость снова втягивается в подушечку. Следовательно, квакши держатся на листьях вследствие прилипания с помощью тонкого слоя жидкости, а не вследствие давления воздуха. Кожа брюшка тоже служит органом прилипания, что обусловлено, по исследованиям Шуберга, своеобразным строением кожи и мускулов стенок брюшка.

Типичным представителем этого семейства и рода может служить единственный вид, живущий в Европе, — **обыкновенная квакша** (*Hyla arborea*), Она достигает длины 3,5-4 см и основной вид, встречающийся в Германии, сверху красивого травяно-зеленого цвета, а снизу — желтовато-белого. Оба цвета разделены тонкой черной полоской, которая начинается у конца морды и здесь имеет белые каемки, затем эта полоска несколько расширяется, в каждом паху образует направленный вперед крючок и тянется назад до задней части бедра; плечо и бедро сверху зеленого цвета с желтым ободком, а снизу светло-желтые.

Обыкновенная квакша (*Hyla arborea*)

Самец отличается от самки черноватым цветом кожи на горле, которое может надуваться в большой пузырь. Перед и тотчас после линьки, которая происходит каждые две недели, окраска изменяется и делается светло-зеленой, пепельно-голубой или зеленовато-голубой, но скоро снова пе-

реходит в травяно-зеленую. По наблюдениям Гредлера, цвет квакши часто изменяется и делается жемчужно-серым или темно-шоколадным, причем иногда проявляется мраморный рисунок; изменение это происходит часто осенью и во время зимней спячки. Южная разновидность квакши иногда достигает длины в 5 см. За исключением высоких гор самых северных стран — Норвегии, Ирландии и Великобритании, квакша встречается по всей Европе, ее находят также на южных берегах Средиземного моря и на островах Атлантического океана. Она живет преимущественно на равнинах, но поднимается в горы довольно высоко, например в Тироле, по словам Гредлера, до 1325 м, в Рэтийских Альпах Граубюндена, по Цшоке, до 1945 м.

Квакша не требует высокой температуры, и потому она появляется уже в апреле и держится на деревьях до поздней осени*.

** В сухопутный период жизни по ночам квакши опускаются с деревьев на землю, где они восполняют дневные потери воды, несмотря на достаточные приспособления к иссушению. Из 46 м дыхательных капилляров на 1 г массы этого земноводного около 75% приходится на легкие, 24% — на кожу и почти 1% — на ротовую полость. Это говорит о значительной степени развития у квакши легочного дыхания. Тем не менее в течение жаркого летнего дня в результате испарения влаги они теряют 21-43% веса, а потери воды в объеме 68-73% веса тела для квакши становятся летальными (смертельными). Но кладка квакши, сохраняется довольно долго на суше во время пересыхания мелкого водоема до его наполнения после очередного дождя.*

Однако обыкновенно ее трудно заметить, так как только во время размножения она держится в воде заметными стаями, но скоро после этого забирается в камыши и в листву кустов и деревьев и здесь живет очень незаметно поодиночке. Это одно из самых красивых земноводных; она проворнее и при дневном свете веселее всех прочих у нас встречающихся представителей этого класса и может одинаково ловко двигаться в воде, на поверхности земли и на листьях деревьев. Она плавает почти так же хорошо, как обыкновенная лягушка, прыгает гораздо лучше, а лазает превосходно, причем всем известно, что при лазании она не передвигает поочередно конечности, а также прыгает. Тот, кто держал квакшу в стеклянной банке, конечно, заметил, что она вне воды всегда двигается скачками и что если она прыгнет на отвесную поверхность, даже самую гладкую, то сейчас же к ней крепко прилипает. У квакши, которую держат в банке, можно ясно видеть, как происходит это прилипание. Мы вовсе не замечаем липкой жидкости, служащей для приклеивания, а видим только на нижней поверхности подушечки светло окрашенное пятно, похожее на пузырь, над которым заметен верхний острый край подушки. Если она прижимает к стеклу свою присоску, то плоскость, имеющая вид пузыря, плотно пристает к стеклу и прилипание происходит мгновенно. Кроме того, она также пользуется для этого кожей горла и всей нижней поверхностью тела, которые также плотно прижимаются к предмету, и таким образом ей вовсе не трудно держаться на самых гладких отвесных стенках. Если квакша прыгает на подобную гладкую стенку прямо из воды, то она немного скользит по ней, без сомнения, потому, что вода препятствует действию липкой жидкости на подушечках пальцев и на коже брюшка. Таким образом, наша квакша лазает на деревья, сначала прыгая на низкие кусты, затем на более высокие и, наконец, от листка к листку достигает верхушек высоких деревьев.

Здесь, в воздушной высоте, квакша приятно проводит все лето, держась при хорошей погоде на верхней стороне листьев, а во время дождя на нижней; если дождь продолжается слишком долго, то она спасается от него в воду или прячется в норки, щели стен или дупла деревьев. Как прекрасно цвет ее подходит к цвету листьев, может убедиться каждый наблюдатель, который слышит, как она кричит рядом на низком кусте, и долгое время напрасно старается увидеть маленького крикуна. Квакша хорошо понимает, как ей выгодно это однообразие окраски, и всегда умеет хорошо им пользоваться. Она знает, что, прыгнув, тотчас обнаружит себя, и потому предпочитает при приближении врага или крупного опасного существа крепко прижаться к листу и, направив на противника свои блестящие глазки, не двигаться до тех пор, пока не минует опасность. Она скачет только в крайнем случае и делает это так внезапно и ловко, что почти всегда спасается.

Пища квакши состоит из различных пауков и насекомых, например мух, жучков, бабочек и гладких гусениц; она ест только живую и двигающуюся добычу и не трогает мертвых и не шевелящихся насекомых. Зоркое зрение и хорошо развитый слух тотчас же дают ей знать о приближающихся мухе или комаре; она внимательно на них смотрит и внезапно прыгает большим скачком, причем почти всегда схватывает насекомое на лету и падает на нижележащий лист. Для схватывания добычи она пользуется не только выдвижным языком, к которому насекомое прилипает, но также пальцами передних конечностей, причем, как рукой, подносит схваченную добычу ко рту — это замечал Гредлер у квакш, живущих в неволе, которых кормили крупными мухами, а Гюнтер за-

метил то же самое у австралийского родича нашей квакши. Летом квакша требует много пищи и потому охотится целый день, хотя настоящая ее охота начинается после заката солнца.

Квакшу считают обыкновенно за хорошую предсказательницу погоды и думают, что она указывает на изменение погоды своим криком, но это мнение не безусловно верно. Ее громкий крик особенно часто слышится во время размножения, однако и летом она не безмолвствует и издает, надувши горловой мешок, свое пение, которое звучит, как колокольчик и несколько похоже на трещание цикад. Голос ее похож на быстро произнесенные слоги «крэк-крэк-крэк» и раздается всю первую половину ночи без перерыва, как во время сухой и постоянной погоды, так и перед дождем. Особенно сильно она кричит при приближении грозы, но во время дождя и в сырую погоду совершенно умолкает. Южная разновидность кричит еще громче, но медленнее и грубее: «раб-раб-раб», и голос ее так громок, что он слышится через три этажа и даже в соседних домах.

Поздно осенью квакша опускается с деревьев и прячется на поверхности земли под камнями, в земляных норках или в щелях стен. Здесь она проводит зиму в глубокой спячке и не страдает от мороза. Свою малую чувствительность к холоду она доказывает ранним появлением весной; она вылезает из убежищ прежде других лягушек и тотчас приступает к размножению. Для этого она по возможности выбирает такие пруды, берега которых поросли камышом, кустами и деревьями, вероятно, потому, что си трудно издавать свою любовную песню, сидя в воде. Самцы обыкновенно вылезают из своих норок в конце апреля, в теплое время раньше, в холодное — несколько позже, но всегда раньше самок, которые показываются только 6 или 8 дней спустя. Тотчас после их появления в мае происходит спаривание: самец обнимает самку под мышки и плавает с ней в течение 2-3 дней, пока яйца не выйдут и не будут оплодотворены*.

** Самцы используют равные стратегии полового поведения. Наиболее крупные особи занимают самые выгодные территории водной поверхности. Именно они приступают первыми к размножению. Вслед за ними спаривание начинают более мелкие особи, обладающие территориями на околоводных кустарниках. Последними выбор партнера делают самые мелкие самцы-сателлиты. Они ведут себя достаточно оригинально: молча располагаясь около более крупного вокализирующего территориального самца, сателлитные самцы просто перехватывают самку, привлеченную его песней.*

Метание икры продолжается обыкновенно недолго, примерно часа два, но может растянуться на 48 часов; но тогда самцу сидение надоедает, он слезает с самки, и последние яйца остаются неоплодотворенными. Около 12 часов после кладки слизь, окружающая икру, настолько разбухает в воде, что образует очень заметную прозрачную массу. Тогда видишь само яйцо, имеющее желтовато-белый цвет с серым налетом с верхней стороны; оно имеет величину горчичного семени и окружено особой оболочкой, которая по объему напоминает зернышко вики. Икра образует бесформенные массы, которые лежат на дне лужи, пока не вылупятся головастики. Развитие детенышей, как и у других амфибий, требует не много времени. В яйцах, положенных 27 апреля, уже 1 мая был замечен зародыш с головой и хвостом, выделяющийся от желтка; 4 мая маленький головастик уже шевелился в своей слизистой оболочке; 8 мая крошечный, 7-8 мм длины, головастик вылез из слизи, плавал в воде с помощью своего хвостика, окруженного совершенно прозрачным гребнем, и иногда ел только что оставленную слизь. 10 мая были заметны глаза и за ртом две бородавки, которые служили молодому животному для присасывания к траве и другим предметам, а также и хвостовой плавник; 12 числа показались жаберные пучки — по одному на каждой стороне головы, которые, впрочем, скоро снова исчезли, и головастик покрылся пятнами, так что казался пегим; 15 числа сильно развились рот и рыльце и головастик стал много есть; 18 числа около черных глаз появилось золотисто-желтое колечко; 20 числа образовалось заднее проходное отверстие и все тело было окружено нежной кожицей, наполненной водой; 29 числа кожица эта слезла. Головастики имели тогда 1,5 см длины и грызли плавающую в воде ряску; 29 июня показались задние ножки; 16 июля головастик достиг своей полной величины, имел около 2 см длины и по пяти очень ясных пальцев на каждой конечности. 25 июля были уже заметны по душечки на концах пальцев и появились следы передних конечностей, которые вышли наружу 30. Спина головастика была тогда зеленоватая, брюшко желтоватое. Они уже часто приближались к поверхности воды, чтобы подышать воздухом. 1 августа хвост уже был наполовину меньше, а несколько дней спустя совсем исчез и лягушонок был вполне развит и способен жить на суше. Однако вполне взрослой квакша становится только на четвертом году; раньше она квакает только очень тихо и не спаривается*.

** Сейчас установлено, что половой зрелости обыкновенные квакши достигают уже через два года, в природе они доживают до 12 лет, в неволе — до 22. Однако, средняя годовая смертность особей популяции порой превышает 40%. Массовая гибель наблюдается в бесснежные зи-*

мы. Кроме высыхания кладок, загрязнения водоемов и суровых зим существенным фактором смертности является гибель на дорогах (на 5 км шоссе находили до 200 сбитых автотранспортом квакш около 20% взрослой части популяции).

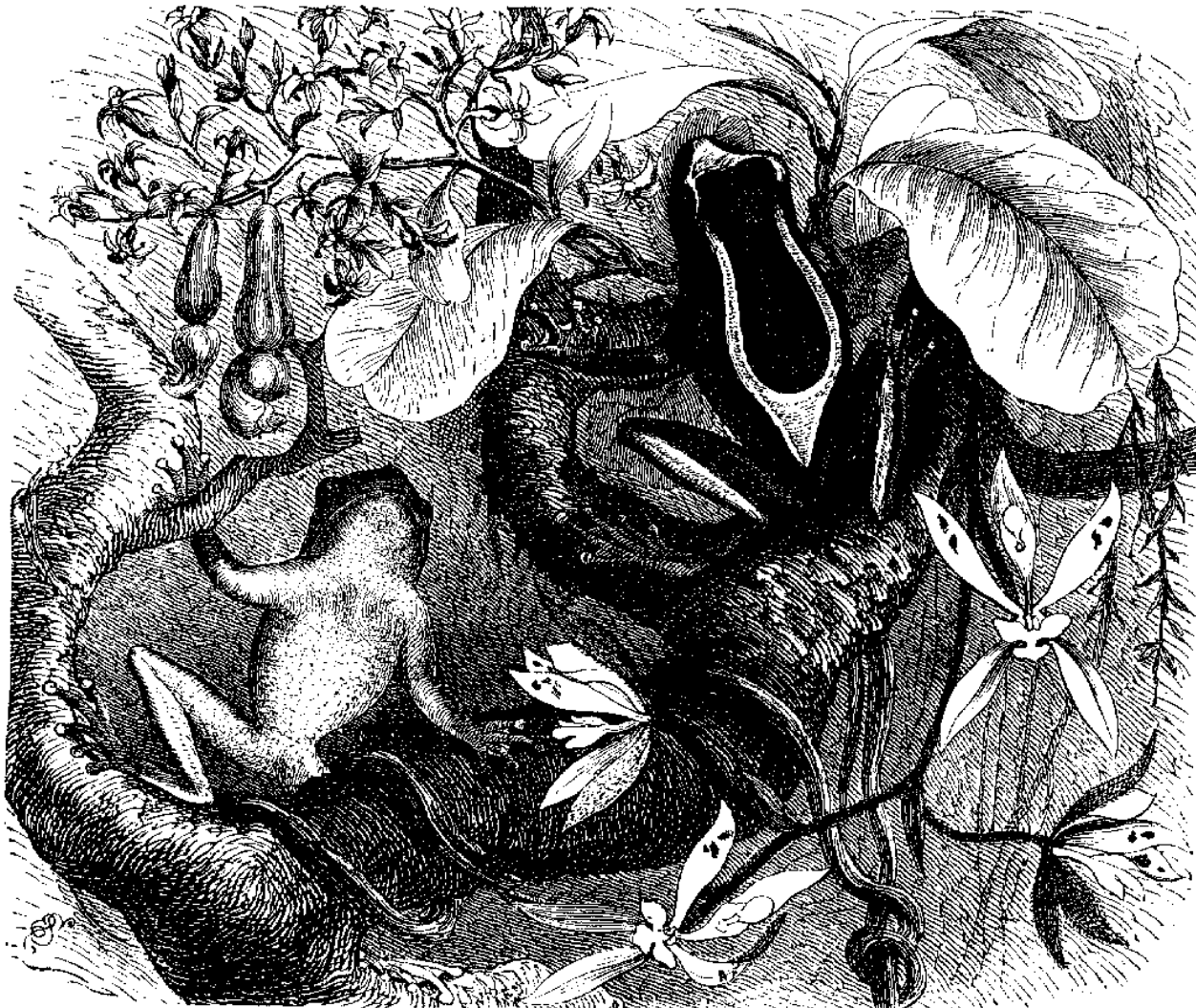
По наблюдениям Бишера, квакша может развиваться на свободе даже в окрестностях Петербурга, где ее, однако, обыкновенно не встречаются; выросшие там детеныши прекрасно привыкают к климату, и, вероятно, было бы возможно развести квакш на севере России.

Квакша так неразборчива, что ее можно несколько лет держать в самой простой клетке или стеклянной банке; ей необходима только вода и подходящий корм; а также следует ее защищать от комнатной пыли. Папст в Готе держал квакшу 22 года, и она околела только вследствие несчастного случая. Вообще о ней не приходится слишком много заботиться, так как она переносит, как уже было сказано, не только холод, но также в значительной степени жару и сухость. Квакша, которую держал Гредлер, однажды исчезла из своей банки, и ее нашли лишь несколько дней спустя в узкой щели совершенно высохшей и, по-видимому, мертвой. Ее снова бросили в банку, предполагая выбросить потом вместе с водой, между тем через несколько часов она снова начала плавать и стала такой же подвижной, как прежде. Она неразборчива и относительно пищи: ее кормят обыкновенно мухами и мучными червяками, так как зимой их легче всего достать, но она ест и разных других насекомых, даже очень крупных, и справляется с ними прекрасно. Осенью следует ей давать обильный корм, чтобы она лучше перенесла зиму, но и в холодное время года не следует забывать от времени до времени давать ей мучного червяка, паука или муху. При долгой неволе она не только научается узнавать своего воспитателя, но узнает и посудину, где держат мучных червяков, и понимает, когда для нее ловят в комнате мух. Один друг моего отца заметил, что его квакша начинала сильно прыгать, когда он кормил своих комнатных птиц, причем всегда смотрела в ту сторону; этот господин стал давать квакше каждый раз по земляному червячку и в короткое время так приучил ее к себе, что она брала пищу из рук не только у него, но и у других лиц; она даже наперед знала время кормления. Чтобы облегчить ей вылезание из банки, около нее повесили дощечку на четырех ниточках, и квакша всякий раз вовремя прыгала на нее и сидела на дощечке до тех пор, пока не получала своего мучного червяка. Если к ней приближали палец, чтобы ее подразнить, то она старалась схватить его ртом. Когда открывали ее банку, она выскакивала оттуда, прыгала по стенам комнаты и с одного стула на другой и, наконец, влезала на руку своего воспитателя и спокойно ждала, пока не получит пощечку; тогда она отправлялась обратно в банку и этим поведением ясно доказывала, что не лишена некоторой доли понятливости и памяти.

Очень прилежный наблюдатель, Глазер, также приписывает квакше довольно значительную долю понятливости. Жившая три года в неволе при обыкновенных условиях, квакша под конец вполне привыкла к своему воспитателю, догадывалась об его намерении, когда он приближался, и заранее становилась в такое положение, при котором ей было удобно схватить предлагаемое насекомое. Во время хорошей погоды она сама приподнимала бумагу, которой была закрыта банка, или пролезала через отверстие в ней и днем по целым часам сидела на краю банки, с любопытством осматривая окружающее и следя своими живыми глазами за всяким движением, причем иной раз хватала и севшую вблизи муху; ночью же она предпринимала странствования. Когда она сидела в банке, то спокойно позволяла брать себя руками но, раз попавши на свободу, старалась ускользнуть, если ее хотели взять, как будто понимая, что она совершает нечто запрещенное, и не желая, чтобы прекратили ее странствования. Однажды утром заметили, что квакша снова ушла из своей банки: в комнате ее нигде не было, и потому предположили, что она ночью пролезла в довольно большую щель под дверью и таким образом попала на свободу. Банку, однако, оставили стоять на месте, на нетопящейся печке. На следующее утро один из детей заметил, что квакша опять сидит в банке. При внимательном осматривании оказалось, что беглянка кое-где замарана сажей и даже немного поцарапана, и таким образом узнали, где она провела день и ночь. Она влезла в длинную и наверху коленчатую дымовую трубу и здесь пряталась, пока ее искали; когда ей захотелось опять побывать в воде, то она вылезла из трубы, снова подошла к банке и через отверстие в бумажной крышке пролезла в воду. С тех пор животное это очень часто самостоятельно покидало банку и снова туда возвращалось, так что дети перестали беспокоиться, когда квакши не было. Убежавших из банки квакш часто находят в чашках умывальников. Ваглер узнал, что квакша, так же как жабы и жерлянки, выпускает из кожи едкую жидкость, которая ей служит для защиты. Он случайно поднес квакшу к глазу, и немного этой жидкости попало в глаз, который почти мгновенно ослеп; это продолжалось довольно долго, так как вызванное ядом воспаление длилось три дня. Быстрое околевание квакш, которых пересылают с места на место в большом числе в одной банке, вероятно, следует

также объяснить ядовитостью кожных выделений, которые вредны даже для животных того же вида.

Пегая квакша (*Hyla leucophyllata*) может считаться одной из самых красивых квакш Южной Америки. Ростом она разве немного больше нашей квакши, имеет около 4 см длины и отличается стройностью телосложения и тупой мордой. Зубы на сошнике образуют два маленьких пучка, расположенных как раз между внутренними носовыми отверстиями. Пальцы передних конечностей соединены плавательной перепонкой до двух третей своей длины и, не достигая подушечек второго и четвертого пальцев, соединяют лишь основания пальцев; малозаметная барабанная перепонка в два раза меньше глаза.

Пегая квакша (*Hyla leucophyllata*)

Верхняя часть тела окрашена красивым красновато-бурым цветом, окаймленным с каждой стороны желтовато-белой, иногда блестяще-серебристой полоской, которая начинается над глазом, тянется по бокам тела и оканчивается треугольным пятном между задними ногами, подобное же треугольное пятно находится и перед глазами; бедра имеют матовый красновато-белый цвет, голени бурые и точно так же с оелой каемкой, как и спина; нижняя часть тела желтовато-белая.

Пегая квакша встречается в Гвиане, Бразилии и Эквадоре и живет в лесах в листве деревьев. Об ее образе жизни мы ничего не знаем, и я ее здесь упомянул лишь из-за красивой окраски.

Почти в тех же странах встречается одна из наиболее крупных квакш, **квакша-кузнец** (*Hyla faber*), которую в Бразилии называют так из-за широких подушек на пальцах. Туловище у нее короткое, голова плоская и шире тела, конечности отличаются толщиной. Между двумя внутренними носовыми отверстиями расположены два полудлунных пучка зубов на сошнике; наружные пальцы соединены с соседними до середины плавательной перепонкой, и кроме четырех пальцев находится еще торчащий в сторону неразвитый большой палец, имеющий вид когтя. Кожа тела сверху совсем гладкая. Верхняя часть тела бледно-глинисто-желтого или светло-бурого цвета с черной полосой посередине спины и несколькими неправильными тонкими полосками по сторонам; нижняя сторона тела однообразно желтовато-белая с большими бородавками. На задних конечностях замечаются также черные поперечные полоски; горло у самца бурое. Длина тела 8-9 см.

Квакша-кузнец, за исключением времени размножения, живет на высоких густолиственных деревьях Бразилии, чаще всего на таких, которые растут на берегах рек и болот; по принцу фон Вид, эту квакшу можно встретить повсюду в первобытных лесах, но только на известных породах деревьев, большие листья которых могут выдержать тяжесть такого животного.

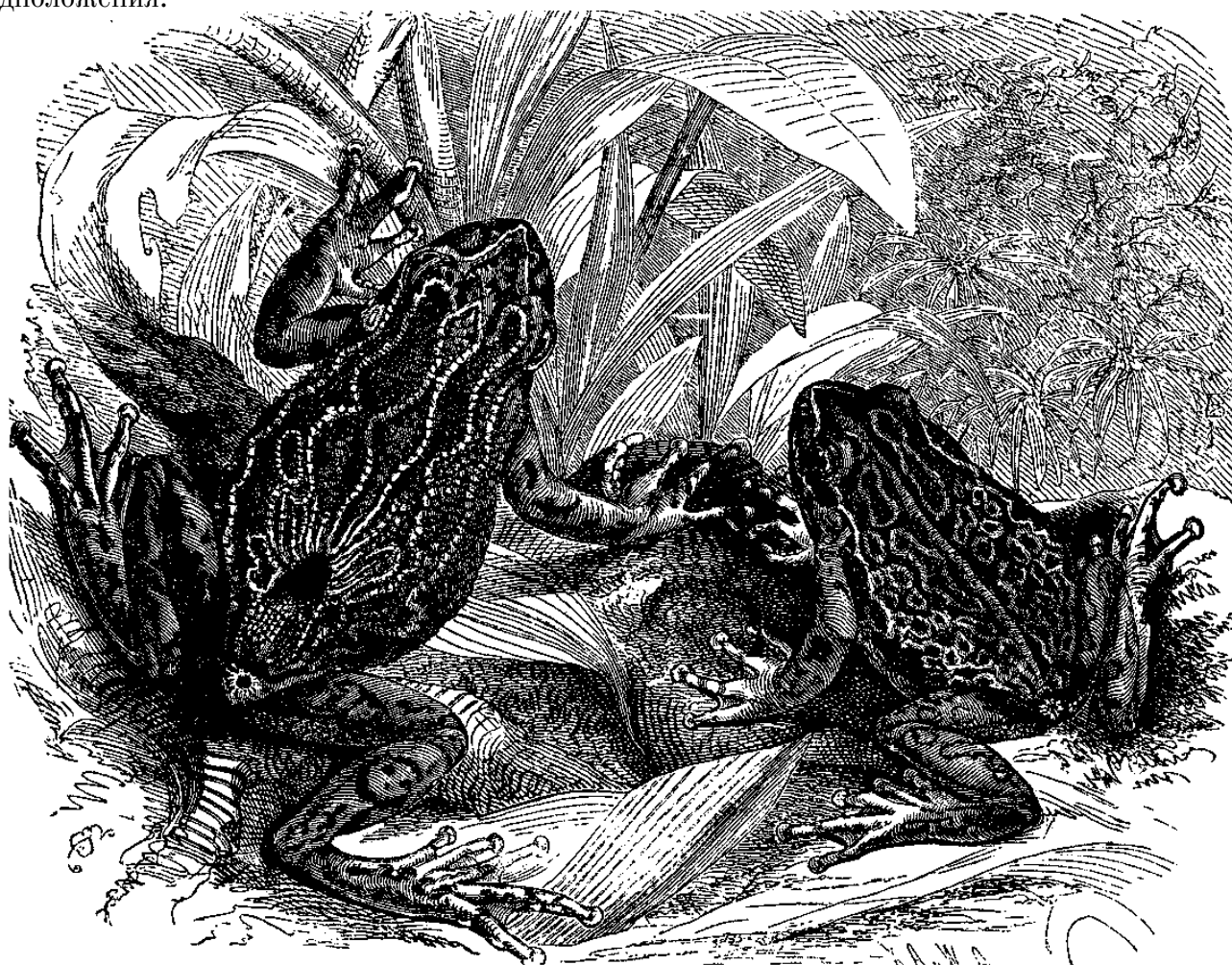

Квакша- кузнец (*Hyla faber*)

В дождливое время года эти квакши, по словам принца фон Вид, населяют болота неисчислимыми стаями, и тогда вечером и ночью до самого утра повсюду слышишь их своеобразный громкий и звонкий голос, так что кажется, что в болоте работает большое количество кузнецов, ударяющих молотками по тонким жестяным листам. В южных частях Бразилии этот натуралист встречал квакшу-кузнеца реже, чем другие виды, и на берегах моря она не так обыкновенна, как в первобытных лесах. После размножения квакша эта охотнее всего держится на кустах, ветви которых висят над водой; если ее вспугнуть, то она прыгает в воду, однако тотчас же ее оставляет и снова влезает на ветви, соприкасающиеся с водой. Принц фон Вид рассказывает, что ему очень хотелось познакомиться с этим животным, и сопровождавшие его бразильцы отправлялись ночью с факелами на охоту за квакшами и всегда возвращались с богатой добычей.

Как может быть разнообразно размножение квакш, доказывает, между прочим, сумчатая квакша (*Gastrotheca marsipitata*)⁹ живущая в Перу и Эквадоре и являющаяся представительницей особого рода (*Gastrotheca*). По своему внешнему виду шесть относящихся сюда и живущих в тропической Америке видов существенно не отличаются от вышеописанных квакш, но самка имеет на спине сумку, глубиной около 1 см и открывающуюся позади, которая во многих отношениях напоминает сумку сумчатых млекопитающих и служит для помещения яиц в первое время их развития, а у некоторых видов детеныши живут в ней до полного их развития. Когда Дюмериль и Биброн

описывали сумчатую квакшу, то они еще не знали, для чего служит ее сумка, хотя и делали верные предположения.

Сумчатая квакша (*Gastrotheca marsupiata*)

По всей вероятности, самец запихивает задними ногами оплодотворенные яйца в сумку, которая, как это видно у некоторых экземпляров, разрастается во время развития яиц на всю спину и придает животному совершенно безобразный вид. Когда зародыши настолько развились, что сделались настоящими головастиками и довольно окрепли, то заботливая мать несет их в воду и там оставляет. У других видов, как, например, у живущей также в Эквадоре и Перу **черепаховой квакши** (*Gastrotheca testudineo*), а также у живущей в Средней Америке и Венесуэле **яйценосной квакши** (*Gastrotheca ovifera*), детеныши остаются в сумке во все время своего превращения, не нуждаются в воде и вылезают из сумки в виде четвероногих лягушат.

Сумчатая квакша отличается от других видов этого рода тем, что кожа головы не срослась с черепными костями, а также относительно короткими ногами и узким лбом, расположенным между глазами, который имеет ширину, равную ширине век. Эта квакша принадлежит к числу самых пестрых. Основным цветом служит прекрасный голубовато-синий, который темнеет на голове и посередине спины. На этом фоне замечаются темно-зеленые продольные полосы и пятнышки со светлыми каемками; полосы эти то приближаются друг к другу, то отдаляются и образуют таким образом правильный рисунок. Конечности покрыты темными кольцами, полосками, штрихами, пятнышками и точками. У некоторых экземпляров, особенно у самцов, рисунок на спине отличается тем, что темные промежутки, окруженные светлыми каемками, меньшей величины и неправильной формы.

Вейнланд сообщил сведения о развитии зародыша родственной этому виду яйценосной квакши. В числе амфибий, присланных в берлинский музей, находилась одна подобная квакша, которая отличалась необыкновенным объемом тела и у которой можно было нащупать под кожей спины крупные, больше горошин яйца. Уже эта величина икринок у лягушки представляла из себя нечто необыкновенное, но еще страннее было их положение, так как убедились, что они помещались не только по бокам тела, но отчасти также на самом хребтном столбе. Это странное расположение яиц привело к открытию щели на задней части спины; от этой щели шли направо и налево мешки, которые распространялись по сторонам тела, но не были соединены с брюшной полостью, а состоя-

ли из складок кожи тела. В обоих метках лежали крупные яйца, склеенные по три и по четыре, а в них был ясно замечен уже головастик с развитыми глазами и хвостом; число яиц доходило до 15. Они не были сросшимися с внутренней оболочкой мешков, все были одинаково развиты и отличались необыкновенной величиной, так как имели почти 1 см в диаметре. У зародыша были очень хорошо заметны глаза, передние и задние конечности и хвост; длина зародыша равнялась 15 мм, голова 4 мм, диаметр глаз 1 мм. Однако зародыш занимал лишь одну восьмую часть объема всего яйца, вся остальная часть была наполнена желтым желтком. Строение зародыша было столь же своеобразно, как строение тела самки, именно если снять оболочку желтка, то на затылке зародыша можно было заметить две скомканные кожистые складки. Их можно было поднять, и тогда оказывалось, что они соединены с каждой стороны двумя длинными шнурками с нижней стороной тела, по видимому с горлом. Прикрепление шнурков к жаберным дугам тотчас указало на связь этих органов с дыханием, а исследования микроскопом еще более разъяснили дело. Оказалось, что каждый шнурок заключает в себе два кровеносных сосуда, а воронка покрыта густой сетью волосных сосудов. Несомненно, что в шнурке находится вена и артерия, а оболочка шнурка, покрывающая их, есть продолжение внешней кожи зародыша. По длине этого шнурка заметны многие толстые мускулистые пучки, что доказывает, что животное сохраняет эти органы и в более позднем периоде развития, когда оно может ими произвольно двигать. Пока зародыш находится в яйце, то подобное произвольное движение невозможно, так как шнурки и воронка тесно сложены и прижаты оболочкой желтка к зародышу; однако следует предположить, что эти органы и в зародышевом состоянии находятся в деятельности, так как оба сосуда и сеть волосных сосудов в воронке были так наполнены кровяными тельцами, особенно в крупных сосудах, что видны были только ядрышки кровяных телец. Эти воронки со шнурками соответствуют ветвистым жабрам, которые заметны у головастика лягушек еще в яйце и которые они сохраняют вначале, живя в воде, пока не разовьются внутренние жабры. Кроме удивительного сильного развития зародыша еще в яйце своеобразно разное строение кишок этого головастика. Ни у какой другой лягушки Вейнланд не нашел в яйце столь значительного скопления питательных веществ, предназначенных для питания зародыша. Весь желток, т.е. 7/8 объема яйца, оказался состоящим из свернутого в комок кишечного канала, наполненного комочками желточной массы. Это, по-видимому, указывает на продолжительный период развития зародыша в то время, когда он еще не в состоянии принимать пищу извне; предположение это, как мы уже выше указали, вполне подтвердилось наблюдениями.

Семейство чесночницы

Следующее семейство подвижногрудых лягушек образуют **чесночницы**, которые кроме вышеупомянутого уже строения плечевого пояса отличаются еще тем, что на верхних челюстях у них есть зубы, поперечные отростки крестцовых позвонков сильно расширены, последние суставы пальцев имеют обыкновенное устройство, а также полным отсутствием ребер. Все виды этого семейства имеют зрачок в виде поперечной щели, и большинство из них имеют лапы, прекрасно приспособленные для рытья земли. Их известно 8 родов с 25 видами, которые живут в Северной Америке, Европе, Азии и Новой Гвинее*.

* Семейство *Pelobatidae* объединяет 92 вида из 9 родов.

Многие виды, как, например, *Megophrys* и *Leptobraehium*, достигают значительной величины, а последний род еще замечателен тем, что это единственная лягушка, самцы которой в случае нападения защищаются даже от человека: они открывают широкую пасть, громко кричат и стараются укусить руку. Сильные челюсти живущей в Бирме *Leptobraehium carinense* позволяют ей схватывать не только насекомых, но и маленьких млекопитающих. Феа нашел в желудке этого вида маленькую белку.

Чесночницы (*Pelobates*) по скелету своему отличаются тем, что у них крестцовая и седалищная кости не отделены друг от друга, а образуют одну кость и грудная кость имеет костяной мечевидный отросток. По своему внешнему виду они более похожи на лягушек, чем на жаб, имеют относительно большие задние ноги, пальцы которых соединены большими плавательными перепонками; язык у них круглый, сзади свободный и на сошнике замечается два пучка зубов; барабанная перепонка скрыта; кожа спины гладкая. На запястье находится большая роговая мозоль, служащая для рытья земли. Три очень близких между собой вида этого рода живут в западной и средней Европе и в Сирии.

Главным представителем этого семейства может считаться **чесночница обыкновенная** (*Pelobates fuscus*). Это очень пестрое животное имеет 6 или 7 и редко 8 см длины; сверху чесночница желтовато-бурая или светло-серая со многими большими и маленькими темно-бурыми неправильными пятнами, которые иногда да соединяются вместе, иногда сидят отдельно и, по словам

Шинца, похожи на острова, нарисованные на карте. Мозоль на запястье, служащая для рытья, окрашена в желтовато-бурый цвет.

Обыкновенная чесночница (*Pelobates fuscus*)

У самца нет горлового мешка, но на наружной стороне плеча у него замечается большая яйцевидная железка. Обычно у этого вида число самцов больше числа самок.

Область распространения чесночницы простирается на южную Швейцарию, Данию, Германию, за исключением Вюртемберга, Бельгию, северную Францию, северную Италию, Австро-Венгрию и Европейскую Россию; однако она не везде встречается, и в некоторых местностях ее совсем нет, например в Швейцарии ее, по словам Мюллера, находят только на границе с Эльзасом, а в Тироле, по Гредлеру, ее совсем нет. Самое восточное достоверное местопребывание ее находится в Сарепте, по нижнему течению Волги. Она живет в воде только во время метания икры и уже через несколько дней выходит на сушу, где держится, как совершенно сухопутное животное, — преимущественно на песчаных полях, причем днем сидит в вырытой ею самой норе, а ночью занимается охотой. С помощью своих роговых мозолей чесночницы очень ловко зарываются в землю, разрывая ее передними ногами с выпяченными в сторону пятками, и таким образом очень скоро исчезают

в земле, которая за ними засыпается. Следовательно, они, собственно, не живут в норах, так как за ними не остается никакого отверстия, а вполне покрыты землей. При восходе солнца они зарываются в землю там, где их застает утро. По своим движениям чесночница гораздо проворнее жаб и более их похожа на лягушку. Она скачет, делая относительно большие прыжки, быстро и ловко плавает и гораздо искуснее жаб зарывается в песок и ил. Пища ее состоит главным образом из насекомых, особенно из жуков и пауков*.

** По данным некоторых исследователей, чесночницы за пять часов ночной кормежки обследуют территорию площадью около 200 м². Увеличение степени их ночной активности часто коррелирует с повышением влажности воздуха. В брачный период чесночницы обычно не питаются, хотя иногда в их желудках можно обнаружить водных клопов и личинок стрекоз.*

Из европейских земноводных чесночница мечет икру раньше всех, при сколько-нибудь сносной погоде — в начале апреля, а при дурной погоде в середине этого месяца. Только в это время оба пола держатся в воде, но редко более одной недели; они высовывают головы из воды и издадут звук, похожий на клохтанье, причем самка прибавляет к этому глухое хрюканье. Однако эти неприятные звуки не единственные, которые они могут издавать: если их схватить клещами за ногу, то они жалобно кричат, мяукая как котята. При спаривании самец принимает положение, очень редко встречающееся у земноводных: он схватывает самку за бедра. Яйца выходят толстыми шнурами в полметра длины; икринки в слизи лежат несколькими рядами или кучками; они поддерживаются время от времени лапками самца, оплодотворяются, а затем прикрепляются к траве, камышу и другим водным растениям около берега.

5-6 дней спустя из яиц вылупляются сначала совершенно черные головастики, имеющие около 4 мм длины; они плавают кучками; на 7-й день их жизни у них образуется плавник на хвосте, а на 9-й появляются бахромистые жаберы. На 18-й день они расходятся в разные стороны, в это время теряют свои наружные жаберы и делаются очень осторожными. На 9-й неделе у них вырастают задние ножки, три недели спустя и передние; головастики линяют и в начале 4 месяца своей жизни вылезают из воды с небольшим тупым хвостиком, который, однако, скоро исчезает. С этих пор они живут на суше, как родители, пока не достигнут половой зрелости.

Головастики чесночницы, как это было уже известно Розелю, из всех средневропейских земноводных достигают наибольшей величины: при хороших условиях они имеют 10-12, даже 17,5 см длины. Так как взрослое животное увидеть трудно, то по этим необыкновенно большим головастикам можно узнать о присутствии чесночницы в известной местности. Могут ли эти головастики перезимовать на открытом воздухе, до последнего времени было неизвестно: ни Лейдиг, ни Кох не могли найти весной таких перезимовавших головастиков. Ныне мы узнали от Пфлюгера, что часть головастиков зимует в воде и что количество их зависит от температуры и зимы и других климатических условий местности**.

** * Как правило, развитие головастиков чесночниц длится 2—4,5 месяца. Огромное их количество в это время гибнет от пересыхания водоемов и зимних морозов, так что лишь 1 % развивающихся икринок доживает до сеголеток.*

Неполное приспособление строения этого животного к германскому климату заставило вышеупомянутого натуралиста предположить, что чесночница переселилась с Юга в Германию лишь после ледникового периода.

Чесночницы при некотором уходе очень хорошо уживаются в неволе, но требуют много жирной пищи, так как в прожорливости не уступают другим лягушкам. Лейдиг считает их пугливыми, терпеливыми и добродушными созданиями. Если они в неволе не могут зарыться в землю, то днем бывают ленивы и сонливы. Положение спящей лягушки очень странно: она держится как можно прямее на передних ногах, причем глаза не выпячены, а втянуты в глубину и закрыты, так что она становится похожа на изваяние индейского божества.

Семейство круглоязычные

Последним семейством подвижногрудых лягушек считаются круглоязычные. Они отличаются подвижным плечевым поясом, присутствием зубов на верхней челюсти, расширенными поперечными отростками крестцового позвонка, и особенно короткими ребрами, которые прикрепляются к передним поперечным отросткам спинных позвонков. Тела позвонков у видов этого семейства сзади вдавлены, и этим точно так, как присутствием ребер, они приближаются к хвостатым гадам. Головастики кругло-язычных отличаются от всех язычных лягушек тем, что дыхательное горло у них лежит не на левой стороне, а посреди груди. Ныне известны 4 рода с 7 видами этих лягушек, которые живут в северной области Старого Света и в Новой Зеландии*.

* *Круглоязычные сейчас включают 18 видов и 4 рода: обитают в Европе, Северной Африке, Турции, на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии (до Калимантана и Филиппин).*

Из этой группы лягушек в Германии встречаются **жерлянки** (*Bombina*), которые отличаются отсутствием барабанной перепонки и вообще очень недоразвитым ухом, дисковидным языком, прикрепленным к коже рта всей своей нижней поверхностью, сильно расширенными поперечными отростками крестцового позвонка, седалищными костями, соединенными с крестцовой костью посредством сустава и треугольными зрочками. Пальцы передних конечностей свободны, а на задних соединены плавательными перепонками. На сошнике находятся два близко сидящих пучка зубов. В средней Европе живут два различных вида этих лягушек; третий вид встречается очень далеко от нас, в северо-восточном Китае.

Когда поэт Бюргер захотел дать понятие о всееляющем ужас пении привидений, то не нашел ничего лучшего, как сравнить это пение с голосом жерлянок, как будто он сам слышал неприятный крик этих животных. Однако гораздо вероятнее, что он выразил не собственное впечатление, а суеверный взгляд народа, который соединяет с понятием о жерлянке и ее образе жизни всевозможные ужасы; почему? — это никому неизвестно! Действительно, жерлянки чаще всего населяют водные пространства пустынных, малодоступных и потому страшных топей, и голос их нельзя назвать веселым, как голос лягушки, а скорее меланхолическим и печальным. Все-таки ни один человек, который потрудился сам наблюдать этих красивых и ярко окрашенных животных, не станет разделять суеверных воззрений народа; никто также, находясь на твердой земле и слыша их тихий, но благозвучный голос, не назовет его неприятным. Так как только в последние годы получены более обстоятельные сведения о видах жерлянок, живущих в Германии, то мы считаем нужным сначала описать отличительные признаки этих двух видов и обозначить область их распространения, а затем дать общую картину их образа жизни. Обе жерлянки живут почти постоянно в воде.

Желтобрюхая жерлянка (*Bombina variegata*) имеет короткое туловище и короткую округленную морду, пальцы толсты и бородавки на теле больше. Голень у нее длиннее лапы. У самца замечаются на нижней стороне второго и третьего пальцев черные щеточки, имеющие значение при спаривании, горлового мешка у него нет. Спина темно-желтовато-серая с металлическим блеском и без черных пятен, брюшко лимонно-желтое или оранжевое с синевато-серыми или черноватыми пятнами; кончики пальцев, особенно на задних конечностях, всегда желтые. Длина доходит до 4,5 см. Этот вид распространяется от Франции, где он встречается около Изеры и в Арденнских горах, через Бельгию, Голландию, Германию, Савойю, Швейцарию, Тироль, верхнюю и среднюю Италию, Штирию, Австрию, Далмацию, Черногорию, Венгрию, Трансильванию и Румынию.

Желтобрюхая жерлянка (*Bombina variegata*)

По исследованиям Вольтерсдорфа, вид этот живет исключительно в холмистых местностях и на низких горах*; это единственная жерлянка, встречающаяся в западной и южной Германии.

** В настоящее время встретить желтобрюхую жерлянку можно на пойменных лугах, в самых разнообразных стоячих и проточных водоемах. Она обживает даже лужи, вода которых насыщена сероводородом и солями. Ее можно увидеть как в кристально чистых озерцах, так и в грязных прудах с навозом около животноводческих ферм.*

В Швейцарии она поднимается до 1200 м, а в Тироле-до 1500 м над уровнем моря.

Краснобрюхая жерлянка (*Bombina bombina*) более стройного телосложения, морда несколько вытянута и острее, пальцы длиннее и тоньше, бородавки отчасти расположены в правильные ряды и черного цвета; голень короче лапы. У самца нет щеточек на концах пальцев, а на горле замечаются два, не вполне развитые мешка, которые, впрочем, не имеют отверстий ни снаружи ни в полости рта. Спина серовато-черная с черными пятнами и с двумя темно-зелеными между плечами; брюшко синевато-черное с белыми точками и большими оранжево-красными пятнами; кончики пальцев черные. Длина также достигает 4,5 см.

Этот вид живет в южной Швеции, Дании, Германии, Богемии, нижней Австрии, Венгрии, Трансильвании, Румынии и средней Европейской России, доходя на севере до 5,6 градусов северной широты, но на востоке не переходит за Урал.

По мнению Вольтерсдорфа, краснобрюхая жерлянка живет преимущественно на равнинах и вместе с предыдущим видом не встречается; однако там, где области распространения обоих видов близко подходят друг к другу, например в Тюрингии и Саксонии, там может случиться, что в низких местах живет краснобрюхая жерлянка, а по соседству, на высотах — желтобрюхая.

Краснобрюхая жерлянка (*Bombina bombina*)

Жерлянки держатся как в небольших канавах, так и в обширных болотах и топях, краснобрюхая — в равнинах, а желтобрюхая — на горах до 1500 м высоты. Как настоящие водяные лягушки, они все лето живут в лужах, прудах, канавах и болотах, и только осенью они некоторое время проводят на суше, где ловко прыгают с помощью своих относительно длинных задних конечностей. Обыкновенно они сидят в воде, на некотором расстоянии от берега, высунув верхнюю часть головы, причем к вечеру усердно занимаются уканьем, а при малейшей опасности быстро ныряют в воду и зарываются в ил. Если стоять совсем тихо и не двигаться, то можно заметить, что жерлянка в скором времени снова показывается, принимает прежнее положение, осматривается кругом своими золотистыми глазками и снова начинает голосить. Так как это ночные животные, то голос их слышен только к вечеру и раздается в течение всей ночи. Его никак нельзя назвать неприятным, но он утомляет своим однообразием. Отдельные звуки можно передать слогами «ку-уу», которые несколько похожи на звон стеклянных колокольчиков; голос этот довольно слабый, и его можно слышать лишь три или четыре раза в минуту, но все самцы кричат вместе, отчего и происходит уканье, слышное в течение всей ночи. Самки во время размножения блеют совсем тихо.

Хотя жерлянки не могут сравниться по проворству с обыкновенными лягушками, но все же они в воде двигаются легко, хорошо плавают и еще лучше лягушек умеют прятаться в иле. По земле они прыгают быстро следующими друг за другом скачками, причем подвигаются вперед довольно скоро. Главным отличительным свойством их, по-видимому, может считаться необыкновенная пугливость. Они только в случае крайней нужды держатся в чистой воде и решительно предпочитают воду, покрытую ряской, грязную глинистую лужу на дурных дорогах, а также маленькие пруды заброшенных каменоломен. Причина этого понятна, так как в грязной воде и под ряской их трудно заметить даже зоркому наблюдателю. Если их не пугать, то в справедливости вышесказанного можно убедиться собственным наблюдением. Слабый голос их не дает возможности правильно судить о расстояниях, и часто долго и напрасно всматриваешься, пока наконец с некоторым удивлением не заметишь очень близко торчащую головку между ряской на таком месте, которое только что внимательно осматривал. На земле они стараются скрыться от взоров противника посредством хитрости: если они не могут скоро достигнуть воды, то прижимаются к земле и их желтоватая и сероватая окраска совершенно сливается с цветом почвы. Если их тогда потревожить, то по крайней мере желтобрюхая жерлянка откидывает голову назад и скрещивает передние конечности над согнутой спиной, так что видно все брюшко, и животное выглядит совсем иначе. В этом странном положении они остаются несколько минут сряду, пока, по их мнению, не минует опасность*; после этого они снова приходят в движение.

* Кроме того, иногда жерлянки переворачиваются на спину, показывая неприятелю яркую пятнистую окраску, предупреждающую об их несъедобности. Данное поведение называют

«рефлексом жерлянки» («Unken-reflex»), хотя встречается оно и у других бесхвостых земноводных.

Во время сильного испуга из покрытой бородавками спины и верхних частей ребер у них выделяется пена, похожая на мыльную; пена эта, как и у большинства сходных видов, имеет острое свойство и во всяком случае более ядовита, чем выделение обыкновенной жабы**.

* * Мылкие белые кожные выделения жерлянок действительно ядовиты. Введенный под кожу лягушки токсин жерлянок приводит к оцепенению, расширению зрачков, параличу мышц, нарушению дыхания и остановке сердца. У человека он может вызвать лишь раздражение слизистой оболочки органов, жжение, озноб и головную боль. Выделенный в начале века М. Прошером ядовитый секрет жерлянок был назван фринолизином. Позднее удалось установить, что он представляет собой смесь веществ: буфотенина и буфотенидина, гемолитического белка (вызывающего разрушение эритроцитов крови) и полипептида бомбезина, состоящего из 14 аминокислот. Бомбезин стимулирует образование гастрина, усиливает секреторную функцию желез желудка и поджелудочной железы. Любопытно, что бомбезин обнаружен в мозге и вегетативной нервной системе млекопитающих, где он отвечает за регуляцию деятельности пищеварительных желез.

Жерлянка питается насекомыми, улитками и маленькими червями, следовательно она принадлежит к вполне безвредным и даже полезным животным.

Желтобрюхая жерлянка принадлежит к числу земноводных, которые поздно прячутся в свои зимние убежища, причем время это зависит, по словам Лейдига, не только от температур осени, но также от сухости или дождливости всего года. В сухие годы жерлянка зарывается в землю уже в конце сентября, а после дождливого лета в середине октября ее еще можно найти в лужах.

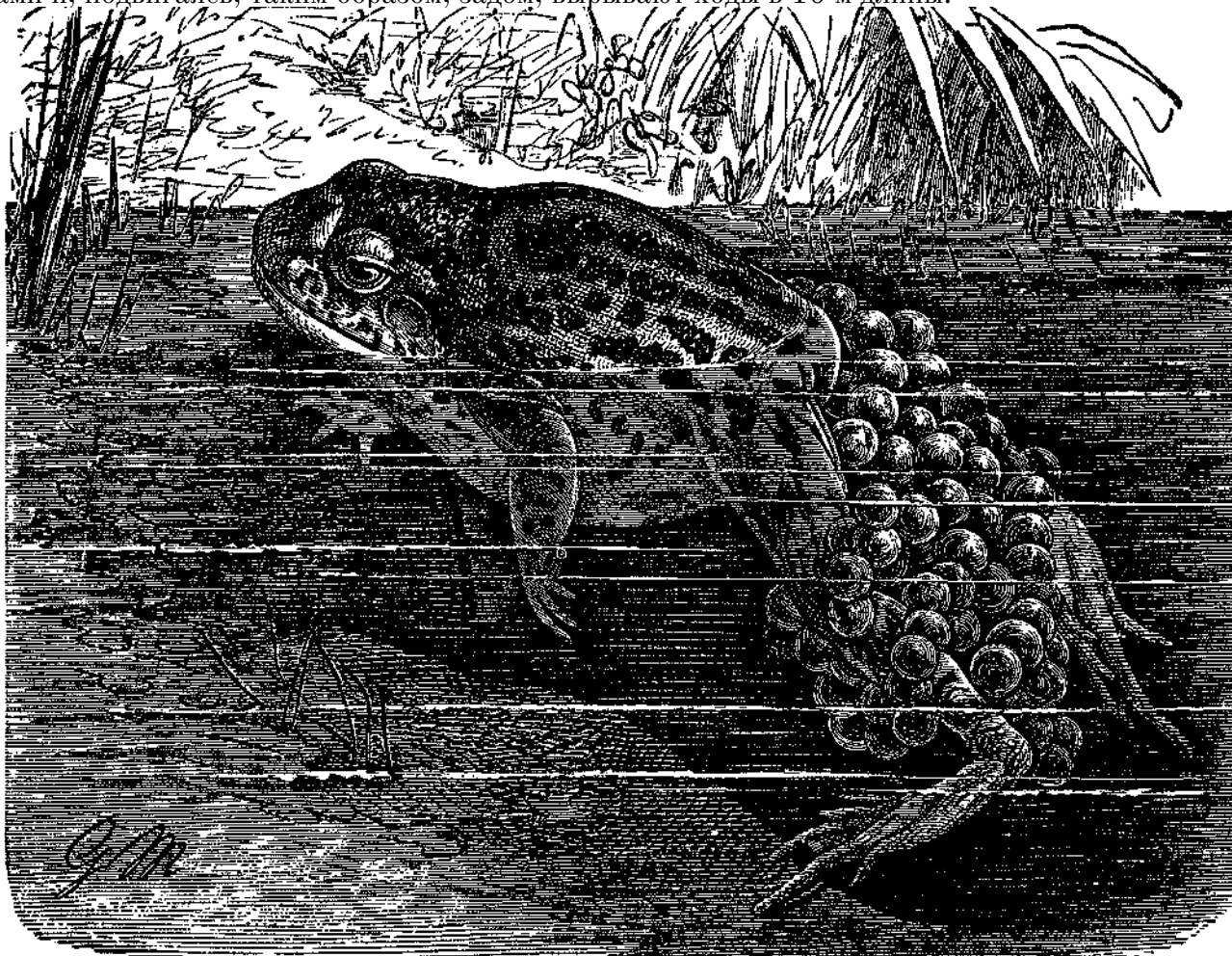
Они делаются способными к размножению только на третьем году своей жизни. Число самок больше, чем число самцов. Первых жерлянок, проснувшихся от зимнего сна, встречают с середины до конца апреля. Желтобрюхие жерлянки спариваются в мае, краснобрюхие же — в июне, причем перед настоящим спариванием происходят предварительные попытки. Самец обнимает самку под бедра и оплодотворяет каждую массу выходящей икры, затем он бросает самку и больше не заботится ни о ней, ни о яйцах. Икра бывает часто прикреплена к завядшим листьям водяных растений; она лежит на дне пруда и в теплое время года развивается довольно быстро. Головастики виден уже на пятый день, на девятый день он покидает яйцо; в конце сентября или в начале октября уже развиваются ноги, а хвост и жабры исчезают; но уже несколько дней перед тем молодые животные выходят на короткое время на землю или держатся у самого края воды. Фишер-Зигварт наблюдал, что полное развитие желтобрюхой жерлянки продолжается 67 дней. Головастики жерлянок, которых держал Гредлер в своем аквариуме, питались тем, что слизывали водоросли и ил со стеклянных стенок аквариума так, как это делают водяные улитки. «Следует предположить, — говорит вышеупомянутый натуралист, — что головастики не едят высших растений, имеющих более твердые листья, но я думаю, что они питаются низшими водорослями; они глотают их только ради прилипших к ним инфузорий или кружалок; может быть, впрочем, они питаются этими растительными веществами только тогда, когда не могут добыть себе съедобной животной пищи». Головастики желтобрюхой жерлянки, по наблюдению Лейдига, достигают, при хороших условиях, значительной величины, причем хвост их окружен широким плавником. В Сарнтале, около Боцена, Лейдиг в конце сентября находил головастиков такой величины, что они почти достигали размеров головастиков чесночницы. Животные эти жили в луже, где вовсе не было растений и которая содержала только густую красноватую порфиновую глину: головастики, вероятно, питались микроскопическими животными и растениями, находящимися в этой глине.

Жерлянки долго проживают в неволе; это невзыскательные животные и почти так же приятны, как квакши. Поздно осенью они прячутся в разные уголки и предаются до самой весны зимней спячке.

Второй род круглоязычных лягушек образуют **жабы-повитухи** (Alytes), которые отличаются заметной барабанной перепонкой, зрачком, имеющим вид поперечной щели, и не очень сильно расширенными поперечными отростками крестцового позвонка. Животные эти похожи на жаб, туловище у них толстое, конечности сильные, на передних находятся по четыре, а на задних по пять пальцев, причем последние соединены толстой плавательной перепонкой; кожа у них покрыта железистыми бородавками, а язык толстый, имеет форму диска и основанием прирос к коже рта. Зубы на сошнике образуют за внутренними носовыми отверстиями поперечный ряд, прерванный посередине. Повитухи живут только в западной Европе.

В Германии водится **повитуха обыкновенная** (*Alytes obstetricans*), небольшое животное длиной в 3,5-4,5, а самое большее 5 см длины; верхняя часть тела синевато-пепельно-серая, а нижняя сторона светло-серая; бородавки отчасти темные, даже черные, но от глаза до задних ног тянется линия беловатых бородавок.

По собранным до сих пор наблюдениям, повитуха встречается только в средней Европе. Она обыкновенна в Португалии, Испании и Франции, особенно в окрестностях Парижа, но ее находят также в Бельгии, западной Германии и Швейцарии. Она живет в норках, в тенистых местах, в заброшенных каменоломнях, около маленьких ручейков, под камнями, под корнями деревьев и виноградных лоз и просто в углублениях земли. Агассис нашел около Нейенбурга на полуметровой глубине, в небольшой пещере, окруженной моргелем, 30 штук повитух, причем он не мог найти выхода из этой норы; вследствие этого он, вероятно справедливо, предполагает, что повитухи умеют рыть землю лучше своих родичей. Чуди также говорит об их удивительной способности рыть землю, несмотря на то что ноги их, по-видимому, к этому вовсе не приспособлены; они роют всегда задними ногами и, подвигаясь, таким образом, задом, вырывают ходы в 10 м длины.

Обыкновенная повитуха (*Alytes obstetricans*)

Он говорит также, что в случае сильного раздражения повитуха точно так, как желтобрюхая жерлянка, выгибает тело дугой назад и прикрывает передними ногами глаза. Иногда ее видишь в небольших открытых норах, где она сидит около выхода, обычно вечером при дождливой погоде и почти всегда вблизи воды. Движения ее медленны и неуклюжи, как у обыкновенной жабы, а голос приятный и похож на звон маленького стеклянного колокольчика. Жабу эту совершенно справедливо называют повитухой. Демур еще в 1778 году сообщил Французской академии наук свои наблюдения о размножении этой жабы; наблюдения эти вызвали большое удивление и впоследствии были вполне подтверждены Брониаром и Агассисом. Брониар нашел в парижском Jardin des plantes двух спарившихся жаб, причем самец сидел на спине самки; с большим удивлением натуралист заметил, что самец схватывал шнурок икры двумя средними пальцами задних ног, вытягивал их и таким образом вытаскивал икру; он действовал попеременно обеими ногами до тех пор, пока не вытащил всю икру. Оплодотворив эти яйца, самец обвертывал шнурки икры около своих бедер, образуя ими цифру восемь и в течение многих дней таскал с собой этот комок икры. Слизь, окружающая икру, высыхает, так что икринки расположены как бы в канале, на расстоянии друг от друга

около 1 см; между ними канал ссыхается и похож на нитку. По словам Агассиса, яйца сначала маленькие и по цвету похожи на яичный желток; на каждом из них замечаются две черные точки, как будто они проколоты иголкой. Самец с будущим потомством зарывается в землю и там остается несколько дней, пока яйца не достигнут известной степени развития. Желтизна яиц делается темнее и скоро переходит в желтовато-бурый цвет; на третий день уже можно отличить у зародыша голову, туловище и хвост, затем движения его делаются живее и можно видеть биение сердца и движение жабр. На одиннадцатый день развитие подвинулось настолько вперед, что чадолюбивый отец может освободиться от своей ноши. Для этого он отправляется в воду и там плавает и ползает быстрее, чем обыкновенно, что, вероятно, и способствует вылуплению детенышей. Освободившись от головастика, он сдирает со своих ног яичные оболочки и снова отправляется на сушу, не заботясь более о судьбе головастика. Последние по форме мало отличаются от головастика других лягушек, и развитие их идет вполне правильно. По наблюдениям Брунка, детенышей этой жабы можно сохранить в состоянии головастика в течение 2,5 года, даже в теплом помещении и давая им возможность выходить на сушу, если только кормить их одними водорослями; пища эта достаточна для сохранения жизни, но не дает им тех веществ, которые необходимы при усиленном обмене их при полном превращении.

После молчания, продолжающегося около 6 месяцев, самцы повитухи подают голос в последних числах февраля, и крик их после этого можно слышать в течение 6 месяцев, до конца августа. Сначала они голосят тихо и изредка, но скоро пение их делается громче и почти не прерывается. В это время, по крайней мере в окрестностях Нанта, начинается кладка яиц, и весной их кладется больше, чем впоследствии. Настоящее время кладки длится от марта до июня, так как от марта до августа чаще всего встречаются самцы с пучками яиц, а от июня до сентября находят головастики в различных стадиях развития. В Германии, по наблюдениям Мейлсхеймера, метание икры происходит всегда в мае. Здесь яйца появляются разом, в виде двух четкообразных шнуров. Каждый из них имеет от 80 до 170 см длины, но их можно, не разрывая, вытянуть до двойной длины. Икринки лежат на расстоянии от 4-7 см друг от друга, и число их колеблется между 18 и 54. Яичники заключают в себе 120-150 икринок, которые достигают полного развития в течение одного года.

Фишер-Зигварт делал наблюдения над жизнью жабы-повитухи в неволе. Она предпочитает южные склоны и избегает как слишком сырых, так и слишком сухих местностей. За добычей она выходит только ночью и для ловли насекомых делает себе ямки в земле вроде муравьиного льва. Движения ее проворны и решительны, и по своему нраву она походит на лягушку и квакшу. Только самцы подают голос; в течение 5 секунд слышишь 8 тонов. Головастики, вышедшие из яиц 6 июня, уже не имели наружных жабр и для своего развития требовали очень мало воды. Сначала головастики имели 16-17 мм длины, но через 8 дней они достигли 32 мм, в октябре — 55, в марте следующего года — 65, а 11 мая — 76 мм длины. От этого времени до 8 июня произошло окончательное превращение головастика в лягушку с четырьмя ногами. Из того, что развитие головастика продолжалось более года, Фишер-Зигварт заключает, что в Швейцарии головастик зимует и, следовательно, превращение здесь постоянно происходит в течение двух лет; Пфлюгер в 1883 году доказал то же самое и относительно Германии.

Во время метания икры самцы, которых, по словам Чуди, больше, чем самок, сильно ссорятся из-за последних. Однажды де Лиль видел четырех самцов, прилепившихся к одной самке. Те из самцов, которые не находят места на спине самки, прицепляются к бокам ее, а если их сбросит соперник, то они, немного поскакав, снова начинают нападения. Самый ловкий самец обнимает самку тем же способом, как это делают другие лягушки, и начинает сильно тереть ее около заднего прохода своими ногами, причем часто большой палец всовывается в начало клоаки. После того как эти движения продолжались около получаса, самец внезапно сжимает брюшко самки и этим заставляет ее выпустить шнур икры. Он складывает ноги, чтобы дать место икре и оплодотворяет ее тотчас после появления.

Де Лиль подробным образом описывает, как самец различными и не всегда одинаковыми движениями ног сжимает шнуры икры, лежащей на его пятках, приподнимает их до крестца, удобно укладывает и затем со своей ношей удаляется, что происходит по прошествии около часа от начала спаривания*.

** Детальные исследования показали, что икринки повитух хорошо приспособлены к сухопутному существованию. Их оболочки состоят из нескольких слоев, ветвящиеся и изгибающиеся волокна которых расположены под прямым углом по отношению друг к другу. Такая прочная на ощупь икринка защищена не только от высыхания, но и от механических повреждений.*

дении. Даже брошенные самцом кладки на сырой земле способны обходиться без воды в течение месяца.

Разбивающиеся в них личинки скучиваются (сохраняя таким образом влагу), их кожа быстро становится толще, обильно ослизняется, и вскоре формируются легкие. Если оставленных самцом на суше личинок поместить в воду, по их развитие идет по «ускоренной программе» и порой головастики вырастают очень крупными. В определенных условиях (затемнение, низкая температура) период развития личинок удлиняется и перед метаморфозом длина их тела, более чем в 1,7 раза превышает размеры взрослых животных. Если спаривающихся особей поместить в воду, то самец не будет наматывать кладку на бедра, а оставит ее в воде. Развитие икринок длится от трех до семи недель. Некоторые головастики способны перезимовывать и развиваться в течение нескольких лет (в горах Пиренейского полуострова — до 20 лет).

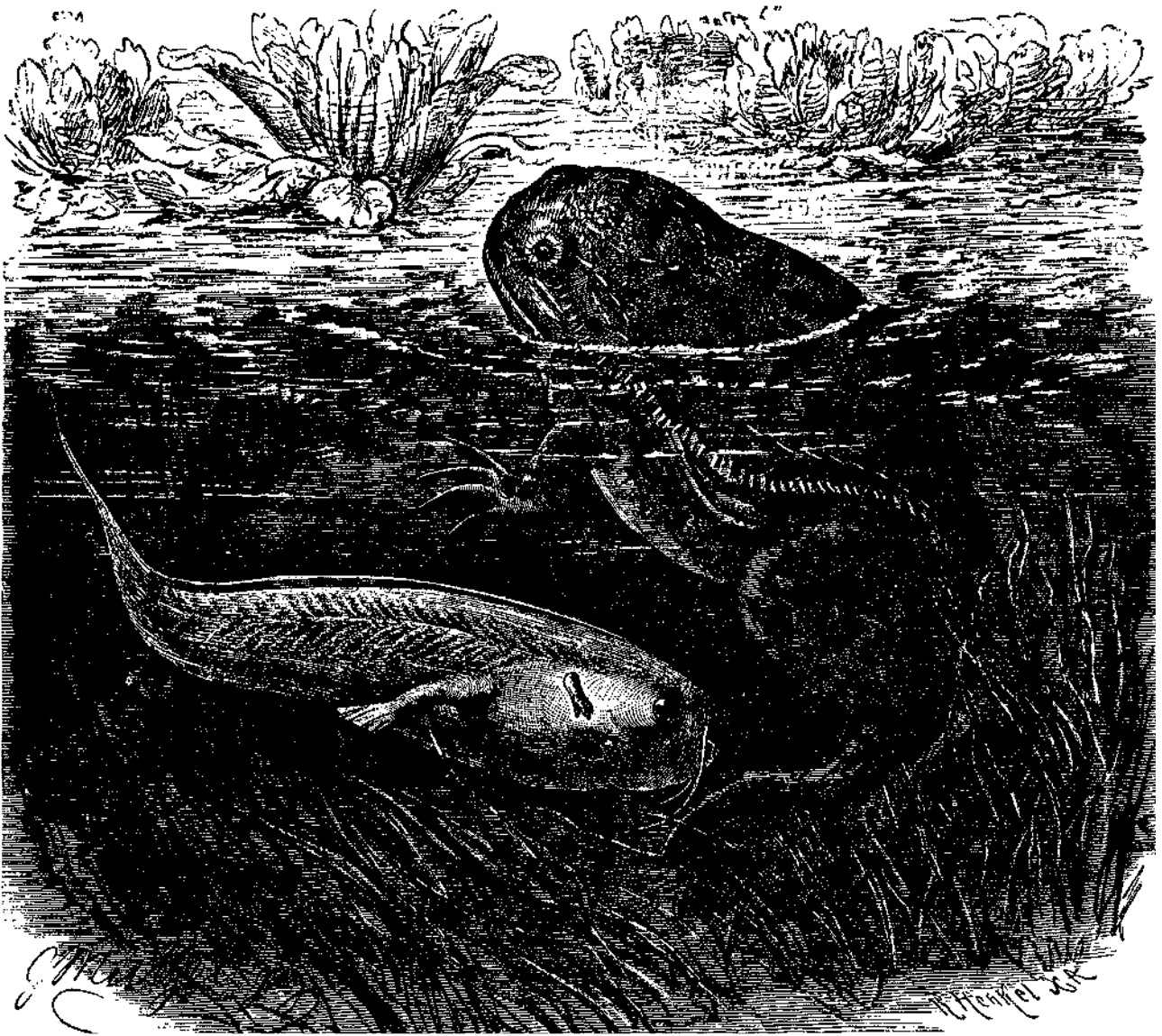
В противоположность мнению прежних наблюдателей, де Лиль утверждает, что самец вовсе не прячется под землей, а странствует вместе со своей ношей на спине и сообщает яйцам необходимую сырость, оставаясь некоторое время в росистой траве. Ноша его нисколько не мешает ему бегать и прыгать, он по обыкновению ловит добычу и исполняет разные другие необходимые дела. Там, где много повитух, самец освобождает двух и даже трех самок от икры и носит с собой всю эту массу. Де Лиль часто находил самцов, которые ссорились из-за самок, и замечал, что оба они уже имели на спине шнуры с икрой, а некоторые даже от двух самок. По исследованиям Лейдига, в яйце повитухи, точно так как в яйце живородящих саламандр, ясно заметен желточный мешок, а головастики отличаются большой длиной своих наружных жабр. Развитие зародыша в значительной степени зависит от погоды и потому продолжается различное время, именно от 3 до 7 недель. Между 4 и 6 днем замечают первые признаки скелета; между 7 и 9 на тех местах, где должны быть жабры, появляются вздутия; между 9 и 13 днем жабры бывают уже развиты, и около 17 дня зародыши уже могут вылупиться из яйца. Когда наступает это время, о чем отец узнает, вероятно, по движениям зародышей, он отправляется в воду, и головастики чрезвычайно быстро в течение нескольких минут вылезают из яичных оболочек, которые они разрывают несколькими взмахами хвостика, и начинают свободно плавать в воде, что продолжается до их полного развития. Более взрослые головастики отличаются, по словам Коха, большими и ясно очерченными каштаново-бурыми пятнами на спине и боках. Самец сбрасывает с себя пустые оболочки яиц и проводит остальную часть лета, как прочие лягушки. Лейдиг рассказывает следующее о самце, у которого отняли шнур с яйцами. «Нежное и добродушное животное не издавало в неволе ни одного звука, охотно сидело на теплой руке и вовсе не беспокоилось, как это делают другие лягушки при подобных обстоятельствах. Но как только он замечал, что я хочу перерезать нити, прикрепляющие шнуры икры к его ногам, то он приходил в возбуждение, производил движения для защиты и издавал своеобразные квакающие звуки. Следует еще заметить, что если внезапно выкопать жабу-повитуху из земли, то она издает резкий звук».

Семейство пиповые

Вторая группа бесхвостых амфибий, безъязычные, — семейство пиповые, отличается от первой не только отсутствием языка, но также соединением внутренних ушных отверстий, так называемых евстахиевых труб, в одно отверстие, помещающееся на зеве. У всех относящихся сюда лягушек ребер не бывает; тела позвонков на задней стороне имеют выемки, поперечные отростки третьего и четвертого позвонков необыкновенно удлинены, а отростки крестцового позвонка сильно расширены и так срослись с седалищной костью, что боковые движения хребетного столба делаются невозможными. Головастики этой группы имеют в противоположность головастикам язычных лягушек две дыхательные трубки, по одной на каждой стороне тела.

Виды **рода шпорцевых лягушек** (*Xenopus*) живут в тропической Африке. Это гладкие животные, несколько напоминающие наших обыкновенных лягушек, с маленькой головой и короткой, округленной мордой; ноздри у них расположены на верхней части морды, глаза маленькие, с круглым зрачком, верхнее веко имеет вид небольшой кожистой складки, барабанной перепонки незаметно, пальцы передних ног длинные, свободные, на задних ногах они соединены плавательной перепонкой; первые три пальца задних ног вооружены очень острыми черными когтями.

Самый известный из трех видов рода — **гладкая шпорцевая лягушка** (*Xenopus laevis*), которая встречается во всей тропической Африке до мыса Доброй Надежды.

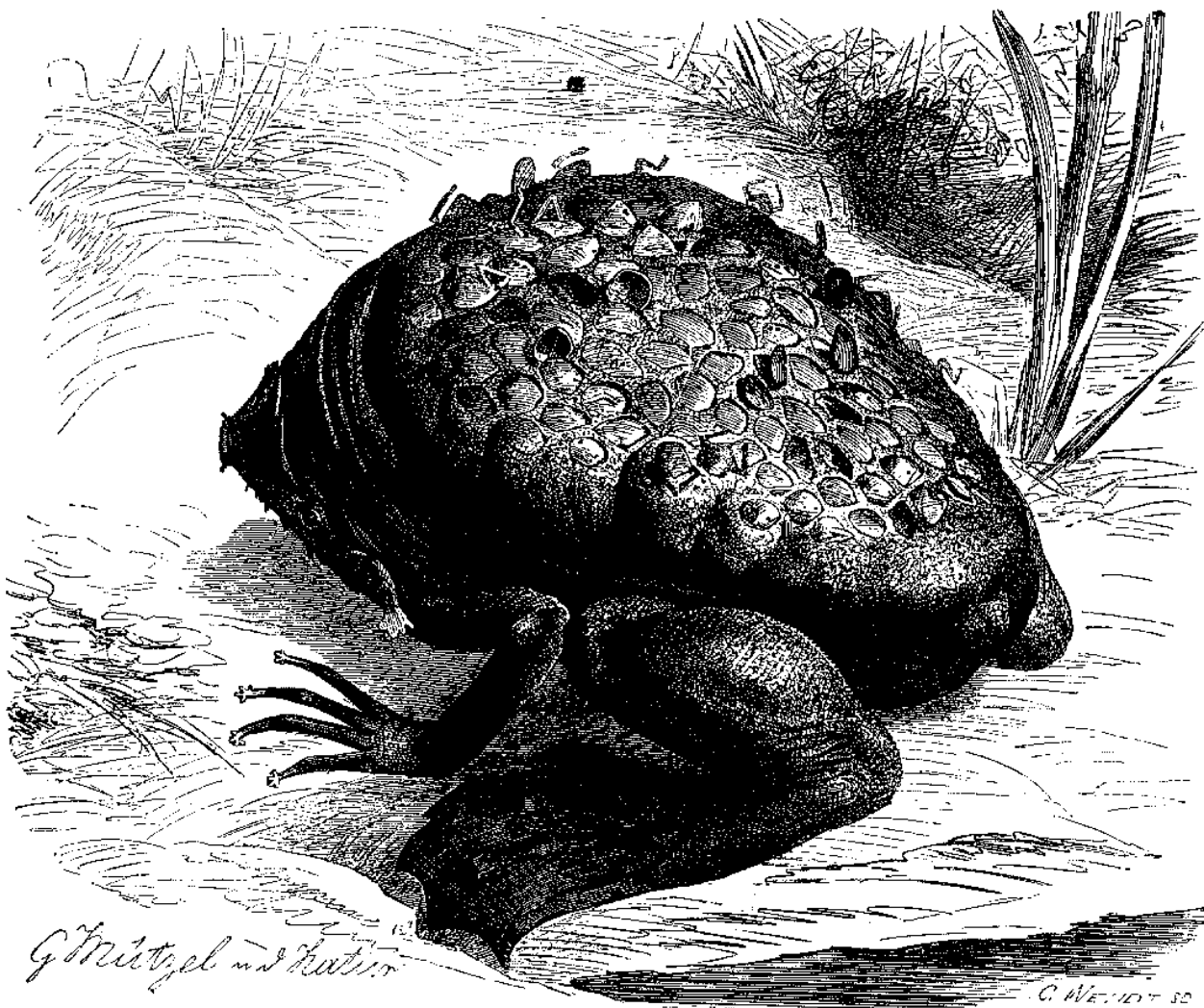
Гладкая шпорцевая лягушка (*Xenopus laevis*) и ее головастик

Она отличается короткими щупальцами под глазами, напоминающими щупальца веретениц, на запястье нет шпорцы, кругом тела расположены маленькие трубчатые образования, ясно выделяющиеся на гладкой коже; самки, кроме того, отличаются тремя кожистыми клапанами, закрывающими задний проход. Это странное животное сверху темно-бурое, снизу беловатое, иногда с бурыми пятнами.

Во время размножения самец, как нам сообщает Буланже, имеет на всех передних пальцах особые щеточки в виде черных полосок. По наблюдениям Лесли, шпорцевая лягушка живет всегда в воде; она схватывает и глотает свою добычу только под водой, помогая при этом себе передними конечностями. Спаривание происходит в августе, причем животные принимают то положение, которое мы описали у чесночниц. Яйца выходят поодиночке, и клапаны, находящиеся около заднего прохода самки, не служат для сохранения семени самца, как прежде думали. Вылупляющиеся из яиц головастики уже не имеют наружных жабр; на третий день у них развиваются два длинных усика около углов рта, но во все время развития у головастика незаметно ни зубов, ни роговых пластинок, ни присасывательных бородавок кругом рта. Из этого видно, что по спариванию и метанию икры шпорцевая лягушка похожа на бесхвостых земноводных, именно на круглоязычных и чесночниц, между тем как по внешнему виду и строению головастика она похожа на хвостатых земноводных. Лесли не слышал от этой лягушки никакого звука, кроме тихого «тик, тик», которое она издает под водой.

Девушка Сибилла Мериан в своем сочинении о суринамских насекомых, изданном в 1705 году, описала животное, похожее на жабу, отличающееся в высшей степени странным способом размножения. С тех пор это животное было исследовано самым подробным образом, но все эти исследования, к сожалению, производились над животными, сохраненными в спирту, а не над живыми, так что до сих пор мы не можем похвастаться тем, что хорошо знакомы с образом жизни этой амфибии.

Пипа суринамская (*Pipa pipa*) отличается безобразным, почти четырехугольным и плоским туловищем, треугольной, к морде заостряющейся головой, которая не отделена от туловища, и тонкими передними ногами. Пальцы передних ног на конце имеют несколько отростков, почему пипу и назвали «звездопалую» (*Asterodactylus*); задние ноги толще и довольно длинные, с длинными острыми пальцами, соединенными полными плавательными перепонками; у старых животных кожа на спине складчатая, а у старых самок даже ячеистая; перед глазами, по сторонам верхней челюсти замечаются одна или две пары щупалец, и около углов рта висит еще одна пара.

Пипа суринамская (*Pipa pipa*)

Безобразие животного увеличивают маленькие выпуклые глаза, расположенные близ челюстей и вовсе почти не могущие двигаться; у самца, кроме того, мы замечаем выпячивающуюся глотку, похожую на трехгранную, костяную коробку. Челюсти, как уже сказано, вовсе зубов не имеют, и языка также нет. Оба пола окрашены в темно-черно-бурый цвет; нижняя сторона тела светлее, иногда с белыми пятнами, иногда же с черной полоской посередине брюшка. Самка, говорят, достигает 20 см длины.

Если бы Шомбургк поборол свое сильное отвращение к жабам и внимательно наблюдал пипу, то, конечно, не довольствовался бы краткими словами: «...она встречается часто на берегу моря, особенно в канавах, окружающих плантации»; тогда мы бы имели подробное описание образа жизни этого удивительного животного*.

** В питании пипы, живущей в разных местообитаниях, выявлена интересная экологическая адаптация (приспособление) так называемая стратегия мусорщика. Передними конечностями она раскапывает грунт, поднимая таким образом в толщу воды ил и мелкие пищевые частицы. В результате она может использовать для питания и потенциально неподвижные мелкие кусочки пищи. В природе обычно питается мелкими рыбами и червями.*

Прежние путешественники рассказывают, что пипа живет в темных лесных болотах, медленно и неуклюже ползает по земле и распространяет пронзительный запах, похожий на запах горащей серы. Наблюдатели большей частью описывают странный способ размножения пипы, под-

тверждая сведения, сообщенные Сибиллой Мериан, и опровергая лишь ее ошибочное предположение, что молодые пипы рождаются на спине матери.

Размножение и развитие детенышей происходит в главных чертах следующим образом. Как и большинство других бесхвостых земноводных, пипы мечут икру в воде. Самец оплодотворяет яйца и намазывает икру на бородавчатую спину самки. Здесь находятся особые полости для развития детенышей, которые, как предполагают, расширяются вследствие раздражения, произведенного яйцами, и скоро получают форму шестигранных ячеек в сотах; они имеют даже крышечки. В каждой полости происходит превращение одной молодой пипы, которая под конец открывает крышку и высовывает голову или ногу, а впоследствии совсем покидает ячейку. Говорят, что 60 или 70 детенышей покидают спину матери спустя 28 дней после оплодотворения яиц; мать затем трется о камни, о растения, сбрасывает с себя старую кожу, и скоро после этого у нее вырастает новая.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗВЕРИ

Общий взгляд на жизнь животных
Отряд однопроходные

Семейство ехидновые
Семейство утконосовые

Отряд сумчатые

Семейство опоссумовые
Семейство хищные сумчатые
Семейство сумчатые муравьеды
Семейство сумчатые волки
Семейство бандикутовые
Семейство кускусовые
Семейство карликовые кускусы
Семейство сумчатые летяги
Семейство кенгуровые
Семейство коаловые
Семейство вомбатовые
Семейство хоботноголовые кускусы

Отряд неполнозубые

Семейство муравьедовые
Семейство ленивцевые
Семейство броненосцевые

Отряд насекомоядные

Семейство щелезубые
Семейство тенрековые
Семейство ежевые
Семейство землеройковые
Семейство прыгунчиковые
Семейство кротовые

Отряд шерстокрылы

Семейство шерстокрыловые

Отряд рукокрылые
Подотряд крыланы

Семейство крылановые

Подотряд летучие мыши

Семейство мышехвостовые
Семейство подковоносые
Семейство американские листоносы
Семейство вампировые

Семейство обыкновенных летучих мышей

Отряд приматы
Подотряд полуобезьяны

Семейство тупайевые
Семейство лемуровые
Семейство карликовые лемуры
Семейство индриевые
Семейство руконожковые
Семейство лориевые
Семейство галаговые
Семейство долгопятовые

Подотряд обезьяны

Семейство цепкохвостые
Семейство игрунковые
Семейство мартышковые
Семейство гиббоновые
Семейство человекообразные

Отряд хищные

Семейство волчьи, или псовые
Семейство медвежьи
Семейство енотовые
Семейство куньи
Семейство виверровые
Семейство гиеновые
Семейство кошачьи

Отряд ластоногие

Семейство ушастые тюлени
Семейство моржовые
Семейство тюленевые

Отряд китообразные
Подотряд зубатые киты

Семейство речные дельфины
Семейство дельфиновые
Семейство нарваловые
Семейство кашалотовые

Подотряд усатые киты

Семейство настоящие, или гладкие, киты
Семейство полосатиковые

Отряд сирены

Семейство ламантиновые
Семейство дюгоневые
Семейство морские коровы

Отряд хоботные

Семейство слоновые

Отряд непарнокопытные

Семейство лошадиные

Семейство тапировые

Семейство носороговые

Отряд даманы

Семейство дамановые

Отряд трубкозубые

Семейство трубкозубовые

Отряд парнокопытные

Подотряд нежвачные

Семейство свиные

Семейство пекариевые

Семейство бегемотовые

Подотряд жвачные

Семейство оленьковые

Семейство оленивые

Семейство жирафовые

Семейство вилороговые

Семейство полорогие

Отряд мозолоногие

Семейство верблюдовые

Отряд ящеры

Семейство ящеровые

Отряд грызуны

Семейство беличьи

Семейство гоферовые

Семейство бобровые

Семейство долгоногие

Семейство хомяковые

Семейство слепышовые

Семейство мышинные

Семейство соневые

Семейство тушканчиковые

Семейство дикобразовые

Семейство американские дикобразы

Семейство свинок

Семейство водосвинок

Семейство агутиевые
Семейство шиншилловые
Семейство нутриевые
Семейство восьмизубые
Семейство туко-туковые
Семейство тростниковые крысы
Семейство землекоповые

Отряд зайцеобразные

Семейство зайцевые
Семейство пищуховые

ПТИЦЫ

Общий взгляд на жизнь птиц
Отряд страусообразные

Семейство страусовые

Отряд нандуобразные

Семейство нандовые

Отряд казуарообразные

Семейство казуаровые

Семейство эму

Отряд кивиобразные

Семейство киви

Отряд тинаму

Семейство тинамовые

Отряд пингвинообразные

Семейство пингвиновые

Отряд гагарообразные

Семейство гагаровые

Отряд трубконосые

Семейство альбатросовые

Семейство буревестниковые

Семейство качурковые

Семейство ныряющие буревестники

Отряд пеликанообразные

Семейство фазтоновые

Семейство пеликановые

Семейство олушевые

Семейство баклановые

Семейство змеешейковые

Семейство фрегатовые

Отряд аистообразные

Семейство цаплевые

Семейство челноклювые

Семейство китоглавые

Семейство молотоглавые

Семейство аистовые
Семейство ибисовые

Отряд фламингообразные

Семейство фламинговые

Отряд пластинчатоклювые

Семейство паламедеи
Семейство утиные

Отряд хищные птицы

Семейство американские грифы
Семейство скопиные
Семейство ястребиные
Семейство секретари
Семейство соколиные
Семейство каракара

Отряд курообразные

Семейство краксы
Семейство сорные куры
Семейство Фазановые
Семейство индейковые
Семейство тетеревиные

Отряд журавлеобразные

Семейство трехперстковые
Семейство журавлиные
Семейство трубачи
Семейство пастушковые
Семейство лапчатонogieвые
Семейство кагу
Семейство солнечные цапли
Семейство сериемвые
Семейство дрофиные

Отряд поганкообразные

Семейство поганковые

Отряд ржанкообразные
Подотряд чайки

Семейство поморниковые
Семейство чайковые
Семейство крачковые
Семейство водорезовые

Подотряд чистиковые

Семейство чистиковые

Подотряд кулики

Семейство якановые
Семейство ржанковые
Семейство шилоклювые
Семейство кулики-сороки
Семейство бекасовые
Семейство тиркушковые
Семейство авдотковые

Отряд голубеобразные

Семейство рябковые
Семейство голубиные

Отряд попугаеобразные

Семейство попугаевые

Отряд кукушкообразные

Семейство тураковые
Семейство кукушковые

Отряд совообразные

Семейство сипуховые
Семейство настоящие совы

Отряд козодоеобразные

Семейство гуахаро
Семейство лягушкороты
Семейство исполинские козодои
Семейство совиные козодои
Семейство настоящие козодои

Отряд стрижеобразные

Семейство стрижи
Семейство хохлатые стрижи
Семейство колибри

Отряд птицы-мыши

Семейство птицы-мыши

Отряд трогонообразные

Семейство трогоновые

Отряд ракшеобразные

Семейство зимородковые
Семейство тодиевые
Семейство шурковые

Семейство куроловые
Семейство момотовые
Семейство сизоворонковые

Отряд удообразные

Семейство удообразные
Семейство древесные удообразные
Семейство птицы-носороги

Отряд дятлообразные

Семейство пуховковые
Семейство якамаровые
Семейство бородатковые
Семейство медоуказчиковые
Семейство тукановые
Семейство настоящие дятлы

Отряд воробьинообразные
Подотряд примитивные воробьиные

Семейство рогоклювые, или ширококлювые
Семейство питтовые
Семейство печниковые
Семейство малюры, или австралийские славки
Семейство муравьеловковые
Семейство тапаколовые
Семейство тиранновые
Семейство манакиновые
Семейство котинговые
Семейство траворезовые

Подотряд полупевчие

Семейство лирохвостовые

Подотряд певчие

Семейство жаворонковые
Семейство ласточковые
Семейство трясогузковые
Семейство личинкородные
Семейство бьюль-бюли
Семейство сорокопутовые
Семейство свиристелевые
Семейство оляпковые
Семейство крапивниковые
Семейство пересмешниковые
Семейство завирушковые
Семейство дроздовые
Семейство тимеливые
Семейство толстоклювые синицы
Семейство славковые
Семейство корольковые
Семейство мухоловковые

Семейство синицевые
Семейство поползневые
Семейство пищуховые
Семейство нектарницевые
Семейство медососовые
Семейство овсянковые
Семейство древесницевые
Семейство вьюрковые
Семейство ткачиковые
Семейство вьюрковые ткачики
Семейство трупяловые, или кассиковые
Семейство скворцовые
Семейство иволговые
Семейство гуйи
Семейство сорочьи жаворонки
Семейство флейтовые птицы
Семейство беседковые (шалашниковые)
Семейство райские птицы
Семейство врановые

РЕПТИЛИИ

Общий взгляд на жизнь пресмыкающихся или рептилий
Отряд крокодилы

Семейство гавиалы
Семейство настоящие крокодилы
Семейство аллигаторы

Отряд черепахи

Семейство кожистые черепахи
Семейство каймановые черепахи
Семейство иловые черепахи
Семейство большеголовые черепахи
Семейство пресноводные черепахи
Семейство сухопутные черепахи
Семейство морские черепахи
Семейство пеломедузовые
Семейство змеиношейные черепахи
Семейство трехкоготные черепахи

Отряд клювоголовые

Семейство клинозубые

Отряд чешуйчатые пресмыкающиеся
Подотряд ящерицы

Семейство гекконовые
Семейство чешуеноги
Семейство агамовые, или агамы
Семейство игуановые
Семейство поясохеосты
Семейство веретеницевые
Семейство ядозубы
Семейство вараны
Семейство американские вараны, или тейиды
Семейство настоящие ящерицы
Семейство сцинковые
Семейство хамелеоны

Подотряд змеи

Семейство ложноногие змеи
Семейство вальковатые змеи
Семейство ужеобразные
Семейство бородавчатые змеи
Семейство аспидовые змеи, или аспиды
Семейство морские змеи
Семейство плоскохвосты, или плоскохвостые морские змеи
Семейство гадюковые
Семейство гремучие, или ямкоголовые, змеи

Подотряд амфисбены или двуходки

Семейство двуноги

Семейство амфисбены

РЫБЫ

Общий взгляд на жизнь рыб
Класс головохордовые
Отряд ланцетникообразные

Семейство ланцетникообразные

Класс миксины
Отряд миксинообразные

Семейство миксиновые

Класс миноги
Отряд миногообразные

Семейство миноговые

Класс хрящевые рыбы
Отряд разнозубообразные

Семейство разнозубые

Отряд многожаберникообразные

Семейство плащеносные акулы

Отряд вобегонгообразные

Семейство китовые акулы

Отряд ламнообразные

Семейство лисьи акулы

Семейство сельдевые акулы

Семейство гигантские акулы

Отряд кархаринообразные

Семейство кошачьи акулы

Семейство куньи акулы

Семейство молотоголовые акулы

Отряд катранообразные

Семейство катрановые, или колючие, акулы

Отряд пилорылообразные

Семейство пилорылые скаты

Отряд скватинообразные

Семейство скватиновые, или плоскотелые акулы или морские ангелы

Отряд рохлеобразные

Семейство рохлеевые скаты

Отряд скатообразные

Семейство ромбовые скаты

Отряд хвостокколообразные

Семейство хвостоколовые. или скаты-хвостоколы

Семейство орляковые скаты

Семейство мантовые

Отряд гнусообразные, или электрические скаты

Семейство гнусовые, или электрические скаты

Класс слитночерепные, или цельноголовые

Отряд химерообразные

Семейство химеровые

Класс костные рыбы

Отряд рогозубообразные

Семейство рогозубовые

Отряд двулегочникообразные

Семейство чешуйчатниковые. или двулегочниковые

Отряд осетрообразные

Семейство осетровые

Семейство веслоносые

Отряд амиеобразные

Семейство амиевые

Отряд панцирничкообразные

Семейство панцирниковые

Отряд гоноринхообразные, или конорылообразные

Семейство гоноринковые, или конорылые

Семейство кнериевые

Отряд сельдеобразные

Семейство дорабовые

Семейство сельдевые

Семейство анчоусовые

Отряд лососеобразные

Семейство лососевые
Семейство сиговые
Семейство хариусовые
Семейство корюшковые
Семейство аплохитоновые
Семейство галаксиевые
Семейство Фотихтовые
Семейство меланостомиевые
Семейство гладкоголовые

Отряд щукообразные

Семейство щуковые

Отряд миктофообразные Отряд араванообразные

Семейство аравановые, или костноязыкие
Семейство пресноводные рыбы-бабочки
Семейство луноглазковые, или гиодоновые
Семейство нотоптеровые, или спинопёрые

Отряд клюворылообразные

Семейство мормировые, или клюворылые

Отряд угреобразные

Семейство угрёвые, или пресноводные угри
Семейство конгеровые, или морские угри
Семейство муреновые

Отряд спиношипообразные. или нотакантообразные

Отряд карпообразные

Семейство пираньевые
Семейство электрические угри
Семейство карповые
Семейство балиторовые
Семейство вьюновые

Отряд сомообразные

Семейство сомовые
Семейство клариевые
Семействоэлектрическне сомы
Семейство лорикариевые, или кольчужные сомы

Отряд карпозубообразные

Семейство четырехглазковые
Семейство слепоглазковые

Отряд сарганообразные

- Семейство летучие рыбы
- Семейство саргановые
- Семейство скумбрушковые, или макрелешуковые

Отряд атеринообразные

- Семейство атериновые

Отряд трескообразные

- Семейство тресковые
- Семейство мерлузовые

Отряд бериксообразные

- Семейство трахихтовые, или большеголовые

Отряд солнечникообразные

- Семейство солнечниковые

Отряд опахообразные

- Семейство опаховые
- Семейство сельдяные короли
- Семейство лофотовые

Отряд колюшкообразные

- Семейство колюшковые
- Семейство свистульковые
- Семейство бекасовые, или морские бекасы
- Семейство игловые
- Семейство трубкорылые

Отряд кефалеобразные

- Семейство барракудовые
- Семейство кефалевые
- Семейство пальцеперые

Отряд слитножаберникообразные, или ложноугреобразные

- Семейство ложноугревые, или слитножаберниковые

Отряд окунеобразные

- Семейство плезиопсовые
- Семейство серрановые, или каменные окуни
- Семейство перцихтовые
- Семейство окунёвые
- Семейство малакантовые
- Семейство спаровые, или морские караси
- Семейство ставридовые

Семейство корифеновые
Семейство горбылёвые
Семейство барабулевые, или султанковые
Семейство брызгуновые
Семейство волосохвостые, или рыбы-сабли
Семейство сигановые, или пестряковые
Семейство скумбриевые
Семейство мечерылые, или меч-рыбы
Семейство марлиновые, или парусниковые
Семейство щетинозубые
Семейство помакантовые, или рыбы-ангелы
Семейство нандовые
Семейство оплегнатовые
Семейство помацентровые
Семейство эмбиотоковые, или живородковые
Семейство кудрепёрые
Семейство прилипаловые
Семейство губановые
Семейство морские дракончики, или драконовые
Семейство звездчѳтовые
Семейство хемероцетовые
Семейство собачковые
Семейство зубатковые
Семейство маслюковые
Семейство бельдюговые
Семейство песчанковые
Семейство лировые, или морские мыши
Семейство бычковые
Семейство илистые прыгуны
Семейство хирурговые
Семейство алетовые, или кубохвостые
Семейство номеевые
Семейство анабасовые, или полэуновые, или лабиринтовые
Семейство макроподовые, или гурамиевые
Семейство шукоголовые
Семейство змееголовые
Семейство хоботнорылые

Отряд скорпенообразные

Семейство рогатковые, или керчаковые
Семейство скорпеновые
Семейство бородавчатковые
Семейство тригловые, или морские петухи
Семейство перистедиевые, или панцирные триглы
Семейство голомянковые
Семейство агонные, или морские лисички
Семейство пинагоровые, или круглоперы
Семейство долгоперовые, или крылоперовые

Отряд камбалообразные

Семейство камбаловые, или правосторонние камбалы
Семейство калкановые

Отряд скалозубообразные, или иглобрюхообразные

Семейство солеевые, или косоротые, или правосторонние морские языки
Семейство кузовковые
Семейство двузубые, или рыбы-ежи
Семейство четырехзубые. или иглобрюхие
Семейство луны-рыбы

Отряд пегасообразные

Семейство пегасовые

Отряд батрахообразные, или жабообразные рыбы

Семейство батраховые, или жабовидные рыбы

Отряд присоскообразные

Семейство присосковые

Отряд удильщикообразные, или морские черти

Семейство удильшиковые

Семейство нетопыревые

ЗЕМНОВОДНЫЕ, ИЛИ АМФИБИИ

Общий взгляд на жизнь земноводных
Отряд безногие земноводные

Семейство настоящие, или бесхвостые, червяги
Семейство рыбозмеи

Отряд хвостатые земноводные

Семейство настоящие саламандры
Семейство амбистомовые
Семейство скрытожаберники
Семейство амфиумы
Семейство протеи
Семейство сирены

Отряд бесхвостые земноводные

Семейство настоящие лягушки
Семейство веслоноги, или летающие лягушки
Семейство древолазы
Семейство узкороты
Семейство свистуны, или зубатые жабы
Семейство жабы
Семейство носатые жабы
Семейство квакши
Семейство чесночницы
Семейство круглоязычные
Семейство пиповые